

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.com

КАРЛ МАРКС
КАПИТАЛ
КРИТИКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
ТОМ ПЕРВЫЙ
КНИГА 1:
ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

*Печатается по: Маркс К. Капитал.
Критика политической экономии.
Том первый, книга I:
процесс производства капитала.
М., Политиздат, 1983*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

моему незабвенному другу,

***смелому, верному, благородному, передовому
борцу пролетариата***

Вильгельму Вольфу

Родился в Тарнау 21 июня 1809 года.

Умер в изгнании в Манчестере 9 мая 1864 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ ¹

Труд, первый том которого я предлагаю вниманию публики, составляет продолжение опубликованного в 1859 г. моего сочинения «К критике политической экономии». Длительный перерыв между началом и продолжением вызван многолетней болезнью, которая все снова и снова прерывала мою работу.

Содержание более раннего сочинения, упомянутого выше, резюмировано в первой главе этого тома ². Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты исследования. Самое изложение улучшено. Многие пункты, которые там были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, поскольку это допускал предмет исследования, и наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь. Само собой разумеется, разделы, касающиеся исторического развития теории стоимости и денег, здесь совсем опущены. Однако читатель, знакомый с работой «К критике политической экономии», найдет в примечаниях к первой главе настоящего сочинения новые источники по истории этих теорий.

Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки. И в данном случае наибольшие трудности представляет понимание первой главы, — в особенности того ее раздела, который заключает в себе анализ товара. Что касается особенно анализа субстанции стоимости и величины стоимости, то я сделал его популярным, насколько это возможно ³. Форма стоимости, полу-

¹) Это казалось тем более необходимым, что существенные недоразумения имеются даже в том разделе работы Ф. Лассалья, направленной против Шульце-Делича, где дается, как заявляет автор, «духовная квинтэссенция» моего исследования по этому предмету ². Кстати сказать: если Ф. Лассаль все общие теоретические положения своих экономических работ, например об историческом характере капитала, о связи между производственными отношениями и способом производства и т. д., заимствует из моих сочинений почти буквально, вплоть до созданной мною терминологии, и притом без указания источника, то это объясняется, конечно, соображениями пропаганды. Я не говорю, разумеется, о частных положениях и их практическом применении, к которым я совершенно непричастен.

чающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2 000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удался, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия.

За исключением раздела о форме стоимости, эта книга не представит трудностей для понимания. Я, разумеется, имею в виду читателей, которые желают научиться чему-нибудь новому и, следовательно, желают подумать самостоятельно.

Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: *De te fabula narratur!* [Не твоя ли история это!] ⁴.

Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например на фабриках в собственном смысле, наши условия гораздо хуже английских, так как мы не имеем противовеса в виде фабричных законов. Во всех остальных областях мы, как и другие континентальные страны Западной

Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. *Le mort saisit le vif!* [Мертвый хватает живого!]

По сравнению с английской, социальная статистика Германии и остальных континентальных стран Западной Европы находится в жалком состоянии. Однако она приоткрывает покрывало как раз настолько, чтобы заподозрить под ним голову Медузы. Положение наших собственных дел ужаснуло бы нас, если бы наши правительства и парламенты назначали периодически, как это делается в Англии, комиссии по обследованию экономических условий, если бы эти комиссии были наделены такими же полномочиями для раскрытия истины, как в Англии, если бы удалось найти для этой цели таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора, английские врачи, составляющие отчеты о «Public Health» («Здоровье населения»), как члены английских комиссий, обследовавших условия эксплуатации женщин и детей, состояние жилищ, питания и т. д. Персей нуждался в шапке-невидимке, чтобы преследовать чудовищ. Мы закрываем шапкой-невидимкой глаза и уши, чтобы иметь возможность отрицать самое существование чудовищ.

Нечего предаваться иллюзиям. Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость⁵ прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла Гражданская война в Америке XIX столетия⁶. В Англии процесс переворота стал уже вполне осознательным. Достигнув известной ступени, он должен перекинуться на континент. Он примет здесь более жестокие или более гуманные формы в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, помимо каких-либо мотивов более высокого порядка, насущнейший интерес господствующих ныне классов предписывает убрать все те стесняющие развитие рабочего класса препятствия, которые поддаются законодательному регулированию. Потому-то, между прочим, я уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни

отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.

Несколько слов для того, чтобы устранить возможные недоразумения. Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно.

В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурий частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на $\frac{1}{39}$ ее денежного дохода⁷. В наши дни сам атеизм представляет собой *culpa levis* [небольшой грех] по сравнению с критикой традиционных отношений собственности. Однако и здесь прогресс не подлежит сомнению. Я укажу, например, на опубликованную за последние недели Синюю книгу⁸: «Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trades Unions». Представители английской короны за границей заявляют здесь самым недвусмысленным образом, что в Германии, Франции, — одним словом, во всех культурных государствах европейского континента, — радикальное изменение в существующих отношениях между капиталом и трудом столь же ощутительно и столь же неизбежно, как в Англии. Одновременно с этим по ту сторону Атлантического океана г-н Уэйд, вице-президент Соединенных Штатов Северной Америки, заявил на публичном собрании: по устранении рабства в порядок дня становится радикальное изменение отношений капитала и отношений земельной собственности. Таковы знамения времени; их не скроешь от глаз ни пурпурной мантией, ни черной рясой. Это не означает, конечно, что завтра произойдет чудо. Но это показывает, что уже сами господствующие классы начинают смутно чувствовать, что теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения.

Второй том этого сочинения будет посвящен процессу обращения капитала (книга II) и формам капиталистического процесса в целом (книга III), заключительный третий том (книга IV) — истории экономических теорий⁹.

Я буду рад всякому суждению научной критики. Что же касается предрассудков так называемого общественного мнения, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом по-прежнему остаются слова великого флорентийца:

*Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!*¹⁰

Карл Маркс

Лондон, 25 июля 1867 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я должен прежде всего указать читателям первого издания на изменения, произведенные во втором издании. Бросается в глаза более четкая структура книги. Дополнительные примечания везде отмечены как примечания ко второму изданию. Что касается самого текста, важнейшее заключается в следующем.

В разделе 1 первой главы с большей научной строгостью выполнено выведение стоимости из анализа уравнений, в которых выражается всякая меновая стоимость, а также отчетливо выражена лишь намеченная в первом издании связь между субстанцией стоимости и определением ее величины общественно необходимым рабочим временем. Раздел 3 первой главы («Форма стоимости») полностью переработан: это было необходимо уже вследствие того, что в первом издании изложение давалось дважды. Кстати сказать, к этому двойному изложению побудил меня мой друг д-р Л. Кугельман из Ганновера. Я посетил его весной 1867 г., когда из Гамбурга пришли первые пробные оттиски, и он убедил меня, что для большинства читателей необходимо дополнительное, более дидактическое выяснение формы стоимости. — Последний раздел первой главы «Товарный фетишизм и т. д.» в значительной части изменен. Раздел 1 третьей главы («Мера стоимостей») тщательно пересмотрен, так как этот раздел в первом издании был выполнен небрежно, — читатели отсылались к изложению, данному уже в книге «К критике политической экономии», Берлин, 1859. Значительно переработана глава седьмая, в особенности раздел 2.

Было бы бесполезно указывать на все отдельные изменения текста, подчас чисто стилистические. Они разбросаны по всей книге. Однако, пересматривая текст для выходящего в Париже французского перевода, я теперь нахожу, что некоторые части немецкого оригинала местами требуют основательной переработки, местами правки в стилистическом отношении или тщательного

устранения случайных недосмотров. Но для этого у меня не было времени, так как только осенью 1871 г., будучи занят другими неотложными работами, я получил известие, что книга распродана и печатание второго издания должно начаться уже в январе 1872 года.

Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд. Г-н Майер, венский фабрикант, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре¹¹, вышедшей во время франко-прусской войны, справедливо указывал, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению, считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так называемых образованных классов Германии, но зато снова оживают в ее рабочем классе¹².

В Германии политическая экономия до настоящего времени оставалась иностранной наукой. Густав Гюлих в своей книге «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe etc.», особенно в двух первых томах этой работы, вышедших в 1830 г., в значительной мере уже выяснил те исторические условия, которые препятствовали у нас развитию капиталистического способа производства, а следовательно, и формированию современного буржуазного общества. Отсутствовала, таким образом, жизненная почва для политической экономии. Последняя импортировалась из Англии и Франции в виде готового товара; немецкие профессора политической экономии оставались учениками. Теоретическое выражение чужой действительности превратилось в их руках в собрание догм, которые они толковали в духе окружающего их мелкобуржуазного мира, т. е. превратно. Не будучи в состоянии подавить в себе чувство своего научного бессилия и неприятное сознание, что приходится играть роль учителей в сфере, на самом деле им чуждой, они старались прикрыться показным богатством литературно-исторической учености или же заимствованием совершенно постороннего материала из области так называемых камеральных наук, — из этой мешанины разнообразнейших сведений, чистилищный огонь которых должен выдержать каждый преисполненный надежд кандидат в германские бюрократы.

С 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но к нашим профессиональным ученым судьба остается по-прежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо были уже такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая

экономика является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически переходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях.

Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической политической экономии, Рикардо, в конце концов сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная экономическая наука достигла своего последнего, непереодолимого предела. Еще при жизни Рикардо и в противоположность ему выступила критика буржуазной политической экономии в лице Сисмонди¹⁾.

Последующий период, 1820—1830 гг., характеризуется в Англии научным оживлением в области политической экономии. Это был период вульгаризации и распространения рикардовской теории и в то же время ее борьбы со старой школой. Происходили блестящие турниры. То, что было сделано в это время экономистами, мало известно на европейском континенте, так как полемика по большей части рассеяна в журнальных статьях, случайных брошюрах и памфлетах. Обстоятельства того времени объясняют беспристрастный характер этой полемики, хотя теория Рикардо в виде исключения уже тогда применялась как орудие нападения на буржуазную экономику. С одной стороны, сама крупная промышленность еще только выходила из детского возраста, как это видно уже из того обстоятельства, что только кризисом 1825 г. начинаются периодические кругообороты ее современной жизни. С другой стороны, классовая борьба между капиталом и трудом была отодвинута на задний план: в политической области ее заслоняла распря между феодалами и правительствами, сплотившимися вокруг Священного союза, с одной стороны, и руководимыми буржуазией народными массами — с другой; в экономической области ее заслоняли раздоры между промышленным капиталом и аристократической земельной собственностью, которые во Франции скрывались за противоположностью интересов парцеллярной собственности и крупного землевладения, а в Англии со времени хлебных законов прорывались открыто. Английская экономическая литература этой

¹⁾ См. мою работу «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 39 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 47].

эпохи напоминает период бури и натиска в области политической экономии во Франции после смерти д-ра Кенэ, однако только так, как бабье лето напоминает весну. В 1830 г. наступил кризис, которым все было решено одним разом.

Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой. Впрочем, претенциозные трактатцы, издававшиеся Лигой против хлебных законов¹³ с фабрикантами Кобденом и Брайтом во главе, все же представляли своей полемикой против землевладельческой аристократии известный интерес, если не научный, то, по крайней мере, исторический. Но со времени сэра Роберта Пилля и это последнее жало было вырвано у вульгарной политической экономии фритредерским законодательством.

Континентальная революция 1848 г. отразилась и на Англии. Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это — банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал уже в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский.

Таким образом, в Германии капиталистический способ производства созрел лишь после того, как в Англии и Франции его антагонистический характер обнаружился в шумных битвах исторической борьбы, причем германский пролетариат уже обладал гораздо более ясным теоретическим классовым сознанием, чем германская буржуазия. Итак, едва здесь возникли условия, при которых буржуазная политическая экономия как наука казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной.

При таких обстоятельствах ее представители разделились на два лагеря. Одни, благоразумные практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастиа, самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики. Другие, профессорски гордые достоинством своей науки, последовали за Джоном Стюартом Миллем в его попытке примирить

непримиримое. Немцы в период упадка буржуазной политической экономии, как и в классический ее период, остались простыми учениками, поклонниками и подражателями заграницы, мелкими разносчиками продуктов крупных заграничных фирм.

Таким образом, особенности исторического развития германского общества исключают возможность какой бы то ни было оригинальной разработки буржуазной политической экономии, но не исключают возможность ее критики. Поскольку такая критика вообще представляет известный класс, она может представлять лишь тот класс, историческое призвание которого — совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы, т. е. может представлять лишь пролетариат.

Ученые и неученые представители германской буржуазии попытались сначала замолчать «Капитал», как это им удалось по отношению к моим более ранним работам. Когда же эта тактика уже перестала отвечать обстоятельствам времени, они, под предлогом критики моей книги, напечатали ряд советов на предмет «успокоения буржуазной совести», но встретили в рабочей прессе — см., например, статьи Иосифа Дицгена в «Volksstaat»¹⁴ — превосходных противников, которые до сего дня не дождались от них ответа¹⁾.

Прекрасный русский перевод «Капитала» появился весной 1872 г. в Петербурге. Издание в 3 000 экземпляров в настоящее время уже почти разошлось. Еще в 1871 году г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита — Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения.

Метод, примененный в «Капитале», был плохо понят, что доказывается уже противоречащими друг другу характеристиками его.

¹⁾ Косноязычные болтуны германской вульгарной политической экономии бранят стиль и способ изложения «Капитала». Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее в назидание и к удовольствию этих господ и их публики я процитирую мнение английской и русской критики. «Saturday Review» безусловно враждебная моим взглядам, в своей заметке по поводу первого немецкого издания пишет, что «изложение придает даже самым сухим экономическим вопросам своеобразную прелесть (charm)». «Санкт-Петербургские ведомости» в номере от 8 (20) апреля 1872 г. между прочим замечают: «Изложение его труда (исключая некоторые слишком специальные частности) отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью. В этом отношении автор... далеко не походит на большинство немецких ученых, которые... пишут свои сочинения таким темным и сухим языком, от которого у обыкновенных смертных трещит голова». У читателей современной немецко-национально-либеральной профессорской литературы трещит не голова, а кое-что совершенно другое.

Так, парижский журнал «Revue Positiviste»¹⁵ упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны — отгадайте-ка, в чем? — в том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контовских?) для кухни будущего. По поводу упрека в метафизике проф. Зибер замечает:

«Насколько речь идет собственно о теории, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, и недостатки его, как и достоинства, разделяются лучшими из экономистов-теоретиков»¹⁶.

Г-н М. Блок в брошюре «Les Théoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du «Journal des Économistes», juillet et août 1872» открывает, что мой метод — аналитический, и говорит между прочим:

«Этой работой г-н Маркс доказал, что он является одним из самых выдающихся аналитических умов».

Немецкие рецензенты кричат, конечно, о гегельянской софистике. Петербургский «Вестник Европы» в статье, посвященной исключительно методу «Капитала» (майский номер за 1872 г., стр. 427—436)¹⁷, находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен. Автор пишет:

«С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ, и притом в «немецком», т. е. дурном, значении этого слова. На самом же деле он бесконечно более реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики... Идеалистом его ни в каком случае уже нельзя считать».

Я не могу лучше ответить автору, как несколькими выдержками из его же собственной критики; к тому же выдержки эти не лишены интереса для многих из моих читателей, которым недоступен русский оригинал.

Приведа цитату из моего предисловия к «К критике политической экономии», Берлин, 1859, стр. IV—VII¹⁸, где я изложил материалистическую основу моего метода, автор продолжает:

«Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при том для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и спорой. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли об этом или не

думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... Если сознательный элемент в истории культуры играет такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имеющая своим предметом самую культуру, всего менее может иметь своим основанием какую-нибудь форму или какой-либо результат сознания. То есть не идея, а внешнее явление одно только может ей служить исходным пунктом. Критика будет заключаться в сравнении, сопоставлении и сличении факта не с идеей, а с другим фактом. Для нее важно только, чтобы оба факта были возможно точнее исследованы и действительно представляли собой различные степени развития, да сверх того важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития... Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни один и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений... Старые экономисты не понимали природы экономических законов, считая их однородными с законами физики и химии... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различий условий, среди которых органы приходится функционировать, и т. д., подчиняется совершенно различным законам. Маркс отказывается, например, признавать, что закон увеличения народонаселения один и тот же всегда и повсюду, для всех времен и для всех мест. Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон размножения... В зависимости от различий в уровне развития производительных сил изменяются отношения и законы, их регулирующие. Задаваясь, таким образом, целью — исследовать и объяснить капиталистический порядок хозяйства, Маркс только строго научно формулировал цель, которую может иметь точное исследование экономической жизни... Его научная цена заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса».

Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод.

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже

под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демнург* действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я работал над первым томом «Капитала», крикливые, претенциозные и весьма посредственные эпигоны¹⁹, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Мозес Мендельсон третировал Спинозу, как «мертвую собаку». Я поэтому открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна.

Полное противоречий движение капиталистического общества всего осязательнее дает себя почувствовать буржуа-практику в колебаниях продельваемого современной промышленностью периодического цикла, апогеем которых является общий кризис. Кризис опять надвигается, хотя находится еще в своей начальной стадии, и благодаря разносторонности и интенсивности своего действия он вдолбит диалектику даже в головы выскочек новой священной прусско-германской империи.

Лондон, 24 января 1873 г.

Карл Маркс

* — творец, создатель. *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Гражданину Морису Лашатру.

Дорогой гражданин!

Одобряю вашу идею издать перевод «Капитала» в виде периодически выходящих выпусков. В такой форме сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение.

Такова лицевая сторона медали. Но есть и обратная сторона: метод исследования, которым я пользуюсь и который до сих пор не применялся к экономическим вопросам, делает чтение первых глав очень трудным. Можно опасаться, что у французской публики, которая всегда нетерпеливо стремится к окончательным выводам и жаждет узнать, в какой связи стоят общие принципы с непосредственно волнующими ее вопросами, пропадет интерес к книге, если, приступив к чтению, она не сможет сразу же перейти к дальнейшему.

Здесь я могу помочь только одним: с самого же начала указать на это затруднение читателю, жаждущему истины, и предостеречь его. В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

Примите, дорогой гражданин, уверения в моей преданности.

Лондон, 18 марта 1872 г.

Карл Маркс

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Г-н Ж. Руа обещал дать возможно точный и даже дословный перевод. Он добросовестно выполнил свою задачу. Но как раз его добросовестность и точность заставили меня изменить редакцию, чтобы сделать ее более доступной для читателей. Эти изменения производились по мере выхода отдельных выпусков книги и не всегда с одинаковой тщательностью, что привело к неровности **стиля**.

Но раз взявшись за работу по проверке, я почувствовал себя вынужденным распространить ее и на основной текст оригинала (второе немецкое издание) с целью упростить одни места, расширить другие, дать дополнительные исторические или статистические материалы, пополнить критические замечания и т. д. Каковы бы ни были литературные недостатки этого французского издания, оно имеет самостоятельную научную ценность наряду с оригиналом, и потому им должны пользоваться и читатели, знакомые с немецким языком.

Ниже я помещаю выдержки из послесловия ко второму немецкому изданию, в которых идет речь о развитии политической экономии в Германии и о методе, применяемом в настоящей работе.

Карл Маркс

Лондон, 28 апреля 1875 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Марксу не суждено было самому подготовить к печати это третье издание. Могучий мыслитель, перед величием которого в настоящее время склоняются даже его противники, умер 14 марта 1883 года.

На меня, потерявшего в лице Маркса человека, с которым я был связан сорокалетней теснейшей дружбой, друга, которому я обязан больше, чем это может быть выражено словами, — на меня падает теперь долг выпустить в свет как это третье издание первого тома, так и второй том, оставленный Марксом в виде рукописи. О выполнении мною первой части этого долга я и даю здесь отчет читателю.

Маркс сначала предполагал переработать большую часть текста первого тома, отчетливее формулировать некоторые теоретические положения, присоединить к ним новые, дополнить исторический и статистический материал новыми данными вплоть до настоящего времени. Болезнь и необходимость заняться окончательной редакцией второго тома заставили его отказаться от этого. Пришлось ограничиться лишь самыми необходимыми изменениями, внести лишь те дополнения, которые уже заключает в себе вышедший за это время французский перевод («Le Capital», par Karl Marx. Paris, Lachâtre, 1872—1875).

В числе оставшихся после Маркса книг был обнаружен немецкий экземпляр «Капитала», содержащий в отдельных местах поправки и ссылки на французское издание; равным образом был найден французский экземпляр, в котором точно отмечены все места, которые Маркс хотел использовать в новом издании. Эти изменения и дополнения ограничиваются, за немногими исключениями, последней частью книги, отделом «Процесс накопления капитала». Текст этого отдела до сих пор подвергся наименьшим изменениям по сравнению с первоначальным наброском книги, в то время как текст предшествующих отделов ее был осно-

вательно переработан. Поэтому стиль был здесь более живым, более цельным, но в то же время более небрежным, чем в других частях: попадались англицизмы, местами неясности, ход изложения обнаруживал кое-где пробелы, так как отдельные важные моменты были лишь намечены.

Что касается стиля, то Маркс сам тщательно пересмотрел и исправил некоторые разделы и этим, а также многочисленными устными указаниями, дал мне критерий того, в какой степени следует устранить английские технические выражения и прочие англицизмы. Вставки и дополнения Маркс подверг бы, конечно, переработке, заменив гладкий французский язык своим сжатым немецким. Я же должен был ограничиться простым включением их в соответствующие места книги, стараясь лишь, чтобы они возможно более гармонизировали с основным текстом.

Таким образом, в этом третьем издании я не изменил ни одного слова, если не был убежден с полной несомненностью, что его изменил бы и сам автор. Мне, конечно, и в голову не приходило ввести в «Капитал» тот ходячий жаргон, на котором изъясняются немецкие экономисты, — эту тарабарщину, на которой тот, кто за наличные деньги получает чужой труд, называется *работодателем* [Arbeitgeber], а тот, у кого за плату отбирают его труд, — *работополучателем* [Arbeitnehmer]. Французы в обыденной жизни также употребляют слово «travail» [«труд»] в смысле «занятие». Но, конечно, французы приняли бы за помешанного такого экономиста, который вздумал бы назвать капиталиста *donneur de travail* [работодателем], а рабочего — *geseveur de travail* [работополучателем].

Равным образом я счел недопустимым сводить употребляемые везде в книге английские единицы денег, меры и веса к их новогерманским эквивалентам. Когда появилось первое издание «Капитала», в Германии различных единиц меры и веса было столько, сколько дней в году; к тому же имелось два вида марок (имперская марка существовала тогда лишь в голове Зётбера, который изобрел ее в конце 30-х годов), два вида гульденов и по крайней мере три вида талеров, из которых один — «новые две трети»²⁰. В естествознании господствовали метрические, на мировом рынке — английские системы меры и веса. При таких условиях пользование английскими единицами измерения было совершенно естественным в книге, автор которой вынужден был брать фактические данные почти исключительно из области английских промышленных отношений. Эти последние соображения сохраняют свою силу и до настоящего времени, тем более, что соответствующие отношения на мировом рынке почти не изменились и как раз в решающих отраслях промышленности — железоделательной и хлопчатобумажной — и поныне почти исключительно господствуют английские системы меры и веса.

В заключение несколько слов о применявшемся Марксом методе цитирования, который был не вполне понят. Когда дело идет о чисто фактическом изложении или описании, цитаты, например из английских Синих книг, являются, само собой разумеется, простой ссылкой на документы. Иначе обстоит дело, когда цитируются теоретические взгляды других экономистов. Здесь цитата должна лишь установить, где, когда и кем была впервые ясно высказана та или другая мысль, составляющая определенную ступень в развитии экономических учений. При этом имеется в виду указать лишь одно: что данный взгляд экономиста имеет значение для истории науки, что он представляет собой более или менее адекватное теоретическое выражение экономических условий своего времени. Но совершенно в стороне остается вопрос, имеет ли данный взгляд какое-либо абсолютное или относительное значение с точки зрения самого автора или же представляет для него лишь исторический интерес. Таким образом, эти цитаты образуют лишь непрерывный, заимствованный из истории экономической науки комментарий к тексту и устанавливают даты и авторов отдельных наиболее важных достижений в области экономической теории. И такая работа была особенно нужна в науке, историки которой отличались до сих пор лишь тенденциозным невежеством карьеристов. Это объясняет также, почему Маркс, в соответствии с тем, что говорится в послесловии ко второму изданию, лишь очень редко цитирует немецких экономистов.

Я надеюсь, что второй том удастся выпустить в свет в 1884 году.

Фридрих Энгельс

Лондон, 7 ноября 1883 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Нет надобности доказывать необходимость издания английского перевода «Капитала». Скорее наоборот, следовало бы ждать объяснений, почему это издание откладывалось до сих пор, несмотря на то, что развиваемые в этой книге теории уже несколько лет служат для периодической печати и для текущей литературы как Англии, так и Америки постоянным предметом обсуждения, нападок, защиты, толкований и искажений.

Когда вскоре после смерти автора «Капитала» в 1883 г. стала очевидной необходимость английского издания этого труда, г-н Самюэл Мур — старый друг Маркса и автора настоящих строк, человек, знакомый с предметом данной книги, быть может, больше, чем кто бы то ни было другой, — согласился взять на себя ее перевод, который стремились опубликовать литературные душеприказчики Маркса. Со своей стороны, я должен был сравнить рукопись с оригиналом и внести изменения, которые считал бы необходимыми. Однако оказалось, что профессиональные занятия г-на Мура мешают ему закончить перевод так быстро, как все мы того желали. Поэтому мы охотно приняли предложение д-ра Эвелинга взять часть работы на себя. Одновременно г-жа Эвелинг, младшая дочь Маркса, взялась сверить цитаты и восстановить оригинальный текст многочисленных отрывков из работ английских авторов и Синих книг, переведенных Марксом на немецкий язык. Эта работа была ею проделана полностью, за немногими неизбежными исключениями.

Следующие части книги переведены доктором Эвелингом: 1) Главы X (Рабочий день) и XI (Норма и масса прибавочной стоимости); 2) Отдел VI (Заработная плата, главы XIX—XXII); 3) от 4-го раздела XXIV главы (Обстоятельства, определяющие размеры накопления и т. д.) до конца книги, включая последнюю часть главы XXIV, главу XXV и весь VIII отдел (главы XXVI—XXXIII); 4) оба предисловия автора²¹. Вся остальная часть книги переведена г-ном Муром. Таким образом, каждый из переводчиков отвечает только за свою часть работы, общую же ответственность за всю работу в целом несу я.

Положенное в основу всей нашей работы третье немецкое издание было подготовлено мною в 1883 году. При подготовке его я использовал оставленные автором заметки, в которых он указывал, какие части текста второго издания должны быть заменены отрывками из изданного в 1872—1875 гг. французского текста ¹⁾. Внесенные, таким образом, в текст второго издания изменения в общем совпадают с теми изменениями, которые были предложены самим Марксом в ряде его письменных указаний к английскому переводу, намечавшемуся около десяти лет тому назад в Америке, но не выполненному главным образом вследствие отсутствия вполне подходящего переводчика. Рукопись, содержащая эти указания, была предоставлена в наше распоряжение нашим старым другом Ф. А. Зорге из Хобокена, штат Нью-Джерси. В ней намечено также несколько добавочных вставок из французского издания; но так как рукопись эта была написана за несколько лет до тех указаний, которые Маркс сделал для третьего немецкого издания, я считал себя вправе прибегать к ней только в отдельных случаях и главным образом тогда, когда она помогала нам преодолевать известные затруднения. В большинстве трудных мест французский текст тоже служил для нас указанием, чем готов был пожертвовать сам автор, когда при переводе что-нибудь имеющее значение из оригинального текста должно было быть принесено в жертву.

Есть, однако, одно неудобство, от которого мы не могли избавить читателя. Это — употребление некоторых терминов в смысле, отличном от того, который они имеют не только в обиходе, но и в обычной политической экономии. Но это неизбежно. В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах. Лучше всего это видно на примере химии, вся терминология которой коренным образом меняется приблизительно каждые двадцать лет, так что едва ли можно найти хотя бы одно органическое соединение, которое не прошло бы через ряд различных названий. Политическая экономия обычно брала термины коммерческой и промышленной жизни в том виде, как их находила, и оперировала ими, совсем не замечая, что тем самым она ограничивает себя узким кругом понятий, выражаемых этими терминами. Например, классическая политическая экономия определенно знала, что прибыль и рента являются лишь подразделениями, лишь долями той неоплаченной части продукта, которую рабочий должен отдавать своему предпринимателю (который первым присваивает ее, но не является ее последним исключительным собственником). Однако даже классическая политическая экономия не выходила за пределы общепринятых взглядов на прибыль и ренту, никогда не исследовала этой неоплаченной части продукта (ко-

¹⁾ «Le Capital», par Karl Marx. Traduction de M. J. Roy, entièrement révisée par l'auteur. Paris, Lachâtre. Этот перевод, в особенности в последней части книги, содержит по сравнению со вторым немецким изданием значительные изменения и добавления.

тору Маркс называл прибавочным продуктом) в ее совокупности, как целое. Поэтому она никогда не доходила до ясного понимания как ее происхождения и природы, так и законов, регулирующих последующее распределение ее стоимости. Точно так же все производство, за исключением сельского хозяйства и ремесла, охватывается без разбора термином мануфактура. Тем самым стирается различие между двумя крупными и существенно различными периодами экономической истории: периодом собственно мануфактуры, основанной на разделении ручного труда, и периодом современной промышленности, основанной на применении машин. Поэтому очевидно само собой, что теория, рассматривающая современное капиталистическое производство лишь как преходящую стадию экономической истории человечества, должна употреблять термины, отличные от обычной терминологии авторов, рассматривающих эту форму производства как вечную и окончательную.

Будет не лишним сказать несколько слов относительно применяемого автором метода цитирования. В большинстве случаев цитаты служат для него, как то и принято, документальными доказательствами, подкрепляющими утверждения, сделанные в тексте. Однако во многих случаях отрывки из сочинений экономистов цитируются для того, чтобы показать когда, где и кем было впервые ясно высказано определенное положение. Это делается в тех случаях, когда цитируемое положение важно как более или менее адекватное выражение условий общественного производства и обмена, господствовавших в то или иное время. При этом цитата приводится совершенно независимо от того, совпадает ли высказываемое положение с собственным мнением Маркса или, другими словами, имеет ли оно общее значение. Эти цитаты, таким образом, дополняют текст попутным комментарием, взятым из истории науки.

Наш перевод охватывает лишь первую книгу этого труда. Но эта первая книга в значительной мере является законченным целым и в течение двадцати лет занимала место самостоятельного произведения. Изданная мною в Германии в 1885 г. вторая книга является безусловно неполной без третьей, которая может быть опубликована не раньше конца 1887 года. Когда выйдет из печати немецкий оригинал третьей книги, тогда своевременно будет подумать о подготовке английского издания обеих книг.

На континенте «Капитал» часто называют «библией рабочего класса». Никто из тех, кто знаком с рабочим движением, не станет отрицать, что выводы, сделанные в «Капитале», с каждым днем все больше и больше становятся основными принципами великого движения рабочего класса не только в Германии и Швейцарии, но и во Франции, Голландии, Бельгии, Америке и даже в Италии и Испании; что рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний. Да и в Англии как раз сейчас теории Маркса

оказывают огромное влияние на социалистическое движение, которое не меньше распространяется среди «образованных» людей, чем в рядах рабочего класса. Но это еще не все. Быстро приближается то время, когда основательное исследование экономического положения Англии станет настоятельной национальной необходимостью. Движение промышленной системы этой страны, которое невозможно без постоянного и быстрого расширения производства, а значит и без расширения рынков, приближается к мертвой точке. Свобода торговли исчерпала свои ресурсы; даже Манчестер сомневается в этом своем некогда непререкаемом экономическом евангелии ¹⁾. Быстро развивающаяся промышленность других стран повсюду становится на пути английского производства, и это не только на рынках, защищаемых покровительственными пошлинами, но и на свободных рынках и даже по эту сторону Ла-Манша. Если производительные силы растут в геометрической прогрессии, то рынки расширяются, в лучшем случае, в арифметической. Десятилетний цикл застоя, процветания, перепроизводства и кризиса, постоянно повторяющийся с 1825 по 1867 г., кажется, действительно завершил свой путь, но лишь затем, чтобы повергнуть нас в трясину безнадежности перманентной и хронической депрессии. Столь страстно ожидаемый период процветания не хочет наступать. Как только мы начинаем замечать симптомы, как будто свидетельствующие о его приближении, симптомы эти тотчас же опять исчезают. Между тем, каждая наступающая зима все снова ставит перед нами великий вопрос: «Что делать с безработными?». И несмотря на то, что число безработных с каждым годом растет, никто не может ответить на этот вопрос, и мы почти можем вычислить тот момент, когда безработные, потеряв терпение, возьмут свою судьбу в собственные руки. Несомненно, что в такой момент должен быть услышан голос человека, теория которого представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, голос человека, которого это изучение привело к выводу, что, по крайней мере в Европе, Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту права» ²⁾.

5 ноября 1886 г.

Фридрих Энгельс

¹⁾ На состоявшемся сегодня очередном квартальном собрании Манчестерской торговой палаты разгорелась горячая дискуссия по вопросу о свободе торговли. Была предложена следующая резолюция: «После 40 лет тщетных ожиданий, что другие нации последуют в вопросе о свободе торговли примеру Англии, палата считает, что наступило время пересмотреть свою позицию». Резолюция была отвергнута большинством только в один голос: 21 голос — за и 22 голоса — против. «Evening Standard», 1 ноября 1886 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Для четвертого издания я считал необходимым установить по возможности окончательную редакцию как самого текста, так и примечаний. Укажу вкратце, как я выполнил эту задачу.

Сравнив еще раз французское издание и рукописные пометки Маркса, я взял из него несколько новых добавлений к немецкому тексту. Они находятся на стр. 80 (стр. 88 третьего изд.) [стр. 126—127 настоящего тома], стр. 458—460 (стр. 509—510 третьего изд.) [стр. 503—505 настоящего тома], стр. 547—551 (стр. 600 третьего изд.) [стр. 597—601 настоящего тома], стр. 591—593 (стр. 644 третьего изд.) [стр. 640—642 настоящего тома] и на стр. 596 (стр. 648 третьего изд.) [стр. 645—646 настоящего тома], в примечании 79. Кроме того, по примеру французского и английского изданий, я внес в текст (стр. 461—467 четвертого изд.) [стр. 506—511 настоящего тома] длинное примечание относительно горнорабочих (стр. 509—515 третьего изд.). Остальные мелкие поправки носят чисто технический характер.

Кроме того, я сделал несколько добавочных пояснительных примечаний, и именно там, где этого, как мне казалось, требовали изменившиеся исторические условия. Все эти добавочные примечания заключены в квадратные скобки и подписаны моими инициалами *.

Полная проверка многочисленных цитат оказалась необходимой для вышедшего за это время английского издания. Младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя труд отыскать все цитированные места в оригиналах, чтобы английские цитаты, которые составляют подавляющее большинство, появились не в виде обратного перевода с немецкого, а в том виде, какой они имели в подлинном английском тексте. Я должен был, таким образом, в четвертом издании принять во внимание этот восстановленный

* В настоящем издании квадратные скобки заменены фигурными. *Ред.*

текст. Кое-где при этом оказались маленькие неточности: ошибочные ссылки на страницы, объясняемые частью описками при копировании из тетрадей, частью опечатками, накопившимися в течение трех изданий; неправильно поставленные кавычки или знаки пропуска — погрешность, совершенно неизбежная при массовом цитировании из тетрадей с выписками; в некоторых случаях при переводе цитаты выбрано не совсем удачное слово. Некоторые места цитированы по старым тетрадам, составленным в Париже в 1843—1845 гг., когда Маркс еще не знал английского языка и читал английских экономистов во французском переводе; там, где вследствие двойного перевода смысл цитаты приобрел несколько иной оттенок, — например цитаты из Стюарта, Юра и т. д., — я воспользовался английским текстом. Таковы же и другие мелкие неточности и погрешности. Сравнив четвертое издание с предыдущими, читатель убедится, что весь этот кропотливый процесс проверки не внес в книгу ни малейшего изменения, которое заслуживало бы упоминания. Только одной цитаты не удалось найти вовсе, а именно из Ричарда Джонса (стр. 562 четвертого издания [стр. 612 настоящего тома], примечание 47); Маркс, по всей вероятности, ошибся в заглавии книги²³. Доказательная сила всех остальных цитат сохранилась вполне или даже усилилась в их теперешнем более точном виде.

Но здесь я вынужден вернуться к одной старой истории.

Мне лично известен лишь один случай, когда была подвергнута сомнению правильность приведенной Марксом цитаты. Но так как историю с этой цитатой поднимали и после смерти Маркса, я не могу обойти ее молчанием²⁴.

В берлинском журнале «Concordia», органе союза немецких фабрикантов, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья под заглавием «Как цитирует Карл Маркс». Автор этой статьи, излив необычайно обильный запас морального негодования и непарламентских выражений, заявляет, будто Маркс искажил цитату из бюджетной речи Гладстона, произнесенной 16 апреля 1863 г. (цитата приведена в Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих в 1864 г. и повторена в «Капитале», т. I, стр. 617 четвертого изд., стр. 671 третьего изд. [стр. 666 настоящего тома]). В стенографическом (квазиофициальном) отчете «Hansard», говорит автор упомянутой статьи, нет и намек на цитируемую Марксом фразу: «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами». «Но этой фразы нет в речи Гладстона. В ней сказано как раз обратное» (и далее жирным шрифтом): **«Маркс формально и по существу присочинил эту фразу».**

Маркс, которому этот номер «Concordia» был прислан в мае, ответил анониму в «Volksstaat» в номере от 1 июня. Так как он не мог припомнить, из какого газетного отчета он взял свою цитату,

он ограничился тем, что привел совершенно аналогичные по смыслу цитаты из двух английских изданий и затем цитировал отчет «Times», согласно которому Гладстон сказал:

«Таково состояние нашей страны с точки зрения богатства. Я должен признаться, что я почти с тревогой и болью взирав бы на это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно ограничивается лишь имущими классами. Между тем данные факты не дают нам никаких сведений относительно положения рабочего населения. Увеличение богатства, которое я только что описал, основываясь на данных, на мой взгляд совершенно точных, всецело ограничивается имущими классами».

Итак, Гладстон говорит здесь, что ему было бы больно, если бы это было так, но в действительности это именно так: это ошеломляющее увеличение мощи и богатства всецело ограничивается имущими классами; что же касается квазиофициального «Hansard», то Маркс говорит далее: «Г-н Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как английского канцлера казначейства; это, впрочем, обычная в Англии парламентская традиция, а вовсе не изобретение крошки Ласкера²⁵, направленное против Бебеля».

Но аноним раздражается все сильнее и сильнее. В своем ответе («Concordia», 4 июля) он отводит все источники из вторых рук, целомудренно настаивает на «обычае» цитировать парламентские речи лишь по стенографическим отчетам; но, уверяет он дальше, отчет «Times» (в котором имеется «присочиненная» фраза) и отчет «Hansard» (где этой фразы нет) «по содержанию вполне согласуются между собой», отчет «Times» также, мол, заключает в себе заявление, «прямо противоположное пресловутому месту из Учредительного Манифеста», причем этот господин старательно замалчивает тот факт, что рядом с этим будто бы «прямо противоположным» заявлением стоит как раз «пресловутое место». Несмотря на все это, аноним чувствует, что он попался и что только новая уловка может его спасти. Свою статью, изобилующую, как только что было доказано, «наглой ложью», он начинает самой отборной руганью, вроде: «mala fides» [«недобросовестность»], «бесчестность», «лживые ссылки», «эта лживая цитата», «наглая ложь», «целиком сфальсифицированная цитата», «эта фальсификация», «просто бесстыдно» и т. д. Но в то же время он старается незаметным образом перевести спорный вопрос в новую плоскость и обещает «показать в другой статье, какое значение придаем мы (т. е. «нелживый» аноним) содержанию слов Гладстона». Как будто бы его совершенно безразличное для всех мнение имеет какое-нибудь отношение к делу! Эта другая статья появилась в «Concordia» 11 июля.

Маркс еще раз ответил в «Volksstaat» от 7 августа, процитировав соответствующее место из «Morning Star» и «Morning

Advertiser» от 17 апреля 1863 года. Согласно обоим этим источникам, Гладстон сказал, что он смотрел бы с тревогой и т. д. на ошеломляющее увеличение богатства и мощи, если бы был уверен, что оно ограничивается только состоятельными классами (*classes in easy circumstances*), но что увеличение это действительно касается только классов, владеющих собственностью (*entirely confined to classes possessed of property*); таким образом, и в этих отчетах буквально повторяется фраза, будто бы «присочиненная» Марксом. Далее Маркс путем сравнения текстов «Times» и «Hansard» устанавливает еще раз, что фраза, подлинность которой с полной очевидностью доказывается буквальным совпадением в данном пункте отчетов трех вышедших на следующее утро не зависящих друг от друга газет, — что эта фраза отсутствует в отчете «Hansard», просмотренном оратором согласно известному «обычаю», что Гладстон, употребляя выражение Маркса, «выкрал ее задним числом», в заключение Маркс заявляет, что у него нет времени для дальнейшей полемики с анонимом. Последний также, кажется, получил достаточно, по крайней мере больше Марксу не присылали номеров «Concordia».

Инцидент казался окончательно исчерпанным и забытым. Правда, с тех пор раз или два от людей, имевших связи с Кембриджским университетом, до нас доходили таинственные слухи о чудовищном литературном прегрешении, якобы совершенном Марксом в «Капитале»; однако, несмотря на всю тщательность изысканий в этом направлении, не удавалось установить решительно ничего определенного. Но вот 29 ноября 1883 г., через 8 месяцев после смерти Маркса, в «Times» появляется письмо из колледжа Тринити в Кембридже, подписанное Седли Тейлором, в котором этот человек, занимающийся самым кротким кооператорством, совершенно неожиданно доставил нам, наконец, разъяснение не только относительно сплетен Кембриджа, но и относительно лица, скрывающегося за анонимом из «Concordia».

«Представляется особенно поразительным», — пишет человек из колледжа Тринити, — «что профессору Брентано (тогда занимавшему кафедру в Бреславле, а теперь в Страсбурге) удалось... разоблачить ту *mala fides*, которая несомненно продиктовала цитату из речи Гладстона в (Учредительном) Манифесте Интернационала. Г-н Карл Маркс... пытавшийся защищать цитату, был быстро сражен мастерскими ударами Брентано и уже в предсмертных судорогах (*deadly shifts*) имел смелость утверждать, что г-н Гладстон состряпал отчет для «Hansard» после того, как его речь в подлинном виде появилась в «Times» от 17 апреля 1863 г., и что он выкинул одно место, компрометирующее его как английского канцлера казначейства. Когда Брентано доказал путем подробного сличения текстов, что отчеты «Times» и «Hansard» совпадают, абсолютно исключая тот смысл, который был придан словам Гладстона ловко выхваченными отдельными цитатами, тогда Маркс отказался от дальнейшей полемики под предлогом недостатка времени!»

«Так вот кто в пуделе сидел!» ²⁶ И какой великолепный вид приняла в производственно-кооперативной фантазии Кембриджа

анонимная кампания г-на Брентано в «Concordia». Вот так стоял он, этот Георгий Победоносец союза немецких фабрикантов, так взмахивал шпагой²⁷, нанося «мастерские удары», а у ног его «в предсмертных судорогах» испускал дух «быстро сраженный» адский дракон Маркс!

И, тем не менее, все это описание битвы в стиле Ариосто служит лишь для того, чтобы замаскировать уловки нашего Георгия Победоносца. Здесь уже нет речи о «присочиненной лжи», о «фальсификации», но говорится лишь о «ловком выдергивании цитат» (craftily isolated quotation). Весь вопрос переносится в совершенно иную плоскость, и Георгий Победоносец со своим кембриджским оруженосцем очень хорошо понимают, почему это делается.

Элеонора Маркс ответила Тейлору в ежемесячнике «To-Day» (февраль 1884 г.), так как «Times» отказалась принять ее статью. Она прежде всего вернула полемику к тому единственному пункту, о котором шла речь: «Присочинил» Маркс упомянутую фразу или нет? Г-н Седли Тейлор ответил на это, что, по его мнению, в споре между Марксом и Брентано

«вопрос о том, имеется или нет эта фраза в речи Гладстона, играл совершенно второстепенную роль по сравнению с вопросом, сделана ли цитата с намерением передать смысл слов Гладстона или исказить его».

Он соглашается далее, что отчет «Times» «действительно заключает в себе словесное противоречие», но весь контекст, будучи истолкован правильно, т. е. в либерально-гладстоновском смысле, мол, показывает, что Гладстон *хотел* сказать («To-Day», март 1884 г.). Самое комичное здесь то, что наш человек из Кембриджа упорно цитирует речь не по «Hansard», что, согласно анонимному Брентано, является «обычаем», а по «Times», отчет которой, согласно тому же Брентано, «по необходимости небрежен». Да и как же иначе? Ведь фатальной фразы нет в «Hansard»!

Элеоноре Маркс не стоило большого труда развенчать эту аргументацию на страницах того же самого номера «To-Day». Одно из двух. Или г-н Тейлор читал полемику 1872 г., тогда он теперь «лжет», причем ложь его заключается не только в «присочинении» того, чего не было, но и в «отрицании» того, что было. Или он вовсе не читал этой полемики, тогда он не имел права раскрывать рта. Как бы то ни было, он уже не осмелился поддерживать обвинения своего друга Брентано, что Маркс «присочинил» цитату. Наоборот, Маркс обвиняется теперь уже не в том, что он «присочинил», а в том, что он выкинул одну важную фразу. Но в действительности эта фраза цитирована на пятой странице Учредительного Манифеста несколькими строками раньше той, которая будто бы «присочинена». Что же касается «противоречия»,

закрывающегося в речи Гладстона, то кто же иной, как не Маркс, говорит (стр. 618 «Капитала», прим. 105, стр. 672 третьего изд. [стр. 667 настоящего тома]) о «постоянных вопиющих противоречиях в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 годы»! Он только не пытается à la Седли Тейлор растворять эти противоречия в либеральном прекраснодушии. Заключительное резюме ответа Э. Маркс гласит: «В действительности Маркс не опустил ничего заслуживающего упоминания и решительно ничего не «присочинил». Но он восстановил и спас от забвения одну фразу гладстоновской речи, которая несомненно была сказана, но каким-то образом сумела улетучиться из отчета «Hansard»».

После этого утомился и г-н Седли Тейлор. Результатом всего этого профессорского похода, растянувшегося на два десятилетия и охватившего две великие страны, было то, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса. Надо думать, что впредь г-н Седли Тейлор будет столь же мало верить литературным победным реляциям г-на Брентано, как г-н Брентано — папской непогрешимости «Hansard».

Ф. Энгельс

Лондон, 25 июня 1890 г.

КНИГА ПЕРВАЯ
ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА
КАПИТАЛА

•

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ТОВАР И ДЕНЬГИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОВАР

1. ДВА ФАКТОРА ТОВАРА: ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И СТОИМОСТЬ (СУБСТАНЦИЯ СТОИМОСТИ, ВЕЛИЧИНА СТОИМОСТИ)

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров» ¹⁾, а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, — порождаются ли они, например, желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле ²⁾. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства.

Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития ³⁾. То же самое следует сказать об отыскании общественных мер для количественной стороны полезных вещей. Различия товар-

¹⁾ Карл Маркс. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 3 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 13].

²⁾ «Желание предполагает потребность, это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно, как голод телу... большая часть вещей имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа». *Nicholas Barbon*. «A Discourse concerning Coining the New Money lighter. In Answer to Mr. Locke's Considerations etc.». London, 1696, p. 2, 3.

³⁾ «Вещи имеют присущее им внутреннее свойство» (*vertue* — таково у Барбона специфическое обозначение потребительной стоимости), «которое ведае остается неизменным; например, способность магнита притягивать железо» (*N. Barbon*, цит. соч., стр. 6). Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность.

ных мер отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными.

Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью ⁴⁾. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения ⁵⁾. Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода ⁶⁾, — соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость (*valeur intrinsèque*) представляется каким-то *contradictio in adjecto* [противоречием в определении] ⁷⁾. Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, например один квартал пшеницы, обменивается на x сапожной ваксы, или на y шелка, или на z золота и т. д., одним словом — на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, пшеница имеет не одну-единственную, а многие

⁴⁾ «Естественная стоимость [natural worth] какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или служить удобствам человеческой жизни» (*John Locke. «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, 1694», in «Works» London, 1777, т. II, p. 28*). В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения меновой стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлексированные — словами романского происхождения.

⁵⁾ В буржуазном обществе господствует *fiction juris* [юридическая фикция], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения.

⁶⁾ «Стоимость есть то отношение, в котором одна вещь обменивается на другую, определенное количество одного продукта на определенное количество другого» (*Le Trosne. «De l'Intérêt Social», «Physiocrates», éd. Daire. Paris, 1846, p. 889*).

⁷⁾ «Ничто не может иметь внутренней стоимости» (*N. Barbon, цит. соч., стр. 6*), или, как говорит Батлер:

«The value of a thing
Is just as much as it will bring»

[«Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет.»] ²⁸.

меновые стоимости. Но так как и x сапожной ваксы, и y шелка, и z золота и т. д. составляют меновую стоимость, квартера пшеницы, то x сапожной ваксы, y шелка, z золота и т. д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания.

Возьмем, далее, два товара, например пшеницу и железо. Как бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартал пшеницы = a центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах — в 1 квартере пшеницы и в a центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине произведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон:

«Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия»⁸⁾.

⁸⁾ «Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия... Количество железа или свинца на сто фунтов стерлингов имеет такую же меновую стоимость, как и количество серебра или золота на сто фунтов стерлингов» (N. Barbon, лит. соч., стр. 53 и 7).

Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишнего различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости.

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы.

Итак, потребительная стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимости субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее

время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.

Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления ⁹⁾. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода ¹⁰⁾. Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время, необходи-

⁹⁾ *Примечание к 2 изданию.* «Стоимость их» (предметов потребления), «когда они обмениваются один на другой, определяется количеством труда, необходимого и обычно употребляемого для их производства» («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc.». London, p. 36). Время издания этого замечательного анонимного произведения XVIII столетия не обозначено. Но из его содержания видно, что оно вышло в свет при Георге II, приблизительно в 1739 или 1740 году.

¹⁰⁾ «Все продукты одного и того же рода образуют, в сущности, одну массу, цена которой определяется в целом, независимо от частных обстоятельств» (*Le Trésor*, цит. соч., стр. 893).

мое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. «Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени» ¹¹⁾.

Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, если бы было постоянным необходимое для его производства рабочее время. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, например, в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный — лишь в 4 бушелях. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных и т. д. Алмазы редко встречаются в земной коре, и их отыскание стоит поэтому в среднем большого рабочего времени. Следовательно, в их небольшом объеме представлено много труда. Джейкоб сомневается, чтобы золото оплачивалось когда-нибудь по его полной стоимости ²⁹. С еще большим правом это можно сказать об алмазах. По Эшвеге, в 1823 г. цена всего продукта восьмидесятилетней разработки бразильских алмазных копей не достигала средней цены полугодового продукта бразильских сахарных или кофейных плантаций, хотя в первом было представлено гораздо больше труда, а следовательно, и стоимости. С открытием более богатых копей то же самое количество труда выразилось бы в большем количестве алмазов и стоимость их понизилась бы. Если бы удалось небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, стоимость алмаза могла бы упасть ниже стоимости кирпича. Вообще, чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре.

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто про-

¹¹⁾ Карл Маркс. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 6 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 16].

дуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. (И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попом. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена ^{11а)}.) Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ В ТОВАРАХ ТРУДА

Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как созидателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною ¹²⁾. Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более обстоятельно.

Возьмем два товара, например один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так что если 10 аршин холста = w , то сюртук = $2w$.

Сюртук есть потребительная стоимость, удовлетворяющая определенную потребность. Для того чтобы создать его, был необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого выражается таким образом в потребительной стоимости его продукта, или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы просто назовем полезным трудом. С этой точки зрения труд всегда рассматривается в связи с его полезным эффектом.

Как сюртук и холст — качественно различные потребительные стоимости, точно так же качественно различны между собой

^{11а)} (Примечание к 4 изданию. Я вставил заключенные в скобки слова, так как при их отсутствии очень часто возникало недоразумение, будто, по Марксу, всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвел, является товаром. Ф. Э.]

¹²⁾ Карл Маркс. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 12, 13 и др. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 21, 22 и др.].

и обуславливающие их бытие работы: портняжество и ткачество. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительными стоимостями и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу как товары. Сюртук не обменивают на сюртук, данную потребительную стоимость — на ту же самую потребительную стоимость.

В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом — проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В древнеиндийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависящих частных работ противостоят один другому как товары.

Итак, в потребительной стоимости каждого товара содержится определенная целесообразная производительная деятельность, или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостоять друг другу как товары, если в них не содержатся качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, т. е. в обществе товаро-производителей, это качественное различие видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда.

Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного разделения труда. Там, где это вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной. Но сюртук, холст и вообще всякий элемент вещественного богатства, который мы не находим в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям. Следовательно, труд как создатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования

людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т. д., одним словом — товарные тела, представляют собой соединение двух элементов — вещества природы и труда. За вычетом совокупной суммы всех различных полезных работ, заключающихся в сюртуке, холсте и т. д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ¹³⁾. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на силы природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать³⁰.

Перейдем теперь от товара как предмета потребления к товарной стоимости.

Согласно нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем холст. Но это только количественная разница, которая нас пока не интересует. Мы напомним поэтому, что если стоимость одного сюртука равна двойной стоимости 10 аршин холста, то 20 аршин холста имеют ту же самую величину стоимости, что один сюртук. Как стоимости, сюртук и холст суть вещи, имеющие одну и ту же субстанцию, суть объективные выражения однородного труда. Но портняжество и ткачество — качественно различные виды труда. Бывают, однако, такие общественные условия, при которых один и тот же человек попеременно шьет и тклет и где, следовательно, оба эти различные виды труда являются лишь модификациями труда одного и того же индивидуума, а не прочно обособившимися функциями различных индивидуумов, — совершенно так же, как сюртук, который портной шьет сегодня, и брюки, которые он делает завтра, представляют собой лишь вариации одного и того же индивидуального труда. Далее, ежедневный опыт показывает, что в капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на труд, известная доля общественного

¹³⁾ «Все явления вселенной, созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном сотворении материи, а дают лишь идею о ее видоизменении. Соединение и разделение — вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею производства. Производство стоимости» (потребительной стоимости, хотя, полемизируя здесь с физиократами, Верри сам не знает толком, о какого рода стоимости он говорит) «и богатства в одинаковой степени имеет место как в том случае, когда земля, воздух и вода превращаются на полях в пшеницу, так и в том случае, когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелковую ткань или когда отдельные кусочки металла соединяются вместе и образуют часовой механизм» (*Pietro Verri. «Meditazioni sulla Economia Politica»* (первые напечатано в 1771 г.) в издании Кустоди сочинений итальянских экономистов, *Parte Moderna*, t. XV, p. 21, 22).

труда предлагается попеременно, то в форме портняжества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного трения, но оно должно совершаться. Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он есть расходование человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле — один и тот же человеческий труд. Это лишь две различные формы расходования человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или другой форме. Но в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. Подобно тому как в буржуазном обществе генерал или банкир играют большую роль, а просто человек — очень жалкую ¹⁴⁾, точно так же обстоит здесь дело и с человеческим трудом. Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. *Простой средний труд*, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда ¹⁵⁾. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, — это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому.

Стало быть, как в стоимостях сюртука и холста исчезают различия их потребительных стоимостей, так и в труде, представленном в этих стоимостях, исчезают различия его полезных форм — порт-

¹⁴⁾ Ср. *Hegel*. «Philosophie des Rechts». Berlin, 1840, S. 250, § 190.

¹⁵⁾ Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о заработной плате, или стоимости, которую рабочий получает, например, за один рабочий день, а о стоимости товаров, в которой овеществляется его рабочий день. Категория заработной платы вообще еще не существует для нас на данной ступени нашего изложения.

няжества и ткачества. Если потребительные стоимости сюртука и холста представляют собой лишь соединения целесообразной производительной деятельности с сукном и пряжей, то в качестве стоимостей сюртук и холст суть не более, как однородные сгустки труда; равным образом и в затратах труда, содержащихся в этих стоимостях, имеет значение не производительное их отношение к сукну и пряже, а лишь расходование человеческой рабочей силы. Элементами, созидающими потребительные стоимости сюртука и холста, портняжество и ткачество являются именно в силу своих качественно различных особенностей; субстанцией стоимости сюртука и холста они оказываются лишь постольку, поскольку происходит отвлечение от их особых качеств, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда.

Но сюртук и холст — не только стоимости вообще, но и стоимости определенной величины: по нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем 10 аршин холста. Откуда эта разница в величине их стоимости? Причина состоит в том, что холст содержит в себе лишь половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего надо затрачивать рабочую силу в течение вдвое более продолжительного времени, чем для производства первого.

Поэтому, если по отношению к потребительной стоимости товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведенного к человеческому труду без всякого дальнейшего качества. В первом случае дело идет о том, как совершается труд и что он производит, во втором случае — о том, сколько труда затрачивается и сколько времени он продолжается. Так как величина стоимости товара выражает лишь количество заключающегося в нем труда, то взятые в известной пропорции товары всегда должны быть равновеликими стоимостями.

Если производительная сила всех полезных видов труда, необходимых для производства одного сюртука, остается неизменной, то величина стоимости сюртуков растет пропорционально их количеству. Если один сюртук представляет x рабочих дней, то 2 сюртука представляют $2x$ рабочих дней и т. д. Но допустим, что труд, необходимый для производства одного сюртука, возрастает вдвое или падает наполовину. В первом случае один сюртук стоит столько, сколько раньше стоили два сюртука, во втором случае два сюртука стоят столько, сколько раньше стоил один, хотя в обоих случаях услуги, оказываемые сюртуком, остаются неизменными, равно как остается неизменным и качество содержащегося в нем полезного труда. Но количество труда, затраченного на его производство, изменилось.

Большее количество потребительной стоимости составляет само по себе большее вещественное богатство: два сюртука больше, чем

один. Двумя куртками можно одеть двух человек, одним — только одного и т. д. Тем не менее возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собой только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе несколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей: больше, когда производительная сила растет, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а потому и массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает, следовательно, величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для ее производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости ¹⁶⁾.

¹⁶⁾ *Примечание к 2 изданию.* Чтобы доказать, «что один лишь труд является окончательной и реальной мерой, посредством которой мы можем оценивать и сравнивать между собой стоимости всех товаров во все времена», А. Смит пишет: «Одинаковые количества труда должны иметь во все времена и во всех местах одинаковую стоимость для рабочего. При нормальном состоянии здоровья, силы, деятельности и при средней степени умения, которым он обладает, он должен всегда отдавать одну и ту же долю своего покоя, свободы и своего счастья» («Wealth of Nations», v. I, ch. V). С одной стороны, А. Смит смешивает здесь (но не везде) определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, с определением товарных стоимостей стоимостью самого труда и поэтому старается доказать, что равные количества труда всегда имеют одну и ту же стоимость. С другой стороны, он чувствует, что труд, поскольку он выражается в стоимости товаров, означает лишь затрату рабочей силы, но эту затрату он изображает опять-таки лишь как пожертвование покоем, свободой и счастьем, не видя в этой затрате также и нормальной жизнедеятельности. Правда, перед его глазами был современный наемный рабочий. — Гораздо удачнее рассуждает в данном вопросе цитированный в примечании 9 анонимный

3. ФОРМА СТОИМОСТИ, ИЛИ МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ

Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой — натуральной формой и формой стоимости.

Стоимость [Wertgegenständlichkeit] товаров тем отличается от вдовичи Куикли, что не знаешь, как за нее взяться³¹. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenständlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость [Wertding] остается неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью [Wertgegenständlichkeit] лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что их стоимость [Wertgegenständlichkeit] имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому. В самом деле мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости.

Каждый знает — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от

предшественник А. Смита: «Некто потратил неделю на приготовление данного предмета потребления... и тот, кто предлагает ему в обмен какой-либо другой предмет, лучше всего оценит, что является надлежащим эквивалентом первому предмету, если высчитает, какое количество его предмета стоило ему того же труда [labour] и времени. Дело сводится здесь к тому, что труд, затрачивавшийся одним человеком на производство данной вещи в течение известного времени, обменивается на труд другого человека, затрачивавшийся в течение того же времени на производство другой вещи» («Some Thoughts on the Interest of Money in general etc.», p. 39).

[К 4 изданию. Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различных слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work. См. примечание к английскому переводу, стр. 14 [см. настоящий том, стр. 36, прим. 4]. Ф. 9.]

простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег.

Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода — все равно какого именно. Стоимостное отношение двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение стоимости данного товара.

А. ПРОСТАЯ, ЕДИНИЧНАЯ, ИЛИ СЛУЧАЙНАЯ, ФОРМА СТОИМОСТИ

x товара $A = y$ товара B , или: x товара A стоит y товара B .
(20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят одного сюртука.)

1) Два полюса выражения стоимости: относительная форма стоимости и эквивалентная форма

Тайна всякой формы стоимости заключена в этой простой форме стоимости. Ее анализ и представляет поэтому главную трудность.

Два разнородных товара A и B , в нашем примере холст и сюртук, играют здесь, очевидно, две различные роли. Холст выражает свою стоимость в сюртуке, сюртук служит материалом для этого выражения стоимости. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Стоимость первого товара представлена как относительная стоимость, или он находится в относительной форме стоимости. Второй товар функционирует как эквивалент, или находится в эквивалентной форме.

Относительная форма стоимости и эквивалентная форма — это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключающие или противоположные крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением стоимости ставятся в отношение друг к другу. Я не могу, например, выразить стоимость холста в холсте. 20 аршин холста = 20 аршинам холста не есть выражение стоимости. Это уравнивание скорее говорит наоборот: 20 аршин холста есть не что иное, как 20 аршин холста, т. е. определенное количество предмета потребления — холста. Следовательно, стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т. е. в другом товаре. Относительная форма стоимости холста предполагает поэтому, что какой-нибудь иной товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этот иной товар, фигурирующий в качестве эквивалента, не может в то же время находиться в относительной форме стоимости. Не он выражает свою стоимость. Он

доставляет лишь материал для выражения стоимости другого товара.

Правда, выражение 20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука, включает в себя и обратное отношение: 1 сюртук = 20 аршинам холста, или 1 сюртук стоит 20 аршин холста. Но мне приходится, таким образом, перевернуть уравнение для того, чтобы дать относительное выражение стоимости сюртука, и, раз я это делаю, холст вместо сюртука становится эквивалентом. Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга.

Находится ли данный товар в относительной форме стоимости или в противоположной ей эквивалентной форме — это зависит исключительно от его места в данном выражении стоимости, т. е. от того, является ли он товаром, стоимость которого выражается, или же товаром, в котором выражается стоимость.

2) Относительная форма стоимости

а) Содержание относительной формы стоимости

Чтобы выяснить, каким образом простое выражение стоимости одного товара содержится в стоимостном отношении двух товаров, необходимо прежде всего рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обыкновенно же поступают как раз наоборот и видят в стоимостном отношении только пропорцию, в которой приравниваются друг другу определенные количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами ¹⁷⁾.

Равняются ли 20 аршин холста одному сюртуку, или они = 20, или — x сюртукам, другими словами — стоит ли данное количество холста многих или немногих сюртуков, во всяком случае самое существование такой пропорции предполагает всегда, что холст и сюртуки как величины стоимости суть выражения одного и того же единства, суть вещи, имеющие одну и ту же природу. Холст = сюртуку — это основа уравнения.

¹⁷⁾ Те немногие экономисты, которые, как, например, С. Бейли, занимались анализом формы стоимости, не могли прийти ни к какому результату, с одной стороны, потому, что они смешивают форму стоимости и самую стоимость, с другой стороны, потому, что, находясь под влиянием грубого практичного буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения. «Власть над количеством... конституирует стоимость» («Money and its Vicissitudes». London, 1837, p. 11). Автор С. Бейли.

Но эти два качественно уравненных друг с другом товара играют не одинаковую роль. Только стоимость холста находит себе выражение. И притом каким образом? Путем его отношения к сюртуку как его «эквиваленту», как к чему-то, на что холст может быть обменян. В этом отношении сюртук служит формой существования стоимости, воплощением стоимости [Wertding], потому что только как стоимость он тождествен с холстом. С другой стороны, здесь обнаруживается или получает самостоятельное выражение стоимостное бытие самого холста, потому что лишь как стоимость холст может относиться к сюртуку как к чему-то равноценному или способному обмениваться на него. Так, например, масляная кислота и пропиловый эфир муравьиной кислоты — различные вещества. Однако оба они состоят из одних и тех же химических субстанций — углерода (C), водорода (H) и кислорода (O), и притом в одном и том же процентном отношении, а именно: $C_4H_8O_2$. Если бы мы приравнивали масляную кислоту к муравьино-пропиловому эфиру, то это значило бы в данном уравнении, во-первых, что муравьино-пропиловый эфир есть лишь форма существования $C_4H_8O_2$ и, во-вторых, что масляная кислота также состоит из $C_4H_8O_2$. Посредством приравнивания муравьино-пропилового эфира к масляной кислоте была бы выражена, таким образом, их химическая субстанция в отличие от их физической формы.

Когда мы говорим: как стоимости, товары суть простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не дает им формы стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в стоимостном отношении одного товара к другому. Стоимостный характер товара обнаруживается здесь в его собственном отношении к другому товару.

Когда, например, сюртук, как стоимость [Wertding], приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается труду, заключающемуся во втором. Конечно, портняжный труд, создающий сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача, который делает холст. Но приравнение к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к общему им характеру человеческого труда. Этим окольным путем утверждается далее, что и ткачество, поскольку оно ткет стоимость, не отличается от портнячества, следовательно есть абстрактно человеческий труд. Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, — к человеческому труду вообще ^{17а)}.

^{17а)} *Примечание к 2 изданию.* Один из первых экономистов, который после Уильяма Петти разглядел природу стоимости, знаменитый Франклин, говорит: «Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен одного труда на другой труд, то стоимость всех вещей

Недостаточно, однако, выразить специфический характер того труда, из которого состоит стоимость холста. Человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток человеческого труда, она должна быть выражена как особая «предметность», которая вещно отлична от самого холста и в то же время обща ему и другому товару. Эта задача уже решена.

В стоимостном отношении холста к сюртуку сюртук фигурирует как нечто качественно одинаковое с холстом, как вещь того же самого рода, потому что он есть стоимость. Он играет здесь роль вещи, в которой проявляется стоимость или которая в своей осязательной натуральной форме представляет стоимость. Конечно, сюртук — тело товара сюртук — есть только потребительная стоимость. Сюртук столь же мало выражает собой стоимость, как и первый попавшийся кусок холста. Но это доказывает лишь, что в пределах своего стоимостного отношения к холсту сюртук значит больше, чем вне его, — подобно тому как многие люди в сюртуке с золотым шитьем значат больше, чем без него.

В производстве сюртука в форме портняжного труда действительно затрачена человеческая рабочая сила. Следовательно, в нем накоплен человеческий труд. С этой стороны сюртук является «носителем стоимости», хотя это его свойство и не просвечивает сквозь его ткань, как бы тонка она ни была. И в своем стоимостном отношении к холсту он выступает лишь этой своей стороной, т. е. как воплощенная стоимость, как стоимостная плотность. Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем родственную себе прекрасную душу стоимости. Но сюртук не может представлять стоимости в глазах холста без того, чтобы для последнего стоимость не приняла формы сюртука. Так индивидуум *A* не может относиться к индивидууму *B* как к его величеству без того, чтобы для *A* величество как таковое не приняло телесного вида *B*, — потому-то присущие величеству черты лица, волосы и многое другое меняются с каждой сменой властителя страны.

Следовательно, в том стоимостном отношении, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет роль формы стоимости. Стоимость товара холст выражается поэтому в теле товара сюртук, стоимость одного товара — в потребительной стоимости другого. Как потребительная стоимость, холст есть вещь,

наиболее правильно оценивать трудом» («The Works of B. Franklin etc., edited by Sparks». Boston, 1836, v. II, p. 267). Франклин не уяснил себе, что оценивая стоимость всех вещей «трудом», он тем самым отвлекается от различий между обмениваемыми видами труда, — следовательно, сводит их к одинаковому человеческому труду. Но хотя он этого не знает, он непроизвольно высказывает это. Он говорит сначала об «одном труде», затем о «другом труде», в заключение о «труде» без дальнейшего определения как о субстанции стоимости всех вещей.

чувственно отличная от сюртука; как стоимость, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом холст получает форму стоимости, отличную от его натуральной формы. Его стоимостное бытие проявляется в его подобии сюртуку, как овечья натура христианина — в уподоблении себя агнцу божью.

Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, рассказывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком. Он только выражает свои мысли на единственно доступном ему языке, на товарном языке. Чтобы высказать, что труд в своем абстрактном свойстве человеческого труда образует его, холста, собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равнозначен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как и он, холст. Чтобы высказать, что возвышенная предметность его стоимости [Wertgegenständlichkeit] отлична от его грубого льняного тела, он говорит, что стоимость имеет вид сюртука и что поэтому сам он в качестве стоимости [Wertding] как две капли воды похож на сюртук. Заметим мимоходом, что и товарный язык, кроме еврейского, имеет немало других более или менее выработанных наречий. Немецкое «Wertsein» [«стоимость, стоимостное бытие»] выражает, например, менее отчетливо, чем романский глагол *valere, valer, valoir* [стоять], тот факт, что приравнивание товара *B* к товару *A* есть выражение собственной стоимости товара *A*. *Paris vaut bien une messe!*³²

Итак, посредством стоимостного отношения натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом стоимости товара *A*¹⁸⁾. Товар *A*, относясь к товару *B* как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную стоимость *B* материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара *A*, выраженная таким образом в потребительной стоимости товара *B*, обладает формой относительной стоимости.

б) Количественная определенность относительной формы стоимости

Каждый товар, стоимость которого должна быть выражена, представляет собой известное количество данного предмета потребления, например 15 шеффелей пшеницы, 100 фунтов кофе и т. д. Это данное количество товара содержит в себе определенное количество человеческого труда. Следовательно, форма стоимости

¹⁸⁾ В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фиктеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек».

должна выражать собой не только стоимость вообще, но количественно определенную стоимость, или величину стоимости. Поэтому в стоимостном отношении товара *A* к товару *B*, холста к сюртуку, товар вида сюртук не только качественно отождествляется с холстом как стоимостной плотью вообще, но определенному количеству холста, например 20 аршинам, приравнивается определенное количество стоимостной плоти, или эквивалента, например 1 сюртук.

Уравнение «20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука» предполагает, что в одном сюртуке содержится ровно столько же субстанции стоимости, как и в 20 аршинах холста, что оба эти количества товаров стоят равного труда, или равновеликого рабочего времени. Но рабочее время, необходимое для производства 20 аршин холста или 1 сюртука, изменяется с каждым изменением производительной силы труда в портняжестве или ткачестве. Мы исследуем теперь более подробно влияние такого изменения на относительное выражение величины стоимости.

I. Пусть стоимость холста изменяется ¹⁹⁾, в то время как стоимость сюртука остается постоянной. Если рабочее время, необходимое для производства холста, удваивается, например вследствие снижения плодородия почвы, на которой возделывается лен, то удваивается и его стоимость. Вместо уравнения 20 аршин холста = 1 сюртуку мы получаем 20 аршин холста = 2 сюртукам, так как 1 сюртук содержит теперь лишь половину того рабочего времени, которое заключается в 20 аршинах холста. Наоборот, если рабочее время, необходимое для производства холста, уменьшится наполовину, например вследствие усовершенствования ткацких станков, то и стоимость холста упадет наполовину. В соответствии с этим, теперь мы имеем: 20 аршин холста = $\frac{1}{2}$ сюртука. При неизменной стоимости товара *B* относительная стоимость товара *A*, т. е. стоимость его, выраженная в товаре *B*, повышается и падает прямо пропорционально стоимости товара *A*.

II. Пусть стоимость холста остается постоянной, в то время как стоимость сюртука изменяется. Если при этом условии рабочее время, необходимое для производства сюртука, удваивается, например вследствие плохого настрига шерсти, то вместо 20 аршин холста = 1 сюртуку мы получим 20 аршин холста = $\frac{1}{2}$ сюртука. Напротив, если стоимость сюртука падает наполовину, то 20 аршин холста = 2 сюртукам. При неизменной стоимости товара *A* его относительная, выраженная в товаре *B* стоимость падает или повышается в отношении, обратном изменению стоимости *B*.

Сравнивая различные случаи I и II, мы находим, что одно и то же изменение величины относительной стоимости может вызывать

¹⁹⁾ Выражение «стоимость» употребляется здесь, как и в некоторых местах выше, для обозначения количественно определенной стоимости, т. е. величины стоимости.

ся совершенно противоположными причинами. Так, вместо уравнения 20 аршин холста = 1 сюртуку может получиться уравнение 20 аршин холста = 2 сюртукам или потому, что стоимость холста удваивается, или потому, что стоимость сюртука падает наполовину; с другой стороны, уравнение 20 аршин холста = $\frac{1}{2}$ сюртука получается вместо того же первоначального уравнения или потому, что стоимость холста падает наполовину, или потому, что стоимость сюртука повышается вдвое.

III. Пусть количества труда, необходимые для производства холста и сюртука, изменяются одновременно в одном и том же направлении и в одной и той же пропорции. В этом случае, как бы ни изменялась стоимость этих товаров, по-прежнему 20 аршин холста = 1 сюртуку. Изменение их стоимости мы можем открыть лишь при сравнении с третьим товаром, стоимость которого остается постоянной. Если бы стоимости всех товаров одновременно повысились или упали в одной и той же пропорции, их относительные стоимости остались бы без перемены. Действительное изменение стоимости товаров в этом случае сказалось бы лишь в том, что в течение того же самого рабочего времени вообще производилось бы большее или меньшее количество товаров, чем раньше.

IV. Пусть рабочее время, необходимое для производства холста и сюртука, а следовательно, и их стоимости, изменяются одновременно в одном и том же направлении, но в различной степени, или же изменяются в противоположном направлении и т. д. Влияние всех возможных комбинаций подобного рода на относительную стоимость товара определяется просто применением случаев I, II и III.

Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в относительном выражении величины стоимости, или в величине относительной стоимости. Относительная стоимость товара может изменяться, несмотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, несмотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости отнюдь не всегда целиком совпадают ²⁰⁾.

²⁰⁾ *Примечание к 2 изданию.* Это несовпадение величины стоимости и ее относительного выражения используется вульгарной политической экономией с обычным для нее остроумием. Например: «Допустите только, что *A* падает потому, что *B*, на которое оно обменивается, повышается, причем, однако, на *A* затрачивается не меньше труда, чем раньше, и ваш всеобщий принцип стоимости терпит крушение... Раз мы допустили, что стоимость *B* по отношению к *A* падает вследствие того, что стоимость *A* по отношению к *B* возрастает, то тем самым уничтожается та почва, на которой Рикардо воздвигает свое великое положение, что стоимость товара всегда определяется количеством воплощенного в нем труда. Потому что, если изменение в издержках производства *A* изменяет не только его собственную стоимость по отношению к *B*, на которое оно обменивается, но изменяет также стоимость *B* по отношению к *A*, хотя никакой перемены в количестве труда, необходимого для производства *B*, не произошло, то рушится не только доктрина, уверяющая, что стоимость товара регулируется количеством затраченного на него труда, но также доктрина, согласно которой из-

3) Эквивалентная форма

Мы видели, что когда какой-либо товар *A* (холст) выражает свою стоимость в потребительной стоимости отличного от него товара *B* (сюртуке), он в то же время придает этому последнему своеобразную форму стоимости, форму эквивалента. Товар холст обнаруживает свое собственное стоимостное бытие тем, что сюртук, не принимая никакой формы стоимости, отличной от его телесной формы, приравнивается к холсту. Таким образом, холст фактически выражает свое стоимостное бытие тем, что сюртук может непосредственно обмениваться на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть поэтому форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.

Если данный вид товара, например сюртуки, служит другому виду товара, например холсту, в качестве эквивалента, если, таким образом, сюртуки приобретают характерное свойство — находиться в форме, непосредственно обмениваемой на холст, то этим отнюдь еще не указывается та пропорция, в которой сюртуки и холст могут обмениваться друг на друга. Она зависит, поскольку дана величина стоимости холста, от величины стоимости сюртуков. Является ли сюртук эквивалентом, а холст относительной стоимостью, или, наоборот, холст эквивалентом, а сюртук относительной стоимостью, величина стоимости сюртука в любом случае определяется рабочим временем, необходимым для его производства, следовательно — независимо от формы его стоимости. Но раз товар вида сюртук занимает место эквивалента в выражении стоимости, величина его стоимости, как таковая, не получает никакого выражения. Более того: она фигурирует в стоимостном уравнении только как определенное количество данной вещи.

Например: 40 аршин холста «стоят» — чего? Двух сюртуков. Так как товар вида сюртук играет здесь роль эквивалента и потребительная стоимость сюртука противостоит холсту как стоимостной плоти, то достаточно определенного количества сюртуков, чтобы выразить определенную величину стоимости холста. Два сюртука могут поэтому выразить величину стоимости 40 аршин холста, но они никогда не могут выразить величину своей собственной стоимости, величину стоимости сюртуков. Поверхностное понимание этого факта, — что в стоимостном уравнении эквивалент имеет всегда только форму простого количества известной вещи, известной потребительной стоимости, — ввело в заблуждение Бейли

держки производства данного товара регулируют его стоимость» (*J. Broadhurst. «Political Economy»*. London, 1842, p. 11, 14).

Г-н Бродхерст мог бы с таким же правом сказать: присмотритесь к числовым отношениям $\frac{10}{20}$, $\frac{10}{50}$, $\frac{10}{100}$ и т. д. Число 10 остается неизменным, и, несмотря на это, его относительная величина, его величина по отношению к знаменателям 20, 50, 100 и т. д., постоянно убывает. Следовательно, рушится великий принцип, согласно которому величина целого числа, например 10, «регулируется» количеством содержащихся в нем единиц.

и заставило его, как и многих из его предшественников и последователей, видеть в выражении стоимости только количественное отношение. В действительности эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости.

Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости.

Натуральная форма товара становится формой стоимости. Но *nota bene* [заметьте хорошенько]: для товара *B* (сюртука, или пшеницы, или железа и т. д.) это *quid pro quo* [появление одного вместо другого] осуществляется лишь в пределах стоимостного отношения, в которое вступает с ним любой иной товар *A* (холст и т. д.), — лишь в рамках этого отношения. Так как никакой товар не может относиться к самому себе как эквиваленту и, следовательно, не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости, то он должен относиться к другому товару как эквиваленту, или естественную наружность другого товара сделать своей собственной формой стоимости.

Для большей наглядности иллюстрируем это на примере тех мер, которыми измеряются товарные тела как таковые, т. е. как потребительные стоимости. Голова сахара как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и телесная форма головы сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо фигурирует как тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или какое-либо другое тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого. Бросив их на чаши весов, мы убедимся, что как тяжесть оба они действительно тождественны и потому, взятые в определенной пропорции, имеют один и тот же вес. Как тело железа в качестве меры веса представляет по отношению к голове сахара лишь тяжесть, так в нашем выражении стоимости тело сюртука представляет по отношению к холсту лишь стоимость.

Однако здесь и прекращается аналогия. В выражении веса сахарной головы железо представляет естественное свойство, общее

обоим телам, а именно тяжесть, в то время как сюртук в выражении стоимости холста представляет неприродное свойство обеих вещей: их стоимость, нечто чисто общественное.

Так как относительная форма стоимости товара, например холста, выражает его стоимостное бытие как нечто совершенно отличное от его тела и свойств последнего, например как нечто «сюртукоподобное», то уже само это выражение указывает на то, что за ним скрывается некоторое общественное отношение. Как раз противоположный характер носит эквивалентная форма. Ведь она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем сюртук, данная вещь как таковая, выражает стоимость, следовательно по самой природе своей обладает формой стоимости. Правда, это справедливо лишь в пределах того стоимостного отношения, в котором товар холст относится к товару сюртук как к эквиваленту ²¹⁾. Но так как свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, то кажется, будто сюртук своей эквивалентной формой, своим свойством непосредственной обмениваемости обладает от природы, совершенно так же как тяжестью или свойством удерживать тепло. Отсюда загадочность эквивалентной формы, поражающая буржуазно-грубый взгляд экономиста лишь тогда, когда эта форма предстает перед ним в готовом виде — как деньги. Тогда экономист пытается разделаться с мистическим характером золота и серебра, подсовывая на их место менее ослепительные товары и все с новым и новым удовольствием перечисляя список той товарной черни, которая в свое время играла роль товарного эквивалента. Он и не подозревает, что уже самое простое выражение стоимости: 20 аршин холста = 1 сюртуку, дает разгадку эквивалентной формы.

Тело товара, служащего эквивалентом, всегда выступает как воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактно человеческого труда. Если, например, сюртук служит не более как вещью, в которой осуществлен абстрактно человеческий труд, то и портняжный труд, который фактически в нем осуществлен, служит не более как формой осуществления абстрактно человеческого труда. В выражении стоимости холста полезность портняжного труда сказывается не в том, что он изготавливает платье, следовательно, — и людей *, а в том, что он производит вещь, в которой мы сразу видим стоимость, т. е. сгусток труда, который ничем не отличается

²¹⁾ Такие соотносительные определения представляют собой вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король.

* В оригинале перефразировка известной немецкой пословицы «Kleider machen Leute» (буквально: «платье делает людей», а по смыслу: «наряди пень, и пень хорош или: по платью встречают»). *Ред.*

от труда, овеществленного в стоимости холста. Для того чтобы изготовить такое зеркало стоимости, само портняжество не должно отражать в себе ничего другого, кроме своего абстрактного свойства быть человеческим трудом вообще.

В форме портняжества, как и в форме ткачества, затрачивается человеческая рабочая сила. Следовательно, обе эти деятельности обладают общим характером человеческого труда и в некоторых определенных случаях, например в производстве стоимости, должны рассматриваться только с этой точки зрения. В этом нет ничего мистического. Но в выражении стоимости товара дело принимает иной вид. Например, чтобы выразить, что ткачество не в своей конкретной форме создает стоимость холста, а в своем всеобщем качестве человеческого труда, — ткачеству противопоставляется портняжество, конкретный труд, создающий эквивалент холста, как наглядная форма осуществления абстрактно человеческого труда.

Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда.

Но так как этот конкретный труд, портняжество, выступает здесь как простое выражение лишенного различий человеческого труда, то он обладает формой равенства с другим трудом, с трудом, содержащимся в холсте; поэтому, несмотря на то, что он, подобно всякому другому производящему товары труду, является трудом частным, он все же есть труд в непосредственно общественной форме. Именно поэтому он выражается в продукте, способном непосредственно обмениваться на другой товар. Третья особенность эквивалентной формы состоит, таким образом, в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме.

Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще более понятными, если мы обратимся к великому исследователю, впервые анализировавшему форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами. Я имею в виду Аристотеля.

Прежде всего Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, т. е. выражения стоимости одного товара в каком-либо другом товаре; в самом деле, он говорит:

«5 лож = 1 дому» («κλίαι λέντε ἀντί οἰκίας»)

«не отличается» от:

«5 лож = такому-то количеству денег»

(«κλίαι λέντε ἀντί ... ὅσου αἱ λέντε κλίαι»).

Он понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувст-

венно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. «Обмен, — говорит он, — не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости» («οὐτ ἰσότης μὴ οὐσης συμμετρίας»). Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. «Однако в действительности невозможно («τῇ μὲν οὖν ἀληθείᾳ ἀδύνατον»), чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы», т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности»³³.

Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то одинаковое, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для лож в выражении стоимости лож? Ничего подобного «в действительности не может существовать», — говорит Аристотель. Почему? Дом противостоит ложу как что-то равное, поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих — и в ложе и в доме. А это — человеческий труд.

Но того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда и, стало быть, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит «в действительности» это отношение равенства.

4) Простая форма стоимости в целом

Простая форма стоимости товара заключается в его стоимостном отношении к неоднородному с ним товару, или в его меновом отношении к этому последнему. Стоимость товара *A* качественно выражается в способности товара *B* непосредственно обмениваться на товар *A*. Количественно она выражается в способности определенного количества товара *B* обмениваться на данное количество

товара *A*. Другими словами: стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда она представлена как «меновая стоимость». Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости, причем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в стоимостном отношении, или в меновом отношении, к другому, неоднородному с ним товару. Раз мы это помним, указанное выше неточное словоупотребление не приводит к ошибкам, а служит только для сокращения.

Наш анализ показал, что форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа ее выражения как меновой стоимости. Но именно так представляют себе дело как меркантилисты и их современные поклонники вроде Ферье, Ганиля и т. д.²²⁾, так и их антиподы, современные коммивояжеры свободной торговли вроде Бастиа с компанией. Меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону выражения стоимости, на эквивалентную форму товара, находящую свое законченное выражение в деньгах, — современные ревнители свободной торговли, которые должны сбыть свой товар во что бы то ни стало, обращают главное внимание, напротив, на количественную сторону относительной формы стоимости. Следовательно, для них и стоимость и величина стоимости товара существуют лишь в том выражении, которое они получают в меновом отношении товаров, т. е. лишь на столбцах текущего прейскуранта товаров. Шотландец Маклеод, профессиональная обязанность которого заключается в том, чтобы разукрашивать возможно большей ученостью сумбурные представления банкиров Ломбард-стрита³⁴, являет собой удачный синтез между суеверными меркантилистами и просвещенными ревнителями свободной торговли.

Ближайшее рассмотрение выражения стоимости товара *A*, содержащегося в его стоимостном отношении к товару *B*, показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма товара *A* служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара *B* — лишь формой стоимости, или образом стоимости. Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю

²²⁾ *Примечание к 2 изданию. F. L. A. Ferrier (sous-inspecteur des douanes). «Du Gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce». Paris, 1805, и Charles Ganiilh. «Des Systèmes de l'Economie Politique», 2ème éd. Paris, 1821.*

противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость *которого* выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в *котором* стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной стоимости и стоимости.

Продукт труда во всяком обществе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар, — а именно та, при которой труд, затраченный на производство полезной вещи, выступает как «предметное» свойство этой вещи, как ее стоимость. Отсюда следует, что простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости.

Уже с первого взгляда очевидна недостаточность простой формы стоимости, этой зародышевой формы, которая, лишь пройдя ряд метаморфозов, созревает до формы цены.

Выражение стоимости товара *A* в каком-либо товаре *B* отличает стоимость товара *A* только от его собственной потребительной стоимости и ставит его поэтому лишь в меновое отношение к какому-либо единичному, отличному от него самому товару; но оно не выражает его качественной тождественности и количественной пропорциональности со всеми другими товарами. Простой относительной форме стоимости одного товара соответствует единичная эквивалентная форма другого товара. Так, например, сюртук в относительном выражении стоимости холста обладает эквивалентной формой, или формой непосредственной обмениваемости, только по отношению к этому единичному товару, холсту.

Между тем единичная форма стоимости сама собой переходит в более полную. Хотя посредством единичной формы стоимость одного товара *A* выражается лишь в одном товаре другого вида, однако при этом совершенно безразлично, каков именно этот товар: сюртук ли, железо ли, пшеница ли и т. д. По мере того как один и тот же товар вступает в стоимостные отношения то с тем, то с другим видом товара, возникают различные простые выражения его стоимости ^{22а)}. Число возможных выражений его стоимости ограничено только числом отличных от него видов товара. Единичное выражение стоимости товара превращается, таким образом, в ряд различных простых выражений его стоимости, причем ряд этот может быть удлинен как угодно.

^{22а)} *Примечание к 2 изданию.* Например, у Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей.

В. ПОЛНАЯ, ИЛИ РАЗВЕРНУТАЯ, ФОРМА СТОИМОСТИ

z товара $A = u$ товара B , или $= v$ товара C , или $= w$ товара D ,
или $= x$ товара E , или $=$ и т. д.

(20 аршин холста $=$ 1 сюртуку, или $=$ 10 ф. чаю, или $=$ 40 ф. кофе, или $=$ 1 квартеру пшеницы, или $=$ 2 унциям золота, или $=$ $\frac{1}{2}$ тонны железа, или $=$ и т. д.)

1) Развернутая относительная форма стоимости

Стоимость данного товара, например холста, выражается теперь в бесчисленных других элементах товарного мира. Каждое другое товарное тело становится зеркалом стоимости холста ²³⁾. Таким образом, только теперь сама эта стоимость действительно выступает как сгусток лишнего различий человеческого труда. Это потому, что образующий ее труд теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний и овеществляется ли он в сюртуке, пшенице, железе, золоте и т. д. Поэтому в силу своей формы стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не с одним только товаром другого вида, а со всем товарным миром. Как товар, он гражданин этого мира. В то же время бесконечный ряд выражений товарной стоимости показывает, что она относится с полным безразличием ко всякой особой форме потребительной стоимости, в которой она проявляется.

В первой форме — 20 аршин холста $=$ 1 сюртуку — может казаться простой случайностью, что эти два товара обмениваются друг на друга в определенном количественном соотношении. Напротив, во второй форме тотчас же обнаруживается скрывающаяся за этим основа, по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее. Стоимость холста остается одинаковой по своей величине независимо от того, выражается ли она в сюртуке, кофе, железе и т. д., — в бесконечно разнообразных товарах, принадлежащих самым различным владельцам. Случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает

²³⁾ Поэтому говорят о сюртучной стоимости холста, если выражают стоимость холста в сюртуках, о его хлебной стоимости, если выражают ее в хлебе, и т. д. Каждое такое выражение означает, что в потребительной стоимости сюртука, хлеба и т. д. проявляется не что иное, как стоимость холста. «Так как стоимость каждого товара означает его меновое отношение... мы можем говорить о ней... как о хлебной стоимости, суконной стоимости и т. п., в зависимости от того, с каким другим товаром данный товар сравнивается; таким образом, имеются тысячи различных видов стоимости — ровно столько видов стоимости, сколько существует товаров, и все они одинаково реальны и одинаково номинальны» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Author of Essays on the Formation etc. of Opinions» London, 1825, p. 39). С. Бейли, автор этой анонимной работы, которая в свое время наделала много шума в Англии, воображает, что указанием на эти пестрые относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить понятие стоимости. Что он, несмотря на всю свою ограниченность, все же нащупал уязвимые места рикардовской теории, доказывает по раздразнению, с которым попала на него школа Рикардо, например в «Westminster review».

Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения.

2) Особенная эквивалентная форма

Каждый товар: сюртук, чай, пшеница, железо и т. д., в выражении стоимости холста выступает в качестве эквивалента и потому в качестве стоимостного тела. Определенная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма наряду со многими другими. Равным образом многообразные определенные, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, выступают теперь лишь в качестве особенных форм осуществления и проявления человеческого труда вообще.

3) Недостатки полной, или развернутой, формы стоимости

Во-первых, относительное выражение стоимости товара является здесь незавершенным, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается. Цепь, звенья которой состоят из уравнений стоимости, всегда может быть продолжена путем включения каждого вновь появляющегося товарного вида, доставляющего материал для нового выражения стоимости. Во-вторых, такая цепь образует пеструю мозаику разрозненных и разнородных выражений стоимости. Наконец, если, как это и должно произойти, в этой развернутой форме выражается относительная стоимость каждого товара, то относительная форма стоимости каждого товара есть бесконечный ряд выражений стоимости, отличный от выражения относительной формы стоимости всякого иного товара. Недостатки развернутой относительной формы стоимости отражаются, в свою очередь, и на соответствующей ей эквивалентной форме. Так как натуральная форма каждого отдельного товарного вида является здесь особенной эквивалентной формой наряду с бесчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуют вообще лишь ограниченные эквивалентные формы, из которых каждая исключает все остальные. Равным образом определенный, конкретный, полезный вид труда, содержащийся в каждом особенном товарном эквиваленте, является лишь особенной, следовательно не исчерпывающей, формой проявления человеческого труда. Правда, последний получает свою полную или исчерпывающую форму проявления в совокупности этих особенных форм проявления. Тем не менее он не обладает здесь единой формой проявления.

Впрочем, развернутая относительная форма стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений стоимости, или уравнений, первой формы, например:

$$\begin{aligned} 20 \text{ аршин холста} &= 1 \text{ сюртуку,} \\ 20 \text{ аршин холста} &= 10 \text{ ф. чаю и т. д.} \end{aligned}$$

Но каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

$$\begin{aligned} 1 \text{ сюртук} &= 20 \text{ аршинам холста,} \\ 10 \text{ ф. чаю} &= 20 \text{ аршинам холста и т. д.} \end{aligned}$$

В самом деле: если кто-нибудь обменивает свой холст на многие другие товары и, следовательно, выражает его стоимость в ряде других товаров, то многие другие товаровладельцы обязательно должны, очевидно, также обменять свои товары на холст, следовательно должны выразить стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, в холсте. Итак, обернем ряд: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = и т. д., т. е. выразим лишь то обратное отношение, которое по существу дела уже заключается в этом ряду, тогда получится:

С. ВСЕОБЩАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ

$$\left. \begin{aligned} 1 \text{ сюртук} &= \\ 10 \text{ ф. чаю} &= \\ 40 \text{ ф. кофе} &= \\ 1 \text{ квартал пшеницы} &= \\ 2 \text{ унции золота} &= \\ \frac{1}{2} \text{ тонны железа} &= \\ x \text{ товара А} &= \\ \text{и т. д.} &= \end{aligned} \right\} 20 \text{ аршинам холста}$$

1) Измененный характер формы стоимости

Теперь товары выражают свои стоимости: 1) просто, так как они выражают их в одном-единственном товаре, и 2) единообразно, так как они выражают их в одном и том же товаре. Форма их стоимости проста и обща им всем, следовательно всеобща.

Формы I и II достигали лишь того, что стоимость данного товара выражалась как нечто отличное от его собственной потребительной стоимости, или его товарного тела.

Первая форма давала уравнения стоимости такого рода: 1 сюртук = 20 аршинам холста, 10 ф. чаю = $\frac{1}{2}$ тонны железа и т. д. Стоимость сюртука выражается как нечто равное холсту, стоимость чая — как нечто равное железу и т. д. Но эти нечто, равные холсту и железу, эти выражения стоимости сюртука и чая столь же различны между собой, как и сами холст и железо. На практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда

продукты труда превращаются в товары лишь посредством единичных и случайных актов обмена.

Вторая форма полнее, чем первая, отличает стоимость товара от его собственной потребительной стоимости, так как стоимость, например сюртука, противостоит здесь его натуральной форме во всех возможных видах, как нечто равное холсту, равное железу, равное чаю и т. д., — равное всему, чему угодно, только не самому сюртуку. С другой стороны, здесь прямо исключается всякое общее выражение стоимости товаров, так как в выражении стоимости каждого отдельного товара все другие товары выступают лишь в форме эквивалентов. Развернутая форма стоимости впервые встречается фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары.

Вновь полученная нами форма III выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него виде товара, например в холсте, и представляет, таким образом, стоимости всех товаров через равенство их с холстом. Как нечто равное холсту, стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями, или заставляет их выступать по отношению друг к другу в качестве меновых стоимостей.

Обе прежние формы выражают стоимость каждого товара или в одном неоднородном с ним товаре, или в ряде многих отличных от него товаров. В обоих случаях добыть себе форму стоимости является, так сказать, частным делом отдельного товара, и он совершает это без содействия остальных товаров. Последние играют по отношению к нему лишь пассивную роль эквивалента. Напротив, всеобщая форма стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто «общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтому общественно значимой формой.

В форме своего равенства холсту все товары оказываются теперь не только качественно равными, т. е. стоимостями вообще, но в то же время и количественно сравнимыми величинами стоимости. Так как они отражают величины своих стоимостей в одном и том же материале — в холсте, то эти величины стоимости взаимно отра-

жаются одна в другой. Например, 10 ф. чаю = 20 аршинам холста, и 40 ф. кофе = 20 аршинам холста. Следовательно, 10 ф. чаю = 40 ф. кофе. Или: в одном фунте кофе заключена только четвертая часть того количества субстанции стоимости, труда, которое содержится в 1 фунте чаю.

Всеобщая относительная форма стоимости товарного мира придает исключенному из этого мира товару-эквиваленту, холсту, характер всеобщего эквивалента. Его собственная натуральная форма становится образом стоимости, общим для всего товарного мира, холст приобретает способность непосредственно обмениваться на все другие товары. Его телесная форма играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда. Ткачество, частный труд, производящий холст, находится в то же время в форме всеобщей и общественной, в форме равенства со всеми другими видами труда. Бесчисленные уравнения, из которых состоит всеобщая форма стоимости, приравнивают труд, осуществленный в холсте, поочередно ко всем видам труда, содержащимся в каждом другом товаре, и тем самым делают ткачество всеобщей формой проявления человеческого труда вообще. Таким образом, труд, овеществленный в товарной стоимости, получает не только отрицательное выражение как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных видов труда, но отчетливо выступает и его собственная положительная природа. Последняя состоит в том, что все действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы.

Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческого труда, своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает, таким образом, что в пределах этого мира всеобщее человеческий характер труда образует его специфический общественный характер.

2) Отношение между развитием относительной формы стоимости и эквивалентной формы

Степени развития относительной формы стоимости соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако — и это важно отметить — развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы стоимости.

Простая, или единичная, относительная форма стоимости товара делает другой товар единичным эквивалентом. Развернутая форма относительной стоимости, — это выражение стоимости товара во всех других товарах, — придает последним форму разнообразных особенных эквивалентов. Наконец, один особенный вид товара получает форму всеобщего эквивалента, потому что все другие

товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы стоимости.

В той самой степени, в какой развивается форма стоимости вообще, развивается и противоположность между двумя ее полюсами — относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

Уже первая форма — 20 аршин холста = 1 сюртуку — содержит эту противоположность, но не фиксирует ее. Смотря по тому, как мы будем читать это уравнение, слева направо или обратно, каждый из двух товарных полюсов, и холст и сюртук, окажется попеременно то в относительной форме стоимости, то в эквивалентной форме. Здесь еще довольно трудно установить полярную противоположность.

В форме II какой-нибудь вид товара всякий раз может вполне развернуть свою относительную стоимость, или сам он обладает развернутой относительной формой стоимости, лишь потому и постольку, поскольку все другие товары противостоят ему в эквивалентной форме. Здесь уже нельзя переставить обе части стоимостного уравнения, например 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 1 кварту пшеницы и т. д., не изменяя его общего характера, не превращая его из полной во всеобщую форму стоимости.

Наконец, последняя форма, форма III, дает товарному миру всеобщую общественную относительную форму стоимости, потому что и поскольку здесь все принадлежащие к товарному миру виды — кроме одного — исключены из всеобщей эквивалентной формы. Один товар, холст, находится в форме, дающей ему способность непосредственно обмениваться на все другие товары, или в непосредственно общественной форме, потому что и поскольку все остальные товары не находятся в этой форме ²⁴⁾.

Наоборот, товар, фигурирующий как всеобщий эквивалент, лишен единой, а следовательно, и всеобщей относительной формы стоимости товарного мира. Если бы холст или вообще какой-либо

²⁴⁾ Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она — противоречивая товарная форма, так же неразрывно связанная с формой не непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому столь же допустимо вообразить себе, что на все товары одновременно можно наложить печать непосредственной обмениваемости, как допустимо вообразить, что всех католиков можно сделать папами. Для мелкого буржуа, который в товарном производстве видит *non plus ultra* [вершину] человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филистерской утопии и составляет прудоновский социализм, который, как я показал в другом месте ²⁵⁾, не отличается даже оригинальностью, а лишь повторяет то, что гораздо раньше и лучше сказали Грей, Брей и др. Это не препятствует в наши дни такой мудрости распространяться в известных кругах под именем «науки». Ни одна школа не носилась так со словом «наука», как прудоновская, потому что

«Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить» ³⁶⁾.

товар, находящийся в форме всеобщего эквивалента, участвовал в то же время и во всеобщей относительной форме стоимости, то он должен был бы сам для себя служить эквивалентом. Мы получили бы тогда: 20 аршин холста = 20 аршинам холста, — тавтологию, в которой не выражается ни стоимость, ни величина стоимости. Чтобы выразить относительную стоимость всеобщего эквивалента, мы должны, напротив, перевернуть форму III. Всеобщий эквивалент не обладает общей всем остальным товарам относительной формой стоимости, а его стоимость выражается относительно в бесконечном ряде всех других товарных тел. Таким образом развернутая относительная форма стоимости, или форма II, оказывается специфической относительной формой стоимости товара-эквивалента.

3) Переход от всеобщей формы стоимости к денежной форме

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару. С другой стороны, какой-либо товар находится во всеобщей эквивалентной форме (форме III) лишь тогда и постольку, когда и поскольку он, как эквивалент, вытесняется всеми другими товарами из их среды. И лишь с того момента, когда такое выделение оказывается окончательным уделом одного специфического товарного вида, — лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость.

Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров, которые в форме II фигурировали как особенные эквиваленты холста, а в форме III все выражали свою относительную стоимость в холсте, исторически завоевал определенный товар, а именно золото. Поставим поэтому в форме III на место товара холст товар золото. Получится:

Д. ДЕНЕЖНАЯ ФОРМА

20 аршин холста	=	} 2 унциям золота
1 сюртук	=	
10 ф. чаю	=	
40 ф. кофе	=	
1 квартал пшеницы	=	
1/2 тонны железа	=	
x товара A	=	

При переходе от формы I к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив, форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. Золото в форме IV играет ту же роль, как холст в форме III, — роль всеобщего эквивалента. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественной привычки с натуральной специфической формой товара золото.

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент — как единичный эквивалент в единичных актах обмена и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно стало функционировать, в более или менее широких кругах, как всеобщий эквивалент. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, и лишь с того момента, когда оно уже стало таким денежным товаром, форма IV начинает отличаться от формы III, другими словами — всеобщая форма стоимости превращается в денежную форму.

Простое относительное выражение стоимости товара, например холста, в товаре, уже функционирующем как денежный товар, например в золоте, есть форма цены. Следовательно, «форма цены» холста такова:

20 аршин холста = 2 унциям золота,

или, если 2 ф. ст. составляют монетное название двух унций золота,

20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов.

Трудность понятия денежной формы ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно всеобщей формы стоимости вообще, формы III. Форма III разрешается ретроспективно в форму II, в развернутую форму стоимости, а конституирующим элементом этой последней является форма I: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или x товара A = y товара B. Простая товарная форма есть поэтому зародыш денежной формы.

4. ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ И ЕГО ТАЙНА

На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это — вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительная стоимость, он не включает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности,

или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать²⁵⁾.

Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительной его стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием определений стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны это — функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были ее содержание и ее форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность таких затрат, или количество труда, совершенно отчетливо отличается от качества труда. Во всяком обществе то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересоваться людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития²⁶⁾. Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму.

Итак, откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно, из самой этой формы. Равенство различных видов человеческого труда приобретает вещную форму одинаковой стоимостной предметности продуктов труда; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения между производителями, в которых осуществляются их общественные определения труда, получают форму общественного отношения продуктов труда.

Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общест-

²⁵⁾ Напомним, что Китай и столы начали танцевать — pour encourager les autres (для ободрения других) — как раз в такое время, когда весь остальной мир казался находящимся в полном покое³⁷⁾.

²⁶⁾ *Примечание к 2 изданию.* У древних германцев величина моргена земли измерялась трудом одного дня; отсюда названия моргена: Tagwerk (или Tagwanne) (jurnale или jurnalis, terra jurnalis, jurnalis или diurnalis), Mannwerk, Mannskraft, Mannsmaad, Mannshauet и т. д. См. *Georg Ludwig von Maurer.* «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, u. s. w. Verfassungen». München, 1854, S. 129 sq.

вещный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Благодаря этому *quid pro quo* [появлению одного вместо другого] продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными. Так световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это — физическое отношение между физическими вещами. Между тем товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выражается, не имеют решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из нее отношениями вещей. Это — лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства.

Этот фетишистский характер товарного мира порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда, производящего товары.

Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависящих друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним, т. е. производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей.

Лишь в рамках своего обмена продукты труда получают общественно одинаковую стоимостную предметность, обособленную от их чувственно различных потребительных предметностей. Это расщепление продукта труда на полезную вещь и стоимостную вещь осуществляется на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрел достаточное распространение и такое значение, что полезные вещи производятся специально для обмена, а потому стоимостный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные виды полезного труда, они должны удовлетворять определенную общественную потребность и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве звеньев совокупного труда, в качестве звеньев естественно выросшей системы общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменян на всякий иной особенный вид полезного частного труда и, следовательно, равнозначен последнему. Равенство видов труда, *toto coelo* [во всех отношениях] различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему им характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно человеческий труд. Но мозг частных производителей отражает этот двойственный общественный характер их частных работ в таких формах, которые выступают в практическом обиходе, в обмене продуктов: стало быть, общественно полезный характер их частных работ он отражает в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных видов труда он отражает в той форме, что эти материально различные вещи, продукты труда, суть стоимости.

Следовательно, люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают ²⁷⁾. Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются

²⁷⁾ *Примечание к 2 изданию.* Поэтому, когда Галиани говорят: стоимость есть отношение между двумя лицами — «*La Ricchezza è una ragione tra due persone*», — то ему следовало бы добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой (*Galiani. «Della Moneta», стр. 221, том III издания Кустоди: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte Moderna. Milano, 1803).*

разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык. Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют собой лишь вещное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но оно отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда. Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфически общественный характер не зависящих друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов труда. Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего — как до, так и после указанного открытия — кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому как свойства воздуха — его физическая телесная форма — продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы.

Практически лиц, обменивающихся продуктами, интересует прежде всего вопрос: сколько чужих продуктов можно получить за свой, т. е. в каких пропорциях обмениваются между собой продукты? Когда эти пропорции достигают известной прочности и становятся привычными, тогда кажется, будто они обусловлены самой природой продуктов труда. Так, например, равенство стоимости одной тонны железа и двух унций золота воспринимается совершенно так же, как тот факт, что фунт золота и фунт железа имеют одинаковый вес, несмотря на различие физических и химических свойств этих тел. В действительности стоимостный характер продуктов труда утверждается лишь путем их проявления как стоимостей определенной величины. Величины стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов

частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом²⁸). Определение величины стоимости рабочим временем есть поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет вещной формы определения величины стоимости.

Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками товарного обращения, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, — последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, — а лишь в их содержании. Таким образом, лишь анализ товарных цен привел к определению величины стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей. Но именно эта законченная форма товарного мира — его денежная форма — скрывает за вещами общественный характер частных работ, а следовательно, и общественные отношения частных работников, вместо того чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте. Когда я говорю: сюртук, сапог и т. д. относятся к холсту как всеобщему воплощению абстрактно человеческого труда, то нелепость этого выражения бьет в глаза. Но когда производители сюртуков, сапог и т. п. сопоставляют эти товары с холстом или — что не изменяет дела — с золотом и серебром как всеобщим эквивалентом, то отношение их частных работ к совокупному общественному труду представляется им именно в этой нелепой форме.

Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономии. Это — общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства. Поэтому весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедлен-

²⁸) «Что должны мы думать о таком законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно» (*Фридрих Энгельс*. «Наброски к критике политической экономии» в журнале «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 561]).

но исчезает, как только мы переходим к другим формам производства.

Так как политическая экономия любит робинзонады ²⁹⁾, то представим себе, прежде всего, Робинзона на его острове. Как ни скромнен он в своих привычках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготавливать мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т. д. О молитве и т. п. мы уже не говорим, так как наш Робинзон находит в ней удовольствие и рассматривает такого рода деятельность как отдохновение. Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. В силу необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или другая функция, это зависит от того, больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, grossesbux, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарный список содержит перечень предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, там указано рабочее время, которого ему в среднем стоит изготовление определенных количеств этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г-н Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости.

Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и поны. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и

²⁹⁾ *Примечание к 2 изданию.* Даже Рикардо не мог обойтись без своей робинзонады. «Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он владеет в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 году. «Параллелограммы г-на Оуэна» ³⁸⁾, кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной» (*Карл Маркс. «К критике политической экономии».* Берлин, 1859, стр. 38, 39 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 46—47]).

натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд, как и труд, производящий товар, тоже измеряется временем, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает определенное количество своей собственной, личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа. Таким образом, как бы ни оценивались те характерные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, общественные отношения лиц в их труде проявляются во всяком случае здесь именно как их собственные личные отношения, а не облакаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда.

Для исследования общего, т. е. непосредственно обобществленного, труда нам нет надобности возвращаться к той его первобытной форме, которую мы встречаем на пороге истории всех культурных народов ³⁰⁾. Более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи противостоят такой семье как различные продукты ее семейного труда, но не противостоят друг другу как товары. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжесство и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда. Различия пола и возраста, а также изменяющиеся со сменой времен года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена. Но затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем, уже с самого начала выступает здесь как общественное определение самих работ, так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи.

Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомер-

³⁰⁾ *Примечание к 2 изданию.* «В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она — первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные, оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности» (*Карл Маркс. «К критике политической экономии»*. Берлин, 1859, стр. 10 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 20]).

но [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двойную роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Для общества товаропроизводителей, всеобщее общественное производственное отношение которого состоит в том, что производители относятся здесь к своим продуктам труда как к товарам, следовательно как к стоимостям, и в этой вещной форме частные их работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д. При древнеазиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Собственно торговые народы существуют, как боги Эпикура, лишь в межмировых пространствах ³⁹ древнего мира или — как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от цуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных

сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития.

Правда, политическая экономия анализировала — хотя и недостаточно ³¹⁾ — стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами — почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, — в величине стоимости продукта

³¹⁾ Недостаточность рикардовского анализа величины стоимости — а это лучший анализ ее — будет показана в третьей и четвертой книгах этой работы. Что касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он выражается в потребительной стоимости продукта. Фактически она, конечно, проводит это различие, так как в первом случае рассматривает труд с количественной, во втором — с качественной его стороны. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно человеческому труду. Рикардо, например, заявляет, что он согласен со следующими словами Дестюта де Траси: «Так как вполне очевидно, что наши физические и духовные способности есть единственное первоначальное богатство, то применение этих способностей, т. е. труд, является нашим единственным первоначальным сокровищем. Только это применение создает все предметы, которые мы называем богатством... Ясно также, что все эти предметы представляют только труд, создавший их, и если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, то она происходит только от стоимости труда, которым они порождаются» (*Ricardo. «The Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 334*). Мы отметим лишь, что Рикардо приписывает Дестюту свое собственное более глубокое понимание вопроса. Правда, Дестют, с одной стороны, говорит, что все вещи, составляющие наше богатство, «представляют труд, который создал их», но, с другой стороны, он утверждает, что «две различные стоимости» их (потребительная и меновая) заимствуются от «стоимости труда». Он тем самым повторяет плоскостную вульгарную политическую экономии, которая предполагает стоимость одного товара (в данном случае труда) для того, чтобы затем при ее помощи определять стоимость других товаров. Рикардо же читает его так: и в потребительной и в меновой стоимости представляет труд (а не стоимость труда). Но сам он настолько плохо различает двойственный характер труда, который и представлен двойственно, что на протяжении целой главы «Стоимость и богатство и их отличительные свойства» вынужден возиться с пошлостями такого господина, как Ж. Б. Сэй. В конце концов он с изумлением замечает, что Дестют, хотя и признает вместе с ним труд источником стоимости, тем не менее в своем определении понятия стоимости оказывается в то же время согласным с Сэем.

труда³²⁾? Формулы, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд. Добуржуазные формы общественного производственного организма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви³³⁾ 40.

32) Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось на анализе товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и делает ее меновой стоимостью. Как раз в лице своих лучших представителей А. Смита и Рикардо они рассматривают форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величин стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особый тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно остаются незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно особенности формы товара, а в дальнейшем развитии — формы денег, формы капитала и т. д. Поэтому у экономистов, которые признают, что величина стоимости измеряется рабочим временем, мы находим самые нестырные и противоречивые представления о деньгах, т. е. о всеобщем эквиваленте в его законченном виде. Особенно ярко это выступает, например, при исследовании банковского дела, где с обыденными ходячими определениями денег далеко не уедешь. В противовес этому появилась реставрированная меркантилистская система (Ганль и др.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или, лучше сказать, лишенный всякой субстанции отблеск этой формы. — Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная политическая экономия толчется лишь в области внешних, изажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что подвигает систематизировать затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшим из миров и объявляет эти представления вечными истинами.

33) «Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодальные институты — искусственные, буржуазные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога... Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет» (*Карл Маркс. «Нищета философии». Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона, 1847, стр. 113 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 142]*). Поистине комичен г-н Бастья, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами — предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира. Или, быть может, Бастья хочет сказать, что способ производства, покоящийся на рабском труде, тем самым покоится на системе грабежа? В таком случае он становится на опасный путь. Но если такой исполни мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда, то почему мы должны ожидать правильной оценки наемного труда от такого экономиста-карлика как Бастья? — Я пользуюсь этим случаем, чтобы кратко ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы «К критике политической экономии», 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — «экономи-

До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещная видимость общественных определений труда, вводит в заблуждение некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе.

Так как форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а следовательно, характерной, как в наши дни, то кажется, что ее фетишистский характер можно еще сравнительно легко разглядеть. Но в более конкретных формах исчезает даже эта видимость простоты. Откуда возникают иллюзии монетарной системы? Из того, что она не видела, что золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение, но в форме природных вещей со странными общественными свойствами. А возьмите современную политическую экономию, которая свысока смотрит на монетарную систему: разве ее фетишизм не становится совершенно осязательным, как только она начинает исследовать капитал? Давно ли исчезла иллюзия физиократов, что земельная рента вырастает из земли, а не из общества?

Но чтобы не забегать вперед, мы ограничимся здесь еще одним примером, касающимся самой формы товара. Если бы товары обладали даром слова, они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости. Послушаем теперь, как душа товара вещает устами экономиста:

«Ческая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6, 7], — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм. Кроме того, не надо обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории Римской республики, чтобы знать, что секрет ее истории заключается в истории земельной собственности. С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда воображал, что страстнее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества»⁴¹.

«Стоимость» (меновая стоимость) «есть свойство вещей, богатство» (потребительная стоимость) «есть свойство человека. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство же — нет»³⁴⁾. «Богатство» (потребительная стоимость) «есть атрибут человека, стоимость — атрибут товара. Человек или общество богаты; жемчуг или алмаз драгоценны... Жемчуг или алмаз имеют стоимость как жемчуг или алмаз»³⁵⁾.

До сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости. Однако экономисты-изобретатели этого «химического» вещества, обнаруживающие особое притязание на критическую глубину мысли, находят, что потребительная стоимость вещей не зависит от их вещественных свойств, тогда как стоимость присуща им как вещам. Их укрепляет в этом убеждении то удивительное обстоятельство, что потребительная стоимость вещей реализуется для людей без обмена, т. е. в непосредственном отношении между вещью и человеком, тогда как стоимость может быть реализована лишь в обмене, т. е. в известном общественном процессе. Как не вспомнить тут добряка Догбери, который поучает почного сторожа Сиколья⁴²⁾, что «приятная наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается природой»³⁶⁾.

³⁴⁾ «Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821, p. 16.

³⁵⁾ S. Bailey. «A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», p. 165.

³⁶⁾ Автор «Observations» и С. Бейли обвиняют Рикардо в том, будто он не заметил относительного характера меновой стоимости и превратил ее в нечто абсолютное. В действительности наоборот: ту кажущуюся относительность, которой обладают эти вещи, например алмаз, жемчуг, как меновые стоимости, он свел к скрытому за этой их внешностью истинному отношению, к относительности их как простых выражений человеческого труда. Если рикардянцы ответили Бейли грубо, но не доказательно, то лишь потому, что у самого Рикардо они не нашли указания на внутреннюю связь между стоимостью и формой стоимости, или меновой стоимостью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОЦЕСС ОБМЕНА

Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам. Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей охоте, он может употребить силу, т. е. взять их ³⁷⁾. Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно закреплён ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением ³⁸⁾.

³⁷⁾ В XII веке, столь прославленном своим благочестием, между товарами часто попадались очень деликатные вещи. Так, например, один французский писатель того времени среди товаров, находившихся на ярмарке Ланди ⁴³⁾, называет наряду с материями, сапогами, кожами, сельскохозяйственными орудиями, шкурами и т. п. также «*femmes folles de leur corps*» [публичных женщин].

³⁸⁾ Прудон сначала черпает свой идеал вечной справедливости, *justice éternelle*, из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем даёт, истати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что мы сказали бы о химике, который, вместо того чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на основе их определённые задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно «вечным идеям» «*naturalité*» и «*affinité*» [«естества» и «сродства»]? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит «*justice éternelle*» [«вечной справедливости»], «*équité éternelle*», «*mutualité éternelle*» [«вечной правде», «вечной взаимности»] и другим «*vérités éternelles*» [«вечным истинам»], то разве мы узнаем о ростовщичестве хоть немного больше, чем знали ещё отцы церкви, когда они говорили, что ростовщичество противоречит «*grâce éternelle*», «*foi éternelle*», «*volonté éternelle de Dieu*» [«вечному милосердию», «вечной вере», «вечной воле божьей»]?

Лица существуют здесь одно для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаровладельцы. В ходе исследования мы вообще увидим, что характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу.

Товаровладельца отличает от его товара именно то обстоятельство, что для товара каждое другое товарное тело служит лишь формой проявления его собственной стоимости. Прирожденный уравнитель и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделен наружностью, еще менее привлекательной, чем у Мариторнес. Эту отсутствующую у товара способность воспринимать конкретные свойства других товарных тел товаровладелец пополняет своими собственными пятью и даже более чувствами. Его товар не имеет для него самого непосредственной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет потребительную стоимость для других. Для владельца вся непосредственная потребительная стоимость товара заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена ³⁹⁾. Поэтому владелец стремится сбыть свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается. Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки. Но этот переход из рук в руки составляет их обмен, а в обмене они относятся друг к другу как стоимости и реализуются как стоимости. Значит, товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получают возможность реализоваться как потребительные стоимости.

С другой стороны, прежде чем товары смогут реализоваться как стоимости, они должны доказать наличие своей потребительной стоимости, потому что затраченный на них труд идет в счет лишь постольку, поскольку он затрачен в форме, полезной для других. Но является ли труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности, — это может доказать лишь обмен.

Каждый товаровладелец хочет сбыть свой товар лишь в обмен на такие товары, потребительная стоимость которых удовлетворяет его потребности. Постольку обмен является для него чисто индивидуальным процессом. С другой стороны, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т. е. реализовать его в другом товаре

³⁹⁾ «Ибо дважды употребление каждого блага. — Первое присуще вещи как таковой, второе — нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем он нуждается, например, на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть естественный способ ее употребления. Ибо она существует не для обмена» (Aristoteles. «De Republica», кн. I, гл. 9).

той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для владельцев других товаров или нет. Постольку обмен является для него всеобщим общественным процессом. Но один и тот же процесс не может быть одновременно для всех товаровладельцев только индивидуальным и только всеобщим общественным.

Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особого эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как величины стоимости. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости.

В этом затруднительном положении наши товаровладельцы рассуждают как Фауст: «В начале было дело» ⁴⁴. И они уже делали дело, прежде чем начали рассуждать. Законы товарной природы проявляются в природном инстинкте товаровладельцев. Они могут приравнивать свои товары друг к другу как стоимости, а значит, и как товары, лишь относя их к какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товара. Но только общественное действие может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественное действие всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в котором все они выражают свои стоимости. Тем самым натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается деньгами.

«Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю». «И никому нельзя будет ни покушать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Апокалипсис) ⁴⁵.

Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не унимается до тех пор, пока задача эта не решена

окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги ⁴⁰⁾.

Непосредственный обмен продуктов, с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее. Форма эта, как мы видели: x товара $A = y$ товара B . А форма непосредственного обмена продуктов такова: x предмета потребления $A = y$ предмета потребления B ⁴¹⁾. Здесь вещи A и B до обмена не являются товарами, товарами они становятся лишь благодаря обмену. Первая предпосылка, необходимая для того чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет потребления существует как непотребительная стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца. Вещи сами по себе внешни для человека и потому отчуждаемы. Для того чтобы это отчуждение стало взаимным, люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу как частные собственники этих отчуждаемых вещей, а потому и как не зависимые друг от друга личности. Однако такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли то патриархальная семья, древнеиндийская община, государство инков ⁴²⁾ и т. д. Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины. Их количественное меновое отношение первоначально совершенно случайно. Они вступают в обмен лишь благодаря тому, что владельцы желают взаимно сбыть их друг другу. Между тем потребность в чужих предметах потребления мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется

⁴⁰⁾ Мы можем теперь оценить по достоинству ухищрения мелкобуржуазного социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время устранить «противоположность между деньгами и товаром», т. е. устранить самые деньги, так как они существуют только как составная часть этой противоположности. С таким же Успехом можно было бы стремиться к упразднению напы, сохраняя в то же время католицизм. Подробнее об этом см. мою работу «К критике политической экономии», стр. 61 и сл. [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 67 и сл.].

⁴¹⁾ До тех пор, пока обмениваются не два различных предмета потребления, а, как это часто мы встречаем у дикарей, за один предмет предлагается в качестве эквивалента хаотическая масса вещей, до тех пор даже непосредственный обмен продуктов еще не зашел дальше своего преддверия.

от ее меновой стоимости. С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства. Привычка фиксирует их как стоимостные величины.

В непосредственном обмене продуктов каждый товар является непосредственно средством обмена для своего владельца и эквивалентом для своего невладелецца, — однако лишь постольку, поскольку товар этот представляет для последнего потребительную стоимость. Следовательно, обмениваемый предмет еще не получает никакой формы стоимости, не зависимой от его собственной потребительной стоимости, или от индивидуальных потребностей обменивающихся лиц. Но необходимость такой формы развивается по мере того, как возрастает число и многообразие товаров, вступающих в процесс обмена. Задача возникает одновременно со средствами ее разрешения. Оборот товаров, в котором товаровладельцы обменивают свои собственные изделия на различные другие изделия и приравнивают их друг к другу, никогда не совершается без того, чтобы при этом различные товары различных товаровладельцев в пределах их оборотов не обменивались на один и тот же третий товар и не приравнивались ему как стоимости. Такой третий товар, становясь эквивалентом для других различных товаров, непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента, хотя и в узких пределах. Эта всеобщая форма эквивалента появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. Попеременно и мимолетно выпадает она на долю то одного, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров, или кристаллизуется в форму денег. С каким именно видом товара она срастается, это сначала дело случая. Однако в общем и целом два обстоятельства играют здесь решающую роль. Форма денег срастается или с наиболее важными из предметов, которые получают путем обмена извне и действительно представляют собой естественно выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов, или же — с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества, как, например, скот. Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов. Люди нередко превращали самого человека в лице раба в первоначальный денежный материал, но никогда не превращали в этот материал землю. Такая идея могла возникнуть только в уже развитом буржуазном обществе. Она появилась лишь в последнюю треть XVII столетия, а попытка ее осуществления, в национальном

масштабе, была сделана впервые сто лет спустя, во время французской буржуазной революции.

По мере того как обмен товаров разрывает свои узколокальные границы и поэтому товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще, форма денег переходит к тем товарам, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно к благородным металлам.

Что «золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе — золото и серебро» ⁴²⁾, доказывается согласованностью естественных свойств этих металлов с функциями денег ⁴³⁾. Но пока мы знаем только одну функцию денег: служить формой проявления товарной стоимости, или материалом, в котором величины товарных стоимостей находят себе общественное выражение. Адекватной формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, одинакового человеческого труда, может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством. С другой стороны, так как различие величин стоимости носит чисто количественный характер, то денежный товар должен быть способен к чисто количественным различиям, т. е. должен обладать такими свойствами, чтобы его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро обладают этими качествами от природы.

Потребительная стоимость денежного товара удваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как товару, — например, золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для производства предметов роскоши и т. д., — он получает формальную потребительную стоимость, вытекающую из его специфически общественных функций.

Так как все другие товары суть лишь особенные эквиваленты денег, а деньги — их всеобщий эквивалент, то они как особенные товары относятся к деньгам как к товару всеобщему ⁴⁴⁾.

Мы уже видели, что форма денег есть лишь застывший на одном товаре отблеск отношений к нему всех остальных товаров. Следовательно, тот факт, что деньги являются товаром ⁴⁵⁾,

⁴²⁾ Карл Маркс. «К критике политической экономии», стр. 135 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 137]. «Драгоценные металлы... по природе своей деньги» (*Galiani*. «Della Moneta», в издании Кустоди, Parte Moderna, т. III, стр. 137).

⁴³⁾ Подробнее об этом смотри в моей только что цитированной работе раздел «Благородные металлы».

⁴⁴⁾ «Деньги суть универсальный товар» (*Verri*, цит. соч., стр. 16).

⁴⁵⁾ «Сами по себе золото и серебро, которыми мы можем дать общее наименование денежного металла, суть... товары... стоимость которых то повышается, то падает... Стоимость денежного металла тогда считается более высокой, когда меньшего по весу количества его оказывается достаточно для того, чтобы приобрести большее количество сельскохозяйственного или промышленного продукта страны» и т. д. ([*S. Clement*.] «A Discourse of the General Notions of Money, Trade, and Exchanges, as they stand in relation each to other». By a Merchant. London, 1695, p. 7). «Серебро и золото, как чеканенные, так

может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы, с тем чтобы анализировать их задним числом. Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не его стоимость, а лишь его специфическую форму стоимости. Смешение этих двух определений приводит к тому, что стоимость золота и серебра начинают считать воображаемой ⁴⁶⁾. Так как деньги в известных своих функциях могут быть заменены простыми знаками денег, то отсюда возникла другая ошибка, — что деньги только знаки. С другой стороны, в этом заблуждении скрывается смутная догадка, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ней человеческих отношений. В этом смысле каждый товар представлял бы собой только знак, потому что как стоимость он лишь вещная оболочка затраченного на него человеческого труда ⁴⁷⁾. Но, объявляя простыми знаками те общественные свойства, которые на основе определенного способа производства приобретают вещи, или те вещные формы, которые на основе этого

в нечаянные, хотя и употребляются как мера для всех других вещей, все же суть товары не в меньшей степени, чем вино, табак, масло, одежда или ткань» ([J. Child.] «A Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies etc.». London, 1689, p. 2). «Капитал и богатство королевства не ограничиваются только деньгами, равным образом золото и серебро нельзя исключить из числа товаров» ([Th. Papillon.] «The East-India Trade a most Profitable Trade». London, 1677, p. 4).

⁴⁶⁾ «Золото и серебро имеют свою стоимость как металлы раньше, чем они делаются монетами» (Galvani, цит. соч.). Локк говорит: «Всобщее соглашение людей придало серебру, в силу тех его свойств, которые делают его пригодным для роли денег, воображаемую стоимость». Но, напротив, говорит: «Каким образом различные нации могли бы придать какой-либо вещи воображаемую стоимость?.. И каким образом эта воображаемая стоимость могла бы удержаться?». Насколько плохо он сам понимал суть дела, показывают следующие его слова: «Серебро обменивалось по той потребительной стоимости, которую оно имело, т. е. по своей действительной стоимости; благодаря своему назначению служить в качестве денег оно получило еще добавочную стоимость (une valeur additionnelle)» (Jean Law. «Considérations sur le numéraire et le commerce», в издании Э. Дара: «Economistes Financiers du XVIII siècle», p. 469, 470).

⁴⁷⁾ «Деньги суть их» (товаров) «знак» (V. de Forbonnais. «Éléments du Commerce». Nouv. Édit. Leyde, 1766, t. II, p. 143). «Как знак они притягиваются товарам» (там же, стр. 155). «Деньги — знак и представитель вещи» (Montesquieu. «Esprit des Loix». Oeuvres. London, 1767, t. II, p. 3). «Деньги не простой знак, потому что они сами суть богатство; они — не представители стоимости, они сами стоимость» (Le Trosne, цит. соч., стр. 910). «Когда мы обращаем внимание на понятие стоимости, тогда сама вещь рассматривается лишь как знак, и она имеет значение не сама по себе, а как то, чего она стоит» (Hegel. «Philosophie des Rechts», S. 100). Гораздо раньше экономистов представление о золоте как простом знаке и лишь воображаемой стоимости благородных металлов было пушено в ход юристами, которые, прислуживаясь перед королевской властью, на протяжении всех средних веков обосновывали право королей фальсифицировать монету традициями Римской империи и теми понятиями о деньгах, которые выражены в пандектах ⁴⁷⁾. «Никто не смеет и не должен сомневаться», — говорит верный ученик этих юристов Филипп Валуа в одном декрете 1346 г., — «что только нам в нашем королевском величеству принадлежит право... чеканки монеты, снабжения деньгами и всяких распоряжений относительно монеты, право пускать ее в обращение, и притом по такой цене, как это нам угодно и признано нами за благо». Догмой римского права было, что император декретирует стоимость денег. Было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром. «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Хорошие разъяснения по этому поводу см. G. F. Pagnini. «Saggio sopra il giusto pregio delle cose», 1751, в издании Кустоды, Parte Moderna, т. II. В частности, во второй части своей работы Пажини полемирует с господами юристами.

способа производства приобретают общественные определения труда, их тем самым объявляют произвольным продуктом человеческого разума. Такова была излюбленная манера просветителей XVIII века, применявшаяся ими для того, чтобы, по крайней мере временно, снимать покров таинственности с тех загадочных форм, которые имели человеческие отношения и возникновение которых еще не умели объяснить.

Как уже было отмечено раньше, эквивалентная форма товара не заключает в себе количественного определения величины его стоимости. Если мы знаем, что золото — деньги, т. е. непосредственно обмениваемо на все другие товары, то мы еще отнюдь не знаем, сколько стоят, например, 10 фунтов золота. Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, лишь в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, требующимся для его производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени ⁴⁸⁾. Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана. Если уже в последние десятилетия XVII столетия анализом денег было установлено, что деньги суть товар, то все-таки это было лишь началом анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами ⁴⁹⁾.

Мы видели, как уже в самом простом выражении стоимости, x товара $A = y$ товара B , создается иллюзия, будто бы вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает своей эквивалентной формой независимо от этого отношения

⁴⁸⁾ «Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с такой же затратой времени, какая необходима для производства бухеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добывать так же легко, как теперь одну, то *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] бухель хлеба будет стоить 10 шиллингов, если он раньше стоил 5 шиллингов» (*William Petty. A Treatise of Taxes and Contributions*. London, 1667, p. 31).

⁴⁹⁾ Г-н профессор Рошер поучает нас: «Ложные определения денег могут быть разделены на две основные группы: определения, считающие деньги за нечто большее, и определения, считающие деньги за нечто меньшее, чем товар». Затем идет пестрый каталог работ о деньгах, в котором нельзя уловить и намека на понимание действительной истории теории денег. В заключение мораль: «Нельзя, впрочем, отрицать, что большинство новейших экономистов обращает недостаточное внимание на особенности, отличающие деньги от других товаров» (значит, деньги все-таки суть нечто меньшее или нечто большее, чем товар?) «...Поскольку это так, постольку полумеркантилистская реакция Ганция и др. имеет некоторые основания». (*Wilhelm Roscher. Die Grundlagen der Nationalökonomie*, 3. Aufl., 1858, S. 207—210). «Большее — меньшее — недостаточное — постольку — некоторые!» Это называется определением понятий! И подобного рода экзектискую профессорскую болтовню г-н Рошер сиромо окрестил «анатомо-физиологическим методом» политической экономии! Впрочем, наука все же обязана ему одним открытием, а именно, что деньги — «приятный товар».

товаров, обладает ею как неким от природы присущим ей общественным свойством. Мы проследили, как укрепляется эта иллюзия. Она оказывается завершенной, когда форма всеобщего эквивалента срастается с натуральной формой определенного товара, или откристаллизовывается в форму денег. При этом создается впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого содействия со своей стороны товары находят готовый образ своей стоимости в виде существующего вне их и наряду с ними товарного тела. Эти вещи — золото и серебро — в том самом виде, как они выходят из недр земных, вместе с тем оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда. Отсюда магический характер денег. В том строе общества, который мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические. Вследствие этого их производственные отношения принимают вещный характер, не зависимый от их контроля и сознательной индивидуальной деятельности. Это проявляется прежде всего в том, что продукты их труда принимают вообще форму товаров. Таким образом, загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой, слепящая взор загадка товарного фетиша.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕНЬГИ, ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ

1. МЕРА СТОИМОСТЕЙ

В этой работе я везде предполагаю, ради упрощения, что денежным товаром является золото.

Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения стоимости, т. е. для того чтобы выразить стоимости товаров как одноименные величины, качественно одинаковые и количественно сравнимые. Оно функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимостей, и прежде всего в силу этой функции золото — этот специфический эквивалентный товар — становится деньгами.

Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что все товары как стоимости представляют собой овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, — именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, т. е. в деньги. Деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости, — рабочего времени ⁵⁰⁾.

⁵⁰⁾ Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, почему, например, бумажный денежный знак не представляет x рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему на базе товарного производства продукты труда должны принимать форму товаров, так как форма товара предполагает разделение их на товары и денежный товар; или — к вопросу, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как своя собственная противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм «рабочих денег» на основе товарного производства («К критике политической экономии», стр. 61 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 67 и сл.]). Здесь отмечу только, что, например, «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует индивидуальную долю участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремиться устранить его необходимые условия посредством денежных фокусов.

Выражение стоимости товара в золоте: x товара $A = y$ денежного товара, есть денежная форма товара, или его цена. Теперь достаточно только одного уравнения: 1 тонна железа = 2 унциями золота, чтобы представить стоимость железа в общественно значимой форме. Этому уравнению уже нет надобности маршировать плечом к плечу в ряду стоимостных уравнений других товаров, потому что эквивалентный товар, золото, уже обладает характером денег. Поэтому всеобщая относительная форма стоимости товаров снова возвращается теперь к своему первоначальному виду — к простой, или единичной, относительной форме стоимости. С другой стороны, развернутое относительное выражение стоимости, или бесконечный ряд относительных выражений стоимости, становится специфически относительной формой стоимости денежного товара. Но этот ряд теперь уже общественно дан в товарных ценах. Читайте справа налево отметки любого прейскуранта, и вы найдете выражение величины стоимости денег во всех возможных товарах. Но зато деньги не имеют цены. Чтобы участвовать в этой единой относительной форме стоимости других товаров, они должны были бы относиться к самим себе как к своему собственному эквиваленту.

Цена, или денежная форма товаров, как и вообще их стоимостная форма, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно — форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении. Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д. существует, хотя и невидимо, в самих этих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, существует лишь в их голове. Хранителю товаров приходится поэтому одолжить им свой язык или навесить на них бумажные ярлыки, чтобы поведать внешнему миру их цены ⁵¹⁾. Так как выражение товарных стоимостей в золоте носит идеальный характер, то для этой операции может быть применимо также лишь мысленно представляемое, или идеальное, золото. Каждый товаровладелец знает, что он еще далеко не превратил свои товары в настоящее золото, если придал их стоимости форму цены, или мысленно представляемого золота, и что ему не нужно ни крупницы реального

⁵¹⁾ Дикарь и полудикарь употребляют при этом свой язык несколько иначе. Капитан Парри рассказывает о жителях западного берега Баффина залива: «В этом случае» (при обмене продуктами) «...они движут ее» (вещь, предложенную им для обмена) «два раза, после чего, по-видимому, считают сделку благополучно заключенной» ⁴⁸. У восточных эскимосов выменивающий также всегда облизывал вещь при получении ее. Если на севере язык является, таким образом, органом присвоения, то нет ничего удивительного, что на юге живот считается органом накопления собственности; так, например, кафр оценивает богатого человека по толщине его брюха. Как видим, кафры весьма смысленный народ: в то время как отчет английского правительства за 1864 г. о здоровье населения указывает на недостаток у значительной части рабочего класса жиробразующих веществ, — в том же самом году некий доктор Гарвей (не тот, который открыл кровообращение) сделал свою карьеру шарлатанскими рецептами, сулившими буржуазии и аристократии избавление от избытка жира.

золота для того, чтобы выразить в золоте товарные стоимости на целые миллионы. Следовательно, свою функцию меры стоимостей деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные, деньги. Это обстоятельство породило самые нелепые теории денег ⁵²⁾. Хотя функцию меры стоимостей выполняют лишь мысленно представляемые деньги, цена всецело зависит от реального денежного материала. Стоимость, т. е. количество человеческого труда, содержащегося, например, в одной тонне железа, выражается в мысленно представляемом количестве денежного товара, содержащем столько же труда. Следовательно, смотря по тому, золото, серебро или медь служит мерой стоимости, стоимость тонны железа выражается в совершенно различных ценах, или в совершенно различных количествах золота, серебра или меди.

Если мерой стоимости служат одновременно два различных товара, например золото и серебро, то цены всех товаров получают два различных выражения: золотые цены и серебряные цены; и те и другие спокойно уживаются рядом, пока остается неизменным отношение между стоимостями золота и серебра, например 1 : 15. Но всякое изменение этого отношения стоимостей нарушает существующее отношение между золотыми и серебряными ценами товаров и таким образом доказывает фактически, что двойственность меры стоимости противоречит ее функции ⁵³⁾.

⁵²⁾ См. *Карл Маркс. «К критике политической экономии». «Теории денежной единицы измерения», стр. 53 и сл.* [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 60 и сл.].

⁵³⁾ *Примечание к 2 изданию.* «Там, где золото и серебро согласно закону одновременно функционируют как деньги, т. е. как мера стоимостей, постоянно делались тщетные попытки рассматривать их как одну и ту же материю. Предполагать, что одинаковое рабочее время неизменно овеществляется в одинаковых пропорциях серебра и золота, значит предполагать в сущности, что серебро и золото суть одна и та же материя и что определенное количество менее ценного металла, серебра, составляет неизменную дробную часть определенного количества золота. Начиная с правления Эдуарда III до времен Георга II, история английского денежного обращения представляла собой непрерывный ряд его нарушений, вызванных коллизией между установленным по закону соотношением стоимости золота и серебра и действительными колебаниями их стоимости. То золото оценивалось слишком высоко, то серебро. Металл, оцененный слишком низко, изымался из обращения, переплавлялся в слитки и вывозился за границу. Тогда соотношение стоимостей обоих металлов вновь наменялось законодательным путем, но вскоре новая номинальная стоимость приходила в такой же конфликт с действительным соотношением стоимостей, как и старая. — В наше время даже очень слабое и преходящее наделение стоимости золота по сравнению с серебром, вследствие спроса на серебро со стороны Индии и Китая, вызвало во Франции в самых крупных масштабах то же явление, а именно вывоз серебра и вытеснение его из обращения золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. ввоз золота во Францию превращал его вывоз на 41 580 000 ф. ст., между тем как превышение вывоза серебра над его ввозом составляло 34 704 000 фунтов стерлингов. Фактически в таких странах, где по закону оба металла являются мерой стоимостей и потому оба должны приниматься при платежах, — причем каждый по желанию может платить золотом или серебром, — тот металл, стоимость которого повышается, приобретает даже, подобно всякому другому товару, измерять свою цену в металле, оцененном слишком высоко, а то время как мерой стоимостей служит только этот последний. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что там, где по закону функцией меры стоимостей были наделены два товара, фактически эта функция всегда закреплялась лишь за одним из них» (*Карл Маркс. «К критике политической экономии», стр. 52, 53 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 59, 60]]).*

Товары, цены которых определены, все принимают такую форму: a товара $A = x$ золота; b товара $B = y$ золота; c товара $C = z$ золота и т. д., где a, b, c представляют определенные массы товаров A, B, C , а x, y, z — определенные массы золота. Товарные стоимости превратились, таким образом, в мысленно представляемые количества золота различной величины, т. е., несмотря на пестрое разнообразие своих товарных тел, превратились в величины одноименные, в величины золота. Как такие различные количества золота, они сравниваются между собой и соизмеряются друг с другом, причем возникает техническая необходимость сводить их к какому-либо фиксированному количеству золота как единице измерения. Сама эта единица измерения путем дальнейшего деления на определенные части разветвляется в масштаб. Золото, серебро, медь еще до своего превращения в деньги обладают таким масштабом в виде весовых делений: так, если единицей измерения служит, например, фунт, то, с одной стороны, он разделяется дальше на унции и т. д., с другой стороны, путем соединения фунтов, получаются центнеры и т. д.⁵⁴⁾ Поэтому при металлическом обращении готовые названия весового масштаба всегда образуют и первоначальные названия денежного масштаба, или масштаба цен.

Как мера стоимостей и как масштаб цен деньги выполняют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен — как фиксированный вес металла. Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота. Мерой стоимостей измеряются товары как стоимости; напротив, масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством, а не стоимость данного количества золота весом других его количеств. Для масштаба цен определенный вес золота должен быть фиксирован как единица измерения. Здесь, как и при всяком другом определении одноименных величин, решающее значение имеет устойчивость соотношения мер. Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит единицей измерения. Мерой стоимостей золото может служить лишь потому, что оно само представляет про-

⁵⁴⁾ *Примечание к 2 изданию.* Тот странный факт, что в Англии уния золота, как денежная единица измерения, не делится на целое число равных частей, объясняется следующим: «Наша монетная система первоначально была приспособлена к употреблению одного только серебра, — поэтому одна уния серебра может быть всегда разделена на определенное число равных монет; но так как золото было введено позднее в монетную систему, приспособленную исключительно к серебру, то одна уния золота не может быть разделена на целое число равноценных монет» (MacLaren. «History of the Currency». London, 1858, p. 16).

дукт труда и, следовательно, стоимость потенциально переменную⁵⁵⁾

Очевидно прежде всего, что изменение стоимости золота никоим образом не отражается на его функции в качестве масштаба цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, стоимости определенных количеств его сохраняют между собой одно и то же отношение. Если бы стоимость золота упала даже в тысячу раз, 12 унций золота по-прежнему обладали бы в двенадцать раз большей стоимостью, чем одна унция золота, а при определении цен дело идет лишь об отношениях различных количеств золота друг к другу. Так как, с другой стороны, при понижении или повышении стоимости золота вес одной унции его остается неизменным, то остается неизменным также и вес частей унции; следовательно, золото как фиксированный масштаб цен всегда оказывает одни и те же услуги, как бы ни изменялась его стоимость.

Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то, что эти последние выражаются то в более высоких, то в более низких золотых ценах, чем выражались раньше.

Как при выражении стоимости одного товара в потребительной стоимости какого-либо другого товара, так и при оценке товаров золотом предполагается лишь одно: что в данное время производство определенного количества золота стоит данного количества труда. Что касается движения товарных цен вообще, то к нему приложимы развитые выше законы простого относительного выражения стоимости.

При неизменной стоимости денег общее повышение товарных цен может произойти лишь при том условии, если повышаются стоимости товаров; при неизменной стоимости товаров, — если понижается стоимость денег. И наоборот. При неизменной стоимости денег все товарные цены могут понижаться лишь при том условии, если понижаются товарные стоимости; при неизменных товарных стоимостях, — если повышается стоимость денег. Отсюда отнюдь не следует, что повышение стоимости денег всегда вызывает пропорциональное понижение товарных цен, а понижение стоимости денег — пропорциональное повышение товарных цен. Это справедливо лишь по отношению к товарам, стоимость которых остается неизменной. Например, такие товары, стоимость которых повышается одновременно и в одинаковой мере со стоимостью денег, сохраняют свои цены неизменными. Если их стоимость

⁵⁵⁾ *Примечание к 2 изданию.* В сочинениях английских авторов имеет место невообразимое смешение понятий «мера стоимостей» (*measure of value*) и «масштаб цен» (*standard of value*). Постоянно смешиваются сами эти функции, а следовательно, и их названия.

повышается медленнее или быстрее, чем стоимость денег, то понижение или повышение их цен определяется разницей между движением их стоимости и движением стоимости денег и т. д.

Возвратимся к рассмотрению формы цены.

По ряду различных причин денежные названия определенных по весу количеств металла мало-помалу отделяются от своих первоначальных весовых названий. Из числа этих причин исторически решающими были следующие. 1) Введение иностранных денег у народов, находящихся на сравнительно низких ступенях развития. Так, например, в Древнем Риме золотые и серебряные монеты сначала обращались как иностранные товары. Названия этих иностранных денег, конечно, отличны от названий местных весовых единиц. 2) С развитием богатства менее благородный металл вытесняется в своей функции меры стоимости более благородным: медь вытесняется серебром, серебро — золотом, хотя этот порядок и противоречит поэтической хронологии⁴⁹ золотого и серебряного веков⁵⁰. Фунт стерлингов был, например, денежным названием для действительного фунта серебра. Но когда золото вытеснило серебро в качестве меры стоимости, это же самое название стало применяться к количеству золота, составляющему, быть может, $\frac{1}{15}$ фунта и т. д. в зависимости от отношения между стоимостью золота и серебра. Фунт как денежное название и фунт как обычное весовое название данного количества золота теперь разделились⁵¹. 3) В течение целого ряда веков государи занимались непрерывной фальсификацией денег, вследствие чего от первоначального веса монет действительно остались одни только названия⁵².

Благодаря этим историческим процессам отделение денежного названия весовых количеств металла от их обычных весовых названий становится народным обыкновением. Так как денежный масштаб, с одной стороны, совершенно условен, а, с другой стороны, должен пользоваться всеобщим признанием, то он, в конце концов, регулируется законом. Определенное весовое количество благородного металла, например унция золота, официально разделяется на определенные части, которые нарекаются при этом своим легальном крещении определенными именами, например фунт, талер и т. д. Такая часть, являясь собственно денежной единицей измерения, делится, в свою очередь, на новые части, получающие на основе закона свои наименования: шиллинг, пенни

⁴⁹ Впрочем, и эта хронология встречается не у всех народов.

⁵⁰ *Примечание к 2 изданию.* Так, английский фунт представляет менее $\frac{1}{3}$ своего первоначального веса, шотландский фунт накануне объединения⁵⁰ — всего лишь $\frac{1}{36}$, французский ливр — $\frac{1}{74}$, испанское мараведи — менее $\frac{1}{1000}$, португальский рейс — еще меньшую долю.

⁵¹ *Примечание к 2 изданию.* «Монеты, названия которых теперь лишь идеальны, суть самые старые монеты каждой нации; некогда все они были реальны, и так как они были реальны, то на них и велся счет» (*Gallant. «Della Moneta», p. 153*).

и т. д.⁵⁹⁾ Во всяком случае определенные весовые количества металла по-прежнему остаются масштабом металлических денег. Изменяется только способ разделения на части и наименования последних.

Итак, цены, или количества золота, в которые идеально превращаются стоимости товаров, выражаются теперь в денежных названиях, или законодательно установленных счетных названиях золотого масштаба. Вместо того чтобы сказать, что один квартер пшеницы равен одной унции золота, англичанин скажет, что он равен 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенсам. Таким образом, в своих денежных названиях товары показывают, чего они стоят, и деньги служат счетными деньгами каждый раз, когда требуется фиксировать какую-либо вещь как стоимость, т. е. в денежной форме⁶⁰⁾.

Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях — фунт, талер, франк, дукат и т. д. — изглаживается всякий след отношения стоимостей. Путаница в том, что касается скрытого смысла этих кабалистических знаков, тем значительнее, что денежные названия выражают одновременно и стоимость товаров и определенную часть данного веса металла, денежного масштаба⁶¹⁾. С другой стороны, необходимо, чтобы стоимость, в отличие от пестрых в своем разнообразии тел товарного мира, развилась в эту иррационально вечную и в то же время чисто общественную форму⁶²⁾.

⁵⁹⁾ *Примечание к 2 изданию.* Г-н Давид Уркарт в своем «Familiar Words» называет чудовищным (!) тот факт, что в настоящее время фунт (фунт стерлингов), единица английского масштаба денег, равняется приблизительно $\frac{1}{4}$ унции золота: «Это — фальсификация меры», — говорит он, — «а не установление ее масштаба». В этом «ложном наименовании» веса золота он, как и везде, усматривает фальсифицирующую руку цивилизации.

⁶⁰⁾ *Примечание к 2 изданию.* «Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляют деньги, он ответил: для счета» (*Athenaeus*. «*Deipnosophistarum [libri quindecim]*», I. IV, 49, v. II, ed. Schweighäuser, 1802 [p. 120]).

⁶¹⁾ *Примечание к 2 изданию.* «Так как золото в качестве масштаба цен выступает под теми же самыми счетными названиями, как и товарные цены, — например, унция золота, точно так же как и стоимость тонны железа, выражается в 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенсах, — то эти счетные наименования золота называли его монетной ценой. Отсюда возникло странное представление, будто золото (или серебро) оценивается в своем собственном материале и, в отличие от всех других товаров, получает от государства твердую цену. Установление счетных названий для определенных весовых количеств золота ошибочно принималось за установление стоимости этих весовых количеств» (*Карл Маркс. «К критике политической экономии»*, стр. 52 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 59]).

⁶²⁾ Ср. «Теории денежной единицы измерения» в «К критике политической экономии», стр. 53 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 60 и сл.]. Фантазии относительно повышения или понижения «цен монеты» все сводится к тому, чтобы актом государственной власти перенести установленные законом денежные наименования с установленных законом весовых количеств золота или серебра на более крупные или более мелкие весовые части, так чтобы, например, чеканить на будущее время из $\frac{1}{4}$ унции золота 40 шиллингов вместо 20. Все такие фантазии, поскольку они не являются просто грубыми финансовыми махинациями, направленными против частных

Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда. Следовательно, эквивалентность товара и того количества денег, название которого есть его цена, представляет собой тавтологию, да и вообще относительное выражение стоимости товара есть в то же время выражение эквивалентности двух товаров⁶³⁾. Но если цена как показатель величины стоимости товара есть в то же время показатель его менового отношения к деньгам, то отсюда не вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины стоимости. Пусть общественно необходимый труд равной величины выражается в 1 квартере пшеницы и в 2 фунтах стерлингов (около $1\frac{1}{2}$ унции золота). 2 ф. ст. есть денежное выражение величины стоимости квартера пшеницы, или его цена. Но если обстоятельства позволяют назначить цену этого квартера в 3 ф. ст. или вынуждают снизить ее до 1 ф. ст., то, очевидно, что 1 ф. ст. слишком малое, а 3 ф. ст. слишком большое выражение величины стоимости пшеницы, — тем не менее и 1 ф. ст. и 3 ф. ст. суть цены пшеницы, потому что, во-первых, они являются ее формой стоимости, деньгами, и, во-вторых, показателями ее менового отношения к деньгам. При неизменных условиях производства или неизменной производительной силе труда на воспроизводство одного квартера пшеницы должно быть затрачено во всех случаях одинаковое количество общественного рабочего времени. Это обстоятельство не зависит от воли ни производителей пшеницы, ни других товаровладельцев. Величина стоимости товара выражает, таким образом, необходимое, имманентное самому процессу созидания товара отношение его к общественному рабочему времени. С превращением величины стоимости в цену это необходимое отношение проявляется как меновое отношение данного товара к находящемуся вне его денежному товару. Но в этом меновом отношении может выразиться как величина стоимости товара, так и тот плюс или минус по сравнению с ней, которым сопровождается отчуждение товара при данных условиях. Следовательно, возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости, или возможность отклонения цены от величины стоимости, заключена уже в самой форме цены. И это не является недостатком этой формы, — наоборот, именно эта отли-

и государственных кредиторов, а задаются целью отыскать экономическое «всенасущнее лекарство», прекрасно охарактеризованы уже Петти в «Quantulumcunque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax, 1682». Анализ Петти настолько исчерпывает вопрос, что даже его непосредственные преемники, сэр Дадли Норс и Джон Локк, не говоря уже о более поздних, могли только вульгаризировать его мысли. «Если бы богатство страны», — говорит он между прочим, — «могло быть удешевлено с помощью декрета, то было бы удивительно, почему такие декреты давным-давно уже не изданы нашими правителями» (в только что упомянутой работе, стр. 36).

⁶³⁾ «Или придется признать, что миллион в деньгах стоит больше, чем равная стоимость в товарах» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 919), следовательно, «одна стоимость стоит больше, чем равная ей другая».

чительная черта делает ее адекватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел.

Но форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения величины стоимости с ценой, т. е. величины стоимости с ее собственным денежным выражением, — она может скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости, хотя деньги представляют собой лишь форму стоимости товаров. Вещи, которые сами по себе не являются товарами, например совесть, честь и т. д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму. Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости. Выражение цены является здесь мнимым, как известные величины в математике. С другой стороны, мнимая форма цены, — например, цена не подвергавшейся обработке земли, которая не имеет стоимости, так как в ней не олицетворен человеческий труд, — может скрывать в себе действительное стоимостное отношение или отношение, производное от него.

Цена, как и относительная форма стоимости вообще, выражает стоимость товара, например тонны железа, таким образом, что определенное количество эквивалента, например одна унция золота, всегда может быть непосредственно обменена на железо, откуда, однако, отнюдь не следует обратное: что железо, в свою очередь, может быть непосредственно обменено на золото. Итак, чтобы на деле выступить в качестве меновой стоимости, товар должен совлечь с себя свою натуральную плоть, превратиться из мысленно представляемого золота в золото действительное, хотя бы это пресуществление оказалось для него «горше», чем для гегелевского «понятия» переход от необходимости к свободе, чем для омара сбрасывание своей скорлупы, или для св. Иеронима совлечение с себя ветхого Адама⁶⁴. Наряду со своим реальным образом, например образом железа, товар может обладать в цене идеальным образом стоимости, или мысленно представляемым образом золота, но он не может быть одновременно действительным железом и действительным золотом. Для того чтобы дать ему цену, достаточно приравнять к нему мысленно представляемое золото. Но он должен быть замещен действительным золотом, чтобы сыграть для своего владельца роль всеобщего эквивалента. Если бы, например, владелец железа столкнулся с владельцем какого-либо элегантного

⁶⁴ Если в юности Иерониму большого труда стоило смирять свою материальную плоть, как показывает его борьба в пустыне с прекрасными женскими образами, то в зрелом возрасте столь же трудно было ему сладить со своей духовной плотью. «Я предстал мысленно», — рассказывает он, например, — «перед судьей мира». «Кто ты?» — спросил голос. «Я христианин». «Лжешь», — загремел судья мира, — «ты только цинцеронианец»⁶¹.

товара и сказал, что цена железа есть уже денежная форма, то ему бы ответили, как св. Петр на небесах отвечал Данте, изложившему перед ним сущность веры:

«Неуличим в изъёме
Испытанной монеты вес и сплав,
Но есть ли у тебя она в кармане»⁵².

Форма цены предполагает отчуждаемость товаров за деньги и необходимость такого отчуждения. С другой стороны, золото функционирует как идеальная мера стоимости только потому, что оно уже обращается как денежный товар в меновом процессе. В идеальной мере стоимостей скрывается, таким образом, звонкая монета.

2. СРЕДСТВО ОБРАЩЕНИЯ

а) МЕТАМОРФОЗ ТОВАРОВ

Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречашие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается.

Поскольку процесс обмена перемещает товары из рук, где они являются непотребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, постольку этот процесс есть общественный обмен веществ. Продукт одного полезного вида труда становится на место продукта другого полезного вида труда. Товар, достигнув пункта, где он служит в качестве потребительной стоимости, выпадает из сферы товарного обмена и переходит в сферу потребления. Нас интересует здесь лишь первая сфера. Поэтому мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно лишь смену форм, или метаморфоз, товаров, которая опосредствует общественный обмен веществ.

Совершенно неудовлетворительное понимание этой смены форм обусловливается, если даже не считать неясности в самом понимании стоимости, тем обстоятельством, что каждое изменение формы товара совершается путем обмена двух товаров: простого товара и денежного товара. Когда обращают внимание только на этот вещественный момент, обмен товара на золото, упускают из виду как раз то, что следовало бы видеть прежде всего, а именно то, что происходит с формой товара. Упускают из виду, что золото, рассматриваемое только как товар, еще не есть деньги и что другие

товары при помощи своих цен сами относят себя к золоту как своему собственному денежному образу.

Товары вступают в процесс обмена непозолоченными, неподсахаренными, в чем мать родила. Процесс обмена порождает раздвоение товара на товар и деньги, внешнюю противоположность, в которой товары выражают имманентную им противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. В этой противоположности товары как потребительная стоимость противостоят деньгам как меновой стоимости. Вместе с тем та и другая сторона этой противоположности есть товар, т. е. единство потребительной стоимости и стоимости. Но это единство различий на каждом из двух полюсов представлено противоположно, а потому оно выражает вместе с тем их взаимоотношение. Товар реально есть потребительная стоимость: его стоимостное бытие лишь идеально проявляется в цене, выражающей его отношение к золоту, которое противостоит ему как реальный образ его стоимости. Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализации стоимости, т. е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость пока лишь идеально обнаруживается в ряде относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам как к совокупности своих реальных потребительных форм. Эти противоположные формы товаров представляют собой действительные формы их движения в процессе обмена.

Последуем теперь за каким-либо товаровладельцем, хотя бы за нашим старым знакомым, ткачом холста, на арену менового процесса, на товарный рынок. Его товар, 20 аршин холста, имеет определенную цену. Эта цена равняется 2 фунтам стерлингов. Он обменивает холст на 2 ф. ст. и, как человек старого закала, снова обменивает эти 2 ф. ст. на семейную библию той же цены. Холст — для него только товар, только носитель стоимости — отчуждается в обмен на золото, форму его стоимости, и из этой формы снова превращается в другой товар, в библию, которая, однако, направится в дом ткача уже в качестве предмета потребления и будет удовлетворять там потребность в душевном чтении. Процесс обмена товара осуществляется, таким образом, в виде двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфозов — превращения товара в деньги и его обратного превращения из денег в товар ⁶⁵⁾. Моменты товарного метаморфоза представляют собой в то же время сделки товаровладельца — продажу, обмен товара на деньги; куплю, обмен денег на товар, и единство этих двух актов: продажу ради купли.

⁶⁵⁾ «На огонь, — говорит Гераклит, — обменивается все, и огонь — на все, как на золото обмениваются товары и на товары обменивается золото» (*F. Lassale*. «Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln». Berlin, 1858, Bd. I, S. 222). В примечании к этому месту, стр. 224, примечание 3, Лассаль неправильно рассматривает деньги как простой знак стоимости.

Если ткач обратит свое внимание лишь на конечный результат торговой сделки, то окажется, что он обладает вместо холста библией, вместо своего первоначального товара другим товаром той же самой стоимости, но иной полезности. Аналогичным путем присваивает он себе и все другие необходимые ему жизненные средства и средства производства. С его точки зрения весь процесс лишь опосредствует обмен продукта его труда на продукт чужого труда, опосредствует обмен продуктов.

Итак, процесс обмена товара совершается в виде следующей смены форм:

$$\begin{array}{ccccc} \text{Товар} & - & \text{Деньги} & - & \text{Товар} \\ T & - & D & - & T \end{array}$$

Со стороны своего вещественного содержания это движение представляет собой $T - T$, обмен товара на товар, обмен веществ общественного труда, обмен веществ, в конечном результате которого угасает и самый процесс.

$T - D$. Первый метаморфоз товара, или продажа. Переселение товарной стоимости из плоти товара в плоть денег есть, как я это назвал в другом месте ⁵³, *salto mortale* товара. Если оно не удастся, то оказывается обманутым в своих надеждах если не сам товар, то его владелец. Общественное разделение труда делает труд последнего столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности. Именно поэтому его продукт служит для него лишь меновой стоимостью. Всеобщую, общественно значимую эквивалентную форму он получает лишь в деньгах, но деньги находятся в чужом кармане. Для того чтобы извлечь их оттуда, товар должен прежде всего представлять собой потребительную стоимость для владельца денег, т. е. затраченный на него труд должен быть затрачен в общественно полезной форме, или должен быть действительным звеном общественного разделения труда. Но разделение труда есть естественно выросший производственный организм, нити которого сотканы и ткуются далее за спиной товаропроизводителей. Товар может быть продуктом нового вида труда, который претендует на удовлетворение вновь возникшей потребности или на свой страх и риск желает еще только вызвать какую-либо потребность. Известная трудовая операция, бывшая еще вчера одной из многих функций одного и того же товаропроизводителя, сегодня, быть может, порывает эту связь, обособляется как нечто самостоятельное и именно поэтому посылает на рынок свой частичный продукт как самостоятельный товар. Общественные условия могут быть достаточно и недостаточно зрелыми для этого процесса обособления. Сегодня данный продукт удовлетворяет известной общественной потребности. Завтра он, быть может, будет вполне или отчасти вытеснен с своего места другим подобным ему продуктом. И если даже труд данного производителя товаров,

например нашего ткача, есть патентованное звено общественного разделения труда, то это отнюдь еще не гарантирует, что как раз его 20 аршин холста будут иметь потребительную стоимость. Если общественная потребность в холсте, которая, как и все прочее, имеет границы, уже удовлетворена конкурентами данного ткача, продукт нашего приятеля окажется избыточным, излишним, а следовательно, и бесполезным. Конечно, дареному коню в зубы не смотрят, но наш ткач явился на рынок вовсе не для того, чтобы делать подарки. Допустим, однако, что продукт его фактически имеет потребительную стоимость и, следовательно, деньги притягиваются данным товаром. Спрашивается, сколько же именно денег? Правда, ответ уже предвосхищен в цене товара, в показателе величины его стоимости. Мы оставляем здесь в стороне чисто субъективные ошибки в расчетах товаровладельца, которые тотчас же объективно исправляются рынком. Пусть производитель затратил на свой продукт лишь среднее общественно необходимое рабочее время. Следовательно, цена товара есть лишь денежное название овеществленного в нем количества общественного труда. Но без разрешения нашего ткача и за его спиной пришли в движение традиционные производственные условия ткачества холста. То, что вчера несомненно представляло рабочее время, общественно необходимое для производства аршина холста, сегодня перестало им быть, и владелец денег энергично демонстрирует нашему приятелю это обстоятельство, указывая ему на цены, назначенные различными его конкурентами. К его несчастью, на свете много ткачей. Допустим, наконец, что каждый имеющийся на рынке кусок холста заключает в себе лишь общественно необходимое рабочее время. Тем не менее общая сумма этих кусков может заключать в себе избыточно затраченное рабочее время. Если *чрез рынок не в состоянии поглотить всего количества холста* по нормальной цене 2 шилл. за аршин, то это доказывает, что слишком большая часть всего рабочего времени общества затрачена в форме тканья холста. Результат получается тот же, как если бы каждый отдельный ткач затратил на свой индивидуальный продукт более, чем общественно необходимое рабочее время. Здесь имеет силу поговорка: «Вместе пойман, вместе и повешен». Весь холст на рынке функционирует как один товар, каждый кусок его — только как соответственная часть этого одного товара. И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация одного и того же общественно определенного количества однородного человеческого труда*.

* В письме к Н. Ф. Даниельсону (Николаю — ему) от 28 ноября 1878 г. Маркс предложил исправить эту фразу следующим образом: «И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин». Аналогичная поправка сделана и в личном экземпляре Маркса второго немецкого издания первого тома «Капитала», — правда, не рукой Маркса. *Ред.*

Как мы видим, товар любит деньги, но «the course of true love never does run smooth»⁵⁴. Такой же стихийной случайностью, какой отличается качественная структура общественно-производственного организма, являющего свои *membra disjecta* [разрозненные члены]⁵⁵ в системе разделения труда, отличается и его количественная структура. Наши товаровладельцы открывают, таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их независимыми частными производителями, делает в то же время независимыми от них самих процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости.

Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Оно в то же время превращает в дело случая, удастся ли это пресуществление. Но здесь мы должны рассмотреть явление в его чистом виде, следовательно должны предположить его нормальное течение. Впрочем, если этот процесс вообще совершается, т. е. если товар оказывается проданным, то всегда имеет место превращение формы, хотя в случаях ненормальных при этом превращении формы субстанции — величина стоимости — может быть урезана или повышена.

Для одного товаровладельца золото замещает его товар, для другого — товар замещает его золото. Чувственно воспринимаемое явление состоит в том, что товар и золото, 20 аршин холста и 2 ф. ст., перемещаются из рук в руки или с места на место, т. е. обмениваются друг на друга. Но на что обменивается товар? На всеобщую форму своей собственной стоимости. А золото? На особенный вид своей потребительной стоимости. Почему золото противостоит холсту в качестве денег? Потому что цена холста, 2 ф. ст., т. е. его денежное название, уже выражает его отношение к золоту как к деньгам. Первоначальная товарная форма сбрасывается путем отчуждения товара, следовательно — в тот момент, когда потребительная стоимость товара действительно притягивает к себе золото, лишь мысленно представленное в цене товара. Поэтому реализация цены, или только идеальной формы стоимости товара, есть, с другой стороны, реализация только идеальной потребительной стоимости денег, — превращение товара в деньги есть в то же время превращение денег в товар. Этот единый процесс является, таким образом, двусторонним: один его полюс — со стороны товаровладельца — продажа, противоположный полюс — со стороны владельца денег — купля. Продажа есть купля, $T - D$ есть в то же время $D - T$ ⁶⁶.

⁶⁶) «Всякая продажа есть в то же время купля» (Dr. Quesnay. «Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans». «Physiocrates», ed. Daire, partie I, Paris, 1846, p. 170), или, как говорят тот же Кенэ, «продавать — значит покупать»⁶⁶.

До сих пор мы знаем только одно экономическое отношение между людьми — отношение товаровладельцев, в котором товаровладельцы присваивают чужой продукт труда только путем отчуждения своего собственного. Следовательно, один товаровладелец может противостоять другому в качестве владельца денег лишь потому, что либо продукт его труда от природы обладает денежной формой, т. е. является денежным материалом, золотом и т. д., либо его собственный товар уже переменял кожу, сбросил с себя свою первоначальную потребительную форму. Чтобы функционировать в качестве денег, золото должно, конечно, вступить в какой-нибудь пункт на товарный рынок. Этот пункт находится в местах его добычи, — там, где оно как непосредственный продукт труда обменивается на другой продукт труда той же стоимости. Но, начиная с этого момента, оно непрерывно выражает в себе реализованные цены товаров ⁶⁷⁾. Если оставить в стороне обмен золота на товар в местах добычи золота, то в руках каждого товаровладельца золото есть отделившийся образ его отчужденного товара, продукт продажи, или первого метаморфоза товара $T - D$ ⁶⁸⁾. Идеальными деньгами, или мерой стоимости, золото стало потому, что все товары измеряли в нем свои стоимости и таким образом сделали его мысленно представляемой противоположностью их потребительной формы, образом их стоимости. Реальными деньгами оно становится потому, что товары в процессе своего всестороннего отчуждения делают его действительно отделившейся от них и превращенной формой их потребительной стоимости, а следовательно, действительным образом их стоимости. Как образ стоимости, товар стирает с себя всякий след своей естественно выросшей потребительной стоимости, всякий след создавшего его особенного полезного труда, и превращается в однородную общественную материализацию лишенного различий человеческого труда. В деньгах нельзя разглядеть, какого сорта товар превратился в них. В своей денежной форме один товар выглядит совершенно так же, как и всякий другой. Деньги могут представлять собой навоз, хотя навоз отнюдь не деньги. Допустим, что те два золотых, за которые наш ткач отдал свой товар, являются превращенной формой квартера пшеницы. Продажа холста, $T - D$, есть в то же время купля его, $D - T$. Но в качестве продажи холста этот процесс открывает собой движение, заканчивающееся противоположностью этого акта, куплей библии; в качестве же купли холста тот же процесс заканчивает движение, начавшееся с противоположности этого акта — с продажи пшеницы. $T - D$ (холст — деньги), первая фаза процесса $T - D - T$ (холст —

⁶⁷⁾ «За цену одного товара можно заплатить только ценой другого товара» (*Mercier de la Rivière*. «L'Ordre Naturel et Essentiel des Sociétés Politiques», «Physiocrates», ed. Daire, partie II, p. 554).

⁶⁸⁾ «Чтобы иметь деньги, сначала надо продать» (там же, стр. 543).

деньги — библия), есть в то же время $D - T$ (деньги — холст), т. е. последняя фаза другого процесса $T - D - T$ (пшеница — деньги — холст). Первый метаморфоз товара, его превращение из товарной формы в деньги, всегда является в то же время вторым противоположным метаморфозом какого-либо другого товара, обратным превращением последнего из денежной формы в товар⁶⁹⁾.

$D - T$. Второй, или заключительный, метаморфоз товара — купля. Так как деньги есть образ всех других товаров, отделившийся от них, или продукт их всеобщего отчуждения, то они представляют собой абсолютно-отчуждаемый товар. Они читают все цены в обратном направлении и отражаются таким образом во всех товарных телах как в покорном материале для своего собственного превращения в товар. Вместе с тем цены, эти влюбленные взоры, бросающиеся товарами на деньги, указывают последним границу их способности к перевоплощению, а именно их собственное количество. Так как товар, превращаясь в деньги, исчезает как таковой, то на деньгах не остается следов того, как именно они попали в руки владельца и что именно в них превратилось. Деньги *non olet* [не пахнут]⁵⁷⁾, каково бы ни было их происхождение. Если, с одной стороны, деньги представляют проданный товар, то, с другой стороны, они представляют товары, которые можно купить⁷⁰⁾.

$D - T$, т. е. купля, есть в то же время продажа, или $T - D$; следовательно, последний метаморфоз данного товара есть в то же время первый метаморфоз какого-либо другого товара. Для нашего ткача жизненный путь его товара заканчивается библией, в которую он превратил полученные им 2 фунта стерлингов. Но продавец библии превращает полученные от ткача 2 ф. ст. в водку. $D - T$, заключительная фаза процесса $T - D - T$ (холст — деньги — библия), есть в то же время $T - D$, первая фаза $T - D - T$ (библия — деньги — водка). Так как производитель товара доставляет на рынок лишь односторонний продукт, он продает его обыкновенно значительными массами; между тем его разносторонние потребности заставляют его постоянно раздроблять реализованную цену, или вырученную денежную сумму, между многочисленными покупками. Одна продажа приводит, таким образом, ко многим актам купли различных товаров. Итак, заключительный метаморфоз одного товара образует сумму первых метаморфозов других товаров.

Если мы возьмем теперь метаморфоз какого-либо товара, например холста, в целом, то мы увидим прежде всего, что метаморфоз этот состоит из двух противоположных и дополняющих

⁶⁹⁾ Исключение составляет, как уже было упомянуто выше, производитель золота или серебра, который обменивает свой продукт без предварительной продажи его.

⁷⁰⁾ «Деньги в наших руках представляют вещи, которые мы можем пожелать купить, и в то же время вещи, которые мы продали за эти деньги» (*Mercier de la Rivière*, цит. соч., стр. 586).

друг друга движений: $T - D$ и $D - T$. Эти два противоположные превращения товара осуществляются в двух противоположных общественных актах товаровладельца и отражаются в двух противоположных экономических ролях этого последнего. Как агент продажи, он — продавец, как агент купли — покупатель. Но так как в каждом своем превращении товар существует одновременно в обеих своих формах — товарной и денежной, — которые лишь располагаются на противоположных полюсах, то одному и тому же товаровладельцу, поскольку он является продавцом, противостоит другой в качестве покупателя, а поскольку он является покупателем, ему противостоит другой в качестве продавца. Подобно тому как один и тот же товар последовательно совершает два противоположных превращения — из товара в деньги и из денег в товар, — точно так же один и тот же товаровладелец меняет роль продавца на роль покупателя. Следовательно, это не прочно фиксированные роли, а роли, постоянно переходящие в процессе товарного обращения от одного лица к другому.

Полный метаморфоз товара, в своей простейшей форме, предполагает четыре крайних точки и три *personae dramatis* [действующих лица]. Сначала товар противостоит деньгам как образу своей стоимости, который «по ту сторону», в чужом кармане, обладает своей вещно-осязательной реальностью. Следовательно, товаровладельцу противостоит владелец денег. Как только товар превратился в деньги, они становятся его мимолетной эквивалентной формой, потребительная стоимость или содержание которой существует «по сю сторону», в других товарных телах. Деньги, конечный пункт первого превращения товара, представляют собой в то же время исходный пункт второго превращения. Следовательно, продавец в первом акте процесса является покупателем во втором акте, где ему противостоит третий товаровладелец как продавец ⁷¹⁾.

Две противоположно направленные фазы движения товарного метаморфоза образуют кругооборот: товарная форма, сбрасывание товарной формы, возвращение к товарной форме. Во всяком случае сам товар определяется здесь противоположным образом. У исходного пункта он является непотребительной стоимостью, у конечного пункта он — потребительная стоимость для своего владельца. Точно так же деньги сначала выступают как твердый кристалл стоимости, в который превращается товар, а затем расплываются в мимолетную эквивалентную форму товара.

Два метаморфоза, образующие полный кругооборот одного товара, представляют собой в то же время противоположные частичные метаморфозы двух других товаров. Один и тот же товар (холст) открывает ряд своих собственных метаморфозов и в то же

⁷¹⁾ «Итак, здесь имеется... четыре крайних точки и три контрагента, из которых один выступает два раза» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 909).

самое время завершает полный метаморфоз другого товара (пшеницы). Во время своего первого превращения, в акте продажи, он выступает в обеих этих ролях своей собственной персоной. А превратившись в золотую муколку, в виде которой он сам проходит путь всякого товарного тела, он вместе с тем завершает первый метаморфоз некоторого третьего товара. Таким образом, кругооборот, описываемый рядом метаморфозов каждого товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров. Процесс в целом представляет собой обращение товаров.

Товарное обращение не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами. В самом деле, присмотримся к только что описанному процессу. Ткач несомненно обменивал холст на библию, собственный товар — на чужой. Но это явление существует как таковое только для него самого. Продавец библии, предпочитающий горячительный напиток холодной святости, вовсе не думал о том, что на его библию обменивается холст; равным образом ткач совершенно не подозревает, что на его холст обменена пшеница и т. д. Товар лица *B* замечает товар лица *A*, но *A* и *B* не обмениваются взаимно своими товарами. Фактически может случиться, что *A* и *B* покупают взаимно друг у друга, но такое случайное совпадение отнюдь не вытекает из общих условий обращения товаров. С одной стороны, мы видим здесь, как обмен товаров разрывает индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и развивает обмен веществ человеческого труда. С другой стороны, здесь развивается целый круг общественных связей, которые находятся вне контроля действующих лиц и носят характер отношений, данных от природы. Ткач может продать холст лишь потому, что крестьянин уже продал пшеницу; любитель водки может продать библию лишь потому, что ткач продал холст; винокур может продать свой горячительный напиток лишь потому, что другой продал напиток живота вечного и т. д.

Вследствие этого процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают оттого, что они в конце выпадают из ряда метаморфозов данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром. Например, в общем метаморфозе холста: холст — деньги — библия, сначала холст выпадает из обращения, деньги заступают его место, затем библия выпадает из обращения, и деньги заступают ее место. Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица придирает денежный товар ⁷²⁾. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот.

⁷²⁾ *Примечание к 2 изданию.* Как ни бросается в глаза это явление, его в большинстве случаев не в состоянии заметить экономисты, особенно фритредер *vulgaris*.

Трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля, и *vice versa* [наоборот]. Если этим хотят сказать, что число действительно совершившихся продаж равно числу покупок, то это — бессодержательная тавтология. Однако этим догматом хотят доказать, что продавец приводит за собой на рынок своего покупателя. Купля и продажа представляют собой один и тот же акт как взаимоотношение двух полярно противоположных лиц — владельца денег и товаровладельца. Но, как действия одного и того же лица, они образуют два полярно противоположных акта. Таким образом, тождество продажи и купли предполагает, что товар становится бесполезным, когда он, будучи брошен в алхимическую реторту обращения, не выходит из нее в виде денег, не продается товаровладельцем, а следовательно, не покупается владельцем денег. Это тождество предполагает далее, что процесс обмена, если он удастся, есть некоторая пауза, известный период в жизни товара, который может быть более или менее продолжительным. Так как первый метаморфоз товара есть одновременно продажа и купля, то этот частичный процесс составляет в то же время самостоятельный процесс. У покупателя есть товар, у продавца есть деньги, т. е. товар, сохраняющий форму, способную к обращению независимо от того, рано или поздно он фактически снова выступит на рынке. Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что сам он что-то продал. Обращение товаров разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы обмена продуктов именно благодаря тому, что непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением взамен него чужого расчленяется на два противоположных акта — продажи и купли. Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т. е. дополняющих друг друга, процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса. Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификации вещей и овеществления лиц — это имманентное противоречие получает в противоположностях товарного метаморфоза развитые формы

своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность — однако только возможность — кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целой совокупности отношений, которые в рамках простого товарного обращения вовсе еще не существуют ⁷³⁾.

Как посредник в процессе обращения товаров, деньги приобретают функцию средства обращения.

Б) ОБРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ

Смена форм, в которой совершается вещественный обмен продуктами труда, $T - D - T$, обуславливает, что одна и та же стоимость, образуя в качестве товара исходный пункт процесса, снова возвращается к этому же пункту в виде товара. Таким образом, это движение товаров представляет собой кругооборот. С другой стороны, эта же самая форма исключает кругооборот денег. Результатом ее является непрерывное удаление денег от их исходного пункта, а не возвращение к нему. До тех пор, пока товар в руках продавца сохраняется в своем превращенном виде, в виде денег, товар этот находится в стадии своего первого метаморфоза, т. е. он осуществил лишь первую половину своего обращения. Когда процесс — продажа ради купли — закончен, то деньги, в свою очередь, удалились из рук своего первоначального владельца. Правда, если ткач, купив библию, снова продаст холст, то и деньги опять вернуться в его руки. Но они вернутся не вследствие обращения первых 20 аршин холста, которое, напротив, удалило их из рук ткача в руки продавца библии. Деньги могут вернуться лишь благодаря тому, что новый товар возобновляет или повторяет все тот же процесс обращения, который заканчивается тем же результатом, как и первый. Следовательно, форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет собой их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение (*currency, cours de la monnaie*).

⁷³⁾ Ср. мои замечания о Джемсе Милле: «К критике политической экономии», стр. 74—76 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 79—81]. Два пункта характерны здесь для метода экономической апологетики. Во-первых, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов путем простого отвлечения от их различий. Во-вторых, попытка отрицать противоречия, присущие капиталистическому процессу производства; последнее достигается тем, что отношения между капиталистическими агентами производства сводятся к простым отношениям, вытекающим из товарного обращения. Между тем производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о *differentia specifica* [характерных особенностях] данных способов производства, не можем ничего сказать о них, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения. Ни в одной науке, кроме политической экономии, не провозглашаются с такой претенциозностью элементарнейшие общие места. Например, Жан Батист Сэй берется судить о кризисах, зная только одно: что товар есть продукт.

Обращение денег есть постоянное монотонное повторение одного и того же процесса. Товар всегда находится на стороне продавца, деньги — всегда на стороне покупателя как покупательное средство. Они функционируют как покупательное средство, реализуя цену товара. Но, реализуя ее, деньги переносят товар из рук продавца в руки покупателя и в то же время удаляются сами из рук покупателя в руки продавца с тем, чтобы повторить тот же самый процесс с каким-либо другим товаром. Тот факт, что эта односторонняя форма движения денег возникает из двусторонней формы движения товара, остается замаскированным. Сама природа товарного обращения порождает как раз противоположную видимость. Первый метаморфоз товара по своему внешнему виду есть не только движение денег, но и собственное движение самого товара; наоборот, второй метаморфоз товара представляется только как движение денег. В первой половине своего обращения товар меняется местом с деньгами. Вместе с тем товар как потребительная стоимость выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления ⁷⁴⁾. Его место заступает образ стоимости товара, или его денежная маска. Вторую половину обращения товар пробегает уже не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении. Таким образом, непрерывность движения свойственна только деньгам; и то самое движение, которое для товара распадается на два противоположных процесса, это самое движение как собственное движение денег, всегда представляет собой один и тот же процесс, в котором деньги меняются местами все с новыми и новыми товарами. Поэтому дело принимает такой вид, будто результат товарного обращения, замещение одного товара другим, порождается не превращением его собственных форм, а функцией денег как средства обращения, будто именно средства обращения приводят в движение товары, сами по себе неподвижные, переносят их из рук, где они являются непотребительными стоимостями, в руки, где они являются потребительными стоимостями, и притом всегда в направлении, противоположном собственному движению денег. Деньги постоянно удаляют товары из сферы обращения, становясь на их место в обращении и тем самым удаляясь от своего собственного исходного пункта. Поэтому, хотя в движении денег лишь выражается обращение товаров, с внешней стороны кажется наоборот, что обращение товаров есть лишь результат движения денег ⁷⁵⁾.

С другой стороны, деньгам присуща функция средства обращения лишь потому, что они представляют собой ставшую самостоя-

⁷⁴⁾ Даже и в том случае, если товар все снова и снова продается, — явление, которое для нас пока еще не существует, — он с момента своей окончательной продажи переходит из сферы обращения в сферу потребления, чтобы послужить здесь жизненным средством или средством производства.

⁷⁵⁾ «Они» (деньги) «не имеют другого движения, кроме того, которое сообщено им продуктами» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 885).

тельной стоимостью товаров. Их движение как средства обращения есть поэтому в действительности лишь движение собственной формы товара. Следовательно, последнее должно отражаться в обращении денег и видимым образом. Так, например, холст сначала превращает свою товарную форму в свою денежную форму. Второй полюс его первого метаморфоза $T - D$, т. е. форма денег, становится затем первым полюсом его последнего метаморфоза $D - T$, его обратного превращения в библию. Но каждое из обоих этих превращений формы совершается путем обмена товара и денег, путем их взаимного перемещения. Одни и те же деньги притекают к продавцу как отчужденный образ товара и покидают его как абсолютно отчуждаемый образ товара. Они два раза меняются местами. Первый метаморфоз холста приносит эти деньги в карман ткача, второй — снова извлекает их оттуда. Таким образом, два противоположных изменения формы одного и того же товара отражаются в двукратном перемещении денег, совершающемся в обратном направлении.

Напротив, если имеют место только односторонние товарные метаморфозы — простые акты купли или продажи, все равно, — то одни и те же деньги лишь один раз меняют свое место. Их второе перемещение всегда выражает собой второй метаморфоз товара, его обратное превращение из денег. В частом повторении перемещений одних и тех же денег отражается не только ряд метаморфозов отдельного товара, но переплетение бесчисленных метаморфозов всего товарного мира в целом. Впрочем, само собой понятно, что все это относится лишь к рассматриваемой здесь форме простого товарного обращения.

Каждый товар при первом своем шаге в процессе обращения, при первой же смене своей формы, выпадает из сферы обращения, в которую на его место постоянно вступает новый товар. Наоборот, деньги как средство обращения постоянно пребывают в сфере обращения, постоянно рыщут в ней. Отсюда возникает вопрос, сколько денег может непрерывно поглощать эта сфера.

В каждой стране ежедневно совершаются многочисленные, одновременные и, следовательно, пространственно сосуществующие односторонние метаморфозы товаров, или, другими словами, только продажи с одной стороны, только купли — с другой. В своих ценах товары уже приравнены определенным мысленно представляемым количествам денег. Так как рассмотренная здесь непосредственная форма обращения всегда телесно противопоставляет друг другу товар и деньги — первый на полюсе продажи, вторые на противоположном полюсе купли, — то масса средств обращения, необходимых для процесса обращения товаров, уже определена суммой цен последних. В самом деле, деньги лишь представляют собой реально ту сумму золота, которая идеально уже выражена в сумме цен товаров. Следовательно, равенство этих сумм очевидно само собой. Мы знаем, однако, что при неизменной

стоимости товаров цены их изменяются с изменением стоимости самого золота (денежного материала): пропорционально повышаются, если последняя падает, и, наоборот, падают, если последняя повышается. Вместе с таким повышением или понижением суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться масса обращающихся денег. Во всяком случае причиной изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, но не в своей функции средства обращения, а в своей функции меры стоимости. Сначала цена товаров изменяется в обратном отношении к изменению стоимости денег, и затем масса средств обращения изменяется в прямом отношении к изменению цены товаров. Совершенно то же явление имело бы место, если бы, например, не стоимость золота понизилась, а серебро заместило бы его в качестве меры стоимости, или, наоборот, если бы не стоимость серебра повысилась, а золото вытеснило бы серебро из функции меры стоимости. В первом случае должно было бы обращаться серебра больше, чем раньше обращалось золота, во втором — меньше золота, чем раньше обращалось серебра. В обоих случаях изменилась бы стоимость денежного материала, т. е. товара, функционирующего как мера стоимостей, а потому изменилось бы также выражение товарных стоимостей в ценах, а следовательно, — масса обращающихся денег, которые служат для реализации этих цен. Мы уже видели, что сфера обращения товаров имеет прореху, через которую туда проникает золото (серебро и вообще денежный материал) в качестве товара данной стоимости. Наличие этой стоимости предполагается уже при функционировании денег в качестве меры стоимости, т. е. при определении цен. Например, если понижается стоимость самой меры стоимости, то это прежде всего проявляется в изменении цены тех товаров, которые обмениваются на благородный металл как на товар непосредственно в местах добычи последнего. Однако значительная часть других товаров, в особенности на низших ступенях развития буржуазного общества, долгое время продолжает оцениваться в ставшей иллюзорной, устаревшей стоимости меры стоимости. Но по мере того как товары вступают в стоимостные отношения друг с другом, один товар заражает другой, и золотые или серебряные цены товаров мало-помалу выравниваются в соответствии с пропорциями, которые определяются самими стоимостями товаров, пока, наконец, все товарные стоимости не будут оцениваться соответственно новой стоимости денежного металла. Этот процесс выравнивания сопровождается непрерывным ростом количества благородных металлов, притекающих взамен непосредственно обмениваемых на них товаров. Поэтому в той самой мере, в какой среди товаров распространяются эти новые, исправленные цены, или в какой стоимости товаров оцениваются в новой, упавшей и продолжающей до известного пункта падать стоимости металла, в такой же мере

уже имеется в наличии добавочная масса благородного металла, необходимая для реализации этих новых цен. Одностороннее наблюдение фактов, последовавших за открытием новых месторождений золота и серебра, привело в XVII и в особенности в XVIII столетии к неверному выводу, будто товарные цены возросли потому, что большее количество золота и серебра стало функционировать в качестве средства обращения. В дальнейшем мы будем принимать стоимость золота за величину данную, каковой она и является фактически в момент установления цен.

Итак, при этом предположении масса средств обращения определяется суммой товарных цен, подлежащих реализации. Если мы допустим далее, что цена каждого товарного вида дана, то сумма цен товаров будет, очевидно, зависеть от количества товаров, находящихся в обращении. В самом деле, не требуется особенно ломать голову для того, чтобы понять, что раз 1 квартал пшеницы стоит 2 ф. ст., то 100 кварталов будут стоить 200 ф. ст., 200 кварталов — 400 ф. ст. и т. д., а следовательно, с массой пшеницы должна возрастать и масса тех денег, которые при ее продаже обмениваются с ней местом.

Если мы предположим, что масса товаров дана, то масса находящихся в обращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями товарных цен. Она растет и падает в зависимости от того, повышается или понижается сумма цен товаров вследствие изменения величины цен. При этом необязательно должны одновременно повышаться или понижаться цены всех товаров. Повышения цен известного числа ведущих товаров в одном случае, понижения их цен в другом случае достаточно для того, чтобы заметно повысить или понизить подлежащую реализации сумму цен всех обращающихся товаров, а следовательно, и для того, чтобы привлечь в сферу обращения больше или меньше денег. Отражает ли изменение цен товаров действительное изменение стоимости их или представляет собой просто колебание рыночных цен, влияние на массу средств обращения в обоих случаях одинаково.

Пусть дано известное число не связанных между собой, одновременных и, следовательно, пространственно сосуществующих продаж, или частичных метаморфозов, например 1 квартала пшеницы, 20 аршин холста, 1 библия, 4 галлонов водки. Если цена каждого из этих товаров 2 ф. ст., следовательно, подлежащая реализации сумма цен 8 ф. ст., то в обращение должна вступить масса денег, равная 8 фунтам стерлингов. Но если те же самые товары образуют звенья исследованного нами выше ряда метаморфозов: 1 квартал пшеницы — 2 ф. ст. — 20 аршин холста — 2 ф. ст. — 1 библия — 2 ф. ст. — 4 галлона водки — 2 ф. ст., то одни и те же 2 ф. ст. приводят в обращение все эти товары один за другим, последовательно реализуя их цены. — следовательно, эти

2 ф. ст. реализуют сумму цен в 8 ф. ст. с тем, чтобы опочить в заключение в руках винокура. Они совершают четыре оборота. Это повторное перемещение одних и тех же денег выражает двойное изменение формы товара, его движение через две противоположные стадии обращения и в то же время сплетение метаморфозов различных товаров ⁷⁶⁾. Противоположные и дополняющие одна другую фазы этого процесса не могут совершаться рядом в пространстве, но должны следовать друг за другом во времени. Определенные промежутки времени образуют поэтому меру их продолжительности, т. е. числом оборотов одних и тех же денежных единиц за данное время измеряется быстрота обращения денег. Пусть процесс обращения указанных выше четырех товаров продолжался, например, один день. Тогда подлежащая реализации сумма цен составит 8 ф. ст., число оборотов одних и тех же денежных единиц за день — 4 и масса обращающихся денег — 2 фунта стерлингов. Таким образом, для процесса обращения за данный промежуток времени:

$$\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных денежных единиц}} = \text{массе денег,}$$

функционирующих в качестве средств обращения. Этот закон имеет всеобщее значение. За данный промежуток времени процесс обращения каждой страны охватывает, с одной стороны, множество разрозненных, одновременных, пространственно рядом совершающихся актов продажи (соответственно купли), или частичных метаморфозов, в которых одни и те же деньги лишь один раз меняют место, или совершают лишь один оборот; с другой стороны, тот же самый процесс охватывает совокупность многих, частью параллельных, частью переплетающихся между собой, более или менее богатых звеньями рядов метаморфозов, в которых одни и те же деньги совершают более или менее значительное число оборотов. Общее число оборотов всех находящихся в обращении одноименных денежных единиц дает, однако, среднее число оборотов отдельной единицы, или среднюю скорость обращения денег. Масса денег, которая в начале, например, дневного процесса обращения вступает в него, определяется, конечно, суммой цен товаров, обращающихся одновременно и пространственно рядом друг с другом. Но в пределах процесса каждая денежная единица становится, так сказать, ответственной за остальные. Если одна из них ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой, причем последняя может даже совсем вылететь из сферы обращения, так как эта сфера

⁷⁶⁾ «Именно продукты приводят их» (деньги) «в движение и заставляют обращаться... Быстрота их» (денег) «движения заменяет их количество. Когда в них обнаруживается надобность, они переходят из рук в руки, не останавливаясь ни на минуту» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 915, 916).

в состоянии поглотить лишь такую массу золота, которая, будучи помножена на среднее число оборотов ее отдельных элементов, равна сумме цен, подлежащих реализации. Поэтому, если растет число оборотов денег, то масса денег, находящаяся в обращении, уменьшается. Если уменьшается число их оборотов, то масса их растет. Так как при данной средней скорости обращения масса денег, которая может функционировать как средство обращения, дана, то стоит бросить в обращение определенное количество банкнот, например однофунтового достоинства, чтобы извлечь из него ровно столько же золотых соверенов, — фокус, хорошо известный всем банкам.

Если в обращении денег вообще проявляется только процесс обращения товаров, т. е. их кругооборот путем противоположных метаморфозов, то в скорости обращения денег проявляется скорость смены форм товаров, непрерывное переплетение одного ряда метаморфозов с другими, стремительность этого обмена веществ, быстрое исчезновение товаров из сферы обращения и столь же быстрая замена их новыми товарами. В скорости денежного обращения проявляется, таким образом, текучее единство противоположных и взаимно дополняющих друг друга фаз — превращение потребительной формы товара в образ стоимости и обратное превращение образа стоимости в потребительную форму, т. е. единство обоих процессов: продажи и купли. Наоборот, в замедлении денежного обращения сказывается разделение и обособление этих процессов в виде двух противоположных полюсов, т. е. приостановка превращения форм, а следовательно, и обмена веществ. Из обращения самого по себе, конечно, нельзя усмотреть, откуда возникает эта приостановка. Обращение лишь обнаруживает самое наличие этого явления. Согласно обыденному воззрению, тот факт, что с замедлением денежного обращения деньги начинают все реже появляться и исчезать во всех пунктах периферии обращения, объясняется недостаточным количеством средств обращения ⁷⁷⁾.

⁷⁷⁾ «Так как деньги... служат всеобщей мерой для купли и продажи, то всякий, кто имеет что-либо для продажи, но не находит покупателя, склонен думать, что недостаток денег в стране есть причина, вследствие которой он не может сбыть своих товаров; и вот повсюду раздаются жалобы на недостаток денег. Но это большая ошибка... Что нужно тем людям, которые жалуются на недостаток денег?.. Фермер жалуется... он думает, что если бы в стране было больше денег, он мог бы продать свои продукты по хорошим ценам. Следовательно, не деньги нужны ему, а хорошая цена за его хлеб и скот, которые ему хотелось бы, но не удается продать... А почему ему не удастся получить за них хорошую цену?.. 1) Либо потому, что в стране имеется слишком много хлеба и скота, так что большинство из тех людей, которые приходят на рынок, нуждается, подобно ему самому, в том, чтобы продать эти продукты, и только немногие нуждаются в том, чтобы купить их. 2) Либо потому, что сократился обычный вывоз этих продуктов за границу... 3) Либо потому, что сокращается потребление, как это бывает, когда люди из-за бедности тратят на жизнь меньше прежнего. Следовательно, не увеличение количества звонкой монеты способно помочь фермеру сбыть его товары, а устранение этих трех причин, которые в действительности вызывают спад на рынке. В таком же точно смысле нуждаются в деньгах купец и лавочник, а именно — они нуждаются в том,

Таким образом, общее количество денег, функционирующих в течение каждого данного отрезка времени в качестве средств обращения, определяется, с одной стороны, суммой цен всех обращающихся товаров, а с другой стороны, большей или меньшей быстротой противоположно направленных процессов товарного обращения, от чего зависит, какая часть общей суммы цен может быть реализована при помощи одной и той же денежной единицы. Но сама эта сумма цен товаров зависит как от массы, так и от цены каждого отдельного вида товаров. Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег, могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения могут также претерпевать многочисленные комбинации. Здесь мы отметим лишь комбинации, которые играют наиболее важную роль в истории товарных цен.

При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает скорость обращения.

При всеобщем повышении товарных цен масса средств обращения может остаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота обращения денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, причем масса обращающихся товаров остается постоянной. Масса средств обращения может уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается скорее, чем цены.

При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

чтобы продать те товары, которыми они торгуют, и это — в результате падения спроса на рынке. Нация лучше всего процветает тогда, когда богатства непрерывно переходят из рук в руки» (*Sir Dudley North. «Discourses upon Trade». London, 1691, p. 11—15 passim*). Все шарлатанские изобретения Херреншваанда сводятся к тому, будто бы противоречия, порождаемые самой природой товара и потому проявляющиеся в обращении товаров, могут быть устранены путем увеличения количества средств обращения. Но если объяснение приостановок в процессе производства и обращения недостатком средств обращения есть гадько популярная иллюзия, то это не означает, что действительный недостаток в средствах обращения, вследствие, например, официальных махинаций в области «regulation of currency» [«регулирования средств обращения»], не может, с своей стороны, вызвать приостановку.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключение составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег.

Закон, согласно которому количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращения денег ⁷⁸⁾, может быть выражен еще следующим образом: при данной сумме стоимостей товаров и данной средней скорости их метаморфозов количество обращающихся денег или денежного материала зависит от собственной стоимости последнего. Иллюзия, будто бы дело происходит как раз наоборот, будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется, в свою очередь, массой находящегося в данной стране денежного материала ⁷⁹⁾, коренится у ее первых представи-

⁷⁸⁾ «Для торговли нации деньги требуются в определенном количестве или пропорции: больше или меньше по сравнению с этим количество денег повредило бы торговле! Совершенно так же, как в мелкой розничной торговле необходимо определенное количество фартингов, чтобы разменять серебряную монету или произвести такие платежи, которые не могут быть выполнены даже при помощи самых мелких серебряных монет... И подобно тому как число фартингов, потребных для торговли, определяется численностью населения, частотой совершаемых им меновых сделок и, главным образом, стоимостью наименьшей серебряной монеты, так и количество денег (золотых и серебряных), «потребных для торговли, определяется частотой меновых актов и размерами платежей» (*William Petty. «A Treatise of Taxes and Contributions»*. London, 1667, p. 17). Теорию Юма защищал против Дж. Стюарта и др. А. Юнг в его «*Political Arithmetica*». London, 1774, где ей посвящена особая глава: «Цены зависят от количества денег», стр. 112 и сл. В моей работе «К критике политической экономии», стр. 149 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 149], я делаю следующее замечание: «Вопрос о количестве находящегося в обращении монет он (А. Смит) молчаливо устраняет, рассматривая деньги совершенно ложно как простой товар». Это относится лишь к тем местам работы А. Смита, где он рассматривает деньги *ex officio* [специально]. В некоторых отдельных случаях, например критикуя прежние системы политической экономии, он высказывает правильный взгляд: «Количество звонкой монеты в каждой стране определяется стоимостью товаров, обращающихся в ней... Стоимость товаров, покупаемых и продаваемых в течение года в данной стране, требует определенного количества денег для обращения их и распределения среди соответствующих потребителей и не может дать применения добавочному количеству денег. Каналы обращения необходимо вбирают в себя сумму, достаточную для наполнения их, и никогда не вымещают сверх того» («*Wealth of Nations*», b. IV, ch. I). Подобным же образом А. Смит начинает свой труд *ex officio* апофеозом разделения труда, а в последней книге об источниках государственного дохода, где он рассматривает вопрос о разделении труда лишь мимоходом, он воспроизводит осуждение разделения труда, принадлежащее его учителю А. Фергюсону.

⁷⁹⁾ «Цены товаров каждой нации должны, конечно, возрастать, по мере того как увеличивается количество золота и серебра, обращающегося среди народа; следовательно, если количество золота и серебра, которым располагает данная нация, уменьшается, то цены должны падать пропорционально такому уменьшению количества денег» (*Jacob Vanderlint. «Money answers all Things»*. London, 1734, p. 5). Более близкое сопоставление

телей в той нелепой гипотезе, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответственную часть металлической груды ⁸⁰⁾.

с) МОНЕТА. ЗНАК СТОИМОСТИ

Из функции денег как средства обращения возникает их монетная форма. Весовая часть золота, мысленно представленная в цене, или денежном названии товаров, должна противостать последним в процессе обращения как одноименный кусок золота, или монета. Как и установление масштаба цен, чеканка монет

работы Вандерлинта и «Essays» Юма не оставило у меня никакого сомнения, что Юм знал и использовал этот в общем весьма значительный труд Вандерлинта. Взгляд, будто масса средств обращения определяет собой цены, встречается также и у Барбона и еще более ранних авторов. «Никакого неудобства», — говорит Вандерлинт, — «не может возникнуть от неограниченной торговли, а только — большие преимущества, ибо если денежная наличность какой-либо нации будет под влиянием свободы торговли понижаться, что имеется в виду предотвратить путем запретов, то у тех наций, к которым отливают деньги, неизбежно должны возрастать все цены, так как увеличивается масса денег. А предметы нашего мануфактурного производства и всякие иные товары скоро настолько падут в цене, что торговый баланс обратится в нашу пользу и таким образом деньги устремятся обратно» (цит. соч., стр. 43, 44).

⁸⁰⁾ Само собой очевидно, что цена каждого отдельного вида товаров образует элемент суммы цен всех обращающихся товаров. Но совершенно непостижимо, каким образом несоизмеримые друг с другом потребительные стоимости могут в своей общей массе обмениваться на массу золота и серебра, находящуюся в данной стране. Если в смелом полете фантазии принять мир товаров за один-единственный совокупный товар, соответственной частью которого является каждый отдельный товар, то мы получим занятное уравнение: совокупный товар = x центнеров золота, товар A = известной части совокупного товара = такой же части x центнеров золота. Это буквально и говорит Монтескье: «Если мы противопоставим всей массе имеющегося в мире золота и серебра сумму всех имеющихся в мире товаров, для нас станет ясно, что каждому из этих продуктов или товаров соответствует известная доля всей массы золота и серебра... Предположим, что на свете существует лишь один-единственный вид продуктов или товара, или что существует только один вид, который продается, и что он делим, как деньги. Определенная часть этого товара будет соответствовать определенной части всей массы денег: половина всего товара — половине всех денег и т. д... установление цен на вещи всегда в основе своей зависит от отношения между совокупностью вещей и совокупностью знаков» (*Montesquieu*, цит. соч., т. III, стр. 12, 13). Относительно дальнейшего развития этой теории у Рикардо и его учеников Джемса Милля, лорда Оверстона и других см. «К критике политической экономии», стр. 140—146 и стр. 150 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 140—146, 149 и сл.]. — Г-н Джон Стюарт Милль со свойственной ему эллитической логикой ухитряется придерживаться одновременно и взглядов своего отца Джемса Милля и прямо противоположных. Если сравнить, например, текст его руководства: «*Principles of Political Economy*» с предисловием (к 1-му изданию), где он сам говорит о себе как о современном А. Смита, то не знаешь, чему больше удивляться — наивности ли этого человека или наивности публики, которая на веру приняла его за А. Смита, хотя между ним и последним приблизительно такое же соотношение, как между генералом Уильямом Карсом Карским и герцогом Веллингтоном. Собственные исследования г-на Джона Стюарта Милля в области политической экономии, не отличающиеся ни обширностью, ни содержательностью, все целиком уместились в его появившейся в 1844 г. брошюрке: «*Some Unsettled Questions of Political Economy*». Локк прямо говорит, что отсутствие стоимости у золота и серебра находится в связи с тем, что их стоимостью определяется их количеством. «Люди согласились придавать золоту и серебру воображаемую стоимость... внутренняя стоимость этих металлов есть не что иное, как количество» («*Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, 1691*». Works, ed. 1777, vol. II, p. 15).

попадает в руки государства. В тех различных национальных мундирах, которые носят на себе золото и серебро в качестве монет и которые они снова снимают, появляясь на мировом рынке, обнаруживается разделение между внутренней, или национальной, сферой товарного обращения и всеобщей сферой мирового рынка.

Следовательно, золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности, и золото постоянно может быть превращено из одной формы в другую⁸¹⁾. Путь, на который вступает золото, выйдя из монетного двора, ведет его, в конце концов, к плавильному тиглю. А именно, в обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и количество ее золотой субстанции, ее номинальное и ее реальное содержание начинают мало-помалу расходиться. Одноименные золотые монеты приобретают различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес. Золото как средство обращения отклоняется от золота как масштаба цен и вместе с тем перестает быть действительным эквивалентом товаров, цены которых оно реализует. История этой неразберихи составляет главное содержание истории монетного дела в течение средних веков и нового времени вплоть до XVIII столетия. Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотое бытие монеты в видимость золота, т. е. сделать из монеты лишь символ ее официального металлического содержания, признана даже самым современным законодательством: последнее определяет ту степень потери металла, которая делает золотую монету негодной к обращению, т. е. демонетизирует.

Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое бытие от ее функционального бытия, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или простыми символами. Роль серебряных и медных знаков в качестве заместителей золотой монеты объясняется исторически, с одной стороны, техническими трудностями чеканить совершенно ничтожные весовые количества

⁸¹⁾ Само собой разумеется, в мою задачу совсем не входит рассмотрение таких подробностей, как монетная пошлина и т. п. Что касается романтического сиксифанта Адама Мюллера, который восхищается «великодушной щедростью» английского правительства, «даром» чеканящего монету⁸²⁾, то ему достаточно противопоставить следующие слова сэра Дадли Норса: «Серебро и золото, подобно другим товарам, имеют свои приливы и отливы. После получения известного количества серебра из Испании... оно отсылается в Тауэр и там чеканится. Вскоре после этого может обнаружиться новый спрос на золото или серебро в слитках для вывоза. Если металла в слитках не окажется, так как весь он употреблен на чеканку монеты, что тогда предпринять? Очевидно, снова переплавить монету; от этого убытка не будет, — ведь чеканка ничего не стоит владельцам металла. Только нация остается в накладе и должна бросать свои деньги на ветер. Если бы купцу (Норс сам был одним из крупнейших купцов времен Карла II) «приходилось уплачивать пошлину за чеканку, он не стал бы без серьезных оснований посылать свое серебро в Тауэр, и чеканенная монета в этом случае имела бы несомненно более высокую стоимость, чем серебро в слитках» (North, цит. соч., стр. 18).

золота или серебра и, с другой стороны, тем обстоятельством, что низшие металлы раньше высших — серебро раньше золота, медь раньше серебра — служили мерой стоимости и, следовательно, уже обращались в качестве денег в тот момент, когда более благородный металл низверг их с трона. Они замещают золото в тех областях товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро, а следовательно, наиболее быстро снашивается, т. е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе. Чтобы помешать этим спутникам золота утвердиться на месте самого золота, законом устанавливаются очень низкие размеры платежей, в границах которых прием их взамен золота является обязательным. Те особые сферы, в которых обращаются различные сорта монет, конечно, переплетаются между собой. Разменная монета появляется наряду с золотом для выплаты дробных частей самой мелкой из золотых монет; золото постоянно вступает в розничное обращение и столь же постоянно выбрасывается оттуда путем размена на мелкую монету ⁸²⁾.

Металлическое содержание серебряных и медных знаков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще быстрее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно не зависимой от их веса, т. е. от всякой стоимости. Монетное бытие золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, — бумажки, получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью. Как видим, *ce n'est que le premier pas qui coûte* [труден лишь первый шаг].

Мы имеем здесь в виду лишь государственные бумажные деньги с принудительным курсом. Они вырастают непосредственно из металлического обращения. Наоборот, кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаемся в пределах простого товарного обращения, еще совершенно неизвестны. Только мимоходом отметим, что, подобно тому как бумажные деньги в собственном смысле этого слова возникают из функции денег

⁸²⁾ «Если серебра имеется всегда лишь столько, сколько необходимо для мелких платежей, то оно никогда не может быть накоплено в количествах, достаточных для более крупных платежей... Применение золота в крупных платежах неизбежно приводит также к его применению в розничной торговле: те, у кого есть золотая монета, ею оплачивают мелкие покупки и получают вместе с купленным товаром сдачу серебром; таким путем тот избыток серебра, который в противном случае накопился бы у розничного торговца, извлекается у него и рассеивается в общем обращении. Но если бы серебра имелось всегда достаточно для того, чтобы реализовать мелкие покупки, не прибегая к золоту, то розничный торговец получал бы за мелкие покупки исключительно серебро, и последнее неизбежно стало бы накапливаться в его руках» (*David Buchanan. «Inquiry into the Taxation and Commercial Policy of Great Britain». Edinburgh, 1844, p. 248, 249*).

как средства обращения, естественный корень кредитных денег составляет функция денег как средства платежа ⁸³⁾.

Бумажки, на которых напечатаны их денежные названия, как, например, 1 ф. ст., 5 фунтов стерлингов и т. д., бросаются в процесс обращения извне государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако масса средств обращения данной страны никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен эмпирически. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно изменяет свои составные части, т. е. составляется каждый раз все из других частиц золота, конечно, нисколько не влияет на ее размеры и на ее постоянное пребывание в сфере обращения. Поэтому она может быть заменена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения, то завтра вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Но если бумажки преступили свою меру, т. е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении, то, не говоря уже об опасности их общей дискредитации, они теперь являются в товарном мире лишь представителями того количества золота, которое вообще может быть ими представлено, т. е. количества, определяемого имманентными законами товарного мира. Если, например, данная масса бумажек представляет по своему названию

⁸³⁾ Мандарин финансов Ван Мао-Инь позволял себе представить сыну неба проект, который в замаскированной форме преследовал цель превратить китайские государственные ассигнации в разменные банкноты. В отчете ассигнационного комитета за апрель 1854 г. он получает за это надлежащую головомойку. Получив на соответственное количество ударов бамбуковой палкой, не сообщается. «Комитет», — говорится в заключение отчета, — «внимательно взвесил его проект и нашел, что все в нем направлено к выгоде купцов и ничто не обещает выгод короне» («Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking über China». Aus dem Russischen von Dr. K. Abel und F. A. Mecklenburg. Erster Band. Berlin, 1858, S. 47 sq.). О постоянной потере металла золотыми монетами вследствие обращения один из директоров Английского банка заявил в своих свидетельских показаниях перед комиссией палаты лордов (по вопросу о «банковских актах») следующее: «Каждый год становится слишком легковесной новая группа суверенов» (имеются в виду не политические суверены, а «sovereign» — название фунта стерлингов ⁸⁴⁾). «Те из них, которые обращались в течение года как полноценные, успевают достаточно потерять за это время ввиду сплавивания, чтобы в будущем году склонить чашу весов против себя» (House of Lords' Committee 1848, № 429).

2 унции золота, а реально замещает 1 унцию, то фактически 1 ф. ст. становится денежным названием, скажем, $\frac{1}{8}$ унции вместо прежней $\frac{1}{4}$ унции золота. Результат получится тот же самый, как если бы золото претерпело изменение в своей функции меры цен. Те самые стоимости, которые раньше выражались в цене, равной 1 ф. ст., выражаются теперь в цене, равной 2 фунтам стерлингов.

Бумажные деньги являются знаками золота, или знаками денег. Их отношение к товарным стоимостям состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знаки стоимости, поскольку они являются представителями известных количеств золота, а количество золота, как и всякие другие количества товаров, есть в то же время количество стоимости⁸⁴⁾.

Спрашивается, наконец, почему же золото может быть замещено не имеющими никакой собственной стоимости знаками его самого? Однако, как мы видели, оно может быть замещено лишь постольку, поскольку в своей функции монеты, или средства обращения, оно изолируется, приобретает самостоятельность. Правда, обособление этой функции не имеет места по отношению к отдельным золотым монетам, хотя оно и проявляется в том, что стершиеся монеты продолжают оставаться в обращении. Куски золота остаются только монетами, или только средством обращения, лишь до тех пор, пока они действительно находятся в обращении. Но то, что неприменимо к отдельным золотым монетам, применимо к той минимальной массе золота, которая может быть замещена бумажными деньгами. Эта масса постоянно находится в сфере обращения, непрерывно функционирует как средство обращения и потому существует исключительно как носитель этой функции. Следовательно, ее движение представляет лишь постоянное превращение друг в друга противоположных процессов товарного метаморфоза $T - D - T$, в котором товару противопоставляется образ его стоимости лишь для того, чтобы сейчас же снова исчезнуть. Самостоятельное выражение меновой стоимости товара является здесь лишь переходящим моментом. Оно немедленно замещается другим товаром.

⁸⁴⁾ *Примечание к 2 изданию.* Насколько смутно понимают различные функции денег даже лучшие авторы по вопросу о деньгах, показывает, например, следующее место из Фуллартона: «Поскольку дело касается нашей внутренней торговли, все те денежные функции, которые обыкновенно выполняются золотой и серебряной монетой, могут быть с таким же успехом выполнены обращением неразменных билетов, имеющих лишь фактивную и условную стоимость, установленную законом. Это — факт, который, я думаю, никто не станет отрицать. Стоимость такого рода вполне могла бы удовлетворить потребности, которые в настоящее время удовлетворяются полноценными монетами, и даже могла бы исполнять функцию меры стоимости и цен, если бы только количество выпускаемых в обращение билетов не выходило за должные пределы» (Fullarton. «Regulation of Currency», 2nd ed. London, 1845, p. 21). Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простым знаком стоимости, он не нужен ни как мера стоимостей, ни как масштаб цен!

Поэтому в процессе, в котором деньги переходят из одних рук в другие, достаточно чисто символического существования денег. Функциональное бытие денег поглощает, так сказать, их материальное бытие. Как мимолетное объективированное отражение товарных цен, они служат лишь знаками самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками⁸⁵⁾. Необходимо лишь, чтобы знак денег получил свою собственную объективно общественную значимость, и бумажный символ получает ее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного государства, или в сфере внутреннего обращения, и только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения, или монеты, и, следовательно, в виде бумажных денег могут существовать внешне изолированно от своей металлической субстанции и чисто функционально.

3. ДЕНЬГИ

Товар, который функционирует в качестве меры стоимости, а поэтому также, непосредственно или через своих заместителей, и в качестве средства обращения, есть деньги. Поэтому золото (или серебро) — деньги. Золото функционирует как деньги, с одной стороны, в тех случаях, когда оно должно выступать в своей золотой (или серебряной) телесности, как денежный товар, т. е. там, где оно выступает не чисто идеально, — как в функции меры стоимости, — и не как нечто, способное быть замещенным своими представителями — как в функции средства обращения. С другой стороны, золото (или серебро) функционирует как деньги в тех случаях, когда его функция — независимо от того, выполняет ли оно эту функцию само, своей собственной персоной, или через своих заместителей, — закрепляет за ним роль единственного образа стоимости, или единственного адекватного бытия меновой стоимости, в противовес всем другим товарам, которые выступают только как потребительные стоимости.

а) ОБРАЗОВАНИЕ СОКРОВИЩ

Непрерывный кругооборот двух противоположных товарных метаморфозов, или постоянная смена актов продажи и купли, проявляется в неустанном обращении денег, или в их функции регре-

⁸⁵⁾ Из того, что золото и серебро, поскольку они функционируют как монета, т. е. исключительно как средство обращения, становятся знаками самих себя, Николас Барбон выводит право правительств «to raise money» («повышать стоимость монеты»), т. е. называть, например, количество серебра, именовавшееся до сих пор грошем, именем более крупного количества серебра, скажем — талером, и таким образом уплачивать кредиторам гроши вместо талеров. «Монета снашивается и становится легче, часто переходя из рук в руки... В торговых делах люди обращают внимание на название и чеканку, а не на количество серебра... Авторитет правительства делает из куска металла деньги» (N. Barbon, цит. соч., стр. 29, 30, 25).

tuum mobile [непрерывно действующего механизма] обращения. Деньги иммобилизуются или превращаются, как говорит Буагильбер, из *meuble* [движимого] в *immeuble* [недвижимое]⁸⁶⁾, из монеты в деньги, как только прерывается ряд метаморфозов, и продажа уже не дополняется непосредственно следующей за ней куплей.

Уже с самых первых зачатков товарного обращения возникают необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первого метаморфоза — превращенную форму товара, или его золотую куколку⁸⁶⁾. Товар продают не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится самоцелью. Отчужденная форма товара встречает препятствия к тому, чтобы функционировать в качестве абсолютно отчуждаемой формы товара, или в качестве лишь его мимолетной денежной формы. Вследствие этого деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ.

Именно в начальный период товарного обращения в деньги превращается лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка, или богатства. Эта наивная форма накопления сокровищ увековечивается у таких народов, где традиционному и рассчитанному на собственное потребление способу производства соответствует прочно установившийся круг потребностей. Это мы видим, например, у азиатов, особенно у индийцев. Вандерлинт, который воображает, что товарные цены определяются массой имеющегося в данной стране золота и серебра, задает себе вопрос, почему индийские товары так дешевы? Ответ: потому что индийцы зарывают свои деньги. С 1602 по 1734 г., — говорит он, — они зарыли на 150 млн. ф. ст. серебра, которое было первоначально привезено из Америки в Европу⁸⁷⁾. С 1856 по 1866 г., т. е. за одно десятилетие, Англия вывезла в Индию и Китай (металл, экспортированный в Китай, в значительной своей части направляется опять-таки в Индию) на 120 млн. ф. ст. серебра, которое раньше было выменено на австралийское золото.

При дальнейшем развитии товарного производства каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе *pexus regim*, известный «общественно признанный залог»⁸⁸⁾. Его потребности непрерывно вновь и вновь заявляют о себе и непрерывно побуждают его поку-

⁸⁶⁾ «Богатство деньгами есть не что иное, как... богатство продуктами, превращенными в деньги» (*Mercier de la Rivière*, цит. соч., стр. 573). «Стоимость, существующая в продуктах, изменила только свою форму» (там же, стр. 486).

⁸⁷⁾ «Именно благодаря этой практике поддерживаются столь низкие цены на все их товары» (*Vanderlint*, цит. соч., стр. 95, 96).

⁸⁸⁾ «Деньги — залог» (*John Bellers*. «Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality». London, 1699, p. 13).

пять чужие товары, в то время как производство и продажа его собственного товара стоит времени и зависит от случайностей. Чтобы купить, не продавая, он должен сначала продать, не покупая. Кажется, что эта операция, если представить ее как общее правило, сама себе противоречит. Однако в местах их добычи благородные металлы непосредственно обмениваются на другие товары. Здесь имеет место продажа (со стороны товаровладельцев) без купли (со стороны владельцев золота или серебра)⁸⁹⁾. И последующие продажи без следующих за ними актов купли лишь опосредствуют дальнейшее распределение благородных металлов между всеми товаровладельцами. Таким образом во всех пунктах обращения накапливаются золотые и серебряные сокровища самых различных размеров. Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности.

«Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» (Колумб, в письме с Ямайки, 1503 г.).

Так как по внешности денег нельзя узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается все: как товары, так и не товары. Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоят даже мощи святых, не говоря уже о менее грубых *res sacrosanctae, extra commercium hominum* [священных предметах, исключенных из торгового оборота людей]⁹⁰⁾. Подобно тому как в деньгах стираются все качественные различия товаров, они, в свою очередь, как радикальный уравниватель, стирают всяческие различия⁹¹⁾. Но деньги — сами товар,

⁸⁹⁾ Купля в строгом смысле этого слова предполагает, что золото и серебро представляют собой уже превращенную форму товара, т. е. продукт продажи.

⁹⁰⁾ Генрих III, христианнейший король Франции, грабит у монастырей и т. д. их священные реликвии, чтобы превратить их в серебро. Известно, какую роль в истории Греции сыграло похищение фокейцами сокровищ из дельфийского храма. У древних народов бог товаров обитал, как известно, в храмах. Последние были «священными банками». Финикийцы, народ торговый *per excellence* [по преимуществу], считали деньги отчужденной формой всех вещей. Было поэтому совершенно естественно, что девушки, отдававшие чужеземцам на празднествах в честь богини любви, жертвовали богине полученную в награду монету.

⁹¹⁾ «Золото! металл

Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее — белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
А старика — и молодым, и свежим!
К чему же мне, о боги, это все?

внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица. Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни⁹²⁾. Современное общество, которое еще в детстве своем вытасило Плутона за волосы из недр земных⁹³⁾, приветствует золото как блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа.

Товар как потребительная стоимость удовлетворяет какую-нибудь особенную потребность и образует особенный элемент вещественного богатства. Но стоимость товара измеряет степень его притягательной силы по отношению ко всем элементам вещественного богатства, следовательно измеряет общественное богатство своего владельца. Для варварски примитивного товаровладельца, даже для западноевропейского крестьянина, стоимость неотделима от формы стоимости, и потому накопление сокровищ в виде золота и серебра является для него накоплением стоимости. Правда, стоимость денег изменяется — вследствие изменения их собственной стоимости или вследствие изменения стоимости товаров. Это, однако, не мешает тому, что, во-первых, 200 унций золота всегда содержат в себе больше стоимости, чем 100, 300 — более, чем 200, и т. д.; что, во-вторых, металлическая натуральная форма данной вещи остается всеобщей эквивалентной формой всех товаров, непосредственно общественным воплощением всякого человеческого труда. Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно.

Бессмертные, к чему — скажите? Это
От алтарей отгонит ваших слуг,
Из-под голов больных подушки вырвет...
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать, и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Никд повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопоклоненьем,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов. Вдове, давно отжившей,
Даст женихов...
Ступай... проклятая земля,
Наложница всесветная».

(Шекспир. «Жизнь Тимона Афинского»)

- 92) «Вещь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным».

(Софокл. «Антигона»)

⁹³⁾ «Алчность надеялась вытаскать за волосы из недр земных самого Плутона» (Athenaeus. «Deipnosophistarum [libri quindecim]», 1. VI, 23, v. II, ed. Schweighäuser. 1802, p. 397)).

Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т. е. являются всеобщим представителем вещественного богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, а потому является покупательным средством ограниченной силы. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег заставляет собирателя сокровищ все снова и снова предпринимать сизифов труд накопления. С ним происходит то же, что с завоевателем мира, который с каждой новой страной завоевывает лишь новую границу.

Чтобы удержать у себя золото как деньги, т. е. как элемент созидания сокровищ, надо воспрепятствовать его обращению, его растворению как покупательного средства в средствах потребления. Следовательно, созидатель сокровищ приносит потребности своей плоти в жертву золотому фетишу. Он принимает всерьез евангелие отречения. Но, с другой стороны, он может извлечь из обращения в виде денег лишь то, что он дает обращению в виде товара. Чем больше он производит, тем больше он может продать. Трудолюбие, бережливость и скупость — вот, следовательно, его основные добродетели; много продавать, мало покупать — в этом вся его политическая экономия ⁹⁴⁾.

Наряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма, обладание золотыми и серебряными предметами. Последнее растет вместе с ростом богатства буржуазного общества. «*Soyons riches ou paraissions riches*» [«Будем богаты или будем казаться богатыми»] (Дидро) ⁶¹⁾. Таким образом, с одной стороны, образуется все более и более расширяющийся рынок для золота и серебра, не зависящий от их денежной функции, с другой стороны — скрытый источник предложения денег, действующий особенно интенсивно в периоды общественных бурь.

Созидание сокровищ выполняет различные функции при металлическом обращении. Его ближайшая функция возникает из условий обращения золотой и серебряной монеты. Мы уже видели, что постоянные колебания размеров товарного обращения, колебания цен и скорости товарного обращения вызывают непрерывные отливы и приливы находящейся в обращении денежной массы. Следовательно, последняя должна обладать способностью к расширению и сокращению. То деньги должны притягиваться в качестве монеты, то монета должна отталкиваться в качестве денег. Чтобы действительно циркулирующая денежная масса соответствовала

⁹⁴⁾ «Увеличивать возможно больше число продавцов всех товаров, уменьшать возможно больше число покупателей — таков основной вопрос, к которому сводится все меры политической экономии» (Verri, цит. соч., стр. 52).

постоянно степени полной насыщенности сферы обращения, количество золота и серебра, находящееся в каждой стране, должно быть больше того, что требуется в каждый данный момент для монетной функции. Это условие выполняется благодаря превращению денег в сокровище. Резервуары сокровищ служат одновременно отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег, которые поэтому никогда не переполняют каналов обращения⁹⁵⁾.

б) СРЕДСТВО ПЛАТЕЖА

В рассмотренной нами непосредственной форме товарного обращения одна и та же величина стоимости всегда имела вдвойне: в виде товара на одном полюсе, в виде денег на противоположном полюсе. Товаровладельцы вступали поэтому в соприкосновение между собой лишь как представители имеющих в наличии взаимных эквивалентов. Однако с развитием товарного обращения развиваются отношения, благодаря которым отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены. Здесь достаточно будет отметить лишь наиболее элементарные из этих отношений. Один вид товаров требует более длинного, другой — более короткого времени для своего производства. Производство различных товаров связано с различными временами года. Один товар рождается у самого своего рынка, другой должен совершить путешествие на отдаленный рынок. Поэтому один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя. При частом повторении одних и тех же сделок между одними и теми же лицами условия продажи товаров регулируются условиями их производства. С другой стороны, пользование известным видом товаров, например домом, продается на известный промежуток времени. В таких случаях лишь по истечении срока покупатель действительно получает потреби-

⁹⁵⁾ «Для того чтобы нация могла вести свою торговлю, необходима определенная сумма наличных денег, которая может варьировать, то увеличиваясь, то уменьшаясь в зависимости от обстоятельств... Эти колебания, эти приливы и отливы денег приспосабливаются к изменяющимся обстоятельствам сами собой, без всякого вмешательства со стороны правительства. Ведра работают попеременно: когда мало денег, из слитков чеканится монета, когда мало денежного металла, монета переплавляется обратно в слитки» (*North*, цит. соч., постскриптум, стр. 3). Джон Стюарт Милль, бывший долгое время на службе у Ост-Индской компании⁸²⁾, утверждает, что в Индии серебряные украшения все еще непосредственно функционируют как сокровища. «Серебряные украшения... отправляются на монетный двор, когда уровень процента высок, и снова принимают свой прежний вид, когда уровень процента падает» (показание Дж. Ст. Милля в «*Reports on Bankacts 1857*», № 2084 и 2101). Согласно одному парламентскому документу от 1864 г. относительно импорта золота и серебра в Индию и экспорта их оттуда⁸³⁾, в 1863 г. импорт золота и серебра превысил экспорт на 19 367 764 фунта стерлингов. За восемь последних лет перед 1864 г. превышение импорта благородных металлов над экспортом их составило 109 652 917 фунтов стерлингов. В течение текущего столетия в Индии было начеканено монеты значительно больше, чем на 200 000 000 фунтов стерлингов.

тельную стоимость товара. Он покупает поэтому товар раньше, чем оплачивает его. Один товаровладелец продает наличный товар, а другой покупает, выступая как просто представитель денег или как представитель будущих денег. Продавец становится кредитором, покупатель — должником. Так как здесь изменился метаморфоз товара, или развитие его стоимостной формы, то и деньги приобретают другую функцию. Они становятся средством платежа ⁹⁶⁾.

Роли кредитора и должника возникают здесь из простого товарного обращения. Изменение формы последнего накладывает эту новую печать на продавца и покупателя. Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же агентами обращения роли, как и роли продавца и покупателя. Однако эта противоположность уже с самого начала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации ⁹⁷⁾. Но те же самые роли могут возникнуть и независимо от товарного обращения. Так, например, в античном мире классовая борьба протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою политическую власть вместе с утратой ее экономического базиса. Однако денежная форма, — а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, — здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни.

Но возвратимся к сфере товарного обращения. Одновременное появление эквивалентов, товара и денег, на противоположных полюсах процесса продажи прекратилось. Деньги функционируют теперь, во-первых, как мера стоимости при определении цены продаваемого товара. Установленная контрактом цена последнего измеряет собой обязательство покупателя, т. е. ту денежную сумму которую он должен уплатить к определенному сроку. Во-вторых, деньги функционируют как идеальное покупательное средство. Хотя они существуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки. Только по наступлении срока платежа средство платежа действительно

⁹⁶⁾ Лютер различает деньги как покупательное средство и деньги как средство платежа. «Ты причиняешь мне двойной ущерб — тут я не могу уплатить, а там не могу купить» (*Martin Luther. «An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen»* Wittenberg, 1540).

⁹⁷⁾ Об отношениях между должниками и кредиторами среди английских купцов начала XVIII века: «Среди людей торговли царит здесь, в Англии, такой дух жестокости, какого не встретишь ни в каком другом общественном слое или в другой стране мира» («*An Essay on Credit and the Bankrupt Act*». London, 1707, p. 2).

вступает в обращение, т. е. переходит из рук покупателя в руки продавца. Средство обращения превратилось в сокровище вследствие того, что процесс обращения прервался на первой фазе, т. е. деньги, эта превращенная форма товара, были извлечены из обращения. Средство платежа вступает в обращение, но лишь после того, как товар уже вышел из него. Деньги уже не опосредствуют процесса. Они самостоятельно завершают его как абсолютное наличное бытие меновой стоимости, или как всеобщий товар. Продавец превратил товар в деньги, чтобы удовлетворить при их помощи какую-либо потребность, создатель сокровищ, — чтобы консервировать товар в денежной форме, должник-покупатель, — чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже. Итак, теперь, в силу общественной необходимости, возникающей из отношений самого процесса обращения, образ стоимости товара — деньги — становится самоцелью продажи.

Покупатель превращает деньги обратно в товар прежде, чем он превратил товар в деньги, т. е. он совершает второй метаморфоз товара раньше первого. Товар продавца обращается, но при этом реализует свою цену лишь в виде частнопроводного требования на получение денег. Он превращается в потребительную стоимость раньше, чем успевает превратиться в деньги. Его первый метаморфоз осуществляется лишь задним числом⁹⁸⁾.

За каждый данный период процесса обращения обязательства, по которым наступает срок платежа, представляют сумму цен тех товаров, продажа которых вызвала эти обязательства к жизни. Масса денег, необходимая для реализации такой суммы цен, зависит прежде всего от быстроты обращения средств платежа. Она обуславливается двумя обстоятельствами: сцеплением отношений кредиторов и должников, когда *A*, получая деньги от своего должника *B*, уплачивает их своему кредитору *C* и т. д., и продолжительностью промежутков между различными сроками платежа. Цепь следующих один за другим платежей, или осуществляемых задним числом первых метаморфозов, существенно отличается от рассмотренного ранее сплетения рядов метаморфозов. В движении средств обращения не только выражается связь между продавцами и покупателями, самая эта связь возникает лишь в денежном обра-

⁹⁸⁾ *Примечание к 2 изданию.* Следующая цитата из появившейся в 1859 г. моей работы показывает, почему в тексте не принята во внимание противоположная форма: «Наоборот, в процессе *D — T* деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство и цена товара может быть таким образом реализована прежде, чем будет реализована потребительная стоимость денег или прежде, чем будет отчужден товар. Это имеет место, например, в обычной форме платы вперед, или же в той форме, в какой английское правительство закупает опиум у райатов в Индии... Однако здесь деньги действуют лишь в уже известной нам форме покупательного средства... Конечно, капитал авансируется также в форме денег... Однако эта точка зрения выходит за пределы простого обращения» («К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 119, 120 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 122]).

щении и вместе с ним. Напротив, движение средств платежа выражает собой общественную связь, имевшуюся в готовом виде еще до него.

Одновременность и параллельность продаж ограничивают возможность компенсации массы монет увеличением быстроты их обращения. И наоборот, эти же самые обстоятельства создают новый рычаг экономии на средствах платежа. По мере концентрации платежей в одном и том же месте естественно развиваются особые учреждения и методы взаимного погашения платежей. Такую роль играли, например, *virements* [переводы долгов] в средневековом Лионе. Стоит только сопоставить между собой долговые требования *A* к *B*, *B* к *C*, *C* к *A* и т. д., чтобы в известных пределах взаимно погасить их как положительные и отрицательные величины. Выплатить придется лишь разницу. Чем больше концентрация платежей, тем относительно меньше баланс, тем меньше, следовательно, масса обращающихся средств платежа.

Функция денег как средства платежа заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи взаимно погашаются, деньги функционируют лишь идеально как счетные деньги, или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь преходящая и посредствующая форма обмена веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное наличное бытие меновой стоимости, или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент производственных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом⁹⁹⁾. Последний возможен лишь там, где цепь следующих один за другим платежей и искусственная система взаимного погашения их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, из чего бы они ни возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеального образа счетных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою ценность, а стоимость товара исчезает перед лицом ее стоимостной формы. Еще вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и объявлял их пустой видимостью: «Только говар — деньги». «Только деньги — товар!» — вопят сегодня те же самые буржуа во всех

⁹⁹⁾ Этот денежный кризис, который в тексте определяется как особая фаза всякого общего производственного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой — банки, биржи, финансы. (Примечание Маркса к 3 изданию.)

концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства¹⁰⁰⁾. Во время кризиса противоположность между товаром и образом его стоимости, деньгами, вырастает в абсолютное противоречие. Поэтому и форма проявления денег здесь безразлична. Денежный голод не изменяет своей напряженности от того, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, например банкнотами¹⁰¹⁾.

Если мы теперь рассмотрим общую сумму денег, находящихся в обращении в течение данного промежутка времени, то окажется, что она — при данной скорости циркуляции средств обращения и платежа — равняется сумме подлежащих реализации товарных цен плюс сумма платежей, которым наступил срок, минус взаимно погашаемые платежи и, наконец, минус сумма оборотов, в которых одни и те же деньги функционируют попеременно то как средство обращения, то как средство платежа. Например, крестьянин продает свой хлеб за 2 ф. ст., которые служат, таким образом, в качестве средства обращения. С наступлением срока платежа он оплачивает этими же 2 ф. ст. холст, который раньше доставил ему ткач. При этом все те же 2 ф. ст. теперь функционируют как средство платежа. Затем ткач покупает библию на наличные деньги, и эти же 2 ф. ст. снова функционируют как средство обращения и т. д. Поэтому даже в том случае, если даны цены, скорость денежного обращения и экономия платежей, все же масса денег, находящихся в обращении в течение определенного периода, например одного дня, более не совпадает с массой обращающихся товаров. Обращаются деньги, представляющие такие товары, которые давно уже извлечены из процесса обращения. Обращаются товары, денежный эквивалент которых появится лишь впоследствии. С другой стороны,

¹⁰⁰⁾ «Это внезапное превращение кредитной системы в монетарную прибавляет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения содрогаются перед непостижимой тайной своих собственных отношений» (*Карл Маркс*. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 126 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 128]). «Бедняк сидит без работы, потому что богатч не в состоянии дать ему работу из-за недостатка денег, хотя они имеют ту же самую землю, те же самые руки для производства средств существования и одежды, какие имелись у них раньше; а ведь именно это и составляет действительное богатство наций, а отнюдь не деньги» (*John Bellers*. «Proposals for Raising a College of Industry». London, 1696, p. 3).

¹⁰¹⁾ Вот как эксплуатируют такие моменты «amis du commerce» [«друзья торговли»]: «Однажды» (в 1839 г.) «одни старый алчный банкир» (из Сити) «приподнял крышку конторки, перед которой сидел в своем кабинете, и, показав своему другу пачки банкнот, заявил с нескрываемым торжеством, что здесь целых 600 000 ф. ст., которые он удерживал у себя, чтобы обострить пужду в деньгах, но сегодня же после трех часов пустит их в оборот» ([*H. Roy*]. «The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844». London, 1864, p. 81). Полуофициальный орган «The Observer» от 24 апреля 1864 г. замечает: «Распространяется ряд очень странных слухов относительно тех мер, к которым прибегли для того, чтобы создать недостаток банкнот... Как бы ни казалось сомнительным предположение, что действительно были предприняты подобные меры, тем не менее указанные слухи были настолько широко распространены, что действительно заслуживают упоминания».

ежедневно заключаемые и ежедневно погашаемые платежные обязательства представляют собой совершенно несоизмеримые величины ¹⁰²⁾.

Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа, причем долговые обязательства за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой стороны, с расширением кредитного дела расширяется и функция денег как средства платежа. В качестве средства платежа деньги получают собственные формы существования, в которых они и находят себе место в сфере крупных торговых сделок, в то время как золотая и серебряная монета оттесняется главным образом в сферу розничной торговли ¹⁰³⁾.

При известном уровне развития и достаточно широких размерах товарного производства функция денег как средства платежа выходит за пределы сферы товарного обращения. Деньги становятся

¹⁰²⁾ «Совокупность продаж или контрактов, заключаемых в продолжение данного дня, не повлияет на количество денег, обращающихся именно в этот день, но в огромном большинстве случаев выразится в целом ряде разнороднейших обязательств на сумму денег, которые могут вступить в обращение лишь в последующие, более или менее отдаленные сроки... Сегодня выданные векселя или предоставленные кредиты вовсе не должны иметь какое-либо сходство по количеству, по общей сумме или продолжительности сроков с теми кредитными сделками, которые будут заключены завтра или послезавтра; кроме того, многие из выданных сегодня векселей и предоставленных сегодня кредитов совпадают по срокам платежа со многими обязательствами, заключение которых относится к ряду предшествующих совершенно неопределенных дат; векселя на 12, 6, 3 месяца и на 1 месяц часто совпадают между собой и таким образом увеличивают общую сумму обязательств, срок которых приходится на один и тот же день» («The Currency Theory Reviewed; in a Letter to the Scottish People». By a Banker in England. Edinburgh, 1845, p. 29, 30 passim).

¹⁰³⁾ Как пример того, какую ничтожную роль в собственно торговых операциях играют действительные деньги, мы приводим здесь данные одной из крупнейших торговых фирм Лондона (Моррисон, Диллон и К^о) относительно ее годовых денежных поступлений и платежей. Ее операции за 1856 г., охватывающие многие миллионы фунтов стерлингов, пропорционально уменьшены нами и сведены к масштабу 1 000 000 ф. ст.

Поступления:		Платежи:	
Срочные векселя банкиров и купцов	533 596 ф. ст.	Срочные векселя	302 674 ф. ст.
Чеки на лондонских банкиров и т. д. на предъявителя	357 715 „ „	Чеки на лондонских банкиров	663 672 „ „
Банкноты провинциальных банков	9 627 „ „	Банкноты Английского банка	22 743 „ „
Банкноты Английского банка	68 554 „ „	Золото	9 427 „ „
Золото	28 089 „ „	Серебро и медь	1 484 „ „
Серебро и медь	1 486 „ „		
Почтовые переводы	933 „ „		
Итого	1 000 000 ф. ст.	Итого	1 000 000 ф. ст.

(«Report from the Select Committee on the Bankacts». July 1858, p. LXXI).

всеобщим товаром договорных обязательств ¹⁰⁴⁾. Ренты, подати и т. п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи. Насколько это превращение обусловливается общим характером процесса производства, показывает, например, дважды потерпевшая крушение попытка Римской империи взимать все налоги деньгами. Ужасная нищета сельского населения Франции при Людовике XIV, столь красноречиво заклеянная Буагильбером, маршалом Вобаном и др., была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги ¹⁰⁵⁾. С другой стороны, если натуральная форма земельной ренты, — в Азии она составляет к тому же основной элемент государственных налогов, — покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся с неизменностью естественных отношений, то путем обратного воздействия такая форма платежей сохраняет старые производственные формы. Она образует одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи. Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец. Ограниченные узкими рамками экономические условия существования этой культуры подвергнутся разложению.

В каждой стране устанавливаются известные общие сроки платежей. Отчасти эти сроки платежей основываются на естественных условиях производства, связанных со сменой времен года, — прочие факторы цикличности воспроизводства мы оставляем в стороне. Этими сроками регулируются также и те платежи, которые не порождаются непосредственно товарным обращением, как например налоги, ренты и т. д. Масса денег, потребная в определенные дни года для этих разбросанных по всей стране платежей, вызывает периодические, но совершенно поверхностные пертурбации в экономике средств платежа ¹⁰⁶⁾. Из закона скорости обращения средств

¹⁰⁴⁾ «Характер коммерческого оборота изменялся таким образом, что вместо обмена товаров на товары, вместо их поставки и получения совершаются теперь продажа и платежи. Теперь все сделки... сводятся к чисто денежным операциям» ([D. Defoe.] «An Essay upon Public Credits», 3 ed. London, 1710, p. 8).

¹⁰⁵⁾ «Деньги сделались всеобщим палачом». Финансовое искусство — «перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы извлечь этот роковой асфальт». «Деньги объявляют войну всему роду человеческому» (Boisguillebert. «Dissertation sur la Nature des Richesses, de l'Argent et des Tributs» édit. Daire, «Economistes financiers», Paris, 1843, t. I, p. 413, 419, 417).

¹⁰⁶⁾ «В духов день 1824 г., — сообщает г-н Крейг парламентской комиссии 1826 г., — в Эдинбурге был такой громадный спрос на банкноты, что к 11 часам мы не имели в своем распоряжении ни одной банкноты. Мы по очереди обращались к различным банкам с целью занять банкноты, но не могли ничего получить, и многие сделки пришлось совершить при помощи slips of paper [кличков бумаги]. Но уже к 3 часам пополудни все банкноты вернулись в те банки, из которых они уплыли. Они только прошли через несколько рук». Хотя среднее число банкнот, действительно обращающихся в Шотландии, не достигает и 3 млн. ф. ст., тем не менее в те дни года, когда производятся различные платежи, идут в дело все имеющиеся у банкиров банкноты, т. е. на сумму — приблизительно — 7 млн. фунтов стерлингов. При этом банкноты выполняют лишь одну-единственную специфическую функцию и, раз она выполнена, немедленно притекают обратно в те банки

платежа вытекает, что масса средств платежа, необходимых для всех периодических платежей, каков бы ни был их источник, находится в обратном⁶⁴ отношении к продолжительности платежных периодов¹⁰⁷⁾.

Развитие денег как средства платежа вызывает необходимость накапливать деньги перед сроками уплаты. В то время как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества, оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда средств платежа.

с) МИРОВЫЕ ДЕНЬГИ

Выходя за пределы внутренней сферы обращения, деньги сбрасывают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные формы — масштаба цен, монеты, разменной монеты, знаков стоимости — и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов. В мировой торговле товары разворачивают свою стоимость универсально. Поэтому и самостоятельный образ их стоимости противостоит им здесь в качестве мировых денег. Только на мировом рынке деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адекватным их понятию.

В сфере внутреннего обращения только один какой-нибудь товар может служить мерой стоимости, а следовательно, и деньгами. На мировом рынке господствует двойная мера стоимости — золото и серебро¹⁰⁸⁾.

из которых она вышла (*John Fullarton*. «*Regulation of Currencies*», 2nd ed. London, 1845, p. 86, примечание). Для пояснения прибавим, что во время появления работы Фуллартон за вклады в Шотландии выдавались не чеки, а только банкноты.

¹⁰⁷⁾ На вопрос: «Если бы пришлось в течение года произвести платежи на 40 млн., то хватило ли бы этих 6 млн.» (золотом) «для всех оборотов, которых потребовала бы в этом случае торговля?», Петти отвечает с присущим ему мастерством: «Я отвечаю: да. Если бы все обороты представляли такие короткие периоды, как например недели, что и имеет место среди бедных ремесленников и рабочих, получающих и платящих деньги каждую субботу, то для производства платежей на 40 млн. нужно было бы $40/\frac{1}{52}$ миллионов. Если же оборот совершался бы в четверть года, что соответствует тому, как мы обычно платим ренту и налоги, то потребовалось бы 10 миллионов. Следовательно, предполагая, что в общем периоды платежей представляют среднюю величину между 1 неделей и 13 неделями, мы должны сложить 10 млн. и $40/\frac{1}{52}$ млн. и взять половину, которая равна $5\frac{1}{2}$ миллионам. Таким образом, если бы мы имели $5\frac{1}{2}$ млн., нам хватило бы денег» (*William Petty*. «*Political Anatomy of Ireland 1672*», edit. London, 1691, p. 13, 14)⁶⁵.

¹⁰⁸⁾ Отсюда ясна неадекватность всяких законодательных мер, предписывающих национальным банкам накапливать лишь тот благородный металл, который функционирует в качестве денег внутри страны. Общеизвестны, например, «милые препятствия», созданные таким образом самим Английским банком на пути своей собственной деятельности. О великих исторических эпохах относительного уменьшения стоимости золота и серебра см. *Карл Маркс*. «К критике политической экономии», стр. 136 и сл. [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 137 и сл.]. *Добавление к 2 изданию*. Сэр Роберт Пиль в своем банковском акте 1844 г. старался выйти из затруднения тем, что разрешил Английскому банку выпускать банкноты, обеспеченные серебром (в слитках), причем, однако, запас серебра не долж

Мировые деньги функционируют как всеобщее средство платежа, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще (*universal wealth*). Функция средства платежа, средства, служащего для расчетов по международным балансам, преобладает. Отсюда лозунг меркантилистской системы — торговый баланс ¹⁰⁹). Международным покупательным

был превышать одной четверти золотого запаса. Стоимость серебра при этом определяется по его рыночной цене (золотой) на лондонском рынке. (*К 4 изданию*. Мы опять переживаем эпоху интенсивного относительного изменения стоимости золота и серебра. Лет 25 тому назад отношение стоимостей золота и серебра было $15 \frac{1}{2} : 1$, теперь оно приблизительно выражается как $22 : 1$, и стоимость серебра по сравнению с золотом все еще продолжает падать. По существу это вызвано переворотом в способе добычи этих двух металлов. Раньше золото добывалось почти исключительно путем промывки золотосодержащих аллювиальных пластов, т. е. продуктов выветривания золотосодержащих пород. Теперь этот метод уже оказывается недостаточным и отступает на задний план непосредственной разработкой самих жил золотосодержащего кварца — метод, который был, правда, известен еще древним (*Diodor*, III, 12—14), но до сих пор практиковался лишь как побочный. С другой стороны, не только были открыты новые колоссальные залежи серебра в западной части Скалистых гор, но благодаря железным дорогам был облегчен доступ к ним и к мексиканским серебряным рудникам, вследствие чего сделалось возможным непрерывно подвозить современные машины и топливо, а следовательно, значительно расширить масштабы добычи серебра и понизить издержки. Однако формы нахождения этих двух металлов в рудных жилах весьма различны. Золото попадает обыкновенно в виде самородков, но зато в крайне ничтожных количествах, рассеянных в кварце; вся масса жилы должна быть поэтому извлечена, после чего золото приходится вымывать или извлекать ртутью. На 1 000 000 граммов кварца добывается при этом от 1 до 3, очень редко 30—60 граммов золота. Серебро редко встречается самородками, но обыкновенно в особых рудах, сравнительно легко отделяемых от остальной массы жилы и содержащих значительное количество, от 40 до 90 процентов, серебра; или же оно заключается в небольших количествах в рудах, которые сами по себе заслуживают разработки, например медных, свинцовых и т. п. Уже отсюда видно, что в то время как труд, затрачиваемый на добычу золота, скорее увеличился, труд по добыче серебра значительно уменьшился, так что падение стоимости последнего объясняется совершенно естественно. Это падение стоимости выразилось бы в еще более значительном падении цены, если бы цена серебра и в настоящее время не поддерживалась на определенном уровне искусственными средствами. Но до сих пор разрабатывается лишь небольшая часть американских залежей серебра, и потому имеются все шансы, что стоимость серебра еще долгое время будет понижаться. В том же направлении влияет относительное уменьшение спроса на серебро для предметов потребления и роскоши, замена его плакированными изделиями, алюминием и т. п. Отсюда ясен весь утопизм биметаллических мечтаний о том, чтобы путем принудительного международного курса поднять стоимость серебра до прежнего отношения $1:15 \frac{1}{2}$. Скорее серебру предстоит все более и более утрачивать свое свойство денег на мировом рынке. Ф. З.]

¹⁰⁹) Противники меркантилистской системы, которая считает целью мировой торговли получение золота и серебра в размере сальдо активного торгового баланса, в свою очередь совершенно не поняли, в чем состоит функция мировых денег. Что ложное понимание международного движения благородных металлов лишь отражает в себе ложное понимание законов, регулирующих массу средств обращения, — это я обстоятельно показал на примере Рикардо («К критике политической экономии», стр. 150 и сл. [см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 149 и сл.]). Его ошибочная догма: «Неблагоприятный торговый баланс никогда не возникает иначе, как только вследствие избытка средств обращения... Вывоз монеты вызывается ее дешевизной и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса» ⁶⁶ — встречается уже у Барбона: «Уравнение торгового баланса (если таковое происходит) не есть причина вывоза денег данной нации: последний происходит вследствие разницы в стоимости благородных металлов в различных странах» (*N. Barbon*, цит. соч., стр. 59). Мак-Куллох в «The Literature of Political Economy: a classified catalogue». London, 1845, хвалит Барбона за это предвосхищение Рикардо, но безразумно избегает упомянуть хотя бы одним словом те известные формы, в которые облакаются у Барбона абсурдные предположки «currency principles» ⁶⁷. Некритичность и даже прямая недобросовестность этого каталога достигает своего апогея в отделах, посвященных истории теории денег; тут Мак-Куллох выдает хвостом перед лордом Оверстоном (экс-байкиром Ллойдом), сифантом которого он является и которого он именует «facile princeps argentariorum» [«несомненным князем байкиров»].

средством золото и серебро служат по существу тогда, когда внезапно нарушается обычное равновесие обмена веществ между различными нациями. Наконец, они функционируют как абсолютно общественная материализация богатства там, где дело идет не о купле или платеже, а о перенесении богатства из одной страны в другую, и где это перенесение в товарной форме исключается или конъюнктурой товарного рынка или самой поставленной целью ¹¹⁰⁾.

Как для внутреннего обращения, так и для обращения на мировом рынке каждая страна нуждается в известном резервном фонде. Следовательно, функции сокровища возникают частью из функции денег как средства обращения и средства платежа на внутреннем рынке, частью из их функции как мировых денег ^{110а)}. Для последней роли всегда требуется действительный денежный товар, золото и серебро во всей их телесности, вследствие чего Джемс Стюарт характеризует золото и серебро, в отличие от их локальных заместителей, как *money of the world* [мировые деньги].

Движение золотого и серебряного потока имеет двойкий характер. С одной стороны, отправляясь от своих источников, он разливается по всему мировому рынку, перехватывается в различной степени различными сферами национального обращения, входит в их внутренние каналы обращения, замещает сношенные золотые и серебряные монеты, доставляет материал для предметов роскоши и застывает в виде сокровищ ¹¹¹⁾. Это первое движение совершается при посредстве прямого обмена национального труда, реализованного в товарах, на реализованный в благородных металлах труд стран, добывающих золото и серебро. С другой стороны, золото и серебро постоянно перемещаются туда и сюда между сферами обра-

¹¹⁰⁾ Например, при субсидиях, денежных займах на ведение войн или с целью помочь банкам возобновить платежи наличными и т. п. стоимость требуется именно в денежной форме.

^{110а)} *Примечание к 2 изданию.* «В самом деле, едва ли можно желать более убедительного доказательства, что механизм резервных фондов в странах с металлическим обращением дает возможность покрыть все необходимые международные обязательства без какой-либо заметной поддержки со стороны общего фонда обращения, чем та легкость, с которой Франция, едва оправившись от удара, нанесенного опустошительным иностранным вторжением, была в состоянии выплатить в течение 27 месяцев контрибуцию приблизительно в 30 миллионов [фунтов стерлингов], наложенную на нее союзными державами, и притом значительную часть этой контрибуции выплатила звонкой монетой, без всякого заметного сокращения или расстройства своего внутреннего денежного обращения и даже без всяких тревожных колебаний вексельного курса» (*Fullarton*, цит. соч., стр. 141). [*К 4 изданию.* Еще более разительным примером является легкость, с которой та же самая Франция в 1871—1873 гг. сумела выплатить в течение 30 месяцев, и опять-таки в основном звонкой монетой, в десять с лишним раз большую сумму контрибуции. *Ф. Э.*]

¹¹¹⁾ «Денги распределяются между различными нациями сообразно той потребности, которую последние в них испытывают... везде притягиваясь товарами» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 916). «Рудники, непрерывно дающие золото и серебро, дают их в количестве, достаточном для удовлетворения потребностей каждой нации» (*J. Vanderlint*, цит. соч., стр. 40).

щения различных наций, следуя в этом своем движении за непрерывными колебаниями вексельного курса ¹¹²⁾.

Страны развитого буржуазного производства ограничивают сокровища, массами сконцентрированные в банковских резервуарах, необходимым для их специфических функций минимумом ¹¹³⁾. За известными исключениями, чрезмерное по сравнению с средним уровнем накопление сокровищ в резервуарах свидетельствует о застое товарного обращения, или о приостановке течения товарных метаморфозов ¹¹⁴⁾.

¹¹²⁾ «Вексельные курсы поднимаются и падают каждую неделю и в известные моменты года достигают уровня, неблагоприятного для одной нации, а в другие моменты — столь же неблагоприятного для ее соперниц» (*N. Barbon*, цит. соч., стр. 39).

¹¹³⁾ Эти различные функции могут вступить между собой в опасный конфликт, как только к ним присоединяется функция служить фондом, обеспечивающим обмен банкнот

¹¹⁴⁾ «Количество денег, превышающее то, что абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капитал... и яе приносит никакой прибыли той стране, которая этими деньгами обладает; они просто вывозятся и опять ввозятся посредством внешней торговли» (*John Bellers*. «Essays about the Poor». London, 1699, p. 13). «А что делать, если у нас слишком много монет? Мы можем переплавить наиболее тяжелые из этих монет и превратить их в драгоценную посуду, в золотые или серебряные сосуды и утварь, или послать их как товар туда, где в них нуждаются или желают их получить, или ссудить под проценты там, где процент высок» (*W. Petty*. «Quantulumcumque concerning Money, 1682», p. 39). «Деньги — это не более как жир политического тела, избыток их делает его неповоротливым, а недостаток причиняет ему болезнь... подобно тому как жир служит как бы смазочным маслом при движении мускулов, питает при недостатке пищи, заполняет пустоты и украшает тело, точно так же действуют и деньги в государстве, — они ускоряют его деятельность, питают иностранным продуктом в случае неурожая у себя дома, погашают долги... и все украшают; впрочем», — иронически заключает автор, — «последнее относится главным образом к тем лицам, которые имеют деньги в избытке» (*W. Petty*. «Political Anatomy of Ireland», p. 14, 15) ⁶⁸⁾.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

1. ВСЕОБЩАЯ ФОРМУЛА КАПИТАЛА

Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала.

Если мы оставим в стороне вещественное содержание товарного обращения, обмен различных потребительных стоимостей, и будем рассматривать лишь экономические формы, порождаемые этим процессом, то мы найдем, что деньги представляют собой его последний продукт. Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала.

Исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала в форме денег, как денежное имущество, как купеческий и ростовщический капитал ¹⁾. Но нет надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал.

Деньги как деньги и деньги как капитал сначала отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения.

Непосредственная форма товарного обращения есть $T - D - T$, превращение товара в деньги и обратное превращение денег

¹⁾ Противоположность между властью земельной собственности, покоящейся на отношениях личного подчинения и господства, и безличной властью денег хорошо схвачена в двух французских поговорах: «Nulle terre sans seigneur». — «L'argent n'a pas de maître» [«Нет земля без господина». — «Деньги не имеют хозяина»].

в товар, продажа ради купли. Но наряду с этой формой мы находим другую, специфически отличную от нее, форму $D - T - D$, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги, куплю ради продажи. Деньги, описывающие в своем движении этот последний цикл, превращаются в капитал, становятся капиталом и уже по своему назначению представляют собой капитал.

Присмотримся ближе к обращению $D - T - D$. Подобно простому товарному обращению, оно проходит две противоположных фазы. Первая фаза, $D - T$, купля, представляет собой превращение денег в товар. Вторая фаза, $T - D$, или продажа, — обратное превращение товара в деньги. Единство обеих фаз составляет совокупное движение, в котором деньги обмениваются на товар и потом этот самый товар обменивается опять на деньги, товар покупается ради продажи, или, если оставить в стороне формальные различия между куплей и продажей, на деньги покупается товар и на товар — деньги ²⁾. Результат, в котором угасает весь процесс, есть обмен денег на деньги, $D - D$. Если я на 100 ф. ст. покупаю 2 000 ф. хлопка и снова продаю эти 2 000 ф. хлопка за 110 ф. ст., то в конечном счете я обменял 100 ф. ст. на 110 ф. ст., деньги на деньги.

Очевидно, прежде всего, что процесс обращения $D - T - D$ был бы совершенно нелеп и бессодержателен, если бы он представлял собой лишь обходный путь для того, чтобы данную денежную стоимость обменять на ту же самую денежную стоимость, например 100 ф. ст. на 100 фунтов стерлингов. Несравненно проще и надежнее метод собирателя сокровищ, который хранит у себя свои 100 ф. ст., вместо того чтобы подвергать их опасностям обращения. С другой стороны, когда купец продает купленный им за 100 ф. ст. хлопок, то совершенно независимо от того, выручает ли он при этом 110 ф. ст., или 100 ф. ст., или даже только 50 ф. ст., его деньги описывают своеобразный и оригинальный путь, совершенно отличный от простого товарного обращения, когда, например, крестьянин продает хлеб и на вырученные деньги покупает себе одежду. Итак, прежде всего мы должны охарактеризовать формальное различие между кругооборотами $D - T - D$ и $T - D - T$. Вместе с тем обнаружится и различие по существу, скрывающееся за этими формальными различиями.

Посмотрим сначала, что общего в обеих этих формах.

Оба кругооборота распадаются на одни и те же противоположные фазы: $T - D$, продажа, и $D - T$, купля. В каждой из обеих фаз противостоят друг другу одни и те же два вещных элемента —

²⁾ «На деньги покупают товар и на товар покупают деньги» (*Mercier de la Rivière. «L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», p. 543*).

товар и деньги и два лица в одних и тех же характерных экономических масках — покупатель и продавец. Каждый из обоих кругооборотов представляет собой единство одних и тех же противоположных фаз, и оба раза это единство осуществляется при посредстве трех контрагентов, из которых один только продает, другой только покупает, а третий попеременно покупает и продает.

Но что уже с самого начала разделяет кругообороты $T - Д - T$ и $Д - T - Д$, так это обратная последовательность одних и тех же противоположных фаз обращения. Простое товарное обращение начинается продажей и заканчивается куплей, обращение денег как капитала начинается куплей и заканчивается продажей. Там товар, здесь деньги образуют исходный и конечный пункты движения. В первой форме роль посредника во всем процессе играют деньги, во второй, наоборот, — товар.

В обращении $T - Д - T$ деньги, в конце концов, превращаются в товар, который служит потребительной стоимостью. Следовательно, тут деньги затрачиваются окончательно. Напротив, в противоположной форме $Д - T - Д$ покупатель затрачивает деньги лишь для того, чтобы получить деньги в качестве продавца. Покупая товар, он бросает деньги в обращение с тем, чтобы вновь извлечь их оттуда путем продажи того же самого товара. Он выпускает из рук деньги лишь с затаенным намерением снова овладеть ими. Таким образом, деньги здесь лишь авансируются³⁾.

В форме $T - Д - T$ одни и те же деньги дважды меняют свое место. Продавец получает их от покупателя и уплачивает их другому продавцу. Весь процесс в целом, начинающийся получением денег за товар, заканчивается отдачей денег за товар. Обратно протекает процесс в форме $Д - T - Д$. Не одни и те же деньги, а один и тот же товар два раза меняет здесь свое место. Покупатель получает его из рук продавца и снова передает его в руки другого покупателя. Как в простом товарном обращении двукратное перемещение одних и тех же денег вызывает их окончательный переход из одних рук в другие, так здесь двукратная перемена места одним и тем же товаром приводит деньги обратно к их исходному пункту.

Обратный приток денег к их исходному пункту не зависит от того, продается ли товар дороже, чем он был куплен, или нет. Это обстоятельство влияет лишь на величину притекающей обратно денежной суммы. Самое явление обратного притока имеет место, поскольку купленный товар снова продается, т. е. поскольку

³⁾ «Когда покупают какую-либо вещь с целью перепродажи, то употребленная при этом сумма называется авансированными деньгами; если же вещь покупается не для перепродажи, то можно сказать, что деньги были истрачены» (James Steuart. «Works» etc., edited by General Sir James Steuart, his son. London, 1805, v. I, p. 274).

описывается полностью кругооборот $D - T - D$. Следовательно, здесь мы находим чувственно воспринимаемую разницу между обращением денег как капитала и их обращением просто как денег.

Кругооборот $T - D - T$ совершенно закончен, как только деньги, вырученные от продажи одного товара, унесены куплей другого товара. И если обратный приток денег к исходному пункту здесь все-таки произойдет, то лишь благодаря возобновлению или повторению всего процесса. Если я продаю квартал хлеба за 3 ф. ст. и на эти 3 ф. ст. покупаю платье, то для меня эти 3 ф. ст. истрачены окончательно. Я уже не имею к ним более никакого отношения. Они принадлежат торговцу платьем. Если бы я продал второй квартал пшеницы, то деньги вернулись бы ко мне обратно, но не вследствие первой сделки, а лишь вследствие ее повторения. Деньги снова удаляются от меня, если я доведу эту сделку до конца, совершив новую куплю. Следовательно, в обращении $T - D - T$ затрата денег не имеет никакого отношения к их обратному притоку. Напротив, в $D - T - D$ обратный приток денег обуславливается самим характером их затраты. Без этого обратного притока всю операцию надо признать неудавшейся или процесс прерванным и еще незаконченным, так как недостает его второй фазы — продажи, дополняющей и завершающей куплю.

Кругооборот $T - D - T$ имеет своей исходной точкой один товар, а конечной точкой другой товар, который выходит из обращения и поступает в потребление. Потребление, удовлетворение потребностей, одним словом — потребительная стоимость есть, таким образом, конечная цель этого кругооборота. Напротив, кругооборот $D - T - D$ имеет своим исходным пунктом денежный полюс и, в конце концов, возвращается к тому же полюсу. Его движущим мотивом, его определяющей целью является поэтому сама меновая стоимость.

В простом товарном обращении оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — товары. И притом товары равной стоимости. Но зато они качественно различные потребительные стоимости, например хлеб и платье. Обмен продуктов, обмен различных веществ, в которых выражается общественный труд, составляет здесь содержание движения. Иначе обстоит дело в обращении $D - T - D$. На первый взгляд оно представляется, вследствие своей тавтологичности, бессодержательным. Оба крайние пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они — деньги, следовательно не являются качественно различными потребительными стоимостями, ибо деньги представляют собой как раз такой превращенный образ товаров, в котором погашены все особенные потребительные стоимости последних. Сначала обменять 100 ф. ст. на хлопок, а затем снова

обменять этот хлопок на 100 ф. ст., т. е. окольным путем деньги на деньги, то же на то же, — такая операция представляется столь же бесцельной, сколь и нелепой ⁴⁾. Одна денежная сумма может вообще отличаться от другой денежной суммы только по величине. Процесс $D - T - D$ обязан поэтому своим содержанием не качественному различию между своими крайними пунктами, — так как оба они деньги, — а лишь их количественной разнице. В результате этого процесса из обращения извлекается больше денег, чем первоначально было брошено в него. Хлопок, купленный, например, за 100 ф. ст., снова продается за $100 + 10$ ф. ст., или 110 фунтов стерлингов. Поэтому полная форма рассматриваемого процесса выражается так: $D - T - D'$, где $D' = D + \Delta D$, т. е. равно первоначально авансированной сумме плюс некоторое приращение. Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю прибавочной стоимостью (*surplus value*). Таким образом, первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или возрастает. И как раз это движение превращает ее в капитал.

Возможно, правда, что в $T - D - T$ оба крайних пункта, T и T , например хлеб и платье, являются количественно различными стоимостями. Крестьянин может продать свой хлеб выше его стоимости или купить платье ниже его стоимости. С другой стороны, его может надуть торговец платьем. Но для самой этой формы обращения такие различия в стоимости представляют собой нечто чисто случайное. Эта форма обращения, в противоположность $D - T - D$, ничуть не утрачивает своего смысла и значения, если оба крайние пункта, например хлеб и платье, эквивалентны

⁴⁾ «Деньги не меняют на деньги», — восклицает Мерсье де ля Ривьер по адресу меркантилистов (*Mercier de la Rivière*, цит. соч., стр. 486). В одном сочинении, которое специально трактует о «торговле» и «спекуляции», мы читаем: «Всякая торговля заключается в обмене разнородных вещей; и выгода (для купца?) «возникает именно вследствие этой разнородности. Обмен одного фунта хлеба на один фунт хлеба не принес бы ни малейшей выгоды... отсюда выгодный контраст между торговлей и игрой, которая представляет собой лишь обмен денег на деньги» (*Th. Corbet. «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained»*. London, 1841, p. 5). Хотя Корбет не замечает, что $D - D$, обмен денег на деньги, есть форма обращения, характерная не только для торгового капитала, но и для всякого капитала вообще, он, по крайней мере, признает, что эта форма одного из видов торговли, а именно спекуляция, совпадает с игрой; но вот является Мак-Куллох и находит, что всякая куня для продажи есть спекуляция, и, таким образом, разница между спекуляцией и торговлей совершенно исчезает. «Всякая сделка, при которой один индивидуум покупает продукт с той целью, чтобы снова продать его, фактически есть спекуляция» (*MacCulloch. «A Dictionary Practical etc. of Commerce»*. London, 1847, p. 1009). Гораздо ближе Пинто — Пиндар амстердамской биржи: «Торговля есть игра» (это положение он заимствует у Локка) «и, конечно, игра с тем, у кого ничего нет, нельзя выиграть. Поэтому, если бы кто-нибудь в течение долгого времени всегда и у всех выигрывал, ему пришлось бы добровольно возвратить большую часть своего барыша, чтобы начать игру снова» (*Pinto. «Traité de la Circulation et du Crédit»*. Amsterdam, 1771, p. 231).

друг другу. Более того, равенство их стоимостей представляет здесь собой условие нормального хода процесса.

Повторение, или возобновление продажи ради купли, так же как и самый этот процесс находят меру и смысл в лежащей вне этого процесса конечной цели, — в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей. Напротив, при купле ради продажи начало и конец представляют собой одно и то же, а именно деньги, меновую стоимость, и уже вследствие одного этого данное движение бесконечно. Как бы то ни было, из D получилось $D + \Delta D$; из 100 ф. ст. — $100 + 10$ фунтов стерлингов. Но рассматриваемые только с качественной стороны, 110 ф. ст. представляют собой то же самое, что и 100 ф. ст., а именно деньги. И с количественной стороны 110 ф. ст. — такая же ограниченная сумма стоимости, как и 100 фунтов стерлингов. Если бы эти 110 ф. ст. были израсходованы как деньги, они вышли бы из своей роли. Они перестали бы тогда быть капиталом. Извлеченные из обращения, они окаменевают в сокровище, и здесь уж ни один фартинг не нарастает на них, хотя бы они лежали до второго пришествия. Следовательно, раз дело идет о возрастании стоимости, потребность в таком возрастании присуща 110 ф. ст. так же, как и 100 ф. ст., потому что обе эти суммы представляют собой ограниченные выражения меновой стоимости, и, следовательно, они имеют одно и то же призвание приближаться к абсолютному богатству путем увеличения своих размеров. Правда, на один момент первоначально авансированная стоимость в 100 ф. ст. отличается от 10 ф. ст. прибавочной стоимости, выросшей на нее в обращении, но это различие тотчас же расплывается снова. В итоге процесса получается не так, что на одной стороне имеется первоначальная стоимость в 100 ф. ст., а на другой — прибавочная стоимость в 10 фунтов стерлингов. Получается единая стоимость в 110 фунтов стерлингов. Последняя имеет форму, столь же пригодную для того, чтобы снова начать процесс возрастания, как и первоначальные 100 фунтов стерлингов. Заканчивая движение, деньги образуют его новое начало ⁵⁾. Следовательно, конец каждого отдельного кругооборота, в котором купля совершается ради продажи, уже сам по себе образует начало нового кругооборота. Простое товарное обращение — продажа ради купли — служит средством для достижения конечной цели, лежащей вне обращения, — для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как возрастание стоимости осуществляется лишь

⁵⁾ «Капитал... делится на первоначальный капитал и на прибыль, прирост капитала... хотя практика тотчас же снова присоединяет эту прибыль к капиталу и вместе с ним пускает в оборот» (Ф. Энгельс. «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844, стр. 99 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 557]).

в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ ⁶⁾.

Как сознательный носитель этого движения, владелец денег становится капиталистом. Его личность или, точнее, его карман — вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги. Объективное содержание этого обращения — возрастание стоимости — есть его субъективная цель, и поскольку растущее присвоение абстрактного богатства является единственным движущим мотивом его операций, постольку — и лишь постольку — он функционирует как капиталист, т. е. как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал. Поэтому потребительную стоимость никогда нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста ⁷⁾. Равным образом не получение единичной прибыли является его целью, а ее неустанный движущийся процесс ⁸⁾. Это стремление к абсолютному обогащению, эта страстная погоня за стоимостью ⁹⁾ являются общими и для капиталиста и для собирателя сок-

⁶⁾ Аристотель противопоставляет хрематистику экономии. Он исходит из экономики. Поскольку последняя представляет собой искусство приобретения, она ограничивается приобретением благ, необходимых для жизни или полезных для дома и государства. «Истинное богатство (ὁ ἀληθινὸς πλοῦτος) состоит из таких потребительных стоимостей; ибо количество собственности этого рода, необходимое для хорошей жизни, не безгранично. Существует, однако, искусство приобретения иного рода, которое обыкновенно и совершенно правильно называется хрематистикой; для последней не существует, по видимому, границ богатства и собственности. Товарная торговля» (ἡ κατὰ τὴν ἐμπορίαν) значит буквально розничная торговля, и Аристотель берет эту форму потому, что в ней решающую роль играет потребительная стоимость) «но природе своей не принадлежит к хрематистике, так как здесь обмен распространяется лишь на предметы, необходимые для них самих» (покупателей и продавцов). Поэтому, — говорит он дальше, — первоначальной формой товарной торговли была меновая торговля, но с ее расширением необходимо возникают деньги. С изобретением денег меновая торговля неизбежно должна была развиться в наличную, в товарную торговлю, а эта последняя, в противоречии с ее первоначальной тенденцией, превратилась в хрематистику, в искусство делать деньги. Хрематистика, далее, отличается от экономики тем, что «для нее обращение есть источник богатства (ποικίλην χρημάτων ... διὰ χρημάτων μεταβολήν). Вся она построена на деньгах, ибо деньги суть начало и конец этого рода обмена (τὸ γὰρ νόμισμα στοιχείον καὶ λήξας τῆς ἀλλαγῆς ἐστίν). Поэтому-то и богатство, к которому стремится хрематистика, безгранично. Подобно тому, как безгранично в своем стремлении то искусство, для которого его цель означает не средство, а последнюю конечную цель, так как такое искусство стремится все ближе и ближе подойти к этой цели, — тогда как те искусства, которые преследуют лишь отыскание средства для известной цели, не безграничны, ибо сама цель полагает им границы. — подобно этому и хрематистика не знает границ для своей цели, ее цель есть абсолютное обогащение. Экономика, а не хрематистика, имеет границу... первая ставит своей целью нечто отличное от самих денег, вторая стремится лишь к их увеличению... Смещение этих двух форм, переходящих одна в другую, дало некоторым повод рассматривать сохранение денег и увеличение их количества до бесконечности как конечную цель экономики» (Aristoteles. «De Republica», edit. Bekker, кн. I, гл. 8 и 9, в разных местах).

⁷⁾ «Не товар» (здесь в смысле потребительной стоимости) «имеет определяющее значение для промышленного капиталиста... деньги его конечная цель» (Th. Chalmers. «On Political Economy etc.», 2nd edit. Glasgow, 1832, p. 165, 166).

⁸⁾ «Купец почти ни во что не ценит уже полученную прибыль, но всегда стремится к новой» (A. Genovesi. «Lezioni di Economia Civile» (1765), издание Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. VIII, p. 139).

⁹⁾ «Неутолимая страсть к прибыли, auri sacra fames [проклятая страсть к золоту. Вергилий. «Энеида», книга III, стих 57. — Ped.] всегда определяет деятельность капиталистов» (MacCulloch. «The Principles of Political Economy». London, 1830, p. 179). Само собой разумеется, эта точка зрения ничуть не мешает Мак-Куллоху и К^о при-

ровищ, но в то время как собиратель сокровищ есть лишь помешанный капиталист, капиталист есть рациональный собиратель сокровищ. Непрестанного возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая ¹⁰⁾ деньги от обращения, более пронырливый капиталист достигает тем, что он все снова и снова бросает их в обращение ^{10a)}.

Те самостоятельные формы — денежные формы, — которые стоимость товаров принимает в процессе простого обращения, только опосредствуют обмен товаров и исчезают в конечном результате движения. Напротив, в обращении $D - T - D$ и товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости: деньги как всеобщий, товар — как особенный и, так сказать, замаскированный способ ее существования ¹¹⁾. Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, никогда, однако, не утрачиваясь в этом движении, и превращается таким образом в автоматически действующий субъект. Если фиксировать отдельные формы проявления, которые возрастающая стоимость попеременно принимает в своем жизненном кругообороте, то получаются такие определения: капитал есть деньги, капитал есть товар ¹²⁾. Однако на самом деле стоимость становится здесь субъектом некоторого процесса, в котором она, постоянно меняя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, самовозрастает. Ибо движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно ее возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость. Она приносит живых детенышей или, по крайней мере, кладет золотые яйца.

Как активный субъект этого процесса, в котором она то принимает, то сбрасывает с себя денежную и товарную формы и в то же время неизменно сохраняется и возрастает в этих превращениях, стоимость нуждается прежде всего в самостоятельной форме, в которой было бы констатировано ее тождество с нею же самой.

теоретических затруднениях, например при рассмотрении перепроизводства, превратить того же самого капиталиста в доброго бюргера, которому нужны только потребительные стоимости, которого мучит поистине волчий аппетит к сапогам, шляпам, яйцам, ситцу и другим потребительным стоимостям, имеющим весьма непосредственное отношение к семейному очагу.

¹⁰⁾ «Σώζειν» («спасать») — характерное выражение греков для обозначения накопления сокровищ. Равным образом, по-английски «to save» значит и «спасать» и «сберегать».

^{10a)} «Та бесконечность, которой вещи не достигают, двигаясь в одном направлении, достигается ими путем кругообращения» (*Gallant* [цит. соч., стр. 156]).

¹¹⁾ «Не сама по себе данная материя составляет капитал, а стоимость этой материи» (*J. B. Say*, «Traité d'Economie Politique», 3ème éd. Paris, 1817, t. II, p. 429).

¹²⁾ «Обращающиеся деньги [currency] (!), употребленные с производительной целью, суть капитал» (*Macleod*, «The Theory and Practice of Banking», London, 1855, v. I, ch. I, p. 55). «Капитал — это товары» (*James Mill*, «Elements of Political Economy», London, 1821, p. 74).

И этой формой она обладает лишь в виде денег. Деньги образуют поэтому исходный и заключительный пункт всякого процесса возрастания стоимости. Она была равна 100 ф. ст., теперь она равна 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги играют здесь роль лишь одной из форм стоимости, потому что их здесь две. Не приняв товарной формы, деньги не могут стать капиталом. Таким образом, здесь деньги не выступают против товаров полемически, как при накоплении сокровищ. Капиталист знает, что всякие товары, какими бы оборвышами они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, евреи внутреннего обрезания, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег.

Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Более того. Вместо того чтобы выражать собой отношение товаров, она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 фунтов стерлингов.

Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она — капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот ¹³⁾. $D - D'$, деньги, порождающие деньги, — *money which begets money*, — таково описание капитала в устах его первых истолкователей, меркантилистов.

Купить, чтобы продать, или, точнее, купить, чтобы продать дороже, $D - T - D'$, представляет на первый взгляд форму, свойственную лишь одному виду капитала — купеческому капиталу. Но и промышленный капитал есть деньги, которые превращаются в товар и потом путем продажи товара обратно превращаются в большее количество денег. Акты, которые совершаются вне сферы обращения в промежутке между куплей и продажей, нисколько не изменяют этой формы движения. Наконец, в капитале, приносящем проценты, обращение $D - T - D'$ представлено

¹³⁾ «Капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» (Sismondi. «Nouveaux Principes d'Economie Politique», т. I, p. 89).

в сокращенном виде, в своем результате без посредствующего звена, в своем, так сказать, лапидарном стиле, как $D - D'$, как деньги, которые равны большему количеству денег, как стоимость, которая больше самой себя.

Таким образом, $D - T - D'$ есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения.

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ ВСЕОБЩЕЙ ФОРМУЛЫ

Та форма обращения, в которой денежная куколка превращается в капитал, противоречит всем развитым раньше законам относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения. От простого товарного обращения ее отличает обратная последовательность тех же самых двух противоположных процессов, продажи и купли. Но каким чудом такое чисто формальное различие может преобразовать самое природу данного процесса?

Более того: этот обратный порядок существует лишь для одного из трех деловых друзей, вступающих между собой в сделку. Как капиталист, я покупаю товар у A и продаю его затем B ; как простой товаровладелец, я продаю товар B и потом снова покупаю товар у A . Для деловых друзей A и B этого различия не существует. Они выступают лишь в качестве продавца и покупателя товаров. Я сам противостою им всякий раз как простой владелец денег или товаровладелец, как покупатель или как продавец. Как при той, так и при другой последовательности метаморфозов я противостою одному из них только как покупатель, другому — только как продавец: одному — только в качестве денег, другому — только в качестве товара, но я никому из них не противостою в качестве капитала или в качестве капиталиста, т. е. как представитель чего-то такого, что было бы больше, чем деньги, или больше, чем товар, чего-то такого, что могло бы производить какое-либо иное действие, кроме того, которое свойственно деньгам или товарам. Для меня купля у A и продажа B образуют один последовательный ряд. Но связь между этими двумя актами существует только для меня. A нет никакого дела до моей сделки с B , B — никакого дела до моей сделки с A . Если бы я захотел объяснить им ту особую мою заслугу, что я перевернул порядок следования сделок, то они доказали бы мне, что я заблуждаюсь относительно самого этого порядка следования, что сделка в целом не началась куплей и не кончилась продажей, а, наоборот, началась продажей и завершилась куплей. В самом деле: мой первый акт, купля, есть продажа с точки зрения A , мой второй акт, продажа, есть купля с точки зрения B . Не удовлетво-
вавшись этим, A и B заявят кроме того, что весь этот порядок следования есть совершенно излишний фокус-покус. A мог бы

прямо продать свой товар *B*, *B* прямо купить у *A*. Вместе с тем вся сделка превращается в односторонний акт обычного товарного обращения — продажу с точки зрения *A*, куплю с точки зрения *B*. Таким образом, перевернув порядок следования актов, мы отнюдь не вышли из сферы простого товарного обращения: нам приходится поэтому посмотреть, допускает ли природа самой этой сферы возрастание входящих в нее стоимостей, а следовательно, образование прибавочной стоимости.

Возьмем процесс обращения в той его форме, в которой он представляет собой простой товарообмен. Эта форма имеется налицо во всех тех случаях, когда два товаровладельца покупают друг у друга товары и с наступлением срока платежа сводят баланс взаимных денежных обязательств. Деньги служат здесь счетными деньгами; они выражают стоимости товаров в их ценах, но не противостоят самим товарам телесно. Очевидно, поскольку дело касается потребительных стоимостей, в выигрыше могут оказаться оба обменивающиеся между собой лица. Оба отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они нуждаются. Но выгодность сделки может даже не ограничиваться этим. Возможно, что *A*, продающий вино и покупающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше вина, чем мог бы произвести его в течение того же самого рабочего времени возделыватель хлеба *B*, и наоборот: *B*, возделывающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше хлеба, чем его мог бы произвести винодел *A*. Таким образом, *A* получает за ту же самую меновую стоимость больше хлеба, а *B* больше вина, чем получил бы каждый из них, если бы оба они вынуждены были производить для себя и вино и хлеб, не прибегая к обмену. Следовательно, в отношении потребительной стоимости можно сказать, что «обмен есть сделка, в которой выигрывают обе стороны» ¹⁴⁾. Иначе обстоит дело с меновой стоимостью:

«Человек, имеющий много вина, но не имеющий хлеба, вступает в сделку с человеком, у которого много хлеба, но нет вина, и между ними происходит обмен пшеницы стоимостью в 50 на стоимость 50 в виде вина. Этот обмен не представляет собой увеличения меновой стоимости ни для первого, ни для второго, потому что уже до обмена каждый из них обладал стоимостью, равной той, которую получает при посредстве этой операции» ¹⁵⁾.

Дело несколько не изменяется от того, что между товарами становятся деньги в качестве средства обращения и что акт купли обязательно отделяется от акта продажи ¹⁶⁾. Стоимость товаров

¹⁴⁾ «Обмен есть чудесная сделка, в которой оба контрагента выигрывают — всегда» (!) (*Destutt de Tracy*. «*Traité de la Volonté et de ses Effets*». Paris, 1826, p. 68). Та же самая книга выходила под заглавием «*Traité d'Economie Politique*».

¹⁵⁾ *Mercier de la Rivière*, цит. соч., стр. 544.

¹⁶⁾ «Само по себе совершенно безразлично, будет ли одна из этих двух стоимостей деньгами или обе они суть обыкновенные товары» (*Mercier de la Rivière*, цит. соч., стр. 543).

выражается в их ценах раньше, чем они вступают в обращение, следовательно она — предпосылка обращения, а не результат его 17).

Рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения, мы найдем здесь, кроме замены одной потребительной стоимости другой, только товарный метаморфоз, т. е. простое изменение формы товара. Одна и та же стоимость, т. е. одно и то же количество овеществленного общественного труда, находится в руках одного и того же товарладельца сначала в форме товара, потом в форме денег, в которые товар превратился, наконец, опять в форме товара, в который обратно превратились деньги. Такое превращение формы не включает в себе изменения величины стоимости. Изменение, претерпеваемое в этом процессе самой стоимостью товара, ограничивается изменением ее денежной формы. Сначала она существует в виде цены предлагаемого для продажи товара, затем в виде денежной суммы, которая, однако, уже ранее была выражена в цене, наконец в виде цены эквивалентного товара. Эта смена форм сама по себе столь же мало включает в себе изменение величины стоимости, как размен пятифунтового билета на соверены, полусоверены и шиллинги. Итак, поскольку обращение товара обуславливает лишь изменение формы его стоимости, оно обуславливает, если явление протекает в чистом виде, обмен эквивалентов. Даже вульгарная политическая экономия, несмотря на полное непонимание того, что такое стоимость, всякий раз, когда пытается на свой лад рассматривать явление в чистом виде, предполагает, что спрос и предложение взаимно покрываются, т. е. что влияние их вообще уничтожается. Следовательно, если в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: «Где равенство, там нет выгоды» 18). Хотя товары и могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимостей, но такое отклонение является нарушением законов товарообмена 19). В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не может быть средством увеличения стоимости 20).

17) «Не контрагенты определяют стоимость; последняя определена раньше, чем они вступили в сделку (*Le Trozne*, цит. соч., стр. 906).

18) «Dove è eguagliatà, non è lucro» (*Galliani*. «Della Moneta», т. IV издания Кустодии, Parte Moderna, стр. 244).

19) «Обмен становится невыгодным для одной из сторон, когда какое-либо постороннее обстоятельство уменьшает или завышает цену: тогда равенство нарушается, но вследствие этой посторонней причины, а не вследствие самого обмена» (*Le Trozne*, цит. соч., стр. 904).

20) «Обмен по самой своей природе есть договор равенства, по которому стоимость отдается за равную стоимость. Следовательно, это не есть средство обогащения, так как здесь дают ровно столько, сколько получают» (*Le Trozne*, там же, стр. 903).

Поэтому за попытками рассматривать обращение товаров как источник прибавочной стоимости скрывается обыкновенно *quid pro quo*, смешение потребительной стоимости и меновой стоимости. Так, например, у Кондильяка:

«Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей... Если бы действительно люди обменивались только равными стоимостями, то не получалось бы никакой выгоды ни для одного из контрагентов. На самом деле оба получают, или, по крайней мере, должны получать, выгоду. Каким образом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношениях к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше, и обратно... Нельзя же предполагать, что мы будем продавать вещи, необходимые для нашего собственного потребления... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы получить необходимую; мы хотим дать меньшее взамен большего... Совершенно естественно было прийти к заключению, что в обмене равную стоимость дают за равную стоимость, раз стоимость каждой из обмениваемых вещей равна одному и тому же количеству денег... Но необходимо принять во внимание и другую сторону дела; спрашивается: не избыток ли мы оба обмениваем на необходимый для каждого из нас предмет?» ²¹⁾

Как мы видим, Кондильяк не только смешивает потребительную стоимость и меновую стоимость, но с чисто детской наивностью подменяет общество с развитым товарным производством таким строем, при котором производитель сам производит средства своего существования и бросает в обращение лишь избыток, остающийся по удовлетворении собственных потребностей ²²⁾. Тем не менее аргумент Кондильяка часто повторяется современными экономистами, а именно в тех случаях, когда требуется представить развитую форму товарообмена, торговлю, источником прибавочной стоимости.

«Торговля», — говорят, например, — «присоединяет стоимость к продуктам, так как те же самые продукты имеют больше стоимости в руках потребителя, чем в руках производителя, и потому торговля должна в буквальном смысле слова (*strictly*) рассматриваться как акт производства» ²³⁾.

Но товары не оплачивают дважды: один раз их потребительную стоимость, другой раз их стоимость. И если потребительная стоимость товара полезнее для покупателя, чем для продавца, то его денежная форма полезнее для продавца, чем для покупателя.

²¹⁾ *Condillac*. «Le Commerce et le Gouvernement» (1776), в книге: «Mélanges d'Économie Politique». Paris, 1847, т. 267, 290—291, издание Дара и Моляри.

²²⁾ Поэтому Ле Трон совершенно правильно отвечает другу своему Кондильяку: «В обществе, вполне сформировавшемся, вообще нет избытка какого-либо рода» [*Le Trousse*, цит. соч., стр. 907]. В то же время он поддразнивает его замечанием, что «если оба контрагента получают одинаковый плюс по сравнению с тем, что они дают, то оба они получают поровну». Именно потому, что Кондильяк не имеет еще ни малейшего представления о природе меновой стоимости, он оказывается самым подходящим наставником для г-на профессора Вильгельма Рошера при создании последних своих собственных детских понятий. См. его «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte Auflage, 1858.

²³⁾ *S. Ph. Newman*. «Elements of Political Economy», Andover and New York, 1835, p. 175.

Разве он стал бы в противном случае продавать товар? Мы можем поэтому с таким же правом сказать, что покупатель в буквальном смысле (*strictly*) совершает «акт производства», когда он, например, чулки купца превращает в деньги.

Если обмениваются товары или товары и деньги равной меновой стоимости, т. е. эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекает из обращения большей стоимости, чем пускает в него. В таком случае не происходит образования прибавочной стоимости. В своей чистой форме процесс обращения товаров обуславливает собой обмен эквивалентов. Однако в действительности процессы не совершаются в чистом виде. Предположим поэтому, что обмениваются не эквиваленты.

Во всяком случае, на товарном рынке только товаровладелец противостоит товаровладельцу, и та власть, которой обладают эти лица один по отношению к другому, есть лишь власть их товаров. Вещественное различие товаров есть вещественное основание обмена, оно обуславливает взаимную зависимость товаровладельцев, так как ни один из них не владеет предметом своего собственного потребления и каждый из них владеет предметом потребления другого. Помимо этого вещественного различия потребительных стоимостей товаров, между последними существует лишь одно различие: различие между натуральной формой и их превращенной формой, между товарами и деньгами. Таким образом, товаровладельцы различаются между собой лишь как продавцы, владельцы товара, и как покупатели, владельцы денег.

Допустим теперь, что продавец обладает какой-то необъяснимой привилегией продавать товары выше их стоимости, за 110, если они стоят 100, т. е. с номинальной надбавкой к цене в 10%. Продавец получает таким образом прибавочную стоимость, равную 10. Но после того как он был продавцом, он становится покупателем. Третий товаровладелец встречается с ним теперь как продавец и, в свою очередь, пользуется привилегией продавать товар на 10% дороже. Наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10, чтобы потерять в качестве покупателя те же 10²⁴). В общем дело фактически свелось к тому, что все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10% дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимости. Такая всеобщая номинальная надбавка к цене товаров имеет такое же значение, как, например, измерение товарных стоимостей в серебре вместо золота. Денежные названия, то есть цены товаров, возрастают, но отношения их стоимостей остаются неизменными.

²⁴) «При увеличении номинальной стоимости продукта... продавцы не обогащаются... ибо ровно столько, сколько они выигрывают как продавцы, они теряют в качестве покупателей» ([J. Gray.] «The Essential Principles of the Wealth of Nations etc.». London, 1797, p. 66).

Допустим, наоборот, что покупатель обладает привилегией приобретать товары ниже их стоимости. Тут нет надобности даже напоминать, что покупатель, в свою очередь, станет продавцом. Он уже был продавцом, прежде чем стал покупателем. Он уже потерял в качестве продавца 10%, прежде чем выиграл 10% в качестве покупателя²⁵⁾. Все остается по-старому.

Итак, образование прибавочной стоимости, а потому и превращение денег в капитал не может быть объяснено ни тем, что продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают их ниже их стоимости²⁶⁾.

Проблема нисколько не упростится, если мы контрабандой введем в нее чуждые ей отношения, если мы, например, скажем вместе с полковником Торренсом:

«Действительный спрос состоит в способности и склонности (I) потребителей путем непосредственного или посредственного обмена давать за товары большее количество всех составных частей капитала, чем стоит их производство»²⁷⁾.

В обращении производители и потребители противостоят друг другу лишь как продавцы и покупатели. Утверждать, что прибавочная стоимость возникает для производителей вследствие того, что потребители оплачивают товары выше их стоимости, значит только повторять в замаскированном виде простое положение, будто товаровладелец, как продавец, обладает привилегией продавать товары по завышенной цене. Продавец сам произвел свой товар или является представителем его производителей, но равным образом и покупатель сам произвел товары, выраженные в его деньгах, или является представителем их производителей. Следовательно, производитель противостоит производителю. Их различает лишь то, что один покупает, в то время как другой продает. Мы не подвинемся ни на шаг далее, если допустим, что товаровладелец под именем производителя продает свой товар выше стоимости, а под именем потребителя он же покупает товары выше их стоимости²⁸⁾.

Поэтому последовательные сторонники иллюзии, будто прибавочная стоимость возникает из номинальной надбавки к цене, или из привилегии продавцов продавать товары слишком дорого,

²⁵⁾ «Если бы продавцы были вынуждены уступить за 18 ливров такое количество продуктов, которое стоит 24 ливра, то как только они употребили бы вырученные деньги для покупок, они, в свою очередь, приобрели бы за 18 ливров то, за что следовало бы заплатить 24 ливра» (*Le Troisième*, цит. соч., стр. 897).

²⁶⁾ «Никакой продавец не может постоянно удорожать свои товары, не подвергаясь необходимости столь же постоянно платить дороже за товары других продавцов; по той же самой причине никакой потребитель не может платить дешевле за все вообще, что он покупает, не подвергая себя необходимости уменьшать соответственно цену тех вещей, которые он продает» (*Mercier de la Rivière*, цит. соч., стр. 555).

²⁷⁾ R. Torrens. «An Essay on the Production of Wealth». London, 1821, p. 349.

²⁸⁾ «Мысль, что прибыль выплачивается потребителями, без сомнения, совершенно абсурдна. Кто такие эти потребители?» (*G. Ramsay. An Essay on the Distribution of Wealth*. Edinburgh, 1836, p. 183).

предполагают существование класса, который только покупает не продавая, следовательно только потребляет не производя. Существование такого класса с той точки зрения, которой мы пока достигли, с точки зрения простого обращения, еще не может быть объяснено. Но забежим вперед. Деньги, на которые постоянно покупает такой класс, должны, очевидно, постоянно притекать к нему от тех же товаровладельцев, и притом без обмена, даром, на основании какого-либо права или насилия. Продавать представителям такого класса товары выше стоимости — значит только возвращать себе часть даром отданных денег ²⁹⁾. Так, например, города Малой Азии платили Древнему Риму ежегодную денежную дань. На эти деньги Рим покупал у них товары, и покупал по завышенным ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей посредством торговли часть уплаченной им дани. И все же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им во всяком случае платили их же собственными деньгами. Это отнюдь не метод обогащения или создания прибавочной стоимости.

Будем поэтому держаться в границах товарного обмена, где продавец является покупателем и покупатель — продавцом. Быть может, мы попали в затруднение вследствие того, что рассматривали лиц только как персонифицированные категории, а не индивидуально.

Товаровладелец *A* может быть настолько ловким плутом, что всегда надувает своих коллег *B* и *C*, в то время как эти последние при всем желании не в состоянии взять реванш. *A* продает *B* вино стоимостью в 40 ф. ст. и посредством обмена приобретает пшеницу стоимостью в 50 фунтов стерлингов. *A* превратил свои 40 ф. ст. в 50 ф. ст., сделал из меньшего количества денег большее их количество и превратил свой товар в капитал. Присмотримся к делу внимательнее. До обмена имелось на 40 ф. ст. вина в руках *A* и на 50 ф. ст. пшеницы в руках *B*, а всего стоимости на 90 фунтов стерлингов. После обмена мы имеем ту же самую общую стоимость в 90 фунтов стерлингов. Находящаяся в обращении стоимость не увеличилась ни на один атом, изменилось лишь ее распределение между *A* и *B*. То, что для одной стороны является здесь прибавочной стоимостью, для другой представляет недостающую стоимость, плюс для одного есть минус для другого. Тот же самый результат получился бы, если бы *A*, не прикрываясь процессом обмена, прямо украл бы у *B* 10 фунтов стерлингов. Оче-

²⁹⁾ «Если кто-либо страдает от недостаточного спроса, посоветует ли ему г-н Мальтус дать деньги другому лицу с тем, чтобы это последнее купило у него товары?» — спрашивает негодующий рикардиец у Мальтуса, который, как и его ученик, пош Чалмерс, возвеличивает экономическое значение класса чистых покупателей, или потребителей. См. «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus etc.». London, 1821, p. 55.

видно, сумму находящихся в обращении стоимостей нельзя увеличить никаким изменением в их распределении, подобно тому как еврей, торгующий старыми монетами, ничуть не увеличит количества благородного металла своей страны, если продаст фартинг времен королевы Анны за гинею. Весь класс капиталистов данной страны в целом не может наживаться за счет самого себя ³⁰⁾.

Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости ³¹⁾. Обращение, или товарообмен, не создает никакой стоимости ³²⁾.

Отсюда понятно, почему в нашем анализе основной формы капитала, той его формы, в которой капитал определяет собой экономическую организацию современного общества, мы пока совершенно не будем касаться наиболее популярных и, так сказать, допотопных форм капитала, т. е. торгового капитала и ростовщического капитала.

В собственно торговом капитале форма $D - T - D'$, купить, чтобы продать дороже, проявляется в наиболее чистом виде. С другой стороны, все его движение протекает в пределах сферы обращения. Но так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование прибавочной стоимости, то торговый капитал представляется невозможным, поскольку обмениваются эквиваленты ³³⁾; поэтому его существование может быть выведено лишь как результат двустороннего надувательства покупателей и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними купцом. В этом

³⁰⁾ Дестуи де Траси, несмотря на то, а может быть, именно потому, что он член Института ⁶⁹, придерживался противоположного взгляда. Промышленные капиталисты, говорит он, получают прибыль благодаря тому, что «они все товары продают дороже, чем стоят их производство. Кому же продают они их? Во-первых, друг другу» (*Destutt de Tracy*, цит. соч., стр. 239).

³¹⁾ «Обмен двух равных стоимостей не увеличивает и не уменьшает общей массы стоимостей, имеющих в обществе. Обмен неравных стоимостей... также ничуть не изменяет суммы общественных... стоимостей, а лишь прибавляет к имуществу одного то, что берет из имущества другого» (*J. B. Say. «Traité d'Economie Politique», 3ème éd. Paris, 1817, т. II, р. 443, 444*). Сэй почти дословно заимствует это положение у физиократов, причем, конечно, ничуть не думая о вытекающих из него выводах. Насколько основательно эксплуатировал он для увеличения своей собственной «стоимости» сочинения физиократов, в его время почти совершенно забытые, явствует из следующего примера. «Знаменитое» положение г-на Сэя: «Продукты покупаются только на продукты» (там же, т. II, стр. 441), в оригинале у физиократа (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 899) гласит: «Продукты оплачиваются только продуктами».

³²⁾ «Обмен вообще не придает никакой стоимости продуктам» (*F. Wayland. «The Elements of Political Economy», Boston, 1843, р. 169*).

³³⁾ «При господстве неизменных эквивалентов торговля была бы невозможной» (*G. Opdyke. «A Treatise on Political Economy», New York, 1851, р. 66—69*). «В основе различия между реальной стоимостью и меновой стоимостью лежит тот именно факт, что стоимость вещи отлична от так называемого эквивалента, даваемого за нее в торговле, т. е. что этот эквивалент не является эквивалентом» (*Ф. Энгельс. «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844, стр. 95, 96 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. I, с. 553]*).

смысле Франклин говорит: «Война есть грабеж, торговля есть надувательство» ³⁴⁾. Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, которые здесь, где единственной нашей предпосылкой является товарное обращение и его простые моменты, пока еще совершенно отсутствуют.

То, что мы сказали о торговом капитале, еще в большей степени применимо к ростовщическому капиталу. В торговом капитале оба крайние пункта, — деньги, бросающиеся на рынок, и возросшие деньги, извлекаемые с рынка, — связаны, по крайней мере, через посредство купли и продажи, опосредствованы движением обращения. В ростовщическом капитале форма $D - T - D'$ сокращения, крайние пункты соединяются без всякого посредствующего звена: $D - D'$, деньги, обмениваемые на большее количество денег, — форма, противоречащая самой природе денег и потому необъяснимая с точки зрения товарообмена. Поэтому Аристотель говорит:

«Существует двоякого рода хрематистика: одна относится к торговле, другая к экономике; последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении и потому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом, ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. Отсюда и его название («τόκος» — «процент» и «порожденное»). Ибо порожденное подобно породившему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта — наиболее противна природе» ³⁵⁾.

В ходе нашего исследования мы обнаружим, что и капитал, приносящий проценты, подобно торговому капиталу, является производной формой, а вместе с тем увидим, почему исторически оба они возникли раньше современной основной формы капитала.

Как видим, прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения; следовательно, для того чтобы она возникла, за спиной обращения должно произойти нечто такое, чего не видно в самом процессе обращения ³⁶⁾. Но может ли прибавочная стоимость возникнуть откуда-либо еще, кроме процесса обращения? Обращение есть сумма всех меновых отношений товаровладельцев. Вне обращения товаровладелец сохраняет отношение лишь к своему собственному товару. Поскольку дело касается стоимости, это отношение ограничивается тем, что товар данного лица содержит известное количество его собственного труда, измеряемого согласно определенным общественным законам. Это количество труда выражается в величине стоимости его товара, а так как величина

³⁴⁾ Benjamin Franklin. «Works», vol. II, edit. Sparks, in «Positions to be examined, concerning National Wealth», p. 376.

³⁵⁾ Aristoteles. «De Republica», кн. I, гл. 10 [стр. 17].

³⁶⁾ «Прибыль при обычных условиях рынка не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки» (Ramsay, цит. соч., стр. 184).

стоимости выражается в счетных деньгах, то оно выражается в цене товара, например в 10 фунтах стерлингов. Но его труд не выражается в стоимости товара плюс некоторое ее превышение, не выражается в цене, равной 10 и в то же время равной 11, не выражается в стоимости, которая больше самой себя. Товаровладелец может создавать своим трудом стоимости, но не возрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда, например изготовляя из кожи сапоги. То же самое вещество имеет теперь больше стоимости, так как включает в себе большее количество труда. Сапоги имеют поэтому большую стоимость, чем кожа, но стоимость кожи осталась тем, чем она была. Она не возросла, не присоединила к себе прибавочной стоимости во время производства сапог. Следовательно, товаропроизводитель не может увеличить стоимость и тем самым превратить деньги или товар в капитал вне сферы обращения, не вступая в соприкосновение с другими товаровладельцами.

Итак, капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении.

Мы получили, таким образом, двойственный результат.

Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов³⁷⁾. Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы. *Nic Rhodus, hic salta!*⁷⁰

37) После всего вышесказанного читатель понимает, конечно, что это означает лишь одно: образование капитала должно оказаться возможным и в том случае, когда цены товаров равны их стоимостям. Его нельзя объяснить из отклонений товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала свести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства как совершенно случайного, чтобы иметь перед собой в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена и при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение побочными обстоятельствами, затемняющими истинный ход процесса. Известно, впрочем, что такое сведение отнюдь не является одним только научным, методологическим приемом. Постоянные колебания рыночных цен, их повышение и понижение, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как своей внутренней норме. Средняя цена является путеводной звездой, например, для купца или промышленника во всяком предприятии, рассчитанном на более или менее продолжительное время. Следовательно, товаровладелец знает, что, если рассматривать достаточно большой период в целом, товары действительно продаются не ниже и не выше, а как раз по своим средним ценам. Если бы незаинтересованное мышление было вообще в его интересах, то он должен был бы поставить проблему образования капитала следующим образом. Как может возникнуть капитал при регуляризации цен средней ценой, т. е. в конечном счете стоимостью товара? Я говорю «в конечном счете», потому что средние цены прямо не совпадают с величинами стоимости товаров, как думали А. Смит, Рикардо и т. д.

3. КУПЛЯ И ПРОДАЖА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах, ибо как покупательное средство и средство платежа они лишь реализуют цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими, между тем как застывая в своей собственной форме, они превращаются в окаменелости неизменных величин стоимости ³⁸⁾. Столь же мало может возникнуть это изменение из второго акта обращения, из перепродажи товара, так как этот акт лишь превращает товар из его натуральной формы опять в денежную. Следовательно, изменение должно произойти с товаром, покупаемым в первом акте $D - T$, а не с его стоимостью, так как обмениваются эквиваленты, причем товары оплачиваются по их стоимости. Таким образом, это изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара как таковой, т. е. только из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это — способность к труду, или рабочая сила.

Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.

Но для того чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, должны быть выполнены различные условия. Обмен товаров, сам по себе, не содержит никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы. А раз это так, рабочая сила может появиться на рынке в качестве товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносятся на рынок или продается ее собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности ³⁹⁾.

³⁸⁾ «В форме денег... капитал не производит никакой прибыли» (*Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 267*).

³⁹⁾ В реальных энциклопедиях по классической древности можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, — «не хватало только свободного рабочего и кредитных учреждений». Г-н Моммзен в своей «*Römische Geschichte*» тоже совершает одну *quid pro quo* [нелепость] за другой.

Он и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец, следовательно оба — юридически равные лица. Для сохранения этого отношения требуется, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что, если бы он продал ее целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, а потому как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее ⁴⁰⁾.

Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар, состоит в том, что владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и, напротив, должен быть вынужден продавать как товар самое рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

Для того чтобы кто-то имел возможность продавать отличные от его рабочей силы товары, он должен, конечно, обладать средствами производства, например сырьем, орудиями труда и т. д. Сапоги нельзя сделать, не имея кожи. Работнику необходимы, кроме того, жизненные средства. Никто, даже мечтатель, созидающий «музыку будущего», не может жить продуктами будущего, не может жить за счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено; с первого дня своего появления на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять, прежде чем он начнет производить и в то время как он производит. Если продукты произ-

⁴⁰⁾ Поэтому различные законодательства определяют максимальный срок рабочего договора. У народов, у которых труд свободен, законодательство всегда устанавливает условия расторжения договора о найме. В некоторых странах, особенно в Мексике (до Гражданской войны в Америке также и на территориях, отвоинанных у Мексики, а по существу дела и в Дунайских провинциях до переворота Кузы⁷¹⁾), рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого «пеонажа». Посредством ссуд, которые должны быть отработаны и обязательства по которым переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится фактически собственностью другого лица и его семьи. Хуарес отменил «пеонаж». Так называемый император Максимилиан снова звал его декретом, который в палате представителей в Вашингтоне правильно был заклеен как декрет, восстанавливающий рабство в Мексике. «Из моих особенных, телесных и духовных умений и возможностей деятельности я могу некоторые передать [verfüßern] на ограниченное во времени пользование другому лицу, и они после этого ограничения получают внешнее отношение к моей целостности и всеобщности. В результате отчуждения всего моего становящегося конкретным в процессе труда времени и совокупности моего производства я сделал бы собственностью другого лица самую сущность этого производства, мою всеобщую деятельность и действительность, мою личность». (Hegel. «Philosophie des Rechts», Berlin, 1840, S. 104, § 67).

водятся как товары, то после того как закончено их производство, они должны быть проданы и только после своей продажи могут удовлетворять потребности производителя. Ко времени, необходимому для производства, присоединяется время, необходимое для продажи.

Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двойном смысле: в том смысле, что рабочий—свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы.

Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства.

И те экономические категории, которые мы рассматривали раньше, также носят на себе следы своей истории. Существование продукта в качестве товара предполагает определенные исторические условия. Чтобы стать товаром, продукт должен производиться не как непосредственное средство существования для самого производителя. Если бы мы пошли дальше в своем исследовании и спросили себя: при каких условиях все или, по крайней мере, большинство продуктов принимает форму товара, то мы нашли бы, что это происходит лишь на основе совершенно специфического, а именно капиталистического способа производства. Но такое исследование выходило бы за рамки анализа товара. Товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначена непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости. Для превращения продукта в товар разделение труда внутри общества должно развиваться в такой степени, чтобы разграничение потребительной стоимости и меновой стоимости, начинающееся при непосредственной меновой торговле, было вполне закончено. Но эта

ступень развития присуща исторически самым различным общественно-экономическим формациям.

Если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что они предполагают известный уровень товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент, или средство обращения, или средство платежа, сокровище и мировые деньги — указывают, смотря по различным размерам применения и сравнительному преобладанию той или другой функции, на весьма различные ступени общественного процесса производства. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы. Иначе обстоит дело с капиталом. Исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие включает в себе целую мировую историю. Поэтому капитал с самого своего возникновения возмещает наступление особой эпохи общественного процесса производства ⁴¹⁾.

Этот своеобразный товар, рабочая сила, подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью ⁴²⁾. Чем определяется последняя?

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила — стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Производство рабочей силы предполагает, следовательно, существование последнего. Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для поддержания своей жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, или стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего ее проявления, она

⁴¹⁾ Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому его труд принимает форму наемного труда. С другой стороны, лишь начиная с этого момента, товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер.

⁴²⁾ «Стоимость, или ценность, человека, как и всех других вещей, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько может быть получено за пользование его силой» (*Th. Hobbes. «Leviathan», in «Works», edit. Molesworth. London, 1839—1844, v. III, p. 76).*

осуществляется только в труде. В процессе ее осуществления, в труде, затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата предполагает усиленное возмещение ⁴³⁾. Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих ⁴⁴⁾. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная.

Собственник рабочей силы смертен. Следовательно, чтобы он непрерывно появлялся на рынке, как того требует непрерывное превращение денег в капитал, продавец рабочей силы должен увековечить себя, «как увековечивает себя всякий индивидуум, т. е. путем размножения» ⁴⁵⁾. Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно заменяться по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил. Сумма жизненных средств, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому жизненные средства таких заместителей, т. е. детей рабочих, и таким путем увековечивается на товарном рынке раса этих своеобразных товаровладельцев ⁴⁶⁾.

Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется

⁴³⁾ Древнеримский *villicus*, эконоом, стоявший во главе сельскохозяйственных рабов, «поскольку на нем лежал менее тяжелый труд, чем на чернорабочих, меньше и получал» (*Th. Mommsen. «Römische Geschichte», 1856, S. 810*).

⁴⁴⁾ Ср. *W. Th. Thornton. «Overpopulation and its Remedy». London, 1846.*

⁴⁵⁾ Петти.

⁴⁶⁾ «Естественная цена труда... соответствует такому количеству предметов необходимости и жизненных удобств, которое по условиям климата и по жизненным привычкам данной страны необходимо для поддержания самого рабочего и для того, чтобы дать ему возможность содержать такую семью, которая способна обеспечить неослабевающее предложение труда на рынке» (*R. Torrens. «An Essay on the external Corn Trade». London, 1815, p. 62*). Здесь неправильно употреблено слово «труд» вместо «рабочая сила».

определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения — совершенно ничтожные для обычной рабочей силы — входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство.

Итак, стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы жизненных средств. Она изменяется поэтому с изменением стоимости этих жизненных средств, т. е. с изменением величины рабочего времени, необходимого для их производства.

Часть жизненных средств, например продукты питания, топливо и т. д., потребляется ежедневно и потому ежедневно же должна возмещаться. Другие жизненные средства, как платье, мебель и т. д., потребляются в течение более или менее продолжительных промежутков времени, а потому и подлежат возмещению лишь по истечении более продолжительного времени. Одни товары покупаются или оплачиваются ежедневно, другие еженедельно, раз в четверть года и т. д. Но как бы ни распределялась сумма этих расходов в течение, например, года, она должна быть покрыта из средних, поступающих изо дня в день доходов. Если масса товаров, ежедневно необходимая для производства рабочей силы, $= A$, масса товаров, требуемых еженедельно, $= B$, требуемых каждую четверть года, $= C$ и т. д., то ежедневное среднее количество этих товаров $= \frac{365 A + 52 B + 4 C + \text{и т. д.}}{365}$. Пусть в этой необходимой для

среднего дня товарной массе заключено 6 часов общественного труда; тогда в рабочей силе ежедневно овеществляется половина дня общественного среднего труда, т. е. требуется половина рабочего дня для ежедневного производства рабочей силы. Это количество труда, необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня среднего общественного труда выражается в массе золота в 3 шиллинга, или в один талер, то талер есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Если владелец рабочей силы ежедневно продает ее за один талер, то ее продажная цена равна ее стоимости, и по нашему предположению владелец денег, скупаемый желанием превратить свой талер в капитал, действительно уплачивает эту стоимость.

Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физически необходимых жизненных средств. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при та-

ких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормального качества.

В высшей степени дешевой сентиментальностью было бы считать слишком грубым это определение стоимости рабочей силы, вытекающее из самого существа дела, и жаловаться подобно России:

«Рассматривать способность к труду (*puissance de travail*), отвлекаясь от жизненных средств, поддерживающих труд во время процесса производства, значит рассматривать свое собственное измышление (*être de raison*). Говорить о труде, говорить о способности к труду, значит говорить в то же время о рабочем и средствах его существования, о рабочем и заработной плате»⁴⁷⁾.

Способность к труду еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи. Для того чтобы мог состояться этот последний процесс, недостаточно, как известно, иметь хороший желудок. Кто говорит о способности к труду, тот не отвлекается от жизненных средств, необходимых для ее поддержания. Стоимость ее как раз и выражает собой стоимость этих жизненных средств. Если способность к труду не может быть продана, рабочему от нее нет никакой пользы. Более того, в этом случае он воспринимает как жестокую естественную необходимость тот факт, что его способность к труду потребовала определенного количества жизненных средств для своего производства и все снова и снова требует их для своего воспроизводства. Он делает тогда вместе с Сисмонди следующее открытие: «Способность к труду... есть ничто, раз она не может быть продана»⁴⁸⁾.

Своеобразная природа этого специфического товара, рабочей силы, выражается, между прочим, в том, что по заключении контракта между покупателем и продавцом его потребительная стоимость не переходит еще фактически в руки покупателя. Его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы, но ее потребительная стоимость состоит лишь в ее позднейших активных проявлениях. Таким образом, отчуждение силы и ее действительное проявление, т. е. наличное бытие в качестве потребительной стоимости, отделяются друг от друга во времени. Но при продаже таких товаров, формальное отчуждение потребительной стоимости которых отделяется во времени от ее фактической передачи покупателю, деньги покупателя функциони-

⁴⁷⁾ Rossi. «Cours d'Économie Politique». Bruxelles, 1843, p. 370, 371.

⁴⁸⁾ Sismondi. «Nouveaux Principes d'Économie Politique», t. I, p. 113.

ругую обыкновенно как средство платежа⁴⁹⁾. Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором при ее купле, например в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену, одним словом — везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста⁵⁰⁾, но и целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние⁵¹⁾. Однако характер самого товарообмена не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве поку-

49) «Всякий труд оплачивается лишь по его окончании» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand etc.», p. 104). «Начало коммерческого кредита должно быть отнесено к тому моменту, когда рабочий — первоисточник всякого производства — получил возможность благодаря своим сбережениям ожидать платы за свой труд до конца недельного, двухнедельного, месячного, трехмесячного и т. д. срока» (*Ch. Ganih.* «Des Systèmes d'Economie Politique», 2ème édit. Paris, 1821, t. II, p. 150).

50) «Рабочий... ссужает свою производственную силу», говорит Шторх, но, добавляет он лукаво, он «не рискует ничем», кроме «потери своего заработка... так как рабочий не вносит в производство ничего материального» (*Storch.* «Cours d'Economie Politique». Pétersbourg, 1815, t. II, p. 36, 37).

51) Вот пример. В Лондоне существуют двойного рода булочники: «full priced», продающие хлеб по его полной стоимости, и «undersellers», продающие его ниже стоимости. Последняя категория булочников составляет около $\frac{3}{4}$ общего их числа (стр. XXXII в «Report» правительственного комиссара Х. С. Трименхара относительно «Grievances complained of by the journeymen bakers etc.». London, 1862). Эти undersellers продают почти исключительно хлеб с примесью квасцов, мыла, поташа, лавсы, дербишской каменной муки и другими столь же приятными питательными и здоровыми ингредиентами. (См. цитированную выше Сюнюю книгу, а также отчет «Committee of 1855 on the Adulteration of Bread» и сочинение доктора Хасселла «Adulterations Detected», 2nd edit. London, 1861.) Сэр Джон Гордон заявил в своих показаниях перед комитетом 1855 г., что «вследствие такой фальсификации бедняк, дневное пропитание которого составляют два фунта хлеба, в действительности не получает теперь и четвертой части питательных веществ, содержащихся в таком же количестве нефальсифицированного хлеба, не говоря уже о вредности примесей для его здоровья». На вопрос, почему же «значительная часть рабочего класса», будучи прекрасно осведомлена относительно этой фальсификации, все же покупает квасцы, каменную муку и т. д., Трименхар (вышеупомянутый «Report», стр. XLVIII) отвечает, что рабочие «вынуждены брать у своего пекаря или в своей «chandler's shop» [«лавочке»] такой хлеб, какой снабжают им предложить». Так как труд их оплачивается лишь в конце рабочей недели, то и они, в свою очередь, «слизь в конце недели могут оплатить хлеб, потребленный их семьями в течение недели», и, добавляет Трименхар, подтверждая это свидетельскими показаниями, «несомненно установлено, что хлеб с такими примесями изготавливается специально для покупателей этого рода («It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner»)). «Во многих сельскохозяйственных округах Англии» (и особенно Шотландии) «заработная плата выплачивается раз в две недели и даже раз в месяц. Сельскохозяйственный рабочий вынужден при таких продолжительных сроках уплаты покупать себе товары в кредит... Ему приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к тому лавочнику, который дает ему в долг. Так, например, в Хорингсеме в Уэльсе, где заработная плата выдается раз в месяц, ему обходится в 2 шилл. 4 пенса стон такой же самой муки, которую он в другом месте мог бы купить по 1 шилл. 10 пенсов за стон» («Sixth Report» on «Public Health» by «The Medical Officer of the Privy Council etc.», 1864, p. 264). «Ручные набойщики ситца в Пейсли и Килмарнок» (Западная Шотландия) «добились в 1853 г. при помощи стачки сокращения срока выплаты с одного месяца до 14 дней» («Reports of the Inspectors of Factories for 31st October 1853», p. 34). Как дальнейший ловкий шаг в развитии кредита, оказываемого рабочим капиталисту, можно рассматривать метод многих английских углеродных шленников, которые платят рабочему по истечении месяца, а до получения дают ему ссуды, зачастую това-

пательного средства или в качестве средства платежа. Цена рабочей силы установлена при заключении контракта, хотя реализуется, подобно квартирной плате, лишь впоследствии. Рабочая сила уже продана, хотя плата за нее будет получена лишь позднее. Но для того, чтобы исследовать данное отношение в его чистом виде, полезно предположить на время, что владелец рабочей силы одновременно с ее продажей получает всегда и обусловленную контрактной ценой.

Мы познакомились теперь с тем, как определяется стоимость, уплачиваемая владельцем денег владельцу этого своеобразного товара, рабочей силы. Ее потребительная стоимость, которую владелец денег, в свою очередь, получает при обмене, обнаружится лишь в процессе действительного использования, в процессе потребления рабочей силы. Все необходимые для этого процесса вещи, как сырой материал и т. п., владелец денег покупает на товарном рынке и оплачивает полной ценой. Процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости. Потребление рабочей силы, как и всякого другого товара, совершается за пределами рынка, или сферы обращения. Оставим поэтому эту шумную сферу, где все происходит на поверхности и на глазах у всех людей, и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства, у входа в которые начертано: *No admittance except on business* [Посторонним вход воспрещается]. Здесь мы познакомимся не только с тем, как капитал производит, но и с тем, как его самого производят. Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами.

Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно

рами, за которые рабочий вынужден платить выше их рыночной цены (Trucksystem). «Среди угдепромышленников вошло в обыкновение платить раз в месяц и давать рабочим ссуды в конце каждой недели. Ссуда выдается в лавке» (а именно в *tommy-shop*, т. е. в лавке, принадлежащей самому хозяину предприятия); «рабочие получают деньги в одном углу ее и тотчас же отдают их в другом» («*Children's Employment Commission, 3rd Report*. London, 1864, p. 38, № 192).

потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии вещей или благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса.

Покидая эту сферу простого обращения, или обмена товаров, из которой фритредер *vulgaris* черпает все свои взгляды, понятия, масштаб всех своих суждений об обществе капитала и наемного труда, — покидая эту сферу, мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших *dramatis personae* [действующих лиц]. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ
ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОЦЕСС ТРУДА И ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

1. ПРОЦЕСС ТРУДА

Потребление рабочей силы — это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Последний вследствие этого становится акту [на деле] осуществляющей себя рабочей силой, рабочим, между тем как раньше он был таковым лишь *potentia* [потенциально]. Для того чтобы выразить свой труд в товарах, он должен прежде всего выразить его в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат для удовлетворения тех или иных потребностей. Следовательно, капиталист заставляет рабочего изготовлять какую-либо особую потребительную стоимость, какую-либо определенную вещь. То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей, или благ, совершается для капиталиста и под его контролем, несколько не изменяет общей природы этого производства. Поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы.

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых живоотнообразных инстинктивных форм труда. Состояние общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, и то его уходя-

щее в глубь первобытных времен состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, разделено огромным интервалом. Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достоинство человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда.

Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально обеспечивающая человека пищей, готовыми жизненными средствами ¹⁾, существует без всякого содействия с его стороны как всеобщий предмет человеческого труда. Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии — воды, дерево, которое рубят в девственном лесу, руда, которую извлекают из недр земли. Напротив, если сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом, например уже добытая руда, находящаяся в процессе промывки. Всякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал. Предмет труда является сырым материалом лишь в том случае, если он уже претерпел известное изменение при посредстве труда.

Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для

¹⁾ «Представляется, — да так оно и есть на самом деле, — что первоначальные продукты земли, которых имеется ограниченное количество и которые существуют совершенно независимо от человека, даны природой совершенно так же, как молодому человеку дается небольшая сумма денег с той целью, чтобы вывести его на путь полезного труда и преуспевания» (James Stewart. «Principles of Political Economy», edit. Dublin, 1770, v. I, p. 116).

него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи ²⁾. Предмет, которым человек овладевает непосредственно, — мы не говорим о собирании готовых жизненных средств, например плодов, когда средствами труда служат только органы тела рабочего, — есть не предмет труда, а средство труда. Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего. Являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, например, камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, тереть, давить, резать и т. д. Сама земля есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы ³⁾. Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда, на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные ⁴⁾. Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфическую характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека как «a toolmaking animal», как животное, делающее орудия. Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда ⁵⁾. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. В числе самих

²⁾ «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, обуславливая взаимное воздействие и взаимную обработку предметов соответственно их природе, без непосредственного вмешательства в этот процесс, осуществляет свою цель» (*Hegel. «Encyclopädie». Erster Theil. «Die Logik». Berlin, 1840, S. 382*).

³⁾ В жалкой вообще работе «Théorie de l'Économie Politique». Paris, 1815 [т. I, p. 266] Ганиль, полемизируя с физиократами, удачно перечисляет большое количество процессов труда, которые составляют предпосылку собственно земледелия.

⁴⁾ В «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses» (1766) Тюрпо хорошо высветил важность прирученных животных для начальных ступеней культуры.

⁵⁾ Из всех товаров собственно предметы роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства.

средств труда механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства гораздо больше, чем такие средства труда, которые служат только для хранения предметов труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства, как, например, трубы, бочки, корзины, сосуды и т. д. Лишь в химическом производстве они играют важную роль ^{5a)}.

Кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности, в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде. Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, потому что она дает рабочему *locus standi* [место, на котором он стоит], а его процессу — сферу действия (*field of employment*). Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.

Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средств труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности [*Unruhe*], теперь на стороне продукта, выступает в форме покоящегося свойства [*ruhende Eigenschaft*], в форме бытия. Рабочий прят, и продукт есть пряжа.

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства ⁶⁾, а самый труд — как производительный труд ⁷⁾.

Когда одна потребительная стоимость в виде продукта выходит из процесса труда, в него входят в качестве средств производства

^{5a)} *Примечание к 2 изданию.* Как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории, однако, по крайней мере, доисторические времена делятся на периоды на основании естественно-научных, а не так называемых исторических изысканий, по материалу орудий и оружия; каменный век, бронзовый век, железный век.

⁶⁾ Представляется парадоксальным называть, например, рыбу, которая еще не поймана, средством производства для рыболовства. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в таких водах, где ее нет.

⁷⁾ Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства.

другие потребительные стоимости, продукты предыдущих процессов труда. Одна и та же потребительная стоимость, являясь продуктом одного труда, служит средством производства для другого труда. Поэтому продукты представляют собой не только результат, но в то же время и условие процесса труда.

За исключением добывающей промышленности, которая находит свой предмет труда в природе, — как горное дело, охота, рыболовство и т. д. (земледелие лишь постольку, поскольку впервые обрабатывается девственная почва), — все отрасли промышленности имеют дело с таким предметом, который представляет собой сырой материал, т. е. предмет труда, уже профильтрованный процессом труда, и который сам уже является продуктом труда. Так, например, семена в земледелии. Животные и растения, которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются продуктами труда не только прошлого года, но в своих современных формах и продуктами видоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда. Что же касается собственно средств труда, то даже для самого поверхностного взгляда громадное большинство их обнаруживает следы прошлого труда.

Сырой материал может образовать главную субстанцию продукта или же принять участие в его образовании только как вспомогательный материал. Вспомогательный материал или потребляется средствами труда, как, например, уголь паровой машиной, смазка колесами, сено рабочей лошадей, или присоединяется к сырому материалу, чтобы произвести в нем вещественное изменение, — как, например, хлор к небеленому холсту, уголь к железу, краска к шерсти, — или же способствует осуществлению самого труда, как, например, материалы, употребляемые для освещения и отопления рабочего помещения. В собственно химическом производстве различие между главным материалом и вспомогательным материалом исчезает, потому что ни один из применяемых сырых материалов не появляется вновь в качестве субстанции продукта⁸⁾.

Так как каждая вещь обладает многочисленными свойствами и потому пригодна для различных способов использования, то один и тот же продукт может служить сырым материалом в очень различных процессах труда. Например, зерно является сырым материалом для мельника, крахмалозаводчика, винокура, скотовода и т. д. В качестве семян оно становится сырым материалом для своего собственного производства. Точно так же уголь выходит из горной промышленности как продукт и входит в нее как средство производства.

⁸⁾ Шторх проводит различие между собственно сырым материалом, как «matière», и вспомогательными материалами, как «matériaux»⁷². Шербулье называет вспомогательные материалы «matières instrumentales»⁷³.

Один и тот же продукт в одном и том же процессе труда может служить средством труда и сырым материалом. Например, скот при его откармливании является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время средством для приготовления удобрения.

Продукт, существующий в готовой для потребления форме, может снова сделаться сырым материалом для другого продукта, как, например, виноград — сырым материалом для вина. Или же труд оставляет свой продукт в таких формах, в которых последний может найти применение только как сырой материал. Сырой материал в этом состоянии называется полуфабрикатом и, быть может, точнее можно было бы называть его промежуточным фабрикатом, как, например, хлопок, нитки, пряжа и т. д. Являясь уже продуктом, сам первоначальный сырой материал должен, однако, пройти еще целый ряд различных процессов, в которых он в постоянно изменяющемся виде каждый раз снова функционирует как сырой материал вплоть до последнего процесса труда, из которого он выходит уже как готовое жизненное средство или готовое средство труда.

Итак, выступает ли известная потребительная стоимость в качестве сырого материала, средства труда или продукта, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменной этого места изменяются и ее определения.

Поэтому, вступая в качестве средств производства в новые процессы труда, продукты утрачивают характер продуктов. Они функционируют здесь уже только как материальные факторы живого труда. Для прядильщика веретено только средство, которым он прядет, лен — только предмет, который он прядет. Конечно, нельзя прядь без материала прядения и без веретена. Поэтому наличие этих продуктов предполагается при начале прядения. Но то обстоятельство, что лен и веретено суть продукты прошлого труда, так же безразлично для самого этого процесса, как для акта питания безразлично то обстоятельство, что хлеб — продукт прошлого труда крестьянина, мельника, пекаря и т. д. Наоборот. Если средства производства и обнаруживают в процессе труда свой характер продуктов прошлого труда, то лишь благодаря своим недостаткам. Нож, который не режет, пряжа, которая постоянно рвется, и т. д. живо напоминают о ножовщике А и прядильщике В. В удавшемся продукте изглажен всякий след участия прошлого труда в создании его потребительных свойств.

Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет собой испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в

действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как жизненные средства в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда.

Итак, если имеющиеся в наличии продукты являются не только результатом процесса труда, но и его условиями, то, с другой стороны, их вступление в процесс труда, т. е. их контакт с живым трудом, служит единственным средством для того, чтобы сохранить и использовать эти продукты прошлого труда как потребительные стоимости.

Труд потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления. Это производственное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом — как жизненные средства труда, т. е. действующей рабочей силы этого индивидуума. Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производственного потребления — продукт, отличный от потребителя.

Поскольку средства труда и предмет труда сами уже являются продуктами, труд потребляет продукты для производства продуктов или пользуется продуктами как средствами производства продуктов. Но подобно тому как первоначально процесс труда совершается лишь между человеком и землей, существующей без его содействия, так и теперь в процессе труда все еще принимают участие средства производства, которые даны природой и не представляя собой соединения вещества природы с человеческим трудом.

Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам. Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой, — этого было достаточно. Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взглядом капиталиста, совершает ли его

Цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя⁹⁾.

Однако возвратимся к нашему капиталисту *in spe* [в будущем]. Мы оставили его после того, как он купил на товарном рынке все факторы, необходимые для процесса труда: материальные факторы, или средства производства, и личный фактор, или рабочую силу. Лукавым глазом знатока он высмотрел средства производства и рабочие силы, требующиеся для его особого предприятия: прядильни, обувной фабрики и т. д. Итак, наш капиталист приступает к потреблению купленного им товара, рабочей силы, т. е. заставляет носителя рабочей силы, рабочего, потреблять посредством своего труда средства производства. Общий характер процесса труда, конечно, не изменяется от того, что рабочий совершает его для капиталиста, а не для самого себя. Да и тот определенный способ, каким изготовляются сапоги или прячется пряжа, тоже не может сразу измениться вследствие вмешательства капиталиста. Последний должен на первых порах взять рабочую силу такой, как он находит ее на рынке, а следовательно, и труд должен взять таким, каким он развился в тот период, когда еще не было капиталистов. Изменение самого способа производства как результат подчинения труда капиталу может совершиться лишь позже, а потому и рассмотрению подлежит позднее.

Процесс труда, как процесс потребления рабочей силы капиталистом, обнаруживает две своеобразных особенности.

Рабочий работает под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд. Капиталист наблюдает за тем, чтобы работа совершалась в надлежащем порядке и чтобы средства производства потреблялись целесообразно, следовательно, чтобы сырой материал не растрчивался понапрасну и чтобы с орудиями труда обходились бережно, т. е. чтобы они разрушались лишь настолько, насколько этого требует их употребление в работе.

А во-вторых: продукт есть собственность капиталиста, а не непосредственного производителя, не рабочего. Капиталист оплачивает, например, дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, потребление ее, как и всякого другого товара, — например лошади, которую он нанимает на один день, — в продолжение дня принадлежит ему. Покупателю товара принадлежит потребление товара, и владелец рабочей силы, отдавая свой труд, фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость. С того момента, как он вступает в мастерскую капиталиста, потребительная стои-

⁹⁾ На этом в высшей степени логическом основании полковник Торренс в камне дикаря открывает начало капитала. «В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать руками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой, и таким образом открываем начало капитала» (*R. Torrens. «An Essay on the Production of Wealth etc.»*, p. 70, 71). Существованием этой первой палки [stock], надо полагать, объясняется и то, почему на английском языке «stock» есть синоним капитала.

мость его рабочей силы, т. е. ее потребление, труд, принадлежит капиталисту. Куплей рабочей силы капиталист присоединил самый труд как живой фермент к мертвым, принадлежащим ему же элементам образования продукта. С его точки зрения процесс труда есть лишь потребление купленного им товара, рабочей силы, но он может потреблять ее лишь при том условии, если присоединит к ней средства производства. Процесс труда есть процесс между вещами, которые, купил капиталист, между принадлежащими ему вещами. Поэтому продукт этого процесса принадлежит ему в той же мере, как продукт процесса брожения в его винном погребе ¹⁰⁾.

2. ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

Продукт — собственность капиталиста — есть известная потребительная стоимость: пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, например, некоторым образом образуют базис общественного прогресса и хотя наш капиталист — решительный прогрессист, он, тем не менее, производит сапоги не ради них самих. Потребительная стоимость при товарном производстве вообще не представляет собой вещи, «*qu'on aime pour lui-même*» [«которую любят ради нее самой»]. Потребительные стоимости вообще производятся здесь лишь потому и постольку, поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой стоимости. И наш капиталист заботится о двоякого рода вещах. Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, т. е. товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои наличные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость.

¹⁰⁾ «Продукты присваиваются, прежде чем они превращаются в капитал; это превращение не избавляет их от такого присвоения» (*Cherbuliez. «Richesse ou Pauvreté», édit. Paris, 1841, p. 54*). «Продавая свой труд за определенное количество жизненных средств (*approvisionnement*), пролетарий совершенно отказывается от какой бы то ни было доли продукта. Присвоение продуктов остается таким же, как было раньше; оно несколько не изменяется упомянутым договором. Продукт принадлежит исключительно капиталисту, который доставил сырые материалы и *approvisionnement*. И это — неперемнное следствие закона присвоения, основным принципом которого было, наоборот, исключительное право собственности каждого работника на его продукт» (*James Mill. «Elements of Political Economy etc.» London, 1821, p. 58*). «Раз рабочие работают за заработную плату... то капиталист есть собственник не только капитала» (здесь подразумеваются средства производства), «но и труда (*of the labour also*). Если в понятие капитала, как это обыкновенно делается, включают то, что выдается в виде заработной платы, то нелепо говорить о труде обособленно от капитала. Слово капитал в этом смысле охватывает и то и другое, и капитал и труд» (там же, стр. 70, 71).

В самом деле, так как речь идет здесь о товарном производстве, то, очевидно, мы рассматривали до сих пор только одну сторону процесса. Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса созидания стоимости.

Итак, рассмотрим теперь процесс производства и как процесс созидания стоимости.

Мы знаем, что стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительной стоимости товара, рабочим временем, общественно необходимым для его производства. Это относится и к продукту, который получен нашим капиталистом как результат процесса труда. Следовательно, необходимо прежде всего вычислить труд, овеществленный в этом продукте.

Пусть это будет, например, пряжа.

Для производства пряжи необходим прежде всего соответствующий сырой материал, например 10 ф. хлопка. Какова стоимость хлопка, этого здесь не приходится отыскивать, потому что капиталист купил его на рынке по его стоимости, например за 10 шиллингов. В цене хлопка труд, необходимый для его производства, уже получил выражение как средний общественный труд. Предположим далее, что веретен, которые являются для нас представителями всех применяющихся здесь средств труда, потреблено при переработке хлопка такое количество, которое имеет стоимость в 2 шиллинга. Если количество золота в 12 шилл. составляет продукт 24 рабочих часов, или двух рабочих дней, то из этого прежде всего следует, что в пряже овеществлены 2 рабочих дня.

То обстоятельство, что хлопок изменил свою форму и что потребленная часть веретен совершенно исчезла, не должно вводить нас в заблуждение. Например, если стоимость 40 ф. пряжи = стоимости 40 ф. хлопка + стоимость целого веретена, т. е. если требуется одинаковое рабочее время для того, чтобы произвести ту и другую часть этого уравнения, то, согласно общему закону стоимости, 10 ф. пряжи представляют собой эквивалент 10 ф. хлопка и $\frac{1}{4}$ веретена. В этом случае одно и то же рабочее время воплощено один раз в потребительной стоимости пряжи, другой раз — в потребительных стоимостях хлопка и веретена. Следовательно, для стоимости совершенно безразлично, проявляется ли она в пряже, веретене или хлопке. То обстоятельство, что веретено и хлопок, вместо того чтобы спокойно лежать одно подле другого, в процессе прядения вступают в соединение, изменяющее их потребительные формы и превращающее их в пряжу, точно так же не влияет на их стоимость, как если бы они были посредством простого обмена заменены эквивалентным количеством пряжи.

Рабочее время, необходимое для производства хлопка, есть часть рабочего времени, необходимого для производства пряжи

(хлопок является ее сырым материалом), а потому оно заключено в пряже. Точно так же обстоит дело с рабочим временем, необходимым для производства того количества веретен, без снашивания или потребления которого хлопок не может быть превращен в пряжу ¹¹⁾.

Итак, поскольку имеется в виду стоимость пряжи, т. е. рабочее время, необходимое для производства последней, постольку различные особые, отделенные друг от друга во времени и пространстве процессы труда, которые должны быть проделаны для того, чтобы произвести самый хлопок и потребленные веретена, а потом из хлопка и веретен произвести пряжу, мы можем рассматривать как различные последовательные фазы одного и того же процесса труда. Весь заключающийся в пряже труд есть прошлый труд. То обстоятельство, что рабочее время, необходимое для производства элементов созидания пряжи, уже миновало и относится к давно прошедшему времени, между тем как труд, непосредственно затраченный на заключительный процесс, на прядение, ближе к настоящему, является просто прошедшим временем, не имеет решительно никакого значения. Если на постройку дома необходимо определенное количество труда, например 30 рабочих дней, то общее количество рабочего времени, воплощенного в доме, не изменяется от того, что 30-й день труда вступил в производство через 29 дней после первого. И потому рабочее время, заключающееся в материале труда и средствах труда, мы можем рассматривать совершенно таким же образом, как если бы оно было затрачено просто на более ранней стадии процесса прядения до того труда, который был присоединен в конце, в форме прядения.

Итак, стоимости средств производства, хлопка и веретен, выраженные в цене 12 шилл., образуют составные части стоимости пряжи, или стоимости продукта.

Но при этом должны быть осуществлены два условия. Во-первых, хлопок и веретена должны послужить на самом деле для производства известной потребительной стоимости. В нашем случае из них должна быть произведена пряжа. Для стоимости безразлично, какая потребительная стоимость служит ее носителем, но носителем ее во всяком случае должна быть какая-нибудь потребительная стоимость. Во-вторых, предполагается, что затрачено лишь рабочее время, необходимое при данных общественных условиях производства. Следовательно, если для того чтобы выпрять 1 ф. пряжи необходимо только 1 ф. хлопка, то на образование 1 ф. пряжи может быть потреблен только 1 ф. хлопка. Так же обстоит дело и с веретенами. Если бы капиталисту пришло в голову применять золотые

¹¹⁾ «На стоимость товаров влияет не только труд, затраченный непосредственно на их производство, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, необходимые для осуществления труда» (Ricardo. «The Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 16).

веретена вместо железных, то в стоимость пряжи входил бы, тем не менее, лишь общественно необходимый труд, т. е. рабочее время, необходимое для производства железных веретен.

Теперь мы знаем, какую часть стоимости пряжи образуют средства производства, хлопок и веретена. Она равняется 12 шилл., или представляет собой материализацию двух рабочих дней. Следовательно, теперь дело идет о той части стоимости, которую труд самого прядильщика присоединяет к хлопку.

Мы должны теперь рассмотреть этот труд с совершенно иной точки зрения, чем при рассмотрении процесса труда. Там дело шло о целесообразной деятельности, о превращении хлопка в пряжу. Чем целесообразнее труд, тем, при прочих равных условиях, лучше пряжа. Труд прядильщика был специфически отличен от других видов производительного труда, и это отличие проявлялось субъективно и объективно, в особой цели прядения, в особом характере его операций, в особой природе его средств производства, в особой потребительной стоимости его продукта. Хлопок и веретена необходимы для прядильного труда, но при помощи их нельзя сделать нарезных пушек. Напротив, поскольку труд прядильщика создает стоимость, т. е. является источником стоимости, он несколько не отличается от труда оружейника или, что в данном случае ближе для нас, от труда хлопководы и производителя веретен, воплощенного в средствах производства пряжи. Только благодаря этой тождественности возделывание хлопка, производство веретен и прядение могут образовать части одной и той же общей стоимости, стоимости пряжи, отличающиеся одна от другой лишь количественно. Здесь дело идет уже не о качестве, не о свойствах и содержании труда, а только о его количестве. Последнее легко учесть. Мы предполагаем, что труд прядения есть простой труд, средний общественный труд. Позже мы увидим, что противоположное предположение несколько не изменяет дела.

Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности. По окончании одного часа движение прядения выражается в известном количестве пряжи, и, следовательно, определенное количество труда, один рабочий час, оказывается овеществленным в хлопок. Мы говорим: рабочий час, т. е. затрата жизненной силы прядильщика в течение одного часа, потому что труд прядения здесь имеет значение лишь постольку, поскольку он является затратой рабочей силы, а не потому, что он — специфический труд прядения.

И вот решающее значение имеет то, чтобы в ходе процесса, т. е. во время превращения хлопка в пряжу, потреблялось только общественно необходимое рабочее время. Если при нормальных, т. е. средних общественных, условиях производства a фунтов хлопка за один рабочий час должны быть превращены в b фунтов пряжи, то

значение 12-часового рабочего дня приобретает только такой рабочий день, который a фунтов хлопка $\times 12$ превращает в b фунтов пряжи $\times 12$. Потому что только общественно необходимое рабочее время идет в счет при образовании стоимости.

Как самый труд, так и сырой материал и продукт являются здесь в совершенно ином свете, чем с точки зрения собственно процесса труда. Сырой материал имеет здесь значение лишь как нечто впитывающее определенное количество труда. Посредством этого впитывания он действительно превращается в пряжу, потому что рабочая сила была затрачена и присоединена к нему в форме прядения. Продукт же, пряжа, служит теперь только мерилom труда, впитанного хлопком. Если в течение одного часа переработано $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка, или превращено в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи, то 10 ф. пряжи указывают на 6 впитанных рабочих часов. Определенные, устанавливаемые опытом количества продукта представляют теперь только определенные количества труда, определенные массы застывшего рабочего времени. Они — только материализация одного часа, двух часов, одного дня общественного труда.

То обстоятельство, что труд есть именно труд прядения, материал его — хлопок, а продукт — пряжа, здесь не имеет значения точно так же, как и то обстоятельство, что самый предмет труда уже есть продукт, следовательно — сырой материал. Если бы рабочий был занят не в прядильной мастерской, а в угольной шахте, то предмет труда, уголь, был бы дан природой. И, тем не менее, определенное количество добытого из залежей угля, например один центнер, представляло бы определенное количество впитанного труда.

При продаже рабочей силы предполагалось, что ее дневная стоимость равна 3 шилл., что в последних воплощено 6 рабочими часами и что, следовательно, это количество труда требуется для того, чтобы произвести среднюю сумму жизненных средств рабочего на один день. Если наш прядильщик в течение одного рабочего часа превращает $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи ¹²⁾, то за 6 часов он превратит 10 ф. хлопка в 10 ф. пряжи. Следовательно, в процессе прядения хлопок впитывает 6 рабочих часов. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 3 шиллинга. Итак, к хлопку самим прядением присоединена стоимость в 3 шиллинга.

Посмотрим теперь на общую стоимость продукта — этих 10 ф. пряжи. В них овеществлено $2\frac{1}{2}$ рабочих дня: 2 дня содержится в хлопке и в веретенах, $\frac{1}{2}$ рабочего дня впитана в процессе прядения. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 15 шиллингов. Следовательно, цена этих 10 ф. пряжи, соответствующая их стоимости, составляет 15 шилл., цена 1 ф. пряжи — 1 шилл. и 6 пенсов.

¹²⁾ Цифры здесь совершенно произвольны.

Наш капиталист смущен. Стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала. Авансированная стоимость не возросла, не произвела прибавочной стоимости, следовательно деньги не превратились в капитал. Цена этих 10 ф. пряжи равна 15 шилл., и 15 же шиллингов были израсходованы на товарном рынке на элементы созидания продукта, или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 шилл. на хлопок, 2 шилл. на потребленное количество веретен и 3 шилл. на рабочую силу. От разбухшей стоимости пряжи нет никакого проку, потому что эта стоимость представляет собой просто сумму стоимостей, которые раньше распределялись между хлопком, веретенами и рабочей силой, а ведь из такого простого сложения существующих стоимостей никогда не может возникнуть прибавочная стоимость ¹³⁾. Все эти стоимости сконцентрированы теперь в одной вещи, но они были сконцентрированы таким же образом и в денежной сумме в 15 шилл., прежде чем она раздробилась вследствие купли трех товаров.

Сам по себе этот результат не удивителен. Стоимость одного фунта пряжи 1 шилл. 6 пенсов, и потому за 10 ф. пряжи наш капиталист должен был бы уплатить на товарном рынке 15 шиллингов. Купит ли он дом для себя готовым на рынке или же будет строить его сам, ни одна из этих операций не увеличит количества денег, затраченных на приобретение дома.

Капиталист, который кое-что смыслил в вульгарной политической экономии, скажет, быть может, что он авансировал свои деньги с тем намерением, чтобы сделать из них большее количество денег. Но ведь дорога в ад вымощена благими намерениями, и у него точно так же могло бы появиться намерение добывать деньги, ничего не производя ¹⁴⁾. Он начинает грозить. Во второй раз его уже не проведут. В будущем он станет покупать товары на рынке готовыми, вместо того чтобы заниматься их производством. Но что, если все его братья-капиталисты поступят точно так же, — где тогда найдет он товары на рынке? А питаться деньгами он не может. Он пускается в поучения. Следует-де принять во внимание его воздержание. Он мог бы промотать свои 15 шиллингов. Вместо того он потребил их производителью и сделал из них пряжу. Но ведь зато и имеется у него теперь пряжа вместо угрызений совести. Ему совсем не приличествует сбиваться на роль собирателя сокровищ, который де-

¹³⁾ Это — основное положение, на котором покоится учение физиократов о непроизводительности всякого неземледельческого труда, и оно неопровержимо для профессионального экономиста. «Этот способ приписывать одной вещи стоимость многих других (например, полотну — стоимость предметов, потребленных ткачом), наслаивать, так сказать, на одну стоимость несколько стоимостей, ведет к тому, что стоимость соответственно разбухает... Термин сложение хорошо отражает тот способ, каким образуется цена продуктов труда: эта цена есть только сумма многих стоимостей, потребленных и сложенных вместе; но складывать не значит умножать» (*Mercier de la Rivière*, цит. соч., стр. 599).

¹⁴⁾ Так, например, в 1844—1847 гг. он извлек из производства часть своего капитала для спекуляции железнодорожными акциями. Так же во время Гражданской войны в Америке он закрыл фабрики и выбросил фабричных рабочих на мостовую, чтобы заняться игрой на ливерпульской хлопковой бирже.

монстрировал нам, что может получиться при аскетизме. Кроме того, на нет и суда нет. Какова бы ни была заслуга его отречения, не получается ничего, чем можно было бы особо оплатить это отречение, потому что стоимость продукта, выходящего из процесса, равна только сумме товарных стоимостей, брошенных в этот процесс. Успокоиться бы ему на том, что добродетель есть воздаяние добродетели. Но вместо этого капиталист становится навязчивее. Пряжа ему не нужна. Он производил ее для продажи. Ну, что же, пусть он продает ее или, что еще проще, производит в будущем только вещи для своего собственного потребления — рецепт, который однажды уже прописал ему его домашний врач Мак-Куллох как испытанное средство против эпидемии перепроизводства. Но капиталист упрямо становится на дыбы. Разве рабочий создает продукты только при помощи своих рук, разве он создает товары из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд? А так как наибольшая часть общества состоит из таких голяков, то не оказал ли он своими средствами производства, своим хлопком и своими веретенами, неизмеримую услугу обществу и самому рабочему, которого он кроме того снабдил еще жизненными средствами? И не следует ли ему записать в счет эту услугу? Но разве рабочий, с своей стороны, не оказал ему услуги, превратив хлопок и веретена в пряжу? Кроме того, дело здесь вовсе не в услугах ¹⁵⁾. Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости — товара ли, труда ли ¹⁶⁾. Но здесь перед нами меновая стоимость. Капиталист уплатил рабочему стоимость в 3 шиллинга. Рабочий возвратил ему точный эквивалент в виде стоимости в 3 шилл., присоединенной к хлопку, возвратил ему стоимость за стоимость. Наш приятель, который только что кичился своим капиталом, вдруг принимает непритязательный вид своего собственного рабочего. Да разве сам он не работал? Не исполнял труд надзора и наблюдения за прядильщиком? И разве этот его труд не создает, в свою очередь, стоимости? Но тут его собственный надсмотрщик и его управляющий пожимают плечами. Однако он с веселой улыбкой уже снова

¹⁵⁾ «Хвались, паряжайся и прихорашивайся... Но кто берет больше или лучше» (чем сам дал), «тот ростовщик, и это значит, что не услугу, а вред принес он своему ближнему, как это бывает при воровстве и грабеже. Не все то услуга и благодеяние ближнему, что называют услугой и благодеянием. Прелюбодей и прелюбодейка также оказывают друг другу большую услугу и удовольствие. Рейтар оказывает убийце-поджигателю большую рейтарскую услугу, помогая ему грабить на дорогах и нападать на страну и людей. Паписты оказывают нашим великую услугу, ибо они не всех топят, сжигают, убивают, заставляют гнить в темницах,¹⁾ но оставляют некоторых в живых и изгоняют их или отнимают у них все, что есть. Сам дьявол оказывает своим служителям великую неизмеримую услугу... Словом, мир полон великих, превосходных, ежедневных услуг и благодеяний» (*Martin Luther. «An die Pfarrerherrn, wider den Wucher zu predigen etc.»*. Wittemberg, 1540 [S. 8—9]).

¹⁶⁾ По этому поводу я замечаю между прочим в «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 14: «Понятно, какую «услугу» должна оказывать категория «услуги» («service») такого рода экономистам, как Ж. Б. Сэй и Ф. Бастиа» [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 23].

принял свое прежнее выражение лица. Он просто дурачил нас всеми своими причитаниями. Все это не стоит и гроша. Эти и тому подобные пустые увертки и бессодержательные уловки он предоставляет профессорам политической экономии, которые собственно за это и оплачиваются. Сам же он — практический человек, который хотя и не всегда обдумывает, что он говорит в том случае, когда это не касается его дел, но всегда знает, что он делает в своей деловой сфере.

Посмотримся к делу поближе. Дневная стоимость рабочей силы составляла 3 шилл., потому что в ней самой овеществлена половина рабочего дня, т. е. потому что жизненные средства, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который заключается в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, ежедневные издержки по ее сохранению и ее ежедневная затрата — это две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую стоимость, вторая составляет ее потребительную стоимость. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, несколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги, было только *conditio sine qua non* [необходимым условием], потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует ее меновую стоимость и отчуждает ее потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

Наш капиталист заранее предвидел этот казус, который как раз и заставил его улыбаться⁷⁴. Поэтому рабочий находит в мастерской необходимые средства производства не только для шестичасового, но и для двенадцатичасового процесса труда. Если 10 ф. хлопка впитывали 6 рабочих часов и превращались в 10 ф. пряжи, то 20 ф. хлопка впитают 12 рабочих часов и превратятся в 20 ф. пряжи. Рассмотрим продукт удлиненного процесса труда. В этих 20 ф. пряжи теперь овеществлено 5 рабочих дней: 4 в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 впитан хлопком в процессе прядения. Но денежное выражение 5 рабочих дней есть 30 шилл., или 1 ф. ст. 10 шиллингов. Это и есть, следовательно, цена 20 ф. пряжи. Фунт пряжи по-прежнему стоит 1 шилл. 6 пенсов. Но сумма стоимостей товаров, брошенных в процесс, составляла 27 шиллингов. Стоимость пряжи составляет 30 шиллингов. Стоимость продукта возросла на $\frac{1}{9}$ по сравнению с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом 27 шилл. превратились в 30 шиллингов. Они принесли прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Наконец фокус удался. Деньги превратились в капитал.

Все условия проблемы соблюдены, и законы товарного обмена нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал каждый товар — хлопок, веретена, рабочую силу — по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, да! продукт, 20 ф. пряжи, стоимостью в 30 шиллингов. Теперь капиталист, который раньше покупал товары, возвращается на рынок и продает товар. Он продает фунт пряжи по 1 шилл. 6 пенсов, ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости. И, тем не менее, он извлекает из обращения на 3 шилл. больше, чем первоначально бросил в него. Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения — потому что он обуславливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении — потому что последнее только подготавливает процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства. Таким образом, «*tout pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles*»⁷⁵.

Превращая деньги в товары, которые служат вещественными элементами нового продукта, или факторами процесса труда, присоединяя к их мертвой предметности живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость — прошлый, овеществленный, мертвый труд — в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевленное чудовище, которое начинает «работать» «как будто под влиянием охватившей его любовной страсти»⁷⁶.

Если мы сравним теперь процесс образования стоимости и процесс увеличения стоимости, то окажется, что процесс увеличения

стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта. Если процесс образования стоимости продолжается лишь до того пункта, когда уплаченная капиталом стоимость рабочей силы будет возмещена новым эквивалентом, то это будет простой процесс образования стоимости. Если же процесс образования стоимости продолжается далее этого пункта, то он становится процессом увеличения стоимости.

Далее, если мы сравним процесс образования стоимости с процессом труда, то увидим, что последний заключается в полезном труде, производящем потребительные стоимости. Движение рассматривается здесь с качественной стороны, со стороны его особого характера, цели и содержания. В процессе образования стоимости тот же самый процесс труда представляется исключительно с количественной стороны. Здесь дело заключается только в том времени, которое требуется труду для его операции, или только в продолжительности периода, в течение которого производительно затрачивается рабочая сила. И товары, которые входят в процесс труда, имеют здесь значение уже не как функционально определенные, вещественные факторы целесообразно действующей рабочей силы. Они учитываются лишь как определенные количества овеществленного труда. И труд, заключается ли он в средствах производства или же присоединяется рабочей силой, учитывается лишь по количеству времени. Он составляет столько-то часов, дней и т. д.

Однако он идет в счет лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство потребительной стоимости, общественно необходимо. Это охватывает ряд различных моментов. Рабочая сила должна функционировать при нормальных условиях. Если прядильная машина является общественно господствующим средством труда при прядении, то рабочему нельзя вручать старинную прялку. Он должен получить хлопок нормального качества, а не отбросы, которые рвутся каждую минуту. Иначе ему в том и другом случае на производство одного фунта пряжи пришлось бы затратить больше рабочего времени, чем общественно необходимое время, но это излишнее время не создало бы стоимости или денег. Однако нормальный характер материальных факторов труда зависит не от рабочего, а от капиталиста. Другим условием является нормальный характер самой рабочей силы. В той специальности, в которой она применяется, она должна обладать установившейся средней степенью искусства, подготовки и быстроты. Но наш капиталист купил на рынке труда рабочую силу нормального качества. Эта сила должна затрачиваться с обычной средней степенью напряжения, с общественно обычной степенью интенсивности. Капиталист наблюдает за этим с такой же заботливостью, как и за тем, чтобы ни одна минута не расточалась даром, без труда. Он купил рабочую силу на определенный срок. Он хочет получить то, что принадлежит ему. Он не хочет, чтобы его обкрадывали. Наконец — и на этот

случай тот же самый господин имеет свой собственный *code pénal* [уголовный кодекс] — не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что неразумно израсходованные материал и средства труда представляют излишние затраченные количества овеществленного труда, следовательно не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта¹⁷⁾.

Итак, выведенное уже раньше из анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость, теперь выступает как различие между разными сторонами процесса производства.

Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства.

Уже раньше было отмечено, что для процесса увеличения стоимости совершенно безразлично, будет ли присвоенный капиталистом труд простой, средний общественный труд или более сложный труд, труд с более высоким удельным весом. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей

¹⁷⁾ Это — одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как *instrumentum vocale* [одаренное речью орудие] от животного как *instrumentum semivocale* [одаренного голосом орудия] и от неодушевленного орудия труда как от *instrumentum mutum* [немое орудия]. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и *con amore* [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих штатах, расположенных у Мексиканского залива, до начала Гражданской войны были в ходу плуги старокитайской конструкции, которые рыли землю, как санями или крот, но не делали борозды и не переворачивали пласта. Ср. *J. E. Cairnes*. «The Slave Power». London, 1862, p. 46 sqq. В своем «Sea Board Slave States» Олмстед рассказывает между прочим: «Мне показывали здесь орудия, которыми ни один находящийся в здравом уме человек не позволил бы обременять наемного рабочего; их чрезвычайная тяжесть и неуклюжесть, думается мне, по крайней мере на 10 процентов увеличивают труд по сравнению с теми орудиями, которые обыкновенно употребляют у нас. Но меня уверяли, что при том небрежном и грубом обращении, которому они подвергаются у рабов, было бы незаконно предоставлять последним более легкие и менее грубые орудия и что те орудия, которые мы постоянно даем нашим рабочим, причем извлекаем из этого выгоду, не сохранились бы в однодневном на хлебных полях Виргинии, хотя почва здесь легче и не так камениста, как у нас. Точно так же, когда я спросил, почему на всех фермах лошади заменены мулами, то первым и, конечно, самым убедительным доводом было то, что лошади не могут переносить того обращения, которому они всегда подвергаются со стороны негров; лошади всегда быстро надрываются или калечатся от этого, между тем как мулы переносят побои и недостаток пищи и не претерпевают от этого существенного вреда, не простужаются и не заболевают, если пренебрегают уходом за ними или перегружают их работой. Впрочем, мне стоит только подойти к окну той комнаты, где я пишу, и почти каждый раз я вижу такое обращение со скотом, за которое почти всякий фермер на Севере немедленно прогнал бы рабочего» [стр. 46, 47].

силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она поэтому в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает стоимость своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную стоимость. В обоих случаях прибавочная стоимость получается лишь вследствие количественного излишка труда, вследствие большей продолжительности того же процесса труда: в одном случае процесса производства пряжи, в другом — процесса ювелирного производства ¹⁸⁾.

С другой стороны, в каждом процессе образования стоимости высший труд всегда должен сводиться к среднему общественному труду, например один день высшего труда к x дням простого труда ¹⁹⁾. Следовательно, мы избежим излишней операции и упростим анализ, если предположим, что рабочий, применяемый капиталом, выполняет простой, средний общественный труд.

¹⁸⁾ Различие между сложным и простым трудом, между «skilled» [«квалифицированным»] и «unskilled labour» [«неквалифицированным трудом»], отчасти основывается просто на иллюзиях или, по меньшей мере, на различиях, которые давным-давно перестали быть реальными и продолжают существовать лишь как традиционные условности; отчасти — на более беспомощном положении известных слоев рабочего класса, вследствие чего они не в состоянии, как другие, добиться оплаты своей рабочей силы по ее стоимости. Случайные обстоятельства играют при этом настолько крупную роль, что одни и те же виды труда меняются местами. Там, например, где физические силы рабочего класса ослаблены и относительно истощены, как это наблюдается во всех странах с развитым капиталистическим производством, те грубые работы, которые требуют большой мускульной силы, в общем занимают более высокую ступень по сравнению с много более тонкими работами, которые опускаются до ступени простого труда; например, труд bricklayer (каменщика) в Англии занимает значительно более высокую ступень, чем труд ткачей камчатных тканей. С другой стороны, труд fustian cutter (стригальщика), хотя он требует большого физического напряжения и кроме того очень вреден для здоровья, фигурирует как «простой труд». Впрочем, не следует думать, что так называемый «skilled labour» занимает количественно значительное место в национальном труде. Ленг подсчитал, что в Англии (и Уэльсе) существование более чем 11 млн. основывается на простом труде. По вычете одного миллиона аристократов и полутора миллионов пауперов, бродяг, преступников, лиц, живущих проституцией, и т. д., из 18 млн. населения, насчитывавшихся в стране в то время, когда писалось его сочинение, остается 4 650 000 душ среднего класса, включая сюда мелких рантье, чиновников, писателей, художников, школьных учителей и т. д. Чтобы получить эти 4 2/3 млн., он причисляет к работающей части среднего класса, кроме банкиров и т. д., всех лучших оплачиваемых «фабричных рабочих»! Даже и bricklayers попадают в категорию «рабочих сложного труда». После этого у него остаются упомянутые 11 млн. (*S. Laing. «National Distress etc.»*. London, 1844 [p. 51—52]). «Большой класс, который ничего не может дать в обмен на пищу, кроме простого труда, составляет главную массу народа» (*James Mill* в статье «Colony». Приложение к «Encyclopaedia Britannica», 1831).

¹⁹⁾ Когда указывают на труд как меру стоимости, то необходимо предполагают труд известного рода... отношение его к другим родам труда легко можно определить» [*J. Casanova*.] «Outlines of Political Economy». London, 1832, p. 22, 23).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

Различные факторы процесса труда принимают различное участие в образовании стоимости продукта.

Рабочий присоединяет к предмету труда новую стоимость, присоединяя к нему определенное количество труда, каковы бы ни были конкретное содержание, цель и технический характер этого труда. С другой стороны, стоимости потребленных средств производства мы вновь находим в виде составных частей стоимости продукта, например стоимость хлопка и веретен — в стоимости пряжи. Следовательно, стоимость средств производства сохраняется, переносясь на продукт. Это перенесение совершается во время превращения средств производства в продукт, в процессе труда. Оно совершается посредством труда. Но каким образом?

Рабочий не работает вдвойне в одно и то же время: один раз, для того чтобы своим трудом присоединить к хлопку стоимость, а другой раз, для того чтобы сохранить старую стоимость хлопка, или, что то же, для того чтобы на продукт, на пряжу, перенести стоимость хлопка, который он перерабатывает, и веретен, которыми он работает. Старую стоимость он сохраняет путем простого присоединения новой стоимости. Но так как присоединение новой стоимости к предмету труда и сохранение старых стоимостей в продукте суть два совершенно различных результата, достигаемых рабочим в одно и то же время, хотя в это время он работает не вдвойне, то эта двойственность результата, очевидно, может быть объяснена лишь двойственным характером самого его труда. В одно и то же время труд, в силу одного своего свойства, должен создавать стоимость, а в силу другого свойства должен сохранять или переносить стоимость.

Каким образом каждый рабочий присоединяет рабочее время, а потому и стоимость? Всегда только в форме своего своеобразного производительного труда. Прядильщик присоединяет рабочее время только тем, что он прядет, ткач только тем, что он тклет,

кузнец только тем, что он кует. И только вследствие той целесообразной формы, в которой они вообще присоединяют труд, а потому и новую стоимость, вследствие прядения, ткачества,ковки, средства производства — хлопок и веретена, пряжа и ткацкий станок, железо и наковальня — становятся элементами созидания продукта, новой потребительной стоимости²⁰⁾. Старая форма их потребительной стоимости исчезает, однако только затем, чтобы появиться в новой форме потребительной стоимости. Но уже при рассмотрении процесса образования стоимости оказалось, что, поскольку потребительная стоимость потребляется целесообразно для производства новой потребительной стоимости, рабочее время, необходимое для создания использованной потребительной стоимости, составляет часть рабочего времени, необходимого для создания новой потребительной стоимости, т. е. представляет собой рабочее время, переносимое с потребленных средств производства на новый продукт. Следовательно, рабочий сохраняет стоимости потребленных средств производства или переносит их на продукт как составные части стоимости последнего не путем присоединения своего труда вообще, а вследствие особого полезного характера, вследствие специфически производительной формы этого присоединяемого труда. Как такая целесообразная производительная деятельность — прядение, ткачество,ковка, — труд одним своим прикосновением воскрешает средства производства из мертвых; одушевляя эти средства производства, он превращает их в факторы процесса труда и соединяется с ними в продукты.

Если бы специфический производительный труд рабочего не был прядением, то он не превратил бы хлопок в пряжу, следовательно и стоимости хлопка и веретен не перенес бы на пряжу. Напротив, если тот же самый рабочий переменит профессию и сделается столяром, то он по-прежнему своим рабочим днем будет присоединять стоимость к соответственному материалу. Следовательно, он присоединяет ее своим трудом не поскольку последний есть труд прядения или столярный труд, а поскольку он — абстрактный, общественный труд вообще, и определенную величину стоимости он присоединяет не потому, что его труд имеет особое полезное содержание, а потому, что он продолжается в течение определенного времени. Таким образом, в своем абстрактном общем свойстве, как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет к стоимости хлопка и веретен новую стоимость, а в своем конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время.

²⁰⁾ «Труд создает новое творение взамен уничтоженного им» («An Essay on the Political Economy of Nations». London, 1821, p. 13).

Простым количественным присоединением труда присоединяется новая стоимость, вследствие же особого качества присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются в продукте. Это двустороннее действие одного и того же труда, как следствие двойственного характера последнего, наглядно обнаруживается в различных явлениях.

Предположим, что какое-либо изобретение дает возможность прядильщику перепрядать в 6 часов столько хлопка, сколько раньше перепрядалось в 36 часов. Как целесообразно полезная производительная деятельность труд его увеличил в шесть раз свою силу. Продукт его ушестерен: 36 ф. вместо 6 ф. пряжи. Но эти 36 ф. хлопка теперь впитывают столько же рабочего времени, сколько раньше впитывали 6 фунтов. К ним присоединяется нового труда в шесть раз меньше, чем при прежних методах, а потому присоединяется лишь одна шестая доля той стоимости, которая присоединялась прежде. С другой стороны, в продукте, в 36 ф. пряжи, заключается теперь ушестеренная стоимость хлопка. В продолжение этих 6 часов прядения сохранена и перенесена на продукт в шесть раз большая стоимость сырого материала, хотя к тому же количеству сырого материала теперь присоединяется в шесть раз меньшая новая стоимость. Это показывает, насколько существенно отличается то свойство труда, вследствие которого он во время одного и того же нераздельного процесса сохраняет стоимости, от того его свойства, в силу которого он создает стоимость. Чем больше необходимого рабочего времени приходится во время операции прядения на данное количество хлопка, тем больше новая стоимость, присоединяемая к хлопку, но чем большее количество фунтов хлопка перепрядается в течение данного количества рабочего времени, тем больше старая стоимость, сохраняемая в продукте.

Предположим, наоборот, что производительность прядильного труда осталась без изменения, следовательно, для того чтобы один фунт хлопка превратить в пряжу, прядильщику требуется такое же количество времени, как раньше. Но пусть изменилась меновая стоимость самого хлопка, пусть цена его в шесть раз увеличилась или уменьшилась. В обоих случаях прядильщик к данному количеству хлопка продолжает присоединять все то же рабочее время, следовательно все ту же стоимость, и в обоих случаях в течение данного времени он производит все то же количество пряжи. Однако та стоимость, которую он с хлопка переносит на пряжу, на продукт, в одном случае в шесть раз меньше, в другом случае в шесть раз больше, чем была раньше. То же самое и в том случае, если средства труда вздорожают или удешевятся, но по-прежнему будут оказывать все ту же услугу в процессе труда.

Если технические условия процесса прядения остаются неизменными, а также не совершается никаких изменений в стоимости соответствующих средств производства, то прядильщик в

течение одинакового рабочего времени будет потреблять такое же, как и раньше, количество сырого материала и машин такой же, как и раньше, стоимости. Стоимость, которую он сохраняет в продукте, в этом случае прямо пропорциональна той новой стоимости, которую он присоединяет. В течение двух недель он присоединяет вдвое больше труда, чем в одну неделю, а следовательно, и вдвое большую стоимость, и в то же время потребляет вдвое больше материала, представляющего вдвое большую стоимость, и снашивает вдвое больше машин, представляющих вдвое большую стоимость; таким образом, в продукте двух недель он сохраняет вдвое большую стоимость, чем в продукте одной недели. При данных неизменяющихся условиях производства рабочий сохраняет тем большую стоимость, чем большую стоимость он присоединяет; но он сохраняет большую стоимость не потому, что он присоединяет большую стоимость, а потому, что присоединяет ее при не изменяющихся и не зависящих от его собственного труда условиях.

Конечно, в известном относительном смысле можно сказать, что рабочий всегда сохраняет старые стоимости в той самой пропорции, в какой он присоединяет новую стоимость. Как бы ни изменялась стоимость хлопка, вздорожает он с 1 шилл. до 2 шилл. или подешевеет на 6 пенсов, рабочий в продукте одного часа всегда сохраняет вдвое меньшую стоимость хлопка, чем в продукте двух часов. Далее, если изменяется производительность его собственного труда, если она повышается или понижается, то он, например, в один рабочий час перепрядет больше или меньше хлопка, чем раньше, и соответственно этому сохранит большую или меньшую стоимость хлопка в продукте одного рабочего часа. Но при всем том в два рабочих часа он сохранит вдвое большую стоимость, чем в один рабочий час.

Стоимость, оставляя в стороне ее чисто символическое выражение в знаке стоимости, существует только в той или иной потребительной стоимости, в той или иной вещи. (Сам человек, рассматриваемый только как наличное бытие рабочей силы, есть предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы.) Поэтому, если утрачивается потребительная стоимость, утрачивается и стоимость. Средства же производства не утрачивают своей стоимости одновременно со своей потребительной стоимостью, так как вследствие процесса труда они утрачивают первоначальную форму своей потребительной стоимости в действительности только затем, чтобы в продукте приобрести форму другой потребительной стоимости. Но как ни важно для стоимости существовать в виде какой-либо потребительной стоимости, для нее, как показывает метаморфоз товаров, безразлично, в какой потребительной стоимости она существует. Из этого следует, что в процессе труда стоимость переходит со средств производства на продукт лишь в той мере,

в какой средства производства вместе со своей самостоятельной потребительной стоимостью утрачивают и свою меновую стоимость. Они передают продукту только ту стоимость, которую они утрачивают как средства производства. Но в этом отношении с различными материальными факторами процесса труда дело обстоит различно.

Уголь, который сжигают в топке машины, исчезает бесследно, равно как и масло, которым смазывается ось колеса и т. д. Краски и другие вспомогательные материалы исчезают, но проявляются в свойствах продукта. Сырой материал образует субстанцию продукта, но изменяет свою форму. Следовательно, сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственно средствами труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как во время своей жизни, т. е. процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали. Теперь, если мы рассмотрим весь период, на протяжении которого служит такое средство труда со дня его вступления в мастерскую и до того дня, когда его выбросят на свалку, то увидим, что его потребительная стоимость полностью потреблена трудом в течение этого периода, а потому его меновая стоимость целиком перешла на продукт. Например, если прядельная машина в 10 лет отжила свой век, то вся ее стоимость в течение десятилетнего процесса труда перешла на продукт 10 лет. Следовательно, период жизни средства труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда. Со средством труда дело обстоит так же, как с человеком. Жизнь каждого человека ежедневно убывает на 24 часа. Но на человеке не написано, сколько дней его жизни уже убыло. Однако это не препятствует обществам страхования жизни делать очень верные и, что еще важнее, очень выгодные выводы из средней продолжительности человеческой жизни. То же и со средствами труда. Из опыта известно, сколько времени может в среднем просуществовать данное средство труда, например известного рода машина. Предположим, что она сохраняет свою потребительную стоимость в процессе труда только 6 дней. В таком случае она в среднем утрачивает за каждый рабочий день $\frac{1}{6}$ своей потребительной стоимости и потому передает дневному продукту $\frac{1}{6}$ своей стоимости. Этим способом исчисляется изнашивание всех средств труда, например

ежедневная утрата их потребительной стоимости, и соответствующее этому ежедневное перенесение их стоимости на продукт.

Отсюда с полной ясностью видно, что средство производства никогда не отдает продукту больше стоимости, чем оно утрачивает в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости. Если бы средство производства не имело стоимости и потому ему было бы нечего утрачивать, т. е. если бы само оно не было продуктом человеческого труда, то оно не передавало бы продукту никакой стоимости. Оно служило бы для образования потребительной стоимости, не участвуя в образовании меновой стоимости. Так обстоит дело со всеми средствами производства, которые даны природой, без содействия человека: с землей, ветром и водой, железом в рудной жиле, деревом в девственном лесу и т. д.

Здесь перед нами выступает другое интересное явление. Пусть стоимость машины будет, например, 1 000 ф. ст., и пусть она изнашивается в 1 000 дней. В этом случае $\frac{1}{1000}$ стоимости машины ежедневно переходит с нее самой на ее дневной продукт. В то же время вся машина продолжает, хотя и с убывающей жизненной силой, функционировать в процессе труда. Таким образом, оказывается, что известный фактор процесса труда, известное средство производства, целиком принимает участие в процессе труда, но лишь частью — в процессе образования стоимости. Различие между процессом труда и процессом образования стоимости отражается здесь на их материальных факторах таким образом, что одно и то же средство производства как элемент процесса труда целиком входит в данный процесс производства, а как элемент образования стоимости входит частями ²¹⁾.

С другой стороны, средство производства может, наоборот, целиком входить в процесс образования стоимости, хотя в процесс

²¹⁾ Здесь речь идет не о ремонте средств труда, машин, зданий и т. д. Машина, которая ремонтируется, функционирует не как средство труда, а как материал труда. Не ею работают, а ее обрабатывают, чтобы устранить дефекты в ее потребительной стоимости. Такие ремонтные работы мы, ради нашей цели, всегда можем представлять включенными в тот труд, который требуется для производства средства труда. В тексте речь идет о таком износе, который не может излечить никакой доктор и который мало-помалу приводит к смерти, о «такого рода износе, который невозможно исправлять время от времени и который, как в случае с ножом, в конце концов, приводит его в такое состояние, что поновщик скажет, что он не стоит починки». В тексте мы видели, что машина, например, целиком входит в каждый отдельный процесс труда, но лишь по частям в одновременный процесс образования стоимости. Поэтому мы можем надлежащим образом оценить следующее смешение понятий: «Г-н Рикардо о части машиностроительного труда, затраченного на производство чулочной машины, говорит, что она содержит, например, в стоимости пары чулок. «Между тем весь труд, который производит каждую пару чулок... включает весь труд машиностроителя, а не часть его; потому что хотя одна машина делает много пар, но ни одна из этих пар не может быть сделана без помощи всех частей машины» («Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821, p. 54). Автор, необыкновенно самодовольный «wiseacre» [«умник»], в своей путанице и вместе с тем в своей полемике прав лишь в том смысле, что ни Рикардо, ни какой бы то ни было другой экономист ни до него, ни после него не разграничивали строго двух сторон труда, а потому и не дали анализа их различной роли в образовании стоимости.

труда оно входит только частью. Предположим, что при прядении из 115 ф. хлопка ежедневно отпадают 15 ф., которые образуют не пряжу, а лишь devil's dust [чертову пыль]. Однако, если этот угар в 15 ф. является нормальным, если он неустраним при средних условиях переработки хлопка, то стоимость этих 15 ф. хлопка, не образующих элемента пряжи, совершенно так же входит в стоимость пряжи, как и стоимость тех 100 ф., которые образуют вещество пряжи. Для того чтобы произвести 100 ф. пряжи, потребительную стоимость 15 ф. хлопка приходится превращать в пыль. Следовательно, гибель этого хлопка есть условие производства пряжи. Именно поэтому он и передает свою стоимость пряже. Это относится ко всем отходам процесса труда, по крайней мере постольку, поскольку эти отходы не образуют опять новых средств производства, а потому не образуют вновь самостоятельных потребительных стоимостей. Так, на больших машиностроительных фабриках Манчестера можно видеть горы отходов железа в виде стружки, получившейся при работе циклопических машин; вечером эти отходы в огромных повозках переправляются с фабрики на железоделательный завод, откуда на другой день опять возвращаются на фабрику в виде массивного железа.

Лишь постольку, поскольку средства производства во время процесса труда утрачивают стоимость, существовавшую в форме старых потребительных стоимостей этих средств производства, они переносят стоимость на новую форму продукта. Максимум потери стоимости, которую они могут претерпеть в процессе труда, очевидно ограничен той первоначальной величиной стоимости, с которой они вступают в процесс труда, или рабочим временем, необходимым для их собственного производства. Поэтому средства производства никогда не могут присоединить к продукту стоимость большую, чем та, которой они обладают независимо от обслуживаемого ими процесса труда. Как бы полезен ни был известный материал труда, известная машина, известное средство производства, все же, если они стоят 150 ф. ст., скажем 500 рабочих дней, они никогда не присоединят более 150 ф. ст. к тому продукту, для создания которого они служат. Их стоимость определяется не тем процессом труда, в который они входят как средство производства, а тем процессом труда, из которого они выходят как продукт. В процессе труда они служат только как потребительная стоимость, как вещь с полезными свойствами, и потому они не передавали бы продукту никакой стоимости, если бы не обладали стоимостью до своего вступления в процесс ²²⁾.

²²⁾ Легко понять поэтому всю нецелесообразность пошлого Ж. Б. Сэя, который хочет вывести прибавочную стоимость (процент, прибыль, ренту) из тех «services productifs» [«производительных услуг»], которые средства производства — земля, орудия, кожи и т. д. — оказывают своими потребительными стоимостями в процессе труда. Г-н Вильгельм Рошер, который никогда не преминет зарегистрировать черным по белому ловкие аполо-

В то время как производительный труд превращает средства производства в элементы образования нового продукта, с их стоимостью совершается своего рода переселение души. Из потребленного тела она переселяется во вновь сформированное тело. Но это переселение души совершается как бы за спиной действительного труда. Рабочий не может присоединять нового труда, следовательно не может создавать новую стоимость, не сохраняя старых стоимостей, потому что он должен присоединять труд каждый раз в определенной полезной форме, а присоединить его в полезной форме он не может, не превращая продуктов в средства производства нового продукта и не перенося тем самым их стоимости на новый продукт. Следовательно, сохранять стоимость посредством присоединения стоимости это есть природный дар проявляющейся в действии рабочей силы — живого труда, дар природы, который ничего не стоит рабочему, но много приносит капиталисту, именно обеспечивает ему сохранение наличной капитальной стоимости ^{22а)}. Пока дело идет успешно, капиталист слишком сильно погружен в извлечение прибыли, чтобы замечать этот бесплатный дар труда. Насильственные перерывы процесса труда, кризисы, делают его для капиталиста заметным до осознанности ²³⁾.

гетические замысления, восклицает: «Ж. Б. Сэй (*«Traité», t. I, ch. 4*) очень верно замечает: «Произведенная маслябойней стоимость, за вычетом всех издержек, представляет собой ведь нечто новое, существенно отличное от труда, которым была создана сама маслябойня» (*«Die Grundlagen der Nationalökonomie», 3. Aufl., 1858, S. 82, примечание*). Очень верно! «Масло», изготовленное маслябойней, есть нечто весьма отличное от труда, которого стоила постройка маслябойни. А под «стоимостью» г-н Роллер подразумевает такую вещь, как «масло», потому что «масло» имеет стоимость, а так, как «в природе» встречается минеральное масло, хотя сравнительно и не «очень много», то он делает другое замечание: «Она» (природа) «почти совсем не производит меновых стоимостей!» [там же, стр. 79]. У роллеровской природы с меновой стоимостью выходит то же самое, что у глупой девицы с ребенком, который «был ведь совсем маленький». Тот же самый «ученый» (*«savant sérieux»*) замечает еще по упомянутому выше поводу: «Школа Рикардо обыкновенно подводит под понятие труда и капитал, как «сбереженный труд». Это неискусно (!), потому что (!) владелец капитала (!) ведь (!) все же (!) совершил больше (!), чем простое (!) производство (?) и (??) сохранение его (чего?); именно (???) воздержание от собственного наслаждения, за что он, например (!!!), требует процента» (там же [стр. 82]). Как «искусен» этот «анатомофизиологический метод» политической экономии, который выводит «стоимость» просто-напросто из «требования»!

^{22а)} «Из всех орудий фермерского производства человеческий труд... есть такое, от которого фермер больше всего может ожидать возвращения своего капитала. Другие два — рабочий скот и... телеги, плуги, лошади и т. д. — вообще ничто без соединения с известным количеством первого» (*Edmund Burke. «Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Rt. Hon. W. Pitt in the Month of November 1795», edit. London, 1800, p. 10*).

²³⁾ В «Times» от 26 ноября 1862 г. один фабрикант, в прядильне которого занято 800 рабочих и ежедневно потребляется в среднем 150 кип ост-индского или почти 130 кип американского хлопка, жалуется публике на ежегодные издержки, вызываемые остановкой работ на фабрике. Он определяет их в 6 000 фунтов стерлингов. Среди этих непроизводительных издержек встречаются много таких статей, которые здесь нас не интересуют, например: земельная рента, налоги, страховые премии, жалованье работникам, нанимаемым сразу на год, управляющему, бухгалтеру, инженеру и т. д. Но затем он причисляет сюда же 150 ф. ст. на уголь, чтобы время от времени протопливать фабрику и пускать паровую машину, кроме того заработную плату рабочим, которые своим

В средствах производства вообще потребляется их потребительная стоимость, путем потребления которой труд создает продукты. Стоимость их в действительности не потребляется²⁴⁾, а потому не может быть и воспроизведена. Она сохраняется, но не потому, что с ней самой совершается какая-то операция в процессе труда, а потому, что та потребительная стоимость, в которой она первоначально существовала, хотя и исчезает, но исчезает лишь в другой потребительной стоимости. Поэтому стоимость средств производства опять появляется в стоимости продукта, но, строго говоря, не воспроизводится. Производится новая потребительная стоимость, в которой вновь появляется старая меновая стоимость²⁵⁾.

Иначе обстоит дело с субъективным фактором процесса труда, с проявляющейся в действии рабочей силой. В то время как труд благодаря его целесообразной форме переносит стоимость средств производства на продукты и тем самым сохраняет ее, каждый момент его движения создает добавочную стоимость, новую стоимость. Предположим, что процесс производства обрывается на том пункте, когда рабочий произвел эквивалент стоимости своей собственной рабочей силы, когда он, например, шестичасовым трудом присоединил стоимость в 3 шиллинга. Эта стоимость образует избыток стоимости продукта над теми элементами последней, которые своим происхождением обязаны стоимости средств производства. Это — единственная новая стоимость, возникающая в этом процессе, единственная часть стоимости продукта, произведенная самим этим процессом. Конечно, она просто возмещает те деньги, которые были авансированы капиталистом при купле рабочей силы и израсходованы самим рабочим на жизненные

эпизодическим трудом поддерживают «в готовности» все машинное оборудование. Наконец, 1 200 ф. ст. на порчу машин, так как «погода и естественные разрушительные силы не прекращают своего действия от того, что паровая машина остановлена». Он прямо замечает при этом, что берется столь небольшая сумма — 1 200 ф. ст. — лишь потому, что машины уже находятся в состоянии большой изношенности.

²⁴⁾ «Производительное потребление: при нем потребление товара составляет часть процесса производства... В этих случаях стоимость не потребляется» (*S. Ph. Newman*, цит. соч., стр. 296).

²⁵⁾ В одном североамериканском руководстве, выдержавшем, быть может, 20 изданий, мы читаем: «Совершенно безразлично, в какой форме капитал появляется вновь». После многословного перечисления всевозможных элементов производства, стоимость которых снова появляется в продукте, в заключение говорится: «Различные виды продовольствия, одежды и жилища, необходимые для существования и комфорта человека, также претерпевают изменения. Они время от времени потребляются, и стоимость их вновь появляется в новой телесной и умственной силе человека, составляющей новый капитал, который можно вновь употребить в производстве» (*F. Wayland*, цит. соч., стр. 31, 32). Не говоря уже о всех других странностях, заметим, что, например, не цена хлеба, а его образующие кровь элементы снова появляются в возобновленной силе. А в качестве стоимости силы вновь появляются, напротив, не жизненные средства, а их стоимость. Те же самые жизненные средства, если они стоят вдвое меньше, произведут совершенно столько же мускулов, костей и т. д. — коротко говоря, совершенно такую же силу, но силу не такой же, не прежней стоимости. Это претворение «стоимости» в «силу» и вся эта фарисейская неопределенность прикрывают попытку — конечно, тщетную — вывести прибавочную стоимость из простого факта возвращения авансированных стоимостей.

средства. По отношению к этим израсходованным 3 шилл. новая стоимость в 3 шилл. выступает как просто воспроизводство первых. Но она действительно воспроизведена, а не только по видимости, как стоимость средств производства. Возмещение одной стоимости другой опосредствовано здесь созданием новой стоимости.

Однако мы уже знаем, что процесс труда продолжается за те пределы, в которых воспроизводится и присоединяется к предмету труда просто эквивалент стоимости рабочей силы. Вместо 6 часов, которых для этого было бы достаточно, процесс продолжается, например, 12 часов. Следовательно, действием рабочей силы не только воспроизводится ее собственная стоимость, но и производится кроме того избыток стоимости. Эта прибавочная стоимость образует избыток стоимости продукта над стоимостью элементов, потребленных для образования продукта, т. е. над стоимостью средств производства и рабочей силы.

Изобразив те различные роли, которые различные факторы процесса труда играют в образовании стоимости продукта, мы тем самым охарактеризовали функции различных составных частей капитала в процессе его собственного возрастания. Избыток всей стоимости продукта над суммой стоимости элементов, участвующих в его образовании, есть избыток возросшего в своей стоимости капитала над первоначально авансированной капитальной стоимостью. Средства производства, с одной стороны, рабочая сила — с другой, представляя собой лишь различные формы существования, которые приняла первоначальная капитальная стоимость в результате совлечения с себя денежной формы и своего превращения в факторы процесса труда.

Итак, та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю ее постоянной частью капитала, или, короче, постоянным капиталом.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом. Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения процесса увеличения стоимости различаются как постоянный капитал и переменный капитал.

Понятие постоянного капитала отнюдь не исключает революции в стоимости его составных частей. Предположим, что фунт хлопка

стоит сегодня 6 пенсов и что завтра вследствие неурожая хлопок цена его повышается до 1 шиллинга. Прежний хлопок, который продолжают обрабатывать, куплен по стоимости в 6 пенсов, но присоединяет теперь к стоимости продукта часть в 1 шиллинг. А уже перепряденный хлопок, быть может уже обращающийся на рынке в виде пряжи, присоединяет к продукту величину тоже вдвое большую, чем его первоначальная стоимость. Однако мы видим, что эти изменения стоимости не стоят ни в какой связи с возрастанием стоимости хлопка в самом процессе прядения. Если бы старый хлопок еще не вступил в процесс труда, его можно было бы продать теперь по 1 шилл. вместо 6 пенсов. Наоборот: чем меньшее число процессов труда он прошел, тем вернее такой результат. Поэтому правило спекуляции таково: при подобных революциях в стоимости спекулировать на сыром материале в его наименее обработанной форме, т. е. скорее на пряже, чем на ткани, и скорее на хлопке, чем на пряже. Изменение стоимости возникает здесь в том процессе, в котором производится хлопок, а не в том процессе, в котором он функционирует как средство производства и, следовательно, как постоянный капитал. Хотя стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, но само это количество определяется общественным путем. Если изменяется рабочее время, общественно необходимое для производства товара, — а одно и то же количество хлопка, например, при неблагоприятных условиях представляет большее количество труда, чем при благоприятных, — то это оказывает обратное действие на старый товар, который всегда играет роль только отдельного экземпляра своего рода ²⁶⁾, стоимость которого всегда измеряется общественно необходимым трудом, стало быть, всегда измеряется трудом, необходимым при существующих в данное время общественных условиях.

Подобно стоимости сырого материала может изменяться и стоимость средств труда, машин и т. д., уже служащих в процессе производства, а потому и та доля стоимости, которую они передают продукту. Если, например, вследствие нового изобретения машины данного рода могут быть воспроизведены с меньшей затратой труда, то старые машины более или менее обесцениваются и потому переносят на продукт относительно меньшую стоимость. Но и в этом случае изменение стоимости возникает вне того процесса производства, в котором машина функционирует как средство производства. В этом процессе она никогда не передает стоимости большей, чем та, которой она обладает независимо от этого процесса.

Подобно тому как изменение в стоимости средств производства, хотя оно и оказывает свое отраженное действие уже после

²⁶⁾ «Все продукты одного и того же рода образуют, собственно говоря, одну массу, цена которой определяется сообща, независимо от особых условий отдельного случая» (*Le Trosne*, цит. соч., стр. 893).

вступления их в процесс производства, не изменяет их характера как постоянного капитала, точно так же изменение отношения между постоянным и переменным капиталом не затрагивает их функционального различия. Например, технические условия процесса труда могут преобразоваться настолько, что там, где раньше 10 рабочих с 10 орудиями малой стоимости обрабатывали сравнительно небольшое количество сырого материала, теперь 1 рабочий при помощи дорогой машины перерабатывает в сто раз большее количество сырого материала. В этом случае постоянный капитал, т. е. масса стоимости применяемых средств производства, намного возрастает, а переменная часть капитала, авансированная на рабочую силу, намного уменьшается. Однако это изменение касается только отношения между величинами постоянного и переменного капитала, или того отношения, в котором весь капитал распадается на постоянную и переменную составные части, но, напротив, не затрагивает различия между постоянным и переменным капиталом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

1. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Порожденная авансированным капиталом K в процессе производства прибавочная стоимость, или прирост авансированной капитальной стоимости, выступает прежде всего как избыток стоимости продукта над суммой стоимости элементов его производства.

Капитал K распадается на две части: денежную сумму c , израсходованную на средства производства, и другую денежную сумму v , израсходованную на рабочую силу; c представляет часть стоимости, превращенную в постоянный капитал, v — часть стоимости, превращенную в переменный капитал. Следовательно, первоначально $K = c + v$, например, авансированный капитал

в 500 ф. ст. = $\overset{c}{410}$ ф. ст. + $\overset{v}{90}$ ф. ст. В конце процесса производства получается товар, стоимость которого = $\overset{c}{c} + \overset{v}{v} + \overset{m}{m}$, где m есть прибавочная стоимость, например, $\overset{c}{410}$ ф. ст. + $\overset{v}{90}$ ф. ст. +

$\overset{m}{90}$ ф. ст. Первоначальный капитал K превратился в K' , из 500 ф. ст. — в 590 фунтов стерлингов. Разность между обоими = m , прибавочной стоимости в 90. Так как стоимость элементов производства равна стоимости авансированного капитала, то в действительности простой тавтологией является утверждение, что избыток стоимости продукта над стоимостью элементов его производства равен приросту стоимости авансированного капитала, или равен произведенной прибавочной стоимости.

Однако эта тавтология требует более точного определения. Со стоимостью продукта сравнивается стоимость элементов производства, потребленных при его образовании. Но мы уже видели, что часть примененного постоянного капитала, состоящая из средств труда, передает продукту лишь часть своей стоимости, между тем как остальная часть сохраняется в прежней форме

своего существования. Так как последняя часть не играет никакой роли в образовании стоимости, то мы можем здесь отвлечься от нее. Введение ее в вычисления ничего не изменило бы. Предположим, что $c = 410$ ф. ст. состоит из сырого материала на 312 ф. ст., вспомогательных материалов на 44 ф. ст. и изнашиваемых в процессе машин на 54 фунта стерлингов; стоимость же действительно применяемых машин составляет 1 054 фунта стерлингов. Авансированной на производство стоимости продукта мы считаем только стоимость в 54 ф. ст., которую машины утрачивают вследствие своего функционирования и потому передают продукту. Если бы мы ввели в вычисление и те 1 000 ф. ст., которые продолжают существовать в своей прежней форме, — как паровая машина и т. д., — то нам пришлось бы ввести их в вычисление на обеих сторонах, на стороне авансированной стоимости и на стороне стоимости продукта ^{26a)}, и мы получили бы, таким образом, соответственно 1 500 ф. ст. и 1 590 фунтов стерлингов. Разность, или прибавочная стоимость, по-прежнему составила бы 90 фунтов стерлингов. Поэтому там, где из общей связи изложения не вытекает обратное, под постоянным капиталом, авансированным на производство стоимости, мы всегда подразумеваем только стоимость потребленных в производстве средств производства.

Предположив это, возвращаемся к формуле $K = c + v$, которая превращается в $K' = c + v + m$, благодаря чему K и превращается в K' . Мы знаем, что стоимость постоянного капитала только вновь появляется в продукте. Следовательно, действительно вновь произведенная в процессе стоимость отлична от полученной из процесса всей стоимости продукта, поэтому она равна не $c + v +$
 $+ m$, или не $\overset{c}{410} \text{ ф. ст.} + \overset{v}{90} \text{ ф. ст.} + \overset{m}{90} \text{ ф. ст.}$, как кажется на первый взгляд, а $v + m$, или $\overset{v}{90} \text{ ф. ст.} + \overset{m}{90} \text{ ф. ст.}$, т. е. не 590 ф. ст., а 180 фунтов стерлингов. Если бы c , постоянный капитал, был $= 0$, другими словами — если бы существовали такие отрасли промышленности, в которых капиталисту не приходится применять никаких произведенных средств производства, ни сырого материала, ни вспомогательных материалов, ни орудий труда, а приходится применять только материалы, данные природой, и рабочую силу, то на продукт не переносилось бы никакой доли постоянной стоимости. Этот элемент стоимости продукта, для нашего примера 410 ф. ст.,

^{26a)} «Если мы примем в расчет стоимость основного капитала, применяемого как часть всего авансированного капитала, то нам придется в конце года принять в расчет остаток стоимости такого капитала, как часть годовой выручки» (Malthus. «Principles of Political Economy», 2nd ed. London, 1836, p. 269).

отпал бы, но вновь произведенная стоимость в 180 ф. ст., заключающая в себе 90 ф. ст. прибавочной стоимости, сохранила бы совершенно такие же размеры, как и в том случае, когда c представляло бы огромнейшую сумму стоимости. У нас было бы

$K = \overbrace{0 + v} = v$, и K' , возросший по стоимости капитал, $= v + m$, $K' - K$ по-прежнему $= m$. Наоборот, если бы m было $= 0$, другими словами — если бы рабочая сила, стоимость которой авансируется в виде переменного капитала, производила только эквивалент, то

$K = c + v$ и K' (стоимость продукта) $= \overbrace{c + v} + 0$, а потому $K = K'$. Авансированный капитал не возрос бы по своей стоимости.

В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с v , с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно, $v + m = v + \Delta v$ (v плюс прирост v). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затемняются тем обстоятельством, что вследствие возрастания его изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был равен 500, теперь он равен 590. Следовательно, анализ процесса в его чистом виде требует, чтобы мы совершенно абстрагировались от той части стоимости продукта, в которой лишь вновь появляется постоянная капитальная стоимость, т. е. чтобы мы постоянный капитал с приравняли к нулю и, таким образом, применили тот закон математики, при помощи которого она оперирует с переменными и постоянными величинами, когда постоянная величина связана с переменной только посредством сложения и вычитания.

Другое затруднение возникает из первоначальной формы переменного капитала. Так, в приведенном выше примере $K' = 410$ ф. ст. постоянного капитала + 90 ф. ст. переменного капитала + 90 ф. ст. прибавочной стоимости. Однако 90 ф. ст. суть данная, следовательно постоянная, величина, и потому представляется нелепым рас-

сматривать их как переменную величину. Но $\overbrace{90}^v$ ф. ст., или 90 ф. ст. переменного капитала, в действительности являются здесь только символом того процесса, через который проходит эта стоимость. Часть капитала, авансированная на куплю рабочей силы, есть определенное количество овеществленного труда, следовательно столь же постоянная величина стоимости, как стоимость купленной рабочей силы. Но в самом процессе производства вместо авансированных 90 ф. ст. выступает действующая рабочая сила, вместо мертвого — живой труд, вместо неподвижной — текучая величина, вместо постоянной — переменная. Результатом является воспроизводство v плюс прирост v . С точки

зрения капиталистического производства весь этот процесс есть самодвижение превращенной в рабочую силу первоначально постоянной стоимости. Последней приписывается весь процесс и его результат. Поэтому, если формула: 90 ф. ст. переменного капитала, или увеличивающаяся стоимость, представляется чем-то противоречивым, то она лишь выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству.

Приравнение постоянного капитала нулю на первый взгляд кажется странным. Между тем оно постоянно совершается в повседневной жизни. Например, если хотят вычислить прибыль Англии от хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего вычитают цену хлопка, уплаченную Соединенным Штатам, Индии, Египту и т. д., т. е. приравнивают нулю ту капитальную стоимость, которая просто вновь появляется в стоимости продукта.

Конечно, отношение прибавочной стоимости не только к той части капитала, из которой она непосредственно возникает и изменение стоимости которой она представляет, но и ко всему авансированному капиталу имеет свое большое экономическое значение. Поэтому в третьей книге мы обстоятельно рассматриваем это отношение. Для того чтобы одну часть капитала увеличить посредством ее превращения в рабочую силу, другую часть капитала необходимо превратить в средства производства. Для того чтобы переменный капитал функционировал, необходимо в известных пропорциях, соответствующих определенному техническому характеру процесса труда, авансировать постоянный капитал. Однако то обстоятельство, что для известного химического процесса требуются реторты и другие сосуды, нисколько не препятствует тому, чтобы при анализе абстрагироваться от самой реторты. Поскольку создание стоимости и изменение стоимости рассматриваются сами по себе, т. е. в чистом виде, средства производства, эти вещные образы постоянного капитала, доставляют только вещество, в котором должна фиксироваться текучая сила, создающая стоимость. Потому-то и не имеет никакого значения природа этого вещества, т. е. безразлично, будет ли это хлопок или железо. Не имеет значения и стоимость этого вещества. Необходимо только, чтобы его масса была достаточна для того, чтобы она могла впитать количество труда, затрачиваемое во время процесса производства. Раз эта масса дана, — повысится ли ее стоимость или понизится, или же она не будет иметь никакой стоимости, как земля и море, — процесс создания стоимости и изменения стоимости нисколько не будет этим затронут ²⁷⁾.

²⁷⁾ *Примечание к 2 изданию.* Само собой разумеется, что, как говорит Лукреций, «nil posse creari de nihilo» — из ничего нельзя ничего создать ¹⁾. «Создание стоимости» есть превращение рабочей силы в труд. В свою очередь, рабочая сила есть прежде всего вещество природы, преобразованное в человеческий организм.

Итак, прежде всего мы приравняем нулю постоянную часть капитала. Тогда авансированный капитал $c + v$ сводится к v , а стоимость продукта $\overbrace{c + v} + m$ сводится к вновь произведенной стоимости $\overbrace{v} + m$. Если дана вновь произведенная стоимость = 180 ф. ст., в которой представлен труд, продолжающийся на всем протяжении процесса производства, то мы должны вычесть стоимость переменного капитала = 90 ф. ст. для того, чтобы получить прибавочную стоимость = 90 ф. ст. Число 90 ф. ст. = m выражает здесь абсолютную величину произведенной прибавочной стоимости. Относительная же ее величина, т. е. пропорция, в которой возрос переменный капитал, определяется, очевидно, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, или выражается дробью $\frac{m}{v}$. Следовательно, для приведенного выше примера она выразится в $\frac{90}{90} = 100\%$. Это относительное возрастание переменного капитала, или относительную величину прибавочной стоимости, я называю нормой прибавочной стоимости ²⁸⁾.

Мы уже видели, что рабочий в продолжение одной части процесса труда производит только стоимость своей рабочей силы, т. е. стоимость необходимых ему жизненных средств. Так как он производит при отношениях, покоящихся на общественном разделении труда, то он производит свои жизненные средства не непосредственно, а в форме какого-либо особенного товара, например пряжи, производит стоимость, равную стоимости его жизненных средств или тем деньгам, на которые он покупает эти средства. Та часть его рабочего дня, которую он употребляет для этого, будет больше или меньше в зависимости от стоимости его средних ежедневных жизненных средств, т. е. от того среднего рабочего времени, которое ежедневно требуется для их производства. Если в стоимости ежедневных жизненных средств рабочего воплощено в среднем 6 овеществленных рабочих часов, то рабочему приходится работать в среднем по 6 часов в день для того, чтобы произвести эту стоимость. Если бы он работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, ему пришлось бы, при прочих равных условиях, по-прежнему работать в среднем такую же часть суток для того, чтобы произвести стоимость своей рабочей силы и таким образом приобрести жизненные средства, необходимые для его собственного сохранения, или постоянного воспроизводства. Но так как в ту часть рабочего дня, в продолжение которой он производит дневную стоимость рабочей силы, скажем 3 шилл., он производит только эквивалент той стоимости, которая уже

²⁸⁾ Точно так же, как англичане говорят «rate of profits», «rate of interest» [«норма прибыли», «норма процента»] и т. д. Из книги III читатель увидит, что легко понять норму прибыли, если известны законы прибавочной стоимости. В обратном порядке невозможно понять ni l'un, ni l'autre [ни того, ни другого].

уплачена ему капиталистом ^{28a)}, т. е. просто возмещает вновь созданной стоимостью авансированную переменную капитальную стоимость, то это производство стоимости является просто воспроизводством. Итак, ту часть рабочего дня, в продолжение которой совершается это воспроизводство, я называю необходимым рабочим временем, а труд, затрачиваемый в течение этого времени, — необходимым трудом ²⁹⁾. Необходимым для рабочих потому, что он независим от общественной формы их труда. Необходимым для капитала и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочего является их базисом.

Второй период процесса труда, — тот, в течение которого рабочий работает уже за пределами необходимого труда, — хотя и стоит ему труда, затраты рабочей силы, однако не образует никакой стоимости для рабочего. Он образует прибавочную стоимость, которая прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего. Эту часть рабочего дня я называю прибавочным рабочим временем, а затраченный в течение ее труд — прибавочным трудом (*surplus labour*). Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее просто как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как овеществленный прибавочный труд. Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда ³⁰⁾.

Так как стоимость переменного капитала равна стоимости купленной им рабочей силы, так как стоимость этой рабочей силы определяет необходимую часть рабочего дня, а прибавочная стои-

^{28a)} {Примечание к 3 изданию. Автор пользуется здесь ходячим экономическим языком. Напомним, что, как показано на стр. 137 [стр. 166 настоящего тома], «авансирует» в действительности не капиталист рабочего, а рабочий капиталиста. Ф. Э.}

²⁹⁾ До сих пор мы обозначали в этой работе словами «необходимое рабочее время» то рабочее время, которое вообще общественно необходимо для производства известного товара. Теперь мы будем употреблять их и по отношению к тому рабочему времени, которое необходимо для производства такого специфического товара, как рабочая сила. Употребление одних и тех же *termini technici* [технических терминов] в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удастся ни в одной науке. Ср., например, высшие и низшие отделы математики.

³⁰⁾ Г-н Вильгельм Фукидид Рошер ⁷⁸ с истинно готтшедовской ⁷⁹ гениальностью открывает, что если прибавочная стоимость или прибавочный продукт и связанное с ними накопление обязаны в настоящее время своим происхождением «бережливости» капиталиста, который «требует за это, например, процент», то «на низких ступенях культуры», напротив, «... более сильные принуждают к бережливости более слабых» (цит. соч., стр. 82, 78). К сбережению труда? или несуществующего избытка продуктов? Наряду с действительным невежеством апологетический страх перед добросовестным анализом стоимости и прибавочной стоимости и перед тем, что вдруг получится соблазнительно-неблагонадежный с полицейской точки зрения результат, — вот что заставляет Рошера и К⁹ превращать более или менее благовидные мотивы, которыми капиталист оправдывает присвоение уже существующей прибавочной стоимости, в обоснование ее происхождения.

мость, в свою очередь, определяется избыточной частью рабочего дня, то из этого следует: прибавочная стоимость относится к переменному капиталу, как прибавочный труд относится к необходимому труду, или норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$.

Обе части пропорции выражают одно и то же отношение в различной форме: в одном случае в форме ове­ществленного труда, в другом случае в форме текучего труда.

Поэтому норма прибавочной стоимости есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом ^{30a)}.

Согласно нашему предположению, стоимость продукта была $= \overbrace{410}^c$ ф. ст. $+ \overbrace{90}^v$ ф. ст. $+ \overbrace{90}^m$ ф. ст., авансированный капитал был $= 500$ фунтов стерлингов. Так как прибавочная стоимость $= 90$, авансированный же капитал $= 500$, то по обычному способу вычисления получилось бы, что норма прибавочной стоимости (которую смешивают с нормой прибыли) $= 18\%$, — отношение, низкий уровень которого растрогал бы господина Кэри и других проповедников «гармонии». В действительности же норма прибавочной стоимости равна не $\frac{m}{K}$, или $\frac{m}{c+v}$, а $\frac{m}{v}$, следовательно не $\frac{90}{500}$, а $\frac{90}{90} = 100\%$, т. е. более чем в пять раз превышает кажущуюся степень эксплуатации. Хотя в данном случае мы не знаем ни абсолютной величины рабочего дня, ни периода, в течение которого продолжается процесс труда (день, неделя и т. д.), ни, наконец, числа рабочих, которых одновременно приводит в движение переменный капитал в 90 ф. ст., тем не менее норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$, так как она может быть превращена в $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$, точно показывает соотношение между двумя составными частями рабочего дня. Оно равно 100%. Следовательно, рабочий одну половину дня работал на себя, а другую половину — на капиталиста.

Итак, метод исчисления нормы прибавочной стоимости, коротко говоря, таков: мы берем всю стоимость продукта и приравняем нулю постоянную капитальную стоимость, которая лишь вновь появляется в стоимости продукта. Остающаяся сумма стоимости есть единственная стоимость, действительно вновь произведенная

^{30a)} *Примечание к 2 изданию.* Являясь точным выражением степени эксплуатации рабочей силы, норма прибавочной стоимости, тем не менее, отнюдь не выражает абсолютную величину эксплуатации. Например, если необходимый труд $= 5$ часам и прибавочный труд $= 5$ часам, то степень эксплуатации $= 100\%$. Величина эксплуатации измеряется здесь 5 часами. Если же необходимый труд $= 6$ часам и прибавочный труд $= 6$ часам, степень эксплуатации в 100% остается без изменения, между тем как величина эксплуатации возрастает на 20% — с 5 до 6 часов.

в процессе образования товара. Если прибавочная стоимость дана, то мы, чтобы найти переменный капитал, вычитаем ее из этой вновь произведенной стоимости. Если же дан переменный капитал и мы ищем прибавочную стоимость, то мы поступаем наоборот. Если даны и прибавочная стоимость и переменный капитал, то остается произвести лишь заключительную операцию — вычислить отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, $\frac{m}{v}$.

Как ни прост этот метод, тем не менее представляется уместным дать читателю возможность освоиться посредством нескольких примеров с лежащим в основе этого метода и непривычным для читателя принципом.

Прежде всего пример прядильной фабрики с 10 000 мюльных веретен, на которой прядется из американского хлопка пряжа № 32 и производится по 1 ф. на веретено в неделю. Угары составляют 6%. Следовательно, еженедельно 10 600 ф. хлопка перерабатываются в 10 000 ф. пряжи и 600 ф. угаров. В апреле 1871 г. этот хлопок стоил $7\frac{3}{4}$ пенса за фунт, т. е. 10 600 ф. стоили округленно 342 фунта стерлингов. Эти 10 000 веретен, а также машины, обрабатывающие хлопок перед самым прядением, и паровая машина стоят 1 ф. ст. на веретено, следовательно 10 000 фунтов стерлингов. Ежегодный износ их составляет 10%, или 1 000 ф. ст., или 20 ф. ст. в неделю. Аренда фабричного здания — 300 ф. ст., или 6 ф. ст. в неделю. Уголь (4 ф. в час на одну лошадиную силу, на 100 лошадиных (индикаторных) сил и 60 часов в неделю, включая в расчет и отопление здания) — 11 тонн в неделю, по 8 шилл. 6 пенсов тонна, стоит округленно $4\frac{1}{2}$ ф. ст. в неделю; газ — 1 ф. ст. в неделю, масло — $4\frac{1}{2}$ ф. ст. в неделю, следовательно все вспомогательные материалы — 10 ф. ст. в неделю. Итак, постоянная часть стоимости выражается в 378 ф. ст. в неделю. Заработная плата составляет 52 ф. ст. в неделю. Цена пряжи при $12\frac{1}{4}$ пенса за фунт составит за 10 000 фунтов 510 ф. ст.; следовательно, прибавочная стоимость: 510 ф. ст. — 430 ф. ст. = 80 фунтам стерлингов. Постоянную часть капитала в 378 ф. ст. мы приравниваем нулю, так как она не принимает участия в образовании стоимости за неделю. Остается еженедельная вновь произведен-

ная стоимость в $132 = 52 \text{ ф. ст.} + 80 \text{ фунтов стерлингов}$. Таким образом, норма прибавочной стоимости $= \frac{80}{52} = 153\frac{1}{13} \%$. При десятичасовом среднем рабочем дне получается: необходимый труд $= 3\frac{31}{33}$ часа и прибавочный труд $= 6\frac{2}{33}$ часа ³¹⁾.

³¹⁾ *Примечание к 2 изданию.* Пример прядильной фабрики, приведенный в первом издании и относящийся к 1860 г., содержал некоторые фактические ошибки. Приведенные в тексте совершенно точные данные сообщены мне одним манчестерским фабрикантом. — Следует отметить, что в Англии старая лошадиная сила вычислялась по диаметру цилиндра, новая же вычисляется по действительной силе, которую указывает индикатор.

Джейкоб, предполагая цену пшеницы в 80 шилл. за квартал и средний сбор в 22 бушеля с акра, так что один акр приносит 11 ф. ст., приводит для 1815 г. следующий расчет⁸⁰, страдающий серьезными недочетами, — поскольку в нем предварительно произведено взаимное покрытие различных статей, — но достаточный для нашей цели:

Производство стоимости на 1 акр

Семена (пшеница) 1 ф. ст. 9 шилл.	Десятины, налоги 1 ф. ст. 1 шилл.
Удобрение 2 ф. ст. 10 шилл.	Рента 1 ф. ст. 8 шилл.
Заработная плата 3 ф. ст. 10 шилл.	Прибыль фермера и процент 1 ф. ст. 2 шилл.
Итого 7 ф. ст. 9 шилл.	Итого 3 ф. ст. 11 шилл.

Прибавочная стоимость, при том постоянном предположении, что цена продукта равна его стоимости, распределяется здесь между различными рубриками: прибыль, процент, десятины и т. д. Эти рубрики не представляют для нас интереса. Мы складываем их и получаем прибавочную стоимость в 3 ф. ст. 11 шиллингов. Те 3 ф. ст. 19 шилл., которых стоят семена и удобрение, мы приравниваем, как постоянную часть капитала, нулю. Остается авансированный переменный капитал в 3 ф. ст. 10 шилл., вместо которого была произведена новая стоимость в 3 ф. ст. 10 шилл. + 3 ф. ст. 11 шиллингов. Таким образом, $\frac{m}{v}$ со-

ставляет $\frac{3 \text{ ф. ст. } 11 \text{ шилл.}}{3 \text{ ф. ст. } 10 \text{ шилл.}}$, более 100%. Рабочий более половины своего рабочего дня употребляет на производство прибавочной стоимости, которую различные лица под различными предложениями распределяют между собой^{31a)}.

2. ВЫРАЖЕНИЕ СТОИМОСТИ ПРОДУКТА В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ДОЛЯХ ПРОДУКТА

Возвратимся теперь к тому примеру, который показал нам, как капиталист из денег делает капитал. Необходимый труд его прядильщика составляет 6 часов, прибавочный труд — столько же, а потому степень эксплуатации рабочей силы — 100%.

Продукт двенадцатичасового рабочего дня составляет 20 ф. пряжи стоимостью в 30 шиллингов. Не менее $\frac{8}{10}$ стоимости этой пряжи (24 шилл.) образовано лишь вновь появляющейся стоимостью потребленных средств производства (20 ф. хлопка на

^{31a)} Приведенные вычисления служат только в качестве иллюстрации. При этом мы исходим из предположения, что цены равны стоимостям. В книге III мы увидим, что это равенство устанавливается не таким простым путем даже для средних цен.

20 шилл., веретена и т. д. на 4 шилл.), или состоит из постоянного капитала. Остальные $\frac{2}{10}$ представляют собой возникшую во время процесса прядения новую стоимость в 6 шилл., из которой половина возмещает авансированную дневную стоимость рабочей силы, или переменный капитал, а другая половина образует прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Следовательно, вся стоимость этих 20 ф. пряжи составляет следующим образом:

$$\text{стоимость пряжи } 30 \text{ шилл.} = \overset{c}{24} \text{ шилл.} + \overset{v}{3} \text{ шилл.} + \overset{m}{3} \text{ шилл.}$$

Так как вся эта стоимость воплощается во всем продукте $\equiv 20$ ф. пряжи, то и различные элементы стоимости можно выразить в пропорциональных долях продукта.

Если стоимость в 30 шилл. существует в виде 20 ф. пряжи, то $\frac{8}{10}$ этой стоимости, или ее постоянная часть в 24 шилл., заключается в $\frac{8}{10}$ продукта, т. е. в 16 ф. пряжи. Из них $13\frac{1}{3}$ ф. представляют стоимость сырого материала — перепряденного хлопка на 20 шилл., а $2\frac{2}{3}$ ф. представляют стоимость потребленных вспомогательных материалов и средств труда, веретен и т. д., на 4 шиллинга.

Итак, $13\frac{1}{3}$ ф. пряжи представляют весь хлопок, потребленный на весь продукт, на 20 ф. пряжи, они представляют сырой материал всего продукта, и ничего больше. Хотя в них заключается только $13\frac{1}{3}$ ф. хлопка стоимостью в $13\frac{1}{3}$ шилл., но добавочная их стоимость в $6\frac{2}{3}$ шилл. образует эквивалент хлопка, потребленного на остальные $6\frac{2}{3}$ ф. пряжи. Дело обстоит так, как если бы из последних $6\frac{2}{3}$ ф. был выщипан весь хлопок и как если бы весь хлопок, потребленный на весь продукт, был втиснут в $13\frac{1}{3}$ ф. пряжи. Но зато в этих $13\frac{1}{3}$ ф. пряжи теперь не содержится ни одного атома стоимости потребленных вспомогательных материалов и средств труда и ни одного атома новой стоимости, созданной в процессе прядения.

Точно так же другие $2\frac{2}{3}$ ф. пряжи, в которых заключается остаток постоянного капитала (равный 4 шилл.), не представляют ничего иного, кроме стоимости вспомогательных материалов и средств труда, потребленных на весь продукт, на 20 ф. пряжи.

Поэтому $\frac{8}{10}$ продукта, или 16 ф. пряжи, хотя и являются, если рассматривать их телесно, как потребительную стоимость, как пряжу, созданием прядильного труда в такой же мере, как и остальные части продукта, тем не менее в данной связи они не включают в себе прядильного труда, труда, который впитан во время самого процесса прядения. Дело обстоит так, как если бы они без прядения превратились в пряжу и как если бы их форма пряжи представляла собой чистейший обман. В самом деле, если капиталист продаст их за 24 шилл. и на последние вновь купит свои средства производства, то становится ясным, что 16 ф. пряжи — это лишь переодетые хлопок, веретена, уголь и т. д.

Наоборот, остающиеся $\frac{2}{10}$ продукта, или 4 ф. пряжи, теперь не представляют ничего иного, кроме новой стоимости в 6 шилл., произведенной во время двенадцатичасового процесса прядения. Заключавшаяся в них стоимость потребленных сырых материалов и средств труда уже была выпотрошена из них и вошла в состав первых 16 ф. пряжи. Воплощенный в 20 ф. пряжи прядильный труд сконцентрирован в $\frac{2}{10}$ продукта. Дело обстоит так, как если бы прядильщик выпрял 4 ф. пряжи из воздуха или же из такого хлопка и такими веретенами, которые даны природой, появились без действия человеческого труда и потому не присоединяют к продукту никакой стоимости.

Из этих 4 ф. пряжи, в которых, таким образом, содержится вся стоимость, вновь произведенная во время дневного процесса прядения, одна половина представляет только стоимость, возмещающую стоимость потребленной рабочей силы, т. е. только переменный капитал в 3 шилл., остальные же 2 ф. пряжи — только прибавочную стоимость в 3 шиллинга.

Так как 12 рабочих часов прядильщика овеществляются в 6 шилл., то в 30 шилл. стоимости пряжи овеществлены 60 рабочих часов. Они существуют в 20 ф. пряжи, из которых $\frac{8}{10}$, или 16 ф., есть материализация истекших до начала прядения 48 рабочих часов, материализация именно того труда, который овеществлен в средствах производства пряжи, а $\frac{2}{10}$, или 4 ф., являются материализацией 12 рабочих часов, затраченных в самом процессе прядения.

Раньше мы видели, что стоимость пряжи равна сумме новой стоимости, созданной во время производства пряжи, плюс стоимости, уже ранее существовавшие в средствах ее производства. Теперь мы видим, каким образом функционально или в понятии различные составные части стоимости продукта могут быть представлены в относительных долях самого продукта.

Это распадение продукта — результата процесса производства — на количество продукта, представляющее только труд, заключающийся в средствах производства, или постоянную часть капитала, другое количество, представляющее только необходимый труд, присоединенный в процессе производства, или переменную часть капитала, и третье, последнее количество продукта, представляющее только прибавочный труд, присоединенный в этом самом процессе, или прибавочную стоимость, — это распадение настолько же просто, насколько и важно, как покажет дальнейшее применение его к запутанным и все еще не разрешенным проблемам.

Сейчас мы рассматривали весь продукт как готовый результат двенадцатичасового рабочего дня. Но мы могли бы проследить его и в процессе его возникновения и, тем не менее, представить частичные продукты как функционально различные части продукта.

Прядильщик производит в 12 часов 20 ф. пряжи, следовательно в один час $1\frac{2}{3}$ ф., а в 8 часов $13\frac{1}{3}$ ф., т. е. частичный продукт, представляющий всю стоимость хлопка, перепряденного в течение всего рабочего дня. Точно так же частичный продукт следующих 1 часа 36 минут = $2\frac{2}{3}$ ф. пряжи и потому представляет стоимость средств труда, потребленных в течение 12 рабочих часов. Точно так же в следующие 1 час 12 минут прядильщик производит 2 ф. пряжи = 3 шилл. — это стоимость продукта, равная всей новой стоимости, которую он создает в 6 часов необходимого труда. Наконец, в последние $\frac{6}{5}$ часа он производит опять-таки 2 ф. пряжи, стоимость которых равна прибавочной стоимости, произведенной его прибавочным трудом, составляющим половину дня. Этот способ исчисления служит английскому фабриканту для домашнего обихода, и он скажет, например, что в первые 8 часов, или $\frac{2}{3}$ рабочего дня, он просто выручает свой хлопок и т. д. Мы видим, что формула верна, что в действительности это просто первая формула, переведенная с пространства, где готовые части продукта лежат одна подле другой, на время, где они следуют одна за другой. Но формула может сопровождаться и самыми варварскими представлениями, особенно в головах, которые практически заинтересованы как в увеличении стоимости, так и в том, чтобы дать превратное теоретическое представление об этом процессе. Так, можно вообразить, что, например, наш прядильщик в первые 8 часов своего рабочего дня производит, или возмещает, стоимость хлопка, в следующие 1 час 36 минут — стоимость потребленных средств труда, в следующие 1 час 12 минут — стоимость заработной платы и только знаменитый «последний час» посвящает фабриканту, производству прибавочной стоимости. Прядильщику приписывается, таким образом, двойное чудо: выходит, во-первых, что он производит хлопок, веретена, паровую машину, уголь, масло и т. д. в тот самый момент, когда он прядет с их помощью, и, во-вторых, что из одного рабочего дня данной степени интенсивности он делает пять таких дней. В нашем случае, в частности, производство сырого материала и средств труда требует $\frac{24}{6}$, т. е. 4-х двенадцатичасовых рабочих дней, и их превращение в пряжу — еще одного двенадцатичасового рабочего дня. Что жажда наживы заставляет верить в такие чудеса и что нет недостатка в доктринах-сифофантах, которые их доказывают, — об этом говорит следующий пример, приобретший историческую славу.

3. «ПОСЛЕДНИЙ ЧАС» СЕНИОРА

В одно прекрасное утро 1836 г. Нассау У. Сениор, известный своими экономическими познаниями и своим прекрасным стилем, в некотором роде Клаурен среди английских экономистов, был вызван из Оксфорда в Манчестер, чтобы поучиться здесь политической экономии, вместо того чтобы обучать ей в Оксфорде. Фабриканты

избрали его борцом против недавно изданного фабричного акта ⁸¹ и против агитации за десятичасовой рабочий день, которая шла еще дальше. С обычной практической проницательностью они увидели, что господин профессор «wanted a good deal of finishing» [«еще порядком нуждается в окончательной отделке»]. Поэтому они прописали ему поездку в Манчестер. Господин профессор, со своей стороны, украсил своим стилем уроки, полученные им в Манчестере у фабрикантов, и издал памфлет: «Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture». London, 1837. Здесь, между прочим, можно прочесть следующее поучение:

«При теперешнем фабричном акте ни одна фабрика, на которой работают лица моложе 18 лет, не может работать более $11\frac{1}{2}$ часов в день, т. е. по 12 часов в первые 5 дней недели и 9 часов в субботу. Следующий анализ (!) показывает, что на такой фабрике вся чистая прибыль происходит от последнего часа. Фабрикант затрачивает 100 000 ф. ст.: 80 000 ф. ст. на фабричные здания и машины, 20 000 ф. ст. на сырой материал и заработную плату. Предполагая, что капитал оборачивается один раз в год и что валовая прибыль составляет 15%, годового оборот товаров этой фабрики должен составить стоимость в 115 000 фунтов стерлингов... Каждая из 23 половин рабочего часа, составляющих рабочий день, производит $\frac{5}{115}$, или $\frac{1}{23}$, этих 115 000 фунтов стерлингов. Из этих $\frac{23}{23}$, образующих совокупность этих 115 000 ф. ст. (constituting the whole 115 000 ф. ст.), $\frac{20}{23}$, т. е. 100 000 из 115 000, просто возмещают капитал; $\frac{1}{23}$, или 5 000 ф. ст. из 15 000 ф. ст., составляющих валовую прибыль (!), возмещает износ фабрики и машин. Остающиеся $\frac{2}{23}$, т. е. два последних пол часа каждого дня, производит чистую прибыль в 10%. Поэтому, если бы при неизменных ценах фабрика могла работать 13 часов вместо $11\frac{1}{2}$, то, при увеличении оборотного капитала приблизительно на 2 600 ф. ст., чистая прибыль увеличилась бы более чем вдвое. С другой стороны, если бы рабочий день был сокращен на 1 час, то исчезла бы чистая прибыль, а если бы на $1\frac{1}{2}$ часа, то исчезла бы и валовая прибыль» ³²⁾.

И это господин профессор называет «анализом»! Если он действительно поверил воплю фабрикантов, что рабочие большую часть

³²⁾ Senior. «Letters on the Factory Act etc.». London, 1837, p. 12, 13. Мы не останавливаемся на некоторых курьезах, безразличных для нашей цели, например на утверждении, будто фабриканты причисляют к прибыли, брутто или нетто, валовой или чистой, возмещение стоимости изношенных машин и т. д., т. е. одной из составных частей капитала. Не останавливаемся также на том, правильны или фальшивы цифровые данные. Что они стоят не больше так называемого «анализа», это доказал Леонард Хорнер в «A Letter to Mr. Senior etc.». London, 1837 [p. 30—42]. Леонард Хорнер, один из членов комиссии 1833 г. по обследованию условий труда фабричных рабочих и фабричный инспектор, по существу цензор фабрик, вплоть до 1859 г., оказал бессмертные услуги английскому рабочему классу. Всю свою жизнь он вел борьбу не только с озлобленными фабрикантами, но и с министрами, для которых было несравненно важнее считать «голоса» фабрикантов в палате общин, чем часы «рабочих рук» на фабрике.

Добавление к примечанию 32. Не говоря уже о фальши содержания, изложение Сениора путаное. Сказать он хотел, собственно, только вот что: фабрикант заставляет рабочего ежедневно работать $11\frac{1}{2}$, или $\frac{23}{2}$ часа. Подобно отдельному рабочему дню, весь годового труд состоит из $11\frac{1}{2}$, или $\frac{23}{2}$ часа (помноженных на число рабочих дней в году). При этом предположении $\frac{23}{2}$ рабочего часа производит годового продукт в 115 000 фунтов стерлингов; $\frac{1}{2}$ рабочего часа производит 115 000 ф. ст. $\times \frac{1}{23}$; $\frac{20}{2}$ рабочего часа производит 115 000 ф. ст. $\times \frac{20}{23} = 100 000$ ф. ст., т. е. они только возмещают авансированный капитал. Остаются $\frac{3}{2}$ рабочих часа, которые производят 115 000 ф. ст. $\times \frac{3}{23} = 15 000$, т. е. валовую прибыль. Из этих $\frac{3}{2}$ рабочего часа $\frac{1}{2}$ рабочего часа производит 115 000 ф. ст. $\times \frac{1}{23} = 5 000$ ф. ст., т. е. производит только возмещение износа фабрики и машин. Последние две половины рабочего часа, т. е. последний рабочий час, производит 115 000 ф. ст. $\times \frac{2}{23} = 10 000$ ф. ст., т. е. чистую прибыль. В тексте Сениор превращает последние $\frac{2}{23}$ продукта в части самого рабочего дня.

дня растрачивают на производство, а следовательно на воспроизводство, или возмещение, стоимости зданий, машин, хлопка, угля и т. д., то всякий анализ был излишним. Он мог просто ответить: Милостивые государи! Если вы заставите работать 10 часов вместо $11\frac{1}{2}$, то при прочих равных условиях ежедневное потребление хлопка, машин и т. д. сократится на $1\frac{1}{2}$ часа. Следовательно, вы выиграете ровно столько же, сколько вы потеряли. В будущем ваши рабочие станут затрачивать на воспроизводство, или возмещение, авансированной капитальной стоимости на $1\frac{1}{2}$ часа меньше. А если бы Сениор не поверил им на слово и как сведущее лицо признал бы необходимым особый анализ, то он должен был бы прежде всего попросить господ фабрикантов о том, чтобы в вопросе, касающемся исключительно отношения чистой прибыли к величине рабочего дня, они не сваливали в одну кучу машины и фабричные здания, сырой материал и труд, а сообразовали бы выделить постоянный капитал, заключающийся в фабричных зданиях, машинах, сыром материале и т. д., на одну сторону, капитал же, авансированный на заработную плату, — на другую сторону. Если бы тогда оказалось, например, что по вычислениям фабрикантов рабочий воспроизводит, или возмещает, заработную плату в $\frac{2}{2}$ рабочих часа, или в один час, то наш аналитик должен был бы продолжить:

Согласно вашим данным, рабочий в предпоследний час производит свою заработную плату, а в последний — вашу прибавочную стоимость, или чистую прибыль. Так как в равные промежутки времени он производит равные стоимости, то продукт предпоследнего часа имеет такую же стоимость, как и продукт последнего. Далее, рабочий производит стоимость лишь при том условии, если он затрачивает труд и количество его труда измеряется его рабочим временем. Последнее, согласно вашим данным, составляет $11\frac{1}{2}$ часов в день. Одну часть этих $11\frac{1}{2}$ часов он употребляет на производство, или на возмещение, своей заработной платы, другую часть на производство вашей чистой прибыли. Ничего больше он не делает в продолжение рабочего дня. А так как, согласно вашему утверждению, его заработная плата и доставляемая им прибавочная стоимость суть равновеликие стоимости, то он, очевидно, производит свою заработную плату в $5\frac{3}{4}$ часа и вашу чистую прибыль в остальные $5\frac{3}{4}$ часа. Так как, далее, стоимость продукта, произведенного в два часа прядения, равна сумме стоимости его заработной платы плюс ваша чистая прибыль, то эта стоимость пряжи должна измеряться $11\frac{1}{2}$ рабочими часами: продукт предпоследнего часа $5\frac{3}{4}$ рабочих часа, продукт последнего часа — ditto [тоже]. Мы подходим теперь к щекотливому пункту. Итак, внимание! Предпоследний рабочий час — такой же обыкновенный рабочий час, как и первый. *Ni plus, ni moins* [Не более и не менее]. Поэтому, как же может прядильщик в один рабочий час произвести стоимость

пряжи, представляющую $5\frac{3}{4}$ рабочих часа? В действительности он и не совершает такого чуда. Та потребительная стоимость, которую он производит в один рабочий час, есть определенное количество пряжи. Стоимость этой пряжи измеряется $5\frac{3}{4}$ рабочего часа, из которых $4\frac{3}{4}$ уже заключаются, помимо содействия с его стороны, в средствах производства, в хлопке, машинах и т. д., потребленных в течение часа, а $\frac{1}{4}$, или один час, присоединены им самим. Таким образом, так как его заработная плата производится в $5\frac{3}{4}$ часа, а продукт, произведенный в один час прядения, точно так же содержит $5\frac{3}{4}$ рабочего часа, то нет решительно никакого волшебства в том, что новая стоимость, произведенная им в продолжение $5\frac{3}{4}$ часа прядения, равна стоимости продукта одного часа прядения. Но вы совершенно заблуждаетесь, если думаете, будто он затрачивает хотя бы один атом своего рабочего дня на воспроизводство, или «возмещение», стоимостей хлопка, машин и т. д. Благодаря тому, что его труд делает из хлопка и веретен пряжу, благодаря тому, что он прядет, стоимость хлопка и веретен сама собой переходит на пряжу. Это — следствие качества его труда, а не количества. Конечно, в один час он перенесет на пряжу большую стоимость хлопка и т. д., чем в $\frac{1}{2}$ часа, но лишь по той причине, что в 1 час он перепрядет хлопка больше, чем в $\frac{1}{2}$ часа. Итак, вы видите: ваше утверждение, что рабочий в предпоследний час производит стоимость своей заработной платы, а в последний час — чистую прибыль, означает только, что в пряже, представляющей продукт двух часов его рабочего дня, будут ли то первые или последние часы, воплощено $11\frac{1}{2}$ рабочих часов, — ровно столько же, сколько насчитывается во всем его рабочем дне. А утверждение, что он в первые $5\frac{3}{4}$ часа производит свою заработную плату, а в последние $5\frac{3}{4}$ часа — вашу чистую прибыль, означает только, что первые $5\frac{3}{4}$ часа вы оплачиваете, а последние $5\frac{3}{4}$ часа не оплачиваете. Я говорю об оплате труда, а не об оплате рабочей силы, просто пользуясь вашим жаргоном. Теперь, господа, если вы возьмете отношение рабочего времени, которое вы оплачиваете, к тому рабочему времени, которого вы не оплачиваете, то вы найдете, что оно равно отношению половины дня к половине дня, т. е. 100%, что, несомненно, — очень хороший процент. Не подлежит также никакому сомнению, что если вы заставите работать своих рабочих 13 часов вместо $11\frac{1}{2}$ и излишние $1\frac{1}{2}$ часа просто присоедините к прибавочному труду, что было бы совершенно в вашем духе, то последний возрастет с $5\frac{3}{4}$ часа до $7\frac{1}{4}$ часа, а потому норма прибавочной стоимости повысится с 100% до $126\frac{2}{23}\%$. Но вы слишком безумные сангвиники, если вы надеетесь, что вследствие присоединения $1\frac{1}{2}$ часов она увеличится с 100% до 200% и даже более чем до 200%, т. е. что она «более чем удвоится». С другой стороны, — сердце человека — удивительная вещь, особенно, если человек носит сердце в своем кошельке, — вы слишком мрачные пессимисты, если вы

опасаетесь, что с сокращением рабочего дня с $11\frac{1}{2}$ до $10\frac{1}{2}$ часов пойдет прахом вся ваша чистая прибыль. Отнюдь нет. При прочих равных условиях прибавочный труд понизится с $5\frac{3}{4}$ до $4\frac{3}{4}$ часа, что все еще дает весьма значительную норму прибавочной стоимости, именно $82\frac{14}{23}\%$. Но ваш роковой «последний час», о котором вы рассказываете сказок больше, чем хилиасты⁸² о светопреставлении, это — «all bosh» [«совершенный вздор»]. Потеря его не отнимет у вас «чистой прибыли», а у используемых вами детей обоего пола — «чистоты душевной»^{32a)}.

Когда действительно пробьет ваш «последний часочек», вспомните оксфордского профессора. А пока до приятного свидания в

32a) Если Сениор доказал, что от «последнего рабочего часа» зависит чистая прибыль фабрикантов, существование английской хлопчатобумажной промышленности и положение Англии на мировом рынке, то д-р Эндрю Юр в придачу к этому доказал⁸³, в свою очередь, что если фабричных детей и подростков моложе 18 лет не запрягать на полные 12 часов в теплой и чистой нравственной атмосфере фабричного помещения, а «одним часом» раньше выталкивать их в неуютный и распушенный внешний мир, то праздность и порок лишат их душевной чистоты. С 1848 г. фабричные инспектора в своих полугодичных «Reports» неустанно поддразнивают фабрикантов «последним», «роковым часом». Так, г-н Хауэлл в своем фабричном отчете от 31 мая 1855 г. говорит: «Если бы следующее остроумное вычисление» (он цитирует Сениора) «было правильно, то оказалось бы, что каждая хлопчатобумажная фабрика в Соединенном королевстве с 1850 г. работала себе в убыток» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1855», p. 19, 20). В 1848 г., когда десятичасовой билль прошел через парламент, фабриканты сельских льнопрядилен, рассеянных между графствами Дорсет и Сомерсет, принудили некоторых рабочих, на которых распространялось ограничение рабочего дня, принять контрпетицию, в которой, между прочим, говорится: «Мы, просители-родители, полагаем, что добавочный час праздности не может иметь никакого иного результата, кроме деморализации наших детей, ибо праздность — мать всех пороков». По этому поводу фабричный отчет от 1 декабря 1848 г. замечает: «Воздух льнопрядилен, где работают дети этих добродетельно-нежных родителей, до такой степени насыщен пылью и частицами волокон сырого материала, что чрезвычайно неприятно пробыть в прядильне хотя бы только 10 минут, так как летящая пыль, от которой нет никакого спасения, проникая в глаза, уши, нос и рот, вызывает мучительнейшее ощущение. Самый труд, вследствие безумной быстроты машин, требует постоянно ловкости и движения при неослабном внимании, и представляется несколько жестоким заставить родителей употреблять слово «леность» по адресу собственных детей, которые, за вычетом времени на еду, 10 полных часов прикованы к такой работе, в такой атмосфере... Эти дети работают дольше, чем батраки в соседних деревнях. Такие безжалостные обвинения в «праздности и пороке» следует заклеивать как чистейшее ханжество и самое бесстыдное лицемерие... Та часть общества, которая приблизительно двенадцать лет тому назад была поражена самоуверенностью, с которой публично и совершенно серьезно возвещали, опираясь на санкцию высокого авторитета, будто вся «чистая прибыль» фабриканта происходит из «последнего часа» труда и потому сокращение рабочего дня на один час уничтожит всю чистую прибыль, — эта часть общества, говорим мы, едва ли поверит своим глазам, когда она увидит, что оригинальное открытие относительно благосейний «последнего часа» с того времени усовершенствовано настолько, что оно теперь в одинаковой мере включает в себя и «мораль» и «прибыль», так что если продолжительность детского труда будет сокращена до 10 полных часов, то вместе с чистой прибылью хозяев улетучится и нравственность детей, так как и то и другое зависит от этого последнего, этого «фатального часа» («Reports of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1848», p. 101). Этот же фабричный отчет приводит потом образчики «морали» и «добродетели» этих господ фабрикантов, образчики тех каверз, уловок, приманок, угроз, подделок и т. д., которые они цускали в ход для того, чтобы заставить немногих совершенно безответных рабочих подписывать петиции такого рода, а потом выдавать эти петиции перед парламентом за петиции целой отрасли промышленности, целых графств. — В высшей степени характерный для современного состояния так называемой экономической «науки» остается тот факт, что ни сам Сениор, — который, к своей чести, впоследствии энергично выступил за фабричное законодательство, — ни его первоначальные и позднейшие противники не сумели разобраться в ложных выводах «оригинального открытия». Они просто апеллировали к фактам и опыту. Why и wherefore [как и почему] — осталось для них тайной.

лучшем мире. Addio!.. [До свидания!] ³³⁾ Сигнал «последнего часа», открытого Сениором в 1836 г., был снова подан 15 апреля 1848 г. в лондонском «Economist» Джемсом Уилсоном, одним из главных экономических мандаринов, в его полемике против закона о десятичасовом рабочем дне.

4. ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ

Ту часть продукта ($\frac{1}{10}$ часть 20 ф. пряжи, или два фунта пряжи в примере из раздела 2), в которой выражается прибавочная стоимость, мы называем прибавочным продуктом (*surplus produce, produit net*). Как норма прибавочной стоимости определяется отношением последней не ко всей сумме капитала, а только к его переменной составной части, так и уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд. Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта ³⁴⁾.

Сумма необходимого труда и прибавочного труда, отрезков времени, в которые рабочий производит стоимость, возмещающую его рабочую силу, и прибавочную стоимость, образует абсолютную величину его рабочего времени — рабочий день (*working day*).

³³⁾ Однако господин профессор все же извлек некоторую пользу из своей манчестерской прогулки. В «*Letters on the Factory Act*» весь чистый доход — «прибыль» и «процент» и даже «*something more*» [«нечто большее»] — зависит от одного неоплаченного рабочего часа рабочего! Годом раньше, в своем «*Outline of Political Economy*», сочиненном для оксфордских студентов и образованных филистеров, Сениор, полемизируя против рикардовского определения стоимости рабочим временем, «открыл», что прибыль возникает из труда капиталиста, а процент — из его аскетизма, из его «*Abstinence*» [«воздержания»]. Выдумка была старая, но слово «*Abstinence*» было новое. Г-н Рошер верно перевел его на немецкий язык словом «*Enthaltung*» [«воздержание»]. Но его соотечественники, менее знакомые с латынью, — Вирты, Шульцы и другие Михели, — превратили «воздержание» в монашеское «*Enisagung*» [«самоотречение»].

³⁴⁾ «Для человека, имеющего капитал в 20 000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие 100 или 1 000 человек, продается ли произведенный товар за 10 000 или за 20 000 ф. ст., если только получаемая им прибыль в каждом случае не падает ниже 2 000 фунтов стерлингов. Не таков ли также и реальный интерес всей нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, насчитывает ли эта нация 10 или 12 миллионов человек» (*Ricardo. The Principles of Political Economy*, 3rd ed. London, 1821, p. 416). Задолго до Рикардо Артур Юнг, фанатик прибавочного продукта, вообще болтливый, не обладающий критическим умом автор, репутация которого стоит в обратном отношении к его заслугам, писал, между прочим: «Какую пользу имело бы современное государство от целой провинции, земля которой, как бы хорошо она ни обрабатывалась, разделена по древнеримскому образцу, между мелкими независимыми крестьянами? Какой цели служила бы эта земля, кроме той единственной, что на ней производились бы люди («*the mere purpose of breeding men*»), что само по себе составляет самую бесполезную цель?» («*is a most useless purpose*») (*Arthur Young. Political Arithmetic etc.*. London, 1774, p. 47).

Добавление к примечанию 34. Странной представляется «сильная склонность... изображать чистое богатство как нечто благотворное для рабочего класса... Между тем совершенно очевидно, что оно благотворно не потому, что оно чистое» (*Th. Hopkins. On Rent of Land etc.*. London, 1828, p. 126).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

1. ПРЕДЕЛЫ РАБОЧЕГО ДНЯ

Мы исходили из предположения, что рабочая сила покупается и продается по своей стоимости. Стоимость ее, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Следовательно, если для производства жизненных средств рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно, требуется 6 часов, то в среднем он должен работать по 6 часов в день, чтобы ежедневно производить свою рабочую силу, или чтобы воспроизводить стоимость, получаемую при ее продаже. Необходимая часть его рабочего дня составляет в таком случае 6 часов и является поэтому, при прочих неизменных условиях, величиной данной. Но этим еще не определяется величина самого рабочего дня.

Предположим, что линия $a\text{-----}b$ изображает продолжительность, или длину, необходимого рабочего времени, равную, скажем, 6 часам. Смотря по тому, будет ли продолжен труд за пределы ab на 1, 3, 6 часов и т. д., мы получим 3 различных линии:

Рабочий день I

$a\text{-----}b\text{-----}c$,

Рабочий день II

$a\text{-----}b\text{-----}c$,

Рабочий день III

$a\text{-----}b\text{-----}c$,

изображающие три различных рабочих дня в 7, 9 и 12 часов. Линия bc , служащая продолжением линии ab , изображает длину прибавочного труда. Так как рабочий день $= ab + bc$, или ac , то он изменяется вместе с переменной величиной bc . Так как ab есть величина данная, то отношение bc к ab всегда может быть измерено. В рабочем дне I оно составляет $\frac{1}{6}$, в рабочем дне II — $\frac{3}{6}$ и в рабочем дне

III — $\frac{6}{6}$. Так как, далее, отношение $\frac{\text{прибавочное рабочее время}}{\text{необходимое рабочее время}}$ определяет норму прибавочной стоимости, то последняя дана, если известно отношение этих линий. Она составляет в трех приведенных выше рабочих днях соответственно $16\frac{2}{3}\%$, 50% и 100%. Наоборот, одна норма прибавочной стоимости не дала бы нам величины рабочего дня. Если бы, например, она равнялась 100%, то рабочий день мог бы продолжаться 8, 10, 12 часов и т. д. Она указывала бы на то, что две составные части рабочего дня, необходимый труд и прибавочный труд, равны по своей величине, но не показывала бы, как велика каждая из этих частей.

Итак, рабочий день есть не постоянная, а переменная величина. Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его общая величина изменяется вместе с длиной, или продолжительностью, прибавочного труда. Поэтому рабочий день может быть определен, но сам по себе он — неопределенная величина ³⁵⁾.

Хотя, таким образом, рабочий день есть не устойчивая, а текущая величина, все же, с другой стороны, он может изменяться лишь в известных границах. Однако минимальные пределы его не могут быть определены. Правда, если мы предположим, что линия *bc*, служащая продолжением линии *ab*, или прибавочный труд, = 0, то мы получим минимальную границу, а именно ту часть дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания собственного существования. Но при капиталистическом способе производства необходимый труд всегда составляет лишь часть его рабочего дня, т. е. рабочий день никогда не может сократиться до этого минимума. Зато у рабочего дня есть максимальная граница. Он не может быть продлен за известный предел. Эта максимальная граница определяется двояко. Во-первых, физическим пределом рабочей силы. Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определенное количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение одной части суток сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части суток человек должен удовлетворять другие физические потребности — питаться, мыться, одеваться и т. д. Кроме этих чисто физических границ удлинение рабочего дня наталкивается на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому изменения рабочего дня совершаются в пределах физических и социаль-

³⁵⁾ «Рабочий день — величина неопределенная; он может быть длинным или коротким» («An Essay on Trade and Commerce; containing Observations on Taxes etc.». London, 1770, p. 73).

ных границ. Но как те, так и другие границы весьма растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов, т. е. самой различной длины.

Капиталист купил рабочую силу по ее дневной стоимости. Ему принадлежит ее потребительная стоимость в течение одного рабочего дня. Он приобрел, таким образом, право заставить рабочего работать на него в продолжение одного рабочего дня. Но что такое рабочий день? ³⁶⁾ Во всяком случае это нечто меньшее, чем естественный день жизни. На сколько? У капиталиста свой собственный взгляд на эту ultima Thule *, на необходимую границу рабочего дня. Как капиталист, он представляет собой лишь персонифицированный капитал. Его душа — душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление — стремление возрастать, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда ³⁷⁾. Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу ³⁸⁾. Если рабочий потребляет свое рабочее время на самого себя, то он обкрадывает капиталиста ³⁹⁾.

Итак, капиталист ссылается на закон товарного обмена. Как и всякий другой покупатель, он старается извлечь возможно большую пользу из потребительной стоимости своего товара. Но вдруг раздается голос рабочего, который до сих пор заглушался шумом и грохотом [Sturm und Drang] процесса производства.

Товар, который я тебе продал, отличается от остальной товарной черни тем, что его потребление создает стоимость, и притом большую стоимость, чем стоит он сам. Потому-то ты и купил его. То, что для тебя является возрастанием капитала, для меня есть излишнее

³⁶⁾ Вопрос этот бесконечно важнее, чем знаменитый вопрос сэра Роберта Пия к Бирмингемской торговой палате: «Что такое фунт стерлингов?» — вопрос, который мог быть поставлен только потому, что Пиль так же плохо понимал природу денег, как и «little shilling men» ⁶⁴⁾ из Бирмингема.

* — буквально: крайнюю Фулу; здесь это выражение употребляется в смысле: крайний предел. (Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы.) *Ред.*

³⁷⁾ «Задача капиталиста состоит в том, чтобы посредством затраченного капитала получить возможно большую сумму труда» (*J. G. Courcelle-Seneuil. «Traité théorique et pratique des entreprises industrielles», 2ème édit. Paris, 1857, p. 62).*

³⁸⁾ «Потеря одного часа труда в день наносит громадный ущерб торговому государству». «Наблюдается очень большое потребление предметов роскоши рабочей беднотой этого королевства, в особенности мануфактурным населением; при этом оно потребляет и свое время — самый пагубный из всех видов потребления» («*An Essay on Trade and Commerce etc.*», London, 1770, p. 47, 153).

³⁹⁾ «Если свободный рабочий предается минутному отдыху, то скаредная экономия, с беспокойством следящая за ним, начинает утверждать, что он ее обкрадывает» (*N. Linguet. «Théorie des Loix Civiles etc.*», London, 1767, t. II, p. 466).

расходование рабочей силы. Мы с тобой знаем на рынке лишь один закон: закон обмена товаров. Потребление товара принадлежит не продавцу, который отчуждает товар, а покупателю, который приобретает его. Поэтому тебе принадлежит потребление моей дневной рабочей силы. Но при помощи той цены, за которую я каждый день продаю рабочую силу, я должен ежедневно воспроизводить ее, чтобы потом снова можно было ее продавать. Не говоря уже о естественном изнашивании вследствие старости и т. д., у меня должна быть возможность работать завтра при том же нормальном состоянии силы, здоровья и свежести, как сегодня. Ты постоянно проповедуешь мне евангелие «бережливости» и «воздержания». Хорошо. Я хочу, подобно разумному, бережливому хозяину, сохранить свое единственное достояние — рабочую силу и воздержаться от всякой безумной растраты ее. Я буду ежедневно приводить ее в текучее состояние, превращать в движение, в труд лишь в той мере, в какой это не вредит нормальной продолжительности ее существования и ее нормальному развитию. Безмерным удлинением рабочего дня ты можешь в один день привести в движение большее количество моей рабочей силы, чем я мог бы восстановить в три дня. То, что ты таким образом выигрываешь на труде, я теряю на субстанции труда. Пользование моей рабочей силой и расхищение ее — это совершенно различные вещи. Если средний период, в продолжение которого средний рабочий может жить при разумных размерах труда, составляет 30 лет, то стоимость моей рабочей силы, которую ты мне уплачиваешь изо дня в день, $= \frac{1}{365 \times 30}$, или $\frac{1}{10\ 950}$ всей ее стоимости. Но если ты потребляешь ее в 10 лет и уплачиваешь мне ежедневно $\frac{1}{10\ 950}$ вместо $\frac{1}{3\ 650}$ всей ее стоимости, т. е. лишь $\frac{1}{3}$ дневной ее стоимости, то ты, таким образом, крадешь у меня ежедневно $\frac{2}{3}$ стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарообмена. Итак, я требую рабочего дня нормальной продолжительности и требую его, взывая не к твоему сердцу, так как в денежных делах сердце молчит. Ты можешь быть образцовым гражданином, даже членом общества покровительства животным и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в труде. Если кажется, что в ней что-то бьется, так это просто биение моего собственного сердца. Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара ⁴⁰⁾.

⁴⁰⁾ Во время большой стачки лондонских строительных рабочих в 1860—1861 гг., требовавших сокращения рабочего дня до 9 часов, их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего. В нем не без иронии указывается, что наиболее сланный из «строительных предпринимателей», некий сэр М. Пито, пользуется «репутацией святости». (Этот самый Пито после 1867 г. кончил тем же, чем и Штраусберг!)

Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух равных прав решает сила. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, — борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом.

2. НЕУТОЛИМАЯ ЖАЖДА ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА. ФАБРИКАНТ И БОЯРИН

Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства ⁴¹⁾, будет ли этим собственником афинский *κἀγαθός* [аристократ], этрусский теократ, *civis romanus* [римский гражданин], норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист ⁴²⁾. Впрочем ясно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде. Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, когда дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме — в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрез-

⁴¹⁾ «Те, кто работает... действительно кормят и пенсионеров... называемых богатыми... и самих себя» (*Edmund Burke*. «Thoughts and Details on Scarcity». London, 1800, p. 2, 3).

⁴²⁾ В своей «*Römische Geschichte*» Нибур делает очень наивное замечание: «Нечего скрывать, что произведения, подобные этрусским, поражающие даже в обломках, предполагают существование в мелких (!) государствах господ и рабов». Гораздо глубже заметил Сисмонди, что «брюссельские кружева» предполагают существование хозяев и наемных рабочих.

мерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского ⁴³⁾. Однако это исключения для древнего мира. Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в южных штатах Американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы выколотить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщинным трудом, например в Дунайских княжествах.

Сравнение неутолимой жажды прибавочного труда в Дунайских княжествах с такой же жаждой на английских фабриках представляет особенный интерес, потому что прибавочный труд при барщине обладает самостоятельной, осязательно воспринимаемой формой.

Предположим, что рабочий день состоит из 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда. В таком случае свободный рабочий доставляет капиталисту еженедельно 6×6 , или 36 часов прибавочного труда. Это равносильно тому, как если бы он работал 3 дня в неделю на себя и 3 дня в неделю даром на капиталиста. Но это распадение рабочего времени незаметно. Прибавочный труд и необходимый труд сливаются вместе. Поэтому то же самое отношение я мог бы, например, выразить в таком виде, что рабочий в продолжение каждой минуты работает 30 секунд на себя и 30 секунд на капиталиста и т. д. Иначе обстоит дело с барщинным трудом. Необходимый труд, который выполняет, например, валашский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделен от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своем собственном поле, второй — в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому

⁴³⁾ «Нельзя без сострадания к их ужасной судьбе видеть этих несчастных» (работающих на золотых приисках между Египтом, Эфиопией и Аравией), «не имеющих возможности позаботиться хотя бы о чистоте своего тела или о прикрытии своей наготы. Ибо здесь нет места снисхождению и пощаде по отношению к больным, калекам, старикам, к женской слабости. Все должны работать, принуждаемые к этому ударами бича, и только смерть кладет конец их мучениям и нужде») «Diodor's von Sicilien historische Bibliothek», Buch 3, cap. 13).

самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный труд точно отделен от необходимого труда. Это различие в форме проявления, очевидно, ничего не изменяет в количественном отношении между прибавочным трудом и необходимым трудом. Три дня прибавочного труда в неделю остаются тремя днями труда, который не создает эквивалента для самого рабочего, будет ли этот труд называться барщинным или наемным трудом. Но у капиталиста неутолимая жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, у боярина же проще: в непосредственной погоне за барщинными днями ⁴⁴⁾.

Барщина соединялась в Дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, но она составляла основную дань, уплачиваемую гоподствующему классу. Там, где это имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины ^{44a)}. Так было в румынских провинциях. Их первоначальный способ производства был основан на общинной собственности, но не в ее славянской или индийской формах. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть — *ager publicus* [общинное поле] — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожая и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие военных, церковных и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на похитителей общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения, однако только фактически, а не юридически, пока они не были узаконены всемирной «освободительницей», Россией, под предлогом отмены крепостного права. Кодекс барщинных работ, обнародованный русским генералом Киселевым в 1831 г., был, конечно, продиктован самими боярами. Так Россия одним ударом завоевала магнатов Дунайских княжеств

⁴⁴⁾ Последующее относится к положению румынских провинций, как оно сложилось до переворота ⁸⁸, совершившегося после Крымской войны.

^{44a)} [Примечание к 3 изданию. Это относится также и к Германии, в особенности к Ост-Эльбской Пруссии. В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был почти повсюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был, по крайней мере фактически, свободным человеком. Немецкие колонисты Бранденбурга, Померании, Силезии и Восточной Пруссии и юридически признавались свободными. Победа дворянства в Крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне Южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейна были низведены до положения крепостных. (Maurer. «Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und Hofverfassung in Deutschland». Bd. IV; Meitzen. «Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staates nach dem Gebietsumfange vor 1866»; Hanssen. «Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein».) Ф. Э.]

и стяжала одобрительные рукоплескания либеральных кретингов всей Европы.

По «*Règlement organique*»⁸⁶, как называется этот кодекс барщинных работ, каждый валашский крестьянин, помимо массы подробно перечисленных натуральных повинностей, обязан был еще по отношению к так называемому земельному собственнику: 1) двенадцатью рабочими днями без уточнения характера работы; 2) одним днем работы в поле и 3) одним днем возки леса. Итого 14 дней в году. Однако с глубоким пониманием политической экономии рабочий день берется не в его обыкновенном смысле, а как рабочий день, необходимый для производства среднего дневного продукта; средний же дневной продукт хитроумно определен таким образом, что ни один циклоп не справился бы с ним в сутки. Поэтому сам «*Règlement*» в сухих выражениях с истинно русской иронией разъясняет, что под 12 рабочими днями следует разуметь продукт 36 дней ручного труда; день работы в поле означает три дня и день возки леса — также три дня. Всего 42 барщинных дня. Но сюда присоединяется так называемая «*Jobagie*», т. е. услуги, оказываемые землевладельцу в случае чрезвычайных производственных надобностей. Соответственно численности ее населения каждая деревня ежегодно должна выставить в порядке «*Jobagie*» определенный контингент рабочей силы. Этот добавочный барщинный труд определяется в 14 дней для каждого валашского крестьянина. Таким образом, предписанный барщинный труд составляет 56 рабочих дней ежегодно. Сельскохозяйственный же год в Валахии, вследствие плохого климата, насчитывает всего 210 дней, из которых надо вычесть 40 воскресных и праздничных дней и в среднем 30 непогожих дней, итого 70 дней. Таким образом, остается 140 рабочих дней. Отношение барщинного труда к необходимому труду — $\frac{56}{84}$, или $66\frac{2}{3}$ процента, выражает гораздо меньшую норму прибавочной стоимости, чем та, которая характеризует труд английского сельскохозяйственного или фабричного рабочего. Однако это лишь законом установленный барщинный труд. А «*Règlement organique*» с еще большим «либерализмом», чем английское фабричное законодательство, дает возможность обходить собственные предписания. После того как из 12 дней было сделано 56, номинальная дневная выработка в каждый из 56 барщинных дней определяется таким образом, что не обойтись без надбавки на следующие дни. Например, в один день должен быть прополот земельный участок такого размера, что на производство этой операции, особенно на кукурузном поле, требуется в действительности вдвое больше времени. Установленное законом дневное задание по отдельным видам сельскохозяйственных работ может быть так истолковано, что начало дня придется на май, а конец — на октябрь. Для Молдавии постановления еще суровее.

«Двенадцать барщинных дней по «*Règlement organique*», — восклицает один упоенный победой боярин, — составляют 365 дней в году!» ⁴⁵⁾.

Если «*Règlement organique*» Дунайских княжеств был положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом, то английские фабричные акты являются отрицательным выражением все той же жажды. Эти законы обуздывают стремления капитала к безграничному высасыванию рабочей силы, устанавливая принудительное ограничение рабочего дня государством, и притом государством, в котором господствуют капиталист и лендлорд. Не говоря уже о нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном, ограничение фабричного труда было продиктовано той же самой необходимостью, которая заставила выливать гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае истощало землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же убедительно, как уменьшение роста солдат в Германии и во Франции ⁴⁶⁾.

Действующий теперь (1867) фабричный акт 1850 г. устанавливает средненедельный рабочий день в 10 часов, именно в течение первых 5 дней недели по 12 часов, с 6 часов утра до 6 часов вечера, — причем из этого времени $1\frac{1}{2}$ часа полагается по закону на завтрак и 1 час на обед, так что остается $10\frac{1}{2}$ рабочих часов, — и в субботу 8 часов, от 6 часов утра до 2 часов пополудни, из которых $1\frac{1}{2}$ часа полагается на завтрак. Остается 60 рабочих часов, по $10\frac{1}{2}$ для первых пяти дней недели, $7\frac{1}{2}$ — для последнего дня недели ⁴⁷⁾. Введены особые контролеры, наблюдающие за исполнением этого закона, непосредственно подчиненные министерству внутренних дел фабричные инспектора, отчеты которых публикуются парламентом каждое полугодие. Они дают, таким образом, постоянные и официальные статистические данные относительно капиталистической жажды прибавочного труда.

⁴⁵⁾ Дальнейшие подробности можно найти у *E. Regnault*. «*Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes*». Paris, 1855 [p. 304 sq.].

⁴⁶⁾ «В общем превышение среднего роста указывает до известной степени на процветание живого существа... Рост человека уменьшается, если его благосостоянию наносится ущерб физическими или социальными условиями... Во всех европейских странах, где существует конскрипция, со времени ее введения средний рост мужчин и общая их пригодность к военной службе уменьшились. До революции (1789 г.) минимум для пехотинца во Франции был равен 165 см, в 1818 г. (закон 10 марта) — 157, по закону 21 марта 1832 г. — 156 см. Во Франции в среднем более половины призывающихся признаются негодными вследствие малого роста и физических недостатков. В Саксонии в 1780 г. минимум был 178 см, теперь 155 см. В Пруссии теперь 157 см. По данным доктора Мейера, опубликованным в «*Bayerische Zeitung*» от 9 мая 1862 г., оказывается, что в Пруссии за 9-летний промежуток времени в среднем из 1 000 рекрутов 716 признавались негодными к военной службе: 317 из-за малого роста и 399 в связи с физическими недостатками... В 1858 г. Берлин не мог выставить надлежащего контингента рекрутов: не хватило 156 человек» (*J. v. Liebig*. «*Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie*». 7. Aufl., 1862, Band I, S. 117, 118).

⁴⁷⁾ История фабричного акта 1850 г. дается в дальнейшем ходе изложения этой главы.

Послушаем же на минуту фабричных инспекторов ⁴⁸⁾.

«Фабрикант, прибегающий к обману, начинает работу на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, — раньше 6 часов утра и заканчивает ее на четверть часа — иногда больше, иногда меньше — позже 6 часов вечера. Он отнимает по 5 минут от начала и конца получаса, определенного на завтрак, и урывает по 10 минут в начале и в конце часа, определенного на обед. В субботу работа заканчивается у него на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, — позже двух часов пополудни. Таким образом он выигрывает:

До 6 часов утра	15 минут	} Итого за 5 дней: 300 минут.
После 6 часов вечера	15 »	
На времени для завтрака	10 »	
На обеденном времени	20 »	
60 минут		

По субботам:

До 6 часов утра	15 минут	} Итого 40 минут.
На времени для завтрака	10 »	
После 2 часов пополудни	15 »	

Это составляет 5 часов 40 минут в неделю, что, умноженное на 50 рабочих недель, за вычетом 2 недель на праздники и случайные перерывы работы, дает 27 рабочих дней ⁴⁹⁾.

«Если рабочий день ежедневно удлиняется на 5 минут, то это составит $2\frac{1}{2}$ рабочих дня в год ⁵⁰⁾. «Лишний час в день, добываемый таким путем, что кусочек времени урывается то тут, то там, делает из 12 месяцев в году 13» ⁵¹⁾.

Кризисы, во время которых производство прерывается и работа совершается лишь «неполное время», лишь по несколько дней в неделю, конечно, ничего не изменяют в стремлении к удлинению рабочего дня. Чем больше сократились дела, тем больше должна быть выручка с каждого дела. Чем меньше времени может продолжаться работа, тем продолжительнее должно быть прибавочное рабочее

⁴⁸⁾ Периода от возникновения крупной промышленности в Англии и до 1845 г. я касаюсь лишь в некоторых местах и для ознакомления с ним отсылаю читателя к книге: Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2]. Насколько глубоко понял Энгельс дух капиталистического способа производства, показывают отчеты фабричных инспекторов, отчеты горных инспекторов и т. д., которые появились после 1845 г.; а как поразительно обрисовал он детали положения рабочего класса, показывает самое беглое сравнение его работы с официальными отчетами Комиссии по обследованию условий детского труда (1863—1867), появившимися на 18—20 лет позже. Эти отчеты касаются именно тех отраслей промышленности, в которых фабричное законодательство еще не было введено до 1862 г., отчасти не введено еще и теперь. В этих отраслях, таким образом, в то положение, которое изображено Энгельсом, не было внесено извне сколько-нибудь существенных изменений. Мои примеры относятся главным образом к периоду свободной торговли после 1848 г., к тому райскому периоду, о котором так баснословно много слышали немцы от столь же болтливых, сколь и убогих в научном отношении разносчиков идей свободной торговли. — Впрочем, Англия фигурирует здесь на первом плане лишь потому, что она — классическая представительница капиталистического производства и что только она и обладает непрерывной официальной статистикой по освещаемым вопросам.

⁴⁹⁾ «Suggestions etc. by Mr. L. Horner, Inspector of Factories», in «Factories Regulation Acts. Ordered by the House of Commons to be printed 9 August 1859», p. 4, 5.

⁵⁰⁾ «Reports of the Insp. of Fact. for the half year, October 1856», p. 35.

⁵¹⁾ «Reports etc. 30th April 1858», p. 9.

время. Вот что сообщают фабричные инспектора о периоде кризиса 1857—1858 годов.

«Может показаться непоследовательностью самая возможность чрезмерного труда в такое время, когда торговля идет так плохо, но плохое ее состояние подталкивает беззащитных людей к нарушениям закона; они обеспечивают себе таким образом добавочную прибыль...» «В то самое время», — говорит Леонард Хорнер, — «когда 122 фабрики моего округа совсем прекратили свое существование, 143 бездействуют, а все остальные работают неполное время, по-прежнему совершаются нарушения установленного законом рабочего времени» ⁵²⁾. «Хотя», — говорит г-н Хауэлл, — «большинство фабрик работает вследствие плохого положения дел лишь половинное время, я по-прежнему получаю все такое же количество жалоб на то, что ежедневно урывается (snatched) у рабочих $1\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ часа путем посягательства на то время, которое предназначено законом на еду и отдых» ⁵³⁾.

То же самое явление повторяется в меньшем масштабе во время ужасного хлопкового кризиса с 1861 по 1865 год ⁵⁴⁾.

«Если мы застаем рабочих за работой в обеденное или какое-нибудь другое не предусмотренное для работы время, то нам иногда говорят в оправдание, будто они ни за что не хотят уйти с фабрики, так что требуется принуждение, чтобы заставить их прекратить работу» (чистку машин и т. д.), «особенно вечером в субботу. Но если «руки» остаются на фабрике после остановки машин, так это происходит лишь потому, что между 6 часами утра и 6 часами вечера, в установленные законом рабочие часы, им не отводится времени для исполнения таких работ» ⁵⁵⁾.

«Добавочная прибыль, получаемая от перерабатывания сверх установленного законом времени, представляет для многих фабрикантов слишком большой соблазн, чтобы можно было ему противостоять. Они полагаются на то, что их не поймают, и рассчитывают, что, если это даже и будет обнаружено, незначительность денежных штрафов и судебных издержек обеспечат им все-таки прибыльный баланс» ⁵⁶⁾. «В тех случаях, когда добавочное время выигрывается путем присоединяющихся друг к другу мелких краж («a multiplication of small thefts»), соверша-

⁵²⁾ «Reports etc. 30th April 1858», p. 10.

⁵³⁾ Там же, стр. 25.

⁵⁴⁾ «Reports etc. for the half year ending 30th April 1861». См. Приложение № 2; «Reports etc. 31st October 1862», p. 7, 52, 53. Нарушения учащаются здесь во второй половине 1863 года. Ср. «Reports etc. ending 31st October 1863», p. 7.

⁵⁵⁾ «Reports etc. 31st October 1860», p. 23. С каким фанатизмом, по показанию фабрикантов на суде, противятся их фабричные «руки» всякому перерыву фабричной работы, об этом свидетельствует следующий курьез. В начале июня 1836 г. судье в Дьюсбери (Йоркшир) сообщили о том, что собственниками 8 больших фабрик близ Батли нарушается фабричный акт. Часть этих господ обвинялась в том, что они заставляли пятерых мальчиков в возрасте 12—15 лет работать с 6 часов утра пятницы до 4 часов пополудни в субботу, не давая им ни малейшего отдыха, кроме времени на еду и одного часа сна в полночь. И эти дети должны были заниматься непрерывной 30-часовой работой в «shoddy hole», как называется дыра, в которой щипается шерстяной лоскут и в которой воздух до такой степени насыщен пылью, оческами и т. д., что даже взрослые рабочие постоянно завязывают себе рот носовыми платками, чтобы предохранить свои легкие! Господа обвиняемые давали уверения вместо присяги, — как квакеры они были слишком щепетильно-религиозными людьми для того, чтобы присягать, — что по великому милосердию своему они могли бы разрешить детям спать в продолжение 4 часов, но эти упрямцы ни за что не хотят ложиться в постель! Господа квакеры были присуждены к 20 ф. ст. штрафа. Драйден предвосхитил этих квакеров:

«Лиса, притворной святости полна,
Божбы страшась, как дьявол лжет она,
И с виду в пошлого святошу обратившись,
Греха не совершит, сперва не помолившись!» ⁵⁷⁾

⁵⁶⁾ «Reports etc. 31st October 1856», p. 34.

емых в течение дня, инспектора сталкиваются с почти непреодолимыми трудностями, когда они хотят представить доказательства нарушения закона»⁵⁷⁾.

Эти «мелкие кражи», совершаемые капиталом за счет времени на еду и времени отдыха рабочих, фабричные инспектора называют «petty pilferings of minutes», кражей минут⁵⁸⁾, «snatching a few minutes», урыванием минут⁵⁹⁾ или, по техническому выражению рабочих, «nibbling and cribbling at meal times» [«выдираньем и выскребанием из времени, отведенного на еду»]⁶⁰⁾.

Мы видим, что в этой атмосфере образование прибавочной стоимости посредством прибавочного труда не составляет тайны.

«Если бы вы разрешили, — сказал как-то один весьма почтенный фабрикант, — заставлять рабочих работать ежедневно всего на 10 минут больше положенного времени, вы клали бы мне в карман по 1 000 ф. ст. в год»⁶¹⁾. «Атомы времени суть элементы прибыли»⁶²⁾.

Нет ничего характернее в этом отношении, как обозначение словами «full times» [«полное время»] рабочих, работающих полное время, и «half times» [«половина времени»] — детей до 13-летнего возраста, которым допускается работать лишь по 6 часов⁶³⁾. Рабочий здесь не что иное, как персонифицированное рабочее время. Все индивидуальные различия сводятся к различию между «Vollzeitler» [«рабочий, работающий полное время»] и «Halbzeitler» [«рабочий, работающий половину времени»].

3. ОТРАСЛИ АНГЛИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЗ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ ГРАНИЦ ЭКСПЛУАТАЦИИ

До сих пор мы наблюдали стремление к удлинению рабочего дня, поистине волчью жадность к прибавочному труду, в такой области, в которой непомерные злоупотребления, не превзойденные даже, как говорит один буржуазный английский экономист, жестокостями испанцев по отношению к краснокожим Америки⁶⁴⁾, вызвали, наконец, необходимость наложить на капитал узду законодательного регулирования. Приглядимся теперь к некоторым отраслям производства, где высасывание рабочей силы или и сейчас еще несколько

57) «Reports etc. 31st October 1856», p. 35.

58) Там же, стр. 48.

59) Там же.

60) Там же.

61) Там же.

62) «Reports of the Insp. etc. 30th April 1860», p. 56.

63) Выражение пользуется официальным правом гражданства как на фабрике, так и в фабричных отчетах.

64) «Алчность фабрикантов, совершающих в погоне за прибылью также жестокости, которые едва ли были превзойдены жестокостями испанцев при завоевании Америки в погоне за золотом» (John Wade. «History of the Middle and Working Classes», 3rd ed. London, 1835, p. 114). Теоретическая часть этой книги, своего рода очерк политической экономии, содержит кое-что оригинальное для своего времени, например взгляд на торговые кризисы. Что касается исторической части, то она представляет собой бессовестный плагиат из книги: Sir M. Eden. «The State of the Poor». London, 1797.

не стеснено, или до самого последнего времени ничем не было стеснено.

«Г-н Бротон, мировой судья графства, заявил как председатель митинга, состоявшегося в ноттингемском городском доме 14 января 1860 г., что среди той части городского населения, которая занята в кружевном производстве, царит такие нищета и лишения, которых не знает остальной цивилизованный мир... В 2, 3, 4 часа утра 9—10-летних детей отрывают от их грязных постелей и принуждают за одно жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, в результате чего конечности их отказываются служить, тело сохнет, черты лица приобретают тупое выражение, и все существо цепенет в немой неподвижности, один вид которой приводит в ужас. Мы не удивлены, что г-н Маллетт и другие фабриканты выступили с протестом против каких бы то ни было прений... Система, подобная той, которую описал его преподобие Монтегю Валпи, это — система неограниченного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и интеллектуальном отношениях... Что сказать о городе, созывающем публичный митинг с целью ходатайствовать о том, чтобы рабочее время мужчин было ограничено 18 часами в сутки!.. Мы изливаемся в декламациях против виргинских и каролинских плантаторов. Но разве их торговля неграми со всеми ужасами кнута и торгового человеческого мясом отвратительнее, чем это медленное человекоубийство, которое совершается изо дня в день для того, чтобы к выгоде капиталистов фабриковались вуали и воротнички?»⁶⁵⁾

Гончарное производство (Pottery) Стаффордшира в течение последних 22 лет послужило предметом трех парламентских обследований. Результаты этих обследований изложены в отчете г-на Скривена, представленном в 1841 г. Комиссии по обследованию условий детского труда, в отчете д-ра Гринхау за 1860 г., опубликованном по распоряжению медицинского инспектора Тайного совета («Public Health, 3rd Report», I, 102—113), и, наконец, в отчете г-на Лонджа за 1863 г. в «First Report of the Children's Employment Commission» от 13 июня 1863 года. Для моей задачи достаточно извлечь из отчетов 1860 и 1863 гг. некоторые свидетельские показания самих подвергавшихся эксплуатации детей. По тому, каково положение детей, можно сделать заключение о положении взрослых, особенно девушек и женщин, да еще в такой отрасли промышленности, в сравнении с которой бумагопрядение и т. п. кажется весьма приятным и здоровым занятием⁶⁶⁾.

Уильям Вуд, девяти лет, «начал работать, когда ему было 7 лет и 10 месяцев». Сначала он «ran moulds» (относил в сушильню изготовленный товар в формах и затем приносил обратно пустые формы). Он приходит ежедневно в 6 часов утра и кончает приблизительно в 9 часов вечера. «Я всю неделю работаю ежедневно до 9 часов вечера. Так было, например, в продолжение последних 7—8 недель». Итак, пятнадцать часов труда для семилетнего ребенка! Дж. Марри, двенадцатилетний мальчик, показывает:

«I run moulds and turn jigger» («я [отношу формы и] верчу колесо»). «Я прихожу в 6 часов, иногда в 4 часа утра. Я работал всю последнюю ночь до 6 часов се-

⁶⁵⁾ Лондонская «Daily Telegraph» от 17 января 1860 г.

⁶⁶⁾ Ср. Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845, стр. 249—251 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 430—432].

годняшнего утра. Я не ложился с предпоследней ночи. Кроме меня работало 8 или 9 других мальчиков всю последнюю ночь напролет. За исключением одного, все опять пришли сегодня утром. Я получаю 3 шилл. 6 пенсов в неделю (1 талер 5 грошей). Мне ничего не прибавляют, когда я работаю без перерыва всю ночь. На последней неделе я проработал две ночи». Феррихаф, десятилетний мальчик: «Я не всегда получаю полный час на обед, часто — всего полчаса, так бывает каждый четверг, пятницу и субботу»⁶⁷⁾.

По заявлению д-ра Гринхау, продолжительность жизни в гончарных округах Сток-он-Трент и Вулстантон чрезвычайно мала. Несмотря на то, что из мужского населения старше 20-летнего возраста гончарным производством занято в округе Сток всего 36,6 %, а в Вулстантоне всего 30,4 %, на гончаров в первом округе приходится более половины, а во втором около $\frac{2}{5}$ общего числа смертных случаев от грудных болезней среди мужчин данного возраста. Д-р Бутройд, врач, практикующий в Хенли, заявляет:

«Каждое последующее поколение гончаров отличается меньшим ростом и более слабым здоровьем, чем предыдущее».

Точно так же другой врач, г-н Мак-Бин, говорит:

«С того времени как я начал практиковать среди гончаров, — это было 25 лет тому назад, — бросающееся в глаза вырождение этого класса находит себе выражение в прогрессирующем уменьшении роста и веса».

Показания эти взяты из отчета 1860 г. д-ра Гринхау⁶⁸⁾.

Из отчета членов комиссии 1863 г. мы заимствуем следующее. Д-р Дж. Т. Арледж, главный врач больницы Северного Стаффордшира, говорит:

«Как класс, гончары, мужчины и женщины, представляют... вырождающееся население как в физическом, так и в моральном отношении. Они обыкновенно низкорослы, плохо сложены и часто страдают искривлением грудной клетки. Они стараются преждевременно и недолго живут; флегматичные и малокровные, они обнаруживают слабость своего сложения упорными приступами диспепсии, нарушениями функций печени и почек и ревматизмом. Но главным образом они подвержены грудным заболеваниям: воспалению легких, туберкулезу, бронхиту и астме. Одна из форм астмы свойственна исключительно их профессии и известна под названием астмы горшечников, или чахотки горшечников. Золотухой — болезнью, которая поражает железы, кости и другие части тела, — страдает более двух третей гончаров. Если вырождение (degenerescence) населения этого округа не достигает еще больших размеров, то это объясняется исключительно притоком новых элементов из соседних местностей и браками с более здоровым населением».

Г-н Чарлз Парсонс, в недавнем прошлом хирург той же больницы, сообщает в одном письме члену комиссии Лонджу, между прочим, следующее:

«Я могу говорить только на основании личных наблюдений, а не статистических данных, но я могу вас уверить, что во мне снова и снова закипало негодование при виде этих несчастных детей, здоровье которых приносится в жертву алчности их родителей и работодателей».

⁶⁷⁾ «Children's Employment Commission. First Report etc.», 1863, Appendix, p. 16, 19, 18.

⁶⁸⁾ «Public Health. 3rd Report etc.», p. 103, 105.

Он перечисляет причины заболеваний среди гончаров и в заключение называет самую главную — «long hours» («долгие рабочие часы»). Отчет комиссии выражает надежду, что

«мануфактура, занимающая такое выдающееся положение в глазах всего мира, не будет более мириться с тем позорным фактом, что ее выдающиеся успехи сопровождаются физическим вырождением, разнообразными телесными страданиями и преждевременной смертью рабочих, благодаря труду и искусству которых достигнуты столь крупные результаты»⁶⁹⁾.

Сказанное здесь о гончарном производстве Англии относится и к гончарному производству Шотландии⁷⁰⁾.

Спичечная мануфактура ведет свое начало с 1833 г., со времени изобретения способа прикреплять фосфор к спичке. С 1845 г. она стала быстро развиваться в Англии и из густо населенных частей Лондона распространилась на Манчестер, Бирмингем, Ливерпуль, Бристоль, Норидж, Ньюкасл, Глазго; вместе с тем быстро распространилась и спазма жевательных мышц, которую один венский врач еще в 1845 г. определил как специфическую болезнь рабочих, занятых в спичечном производстве. Половина рабочих — дети моложе 13-летнего возраста и подростки моложе 18 лет. Эта мануфактура настолько известна своим вредным влиянием на здоровье рабочих и отвратительными условиями, что только самая несчастная часть рабочего класса — полуголодные вдовы и т. д. — поставляет для нее детей, «оборванных, чуть не умирающих с голоду, совершенно заброшенных, лишенных всякого воспитания детей»⁷¹⁾. Из тех свидетелей, которых выслушал член комиссии Уайт (1863 г.), 270 не достигли 18-летнего возраста, 40 были моложе 10 лет, 10 были всего 8 лет и 5 всего 6 лет от роду. Рабочий день, продолжительность которого колеблется между 12—14 и 15 часами, ночной труд, нерегулярное питание, по большей части в помещении самих мастерских, отравленных фосфором. Данте нашел бы, что все самые ужасные картины ада, нарисованные его фантазией, превзойдены в этой отрасли мануфактуры.

На фабрике обоев более грубые сорта печатаются машинами, более тонкие — ручным способом (block printing). Наибольшее оживление производства приходится на время от начала октября и до конца апреля. В этот период работа часто продолжается, и притом почти без перерыва, от 6 часов утра до 10 часов вечера и позднее, до глубокой ночи.

Дж. Лич показывает: «Прошлой зимой» (1862 г.) «из 19 девушек 6 отсутствовали, заболев от чрезмерного труда. Чтобы не дать им заснуть, я должен постоянно кричать на них». У. Даффи: «Часто от усталости дети не могли держать глаза открытыми; в сущности частенько и нам самим это едва удавалось». Дж. Лайтборн: «Мне 13 лет... Прошлую зиму мы работали до 9 часов вечера, а позапрошлую до 10 часов. Прошлой зимой я кричал почти каждый вечер от боли в ногах, на которых

⁶⁹⁾ «Children's Employment Commission», 1863, p. 22, 24, XI.

⁷⁰⁾ Там же, стр. XLVII.

⁷¹⁾ Там же, стр. LIV.

образовались язвы». Дж. Аспенден: «Когда моему мальчугану было 7 лет, я ежедневно носил его на спине туда и обратно по снегу, и он работал обыкновенно по 16 часов!.. Часто я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как он не имел права ни уйти от нее, ни остановить ее». Смит, компаньон и управляющий одной манчестерской фабрики: «Мы» (он разумеет те «руки», которые на «нас» работают) «работаем без перерыва на еду, и, таким образом, 10¹/₂-часовой рабочий день заканчивается в 4¹/₂ часа вечера, а все дальнейшее представляет собой сверхурочное время»⁷²⁾. (Интересно было бы знать, неужели же и г-н Смит ни разу не ест в продолжение 10¹/₂ часов?) «Мы» (все тот же Смит) «редко оканчиваем ранее 6 часов вечера» (он разумеет: оканчиваем потребление «наших» живых машин, представляющих рабочую силу), «так что мы» (*itemus Crispinus*⁸⁸⁾) «в действительности работаем сверхурочное время круглый год... Дети и взрослые» (152 ребенка и подростка моложе 18 лет и 140 взрослых) «одинаково работали в продолжение 18 месяцев в среднем самое меньшее по 7 дней и 5 часов в неделю, или по 78¹/₂ часов. Для 6 недель, закончившихся 2 мая этого года» (1863 г.), «средняя цифра была выше — 8 дней, или 84 часов в неделю!»

И все-таки этот самый г-н Смит, столь расположенный к *pluralis majestatis**, с улыбкой прибавляет: «машинный труд легок». А фабриканты, применяющие *block printing*, говорят: «Ручной труд здоровее машинного». В общем господа фабриканты с негодованием высказываются против предложения: «останавливать машины, по крайней мере, во время еды». Вот что говорит по этому поводу г-н Отли, директор фабрики обоев в Боро (в Лондоне):

«Закоп, который разрешил бы нам рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 9 часов вечера, был бы для нас (!) весьма желателен, но предписываемый фабричным актом рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 6 часов вечера нам (!) не годится... Мы останавливаем машины на время обеда» (какое великодушие!). «Эта остановка не причиняет сколько-нибудь серьезной потери в бумаге и краске». «Но», — с сочувствием добавляет он, — «я прекрасно понимаю, что потеря, связанная с этим, не доставляет особенного удовольствия».

Отчет комиссии наивно полагает, что боязнь некоторых «ведущих фирм» лишиться времени, т. е. времени, в течение которого присваивается чужой труд, и таким образом «лишиться прибыли», не является еще достаточным основанием для того, чтобы дети, не достигшие 13-летнего возраста, и подростки моложе 18 лет «лишились пищи» в продолжение 12—16 часов или чтобы они снабжались пищей так же, как средства труда снабжаются вспомогательными материалами: машина — водой и углем, шерсть — мылом, колеса — маслом и т. д., т. е. во время самого процесса производства⁷³⁾.

⁷²⁾ Это не следует считать прибавочным рабочим временем в том смысле, как мы его понимаем. Эти господа рассматривают 10¹/₂-часовой труд как нормальный рабочий день, в котором заключается, следовательно, и нормальный прибавочный труд. После этого начинается «сверхурочное время», которое оплачивается несколько лучше. Впоследствии мы еще увидим, что применение рабочей силы во время так называемого нормального дня оплачивается ниже стоимости, так что «сверхурочное время» есть не что иное, как уловка капиталистов, которую они пускают в ход с той целью, чтобы выжать больше «прибавочного труда»; впрочем, это имеет место даже и в том случае, если рабочая сила, применяемая в продолжение «нормального дня», оплачивается действительно полностью.

* — манера говорить о себе во множественном числе, как принято у коронованных особ. *Ред.*

⁷³⁾ «Children's Employment Commission», 1863, Evidence, p. 123, 124, 125, 140, LXIV.

Ни в одной отрасли промышленности Англии (мы оставляем в стороне машинную выпечку хлеба, еще только начинающую прокладывать себе дорогу) не сохранилось такого древнего и, — в чем можно убедиться, читая поэтов Римской империи, — даже дохристианского способа производства, как в хлебопечении. Но капитал, как уже отмечено раньше, первоначально равнодушен к техническому характеру того процесса труда, которым он овладевает. Он берет его сначала таким, каким застает.

Невероятная фальсификация хлеба, в особенности в Лондоне, была впервые разоблачена комитетом палаты общин по вопросу «о фальсификации пищевых продуктов» (1855—1856 гг.) и работой д-ра Хасселла «*Adulteration detected*»⁷⁴⁾. Следствием этих разоблачений явился закон 6 августа 1860 г. «for preventing the adulteration of articles of food and drink» [«для предотвращения фальсификации предметов питания и напитков»], закон, не оказавший никакого влияния, так как он соблюдает, конечно, высшую степень деликатности по отношению к каждому фритредеру, который намерен при помощи купли и продажи фальсифицированных товаров «to turn an honest penny» [«добыть честную копейку»]⁷⁵⁾. Сам комитет в достаточно наивной форме выразил свое убеждение, что свобода торговли в сущности означает торговлю фальсифицированными или, по остроумному выражению англичан, «софистицированными продуктами». И в самом деле, такого рода «софистика» умеет лучше Протагора делать из белого черное и из черного белое и лучше элеватов⁸⁹ демонстрировать *ad oculos* [воочию] полную иллюзорность всего реального⁷⁶⁾.

Во всяком случае комитет обратил внимание публики на ee «хлеб насущный», а тем самым и на хлебопечение. В то же время на публичных митингах и в петициях, обращенных к парламенту, раздались жалобы лондонских пекарей-подмастерьев на чрезмерный труд и т. д. Эти жалобы звучали так настоятельно, что г-н Х. С. Трименхир, бывший также членом неоднократно упоминавшейся ко-

⁷⁴⁾ Квасцы, мелко перемолотые или смешанные с солью, являются нормальным предметом торговли, possessing характерное название «*baker's stuff*» [«порошок пекарей»].

⁷⁵⁾ Сажа, как известно, представляет собой весьма концентрированную форму углерода и образует удобрение, которое капиталистические трубочисты продают английским фермерам. В 1862 г. на одном судебном процессе британскому присяжному пришлось решать, будет ли такая сажа, к которой без ведома покупателя примешано 90% пыли и песку, «настоящей» сажой в «коммерческом» смысле слова или «фальсифицированной» сажой в «законном» смысле. «*Amis du commerce*» [«друзья торговли»] решили, что это — «настоящая» коммерческая сажа, и оставили без удовлетворения иск фермера, которому добавок пришлось уплатить судебные издержки.

⁷⁶⁾ Французский химик Шевалье в статье о «софистикациях» товаров насчитывает для многих из 600 с лишком рассматриваемых им продуктов до 10, 20, 30 различных способов фальсификации. Он прибавляет, что не знает всех способов и упоминает не все способы, которые знает. Для сахара он указывает 6 способов фальсификации, для прованского масла 9, для сливочного масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлеба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д. Даже милосердному господа богу не удалось избежать этой участи. См. *Rouard de Card. «De la falsification des substances sacramentelles»*. Paris, 1856.

миссии 1863 г., был назначен королевским следственным комиссаром. Его отчет ⁷⁷⁾ вместе с свидетельскими показаниями взволновал публику — не сердце ее, а желудок. Правда, начитанному в библии англичанину было хорошо известно, что призвание человека, если только он милостью божьей не капиталист, не лендлорд и не обладатель синекуры, заключается в том, чтобы в поте лица своего есть хлеб свой, но он не знал того, что он должен ежедневно съедать в своем хлебе некоторое количество человеческого пота с примесью гноя, паутины, мертвых тараканов и гнилых немецких дрожжей, не говоря уже о квасах, песке и других не менее приятных минеральных примесях. Поэтому, невзирая на ее святейшее «свободу торговли», «свободное» до того времени пекарное производство подчинили надзору государственных инспекторов (в конце парламентской сессии 1863 г.), причем тот же парламентский акт воспретил пекарям-подмастерьям моложе 18 лет работать между 9 часами вечера и 5 часами утра. Последний пункт красноречивее, чем целые тома, говорит о чрезмерном труде в этой отрасли промышленности, от которой веет такой патриархальностью.

«Работа лондонского пекаря-подмастерья начинается обыкновенно в 11 часов ночи. В это время он делает тесто, — чрезвычайно утомительная процедура, продолжающаяся от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ часа, смотря по величине и качеству выпечки. Затем он ложится на месильную доску, служащую одновременно и покрывкой для квашни, в которой делается тесто, и засыпает часа на два, подложив один мучной мешок под голову и покрывшись другим. Затем следует спешная и беспрерывная пятичасовая работа: надо месить тесто, взвешивать его, придавать ему форму, сажать в печь, вынимать из печи и т. д. Температура пекарни колеблется между 75° и 90° [по Фаренгейту, или 24°—32° по Цельсию], причем в небольших пекарнях она скорее бывает выше, чем ниже. Когда хлебы, булки и т. д. готовы, начинается распределение выпечки, и значительная часть рабочих, окончив только что описанный тяжелый ночной труд, в продолжение дня разносит хлеб в корзинах или развозит его в тележках из одного дома в другой, а в промежутках производит иногда еще какую-нибудь работу в пекарне. Смотри по времени года и размеру предприятия, работа заканчивается между часом и шестью пополудни, тогда как другая часть рабочих занята в пекарне до позднего вечера» ⁷⁸⁾. «Во время лондонского сезона подмастерья, занятые в булочных, изготавливающих «полноценный» хлеб в Уэст-Энде, начинают работу регулярно в 11 часов ночи и с одним или двумя очень короткими перерывами занятые выпечкой хлеба до 8 часов следующего утра. Затем они занимаются до 4, 5, 6, а то и 7 часов разносной хлеба или же изготовлением бисквитов в пекарне. По окончании работы наступает время сна, который продолжается не больше 6 часов, часто всего 5 и 4 часа. В пятницу работа всегда начинается раньше, примерно в 10 часов вечера, и длится без перерыва, заканчиваясь то в приготовлении, то в разноске хлеба, до 8 часов вечера субботы, в большинстве же случаев до 4 или 5 часов утра воскресенья. Даже в солидных пекарнях, продающих хлеб по «полной цене», по воскресеньям производится в продолжение 4—5 часов подготовительная работа к следующему дню... Еще продолжительнее рабочий день подмастерьев, работающих у «underselling masters» (булочников, продающих хлеб по пониженной цене), а таковые составляют, как было замечено выше, более $\frac{3}{4}$ лондонских пекарей; но труд их почти исключительно ограничен пекарней, так как их

⁷⁷⁾ «Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc.». London, 1862, и «Second Report etc.». London, 1863.

⁷⁸⁾ Там же, «First Report etc.», p. VI.

хозяева продают хлеб лишь в собственных булочных, если не брать в расчет мелких лавок, в которые они его доставляют. К концу недели... т. е. в четверг, работа начинается здесь в 10 часов вечера и продолжается лишь с незначительным перерывом до поздней ночи с субботы на воскресенье» ⁷⁹⁾.

Что касается «underselling masters», то даже буржуазная точка зрения признает, что «неоплаченный труд рабочих (the unpaid labour of the men) составляет основу их конкуренции» ⁸⁰⁾. И «full priced baker» [«булочник, продающий хлеб по полной цене»] изобличает перед следственной комиссией своих «underselling» конкурентов как похитителей чужого труда и фальсификаторов.

«Они преуспевают только благодаря тому, что надувают публику и выколачивают из своих рабочих 18 часов труда, оплачивая всего 12-часовой труд» ⁸¹⁾.

Фальсификация хлеба и возникновение категории булочников, продающих хлеб ниже полной цены, — оба эти явления развиваются в Англии с начала XVIII столетия, т. е. с того времени, когда цеховой характер промысла разложился и за спиной номинального мастера-пекаря выдвинулся капиталист в образе мукомола или торговца мукой ⁸²⁾. Этим была положена основа капиталистическому производству, безмерному удлинению рабочего дня и ночным работам, хотя даже в Лондоне последние получили серьезное распространение лишь с 1824 года ⁸³⁾.

После всего вышеизложенного будет понятно, почему в отчете комиссии пекари-подмастерья относятся к категории рабочих с короткой продолжительностью жизни; счастливо избежав опасности стать жертвой ужасающей детской смертности, характерной для всех категорий рабочего класса, они редко достигают 42-летнего возраста. Тем не менее пекарный промысел всегда переполнен кандидатами. Источниками, из которых Лондон черпает эти «рабочие силы», являются Шотландия, западные земледельческие округа Англии и Германия.

В 1858—1860 гг. пекари-подмастерья в Ирландии организовали на собственные средства ряд больших митингов для агитации против ночного и воскресного труда. Публика с чисто ирландским пылом приняла их сторону, как это было, например, в 1860 г. на май-

⁷⁹⁾ «First Report etc.», p. LXXI.

⁸⁰⁾ George Read. «The History of Baking». London, 1848, p. 16.

⁸¹⁾ «Report (First) etc. Evidence». Показание «full priced baker» Чисмена, стр. 108.

⁸²⁾ George Read. «The History of Baking». London, 1848. В конце XVII и в начале XVIII века Factors (посредники), проникавшие во всевозможные промыслы, официально квалифицировались как «public nuisances» [«нарушители общественного порядка»]. Так, например, большое жюри ⁸⁰⁾ во время квартальной сессии мировых судей в графстве Сомерсет вошло в палату общин с представлением, в котором, между прочим, говорится: «Эти посредники Блэкуэлл-холла являются нарушителями общественного порядка и причиняют вред торговле платьем и, как таковые, подлежат искоренению» («The Case of our English Wool etc.», London, 1685, p. 6, 7).

⁸³⁾ «First Report etc. relative to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc.», London, 1862, p. VIII.

ском митинге в Дублине. Результатом этого движения явилось успешное проведение исключительно дневного труда в Уэксфорде, Килкенни, Клонмеле, Уотерфорде и т. д.

«В Лимерике, где, как известно, страдания наемных рабочих превосходят всякую меру, движение это разбилося о сопротивление хозяев пекарен, особенно же пекарей-мельников. Пример Лимерика вызвал попятное движение в Эннисе и Типперэри. В Корке, где общественное негодование проявилось наиболее живо, хозяева, используя свое право выбросить рабочих на улицу, подавили движение. В Дублине хозяева оказали самое решительное сопротивление и преследованием подмастерьев, возглавлявших агитацию, принудили остальных уступить и согласиться на почной и воскресный труд» ⁸⁴⁾.

Комитет вооруженного в Ирландии до зубов английского правительства слезно увещевает неумолимых хозяев пекарен Дублина, Лимерика, Корка и т. д.

«Комитет полагает, что рабочее время ограничено естественными законами, которых нельзя нарушать безнаказанно. Прииуждая своих рабочих, с помощью угрозы увольнения, к нарушению их религиозных убеждений, неповиновению законам страны и игнорированию общественного мнения» (все это относится к воскресному труду), «хозяева сеют вражду между капиталом и трудом и подают пример, опасный для религии, нравственности и общественного порядка... Комитет полагает, что удлинение рабочего дня свыше 12 часов является узурпаторским вторжением в семейную и частную жизнь рабочего и ведет к гибельным моральным результатам вследствие вмешательства в семейный быт человека и в выполнение им своих семейных обязанностей в качестве сына, брата, мужа и отца. Труд, продолжающийся более 12 часов, имеет своей тенденцией разрушение здоровья рабочего, преждевременную старость и раннюю смерть и таким образом ведет к несчастью рабочих семей, которые лишаются («are deprived») попечения и опоры главы семейства как раз в такое время, когда это всего более необходимо» ⁸⁵⁾.

Мы только что познакомились с Ирландией. По другую сторону пролива, в Шотландии, сельскохозяйственный рабочий, человек плуга, возмущенно указывает на свой 13—14-часовой труд в суровейшем климате, при четырехчасовом дополнительном труде по воскресным дням (и это в стране, в которой так свято чтут воскресенье) ⁸⁶⁾; в то же самое время перед лондонским большим жюри предстали три железнодорожных рабочих: кондуктор пассажирского поезда, машинист и сигнальщик. Большая железнодорожная катастрофа отправила сотни пассажиров на тот свет. Причиной

⁸⁴⁾ «Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for 1861».

⁸⁵⁾ Там же.

⁸⁶⁾ Публичный митинг сельскохозяйственных рабочих в Лассуэйде близ Глазго 5 января 1866 г. (см. «Workman's Advocate» от 13 января 1866 г.). Образование в конце 1865 г. тред-юниона сельскохозяйственных рабочих, прежде всего в Шотландии, является историческим событием. В одном из наиболее угнетенных сельскохозяйственных округов Англии, в Бакингемшире, наемные рабочие устроили в марте 1867 г. большую стачку с целью повышения недельной заработной платы с 9—10 до 12 шиллингов. (Из предыдущего видно, что движение английского сельскохозяйственного пролетариата, совершенно сломленное со времени подавления его мощных демонстраций после 1830 г. и особенно после введения нового закона о бедных, снова начинается в шестидесятых годах и, наконец, в 1872 г. открывает новую эпоху. Но к этому, равно как и к появившимся после 1867 г. Синим книгам о положении английского сельскохозяйственного рабочего, я вернусь во II томе. *Добавление к 5 изданию.*)

несчастья послужила небрежность железнодорожных рабочих. Они единогласно заявляют перед лицом присяжных, что 10—12 лет тому назад их работа продолжалась всего 8 часов в сутки. В течение же последних 5—6 лет рабочее время довели до 14, 18 и 20 часов, а при особенно большом наплыве пассажиров, например в разгар сезона экскурсий, оно часто продолжается без перерыва 40—50 часов. Но они, железнодорожные рабочие, обыкновенные люди, а не циклопы. В известный момент рабочая сила их отказывается служить. Они впадают в состояние оцепенения, голова перестает обрабатывать, глаза — видеть. Вполне «respectable British Jurymen» [«респектабельный британский присяжный»] отвечает на эти показания приговором о передаче дела, квалифицируемого как manslaughter (убийство), в более высокую инстанцию, и в дополнительном пункте мягко выражает благочестивое пожелание, чтобы господа железнодорожные магнаты капитала в будущем проявляли большую щедрость при покупке необходимого количества «рабочих сил» и обнаруживали большее «воздержание» или «самоотречение», или «бережливость» при высасывании купленной рабочей силы⁸⁷⁾.

Из пестрой толпы рабочих всех профессий, возрастов, полов, преследующих нас усерднее, чем души убитых преследовали Одиссея, рабочих, чей вид, не будь даже Синих книг под рукой, с первого взгляда говорит о чрезмерном труде, мы возьмем еще две фигуры: модистку и кузнеца. Разительный контраст между ними лучше всего доказывает, что перед лицом капитала все люди равны.

В последние недели июня 1863 г. все лондонские газеты поместили заметку под «сенсационным» заголовком «Death from simple overwork» («Смерть исключительно от чрезмерного труда»). Речь шла о смерти 20-летней модистки Мэри Анн Уокли, работавшей в весьма респектабельной придворной пошивочной мастерской, которую эксплуатировала одна дама с симпатичным именем Элиз. Здесь вновь раскрылась старая, часто повторявшаяся исто-

⁸⁷⁾ «Reynolds' Newspaper», 21 января 1866 года. Эта же еженедельная газета вслед за тем из номера в номер сообщает о железнодорожных катастрофах под «сенсационными» заголовками: «Ужасные катастрофы», «Потрясающие трагедии» и т. д. Это вызвало следующий ответ одного рабочего с северостэффордской железной дороге: «Всем известно, к каким последствиям ведет хотя бы минутное ослабление внимания машиниста и кочегара. А может ли быть иначе при безграничном удлинении рабочего времени, несмотря на самую суровую погоду, при полном отсутствии перерывов и отдыха? Возьмем для примера следующий случай, наблюдающийся ежедневно: в прошлый понедельник кочегар начал работу с раннего утра. Он окончил ее через 14 часов 50 минут. Не успел он вынуть чаю, как его снова позвали на работу... Таким образом, он проработал без перерыва 29 часов 15 минут. Остальные дни недели были у него заняты так: среда — 15 часов; четверг — 15 часов 35 минут; пятница — 14½ часов; суббота — 14 часов 10 минут, итого 88 часов 30 минут в неделю. После этого нетрудно представить себе его изумление, когда ему было заплачено всего за 6 рабочих дней. Он был новичок и попросил разъяснить ему, что разумеется под рабочим днем. Ответ: 13 часов, т. е. 78 часов в неделю. Но тогда как же с уплатой за лишние 10 часов 30 минут? После долгих пререканий ему удалось получить вознаграждение в 10 пенсов». (Та же газета от 4 февраля 1866 г.)

рия⁸⁸⁾ о том, что эти девушки работают в среднем по 16¹/₂ часов в сутки, а в сезон часто бывают заняты 30 часов без перерыва, причем изменяющая им «рабочая сила» поддерживается время от времени определенными дозами хереса, портвейна и кофе. Был как раз разгар сезона. Предстояло изготовить благородным леди роскошные наряды для бала в честь только что импортированной принцессы Уэльсской. Мэри Анн Уокли проработала без перерыва 26¹/₂ часов вместе с 60 другими девушками, по 30 человек в комнате, имевшей едва ¹/₃ необходимой кубатуры, причем спать им приходилось по две на одной постели в одной из тех вонючих конур, в которых спальня отгораживается посредством дощатых переборок⁸⁹⁾. И это была одна из лучших модных мастерских Лондона. Мэри Анн Уокли заболела в пятницу, а умерла в воскресенье, не успев даже, к великому изумлению г-жи Элиз, закончить последнее балльное платье. Врач, г-н Киз, вызванный слишком поздно к ее смертному одру, показал перед «Coroner's Jury» [«присяжными по осмотру трупов»] без обиняков:

«Мэри Анн Уокли умерла вследствие чрезмерно продолжительного труда в переполненной мастерской и вследствие того, что она спала в слишком тесном, плохо проветриваемом помещении».

Чтобы дать врачу урок хорошего тона, «Coroner's Jury» в ответ на его показания заявили:

«Она умерла от удара, но есть основание опасаться, что ее смерть могла быть ускорена чрезмерным трудом в переполненной мастерской и т. д.».

Наши «белые рабы», воскликнул по этому случаю «Morning Star», орган господ фритредеров Кобдена и Брайта, «наши белые

⁸⁸⁾ См. Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845, стр. 253, 254 [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 433—435].

⁸⁹⁾ Д-р Литби, врач из Совета по охране здоровья, указывал в то время: «Спальня взрослого должна иметь минимум 300 кубических футов, а жилая комната — минимум 500 кубических футов». А вот что говорит доктор Ричардсон, главный врач одной лондонской больницы: «Различные швей: модистки, портнихи, белошвейки терпят тройного рода бедствия: чрезмерный труд, недостаток воздуха и недостаток питания или расстройство пищеварения. В общем этого рода труд во всяком случае более подходит женщинам, чем мужчинам. Но несчастье этого промысла заключается в том, что он монополизирован, в особенности в столице, какими-нибудь 26 капиталистами, которые, используя порождаемые капиталом (that spring from capital) средства давления, выжимают из труда экономии» (force economy out of labour; Ричардсон хочет сказать, что экономит, расточая рабочую силу). «Их власть чувствует на себе весь этот класс рабочих. Если портнихе удалось приобрести хотя бы небольшой круг заказчиков, то конкуренция принуждает ее убиваться дома на работе, чтобы сохранить этих заказчиков, и таким же чрезмерным трудом она должна по необходимости мучить своих помощниц. Если ее предприятие не пойдет или если ей не удастся устроиться самостоятельно, она обращается к какому-нибудь заведению, где работать приходится не меньше, но зато заработок вернее. Таким образом она превращается в настоящую рабу, которую бросает туда и сюда малейшая общественная волна; то она голодает дома в маленькой комнатенке или близка к голодовке; то опять работает по 15, 16, а то и 18 часов в сутки в таком воздухе, которым едва можно дышать, и питается нищей, которая, если она даже и хороша, не переваривается организмом вследствие отсутствия свежего воздуха. Вот какими жертвами питается чахотка, которая есть не что иное, как болезнь из-за плохого воздуха» (Dr. Richardson. «Work and Overwork», in «Social Science Review», 18 июля 1863 г.).

рабы зарабатываются до могилы и гибнут и умирают без всякого шума»⁹⁰⁾.

«Зарабатываться до смерти — вот что стоит в порядке дня не только в мастерских дамского платья, но в тысяче мест, вернее — во всяком месте, где дела идут хорошо... Да будет нам позволено привести в пример кузнеца. Если верить поэтам, то нет на свете более сильного, жизнерадостного, веселого человека, чем кузнец. Он рано встает и еще до восхода солнца высекает искры; нет другого человека, который бы так ел, пил и спал, как он. Если принять во внимание только физические условия, то, при умеренном труде, положение кузнеца действительно одно из самых благоприятных. Но последуем за ним в город и взглянем на то бремя труда, которое вложено на его сильные плечи, — взглянем на то место, которое он занимает в статистике смертности нашей страны. В Мэрилебоне» (одном из самых больших городских кварталов Лондона) «смертность кузнецов составляет 31 на 1 000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безукоризненное, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить, в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают производить на столько-то больше ударов, проходить на столько-то больше шагов, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает затрату его жизненных сил на одну четверть. Он делает усилия в этом направлении, и в результате оказывается, что в продолжение какого-то ограниченного периода он выполняет работ на одну четверть больше и умирает в 37 лет вместо 50»⁹¹⁾.

4. ДНЕВНОЙ И НОЧНОЙ ТРУД. СИСТЕМА СМЕН

С точки зрения процесса увеличения стоимости средства производства, постоянный капитал, существуют лишь для того, чтобы впитывать труд и с каждой каплей труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Поскольку они этого не делают, простое существование их образует для капиталиста отрицательную потерю, так как в продолжение всего времени, пока средства производства остаются без употребления, они представляют бесполезно авансированный капитал; потеря эта становится положительной, если возобновление прерванного производства делает

⁹⁰⁾ «Morning Star», 23 июня 1863 года. Газета «Times» воспользовалась случаем для защиты американских рабовладельцев против Брайта и т. д. «Очень многие из нас полагают», — говорит «Times», — «что до тех пор, пока мы сами замучиваем до смерти работой наших собственных молодых женщин, угрожая им бичом голода вместо кнута, едва ли мы имеем право метать громы и молнии против тех семей, члены которых родились рабовладельцами и которые, по крайней мере, хорошо кормят своих рабов и требуют от них лишь умеренного труда» («Times», 2 июля 1863 г.). Газета тори «Standard» [15 августа 1863 г.] разносила в том же духе его преподобие Ньюмена Холла: «Он отлучает от церкви рабовладельцев, но творит молитву с локвики людьми, которые заставляют работать за собачью плату лондонских кучеров и кондукторов омнибусов и т. д. всего по 16 часов в сутки». Наконец, раздался голос оракула, г-на Томаса Карлейля, о котором я уже в 1850 г. писал: «В культе гения... гений пошел к черту, а культ остался»⁹¹⁾. В короткой притче он сводит единственное великое событие современной истории, Гражданскую войну в Америке, к тому обстоятельству, что Петр с Севера изо всех сил стремится проломить череп Павлу с Юга, так как Петр с Севера нанимает своего рабочего «подневно», а Павел с Юга «пожизненно» («Macmillan's Magazine». «Ilias Americana in nuce». Август 1863 г.). Так лопнул, наконец, мыльный пузырь симпатий тори к городским, — но отнюдь не к сельским! — наемным рабочим. Суть этих симпатий называется рабством!

⁹¹⁾ Dr. Richardson, цит. статья.

необходимыми добавочные затраты. Удлинение рабочего дня за пределы естественного дня, удлинение за счет ночи действует только как паллиатив, лишь до известной степени утоляет вампирову жажду живой крови труда. Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно высасывать днем и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется чередование между теми рабочими силами, которые потребляются днем, и теми, которые потребляются ночью, чередование, допускающее различные методы, например организованное таким способом, что часть рабочего персонала одну неделю выполняет дневную работу, а на другой неделе — ночную и т. д. Как известно, такая система смен, такое попеременное хозяйство господствовало в полнокровный юношеский период английской хлопчатобумажной промышленности и т. д. и процветает в настоящее время, между прочим, на бумагопрядильных фабриках Московской губернии. Как система, этот 24-часовой процесс производства существует и поныне во многих до сих пор еще «свободных» отраслях промышленности Великобритании, между прочим на доменных печах, в кузницах, на железопрокатных заводах и других металлических мануфактурах Англии, Уэльса и Шотландии. Процесс труда продолжается по 24 часа не только в каждый из 6 будничных дней, но в большинстве случаев охватывает также и 24 часа воскресных суток. В состав рабочих входят мужчины и женщины, взрослые и дети обоего пола. Дети и подростки представлены всеми возрастами от 8 (в иных случаях от 6) до 18 лет ⁹²⁾. В некоторых отраслях девушки и женщины работают ночью совместно с мужским персоналом ⁹³⁾.

Не говоря уже об общих вредных последствиях ночного труда ⁹⁴⁾, непрерывный, двадцатичетырехчасовой процесс производ-

⁹²⁾ «Children's Employment Commission. Third Report». London, 1864, p. IV, V, VI.

⁹³⁾ «В Стаффордшире и в Южном Уэльсе молодые девушки и женщины работают в каменноугольных копях и коксовыхнях не только днем, но и ночью. В отчетах, представляемых парламенту, это явление нередко отмечалось как причина серьезного и общепризнанного зла. Женщины, работающие вместе с мужчинами и едва отягачившиеся от них своей одеждой, покрытые грязью и копотью, подвергаются опасности утратить свой нравственный облик вследствие утраты самоуважения, что неизбежно обуславливается несвойственным женщинам занятием» (там же, 194, стр. XXVI. Ср. «Fourth Report» (1865), № 61, p. XIII). То же и на стекольных заводах.

⁹⁴⁾ «Представляется естественным», — замечает один фабрикант стали, у которого применяется ночной труд детей, — «что подростки, работающие ночью, не имеют возможности спать днем и получить необходимый отдых, а принуждены весь следующий день слоняться без отдыха» («Children's Employment Commission. Fourth Report», № 63, p. XIII). Вот что говорит, между прочим, один врач о важности солнечного света для сохранения и развития организма: «Свет оказывает непосредственное влияние на ткани тела, которым он придает крепость и упругость. Мускулы животных, лишенных нормального количества света, становятся рыхлыми и теряют свою упругость, нервная сила вследствие отсутствия возбуждения утрачивает свой тонус, и развитие всего, что находится в процессе роста, задерживается... Что касается детей, то для их здоровья особенно важен постоянный обильный приток дневного света и непосредственное действие солнечных лучей в продолжение некоторой части дня. Свет способствует переработке пищи в хорошую пластическую

ства дает в высшей степени удобную возможность переступать границы номинального рабочего дня. Например, в упомянутых выше отраслях промышленности, требующих большого напряжения, официальный рабочий день составляет для каждого рабочего по большей части 12 ночных или дневных часов. Но сверхурочный труд, выходящий за эти пределы, во многих случаях, выражаясь словами английского официального отчета, «поистине ужасен» («truly fearful») ⁹⁵⁾.

«Никакой человеческий ум», — говорится в отчете, — «не может представить себе той массы труда, которая, согласно свидетельским показаниям, выполняется мальчиками 9—12 лет, и не прийти после этого к тому неизбежному выводу, что такое злоупотребление властью родителей и работодателей не может быть долее терпимо» ⁹⁶⁾.

«Одно то обстоятельство, что мальчиков вообще заставляют работать попеременно то днем, то ночью, приводит как во время оживления дел, так и во время их обычного хода к позорному удлинению рабочего дня. Это удлинение во многих случаях носит не только ужасающий, но прямо-таки невероятный характер. Всегда бывает так, что кто-нибудь из мальчиков, которые должны сменить окончивших работу, по той или иной причине не является. В таком случае один или несколько из присутствующих мальчиков, уже закончивших свой рабочий день, должны заменить недостающего. Система эта настолько общезвестна, что директор одного прокатного завода на мой вопрос, каким образом заполняются места отсутствующих мальчиков, ответил: «Я ведь знаю, что вам это так же хорошо известно, как и мне», — и, не колеблясь, признал отмеченный факт» ⁹⁷⁾.

«На одном прокатном заводе, где номинальный рабочий день продолжается с 6 часов утра до 5¹/₂ часов вечера, один мальчик работал четыре ночи еженедельно по меньшей мере до 8¹/₂ часов вечера следующего дня... и так в продолжение 6 месяцев». «Другой, в девятилетнем возрасте, работал иногда три двенадцатичасовых смены подряд, а в десятилетнем возрасте — два дня и две ночи подряд». «Третий мальчик, которому теперь 10 лет, работал с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение трех ночей подряд и до 9 часов вечера в продолжение остальных ночей». «Четвертый, которому теперь 13 лет, работал целую неделю с 6 часов вечера до 12 часов следующего дня, а иногда три смены одну за другой, например с утра понедельника до ночи вторника». «Пятый, которому теперь 12 лет, работал на чугунолитейном заводе Стейбли с 6 часов утра до 12 часов ночи в продолжение двух недель; он уже не способен продолжать такую работу». Джордж Аллинсуорт, девяти лет: «Я пришел сюда в прошлую пятницу. Мы должны были начать работу на следующий день в три часа утра. Поэтому я оставался здесь всю ночь. Я живу в 5 милях отсюда. Спал на полу, подставлял кожаный фартук и прикрывшись курткой. Следующие два дня я приходил в 6 часов утра. Да, это горячее место! До поступления

кровь и укрепляет образовавшиеся волокна. Он влияет также как раздражитель на зрительные органы и таким образом вызывает более интенсивную деятельность различных мозговых функций». Г-н У. Стрейндж, главный врач «General Hospital» в Вустере, из соображений которого относительно «источников здоровья» ⁹² (1864 г.) мы заимствовали этот отзыв, сообщает в письме к члену следственной комиссии г-ну Уайту: «Раньше я имел возможность наблюдать в Ланкашире влияние ночного труда на фабричных детей, и, вопреки обычному уверению некоторых работодателей, я решительно утверждаю, что этот труд быстро наносит ущерб здоровью детей» («Children's Employment Commission. 4th Report», № 284, p. 55). То, что подобные вещи вообще составляют предмет серьезных споров, лучше всего доказывает, как влияет капиталистическое производство на «мозговые функции» капиталистов и их приспешников.

⁹⁵⁾ Там же, № 57, стр. XII.

⁹⁶⁾ Там же («4th Report», 1865), № 58, стр. XII.

⁹⁷⁾ Там же.

сюда я также целый год работал у доменной печи. Это был очень большой завод, расположенный в сельской местности. Моя работа тоже начиналась в субботу с 3 часов утра, но я мог, по крайней мере, уходить спать домой, так как жил недалеко. В другие дни я начинал работу с 6 часов утра, а оканчивал в 6 или 7 часов вечера» и т. д.⁹⁸⁾

Послушаем теперь, как сам капитал изображает эту 24-часовую систему. Он, конечно, обходит молчанием крайности этой системы, злоупотребления ею в целях «жестокости и невероятного» удлинения рабочего дня. Он говорит лишь о системе в ее «нормальном» виде.

Вот что говорят гг. Нейлор и Викерс, фабриканты стали, применяющие от 600 до 700 рабочих, из которых лишь 10% не достигло 18-летнего возраста, причем из числа этих последних лишь 20 мальчиков работают в ночной смене:

⁹⁸⁾ Там же, стр. XIII. Уровень развития этих «рабочих сил» неизбежно должен быть таков, как он представляется в следующем диалоге с одним из членов следственной комиссии: Джеримая Хейнс, 12 лет: «...четырежды четыре восемь, но четыре четверки (4 fours) шестнадцать... Король для него тот, у кого все деньги и все золото (A king is him that has all the money and gold). У нас есть король; говорят, что он королева, ее называют принцессой Александрой. Говорят, что она вышла замуж за сына королевы. Принцесса — это мужичина». У. Тёрнер, двенадцати лет: «Я живу не в Англии. Полагаю, что такая страна существует, но ничего не знал о ней до сих пор». Джон Моррис, четырнадцать лет: «Я слышал, что бог сотворил мир и что весь народ утонул, кроме одного человека; я слышал, что этот человек был маленькая птичка». Уильям Смит, пятнадцать лет: «Бог создал мужчину, мужчина создал женщину». Эдуард Тейлор, пятнадцать лет: «Ничего не знаю о Лондоне». Генри Мэтьюмен, семнадцати лет: «Несколько раз бывал в церкви... Одно имя, о котором они проповедуют, это некий Иисус Христос, но других имен я назвать не могу, да и о нем ничего не могу сказать. Он не был убит, а умер, как умирают все люди. Он отличался в некотором роде от других людей, так как в некотором роде был религиозен, а другие не религиозны (He was not the same as other people in some ways, because he was religious in some ways, and others isn't)» (там же, № 74, стр. XV). «Дьявол — доброе существо. Я не знаю, где он живет». «Христос был алкой человек» («The devil is a good person. I don't know where he lives». «Christ was a wicked man»). «Эта девочка (10 лет) вместо God [бог] по буквам говорит Dog [собака] и не знает имени королевы» («Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 55, № 278). Такая же система, как на упомянутых металлических мануфактурах, господствует на стекольных и бумажных фабриках. На бумажных фабриках, на которых бумага производится посредством машин, ночная работа существует, как общее правило, для всех процессов, кроме сортировки тряпья. В некоторых случаях ночная работа благодаря сменам продолжается всю неделю, обыкновенно с ночи воскресенья до 12 часов ночи следующей субботы. Рабочий персонал, находящийся в дневной смене, работает еженедельно пять дней по 12 часов и один день — 18 часов, а находящийся в ночной смене — 5 ночей по 12 часов и одну ночь — 6 часов. В других случаях каждая смена работает в дни ломки смен по 24 часа и одна за другой. Одна смена работает 6 часов в понедельник и 18 в субботу, чтобы вышли полные 24 часа. В некоторых случаях введена промежуточная система, при которой все рабочие, занятые на бумагоделательных машинах, работают каждый день неделю по 15—16 часов. Эта система, — говорит член следственной комиссии Лорд, — как бы соединяет в себе все зло 12-часовой и 24-часовой систем смен. При этой системе ночной работы работают дети моложе 13 лет, подростки моложе 18 лет и женщины. Иногда при двенадцатичасовой системе им приходится работать двойную смену, 24 часа, чтобы заменить отсутствующих рабочих. Свидетельские показания доказывают, что мальчики и девочки очень часто работают сверхурочное время, которое растягивается до 24 и даже до 36 часов непрерывного труда. В «непрерывном и неизменном процессе» глазирования можно встретить двенадцатилетних девочек, которые работают месяц напролет по 14 часов в сутки «без какого бы то ни было регулярного отдыха или перерыва в работе, кроме двух, самое большее трех, получасовых перерывов для принятия пищи». На некоторых фабриках, где совсем отменена регулярная ночная работа, продолжительность сверхурочного времени достигает ужасающих размеров, и «это часто при самых грязных, самых горячих и самых монотонных процессах» («Children's Employment Commission. 4th Report», 1865, p. XXXVIII, XXXIX).

«Мальчики совсем не страдают от жары. Температура, вероятно, достигает 86°—90° [по Фаренгейту; 30°—32° по Цельсию]... В кузнечной и прокатной мастерских рабочие заняты поменным днем и ночью, напротив, во всех остальных мастерских труд исключительно дневной, от 6 часов утра до 6 часов вечера. В кузнечной работают от 12 часов до 12 часов. Некоторое число рабочих работает постоянно ночью, не переходя с ночного труда на дневной... Мы не находим, что дневной и ночной труд оказывают различное влияние на здоровье» (гг. Нейлора и Викерса?), «и, вероятно, люди спят лучше, когда отдых наступает в одно и то же время, чем когда время отдыха меняется... Около 20 мальчиков моложе 18 лет работают в ночной смене... Мы не можем обойтись (not well do) без ночного труда мальчиков до 18-летнего возраста. Наше возражение — увеличение издержек производства. Искусные руки и руководителей отделений находить не легко, мальчиков же можно достать сколько угодно... Конечно, принимая во внимание относительную незначительность числа занятых у нас мальчиков, ограничение ночного труда не имело бы для нас существенной важности или значения»⁹⁹⁾.

Г-н Дж. Эллис, от сталелитейных и железоделательных заводов фирмы гг. Джона Брауна и К⁰, на которых занято 3 000 мужчин и подростков, причем часть тяжелых работ по производству стали и железа выполняется «днем и ночью, поменным», заявляет, что в трудных условиях сталелитейных заводов на двух взрослых приходится один или два подростка. Их предприятие насчитывает 500 подростков до 18-летнего возраста и из них 170, или около $\frac{1}{3}$, моложе 13 лет. Относительно предложенного изменения закона г-н Эллис говорит:

«Я не думаю, что было бы очень предосудительно (very objectionable), если бы воспретили заставлять лиц, не достигших 18-летнего возраста, работать более 12 часов в сутки. Но я не думаю, чтобы можно было привести какие-нибудь доказательства в пользу того, что при ночном труде можно обойтись без подростков старше 12 лет. Мы скорее приняли бы закон, воспрепятствующий вообще применению труда детей, не достигших 13-летнего или даже 15-летнего возраста, чем такой, который воспрещал бы ночной труд подросткам, уже работающим у нас. Подростки, занятые в дневной смене, должны попеременно работать и в ночной смене, так как взрослые рабочие не могут непрерывно работать по ночам; это повлияло бы разрушающим образом на их здоровье. Однако мы полагаем, что ночной труд с промежутком в неделю не приносит вреда». (Господа Нейлор и Викерс, защищая интересы своего предприятия, полагали, наоборот, что не беспрерывный, а как раз периодически сменяющийся ночной труд может принести вред.) «Мы видим, что люди, занятые ночным трудом попеременно с дневным, так же здоровы, как те, которые работают только днем... Мы возражаем против воспрепятствования ночного труда подросткам моложе 18 лет потому, что это увеличило бы издержки, но в этом и есть единственное основание». (Какой наивный цинизм!) «Мы думаем, что это увеличение издержек превысило бы то, что может выдержать предприятие (the trade) без ущерба для своих успехов (As the trade with due regard to etc. could fairly bear!)» (Какая кислесобразная фразеология!) «Труд здесь редок, а при таком регулировании он мог бы сделаться недостаточным» (т. е. Эллис, Браун и К⁰ могли бы понасть в фатальное положение, при котором они были бы вынуждены полностью оплачивать стоимость рабочей силы)¹⁰⁰⁾.

«Сталелитейные и железоделательные заводы «Циклоп» гг. Каммелла и К⁰ ведутся в таком же крупном масштабе, как предприятие вышеупомянутых Джона Брауна и К⁰. Директор-распорядитель вручил члену правительственной комиссии Уайту свои письменные свидетельские показания, но потом нашел целесообразным утаить рукопись, возвращенную ему для пересмотра. Однако г-н Уайт обладает хорошей

⁹⁹⁾ «Fourth Report etc.», 1865, № 79, p. XVI.

¹⁰⁰⁾ Там же, № 80, стр. XVI.

памятью. Он очень хорошо помнит, что для этих господ циклопов восприятие ночного труда детей и подростков является «невозможной вещью; это было бы равносильно закрытию их заводов», и при всем том на их предприятия насчитывается немного более 6% подростков до 18 лет и лишь 1% моложе 13 лет!»¹⁰¹⁾.

Г-н Е. Ф. Сандерсон от фирмы Братья Сандерсон и К⁰ сталелитейных, железопрокатных и кузнечных заводов в Аттерклиффе говорит по тому же вопросу следующее:

«Большие затруднения повлекло бы за собой восприятие ночного труда подростков моложе 18 лет; главное затруднение в увеличении издержек, к которому по необходимости повела бы замена детского труда трудом взрослых мужчин. Я не могу сказать, во что обошлось бы это, но, вероятно, увеличение издержек не было бы настолько значительным, чтобы фабрикант мог повысить цену стали, а следовательно, убыток пал бы на него, так как рабочие» (что за упрямый народ!), «конечно, отказались бы его нести». Г-н Сандерсон не знает, сколько он платит детям, но, «вероятно, это составляет от 4 до 5 шилл. на душу в неделю... Труд мальчиков таков, что для него вообще» («generally», конечно, не всегда «в частности») «совершенно достаточно силы подростков, а потому большая сила взрослых рабочих не дала бы выгоды, которан могла бы компенсировать потери, или это наблюдалось бы лишь в немногих случаях, когда приходится иметь дело с очень тяжелым металлом. Взрослым рабочим, в свою очередь, едва ли захочется не иметь в своем распоряжении мальчиков, так как взрослые мужчины менее послушны. Кроме того мальчикам следует начинать работу с раннего возраста, чтобы изучить дело. Ограничение труда подростков исключительно дневным трудом препятствовало бы достижению этой цели».

Но почему же? Почему подростки не могли бы изучать своего «ремесла» днем? Ваши основания?

«Потому, что взрослые рабочие, работающие попеременно неделю днем, другую неделю ночью, отделяемые от подростков своей смены в течение всего этого времени, теряли бы половину той выгоды, которую они могли бы из них извлечь. Ведь то руководство, которое получают от них подростки, учитывается как часть заработной платы последних, и это дает взрослым рабочим возможность дешевле получать труд подростков. Каждый взрослый рабочий потерял бы половину своей прибыли».

Другими словами: господа Сандерсоны должны были бы уплачивать соответствующую часть заработной платы взрослых рабочих из собственного кармана, вместо того чтобы уплачивать ее ночным трудом подростков. Прибыль господ Сандерсонов в этом случае несколько понизилась бы, и это служит для Сандерсонов хорошим основанием, почему подростки не могут изучать свое ремесло днем¹⁰²⁾. Кроме того, это взвалило бы регулярный ночной труд целиком на плечи взрослых, которые теперь сменяются подростками, и они не выдержали бы этого. Короче говоря, затруднения были бы настолько велики, что они привели бы, по всей вероятности, к совершенному уничтожению ночного труда. «Что касается собственно производства стали, — говорит Е. Ф. Сандерсон, — то это не составило бы никакой разницы, но!..» Но господа Сандерсоны не

¹⁰¹⁾ «Fourth Report etc.», 1865, № 82, p. XVII.

¹⁰²⁾ «В наше богатое рефлексней и резонирующее время человек, который не умеет указать хорошего основания для всего что угодно, даже для самых дурных и превратных мыслей и поступков, должен быть уже очень недалеко. Все, что испорчено в мире, испорчено на хороших основаниях» (Hegel. «Encyclopädie». Erster Theil, «Die Logik». Berlin, 1840, S. 249).

просто производят сталь ради стали. Производство ее — это только средство для производства прибыли. Плавильные печи, прокатные заводы и т. д., здания, машины, железо, уголь и т. д. должны больше делать, чем только превращаться в сталь. Они существуют для того, чтобы всасывать прибавочный труд, а всосут они его, конечно, больше в 24 часа, чем в 12 часов. В самом деле, по законам божеским и человеческим обладание ими дает Сандерсонам право на рабочее время известного числа рук в течение полных суток; они утрачивают свой характер капитала и потому представляют для Сандерсонов чистый убыток, как только прерывается их функция всасывания труда.

«Но в таком случае произошла бы потеря вследствие того, что очень дорогие машины половиину времени бездействовали бы, и мы были бы принуждены удвоить размер помещений и количество машин для того, чтобы произвести такое же количество продуктов, какое мы в состоянии произвести при теперешней системе, а это удвоило бы издержки».

Но почему как раз эти Сандерсоны претендуют на особую привилегию по сравнению с другими капиталистами, предприятиям которых позволено работать только днем и у которых здания, машины, сырой материал ночью «бездействуют»?

«Это правда», — отвечает Е. Ф. Сандерсон от лица всех Сандерсонов, — «это правда, что потеря, происходящая вследствие бездействия машин, распространяется на все предприятия, в которых работают только днем. Но применение плавильных печей повело бы в нашем случае к экстраординарным потерям. Если их не гасить, растрачивается топливо» (вместо жизни рабочих, которая растрачивается в настоящее время), «если же их гасить, то теряется время на то, чтобы вновь развести огонь и получить необходимую температуру» (тогда как потеря даже восьмилетними детьми времени сна является выигрышем рабочего времени для всей сандерсоновской братии), «да и сами печи пострадали бы от перемен температуры» (тогда как те же печи несколько не страдают от дневной и ночной смены труда)¹⁰³⁾.

¹⁰³⁾ «Children's Employment Commission. 4th Report etc., 1865, № 85, p. XVII. На подобные же деликатные рассуждения одного из господ стеклозаводчиков, будто установление для детей «регулярного времени еды» невозможно, так как это повело бы «к чистой потере» и «расточению» определенного количества теплоты, излучаемой печами, член следственной комиссии Уайт, совершенно не похожий на Юра, Сениора и т. д. и на их жалких немецких подголосков вроде Рошера и других, растроганных «воздержанием», «самоотречением» и «бережливостью» капиталистов в расходовании своих денег и их тимур-тамерлановской «расточительностью» в расходовании человеческой жизни, дает такой ответ: «Если и будет растрачиваться некоторое излишнее количество теплоты по сравнению с теперешним вследствие того, что будет обеспечено регулярное время на еду, то такая растрата, даже выраженная в денежной стоимости, не идет ни в какое сравнение с расточением жизненной силы («the waste of animal power»), которое терпит теперь королевство вследствие того, что дети, занятые на стекольных заводах и находящиеся в периоде роста, не имеют свободного времени, чтобы спокойно принять и переварить пищу» (там же, стр. XLV). И это в «год процветания» — 1865 год! Кроме затраты силы, которая требуется на то, чтобы поднимать я переносить тяжести, на заводах, изготовляющих бутылки и флинтглас, ребенок, непрерывно совершая свою работу, должен исходить в продолжение 6 часов 15—20 (английских) миль! А работа продолжается часто 14—15 часов! На многих стекольных заводах господствует такая же система шестичасовых смен, как на московских прядильных. «В течение недельного рабочего времени самый продолжительный непрерывный отдых составляет 6 часов. Но отсюда следует вычесть время, необходимое для того, чтобы дойти до фабрики и обратно, умыться, одеться, принять пищу, а все это требует времени. Таким образом, в действительности для отдыха остается лишь самое короткое время. Если не отрывать времени от сна, то некогда поиграть и подышать свежим воздухом, что так необходимо

5. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ОБ УДЛИНЕНИИ РАБОЧЕГО ДНЯ С СЕРЕДИНЫ XIV ДО КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ

«Что такое рабочий день?» Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинен рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полных 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала. Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье ¹⁰⁴⁾, — то все это чистый вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для

детям, занятым столь напряженным трудом при столь высокой температуре... Но и короткий сон ребенка нарушается ночью заботой о том, чтобы не проспать на работу, днем — доходящим извне шумом». Г-н Уайт приводит случаи, когда один подросток работал 36 часов без перерыва, когда двенадцатилетние мальчики работают до 2-х часов ночи, а затем спят на заводе до 5 часов утра (3 часа!), чтобы затем снова приняться за дневную работу! «Количество работы», — говорят редакторы общего отчета Трименхир и Тафнелл, — «выполняемое мальчиками, девочками и женщинами во время дневной или ночной смены (*spell of labour*), прямо баснословно» (там же, стр. XLIII и XLIV). А между тем «пренеполненный самоотречения» стекольный капиталист, пошатываясь от портвейна, возвращается, быть может, поздно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: «Britons never, never, shall be slaves!» [«Нет, никогда, никогда не будут британцы рабами!»] ⁹³.

¹⁰⁴⁾ В различных сельских местностях Англии, например, до сих пор еще нет-нет да и приговаривают какого-нибудь рабочего к тюремному заключению за то, что, работая в огороде перед своим домом, он оскверняет святость воскресенья. Тот же самый рабочий наказывается за нарушение договора, если не пойдет в воскресенье, хотя бы и по религиозным мотивам, на какую-нибудь металлургическую, бумажную или стекольную фабрику. Ортодоксальный парламент глух к оскорблению святости воскресенья, если таковое совершается в «процессе возрастания стоимости» капитала. В одной записке (август 1863 г.), в которой лондонские поденщики, занятые в торговле рыбой и птицей, требуют отмены воскресного труда, говорится, что их труд продолжается в первые 6 дней недели в среднем по 15 часов ежедневно, а в воскресенье 8—10 часов. Из той же записки видно, что этот «воскресный труд» поощряется как раз прихотливым гурманством аристократических ханжей из Экстер-холла ⁹⁴. Эти «святые», столь ревностные «in cute curanda» [«в заботах о своем физическом благополучии»], подтверждают свою лажобность тем смирением, с которым они переносят чрезмерный труд, лишения и голод третьих лиц. *Obsequium ventris istis (рабочих) perniciosius est* [чревоугодие для них (рабочих) много пагубнее].

того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу дается уголь и машинам — сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведет не только к захирению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы¹⁰⁵⁾. На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путем сокращения продолжительности его жизни.

Но стоимость рабочей силы заключает в себе стоимость тех товаров, которые необходимы для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса. Таким образом, если противоестественное удлинение рабочего дня, которого капитал необходимо домогается в своем безграничном стремлении к самовозрастанию, сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становится необходимым более быстрое возмещение изношенных рабочих сил, т. е. издержки на воспроизводство рабочей силы должны быть больше, — совершенно так же, как часть стоимости машины, ежедневно подлежащая воспроизводству, тем больше, чем быстрее изнашивается машина. Поэтому, казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость установления нормального рабочего дня.

¹⁰⁵⁾ «В предыдущих отчетах мы привели отзывы различных опытных фабрикантов относительно того, что чрезмерный труд... несомненно ведет к преждевременному истощению человеческой рабочей силы» («Children's Employment Commission. 4th Report», 1865, № 64, р. XIII).

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Теряя раба, он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке.

Но «какое фатально-разрушительное влияние ни оказывали бы рисовые поля Джорджии и болота Миссисипи на человеческий организм, тем не менее это разрушение человеческой жизни не настолько велико, чтобы его нельзя было возместить из обильных «заповедников» в Виргинии и Кентукки. Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, с введением торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, если его можно заместить новым рабом, привезенным из чужих негритянских «заповедников», продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность при жизни. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени. Как раз в странах тропических культур, в которых годовая прибыль часто равняется всему капиталу плантаций, жизнь негров приносит в жертву наиболее беспощадным образом. Земледелие Вест-Индии, уже в течение нескольких столетий колыбель баснословных богатств, поглотило миллионы людей африканской расы. И в наше время на Кубе, где доходы исчисляются миллионами, где плантаторы являются князьями, мы видим, что класс рабов питается самой грубой пищей, обречен на самый изнурительный и непрестанный труд, а значительная часть его даже прямо уничтожается из года в год в результате медленной пытки чрезмерного труда и недостатка сна и отдыха» ¹⁰⁶⁾.

Mutato nomine de te fabula narratur! ⁹⁵ Заменяем торговлю невольниками рынком труда, Кентукки и Виргинию — Ирландией и земледельческими округами Англии, Шотландии и Уэльса, Африку — Германией! Мы видели, как опустошает чрезмерный труд ряды лондонских пекарей, тем не менее лондонский рынок труда всегда переполнен немецкими и другими кандидатами на смерть в пекарном промысле. Гончарное производство, как мы видели, одна из отраслей промышленности с наименьшей продолжительностью жизни рабочих. Но наблюдается ли из-за этого недостаток в гончарах? Джозая Уэджвуд, изобретатель современного гончарного производства, сам по происхождению обыкновенный рабочий, заявил в 1785 г. перед палатой общин, что все это производство занимает от 15 до 20 тысяч человек ¹⁰⁷⁾. В 1861 г. население одних городских центров этой промышленности в Великобритании составляло 101 302 человека.

«Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет... В период жизни трех поколений английской расы эта промышленность пожрала девять поколений» ¹⁰⁸⁾.

Правда, в отдельные периоды лихорадочного подъема рынок труда обнаруживал серьезный недостаток предложения рабочей силы. Так было, например, в 1834 году. Но тут господа фабриканты

¹⁰⁶⁾ J. E. Cairnes, цит. соч., стр. 110, 111.

¹⁰⁷⁾ John Ward. «The Borough of Stoke-upon-Trent etc.». London, 1843, p. 42.

¹⁰⁸⁾ Речь Ферранда в палате общин 27 апреля 1863 года.

предложили Комиссии по закону о бедных направлять «избыток населения» земледельческих округов на север, заявив, «что он будет поглощен и потреблен фабрикантами» ¹⁰⁹). Это их подлинные слова.

«С согласия Комиссии по закону о бедных были посланы агенты в Манчестер. Были подготовлены и вручены этим агентам списки сельскохозяйственных рабочих. Фабриканты бросились в бюро, и после того как они выбрали себе то, что им требовалось, целые семьи были отправлены с юга Англии. Эти человеческие грузы были доставлены с ярлыками, подобно тюкам товаров, по каналам и в фурах; некоторые прибыли пешком, многие сбились с пути и полуголодные бродили по промышленным округам. Все это развилось в настоящую отрасль торговли. Палата общин сочтет это едва вероятным. Такая регулярная торговля, такое барышничество человеческим мясом продолжалось непрерывно, и люди покупались и продавались манчестерскими агентами манчестерским фабрикантам столь же регулярно, как негры продаются плантаторам хлопка в южных штатах... 1860 год был годом зенита хлопчатобумажной промышленности... Снова недоставало рабочих рук. Фабриканты снова обратились к агентам по продаже человеческого мяса... и последние обшарили все дюны Дорсета, холмы Девона, равнины Уилтса, но избыток населения был уже съеден».

Газета «Bury Guardian» горько жаловалась, что после заключения англо-французского торгового договора могло бы быть поглощено 10 тысяч «добавочных рук», а вскоре их потребовалось бы еще 30—40 тысяч. После того как агенты и субагенты по торговле человеческим мясом довольно-таки безуспешно обшарили в 1860 г. земледельческие округа,

«депутации фабрикантов обратилась к г-ну Вильерсу, председателю Совета попечительства о бедных, с просьбой снова разрешить им брать на фабрики сирот и детей бедняков из работных домов» ¹¹⁰).

¹⁰⁸) «Он будет поглощен и потреблен фабрикантами. Буквально так звучало заявление хлопчатобумажных фабрикантов» (там же).

¹¹⁰) Там же. Вопреки своему желанию Вильерс был поставлен «законом» перед необходимостью отвергнуть домогательства фабрикантов. Однако эти господа достигли своей цели благодаря услужливости местных попечительств о бедных. Фабричный инспектор г-н А. Редгрейв уверяет, что на этот раз «система», при которой сироты и дети пауперов «по закону» считаются apprentices (учениками), «не сопровождалась прежними злоупотреблениями» (об этих злоупотреблениях см. Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845), — хотя, конечно, в одном случае «злоупотребление системой» было допущено по отношению к девочкам и молодым женщинам, доставленным из земледельческих округов Шотландии в Ланкашир и Чешир. «Система» состоит в том, что фабрикант заключает с администрацией домов для призрения бедных контракт на определенный срок. Он обеспечивает детей пищей, одеждой и жильем и приплачивает им немного деньгами. Странно звучит следующее замечание г-на Редгрейва, особенно если принять во внимание, что даже среди годов процветания английской хлопчатобумажной промышленности 1860 г. стоит особняком и что заработная плата достигла необычно высокого уровня, так как чрезвычайный спрос на рабочих столкнулся с уменьшением населения Ирландии, беспримерной эмиграцией из английских и шотландских земледельческих округов в Австралию и Америку, с положительным уменьшением населения в некоторых английских земледельческих округах, что было отчасти следствием достигнутого подрыва жизненной силы, отчасти же следствием того, что торговцы человеческим мясом уже использовали все избыточное население. И, несмотря на все это, г-н Редгрейв говорит: «Тем не менее труд этого рода» (труд детей из домов для призрения бедных) «применяется лишь тогда, когда нельзя найти никакого другого, так как он дорог (high priced labour). Обычная заработная плата подростка 13 лет равняется приблизительно 4 шилл. в неделю; но дайте пищу, одежду и жилище 50 или 100 таким подросткам, обеспечить им врачебную помощь и надлежащий надзор, да сверх того давать им маленькую приплату деньгами, — для этого 4 шилл. на человека

В общем опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т. е. перенаселение сравнительно с существующей в каждый данный момент потребностью капитала в возрастании, хотя перенаселение это и состоит из хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений¹¹¹⁾. С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, которое с исторической точки зрения родилось лишь вчера, уже успело в корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением нетронутых жизненных элементов деревни и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и неограниченное действие среди них закона естественного отбора, в силу которого выживают лишь наиболее сильные индивидуумы¹¹²⁾. Капитал, который имеет столь «хорошие основания» отрицать страдания окружающего его поколения рабочих, в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения и в конечном счете неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза

в неделю недостаточно» («Reports of the Insp. of Factories for 30th April 1860», p. 27). Г-н Редгрейв забывает сказать, каким образом сам рабочий может доставить все это своим детям на их заработную плату в 4 шилл., раз фабрикант не в состоянии этого сделать для 50 или 100 подростков, которые живут вместе, вместе столуются и состоят под общим надзором. Во избежание ложных выводов из текста я должен еще заметить, что английскую хлопчатобумажную промышленность, со времени подчинения ее фабричному акту 1850 г. с его регулированием рабочего времени и т. д., следует рассматривать как образцовую промышленность Англии. Рабочий английской хлопчатобумажной промышленности стоит во всех отношениях выше своего континентального товарища по судьбе. «Прусский фабричный рабочий работает по меньшей мере на 10 часов в неделю больше, чем его английский соперник, а если он работает у себя на дому на своем собственном ткацком станке, то отпадает и эта граница добавочных рабочих часов» («Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1855», p. 103). Упомянутый выше фабричный инспектор Редгрейв после промышленной выставки 1851 г. отправился на континент, в частности во Францию и Пруссию, чтобы изучить фабричные порядки этих стран. Вот что говорит он о прусском фабричном рабочем: «Он получает заработную плату, достаточную для приобретения той простой пищи и того небольшого комфорта, к которым он привык и которыми довольствуется... Живет он хуже и работает больше, чем его английский соперник» («Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1853», p. 85).

¹¹¹⁾ «От чрезмерной работы люди умирают с удручающей быстротой; но места погибающих тотчас заполняются снова, и частая смена лиц не производит никакого изменения на сцене» («England and America». London, 1833, v. I, p. 55; автор — Э. Г. Уэйкфилд).

¹¹²⁾ См. «Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of The Privy Council, 1863». Опубликовано в Лондоне в 1864 году. В этом отчете говорится как раз о сельскохозяйственных рабочих. «Графство Сатерленд изображали как такое, в котором достигнуты серьезные улучшения, однако недавнее обследование показало, что в округах этого графства, когда-то столь славившихся красотой мужчин и храбростью солдат, население вырождено в художочную и захиревшую расу. В наиболее здоровых местностях, расположенных по обращенным к морю склонам холмов, лица детей так худы и бледны, как если бы эти дети жили в гнилой атмосфере какого-нибудь лондонского закоулка» (Thornton, цит. соч., стр. 74, 75). Они в сущности похожи на те 30 000 «gallant Highlanders» [«бравых горцев»], которые вместе с проститутками и ворами ютятся в wynds и closes [трущобах и вертепах] Глазго.

когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. *Après moi le déluge!*⁹⁶ — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению¹¹³⁾. На жалобы относительно физического и духовного калечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон¹¹⁴⁾.

Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. Но в истории этой борьбы обнаруживаются два противоположных течения. Сравним, например, английское фабричное законодательство нашего времени с английскими рабочими статутами начиная с XIV и до середины XVIII века¹¹⁵⁾. В то время как современный фабричный закон насильственно сокращает рабочий день, эти статуты стремятся насильственно его удлинить. Правда, притязания капитала в эмбриональном состоянии, когда он еще только возникает

¹¹³⁾ «Хотя здоровье населения является столь важным элементом национального капитала, к сожалению, придется признать, что капиталисты совсем не расположены хранить и ценить это сокровище... Внимание к здоровью рабочих было у фабрикантов вынуждено» («Times», 5 ноября 1861 г.). «Мужчины Уэст-Райдинга превратились в сукопщиков для всего человечества... Здоровье рабочего населения было принесено в жертву, и в течение нескольких поколений раса совершенно выродилась бы, если бы не последовала реакция. Часы детского труда были ограничены и т. д.» («Twenty-second Report of the Registrar General». London, 1861).

¹¹⁴⁾ Поэтому мы видим, например, что в начале 1863 г. 26 фирм, владеющих обширными гончарными в Стаффордшире, в том числе также фирма Д. Уэдждуд и сыновья, в особом меморандуме ходатайствуют «о властном вмешательстве государства». «Конкуренция с другими капиталистами» не позволяет им произвести какого бы то ни было «добровольного» ограничения рабочего времени детей и т. д. «Сколько бы мы ни советовали поэтому на упомянутое выше зло, его невозможно было бы устранить посредством какого-нибудь соглашения фабрикантов между собой... Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы пришли к тому убеждению, что необходим принудительный закон» («Children's Employment Commission, 1st Report», 1863, p. 322).

Добавление к примечанию 114. Еще более разительный пример дает нам самое недавнее прошлое. Высокие цены хлопка в период лихорадочного хода дам побуждали владельцев хлопчатобумажных ткацких фабрик в Блэкберне по взаимному соглашению между ними сократить на своих фабриках рабочее время на определенный срок. Срок этот истек приблизительно в конце ноября (1871 г.). Между тем более богатые фабриканты, у которых прядение соединялось с ткачеством, использовали сокращение производства, обусловленное этим соглашением, для того чтобы расширить свое собственное дело и извлечь таким образом большие барыши за счет мелких предпринимателей. Последние в таких затруднительных обстоятельствах обратились к фабричным рабочим, призывая их серьезно заняться агитацией за девятичасовой рабочий день и обещая им денежную помощь для этой цели!

¹¹⁵⁾ Эти рабочие статуты, которые мы находим одновременно и во Франции, Нидерландах и т. д., были формально отменены в Англии лишь в 1813 г., уже после того, как они были давно устранены самими производственными отношениями.

и, следовательно, свое право всасывать достаточное количество прибавочного труда обеспечивает пока не одной лишь силой экономических отношений, но и содействием государственной власти, — эти притязания представляются совершенно скромными, если сопоставить их с теми уступками, которые он, ворча и сопротивляясь, должен делать в зрелом возрасте. Понадобились века для того, чтобы «свободный» рабочий вследствие развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общественными условиями, продавать за цену привычных жизненных средств все активное время своей жизни, самую свою работоспособность, — продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки⁹⁷. Поэтому естественно, что то удлинение рабочего дня, к которому капитал при посредстве государственной власти старается принудить совершеннолетних рабочих в период с середины XIV до конца XVII века, совпадает приблизительно с теми пределами рабочего времени, которые во второй половине XIX века кое-где ставятся государством для превращения детской крови в капитал. То, что теперь, например в штате Массачусетс, до недавнего времени самом свободном штате Североамериканской республики, объявлено законным пределом труда детей моложе 12 лет, в Англии еще в середине XVII века было нормальным рабочим днем здоровых ремесленников, дюжих батраков и атлетически сложенных кузнецов¹¹⁶⁾.

Непосредственным поводом к изданию первого рабочего статута (23-й год царствования Эдуарда III, 1349 г.) (не причиной, потому что законы подобного рода издаются на протяжении целых столетий и после того, как этот повод исчез) послужила великая чума⁹⁸, настолько уменьшившая население, что, по словам одного тори, «трудность найти рабочих по разумным ценам» (т. е. по ценам, которые оставляли бы их хозяевам разумное количество прибавочного труда) «поистине стала невыносима»¹¹⁷⁾.

¹¹⁶⁾ «Ни один ребенок моложе 12-летнего возраста не должен работать на каком бы то ни было мануфактурном предприятии более 10 часов в сутки» («General Statutes of Massachusetts», гл. 60, § 3). (Постановления эти были изданы в 1836—1858 гг.) «Труд в продолжение десяти часов в сутки на всех хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых, бумажных, стекольных, льняных фабриках и на заводах железных и медных изделий должен рассматриваться как установленный законом дневной труд. Предписывается также, чтобы отныне ни одного подростка, работающего на какой-либо фабрике, не удерживали за работой или не принуждали к работе более 10 часов в день или 60 часов в неделю и чтобы отныне ни один подросток, не достигший 10-летнего возраста, не принимался в качестве рабочего на какие бы то ни было фабрики в пределах этого штата» («State of New-Jersey. An act to limit the hours of labour etc.», §§ 1 и 2. Закон от 18 марта 1851 г.). «Подростков, достигших 12 лет, но моложе 15 лет, ни на каком мануфактурном предприятии нельзя заставлять работать более 11 часов в сутки, притом ранее 5 часов утра и позже 7½ часов вечера» («Revised Statutes of the State of Rhode Island etc.», гл. 139, § 23, 1 июля 1857 г.).

¹¹⁷⁾ [J. B. Byles.] «Sophisms of Free Trades», 7th edit. London, 1850, p. 205. Тот же тори, впрочем, добавляет: «Парламентские акты, регулировавшие заработную плату в ущерб рабочим и в пользу нанимателей труда, сохранялись в течение долгого периода продолжительностью в 464 года. Население выросло. Законы эти стали теперь излишними и обременительными» (там же, стр. 206).

Поэтому «разумная» заработная плата была продиктована в законодательно-принудительном порядке, а равным образом были продиктованы и пределы рабочего дня. Последний пункт, который нас здесь только и интересует, повторен в статуте 1496 г. (при Генрихе VII). Рабочий день всех ремесленников (*artificers*) и сельскохозяйственных рабочих с марта до сентября должен был продолжаться — чего, однако, так и не удалось провести на практике — с 5 часов утра до 7—8 часов вечера, но при этом время, отведенное на еду, составляло 1 час на завтрак, $1\frac{1}{2}$ часа на обед и полчаса на полдник, т. е. как раз вдвое больше того, что предусматривает действующий в настоящее время фабричный акт ¹¹⁸⁾. Зимой работа должна была продолжаться с теми же перерывами от 5 часов утра до темна. Статут Елизаветы от 1562 г. для всех рабочих, «нанятых за поденную или понедельную плату», не изменяет продолжительности рабочего дня, но старается ограничить перерывы $2\frac{1}{2}$ часами летом и 2 часами зимой. Обед должен продолжаться только один час, а «получасовой послеобеденный сон» разрешается лишь с половины мая и до половины августа. За каждый час отлучки вычитается из заработной платы 1 пенни. Однако на практике условия для рабочих были много благоприятнее, чем по статутам. Уильям Петти, отец политической экономии и в некотором роде изобретатель статистики, говорит в одном сочинении, опубликованном им в последней трети XVII века:

«Рабочие» (*labouring men*, в то время собственно сельскохозяйственные рабочие) «работают по 10 часов в сутки и едят 20 раз в неделю, а именно три раза в день по будням и два по воскресеньям; отсюда ясно, что если бы они захотели поститься в пятницу вечером и употреблять на обед $1\frac{1}{2}$ часа, тогда как теперь они употребляют на него 2 часа, от 11 до 1 часа, т. е. если бы они на $\frac{1}{20}$ времени больше работали и на столько же меньше теряли времени, то этого было бы достаточно для того, чтобы покрыть $\frac{1}{10}$ часть упомянутого выше налога» ¹¹⁹⁾.

Не прав ли был д-р Эндрю Юр, когда он кричал, что двенадцатичасовой билль 1833 г. представляет собой возврат к мраку прошлого? Конечно, положения статуты и положения, о которых упоминает Петти, распространяются и на «*apprentices*» (учеников). Но как именно обстояло дело с детским трудом еще в конце XVII века, об этом можно судить по следующей жалобе:

¹¹⁸⁾ По поводу этого статута Дж. Уэйд справедливо замечает: «Из статута 1496 г. следует, что расход на пищу считался эквивалентным $\frac{1}{3}$ дохода ремесленника и $\frac{1}{2}$ дохода сельскохозяйственного рабочего, а это показывает, что в то время положение рабочих было более независимым, чем теперь, когда пища сельскохозяйственных и мануфактурных рабочих составляет более крупную часть их заработной платы» (*J. Wade*, цит. соч., стр. 24, 25, 577). Что касается мнения, будто бы эта разница объясняется разницей между ценой пищи и одежды теперь и тогда, то оно опровергается самым беглым ознакомлением с «*Chronicon Preciosum etc.*». By Bishop Fleetwood. 1st edit., London, 1707, 2nd edit., London, 1745.

¹¹⁹⁾ *W. Petty*. «Political Anatomy of Ireland, 1672», edit. 1691, p. 10⁹⁹.

«Наши юноши в Англии ничего не делают до самого того времени, когда поступают в ученики; вследствие этого им требуется, конечно, много времени — семь лет — для того, чтобы сделаться хорошими ремесленниками».

Германия, напротив, расхваливается за то, что там дети с колыбели хоть «немного приучаются к работе»¹²⁰⁾.

Еще в продолжение большей части XVIII века, до эпохи крупной промышленности, английскому капиталу не удавалось, уплачивая недельную стоимость рабочей силы, захватить всю неделю рабочего, — исключение составляют, впрочем, сельскохозяиственные рабочие. То обстоятельство, что рабочие могли существовать целую неделю на четырехдневную заработную плату, не представлялось им достаточным основанием для того, чтобы работать на капиталиста и остальные два дня. Одно направление английских экономистов в угоду капиталу самым неистовым образом нападало на рабочих за такое упрямство, другое направление защищало рабочих. Послушаем, например, полемику между Послтуэйтом, торговый словарь которого пользовался в то время такой же славой, как в настоящее время аналогичные сочинения Мак-Куллоха и Мак-Грегора, и цитированным выше автором «*Essay on Trade and Commerce*»¹²¹⁾.

¹²⁰⁾ «*A Discourse of the Necessity of Encouraging Mechanic Industry*». London, 1690, p. 13. Маколей, который фальсифицировал английскую историю в интересах вигов и буржуазии, пускается в следующие декламации: «Обычай преждевременно засаживать детей за работу... господствовал в XVII веке в степени, почти невероятной для тогдашнего состояния промышленности. В Норидже, главном центре шерстяной промышленности, шестилетний ребенок считался работоспособным. Различные авторы того времени — среди них многие почитались в высшей степени благомыслящими — с «*exultation*» (восторгом) упоминают о том, что в этом городе трудом одних мальчиков и девочек создаются богатства, составляющее сверх их собственного содержания 12 000 ф. ст. в год. Чем обстоятельнее изучаем мы историю прошлого, тем более оснований находим не соглашаться с мнением тех, кто считает, что наш век плодит новыми социальными бедствиями... Что ново, так это образованность, вскрывающая эти бедствия, да гуманность, исцеляющая их» («*History of England*», ч. I, p. 417). Маколей мог бы также порассказать о том, что «в высшей степени благомыслящие» *amis du commerce* [друзья торговли] XVII века с «*exultation*» повествуют о том, как в одном доме для призрения бедных в Голландии заставили работать 4-летнего ребенка, причем этот пример «*vertu mise en pratique*» [добродетели, примененной на практике] фигурирует во всех сочинениях гуманистов à la Маколей до времени А. Смита. Правда, с возникновением мануфактуры, в отличие от ремесла, появляются признаки эксплуатации детей, которая до известной степени издавна существовала у крестьян и получала тем большее развитие, чем тяжелее был гнет, тяготеющий над земледельцем. Тенденция капитала ясна, но сами факты носят еще такой же исключительный характер, как появление на свет двуголовых детей. Поэтому-то исполнение предчувствия будущего «*amis du commerce*» с «*exultation*» изображали эти факты в назидание современникам и потомству как нечто особенно примечательное и достойное удивления и рекомендовали их для подражания. Тот же самый шотландский сикофант и красноречивый Маколей говорит: «В настоящее время мы слышим только о регрессе, видим же мы только прогресс». Что за глаза, а главное, что за уши!

¹²¹⁾ Наиболее злобным из всех обвинителей рабочих является упомянутый в тексте анонимный автор «*An Essay on Trade and Commerce: containing Observations on Taxes etc.*». London, 1770. Еще раньше он выступил таковым в своем сочинении «*Considerations on Taxes*». London, 1765. Сюда же следует отнести и Артура Юнга, этого Полюния, невообразимого болтуна в статистике. Среди защитников рабочих выделяются: Джейкоб Вандерлинт в «*Money answers all Things*». London, 1734; пастор Натаниел Форстер, доктор богословия, в «*An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions*». London, 1767; д-р Прайс и особенно Послтуэйт — как в приложениях к его «*Universal*

Послушайте говорит между прочим:

«В заключение этих немногих замечаний я не могу не обратить внимания на пошлую фразу, которую приходится слышать от слишком многих, что рабочий (industrious poor), если он может в течение 5 дней заработать достаточно для своего существования, не захочет работать полных 6 дней. Поэтому приходят к заключению, что необходимо при помощи налогов или какими-либо иными способами удорожить даже необходимые жизненные средства, чтобы принудить ремесленников и мануфактурных рабочих к непрерывному труду в течение шести дней в неделю. Я должен попросить позволения придерживаться иного мнения, чем эти великие политики, которые ратуют за вечное рабство рабочего населения этого королевства («the perpetual slavery of the working people»); они забывают поговорку «all work and no play» (работа, не чередуясь с игрой, притупляет). Не гордятся ли англичане одаренностью и искусством своих ремесленников и мануфактурных рабочих, которые до сих пор обеспечивали британским товарам всеобщее признание и славу? Чему обязаны мы этим? По всей вероятности, не чему иному, как тому способу, которым наш рабочий народ, жизнерадостный по своему характеру, умеет развлекаться. Если бы они были принуждены работать сплошь целый год, все шесть дней в неделю, исполняя изо дня в день одну и ту же работу, разве это не притупило бы их способностей и не превратило бы их из бодрых и ловких в тупых и апатичных; и не лишились ли бы наши рабочие под гнетом такого вечного рабства своей репутации, могли ли бы они сохранить ее?.. Какого искусства можно было бы ожидать от столь жестоко загнанных животных (hard driven animals)?.. Многие из них выполняют в 4 дня такое количество работы, какое француз выполнит лишь в 5 или 6 дней. Но если англичане будут вечно обременены тяжелой работой, то можно опасаться, что они вырождаются (degenerate) еще больше, чем французы. Если народ наш славится своей воинской доблестью, то разве мы не говорим, что обязаны этим, с одной стороны, хорошему английскому ростбифу и пуддингу, которые служат ему пищей, а с другой стороны, и не в меньшей степени, нашему конституционному духу свободы? Да и почему бы большая степень способностей, энергии и искусства наших ремесленников и мануфактурных рабочих не была обязана своим происхождением той свободе, с которой они по-своему развлекаются? Я надеюсь, что они никогда не лишатся ни этих привилегий, ни тех хороших условий жизни, из которых одинаково проистекают как их искусство в работе, так и их мужество»¹²²⁾.

На это автор «*Essay on Trade and Commerce*» дал следующий ответ:

«Если празднование седьмого дня недели считается божественным установлением, то этим предполагается, что остальные дни недели принадлежат труду» (он, как мы это сейчас увидим, хочет сказать: капиталу), «и насильственное принуждение к тому, чтобы эта божественная заповедь исполнялась, иельзя называть жестокостью... Что человечество в общем от природы питает склонность к покою и лени, в этом нас убеждает роковой опыт, почерпнутый из поведения нашей мануфактурной черни, которая работает в среднем не более 4 дней в неделю, за исключением случаев вздорожания жизненных средств... Предположим, что бушель пшеницы представляет все жизненные средства рабочего, что он стоит 5 шилл. и что рабочий зарабатывает своим трудом один шиллинг в день. В таком случае ему приходится проработать всего 5 дней в неделю и всего 4 дня, если бушель стоит 4 шиллинга... Но так как в этом

Dictionary of Trade and Commerce», так и в «Great Britain's Commercial Interest explained and improved», 2nd edit. London, 1759. Самые факты констатируют многие другие авторы того времени, между прочим Джозая Такер.

¹²²⁾ *Postlethwayt*. Там же. «First Preliminary Discourse», p. 14.

королевстве заработная плата много выше по сравнению с ценой жизненных средств, то у мануфактурного рабочего, который проработал 4 дня, имеется денежный излишек, на который он может остаток недели прожить в праздности... Надеюсь, мною сказано достаточно для того, чтобы доказать, что умеренный труд в течение 6 дней в неделю не есть рабство. Наши сельскохозяйственные рабочие работают 6 дней в неделю, и по всем признакам — это счастливейшие из рабочих (labouring poor)⁽¹²³⁾, голландцы по столько же дней работают в мануфактурах и производят впечатление очень счастливого народа. Так же работают французы, если в рабочую неделю не вклиниваются многочисленные праздники...⁽¹²⁴⁾ Но наша чернь вбила себе в голову мысль, будто ей, как англичанам, по праву рождения принадлежит привилегия пользоваться большей свободой и независимостью, чем (рабочему народу) «в какой-либо другой европейской стране. Поскольку эта идея оказывает влияние на мужество наших солдат, она, быть может, приносит некоторую пользу; но чем менее заражены ею мануфактурные рабочие, тем лучше для них самих и для государства. Рабочим никогда не следовало бы считать себя не зависимыми от своих начальников («independent of their superiors»)... Чрезвычайно опасно потакать сброду в промышленности государстве, как ише, в котором, быть может, $\frac{7}{8}$ всего населения имеют лишь небольшую собственность или совсем ее не имеют...⁽¹²⁵⁾ Полного излечения не последует до тех пор, пока наша промышленная беднота не согласится работать в продолжение 6 дней за такую же сумму, которую она зарабатывает теперь в 4 дня»⁽¹²⁶⁾.

В этих целях, равно как и для «искоренения лени, распутства и романтических бредней о свободе», ditto [а также] для «уменьшения налогов в пользу бедных, поощрения духа предприимчивости и для понижения цены труда в мануфактурах», наш верный Эккарт капитала предлагает испытанное средство: рабочих, нуждающихся в общественной благотворительности, т. е. пауперов, запереть в «идеальный рабочий дом» (an ideal workhouse). «Такой дом должен быть сделан домом ужаса (house of terror)⁽¹²⁷⁾. В этом «доме ужаса», в этом «идеале работного дома», работа должна продолжаться по 14 часов в сутки, включая сюда, однако, и время на еду, так что остается полных 12 часов труда»⁽¹²⁸⁾.

Двенадцатичасовой рабочий день в «ideal workhouse», в доме ужаса 1770 года! Шестьдесят три года спустя, в 1833 г., когда английский парламент в четырех фабричных отраслях уменьшил

⁽¹²³⁾ «An Essay on Trade and Commerce etc.. London, 1770. Сам автор на стр. 96 рассказывает, в чем заключалось уже в 1770 г. «счастье» английских сельскохозяйственных рабочих. «Их рабочая сила («their working powers») всегда напряжена до крайности («on the stretch»); они не могли бы ни жить хуже, чем живут («they cannot live cheaper than they do»), ни работать тяжелее («nor work harder»).

⁽¹²⁴⁾ Протестантизм играет важную роль в генезисе капитала уже потому, что он превращает почти все традиционные праздничные дни в рабочие дни.

⁽¹²⁵⁾ «An Essay on Trade and Commerce etc.. London, 1770, p. 41, 15, 96, 97, 55, 56, 57.

⁽¹²⁶⁾ Там же, стр. 69. Еще в 1734 г. Джейкоб Вандерлинт разъяснил, что тайна всех жалоб капиталистов на лень рабочих просто-напросто заключается в том, что они хотели бы получить за прежнюю заработную плату 6 рабочих дней вместо четырех.

⁽¹²⁷⁾ Там же, стр. 242—243: «Такой идеальный рабочий дом следует сделать «домом ужаса», а не приютом для бедных, где они получают обильную пищу, теплую и приличную одежду и где весьма мало работают».

⁽¹²⁸⁾ Там же [стр. 260]. «Французам», — говорит автор, — «смеются над нашими восторженными идеями о свободе» (там же, стр. 78).

до 12 полных рабочих часов рабочий день детей от 13 до 18-летнего возраста, казалось, пробил последний час английской промышленности! В 1852 г., когда Луи Бонапарт, чтобы упрочиться в глазах буржуазии, вздумал посягнуть на установленный законом рабочий день, французский рабочий народ в один голос заявил: «Закон, сокративший рабочий день до 12 часов, — это единственное благо, которое осталось нам от законодательства республики!»¹²⁹⁾ В Цюрихе труд детей старше 10 лет ограничен 12 часами; в Ааргау в 1862 г. продолжительность труда детей от 13 до 16-летнего возраста была уменьшена с 12¹/₂ до 12 часов; в Австрии в 1860 г. для детей от 14 до 16 лет продолжительность труда была сокращена ditto до 12 часов¹³⁰⁾. Какой «прогресс с 1770 года», с «exultation» воскликнул бы Маколей!

«Дом ужаса» для пауперов, о котором только мечтала капиталистическая душа 1770 г., появился несколько лет спустя в виде исполинского «рабочего дома» для самих мануфактурных рабочих. Он назывался фабрикой. Но на этот раз идеал поблел перед действительностью...

6. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ. АНГЛИЙСКОЕ ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1833—1864 ГОДОВ

После того как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового дня¹³¹⁾, со времени возникновения крупной

¹²⁹⁾ «Они возражали особенно против работы, продолжающейся более 12 часов в день, потому что закон, устанавливающий такой рабочий день, есть единственное благо, которое осталось им от законодательства республики» («Reports of Insp. of Fact. 31st Octob. 1855», p. 80). Французский закон 5 сентября 1850 г. о двенадцатичасовом рабочем дне, это измененное на буржуазный лад издание декрета временного правительства от 2 марта 1848 г., распространяет свое действие на все мастерские без различия. До этого закона рабочий день во Франции был неограничен. Его продолжительность на фабриках равнялась 14, 15 и более часам. См. «Des classes ouvrières en France, pendant l'année 1848». Par M. Blanqui. Г-ну Бланки, — экономисту, а не революционеру, — было поручено правительством произвести обследование положений рабочих.

¹³⁰⁾ И в деле регулирования рабочего дня Бельгия зарекомендовала себя образцовым буржуазным государством. Лорд Хауард де Уолден, английский посланник в Брюсселе, сообщает английскому министерству иностранных дел от 12 мая 1862 года: «Министр Рожье заявил мне, что детский труд никак не ограничивается ни общим законом, ни местными постановлениями; что правительство в течение последних трех лет на каждом заседании было занято мыслью представить палатам законопроект по этому вопросу, но всегда встречало непреодолимое препятствие в эгоистическом страхе перед всяким законодательством, которое противоречит принципу полной свободы труда!»

¹³¹⁾ «Несомненно, большого сожаления заслуживает тот факт, что какой бы то ни было класс людей должен убиваться на работе по 12 часов ежедневно. Если присовокупить сюда время, употребляемое на еду и на то, чтобы пройти до мастерской и

промышленности в последней трети XVIII века начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающее все преграды движение в этой области. Всякие рамки, которые ставятся обычаями и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи, были разрушены. Даже понятия о дне и ночи, по-крестьянски простые для старых статутот, сделались настолько расплывчатыми, что один английский судья еще в 1860 г. должен был проявить поистине талмудистскую мудрость для того, чтобы разъяснить «в порядке судебного решения», что такое день и что такое ночь¹³²⁾. Капитал справлял свои оргии.

Как только рабочий класс, оглушенный грохотом производства, до некоторой степени пришел в себя, он начал оказывать сопротивление, и прежде всего на родине крупной промышленности, в Англии. Однако в продолжение трех десятилетий уступки, которых он добивался, были чисто номинальными. За время с 1802 по 1833 г. парламент издал 5 актов о труде, но был настолько хитер, что не вотирует ни единой копейки на их принудительное проведение, на необходимый персонал чиновников и т. д.¹³³⁾. Они остались мертвой буквой. «Факт тот, что до акта 1833 г. дети и подростки вынуждались работать (*were worked*) всю ночь, весь день или же и день и ночь *ad libitum* [по произволу]»¹³⁴⁾.

Только со времени фабричного акта 1833 г., распространяющегося на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые фабрики, берет свое начало нормальный рабочий день для современной промышленности. Ничто так не характеризует дух

обратно, то получится в действительности 14 из 24 часов в сутки. Я надеюсь, что, не говоря уже о здоровье, никто не станет отрицать, что с моральной точки зрения такое полное поглощение времени трудящихся классов, непрерывно совершающееся начиная с раннего 13-летнего возраста, а в «свободных» отраслях промышленности и с еще более раннего возраста, чрезвычайно вредно и представляет собой ужасное зло... В интересах общественной нравственности, в целях воспитания здорового населения, для того чтобы обеспечить большинству народа возможность разумного наслаждения жизнью, необходимо настаивать на том, чтобы во всех отраслях промышленности часть каждого рабочего дня оставалась для отдыха и досуга» (Леонард Хорнер в «*Reports of Insp. of Fact. for 31st December 1841*»).

¹³²⁾ См. «*Judgement of Mr. J. H. Otway, Belfast, Hilary Sessions, County Antrim 1860*».

¹³³⁾ Весьма характерным для режима Луи-Филиппа, короля буржуа, является то обстоятельство, что единственный изданный при нем фабричный закон 22 марта 1841 г. никогда не был проведен в жизнь. Да и этот-то закон касается только детского труда. Он устанавливает восемь часов труда для детей 8—12-летнего возраста, двенадцать часов для детей 12—16 лет и т. д., причем делает многочисленные исключения, допускающие ночной труд даже для восьмилетних детей. Наблюдение за применением этого закона и принуждение к его выполнению было предоставлено доброй воле «amis du commerce» [«друзей торговли»], — и это в стране, где каждая мышь находится в ведении полиции. Только с 1853 г. в одном-единственном департаменте, в департаменте Нор, учреждается оплачиваемая должность правительственного инспектора. Не менее характерным для развития французского общества является вообще то обстоятельство, что закон Луи-Филиппа до революции 1848 г. оставался единственным законом в этой области, хотя французская законодательная фабрика опутывает своей сетью все стороны жизни!

¹³⁴⁾ «*Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1860*», p. 50.

капитала, как история английского фабричного законодательства с 1833 до 1864 года!

Закон 1833 г. объявляет, что обычный рабочий день на фабрике должен начинаться в $5\frac{1}{2}$ часов утра и оканчиваться в $8\frac{1}{2}$ часов вечера. В пределах этого 15-часового периода закон разрешает пользоваться трудом подростков (т. е. лиц в возрасте от 13 до 18 лет) в какое бы то ни было время, однако при том условии, что одно и то же лицо этого возраста не должно работать более 12 часов в день, за исключением некоторых особо предусмотренных случаев. Пункт 6-й акта определяет, «что в течение каждого дня каждому лицу с ограниченным рабочим временем должно предоставляться по крайней мере $1\frac{1}{2}$ часа на еду». Воспрепятствовало применять труд детей до 9-летнего возраста, за единственным исключением, о котором будет упомянуто ниже; труд детей 9—13-летнего возраста ограничен 8 часами в день. Ночной труд, т. е. по этому закону труд между $8\frac{1}{2}$ часами вечера и $5\frac{1}{2}$ часами утра, был воспрещен для всех лиц от 9 до 18 лет.

Законодатели были так далеки от желания посягнуть на свободное высасывание капиталом рабочей силы взрослых или, как они это называли, на «свободу труда», что измыслили особую систему в целях предотвращения столь ужасающего последствия фабричного акта.

«Великое зло фабричной системы, как она организована в настоящее время», — говорится в первом отчете центрального совета комиссии, помеченном 25 июня 1833 г., — «заключается в том, что она создает необходимость удлинять детский труд до крайних пределов рабочего дня взрослых. Единственным средством против этого зла, не предполагающим ограничения труда взрослых, которое привело бы к еще большему злу, чем то, которое имеется в виду устранить, — этим единственным средством представляется план ввести двойные смены детей»¹⁰⁰.

«План» этот и был осуществлен под названием Relaisystem («System of Relays»; Relay по-английски, как и по-французски, означает смену почтовых лошадей на различных станциях); при этом одна смена детей от 9 до 13 лет запрягается в работу, например, от $5\frac{1}{2}$ часов утра до $1\frac{1}{2}$ часов пополудни, другая смена — от $1\frac{1}{2}$ часов пополудни до $8\frac{1}{2}$ часов вечера и т. д.

В награду за то, что господа фабриканты самым наглым образом игнорировали все изданные за последние 22 года законы о детском труде, пиллюля, которую им предстояло проглотить, и на этот раз была подслащена. Парламент постановил, что с 1 марта 1834 г. ни один ребенок моложе 11 лет, с 1 марта 1835 г. ни один ребенок моложе 12 лет и с 1 марта 1836 г. ни один ребенок моложе 13 лет не должен работать на фабрике более 8 часов! Этот «либерализм», столь снисходительный по отношению к «капиталу», заслуживал тем большей признательности, что д-р Фарре, сэр А. Карлайл, сэр Б. Броди, сэр Ч. Белл, г-н Гатри и т. д., — т. е. самые выдающиеся терапевты и хирурги Лондона, — в своих свидетельских показа-

ниях палате общин заявили, что «*periculum in mora!*»¹⁰¹. Д-р Фар-ре высказался еще резче:

«Законодательство одинаково необходимо в целях предотвращения преждевременной смерти, в каких бы формах она ни причинялась, а этот способ» (фабричный способ) «следует, конечно, признать одним из самых жестоких способов ее причинения»¹³⁵.

Тот самый «реформированный» парламент, который из нежного чувства к господам фабрикантам еще на целые годы обрекал детей моложе 13 лет на ад 72-часового фабричного труда в неделю, воспретил плантаторам эмансипационным указом, дававшим свободу тоже по каплям, принуждать впредь негров-рабов к работе более 45 часов в неделю!

Но несколько не удовлетворенный, капитал повел теперь шумную агитацию, продолжавшуюся несколько лет. Она вращалась главным образом вокруг возраста категорий, которые под именем детей должны были работать не более 8 часов и подлежали в известной мере обязательному обучению. Согласно капиталистической антропологии, детский возраст оканчивался в 10 лет или, по крайней мере, в 11 лет. Чем ближе подходил срок полного осуществления фабричного акта, роковой 1836 г., тем яростнее неистовствовала фабрикантская сволочь. Ей действительно удалось до такой степени запугать правительство, что оно в 1835 г. предложило понизить предел детского возраста с 13 до 12 лет. Между тем грозно росло *pressure from without* [давление извне]. Мужество изменило палате общин. Она отказалась бросать 13-летних детей под Джаггернаутову колесницу¹⁰³ капитала более чем на 8 часов в день, и акт 1833 г. вступил в полную силу. Он оставался без изменения до июня 1844 года.

В течение того десятилетия, когда он регулировал фабричный труд сначала частично, а затем полностью, официальные отчеты фабричных инспекторов изобилуют жалобами на невозможность его проведения. Так как закон 1833 г. предоставлял усмотрению господ капиталистов назначать в пределах пятнадцатичасового периода от 5¹/₂ утра до 8¹/₂ вечера тот час, когда каждый «подросток» и каждый «ребенок» должен начинать свой двенадцатичасовой или восьмичасовой труд, прерывать и оканчивать его, а также предоставлял их усмотрению назначать для разных лиц различные часы на еду, то эти господа скоро изобрели новую «*Relaissysystem*», при которой рабочие лошади не сменяются на определенных почтовых станциях, а снова и снова запрягаются на переменных станциях. Мы не останавливаемся подробнее на прелестях этой системы, так как должны возвратиться к ней позже. Но и с первого

¹³⁵) «Legislation is equally necessary for the prevention of death, in any form in which it can be prematurely inflicted, and certainly this must be viewed as a most cruel mode of inflicting it»¹⁰².

взгляда ясно, что эта система уничтожала не только дух, но и самую букву всего фабричного акта. Как могли фабричные инспектора при такой сложной бухгалтерии на каждого отдельного ребенка и каждого подростка принудить фабрикантов к соблюдению установленного законом рабочего времени и законных перерывов на еду? Прежнее жестокое безобразие вскоре опять безнаказанно стало процветать на многих фабриках. При встрече с министром внутренних дел (1844 г.) фабричные инспектора доказали всю невозможность какого-либо контроля в условиях новоизмышленной Relaisssystem¹³⁶⁾. Между тем обстоятельства сильно изменились. Фабричные рабочие, особенно с 1838 г., сделали десятичасовой билль своим экономическим лозунгом, подобно тому как Хартия¹⁰⁴ сделалась их политическим лозунгом. Даже часть фабрикантов, урегулировавшая фабричное производство согласно акту 1833 г., забросала парламент записками относительно безразличной «конкуренции» «фальшивых братьев», которым их большая наглость или более счастливые местные условия позволяют нарушать закон. К тому же, как бы ни хотелось отдельным фабрикантам дать полную волю своей исконной жадности, идеологи и политические вожди класса фабрикантов рекомендовали иное поведение и иной язык по отношению к рабочим. Они открыли кампанию за отмену хлебных законов и для победы нуждались в помощи рабочих! Поэтому они обещали не только вдвое больший каравай хлеба¹⁰⁵, но и принятие десятичасового билля под сенью тысячелетнего царства свободной торговли¹³⁷⁾. Следовательно, тем меньше они могли бороться против меры, которая должна была лишь провести в жизнь акт 1833 года. Наконец, тори, священнейшему интересу которых, земельной ренте, угрожала опасность, филантропически разразились негодованием по поводу «бесчестного поведения»¹³⁸⁾ своих врагов.

Так появился дополнительный фабричный акт от 7 июня 1844 года. Он вступил в силу с 10 сентября 1844 года. Он ставит под охрану закона новую категорию рабочих, а именно: женщин старше 18 лет. Они были во всех отношениях приравнены к подросткам: их рабочее время ограничено 12 часами, ночной труд воспрещен и т. д. Следовательно, законодательство впервые оказалось вынужденным подвергнуть непосредственному и официальному контролю также и труд совершеннолетних. В фабричном отчете 1844—1845 г. говорится с иронией:

«До нашего сведения не дошло ни одного случая, когда взрослые женщины жаловались бы на это вторжение в их права»¹³⁹⁾.

¹³⁶⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1849», p. 6.

¹³⁷⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 98.

¹³⁸⁾ Леонард Хорнер даже официально употребляет выражение «nefarious practices» [«бесчестное поведение»] («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1859», p. 7)

¹³⁹⁾ «Reports etc. for 30th Sept. 1844», p. 15.

Рабочий день детей моложе 13 лет был сокращен до $6\frac{1}{2}$, а при известных условиях до 7 часов в день ¹⁴⁰⁾.

Чтобы устранить злоупотребления ложной Relaissystem, закон устанавливал, между прочим, следующие важные уточнения:

«Рабочий день детей и подростков следует исчислять с того времени, когда хоть один ребенок или подросток начинает утром работу на фабрике».

Таким образом, если, например, *A* начинает работу в 8 часов утра, а *B* — в 10 часов, то рабочий день должен оканчиваться для *B* в тот же час, как и для *A*. Начало рабочего дня должно определяться по каким-нибудь общественным часам, например по ближайшим железнодорожным часам, с которыми сообразуется и фабричный колокол. Фабрикант обязан повесить на фабрике расписание, напечатанное крупным шрифтом, с обозначением времени начала, окончания и перерывов рабочего дня. Детей, начинающих свою работу до 12 часов дня, нельзя вновь заставлять работать после часа пополудни. Таким образом, послеобеденная смена должна состоять не из тех детей, из которых состоит утренния. Те $1\frac{1}{2}$ часа, которые даются на обед, должны предоставляться всем рабочим, находящимся под охраной закона, в одно и то же время дня, причем по крайней мере 1 час должен предоставляться до трех часов пополудни. Дети или подростки не должны работать до часу дня более 5 часов без перерыва для еды, по крайней мере, на полчаса. Дети, подростки или женщины не должны оставаться во время перерыва для еды в фабричном помещении, в котором происходит какой-нибудь процесс труда, и т. д.

Мы видели, что эти мелочные постановления, которые регулируют время, пределы и перерывы работы по-военному, звоном колокола, отнюдь не были продуктом парламентских измышлений. Они постепенно развивались из данных отношений как естественные законы современного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы. Одним из ближайших последствий их было то, что практика подчинила и рабочий день взрослых фабричных рабочих тем же самым ограничениям, потому что в большинстве процессов производства необходимо сотрудничество детей, подростков и женщин. Поэтому в общем и целом в период 1844—1847 гг. двенадцатичасовой рабочий день имел общее и единообразное распространение во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству.

Однако фабриканты допустили такого рода «прогресс» не без компенсации в виде «регресса». По их настояниям палата общин сократила минимальный возраст подлежащих эксплуатации детей

¹⁴⁰⁾ Акт разрешает пользоваться трудом детей по 10 часов в сутки в тех случаях, когда они работают не ежедневно, а лишь через день. В общем эта оговорка осталась без применения.

с 9 до 8 лет с целью обеспечить для капитала требуемое по всем законам божеским и человеческим «добавочное предложение фабричных детей» ¹⁴¹⁾.

1846—1847 гг. составляют эпоху в экономической истории Англии. Отмена хлебных законов, отмена ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение свободы торговли путеводной звездой законодательства! Словом, наступало тысячелетнее царство. С другой стороны, чартистское движение и агитация за десятичасовой рабочий день достигли в эти же годы своего высшего пункта. Они нашли союзников в дышавших мстостью тори. Несмотря на фанатическое сопротивление вероломной армии свободной торговли с Брайтом и Кобденом во главе, билль о десятичасовом рабочем дне, которого добивались так долго, был принят парламентом.

Новый фабричный акт от 8 июня 1847 г. устанавливал, что с 1 июля 1847 г. вступает в силу предварительное сокращение рабочего дня до 11 часов для «подростков» (от 13 до 18 лет) и для всех работниц, а с 1 мая 1848 г. — окончательное ограничение рабочего дня тех же категорий рабочих 10 часами. Во всем остальном этот акт был только некоторым изменением и дополнением к законам 1833 и 1844 годов.

Капитал предпринял предварительный поход с целью воспрепятствовать полному проведению в жизнь акта с 1 мая 1848 года. И притом сами рабочие, будто бы наученные опытом, должны были помочь разрушению своего собственного дела. Момент был выбран удачно.

«Необходимо напомнить, что вследствие ужасного кризиса 1846—1847 гг. среди фабричных рабочих царил большая нужда, так как многие фабрики работали только неполное время, другие совсем остановились. Значительное число рабочих находилось поэтому в самом стесненном положении, многие были в долгах. Поэтому можно было с достаточной степенью уверенности предположить, что они предпочтут более продолжительный рабочий день, чтобы возместить убытки, понесенные в прошлом, может быть уплатить долги, или выкупить из ломбарда свою мебель, или заменить новыми проданные пожитки, или приобрести новое платье для себя и семьи» ¹⁴²⁾.

Господа фабриканты попытались усилить естественное действие этих обстоятельств общим понижением заработной платы на 10 %. Это было, так сказать, праздником освящения новой эры свободной торговли. Затем, как только рабочий день был сокращен до 11 часов, последовало дальнейшее понижение заработной платы на $8\frac{1}{3}$ % и потом вдвое большее понижение, как только рабочий день

¹⁴¹⁾ «Так как сокращение часов их рабочего времени поведет к увеличению количества детей, требующихся для работы, то было решено, что добавочное предложение детей в возрасте от 8 до 9 лет могло бы покрыть увеличившийся спрос» («Reports etc. for 30th Sept. 1844», p. 13).

¹⁴²⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 16.

был окончательно сокращен до 10 часов. Поэтому всюду, где только позволяли обстоятельства, произошло понижение заработной платы по крайней мере на 25 % ¹⁴³⁾. При таких-то соответственно подготовленных обстоятельствах началась агитация среди рабочих за отмену акта 1847 года. Не брезгали никакими средствами обмана, соблазнов, угроз, но все было тщетно. Если и удалось собрать полдюжины петиций, в которых рабочие жаловались на «угнетение их этим актом», то сами же петиционеры при устном опросе заявляли, что подписи их были вынуждены. «Они угнетены, это правда, но кем-то другим, а не фабричным актом» ¹⁴⁴⁾. Но если фабрикантам не удалось заставить рабочих говорить в желательном для них духе, тем громче они сами кричали от имени рабочих в прессе и в парламенте. Они поносили фабричных инспекторов как своего рода комиссаров Конвента ¹⁰⁶, которые безжалостно приносят несчастных рабочих в жертву своей химере об улучшении мира. Но и этот маневр не удался. Фабричный инспектор Леонард Хорнер лично и через своих помощников собрал многочисленные свидетельские показания на фабриках Ланкашира. Около 70 % опрошенных рабочих высказались за 10-часовой рабочий день, гораздо менее значительное число за 11-часовой и совсем незначительное меньшинство за старый 12-часовой день ¹⁴⁵⁾.

Другой «любезный» маневр заключался в том, чтобы заставить взрослых рабочих мужчин работать 12—15 часов, а затем объявить этот факт вернейшим выражением подлинных пролетарских желаний. Но «безжалостный» фабричный инспектор Леонард Хорнер опять оказался тут как тут. Большинство «сверхурочников» заявило, что

«они охотно предпочли бы работать по 10 часов за меньшую заработную плату, но у них не было выбора: среди них так много безработных, так много прядильщиков вынуждено работать в качестве простых сучильщиков, что если бы они отказались от удлинения рабочего дня, их места тотчас были бы заняты другими, так что для них вопрос сводился к следующему: или работать более долгое время — или оказаться на мостовой» ¹⁴⁶⁾.

¹⁴³⁾ «Я убедился, что у людей, получавших 10 шилл. в неделю, произвели сокращение на 1 шилл., в связи с общим понижением заработной платы на 10 %, и затем еще на 1 шилл. 6 пенсов, ввиду сокращения рабочего времени, — этого на 2 шилл. 6 пенсов, — и, несмотря на это, большинство твердо стояло за десятичасовой билль» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 16).

¹⁴⁴⁾ «Подписывая петицию, я в то же время заявил, что совершаю что-то дурное. — Но почему же в таком случае вы ее подписали? — Потому, что в случае отказа меня выбросили бы на мостовую. — Петиционер в самом деле чувствовал себя «угнетенным», но вовсе не фабричным актом» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 102).

¹⁴⁵⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 17. В округе г-на Хорнера было таким образом опрошено 10 270 взрослых рабочих мужчин на 181 фабрике. Их показания можно найти в приложении к отчету фабричной инспекции за полугодие, кончающееся октябрём 1848 года. Эти свидетельские показания и в других отношениях дают ценный материал.

¹⁴⁶⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848». См. собранные самим Леонардом Хорнером показания №№ 69, 70, 71, 72, 92, 93, а также собранные помощником инспектора А. показания №№ 51, 52, 58, 59, 62, 70 в «Appendix». Даже один фабрикант высказался напрямик. См. там же № 14, который следует после № 265 [стр. 37].

Предварительный поход капитала окончился неудачей, и закон о десятичасовом рабочем дне вступил в силу 1 мая 1848 года. Между тем фиаско чартистской партии, вожди которой были заключены в тюрьмы и организация которой была разрушена, поколебало веру рабочего класса Англии в свои силы. Вскоре после этого парижское июньское восстание и его кровавое подавление объединили как в континентальной Европе, так и в Англии под одним общим лозунгом спасения собственности, религии, семьи и общества все фракции господствующих классов: земельных собственников и капиталистов, биржевых волков и лавочников, протекционистов и фритредеров, правительство и оппозицию, попов и вольнодумцев, молодых блудниц и старых монахинь! Рабочий класс был повсюду предан анафеме, подвергся гонениям, был поставлен под действие «закона о подозрительных»¹⁰⁷. Таким образом, господа фабриканты могли не стесняться. Они подняли открытый бунт не только против десятичасового закона, но и против всего законодательства, которое, начиная с 1833 г., стремилось несколько обуздать «свободное» высасывание рабочей силы. Это был бунт в защиту рабства¹⁰⁸ в миниатюре, который более двух лет проводился с циничной бесцеремонностью, с террористической энергией, причем это было тем проще, что взбунтовавшийся капиталист ничем не рисковал, кроме шкуры своего рабочего.

Для понимания последующего необходимо напомнить, что фабричные акты 1833, 1844 и 1847 гг. все три сохраняют свою законную силу, поскольку один не вносит каких-нибудь изменений в другой, что ни один из них не ограничивает рабочего дня рабочих мужчин старше 18 лет и что с 1833 г. пятнадцатичасовой период от 5½ часов утра до 8½ часов вечера оставался законным «днем», в границах которого только и должен был укладываться на предписываемых законом условиях сначала двенадцатичасовой, а позже десятичасовой труд подростков и женщин.

Фабриканты в некоторых местах начали с того, что уволили часть, в некоторых случаях половину, занятых у них подростков и работниц и восстановили взамен почти исчезнувший ночной труд взрослых рабочих мужчин. Закон о десятичасовом рабочем дне, уверяли они, не дает им иного выхода!¹⁴⁷⁾

Второй шаг касался узаконенных перерывов для еды. Послушаем, что говорят фабричные инспектора:

«Со времени ограничения рабочего дня десятью часами фабриканты утверждают, хотя на практике они еще и не проводят до конца свои взгляды, что они в достаточной мере исполняют предписание закона, если при работе, например, от 9 часов утра до 7 часов вечера, они дают на еду один час до 9 часов утра и ½ часа после 7 часов вечера, предоставляя, таким образом, рабочим 1½ часа на принятие пищи. В некоторых случаях они предоставляют теперь полчаса или целый час на обед,

¹⁴⁷⁾ «Reports etc. for 31st October 1848», p. 133, 134.

но в то же время настаивают на том, что они вовсе не обязаны включать какую бы то ни было часть этих $1\frac{1}{2}$ часов в десятичасовой рабочий день» ¹⁴⁸⁾.

Таким образом, господа фабриканты утверждали, будто педантично точные постановления акта 1844 г. относительно времени, предназначенного для еды, дают рабочим только разрешение есть и пить до своего прихода на фабрику и после ухода с нее, т. е. у себя дома! А почему бы рабочим и не обедать до 9 часов утра? Однако королевские юристы решили, что предписанное законом время на еду

«должно даваться в перерывы действительного рабочего дня и что противозаконно заставлять работать без перерыва 10 часов подряд, с 9 часов утра до 7 часов вечера» ¹⁴⁹⁾.

После этих благодушных демонстраций капитал в виде подготовки к бунту сделал шаг, который соответствовал букве закона 1844 г. и, следовательно, был легален.

Конечно, закон 1844 г. воспрещал использовать на работе после 1 часа дня тех детей 8—13 лет, которые работали до 12 часов дня. Но он нисколько не регулировал $6\frac{1}{2}$ -часовой труд детей, рабочее время которых начиналось в 12 часов или позже! Поэтому восьми-летние дети, приступившие к работе в 12 часов дня, могли применяться от 12 до 1 часа, что составляет 1 час, от 2 часов до 4 часов пополудни, что составляет 2 часа, и от 5 до $8\frac{1}{2}$ часов вечера, что составляет $3\frac{1}{2}$ часа, итого законных $6\frac{1}{2}$ часов! Или еще лучше. Чтобы приурочить применение труда детей к труду взрослых рабочих-мужчин, работавших до $8\frac{1}{2}$ часов вечера, фабрикантам стоило только не давать детям работы до 2 часов пополудни, а затем держать их на фабрике без всяких перерывов до $8\frac{1}{2}$ часов вечера!

«А теперь уже прямо признается, что в последнее время, вследствие алчного стремления фабрикантов держать машины в ходу дольше 10 часов в сутки, в Англии установилась практика заставлять 8—13-летних детей обоего пола работать, по уходе всех подростков и женщин, с одними взрослыми мужчинами до $8\frac{1}{2}$ часов вечера» ¹⁵⁰⁾.

Рабочие и фабричные инспектора протестовали по гигиеническим и моральным соображениям. Но капитал отвечал:

«На голову мою мои поступки
Пусть падают. Я требую суда
Законного, — я требую уплаты
По векселю» ¹⁰⁹⁾.

В самом деле, по статистическим данным, представленным в палату общин 26 июля 1850 г., на 15 июля 1850 г. 3 742 ребенка на 257 фабриках, несмотря на все протесты, подвергались этой «практике» ¹⁵¹⁾. Но и этого мало! Рысый глаз капитала открыл, что акт

¹⁴⁸⁾ «Reports etc. for 30th April 1848», p. 47.

¹⁴⁹⁾ «Reports etc. for 31st October 1848», p. 130.

¹⁵⁰⁾ Там же, стр. 142.

¹⁵¹⁾ «Reports etc. for 31st October 1850», p. 5, 6.

1844 г. не разрешает пятичасовой работы в дообеденное время без перерыва для отдыха, продолжающегося по крайней мере 30 минут; но не предписывает ничего подобного относительно послеобеденной работы. Поэтому он потребовал и добился удовольствия заставлять восьмилетних детей-рабочих не только надрываться над работой, но и голодать непрерывно от 2 часов пополудни до 8¹/₂ часов вечера!

«Да, грудь его; так сказано в расписке!» ¹⁵²⁾ 113

Эта достойная Шейлока приверженность букве закона 1844 г., поскольку он регулирует труд детей, должна была, однако, просто подготовить открытый бунт против этого же самого закона, поскольку он регулирует труд «подростков и женщин». Необходимо напомнить, что уничтожение «неправильной Relaissystem» составляет главную цель и главное содержание этого закона. Фабриканты открыли свой бунт простым заявлением, что пункты акта 1844 г., воспрепятствующие произвольное использование рабочей силы подростков и женщин в произвольные короткие промежутки пятнадцатичасового фабричного дня, были

«сравнительно безвредными (comparatively harmless) до тех пор, пока рабочее время было ограничено 12 часами. При законе о десятичасовом рабочем дне они являются невыносимой несправедливостью (hardship)» ¹⁵³⁾.

Поэтому они самым хладнокровным образом объявили инспекторам, что не будут считаться с буквой закона и намерены ввести старую систему собственной властью ¹⁵⁴⁾. Это будет, мол, в интересах самих же рабочих, сбитых с толку дурными советами, так как

«даст возможность платить им более высокую заработную плату». «Это — единственное средство сохранить при десятичасовом законе промышленное преобладание Великобритании» ¹⁵⁵⁾. «Возможно, что при системе смен несколько затруднительно обнаруживать нарушения закона, но что ж из того? (what of that?) Неужели позволительно относиться к великим промышленным интересам этой страны как к второстепенному делу ради того лишь, чтобы несколько облегчить хлопоты (some little trouble) фабричных инспекторов и их помощников?» ¹⁵⁶⁾.

Все эти уловки, конечно, нисколько не помогли. Фабричные инспектора начали возбуждать судебные преследования. Но вскоре

¹⁵²⁾ Природа капитала одна и та же как в неразвитых, так и в развитых его формах. В своде законов, который незадолго до начала Гражданской войны в Америке был навязан господством рабовладельцев на территории Нью-Мексико, говорится: «Рабочий, раз капиталист купил его рабочую силу, есть его (капиталиста) деньги» («The labourer is his (the capitalist's) money»). То же воззрение было ходячим у римских патрициев. Деньги, ссуженные ими должнику-плебею, превращаются посредством жизненных средств в мясо и кровь должника. Поэтому это «мясо и кровь» были их «деньгами». Отсюда шейлоковский закон 10 таблиц ¹¹⁰⁾ Гипотеза Ленге ¹¹¹⁾, будто кредиторы-патриции устраивали время от времени по ту сторону Тибра праздничные пиршества, на которых подавалось вареное мясо должников, остается столь же недоказанной, как гипотеза Даумера о христианском причастии ¹¹²⁾.

¹⁵³⁾ «Reports etc. for 31st October 1848», p. 133.

¹⁵⁴⁾ Среди других это же заявил и филантроп Ашуорт в квакерски откровенном письме к Леонарду Хорнеру («Reports etc. April 1849», p. 4).

¹⁵⁵⁾ «Reports etc. for 31st October 1848», p. 138.

¹⁵⁶⁾ Там же, стр. 140.

на министра внутренних дел сэра Джорджа Грея обрушилась такая туча петиций фабрикантов, что в циркуляре от 5 августа 1848 г. он рекомендовал инспекторам

«в общем не преследовать нарушений буквы акта, пока не будет доказано, что Relaisystem злоупотребляют таким образом, что подростки и женщины принуждаются работать более 10 часов».

После этого фабричный инспектор Дж. Стюарт разрешил так называемую систему смен в течение пятнадцатичасового фабричного дня для всей Шотландии, где она вскоре расцвела по-прежнему. Английские фабричные инспектора, напротив, заявили, что министру не принадлежит диктаторская власть приостанавливать действие законов, и продолжали судебную процедуру против *proslavery rebels* [бунтовщиков в защиту рабства].

Но что пользы в привлечении к суду, раз суды, *county magistrates*¹⁵⁷⁾, выносили оправдательные приговоры? В этих судах заседали господа фабриканты, чтобы судить самих же себя. Приведем пример. Некий Эскригге, от бумагопрядильной фирмы Кершо, Лиз и К^о, представил фабричному инспектору своего округа схему Relaisystem, предназначенную для его фабрики. Получив отказ, он сначала не предпринимал никаких дальнейших шагов. Несколько месяцев спустя некий индивидуум по имени Робинзон, тоже бумагопрядильщик, которому Эскригге был если не Пятницей, то во всяком случае родственником, предстал перед местным судом в Стокпорте, обвиняемый в том, что ввел у себя систему смен, тождественную той, которую придумал Эскригге. Заседало четверо судей, в том числе 3 бумагопрядильщика, все с тем же неизменным Эскригге во главе. Эскригге оправдал Робинзона и заявил, что законное для Робинзона является справедливым и для Эскригге. Опираясь на свое собственное решение, получившее силу закона, он тотчас же ввел эту систему и на своей собственной фабрике¹⁵⁸⁾. Конечно, уже самый состав этих судов являлся открытым нарушением закона¹⁵⁹⁾.

«Такого рода судебные фарсы», — восклицает инспектор Хауэлл, — «вопют о необходимости положить этому конец... одно из двух: или приспособьте закон к этим приговорам, или же предоставьте выносить решения менее порочному трибуналу, который свои решения соотносит с законом... во всех таких случаях. Приходится страстно желать, чтобы должность судьи была платна!»¹⁶⁰⁾.

¹⁵⁷⁾ Эти «*county magistrates*», «*great unpaid*» [«великие неоплачиваемые»], как их называет У. Коббет, являются бесплатными мировыми судьями, которых набирают из почетных лиц графств. В действительности они образуют поместные суды господствующих классов.

¹⁵⁸⁾ «*Reports etc. for 30th April 1849*», p. 21, 22. Ср. подобные же примеры там же, стр. 4, 5.

¹⁵⁹⁾ Законом 1 и 2 года царствования Вильгельма IV, гл. 39, ст. 10, известным под названием фабричного акта сэра Джона Хобхауза, воспрещается какому бы то ни было владельцу бумагопрядильной или ткацкой фабрики, равно как отцу, сыну или брату такого владельца, исполнять обязанности мирового судьи в тех случаях, когда вопрос касается исполнения фабричного акта.

¹⁶⁰⁾ «*Reports etc. for 30th April 1849*» [p. 22].

Истолкование акта 1848 г. фабрикантами королевские юристы объявляли нелепым, но спасители общества не позволили сбить себя с толку.

«После того как я попытался принудить к исполнению закона, возбудив 10 преследований в 7 различных судебных округах», — сообщает Леонард Хорнер, — «и только в одном случае получил поддержку судей... я нахожу бесполезными дальнейшие преследования за нарушение закона. Та часть акта, которая составлена с целью внести единообразие в рабочие часы... уже не существует для Ланкашира. Притом ни у меня, ни у моих помощников нет решительно никаких средств для того, чтобы убедиться, действительно ли на фабриках, на которых господствует так называемая *Relaissystem*, не заставляют подростков и женщин работать более 10 часов... В конце апреля 1849 г. уже 114 фабрик в моем округе работали по этому методу, и число их в последнее время стремительно возрастает. В общем они работают теперь 13 1/2 часов, с 6 часов утра до 7 1/2 часов вечера; в некоторых случаях они работают 15 часов, с 5 1/2 часов утра до 8 1/2 часов вечера»¹⁶¹⁾.

Уже в декабре 1848 г. у Леонарда Хорнера был список 65 фабрикантов и 29 фабричных надзирателей, которые единогласно утверждали, что при этой *Relaissystem* никакая система контроля не может воспрепятствовать самому широкому распространению чрезмерного труда¹⁶²⁾. То одни и те же дети и подростки переводятся из прядильной мастерской в ткацкую и т. д., то в течение 15 часов они переводятся (*shifted*) с одной фабрики на другую¹⁶³⁾. Как прикажете контролировать такую систему,

«которая злоупотребляет словом смена, чтобы с бесконечным многообразием перетасовывать рабочих, как карты, и чтобы ежедневно так передвигать часы труда и отдыха различных лиц, что одна и та же группа рабочих в полном своем составе никогда не действует на прежнем месте в прежнее время!»¹⁶⁴⁾.

Однако совершенно независимо от действительного чрезмерного труда, эта так называемая *Relaissystem* явилась таким порождением фантазии капитала, какого никогда не превзошел и Фурье в своих юмористических очерках «*courtes séances*»¹¹⁴⁾; правда, здесь притягательная сила труда превратилась в притягательную силу капитала. Посмотрим на эти схемы, созданные фабрикантами и прославленные благонамеренной прессой как образец того, «что может быть сделано при разумной степени тщательности и методичности» («*what a reasonable degree of care and method can accomplish*»). Рабочий персонал разделялся иногда на 12—15 категорий, составные части которых, в свою очередь, постоянно сменялись. В продолжение пятнадцатичасового фабричного дня капитал притягивал рабочего то на 30 минут, то на час, потом отталкивал его, чтобы затем снова притянуть его на фабрику и снова оттолкнуть, гоняя его через короткие отрезки времени то туда, то сюда, но не выпуская из-под своей власти, пока десятичасовая работа не будет закончена полностью. Это как на театральной сцене, где одни и те

¹⁶¹⁾ «Reports etc. for 30th April 1849», p. 5.

¹⁶²⁾ «Reports etc. for 31st October 1849», p. 6.

¹⁶³⁾ «Reports etc. for 30th April 1849», p. 21.

¹⁶⁴⁾ «Reports etc. for 31st October 1848», p. 95.

же лица должны попеременно выступать в различных сценах различных актов. Но как актер принадлежит сцене в течение всего спектакля, так рабочие принадлежали теперь фабрике в течение всех 15 часов, не считая времени на дорогу до фабрики и обратно. Таким образом часы отдыха превращались в часы вынужденной праздности, которые гнали подростков в кабак, а молодых работниц в публичный дом. Всякая новая выдумка, которую каждый день преподносил капиталист, стремясь держать свои машины в ходу 12 или 15 часов без увеличения рабочего персонала, приводила к тому, что рабочий должен был проглатывать свою пищу урывками в разное время. Во время агитации за десятичасовой рабочий день фабриканты кричали, что рабочий сброд подает петиции в надежде получить за десятичасовой труд двенадцатичасовую заработную плату. Теперь они перевернули медаль. Они платили десятичасовую заработную плату за распоряжение рабочими силами в течение двенадцати и пятнадцати часов ¹⁶⁵⁾. В этом-то и было все дело, это было фабрикантское издание десятичасового закона! Это были все те же елейные, источающие человеколюбие фритредеры, которые во время агитации против хлебных законов целые 10 лет с точностью до копейки высчитывали рабочим, что при свободном ввозе хлеба было бы совершенно достаточно десятичасового труда, чтобы при средствах, которыми располагает английская промышленность, обогатить капиталистов ¹⁶⁶⁾.

Двухгодичный бунт капитала увенчался, наконец, решением одного из четырех высших судебных учреждений Англии, Суда казначейства, который по одному случаю, представленному на его рассмотрение, 8 февраля 1850 г. вынес решение, что хотя фабриканты и поступали против смысла акта 1844 г., но самый этот акт содержит некоторые слова, делающие его бессмысленным. «Этим решением закон о десятичасовом дне был отменен» ¹⁶⁷⁾. Масса фабрикантов, которые до сих пор опасались применять *Relaissystem* к подросткам и работницам, теперь ухватились за нее обеими руками ¹⁶⁸⁾.

Но за этой, казалось бы, окончательной победой капитала тотчас же наступил поворот. Рабочие до сих пор оказывали пассивное, хотя упорное и ежедневно возобновляющееся сопротивление. Теперь они начали громко протестовать на грозных митингах в Лан-

¹⁶⁵⁾ См. «Reports etc. for 30th April 1849», p. 6, и пространное объяснение *shifting system* [системы перебросок], которое фабричные инспектора Хауэла и Сандерс дают в «Reports etc. for 31st October 1848». См. также петицию против этой системы, поданную королеве духовенством Аштона и окрестностей весной 1849 года.

¹⁶⁶⁾ Ср., например, *R. H. Greg. «The Factory Question and the Ten Hours Bill»*, 1837.

¹⁶⁷⁾ Ф. Энгельс. «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» (в издававшейся мной «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*», номер за апрель 1850 г., стр. 13 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 253]). Тот же «высокий» суд открыл во время Гражданской войны в Америке словесную зацепку, которая превращала закон против вооружения кораблей пиратов в прямую его противоположность.

¹⁶⁸⁾ «Reports etc. for 30th April 1850».

кашире и Йоркшире. Значит, так называемый десятичасовой закон — простое мошенничество, парламентское надувательство, он никогда не существовал! Фабричные инспектора настойчиво предупреждали правительство, что классовый антагонизм достиг невероятной степени напряжения. Роптала даже часть фабрикантов:

«Противоречивые решения судов привели к совершенно ненормальному и анархическому положению. Один закон в Йоркшире, другой закон в Ланкашире, третий закон в каком-нибудь приходе Лаикашира, четвертый в его непосредственном соседстве. Фабриканты больших городов имеют возможность обойти закон, фабриканты сельских местностей не находят персонала, необходимого для Relaisssystem, и тем более не находят рабочих для переброски с одной фабрики на другую и т. д.»

А равенство в эксплуатации рабочей силы — это для капитала первое право человека.

При таких обстоятельствах между фабрикантами и рабочими состоялся компромисс, получивший санкцию парламента в новом дополнительном фабричном акте 5 августа 1850 года. Рабочий день «подростков и женщин» был увеличен в первые 5 дней недели с 10 до 10¹/₂ часов и ограничен 7¹/₂ часами в субботу. Работа должна совершаться от 6 часов утра до 6 вечера ¹⁶⁹⁾ с 1¹/₂-часовыми перерывами для еды, которые должны предоставляться рабочим в одно и то же время и согласно постановлению 1844 г. и т. д. Этим раз навсегда уничтожалась Relaisssystem ¹⁷⁰⁾. Для детского труда сохранил свою силу закон 1844 года.

Одна категория фабрикантов обеспечила себе на этот раз, как и раньше, особые сеньюральные права на пролетарских детей. Это были фабриканты шелка. В 1833 г. они угрожающе вопили, что «если у них отнимут свободу заставлять работать детей всех возрастов по 10 часов в день, то этим остановят их фабрики» («if the liberty of working children of any age for 10 hours a day were taken away, it would stop their works»). Они якобы не в состоянии купить достаточное количество детей старше 13 лет. Они добились желаемой привилегии. Предлог при позднейшем расследовании оказался сплошной ложью ¹⁷¹⁾, что, однако, не помешало им целое десятилетие по 10 часов в день тянуть шелковую пряжу из крови маленьких детей, которых для выполнения поручаемой работы приходилось ставить на стулья ¹⁷²⁾. Хотя акт 1844 г. «похитил» у них «свободу» эксплуатировать детей моложе 11 лет более 6¹/₂ часов в день, но он обеспечил им зато привилегию эксплуатировать детей 11—13 лет по 10 часов в день и отменил установленное для других фабричных детей обязательное посещение школы. На этот раз был выставлен такой предлог:

¹⁶⁹⁾ Зимой это время разрешалось заменять временем от 7 часов утра до 7 часов вечера.

¹⁷⁰⁾ «Настоящий закон» (1850 г.) «был компромиссом, в силу которого рабочие отказались от выгоды десятичасового закона в обмен на преимущество единообразного времени начала и окончания работы тех, чей труд был ограничен» («Reports etc. for 30th April 1852», p. 14).

¹⁷¹⁾ «Reports etc. for 30th Sept. 1844», p. 13.

¹⁷²⁾ Там же.

«Тонкость ткани требует нежности пальцев, которая может быть приобретена лишь при условии раннего поступления на фабрику» ¹⁷³⁾.

Из-за нежных пальцев убивали детей, как рогатый скот на юге России бьют ради кожи и сала. Наконец, в 1850 г. привилегия, предоставленная в 1844 г., была сохранена только за сучильными и мотальными цехами; но чтобы возместить убытки лишенного своей «свободы» капитала, рабочее время детей 11—13 лет было увеличено с 10 до 10½ часов. Предлог: «Работа на шелковых фабриках легче, чем на других, и менее вредна для здоровья» ¹⁷⁴⁾. Официальное медицинское обследование впоследствии показало, что, наоборот,

«средняя смертность в округах шелкового производства исключительно высока, а для женской части населения она даже выше, чем в округах хлопчатобумажного производства Ланкашира» ¹⁷⁵⁾.

Несмотря на протесты фабричных инспекторов, повторяющиеся каждое полугодие, это безобразие продолжается до настоящего времени ¹⁷⁶⁾.

¹⁷³⁾ «Reports etc. for 31st October 1846», p. 20.

¹⁷⁴⁾ «Reports etc. for 31st October 1861», p. 26.

¹⁷⁵⁾ Там же, стр. 27. В общем физическое состояние рабочего населения, на которое распространяется действие фабричного закона, значительно улучшилось. Все отзывы врачей единодушны в этом отношении, и мои личные наблюдения, относящиеся к различным периодам, убедили меня в этом. Тем не менее, не говоря уже о чрезвычайно высокой смертности детей в первые годы жизни, официальные отчеты доктора Гринхау указывают на неблагоприятное состояние здоровья в фабричных округах по сравнению с «земледельческими округами с нормальным состоянием здоровья». В доказательство привожу, между прочим, следующую таблицу из его отчета 1861 года:

Процент взрослых мужчин, занятых в промышленности	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 мужчин	Название округов	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 женщин	Процент взрослых женщин, занятых в промышленности	Род занятий женщин
14,9	598	Уиган	644	18,0	Хлопок
42,6	708	Блэкбери	734	34,9	То же
37,3	547	Галифакс	564	20,4	Шерсть
41,9	611	Брадфорд	603	30,0	То же
31,0	691	Маклефилд	804	26,0	Шелк
14,9	588	Лик	705	17,2	То же
36,6	721	Сток-анон-Трент	665	19,3	Глиняные изделия
30,4	726	Вулстантон	727	13,9	То же
—	305	Восемь здоровых земледельческих округов	340	—	—

¹⁷⁶⁾ Известно, насколько неохотно английские «фритредеры» отказали шелковой мануфактуре в охранительных пошлинах. Защита против французского ввоза заменяется теперь беззащитностью фабричных детей Англии.

Закон 1850 г. превратил только для «подростков и женщин» пятнадцатичасовой период с 5¹/₂ часов утра до 8¹/₂ часов вечера в двенадцатичасовой период с 6 часов утра до 6 часов вечера. Следовательно, он не коснулся детей, которых все еще можно было эксплуатировать ¹/₂ часа до начала и 2¹/₂ часа по окончании этого периода, хотя общая продолжительность их работы не должна была превышать 6¹/₂ часов. При обсуждении закона фабричные инспектора представили парламенту статистические данные относительно позорных злоупотреблений, к которым ведет эта аномалия. Но тщетно. Затаенное намерение заключалось в том, чтобы при помощи детей в годы процветания снова увеличить рабочий день взрослых рабочих до 15 часов. Опыт последующих 3 лет показал, что подобная попытка должна была разбиться о сопротивление взрослых рабочих мужчин ¹⁷⁷). Поэтому акт 1850 г. был, наконец, дополнен в 1853 г. воспрещением «применять труд детей утром до начала и вечером по окончании труда подростков и женщин». Начиная с этого времени фабричный акт 1850 г., за немногими исключениями, регулировал в подчиненных ему отраслях промышленности рабочий день всех рабочих ¹⁷⁸). С момента издания первого фабричного акта до этого времени прошло полстолетия ¹⁷⁹).

В «Printworks' Act» (законе о ситцепечатных фабриках и т. д.), изданном в 1845 г., законодательство впервые вышло за пределы своей первоначальной сферы. Неудовольствие, с которым капитал допустил это новое «сумасбродство», сквозит из каждой строки акта! Он ограничивает рабочий день детей 8—13 лет и женщин 16 часами, от 6 часов утра до 10 часов вечера, не устанавливая никакого узаконенного перерыва для еды. Он разрешает изнурять рабочих мужского пола старше 13 лет по благоусмотрению день и ночь напролет ¹⁸⁰). Это парламентский выкидыш ¹⁸¹).

¹⁷⁷) «Reports etc. for 30th April 1853», p. 31.

¹⁷⁸) В годы зенита английской хлопчатобумажной промышленности, в 1859 и 1860 гг., некоторые фабриканты приманкой в виде высокой заработной платы за сверхурочное время попытались склонить взрослых прядильщиков-мужчин и т. д. к увеличению рабочего дня. Прядильщики, работающие на ручных мюлях и на селфакторах, положили конец этому эксперименту письмом к своим хозяевам, в котором, между прочим, говорится: «Прямо сказать, наша жизнь для нас в тягость, и пока нас приковывают к фабрике почти на два дня в неделю» (на 20 часов) «больше, чем других рабочих, мы чувствуем себя в стране илотами и укоряем себя за то, что увековечиваем такую систему, которая физически и морально вредит нам самим и нашему потомству... Поэтому мы почтительно доводим сим до вашего сведения, что начиная с первого дня нового года мы не будем работать ни одной минуты больше 60 часов в неделю, с 6 часов до 6 часов, за вычетом законом установленных перерывов в 1¹/₂ часа» («Reports etc. for 30th April 1860», p. 30).

¹⁷⁹) Относительно средств нарушения этого закона, предоставляемых его редакцией; см. парламентский отчет: «Factories Regulation Acts» (6 августа 1859 г.). И там же: *Leonard Horner*, «Suggestions for Amending the Factory Acts to enable the Inspectors to prevent illegal working, now become very prevalent».

¹⁸⁰) «В последнее полугодие» (1857 г.) «в моем округе детей 8 лет и старше фактически истязают с 6 часов утра до 9 часов вечера» («Reports etc. for 31st October 1857», p. 39).

¹⁸¹) «Printworks' Act признается неудачным как в части, касающейся обучения, так и в части, касающейся охраны труда» («Reports etc. for 31st October 1862», p. 52).

Все же принцип одержал решительную победу, победив в крупных отраслях промышленности, являющихся специфическим порождением современного способа производства. Поразительное развитие этих отраслей в период 1853—1860 гг., совершившееся рука об руку с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих, заставило прозреть и самых слепых. Сами фабриканты, у которых путем полувековой гражданской войны шаг за шагом завоевывалось законодательное ограничение и регулирование рабочего дня, хвастливо указывали на контраст между этими отраслями промышленности и теми областями эксплуатации, которые еще оставались «свободными»¹⁸²⁾. Фарисеи «политической экономики» поспешили провозгласить идею необходимости законодательного регулирования рабочего дня новым характерным завоеванием их «науки»¹⁸³⁾. Легко понять, что, после того как магнаты фабрики принуждены были покориться неизбежному и примириться с ним, сила сопротивления капитала постепенно ослабевала, сила же наступления рабочего класса, напротив, возрастала вместе с ростом числа его союзников в общественных слоях, не заинтересованных непосредственно. Этим объясняется сравнительно быстрый прогресс с 1860 года.

Красильни и белильни¹⁸⁴⁾ были подчинены фабричному акту 1850 г. в 1860 г., кружевные фабрики и чулочные заведения — в 1861 году. Следствием первого отчета Комиссии по обследованию условий детского труда (1863 г.) было то, что та же судьба постигла все мануфактуры глиняных изделий (не только гончарные заведения), производство спичек, пистонов, патронов, обойных фабрики, подстригание бархата (*fustian cutting*) и многочисленные процессы, объединяемые под названием «finishing» (аппретура). В 1863 г.

¹⁸²⁾ Так высказывается, например, Э. Поттер в письме в «Times» 24 марта 1863 года. «Times» напоминает ему о бунте фабрикантов против десятичасового закона.

¹⁸³⁾ Так высказывался, между прочим, г-н У. Ньюмарк, соавтор и издатель «History of Prices» Тука. Неужели это научный прогресс: делать трусливые уступки общественному мнению?

¹⁸⁴⁾ Издаваемый в 1860 г. акт о белильных и красильных устанавливает, что рабочий день с 1 августа 1861 г. будет предварительно сокращен до 12, а с 1 августа 1862 г. окончательно до 10 часов, т. е. до 10¹/₂ часов в будни и 7¹/₂ часов в субботу. Но когда наступил злополучный 1862 г., повторился старый фарс. Господа фабриканты обратились к парламенту с петицией потерпеть еще один-единственный год двенадцатичасовой труд подростков и женщин... «При современном состоянии промышленности» (во время хлопкового голода) «весьма выгодно для рабочих, если им разрешат работать по 12 часов в сутки и получать возможно большую заработную плату... Уже удалось внести составленный в этом духе билль в палату общины. Он провалился вследствие агитации рабочих в белильных Шотландии» («Reports etc. for 31st October 1862», p. 14, 15). Капитал, побитый таким образом теми самыми рабочими, от имени которых он, по его уверениям, говорил, открыл теперь при помощи юридических очков, что акт 1860 г., подобно всем парламентским актам для «охраны труда», составленный в затемняющих смысле выражениях, дает предлог не распространять его действие на категорию рабочих — «calenderers» [«прессовальщиков»] и «finishers» [«аппретурщиков»]. Английская юрисдикция, всегда верный холол капитала, санкционировала это крючкотворство через суд общего права. «Это вызвало большое недовольство среди рабочих, и приходится весьма пожалеть о том, что ясные намерения законодательства срываются из-за неудовлетворительных определений» (там же, стр. 18).

«белильни на открытом воздухе»¹⁸⁵⁾ и пекарни были подчинены особым актам, из которых первый воспрещает, между прочим, работу детей, подростков и женщин в ночное время (от 8 часов вечера и до 6 часов утра), а второй — пользование трудом пекарей-подмастерьев моложе 18 лет между 9 часами вечера и 5 часами утра. Мы еще возвратимся к более поздним предложениям упомянутой комиссии, которые угрожают лишить «свободы» все важные отрасли английского производства, за исключением земледелия, горного дела и транспорта^{185а)}.

7. БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ. ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОГО ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ДРУГИЕ СТРАНЫ

Читатель помнит, что производство прибавочной стоимости, или извлечение прибавочного труда, составляет специфическое содержание и цель капиталистического производства независимо от

185) «Белильни на открытом воздухе» освободились из-под действия закона 1860 г. о белильнях с помощью ложного заявления, будто у них женщины ночью не работают. Ложь была обнаружена фабричными инспекторами, а в то же время петиции рабочих поколебали идиллические представления парламента относительно «белилен на открытом воздухе», на «душистых прохладных лугах». В этих воздушных белильнях существовали сушильни с температурой в 90°—100° по Фаренгейту [32°—38° по Цельсию], в которых работают главным образом девушки. Существует даже техническое выражение «cooling» (охлаждение), которым обозначается выход время от времени из сушильни на свежий воздух. «В сушильне 15 девушек, жара 80°—90° [27°—32° по Цельсию] для полотна, 100° [38° по Цельсию] и более градусов для батиста. Двенадцать девушек утюжат и складывают (батист и т. д.) в маленькой комнате приблизительно в десять футов в длину и ширину, с плотно закупоренной печью посредине. Девушки стоят вокруг печи, которая пышет ужасающим жаром и быстро высушивает батист, поступающий к гладильщикам. Количество часов для этих «рук» не ограничено. Если дел много, они работают до 9 или 12 часов ночи много дней подряд» («Reports etc. for 31st October 1862», с. 56). Один врач заявляет: «Особых часов для охлаждения нет, но если температура становится слишком невыносимой или руки работниц загрязняются от пота, им разрешают отлучиться на несколько минут... Мой опыт лечения болезней этих работниц заставляет меня констатировать, что состояние их здоровья много хуже состояния здоровья придильщиц хлопка» (а капитал в своих петициях парламенту расписал их, в стиле Рубенса, пышущими здоровьем). «Болезнями, наиболее часто поражающими их, являются: чихотка, бронхит, маточные болезни, истерия в самой ужасной форме и ревматизм. Все эти болезни прямо или косвенно происходят, как я полагаю, от чрезмерно жаркого воздуха в мастерских и от недостатка удовлетворительной теплой одежды, которая могла бы защитить их при возвращении домой от сырости и холода в зимние месяцы» (там же, стр. 56, 57). Фабричные инспектора замечают относительно дополнительного закона 1863 г., навязанного с большим трудом владельцам веселых «белилен на открытом воздухе»: «Этот акт не только не достигает цели в смысле охраны труда рабочих, которую он будто бы им предоставляет... Он так сформулирован, что положения об охране вступают в силу лишь в том случае, когда детей и женщин заставляют на работе после 8 часов вечера, но даже и тогда устанавливаемый этим законом способ доказательств отличается таким крючкотворством, что едва ли может последовать наказание виновных в его нарушении» (там же, стр. 52). «В смысле достижения гуманных и воспитательных целей акт этот нигде не годится. Вряд ли будет гуманным позволять женщинам и детям, или — что сводится к тому же — заставлять их работать по 14 часов в сутки, а может быть и больше, с перерывами на еду или без них, как придется, не делая ограничений в зависимости от возраста, пола и не обращая внимания на общественные привычки семейств, живущих по соседству с белильными мастерскими» («Reports etc. for 30th April 1863», с. 40).

185а) (Примечание к 2 изданию.) С 1866 г., когда я написал эти строки, опять наступила реакция.

тех изменений в самом способе производства, которые возникают из подчинения труда капиталу. Он помнит, что с той точки зрения, которую мы до сих пор развивали, только самостоятельный и, следовательно, юридически совершеннолетний рабочий как продавец товара заключает сделку с капиталистом. Поэтому, если в нашем историческом очерке главную роль играет, с одной стороны, современная промышленность, а с другой — труд физических и юридически несовершеннолетних, то первая имела для нас значение только как особая сфера высасывания труда, второй — только как особенно яркий пример этого высасывания. Однако, не забегая вперед, на основании одной лишь общей связи исторических фактов мы приходим к следующим заключениям:

Во-первых. В отраслях промышленности, которые раньше других были революционизированы водой, паром и машинами, в этих первых созданиях современного способа производства, в хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, шелковых прядильных и ткацких, прежде всего находит себе удовлетворение стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня. Изменения материального способа производства и соответствующие изменения в социальных отношениях производителей ¹⁸⁶⁾ создают сначала безграничное расширение пределов рабочего дня, а затем уже в виде реакции вызывают общественный контроль, в законодательном порядке ограничивающий рабочий день с его перерывами, регулирующий его и вносящий в него единообразие. Поэтому в течение первой половины XIX века этот контроль устанавливался законодательством лишь в порядке исключения ¹⁸⁷⁾. Но как только этот контроль распространился на первоначальную область нового способа производства, оказалось, что не только многие другие отрасли производства подпали под действие настоящего фабричного режима, но что и мануфактуры с более или менее устаревшими методами производства, как, например, гончарные мастерские, стекольные мастерские и т. д., и старинные ремесла, как, например, пекарное, и, наконец, даже распыленная так называемая работа на дому, как, например, гвоздарный промысел и т. д. ¹⁸⁸⁾, уже давно настолько же подпали под действие капиталистической эксплуатации, как и фабрика. Поэтому законодательство было вынуждено

¹⁸⁶⁾ «Поведение каждого из этих двух классов» (капиталистов и рабочих) «явилось результатом тех взаимных отношений, в которые они были поставлены» («Reports etc. for 31st October 1848», p. 113).

¹⁸⁷⁾ «Виды труда, подпавшие под ограничения, были связаны с производством текстильных товаров, при котором применяется сила пара или воды. Два условия были необходимы для того, чтобы та или иная отрасль труда могла быть подчинена надзору: применение силы пара или воды и обработка известного рода волокна» («Reports etc. for 31st October 1864», p. 8).

¹⁸⁸⁾ О положении этой так называемой домашней промышленности чрезвычайно богатый материал дают последние отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда.

постепенно отрешиться от своего исключительного характера или же — там, где оно следует римской казуистике, как в Англии, — произвольно объявить фабрикой (factory) всякий дом, в котором работают ¹⁸⁹⁾.

Во-вторых. История регулирования рабочего дня в некоторых отраслях производства и еще продолжающаяся борьба за это регулирование в других наглядно доказывают, что изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какого бы то ни было сопротивления. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на родине этой промышленности, в Англии ¹⁹⁰⁾. Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего класса вообще, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов капиталистической теории ¹⁹¹⁾. Философ фабрики Юр клеймит поэтому как неизгладимый позор английского рабочего класса то обстоятельство, что на своем знамени он начертал «рабство фабричных законов» в противоположность капиталу, который мужественно выступает за «полную свободу труда» ¹⁹²⁾.

Франция медленно плетется за Англией. Понадобилась февральская революция для того, чтобы появился на свет двенадцати-

¹⁸⁹⁾ «Акты последней сессии» (1864 г.) «... касаются различных производств, производственные методы которых весьма различны; употребление механической силы для приведения машин в движение уже не является, как это было прежде, необходимым условием для того, чтобы предприятие на языке закона считалось «фабрикой»» («Reports etc. for 31st October 1864», p. 8).

¹⁹⁰⁾ Бельгия, рай континентального либерализма, не обнаруживает и следов этого движения. Даже в ее угольных копях и рудниках рабочие обоего пола и всех возрастов приводятся с полной «свободой» во всякое время и в течение всякого времени. На каждую тысячу лиц, занятых в этих отраслях промышленности, приходится 733 мужчины, 88 женщин, 135 подростков и 44 девочки моложе 16 лет; у доменных печей и т. д. на каждую тысячу — 668 мужчин, 149 женщин, 98 подростков и 85 девочек моложе 16 лет. К этому присоединяется еще низкая заработная плата за огромную эксплуатацию зрелых и незрелых рабочих сил, составляющая в среднем 2 шилл. 8 пенсов в день для мужчин, 1 шилл. 8 пенсов для женщин и 1 шилл. 2 1/2 пенса для подростков. Зато Бельгия в 1863 г. по сравнению с 1850 г. почти удвоила количество и стоимость вывезенного ею угля, железа и т. д.

¹⁹¹⁾ Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая фигурирует в виде официальной фразы в каждом фабричном акте, третья даже служит прикрытием реакционного шарлатанства.

¹⁹²⁾ *Ure* (французский перевод): «Philosophie des Manufactures». Paris, 1836, t. II, p. 39, 40, 67, 77 etc.

часовой закон ¹⁹³⁾, который гораздо более неудовлетворителен, чем его английский оригинал. Несмотря на это, французский революционный метод обнаруживает и свои особые преимущества. Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английское законодательство нехотя уступает давлению обстоятельств то в том, то в другом пункте и избирает самый верный путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений ¹⁹⁴⁾. Вместе с тем, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь для детей, несовершеннолетних и женщин и на что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право ¹⁹⁵⁾.

В Соединенных Штатах Северной Америки всякое самостоятельное рабочее движение оставалось парализованным, пока рабство уродовало часть республики. Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом Гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии. Всеобщий рабочий съезд в Балтиморе ¹¹⁵ (август 1866 г.) заявляет:

«Первым и великим требованием современности, необходимым для освобождения труда этой страны от капиталистического рабства, является издание закона, который признал бы восьмичасовой день нормальным рабочим днем во всех штатах

¹⁹³⁾ В отчете «Международного статистического конгресса в Париже, 1855 г.» говорится между прочим: «Французский закон, ограничивающий продолжительность ежедневного труда на фабриках и в мастерских 12 часами, не предписывает для этого труда определенных постоянных часов» (периодов времени) «и только для детского труда предписывается период между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому часть фабрикантов пользуется правом, которое предоставляется им этим роковым умолчанием, для того чтобы заставлять работать изю дня в день без перерыва, может быть за исключением воскресений. Они применяют для этого две различные смены рабочих, из которых ни одна не проводит в мастерской более 12 часов, но работа на предприятии продолжается и днем и ночью. Закон соблюден, но соблюдена ли гуманность?» Помимо «разрушающего влияния ночного труда на человеческий организм» подчеркивается также «роковое влияние ночного совместного пребывания обоих полов в одних и тех же скудно освещенных мастерских».

¹⁹⁴⁾ «Так, например, в моем округе в одном и том же фабричном здании один и тот же фабрикант как белильщик и красильщик подчинен «Акту о белильных и красильных», как ситцепечатник — «Акту о ситцепечатных фабриках» и как finisher [анпретурщик] — «Фабричному акту». (Донесение г-на Бейкера в «Reports etc. for 31st October 1861», p. 20.) Перечислив различные положения этих законов и вытекающие отсюда осложнения, г-н Бейкер говорит: «Мы видим, как трудно обеспечить исполнение этих трех парламентских актов, если владелец фабрики захочет обойти закон». Но зато господам юристам это уже наверное обеспечивает процессы.

¹⁹⁵⁾ Так, фабричные инспектора решаются, наконец, сказать: «Эти возражения» (капитала против законодательного ограничения рабочего времени) «должны пасть перед широким принципом прав труда... Наступает момент, когда право хозяина на труд его работника прекращается, и время последнего становится его собственностью даже в том случае, если вопрос об истощении еще не стоит» («Reports etc. for 31st October 1862», p. 54).

Американского союза. Мы решили напрямь все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата» ¹⁹⁶⁾.

Одновременно (начало сентября 1866 г.) конгресс Международного Товарищества Рабочих в Женеве, согласно предложению лондонского Генерального Совета, постановил: «Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, является ограничение рабочего дня... Мы предлагаем в законодательном порядке ограничить рабочий день 8 часами» ¹¹⁶⁾.

Таким образом, рабочее движение, инстинктивно выросшее по обоим сторонам Атлантического океана из самих производственных отношений, оправдывает заявление английского фабричного инспектора Р. Дж. Сандерса:

«Невозможно предпринимать дальнейших шагов на пути реформирования общества с какой бы то ни было надеждой на успех, если предварительно не будет ограничен рабочий день и не будет вынуждено строгое соблюдение установленных для него границ» ¹⁹⁷⁾.

Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец — товаровладельцу. Контракт, по которому он продал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому фиксирует, что он свободно распоряжается самим собой. По заключении же сделки оказывается, что он вовсе не был «свободным агентом», что время, на которое ему вольно продавать свою рабочую силу, является временем, на которое он вынужден ее продавать ¹⁹⁸⁾, что в действительности вампир не выпускает его до тех пор, «пока можно высосать из него еще одну каплю крови, выжать из его мускулов и жил еще одно усилие» ¹⁹⁹⁾. Чтобы «защитить себя от «змен своих мучений» ¹¹⁷⁾, рабочие должны объединиться и, как

¹⁹⁶⁾ «Мы, рабочие Данкерка, заявляем, что продолжительность рабочего времени, требующаяся при теперешней системе, слишком велика и не оставляет рабочему времени для отдыха и развития, и, более того, низводит его до состояния порабощения, которое немногим лучше рабства («a condition of servitude but little better than slavery»). Поэтому мы решили, что восьми часов достаточно для одного рабочего дня и это должно быть признано официально; мы призываем к содействию нам печатать, этот мощный рычаг... а всех, кто откажет в этом содействии, будем считать врагами рабочей реформы и рабочих прав» (Резолюция рабочих в Данкерке, штат Нью-Йорк, 1866 г.).

¹⁹⁷⁾ «Reports etc. for 31st October 1848», p. 112.

¹⁹⁸⁾ «Эти действия» (маневры капитала, например, в 1848—1850 гг.) «дали, кроме того, неопровержимое доказательство неправильности столь часто выдвигаемого утверждения, будто рабочие не нуждаются в покровительстве и должны рассматриваться как агенты, совершенно свободно располагающие единственной своей собственностью, т. е. трудом рук своих и потом лица своего» («Reports etc. for 30th April 1850», p. 45). «Свободный труд, если вообще его можно так называть, даже и в свободной стране требует для своей защиты сильной руки закона» («Reports etc. for 31st October 1864», p. 34). «Позволять... или, что сблизится к тому же, заставлять... работать по 14 часов в сутки с перерывами на еду или без них и т. д.» («Reports etc. for 30th April 1863», p. 40).

¹⁹⁹⁾ Фридрих Энгельс. «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» (в «Neue Rheinische Zeitung», номер за апрель 1850 г., стр. 5 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 246]).

класс, заставить издать государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство²⁰⁰⁾. На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta¹¹⁸ ограниченного законом рабочего дня, которая, «наконец, устанавливает точно, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому»²⁰¹⁾. Quantum mutatus ab illo!¹¹⁹

²⁰⁰⁾ Десятичасовой билль в подчиненных ему отраслях промышленности «спас рабочих от полного вырождения и взял под свою охрану их физическое здоровье» («Reports etc. for 31st October 1859», p. 47). «Капитал» (на фабриках) «не может поддерживать машину в движении сверх ограниченного периода времени, не причиняя вреда здоровью и нравственности занятых им рабочих, а они не в состоянии защитить себя сами» (там же, стр. 8).

²⁰¹⁾ «Еще большее благо заключается в том, что, наконец, ясно разграничены собственное время рабочего и время его хозяина. Рабочий знает теперь, когда оканчивается то время, которое он продает, и когда начинается его собственное время, и, заранее точно зная это, он в состоянии распределить свои собственные минуты в своих собственных целях» (там же, стр. 52). «Сделав рабочего хозяином его собственного времени, они» (фабричные законы) «дали ему нравственную силу, которая направляет его к обладанию политической властью» (там же, стр. 47). Со сдержанной иронией и в весьма осторожных выражениях фабричные инспектора намекают на то, что теперешний закон о десятичасовом рабочем дне до некоторой степени освободил и капиталиста от природной грубости, присущей ему как простому воплощению капитала, и дал ему время для некоторого «образования». Раньше «хозяин не имел времени ни на что другое, кроме паживы денег, а рабочий не имел времени ни на что другое, кроме труда» (там же, стр. 48).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НОРМА И МАССА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

В этой главе, как и раньше, мы предполагаем, что стоимость рабочей силы, следовательно та часть рабочего дня, которая необходима для воспроизводства или сохранения рабочей силы, представляет собой величину данную, постоянную.

При таком предположении вместе с нормой прибавочной стоимости дана и та ее масса, которую отдельный рабочий доставляет капиталисту за определенный период времени. Если, например, необходимый труд составляет 6 часов в день, что в переводе на золото составляет 3 шилл., равные 1 талеру, то 1 талер представляет собой дневную стоимость одной рабочей силы, или капитальную стоимость, авансированную на покупку одной рабочей силы. Далее, если норма прибавочной стоимости $= 100\%$, то этот переменный капитал в 1 талер производит массу прибавочной стоимости в 1 талер, или рабочий доставляет ежедневно массу прибавочного труда в 6 часов.

Но переменный капитал есть денежное выражение совокупной стоимости всех рабочих сил, которые одновременно употребляются капиталистом. Следовательно, его стоимость равна средней стоимости одной рабочей силы, помноженной на число употребляемых рабочих сил. Поэтому при данной стоимости рабочей силы величина переменного капитала прямо пропорциональна числу одновременно занятых рабочих. Таким образом, если дневная стоимость одной рабочей силы $= 1$ талеру, то необходимо авансировать капитал в 100 талеров, чтобы эксплуатировать 100 рабочих сил, и в n талеров, чтобы ежедневно эксплуатировать n рабочих сил.

Точно так же, если переменный капитал в 1 талер, дневная стоимость одной рабочей силы, производит ежедневно прибавочную стоимость в 1 талер, то переменный капитал в 100 талеров производит ежедневно прибавочную стоимость в 100, а капитал в n талеров — ежедневную прибавочную стоимость в 1 талер $\times n$. Следовательно, масса производимой прибавочной стоимости равна при-

бавочной стоимости, доставляемой рабочим днем отдельного рабочего, помноженной на число применяемых рабочих. Но, далее, так как масса прибавочной стоимости, производимой отдельным рабочим, при данной стоимости рабочей силы определяется нормой прибавочной стоимости, то из этого вытекает следующий первый закон: масса производимой прибавочной стоимости равна величине авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости, или определяется сложным отношением между числом одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталистом рабочих сил и степенью эксплуатации отдельной рабочей силы*.

Итак, если массу прибавочной стоимости мы обозначим через M , прибавочную стоимость, доставляемую отдельным рабочим в среднем за день, через m , переменный капитал, ежедневно авансируемый на покупку одной рабочей силы, через v , общую сумму переменного капитала через V , стоимость средней рабочей силы через k , степень ее эксплуатации через $\frac{a'}{a}$ ($\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$) и число применяемых рабочих через n , то мы получим:

$$M = \begin{cases} \frac{m}{v} \times V \\ k \times \frac{a'}{a} \times n \end{cases}$$

Мы постоянно предполагаем не только то, что стоимость средней рабочей силы есть величина постоянная, но и то, что применяемые капиталистом рабочие сведены к среднему рабочему. Бывают исключительные случаи, когда производимая прибавочная стоимость возрастает не пропорционально числу эксплуатируемых рабочих, но тогда и стоимость рабочей силы не остается постоянной.

Поэтому при производстве определенной массы прибавочной стоимости уменьшение одного фактора может быть возмещено увеличением другого. Если переменный капитал уменьшается и одновременно норма прибавочной стоимости повышается в той же пропорции, то масса производимой прибавочной стоимости остается неизменной. Если при сохранении прежних предположений капиталисту приходится авансировать 100 талеров для того, чтобы ежедневно эксплуатировать 100 рабочих, и если норма прибавочной стоимости составляет 50%, то этот переменный капитал в 100 талеров доставляет прибавочную стоимость в 50 талеров, или

* В авторизованном французском издании вторая часть этого положения излагается следующим образом: «или же она равна стоимости одной рабочей силы, помноженной на степень ее эксплуатации и помноженной на число одновременно применяемых сил». *Ред.*

в 3×100 рабочих часов. Если норма прибавочной стоимости удваивается, или рабочий день удлиняется не с 6 до 9, а с 6 до 12 часов, то уменьшенный наполовину переменный капитал, капитал в 50 талеров, приносит прибавочную стоимость опять-таки в 50 талеров, или в 6×50 рабочих часов. Следовательно, уменьшение переменного капитала может быть компенсировано пропорциональным повышением нормы эксплуатации рабочей силы, или уменьшение числа занятых рабочих может быть компенсировано пропорциональным удлинением рабочего дня. Таким образом, в известных границах, вынуждаемое капиталом предложение труда независимо от предложения рабочих ²⁰²⁾. Наоборот, уменьшение нормы прибавочной стоимости оставляет массу производимой прибавочной стоимости без изменения, если пропорционально возрастает величина переменного капитала, или число занятых рабочих.

Однако компенсация числа рабочих, или величины переменного капитала, повышением нормы прибавочной стоимости, или удлинением рабочего дня, имеет границы, которых она не в состоянии переступить. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, составляет ли рабочее время, необходимое для поддержания рабочего, 2 или 10 часов, во всяком случае совокупная стоимость, которую рабочий может производить изо дня в день, меньше стоимости, в которой овеществлены 24 рабочих часа, меньше 12 шилл. или 4 талеров, если таково денежное выражение этих 24 часов овеществленного труда. При нашем прежнем предположении, согласно которому ежедневно требуется 6 рабочих часов для того, чтобы воспроизвести самую рабочую силу, или авансированную на ее покупку капитальную стоимость, переменный капитал в 500 талеров, который применяет 500 рабочих при норме прибавочной стоимости в 100%, или при 12-часовом рабочем дне, ежедневно производит прибавочную стоимость в 500 талеров, или в 6×500 рабочих часов. Капитал в 100 талеров, ежедневно применяющий 100 рабочих при норме прибавочной стоимости в 200%, или при 18-часовом рабочем дне, производит массу прибавочной стоимости лишь в 200 талеров, или в 12×100 рабочих часов. И вся вновь созданная им стоимость, эквивалент авансированного переменного капитала плюс прибавочная стоимость, никогда, ни в какой день не может достигнуть суммы в 400 талеров, или в 24×100 рабочих часов. Абсолютная граница среднего рабочего дня, который по природе всегда меньше 24 часов, образует абсолютную границу для компенсации уменьшения переменного капитала увеличением нормы прибавочной стоимости, или уменьшения числа эксплуатируемых рабочих повышением степени

²⁰²⁾ Этот элементарный закон, по-видимому, неизвестен господам из лагеря вульгарной политической экономии — они, эти архимеды наоборот, воображают, будто в определении рыночных цен труда спросом и предложением нашли точку опоры, — не для того, чтобы перевернуть мир, а для того, чтобы остановить его.

эксплуатации рабочей силы. Этот до осязательности ясный второй закон важен для объяснения многих явлений, возникающих из тенденции капитала, о которой мы будем говорить позже, — тенденции возможно больше сокращать число занимаемых им рабочих, или свою переменную составную часть, превращаемую в рабочую силу, что находится в противоречии с другой его тенденцией — производить возможно большую массу прибавочной стоимости. Наоборот. Если масса применяемых рабочих сил, или величина переменного капитала, возрастает, но не пропорционально уменьшению нормы прибавочной стоимости, то масса производимой прибавочной стоимости понижается.

Третий закон вытекает из определения массы производимой прибавочной стоимости двумя факторами — нормой прибавочной стоимости и величиной авансированного переменного капитала. Если дана норма прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы, и стоимость рабочей силы, или величина необходимого рабочего времени, то само собой понятно, что чем больше переменный капитал, тем больше масса производимой стоимости и прибавочной стоимости. Если дана граница рабочего дня, а также граница его необходимой составной части, то масса стоимости и прибавочной стоимости, производимой отдельным капиталистом, очевидно, зависит исключительно от той массы труда, которую он приводит в движение. А масса приводимого им в движение труда при данных предположениях зависит от массы рабочей силы, или числа рабочих, которых он эксплуатирует, число же это, в свою очередь, определяется величиной авансированного им переменного капитала. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости и данной стоимости рабочей силы, массы производимой прибавочной стоимости прямо пропорциональны величинам авансированных переменных капиталов. Но мы уже знаем, что капиталист делит свой капитал на две части. Одну часть он затрачивает на средства производства. Это — постоянная часть его капитала. Другую часть он превращает в живую рабочую силу. Эта часть образует его переменный капитал. На базисе одного и того же способа производства в различных отраслях производства имеет место различное деление капитала на постоянную и переменную составные части. В одной и той же отрасли производства это отношение изменяется с изменением технической основы и общественной комбинации процесса производства. Но как бы ни распадался данный капитал на постоянную и переменную составную часть, будет ли последняя относиться к первой как 1 : 2, или 1 : 10, или 1 : x , это нисколько не затрагивает только что установленного закона, так как согласно прежнему анализу стоимость постоянного капитала хотя и проявляется вновь в стоимости продукта, но не входит во вновь созданную стоимость. Чтобы применять 1 000 прядильщиков, требуется, конечно, больше сырого материала, веретен и т. д., чем для того,

чтобы применять 100 прядильщиков. Но пусть стоимость этих добавляемых средств производства повышается, падает или остается неизменной, пусть она будет велика или мала, — она во всяком случае не оказывает никакого влияния на процесс увеличения стоимости, осуществляемый теми рабочими силами, которые приводят эти средства производства в движение. Следовательно, констатированный выше закон принимает такую форму: производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу.

Этот закон явно противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений. Каждый знает, что владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, который в процентном отношении ко всему применяемому капиталу применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли, или прибавочной стоимости, чем хозяин пекарни, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для разрешения этого кажущегося противоречия требуется еще много промежуточных звеньев, как в элементарной алгебре требуется много промежуточных звеньев для того, чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ может представлять действитель-

ную величину. Хотя классическая политическая экономия никогда не формулировала этого закона, однако она инстинктивно придерживается его, потому что он вообще представляет собой необходимое следствие закона стоимости. Она пытается спасти его посредством насильственной абстракции от противоречий явления. Позже ²⁰³⁾ мы увидим, как школа Рикардо споткнулась об этот камень преткновения. Вульгарная политическая экономия, которая «действительно так ничему и не научилась» ¹²⁰, здесь, как и везде, хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления. Она полагает, в противоположность Спинозе, что «невежество есть достаточное основание» ¹²¹.

Труд, изо дня в день приводимый в движение совокупным капиталом общества, можно рассматривать как один-единственный рабочий день. Если, например, число рабочих — один миллион, а средний рабочий день рабочего составляет 10 часов, то общественный рабочий день состоит из 10 миллионов часов. При данной продолжительности этого рабочего дня — определяются ли его границы физическими или социальными условиями — масса прибавочной стоимости может быть увеличена только посредством увеличения числа рабочих, т. е. рабочего населения. Увеличение

²⁰³⁾ Подробнее об этом в «Четвертой книге».

населения образует здесь математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным общественным капиталом. Наоборот. При данной численности населения эта граница определяется возможным удлинением рабочего дня ²⁰⁴⁾. В следующей главе мы увидим, что этот закон имеет значение лишь для той формы прибавочной стоимости, которую мы рассматривали до сих пор.

Из предыдущего рассмотрения производства прибавочной стоимости следует, что не всякая произвольная сумма денег или стоимости может быть превращена в капитал, что, напротив, предпосылкой этого превращения является определенный минимум денег или меновых стоимостей в руках отдельного владельца денег или товаров. Минимум переменного капитала — это цена издержек на одну рабочую силу, употребляемую изо дня в день в течение всего года для извлечения прибавочной стоимости. Если бы у рабочего были свои собственные средства производства и если бы он довольствовался жизнью рабочего, то для него было бы достаточно рабочего времени, необходимого для воспроизводства его жизненных средств, скажем 8 часов в день. Следовательно, и средств производства ему требовалось бы только на 8 рабочих часов. Напротив, капиталист, который кроме этих 8 часов заставляет рабочего выполнять еще, скажем, 4 часа прибавочного труда, нуждается в добавочной денежной сумме для приобретения добавочных средств производства. Но при нашем предположении ему пришлось бы применять двух рабочих уже для того, чтобы на ежедневно присваиваемую прибавочную стоимость жить так, как живет рабочий, т. е. иметь возможность удовлетворять свои необходимые потребности. В этом случае целью его производства было бы просто поддержание жизни, а не увеличение богатства; между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее. Для того чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего и превращать снова в капитал половину производимой прибавочной стоимости, ему пришлось бы вместе с числом рабочих увеличить в восемь раз минимум авансированного капитала. Конечно, он сам, подобно своему рабочему, может прилагать свои руки непосредственно к процессу производства, но тогда он и будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, будет «мелким хозяйчиком». Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как персонифицированный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу продуктов этого

²⁰⁴⁾ «Труд общества, т. е. время, употребляемое в хозяйстве, есть величина данная, скажем 10 часов в день на каждого из миллиона населения, или десять миллионов часов... Капитал имеет свой предел возрастания. Предел этот во всякий данный период может быть достигнут посредством использования всего времени, которое имеется в распоряжении для производительного употребления» («An Essay on the Political Economy of Nations» London, 1821, p. 47, 49).

труда²⁰⁵⁾. Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленника-мастера в капиталиста, ограничивая очень незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось держать отдельному мастеру. Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естественности, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия^{205а)}.

Та минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства в зависимости от их особых технических условий. Некоторые отрасли производства уже при самом начале капиталистического производства требуют такого минимума капитала, которого в это время нет в руках отдельных индивидуумов. Это вызывает, с одной стороны, государственные субсидии частным лицам, как во Франции в эпоху Кольбера и в некоторых немецких государствах до нашего времени, с другой стороны, — образование обществ с узаконенной монополией на ведение известных отраслей промышленности и торговли²⁰⁶⁾ — этих предшественников современных акционерных обществ.

²⁰⁵⁾ «Фермер не может полагаться на свой собственный труд, а если он это делает, то я утверждаю, что он проигрывает от этого. Его занятием должно быть общее наблюдение за всем: следует наблюдать за молотильщиком, иначе заработная плата последнему окажется выброшенной на ветер, так как хлеб не будет вымолачиваться; ему следует наблюдать за своими косцами, жнецами и т. д.; он должен постоянно проверять состояние ограды; он должен смотреть, чтобы не было никаких упущений, а они неизбежны, если он будет прикован к какому-нибудь одному месту» ([J. Arbuthnot.] «An Inquiry into the Connection between the present Price of Provisions, and the Size of Farms etc.». By a Farmer. London, 1773, p. 12). Эта работа очень интересна. По ней можно изучать генезис «фермера-капиталиста» или «фермера-купца», как он прямо назван здесь, и слушать его самовозвеличение перед «мелким фермером», который в сущности борется за средства существования. «Класс капиталистов сначала отчасти, а в конце концов и совершенно освобождается от необходимости физического труда» («Textbook of Lectures on the Political Economy of Nations». By the Rev. Richard Jones. Hertford, 1852, Lecture III, p. 39).

^{205а)} Принятая в современной химии молекулярная теория, впервые научно развитая Лораном и Жераром, основывается именно на этом законе. (Добавление к 3 изданию. В пояснение этого для нехимиков довольно темного примечания укажем, что автор говорит здесь о соединениях углерода, названных впервые Жераром в 1843 г. «гомологическими рядами», из которых каждый имеет свою собственную алгебраическую формулу. Например, ряд парафинов: $C_n H_{2n+2}$; ряд нормальных спиртов: $C_n H_{2n+2} O$; ряд нормальных жирных кислот: $C_n H_{2n} O_2$ и многие другие. В приведенных примерах посредством простого количественного прибавления CH_2 к молекулярной формуле каждый раз получается качественно различное тело. Относительно преувеличенного Марксом участия Лорана и Жерара в установлении этого важного факта ср. Kopp. «Entwicklung der Chemie». München, 1873, S. 709, 716 и Schorlemmer. «Rise and Development of Organic Chemistry». London, 1879, p. 54, Ф. 3.)

²⁰⁶⁾ Учреждения этого рода Мартин Лютер называет «обществом-монополией».

Мы не останавливаемся на деталях тех изменений, которые претерпело отношение между капиталистом и наемным рабочим в течение процесса производства, не останавливаемся, следовательно, и на дальнейшем разворачивании определений самого капитала. Отметим только немногие главные пункты.

В процессе производства капитал развился в командование над трудом, т. е. над действующей рабочей силой, или самим рабочим. Персонифицированный капитал, капиталист, наблюдает за тем, чтобы рабочий выполнял свое дело как следует и с надлежащей степенью интенсивности.

Далее, капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует узкий круг его собственных жизненных потребностей. Как производитель чужого трудолюбия, как высасыватель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде.

Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он его исторически застаёт. Следовательно, он не сразу изменяет способ производства. Производство прибавочной стоимости в той форме, которую мы до сих пор рассматривали, т. е. посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось поэтому независимым от какой бы то ни было перемены в самом способе производства. В старомодной пекарне оно было не менее действительным, чем в современной хлопкопрядильне.

Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производительной деятельности. На кожевенном заводе, например, он обращается с кожей просто как с предметом своего труда. Он дубит кожу не для капиталиста. Иное получится, если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости. Средства производства тотчас же превращаются в средства высасывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет их как вещественные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют его как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости. Плавильные печи и производственные здания, которые ночью отдыхают и не высасывают живой труд, представляют собой «чистую потерю» («mere loss») для капиталиста. Поэтому плавильные печи и производственные здания создают «притязание на ночной труд» рабочих сил. Простое превращение денег в вещественные факторы процесса производства, в средства производства, превращает последние в юридический титул и при-

нудительный титул на чужой труд и прибавочный труд. Один пример в заключение покажет нам, как эта свойственная капиталистическому производству и характеризующая его перетасовка, даже извращение соотношения между мертвым и живым трудом, между стоимостью и той силой, которая создает стоимость, отражается в головах капиталистов. Во время бунта английских фабрикантов в 1848—1850 гг. «глава льно- и бумагопрядильной фабрики в Пейсли, одной из старейших и почтеннейших фирм западной Шотландии, компании Карлайл, сыновья и К^о, которая существует с 1752 г. и из поколения в поколение возглавляется одной и той же семьей», — этот чрезвычайно интеллигентный джентльмен написал в «Glasgow Daily Mail» от 25 апреля 1849 г. письмо ²⁰⁷⁾ под заголовком «Relaissystem», где встречается, между прочим, следующее до смешного наивное место:

«Рассмотрим же те беды, которые произтекут от сокращения рабочего времени с 12 до 10 часов... Они «сводятся» к самому серьезному вреду для перспектив и собственности фабриканта. Если он» (т. е. его «руки») «работал 12 часов, а впредь будет работать только 10 часов, то каждые 12 машин или веретен его предприятия сокращаются до 10 («then every 12 machines or spindles, in his establishment, shrink to 10»), и если бы он захотел продать свою фабрику, то они оценивались бы только как 10, так что каждая фабрика во всей стране утратила бы одну шестую часть своей стоимости» ²⁰⁸⁾.

В наследственно-капиталистической голове из Западной Шотландии стоимость средств производства — веретен и т. д. — настолько неразрывно сливается с их капиталистическим свойством самовозрастать, или ежедневно поглощать определенное количество чужого дарового труда, что глава фирмы Карлайл и К^о действительно воображает, что при продаже фабрики ему оплачивают не только стоимость веретен, но, кроме того, и возрастание их стоимости, не только труд, заключающийся в них и необходимый для производства веретен того же самого рода, но и прибавочный труд, который при их помощи ежедневно высасывается из бравых западных шотландцев в Пейсли; и как раз по этой причине, думает он, с сокращением рабочего дня на два часа продажная цена каждых 12 прядильных машин сократится до размеров цены 10 машин.

²⁰⁷⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1849», p. 59.

²⁰⁸⁾ Там же, стр. 60. Фабричный инспектор Стюарт, сам шотландец и, в противоположность английским фабричным инспекторам, совершенно плененный капиталистическим образом мышления, прямо заявляет, что это письмо, которое он включил в свой отчет, «представляет собой наименее полезное сообщение, какое только было сделано кем-либо из фабрикантов, применяющих Relaissystem, и рассчитано в особенности на то, чтобы устранить предрассудки и возражения против этой системы».

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОНЯТИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Та часть рабочего дня, которая производит лишь эквивалент оплаченной капиталом стоимости рабочей силы, принималась нами до сих пор за величину постоянную, и она действительно является постоянной величиной при данных условиях производства на данной ступени экономического развития общества. Сверх этого необходимого рабочего времени рабочий может работать 2, 3, 4, 6 и т. д. часов. От размеров этого удлинения зависят норма прибавочной стоимости и величина рабочего дня. Если необходимое рабочее время является, таким образом, постоянным, то весь рабочий день, напротив, представляет собой величину переменную. Предположим теперь, что даны как общая продолжительность рабочего дня, так и его разделение на необходимый и прибавочный труд. Пусть, например, линия ac , $a\text{-----}b\text{---}c$, представляет двенадцатичасовой рабочий день, отрезок ab — десять часов необходимого труда, отрезок bc — два часа прибавочного труда. Возникает вопрос: каким образом может быть увеличено производство прибавочной стоимости, другими словами — каким образом может быть удлинен прибавочный труд без всякого дальнейшего удлинения ac или независимо от всякого дальнейшего удлинения ac ?

Несмотря на то, что границы рабочего дня ac даны, bc может быть, по-видимому, удлинено, если не путем расширения за предельный пункт c , который является в то же время конечным пунктом рабочего дня ac , то путем перемещения начального пункта b в противоположном направлении, в сторону a . Пусть в линии $a\text{-----}b'\text{---}b\text{---}c$ отрезок $b'\text{---}b$ равен половине bc , т. е. равен одному рабочему часу. Если мы предположим теперь, что при двенадцатичасовом рабочем дне ac пункт b отодвигается до b' , то bc расширяется до размеров $b'c$, прибавочный труд увеличивается наполовину, с 2 часов до 3, хотя рабочий день по-прежнему остается

двенадцатичасовой. Но это расширение прибавочного труда с bc до $b's$, с 2 часов до 3, очевидно, невозможно без одновременного сокращения необходимого труда с ab до ab' , с 10 до 9 часов. Удлинению прибавочного труда соответствовало бы в данном случае сокращение необходимого труда, или часть того рабочего времени, которое рабочий до сих пор фактически употреблял на себя, должна превратиться в рабочее время, затрачиваемое на капиталиста. Изменения подверглась бы при этом не длина рабочего дня, а та пропорция, в которой рабочий день распадается на необходимый и прибавочный труд.

С другой стороны, очевидно, что сама величина прибавочного труда дана, если даны продолжительность рабочего дня и стоимость рабочей силы. Стоимость рабочей силы, т. е. рабочее время, необходимое для ее производства, определяет собой рабочее время, необходимое для воспроизводства ее стоимости. Если один час труда выражается в количестве золота, равном половине шиллинга, или 6 пенсам, и если дневная стоимость рабочей силы составляет 5 шилл., то рабочий должен работать ежедневно десять часов, чтобы возместить дневную стоимость своей рабочей силы, уплаченную ему капиталом, или произвести эквивалент стоимости необходимых ему ежедневно жизненных средств. В стоимости этих жизненных средств дана стоимость его рабочей силы ¹⁾, в стоимости его рабочей силы дана величина его необходимого рабочего времени. Но величина прибавочного труда получается путем вычитания необходимого рабочего времени из всего рабочего дня. По вычитании десяти часов из двенадцати остается два, и при данных условиях непонятно, как можно было бы увеличить прибавочный труд за пределы этих двух часов. Конечно, капиталист может уплатить рабочему вместо 5 шилл. только 4 шилл. 6 пенсов или даже еще меньше. Для воспроизводства этой стоимости в 4 шилл. 6 пенсов достаточно было бы 9 рабочих часов, и, таким образом, на долю прибавочного труда теперь пришлось бы из 12-часового рабочего дня вместо двух три часа, а сама прибавочная стоимость повысилась бы с 1 шилл. до 1 шилл. 6 пенсов. Однако такого результата можно было бы достигнуть лишь путем понижения заработной платы рабочего ниже стои-

¹⁾ Стоимость средней ежедневной заработной платы определяется тем, что рабочему нужно, «чтобы жить, трудиться и размножаться» (*William Petty*. «Political Anatomy of Ireland, 1672», p. 64). «Цена труда всегда составляет из цены жизненных средств». Рабочий не получает надлежащей заработной платы, «если... получаемый рабочим заработок не дает ему возможности содержать, сообразно его низкому званию и положению как рабочего, такое семейство, какое зачастую имеют многие из них» (*J. Vanderlint*, цит. соч., стр. 15). «Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и умения работать, имеет лишь столько, сколько ему удастся получить от продажи своего труда другим... Во всех отраслях труда должен иметь место и действительно имеет место тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни» (*Turgot*. «Réflexions sur la Formation et la distribution des Richesses». «Oeuvres», éd. Daire, t. I, p. 10). «Цена жизненных средств есть в действительности стоимость производства труда» (*Malthus*. «Inquiry into the Nature and Progress of Rent and the Principles by which it is regulated». London, 1815, p. 48, примечание).

мости его рабочей силы. Имея всего 4 шилл. 6 пенсов, производимые им в течение 9 часов, он располагает на $\frac{1}{10}$ меньшим количеством жизненных средств, чем раньше, и, следовательно, происходит лишь неполное воспроизводство его рабочей силы. В данном случае прибавочный труд может быть удлинён лишь путем нарушения его нормальных границ, его область может быть расширена лишь путем узурпации части необходимого рабочего времени. Хотя этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключён, так как по нашему предположению все товары, — а следовательно, и рабочая сила, — продаются и покупаются по их полной стоимости. Раз это предположено, причиной уменьшения рабочего времени, необходимого для производства рабочей силы или для воспроизводства ее стоимости, может быть не понижение заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы, а лишь понижение самой этой стоимости. При данной длине рабочего дня возрастание прибавочного труда происходит вследствие сокращения необходимого рабочего времени, а не наоборот — сокращение необходимого рабочего времени вследствие возрастания прибавочного труда. Для того чтобы в нашем примере необходимое рабочее время уменьшилось на $\frac{1}{10}$, т. е. с 10 часов до 9, а следовательно, прибавочный труд возрос с 2 до 3 часов, необходимо действительное понижение стоимости рабочей силы на $\frac{1}{10}$.

Но такое понижение стоимости рабочей силы на одну десятую предполагает, в свою очередь, что то же самое количество жизненных средств, которое раньше производилось в течение 10 часов, теперь производится в течение 9 часов. Но это невозможно без повышения производительной силы труда. Пусть, например, при данных средствах производства сапожник может изготовить в течение 12-часового рабочего дня одну пару сапог. Чтобы он мог в тот же срок изготовить две пары сапог, производительная сила его труда должна удвоиться, а она не может удвоиться без изменения средств или методов его труда или того и другого одновременно. Должна, следовательно, произойти революция в производственных условиях его труда, т. е. в его способе производства, а потому и в самом процессе труда. Под повышением производительной силы труда мы понимаем здесь всякое вообще изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно необходимое для производства данного товара, так что меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости²⁾. Итак, если при исследовании производства прибавочной

²⁾ «Когда совершенствуются ремесла, дело сводится к открытию новых методов, благодаря которым данная работа может быть выполнена с меньшим количеством людей или (что то же самое) в более короткое время, чем раньше» (*Galiani*, цит. соч., стр. 158, 159). «Экономия на издержках производства не может быть чем-либо иным, как только экономией на количестве труда, употребляемого на производство» (*Sismondi*. «*Études etc.*», т. I, p. 22).

стоимости в той ее форме, в какой мы ее до сих пор рассматривали, способ производства был предположен нами как нечто данное, то теперь, для понимания производства прибавочной стоимости путем превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически унаследованной, существующей форме и лишь увеличивает его продолжительность. Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости.

Прибавочную стоимость, производимую путем удлинения рабочего дня, я называю абсолютной прибавочной стоимостью. Напротив, ту прибавочную стоимость, которая возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения соотношения величин обеих составных частей рабочего дня, я называю относительной прибавочной стоимостью.

Чтобы понизилась стоимость рабочей силы, повышение производительности труда должно захватить те отрасли промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, т. е. или уже принадлежат к числу обычных жизненных средств, или могут заменить последние. Но стоимость товара определяется не только количеством того труда, который сообщает товару окончательную форму, но также количеством труда, содержащегося в средствах производства этого товара. Например, стоимость сапог определяется не только трудом сапожника, но и стоимостью кожи, смолы, дратвы и т. д. Следовательно, повышение производительной силы труда и соответствующее удешевление товаров в тех отраслях промышленности, которые доставляют вещественные элементы постоянного капитала, т. е. средства труда и материал труда, для изготовления необходимых жизненных средств, также понижают стоимость рабочей силы. Напротив, повышение производительной силы в таких отраслях производства, которые не доставляют ни необходимых жизненных средств, ни средств производства для их изготовления, оставляет стоимость рабочей силы без изменения.

Удешевление товара понижает, конечно, стоимость рабочей силы лишь *pro tanto*, т. е. лишь в соответствии с тем, насколько товар этот принимает участие в воспроизводстве рабочей силы. Так, например, рубашка есть необходимое жизненное средство, но лишь одно из многих. Удешевление этого товара уменьшает только затраты рабочего на рубашки. Но общая сумма необходимых жизненных средств состоит из различных товаров, являющихся продуктами особых отраслей промышленности, и стоимость каждого

такого товара образует всегда соответственную часть стоимости рабочей силы. Эта последняя стоимость уменьшается вместе с необходимым для ее воспроизводства рабочим временем, общее сокращение которого равно сумме его сокращений во всех таких особых отраслях производства. Мы рассматриваем здесь этот общий результат так, как будто бы он был непосредственным результатом и непосредственной целью в каждом частном случае. Когда отдельный капиталист путем повышения производительной силы труда удешевляет свой товар, например рубашки, то он, быть может, вовсе и не задается целью *pro tanto* понизить стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время; однако, поскольку он, в конце концов, содействует этому результату, он содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости³⁾. Общие и необходимые тенденции капитала следует отличать от форм их проявления.

Здесь не место рассматривать, каким именно путем имманентные законы капиталистического производства проявляются во внешнем движении капиталов, действуют как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности. Во всяком случае ясно одно: научный анализ конкуренции становится возможным лишь после того, как познана внутренняя природа капитала, — совершенно так же, как видимое движение небесных тел делается понятным лишь для того, кто знает их действительное, но чувственно не воспринимаемое движение. Однако для понимания производства относительной прибавочной стоимости, и притом только на основе уже достигнутых результатов нашего анализа, необходимо отметить следующее.

Если один рабочий час выражается в количестве золота, равном 6 пенсам, или $\frac{1}{2}$ шилл., то в течение 12-часового рабочего дня будет произведена стоимость в 6 шиллингов. Предположим, что при данном уровне производительной силы труда в течение этих 12 рабочих часов изготавливается 12 штук товара. Стоимость средств производства, сырого материала и т. п., употребленных на каждую штуку товара, пусть будет 6 пенсов. При этих обстоятельствах каждый отдельный товар стоит один шиллинг, а именно: 6 пенсов — стоимость средств производства и 6 пенсов — вновь присоединенная к ним при обработке стоимость. Допустим теперь, что какому-нибудь капиталисту удастся удвоить производительную силу труда, так что в 12-часовой рабочий день он производит не 12, а уже 24 штуки товара этого рода. Если стоимость средств производства

³⁾ «Когда фабрикант путем усовершенствования машин удваивает количество получаемого им продукта... он выигрывает (в конце концов) лишь постольку, поскольку он благодаря этому получает возможность дешевле одеть рабочего... поскольку, следовательно, на долю рабочего падает теперь меньшая часть всего продукта» (*Ramsay*; цит. соч., стр. 168, 169).

осталась без изменения, то стоимость отдельной штуки товара понижается теперь до 9 пенсов, а именно: 6 пенсов — стоимость средств производства и 3 пенса — стоимость, вновь присоединенная последним трудом. Несмотря на удвоение производительной силы труда, рабочий день создает и теперь, как раньше, новую стоимость в 6 шилл., но только эта последняя распределяется на вдвое большее количество товаров. На каждый отдельный продукт падает поэтому лишь $\frac{1}{24}$ вместо $\frac{1}{12}$ этой общей стоимости, 3 пенса вместо 6 пенсов, или, — что то же самое, — к средствам производства при их превращении в готовый продукт присоединяется теперь, в расчете на каждую штуку, только полчаса труда, а не целый час, как это было раньше. Индивидуальная стоимость этого товара теперь ниже его общественной стоимости, т. е. товар стоит меньше рабочего времени, чем огромная масса продуктов того же рода, произведенных при средних общественных условиях. Штука товара стоит в среднем 1 шилл., или представляет собой 2 часа общественного труда; при новом способе производства она стоит лишь 9 пенсов, т. е. содержит в себе лишь $1\frac{1}{2}$ часа труда. Но действительной стоимостью товара является не его индивидуальная, а его общественная стоимость, т. е. действительная стоимость измеряется не тем количеством рабочего времени, в которое фактически обошелся товар производителю его в данном отдельном случае, а рабочим временем, общественно необходимым для производства товара. Следовательно, если капиталист, применивший новый метод, продает свой товар по его общественной стоимости в 1 шилл., он продает его на три пенса выше его индивидуальной стоимости и таким образом реализует добавочную прибавочную стоимость в 3 пенса. С другой стороны, двенадцатичасовой рабочий день выражается теперь для него в 24 штуках товара вместо прежних 12. Следовательно, чтобы продать продукт одного рабочего дня, ему необходимо теперь вдвое увеличить сбыт или рынок для своего товара. При прочих равных условиях его товары могут завоевать себе больший рынок лишь путем понижения своих цен. Поэтому капиталист будет продавать их выше их индивидуальной, но ниже их общественной стоимости, например по 10 пенсов за штуку. Таким образом на каждую штуку он получит добавочную прибавочную стоимость в 1 пенс. Это повышение прибавочной стоимости он получит независимо от того, принадлежит или нет его товар к числу необходимых жизненных средств, входит или не входит он как определяющий момент в общую стоимость рабочей силы. Следовательно, независимо от этого последнего обстоятельства каждый отдельный капиталист заинтересован в удешевлении товара путем повышения производительной силы труда.

Но даже и в рассматриваемом случае увеличенное производство прибавочной стоимости возникает из сокращения необходимого рабочего времени и соответственного удлинения прибавочного

труда ^{3а}). Пусть необходимое рабочее время равняется 10 часам, или же дневная стоимость рабочей силы равняется 5 шилл., прибавочный труд — 2 часам, а производимая ежедневно прибавочная стоимость — 1 шиллингу. Но наш капиталист производит теперь 24 штуки товара, которые он продает по 10 пенсов за штуку, т. е. всего за 20 шиллингов. Так как стоимость средств производства равна 12 шилл., то $14\frac{2}{5}$ штуки товара лишь возмещают авансированный постоянный капитал. Двенадцатичасовой рабочий день выражается в остальных $9\frac{3}{5}$ штуки. Так как цена рабочей силы = 5 шилл., то в 6 штуках товара выражается необходимое рабочее время и в $3\frac{3}{5}$ штуки — прибавочный труд. Отношение необходимого труда к прибавочному труду, составлявшее при средних общественных условиях 5 : 1, составляет теперь только 5 : 3. Тот же самый результат можно получить еще следующим образом. Стоимость продукта двенадцатичасового рабочего дня = 20 шиллингам. Из них 12 шилл. приходится на стоимость средств производства, лишь вновь появляющуюся в стоимости продукта. Следовательно, остаются 8 шилл. как денежное выражение стоимости, в которой представлен рабочий день. Это денежное выражение больше, чем денежное выражение общественно среднего труда того же самого вида, 12 часов которого выражаются лишь в 6 шиллингах. Труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т. е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода. Но наш капиталист по-прежнему уплачивает лишь 5 шилл. за дневную стоимость рабочей силы. Следовательно, рабочему вместо прежних десяти требуется теперь только $7\frac{1}{2}$ часов для воспроизводства этой стоимости. Его прибавочный труд возрастает поэтому на $2\frac{1}{2}$ часа, произведенная им прибавочная стоимость — с 1 шилл. до 3 шиллингов. Таким образом, капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. Он в отдельном случае делает то же самое, что в общем и целом совершает весь капитал при производстве относительной прибавочной стоимости. Но, с другой стороны, эта добавочная прибавочная стоимость исчезает, как только новый способ производства приобретает всеобщее распространение и вместе с тем исчезает разница между индивидуальной стоимостью дешевле производимого товара и его общественной стоимостью. Тот же самый закон определения стоимости рабочим

^{3а}) «Прибыль, получаемая человеком, зависит не от того, что он господствует над продуктом труда других людей, а от того, что он господствует над самым этим трудом. Если он может продать свои продукты по более высокой цене, в то время как заработная плата его рабочих остается без изменения, он, очевидно, получит выгоду... Тогда меньшей части того, что он произвел, достаточно, чтобы привести в движение этот труд, к, следовательно, большая часть остается ему самому» ([J. Cazenove.] «Outlines of Political Economy». London, 1832, p. 49, 50).

временем, который дает себя почувствовать введшему новый метод производства капиталисту в той форме, что он должен продавать товар ниже его общественной стоимости, — этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства ⁴⁾. Итак, общую норму прибавочной стоимости весь этот процесс затронет лишь тогда, когда повышение производительной силы труда распространится на такие отрасли производства и, следовательно, удешевит такие товары, которые входят в круг необходимых жизненных средств и потому образуют элементы стоимости рабочей силы.

Стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда. Это относится и к стоимости рабочей силы, так как она определяется товарными стоимостями. Напротив, относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда. Средний общественный рабочий день в 12 часов, при неизменной стоимости денег, производит всегда одну и ту же новую стоимость в 6 шилл., в каком бы отношении эта сумма стоимости ни распадалась на эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. Но если вследствие повышения производительной силы труда стоимость ежедневных жизненных средств, а следовательно, и дневная стоимость рабочей силы понижается с 5 до 3 шилл., то прибавочная стоимость возрастает с 1 до 3 шиллингов. Для того чтобы воспроизвести стоимость рабочей силы, прежде было необходимо 10 часов труда, а теперь требуется только 6 рабочих часов. Четыре часа труда освободились и могут быть присоединены к области прибавочного труда. Отсюда имманентное стремление и постоянная тенденция капитала повышать производительную силу труда с целью удешевить товары и посредством удешевления товаров удешевить самого рабочего ⁵⁾.

⁴⁾ «Если мой сосед, производя больше с меньшим количеством труда, может продавать дешево, я должен стараться продавать так же дешево, как он. Так что всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость и соревнования или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так чтобы все находилось в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» («The Advantages of East-India Trade to England». London, 1720, p. 67).

⁵⁾ «В той самой пропорции, в какой понижаются расходы рабочего, понижается и его заработная плата, если наряду с этим промышленность свободна от всяких ограничений» («Considerations concerning taking off the Bounty on Corn exported etc.». London, 1753, p. 7). «Интересы промышленности и торговли требуют, чтобы хлеб и всякие вообще предметы питания были возможно более дешевы; ибо то, что удорожает их, удорожает также и труд... Во всех странах, где промышленность свободна от ограничений, цена предметов питания должна отражаться на цене труда. Эта последняя всегда понижается, когда становятся дешевле необходимые жизненные средства» (там же, стр. 3). «Заработная плата уменьшается в той самой пропорции, в какой возрастают силы производства. Машины, конечно, удешевляют необходимые жизненные средства, но они удешевляют также и рабочих» («A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Co-operation». London, 1834, p. 27).

Для капиталиста, производящего товар, абсолютная стоимость последнего сама по себе безразлична. Капиталиста интересует лишь заключающаяся в товаре и реализуемая при его продаже прибавочная стоимость. Реализация прибавочной стоимости сама по себе предполагает возмещение авансированной стоимости. Так как относительная прибавочная стоимость растет прямо пропорционально развитию производительной силы труда, в то время как стоимость товаров падает в обратном отношении к этому развитию, — другими словами, так как один и тот же процесс удешевляет товары и увеличивает заключающуюся в них прибавочную стоимость, то этим разрешается загадочность того факта, что капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, все время старается понизить меновую стоимость своих товаров, — противоречие, которым один из основателей политической экономии, Кенэ, мучил своих противников и по поводу которого они так и не дали ему ответа.

«Вы считаете», — говорит Кенэ, — «что чем больше удастся сберечь на расходах и дорогостоящих работах при фабрикации промышленных продуктов без ущерба для производства, тем выгоднее это сбережение, так как оно уменьшает цену продукта. И, несмотря на это, вы полагаете, что производство богатства, возникающего из труда промышленников, состоит в увеличении меновой стоимости их произведений»⁶⁾.

Таким образом, при капиталистическом производстве экономия на труде⁷⁾, достигаемая благодаря развитию производительной силы труда, отнюдь не имеет целью сокращение рабочего дня. Она имеет целью лишь сокращение рабочего времени, необходимого для производства определенного количества товаров. Если рабочий вследствие повышения производительности своего труда начинает производить в течение часа, скажем, в 10 раз больше товара, чем раньше, и, следовательно, на каждую штуку товаров употребляет в десять раз меньше рабочего времени, то это нисколько не мешает тому, что его и теперь заставляют работать прежние 12 часов в день и производить в 12 часов 1 200 штук товара вместо 120. Его рабочий день может при этом даже удлиниться, так что он будет теперь в течение 14 часов производить 1 400 штук и т. д. Поэтому у экономистов такого пошиба, как Мак-Куллох, Юр, Сениор et tutti quanti [и им подобных], вы на одной странице читаете, что рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительных сил,

⁶⁾ *Quesnay*. «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans», p. 188, 189.

⁷⁾ «Эти спекулянты так экономят на труде рабочих, который они должны были бы оплачивать» (*J. N. Bidaut*. «Du Monopole qui s'établit dans les arts industriels et le commerce». Paris, 1828, p. 13). «Предприниматель всегда будет стараться экономить время и труд» (*Dugald Stewart*. «Works», ed. by Sir W. Hamilton. Edinburgh, 1855, v. VIII, «Lectures on Political Economy», p. 318). «Их» (капиталистов) «интерес состоит в возможно большем увеличении производительной силы применяемых ими рабочих. Поэтому их внимание направлено, и притом почти исключительно, на повышение этой силы» (*R. Jones*. «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations». Hertford, 1852, Lecture III [стр. 39]).

так как оно сокращает необходимое рабочее время, а на следующей странице, — что рабочий должен доказать эту свою благодарность, работая впредь 15 часов в день вместо 10. При капиталистическом производстве развитие производительной силы труда имеет целью сократить ту часть рабочего дня, в течение которой рабочий должен работать на самого себя, и именно таким путем удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста. В какой мере этот результат достигим без удешевления товаров, обнаружится при рассмотрении отдельных методов производства относительной прибавочной стоимости, к которому мы теперь и переходим.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КООПЕРАЦИЯ

Как мы видели, капиталистическое производство начинается на деле с того момента, когда один и тот же индивидуальный капитал занимает одновременно многих рабочих, следовательно процесс труда расширяет свои размеры и доставляет продукт в большом количестве. Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства. В том, что касается самого способа производства, мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена.

Итак, сначала разница чисто количественная. Как мы видели, масса прибавочной стоимости, производимая данным капиталом, равна той прибавочной стоимости, которую доставляет отдельный рабочий, помноженной на число одновременно занятых рабочих. Число это само по себе нисколько не влияет на норму прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы; что же касается качественных изменений в процессе труда, то они вообще представляются безразличными для производства товарной стоимости. Это вытекает из природы стоимости. Если один двенадцатичасовой рабочий день овеществляется в 6 шилл., то 1 200 таких рабочих дней — в 6 шилл. $\times$ 1 200. В одном случае в продукте воплотились $12 \times 1\,200$, в другом случае 12 рабочих часов. В производстве стоимости множество всегда имеет значение только суммы многих отдельных единиц. Следовательно, с точки зрения производства стоимости совершенно безразлично, производят ли 1 200 рабочих каждый отдельно или же они объединены вместе под командой одного и того же капитала.

Впрочем, здесь в известных границах происходит некоторая модификация. Труд, овеществленный в стоимости, есть труд среднего общественного качества, т. е. проявление средней рабочей силы. Но средняя величина есть всегда средняя многих различных индивидуальных величин одного и того же вида. В каждой отрасли промышленности индивидуальный рабочий, Петр или Павел, более или менее отклоняется от среднего рабочего. Такие индивидуальные отклонения, называемые на языке математиков «погрешностями», взаимно погашаются и уничтожаются, раз мы берем значительное число рабочих. Известный софист и сикофант Эдмунд Бёрк утверждает даже на основании своего практического опыта в качестве фермера, что все индивидуальные различия в труде стираются уже для «такого ничтожного отряда», как 5 батраков, — следовательно, пять первых попавшихся английских батраков зрелого возраста, вместе взятые, выполняют в одно и то же время совершенно такую же работу, как 5 любых других английских батраков⁸⁾. Ясно во всяком случае, что совокупный рабочий день большого числа одновременно занятых рабочих, будучи разделен на число рабочих, является уже сам по себе днем общественного среднего труда. Пусть рабочий день одного человека продолжается, например, двенадцать часов. Тогда рабочий день двенадцати одновременно занятых рабочих составляет совокупный рабочий день в 144 часа; и хотя труд каждого из этой дюжины рабочих более или менее отклоняется от среднего общественного труда, хотя каждый отдельный рабочий употребляет поэтому на одно и то же дело несколько больше или несколько меньше времени, тем не менее рабочий день отдельного рабочего, рассматриваемый как одна двенадцатая совокупного рабочего дня в 144 часа, обладает средним общественным качеством. Но для капиталиста, который занимает дюжину рабочих, рабочий день существует лишь как совокупный рабочий день всей дюжины. Рабочий день каждого отдельного рабочего существует лишь как соответственная часть совокупного рабочего дня, совершенно независимо от того, трудятся ли эти 12 человек совместно или же вся связь между их трудом состоит только в том, что они работают на одного и того же капиталиста. Если же из этих 12 рабочих каждые два получают занятие у мелкого хозяйчика, то лишь случайно каждый их этих хозяев может произвести одинаковую сумму стоимости, а следовательно, и реализовать общую норму прибавоч-

⁸⁾ «Бесспорно существует большая разница между стоимостью труда различных людей в зависимости от различий в силе, умении и добросовестности. Но я совершенно уверен на основании моих тщательных наблюдений, что первые попавшиеся 5 человек в целом доставят количество труда, равное труду всяких других пяти человек, находящихся в указанном мною возрасте; это значит, что из этой пятерки один окажется обладающим всеми качествами хорошего работника, другой — плохим работником, остальные три — средними, приближающимися то к первому, то ко второму. Таким образом, уже в таком отряде, как 5 человек, вы найдете полный комплект всего того, что вообще могут дать пять человек» (E. Burke. «Thoughts and Details on Scarcity». London, 1800, p. 15, 16). Ср. также высказывания Кетле о среднем индивидууме¹²².

ной стоимости. Здесь обнаружатся индивидуальные отклонения. Если рабочий употребляет на производство товара значительно больше времени, чем это общественно необходимо, если индивидуально необходимое для него рабочее время значительно отклоняется от общественно необходимого, или среднего, рабочего времени, то его труд не является средним трудом, а его рабочая сила не является средней рабочей силой. Такая рабочая сила или вовсе не находит покупателя, или продается ниже средней стоимости рабочей силы. Таким образом, предполагается определенный минимум способности к труду, и мы увидим впоследствии, что капиталистическое производство находит способ измерять этот минимум. Тем не менее минимум этот отклоняется от среднего уровня, несмотря на то, что рабочую силу приходится оплачивать по ее средней стоимости. Поэтому из шести мелких хозяйчиков одни извлекают прибавочной стоимости больше, другие меньше, чем это соответствует общей норме прибавочной стоимости. Отклонения уравниваются для всего общества, но не для отдельного хозяина. Следовательно, закон возрастания стоимости вообще реализуется для отдельного производителя полностью лишь в том случае, когда последний производит как капиталист, применяет одновременно многих рабочих, т. е. уже с самого начала приводит в движение средний общественный труд ⁹⁾.

Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в материальных условиях процесса труда. Здания, в которых работает много людей, склады для сырого материала и т. д., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., служащие одновременно или попеременно многим, — одним словом, часть средств производства потребляется теперь в процессе труда сообща. С одной стороны, меновая стоимость товаров, а следовательно, и средств производства, ничуть не повышается вследствие усиленной эксплуатации их потребительной стоимости. С другой стороны, масштаб сообща потребляемых средств производства возрастает. Комната, в которой работают 20 ткачей на 20 станках, должна быть вместительнее, чем комната, в которой работает самостоятельный ткач с двумя подмастерьями. Но постройка мастерской на 20 рабочих стоит меньшего количества труда, чем постройка 10 мастерских на 2 рабочих каждая, и вообще стоимость сконцентрированных в массовом масштабе и применяемых совместно средств производства растет не пропорционально их размерам и их полезному эффекту. Употребляемые совместно средства производства переносят меньшую долю своей стоимости на единицу продукта частью потому, что вся та стоимость, которую

⁹⁾ Г-н профессор Рошер сообщает нам о своем открытии, что швея, работающая на госпожу профессоршу в течение двух дней, доставляет больше труда, чем две швеи, совместно работающие на госпожу профессоршу один день ¹²³. Господину профессору следовало бы заниматься своими наблюдениями процесса капиталистического производства не в детской и не там, где отсутствует главное действующее лицо, т. е. капиталист.

они отдают, распределяется одновременно на большую массу продуктов, частью потому, что в сравнении со средствами производства, употребляемыми в отдельности, они входят в процесс производства хотя и абсолютно большей, но по отношению к сфере их действия относительно меньшей стоимостью. Тем самым понижается та составная часть стоимости, которая приходится на постоянный капитал, а следовательно, соответственно ее величине, и совокупная стоимость товара. Результат получается такой, как если бы средства производства товаров стали производиться дешевле. Эта экономия в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц. И средства производства приобретают этот характер условий общественного труда или общественных условий труда в отличие от раздробленных и сравнительно дорогих средств производства отдельных самостоятельных рабочих или мелких хозяйчиков даже и в том случае, когда многие рабочие объединены лишь пространственно, а не общностью самого труда. Часть средств труда приобретает этот общественный характер даже раньше, чем его приобретает сам процесс труда.

Экономию на средствах производства вообще следует рассматривать с двойкой точки зрения. Во-первых, поскольку она удешевляет товары и тем понижает стоимость рабочей силы. Во-вторых, поскольку она изменяет отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, т. е. к сумме стоимостей его постоянной и переменной составных частей. Последний пункт будет рассмотрен лишь в первом отделе третьей книги этой работы, куда в интересах внутренней связности изложения придется отнести и многое другое, касающееся затронутой здесь темы. Такого расчленения предмета требует ход анализа, да оно соответствует и духу капиталистического производства. Так как при капиталистическом производстве условия труда противостоят рабочему как нечто самостоятельное, то и экономия на них представляется особой операцией, которая ничуть не касается рабочего и, следовательно, обособлена от методов, повышающих его индивидуальную производительность.

Та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства, называется кооперацией ¹⁰⁾.

Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы,

¹⁰⁾ «Concours des forces» [«объединение сил»] (*Destutt de Tracy*, цит. соч., стр. 80)

которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие ¹¹⁾. Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение гораздо более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила ^{11а)}.

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц, так что 12 человек в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем двенадцать изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или один рабочий в течение следующих подряд двенадцати дней труда ¹²⁾. Причина этого заключается в том, что человек по самой своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель ¹³⁾, то во всяком случае общественное.

Хотя многие одновременно и совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного рабочего, как часть совокупного труда, сам может представлять различные фазы процесса труда, через которые предмет труда вследствие кооперации проходит быстрее. Так, например, если каменщики образуют последовательный ряд для того,

¹¹⁾ «Существует множество операций, которые настолько просты, что их нельзя разделить на части. Эти операции не могут быть выполнены без кооперации многих рабочих рук. Таково, например, поднятие большого бревна на телегу... короче говоря, всякое дело, которое может быть выполнено только большим количеством людей, помогающих друг другу в одно и то же время, в одной и той же неделимой операции» (*E. G. Wakefield. «A View of the Art of Colonization»*. London, 1849, p. 168).

^{11а)} «Если один человек вовсе не может, а 10 человек могут только с напряжением всех своих сил поднять тяжесть весом в тонну, то сто человек достигнут этого, действуя каждый лишь одним пальцем» (*John Bellers. «Proposals for Raising a College of Industry»*. London, 1696, p. 21).

¹²⁾ «Здесь» (т. е. когда один фермер употребляет на 300 акрах то же самое число рабочих, какое 10 мелких фермеров употребляют на 30 акрах каждый) «сказывается также преимущество значительного числа совместно действующих работников, которое нелегко понять людям, не знакомым с делом на практике; в самом деле, кто станет оспаривать, что 1 относится к 4, как 3 относится к 12; однако на практике это положение неверно: во время жатвы и при некоторых других спешных работах дело идет лучше и успешнее, если соединить значительное число рук вместе: так, например, 2 возчика, 2 укладчика, 2 подавальщика, 2 загребальщика и несколько человек на скирдах или на гумне сделают вдвое больше, чем то же самое количество рабочих рук, разделенных мелкими группами по отдельным фермам» (*[J. Arbuthnot.] «An Inquiry into the Connection between the present Price of Provisions and the Size of Farms»*. By a Farmer. London, 1773, p. 7, 8).

¹³⁾ Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть создатель орудий.

чтобы передавать кирпичи от основания строительных лесов до их верха, то каждый из них делает одно и то же, и тем не менее их отдельные операции представляют собой непрерывные ступени одной общей операции, особые фазы, которые каждый кирпич должен пройти в процессе труда и благодаря которым 24 руки совокупного рабочего доставят кирпич на место скорее, чем две руки отдельного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них ¹⁴⁾. Предмет труда проходит то же самое расстояние в более короткое время. С другой стороны, комбинирование труда имеет место и в том случае, если, например, к постройке здания приступают одновременно с разных концов, хотя бы кооперирующиеся между собой работники совершали при этом один и тот же или однородный труд. При комбинированном рабочем дне в 144 часа предмет труда подвергается обработке одновременно с разных сторон, так как комбинированный или совокупный рабочий имеет глаза и руки и спереди, и сзади, и является в известной мере вездесущим. При этом совокупный продукт подвигается к своему окончанию быстрее, чем при двенадцатичасовом рабочем дне 12 более или менее изолированных рабочих, которые вынуждены приступать к предмету труда более односторонне. Здесь одновременно созревают пространственно различные части продукта.

Мы подчеркнули, что многие дополняющие друг друга рабочие выполняют одинаковую или однородную работу, так как эта простейшая форма совместного труда играет большую роль и в наиболее развитых видах кооперации. Если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта ¹⁵⁾.

Во многих отраслях производства бывают критические моменты, т. е. такие определяемые самой природой рабочего процесса периоды времени, в течение которых должны быть достигнуты определенные результаты труда. Если требуется, например, остричь стадо овец или сжать и убрать известное количество моргенов хле-

¹⁴⁾ «Следует кроме того заметить, что такое частичное разделение труда может иметь место даже в том случае, если все рабочие заняты одной и той же работой. Каменщики, например, передающие кирпичи из рук в руки на высокие леса, все выполняют одну и ту же работу, и тем не менее между ними существует своего рода разделение труда, которое заключается в том, что каждый из них перемещает кирпич на известном протяжении и что все вместе доставляют его на место много быстрее, чем в том случае, если бы каждый из них самостоятельно переносил кирпичи для себя на высокие леса» (*F. Skarbek. «Théorie des Richesses Sociales», 2ème éd. Paris, 1840, t. 1, p. 97, 98*).

¹⁵⁾ «Если требуется выполнить сложную работу, различные операции должны совершаться одновременно. Один делает одно, другой — другое, и все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлен. Один гребет, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или бьет рыбу гарпуном, — и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого объединения» (*Destutt de Tracy, цит. соч., стр. 78*).

ба, то количество и качество получаемого продукта зависят от того, будет ли данная операция начата и закончена в определенное время. Промежуток времени, в течение которого должен быть совершен процесс труда, предопределен здесь заранее, как, например, при ловле сельдей. Отдельный человек не может выкроить из суток больше одного рабочего дня, скажем, в 12 часов, тогда как кооперация, например 100 человек, расширяет двенадцатичасовой день в рабочий день, составляющий 1 200 часов. Краткость срока труда компенсируется величиной массы труда, выбрасываемой в решающий момент на арену производства. Своевременное получение результата зависит здесь от одновременного применения многих комбинированных рабочих дней, размеры полезного эффекта — от числа рабочих; последнее, однако, всегда менее числа тех рабочих, которые, работая в одиночку, произвели бы в течение того же самого времени ту же самую работу ¹⁶⁾. Из-за отсутствия такого рода кооперации на западе Соединенных Штатов ежегодно пропадает масса хлеба, а в тех частях Ост-Индии, где английское владычество разрушило старую общину, — масса хлопка ¹⁷⁾.

Кооперация, с одной стороны, позволяет расширить пространственную сферу труда, и потому при известных процессах труда ее требует уже самое расположение предметов труда в пространстве; так, например, она необходима при осушительных работах, постройке плотин, работах по орошению, при строительстве каналов, грунтовых и железных дорог и т. п. С другой стороны, кооперация позволяет относительно, т. е. по сравнению с масштабом производства, пространственно сузить сферу производства. Это ограничение пространственной сферы труда при одновременном расширении сферы его воздействия, в результате чего происходит сокращение непроизводительных издержек производства (*faux frais*), порождается сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства ¹⁸⁾.

¹⁶⁾ «Выполнение их» (земледельческих работ) «в критический момент имеет огромную важность» (*J. Arbuthnot. «An Inquiry into the Connection between the present Price etc.»*, p. 7). «В земледелии нет более важного фактора, чем фактор времени» (*Liebig. «Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft»*, 1856, S. 23).

¹⁷⁾ «Первейшее зло такого рода, что его едва ли кто-либо мог бы ожидать в стране, которая экспортирует труда больше, чем любая другая страна в мире, за исключением, быть может, Китая и Англии, состоит в невозможности найти достаточное количество рабочих рук для сбора хлопка. Результатом этого является тот факт, что значительная часть урожая остается несобранной, а другую часть его собирают с земли, после того как хлопок уже осыпался и, естественно, потерял цвет и отчасти сгнил. Таким образом, вследствие недостатка рабочих рук в надлежащее время плантатор фактически вынужден лишиться большой доли урожая, на который с такой жадностью устремлены взоры Англии» (*«Bengal Hurkaru»*. Bi-Monthly Overland Summary of News, 22nd July 1861).

¹⁸⁾ «Благодаря прогрессу земледелия все то, — а быть может, и еще более значительное, — количество капитала и труда, которое употреблялось некогда на 500 акров, концентрируется теперь для более совершенной обработки 100 акров». Хотя «по отношению к количеству применяемого капитала и труда пространство и сократилось, сфера производства расширилась по сравнению с той сферой производства, рамками которой ограничивалась прежде деятельность каждого отдельного самостоятельного участника производства» (*R. Jones. «An Essay on the Distribution of Wealth», «On Rent»*. London, 1831, p. 191).

По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней комбинированный рабочий день производит большие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения определенного полезного эффекта. В каждом отдельном случае такое повышение производительной силы труда может достигаться различными способами: или повышается механическая сила труда, или расширяется пространственно сфера ее воздействия, или арена производства пространственно суживается по сравнению с масштабом производства, или в критический момент приводится в движение большее количество труда в течение короткого промежутка времени, или пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их жизненная энергия, или однородные операции многих людей получают печать непрерывности и многосторонности, или различные операции выполняются одновременно, или экономятся средства производства благодаря их совместному употреблению, или индивидуальный труд приобретает характер среднего общественного труда. Но во всех этих случаях специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции ¹⁹⁾.

Если рабочие не могут вообще непосредственно сотрудничать, когда они не находятся вместе, если поэтому их сосредоточение в определенном пункте есть условие их кооперации, то это означает, что наемные рабочие могут кооперироваться лишь в том случае, если один и тот же капитал, один и тот же капиталист применяет их одновременно, т. е. одновременно покупает их рабочие силы. Следовательно, совокупная стоимость этих рабочих сил, или сумма заработной платы рабочих за день, неделю и т. д., должна уже быть объединена в кармане капиталиста, раньше чем сами эти рабочие силы будут объединены в процессе производства. Для того чтобы оплатить труд 300 рабочих сразу, хотя бы за один только день, требуется большая затрата капитала, чем для того чтобы оплачивать из недели в неделю труд меньшего числа рабочих в течение целого года. Таким образом, число кооперируемых рабочих, или масштаб кооперации, зависит прежде всего от величины того капитала, который отдельный капиталист может затратить на покупку рабочей силы, т. е. от того, в каких размерах каждый отдельный капиталист располагает жизненными средствами многих рабочих.

¹⁹⁾ «Сила каждого человека ничтожна, но объединение этих ничтожных сил создает общую силу, более крупную, чем сумма этих частных сил, так что силы самым своим объединением могут уменьшить время и увеличить сферу своего действия» (*G. R. Carli*, примечание в книге: *P. Verri. «Meditazioni sulla Economia Politica»*, в издании Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. XV, p. 196).

И это относится не только к переменному, но и к постоянному капиталу. Например, затрата сырого материала для капиталиста, имеющего 300 рабочих, в 30 раз больше, чем затрата каждого из тридцати капиталистов, имеющих по 10 рабочих. Количество совместно применяемых средств труда, как по своей стоимости, так и по своей вещественной массе, растет, правда, не в такой пропорции, как число занятых рабочих, однако — все же весьма значительно. Таким образом, концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих, и размеры кооперации, или масштаб производства, зависят от степени этой концентрации.

Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала являлась необходимой для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от физического труда, для превращения мелкого хозяйчика в капиталиста, для того чтобы формально создать капиталистическое отношение. Теперь этот минимум является материальным условием превращения многих раздробленных, не зависящих друг от друга индивидуальных процессов труда в один комбинированный общественный процесс труда.

Равным образом, первоначально командование капитала над трудом являлось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под властью капиталиста. С развитием кооперации многих наемных рабочих командование капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, становится действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения.

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности.

Прежде всего движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно боль-

шее самовозрастание капитала ²⁰⁾, т. е. возможно большее производство прибавочной стоимости, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а в связи с этим неизбежно растет давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление. Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации. Точно так же, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением ²¹⁾. Кооперация наемных рабочих есть, далее, только результат действия капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям.

Таким образом, если по своему содержанию капиталистическое управление носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ему производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда для изготовления продукта, с другой стороны — процесс возрастания капитала, то по форме своей капиталистическое управление деспотично. С развитием кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает свои своеобразные формы. Подобно тому, как капиталист сначала освобождается от физического труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой только и начинается собственно капиталистическое производство, так теперь он передает уже и функции непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих особой категории наемных работников. Как армия нуждается в своих офицерах и унтер-офицерах, точно так же для массы рабочих, объединенной совместным трудом под командой одного и того же капи-

²⁰⁾ «Прибыль... единственная цель производства» (*J. Vanderlint*, цит. соч., стр. 11).

²¹⁾ Еженедельник английских филистеров «Spectator» сообщает в номере от 26 мая 1866 г., что после учреждения между капиталистами и рабочими своего рода товарищества в Манчестерской компании для производства проволоки «первым результатом было внезапное уменьшение расточительства материалов, так как люди поняли, что им, как и всяким другим собственникам, незачем транжирить свое собственное имущество, — а после безнадежных долгов расточительство является, быть может, самым крупным источником потерь в промышленности». Тот же самый еженедельник открывает следующий коренной недостаток в рочдейлских кооперативных опытах ¹²⁴⁾: «Они показали, что рабочие ассоциации могут успешно управлять лавками, фабриками и почти всеми формами промышленности, они чрезвычайно улучшили положение самих рабочих, но (!) они вовсе не оставляют заметного места для капиталиста». *Quelle horreur!* [Какой ужас!]

тала, нужны промышленные офицеры (управляющие, managers) и унтер-офицеры (надсмотрщики, foremen, overlookers, contre-maitres), распоряжающиеся во время процесса труда от имени капитала. Работа надзора закрепляется как их исключительная функция. Сравнивая способ производства независимых крестьян или самостоятельных ремесленников с плантаторским хозяйством, покоящимся на рабстве, экономист причисляет эту работу надзора к *faux frais* производства ^{21a)}. Напротив, рассматривая капиталистический способ производства, он отождествляет функцию управления, поскольку она вытекает из самой природы совместного процесса труда, с той же самой функцией, поскольку она вытекает из капиталистического, а следовательно, из антагонистического характера этого процесса ²²⁾. Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности ^{22a)}.

Рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом, но он может продать лишь то, чем он обладает, лишь свою индивидуальную, обособленную рабочую силу. Это отношение ничуть не изменяется от того, что капиталист закупает 100 рабочих сил вместо одной, заключает контракт не с одним рабочим, а с сотней не зависимых друг от друга рабочих. Капиталист может применить эти 100 рабочих, не устанавливая между ними кооперации. Следовательно, он оплачивает стоимость 100 самостоятельных рабочих сил, но не оплачивает комбинированной рабочей силы сотни. Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенное отношение к одному и тому же капиталу, но не друг к другу. Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе. С вступлением в процесс труда они сделались частью капитала. Как кооперирующиеся между собой рабочие, как члены одного деятельного организма, они сами представляют собой

^{21a)} Профессор Кернс, указав на «надзор за трудом» как на характерную черту рабовладельческого производства в южных штатах Северной Америки, продолжает: «Крестьянин-собственник» (Севера), «присваивающий себе весь продукт своего труда, не нуждается в иных стимулах для труда. Надзор здесь совершенно не нужен» (*Cairnes*, цит. соч., стр. 48, 49).

²²⁾ Сэр Джеймс Стюарт, который вообще отличается тем, что видит характерные общественные особенности различных способов производства, замечает: «Почему же крупные предприятия в промышленности разрушают мелкое производство, как не потому, что они ближе подходят к простоте рабства?» («*Principles of Political Economy*». London, 1767, v. I, p. 167, 168).

^{22a)} Огюст Конт и его школа могли бы поэтому так же хорошо доказывать вечную необходимость феодальных господ, как они доказывали необходимость господ капиталистов.

лишь особый способ существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий как общественный рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока сам его труд не принадлежит капиталу, то она представляется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой.

В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатами, египтянами, этрусками и т. д.

«В прошедшие времена случалось, что эти азиатские государства, осуществив расходы на свои гражданские и военные надобности, оказывались обладателями некоторого избытка жизненных средств, который они могли употребить на великие или полезные сооружения. Благодаря тому, что в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения... и благодаря тому, что исключительное право распоряжаться указанным избытком принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они покрыли страну... При установке колоссальных статуй и переноске огромных тяжестей, что вызывает изумление, расточительным образом применялся почти исключительно человеческий труд... Для этого достаточно было большого числа рабочих и концентрации их усилий. Так из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый индивидуальный участник (depository) этого процесса ничтожен, слаб и жалок. Неземледельческие рабочие какой-либо азиатской монархии мало что могли приложить к делу, кроме своих индивидуальных физических сил, но самая их численность была силой, и мощь единого управления этими массами породила эти гигантские сооружения. Именно концентрация в руках одного или немногих лиц тех доходов, за счет которых жили рабочие, сделала возможным такого рода предприятия»²³⁾.

Эта власть азиатских и египетских царей или этрусских жрецов и т. п. перешла в современном обществе к капиталисту, причем безразлично, выступает ли он как отдельный капиталист или как капиталист комбинированный, как в акционерных обществах.

Та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры, например у охотничьих народов^{23а)} или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общей собственности на условия производства, с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум еще

²³⁾ R. Jones. «Text-book of Lectures etc.». Hertford, 1852, p. 77, 78. Староассирийские, египетские и т. п. коллекции в Лондоне и других европейских столицах служат для нас свидетельством этих кооперативных процессов труда.

^{23а)} Ленге в своей работе «Théorie des Lois Civiles», быть может, не без основания называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) — одной из первых форм охоты.

столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью. То и другое отличает эту кооперацию от кооперации капиталистической. Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, чаще всего на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Но исторически капиталистическая форма кооперации развивается в противоположность крестьянскому хозяйству и независимому ремесленному производству, все равно, имеет ли это последнее цеховую форму или нет ²⁴⁾. По отношению к ним капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая форма кооперации, нет, сама кооперация противопоставляется им как характерная для капиталистического процесса производства и составляющая его специфическую особенность историческая форма.

Подобно тому, как повысившаяся благодаря кооперации общественная производительная сила труда представляется производительной силой капитала, — так и сама кооперация представляется специфической формой капиталистического процесса производства, в противоположность процессу производства раздробленных независимых работников или мелких хозяйчиков. Это — первое изменение, которое испытывает самый процесс труда вследствие подчинения его капиталу. Изменение это совершается стихийно. Одновременное употребление многих наемных рабочих в одном и том же процессе труда, будучи условием этого изменения, образует исходный пункт капиталистического производства. Оно совпадает с самим существованием капитала. Поэтому, если, с одной стороны, капиталистический способ производства является исторической необходимостью для превращения процесса труда в общественный процесс, то, с другой стороны, общественная форма процесса труда есть употребляемый капиталом способ выгоднее эксплуатировать этот процесс посредством повышения его производительной силы.

В рассмотренном выше простом своем виде кооперация совпадает с производством в широких размерах, но она не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства. Самое большее, она выступает приблизительно в такой форме в ремесленных еще зачатках

²⁴⁾ Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени.

мануфактуры ²⁵⁾ и в том виде крупного земледелия, который соответствует мануфактурному периоду, существенно отличаясь от крестьянского хозяйства лишь массой одновременно применяемых рабочих и размерами концентрированных средств производства. Простая кооперация всегда является господствующей формой в тех отраслях производства, где капитал оперирует в крупном масштабе, а разделение труда и машины не играют еще значительной роли.

Кооперация остается основной формой капиталистического способа производства, хотя в своем простом виде она сама представляет собой лишь особую форму наряду с другими, более развитыми ее формами.

²⁵⁾ «Разве соединение искусства, трудолюбия и соревнования многих на одной и той же работе не есть способ двинуть ее вперед? И разве Англия могла бы каким-либо иным способом довести свою шерстяную мануфактуру до столь высокого совершенства?» (Berkeley. «The Querist». London, 1750, p. 56, § 521).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА

1. ДВОЯКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАНУФАКТУРЫ

Кооперация, основанная на разделении труда, приобретает свою классическую форму в мануфактуре. Как характерная форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII.

Мануфактура возникает двояким способом.

В первом случае в одной мастерской под командой одного и того же капиталиста объединяются рабочие разнородных самостоятельных ремесел, через руки которых последовательно должен пройти продукт вплоть до того, пока он не будет окончательно готов. Так, например, карета была первоначально общим продуктом работ большого числа независимых ремесленников: тележника, шорника, портного, слесаря, медника, токаря, позументщика, стекольщика, маляра, лакировщика, позолотчика и т. д. Каретная мануфактура объединяет всех этих различных ремесленников в одной мастерской, где они работают одновременно и во взаимодействии друг с другом. Конечно, карету нельзя позолотить раньше, чем она сделана. Но если одновременно производится много карет, то часть их может непрерывно подвергаться золочению, в то время как другая часть проходит более ранние фазы процесса производства. Пока мы остаемся еще на почве простой кооперации, которая находит готовым свой человеческий и вещный материал. Но скоро наступает существенное изменение. Портной, слесарь, медник и т. д., раз он занимается только каретным делом, теряет мало-помалу привычку, а вместе с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в его полном объеме. С другой стороны, его односторонняя деятельность в пределах этой суженной сферы приобретает теперь наиболее целесообразные формы. Первоначально каретная мануфактура представляла собой комбинацию самостоятельных ремесел. Постепенно производство карет разделяется на различные особые операции, каждая из которых откриссталлизовывается в исключительную функцию

одного рабочего и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих. Именно так, в результате комбинирования различных ремесел под командой одного и того же капитала, возникли суконная мануфактура и целый ряд других мануфактур²⁶⁾.

Но мануфактура возникает и противоположным путем. Многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, например делающие бумагу, шрифт или иголки, объединяются одним капиталистом в общей мастерской. Это — кооперация в ее простейшей форме. Каждый из этих ремесленников (быть может, с одним или двумя подмастерьями) изготовляет весь товар, т. е. совершает последовательно различные операции, необходимые для его изготовления. Труд его сохраняет свой старый ремесленный характер. Однако внешние обстоятельства заставляют вскоре иначе использовать сосредоточение рабочих в одном помещении и одновременность их работ. Например, нужно доставить в определенный срок большее количество готового товара. Работа поэтому распределяется. Вместо того чтобы поручать одному и тому же ремесленнику последовательное выполнение различных операций, операции эти отделяются одна от другой, изолируются, располагаются в пространстве одна рядом с другой, причем каждая из них поручается отдельному ремесленнику, и все они одновременно выполняются кооперирующимися между собой работниками. Это случайное распределение повторяется, обнаруживает свойственные ему преимущества и мало-помалу кристаллизуется в систематическое разделение труда. Из индивидуального продукта самостоятельного ремесленника, выполняющего многие операции, товар превращается в общественный продукт союза ремесленников, каждый из которых выполняет непрерывно лишь одну и ту же частичную операцию. Те же самые операции, которые сливались друг с другом в ряд последовательных работ, выполняемых немецким цеховым мастером бумажного производства, в голландской бумажной мануфактуре становятся самостоятельными и протекающими рядом и одновременно как частичные операции многих кооперирующихся между собой рабочих.

²⁶⁾ Чтобы указать более современный пример этого способа образования мануфактуры, приведем следующую цитату. Шелкопрядение и ткачество в Лионе и Ниме «носят совершенно патриархальный характер; эти отрасли промышленности занимают много женщин и детей, но не надрыдают их сил и не уродуют их; они остаются в своих прекрасных долинах Дрома, Вара, Изера, Воклюза, разводя червей и разматывая их коконы; никогда производство это не принимает характера настоящей фабрики. При ближайшем рассмотрении... принцип разделения труда обнаруживает здесь своеобразие особенности. Существуют, правда, мотальщики, сучильщики, красильщики, шпиктовальщики и, наконец, ткачи; но они не объединены в одном и том же здании и не зависят от одного и того же хозяина; все они работают самостоятельно» (А. Blanqui, «Cours d'Économie Industrielle». Recueilli par A. Blaise. Paris, 1838—1839, p. 79). С того времени, как Бланки написал это, произошли перемены, и часть рабочих, некогда независимых, уже объединена теперь на фабриках. [К 4 изданию. А с тех пор, как Маркс написал это, на этих фабриках утвердился механический ткацкий станок и он быстро вытесняет ручной. Ярким подтверждением тому может быть шелковая промышленность Крефельда. Ф. Э.]

Нюрнбергский цеховой мастер, изготавливающий иголки, образует основной элемент английской игольной мануфактуры. Но в то время как нюрнбергский ремесленник последовательно выполняет одну за другой, быть может, 20 операций, в английской мануфактуре работают одновременно 20 ремесленников и каждый выполняет лишь одну из 20 операций, причем на основании опыта операции эти еще более расщепляются, изолируются и обособляются как исключительные функции отдельных рабочих.

Итак, способ возникновения, образования мануфактуры из ремесла является двояким. С одной стороны, она возникает из комбинации разнородных самостоятельных ремесел, которые утрачивают свою самостоятельность и делаются односторонними в такой степени, что представляют собой лишь друг друга дополняющие частичные операции в процессе производства одного и того же товара. С другой стороны, мануфактура возникает из кооперации однородных ремесленников, разлагает данное индивидуальное ремесло на различные обособленные операции, изолирует эти последние и делает самостоятельными в такой степени, что каждая из них становится исключительной функцией особого рабочего. Поэтому, с одной стороны, мануфактура вводит в процесс производства разделение труда или развивает его дальше, с другой стороны — она комбинирует ремесла, бывшие ранее самостоятельными. Но, каков бы ни был ее исходный пункт в том или другом частном случае, ее конечная форма всегда одна и та же: производственный механизм, органами которого являются люди.

Для правильного понимания разделения труда внутри мануфактуры существенно обратить внимание на следующие пункты. Прежде всего расчленение процесса производства на его особые фазы совершенно совпадает в данном случае с разложением ремесленной деятельности на ее различные частичные операции. Является ли каждая операция сложной или простой, ее исполнение во всяком случае сохраняет свой ремесленный характер и, следовательно, зависит от силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего, от его умения обращаться со своим инструментом. Базисом остается ремесло. Этот узкий технический базис исключает возможность действительно научного расчленения процесса производства, так как каждый частичный процесс, через который проходит продукт, должен быть выполнен как частичная ремесленная работа. Именно потому, что ремесленное искусство остается таким образом основой процесса производства, каждый рабочий приспосабливается исключительно к отправлению одной частичной функции, и рабочая сила его на всю его жизнь превращается в орган этой частичной функции. Наконец, это разделение труда уже само по себе есть особый вид кооперации, и многие его преимущества вытекают из общей сущности кооперации вообще, а не из данной ее особой формы.

2. ЧАСТИЧНЫЙ РАБОЧИЙ И ЕГО ОРУДИЕ

Приступая к ближайшему анализу, мы должны прежде всего констатировать тот очевидный факт, что рабочий, выполняющий всю жизнь одну и ту же простую операцию, превращает все свое тело в ее автоматически односторонний орган и потому употребляет на нее меньше времени, чем ремесленник, который совершает попеременно целый ряд операций. Но комбинированный совокупный рабочий, образующий живой механизм мануфактуры, состоит исключительно из таких односторонних частичных рабочих. Поэтому в сравнении с самостоятельным ремеслом здесь в течение более короткого времени производится больше продукта, т. е. производительная сила труда повышается ²⁷⁾. Совершенствуется также самый метод частичной работы после того, как она обособилась в исключительную функцию одного лица. Постоянное повторение одной и той же ограниченной операции и сосредоточение внимания на ней научают опытным путем достигать намеченного полезного результата с наименьшей затратой силы. А так как разные поколения рабочих живут одновременно и совместно работают в одних и тех же мануфактурах, то приобретенные приемы технического искусства закрепляются, накапливаются и быстро передаются от одного поколения к другому ²⁸⁾.

Мануфактура, воспроизводя внутри мастерской и систематически развивая до крайних пределов традиционное обособление ремесел, которое она находит в обществе, тем самым создает виртуозность частичных рабочих. С другой стороны, совершаемое ею превращение частичного труда в жизненное призвание данного человека соответствует стремлению прежних обществ сделать ремесла наследственными, придать им окаменевшие формы каст или, — в том случае, когда определенные исторические условия порождают изменчивость индивидуумов, не совместимую с существованием каст, — формы цехов. Касты и цехи возникают под влиянием такого же естественного закона, какой регулирует образование в животном и растительном мире видов и разновидностей, — с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируются как общественный закон ²⁹⁾.

²⁷⁾ «Чем больше разделение функций в сложной мануфактуре между различными работниками, тем лучше и скорее получается продукт, тем меньше потеря времени и труда» («The Advantages of the East-India Trade». London, 1720, p. 71).

²⁸⁾ «Легкий труд есть... унаследованное искусство» (Th. Hodgskin. «Popular Political Economy». London, 1827, p. 48).

²⁹⁾ «Также и ремесла... достигли в Египте значительной степени совершенства. Ибо только в одной этой стране ремесленникам совсем не разрешалось братья за занятия, свойственные другим классам граждан, но они должны были заниматься исключительно той профессией, которую закон наследственно закрепил за их родом... У других народов мы находим, что ремесленники делают свое внимание между слишком разнородными предметами... То они пытаются обрабатывать землю, то берутся за торговые

«Муслин из Дакки по своей тонкости, ситцы и другие материи из Короманделя по своему великолепию и прочности красок никогда еще не были превзойдены. И, тем не менее, они производятся без капитала, без машин, без разделения труда, в их производстве не применяется ни один из тех методов, которые доставляют такие преимущества европейской фабрикации. Ткач там — обособленный индивидуум, изготавливающий ткань по заказу потребителя и работающий на станке самой простой конструкции, состоящем иногда из грубо сколоченных деревянных брусков. У него нет даже никакого приспособления для натягивания основы, и потому станок должен все время оставаться растянутым во всю свою длину; вследствие этого он так неуклюж и занимает так много места, что не помещается в хижине производителя, который совершает поэтому свою работу на открытом воздухе, прерывая ее при каждой неблагоприятной перемене погоды»³⁰⁾.

Лишь накопленная из поколения в поколение и передаваемая по наследству от отца к сыну специальная сноровка сообщает индийцу, как и пауку, его виртуозность. И все же по сравнению с большинством мануфактурных рабочих такой индийский ткач выполняет очень сложный труд.

Ремесленник, совершающий один за другим различные частичные процессы при производстве продукта, должен то переходить с места на место, то перемещать инструменты. Переходы от одной операции к другой прерывают течение его труда и образуют своего рода поры в его рабочем дне. Эти поры сужаются, если он в течение целого дня непрерывно выполняет одну и ту же операцию, они исчезают в той же мере, в какой уменьшается сменяемость операций. Повышение производительности труда вызывается здесь или увеличенной затратой рабочей силы в течение данного промежутка времени, т. е. растущей интенсивностью труда, или уменьшением непроизводительного потребления рабочей силы. В частности, избыточная затрата сил, которой требует каждый переход от покоя к движению, компенсируется большей продолжительностью труда уже достигнутой нормальной быстроты. С другой стороны, непрерывное однообразие работы ослабляет напряженность внимания и подъем жизненной энергии, так как лишает рабочего того отдыха и возбуждения, которые создаются самым фактом перемены деятельности.

Однако производительность труда зависит не только от виртуозности работника, но также и от совершенства его орудий. Орудия одного и того же рода, например инструменты режущие, сверлильные, долбежные, ударные и т. д., употребляются в различных

дела, то занимаются двумя или тремя ремеслами сразу. В свободных государствах они обыкновенно посещают народные собрания... Напротив, в Египте каждый ремесленник, вмешивающийся в государственные дела или занимающийся одновременно несколькими ремеслами, подвергается тяжелым наказаниям. Таким образом, ничто не может помешать ему сосредоточиться на своей профессии... К тому же, унаследовав многие правила от предков, они ревностно стараются изобретать новые улучшения» («Diodor's von Sicilien Historische Bibliothek», Buch I, cap. 74 [S. 117, 118]).

³⁰⁾ «Historical and descriptive Account of British India etc.» by Hugh Murray, James Wilson etc. Edinburgh, 1832, v. II, p. 449. Индийский ткацкий станок имеет вертикально ходящую рейку, т. е. основа натягивается на нем вертикально.

процессах труда, и, с другой стороны, в одном и том же процессе труда один и тот же инструмент служит для различных действий. Но как только различные операции процесса труда обособились друг от друга и каждая частичная операция в руках частичного рабочего приняла максимально соответствующую и потому исключительную форму, — с этого момента возникает необходимость изменений в орудиях, служивших ранее для различных целей. Направление этого изменения их формы выясняется на опыте, который показывает, какие именно особые трудности представляет пользование орудиями в их неизменившейся форме. Мануфактуру характеризуют дифференцирование рабочих инструментов, благодаря которому инструменты одного и того же рода принимают прочные формы, особые для каждого особого их применения, и их специализация, благодаря которой каждый такой особый инструмент действует в полную свою меру лишь в руках специфического частичного работника. В одном Бирмингеме изготовляется до 500 разновидностей молотков, причем не только каждый из них служит для особого производственного процесса, но зачастую несколько разных молотков служат для отдельных операций одного и того же процесса. Мануфактурный период упрощает, улучшает и разнообразит рабочие инструменты путем приспособления их к исключительным особым функциям частичных рабочих ³¹⁾. Тем самым он создает одну из материальных предпосылок машины, которая представляет собой комбинацию многих простых инструментов.

Частичный рабочий и его инструмент образуют простые элементы мануфактуры. Обратимся теперь к мануфактуре в ее целом.

3. ДВЕ ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ МАНУФАКТУРЫ: ГЕТЕРОГЕННАЯ МАНУФАКТУРА И ОРГАНИЧЕСКАЯ МАНУФАКТУРА

По своему внутреннему строю мануфактуры разделяются на две основные формы, которые, хотя иногда и переплетаются, представляют собой, однако, два существенно различных рода и при дальнейшем превращении мануфактуры в крупную машинную промышленность играют совершенно неодинаковую роль. Этот двойкий характер мануфактуры определяется самой природой

³¹⁾ Относительно естественных органов растений и животных Дарвин в своей составившей эпоху работе «Происхождение видов» говорит: «Причина изменчивости органов в тех случаях, когда один и тот же орган выполняет различные работы, заключается, быть может, в том, что здесь естественный подбор менее тщательно поддерживает или подавляет каждое мелкое отклонение формы, чем в тех случаях, когда один орган предназначен лишь для определенной обособленной задачи. Так, например, ножи, предназначенные для того, чтобы резать самые разнообразные вещи, могут в общем сохранять более или менее одинаковую форму; но раз инструмент предназначен для одного какого-либо употребления, он при переходе к другому употреблению должен изменить и свою форму».

продукта. Последний получается или путем чисто механического соединения самостоятельных частичных продуктов, или же своей готовой формой обязан последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций.

Так, например, локомотив состоит более чем из 5 000 самостоятельных частей. Он не может, однако, послужить примером собственно мануфактуры первого рода, так как является продуктом крупной промышленности. Но прекрасный пример дают нам часы, которые уже Уильям Петти берет для иллюстрации мануфактурного разделения труда. Из индивидуального продукта нюрнбергского ремесленника часы превратились в общественный продукт большого числа частичных рабочих. Таковы: заготовщик; рабочий, изготавливающий часовые пружины; изготавливающий циферблаты; изготавливающий волоски; рабочий, изготавливающий камни для часов; палетщик; рабочий, изготавливающий стрелки; рабочий, изготавливающий часовой корпус; рабочий, изготавливающий винты; золотильщик, с подразделением на многие специальности; далее рабочий, изготавливающий колеса (причем отдельно латунные колеса и отдельно стальные колеса); рабочий, изготавливающий трибы; изготавливающий механизм завода и перевода стрелок; *acheveur de pignon* (укрепляет колеса на трибах, полирует фаски и т. д.); изготовитель цапф; *planteur de finissage* (вставляет различные колеса и трибы в механизм); *finisseur de barillet* (нарезывает зубья, расширяет отверстия до надлежащих размеров, укрепляет пружину собачки храповика и собачку); рабочий, изготавливающий регулятор хода, а при цилиндрическом ходе изготавливающий и цилиндры; изготавливающий ходовые колеса; рабочий, изготавливающий баланс; рабочий, изготавливающий ракету (приспособление для регулировки часов); *planteur d'échappement* (рабочий, устанавливающий регулятор хода); затем *repasseur de barillet* (заканчивает сборку барабана для пружины и сборку собачки); полировщик стали; полировщик колес; полировщик винтов; рисовальщик цифр; эмалировщик (наводит эмаль на медь); *fabricant de pendants* (делает только бугель или серьгу часового корпуса); *finisseur de charnière* (вставляет латунный штифт в шарниры корпуса и т. д.); *faiseur de secret* (приделывает к корпусу пружину, открывающую крышку); гравер; чеканщик; полировщик часового корпуса и т. д. и т. д. и, наконец, сборщик, окончательно собирающий механизм часов в целом и пускающий их в ход. Лишь немногие части часов проходят через несколько рук, и все эти *membra disjecta* [разрозненные члены] ¹²⁵ сосредоточиваются в одних руках лишь тогда, когда им предстоит соединиться в одно механическое целое. Это чисто внешнее отношение готового продукта к его разнородным составным частям делает здесь, как и в других подобных производствах, соединение частичных рабочих в одной мастерской случайным. Частичные работы,

в свою очередь, могут выполняться в виде отдельных самостоятельных ремесел, что и имеет место в кантонах Ваадт и Невшатель, тогда как в Женеве, например, существуют крупные часовые мануфактуры, т. е. осуществляется непосредственная кооперация частичных рабочих под управлением одного капитала. Но и в этом последнем случае циферблаты, пружины и корпус редко изготавливаются в самой мануфактуре. Комбинированное мануфактурное производство здесь выгодно лишь в исключительных случаях, так как конкуренция между рабочими, работающими на дому, особенно велика, а расщепление производства на массу гетерогенных процессов почти исключает совместное применение средств труда; между тем при рассеянном в пространстве производстве капиталист избавляется от издержек на фабричные здания и т. п.³²⁾ Надо заметить, однако, что положение и этих частичных рабочих, которые работают у себя на дому, но не на себя, а на капиталиста (*fabricant, établisseur*), совершенно отлично от положения самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков³³⁾.

Другой род мануфактуры, ее законченная форма, производит продукты, которые проходят связные фазы развития, последовательный ряд процессов; такова, например, мануфактура иголок, в которой проволока проходит через руки 72 и даже 92 специфических частичных рабочих.

Поскольку такая мануфактура комбинирует первоначально разрозненные ремесла, она уменьшает пространство, которым разделяются отдельные фазы производства продукта. Сокращается время, необходимое на переход продукта от одной стадии в другую, равно как и труд, затрачиваемый на эти переходы³⁴⁾. Тем самым достигается большая производительная сила по сравнению с ремеслом, причем ее рост вытекает из общего кооперативного характера мануфактуры. С другой стороны, присущий мануфактуре принцип разделения труда приводит к изолированию раз-

³²⁾ Женеве в 1854 г. произвела 80 000 часов, что составляет менее одной пятой часового производства кантона Невшатель. Только Шо-де-Фон, который можно рассматривать как одну часовую мануфактуру, производит в год вдвое больше, чем Женеве. С 1850 по 1861 г. Женеве изготовила 720 000 часов. См. «Report from Geneva on the Watch Trade» в «Reports by H. M's Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc.», № 6, 1863. Если независимость отдельных процессов, на которые распадается производство сложного продукта, уже сама по себе крайне затрудняет превращение таких мануфактур в машинное производство крупной промышленности, то в производстве часов дополнительно сказываются еще два специальных препятствия: мелкие размеры и деликатность составных элементов и то обстоятельство, что часы как предмет роскоши характеризуются чрезвычайным разнообразием форм. Лучшие лондонские фирмы в течение целого года едва ли производят дюжину одинаковых часов. Часовая фабрика Вашрон и Константен, с успехом применяющая машины, выпускает самое большее 3—4 вариации часов по величине и форме.

³³⁾ На производстве часов, этом классическом примере гетерогенной мануфактуры, особенно удобно изучать упомянутое выше разложение ремесленной деятельности и вытекающую из него дифференциацию и специализацию рабочих инструментов.

³⁴⁾ «При таком тесном расположении людей труд перевозка должен быть наименьший» («The Advantages of the East-India Trade», p. 106).

личных фаз производства, которые обособляются друг от друга в виде соответственного количества самостоятельных частичных работ ремесленного характера. Установление и поддержание связи между изолированными функциями вызывает необходимость постоянных перемещений продукта из одних рук в другие, из одного процесса в другой. С точки зрения крупной промышленности это обстоятельство выступает как характерная, повышающая издержки и имманентная самому принципу мануфактуры ограниченность³⁵⁾.

Если мы рассмотрим определенное количество сырого материала, например тряпья на бумажной мануфактуре или проволоки на игольной мануфактуре, то окажется, что оно проходит в руках различных частичных рабочих ряд следующих друг за другом во времени фаз производства, пока продукт не примет своей окончательной формы. Но если мы будем рассматривать мастерскую как один совокупный механизм, то окажется, что сырой материал одновременно находится во всех фазах производства. Составленный из частичных рабочих совокупный рабочий одной частью своих многочисленных рук, вооруженных инструментами, тянет проволоку, между тем как другие его руки и инструменты в то же время выпрямляют эту проволоку, режут ее, заостряют концы и т. д. Последовательное расположение отдельных стадий процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга. В результате в данный промежуток времени получается больше готового товара³⁶⁾. Хотя эта одновременность вытекает из общей кооперативной формы совокупного процесса, тем не менее мануфактура не только находит в готовом виде условия кооперации, но отчасти создает их сама, разлагая ремесленную деятельность на составные элементы. С другой стороны, она достигает этой общественной организации процесса труда, лишь приковывая рабочего к одной и той же детали.

Так как частичный продукт каждого частичного рабочего является в то же время лишь определенной ступенью развития одного и того же продукта, то один рабочий доставляет другому или одна группа рабочих — другой их сырой материал. Результат труда одного образует исходный пункт труда другого. Таким

³⁵⁾ «Изолирование различных стадий производства, через которые продукт проходит в мануфактуре, неизбежное при употреблении ручного труда, чрезвычайно увеличивает издержки производства, причем потеря происходит главным образом вследствие перемещения от одного процесса к другому» («The Industry of Nations». London, 1855, Part II, p. 200).

³⁶⁾ «Оно» (разделение труда) «создает также экономию времени, разделяя труд на различные операции, каждая из которых может выполняться одновременно... Благодаря выполнению сразу всех различных процессов труда, которые отдельный человек должен был бы совершать последовательно один за другим, создается, например, возможность произвести множество совершенно законченных булавок в течение такого времени, какое в противном случае необходимо лишь для того, чтобы обрезать или заковать одну булавку» (Dugald Stewart, цит. соч., стр. 319).

образом здесь один рабочий непосредственно дает занятия другим. Рабочее время, необходимое для достижения намеченного полезного результата в каждом частичном процессе, устанавливается опытом, и совокупный механизм мануфактуры покоится на том условии, что в данное рабочее время должен быть достигнут данный результат. Лишь при этом условии различные, дополняющие друг друга процессы труда могут совершаться непрерывно, один рядом с другими во времени и в пространстве. Очевидно, что эта непосредственная взаимная зависимость отдельных работ, а следовательно, и рабочих, вынуждает каждого из них употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего создаются совершенно иные, чем в самостоятельном ремесле и даже в простой кооперации, непрерывность, единообразие, регулярность, порядок ³⁷⁾ и, в особенности, интенсивность труда. То, что на изготовление товара должно быть затрачено лишь общественно необходимое рабочее время, при товарном производстве вообще выступает как внешнее принуждение конкуренции, ибо, выражаясь поверхностно, каждый отдельный производитель должен продавать свой товар по рыночной цене. Между тем в мануфактуре изготовление данного количества продукта в течение данного рабочего времени становится техническим законом самого процесса производства ³⁸⁾.

Однако различные операции требуют неодинакового времени и потому в равные промежутки времени дают различные количества частичных продуктов. Следовательно, если каждый рабочий должен изо дня в день совершать постоянно одну и ту же операцию, то для различных операций необходимо различное число рабочих, например в словолитной мануфактуре на 4 литейщиков требуется 2 отбивальщика и один полировщик, так как литейщик отливает в час 2 000 букв, отбивальщик отбивает 4 000 букв, а полировщик полирует 8 000. Здесь принцип кооперации возвращается к своей простейшей форме: к одновременному применению труда многих людей, выполняющих однородную работу; но теперь принцип этот выражает собой известное органическое отношение. Таким образом, мануфактурное разделение труда не только упрощает и разнообразит качественно различные органы общественного совокупного рабочего, но и создает прочные математические пропорции для количественных размеров этих органов, т. е. для относительного числа рабочих или относительной величины рабочих групп в каждой специальной функции. Вместе

³⁷⁾ «Чем больше разнообразия среди работников мануфактуры... тем больше порядок и регулярность каждой работы, тем меньше количество затрачиваемого на нее времени и труда» («The Advantages of the East-India Trade». London, 1720, p. 68).

³⁸⁾ Впрочем, во многих отраслях производства этот результат достигается мануфактурными предприятиями лишь несовершенно, так как мануфактура не в состоянии точно контролировать общие химические и физические условия производственного процесса.

с качественным расчленением оно развивает количественные нормы и пропорции общественного процесса труда.

Раз для определенного производства опытом установлено наиболее целесообразное числовое отношение между различными группами частичных рабочих, то расширить масштаб производства возможно лишь, взяв кратное от числа рабочих каждой из этих отдельных групп ³⁹⁾. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что известные работы один и тот же индивидуум может исполнять одинаково легко, совершаются ли они в больших или в малых размерах; таковы, например, труд высшего надзора, перемещение частичных продуктов из одной фазы производства в другую и т. д. Выделение этих работ в самостоятельные функции, выполняемые специальными рабочими, выгодно поэтому лишь при увеличении числа занятых в производстве рабочих, но такое увеличение должно одновременно затронуть все группы в той же самой пропорции.

Каждая отдельная группа, известное число рабочих, выполняющих одну и ту же частичную функцию, состоит из однородных элементов и образует особый орган совокупного механизма. Однако в некоторых мануфактурах сами такие группы являют собой расчлененное рабочее тело, тогда как совокупный механизм образуется путем повторения или умножения этих элементарных производительных организмов. Возьмем для примера мануфактуру бутылок. Она распадается на три существенно различных фазы. Во-первых, подготовительная фаза: приготовление шихты — смеси из песка, извести и т. д. — и переплавка этой смеси в жидкую стеклянную массу ⁴⁰⁾. В этой первой, равно как и в заключительной фазе — удаление бутылок из печи для обжига, их сортировка, упаковка и т. п. — заняты различные частичные рабочие. Между этими двумя фазами находится собственно стекольное производство, т. е. переработка жидкой стеклянной массы. У отверстия одной и той же печи работает целая группа, называемая в Англии «hole» (окно) и состоящая из одного bottle maker [бутылочника] или finisher [отделочника], одного blower [выдувальщика], одного gatherer [баночника], одного putter up [откладчика] или whetter off [отшибальщика] и одного taker in [относчика]. Эти пять частичных рабочих образуют пять особых органов единого рабочего тела, которое может функционировать лишь в целом, т. е. лишь как непосредственная кооперация пяти

³⁹⁾ «Раз опыт, сообразно особой природе продукта каждой данной мануфактуры, показал, на сколько частичных операций всего выгоднее разделить процесс производства и какое число рабочих требуется для каждой операции, то все те предприятия, которые не придерживаются точно кратного этих установленных опытом чисел, будут производить с большими издержками... Такова одна из причин колоссального расширения промышленных предприятий». (Ch. Babbage. «On the Economy of Machinery». London, 1832, ch. XXI, p. 172, 173).

⁴⁰⁾ В Англии плавильная печь отделена от стекольной печи, где обрабатывается стекло, а, например, в Бельгии одна и та же печь служит для обоих процессов.

человек. Все тело парализовано, если не хватает одного из его пяти членов. Но одна и та же стекольная печь имеет несколько отверстий, — в Англии, например, от 4 до 6, — при каждом из них имеется огнеупорный плавильный тигель с жидким стеклом, и у каждого тигля работает своя пятичленная группа рабочих. Расчленение каждой отдельной группы поκειται здесь непосредственно на разделении труда, тогда как союз между различными однородными группами представляет собой простую кооперацию, при которой благодаря совместному потреблению более экономно используется одно из средств производства, в данном случае стекольная печь. Каждая такая стекольная печь с ее 4—6 группами образует как бы самостоятельную мастерскую для выделки стекла, а стекольная мануфактура охватывает несколько мастерских подобного рода вместе с приспособлениями и рабочими для начальных и заключительных фаз производства.

Наконец, мануфактура, подобно тому, как сама она отчасти возникает из комбинации различных ремесел, может, в свою очередь, развиться в комбинацию различных мануфактур. Так, например, в Англии крупные стекольные предприятия сами изготовляют для себя огнеупорные плавильные тигли, так как от качества последних существенно зависит, насколько удачным или неудачным будет продукт. Мануфактура средства производства связана здесь с мануфактурой продукта. Наоборот, мануфактура продукта может быть связана с мануфактурами, для которых данный продукт сам служит сырым материалом или соединяется впоследствии с продуктами этих мануфактур. Так, например, мануфактура флинтгласа соединяется иногда с мануфактурой шлифования стекла и с латунно-литейной мануфактурой, которая служит для изготовления металлических оправ к различным стеклянным предметам. В этом случае соединенные друг с другом различные мануфактуры образуют более или менее пространственно обособленные отделы одной совокупной мануфактуры и в то же время не зависимые друг от друга процессы производства — каждый со своим собственным разделением труда. Несмотря на некоторые преимущества комбинированной мануфактуры, она не достигает, на собственной основе, подлинного технического единства. Это единство возникает лишь при превращении мануфактуры в машинное производство.

Мануфактурный период, быстро провозгласивший уменьшение рабочего времени, необходимого для производства товаров, своим сознательным принципом⁴¹⁾, спорадически развивает также употребление машин, особенно при некоторых простых подготовительных процессах, требующих большого количества людей и

⁴¹⁾ Это явствует, между прочим, из работ У. Петти, Джона Беллеса, Эндрю Яррантона, из книги «The Advantages of the East-India Trade» и работ Дж. Вандерлипта.

большой затраты силы. Так, например, в бумажной мануфактуре скоро стали сооружать особые мельницы для перемалывания тряпок, а в металлургии — толчеи для дробления руды⁴²⁾. Машина в ее элементарной форме завещана была еще Римской империей в виде водяной мельницы⁴³⁾. Ремесленный период также оставил нам великие открытия: компас, порох, книгопечатание и автоматические часы. Но и после этого машина в общем и целом все же продолжает играть ту второстепенную роль, которую отводит ей Адам Смит рядом с разделением труда⁴⁴⁾. Очень важную роль сыграло спорадическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики.

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, предъявляют к нему разные требования. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если, таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, на которой произрастает разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, коль скоро она введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. Совокупный рабочий обладает теперь всеми производственными качествами в одинаковой степени виртуозности и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или

⁴²⁾ Еще в конце XVI столетия во Франции для размельчения и промывания руды употреблялись ступка и решето.

⁴³⁾ Вся история развития машин может быть прослежена на истории развития мукомольных мельниц. По-английски фабрика еще до сих пор называется mill [мельница]. В немецких сочинениях по технологии в первые десятилетия XIX века мы также встречаем слово Mühle [мельница] для обозначения не только машин, приводимых в движение силами природы, но и вообще всякой мануфактуры, применяющей механические аппараты.

⁴⁴⁾ Как увидит читатель из четвертой книги этой работы, А. Смит не выставил ни одного нового положения относительно разделения труда. Что характеризует его как обобщающего экономиста мануфактурного периода, так это то ударение, которое он делает на разделении труда. С развитием крупной промышленности его взгляд, согласно которому машинам отводилась лишь подчиненная роль, вызвал возражение со стороны Лодерделя, а в позднейшую эпоху со стороны Юра. А. Смит смешивает кроме того дифференцирование инструментов, в котором крупную роль играли сами частичные рабочие мануфактуры, с изобретением машин. В этой последней области сыграли роль не мануфактурные рабочие, а ученые, ремесленники, даже крестьяне (Бриндли) и так далее.

особой группе рабочих, он применяет исключительно для отправления его специфической функции⁴⁵⁾. Односторонность и даже неполноценность частичного рабочего становится его достоинством, коль скоро он выступает как орган совокупного рабочего⁴⁶⁾. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины⁴⁷⁾.

Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, более низкого или более высокого порядка, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в весьма различной степени образования и обладают поэтому весьма различной стоимостью. Таким образом, мануфактура развивает иерархию рабочих сил, которой соответствует шкала заработных плат. Если, с одной стороны, индивидуальный рабочий приспособляется к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь, то, с другой стороны, различные трудовые операции в такой же мере приспособляются к этой иерархии естественных и приобретенных способностей⁴⁸⁾. Между тем каждый производственный процесс требует известных простых действий, одинаково доступных каждому человеку. И такие действия порывают теперь свою непрочную связь с более содержательными моментами деятельности и окостеневают в виде исключительных функций.

Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которые строго исключались ремесленным производством. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность

⁴⁵⁾ «Так как в мануфактуре работа разделяется на несколько различных операций, из которых каждая требует различной степени искусства и силы, то владелец мануфактуры может обеспечить себя как раз необходимым для каждой операции количеством силы и искусства. А если бы весь процесс изготовления продукта выполнялся одним рабочим, то один и тот же индивидуум должен был бы обладать достаточным искусством для самых деликатных и достаточной силой для самых тяжелых операций» (*Ch. Babbage*, цит. соч., гл. XIX).

⁴⁶⁾ Например, одностороннее развитие мускулов, искривление костей и т. п.

⁴⁷⁾ Г-н У. Маршалл, главный управляющий одной стекольной мануфактуры, очень хорошо ответил на вопрос члена следственной комиссии, каким образом поддерживается интенсивность труда рабочих-подростков: «Они не могут пренебречь своим делом; раз они начали, они должны продолжать; они являются как бы частями одной и той же машины» (*Children's Employment Commission. Fourth Report*, 1865, p. 247).

⁴⁸⁾ Д-р Юр в своем апофеозе крупной промышленности острее подмечает специфический характер мануфактуры, чем прежние экономисты, у которых не было полемического интереса, и даже острее, чем его современники, например Баббедж, который превосходил Юра как математик и механик, однако крупную промышленность рассматривал, собственно говоря, только с мануфактурной точки зрения. Юр замечает: «При способности рабочего к каждой частичной операции составляет сущность разделения труда». С другой стороны, он называет это разделение «приспособлением работ к различным индивидуальным способностям» и характеризует, наконец, всю мануфактурную систему как «систему градации по степени искусства», как «разделение труда на различных степенях искусства» и т. д. (*Ure. Philosophy of Manufactures*, p. 19—23, passim).

отсутствие всякого развития. Наряду с иерархическими ступенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы ⁴⁹⁾. Исключения наблюдаются в том случае, когда разложение процесса труда создает новые связанные функции, которые в ремесленном производстве или вовсе не имели места, или имели место в ограниченном размере. Относительное обесценение рабочей силы, являющееся результатом устранения или понижения издержек обучения, непосредственно означает более значительное возрастание капитала, потому что все, что сокращает время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, расширяет область прибавочного труда.

4. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ВНУТРИ МАНУФАКТУРЫ И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ВНУТРИ ОБЩЕСТВА

Мы рассмотрели сначала происхождение мануфактуры, затем ее простые элементы — частичного рабочего и его орудие, — наконец, ее механизм в целом. Коснемся теперь вкратце отношения между мануфактурным разделением труда и общественным разделением труда, которое составляет общее основание всякого товарного производства.

Если иметь в виду лишь самый труд, то разделение общественного производства на его крупные роды, каковы земледелие, промышленность и т. д., можно назвать общим [im Allgemeinen] разделением труда, распадение этих родов производства на виды и подвиды — частным [im Besonderen] разделением труда, а разделение труда внутри мастерской — единичным [im Einzelnen] разделением труда ⁵⁰⁾.

Разделение труда внутри общества и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные ис-

⁴⁹⁾ «Каждый профессиональный рабочий... получая возможность совершенствоваться путем упражнений в одном направлении... становится более дешевым» (*Ure*, «*Philosophy of Manufactures*», p. 19).

⁵⁰⁾ «Разделение труда, начинаясь обособлением разнообразнейших профессий, идет вплоть до такого разделения, когда разделяются рабочие, занятые изготовлением одного и того же продукта, что имеет место в мануфактуре» (*Storch*, «*Cours d'Économie Politique*», парижское издание, т. I, стр. 173). «У народов, достигших известной ступени цивилизации, мы находим три рода разделения труда: первый, который мы назовем общим, сводится к разделению производителей на земледельцев, промышленников и торговцев — это разделение соответствует трем основным отраслям национального производства; второй, который можно было бы назвать специальным, есть разделение каждого рода производства на виды... Наконец, третий род разделения производства, который можно было бы назвать разделением работы или труда в собственном смысле, имеет место в пределах отдельных ремесел или профессий... имеет место в большинстве мануфактур и мастерских» (*Skarbek*, цит. соч., стр. 84, 85).

ходные точки развития. В пределах семьи ^{50a)} — а с дальнейшим развитием в пределах рода — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим. С другой стороны, как я уже отметил раньше, обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы. Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связанного целого раздвигаются, разлагаются, — причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами, — и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами посредством обмена их продуктов в качестве товаров. В одном случае утрачивает самостоятельность то, что раньше было самостоятельным, в другом случае приобретает самостоятельность раньше несамостоятельное.

Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни ⁵¹⁾. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется

^{50a)} (Примечание к 3 изданию. Более поздние весьма основательные исследования первобытного состояния человечества привели автора к выводу, что первоначально не семья развивалась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов. Ф. Э.)

⁵¹⁾ Сэр Джеймс Стюарт лучше других осветил этот пункт. Насколько мало известно в настоящее время его труд, появившийся десятью годами раньше «Wealth of Nations» Адама Смита, видно, между прочим, из того, что почитатели Мальтуса не знают даже, что первое издание его работы о «народонаселении», если оставить в стороне ее чисто декламаторскую часть, почти целиком списано у Стюарта, а также у попов Уоллеса и Таунсенда.

в движении этой противоположности, на которой мы не будем, однако, здесь более останавливаться.

Если для разделения труда внутри мануфактуры материальной предпосылкой является определенная численность одновременно занятых рабочих, то для разделения труда внутри общества такой предпосылкой являются численность населения и его плотность, которые здесь играют ту же роль, какую играет скопление людей в одной и той же мастерской⁵²⁾. Но эта плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты Американского союза населены плотнее, чем, например, Индия⁵³⁾.

Так как товарное производство и товарное обращение являются общей предпосылкой капиталистического способа производства, то мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Напротив, путем обратного воздействия мануфактурное разделение труда развивает и расширяет общественное разделение труда. По мере дифференцирования орудий труда все более и более дифференцируются и те отрасли производства, в которых эти орудия изготовляются⁵⁴⁾. Когда мануфактурное производство распространяется на какую-либо отрасль промышленности, которая до сих пор была связана с другими как главная или побочная и осуществлялась одним и тем же производителем, то немедленно происходит разделение и взаимное обособление. Если мануфактура овладевает отдельной ступенью производства данного товара, то различные ступени его производства становятся самостоятельными промыслами. Выше уже было указано, что там, где готовый продукт представляет собой чисто механическое соединение частичных продуктов, частичные работы могут, в свою очередь, обособиться в отдельные ремесла. Для того чтобы полнее провести разделение труда внутри мануфактуры, одна и та же отрасль производства делится, — в зависимости от различия ее сырья и различных форм, которые может принимать одно и то же сырье, — на различные и притом иногда совершенно новые мануфактуры. Так, в одной только Франции уже

⁵²⁾ «Требуется известная плотность населения как для того, чтобы могли развиваться социальные сношения, так и для того, чтобы создалась такая комбинация сил, при которой возрастает производительность труда» (*James Mill. «Elements of Political Economy»*. London, 1821, p. 50). «Когда возрастает число рабочих... производительная сила общества увеличивается пропорционально результату умножения этого роста на эффект разделения труда» (*Th. Hodgskin. «Popular Political Economy»*, p. 120).

⁵³⁾ С 1861 г. вследствие большого спроса на хлопок в некоторых сильно населенных районах Ост-Индии расширилось производство хлопка за счет производства риса. Местами возник голод, так как из-за недостаточности средств сообщения и вследствие этого недостаточной физической связи недопроизводство риса в одном районе не могло быть восполнено подвозом его из других районов.

⁵⁴⁾ Так, например, в Голландии производство ткацких челноков уже в XVII столетии составляло особую отрасль промышленности.

в первой половине XVIII столетия ткалось более 100 видов разнообразных шелковых материй, а в Абиньоне, например, существовал закон, согласно которому «каждый ученик должен всецело посвящать себя изучению одного вида производства и не изучать одновременно способов изготовления нескольких продуктов».

Территориальное разделение труда, закрепляющее определенные отрасли производства за определенными районами страны, получает новый толчок благодаря мануфактурному производству, эксплуатирующему всякого рода особенности⁵⁵⁾. В мануфактурный период богатый материал разделению труда внутри общества доставляется расширением мирового рынка и колониальной системой, которые входят в круг общих условий существования мануфактурного периода. Здесь не место исследовать, каким образом разделение труда наряду с экономической областью охватывает все другие сферы общества и везде закладывает основу того узкого профессионализма и специализации, того раздробления человека, по поводу которого уже А. Фергюсон, учитель А. Смита, воскликнул: «Мы — нация илотов, и между нами нет свободных людей!»⁵⁶⁾.

Однако, несмотря на многочисленные аналогии и связь между разделением труда внутри общества и разделением труда внутри мастерской, оба эти типа различны между собой не только по степени, но и по существу. Аналогия кажется наиболее бесспорной там, где внутренняя связь охватывает различные отрасли производства. Так, например, скотовод производит шкуры, кожевник превращает их в кожи, сапожник превращает кожу в сапоги. Каждый производит здесь лишь полуфабрикат, а окончательный, готовый предмет есть комбинированный продукт этих отдельных работ. Сюда присоединяются еще различные отрасли труда, доставляющие скотоводу, кожевнику и сапожнику их средства производства. Можно вообразить, подобно А. Смигу, будто это общественное разделение труда отличается от мануфактурного лишь субъективно, только для наблюдателя, который в мануфактуре одним взглядом охватывает различные частичные работы объединенные пространственно, тогда как в общественном производстве связь эта затемняется благодаря разбросанности его отдельных отраслей на значительном пространстве и благодаря большому числу рабочих, занятых в каждой отрасли⁵⁷⁾. Но что

⁵⁵⁾ «Разве английская шерстяная промышленность не разделена на различные части или отрасли, закрепившиеся в определенных местах, где все производство сводится целиком или преимущественно к этим отраслям: тонкие сукна производятся в Сомерсетшире, грубые — в Йоркшире, двойной ширины — в Эксетере, шелк — в Садбери, креп — в Нордиче, полушерстяные материи — в Кендале, одеяла — в Уитни и т. д.» (*Berkeley's The Querist*, 1750, § 520).

⁵⁶⁾ A. Ferguson, «History of Civil Society». Edinburgh, 1767, Part IV, sect. II, p. 285.

⁵⁷⁾ В собственно мануфактурах, говорит он, разделение труда кажется более значительным, так как «здесь рабочие, занятые в каждой из различных отраслей труда, зачастую могут быть объединены в одной и той же мастерской и таким образом во

устанавливает связь между независимыми работами скотовода, кожевника и сапожника? Бытие их продуктов в качестве товаров. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит товара⁵⁸⁾. Лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар^{58a)}. Разделение труда внутри общества опосредствуется куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь же между частичными работами внутри мануфактуры опосредствуется продажей различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу. Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими не зависимыми друг от друга товаропроизводителями. Если в мануфактуре железный закон количественных отношений или пропорциональности подчиняет определенные рабочие массы определенным функциям, то на распределение товаропроизводителей и их средств производства между различными общественными отраслями труда оказывает влияние игра случая и произвол. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что, с од-

разу охватываются взглядом наблюдателя. Наоборот, в таких больших мануфактурах (!), которые имеют своим назначением удовлетворять обширные потребности многочисленного населения, каждая отдельная отрасль труда занимает столь значительное число рабочих, что невозможно объединить их всех в одной и той же мастерской... разделение труда далеко не так резко бросается в глаза» (*A. Smith. «Wealth of Nations», b. I, ch. 1*). Знаменитое место той же самой главы, которое начинается словами: «Взгляните на жизненные удобства, выпадающие на долю простого ремесленника или поденщика цивилизованной и цветущей страны...» и в котором расписывается затем, сколь многочисленные отрасли производства объединяют свои усилия для удовлетворения потребностей простого рабочего, — место это почти буквально списано из примечаний к работе Б. Магвейла «*Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits*» (первое издание без примечаний вышло в 1705 г., с примечаниями — в 1714 г.).

⁵⁸⁾ «Здесь уже нет более ничего, что можно было бы назвать естественным вознаграждением индивидуального труда. Каждый рабочий производит лишь часть целого, и так как каждая часть не имеет сама по себе никакой ценности или полезности, то здесь нет ничего такого, что рабочий мог бы взять и сказать: «Это мой продукт, это я сохранил для себя»» («*Labour Defended against the Claims of Capital*». London, 1825, p. 25). Автором этой превосходной работы является цитированный выше Т. Годсини.

^{58a)} *Примечание к 2 изданию.* Это различие между общественным и мануфактурным разделением труда было для янки практически проиллюстрировано. Одним из новых налогов, придуманных в Вашингтоне во время Гражданской войны, был акциз в 6% на «все промышленные продукты». Но вот вопрос: что такое промышленный продукт? Законодатель отвечает: всякая вещь есть продукт, «раз она сделана» (*when it is made*), а она сделана, раз она готова для продажи. Вот один из многих примеров. Мануфактуры Нью-Йорка и Филадельфии в прошлом «делали» зонтики со всеми их принадлежностями. Но так как зонтик есть *mixtum compositum* [соединение] совершенно разнородных составных частей, то мало-помалу изготовление последних стало предметом особых отраслей производства, не зависящих друг от друга и расположенных в различных местах. Их частичные продукты входили в качестве самостоятельных товаров в мануфактуру зонтиков, которая лишь соединяет вместе их составные части. Янки называли такого рода продукты *assembled articles* (сборными изделиями), и это название они действительно заслужили как сборные пункты для налогов. Так, зонтик «собирает» 6% налога на цену каждого из своих элементов и еще 6% на цену готового продукта.

ной стороны, каждый товаропроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности, — причем размеры этих потребностей количественно различны и различные потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему, — с другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени общество в состоянии затратить на производство каждого данного вида товара. Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию является лишь реакцией против постоянного нарушения этого равновесия. Правило, действующее при разделении труда внутри мастерской *a priori* [заранее] и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь *a posteriori* [задним числом], как внутренняя, слепая естественная необходимость, преодолевающая беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимаемая только в виде барометрических колебаний рыночных цен. Мануфактурное разделение труда предполагает безусловную власть капиталиста над людьми, которые образуют простые звенья принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов, — подобно тому как в мире животных *bellum omnium contra omnes*¹²⁶ есть в большей или меньшей степени условие существования всех видов. Поэтому буржуазное сознание, которым мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение капиталу частичного рабочего прославляется как организация труда, повышающая его производительную силу, — это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику.

Если анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства, то, наоборот, более ранние формы общества, в которых обособление ремесел естественно развивается, затем кристаллизуется и, наконец, закрепляется законом, представляют, с одной стороны, картину планомерной и авторитарной организации общественного труда, с другой стороны — совсем исключают разделение труда внутри мастерской или

развивают его в карликовом масштабе, или же лишь спорадически и случайно⁵⁹⁾.

Так, например, первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины служит готовым планом и схемой. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому само производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое опосредствуется обменом товаров. Только избыток продукта превращается в товар, притом отчасти лишь в руках государства, к которому с незапамятных времен притекает определенное количество продукта в виде натуральной ренты. В различных частях Индии встречаются различные формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно и продукт делится между членами общины, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского и сборщика податей; бухгалтера, ведущего учет в земледелии и кадастр; третьего чиновника, который преследует преступников, охраняет иностранных путешественников и сопровождает их от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы общины от посягательства соседних общин; надсмотрщика за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, на песке обучающего детей общины читать и писать; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия: горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цирюльника; прачечника, стирающего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах замещает серебряных дел мастера, а в других — школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины. Если население возрастает, на невозделанной

⁵⁹⁾ «Можно... установить в качестве общего правила, что чем менее власть руководит разделением труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее оно там подчиняется власти одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда власть в мастерской и власть в обществе обратно пропорциональны друг другу» (*Карл Маркс. «Нищета философии»*. Париж, 1847, стр. 130, 131 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 154]).

земле основывается новая община по образцу старой. Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немыслимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д.⁶⁰⁾ Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной силой закона природы: каждый отдельный ремесленник, например кузнец и т. д., выполняет все относящиеся к его профессии операции традиционным способом, однако совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакой власти в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем⁶¹⁾, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики.

Как уже было отмечено, цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению его в капиталиста. Равным образом мастер мог использовать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной формы капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызвали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду со старыми основывались новые цехи, однако без объединения различных ремесел в одной и той же мастерской. Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие ремесел цеховой организацией послужило материальной предпосылкой мануфактурного

⁶⁰⁾ *Mark Wilks*, Lieutenant Colonel. «Historical Sketches of the South of India». London, 1810—1817, v. I, p. 118—120. Хорошее описание различных форм индийских общин можно найти в работе: *George Campbell*. «Modern India». London, 1852.

⁶¹⁾ «В этих простых формах... протекала с незапамятных времен жизнь обитателей страны. Границы отдельных деревень изменялись редко; и хотя сами деревни порой разорялись и даже окончательно опустошались войной, голодом или эпидемиями, тем не менее они восстанавливались вновь под тем же самым названием, в тех же самых границах, с теми же интересами и даже с теми же самыми семьями и продолжали существовать целые века. Крушение или разделение государства мало беспокоит обитателей деревни; раз деревня осталась цела, им безразлично, под чью власть она попала, какому суверену должна подчиниться; их внутренняя экономическая жизнь остается неизменной» (*Th. Stamford Raffles*, late Lieut. Gov. of Java. «The History of Java». London, 1817, v. I, p. 285).

периода, тем не менее сама цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, недоставало первой основы мануфактуры: обособления средств производства в качестве капитала, противостоящего рабочему.

В то время как разделение труда в целом обществе — независимо от того, опосредствовано оно товарообменом или нет — свойственно самым различным общественно-экономическим формациям, мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства.

5. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МАНУФАКТУРЫ

Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала образует естественный исходный пункт как кооперации вообще, так и мануфактуры. В свою очередь мануфактурное разделение труда делает численный рост применяемых рабочих технической необходимостью. Теперь минимум рабочих, которых должен применять отдельный капиталист, предписывается наличным разделением труда. С другой стороны, выгоды дальнейшего разделения труда обусловлены новым увеличением числа рабочих, которое осуществимо лишь таким способом, что сразу увеличиваются в определенных пропорциях все производственные группы данной мастерской. Но вместе с переменной составной частью капитала должна возрастать и постоянная его часть, причем наряду с увеличением общих условий производства — зданий, печей и т. д., должно увеличиваться, — и гораздо быстрее увеличения числа рабочих, — количество сырого материала. Масса сырых материалов, потребляемых в течение данного промежутка времени данным количеством рабочих, увеличивается пропорционально росту производительной силы труда вследствие его разделения. Таким образом, рост минимальной суммы капитала, необходимого для отдельного капиталиста, или растущее превращение общественных жизненных средств и средств производства в капитал есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры⁶²⁾.

62) «Еще недостаточно того, чтобы в обществе имелся капитал» (следовало сказать: жизненные средства и средства производства), «необходимый для данного подразделения ремесел; необходимо, кроме того, чтобы капитал этот скопился в руках предпринимателей в достаточно значительных массах, позволяющих вести производство в крупном масштабе... По мере того как развивается разделение труда, неизменное число занятых рабочих требует все более и более значительных затрат капитала в виде орудий, сырых материалов и т. д.» (*Storch*. «Cours d'Economie Politique», парижское издание, т. I, стр. 250, 251). «Концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы друг от друга, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и расхождение частных интересов» (*Карл Маркс*. «Нищета философии». Париж, 1847, стр. 134 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 156]).

В мануфактуре, как и в простой кооперации, функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала. Общественный производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется производительной силой капитала. Мануфактура в собственном смысле не только подчиняет самостоятельного прежде рабочего команде и дисциплине капитала, но создает кроме того иерархическое расчленение самих рабочих. В то время как простая кооперация оставляет способ труда отдельных лиц в общем и целом неизменным, мануфактура революционизирует его снизу доверху и поражает индивидуальную рабочую силу в самом ее корне. Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований, подобно тому как в Аргентине убивают животное для того, чтобы получить его шкуру или его сало. Не только отдельные частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы⁶³⁾, и таким образом осуществляется пошлая басня Менения Агриппы¹²⁷⁾, которая изображает человека в виде части его собственного тела⁶⁴⁾. Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу потому, что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь сама его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не запродана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Ставший неспособным делать что-либо самостоятельное, мануфактурный рабочий развивает производительную деятельность уже только как принадлежность мастерской капиталиста⁶⁵⁾. Как на челе избранного народа было начертано, что он — собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала.

Познания, рассудительность и воля, которые, пусть даже в незначительных масштабах, развивает самостоятельный крестьян-

⁶³⁾ Дагалд Стюарт называет мануфактурных рабочих «живыми автоматами... употребляемыми для частичных трудовых операций» (*Dugald Stewart*, цит. соч., стр. 318).

⁶⁴⁾ У кораллов каждый индивидуум действительно представляет желудок всей группы. Но он доставляет группе питательные вещества, а не отнимает их, как римские патриции у плебеев.

⁶⁵⁾ «Работник, владеющий своим ремеслом во всем его объеме, может везде заниматься производительной деятельностью и добывать себе средства к существованию; наоборот, второй» (мануфактурный рабочий) «представляет собой только аксессуар, который отдельно от своих товарищей не обладает ни способностью и трудом, ни необходимостью для этого самостоятельностью, и вынужден принимать те условия, которые работодателю угодно будет ему предложить» (*Storch*. «Cours d'Economie Politique», édit. Pétersbourg, 1815, t. I, p. 204).

нин или ремесленник, — подобно тому как у дикаря все его военное искусство проявляется как личная хитрость, — требуются здесь только от всей мастерской в целом. Духовные потенции производства расширяют свой масштаб на одной стороне потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале⁶⁶⁾. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила. Этот процесс отделения начинается в простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет единство и волю общественного трудового организма. Он развивается далее в мануфактуре, которая уродует рабочего, превращая его в частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу⁶⁷⁾.

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производственными силами.

«Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила размышления и воображения подвержена ошибкам; но привычка двигать рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди»⁶⁸⁾.

И в самом деле, в середине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для выполнения некоторых простых операций, составляющих, однако, фабричную тайну⁶⁹⁾.

«...Умственные способности и развитие большей части людей», — говорит А. Смит, — «необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо».

Обрисовав тупость частичного рабочего, А. Смит продолжает:

«Однообразие его неподвижной жизни естественно подрывает мужество его характера... Оно ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным

⁶⁶⁾ A. Ferguson, цит. соч., стр. 281: «Один выиграл то, что потерял другой».

⁶⁷⁾ «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделяться от труда и выступить против него враждебно» (W. Thompson. «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London, 1824, p. 274).

⁶⁸⁾ A. Ferguson, цит. соч., стр. 280.

⁶⁹⁾ J. D. Tuckett. «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». London, 1846, v. I, p. 148.

напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для иного какого-либо занятия, кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки (*the labouring poor*), т. е. основная масса народа» ⁷⁰⁾.

Чтобы предотвратить полное захирение этой основной массы народа, проистекающее из разделения труда, А. Смит рекомендует государственную организацию народного образования, впрочем, в самых осторожных, гомеопатических дозах. Вполне последовательно выступает против этого его французский переводчик и комментатор Гарнье, который при Первой империи естественно превратился в сенатора. Народное образование противоречит, по его мнению, основным законам разделения труда; организацией народного образования мы

«обрекли бы на уничтожение всю нашу общественную систему». «Отделение физического труда от умственного» ⁷¹⁾, — говорит он, — «как и всякое иное разделение труда, становится все более глубоким и решительным по мере того, как богатеет общество» (он правильно употребляет это выражение для обозначения капитала, земельной собственности и их государства). «Это разделение труда, как и всякое другое, является результатом предшествующего и причиной грядущего прогресса... Неужели же правительство должно противодействовать этому разделению труда и задерживать его естественный ход? Неужели оно должно затрачивать часть государственных доходов на эксперимент, имеющий целью смешать и слутать вместе два класса труда, стремящиеся к разделению и обособлению?» ⁷²⁾

Некоторое духовное и телесное уродование неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда и так как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда поражает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии дается впервые лишь мануфактурным периодом ⁷³⁾.

⁷⁰⁾ А. Smith. «Wealth of Nations», b. V, ch. 1, art. II. Как ученик Фергюсона, который показал вредные последствия разделения труда, А. Смит имел на этот счет полную ясность. В начале своего труда, где он ex professo [специально] прославляет разделение труда, он лишь мимоходом указывает на него как на источник общественного неравенства. Лишь в пятой книге, посвященной государственным доходам, он воспроизводит Фергюсона. В «Нищете философии» я уже сказал все необходимое об исторической связи между Фергюсоном, А. Смитом, Лемонте и Сэем в критике ими разделения труда; там же я впервые представил мануфактурное разделение труда как специфическую форму капиталистического способа производства. (Карл Маркс. «Нищета философии». Париж, 1847, стр. 122 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 148—156]).

⁷¹⁾ Фергюсон уже в «History of Civil Society». Edinburgh, 1767, p. 281, говорит: «И самое мышление в этот век разделения труда становится особой профессией».

⁷²⁾ G. Garnier, том V его перевода [Смита], стр. 4—5.

⁷³⁾ Рамаццини, профессор практической медицины в Падуе, опубликовал в 1700 г. свой труд: «De morbis artificum», переведенный затем в 1777 г. на французский язык и снова напечатанный в 1841 г. в «Encyclopédie des Sciences Médicales, 7ème Division Auteurs Classiques». Период крупной промышленности, разумеется, намного увеличил его каталог

«Рассечение человека называется казнью, если он заслужил смертный приговор, убийством, если он его не заслужил. Рассечение труда есть убийство народа» ⁷⁴⁾.

Кооперация, покоящаяся на разделении труда, или мануфактура, вначале представляет собой стихийно выросшее образование. Но как только она приобретает известную устойчивость и достаточную широту распространения, она становится сознательной, планомерной и систематической формой капиталистического способа производства. История мануфактуры в собственном смысле показывает, как характерное для нее разделение труда сначала приобретает целесообразные формы чисто эмпирически, как бы за спиной действующих лиц, а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится традицией закрепить раз найденную форму и, в отдельных случаях, закрепляет ее на целые века. Если эта форма изменяется, то, — за исключением совершенно второстепенных перемен, — всегда лишь в результате революции в орудиях труда. Современная мануфактура, — я не говорю здесь о крупной промышленности, покоящейся на применении машин, — или находит свои *disjecta membra poetae* ¹³⁰ уже в готовом виде, — например мануфактура платья в тех крупных городах, где она возникает, — и ей приходится только собрать эти разрозненные члены, или же принцип разделения напрашивается сам собой, требуя просто передачи отдельных операций ремесленного производства (например в переплетном деле) особым рабочим. В таких случаях не требуется и недели опыта, чтобы найти надлежащую пропорцию между числом рук, необходимых для отправления каждой функции ⁷⁵⁾.

Мануфактурное разделение труда путем расчленения ремесленной деятельности, специализации орудий труда, образования частичных рабочих, их группировки и комбинирования в один совокупный механизм создает качественное расчленение и количественную пропорциональность общественных процессов производ-

профессиональных заболеваний рабочих. См. между прочим: «Hygiène phisique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier». Par le Dr. A. L. Fonteret, Paris, 1858, и R. H. Rohatzzsch. «Die Krankheiten, welche verschiedenen Ständen, Altern und Geschlechtern eigenthümlich sind». 6 Bände. Ulm, 1840. В 1854 г. Общество искусств и ремесел ¹²⁸ назначило комиссию по изучению промышленной патологии. Список документов, собранных этой комиссией, можно найти в каталоге Туникнского экономического музея. Очень важный материал дают официальные «Reports on Public Health». См. также: Eduard Reich, M. D. «Ueber die Entartung des Menschen». Erlangen, 1868.

⁷⁴⁾ D. Urquhart. «Familiar Words». London, 1855, p. 119. Герель придерживался очень еретических взглядов относительно разделения труда. «Под образованным человеком следует разуметь прежде всего того, кто может сделать все то, что делают другие», — говорит он в своей «Философии права» ¹²⁹.

⁷⁵⁾ Наянная вера в изобретательский гений, а priori [заранее, независимо от опыта] проявляемый отдельными капиталистами в области разделения труда, сохранилась еще только у немецких профессоров, вроде, например, г-на Рощера, который жалует капиталисту «различные заработные платы» в благодарность за то, что из юпитеровой головы последнего выскакивает в готовом виде разделение труда. Больше или меньшее разделение труда на практике зависит от величины кошелька, а не от размеров гения.

ства, т. е. создает определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда. Как специфически капиталистическая форма общественного процесса производства, — а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме, — оно есть лишь особый метод производить относительную прибавочную стоимость или усиливать за счет рабочего самовозрастание капитала, что обычно называют общественным богатством, «богатством народов» и т. д. Оно не только развивает общественную производительную силу труда для капиталиста, а не для рабочего, но и развивает ее путем уродования индивидуального рабочего. Оно производит новые условия господства капитала над трудом. Поэтому, если, с одной стороны, оно является историческим прогрессом и необходимым моментом в экономическом развитии общества, то, с другой стороны, оно есть орудие цивилизованной и утонченной эксплуатации.

Политическая экономия, которая как самостоятельная наука возникает лишь в мануфактурный период, рассматривает общественное разделение труда вообще лишь с точки зрения мануфактурного разделения труда ⁷⁶⁾ как средство с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно удешевить товары и ускорить накопление капитала. В прямую противоположность этому подчеркиванию количественной стороны дела и меновой стоимости, авторы классической древности обращают внимание исключительно на качество и на потребительную стоимость ⁷⁷⁾. Вследствие разделения общественных отраслей производства товары изготавливаются лучше, различные склонности и таланты людей избирают себе соответствующую сферу деятельности ⁷⁸⁾, а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего

⁷⁶⁾ Более ранние авторы, как, например, Петти или анонимный автор «*Advantages of the East-India Trade*» и т. д., определеннее, чем А. Смит, указывают на капиталистический характер мануфактурного разделения труда.

⁷⁷⁾ Среди авторов нового времени исключение составляют лишь некоторые авторы XVIII столетия, которые в вопросе о разделении труда ограничиваются почти исключительно повторением древних. Таковы Беккариа и Джемс Харрис. Беккариа пишет: «Каждый знает по собственному опыту, что, применяя всегда руки и ум к одинаковому роду труда и к изготовлению одних и тех же продуктов, он достигает с большей легкостью более значительных и лучших результатов... чем в том случае, если бы каждый сам изготовлял для себя необходимые вещи... Таким образом, в интересах общей и индивидуальной пользы люди разделены на различные классы и состояния» (*Cesare Beccaria. «Elementi di Economia Publica», издание Кустоди, Parte Moderna, t. XI, p. 28*). Джемс Харрис, впоследствии граф Малмсбери, известный своими «*Diaries*» [«Дневниками»] о пребывании в Петербурге в качестве посла, сам говорит в одном из примечаний к своему «*Dialogue concerning Happiness*». London, 1741 ¹³¹ (впоследствии переиздано в «*Three Treatises etc.*», 3rd ed. London, 1772): «Все доказательства естественности общества» (а именно доказательства, основанные на принципе «разделения занятий») «... взяты мной из второй книги Платона «Государство»».

⁷⁸⁾ Так, например, мы читаем в «Одиссее», песнь XIV, стих 228: «ἄλλος γὰρ τ' ἄλλοισιν ἄνθρωποι ἐπιδέχονται ἑρῆους» [«Люди не сходят: те любят одно, а другие — другое»], а Архилох у Секста Эмпирика говорит: «ἄλλος ἄλλῳ ἔλ ἑρῶν καρδίην ἰαίνεται» [«одно дело радует сердце одного, другое — другого»] ¹³².

значительного ⁷⁹⁾. Таким образом, и продукт и его производитель совершенствуются благодаря разделению труда. Если писатели классической древности и упоминают иногда о росте массы производимых продуктов, то их интересует при этом лишь обилие потребительных стоимостей. Ни одной строчки не посвящено меновой стоимости, удешевлению товаров. Точка зрения потребительной стоимости господствует как у Платона ⁸⁰⁾, который видит в разделении труда основу распада общества на сословия, так и у Ксенофонта ⁸¹⁾, который с характерным для него буржуазным инстинктом ближе подходит к принципу разделения труда внутри

⁷⁹⁾ «Πολλὴ ἡλίστατο ἔργα, καθὼς δ' ἡλίστατο λάντα» [«Много знал он дел, но каждое из них знал плохо»]. — Афинянин как производитель товаров чувствовал свое превосходство над спартацами, так как последние располагали для войны лишь людьми, а не деньгами, что Фукидид и высказывает устами Перикла в речн, призывающей афиня к Пелопоннесской войне: «σφίμασι τε ἐτοιμότεροι οἱ αὐτοῦργοι τῶν ἀνθρώπων ἢ χρημασί πολεμεῖν» [«люди, производящие для собственного потребления, скорее отладут войне свои тела, нежели деньги»] (Фукидид, кн. I, гл. 141). Тем не менее их идеалом, даже в области материального производства, была ἀνταρχία [автаркия], противоречащая разделению труда: «λαοὺν γὰρ τὸ εὖ λαοὶ τοῦτων καὶ τὸ ἀνταρχεῖν» [«откуда возникает благо, оттуда и самостоятельность»]. Необходимо при этом принять во внимание, что даже в эпоху низвержения 30 тиранов ¹³³ не насчитывалось в 5 000 афинян без земельной собственности.

⁸⁰⁾ Платон выводит разделение труда внутри общины из разносторонности потребностей и односторонности способностей индивидуумов. Основное его положение состоит в том, что работник должен приспособляться к делу, а не дело к работнику. — но последнее неизбежно, раз работник занимается несколькими профессиями сразу, т. е. выполняет ту или иную из них как побочное занятие. «Ибо дело не должно ожидать досуга производителя, но необходимо, чтобы производитель совершал свое дело прилежно, а не между прочим. — Необходимо. — Ведь каждая вещь производится легче и лучше и в большем количестве, когда человек делает лишь одно дело, соответствующее его склонностям, и в надлежащее время, свободное от всяких других занятий» («Republica», I, II, ed. Baiter, Orelli etc.). Подобные мысли мы находим и у Фукидида, кн. I, глава 142: «Морское дело есть такое же искусство, как и всякое другое, и им нельзя заниматься между прочим, как побочным занятием; скорее наоборот, оно не терпит рядом с собой никакого побочного занятия». Если дело будет дожидаться работника, говорит Платон, то зачастую критический момент производства будет упущен и продукт испорчен («ἐργον καθὼν διόλλυται»). Эту же платоновскую идею мы встречаем в протесте английских владельцев текстильной промышленности против того параграфа фабричного акта, которым устанавливается определенный час для обеда рабочих. Их производство не может сообразоваться с рабочими, ибо «в различных операциях обжигания, промывания, белияния, натаива, лощения и окрашивания приостановка в заранее назначенный момент невозможна без риска порчи... Установить для всех рабочих один и тот же обязательный обеденный перерыв — значило бы подвергнуть ценные продукты риску порчи вследствие незаконченности операций». Le platonisme où va-t-il se nicher! [Куда только не проникает платонизм!]

⁸¹⁾ Ксенофонт рассказывает, что получение кушаний со стола персидского царя принято не только потому, что это большая честь, но и потому, что кушания эти вкуснее других. «И это неудивительно, ибо, подобно тому как все прочие искусства особенно усовершенствованы в крупных городах, точно так же и царские кушания несравненно по своему достоинству. В мелких городах один и тот же человек делает ложа, двери, плуги, столы; иногда он, кроме того, строит дома, и очень рад, если имеет достаточное количество заказов, необходимых для поддержания его жизни. Совершенно невозможно, чтобы человек, занимающийся столь различными делами, все делал хорошо. Но в крупных городах, где каждый работник находит многих покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нет необходимости знать ремесло в целом, бывает так, что один делает только мужские башмаки, другой — только женские. В отдельных случаях один только шьет башмаки, другой только кроит для них кожу, или один только кроит алаты, другой лишь соединяет вместе куски материи. Неизбежно, что тот, кто выполняет наиболее простую работу, выполняет ее наилучшим образом. То же самое относится и к поварскому искусству» (Xenophon, «Cyropædia», I, VIII, cap. 2). Внимание обращено здесь исключительно на качество потребительской стоимости, хотя уже Ксенофонт знает, что масштаб разделения труда зависит от размеров рынка.

мастерской. Поскольку в республике Платона¹³⁴ разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя; Египет и для других авторов, современников Платона, например Исократ⁸²⁾, был образцом промышленной страны, он сохраняет это свое значение даже в глазах греков времен Римской империи⁸³⁾.

В собственно мануфактурный период, т. е. в период, когда мануфактура является господствующей формой капиталистического способа производства, полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия. Хотя мануфактура создает, как мы видели, наряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных и необученных, число последних остается весьма ограниченным в силу преобладающего значения первых. Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости, силы и развития своих живых рабочих органов и, следовательно, прокладывает путь производительной эксплуатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция в общем и целом терпит крушение благодаря сопротивлению взрослых рабочих мужчин, привычкам которых она противоречит. Хотя разложение ремесленной деятельности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее для более трудных частичных работ длительный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими даже там, где он излишен. Мы видим, например, что в Англии laws of apprenticeship [законы об ученичестве] с их семилетним сроком обучения сохраняют полную силу до конца мануфактурного периода и они отбрасываются лишь крупной промышленностью. Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен независимого от самих рабочих объективного скелета, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих.

«Такова слабость человеческой природы», — восклицает наш милейший Юр, — «что чем рабочий искуснее, тем он своевольнее, тем труднее подчинить его дисциплине и, следовательно, тем больший вред приносит он своими капризами совокупному механизму»⁸⁴⁾.

⁸²⁾ «Он» (Бузирис) «разделил всех на особые касты... повелел, чтобы одни и те же люди всегда занимались одним и тем же делом, ибо он знал, что те, которые часто меняют свои занятия, ни одно из них не осваивают основательно; те же, которые постоянно занимаются одним и тем же делом, выполняют его наиболее совершенно. И действительно, мы видим, что в области искусства и ремесел египтяне превосходили своих соперников больше, чем мастер превосходит неумелого работника, и создали столь совершенные учреждения для охраны царской власти и государственного строя, что знаменитые философы, касавшиеся этого вопроса, восхваляют государственное устройство Египта более, чем какое-либо другое» (*Isocrattis*. «Busiris», cap. 8).

⁸³⁾ Cp. *Diodorus Siculus* [«Diodor's v. Sicilien Historische Bibliothek», B. I, 1831].

⁸⁴⁾ *Ure*. «Philosophy of Manufactures», p. 20.

Поэтому в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих⁸⁵⁾. И если бы даже у нас не было показаний со стороны авторов того времени, то одни уже факты, что начиная с XVI столетия и вплоть до эпохи крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий, что мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, — уже одни эти факты говорят нам не меньше, чем целые библиотеки. «Порядок должен быть установлен тем или иным способом», — вызывает в 1770 г. неоднократно цитированный нами автор «*Essay on Trade and Commerce*». «Порядок», — подхватывает 66 лет спустя доктор Эндрю Юр, — «порядок» отсутствовал в мануфактуре, основанной «на схоластической догме разделения труда», и «Аркрайт создал порядок».

Вместе с тем мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы. Ее собственный узкий технический базис вступил на известной ступени развития в противоречие с ею же самой созданными потребностями производства.

Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самих орудий труда, особенно сложных механических аппаратов, уже применявшихся в то время.

«Такая мастерская», — говорит Юр, — «представляла собой картину разделения труда со всеми его многочисленными ступенями. Сверло, резец, токарный станок имели каждый своего собственного рабочего, иерархически связанного с другими тем или иным способом в зависимости от степени его искусства»¹³⁵.

Этот продукт мануфактурного разделения труда, в свою очередь, производил машины. Последние устраняют ремесленный тип труда как основной принцип общественного производства. Этим, с одной стороны, устраняется техническая основа пожизненного прикрепления рабочего к данной частичной функции. С другой стороны, падают те преграды, которые этот принцип еще ставил господству капитала.

⁸⁵⁾ Сказанное в тексте гораздо более применимо к Англии, чем к Франции, и к Франции более, чем к Голландии.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. РАЗВИТИЕ МАШИН

Джон Стюарт Милль говорит в своих «Основаниях политической экономии»:

«Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа» ⁸⁶⁾.

Но перед капиталистически применяемыми машинами вовсе и не ставится такой цели. Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машины — средство производства прибавочной стоимости.

В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит рабочая сила, в крупной промышленности — средство труда. Поэтому прежде всего необходимо исследовать, каким образом средство труда из орудия превращается в машину, или чем отличается машина от ремесленного инструмента. Конечно, речь идет лишь о крупных, общих, характерных чертах, потому что эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами.

Математики и механики — и это повторяют некоторые английские экономисты — говорят, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие. Они не видят никакого существенного различия между ними и даже простейшие механизмы, как рычаг, наклонную плоскость, винт, клин и т. д., называют машинами ⁸⁷⁾. Действительно, каждая машина состоит из таких простейших механизмов, каковы бы ни были их формы и сочетания. Однако с эконо-

⁸⁶⁾ Миллю следовало бы сказать: «хотя бы одного человеческого существа, не живущего чужим трудом», потому что машины, несомненно, сильно увеличили число знатных бездельников.

⁸⁷⁾ См., например, *Hutton*. «Course of Mathematics».

мической точки зрения это определение совершенно непригодно, потому что в нем отсутствует исторический элемент. С другой стороны, различие между орудием и машиной усматривают в том, что при орудии движущей силой служит человек, а движущая сила машины — сила природы, отличная от человеческой силы, например животное, вода, ветер и т. д.⁸⁸⁾ Но тогда запряженный быками плуг, относящийся к самым различным эпохам производства, был бы машиной, а кругловязальный станок Клауссена, который приводится в движение рукой одного рабочего и делает 96 000 петель в минуту, был бы простым орудием. Мало того: один и тот же ткацкий станок был бы орудием, если он приводится в движение рукой, и — машиной, если приводится в движение паром. Так как применение силы животных представляет собой одно из древнейших изобретений человечества, то оказалось бы, что машинное производство предшествовало ремесленному производству. Когда Джон Уайетт в 1735 г. возвестил о своей прядильной машине, а вместе с этим — о промышленной революции XVIII века, он ни словом не упомянул о том, что осел, а не человек приводит эту машину в движение, и, тем не менее, эта роль действительно досталась ослу. Машина для того, «чтобы прясть без помощи пальцев», — так говорилось в программе Джона Уайетта⁸⁹⁾.

Всякое развитое машинное устройство состоит из трех существенно различных частей: машины-двигателя, передаточного механизма, наконец машины-орудия, или рабочей машины. Машина-двигатель действует как движущая сила всего механизма. Она или сама порождает свою двигательную силу, как паровая машина, kalorическая машина¹³⁶⁾, электромагнитная машина и т. д., или же

⁸⁸⁾ «С этой точки зрения можно также провести реакую границу между орудием и машиной: заступ, молот, долото и т. д., системы рычагов и винтов, для которых, как бы искусно они ни были сделаны, движущей силой служит человек... все это подходит под понятие орудия; между тем плуг с движущей его силой животных, ветряные и т. д. мельницы следует причислить к машинам» (*Wilhelm Schulz. «Die Bewegung der Produktion».* Zürich, 1843, S. 38). Работа в некоторых отношениях достойна похвалы.

⁸⁹⁾ Уже до него применялись прядильные машины, хотя очень несовершенные, по всей вероятности раньше всего в Италии. Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному отдельному лицу. Но до сих пор такой работы не существует. Дарвин интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общественной организации? И не легче ли было бы написать ее, так как, по выражению Вико, человеческая история тем отличается от истории природы, что первая сделана нами, вторая же не сделана нами? Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и простирающихся из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод. Недостатки абстрактного естествонаучного материализма, исключаящего исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности.

получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо от падающей воды, крыло ветряка от ветра и т. д. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, подвижных валов, шестерен, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, например превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на рабочие машины. Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы сообщить движение машине-орудию, благодаря чему она захватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. Промышленная революция в XVIII веке исходит как раз от этой части — от машины-орудия. Она же и теперь образует всякий раз исходный пункт при превращении ремесленного или мануфактурного производства в машинное производство.

Если мы присмотримся ближе к машине-орудию, или собственно рабочей машине, то мы в общем и целом увидим в ней, хотя часто и в очень измененной форме, все те же аппараты и орудия, которыми работают ремесленник и мануфактурный рабочий; но это уже орудия не человека, а орудия механизма, или механические орудия. Мы увидим, что или вся машина представляет собой лишь более или менее измененное механическое издание старого ремесленного инструмента, как в случае с механическим ткацким станком⁹⁰⁾, или приложенные к остоу рабочей машины действующие органы являются старыми знакомыми, как веретена у прядильной машины, спицы у чулочновязальной машины, пилы у лесопильной машины, ножи у резальной машины и т. д. Отличие этих орудий от самого тела рабочей машины обнаруживается еще при их производстве. А именно, эти орудия производятся по большей части все еще ремесленным или мануфактурным способом и затем укрепляются на теле рабочей машины, произведенном машинным способом⁹¹⁾. Итак, рабочая машина — это такой механизм, который, получив соответственное движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше совершал рабочий подобными же орудиями. Исходит ли движущая сила от человека или же, в свою очередь, от машины — это ничего не изменяет в существе дела. После того как собственно орудие перешло от человека к механизму, машина заступает место простого орудия. Различие между машиной и орудием с первого же взгляда бросается в глаза, хотя бы пер-

⁹⁰⁾ Особенно в первоначальной форме механического ткацкого станка с первого же взгляда можно узнать старинный ткацкий станок. В своей современной форме он является существенно измененным.

⁹¹⁾ Только приблизительно с 1850 г. все большая и большая доля орудий для рабочих машин начинает изготовляться в Англии машинным способом, хотя и не теми фабрикантами, которые производят самые машины. Машинами для производства таких механических орудий служат, например, автоматическая шпунная машина, кардонаборная машина, машины для производства берд и для изготовления веретен к мюль-машинам и ватер-машинам.

вичным двигателем все еще оставался сам человек. Количество рабочих инструментов, которыми человек может действовать одновременно, ограничено количеством его естественных производственных инструментов, количеством органов его тела. В Германии как-то сделали попытку заставить прядильщика двигать два прядильных колеса, т. е. работать одновременно обеими руками и обеими ногами. Но это требовало слишком большого напряжения. Позже изобрели ножную прялку с двумя веретенами, но такие прядильщики-виртуозы, которые могли бы одновременно прядь две нитки, встречались почти так же редко, как двуголовые люди. Напротив, дженин ¹³⁷ уже с самого своего появления придет 12—18 веретенами, чулочновязальная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т. д. Таким образом, количество орудий, которыми одновременно действует одна и та же рабочая машина, с самого начала освобождается от тех органических ограничений, которым подвержено ручное орудие рабочего.

Во многих ручных орудиях различие между человеком как простой двигательной силой и как рабочим, выполняющим работу в собственном смысле, приобретает чувственно воспринимаемую форму. Например, при работе на прялке нога действует только как двигательная сила, между тем как рука, работающая с веретеном, щиплет и крутит, т. е. выполняет операцию собственно прядения. Как раз рабочая часть ремесленного инструмента прежде всего и захватывается промышленной революцией, оставляющей за человеком на первое время, наряду с новым трудом по наблюдению за машиной и по исправлению своими руками ее ошибок, также и чисто механическую роль двигательной силы. Напротив, орудия, на которые человек с самого начала действовал только как простая двигательная сила, — как, например, при вращении вала мельницы ⁹²⁾, при качании насосом, при поднимании и опускании рукоятки кузнечного меха, при толчении в ступе и т. д., — эти орудия прежде всего вызывают применение животных, воды, ветра ⁹³⁾ как двигательных сил. Отчасти в мануфактурный период, в единичных же случаях уже задолго до него, эти орудия развиваются в машины, но они не революционизируют способа производства. Что они даже в своей ремесленной форме уже являются машинами, это обнару-

⁹²⁾ Моисей-египтянин говорит: «Не завязывай рта волю, когда он молотит» ¹³⁸. Напротив, христианско-германские филантропы вешали своим крепостным, которыми они пользовались как двигательной силой при размолке, большие деревянные круги на шею, чтобы крепостные не могли подносить рукой муку ко рту.

⁹³⁾ Частью недостаток естественных водопадов, частью борьба с избытком воды в других формах заставили голландцев применять ветер в качестве двигательной силы. Самые ветряные двигатели голландцы заимствовали из Германии, где это изобретение вызвало серьезную борьбу между дворянством, попами и императором из-за того, кому же из них троих «принадлежит» ветер. В Германии говорили, что воздух порабощает, между тем как именно ветер освободил Голландию. Здесь он покорила не голландцев, а землю для голландцев. Еще в 1836 г. в Голландии было в ходу 12 000 ветряных двигателей в 6 000 лошадиных сил, которые предохраняли две трети страны от обратного превращения в болото.

живается в период крупной промышленности. Насосы, например, посредством которых голландцы выкачали в 1836—1837 гг. Гарлемское озеро, были устроены по принципу обыкновенных насосов, с той только разницей, что их поршни приводились в движение не человеческими руками, а циклопическими паровыми машинами. Обыкновенный и очень несовершенный кузнечный мех еще и теперь иногда превращается в Англии в механический мех посредством простого соединения его рукояти с паровой машиной. И даже паровая машина в том виде, как она была изобретена в конце XVII века, в мануфактурный период, и просуществовала до начала 80-х годов XVIII века⁹⁴⁾, не вызвала никакой промышленной революции. Наоборот, именно создание рабочих машин сделало необходимой революцию в паровой машине. С того времени, как человек, вместо того чтобы действовать орудием на предмет труда, начинает действовать просто как двигательная сила на рабочую машину, тот факт, что носителями двигательной силы являются человеческие мускулы, становится уже случайным, и человек может быть заменен ветром, водой, паром и т. д. Это, естественно, не исключает того, что такая замена зачастую требует больших технических изменений в механизме, который первоначально был построен в расчете исключительно на человеческую двигательную силу. В настоящее время все машины, которым еще приходится прокладывать себе дорогу, как, например, швейные машины, машины для приготовления хлеба и т. д., если их назначением не исключается с самого начала малый масштаб, имеют такую конструкцию, что для них одинаково пригодна и человеческая, и чисто механическая двигательная сила.

Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует множеством одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней⁹⁵⁾. Здесь мы имеем перед собой машину, но пока еще только как простой элемент машинного производства.

Увеличение размеров рабочей машины и количества ее одновременно действующих орудий требует более крупного двигательного механизма, а этот механизм нуждается в более мощной двигательной силе, чем человеческая, чтобы преодолеть его собственное сопротивление, — мы не говорим уже о том, что человек представляет собой крайне несовершенное средство для производства однообразного и непрерывного движения. Поскольку предположено, что

⁹⁴⁾ Правда, она была уже значительно усовершенствована Уаттом в его первой, так называемой паровой машине простого действия, но в этой форме оставалась простой машиной для откачки воды и соляного раствора.

⁹⁵⁾ «Соединение всех этих простых инструментов, приводимых в движение одним общим двигателем, составляет машину» (*Babbage*, цит. соч. [стр. 136]).

человек действует уже только как простая двигательная сила и что, следовательно, место его орудия заступила машина-орудие, то силы природы могут заменить его и как двигательную силу. Из всех крупных двигательных сил, унаследованных от мануфактурного периода, сила лошади была наихудшей отчасти потому, что у лошади есть своя собственная голова, отчасти потому, что она дорога и может применяться на фабриках лишь в ограниченных размерах ⁹⁶⁾. Тем не менее в период детства крупной промышленности лошадь применялась довольно часто, о чем свидетельствуют не только жалобы агрономов того времени, но и сохранившийся до сих пор способ выражать величину механической силы в лошадиных силах. Что касается ветра, то он слишком непостоянен и не поддается контролю; кроме того, применение силы воды в Англии, на родине крупной промышленности, уже в мануфактурный период имело преобладающее значение. Уже в XVII веке была сделана попытка приводить в движение два бегуна и два поставы посредством одного водяного колеса. Но увеличение размеров передаточного механизма вступило в конфликт с недостаточной силой воды, и это было одним из тех обстоятельств, которые побудили к более точному исследованию законов трения. Точно так же неравномерность действия двигательной силы на мельницах, которые приводились в движение ударом и тягой при помощи коромысел, привела к теории и практическому применению махового колеса ⁹⁷⁾, которое впоследствии стало играть такую важную роль в крупной промышленности. Таким образом мануфактурный период развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности. Ватерная прядильня Аркрайта с самого начала приводилась в движение водой. Между тем и употребление силы воды, как преобладающей двигательной силы, было связано с различными затруд-

⁹⁶⁾ В декабре 1859 г. Джон Ч. Мортон прочел в Обществе искусств и ремесел доклад о «силах, применяемых в земледелии». В нем говорится, между прочим, следующее: «Всякое улучшение, придающее более правильную форму участку земли, обеспечивает возможность применения паровой машины для производства чисто механической силы... Сила лошади требуется там, где кривые изгороди и другие препятствия делают невозможными однообразные движения. Такие препятствия с каждым днем все больше устраняются. В таких операциях, которые требуют сравнительно больше проявления воли и меньше физической силы, единственно применимой является человеческая сила, как сила, во всякий момент направляемая человеческим умом». Затем г-н Мортон сводит паровую силу, силу лошади и человеческую силу к единице измерения, принятой для паровых машин, т. е. к силе, способной поднять 33 000 фунтов на высоту одного фута в минуту, и исчисляет издержки на одну паровую лошадиную силу: при паровой машине в 3 пенса, при применении лошади в 5 1/2 пенсов за час. Далее, для того чтобы лошадь осталась здоровой, она не должна работать более 8 часов в день. Применяя силу пара к возделыванию земли, каждую семерку лошадей можно уменьшить по меньшей мере на 3 лошади, причем издержки на паровую машину в течение целого года будут не больше, чем издержки на этих замененных лошадей в течение тех 3 или 4 месяцев, когда они только и находят себе действительное применение. Наконец, в тех сельскохозяйственных операциях, где можно применять паровую силу, получается продукт лучшего качества, чем при пользовании силой лошади. Чтобы выполнять работу паровой машины, пришлось бы применять 66 рабочих с общей суммой заработной платы в 15 шилл. за час, а чтобы выполнить работу лошади, пришлось бы применять 32 рабочих с общей суммой платы в 8 шилл. за час.

⁹⁷⁾ *Faulhaber, 1625. De Caus, 1688.*

нениями. Нельзя было произвольно увеличить ее или сделать так, чтобы она появилась там, где ее нет; временами она истощалась и, главное, имела чисто локальный характер⁹⁸). Только с изобретением второй машины Уатта, так называемой паровой машины двойного действия, был найден первичный двигатель, который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу и мощность которого находится всецело под контролем человека, — двигатель, который подвижен и сам является средством передвижения, который, будучи городским, а не сельским, как водяное колесо, позволяет концентрировать производство в городах, вместо того чтобы, как этого требовало водяное колесо, рассеивать его в деревне⁹⁹), двигатель, универсальный по своему техническому применению и сравнительно мало зависящий от тех или иных условий места его работы. Великий гений Уатта обнаруживается в том, что в патенте, который он получил в апреле 1784 г., его паровая машина представлена не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности. Он упоминает здесь о применениях, из которых некоторые, как, например, паровой молот, введены лишь более чем через полвека. Однако он сомневался в применимости паровой машины в морском судоходстве. Его преемники, Болтон и Уатт, показали на лондонской промышленной выставке 1851 г. колоссальнейшую паровую машину для океанских пароходов.

Только после того как орудия превратились из орудий человеческого организма в орудия механического аппарата, рабочей машины, только тогда и двигательная машина приобретает самостоятельную форму, совершенно свободную от тех ограничений, которые свойственны человеческой силе. С этого времени отдельная рабочая машина, которую мы рассматривали до сих пор, низводится до степени простого элемента машинного производства. Одна машина-двигатель может теперь приводить в движение много рабочих машин одновременно. С увеличением количества рабочих машин, одновременно приводимых в движение, растет и машина-двигатель, а вместе с тем передаточный механизм разрастается в широко разветвленный аппарат.

Теперь необходимо провести различие между двоякого рода вещами: кооперацией многих однородных машин и системой машин.

⁹⁸) Новейшее изобретение турбин освобождает промышленную эксплуатацию водяной силы от многих прежних ограничений.

⁹⁹) «В первое время существования текстильных мануфактур местонахождение производства зависело от наличия реки с высотой падения воды, достаточной для вращения водяного колеса; и хотя устройство водяных фабрик было началом уничтожения домашней системы мануфактуры, однако эти фабрики... по необходимости расположенные вдоль рек и зачастую на значительных расстояниях одна от другой, представляли собой элемент скорее деревенской, чем городской системы; и только с введением силы пара взаимная сила воды фабрики сосредоточиваются в городах и в местностях, где можно найти в достаточном количестве воду и уголь, необходимые для производства пара. Паровая машина — мать промышленных городов» (А. Редгрейв в «Reports of the Insp. of Fact. for 30th April 1860», p. 36).

В одном случае вся работа производится одной и той же рабочей машиной. Машина выполняет все те различные операции, которые ремесленник выполнял своим орудием, например ткач при помощи своего ткацкого станка, или которые ремесленники последовательно выполняли при помощи различных орудий, причем безразлично, были ли они самостоятельными ремесленниками или членами одной и той же мануфактуры¹⁰⁰⁾. Например, в новейшей мануфактуре почтовых конвертов один рабочий фальцевал бумагу фальцевальным, другой смазывал клеем, третий отгибал клапан, на котором отпечатывается девиз, четвертый выбивал девиз и т. д., и при каждой из этих частичных операций каждый отдельный конверт должен был переходить из рук в руки. Одна-единственная машина для изготовления конвертов разом выполняет все эти операции и делает 3 000 и более конвертов в час. Одна американская машина для изготовления бумажных пакетов, показанная на лондонской промышленной выставке 1862 г., режет бумагу, смазывает клеем, фальцует и производит 300 штук в минуту. Весь процесс, который в мануфактуре разделен и выполняется в известной последовательности, здесь выполняется одной рабочей машиной, которая действует посредством комбинации различных орудий. Является ли подобная рабочая машина только механическим воспроизведением сложного ремесленного орудия или комбинацией разнородных простых орудий, специализированных мануфактурой, на фабрике, т. е. в мастерской, основанной на машинном производстве, неизменно каждый раз вновь появляется простая кооперация, и притом прежде всего как пространственное скопление однородных и одновременно совместно действующих рабочих машин (рабочего мы оставим здесь в стороне). Так, например, ткацкая фабрика образуется из многих механических ткацких станков, а швейная фабрика — из многих швейных машин, находящихся в одной и той же мастерской. Но здесь существует техническое единство, поскольку многие однородные рабочие машины одновременно и равномерно получают импульс от биения сердца общего первичного двигателя, причем движение это переносится на них посредством передаточного механизма, отчасти тоже общего всем им, так как от него идут лишь особые отводы для каждой отдельной рабочей машины. Подобно тому как многочисленные орудия составляют лишь органы одной рабочей машины, точно так же многие рабочие машины образуют теперь

¹⁰⁰⁾ С точки зрения мануфактурного разделения труда ткачество было отнюдь не простым, а, напротив, сложным ремесленным трудом, и потому механический ткацкий станок есть машина, исполняющая очень разнообразные операции. Вообще ошибочно то представление, будто современные машины первоначально овладели такими операциями, которые были упрощены мануфактурным разделением труда. Прядение и ткачество в мануфактурный период обособились как новые виды, соответствующие орудия подверглись усовершенствованиям и видоизменениям, но самый процесс труда, несколько не разделенный, оставался ремесленным. Исходным для машины является не труд, а средство труда.

лишь однородные органы одного и того же двигательного механизма.

Но собственно система машин заступает место отдельной самостоятельной машины только в том случае, когда предмет труда проходит последовательный ряд взаимно связанных частичных процессов, которые выполняются цепью разнородных, но дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь вновь выступает характерная для мануфактуры кооперация, основанная на разделении труда, но теперь она представляет собой уже комбинацию частичных рабочих машин. Специфические орудия различных частичных рабочих — например, в шерстяной мануфактуре орудия шерстобитов, шерстоочесов, ворсильщиков, шерстопрядильщиков и т. д. — теперь превращаются в орудия различных рабочих машин, из которых каждая составляет особый орган, выполняющий особую функцию в системе комбинированного рабочего механизма. В тех отраслях, где система машин вводится впервые, сама мануфактура в общем и целом доставляет для нее естественную основу разделения, а следовательно, и организации процесса производства¹⁰¹⁾. Однако с самого начала выступает и одно существенное различие между мануфактурным и машинным производством. В мануфактуре рабочие, отдельные или соединенные в группы, должны выполнять каждый отдельный частичный процесс при помощи своих ручных орудий. Если рабочий и приспособляется здесь к процессу, то и процесс, в свою очередь, уже заранее приспособлен к рабочему. При машинном производстве этот субъективный принцип разделения труда отпадает. Весь процесс разлагается здесь объективно, в зависимости от его собственного характера, на свои составные фазы, и проблема выполнения каждого частичного процесса и соединения различных частичных процессов разрешается посредством технического применения механики, химии и т. д.¹⁰²⁾, причем, разумеется, теоретическое решение должно быть усовершенствовано, как и раньше,

¹⁰¹⁾ До эпохи крупной промышленности шерстяная мануфактура была господствующей мануфактурой Англии. Поэтому в ней в первую половину XVIII столетия была проделана большая часть экспериментов. Опыт, приобретенный на шерсти, пошел на пользу хлопку, механическая обработка которого требует менее трудного подготовительного процесса; точно так же в позднейшее время, наоборот, механическая шерстяная промышленность развилась на основе механического хлопчатобумажного прядения и ткачества. Отдельные элементы шерстяной мануфактуры, например чесание шерсти, охвачены фабричной системой лишь в последние десятилетия. «Применение механической силы к чесанию шерсти... широко распространенное со времени введения «чесальной машины», особенно машины Листера... несомненно имело своим последствием то, что очень большое число людей лишилось работы. Раньше шерсть расчесывалась вручную, большей частью на дому у чесальщика. Теперь ее обыкновенно расчесывают на фабрике, и ручной труд вытеснен, за исключением некоторых особых видов работы, где все еще предпочитается шерсть, расчесанная вручную. Многие из ручных чесальщиков нашли работу на фабриках, но продукт ручного чесальщика так мал по сравнению с продуктом машины, что очень большое число чесальщиков так и осталось без работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», p. 16).

¹⁰²⁾ «Следовательно, принцип фабричной системы состоит в замене... разделения или разложения труда между ремесленниками разложением процесса на его существенные составные элементы» (Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 20).

с помощью накопленного в широком масштабе практического опыта. Каждая частичная машина доставляет другой машине, непосредственно следующей за нею, сырой материал, и так как все они действуют одновременно, то продукт непрерывно находится на различных ступенях процесса своего образования, постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Как в мануфактуре непосредственная кооперация частичных рабочих создает определенные количественные отношения между отдельными группами рабочих, так и в расчлененной системе машин для того, чтобы одни частичные машины непрерывно давали работу другим частичным машинам, необходимо определенное отношение между их количеством, размерами и быстротой действия. Комбинированная рабочая машина, представляющая теперь расчлененную систему разнородных отдельных рабочих машин и групп их, тем совершеннее, чем непрерывнее весь выполняемый ею процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырой материал переходит от первой до последней фазы процесса, следовательно чем в большей мере перемещается он от одной фазы производства к другой не рукой человека, а самим механизмом. Поэтому, если в мануфактуре изолирование отдельных процессов является принципом, вытекающим из самого разделения труда, то, напротив, в развитой фабрике господствует принцип непрерывности отдельных процессов.

Система машин, покоится ли она на простой кооперации однородных рабочих машин, как в ткачестве, или на сочетании разнородных машин, как в прядении, сама по себе составляет большой автомат, раз ее приводит в движение один первичный двигатель, сам порождающий собственное движение. Однако система в целом может приводиться в движение, например, паровой машиной, между тем как отдельные рабочие машины для известных движений все еще нуждаются в содействии рабочих, как, например, до введения автоматических мюль-машин оно требовалось для запуска мюлей, а при тонкопрядении требуется еще до настоящего времени; или же определенные части машины для выполнения своих операций должны подобно орудию направляться рабочим, как было в машиностроении до превращения *slide rest* (поворотного суппорта) в автоматический механизм. Когда рабочая машина выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, способна к постоянному усовершенствованию в деталях. Так, например, аппарат, автоматически останавливающий прядильную машину, как только оборвется хотя бы одна нить, и автоматический выключатель, останавливающий усовершенствованный паровой ткацкий станок, как только на ткацком челноке окончится вся уточная нить, являются вполне современными изобретениями. Примером как непрерывности производства, так и про-

ведения автоматического принципа может служить современная бумажная фабрика. На бумажном производстве хорошо вообще изучать в деталях как различие между отдельными способами производства, имеющими в основе различные средства производства, так и связь общественных производственных отношений с различными способами производства; старинное германское бумажное дело дает образец ремесленного производства, Голландия XVII и Франция XVIII века — образец собственно мануфактуры, а современная Англия — образец автоматического производства в этой отрасли; кроме того в Китае и Индии до сих пор существуют две различные древнеазиатские формы этой же промышленности.

В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение через посредство передаточных механизмов от одного центрального автомата, машинное производство приобретает свой наиболее развитый вид. На место отдельной машины приходит это механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала скрытая в почти торжественно-размеренных движениях его исполинских членов, прорывается в лихорадочно-бешеной пляске его бесчисленных собственно рабочих органов.

Мюль-машины, паровые машины и т. д. появились раньше, чем появился рабочий, исключительное занятие которого состоит в производстве паровых машин, мюль-машин и т. д.; точно так же как человек носил одежду раньше, чем появились портные. Но изобретения Вокансона, Аркрайта, Уатта и т. д. могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных рабочих-механиков, уже подготовленных мануфактурным периодом. Часть этих рабочих состояла из самостоятельных ремесленников различных профессий, другая часть была объединена в мануфактуры, где, как упомянуто раньше, господствовало особенно строгое разделение труда. С увеличением числа изобретений и возрастанием спроса на вновь изобретенные машины все более развивалось, с одной стороны, распадение машиностроения на многочисленные самостоятельные отрасли, с другой стороны — разделение труда внутри машиностроительных мануфактур. Таким образом, мы находим здесь в мануфактуре непосредственную техническую основу крупной промышленности. Мануфактура производила машины, при помощи которых крупная промышленность устраняла ремесленное и мануфактурное производство в тех отраслях, которыми она прежде всего овладевала. Следовательно, машинное производство первоначально возникло на не соответствующей ему материальной основе. На известной ступени развития оно должно было произвести переворот в самой этой основе, которую оно сперва нашло готовой, а затем развивало дальше, сохраняя ее старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства. Как отдель-

ная машина остается карликовой, пока она приводится в движение только человеком, как система машин не могла получить свободного развития, пока на место уже применявшихся двигательных сил — животных, ветра и даже воды — не пришла паровая машина, так и все развитие крупной промышленности парализовалось до тех пор, пока сама машина — характерное средство производства крупной промышленности — была обязана своим существованием личной силе, личному искусству, т. е. зависела от мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий внутри мануфактуры или ремесленник вне ее оперирует своим карликовым инструментом. Не говоря уже о дороговизне машин вследствие такого их происхождения, — обстоятельство, которым капитал руководствуется как сознательным мотивом, — дальнейшее расширение отраслей уже механизированной промышленности и проникновение машин в новые отрасли производства всецело зависели от возрастания такой категории рабочих, которая вследствие полуартистического характера ее занятий может увеличиваться не скачками, а лишь постепенно. Но на известной ступени развития крупная промышленность приходит и в техническое противоречие [Widerstreit] со своим ремесленным и мануфактурным базисом. Увеличение размеров машин-двигателей, передаточного механизма и рабочих машин, увеличение сложности и многообразия, а также строгой правильности составных частей рабочей машины, по мере того как последняя порывает со своим ремесленным образом, первоначально всецело определявшим ее конструкцию, и приобретает свободную форму, определяемую исключительно ее механической задачей; развитие автоматической системы и все более неизбежное применение материалов, труднее поддающихся обработке, например, железа вместо дерева ¹⁰³⁾, — вот те естественно выросшие задачи, разрешение которых повсюду наталкивалось на рамки, которые обуславливаются зависимостью работ от личности рабочего и которые даже комбинированный рабочий персонал в мануфактуре мог лишь несколько раздвинуть, но не уничтожить по существу. Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, например, современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина.

¹⁰³⁾ Механический ткацкий станок в своей первоначальной форме состоит преимущественно из дерева, усовершенствованный, современный — из железа. До какой степени старая форма средства производства господствует вначале над его новой формой, показывает, между прочим, даже самое поверхностное сравнение современного парового ткацкого станка со старым, современных приспособлений для дутия на чугунолитейных заводах — с первоначальным немощным механическим воспроизведением обыкновенного кузнечного меха и, быть может, убедительнее, чем все остальное, — первый локомотив, сделанный до изобретения теперешних локомотивов: у него было в сущности две ноги, которые он попеременно поднимал, как лошадь. Только с дальнейшим развитием механики и с накоплением практического опыта форма машины начинает всецело определяться принципами механики и потому совершенно освобождается от старинной формы того орудия, которое превращается в машину.

Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собой как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар. Так, например, машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимой механико-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах. Таким же образом, с другой стороны, революция в хлопчатобумажном прядении вызвала изобретение джина, машины для отделения хлопковых волокон от семян, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе ¹⁰⁴⁾. Но именно революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественного процесса производства, т. е. в средствах связи и транспорта. Средства связи и транспорта такого общества, pivot [стержнем] которого, употребляя выражение Фурье, были мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло, далеко уже не удовлетворяли потребностей производства в мануфактурный период с его расширенным разделением общественного труда, с его концентрацией средств труда и рабочих, с его колониальными рынками, а потому и на самом деле претерпели переворот. Точно так же средства транспорта и связи, унаследованные от мануфактурного периода, скоро превратились в невыносимые пути для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом и массовым характером производства, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею мировыми рыночными связями. Не говоря уже о полном перевороте в парусном судостроении, связь и транспорт были постепенно приспособлены к способу производства крупной промышленности посредством системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов. Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах.

Итак, крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самой машиной, и производить машины с помощью машин. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги.

¹⁰⁴⁾ Изобретенный янки Илаем Уитни водонеподъемный до последнего времени претерпел меньше существенных изменений, чем какая бы то ни было другая машина XVIII века. Только в последние десятилетия (перед 1867 г.) другой американец, г-н Эмери из Олбани, Нью-Йорк, при помощи сколь простого, столь и эффективного усовершенствования сделал машину Уитни устаревшей.

С ростом в первые десятилетия XIX века машинного производства, машина на самом деле постепенно овладевала производством рабочих машин. Однако лишь в последнее десятилетие колоссальное железнодорожное строительство и океанское пароходство вызвали к жизни те циклопические машины, которые применяются при постройке первичных двигателей.

Существеннейшим производственным условием для производства машин с помощью машин была машина-двигатель, способная развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющаяся контролю. Она уже существовала в виде паровой машины. Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом придавать необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Генри Модсли решил эту проблему изобретением поворотного суппорта, который скоро был превращен в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесен с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины. Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму, направляя, подводя резец и т. д. к материалу труда, например к железу. Таким образом стало возможным придавать геометрические формы отдельным частям машин

«с такой степенью легкости, точности и быстроты, которую не смогла бы обеспечить и самая опытная рука искуснейшего рабочего»¹⁰⁵⁾.

Если мы рассмотрим теперь ту часть применяемых в машиностроении машин, которая образует машину-орудие в собственном смысле, то мы опять увидим перед собой ремесленный инструмент, только циклопических размеров. Например, собственно рабочая часть сверлильного станка — это огромный бурав, который приводится в движение паровой машиной и без которого, в свою очередь, не могли бы быть произведены цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок — циклопическое воспроизведение обыкновенного ножного токарного станка; строгальная машина — железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, каким плотник обрабатывает дерево; орудие, которое на лондонских кораблестроительных верфях режет фанеру, — это гигантская бритва; орудие механических ножниц, которые режут железо, как ножницы портного режут сукно, это —

¹⁰⁵⁾ «The Industry of Nations». London, 1855, part II, p. 239. Здесь же говорится: «Как бы прост и на первый взгляд незначителен ни казался этот придаток к токарному станку, мы думаем, что без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так же велико, как влияние усовершенствований, произведенных Уаттом в самой паровой машине. Введение его сразу повело к усовершенствованию и удешевлению всяких машин и дало толчок новым изобретениям и усовершенствованиям».

чудовищные ножицы, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что им не мог бы взмахнуть сам Тор¹⁰⁶⁾. Например, один из таких паровых молотов, которые являются изобретением Несмита, весит более 6 тонн и падает перпендикулярно с высоты 7 футов на наковальню весом в 36 тонн. Он легко превращает в порошок гранитную глыбу и не менее способен к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов¹⁰⁷⁾.

В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания. В мануфактуре расчленение общественного процесса труда является чисто субъективным, комбинацией частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочий застает как уже готовое материальное условие производства. В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего обобществленным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машины же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда.

2. ПЕРЕНЕСЕНИЕ СТОИМОСТИ МАШИН НА ПРОДУКТ

Мы видели, что производительные силы, возникающие из кооперации и разделения труда, ничего не стоят капиталу. Они суть естественные силы общественного труда. Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к производительным процессам, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять естественные силы. Для эксплуатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплуатации упругости пара — паровая машина. С наукой дело обстоит так же, как с естественными силами. Раз закон отклонения магнитной стрелки в сфере действия электрического тока или закон намагничивания железа проходящим вокруг него электрическим током открыты, они уже не стоят ни гро-

¹⁰⁶⁾ В Лондоне одна из таких машин дляковки валов гребных колес пароходов носит название «Тор». Она выковывает вал весом в $16\frac{1}{2}$ тонн с такой же легкостью, как кузнец подкову.

¹⁰⁷⁾ Машины для обработки дерева, которые могут применяться также и в малом масштабе, изобретены по большей части американцами.

ша¹⁰⁸⁾. Но для эксплуатации этих законов в телеграфии и т.д. требуется очень дорогой и сложный аппарат. Орудие, как мы видели, не вытесняется машиной. Из карликового орудия человеческого организма оно вырастает по размерам и количеству в орудие созданного человеком механизма. Капитал заставляет теперь рабочего работать не ручным орудием, а машиной, которая сама оперирует своими орудиями. Но если, таким образом, с первого же взгляда ясно, что крупная промышленность, овладев для процесса производства колоссальными силами природы и естествознанием, должна была чрезвычайно повысить производительность труда, то далеко не так ясно, не покупается ли это повышение производительной силы увеличением затраты труда в другом месте. Подобно всякой другой составной части постоянного капитала, машины не создают никакой стоимости, но переносят свою собственную стоимость на продукт, для производства которого они служат. Поскольку они имеют стоимость и поскольку поэтому переносят стоимость на продукт, они образуют составную часть стоимости последнего. Вместо того чтобы удешевлять его, они удорожают его соответственно своей собственной стоимости. Несомненно ведь, что машина и развитая система машин, характерное средство труда крупной промышленности, представляют несравненно большую стоимость, чем средства труда в ремесленном и мануфактурном производствах.

Следует прежде всего отметить, что машины всегда целиком принимают участие в процессе труда и всегда только частью в процессе образования стоимости. Они никогда не присоединяют стоимости больше, чем утрачивают в среднем вследствие своего изнашивания. Таким образом, существует большая разница между стоимостью машины и той частью стоимости, которая периодически переносится с нее на продукт. Существует большая разница между машиной как элементом образования стоимости и машиной как элементом образования продукта. Чем больше период, в течение которого одни и те же машины снова и снова служат в одном и том же процессе труда, тем больше эта разница. Правда, мы видели, что всякое средство труда в собственном смысле, или орудие производства, всегда целиком принимает участие в процессе труда и всегда лишь частями, пропорционально его среднему ежедневному износу, — в процессе образования стоимости. Однако эта разница между пользованием и изнашиванием много больше у машин, чем у орудия, потому что машины, построенные из более прочного материала, живут дольше, а их применение, регулируемое строго

¹⁰⁸⁾ Наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что несколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал присваивает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд. Но «капиталистическое» присвоение и «личное» присвоение науки или материального богатства — это совершенно различные вещи. Сам д-р Юр жаловался на поразительное незнакомство дорогих ему фабрикантов, эксплуатирующих машины, с механикой, а Либих рассказывает об ужасающем невежестве английских фабрикантов из химической промышленности в вопросах химии.

научными законами, делает возможной большую экономию в расходовании их составных частей и потребляемых ими средств и, наконец, арена производства у них несравненно шире, чем у орудия. Если не считать средние ежедневные издержки машин и орудий, или ту составную часть стоимости, которую они присоединяют к продукту ежедневным средним износом и потреблением вспомогательных материалов; например масла, угля и т. д., то окажется, что они действуют даром, как силы природы, существующие без содействия человеческого труда. Чем больше размеры производительной деятельности машин по сравнению с производительной деятельностью орудия, тем больше размеры их безвозмездной службы по сравнению с такой же службой орудия. Только в крупной промышленности человек научается заставлять продукт своего прошлого, уже овеществленного труда действовать в крупном масштабе даром, подобно силам природы¹⁰⁹⁾.

При изучении кооперации и мануфактуры мы видели, что известные общие условия производства, например здания и т. д., экономятся при совместном потреблении по сравнению с потреблением раздробленных условий производства изолированными рабочими, следовательно относительно менее удорожают продукты. При машинном производстве не только корпус рабочей машины совместно потребляется ее многочисленными орудиями, но и одна и та же машина-двигатель вместе с частью передаточного механизма совместно потребляется многими рабочими машинами.

При данной разнице между стоимостью машин и той частью стоимости, которую они ежедневно переносят на свой продукт, та степень, в которой эта часть стоимости удорожает продукт, зависит прежде всего от размеров продукта, как бы от его поверхности. В одной лекции, опубликованной в 1857 г., Бейнс из Блэкберна сообщает, что

«каждая реальная механическая лошадиная сила^{109а)} приводит в движение 450 автоматических мюльных веретен с соответствующим приготавительным оборудо-

¹⁰⁹⁾ Рикардо иногда настолько подчеркивает это действие машин, — впрочем, так же мало выясненное им, как и общее различие между процессом труда и процессом образования стоимости, — что забывает ту составную часть стоимости, которая переносится на продукт машинами, и совершенно отождествляет машины с силами природы. Так, например: «Адам Смит никогда не вкладает в недооценку услуг, которые оказывают нам естественные факторы и машины. Но он очень точно различает природу стоимости, которую они придают товарам... так как они выполняют эту работу даром, содействие их ничего не прибавляет к меновой стоимости» (Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 336, 337). Разумеется, замечание Рикардо справедливо в отношении Ж. Б. Сэя, который болтает, будто машины оказывают ту «услугу», что они создают стоимость, составляющую часть «прибыли».

^{109а)} (Примечание к 3 изданию. Одна «лошадиная сила» равна силе 33 000 футо-фунтов в минуту, т. е. силе, которая в 1 минуту поднимает 33 000 фунтов на 1 фут (английский) или 1 фут на 33 000 футов. Это и есть вышеупомянутая лошадиная сила. Но в обычном коммерческом языке, а также кое-где и в цитатах этой книги различаются «номинальные» и «коммерческие», или «индикаторные», лошадиные силы одной и той же машины. Старинная, или номинальная, лошадиная сила исчисляется исключительно по длине хода поршня и диаметру цилиндра и совершенно не учитывает давление пара и скорости поршня. Т. е. фактически

дованием, или 200 ватерных веретен, или 15 ткацких станков для 40-дюймовой ткани вместе со сновальным, шлихтовальным и т. д. оборудованием»¹³⁹.

Дневные издержки одной паровой лошадиной силы и износ машин, приводимых ею в движение, в первом случае распределяются на дневной продукт 450 мюльных веретен, во втором — на продукт 200 ватерных веретен, в третьем — на продукт 15 механических ткацких станков, так что благодаря этому на унцию пряжи или на аршин ткани переносится лишь ничтожная часть стоимости. То же самое в приведенном выше примере с паровым молотом. Так как его дневной износ, потребление угля и т. д. распределяются на огромные массы ежедневно выковываемого им железа, то на каждый центнер железа приходится лишь очень небольшая часть стоимости; но она была бы очень велика, если бы этим циклопическим инструментом вколачивали мелкие гвозди.

При данных границах действия рабочей машины, т. е. при данном количестве ее орудий или, если дело идет о силе, при данном их объеме, масса продукта зависит от скорости, с которой она действует, т. е., например, от скорости вращения веретен или от числа ударов, производимых молотом в течение одной минуты. Некоторые из колоссальных молотов делают 70 ударов в минуту, патентованная кузнечная машина Райдера, оперирующая при ковке веретен паровым молотом малых размеров, делает 700 ударов в минуту.

Если дана та пропорция, в которой стоимость машин переносится на продукт, то величина этой части стоимости зависит от величины стоимости самих машин¹⁴⁰. Чем меньше труда они сами содержат, тем меньше стоимости они присоединяют к продукту. Чем меньше стоимости они передают продукту, тем они производительнее и тем более приближаются они по своей службе к силам природы. Производство же машин с помощью машин уменьшает их стоимость по сравнению с их размерами и их действием.

это означает следующее: считают, например, что машина имеет 50 лошадиных сил, если она приводится в движение таким же слабым давлением пара и при такой же незначительной скорости поршня, как в эпоху Болтона и Уатта. Но два последних фактора с того времени возросли в огромной степени. Для измерения той механической силы, которую теперь в действительности доставляет машина, был изобретен индикатор, который показывает давление пара. Скорость же движения поршня установить нетрудно. Таким образом, «индикаторная», или «коммерческая», лошадиная сила выражается математической формулой, в которой одновременно приняты во внимание диаметр цилиндра, длина хода поршня, скорость поршня и давление пара и которая показывает, сколько раз по 33 000 футо-фунтов действительно развивает данная машина в минуту. Поэтому одна номинальная лошадиная сила может в действительности развивать три, четыре и даже пять индикаторных, или действительных, лошадиных сил. Это примечание — для объяснения различных нижеследующих цитат. Ф. Э.]

¹⁴⁰ Читатель, находящийся во власти капиталистических представлений, скажет, конечно, что здесь ничего нет о «проценте», который машина pro rata [пропорционально] своей капитальной стоимости присоединяет к продукту. Однако легко убедиться, что машина, подобно всякой другой составной части постоянного капитала, не производит новой стоимости, не может и присоединить таковой под названием «процента». Ясно далее, что здесь, где речь идет о производстве прибавочной стоимости, нельзя ни одной части ее предположить a priori [заранее] под названием «процента». Капиталистический способ исчисления, который prima facie [на первый взгляд] представляется неслепым и противоречащим законам образования стоимости, найдет свое объяснение в третьей книге этой работы.

Сравнительный анализ цен товаров ручного или мануфактурного производства и тех же товаров, произведенных машинами, дает в общем тот результат, что в машинном продукте часть стоимости, переходящая от средств труда, относительно возрастает, но абсолютно уменьшается. То есть ее абсолютная величина уменьшается, но ее величина в отношении ко всей стоимости продукта, например фунта пряжи, увеличивается ¹¹¹⁾.

Ясно, что если производство известной машины стоит такого же количества труда, какое сберегается ее применением, то происходит просто перемещение труда, т. е. общая сумма труда, необходимого для производства товара, не уменьшается, или производительная сила труда не возрастает. Однако разница между трудом, которого стоит машина, и трудом, который она сберегает, или степень ее производительности, очевидно, не зависит от разницы между ее собственной стоимостью и стоимостью того орудия, которое она замещает. Первая разница продолжает существовать до тех пор, пока трудовые издержки на машину, а потому и та часть стоимости, которая переносится с нее на продукт, остаются меньше той стоимости, которую рабочий со своим орудием присоединил бы к предмету труда. Поэтому производительность машины измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу. Согласно г-ну Бейнсу, на 450 мюльных веретен с соответствующим приготавительным оборудованием, приводимых в движение одной паровой лошадиной силой, приходится $2\frac{1}{2}$ рабочих ¹¹²⁾; при этом каждое сель-

¹¹¹⁾ Эта составная часть стоимости, присоединяемая машиной, понижается абсолютно и относительно в тех случаях, когда машина вытесняет лошадей, вообще рабочий скот, который употребляется исключительно как двигательная сила, а не как машина для переработки веществ. Кстати сказать, Декарт, с его определением животных как простых машин, смотрит на дело глазами мануфактурного периода в отличие от средних веков, когда животное представлялось помощником человека, как позже — и г-ну Галлеру в его «*Restauration der Staatswissenschaften*». Что Декарт, как и Бэкон, в изменении формы производства и в практическом господстве человека над природой видел результат перемен в методе мышления, показывает его «*Discours de la Méthode*», где между прочим говорится: «Можно» (при помощи метода, введенного им в философию) «достичь знаний, очень полезных в жизни, и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, можно создать практическую философию, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд и всех прочих окружающих нас тел так же отчетливо, как мы знаем различные занятия наших ремесленников, мы могли бы наравне с последними использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать таким путем господами и хозяевами природы», а вместе с тем «содействовать усовершенствованию человеческой жизни». В предисловии к «*Discourses upon Trade*» (1691) сэра Дадли Норса говорится, что метод Декарта, примененный к политической экономии, начал освобождать ее от старинных сказок и суеверных представлений о деньгах, торговле и т. д. Однако в общем ранние английские экономисты примыкают к философии Бэкона и Гоббса, между тем как впоследствии «философом» хат'ѳеорѳи [по преимуществу] политической экономии для Англии, Франции и Италии стал Локк.

¹¹²⁾ Согласно годовому отчету Торговой палаты в Эссене (октябрь 1863 г.), сталелитейный завод Круппа при помощи 161 плавильной, калильной и цементной печи, 32 паровых машин (в 1800 г. приблизительно таково было общее количество паровых машин, применявшихся в Манчестере) и 14 паровых молотов, — представлявших в общей сложности 1 236 лошадиных сил, — 49 кузнечных горнов, 203 станков и приблизительно 2 400 рабочих произвел в 1862 г. 13 млн. фунтов литой стали. На одну лошадиную силу здесь приходится даже меньше 2 рабочих.

факторное веретено при десятичасовом рабочем дне выпрядает 13 унций пряжи (средних номеров), что на $2\frac{1}{2}$ рабочих составит $365\frac{5}{8}$ ф. пряжи в неделю. Следовательно, при своем превращении в пряжу приблизительно 366 ф. хлопка (упрощения ради мы не берем в расчет угары) поглощают всего 150 рабочих часов, или 15 десятичасовых рабочих дней, между тем как при ручной прялке, когда прядильщик производит 13 унций пряжи за 60 часов, то же самое количество хлопка поглотило бы 2 700 десятичасовых рабочих дней, или 27 000 рабочих часов¹¹³⁾. Там, где старый метод blockprinting, или ручной набивки ситца, заменен машинным печатанием, одна машина при содействии одного взрослого рабочего или подростка печатает в 1 час столько же четырехцветного ситца, сколько раньше набивали 200 взрослых рабочих¹¹⁴⁾. Пока Илай Уитни не изобрел в 1793 г. волокноотделителя, отделение одного фунта хлопка от семян стоило в среднем одного рабочего дня. Благодаря этому изобретению одна негритянка может очистить 100 ф. хлопка в день, а с того времени производительность волокноотделителя еще значительно увеличена. Фунт хлопкового волокна, производство которого стоило раньше 50 центов, впоследствии продавался по 10 центов, и притом с большей прибылью, т. е. с включением большего количества неоплаченного труда. В Индии для отделения волокон от семян употребляется полумашинобразный инструмент, чурка, при помощи которого один мужчина и одна женщина очищают 28 ф. в день. С помощью чурки, несколько лет тому назад изобретенной д-ром Форбсом, 1 мужчина и 1 подросток очищают в день 250 ф.; если же в качестве двигательной силы применяются волы, пар или вода, то требуется лишь несколько подростков и девочек, исполняющих роль feeders (т. е. подавальщиков материала в машину). Шестнадцать таких машин, приводимых в движение волами, выполняют ежедневно работу, которая раньше требовала в среднем 750 человек¹¹⁵⁾.

Как уже упоминалось, паровая машина при паровом плуге совершает в 1 час за 3 пенса, или за $\frac{1}{4}$ шилл., столько работы, сколько 66 человек за 15 шилл. в час. Я возвращаюсь к этому примеру во избежание ошибочного представления. А именно: эти 15 шилл. отнюдь не являются выражением труда, присоединенного в 1 час 66 рабочими. Если отношение прибавочного труда к необходимому труду составляло 100%, то эти 66 рабочих производили

¹¹³⁾ Баббедж вычисляет, что на Яве почти одним только трудом приращения стоимость хлопка увеличивается на 117%. В то же самое время (1832 г.) в Англия общая стоимость, присоединяемая при тонкопрядении машинами и трудом к хлопку, составляла около 33% стоимости сырого материала («On the Economy of Machinery», London, 1832, p. 165, 166).

¹¹⁴⁾ Кроме того, при машинном печатании достигается экономия на краске.

¹¹⁵⁾ Ср. Paper read by Dr. Watson. Reporter on the Products to the Government of India, before the Society of Arts, 17 April 1860.

в час стоимость в 30 шилл., хотя в получаемом ими эквиваленте, т. е. в 15 шилл. их заработной платы, представлено только 33 из общего количества 66 часов. Итак, если мы предположим, что машина стоит ровно столько, сколько составляет годовая плата вытесненных ею 150 рабочих, скажем 3 000 ф. ст., то эти 3 000 ф. ст. отнюдь не являются денежным выражением всего труда, выполненного и присоединенного к предмету труда этими 150 рабочими, а только той части их годового труда, которая для них выражается в заработной плате. Напротив, денежная стоимость машины, 3 000 ф. ст., служит выражением всего труда, затраченного на ее производство, в каком бы отношении ни образовывал этот труд заработную плату рабочего и прибавочную стоимость капиталиста. Следовательно, даже если машина и стоит столько же, сколько замещаема ею рабочая сила, овеществленный в самой машине труд всегда гораздо меньше замещаемого ею живого труда ¹¹⁶⁾.

Если рассматривать машины исключительно как средство удешевления продукта, то граница их применения определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы. Так как разделение рабочего дня на необходимый труд и прибавочный труд в разных странах различно, так же как оно различно и в одной и той же стране, но в разные периоды или в один и тот же период, но в разных отраслях производства; так как, далее, действительная заработная плата рабочего то падает ниже, то поднимается выше стоимости его рабочей силы, то эта разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы может претерпевать большие колебания, хотя бы разница между количеством труда, необходимым для производства машины, и общим количеством замещаемого ею труда и оставалась без изменения ^{116a)}. Но только первая разница и определяет для самого капиталиста издержки производства товара и оказывает на него влияние при посредстве принудительных законов конкуренции. Поэтому в Англии в настоящее время изобретаются машины, которые находят себе применение только в Северной Америке, как Германия в XVI и XVII веках изобретала машины, которые применялись только в Голландии,

¹¹⁶⁾ «Эти немые агенты» (машины) «всегда являются продуктом гораздо меньшего труда, чем тот, который они замещают, хотя бы они имели ту же денежную стоимость» (Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 40).

^{116a)} *Примечание к 2 изданию.* Поэтому в коммунистическом обществе машинами имели бы совершенно другой простор, чем в буржуазном обществе.

и как некоторые французские изобретения XVIII века эксплуатировались только в Англии. Сама машина в странах, более старых по развитию, своим применением в некоторых отраслях предприятий производит такой избыток труда (*redundancy of labour*, говорит Рикардо) в других отраслях, что в последних понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы препятствует применению машин и делает его излишним, часто прямо невозможным с точки зрения капитала, прибыль которого ведь происходит не из сокращения применяемого труда вообще, а из сокращения оплачиваемого труда. В некоторых отраслях английской шерстяной промышленности детский труд за последние годы сильно сократился, местами почти совершенно вытеснен. Почему? Фабричный закон заставил ввести две смены детей, из которых одна работает 6 часов, другая 4 часа, или каждая только по 5 часов. Но родители не хотели продавать *half-times* (рабочих, работающих половину времени) дешевле, чем раньше продавали *full-times* (рабочих, работающих полное время). Отсюда замена *half-times* машинами ¹¹⁷⁾. До запрещения в рудниках труда женщин и малолетних (моложе 10 лет) капитал находил столь согласным со своим моральным кодексом, а особенно со своим грессбухом, заставлять толых женщин и девушек, часто вместе с мужчинами, работать в угольных и других копях, что он лишь после этого запрещения обратился к машинам. Янки изобрели камнедробильные машины. Англичане их не применяют, потому что у «несчастных» («*wretch*» — несчастный — это специальный термин английской политической экономии для обозначения сельскохозяйственных рабочих), выполняющих эту работу, оплачивается столь ничтожная часть их труда, что машины удорожили бы производство для капиталистов ¹¹⁸⁾. В Англии для того, чтобы барку тянуть по каналу и т. д., иногда вместо лошадей все еще применяются женщины ¹¹⁹⁾, потому что труд, необходимый для производства лошадей и машин, представляет собой математически определенную величину, труд же, необходимый для содержания женщин из избыточного населения, ниже всякого расчета.

¹¹⁷⁾ «Предприниматели без необходимости не станут сохранять две смены детей до 13-летнего возраста... Фактически, часть фабрикантов, — шерстопрядальщики, — теперь редко применяют труд детей моложе 13 лет, т. е. *half-times*. Они ввели усовершенствованные и новые машины различных видов, которые полностью устраняют труд детей» (т. е. детей до 13 лет). «Так, например, в качестве иллюстрации этого уменьшения числа детей на производстве назову один производственный процесс, в котором благодаря присоединению к ранее действовавшим машинам аппарата, называемого сучильной машиной, труд шести или четырех *half-times*, — в зависимости от особенностей каждой машины, — может быть выполнен всего лишь одним подростком» (старше 13 лет)... «Система *half-time*» стимулировала «изобретение сучильной машины» («*Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858*»).

¹¹⁸⁾ «Машинами... часто могут быть применены только тогда, когда цена труда» (он имеет в виду заработную плату) «поднимается» (*Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 479*).

¹¹⁹⁾ См. «*Report of the Social Science Congress at Edinburgh. October 1863*».

Поэтому нигде нет более бесстыдного расточительства человеческой силы на всякие пустяки, чем именно в Англии, в стране машин.

3. БЛИЖАЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА РАБОЧЕГО

Исходным пунктом крупной промышленности послужила, как мы видели, революция в области средств труда, средства же труда, претерпевшие переворот, получают свою наиболее развитую форму в расчлененной системе машин на фабрике. Прежде чем рассматривать, как к этому объективному организму присоединяется человеческий материал, познакомимся с некоторыми общими действиями этой революции на самого рабочего.

а) ПРИСВОЕНИЕ КАПИТАЛОМ ДОБАВОЧНЫХ РАБОЧИХ СИЛ. ЖЕНСКИЙ И ДЕТСКИЙ ТРУД

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством применения рабочих без мускульной силы или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин! Этот мощный заменитель труда и рабочих превратился тем самым немедленно в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и обычным временем свободного труда в домашнем кругу для нужд самой семьи ¹²⁰⁾.

Стоимость рабочей силы определяется рабочим временем, необходимым для существования не только отдельного взрослого рабочего, но и рабочей семьи. Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины на всю его семью. Поэтому они понижают стои-

¹²⁰⁾ Во время хлопкового кризиса, сопровождавшего Гражданскую войну в Америке, д-р Эдуард Смит был послан английским правительством в Ланкашир, Чешир и т. д. для обследования состояния здоровья рабочих хлопчатобумажной промышленности. Он сообщает между прочим: в гигиеническом отношении кризис, помимо вытеснения им рабочих из фабричной атмосферы, имел и многие другие положительные последствия. Жены рабочих находят теперь необходимый досуг, чтобы покормить детей грудью, вместо того чтобы отравлять их микстурой Годфри (опиумным препаратом). У них теперь появилось время, чтобы научиться стряпать. К несчастью, это поварское искусство было постигнуто в такой момент, когда им нечего было есть. Но из этого видно, до какой степени капитал удушил для своего самовозрастания труд, необходимый для потребностей семьи. Точно так же кризис был использован с той целью, чтобы в особых школах научить дочерей рабочих шитью. Понадобились американская революция и мировой кризис, чтобы рабочие девушки, которые прядают для всего мира, научились шить!

мость его рабочей силы. Быть может, купля семьи, раздробленной на 4 рабочих силы, стоит дороже, чем раньше стоила купля рабочей силы главы семьи, но зато теперь 4 рабочих дня заступают место одного, и их цена понижается пропорционально превышению прибавочного труда четырех над прибавочным трудом одного. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и прибавочный труд. Таким образом, машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей аренной капиталистической эксплуатации¹²¹⁾, с самого начала увеличивают и степень эксплуатации.

Машины революционизируют также до основания формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом. На базисе товарообмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один — как владелец денег и средств производства, другой — как владелец рабочей силы. Но теперь капитал покупает несовершеннолетних или малолетних. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится работником¹²²⁾. Спрос на детский труд часто и по форме напоминает спрос на негров-рабов, образчики которого мы привыкли встречать в объявлениях американских газет.

¹²¹⁾ «Численный рост рабочих был велик вследствие усиливающейся замены труда мужичиным трудом женщин и особенно труда взрослых трудом малолетних. Три девочки 13-летнего возраста, с заработной платой от 6 до 8 шилл. в неделю, заменяют взрослого мужчину, плата которого колеблется от 18 до 45 шиллингов» (*The Logic of Political Economy*. London, 1844, примечание к стр. 147). Так как без некоторых функций, необходимых в семье, например присмотра за детьми и кормления их, невозможно совсем обойтись, то матерям, отнятым капиталом, приходится в большей или меньшей мере прибегать к услугам заместителей. Работы, которых требует потребление семьи, например шитье, починка и т. д., приходится заменять покупкой готовых товаров. Уменьшению затрат домашнего труда соответствует поэтому увеличение денежных расходов. Поэтому надержки производства рабочей семьи возрастают и уравновешивают увеличение дохода. К этому присоединяется то обстоятельство, что делаются невозможными экономия и целесообразность в пользовании жизненными средствами и в их приготвлении. Об этих фактах, которые утаиваются официальной политической экономией, богатый материал можно найти в отчетах фабричных инспекторов, в отчетах Комиссии по обследованию условий детского труда, а в особенности в отчетах о здоровье населения.

¹²²⁾ В противоположность тому великому факту, что ограничение женского и детского труда на английских фабриках было завоевано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами, еще самые недавние отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда отмечают поистине возмутительные и вполне достойные работников черты рабочих-родителей в том, что касается торгашества детьми. А капиталистические фарисеи, как можно видеть из тех же отчетов, облачают это ими же самими созданное, увековечиваемое и эксплуатируемое зверство, которое в других случаях они называют «свободой труда». «Детский труд был призван на помощь... даже для того, чтобы дети зарабатывали себе собственный хлеб насущный. Не имея сил выдержать такой непомерный труд, не имея подготовки, необходимой для направления своей дальнейшей жизни, они были поставлены в положение, оскверняющее физически и нравственно. Еврейский историк по поводу разрушения Иерусалима Титом заметил, что нет ничего удивительного в том, что он подвергся такому необыкновенному опустошению, раз одна бесчеловечная мать пожертвовала своим собственным ребенком для утоления мук ужасного голода» («Public Economy Concentrated». Carlisle, 1833, p. 66).

«Мое внимание», — рассказывает, например, один английский фабричный инспектор, — «привлекло объявление в местной газете одного из значительнейших мануфактурных городов моего округа. Объявление гласит: «Требуется 12—20 мальчиков в таком возрасте, чтобы они могли сойти за 13-летних. Плата 4 шилл. в неделю. Спросить и т. д.»» ¹²³⁾.

Фраза «чтобы они могли сойти за 13-летних» объясняется тем, что согласно фабричному акту дети моложе 13 лет могут работать только 6 часов. Официальный врач (*certifying surgeon*) должен удостоверить возраст. Поэтому фабрикант требует таких мальчиков, которые выглядят так, будто им уже минуло 13 лет. Уменьшение числа занятых фабрикантами детей моложе 13 лет, совершающееся нередко скачками и так поражающее в английской статистике за последние 20 лет, по словам самих фабричных инспекторов, было в большой мере делом этих *certifying surgeons*, изменяющих возраст детей сообразно эксплуататорской жажде капиталистов и торгашеской потребности родителей. В Бетнал-Грине, печально известном районе Лондона, каждый понедельник и вторник утром совершается открытый торг, на котором дети обоего пола с 9-летнего возраста сами отдают себя внаем на лондонские шелковые мануфактуры. «Обычные условия — 1 шилл. 8 пенсов в неделю (это отдается родителям), 2 пенса для меня самого и чай». Договоры заключаются только на неделю. Сцены и язык на этом рынке поистине возмутительны ¹²⁴⁾. В Англии до сих пор еще случается, что женщины «берут мальчиков из рабочего дома и отдают их внаем какому угодно покупателю по 2 шилл. 6 пенсов в неделю» ¹²⁵⁾. Вопреки законодательству все еще по меньшей мере до 2000 мальчиков продается в Великобритании своими родителями в качестве живых трубочистных машин (хотя для замены их существуют действительные машины) ¹²⁶⁾. Вызванная машиной революция в правовом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы, лишившая всю эту сделку даже видимости договора между свободными лицами, впоследствии дала английскому парламенту юридическое основание для государственного вмешательства в фабричное дело. Каждый раз, когда фабричный закон ограничивает 6 часами детский труд в незатронутых до того времени отраслях промышленности, все снова и снова раздаются вопли фабрикантов: некоторые родители, — говорят они, — берут своих детей из подлежащей регулированию промышленности только затем, чтобы продать их в такие отрасли, где все еще господствует «свобода труда», т. е. туда, где дети моложе 13 лет вынуждены работать наравне со взрослыми

¹²³⁾ А. Редгрейв в «*Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858*», p. 41.

¹²⁴⁾ «*Children's Employment Commission. 5th Report*». London, 1866, p. 81, № 31. (К 4 изданию. Шелковая промышленность в Бетнал-Грине в настоящее время почти совсем уничтожена. Ф. Э.)

¹²⁵⁾ «*Children's Employment Commission. 3rd Report*». London, 1864, p. 53, № 15.

¹²⁶⁾ Там же, «*5th Report*», p. XXII, № 137.

и, следовательно, могут быть проданы подороже. Но так как капитал по своей природе уравнитель, т. е. требует, как прирожденного права человека, равенства условий эксплуатации труда во всех отраслях производства, то законодательное ограничение детского труда в одной отрасли промышленности становится причиной его ограничения в другой отрасли.

Мы уже раньше указывали на физическую деградацию детей и подростков, равно как и жен рабочих, которых машина подчиняет эксплуатации капитала сначала прямо — на фабриках, возникающих на ее базе, — а потом косвенно — во всех других отраслях промышленности. Поэтому здесь мы остановимся только на одном пункте, на колоссальной смертности детей рабочих в первые годы их жизни. В Англии имеется 16 регистрационных округов, в которых на 100 000 детей до одного года приходится в среднем только 9 085 смертных случаев в год (в одном округе лишь 7 047); в 24 округах больше 10 000, но меньше 11 000; в 39 округах больше 11 000, но меньше 12 000; в 48 округах больше 12 000, но меньше 13 000; в 22 округах больше 20 000; в 25 округах больше 21 000; в 17 свыше 22 000; в 11 больше 23 000; в Ху, Вулвергемптон, Аштон-андер-Лайне и Престоне больше 24 000; в Ноттингеме, Стокпорте и Бадфорде больше 25 000; в Уисбиче 26 001 и в Манчестере 26 125 ¹²⁷⁾. Как показало официальное врачебное обследование в 1861 г., причиной такой высокой смертности являются, не считая местных обстоятельств, главным образом занятие матерей вне дома и вытекающие отсюда отсутствие ухода за детьми и плохое обращение с ними, между прочим неподходящее питание, недостаток питания, кормление препаратами опиума и т. д.; к этому присоединяется противоестественное отчуждение матерей от своих детей, а за ним преднамеренное недокармливание и отравление ¹²⁸⁾. Напротив, в таких земледельческих округах, «где женщины наименее заняты, процент смертности наименьший» ¹²⁹⁾. Однако следственная комиссия 1861 г. пришла к тому неожиданному выводу, что в некоторых чисто земледельческих округах, расположенных по побережью Северного моря, смертность детей до одного года почти достигает ее размеров в фабричных округах, наиболее прославленных в этом отношении. Поэтому д-ру Джулиану Хантеру было предложено изучить это явление на месте. Его отчет приложен к «Sixth Report on Public Health» ¹³⁰⁾. До того времени предполагали, что детей косят малярия и другие

¹²⁷⁾ «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 34.

¹²⁸⁾ «Более того, оно» (обследование 1861 г.) «... показало, что при описанных обстоятельствах дети умирают вследствие плохого обращения и отсутствия ухода, что обусловливается занятостью их матерей. Матери до такой степени утрачивают естественные чувства к своим детям, что обыкновенно не огорчаются их смертью, а иногда даже... прямо принимают меры, чтобы вызвать ее» (там же).

¹²⁹⁾ Там же, стр. 454.

¹³⁰⁾ Там же, стр. 454, 462. «Reports by Dr. Henry Julian Hunter on the excessive mortality of infants in some rural districts of England».

болезни, свойственные низким и болотистым местам. Обследование привело к прямо противоположному выводу, а именно,

«что та самая причина, которая уничтожила малярию, т. е. превращение в плодородную пашню земли, представлявшей собой болото зимой и скудное пастбище летом, вызвала необыкновенно высокую смертность среди грудных детей» ¹³¹⁾.

70 практикующих в этом округе врачей, которых опросил д-р Хантер, были «поразительно единодушны» насчет этого пункта. Именно, одновременно с революцией в земледельческой культуре здесь было положено начало и промышленной системе.

«Замужние женщины, работающие вместе с девушками и подростками, за определенную сумму предоставляют в распоряжение арендатора особым лицом, которое называется «gangmeister» и договаривается о найме всей группы. Эти группы часто перекочевывают за многие мили от своих деревень; утром и вечером их можно встретить по проселочным дорогам; женщины одеты в короткие юбки и соответствующие кофты и сапоги, иногда в штаны, очень сильные и здоровы на вид, но испорчены вошедшим в привычку распутством и нисколько не думают о тех вредных последствиях, которые их любовь к такой деятельной и независимой жизни обрушивает на их детей, чахнувших дома» ¹³²⁾.

Все явления фабричных округов наблюдаются и здесь, а замаскированное детоубийство и кормление детей опиатами даже еще в большей степени ¹³³⁾.

«Мое знакомство со злом, которое порождается широким применением труда взрослых женщин в промышленности, должно послужить оправданием моего отвращения к этому факту», — говорит д-р Саймон, медицинский инспектор английского Тайного совета ¹⁴⁰⁾ и главный редактор отчетов о здоровье населения ¹³⁴⁾. «Действительно», — восклицает фабричный инспектор Р. Бейкер в одном официальном отчете, — «будет счастьем для мануфактурных округов Англии, если всем замужним женщинам, имеющим семью, будет воспрещено работать на какой бы то ни было фабрике» ¹³⁵⁾.

Моральное калечение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими авторами, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом. Интеллектуальное же одичание, искусственно вызываемое превращением незрелых людей в простые машины для производства прибавочной стоимости и совершенно отличное от того природного невежества, при котором ум

¹³¹⁾ Там же, стр. 35, 455, 456.

¹³²⁾ Там же, стр. 456.

¹³³⁾ Как в фабричных, так и в земледельческих округах Англии потребление опиума взрослыми рабочими и работницами все увеличивается. «Увеличение сбыта опиума... составляет главную цель некоторых предприимчивых оптовых торговцев. Аптекари признают опиум самым ходовым товаром» (там же, стр. 459). Грудные дети, принимающие опиум, «сморщиваются в маленьких старичков или съеживаются в обезьянок» (там же, стр. 460). Вот как Индия и Китай мстят Англии!

¹³⁴⁾ Там же, стр. 37.

¹³⁵⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 59. Этот фабричный инспектор раньше был врачом.

остается нетронутым без ущерба для самой его способности к развитию, его естественной плодovitости, — это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству. Дух капиталистического производства ясно обнаруживается в неряшливой редакции в фабричных актах пунктов о так называемом воспитании, в отсутствии того административного аппарата, без которого это обязательное обучение в большинстве случаев опять-таки становится иллюзорным, в оппозиции фабрикантов даже такому закону об обучении и в их увертках и уловках для того, чтобы обойти его.

«Обвинять приходится только законодательную власть, потому что она издала обманный закон (*delusive law*), который, заботясь для вида о воспитании детей, не содержит ни одного положения, обеспечивающего достижение этой цели. Он ничего не устанавливает, кроме того, что дети на определенное число часов» (3 часа) «в день должны быть заперты в четырех стенах помещения, именуемого школой, и что хозяин детей еженедельно должен получать удостоверение об исполнении этого от лица, которое подписывается в качестве учителя или учительницы»¹³⁶⁾.

До издания в 1844 г. исправленного фабричного акта нередко попадались удостоверения о посещении школы, на которых учитель или учительница вместо подписи ставили крест, потому что сами не умели писать.

«При моем посещении одной школы, выдающей такие свидетельства, я до того был поражен невежеством учителя, что спросил его: «Скажите, пожалуйста, умеете ли вы читать?» — «В общем, да (*summat*)», — был его ответ. В свое оправдание он добавил: «Во всяком случае я знаю больше, чем мои ученики»».

Во время подготовки акта 1844 г. фабричные инспектора жаловались на позорное состояние учреждений, именуемых школами, удостоверения которых они по закону должны были признавать вполне действительными. Но все, чего они добились, заключалось в том, что с 1844 г.

«учитель должен был вносить своей рукой цифры в школьное удостоверение, ditto [а также] собственноручно подписывать свое имя и фамилию»¹³⁷⁾.

Сэр Джон Кинкейд, шотландский фабричный инспектор, рассказывает о том же на основании своего служебного опыта.

«Первая школа, которую мы посетили, содержалась госпожой Анн Киллин. Когда я предложил ей написать ее фамилию, она сразу сделала ошибку, начав с буквы С, но тотчас поправилась, заявив, что ее фамилия начинается с К. Однако при просмотре ее подписи в школьных удостоверениях я заметил, что она подписывается различно. В то же время почерк не оставляет никакого

¹³⁶⁾ Леонард Хорнер в «*Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1857*», p. 17.

¹³⁷⁾ Леонард Хорнер в «*Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855*», p. 18, 19.

сомнения в том, что она неспособна учить. Да и сама она призналась, что не может вести классный журнал... В другой школе я попал в школьную комнату в 15 футов длины и 10 футов ширины, где было 75 детей, которые бормотали что-то невразумительное»¹³⁸). «Однако подобная практика, при которой дети получают школьные удостоверения, но не получают никакого образования, наблюдается не только в таких жалких углах, — существует много школ с достаточно подготовленными учителями, но почти все усилия последних разбиваются об умопомрачительное смещение детей всех возрастов, начиная с трехлетнего. Материальное положение учителя, в лучшем случае нищенское, всецело зависит от получаемого количества пенсов, а их он получает тем больше, чем больше детей удается набить в одну комнату. К этому присоединяется скучная школьная обстановка, недостаток книг и других учебных пособий и удручающее действие спертости и отвратительного воздуха на самих бедных детей. Я бывал во многих таких школах, причем видел целые ряды детей, которые абсолютно ничего не делали; и это удостоверяется как посещение школы, и такие дети фигурируют в официальной статистике как получившие образование (educated)»¹³⁹).

В Шотландии фабриканты стараются по возможности обходиться без детей, обязанных посещать школу.

«Этого достаточно, чтобы доказать сильное перасположение фабрикантов к постановлениям об обучении детей»¹⁴⁰).

В гротескно-отвратительных формах проявляется это в ситцепечатных и т. п. заведениях, подчиненных особому фабричному закону. Согласно положениям этого закона,

«каждый ребенок перед поступлением в такое печатное заведение должен посещать школу по меньшей мере 30 дней и не меньше 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествующих дню его поступления. За время своей работы в печатном заведении он также должен посещать школу в течение 30 дней или 150 часов в каждое полугодие... Посещение школы должно происходить между 8 часами утра и 6 часами вечера. Посещение, продолжавшееся менее 2½ часов или сверх 5 часов в один день, не засчитывается в эти 150 часов. При обычных обстоятельствах дети посещают школу утром и вечером в течение 30 дней, по 5 часов в день, и по истечении 30 дней, набрав установленные 150 часов, покончив со своей книгой, как выражаются они сами, они опять возвращаются в заведение, опять остаются в нем 6 месяцев, пока не наступит новый срок для посещения школы, — и опять остаются в школе до тех пор, пока снова не покончат со своей книгой... Очень многие дети, посещавшие школу на протяжении предписанных 150 часов, при возвращении в нее после шестимесячного пребывания в печатном заведении должны все начинать сначала... Они, конечно, забывают все, что приобрели в предыдущее посещение школы. В других ситцепечатных заведениях посещение школы поставлено в полную зависимость от хода дел на фабрике, от ее потребностей. Требуемое количество часов за каждый полугодичный период образуется общим суммированием 3—5-часовых посещений, которые распределяются, быть может, на все полугодие. Например, в один день школа посещается с 8 до 11 часов утра, в другой день — с 1 до 4 часов дня, и после того как ребенок несколько дней отсутствовал, он вдруг снова приходит на время с 3 до 6 часов вечера; затем он является, может быть, 3 или 4 дня или целую неделю кряду, потом опять исчезает недели на 3 или на целый месяц и возвращается на несколько часов в те дни, когда предприниматель случайно в нем не нуждается; таким-то образом

¹³⁸) Сэр Джон Кинкейд в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858», p. 31, 32.

¹³⁹) Леонард Хорнер в «Reports etc. for 30th April 1857», p. 17, 18.

¹⁴⁰) Сэр Дж. Кинкейд в «Reports of Insp. etc. for 31st October 1856», p. 66.

ребенка, так сказать, швыряют (buffet) то туда, то сюда, из школы на фабрику, с фабрики в школу, пока не наберется 150 часов» ¹⁴¹⁾.

Присоединяя подавляющее количество детей и женщин к комбинированному рабочему персоналу, машина сламывает, наконец, сопротивление, которое в мануфактуре мужчина-рабочий еще оказывал деспотизму капитала ¹⁴²⁾.

б) УДЛИНЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ

Если машина является наиболее могущественным средством увеличения производительности труда, т. е. сокращения рабочего времени, необходимого для производства товаров, то как носительница капитала она становится, прежде всего в непосредственно захваченных ею отраслях промышленности, наиболее могущественным средством удлинения рабочего дня дальше всех естественных пределов. Она создает, с одной стороны, новые условия, позволяющие капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденции; с другой стороны — создает новые мотивы, обостряющие его жажду чужого труда.

Прежде всего движение и деятельность средства труда приобретают в машине самостоятельный характер по отношению к рабочему. Средство труда становится само по себе промышленным *perpetuum mobile* [вечным двигателем], который производил бы непрерывно, если бы он не наталкивался на известные естественные границы со стороны своих помощников-людей, на слабость их тела и на их своеволие. Как капитал, — а в качестве такового автомат обладает в лице капиталиста сознанием и волей, — средство труда поэтому воодушевлено стремлением довести противодействие сопротивляющейся ему, но эластичной человеческой природы до минимума ¹⁴³⁾. Да и без того это противодействие

¹⁴¹⁾ А. Редгрейв в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October, 1857», p. 41, 42. В тех отраслях английской промышленности, которые уже давно подчинены фабричному акту (не акту о ситцепечатных фабриках, о котором сейчас говорилось в тексте), помехи постановлениям об обучении в последние годы до известной степени устранены. В тех же отраслях промышленности, которые не подчинены фабричному закону, до сих пор еще сильно распространены воззрения, высказанные стекольным фабрикантом Дж. Геддесом, который так поучал члена следственной комиссии Уайта: «Насколько я понимаю, большее образование, получаемое за последние годы частью рабочего класса, представляет собой зло. Оно опасно, так как делает рабочих слишком независимыми» («Children's Employment Commission. 4th Report». London, 1865, p. 253).

¹⁴²⁾ Г-н Э., фабрикант, сообщил мне, что на своих механических ткацких станках он дает работу исключительно женщинам; он предпочитает замужних женщин, в особенности женщин с семьей, которую они содержат; они много внимательнее и послушнее, чем незамужние, и вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые средства к жизни. Так, добродетели, — добродетели, свойственные характеру женщин, обращаются во вред им, так нравственная и нежная сторона их природы превращается в средство их порабощения, в источник их страданий» («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord Ashley, 15th March». London, 1844, p. 20).

¹⁴³⁾ «С того времени, как дорогие машины приобрели всеобщее распространение, человека принудили работать сильнее его средних сил» (Robert Owen. «Observations on the effect of the manufacturing system», 2nd ed. London, 1817 [p. 16]).

ослаблено кажущейся легкостью труда при машине, а также податливостью и покорностью женщин и детей ¹⁴⁴⁾.

Производительность машин, как мы видели, обратно пропорциональна величине той составной части стоимости, которая переносится ими на продукт. Чем продолжительнее период, в течение которого функционирует машина, тем больше масса продукта, на которую распределяется присоединяемая машиной стоимость, и тем меньше та часть стоимости, которую она присоединяет к единице товара. А активный период жизнедеятельности машины определяется, очевидно, длиной рабочего дня или продолжительностью ежедневного процесса труда, помноженной на число дней, в течение которых этот процесс повторяется.

Износ машин отнюдь не с математической точностью соответствует времени пользования ими. Но даже при том предположении, что это соответствие существует, машина, которая служит ежедневно по 16 часов в течение $7\frac{1}{2}$ лет, охватывает такой же период производства и присоединяет к совокупному продукту такую же стоимость, как та же самая машина, если она служит 15 лет всего по 8 часов ежедневно. Но в первом случае стоимость машины была бы воспроизведена вдвое быстрее, чем во втором, и капиталист поглотил бы в первом случае при помощи этой машины столько же прибавочного труда в $7\frac{1}{2}$ лет, сколько во втором случае — в 15 лет.

Материальный износ машины бывает двоякого рода. Один возникает из ее употребления, — как монеты изнашиваются от обращения, — другой из неупотребления, — как меч от бездействия ржавеет в ножнах. В последнем случае она делается добычей стихий. Износ первого рода в большей или меньшей мере прямо пропорционален употреблению машины, износ второго рода — до известной степени обратно пропорционален употреблению ¹⁴⁵⁾.

Но, кроме материального износа, машина подвергается, так сказать, и моральному износу. Она утрачивает меновую стоимость,

¹⁴⁴⁾ Англичаде, которые склонны принимать первую эмпирическую форму проявления чего-либо за самую основу, часто считают причиной долгого рабочего времени на фабриках то огромное ядовитое похищение детей, которое капитал производил при зарождении фабричной системы в приютах для бедных и сирот и при посредстве которого он приобрел совершенно безропотный человеческий материал. Так, например, Филден, сам английский фабрикант, говорит: «Ясно, что удлинение рабочего времени было вызвано тем обстоятельством, что количество беспризорных детей, доставлявшихся из разных частей страны, было настолько велико, что хозяева пользовались и независимостью от рабочих и, установив обычай продолжительного труда при помощи этих несчастных детей, они очень легко могли навязать его своим соседям» (*J. Fielden. «The Curse of the Factory System»*. London, 1836, p. 11). Относительно женского труда фабричный инспектор Сандерс говорит в фабричном отчете за 1844 г.: «Среди работниц есть женщины, которые в течение многих недель кряду, за исключением лишь нескольких дней, работают с 6 часов утра до 12 часов ночи, с перерывом менее 2 часов на обед, так что в течение 5 дней в неделю у них остается из 24 часов всего по 6 часов на то, чтобы пойти до дома и обратно и отдохнуть в постели».

¹⁴⁵⁾ «Причинение... вреда тонким подвижным частям металлического механизма бездействием последнего» (*Ure. «Philosophy of Manufactures»*, p. 281).

по мере того как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию ¹⁴⁶⁾. В обоих случаях, как бы еще нова и жизнеспособна ни была машина, ее стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически овеществлено в ней, а тем, которое необходимо теперь для воспроизводства ее самой или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость. Чем короче период, в течение которого воспроизводится вся ее стоимость, тем меньше опасность морального износа, а чем длиннее рабочий день, тем короче этот период. Если машины впервые вводятся в какую-либо отрасль производства, то один за другим следуют все новые и новые методы удешевленного их воспроизводства ¹⁴⁷⁾ и новые усовершенствования, охватывающие не только отдельные части или аппараты, но и всю конструкцию в целом. Поэтому в первый период жизни машины этот особый мотив к удлинению рабочего дня действует с наибольшей силой ¹⁴⁸⁾.

При прочих равных условиях и при данной величине рабочего дня эксплуатация удвоенного числа рабочих требует удвоения и той части постоянного капитала, которая затрачивается на машины и здания, и той его части, которая затрачивается на сырой материал, вспомогательные материалы и т. д. С удлинением рабочего дня масштаб производства увеличивается, между тем как часть капитала, затраченная на машины и здания, остается без изменения ¹⁴⁹⁾. Благодаря этому не только возрастает прибавочная стоимость, но и уменьшаются затраты, необходимые для ее получения. Конечно, это явление в большей или меньшей мере наблюдается вообще при всяком удлинении рабочего дня, но здесь оно имеет более решающее значение, потому что часть капитала, превращаемая в средства труда, здесь вообще играет большую

¹⁴⁶⁾ Уже упомянутый раньше «Манчестерский прядильщик» («Times», 26 ноября 1862 г.) относит к издержкам на машины «то» (речь идет об «отчислениях на износ машин»), «что предназначено на покрытие потерь, которые постоянно возникают вследствие замены одних машин другими, новыми и лучшей конструкции, прежде чем первые придут в состояние полного износа».

¹⁴⁷⁾ «В общем считают, что создание первого экземпляра вновь изобретенной машины стоит почти в пять раз дороже, чем создание второго» (*Babbage*, цит. соч., стр. 349).

¹⁴⁸⁾ «В течение немногих лет в производстве тюля были сделаны настолько серьезные и многочисленные усовершенствования, что хорошо сохранившаяся машина, стоившая первоначально 1 200 ф. ст., через несколько лет продавалась за 60 фунтов стерлингов... Усовершенствования следовали одно за другим с такой быстротой, что машины оставались у машиностроителей незаконченными, потому что вследствие удачных изобретений они уже успевали устареть». В этот период «бури и натиска» фабриканты тюля увеличили первоначальный 8-часовой рабочий день при двойной смене рабочих до 24 часов (там же, стр. 233).

¹⁴⁹⁾ «Само собой очевидно... что при приливах и отливах на рынке и при сменяющемся расширении и сокращении спроса постоянно могут встретиться случаи, когда фабрикант может найти применение добавочному оборотному капиталу, не увеличивая находящегося в деле основного капитала... если добавочное количество сырого материала может быть обработано без дополнительных затрат на здания и машины» (*R. Torrens*. «On Wages and Combination». London, 1834, p. 64).

роль¹⁵⁰⁾. В самом деле, с развитием машинного производства происходит связывание постоянно возрастающей части капитала в такой форме, в которой эта часть, с одной стороны, может постоянно применяться для увеличения стоимости, а с другой стороны, теряет свою потребительную и меновую стоимость, как только прерывается ее контакт с живым трудом.

«Когда земледелец», — поучал г-н Ашуорт, английский хлопчатобумажный магнат, профессора Нассау У. Сениора, — «бросает свой заступ, он делает бесполезным на это время капитал в 18 пенсов. Когда один из наших людей» (т. е. из фабричных рабочих) «оставляет фабрику, он делает бесполезным капитал, который стоил 100 000 фунтов стерлингов»¹⁵¹⁾.

Подумайте только! Сделать «бесполезным», хотя бы только на одно мгновение, капитал, который стоил 100 000 фунтов стерлингов! Да это же вопиющее дело, если кто-либо из «наших людей» вообще когда-нибудь покидает фабрику! Возрастание объема машинного оборудования делает «желательным», — полагает наученный Ашуортом Сениор, — постоянно растущее удлинение рабочего дня¹⁵²⁾.

Машина производит относительную прибавочную стоимость не только тем, что она прямо понижает стоимость рабочей силы и удешевляет ее косвенно, удешевляя товары, необходимые для ее воспроизводства, но и тем, что при своем первом введении, имеющем еще спорадический характер, она превращает труд, применяемый владельцем машины, в труд повышенной эффективности, поднимает общественную стоимость машинного продукта выше его индивидуальной стоимости и таким образом дает капиталисту возможность возмещать дневную стоимость рабочей силы сравнительно меньшей частью стоимости дневного продукта. Поэтому в течение того переходного периода, когда машинное производство остается своего рода монополией, барыши достигают чрезвычайных размеров, и капиталист стремится как можно основательнее использовать «первой страсти миг златой»¹⁴¹⁾ посредством возможно большего удлинения рабочего дня. Большой барыш обостряет неутолимую жажду еще большего барыша.

¹⁵⁰⁾ Упомянутое в тексте обстоятельство приводится здесь только ради полноты, так как нормы прибыли, т. е. отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, я рассматриваю лишь в третьей книге.

¹⁵¹⁾ Senior. «Letters on the Factory Act». London, 1837, p. 14.

¹⁵²⁾ «Преобладание основного капитала над оборотным... делает желательным продолжительный рабочий день». По мере роста объема машинного оборудования и т. д. «мотивы к удлинению рабочего времени усиливаются, так как это — единственное средство, с помощью которого относительное увеличение основного капитала можно сделать прибыльным» (там же, стр. 11—14). «На всякой фабрике имеют место различные расходы, которые остаются постоянными независимо от того, длиннее или короче рабочее время на фабрике, например, рента, местные и государственные налоги, страхование от пожара, заработная плата различным постоянным рабочим, издержки в связи с износом машин и ряд других расходов, отношение которых к прибыли тем более понижается, чем больше увеличивается размер производства» («Reports of the Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 19).

Как только машина приобретает в данной отрасли производства всеобщее распространение, общественная стоимость машинного продукта понижается до его индивидуальной стоимости, и тогда обнаруживает свое действие тот закон, что прибавочная стоимость происходит не от тех рабочих сил, которые капиталист заместил посредством машины, а, наоборот, от тех рабочих сил, которые он при ней применяет. Источником прибавочной стоимости является только переменная часть капитала, и мы уже видели, что масса прибавочной стоимости определяется двумя факторами: нормой прибавочной стоимости и числом одновременно занятых рабочих. При данной длине рабочего дня норма прибавочной стоимости определяется тем отношением, в котором рабочий день распадается на необходимый труд и прибавочный труд. Число же одновременно занятых рабочих, в свою очередь, зависит от отношения переменной части капитала к постоянной. Теперь ясно, что как бы ни расширяло машинное производство путем повышения производительной силы труда прибавочный труд за счет необходимого труда, оно достигает этого результата только таким способом, что уменьшает число рабочих, применяемых данным капиталом. Оно превращает в машины, т. е. в постоянный капитал, не производящий никакой прибавочной стоимости, некоторую часть капитала, который раньше был переменным, т. е. превращался в живую рабочую силу. Но, например, из двух рабочих невозможно выжать столько прибавочной стоимости, сколько из 24. Если каждый из 24 рабочих в двенадцать часов труда доставляет всего один час прибавочного труда, то вместе они доставляют 24 часа прибавочного труда, между тем как весь труд двух рабочих составляет всего 24 часа. Таким образом, в применении машин для производства прибавочной стоимости заключается то имманентное противоречие, что из двух факторов прибавочной стоимости, доставляемой капиталом данной величины, машины увеличивают один фактор, норму прибавочной стоимости, только таким способом, что они уменьшают другой фактор, число рабочих. Это имманентное противоречие обнаруживается, как только с всеобщим распространением машины в данной отрасли промышленности стоимость производимого машинами товара становится регулирующей общественной стоимостью всех товаров этого рода; и именно это противоречие, которого не сознает капиталист¹⁵³⁾, опять-таки побуждает капитал к крайнему удлинению рабочего дня, чтобы компенсировать относительное уменьшение числа эксплуатируемых рабочих увеличением не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда.

Итак, капиталистическое применение машин создает, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению

¹⁵³⁾ Почему это имманентное противоречие не доходит до сознания отдельного капиталиста, а потому и политической экономии, находящейся во власти его представлений, это мы увидим из первых отделов третьей книги.

рабочего дня и революционизирует самый способ труда и характер общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит, — отчасти подчиняя капиталу раньше не доступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных машинами, — избыточное рабочее население¹⁵⁴⁾, вынужденное подчиняться законам, которые диктует ему капитал. Отсюда то примечательное явление в истории современной промышленности, что машина опрокидывает все моральные и естественные пределы рабочего дня. Отсюда тот экономический парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости.

«Если бы», — мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — «если бы каждое орудие по приказанию или по предугадыванию могло исполнять предназначенную ему работу подобно тому, как творения Дедала двигались сами собой или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким же образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов»¹⁵⁵⁾.

И Антипатр, греческий поэт времен Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века!¹⁵⁶⁾ «Язычники! О, эти язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него еще более премудрый Мак-Куллох, ничего не понимали в политической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедовать рабство масс для пре-

¹⁵⁴⁾ Одна из великих заслуг Рикардо заключается в том, что он видел в машинах не только средство производства товаров, но и средство производства «избыточного населения».

¹⁵⁵⁾ F. Biese. «Die Philosophie des Aristoteles». Zweiter Band. Berlin, 1842, S. 408.

¹⁵⁶⁾ Привожу здесь эти стихи в переводе Штольберга¹⁴²⁾, потому что они, подобно приведенным раньше цитатам о разделении труда, характеризуют противоположность между античными и современными воззрениями:

«Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите.

Хоть бы про близкий рассвет громко петух погосил:

Нямфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;

Как зарезвились они, обод крутя колеса!

Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы

С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.

Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий

Начали снова вкушать дар мы Деметры святой»

(«Gedichte aus dem Griechischen übersetzt von Christian Graf zu Stolberg». Hamburg, 1782).

вращения немногих грубых и полуобразованных выскочек в «выдающихся прядильщиков», «крупных колбасников» и «влиятельных торговцев ваксой», — для этого им недоставало специфических христианских чувств.

с) ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ТРУДА

Безмерное удлинение рабочего дня, которое производят машины, находящиеся в руках капитала, приводит впоследствии, как мы видели, к реакции со стороны общества, жизненным корням которого угрожает опасность, и тем самым к установлению законодательно ограниченного нормального рабочего дня. На основе последнего приобретает решающую важность явление, с которым мы встречались уже раньше, а именно интенсификация труда. При анализе абсолютной прибавочной стоимости речь шла прежде всего об экстенсивной величине труда, степень же его интенсивности предполагалась как величина данная. Теперь мы должны рассмотреть превращение экстенсивной величины в интенсивную, в выражение степени.

Само собой разумеется, что по мере развития машин и накопления опыта среди собственно машинных рабочих естественно увеличивается скорость, а потому и интенсивность труда. Так, в Англии в течение полустолетия удлинение рабочего дня идет рука об руку с возрастанием интенсивности фабричного труда. Однако понятно, что при такой работе, где речь идет не о преходящих пароксизмах, а о повторяющемся изо дня в день регулярном однообразии, неизбежно наступает момент, когда удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают друг друга, так что удлинение рабочего дня совместимо лишь с понижением степени интенсивности труда и, наоборот, повышение степени интенсивности — лишь с сокращением рабочего дня. Когда постепенно нарастающее возмущение рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и прежде всего продиктовать нормальный рабочий день собственно фабрике, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал со всей энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы. Вместе с тем совершается изменение в характере относительной прибавочной стоимости. Вообще метод производства относительной прибавочной стоимости заключается в том, что рабочий благодаря повышению производительной силы труда получает возможность произвести больше при прежней затрате труда в течение прежнего времени. Прежнее рабочее время присоединяет ко всему продукту в целом все такую же стоимость,

как и раньше, хотя эта оставшаяся без изменения меновая стоимость выражается теперь в большем количестве потребительных стоимостей, а потому стоимость единицы товара понижается. Однако иначе дело обстоит, когда принудительное сокращение рабочего дня, давая мощный толчок развитию производительной силы и экономии условий производства, в то же время заставляет рабочего увеличивать затрату труда в единицу времени, повышать напряжение рабочей силы, плотнее заполнять поры рабочего времени, т. е. конденсировать труд до такой степени, которая достижима только в рамках сокращенного рабочего дня. Эта сжатая в пределы данного периода времени большая масса труда учитывается теперь как большее количество труда, чем она является в действительности. Наряду с измерением рабочего времени как «величины протяженной» теперь выступает измерение степени его уплотнения¹⁵⁷⁾. Более интенсивный час десятичасового рабочего дня содержит теперь столько же или больше труда, т. е. затраченной рабочей силы, чем более пористый час двенадцати-часового рабочего дня. Поэтому его продукт имеет такую же или большую стоимость, чем продукт более пористых $1\frac{1}{5}$ часа. Не говоря уже об увеличении относительной прибавочной стоимости вследствие увеличения производительной силы труда, теперь, например, $3\frac{1}{3}$ часа прибавочного труда на $6\frac{2}{3}$ часа необходимого труда дают капиталисту такую же массу стоимости, как раньше 4 часа прибавочного труда на 8 часов необходимого труда.

Теперь спрашивается, каким образом труд интенсифицируется?

Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, что дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности. Поэтому в известных границах то, что теряется на продолжительности действия силы, выигрывается на ее интенсивности. А о том, чтобы рабочий действительно расходовал больше рабочей силы, об этом заботится капитал посредством метода оплаты¹⁵⁸⁾. В мануфактурах, например в гончарных заведениях, в которых машины не играют никакой роли или играют лишь незначительную роль, введение фабричного закона с полной убедительностью показало, что простое сокращение рабочего дня поразительно увеличивает регулярность, единообразие, порядок, непрерывность и энергию труда¹⁵⁹⁾. Однако казалось сомнительным, что такой же результат получится и

¹⁵⁷⁾ Разумеется, в различных отраслях производства вообще наблюдаются различия в интенсивности труда. Они, как показал уже А. Смит, отчасти уравниваются побочными обстоятельствами, сопряженными с каждым особым родом труда. Но и эти различия оказывают влияние на рабочее время как меру стоимости лишь постольку, поскольку интенсивные и экстенсивные величины являются противоположными и взаимно исключаящими друг друга выражениями одного и того же количества труда.

¹⁵⁸⁾ В особенности в виде почасной заработной платы, — формы, которая рассматривается в шестом разделе.

¹⁵⁹⁾ См. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865».

на собственно фабрике, так как зависимость рабочего от непрерывного и однообразного движения машины давным-давно создала здесь самую строгую дисциплину. Поэтому, когда в 1844 г. обсуждался вопрос о сокращении рабочего дня ниже 12 часов, фабриканты почти единогласно заявили, что

«их надсмотрщики в различных рабочих помещениях наблюдают за тем, чтобы рабочие не теряли ни минуты времени», что «степень бдительности и внимательности рабочих (*the extent of vigilance and attention on the part of the workmen*) едва ли может быть повышена» и что, предполагая неизменными все прочие условия, например скорость машин, «было бы бессмысленно на благоустроенных фабриках ожидать сколько-нибудь значительного результата от увеличения внимательности рабочих и т. д.»¹⁶⁰⁾.

Это утверждение было опровергнуто опытами. Г-н Р. Гарднер ввел с 20 апреля 1844 г. на двух своих больших фабриках в Престоне 11-часовой рабочий день вместо 12-часового. По истечении приблизительно года обнаружился тот результат, что

«при прежних издержках было получено прежнее количество продукта и что в целом рабочие за 11 часов зарабатывали ровно столько же, сколько раньше за 12 часов»¹⁶¹⁾.

Я не касаюсь здесь экспериментов в прядильных и чесальных отделениях, потому что они были сопряжены с увеличением скорости машин (на 2%). Напротив, в ткацком отделении, где к тому же производились весьма различные сорта легких узорчатых тканей, не произошло никаких перемен в объективных условиях производства. Результат был таков:

«С 6 января по 20 апреля 1844 г. при 12-часовом рабочем дне средняя заработная плата одного рабочего составляла 10 шилл. 1½ пенса в неделю, с 20 апреля по 29 июня 1844 г. при 11-часовом рабочем дне средняя заработная плата была 10 шилл. 3½ пенса в неделю»¹⁶²⁾.

В этом случае за 11 часов производилось больше, чем раньше за 12 часов, исключительно вследствие большей и равномернее распределявшейся работоспособности рабочих и вследствие экономного использования ими времени. В то время как они получали ту же самую заработную плату и выигрывали час досуга, капиталист получал прежнюю массу продуктов и сберегал уголь, газ и т. д., расходуемые за один час. Такие же эксперименты и с таким же результатом были произведены на фабриках гг. Хоркса и Джэксона¹⁶³⁾.

160) «Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30th April 1845», p. 20, 21.

161) Там же, стр. 19. Так как почасная плата осталась без изменения, то размеры недельного заработка зависели от количества продукта.

162) Там же, стр. 20.

163) Там же, стр. 21. Моральный элемент играл значительную роль в упомянутых выше экспериментах. «Мы», — заявили рабочие фабричному инспектору, — «мы работаем с большим воодушевлением, мы постоянно имеем в виду награду: возможность раньше уйти на ночь; бодрый и деятельный дух свойствен всей фабрике, от самого юного помощника до самого старого рабочего, и мы теперь больше помогаем друг другу» (там же).

Когда сокращение рабочего дня, которое создает сначала субъективное условие для конденсации труда, т. е. дает рабочему возможность расходовать больше силы в течение данного времени, проводится принудительно, т. е. в законодательном порядке, машина в руках капитала становится объективным и систематически применяемым средством для того, чтобы выжать больше труда в течение данного времени. Это достигается двояким способом: увеличением скорости машин и увеличением количества машин, которое находится под контролем одного и того же рабочего, т. е. увеличением арены труда последнего. Усовершенствования в конструкции машин отчасти необходимы для того, чтобы усилить давление на рабочего, отчасти они сами собой сопровождают интенсификацию труда, потому что ограничение рабочего дня побуждает капиталиста к самой строгой экономии на издержках производства. Усовершенствование паровой машины увеличивает скорость движения ее поршня и в то же время, благодаря большому сбережению силы, дает возможность приводить в движение мотором прежних размеров более обширный механизм, причем потребление угля остается без изменения или даже понижается. Усовершенствование передаточного механизма уменьшает трение и, — что так поразительно отличает современные машины от старых, — приводит диаметр и вес больших и малых валов к постоянно уменьшающемуся минимуму. Наконец, усовершенствования рабочей машины, увеличивая ее скорость и расширяя ее действие, уменьшают ее размеры, как это видно на примере современного парового ткацкого станка, или увеличивают вместе с корпусом размеры и число ее орудий, как в прядильной машине, или посредством незаметных изменений деталей увеличивают подвижность этих орудий, — например, в середине пятидесятих годов скорость веретен в автоматической мюль-машине была увеличена таким образом на $\frac{1}{5}$.

Сокращение рабочего дня до 12 часов относится в Англии к 1832 году. Уже в 1836 г. один английский фабрикант заявлял:

«По сравнению с прежним временем труд на фабриках сильно возрос вследствие того, что значительно возросшая скорость машин требует от рабочего усиленного внимания и деятельности»¹⁶⁴⁾.

В 1844 г. лорд Эшли, в настоящее время граф Шефтсбери, привел в палате общин следующие документально обоснованные данные:

«Труд лиц, занятых в фабричных процессах, в настоящее время втрое больше, чем был при введении этих операций. Несомненно, машины выполнили работу, которая заменила жилы и мускулы миллионов людей, но они изумительно (*prodigiously*) увеличили труд людей, которых они подчинили своему ужасному движению... Труд, заключающийся в том, чтобы в течение 12 часов

¹⁶⁴⁾ *John Fielden*, цит. соч., стр. 32.

следовать за двумя мюль-машинами, составлял, при прядении пряжи № 40, в 1815 г. 8 миль ходьбы. В 1832 г. дистанция, которую в течение 12 часов приходилось пройти при двух мюль-машинах при прядении того же номера, составляла 20 миль, а часто и больше. В 1825 г. прядильщику приходилось сделать на каждом мюле 820 вытягиваний за 12 часов, что составляет общую сумму в 1 640 вытягиваний за 12 часов. В 1832 г. прядильщик должен был сделать в течение своего двенадцатичасового рабочего дня 2 200 вытягиваний на каждую мюль-машину, итого 4 400; в 1844 г. — 2 400, итого 4 800; а в некоторых случаях требуется еще большая масса труда (amount of labour)... Здесь у меня в руках другой документ 1842 г., показывающий, что труд прогрессивно увеличивается не только потому, что приходится проходить большее расстояние, но и потому, что количество производимых товаров увеличивается, между тем как число рабочих соответственно уменьшается; и, далее, потому, что теперь часто придется худший хлопок, который требует большего труда... В чесальном отделении труд тоже значительно возрос. Теперь одно лицо выполняет такую работу, которая раньше распределялась между двумя... В ткацком отделении, в котором занято большое число лиц, по большей части женского пола, труд возрос за последние годы, вследствие увеличения скорости машин, на целых 10%. В 1838 г. в неделю выпрядалось 18 000 мотков, в 1843 г. это число повысилось до 21 000. В 1819 г. число ударов челнока при паровом ткацком станке составляло 60 в минуту, в 1842 г. оно составляло 140, что свидетельствует об огромном возрастании труда»¹⁶⁵⁾.

Ввиду этой поразительной интенсивности, которой труд достиг уже в 1844 г. при господстве закона о 12-часовом рабочем дне, представлялось, что английские фабриканты имеют основания утверждать, что дальнейший прогресс в этом направлении невозможен и что всякое дальнейшее сокращение рабочего времени равносильно сокращению производства. Что их рассуждения были справедливы лишь по видимости, это лучше всего доказывается появившимся в это самое время заявлением неутомимого цензора фабрикантов, фабричного инспектора Леонарда Хорнера:

«Так как количество производимых продуктов регулируется преимущественно скоростью машин, то фабрикант должен быть заинтересован в том, чтобы машины действовали с крайней степенью скорости, но совместимой со следующими условиями: сохранение машин от слишком быстрой порчи, сохранение доброкачественности производимых товаров, способность рабочего не отставать от машины, причем напряжение не должно быть больше того, которое он может развивать непрерывно. Часто бывает так, что фабрикант по своей торопливости слишком ускоряет движение. Тогда поломки и плохое качество продукта перевесят выгоды от скорости, и фабриканту придется умерить ход машин. Так как деятельный и внимательный фабрикант наверняка найдет максимум достижимого, то я полагал, что невозможно за 11 часов производить столько же, сколько за 12. Я предполагал, кроме того, что сдельно оплачиваемый рабочий напрягает свои силы до той крайней степени, за которой он уже не может постоянно сохранять одну и ту же степень интенсивности»¹⁶⁶⁾.

Поэтому Хорнер, вопреки опытам Гарднера и т. д., пришел к заключению, что дальнейшее сокращение 12-часового рабочего дня необходимо уменьшит количество продукта¹⁶⁷⁾. Он сам 10 лет спустя цитирует сомнения, высказанные им в 1845 г.,

¹⁶⁵⁾ Lord Ashley, цит. соч., стр. 6—9, в разных местах.

¹⁶⁶⁾ «Reports of Insp. of Fact. [for quarter ending 30th September 1844, and from 1st October 1844] to 30th April 1845», p. 20.

¹⁶⁷⁾ Там же, стр. 22.

в доказательство того, насколько он тогда не понимал эластичности машин и человеческой рабочей силы, которые в равной мере напрягаются до крайней степени вследствие принудительного сокращения рабочего дня.

Обратимся теперь к периоду после 1847 г., со времени введения в законодательном порядке 10-часового рабочего дня на английских хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых и льняных фабриках.

«Скорость веретен у ватер-машин возросла на 500, у мюль-машин на 1 000 оборотов в минуту, т. е. скорость ватерных веретен, достигавшая в 1839 г. 4 500 оборотов в минуту, составляет теперь» (1862 г.) «5 000, а скорость мюль-ных веретен, достигавшая 5 000, составляет теперь 6 000 в минуту; это дает в первом случае возрастание скорости на $\frac{1}{10}$, а во втором — на $\frac{1}{6}$ »¹⁶⁸⁾.

Джемс Несмит, знаменитый гражданский инженер из Патрик-рофта близ Манчестера, в одном письме к Леонарду Хорнеру в 1852 г. рассматривает усовершенствования, произведенные в паровой машине между 1848 и 1852 годами. Отметив, что паровая лошадиная сила, которая в официальной фабричной статистике все еще определяется в соответствии с ее действием в 1828 г.¹⁶⁹⁾, является чисто номинальной и может служить лишь условным показателем действительной силы, он, между прочим, пишет:

«Не подлежит никакому сомнению, что паровые машины прежнего веса, часто даже именно те же самые машины, с той только разницей, что в них сделаны современные усовершенствования, в среднем выполняют на 50% большие работы, чем прежде, и что во многих случаях те же самые машины, которые во времена предельной скорости 220 футов в минуту развивали 50 лошадиных сил, в настоящее время при меньшем потреблении угля развивают более 100 лошадиных сил... Современная паровая машина при прежнем числе номинальных лошадиных сил, вследствие усовершенствований в ее конструкции, уменьшения объема и изменений устройства парового котла и т. д., действует с большей силой, чем прежде... Поэтому, хотя теперь по отношению к номинальной лошадиной силе занято прежнее количество рук, число рук по отношению к рабочим машинам в настоящее время уменьшилось»¹⁷⁰⁾.

В 1850 г. на фабриках Соединенного королевства применялось 134 217 номинальных лошадиных сил, приводивших в движение 25 638 716 веретен и 301 445 ткацких станков. В 1856 г. число веретен и ткацких станков составляло соответственно 33 503 580 и 369 205. Если бы на одну лошадиную силу приходилось столько же веретен и станков, как в 1850 г., то в 1856 г. было бы

¹⁶⁸⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 62.

¹⁶⁹⁾ Это изменилось со времени парламентского отчета 1862 года. Здесь вместо номинальной введена уже действительная паровая лошадиная сила современных паровых машин и водяных колес (см. прим. 109^a, стр. 362—363. Ф. Э.). Точно так же и тростильные веретена уже не смешиваются с собственно приядильными веретенами (как было в отчетах 1839, 1850 и 1856 гг.); далее для шерстяных фабрик приведено число «gigs» [«ворсовальных машин»], введено различие между джутовыми и пеньковыми фабриками, с одной стороны, и льняными — с другой; наконец, в первый раз введено в отчет чудочное производное.

¹⁷⁰⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», p. 14, 20.

необходимо иметь 175 000 лошадиных сил. Но, по официальным данным, число их составляло всего 161 435, т. е. на 10 000 с лишним лошадиных сил меньше, чем потребовалось бы на основе расчетов 1850 года ¹⁷¹⁾.

«Последний отчет» (официальная статистика) «1856 г. устанавливает тот факт, что фабричная система распространяется со стремительной быстротой, число рук по отношению к машинам сократилось, паровая машина вследствие экономии в силе и других усовершенствований приводит в движение машины большего веса и что увеличение количества продукта достигается вследствие усовершенствования рабочих машин, изменения методов производства, увеличения скорости машин и многих других причин» ¹⁷²⁾. «Крупные усовершенствования, сделанные в машинах всякого рода, намного повысили их производительную силу. Вне всякого сомнения, сокращение рабочего дня послужило... стимулом для этих усовершенствований. Эти усовершенствования и более интенсивный труд рабочего привели к тому, что в течение сокращенного» (на 2 часа, или на $\frac{1}{6}$) «рабочего дня производится по меньшей мере столько же продукта, как производилось раньше в течение более долгого дня» ¹⁷³⁾.

Насколько увеличилось богатство фабрикантов вследствие более интенсивной эксплуатации рабочей силы, показывает уже одно то обстоятельство, что средний ежегодный прирост числа английских хлопчатобумажных текстильных фабрик составил с 1838 по 1850 г. 32, а с 1850 по 1856 г. — 86.

Как ни велик был прогресс английской промышленности в 8-летие 1848—1856 гг. при господстве 10-часового рабочего дня, в следующий шестилетний период 1856—1862 гг. он был далеко превзойден. Например, на шелковых фабриках было в 1856 г. веретен — 1 093 799, в 1862 г. — 1 388 544; ткацких станков в 1856 г. — 9 260, в 1862 г. — 10 709. Напротив, число рабочих в 1856 г. — 56 137, в 1862 г. — 52 429. Таким образом, увеличение числа веретен составило 26,9% и ткацких станков — 15,6% при одновременном уменьшении числа рабочих на 7%. В 1850 г. на камвольных фабриках было в ходу 875 830 веретен, в 1856 г. — 1 324 549 (увеличение на 51,2%) и в 1862 г. — 1 289 172 (уменьшение на 2,7%). Но если принять во внимание, что тростильные веретена входят в счет 1856 г., но не входят в счет 1862 г., то окажется, что число веретен с 1856 г. оставалось почти неизменным. Напротив, скорость веретен и ткацких станков с 1850 г. во многих случаях удвоилась. Число паровых ткацких станков на камвольных фабриках составляло в 1850 г. 32 617, в 1856 г. — 38 956 и в 1862 г. — 43 048. При них было занято в 1850 г. 79 737 человек, в 1856 г. — 87 794 и в 1862 г. — 86 063, но в этом числе детей до 14-летнего возраста было в 1850 г. 9 956, в 1856 г. — 11 228 и в 1862 г. — 13 178. Итак, несмотря на значительное увеличение числа ткацких станков в 1862 г.

¹⁷¹⁾ Там же, стр. 14, 15.

¹⁷²⁾ Там же, стр. 20.

¹⁷³⁾ «Reports etc. for 31st October 1858», p. 9, 10. Ср. «Reports etc. for 30th April 1860», p. 30 sqq.

по сравнению с 1856 г., общее число занятых рабочих уменьшилось, число же эксплуатируемых детей увеличилось ¹⁷⁴⁾.

27 апреля 1863 г. член парламента Ферранд заявлял в палате общин:

«Делегаты рабочих от 16 округов Ланкашира и Чешира, по поручению которых я говорю, сообщили мне, что вследствие усовершенствования машин труд на фабриках все возрастает. Раньше один рабочий с помощником обслуживал два ткацких станка, теперь один рабочий без помощников обслуживает три станка и весьма нередко даже четыре и т. д. Как видно из сообщенных фактов, двенадцать часов труда втиснуты теперь менее чем в 10 рабочих часов. Отсюда само собой очевидно, в какой огромной степени выросли за последние годы муки труда фабричных рабочих» ¹⁷⁵⁾.

Поэтому, хотя фабричные инспектора неустанно и с полным правом восхваляют благоприятные результаты фабричных законов 1844 и 1850 гг., однако они признают, что сокращение рабочего дня уже вызвало такую интенсивность труда, которая угрожает здоровью рабочих и, следовательно, разрушительно действует на самую рабочую силу.

«В большинстве хлопчатобумажных, камвольных и шелковых фабрик истощающее состояние возбужденности, необходимой для работы при машинах, движение которых за последние годы чрезвычайно ускорилося, было, по-видимому, одной из причин увеличения смертности от легочных болезней, показанного д-ром Гринхау в его последнем замечательном отчете» ¹⁷⁶⁾.

Не подлежит никакому сомнению, что, когда законом у капитала раз навсегда отнята возможность удлинения рабочего дня, его тенденция компенсировать себя за это систематическим повышением степени интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного высасывания рабочей силы скоро должна снова привести к тому поворотному пункту, где становится неизбежным новое сокращение рабочего времени ¹⁷⁷⁾. С другой стороны, бурное развитие английской промышленности с 1848 г. до настоящего времени, т. е. в период десятичасового рабочего дня, превосходит эпоху 1833—1847 гг., т. е. период двенадцатичасового рабочего дня, еще в большей мере, чем развитие промышленности в этот последний период

¹⁷⁴⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 129, 100, 103, 130.

¹⁷⁵⁾ Один ткач на двух современных паровых ткацких станках производит теперь за 60-часовую неделю 26 кусков известного сорта ткани определенной длины и ширины, а раньше при старом паровом ткацком станке мог производить только 4. Ткацкие издержки на один такой кусок уже в начале 1850 г. понизились с 2 шилл. 9 пенсов до 5 ¹/₈ пенса.

Добавление к 2 изданию. «30 лет тому назад» (в 1841 г.) «от хлопкопрядильщика с 3 помощниками требовалось наблюдение только за одной парой мюль-машин с 300—324 веретенами. Теперь» (конец 1871 г.) «с 5 помощниками он должен наблюдать за мюль-машинами, число веретен которых составляет 2 200, и производит по меньшей мере в семь раз больше пряжи, чем в 1841 году» (Александр Редгрейв, фабричный инспектор, в «Journal of the Society of Arts», January 5, 1872).

¹⁷⁶⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1861», p. 25, 26.

¹⁷⁷⁾ В настоящее время (1867 г.) в Ланкашире среди фабричных рабочих началась агитация за восьмичасовой рабочий день.

превзошло ее успехи в первую половину столетия фабричной системы, то есть в период неограниченного рабочего дня ¹⁷⁸⁾.

¹⁷⁸⁾ Следующие немногие цифры характеризуют прогресс собственно фабрик в Соединенном королевстве с 1848 года:

	Количество экспортированных товаров			
	1848	1851	1860	1865
<i>Хлопчатобумажные фабрики</i>				
Хлопчатобумажная пряжа (в фунтах)	135 831 162	143 966 106	197 343 655	103 751 455
Пряжа для ниток (в фунтах) ...	—	4 392 176	6 297 554	4 648 611
Хлопчатобумажные ткани (в ярдах)	1 091 373 930	1 543 161 789	2 776 218 427	2 015 237 851
<i>Льняные и пеньковые фабрики</i>				
Пряжа (в фунтах)	11 722 182	18 841 326	31 210 612	36 777 334
Ткани (в ярдах)	88 901 519	129 106 753	143 996 773	247 012 329
<i>Шелковые фабрики</i>				
Пряжа (в фунтах)	466 825 *	462 513	897 402	812 589
Ткани (в ярдах)	—	1 181 455 **	1 307 293 **	2 869 837
<i>Шерстяные фабрики</i>				
Шерстяная и камвольная пряжа (в фунтах)	—	14 670 880	27 533 968	31 669 267
Ткани (в ярдах)	—	151 231 153	190 371 507	278 837 418
Стоимость экспортированных товаров (в фунтах стерлингов)				
<i>Хлопчатобумажные фабрики</i>				
Хлопчатобумажная пряжа	5 927 831	6 634 026	9 870 875	10 351 049
Хлопчатобумажные ткани	16 753 369	23 454 810	42 141 505	46 903 796
<i>Льняные и пеньковые фабрики</i>				
Пряжа	493 449	951 426	1 801 272	2 505 497
Ткани	2 802 789	4 107 396	4 804 803	9 155 358
<i>Шелковые фабрики</i>				
Пряжа	77 789	196 380	826 107	768 064
Ткани	—	1 130 398	1 587 303	1 409 221
<i>Шерстяные фабрики</i>				
Шерстяная и камвольная пряжа	776 975	1 484 544	3 843 450	5 424 047
Ткани	5 733 828	8 377 183	12 156 998	20 102 259

* 1846 г.

** в фунтах.

(См. Сяние книги «Statistical Abstract for the United Kingdom», № 8 и № 13. London, 1861 и 1866).
В Ланкашире число фабрик увеличилось между 1839 и 1850 гг. всего на 4%, между 1850 и 1856 — на 19%, между 1856 и 1862 — на 33%, между тем как число занятых лиц в оба одиннадцатилетних периода абсолютно увеличилось, а относительно повызилось. См. «Reports of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1862», р. 63. В Ланкашире преобладают хлопчатобумажные фабрики. А какое относительно большое место занимают они вообще в производстве пряжи и тканей, видно из того, что из общего числа подобных фабрик в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии на их долю приходится 45,2%, из общего числа веретен — 83,3%, из общего числа паровых ткацких станков — 81,4%, из общего числа паровых лошадиных сил, приводящих текстильные фабрики в движение, — 72,6%, из общего числа занятых лиц — 58,2% (там же, стр. 62, 63).

4. ФАБРИКА

В начале этой главы мы рассматривали тело фабрики, расчлененную систему машин. Потом мы видели, как машины, присваивая женский и детский труд, увеличивают человеческий материал для капиталистической эксплуатации, как они, безмерно удлиняя рабочий день, захватывают всю жизнь рабочего и как, наконец, их развитие, позволяющее производить чудовищно возрастающие массы продукта все в более и более короткое время, служит систематическим средством для того, чтобы в данный период времени привести в движение больше труда, т. е. чтобы все более интенсивно эксплуатировать рабочую силу. Теперь мы обращаемся к фабрике в ее целом, притом в ее наиболее развитой форме.

Д-р Юр, Пиндар автоматической фабрики, описывает ее, с одной стороны, как

«кооперацию различных категорий рабочих, взрослых и несовершеннолетних, которые с искусством и прилежанием наблюдают за системой производительных машин, непрерывно приводимых в действие центральной силой (первичным двигателем)»,

с другой стороны — как

«огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих согласованно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение».

Эти два определения отнюдь не тождественны. В одном комбинированный совокупный рабочий, или общественный рабочий организм, является активно действующим субъектом, а механический автомат — объектом; во втором сам автомат является субъектом, а рабочие присоединены как сознательные органы к его лишенным сознания органам и вместе с последними подчинены центральной двигательной силе. Первое определение сохраняет свое значение по отношению ко всем возможным применениям машин в крупном масштабе; второе характеризует их капиталистическое применение и, следовательно, современную фабричную систему. Отсюда излюбленная манера Юра изображать центральную машину, от которой исходит движение, не только автоматом, но и автократом.

«В этих огромных мастерских благодетельная сила пара собирает вокруг себя мириады своих подданных»¹⁷⁹⁾.

Вместе с рабочим орудием и виртуозность в управлении им переходит от рабочего к машине. Дееспособность орудия освобождается от той ограниченности, которая вытекает из связи человеческой рабочей силы с личностью рабочего. Таким образом

¹⁷⁹⁾ Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 18.

устраняется тот технический базис, на котором покоится разделение труда в мануфактуре. Поэтому вместо характерной для мануфактуры иерархии специализированных рабочих на автоматической фабрике выступает тенденция к уравниванию, или нивелированию, тех работ, которые должны выполняться помощниками машины¹⁸⁰⁾, вместо искусственно порожденных различий между частичными рабочими приобретают перевес естественные различия возраста и пола.

Поскольку разделение труда возрождается на автоматической фабрике, оно является прежде всего распределением рабочих по специализированным машинам и распределением масс рабочих, — не образующих, однако, расчлененных групп, — по различным отделениям фабрики, где они работают при расположенных одна возле другой однородных рабочих машинах, т. е. где они соединены лишь простой кооперацией. Расчлененная группа мануфактуры замещается здесь сочетанием главного рабочего с немногими помощниками. Существенное различие наблюдается между рабочими, занятыми действительно при рабочих машинах (сюда же относятся некоторые рабочие, которые наблюдают за машиной-двигателем или ее заправкой), и простыми подручными (почти исключительно дети) этих машинных рабочих. К подручным же в большей или меньшей степени относятся и все *feeders* (которые просто подают в машину материал труда). Наряду с этими главными категориями выступает количественно незначительный персонал, который занят контролем за всеми машинами и постоянной их починкой, например, инженеры, механики, столяры и т. д. Это — высший, частью научно образованный, частью ремесленного характера слой работников, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему¹⁸¹⁾. Это разделение труда является чисто техническим.

Всякая работа при машине требует подготовки рабочего с ранних лет для того, чтобы он научился сообразовать свои собственные движения с однообразно-непрерывными движениями автомата. Поскольку совокупность машин сама образует систему разнообразных, одновременно действующих и комбинированных машин, постольку и основанная на пей кооперация требует распределения разнородных групп рабочих между разнородными машинами. Но машинное производство уничтожает необходимость

¹⁸⁰⁾ Там же, стр. 31. Ср. *Карл Маркс. «Нищета философии»*. Париж, 1847, стр. 140, 141 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 159—160].

¹⁸¹⁾ Характерно для преднамеренного статистического обмана, — в раскрыть его можно было бы вплоть до мелочей, — что английское фабричное законодательство категорически исключает из сферы своего действия упомянутых в конце текста рабочих, не признавая их фабричными рабочими; с другой стороны, отчеты, публикуемые парламентом, столь же категорически включают в категорию фабричных рабочих не только инженеров, механиков и т. д., но и управляющих фабриками, приказчиков, рассыльных, кладовщиков, упаковщиков и т. д., — короче, всех, за исключением самого владельца фабрики.

мануфактурно закреплять это распределение, прикреплять одних и тех же рабочих навсегда к одним и тем же функциям¹⁸²⁾. Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда. Самое убедительное доказательство этого дает Relaisystem [система смен], примененная во время бунта английских фабрикантов в 1848—1850 годах¹⁴⁴⁾. Наконец, та быстрота, с которой человек в юпошеском возрасте научается работать при машине, в свою очередь устраняет необходимость воспитывать особую категорию исключительно машинных рабочих¹⁸³⁾. Услуги же простых подручных на фабрике отчасти могут замещаться машинами¹⁸⁴⁾, отчасти вследствие своей крайней элементарности допускают быструю и постоянную смену лиц, занятых такими работами.

Хотя машина технически опрокидывает, таким образом, старую систему разделения труда, тем не менее последняя продолжает свое существование на фабрике сначала в силу привычки, как традиция мануфактуры, а потом систематически воспроизводится и укрепляется капиталом в еще более отвратительной форме как средство эксплуатации рабочей силы. Пожизненная специальность — управлять частичным орудием, превращается в пожизнен-

182) Юр признает это. Он говорит, что рабочие «в случае необходимости» могут быть перемещены волей управляющего от одной машины к другой, и торжествующе восклицает: «Такого рода перемещение стоит в открытом противоречии со старой рутинной, которая разделяет труд и возлагает на одного изготовление головок к булавкам, на другого — заострение ее конца». Он должен был бы скорее поставить вопрос, почему эта «старая рутина» преодолевается на автоматической фабрике только «в случае необходимости»¹⁴³⁾.

183) В случае нужды, как, например, во время Гражданской войны в Америке, буржуа в виде исключения употребляет фабричных рабочих на самые грубые работы, как мошение улиц и т. д. Английские «ateliers nationaux» [«национальные мастерские»] 1862 и следующих годов для безработных хлопчатобумажных рабочих тем отличались от французских национальных мастерских 1848 г., что в последних рабочим приходилось выполнять за счет государства непроизводительные работы, в первых же — производительные городские работы к выгоде буржуа, причем они производились дешевле, чем при посредстве регулярных рабочих, с которыми принуждали конкурировать безработного. «Вид рабочих с хлопчатобумажных фабрик в физическом отношении несомненно улучшился. Это я объясняю... поскольку дело идет о мужчинах, тем, что общественные работы выполняются на открытом воздухе». (Здесь речь идет о престонских фабричных рабочих, которые были заняты на «Престонском болоте».) («Reports of Insp. of Fact. October 1863», p. 59.)

184) *Пример:* Различные механические аппараты, введенные на шерстяных фабриках со времени закона 1844 г. для замещения детского труда. Когда детям самих господ фабрикантов придется проходить «школу» простых помощников на фабрике, тогда эта еще почти совсем не разработанная область механики быстро сделает заметные шаги вперед. «Едва ли найдется какая-либо другая столь же опасная машина, как автоматическая мюль-машина. Большая часть несчастных случаев происходит с маленькими детьми, и именно вследствие того, что они для подметания пола подползают под мюль-машину во время работы последних. Многие «minders» (рабочие на мюль-машинах) «привлекались» (фабричными инспекторами) «к судебной ответственности и были приговорены к денежным штрафам за проступки этого рода, но без каких бы то ни было заметных общих результатов. Если бы машиностроители изобрели машину для подметания, которая устранила бы для этих малюток необходимость лезть под машины, то это было бы счастливым вкладом в наши охранительные мероприятия» («Reports of Insp. of Factories for 31st October 1866», p. 63).

ную специальность — служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с детского возраста в часть частичной машины¹⁸⁵⁾. Таким образом не только значительно уменьшаются издержки, необходимые для воспроизводства его самого, но в то же время получает завершение и его беспомощная зависимость от фабрики в целом, следовательно от капиталиста. Здесь, как и всегда, необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого процесса.

В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за движением орудия труда. В мануфактуре рабочие являются членами одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки.

«Унылое однообразие бесконечной муки труда, при котором все снова и снова совершается один и тот же механический процесс, похоже на муки Сизифа: тяжесть труда, подобно огромному камню, все снова и снова падает на изнуренного рабочего»¹⁸⁶⁾.

Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности¹⁸⁷⁾. Даже облегчение труда становится средством пытки, потому что машина освобождает не рабочего от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания капитала, присуще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего, но только с развитием машины это извращенное отношение получает технически осязаемую реальность. Вследствие своего превращения в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее. Отделение интеллектуальных сил

¹⁸⁵⁾ «Поэтому можно по достоинству оценить невероятную выдумку Прудона, который «конструирует» машины не как синтез средств труда, а как синтез частичных работ для самих рабочих.

¹⁸⁶⁾ Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845, стр. 217 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 405]. Даже совершенно ординарный оптимистический фритредер, г-н Молинари, замечает: «Человек, ежедневно наблюдая по 15 часов за однообразным ходом машины, истощается скорее, чем если он в течение такого же времени напрягает свою физическую силу. Этот труд наблюдения, который мог бы послужить полезной гимнастикой для ума, если бы он не был слишком продолжителен, разрушает своей чрезмерностью и ум и самое тело» (G. de Molinari. «Études Économiques». Paris, 1846 [p. 49]).

¹⁸⁷⁾ Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 216 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 404].

процесса производства от физического труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как уже указывалось раньше, в крупной промышленности, построенной на базе машин. Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть «хозяина» (master). А потому этот хозяин, в мозгу которого машины неразрывно срослись с его монополией на них, в случаях столкновений с «руками» презрительно восклицает по их адресу:

«Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет собой в действительности очень низкую категорию квалифицированного труда; что никакой другой труд не осваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя получить посредством столь короткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машины хозяина фактически играют гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего, которым можно обучить в 6 месяцев и которым может обучиться всякий деревенский батрак»¹⁸⁸⁾.

Техническое подчинение рабочего однообразному движению средства труда и своеобразное составление рабочего организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастов создает казарменную дисциплину, которая развивается в заверченный фабричный режим и доводит до полного развития уже упомянутый выше труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на исполнителей [Handarbeiter] и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров.

«Главная трудность на автоматической фабрике заключалась в обеспечении дисциплины, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их привычной беспорядочности в труде и уподобить их действия неизменной регулярности крупного автомата. Но изобрести и с успехом применить дисциплинарный кодекс, соответствующий потребностям и быстрой автоматической системы, — этот Геркулесов подвиг был благородным делом Аркрайта! Даже в настоящее время, когда эта система организована во всей ее полноте, почти невозможно среди рабочих, уже достигших возмужалого возраста, найти полезных помощников для автоматической системы»¹⁸⁹⁾.

Фабричный кодекс, в котором капитал в частноправовом порядке и самовластно, без разделения власти, вообще столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочими, — этот кодекс есть просто капиталистическая карикатура того общественного регулирования процесса труда, которое становится необходи-

¹⁸⁸⁾ «The Master Spinners' and Manufactures' Defence Fund. Report of the Committee». Manchester, 1854, p. 17. Поэме мы увидим, что «хозяева» начинают жить совсем по-другому, когда им угрожает потеря их «живых» автоматов.

¹⁸⁹⁾ Ure. «Philosophie of Manufactures», p. 15. Кто знаком с биографией Аркрайта, тот никогда не даст этому гениальному цирюльнику названия «благородный». Из всех великих изобретателей XVIII века это был бесспорно величайший вор чужих изобретений и самый низкий субъект.

мым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств труда, особенно машин. Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательной проницательности фабричных Ликургов нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение их ¹⁹⁰⁾.

190) «Цени рабства, которыми буржуазия сковала пролетариат, нигде не выступают так ясно, как в фабричной системе. Здесь исчезает юридически и фактически всякая свобода. В половине шестого утра рабочий должен быть на фабрике. Если он опаздывает на несколько минут, его ждет штраф, а если он опаздывает на десять минут, его уже не пропускают, пока не кончится перерыв на завтрак, и он теряет заработную плату за четверть дня... Он должен есть, пить и спать по команде... Деспотический колокол отрывает его от сна, от завтрака, от обеда. А что делается на самой фабрике? Здесь фабрикант — абсолютный законодатель. Он издает фабричные правила, как ему заблагорассудится; он изменяет и дополняет свой кодекс, как ему вздумается; и хотя бы он внес в этот кодекс полную бессмыслицу, суды говорят рабочему: теперь же, поскольку вы добровольно заключили этот договор, вы обязаны его выполнять... Эти рабочие обречены на то, чтобы с девятилетнего возраста до самой смерти физически и духовно жить под палкой» (Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Лейпциг, 1845, стр. 217 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 406]). Что «говорят суды», я поясню на нескольких примерах. Один случай имел место в Шеффилде в конце 1866 года. Там один рабочий на два года наился на металлическую фабрику. Вследствие ссоры с фабрикантом он оставил фабрику и заявил, что ни за что не будет больше работать у этого фабриканта. Признанный виновным в нарушении договора, он был приговорен к 2-месячному тюремному заключению. (Если фабрикант нарушает договор, то он может быть привлечен к ответственности лишь в гражданском порядке и рискует только денежным штрафом.) После того как он отсидел эти два месяца, тот же самый фабрикант приглашает его, согласно старому контракту, возвратиться на фабрику. Рабочий отвечает отказом. Он уже отбыл наказание за нарушение контракта. Фабрикант снова привлекает его к ответственности, суд снова приговаривает его, хотя один из судей, г-н Ши, открыто признал юридически чудовищным такой порядок, когда человека всю его жизнь можно периодически все снова и снова подвергать наказанию за один и тот же проступок или преступление. Этот приговор был вынесен не каким-нибудь «Great Unpaid» ¹⁴⁸, провинциальным Догбери, а в Лондоне, одним из высших судебных учреждений. [К 4 изданию. Теперь это отменено. В настоящее время в Англии, за исключением некоторых немногочисленных случаев, — например общественных газовых заводов, — рабочий в отношении нарушения договора уравнен с предпринимателем и может подвергаться преследованию лишь в гражданском порядке. Ф. Э.] Второй случай имел место в Уилтшире в конце ноября 1863 года. Около 30 рабочих при паровых ткацких станках, занятых у некоего Харраппа, суконного фабриканта в Леоэре Милл, Уэстбери Лх, устроили стачку, потому что у этого Харраппа было милое обыкновение удерживать из их заработной платы за опоздание утром: 6 пенсов за 2 минуты, 1 шилл. за 3 минуты и 1 шилл. 6 пенсов за 10 минут. При 9 шилл. в час это составляет 4 ф. ст. 10 шилл. в день, между тем как их заработная плата в среднем за год никогда не превышает 10—12 шилл. в неделю. Кроме того, Харрапп поручил одному подростку подавать трубой сигнал о начале работы, что тот делал иногда раньше 6 часов утра, и если рабочие не были на месте к тому времени, как он кончал сигналы, ворота запирались и оставшиеся снаружи подвергались штрафу; а так как на фабрике не было часов, то несчастные рабочие оказывались во власти инспирированного Харраппом молодого сигнальщика. Начавшие «стачку» рабочие, матери семейств и девушки, заявили, что они тотчас станут на работу, если сигнальщика заменят часами и введут более разумный тариф штрафов. Харрапп привлек к суду 19 женщин и девушек за нарушение договора. Они, при громких негодующих возгласах публики, были присуждены каждая к 6 пенсам штрафа и 2 шилл. 6 пенсам судебных издержек. Толпа народа проводила Харраппа из суда шиканьем. — Один из излюбленных фабрикантских приемов заключается в том, что они вычетами из заработной платы наказывают рабочих за плохое качество выдаваемого им материала. Этот метод в 1866 г. вызвал всеобщую стачку в английских гончарных округах. Отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда (1863—1866) приводят случаи, когда рабочие, вместо того чтобы получать заработную плату, в итоге своего труда из-за штрафов становились даже должниками

Мы отмечаем здесь только материальные условия, при которых совершается фабричный труд. Все органы чувств одинаково страдают от искусственно повышенной температуры, от воздуха, насыщенного частицами сырого материала, от оглушительного шума и т. д., не говоря уже об опасности для жизни среди тесно расставленных машин, которые с регулярностью, с какой происходит смена времен года, создают свои промышленные бюллетени убитых и изувеченных ^{190а)}. Экономия общественных средств производства, достигшая зрелости лишь в условиях благоприятного тепличного климата фабричной системы, вместе с тем превращается в руках капитала в систематический грабеж всех условий, необходимых для жизни рабочего во время труда: пространства, воздуха, света, а также всех средств, защищающих рабочего от опасных для жизни или вредных для здоровья условий процесса производства, — о приспособлениях же для удобства

своих светлейших «хозяев». Поучительные черты изобретательности фабричных самодержцев по части вычетов из заработной платы раскрыл также последний хлопковый кризис. «Мне самому», — говорит фабричный инспектор Р. Бейкер, — «недавно пришлось привлечь к судебной ответственности одного хлопчатобумажного фабриканта, который в эти тяжелые и мучительные времена вычитал у некоторых работающих у него «подростков» (старше 13-ти лет) «по 10 пенсов за врачебное свидетельство о возрасте, которое стоит ему только 6 пенсов и за которое закон допускает вычеты лишь в 3 пенса, а обычай — никаких вычетов... Другой фабрикант, чтобы достигнуть той же цели без столкновения с законом, облагает каждого из работающих на него бедных детей платой в 1 шилл. за обучение искусству и тайнам прядения, которая вносится немедленно после того, как врачебное свидетельство удостоверяет их достаточную зрелость для этого занятия. Следовательно, существуют глубинные течения, без знания которых невозможно понять таких чрезвычайных явлений, как стачки во времена, подобные теперешнему» (речь идет о стачке машинных ткачей на фабрике в Даруэне в июне 1863 г.). «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», p. 50, 51. (Фабричные отчеты всегда охватывают время, которое выходит за пределы их официальной даты.)

^{190а)} Законы для охраны от опасных машин оказали благотворное действие. «Но... в настоящее время появились новые причины несчастных случаев, не существовавшие 20 лет тому назад, а именно, возросшая скорость машин. Колеса, валы, веретена и ткацкие станки приводятся теперь в движение с возросшей и постоянно возрастающей силой; пальцы должны быстрее и увереннее захватывать нитяную нить, потому что медлительность и неуверенность приносят для них гибель... Большое число несчастных случаев вызвано стремлением рабочих быстрее закончить свою работу. Необходимо напомнить, что для фабрикантов в высшей степени важно держать свои машины в непрерывном ходу, т. е. непрерывно проваживать пряжу и ткани. Всякая остановка на одну минуту есть потеря не только двигательной силы, но и продукта. Поэтому надсмотрщики, заинтересованные в количестве продукта, подгоняют рабочих, чтобы машины не останавливались; да это не менее важно и для рабочих, если они оплачиваются по весу продукции или поштучно. Поэтому, хотя на большинстве фабрик формально воспрещается чистить машины во время их работы, на практике всегда так делается. Одна эта причина за последние 6 месяцев вызвала 906 несчастных случаев... Хотя чистка производится ежедневно, однако по субботам обыкновенно назначается основательная чистка машин, и она совершается по большей части при работающих машинах... Эта операция не оплачивается, и потому рабочие стараются как можно быстрее покончить с нею. Поэтому число несчастных случаев в пятницу, в особенности же в субботу, много больше, чем в остальные рабочие дни. Несчастные случаи в пятницу превышают среднее число их в первые 4 дня недели примерно на 12%, в субботу несчастных случаев бывает на 25% больше, чем в среднем за каждый из 5 предыдущих дней; а если принять во внимание, что фабричный день по субботам составляет всего 7½ часов, а в остальные рабочие дни 10½ часов, то превышение будет составлять более 65%» («Reports of Insp. of Factories for 31st October 1866». London, 1867, p. 9, 15, 16, 17).

рабочего нечего и говорить ¹⁹¹⁾. Не прав ли Фурье, называя фабрики «смягченной каторгой» ¹⁹²⁾? ¹⁴⁶

5. БОРЬБА МЕЖДУ РАБОЧИМ И МАШИНОЙ

Борьба между капиталистом и наемным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения. Она бушует в течение всего мануфактурного периода ¹⁹³⁾. Но только с введением машин рабочий начинает бороться против самого средства труда, этой материальной формы существования капитала. Он восстает против этой определенной формы средств производства как материальной основы капиталистического способа производства.

Почти вся Европа пережила в XVII веке возмущения рабочих против так называемой *Bandmühle* (называвшейся также *Schnurmühle* или *Mühlenstuhl*) — машины для тканья лент и галунов ¹⁹⁴⁾.

¹⁹¹⁾ В первом отделе третьей книги я расскажу об относящемся к последнему времени походе английских фабрикантов против тех статей фабричного акта, которые имеют целью оградить конечности «рук» от машин, опасных для жизни. Здесь достаточно будет одной цитаты из официального отчета фабричного инспектора Леонарда Хорнера: «Я слышал, с какой непростительной легкостью отзываются фабриканты о некоторых несчастных случаях; например, потеря пальца, по их мнению, это — пустяк. В действительности жизнь и все виды на будущее у рабочего настолько зависят от его пальцев, что такая потеря является для него в высшей степени серьезным событием. Слыша такую глупую болтовню, я спрашивал: «Допустим, что вам требуется добавочный рабочий, и к вам пришли два рабочих, оба во всех остальных отношениях одинаково хороши, но у одного нет большого или указательного пальца; на котором же вы остановитесь?» Они без малейшего колебания высказывались за того, у которого все пальцы целы... У этих господ фабрикантов ложные предубеждения против того, что они называют псевдо-филантропическим законодательством» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855»). Эти господа — «рассудительные люди», и недаром они симпатизировали мятежу рабовладельцев.

¹⁹²⁾ На фабриках, которые раньше других фабрик подпали под фабричный акт с его принудительным ограничением рабочего времени и прочими постановленными, исчезли некоторые из прежних зол. Самое усовершенствование машин требует на известной ступени «усовершенствованного устройства фабричных зданий», что идет на пользу рабочим (ср. «Reports etc. for 31st October 1863», p. 109).

¹⁹³⁾ См., между прочим: *John Houghton*. «Husbandry and Trade improved». London. 1727. «The Advantages of the East-India Trade», 1720. *John Bellers*. «Proposals for Raising a College of Industry». London, 1696. «Хозяева и рабочие, к сожалению, находятся в постоянной войне между собой. Неизменная цель первых — получать труд для себя по возможности дешевле; и они идут на любые ухищрения с этой целью, между тем как рабочие с равной настойчивостью пользуются всяким случаем, чтобы предъявить своим хозяевам повышенные требования». «An Inquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions», 1767, p. 61, 62. (Автор — священник Натаниел Форстер — всецело стоит на стороне рабочих.)

¹⁹⁴⁾ *Bandmühle* была изобретена в Германии. Итальянский аббат Ланчеллотти в работе, появившейся в Венеции в 1636 г., рассказывает: «Антон Моллер из Дантига почти 50 лет тому назад» (Ланчеллотти писал в 1629 г.) «видел в Дантиге очень искусную машину, которая одновременно изготовляла от 4 до 6 кусков ткани; но так как городской совет опасался, что это изобретение может превратить массу рабочих в нищих, то он запретил применение машины, а ее изобретателя приказал тайно задушить или утопить» ¹⁴⁾. В Лейдене такая же машина впервые была применена в 1629 году. Бунты позументщиков принудили магистрат сначала запретить ее; Генеральные штаты постановлениями 1623, 1639 гг. и т. д. должны были ограничить ее применение; наконец, она была допущена на известных условиях постановлением от 15 декабря 1661 года. «В этом городе», — говорит Боксхорн («Institutiones Politicae», 1663) о введении

В конце первой трети XVII века ветряная лесопильня, построенная одним голландцем близ Лондона, была уничтожена в результате бунта черни. Еще в начале XVIII века лесопильные машины, приводимые в движение водой, лишь с трудом преодолевали в Англии сопротивление народа, встречавшее поддержку парламента. В 1758 г., когда Эверет построил первую стригальную машину, приводившуюся в движение водой, ее сожгли 100 000 человек, оставшихся без работы. Против scribbling mills [чесальных машин] и чесальных машин Аркрайта 50 000 рабочих, которые до того времени жили расческою шерсти, обратились с петицией к парламента. Массовое разрушение машин в английских мануфактурных округах в течение первых 15 лет XIX века, направленное в особенности против парового ткацкого станка и известное под названием движения луддитов, послужило антиякобинскому правительству Сидмута, Каслри и т. д. предлогом для самых реакционных насильственных мер. Требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои атаки с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации¹⁹⁵⁾.

Борьба, которая велась в мануфактуре из-за размеров заработной платы, принимает мануфактуру как факт и во всяком случае не направлена против ее существования. Поскольку же борьба направлена против образования мануфактур, ее ведут не наемные рабочие, а цеховые мастера и привилегированные города. Поэтому среди авторов мануфактурного периода господствует взгляд на разделение труда как на средство заместить потенциальных рабочих, а не вытеснить действительных. Различие это очевидно. Если, например, говорят, что в Англии потребовалось бы 100 миллионов человек для того, чтобы при помощи старой прялки переработать тот хлопок, который теперь при помощи машин перерабатывают 500 000 человек, то это, разумеется, вовсе

Bandshühle в Лейдене, — «около 20 лет тому назад был изобретен ткацкий станок, на котором один рабочий мог производить ткани в большем количестве и легче, чем несколько человек могли бы без станка произвести в равное время. Но это вызвало жалобы и неудовольствие ткачей, и магистрат, в конце концов, воспретил употребление станка». Та же машина в 1676 г. запрещена в Кёльне, а одновременное введение ее в Англии вызвало волнение рабочих. Императорским указом от 19 февраля 1685 г. употребление ее было запрещено во всей Германии. В Гамбурге она по приказанию магистрата была подвергнута публичному сожжению. 9 февраля 1719 г. Карл VI возобновил указ 1685 г., а в курфюршестве саксонском она была разрешена для общего применения лишь в 1765 году. Эта машина, которая наделала столько шума, в действительности была предшественницей прядильных и ткацких машин, а следовательно, и промышленной революции XVIII века. Пользуясь ею, совершенно неопытный в ткачестве подросток, двигая шатун взад и вперед, мог приводить в движение весь станок со всеми его принадлежностями; в своей усовершенствованной форме эта машина производила одновременно 40—50 штук.

¹⁹⁵⁾ В старомодных мануфактурах еще и в настоящее время иногда повторяются грубые формы возмущения рабочих против машин. Это имело место, например, среди шлифовальщиков Шеффилда в 1865 году.

не означает, что машины заняли место этих миллионов, которые никогда и не существовали. Это означает только, что для замещения прядильных машин потребовалось бы много миллионов рабочих. Напротив, если говорят, что паровой ткацкий станок выбросил в Англии 800 000 ткачей на мостовую, то речь идет не о замещении существующих машин определенным числом рабочих, а наоборот, о существовании известного числа рабочих, которые фактически были замещены или вытеснены машинами. В мануфактурный период основой продолжал оставаться ремесленный способ производства, хотя и разложенный на отдельные операции. При относительно малом количестве городских рабочих, завещанных средними веками, потребности новых колониальных рынков не могли быть удовлетворены, и собственно мануфактуры открыли тогда сельскому населению, которое по мере разложения феодализма сгонялось с земли, новые области производства. Поэтому тогда разделение труда и кооперация в мастерской больше обнаруживали свою положительную сторону — повышение производительности занятых рабочих¹⁹⁶⁾. Правда, кооперация и комбинация средств труда в руках немногих, примененные в земледелии, вызвали, — во многих странах задолго до периода крупной промышленности, — крупные, внезапные и насильственные революции в способе производства, а потому и в условиях жизни и средствах занятости сельского населения. Но эта борьба первоначально разыгрывается больше между крупными и мелкими земельными собственниками, чем между капиталом и наемным трудом; с другой стороны, поскольку рабочие вытесняются средствами труда — овцами, лошадьми и т. д., — акты непосредственного насилия создают здесь первую предпосылку промышленной революции. Сначала рабочие прогоняются с земли, а потом приходят овцы. И только расхищение земли в большом масштабе, как, например, в Англии, создает арену для крупного земледелия^{196а)}. Поэтому при своем начале этот переворот в

¹⁹⁶⁾ Сэр Джемс Стюарт оценивает также и действие машин еще совершенно в этом духе. «Я рассматриваю машины как средство увеличить (потенциально) число рабочих, которых не приходится кормить... Чем действие машины отличается от действия, вызываемого появлением новых жителей?» («Recherche des principes de l'économie politique», t. I, l. I, ch. XIX.) Много наивнее Петти, который говорит, что она заменяет «полигамию». Эта точка зрения применима самое большее для некоторых частей Соединенных Штатов. Напротив: «Редко можно с успехом воспользоваться машинами для того, чтобы уменьшить труд отдельного человека; ее постройка потребовала бы больше времени, чем будет сбережено ее применением. С действительной пользой она может применяться только в том случае, если действует в крупном масштабе, если одна машина может помогать труду тысяч. Соответственно этому они находят наибольшее применение в наиболее населенных странах, где больше всего незанятых людей. Применение машин вызывается не недостатком в людях, а дежкостью, с какой возможно массы людей привлечь к работе» (Percy Ravenstone. «Thoughts on the Funding System and its Effects». London, 1824, p. 45).

^{196а)} [К 4 изданию. Это относится и к Германии. Там, где у нас существует крупное земледелие, т. е. в особенности на востоке, оно сделалось возможным лишь вследствие «Bauegnlegen» [«сгона крестьян с земли»], проводившегося начиная с XVI века, в особенности же после 1648 года. Ф. Э.]

земледелии имел внешнюю видимость скорее политической революции.

Средство труда, выступив как машина, тотчас же становится конкурентом самого рабочего¹⁹⁷⁾. Самовозрастание капитала при помощи машин прямо пропорционально числу рабочих, у которых они разрушают условия существования. Вся система капиталистического производства основывается на том, что рабочий продает свою рабочую силу как товар. Разделение труда делает эту рабочую силу односторонней, превращая ее в совершенно частичное искусство управлять отдельным частичным орудием. Когда и управление орудием переходит к машине, вместе с потребительной стоимостью рабочей силы исчезает и ее меновая стоимость. Рабочий не находит себе покупателя подобно тому, как никто не берет изъятые из обращения бумажные деньги. Часть рабочего класса, которую машина превращает таким образом в излишнее население, т. е. такое, которое непосредственно уже не требуется для самовозрастания капитала, с одной стороны, гибнет в неравной борьбе старого ремесленного и мануфактурного производства против машинного, а с другой — наводняет более доступные отрасли промышленности, переполняет рынок труда и понижает поэтому цену рабочей силы ниже ее стоимости. Говорят, будто большим утешением для пауперизованных рабочих должно служить то обстоятельство, что, с одной стороны, их страдания только «временные» («a temporary inconvenience»), а с другой стороны — машина ведь лишь постепенно овладевает всем полем производства, благодаря чему уменьшаются размах и интенсивность ее разрушительного действия. Одно утешение побивается другим. Когда машина постепенно овладевает известной сферой производства, она производит хроническую нищету в конкурирующих с нею слоях рабочих. Когда переход совершается быстро, ее действие носит массовый и острый характер. Всемирная история не знает более ужасающего зрелища, чем постепенная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских ручных хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго владели существованием со своими семьями на 2¹/₂ пенса в день¹⁹⁸⁾.

¹⁹⁷⁾ «Машины и труд находятся в постоянной конкуренции» (*Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 479.*)

¹⁹⁸⁾ До проведения закона о бедных 1833 г. конкуренция между ручным ткачеством и машинным ткачеством затягивалась в Англии из-за того, что вспомоществованиями от приходов пополюбили заработную плату, упавшую далеко ниже минимума. «В 1827 г. епреподобие Тёрнер был ректором в Уилмслоу в Чешире, фабричном округе. Вопросы комитета по делам эмиграции и ответы Тёрнера показывают, каким образом поддерживалась конкуренция ручного труда против машин. Вопрос: «Не вытеснено ли применение ручных станков применением механических станков?» Ответ: «Несомненно; оно было бы вытеснено в еще большей степени, чем это наблюдается в действительности, если бы ручные ткачи не имели возможности соглашаться на понижение заработной платы». Вопрос: «Но, соглашаясь на это, они паинаются за плату, недостаточную для их существования, и рассчитывают на поддержку прихода, чтобы покрыть дефицит

Напротив, английские хлопчатобумажные машины произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834—1835 годах: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопкоткачей». Конечно, поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, постольку машина уготовала им только «временные страдания». Впрочем, «временное» действие машин оказывается постоянным, потому что они завоевывают все новые и новые сферы производства. Таким образом, тот характер самостоятельности и отчужденности, который капиталистический способ производства вообще придает условиям труда и продукту труда по отношению к рабочему, с появлением машин развивается в полную противоположность между рабочими, с одной стороны, условиями труда и продуктами труда — с другой¹⁹⁹⁾. Поэтому вместе с машинами впервые появляется стихийное возмущение рабочего против средства труда.

Средство труда убивает рабочего. Конечно, всего осязательнее проявляется эта прямая противоположность в тех случаях, когда вновь вводимая машина вступает в конкуренцию с традиционным ремесленным или мануфактурным производством. Но и в пределах самой крупной промышленности постоянное усовершенствование машин и развитие автоматической системы действуют аналогичным образом.

«Постоянная цель усовершенствования машин заключается в том, чтобы сократить ручной труд или усовершенствовать производственный процесс на фабрике, заменяя в том или ином звене производственной цепи человеческий аппарат железным»²⁰⁰⁾. «Применение силы пара или воды к машинам, которые прежде приводились в движение рукой, случается каждый день... Постоянно производится все новые и новые сравнительно мелкие усовершенствования в машинах, имеющие своей целью экономию двигательной силы, улучшение продукта, увеличение производства при неизменности времени или вытеснение ребенка, женщины или мужчины, и хотя на первый взгляд они не имеют большого значения, тем не менее они дают важные результаты»²⁰¹⁾. «Во всех случаях, когда известная операция требует большого искусства и уверенной

в средствах существования? Ответ: «Да, конкуренция между ручным станком и механическим станком фактически поддерживается налогом в пользу бедных». Итак, униженный пауперизм или эмиграция — вот благодеяния, которыми трудящиеся обязаны введению машин. Из уважаемых и до некоторой степени независимых мастеровых их низводят до положения раболовных босиков, живущих униженным хлебом благотворительности. Вот что называют «временным страданием»» («A Prize Essay on the Comparative Merits of Competition and Co-operation». London, 1834, p. 29).

¹⁹⁹⁾ «Та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны» (т. е., как здесь же поясняет Рикардо, доход лендлордов и капиталистов, богатство которых с экономической точки зрения равно богатству нации), «может в то же время создавать избыточное население и ухудшить положение рабочего» (Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 469). «Постоянная цель и тенденция всякого усовершенствования механизма фактически заключается в том, чтобы совершенно избавиться от труда человека или уменьшить его цену посредством замены труда взрослых рабочих мужчин женским и детским трудом или труда обученных рабочих — трудом чернорабочих» (Ure. [«Philosophy of Manufactures», p. 23]).

²⁰⁰⁾ «Reports of Insp. of Fact. 31st October 1858», p. 43.

²⁰¹⁾ «Reports etc. for 31st October 1856», p. 15.

руки, ее стараются по возможности быстрее взять из рук слишком искусного и часто склонного ко всяческой беспорядочности рабочего и передать особому механизму, который действует с такой регулярностью, что наблюдать за ним может ребенок»²⁰²⁾. «При автоматической системе талант рабочего все более вытесняется»²⁰³⁾. «Усовершенствование машин позволяет не только уменьшить число занятых взрослых рабочих, необходимых для достижения определенного результата, но и заменяет одну категорию человеческого труда другой: более искусных — менее искусными, взрослых — детьми, мужчин — женщинами. Все эти перемены вызывают постоянные колебания в уровне заработной платы»²⁰⁴⁾. «Машина непрерывно выбрасывает взрослых с фабрики»²⁰⁵⁾.

Победное шествие машинной системы, вызванное сокращением рабочего дня, продемонстрировало нам исключительную ее эластичность, достигнутую в результате накопления практического опыта, в результате уже имеющегося в наличии количества механических средств и постоянного прогресса техники. Но кто мог бы в 1860 г., когда английская хлопчатобумажная промышленность достигла зенита, предвидеть те стремительные усовершенствования в машинах и соответствующее им вытеснение ручного труда, которые были вызваны в следующие три года таким стимулом, как Гражданская война в Америке? Здесь достаточно будет пары примеров из официальных данных английских фабричных инспекторов по этому вопросу. Один манчестерский фабрикант заявляет:

«Вместо 75 кардных машин нам теперь требуется только 12, при которых мы получаем прежнее количество такого же, если не лучшего качества... Экономия на заработной плате составляет 10 ф. ст. в неделю, экономия на хлопковом угаре 10%». В одной манчестерской тонкопрядильне «ускорением движения и введением различных автоматических процессов в одном отделении устранена четверть, в другом свыше половины рабочего персонала, между тем как гребенная машина, заменившая вторую кардную машину, сильно уменьшила число рук, занятых раньше в чесальном отделении».

Другая прядильная фабрика определяет свою общую экономию на «руках» в 10%. Господа Гилмор, владельцы прядильных фабрик в Манчестере, заявляют:

²⁰²⁾ Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 19. «Огромная выгода от машин, применяемых на кирпичных заводах, заключается в том, что они дают хозяину полную независимость по отношению к искусным рабочим» («Children's Employment Commission. 5th Report». London, 1866, p. 130, № 46).

Добавление к 2 изданию. Г-н А. Старрок, суперинтендант машинного отделения Большой Северной железной дороги, заявляет относительно машиностроения (производства локомотивов и т. д.): «Дорогие (expensive) английские рабочие требуются с каждым днем все в меньшем и меньшем количестве. Производство увеличивается благодаря применению усовершенствованных инструментов, а этими инструментами управляет, в свою очередь, более низкая категория рабочих (a low class of labour)... Раньше все части паровой машины по необходимости производились квалифицированным трудом. Те же части в настоящее время производятся менее квалифицированным трудом, но при помощи хороших инструментов... Под инструментами я разумею машины, употребляемые при машиностроении» («Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence», № 17 862 и 17 863. London, 1867).

²⁰³⁾ Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 20.

²⁰⁴⁾ Там же, стр. 321.

²⁰⁵⁾ Там же, стр. 23.

«В нашем трепальном отделении сбережения на «руках» и заработной плате, сделанные благодаря новым машинам, мы определяем в целую треть... в отделении банкаброшей и в отделении ленточных машин сбережения на издержках и руках составляют около трети; в прядильном отделении сбережения на издержках — около трети. Но и это не все: наша пряжа, направляемая к ткачу, настолько улучшена благодаря применению новых машин, что он получает больше ткани и лучшего качества, чем при прежней машинной пряже» ²⁰⁶⁾.

Фабричный инспектор А. Редгрейв замечает по этому поводу:

«Уменьшение числа рабочих при увеличении производства быстро прогрессирует; на шерстяных фабриках недавно началось новое сокращение числа рук, и оно все продолжается; несколько дней тому назад один школьный учитель, живущий близ Рочдейла, сказал мне, что большое сокращение числа учащихся девочек в школах объясняется не только давлением кризиса, но и изменениями в машинах шерстяных фабрик, вследствие чего было рассчитано в общем 70 рабочих, занятых половину времени» ²⁰⁷⁾.

Следующая таблица ¹⁴⁸ показывает общий результат механических усовершенствований в английской хлопчатобумажной промышленности, обязанных своим появлением Гражданской войне в Америке.

Число фабрик

	1857 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	2 046	2 715	2 405
Шотландия	152	163	131
Ирландия	12	9	13
Соединенное королевство ...	2 210	2 887	2 549

Число паровых ткацких станков

	1857 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	275 590	368 125	344 719
Шотландия	21 624	30 110	31 864
Ирландия	1 633	1 757	2 746
Соединенное королевство ...	298 847	399 992	379 329

²⁰⁶⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», p. 108 sqq.

²⁰⁷⁾ Там же, стр. 109. Быстрое усовершенствование машин во время хлопкового кризиса позволило английским фабрикантам сразу по окончании Гражданской войны в Америке быстро вновь переполнить мировой рынок. Уже в последние 6 месяцев 1866 г. ткань почти невозможно было продать. Тогда начинается отправка товаров на консигнацию в Китай и Индию, что, разумеется, сделало переполнение рынка еще более значительным. В начале 1867 г. фабриканты прибегли к своему обычному средству — к понижению заработной платы на 5%. Рабочие оказали сопротивление и заявили, — теоретически это было совершенно правильно, — что единственный выход из создавшегося положения состоит в том, чтобы работать сокращенное время, 4 дня в неделю. После продолжительного сопротивления господа, которые сами называют себя капитанами промышленности, должны были согласиться на это, причем в некоторых местах заработная плата была понижена на 5%, в других же осталась без изменения.

Число веретен

	1857 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	25 818 576	28 352 125	30 478 228
Шотландия	2 041 129	1 915 398	1 397 546
Ирландия	150 512	119 944	124 240
Соединенное королевство ...	28 010 217	30 387 467	32 000 014

Число занятых рабочих

	1857 г.	1861 г.	1868 г.
Англия и Уэльс	341 170	407 598	357 052
Шотландия	34 698	41 237	39 809
Ирландия	3 345	2 734	4 203
Соединенное королевство ...	379 213	451 569	401 064

Итак, с 1861 по 1868 г. исчезло 338 хлопчатобумажных фабрик, т. е. более производительные и более крупные машины сосредоточились в руках меньшего числа капиталистов. Число паровых ткацких станков уменьшилось на 20 663; но продукт их в то же время увеличился, так что усовершенствованный ткацкий станок дает теперь больше, чем старый. Наконец, число веретен возросло на 1 612 547, между тем как число занятых рабочих уменьшилось на 50 505. Следовательно, та «временная» нищета, которой хлопковый кризис подавлял рабочих, была усилена и закреплена быстрым и непрерывным усовершенствованием машин.

Однако машина действует не только как могущественный конкурент, постоянно готовый сделать наемного рабочего «избыточным». Она громогласно и преднамеренно прокламируется и используется капиталом как враждебная рабочему сила. Она становится самым мощным боевым оружием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала ²⁰⁸⁾. По Гаскеллу, паровая машина с самого начала сделалась антагонистом «человеческой силы» и дала капиталистам возможность разбивать растущие притязания рабочих, которые угрожали кризисом зарождающейся фабричной системе ²⁰⁹⁾. Можно было бы написать целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих.

²⁰⁸⁾ «Отношения между хозяевами и рабочими на стекольных и бутылочных заводах — это хроническая стачка». Отсюда быстрое развитие производства прессованного стекла, при котором главные операции выполняются машинами. Одна фирма в Ньюкасле, которая раньше производила дутого стекла 350 000 ф. в год, теперь вместо того производит 3 000 500 ф. прессованного стекла («Children's Employment Commission. 4th Report», 1865, p. 262 — 263).

²⁰⁹⁾ Gaskell. «The Manufacturing Population of England». London, 1833, p. 3—4.

Прежде всего мы напомним об автоматической мюль-машине, потому что она открывает новую эпоху автоматической системы ²¹⁰⁾.

В своих показаниях перед Комиссией о тред-юнионах Несмит, изобретатель парового молота, делает следующее сообщение о тех усовершенствованиях в машинах, которые он ввел вследствие большой и продолжительной стачки машиностроительных рабочих в 1851 году:

«Характерная черта наших современных механических усовершенствований — введение автоматических рабочих машин. Теперь машинному рабочему приходится не самому работать, а лишь наблюдать за прекрасной работой машины, что доступно всякому подростку. В настоящее время устранен весь класс рабочих, которые полагались исключительно на свое искусство. Раньше у меня на одного механика приходилось четыре подростка. Благодаря этим новым механическим усовершенствованиям я сократил число взрослых мужчин с 1 500 до 750. Следствием было значительное увеличение моей прибыли» ¹⁴⁹⁾.

Об одной машине для печатания красками на ситцепечатных предприятиях Юр говорит:

«Наконец, капиталисты постарались освободиться от этого невыносимого рабства» (т. е. от тягостных для них условий договоров с рабочими), «призвав на помощь ресурсы науки, и скоро они были восстановлены в своих законных правах, — правах головы над другими частями тела».

Об одном изобретении для шлихтования основы, непосредственно вызванном стачкой, он говорит:

«Орда недовольных, мнившая себя непобедимой за старыми укреплениями разделения труда, обнаружила, что ее обошли с флангов и ее оборонительные сооружения при современной механической тактике сделались бесполезными. Ей пришлось сдаться на милость и гнев победителей».

Об изобретении автоматической мюль-машины он говорит:

«Она была призвана вновь восстановить порядок среди промышленных классов... Это изобретение подтверждает развитую уже нами доктрину, что капитал, заставив науку служить себе, постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности» ²¹¹⁾.

Хотя работа Юра появилась в 1835 г., следовательно в эпоху, когда фабричная система была развита еще сравнительно слабо, она до сих пор остается классическим выражением духа фабрики не только по своему откровенному цинизму, но и по той наивности, с которой она выбалтывает нелепые противоречия капиталистического мозга. Например, развив ту «доктрину», что капитал при помощи науки, взятой им на содержание, «постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности», он возмущается тем,

²¹⁰⁾ Некоторые очень существенные новшества в применении машин в машиностроении были введены г-ном Фэрберном на его собственном машиностроительном заводе под влиянием стачек.

²¹¹⁾ *Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 367—370.*

«что с известной стороны механико-физическую науку обвиняют в том, будто она идет на службу деспотизму богатых капиталистов и служит орудием угнетения бедных классов».

После широковещательной проповеди о том, как выгодно для рабочих быстрое развитие машин, он предостерегает их, что своей непокорностью, стачками и т. д. они ускоряют развитие машин.

«Такие насильственные бунты», — говорит он, — «обнаруживают самый презренный вид человеческого близорукости, ту близорукость, которая делает человека своим собственным палачом».

Наоборот, несколькими страницами раньше говорится:

«Без этих сильных столкновений и перерывов, вызываемых ложными воззрениями рабочих, фабричная система развилась бы много быстрее и с еще большей пользой для всех заинтересованных сторон». Потом он опять восклицает: «К счастью для населения фабричных округов Великобритании, усовершенствования в механике совершаются лишь постепенно». «Несправедливо», — говорит он, — «обвинять машины в том, будто они ведут к уменьшению заработной платы взрослых, вытесняя известную часть последних, благодаря чему их число начинает превышать потребность в труде. Но машины ведь увеличивают спрос на детский труд и таким образом повышают его заработки».

Но, с другой стороны, этот же утешитель защищает низкую заработную плату детей тем, «что она удерживает родителей от посылки своих детей на фабрики в слишком раннем возрасте». Вся его книга представляет собой прославление неограниченного рабочего дня, и если законодательство воспрещает истязать детей 13 лет больше 12 часов в сутки, то это напоминает его либеральной душе о самых мрачных временах средневековья. Это не мешает ему призывать фабричных рабочих к благодарственной молитве провидению за то, что оно посредством машин «создало им досуг для размышлений о своих нетленных интересах» ²¹²⁾.

6. ТЕОРИЯ КОМПЕНСАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО РАБОЧИХ, ВЫТЕСНЯЕМЫХ МАШИНАМИ

Целый ряд буржуазных экономистов, как Джеймс Милль, Мак-Куллох, Торренс, Сениор, Джон Стюарт Милль и др., утверждают, что все машины, вытесняющие рабочих, постоянно и необходимо высвобождают в то же время соответствующий капитал, который дает работу этим самым вытесненным рабочим ²¹³⁾.

Предположим, что капиталист применяет 100 рабочих, например в обойной мануфактуре, причем каждый получает по 30 ф. ст. в год. Следовательно, ежегодно пускаемый в оборот капиталистом переменный капитал составляет 3 000 фунтов стерлингов. До-

²¹²⁾ *Ure*, там же, стр. 368, 7, 370, 280, 322, 324, 475.

²¹³⁾ Рикардо первоначально разделял это воззрение, но позже с характеризующим его научным беспристрастием и любовью к истине отказался от него. См. *David Ricardo*. «Principles of Political Economy», гл. XXXI «О машинах».

пустим, что 50 рабочих он увольняет, а остальных 50 занимает при помощи машин, которые стоят ему 1 500 фунтов стерлингов. Для упрощения мы оставляем в стороне здания, уголь и т. д. Предположим далее, что ежегодно потребляемый сырой материал стоит по-прежнему 3 000 фунтов стерлингов ²¹⁴⁾. «Высвободился» ли благодаря этой перемене какой-нибудь капитал? При старом способе ведения дела вся пущенная в оборот сумма в 6 000 ф. ст. состояла наполовину из постоянного и наполовину из переменного капитала. Теперь она состоит из 4 500 ф. ст. (3 000 ф. ст. в сыром материале и 1 500 ф. ст. в машинах) постоянного и 1 500 ф. ст. переменного капитала. Переменная, или превращенная в живую рабочую силу, часть капитала составляет уже не половину, а лишь $\frac{1}{4}$ всего капитала. Вместо высвобождения здесь происходит связывание капитала в такой форме, в которой он перестает обмениваться на рабочую силу, т. е. происходит превращение переменного капитала в постоянный. Теперь капитал в 6 000 ф. ст. при прочих равных условиях не может занимать более 50 рабочих. С каждым усовершенствованием машин он занимает все меньше и меньше рабочих. Если бы вновь вводимые машины стоили меньше, чем вытесненные ими рабочая сила и орудия труда, например вместо 1 500 только 1 000 ф. ст., то переменный капитал в 1 000 ф. ст. превратился бы в постоянный капитал, т. е. был бы связан, а капитал в 500 ф. ст. высвободился бы. Предполагая, что годовая заработная плата остается прежняя, этот капитал образовал бы фонд для занятия примерно 16 рабочих, — между тем как уволено 50, — и даже много меньше, чем 16 рабочих, так как для превращения этих 500 ф. ст. в капитал часть их придется превратить в постоянный капитал и, следовательно, только остальную часть можно будет превратить в рабочую силу.

Но допустим даже, что производство новых машин даст работу большему числу механиков; может ли это послужить компенсацией для выброшенных на мостовую обойщиков? В лучшем случае изготовление машин потребует рабочих меньше, чем вытесняется применением машин. Сумма в 1 500 ф. ст., которая представляла только заработную плату уволенных обойщиков, теперь, в форме машин, представляет: 1) стоимость средств производства, необходимых для изготовления машин; 2) заработную плату изготовляющих их механиков; 3) достаемую «хозяину» последних прибавочную стоимость. Далее: раз машина готова, ее не приходится обновлять до самой ее смерти. Следовательно, для того чтобы добавочное число механиков могло получать постоянные занятия, необходимо, чтобы фабриканты обоев один за другим заменяли рабочих машинами.

²¹⁴⁾ NB. Я привожу иллюстрацию совершенно в стиле названных выше экономистов.

Впрочем, упомянутые апологеты и не имеют в виду такого рода высвобождение капитала. Они имеют в виду жизненные средства высвободившихся рабочих. Нельзя отрицать, например, что в приведенном выше случае машины не только высвобождают 50 рабочих и тем самым делают их «свободными», но одновременно и прекращают их связь с жизненными средствами стоимостью в 1 500 ф. ст. и таким образом «высвобождают» эти жизненные средства. Итак, тот простой и отнюдь не новый факт, что машины освобождают рабочего от жизненных средств, на языке экономистов означает, что машины освобождают жизненные средства для рабочего, или превращают их в капитал, который применяет рабочего. Как видим, все дело в способе выражения. *Nominibus mollire licet mala*¹⁵⁰.

По этой теории, жизненные средства стоимостью в 1 500 ф. ст. были капиталом, который увеличивал свою стоимость посредством труда пятидесяти уволенных обойщиков. Следовательно, этот капитал утрачивает свое занятие, раз пятьдесят человек увольняются, и не может успокоиться до тех пор, пока не найдет нового «приложения», при котором эти пятьдесят рабочих снова получают возможность производительно потреблять его. Итак, рано или поздно капитал и рабочие снова должны соединиться, и тогда компенсация налицо. Следовательно, страдания рабочих, вытесняемых машинами, столь же преходящи, как и богатства этого мира.

Жизненные средства в сумме 1 500 ф. ст. никогда не противостояли уволенным рабочим как капитал. Как капитал противостояли им 1 500 ф. ст., превращенные теперь в машины. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти 1 500 ф. ст. представляли только ту часть обоев, ежегодно производившихся 50 уволенными рабочими, которую они получали от своего предпринимателя как заработную плату — не натурой, а в денежной форме. На эти обои, превращенные в 1 500 ф. ст., они покупали жизненные средства на ту же сумму. Поэтому последние существовали для них не как капитал, а как товары, и сами они были по отношению к этим товарам не наемными рабочими, а покупателями. То обстоятельство, что машины «освободили» их от покупательных средств, превращает их из покупателей в непокупателей. Отсюда уменьшение спроса на соответствующие товары. *Voilà tout* [вот и все]. Если это уменьшение спроса не компенсируется увеличением его еще откуда-нибудь, то понижается рыночная цена товаров. Если это продолжается сравнительно долго и в значительных размерах, то происходит увольнение рабочих, занятых в производстве данных товаров. Часть капитала, который раньше производил необходимые жизненные средства, будет воспроизводиться теперь в другой форме. Во время падения рыночных цен и перемещения капитала рабочие, занятые в производстве необходимых жизненных средств, тоже «осво-

бождаются» от некоторой части своей заработной платы. Таким образом, вместо того, чтобы доказать, что машина, освобождая рабочих от жизненных средств, в то же время превращает последние в капитал, применяющий этих рабочих, господин апологет с помощью своего испытанного закона спроса и предложения доказывает, наоборот, что машина не только в той отрасли производства, в которой она введена, но и в тех отраслях производства, в которых она не введена, выбрасывает рабочих на мостовую.

Действительные факты, искаженные экономическим оптимизмом, таковы: вытесняемые машиной рабочие выбрасываются из мастерской на рынок труда и увеличивают там число рабочих сил, пригодных для капиталистической эксплуатации. В седьмом разделе мы увидим, что это действие машин, которое изображают нам здесь как компенсацию для рабочего класса, в действительности является самым ужасным бичом для него. Здесь отметим только следующее: конечно, рабочие, выброшенные из одной отрасли промышленности, могут искать занятия в какой-либо другой. Если они находят таковое и если таким образом вновь восстанавливается связь между ними и жизненными средствами, которые были освобождены вместе с ними, то это происходит при посредстве нового, дополнительного капитала, ищущего применения, а отнюдь не того капитала, который функционировал уже раньше и теперь превращен в машины. Но если даже и так, то как ничтожны все же их перспективы! Искалеченные разделением труда, эти бедняги столь мало стоят в своей старой сферы деятельности, что они имеют доступ лишь в немногие низшие, постоянно переполненные и плохо оплачиваемые отрасли труда ²¹⁵⁾. Далее, каждая отрасль промышленности ежегодно притягивает новый поток людей, который доставляет ей необходимый контингент для регулярного замещения и роста. Когда же машины освобождают часть рабочих, занятых до того времени в определенной отрасли промышленности, контингент заместителей тоже перераспределяется заново и поглощается другими отраслями труда, между тем как первоначальные жертвы по большей части опускаются и гибнут в переходное время.

Не подлежит никакому сомнению, что машины сами по себе не ответственны за то, что они «освобождают» рабочего от жизненных средств. Они удешевляют и увеличивают продукт в той отрасли, которой они овладевают, и сначала оставляют без изменений

²¹⁵⁾ Один рикардиец, полемизируя против недепостей Ж. Б. Сэя, замечает по этому поводу: «При развитом разделении труда искусство рабочего может найти себе применение только в той особой сфере, в которой он приобрел выучку; сам рабочий является своего рода машиной. Поэтому абсолютно ничему не поможет полугайская болтовня, что вещам свойственна тенденция отыскивать свой уровень. Стоит посмотреть вокруг себя, и мы увидим, что они в течение долгого времени не могут найти своего уровня и что если они находят его, то он оказывается ниже, чем был в начале процесса» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.». London, 1821, p. 72).

массу жизненных средств, производимую в других отраслях промышленности. Следовательно, после введения машин, как и до него, в расстройжении общества находилось все такое же или большее количество жизненных средств для высвобожденных рабочих, если оставить в стороне огромную часть годового продукта, которая расточается неработающими. И в этом — *pointe* [зацепка] экономической апологетики! Противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения! А так как машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлинит рабочий день; так как сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность; так как сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера и т. д., то буржуазный экономист просто заявляет, что рассмотрение машины самой по себе как нельзя убедительнее доказывает, что все эти очевидные противоречия суть просто внешняя видимость банальной действительности, сами же по себе, а потому и в теории они вовсе не существуют. Таким образом он избавляет себя от всякого дальнейшего ломания головы и, кроме того, приписывает своему противнику такую глупость, будто он борется не против капиталистического применения машины, а против самой машины.

Конечно, буржуазный экономист вовсе не отрицает, что при этом получают и временные неприятности; но ведь у всякой медали есть своя обратная сторона! Для него немыслимо иное использование машины, кроме капиталистического. Следовательно, эксплуатация рабочего при посредстве машины для него тождественна с эксплуатацией машины рабочим. Поэтому тот, кто раскрывает, как в действительности обстоит дело с капиталистическим применением машин, тот вообще не хочет их применения, тот противник социального прогресса! ²¹⁶⁾ Совершенно в духе знаменитого головореза Билла Сайкса: «Господа присяжные, конечно, этим коммивояжерам горло было перерезано. Но это — не моя вина, а вина ножа. Неужели из-за таких временных неприятностей мы отменим употребление ножа? По-

²¹⁶⁾ Одним из виртуозов в этом самонадеянном кретинизме является, между прочим, Мак-Куллох. «Если выгодно», — говорит он с аффектированной наивностью 8-летнего ребенка, — «все более и более развивать искусство рабочего, так чтобы он был способен производить все увеличивающееся количество товаров при прежнем или меньшем количестве труда, то должно быть не менее выгодно, чтобы он пользовался помощью таких машин, которые наиболее эффективным образом содействуют ему в достижении этого результата» (*MacCulloch. «Principles of Political Economy». Edinburgh, 1830, p. 166.*)

думайте-ка хорошенько! Что было бы с земледелием и ремеслами без ножа? Не приносит ли он спасение в хирургии, не служит ли орудием науки в руках анатома? А потом — не желанный ли это помощник за праздничным столом? Уничтожьте нож — и вы отбросите нас назад к глубочайшему варварству» ^{216а)}.

Хотя машины неизбежно вытесняют рабочих из тех отраслей труда, в которых они введены, однако они могут вызвать увеличение занятости в других отраслях труда. Но это действие не имеет ничего общего с так называемой теорией компенсации. Так как всякий машинный продукт, например один аршин машинной ткани, дешевле, чем вытесненный им однородный продукт ручного труда, то получается следующий абсолютный закон: если общее количество товаров, произведенных машинным способом, остается равным общему количеству замещенных ими товаров, производившихся ремесленным или мануфактурным способом, то общая сумма прилагаемого труда уменьшается. То увеличение труда, которое обуславливается производством самих средств труда, — машин, угля и т. д., — должно быть меньше того труда, который сберегается применением машин. Иначе машинный продукт был бы не дешевле или даже дороже ручного продукта. Однако общая масса товаров, производимых при помощи машин сократившимся количеством рабочих, не только не остается без изменения, но, напротив, вырастает до размеров, далеко превышающих общую массу вытесненных ремесленных товаров. Предположим, что 400 000 аршин машинной ткани производятся меньшим количеством рабочих, чем 100 000 аршин ручной ткани. В учетверенном продукте заключается и учетверенное количество сырого материала. Следовательно, производство сырого материала должно учетвериться. Что касается потребленных средств труда, например зданий, угля, машин и т. д., то пределы, в которых может возрасти дополнительный труд, необходимый для их производства, изменяются сообразно разности между теми массами продукта, которые при одном и том же числе рабочих могут быть произведены машинным способом, с одной стороны, и ручным способом — с другой.

Поэтому с расширением машинного производства в одной отрасли промышленности увеличивается производство прежде всего и в тех других отраслях, которые доставляют первой ее средства производства. Насколько благодаря этому возрастает масса занятых рабочих, это зависит при данной продолжительности рабочего дня и интенсивности труда от строения употребляемых капиталов, т. е. от отношения между их постоянными

^{216а)} «Изобретатель прядильной машины разорил Индию, что, впрочем, мало нас трогает» (A. Thiers. «De la Propriété». [Paris, 1848, p. 275]). Г-н Тьер смешивает здесь прядильную машину с механическим ткацким станком, «что, впрочем, мало нас трогает».

и переменными составными частями. Это отношение, в свою очередь, значительно варьирует в зависимости от того, в какой мере машины уже овладели или овладевают данной отраслью промышленности. Число рабочих, обреченных на работу в угольных копях и рудниках, колоссально возросло с развитием применения машин в Англии, хотя это возрастание в последние десятилетия замедляется применением в горном деле новых машин ²¹⁷⁾. Вместе с машиной появляется новый вид рабочих — производители машин. Мы уже знаем, что машинное производство все в большей мере овладевает и этой отраслью производства ²¹⁸⁾. Далее, что касается сырого материала ²¹⁹⁾, то не подлежит, например, никакому сомнению, что бурное развитие бумагопрядения не только форсировало возделывание хлопка в Соединенных Штатах, а вместе с тем и африканскую работорговлю, но и сделало размножение негров главным занятием так называемых пограничных рабовладельческих штатов. В 1790 г., когда в Соединенных Штатах была произведена первая перепись рабов, число их составляло 697 000, а в 1861 г. уже примерно четыре миллиона. С другой стороны, не менее верно, что расцвет механических шерстяных фабрик вместе с прогрессирующим превращением пахотной земли в пастбища для овец вызвал массовое изгнание сельскохозяйственных рабочих и превращение их в «избыточных». В Ирландии еще в настоящее время совершается этот процесс, — ее население, уменьшившееся после 1845 г. почти наполовину, низводится до размеров, точно соответствующих потребностям ее лендлордов и господ английских шерстяных фабрикантов.

Если машина овладевает предварительными или промежуточными ступенями, через которые должен пройти предмет труда, пока он не примет своей окончательной формы, то вместе с материалом труда увеличивается и спрос на труд в тех отраслях производства, которые ведутся еще ремесленным или мануфактурным способом и в которые поступает машинный фабрикат. Например, машинное прядение доставляло пряжу столь дешево и в таком изобилии, что ручные ткачи, без всякого увеличения затрат, сначала могли работать полное время. Таким образом их

²¹⁷⁾ По переписи 1861 г. (т. II, Лондон, 1863) число рабочих, занятых в угольных копях Англии и Уэльса, составляло 246 613, в том числе 73 546 до 20-летнего и 173 067 старше 20-летнего возраста. К первой рубрике принадлежит 835 человек 5—10 лет, 30 701 — от 10 до 15 лет, 42 010 — от 15 до 19 лет. Число занятых в железных, медных, свинцовых, оловянных и других рудниках — 319 222.

²¹⁸⁾ В Англии и Уэльсе в 1861 г. производством машин было занято 60 807 лиц, считая в том числе и фабрикантов вместе с их приказчиками и т. д., ditto [а также] всех агентов и торговцев этой отрасли. Напротив, исключены производители сравнительно более мелких машин, например, швейных и т. д., а также производители инструментов для рабочих машин, например, веретен и т. д. Число всех гражданских инженеров составляло 3 329.

²¹⁹⁾ Так как железо — один из важнейших сырых материалов, то здесь стоит отметить, что в 1861 г. в Англии и Уэльсе был 125 771 железнодорожник, в том числе 123 430 мужчин, 2 341 женщина. В числе первых 30 810 до 20 лет и 92 620 старше 20 лет.

доход увеличился²²⁰⁾. Отсюда наплыв рабочих в хлопчатобумажную ткацкую промышленность, пока, наконец, 800 000 ткачей, вызванных в Англии к жизни машинами, — дженни, ватер-машинной и мюль-машинной, — не были убиты паровым ткацким станком. Таким же образом вместе с избытком одежных тканей, производимых машинным способом, возрастает число портных, портних, швей и т. д., пока не появляется швейная машина.

Соответственно увеличению массы сырых материалов, полуфабрикатов, рабочих инструментов и т. д., которые машинное производство доставляет при относительно небольшом числе рабочих, обработка этих сырых материалов и полуфабрикатов подразделяется на многочисленные подвиды, а потому разнообразие отраслей общественного производства растет. Машинное производство ведет общественное разделение труда несравненно дальше, чем мануфактура, потому что оно в несравненно большей степени увеличивает производительную силу захваченных им отраслей промышленности.

Ближайший результат введения машин заключается в том, что они увеличивают прибавочную стоимость и вместе с тем массу продуктов, в которой она воплощается; следовательно, — в том, что вместе с той субстанцией, которую потребляет класс капиталистов и его окружение, они увеличивают и самые эти общественные слои. Возрастание богатства последних и постоянное относительное уменьшение числа рабочих, требуемых для производства необходимых жизненных средств, порождают вместе с новыми потребностями в роскоши и новые средства их удовлетворения. Все большая часть общественного продукта превращается в прибавочный продукт и все большая часть прибавочного продукта воспроизводится и потребляется все в более и более утонченных и разнообразных формах. Другими словами: производство предметов роскоши возрастает²²¹⁾. Возрастающие утонченность и разнообразие продуктов вытекают также из новых условий мирового рынка, создаваемых крупной промышленностью. Дело не только в том, что большее количество заграничных предметов потребления выменивается на отечественный продукт, но и в том, что в отечественную промышленность поступает все большая масса заграничных сырых материалов, ингредиентов, полуфабрикатов и т. д., которые служат средствами производства. Вместе с развитием этих отношений мирового рынка увеличивается спрос на труд

²²⁰⁾ «Семья из 4 взрослых лиц» (хлопчатобумажных ткачей) «с двумя детьми в качестве шпульников зарабатывала в конце прошлого и начале текущего столетия 4 ф. ст. в неделю при 10-часовом рабочем дне; если работа была очень спешная, они могли заработать больше... Раньше они постоянно страдали от недостаточного предложения пряжи» (*Gaskell*, цит. соч., стр. 25—27).

²²¹⁾ Ф. Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» указывает на жалкое положение большой части именно этих производителей предметов роскоши. Многочисленные новые подтверждения этого находим в отчетах Комиссии по обследованию условий детского труда.

в транспортной промышленности, и последняя распадается на многочисленные новые подвиды ²²²⁾.

Увеличение средств производства и жизненных средств при относительном уменьшении числа рабочих дает толчок расширению труда в таких отраслях производства, продукты которых, как, например, каналы, доки, туннели, мосты и т. д., приносят плоды лишь в сравнительно отдаленном будущем. Прямо на основе машинного производства или же на основе соответствующего ему общего промышленного переворота образуются совершенно новые отрасли производства, а потому и новые сферы труда. Однако их удельный вес в общем производстве нельзя признать значительным даже в наиболее развитых странах. Число занятых в них рабочих увеличивается в соответствии с тем, насколько воспроизводится потребность в самом грубом ручном труде. Главными отраслями промышленности этого рода в настоящее время можно считать газовые заводы, телеграфию, фотографию, пароходное и железнодорожное дело. Перепись 1861 г. (для Англии и Уэльса) дает для газовой промышленности (газовые заводы, производство механических аппаратов, агенты газовых компаний и т. д.) 15 211 человек, для телеграфии — 2 399, фотографии — 2 366, пароходства — 3 570 и для железных дорог — 70 599, в том числе около 28 000 более или менее постоянно занятых «необученных» землекопов и работников административного и коммерческого персонала. Следовательно, общее число лиц, занятых в этих пяти новых отраслях промышленности, составляет 94 145.

Наконец, чрезвычайно возросшая производительная сила в отраслях крупной промышленности, сопровождаемая интенсивным и экстенсивным ростом эксплуатации рабочей силы во всех остальных отраслях производства, дает возможность непродуцировать употреблять все увеличивающуюся часть рабочего класса и таким образом воспроизводить все большими массами старинных домашних рабов под названием «класса прислуги», как, например, слуг, горничных, лакеев и т. д. По переписи 1861 г. все население Англии и Уэльса составляло 20 066 224 человека, в том числе 9 776 259 мужчин и 10 289 965 женщин. Если вычесть отсюда всех неспособных к труду по старости или малолетству, всех «непроизводительных» женщин, подростков и детей, затем «идеологические» сословия, как правительство, попы, юристы, войско и т. д., потом всех, чье исключительное занятие составляет потребление чужого труда в форме земельной ренты, процентов и т. д., наконец пауперов, бродяг, преступников и т. д., то останется круглым счетом 8 миллионов лиц обоего пола и разных возрастов, включая и всех капиталистов, так или иначе функционирующих в производстве, торговле, финансах и т. д. Среди этих 8 миллионов:

²²²⁾ В 1861 г. в Англии и Уэльсе в торговом флоте было занято 94 665 моряков.

Сельскохозяйственных рабочих (включая пастухов и живущих у фермеров батраков и батрачек)	1 098 261 чел.
Всех лиц, занятых на хлопчатобумажных, шерстяных, камвольных, льняных, пеньковых, шелковых, джутовых фабриках, а также занятых в механическом вязальном и кружевном производстве	642 607 ²²³⁾ ,
Всех лиц, занятых в угольных копях и рудниках	565 835 »
Занятых на всех металлургических заводах (доменные печи, прокатные предприятия и т. д.) и металлических мануфактурах разного рода	396 998 ²²⁴⁾ ,
Класс прислуги	1 208 648 ²²⁵⁾ ,

Если мы сложим число всех занятых на текстильных фабриках с персоналом угольных копей и металлических рудников, то мы получим 1 208 442; если же число первых мы сложим с персоналом всех металлургических заводов и мануфактур, то получим в итоге 1 039 605 — в обоих случаях меньше числа современных домашних рабов. Что за превосходный результат капиталистической эксплуатации машин!

7. ОТТАЛКИВАНИЕ И ПРИТЯЖЕНИЕ РАБОЧИХ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА. КРИЗИСЫ В ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Все находящиеся в здравом уме представители политической экономии признают, что когда вводится вновь машина, это действует как чума на рабочих тех традиционных ремесел и мануфактур, с которыми она прежде всего вступает в конкуренцию. Почти все они оплакивают рабство фабричного рабочего. Но каков тот главный козырь, который все они пускают в ход? Это то, что машины после всех ужасов, относящихся к периоду их введения и развития, в конечном счете не уменьшают, а увеличивают число рабов труда! Да, политическая экономия упивается отвратительной теоремой, — отвратительной для всякого «филантропа», который верит в вечность и естественную необходимость капиталистического способа производства, — теоремой, согласно которой даже фабрика, уже основанная на машинном производстве, после определенного периода роста, по окончании более или менее продолжительного «переходного времени»,

²²³⁾ В том числе мужчин старше 13 лет только 177 596.

²²⁴⁾ В том числе женщин 30 501.

²²⁵⁾ В том числе мужчин 137 447. Из числа 1 208 648 исключены все те, кто служит не у частных лиц.

Добавление к 2 изданию. С 1861 по 1870 г. число мужской прислуги почти удвоилось. Оно возросло до 267 671. В 1847 г. сторожей дичи было (в аристократических охотничьих парках) 2 694, а в 1869 г. — 4 921. — Молодые девушки, служащие у лондонских мелких буржуа, на народном языке называются «little slaveys», маленькие рабыни.

начинает терзать большее число рабочих, чем то, которое первоначально она выбросила на мостовую! 226).

Правда, некоторые примеры — хотя бы английских камвольных и шелковых фабрик — показывают, что на известной ступени развития чрезвычайное расширение фабричных отраслей может сопровождаться не только относительным, но и абсолютным уменьшением числа занятых рабочих. В 1860 г., когда по распоряжению парламента была предпринята специальная перепись всех фабрик Соединенного королевства, в той части фабричных округов Ланкашира, Чешира и Йоркшира, которая была поручена фабричному инспектору Р. Бейкеру, насчитывалось 652 фабрики; из них в 570 было: паровых ткацких станков 85 622, веретен (за исключением тростильных) 6 819 146, лошадиных сил в паровых машинах 27 439, в водяных колесах 1 390, занято лиц на этих фабриках 94 119. Напротив, в 1865 г. на этих же фабриках было: ткацких станков 95 163, веретен 7 025 031, лошадиных сил в паровых машинах 28 925, в водяных колесах 1 445, занято лиц 88 913. Следовательно, с 1860 по 1865 г. рост по этим фабрикам составил: паровых ткацких станков 11%, веретен 3%, паровых лошадиных сил 5%, между тем как за тот же период число занятых лиц уменьшилось на 5,5% 227). Между 1852 и 1862 гг. произошло значительное увеличение английского шерстяного производства, между тем как число занятых рабочих осталось почти без изменения. «Это показывает, в какой большой мере вновь введенные машины вытеснили труд предыдущих периодов» 228). В некоторых

226) Напротив, Ганilh окончательным результатом машинного производства признает абсолютное уменьшение числа рабов труда, за счет которых затем кормится и развивает свою «perfectibilité perfectible» [«способную к усовершенствованию способность к усовершенствованию»] возросшее число «gens honnêtes» [«порядочных людей»]. Как ни плохо понимает Ганilh движение производства, он чувствует, по крайней мере, что машины — весьма роковая вещь, раз введение их превращает занятых рабочих в пауперов, а развитие их вызывает к жизни больше рабов труда, чем они убили. Кретинизм его собственной точки зрения можно выразить только его собственными словами: «Классы, обреченные на то, чтобы производить и потреблять, уменьшаются в своей численности, а те классы, которые управляют трудом, которые дают всему населению облегчение, утешение и просвещение, увеличиваются... и присваивают себе все блага, являющиеся результатом уменьшения издержек труда, изобилия продуктов и удешевления предметов потребления. В этом направлении род человеческий поднимается до высших творений гения, проникает в таинственные глубины религии, создает спасительные принципы морали» (которые заключаются в том, чтобы «присваивать все блага» и т. д.), «законы для защиты свободы» (свободы для «классов, обреченных производить») «и власти, послушания и справедливости, долга и гуманности». Эта тарабарщина находится в книге: Ch. Ganilh. «Des Systèmes d'Economie Politique etc.», 2ème éd. Paris, 1821, t. I, p. 224. Ср. там же, стр. 212.

227) «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 58 sq. Но в то же время был создан также материальный базис для занятия возрастающего числа рабочих в виде 110 новых фабрик с 11 625 паровыми ткацкими станками, 628 576 веретенами, 2 695 паровыми и водяными лошадиными силами (там же).

228) «Reports etc. for 31st October 1862», p. 79.

Добавление к 2 изданию. В конце декабря 1871 г. фабричный инспектор А. Редгрейв в одном докладе, прочитанном в Брадфорде, в «New Mechanics' Institution», заявил: «С некоторого времени меня стало поражать, до какой степени изменился внешний вид шерстяных фабрик. Раньше они были переполнены женщинами и детьми, теперь кажется, будто машина выполняет все работы. На мой вопрос один фабрикант

эмпирически данных случаях увеличение числа занятых фабричных рабочих является только кажущимся, т. е. оно вызвано не расширением фабрик, в основе которых уже лежит машинное производство, а постепенным присоединением к ним побочных отраслей. Например, увеличение числа механических ткацких станков и занятых при них фабричных рабочих в период 1838—1856 гг. было вызвано в (английском) хлопчатобумажном производстве просто расширением этой отрасли; напротив, на других фабриках оно было обязано применению паровой силы к ткацким станкам, с помощью которых изготавливаются ковры, ленты, холст и т. д. и которые до того времени приводились в движение мускульной силой человека ²²⁹⁾. Следовательно, увеличение числа этих фабричных рабочих было просто выражением уменьшения общего числа занятых рабочих. Наконец, мы здесь совершенно не останавливаемся на том, что повсюду, за исключением металлических фабрик, подростки (до 18 лет), женщины и дети составляют значительное большинство фабричного персонала.

Тем не менее понятно, что несмотря на массу рабочих, фактически вытесняемых или потенциально замещаемых машинами, число фабричных рабочих вследствие роста самого машинного производства, который находит себе выражение в увеличении числа одинаковых фабрик или в увеличении размеров уже существующих фабрик, — может в конце концов оказаться больше числа вытесненных мануфактурных рабочих или ремесленников. Предположим, что еженедельно применяемый капитал, например в 500 ф. ст., состоял при старом способе производства на $\frac{2}{5}$ из постоянной и на $\frac{3}{5}$ из переменной части, т. е. 200 ф. ст. затрачивалось на средства производства, 300 ф. ст. — на рабочую силу, скажем, по 1 ф. ст. на рабочего. С введением машин строение всего капитала изменяется. Теперь он распадается, например, на $\frac{4}{5}$ постоянного и $\frac{1}{5}$ переменного капитала, другими словами — на рабочую силу расходуется всего лишь 100 фунтов стерлингов. Следовательно, две трети прежде занятых рабочих увольняются. Если данное фабричное производство расширяется и весь вложенный капитал при прочих равных производственных условиях увеличивается с 500 до 1 500 ф. ст., то теперь будет занято 300 рабочих — как раз столько же, сколько и до этой промышленной революции. Если применяемый капитал возрастает еще больше, до 2 000 ф. ст., то занято будет 400 рабочих, т. е. на $\frac{1}{3}$ больше, чем при старом способе ведения дела. Число занятых рабочих абсолютно увеличилось на 100, относительно же, т. е. по сравнению с величиной всего авансированного

дал мне такое объяснение: при старой системе я давал работу 63 человекам; после введения усовершенствованных машин я сократил число своих рабочих до 33, а недавно, вследствие новых крупных изменений, я смог сократить их с 33 до 13.

²²⁹⁾ «Reports etc. for 31st October 1856», p. 16.

капитала, оно уменьшилось на 800, потому что при старом способе ведения дела капитал в 2 000 ф. ст. применял бы не 400, а 1 200 рабочих. Следовательно, относительное уменьшение числа занятых рабочих совместимо с его абсолютным увеличением. Выше мы предполагали, что при возрастании всего капитала строение его остается без изменения, потому что условия производства не изменяются. Но мы уже знаем, что в действительности с каждым шагом в развитии машинного производства постоянная часть капитала, состоящая из машин, сырого материала и т. д., возрастает, между тем как переменная, затрачиваемая на рабочую силу, уменьшается, и мы знаем в то же время, что ни при каком другом способе производства усовершенствования не являются такими постоянными, а потому строение всего капитала не неизменно в такой мере, как при машинном производстве. Но эти постоянные изменения с не меньшим постоянством прерываются паузами и чисто количественным расширением на данном техническом базисе. Поэтому число занятых рабочих возрастает. Так, например, число всех рабочих на хлопчатобумажных, шерстяных, камвольных, льняных и шелковых фабриках Соединенного королевства составляло в 1835 г. только 354 684, между тем как в 1861 г. число одних ткачей (обоего пола и самых различных возрастов, начиная с 8-летнего) при паровых станках составляло 230 654. Конечно, этот рост окажется менее значительным, если принять во внимание, что еще в 1838 г. в Англии насчитывалось 800 000 ручных хлопчатобумажных ткачей, включая и членов семей, занятых вместе с ними²³⁰⁾; мы уже совсем не говорим о тех ручных ткачах, которые были вытеснены в Азии и на континенте Европы.

В немногих замечаниях, которые нам еще остается сделать по этому пункту, мы частично коснемся с чисто фактической стороны тех отношений, к которым наше теоретическое изложение еще не привело нас.

Пока машинное производство расширяется в известной отрасли промышленности за счет традиционного ремесла или мануфактуры, успех его настолько же верен, как, например, успех армии, вооруженной игольчатыми ружьями, против армии, вооруженной луками. Этот первый период, когда машина только еще завоевывает себе сферу действия, имеет решающее значение ввиду тех чрезвычайных прибылей, которые производятся при помощи машины. Эти прибыли не только уже сами по себе являются источни-

²³⁰⁾ «Страдания ручных ткачей» (хлопчатобумажных ткачей и ткачей тканей из других видов сырья, но с примесью хлопка) «были предметом обследования королевской комиссии, но хотя их бедствия были признаны и о них сожалели, тем не менее улучшение (!) их положения предоставили случаю и времени, и можно надеяться, что эти страдания теперь» (через 20 лет!) «почти (nearly) исчезли, чему, по всей вероятности, способствовало нынешнее громадное распространение паровых ткацких станков» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1856», p. 15).

ком ускоренного накопления, но и привлекают в отрасль производства, оказавшуюся в особо благоприятном положении, значительную часть добавочного общественного капитала, который постоянно образуется вновь и ищет новых сфер применения. Особые выгоды первого периода бури и натиска постоянно повторяются в тех отраслях производства, где машины вводятся впервые. Но когда фабрика достигает известного распространения и определенной степени зрелости, в особенности когда ее собственная техническая основа, машины, начинает, в свою очередь, производиться с помощью машин, когда совершается революция как в добычании угля и железа, так и в обработке металлов и транспортном деле, короче говоря, когда складываются общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, тогда машинное производство приобретает ту эластичность, ту способность к быстрому, скачкообразному расширению, пределы которой ставятся лишь сырым материалом и рынком сбыта. Но машины, с одной стороны, прямо ведут к увеличению количества сырого материала, как, например, волокноотделитель увеличил производство хлопка ²³¹⁾. С другой стороны, дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и связи служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая там ремесленное производство, машинное производство принудительно превращает эти рынки в места производства соответствующего сырого материала. Так, например, Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, пеньку, джут, индиго и т. д. ²³²⁾. Происходящее в странах крупной промышленности постоянное превращение рабочих в «избыточных» порождает усиленную эмиграцию и ведет к колонизации чужих стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия, например, превратилась в место производства шерсти ²³³⁾. Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее одну часть земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства. Эта революция стоит в

²³¹⁾ Другие методы, посредством которых машины влияют на производство сырого материала, будут упомянуты в третьей книге.

²³²⁾ Вывоз хлопка из Ост-Индии в Великобританию:

1846 г. 34 540 143 ф., 1860 г. 204 141 168 ф., 1865 г. 445 947 600 ф.

Вывоз шерсти из Ост-Индии в Великобританию:

1846 г. 4 570 581 ф., 1860 г. 20 214 173 ф., 1865 г. 20 679 111 ф.

²³³⁾ Вывоз шерсти с мыса Доброй Надежды в Великобританию:

1846 г. 2 958 457 ф., 1860 г. 16 574 345 ф., 1865 г. 29 920 623 ф.

Вывоз шерсти из Австралии в Великобританию:

1846 г. 21 789 346 ф., 1860 г. 59 166 616 ф., 1865 г. 109 734 261 ф.

тесной связи с переверотами в земледелии, которые здесь пока не приходится исследовать обстоятельнее ²³⁴⁾.

По инициативе г-на Гладстона, палата общин 18 февраля 1867 г. предписала собрать статистические данные относительно ввоза в Соединенное королевство и вывоза оттуда хлеба, в виде зерна и муки, за период 1831—1866 годов. Ниже я привожу итоговый результат. Мука переведена на кварталы хлеба в зерне ¹⁵¹⁾.

Колоссальная скачкообразная расширяемость фабричного производства и его зависимость от мирового рынка необходимо порождают лихорадочное производство и следующее за ним переполнение рынков, при сокращении которых наступает паралич. Жизнь промышленности превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Ненадежность и непостоянство, которым машинное производство подвергает занятость, а следовательно, и жизненное положение рабочего, становятся нормальным явлением, когда устанавливается такая смена периодов промышленного цикла. За исключением периодов процветания, между капиталистами свирепствует ожесточенная борьба за их индивидуальное место на рынке. Их доля на рынке прямо пропорциональна дешевизне продуктов. Кроме вызываемого этим соперничества в употреблении усовершенствованных машин, замещающих рабочую силу, и новых методов производства, всякий раз наступает такой момент, когда удешевления товаров стремятся достигнуть посредством насиль-

²³⁴⁾ Само экономическое развитие Соединенных Штатов есть продукт европейской, в особенности английской, крупной промышленности. Соединенные Штаты в их современном виде (1866 г.) все еще следует рассматривать как колонию Европы. [К 4 изданию. «С того времени они развились до положения второй промышленной страны мира, хотя еще не совсем утратили свой колониальный характер». Ф. Э.]

Вывоз хлопка из Соединенных Штатов в Великобританию (в фунтах):

1846 г.	401 949 393	1852 г.	765 630 544
1859 г.	961 707 264	1860 г.	1 115 890 608

Вывоз хлеба и т. д. из Соединенных Штатов в Великобританию
(в английских центнерах):

	1850 г.	1862 г.
Пшеница	16 202 312	41 033 503
Ячмень	3 669 653	6 624 800
Овес	3 174 801	4 426 994
Рожь	388 749	7 108
Пшеничная мука	3 819 440	7 207 113
Гречиха	1 054	19 571
Маис	5 473 161	11 694 818
Веге или Bigg (особый род ячменя)	2 039	7 675
Горох	811 620	1 024 722
Бобы	1 822 972	2 037 137

Общий вывоз 35 365 801 74 083 441

Пятилетние периоды и 1866 год

	1831 — 1835	1836 — 1840	1841 — 1845	1846 — 1850	1851 — 1855	1856 — 1860	1861 — 1865	1866
Ввоз (в кварталах) в среднем за год	1 096 373	2 389 729	2 843 865	8 776 552	8 345 237	10 913 612	15 009 871	16 457 340
Вывоз (в кварте- рах) в среднем за год	225 263	251 770	139 056	155 461	307 491	341 150	302 754	216 218
Перевес ввоза над вывозом в сред- нем за год	871 110	2 137 959	2 704 809	8 621 091	8 037 746	10 572 462	14 707 117	16 241 122
Среднегодовая чис- ленность населе- ния в каждый период	24 621 107	25 929 507	27 262 559	27 797 598	27 572 923	28 391 544	29 381 760	29 935 404
Среднее количество (в кварталах) того хлеба и т. д., которое ежегод- но потреблялось каждым жите- лем сверх ото- чественного про- паводства	0.036	0.082	0.099	0.310	0.291	0.372	0.501	0.543

ственного понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы ²³⁵⁾.

Следовательно, возрастание числа фабричных рабочих обуславливается относительно гораздо более быстрым возрастанием всего капитала, вложенного в фабрики. Но этот процесс совершается лишь в пределах периодов прилива и отлива промышленного цикла. Кроме того, он постоянно прерывается техническим прогрессом, который то замещает рабочих потенциально, то вытесняет их фактически. Такие качественные изменения в машинном производстве постоянно удаляют рабочих с фабрики или запирают фабричные ворота перед новым потоком рекрутов, между тем как просто количественное расширение фабрик поглощает кроме выброшенных и новый контингент рабочих. Таким образом, рабочие непрерывно притягиваются и отталкиваются, перебрасываются то сюда, то туда, и это сопровождается постоянными изменениями пола, возраста и искусства вербуемых рабочих.

Судьбы фабричного рабочего выступают с наибольшей наглядностью, если мы бросим беглый взгляд на судьбы английской хлопчатобумажной промышленности.

С 1770 по 1815 г. состояние угнетения или застоя в хлопчатобумажной промышленности продолжалось 5 лет. В течение этого первого 45-летнего периода английским фабрикантам принадлежала монополия в применении машин и монополия на мировом рынке. С 1815 по 1821 г. — угнетенное состояние. 1822 и 1823 гг. — процветание. 1824 г. — отмена закона против коалиции ¹⁵², всеобщее крупное расширение фабрик. 1825 г. — кризис. 1826 г. — огромная нужда и волнения среди хлопчатобумажных рабочих. 1827 г. —

²³⁵⁾ В воззвании рабочих, выброшенных на мостовую «докаутом» сапожных фабрикантов в Лестере, к профессиональным обществам Англии, июль 1866 г., между прочим, говорится: «Лет 20 тому назад в сапожном деле Лестера совершился переворот вследствие того, что вместо шитья введено скрепление гвоздями. Тогда можно было получать хорошие заработки. Скоро это новое дело сильно расширилось. Между различными фирмами, которые производят наиболее изящный товар, началась сильная конкуренция. Но вскоре возникла вслед за тем конкуренция худшего рода — стремление побить друг друга на рынке низкой ценой (*undersell*). Вредные последствия скоро обнаружались в понижении заработной платы, и понижение цены труда совершалось с такой стремительной быстротой, что многие фирмы платят теперь всего половину первоначальной заработной платы. И хотя заработная плата падает все ниже и ниже, прибыль при каждом изменении расценок труда, по-видимому, возрастает». — Даже неблагоприятными периодами промышленности фабриканты пользуются для того, чтобы путем чрезмерного понижения заработной платы, т. е. прямой кражей самых необходимых жизненных средств рабочего, добиться чрезвычайной прибыли. Вот пример. Дело идет о кризисе шелкоткачества в Ковентри: «Из показаний, полученных мной как от фабрикантов, так и от рабочих, с несомненностью следует, что заработная плата понижена в большей мере, чем это вынуждало конкуренцией иностранных производителей и другими обстоятельствами. Большинство ткачей работает за плату, пониженную на 30—40%. Кусок ленты, за который ткач пять лет тому назад получал 6—7 шилл., теперь дает ему только 3 шилл. 3 пенса или 3 шилл. 6 пенсов; другая работа, за которую раньше платили 4 шилл. и 4 шилл. 3 пенса, теперь дает только 2 шилл. или 2 шилл. 3 пенса. Заработная плата понижена больше, чем необходимо было для оживления спроса. В действительности для многих видов лент понижение заработной платы не сопровождалось даже каким бы то ни было понижением цены товара» (Отчет члена комиссии Ф. Д. Лонджа в «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 114, № 1).

небольшое улучшение. 1828 г. — большой рост количества паровых ткацких станков и вывоза. В 1829 г. вывоз, особенно в Индию, превосходит все прежние годы. 1830 г. — переполнение рынков, огромная нужда. С 1831 по 1833 г. — непрекращающееся угнетенное положение; Ост-Индская компания лишается монополии на торговлю с Восточной Азией (Индией и Китаем). 1834 г. — крупный рост фабрик и распространение машинного производства, недостаток рабочих рук; новый закон о бедных усиливает переселение сельскохозяйственных рабочих в фабричные округа; массовый уход детей из земельных графств; торговля белыми рабами. 1835 г. — сильное процветание; в то же время вымирание ручных хлопчатобумажных ткачей от голода. 1836 г. — сильное процветание. 1837 и 1838 гг. — угнетенное состояние и кризис. 1839 г. — оживление. 1840 г. — сильная депрессия, волнения, вмешательство войск. 1841 и 1842 гг. — ужасающие страдания фабричных рабочих. 1842 г. — фабриканты увольняют рабочих с фабрик, чтобы вынудить отмену хлебных законов; рабочие многотысячными толпами устремляются в Йоркшир, откуда войска гонят их обратно, а их вожди предаются в Ланкастере суду. 1843 г. — большая нужда. 1844 г. — оживление. 1845 г. — сильное процветание. 1846 г. — сначала продолжается подъем, потом симптомы обратного движения; отмена хлебных законов. 1847 г. — кризис; общее понижение заработной платы на 10 и более процентов во славу «big loaf» [«большого караваля»]¹⁵³. 1848 г. — угнетенное положение продолжается; Манчестер под военной охраной. 1849 г. — оживление. 1850 г. — процветание. 1851 г. — падение товарных цен, низкая заработная плата, частые стачки. 1852 г. — начинается улучшение, стачки продолжаются, фабриканты угрожают ввозом иностранных рабочих. 1853 г. — повышающийся вывоз; восьмимесячная стачка и большая нужда в Престоне. 1854 г. — процветание, переполнение рынков. 1855 г. — из Соединенных Штатов, Канады, с восточноазиатских рынков приходят известия о банкротствах. 1856 г. — сильное процветание. 1857 г. — кризис. 1858 г. — улучшение. 1859 г. — сильное процветание, рост фабрик. 1860 г. — английская хлопчатобумажная промышленность достигает высшей точки; индийские, австралийские и другие рынки переполнены до такой степени, что к 1863 г. они едва поглотили всю заваль; торговый договор с Францией; огромный рост фабрик и машинного производства. 1861 г. — подъем некоторое время продолжается, потом обратное движение, Гражданская война в Америке, хлопковый голод. С 1862 по 1863 г. полный крах.

История хлопкового голода слишком характерна для того, чтобы немного не остановиться на ней. Из кратких указаний на положение мирового рынка в 1860—1861 гг. видно, что хлопковый голод пришел кстати для фабрикантов и отчасти был выгоден для них: факт, признанный в отчетах Манчестерской торговой палаты, воз-

вещенный в парламенте Пальмерстоном и Дерби и подтвержденный событиями ²³⁶⁾. Конечно, в 1861 г. среди 2 887 хлопчатобумажных фабрик Соединенного королевства было много мелких фабрик. По отчету фабричного инспектора А. Редгрейва, в округ которого из этих 2 887 фабрик входит 2 109, из последнего числа 392, или 19%, применяют каждая меньше 10 паровых лошадиных сил, 345, или 16%, — от 10 до 20 сил и 1372 фабрики — 20 и более лошадиных сил ²³⁷⁾. Большинство мелких фабрик были ткацкие, основанные в период процветания после 1858 г., по большей части спекулянтами, из которых один предоставлял пряжу, другой машины, третий здание; эти фабрики управлялись бывшими overlookers [фабричными надсмотрщиками] и другими малосостоятельными людьми. Большинство этих мелких фабрикантов разорилось. Ту же судьбу уготовил бы им и торговый кризис, наступлению которого воспрепятствовал хлопковый голод. Хотя они составляли $\frac{1}{3}$ общего числа фабрикантов, однако на их фабриках нашла себе применение намного меньшая доля всего капитала, вложенного в хлопчатобумажную промышленность. Что касается размеров сокращения, то по достоверной оценке в октябре 1862 г. бездействовало 60,3% веретен и 58% ткацких станков. Эти цифры относятся ко всей данной отрасли промышленности и, разумеется, сильно варьируют по отдельным округам. Только очень немногие фабрики работали полное время (60 часов в неделю), остальные фабрики работали с перерывами. Даже для тех немногих рабочих, которые работали полное время и по обычной сдельной плате, еженедельный заработок неизбежно сокращался вследствие замены лучших сортов хлопка худшими, хлопка си-айленд — египетским (в тонкопрядении), американского и египетского — суратом (ост-индским) и чистого хлопка — смесями из хлопковых угаров и сурата. Более короткое волокно суратского хлопка, его загрязненность, меньшая прочность нитей, замена муки при шлихтовании основы более тяжелыми ингредиентами разного рода и т. д. — все это заставляло уменьшать скорость машин или число ткацких станков, которыми управлял один ткач, увеличивало труд, необходимый для исправления погрешностей в работе машин, и вместе с уменьшением количества продукта понижало и сдельный заработок. При употреблении сурата рабочий, даже когда он работал полное время, терял в заработке 20, 30 и больше процентов. Но большинство фабрикантов и норму сдельной платы понизило на 5, $7\frac{1}{2}$ и 10 процентов. Можно представить поэтому положение тех, кто работал 3, $3\frac{1}{2}$, 4 дня в неделю или только по 6 часов в день. В 1863 г., после того как уже наступило относительное улучшение, заработная плата ткачей, прядильщиков и т. д. составляла 3 шилл. 4 пенса, 3 шилл. 10 пенсов, 4 шилл. 6 пен-

²³⁶⁾ Ср. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 30.

²³⁷⁾ Там же, стр. 19.

сов, 5 шилл. 1 пенс и т. д. в неделю ²³⁸⁾. Даже при таком полном страданий положении изобретательность фабрикантов по части вычетов из заработной платы не замирала. Они производились отчасти в виде штрафов за недостатки изделий, обусловленные плохим качеством хлопка, применением несоответствующих машин и т. д. Когда же фабрикант был и собственником коттеджей рабочих, он сам уплачивал себе квартирную плату, производя вычеты из номинальной заработной платы. Фабричный инспектор А. Редгрейв рассказывает о *minders* при мюль-машинах (они присматривали за двумя автоматическими мюль-машинами каждый), которые

«в конце 14-дневной полной работы получали 8 шилл. 11 пенсов; из этой суммы вычиталась квартирная плата, половину которой фабрикант, однако, возвращал в виде подарка, так что мюльщики приносили домой целых 6 шилл. 11 пенсов. Недельная плата ткачей в последние месяцы 1862 г. начиналась с 2 шилл. 6 пенсов» ²³⁹⁾.

Квартирная плата нередко вычиталась из заработной платы даже в тех случаях, когда рабочие работали лишь короткое время ²⁴⁰⁾. Неудивительно, что в некоторых частях Ланкашира разразилось нечто вроде голодной чумы! Но характернее всего этого было то, как революционизирование процесса производства совершалось за счет рабочего. Это были настоящие *experimenta in corpore vili* [эксперименты на ничего не стоящем живом теле], подобные экспериментам анатома на лягушках.

«Хотя я», — говорит фабричный инспектор Редгрейв, — «привел действительные заработки рабочих на многих фабриках, но не следует думать, что они ежедневно получают эту сумму. Положение рабочих подвергается величайшим колебаниям вследствие постоянного экспериментирования («*experimentalizing*») фабрикантов... Их заработки повышаются и понижаются в зависимости от качества хлопковой смеси: то они на 15% уступают прежним заработкам, то в следующую или во вторую неделю падают на 50—60%» ²⁴¹⁾.

Эти эксперименты производились не только за счет жизненных средств рабочих. Рабочие должны были расплачиваться всеми своими пятью чувствами.

«Люди, занятые очисткой хлопка, сообщали мне, что невыносимый запах доводит их до обморочного состояния... Занятым в сортировочных, трепальных и чесальных отделах образующиеся пыль и грязь набиваются в рот, в нос, глаза и уши, вызывая кашель и одышку. Из-за короткости волокна к пряже при шлихтовании добавляется большое количество разных веществ, а именно всяческие суррогаты вместо муки, применявшейся раньше. Отсюда тошнота и диспепсия у ткачей. Распространен бронхит, вызываемый пылью, равно как и воспаление горла; распространены также болезни кожи вследствие раздражения ее от грязи, содержащейся в сурате».

²³⁸⁾ «Reports etc. for 31st October 1863», p. 41—45, 51.

²³⁹⁾ Там же, стр. 41, 42.

²⁴⁰⁾ Там же, стр. 57.

²⁴¹⁾ Там же, стр. 50, 51.

С другой стороны, заменители муки, поскольку они увеличивают вес пряжи, были для господ фабрикантов настоящей сумкой Фортуна. Благодаря этим заменителям «15 ф. сырого материала, превращенные в пряжу, весили 20 фунтов»²⁴²⁾. В отчете фабричных инспекторов от 30 апреля 1864 г. мы читаем:

«Промышленность пользуется теперь этим вспомогательным ресурсом истине в неприличных размерах. Из авторитетного источника я знаю, что 8-фунтовая ткань готовится из $5\frac{1}{4}$ ф. хлопка и $2\frac{1}{4}$ ф. шлихты. В другой $5\frac{1}{4}$ -фунтовой ткани заключаются два фунта шлихты. Это — обыкновенная рубашечная ткань для экспорта. В иные сорта иногда прибавляют 50% шлихты, так что фабриканты могли бы похвалиться и действительно хвалятся тем, что они обогащаются, продавая ткани дешевле, чем номинально стоит заключающаяся в них пряжа»²⁴³⁾.

Но рабочим приходилось страдать не только от экспериментов фабрикантов на фабриках и муниципалитетов вне фабрик, не только от понижения заработной платы и от безработицы, от нищеты и подачек, от хвалебных речей лордов и членов палаты общин.

«Несчастные женщины, лишившиеся работы вследствие хлопкового голода, сделались отбросами общества и остались таковыми... Число молодых проституток в городе теперь больше, чем когда-либо за последние 25 лет»²⁴⁴⁾.

Итак, в первые 45 лет английской хлопчатобумажной промышленности, с 1770 по 1815 г., мы имеем только 5 лет кризиса и застоя, но это был период ее мировой монополии. Второй 48-летний период, с 1815 по 1863 г., насчитывает только 20 лет оживления и процветания на 28 лет угнетенного положения и застоя. В 1815—1830 гг. начинается конкуренция с континентальной Европой и Соединенными Штатами. С 1833 г. происходит насильственное расширение азиатских рынков посредством «разрушения человеческого рода»¹⁵⁴⁾. Со времени отмены хлебных законов, с 1846 по 1863 г., на восемь лет среднего оживления и процветания приходится 9 лет угнетенного состояния и застоя. О положении взрослых рабочих-мужчин хлопчатобумажной промышленности, даже в период процветания, можно судить на основании примечания, приводимого ниже²⁴⁵⁾.

²⁴²⁾ Там же, стр. 62, 63.

²⁴³⁾ «Reports etc. for 30th April 1864», p. 27.

²⁴⁴⁾ Из письма начальника полиции в Болтоне Харриса, цитированного в «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 61, 62.

²⁴⁵⁾ В одном воззвании рабочих хлопчатобумажной промышленности весной 1863 г., призывающем к образованию эмиграционного общества, между прочим говорится: «Лишь немногие станут отрицать, что в настоящее время абсолютно необходима эмиграция большого числа фабричных рабочих. А следующие факты доказывают, что во все времена был необходим постоянный поток эмиграции и что без него нам невозможно при обычных обстоятельствах поддерживать наше положение: в 1814 г. официальная стоимость (являющаяся просто показателем количества) вывезенных хлопчатобумажных товаров составляла 17 665 378 ф. ст., а их действительная рыночная стоимость — 20 070 824 фунта стерлингов. В 1858 г. официальная стоимость вывезенных хлопчатобумажных товаров составляла 182 221 681 ф. ст., а их действительная рыночная стоимость — только 43 001 312 ф. ст., так что удешевление количества вызвало лишь немного больше, чем удвоение цены. Этот результат, столь неблагоприятный для страны вообще и для фабричных рабочих в особенности, обусловлен стечением различных обстоятельств. Одно из наиболее бросающихся в глаза заключается в постоянном избытке труда, необходимом для данной отрасли про-

8. РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ МАНУФАКТУРЫ, РЕМЕСЛА И РАБОТЫ НА ДОМУ

а) УНИЧТОЖЕНИЕ КООПЕРАЦИИ, ОСНОВАННОЙ НА РЕМЕСЛЕ И РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

Мы видели, как машины уничтожают кооперацию, основанную на ремесле, и мануфактуру, основанную на разделении труда, сохраняющего ремесленный характер. Примером первого рода может служить жатвенная машина, которая замещает кооперацию жнецов. Ярким примером второго рода является машина для производства швейных иголок. Согласно Адаму Смиту, 10 человек в его время благодаря разделению труда изготовляли 48 000 иголок в день. Напротив, одна машина в 11-часовой рабочий день дает 145 200 иголок. Одна женщина или девушка наблюдает в среднем за 4 такими машинами и, следовательно, производит при помощи машин до 600 000 иголок в день, или более 3 000 000 в неделю ²⁴⁶⁾. Когда отдельная рабочая машина замещает кооперацию или мануфактуру, она, в свою очередь, может сама сделаться базисом нового ремесленного производства. Однако это воспроизведение ремесленного производства на основе машин является лишь переходом к фабричному производству, которое, как правило, появляется всякий раз, как только механическая двигательная сила, пар или вода, заменяет человеческие мускулы при движении машины. Спорадически, и во всяком случае лишь на короткое время, мелкое производство может связать себя с механической двигательной силой посредством аренды пара, как это наблюдается на некоторых мануфактурах Бирмингема, посредством применения мелких калорических машин ¹⁵⁵, как в некоторых отраслях ткачества и т. д. ²⁴⁷⁾. В шелкоткачестве Ковентри стихийно сложился эксперимент с «фабриками-коттеджами». В центре квадрата, образуемого рядами коттеджей, строится так называемое engine house [машинное здание] для паровой машины, которая посредством валов соединяется с ткацкими станками в коттеджах. Во всех случаях плата за

мышленности, которая, под страхом уничтожения, требует постоянного расширения рынка. Случается, что наши хлопчатобумажные фабрики прекращают работу вследствие одного из тех периодических застоев в торговле, которые, при современном строе, столь же неизбежны, как сама смерть. Но это не останавливает человеческой изобретательности. Хотя, по самой низкой оценке, эту страну за последние 25 лет покинуло 6 миллионов человек, однако даже в периоды наивысшего процветания большой процент взрослых мужчин вследствие постоянного вытеснения труда с целью удешевления продукта не в состоянии найти на фабриках какую бы то ни было работу и на каких бы то ни было условиях» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», p. 51, 52). В одной из следующих глав мы увидим, как во время хлопковой катастрофы господа фабриканты старались всевозможными мерами, даже при содействии государственной власти, воспрепятствовать эмиграции фабричных рабочих.

²⁴⁶⁾ «Children's Employment Commission. 3rd Report», 1864, p. 108, № 447.

²⁴⁷⁾ В Соединенных Штатах подобное воспроизведение ремесла на основе машин встречается нередко. И как раз по этой причине концентрация, сопряженная с неизбежным переходом к фабричному производству, совершается там семимильными шагами по сравнению с Европой и даже Англией.

пар была, например, по $2\frac{1}{2}$ шилл. на ткацкий станок. Эта арендная плата за пар уплачивалась каждую неделю независимо от того, работали станки или нет. В каждом коттедже помещалось от 2 до 6 ткацких станков, принадлежавших рабочим, или купленных в кредит, или временно арендованных. Борьба между фабрикой-коттеджем и собственно фабрикой продолжалась более 12 лет. Она окончилась полным разорением 300 фабрик-коттеджей ²⁴⁸⁾. В тех случаях, когда природа процесса не обуславливает с самого начала производства в крупном масштабе, отрасли промышленности, поднявшиеся в последние десятилетия, например, производство конвертов, стальных перьев и т. д., обыкновенно проходят сначала через ремесленное, а потом через мануфактурное производство как короткие переходные фазы к фабричному производству. С наибольшими затруднениями протекает это превращение в тех случаях, когда мануфактурное производство продукта представляет собой не последовательный ряд связанных между собой процессов, а множество отдельных процессов. Это являлось, например, крупным препятствием для развития фабрики стальных перьев. Однако уже почти полтора десятка лет тому назад был изобретен автомат, который разом выполняет 6 разнообразных процессов. В 1820 г. первые стальные перья производились ремеслом по 7 ф. ст. 4 шилл. за 12 дюжин, мануфактура производила их в 1830 г. по 8 шилл., а фабрика в настоящее время доставляет их оптовым торговцам по 2—6 пенсов ²⁴⁹⁾.

б) ОБРАТНОЕ ВЛИЯНИЕ ФАБРИКИ НА МАНУФАКТУРУ И РАБОТУ НА ДОМУ

С развитием фабрики и сопровождающим это развитие переворотом в земледелии не только расширяются размеры производства во всех других отраслях промышленности, но вместе с тем изменяется и их характер. Принцип машинного производства — разлагать процесс производства на его составные фазы и разрешать возникающие таким образом задачи посредством применения механики, химии и т. д., короче говоря, естественных наук, — повсюду становится определяющим. Поэтому машины проникают в мануфактуры, где они находят применение то для одного, то для другого частичного процесса. Тем самым прочный, откристаллизовавшийся строй мануфактуры, возникший из старого деления труда,

²⁴⁸⁾ Ср. «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 64.

²⁴⁹⁾ Г-н Джиллот основал в Бирмингеме первую мануфактуру стальных перьев в крупном масштабе. Уже в 1851 г. она производила больше 180 миллионов перьев и потребляла в год 120 тонн листового стали. Бирмингем, монополизировавший эту отрасль промышленности в Соединенном королевстве, производит в настоящее время миллиарды стальных перьев в год. Число занятых лиц, по переписи 1861 г., составляло 1428, в том числе 1268 работниц начиная с 5-летнего возраста.

разлагается и открывает дорогу непрекращающимся переменам. Да и помимо того в составе совокупного рабочего или комбинированного рабочего персонала совершается коренной переворот. В противоположность мануфактурному периоду, план разделения труда основывается теперь на применении женского труда, труда детей всех возрастов, необученных рабочих, где это только возможно, — короче говоря, на применении «cheap labour», дешевого труда, по характерному английскому выражению. Это относится не только ко всякого рода комбинированному в крупном масштабе производству, применяет ли оно машины или нет, но и к так называемой домашней промышленности, независимо от того, занимаются ли ею рабочие в своих частных квартирах или же в мелких мастерских. Эта так называемая современная домашняя промышленность кроме названия не имеет ничего общего со старинной домашней промышленностью, которая предполагает независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и прежде всего дом у рабочей семьи. Теперь она превратилась во внешнее отделение фабрики, мануфактуры или торгового заведения. Кроме фабричных рабочих, мануфактурных рабочих и ремесленников, которых капитал пространственно концентрирует большими массами и которыми он командует непосредственно, он с помощью невидимых нитей приводит в движение целую армию домашних рабочих, рассеянных в больших городах и в деревне. Пример: фабрика рубашек гг. Тилли в Лондондерри, в Ирландии, с 1 000 фабричных рабочих и 9 000 домашних рабочих, рассеянных в деревне²⁵⁰⁾.

Эксплуатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда, в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще не окрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемой работе на дому эксплуатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре, потому, что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их разобщенностью, что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, что работа на дому повсюду борется с машинным или, по меньшей мере, мануфактурным производством той же самой отрасли, что бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда — помещение, свет, вентиляцию и т. д., — что нерегулярность занятий растет и, наконец, что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишними», конкуренция между

²⁵⁰⁾ «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. LXVIII, № 415.

рабочими неизбежно достигает своего максимума. Систематически осуществляемая лишь благодаря машинному производству экономия на средствах производства, которая с самого начала является в то же время беспощаднейшим расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою антагонистическую и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развиты общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда.

с) СОВРЕМЕННАЯ МАНУФАКТУРА

На нескольких примерах я поясню приведенные выше положения. В сущности читатель уже знает многочисленные иллюстрации из главы о рабочем дне. Металлообрабатывающие мануфактуры в Бирмингеме и окрестностях на работах, по большей части очень тяжелых, применяют 30 000 детей и подростков и 10 000 женщин. Мы встречаем их здесь во вредных для здоровья меднолитейных, фабриках пуговиц, на работах по глазуровке, гальванизированию и лакировке²⁵¹⁾. Чрезмерный труд взрослых и малолетних обеспечил различным лондонским газетным и книжным типографиям достойное прозвище «бойни»^{251a)}. В переплетных заведениях — такой же чрезмерный труд, жертвами которого здесь являются женщины, девушки и дети. Тяжелый труд малолетних на канатных предприятиях, ночной труд на соляных заводах, свечных и других химических мануфактурах, убийственное применение труда подростков для вращения ткацких станков на шелкоткацких предприятиях, которые не пользуются механической двигательной силой²⁵²⁾. Одна из наиболее отвратительных, грязных и хуже всего оплачиваемых работ, где преимущественно применяются молодые девушки и женщины, — это сортировка тряпья. Как известно, Великобритания, не говоря уже об огромной массе ее собственного тряпья, служит мировым центром тряпичной торговли. Тряпье привозится сюда из Японии, отдаленнейших государств Южной Америки и с Канарских островов. Но главные источники тряпья, привозимого в Великобританию, — Германия, Франция, Россия, Италия, Египет, Турция, Бельгия и Голландия. Тряпье идет на удобрения, используется для производства оческов (для набивки матрацев и тюфяков), shoddy (искусственной шерсти) и в качестве сырого материала для производства бумаги. Женщины, сортиров-

²⁵¹⁾ И даже в насечке напильников в Шеффилде заняты дети!

^{251a)} «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 3, № 24; p. 6, № 55, 56; p. 7, № 59, 60.

²⁵²⁾ Там же, стр. 114, 115, № 6—7. Член комиссии справедливо указывает, что если обычно машина замещает человека, то здесь подросток в буквальном смысле замещает машину.

щицы тряпья, служат посредниками по распространению оспы и других заразных болезней, первыми жертвами которых являются они сами ²⁵³). Классическим примером чрезмерного труда, тяжелой и неподходящей работы и связанного с этим огрубения рабочих, эксплуатируемых с самого юного возраста, могут служить, кроме рудников и угольных копей, черепичные и кирпичные заводы, на которых вновь изобретенная машина применяется в Англии (1866 г.) пока лишь sporadически. С мая по сентябрь работа продолжается с 5 часов утра до 8 часов вечера и, если сушка производится на открытом воздухе, часто с 4 часов утра до 9 часов вечера. Рабочий день с 5 часов утра до 7 часов вечера считается «сокращенным», «умеренным». Дети обоего пола принимаются на работу с 6- и даже с 4-летнего возраста. Они работают столько же часов, как и взрослые, часто больше взрослых. Труд тяжелый, а летний зной еще больше изнуряет. Например, на кирпичном заводе в Мосли одна 24-летняя девушка делала 2 000 кирпичей в день, ей помогали две малолетние девочки, которые таскали глину и складывали кирпичи. Эти девочки вытаскивали ежедневно 10 тонн глины по скользким стенкам ямы с глубины в 30 футов и переносили ее на расстояние 210 футов.

«Невозможно пройти ребенку через чистилище кирпичного завода без того, чтобы не пасть нравственно... Непристойности, которые им приходится слышать с самого нежного возраста, грязные, неприличные и бесстыдные привычки, среди которых они вырастают в невежестве и одичании, превращают их на всю дальнейшую жизнь в непутевых, отверженных, распутных людей... Способ расквартирования служит ужасающим источником деморализации. Каждый moulder (формовщик)» (собственно искусный рабочий и глава группы рабочих) «дает своей артели из 7 человек квартиру и стол в своей хижине или коттедже. В этой хижине спят мужчины, юноши и девушки независимо от того, принадлежат они к семье формовщика или нет. Хижина обыкновенно состоит из 2 и лишь в исключительных случаях из 3 полуподвальных комнат с недостаточной вентиляцией. Люди настолько изматываются за день изнурительного труда, что нечего и думать о соблюдении каких бы то ни было правил гигиены, чистоты и приличия. Многие из этих хижин могут служить настоящими образцами беспорядка, грязи и пыли... Величайшее зло системы, применяющей молодых девушек на работах этого рода, заключается в том, что она, как правило, с раннего детства на всю жизнь связывает их крепко с самым отверженным отребьем. Прежде чем природа скажет им, что они — женщины, они превращаются в грубых, сквернословящих мальчишек («rough, foul-mouthed boys»). Одетые в скудное, грязное тряпье, с ногами, обнаженными много выше колен, с волосами и лицом, покрытыми грязью, они привыкают с презрением относиться ко всякому чувству благопристойности и стыда. В обеденное время они лежат, растянувшись на земле, или подсматривают за парнями, которые купаются в соседнем канале. Закончив свой тяжелый дневной труд, они одевают платья получше и сопровождают мужчин в пивные».

Естественно, что среди всего этого класса с самого детства царит страшное пьянство.

²⁵³) См. отчет о торговле тряпьем и многочисленные иллюстрации в «Public Health, 8th Report». London, 1866, Appendix, p. 196—208.

«Хуже всего, что кирпичники отчаиваются в самих себе. Вы, сэр, сказал один из лучших между ними капеллану в Саутоллфилде, с одинаковым успехом могли бы попытаться поднять и исправить дьявола, как и кирпичника!» («You might as well try to raise and improve the devil as a brickie, Sir!») ²⁵⁴⁾.

Относительно капиталистической экономии на условиях труда в современной мануфактуре (под которой здесь подразумеваются все крупные мастерские, за исключением собственно фабрик) богатейший официальный материал можно найти в четвертом (1861 г.) и шестом (1864 г.) отчете о здоровье населения. Описание work-shops (рабочих помещений), особенно у лондонских печатников и портных, превосходит все самое отвратительное, что могла породить фантазия наших романистов. Влияние на здоровье рабочих понятно само собой. Д-р Саймон, старший медицинский инспектор Тайного совета ¹⁵⁶ и официальный редактор отчетов о здоровье населения, говорит между прочим:

«В моем четвертом отчете» (1861 г.) «я показал, что практически невозможно для рабочих отстоять свое первое право — право на здоровье, настоять на том, чтобы, для каких бы работ ни собрал их хозяин, работа, поскольку это зависит от него, была освобождена от всех устранимых вредных для здоровья обстоятельств. Я доказал, что в то время как рабочие практически не в состоянии добиться своими силами осуществления этого права на здоровье, они не могут достигнуть действительной помощи и со стороны платных чинов санитарной полиции... Жизнь десятков тысяч рабочих и работниц в настоящее время бессмысленно калечится и сокращается бесконечными физическими страданиями, которые порождаются тем простым фактом, что они работают» ²⁵⁵⁾.

Для иллюстрации влияния мастерских на состояние здоровья рабочих д-р Саймон приводит следующую таблицу смертности ²⁵⁶⁾:

Число лиц различного возраста, занятых в соответствующих отраслях промышленности	Виды занятий, сравниваемые с точки зрения влияния их на здоровье	Смертность на 100 000 человек в соответствующих отраслях (по возрастам)		
		25—35 лет	35—45 лет	45—55 лет
958 265	Земледелие в Англии и Уэльсе	743	805	1 145
22 301 мужчин } 12 377 женщин }	Лондонские портные	958	1 262	2 093
13 803	Лондонские печатники	894	1 747	2 367

²⁵⁴⁾ «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. XVI—XVIII, № 86—97; p. 130—133, № 39—71. Ср. также: «3rd Report», 1864, p. 48, 56.

²⁵⁵⁾ «Public Health. 6th Report». London, 1864, p. 29, 31.

²⁵⁶⁾ Там же, стр. 30. Д-р Саймон отмечает, что смертность среди лондонских портных и печатников 25—35-летнего возраста в действительности много выше, так как лондонские предприниматели получают из деревни большое количество молодых людей до 30-летнего возраста в качестве «учеников» и «improvers» (желающих усовершенствоваться в своем ремесле). Фигурируя по переписям как лондонцы, они искусственно увеличивают то число душ, на которое исчисляется смертность в Лондоне, число же смертных случаев среди них самих сравнительно меньше. Значительная часть, особенно в случае тяжелых заболеваний, возвращается в деревню (там же).

д) СОВРЕМЕННАЯ РАБОТА НА ДОМУ

Теперь я обращаюсь к так называемой работе на дому. Чтобы составить себе представление об этой сфере эксплуатации, которую капитал осуществляет на задворках крупной промышленности, и о чудовищности этой эксплуатации, можно было бы рассмотреть, например, внешне совсем идиллический гвоздарный промысел, которым занимаются в некоторых захолустных деревнях Англии²⁵⁷⁾. Здесь достаточно будет остановиться на нескольких примерах таких отраслей, как производство кружев и соломенных плетений, в которых еще вовсе не применяются машины или которые конкурируют с машинным и мануфактурным производством.

Из тех 150 000 человек, которые заняты в кружевном производстве Англии, примерно на 10 000 распространяется действие фабричного акта 1861 года. Подавляющее большинство остальных 140 000 — женщины, подростки и дети обоего пола, причем мужской пол представлен лишь очень слабо. Состояние здоровья этого «дешевого» материала эксплуатации видно из следующей сводки д-ра Трумэна, врача при общей поликлинике для бедных в Ноттингеме. Из 686 пациентов, кружевниц, по большей части в возрасте 17—24 лет, чахоточных было²⁵⁸⁾:

1852 г. 1 на 45	1857 г. 1 на 13
1853 » 1 » 28	1858 » 1 » 15
1854 » 1 » 17	1859 » 1 » 9
1855 » 1 » 18	1860 » 1 » 8
1856 » 1 » 15	1861 » 1 » 8

Это прогрессивное возрастание процента чахоточных должно удовлетворить и наиболее оптимистических прогрессистов, и лживых немецких разносчиков теории свободной торговли.

Фабричный акт 1861 г. регулирует собственно изготовление кружев, поскольку оно производится машинами, а это является общим правилом для Англии. Отрасли, на которых мы здесь останавливаемся вкратце, — и притом лишь по отношению к так называемым домашним рабочим, а не к тем, которые концентрируются в мануфактурах, магазинах и т. д., — распадаются: 1) на lace finishing (окончательная отделка кружев, изготавливаемых машинным способом; эта категория, в свою очередь, охватывает многочисленные подразделения); 2) вязание кружев.

Lace finishing производится в форме работы на дому, либо в так называемых «mistresses houses» [«домах хозяек»], либо в частных

²⁵⁷⁾ Здесь речь идет о кованых гвоздях в отличие от резаных гвоздей, изготавливаемых машинным способом. См. «Children's Employment Commission. 3rd Report», p. XI, XIX, № 125—130; p. 52, № 11; p. 113—114, № 487; p. 137, № 674.

²⁵⁸⁾ «Children's Employment Commission. 2nd Report», p. XXII, № 166.

квартирах женщин, которые работают одни или со своими детьми. Женщины, которые содержат «mistresses houses», сами бедны. Мастерская образует часть их собственной квартиры. Они получают заказы от фабрикантов, владельцев магазинов и т. д. и нанимают женщин, девушек и маленьких детей в количестве, соответствующем размеру их комнаты и колебаниям спроса в данной отрасли промышленности. Число занятых работниц изменяется от 20 до 40 в одних из этих мастерских и от 10 до 20 в других. Средний минимальный возраст, в котором дети начинают работать, — 6 лет, однако некоторые начинают работать даже в возрасте до 5 лет. Рабочее время обыкновенно продолжается от 8 часов утра до 8 часов вечера с 1½-часовым перерывом для принятия пищи, которое совершается нерегулярно и часто в той же зловонной рабочей дыре. При хорошем состоянии дел работа часто продолжается с 8 (иногда с 6) часов утра до 10, 11 или 12 часов ночи. В английских казармах на каждого солдата полагается 500—600 кубических футов, в военных лазаретах — 1 200. А в этих рабочих дырах приходится 67—100 кубических футов на человека. В то же время газовое освещение поглощает кислород воздуха. Чтобы держать кружка в чистоте, дети часто должны снимать башмаки, даже зимой, хотя пол сделан из каменных плит или кирпича.

«В Ноттингеме можно нередко увидеть 15—20 детей, набитых в одну маленькую комнату, быть может не более 12 футов в длину и ширину, занятых по 15 часов в сутки работой, которая и сама по себе изнуряет тоскливостью и монотонностью, да и ведется при таких антисанитарных условиях, какие только можно представить... Даже самые маленькие дети работают с напряженным вниманием и скоростью, вызывающими удивление, и почти никогда не позволяют своим пальцам отдохнуть или двигаться помедленнее. Если к ним обращаются с вопросом, они не отрывають глаз от работы, боясь потерять хотя бы одну секунду».

«Длинная палка» служит для «mistresses» средством подгонять детей тем больше, чем больше удлиняется рабочее время.

«Дети мало-помалу утомляются и становятся беспокойными, как птицы, к концу того длинного времени, на которое они привязаны к своей работе, монотонной, вредной для глаз, утомительной вследствие отсутствия перемен в положении тела... Это — настоящий рабский труд» («Their work is like slavery») ²⁵⁹⁾.

Где женщины работают вместе со своими собственными детьми у себя на дому, т. е. в современном смысле в комнате, которую они снимают, часто на чердаке, положение еще хуже, если оно вообще может быть хуже. Этого рода работа раздается на 80 миль вокруг Ноттингема. Когда ребенок, работающий в магазине, уходит из него в 9 или 10 часов вечера, на дорогу ему часто дают еще целый узел для работы на дому. Капиталистический фарисей, в лице одного из своих наемных холопов, конечно, произносит при этом елейную

²⁵⁹⁾ «Children's Employment Commission, 2nd Report», 1864, p. XIX, XX, XXI.

фразу: «это для матери», хотя очень хорошо знает, что бедный ребенок должен будет засесть и помогать матери ²⁶⁰⁾.

Кружевная промышленность распространена преимущественно в двух земледельческих округах Англии — в кружевном округе Хонитона, охватывающем полосу в 20—30 миль вдоль южного побережья Девоншира и отдельные места Северного Девона, и в другом округе, который охватывает значительную часть графств Бакингом, Бедфорд, Нортгемптон и соседние части Оксфордшира и Хантингдоншира. Коттеджи батраков служат обычно и мастерскими. Некоторые владельцы мануфактур применяют более 3 000 таких домашних рабочих, преимущественно детей и подростков, исключительно женского пола. Здесь снова наблюдаются условия, описанные в связи с lace finishing. Разница лишь в том, что вместо «mistresses houses» выступают так называемые «lace schools» («школы вязанья кружев»), которые содержатся бедными женщинами в их хижинах. С 5-летнего возраста, иногда даже раньше, и до 12—15-летнего работают дети в этих школах — в первый год самые маленькие по 4—8 часов, впоследствии с 6 часов утра до 8—10 часов вечера.

«Как правило, комнаты — обычные жилые помещения маленьких коттеджей, камин законопачен в целях предотвращения сквозняка, обитатели иногда и зимой согреваются только своей собственной теплотой. В других случаях так называемые школьные комнаты — это помещения, похожие на маленькие чуланы, без отопления... Переполнение этих лачуг и вызываемая этим порча воздуха часто достигают крайней степени. К этому присоединяется вредное влияние стоков, отхожих мест, разлагающихся веществ и другой грязи, что обычно бывает возле маленьких коттеджей». Относительно помещений: «В одной школе вязанья кружев 18 девушек и мастерица, 33 кубических фута на каждого человека; в другой, где вонь невыносима, 18 человек, по $24\frac{1}{2}$ кубических футов на человека. На работе в этом производстве встречаются дети 2— $2\frac{1}{2}$ лет» ²⁶¹⁾.

Там, где в сельских графствах Бакингема и Бедфорда нет вязанья кружев, начинается плетение из соломы. Оно распространяется на значительную часть Хартфордшира и западные и северные части Эссекса. В 1861 г. в производстве соломенных плетений и соломенных шляп было занято 48 043 человека, из них 3 815 мужского пола всех возрастов, остальные — женского пола, в частности 14 913 до 20 лет, в том числе около 7 000 детей. Вместо школ вязанья кружев здесь появляются «straw plait schools» («школы плетения из соломы»). Дети начинают обучаться в них соломоплетению обыкновенно с 4 лет, иногда в возрасте между 3 и 4 годами. Воспитания они, конечно, не получают никакого. Начальные школы сами дети называют «natural schools» («настоящими школами») в отличие от этих учреждений-кровопийц, в которых их держат за рабочей просто для того, чтобы выполнить задание, которое им дают их полуголодные матери, — в большинстве случаев 30 ярдов в день.

²⁶⁰⁾ Там же, стр. XXI, XXII.

²⁶¹⁾ Там же, стр. XXIX, XXX.

Эти же матери потом часто заставляют детей работать еще дома до 10, 11, 12 часов ночи. Солома режет им пальцы и рот, так как они постоянно смачивают ее слюной. Согласно общему мнению медицинских инспекторов Лондона, резюмированному д-ром Баллардом, 300 кубических футов на человека представляют минимум для спален и мастерских. Между тем в школах плетения из соломы помещение еще теснее, чем в школах вязанья кружев: $12\frac{2}{3}$, 17, $18\frac{1}{2}$ и меньше 22 кубических футов на человека.

«Меньшие из этих цифр», — говорит член комиссии Уайт, — «представляют помещение меньше половины того пространства, которое занял бы ребенок, упакованный в ящик, имеющий по 3 фута по всем трем измерениям».

Такую радость жизни испытывают дети до 12—14-летнего возраста. Бедные, опустившиеся родители только и думают о том, как бы побольше выколотить из своих детей. Выросши, дети, естественно, не ставят родителей ни в грош и оставляют их.

«Неудивительно, что невежество и пороки характеризуют это население, получающее воспитание такого рода... Его нравственность стоит на самой низкой ступени... Значительное число женщин имеет незаконных детей, причем многие из них становятся матерями в таком незрелом возрасте, что поражаются даже люди, наиболее осведомленные в вопросах уголовной статистики»²⁶²⁾.

И родина этих образцовых семей — образцовая христианская страна Европы, как говорит граф Монталамбер, несомненно компетентный в христианстве!

Заработная плата, вообще жалкая в только что описанных отраслях промышленности (представляющая исключение максимальная плата детей в школах плетения из соломы составляет 3 шилл.), понижается еще ниже своей номинальной величины вследствие truck-system [системы оплаты труда товарами], получившей всеобщее распространение в особенности в округах с кружевным производством²⁶³⁾.

е) ПЕРЕХОД СОВРЕМЕННОЙ МАНУФАКТУРЫ И РАБОТЫ НА ДОМУ В КРУПНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. УСКОРЕНИЕ ЭТОЙ РЕВОЛЮЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ФАБРИЧНЫХ ЗАКОНОВ НА СОВРЕМЕННУЮ МАНУФАКТУРУ И РАБОТУ НА ДОМУ

Удешевление рабочей силы путем простого злоупотребления рабочей силой женщин и малолетних, путем простого лишения труда всех тех условий, при которых труд и жизнь могут протекать нормально, путем жестокости чрезмерного и ночного труда в конце концов наталкивается на известные естественные границы, кото-

²⁶²⁾ Там же, стр. XL, XLI.

²⁶³⁾ «Children's Employment Commission. 1st Report», 1863, p. 185.

рые невозможно преступить, а вместе с тем на эти границы наталкиваются покоящиеся на таких основаниях удешевление товаров и капиталистическая эксплуатация вообще. Когда этот пункт, наконец, достигается, — а до этого проходит долгое время, — наступает пора введения машин и быстрого с этого момента превращения раздробленной работы на дому (а также мануфактуры) в фабричное производство.

Самый яркий пример этого движения дает производство «wearing apparel» (предметов одежды). По классификации Комиссии по обследованию условий детского труда, эта отрасль промышленности охватывает производителей соломенных и дамских шляп и колпаков, портных, milliners и dressmakers²⁶⁴⁾, беломоек и швей, корсетниц, перчаточников, башмачников и кроме того многие мелкие отрасли, как, например, производство галстуков, воротничков и т. д. Женский персонал, занятый в этих отраслях промышленности Англии и Уэльса, составлял в 1861 г. 586 298 чел., в том числе по меньшей мере 115 242 моложе 20 лет, 16 560 моложе 15 лет. Число этих работниц в Соединенном королевстве (1861 г.) — 750 334. Мужчин, занятых в том же году в шляпном, башмачном, перчаточном и швейном производстве Англии и Уэльса, было 437 969, в том числе 14 964 моложе 15 лет, 89 285 от 15 до 20 лет, 333 117 старше 20 лет. В этих данных не учтены многие относящиеся сюда более мелкие отрасли. Но если мы возьмем приведенные сейчас цифры, как они есть, то для одних только Англии и Уэльса по переписи 1861 г. получается общая сумма в 1 024 267 человек, т. е. почти столько же, сколько занято в земледелии и животноводстве. Начинаешь понимать, для чего машины производят такую чудовищную массу продуктов и таким образом содействуют «высвобождению» столь огромных масс рабочих.

Производство «wearing apparel» ведется мануфактурами, лишь воспроизводящими у себя то разделение труда, *membra disjecta* [разрозненные члены]¹⁵⁷ которого они находят уже готовыми; ведется мелкими ремесленными мастерами, которые, однако, работают уже не на индивидуальных потребителей, как раньше, а на мануфактуры и магазины, так что часто целые города и местности специализируются по таким отраслям производства, как, например, сапожное дело и т. д., наконец, и больше всего, это производство ведется так называемыми домашними рабочими, которые образуют внешние отделения мануфактур, магазинов и даже сравнительно мелких мастеров²⁶⁵⁾. Массы предметов труда, сырья, полуфабрикатов и т. д. доставляет крупная промышленность, масса же дешевого

²⁶⁴⁾ Millinery — производство собственно головных уборов, а также и дамских накидок и мантилий; dressmakers тождественны с нашими модистками.

²⁶⁵⁾ Английские millinery и dressmaking ведутся обыкновенно в помещениях предпринимателей отчасти живущими в них наемными работницами, отчасти живущими на стороне поденщицами.

человеческого материала (*taillable à merci et miséricorde* [отданного на милость и гнев]) состоит из «высвобожденных» крупной промышленностью и земледелием. Мануфактуры этой сферы производства обязаны своим возникновением преимущественно потребности капиталистов иметь под рукой готовую армию, которая соответствовала бы всякому движению спроса²⁶⁶). Однако эти мануфактуры допускали рядом с собой дальнейшее существование раздробленного ремесленного производства и домашнего производства в качестве своего широкого основания. Крупные масштабы производства прибавочной стоимости в этих отраслях труда и в то же время возрастающее удешевление производимых ими товаров обуславливались и обуславливаются преимущественно минимальными размерами заработной платы, достаточной лишь для жалкого прозябания, и той максимальной продолжительностью рабочего времени, которую только может выдержать человеческий организм. Именно дешевизна человеческого пота и человеческой крови, превращаемых в товары, — вот что постоянно расширяло и каждый день расширяет рынок сбыта, для Англии в частности и колониальный рынок, на котором к тому же преобладают английские привычки и вкус. Наконец, наступил критический пункт. Основа старого метода, просто грубая эксплуатация рабочего материала, в большей или меньшей мере сопровождавшаяся систематически развитым разделением труда, оказалась уже недостаточной при возрастании рынка и еще более быстром росте конкуренции между капиталистами. Наступила пора машины. И машиной, которая сыграла решающую революционную роль, машиной, которая в одинаковой мере охватила все бесчисленные отрасли этой сферы производства, как, например, производство модных товаров, портняжный, сапожный, швейный, шляпный промыслы и т. д., — была швейная машина.

Ее непосредственное действие на рабочих приблизительно такое же, как всех машин вообще, впервые захватывающих в период крупной промышленности новые отрасли производства. Самые малолетние дети устраниются. Заработная плата машинных рабочих повышается по сравнению с заработной платой домашних рабочих, многие из которых принадлежат к числу «беднейших из бедных» («*the poorest of the poor*»). Заработок находившихся в сравнительно лучшем положении ремесленников, с которыми начинает конкурировать машина, понижается. Новые машинные рабочие — исключительно девушки и молодые женщины. При содействии механической силы они уничтожают монополию мужского труда на более тяжелых работах и вытесняют массы старых жен-

²⁶⁶) Член комиссии Уайт посетил одну мануфактуру военного платья, на которой было занято 1 000—1 200 человек, почти все женского пола, одну сапожную мануфактуру с 1 300 рабочими, из которых почти половина дети и подростки, и т. д. («*Children's Employment Commission. 2nd Report*», p. XLVII, № 319).

щин и малолетних детей из области более легких работ. Очень сильная конкуренция убивает наиболее слабых рабочих, выполняющих ручную работу. Ужасающий рост числа случаев голодной смерти (*death from starvation*) в Лондоне за последнее десятилетие идет параллельно с распространением машинного шитья²⁶⁷⁾. Новые работницы, работающие на швейной машине, которую они приводят в движение рукой и ногой или только рукой, сидя или стоя, в зависимости от тяжести, размеров и характера машины, должны производить большую затрату рабочей силы. Их работа становится вредной для здоровья вследствие продолжительности процесса, хотя обыкновенно он короче, чем при старой системе. Повсюду, где швейная машина, например при производстве обуви, корсетов, шляп и т. д., вторгается в тесные и без того переполненные мастерские, она усиливает вредные для здоровья влияния.

«Ощущение», — говорит член комиссии Лорд, — «которое испытываешь при входе в мастерские с низким потолком, в которых одновременно работает у машин по 30—40 человек, невыносимо... Жара, отчасти вызываемая газовыми печами для разогревания утюгов, ужасна. Даже в тех случаях, когда в таких мастерских установлено так называемое умеренное рабочее время, т. е. с 8 часов утра до 6 часов вечера, каждый день обычно 3—4 человека падают в обморок»²⁶⁸⁾.

Переворот в общественном способе производства, этот необходимый продукт преобразования средства производства, протекает среди пестрого хаоса переходных форм. Они изменяются в зависимости от того, в какой мере и насколько давно швейная машина уже захватила ту или иную отрасль промышленности, в зависимости от положения, в каком перед тем находились рабочие, от того, преобладало ли мануфактурное, ремесленное или домашнее производство, от платы за аренду мастерских и т. д.²⁶⁹⁾ Например, в производстве модных товаров, где труд по большей части уже был организован преимущественно в форме простой кооперации, швейная машина образует поначалу лишь новый фактор мануфактурного производства. В портняжном промысле, производстве сорочек, обуви и т. д. перекрещиваются все формы. Здесь — собственно фабричное производство. Там — посредники получают от капиталиста *en chef* [главного] сырой материал и группируют в «каморках»

²⁶⁷⁾ Вот пример: 26 февраля 1864 г. в педельном отчете генерального регистратора¹⁵⁸ о смертности приводится 5 случаев голодной смерти. В тот же день «Times» сообщает о новом случае голодной смерти. Шесть жертв голодной смерти в одну неделю!

²⁶⁸⁾ «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, р. LXVII, №№ 406—409; р. 84, № 124; р. LXXIII, № 441; р. 68, № 6; р. 84, № 126; р. 78, № 85; р. 76, № 69; р. LXXII, № 438.

²⁶⁹⁾ «Арендная плата за рабочие помещения является, по-видимому, тем обстоятельством, которое — в особенности в столицах — в конечном счете имело определяющее значение в том смысле, что старая система раздачи работы мелким предпринимателям и семьям удерживалась дольше всего и восстанавливалась быстрее всего» (там же, стр. 83, № 123) Последняя фраза относится исключительно к сапожному ремеслу.

и «мансардах» по 10—50 и более наемных рабочих при швейных машинах. Наконец, как это вообще бывает со всеми машинами, поскольку они не образуют расчлененной системы и могут применяться в карликовых размерах, ремесленники или домашние рабочие, при помощи своей семьи или немногих посторонних рабочих, применяют принадлежащие им самим швейные машины²⁷⁰⁾. В Англии в настоящее время фактически преобладает такая система, при которой капиталист концентрирует в своих помещениях значительное число швейных машин, а для дальнейшей обработки распределяет машинный продукт между целой армией домашних рабочих²⁷¹⁾. Пестрота переходных форм не скрывает, однако, тенденции к превращению в собственно фабричное производство. Тенденция эта питается: самым характером швейной машины, разнообразие способов применения которой толкает к соединению разделенных ранее отраслей производства в одном помещении, под командой одного капитала; далее, тем обстоятельством, что предварительное сшивание и некоторые другие операции целесообразнее всего производить там, где находится машина; наконец, неизбежной экспроприацией ремесленников и домашних рабочих, которые работают при помощи собственной машины. Эта судьба постигла их отчасти уже теперь. Постоянный рост массы капитала, вложенного в швейные машины²⁷²⁾, служит стимулом для расширения производства и порождает на рынке застои, которые заставляют домашних рабочих продавать свои швейные машины. Перепроизводство самих швейных машин побуждает производителей, нуждающихся в сбыте, отдавать их напрокат на недельный срок и таким образом создает смертельную конкуренцию для мелких собственников машин²⁷³⁾. Постоянно продолжающиеся изменения в конструкции машин и их удешевление столь же постоянно обесценивают старые экземпляры, вследствие чего прибыльно применять последние могут только крупные капиталисты, покупающие их массами по баснословно низким ценам. Наконец, как и во всех подобных процессах переворота, решающее значение и здесь принадлежит замене человека паровой машиной. Применение паровой силы наталкивается вначале на такие чисто технические препятствия, как сотрясение машин, затруднение в регулировании их скорости, быстрая порча более легких машин и т. д., — все препятствия, с которыми практика скоро научается справляться²⁷⁴⁾. Если,

²⁷⁰⁾ Этого нет в перчаточном и т. п. производствах, в которых положение рабочих едва отличается от положения пауперов.

²⁷¹⁾ «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. 83, № 122.

²⁷²⁾ В Лестере, в одном сапожно-башмачном производстве, работающем на оптовую продажу, уже в 1864 г. применялось 800 швейных машин.

²⁷³⁾ «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. 84, № 124.

²⁷⁴⁾ Например, в военно-обмундировочном депо в Пимлико, Лондон, на фабрике сорочек Тилли и Хейндерсон в Лондондерри, на фабрике платья фирмы Тейт в Лимерике, применяющей до 1 200 рабочих.

с одной стороны, концентрация многих рабочих машин в сравнительно крупных мануфактурах побуждает к применению силы пара, то, с другой стороны, конкуренция пара с мускулами человека ускоряет концентрацию рабочего персонала и рабочих машин на больших фабриках. Так, например, в Англии колоссальные сферы производства «wearing apparel», равно как и большая часть других производств, переживают в настоящее время революцию перехода мануфактуры, ремесла и работы на дому в фабричное производство, но еще раньше этого перехода все упомянутые формы под воздействием крупной промышленности совершенно изменились, разложились, получили искаженный облик и давным-давно воспроизвели и даже превзошли всю чудовищность фабричной системы, не усвоив ее положительных моментов ²⁷⁵⁾.

Эта стихийно совершающаяся промышленная революция искусственно ускоряется распространением фабричных законов на все отрасли промышленности, в которых работают женщины, подростки и дети. Принудительное регулирование продолжительности рабочего дня, перерывов, момента начала и окончания рабочего дня, система смен для детей, исключение всех детей до известного возраста и т. д. побуждают к усиленному применению машин ²⁷⁶⁾ и к замене мускулов, как двигательной силы, паром ²⁷⁷⁾. С другой стороны, стремление выиграть на помещении то, что теряется на времени, ведет к количественному расширению сообща используемых средств производства, — печей, зданий и т. д., — одним словом, усиливается концентрация средств производства и в соответствии с этим сосредоточение рабочих. Каждый раз, когда мануфактуре угрожает применение фабричного закона, страстно повторяется в сущности одно и то же главное возражение: необходима будет затрата большого капитала для того, чтобы при подчинении фабричному закону продолжать дело в старых размерах. Что касается

²⁷⁵⁾ «Тенденция к фабричной системе» («Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, р. LXVII). «Все производство находится в настоящее время в переходном состоянии и подвергается таким же переменам, как совершившиеся в кружевном производстве, ткацком и т. д.» (там же, № 405). «Полная революция» (там же, стр. XLVI, № 318). В эпоху Комиссии по обследованию условий детского труда 1840 г. чудоточивальное производство оставалось еще ручным. С 1846 г. вводится разнообразие машин, которые в настоящее время приводятся в движение паром. Общее число лиц обоего пола и различных возрастов, начиная с 3-летнего, занятых в английском чудоточивальном производстве, составляло в 1862 г. около 120 000. Из этого числа, согласно парламентскому отчету от 11 февраля ¹⁸⁵⁹, в 1862 г. действие фабричного акта распространялось всего лишь на 4 063 человека.

²⁷⁶⁾ Так, например, относительно гончарного производства фирма Кокрен «Britannia Pottery, Glasgow» сообщает: «Чтобы сохранить прежние размеры производства, мы прибегли к усиленному применению машин, при которых работают неквалифицированные рабочие, и каждый день мы убеждаемся в том, что можем производить большее количество продукта, чем при старом методе» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», р. 13). «Фабричный акт действует таким образом, что побуждает к дальнейшему введению машин» (там же, стр. 13, 14).

²⁷⁷⁾ Так, например, после распространения фабричного акта на гончарное производство наблюдается большое увеличение числа power jiggers [механических гончарных кругов] взамен handmoved jiggers [ручных гончарных кругов].

форм, промежуточных между мануфактурой и работой на дому, и самой работы на дому, то с ограничением рабочего дня и детского труда они утрачивают почву. Безграничная эксплуатация дешевой рабочей силы составляет единственную основу их конкурентоспособности.

Существенным условием фабричного производства, в особенности с того времени, как на него распространилось регулирование рабочего дня, является обеспеченность нормального результата, т. е. уверенности в том, что в данный промежуток времени будет произведено определенное количество товара или достигнут намеченный полезный эффект. Далее, установленные законом перерывы регулируемого рабочего дня предполагают, что внезапные и периодические остановки труда возможны без ущерба для продукта, находящегося в процессе производства. Эта обеспеченность результата и возможность прерывать труд, разумеется, легче осуществимы в чисто механических производствах, чем в таких, в которых известную роль играют химические и физические процессы, как, например, в гончарном, белильном, красильном, пекарном промыслах, в большинстве металлообрабатывающих мануфактур. Там, где господствует рутина неограниченного рабочего дня, ночного труда и свободного расточения человеческих сил, во всяком стихийном препятствии скоро начинают видеть вечную «естественную границу» производства. Никакой яд не уничтожает вредных насекомых основательнее, чем фабричный закон уничтожает такие «естественные границы». Никто громче господ из гончарного промысла не кричал о «невозможностях». В 1864 г. им был октроирован фабричный закон, и уже через 16 месяцев исчезли все невозможности.

Вызванные фабричным законом «усовершенствованные методы приготовления гончарной массы (slip) посредством прессовки вместо просушки, новая конструкция печей для просушивания необожженного товара и т. д. — все это события великой важности для гончарного искусства, означающие такой прогресс, равного которому нельзя указать за последнее столетие. Температура печей значительно понижена при значительном сокращении потребления угля и более быстром действии на товар»²⁷⁸⁾.

Вопреки всем пророчествам повысились не издержки производства гончарных товаров, а масса продукта, так что вывоз за 12 месяцев, с декабря 1864 г. по декабрь 1865 г., дал по стоимости превышение в 138 628 ф. ст. над средней величиной вывоза за три предыдущих года. В производстве зажигательных спичек считалось законом природы, что подростки, даже в то время, когда они проглатывали обед, должны были окунать спички в теплый фосфорный состав, ядовитые пары которого били им в лицо. Принудив экономить время, фабричный акт (1864 г.) заставил ввести «dipping

²⁷⁸⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 96, 127.

machine» (макальную машину), от которой пары не могут доходить до рабочего ²⁷⁹⁾. Точно так же относительно тех отраслей кружевной мануфактуры, которые еще не подчинены фабричному закону, в настоящее время утверждают, будто время для принятия пищи не может быть здесь регулярным, так как различные материалы для кружев требуют на просушку неодинакового времени, которое колеблется от 3 минут до одного часа и больше. На это члены Комиссии по обследованию условий детского труда отвечают:

«Условия здесь такие же, как в печатании обоев. Некоторые из главных фабрикантов в этой отрасли энергично настаивали на том, что характер применяемых материалов и разнородность процессов, через которые эти материалы проходят, не позволяют производить внезапные перерывы работ для принятия пищи, поскольку это должно привести к большим потерям... Согласно пункту шестому раздела шестого закона о расширении сферы действия фабричных актов» (1864 г.), «они обязаны лишь по истечении 18-месячного срока со времени издания этого закона ввести перерывы для отдыха, установленные фабричным актом» ²⁸⁰⁾.

Едва только закон был санкционирован парламентом, как господа фабриканты уже открыли:

«Неудобства, которых мы ожидали от проведения фабричного закона, не наступили. Мы не находим, чтобы производство сколько-нибудь было затруднено. В действительности, в течение того же времени мы производим больше» ²⁸¹⁾.

Таким образом, английский парламент, которого никто не упрекает в гениальности, опытным путем пришел к убеждению, что принудительный закон простым предписанием может устранить все так называемые естественные препятствия, которые производством будто бы ставит ограничению и регулированию рабочего дня. Поэтому при введении фабричного акта в известной отрасли промышленности назначается срок от 6 до 18 месяцев, и уже дело фабриканта позаботиться о том, чтобы за это время были устранены технические препятствия. Слова Мирабо: «Impossible? Ne me dites jamais ce bête de mot!» [«Невозможно? Никогда не говорите мне этого глупого слова!»], приобретают особенное значение для современной технологии. Но если фабричный закон быстро, как бы в теплице, вырашивает материальные элементы, необходимые для превращения мануфактурного производства в фабричное, то, вместе с тем, создавая необходимость увеличения затрат капитала, он ускоряет гибель более мелких предпринимателей и концентрацию капитала ²⁸²⁾.

²⁷⁹⁾ Введение этой и других машин на спичечной фабрике вызвало в одном ее отделении замещение 230 подростков 32 юношами и девушками 14—17 лет. Эта экономия на числе рабочих в 1865 г. была проведена еще дальше посредством применения паровой силы.

²⁸⁰⁾ «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. IX, № 50.

²⁸¹⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 22.

²⁸²⁾ «Необходимые усовершенствования... не могут быть введены во многих старых мануфактурах, если не осуществить затраты капитала, превышающие средства многих теперешних владельцев... Преходящая дезорганизация необходимо сопровождается введением фабричного акта. Размеры этой дезорганизации прямо пропорциональны размерам тех зол, которые должен устранить фабричный закон» (там же, стр. 96, 97).

Если оставить в стороне чисто технические и технически устранимые препятствия, то регулирование рабочего дня наталкивается на беспорядочные привычки самих рабочих, в особенности там, где господствует сдельная плата и прогул некоторой доли дня или недели может быть восполнен последующим сверхурочным или ночным трудом — метод, отупляющий взрослого рабочего и разрушительно действующий на его товарищей из числа малолетних и женщин²⁸³⁾. Хотя эта беспорядочность в расходовании рабочей силы представляет собой естественную грубую реакцию против скуки монотонного мучительного труда, однако в несравненно большей степени она вытекает из анархии самого производства, которая, в свою очередь, предполагает необузданную эксплуатацию рабочей силы капиталом. Наряду с общими периодическими сменами фаз промышленного цикла и особыми колебаниями рынка в каждой отрасли производства на сцену выступает так называемый сезон и внезапность больших заказов, которые необходимо выполнить в самое короткое время, причем не имеет значения, обуславливаются ли эти сезонные работы периодичностью времен года, благоприятных для судоходства, или же модой. Внезапные заказы делаются тем обычнее, чем более распространяются железные дороги и телеграф.

«Распространение железнодорожной системы по всей стране», — говорит, например, один лондонский фабрикант, — «сильно благоприятствовало обычаю краткосрочных заказов: покупатели из Глазго, Манчестера и Эдинбурга приезжают теперь для оптовых покупок примерно один раз в 2 недели в крупные торговые дома Сити, которым мы поставляем товары. Вместо того чтобы покупать со склада, как то было в обычае раньше, они дают заказы, которые должны быть выполнены немедленно. В прежние годы мы всегда могли во время слабого спроса работать наперед, для удовлетворения спроса следующего сезона, но теперь никто не может предсказать, на что же будет спрос»²⁸⁴⁾.

На фабриках и мануфактурах, еще не подчиненных фабричному закону, господствует ужасающий чрезмерный труд периодически — во время так называемых сезонов, и в неопределенные моменты — вследствие внезапных заказов. Во внешнем отделении фабрики, мануфактуры и магазина — в сфере работы на дому,

²⁸³⁾ У доменных печей, например, «к концу недели продолжительность работы обыкновенно сильно увеличивается вследствие привычки рабочих понеделничать, а иногда не работать и часть вторника или даже весь вторник» («Children's Employment Commission. 3rd Report», p. VI). «Часы работы у мелких мастеров обыкновенно очень нерегулярны. Они теряют дня 2—3, а потом, чтобы наверстать это, работают целую ночь... Они всегда заставляют работать своих детей, если у них есть таковые» (там же, стр. VII). «Отсутствие регулярности в приходе на работу поощряется возможностью и практикой наверстывать это увеличением числа часов работы» (там же, стр. XVIII). «Огромная потеря времени в Бирмингеме... безделье в течение одной части времени, каторжный труд до изнеможения — в другой» (там же, стр. XI).

²⁸⁴⁾ «Children's Employment Commission. 4th Report», p. XXXII. «Расширение железнодорожной системы, говорят, сильно содействовало этому обычаю внезапных заказов и имело своим последствием спешку, пренебрежение часами на еду и работу допоздна» (там же, стр. XXXI).

и без того совершенно нерегулярной, находящейся в отношении сырого материала и заказов в полной зависимости от произвола капиталиста, который не связан здесь никакими соображениями об использовании помещений, машин и т. д. и ничем не рискует, кроме шкуры самих рабочих, — в этом внешнем отделении систематически выращивается таким образом промышленная резервная армия, которая постоянно готова к услугам капиталиста, которая в одну часть года губится вследствие самого нечеловеческого каторжного труда, а в другую часть года низводится до босяцкого положения из-за отсутствия работы.

«Предприниматели», — отмечает Комиссия по обследованию условий детского труда, — «эксплуатируют вошедшую в привычку нерегулярность работы на дому, чтобы во времена, когда выполняются экстренные работы, растягивать ее до 11, 12, 2 часов ночи, или, как гласит ходячая фраза, до любого часа, и это — в помещениях, «где вонь такая, что вы можете свалиться с ног» (the stench is enough to knock you down). Может быть, вы дойдете до двери и откроете ее, но вы не решитесь пройти дальше»²⁸⁵⁾. «Странные люди наши предприниматели», — говорит один из опрошенных свидетелей, сапожник, — «они думают, будто подростку не причиняют никакого вреда, если одну половину года его истязают убийственным трудом, а другую половину года вынуждают бродить почти совершенно без дела»²⁸⁶⁾.

Как о технических препятствиях, так и об этих так называемых «торговых обычаях» («usages which have grown with the growth of trade») заинтересованные капиталисты говорили и говорят как о «естественных границах» производства, — излюбленная ламентация хлопчатобумажных лордов в ту эпоху, когда им впервые начал угрожать фабричный закон. Хотя их промышленность более, чем всякая другая, опирается на мировой рынок, а потому и на судоходство, однако опыт изобличил их во лжи. С тех пор английские фабричные инспектора относятся к «торговым препятствиям» как к пустой отговорке²⁸⁷⁾. В самом деле, основательные и добросовестные работы Комиссии по обследованию условий детского труда доказывают, что в некоторых отраслях промышленности регулирование рабочего дня лишь равномернее распределило бы на весь год ту массу труда, которая уже применяется в них²⁸⁸⁾; что оно послужило бы первой рациональной уздой для человекоубийственных, бессмысленных и по существу не согласующихся с системой крупной промышлен-

²⁸⁵⁾ «Children's Employment Commission. 4th Report», p. XXXV, № 235, № 237.

²⁸⁶⁾ Там же, стр. 127, № 56.

²⁸⁷⁾ «Что касается торговых убытков от неисполнения в надлежащий срок заказов на товары, подлежащие морской перевозке, то я припоминаю, что это было излюбленным аргументом фабричных предпринимателей в 1832 и 1833 годах. Все, что можно сказать теперь по этому поводу, не имеет такой силы, как в то время, когда пар еще не сократил вдвое всех расстояний и не создал новых средств для перевозки. И в то время этот аргумент оказывался несостоятельным при проверке его на практике, а теперь он и совсем не выдержит испытания» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 54, 55).

²⁸⁸⁾ «Children's Employment Commission. 3rd Report», p. XVIII, № 118.

ности ветреных капризов моды ²⁸⁹⁾; что развитие океанского судоходства и средств сообщения вообще устранило собственно техническое основание сезонной работы ²⁹⁰⁾; что все другие будто бы не поддающиеся контролю условия устраняются расширением помещений, дополнительными машинами, увеличением числа одновременно занятых рабочих ²⁹¹⁾ и обратным влиянием всех этих изменений на систему оптовой торговли ²⁹²⁾. Однако капитал, как он неоднократно заявлял устами своих представителей, соглашается на такой переворот «лишь под давлением общего парламентского акта» ²⁹³⁾, который регулирует рабочий день в принудительно-законодательном порядке.

9. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ И ВОСПИТАНИИ). ВСЕОБЩЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕГО В АНГЛИИ

Фабричное законодательство, это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства, представляет собой, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф. Прежде чем говорить о всеобщем распространении фабричного законодательства в Англии, необходимо кратко упомянуть о некоторых его положениях, не касающихся числа часов рабочего дня.

²⁸⁹⁾ Уже в 1699 г. Джон Беллерс отмечает: «Непостоянство мод необходимо увеличивает число бедных. В нем два великих зла: 1) рабочие бедствуют зимой от недостатка работы, торговцы тканями и предприниматели-ткачи не рискуют затрачивать свои капиталы, чтобы поддержать рабочих заработком, пока не наступит весна и не выяснится, какова мода; 2) весной число рабочих оказывается недостаточным, и хозяева-ткачи должны привлекать многочисленных учеников, чтобы обеспечить торговлю страны на квартал или на половину года; это отнимает рабочие руки от земледелия, лишает деревню работников и в огромной степени переполняет города нищими; зимой те, кому совестино нищенствовать, умирают от голода» («Essays about the Poor, Manufactures etc.», p. 9).

²⁹⁰⁾ «Children's Employment Commission. 5th Report», p. 171, № 34.

²⁹¹⁾ Так, например, в свидетельских показаниях экспортных торговцев Бадфорда говорится: «При таких обстоятельствах ясно, что нет нужды заставлять детей работать в магазинах дольше, чем с 8 часов утра до 7 или 7½ часов вечера. Это — вопрос исключительно добавочных затрат и добавочных рабочих рук. (Детям не приходилось бы работать до такой поздней ночи, если бы некоторые предприниматели не были так жаждя на прибыль; добавочная машина стоит всего 16—18 ф. ст.)... Все трудности происходят от недостаточности приспособлений и помещения» (там же, стр. 171, № 35, 36 и 38).

²⁹²⁾ Там же. Вот показание одного лондонского фабриканта, который в принудительном урегулировании рабочего дня видит средство защиты рабочих против фабрикантов и самих фабрикантов против оптовой торговли. «Давление на нашу отрасль оказывают экспортеры, которые намерены, например, отправить товары на парусном судне; они к началу определенного сезона хотят быть на месте — и в то же время положить в свои карманы разницу по фрахту между парусным и паровым судами; или же из двух пароходов они выбирают более ранний, чтобы появиться на иностранном рынке раньше своих конкурентов».

²⁹³⁾ «Этого», — говорит один фабрикант, — «можно было бы избежать ценой расширения производства под давлением общего парламентского акта» (там же, стр. X, № 38).

Положения об охране здоровья, не говоря уже об их редакции, облегчающей для капиталиста их обход, чрезвычайно скудны и фактически ограничиваются предписаниями о побелке стен и некоторыми другими правилами о мерах поддержания чистоты, о вентиляции и защите от опасных машин. В третьей книге мы возвратимся к фанатической борьбе фабрикантов против положения, которым на них были возложены небольшие расходы с целью предохранить от увечья руки и ноги рабочих. Здесь снова нашел себе блестящее подтверждение тот догмат фритредеров, что в обществе с антагонистическими интересами каждый, стремясь к своей собственной пользе, тем самым содействует общему благу. Одного примера будет достаточно. Известно, что в течение последних двадцати лет в Ирландии сильно расширилась льняная промышленность, а вместе с ней и *scutching mills* (льнотрепальные фабрики). В 1864 г. там существовало до 1 800 этих *mills*. Осенью и зимой периодически отрываються от полевых работ, чтобы подавать лен в вальцовые машины *scutching mills*, совершенно не знакомые с машинами люди, главным образом подростки и женщины, сыновья, дочери и жены соседних мелких фермеров. Несчастные случаи, совершающиеся здесь, по количеству и интенсивности совершенно беспримерны в истории машин. На одной-единственной *scutching mill* в Килдинане (близ Корка) с 1852 по 1856 г. имели место 6 смертных случаев и 60 тяжких увечий, — и все их можно было бы предотвратить при помощи самых простых приспособлений стоимостью в несколько шиллингов. Д-р Уайт, *certifying surgeon* [официальный врач] фабрик в Даун-патрике, заявляет в официальном отчете от 16 декабря 1865 года:

«Несчастные случаи на *scutching mills* носят ужасающий характер. Во многих случаях отрывается четвертая часть тела. Смерть или будущее, полное жалкой беспомощности и страданий, — вот обычные последствия увечий. Увеличение количества фабрик в стране, конечно, вызовет более широкое распространение таких страшных результатов. Я убежден, что надлежащим контролем государства за *scutching mills* были бы предотвращены огромные жертвы здоровьем и жизнью» ²⁹⁴⁾.

Что еще могло бы лучше характеризовать капиталистический способ производства, чем эта необходимость навязать ему принудительным законом государства соблюдение элементарнейших правил гигиены и охраны здоровья?

«Фабричный акт 1864 г. выбелил и вычистил в гончарном производстве более 200 мастерских, после того как они по 20 лет или даже совсем воздерживались от таких операций» (вот оно, «воздержание» капитала!). «В этих мастерских занято 27 878 рабочих, дышавших до сих пор во время чрезмерной дневной, а часто и ночной работы отравительным воздухом, вследствие чего это вообще сравнительно безвредное производство постоянно грозило болезнью и смертью.

²⁹⁴⁾ «Children's Employment Commission. 5th Report», p. XV, № 72 sqq.

Фабричный акт заставил сильно увеличить количество приспособлений для вентиляции»²⁹⁵⁾.

В то же время эта область применения фабричного акта ярко показывает, что капиталистический способ производства по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение. Мы уже неоднократно отмечали, что английские врачи в один голос признают 500 куб. футов воздуха на человека едва лишь достаточным минимумом при непрерывной работе. Хорошо! Раз фабричный акт всеми своими принудительными мерами косвенно ускоряет превращение мелких мастерских в фабрики, а потому косвенно посягает на право собственности мелких капиталистов и обеспечивает крупным монополию, то обеспечение по закону необходимого количества воздуха на каждого рабочего одним махом прямо экспроприировало бы тысячи мелких капиталистов! Это поразило бы самый корень капиталистического способа производства, т. е. самовозрастание капитала, и крупного и мелкого, совершающееся при посредстве «свободной» купли и потребления рабочей силы. Потому-то перед этими 500 кубических футов воздуха у фабричного законодательства захватывает дух. Санитарные учреждения, комиссии по обследованию промышленности, фабричные инспектора снова и снова говорят о необходимости этих 500 кубических футов и невозможности вырвать их у капитала. Таким образом, они фактически заявляют, что чахотка и другие легочные болезни рабочих являются условием существования капитала²⁹⁶⁾.

Как ни жалки в общем статьи фабричного акта относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда²⁹⁷⁾. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики²⁹⁸⁾ с физическим трудом, а следо-

²⁹⁵⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 127.

²⁹⁶⁾ Эмпирически установлено, что средний здоровый индивидуум при каждом вдохе средней интенсивности потребляет около 25 кубических дюймов воздуха и делает около 20 вдохов в минуту. Таким образом потребление воздуха на одного человека должно было бы составлять около 720 000 кубических дюймов, или 416 кубических футов, в сутки. Но известно, что послуживший для дыхания воздух уже непригоден для этого процесса, пока он не очистится в великой мастерской природы. Согласно опытам Велестина и Бруннера, здоровый человек выдыхает, по-видимому, около 1 300 кубических дюймов углекислого газа в час; это равносильно тому, как если бы легкие выбрасывали из себя в сутки до 8 унций твердого угля. «На каждого человека должно приходиться не менее 800 кубических футов» (Huxley [«Lessons in Elementary Physiology». London, 1866, p. 105]).

²⁹⁷⁾ Согласно английскому фабричному акту, родители не могут посылать своих детей до 14 лет в «контролируемые» фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. Фабрикант ответствен за соблюдение закона. «Обучение при фабриках обязательно, оно — условие работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 111).

²⁹⁸⁾ О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. У. Сениора на седьмом годичном конгрессе Национальной ассоциации поощрения общественных наук в «Report of Proceedings etc.». London, 1863, p. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 г., стр. 113, 119, 120, 126 и сл.

вательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя они учатся вдвое меньше, чем школьники, регулярно посещающие школу днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше.

«Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система, при которой труд чередуется с учебой в школе, превращает каждое из этих двух занятий в отдых и освежение после другого, и, следовательно, она более подходяща для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит с своей работы» ²⁹⁹⁾.

Дальнейшие доказательства можно найти в речи Сениора, произнесенной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 году. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и продолжительный школьный день детей в старших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесполезно, но и прямо во вред детям расточает их время, здоровье и энергию» ³⁰⁰⁾. Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей.

Мы видели, что крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к одной частичной операции всего человека, и в то же время капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более чудовищном

²⁹⁹⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 118. Один наивный фабрикант шелка заявляет члену Комиссии по обследованию условий детского труда: «Я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталкивающим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы мои собственные дети имели труд и игры как отдых от школы» («Children's Employment Commission. 5th Report», p. 82, № 36).

³⁰⁰⁾ Сениор в «Report of Proceedings» седьмого годичного конгресса Национальной ассоциации поощрения общественных наук, стр. 66. До какой степени крупная промышленность, достигнув известного уровня развития, переворотом в способе материального производства и в общественных отношениях производства совершает переворот и в головах, ярко показывает сравнение речи Н. У. Сениора в 1863 г. с его филиппикой против фабричного закона 1833 г. или сопоставление взглядов упомянутого конгресса с тем фактом, что в некоторых сельских районах Англии бедным родителям все еще запрещают под угрозой голодной смерти обучать своих детей. Так, например, г-н Снелл сообщает, что если кто-либо в Сомерсетшире по бедности обращается за помощью к приходу, то по установившейся практике его заставляют взять своих детей из школы. Так, г-н Уолластон, священник в Фелтеме, рассказывает о случаях, когда некоторым семьям отказывали решительно во всяком вспомоществовании, «потому что они посылают своих детей в школу».

виде: на собственно фабрике — посредством превращения рабочего в наделенный сознанием придаток частичной машины, во всех других местах — отчасти посредством спорадического применения машин и машинного труда³⁰¹⁾, отчасти посредством введения женского, детского и неквалифицированного труда как новой основы разделения труда. Противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности дает о себе знать насильственным образом. Оно выражается, между прочим, в том ужасном факте, что большая часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к простейшим манипуляциям, целые годы подвергается эксплуатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике. Например, в английских типографиях раньше был в обычае соответствующий системе старой мануфактуры и ремесла переход учеников от сравнительно простых к более содержательным работам. Ученики проходили курс учения, пока не становились обученными печатниками. Умение читать и писать было для всех необходимым условием для занятия ремеслом. Все это изменилось с появлением печатной машины. Она требует двойного рода рабочих: взрослого рабочего, надсмотрщика за машиной, и малолетних, обыкновенно 11—17-летних мальчиков, работа которых состоит исключительно в том, чтобы вкладывать в машину лист бумаги или вынимать из нее отпечатанный лист. Они, особенно в Лондоне, заняты этой утомительной работой в некоторые дни недели по 14, 15, 16 часов без перерыва, а часто 36 часов кряду, имея всего лишь два часа перерыва на еду и сон!³⁰²⁾ Большая часть из них не умеет читать, они, как правило, совершенно одичалые, ненормальные существа.

«Чтобы сделать их способными к работе, совершенно не требуется какого бы то ни было интеллектуального воспитания; у них мало возможности для приобретения искусства и еще меньше — для развития; их заработная плата, хотя и относительно высокая для мальчиков, не повышается по мере того, как они становятся взрослыми, и у подавляющего большинства нет никаких шансов занять более доходное и ответственное положение надсмотрщика за машиной,

³⁰¹⁾ В тех случаях, когда ремесленные машины, приводимые в движение силой человека, прямо или косвенно конкурируют с развитыми машинами, которые как таковые предполагают механическую двигательную силу, происходит крупная перемена в отношении рабочего, приводящего машину в движение. Первоначально паровая машина замещала этого рабочего, теперь он должен замещать паровую машину. Напряжение и расходование его рабочей силы достигает поэтому чудовищных размеров, в особенности для подростков, осуждаемых на это истязание. Так, член комиссии Лондж наблюдал, как в Ковентри и окрестностях применяют 10—15-летних мальчиков для того, чтобы вертеть ленточный станок, а еще более юные дети должны были вертеть станки меньших размеров. «Это чрезвычайно тяжелый труд. Мальчики просто замещают паровую силу» («Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 114, № 6). Там же и на следующих страницах см. об ужасных последствиях «этой системы рабства», как называет ее официальный отчет.

³⁰²⁾ «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 3, № 24.

потому что на каждую машину приходится всего один надсмотрщик и часто 4 подростка»³⁰³⁾.

Когда они становятся слишком взрослыми для своего детского труда, именно достигают самое большое 17 лет, их увольняют из типографии. Они становятся кандидатами в преступники. Некоторые попытки доставить им какие-либо другие занятия развивались о их невежество, грубость, физическую и интеллектуальную отсталость.

То, что сказано относительно мануфактурного разделения труда внутри мастерской, сохраняет свое значение и для разделения труда внутри общества. Пока ремесло и мануфактура образуют всеобщий базис общественного производства, подчинение производителя исключительно одной отрасли производства, разрушение первоначального многообразия его занятий³⁰⁴⁾ являются необходимым моментом развития. На этом базисе каждая отдельная отрасль производства эмпирически находит соответствующий ей технический строй, медленно совершенствует его и, как только достигается известная степень зрелости, быстро кристаллизует его. Время от времени происходят изменения, которые вызываются кроме нового материала труда, доставляемого торговлей, постепенным изменением рабочего инструмента. Но раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена, он перестает изменяться, как это и показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого. Характерно, что вплоть до XVIII века отдельные ремесла назывались *mysteries* (*mystères*) [тайными], в глубину которых мог проникнуть только эмпирически и профессионально посвященный³⁰⁵⁾. Крупная промышленность разорвала завесу, которая скрывала от людей их собственный общественный процесс производства и превращала различные стихийно обособившиеся отрасли производства в загадки одна по отношению к другой и даже для посвященного в каждую отрасль. Принцип крупной промышленности — разлагать всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, на его составные элементы,

³⁰³⁾ Там же, стр. 7, № 60.

³⁰⁴⁾ «В некоторых районах горной Шотландии... многие пастухи овец и бедняки-арендаторы с женами и детьми, согласно статистическим отчетам, ходили в башмаках, которые они сами шили из кожи, выделанной ими самими, в одеждах, до которых не притрагивалась никакая другая рука, кроме их собственной, материал для которых они сами стригли с овец и лен для которых они сами возделывали. При изготовлении одежды едва ли применялись какие-либо купленные предметы, за исключением шила, иглы, наперстка и очень немногих частей железных инструментов, употребляемых при ткачестве. Краски добывались самими женщинами из деревьев, кустарников, трав и т. д.» (*Dugald Stewart. «Works», ed. Hamilton, vol. VIII, p. 327—328*).

³⁰⁵⁾ В знаменитом произведении Этьенна Буало «*Livre des métiers*» предписывается, между прочим, чтобы подмастерье при переводе его в мастера давал присягу «братьям любить своих братьев по ремеслу, поддерживать их, не выдавать добровольно тайн ремесла и даже, в интересах всего цеха, не обращать внимания покупателя на недостатки продуктов других с целью откомендовать свой собственный товар».

создал вполне современную науку технологии. Пестрые, внешние лишенные внутренней связи и окостеневшие виды общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желаемого полезного эффекта, области применения естествознания. Технология открыла также те немногие великие основные формы движения, в которых необходимо совершается вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты, — подобно тому как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют собой постоянное повторение элементарных механических сил. Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен³⁰⁶⁾. Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства³⁰⁷⁾ и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие жестоко проявляется в непрерывном приношении в жертву рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с обществен-

³⁰⁶⁾ «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспредельные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшее, покрывшееся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освещенными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающее вновь оказывается устарелым, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» (Ф. Энгельс и К. Маркс. «Манифест Коммунистической партии». Лондон, 1848, стр. 5 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 427]).

³⁰⁷⁾ «Лишая средств для жизни — жизни всей лишаете» (Шекспир)¹⁵⁰.

ной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия ³⁰⁸⁾, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — «*écoles d'enseignement professionnel*» [«профессиональные школы»], в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих находятся в прямом противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «*Ne sutor ultra crepidam!*» ¹⁶¹ Эта *pes plus ultra* [вершина] ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость

³⁰⁸⁾ Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, что буду способен заниматься всеми ремеслами, которыми действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не годюсь, кроме книгопечатания... Попад в этот мир авантюристов, которые легче меняют свое ремесло, чем вы рубаху, — поверьте! — я действовал, как остальные. Так как занятие рудокопа оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я впоследствии был типографским рабочим, кровельщиком, литейщиком по свинцу и т. д. Вследствие того, что опыт изказал мнe, что я пригоден ко всяким работам, я менее чувствую себя моллюском и более человеком» (A. Corbon. «De l'enseignement professionnel», 2ème éd., p. 50).

с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, рабочий-ювелир Фултон — пароход³⁰⁹⁾.

Пока фабричное законодательство регулирует труд на фабриках, мануфактурах и т. д., это представляется сначала просто вмешательством в эксплуататорские права капитала. Напротив, всякое регулирование так называемой работы на дому³¹⁰⁾ с самого начала выступает как прямое вторжение в *patria potestas*, т. е., выражаясь современным языком, в родительскую власть, — шаг, от которого деликатный английский парламент долгое время отказывался с аффектированным содроганием. Однако сила фактов заставила, наконец, признать, что крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. Необходимо было провозгласить право детей.

«К несчастью», — говорится в заключительном отчете Комиссии по обследованию условий детского труда 1866 г., — «из всех свидетельских показаний явствует, что дети обоего пола ни от кого так не пужаются в защите, как от своих родителей». Система безмерной эксплуатации труда детей вообще и их домашнего труда в особенности «поддерживается тем, что родители без всякого ограничения и контроля пользуются своей произвольной и пагубной властью над своим молодым и нежным потомством... У родителей не должно быть абсолютной власти превращать своих детей в простые машины для добывания такого-то еженедельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо»³¹¹⁾.

Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление. Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической

³⁰⁹⁾ Джон Беллерс, истинный феномен в истории политической экономики, уже в конце XVII века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения нынешней системы воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию и атрофию на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он, между прочим, очень хорошо говорит: «Праздное ученье лишь немногим лучше, чем ученье праздности... Физический труд — первое божественное установление... Труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни, потому что те неприятности, от которых человек спасается праздностью, постигнут его в виде болезни... Труд подливает масло в лампу жизни, а мысль зажигает ее... Пустой детский труд» (это — пророческие возражения Базедовым и их современным подголоскам) «оставляет детский ум пустым» («Proposals for raising a College of Industry of all useful Trades and Husbandry». London. 1696, p. 12, 14, 16, 18).

³¹⁰⁾ Она, впрочем, очень часто совершается в мелких мастерских, как мы видели это на примере кружевной мануфактуры и соломоплетения и что можно было бы обстоятельнее показать в особенности на примере металлических мануфактур в Шеффилде, Бирмингеме и т. д.

³¹¹⁾ «Children's Employment Commission. 5th Report», p. XXV, № 162, «2nd Report», p. XXXVIII, № 285, 289; p. XXV, XXVI, № 191.

системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, одна в связи с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития ³¹²⁾.

Необходимость превратить фабричный закон из закона исключительно для прядильных и ткацких фабрик, этих первообразований машинного производства, в общий закон всего общественного производства вытекает, как мы видели, из хода исторического развития крупной промышленности, на заднем плане которой переживает полную революцию традиционный строй мануфактуры, ремесла и работы на дому: мануфактура постоянно превращается в фабрику, ремесло в мануфактуру, и, наконец, сферы ремесла и работы на дому в поразительно короткое время превращаются в жалкие трущобы, в которых капиталистическая эксплуатация свободно справляет свои чудовищные, бешеные оргии. Два обстоятельства играют, в конце концов, решающую роль: во-первых, постоянно повторяющийся опыт свидетельствует о том, что капитал, подпав под контроль государства только в некоторых пунктах общественной периферии, тем непомернее вознаграждает себя в других пунктах ³¹³⁾; во-вторых, вопль самих капиталистов о равенстве условий конкуренции, т. е. о равных границах для эксплуатации труда ³¹⁴⁾. Выслушаем пару глубоких вздохов на этот счет. Господа У. Куксли (фабриканты гвоздей, цепей и т. д. в Бристоле) добровольно провели в своем предприятии ограничение рабочего дня.

«Так как старая нерегулируемая система продолжает существовать на соседних предприятиях, то гг. Куксли приходится терпеть такую несправедливость, что их рабочих-подростков соблазняют (enticed) в каком-либо другом месте работой после 6 часов вечера. «Это, — заявляют они, как и следовало ожидать, —

³¹²⁾ «Фабричный труд может быть столь же чист и приятен... как домашний труд, а вероятно даже в еще большей мере» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 129).

³¹³⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 27, 32.

³¹⁴⁾ Многочисленные иллюстрации этого в отчетах фабричных инспекторов.

несправедливость по отношению к нам и убыток для нас, потому что таким образом истощается часть силы подростков, прибыль от которой целиком должна принадлежать нам»³¹⁵⁾.

Г-н Дж. Симпсон (фабрикант бумажных мешков и бумажных коробок в Лондоне) заявляет членам Комиссии по обследованию условий детского труда:

«Он готов подписаться под какой угодно петицией в пользу введения фабричных актов. При теперешнем положении он постоянно испытывает беспокойство по ночам (*he always felt restless at night*), после закрытия мастерской, при мысли, что другие заставляют работать дольше и выхватывают у него заказы из-под носа»³¹⁶⁾. «Было бы», — говорит, подводя итог, Комиссия по обследованию условий детского труда, — «несправедливо по отношению к крупным предпринимателям подчинить их фабрики регулированию, в то время как в их собственной отрасли производства мелкие предприятия не подвергаются никакому законодательному ограничению рабочего времени. К несправедливости неравных условий конкуренции, вытекающей из того, что на мелкие мастерские не распространяется ограничение числа рабочих часов, для более крупных фабрикантов присоединяется еще та невыгода, что предложение труда подростков и женщин отклоняется от них к мастерским, избавленным от фабричного закона. Наконец, это послужило бы толчком к увеличению числа мелких мастерских, которые почти сплошь наименее благоприятны в отношении здоровья, удобства, воспитания и общего улучшения в положении народа»³¹⁷⁾.

В своем заключительном отчете Комиссия по обследованию условий детского труда предлагает распространить фабричный акт более чем на 1 400 000 детей, подростков и женщин, из которых почти половина эксплуатируется мелким производством и системной работы на дому³¹⁸⁾.

«Если», — говорит комиссия, — «парламент примет наше предложение в полном объеме, то подобное законодательство окажет, несомненно, самое благотворное влияние не только на малолетних и слабых, которых оно касается в первую очередь, но и на еще большую массу взрослых рабочих, которые прямо» (женщины) «или косвенно» (мужчины) «окажутся в сфере его действия. Оно принудило бы их к регулируемому и сокращенному рабочему времени; оно стало бы сберегать и накапливать тот запас физической силы, от которого в столь большой степени зависит их собственное благосостояние и благосостояние страны;

³¹⁵⁾ «Children's Employment Commission. 5th Report», p. X, № 35.

³¹⁶⁾ Там же, стр. IX, № 28.

³¹⁷⁾ Там же, стр. XXV, № 165—167. О преимуществах крупного производства по сравнению с карликовым ср. «Children's Employment Commission. 3rd Report», p. 13, № 144; p. 25, № 121; p. 26, № 125; p. 27, № 140 и т. д.

³¹⁸⁾ Отрасли промышленности, на которые должно было быть распространено действие фабричных законов, таковы: кружевная мануфактура, чулочная вязальное производство, соломоплетение, мануфактура разнообразных принадлежностей одежды, производство искусственных цветов, производство обуви, шляп и перчаток, портняжное дело, все металлические фабрики — от доменных печей и до фабрик иголок и т. д., бумажные фабрики, стекольные мануфактуры, табачные мануфактуры, резиновое производство, производство берд (для ткачества), ручное ткание ковров, зонтичная мануфактура, производство веревок и шнуров, книгопечатание, переплетное дело, торговля письменными принадлежностями (stationery, причем сюда относится также приготовление бумажных коробок, карт, красок для бумаги и т. д.), канатное производство, мануфактура агатовых украшений, кирпичные заводы, шелковые мануфактуры с ручным трудом, производство шелковых лент, солеваренные, свечные и цементные заводы, сахаро-рафинадное производство, производство бисквитов, различные деревообделочные и другие смешанные работы.

оно защитило бы подрастающее поколение от чрезмерного напряжения в раннем возрасте, которое расшатывает организм и приводит к преждевременной дряхлости: оно, наконец, дало бы детям, по крайней мере до 13 лет, возможность получить начальное обучение и таким образом положило бы конец невероятному невежеству, которое так верно изображено в отчетах комиссии и на которое можно смотреть лишь с мучительной болью и глубоким чувством национального унижения»³¹⁹⁾

Министерство тори в тронной речи 5 февраля 1867 г. возвестило, что оно выработало «билли» на основе предложений комиссии по обследованию промышленности^{319а)}. Для этого ему потребовался новый двадцатилетний *experimentum in corpore vili* [эксперимент на ничем не стоящем живом теле]. Уже в 1840 г. была назначена парламентская комиссия для обследования условий детского труда. Ее отчет 1842 г., по словам Н. У. Сениора, развернул

«такую ужаснейшую картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, деградации и разрушения организма детей и подростков, какую едва ли когда-либо выдвигал мир... Можно было бы подумать, что отчет описывает ужасы прошлого времени. Но, к сожалению, перед нами сообщение о том, что эти ужасы продолжают с такой же интенсивностью, как и когда-либо раньше. Одна брошюра, два года тому назад изданная Хардуиком, заявляет, что печальные злоупотребления 1842 г. остаются в полной силе и в настоящее время» (1863 г.)... «Этот отчет» (1842 г.) «пролежал без внимания двадцать лет, в течение которых детям, выросшим без малейшего представления как о том, что мы называем моралью, так и о школьном образовании, религии, естественной семейной любви, — этим детям позволили стать родителями нынешнего поколения»³²⁰⁾.

Между тем общественное положение изменилось. Парламент не отважился отвергнуть требования комиссии 1863 г. так, как он в свое время отверг требования комиссии 1842 года. Поэтому уже в 1864 г., когда комиссия обнародовала лишь часть своих отчетов, промышленность изделий из глины (включая и гончарную), производство обоев, спичек, патронов и пистонов, равно как подстригание бархата, были подчинены законам, действовавшим в текстильной промышленности. В тронной речи 5 февраля 1867 г. тогдашний кабинет тори возвестил новые билли, основанные на заключительных предложениях комиссии, которая в 1866 г. закончила свою работу.

15 августа 1867 г. закон о расширении сферы действия фабричных актов, а 21 августа того же года закон о труде детей,

³¹⁹⁾ «Children's Employment Commission. 5th Report», p. XXV, № 169.

^{319а)} Закон о расширении сферы действия фабричных актов прошел 12 августа 1867 года. Он регулирует все металлургические, кузнечные и металлообрабатывающие заводы, включая машиностроительные заводы, далее стекольные, бумажные, гуттаперчевые, научковые, табачные мануфактуры, книгопечатни, переплетные, наконец, все мастерские, в которых занято более 50 человек. — Закон о регулировании рабочего времени, прошедший 17 августа 1867 г., распространяется на более мелкие мастерские и так называемую работу на дому.

К этим законам, к повому закону о рудниках и копях 1872 г. и т. д. я вернулся во II томе.

³²⁰⁾ Senior. «Social Science Congress», p. 55—58.

подростков и женщин в мастерских получили королевское утверждение; первый закон распространяется на крупные, последний — на мелкие предприятия.

Закон о расширении сферы действия фабричных актов подчиняет фабричному акту доменные печи, железоделательные и медеплавильные заводы, литейные заводы, машиностроительные заводы, металлические мастерские, фабрики гуттаперчи, бумаги, стекла, табака, печатные и переплетные мастерские и вообще все промышленные мастерские этого рода, если в них 50 или более человек одновременно заняты не менее 100 дней в году.

Чтобы дать некоторое представление о сфере действия закона о труде детей, подростков и женщин в мастерских, приведем некоторые из содержащихся в нем положений:

«Ремесло должно означать» (в этом законе): «всякий ручной труд, который осуществляется как профессия или промысел для изготовления, изменения, украшения, починки или окончательной отделки какого-либо предмета или части предмета, предназначенного на продажу.

Мастерская должна означать: всякую комнату или место, крытое или под открытым небом, в которых каким-либо «ремеслом» занят ребенок, подросток или женщина и по отношению к которым лицо, дающее занятие такому ребенку, подростку или женщине, имеет право входа и контроля.

Занятый должно означать: работающий в каком-либо «ремесле» за плату или без платы, под началом мастера или одного из родителей, как подробнее определено ниже.

Родители — это отец, мать, опекун или другое лицо, которое осуществляет опеку или наблюдение над каким-либо... ребенком или подростком» *.

Статья 7, статья относительно наказаний за использование на работе детей, подростков и женщин в нарушение положений этого закона, налагает денежные штрафы не только на владельца мастерской, будет ли то один из родителей или нет, но и

«на родителей и других лиц, под опекой которых находится ребенок, подросток или женщина или которые извлекают примую выгоду из их труда».

Закон о расширении сферы действия фабричных актов, распространяющийся на крупные предприятия, уступает основному фабричному акту вследствие множества жалких исключений и трусливых компромиссов с капиталистами.

Закон о труде детей, подростков и женщин в мастерских, жалкий во всех своих деталях, остался мертвой буквой в руках городских и местных властей, на которые было возложено его проведение. Когда же в 1871 г. парламент освободил их от этого полномочия и передал его фабричным инспекторам, сфера контроля которых сразу увеличилась поэтому более чем на 100 000 мастерских и на 300 одних только кирпичных заводов, то персонал инспекторов был великодушно увеличен всего лишь на

* An Act for regulating the Hours of Labour for Children, Young Persons, and Women employed in Workshops. *Ред.*

восемь помощников, хотя и до того он был слишком малочислен³²¹⁾.

Таким образом, в этом английском законодательстве 1867 г. бросается в глаза, с одной стороны, вынужденная у парламента господствующих классов необходимость принять в принципе столь чрезвычайные и широкие меры против крайностей капиталистической эксплуатации, а с другой стороны, половинчатость, неохота и *mala fides* [недобросовестность], с которыми парламент потом осуществлял их на практике.

Следственная комиссия 1862 г. предложила также новое регулирование условий труда в горной промышленности, — промышленности, которая от всех остальных отличается тем, что в ней интересы землевладельцев и промышленных капиталистов идут рука об руку. Противоположность интересов тех и других благоприятствовала фабричному законодательству; отсутствия этой противоположности достаточно для того, чтобы объяснить оттяжки и ухищрения в области горнопромышленного законодательства.

Следственная комиссия 1840 г. сделала такие ужасные и возмущающие разоблачения и вызвала такой скандал перед лицом всей Европы, что парламент должен был успокоить свою совесть законом о рудниках и копях 1842 г., который ограничился тем, что женщинам и детям до 10 лет воспретил подземную работу.

Затем в 1860 г. явился закон о горной инспекции, согласно которому шахты подчиняются инспекции специально назначенных для того государственных чиновников и воспрещается принимать на работу мальчиков 10—12 лет, если у них нет школьного свидетельства или если они не будут посещать школу в течение известного числа часов. Этот акт остался совершенно мертвой буквой вследствие курьезно ничтожного числа назначенных инспекторов, мизерности их полномочий и других причин, которые будут подробнее выяснены в дальнейшем ходе изложения.

Одной из новейших Синих книг¹⁶²⁾ о горной промышленности является «Report from the Select Committee on Mines, together with... Evidence, 23 July 1866». Это работа комитета, составленного из членов палаты общин и уполномоченного приглашать и заслушивать свидетелей; толстый том *in folio*, в котором сам «Report» [«Отчет»] занимает всего пять строк такого содержания: комитет ничего не может сказать, необходимо допросить еще больше свидетелей!

³²¹⁾ Персонал фабричной инспекции состоял из 2 инспекторов, 2 помощников и 41 субинспектора. Новые 8 субинспекторов были назначены в 1871 году. Общая сумма расходов на осуществление фабричных законов в Англии, Шотландии и Ирландии составляла в 1871—1872 гг. всего лишь 25 347 ф. ст., включая сюда и судебные издержки на процессы против нарушений закона.

Способ опроса свидетелей напоминает перекрестный допрос в английских судах, где адвокат бесстыдными, спутывающими, задаваемыми вкривь и вкось вопросами старается сбить свидетеля с толку и извратить его слова. Здесь же адвокаты — сами члены парламентской следственной комиссии, в том числе собственники и эксплуататоры рудников; свидетели — горнорабочие, по большей части из каменноугольных копей. Весь фарс настолько характерен для духа капитала, что невозможно не привести здесь несколько выдержек. Для удобства обзора я распределяю результаты обследования и т. п. по рубрикам. Напомню, что вопросы и обязательные ответы в английских Синих книгах перенумерованы и что свидетели, показания которых здесь цитируются, — рабочие каменноугольных копей.

1) Работа в коях мальчиков начиная с 10-летнего возраста. Работа, включая дорогу на копи и обратно, обыкновенно продолжается 14—15 часов, в исключительных случаях дольше, с 3, 4, 5 часов утра до 4—5 вечера (№№ 6, 452, 83). Взрослые рабочие работают в две смены, по 8 часов, но для малолетних, чтобы сократить издержки, нет никаких таких смен (№№ 80, 203, 204). Дети помоложе используются преимущественно для открывания и закрывания вентиляционных дверей в разных отделениях копи, дети постарше — для более тяжелых работ, перевозки угля и т. д. (№№ 122, 739, 740). Продолжительный рабочий день на подземных работах существует для рабочих до 18—22-летнего возраста, когда совершается переход к собственно углекопной работе (№ 161). Детей и подростков теперь более жестоко истязают работой, чем в какой-либо из прежних периодов (№№ 1663—1667). Углекопы почти единогласно требуют парламентского акта, который воспретил бы труд в шахтах для не достигших 14-летнего возраста. И вот здесь Хасси Вивиан (сам эксплуататор угольной копи) задает вопрос:

«Не зависит ли это требование от большей или меньшей бедности родителей?» — И потом мистер Брюс: «Не жестоко ли было бы, в случае, когда отец умер или искалечен и т. д., отнимать у семьи этот источник дохода? А ведь надо предполагать, что воспрещение будет иметь общий характер... Желаете ли вы воспретить подземные работы для детей до 14-летнего возраста во всех случаях?» Ответ: «Во всех случаях» (№№ 107—110). Вивиан: «Если работа до 14 лет будет воспрещена в шахтах, не станут ли родители посылать детей на фабрики и т. д.? — Как общее правило, нет» (№ 174). Рабочий: «Открывание и закрывание дверей кажется легким. Но это очень мучительная работа. Не говоря уже о постоянном сквозняке, ребенок посажен, точно в тюрьму, в какой-то темный карцер». Буржуа Вивиан: «Не может ли ребенок, сидя у дверей, читать, если у него будет свечка? — Во-первых, ему пришлось бы купить свечку. Да кроме того ему и не позволяли бы этого. Его поставили затем, чтобы следить за своим делом, он должен исполнять свои обязанности. Я никогда не видал, чтобы какой-нибудь мальчик читал в копи» (№№ 139, 141, 143, 158, 160).

2) Воспитание. Горнорабочие требуют закона об обязательном обучении детей, как это установлено на фабриках. Они заявляют,

что статья акта 1860 г., которая школьное свидетельство делает необходимым условием для приема на работу мальчиков 10—12 лет, чисто иллюзорна. Допрос «с пристрастием», проводимый капиталистическими следователями, становится здесь поистине курьезным.

«Против кого более необходим акт — против предпринимателей или против родителей? — Против тех и других» (№ 115). «Более против одних, чем против других? — Что мне ответить на это?» (№ 116). «Обнаруживают ли предприниматели какое-либо стремление сообразовать часы труда с посещением школы? — Никогда» (№ 137). «Не восполняют ли потом горнорабочие свое воспитание? — В общем они становятся хуже; они приобретают плохие привычки; они предаются пьянству, игре и т. п. и совсем опускаются» (№ 211). «Почему не посылают детей в вечерние школы? — В большинстве каменноугольных округов таких вовсе нет. А главное, — дети настолько изнурены чрезмерным продолжительным трудом, что глаза у них смыкаются от усталости» (№ 454). «Следовательно», — заключает буржуа, — «вы против образования? — Вовсе нет, но» и т. д. «Не облизывает ли акт 1860 г. шахтовладельцев и т. д. требовать школьные свидетельства, если они нанимают детей в возрасте от 10 до 12 лет? — Закон — да, но предприниматели этого не делают». «Вы полагаете, что эта статья закона не всегда выполняется? — Она вовсе не выполняется» (№№ 443, 444). «Сильно ли горнорабочие интересуются вопросом о воспитании? — Огромное большинство» (№ 717). «Озабочены ли они проведением этого закона? — Огромное большинство» (№ 718). «Почему же они не настаивают на его проведении? — Иной рабочий хотел бы мальчиков без школьного свидетельства не допускать до работы, но он будет за это взят на заметку (a marked man)» (№ 720). «Кем взят на заметку? — Его предпринимателем» (№ 721). «Но вы же не думаете, что предприниматели будут преследовать человека за подчинение закону? — Я думаю, они поступили бы так» (№ 722). «Почему рабочие не отказываются применять труд таких мальчиков? — Это не предоставлено их выбору» (№ 123). «Вы требуете вмешательства парламента? — Чтобы достигнуть чего-либо действительного для воспитания детей горнорабочих, это необходимо провести принудительно, парламентским актом» (№ 1634). «Должен ли он распространяться на детей всех рабочих Великобритании или только на горнорабочих? — Я пришел сюда, чтобы говорить от имени горнорабочих» (№ 1636). «Чем дети горнорабочих отличаются от других? — Тем, что они — исключение из общего правила» (№ 1638). «В каком отношении? — В физическом» (№ 1639). «Почему бы воспитание могло представлять для них большую ценность, чем для мальчиков других классов? — Я не говорю, что оно для них ценнее, но вследствие чрезмерной работы в копях у них меньше возможности получать воспитание в дневных и воскресных школах» (№ 1640). «Не правда ли, ведь такие вопросы нельзя трактовать абсолютно?» (№ 1644). «Достаточно ли школ в округах? — Нет» (№ 1646). «Если бы государство потребовало, чтобы всех детей посылали в школу, откуда же взять школы для всех детей? — Я думаю, что, если обстоятельства потребуют этого, школы уж найдутся» (№ 1647). «Огромное большинство не только детей, но и взрослых рудокопов не умеет ни писать, ни читать» (№№ 705, 726).

3) Труд женщин. Хотя с 1842 г. работницы уже не допускаются к подземным работам, но они работают на поверхности при нагрузке угля и т. д., переноске ведер с углем к каналам и железнодорожным вагонам, сортировке угля и т. д. Применение женского труда сильно увеличилось за последние 3—4 года (№ 1727). Работницы — по большей части жены, дочери и вдовы горнорабочих, от 12 до 50 и 60-летнего возраста (№№ 647, 1779, 1781).

«Что думают горнорабочие о женском труде при рудниках? — Все они против него» (№ 648). «Почему? — Они считают его унизительным для женского пола» (№ 649). «Женщины носят нечто вроде мужской одежды. Во многих случаях этим заглушается всякое чувство стыда. Некоторые женщины курят. Работа так же грязна, как и в самих конях. Среди них много замужних женщин, которые не могут исполнять своих домашних обязанностей» (№№ 650—654, 701). «Могли ли бы вдовы найти какое-либо другое занятие, дающее такой же доход (8—10 шилл. в неделю)? — Я ничего не могу сказать на этот счет» (№№ 709, 708). «И, однако, вы решаетесь» (каменное сердце!) «отнять у них этот источник существования? — Вне всяких сомнений» (№ 710). «Откуда такое настроение? — Мы, горнорабочие, слишком уважаем прекрасный пол для того, чтобы видеть, как он осужден на работу в угольных конях... Эта работа по большей части очень тяжелая. Многие из этих девушек поднимают до 10 тонн в день» (№№ 1715, 1717). «Не думаете ли вы, что работницы, занятые в конях, безразвестнее занятых на фабриках? — Процент испорченных больше, чем среди фабричных девушек» (№ 1732). «Но вы ведь недовольны и уровнем нравственности на фабриках? — Нет» (№ 1733). «Не хотите ли вы запрещения женского труда и на фабриках? — Нет, я не хочу этого» (№ 1734). «Почему так? — Он более приличен и подходящ для женского пола» (№ 1735). «Однако он вреден для их нравственности, не так ли? — Нет, далеко не в такой мере, как на конях. Впрочем, я высказываюсь так не только по моральным, но также по физическим и социальным соображениям. Социальная деградация девушек ужасная, крайняя. Когда эти девушки становятся женами горнорабочих, мужья глубоко страдают от этой деградации, она их гонит из дома и к пьянству» (№ 1736). «Но не следует ли то же самое сказать о женщинах, занятых на железоделательных заводах? — Я не могу говорить о других отраслях производства» (№ 1737). «Но какая же разница между женщинами, работающими на железоделательных заводах и в конях? — Я не занимался этим вопросом» (№ 1740). «Не можете ли вы установить какую-нибудь разницу между этими двумя категориями? — С полной уверенностью я ничего не могу сказать на этот счет, но, переходя из дома в дом, познакомился с позорным положением вещей в нашем округе» (№ 1741). «Нет ли у вас большого желания отменить женский труд повсюду, где он ведет к деградации? — Да... свои лучшие чувства дети приобретают только от материнского воспитания» (№ 1750). «Но это относится ведь и к работе женщин в земледелии? — Она продолжается только два времени года, а у нас они работают все четыре времени года, часто днем и ночью, промокшие до костей, их организм ослабляется, их здоровье надламывается» (№ 1753). «Вы не занимались общим изучением этого вопроса (о женском труде)? — Я наблюдал вокруг себя и могу только сказать, что нигде не нашел чего-либо подобного работе женщин на угольных конях. Это — мужской труд, притом труд для сильных мужчин». «Лучшие из горнорабочих, которые хотят поднять свой уровень и стать людьми, в своих женах не находят себе никакой опоры, а напротив, из-за них опускаются».

После того как буржуа еще спрашивали вкрявь и вкось, обнаружилась, наконец, тайна их «сострадания» к вдовам, бедным семьям и т. д.

«Собственник копей главный надзор поручает известным джентльменам; последние, чтобы снискать одобрение, все стараются поставить на возможно более экономную ногу, и работницы-девушки получают от 1 шилл. до 1 шилл. 6 пенсов в день за такую работу, за которую мужчине пришлось бы платить 2 шилл. 6 пенсов» (№ 1816).

4) Присяжные по осмотру трупов.

«Что касается coroner's inquests [расследований присяжных по осмотру трупов] в ваших округах, то довольны ли рабочие судебной практикой, когда

происходят несчастные случаи? — Нет, они недовольны» (№ 360). «Почему нет? — В особенности потому, что присяжными назначают людей, которые абсолютно ничего не понимают в копиях. Рабочих никогда не привлекают, кроме как в качестве свидетелей. В общем приглашают соседних лавочников, которые находятся под влиянием их покупателей, владельцев копей, и не понимают даже технических выражений свидетелей. Мы требуем, чтобы часть присяжных состояла из горнорабочих. Обыкновенно приговоры противоречат показаниям свидетелей» (№№ 361, 364, 366, 371, 375). «Не должны ли присяжные быть беспристрастными? — Да». «А будут ли таковыми рабочие? — Я не вижу оснований, почему бы им не быть беспристрастными. У них есть знание дела». «Но не будут ли они склонны выносить несправедливо суровые приговоры в интересах рабочих? — Нет, я не думаю этого».

5) Неправильная мера, вес и т. д. Рабочие требуют еженедельной оплаты вместо двухнедельной, измерения по весу, а не по емкости ведер, защиты против употребления неправильных весов и т. д. (№ 1071).

«Если ведра обманчивым образом увеличивают, то ведь рабочий, предупредив за 14 дней, может оставить шахту? — Но если он поступит на другое место, он и там встретит то же самое» (№ 1071). «Но все же он может оставить место, где совершается несправедливость? — Везде то же самое» (№ 1072). «Но рабочий во всякое время может оставить свое место, предупредив за 14 дней? — Да». Конечно дело!

6) Горная инспекция. Рабочие страдают не только от несчастных случаев при взрыве газов.

«Нам не менее приходится жаловаться на плохую вентиляцию угольных копей, вследствие чего рабочие едва могут дышать в них: в результате этого они утрачивают способность ко всякого рода работе. Так, например, как раз в настоящее время в той части копей, где я работаю, отвратительный воздух на недели свалил многих рабочих в постель. В главных проходах воздуха в общем достаточно, но недостаточно как раз в местах, где мы работаем. Если рабочий выскажет инспектору жалобу на вентиляцию, его уволят, и он станет человеком, «взятым на заметку», который и ни в каком другом месте не найдет работы. Закон о горной инспекции 1860 г. — просто клочок бумаги. Инспектора — а их слишком мало — делают официальное посещение, быть может, один раз в семь лет. Наш инспектор, — совершенно нетрудоспособный семидесятилетний старик, за которым закреплено более 130 каменноугольных копей. Кроме большого количества инспекторов нам требуются субинспектора» (№ 234 и сл.). «В таком случае правительство должно содержать такую армию инспекторов, чтобы они могли сами, без информации со стороны рабочих, делать все, что вам требуется? — Это невозможно, для получения информации они должны являться на самые копия» (№№ 280, 277). «Не думаете ли вы, что следствием было бы то, что ответственность (!) за вентиляцию и т. д. с владельцев копей была бы свалена на правительственных чиновников? — Отнюдь нет; их дело должно заключаться в том, чтобы принудить к соблюдению уже существующих законов» (№ 285). «Говоря о субинспекторах, не имеете ли вы в виду людей с меньшим окладом и низшей категории по сравнению с теперешними инспекторами? — Я вовсе не за понижение, если вы дадите лучших» (№ 294). «Хотите ли вы большего числа инспекторов или людей низшего класса, чем инспектора? — Нам нужны люди, которые сами толкались бы в копиях, которые не дрожали бы за свою шкуру» (№ 295). «Если бы ваше желание иметь инспекторов низшей категории исполнилось, то не породит ли опасности недостаток умения у них и т. д.? — Нет, дело правительства назначить подходящих людей».

Такой способ допроса показался, наконец, и самому председателю следственной комиссии слишком нелепым.

«Вы хотите», — вмешивается он, — «людей-практиков, которые осматривали бы самые копи и доносили инспектору, который тогда может использовать свои более обширные знания» (№№ 298, 299). «Не потребует ли вентиляция всех этих старых копей больших издержек? — Да, издержки, вероятно, возрастут, но жизнь людей будет защищена» (№ 531).

Один углекоп протестует против статьи 17 акта 1860 года:

«В настоящее время, если горный инспектор находит какую-либо часть копи в непригодном для работы состоянии, он должен сообщать об этом владельцу копи и министру внутренних дел. После этого владельцу копи дается 20 дней на размышление; по истечении этих 20 дней он может отказаться от каких бы то ни было изменений. Если он именно так и делает, он должен написать министру внутренних дел и предложить ему 5 горных инженеров, из числа которых министр должен назначить третейских судей. Мы утверждаем, что в этом случае владелец копей фактически назначает судей в своем собственном деле» (№ 581).

Буржуа, производящий допрос, сам владелец копей:

«Это — чисто умозрительное возражение» (№ 586). «Следовательно, вы очень невысокого мнения о честности горных инженеров? — Я говорю, что это очень неправильно и несправедливо» (№ 588). «Не является ли положение горных инженеров в некотором роде общественным и не думаете ли вы, что они выше того, чтобы принимать пристрастные решения, которых вы опасаетесь? — Я отказываюсь отвечать на вопросы о личном характере этих людей. Я убежден, что во многих случаях они действуют очень пристрастно и что следует лишить их такой власти, где на карту ставится человеческая жизнь».

У того же буржуа хватает бесстыдства спросить:

«Не думаете ли вы, что и владельцы копей терпят убытки от взрывов?»

Наконец:

«Не можете ли вы, рабочие, сами защитить свои интересы, не прибегая к помощи правительства? — Нет» (№ 1042).

В 1865 г. в Великобритании было 3 217 каменноугольных копей и 12 инспекторов. Один владелец копей в Йоркшире («Times», 26 января 1867 г.) сам высчитал, что инспектора, даже отвлекаясь от их чисто конторских обязанностей, которые поглощают все их время, могли бы посетить каждую копь только один раз в 10 лет. Неудивительно, что в последние годы (особенно в 1866 и 1867) число и размеры катастроф все увеличивались (иногда количество жертв выражается в цифре 200—300 рабочих). Таковы прелести «свободного» капиталистического производства.

Во всяком случае акт 1872 г., какими бы недостатками он ни обладал, является первым, который регулирует продолжительность труда детей, занятых в копиях, и до известной степени возлагает ответственность за так называемые несчастные случаи на эксплуататоров и владельцев копей.

Королевская комиссия 1867 г. для обследования условий труда детей, подростков и женщин в земледелии опубликовала несколько очень важных отчетов. Сделано было несколько попыток применить к земледелию принципы фабричного законодательства хотя бы и в модифицированной форме, но все они до сих пор оканчивались полной неудачей. Но одно должен я отметить здесь: существование непреодолимой тенденции к всеобщему применению этих принципов.

Если, с одной стороны, всеобщее распространение фабричного законодательства, как средства физической и духовной защиты рабочего класса, сделалось неизбежным, то, с другой стороны, как уже указано выше, оно делает всеобщим и ускоряет превращение раздробленных процессов труда, ведущихся в карликовом масштабе, в комбинированные процессы труда в крупном, общественном масштабе, т. е. ускоряет и делает всеобщими концентрацию капитала и единовластие фабричного режима. Оно разрушает все старинные и переходные формы, за которыми еще отчасти скрывается господство капитала, и заменяет их прямым, неприкрытым господством капитала. Тем самым оно придает всеобщий характер и прямой борьбе против этого господства. Принуждая отдельные мастерские к единообразию, регулярности, порядку и экономии, оно благодаря тому мощному толчку, который получает техника в результате ограничения и регулирования рабочего дня, увеличивает анархию и катастрофы капиталистического производства, взятого в целом, увеличивает интенсивность труда и конкуренцию машины с рабочим. Вместе со сферами мелкого производства и работы на дому оно уничтожает последние убежища «избыточных» рабочих и, следовательно, существовавший до того времени предохранительный клапан всего общественного механизма. Вместе с материальными условиями и общественной комбинацией процесса производства оно приводит к созреванию противоречий и антагонизмов его капиталистической формы, а следовательно, в то же время и элементов для образования нового и моментов переворота старого общества ³²²⁾.

³²²⁾ Роберт Оуэн, отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок, который, однако, как отмечено выше, вовсе не разделял иллюзий своих последователей насчет значения этих изолированных элементов преобразования, не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции. Г-н Виссеринг, профессор политической экономии в Лейденском университете, кажется предчувствует нечто подобное и в своей работе «Handboek van Praktische Staatshuishoudkunde», 1860—1862, которая преподносит в самой подходящей форме все пошлости вульгарной политической экономии, рьяно выступает за ремесленное производство против крупной промышленности.

[К 4 изданию. «Новые юридические хитросплетения» (стр. 264) [стр. 279 настоящего тома], созданные английским законодательством посредством взаимно противоречащих фабричных актов, закона о расширении сферы действия фабричных актов и закона о труде детей, подростков и женщин в мастерских, сделались, наконец, невыносимыми, и потому в акте о труде на фабриках и в мастерских 1878 г. осуществлена кодификация всего законодательства в этой области. Конечно, здесь невозможно дать подробную кри-

10. КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Революция, которую крупная промышленность вызывает в земледелии и в общественных отношениях агентов земледельческого производства, может быть освещена лишь впоследствии. Здесь будет достаточно, предвзяв дальнейшее изложение, указать на некоторые ее результаты. Если употребление машин в земледелии по большей части свободно от вредных физических последствий, которые оно приносит фабричному рабочему ³²³⁾, то зато оно, как позже мы покажем это подробнее, действует здесь еще интенсивнее в направлении превращения рабочих в «избыточных» и не встречает при этом какого-либо сопротивления. В графствах Кембридж и Суффолк, например, площадь обрабатываемой земли за последние двадцать лет сильно увеличилась, между тем как сельское население за тот же период уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. В Соединенных Штатах Северной Америки сельскохозяйственные машины замещают рабочих пока только потенциальных, т. е. они дают производителю возможность обрабатывать большую площадь, но не прогоняют фактически занятых рабочих. В Англии и Уэльсе число лиц, принимающих участие в производстве сельскохозяйственных машин, составляло в 1861 г. 1 034, между тем как число сельско-

тику этого и до сих пор остающегося в силе промышленного кодекса Англии. Ограничимся следующими замечаниями. Акт распространяется: 1) На текстильные фабрики. Здесь в общем остается все по-старому: разрешенное рабочее время для детей старше 10 лет составляет 5½ часов в день или же по 6 часов, но в таком случае суббота свободна; для подростков и женщин — пять дней по 10 часов, в субботу самое большее 6½ часов. — 2) На нетекстильные фабрики. Положения о них теперь более приближены к положениям, отмеченным под № 1, чем то было раньше, но все еще сохраняются некоторые благоприятные для капиталистов исключения, которые в известных случаях могут быть еще более расширены по специальному разрешению министра внутренних дел. — 3) На мастерские, определяемые приблизительно так же, как в прежнем акте; поскольку в них работают дети, подростки или женщины, мастерские почти приравнены к нетекстильным фабрикам, однако опять-таки с послаблениями в деталях. — 4) На мастерские, в которых нет детей и подростков, а работают лишь лица обоего пола старше 18-летнего возраста; для этой категории установлены дальнейшие послабления. — 5) На домашние мастерские, в которых работают только члены семьи в собственной квартире; здесь действуют еще более эластичные правила и кроме того такое ограничение, что инспектор без особого министерского или судебного разрешения может посещать лишь те помещения, которые не служат одновременно и жилыми помещениями; наконец, сохраняется полная свобода в содомоплетении, вязании кружев, перчаточном производстве в семье. При всех своих недостатках этот акт наряду с швейцарским федеральным фабричным законом 23 марта 1877 г. все еще остается лучшим законом в этой области. Сравнение его с только что упомянутым швейцарским федеральным законом представляет особый интерес потому, что делает весьма наглядным преимущества и недостатки двух законодательных методов — английского, «исторического», выходящего от случая к случаю, и континентального, построенного на традициях французской революции, более обобщающего метода. К сожалению, английский кодекс в его применении к мастерским по большей части все еще остается мертвой буквой вследствие недостаточного персонала инспекторов. Ф. 5.)

³²³⁾ Подробное описание машин, применяемых в английском земледелии, дается в работе: Dr. W. Hamm. «Die Landwirtschaftlichen Geräthe und Maschinen Englands», 2. Aufl., 1856. В своем очерке развития английского земледелия г-н Гамм слишком некритически следует за г-ном Леонсом де Лавернем. (К 4 изданию. Конечно, эта работа теперь устарела. Ф. 3.)

хозяйственных рабочих, занятых при паровых и рабочих машинах, составляло всего лишь 1 205.

В сфере земледелия крупная промышленность действует с наибольшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества, «крестьянина», и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и социальные противоположности становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального производства приходит сознательное технологическое применение науки. Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который соединял друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе их противоположно развившихся форм. Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накапливает тем самым, с одной стороны, историческую силу движения общества вперед, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских рабочих³²⁴). Но, разрушая чисто стихийно сложившиеся условия этого обмена веществ, капиталистическое производство в то же время вынуждает восстанавливать его систематически в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей полному развитию человека. В земледелии, как и в мануфактуре, капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время источником мучений для производителей, средство труда — средством порабощения, эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности. Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает силу их сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы

³²⁴) «Вы разделяете народ на два враждебных лагеря: грубую деревенщину и изнеженных карликов. Небесный боже! Нация, разделяющаяся по различию земледельческих и торговых интересов, считает себя здоровой и даже называет себя просвещенной и цивилизованной не вопреки этому чудовищному и неестественному разделению, а как раз в силу его» (*David Urquhart*, цит. соч., стр. 119). Это место обнаруживает одновременно силу и слабость такой критики, которая умеет обсуждать и осуждать современность, но не умеет понять ее.

труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия. Чем более известная страна, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки, исходит от крупной промышленности как базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения³²⁵⁾. Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего.

³²⁵⁾ Ср. *Liebig*. «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie». 7. Aufl., 1862, в особенности «Введение в естественные законы земледелия» в первом томе. Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет собой одну из бессмертных заслуг Либиха. Его экскурсы в историю земледелия, хотя и не свободные от грубых ошибок, тоже проливают свет на некоторые вопросы. Можно только пожалеть, что он отваживается наобум высказывать такие мнения, как следующее: «Распыление и частое вспахивание усиливают обмен воздуха внутри пористых частиц земли, увеличивают и обновляют ту их поверхность, на которую должен воздействовать воздух; но легко понять, что увеличение урожая не может быть пропорциональным труду, затраченному на поле, что, напротив, урожай возрастает в много меньшей пропорции». «Этот закон», — добавляет Либих, — «впервые следующим образом выражен Дж. Ст. Миллем в его «Principles of Political Economy», v. I, p. 17: «Что продукт земли *ceteris paribus* [при прочих равных условиях] возрастает в убывающей пропорции по сравнению с увеличением числа занятых рабочих» (г-н Милль даже общеизвестный закон школы Рикардо повторяет здесь в неверной формулировке, так как «the decrease of the labourers employed» [«уменьшение числа занятых рабочих»] постоянно сопровождало в Англии прогресс земледелия, и потому закон, изобретенный для Англии и в Англии, оказался бы совершенно неприменимым, по меньшей мере, в Англии), — «это — универсальный закон земледелия». Это достойно удивления, так как для Милля оставалась неизвестной причина, лежащая в основе этого закона» (*Liebig*, цит. соч., том I, стр. 143, примечание). Не говоря уже о неправильном толковании слова «труд», под которым Либих разумеет нечто иное, чем политическая экономия, во всяком случае «достойно удивления», что он делает Дж. Ст. Милля первым провозвестником теории, которую Джеймс Андерсон впервые обнаружил в эпоху А. Смита и потом повторял в различных работах до начала XIX века, которую в 1815 г. присвоил себе Мальтус, вообще мастер на плагиаты (вся его теория народонаселения представляет собой бессовестный плагиат), которую Уэст тогда же развил независимо от Андерсона, которую Рикардо в 1817 г. связал с общей теорией стоимости, которая с того времени под именем Рикардо обошла весь свет, которая в 1820 г. была вульгаризована Джеймсом Миллем (отцом Дж. Ст. Милля) и которая, наконец, была повторена между прочим и г-ном Дж. Ст. Миллем как забитая школьная догма. Бесспорно, что Дж. Ст. Милль почти целиком обязан своим, во всяком случае «достойным удивления», авторитетом только подобным *qui pro quo*.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ПРОИЗВОДСТВО АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Выше (см. пятую главу) процесс труда рассматривался абстрактно, независимо от его исторических форм, как процесс между человеком и природой. Мы говорили там: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата — продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд — как производительный труд». В примечании 7 было добавлено: «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства». Это и подлежит здесь дальнейшему исследованию.

Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же работник объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей работник сам себя контролирует. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного работника, т. е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного работника. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки;

достаточно быть органом совокупного работника, выполнять одну из его подфункций. Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному работнику, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности.

Однако, с другой стороны, понятие производительного труда суживается. Капиталистическое производство есть не только производство товара, по самому своему существу оно есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому уже недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производитель, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию капитала. Так, школьный учитель, — если позволительно взять пример вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, коль скоро он не только обрабатывает детские головы, но и изнуряет себя на работе для обогащения предпринимателя. Вложит ли этот последний свой капитал в фабрику для обучения или в колбасную фабрику, от этого дело нисколько не меняется. Поэтому понятие производительного рабочего включает в себя не только отношение между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда, но также и специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием увеличения капитала. Следовательно, быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие. В четвертой книге этой работы, где излагается история теории, будет подробнее показано, что классическая политическая экономия искони видела в производстве прибавочной стоимости решающий признак производительного рабочего. Поэтому с изменением взглядов ее на природу прибавочной стоимости изменяется и ее определение производительного рабочего. Так, по заявлению физиократов, производителен только земледельческий труд, так как только он доставляет прибавочную стоимость. Для физиократов прибавочная стоимость существует исключительно в форме земельной ренты.

Удлинение рабочего дня за те границы, в которых рабочий был бы в состоянии произвести только эквивалент стоимости своей рабочей силы, и присвоение этого прибавочного труда капиталом — вот в чем состоит производство абсолютной прибавочной стоимости. Производство абсолютной прибавочной стоимости образует всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости. При производстве относительной прибавочной стоимости рабочий день уже с самого начала разделен на две части: необходимый труд и при-

бавочный труд. С целью удлинить прибавочный труд сокращается необходимый труд посредством методов, позволяющих произвести эквивалент заработной платы в более короткое время. Производство абсолютной прибавочной стоимости связано только с длиной рабочего дня; производство относительной прибавочной стоимости революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки.

Следовательно, производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства, который с его методами, средствами и условиями сам стихийно возникает и развивается лишь на основе формального подчинения труда капиталу. Вместе с тем формальное подчинение труда капиталу уступает место реальному.

Здесь достаточно простого указания на промежуточные формы [Zwitterformen], при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения, но не наступило еще и его формальное подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. Наряду с самостоятельными производителями, которые занимаются ремеслом или земледелием на основе традиционных прадедовских способов, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, который, как паразит, высасывает их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, она может составить переходную ступень к нему, что было в конце средних веков. Наконец, как показывает пример современной работы на дому, промежуточные формы воспроизводятся кое-где и на почве крупной промышленности, принимая, однако, совершенно измененный вид.

Если, с одной стороны, для производства абсолютной прибавочной стоимости вполне достаточно формального подчинения труда капиталу, достаточно, например, чтобы ремесленник, работавший прежде самостоятельно, на себя самого, или в качестве подмастерья у цехового мастера, превратился в наемного рабочего, находящегося под непосредственным контролем капиталиста, — то, с другой стороны, методы производства относительной прибавочной стоимости являются, как мы видели, в то же время методами производства абсолютной прибавочной стоимости. Ведь чрезмерное удлинение рабочего дня предстало перед нами как характернейший продукт крупной промышленности. Вообще специфически капиталистический способ производства перестает быть простым средством для производства относительной прибавочной стоимости, раз он овладел целой отраслью производства или, более того, всеми решающими отраслями производства. Он становится тогда всеобщей, общественно господствующей формой производственного процесса. Как особый метод производства относительной прибавочной стоимости, он действует теперь лишь постольку, поскольку,

во-первых, охватывает отрасли промышленности, до того времени подчиненные капиталу лишь формально, следовательно поскольку он все больше распространяется. Во-вторых, поскольку отрасли промышленности, на которые он уже распространился, непрерывно революционизируются благодаря изменению методов производства.

С известной точки зрения разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью представляется вообще иллюзорной. Относительная прибавочная стоимость абсолютна, потому что она предполагает абсолютное удлинение рабочего дня за пределы рабочего времени, необходимого для существования самого рабочего. Абсолютная прибавочная стоимость относительна, так как она предполагает развитие производительности труда, позволяющее ограничить необходимое рабочее время частью рабочего дня. Но если обратить внимание на движение прибавочной стоимости, то это кажущееся тождество исчезнет. Раз капиталистический способ производства возник и стал всеобщим способом производства, разница между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью дает себя знать, когда дело идет о повышении нормы прибавочной стоимости вообще. Предполагая, что рабочая сила оплачивается по ее стоимости, мы становимся перед такой альтернативой: если дана производительная сила труда и нормальная степень его интенсивности, то норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путем абсолютного удлинения рабочего дня; с другой стороны, при данных границах рабочего дня норма прибавочной стоимости может быть повышена лишь путем изменения относительной величины составных частей рабочего дня, т. е. необходимого и прибавочного труда, что, в свою очередь, предполагает изменение производительности или интенсивности труда, поскольку заработная плата не должна падать ниже стоимости рабочей силы.

Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых жизненных средств для себя и своей семьи, то у него, конечно, не останется времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, невозможен прибавочный труд, невозможен, следовательно, и капитализм; но в таких условиях невозможен также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом — какой бы то ни было класс крупных собственников ¹⁾.

Таким образом, можно говорить о естественном базисе прибавочной стоимости, но лишь в том совершенно общем смысле, что в

¹⁾ «Самое существование капиталистических предпринимателей, как особого класса, зависит от производительности труда» (*Ramsay*, цит. соч., стр. 206). «Если бы труд каждого человека был достаточен только для добывания его собственного пропитания, то не было бы никакой собственности» (*Ravenstone*, цит. соч., стр. 14).

природе нет какого-либо абсолютного препятствия, мешающего одному человеку сложить с себя и переложить на другого труд, необходимый для поддержания его собственного существования. С тем же самым правом можно утверждать, например, что в природе нет абсолютного препятствия, мешающего одному человеку употреблять в пищу мясо другого ^{1а)}. Отнюдь не следует, как это иногда делалось, связывать с этой естественно вырастающей производительностью труда мистические представления. Лишь тогда, когда люди своим трудом уже выбились из первоначального животного состояния, когда, следовательно, сам их труд уже до известной степени стал общественным, — лишь тогда возникают отношения, при которых прибавочный труд одного человека становится условием существования другого. На начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних. Далее, на указанных первых ступенях относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожно мала по сравнению с массой непосредственных производителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно ²⁾. Впрочем, капиталистические отношения возникают на экономической почве, представляющей собой продукт длительного процесса развития. Наличная производительность труда, из которой капитал исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков.

Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п., и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т. д. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства. Сравните, например, Англию с Индией или — в античном мире — Афины и Коринф со странами на побережье Черного моря.

Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие

^{1а)} По недавно сделанным подсчетам, в пределах только уже исследованных районов земного шара живет еще по меньшей мере 4 000 000 каннибалов.

²⁾ «У диких индейцев Америки почти все принадлежит работнику, 99 процентов продукта приходится на долю труда; в Англии на долю рабочего, может быть, не приходится и ²/₃» («The Advantages of the East-India Trade etc.», p. 72, 73).

дие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя. Так, уже Диодор замечает относительно древних египтян:

«Совершенно невероятно, как мало труда и издержек стоит им воспитание своих детей. Они готовят для них самую простую пищу из первых попавшихся продуктов; дают им также есть нижнюю часть папируса, которую можно заечь на огне, кроме того, корни и стебли болотных растений, частью в сыром виде, частью варенные и жаренные. Большинство детей ходит без обуви и без платья, так как климат очень мягкий. Поэтому вырастить ребенка стоит родителям в общем не более двадцати драхм. Этим, главным образом, объясняется многочисленность населения в Египте, давшая возможность воздвигнуть столь много грандиозных сооружений»³⁾.

В действительности, однако, грандиозные сооружения Древнего Египта обязаны своим возникновением не столько многочисленности египетского населения, сколько тому обстоятельству, что значительная часть его могла быть использована на это дело. Индивидуальный рабочий может доставить тем больше прибавочного труда, чем меньше его необходимое рабочее время; то же самое относится и к рабочему населению в целом: чем меньшая часть его требуется для производства необходимых жизненных средств, тем больше оставшаяся его часть, которую можно использовать на какое-либо другое дело.

Раз дано капиталистическое производство, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда и в особенности от плодородия почвы. Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах»⁴⁾. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью⁴⁾. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют

³⁾ *Diodor*, цит. соч., кн. 1, гл. 80 [стр. 126].

⁴⁾ «Первое» (естественное богатство), «будучи более благоприятным и выгодным... делает народ беззаботным, заносчивым и предающимся всяким излишествам, в то время как второе способствует развитию бдительности, литературы, искусств и политики» («England's Treasure by Foreign Trade. Or the Balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure». Written by *Thomas Mun*, of London, Merchant, and now published for the common good by his son *John Mun*. London, 1669, p. 181, 182). «И я не могу представить себе большего несчастья для народа, как быть брошенным на клочок земли, где природа сама производит в изобилии средства существования и пищу, а климат почти целиком освобождает от забот об одежде и защите от непогоды... Возможна и противоположная крайность. Почва, не способная производить при помощи вложенного в нее труда, совершенно так же плоха, как почва, изобильно производящая без всякого приложения труда» ([*N. Forster*]. «An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions». London, 1767, p. 10).

естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать или обуздать ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте ⁵⁾, Ломбардии, Голландии и т. д. или в Индии, Персии и т. д., где орошение при помощи искусственных каналов не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор. Тайна хозяйственного расцвета Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в ирригации ⁶⁾.

Благоприятные естественные условия обеспечивают всегда лишь возможность прибавочного труда, но отнюдь не создают сами по себе действительного прибавочного труда, а следовательно, и прибавочной стоимости или прибавочного продукта. Различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей ⁷⁾, следовательно к тому, что при прочих равных условиях необходимое рабочее время оказывается различным. На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, т. е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других. Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность. Среди западноевропейского общества, где рабочий лишь при помощи

⁵⁾ Необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия. «Соли-постояние есть тот момент в году, когда вода Нила начинает прибывать, и египтяне должны были наблюдать его с особым вниманием... Им важно было определить этот период года, чтобы регулировать свои сельскохозяйственные работы. Они должны были поэтому искать на небе знак, указывающий на его возвращение» (Cuvier, «Discours sur les révolutions du globe», éd. Hoefer, Paris, 1863, p. 141).

⁶⁾ Одной из материальных основ государственной власти над не связанными между собой мелкими производственными организациями Индии было регулирование водоснабжения. Мусульманские вассалы Индии понимали это лучше, чем их английские преемники. Мы напомним лишь о голоде 1866 г., который стоил жизни более чем миллиону индийцев в округе Орисса Бенгальского президентства.

⁷⁾ «Нет двух стран, которые доставляли бы одинаковое число средств существования в одинаковом количестве и с одной и той же затратой труда... пущды людей возрастают или уменьшаются... в зависимости от суровости или умеренности климата, в котором они живут; следовательно, те размеры, в которых жители различных стран вынуждены вести свою промышленность, не могут быть одинаковыми, и нет возможности установить степени их вариаций иначе, как в связи со степенями тепла и холода; отсюда может быть выведено по то общее заключение, что количество труда, необходимое для поддержания жизни населения определенной численности, является наибольшим в условиях холодного климата и наименьшим — в условиях жаркого, потому что в первом случае не только люди больше нуждаются в одежде, но и земля больше нуждается в обработке, чем во втором случае» («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest», London, 1750, p. 59). Автор этого анонимного сочинения, составившего эпоху, — Дж. Масси. Юм позаимствовал из него свою теорию процента.

прибавочного труда может купить себе позволение трудиться для поддержания собственного существования, легко возникает иллюзия, будто доставлять прибавочный продукт является врожденным качеством человеческого труда⁸⁾. Но возьмем, например; жителей восточных островов азиатского архипелага, где саго растет в лесу в диком виде.

«Туземцы, просверлив в дереве дыру и убедившись, что сердцевина созрела, рубят дерево, разделяют его на несколько кусков, извлекают сердцевину, смешивают ее с водой и, отцедив воду, получают саговую муку, вполне пригодную к употреблению. Одно дерево дает обыкновенно 300 фунтов, а иногда может дать и от 500 до 600 фунтов. Таким образом, там отправляются в лес нарубить себе хлеба, как у нас отправляются в лес за дровами»⁹⁾.

Допустим, что такому восточноазиатскому хлебоколу требуется 12 рабочих часов в неделю для удовлетворения всех его потребностей. Благоприятные естественные условия дают ему непосредственно лишь одно — избыток свободного времени. Для того чтобы он производительно употребил его на самого себя, необходим целый ряд исторических условий; для того чтобы он затрачивал его в виде прибавочного труда на других лиц, требуется внешнее принуждение. Если бы там было введено капиталистическое производство, то нашему молодцу пришлось бы, может быть, работать шесть дней в неделю, чтобы иметь возможность употребить в свою пользу продукт одного рабочего дня. Благоприятные естественные условия отнюдь не объясняют, почему он работает теперь шесть дней в неделю или почему дает 5 дней прибавочного труда. Они объясняют лишь, почему его необходимое рабочее время ограничено одним днем в неделю. Но его прибавочный продукт ни в коем случае не мог возникнуть из некоего таинственного свойства, присущего от природы человеческому труду.

Производительные силы труда, — как исторически развившиеся, общественные, так и обусловленные самой природой, — кажутся производительными силами капитала, к которому приобщается труд.

Рикардо никогда не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости. Он рассматривает ее как нечто внутренне присущее капиталистическому способу производства, который в его глазах является естественной формой общественного производства. Там, где он говорит о производительности труда, он ищет в ней не причину существования прибавочной стоимости, а лишь причину, определяющую величину последней. Между тем его школа громко провозгласила, что причиной возникновения прибыли (читай: прибавочной стоимости) является производительная сила труда. Это во всяком случае прогресс по сравнению с меркантилистами, которые,

⁸⁾ «Всякий труд должен» (надо думать, это тоже относится к правам и обязанностям гражданина) «оставлять некоторый излишек» (Прудон)¹⁸⁴.

⁹⁾ F. Schouw. «Die Erde, die Pflanzen und der Mensch», 2. Aufl. Leipzig, 1854, S. 148.

с своей стороны, выводят избыток цены продукта над издержками его производства из обмена, из продажи продуктов выше их стоимости. Однако и школа Рикардо лишь обошла проблему, а не разрешила ее. Инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам, что очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости. Но что сказать, когда г-н Джон Стюарт Милль через пятьдесят лет после Рикардо повторяет в ухудшенном виде негодные увертки первых вульгаризаторов Рикардо и на этом основании с чувством собственного достоинства констатирует свое превосходство над меркантилистами?

Милль говорит:

«Причина прибыли заключается в том, что труд производит больше, чем необходимо для его содержания».

Пока это лишь перепевы старого; но Милль хочет присоединить сюда и кое-что свое.

«Или, выражаясь иначе, причина, по которой капитал приносит прибыль, состоит в том, что пища, платье, сырье и средства труда существуют более продолжительное время, чем необходимо для их производства».

Милль смешивает здесь продолжительность рабочего времени и продолжительность существования его продуктов. С этой точки зрения булочник, продукты которого существуют лишь один день, никогда не был бы в состоянии извлечь из своих наемных рабочих столько же прибыли, сколько извлекает машиностроитель, продукты которого существуют двадцать лет и более. Несомненно, во всяком случае, что если бы птичьи гнезда выдерживали лишь столько времени, сколько требуется для их устройства, птицам пришлось бы обходиться без гнезд.

Установив эту основную истину, Милль устанавливает свое превосходство над меркантилистами:

«Мы видим, таким образом, что прибыль возникает не из случайного факта обмена, а из производительной силы труда; совокупная прибыль данной страны определяется всегда производительной силой труда независимо от того, имеет ли место обмен или нет. Если бы не было разделения занятий, не было бы ни купли, ни продажи, но прибыль все-таки имела бы».

Итак, здесь обмен, купля и продажа — эти общие условия капиталистического производства — объявляются чем-то совершенно случайным; прибыль будет даже и без купли и продажи рабочей силы!

Далее:

«Если в совокупности все рабочие данной страны производят на 20% больше суммы их заработной платы, то прибыль будет 20%, каков бы ни был уровень товарных цен».

Это, с одной стороны, в высшей степени удачная тавтология, ибо если рабочие производят для своих капиталистов 20% прибавочной стоимости, то, само собой разумеется, прибыль капиталистов будет относиться к совокупной заработной плате рабочих как 20 : 100. С другой стороны, совершенно неверно, что прибыль «будет 20%». Она неизбежно будет меньше, так как прибыль исчисляется на всю сумму авансированного капитала. Пусть, например, капиталист авансировал 500 ф. ст., в том числе 400 ф. ст. в форме средств производства, 100 ф. ст. в форме заработной платы. Пусть норма прибавочной стоимости, как предположено выше, 20%. Тогда норма прибыли будет 20 : 500, т. е. 4%, а не 20%.

Далее следует блестящий образчик того, как Милль обращается с различными историческими формами общественного производства: «Я предполагаю везде современное положение вещей, которое, за немногими исключениями, господствует повсюду, т. е. что капиталист производит все предварительные затраты, включая и оплату рабочего». Удивительный оптический обман — видеть повсюду отношения, которые до сих пор господствовали на земном шаре лишь в виде исключения. Но пойдем дальше. Милль великодушно признает, что «нет абсолютной необходимости, чтобы это было так» *. Напротив.

«Рабочий мог бы подождать уплаты всего своего заработка до полного окончания работы, если бы он имел средства, необходимые для поддержания жизни в течение этого периода. Но в этом случае он был бы до известной степени капиталистом, который вкладывал бы капитал в предприятие и доставлял бы часть фонда, необходимого для ведения предприятия».

С таким же точно правом Милль мог бы сказать, что рабочий, ссужающий самого себя не только жизненными средствами, но и средствами труда, является в действительности своим собственным наемным рабочим. Или, что американский крестьянин оказывается своим собственным рабом, отличающимся от обыкновенного раба лишь тем, что он отбывает барщину для самого себя, а не для господина.

Доказав столь ясно, что если бы даже не существовало капиталистического производства, то оно все-таки существовало бы, Милль с той же последовательностью доказывает затем, что капиталистическое производство не существует даже и в том случае, если оно существует.

* В своем письме Н. Ф. Даниельсону (Н. — ему) от 28/XI 1878 г. Маркс предложил следующую редакцию этого абзаца: «Далее следует блестящий образчик того, как Милль обращается с различными историческими формами общественного производства: «Я предполагаю везде», — говорит он, — «современное положение вещей, которое, за немногими исключениями, господствует повсюду, где рабочие и капиталисты образуют особые классы, т. е. я предполагаю, что капиталист производит все предварительные затраты, включая и оплату рабочего». Милль хочет верить, что нет абсолютной необходимости, чтобы это было так, даже при такой экономической системе, где рабочие и капиталисты образуют особые классы». *Ред.*

«Но даже и в последнем случае» (т. е. если капиталист авансирует наемному рабочему все средства его существования) «рабочего можно рассматривать с той же самой точки зрения» (т. е. как капиталиста). «Потому что, отдавая свой труд ниже его рыночной цены (!), он как бы авансирует разницу (?) своему предпринимателю и т. д.»^{9a)}.

В действительности рабочий даром авансирует капиталисту свой труд в течение недели и т. д. с тем, чтобы в конце недели и т. д. получить его рыночную цену; по Миллю, это делает его капиталистом! На плоской равнине всякая кочка кажется холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром ее «великих мыслителей».

^{9a)} *J. St. Mill. «Principles of Political Economy».* London, 1868, p. 252—253, passim. [Приведенные места взяты из французского издания «Капитала». Ф. Э.]

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

**ИЗМЕНЕНИЕ В ВЕЛИЧИНЕ ЦЕНЫ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ**

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью привычно необходимых жизненных средств среднего рабочего. Масса этих жизненных средств, несмотря на возможные изменения их формы, для данной эпохи и данного общества дана и потому должна рассматриваться как величина постоянная. Меняется только стоимость этой массы. Еще два фактора входят в определение стоимости рабочей силы. С одной стороны, издержки на ее развитие, меняющиеся с изменением способа производства, с другой стороны — естественные различия между рабочей силой мужчин и женщин, взрослых рабочих и малолетних. Потребление этих различных рабочих сил, обусловленное опять-таки способом производства, создает крупную разницу в издержках воспроизводства рабочей семьи и в стоимости взрослого рабочего мужчины. Однако оба эти фактора не принимаются в расчет в дальнейшем исследовании ^{9b)}.

Мы предполагаем: 1) что товары продаются по их стоимости; 2) что цена рабочей силы может иногда подниматься выше стоимости, но никогда не падает ниже ее.

При таком предположении относительные величины цены рабочей силы и прибавочной стоимости определяются тремя обстоятельствами: 1) длиной рабочего дня, или экстенсивной величиной труда; 2) нормальной интенсивностью труда, или его интенсивной величиной, — тем, что определенное количество труда затрачивается в течение данного времени; 3) наконец, производительной силой труда, — тем, что в зависимости от степени развития условий производства одно и то же количество труда в течение данного времени может дать большее или меньшее количество продукта. Очевидно, что здесь возможны самые разнообразные комбинации, если один из этих трех факторов постоянен, а два изменяются, или два посто-

^{9b)} Случай, рассмотренный на стр. 281 [стр. 295—296 настоящего тома], здесь, естественно, также исключен. (Примечание к 3 изданию. Ф. Э.)

яны, а один изменяется, или же, наконец, все три изменяются одновременно. Число комбинаций увеличивается еще благодаря тому, что при одновременном изменении различных факторов величина и направление изменений могут быть различны. В дальнейшем представлены лишь главнейшие комбинации.

1. ВЕЛИЧИНА РАБОЧЕГО ДНЯ И ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ПОСТОЯННЫ (ДАНЫ), ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТРУДА ИЗМЕНЯЕТСЯ

При этом предположении стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость определяются тремя законами.

Во-первых: Рабочий день данной величины всегда выражается в одной и той же вновь произведенной стоимости, как бы ни изменялась производительность труда и вместе с ней масса продуктов, а следовательно, и цена единицы товара.

Вновь созданная в двенадцатичасовой рабочий день стоимость равна, например, 6 шилл., хотя количество произведенных потребительных стоимостей изменяется вместе с производительной силой труда и, стало быть, стоимость в 6 шилл. распределяется на большее или меньшее количество товаров.

Во-вторых: Стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость изменяются в противоположном направлении. Изменение производительной силы труда, ее возрастание или уменьшение, влияет на стоимость рабочей силы в обратном направлении, а на прибавочную стоимость — в прямом.

Вновь созданная в двенадцатичасовой рабочий день стоимость есть величина постоянная, например 6 шиллингов. Эта постоянная величина равна сумме прибавочной стоимости плюс стоимость рабочей силы, которую рабочий замещает эквивалентом. Само собой разумеется, что из двух слагаемых постоянной величины ни одно не может увеличиться без того, чтобы другое не уменьшилось. Стоимость рабочей силы не может повыситься с 3 шилл. до 4 без того, чтобы прибавочная стоимость не понизилась с 3 шилл. до 2, и, наоборот, прибавочная стоимость не может повыситься с 3 шилл. до 4 без понижения стоимости рабочей силы с 3 шилл. до 2. Следовательно, при данных условиях невозможно изменение абсолютной величины стоимости рабочей силы или прибавочной стоимости без одновременного изменения их относительных или сравнительных величин. Они не могут повышаться или понижаться одновременно.

Далее, стоимость рабочей силы не может понизиться, и, следовательно, прибавочная стоимость не может повыситься, если не повышается производительная сила труда; так, в вышеприведенном примере стоимость рабочей силы может понизиться с 3 шилл. до 2

лишь в том случае, если повышенная производительная сила труда позволяет произвести в течение 4 часов ту же самую массу жизненных средств, которая раньше требовала для своего производства 6 часов. Наоборот, стоимость рабочей силы не может повыситься с 3 шилл. до 4, если производительная сила труда не упадет так, что будет требоваться 8 часов для производства той же самой массы жизненных средств, для которой раньше было достаточно 6 часов. Отсюда следует, что увеличение производительности труда понижает стоимость рабочей силы и тем самым повышает прибавочную стоимость, и, наоборот, уменьшение производительности труда повышает стоимость рабочей силы и понижает прибавочную стоимость.

Формулируя этот закон, Рикардо упустил из виду одно обстоятельство: хотя изменение величины прибавочной стоимости, или прибавочного труда, предполагает обратное изменение величины стоимости рабочей силы, или необходимого труда, однако отсюда отнюдь не следует, что эти величины изменяются в одной и той же пропорции. Здесь имеет место увеличение или уменьшение на одну и ту же величину. Но та пропорция, в какой увеличивается или уменьшается каждая из составных частей вновь созданной стоимости или рабочего дня, зависит от первоначального разделения, имевшего место до изменения производительной силы труда. Пусть стоимость рабочей силы 4 шилл., или необходимое рабочее время 8 часов, прибавочная стоимость 2 шилл., или прибавочный труд 4 часа; если вследствие повышения производительной силы труда стоимость рабочей силы понизится до 3 шилл., или необходимое рабочее время — до 6 часов, то прибавочная стоимость возрастет до 3 шилл., или прибавочный труд — до 6 часов. Одна и та же величина в 2 часа, или 1 шилл., в одном случае прибавляется, в другом — отнимается. Но относительное изменение величин в обоих случаях различно. В то время как стоимость рабочей силы падает с 4 шилл. до 3, следовательно на $\frac{1}{4}$, или 25%, прибавочная стоимость повышается с 2 шилл. до 3, т. е. наполовину, или на 50%. Отсюда следует, что та пропорция, в которой возрастает или уменьшается прибавочная стоимость вследствие данного изменения производительной силы труда, тем больше, чем меньше, и тем меньше, чем больше была первоначально часть рабочего дня, выражающаяся в прибавочной стоимости.

В-третьих: Возрастание или уменьшение прибавочной стоимости всегда является следствием, но никогда не бывает причиной соответственного уменьшения или возрастания стоимости рабочей силы ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ К этому третьему закону Мак-Куллох делает, между прочим, то нелепое добавление, что прибавочная стоимость может повышаться и без понижения стоимости рабочей силы, благодаря отмене налогов, которые раньше капиталист должен был платить. Отмена таких налогов абсолютно ничего не изменяет в количестве прибавочной стоимости, непосредствен-

Так как рабочий день есть величина постоянная и выражается в неизменной величине стоимости, так как, далее, каждому изменению величины прибавочной стоимости соответствует противоположное изменение стоимости рабочей силы и так как стоимость рабочей силы может изменяться лишь при изменении производительной силы труда, то отсюда, очевидно, следует, что при указанных условиях всякое изменение величины прибавочной стоимости возникает вследствие обратного изменения величины стоимости рабочей силы. Если раньше мы видели, что никакое изменение абсолютных величин стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости невозможно без изменения их относительных величин, то теперь мы видим, что никакое изменение их относительных величин невозможно без изменения абсолютной величины стоимости рабочей силы.

Согласно третьему закону, изменение величины прибавочной стоимости предполагает изменение стоимости рабочей силы, вызванное изменением производительной силы труда. Граница первого изменения дана новым уровнем стоимости рабочей силы. Однако даже при условии, что обстоятельства позволяют рассматриваемому закону обнаружить свое действие, возможны промежуточные изменения. Так, например, если вследствие повышения производительной силы труда стоимость рабочей силы падает с 4 шилл. до 3, или необходимое рабочее время — с 8 часов до 6, то цена рабочей силы может упасть всего до 3 шилл. 8 пенсов, 3 шилл. 6 пенсов, 3 шилл. 2 пенсов и т. д., и, следовательно, прибавочная стоимость поднимется лишь до 3 шилл. 4 пенсов, 3 шилл. 6 пенсов, 3 шилл. 10 пенсов и т. д. Степень падения, максимальной границей которого являются 3 шилл., зависит от относительного веса, который имеет давление капитала с одной стороны, сопротивление рабочих — с другой.

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью определенного количества жизненных средств. С изменением производительной силы труда меняется стоимость этих жизненных средств, а не их масса. При повышении производительной силы труда масса жизненных средств как рабочего, так и капиталиста может расти одновременно и в одной и той же пропорции без какого-либо изменения в отношении величин цены рабочей силы и прибавочной стоимости. Если первоначальная стоимость рабочей силы 3 шилл., а необходимое рабочее время равно 6 часам, и если прибавочная стоимость также 3 шилл., т. е. прибавочный труд равен также

но высасываемой из рабочего промышленным капиталистом. Она изменяет лишь ту пропорцию, в которой капиталист должен поделить прибавочную стоимость между своим капиталом и третьими лицами. Таким образом, она оставляет совершенно неизменным отношение между стоимостью рабочей силы и прибавочной стоимостью. Следовательно, исключение Мак-Куллоха доказывает лишь непонимание им общего правила; это несчастье постигает его при вульгаризации Рикардо столь же часто, как Ж. Б. Сая — при вульгаризации А. Смита.

6 часам, то удвоение производительной силы труда при прежнем разделении рабочего дня оставит цену рабочей силы и прибавочную стоимость без изменения. Только теперь каждая из них будет выражаться в двойном количестве, но соответственно удешевленных, потребительных стоимостей. Хотя цена рабочей силы осталась неизменной, она все же стоит теперь выше ее стоимости. Если бы цена рабочей силы упала, но не до нижней границы в $1\frac{1}{2}$ шилл., определяемой ее новой стоимостью, а до 2 шилл. 10 пенсов, 2 шилл. 6 пенсов и т. д., то даже эта упавшая цена все же представляла бы возросшую массу жизненных средств. Таким образом, при повышающейся производительной силе труда цена рабочей силы могла бы падать непрерывно наряду с непрерывным же ростом массы жизненных средств рабочего. Но при этом относительно, т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью, стоимость рабочей силы все время уменьшалась бы, и, следовательно, все глубже становилась бы пропасть между жизненными уровнями рабочего и капиталиста ¹¹⁾.

Рикардо первый строго формулировал три установленных выше закона. Недостатки его изложения следующие: 1) Те особые условия, при которых имеют силу эти законы, он считает само собой разумеющимися, всеобщими и исключительными условиями капиталистического производства. Для него не существует изменений ни в длине рабочего дня, ни в интенсивности труда, так что производительность труда сама по себе становится для него единственным переменным фактором. 2) Подобно всем другим экономистам, Рикардо никогда не исследовал прибавочную стоимость как таковую, т. е. независимо от ее особых форм, каковы: прибыль, земельная рента и т. д. И эта вторая неправильность внесла в его анализ ошибки гораздо более значительные, чем первая. Законы, касающиеся нормы прибавочной стоимости, он непосредственно сваливает в одну кучу с законами нормы прибыли. Между тем, как уже было сказано, норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, тогда как норма прибавочной стоимости есть отношение прибавочной стоимости к одной лишь переменной части этого капитала. Пусть капитал в 500 ф. ст. (K) разделяется на сырье, средства труда и т. д., составляющие вместе 400 ф. ст. (c), и 100 ф. ст. заработной платы (v); пусть, далее, прибавочная стоимость = 100 ф. ст. (m). Тогда норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v} = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{100 \text{ ф. ст.}} = 100\%$. Между тем норма прибыли $\frac{m}{K} =$

¹¹⁾ «Когда наступает изменение в производительности промышленности и данным количеством труда и капитала производится больше или меньше продукта, относительная величина заработной платы может заметно изменяться, в то время как количество продуктов, представляемое этой относительной величиной, остается то же самое; или же может изменяться количество продуктов, в то время как относительная величина заработной платы остается неизменной» ([J. Cazenove.] «*Outlines of Political Economy etc.*», p. 67)

$$= \frac{100 \text{ ф. ст.}}{500 \text{ ф. ст.}} = 20\%.$$
 Очевидно, кроме того, что норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости. Впоследствии, в третьей книге этой работы, я покажу, что при определенных обстоятельствах одна и та же норма прибавочной стоимости может выразиться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости — в одной и той же норме прибыли.

II. РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТРУДА ПОСТОЯННЫ, ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ИЗМЕНЯЕТСЯ

Растущая интенсивность труда предполагает увеличенную затрату труда в течение одного и того же промежутка времени. Более интенсивный рабочий день воплощается поэтому в большем количестве продуктов, чем менее интенсивный день той же продолжительности. Правда, и при повышении производительной силы тот же самый рабочий день доставляет больше продукта. Но в последнем случае понижается стоимость единицы продукта, так как продукт стоит меньше труда, чем раньше; наоборот, в первом случае стоимость единицы продукта остается неизменной, так как продукт стоит того же труда, что и раньше. Количество продуктов возрастает здесь, не вызывая падения их цены. Вместе с их количеством растет и сумма их цен, тогда как при повышении производительной силы та же самая сумма стоимости выражается в возросшей массе продуктов. Таким образом, при неизменном количестве рабочих часов более интенсивный рабочий день воплощается в более высокой вновь созданной стоимости, а следовательно, если стоимость денег не меняется, — в большем количестве денег. Вновь созданная в течение рабочего дня стоимость изменяется с отклонением его интенсивности от нормального общественного уровня. Тот же самый рабочий день выражается теперь уже не в постоянной, как раньше, а в переменной вновь созданной стоимости, как, например, двенадцатичасовой день повышенной интенсивности в 7 шилл., 8 шилл. и т. д. вместо 6 шилл., в которых выражается двенадцатичасовой рабочий день обычной интенсивности. Очевидно, что раз вновь создаваемая в течение рабочего дня стоимость изменяется, например с 6 до 8 шилл., то обе составные части этой стоимости — цена рабочей силы и прибавочная стоимость — могут возрастать одновременно в равной или неравной степени. Цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут одновременно возрасти с 3 шилл. до 4, если вновь созданная стоимость возрастает с 6 шилл. до 8. В данном случае возрастание цены рабочей силы не связано необходимо с повышением этой цены над стоимостью. Оно может, наоборот, сопровождаться падением её

ниже * стоимости. Последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует ее ускоренного изнашивания.

Нам известно, что, за преходящими исключениями, изменение производительности труда лишь в том случае вызывает изменение в величине стоимости рабочей силы, а следовательно, и в величине прибавочной стоимости, когда продукты рассматриваемой отрасли промышленности входят в обычное потребление рабочего. Это ограничение в данном случае отпадает. Изменяется ли количество затраченного труда экстенсивно или интенсивно, изменению этой величины во всяком случае соответствует изменение величины вновь создаваемой стоимости, какова бы ни была природа тех предметов, в которых эта стоимость воплощается.

Если бы интенсивность труда поднялась во всех отраслях промышленности одновременно и равномерно, то новая повышенная степень интенсивности стала бы обычным общественно нормальным уровнем и, следовательно, уже не учитывалась бы более как экстенсивная величина. Однако и в этом случае средние степени интенсивности труда у различных наций остались бы различными и потому видоизменяли бы применение закона стоимости к рабочим дням различных наций. Более интенсивный рабочий день одной нации выражается в более крупной сумме денег, чем менее интенсивный день другой нации ¹²⁾.

III. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА И ИНТЕНСИВНОСТЬ ТРУДА ПОСТОЯННЫ, РАБОЧИЙ ДЕНЬ ИЗМЕНЯЕТСЯ

Рабочий день может изменяться в двух направлениях. Он может сокращаться и удлиняться.

1) Сокращение рабочего дня при данных условиях, т. е. при неизменной производительной силе и интенсивности труда, оставляет без перемены стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимое рабочее время. Оно сокращает прибавочный труд и прибавочную стоимость. С падением абсолютной величины последней падает и ее относительная величина, т. е. ее величина по отношению к неизменной величине стоимости рабочей силы. Только путем понижения цены рабочей силы ниже ее стоимости капиталист мог бы в данном случае избавиться от потерь.

* В оригинале, по-видимому вследствие опечатки, слово «ниже» отсутствует. *Ред.*

¹²⁾ «При прочих равных условиях английский фабрикант может в течение данного промежутка времени произвести значительно большую сумму продуктов, чем иностранный фабрикант, благодаря чему уравнивается разница между 60-часовой рабочей неделей у нас и 72- или 80-часовой за границей» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1855», p. 65). Более значительное законодательное сокращение рабочего дня на континентальных фабриках было бы вернейшим средством уменьшить эту разницу между континентальным и английским рабочим часом.

Все ходячие возражения против сокращения рабочего дня предполагают, что явление совершается при допущенных здесь условиях, между тем в действительности имеет место обратное: изменение производительности и интенсивности труда или предшествует сокращению рабочего дня, или непосредственно следует за ним¹³⁾.

2) Удлинение рабочего дня. Пусть необходимое рабочее время 6 часов, или стоимость рабочей силы — 3 шилл., прибавочный труд также 6 часов и прибавочная стоимость 3 шиллинга. Весь рабочий день составляет тогда 12 часов и выражается в продукте стоимостью в 6 шиллингов. Если рабочий день удлинится на 2 часа и цена рабочей силы остается без изменения, то вместе с абсолютной величиной прибавочной стоимости растет и ее относительная величина. Хотя стоимость рабочей силы по абсолютной своей величине не изменяется, относительно она падает. При условиях, предположенных в разделе I, относительная величина стоимости рабочей силы не могла бы изменяться без изменения ее абсолютной величины. Здесь, напротив, изменение относительной величины стоимости рабочей силы есть результат изменения абсолютной величины прибавочной стоимости.

Так как вновь созданная стоимость, в которой выражается рабочий день, растет вместе с удлинением его, то цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут возрасти одновременно на одну и ту же или на различные величины. Этот одновременный рост возможен, следовательно, в двух случаях: при абсолютном удлинении рабочего дня и при растущей интенсивности труда без такого удлинения.

При удлинении рабочего дня цена рабочей силы может упасть ниже ее стоимости, хотя бы номинально она осталась неизменной или даже повысилась. Ведь дневная стоимость рабочей силы определяется, как мы помним, из расчета нормальной средней продолжительности или нормального периода жизни рабочего и нормального, свойственного человеческой природе превращения жизненной субстанции в движение¹⁴⁾. До известного пункта повышенное изнашивание рабочей силы, неразрывно связанное с удлинением рабочего дня, может быть компенсировано более высокой оплатой. За пределами этого пункта изнашивание растет в геометрической прогрессии и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирования рабочей силы. Цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами.

¹³⁾ «Существуют компенсирующие обстоятельства... как это было показано действом акта о десятичасовом рабочем дне» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848», p. 7)

¹⁴⁾ «Количество труда, затраченного человеком в течение 24 часов, может быть приблизительно определено путем исследования химических изменений, имевших место в его теле, так как измененные формы материи указывают на предшествующую затрату двигательной силы» (Grove. «On the Correlation of Physical Forces»).

IV. ОДНОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ И ИНТЕНСИВНОСТИ ТРУДА

Очевидно, здесь возможно большое число комбинаций. Могут одновременно изменяться все три фактора или любые два при третьем неизменном. Они могут изменяться в одинаковой или в различной степени, в одном и том же или в противоположных направлениях, причем в последнем случае изменения компенсируются отчасти или вполне. Впрочем, после выводов, сделанных нами в разделах I, II и III, анализ всех возможных случаев не представляет затруднений. Результат любой возможной комбинации отыскивается, если последовательно рассматривать каждый из факторов как переменный, предполагая остальные постоянными. Поэтому здесь мы отметим вкратце лишь два важных случая.

1) Уменьшающаяся производительная сила труда при одновременном удлинении рабочего дня.

Говоря об уменьшающейся производительной силе труда, мы имеем здесь в виду те отрасли труда, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, например, понижение производительной силы труда вследствие возрастающего неплодородия почвы и соответственного вздорожания продуктов земледелия. Пусть рабочий день продолжается 12 часов, а созданная в течение дня новая стоимость составляет 6 шилл., из которых половина возмещает стоимость рабочей силы, а другая половина образует прибавочную стоимость. Следовательно, рабочий день распадается на 6 часов необходимого и 6 часов прибавочного труда. Пусть вследствие вздорожания сельскохозяйственных продуктов стоимость рабочей силы повышается с 3 до 4 шилл., следовательно необходимое рабочее время — с 6 до 8 часов. Если рабочий день остается неизменным, то прибавочный труд падает с 6 до 4 часов, прибавочная стоимость с 3 до 2 шиллингов. Если рабочий день удлиняется на два часа, т. е. с 12 до 14 часов, то прибавочный труд остается равным 6 часам, прибавочная стоимость — 3 шиллингам. Но по сравнению со стоимостью рабочей силы, измеряемой необходимым трудом, величина прибавочной стоимости падает. Если рабочий день удлиняется на 4 часа, с 12 до 16 часов, то отношение прибавочной стоимости к стоимости рабочей силы, прибавочного труда к необходимому, остается без перемены, но абсолютная величина прибавочной стоимости возрастает с 3 до 4 шилл., абсолютная величина прибавочного труда — с 6 до 8 часов, следовательно на $\frac{1}{3}$, или на $33\frac{1}{3}\%$. Таким образом, при уменьшении производительной силы труда и одновременном удлинении рабочего дня абсолютная величина прибавочной стоимости может остаться без изменения, в то время как относительная величина ее падает; ее относительная величина может оставаться неизменной, в то время как абсолютная величина растет, и, наконец, при известной степени удлинения ра-

бочего дня может одновременно расти и относительная и абсолютная величина прибавочной стоимости.

В период с 1799 по 1815 г. рост цен на жизненные средства вызвал в Англии номинальное повышение заработной платы, хотя действительная, выраженная в жизненных средствах, заработная плата упала. Отсюда Уэст и Рикардо вывели заключение, что уменьшение производительности земледельческого труда вызвало падение нормы прибавочной стоимости, и сделали это существовавшее только в их фантазии предположение исходным пунктом важного анализа соотношения величин заработной платы, прибыли и земельной ренты. Но в действительности, благодаря возросшей интенсивности труда и насильственному удлинению рабочего дня, прибавочная стоимость возросла в то время и абсолютно и относительно. Это был период, когда чрезмерное удлинение рабочего дня приобрело права гражданства ¹⁵⁾, период, для которого особенно характерны на одной стороне ускоренный рост капитала, на другой — пауперизма ¹⁶⁾.

2) Возрастающая интенсивность и производительная сила труда при одновременном сокращении рабочего дня.

Повышение производительной силы труда и рост его интенсивности в одном отношении оказывают одинаковое действие. И то и другое увеличивает массу продуктов, производимую в данный промежуток времени. Следовательно, и то и другое сокращает ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на производство своих жизненных средств или их эквивалента. Абсолютная минимальная

¹⁵⁾ «Хлеб и труд редко идут совершенно вровень. Но существует очевидная граница, за пределами которой они не могут быть разделены. Что касается тех необычайных усилий, которые трудящиеся классы предпринимали в период дороговизны, усилий, вызвавших падение заработной платы, отмечаемое в свидетельских показаниях» (а именно перед парламентскими комитетами 1814—1815 гг.), «то они, конечно, делают честь отдельным лицам и способствуют росту капитала. Но ни один гуманный человек не пожелает, чтобы они остались постоянными и неослабевающими. Они заслуживают всяческой похвалы как временный выход; но если бы они стали постоянными, то получились бы результаты, аналогичные тем, какие имеют место, когда население страны располагает продовольствием в крайне скудных размерах» (*Malthus*. «Inquiry into the Nature and Progress of Rent». London, 1815, p. 48, примечание). Мальтус делает честь то, что он подчеркивает здесь удлинение рабочего дня, на которое он прямо указывает и в другом месте своего памфлета, тогда как Рикардо и другие, несмотря на вопиющие факты этого рода, рассматривают во всех своих исследованиях рабочий день как величину постоянную. Но консервативные интересы, слуги которых был Мальтус, мешали ему видеть, что чрезмерное удлинение рабочего дня вместе с необычайным развитием машин и эксплуатацией женского и детского труда должно было сделать «избыточной» значительную часть рабочего класса, в особенности с прекращением созданного войной спроса и английской монополии на мировом рынке. Само собой разумеется, было гораздо удобнее, гораздо более соответствовало интересам господствующих классов, которым Мальтус поклонялся с чисто поповским усердием, объяснять это «перенаселение» вечными законами природы, а не исключительно историческими естественными законами капиталистического производства.

¹⁶⁾ «Главная причина возрастания капитала во время войны происходила из больших усилий и, быть может, больших лишений трудящихся классов, наиболее многочисленных в каждом обществе. Большое количество женщин и детей силой обстоятельств было вынуждено заняться промышленным трудом; и прежние работники по той же самой причине должны были посвятить большую часть своего времени увеличению производства» («*Essays on Political Economy in which are illustrated the Principal Causes of the Present National Distress*». London, 1830, p. 248).

граница рабочего дня определяется вообще этой его необходимой, хотя и поддающейся сокращению составной частью. Если бы к ней свелся весь рабочий день, то исчез бы прибавочный труд, что невозможно при режиме капитала. Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, расширит свои рамки. С одной стороны, потому что условия жизни рабочего станут богаче и его жизненные потребности возрастут. С другой стороны, к необходимому труду будет причислена часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и накопления.

Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем больше сокращается рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда. С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией. Последняя включает в себя не только экономию средств производства, но и устранение всякого бесполезного труда. Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неизбежных, но по существу дела излишних.

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМУЛЫ НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Как мы видели, норма прибавочной стоимости выражается в следующих формулах:

$$\text{I)} \quad \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}} \left(\frac{m}{v} \right) = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость рабочей силы}} = \\ = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}.$$

Две первые формулы выражают в виде отношения стоимостей то же самое, что третья формула выражает в виде отношения отрезков времени, в течение которых эти стоимости производятся. Эти взаимно заменяющие друг друга формулы являются строго логичными. Мы находим их поэтому уже в классической политической экономии, правда, не в сознательно разработанном виде, а лишь по существу. Но зато мы встречаем там следующие производные формулы:

$$\text{II)} \quad \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость продукта}} = \\ = \frac{\text{прибавочный продукт}}{\text{совокупный продукт}}.$$

Одно и то же отношение попеременно выражается здесь то в форме рабочего времени, то в форме стоимостей, в которых воплощается это рабочее время, то в форме продуктов, в которых существуют эти стоимости. Само собой разумеется, что под стоимостью продукта здесь следует понимать стоимость, вновь созданную в продолжение рабочего дня, — постоянная же часть стоимости продукта исключается.

Во всех этих формулах действительная степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, выражена неправильно. Пусть рабочий день равняется 12 часам. Сохранив все остальные допущения нашего прежнего примера, мы в этом случае выразим

степень действительной эксплуатации труда в следующих отношениях:

$$\frac{6 \text{ часов прибавочного труда}}{6 \text{ часов необходимого труда}} = \frac{\text{прибавочная стоимость в 3 шилл.}}{\text{переменный капитал в 3 шилл.}} = 100\%.$$

Между тем, применяя формулы II), мы получим:

$$\frac{6 \text{ часов прибавочного труда}}{\text{рабочий день в 12 часов}} = \frac{\text{прибавочная стоимость в 3 шилл.}}{\text{вновь созданная стоим. в 6 шилл.}} = 50\%.$$

Эти производные формулы в действительности выражают то отношение, в котором рабочий день или созданная в течение его стоимость распределяется между капиталистом и рабочим. Но если они принимаются за непосредственное выражение степени самовозрастания капитала, то тем самым устанавливается ложный закон: прибавочный труд, или прибавочная стоимость, никогда не может достигнуть 100% ¹⁷⁾. Так как прибавочный труд всегда составляет лишь часть рабочего дня и прибавочная стоимость — лишь часть всей вновь созданной стоимости, то прибавочный труд всегда необходимо должен быть меньше, чем весь рабочий день, или прибавочная стоимость меньше, чем вся вновь созданная стоимость.

Но для того чтобы относиться друг к другу как $\frac{100}{100}$, они должны быть равны между собой. Чтобы прибавочный труд мог поглотить весь рабочий день (дело идет о среднем дне рабочей недели, рабочего года и т. д.), необходимый труд должен понизиться до нуля. Но если исчезает необходимый труд, исчезает и прибавочный труд, потому что последний есть только функция первого. Поэтому отношение $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{рабочий день}} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{вновь созданная стоимость}}$ никогда не может достигнуть предела $\frac{100}{100}$ и тем более не может подняться

¹⁷⁾ См., например, «Dritter Brief an v. Kirchmann von Rodbertus. Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Renthetheorie». Berlin, 1851. Я впоследствии вернусь к этой работе, которая, несмотря на ложную теорию земельной ренты, правильно улавливает сущность капиталистического производства. [Добавление к 3 изданию. Читатель видит, как благожелательно относился Маркс к своим предшественникам, когда он находил у них действительный шаг вперед, какую-либо верную новую мысль. Между тем опубликованные за последнее время письма Родбертуса к Руд. Мейеру заставляют до известной степени ограничить вышеприведенную оценку Маркса. Мы читаем там: «Необходимо спасти капитал не только от труда, но и от самого себя, а это фактически лучше всего достигается тем, что деятельность предпринимателя-капиталиста рассматривается как народнохозяйственные или государственно-хозяйственные функции, возложенные на него капиталистической собственностью, а его доход — как особый вид жалованья, ибо никакой иной социальной организации мы еще не знаем. Но жалование может быть урегулировано и понижено, если оно слишком много отнимает от заработной платы. Точно также следует отразить предпринятую Марксом атаку на общество, — так я назвал бы его книгу... Вообще книга Маркса представляет собой не столько исследование, посвященное капиталу, сколько полемичку против современной формы капитала, которую он смешивает с самым понятием капитала, откуда и происходят его ошибки» («Briefe etc. von Dr. Rodbertus-Jagetzow, herausgegeben von Dr. Rud. Meyers». Berlin, 1881, Bd. I, S. 111, 48-е письмо Родбертуса). — В таких идеологических банальностях совершенно теряются смелые задатки «социальных писем» Родбертуса. Ф. Э.]

до $\frac{100+x}{100}$. Но это вполне возможно для нормы прибавочной стоимости или действительной степени эксплуатации труда. Возьмем для примера вычисление г-на Л. де Лаверня, согласно которому английский сельскохозяйственный рабочий получает лишь $\frac{1}{4}$, а капиталист (арендатор) $\frac{3}{4}$ продукта¹⁸⁾ или его стоимости, причем мы совершенно оставляем в стороне вопрос, каким образом распределяется затем эта добыча между капиталистом, земельным собственником и т. д. Согласно этому прибавочный труд английского сельскохозяйственного рабочего относится к его необходимому труду, как 3 : 1, норма эксплуатации равна 300%.

Присущий классической политической экономии метод рассматривать рабочий день как величину постоянную укрепился благодаря применению формул II), так как здесь прибавочный труд сравнивается всегда с рабочим днем данной величины. Тот же самый результат получается, если обращают внимание исключительно на распределение вновь созданной стоимости. Рабочий день, уже воплотившийся во вновь созданной стоимости, всегда является рабочим днем данной величины.

Выражение прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы в виде частей вновь созданной стоимости, — впрочем, такой способ выражения вырастает из самого капиталистического способа производства, и мы выясним впоследствии его значение, — скрывает специфический характер капиталистического отношения, а именно тот факт, что переменный капитал обменивается на живую рабочую силу и что соответственно этому рабочий отстраняется от продукта. Вместо этого создается ложная видимость отношения товарищества, при котором капиталист и рабочий делят между собой продукт сообразно доле участия каждого из них в образовании его¹⁹⁾.

Впрочем, формулы II) всегда могут быть обратно превращены в формулы I). Если, например, мы имеем:

$$\frac{\text{прибавочный труд в 6 часов}}{\text{рабочий день в 12 часов}},$$

то необходимое рабочее время равно рабочему дню в двенадцать часов минус прибавочный труд в шесть часов. Получаем, следовательно:

$$\frac{\text{прибавочный труд в 6 часов}}{\text{необходимый труд в 6 часов}} = \frac{100}{100}.$$

¹⁸⁾ Само собой разумеется, при этом вычислении вычтена та часть продукта, которая лишь возмещает затраты постоянного капитала. — Г-н Л. де Лавернь, слепой поклонник Англии, скорее преуменьшает, чем преувеличивает это отношение.

¹⁹⁾ Так как все развитые формы капиталистического процесса производства суть формы кооперации, то нет, конечно, ничего легче, как абстрагироваться от свойственного им антагонистического характера и расписать их в виде форм свободной ассоциации. Это проделал, например, граф А. де Лабюрд в «De l'Esprit d'Association dans tous les Intérêts de la Communauté». Paris, 1818. Янки Г. Кэри с таким же успехом проделывает порой этот же фокус даже применительно к отношениям рабской системы.

Третья формула, которую я при случае уже приводил, забегая вперед, такова:

$$\text{III)} \quad \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость рабочей силы}} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} = \frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}.$$

Формула $\frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$ могла бы дать повод подумать, будто капиталист оплачивает труд, а не рабочую силу, но возможность такого недоразумения устранена предшествующим изложением.

Формула $\frac{\text{неоплаченный труд}}{\text{оплаченный труд}}$ есть лишь популярное выражение фор-

мулы $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$. Капиталист оплачивает стоимость или отклоняющуюся от нее цену рабочей силы и при помощи обмена получает в свое распоряжение самую живую рабочую силу. Использование им этой рабочей силы распадается на два периода. В течение одного периода рабочий производит лишь стоимость, равную стоимости его рабочей силы, следовательно лишь эквивалент. Таким образом взамен авансированной цены рабочей силы капиталист получает продукт такой же цены. Дело происходит так, будто капиталист купил продукт в готовом виде на рынке. Наоборот, в период прибавочного труда использование рабочей силы создает для капиталиста стоимость, за которую он ничего не платит ²⁰⁾. Здесь функционирование рабочей силы достается ему даром. В этом смысле прибавочный труд может быть назван неоплаченным трудом.

Итак, капитал есть не только командование над трудом, как выражается А. Смит. Он по существу своему есть командование над неоплаченным трудом. Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т. п., по самой своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени. Тайна самовозрастания капитала сводится к тому, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда.

²⁰⁾ Хотя физиократы не раскрыли тайны прибавочной стоимости, им все же было ясно то, что прибавочная стоимость есть «такое богатство, которым он» (владелец богатства) «может самостоятельно и свободно распоряжаться, богатство, которое он не купил, но которое он продает» (*Turgot. «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», p. 11*).

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ, СООТВЕТСТВЕННО И ЦЕНЫ, РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

На поверхности буржуазного общества заработная плата рабочего представляется в виде цены труда, в виде определенного количества денег, уплачиваемых за определенное количество труда. При этом говорят о стоимости труда и ее денежное выражение называют необходимой или естественной ценой труда. С другой стороны, говорят о рыночных ценах труда, т. е. о ценах, колеблющихся выше или ниже его необходимой цены.

Но что такое стоимость товара? Предметная форма затраченного при его производстве общественного труда. А чем измеряем мы величину стоимости товара? Величиной содержащегося в нем труда. Чем же могла бы определяться стоимость, например, двенадцатичасового рабочего дня? Очевидно лишь 12 часами труда, содержащимися в двенадцатичасовом рабочем дне; но это плоская тавтология ²¹⁾.

Для того чтобы быть проданным на рынке в качестве товара, труд во всяком случае должен существовать до этой продажи. Но если бы рабочий имел возможность дать своему труду самостоя-

²¹⁾ «Г-н Рикардо довольно искусно обходит ту трудность, которая на первый взгляд грозит опрокинуть его учение о том, что стоимость зависит от количества труда, примененного в производстве. Если проводить этот принцип со всей строгостью, то из него вытекает, что стоимость труда зависит от количества труда, примененного в его производстве, — что, очевидно, нелепо. Поэтому г-н Рикардо ловким маневром ставит стоимость труда в зависимость от количества труда, требующегося для производства заработной платы, или, говоря его собственными словами, стоимость труда следует определять количеством труда, требующимся для того, чтобы произвести заработную плату; а под этим он подразумевает количество труда, требующееся для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это то же, как если бы мы сказали, что стоимость сукна следует определять не тем количеством труда, какое затрачено на его производство, а тем, какое затрачено на производство того серебра, на которое обменивается сукно» ([S. Bailey.] «A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», p. 50, 51).

тельное существование, он продавал бы созданный трудом товар, а не труд²²⁾.

Но и независимо от этих противоречий прямой обмен денег, т. е. овеществленного труда, на живой труд уничтожил бы или закон стоимости, который свободно развивается как раз на основе капиталистического производства, или же самое капиталистическое производство, которое основывается как раз на наемном труде. Пусть, например, рабочий день в 12 часов выражается в денежной стоимости в 6 шиллингов. Если обмениваются эквиваленты, рабочий получит за свой двенадцатичасовой труд 6 шиллингов. Цена его труда будет равна цене продукта труда. В этом случае он не произведет никакой прибавочной стоимости для покупателя его труда, эти 6 шилл. не превратятся в капитал, вместе с тем исчезнет самая основа капиталистического производства; но как раз на этой основе рабочий продает свой труд, как раз на этой основе его труд является наемным трудом. Или же рабочий получает за 12 часов труда менее 6 шилл., т. е. менее, чем 12 часов труда. 12 часов труда обмениваются на 10, 6 и т. д. часов труда. Это приравнивание неравных величин не только делает невозможным определение стоимости. Такое само себя уничтожающее противоречие не может быть вообще даже высказано или сформулировано в качестве закона²³⁾.

Не поможет делу также попытка вывести обмен большего количества труда на меньшее из различия формы — из того, что в одном случае имеется овеществленный, в другом — живой труд²⁴⁾. Это тем более нелепо, так как стоимость товара определяется не количеством труда, действительно овеществленного в нем, а количеством необходимого для его производства живого труда. Пусть товар представляет 6 рабочих часов. Если будут сделаны изобретения, благодаря которым его можно будет произвести в течение 3 часов, то и стоимость уже произведенного товара понизится наполовину. Теперь товар этот представляет уже только 3 часа необходимого

22) «Если вы и называете труд товаром, то он все же не похож на тот товар, который сначала производится с целью обмена, а затем выносятся на рынок, где должен быть обмен в определенных количествах на другие товары, имеющиеся одновременно на рынке; труд создается лишь тогда, когда он вынесен на рынок, более того, он выносятся на рынок раньше, чем он создан» (*Observations on certain Verbal Disputes etc.*, p. 75, 76).

23) «Если рассматривать труд как товар, а капитал, продукт труда, как другой товар, и если стоимости этих двух товаров регулируются одинаковыми количествами труда, то данная сумма труда... будет обменена на такое количество капитала, которое было произведено той же самой суммой труда; прошлый труд будет... обменен на ту же самую сумму настоящего труда. Но стоимость труда определяется... не таким же количеством труда, как стоимость других товаров» (Э. Г. Уэзфилд в его издании: *A. Smith. «Wealth of Nations»*. London, 1836, v. I, p. 231, примечание).

24) «Необходимо было согласиться» (еще одна разновидность «*contrat social*» [«общественного договора»]), «что каждый раз, когда будет обмениваться прошлый труд на будущий труд, последний (капиталист) получит стоимость высшую, чем первый (рабочий)» (*Simonde de Sismondi. «De la Richesse Commerciale»*. Genève, 1803, t. I, p. 37).

общественного труда вместо прежних шести. Таким образом, величина стоимости товара определяется не предметной формой труда, а количеством труда, которое необходимо для производства товара.

Фактически на товарном рынке владельцу денег противостоит непосредственно не труд, а рабочий. То, что продает последний, есть его рабочая сила. Когда его труд действительно начинается, он перестает принадлежать ему и, следовательно, не может быть им продан. Труд есть субстанция и имманентная мера стоимостей, но сам он не имеет стоимости²⁵⁾.

В выражении «стоимость труда» понятие стоимости не только совершенно исчезает, но и превращается в свою противоположность. Это такое же мнимое выражение, как, например, стоимость земли. Но такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений. Это — категории для форм проявления существенных отношений. Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии²⁶⁾.

Классическая политическая экономия без всякой критики позаимствовала у обыденной жизни категорию «цена труда», чтобы поставить затем вопрос: чем определяется эта цена? Она быстро убедилась, что изменение отношения между спросом и предложением ничего не может объяснить в цене труда, как и в цене всякого другого товара, кроме изменения цены, т. е. колебания рыночных цен ниже или выше определенной величины. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то при прочих равных условиях прекращается колебание цен. Но тогда спрос и предложение перестают и объяснять что бы то ни было. При равенстве спроса и предложения цена труда есть его цена, определяемая независимо от соотно-

²⁵⁾ «Труд, исключительное мерило стоимости... создатель всякого богатства, сам не является товаром» (*Th. Hodgskin. «Popular Political Economy»,* p. 186).

²⁶⁾ Напротив, попытки объяснить такие выражения как простые *licentia poetica* [поэтические вольности] свидетельствуют только о бессилии анализа. По поводу фразы Прудона: «Труду приписывают стоимость не постольку, поскольку он сам есть товар, а имея в виду те стоимости, которые, как предполагают, потенциально заключены в нем. Стоимость труда есть фигуральное выражение и т. д.», — я замечаю: «В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение. Значит, все современное общество, основанное на труде-товаре, отныне оказывается основанным лишь на некоторого рода поэтической вольности, на фигуральном выражении. И если общество захочет «устранить все те неудобства», от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык, а для этого ему лишь следует обратиться к Академии и попросить нового издания ее словаря» (*Карл Маркс. «Нищета философии»,* стр. 34, 35 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 92]). Еще удобнее, конечно, не подразумевать под термином «стоимость» совершенно ничего определенного. Тогда можно без стеснения подводить под эту категорию все, что угодно. Так поступает, например, Ж. Б. Сэй. Что такое «стоимость»? Ответ: «То, чего стоит вещь». А что такое «цена»? Ответ: «Стоимость вещи, выраженная в деньгах». А почему имеет «стоимость... труд земли»? «Потому что за него дают известную цену». Итак, стоимость есть то, чего стоит вещь, а земля имеет «стоимость», потому что стоимость ее «выражают в деньгах». Это, во всяком случае, очень простой метод разрешать вопросы о причине и происхождении вещей.

шения спроса и предложения, его естественная цена; таким-то образом и пришли к «естественной» цене труда как предмету, который собственно и подлежит исследованию. Или же рассматривали колебания рыночной цены за более или менее продолжительный период, например за один год, и находили, что отклонения ее в ту или другую сторону взаимно уравниваются на некоторой средней, постоянной величине. Эта средняя величина, конечно, должна определяться иначе, чем определяются взаимно компенсирующиеся отклонения от нее. Эта цена труда, господствующая над случайными рыночными ценами и регулирующая эти последние, так называемая «необходимая цена» (физиократы) или «естественная цена» (А. Смит) труда, может быть, как и у других товаров, лишь его стоимостью, выраженной в деньгах. Таким путем политическая экономия рассчитывала пробиться сквозь случайные цены труда и добраться до его стоимости. Как и у других товаров, стоимость эта определялась затем издержками производства. Но что такое издержки производства рабочего, т. е. издержки, затрачиваемые на то, чтобы произвести или воспроизвести самого рабочего? Этим вопросом для политической экономии бессознательно был подменен первоначальный вопрос, так как, оперируя издержками производства труда как такового, она вращалась в порочном кругу и не двигалась с места. Следовательно, то, что она называет стоимостью труда (*value of labour*), есть в действительности стоимость рабочей силы, которая существует в личности рабочего и столь же отлична от своей функции, труда, как машина отлична от своих операций. Занятые различием между рыночными ценами труда и его так называемой стоимостью, отношением этой стоимости к норме прибыли, к товарным стоимостям, создаваемым трудом, и т. д., экономисты никогда не замечали, что ход анализа не только ведет от рыночных цен труда к его мнимой «стоимости», но и заставляет самую эту стоимость труда, в свою очередь, свести к стоимости рабочей силы. Не осознав этих результатов своего собственного анализа, некритически применяя категории «стоимость труда», «естественная цена труда» и т. д. как последнее адекватное выражение рассматриваемого стоимостного отношения, классическая политическая экономия запуталась, как мы увидим впоследствии, в неразрешимых противоречиях, дав в то же время прочный операционный базис для пошлостей вульгарной политической экономии, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений.

Посмотрим прежде всего, каким образом стоимость и цена рабочей силы в своей превращенной форме выражаются в виде заработной платы.

Как мы знаем, дневная стоимость рабочей силы рассчитывается сообразно определенной продолжительности жизни рабочего, которой соответствует определенная длина рабочего дня. Допустим,

что обычный рабочий день продолжается 12 часов и что дневная стоимость рабочей силы равна 3 шилл., представляющим денежное выражение стоимости, которая воплощает в себе 6 рабочих часов. Если рабочий получает 3 шилл., он получает стоимость своей рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов. Выразив теперь эту дневную стоимость рабочей силы в виде стоимости дневного труда, мы получим формулу: двенадцатичасовой труд имеет стоимость в 3 шиллинга. Стоимость рабочей силы определяет, таким образом, стоимость труда, или — в денежном выражении — его необходимую цену. Если же цена рабочей силы отклоняется от ее стоимости, то и цена труда отклоняется от его так называемой стоимости.

Так как стоимость труда есть лишь иррациональное выражение для стоимости рабочей силы, то само собой понятно, что стоимость труда всегда должна быть меньше, чем вновь созданная трудом стоимость, потому что капиталист всегда заставляет рабочую силу функционировать дольше, чем это необходимо для воспроизводства ее собственной стоимости. В приведенном выше примере стоимость рабочей силы, функционирующей в течение 12 часов, равна 3 шилл., — стоимости, для воспроизводства которой рабочая сила должна функционировать 6 часов. Между тем вновь созданная стоимость равна 6 шилл., так как фактически рабочая сила функционировала 12 часов, а вновь созданная ею стоимость зависит не от ее собственной стоимости, а от продолжительности ее функционирования. Мы получаем, таким образом, тот на первый взгляд нелепый результат, что труд, создающий стоимость в 6 шилл., сам обладает стоимостью в 3 шиллинга ²⁷⁾.

Мы видим далее, что стоимость в 3 шилл., в которой выражается оплаченная часть рабочего дня, т. е. шестичасовой труд, выступает как стоимость, или цена, всего двенадцатичасового рабочего дня, включающего в себя шесть неоплаченных часов труда. Итак, форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Весь труд выступает как оплаченный труд. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом, в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб лишь возмещает стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным

²⁷⁾ Ср. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 40, где я заявляю, что исследование капитала должно разрешить следующую проблему: «Каким образом производство на базе меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта?» [см.: Маркс К., Зигельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 48].

трудом ²⁸⁾. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный, или неоплаченный, труд выступает как оплаченный. Там отношение собственности скрывает труд раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровой труд наемного рабочего.

Понятно поэтому то решающее значение, какое имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в стоимость и цену самого труда. На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии.

Если всемирной истории потребовалось много времени, чтобы вскрыть тайну заработной платы, то, напротив, нет ничего легче, как понять необходимость, *raisons d'être* [смысл, основание] этой формы проявления.

Обмен между капиталом и трудом воспринимается первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает известную сумму денег, продавец — предмет, отличный от денег. Юридическое сознание видит здесь в лучшем случае лишь вещественную разницу, которая выражается в юридически эквивалентных формулах: «*do ut des*», «*do ut facias*», «*facio ut des*» и «*facio ut facias*» [«даю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал» и «делаю, чтобы ты сделал»].

Далее: так как меновая стоимость и потребительная стоимость сами по себе величины несоизмеримые, то выражения «стоимость труда», «цена труда» кажутся не более иррациональными, чем, например, выражения «стоимость хлопка», «цена хлопка». Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что рабочий оплачивается после того, как он доставил свой труд. В своей функции средства платежа деньги задним числом реализуют стоимость, или цену, доставленного предмета, следовательно, в данном случае стоимость, или цену, доставленного труда. Наконец, той «потребительной стоимостью», которую рабочий доставляет капиталисту, является в действительности не рабочая сила, а ее функция, определенный полезный труд, труд портного, сапожника, прядильщика и т. д. Что этот же самый труд, с другой стороны, есть всеобщий создающий стоимость элемент, — свойство, отличающее его от всех других товаров, — это обстоятельство ускользает от обыденного сознания.

²⁸⁾ «Morning Star», наивный до глупости орган лондонских фритредеров, во время Гражданской войны в Америке то и дело уверял, выражая при этом возможное в пределах человеческого морального негодования, что негры работают в «Конфедеративных Штатах» ¹⁶⁵ совсем даром. Лучше бы он сравнил дневные надержки такого негра и дневные надержки свободного рабочего, например, в лондонском Ист-Энде.

Если мы станем на точку зрения рабочего, который за свой двенадцатичасовой труд получает стоимость, созданную шестичасовым трудом, скажем 3 шилл., то для него двенадцатичасовой труд действительно есть лишь средство купить 3 шиллинга. Стоимость его рабочей силы может изменяться вместе со стоимостью привычных для него жизненных средств: повыситься с 3 шилл. до 4 или упасть с 3 шилл. до 2; или, при неизменной стоимости рабочей силы, цена ее вследствие колебаний спроса и предложения может подняться до 4 шилл. или упасть до 2 шилл., — во всех этих случаях рабочий одинаково дает 12 часов труда. Поэтому всякая перемена в величине получаемого им эквивалента необходимо представляется ему изменением стоимости, или цены, его 12 рабочих часов. Это обстоятельство привело А. Смита, рассматривавшего рабочий день как величину постоянную ²⁹⁾, к обратной ошибке: к утверждению, что стоимость труда постоянна, несмотря на то, что стоимость жизненных средств изменяется, и потому один и тот же рабочий день может выразиться для рабочего в большем или меньшем количестве денег.

Возьмем, с другой стороны, капиталиста. Он хочет получить возможно больше труда за возможно меньшее количество денег. Поэтому практически его интересует лишь разница между ценой рабочей силы и той стоимостью, которую создает ее функционирование. Но он старается купить возможно дешевле все товары и всегда видит источник своей прибыли в простом надувательстве, в купле ниже и продаже выше стоимости. Следовательно, он далек от понимания того обстоятельства, что если бы действительно существовала такая вещь, как стоимость труда, и он действительно уплачивал бы эту стоимость, то не могло бы существовать никакого капитала, его деньги не могли бы превратиться в капитал.

К тому же действительное движение заработной платы обнаруживает явления, которые создают видимость доказательства, будто оплачивается не стоимость рабочей силы, а стоимость ее функции, т. е. самого труда. Явления эти мы можем свести к двум большим группам. Во-первых: изменение заработной платы вместе с изменением продолжительности рабочего дня. С таким же правом можно было бы вывести заключение, что оплачивается не стоимость машины, а стоимость ее операций, потому что и машину арендовать на неделю стоит дороже, чем на один день. Во-вторых: индивидуальные различия в заработных платах различных рабочих, выполняющих одну и ту же функцию. Эти индивидуальные различия находим мы и в системе рабского труда, но здесь, где сама рабочая сила продается совершенно открыто без всяких прикрас, они не служат поводом для иллюзий. Разница сводится лишь к тому, что

²⁹⁾ Лишь случайно, говоря о почасовой заработной плате, А. Смит указывает на изменение рабочего дня.

при рабской системе выгода от рабочей силы выше среднего качества и потеря от рабочей силы ниже среднего качества выпадает на долю рабовладельца, а при системе наемного труда — на долю самого рабочего, так как в последнем случае рабочая сила продается самим рабочим, в первом случае — третьим лицом.

Впрочем, о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существенного отношения, которое проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и о их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием. Классическая политическая экономия подходит очень близко к истинному положению вещей, однако не формулирует его сознательно. Это она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПОВРЕМЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Сама заработная плата принимает, в свою очередь, очень разнообразные формы, о чем нет никаких сведений в руководствах по политической экономии, которые в своем грубом пристрастии к вещественной стороне дела пренебрегают всякими различиями форм. Однако описание всех этих форм относится к специальному учению о наемном труде и, следовательно, не составляет задачи настоящего сочинения. Здесь будет уместно лишь кратко рассмотреть две господствующие основные формы.

Как мы помним, рабочая сила продается всегда на определенный период времени. Поэтому той превращенной формой, в которой непосредственно выражается дневная стоимость рабочей силы, недельная ее стоимость и т. д., является форма «повременной заработной платы», т. е. поденная и т. д. заработная плата.

Заметим, прежде всего, что изложенные в пятнадцатой главе законы изменения цены рабочей силы и прибавочной стоимости превращаются в законы заработной платы путем простой перемены формы. Равным образом различие между меновой стоимостью рабочей силы и массой жизненных средств, в которые она превращается, представляется теперь в виде различия между номинальной и реальной заработной платой. Было бы излишне повторять в отношении формы проявления все то, что было изложено относительно существенной формы. Мы ограничимся поэтому немногими характеризующими повременную заработную плату пунктами.

Та сумма денег ³⁰⁾, которую рабочий получает за свой дневной, недельный и т. д. труд, образует сумму его номинальной заработной платы, т. е. заработной платы в ее стоимостном выражении. Очевидно, однако, что в зависимости от продолжительности рабочего дня, т. е. в зависимости от количества труда, ежеднев-

³⁰⁾ Стоимость самих денег всюду предполагается здесь постоянной.

но доставляемого рабочим, одна и та же поденная, понедельная и т. д. заработная плата может представлять очень различную цену труда, т. е. очень различные денежные суммы за одно и то же количество труда ³¹⁾. Таким образом, при повременной плате необходимо, далее, различать общую сумму заработной платы — поденной, понедельной и т. д. — и цену труда. Но как найти эту цену, или денежную стоимость данного количества труда? Мы получим среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня. Пусть, например, дневная стоимость рабочей силы равняется 3 шилл., или стоимости, вновь созданной в 6 рабочих часов, и пусть рабочий день продолжается 12 часов; тогда цена одного часа труда $= \frac{3 \text{ шилл.}}{12} = 3 \text{ пенс.}$ Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей измерения цены труда.

Отсюда следует, что поденная, понедельная и т. п. заработная плата может оставаться неизменной, несмотря на постоянное падение цены труда. Так, например, если обычный рабочий день продолжается 10 часов, а дневная стоимость рабочей силы равна 3 шилл., то цена рабочего часа — $3\frac{3}{5}$ пенс; последняя упадет до 3 пенсов, если рабочий день возрастет до 12 часов, и до $2\frac{2}{5}$ пенс, если рабочий день возрастет до 15 часов. Тем не менее поденная и понедельная плата останутся неизменными. Наоборот, поденная или понедельная плата может возрастать, несмотря на то, что цена труда остается неизменной и даже падает. Так, например, при десятичасовом рабочем дне и дневной стоимости рабочей силы в 3 шилл. цена рабочего часа будет $3\frac{3}{5}$ пенс. Если рабочий вследствие увеличения объема работы при той же самой цене труда станет работать 12 часов в день, то его поденная заработная плата возрастает до 3 шилл. $7\frac{1}{5}$ пенс без всякого изменения в цене труда. Тот же результат получился бы, если бы увеличилась не экстенсивная, а интенсивная величина труда ³²⁾. Поэтому повышение номинальной поденной или понедельной платы может сопровождаться неизменной и даже падающей ценой труда. То же самое можно сказать относительно доходов рабочей семьи, поскольку к количеству труда, доставляемому главой семьи, прибавляется труд других ее членов. Таким образом, существуют методы пони-

³¹⁾ «Цена труда есть сумма, уплаченная за данное количество труда» (Sir Edward West. «Price of Corn and Wages of Labour». London, 1826, p. 67). Уэст — автор анонимного произведения, сделавшего эпоху в истории политической экономии: «Essay on the Application of Capital to Land». By a Fellow of the University College of Oxford. London, 1815.

³²⁾ «Плата за труд зависит от цены труда и от количества выполненного труда... Увеличение заработной платы не связано необходимо с возрастанием цены труда. При удлинении рабочего времени и при большем напряжении заработная плата может значительно возрасти, несмотря на то, что цена труда остается та же самая» (West. «Price of Corn and Wages of Labour». London, 1826, p. 67, 68, 112). Впрочем, от главного вопроса, чем определяется «цена труда», Уэст отделяется багальными фразами.

жения цены труда, независимые от уменьшения номинальной поденной или понедельной заработной платы ³³⁾.

Общий же закон таков: при данном количестве труда в день, в неделю и т. д. размеры поденной или понедельной заработной платы зависят от цены труда, которая, в свою очередь, изменяется или вместе с изменением стоимости рабочей силы, или с отклонением ее цены от стоимости. Если, наоборот, дана цена труда, то поденная или понедельная заработная плата зависит от количества дневного или недельного труда.

Единица измерения повременной заработной платы, или цена рабочего часа, есть частное от деления дневной стоимости рабочей силы на число часов обычного рабочего дня. Пусть рабочий день составляет 12 часов труда, а дневная стоимость рабочей силы равна 3 шилл., или стоимости, представляющей собой продукт 6 рабочих часов. Цена рабочего часа будет при этих условиях 3 пенса, вновь созданная им стоимость 6 пенсов. Если мы предположим далее, что рабочий будет работать менее 12 часов в день (или менее 6 дней в неделю), например 6 или 8 часов, то он получит при той же самой цене труда всего 2 или $1\frac{1}{2}$ шилл. дневной платы ³⁴⁾. Так как по нашему предположению он должен работать в среднем 6 часов в день, чтобы произвести дневную заработную плату, соответствующую стоимости его рабочей силы, так как согласно тому же предположению он затрачивает на себя лишь половину каждого часа труда, а другую половину работает на капиталиста, то очевидно, что он может зарабатывать созданную шестичасовым трудом стоимость лишь в том случае, если проработает не менее 12 часов. Раньше мы видели разрушительные последствия чрезмерного труда, — здесь перед нами раскрывается источник тех страданий рабочего, которые порождаются его неполной занятостью.

³³⁾ Это чувствует фанатичный защитник промышленной буржуазии XVIII столетия, неоднократно цитированный нами автор «*Essay on Trade and Commerce*», хотя он излагает вопрос чрезвычайно путано: «Количество труда, а не цена его» (под ней он разумеет номинальную поденную или понедельную заработную плату) «определяется ценой продуктов питания и других предметов необходимости. Понизьте в достаточной степени цену предметов необходимости, и тем самым вы уменьшите в соответственной пропорции количество труда... Фабриканты знают, что существуют различные пути повышения и понижения цены труда, не затрагивающие ее номинального размера» (указ. соч., стр. 48 и 61). Н. У. Сениор в своих «*Three Lectures on the Rate of Wages*». London, 1830, где он многое заимствует у Уэста, не ссылаясь, однако, на него, между прочим, говорит: «Рабочий... главным образом заинтересован в размерах заработной платы» (стр. 15). Итак, рабочего главным образом интересует то, что он получает, номинальная сумма заработной платы, а не то, что он отдает, не количество труда.

³⁴⁾ Влияние такой ненормальной, неполной занятости совершенно отлично от влияния всеобщего, принудительного, установленного законом сокращения рабочего дня. Первая совершенно не затрагивает абсолютных размеров рабочего дня и может одинаково легко наступить и при 15-часовом и при 6-часовом дне. Нормальная цена труда исчисляется в первом случае, исходя из предположения, что рабочий в среднем трудится 15 часов, во втором случае — исходя из предположения, что средний рабочий день составляет 6 часов. Результат получится одинаковый, если в первом случае рабочий будет занят в течение только $7\frac{1}{2}$, во втором — в течение только 3 часов в день.

Если часовая плата фиксируется так, что обязательство капиталиста состоит не в том, чтобы выдавать определенную дневную или недельную плату, а лишь в том, чтобы оплачивать те рабочие часы, в течение которых ему угодно дать занятие рабочему, то капиталист может сократить время труда рабочего по сравнению с теми размерами рабочего дня, которые первоначально послужили для определения часовой платы, или единицы измерения цены труда. Так как эта единица измерения определяется отношением дневная стоимость рабочей силы / рабочий день данного числа часов, то, разумеется, она теряет всякий смысл, раз рабочий день перестает заключать в себе определенное число часов. Связь между оплаченным и неоплаченным трудом уничтожается. Капиталист может теперь выколотить из рабочего определенное количество прибавочного труда, не доводя рабочее время до размеров, необходимых для поддержания существования рабочего. Он может уничтожить всякую регулярность труда и, руководствуясь исключительно своим удобством, прихотью и минутным интересом, сменять периоды чудовищного чрезмерного труда периодами относительной или даже полной безработицы. Под предлогом оплаты «нормальной цены труда» он может удлинять рабочий день за пределы всякой нормы без сколько-нибудь соответствующей компенсации для рабочего. Поэтому лондонские строительные рабочие поступили вполне рационально, восстав (в 1860 г.) против попытки капиталистов навязать им такую часовую оплату. Законодательное ограничение рабочего дня кладет конец такого рода безобразиям, хотя, конечно, отнюдь не уничтожает неполной занятости рабочего, вытекающей из конкуренции машин, из изменений в квалификации применяемых рабочих, из частичных и всеобщих кризисов.

При растущей поденной или понедельной плате цена труда может номинально остаться неизменной и тем не менее упасть ниже своего нормального уровня. Это случается каждый раз, когда при постоянной цене труда, т. е. рабочего часа, рабочий день увеличивается за пределы своей обычной продолжительности. Если в дробь дневная стоимость рабочей силы / рабочий день растет знаменатель, то числитель растёт еще быстрее. Стоимость рабочей силы, вследствие изнашивания, растёт вместе с продолжительностью ее функционирования и в пропорции более быстрой, чем продолжительность ее функционирования. Вследствие этого во многих отраслях производства, где преобладает повременная плата при отсутствии законодательного ограничения рабочего времени, само собой выработался обычай считать рабочий день нормальным («normal working day» [«нормальный рабочий день»], «the day's work» [«дневная работа»] или «the regular hours of work» [«регулярные часы труда»]) лишь до известного предела, например до истечения десятого часа труда

Рабочее время, выходящее за эту границу, образует сверхурочное время (overtime) и оплачивается, при расчете на каждый час труда по повышенному тарифу (extra pay), хотя повышенному часто в совершенно ничтожной степени³⁵⁾. Нормальный рабочий день существует здесь как часть действительного рабочего дня, причем зачастую последний в течение всего года продолжительнее первого³⁶⁾. Возрастание цены труда с удлинением рабочего дня за известную нормальную границу носит в различных отраслях британской промышленности такой характер, что низкая цена труда в течение так называемого нормального времени вынуждает рабочего, если он хочет вообще получить достаточную заработную плату, работать сверхурочное время, которое оплачивается лучше³⁷⁾. Законодательное ограничение рабочего дня кладет конец этому удовольствию³⁸⁾.

Общезвестен факт, что чем длиннее рабочий день в данной отрасли промышленности, тем ниже заработная плата³⁹⁾. Фабрич-

³⁵⁾ «Норма оплаты сверхурочного времени» (в производстве кружев) «настолько мала — $1\frac{1}{2}$ и т. д. пенса за час, — что она стоит в резком контрасте с тем громадным предом, который сверхурочная работа причиняет здоровью и жизненной силе рабочего... К тому же небольшую прибавку заработной платы, добытую таким образом, приходится целиком расходовать на добавочные освежающие средства» («Children's Employment Commission. 2nd Report», p. XVI, № 117).

³⁶⁾ Например, в производстве обоев до недавнего введения фабричного акта. «Мы работаем без перерывов на еду, так что наш $10\frac{1}{2}$ -часовой рабочий день заканчивается в $4\frac{1}{2}$ часа пополудни, а вся дальнейшая работа есть сверхурочное время, которое редко заканчивается раньше 6 часов вечера; таким образом, в действительности мы круглый год работаем сверхурочное время» (показания г-на Смита в «Children's Employment Commission. 1st Report», p. 125).

³⁷⁾ Так, например, в шотландских белильнях: «В некоторых частях Шотландии эта промышленность» (до введения фабричного акта 1862 г.) «практиковала систему сверхурочного времени, т. е. 10 часов труда считались нормальным рабочим днем. За это время рабочий получал 4 шилл. 2 пенса. Но сюда присоединилось ежедневно от 3 до 4 часов сверхурочного времени, за которое уплачивалось по 3 пенса в час. Результат этой системы: рабочий, работающий только нормальное время, мог получить только 8 шилл. в неделю... Без сверхурочных часов его заработная плата оказывалась недостаточной» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», p. 10). «Повышенная оплата сверхурочного времени есть искушение, которому рабочий не в силах противостоять» («Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1848», p. 5). Переплетная в лондонском Сити применяет очень много молодых девушек 14—15 лет, и притом по ученическому контракту, которым устанавливается определенное число рабочих часов. Тем не менее они работают в последнюю неделю каждого месяца до 10, 11, 12 и даже до 1 часу ночи, вместе с рабочими более зрелого возраста, в очень смешанной компании. «Хозяева соблазняют (tempt) их повышенной оплатой и деньгами на хороший ужин», который девушки берут в соседних кабаках. Большая распушенность, пасаждаемая таким путем среди этих «молодых бессмертных» («Children's Employment Commission. 5th Report», p. 44, № 191), компенсируется тем, что они переплетают в числе прочего значительное количество библий и назидательных книг.

³⁸⁾ См. «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1863», там же. Совершенно правильно оценили положение дел лондонские строительные рабочие, заявив во время большой стачки и локаута 1860 г. о своем согласии принять часовую оплату лишь на следующих двух условиях: 1) наряду с ценой рабочего часа должна быть установлена норма рабочего дня в 9 и 10 часов, причем час 10-часового дня должен оцениваться выше, чем час 9-часового; 2) каждый час сверх нормального дня должен, как сверхурочное время, оплачиваться относительно выше.

³⁹⁾ «Очень хорошо известно также, что там, где длинный рабочий день составляет общее правило, общим правилом является и низкая заработная плата» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», p. 9). «Труд, получающий ничтожное количество средств существования, является в большинстве случаев чрезмерно продолжительным» («Public Health. 6th Report», 1864, p. 15).

ный инспектор А. Редгрейв иллюстрирует это в сравнительном обзоре за двадцатилетний период с 1839 по 1859 г., причем оказывается, что на фабриках, на которые распространяется действие десятичасового закона, заработная плата поднялась, тогда как на фабриках, где работают 14—15 часов в день, она понизилась⁴⁰⁾.

Из закона: «при данной цене труда дневная или недельная заработная плата зависит от количества доставленного труда», вытекает прежде всего, что чем ниже цена труда, тем большее количество труда или тем более длинный рабочий день требуется для того, чтобы рабочему была обеспечена хотя бы жалкая средняя заработная плата. Низкий уровень цены труда подталкивает к удлинению рабочего времени⁴¹⁾.

Но и, наоборот, удлинение рабочего времени вызывает, в свою очередь, понижение цены труда, а вместе с тем понижение дневной или недельной заработной платы.

Из определения цены труда дробью

$\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$ вытекает, что удлинение рабочего дня

само по себе понижает цену труда, если не происходит никакой компенсации. Но те же самые обстоятельства, которые позволяют капиталисту надолго удлинить рабочий день, сначала позволяют ему, а в конце концов вынуждают его понижать цену труда также и номинально до тех пор, пока не понизится совокупная цена возросшего числа рабочих часов, т. е. дневная или недельная плата. Здесь достаточно указать на два обстоятельства. Если один человек начинает выполнять работу полутора или двух человек, то растет предложение труда, хотя бы предложение рабочей силы, находящейся на рынке, оставалось неизменным. Конкуренция, созданная таким образом среди рабочих, дает капиталисту возможность понизить цену труда, а падающая цена труда дает ему, в свою очередь, возможность еще более увеличить рабочее время⁴²⁾. Однако скоро возможность располагать этим ненормальным, т. е. превышающим средний общественный уровень, коли-

⁴⁰⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1860», p. 31, 32.

⁴¹⁾ Так, например, ремесленные рабочие английского гондального производства вынуждены были вследствие низкой цены труда работать 15 часов в день, чтобы выручить самую жалкую недельную плату. «Долгие, долгие часы должен он упорно трудиться каждый день, чтобы выработать 11 пенсов или 1 шилл., причем $2\frac{1}{2}$ — 3 пенса из этой суммы уходят на возмещение износа орудий, на топливо, на отходы железа» («Children's Employment Commission. 3rd Report», p. 136, № 671). Женщины при том же рабочем времени зарабатывают всего 5 шилл. в неделю (там же, стр. 137, № 674).

⁴²⁾ Если бы, например, фабричный рабочий отказался работать обычное большое число часов, «он быстро был бы замещен кем-либо другим, готовым работать сколько угодно, и таким образом был бы выброшен на улицу» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1848». Evidence, p. 39, № 58). «Если... один человек выполняет работу двух... норма прибыли обыкновенно повышается... вследствие того, что добавочное предложение труда понижает его цену» (Senior. «Three Lectures on the Rate of Wages». London, 1830, p. 15).

чеством неоплаченного труда становится орудием конкуренции среди самих капиталистов. Часть товарной цены состоит из цены труда. Но неоплаченная часть цены труда может и не учитываться в цене товара. Ее можно подарить покупателю. Таков первый шаг, совершаемый под давлением конкуренции. Второй шаг, к которому вынуждает та же конкуренция, заключается в том, чтобы исключить из продажной цены товара по крайней мере часть той ненормальной прибавочной стоимости, которая создается удлинением рабочего дня. Таким путем образуется ненормально низкая продажная цена товара, которая сначала возникает спорадически, а затем мало-помалу фиксируется и становится постоянной основой жалкой заработной платы и чрезмерного рабочего времени, под влиянием которых она первоначально возникла. Мы лишь намечаем здесь это движение, так как анализ конкуренции не входит пока в нашу задачу. Тем не менее мы предоставим на минуту слово самому капиталисту.

«В Бирмингеме конкуренция между хозяевами настолько велика, что некоторые из нас вынуждены в качестве работодателей делать то, чего мы сами устыдились бы при иных обстоятельствах; и все же этим не удастся добыть большего количества денег (*and yet no more money is made*), и лишь публика получает выгоду»⁴³⁾.

Вспомним две категории лондонских булочников, из которых одни продают хлеб по полной цене (*the fullpriced* bakers), а другие ниже его нормальной цены («*the underpriced*», «*the undersellers*»). «*Fullpriced*» в следующих выражениях разоблачают своих конкурентов перед парламентской следственной комиссией:

«Они существуют лишь благодаря тому, что, во-первых, обманывают публику» (фальсифицируя товар), «и, во-вторых, благодаря тому, что выколачивают из своих людей 18 часов труда за двенадцатичасовую плату... Неоплаченный труд (*the unpaid labour*) рабочих — вот орудие, которым они борются с конкурентами... Конкуренция между хозяевами-пекарями является той причиной, которая затрудняет устранение ночного труда. *Underseller*, продающий свой хлеб ниже издержек производства, изменяющихся вместе с изменением цены муки, не несет потерь, так как выколачивает из своих рабочих повышенное количество труда. Если я извлекаю из рабочих только двенадцать часов труда, а мой сосед 18 или 20, то, конечно, он побьет меня на продажной цене товара. Если бы рабочие могли настоять на оплате сверхурочного времени, этому маневру был бы скоро положен конец... Значительное число рабочих, занятых у *undersellers*, состоит из иностранцев, малолетних и др., которые вынуждены довольствоваться чуть ли не всякой заработной платой, какую им удастся получить»⁴⁴⁾.

Эта иеремиада интересна между прочим и в том отношении, что она показывает, как в мозгу капиталиста отражается лишь внешняя видимость производственных отношений. Капиталисту

⁴³⁾ «*Children's Employment Commission. 3rd Report*». Evidence, p. 66, № 22.

⁴⁴⁾ «*Report etc. relative to the grievances complained of by the Journeymen Bakers*» London, 1862, p. LII, и там же показания №№ 479, 359, 27. Впрочем, и *fullpriced*, как мы упоминали выше и как это признает сам защитник их Беннет, заставляют своих рабочих «начинать работу в 11 часов вечера или раньше и зачастую продолжают ее до 7 часов следующего вечера» (там же, стр. 22).

неизвестно, что нормальная цена труда также предполагает известное количество неоплаченного труда и что именно этот неоплаченный труд образует нормальный источник его прибыли. Категория прибавочного рабочего времени для него вообще не существует, потому что прибавочное рабочее время включено в нормальный рабочий день, который капиталист, по его мнению, целиком оплачивает в поденной плате. Но для него существует сверхурочное время, удлинение рабочего дня за границы, соответствующие обычной цене труда. Он настаивает даже на добавочной оплате (extra pay) этого сверхурочного времени, когда дело идет о его конкурентах, понижающих продажную цену товара ниже обычного уровня. Но он опять-таки не знает, что эта добавочная оплата связана с неоплаченным трудом точно так же, как и цена обычного рабочего часа. Например, пусть цена одного часа двенадцатичасового рабочего дня составляет 3 пенса, т. е. равна стоимости, созданной за $\frac{1}{2}$ часа труда, а цена сверхурочного рабочего часа 4 пенса, т. е. равна стоимости, созданной за $\frac{2}{3}$ рабочего часа. Тогда в первом случае капиталист бесплатно присваивает себе половину рабочего часа, во втором случае — одну треть.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПОШТУЧНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Поштучная заработная плата есть не что иное, как превращенная форма повременной заработной платы, точно так же как повременная заработная плата есть превращенная форма стоимости или цены рабочей силы.

При поштучной заработной плате дело на первый взгляд выглядит так, будто той потребительной стоимостью, которую продает рабочий, является не функция его рабочей силы, не живой труд, а труд, уже овеществленный в продукте, и будто цена этого труда определяется не дробью $\frac{\text{дневная стоимость рабочей силы}}{\text{рабочий день данного числа часов}}$, как при повременной заработной плате, а дееспособностью производителя ⁴⁵⁾.

Уверенность в правильности такого взгляда должна была бы сильно пошатнуться уже ввиду одного того факта, что обе формы заработной платы существуют одновременно и рядом в одних и тех же отраслях промышленности. Так, например,

«лондонские наборщики, как правило, получают поштучную заработную плату, повременная заработная плата является у них исключением. Наоборот, у провинциальных наборщиков повременная заработная плата составляет правило, поштучная — исключение. Корабельные плотники лондонской гавани получают поштучную плату, во всех других английских гаванях — повременную» ⁴⁶⁾.

⁴⁵⁾ «Система поштучной работы знаменует определенную эпоху в истории рабочего: она стоит на полпути между положением простого поденщика, зависящего от воли капиталиста, и кооперативным мастерским, который в недалеком будущем обещает соединить в своем лице мастерского и капиталиста. Сдельные рабочие фактически сами себе хозяева, даже когда они работают при помощи капитала предпринимателя» (*John Watts. «Trade Societies and Strikes, Machinery and Co-operative Societies». Manchester, 1865, p. 52, 53*). Я цитирую это сочинение потому, что оно представляет собой истинную сточную канаву для всех давно уже сгнивших общих мест апологетики. Тот же самый г-н Уотс выступал раньше в качестве оуэниста и в 1842 г. опубликовал другое сочинение: «*Facts and Fictions of Political Economists*», где он, между прочим, собственность объявляет грабежом. Но это было давно.

⁴⁶⁾ *T. J. Dunning. «Trade's Unions and Strikes». London, 1860, p. 22.*

В Лондоне в одних и тех же шорных мастерских труд французов оплачивается зачастую поштучно, труд англичан — поденно. На фабриках в собственном смысле этого слова, где вообще преобладает поштучная заработная плата, отдельные рабочие функции по техническим соображениям изымаются из этой оценки и оплачиваются повременно⁴⁷⁾. Все же само собой очевидно, что различие в форме выплаты заработной платы ничуть не меняет ее сущности, хотя одна из этих форм может быть более благоприятной для развития капиталистического производства, чем другая.

Пусть обычный рабочий день состоит из 12 часов, из которых 6 оплачено и 6 не оплачено. Созданная в течение этого дня стоимость пусть будет равна 6 шилл., следовательно, созданная в один рабочий час стоимость — 6 пенсов. Пусть, далее, опыт показал, что рабочий, работающий со средней степенью интенсивности и искусства, следовательно, употребляющий на производство продукта только общественно необходимое рабочее время, доставляет в течение 12 часов 24 штуки продукта, причем в данном случае безразлично, представляют ли эти последние отдельные экземпляры или измеримые части нераздельного продукта. При этих условиях стоимость этих 24 штук — за вычетом содержащейся в них постоянной части капитала — будет 6 шилл., стоимость каждой отдельной штуки — 3 пенса. Рабочий получает $1\frac{1}{2}$ пенса за штуку и, следовательно, зарабатывает 3 шилл. за 12 часов. Подобно тому как при повременной плате безразлично, допускаем ли мы, что рабочий работает 6 часов на себя и 6 на капиталиста, или же, что он половину каждого часа работает на себя, а другую половину на капиталиста, — точно так же и здесь безразлично, говорим ли мы, что каждая отдельная штука наполовину оплачена, а наполовину не оплачена, или что цена 12 штук лишь возмещает стоимость рабочей силы, тогда как в других 12 штуках воплощается прибавочная стоимость.

Форма поштучной платы иррациональна в такой же мере, как и форма повременной платы. В то время как, например, две штуки товара представляют собой продукт одного рабочего часа и,

⁴⁷⁾ Вот образчик того, в какой степени одновременное существование этих двух форм заработной платы благоприятствует мошенничеству фабрикантов: «Фабрика дает занятия 400 человекам, половина которых работает сдельно и непосредственно заинтересована в сверхурочных работах. Остальные 200 человек оплачиваются поденно, работают столь же продолжительное время и ничего не получают за сверхурочные часы... Труд этих 200 человек в течение $\frac{1}{2}$ часа в день равен труду одного лица в течение 50 часов, или $\frac{5}{6}$ недельного труда одного лица, и представляет собой прямой выигрыш для предпринимателя» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1860», p. 9). «Сверхурочный труд по-прежнему имеет широкое распространение, причем в большинстве случаев сам закон обуславливает невозможность раскрыть это злоупотребление и подвергнуть виновников его наказанию. В моих прежних отчетах я уже неоднократно показывал... какая несправедливость причитается всем тем рабочим, которые оплачиваются не сдельно, а получают понедельную плату» (Леонард Хорнер в «Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1859», p. 8, 9).

следовательно, за вычетом стоимости потребленных средств производства, стоят 6 пенсов, рабочий получает за них лишь 3 пенса. В действительности поштучная плата непосредственно не выражает собой никакого стоимостного отношения. Здесь не стоимость штуки товара измеряется воплощенным в ней рабочим временем, а, наоборот, затраченный рабочим труд измеряется числом произведенных им штук товара. При повременной заработной плате труд непосредственно измеряется своей продолжительностью, при поштучной заработной плате — количеством того продукта, в котором сгустился труд определенной продолжительности⁴⁸⁾. Цена самого рабочего времени определяется, в конце концов, уравнением: стоимость дневного труда = дневной стоимости рабочей силы. Таким образом, поштучная заработная плата есть лишь модифицированная форма повременной заработной платы.

Рассмотрим несколько подробнее характерные особенности поштучной заработной платы.

Качество труда контролируется здесь самим его продуктом, так как поштучная плата выдается полностью лишь в том случае, если продукт обладает средней доброкачественностью. Вследствие этого поштучная плата является обильнейшим источником вычетов из заработной платы и капиталистического мошенничества.

Она дает капиталисту совершенно определенную меру интенсивности труда. Лишь то рабочее время, которое воплощается в заранее определенном, установленном опытом количестве товара, считается общественно необходимым рабочим временем и оплачивается как таковое. В более крупных портняжных мастерских Лондона определенная штука производимых продуктов, например жилет и т. п., носит название одного часа, получаса и т. д., причем за каждый час причитается по 6 пенсов. Из практики известна величина среднего продукта одного часа. При перемене моды, при починках и т. д. между предпринимателем и рабочим возникает спор, равна ли данная штука одному часу труда и т. д., пока и здесь благодаря опыту не будет найдено решение. То же самое имеет место в лондонских мебельных мастерских и т. д. Если рабочий не обладает средней работоспособностью, если он не в состоянии дать определенного минимума дневной работы, то его увольняют⁴⁹⁾.

⁴⁸⁾ «Заработная плата может измеряться двумя способами: или продолжительностью труда или его продуктом» («Abrégé élémentaire des principes de l'Economie Politique», Paris, 1796, p. 32). Автор этой анонимной работы — Ж. Гарнье.

⁴⁹⁾ «Ему» (придильщику) «выдается столько-то хлопка и по истечении известного времени он должен вернуть взамен такое-то количество ниток или пряжи определенной степени тонкости, причем он получает определенную плату за каждый доставленный им фунт продукта. Если работа его плохого качества, на него налагается штраф; если она по количеству меньше минимума, установленного для данного времени, он получает расчет и замещается более искусным работником» (Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 316, 317).

Так как качество и интенсивность труда контролируются здесь самой формой заработной платы, то надзор за трудом становится в значительной мере излишним. Поэтому поштучная плата образует основу как описанной выше современной работы на дому, так и иерархически расчлененной системы эксплуатации и угнетения. Последняя имеет две основных формы. С одной стороны, поштучная плата облегчает внедрение паразитов между капиталистом и наемным рабочим, перепродажу труда посредниками (*subletting of labour*). Прибыль посредников образуется исключительно за счет разницы между ценой труда, уплачиваемой капиталистом, и той частью этой цены, которую посредники действительно оставляют рабочему⁵⁰⁾. В Англии эта система носит характерное название «*sweating system*» (потогонная система). С другой стороны, поштучная плата позволяет капиталисту заключать со старшим рабочим — в мануфактуре с главой группы, в шахтах — с углекопом и т. п., на фабрике — с собственно машинным рабочим — контракт на определенное число штук продукта по определенной цене, за которую старший рабочий берет на себя привлечение и оплату подручных. Эксплуатация рабочих капиталом осуществляется здесь при посредстве эксплуатации одного рабочего другим рабочим⁵¹⁾.

Раз существует поштучная заработная плата, то естественно, что личный интерес рабочего заставляет его как можно интенсивнее напрягать свою рабочую силу, что, в свою очередь, облегчает для капиталиста повышение нормального уровня интенсивности^{51a)}. Точно так же личный интерес рабочего побуждает его удлинять свой рабочий день, так как тем самым повышается его

⁵⁰⁾ «Когда работа проходит через руки многих лиц, каждое из которых получает долю прибыли, но только последнее действительно прилагает свой труд, тогда плата, действительно получаемая работницей, чрезвычайно ничтожна» («*Children's Employment Commission. 2nd Report*», p. LXX, № 424).

⁵¹⁾ Даже апологет Уотс замечает: «Было бы существенным улучшением системы сдельной платы, если бы все лица, занятые данной работой, были, в соответствии со своими способностями, непосредственными участниками контракта, вместо такого положения, когда лишь один рабочий заинтересован в чрезмерном труде своих товарищей, навлекая из этого личную выгоду» (*John Watts. «Trade Societies and Strikes, Machinery and Co-operative Societies»*. Manchester, 1865, p. 53). Относительно гнусностей, связанных с этой системой, см. «*Children's Employment Commission. 3rd Report*», p. 66, № 22; p. 11, № 124; p. XI, №№ 13, 53, 59 и т. д.

^{51a)} Этому естественному результату зачастую содействуют искусственными мерами. Так, например, в машиностроительном производстве Лондона является обычным следующий трюк: «Капиталист ставит во главе известного числа рабочих человека, выдающегося по своей физической силе или ловкости. Каждую четверть года или в иные сроки он уплачивает ему надбавку на условии, что он сделает все возможное, чтобы побудить к самому крайнему напряжению сил своих товарищей по работе, получающих обычную плату... Это без всяких дальнейших комментариев объясняет происхождение жалобы капиталистов на тред-юнионы, которые будто бы «парализуют энергию, выдающееся искусство и рабочую силу» («*stinting the action, superior skill and working power*».)» (*Dunning*, цит. соч., стр. 22, 23). Так как автор — сам рабочий и секретарь тред-юниона, те слова его могут показаться преувеличением. Но взгляните, например, в «высоко-респектабельную» агрономическую энциклопедию Дж. Ч. Мортонна, — и вы увидите, что в статье «Рабочий» этот же самый метод рекомендуется фермерам как испытанный метод.

дневная или недельная заработная плата⁵²⁾. Это вызывает реакцию, описанную при исследовании повременной заработной платы, не говоря уже о том, что удлинение рабочего дня, даже при постоянной поштучной заработной плате, само по себе означает падение цены труда.

При повременной заработной плате господствует, за немногими исключениями, равная плата за одни и те же функции; при поштучной же плате, хотя цена рабочего времени измеряется определенным количеством продукта, дневная и недельная плата меняется в зависимости от индивидуальных различий между рабочими, один из которых доставляет в данное время минимум продукта, другой — среднюю норму, третий — больше средней нормы. Следовательно, величина действительного дохода рабочего в данном случае сильно колеблется в зависимости от искусства, силы, энергии, выносливости и т. п. индивидуальных рабочих⁵³⁾. Конечно, это ничуть не изменяет общего отношения между капиталом и наемным трудом. Во-первых, индивидуальные различия сглаживаются, если взять мастерскую в целом, так что эта последняя в течение определенного рабочего времени доставляет среднее количество продукта, а совокупная заработная плата, выданная рабочим мастерской, является средней заработной платой данной отрасли производства. Во-вторых, отношение между заработной платой и прибавочной стоимостью остается неизменным, так как индивидуальной плате отдельного рабочего соответствует индивидуально произведенное им количество прибавочной стоимости. Поштучная плата, расширяя сферу индивидуальной деятельности, тем самым, с одной стороны, способствует развитию у рабочих индивидуальности, духа свободы, самостоятельности и способности к самоконтролю, но, с другой стороны, порождает между ними взаимную конкуренцию. Она имеет поэтому тенденцию, повышая индивидуальную заработную плату выше среднего уровня, в то же время понижать самый этот уровень. Однако там, где определенная поштучная плата прочно закреплена продолжительной традицией и потому понижение ее представляет особые трудности, — в таких случаях хозяева прибегают иногда

⁵²⁾ «Для всех, кто получает поштучную плату... выгодно увеличение продолжительности труда за установленные законом границы. Такая готовность работать чрезмерное время особенно часто наблюдается среди женщин — ткачих и мотальщиц» («*Reports of Insp. of Fact. for 30th April 1858*», p. 9). «Эта система поштучной платы, столь выгодная для капиталиста... направлена непосредственно к тому, чтобы побудить юного горшечника работать чрезмерно продолжительное время в течение 4 или 5 лет, причем он получает поштучно, но по весьма низкой расценке. Это одна из главных причин, вызывающих физическую дегенерацию горшечников» («*Children's Employment Commission. 1st Report*», p. XIII).

⁵³⁾ «Если в каком-нибудь производстве труд оплачивается сдельно по столько-то за штуку, то... заработные платы различных рабочих могут очень значительно отличаться друг от друга по размерам... При поделной же работе существует обыкновенно однообразная оценка... признанная и предпринимателем и рабочим нормой заработной платы для средних рабочих данного производства» (*Dunning*, цит. соч., стр. 17).

к насильственному превращению поштучной платы в повременную. Этим была вызвана, например, в 1860 г. большая стачка рабочих ленточного производства в Ковентри⁵⁴⁾. Наконец, поштучная плата является главной опорой описанной выше почасовой системы⁵⁵⁾.

Из всего вышесказанного вытекает, что поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства. Отнюдь не представляя чего-либо нового, — поштучная плата наряду с повременной официально фигурирует, между прочим, во французских и английских рабочих статутах XIV века, — она, однако, приобретает более или менее обширное поле применения лишь в собственно мануфактурный период. В 1797—1815 гг., когда крупная промышленность переживала период бури и натиска, поштучная заработная плата послужила рычагом для удлинения рабочего времени и понижения заработной платы. Очень важный материал о движении заработной платы в тот период мы находим в Синих книгах: «Report and Evidence from the Select Committee on Petitions respecting the Corn Laws» (парламентская сессия 1813—1814 гг.) и «Reports from the Lords' Committee, on the state of the Growth, Commerce, and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto» (сессия 1814—1815 гг.). Здесь мы находим документальные доказательства непрерывного понижения цены труда с того времени, как началась антиякобинская война. Например, в ткацком

⁵⁴⁾ «Труд ремесленников-подмастерьев регулируется или подневно, или поштучно (à la journée ou à la pièce)... Хозяйева приблизительно знают, сколько продукта могут ежедневно изготовить рабочие данного ремесла, и поэтому зачастую оплачивают их пропорционально произведенному продукту; при этом собственный интерес подмастерьев, независим от надзора, побуждает их трудиться возможно дольше» (*Cantillon*. «Essai sur la Nature du Commerce en général», ed. Amsterdam, 1756, p. 185, 202. Первое издание вышло в 1755 г.). Таким образом, Кантильон, из которого обильно заимствовали Кенэ, сэр Джеймс Стюарт и А. Смит, изображает здесь поштучную заработную плату просто как модифицированную форму повременной заработной платы. Французское издание Кантильона имеет на заглавной странице пометку, будто это перевод с английского, между тем английское издание «The Analysis of Trade, Commerce etc.» by Philip Cantillon, late of the City of London, Merchant, не только вышло после французского (в 1759 г.), но и по своему содержанию своему представляет собой позднейшую переработку. Так, например, во французском издании Юм еще не упоминается, а в английском, наоборот, Петти почти уже не фигурирует. Английское издание теоретически менее значительно, но зато содержит всякого рода специальный материал относительно английской торговли, торговли благородными металлами и т. д., чего нет во французском издании. Поэтому фраза в заглавии английского издания, гласящая, что работа эта «taken chiefly from the Manuscript of a very ingenious Gentleman deceased, and adapted etc.» [«заимствована главным образом из рукописи одного высокоодаренного джентльмена, ныне умершего, адаптирована и т. д.»], представляется больше, чем просто выдумкой, обычной для того времени¹⁶⁶.

⁵⁵⁾ «Сколько раз приходилось нам видеть в некоторых мастерских скопление большего количества рабочих, чем это нужно для выполнения имеющейся там работы. Часто берут рабочих на случай какой-либо непредвиденной работы, иногда существующей только в воображении; так как рабочим платят поштучно, то хозяин ничем не рискует, потому что при этом весь ущерб, происходящий от потери времени, ложится исключительно на остающихся без занятий рабочих» (*H. Grégoir*. «Les Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles», Bruxelles, 1865, p. 9).

деле поштучная плата упала до такой степени, что, несмотря на большое удлинение рабочего дня, дневная плата оказалась ниже, чем была раньше.

«Реальный доход ткача в настоящее время много меньше, чем был раньше: преимущества ткача по сравнению с неквалифицированным рабочим, некогда очень значительные, теперь почти совершенно исчезли. В самом деле, разница между заработной платой квалифицированного и неквалифицированного труда теперь гораздо меньше, чем в течение любого из прежних периодов»⁵⁶⁾.

Как мало пользы извлек сельскохозяйственный пролетариат из возрастания интенсивности и увеличения продолжительности труда под влиянием поштучной платы, показывает следующее место, взятое из произведения, отстаивающего с пристрастием интересы лендлордов и арендаторов.

«Подавляющая часть земледельческих операций выполняется людьми, оплачиваемыми поденно или поштучно. Их недельная плата равняется приблизительно 12 шилл., и хотя можно предположить, что при поштучной оплате, побуждающей трудиться более напряженно, рабочий выработает на 1 или 2 шилл. больше, чем при поденной, однако при рассмотрении его дохода в целом окажется, что эта прибавка сводится на нет потерей, вызванной отсутствием работы в известные периоды года... Мы далее вообще найдем, что заработные платы этих людей находятся в определенном отношении к цене необходимых жизненных средств, так что человек, имеющий двух детей, в состоянии заработать как раз столько, сколько ему требуется для того, чтобы содержать свое семейство, не прибегая к приходской благотворительности»⁵⁷⁾.

Мальтус заметил тогда по поводу фактов, опубликованных парламентом:

«Признаюсь, я с неудовольствием смотрю на широкое распространение практики поштучной оплаты. Тяжелый труд по 12—14 часов в день в течение более или менее продолжительного периода — это действительно слишком много для человеческого существа»⁵⁸⁾.

В мастерских, подчиненных действию фабричного закона, поштучная заработная плата становится общим правилом, так как здесь капитал может расширить рабочий день только интенсивно⁵⁹⁾.

С изменением производительности труда изменяется рабочее время, представленное одним и тем же количеством продукта. Следовательно, изменяется также и поштучная плата, так как она есть выражение цены определенного рабочего времени. В нашем приведенном выше примере 24 штуки продукта производились в течение 12 часов, стоимость, вновь созданная за 12 часов, была 6 шилл., дневная стоимость рабочей силы 3 шилл., цена

⁵⁶⁾ «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain». London, 1815, p. 48.

⁵⁷⁾ «A Defence of the Landowners and of Farmers of Great Britain». London, 1814, p. 4, 5.

⁵⁸⁾ Malthus. «Inquiry into the Nature etc. of Rent». London, 1815.

⁵⁹⁾ «Рабочие, получающие поштучную плату, составляют, вероятно, $\frac{1}{3}$ всех фабричных рабочих» («Rep. of Insp. of Fact. for 30th April 1858», p. 9).

рабочего часа 3 пенса и заработная плата $1\frac{1}{2}$ пенса за штуку. Каждая штука товара впитывала в себя $\frac{1}{2}$ рабочего часа. Если тот же самый рабочий день станет доставлять 48 штук продукта вместо 24, вследствие, например, удвоения производительности труда, и если все остальные обстоятельства не изменятся, то поштучная плата упадет с $1\frac{1}{2}$ пенса до $\frac{3}{4}$ пенса, так как каждая штука представляет теперь не $\frac{1}{2}$ рабочего часа, а только $\frac{1}{4}$ его. $1\frac{1}{2}$ пенса $\times 24 = 3$ шилл. и $\frac{3}{4}$ пенса $\times 48 = 3$ шиллинга. Другими словами, поштучная плата понижается в том самом отношении, в каком возрастает число штук товара, произведенного в течение одного и того же времени ⁶⁰⁾, следовательно, в том самом отношении, в каком уменьшается рабочее время, затрачиваемое на одну штуку. Это изменение поштучной платы, хотя здесь оно является чисто номинальным, служит постоянным источником борьбы между капиталистом и рабочим: или потому, что капиталист пользуется им как предлогом для действительного понижения цены труда, — или потому, что повышение производительной силы труда сопровождается повышением его интенсивности, — или же потому, что рабочий всерьез принимает внешнюю форму поштучной заработной платы, полагая, что оплачивается продукт его труда, а не его рабочая сила, и ввиду этого противится всякому понижению заработной платы, раз оно не сопровождается соответственным понижением продажной цены товара.

«Рабочие тщательно следят за ценой сырого материала и ценой фабрикатов и в состоянии точно определить прибыли своих хозяев» ⁶¹⁾.

Такие притязания капитал с полным правом отвергает как основанные на грубом непонимании природы наемного труда ⁶²⁾.

⁶⁰⁾ «Производительная сила его прядильной машины точно измерена, и размеры платы за труд, совершаемый при ее помощи, уменьшаются с ростом ее производительной силы, хотя и не в той же пропорции» (*Ure. «Philosophy of Manufactures», р. 317*). Последнее апологетическое замечание сам же Юр уничтожает в дальнейшем изложении. Он признает, например, что при удлинении юля добавочный труд вызывается самым этим удлинением. Следовательно, труд уменьшается не в той степени, в какой растет его производительность. Далее: «При таком увеличении машины ее производительная сила возрастает на $\frac{1}{5}$. Если это действительно совершится, прядильщик уже не будет получать за данное количество труда ту плату, какую он получал раньше; но так как его плата не уменьшится точно на $\frac{1}{5}$, то это усовершенствование увеличит его денежный заработок за данное число рабочих часов», — но... по «вышесказанное требует известной поправки... прядильщик из своих добавочных шести пенсов должен унлатить кое-что на содержание малолетних подручных... которые вытесняют часть взрослых рабочих» (там же, стр. 320, 321), что отнюдь не свидетельствует о тенденции к возрастанию заработной платы.

⁶¹⁾ *H. Fawcett. «The Economic Position of the British Labourer». Cambridge and London, 1865, р. 178.*

⁶²⁾ В лондонской газете «Standard» от 26 октября 1861 г. мы находим отчет о процессе фирмы Джон Брайт и К^о, «привлекшей в Рочдейле членов тред-юниона ткачей ковров к суду по обвинению в заугиивании. Фирма Брайт ввела новые машины, которые вырабатывают 240 ярдов ковра в такое же время и с такой же затратой труда (!), каких раньше требовало производство 160 ярдов. Рабочие не имеют основания претендовать на долю

Он возмущается претензией рабочих облагать в свою пользу налогом прогресс промышленности и категорически заявляет, что рабочим вообще нет никакого дела до производительности их собственного труда ⁶³⁾.

той прибыли, которая создается благодаря тому, что капитал их предпринимателей затрачивается на технические усовершенствования. Исходя из этого, гг. Брайт предложили понижение заработной платы с $1\frac{1}{2}$ пенсов до 1 пенса за ярд, причем общий заработок рабочего за данный труд остается совершенно таким же, как раньше. Тут было только номинальное понижение платы, о котором, как утверждают, рабочие не были предупреждены заранее».

⁶³⁾ «Тред-юнионы, стараясь поддерживать определенный уровень заработной платы, стремятся добиться участия в прибыли, проистекающей от улучшения машин!» (Ужасно!...) «Они требуют повышения платы на том основании, что труд сокращается... другими словами: они стремятся обложить налогом промышленные усовершенствования» («On Combination of Trades». New Edit., London, 1834, p. 42).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

В пятнадцатой главе мы рассмотрели разнообразные комбинации, которые могут повлечь за собой изменение абсолютной или относительной (т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью) величины стоимости рабочей силы, причем оказалось, что количество жизненных средств, в которых реализуется цена рабочей силы, может испытывать изменения, независимые ⁶⁴⁾ или отличные от колебаний этой цены. Как уже было отмечено, путем простого перехода стоимости — соответственно цены — рабочей силы в экзотерическую форму заработной платы все указанные там законы превращаются в законы движения заработной платы. То, что в пределах этого движения представляется в виде последовательно сменяющих друг друга комбинаций, то для различных стран может представляться как одновременно существующее национальное различие заработных плат. Следовательно, при сравнении заработных плат разных стран необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объем естественных и исторически развившихся первейших жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего сведения средней дневной заработной платы в данном производстве различных стран к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнивания дневных заработных плат повременная плата должна быть переведена на почасную, так как только эта последняя дает мерило и для производительности и для интенсивности труда.

⁶⁴⁾ «Не точно было бы сказать, что заработная плата» (речь идет о ее денежном выражении) «возросла, если на нее можно купить большее количество более дешевого продукта» (Давид Бьюкенен в его издании «Wealth of Nations» А. Смита, 1814 г., т. 1, стр. 417, примечание).

В каждой стране существует известная средняя интенсивность труда; труд, не достигающий этой средней интенсивности, означает затрату на производство данного товара времени больше, чем общественно необходимо в этой стране, и потому не является трудом нормального качества. Только та степень интенсивности, которая поднимается выше национальной средней, изменяет в данной стране измерение стоимости простой продолжительностью рабочего времени. Иначе обстоит дело на мировом рынке, интегральными частями которого являются отдельные страны. Средняя интенсивность труда изменяется от страны к стране; здесь она больше, там меньше. Эти национальные средние образуют, таким образом, шкалу, единицей измерения которой является средняя единица труда всего мира. Следовательно, более интенсивный национальный труд по сравнению с менее интенсивным производит в равное время большую стоимость, которая выражается в большем количестве денег.

Но закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает еще более значительные изменения благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчет тоже как более интенсивный, если только конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену ее товара до его стоимости.

Интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны ^{64a)}. Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют неодинаковые интернациональные стоимости, выражающиеся в различных ценах, т. е. в денежных суммах, различных по величине в зависимости от различия интернациональных стоимостей. Таким образом, относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства. Отсюда следует, что номинальная заработная плата, т. е. выраженный в деньгах эквивалент рабочей силы, у первой нации будет выше, чем у второй; но это отнюдь еще не значит, что там будет больше и действительная заработная плата, т. е. количество жизненных средств, находящихся в распоряжении рабочего.

Но если даже оставить в стороне это относительное различие в стоимости денег в различных странах, часто оказывается, что дневная, недельная и т. д. заработная плата у первой нации выше, чем у второй, тогда как относительная цена труда, т. е. цена

^{64a)} В другом месте мы исследуем, какие обстоятельства могут видоизменить действие этого закона для отдельных отраслей промышленности в его применении к производству труда.

труда по сравнению с прибавочной стоимостью и стоимостью продукта, у второй нации выше, чем у первой ⁶⁵⁾.

Дж. У. Кауэлл, член фабричной комиссии 1833 г., тщательно исследовав прядильное производство, пришел к выводу, что

«по существу дела в Англии заработная плата с точки зрения фабрикантов ниже, чем на континенте, хотя с точки зрения рабочих она может быть и выше» (Ure. «Philosophy of Manufactures», p. 314).

Английский фабричный инспектор Александр Редгрейв в фабричном отчете от 31 октября 1866 г. при помощи сравнительной статистики Англии и континентальных стран доказывает, что континентальный труд, несмотря на более низкую плату и гораздо более продолжительный рабочий день, дороже по сравнению с продуктом, чем английский. Англичанин-директор (manager) одной хлопчатобумажной фабрики в Ольденбурге заявляет, что там рабочее время продолжается ежедневно, но исключая и субботы, с 5 часов 30 минут утра до 8 часов вечера, и что тамошние рабочие под надзором надсмотрщиков-англичан производят несколько меньше продуктов, чем английские рабочие в течение 10 часов, а под надзором немецких надсмотрщиков еще много меньше. Заработная плата там много ниже, чем в Англии, во многих случаях на целые 50%, но число рабочих, приходящееся на данное количество машин, гораздо больше; в некоторых отделениях оно относится к английскому как 5 : 3. Г-н Редгрейв приводит очень подробные данные относительно русских хлопчатобумажных фабрик. Данные эти сообщил ему один английский manager, еще совсем недавно работавший там. На этой русской почве, столь обильной всяческими безобразиями, находятся в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы. Управляющие, конечно, англичане, так как местный русский капиталист непригоден для фабричного дела. Несмотря на чрезмерный труд, непрерывную дневную и ночную работу и мизерную оплату рабочих, русское производство влечит лишь жалкое существование, — и то только благодаря препятстви-

⁶⁵⁾ Джеймс Андерсон замечает, полемизируя с А. Смитом: «Следует также заметить, что хотя кажущаяся цена труда обыкновенно ниже в бедных странах, где продукты земледелия и в особенности хлеб дешевы, тем не менее действительная цена труда там обыкновенно выше, чем в других странах. Ибо не заработная плата, выдаваемая рабочему за день труда, образует действительную цену труда, хотя она и есть его кажущаяся цена. Действительная цена есть то, во что на деле обходится предпринимателю определенное количество готового продукта, и рассматриваемый с этой точки зрения труд почти во всех случаях оказывается более дешевым в богатых странах, чем в более бедных, несмотря на то, что цена хлеба и других жизненных средств в последних обыкновенно ниже, чем в первых... Труд, оцениваемый по деньгу, значительно дешевле в Шотландии, чем в Англии... Труд же при расчете на штуку товара в общем дешевле в Англии» (James Anderson. «Observations on the means of exciting a spirit of National Industry etc.». Edinburgh, 1777, p. 350, 351). — Наоборот, низкая заработная плата вызывает, в свою очередь, вздорожание труда. «Труд дороже в Ирландии, чем в Англии... как раз потому, что заработная плата там значительно ниже» (№ 2074 в «Royal Commission on Railways, Minutes», 1867).

ям, создаваемым для иностранной конкуренции. — В заключение я приведу еще сделанный г-ном Редгрейвом сравнительный обзор среднего числа веретен, приходящихся в разных странах Европы на одну фабрику и на одного прядильщика. Г-н Редгрейв сам замечает, что эти цифры собраны несколько лет тому назад и что с того времени увеличились и размеры английских фабрик и число веретен, приходящееся на каждого рабочего. Но он предполагает, что прогресс перечисленных им континентальных стран происходил такими же темпами, так что его цифровые данные сохранили свое относительное значение.

Среднее число веретен на каждую фабрику

В Англии	12 600
В Швейцарии	8 000
В Австрии	7 000
В Саксонии	4 500
В Бельгии	4 000
Во Франции	1 500
В Пруссии	1 500

Среднее число веретен на одного рабочего

Во Франции	14
В России	28
В Пруссии	37
В Баварии	46
В Австрии	49
В Бельгии	50
В Саксонии	50
В более мелких германских государствах	55
В Швейцарии	55
В Великобритании	74

«Это сопоставление», — говорит г-н Редгрейв, — «еще относительно неблагоприятно для Великобритании, не говоря уже о других обстоятельствах, в особенности потому, что там существует очень много фабрик, на которых машинное ткачество соединено с прядением, а между тем из расчета не исключено ни одного человека, занятого у ткацкого станка. Напротив, иностранные фабрики в своем большинстве только прядильные. Если было бы возможно найти вполне сравнимые данные, я мог бы назвать в моем округе много бумагопрядилен, где мюль-машины с 2 200 веретенами управляются одним рабочим (minder) с двумя помощниками и ежедневно производят 220 фунтов пряжи длиной в 400 миль» (английских) («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1866», p. 31—37 passim).

Как известно, в Восточной Европе и в Азии английские компании взяли на себя постройку железных дорог и при этом наряду с местными рабочими используют известное число английских рабочих. Практическая необходимость заставила их учиты-

вать таким путем национальные различия в интенсивности труда, и это отнюдь не принесло им убытка. Их опыт учит, что если уровень заработной платы и соответствует более или менее средней интенсивности труда, то относительная цена труда (по сравнению с продуктом) изменяется обыкновенно в прямо противоположном направлении.

В «Опыте об уровне заработной платы»⁶⁶⁾ — одном из самых ранних своих экономических произведений — Г. Кэри старается доказать, что различные национальные заработные платы прямо пропорциональны степени производительности национального рабочего дня. Из этого интернационального соотношения он делает вывод, что заработная плата вообще повышается и падает пропорционально производительности труда. Весь наш анализ производства прибавочной стоимости показывает, что умозаключение это было бы нелепо даже в том случае, если бы Кэри действительно обосновал свои посылки, а не свалил по своему обыкновению в общую кучу некритически и по верхам понадерганный отовсюду статистический материал. Но лучше всего то, что, по его собственному признанию, в действительности дело не обстоит так, как оно должно было бы обстоять согласно теории. А именно вмешательство государства искажает это естественное экономическое отношение. Необходимо поэтому так исчислять национальные заработные платы, как будто часть их, достаемая государству в форме налогов, достается самому рабочему. Очень не мешало бы г-ну Кэри поразмыслить о том, не являются ли эти «государственные издержки» тоже «естественными плодами» капиталистического развития. Вышеприведенное рассуждение вполне достойно человека, который сначала объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство лишь нарушающим их свободную гармоническую игру, а затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, — влияние, по-видимому не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, — вызывает необходимость государственного вмешательства, а именно государственной защиты этих «законов природы и разума», alias [иначе] — необходимость системы протекционизма. Он открыл далее, что не теоремы Рикардо и других, в которых сформулированы существующие общественные противоположности и противоречия, являются идеальным продуктом действительного экономического развития, а, наоборот, действительные противоречия капиталистического производства в Англии и прочих странах суть результат теории Рикардо и других! Он открыл, наконец, что врожденные прелести и гармонии капиталистического

⁶⁶⁾ «Essay on the Rate of Wages: with an Examination of the Causes of the Differences in the Conditions of the Labouring Population throughout the World». Philadelphia, 1835.

способа производства разрушаются в последнем счете торговлей. Еще один шаг в этом направлении, и, чего доброго, он откроет, что единственным злом капиталистического производства является сам капитал. Только человек, отличающийся такой ужасающей неkritичностью и такой ложной ученостью, заслужил того, чтобы, несмотря на свою протекционистскую ересь, стать тайным источником гармонической мудрости для какого-нибудь Бастиа и всех прочих оптимистов современного фритредерства.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Превращение известной денежной суммы в средства производства и рабочую силу есть первое движение, совершаемое стоимостью, которая должна функционировать в качестве капитала. Происходит оно на рынке, в сфере обращения. Вторая фаза этого движения, процесс производства, закончена, поскольку средства производства превращены в товары, стоимость которых превышает стоимость их составных частей, т. е. содержит в себе первоначально авансированный капитал плюс прибавочную стоимость. Эти товары должны быть затем снова брошены в сферу обращения. Надо продать их, реализовать их стоимость в деньгах, эти деньги вновь превратить в капитал и так все снова и снова. Этот кругооборот, неизменно проходящий одни и те же последовательные фазы, образует обращение капитала.

Первое условие накопления заключается в том, чтобы капиталисту удалось продать свои товары и снова превратить в капитал большую часть полученных за них денег. В дальнейшем предполагается, что капитал совершает свой процесс обращения нормальным образом. Подробный анализ этого процесса относится ко второй книге.

Капиталист, производящий прибавочную стоимость, т. е. высасывающий неоплаченный труд непосредственно из рабочих и фиксирующий его в товарах, первый присваивает себе прибавочную стоимость, но отнюдь не является ее окончательным собственником. Он должен затем поделить ее с другими капиталистами, выполняющими иные функции в общественном производстве в его целом, с земельным собственником и т. д. Таким образом, прибавочная стоимость расщепляется на различные части. Различные ее доли попадают в руки лиц различных категорий и приобретают различные, самостоятельные по отношению друг к другу

формы, каковы: прибыль, процент, торговая прибыль, земельная рента и т. д. Эти превращенные формы прибавочной стоимости могут быть рассмотрены лишь в третьей книге.

Итак, с одной стороны, мы предполагаем здесь, что капиталист, производящий товары, продает их по их стоимости, причем мы не будем рассматривать здесь его обратного возвращения на товарный рынок: ни тех новых форм, которые принимает капитал в сфере обращения, ни скрытых в них конкретных условий воспроизводства. С другой стороны, мы предполагаем, что капиталистический производитель является собственником всей прибавочной стоимости или, если угодно, представителем всех участников в дележе ее. Таким образом, сначала мы рассмотрим накопление абстрактно, т. е. просто как момент непосредственного процесса производства.

Впрочем, поскольку накопление совершается, постольку очевидно, что капиталисту удастся продать произведенный товар и превратить вырученные от этой продажи деньги обратно в капитал. Далее: распадение прибавочной стоимости на различные доли ничуть не изменяет ее природы и тех необходимых условий, при которых она становится элементом накопления. В какой бы пропорции ни распадалась прибавочная стоимость на часть, удерживаемую самим капиталистическим производителем, и часть, которую он уступает другим, во всяком случае в первую очередь прибавочная стоимость присваивается ее капиталистическим производителем. Следовательно, то, что мы предполагаем при нашем изображении процесса накопления, то происходит и в действительности. С другой стороны, расщепление прибавочной стоимости и посредствующее движение обращения затемняют простую основную форму процесса накопления. Поэтому анализ последнего в его чистом виде требует предварительного отвлечения от всех явлений, скрывающих внутреннюю игру его механизма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии. Так же как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства.

Условия производства суть в то же время условия воспроизводства. Ни одно общество не может непрерывно производить, т. е. воспроизводить, не превращая непрерывно известной части своего продукта снова в средства производства, или элементы нового производства. При прочих равных условиях оно может воспроизводить свое богатство или поддерживать его на неизменном уровне лишь в том случае, если средства производства, т. е. средства труда, сырые и вспомогательные материалы в натуральном выражении, потребленные в течение, например, года, замещаются равным количеством новых экземпляров того же рода; это последнее отделяется от годовой массы продуктов и снова входит в процесс производства. Итак, определенное количество годового продукта принадлежит производству. Предназначенная с самого начала для производственного потребления, эта часть существует в своем большинстве в таких натуральных формах, которые уже сами по себе исключают индивидуальное потребление.

Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Подобно тому как процесс труда при капиталистическом способе производства выступает только как средство для процесса возрастания стоимости, точно так же воспроизводство выступает только как средство воспроизвести авансированную стоимость в качестве капитала, т. е. в качестве самовозрастающей стоимости. Характерная экономическая

роль капиталиста присуща данному лицу лишь потому, что деньги его непрерывно функционируют как капитал. Если, например, авансированная денежная сумма в 100 ф. ст. превратилась в этом году в капитал и произвела прибавочную стоимость в 20 ф. ст., то она должна повторить ту же самую операцию в следующем году и т. д. Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод функционирующего капитала, прибавочная стоимость приобретает форму дохода, возникающего из капитала ¹⁾.

Если доход этот служит капиталисту лишь фондом потребления, если он так же периодически потребляется, как и добывается, то при прочих равных условиях мы имеем перед собой простое воспроизводство. И хотя оно есть простое повторение процесса производства в неизменном масштабе, тем не менее эта простая повторяемость или непрерывность придает процессу новые черты, или, скорее, устраняет те, которые кажутся характерными для него только как для единичного акта.

Исходным пунктом процесса производства является купля рабочей силы на определенное время, и этот исходный пункт постоянно возобновляется, как только истекает срок, на который был куплен труд, и вместе с тем истекает и определенный период производства, например неделя, месяц и т. д. Однако рабочий оплачивается лишь после того, как его рабочая сила проявила свое действие и реализовала в товарах как свою стоимость, так и прибавочную стоимость. Следовательно, рабочий произвел как прибавочную стоимость, которую мы пока рассматриваем только как потребительный фонд капиталиста, так и фонд для своей собственной оплаты, т. е. переменный капитал, — произвел раньше, чем этот последний притекает к нему обратно в виде заработной платы, и он имеет работу лишь до тех пор, пока он непрерывно воспроизводит его. Отсюда упомянутая нами в шестнадцатой главе под цифрой II формула экономистов, изображающая заработную плату как долю в самом продукте ²⁾. Это та часть продукта, непрерывно воспроизводимого самим рабочим, которая непрерывно притекает к нему обратно в форме заработной платы. Конечно, капиталист выплачивает ему эту товарную стоимость деньгами. Но эти деньги есть лишь превращенная

¹⁾ «Богатые, потребляющие продукты труда других, получают эти последние лишь при помощи акта обмена» (купили товаров). «Поэтому кажется, что их запасной фонд должен быстро иссякнуть... Но в современном общественном строе богатство получило силу воспроизводиться посредством чужого труда... Богатство, подобно труду и при помощи труда, каждый год доставляет плод, который можно уничтожить в течение года, не делая беднее владельца богатства. Этот плод есть доход, возникающий из капитала» (*Sismondi. «Nouveaux Principes d'Economie Politique», т. I, p. 81, 82).*

²⁾ «Заработную плату... точно так же, как и прибыль, следует рассматривать действительно как долю готового продукта» (*G. Ramsay, цит. соч., стр. 142).* «Доля продукта, причитающаяся рабочему в форме заработной платы» (*James Mill. «Eléments d'Economie Politique», traduits de l'anglais par Parisot. Paris, 1823, p. 34).*

форма продукта труда. В то время как рабочий превращает часть средств производства в продукт, часть его прежнего продукта превращается обратно в деньги. Его труд в течение прошлой недели или последнего полугодия — вот из какого источника оплачивается его сегодняшний труд или труд наступающего полугодия. Иллюзия, создаваемая денежной формой, тотчас же исчезает, как только мы вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего станем рассматривать класс капиталистов и класс рабочих. В денежной форме класс капиталистов постоянно выдает рабочему классу чеки на получение известной части продукта, произведенного рабочими и присвоенного капиталистами. Эти чеки рабочий столь же регулярно отдает назад классу капиталистов, получая взамен причитающуюся ему часть своего собственного продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируют истинный характер этого процесса.

Итак, переменный капитал есть лишь особая историческая форма проявления фонда жизненных средств, или рабочего фонда, который необходим работнику для поддержания и воспроизводства его жизни и который при всех системах общественного производства он сам постоянно должен производить и воспроизводить. Рабочий фонд постоянно притекает к рабочему в форме средств платежа за его труд лишь потому, что собственный продукт рабочего постоянно удаляется от него в форме капитала. Однако эта форма проявления рабочего фонда ничуть не изменяет того факта, что капиталист авансирует рабочему овеществленный труд самого рабочего³⁾. Возьмем барщинного крестьянина. Он работает при помощи собственных средств производства на собственном поле, скажем, 3 дня в неделю. В течение остальных 3 дней недели он выполняет барщинную работу на господском поле. Он постоянно воспроизводит свой собственный рабочий фонд, и этот последний никогда не принимает по отношению к нему формы средства платежа, авансированного в обмен на его труд третьим лицом. Зато и его неоплаченный принудительный труд никогда не получает формы добровольного и оплаченного труда. Но если помещик присвоит себе поле, рабочий скот, семена, одним словом — средства производства барщинного крестьянина, то отныне этому последнему придется продавать свою рабочую силу помещику. При прочих равных условиях он и теперь будет работать, как и прежде, 6 дней в неделю — 3 дня на себя, 3 дня на бывшего помещика, превратившегося теперь в нанимателя. И теперь, как и раньше, он будет употреблять средства производства как таковые, перенося их стоимость на

³⁾ «Когда капитал употребляется на авансирование рабочим их заработной платы, он ничего не прибавляет к фонду, предназначенному для поддержания труда» (Кейнз в примечании к его изданию работы Мальтуса «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 22).

продукт. И теперь, как и раньше, определенная часть продукта будет входить в процесс воспроизводства. Но подобно тому как барщинный труд принимает при этом форму наемного труда, точно так же и рабочий фонд, производимый и воспроизводимый теперь, как и раньше, самим крестьянином, принимает форму капитала, авансируемого крестьянину бывшим помещиком. Буржуазный экономист, ограниченный мозг которого не в состоянии отличать форму проявления от того, что в ней проявляется, закрывает глаза на тот факт, что даже в настоящее время на всем земном шаре рабочий фонд лишь в виде исключения выступает в форме капитала ⁴⁾.

Как бы то ни было, переменный капитал утрачивает характер стоимости, авансированной из собственного фонда капиталиста ^{4а)}, лишь в том случае, если мы рассматриваем капиталистический процесс производства в непрерывном потоке его возобновления. Но где-нибудь и когда-нибудь этот процесс должен был начаться. Следовательно, исходя из той точки зрения, на которой мы стояли до сих пор, представляется вероятным, что капиталист в известный момент стал владельцем денег посредством какого-то первоначального накопления, независимого от чужого неоплаченного труда, и благодаря этому смог выступить на рынке в качестве покупателя рабочей силы. Между тем уже простая непрерывность капиталистического процесса производства, или простое воспроизводство, вызывает и другие своеобразные изменения, касающиеся не только переменной части капитала, но и всего капитала в целом.

Если прибавочная стоимость, создаваемая периодически, например ежегодно, капиталом в 1 000 ф. ст., составляет 200 ф. ст. и если эта прибавочная стоимость потребляется без остатка в течение года, то ясно, что после повторения этого процесса в течение пяти лет сумма потребленной прибавочной стоимости будет равна 200×5 , или первоначально авансированной капитальной стоимости в 1 000 фунтов стерлингов. Если бы годовая прибавочная стоимость потреблялась лишь частично, например лишь наполовину, то указанный результат получился бы лишь после повторения производственного процесса в течение десяти лет, потому что $100 \times 10 = 1\,000$. Вообще авансированная капитальная стоимость, деленная на потребляемую ежегодно прибавочную стоимость, дает число лет, или число периодов воспроизводства, по

⁴⁾ «Средства существования рабочих авансируются им капиталистами менее чем на одной четверти поверхности земного шара» (*Richard Jones. «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations».* Hertford, 1852, p. 36).

^{4а)} «Хотя хозяин авансирует мануфактурному рабочему его заработную плату, последний в действительности не стоит ему никаких издержек, так как стоимость этой заработной платы обычно возвращается ему вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего» (*A. Smith, цит. соч.,* кн. II, гл. III, стр. 311).

истечении которых первоначально авансированный капитал потребляется капиталистом и, следовательно, исчезает. Представление капиталиста, будто он потребляет лишь продукт чужого неоплаченного труда, прибавочную стоимость, оставляя неприкосновенной первоначальную капитальную стоимость, абсолютно не может изменить этого факта. По истечении известного числа лет принадлежащая ему капитальная стоимость равна сумме прибавочной стоимости, присвоенной им без эквивалента в течение того же самого числа лет, а потребленная им сумма стоимости равна первоначальной капитальной стоимости. Правда, в его руках сохраняется капитал, величина которого не изменилась, причем часть этого капитала, здания, машины и т. д., уже была налицо, когда он приступил к своему предприятию. Но здесь дело идет о стоимости капитала, а не о его материальных составных частях. Если кто-нибудь расточил все свое имущество, наделав долгов на сумму, равную стоимости этого имущества, то все его имущество представляет как раз только общую сумму его долгов. Равным образом, если капиталист потребил эквивалент своего авансированного капитала, то стоимость этого капитала представляет лишь общую сумму безвозмездно присвоенной им прибавочной стоимости. Ни одного атома стоимости старого капитала уже не существует.

Итак, совершенно независимо от всякого накопления, уже простое повторение производственного процесса, или простое воспроизводство, неизбежно превращает по истечении более или менее продолжительного периода всякий капитал в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Если даже капитал при своем вступлении в процесс производства был лично заработанной собственностью лица, которое его применяет, все же рано или поздно он становится стоимостью, присвоенной без всякого эквивалента, материализацией — в денежной или иной форме — чужого неоплаченного труда.

Как мы видели в четвертой главе, для того чтобы превратить деньги в капитал, недостаточно наличия товарного производства и товарного обращения. Для этого необходимо прежде всего, чтобы в качестве покупателя и продавца противостояли друг другу с одной стороны владелец стоимости или денег, с другой стороны — владелец субстанции, образующей стоимость, здесь — владелец средств производства и жизненных средств, там — владелец одной только рабочей силы. Следовательно, отделение продукта труда от самого труда, отделение объективных условий труда от субъективного фактора — рабочей силы — было фактически данной основой, исходным пунктом капиталистического процесса производства.

Но что первоначально было исходным пунктом, то впоследствии благодаря простой непрерывности процесса, благодаря про-

стому воспроизводству, создается все снова и снова и увековечивается как собственный результат капиталистического производства. С одной стороны, процесс производства постоянно превращает вещественное богатство в капитал, в средства увеличения стоимости для капиталиста и в средства потребления для него. С другой стороны, рабочий постоянно выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него: как личный источник богатства, но лишенный всяких средств для того, чтобы осуществить это богатство для себя самого. Так как до его вступления в процесс его собственный труд был отчужден от него, присвоен капиталистом и включен в состав капитала, то в ходе процесса этот труд постоянно овеществляется в чужом продукте. Так как процесс производства есть в то же время процесс потребления рабочей силы капиталистом, то продукт рабочего непрерывно превращается не только в товар, но и в капитал, — в стоимость, которая высасывает силу, создающую стоимость, в жизненные средства, которые покупают людей, в средства производства, которые применяют производителей⁵⁾. Таким образом, рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу как субъективный источник богатства, отделенный от средств ее собственного овеществления и осуществления, абстрактный, существующий лишь в самом организме рабочего, — короче говоря, производит рабочего как наемного рабочего⁶⁾. Это постоянное воспроизводство или увековечение рабочего есть *conditio sine qua non* [непременное условие] капиталистического производства.

Потребление рабочего бывает двоякого рода. В самом производстве он потребляет своим трудом средства производства и превращает их в продукты более высокой стоимости, чем стоимость авансированного капитала. Это — его производственное потребление. Это — в то же время потребление его рабочей силы капиталистом, который купил ее. С другой стороны, рабочий расходует деньги, уплаченные ему при купле его рабочей силы, на приобретение жизненных средств. Это — его индивидуальное потребление. Следовательно, производственное и индивидуальное потребление рабочего совершенно различны между собой. В первом он функцио-

⁵⁾ «В этом особенно замечательное свойство производительного потребления. Потребляемое производительно есть капитал и становится капиталом через потребление» (*James Mill. «Eléments d'Economie Politique», p. 242*). Но Джеймс Милль так и не выяснил, в чем состоит это «особенно замечательное свойство».

⁶⁾ «Это правда, конечно, что впервые введенная мануфактура дает работу многим беднякам; но последние не перестают быть таковыми, и дальнейшее введение мануфактурных предприятий делает бедняками многих других» («*Reasons for a limited Exportation of Wool*». London, 1677, p. 19). «Абсурдно утверждение фермера, будто он содержит бедных. На самом деле бедные содержатся в нищете» («*Reasons for the late Increase of the Poor-Rates: or a comparative View of the Prices of Labour and Provisions*». London, 1777, p. 31).

нирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; во втором он принадлежит самому себе и выполняет жизненные функции вне производственного процесса. Результатом первого является существование капиталиста, результатом второго — существование самого рабочего.

При рассмотрении рабочего дня и пр. попутно выяснилось, что зачастую рабочий вынужден превращать свое индивидуальное потребление в чисто случайный эпизод производственного процесса. В этом случае он поглощает жизненные средства лишь для того, чтобы держать «в ходу» свою рабочую силу, как паровая машина — уголь и воду, как колесо — смазочные масла. Здесь его средства потребления являются просто средствами потребления одного из средств производства, его индивидуальное потребление является непосредственно производственным потреблением. Однако это представляется злоупотреблением, не связанным с сущностью капиталистического процесса производства ⁷⁾.

Иначе выглядит дело, если мы рассматриваем не отдельного капиталиста и не отдельного рабочего, а класс капиталистов и класс рабочих, не единичные процессы производства, а весь капиталистический процесс в его потоке и в его общественном объеме. Когда капиталист превращает в рабочую силу часть своего капитала, он тем самым увеличивает весь свой капитал. Он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что он получает от рабочего, но и из того, что он дает рабочему. Капитал, отчужденный в обмен на рабочую силу, превращается в жизненные средства, потребление которых служит для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих, уже имеющих налицо, и для производства новых рабочих. Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение жизненных средств, отчужденных капиталом в обмен на рабочую силу, в рабочую силу, пригодную для новой эксплуатации со стороны капитала. Это — производство и воспроизводство необходимого для капиталиста средства производства — самого рабочего. Таким образом, индивидуальное потребление рабочего составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, фабрики и т. д., внутри или вне процесса труда, подобно тому как таким же моментом является чистка машины независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего. Дело несколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради самого себя, а не ради капиталиста. Ведь

⁷⁾ Россия не столь напыщенно декламировал бы по этому поводу, если бы он действительно проник в тайну «производственного потребления».

и потребление рабочим скотом не перестает быть необходимым моментом процесса производства оттого, что скот сам находит удовольствие в том, что он ест. Постоянное сохранение и воспроизводство рабочего класса остается постоянным условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым, и, как небо от земли, далек от южноамериканской грубости, с которой рабочих принуждают есть более питательную пищу вместо менее питательной ⁸⁾.

Поэтому капиталист и его идеолог, экономист, рассматривают как производительное потребление лишь ту часть индивидуального потребления рабочего, которая необходима для увековечения рабочего класса, которая действительно должна иметь место, чтобы капитал мог потреблять рабочую силу; а все, что рабочий потребляет сверх того, ради своего собственного удовольствия, есть непроизводительное потребление ⁹⁾. Если бы накопление капитала вызвало повышение заработной платы и, следовательно, возрастание количества средств потребления рабочего, не приводя к увеличенному потреблению рабочей силы капиталом, то добавочный капитал был бы потреблен непроизводительно ¹⁰⁾. В самом деле, индивидуальное потребление рабочего непроизводительно для него самого, так как оно воспроизводит лишь индивидуума с его потребностями; оно производительно для капиталиста и для государства, так как оно есть производство силы, создающей чужое богатство ¹¹⁾.

Итак, с общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда — является такой же принадлежностью капитала, как и мертвое орудие труда. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь

⁸⁾ «Рабочие рудников Южной Америки, ежедневная работа которых (быть может, самая тяжелая в мире) состоит в том, чтобы вытаскивать на своих плечах на поверхность земли груз руды в 180—200 фунтов из глубины в 450 футов, питаются лишь хлебом и бобами; они предпочли бы питаться одним хлебом, но их господа обращаются с ними, как с лошадьми: найдя, что на одном хлебе они не могут работать так интенсивно, они принуждают их есть бобы; бобы значительно богаче фосфором, чем хлеб» (Liebig. «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie», 7. Aufl., 1862, 1. Theil, S. 194, примечание).

⁹⁾ James Mill. «Eléments d'Economie Politique», p. 238 sqq.

¹⁰⁾ «Если бы цена труда поднялась так высоко, что несмотря на увеличение капитала, нельзя было бы применить больше труда, то я сказал бы, что такое увеличение капитала потребляется непроизводительно» (Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 163).

¹¹⁾ «Единственно производительным потреблением в собственном смысле этого слова является только потребление или разрушение богатства» (Мальтус имеет в виду потребление средств производства) «капиталистом с целью воспроизводства... Рабочий... является производительным потребителем для лица, применяющего его, и для государства, но, строго говоря, не для самого себя» (Malthus. «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 30).

момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одаренные сознанием орудия производства не сбежали. Индивидуальное потребление рабочих, с одной стороны, обеспечивает их сохранение и воспроизводство, с другой стороны, уничтожая жизненные средства, вызывает необходимость их постоянного появления на рынке труда. Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Иллюзия его независимости поддерживается тем, что индивидуальные хозяева-наниматели постоянно меняются, а также тем, что существует *fictio juris* [юридическая фикция] договора.

В прежние времена капитал там, где ему представлялось нужным, осуществлял свое право собственности на свободного рабочего путем принудительного закона. Так, например, до 1815 г. машинным рабочим Англии эмиграция была воспрещена под угрозой сурового наказания.

Воспроизводство рабочего класса включает в себя также передачу и накопление искусства от поколения к поколению¹²⁾. Насколько капиталист склонен причислять наличие такого искусного рабочего класса к принадлежащим ему условиям производства и на деле рассматривать его как реальное существование своего переменного капитала, обнаруживается с особенной яркостью, когда какой-нибудь кризис начинает грозить утратой этого условия производства. Как известно, вследствие Гражданской войны в Америке и сопровождавшего ее хлопкового голода большинство рабочих хлопчатобумажного производства в Ланкашире и других местах было выброшено на улицу. Из среды самого рабочего класса и из других слоев общества раздался призыв организовать с помощью государства или добровольных национальных сборов эмиграцию «избыточных» рабочих в английские колонии или Соединенные Штаты. «Times» опубликовала тогда (24 марта 1863 г.) письмо Эдмунда Поттера, бывшего президента Манчестерской торговой палаты. В палате общин письмо это было справедливо названо «манифестом фабрикантов»¹³⁾. Мы приведем здесь из этого письма несколько характерных мест, в которых взгляд на рабочую силу как на собственность капитала высказан с полной откровенностью.

«Рабочим хлопчатобумажного производства говорят, что предложение их труда слишком велико... что его следует уменьшить, быть может, на одну треть,

¹²⁾ «Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накапливается и подготавливается заранее, есть искусство рабочего... Накопление и сохранение искусного труда, эта важнейшая операция, осуществляется по отношению к преобладающей массе рабочих без всякой затраты капитала» (*Hodgskin. «Labour Defended etc.»*, p. 12. 13).

¹³⁾ «Письмо это можно рассматривать как манифест фабрикантов» (Ферранд: предложение по поводу хлопкового голода, заседание палаты общин 27 апреля 1863 г.)

чтобы затем мог установиться здоровый спрос на остальные две трети... Общественное мнение настаивает на эмиграции... Хозяин» (т. е. хлопчатобумажный фабрикант) «не может добровольно согласиться на то, чтобы предложение рабочих рук было уменьшено; он придерживается того взгляда, что это было бы столь же несправедливо, сколь и неправильно... Если эмиграция поддерживается за счет общественного фонда, он имеет право требовать, чтобы его выслушали, и, быть может, протестовать».

Тот же самый Поттер рассказывает далее, как полезна хлопчатобумажная промышленность, как она «несомненно оттянула избыточное население из Ирландии и английских земледельческих округов», как велики ее размеры, как она в 1860 г. дала $\frac{5}{13}$ всего английского экспорта и как она через пару лет снова увеличится благодаря расширению рынка, особенно индийского, и обеспечению «достаточного ввоза хлопка по 6 пенсов за фунт». Он продолжает:

«Время — один, два, быть может, три года — создаст необходимое количество... Я хотел бы поэтому поставить вопрос, не стоит ли эта промышленность того, чтобы ее сохранить? Не стоит ли труда содержать в порядке машины» (имеются в виду живые рабочие машины) «и не является ли величайшей глупостью мысль расстаться с ними? Я думаю, что это так. Я готов согласиться, что рабочие не собственность («I allow that the workers are not a property»), не собственность Ланкашира и хозяев, но они сила их обоих; они — интеллектуальная и обученная сила, которой не заместить в течение жизни одного поколения; напротив, другие машины, — те, на которых они работают («the mere machinery which they work»), можно в значительной их части с выгодой заместить и даже улучшить в течение двенадцати месяцев ¹⁴⁾. Если эмиграция рабочей силы будет поощряться или даже просто разрешаться (1), то что станет с капиталистом? («Encourage or allow the working power to emigrate, and what of the capitalist?») Этот крик сердца напоминает гофмаршала Кальба ¹⁶⁷⁾. «...Снимите сливки рабочих, — и основной капитал будет в значительной степени обесценен, оборотный капитал не выдержит борьбы при недостаточном предложении труда ухудшенного сорта... Нам говорят, что рабочие сами желают эмигрировать. Это очень естественно с их стороны... Сократите, подавите хлопчатобумажное производство, отняв у него его рабочую силу (by taking away its working power), уменьшите, скажем, на $\frac{1}{3}$, или на 5 миллионов, сумму уплачиваемых им заработных плат, и что станет тогда с ближайшим классом, стоящим над рабочими, с мелкими лавочниками? Что станет с земельной рентой, с квартирной платой за коттеджи?.. С мелкими фермерами, лучшими домовладельцами, земельными собственниками? Итак, скажите, может ли быть более самоубийственный план для всех классов страны, чем этот проект ослабить нацию путем экспорта ее лучших фабричных рабочих и обесценения части ее наиболее производительного капитала и богатства?» «Я рекомендую заем в 5—6 миллионов, разложенный по времени на два или три года; деньги должны расходоваться под наб-

¹⁴⁾ Читатель помнит, что тот же самый капитал поет совсем другую песенку при обычных обстоятельствах, когда задача состоит в понижении заработной платы. Тут «хозяева» единогласно заявляют (см. отдел четвертый, примечание 188, с. 389 [см. настоящий том, стр. 394]): «Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет собой в действительности очень низкую категорию квалифицированного труда; что никакой другой труд не осваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя получить посредством столь краткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машины хозяина» (которые, как нам говорит теперь, могут быть с выгодой замещены лучшими в 12 месяцев) «фактически играют гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего» (нам говорят теперь, что последнее не может быть замещено даже в течение 30 лет), «которому можно обучить в 6 месяцев и которому может обучиться всякий деревенский батрак».

людением особых комиссаров, подчиненных администрации призрения бедных в хлопчатобумажных округах; следует урегулировать это дело специальным законом, установив известный принудительный труд для поддержания моральной ценности рабочих, получающих жалованье... Может ли быть что-либо худшее для земельных собственников и хозяев («can anything be worse for landowners or masters»), чем лишение своих лучших рабочих и повести деморализацию и недовольство среди остальных путем широкой опустошительной эмиграции и обесцениения капитала в целой провинции?»

Поттер, этот несравненный представитель хлопчатобумажных фабрикантов, различает два вида «машин», одинаково принадлежащих капиталисту: одни постоянно находятся на его фабрике, другие на ночь и на воскресенье перемещаются в коттеджи. Первые — мертвые, вторые — живые. Мертвые не только с каждым днем ухудшаются и обесцениваются, но благодаря постоянному техническому прогрессу значительная часть их наличной массы устареваема настолько, что может быть с выгодой замещена более новыми машинами в продолжение нескольких месяцев. Живые машины, наоборот, тем лучше, чем дольше они служат, чем больше искусства, накопленного поколениями, они впитали в себя. «Times» в своем ответе этому фабричному магнату между прочим писала:

«Г-н Э. Поттер настолько проникся сознанием чрезвычайной и абсолютной важности ухода хлопчатобумажных предприятий, что он для поддержания этого класса и увековечения его промысла готов насильственно запереть полмиллиона рабочих в огромный правительственный рабочий дом. Достойна ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать? — спрашивает г-н Поттер. Конечно, — отвечаем мы, — всеми честными средствами. Стоит ли труда содержать в порядке машины? — снова спрашивает г-н Поттер. Здесь мы останавливаемся в недоумении. Под машинами г-н Поттер разумеет человеческие машины; он уверяет, что не рассматривает их как безусловную собственность хозяина. Мы должны согласиться, что считаем «не стоящим труда» и даже невозможным содержать человеческие машины в порядке, т. е. заправлять их и смазывать, пока не появятся в них надобность. Человеческие машины имеют свойство ржаветь от бездействия, сколько бы их ни смазывали и ни чистили. К тому же человеческие машины, как мы уже видели, способны самопроизвольно разводить пары и не существовать на улицах наших больших городов. Может быть, г-н Поттер и прав, утверждая, что для воспроизводства рабочих требуется более значительное время, но, имея под руками опытных механиков и деньги, мы всегда найдем достаточно усердных, упорных, трудолюбивых людей, из которых можно сфабриковать больше фабричных мастеров, чем может понадобиться... Г-н Поттер болтает о новом оживлении промышленности через 1, 2, 3 года и требует от нас не поощрять эмиграции рабочей силы или даже не разрешать ее! Что рабочие желают эмигрировать, это, по его мнению, естественно; но он полагает, что нация должна запереть полмиллиона этих рабочих и 700 000 человек, принадлежащих к их семьям, вопреки их желанию, в хлопчатобумажных округах и, — неизбежное следствие, — подавляя силой их недовольство, поддерживать их существование раздачами милостыни, — все это с учетом того, что может наступить день, когда они снова понадобятся хлопчатобумажным фабрикантам... Настало время, когда великое общественное мнение этих островов должно сделать что-нибудь, чтобы спасти эту «рабочую силу» от тех, кто хочет обращаться с ней так, как обращаются с углем, железом и хлопком» («to save this «working power» from those who would deal with it as they deal with iron, coal and cotton») ¹⁵⁾.

¹⁵⁾ «Times», 24 марта 1863 года.

Статья «Times» была только jeu d'esprit [игрой ума]. «Великое общественное мнение» в действительности разделяло мнение г-на Поттера, что фабричный рабочий есть лишь движимая принадлежность фабрики. Эмиграции рабочих воспрепятствовали¹⁶⁾. Их заперли в «нравственном работном доме» хлопчатобумажных округов, и они по-прежнему составляли «силу (the strength) хлопчатобумажных фабрикантов Ланкашира».

Итак, капиталистический процесс производства самим своим ходом воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда. Тем самым он воспроизводит и увековечивает условия эксплуатации рабочего. Он постоянно принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, и постоянно дает капиталисту возможность покупать ее, чтобы обогащаться¹⁷⁾. Теперь уже не простой случай противопоставляет на товарном рынке капиталиста и рабочего как покупателя и продавца. Механизм самого процесса постоянно отбрасывает последнего как продавца своей рабочей силы обратно на товарный рынок и постоянно превращает его собственный продукт в средство купли в руках первого. В действительности рабочий принадлежит капиталу еще раньше, чем он продал себя капиталисту. Его экономическая несвобода¹⁸⁾ одновременно и обусловливается и маскируется периодическим возобновлением его самопродажи, переменой его индивидуальных хозяев-нанимателей и колебаниями рыночных цен его труда¹⁹⁾.

¹⁶⁾ Парламент не вотировал ни одного фартинга на эмиграцию, но лишь издал законы, уполномочивавшие муниципалитеты держать рабочих на грани между жизнью и смертью, или эксплуатировать их, не выплачивая нормальной заработной платы. Когда затем, три года спустя, разразилась эпидемия, парламент немедленно, не взирая даже на грубое нарушение парламентского этикета, вотировал миллионы на возмещение убытков миллионеров-лендлордов, арендаторы которых и без того не несли никаких убытков благодаря повышению цены на мясо. Звериний рев земельных собственников при открытии парламента 1866 г. доказал, что не надо быть индусом, чтобы поклоняться корове Сабале, и Юпитером, чтобы превратиться в быка.

¹⁷⁾ «Рабочий требовал средств существования, чтобы жить, хозяин требовал труда, чтобы иметь выгоду» (*Sismondi. «Nouveaux Principes d'Economie Politique». Paris, t. I, p. 91*).

¹⁸⁾ По-мужички грубая форма этой зависимости существует в графстве Дургам. Это — одно из тех немногих графств, в которых местные условия не обеспечивают за арендатором бесспорного права собственности на батраков. Наличие здесь горнорудной промышленности предоставляет последний возможность выбора. Поэтому здесь, в противоположность общему правилу, фермер берет в аренду лишь те земли, на которых находятся коттеджи для рабочих. Плата за сьем коттеджа составляет часть заработной платы. Эти коттеджи называются «hind's houses» [«дома батраков»]. Они сдаются рабочим на условиях выполнения известных феодальных повинностей, по договору, который носит название «bondage» [«крепостная зависимость»] и, между прочим, обязует рабочего на то время, когда он занят в другом месте, посылать на работу вместо себя дочь и т. д. Сам рабочий называется bondsman, т. е. крепостной. Это отношение с совершенно новой стороны показывает нам индивидуальное потребление рабочего как потребление для капитала, или производительное потребление. «Интересно отметить, что даже испражнения этого bondsman причисляются его расчетливым поводителем к своему доходу... Фермер не разрешает устраивать никаких отхожих мест, кроме тех, которые устроены им самим, и не терпит ни малейшего нарушения своих сюзеренных прав в этой области» («Public Health. 7th Report 1864», p. 188).

¹⁹⁾ Напомним, что в отношении труда детей и т. п. исчезает даже формальность самопродажи.

Следовательно, капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, — капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой ²⁰⁾.

²⁰⁾ «Капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга. Производит ли рабочий на хлопчатобумажной фабрике только хлопчатобумажные ткани? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы господствовать над его трудом, чтобы создавать посредством последнего новые стоимости» (*Карл Маркс*, «Наемный труд и капитал» в «*Neue Rheinische Zeitung*» № 266, 7 апреля 1849 г. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 444]). Статьи, опубликованные в «*Neue Rheinische Zeitung*» под этим заголовком, представляют собой отрывки лекций, читанных мною на эту тему в 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе ¹⁵⁸, печатание их было прервано февральской революцией.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ

1. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЗАКОНОВ СОБСТВЕННОСТИ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЗАКОНЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРИСВОЕНИЯ

Раньше мы исследовали, каким образом прибавочная стоимость возникает из капитала, теперь посмотрим, каким образом капитал возникает из прибавочной стоимости. Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением капитала ²¹⁾.

Рассмотрим сначала этот процесс с точки зрения отдельного капиталиста. Пусть, например, прядильный фабрикант авансирует капитал в 10 000 ф. ст., в том числе $\frac{4}{5}$ в виде хлопка, машин и т. д. и $\frac{1}{5}$ в виде заработной платы. Допустим, что ежегодно он производит 240 000 ф. пряжи стоимостью в 12 000 фунтов стерлингов. При норме прибавочной стоимости в 100% прибавочная стоимость заключена в прибавочном, или чистом, продукте, составляющем 40 000 ф. пряжи, или одну шестую валового продукта, стоимостью в 2 000 ф. ст., которая будет реализована при продаже. Сумма стоимости в 2 000 ф. ст. есть сумма стоимости в 2 000 фунтов стерлингов. Ни по виду, ни по запаху этих денег нельзя узнать, что они — прибавочная стоимость. Тот факт, что данная стоимость является прибавочной стоимостью, указывает лишь, каким путем она попала в руки своего собственника, но нисколько не меняет природы стоимости или денег.

Таким образом, прядильный фабрикант, чтобы превратить в капитал эту вновь поступившую к нему сумму в 2 000 ф. ст., должен при прочих равных условиях авансировать $\frac{4}{5}$ ее на закупку хлопка и т. д. и $\frac{1}{5}$ на закупку новых рабочих-прядильщиков, причем последние найдут на рынке жизненные средства, стоимость которых он им авансировал. Тогда этот новый капитал в 2 000 ф. ст. будет функционировать в прядильном деле и, со своей стороны, принесет прибавочную стоимость в 400 фунтов стерлингов.

²¹⁾ «Накопление капитала — это употребление части дохода в качестве капитала» (Malthus, «Definitions etc.», ed. Cazenove, p. 11). «Превращение дохода в капитал» (Malthus, «Principles of Political Economy», 2nd ed. London, 1836, p. 320).

Капитальная стоимость была первоначально авансирована в денежной форме; напротив, прибавочная стоимость вначале существует как стоимость определенной части валового продукта. Если этот последний продается, превращается в деньги, то капитальная стоимость снова приобретает свою первоначальную форму, а прибавочная стоимость изменяет свою первоначальную форму бытия. Однако, начиная с этого момента, обе они, и капитальная стоимость и прибавочная стоимость, суть денежные суммы, и их обратное превращение в капитал происходит совершенно одинаковым способом. И ту и другую стоимость капиталист затрачивает на покупку товаров, которые дают ему возможность снова начать изготовление своего продукта и на этот раз уже в расширенном масштабе. Но чтобы закупить эти товары, он должен найти их на рынке.

Его собственная пряжа обращается лишь потому, что он выносит свой годовой продукт на рынок, как это делают со своими товарами и все другие капиталисты. Но прежде чем эти товары попали на рынок, они уже заключались в фонде годового производства, т. е. в общей массе всякого рода предметов, в которые превращается в течение года сумма отдельных капиталов, или совокупный общественный капитал, лишь какая-то доля которого находится в руках каждого отдельного капиталиста. Процессы, совершающиеся на рынке, осуществляют лишь обращение этих отдельных составных частей годового производства, посылают их из рук в руки, но не могут ни увеличить суммы годового производства, ни изменить природы произведенных предметов. Какое употребление может быть сделано из совокупного годового продукта, это зависит, таким образом, от собственного состава последнего, а отнюдь не от его обращения.

Прежде всего годовое производство должно доставить все те предметы (потребительные стоимости), за счет которых могут быть возмещены вещественные составные части капитала, потребленные в течение года. За вычетом этой части остается чистый, или прибавочный, продукт, в котором заключается прибавочная стоимость. Но из чего состоит этот прибавочный продукт? Быть может, из предметов, предназначенных для удовлетворения потребностей и прихотей класса капиталистов, — предметов, входящих, таким образом, в их потребительный фонд? Если бы это было так, то прибавочная стоимость была бы прокучена вся без остатка, и имело бы место всего лишь простое воспроизводство.

Для того чтобы накапливать, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Но, не совершая чудес, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут быть применены в процессе труда, т. е. средства производства, и, далее, такие предметы, которые способны поддерживать жизнь рабочего, т. е. жизненные средства. Следовательно, часть годового прибавочного

труда должна быть употреблена на изготовление добавочных средств производства и жизненных средств сверх того их количества, которое необходимо для возмещения авансированного капитала. Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже заключает в себе вещественные составные части нового капитала ^{21a)}.

Но чтобы заставить эти элементы фактически функционировать в качестве капитала, класс капиталистов нуждается в добавочном количестве труда. Если эксплуатация уже занятых рабочих не может быть увеличена экстенсивно или интенсивно, то должны быть применены добавочные рабочие силы. И об этом также позаботился самый механизм капиталистического производства: он воспроизводит рабочий класс как класс, зависящий от заработной платы, обычный уровень которой достаточен не только для его самосохранения, но и для его размножения. Эти добавочные рабочие силы различных возрастов ежегодно доставляются капиталу самим рабочим классом, так что остается только соединить их с добавочными средствами производства, уже заключающимися в продукте годового производства, и превращение прибавочной стоимости в капитал готово. Итак, накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе. Кругооборот простого воспроизводства изменяется и превращается, по выражению Сисмонди ¹⁶⁹, в спираль ^{21b)}.

Вернемся теперь опять к нашему примеру. Это — старая история: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова ¹⁷⁰ и т. д. Первоначальный капитал в 10 000 ф. ст. приносит прибавочную стоимость в 2 000 ф. ст., которая капитализируется. Новый капитал в 2 000 ф. ст. приносит прибавочную стоимость в 400 ф. ст., эта прибавочная стоимость также капитализируется, т. е. превращается во второй добавочный капитал, который опять-таки приносит новую прибавочную стоимость в 80 ф. ст., и т. д.

Мы отвлекаемся здесь от той части прибавочной стоимости, которая проедается самим капиталистом. Столь же мало интересует нас в настоящее время вопрос, присоединяется ли добавочный капитал к первоначальному или же отделяется от него с тем, чтобы самостоятельно увеличивать свою стоимость; использует ли его тот же самый капиталист, который его накопил, или же он перейдет в руки другого капиталиста. Мы не должны только забывать, что

^{21a)} Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли, при помощи которой нация может превратить предметы роскоши в средства производства и жизненные средства или наоборот. Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепились повсеместно и овладело всеми отраслями производства.

^{21b)} Анализ накопления, произведенный Сисмонди, имеет тот крупный недостаток, что автор слишком поспешно ускакивает на фразе: «превращение дохода в капитал», и не исследует материальных условий этой операции.

наряду с новообразованными капиталами первоначальный капитал продолжает воспроизводить себя и производить прибавочную стоимость и что то же самое можно сказать о каждом накопленном капитале в его отношении к созданному им добавочному капиталу.

Первоначальный капитал образовался путем авансирования 10 000 фунтов стерлингов. Откуда их достал их владелец? Они созданы его собственным трудом и трудом его предков! — единодушно отвечают нам представители политической экономии ^{21c)}, и это их предположение действительно кажется тем единственным предположением, которое согласуется с законами товарного производства.

Совершенно иначе обстоит дело с добавочным капиталом в 2 000 фунтов стерлингов. Процесс его возникновения нам известен с полной точностью. Это — капитализированная прибавочная стоимость. С самого своего рождения он не заключал в себе ни единого атома стоимости, который бы возник не из чужого неоплаченного труда. Средства производства, к которым присоединяется добавочная рабочая сила, как и жизненные средства, при помощи которых она поддерживает самое себя, есть не что иное как составные части прибавочного продукта, — той дани, которая классом капиталистов ежегодно вырывается у класса рабочих. Если класс капиталистов на часть этой дани закупает добавочную рабочую силу, даже по полной цене, так что эквивалент обменивается на эквивалент, то все же он поступает в этом случае по старому рецепту завоевателя, покупающего товары побежденных на их же собственные, у них же награбленные деньги.

Если добавочный капитал дает занятие тому самому рабочему, который его произвел, то этот последний должен прежде всего продолжать увеличивать стоимость первоначального капитала и, кроме того, должен обратно покупать продукт своего прежнего неоплаченного труда при помощи большего труда, чем ему стоил этот продукт. Раз мы рассматриваем это как сделку между классом капиталистов и классом рабочих, то суть дела нисколько не изменится от того, что за счет неоплаченного труда рабочих, занятых до того времени, получают занятие новые рабочие. Ведь возможно также, что капиталист превратит добавочный капитал в машину, которая выбросит производителя этого добавочного капитала на мостовую и заместит его несколькими детьми. Во всяком случае рабочий класс своим прибавочным трудом в течение данного года создал капитал, который в следующем году даст занятие добавочному количеству труда ²²⁾. Вот в чем суть того, что называют: «порождать капитал капиталом».

^{21c)} «Первоначальный труд, которому его капитал обязан своим возникновением» (Sismondi. «Nouveaux Principes d'Economie Politique», éd. Paris, t. I, p. 109).

²²⁾ «Труд создает капитал, прежде чем капитал применяет труд» (E. G. Wakefield. «England and America». London, 1833, v. II, p. 110).

Предпосылкой накопления первого добавочного капитала в 2 000 ф. ст. была сумма стоимостей в 10 000 ф. ст., авансированная капиталистом и принадлежащая последнему в силу его «первоначального труда». Напротив, предпосылкой второго добавочного капитала в 400 ф. ст. является не что иное, как предшествующее накопление первого, этих 2 000 ф. ст., капитализированную прибавочную стоимость которых и представляют собой 400 фунтов стерлингов. Собственность на прошлый неоплаченный труд оказывается теперь единственным условием текущего присвоения живого неоплаченного труда во все возрастающем объеме. Чем больше капиталист накопил, тем больше он может накапливать.

Поскольку прибавочная стоимость, из которой состоит добавочный капитал № I, есть результат покупки рабочей силы на часть первоначального капитала, — покупки, которая вполне соответствует законам товарного обмена и с юридической точки зрения предполагает лишь, что рабочий свободно распоряжается своими собственными способностями, а владелец денег или товаров — принадлежащими ему стоимостями; поскольку добавочный капитал № II и т. д. является простым результатом добавочного капитала № I, т. е. следствием тех же самых отношений; поскольку каждая отдельная сделка постоянно совершается здесь в полном согласии с законом товарного обмена, т. е. поскольку капиталист всегда покупает рабочую силу, а рабочий всегда ее продает, — и можно даже допустить, что по ее действительной стоимости, — постольку очевидно, что закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, каковым представлялась первоначальная операция, претерпел такие изменения, что в результате он оказывается лишь внешней видимостью; в самом деле, часть капитала, обмененная на рабочую силу, во-первых, сама является лишь частью продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента; во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым избытком. Отношение обмена между капиталистом и рабочим становится, таким образом, только видимостью, принадлежащей процессу обращения, пустой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его. Постоянная купля и продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществленного чужого труда, постоянно присваиваемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда. Первоначально право собственности выступало перед нами как право, основанное на собственном труде. По крайней мере, мы должны были принять это допущение, так как друг другу противостоят лишь равноправные товаровладельцы, причем средством для

присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом. Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт, для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было, по-видимому, их тождество²³⁾.

Таким образом, как бы ни казалось, что капиталистический способ присвоения противоречит первоначальным законам товарного производства, тем не менее этот способ присвоения возникает не из нарушения этих законов, а, напротив, из их применения. Беглый ретроспективный взгляд на последовательные фазы движения, заключительным пунктом которых является капиталистическое накопление, еще раз ясно покажет нам все это.

Сперва мы видели, что первоначальное превращение суммы стоимости в капитал совершалось в полном согласии с законами обмена. Один контрагент продает свою рабочую силу, другой покупает ее. Первый получает стоимость своего товара и тем самым отчуждает его потребительную стоимость, т. е. труд, в руки другого. Затем второй превращает средства производства, уже принадлежащие ему, при помощи этого также принадлежащего ему труда, в новый продукт, который точно так же принадлежит ему по праву.

Стоимость этого продукта включает в себе, во-первых, стоимость потребленных средств производства. Полезный труд не может потребить эти средства производства, не перенося в то же время их стоимости на продукт; но рабочая сила может быть предметом продажи лишь в том случае, если она способна доставить полезный труд той отрасли промышленности, где имеется в виду ее применить.

Далее, стоимость нового продукта включает в себе эквивалент стоимости рабочей силы и прибавочную стоимость. И это как раз потому, что рабочая сила, проданная на определенный срок — на день, на неделю и т. д., — обладает меньшей стоимостью, чем та стоимость, которую создает ее потребление в течение этого срока. Но рабочему оплачена меновая стоимость его рабочей силы, и тем самым от него отчуждена ее потребительная стоимость, — как это имеет место при каждой купле и продаже.

Общий закон товарного производства ничуть не затрагивается тем обстоятельством, что этот особенный товар — рабочая сила —

²³⁾ Собственность капиталиста на продукт чужого труда «есть необходимое следствие закона присвоения, основным принципом которого было, наоборот, исключительно право собственности каждого рабочего на продукт своего собственного труда» (*Cherbuliez. «Richesse ou Pauvreté»*. Paris, 1841, p. 58. Впрочем, это диалектическое превращение не получило в этой работе правильного развития).

имеет своеобразную потребительную стоимость, которая состоит в его способности доставлять труд и, следовательно, создавать стоимость. Итак, если сумма стоимости, авансированная в заработной плате, не только просто вновь оказывается в продукте, но оказывается в нем увеличенной на сумму прибавочной стоимости, то это происходит отнюдь не из того, что продавца надувают, — он ведь получил стоимость товара, — а лишь из потребления этого товара покупателем.

Закон обмена обуславливает равенство лишь для меновых стоимостей обменивающихся друг на друга товаров. Он даже с самого начала предполагает различие их потребительных стоимостей и не имеет ничего общего с их потреблением, которое начинается лишь тогда, когда акт торговли вполне закончен и завершен.

Следовательно, первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и вытекающим из них правом собственности. Несмотря на это, в результате его оказывается:

- 1) что продукт принадлежит капиталисту, а не рабочему;
- 2) что стоимость этого продукта, кроме стоимости авансированного капитала, включает в себе еще прибавочную стоимость, которая рабочему стоила труда, а капиталисту ничего не стоила и тем не менее составляет правомерную собственность последнего;
- 3) что рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя.

Простое воспроизводство есть лишь периодическое повторение этой первой операции; при этом каждый раз деньги снова превращаются в капитал. Таким образом, здесь закон отнюдь не нарушается, — напротив, он получает лишь возможность постоянного осуществления.

«Несколько последовательных обменов лишь сделали из последнего представителя первого» (*Sismondi*. «Nouveaux Principes d'Economie Politique», t. I, p. 70).

И тем не менее простого воспроизводства, как мы видели, достаточно для того, чтобы этой первой операции, — поскольку мы рассматривали ее как изолированный процесс, — придать совершенно иной характер.

«Среди лиц, между которыми распределяется национальный доход, одни» (рабочие) «ежегодно приобретают на него новое право при помощи затраты нового труда; другие» (капиталисты) «уже раньше приобрели на него постоянное право при помощи первоначальной затраты труда» (там же, стр. 111).

Область труда, как известно, не единственная область, где производство творит чудеса.

Дело ничуть не изменится, если простое воспроизводство будет заменено воспроизводством в расширенном масштабе, или накоп-

лением. В первом случае капиталист прокучивает всю прибавочную стоимость, во втором — он обнаруживает свою гражданскую добродетель в том, что проедает лишь часть прибавочной стоимости, превращая остальное в деньги.

Прибавочная стоимость есть его собственность, она никогда не принадлежала кому-либо другому. Если он авансирует ее на производство, то делает это авансирование из своего собственного фонда совершенно так же, как в тот день, когда он впервые вступил на рынок. Что на этот раз его фонд происходит из неоплаченного труда его рабочих, не имеет абсолютно никакого значения. Если рабочий *B* занимается за счет прибавочной стоимости, произведенной рабочим *A*, то, во-первых, *A* создал эту прибавочную стоимость, получив до последней копейки всю справедливую цену за свой товар, во-вторых, это дело вообще ничуть не касается рабочего *B*. Все, чего *B* требует и имеет право требовать, — это чтобы капиталист уплатил ему стоимость его рабочей силы.

«Оба еще даже выиграли: рабочий потому, что ему были авансированы плоды его труда» (следовало сказать: неоплаченного труда других рабочих) «раньше, чем последний был выполнен» (следовало сказать: раньше, чем его труд принес свои плоды); «хозяин потому, что труд этого рабочего стоил больше, чем его заработная плата» (следовало сказать: произвел больше стоимости, чем стоимость заработной платы) (*Sismondi*. «Nouveaux Principes d'Économie Politique», t. I, p. 135).

Правда, дело выглядит совершенно иначе, когда мы рассматриваем капиталистическое производство в непрерывном потоке его возобновления и вместо отдельного капиталиста и отдельного рабочего берем их совокупность, класс капиталистов и класс рабочих. Но тем самым мы применили бы критерий, совершенно чуждый товарному производству.

В товарном производстве противостоят лишь друг от друга не зависимые продавец и покупатель. Взаимные отношения между ними обрываются, когда истекает срок заключенного ими договора. Если сделка возобновляется, то уже на основе нового договора, который не имеет ничего общего с предыдущим и лишь случайно может опять свести того же самого покупателя с тем же самым продавцом.

Итак, если товарное производство или какое-либо относящееся к нему явление рассматривать соответственно их собственным экономическим законам, то мы должны каждый акт обмена брать отдельно, вне всякой связи с предшествующими и последующими актами обмена. А так как купли и продажи совершаются лишь между отдельными индивидуумами, то недопустимо искать в них отношений между целыми общественными классами.

Какой бы длинный ряд последовательных воспроизводств и предшествующих им накоплений ни проделал функционирующий

в настоящее время капитал, во всяком случае он сохраняет свою первоначальную девственность. Пока при каждом акте обмена, взятом в отдельности, соблюдаются законы обмена, способ присвоения может претерпеть полный переворот, нисколько не затрагивая права собственности, соответствующего товарному производству. Одно и то же право собственности сохраняет свою силу как вначале, когда продукт принадлежит производителю и когда последний, обменивая эквивалент на эквивалент, может обогащаться лишь за счет собственного труда, так и в капиталистический период, когда общественное богатство во все возрастающей мере становится собственностью тех, кто в состоянии постоянно все вновь и вновь присваивать неоплаченный труд других.

Этот результат неизбежен, поскольку рабочая сила свободно продается самим рабочим как товар. Но лишь начиная с этого момента товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства; лишь с этих пор каждый продукт с самого же начала производится для продажи, и все производимое богатство проходит через сферу обращения. Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя всему обществу; но лишь тогда оно может развернуть также все скрытые в нем потенции. Сказать, что появление наемного труда искажает истинный характер товарного производства — все равно, что сказать: для того чтобы истинный характер товарного производства остался неискаженным, оно не должно развиваться. В той самой мере, в какой товарное производство развивается сообразно своим собственным имманентным законам в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения ²⁴⁾.

Мы видели, что даже при простом воспроизводстве весь авансированный капитал, каково бы ни было его первоначальное происхождение, превращается в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Но в общем потоке производства весь первоначально авансированный капитал становится вообще бесконечно малой величиной (*magnitudo evanescens* в математическом смысле) по сравнению с непосредственно накопленным капиталом, т. е. с прибавочной стоимостью, или прибавочным продуктом, вновь превращенными в капитал, причем безразлично, функционировал ли он в руках того, кто его накопил, или в чужих руках. Поэтому политическая экономия изображает капитал вообще как «накопленное богатство» (превращенную прибавочную стоимость, или доход), «которое снова применяется для

²⁴⁾ Нельзя не удивляться поэтому хитроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства!

производства прибавочной стоимости»²⁵⁾, а капиталиста — как «владельца прибавочного продукта»²⁶⁾. Этот же взгляд, но лишь в иной форме, выражают, когда говорят, что весь наличный капитал есть накопленный или капитализированный процент, потому что процент есть просто часть прибавочной стоимости²⁷⁾.

2. ОШИБОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ

Прежде чем мы приступим к некоторым более точным определениям накопления, или обратного превращения прибавочной стоимости в капитал, необходимо устранить двусмысленность, порожденную классической политической экономией.

Как товары, покупаемые капиталистом для собственного потребления на часть прибавочной стоимости, не могут служить ему в качестве средств производства и увеличения стоимости, так и труд, покупаемый им для удовлетворения своих естественных и социальных потребностей, не является производительным трудом. Покупая такого рода товары или труд, капиталист не превращает затраченной на них прибавочной стоимости в капитал, а, наоборот, потребляет или расходует ее как доход. В противоположность стародворянскому принципу, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в наличии»¹⁷¹⁾ и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, буржуазная политическая экономия считала исключительно важным провозгласить накопление капитала первой гражданской обязанностью и неустанно проповедовать, что не может накапливать тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать для найма добавочных производительных рабочих, дающих больше, чем они стоят. С другой стороны, политическая экономия приходилось бороться с народным предрассудком, который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ²⁸⁾ и считает поэтому, будто накопленное богатство есть богатство, огражденное от разрушения в его данной нату-

²⁵⁾ «Капитал, т. е. накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли» (*Malthus*. «Principles of Political Economy» [p. 262]). «Капитал... состоит из богатства, сбереженного из дохода и употребленного с целью получения прибыли» (*R. Jones*. «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations». Hertford, 1852, p. 16).

²⁶⁾ «Владельцы избыточного продукта, или капитала» («The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russell». London, 1821).

²⁷⁾ «Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим, что все богатство мира, дающее доход, давно уже стало просто процентом на капитал» (лондонский «Economist», 19 июля 1851 г.).

²⁸⁾ «Ни один экономист нашего времени не может под сбережением разуметь простое накопление сокровищ; но вне этой ограниченной и недостаточной операции для данного термина в его применении к народному богатству можно представить себе только одно значение, а именно то, которое исходит из различного употребления сбереженного и основывается на реальном различии между видами труда, оплачиваемого за счет сбережений» (*Malthus*. «Principles of Political Economy», p. 38, 39).

ральной форме и, следовательно, изъятое из сферы потребления и даже из сферы обращения. В действительности изъятие денег из обращения было бы прямой противоположностью их употребления в качестве капитала, а накопление товаров в смысле собирания сокровищ было бы чистейшей бессмыслицей ^{28а)}. Накопление значительных масс товаров есть результат приостановки обращения или результат перепроизводства ²⁹⁾. Как бы то ни было, в народном представлении встает, с одной стороны, картина накопленных в потребительном фонде богачей медленно потребляемых благ, с другой стороны, образование запасов — явление, которое свойственно всем способам производства и на котором мы еще остановимся при анализе процесса обращения.

Следовательно, в этих пределах классическая политическая экономия вполне права, когда она подчеркивает как характерный момент процесса накопления то обстоятельство, что прибавочный продукт потребляется рабочими производительными, а не рабочими непроизводительными. Но здесь же начинается и ее ошибка. А. Смит ввел в моду изображать накопление как простое потребление прибавочного продукта производительным рабочим, т. е. изображать капитализацию прибавочной стоимости как простое превращение ее в рабочую силу. Послушаем, например, Рикардо:

«Необходимо понять, что все продукты страны потребляются; но величайшая разница, какую только можно себе представить, заключается в том, потребляются ли они теми, кто воспроизводит другую стоимость, или же теми, кто ее не воспроизводит. Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та часть дохода, о которой говорится, что она присоединилась к капиталу, потребляется производительными рабочими, а не непроизводительными. Нет большего заблуждения, чем предположение, что капитал увеличивается от непотребления» ³⁰⁾.

Не может быть большего заблуждения, чем повторяемое Рикардо и другими вслед за А. Смитом утверждение, будто «та часть дохода, о которой говорится, что она присоединилась к капиталу, потребляется производительными рабочими». Согласно этому представлению вся прибавочная стоимость, превращающаяся в капитал, должна стать переменным капиталом. В действительности она, как и первоначально авансированная стоимость, разделяется на постоянный капитал и переменный капитал, на средства производства и рабочую силу. Рабочая сила есть та форма, в которой переменный капитал существует в процессе производства. В этом процессе она сама потребляется капиталистом. Рабочая сила потребляет средства производства посредством своей функции — труда. Вместе с тем деньги, уплаченные при покупке рабо-

^{28а)} Так, у Бальзака, который основательно изучил все оттенки скупости, старый ростовщик Гобсек рисуется уже впадшим в детство, когда он начинает создавать сокровища из накопленных товаров.

²⁹⁾ «Накопление запасов... приостановка обмена... перепроизводство» (*Th. Corbet*, цит. соч., стр. 104).

³⁰⁾ *Ricardo*. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 163, примечание.

чей силы, превращаются в жизненные средства, потребляемые не «производительным трудом», а «производительным рабочим». Вследствие ошибочного в самой основе своей анализа А. Смит приходит к тому нелепому результату, что если каждый индивидуальный капитал и разделяется на постоянную и переменную составные части, то общественный капитал целиком состоит только из переменного капитала, т. е. весь затрачивается на заработную плату. Например, фабрикант сукон превращает 2 000 ф. ст. в капитал. Одну часть этих денег он расходует на наем ткачей, другую часть на покупку шерстяной пряжи, машин и т. д. Но люди, у которых он купил пряжу и машины, опять-таки частью полученных ими денег оплачивают труд и т. д., пока, наконец, все 2 000 ф. ст. не будут затрачены на заработную плату, или весь продукт, представляемый этими 2 000 ф. ст., не будет потреблен производительными рабочими. Как видим, вся сила этого аргумента заключается в словах «и т. д.», которые отсылают нас от Понтия к Пилату. Адам Смит обрывает свое исследование как раз там, где начинается его трудность³¹⁾.

Пока мы рассматриваем только фонд совокупного годового производства, ежегодный процесс воспроизводства очень понятен. Но все составные части годовой продукции должны быть вынесены на товарный рынок, и вот тут-то начинаются трудности. Движения отдельных капиталов и личных доходов перекрещиваются, смешиваются, теряются во всеобщем перемещении — в обращении общественного богатства, — которое обманывает взор и ставит перед исследованием весьма запутанные задачи. В третьем отделе второй книги я дам анализ действительных связей. Большая заслуга физиократов заключается в том, что они в своей «Экономической таблице»¹⁷² впервые сделали попытку дать картину годовой продукции в том виде, в каком она выходит из обращения³²⁾.

Впрочем, разумеется само собой, что политическая экономия не преминула использовать в интересах класса капиталистов поло-

³¹⁾ Несмотря на свою «Логик»¹⁷³, г-и Джон Стюарт Милль никогда не открывает ошибок в анализе своих предшественников, ошибок, которые даже в пределах буржуазного горизонта и просто с точки зрения специалиста вопиют об исправлении. Он всегда лишь регистрирует с догматизмом школьника путаницу мыслей своих учителей. Так поступает он и в данном случае: «Сам капитал в течение данного процесса, в конце концов, целиком уходит на заработную плату, и даже когда он возмещается при продаже продукта, он затем снова превращается в заработную плату».

³²⁾ А. Смит в своем изображении процесса воспроизводства, а следовательно и накопления, во многих отношениях не только не сделал шага вперед, но сделал даже существенный шаг назад по сравнению со своими предшественниками, особенно с физиократами. В связи с его иллюзией, упомянутой в тексте, стоит одна унаследованная от него политическою экономией поистине баснословная догма, будто цена товаров складывается из заработной платы, прибыли (процента) и земельной ренты, т. е. только из заработной платы и прибавочной стоимости. Исходя из такой основы, Шторх признается с полной наивностью: «Невозможно разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (*Storch*, «Cours d'Economie Politique», édit. Pétersbourg, 1815, т. II, р. 141, примечание). Хороша экономическая наука, объявляющая невозможным разложить цену товаров на ее простейшие элементы! Более подробно об этом мы будем говорить в третьем отделе второй и седьмом отделе третьей книги.

жение А. Смита, что вся превратившаяся в капитал часть чистого продукта потребляется рабочим классом.

3. РАЗДЕЛЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ НА КАПИТАЛ И ДОХОД. ТЕОРИЯ ВОЗДЕРЖАНИЯ

В предыдущей главе мы рассматривали прибавочную стоимость, соответственно прибавочный продукт, лишь как индивидуальный потребительный фонд капиталиста, в этой главе мы рассматривали ее до сих пор лишь как фонд накопления. В действительности прибавочная стоимость есть не только первый и не только второй фонд, а то и другое вместе. Часть прибавочной стоимости потребляется капиталистом как доход³³⁾, другая часть ее применяется как капитал, или накапливается.

При данной массе прибавочной стоимости одна из этих частей будет тем больше, чем меньше другая. При прочих равных условиях отношение, в котором происходит это деление, определяет величину накопления. Но это деление производит собственник прибавочной стоимости, капиталист. Оно, стало быть, является актом его воли. Относительно той части собранной им дани, которую он накапливает, говорят, что он сберегает ее, так как он ее не продает, т. е. так как он выполняет здесь свою функцию капиталиста, именно функцию самообогащения.

Лишь постольку, поскольку капиталист есть персонифицированный капитал, он имеет историческое значение и то историческое право на существование, которое, как говорит остроумный Лихновский, «не имеет никакой даты»¹⁷⁴. И лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования заключается в преходящей необходимости капиталистического способа производства. Но постольку и движущим мотивом его деятельности являются не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение. Как фанатик увеличения стоимости, он безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума. Лишь как персонификация капитала капиталист пользуется почетом. В этом своем качестве он разделяет с собирателем сокровищ абсо-

³³⁾ Читатель заметит, что слово «доход» [«revenue»] употребляется в двойном смысле: во-первых, для обозначения прибавочной стоимости как продукта, периодически возникающего из капитала, во-вторых, для обозначения части этого продукта, периодически потребляемой капиталистом или присоединяемой им к своему потребительному фонду. Я сохраняю этот двойкий смысл, так как он соответствует обычной терминологии английских и французских экономистов.

лютную страсть к обогащению. Но то, что у собирателя сокровищ выступает как индивидуальная мания, то для капиталиста суть действие общественного механизма, в котором он является только одним из колесиков. Кроме того, развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления.

Поэтому, поскольку вся деятельность капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, постольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на накопление его капитала; так в итальянской бухгалтерии личные расходы записываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу. Накопление есть завоевание мира общественного богатства. Вместе с расширением массы эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного господства капиталиста ³⁴⁾.

³⁴⁾ На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста — Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из элементов страсти к обогащению. «Язычники могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырехжды вор и убийца. Мы же, христиане, так их почитаем, что чуть не молимся на них ради их денег... Кто грабит и ворует у другого его нищю, тот совершает такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как если бы он морил кого-нибудь голодом и губил бы его насмерть. Так поступает ростовщик; и все же он сидит спокойно в своем кресле, между тем как ему по справедливости надо бы быть повешенным на виселице, чтобы его клевало такое же количество воровов, сколько он украл гульденов, если бы только на нем было столько мяса, что все вороны, разделив его, могли бы получить свою долю. А мелких воров вешают... Мелких воров закопывают в колодки, крупные же воры ходят в золоте и щеголяют в шелку... Поэтому на земле нет для человека врага большего (после дьяволов), чем скряга и ростовщик, так как он хочет быть богом над всеми людьми. Турки, воеводы, тираны — все это люди также злые, но они все-таки должны давать людям жить и должны признаться, что они злые люди и враги, и могут, даже должны, иногда смириться над некоторыми. Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и томился жаждой, погибал в нищете и печали, чтобы только у него одного было все и чтобы каждый получал от него, как от бога, и сделался бы навеки его крепостным... Он носит мантию, золотые цепи, кольца, моет рожу, напускает на себя вид человека верного, набожного, хвалится... Ростовщик — это громадное и ужасное чудовище, это аверь, все опустошающий, хуже Какуса, Гериона или Антея. И, однако, украшает себя, принимает благочестивый вид, чтобы не видели, куда девались быки, которых он втаскивает задом наперед в свое логовище. Но Гераклес должен услышать рев быков и крики пленных и отыскать Какуса даже среди скал и утесов, чтобы снова освободить быков от злодея. Ибо Какусом называется злодей, набожный ростовщик, который ворует, грабит и пожирает все. И все-таки он как будто ничего не делал дурного; и думает, что даже никто не может обличить его, ибо он таскал быков задом наперед в свое логовище, отчего по их следам казалось, будто они были выпущены. Таким же образом ростовщик хотел бы обмануть весь свет, будто он приносит пользу и дает миру быков, между тем как он хватает их только для себя и пожирает... И если колесуют и обезглавливают разбойников и убийц, то во сколько раз больше должно колесовать и четвертовать... изгонять, проклинать, обезглавливать всех ростовщиков» (*Martin Luther*, цит. соч.).

Но первородный грех действует везде. С развитием капиталистического способа производства, накопления и богатства капиталист перестает быть простым воплощением капитала. Он чувствует «человеческие побуждения»¹⁷⁵ своей собственной плоти, к тому же он настолько образован, что готов осмеивать пристрастие к аскетизму как предрассудок старомодного собирателя сокровищ. В то время как классический капиталист клеймит индивидуальное потребление как грех против своей функции и как «воздержание» от накопления, модернизированный капиталист уже в состоянии рассматривать накопление как «отречение» от потребления. «Ах, две души живут в его груди, и обе не в ладах друг с другом!»¹⁷⁶

При исторических зачатках капиталистического способа производства — а каждый капиталистический *parvenue* [выскачка] индивидуально проделывает эту историческую стадию — жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти. Но прогресс капиталистического производства создает не только новый мир наслаждений; с развитием спекуляции и кредитного дела он открывает тысячи источников внезапного обогащения. На известной ступени развития некоторый условный уровень расточительности, являясь демонстрацией богатства и, следовательно, средством получения кредита, становится даже деловой необходимостью для «несчастливого» капиталиста. Роскошь входит в представительские издержки капитала. К тому же капиталист обогащается не пропорционально своему личному труду или урезыванию своего личного потребления, как это происходит с собирателем сокровищ, а пропорционально количеству той чужой рабочей силы, которую он высасывает, и тому отречению от всех жизненных благ, которое он навязывает рабочим. Правда, расточительность капиталиста никогда не приобретает такого *bona fide* [простодушного] характера, как расточительность разгульного феодала, наоборот, в основе ее всегда таится самое грязное скряжничество и мелочная расчетливость; тем не менее расточительность капиталиста возрастает с ростом его накопления, отнюдь не мешая последнему. Вместе с тем в благородной груди капиталиста развертывается фаустовский конфликт между страстью к накоплению и жаждой наслаждений.

«Промышленность Манчестера», — говорится в одном сочинении, опубликованном в 1795 г. д-ром Эйкином, — «можно разделить на четыре периода. В течение первого периода фабриканты были вынуждены упорно трудиться для поддержания своего существования».

В особенности сильно наживались они, обворовывая родителей, которые отдавали им своих детей в качестве apprentices (учеников) и должны были дорого платить за обучение, хотя эти ученики голодали. С другой стороны, средняя прибыль была низка, и накопление требовало большой бережливости. Они жили как

скряги, собиратели сокровищ, и далеко не потребляли даже процентов со своего капитала.

«Во второй период они начали составлять себе небольшие состояния, но работали так же упорно, как и раньше», — потому что непосредственная эксплуатация труда сама стоит труда, как это известно всякому надсмотрщику за рабами, — «и жили так же скромно, как и раньше... В третьем периоде началась роскошь, и предприятия стали расширяться благодаря рассылке всадников» (конных коммивояжеров) «за заказами во все торговые города королевства. Надо думать, что до 1690 г. существовало лишь очень немного или даже вовсе не существовало капиталов в 3 000—4 000 ф. ст., нажитых в промышленности. Но приблизительно в это время или несколько позднее промышленники уже накопили деньги и стали строить себе каменные дома вместо деревянных или глиняных... В Манчестере еще в первые десятилетия XVIII века фабрикант, угостивший своих гостей кружкой заграничного вина, вызывал толки и пересуды среди всех соседей».

До появления машинного производства фабриканты, сходясь по вечерам в трактирах, никогда не потребляли больше, чем стакан пунша за 6 пенсов и пачку табаку за 1 пенс. Лишь в 1758 г. увидели в первый раз — и это составило эпоху — «промышленника в собственном экипаже!» «Четвертый период» — последняя треть XVIII столетия — «отличается большой роскошью и расточительностью, опирающейся на расширение предприятий»³⁵⁾. Что сказал бы добрый доктор Эйкин, если бы он воскрес и взглянул на теперешний Манчестер!

Накопляйте, накапливайте! В этом Моисей и пророки!¹⁷⁷ «Трудолюбие доставляет тот материал, который накапливается бережливостью»³⁶⁾. Итак, сберегайте, сберегайте, т. е. превращайте возможно большую часть прибавочной стоимости, или прибавочного продукта, обратно в капитал! Накопление ради накопления, производство ради производства — этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода. Она ни на минуту не обманывалась на тот счет, насколько велики родовые муки богатства³⁷⁾; но какое значение имеют все жалобы перед лицом исторической необходимости? Если пролетарий в глазах классической политической экономии представляет собой лишь машину для производства прибавочной стоимости, то и капиталист в ее глазах есть лишь машина для превращения этой прибавочной стоимости в добавочный капитал. Она относится к его исторической функции со всей серьезностью. Чтобы избавить сердце капиталиста от злополучного конфликта между жаждой наслаждений и страстью к обогащению, Мальтус в начале двадцатых годов текущего столетия защищал особый вид деления

³⁵⁾ Dr. Aikin. «Description of the Country from 30 to 40 miles round Manchester». London, 1795, p. 182 sqq.

³⁶⁾ A. Smith. «Wealth of Nations», b. III, ch. III.

³⁷⁾ Даже Ж. Б. Сэй говорят: «Сбережения богатых составляются за счет бедных»¹⁷⁸. «Римский пролетарий жил почти всецело на счет общества... Можно почти сказать, что современное общество живет на счет пролетариев, на счет той части, которую оно отнимает у них при оплате труда» (Sismondi. «Études etc.», t. I, p. 24).

труда, согласно которому дело накопления предназначалось капиталисту, действительно занимающемуся производством, а дело расточения — другим участникам в дележе прибавочной стоимости: земельной аристократии, лицам, получающим содержание от государства и церкви и т. д. В высшей степени важно, — говорит он, — «разделить страсть к расходам и страсть к накоплению» (the passion for expenditure and the passion for accumulation)³⁸⁾. Господа капиталисты, давно уже превратившиеся в прожигателей жизни и в людей света, возопили. Как, — восклицает один рикардиец, выступивший их адвокатом, — господин Мальтус проповедует высокие земельные ренты, высокие налоги и т. д.; он хочет постоянно подстегивать промышленников с помощью непроемких потребителей! Конечно, производство, производство в постоянно расширяющемся масштабе — таков лозунг, однако

«таким путем производство можно скорее затормозить, чем развить. Не совсем справедливо также (nor is it quite fair) держать в праздности одну группу лиц лишь для того, чтобы подхлестывать других, по характеру которых можно думать (who are likely, from their characters), что они были бы способны успешно заниматься делом, если их к этому принудить»³⁹⁾.

Но хотя он считает несправедливым побуждать промышленного капиталиста к накоплению, снимая жир с его супа, тем не менее ему представляется необходимым свести к возможному минимуму заработную плату рабочего, «чтобы поддерживать трудолюбие последнего». Он ничуть не скрывает также, что тайна наживы состоит в присвоении неоплаченного труда.

«Усиление спроса со стороны рабочих означает лишь их готовность брать себе меньшую долю своего собственного продукта и большую долю его оставлять предпринимателям; и если говорят, что при этом вследствие понижения потребления» (рабочих) «происходит «glut»» (переполнение рынка, перепроизводство), «то я могу ответить лишь, что «glut» есть синоним высокой прибыли»⁴⁰⁾.

Ученая перебранка о том, как выгоднее для накопления распределить выкачанную из рабочего добычу между промышленным капиталистом и праздным земельным собственником и т. д., смолкла перед лицом июльской революции. Вскоре после этого ударил в набатный колокол городской пролетариат Лиона и пустил красного петуха сельский пролетариат Англии. По эту сторону Ла-Манша рос оуэнизм, по ту его сторону — сен-симонизм и фурьеризм. Настало время вульгарной политической экономии. Ровно за год до того, как Нассау У. Сениор из Манчестера открыл, что прибыль (с включением процента) на капитал есть продукт неоплаченного «последнего двенадцатого часа труда», он возвестил миру другое свое открытие. «Я, — торжественно изрек он, — заменяю слово капитал, рассматриваемый как орудие производства,

³⁸⁾ Malthus. «Principles of Political Economy», p. 319, 320.

³⁹⁾ «An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 67.

⁴⁰⁾ Там же, стр. 59.

словом воздержание»⁴¹⁾. Поистине недосягаемый образец «открытий» вульгарной политической экономии! Экономическая категория подменяется сикофантской фразой. *Voilà tout* [вот и все]. «Если дикарь, — поучает Сениор, — делает лук, то он занимается промышленностью, но не практикует воздержания». Это объясняет нам, как и почему при прежних общественных укладах средства труда создавались «без воздержания» капиталиста. «Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно»⁴²⁾, а именно со стороны тех, труд которых состоит в том, чтобы присваивать себе чужой труд и его продукт. Все условия процесса труда превращаются отныне в соответственное количество актов воздержания капиталиста. Что хлеб не только едят, но и сеют, этим мы обязаны воздержанию капиталиста! Если вино выдерживают известное время, чтобы оно перебродило, то опять-таки лишь благодаря воздержанию капиталиста!⁴³⁾ Капиталист грабит свою собственную плоть, когда он «ссужает (!) рабочему орудия производства», — т. е., соединив их с рабочей силой, употребляет как капитал, — вместо того чтобы пожирать паровые машины, хлопок, железные дороги, удобрения, рабочих лошадей и т. д. или, как по-детски представляет себе вульгарный экономист, прокутить «их стоимость», обратив ее в предметы роскоши и другие средства потребления⁴⁴⁾. Каким образом класс капиталистов в состоянии осуществить это, составляет тайну, строго сохраняемую до сих пор вульгарной политической экономией. Как бы то ни было, мир живет лишь благодаря самоистязаниям капиталиста, этого современного

⁴¹⁾ Senior. «Principes fondamentaux de l'Économie Politique», trad. Arrivabene. Paris, 1836, p. 309. Для сторонников старой классической школы это было уже слишком. «Г-н Сениор подменяет выражение труд и капитал выражением труд и воздержание... Воздержание есть простое отрицание. Источником прибыли является не воздержание, а потребление производительного применяемого капитала» (Джон Кейнз в его издании работы Мальтуса: «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 130, примечание). Напротив, г-к Джон Ст. Милль на одной странице списывает рикардовскую теорию прибыли, а на другой — принимает сениоровское «вознаграждение за воздержание». Ему столь же свойственны плоские противоречия, сколь чуждо гегелевское «противоречие», источник всякой диалектики.

Добавление к 2 изданию. Вульгарному экономисту не приходит в голову та простая мысль, что всякое человеческое действие можно рассматривать как «воздержание» от противоположного действия. Еда есть воздержание от поста, ходьба — воздержание от стояния на месте, труд — воздержание от праздности, праздность — воздержание от труда и т. п. Этим господам следовало бы подумать о словах Спинозы: *Determinatio est negatio*¹⁷⁹.

⁴²⁾ Senior, там же, стр. 342.

⁴³⁾ «Никто... не стал бы сеять, например, свою пшеницу, бросая ее на двенадцать месяцев в землю, или на целые годы оставлять свое вино в погреб, вместо того чтобы сразу самому потребить эти вещи или их эквивалент, если бы он не рассчитывал получить добавочную стоимость и т. д.» (*Scrope*. «Political Economy», edit. A. Potter. New-York, 1841, p. 133)¹⁸⁰.

⁴⁴⁾ «Лишение, которому подвергает себя капиталист, ссужая свои орудия производства рабочему, вместо того чтобы обратить их стоимость на свое личное потребление, превратив ее в предметы потребления или роскоши» (*G. de Molinari*. «Études Économiques». Paris, 1846, p. 36). (Смягчающее выражение «ссужать» употреблено для того, чтобы согласно испытанной манере вульгарных экономистов отождествить наемного рабочего, эксплуатируемого промышленным капиталистом, с самим промышленным капиталистом, который пользуется дежьями, ссужаемыми другим капиталистом.)

кающегося грешника перед богом Вишну. Не только накопление, но и простое «сохранение капитала требует постоянного напряжения сил для того, чтобы противостоять искушению потратить его» ⁴⁵⁾. Итак, уже простая гуманность, очевидно, требует, чтобы капиталист был избавлен от мученичества и искушений тем же самым способом, каким отмена рабства избавила недавно рабовладельца Джорджии от тяжелой дилеммы: растратить ли на шампанское весь прибавочный продукт, выколотый из негров-рабов, или же часть его снова превратить в добавочное количество негров и земли.

В самых различных общественно-экономических формациях имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе. С течением времени все больше производится и больше потребляется, следовательно, больше продукта превращается в средства производства. Однако процесс этот не является накоплением капитала, не является, следовательно, и функцией капиталиста до тех пор, пока рабочему средства его производства, а следовательно, его продукт и его жизненные средства не противостоят еще в форме капитала ⁴⁶⁾. Умерший несколько лет тому назад Ричард Джонс, преемник Мальтуса на кафедре политической экономии в ост-индском колледже в Хейлибери, удачно иллюстрирует это двумя крупными фактами. Так как большинство индийского народа составляют крестьяне, ведущие самостоятельное хозяйство, то их продукт, средства их труда и их жизненные средства никогда не принимают «формы (*the shape*)» фонда, сбереженного из чужого дохода (*saved from revenue*), и, следовательно, не прodelывают предварительного процесса накопления» (*a previous process of accumulation*) ⁴⁷⁾. С другой стороны, в провинциях, где английское господство наименее разложило старую систему, несельскохозяйственные рабочие получают работу непосредственно у крупных феодалов, к которым притекает известная доля сельскохозяйственного прибавочного продукта в форме дани или земельной ренты. Часть этого прибавочного продукта потребляется крупными феодалами в натуральном виде, другая часть превращается для них рабочими в предметы роскоши и другие средства потребления, тогда как остальное составляет заработную плату рабочих, являющихся собственниками орудий своего

⁴⁵⁾ Courcelle-Seneuil, цит. соч., стр. 20.

⁴⁶⁾ «Особые классы дохода, наиболее сильно поддерживающие прогресс национального капитала, изменяются на различных стадиях развития и поэтому... совершенно различны у наций, находящихся на различных ступенях прогресса... Прибыль... есть незначительный источник накопления по сравнению с заработной платой и рентой на ранних стадиях общественного развития... Когда развитие сил национального труда делает действительно значительный шаг вперед, относительная роль прибыли как источника накопления возрастает» (Richard Jones. «Text-book etc.», p. 16, 21).

⁴⁷⁾ Там же, стр. 36 и сл.

труда. Производство и воспроизводство в расширенных размерах совершается здесь без всякого вмешательства этого удивительного святого, этого рыцаря печального образа, «воздерживающегося» капиталиста.

**4. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РАЗМЕРЫ НАКОПЛЕНИЯ
НЕЗАВИСИМО ОТ ТОЙ ПРОПОРЦИИ, В КОТОРОЙ
ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ РАСПАДАЕТСЯ НА КАПИТАЛ
И ДОХОД. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА ТРУДА. УВЕЛИЧЕНИЕ РАЗНИЦЫ
МЕЖДУ ПРИМЕНЯЕМЫМ КАПИТАЛОМ И КАПИТАЛОМ
ПОТРЕБЛЯЕМЫМ. ВЕЛИЧИНА АВАНСИРОВАННОГО КАПИТАЛА**

Если отношение, в котором прибавочная стоимость распадается на капитал и доход, дано, то величина накопленного капитала, очевидно, зависит от абсолютной величины прибавочной стоимости. Допустим, что 80% капитализируются, 20% продаются; тогда накопленный капитал будет 2 400 ф. ст. или 1 200 ф. ст., смотря по тому, составляет ли общая сумма прибавочной стоимости 3 000 или только 1 500 фунтов стерлингов. Таким образом, в определении величины накопления участвуют все те обстоятельства, которые определяют массу прибавочной стоимости. Подытожим их здесь еще раз, но лишь постольку, поскольку они дают новые точки зрения относительно накопления.

Как мы помним, норма прибавочной стоимости зависит прежде всего от степени эксплуатации рабочей силы. Политическая экономия так высоко оценивает эту роль степени эксплуатации, что нередко отождествляет ускоренный рост накопления под влиянием повышения производительной силы труда с ускоренным ростом его под влиянием повышенной эксплуатации рабочего ⁴⁸⁾. В отделах о производстве прибавочной стоимости мы постоянно предполагали, что заработная плата, по меньшей мере, равна стоимости рабочей силы. Однако на практике насильственное понижение заработной платы ниже этой стоимости играет слишком важную роль, чтобы хоть вкратце не остановиться на нем. В известных границах оно фактически превращает необходимый фонд потребления рабочего в фонд накопления капитала.

⁴⁸⁾ «Рикардо говорит: «На различных ступенях общественного развития накопление капитала, или средств для применения труда» (т. е. для эксплуатации) «может быть более или менее быстрым и во всяком случае должно зависеть от производительных сил труда. Производительные силы труда обычно всего больше там, где имеется в обилии плодородная земля». Если здесь под производительными силами труда разумеется ничтожность величины той части каждого продукта, которая попадает в руки лиц, производящих его своим трудом, то утверждение Рикардо есть простая тавтология, потому что остальная часть является, конечно, тем фондом, за счет которого, если это угодно его собственнику («if the owner pleases»), может накапливаться капитал. Но обыкновенно это не имеет места как раз там, где земля всего плодороднее» («Observations on certain Verbal Disputes etc.», p. 74).

«Заработная плата», — говорит Дж. Ст. Милль, — «не имеет производительной силы; это цена одной из производительных сил; заработная плата, как и цена машин, отнюдь не участвует в производстве товаров наряду с самим трудом. Если бы труд можно было получить без купли, заработная плата была бы излишней»⁴⁹⁾.

Но если бы рабочие могли питаться воздухом, их нельзя было бы купить ни за какую цену. Следовательно, даровой труд есть предел в математическом смысле этого слова: к нему всегда можно приближаться, никогда, однако, не достигая его. Постоянная тенденция капитала состоит в том, чтобы низвести рабочих до этого нигилистического уровня. Часто цитируемый мною писатель XVIII века, автор «*Essay on Trade and Commerce*», выдал лишь заветную мечту английского капитала, заявив, что историческая жизненная задача Англии состоит в том, чтобы понизить заработную плату английских рабочих до уровня французских или голландских⁵⁰⁾. Он, между прочим, наивно говорит:

«Если наши бедняки» (термин для обозначения рабочих) «хотят жить в роскоши... то, конечно, их труд будет дорог... Ведь волосы становятся дыбом, когда подумаешь о тех колоссальных излишествах («*heap of superfluities*»), которыми отличается потребление наших мануфактурных рабочих: тут и водка, и джин, и чай, и сахар, заграничные фрукты, крепкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табак и т. д.»⁵¹⁾.

Автор цитирует далее сочинение одного нортгемптонширского фабриканта, который, благочестиво впериw взор свой в небо, вопит:

«Труд на целую треть дешевле во Франции, чем в Англии, ибо французские бедняки напряженно работают и обходятся самым необходимым из пищи и одежды, главные предметы их потребления — это хлеб, фрукты, травы, коренья и сушеная рыба; они очень редко едят мясо и, когда дорого пшеница, очень мало едят хлеба»⁵²⁾. «К тому же», — продолжает вышеуказанный автор уже от себя, — «они пьют только воду и только слабые напитки, так что в действительности тратят поразительно мало денег... Такого положения вещей, конечно, трудно достигнуть, однако его можно достигнуть, как это убедительно доказывает то, что оно существует и во Франции и в Голландии»⁵³⁾.

⁴⁹⁾ *J. St. Mill. «Essays on some unsettled Questions of Political Economy». London, 1844, p. 90.*

⁵⁰⁾ «*An Essay on Trade and Commerce*». London, 1770, p. 44. Равным образом газета «*Times*» в декабре 1866 г. и в январе 1867 г. поместила сердечные излияния владельцев английских рудников, в которых описывалось благополучие бельгийских горнорабочих, получающих и требующих ровно столько, сколько нужно, чтобы жить ради своих «хозяев». Бельгийские рабочие много терпели, но фигурировать в «*Times*» в качестве образцовых рабочих — это уж слишком! Ответом была стачка бельгийских горнорабочих (близ Маршьена) в феврале 1867 г., подавленная свинцом и порохом.

⁵¹⁾ Там же, стр. 44, 46.

⁵²⁾ Фабрикант из Нортгемптоншира совершает здесь благочестивый обман, вполне простительный, если принять во внимание порывы его сердца. Он сравнивает будто бы жизнь французского и английского мануфактурного рабочего, а между тем в цитированном месте описывает, как он и сам впоследствии сознается, жизнь французского сельскохозяйственного рабочего!

⁵³⁾ «*An Essay on Trade and Commerce*». London, 1770, p. 70, 71.

Примечание к 3 изданию. Ныне благодаря конкуренции на мировом рынке, возникшей после того, как написаны цитированные строки, мы значительно подвинулись в этом вопросе. «Если Китай», — говорил своим избирателям член парламента Стейнлтон, — «если Китай станет великой промышленной державой, то я не вижу, каким образом рабочее население Европы может выдержать борьбу с ним, не опускаясь до уровня своих конкурентов» («*Times*», 3 сентября 1873 г.). — Теперь уже не континентальная, — нет, китайская заработная плата является заветной мечтой английского капитала.

Двумя десятилетиями позже один американский красноречивый, введенный в баронское звание янки Бенджамин Томпсон (alias иначе] граф Румфорд), развивал те же филантропические планы, искав себе ими великое благоволение бога и людей. Его «Essays» представляют собой поваренную книгу, наполненную всякого рода рецептами, указывающими, как заменить дорогостоящие нормальные предметы потребления рабочих дешевыми суррогатами. Вот особенно удачный рецепт этого удивительного «философа»:

«5 ф. ячменя, 5 ф. кукурузы, на 3 пенса седедок, на 1 пенс соли, на 1 пенс суса, на 2 пенса перцу и зелени, итого на сумму $20\frac{3}{4}$ пенса, получается суп на человека, при этом при средних ценах хлеба стоимость этого может быть еще снижена до $1\frac{1}{4}$ пенса на душу» ⁵⁴⁾.

С развитием капиталистического производства фальсификация варов сделала такие успехи, что идеалы Томпсона стали изжили ⁵⁵⁾.

В конце XVIII и в первые десятилетия XIX столетия английские фермеры и лендлорды добились понижения заработка рабочих до крайнего низшего предела, выплачивая сельскохозяйственным поденщикам в форме заработной платы меньше минимума, необходимого для существования, и добавляя остальное в форме добрых приходящей благотворительности. Вот пример того паясничанья; к которому прибегали английские Догберри при «законном» установлении ими тарифов заработной платы:

«Когда сивайры Синнемленда устанавливали в 1795 г. заработную плату, как раз пообеспокоили, но, очевидно, полагали, что рабочие не нуждаются ни в чем обном... Они решили, что недельная плата должна быть 3 шилл. на человека, и каравай хлеба в 8 ф. 11 унций стоит 1 шилл., и должна соответственно повышаться, пока цена каравай не достигнет 1 шилл. 5 пенсов. При еще более значительном возрастании цены хлеба заработная плата должна относительно уменьшаться, так что, когда цена каравай будет 2 шилл., потребление работника должно быть на одну пятую меньше, чем было раньше» ⁵⁶⁾.

⁵⁴⁾ Benjamin Thompson. «Essays political, economical and philosophical etc.», 3 vol. don, 1796—1802, v. 1, p. 294. В своей работе «The State of the Poor, or an History of Labouring Classes in England etc.» сэр Ф. М. Иден усиленно рекомендует румфордскую лепку начальникам работных домов и с упреком указывает английским рабочим на то, «в Шотландии многие семьи в течение целых месяцев питаются исключительно овсяной и ячменной мукой, смешанной с водой и солью, не потребляя ни вина, ни пива, ни чая, и тем не менее живут еще очень комфортабельно» («and that very comfortably too») а. соч., т. I, кн. II, гл. II, стр. 503). Аналогичные «указания» делались и в XIX веке. английские сельскохозяйственные рабочие», — читаем мы, например, — «не хотят есть а с примесью низших сортов муки. В Шотландии, где воспитание лучше, этот предоступок, видимо, отсутствует» (Charles H. Parry, M. D. «The Question of the Necessity of existing Cornlaws considered». London, 1816, p. 69). Тот же самый Парри жалуется, ко, что английский рабочий в настоящее время (1815 г.) сильно опустился по сравнению с временами Идена (1797 г.).

⁵⁵⁾ Из отчетов последней парламентской следственной комиссии относительно фальсификации жизненных средств видно, что даже фальсификация лекарств является для них не исключением, а правилом. Так, например, исследование 34 проб опия, купного в 34 лондонских аптеках, показало, что в 31 случае продукт был фальсифицирован (сесью маковых головок, пшеничной муки, камеди, глины, песка и т. д., причем во всех пробах не оказалось и следов морфина).

⁵⁶⁾ G. L. Newnham (barrister at law). «A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws». London, 1815, p. 20, примечание.

В 1814 г. перед следственной комиссией палаты лордов давал показание некий А. Беннет, крупный фермер, мировой судья, попечитель дома для бедных. В его обязанности входило также и регулирование заработной платы. На вопрос: «Соблюдается ли какое-либо определенное соотношение между стоимостью дневного труда и размерами приходского пособия рабочим?» — он ответил:

«Да. Еженедельный доход каждой семьи доводится до стоимости галлопового каравая хлеба (8 ф. 11 унций) и 3 пенсов на душу... Мы полагаем, что галлопового каравая достаточно для поддержания жизни членов семьи в течение недели; 3 пенса выдаются на одежду; если же приход предпочитает сам выдавать одежду, эти 3 пенса не выплачивают. Такая практика господствует не только во всей западной части Уилтшира, но, как я полагаю, и во всей стране»⁵⁷⁾. «Таким образом», — восклицает один буржуазный автор того времени, — «фермеры в течение ряда лет унижали достойный уважения класс своих соотечественников, принуждая их находить убежище в рабочих домах... Фермер увеличил свой собственный доход, воспрепятствовав накоплению даже самого необходимого потребительного фонда рабочих»⁵⁸⁾.

Какую роль в образовании прибавочной стоимости, а следовательно, и в образовании фонда накопления капитала играет в наши дни прямой грабеж из фонда необходимого потребления рабочего, это мы видели, например, при рассмотрении так называемой работы на дому (см. гл. XIII, 8, d). Дальнейшие факты этого рода будут приведены ниже в настоящем отделе.

Хотя во всех отраслях промышленности часть постоянного капитала, состоящая из средств труда, должна быть достаточной для занятия известного числа рабочих, определяемого величиной предприятия, тем не менее она вовсе не обязательно растет пропорционально числу занятых рабочих. Пусть на данной фабрике 100 рабочих при восьмичасовом труде доставляют 800 рабочих часов. Если капиталист хочет увеличить это количество часов наполовину, он может взять 50 новых рабочих, но тогда ему необходимо авансировать новый капитал не только на заработную плату, но и на средства труда. Однако он может также заставить и этих прежних 100 рабочих работать 12 часов вместо 8, и тогда он может обойтись с наличными средствами труда, которые лишь быстрее будут изнашиваться. Таким образом добавочный труд, созданный большим напряжением рабочей силы, может увеличить субстанцию накопления, т. е. прибавочный продукт и прибавочную стоимость, без соответственного увеличения постоянной части капитала.

В добывающей промышленности, например в горном деле, сырье не является составной частью авансируемого капитала. Здесь предмет труда — не продукт предшествовавшего труда, а бесплат-

⁵⁷⁾ G. L. Newnham, там же, стр. 19, 20.

⁵⁸⁾ Ch. H. Parry. «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered». London, 1816, p. 77, 69. Господа лендлорды, с своей стороны, не только «вознаградили» себя за потери во время антиякобинской войны, которую они вели от имени Англии, но и колоссально обогатились. «За 18 лет ренты их удвоились, утроились, учетверились, а в отдельных случаях увеличились в шесть раз» (там же, стр. 100, 101).

ный дар природы. Таковы: металлические руды, минералы, каменный уголь, камни и т. д. Постоянный капитал состоит здесь почти исключительно из таких средств труда, которые очень хорошо позволяют применить увеличенное количество труда (например, путем введения дневных и ночных смен рабочих). Но ведь при прочих равных условиях масса и стоимость продукта растут прямо пропорционально приложенному количеству труда. Как в первый день производства, здесь идут рука об руку оба первичных фактора, создающие продукт, а следовательно, создающие также и вещественные элементы капитала: человек и природа. Благодаря эластичности рабочей силы область накопления расширяется без предварительного увеличения постоянного капитала.

В земледелии расширить обрабатываемую площадь без дополнительного авансирования посевного материала и удобрений невозможно. Но если это авансирование уже произведено, то даже чисто механическая обработка земли колоссально повышает количество продукта. Возросшее количество труда, доставленное прежним числом рабочих, повышает плодородие почвы, не требуя новых авансирований на средства труда. Это опять-таки прямое воздействие человека на природу, которое становится непосредственным источником повышенного накопления без участия нового капитала.

Наконец, в промышленности в собственном смысле этого слова каждая добавочная затрата на труд предполагает соответственную добавочную затрату на сырье, но вовсе не обязательно на средства труда. А так как добывающая промышленность и земледелие доставляют обрабатывающей промышленности ее собственное сырье и сырье для ее средств труда, то на пользу последней идет и то добавочное количество продуктов, которое создается первыми без добавочной затраты капитала.

Общий итог таков: овладевая двумя первичными созидателями богатства, рабочей силой и землей, капитал приобретает способность расширения, позволяющую ему вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, казалось бы, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в виде которых капитал существует.

Другим важным фактором накопления капитала является уровень производительности общественного труда.

С ростом производительной силы труда растет и та масса продуктов, в которой выражается определенная стоимость, а следовательно, и прибавочная стоимость данной величины. При неизменной и даже при падающей норме прибавочной стоимости, если только последняя падает медленнее, чем увеличивается производительная сила труда, масса прибавочного продукта растет. Поэтому при неизменном делении прибавочного продукта на доход и добавочный капитал потребление капиталиста может расти, не уменьшая фонда накопления. Относительная величина фонда накопле-

ния может даже расти за счет фонда потребления, в то время как благодаря удешевлению товаров в распоряжение капиталиста предоставляется столько же или даже больше предметов потребления, чем раньше. Но с ростом производительности труда происходит, как мы видели, удешевление рабочего, а следовательно, возрастание нормы прибавочной стоимости, даже в том случае, если реальная заработная плата повышается. Эта последняя никогда не увеличивается в том же отношении, как производительность труда. Итак, та же самая стоимость переменного капитала приводит в движение больше рабочей силы, а следовательно, и больше труда. Та же самая стоимость постоянного капитала выражается в большем количестве средств производства, т. е. в большем количестве средств труда, материалов труда и вспомогательных материалов, и, следовательно, доставляет больше элементов, образующих как продукт, так и стоимость, или элементов, впитывающих в себя труд. Поэтому при неизменной и даже понижающейся стоимости добавочного капитала имеет место ускоренное накопление. Не только вещественно расширяются размеры воспроизводства, но производство прибавочной стоимости растет быстрее, чем стоимость добавочного капитала.

Развитие производительной силы труда оказывает влияние также и на первоначальный капитал, т. е. на капитал, уже находящийся в процессе производства. Часть функционирующего постоянного капитала состоит из средств труда, каковы машины и т. д., которые могут быть потреблены, следовательно, воспроизведены или замещены новыми экземплярами того же рода, лишь в течение более или менее продолжительных периодов. Но ежегодно часть этих средств труда отмирает, т. е. достигает конечной цели своей производительной функции. Следовательно, эта часть ежегодно находится в стадии своего периодического воспроизводства или своего замещения новыми экземплярами того же рода. Если производительная сила труда развивается в тех отраслях, где производятся эти средства труда, — а она развивается непрерывно с прогрессом науки и техники, — то место старых машин, инструментов, аппаратов и т. д. заступают новые, более эффективные и сравнительно с размерами своей работы более дешевые. Старый капитал воспроизводится в более производительной форме, не говоря уже о постоянных частичных изменениях в наличных средствах труда. Другая часть постоянного капитала, сырой и вспомогательный материал, воспроизводится непрерывно в течение года, материал земледельческого происхождения — в большинстве своем раз в год. Следовательно, всякое улучшение методов и т. д. воздействует здесь почти одновременно и на добавочный капитал и на капитал уже функционирующий. Всякий прогресс в области химии не только умножает число полезных веществ и число полезных применений уже известных веществ, расширяя, таким образом, по мере роста капитала сферы его приложения. Прогресс

химии научает также вводить отходы процесса производства и потребления обратно в кругооборот процесса воспроизводства и создает, таким образом, материю нового капитала без предварительной затраты капитала. Подобно тому как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто путем более высокого напряжения рабочей силы, точно так же наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению, не зависящую от его данной величины. Они оказывают влияние также на ту часть первоначального капитала, которая вступила в стадию своего возобновления. В своей новой форме капитал даром присваивает общественный прогресс, совершившийся за спиной его старой формы. Правда, это развитие производительной силы сопровождается частичным обесценением функционирующих капиталов. Поскольку это обесценение дает себя остро чувствовать благодаря конкуренции, главная тяжесть его обрушивается на рабочего, повышенной эксплуатацией которого капиталист старается возместить свои убытки.

Труд переносит на продукт стоимость потребленных им средств производства. С другой стороны, стоимость и масса средств производства, приводимых в движение данным количеством труда, растут пропорционально увеличению производительности труда. Следовательно, если данное количество труда и присоединяет к своему продукту всегда одну и ту же сумму новой стоимости, то с ростом производительности труда растет та старая капитальная стоимость, которая при этом переносится на продукт.

Так, например, если английский и китайский прядильщики работают равное число часов и с равной интенсивностью, то в течение недели они создадут равные стоимости. Однако, несмотря на это равенство, существует колоссальное различие между стоимостью недельного продукта англичанина, который работает с помощью мощных автоматов, и стоимостью недельного продукта китаец, который имеет только ручную прялку. В то самое время, в течение которого китаец перерабатывает один фунт хлопка, англичанин перерабатывает много сотен фунтов. В сотни раз большая сумма старых стоимостей присоединяется к стоимости продукта англичанина, продукта, в котором эти старые стоимости сохраняются в новой полезной форме и могут, таким образом, снова функционировать в качестве капитала. «В 1782 г., — сообщает Ф. Энгельс, — весь сбор шерсти предыдущих трех лет (в Англии) лежал необработанным за недостатком рабочих и так и пролежал бы, если бы на помощь не подоспели новоизобретенные машины, которые выпряли всю эту шерсть»⁵⁹⁾. Труд, овеществленный в форме машин, не создал, разумеется, непосредственно ни одного рабочего, но он дал возможность небольшому числу рабочих с неболь-

⁵⁹⁾ Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии», стр. 20 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 250].

шой сравнительно затратой живого труда не только производительно потребить шерсть и присоединить к ней новую стоимость, но и сохранить ее старую стоимость в форме пряжи и т. д. Тем самым он создал средство и импульс к расширенному воспроизводству шерсти. Живому труду по самой его природе присуща способность, создавая новую стоимость, сохранять старую. Поэтому с ростом эффективности, размеров и стоимости средств производства, т. е. с ростом накопления, сопровождающим развитие производительной силы труда, труд сохраняет и увековечивает все в новых формах постоянно увеличивающуюся капитальную стоимость ⁶⁰⁾. Эта

⁶⁰⁾ Классическая политическая экономия из-за неудовлетворительного анализа процесса труда и процесса образования стоимости никогда не понимала как следует этого важного момента воспроизводства. Примером может послужить Рикардо. Он говорит например: как бы ни изменялась производительная сила, «1 млн. человек на фабриках всегда произведет одну и ту же стоимость». Это справедливо, раз дана экстенсивная и интенсивная величина их труда. Но это не препятствует тому, что при различной производительной силе труда один миллион людей превращает в продукт очень различные массы средств производства, сохраняет в продукте очень различные количества прежней стоимости и, следовательно, доставляет продукты очень различной стоимости. И вот это-то обстоятельство Рикардо упускает из вида в некоторых своих выводах. Заметим мимоходом, что на этом примере Рикардо тщетно пытался разъяснить Ж. Б. Сэю разницу между потребительной стоимостью (которую он называет здесь *wealth*, вещественным богатством) и меновой стоимостью. Сэй отвечает: «Что касается той трудности, на которую указывает г-н Рикардо, говоря, что один миллион человек при усовершенствованных методах производства может произвести вдвое, а второе больше богатства, не производя, однако, большей стоимости, то эта трудность исчезает, если мы будем, как это и следует, рассматривать производство как обмен, в котором отдаются производительные услуги труда, земли, капиталов с целью получить взамен продукты. Именно посредством этих производительных услуг мы приобретаем все существующие в мире продукты. Другими словами: мы тем более богаты, наши производительные услуги имеют тем большую стоимость, чем больше полезных предметов получаем мы за них в обмене, именуемом производством» (*J. B. Say. «Lettres à M. Malthus». Paris, 1820, p. 168, 169*). «Трудность», в которой хочет разобраться Сэй, — она существует лишь для него, но отнюдь не для Рикардо, — состоит в следующем. Почему не увеличивается стоимость потребительных стоимостей, когда растет их количество вследствие возросшей производительной силы труда? Ответ: трудность будет устранена, если мы сообразовалим назвать потребительную стоимость меновой стоимостью. Меновая стоимость есть вещь, связанная так или иначе с обменом. Итак, назовем производство «обменом» труда и средств производства на продукт, — и тогда станет яснее для, что меновой стоимости мы получим тем больше, чем больше потребительных стоимостей будет создано в производстве. Другими словами: чем больше потребительных стоимостей, например чулок, доставляет фабриканту рабочий день, тем богаче фабрикант чулками. Но тут г-ну Сэю внезапно приходит мысль, что с «увеличением количества» чулок их «цена» (не имеющая, конечно, ничего общего с меновой стоимостью) падает, «так как конкуренция заставляет производителей отдавать продукты за столько, сколько они им стоят». Но откуда же берется прибыль, если капиталист продает свои товары по цене, которой они ему стоят? Однако стоит ли смущаться такими пустяками! Сэй заявляет, что вследствие повышенной производительности каждый получает теперь в обмен на тот же самый эквивалент две пары чулок вместо одной пары, как это было прежде, и т. д. Результат, к которому он таким образом пришел, есть как раз то самое положение Рикардо, которое он хотел опровергнуть. После такого мощного напряжения мысли он, торжествуя, обращается к Мальтусу со следующими словами: «Такова, милостивый государь, эта стройная доктрина; без нее, — я заявляю это, — невозможно решить труднейшие вопросы политической экономии и в особенности вопрос, каким образом, несмотря на то, что богатство составляется из стоимостей, нация делается более богатой, когда стоимость продуктов падает» (там же, стр. 170). Один английский экономист замечает по поводу подобного рода фокусов в «Lettres» Сэя: «Эта аффектированная манера болтовни (*those affected ways of talking*) и составляет то, что г-ну Сэю угодно называть своей доктриной и что он рекомендует Мальтусу преподавать в Хартфорде, как это уже делается «во многих местах Европы». Сэй говорит: «Если кое-что в этих положениях покажется вам парадоксальным, взгляните в те вещи, которые ими выражаются, и я смею думать, что они покажутся вам чрезвычайно простыми и понятными». Без сомнения, — то, что мы увидим

естественная способность труда представляется как способность самосохранения, присущая капиталу, который овладевает трудом, совершенно так же, как общественные производительные силы труда представляются свойствами капитала, а постоянное присвоение прибавочного труда капиталистом представляется как постоянное самовозрастание капитала. Все силы труда представляются силами капитала, как все формы стоимости товара — формами денег.

С ростом капитала растет разница между применяемым капиталом и потребляемым капиталом. Другими словами: растет стоимостная и вещественная масса средств труда, как-то: зданий, машин, дренажных труб, рабочего скота, всякого рода аппаратов, которые в течение более или менее продолжительного периода, в постоянно возобновляющихся процессах производства функционируют, т. е. служат для достижения определенного полезного эффекта, в полном своем объеме, тогда как изнашиваются постепенно и, следовательно, теряют свою стоимость по частям, а значит по частям также и переносят ее на продукт. Поскольку эти средства труда служат как созидатели продукта, не присоединяя к нему стоимости, т. е. поскольку они применяются целиком, а потребляются лишь частями, постольку они, как мы уже упоминали выше, оказывают даровые услуги подобно силам природы: воде, пару, воздуху, электричеству и т. д. Эти даровые услуги прошлого труда, охваченного и одушевленного живым трудом, накаплиются с увеличением масштаба накопления.

Так как прошлый труд выступает всегда в одежде капитала, т. е. пассив труда рабочих *A, B, C* и т. д. превращается в актив неработающего лица *X*, то буржуа и экономисты бесконечно восхваляют заслуги прошлого труда; шотландский гений Мак-Куллох полагает даже, что прошлому труду должно причитаться свое особое вознаграждение (процент, прибыль и т. д.)⁶¹⁾. Итак, непрерывно растущее значение прошлого труда, участвующего в форме средств производства в живом процессе труда, приписывается не самому рабочему, прошлым и неоплаченным трудом которого являются средства производства, а отчужденному от рабочего воплощению этого труда, его воплощению в капитале. Практические деятели капиталистического производства и их идеологи-пустомели совершенно не способны мыслить средства производства отдельно от той своеобразной антагонистической общественной маски, которая одета на них в настоящее время, подобно тому как рабовладелец не способен представить себе рабочего, как такового, отдельно от его роли раба.

в результате этого процесса, покажется нам чем угодно, но только не оригинальным или значительным» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 110).

⁶¹⁾ Мак-Куллох взял патент на «wages of past labour» [«вознаграждение за прошлый труд»] гораздо раньше, чем Сениор взял свой патент на «wages of abstinence» [«вознаграждение за воздержание»].

При данной степени эксплуатации рабочей силы масса прибавочной стоимости определяется числом одновременно эксплуатируемых рабочих, а это последнее соответствует, хотя и в изменяющейся пропорции, величине капитала. Чем больше растет капитал благодаря последовательному накоплению, тем сильнее возрастает и та сумма стоимости, которая распадается на фонд потребления и фонд накопления. Капиталист может поэтому жить более роскошно и в то же время усиливать свое «воздержание». И, в конце концов, все движущие пружины производства действуют тем энергичнее, чем сильнее расширяется вместе с массой авансированного капитала масштаб производства.

5. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ РАБОЧИЙ ФОНД

В ходе нашего исследования выяснилось, что капитал есть не постоянная величина, а эластичная часть общественного богатства, постоянно изменяющаяся в зависимости от того или другого деления прибавочной стоимости на доход и добавочный капитал. Мы видели далее, что даже при данной величине функционирующего капитала захваченные капиталом рабочая сила, наука и земля (под последней с экономической точки зрения следует понимать все предметы труда, доставляемые природой без содействия человека) образуют его эластичные потенции, которые в известных границах расширяют его арену действия независимо от его собственной величины. При этом мы совершенно отвлекались от условий процесса обращения, благодаря которым одна и та же масса капитала может действовать в очень неодинаковой степени. Так как мы предполагали рамки капиталистического производства, следовательно, предполагали чисто стихийную форму общественного процесса производства, то мы совершенно отвлекались от всякой более рациональной комбинации, осуществляемой с наличными средствами производства и рабочей силой непосредственно и планомерно. Классическая политическая экономия искони питала пристрастие рассматривать общественный капитал как величину постоянную с постоянной степенью действия. Но предрассудок этот застыл в непререкаемую догму лишь благодаря архифилистеру Иеремии Бентаму — этому трезво-педантичному, тоскливо-болтливому оракулу пошлого буржуазного рассудка XIX века⁶²⁾. Бентам среди философов то же, что Мартин Танпер среди поэтов. Оба они могли быть сфабрикованы только в Англии⁶³⁾. С точки зрения

⁶²⁾ Ср., между прочим, *J. Bentham*. «Théorie des Peines et des Récompenses», trad. Et. Dumont, 3ème éd. Paris, 1826, т. II, l. IV, ch. 2.

⁶³⁾ Иеремия Бентам — явление чисто английский. Ни в какую эпоху, ни в какой стране не было еще философа — не исключая даже нашего Христиана Вольфа, — который с таким самодовольством вещал бы обывденнейшие банальности. Принципы полезности не был изобретенным Бентама. Он лишь бездарно повторил то, что даровито излагали Гельвеций и другие французы XVIII века. Если мы хотим узнать, что полезно, например, для

его догмы совершенно непостижимы самые обыкновенные явления процесса производства, например его внезапные расширения и сокращения и даже самый факт накопления⁶⁴⁾. Догма эта применялась как самим Бентамом, так и Мальтусом, Джемсом Миллем, Мак-Куллохом и т. д. с апологетическими целями, именно чтобы представить часть капитала, переменный капитал, т. е. капитал, превращаемый в рабочую силу, как величину постоянную. Была сочинена басня, что вещественное существование переменного капитала, т. е. та масса жизненных средств, которую он представляет для рабочих, или так называемый рабочий фонд, есть ограниченная самой природой особая часть общественного богатства, границы которой непреодолимы. Чтобы привести в движение ту часть общественного богатства, которая должна функционировать как постоянный капитал, или — вещественно — как средства производства, необходима определенная масса живого труда. Последняя определяется техникой производства. Но не даны ни число рабочих, нужное для того, чтобы привести эту массу труда в текучее состояние — так как это число меняется вместе с изменением степени эксплуатации индивидуальной рабочей силы, — ни цена рабочей силы; известна только ее минимальная и к тому же очень эластичная граница. Факты, лежащие в основе рассматриваемой догмы, таковы: с одной стороны, рабочий не имеет голоса при распределении общественного богатства на средства потребления нерабочих и на средства производства. С другой стороны, рабочий лишь в исключительно благоприятных случаях может расширить так называемый «рабочий фонд» за счет «дохода» богатых⁶⁵⁾.

собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть сконструирована «из принципа полезности». Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного флистера — и притом, в частности, английского флистера — с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека и его миру, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее. Например, христианская религия «полезна», так как она религиозно осуждает те же самые преступления, которые уголовное уложение осуждает юридически. Художественная критика «вредна», так как она мешает почтенным людям наслаждаться произведениями Мартина Таппера и т. д. Таким хламом этот бойкий господин, девиз которого — «*nulla dies sine lineis*»¹⁸¹⁾, наполнил горы книг. Если бы я обладал смелостью моего друга Г. Гейне, я назвал бы г-на Иеремию гением буржуазной глупости.

64) «Экономисты слишком склонны... рассматривать определенное количество капитала и определенное число рабочих как орудия производства данной постоянной силы, действующие с известной постоянной интенсивностью... Те... кто говорит... что товары суть единственные факторы производства... утверждают тем самым, что производство вообще не может быть расширено, так как для такого расширения должно быть заранее увеличено количество жизненных средств, сырых материалов и орудий; фактически это равносильно утверждению, что никакой рост производства не может иметь места без его предварительного роста или, другими словами, что никакой рост его невозможен» (*S. Bailey. Money and its Vicissitudes*, p. 58, 70). Бейли критикует догму главным образом с точки зрения процесса обращения.

65) Дж. Ст. Милль говорит в своих «*Principles of Political Economy*» [b. II, ch. 1, § 3]: «Продукт труда распределяется в настоящее время в обратном отношении к труду: на-

К каким плоским тавтологиям приводит попытка превратить капиталистические границы рабочего фонда в границы, определяемые природой общества вообще, показывает пример профессора Фосетта.

«Оборотный капитал ⁶⁶⁾ страны», — говорит он, — «есть ее рабочий фонд. Следовательно, чтобы узнать среднюю денежную плату, получаемую каждым рабочим, надо просто разделить этот капитал на численность рабочего населения» ⁶⁷⁾.

Итак, мы сначала вычисляем сумму всех действительно выплаченных индивидуальных заработных плат, затем объявляем, что результат этого сложения и есть стоимость «рабочего фонда», установленного богом и природой. Наконец, полученную таким путем сумму мы делим на число рабочих, чтобы снова открыть, сколько в среднем выпадает на долю каждого отдельного рабочего. Процедура чрезвычайно хитроумная. Она не мешает г-ну Фосетту заявить, не переводя дыхания:

«Совокупное богатство, ежегодно накапливаемое в Англии, разделяется на две части. Одна часть применяется в самой Англии для поддержания нашей собственной промышленности. Другая часть вывозится за границу... Часть, применяемая в нашей промышленности, образует незначительную долю ежегодно накапливаемого в этой стране богатства» ⁶⁸⁾.

Итак, большая часть ежегодно нарастающего прибавочного продукта, отбираемого у английских рабочих без эквивалента, капитализируется не в Англии, а в других странах. Но ведь вместе с вывезенным таким образом за границу добавочным капиталом вывозится и часть «рабочего фонда», изобретенного богом и Бентамом ⁶⁹⁾.

большую его часть получают те, кто никогда не трудится, следующую по величине часть — те, труд которых почти всецело номинален, и так, по нисходящей шкале, вознаграждение становится все меньше и меньше, по мере того как труд делается тяжелее и неприятнее. Человек, занимающийся наиболее утомительным и изнурительным физическим трудом, не может с уверенностью рассчитывать даже на получение самых необходимых жизненных средств». Чтобы избежать недоразумения, замечу, что такие люди, как Дж. Ст. Милль и ему подобные, заслуживают, конечно, всяческого порицания за противоречия между их старыми экономическими догмами и их современными тенденциями, но было бы в высшей степени несправедливо сваливать этих людей в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами.

⁶⁶⁾ Я напоминаю здесь читателю, что категории переменный капитал и постоянный капитал впервые введены в употребление мною. Политическая экономия со времен А. Смита смешивает заключающиеся в них определения с различием форм основного и оборотного капитала, порождаям процессом обращения. Более подробно об этом говорится во втором отделе второй книги.

⁶⁷⁾ *H. Fawcett, Prof. of Polit. Econ. at Cambridge. «The Economic Position of the British Labourer». London, 1865, p. 120.*

⁶⁸⁾ Там же, стр. 122, 123.

⁶⁹⁾ Можно сказать, что из Англии ежегодно экспортируется не только капитал, но и рабочие — в форме эмиграции. Однако в тексте не имеется в виду имущество переселенцев, которые в значительной своей части не принадлежат к рабочему классу. Большую долю их составляют сыновья фермеров. Английский добавочный капитал, ежегодно вывозимый за границу с целью получения процентов, представляет собой гораздо более значительную величину по сравнению с ежегодным накоплением, чем ежегодная эмиграция по сравнению с ежегодным приростом населения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

1. УВЕЛИЧЕНИЕ СПРОСА НА РАБОЧУЮ СИЛУ ПО МЕРЕ НАКОПЛЕНИЯ ПРИ НЕИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ СТРОЕНИИ КАПИТАЛА

В этой главе мы рассматриваем то влияние, которое возрастание капитала оказывает на положение рабочего класса. Важнейшие факторы этого исследования — строение капитала и те изменения, которые претерпевает оно в ходе процесса накопления.

Строение капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемое со стороны стоимости, строение определяется тем отношением, в котором капитал делится на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, т. е. общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле строение капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения, — с другой. Первое я называю стоимостным строением капитала, второе — техническим строением капитала. Между тем и другим существует тесная взаимозависимость. Чтобы выразить эту взаимозависимость, я называю стоимостное строение капитала, — поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения, — органическим строением капитала. В тех случаях, где говорится просто о строении капитала, всегда следует подразумевать его органическое строение.

Многочисленные индивидуальные капиталы, вложенные в определенную отрасль производства, более или менее отличаются по своему строению друг от друга. Средняя из их индивидуальных строений дает нам строение всего капитала данной отрасли производства. Наконец, общая средняя из этих средних строений всех отраслей производства дает нам строение общественного капитала данной страны, и только об этом, в конечном счете, будет речь в дальнейшем изложении.

Возрастание капитала включает в себя возрастание его переменной, или превращаемой в рабочую силу, составной части. Часть прибавочной стоимости, превращаемой в добавочный капитал, постоянно должна претерпевать обратное превращение в переменный капитал, или в добавочный рабочий фонд. Предположим, что в числе прочих неизменных условий остается без изменения и строение капитала, т. е. что по-прежнему требуется все та же масса рабочей силы для того, чтобы привести в движение определенную массу средств производства, или постоянного капитала; в таком случае спрос на труд и фонд существования рабочих, очевидно, увеличивается пропорционально возрастанию капитала и увеличивается тем быстрее, чем быстрее растет капитал. Так как капитал ежегодно производит прибавочную стоимость, часть которой ежегодно присоединяется к первоначальному капиталу; так как само это приращение ежегодно возрастает по мере увеличения размеров уже функционирующего капитала и так как, наконец, подгоняемое особенно сильным стремлением к обогащению, например при открытии новых рынков, новых сфер приложения капитала вследствие вновь развившихся общественных потребностей и т. д., накопление может быстро расширять свой масштаб благодаря одному лишь изменению в делении прибавочной стоимости, или прибавочного продукта, на капитал и доход, то потребности накопления капитала могут опередить увеличение рабочей силы, или числа рабочих, спрос на рабочих может опередить их предложение, и, таким образом, может произойти повышение заработной платы. Это, в конце концов, и должно произойти, раз указанные выше условия сохраняются без изменения. Так как каждый год применяется больше рабочих, чем в предыдущий, то раньше или позже должен наступить момент, когда потребности накопления начинают перерастать обычное предложение труда, когда, следовательно, наступает повышение заработной платы. Жалобы на это раздаются в Англии в течение всего XV и первой половины XVIII века. Однако более или менее благоприятные условия, при которых наемные рабочие сохраняются и размножаются, несколько не изменяют основного характера капиталистического производства. Как простое воспроизводство непрерывно воспроизводит само капиталистическое отношение — капиталистов на одной стороне, наемных рабочих на другой, — так воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление, воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом. Воспроизводство рабочей силы, которая постоянно должна входить в состав капитала как средство увеличения стоимости и не может высвободиться от него, и подчинение которой капиталу маскируется лишь сменой индивидуальных капиталистов, которым она продается, — это воспроизводство является в действительности момен-

том воспроизводства самого капитала. Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата ⁷⁰⁾.

Классическая политическая экономия настолько хорошо понимала это положение, что А. Смит, Рикардо и др., как упомянуто раньше, даже ошибочно отождествляют накопление с потреблением всей капитализируемой части прибавочного продукта производительными рабочими, или с превращением ее в добавочных наемных рабочих. Уже в 1696 г. Джон Беллерс говорит:

«Если бы кто-либо имел 100 000 акров земли, столько же фунтов стерлингов денег и столько же голов скота, но не имел бы ни одного рабочего, то чем был бы сам этот богатый человек, как не рабочим? И так как рабочие делают людей богатыми, то чем больше рабочих, тем больше богатых... Труд бедняка — рудник богача» ⁷¹⁾.

Точно так же Бернар де Мандевиль говорит в начале XVIII столетия:

«Там, где собственность пользуется достаточной защитой, было бы легче жить без денег, чем без бедных, ибо кто стал бы трудиться?.. Следует ограждать рабочих от голодной смерти, но нужно, чтобы они не получали ничего, что можно было бы сберечь. Если иногда кто-либо из низшего класса благодаря необыкновенному трудолюбию и недоеданию возвышается над положением, в котором он вырос, то никто не должен препятствовать ему в этом: ведь бесспорно, что жить бережливо, это — самое разумное для каждого отдельного лица, для каждой отдельной семьи в обществе; однако интерес всех богатых наций заключается в том, чтобы большая часть бедных никогда не оставалась без дела и чтобы они постоянно целиком расходовали все, что они получают... Те, кто поддерживает существование повседневным трудом, побуждаются к работе исключительно своими нуждами, которые благоразумно смягчать, но было бы глупо исцелять. Единственная вещь, которая только и может сделать рабочего человека прилежным, это — умеренная заработная плата. Слишком низкая заработная плата доводит его, смотря по темпераменту, до малодушия или отчаяния, слишком большая — делает наглым и ленивым... Из всего этого пор сказанного следует, что для свободной нации, у которой рабство не допускается, самое верное богатство заключается в массе трудолюбивых бедняков. Не говоря уже о том, что они служат неиссякаемым источником для комплектования флота и армии, без них не было бы никаких наслаждений и невозможно было бы использовать продукты страны для извлечения доходов. Чтобы сделать общество» (которое, конечно, состоит из нерабочих) «счастливым, а народ довольным даже его жалким положением, для этого необходимо, чтобы огромное большинство оставалось невежественным и бедным. Знания расширяют и умножают наши желания,

⁷⁰⁾ Карл Маркс. «Наемный труд и капитал» [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6]. «При одинаковой степени угнетения масс, страна тем богаче, чем больше в ней пролетариев» (*Colins*. *L'Economie Politique, Source des Révolutions et des Utopies prétendues Socialistes*. Paris, 1857, t. III, p. 331). Под «пролетарием» в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает «капитал» и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости «господина капитала», как называет эту персону Пеккёр. «Немощный пролетарий первобытных лесов» — это милая фантазия Рошера. Житель первобытного леса — собственник первобытного леса и обращается с первобытным лесом, как со своей собственностью, так же бесцеремонно, как орангутанг. Следовательно, он не пролетарий. Он был бы пролетарием лишь в том случае, если бы первобытный лес эксплуатировал его, а не он этот лес. Что касается состояния его здоровья, то он в этом отношении выдержал бы сравнение не только с современным пролетарием, но и с сифилитическими и золотушными «почтенными людьми». Однако под первобытным лесом г-н Вильгельм Рошер, по всей вероятности, разумеет свою родную Люнебургскую пустошь.

⁷¹⁾ John Bellers. «Proposals for raising a College of Industry». London, 1696, p. 2.

а чем меньше желает человек, тем легче могут быть удовлетворены его потребности»⁷²⁾.

Мандевиль, честный человек и ясная голова, еще не понимает того, что самый механизм процесса накопления с увеличением капитала увеличивает и массу «трудолюбивых бедняков», т. е. наемных рабочих, которые вынуждены превращать свою рабочую силу в возрастающую силу для увеличения стоимости возрастающего капитала и именно этим увековечивать свою зависимость от своего собственного продукта, персонифицированного в капиталисте. Об этом отношении зависимости сэр Ф. М. Иден замечает в своем труде «Положение бедных, или История рабочих классов Англии»:

«В нашем географическом поиске для удовлетворения потребностей требуется труд, и поэтому, по крайней мере, часть общества должна неустанно трудиться... Немногие, которые не работают, все же располагают продуктами прилежания. Однако и этим собственники обязаны исключительно цивилизации и порядку; они всецело — творение гражданских учреждений⁷³⁾. Ибо последние признают, что плоды труда можно присваивать и иным способом, кроме труда. Люди с независимым состоянием почти целиком обязаны своим состоянием труду других, а не своим собственным способностям, которые отнюдь не выше, чем способности других; не владение земель и деньгами, а командование трудом («the command of labour») — вот что отличает богатых от бедных... Бедняку подобает не положение отверженности или рабства, а состояние удобной и либеральной зависимости (a state of easy and liberal dependence), а людям, обладающим собственностью, подобает надлежащее влияние и авторитет среди тех, кто на них работает... Такое отношение зависимости, как известно всякому знатоку человеческой природы, необходимо для блага самих рабочих»⁷⁴⁾.

Кстати сказать, сэр Ф. М. Иден — единственный из учеников Адама Смита, сделавший в XVIII веке кое-что значительное⁷⁵⁾.

⁷²⁾ B. de Mandeville. («The Fable of the Bees», 5th ed. London, 1728, примечания, стр. 212, 213, 328.) «Умеренная жизнь и постоянный труд представляют для бедных путь к материальному счастью» (под которым он понимает возможно более длинный рабочий день и возможно меньшее количество жизненных средств) «и к богатству для государства» (т. е. для земельных собственников, капиталистов и их политических сановников и агентов) («An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, p. 54).

⁷³⁾ Идену следовало бы поставить вопрос: чье же творение «гражданские учреждения»? Стоя на точке зрения юридических иллюзий, он считает, что не закон есть продукт материальных производственных отношений, а, наоборот, производственные отношения суть продукт закона. Ленте всего одним словом опрокинул иллюзорный «Esprit des loix» [«Дух законов»] Монтескье: «L'esprit des loix, c'est la propriété» [«Собственность — вот дух законов»]¹⁸².

⁷⁴⁾ Eden, цит. соч., т. I, кн. I, гл. I, стр. 1, 2 и предисловие, стр. XX.

⁷⁵⁾ Если читатель вспомнит о Мальтусе, работа которого «Essay on Population» появилась в 1798 г., то я напомню, что эта работа в своей первоначальной форме есть не что иное, как ученически-поверхностный и поповски-напыщенный плагиат из Дефо, сэра Джамса Стюарта, Таунсенда, Фрайклина, Уоллеса и т. д. и не содержит ни одного самостоятельного положения. Большой шум, вызванный этим памфлетом, объясняется исключительно партийными интересами. Французская революция нашла в Британском королевстве страстных защитников: «закон народонаселения», медленно вырисовывавшийся в XVIII веке, потом с помпой вознесенный среди великого социального кризиса как несравненное противоядие против теории Кондорсе и других, был с ликованием встречен английской олигархией, которая увидела в нем великого искоренителя всех стремлений к дальнейшему человеческому развитию. Мальтус, до крайности изумленный своим успехом, принял тогда за то, чтобы заполнить старую схему поверхностно компилированным материалом и присоединить к нему новый, который был, однако, не открыт, а просто присвоен Мальтусом. Кстати сказать, хотя Мальтус — поп высокой англиканской церкви, тем не менее он дал монашеский обет безбрачия. Безбрачие — одно из условий fellowship [членства] в протестантском

Кембриджском университете. «Женатым не разрешается быть членами коллегии. Напротив, если кто-нибудь женится, он тем самым выбывает из числа членов» («Reports of Cambridge University Commission», p. 172). Это обстоятельство выгодно отличает Мальтуса от других протестантских попов, которые, стряхнув с самих себя католическую заповедь безбрачия священников, усвоили заповедь «плодитесь и размножайтесь» как свою специфически-библейскую миссию в такой мере, что повсюду поистине в неприличной степени содействуют увеличению населения и в то же время проповедуют рабочим «принцип народонаселения». Характерно, что экономическая пародия грехопадения, адамово яблоко, «urgent appetite» [«непроборимое желание»], «the checks which tend to blunt the shafts of Cupid» [«препятствия, которые предназначены притупить стрелы Купидона»], как весело говорит поп Таунсенд, — этот щекотливый пункт был монополизирован и теперь монополизировается господами представителями протестантской теологии или, вернее, церкви. За исключением венецианского монаха Ортеза, оригинального и остроумного автора, большинство проповедников «закона народонаселения» — протестантские попы. Таковы Брюкнер с его «Théorie du Système animal». Leyde, 1767, в которой истерпана вся современная теория народонаселения и идеи для которой дал мимолетный спор на эту тему между Кенэ и его учеником Мирабо-старшим; затем поп Уоллес, поп Таунсенд, поп Мальтус и его ученик архипоп Т. Чалмерс, не говоря уже о мелких попах-писателях in this line [в том же направлении]. Первоначально политической экономией занимались философы, как Гоббс, Локк, Юм, коммерческие и государственные люди, как Томас Мор, Темпл, Сюлин, де Витт, Норс, Ло, Вандерлинт, Кантильон, Франклин, теоретической стороной ее особенно занимались, и притом с величайшим успехом, медики, как Петти, Барбон, Мандевиль, Кенэ. Еще в середине XVIII столетия его преподавшие г-н Таккер, видный для своего времени экономист, извиняется в том, что он занялся маммоной. Позже, а именно с появлением «закона народонаселения», наступило время протестантских попов. Как бы предчувствуя появление этих знахарей, Петти, считающий население основой богатства и, подобно Адаму Смиту, непримиримый враг попов, говорит: «Религия больше всего процветает там, где священники больше всего умерщвляют свою плоть, также как и право — там, где адвокаты умирают от голода». Поэтому протестантским священникам, раз они не хотят следовать апостолу Павлу и «умерщвлять плоть» безбрачием, он советует «не производить, по крайней мере, попов больше («not to breed more Churchmen»), чем могли бы поглотить наличные приходы (benefices); т. е. если в Англии и Уэльсе имеется всего 12 000 приходов, то было бы неразумно произвести 24 000 попов («it will not be safe to breed 24 000 ministers»), ибо 12 000 непресторенных постоянно будут искать средств к существованию, и есть ли более легкий способ найти эти средства, чем пойти в народ и втолковать ему, что эти 12 000 имеющих приходы губят души, доводят эти души до голода и указывают им ложный путь, который не приведет их на небеса?» (Petty. «A Treatise of Taxes and Contributions». London, 1667, p. 57). Отношение Адама Смита к протестантским попам его времени характеризуется следующим. В работе «A Letter to A. Smith, LL. D. On the Life, Death and Philosophy of his Friend David Hume». By One of the People called Christians, 4th ed. Oxford, 1784, англиканский епископ из Нориджа, доктор Хорп, обрушивается на А. Смита за то, что тот в одном открытом письме к Страэну «бальзамирует своего друга Давида» (т. е. Юма), что он рассказывает публике о том, как «Юм на своем смертном одре раавлекался Лукианом и вистом» и что он даже имел дерзость написать: «Я всегда считал Юма, как при его жизни, так и после его смерти, настолько близким к совершенному идеалу мудрого и добродетельного человека, насколько это допускает слабость человеческой природы». Епископ с негодованием восклицает: «Хорошо ли это с вашей стороны, милостивый государь, изображать нам в качестве совершенно мудрых и добродетельных характер в образ жизни человека, который был одержим непримиримой антипатией ко всему, что называется религией, и напрягал все свои силы для того, чтобы, поскольку это зависело от него, изгладить из памяти человеческой даже самое название религии?» (там же, стр. 8). «Но не падайте духом, друзья истины, атеизм недолговечен» (там же, стр. 17). Адам Смит столь «гнусно нечестив» («the atrocious wickedness»), что пропагандирует в стране атеизм» (именно посредством своей «Theory of moral sentiments») «...Мы знаем ваши уловки, господин доктор! Вы хорошо задумали, да на этот раз просчитались. На примере Давида Юма вы хотели показать, что атеизм единственное подкрепление («cordials») упавшего духа и единственное противоядие против страха смерти... Смейтесь же над развалинами Вавилона и приветствуйте ожесточенного злодея фараона!» (там же, стр. 21, 22). Один из ортодоксальных слушателей А. Смита пишет после смерти последнего: «Дружба Смита с Юмом ... помешала ему быть христианином... Во всем он верил Юму на слово. Если бы Юм сказал ему, что луна — зеленый сыр, он поверил бы ему. Поэтому он верил также ему, что нет бога и чудес... По своим политическим принципам он приближался к республиканизму» («The Bee». By James Anderson. 18 vols. Edinburgh, 1791—1793, vol. III, p. 166, 165). Поп Т. Чалмерс подозревает А. Смита в том, что он выдумал категорию «непроизводительных рабочих» просто по злобе, специально имея в виду протестантских попов, несмотря на их благословенный труд в виноградишке господнем.

При тех наиболее благоприятных для рабочих условиях накопления, которые предполагались до сих пор, отношение зависимости рабочих от капитала облекается в сносные или, как выражается Иден, «удобные и либеральные» формы. Вместо того чтобы по мере роста капитала становиться интенсивнее, оно становится лишь экстенсивнее, т. е. сфера эксплуатации и господства капитала расширяется только вместе с увеличением его самого и числа его подданных. Все бо́льшая часть их собственного прибавочного продукта, который все возрастает и в растущих размерах превращается в добавочный капитал, притекает к ним обратно в форме средств платежа; благодаря этому они могут расширять круг своих потребностей, лучше обеспечивать свой потребительный фонд одежды, мебели и т. д. и создавать даже небольшие денежные запасные фонды. Но как лучшая одежда, пища, лучшее обращение в более или менее значительный *rescuium*¹⁸³ не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплуатации, точно так же это не уничтожает отношения зависимости и эксплуатации и для наемного рабочего. Повышение цены труда вследствие накопления капитала в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наемный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать ее напряжение менее сильным. В спорах об этом предмете обыкновенно упускали из виду самое главное, а именно *differentia specifica* [характерные особенности] капиталистического производства. Рабочая сила покупается здесь не для того, чтобы ее действием или ее продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала, производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно, содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая, тем не менее, реализуется при продаже товара. Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства. Рабочая сила может быть предметом продажи лишь постольку, поскольку она сохраняет средства производства как капитал, воспроизводит свою собственную стоимость как капитал и в неоплаченном труде доставляет источник добавочного капитала⁷⁶⁾. Следовательно, условия ее продажи, будут ли они более благоприятны для рабочих или менее, предполагают необходимость постоянного повторения ее продажи и постоянно расширяющееся воспроизводство богатства как капитала. Заработная плата, как мы видели, по своей природе постоянно обуславливает, что рабочий доставляет определенное количество неоплаченного труда. Не говоря

⁷⁶⁾ *Примечание к 2 изданию.* «Однако граница занятия как сельскохозяйственных, так и промышленных рабочих одна и та же, а именно — возможность для предпринимателя пазлечь прибыль из продукта их труда... Если уровень заработной платы повышается настолько, что выручка хозяина упадет ниже средней прибыли, то он перестает давать им работу или дает ее лишь при том условии, что они согласны на понижение заработной платы» (*John Wade*, цит. соч., стр. 240).

уже о повышении заработной платы при падающей цене труда и т. д., увеличение ее означает в лучшем случае лишь количественное уменьшение того неоплаченного труда, который приходится исполнять рабочему. Это уменьшение никогда не может дойти до такого пункта, на котором оно угрожало бы существованию самой системы. Оставляя в стороне разрешаемые силой конфликты из-за уровня заработной платы, — а уже Адам Смит показал, что в таких конфликтах хозяин всегда остается хозяином, — повышение цены труда, вытекающее из накопления капитала, предполагает следующую альтернативу.

Или цена труда продолжает повышаться, потому что ее повышение не препятствует росту накопления; в этом нет ничего удивительного, потому что, как говорит А. Смит,

«даже при понижении прибыли капиталы не только продолжают возрастать, но они возрастают даже много быстрее, чем раньше... Большой капитал даже при небольшой прибыли в общем возрастает быстрее, чем мелкий капитал при большой прибыли» («Wealth of Nations», I [французский перевод Гарнье], стр. 189).

В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда несколько не препятствует распространению господства капитала. Или, — и это другая сторона альтернативы, — накопление вследствие повышения цены труда ослабевает, потому что притупляется стимулирующее действие прибыли. Накопление уменьшается. Но вместе с его уменьшением исчезает причина его уменьшения, а именно диспропорция между капиталом и доступной для эксплуатации рабочей силой. Следовательно, механизм капиталистического процесса производства сам устраняет те преходящие препятствия, которые он создает. Цена труда снова понижается до уровня, соответствующего потребностям возрастания капитала, будет ли уровень этот ниже, выше или равен тому уровню, который считался нормальным до повышения заработной платы. Итак, в первом случае не замедление абсолютного или относительного увеличения рабочей силы или рабочего населения делает капитал избыточным, а наоборот, увеличение капитала делает недостаточной доступную для эксплуатации рабочую силу. Во втором случае не усиление абсолютного или относительного увеличения рабочей силы или рабочего населения делает капитал недостаточным, а наоборот, уменьшение капитала делает избыточной доступную для эксплуатации рабочую силу или, скорее, делает чрезмерной ее цену. Как раз эти абсолютные движения накопления капитала и отражаются в виде относительных движений массы доступной для эксплуатации рабочей силы, и поэтому кажется, будто они вызываются собственным движением последней. Выражаясь языком математики, можно сказать: величина накопления есть независимая переменная, величина заработной платы — зависимая, а не наоборот. Таким же образом в фазе кризиса промышленного цикла общее понижение товарных цен выражается как повышение относительной

стоимости денег, а в фазе процветания общее повышение товарных цен выражается как понижение относительной стоимости денег. Так называемая *Currency School* [Денежная школа] делает из этого тот вывод, что при высоких ценах в обращении находится слишком много, а при низких — слишком мало * денег. Ее невежество и полное игнорирование фактов ⁷⁷⁾ находит себе достойную параллель в лице экономистов, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, будто в одном случае имеется слишком мало, а в другом слишком много наемных рабочих.

Закон капиталистического производства, лежащий в основе мнимого «естественного закона народонаселения», сводится просто к следующему: отношение между капиталом, накоплением и уровнем заработной платы есть не что иное, как отношение между неоплаченным трудом, превращенным в капитал, и добавочным трудом, необходимым для того, чтобы привести в движение добавочный капитал. Следовательно, это — отнюдь не отношение между двумя не зависимыми одна от другой величинами, между величиной капитала, с одной стороны, и численностью рабочего населения — с другой; напротив, это в последнем счете отношение лишь между неоплаченным и оплаченным трудом одного и того же рабочего населения. Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накапливаемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но как только это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, наступает реакция: уменьшается капитализируемая часть дохода, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом, повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается ее воспроизводство в расширяющемся масштабе. Следовательно, закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое такое повышение цены труда, которое могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения, и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе. Иначе оно и быть не может при

* В оригинале в первом случае сказано «мало», во втором — «много»; исправление сделано в соответствии с текстом авторизованного французского перевода. *Ред.*

⁷⁷⁾ Ср. *Карл Маркс*. «К критике политической экономии», стр. 165 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 162 и сл.].

таким способе производства, где рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук ^{77а)}.

2. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ПЕРЕМЕННОЙ ЧАСТИ КАПИТАЛА В ХОДЕ НАКОПЛЕНИЯ И СОПРОВОЖДАЮЩЕЙ ЕГО КОНЦЕНТРАЦИИ

По мнению самих экономистов, не размеры уже существующего общественного богатства и не величина уже приобретенного капитала приводят к повышению заработной платы, а исключительно лишь непрерывный рост накопления и степень быстроты этого роста (А. Смит [«Wealth of Nations»], кн. I, гл. 8). До сих пор мы рассматривали лишь одну особую фазу этого процесса, именно ту, в которой увеличение капитала совершается при неизменном техническом строении капитала. Но процесс идет дальше этой фазы.

Раз даны общие основы капиталистической системы, в ходе накопления непременно наступает такой момент, когда развитие производительности общественного труда становится мощнейшим рычагом накопления.

«Та самая причина», — говорит А. Смит, — «которая приводит к повышению заработной платы, именно увеличение капитала, побуждает к повышению производительных способностей труда и дает меньшему количеству труда возможность производить большее количество продуктов» ¹⁸⁴.

Оставляя в стороне естественные условия, как плодородие почвы и т. д., и сноровку независимых изолированно работающих производителей, которая притом и проявляется больше качественно, в добротности продуктов, чем количественно, в их массе, общественный уровень производительности труда находит себе выражение в относительной величине средств производства, которые рабочий превращает в продукт в течение данного времени при неизменном напряжении рабочей силы. Масса средств производства, с помощью которых он функционирует, возрастает вместе с производительностью его труда. Эти средства производства играют здесь двоякую роль. Возрастание одних есть следствие, возрастание других — условие увеличения производительности труда. Например,

^{77а)} «Если же мы возвратимся к нашему первому исследованию, где было показано... что сам капитал есть только продукт человеческого труда... то покажется совершенно непонятным, как человек мог попасть под господство своего собственного продукта — капитала — и оказаться подчиненным ему; а так как в действительности дело бесспорно обстоит именно так, то невольно напрашивается вопрос: как рабочий из владыки капитала — как творец капитала — мог сделаться рабом капитала?» (Thünen, «Der isolierte Staat». Theil II. Abtheilung II. Rostock, 1863, S. 5, 6). Заслуга Тюнена в том, что он поставил вопрос. Ответ же его просто детский.

при мануфактурном разделении труда и применении машин в один и тот же промежуток времени перерабатывается больше сырого материала, следовательно, большая масса сырого материала и вспомогательных веществ вступает в процесс труда. Это — следствие повышения производительности труда. С другой стороны, масса применяемых машин, рабочего скота, минеральных удобрений, дренажных труб и т. д. есть условие увеличения производительности труда. То же следует сказать и о массе средств производства, сконцентрированных в виде зданий, доменных печей, транспортных средств и т. д. Но будет ли увеличение размера средств производства по сравнению с присоединяемой к ним рабочей силой условием или следствием, — оно и в том и в другом случае является выражением увеличения производительности труда. Следовательно, увеличение последней проявляется в уменьшении массы труда по отношению к массе средств производства, приводимой этим трудом в движение, или в уменьшении величины субъективного фактора процесса труда по сравнению с его объективными факторами.

Это изменение технического строения капитала, возрастание массы средств производства по сравнению с массой оживляющей их рабочей силы, в свою очередь, отражается в стоимостном строении капитала, в увеличении постоянной составной части капитальной стоимости за счет ее переменной составной части. Пусть, например, первоначально 50% какого-либо капитала затрачивалось на средства производства и 50% на рабочую силу; позже, с развитием производительности труда, 80% затрачивается на средства производства и 20% на рабочую силу и т. д. Этот закон более быстрого увеличения постоянной части капитала по сравнению с переменной частью подтверждается на каждом шагу (как уже показано выше) сравнительным анализом товарных цен, будем ли мы сравнивать различные экономические эпохи у одной и той же нации или различные нации в одну и ту же эпоху. Относительная величина того элемента цены, который представляет лишь стоимость потребленных средств производства, или постоянную часть капитала, будет прямо пропорциональна, а относительная величина другого элемента цены, который оплачивает труд, или представляет переменную часть капитала, будет в общем обратно пропорциональна прогрессу накопления.

Однако уменьшение переменной части капитала по отношению к постоянной части, или изменение стоимостного строения капитала, служит лишь приблизительным показателем изменения в строении его вещественных составных частей. Если, например, в настоящее время капитальная стоимость, вложенная в прядильное дело, на $\frac{7}{8}$ состоит из постоянного и на $\frac{1}{8}$ из переменного капитала, а в начале XVIII века состояла на $\frac{1}{2}$ из постоянного и $\frac{1}{2}$ из переменного капитала, то, напротив, та масса сырья, средств труда и т. д., которую в настоящее время производительно

потребляет определенное количество труда прядильщиков, во много сотен раз больше, чем была соответствующая масса в начале XVIII столетия. Причина заключается просто в том, что с увеличением производительности труда не только возрастает объем потребляемых им средств производства, но и понижается стоимость их по сравнению с их объемом. Таким образом, стоимость их абсолютно повышается, но не пропорционально их размерам. Поэтому разность между постоянным и переменным капиталом возрастает много медленнее, чем разность между той массой средств производства, в которую превращается постоянный капитал, и той массой рабочей силы, в которую превращается переменный капитал. Первая разность увеличивается вместе с последней, но в меньшей степени, чем последняя.

Впрочем, если прогресс накопления уменьшает относительную величину переменной части капитала, то этим он вовсе не исключает увеличения ее абсолютной величины. Предположим, что капитальная стоимость сначала распадалась на 50% постоянного и 50% переменного капитала, впоследствии — на 80% постоянного и 20% переменного. Если за это время первоначальный капитал, составлявший, скажем, 6 000 ф. ст., повысился до 18 000 ф. ст., то и его переменная составная часть увеличилась на $\frac{1}{5}$. Прежде она составляла 3 000 ф. ст., теперь составляет 3 600 фунтов стерлингов. Но если прежде было достаточно увеличения капитала на 20% для того, чтобы повысить спрос на труд на 20%, то теперь для этого требуется утроение первоначального капитала.

В четвертом отделе было показано, что развитие общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в крупном масштабе; что только при этой предпосылке могут быть организованы разделение и комбинация труда, сэкономлены, благодаря массовой концентрации, средства производства, вызваны к жизни такие средства труда, например система машин и т. д., которые уже по своей вещественной природе применимы только совместно, могут быть поставлены на службу производства колоссальные силы природы и процесс производства может быть превращен в технологическое приложение науки. На основе товарного производства, при котором средства производства являются собственностью частных лиц, при котором работник поэтому или изолированно и самостоятельно производит товары, или продает свою рабочую силу как товар, потому что у него нет средств для самостоятельного производства, указанная предпосылка реализуется лишь посредством увеличения индивидуальных капиталов, или в той мере, как общественные средства производства и жизненные средства превращаются в частную собственность капиталистов. На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме. Поэтому известное накопление капитала в руках индивидуальных товаропроизводителей служит

предпосылкой специфически капиталистического способа производства. Таким образом, мы должны предположить наличие такого накопления при переходе от ремесла к капиталистическому производству. Его можно назвать первоначальным накоплением, потому что оно — не исторический результат, а историческая основа специфически капиталистического производства. Здесь нам еще нет необходимости исследовать, каким образом оно само возникает. Достаточно того, что оно образует исходный пункт. Но все методы повышения общественной производительной силы труда, развивающиеся на этой основе, суть в то же время методы увеличения производства прибавочной стоимости или прибавочного продукта, который в свою очередь является образующим элементом накопления. Таким образом, они суть в то же время методы производства капитала капиталом, или методы его ускоренного накопления. Непрерывное обратное превращение прибавочной стоимости в капитал выражается в возрастании величины капитала, входящего в процесс производства. В свою очередь, оно становится основой расширения масштабов производства, сопровождающих его методов повышения производительной силы труда и ускоренного производства прибавочной стоимости. Следовательно, если известная степень накопления капитала является условием специфически капиталистического способа производства, то последний, путем обратного воздействия, обуславливает ускоренное накопление капитала. Поэтому с накоплением капитала развивается специфически капиталистический способ производства, а со специфически капиталистическим способом производства — накопление капитала. Эти два экономических фактора, в силу того сложного взаимоотношения, при котором толчок от одного из них сообщается другому, производят то изменение в техническом строении капитала, благодаря которому переменная составная часть становится все меньше и меньше по сравнению с постоянной.

Всякий индивидуальный капитал есть большая или меньшая концентрация средств производства и соответствующее командование над большей или меньшей армией рабочих. Всякое накопление становится средством нового накопления. Вместе с увеличением массы богатства, функционирующего как капитал, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов и таким образом расширяет основу производства в крупном масштабе и специфически капиталистических методов производства. Возрастание общественного капитала совершается благодаря росту многих индивидуальных капиталов. При прочих равных условиях индивидуальные капиталы, а вместе с ними концентрация средств производства возрастают в пропорции, соответствующей той доле, какую каждый из них образует от всего общественного капитала. В то же время от первоначальных капиталов отделяются отпрыски и начинают функционировать как новые самостоятельные капита-

лы. Крупную роль играет при этом, между прочим, раздел состояний в семьях капиталистов. Поэтому с накоплением капитала более или менее возрастает и число капиталистов. Два обстоятельства характеризуют концентрацию этого рода, непосредственно покоящуюся на накоплении или даже тождественную с ним. Во-первых, рост концентрации общественных средств производства в руках индивидуальных капиталистов, при прочих равных условиях, ограничен степенью возрастания общественного богатства. Во-вторых: часть общественного капитала, вложенная в каждую отдельную сферу производства, делится между многими капиталистами, которые противостоят один другому как независимые и конкурирующие друг с другом товаропроизводители. Следовательно, накопление и сопровождающая его концентрация не только раздробляются по многочисленным пунктам, но и возрастание функционирующих капиталов перекрещивается с образованием новых и расщеплением старых капиталов. Поэтому, если, с одной стороны, накопление представляется как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом, то, с другой стороны, оно представляется как взаимное отталкивание многих индивидуальных капиталов.

Этому дроблению всего общественного капитала на многие индивидуальные капиталы или отталкиванию его частей друг от друга противодействует их притяжение. Это уже не простая, тождественная с накоплением концентрация средств производства и командования над трудом. Это — концентрация уже образовавшихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистом, превращение многих мелких в небольшое количество крупных капиталов. Этот процесс отличается от первого тем, что он предполагает лишь изменение распределения уже существующих и функционирующих капиталов, следовательно арена его действия не ограничена абсолютным возрастанием общественного богатства или абсолютными границами накопления. Здесь капитал сосредоточивается в огромных массах в одних руках потому, что там он исчезает из многих других рук. Это — собственно централизация в отличие от накопления и концентрации.

Законы этой централизации капиталов, или притяжения капитала капиталом, не могут быть развиты здесь. Достаточно будет кратких фактических указаний. Конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров. Дешевизна товаров зависит *ceteris paribus* [при прочих равных условиях] от производительности труда, а последняя — от масштаба производства. Поэтому меньшие капиталы побиваются большими. Вспомним далее, что с развитием капиталистического способа производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях. Поэтому сравнительно

мелкие капиталы устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь sporadически или не вполне. Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью многих мелких капиталистов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают. Кроме того, вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила — кредит; вначале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и, в конце концов, превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов.

В той мере, как развиваются капиталистическое производство и накопление, развиваются также конкуренция и кредит — эти два наиболее мощных рычага централизации. Наряду с этим прогресс накопления увеличивает материал для централизации, т. е. индивидуальные капиталы, между тем как расширение капиталистического производства создает, с одной стороны, общественную потребность, а с другой стороны — технические средства для тех громадных промышленных предприятий, осуществление которых связано с предшествующей централизацией капитала. Поэтому в настоящее время взаимное притяжение отдельных капиталов и тенденция к централизации сильнее, чем когда бы то ни было раньше. Но хотя относительная широта и энергия движения к централизации до известной степени определяются достигнутой уже величиной капиталистического богатства и превосходством экономического механизма, все же прогресс централизации отнюдь не зависит от положительного увеличения общественного капитала. И это в особенности отличает централизацию от концентрации, которая есть лишь иное выражение воспроизводства в расширенном масштабе. Централизация может совершаться посредством простого изменения в распределении уже существующих капиталов, посредством простого изменения количественной группировки составных частей общественного капитала. Капитал здесь, в одних руках, может возрасти до огромных размеров потому, что там, в другом месте, он ушел из множества отдельных рук. В каждой данной отрасли производства централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в один-единственный капитал^{77b)}. В каждом данном обществе этот предел был бы достигнут

^{77b)} (К 4 изданию. Новейшие английские и американские «тресты» уже стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией. Ф. Э.)

лишь в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного-единственного капиталиста или одной-единственной компании капиталистов.

Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять масштаб своих операций. Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, совершается ли централизация насильственным путем захвата, когда известные капиталы становятся центрами столь сильного тяготения для других, что разрушают их индивидуальное сцепление и потом притягивают к себе разрозненные куски, или же слияние множества уже образовавшихся или находящихся в процессе образования капиталов протекает более гладким способом, посредством образования акционерных обществ, — экономическое действие во всех этих случаях остается одно и то же. Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства.

Однако ясно, что накопление, постепенное увеличение капитала посредством воспроизводства, переходящего от круговой к спиральной форме движения, есть крайне медленный процесс по сравнению с централизацией, которая требует изменения лишь в количественной группировке составных частей общественного капитала. Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг. Усиливая и ускоряя таким путем действие накопления, централизация в то же время расширяет и ускоряет те перевороты в техническом строении капитала, которые увеличивают его постоянную часть за счет его переменной части и тем самым относительно уменьшают спрос на труд.

Массы капитала, соединенные в очень короткий срок процессом централизации, воспроизводятся и увеличиваются так же, как другие капиталы, но только быстрее, и тем самым в свою очередь становятся мощными рычагами общественного накопления. Следовательно, когда говорят о прогрессе общественного накопления, то в настоящее время под ним молчаливо подразумевают и действие централизации.

Добавочные капиталы, образованные в ходе нормального накопления (см. главу XXII, раздел 1), служат преимущественно средством для эксплуатации новых изобретений, открытий и вообще промышленных усовершенствований. Но и старый капитал достигает

с течением времени момента, когда он обновляется с ног до головы, когда он меняет свою кожу и так же возрождается в технически усовершенствованном виде, при котором меньшей массы труда оказывается достаточно для того, чтобы привести в движение большую массу машин и сырья. Само собой разумеется, что неизбежно вытекающее отсюда абсолютное сокращение спроса на труд оказывается тем больше, чем больше капиталы, продельвающие этот процесс обновления, уже собраны в массы благодаря централизующему движению.

Итак, с одной стороны, добавочный капитал, образованный в ходе накопления, притягивает все меньше и меньше рабочих по сравнению со своей величиной. С другой стороны, старый капитал, периодически воспроизводимый в новом строении, отталкивает все больше и больше рабочих, которые раньше были заняты им.

3. ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ, ИЛИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ

Накопление капитала, которое первоначально представлялось лишь как его количественное расширение, осуществляется, как мы видели, в непрерывном качественном изменении его строения, в постоянном увеличении его постоянной составной части за счет переменной ^{77с)}.

Специфически капиталистический способ производства, соответствующее ему развитие производительной силы труда, вызываемое этим изменением органического строения капитала не только идут рука об руку с прогрессом накопления, или с возрастанием общественного богатства: они идут несравненно быстрее, потому что простое накопление, или абсолютное увеличение совокупного капитала, сопровождается централизацией его индивидуальных элементов, а технический переворот в добавочном капитале сопровождается техническим переворотом в первоначальном капитале. С прогрессом накопления отношение постоянной части капитала к переменной изменяется таким образом, что если первоначально оно составляло 1 : 1, то потом оно превращается в 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1 и т. д., так что, по мере возрастания капитала, в рабочую силу последовательно превращается не $\frac{1}{2}$ его общей стоимости, а лишь $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ и т. д., в средства же производства — $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{5}$, $\frac{5}{6}$, $\frac{7}{8}$ и т. д. Так как спрос на труд определяется не размером всего капитала, а размером его переменной составной части,

^{77с)} {Примечание к 3 изданию. В собственном экземпляре Маркса в этом месте сделана пометка на полях: «Здесь для использования в дальнейшем следует отметить: если расширение исключительно количественное, то прибыли больших и меньших капиталов одной и той же отрасли производства относятся друг к другу так же, как и величины авансированных капиталов. Если количественное расширение ведет к качественному изменению, то одновременно повышается норма прибыли для большого капитала». Ф. Э.]

то он прогрессивно уменьшается по мере возрастания всего капитала, вместо того чтобы, как мы предполагали раньше, увеличиваться пропорционально этому возрастанию. Он понижается относительно, по сравнению с величиной всего капитала, понижается в прогрессии, ускоряющейся с возрастанием этой величины. Правда, с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть, т. е. присоединяемая к нему рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции. Промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются. Дело не только в том, что ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала требуется для того, чтобы поглотить определенное добавочное число рабочих, и даже — ввиду постоянных изменений в старом капитале — для одного того, чтобы дать работу уже функционирующим рабочим. Это возрастающее накопление и централизация, в свою очередь, сами превращаются в источник нового изменения строения капитала или нового ускоренного уменьшения его переменной части по сравнению с постоянной. Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала, и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны, в таком виде, как будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание переменного капитала, или средств занятости этого населения. Напротив, капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население.

Рассматривая совокупный общественный капитал, мы видим, что то процесс его накопления вызывает периодические изменения, то отдельные моменты этого процесса одновременно распределяются между различными сферами производства. В некоторых сферах происходит изменение в строении капитала без возрастания его абсолютной величины, вследствие одной лишь централизации*; в других — абсолютное возрастание капитала связано с абсолютным уменьшением его переменной составной части, или поглощаемой им рабочей силы; в некоторых же сферах то капитал возрастает на данной технической основе и пропорционально своему возрастанию привлекает добавочную рабочую силу, то происходит органическое изменение капитала и сокращается его переменная часть; во всех сферах возрастание переменной части капитала, а потому и числа занятых рабочих, всегда связано с сильными колебаниями и созданием временного перенаселения, причем безразлично, при-

* В оригинале сказано: «концентрация»; смысловая поправка делается в соответствии с текстом английского издания, вышедшего под редакцией Ф. Энгельса. *Ред.*

нимает ли оно бросающуюся в глаза форму отталкивания уже занятых рабочих или не так заметную, но не менее действенную форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами⁷⁸⁾. Вместе с увеличением уже функционирующего общественного капитала и степени его возрастания, с расширением масштаба производства и массы функционирующих рабочих, с развитием производительной силы их труда, с расширением и увеличением всех источников богатства расширяются и размеры того явления, что усиление притяжения рабочих капиталом связано с усилением отталкивания их, ускоряется изменение органического строения капитала и его технической формы и расширяется круг тех сфер производства, которые то одновременно, то одна за другой охватываются этим изменением. Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением⁷⁹⁾. Это — свойственный

78) Перепись в Англии и Уэльсе показывает между прочим:

Всех лиц, занятых в сельском хозяйстве (включая собственников, фермеров, садовников, пастухов и т. д.), было в 1851 г. 2 011 447, в 1861 г. — 1 924 110, уменьшение 87 337. Шерстяное производство: в 1851 г. 102 714, в 1861 г. 79 242; шелковые фабрики: в 1851 г. 111 940, в 1861 г. 101 678; ситцепечатники: в 1851 г. 12 098, в 1861 г. 12 556, — это ничтожное увеличение, несмотря на колоссальное расширение производства, знаменует огромное относительное уменьшение числа занятых рабочих; шляпочники: в 1851 г. 15 957, в 1861 г. 13 814; изготовление соломенных и дамских шляп: в 1851 г. 20 393, в 1861 г. 18 176; солодовщики: в 1851 г. 10 566, в 1861 г. 10 677; в производстве свечей: в 1851 г. 4 949, в 1861 г. 4 686, — причиной этого уменьшения является, между прочим, распространение газового освещения; гребенщики: в 1851 г. 2 038, в 1861 г. 1 478; пильщики дерева: в 1851 г. 30 552, в 1861 г. 31 647, — ничтожное увеличение вследствие распространения механических пил; гвоздари: в 1851 г. 26 940, в 1861 г. 26 130, — уменьшение вследствие конкуренции машин; рабочие в оловянных и медных рудниках: в 1851 г. 31 360, в 1861 г. 32 041. Напротив, на хлопкопрядильных и хлопкокаядных предприятиях: в 1851 г. 371 777, в 1861 г. 456 646; в каменноугольных копях: в 1851 г. 183 389, в 1861 г. 246 613. «В общем увеличение числа рабочих после 1851 г. больше всего в таких отраслях, в которых до сих пор еще не было успешного применения машин» («Census of England and Wales for 1861», vol. III. London, 1863, p. 35—39).

79) Некоторые превосходные экономисты классической школы скорее угадывали, чем понимали закон прогрессивного уменьшения относительной величины переменного капитала и его влияние на положение класса наемных рабочих. Наибольшая заслуга в этом отношении принадлежит Джону Бартону, хотя он, как и все остальные, смешивает постоянный капитал с основным, переменный капитал — с оборотным. Он говорит: «Спрос на труд зависит от увеличения оборотного, а не основного капитала. Если бы было верно, что отношение между этими двумя видами капитала одинаково во все времена и при всех обстоятельствах, то из этого в самом деле следовало бы, что число занятых рабочих пропорционально богатству страны. Но такое предположение не имеет и видности правдоподобия. По мере того как совершенствуется производство и распространяется цивилизация, основной капитал составляет все большую и большую долю по сравнению с оборотным капиталом. Сумма основного капитала, вложенного в производство штуки английского муслина, по крайней мере, в сто, а может быть и в тысячу раз больше, чем основной капитал, который вложен в такую же штуку индийского муслина. Доля же оборотного капитала в сто или тысячу раз меньше... Если бы вся сумма годовых сбережений была присоединена к основному капиталу, это не вызвало бы никакого увеличения спроса на труд» (*John Barton. «Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society». London, 1817, p. 16, 17.*). «Та же самая причина, которая может увеличивать частный доход страны, может одновременно с этим создавать избыточное население и ухудшать положение рабочего» (*Ricardo. «Principles of Political Economy», 3rd ed. London, 1821, p. 469.*). С увеличением капитала «спрос» (на труд) «относительно уменьшится» (там же, стр. 480, примечание). «Сумма капитала, предназначенная на содержание труда, может изменяться независимо от каких бы то ни было изменений в общей сумме капиталов... Большие колебания

капиталистическому способу производства закон народонаселения, так как всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек.

Но если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления, или развития богатства на капиталистической основе, то это перенаселение, в свою очередь, становится рычагом капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства. Оно образует промышленную резервную армию, которой может располагать капитал и которая так же абсолютно принадлежит ему, как если бы он вырастил ее на свой собственный счет. Она поставляет для его изменяющихся потребностей самовозрастания постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ действительного прироста населения. С накоплением и сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала, — не только потому, что возрастают эластичность функционирующего капитала и то абсолютное богатство, лишь некоторую эластичную часть которого составляет капитал, не только потому, что кредит, при всяком особом возбуждении, разом отдает в распоряжение производства необычно большую часть этого богатства в качестве добавочного капитала: кроме всего этого технические условия самого процесса производства, машины, средства транспорта и т. д., делают возможным в самом крупном масштабе самое быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства. Масса общественного богатства, возрастающая с прогрессом накопления и способная превратиться в добавочный капитал, бешено устремляется в старые отрасли производства, рынок которых внезапно расширяется, или во вновь открывающиеся, как железные дороги и т. д., потребность в которых возникает из развития старых отраслей производства. Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросить в решающие пункты большую массу людей. Ее доставляет перенаселение. Характерный жизненный путь современной промышленности, имеющий форму десятилетнего цикла периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и зстоя, цикла, прерываемого более мелкими колебаниями,

в размерах занятости и большие страдания могут становиться более частыми, по мере того как сам капитал становится более изобильным» (*Richard Jones. «An Introductory Lecture on Political Economy. [To which is added a Syllabus of a Course of Lectures on the Wages of Labor].* London, 1833, p. 12). «Спрос» (на труд) «не увеличивается... пропорционально накоплению всего капитала... Поэтому всякое увеличение национального капитала, предназначенного для воспроизводства, оказывает с прогрессом общества все меньшее влияние на положение рабочих» (*G. Ramsay, цит. соч., стр. 90, 91*).

покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и образовании вновь промышленной резервной армии, или перенаселения. Превратности промышленного цикла увеличивают перенаселение и становятся одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства.

Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Строение капитала изменялось лишь очень медленно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд. Каким бы медленным ни был прогресс накопления капитала по сравнению с современной эпохой, но и он наталкивался на естественные границы доступного эксплуатации рабочего населения; устранить эти границы можно было только насильственными средствами, о которых будет упомянуто впоследствии. Внезапное и скачкообразное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее, в свою очередь, вызывает первое, но первое невозможно без доступной эксплуатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного роста населения. Это увеличение создается простым процессом, который постоянно «высвобождает» часть рабочих, посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятых или полужанятых рабочих. Поверхностность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами. Как небесные тела, однажды начавшие определенное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, постоянно повторяет это движение. Следствия, в свою очередь, становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности. Раз эта периодичность упрочилась, то даже политическая экономия начинает воспринимать производство относительного перенаселения, т. е. населения, избыточного по сравнению с средней потребностью капитала в возрастании, как жизненное условие современной промышленности.

«Предположим», — говорит Г. Меривейл, сначала профессор политической экономии в Оксфорде, а потом чиновник английского министерства колоний, — «предположим, что нация в случае кризиса сделает усилие, чтобы посредством эмиграции освободиться от нескольких сотен тысяч избыточных бедняков, — что было бы следствием этого? То, что при первом же возрождении спроса на труд,

последнего оказалось бы недостаточно. Как быстро ни происходило бы воспроизводство людей, для возмещения взрослых рабочих во всяком случае требуется промежуток времени в одно поколение. Но прибыль наших фабрикантов зависит главным образом от возможности использовать благоприятный момент оживленного спроса и компенсировать себя таким образом за период его ослабления. Эта возможность обеспечивается им только командованием над машинами и над трудом. Они должны иметь возможность найти свободные рабочие руки, они должны быть способны по мере необходимости усиливать или ослаблять активность своих операций в зависимости от состояния рынка, иначе они не смогут сохранить среди бешеной конкуренции то преобладание, на котором основано богатство этой страны»⁸⁰⁾.

Даже Мальтус признает перенаселение, — которое он со свойственной ему ограниченностью объясняет абсолютно избыточным приростом рабочего населения, а не тем, что оно делается относительно избыточным, — необходимостью для современной промышленности. Он говорит:

«Благоразумные привычки в отношении брака, доведенные до известного уровня среди рабочего класса страны, которая зависит главным образом от мануфактуры и торговли, могут сделаться вредными для нее... По самой природе населения прирост рабочих, вызываемый особенным спросом, не может быть обеспечен для рынка раньше, чем через 16—18 лет, а превращение дохода в капитал посредством сбережения может совершаться несравненно быстрее; страна постоянно подвержена риску, что ее рабочий фонд будет возрастать быстрее, чем население»⁸¹⁾.

Объявив, таким образом, постоянное производство относительно перенаселения рабочих необходимым условием капиталистического накопления, политическая экономия, выступая в образе старой девы, влагает в уста своего «beau idéal» [«прекрасного идеала»] — капиталиста — следующие слова, обращенные к «избыточным» рабочим, выброшенным на улицу добавочным капиталом, т. е. их собственным созданием:

«Мы, фабриканты, увеличивая капитал, за счет которого вы существуете, делаем для вас все, что только можем, а вы должны сделать остальное, сообразуя свою численность со средствами существования»⁸²⁾.

Капиталистическому производству отнюдь недостаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной армии, не зависимой от этой естественной границы.

До сих пор мы предполагали, что увеличение или уменьшение переменного капитала точно соответствует увеличению или уменьшению числа занятых рабочих.

⁸⁰⁾ H. Merivale. «Lectures on Colonization and Colonies». London, 1841 and 1842, v. I, p. 146.

⁸¹⁾ Malthus. «Principles of Political Economy», p. 215, 319, 320. В этой работе Мальтус открывает, наконец, при помощи Сисмонди, прекрасное триединство капиталистического производства: перепроизводство, перенаселение, перепотребление, эти three very delicate monsters indeed! [три наиболее деликатных чудовища!]. Ср. Ф. Энгельс. «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher». Париж, 1844, стр. 107 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 563--568].

⁸²⁾ Harrie Martineau. «A Manchester Strike». London, 1832, p. 101.

Однако и при неизменяющемся или даже сокращающемся числе находящихся под его командой рабочих переменный капитал возрастает, если только индивидуальный рабочий начинает доставлять больше труда и его заработная плата поэтому возрастает, хотя цена труда остается без изменения или даже падает, но падает медленнее, чем увеличивается масса труда. В таком случае увеличение переменного капитала становится показателем большего количества труда, а не большего количества занятых рабочих. Абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определенное количество труда из меньшего, а не из большего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дешево или даже дешевле. В последнем случае затрата постоянного капитала возрастает пропорционально массе приводимого в движение труда, в первом случае — много медленнее. Чем крупнее масштаб производства, тем более решающее значение приобретает этот мотив. Его сила возрастает с накоплением капитала.

Мы видели, что развитие капиталистического способа производства и производительной силы труда — одновременно причина и следствие накопления — дает капиталисту возможность, увеличивая экстенсивно или интенсивно эксплуатацию индивидуальных рабочих сил, при прежней затрате переменного капитала приводить в движение большее количество труда. Мы видели далее, что на ту же самую капитальную стоимость он покупает большее количество рабочих сил, все более вытесняя более искусных рабочих менее искусными, зрелых незрелыми, мужчин женщинами, взрослых подростками или детьми.

Итак, с прогрессом накопления большой переменный капитал, с одной стороны, приводит в движение большее количество труда, не увеличивая количества рабочих; с другой стороны, переменный капитал прежней величины приводит в движение большее количество труда при прежней массе рабочей силы и, наконец, вытесняя рабочие силы высшего класса, приводит в движение большее количество рабочих сил низшего класса.

Производство относительного перенаселения или высвобождение рабочих идет поэтому еще быстрее, чем и без того ускоряемый прогрессом накопления технический переворот производственного процесса и соответствующее этому перевороту относительное уменьшение переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если средства производства, увеличиваясь по размерам и силе действия, все в убывающей степени становятся средством занятости рабочих, то самое это отношение модифицируется еще и тем, что, по мере возрастания производительной силы труда, капитал создает увеличенное предложение труда быстрее, чем повышает свой спрос на рабочих. Чрезмерный труд занятой части рабочего класса увеличивает ряды его резервов, а усиленное давление, оказываемое конкуренцией последних на занятых рабочих, наоборот, принуждает

последнего оказалось бы недостаточно. Как быстро ни происходило бы воспроизводство людей, для возмещения взрослых рабочих во всяком случае требуется промежуток времени в одно поколение. Но прибыль наших фабрикантов зависит главным образом от возможности использовать благоприятный момент оживленного спроса и компенсировать себя таким образом за период его ослабления. Эта возможность обеспечивается им только командованием над машинами и над трудом. Они должны иметь возможность найти свободные рабочие руки, они должны быть способны по мере необходимости усиливать или ослаблять активность своих операций в зависимости от состояния рынка, иначе они не смогут сохранить среди бешеной конкуренции то преобладание, на котором основано богатство этой страны»⁸⁰⁾.

Даже Мальтус признает перенаселение, — которое он со свойственной ему ограниченностью объясняет абсолютно избыточным приростом рабочего населения, а не тем, что оно делается относительно избыточным, — необходимостью для современной промышленности. Он говорит:

«Благоразумные привычки в отношении брака, доведенные до известного уровня среди рабочего класса страны, которая зависит главным образом от мануфактуры и торговли, могут сделаться вредными для нее... По самой природе населения прирост рабочих, вызываемый особенным спросом, не может быть обеспечен для рынка раньше, чем через 16—18 лет, а превращение дохода в капитал посредством сбережения может совершаться несравненно быстрее; страна постоянно подвержена риску, что ее рабочий фонд будет возрастать быстрее, чем население»⁸¹⁾.

Объявив, таким образом, постоянное производство относительно перенаселения рабочих необходимым условием капиталистического накопления, политическая экономия, выступая в образе старой девы, влагает в уста своего «beau idéal» [«прекрасного идеала»] — капиталиста — следующие слова, обращенные к «избыточным» рабочим, выброшенным на улицу добавочным капиталом, т. е. их собственным созданием:

«Мы, фабриканты, увеличивая капитал, за счет которого вы существуете, делаем для вас все, что только можем, а вы должны сделать остальное, сообразуя свою численность со средствами существования»⁸²⁾.

Капиталистическому производству отнюдь недостаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной армии, не зависимой от этой естественной границы.

До сих пор мы предполагали, что увеличение или уменьшение переменного капитала точно соответствует увеличению или уменьшению числа занятых рабочих.

⁸⁰⁾ H. Merivale. «Lectures on Colonization and Colonies». London, 1841 and 1842, v. I, p. 146.

⁸¹⁾ Malthus. «Principles of Political Economy», p. 215, 319, 320. В этой работе Мальтус открывает, наконец, при помощи Сисмонди, прекрасное триединство капиталистического производства: перепроизводство, перенаселение, перепотребление, эти three very delicate monsters indeed! [три наиболее деликатных чудовища!]. Ср. Ф. Энгельс. «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher». Париж, 1844, стр. 107 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 563—568].

⁸²⁾ Harrie Martineau. «A Manchester Strike». London, 1832, p. 101.

Однако и при неизменяющемся или даже сокращающемся числе находящихся под его командой рабочих переменный капитал возрастает, если только индивидуальный рабочий начинает доставлять больше труда и его заработная плата поэтому возрастает, хотя цена труда остается без изменения или даже падает, но падает медленнее, чем увеличивается масса труда. В таком случае увеличение переменного капитала становится показателем большего количества труда, а не большего количества занятых рабочих. Абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определенное количество труда из меньшего, а не из большего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дешево или даже дешевле. В последнем случае затрата постоянного капитала возрастает пропорционально массе приводимого в движение труда, в первом случае — много медленнее. Чем крупнее масштаб производства, тем более решающее значение приобретает этот мотив. Его сила возрастает с накоплением капитала.

Мы видели, что развитие капиталистического способа производства и производительной силы труда — одновременно причина и следствие накопления — дает капиталисту возможность, увеличивая экстенсивно или интенсивно эксплуатацию индивидуальных рабочих сил, при прежней затрате переменного капитала приводить в движение большее количество труда. Мы видели далее, что на ту же самую капитальную стоимость он покупает большее количество рабочих сил, все более вытесняя более искусных рабочих менее искусными, зрелых незрелыми, мужчин женщинами, взрослых подростками или детьми.

Итак, с прогрессом накопления больший переменный капитал, с одной стороны, приводит в движение большее количество труда, не увеличивая количества рабочих; с другой стороны, переменный капитал прежней величины приводит в движение большее количество труда при прежней массе рабочей силы и, наконец, вытесняя рабочие силы высшего класса, приводит в движение большее количество рабочих сил низшего класса.

Производство относительного перенаселения или высвобождение рабочих идет поэтому еще быстрее, чем и без того ускоряемый прогрессом накопления технический переворот производственного процесса и соответствующее этому перевороту относительное уменьшение переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если средства производства, увеличиваясь по размерам и силе действия, все в убывающей степени становятся средством занятости рабочих, то самое это отношение модифицируется еще и тем, что, по мере возрастания производительной силы труда, капитал создает увеличенное предложение труда быстрее, чем повышает свой спрос на рабочих. Чрезмерный труд занятой части рабочего класса увеличивает ряды его резервов, а усиленное давление, оказываемое конкуренцией последних на занятых рабочих, наоборот, принуждает

их к чрезмерному труду и подчинению диктату капитала. Обречение одной части рабочего класса на вынужденную праздность посредством чрезмерного труда другой его части, и наоборот, становится средством обогащения отдельных капиталистов⁸³⁾ и в то же время ускоряет производство промышленной резервной армии в масштабе, соответствующем прогрессу общественного накопления. Насколько важен этот момент в образовании относительного перенаселения, доказывает, например, Англия. Ее технические средства «сбережения» труда колоссальны. Однако, если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе. Огромному большинству «непроизводительных» в настоящее время рабочих пришлось бы превратиться в «производительных».

В общем и целом всеобщие изменения заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютной численности рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова высвобождается. Для современной промышленности характерным является десятилетний цикл и присущие ему периодические фазы, которые к тому же в ходе накопления пре-

⁸³⁾ Даже во время хлопкового голода 1863 г. в одном памфлете хлопкопрядильщиков Блэкберна мы находим сильные жалобы на чрезмерный труд, который благодаря фабричному закону затрагивал, конечно, только взрослых рабочих мужского пола. «От взрослых рабочих этой фабрики требовали, чтобы они работали 12—13 часов в день, между тем как сотни людей вынуждены оставаться праздными и охотно согласились бы работать неполное время, только бы поддержать свои семьи и спасти своих товарищей от преждевременной смерти вследствие чрезмерного труда». «Мы», — говорится дальше, — «хотели бы спросить, оставляет ли эта практика сверхурочных работ какую-нибудь возможность сносных отношений между хозяевами и «слугами»? Жертвы чрезмерного труда так же чувствуют несправедливость, как и те, кто обречен им на вынужденную праздность (*condemned to forced idleness*). Если бы работа распределялась справедливо, ее в этом округе было бы достаточно для того, чтобы дать частичные занятия всем. Мы требуем только своего права, предлагая хозяевам повсеместно ввести неполное время работы, по крайней мере до тех пор, пока сохранится настоящее положение вещей; между тем как теперь одна часть должна совершать чрезмерный труд, другая же за недостатком работы вынуждена влачить существование за счет благотворительности» (*«Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1863», p. 8*). — Автор *«Essay on Trade and Commerce»* со своим обычным непогрешимым буржуазным инстинктом понимает влияние относительного перенаселения на занятых рабочих. «Другая причина лени (*idleness*) в этом королевстве заключается в нехватке числа рабочих рук. Как только вследствие необыкновенного спроса на какие-либо фабрики масса труда становится недостаточной, так рабочие начинают чувствовать свое собственное значение и хотят дать почувствовать его и своим хозяевам; это поразительно; но умы этих людей столь испорчены, что в таких случаях группы рабочих сговариваются с целью поставить своих хозяев в затруднительное положение тем, что они целый день лентяйничают» (*«An Essay on Trade and Commerce»*. London, 1770, p. 27, 28). Эти люди добивались именно повышения заработной платы.

рываются все чаще следующими друг за другом нерегулярными колебаниями. И вот хорош был бы для такой промышленности закон, который регулировал бы спрос на труд и его предложение не путем расширения и сокращения капитала, — стало быть, не в соответствии с очередными потребностями возрастания капитала так, что рынок труда оказывается то недостаточным вследствие расширения капитала, то относительно переполненным вследствие его сокращения, — а который, наоборот, ставил бы движение капитала в зависимость от абсолютного движения массы населения. Однако этот закон — догма политической экономии. Согласно ему, благодаря накоплению капитала заработная плата повышается. Повышенная заработная плата служит стимулом для более быстрого размножения рабочего населения, и это продолжается до тех пор, пока рынок труда не окажется переполненным, т. е. пока капитал не сделается относительно недостаточным по сравнению с предложением рабочих. Зарботная плата падает, и тогда перед нами обратная сторона медали. Вследствие понижения заработной платы рабочее население мало-помалу уменьшается, так что по отношению к нему капитал опять становится избыточным, или же, как это истолковывают другие, понижение заработной платы и соответствующее повышение эксплуатации рабочих опять ускоряют накопление, в то время как низкий уровень заработной платы задерживает увеличение рабочего класса. Таким образом снова складываются условия, при которых предложение труда ниже спроса на труд, заработная плата повышается и т. д. Что за прекрасный метод движения для развитого капиталистического производства! Прежде чем вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительно работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать тот срок, в течение которого необходимо провести промышленную кампанию, дать и выиграть битву.

Между 1849 и 1859 гг., одновременно с понижением хлебных цен, произошло практически чисто номинальное повышение заработной платы в английских земледельческих округах; например, в Уилтшире недельная плата повысилась с 7 до 8 шилл., а в Дорсетшире с 7 или 8 до 9 шилл. и т. д. Это было следствием необычного отлива избыточного земледельческого населения, который был вызван потребностями войны¹⁸⁵, громадным расширением железнодорожного строительства, фабрик, горного дела и т. д. Чем ниже заработная плата, тем выше те процентные числа, в которых выражается всякое ее повышение, как бы незначительно оно ни было. Например, если заработная плата составляла 20 шилл. в неделю и повысилась до 22, то повышение составляет 10%; если, напротив, она была всего 7 шилл. и повышается до 9, то это составляет $28\frac{4}{7}\%$, что звучит очень значительно. Во всяком случае фермеры подняли вопль, и даже лондонский «Economist» об этих голодных заработ-

ках совершенно серьезно стал болтать как об «общем и существенном повышении заработной платы»⁸⁴⁾. Что же предприняли фермеры? Стали ли они дожидаться, пока вследствие столь великолепной оплаты сельские рабочие не размножатся до такой степени, что их заработная плата снова понизится, как представляет себе это дело догматически-экономический мозг? Они ввели больше машин, и рабочие быстро снова оказались «излишними» в той мере, которая удовлетворила даже фермеров. Теперь в земледелие было вложено «больше капитала», чем прежде, и в более производительной форме. Тем самым спрос на труд понизился не только относительно, но и абсолютно.

Упомянутая экономическая фикция смешивает законы, регулирующие общее движение заработной платы, или отношение между рабочим классом, т. е. совокупной рабочей силой, и совокупным общественным капиталом, с законами, регулирующими распределение рабочего населения между отдельными сферами производства. Если, например, вследствие благоприятной конъюнктуры накопление в определенной сфере производства особенно оживленно, прибыль выше средней прибыли и туда устремляется добавочный капитал, то, разумеется, увеличиваются спрос на труд и заработная плата. Повышенная заработная плата притягивает рабочее население в сферу, находящуюся в благоприятных условиях, пока она не будет насыщена рабочей силой, и заработная плата на продолжительное время опять падает до своего прежнего среднего уровня или даже ниже его, если приток был слишком велик. Тогда прилив рабочих в данную отрасль производства не только прекращается, но даже сменяется отливом. В таких случаях экономист воображает, будто ему удастся наблюдать, «где и каким образом» при увеличении заработной платы происходит абсолютное увеличение числа рабочих, а при абсолютном увеличении числа рабочих — понижение заработной платы; но в действительности он наблюдает лишь местное колебание рынка труда одной отдельной сферы производства, лишь распределение рабочего населения между различными сферами приложения капитала в зависимости от изменяющихся потребностей последнего.

Промышленная резервная армия, или относительное перенаселение, в периоды застоя и среднего оживления оказывает давление на активную рабочую армию и сдерживает ее требования в период перепроизводства и пароксизмов. Следовательно, относительное перенаселение есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда. Оно втискивает действие этого закона в границы, абсолютно согласные с жадной эксплуатацией и стремлением к господству, свойственными капиталу. Здесь будет уместно возвратиться к одному из великих деяний экономической апологетики.

⁸⁴⁾ «Economist», 21 января 1860 г.

Напомним, что если благодаря введению новых машин или распространению старых часть переменного капитала превращается в постоянный, то эту операцию, «связывающую» капитал и тем самым «высвобождающую» рабочих, экономист-апологет истолковывает таким образом, будто она, наоборот, высвобождает капитал для рабочих. Только теперь мы можем полностью оценить бесстыдство апологета. Высвобождаются в действительности не только рабочие, непосредственно вытесняемые машиной, но и контингент их заместителей и тот добавочный контингент, который регулярно поглощался бы при обычном расширении предприятия на его старом базисе. Все они теперь «высвобождены», и каждый новый желающий функционировать капитал может располагать ими. Привлечет ли он именно этих рабочих или других, и в том и в другом случае влияние на общий спрос на труд будет равным нулю, пока этого нового капитала будет достаточно только на то, чтобы освободить рынок как раз от такого количества рабочих, какое выброшено на него машинами. Если он привлекает меньшее число рабочих, то количество избыточных возрастает; если дает занятие большему числу рабочих, то общий спрос на труд возрастает лишь на величину разности между числом занятых и «высвобожденных». Таким образом, то увеличение спроса на труд, которое вообще могли бы вызвать ищущие применения добавочные капиталы, во всяком случае нейтрализуется в той мере, в какой оно покрывается рабочими, выброшенными машиной на улицу. Следовательно, механизм капиталистического производства заботится о том, чтобы абсолютное увеличение капитала не сопровождалось соответствующим увеличением общего спроса на труд. И это-то апологет называет компенсацией за нищету, страдания и возможную гибель вытесненных рабочих в тот переходный период, когда их выбрасывают в ряды промышленной резервной армии! Спрос на труд не тождествен с увеличением капитала, предложение труда не тождественно с увеличением рабочего класса, так что здесь нет взаимного влияния двух сил, не зависящих друг от друга. *Les dés sont pipés* [кости подделаны]. Капитал одновременно действует на обе стороны. Если его накопление, с одной стороны, увеличивает спрос на труд, то, с другой стороны, оно увеличивает предложение рабочих путем их «высвобождения», а давление незанятых рабочих принуждает в то же время занятых давать большее количество труда и, таким образом, делает предложение последнего до известной степени независимым от предложения рабочих. Движение закона спроса и предложения труда на этом базисе довершает деспотию капитала. Поэтому, когда рабочие раскрывают тайну того, каким образом могло случиться, что чем больше они работают, чем больше производят чужого богатства и чем больше возрастает производительная сила их труда, тем более ненадежным становится для них даже возможность их функционирования в качестве средства увеличения капитала; когда они

открывают, что степень интенсивности конкуренции между ними самими всецело зависит от давления относительного перенаселения; когда они ввиду этого стараются через тред-юнионы и т. д. организовать планомерное взаимодействие между занятыми и незанятыми, чтобы уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства, — тогда капитал и его сикофант, экономист, поднимают вопль о нарушении «вечного» и, так сказать, «священного» закона спроса и предложения. Всякая связь между занятыми и незанятыми нарушает «чистую» игру этого закона. А с другой стороны, поскольку неприятные обстоятельства, например положение в колониях, препятствуют созданию промышленной резервной армии, а вместе с нею и абсолютной зависимости рабочего класса от класса капиталистов, то капитал вкупе со своим тривиальным Санчо Панса восстает против «священного» закона спроса и предложения и старается помешать его действию посредством принудительных мер.

4. РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ. ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Относительное перенаселение существует во всевозможных оттенках. К нему принадлежит всякий рабочий, когда он занят наполовину или вовсе не имеет работы. Если оставить в стороне те крупные периодически повторяющиеся формы, которые придает перенаселению смена фаз промышленного цикла, так что оно является то острым — во время кризисов, — то хроническим — во время вялого хода дел, — если оставить в стороне эти формы, то перенаселение всегда имеет три формы: текучую, скрытую и застойную.

В центрах современной промышленности — фабриках, мануфактурах, металлургических заводах, рудниках и т. д. — рабочие то отталкиваются, то притягиваются в более значительном количестве, так что в общем и целом число занятых увеличивается, хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабом производства. Перенаселение существует здесь в текучей форме.

Как на собственно фабриках, так и во всех крупных мастерских, где применяются машины или, по меньшей мере, проведено современное разделение труда, требуется масса рабочих мужского пола в юношеском возрасте. По наступлении совершеннолетия только очень немногие из них находят себе применение в прежних отраслях производства, большинство же регулярно увольняется. Они образуют такой элемент текучего перенаселения, который возрастает по мере роста промышленности. Часть их эмигрирует, т. е. в действительности просто отправляется вслед за эмигрирующим

капиталом. Одним из следствий этого является более быстрый рост женского населения по сравнению с мужским, пример чего дает Англия. Тот факт, что естественный прирост массы рабочих не удовлетворяет потребностей накопления капитала и в то же время все же превосходит их, есть противоречие самого движения капитала. Для него требуется больше рабочих в раннем возрасте, меньше — в зрелом возрасте. Противоречие — не более вопиющее, чем другое, заключающееся в том, что в то самое время, когда многие тысячи выброшены на улицу, потому что разделение труда приковало их к одной определенной отрасли производства, раздаются жалобы на недостаток рабочих рук⁸⁵⁾. К тому же капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим. Он попадает в ряды избыточных или отнесенных с высшей ступени на низшую. Как раз у рабочих крупной промышленности мы наталкиваемся на самую короткую продолжительность жизни.

«Д-р Ли, медицинский инспектор Манчестера, установил, что в этом городе средняя продолжительность жизни для состоятельного класса составляет 38 лет, для рабочего класса — всего 17 лет. В Ливерпуле она составляет 35 лет для первого, 15 лет для второго класса. Из этого следует, что привилегированный класс получил ассигновку на жизнь (had a lease of life) вдвое большую, чем класс их сограждан, находящихся в менее благоприятных условиях»^{85а)}.

При таких обстоятельствах абсолютное возрастание этой части пролетариата должно происходить в такой форме, при которой, несмотря на быстрое изнашивание ее элементов, численность ее увеличивается. Таким образом, требуется быстрая смена поколений рабочих. (Этот закон не имеет силы в отношении остальных классов населения.) Эта общественная потребность удовлетворяется ранними браками, — необходимым следствием условий, в которых живут рабочие крупной промышленности, — и той премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация.

Как только капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того как оно овладевает им, спрос на сельскохозяйственных рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в производстве неземледельческом, большим привлечением их. Часть сельского населения находится поэтому постоянно в таком состоянии, когда оно вот-вот перейдет в ряды городского или мануфактурного

⁸⁵⁾ В то время как во второй половине 1866 г. в Лондоне было от 80 до 90 тысяч безработных, в фабричном отчете за это самое полугодие говорится: «По-видимому, не будет абсолютно верным утверждение, будто спрос всюду вызывает предложение в тот самый момент, когда это необходимо. По отношению к труду дело обстояло не так, потому что в прошлом году за недостатком рабочих рук многие машины бездействовали» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1866», p. 81).

^{85а)} Речь, произнесенная при открытии санитарной конференции в Бирмингеме 14 января 1875 г. Дж. Чемберленом, в то время мэром города (а ныне (1883) министром торговли. Ф. Э.)

пролетариата, и выжидает условий, благоприятных для этого превращения. (Мануфактура — здесь в смысле всякого неземледельческого производства.)⁸⁶⁾ Этот источник относительного перенаселения течет постоянно. Однако его постоянное течение к городам предполагает в самой деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются исключительно широко. Поэтому заработная плата сельскохозяйственного рабочего низводится до минимальных размеров, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма.

Третья категория относительного перенаселения, застойное перенаселение, образует часть активной рабочей армии, но характеризуется крайней нерегулярностью занятий. В силу этого она составляет для капитала неисчерпаемый резервуар свободной рабочей силы. Ее жизненный уровень опускается ниже среднего нормального уровня рабочего класса, и как раз это делает ее для капитала широким базисом отраслей особенной эксплуатации. Она характеризуется максимумом рабочего времени и минимумом заработной платы. Под рубрикой работы на дому мы уже познакомились с ее главной формой. Она рекрутируется постоянно из избыточных рабочих крупной промышленности и земледелия, в особенности же из рабочих погибающих отраслей промышленности, в которых ремесленное производство побеждается мануфактурным, мануфактурное — машинным производством. Размер ее увеличивается по мере того, как с увеличением размеров и энергии накопления прогрессирует создание «избыточных» рабочих. Но она образует в то же время самовоспроизводящийся и самоувековечивающийся элемент рабочего класса — элемент, принимающий относительно большее участие в общем приросте рабочего класса, чем все остальные элементы. В самом деле, не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества звучал бы бессмыслицей, если бы мы отнесли его к дикарям или даже к цивилизованным колонистам. Он напоминает массовое воспроизводство индивидуально слабых и постоянно травимых животных видов⁸⁷⁾.

⁸⁶⁾ По переписи 1861 г. в Англии и Уэльсе числился «781 город с 10 960 998 жителями, между тем как в деревнях и сельских приходах насчитывалось только 9 105 226. В переписи 1851 г. фигурировало 580 городов, население которых было приблизительно равно населению сельских округов. Но в то время как в сельских округах население увеличилось в течение следующего десятилетия только на полмиллиона, в 580 городах оно возросло на 1 554 067. Прирост населения в сельских приходах составляет 6,5%, в городах — 17,3%. Разница в норме прироста обуславливается переселением из деревни в город. Три четверти общего прироста населения приходится на долю городов» («Census etc.», v. III, p. 11, 12).

⁸⁷⁾ «Бедность, по-видимому, благоприятствует размножению» (А. Смит). По мнению галантного и остроумного аббата Галиани, это является даже особенно мудрым установлением божием: «Бог устроил так, что люди, исполняющие наиболее полезные работы, рождаются в наибольшем числе» (*Galiani*, цит. соч., стр. 78). «Нищета, вплоть до крайних границ голода и эпидемий, не задерживает рост населения, а имеет тенденцию увеличивать

Наконец, низший слой относительного перенаселения обитает в сфере пауперизма. Если оставить в стороне бродяг, преступников и живущих проституцией, — короче говоря, весь люмпен-пролетариат в собственном смысле этого слова, то этот слой общества состоит из трех категорий. Во-первых: работоспособные. Стоит хотя бы бегло посмотреть статистику английского пауперизма, и мы увидим, что масса его увеличивается при каждом кризисе и уменьшается при каждом оживлении дел. Во-вторых: сироты и дети пауперов. Это кандидаты промышленной резервной армии; в периоды большого промышленного подъема, как, например, в 1860 г., они быстро и в массовом порядке вступают в ряды активной рабочей армии. В-третьих: опустившиеся, босяки, неработоспособные. Это именно те лица, которые погибают от своей малой подвижности, создаваемой разделением труда, те, которые переваливают за нормальную продолжительность жизни рабочего, и, наконец, жертвы промышленности, число которых все увеличивается с распространением опасных машин, горного дела, химических фабрик и т. д., калеки, больные, вдовы и т. д. Пауперизм составляет инвалидный дом активной рабочей армии и мертвый груз промышленной резервной армии. Производство пауперизма предполагается производством относительного перенаселения, необходимость первого заключена в необходимости второго; вместе с относительным перенаселением пауперизм составляет условие существования капиталистического производства и развития богатства. Он относится к *faux frais* [непроизводительным издержкам] капиталистического производства, большую часть которых капитал умеет, однако, свалить с себя на плечи рабочего класса и мелкой буржуазии.

Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии *. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления. Подобно всем другим законам, в

его» (S. Laing. «National Distress», 1844, p. 69). После статистических иллюстраций этого положения Ленг продолжает: «Если бы все жили в благоприятных условиях, то мир скоро обезлюдел бы».

* В оригинале говорится: «обратно пропорциональна мукам его труда»; исправление сделано в соответствии с текстом авторизованного французского издания. Ред.

своим осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится.

Понятна глупость той экономической мудрости, которая проповедует рабочим, что они должны соотнобразовывать свою численность с потребностями капитала в возрастании. Сам механизм капиталистического производства и накопления постоянно соотнобразовывает численность рабочих с этими потребностями капитала в возрастании. Первое слово этого соотнобразования — создание относительного перенаселения, или промышленной резервной армии, последнее слово — нищета все возрастающих слоев активной рабочей армии и мертвый груз пауперизма.

Закон, согласно которому все возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительности общественного труда, приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы, — этот закон на базисе капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятости, тем ненадежнее, следовательно, необходимое условие их существования: продажа собственной силы для умножения чужого богатства, или для самовозрастания капитала. Таким образом, увеличение средств производства и производительности труда, более быстрое, чем увеличение производительного населения, получает капиталистическое выражение, наоборот, в том, что рабочее население постоянно увеличивается быстрее, чем потребность в возрастании капитала.

В четвертом разделе при анализе производства относительной прибавочной стоимости мы видели, что при капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда осуществляются за счет индивидуального рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека [einen Teilmenschen], принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила; делают отвратительными условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному, отвратительному деспотизму, все время его жизни превращают в рабочее время, бросают его жену и детей под Джаггернаутову колесницу ¹⁸⁶ капитала. Но все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. Наконец, за-

кон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал.

Этот антагонистический характер капиталистического накопления⁸⁸⁾ в различных формах признан экономистами, хотя они сваливают в одну кучу с ним отчасти аналогичные, но, тем не менее, существенно отличные явления докапиталистических способов производства.

Венецианский монах Ортес, один из крупных экономистов XVIII столетия, рассматривает антагонизм капиталистического производства как всеобщий естественный закон общественного богатства.

«Экономическое добро и экономическое зло у всякой нации постоянно взаимно уравниваются (*il bene ed il male economico in una nazione sempre all'istessa misura*), изобилие благ для одних всегда так велико, как недостаток благ для других (*la copia de beni in alcuni sempre eguale alla mancanza di essi in altri*). Большое богатство немногих всегда сопровождается абсолютным ограблением необходимого у несравненно большего количества других. Богатство нации соответствует ее населению, а нищета ее соответствует ее богатству. Трудолюбие одних вынуждает праздность других. Бедные и праздные — необходимый плод богатых и деятельных» и т. д.⁸⁹⁾

Приблизительно через 10 лет после Ортеса англиканско-протестантский поп Таунсенд в совершенно грубой форме возвеличивал бедность как необходимое условие богатства.

«Законодательное принуждение к труду сопряжено с слишком большими трудностями, насилием и шумом, между тем как голод не только представляет собой мирное, тихое, непрестанное давление, но и, — будучи наиболее естественным мотивом к прилежанию и труду, — вызывает самое сильное напряжение».

Следовательно, все сводится к тому, чтобы сделать голод постоянным для рабочего класса, и, по мнению Таунсенда, об этом

⁸⁸⁾ Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают буржуазное богатство, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата» (*Карл Маркс. «Нищета философии»*, стр. 116 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 144]).

⁸⁹⁾ G. Ortes. «Della Economia Nazionale libri sei 1774», в издании Кустоди, Parte Moderna, т. XXI, p. 6—9, 22, 25 etc. Ортес там же, стр. 32, говорит: «Вместо того чтобы измышлять бесполезные системы, как сделать народы счастливыми, я ограничусь исследованием причин их несчастий».

заботится закон народонаселения, в особенности действующий среди бедных.

«По-видимому, таков закон природы, что бедные до известной степени непредусмотрительны (improvident)» (т. е. настолько непредусмотрительны, что являются на свет не в обеспеченных семьях), «так что в обществе постоянно имеются люди (that there always may be some) для исполнения самых грубых, грязных и низких функций. Сумма человеческого счастья (the stock of human happiness) благодаря этому сильно увеличивается, более утонченные люди (the more delicate) освобождаются от тягот и могут беспрепятственно следовать своему более высокому призванию и т. д. Закон о бедных имеет тенденцию разрушить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы, которую создали в мире бог и природа»⁹⁰).

Если венецианский монах в жребию судьбы, увековечивающем нищету, видел оправдание существования христианской благотворительности, безбрачия духовенства, монастырей и богоугодных заведений, то протестантский обладатель прихода, напротив, открывает в этом предлог для осуждения английских законов о бедных, в силу которых бедный имел право на жалкое общественное вспомоществование.

«Прогресс общественного богатства», — говорит Шторх, — «порождает тот полезный класс общества... который исполняет самые скучные, низкие и отвратительные работы, одним словом — принимает на свои плечи все, что только есть в жизни неприятного и порабощающего, и тем самым обеспечивает для других классов досуг, веселое расположение духа и условное» (замечательно!) «достоинство характера и т. д.»⁹¹.

Шторх ставит перед собой вопрос, в чем же собственно заключается преимущество этой капиталистической цивилизации с ее нищетой и деградацией масс перед варварством? Он находит только один ответ: в безопасности!

«Благодаря прогрессу промышленности и науки», — говорит Сисмонди, — «каждый рабочий может производить ежедневно много больше, чем требуется ему для собственного потребления. Но в то же время то самое богатство, которое производится трудом рабочего, если бы он сам был призван потреблять его, сделало бы его мало способным к труду». По его мнению, «люди» (т. е. нерабочие) «вероятно отказались бы от всяких усовершенствований искусств, равно как и от всех наслаждений, доставляемых им промышленностью, если бы им пришлось покупать это ценой столь же упорного труда, каким является труд рабочего... В настоящее время усилия отделены от вознаграждения за них; не один и тот же человек сначала работает, а потом отдыхает; напротив, именно потому, что один работает, другой должен

⁹⁰ «A Dissertation on the Poor Laws». By a Well-wisher to Mankind (the Rev. Mr. Townsend), 1786, переиздано в Лондоне, 1817, стр. 15, 39, 41. Этот «утонченный» поп, — у которого, как из только что названной работы, так и из его «Путешествия по Испании», Мальтус часто списывает целые страницы, — заимствовал большую часть своего учения у сэра Дж. Стюарта, которого он, однако, искажает. Например, когда Стюарт говорит: «Здесь, при рабстве, способом принуждать людей к труду» (на неработающих) «было насилие... Людей тогда принуждали к труду» (т. е. к даровому труду на других) «потому, что они были рабами других; теперь люди принуждаются к труду» (т. е. к даровому труду на неработающих) «потому, что они — рабы своих собственных потребностей»¹⁸⁷, — если он говорит это, то, однако, он отнюдь не делает, как жирный приходский поп, того вывода, что наемные рабочие всегда должны голодать. Наоборот, он хочет расширить их потребности и сделать в то же время рост их потребностей стимулом к труду на «более утонченных».

⁹¹ Storch. «Cours d'Économie Politique», éd. Pétersbourg, 1815, t. III, p. 223.

отдыхать... Следовательно, бесконечное умножение производительных сил труда не может иметь никакого иного результата, кроме увеличения роскоши и наслаждений праздных богачей» ⁹²⁾.

Наконец, Дестют де Траси, холодный буржуазный доктринер, грубо заявляет:

«Бедные нации суть те, где народу хорошо живется, а богатые нации суть те, где народ обыкновенно беден» ⁹³⁾.

5. ИЛЛЮСТРАЦИИ

ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

а) АНГЛИЯ 1846—1866 гг.

Ни один период в развитии современного общества не является до такой степени благоприятным для изучения капиталистического накопления, как период последних 20 лет. Кажется, будто найдена сумка Фортуната. Но из всех стран классический пример представляет опять-таки Англия, так как она занимает первое место на мировом рынке, так как только здесь капиталистический способ производства достиг полного развития и так как, наконец, водворение тысячелетнего царства свободной торговли с 1846 г. отняло у вульгарной политической экономии ее последнюю лазейку. Гигантский прогресс производства, благодаря которому вторая половина этого двадцатилетнего периода опять-таки далеко превосходит первую, уже достаточно был отмечен у нас в четвертом отделе.

Хотя абсолютный прирост английского населения в последние полвека был очень велик, однако относительный прирост, или норма прироста, все время понижался, как показывает следующая таблица, заимствованная из итогов официальной переписи.

Годовой процентный прирост населения Англии и Уэльса составляет по десятилетиям:

1811—1821	1,533 %
1821—1831	1,446 %
1831—1841	1,326 %
1841—1851	1,216 %
1851—1861	1,141 %

Рассмотрим теперь, с другой стороны, рост богатства. Самую надежную точку опоры дает здесь движение прибыли, земельной ренты и т. д., обложенных подоходным налогом. Прирост прибыли, подлежащий обложению (не считая прибыли фермеров и некото-

⁹²⁾ *Sismondi*. «Nouveaux Principes d'Économie Politique», t. I, p. 79, 80, 85.

⁹³⁾ *Destutt de Tracy*, цит. соч., стр. 234.

рых других категорий), за годы 1853—1864 составил для Великобритании 50,47% (или 4,58% в среднем за год)⁹⁴⁾, прирост населения за тот же период — приблизительно 12%. Увеличение облагаемой налогом земельной ренты (включая ренту с земли под домами, железными дорогами, копиями и рудниками, рыбными угодьями и т. д.) за годы 1853—1864 составило 38%, или $3\frac{5}{11}\%$ в год, причем наибольшее увеличение дали следующие статьи⁹⁵⁾:

	Увеличение дохода с 1853 по 1864 г.	Увеличение за год
Дома	38,60 %	3,50 %
Каменоломни	84,76 %	7,70 %
Копи и рудники	68,85 %	6,26 %
Чугунолитейные заводы	39,92 %	3,63 %
Рыбные угодья	57,37 %	5,21 %
Газовые заводы	126,02 %	11,45 %
Железные дороги	83,29 %	7,57 %

Если в пределах периода 1853—1864 гг. мы произведем сравнение по четырехлетиям, то увидим, что степень возрастания доходов все увеличивается. Например, для доходов, происходящих из прибыли, это возрастание составляет в 1853—1857 гг. 1,73% в год, в 1857—1861 гг. 2,74% в год и в 1861—1864 гг. 9,30% в год. Общая сумма доходов, обложенных подоходным налогом, составляла в Соединенном королевстве в 1856 г. 307 068 898 ф. ст., в 1859 г. — 328 127 416 ф. ст., в 1862 г. — 351 745 241 ф. ст., в 1863 г. — 359 142 897 ф. ст., в 1864 г. — 362 462 279 ф. ст., в 1865 г. — 385 530 020 фунтов стерлингов⁹⁶⁾.

Накопление капитала сопровождалось в то же время его концентрацией и централизацией. Хотя в Англии нет официальной сельскохозяйственной статистики (в Ирландии она существует), однако 10 графств организовали ее по собственной инициативе. Здесь обнаружился такой результат: с 1851 по 1861 г. число аренд до 100 акров уменьшилось с 31 583 до 26 567, т. е. 5 016 аренд было соединено с более крупными⁹⁷⁾. В период 1815—1825 гг. в числе движимых имуществ, обложенных налогом на наследство, не было

⁹⁴⁾ «Tenth Report of the Commissioners of H. M.'s Inland Revenue». London, 1866, p. 38.

⁹⁵⁾ Там же.

⁹⁶⁾ Для сравнения эти цифры достаточны, но как абсолютные они не верны, потому что ежегодно утаивается, вероятно, до 100 миллионов ф. ст. доходов. Жалобы чиновников, ведающих обложением внутренних доходов, на систематический обман, особенно со стороны коммерсантов и промышленников, повторяются в каждом их отчете. Например: «Одно акционерное общество определило свою подлежащую обложению прибыль в 6 000 ф. ст., оценщик определил ее в 88 000 ф. ст., и налог был, в конце концов, уплачен с этой последней суммы. Другая компания показала прибыль в 190 000 ф. ст., но была вынуждена сознаться, что действительная сумма составляет 250 000 ф. ст.» (там же, стр. 42).

⁹⁷⁾ «Census etc.», v. III, p. 29. Утверждение Джона Брайта, что 150 лендлордам принадлежат половина английской и 12 лендлордам половина шотландской земельной собственности, до сих пор не опровергнуто.

ни одного выше 1 миллиона ф. ст.; напротив, с 1825 по 1855 г. таковых было 8, с 1855 по июнь 1859 г., т. е. за 4¹/₂ года, — 4⁹⁸⁾. Однако лучше всего видна централизация из краткого анализа подоходного налога под рубрикой D (прибыль, за исключением фермерской и т. д.) за годы 1864 и 1865. Замечу прежде всего, что получаемые из этого источника доходы облагаются подоходным налогом лишь начиная с 60 фунтов стерлингов. Эти подпадающие под обложение доходы составляли в Англии, Уэльсе и Шотландии в 1864 г. 95 844 222 ф. ст. и в 1865 г. — 105 435 787 ф. ст.⁹⁹⁾, число налогоплательщиков составляло в 1864 г. 308 416 человек при общей численности населения в 23 891 009 человек, в 1865 г. — соответственно 332 431 человек и 24 127 003 человека. О распределении этих доходов за оба года дает представление следующая таблица:

	Год, заканчивающийся 5 апреля 1864 г.		Год, заканчивающийся 5 апреля 1865 г.	
	Доходы из прибыли (в фунтах ст.)	Число получателей	Доходы из прибыли (в фунтах ст.)	Число получателей
Общая сумма	95 844 222	308 416	105 435 787	332 431
в том числе	57 028 290	22 334	64 554 297	24 075
в том числе	36 415 225	3 619	42 535 576	4 021
в том числе	22 809 781	822	27 555 313	973
в том числе	8 744 762	91	11 077 238	107

В 1855 г. в Соединенном королевстве было добыто 61 453 079 тонн каменного угля стоимостью в 16 113 267 ф. ст., в 1864 г. — 92 787 873 тонны стоимостью в 23 197 968 ф. ст.; в 1855 г. было выплавлено 3 218 154 тонны чугуна стоимостью в 8 045 385 ф. ст., в 1864 г. — 4 767 951 тонна стоимостью в 11 919 877 фунтов стерлингов. В 1854 г. протяженность эксплуатируемых железных дорог в Соединенном королевстве составляла 8 054 мили, вложенный в них капитал — 286 068 794 ф. ст., в 1864 г. — соответственно 12 789 миль и 425 719 613 фунтов стерлингов. В 1854 г. общая сумма ввоза и вывоза Соединенного королевства составляла 268 210 145 и в 1865 г. — 489 923 285 фунтов стерлингов. Следующая таблица показывает движение вывоза¹⁰⁰⁾:

⁹⁸⁾ «Fourth Report etc. of Inland Revenue». London, 1860, p. 17.

⁹⁹⁾ Это — чистые доходы, т. е. доходы после известных допускаемых законом отчислений.

¹⁰⁰⁾ В настоящий момент, в марте 1867 г., индийско-китайский рынок уже опять совершенно переполнен товарами английских хлопчатобумажных фабрикантов, вывезенными на консигнацию. В 1866 г. началось понижение заработной платы рабочих хлопчатобумажной промышленности на 5%, в 1867 г. вследствие подобной же операции произошла стачка 20 000 рабочих в Престоне. [Это было прологом кризиса, который разразился вскоре за этим. Ф. 9.]

1847 г.	58 842 377	ф.	ст.
1849 »	63 596 052	»	»
1856 »	115 826 948	»	»
1860 »	135 842 817	»	»
1865 »	165 862 402	»	»
1866 »	188 917 563	»	»

После этих немногих данных будет понятен торжествующий крик генерального регистратора ¹⁸⁸ британского народа:

«Как ни быстро возросло население, оно не поспевало за прогрессом промышленности и богатства» ¹⁰¹⁾.

Обратимся теперь к непосредственному агенту этой промышленности, или к производителю этого богатства, к рабочему классу.

«Одна из самых печальных черт социального положения страны», — говорит Гладстон, — «заключается в том, что в настоящее время происходит совершенно несомненное уменьшение потребительной силы народа и возрастание лишений и нищеты рабочего класса. И в то же время совершается постоянное накопление богатства у высших классов и непрерывный прирост капитала» ¹⁰²⁾.

Так говорил этот елейный министр в палате общин 13 февраля 1843 года. Двадцать лет спустя, 16 апреля 1863 г., внося на обсуждение свой бюджет, он говорил:

«С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход этой страны повысился на 6%... За 8 лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основу доход 1853 г., на 20%. Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным... Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами, но... оно должно принести косвенную выгоду и рабочему населению, потому что оно удешевляет предметы всеобщего потребления, — в то время как богатые стали богаче, бедные во всяком случае стали менее бедны. Однако я не решусь утверждать, что крайности бедности уменьшились» ¹⁰³⁾.

Какие жалкие увертки! Если рабочий класс остался «беден», только «менее беден» в той мере, как он создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для класса собственников, то это значит, что относительно он остался по-прежнему беден. Если крайности бедности не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства. Что же касается удешевления жизненных средств, то официальная статистика, например данные лондонского сиротского приюта, показывает за трехлетие 1860—1862 гг. вздорожание их на 20% по сравнению с трехлетием 1851—1853 годов. В следующие три года, 1863—1865, происходило прогрессивное вздорожание мяса, масла, молока, сахара, соли, угля

¹⁰¹⁾ «Census etc.», v. III, p. 11.

¹⁰²⁾ Гладстон в палате общин 13 февраля 1843 г. («Times», 14 февраля 1843; «Hansard», 13 февраля 1843).

¹⁰³⁾ Гладстон в палате общин 16 апреля 1863 г. («Morning Star», 17 апреля).

и многих других необходимых жизненных средств ¹⁰⁴⁾. Следующая бюджетная речь Гладстона от 7 апреля 1864 г. представляет собой пиндаровский дифирамб прогрессу в деле наживы и счастью народа, умеряемому «бедностью». Он говорит о массах, стоящих «на краю пауперизма», об отраслях производства, «в которых заработная плата не повысилась», и в заключение резюмирует счастье рабочего класса в следующих выражениях: «Человеческая жизнь в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование» ¹⁰⁵⁾. Профессор Фосетт, не связанный, как Гладстон, официальными соображениями, заявляет без всяких ооличностей:

«Разумеется, я не отрицаю, что денежная плата повысилась с этим увеличением капитала» (за последние десятилетия), «но этот кажущийся выигрыш в значительной степени теряется, так как многие предметы жизненной необходимости все дорожают» (по его мнению, вследствие падения стоимости благородных металлов). «...Богатые быстро становятся еще богаче (the rich grow rapidly richer), между тем как в жизни трудящихся классов незаметно никакого улучшения... Рабочие превращаются почти в рабов лавочников, должниками которых они являются» ¹⁰⁶⁾.

В разделах о рабочем дне и машинах перед нами раскрылись те условия, при которых британский рабочий класс создавал «ошеломляющее увеличение богатства и мощи» для имущих классов. Однако рабочий занимал нас тогда преимущественно во время его общественной функции. Для полного освещения законов накопления необходимо иметь в виду и его положение вне мастерской, условия его питания и жилища. Рамки этой книги заставляют нас обратиться здесь прежде всего к наиболее плохо оплачиваемой части промышленного пролетариата и сельскохозяйственных рабочих, т. е. к большей части рабочего класса.

Но сначала еще несколько слов об официальном пауперизме, или о той части рабочего класса, которая утратила необходимое условие своего существования, возможность продавать рабочую

¹⁰⁴⁾ См. официальные данные в Синей книге: «Miscellaneous Statistics of the United Kingdom». Part VI. London, 1866, p. 260—273 *passim*. В качестве доказательства вместо статистики сиротских приютов и т. д. могли бы послужить также декламации министерских газет, когда они ратуют о приданом детям королевского дома. При этом они никогда не забывают о дороговизне жизненных средств.

¹⁰⁵⁾ Гладстон в палате общин 7 апреля 1864 года. Версия же «Hansard» гласит: «И более того, — что в большинстве случаев представляет собой человеческая жизнь, как не борьбу за существование?» — Постоянные вопиющие противоречия в бюджетных речах Гладстона за 1863 и 1864 гг. один английский писатель характеризует следующей цитатой из Буало:

«Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir.
Il condamne au matin ses sentiments du soir.
Importun à tout autre, à soi même incommode,
Il change à tous moments d'esprit comme de mode».

[«Вот каков человек в самом деле. Он шатается между белым и черным. Утром он осуждает то, что одобрял вечером. Несносный для всех других, в тягость себе самому, он каждую минуту меняет настроение, как моду.»] ¹⁰⁶⁾ ([H. Roy.] «The Theory of the Exchanges etc.» London, 1864, p. 135).

¹⁰⁶⁾ H. Fawcett. «The Economic Position of the British Labourer». London, 1865, p. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочих от лавочников, то она является следствием учащающихся колебаний и перерывов в занятости рабочих.

силу, и прозябает за счет общественной милостыни. По официальным данным в Англии ¹⁰⁷⁾ числилось пауперов в 1855 г. 851 369, в 1856 г. — 877 767, в 1865 г. — 971 433. Вследствие хлопкового голода число их выросло в 1863 и 1864 гг. до 1 079 382 и 1 014 978. Кризис 1866 г., всего тяжелее поразивший Лондон, вызвал в этом центре мирового рынка, где больше жителей, чем в королевстве Шотландии, увеличение в 1866 г. количества пауперов по сравнению с 1865 г. на 19,5% и по сравнению с 1864 г. на 24,4% и в первые месяцы 1867 г. еще большее увеличение, чем в 1866 году. При анализе статистики пауперизма следует подчеркнуть два момента. С одной стороны, уменьшение и увеличение численности пауперов является отражением периодической смены фаз промышленного цикла. С другой стороны, официальная статистика все больше и больше искажает действительные размеры пауперизма по мере того, как с накоплением капитала развивается классовая борьба, а потому и самосознание рабочих. Например, варварское обращение с пауперами, о чем за последние два года так громко кричала английская пресса («Times», «Pall Mall Gazette» и т. д.), явление старое. В 1844 г. Ф. Энгельс констатировал совершенно такие же ужасы и такие же преходящие лицемерные вопли «сенсационной литературы» ¹⁹⁰. Но ужасающее увеличение числа случаев смерти от голода («deaths by starvation») в Лондоне за последнее десятилетие безусловно доказывает рост отвращения рабочих к рабству работных домов ¹⁰⁸⁾, этих карательных учреждений для нищеты.

б) ПЛОХО ОПЛАЧИВАЕМЫЕ СЛОИ БРИТАНСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

Обратимся теперь к плохо оплачиваемым слоям промышленного рабочего класса. Во время хлопкового голода в 1862 г. Тайный совет ¹⁹² поручил д-ру Смиту изучить вопрос о том, как питаются обнищавшие хлопчатобумажные рабочие Ланкашира и Чешира. Многолетние прежние наблюдения привели его к заключению, что «для предупреждения заболеваний, вызываемых голодом» (starvation diseases), в дневном рационе работницы должно содержаться в среднем по меньшей мере 3 900 гранов углерода и 180 гранов азота, в дневном рационе мужчины — по меньшей мере 4 300 гранов углерода и 200 гранов азота, т. е. для женщины приблизительно столько питательных веществ, сколько их содержится в двух фунтах хорошего пшеничного хлеба, для мужчины на $\frac{1}{9}$ больше; в

¹⁰⁷⁾ К Англии всегда причисляется Уэльс, к Великобритании — Англия, Уэльс и Шотландия, к Соединенному королевству — эти три страны и Ирландия.

¹⁰⁸⁾ Своеобразный свет на прогресс, который имел место со времен А. Смита, бросает то обстоятельство, что для него слово *workhouse* [рабочий дом] иногда еще было равнозначно слову *manufactory* [мануфактура]. Например, в начале главы о разделении труда: «В одном и том же рабочем доме часто могут быть собраны лица, занятые в различных отраслях труда» ¹⁹¹.

среднем для взрослых мужчин и женщин полагается по меньшей мере 28 600 гранов углерода и 1 330 гранов азота в неделю. Его подсчеты нашли поразительное подтверждение на практике, совпав с тем жалким количеством пищи, до которого было понижено из-за нужды потребление рабочих хлопчатобумажной промышленности. В декабре 1862 г. они получили 29 211 гранов углерода и 1 295 гранов азота в неделю.

В 1863 г. Тайный совет предпринял обследование бедственного положения наиболее плохо питающейся части английского рабочего класса. Д-р Саймон, медицинский инспектор Тайного совета, избрал для этой работы упомянутого выше д-ра Смита. Обследование охватывает, с одной стороны, сельскохозяйственных рабочих, с другой стороны — шелкоткачей, швей, рабочих, делающих кожаные перчатки, чулочников, вязальщиков перчаток и сапожников. Последние категории, за исключением чулочников, — исключительно городские рабочие. При обследовании было принято за правило в каждой категории выбирать семейства наиболее здоровые и находящиеся в относительно лучших условиях.

Общий вывод был таков, что

«только у одной из обследованных категорий городских рабочих количество потребляемого азота немного превышало тот абсолютный минимум, ниже которого наступают болезни от голода; что у двух категорий наблюдается недостаток — у одной из них очень большой недостаток — потребления как азотистой, так и углеродистой пищи; что более одной пятой обследованных семей, занимающихся земледелием, получают углеродистую пищу в количестве, меньшем необходимого, более одной трети получают менее необходимого количества азотистой пищи, а в трех графствах (Беркшир, Оксфордшир и Сомерсетшир) недостаток азотистой пищи был обычным явлением»¹⁰⁹⁾.

Среди сельскохозяйственных рабочих хуже всех питались сельскохозяйственные рабочие Англии, этой богатейшей части Соединенного королевства¹¹⁰⁾. Среди сельскохозяйственных рабочих вообще недоедали главным образом женщины и дети, так как «мужчина должен есть, чтобы выполнять свою работу». Еще большая нужда свирепствовала среди обследованных городских категорий рабочих. «Они питаются так плохо, что во многих случаях неминуемы жестокие и разрушающие здоровье лишения» (все это — «самоотречение» капиталиста! т. е. отречение от оплаты жизненных средств, необходимых просто для прозябания его рабочих!)¹¹¹⁾.

В следующей таблице сравнивается питание упомянутых выше чисто городских категорий рабочих с тем количеством пищи, которое д-р Смит признает минимальным, и с питанием хлопчатобумажных рабочих во время их величайшей нужды¹¹²⁾.

¹⁰⁹⁾ «Public Health. 6th Report etc. for 1863». London, 1864, p. 13.

¹¹⁰⁾ Там же, стр. 17.

¹¹¹⁾ Там же, стр. 13.

¹¹²⁾ Там же, приложение, стр. 232.

	Среднее еженедельное количество углерода (в гравах)	Среднее еженедельное количество азота (в гравах)
Рабочие обоего пола пяти городских отраслей промышленности	28 876	1 192
Безработные лакаширские фабричные рабочие обоего пола	29 211	1 295
Минимум, предложенный для лакаширских рабочих, в среднем для мужчин и женщин	28 600	1 330

Половина, $\frac{60}{125}$, из числа обследованных промышленных рабочих совершенно не потребляли пива, 28% — молока. Среднее еженедельное количество жидких пищевых продуктов колебалось от 7 унций на семью у швей до $24\frac{3}{4}$ унции у чулочников. Большую часть тех, кто совершенно не потреблял молока, составляли лондонские швеи. Количество еженедельно потребляемого хлеба колебалось от $7\frac{3}{4}$ ф. у швей до $11\frac{1}{4}$ ф. у сапожников и в среднем составляло 9,9 ф. в неделю на одного взрослого. Количество сахара (сиропа и т. д.) колебалось от 4 унций в неделю у производителей кожаных перчаток до 11 унций у чулочников; среднее еженедельное количество для всех категорий — 8 унций на одного взрослого. Общая средняя цифра еженедельного потребления масла (жира и т. д.) — 5 унций на одного взрослого. Среднее еженедельное количество мяса (сала и т. д.) колебалось, при расчете на одного взрослого, от $7\frac{1}{4}$ унции у шелкоткачей до $18\frac{1}{4}$ унции у производителей кожаных перчаток; в среднем для различных категорий 13,6 унции. Еженедельный расход на питание взрослого выразился в следующих средних числах: шелкоткачи — 2 шилл. $2\frac{1}{2}$ пенса, швей — 2 шилл. 7 пенсов, производители кожаных перчаток — 2 шилл. $9\frac{1}{2}$ пенсов, сапожники — 2 шилл. $7\frac{3}{4}$ пенса, чулочники — 2 шилл. $6\frac{1}{4}$ пенса. Для шелкоткачей Маклсфилда средний расход составил только 1 шилл. $8\frac{1}{2}$ пенсов в неделю. Наиболее плохо питающимися категориями были швеи, шелкоткачи и производители кожаных перчаток ⁽¹¹³⁾.

В своем общем санитарном отчете д-р Саймон так говорит об этих условиях питания:

«Всякий, кто знаком с медицинской практикой среди бедных или с пациентами больницы, стационарными или приходящими, подтвердит, что в многочисленных случаях недостаток питания порождает или обостряет болезни... Но с санитарной

⁽¹¹³⁾ «Public Health. 6th Report etc. for 1863». London, 1864, p. 232, 233.

точки зрения сюда присоединяется еще одно очень важное обстоятельство... Следует вспомнить, что значительное ухудшение питания становится фактом лишь после упорного противодействия и что, как правило, оно следует за другими предшествующими лишениями. Задолго до того, как недостаток питания окажет свое действие на здоровье, задолго до того, как физиолог начнет взвешивать те грани азота и углерода, между которыми колеблется жизнь и голодная смерть, — задолго до этого в домашнем быту исчезают все материальные удобства. Одежда и отопление становятся еще более скудными, чем пища. Нет достаточной защиты от суровой погоды; жилищная теснота доходит до такой степени, что становится причиной болезней или их обострения; домашняя утварь и мебель почти отсутствуют; даже поддержание чистоты становится слишком дорогим или затруднительным. Если еще из чувства собственного достоинства и делаются попытки поддержать ее, то всякая такая попытка ведет к новым мукам голода. Жилища отыскивают там, где они самые дешевые, в таких кварталах, где предписания санитарной полиции дают наименьшие результаты, где самые отвратительные стоки, самое плохое сообщение, больше всего нечистот, самое жалкое или плохое водоснабжение и, поскольку это касается городов, самый большой недостаток света и воздуха. Таковы опасности для здоровья, которым неминуемо подвергается беднота, если ее бедность сопряжена с недостаточным питанием. Если сумма этих зол имеет страшное значение для жизни, то одна недостаточность питания ужасна уже сама по себе... Это наводит на грустные размышления, особенно если вспомнить, что бедность, о которой идет речь, вовсе не является заслуженным результатом праздности. Это — бедность рабочих. Ведь труд, ценой которого городские рабочие покупают это скудное количество пищи, в большинстве случаев удлинится свыше всякой меры, и, однако, лишь в очень условном смысле можно сказать, что труд этот дает рабочему возможность поддерживать свое существование... В общем это номинальное поддержание своего существования представляет собой лишь более короткий или более длинный окольный путь к пауперизму» ¹¹⁴⁾.

Только понимание экономических законов раскрывает внутреннюю связь между муками голода наиболее трудолюбивых слоев рабочих и грубой или утонченной расточительностью богатых, основанной на капиталистическом накоплении. Совершенно иначе с жилищными условиями. Здесь всякий беспристрастный наблюдатель видит, что чем обширнее централизация средств производства, тем больше соответствующее скопление рабочих на одной и той же площади, и что, следовательно, чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих. Сопровождающие рост богатства «улучшения» (improvements) городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, путем возведения дворцов для банков и универсальных магазинов и т. д., посредством расширения улиц для деловых сношений и для роскошных экипажей, путем постройки конок и т. д. быстро вытесняют бедноту во все худшие и худшие и все более переполненные трущобы. С другой стороны, всякому известно, что дороговизна жилых помещений обратно пропорциональна их качеству и что рудники нищеты эксплуатируются строителями-спекулянтами с большей прибылью и меньшими издержками, чем эксплуатировались когда-либо серебряные рудники Потоси. Антагонистический характер капиталистического накопления, а следовательно, и отношений капитали-

¹¹⁴⁾ Там же, стр. 14, 15.

стической собственности вообще ¹¹⁵⁾, здесь до такой степени очевидно, что даже английские официальные отчеты по этому поводу изобилуют еретическими выпадами против «собственности и ее прав». Зло так распространяется с развитием промышленности, накоплением капитала, ростом и «похорошением» городов, что один страх заразных болезней, не дающих пощады и «почтенной публике», с 1847 по 1864 г. вызвал не менее 10 санитарно-полицейских парламентских актов, а перепуганная буржуазия некоторых городов, как Ливерпуль, Глазго и т. д., использовала в целях защиты свои муниципалитеты. Однако д-р Саймон в своем отчете за 1865 г. восклицает: «Вообще говоря, за этим злом в Англии совершенно не следят». По распоряжению Тайного совета в 1864 г. произведено обследование жилищных условий сельскохозяйственных рабочих, в 1865 г. — беднейших классов в городах. Превосходная работа д-ра Джулиана Хантера отражена в седьмом и восьмом отчетах (1865 г.) о здоровье населения. К сельскохозяйственным рабочим я перейду позже. Описанию же городских жилищных условий я предпослал следующее общее замечание д-ра Саймона:

«Хотя моя официальная точка зрения», — говорит он, — «исключительно медицинская, однако самое обыкновенное чувство гуманности не позволяет игнорировать и другую сторону этого зла. Доведенная до высокой степени скученности почти неизбежно обуславливает такое отрицание всяких приличий, такое грязное смешение тел и физических отправления, такую наготу полов, что все это напоминает скорее зверей, чем людей. Подвергаться таким влияниям — это унижение, которое тем глубже, чем дольше оно продолжается. Для детей, родившихся под этим проклятием, оно служит крещением к позору (baptism into infamy). И сверхбезнадежно было бы желание, чтобы люди, поставленные в такие условия, в других отношениях стремились к той атмосфере цивилизации, сущность которой заключается в физической и моральной чистоте» ¹¹⁶⁾.

Лондон занимает первое место по переполненности жилых помещений или даже по абсолютной непригодности их для человеческого жилья.

«Несомненные два обстоятельства», — говорит д-р Хантер, — «во-первых, в Лондоне имеется около 20 больших поселений, каждое приблизительно по 10 000 человек, бедственное положение которых превосходит все, что когда-либо было видано в Англии, и положение это почти всецело является результатом плохого устройства жилищ; во-вторых, переполненность и ветхость домов в этих поселениях теперь гораздо больше, чем 20 лет тому назад» ¹¹⁷⁾. «Не будет преувеличением сказать, что жизнь во многих частях Лондона и Ньюкасла — адская» ¹¹⁸⁾.

¹¹⁵⁾ «Нигде еще права личности не приносились так открыто и так бесстыдно в жертву праву собственности, как в жилищных условиях рабочего класса. Каждый большой город — это место человеческих жертвоприношений, алтарь, на котором ежегодно убиваются тысячи для Молоха жадности» (*S. Laing*, цит. соч., стр. 150).

¹¹⁶⁾ «Public Health. 8th Report». London, 1866, p. 14, примечание.

¹¹⁷⁾ Там же, стр. 89. Относительно детей в этих поселениях д-р Хантер говорит: «Мы не знаем, как воспитывались дети до этой эпохи огромной скученности бедных, но надо быть смелым пророком, чтобы решиться предсказать все, чего можно ожидать от детей, которые при условиях, не имеющих себе равных в этой стране, теперь подготовляются воспитанием к своему будущему в среде опасных классов, воспитываются, проводя время до полуночи с людьми разных возрастов, пьяными, нечистоплотными и сварливыми» (там же, стр. 56).

¹¹⁸⁾ Там же, стр. 62.

Но и находящаяся в относительно лучшем положении часть рабочего класса, а также мелкие лавочники и другие элементы мелкой буржуазии в Лондоне все более подпадают под проклятие этих отвратительных жилищных условий по мере того, как прогрессируют «улучшения», а вместе с ними снос старых улиц и домов, по мере того, как растет число фабрик и увеличивается приток людей в столицу, — наконец, по мере того, как вместе с городской земельной рентой повышается и квартирная плата.

«Квартирная плата сделалась настолько непомерной, что лишь немногие рабочие могут оплачивать более одной комнаты» ¹¹⁹⁾.

В Лондоне нет почти ни одного домовладения, которое не было бы опутано огромным количеством «middlemen» [«посредников»]. Цена земли в Лондоне всегда чрезвычайно высока по сравнению с ее годовой доходностью, в особенности потому, что каждый покупатель рассчитывает на то, чтобы раньше или позже разделаться с ней по *Jury Price* (по таксе, устанавливаемой при экспроприациях присяжными) или же выиграть от чрезвычайного повышения ее стоимости благодаря соседству с каким-нибудь крупным предприятием. Следствием является постоянная скупка договоров об аренде, срок которых близится к окончанию.

«От джентльменов, занимающихся этим делом, можно было ожидать, что они будут действовать так, как они действуют, что они постараются выколотить все возможное из квартирантов и передать дома своим преемникам в таком жалком состоянии, какое только возможно» ¹²⁰⁾.

Квартирная плата еженедельная, и эти господа не подвергаются никакому риску. Вследствие постройки железной дороги в черте города

«недавно в один субботний вечер в восточной части Лондона можно было видеть множество семей, изгнанных из своих старых жилищ; они бродили со своими жалкими пожитками за спиной и нигде не могли найти пристанища, кроме рабочего дома» ¹²¹⁾.

Работные дома уже переполнены, а «улучшения», уже разрешенные парламентом, находятся еще только в начале своего осуществления. Если рабочие изгоняются вследствие сноса их старых домов, то они не покидают своего прихода или, самое большее, поселяются в самом близком соседстве с ним.

«Естественно, они стараются поселиться как можно ближе к месту своей работы. И получается так, что вместо двух комнат семья вынуждена поселиться в одной. Даже при более высокой квартирной плате жилое помещение оказывается хуже, чем то плохое, из которого семью выгнали. Уже половине рабочих в Странде требуется идти две мили до места работы».

Этот Странд, главная улица которого поражает иностранца богатством Лондона, может служить примером скученности людей

¹¹⁹⁾ «Report of the Officer of Health of St. Martin's-in-the-Fields», 1865.

¹²⁰⁾ «Public Health. 8th Report». London, 1866, p. 91.

¹²¹⁾ Там же, стр. 88.

в Лондоне. В одном приходе Странда медицинский инспектор насчитал 581 человека на акр, причем к этому акру отнесено и водное пространство вплоть до середины русла Темзы. Само собой разумеется, что всякая санитарно-полицейская мера, которая, как было до сих пор в Лондоне, разрушая негодные дома, изгоняет рабочих из одного квартала, на практике приводит лишь к тому, что они еще теснее скучиваются в другом.

«Или», — говорит д-р Хантер, — «вся эта процедура, как совершенно нелепая, должна прекратиться, или же должны пробудиться общественные симпатии (!) к тому, что теперь можно без преувеличения назвать национальным долгом, именно — к предоставлению крова людям, которые по недостатку капитала не могут этот кров сами приобрести, но могли бы оплатить его периодическими платежами»¹²²⁾.

Удивительная это вещь, капиталистическая справедливость! Земельный собственник, домовладелец, предприниматель при всякой экспроприации по случаю «улучшений», например при постройке железных дорог, прокладке новых улиц и т. д., не только получает полное вознаграждение: за свое вынужденное «самоотречение» он по законам божеским и человеческим должен быть утешен кроме того еще изрядной прибылью. А вот рабочих с женами, детьми и всем имуществом выбрасывают на улицу, и если они слишком большими массами отправляются в те городские кварталы, за благоприличием которых муниципалитет следит особенно, то их преследует санитарная полиция!

Кроме Лондона в начале XIX столетия в Англии не было ни одного города, в котором насчитывалось бы 100 000 жителей. Только в пяти насчитывалось более 50 000. Теперь существует 28 городов более чем с 50 000 жителей каждый.

«Результатом этой перемены был не только огромный прирост городского населения, но и то, что старые скученные мелкие города сделались теперь центрами, которые обстроены со всех сторон, без всякого доступа свежего воздуха. Так как богатым проживать в них уже неприятно, то они переселяются в более приятные предместья. Люди, приходящие на место этих богатых, размещаются в больших домах, по семье на каждую комнату, и часто еще пускают к себе квартирантов. Таким образом население скучивается в домах, предназначенных не для него, совершенно не приспособленных для него, в обстановке поистине унижительной для взрослых и гибельной для детей»¹²³⁾.

Чем быстрее в каком-либо промышленном или торговом городе накапливается капитал, тем быстрее прилив доступного эксплуатации человеческого материала, тем хуже импровизированные жилища рабочих. Поэтому Ньюкасл-апон-Тайн, как центр непрерывно развивающегося каменноугольного и горнорудного округа, занимает после Лондона второе место по прелестям жилищного ада. В каморках живет там не менее 34 000 человек. В Ньюкасле и Гейтсхеде по распоряжению полиции недавно снесено значительное

¹²²⁾ Там же, стр. 89.

¹²³⁾ Там же, стр. 56.

количество домов как общественно опасных. Постройка новых домов идет очень медленно, предпринимательская деятельность развивается очень быстро. Поэтому в 1865 г. город был более переполнен, чем когда-либо прежде. Едва ли кто сдавал хотя бы одну каморку. Д-р Эмблтон из ньюкаслской больницы говорит:

«Вне всякого сомнения, причина большой продолжительности и широкого распространения тифа лежит в чрезмерном скоплении людей и загрязненности их жилищ. Дома, в которых обыкновенно живут рабочие, расположены в глухих переулках и во дворах. В отношении света, воздуха, простора и чистоты — это истинные образцы непригодности и антисанитарии, позор для всякой цивилизованной страны. По ночам мужчины, женщины и дети лежат вперемишку. У мужчин ночная смена без перерыва следует за дневной и дневная за ночной, так что постели едва успевают остыть. Дома плохо обеспечены водой, еще хуже отхожими местами, грязны, не вентилируются, служат источником заразы» ¹²⁴⁾.

Недельная плата за проживание в такой дыре составляет от 8 пенсов до 3 шиллингов.

«Ньюкасл-апон-Тайн», — говорит д-р Хантер, — «являет собой пример того, как одно из самых красивых племен среди наших соотечественников в силу условий жилья и улицы часто опускается почти до одичания» ¹²⁵⁾.

Вследствие приливов и отливов капитала и труда сегодня сносные жилищные условия какого-нибудь промышленного города завтра могут сделаться отвратительными. Подчас городские власти приступают, наконец, к устранению наиболее вопиющих безобразий. Но завтра же появляются, как туча саранчи, ирландские оборванцы или опустившиеся английские сельскохозяйственные рабочие. Их спроваживают в подвалы и амбары или превращают приличный до того времени дом для рабочих в ночлежку, в которой жильцы сменяются так же быстро, как солдатские постои во время Тридцатилетней войны. Пример — Брадфорд. Там муниципальные филистеры как раз занялись городской реформой. К тому же там в 1861 г. имелся еще 1751 незаселенный дом. Но вдруг дела пошли хорошо, о чем недавно так мило поведал сладко-либеральный г-н Форстер, друг негров. С улучшением дел неизбежно наводнение потоками постоянно убывающей и прибывающей «резервной армии», или «относительного перенаселения». Отвратительные подвальные помещения и каморки, зарегистрированные в списке ¹²⁶⁾,

¹²⁴⁾ Там же, стр. 149.

¹²⁵⁾ Там же, стр. 50.

¹²⁶⁾ Там же, стр. 111. Список, составленный агентом одного общества страхования рабочих в Брадфорде:

Валкан-стрит, № 122	1 комната	16 человек
Ламли-стрит, № 13	1 комната	11 человек
Бауэр-стрит, № 41	1 комната	11 человек
Портленд-стрит, № 112	1 комната	10 человек
Харди-стрит, № 17	1 комната	10 человек
Норт-стрит, № 18	1 комната	16 человек
Там же, № 17	1 комната	13 человек
Ваймер-стрит, № 19	1 комната	8 взрослых

полученном д-ром Хантером от агента одного страхового общества, были заняты по большей части хорошо оплачиваемыми рабочими. Они заявляли, что были бы готовы заплатить за лучшие помещения, если бы могли найти таковые... Они со своими семьями опускаются и чахнут от болезней, в то время как сладко-либеральный Форстер, член парламента, проливает слезы умиления перед благодеяниями свободы торговли и барышами, которые получают на шерстяных делах знаменитости Брадфорда. В отчете от 5 сентября 1865 г. д-р Белл, один из брадфордских врачей для бедных, объясняет ужасную смертность от лихорадки в его округе жилищными условиями:

«В одном подвале в 1 500 кубических футов живут 10 человек... На Винсент-стрит, Грин-Эйр-Плейс и Лис стоят 223 дома с 1 450 обитателями, 435 постелями и 36 отхожими местами... На каждую постель, а под постелью я разумею всякую грудку грязного тряпья или охапку стружек, приходится в среднем 3,3 человека, иногда 5 и 6 человек. Многие спят на голом полу, не раздеваясь, — молодые мужчины и женщины, женатые и холостые, все вперемешку. Надо ли еще добавлять, что эти помещения в большинстве случаев представляют собой темные, сырые, грязные и вонючие лачуги, совершенно не пригодные для человеческого жилья. Это центры, из которых распространяются болезни и смерть, выхватывающие свои жертвы и среди зажиточных (of good circumstances), которые допускают, чтобы такие чумные нарывы гноились в нашей среде»¹²⁷⁾.

По жилищной нужде после Лондона третье место занимает Бристоль.

«Здесь, в одном из богатейших городов Европы, величайший избыток неприкрытой нищеты («blankest poverty») и жилищной нужды»¹²⁸⁾.

Джоует-стрит, № 56	1 комната	12 человек
Джордж-стрит, № 150	1 комната	3 семьи
Райфл-Корт, Мэригейт, № 11	1 комната	11 человек
Маршалл-стрит, № 28	1 комната	10 человек
Там же, № 49	3 комнаты	3 семьи
Джордж-стрит, № 128	1 комната	18 человек
Там же, № 130	1 комната	16 человек
Эдвард-стрит, № 4	1 комната	17 человек
Джордж-стрит, № 49	1 комната	2 семьи
Йорк-стрит, № 34	1 комната	2 семьи
Солт Пай-стрит (низ)	2 комнаты	26 человек

Подвалы

Риджент-сквер	1 подвал	8 человек
Эйкр-стрит	1 подвал	7 человек
Робертс-Корт, № 33	1 подвал	7 человек
Бэк Прат-стрит, помещение служит мастерской медни- ков	1 подвал	7 человек
Эбенизер-стрит, № 27	1 подвал	6 человек (ни одного мужчины старше 18 лет)

¹²⁷⁾ Там же, стр. 114.

¹²⁸⁾ Там же, стр. 50.

е) БРОДЯЧЕЕ НАСЕЛЕНИЕ

Обратимся теперь к слою населения, деревенскому по своему происхождению и большей частью промышленному по своим занятиям. Это — легкая инфантерия капитала, перебрасываемая с места на место, смотря по его надобностям. Когда она не в походе, она «стоит лагерем». Бродячие рабочие употребляются для различных строительных работ, для дренирования, для производства кирпича, обжига извести, для железнодорожных работ и т. д. Как странствующий источник заразы, эти рабочие приносят оспу, тиф, холеру, скарлатину и т. д. во все места, по соседству с которыми они располагаются лагерями¹²⁹⁾. В предприятиях со значительными капиталовложениями, как железнодорожное строительство и т. д., предприниматель обыкновенно сам предоставляет своей армии деревянные бараки и т. п. — импровизированные деревни без всяких санитарных приспособлений, не подчиненные контролю местных властей, очень прибыльные для господина подрядчика, который вдвойне эксплуатирует рабочих: и как солдат промышленности и как квартирмейстеров. Смотри по тому, сколько конур имеется в деревянном бараке, одна, две или три, жильцу, т. е. землекопу и т. п., приходится платить за него 2, 3, 4 шилл. в неделю¹³⁰⁾. Достаточно будет одного примера. В сентябре 1864 г., — сообщает д-р Саймон, — министром внутренних дел сэром Джорджем Греем было получено следующее донесение от председателя Комитета по устранению антисанитарных условий в приходе Севенокс:

«Еще примерно 12 месяцев тому назад оспа была совершенно неизвестна в нашем приходе. Незадолго до этого времени начались работы по постройке железной дороги от Луишема до Тонбриджа. Не говоря уже о том, что главные работы производились в непосредственном соседстве с этим городом, в нем были расположены главные склады всего предприятия. Поэтому здесь было занято большое число рабочих. Так как невозможно было всех их поместить в коттеджах, то подрядчик, г-н Джей, распорядился построить вдоль дороги на различных пунктах бараки для расквартирования рабочих. В этих бараках не было ни вентиляции, ни стоков, и притом они были по необходимости переполнены, потому что каждый квартирмейстер был вынужден брать к себе других жильцов, как бы многочисленна ни была его собственная семья и несмотря на то, что в каждом бараке было всего две комнаты. Согласно медицинскому отчету, полученному нами, следствием было то, что этим несчастным приходилось по ночам подвергаться всем мукам удушья, чтобы предохранить себя от заразных испарений из грязных луж и отхожих мест, расположенных прямо под окном. Наконец, нашему комитету была подана жалоба одним врачом, который имел случай посетить эти бараки. Он в самых горьких выражениях говорил о состоянии этих так называемых жилищ и опасался очень серьезных последствий, если не будут приняты некоторые санитарные меры. Почти год тому назад упомянутый Джей обязался построить дом, в который немедленно следует удалять занятых у него рабочих при заболевании заразными болезнями. В конце июля текущего года он повторил это обещание, но для исполнения его совершенно ничего не сделал, хотя с того времени было несколько случаев оспы и два смертных случая

¹²⁹⁾ «Public Health. 7th Report». London, 1865, p. 18.

¹³⁰⁾ Там же, стр. 165.

от нее. 9 сентября врач Келсон сообщил мне о новых случаях оспы в этих бараках, положение в которых, по его описанию, ужасно. К вашему» (министра) «сведению я должен добавить, что в нашем приходе имеется изолированный дом, так называемый дом заразных, в котором содержатся прихожане, страдающие инфекционными болезнями. Вот уже несколько месяцев, как этот дом постоянно переполнен больными. В одной семье пять детей умерло от оспы и лихорадки. С 1 апреля по 1 сентября текущего года было не меньше 10 смертных случаев от оспы, в том числе 4 в упомянутых бараках, источниках заразы. Число заболеваний определить невозможно, потому что семьи, в которых они происходят, стараются по возможности скрывать это»¹³¹⁾.

Рабочие каменноугольных и других шахт принадлежат к наиболее высоко оплачиваемым категориям британского пролетариата. Какой ценой покупают они свою заработную плату, уже было показано в другом месте¹³²⁾. Я брошу здесь беглый взгляд на их жилищные условия. Эксплуататор шахт, будет ли то собственник или арендатор, обыкновенно устраивает известное число коттеджей для своих рабочих. Рабочие получают коттеджи и уголь для отопления «даром», т. е. это составляет часть заработной платы, выдаваемой натурой. Если некоторые не могут быть расквартированы таким образом, они получают взамен этого 4 ф. ст. в год. Горнопромышленные округа быстро привлекают многочисленное население, состоящее из самих горнорабочих и группирующихся вокруг них ремесленников, лавочников и т. д. Как и повсюду, где плотность населения велика, земельная рента стоит здесь на высоком уровне. Поэтому горнопромышленник старается на самом ограниченном строительном участке при входе в шахту поставить по возможности больше коттеджей, как раз столько, сколько необходимо для того, чтобы втиснуть туда всех своих рабочих вместе с их семьями. Если поблизости открываются новые копи или вновь начинают разрабатываться старые, то теснота возрастает. При постройке коттеджей решающее значение имеет лишь одна точка зрения: «самоотречение» капиталиста от всяких не абсолютно неизбежных затрат на жилищными.

«Жилища шахтеров и других рабочих, связанных с копиями Нортумберленда и Дургамы, — говорит д-р Джулиан Хантер, — в общем являются, быть может, самыми плохими и самыми дорогими из всего, что по этой части представляет в крупном масштабе Англия, за исключением, однако, подобных округов в Моимутшире. Крайне плохое состояние их обуславливается большим количеством жильцов в каждой комнате, малыми размерами строительного участка, на котором раз-

¹³¹⁾ «Public Health. 7th Report». London, 1865, p. 18, примечание. Попечитель о бедных в Чапел-эн-ле-Фрит Юнион сообщает генеральному регистратору: «В Давхолсе сделано много мелких пещер в большом холме известкового шлама. Эти пещеры служат жилищами землекопам и другим рабочим, занятым при постройке железной дороги. Пещеры тесны, сыры, без стоков для нечистот и без отхожих мест. В них нет никаких приспособлений для вентиляции, за исключением отверстий в своде, которое служат в то же время и дымоходом. Оспа свирепствует и уже была причиной нескольких смертных случаев» (среди троглодитов) (там же, примечание 2).

¹³²⁾ Подробности, приведенные на стр. 505 и сл., относятся главным образом к рабочим каменноугольных шахт. Относительно положения в рудниках, которое еще хуже, см. добросовестный отчет Королевской комиссии 1864 года.

брошено множество домов, недостатком воды и отсутствием отхожих мест, нередко практикуемым расположением одного дома на другом или разделением их на flats (так что различные коттеджи образуют этажи, расположенные по вертикали один над другим)... Предприниматель смотрит на всю колонию так, будто она просто стоит лагерем, а не живет постоянно»¹³³). «Во исполнение полученных мною инструкций», — говорит д-р Стивенс, — «я посетил большую часть крупных горно-заводских селений Дургам Юнион... За очень малым исключением, следует сказать, что нигде не принимается никаких бы то ни было мер для охраны здоровья жителей... Все горнорабочие прикреплены» (bound, как и bondage, — выражение, относящееся к эпохе крепостного права) «на 12 месяцев к арендатору (lessee) или собственнику копей. Если они обнаружат свое неудовольствие или иным способом досадят надсмотрщику (viewer), то он против их имени в своей книге ставит значок или пометку и увольняет их при заключении нового годового контракта... Мне кажется, что ни один из видов truck-system [системы оплаты труда товарами] не может быть хуже того, который господствует в этих густо населенных округах. Рабочий вынужден получать в качестве части своей заработной платы дом, находящийся в окружении источников заразы. Он не в состоянии сам помочь себе. Он во всех отношениях крепостной (he is to all intents and purposes a serf). Да и вообще приходится сомневаться, чтобы кто-либо мог помочь ему кроме его собственника, а этот собственник исходит прежде всего из интересов своего баланса, и результат этого не трудно предугадать. От собственника же получает рабочий и воду. Хорошая она или плохая, обеспечивается она или нет, рабочий во всяком случае должен платить за нее или, точнее, из его заработной платы будет сделано удержание»¹³⁴).

В случае конфликта с «общественным мнением» или даже с санитарной полицией капитал нисколько не стесняется «оправдывать» отчасти опасные, отчасти унижительные условия, в которые он ставит труд и домашнюю жизнь рабочего, тем соображением, что это необходимо для более прибыльной эксплуатации рабочего. Так он поступает, когда самоотрекается от приспособлений для защиты от опасных машин на фабриках, от вентиляции и предохранительных мер в шахтах и т. д. Так он поступает и здесь, в случае с жилыми помещениями горнорабочих.

«В оправдание недостойных жилищных условий», — говорит в своем официальном отчете д-р Саймон, медицинский инспектор Тайного совета, — «ссылаются на то, что шахты обыкновенно эксплуатируются на арендных началах; что продолжительность арендного договора (в каменноугольных шахтах по большей части 21 год) слишком коротка для того, чтобы арендатору стоило устраивать хорошо приспособленные жилища для рабочих, ремесленников и т. д., которых привлекает предприятие; если бы даже он и захотел быть щедрым в этом отношении, то земельный собственник разрушил бы его планы. Он постарался бы немедленно получить чрезвычайно высокую добавочную ренту за ту привилегию, что на поверхности построено приличное и комфортабельное селение с жилыми помещениями для рабочих, извлекающих его подземную собственность. Эта запретительная цена, если только не прямое запрещение, удерживает и тех, кто иначе был бы склонен строить приличные жилища... Я не буду вдаваться в рассмотрение вопроса об основательности этого оправдания, а также вопроса о том, кто нес бы в конечном счете добавочные затраты по постройке приличных жилых помещений: земельный собственник, арендатор копей, рабочие или общество... Но поскольку позорные факты, которые разоблачаются в прилагаемых отчетах» (д-ра Хантера, Стивенса и др.), «действительно существуют, необходимо принять меры для их устранения... Правами

¹³³) «Public Health. 7th Report». London, 1865, p. 180, 182.

¹³⁴) Там же, стр. 515, 517.

земельной собственности пользуются здесь таким образом, что совершают большую общественную несправедливость. В качестве собственника недр земельный собственник пригласает промышленную колонию для работы в его владениях, а потом в качестве собственника поверхности делает невозможным для призванных им рабочих найти удовлетворительное жилое помещение. Арендатор копей» (капиталистический эксплуататор) «депежно нисколько не заинтересован в том, чтобы противодействовать такой двойственности, так как ему хорошо известно, что если притязания земельного собственника непомерны, то последствия падут не на него, что рабочие, на которых падут они, слишком невежественны для того, чтобы знать свои права на здоровье, и что ни самые отвратительные жилища, ни самая гнилая вода никогда не послужат поводом для стачки»¹³⁵⁾.

д) ВЛИЯНИЕ КРИЗИСОВ НА НАИБОЛЕЕ ВЫСОКО ОПЛАЧИВАЕМУЮ ЧАСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА

Прежде чем перейти к собственно сельскохозяйственным рабочим, я покажу еще на одном примере, какое влияние оказывают кризисы даже на наиболее высоко оплачиваемую часть рабочего класса, на его аристократию. Напомним, что 1857 г. принес один из тех крупных кризисов, которыми каждый раз завершается промышленный цикл. Следующий кризис пришелся на 1866 год. Уже предвосхищенный в собственно фабричных округах хлопковым голодом, который перегнал много капитала из обычной сферы вложения в крупные центры денежного рынка, кризис принял на этот раз преимущественно финансовый характер. Сигналом его начала послужил крах в мае 1866 г. одного из огромных лондонских банков, за которым быстро последовало крушение многочисленных спекулятивных финансовых обществ. Одной из крупных лондонских отраслей производства, которые постигла катастрофа, было железное судостроение. Магнаты этой отрасли промышленности в период подъема не только перепроизвели свыше всякой меры, но кроме того и взяли на себя по контрактам обязательства о выполнении огромных поставок, рассчитывая на то, что источник кредита и впредь будет течь с прежним изобилием. Теперь же наступила страшная реакция, которая как в этой, так и в других отраслях лондонской промышленности¹³⁶⁾ продолжается до настоящего момента, т. е. конца марта 1867 года. Для характеристики положения рабочих приведем следующее место из подробного сообщения одного

¹³⁵⁾ Там же, стр. 16.

¹³⁶⁾ «Массовое голодание бедных в Лондоне! («Wholesale starvation of the London Poor!») ... В последние дни на стенах лондонских домов были расклеены огромные плакаты со следующими примечательными объявлениями: «Жирные быки, голодающие люди! Жирные быки покинули свои хрустальные дворцы, чтобы откармливать богачей в их роскошных покоях, в то время как голодающие люди гибнут и умирают в своих жалких норах». Плакаты с этой зловещей надписью постоянно возобновляются. Едва сорвут и заклеят одну партию, как уже на том же или другом не менее заметном месте появляется новая... Это напоминает о зловещих предзнаменованиях, которые готовили французский народ к событиям 1789 года... В то самое время, когда английские рабочие со своими женами и детьми умирают от холода и голода, миллионы английского золота, продукт английского труда, вкладываются в русские, испанские, итальянские и другие иностранные предприятия» («Reynolds' Newspaper», 20 января 1867 г.).

корреспондента «Morning Star», посетившего в начале 1867 г. главные центры бедствия.

«В восточной части Лондона, в округах Поплар, Миллуолл, Гринвич, Дептфорд, Лаймхаус и Каннинг-Таун, по меньшей мере 15 000 рабочих с их семьями, в том числе более 3 000 квалифицированных механиков, находятся в положении крайней нужды. Их сбережения исчерпаны вследствие шести-восьмимесячной безработицы... Большого труда стоило мне протиснуться к воротам рабочего дома (в Попларе), потому что он был осажден изголодавшейся толпой. Она ожидала талонов на хлеб, но время их раздачи еще не настало. Двор образует большой квадрат с навесом, который тянется вокруг его стен. Большие кучи снега покрывали камни мостовой посредине двора. Здесь небольшие площади были отгорожены, подобно загонам для овец, ивовыми плетнями; на них в хорошую погоду работают мужчины. В день моего посещения загоны были настолько засыпаны снегом, что никто не мог в них сидеть. Тем не менее под защитой выступа крыши мужчины занимались дроблением камней для мостовой. Каждый, сидя на большом камне, тяжелым молотом раскалывал обледенелый гранит, пока не пахнет 5 бушелей щебня. Тогда его дневная работа кончалась, и он получал 3 пенса, а также талон на хлеб. В другой части двора стоял жалкий деревянный домик. Открыв дверь, мы увидели, что он заполнен мужчинами, прижавшимися друг к другу, чтобы согреться. Они щипали паклю и спорили друг с другом, кто из них при минимуме питания может проработать дольше всех, потому что выносливость была здесь делом чести. В одном этом рабочем доме получали поддержку 7 000 человек, в том числе многие сотни таких, которые за 6 или 8 месяцев перед тем имели наивысшую в нашей стране заработную плату за квалифицированный труд. Их число было бы вдвое больше, если бы не то обстоятельство, что многие из них даже по израсходовании всех своих денежных сбережений все же избегают помощи прихода, пока у них еще остается что-нибудь для заклада... Оставив рабочий дом, я прошелся по улицам с одноэтажными, по большей части, домами, которых так много в Попларе. Моим проводником был член комитета безработных. Первый дом, в который мы вошли, был дом одного металлиста, не имеющего работы уже 27 недель. Я нашел его со всем его семейством в задней комнате. В комнате еще оставалась кое-какая мебель, топилась печь. Это было необходимо для того, чтобы защитить голые ноги маленьких детей от холода, — день был ужасно холодный. В тазу против огня лежала пакля, которую жена и дети щипали за хлеб из рабочего дома. Муж работал в одном из вышеописанных дворов и получал талон на хлеб и 3 пенса в день. Теперь он пришел домой обедать, очень голодный, как сказал он нам с горькой усмешкой, и его обед состоял из нескольких ломтиков хлеба, намазанных салом, и чаши чаю без молока... Следующую дверь, в которую мы постучались, открыла женщина средних лет, которая, не говоря ни слова, провела нас в маленькую заднюю комнату, где молча сидела вся ее семья, устремив глаза на быстро гаснущий огонь. Такое горе, такая безнадежность были на лицах этих людей и в их маленькой комнате, что я не хотел бы еще раз увидеть подобное зрелище. «Они ничего не заработали, сударь, — сказала женщина, указывая на своих детей, — ничего в течение последних 26 недель, и все наши деньги вышли, все 20 ф. ст., которые я и отец отложили в лучшие времена, надеясь перебиться с ними в плохие времена. Вот посмотрите», — почти диким голосом воскликнула она, доставая банковскую книжку со всеми ее регулярными записями внесенных и взятых обратно денег; по ней мы могли видеть, как маленькое состояние началось с нервного вклада в 5 шилл., как оно мало-помалу выросло до 20 ф. ст., а потом начало таять, с фунтов стерлингов до шиллингов, пока последняя запись не сделала книжку стоящей не больше клочка чистой бумаги. Эта семья получает один скудный обед в день из рабочего дома. Следующий наш визит был к жене одного ирландца, который работал на корабельной верфи. Мы нашли ее большой от недоедания, она лежала в одежде на матраце, едва прикрытая доскутом ковра, потому что все постельные принадлежности были заложены. Несчастные дети ухаживали за ней, но было видно, что сами они нуждаются в материнском уходе. Девятнадцать недель вынужденной праздности довели ее до этого положения, и, рассказывая нам историю своего горького

прошлого, она вздыхала так, будто утратила всякую надежду на лучшее будущее... Когда мы вышли из дома, к нам подбежал какой-то молодой человек и просил нас зайти в его дом и посмотреть, нельзя ли что-нибудь сделать для него. Молодая жена, двое красивых ребят, куча кептанций ссудной кассы и совершенно голая комната — вот все, что он мог показать нам».

Вот еще извлечение из одной газеты тори о бедствиях, которые были последствием кризиса 1866 года. Не следует забывать, что восточная часть Лондона, о которой здесь идет речь, является не только местом, где живут упомянутые уже в тексте настоящей главы рабочие железного судостроения, но и центром так называемой «работы на дому», оплата которой всегда стоит ниже минимума.

«Ужасное зрелище развернулось вчера в одной части столицы. Хотя тысячи безработных Ист-Энда и не устраивали массовой демонстрации с черными знаменами, тем не менее людской поток был довольно внушителен. Вспомним, как страдает это население. Оно умирает от голода. Это — простой и ужасный факт. Их 40 тысяч... На наших глазах, в одном из кварталов этой чудесной столицы, рядом с огромнейшим накоплением богатства, какое только видывал свет, совсем рядом с ним 40 000 человек беспомощные умирают от голода! Теперь эти тысячи вторгаются в другие кварталы; всегда полуголодные, они кричат нам в уши о своих страданиях, взывают о них к небу, они рассказывают нам о своих нищих жилищах, о том, что им невозможно найти работу и бесполезно просить милостыню. Плательщики местного налога в пользу бедных, в свою очередь, стоят на грани пауперизма из-за требований со стороны приходов» («Standard», 5 апреля 1867 г.).

Поскольку среди английских капиталистов вошло в моду изображать Бельгию раем для рабочих, потому что «свобода труда», или, что то же самое, «свобода капитала», не нарушается там ни деспотизмом тред-юнионов, ни фабричными законами, то следует сказать несколько слов о «счастье» бельгийского рабочего. Наверняка, никто не был более посвящен в тайны этого счастья, чем покойный г-н Дюкпесьо, главный инспектор бельгийских тюрем и благотворительных учреждений и член Центральной статистической комиссии. Обратимся к его работе: «*Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique*». Bruxelles, 1855. Здесь описывается, между прочим, средняя бельгийская рабочая семья, ежегодные расходы и доходы которой вычислены на основании очень точных данных и условия питания которой сравниваются потом с условиями питания солдата, флотского матроса и арестанта. Семья «состоит из отца, матери и четырех детей». Из этих шести лиц «четверо могут круглый год заниматься полезным трудом»; предполагается, «что среди них нет больных и нетрудоспособных», что не производится «расходов на религиозные, нравственные и интеллектуальные потребности, за исключением самого маленького расхода на оплату мест в церкви», не производится «взносов в сберегательные кассы и в кассы по обеспечению в старости», нет «расходов на предметы роскоши и вообще каких бы то ни было излишних расходов». Однако отец и старший сын курят табак и по воскресеньям ходят в трактир, на что им следует положить целых 86 сантимов в неделю.

«Из общей сводки о заработной плате, получаемой рабочими различных отраслей производства, следует... что высшая заработная плата составляет в среднем: 1 франк 56 сантимов в день для мужчин, 89 сантимов для женщин, 56 сантимов для мальчиков и 55 сантимов для девочек. При таком расчете доходы семьи составят самое большее 1 068 франков в год... Мы подсчитали общую сумму всех возможных доходов типичной семьи. Но если считать, что и мать получает заработную плату, то мы тем самым лишаем домашнее хозяйство его руководительницы; кто позаботится тогда о доме, о маленьких детях? Кто будет стряпать, стирать, штопать? Эта дилемма каждый день встает перед рабочим».

Так получается следующий бюджет семьи:

Отец —	300 рабочих дней по 1,56 фр.	— 468 фр.
Мать —	» » » » 0,89 »	— 267 »
Сын —	» » » » 0,56 »	— 168 »
Дочь —	» » » » 0,55 »	— 165 »
Итого		1 068 фр.

Годовой расход семьи и ее дефицит составляли бы, если бы рабочий получал пищу:

Флотского матроса	1 828 фр. и 760 фр.
Солдата	1 473 » » 405 »
Арестанта	1 112 » » 44 »

«Из этого видно, что лишь немногие рабочие семьи могут питаться хотя бы так, как арестанты, не говоря уже о матросах или солдатах. В среднем каждый бельгийский арестант обходился в 1847—1849 гг. в 63 сантима в день, что на 13 сантимов больше дневных издержек на пропитание рабочего. Издержки управления и надзора уравниваются тем, что арестант не платит за квартиру... Но как объяснить, что большое число, — мы могли бы сказать огромное большинство, — рабочих живет в еще более скудных условиях? Только тем, что рабочие прибегают к средствам, тайна которых известна им одним; они урезают свою ежедневную порцию; едят ржаной хлеб вместо пшеничного; едят меньше мяса или совсем не едят его; то же с маслом и овощами; семья теснится в одной или двух каморках, в которых вместе спят девочки и мальчики, часто на одном и том же соломенном тюфяке; они экономят на одежде, белье, средствах поддержания чистоты; отказывают себе в праздничных развлечениях, иными словами — идут на самые тягостные лишения. Раз рабочий дошел до этой крайней границы, самое ничтожное повышение цены жизненных средств, всякая заминка в работе, болезнь увеличивают нищету рабочего и доводят его до полного разорения. Долги растут, отказывают в кредите, одежда и необходимейшая мебель отправляются в ломбард, и все кончается тем, что семья обращается с просьбой внести ее в список бедных»¹³⁷⁾.

В самом деле, в этом «раю капиталистов» за малейшим изменением цены необходимейших жизненных средств следует изменение числа смертных случаев и преступлений! (см. «Manifest der Maatschappij De Vlamingen Vooruit! Brussel, 1860», p. 12). Во всей Бельгии насчитывается 930 000 семей. Из них, по официальной статистике, 90 000 богатых семей (избиратели) — это 450 000 человек; 390 000 семей мелкой буржуазии, городской и деревенской, значительная часть которой постоянно переходит в ряды пролета-

¹³⁷⁾ *Ducpétiaux*, цит. соч., стр. 151, 154, 155.

риата, — это 1 950 000 человек; наконец, 450 000 рабочих семей — всего 2 250 000 человек, из числа которых образцовые семьи наслаждаются счастьем, описанным Дюкпесо. Из 450 000 рабочих семей более 200 000 в списке бедных!

е) БРИТАНСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Антагонистический характер капиталистического производства и накопления нигде не проявляется в более грубой форме, чем в прогрессе английского сельского хозяйства (включая скота и животноводство) и в регрессе английского сельскохозяйственного рабочего. Прежде чем перейти к его современному положению, бросим беглый взгляд назад. Современное земледелие в Англии ведет свое начало с середины XVIII века, хотя переворот в отношениях земельной собственности, из которого, как из своей основы, исходило изменение способа производства, относится к значительно более раннему времени.

Если мы обратимся к Артуру Юнгу, точному наблюдателю, но поверхностному мыслителю, и возьмем у него данные о сельскохозяйственных рабочих в 1771 г., то окажется, что они играют очень жалкую роль по сравнению со своими предшественниками конца XIV века, «когда они могли жить среди изобилия и накапливать богатство»¹³⁸⁾; мы уже вовсе не говорим о XV веке, «золотом веке английских рабочих в городе и деревне». Однако нам нет необходимости возвращаться так далеко назад. В одной очень содержательной работе 1777 г. мы читаем:

«Крупный фермер поднялся почти до уровня джентльмена, между тем как бедный сельскохозяйственный рабочий прижат к земле. Его несчастное положение выступает с полной ясностью, если сравнить условия его жизни в настоящее время и 40 лет тому назад. Земельный собственник и фермер действуют рука об руку для угнетения рабочего»¹³⁹⁾.

Затем автор обстоятельно показывает, что реальная заработная плата в деревне в период с 1737 по 1777 г. понизилась почти на $\frac{1}{4}$, или на 25%.

«Современная политика», — говорит в то же самое время д-р Ричард Прайс, — «покровительствует высшим классам народа; следствием будет то, что раньше или позже все население королевства будет состоять только из джентльменов и нищих, из вельмож и рабов»¹⁴⁰⁾.

¹³⁸⁾ James E. Th. Rogers (Prof. of Polit. Econ. in the University of Oxford). «A History of Agriculture and Prices in England». Oxford, 1866, v. I, p. 690. Это сочинение — продукт прилежного труда — в вышедших до настоящего времени двух первых томах охватывает пока только период 1259—1400 годов. Второй том содержит только статистический материал. Это первая основанная на первоисточниках история цен, какой мы располагаем для того времени.

¹³⁹⁾ «Reasons for the late Increase of the Poor-Rates; or, a comparative view of the price of labour and provisions». London, 1777, p. 5, 11.

¹⁴⁰⁾ Dr. Richard Price. «Observations on Reversionary Payments», 6 ed. By W. Morgan. London, 1803, v. II, p. 158. На стр. 159 Прайс замечает: «Номинальная цена рабочего дня в настоящее время не более чем в четыре раза или, самое большее, в пять раз превышает

Тем не менее положение английского сельскохозяйственного рабочего в 1770—1780 гг., как в отношении условий его питания и жилища, так и в отношении чувства самосознания, развлечения и т. д., представляет собой идеал, который впоследствии никогда не был достигнут. Его средняя заработная плата, выраженная в пинтах пшеницы, составляла в 1770—1771 гг. 90 пинт, во времена Идена (1797 г.) уже только 65, в 1808 г. всего 60 ⁽¹⁴¹⁾.

Мы уже раньше говорили о положении сельскохозяйственных рабочих в конце антиякобинской войны, во время которой так необыкновенно обогащались земельные аристократы, фермеры, фабриканты, купцы, банкиры, рыцари биржи, поставщики для армии и т. д. Номинальная заработная плата повысилась отчасти вследствие обесценения банкнот, отчасти вследствие независимого от него увеличения цены предметов первой необходимости. Но действительное движение заработной платы можно установить очень простым способом, не прибегая к деталям, которые были бы здесь излишни. Закон о бедных и администрация по его осуществлению в 1795 и 1814 гг. были одни и те же. Вспомним, как этот закон применялся в деревне: в форме подаяния приход дополнял номинальную заработную плату до такой номинальной суммы, которая обеспечивает лишь прозябание рабочего. Отношение между заработной платой, выдаваемой фермером, и тем дефицитом ее, который восполняется приходом, показывает нам, во-первых, понижение заработной платы ниже ее минимума и, во-вторых, процентное отношение, в котором сельскохозяйственный рабочий слагался из наемного рабочего и паупера или ту стеньгу, в какой его успели превратить в крепостного своего прихода. Мы остановимся на графстве, положение в котором является типичным для всех остальных графств. В 1795 г. средняя недельная заработная плата в Нортгемптоншире составляла 7 шилл. 6 пенсов, общая сумма годовых расходов семьи из 6 человек — 36 ф. ст. 12 шилл. 5 пенсов, общая сумма ее доходов — 29 ф. ст. 18 шилл., восполняемый приходом дефицит составлял 6 ф. ст. 14 шилл. 5 пенсов. В 1814 г. в том же графстве недельная заработная плата составляла 12 шилл. 2 пенса, общая сумма годовых расходов семьи из 5 человек — 54 ф. ст. 18 шилл. 4 пенса, общая сумма ее доходов — 36 ф. ст. 2 шилл., восполняемый приходом дефицит — 18 ф. ст. 16 шилл. 4 пенса ⁽¹⁴²⁾. Следовательно, в 1795 г. дефицит составлял менее $\frac{1}{4}$ заработной платы, в 1814 г. — больше половины. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах к 1814 г. исчезли и те небольшие удобства, которые Иден

номинальную цену его в 1514 году. А цена хлеба теперь выше в семь раз, мяса и одежды — в пятнадцать раз. Таким образом, цена труда повышалась настолько несоответственно возрастанию стоимости жизни, что теперь она, быть может, не составляет по отношению к этой стоимости и половины того, что составляла раньше.

⁽¹⁴¹⁾ Barton, цит. соч., стр. 26. О положении в конце XVIII столетия см. книгу: Eden. «The State of the Poor».

⁽¹⁴²⁾ Parry. «The Question of the Necessity of the Existing Corn Laws». London, 1816, p. 80.

еще наблюдал в коттедже сельскохозяйственного рабочего ¹⁴³⁾. Из всех животных, которых держит фермер, с этого времени рабочий, *instrumentum vocale* [говорящее орудие], оказывается таким, которое больше всего мучают, хуже всего кормят и с которым грубее всего обращаются.

Такое положение вещей спокойно сохранялось до тех пор, пока

«бурные бунты 1830 г. не раскрыли перед нами» (т. е. перед господствующими классами) «при свете пылающих хлебных скирд, что под псковом земледельческой Англии скрывается такая же нищета и тлеет такое же глухое мятежное недовольство, как и в промышленной Англии» ¹⁴⁴⁾.

Садлер окрестил тогда в палате общин сельскохозяйственных рабочих «белыми рабами» («white slaves»), один епископ повторил это определение в верхней палате. Э. Г. Уэйкфилд, наиболее значительный экономист этого периода, говорит:

«Сельскохозяйственный рабочий Южной Англии не раб и не свободный человек, он — паупер» ¹⁴⁵⁾.

Время, непосредственно предшествующее отмене хлебных законов, пролило новый свет на положение сельскохозяйственных рабочих. С одной стороны, в интересах буржуазных агитаторов было показать, как мало охранительные пошлины защищают действительных производителей хлеба. С другой стороны, промышленная буржуазия кипела негодованием против разоблачения земельными аристократами условий на фабриках, против деланной симпатии этих испорченных до мозга костей, бессердечных и важнячающих бездельников к страданиям фабричного рабочего, против их «дипломатической рьяности» по отношению к фабричному законодательству. Существует старинная английская поговорка, что если два вора вцепятся друг другу в волосы, из этого всегда получится какая-нибудь польза. И в самом деле, шумный, страстный спор между двумя фракциями господствующего класса по вопросу о том, какая из них с наибольшим бесстыдством эксплуатирует рабочих, и справа и слева содействовал выяснению истины. Граф Шефтсбери, иначе лорд Эшли, стоял во главе аристократическо-филантропического похода против фабрик. Поэтому в 1844 и 1845 гг. он сделался излюбленным объектом для «Morning Chronicle» в ее разоблачениях о положении сельскохозяйственных рабочих. Эта газета, в то время самый значительный либеральный орган, отправляла в сельские округа собственных комиссаров, которые, не довольствуясь общими описаниями и статистикой, публиковали фамилии как подвергшихся обследованию рабочих семей, так и соответствующих землевладельцев. В следующей таблице ¹⁴⁶⁾ при-

¹⁴³⁾ Parry, там же, стр. 213.

¹⁴⁴⁾ S. Laing, цит. соч., стр. 62.

¹⁴⁵⁾ «England and America». London, 1833, v. I, p. 47.

¹⁴⁶⁾ Лондонский «Economist», 29 марта 1845 г., стр. 290.

ведена заработная плата, получаемая жителями трех деревень по соседству с Блэнфордом, Уимборном и Пулом.

Число детей	Число членов семьи	Недельная заработная плата мужчин	Недельная заработная плата детей	Недельный доход всей семьи	Недельная квартирная плата	Весь недельный заработок за вычетом квартирной платы	Недельный заработок на душу
		шилл. пенс.	шилл. пенс.	шилл. пенс.	шилл. пенс.	шилл. пенс.	шилл. пенс.

Первая деревня

2	4	8	0	—	8	0	2	0	6	0	1	6
3	5	8	0	—	8	0	1	6	6	6	1	3 ¹ / ₂
2	4	8	0	—	8	0	1	0	7	0	1	9
2	4	8	0	—	8	0	1	0	7	0	1	9
6	8	7	0	1) 1 6 2) 2	10	6	2	0	8	6	1	3 ³ / ₄
3	5	7	0	—	7	0	1	4	5	8	1	1 ¹ / ₂

Вторая деревня

6	8	7	0	1) 1 6 2) 1 6	10	0	1	6	8	6	1	3 ³ / ₄
6	8	7	0	—	7	0	1	3 ¹ / ₂	5	8 ¹ / ₂	0	8 ¹ / ₂
8	10	7	0	—	7	0	1	3 ¹ / ₂	5	8 ¹ / ₂	0	7
4	6	7	0	—	7	0	1	6 ¹ / ₂	5	5 ¹ / ₂	0	11
3	5	7	0	—	7	0	1	6 ¹ / ₂	5	5 ¹ / ₂	1	1

Третья деревня

4	6	7	0	—	7	0	1	0	6	0	1	0
3	5	7	0	1) 2 2) 2 6	11	6	0	10	10	8	2	1 ³ / ₅
0	2	5	0	—	5	0	1	0	4	0	2	0

Деревни эти — собственность г-на Дж. Банка и графа Шефтсбери. Следует отметить, что этот папа «Low Church»¹⁹³, этот глава английских пиелистов, равно как и его сотоварищ Банкс из нищенских заработков своих рабочих прикармливали еще значительную часть под предлогом платы за жилье.

Отмена хлебных законов дала английскому сельскому хозяйству громадный толчок. Дренажные работы в крупнейшем масштабе¹⁴⁷⁾, новая система стойлового содержания скота и возделыва-

¹⁴⁷⁾ Земельная аристократия сама ссужала себе для этой цели средства из государственной кассы, конечно через парламент, по очень низкому проценту, который фермеры должны были уплачивать ей вдвойне.

вание сеяных кормовых трав, введение механических туковых сеялок, новые способы обработки глинистой почвы, возросшее потребление минеральных удобрений, применение паровой машины и всякого рода новых рабочих машин и т. д., вообще более интенсивная культура — вот чем характеризуется эта эпоха. Г-н Пьюзи, президент Королевского общества земледелия, утверждает, что (относительные) хозяйственные издержки благодаря введению новых машин уменьшились почти вдвое. С другой стороны, абсолютная выручка от земли быстро увеличилась. Основным условием новых методов была большая затрата капитала на акр земли, а следовательно, и ускоренная концентрация ферм¹⁴⁸⁾. В то же время обрабатываемая площадь с 1846 по 1865 г. расширилась на 464 119 акров, не говоря уже об огромных площадях в восточных графствах, которые как бы по волшебству превратились из загородей для кроликов и скудных пастбищ в роскошные хлебные поля. Мы уже знаем, что одновременно с этим общее число лиц, занятых в сельском хозяйстве, сократилось. Что касается собственно земледельцев обоего пола и различных возрастов, то число их упало с 1 241 269 в 1851 г. до 1 163 227 человек в 1861 году¹⁴⁹⁾. Поэтому, если английский генеральный регистратор¹⁹⁴ справедливо замечает:

«Прирост числа фермеров и сельскохозяйственных рабочих с 1801 г. никак не соответствует увеличению земледельческого продукта»¹⁵⁰⁾,

то это несоответствие в несравненно большей мере наблюдается в последний период, когда абсолютное уменьшение сельского рабочего населения шло рука об руку с расширением обрабатываемой площади, с интенсификацией культуры, с неслыханным накоплением капитала, вкладываемого в землю и в орудия ее обработки, с увеличением земельного продукта, не имеющим параллели в истории английской агрономии, с чрезвычайно быстрым ростом ренты земельных собственников, с ростом богатства капиталистических арендаторов. Если ко всему этому добавить еще непрерывное быстрое расширение городских рынков сбыта и господство свободной торговли, то может показаться, что сельскохозяйственный рабочий *post tot discrimina rerum* [после столь многих злоключений], наконец, был поставлен в такие условия, которые *secundum artem* [согласно теории] должны были сделать его безумно счастливым.

148) Уменьшение числа средних фермеров можно заметить в особенности по рубрикам переписи: «Сыновья фермеров, внуки, братья, племянники, дочери, внучки, сестры, племянницы», короче говоря, — члены семьи самого фермера, работающие у него. По этим рубрикам числилось в 1851 г. 216 851 человек, в 1861 г. только 176 151 человек. — С 1851 по 1871 г. в Англии число аренд размером меньше 20 акров уменьшилось более чем на 900, число аренд от 50 до 75 акров сократилось с 8 253 до 6 370; то же самое и со всеми арендами меньше 100 акров. Напротив, в течение тех же 20 лет число крупных аренд увеличилось; число аренд от 300 до 500 акров повысилось с 7 771 до 8 410, число аренд более чем в 500 акров — с 2 755 до 3 194, число аренд выше 1 000 акров — с 492 до 582.

149) Число пастухов овец возросло с 12 517 до 25 559.

150) «Census etc.», v. III, p. 36.

Профессор Роджерс приходит, напротив, к заключению, что положение современного нам сельскохозяйственного рабочего чрезвычайно ухудшилось не только по сравнению с положением его предшественников в последней половине XIV столетия и в XV веке, но даже и с положением его предшественников в период 1770—1780 гг., что «он опять стал крепостным», и именно крепостным, получающим плохую пищу и жилище¹⁵¹⁾. Д-р Джулиан Хантер в своем эпохальном отчете о жилищах сельскохозяйственных рабочих говорит:

«Исдержки существования хайнда» (название сельскохозяйственного рабочего, относящееся к временам крепостной зависимости) «фиксированы на том самом низком уровне, при котором он только мог бы прожить... Его заработная плата и жилище почти ничего не стоят по сравнению с той прибылью, какую должны извлечь из него. Он — нуль в расчетах фермера¹⁵²⁾ ... Средства его существования всегда рассматриваются как величина постоянная»¹⁵³⁾. «Что касается дальнейшего сокращения его дохода, то он может сказать: *nihil habeo, nihil curo* [ничего не имею, ни о чем не забочусь]. Он не боится за будущее, потому что у него нет ничего, кроме абсолютно необходимого для его существования. Он достиг точки замерзания, и все расчеты фермера исходят из этого факта. Будь что будет, счастье или несчастье его не касается»¹⁵⁴⁾.

В 1863 г. было предпринято официальное обследование условий питания и работы преступников, присужденных к ссылке и к принудительным общественным работам. Результаты его изложены в двух толстых Синих книгах.

«Тщательное сравнение», — говорится там между прочим, — «пищи английских преступников, заключенных в тюрьмы, с пищей пауперов в рабочих домах и пищей свободных сельскохозяйственных рабочих той же страны неоспоримо доказывает, что первые питаются много лучше, чем любая из двух остальных категорий»¹⁵⁵⁾, а «количество работы, которое требуется от присужденных к принудительным общественным работам, составляет приблизительно половину того, что выполняет обыкновенный сельскохозяйственный рабочий»¹⁵⁶⁾.

Приведем несколько характерных свидетельских показаний. Опрашивается Джон Смит, директор эдинбургской тюрьмы:

№ 5056: «Пища в английских тюрьмах много лучше, чем пища обыкновенных сельскохозяйственных рабочих». № 5057: «Факт, что обыкновенные сельскохозяйственные рабочие Шотландии очень редко получают какое-либо мясо». № 3047: «Можете ли вы сказать, на каком основании преступников необходимо кормить гораздо лучше (*much better*), чем обыкновенных сельскохозяйственных рабочих? — Конечно, нет». № 3048: «Не считаете ли вы целесообразным производить дальнейшие эксперименты для того, чтобы пищу арестантов, присужденных к принуди-

¹⁵¹⁾ *Rogers*, цит соч., стр. 693. Роджерс принадлежит к либеральной школе, он личный друг Кюдена и Брайта, следовательно отнюдь не *laudator temporis acti* [не из числа провозглашающих доброе старое время]¹⁵⁵⁾.

¹⁵²⁾ «*Public Health. 7th Reports*. London, 1865, p. 242. Поэтому нет ничего необычного в том, что иждивомовладелец повышает квартирную плату, когда услышит, что рабочий стал зарабатывать несколько больше, или фермер понижает плату рабочему на том основании, что «его жена нашла себе работу» (там же).

¹⁵³⁾ Там же, стр. 135.

¹⁵⁴⁾ Там же, стр. 134.

¹⁵⁵⁾ «*Report of the Commissioners... relating to Transportation and Penal Servitude*». London, 1863, p. 42, № 50.

¹⁵⁶⁾ Там же, стр. 77. Меморандум лорда главного судьи.

тельным работам, приблизить к пище свободных сельских рабочих?» ¹⁵⁷⁾ «Сельскохозяйственный рабочий», — говорится там, — «мог бы сказать: Я выполняю тяжелый труд и не имею достаточного питания. Когда я был в тюрьме, работа была не так тяжела, а питался я вдоволь, и потому мне лучше быть в тюрьме, чем на воле» ¹⁵⁸⁾.

На основе таблиц, приложенных к первому тому отчета, составлена следующая сравнительная сводка.

Недельное количество пищи ^{158a)}
(в унциях)

	Азотистые сост. части	Безазоти- стые сост. части	Минераль- ные сост. части	Общая сумма
Преступника в портландской тюрьме	28,95	150,06	4,68	183,69
Матроса королевского флота ...	29,63	152,91	4,52	187,06
Солдата	25,55	114,49	3,94	143,98
Каретника (рабочего)	24,53	162,06	4,23	190,82
Наборщика	21,24	100,83	3,12	125,19
Сельскохозяйственного рабо- чего	17,73	118,06	3,29	139,08

Общий результат обследования медицинской комиссией 1863 г. состояния питания наименее обеспеченных классов уже известен читателю. Он помнит, что питание большей части семей сельскохозяйственных рабочих стоит ниже того минимума, который необходим «для предотвращения болезней от голода». Так обстоит дело в особенности во всех чисто земледельческих округах — Корнуэлл, Девон, Сомерсет, Уилтс, Стаффорд, Оксфорд, Беркс и Хартс.

«Количество пищи, которое получает сельскохозяйственный рабочий», — говорит д-р Смит, — «больше, чем можно судить по средним показателям, так как сам рабочий получает много большую часть жизненных средств, чем остальные члены его семьи, потому что это абсолютно необходимо ввиду его труда; в более бедных округах на его долю приходится почти все мясо или сало. То количество пищи, которое достается на долю жены, а также детей в период их быстрого роста, во многих случаях и почти во всех графствах недостаточно, в особенности по содержанию азота» ¹⁵⁹⁾.

Батраки и работники, проживающие у самих фермеров, питаются хорошо. Число их с 288 277 в 1851 г. понизилось до 204 962 в 1861 году.

«Труд женщин в поле», — говорит д-р Смит, — «с какими бы неудобствами вообще он ни был сопряжен, при данных условиях более выгоден для семьи, потому что он обеспечивает дополнительные средства на обувь, одежду, для оплаты жилища и тем самым позволяет лучше питаться» ¹⁶⁰⁾.

¹⁵⁷⁾ Там же, т. II. Показания [стр. 418, 239].

¹⁵⁸⁾ Там же, т. I. Приложение, стр. 280.

^{158a)} Там же, стр. 274, 275.

¹⁵⁹⁾ «Public Health. 6th Report 1863», p. 238, 249, 251, 262.

¹⁶⁰⁾ Там же, стр. 262.

Одним из примечательнейших результатов этого обследования было раскрытие того факта, что сельскохозяйственный рабочий Англии питается значительно хуже, чем сельскохозяйственный рабочий в других частях Соединенного королевства («is considerably the worst fed»); это показывает следующая таблица:

*Недельное потребление углерода и азота
в среднем на одного сельскохозяйственного рабочего* ¹⁶¹⁾
(в гранах)

	Углерода	Азота
Англия	40 673	1 594
Уэльс	48 354	2 031
Шотландия	48 980	2 348
Ирландия	43 366	2 434

¹⁶¹⁾ Там же, стр. 17. Английский сельскохозяйственный рабочий получает лишь $\frac{1}{4}$ того количества молока и лишь $\frac{1}{2}$ того количества хлеба, какое получает ирландский сельскохозяйственный рабочий. Уже Юнг в начале XIX столетия в своей работе «Tour in Ireland» отметил, что условия питания ирландского рабочего лучше. Причина заключается просто в том, что бедный ирландский фермер несравненно гуманнее, чем богатый английский фермер. Что касается Уэльса, то приведенные в тексте данные не относятся к его юго-западной части. «Все тамошние врачи единогласно признают, что интенсивное возрастание смертности от туберкулеза, золотухи и т. д. связано с ухудшением физического состояния населения, и все это ухудшение приписывают бедности. Дневное содержание сельскохозяйственного рабочего определяется там в 5 пенсов, во многих округах фермер» (который и сам очень беден) «платит еще меньше. Кусок солонины, иссушенный до твердости красного дерева и едва ли стоящий тяжелого процесса пищеварения, или кусок сала служат приправой к большому количеству похлебки из муки и лука или к овсянке, и это изо дня в день составляет весь обед сельскохозяйственного рабочего... Прогресс промышленности имел для него то последствие, что солидное домотканое сукно вытеснено в этом суровом и сыром климате дешевыми хлопчатобумажными тканями, а более крепкие напитки — «номинальным» чаем... После многочасовой работы под ветром и дождем земледелец возвращается в свою хижину, чтобы присесть перед огнем из торфа или комьев, слепленных из глины и отбросов каменного угля и образующих при горении тучи угольной и серной кислоты. Стены хижины сделаны из глины и камней, пол — голая земля, которая была здесь и перед постройкой хижины, крыша — масса растрепанной, ничем не скрепленной соломы. Каждая щель законопачена для сохранения тепла, и в этой атмосфере адского зловония, на грязной земле, часто просушивая на себе свою единственную мокрую одежду, он принимается за ужин с женой и детьми. Акушеры, вынужденные проводить часть ночи в этих хижинах, описывали, как их ноги тонули в грязи на полу и как им приходилось — дело не из трудных — пробуравливать отверстие в стене, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом. Многочисленные и разные свидетели показывают, что недоедающий (underfed) крестьянин каждую ночь подвергается этим и другим вредным для здоровья влияниям, и нет недостатка в доказательствах того, что результат этого — хилые и золотушные население... Сообщение приходских служащих в Кармартеншире и Кардиганшире убедительно свидетельствует о таком же положении вещей. К этому присоединяется еще большее зло — распространение идиотизма. Теперь несколько слов о климатических условиях. Сильные юго-западные ветры пронизывают всю страну в течение 8—9 месяцев в году, им сопутствуют проливные дожди, которые раздражаются в особенности на западных склонах холмов. Деревья редки, встречаются лишь в защищенных местах — иначе они уничтожаются ветром. Хижины ютятся под какой-нибудь горной террасой, часто в выемке или каменоломне; только самые мелкие овцы и местный рогатый скот могут жить на этих пастбищах... Молодые люди уходят в восточные горно-промышленные округа Гламорган и Монамут... Кармартеншир — питомник рудокопов и их инвалидный дом... Численность населения едва удерживается на прежнем уровне. Так, в Кардиганшире имелось:

	1851 г.	1861 г.
Мужчин	45 155	44 446
Женщин	52 459	52 955
	97 614	97 401*

(Отчет д-ра Хантера в «Public Health. 7th Report 1864». London, 1865, p. 498—502 passim).

«Каждая страница отчета д-ра Хантера», — говорят д-р Саймон в своем официальном отчете о здоровье населения, — «свидетельствует о недостаточном количестве и жалком качестве жилищ наших сельскохозяйственных рабочих. И вот уже много лет, как их состояние в этом отношении непрерывно ухудшается. Теперь для сельскохозяйственных рабочих намного труднее найти жилое помещение, а если и удастся найти, то эти помещения значительно меньше соответствуют их потребностям, чем это было, пожалуй, на протяжении нескольких столетий. В особенности быстро возрастает это зло за последние 20 или 30 лет, и жилищные условия сельского жителя в настоящее время в высшей степени жалкие. Он совершенно беспомощен в этом отношении, если только те, кого обогащает его труд, не сочтут стоящим делом обращаться с ним с известного рода сострадательной снисходительностью. Найдут ли рабочий жилое помещение на той земле, которую он обрабатывает, будет ли оно человеческим жильем или свинарником, окажется ли при нем маленький огорожок, который так облегчает гнет бедности, — все это зависит не от его готовности или способности платить соответствующую квартирную плату, а от того употребления, которое заблагорассудится другим сделать «из своего права располагать своей собственностью, как им вздумается». Как бы велик ни был арендный участок, нет такого закона, который предписывал бы, чтобы на нем было определенное количество жилых помещений для рабочих, — о приличных жилищах нечего и говорить; закон не предоставляет также рабочему ни малейшего права на ту землю, для которой его труд столь же необходим, как дождь и солнечный свет... Еще одно обстоятельство ложится тяжелым грузом на чашу весов против него... это — влияние закона о бедных с его положениями о праве жительства и налогом в пользу бедных¹⁶²⁾. Под влиянием этого закона каждый приход денежно заинтересован в том, чтобы свести к минимуму число живущих в нем сельскохозяйственных рабочих, потому что земледельческий труд, вместо того чтобы гарантировать трудящемуся в поте лица рабочему и его семье верное и постоянное независимое положение, к несчастью, в большинстве случаев рано или поздно приводит его к пауперизму, — пауперизму, к которому на протяжении всей своей жизни рабочий настолько близок, что всякая болезнь или хотя бы временное отсутствие работы заставляет его тотчас же обращаться к помощи прихода; и потому всякое расселение сельскохозяйственных рабочих на территории прихода, очевидно, каждый раз знаменует увеличение для него налога в пользу бедных... Стоит лишь крупным земельным собственникам¹⁶³⁾ решить, что в их владениях не должно быть никаких жилищ для рабочих, — и они немедленно освобождаются наполовину от своей ответственности за бедных. Насколько в намерения английской конституции и законов входило установление такого рода безусловной земельной собственности, которая дает лендлорду возможность «делать с своей собственностью что он хочет», относится к людям, обрабатывающим землю, как к чужестранцам и сгонять их со своей территории, — это вопрос, обсуждение которого не входит в мою задачу... Эта власть изгонять — не одна только теория. Она осуществляется на практике в самом крупном масштабе. Это — одно из обстоятельств, оказывающих решающее влияние на жилищные условия сельскохозяйственного рабочего... О размерах зла можно судить по последней переписи, которая показала, что в последние 10 лет, несмотря на увеличение местного спроса на дома, снос последних прогрессировал в 821 разном округе Англии так, что в 1861 г. население, уменьшившееся по сравнению с 1851 г. на $5\frac{1}{3}\%$, было втиснуто в помещения, уменьшившиеся на $4\frac{1}{2}\%$, — мы при этом совсем оставляем в стороне лиц, которые вынужденно утратили оседлость в тех приходах, где они работают... Когда процесс обезлюдения завершается, — говорит д-р Хантер, — его результатом является показная деревня (show-village), где число коттеджей сокра-

¹⁶²⁾ В 1865 г. этот закон несколько улучшен. Опыт скоро покажет, что подобного рода штопанье несколько не помогает.

¹⁶³⁾ К пониманию последующего: close villages (закрытые деревни) называются также, земельными собственниками которых являются один или несколько крупных лендлордов; open villages (открытые деревни) — такие, земля которых принадлежит многим мелким собственникам. Как раз в открытых деревнях строительные спекулянты и могут возводить коттеджи и ночлежные дома.

щено до незначительного количества и где никому не разрешается жить, кроме пастухов овец, садовников и лесничих — этой постоянной челяди, которая пользуется обычным для этой категории людей хорошим отношением милостивых господ¹⁶⁴⁾. Но земля нуждается в обработке, и мы видим, что рабочие, занятые этим, живут не у земельного собственника, а приходят из открытой деревни, находящейся на расстоянии, быть может, трех миль, из деревни, в которую их приняли многочисленные мелкие домовладельцы после того, как коттеджи рабочих в закрытых деревнях были снесены. Там, где все направлено к достижению этого результата, коттеджи своим жалким видом обыкновенно говорят об ожидающей их участи. Они находятся на различных ступенях естественного разрушения. Пока кровля держится, рабочему позволяют платить квартирную плату, и часто ему приходится радоваться, что ему это позволяют, хотя бы он был вынужден платить как за хорошее жилое помещение. Но при этом никакого ремонта, никаких улучшений, кроме тех, которые сумеет сделать сам нищенски бедный жилец. Когда же дом, наконец, делается совершенно непригодным для жилья, то это означает лишь, что одним разрушенным коттеджем стало больше, а налог в пользу бедных будет соответственно меньше. В то время как крупные собственники таким образом избавляют себя от налога в пользу бедных, удаляя население с принадлежащей им земли, ближайшие городки или открытые деревни принимают выброшенных рабочих; ближайшие, говорю я, но эти «ближайшие» могут находиться в 3—4 милях от фермы, на которой рабочий должен ежедневно работать. Таким образом, к его дневному труду, будто это — суший пустяк, присоединяется еще необходимость ежедневного путешествия в 6—8 миль для того, чтобы заработать свой хлеб насущный. Все сельские работы, производимые его женой и детьми, совершаются теперь при таких же тяжелых условиях. Но и это еще не все зло, причиняемое отдаленностью от места работы. В открытых деревнях строительные спекулянты скупают клочки земли, которые они стараются как можно плотнее застроить самыми дешевыми лачугами. И в этих-то жалких жилищах, которые, если даже они примыкают к открытому полю, характеризуются отвратительнейшими чертами худших городских жилищ, ютятся сельскохозяйственные рабочие Англии...¹⁶⁵⁾ С другой стороны, отнюдь не следует думать, будто даже рабочий, обитающий на обрабатываемой им земле, находит там такое жилище, какого заслужи-

¹⁶⁴⁾ Такая показная деревня имеет очень привлекательный вид, но она так же нереальна, как деревня, которые создала Екатерина II во время своего путешествия в Крым. В последнее время и пастух овец нередко изгоняется из этих show-villages. Например, близ Маркет-Харборо находится пастбище для овец, занимающее почти 500 акров; здесь требуется труд всего одного человека. Для сокращения длинных переходов через эти обширные равнины, — прекрасные пастбища Лестера и Норттемптона, — пастуху обыкновенно предоставляли коттедж на ферме. Теперь ему дают тринадцатый шиллинг на квартиру, которую он вынужден искать в какой-нибудь отдаленной открытой деревне.

¹⁶⁵⁾ «Дома рабочих» (в открытых деревнях, которые, конечно, всегда переполнены) «обыкновенно построены рядами, задней стороной вплотную к тому клочку земли, который строительный спекулянт называет своим. Поэтому свет и воздух могут проникать к ним только со стороны фасада» (отчет д-ра Хантера в «Public Health. 7th Report 1864». London, 1865, p. 135). В селе очень часто владелец пивной или лавочник занимается также и сдачей домов. В таких случаях наряду с фермером у сельскохозяйственного рабочего появляется второй хозяин. Вместе с тем рабочий должен быть и его покупателем. «Получая 10 шилл. в неделю, минус 4 ф. ст. квартирной платы в год, он обязан покупать себе чай, сахар, муку, мыло, свечи и пиво по ценам, которые заботорассудит назначить лавочнику» (там же, стр. 132). Эти открытые деревни действительно представляют собой «исправительные колонии» английского сельскохозяйственного пролетариата. Многие из коттеджей являются настоящими ночлежными домами, через которые проходят весь странствующий окрестный сброд. Земледелец и его семья, которые часто поистине поразительно сохраняют среди отвратительнейших условий чистоту и честность характера, здесь неизбежно погибают. Среди азиатских Шейлоков вошло в моду фарисейски пожимать плечами, когда речь идет о строительных спекулянтах, мелких собственниках и открытых деревнях. Разумеется, им превосходно известно, что их «закрытые деревни и показные деревни» — родина «открытых деревень» и первые не могли бы существовать без последних. «Без мелких собственников открытых деревень большей части сельскохозяйственных рабочих пришлось бы спать под деревьями тех имений, в которых они работают» (там же, стр. 135). Система «открытых» и «закрытых» деревень господствует во всей средней и восточной Англии.

вает он своей жизнью, заполненной производительным трудом. Даже в княжеских владениях коттеджи рабочих часто самые жалкие. Есть лендлорды, которые полагают, что и конюшня будет достаточно хороша для рабочих с их семьями, и которые, однако, не гнушаются выколачивать как можно больше денег за сдачу таких помещений¹⁶⁶⁾. Пусть это будет совершенно развалившаяся хижина с одной каморкой для сна, без очага, без отхожего места, без открывающихся окон, без источников водоснабжения, если не считать какой-нибудь ямы, без огорода, — рабочий ничего не может поделать с таким безобразием. А наши санитарно-полицейские законы (The Nuisances Removal Acts) остаются мертвой буквой. Проведение их возложено на тех самых собственников, которые сдают такие берлоги... Не следует допускать, чтобы более светлые картины, являющиеся лишь исключением, ослепляли нас и закрывали от нас факты, составляющие правило и являющиеся позорным пятном английской цивилизации. Действительно, ужасным же должно быть положение вещей, если, несмотря на очевидную чудовищность теперешних жилищ, компетентные наблюдатели единогласно приходят к тому выводу, что даже повсеместно отвратительное состояние жилых помещений является бесконечно менее тяжелым злом, чем чисто количественный недостаток жилищ. Вот уже много лет, как переполнение жилищ сельских рабочих составляет предмет глубокого беспокойства не только для людей, которые заботятся о здоровье, но и для всех вообще, кто стоит за порядочную и нравственную жизнь. В самом деле, в однообразных, превратившихся в стереотипные, выражениях авторы отчетов о распространении эпидемических заболеваний в сельских округах снова и снова указывают на переполнение домов как на причину, которая делает совершенно тщетными все старания задержать развитие начавшейся эпидемии. Снова и снова отмечается также то обстоятельство, что, вопреки благоприятному во многих отношениях влиянию деревенской жизни на здоровье, скученность населения, так сильно ускоряющая распространение заразных болезней, содействует появлению и незаразных болезней. И лица, раскрывшие подобное положение, не умалчивают также о дальнейших бедствиях. Даже в тех случаях, когда первоначально они занимались исключительно охраной здоровья, они были почти вынуждены обратиться еще к одной стороне дела. Указывая, насколько часто взрослые люди обоего пола, женатые и неженатые, бывают скучены (huddled) в тесных спальнях, их отчеты должны были приводить к убеждению, что при описанных обстоятельствах чувства стыда и приличия нарушаются самым грубым образом и что нравственность разрушается почти неизбежно¹⁶⁷⁾. Например, в приложении к моему последнему отчету д-р Орд в своем донесении о вспышке тифа в Уинге (Ба-

¹⁶⁶⁾ «Тот, кто сдает дом» (фермер или лендлорд), «прямо или косвенно обогащается трудом человека, которому он платит 10 шилл. в неделю, а потом опять отнимает у этого бедняка 4 или 5 ф. ст. годовой квартирной платы за дома, которые на открытом рынке не стоят и 20 ф. ст., но на которые поддерживается искусственная цена лишь благодаря тому, что собственник имеет власть объявить: «Бери мой дом или убирайся со своими пожитками и поищи без моего отзыва о тебе другое пристанище...» Если человек хочет улучшить свое положение и отправляется на железную дорогу укладывать рельсы или в каменоломню, та же самая власть ни на шаг не отстанет от него: «Работай на меня за такую низкую плату или же убирайся после предупреждения за неделю; забирай свою свинью, если у тебя она есть, а потом посмотри, что получишь ты от картофеля, который растет в твоём огороде». Если же интерес диктует собственнику другие меры, то «он» (или фермер) «часто предпочитает в таких случаях просто повысить квартирную плату в качестве меры наказания за уход рабочего с работы» (д-р Хантер, там же, стр. 132).

¹⁶⁷⁾ «Новобрачная чета не представляет ничего назидательного для взрослых братьев и сестер, которые спят в той же комнате; и хотя эти примеры не могут быть зарегистрированы, однако имеется достаточно данных, оправдывающих утверждение, что большие страдания и часто смерть выпадают на долю женщин, совершивших преступление кровосмешения» (д-р Хантер, там же, стр. 137). Один сельский полицейский чиновник, который прежде в течение многих лет был детективом в худших кварталах Лондона, говорил следующее о девушках своей деревни: «Такой грубой безнравственности с раннего возраста, такой распушенности и бесстыдства я никогда не видал за всю мою полицейскую практику в наихудших частях Лондона... Они живут, как свиньи, взрослые парни и девушки, матери и отцы — все спят вместе в одной и той же комнате» («Children's Employment Commission. 6th Report». London, 1867. Appendix, p. 77, № 155).

кингемшир) упоминает о том, как туда пришел из Уингрейва один молодой человек, больной тифом. В первые дни своей болезни он спал в одной комнате с 9 другими лицами. В течение двух недель некоторые из них тоже заболели. За несколько недель переболели тифом 5 из 9 человек и один умер! Одновременно д-р Харви, врач из больницы Сент-Джордж, посещавший Уинг во время эпидемии в порядке частной практики, представил информацию в точно таком же духе: «Одна молодая женщина, больная тифом, по ночам спала в одной комнате с отцом, матерью, своим внебрачным ребенком, двумя молодыми людьми, ее братьями, и с двумя сестрами, у каждой из которых было по внебрачному ребенку. Итого здесь помещалось 10 человек. Несколькими неделями раньше в той же комнате спало 13 человек»¹⁶⁸⁾.

Д-р Хантер обследовал 5 375 коттеджей сельскохозяйственных рабочих не только в чисто земледельческих округах, но и во всех графствах Англии. Из числа этих 5 375 коттеджей в 2 195 было только по одной спальне (часто это одновременно и столовая), в 2 930 только по две и в 250 более двух. Я привожу здесь краткую подборку фактов по двенадцати графствам.

1) Бедфордшир

Реслингворт: Спальни около 12 футов длины и 10 футов ширины, хотя многие меньше. Маленькая одноэтажная хижина часто разделяется дощатой переборкой на две спальни, одна кровать часто помещается в кухне высотой в 5 футов 6 дюймов. Квартирлата 3 фунта стерлингов. Жильцы должны сами строить для себя отхожие места, собственник дома предоставляет только яму. Как только один постройт отхожее место, им начинают пользоваться все соседи. Дом, занимаемый семьей Ричардсон — неописуемой «красоты». «Его известковые стены топорщатся, как дамское платье при реверансе. Одна часть кровли выпуклая, другая вогнутая, и на последней стояла, к несчастью, дымовая труба — кривая, из глины и дерева, напоминающая хобот слона. Длинная жердь служит подпоркой, чтобы труба не упала; дверь и окна ромбической формы». Из 17 осмотренных домов только в 4 более чем по одной спальне, и эти четыре дома переполнены. В одном из коттеджей с одной спальней комнатой помещалось 3 взрослых и 3 детей, в другом — супружеская чета и 6 детей и т. д.

Дантон: Высокая квартирная плата, от 4 до 5 ф. ст., недельная заработная плата мужчин 10 шиллингов. Они надеются покрывать квартирную плату выручкой за плетеные изделия из соломы, которые изготавливает семья. Чем выше квартирная плата, тем большее число лиц должно ютиться в одном помещении, чтобы быть в состоянии уплачивать ее. Шесть взрослых, которые спят в одной комнате с 4 детьми, платят за нее 3 ф. ст. 10 шиллингов. Самый дешевый дом в Дантоне, по наружной стороне 15 футов длины и 10 футов ширины, сдается за 3 фунта стерлингов. Только в одном из 14 обследованных домов было две спальни.

¹⁶⁸⁾ «Public Health. 7th Report 1864», p. 9—14 *passim*.

Несколько впереди деревни дом, снаружи загаженный жильцами, нижние 9 дюймов двери сгнили совсем. Это отверстие по вечерам остроумно прикрывается изнутри несколькими приваленными кирпичами и завешивается куском циновки. Половина окна, включая стекло и раму, вывалилась. Здесь без мебели уютилось 3 взрослых и 5 детей. Дантон не хуже, чем остальная часть Биглсуэйд Юнион.

2) Беркшир

Бинем: В июне 1864 г. в одном сот (одноэтажном коттедже) жили муж, жена, 4 детей. Дочь пришла с работы домой больная скарлатиной. Она умерла. Один ребенок заболел и умер. Мать и другой ребенок были больны тифом, когда к ним был приглашен д-р Хантер. Отец и третий ребенок спали во дворе, но насколько трудно было обеспечить здесь изоляцию, видно уже из того, что на битком набитой рыночной площади несчастной деревни лежало в ожидании стирки белье из зараженного дома. Квартирная плата в доме Н. 1 шилл. в неделю; одна спальня для супружеской четы и 6 детей. Один дом сдается за 8 пенсов (в неделю); 14 футов 6 дюймов в длину, 7 футов в ширину; кухня высотой в 6 футов; в спальне нет ни окна, ни очага, ни двери и никакого отверстия, кроме выхода; нет огородика. Недавно здесь жил один человек с двумя взрослыми дочерьми и сыном-подростком; отец и сын спали на кровати, дочери в сениях. За время, пока семейство здесь жило, каждая из дочерей родила по ребенку, причем одна отправилась рожать в рабочий дом и потом возвратилась домой.

3) Бакингемшир

В 30 коттеджах — на 1 000 акрах земли — живет здесь приблизительно 130—140 человек. Приход Браденем занимает 1 000 акров; в 1851 г. в нем было 36 домов с населением из 84 мужчин и 54 женщин. Это несоответствие в количестве лиц обоего пола стало меньше в 1861 г., когда насчитывалось 98 человек мужского и 87 женского пола; в течение 10 лет прибавилось 14 мужчин и 33 женщины. В то же время число домов уменьшилось на один.

Уинслоу: Значительная часть его перестроена заново в хорошем стиле; спрос на дома, по-видимому, значительный, потому что очень жалкие одноэтажные коттеджи сдаются по 1 шилл. и 1 шилл. 3 пенса в неделю.

Уотер-Итон: Здесь собственники в то время, когда росло население, снесли около 20% существовавших домов. Один бедный рабочий, вынужденный ходить на работу почти за 4 мили, на вопрос, неужели он не мог бы найти коттедж поближе, ответил: «Нет, они очень остерегаются принять человека с такой большой семьей, как моя».

Тинкерс-Энд, близ Уинслоу: Одна спальня, в которой помещается 4 взрослых и 4 детей, имеет 11 футов в длину, 9 футов в ширину, 6 футов 5 дюймов в высоту в самом высоком месте; в другой — 11 футов 3 дюйма длина, 9 футов ширина, 5 футов 10 дюймов высота — помещается 6 человек. На каждую семью приходится меньше площади, чем на одного каторжника. Ни в одном доме нет больше одной спальни, ни в одном нет черного хода, в очень немногих домах имеется водоснабжение. Квартирная плата от 1 шилл. 4 пенсов до 2 шилл. в неделю. Из жильцов обследованных 16 домов только у одного-единственного заработок достигал 10 шилл. в неделю. Количество воздуха, приходящееся в упомянутом случае на каждого человека, соответствует тому, что досталось бы на долю каждого, если бы на ночь он был заперт в ящик в 4 фута по всем трем измерениям. Впрочем, старые хижины имеют вполне достаточную естественную вентиляцию.

4) Кембриджшир

Гамблингей принадлежит различным собственникам. Он состоит из наиболее ободранных cots, какие только можно встретить. Многие занимаются соломоплетением. Смертельная усталость, безнадежное примирение с жизнью в грязи царят в Гамблингее. Заброшенность, заметная и в центре, становится источником настоящей пытки на окраинах, на севере и юге, где дома постепенно разваливаются. Лендлорды, сами проживающие в других местах, вовсю высасывают соки из бедного гнезда. Квартирная плата очень высокая; в одну спальную комнату набивается 8—9 человек; в двух случаях в маленькой спальне помещается 6 взрослых, каждый с одним или двумя детьми.

5) Эссекс

Во многих приходах этого графства уменьшение числа коттеджей идет одновременно с уменьшением населения. Однако не менее чем в 22 приходах снос домов не задержал роста населения или не вызвал его изгнания, которое происходит повсеместно в виде так называемого «переселения в города». В Фингрингхо, приходе, занимающем 3 443 акра, в 1851 г. было 145 домов, в 1861 г. уже только 110, но население не хотело уходить и не перестало даже при этих условиях увеличиваться. В Рамсден-Крейсе в 1851 г. 252 человека жили в 61 доме, а в 1861 г. 262 человека теснились уже в 49 домах. В Базилдоне в 1851 г. на 1 827 акрах жило 157 человек в 35 домах, в конце этого десятилетия — 180 человек в 27 домах. В приходах Фингрингхо, Саут-Фамбридже, Уилфорде, Базилдоне и Рамсден-Крейсе в 1851 г. на площади в 8 449 акров жило 1 392 человека в 316 домах, в 1861 г. на той же площади — 1 473 человека в 249 домах.

6) Херефордшир

Это маленькое графство больше, чем любое другое в Англии, пострадало от «духа изгнания». В Мадли переполненные коттеджи, обыкновенно с 2 спальнями, по большей части принадлежат фермерам. Последние легко сдают их за 3 или 4 ф. ст. в год и платят заработную плату в 9 шилл. в неделю.

7) Хантингдоншир

В Хартфорде в 1851 г. было 87 домов, вскоре после того в этом маленьком приходе площадью в 1 720 акров было снесено 19 коттеджей; число жителей здесь было: в 1831 г. — 452, в 1851 г. — 382, в 1861 г. — 341. Обследованы 14 cots с одной спальней в каждом. В одном из них живут: одна супружеская чета, 3 взрослых сына, одна взрослая девушка, 4 детей, итого 10 человек; в другом — 3 взрослых, 6 детей. Одна из этих комнат, в которой спало 8 человек, имеет 12 футов 10 дюймов в длину, 12 футов 2 дюйма в ширину, 6 футов 9 дюймов в высоту; в среднем, включая также выступы, на каждого приходилось около 130 куб. футов. В 14 спальнях 34 взрослых и 33 ребенка. Около этих коттеджей редко имеется огород, но многие жильцы могли арендовать маленькие клочки земли по 10 или 12 шилл. за good ($\frac{1}{4}$ акра). Эти парцеллы расположены далеко от домов, а при домах нет отхожих мест. Членам семьи приходится или отправляться на свою парцеллу и там оставлять свои экскременты, или, — как это, с позволения сказать, делается здесь, — наполнять ими выдвижной ящик шкафа. Когда он полоз, его вынимают и опорожняют содержимое там, где оно требуется. В Японии круговорот жизни совершается опрятнее.

8) Линкольншир

Лангтофт: Один человек живет здесь в доме Райта со своей женой, тещей и 5 детьми; в доме кухня-передняя, чулан, спальня над кухней; кухня и спальня имеют 12 футов 2 дюйма в длину, 9 футов 5 дюймов в ширину; вся площадь под домом — 21 фут 3 дюйма в длину и 9 футов 5 дюймов в ширину. Спальня — чердачное помещение, стены, подобно голове сахара, суживаются к потолку, с фасада открывается форточка. Почему живет он здесь? Из-за огорода? Нет, он чрезвычайно маленький. Из-за квартирной платы? Тоже нет. Она высокая — 1 шилл. 3 пенса в неделю. Из-за близости к месту работы? Нет, до работы расстояние 6 миль, так что ежедневно ему приходится делать в оба конца 12 миль. Он живет здесь потому, что этот cot сдавался, а он хотел найти cot только для себя, где бы то ни было, по какой бы то ни было цене, в каком бы то ни было состоянии. Ниже приводятся статистические данные о 12 домах в Лангтофте с 12 спальнями, 38 взрослыми жильцами и 36 детьми:

12 домов в Лангоффе

Число домов	Число спален	Число взрослых	Число детей	Общее число жильцов	Число домов	Число спален	Число взрослых	Число детей	Общее число жильцов
1	1	3	5	8	1	1	3	3	6
1	1	4	3	7	1	1	3	2	5
1	1	4	4	8	1	1	2	0	2
1	1	5	4	9	1	1	2	3	5
1	1	2	2	4	1	1	3	3	6
1	1	5	3	8	1	1	2	4	6

9) Кент

Кеннингтон был крайне переполнен в 1859 г., когда появился дифтерит, и приходский врач произвел официальное обследование положения беднейших классов населения. Он обнаружил, что в этой местности, где требуется большое количество труда, несколько *cols* было снесено, а заново не было построено ни одного. На одном участке было 4 дома, так называемые *birdcages* (птичьи клетки); в каждом было по 4 комнаты следующих размеров в футах и дюймах:

Кухня	$9,5 \times 8,11 \times 6,6$
Чулан	$8,6 \times 4,6 \times 6,6$
Спальня	$8,5 \times 5,10 \times 6,3$
Спальня	$8,3 \times 8,4 \times 6,3$

10) Нортгемптоншир

Бриксуэрт, Питсфорд и Флур: В этих деревнях зимой бродят по улицам 20—30 рабочих, которые не имеют работы. Фермеры не всегда достаточно хорошо обрабатывали землю под зерновые и корнеплоды, и лендлорд нашел целесообразным соединить все сдаваемые в аренду участки в два или три. Отсюда нехватка работы. В то время как по одну сторону канавы поля требуют обработки, по другую сторону лишние работы рабочие бросают на них истосковавшиеся взоры. Нисколько не удивительно, если рабочие, утомленные чрезмерным лихорадочным трудом летом и полуголодные зимой, говорят на своем своеобразном диалекте, что «*the parson and gentlefolks seem frit to death at them*» ^{168a)}.

Во Флуре — примеры, когда в спальне самых малых размеров помещается супружеская чета с 4, 5, 6 детьми, или 3 взрослых

^{168a)} «Поп и дворянин как будто сговорились замучить нас до смерти».

с 5 детьми, или супружеская чета с дедом и 6 детьми, больными скарлатиной, и т. д.; в 2 домах с 2 спальнями 2 семьи, каждая из 8—9 взрослых.

11) Уилтшир

Страттон: Обследован 31 дом, в восьми из них только по одной спальней комнате. Пенхилл в том же приходе: один сот сдается за 1 шилл. 3 пенса в неделю, живут в нем 4 взрослых и 4 детей; кроме хороших стен в нем нет ничего хорошего, начиная с пола из плохо отесанных камней и кончая гнилой соломенной крышей.

12) Вустершир

Снесено домов здесь не столь много, однако с 1851 по 1861 г. количество жильцов на каждый дом увеличилось с 4,2 до 4,6.

Бадси: Здесь много cots и маленьких огородов. Некоторые фермеры заявляют, что cots — «a great nuisance here, because they bring the poor» (cots — большое зло, потому что они привлекают бедных). Один джентльмен заявляет:

«Бедные от этого нисколько не выигрывают; если построить 500 cots, их расхватают так же быстро, как булки; в самом деле, чем больше их строят, тем больше их требуется», —

следовательно, по его мнению, дома порождают жильцов, которые, естественно, давят на «средства расквартирования». В ответ на это д-р Хантер заявляет:

«Но ведь должны же эти бедные откуда-нибудь взяться, а так как в Бадси нет ничего такого, что особенно привлекало бы их сюда, как, например, благотворительность, то из этого следует, что сюда гонят их отталкивание из какого-нибудь еще более неудобного места. Если бы каждый мог найти близ места своей работы сот и клочок земли, то, несомненно, он оказал бы этому месту предпочтение перед Бадси, в котором он платит за свой клочок земли вдвое дороже, чем фермер».

Постоянная эмиграция в города, постоянное создание «избыточного» населения в деревне вследствие концентрации ферм, превращения полей в пастбища, применения машин и т. д. и постоянное изгнание сельского населения вследствие сноса коттеджей идут рука об руку. Чем реже население данного округа, тем больше в нем «относительное перенаселение», тем больше его давление на средства занятости, тем больше абсолютный избыток сельского населения над средствами расквартирования и, следовательно, тем больше в деревнях местное перенаселение и скученность людей, служащая источником эпидемий. Скученность людских масс в разбросанных мелких деревнях и местечках соответствует насильственному изгнанию людей с земельных площадей. Непрерывное превращение сельскохозяйственных рабочих в «избыточных», несмотря на уменьшение их числа, сопровождающееся увеличением массы их продукта, является колыбелью пауперизма. Угрожающий им пауперизм служит мотивом

их изгнания и является главным источником их жилищной нужды, которая окончательно подрывает их способность к сопротивлению и делает их настоящими рабами земельных собственников¹⁶⁹⁾ и фермеров, так что минимум заработной платы становится для них естественным законом. С другой стороны, несмотря на свое постоянное «относительное перенаселение», деревня в то же время и недостаточно населена. Это обнаруживается не только как местное явление в таких пунктах, из которых население слишком быстро отливает к городам, рудникам, копиям, на железнодорожное строительство и т. д., — это обнаруживается повсюду как во время жатвы, так и весной и летом, в те многочисленные моменты, когда очень тщательное и интенсивное английское земледелие нуждается в добавочных руках. Сельскохозяйственных рабочих всегда оказывается слишком много для средних потребностей земледелия и слишком мало для исключительных или временных его потребностей¹⁷⁰⁾. Поэтому-то в официальных документах и отмечаются противоречивые жалобы из одних и тех же областей одновременно и на недостаток и на избыток труда. Временный или местный недостаток рабочих не вызывает повышения заработной платы, но приводит лишь к тому, что к земледельческому труду принуждаются женщины и дети, и возраст рабочих все понижается. Когда эксплуатация женщин и детей принимает широкие размеры, она, в свою очередь, становится новым средством превращения взрослых сельских рабочих мужчин в избыточных рабочих и средством понижения их

¹⁶⁹⁾ «Исконное занятие хайнда [см. настоящий том, с. 631] придает достоинство даже его положению. Он не раб, но солдат мира, и заслуживает того, чтобы лэндлорд обеспечил его помещением, подобающим женатому человеку, так как лэндлорд требует от него такого же принудительного труда, как страна от солдата. Он, как и солдат, не получает рыночной цены за свою работу. Подобно солдату, его берут молодым, невежественным, знакомым только со своим ремеслом и своей местностью. Ранние браки и действие различных законов об оседлости для него то же, что призыв и военно-уголовное уложение для солдата» (д-р Хантер в «Public Health». 7th Report 1864». London, 1865, p. 132). Иногда какой-нибудь в виде исключения милосердный лэндлорд сокрушается по поводу опустошения, которое вызвано им самим. «Очень печальная вещь быть одному в своих владениях, — говорил граф Лестер, когда его поздравляли с окончанием постройки Холкема. — Я оглядываюсь кругом и не вижу ни одного дома, кроме своего собственного. Я — исполн башни великанов и пожрал всех своих соседей».

¹⁷⁰⁾ Подобное явление наблюдается в последние десятилетия и во Франции, по мере того как капиталистическое производство овладевает земледелием и гонит «избыточное» сельское население в города. Наблюдается здесь также ухудшение жилищных и прочих условий у самого источника образования «избыточных». О своеобразном «proletariat foncier» [«сельском пролетариате»], созданном парцеллярной системой, см., между прочим, ранее цитированное сочинение. *Colins*. «L'Economie Politique», и мою работу «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт», Нью-Йорк, 1852, стр. 56 и сл. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 207 и сл.]. В 1846 г. городское население во Франции составляло 24,42%, сельское — 75,58%; в 1861 г. городское — 28,86%, сельское — 71,14%. За последние пять лет уменьшение процентной доли сельского населения еще значительнее. Уже в 1846 г. Пьер Дюпон писал в своей «Песне рабочих»:

«В лохмотья кутаясь, идем
Мы спать в сарай, под заборы,
Там с нами совы делят дом
И братья мглы полночной — воры».

заработной платы. На востоке Англии процветает прекрасный плод этого *sercle vicieux* [порочного круга] — так называемая *gangsystem* (система артелей), о которой я скажу здесь несколько слов ¹⁷¹⁾.

Система артелей встречается почти исключительно в Линкольншире, Хантингдоншире, Кембриджшире, Норфолке, Суффолке, Ноттингемшире, спорадически — в соседних графствах: Нортгемптоне, Бедфорде, Ратленде. В качестве примера мы возьмем здесь Линкольншир. Значительная часть этого графства представляет собой новую землю, бывшую прежде болотом или, как в других перечисленных восточных графствах, отвоеванную у моря. Паровая машина произвела чудеса при осушительных работах. На месте прежних топей и сыпучих песков теперь роскошные нивы, и с них получают самые высокие ренты. То же самое следует сказать об освоенной человеком аллювиальной почве, как, например, на острове Аксхолм и других приходах на берегу Трента. По мере возникновения новых ферм не только не строятся новые коттеджи, но и сносятся старые, рабочие же привлекаются из открытых деревень, отстоящих за несколько миль и расположенных вдоль больших дорог, которые извиваются по склонам холмов. Раньше население только там и находило защиту от продолжительных зимних наводнений. Рабочие, постоянно живущие на фермах размером в 400—1000 акров (их называют здесь «*confined labourers*» [«прикрепленные рабочие»]), служат исключительно для постоянных тяжелых сельскохозяйственных работ, выполняемых с помощью лошадей. На каждые 100 акров приходится в среднем едва по одному коттеджу. Например, один фермер, арендующий прежде заболоченный участок [Fenland], показывает перед следственной комиссией:

«Моя ферма занимает более 320 акров, все это пахотная земля. Коттеджей нет. Теперь у меня живет один рабочий. Четверо рабочих, которые ухаживают за моими лошадьми, живут в окрестностях. Легкая работа, для которой требуется много рабочих рук, исполняется артелями» ¹⁷²⁾.

Земля требует целого ряда легких полевых работ, как, например, выпалывание сорных трав, окапывание, внесение удобрений, удаление камней и т. д. Все это производится артелями, или организованными группами, которые живут в открытых деревнях.

Артель состоит из 10—40 или 50 человек, а именно женщин, подростков обоего пола (13—18 лет), хотя мальчики, достигнув 13 лет, обыкновенно оставляют артель, и, наконец, из детей обоего пола (6—13 лет). Во главе ее находится *gangmaster* (артельный староста); это всегда обыкновенный сельскохозяйственный рабо-

¹⁷¹⁾ Шестой и заключительный отчет Комиссии по обследованию условий детского труда, опубликованный в конце марта 1867 г., говорит о *gangsystem* лишь в земледелии.

¹⁷²⁾ «Children's Employment Commission. 6th Report». Evidence, p. 37, № 173. — Fenland — болотистая местность.

чий, по большей части так называемый непутевый человек, беспашанная голова, бродяга, пьяница, но наделенный некоторым духом предприимчивости и делячества. Он вербует артель, которая работает под его началом, а не под началом фермера. С последним он по большей части договаривается на сдельную работу, и его доход, — который в среднем не особенно превышает заработок обыкновенного сельскохозяйственного рабочего¹⁷³⁾, — почти всецело зависит от того искусства, с которым он умеет извлечь из своей артели в самое короткое время самое большое количество труда. Фермеры открыли, что женщины хорошо работают только под диктатурой мужчины, но что, с другой стороны, женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы, — это знал уже Фурье, — между тем как взрослый работник мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы. Артельный староста переходит из одного имения в другое и так работает со своей артелью 6—8 месяцев в году. Поэтому иметь дело с ним для рабочей семьи много выгоднее и вернее, чем иметь дело с отдельным фермером, который дает детям занятия лишь от случая к случаю. Это обстоятельство настолько упрочивает его влияние в открытых деревнях, что часто детей невозможно устроить на работу иначе, как при его посредничестве. «Одалживание» детей в одиночку, отдельно от артелей, составляет для него побочный промысел.

«Темные стороны» этой системы — чрезмерный труд детей и подростков, огромные переходы, которые им ежедневно приходится делать туда и обратно к имениям, находящимся на расстоянии 5, 6, иногда даже 7 миль, и, наконец, деморализация артели. Хотя артельный староста, в некоторых местностях называемый «the driver» (погонщик), вооружен длинной палкой, однако он очень редко применяет ее, и жалобы на жестокое обращение являются исключением. Он — демократический император или в некотором роде гамельнский крысолов. Следовательно, он нуждается в популярности среди своих подданных и привлекает их к себе процветающими под его покровительством цыганскими правами. Грубая непринужденность, веселая распушенность и самое наглое бесстыдство царят в артели. Артельный староста обыкновенно расплачивается в кабаке и потом возвращается во главе своей артели домой, сильно шатаясь, поддерживаемый справа и слева дюжими бабами; дети и подростки шумят сзади и распевают юмористические и скабрезные песни. На обратном пути препродит то, что Фурье называет «явнобрачием»¹⁹⁶. Нередко тринадцатилетние и четырнадцатилетние девочки становятся беременными от своих сверстников. Открытые деревни, поставляющие контин-

¹⁷³⁾ Однако некоторые артельные старосты превратились в фермеров, арендующих до 500 акров земли, или во владельцев целого ряда домов.

гент для артелей, превращаются в Содом и Гоморру¹⁷⁴⁾ и дают вдвое большее число внебрачных детей, чем все остальное королевство. Мы уже раньше указывали, что могут дать в нравственном отношении воспитанные в такой школе девушки, когда они становятся замужними женщинами. Их дети, если только опиум не доконает их, являются прирожденными рекрутами артели.

Артель в своей только что описанной классической форме называется общественной, общинной или бродячей артелью (public, common or tramping gang). Встречаются, кроме того, и частные артели (private gangs). Состав их таков же, как и общественных артелей, но число членов в них меньше, и работают они под руководством не артельного старосты, а какого-нибудь старого батрака, для которого фермер не находит лучшего применения. Цыганские забавы здесь исчезают, но, по всем свидетельским показаниям, оплата труда и обращение с детьми ухудшаются.

Система артелей, которая за последние годы распространяется все больше¹⁷⁵⁾, существует, конечно, не ради артельного старосты. Она существует для обогащения крупных фермеров¹⁷⁶⁾ и ленд-лордов¹⁷⁷⁾. Для фермера нет более остроумного метода сокращать свой рабочий персонал ниже нормы и в то же время постоянно располагать на случай экстренных работ добавочными руками, при помощи возможно меньшей суммы денег выколачивать возможно больше труда¹⁷⁸⁾ и делать взрослых рабочих мужчин «избыточными». После всего этого легко понять, почему, с одной стороны, признают, что сельский рабочий в большей или меньшей мере страдает от безработицы, а с другой стороны, заявляют, что система артелей «необходима» вследствие недостатка рабочих мужчин и переселения их в города¹⁷⁹⁾. Поле, очищенное от плевел,

¹⁷⁴⁾ «Артели погубили половину девушек Ладфорда» (там же, приложение, стр. 6, № 32).

¹⁷⁵⁾ «Эта система очень распространилась за последние годы. В некоторых местностях она только что введена, в других, где она существует дольше, в артели вовлекаются дети во все большем количестве и все меньшего возраста» (там же, стр. 79, № 174).

¹⁷⁶⁾ «Мелкие фермеры не применяют артельного труда». «Он не применяется на плохой земле, а применяется на такой, которая приносит ренту от 2 ф. ст. до 2 ф. ст. 10 шилл. с акра» (там же, стр. 17 и 14).

¹⁷⁷⁾ Одному из этих господ его ренты настолько приходится по вкусу, что он с негодованием заявил перед следственной комиссией, будто весь крик поднялся только из-за названия системы. Если бы артели назывались не «Gang» [артель, бригада, банда], а «юношескими промышленно-земледельческими ассоциациями для самостоятельного заработка», то все было бы в полном порядке.

¹⁷⁸⁾ «Артельный труд дешевле всякого другого труда, потому-то он и применяется», — говорит один бывший староста артели (там же, стр. 17, № 14). «Система артелей безусловно самая дешевая для фермера и столь же безусловно самая пагубная для детей», — говорит один фермер (там же, стр. 16, № 3).

¹⁷⁹⁾ «Несомненно, многие из работ, выполняемых теперь в артелях детьми, раньше выполнялись мужчинами и женщинами. Там, где применяется труд женщин и детей, безработных мужчин больше, чем было раньше (more men are out of work)» (там же, стр. 43, № 202). Но, с другой стороны, между прочим: «Вопрос о рабочих (labour question) во многих земледельческих округах, особенно в производящих хлеб, принимает столь

и человеческие плеве́лы Линкольншира и т. д. — вот противоположные полюсы капиталистического производства¹⁸⁰⁾.

г) ИРЛАНДИЯ

В заключение этого раздела мы должны еще бросить взгляд на Ирландию. Прежде всего приведем относящиеся сюда факты.

Население Ирландии достигло к 1841 г. 8 222 664 человек, в 1851 г. сократилось до 6 623 985, в 1861 г. — до 5 850 309, в 1866 г. — до 5¹/₂ миллионов, т. е. почти до уровня 1801 года. Уменьшение началось с голодного 1846 г. и менее чем за 20 лет Ирландия потеряла свыше ⁵/₁₆ своего населения¹⁸¹⁾. Общее число эмигрантов с мая 1851 г. по июль 1865 г. составило 1 591 487 человек, за последние 5 лет, с 1861 по 1865 г., эмиграция дала более полумиллиона. Число обитаемых домов уменьшилось в период 1851—1861 гг. на 52 990. С 1851 по 1861 г. число ферм размером в 15—30 акров возросло на 61 000, число ферм больше

серьезный характер вследствие эмиграции и той легкости переселения в большие города, которая обеспечивается железными дорогами, что я» (этот «я» — сельский агент одного крупного лендлорда) «считаю детский труд абсолютно необходимым» (там же, стр. 80, № 180). The labour question (вопрос о рабочих) в английских земледельческих округах, в отличие от остального цивилизованного мира, представляет собой the landlords' and farmers' question (вопрос лендлордов и фермеров), — каким образом, несмотря на постоянно возрастающий отлив сельского населения, увековечить в деревне достаточное «относительное перенаселение» и вместе с тем и «минимум заработной платы» для сельскохозяйственного рабочего?

¹⁸⁰⁾ Раньше цитированный мною «Public Health Report», в котором при освещении проблемы смертности детей мимоходом говорится о системе артелей, остался неизвестным прессе, а следовательно, и английской публике. Напротив, последний отчет Комиссии по обследованию условий детского труда дал прессе желанную «сенсационную» пищу. В то время как либеральная пресса спрашивала, как все же благородные джентльмены и леди и священники государственной церкви, которыми кишит Линкольншир, как все же эти персонажи, посылавшие к антиподам свои особые «миссии для смягчения нравов дикарей Южного океана», могли допустить развитие подобной системы в своих имениях, у себя на глазах, — в это самое время аристократическая пресса занималась исключительно рассуждениями о грубой испорченности этих сельских жителей, способных продавать своих детей в подобное рабство! Между тем при тех проклятых условиях, на которые «благородные» обрекли сельского жителя, было бы понятно, если бы он даже пожирал своих детей. Если чему и приходится удивляться, так это тем достоинствам характера, которые он по большей части сохранял. Авторы официальных отчетов указывают, что даже в округах, где применяется система артелей, родители относятся к ней с отвращением. «В собранных нами свидетельских показаниях можно найти обильные доказательства того, что родители во многих случаях были бы благодарны за принудительный закон, который дал бы им возможность противостоять тем искушениям и давлению, которым они часто подвергаются. То приходский чиновник, то хозяин, угрожая им увольнением, заставлял их посылать детей на работу вместо школы... Всякое расточение времени и сил, все страдания, причиняемые земледельцу и его семье чрезмерным и бесполезным утомлением, всякий случай, когда родители могут приписать нравственную гибель своего ребенка перенаселенности коттеджей или развращающим влияниям системы артелей, — все это вызывает в сердцах трудящихся бедняков чувства, которые легко понять и которые нет необходимости описывать подробнее. Они сознают, что им причиняется много физических и нравственных мучений условиями, за которые они никак не ответственны, на которые они, если бы это было в их власти, никогда не дали бы своего согласия и против которых они бессильны бороться» (там же, стр. XX, № 82; стр. XXIII, № 96).

¹⁸¹⁾ Население Ирландии: в 1801 г. — 5 319 867 человек, в 1811 г. — 6 084 996, в 1821 г. — 6 869 544, в 1831 г. — 7 828 347, в 1841 г. — 8 222 664.

30 акров — на 109 000, между тем как общее число всех ферм уменьшилось на 120 000, — уменьшение, вызванное исключительно уничтожением ферм размером до 15 акров, т. е. их централизацией.

Уменьшение численности населения, разумеется, сопровождалось в общем и целом уменьшением массы продуктов. Для нашей цели достаточно рассмотреть пятилетие 1861—1865 гг., в течение которого эмигрировало более полумиллиона и абсолютная численность населения сократилась более чем на $\frac{1}{3}$ миллиона (см. таблицу А).

ТАБЛИЦА А
Поголовье скота ¹⁸²⁾

Годы	Лошади		Крупный рогатый скот		
	Общее число	Уменьшение	Общее число	Уменьшение	Увеличение
1860	619 811	—	3 606 374	—	—
1861	614 232	5 579	3 471 688	134 686	—
1862	602 894	11 338	3 254 890	216 798	—
1863	579 978	22 916	3 144 231	110 659	—
1864	562 158	17 820	3 262 294	—	118 063
1865	547 867	14 291	3 493 414	—	231 120

Продолжение

Годы	Овцы			Свиньи		
	Общее число	Уменьшение	Увеличение	Общее число	Уменьшение	Увеличение
1860	3 542 080	—	—	1 271 072	—	—
1861	3 556 050	—	13 970	1 102 042	169 030	—
1862	3 456 132	99 918	—	1 154 324	—	52 282
1863	3 308 204	147 928	—	1 067 458	86 866	—
1864	3 366 941	—	58 737	1 058 480	8 978	—
1865	3 688 742	—	321 801	1 299 893	—	241 413

¹⁸²⁾ Результат оказался бы еще неблагоприятнее, если бы мы возвратились еще дальше назад. Так, овец в 1865 г. было 3 688 742, а в 1856 г. — 3 694 294; свиней в 1865 г. было 1 299 893, а в 1858 г. — 1 403 883.

Из предыдущей таблицы следует:

Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Свиньи
Абсолютное уменьшение	Абсолютное уменьшение	Абсолютное увеличение	Абсолютное увеличение
71 944	112 960	146 662	28 821

Обратимся теперь к земледелию, которое доставляет жизненные средства для скота и людей. В следующей таблице В показано уменьшение или увеличение площади папашек и лугов (или пастбищ) в акрах за каждый отдельный год по сравнению с непосредственно предшествующим. К зерновым отнесены: пшеница, овес, ячмень, рожь, бобы и горох, к овощам условно — картофель, турнепс, свекла, капуста, морковь, пастернак, вика и т. д.

ТАБЛИЦА В

Годы	Зерно- вые	Овощи		Луга и клевер		Лен		Общее количе- ство земли, слу- жащей для зем- леделия и жи- вотноводства	
	Умень- шение	Умень- шение	Уве- личе- ние	Умень- ше- ние	Уве- личе- ние	Умень- ше- ние	Увели- чение	Умень- шение	Уве- личе- ние
1861	15 701	36 974	—	47 969	—	—	19 271	81 373	—
1862	72 734	74 785	—	—	6 623	—	2 055	138 841	—
1863	144 719	19 358	—	—	7 724	—	63 922	92 431	—
1864	122 437	2 317	—	—	47 486	—	87 761	—	10 493
1865	72 450	—	25 241	—	68 970	50 159	—	28 398	—
1861— 1865	428 041	108 193	—	—	82 834	—	122 850	330 550	—

В 1865 г. площадь под лугами увеличилась до 127 470 акров, главным образом по той причине, что площадь невозделанных пустошей и торфяных болот уменьшилась на 101 543 акра. Если мы сравним 1865 г. с 1864, то уменьшение сбора зерновых составит 246 667 кварталов, в том числе — пшеницы 48 999 кварталов, овса 166 605 кварталов, ячменя 29 892 квартала и т. д.; уменьшение урожая картофеля, хотя площадь под ним в 1865 г. увеличилась, составило 446 398 тонн и т. д. (см. таблицу С, стр. 650).

ТАБЛИЦА С
Увеличение или уменьшение площади обрабатываемой земли, продукции с одного акра
и общей продукции в 1865 г. по сравнению с 1864 г.¹⁸⁵

Название продукта	Количество акров обрабатываемой земли		Увеличение или уменьшение в 1865 г.	Продукции с одного акра			Увеличе- ние или уменьше- ние в 1865г.	Общая продукция		Увеличение или уменьшение в 1865 г.
	1864	1865		1864	1865	+		1864	1865	
Пшеница	276 483	266 989	—	9 494	Пшеница (цент.)	13,3	13,0	875 782 (кварт.)	826 783	—
Овес	1 814 886	1 745 228	—	69 658	Овес *	12,1	12,3	7 826 332 *	7 659 727	—
Ячмень ...	172 700	177 102	4 402	—	Ячмень *	15,9	14,9	761 909 *	732 017	—
Бары }	8 894	10 091	1 197	—	Бары *	16,4	14,8	15 160 *	13 989	—
Рожь }					Рожь *	8,5	10,4	12 680 *	18 364	—
Картофель	1 039 724	1 066 260	26 536	—	Картофель (тонн)	4,1	3,6	4 312 388 (тонн)	3 865 990	—
Турнепс...	337 355	334 212	—	3 143	Турнепс (тонн)	10,3	9,9	3 467 659 *	3 304 683	—
Свекла	14 073	14 389	316	—	Свекла *	10,5	13,3	147 284 *	191 937	—
Капуста ...	31 821	33 622	1 801	—	Капуста *	9,3	10,4	297 375 *	350 252	—
Лен	301 693	251 433	—	50 260	Лен (стон)	34,2	25,2	64 506 *	39 561	—
Сено	1 609 569	1 678 493	68 924	—	Сено (тонн)	1,6	1,8	2 607 153 *	3 068 707	—

¹⁸⁵ Данные составлены по материалам следующих изданий: «Agricultural Statistics, Ireland, General Abstracts», Dublin, за годы 1860 и сл. и «Agricultural Statistics, Ireland, Tables showing the Estimated Average Produce etc.», Dublin, 1866. Это официальная статистика, ежегодно представляемая парламенту.

Добавление к 2 изданию. Официальная статистика показывает для 1872 г. уменьшение площади обрабатываемой земли на 134 915 акров по сравнению с 1871 годом. Увеличение имело место по овсам, турнепсу, клею и т. п. Уменьшение площади обрабатываемой земли произошло по следующим культурам: по пшенице — на 16 тыс. акров, по овсу — на 14 тыс. акров, по ячменю и ржи — на 4 тыс. акров, по картофелю — на 34 667 акров; на 30 тыс. акров уменьшилась площадь под лугами, клевером, виной и суреницей. Площадь под шиповником за последние 5 лет последовательно уменьшалась, она составляла в 1868 году — 285 000 акров, 1869 г. — 280 000 акров, 1870 г. — 259 000 акров, 1871 г. — 244 000 акров, 1872 г. — 228 000 акров. В 1872 г. имело место увеличение (в округленных цифрах) поголовья лошадей на 2 600, крупного рогатого скота — на 80 000, овец — на 28 682 и уменьшение поголовья свиней — на 236 000.

От движения населения и земледельческого производства Ирландии перейдем к движению в кошельках ее лендлордов, крупных фермеров и промышленных капиталистов. Оно находит свое отражение в уменьшении и увеличении подоходного налога. Для понимания следующей таблицы D надо отметить, что рубрика D (прибыль, за исключением прибыли фермеров) охватывает и так называемую «профессиональную» прибыль, т. е. доходы адвокатов, врачей и т. д., а не приведенные здесь особо рубрики C и E охватывают доходы чиновников, офицеров, лиц, имеющих государственную синекуру, кредиторов государства и т. д.

ТАБЛИЦА D

Доходы, облагаемые подоходным налогом ¹⁸⁴⁾

(в фунтах стерлингов)

	1860	1861	1862	1863	1864	1865
Рубрика А						
Земельная рента	12 893 829	13 003 554	13 398 938	13 494 091	13 470 700	13 801 616
Рубрика В						
Прибыль фермеров	2 765 387	2 773 644	2 937 899	2 938 923	2 930 874	2 946 072
Рубрика D						
Промышленная и т. п. прибыль	4 891 652	4 836 203	4 858 800	4 846 497	4 546 147	4 850 199
Сумма всех рубрик от А до E	22 962 885	22 998 394	23 597 574	23 658 631	23 236 298	23 930 340

Под рубрикой D среднегодовое увеличение дохода за 1853—1864 гг. составляло только 0,93%, между тем как в Великобритании оно было равно за тот же период 4,58%. Следующая таблица показывает распределение прибылей (за исключением фермерской прибыли) в 1864 и 1865 гг.: (см. таблицу E на стр. 652).

Англия, страна развитого капиталистического производства и преимущественно промышленная страна, истекла бы кровью от кровопускания, подобного тому, которому подвергся народ Ирландии. Но Ирландия представляет собой в настоящее время лишь земледельческий округ Англии, отделенный от нее широким проливом и доставляющий ей хлеб, шерсть, скот, промышленных и военных рекрутов.

Обезлюдение привело к тому, что много земли остается без обработки, количество земледельческого продукта сильно

¹⁸⁴⁾ «Tenth Report of the Commissioners of Inland Revenue». London, 1866.

ТАБЛИЦА Е

Рубрика D. Доходы из прибылей (выше 60 ф. ст.) в Ирландии ¹⁸⁵⁾
(в фунтах стерлингов)

	1864	1865
Общий годовой доход	4 368 610 (распределены между 17 467 чел.)	4 669 979 (распределены между 18 081 чел.)
Годовой доход выше 60 ф. ст. и ниже 100 ф. ст.	238 726 (распределены между 5 015 чел.)	222 575 (распределены между 4 703 чел.)
Из общего годового дохода	1 979 066 (распределены между 11 321 чел.)	2 028 571 (распределены между 12 184 чел.)
Остаток общего годового дохода	2 150 818 (распределены между 1 131 чел.)	2 418 833 (распределены между 1 194 чел.)
В том числе	1 073 906 (распределены между 1 010 чел.)	1 097 927 (распределены между 1 044 чел.)
	1 076 912 (распределены между 121 чел.)	1 320 906 (распределены между 150 чел.)
	430 535 (распределены между 95 чел.)	584 458 (распределены между 122 чел.)
	646 377 (распределены между 26 чел.)	736 448 (распределены между 28 чел.)
	262 819 (распределены между 3 чел.)	274 528 (распределены между 3 чел.)

уменьшилось ¹⁸⁶⁾ и, несмотря на расширение площади, предназначенной для животноводства, последнее обнаруживает в некоторых из своих отраслей абсолютное уменьшение, в других — едва заслуживающее упоминания развитие, постоянно прерываемое движением вспять. Однако вместе с уменьшением численности населения все время возрастала земельная рента и фермерская прибыль; последняя, впрочем, не так постоянно, как первая. Причину легко понять. С одной стороны, благодаря централизации ферм и превращению пахотной земли в пастбища все большая часть совокупного продукта превращалась в прибавочный продукт. Прибавочный продукт возрастал, хотя совокупный продукт, часть которого он составляет, все уменьшался. С другой стороны, денежная стоимость этого прибавочного продукта возрастала еще быстрее, чем его масса, так как английские рыночные цены на мясо, шерсть и т. д. за последние 20, в особенности же за последние 10 лет, все повышались.

Распыленные средства производства, которые служат для самого производителя средствами занятости и средствами жизни,

¹⁸⁵⁾ Общий годовой доход под рубрикой D отклоняется здесь от цифр предыдущей таблицы ввиду допускаемых законом некоторых отчислений.

¹⁸⁶⁾ Если продукция уменьшается также и в расчете на акр, то не следует забывать, что Англия в течение полутора веков косвенно вывозила почву из Ирландии, не оставляя ирландским земледельцам средств даже на простое возмещение питательных элементов почвы.

не увеличивая при этом своей стоимости путем присоединения чужого труда, точно так же не являются капиталом, как не является товаром продукт, потребляемый его собственным производителем. Хотя масса средств производства, применяемых в земледелии, и уменьшилась вместе с уменьшением количества населения, тем не менее масса капитала, применяемого в земледелии, увеличилась, потому что часть распыленных прежде средств производства была превращена в капитал.

Весь капитал Ирландии, вложенный вне земледелия в промышленность и торговлю, накапливался в последние два десятилетия медленно и с постоянными крупными колебаниями. Напротив, тем быстрее развивалась концентрация его индивидуальных составных частей. Наконец, как ни мало было его абсолютное возрастание, — относительно, по сравнению с сокращающейся численностью населения, он увеличивался.

Таким образом, на наших глазах здесь в крупном масштабе разворачивается процесс, лучше которого ортодоксальная политическая экономия и желать не может для подтверждения своего догмата, согласно которому бедность возникает из абсолютного перенаселения, а равновесие восстанавливается снова уменьшением населения. Это — эксперимент куда более внушительный, чем столь прославленная мальтузианцами чума середины XIV столетия¹⁹⁷. Кстати сказать, прилагать к отношениям производства и соответствующим отношениям народонаселения в XIX веке мерку XIV века было само по себе педантски-наивным; но при этой наивности кроме того упускалось из виду, что если по эту сторону Ла-Манша, в Англии, за чумой и сопровождавшим ее уменьшением населения следовали освобождение и обогащение сельского населения, то по другую сторону Ла-Манша, во Франции, за ней следовали еще большее порабощение и возрастание нищеты^{198a}.

Голод 1846 г. в Ирландии уничтожил более миллиона человек, но это были исключительно бедняки. Он не причинил ни малейшего ущерба богатству страны. Последовавшая затем двадцатилетняя и все усиливающаяся эмиграция не уменьшила, в противоположность Тридцатилетней войне, вместе с численностью людей их средства производства. Ирландский гений изобрел совершенно новый метод переносить как бы волшебством бедный народ на тысячи миль от места его нищеты. Эмигранты, переселившиеся в Соединенные Штаты, ежегодно высылают домой деньги — средства для переселения оставшихся. Каждая партия, эмигрировавшая

^{198a}) Так как Ирландия считается обетованной землей «закона народонаселения», то Т. Садлер, прежде чем опубликовать работу о народонаселении, издал знаменитую книгу: «Ireland, its Evils and their Remedies», 2nd ed. London, 1829, в которой он, сопоставляя статистические данные по отдельным провинциям, а для каждой провинции по отдельным графствам, показывает, что нищета там не прямо пропорциональна, как того хотелось Мальтусу, а обратно пропорциональна численности населения.

в этом году, в следующем году увлекает за собой новую партию. Таким образом, эмиграция не только ничего не стоит Ирландии, но еще образует одну из доходнейших статей ее экспортных операций. Наконец, она представляет собой систематический процесс, который не просто создает преходящую брешь в данной массе населения, а напротив, ежегодно отнимает больше людей, чем возмещается ежегодным приростом, и таким образом абсолютная численность населения из года в год уменьшается ^{186b)}.

Каковы же были последствия для оставшихся рабочих Ирландии, освобожденных от перенаселения? Последствия таковы, что относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как было до 1846 г., что заработная плата так же низка, что тяжесть труда увеличилась, что нищета в деревне ведет к новому кризису. Причины очень простые. Революция в земледелии идет рука об руку с эмиграцией. Производство относительного перенаселения идет быстрее, чем абсолютное уменьшение населения. Беглый взгляд на таблицу С показывает, что превращение пахотной земли в пастбища должно сказываться в Ирландии еще более остро, чем в Англии. В последней вместе с животноводством растет производство сочных кормов, в Ирландии оно сокращается. В то время как крупные массивы прежде обрабатываемых полей превращаются в залежи и в постоянные луга, значительная часть оставшихся раньше неиспользованными пустошей и торфяных болот служит для расширения животноводства. Мелкие и средние фермеры — я отношу к их числу всех тех, которые обрабатывают не более 100 акров земли, — все еще составляют почти $\frac{8}{10}$ общего числа фермеров ^{186c)}. Конкуренция капиталистического земледельческого производства давит на них сильнее, чем то было в прежнее время, и потому они постоянно пополняют класс наемных рабочих все новыми и новыми рекрутами. Единственная крупная промышленность Ирландии, льнообрабатывающая промышленность, требует сравнительно мало взрослых рабочих мужчин и, несмотря на ее расширение после вздорожания хлопка в 1861—1866 гг., вообще дает занятие лишь относительно небольшой части населения. Подобно всякой другой крупной промышленности, она постоянными колебаниями в своей собственной сфере все время производит относительное перенаселение, даже если поглощаемая ею масса рабочих абсолютно увеличивается. Нищета сельского населения служит пьедесталом для колоссальных фабрик белья и т. д., рабочая армия которых большей частью рассеяна по деревням. Здесь мы снова встречаемся с ранее описанной системой работы на дому, которая в низкой оплате и чрезмерном труде обладает средствами

^{186b)} В период 1851—1874 гг. общее число эмигрантов составило 2 325 922 человека.

^{186c)} *Примечание к 2 изданию.* Согласно одной таблице в книге: *Murphy. «Ireland, Industrial, Political and Social», 1870, 94,6% всех земель составляют фермы до 100 акров каждая и 5,4% — фермы свыше 100 акров.*

систематически создавать «избыточных» рабочих. Наконец, хотя уменьшение населения не имеет здесь таких разрушительных последствий, как в стране с развитым капиталистическим производством, однако и здесь оно не проходит без постоянного обратного воздействия на внутренний рынок. Бреша, которые создает эмиграция, сокращают не только местный спрос на труд, но и доходы мелких лавочников, ремесленников, вообще мелких промышленников. В этом лежит причина сокращения доходов размером от 60 до 100 ф. ст. в таблице Е.

Довольно прозрачное изображение положения сельскохозяйственных рабочих в Ирландии мы находим в отчетах инспекторов ирландских попечительств о бедных (1870) ^{186d)}. Чиновники правительства, которое держится только с помощью штыков и то явного, то скрытого осадного положения, должны соблюдать такую осмотрительность в выражениях, которой их коллеги в Англии могут пренебрегать; и, тем не менее, они не позволяют своему правительству предаваться иллюзиям. Согласно их данным, уровень заработной платы, и до сих пор все еще очень низкий в деревне, за последние 20 лет все же повысился на 50—60% и составляет теперь в среднем 6—9 шилл. в неделю. Но за этим кажущимся повышением скрывается действительное понижение заработной платы, потому что оно не уравнивает даже совершившегося за это время повышения цены необходимых жизненных средств; доказательство — следующее извлечение из официальных отчетов одного ирландского работного дома.

Средний недельный расход на содержание одного человека

	Пища		Одежда		Итого	
	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
С 29 сент. 1848 по 29 сент. 1849 г.	1	3 ¹ / ₄	0	3	1	6 ¹ / ₄
С 29 сент. 1868 по 29 сент. 1869 г.	2	7 ¹ / ₄	0	6	3	1 ¹ / ₄

Итак, цена необходимых жизненных средств повысилась почти вдвое, а цена одежды — ровно вдвое по сравнению с тем, что было двадцать лет тому назад.

Но даже оставляя в стороне это несоответствие, одно сравнение уровней заработной платы, выраженной в деньгах, далеко еще не дает правильного вывода. До голода большая доля заработной платы в деревне выдавалась натурой, деньгами выплачивалась лишь меньшая часть; в настоящее время денежная оплата составляет общее правило. Уже из этого следует, что каково бы ни было

^{186d)} «Reports from Poor Law Inspectors on the Wages of Agricultural Labourers in Ireland». Dublin, 1870. Ср. также: «Agricultural Labourers (Ireland). Return etc.», 8th March 1861.

движение реальной заработной платы, ее денежное выражение должно было повыситься.

«До голода сельскохозяйственный поденщик имел клочок земли, на котором он возделывал картофель и держал свиней и птицу. В настоящее время ему не только приходится покупать все свои жизненные средства, но от него уходят также те доходы, которые он получал от продажи свиней, птицы и яиц»¹⁸⁷⁾.

В самом деле, сельскохозяйственные рабочие раньше сливались с мелкими фермерами и обыкновенно составляли только арьергард средних и крупных ферм, на которых они находили работу. Только со времени катастрофы 1846 г. они начали составлять часть класса чисто наемных рабочих, особое сословие, связанное с своими хозяевами исключительно денежными отношениями.

Мы уже знаем, каковы были их жилищные условия до 1846 года. С того времени они еще больше ухудшились. Некоторая часть сельскохозяйственных рабочих, впрочем день ото дня уменьшающаяся, живет еще на земле фермеров в переполненных хижинах, отвратительное состояние которых далеко превосходит все наихудшее, что только представляют в этом отношении английские земледельческие округа. И такое положение повсеместно, за исключением некоторых местностей в Ольстере; таково оно на юге в графствах Корк, Лимерик, Килкенни и т. д.; на востоке в Уиклоу, Уэксфорде и т. д.; в центре Ирландии в графствах Кингс и Куинс, в районе Дублина и т. д.; на севере в Даун, Антрим, Тирон и т. д.; наконец, на западе в Слайго, Роскоммон, Мойо, Голуэй и т. д. «Это, — восклицает один из инспекторов, — позор для религии и цивилизации нашей страны». Видимо, для того чтобы сделать для поденщиков жизнь в их берлогах более сносной, у них систематически отнимают клочки земли, которые с незапамятных времен принадлежали к жилищам.

«Сознание этого рода опалы, которой они подвергнуты лендлордами и их управляющими, вызвало у сельскохозяйственных поденщиков соответствующее чувство антагонизма и ненависти к тем, кто обращается с ними как с бесправной расой»^{187a)}.

Первым актом революции в земледелии было то, что в колоссальном масштабе и как бы по команде свыше совершилось уничтожение хижин, расположенных на месте работ. Многие рабочие были вынуждены искать прибежища в деревнях и городах. Там их, как какой-нибудь хлам, рассовали по чердакам, конурам, подвалам и вертепам наихудших кварталов. Тысячи ирландских семей, которые, даже по свидетельству англичан, проникнутых национальными предрассудками, характеризуются своей редкостью привязанностью к домашнему очагу, своей беззаботной веселостью и чистотой семейных нравов, вдруг оказались перенесен-

¹⁸⁷⁾ Там же, стр. 29, 1.

^{187a)} Там же, стр. 12.

ными в рассадники порока. Мужчинам пришлось теперь искать работу у соседних фермеров, которые нанимают их только поденно, т. е. на основе самой ненадежной формы заработной платы; при этом

«они вынуждены теперь проделывать длинный путь до фермы и обратно, часто мокнуть до костей под дождем и подвергаться другим невзгодам, которые нередко ведут за собой упадок сил, болезнь и, следовательно, нужду» ^{187b)}.

«Городам из года в год приходилось принимать тех рабочих, которые оказывались излишними в сельских округах» ^{187c)}, и после этого еще удивляются тому, «что в городах и местечках наблюдается избыток рабочих, а в деревне — недостаток рабочих!» ^{187d)}. Истина заключается в том, что недостаток этот ощущается лишь «во время срочных сельскохозяйственных работ, во время жатвы или весной, в остальное же время года многие руки остаются незанятыми» ^{187e)}, «что после сбора урожая, с октября до начала весны, едва ли найдется для них какая-нибудь работа» ^{187f)} и что и в то время, когда у них есть работа, «они часто теряют целые дни, и их работа подвергается перерывам всевозможного рода» ^{187g)}.

Эти последствия революции в земледелии, т. е. превращения пахотной земли в пастбища, применения машин, строжайшей экономии на труде и т. д., еще более обостряются теми образцовыми лендлордами, которые вместо того, чтобы потреблять свои ренты за границей, благоволят жить в Ирландии, в своих владениях. Чтобы не нарушать закона спроса и предложения, эти господа извлекают

«теперь почти весь необходимый для них труд из своих мелких фермеров, которые, таким образом, вынуждены, когда бы от них этого ни потребовали, трудиться на своих лендлордов за такую заработную плату, которая в общем ниже заработной платы обычных поденщиков, не говоря уже о неудобствах и потерях, возникающих вследствие того, что фермеру приходится оставлять свои собственные поля в критическое время сева или уборки» ^{187h)}.

Таким образом, необеспеченность и непостоянство занятий, частая и продолжительная безработица — все эти симптомы относительного перенаселения фигурируют в отчетах инспекторов попечительств о бедных как бич ирландского сельскохозяйственного пролетариата. Вспомним, что подобные же явления мы наблюдали и среди английского сельскохозяйственного пролетариата. Но различие в том, что в Англии, промышленной стране, промышленная резервная армия рекрутируется в деревне, между тем как в Ирландии, сельскохозяйственной стране, сельскохозяйственная резервная

^{187b)} Там же, стр. 25.

^{187c)} Там же, стр. 27.

^{187d)} Там же, стр. 26.

^{187e)} Там же, стр. 1.

^{187f)} Там же, стр. 32.

^{187g)} Там же, стр. 25.

^{187h)} Там же, стр. 30.

армия рекрутируется в городах, являющихся убежищем изгнанных сельскохозяйственных рабочих. В Англии избыточные сельскохозяйственные рабочие превращаются в фабричных рабочих; в Ирландии же изгнанные в города, хотя они и оказывают давление на заработную плату в городах, тем не менее остаются сельскохозяйственными рабочими и в поисках работы постоянно отправляются обратно в деревню.

Авторы официальных отчетов следующим образом резюмируют свои выводы о материальном положении сельскохозяйственных рабочих:

«Хотя они живут крайне бережливо, однако их заработной платы едва хватает на питание и оплату жилища для себя и своего семейства. Для покупки одежды требуются дополнительные доходы... Атмосфера их жилищ, вместе с другими лишениями, сделала этот класс в особенности подверженным заболеванию тифом и чахоткой»¹⁸⁷⁾.

После этого нисколько не удивительно, что, по единодушному свидетельству авторов отчетов, мрачное недовольство охватывает ряды этого класса, что он призывает назад прошлое, ненавидит настоящее, отчаивается в будущем, «поддается пагубным влияниям демагогов» и живет только одной мечтой — эмигрировать в Америку. Вот в какой благословенный край превратила зеленый Эрин¹⁹⁸ великая мальтузианская панацея — уменьшение населения!

Как благоденствуют ирландские промышленные рабочие, это достаточно покажет один пример.

«Во время недавней моей инспекционной поездки по северу Ирландии», — говорит английский фабричный инспектор Роберт Бейкер, — «меня поразило, как один искусный ирландский рабочий старался на свои самые скудные средства дать образование своим детям. Я буквально воспроизвожу его рассказ, как я слышал из его собственных уст. Что он действительно искусный фабричный рабочий, видно из того, что его трудом пользовались для производства товаров на манчестерский рынок. Джонсон: По профессии я трепальщик и работаю с 6 часов утра до 11 часов ночи, с понедельника до пятницы; по субботам мы кончаем в 6 часов вечера и имеем 3 часа на обед и отдых. У меня пять человек детей. За эту работу я получаю 10 шилл. 6 пенсов в неделю; моя жена тоже работает и зарабатывает 5 шилл. в неделю. Старшая девочка, двенадцати лет, присматривает за домом. Она наша кухарка и единственная помощница. Она готовит младших к школе. Моя жена встает и уходит одновременно со мной. Одна девушка, которая проходит мимо нашего дома, будит меня в 5½ часов утра. Перед уходом на работу мы ничего не едим. В течение дня двенадцатилетняя смотрит за младшими детьми. Завтракаем мы в 8 часов и для этого приходим домой. Чай мы пьем один раз в неделю; вообще же у нас бывает кисель (stirabout), иногда из овсяной муки, иногда из кукурузной муки, смотря по тому, что мы в состоянии купить. Зимой кроме кукурузной муки у нас есть только немного сахара и вода. Летом мы собираем немного картофеля, который сами сажаем на клочке земли, а когда картофель кончается, опять переходим на кисель. И так изо дня в день, по воскресеньям и будням, на протяжении всего года. Закончив работу, я всегда чувствую вечером большую усталость. Кусочек мяса мы видим в исключи-

¹⁸⁷⁾ Там же, стр. 21, 13.

тельных случаях, очень редко. Трое из наших детей посещают школу, за что мы платим по 1 пенсу в неделю за каждого. Наша квартирная плата составляет 9 пенсов в неделю, торф для отопления стоит по меньшей мере 1 шилл. 6 пенсов в две недели»¹⁸⁸⁾.

Вот она ирландская заработная плата, вот она ирландская жизнь!

В самом деле, нищета Ирландии опять сделалась в Англии злободневной темой. В конце 1866 и в начале 1867 г. один из ирландских земельных магнатов, лорд Дафферин, принялся на страницах «Times» за решение этого вопроса. «Как это гуманно со стороны такого важного господина!»¹⁸⁹⁾

Из таблицы Е мы видели, что в 1864 г. из общей прибыли в 4 368 610 ф. ст. всего три капиталиста получили 262 819 ф. ст., а в 1865 г. те же три виртуоза «самоотречения» из 4 669 979 ф. ст. общей прибыли положили в свой карман уже 274 528 ф. ст.; в 1864 г. 26 капиталистов получили 646 377 ф. ст., в 1865 г. 28 капиталистов — 736 448 ф. ст.; в 1864 г. 121 капиталист — 1 076 912 ф. ст., в 1865 г. 150 капиталистов — 1 320 906 ф. ст.; в 1864 г. 1 131 капиталист — 2 150 818 ф. ст., почти половину общей годовой прибыли; в 1865 г. 1 194 капиталиста — 2 418 833 ф. ст., более половины общей годовой прибыли. Но та львиная доля годовой суммы национальной арендной платы, которую поглощает ничтожная кучка земельных магнатов Англии, Шотландии и Ирландии, столь чудовищно велика, что английская государственная мудрость находит целесообразным не давать относительно распределения земельной ренты такого статистического материала, какой она дает относительно распределения прибыли. Лорд Дафферин — один из этих земельных магнатов. Что рента и прибыль могут быть когда-либо «избыточными» или что их изобилие стоит каким-либо образом в связи с изобилием народной нищеты, — это представление, разумеется, столь же «irrespectable» [«непочтительное»], сколь и «нездоровое» (unsound). Лорд придерживается фактов. Факты же таковы, что с уменьшением численности ирландского населения ирландские земельные ренты растут, что уменьшение населения «благотворительно» для земельного собственника, а следовательно, и для земли, а потому и для народа, который является лишь принадлежностью земли. Итак, лорд заявляет, что Ирландия все еще перенаселена и что поток эмиграции течет все еще слишком медленно. Чтобы достигнуть совершенного счастья, Ирландия должна расстаться еще по меньшей мере с $\frac{1}{3}$ миллиона рабочих. Не подумайте, что этот, помимо всего прочего и поэтический, лорд является врачом из школы Санградо, который, если он не замечал у своего больного улучшения, предписывал кровопускание, потом опять кровопускание, пока,

¹⁸⁸⁾ «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1866», p. 96.

наконец, не оставалось ни крови, ни болезни. Лорд Дафферин требует нового кровопускания всего в $1\frac{1}{3}$ миллиона вместо почти 2 миллионов, без удаления которых на Эрине действительно не водворится тысячелетнее царство. Доказательство не трудно представить.

Число и размеры ферм в Ирландии в 1864 г.

1 Фермы до 1 акра		2 Фермы от 1 до 5 акров		3 Фермы от 6 до 15 акров		4 Фермы от 16 до 30 акров	
Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь
48 653	25 394	82 037	288 916	176 368	1 836 310	136 578	3 051 343

5 Фермы от 31 до 50 акров		6 Фермы от 51 до 100 акров		7 Фермы свыше 100 акров		8 Общая площадь
Число	Площадь	Число	Площадь	Число	Площадь	
71 961	2 906 274	54 247	3 983 880	31 927	8 227 807	20 319 924 акра ^{188a)}

Централизация в период 1851—1861 гг. уничтожила преимущественно фермы первых трех категорий размером до 15 акров. Они должны исчезнуть прежде всего. Это дает 307 058 «избыточных» фермеров и, считая, что каждая семья состоит в среднем по меньшей мере из 4 душ, в общей сложности получается 1 228 232 человека. При невероятном предположении, что по завершении революции в земледелии $1\frac{1}{4}$ из них будет снова поглощена, все же оказывается, что 921 174 лицам приходится эмигрировать. Категории ферм 4, 5 и 6 размером свыше 15, но не более 100 акров, как давным-давно известно в Англии, для капиталистического зернового хозяйства слишком мелки, для овцеводства же — совсем ничтожны. Следовательно, при том же предположении, эмигрировать придется еще 788 761 человеку, что дает в сумме 1 709 532 человека. А так как l'appétit vient en mangeant [аппетит приходит во время еды], то глаза крупных земельных собственников скоро откроют, что Ирландия и при $3\frac{1}{2}$ миллионах населения — все еще нищенская страна, и нищенская она потому, что перенаселена, следовательно, уменьшение ее населения должно пойти еще значительно дальше, чтобы она могла выполнить свое истинное предназначение — страны овец и пастбищ для Англии^{188b)}.

^{188a)} Общая площадь включает также торфяные болота и невозделанные пустоши.

^{188b)} В третьей книге этой работы, в разделе о земельной собственности, я подробнее покажу, как отдельные земельные собственники и английский законодательство планомерно использовали голод и сопутствующие ему обстоятельства с целью насильственно

Этот прибыльный метод, как и все хорошее в этом мире, имеет свои недостатки. Параллельно с накоплением земельной ренты в Ирландии идет накопление ирландцев в Америке. Ирландец, вытесненный овцами и быками, воскресает по ту сторону океана как фений²⁰⁰. И против старой владычицы морей все более и более грозно поднимается исполинская юная республика.

*Acerba fata Romanos agunt
Sclusque fraternae necis*²⁰¹

осуществить революцию в земледелии и свести население Ирландии к размерам, угодным для лендлордов. Там же и возвращусь также к положению мелких фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Здесь только одна цитата. Нассау У. Сениор в своем посмертно опубликованном сочинении «*Journals, Conversations and Essays relating to Ireland*», 2 vols., London, 1868, v. II, p. 282, говорит между прочим: «Д-р Дж. справедливо отметил, что благодаря нашему закону о бедных мы располагаем сильным орудием для того, чтобы доставить победу лендлордам; другое орудие — эмиграция. Ни один друг Ирландии не пожелает, чтобы война» (между лендлордами и мелкими кельтскими фермерами) «затянулась, — и подавно не пожелает, чтобы она закончилась победой фермеров... Чем быстрее она» (эта война) «закончится, чем быстрее превратится Ирландия в страну пастбищ (grazing country) с сравнительно небольшой численностью населения, которая требуется для страны пастбищ, — тем лучше для всех классов». Английские хлебные законы 1815 г. обеспечивали Ирландию монополией свободного ввоза хлеба в Великобританию. Таким образом, они искусственно благоприятствовали возделыванию зерновых хлебов. В 1846 г. с отменой хлебных законов эта монополия была внезапно уничтожена. Не говоря уже о всех других обстоятельствах, одного этого события было достаточно для того, чтобы придать мощный размах превращению ирландской пахотной земли в пастбища, концентрации ферм и изгнанию мелких крестьян. Прославив в 1815—1846 гг. плодородие почв Ирландии и во всеуслышание заявив, что они самой природой предназначены для возделывания пшеницы, теперь английские агрономы, экономисты и политики вдруг открывают, что эти почвы ни на что более не пригодны, как только на производство зеленых кормов! Г-н Леонс де Лавернь поспешил повторить это по ту сторону Ла-Манша. Надо быть столь «серьезным» человеком, как Лавернь, чтобы клонуть на подобные рассказы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

1. ТАЙНА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ

Мы видели, как деньги превращаются в капитал, как капитал производит прибавочную стоимость и как за счет прибавочной стоимости увеличивается капитал. Между тем накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом, все это движение вращается, по-видимому, в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное» («previous accumulation» по А. Смиту), — накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом.

Это первоначальное накопление играет в политической экономике приблизительно такую же роль, как грехопадение в теологии: Адам вкусил от яблока, и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Его объясняют, рассказывая о нем как об историческом анекдоте, случившемся в древности. В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые и, прежде всего, бережливые разумные избранные и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие все, что у них было, и даже больше того. Правда, теологическая легенда о грехопадении рассказывает нам, как человек был осужден есть свой хлеб в поте лица своего; история же экономического грехопадения раскрывает, как могли появиться люди, совершенно не нуждающиеся в этом. Но это все равно. Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних, в конце концов, ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры. Со времени этого грехопадения ведет свое происхождение бедность широкой массы, у которой, несмотря на весь ее труд, все еще нечего продать, кроме себя самой, и богатство немногих, которое постоянно растет, хотя они давным-давно пере-

стали работать. Подобные пошлые сказки пережевывает, например, в целях оправдания *propriété* [собственности], г-н Тьер некогда столь остроумным французам, да еще с торжественно-серьезной миной государственного мужа. Но раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития. Как известно, в действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие. Но в кроткой политической экономии искони царствовала идиллия. Право и «труд» были искони единственными средствами обогащения — всегдашнее исключение составлял, разумеется, «этот год». В действительности методы первоначального накопления — это все, что угодно, но только не идиллия.

Деньги и товары, точно так же как жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. Но превращение это возможно лишь при определенных обстоятельствах, которые сводятся к следующему: два очень различных вида товаровладельцев должны встретиться друг с другом и вступить в контакт — с одной стороны, собственник денег, средств производства и жизненных средств, которому требуется закупить чужую рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны, свободные рабочие, продавцы собственной рабочей силы и, следовательно, продавцы труда. Свободные рабочие в двойном смысле: они сами не принадлежат непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д., но и средства производства не принадлежат им, как это имеет место у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, и т. д.; напротив, они свободны от средств производства, освобождены от них, лишены их. Этой поляризацией товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства. Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в постоянно возрастающем масштабе. Таким образом, процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, — непосредственных производителей в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства.

Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого.

Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращаются его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерах и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летопись человечества пламенеющим языком крови и огня.

Промышленные капиталисты, эти новые властители, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства. С этой стороны их возвышение представляется как плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также и против цехов и тех оков, которые налагают цехи на свободное развитие производства и свободную эксплуатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, к которым они сами были совершенно непричастны. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов.

Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в изменении формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую. Для того чтобы понять ход этого процесса, нам нет надобности забираться слишком далеко в прошлое. Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья — вольные города.

В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса

капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера ¹⁸⁹⁾.

2. ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЗЕМЛИ У СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Огромное большинство населения ¹⁹⁰⁾ состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность. В более крупных господских имениях *bailiff* (управляющий), некогда сам крепостной, был вытеснен свободным фермером. Наемные рабочие в земледелии состояли частью из крестьян, употреблявших свободное время на работу у крупных земельных собственников, частью из особого, относительно и абсолютно немногочисленного, класса собственно наемных рабочих. К тому же даже эти последние фактически были крестьянами, ведущими самостоятельное хозяйство, так как наряду с заработной платой получали коттедж, а также 4 и больше акров пахотной земли. Кроме того, совместно с крестьянами в собственном смысле они пользовались общинными землями, пасли на них свой скот и добывали топливо: дрова, торф и т. п. ¹⁹¹⁾. Во всех странах Европы феодальное производство

¹⁸⁹⁾ В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах, сохранившихся по большей части еще от римской эпохи. После того как революция мирового рынка с конца XV столетия ²⁰²⁾ уничтожила торговое преобладание Северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало несмысленному расцвету мелкой сельскохозяйственной культуры, организованной по типу садоводства.

¹⁹⁰⁾ «Мелкие земельные собственники, которые своими руками обрабатывали свои собственные поля и довольствовались скромным благосостоянием... составляли тогда гораздо более значительную часть нации, чем теперь... Не менее 160 000 земельных собственников, составлявших вместе с семьями, вероятно, более одной седьмой всего населения, жили обработкой своих мелких *freehold*-участков» (*freehold* — полная собственность на землю). «Средний доход этих мелких землевладельцев оценивается в 60—70 фунтов стерлингов. Вычислено, что лиц, обрабатывавших собственную землю, было больше, чем арендаторов чужой земли» (*Macauley. «History of England», 10th ed. London, 1854, v. I, p. 333, 334*). Еще в последнюю треть XVII столетия ¹⁾ англичане занимались земледелием (там же, стр. 413). — Я цитирую Макалея, потому что он, как систематический фальсификатор истории, по возможности «замазывает» такого рода факты.

¹⁹¹⁾ Не следует забывать, что даже крепостные не только являлись собственниками, — правда, обремененными платять оброк, — небольших участков земли, примыкавших к их

характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство¹⁹²⁾. Поэтому, хотя земля в Англии была разделена после норманского завоевания на гигантские баронства, которые нередко включали в себя до 900 старых англосаксонских лордств каждое, тем не менее она была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами и лишь в отдельных местах между этими последними находились крупные господские поместья. Такие отношения при одновременном расцвете городской жизни, характерном для XV столетия, создали возможность того народного богатства, которое с таким красноречием описывает канцлер Фортескью в своих «*Laudibus Legum Angliae*», но эти отношения исключали возможность капиталистического богатства.

Пролог переворота, создавшего основу капиталистического способа производства, разыгрался в последнюю треть XV и первые десятилетия XVI столетия. Масса поставленных вне закона пролетариев была выброшена на рынок труда в результате роспуска феодальных дружин, которые, по справедливому замечанию сэра Джемса Стюарта, «везде бесполезно заполняли дома и дворы»²⁰³. Хотя королевская власть, будучи сама продуктом буржуазного развития, в своем стремлении к абсолютизму насильственно ускоряла роспуск этих дружин, она отнюдь не была его единственной причиной. Крупные феодалы, стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с земли, на которую последние имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы. Непосредственный толчок к этому в Англии дал расцвет фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть. Старую феодальную знать поглотили великие феодальные войны, а новая была детищем своего времени, для которого деньги являлись силой всех сил. Превращение пашни в пастбище для овец стало лозунгом феодалов. Харрисон в своей работе «*Description of England. Prefixed to Holinshed's Chronicles*» описывает, какое разрушительное влияние на страну оказывала эта экспроприация

дворам, но и совладельцами общинной земли. «Крестьянин там» (в Силезии) — «крепостной». Тем не менее эти крепостные владеют общинными землями. «До сих пор не удалось склонить силезцев к разделу общинных земель, тогда как в Неймарке уже не осталось деревни, где бы этот раздел не был осуществлен с величайшим успехом» (*Mirabeau. «De la Monarchie Prussienne»*. Londres, 1788, t. II, p. 125, 126).

¹⁹²⁾ Якония с ее чисто феодальной организацией землеведения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками. Быть «либеральным» за счет средневековья чрезвычайно удобно.

мелких крестьян. Но, пишет он, «*what care our great incroachers!*» («какое дело до этого нашим великим узурпаторам!»). Жилища крестьян и коттеджи рабочих насильственно снесены или заброшены.

«Если мы», — говорит Харрисон, — «возьмем старые описи любого рыцарского имения, то увидим, что исчезли бесчисленные дома и мелкие крестьянские хозяйства; что земля кормит теперь гораздо меньшее количество людей; что многие города пришли в упадок, хотя наряду с этим расцветают новые... Я мог бы рассказать кое-что о городах и деревнях, которые были снесены и превращены в пастбища для овец и от которых остались только помещичьи дома».

Жалобы таких старых хроник всегда преувеличены, но они точно рисуют то впечатление, какое совершавшаяся в то время революция в производственных отношениях произвела на современников. Сравнивая сочинения канцлера Фортезкью и Томаса Мора, мы ясно видим ту пропасть, которая отделяет XV век от XVI. По справедливому замечанию Торнтона, английский рабочий класс из своего золотого века без всяких переходных ступеней попал в железный век.

Законодательство было испугано этим переворотом. Оно еще не стояло на той высоте цивилизации, на которой «*Wealth of the Nation*» [«национальное богатство»], т. е. созидание капитала и беспощадная эксплуатация и пауперизация народной массы, считается *ultima Thule* * всякой государственной мудрости. Бэкон в своей истории царствования Генриха VII говорит:

«В это время» (1489 г.) «умножились жалобы на превращение пахотных земель в пастбища» (для овец и т. д.), «требующие лишь присмотра немногих пастухов; земли, сдаваемые в аренду, пожизненную или годовую» (годовой арендой жила значительная часть йоменов), «были превращены в крупные имения. Это привело к упадку народа, а следовательно, к упадку городов, церквей, десятин... Король и парламент с мудростью, достойной изумления, старались излечить это зло... Они приняли меры против истребляющей население узурпации общинных земель (*depopulating inclosures*) и против истребляющего население пастбищного хозяйства (*depopulating pasturage*), по пятам следующего за этой узурпадией».

Акт Генриха VII, 1489 г., гл. 19, воспрещает сносить крестьянские дома, к которым принадлежит не менее 20 акров земли. Акт, изданный в 25-й год царствования Генриха VIII, возобновляет этот закон. Там говорится, между прочим, что

«значительное число арендных земель и большие стада скота, в особенности овец, скопляются в немногих руках, вследствие чего земельные ренты очень возросли, а обработка пашни (*tillage*) пришла в большой упадок, церкви и дома снесены и поразительно громадные массы людей лишились возможности содержать себя и свои семьи».

Закон предписывает поэтому восстановить запущенные дворы, устанавливает соотношение между пашней и пастбищем и т. д.

* — буквально: крайней Фулой; здесь это выражение употребляется в смысле: крайний предел. (Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы.) *Ред.*

Один акт 1533 г. скорбит о том, что многие собственники имеют до 24 000 овец, и ограничивает допустимое число двумя тысячами¹⁹³⁾. Одинаково бесплодны были и народные жалобы и законы против экспроприации мелких фермеров и крестьян, издававшиеся в течение 150 лет, начиная с эпохи Генриха VII. Тайну их бесплодности непреднамеренно выдал нам сам Бэкон.

«В акте Генриха VII», — пишет он в своих «*Essays, civil and moral*», глава 29, — «глубоким и достойным удивления было то, что он создавал сельскохозяйственные хозяйства и дворы определенной нормальной величины, т. е. удерживал за ними такое количество земли, при котором они могли давать подданных, достаточно обеспеченных и не находящихся в рабской зависимости, при котором, с другой стороны, плуг держали руки самого собственника, а не наемника» («to keep the plough in the hand of the owners and not hirelings») ^{193a)}.

Но капиталистическая система, наоборот, требовала именно рабского положения народных масс, превращения их самих в наемников и превращения средств их труда в капитал. В течение этого переходного периода законодательство старалось также закрепить минимум 4 акра земли за каждым коттеджем сельского наемного рабочего и воспрещало последнему принимать в свой коттедж жильцов. Еще в 1627 г., при Карле I, Роджер Крокер из Фонтмилла был осужден за то, что выстроил в своем имении Фонтмилла коттедж и не отвел для него 4 акров земли; еще в 1638 г., при Карле I, была назначена королевская комиссия с целью добиться соблюдения старых законов, в особенности закона о 4 акрах земли; еще Кромвель запретил в радиусе 4 миль от Лондона строить дома, при которых не было бы 4 акров земли. Еще в первую половину XVIII века сельскохозяйственный рабочий жаловался в суд, если к его коттеджу не отводилось от 1 до 2 акров. А теперь он счастлив, если при коттедже имеется маленький огорожок или поодаль от него можно снять несколько квадратных сажен земли.

¹⁹³⁾ В своей «Утопии» Томас Мор говорит об удивительной стране, где «овцы пожирают людей» («*Utopia*», transl. Robinson, ed. Arber, London, 1869, p. 41).

^{193a)} Бэкон разъясняет связь, существующую между свободным зависимым крестьянством и хорошей пехотой. «Для поддержания могущества и прав в королевстве было в высшей степени важно сохранить достаточные размеры аренды, чтобы обеспечить безбедное существование здоровым способным людям и закрепить большую часть земли королевства во владении йоменов, т. е. людей, занимающих среднее положение между благородными и коттеджами (*cottagers*) и батраками... Ибо все наиболее компетентные знатоки военного дела согласны между собой в том... что главную силу армии составляет инфантерия, или пехота. Но чтобы создать хорошую инфантерию, необходимы люди, которые выросли не в рабстве и нищете, а на свободе и в обстановке известного благосостояния. Поэтому, если в государстве главное значение имеют дворяне и высшее общество, а сельское население и пахари состоят лишь из рабочих или батраков, а также из коттеджей, т. е. нищих, владеющих хижинами, то при таких условиях возможно иметь хорошую конницу, но отнюдь не хорошую, стойкую пехоту... Мы видим это во Франции и Италии и в некоторых других иностранных землях, где действительно все население состоит из дворянства и нищих крестьян... так что они вынуждены применять для своих пехотных батальонов наемные банды швейцарцев и т. п., откуда и происходит, что эти нации имеют многочисленное население, но мало солдат» («*The Reign of Henry VII etc. Verbatim Reprint from Kennet's England, ed. 1719*». London, 1870, p. 308).

«Земельные собственники и арендаторы действуют здесь рука об руку», — говорит д-р Хантер. — «Несколько акров при коттедже сделали бы рабочего слишком независимым»¹⁹⁴⁾.

Насильственная экспроприация народных масс получила новый страшный толчок в XVI столетии в связи с Реформацией и сопровождавшим ее колоссальным расхищением церковных имений. Ко времени Реформации католическая церковь была феодальной собственницей значительной части земли в Англии. Уничтожение монастырей и т. д. превратило в пролетариат их обитателей. Сами церковные имения были в значительной своей части подарены хищным королевским фаворитам или проданы за бесценок спекулирующим фермерам и горожанам, которые массами сгоняли с них их старых наследственных арендаторов и соединяли вместе хозяйства последних. Гарантированное законом право обедневших земледельцев на известную часть церковной десятины было у них молчаливо отнято¹⁹⁵⁾. «*Rauper ubique jacet*»²⁰⁴⁾, — воскликнула королева Елизавета после одного путешествия по Англии. На 43 году ее царствования правительство вынуждено было, наконец, официально признать пауперизм, введя налог в пользу бедных.

«Авторам этого закона было стыдно открыто высказать его мотивы, и потому вопреки всем обычаям он вышел в свет без всякой преамбулы» (пояснительного предисловия)¹⁹⁶⁾.

Акт, изданный в 16-й год царствования Карла I, 4, объявил этот закон постоянным, и лишь в 1834 г. ему была придана новая, более строгая форма¹⁹⁷⁾. Эти непосредственные последствия

¹⁹⁴⁾ Д-р Хантер в «Public Health. 7th Report 1864». London, 1865, p. 134. «Количество земли, предписываемое» (старыми законами), «рассматривается теперь как слишком значительное для рабочих и даже способное превратить их в мелких фермеров» (George Roberts. «The Social History of the People of the Southern Counties of England in Past Centuries». London, 1856, p. 184, 185).

¹⁹⁵⁾ «Право бедных на часть церковной десятины прямо установлено древними статутами» (J. D. Tuckett, цит. соч., т. II, стр. 804, 805).

¹⁹⁶⁾ William Cobbett. «A History of the Protestant Reformation». § 471.

¹⁹⁷⁾ Как проявлялся при этом протестантский «дух», видно между прочим из следующего. Несколько земельных собственников и зажиточных фермеров на юге Англии, собравшись и совместно пораскинув мозгами, выработали десять вопросов относительно того, как всего правильнее толковать елизаветинский закон о бедных. Эти вопросы они подали на заключение знаменитому юристу того времени доктору права Снигге (зпослединый при Якове I — судья). «Девятый вопрос гласит: Некоторые богатые фермеры прихода придумали мудрый план, при помощи которого может быть устранено всякое замешательство при выполнении акта. Они предлагают построить в приходе тюрьму. Каждому бедному, который не согласится подвергнуться заключению в означенной тюрьме, должно быть отказано в помощи. Далее, соседние селения должны быть оповещены, что если там найдется какое-либо лицо, склонное нанять бедных этого прихода, то пусть оно присылает в определенный день запечатанное прошение с указанием самой низкой цены, за которую оно согласно взять к себе и содержать наших бедных. Авторы этого плана думают, что в соседних графствах имеются лица, не желающие работать и не обладающие достаточным состоянием или кредитом, чтобы взять в аренду землю или корабль и таким образом жить не трудясь («so as to live without labour»). Такие лица могли бы сделать приходу очень выгодные предложения. Если же и будет случаться порою, что бедные, отданные на попечение нанимателя, погибнут, то грех падет на голову последнего, так как приход исполнил свой долг по отношению к этим бедным. Мы опасаемся, однако, что настоящий акт не допускает подобного рода мудрых мероприятий (prudential measure), но мы должны знать, что все остальные фригольдеры нашего и соседних графств присоединятся к нам

Реформации не были, однако, самым важным ее результатом. Церковная собственность составляла религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности. С падением этой твердыни не могли устоять и эти отношения ¹⁹⁸⁾.

Еще в последние десятилетия XVII века йомены, независимые крестьяне, были многочисленнее, чем класс арендаторов. Они были главной силой Кромвеля и, даже по признанию Маколея, представляли выгодный контраст по сравнению с кутилами-дворянчиками и их слугами, сельскими попами, на обязанности которых лежало покрывать брачным венцом грехи отставных барских любовниц. Даже и наемные сельские рабочие были все еще со-владельцами общинной собственности. Приблизительно к 1750 г. исчезают йомены ¹⁹⁹⁾, а в последние десятилетия XVIII столетия исчезают всякие следы общинной собственности земледельцев. Мы оставляем здесь в стороне чисто экономические пружины аграрной революции. Нас интересуют ее насильственные рычаги.

Во время реставрации Стюартов земельные собственники провели в законодательном порядке ту узурпацию, которая на континенте совершилась везде без всяких законодательных околичностей. Они уничтожили феодальный строй поземельных отношений, т. е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, «компенсировали» государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на кото-

и побудят своих представителей в палате общин внести законопроект, разрешающий подвергать бедных тюремному заключению и принудительным работам, так чтобы ни один человек, не согласный подвергаться заключению, не имел права на вспомоществование. Это, надеемся мы, отобьет у лиц, впадших в нищету, охоту просить вспомоществование» («will prevent persons in distress from wanting relief») (*R. Blakey. The History of Political Literature from the Earliest Times*. London, 1855, v. II, p. 84, 85). — В Шотландии крепостное право было уничтожено на несколько столетий позже, чем в Англии. Еще в 1698 г. Флетчер из Солтуна заявил в шотландском парламенте: «Нищих в Шотландии насчитывается не менее 200 000. Единственное средство против этого, которое я, республиканец в принципе, могу предложить, — это восстановление крепостного права и превращение в рабов всех тех, кто неспособен самостоятельно обеспечить свое существование». Так же говорит и Иден в книге «*The State of the Poor*», v. I, ch. I, p. 60, 61: «Свобода земледельцев порождает пауперизм. Мануфактуры и торговля — вот истинные родители наших бедных». Иден и цитированный выше шотландский «республиканец в принципе» ошибаются лишь в одном: земледелец сделался пролетарием или паупером не потому, что было уничтожено крепостное право, а потому, что была уничтожена его собственность на землю. — Во Франции, где экспроприация совершилась иным способом, английскому закону о бедных соответствуют Муленский ординанс 1566 г. и эдикт 1656 года.

¹⁹⁸⁾ Г-н Роджерс, хотя он был в то время профессором политической экономии в Оксфордском университете, этом центре протестантской ортодоксии, подчеркивает в своем предисловии к «*History of Agriculture*» факт пауперизации народных масс вследствие Реформации.

¹⁹⁹⁾ «*A Letter to Sir T. C. Bunbury, Bt.: On the High Price of Provisions*». By a Suffolk Gentleman. Ipswich, 1795, p. 4. Даже фанатичный защитник крупного фермерства, автор «*Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions and the Size of Farms etc.*». London, 1773, p. 139, говорит: «Я больше всего скорблю... об исчезновении наших йоменов, этой категории людей, которые действительно поддерживали независимость нашей нации; мне грустно видеть, что земли их находятся теперь в руках монополистов-лордов и сдаются в аренду мелким фермерам на условиях не намного лучших, чем для вассалов, причем эти фермеры при первом же злосчастном случае могут быть прогнаны»

рые они имели лишь феодальное право, и, наконец, октроировали сельским рабочим Англии законы о поселении («laws of settlement»), которые, *mutatis mutandis* [с соответствующими изменениями], оказали на английских земледельцев такое же влияние, как указ татарина Бориса Годунова на русское крестьянство²⁰⁵.

«Glorious Revolution» (славная революция)²⁰⁶ вместе с Вильгельмом III Оранским²⁰⁰⁾ поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов. Они освятили новую эру, доведя до колоссальных размеров то расхищение государственных имуществ, которое до сих пор практиковалось лишь в умеренной степени. Государственные земли отдавались в дар, продавались за бесценок или же присоединялись к частным поместьям путем прямой узурпации²⁰¹⁾. Все это совершалось без малейшего соблюдения норм законности. Присвоенное таким мошенническим способом государственное имущество наряду с землями, награбленными у церкви, поскольку они не были снова утеряны во время республиканской революции, и составляют основу современных княжеских владений английской олигархии²⁰²⁾. Капиталисты-буржуа покровительствовали этой операции между прочим для того, чтобы превратить землю в предмет свободной торговли, расширить область крупного земледельческого производства, увеличить прилив из деревни поставленных вне закона пролетариев и т. д. К тому же новая земельная аристократия была естественной союзницей новой банократии, этой только что вылупившейся из яйца финансовой знати, и владельцев крупных мануфактур, опиравшихся в то время на покровительственные пошлины. Английская буржуазия защищала здесь лишь свои собственные интересы и с этой точки зрения поступала столь же правильно, как и шведские горожане, которые, наоборот, соединившись со своим экономическим оплотом — крестьянством, поддерживали королей, насильственно отбиравших у олигархии награбленные ею коронные земли (начиная с 1604 г. и затем позднее, при Карле X и Карле XI).

²⁰⁰⁾ О моральном облике этого буржуазного героя дает представление следующее: «Обширные земли в Ирландии, подаренные в 1695 г. леди Оркни, — вот общеизвестный образчик того, как сильна была любовь короля и как велико влияние леди... Любезные услуги леди Оркни по всей вероятности были — *foeda laborum ministeria* [грязные услуги любви]». (В коллекция рукописей, собранной Слооном, в Британском музее, № 4221. Рукопись озаглавлена: «The Charakter and Behaviour of King William, Sunderland etc. as represented in Original Letters to the Duke of Shrewsbury from Somers, Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc.»). Она полна курьезов.)

²⁰¹⁾ «Незаконное отчуждение коронных земель, частью путем продажи, частью путем дарения, составляет скандальную главу английской истории... гигантское надувательство нации (*gigantic fraud on the nation*)» (*F. W. Newman. «Lectures on Political Economy».* London, 1851, p. 129, 130). (Подробные данные относительно того, как крупные землевладельцы современной Англии приобрели свои владения, см. в [*Evans, N. H.*] «Our old Nobility». By Noblesse Oblige. London, 1879. Ф. 2.)

²⁰²⁾ См., например, памфлет Э. Бёрка²⁰⁷ о герцогском доме Бедфордов, отириском которого является лорд Джон Рассел, «the tomtit of liberalism» [«птичка-невеличка либерализма»].

Общинная собственность — совершенно отличная от государственной собственности, о которой только что шла речь, — была старогерманским институтом, сохранившимся под покровом феодализма. Мы уже видели, что насильственная узурпация ее, сопровождаемая обыкновенно превращением пашни в пастбище, началась в конце XV и продолжалась в XVI веке. Однако в те времена процесс этот совершался в форме отдельных индивидуальных насилий, с которыми законодательство тщетно боролось в течение 150 лет. В XVIII столетии обнаруживается прогресс в том отношении, что сам закон становится орудием грабежа народной земли, хотя попутно крупные фермеры применяют и свои собственные маленькие методы ²⁰³⁾. Парламентской формой этого грабежа являются «Bills for Inclosures of Commons» (законы об огораживании общинной земли), т. е. декреты, при помощи которых лендлорды сами себе подарили народную землю на правах частной собственности, — декреты, экспроприирующие народ. Сэр Ф. М. Иден, пытающийся изобразить общинную собственность как частную собственность крупных земельных собственников, заступивших место феодалов, сам опровергает свою хитроумную адвокатскую речь, требуя «общего парламентского акта об огораживании общинных земель», признавая, следовательно, что для их превращения в частную собственность необходим парламентский государственный переворот и, с другой стороны, настаивая на законодательном «возмещении убытков» экспроприированных бедняков ²⁰⁴⁾.

Когда место независимых йоменов заняли tenants-at-will — мелкие фермеры, арендовавшие землю погодно, сброд людей, рабски приниженных и зависящих от произвола лендлорда, то систематическое расхищение общинных земель наряду с грабежом государственных имуществ особенно помогло образованию тех крупных ферм, которые в XVIII веке назывались капитальными фермами ²⁰⁵⁾ или купеческими фермами ²⁰⁶⁾; эти же причины способствовали превращению сельского населения в пролетариат, его «высвобождению» для промышленности.

Для XVIII века не было еще в такой степени ясно, как для XIX, что национальное богатство тождественно с народной бед-

²⁰³⁾ «Фермеры запрещают коттерам держать какие бы то ни было живые существа, кроме них самих, под тем предлогом, что, если бы у них были скот и птица, они стали бы воровать корм у фермеров. Они говорят также: если хочешь, чтобы коттер был трудолюбив, держи его в бедности. В действительности все дело сводится к тому, что фермеры узурпируют таким образом все права на общинные земли» («A Political Inquiry into the Consequences of Enclosing Waste Lands». London, 1785, p. 75).

²⁰⁴⁾ Eden, цит. соч., предисловие.

²⁰⁵⁾ «Capital farms» («Two Letters on the Flour Trade and the Dearthness of Corn». By a Person in Business. London, 1767, p. 19, 20).

²⁰⁶⁾ «Merchant-farms» («An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions». London, 1767, p. 111, примечание). Автором этой хорошей работы, выпущенной в свет анонимно, является священник Натаниел Форестер.

ностью. Отсюда энергичнейшая полемика в экономической литературе того времени относительно «огораживания общинных земель». Из огромного материала, лежащего передо мной, я приведу только немногие места, особенно ярко иллюстрирующие положение того времени.

«Во многих приходах Хартфордшира», — пишет одно возмущенное перо, — «24 фермы по 50—150 акров в каждой соединены в 3 фермы»²⁰⁷⁾. «В Нортгемптоншире и Лестершире очень распространилось огораживание общинных земель, и большинство новых лордств, образовавшихся благодаря огораживанию, превращено в пастбища; вследствие этого во многих лордствах не распахируется и 50 акров, хотя раньше распахивалось до 1 500 акров... Развалины стоявших здесь некогда жилых домов, сараев, конюшен и т. д.» — вот единственные следы, оставшиеся от прежних жителей. «В некоторых местах от ста домов и семей осталось всего... 8 или 10... В большинстве приходов, где огораживание началось всего 15 или 20 лет тому назад, сохранились лишь очень немногие из тех земельных собственников, которые обрабатывали землю раньше, когда поля еще не были огорожены. Далеко не редки случаи, когда 4 или 5 богатых скотоводов узурпируют большие недавно огороженные лордства, которые раньше находились в руках 20—30 фермеров и такого же количества мелких собственников и других жителей. Все они с их семьями изгнаны из своих владений, вместе с ними изгнано и много других семей, которые находили у них работу и пропитание»²⁰⁸⁾.

Под предлогом огораживания лендлорды захватывали не только пустующие соседние земли, но зачастую также и земли, обрабатываемые сообща или отдельными лицами, арендующими их у общины за определенную плату.

«Я говорю здесь об огораживании открытых до того времени полей и земель, которые уже были обработаны. Даже авторы, защищающие огораживания, признают, что вследствие огораживаний усиливается монопольное положение крупных ферм, повышаются цены на жизненные средства и сокращается население... Даже огораживание пустошей, в том виде, как оно практикуется в настоящее время, лишает бедняков части их средств существования и увеличивает фермы и без того уже слишком крупные»²⁰⁹⁾. «Если земля», — пишет доктор Прайс, — «попадает в руки немногих крупных фермеров, то мелкие фермеры» (которых он раньше характеризовал как «массу мелких собственников и фермеров, обеспечивающих себя и свои семьи продуктами обрабатываемой ими земли, овцами, которые содержатся на общинной земле, птицей, свиньями и т. д., так что им почти не приходится покупать средства существования на рынке») «превращаются в людей, вынужденных добывать себе средства к существованию трудом на других и покупать все, что им нужно, на рынке... Выполняется, быть может, больше труда, так как больше принуждают к труду... Города и мануфактуры будут расти, потому что туда съезжается все большее количество людей, вынужденных искать себе занятий. Вот те результаты, к которым неизбежно должна приводить концентрация ферм и к которым она действительно приводит в нашем королевстве в течение уже столь многих лет»²¹⁰⁾.

²⁰⁷⁾ *Thomas Wright*. «A short address to the Public on the Monopoly of large farms», 1779, p. 2, 3.

²⁰⁸⁾ *Rev. Addington*. «Inquiry into the Reasons for and against Inclosing Open Fields». London, 1772, p. 37—43 *passim*.

²⁰⁹⁾ *Dr. R. Price*. «Observations on Reversionary Payments», 6 ed. By W. Morgan. London, 1803, v. II, p. 155. Прочтите Форстера, Аддингтона, Кента, Прайса и Джемса Андерсона и сравните с ними жалкую сикофантскую болтовню Мак-Куллоха в его каталоге: «The Literature of Political Economy». London, 1845.

²¹⁰⁾ *Dr. R. Price*, цит. соч., стр. 147.

Общие последствия огораживаний он резюмирует следующим образом:

«В общем положение низших классов народа ухудшилось почти во всех отношениях, мелкие землевладельцы и фермеры низведены до уровня поденщиков и наемников; в то же время добывать средства к жизни в этом положении им стало труднее» ²¹¹⁾.

Действительно, захват общинной земли и сопровождавшая его революция в земледелии отразились так резко на положении сельскохозяйственных рабочих, что, по словам самого Идена, заработная плата их в 1765—1780 гг. стала падать ниже минимума, вследствие чего ее приходилось дополнять из средств официальной благотворительности. Их заработной платы, говорит он, «хватало лишь для удовлетворения абсолютно необходимых жизненных потребностей».

Послушаем теперь одного защитника огораживаний и противника д-ра Прайса.

«Неправильно вывод, будто страна обезлюдела, поскольку население не расточает более свой труд на открытых полях... Если после превращения мелких крестьян в людей, вынужденных работать на других, приведено в движение большее количество труда, то это только выгодно и желательно для нации» (к которой претерпевшие превращение крестьяне, разумеется, не относятся) «...Продукта получается больше, если их комбинированный труд применяется на одной ферме: таким путем создается излишек для мануфактур и, следовательно, число мануфактур — этих золотых россыпей нашей страны — возрастает соответственно количеству производимого хлеба» ²¹²⁾.

Сэр Ф. М. Иден, человек торийской окраски и «филантроп», дает нам, между прочим, образчик того стоического спокойств-

²¹¹⁾ Там же, стр. 159. Это напоминает Древний Рим. «Богатые овладели большей частью неразделенных земель. Полагаясь на благоприятно сложившиеся для них условия того времени, они не боялись, что земли эти будут у них отобраны обратно, и потому покупали расположенные по соседству участки бедняков, частью с согласия последних, частью же брали их силой, так что теперь они стали распахивать сразу очень обширные площади вместо разбросанных полей. При этом для сельскохозяйственных работ и скотоводства они употребляли рабов, так как свободные люди были бы заняты на военную службу и, следовательно, не могли бы у них работать; обладание рабами приносило им крупную выгоду еще и потому, что вследствие освобождения от военной службы рабы могли беспрепятственно размножаться и имели много детей. Таким образом сильные люди сосредоточили в своих руках все богатства, и вся страна кишела рабами. Итальянцев же становилось все меньше из-за свирепствовавшей среди них нищеты, налогов и военной службы. А когда наступали мирные времена, они были осуждены на полную бездеятельность, так как богатые владели всей землей и вместо свободных людей использовали рабов для возделывания земли» (Appian. «Römische Bürgerkriege», I, 7). Это место относится к эпохе, предшествовавшей закону Лициния ²⁰⁸⁾. Военная служба, так сильно ускорявшая разорение римского плебса, для Карла Великого была главным средством быстрого превращения свободных немецких крестьян в феодально зависимых и крепостных.

²¹²⁾ [J. Arbuthnot.] «An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions etc.», p. 124, 129. Подобные же рассуждения, но с противоположной тенденцией, мы находим у другого автора: «Рабочие изгнаны из своих коттеджей и вынуждены устроиться в города в поисках занятий, — но при этом получается больше прибавочного продукта, и таким образом капитал возрастает» ([R. B. Seeley.] «The Perils of the Nation», 2nd ed. London, 1843, p. XIV).

вия духа, с которым экономисты рассматривают самые наглые нарушения «священного права собственности» и самые грубые насилия над личностью, если они требуются для того, чтобы заложить основы капиталистического способа производства. Бесконечный ряд грабежей, жестокостей и измывательств, сопровождавший насильственную экспроприацию народа начиная с последней трети XV и до конца XVIII столетия, приводит его лишь к следующему «весьма удобному» заключительному размышлению:

«Необходимо было установить надлежащую (due) пропорцию между пашней и пастбищем. Еще в течение всего XIV и большей части XV столетия один акр пастбищ приходился на 2, 3 и даже 4 акра пашни. В середине XVI столетия пропорция эта изменилась так, что 2 акра пастбищ стали приходиться на 2, позднее на 1 акр пашни, пока, наконец, не была достигнута правильная пропорция: 3 акра пастбища на один акр пашни».

В XIX веке исчезло, конечно, и самое воспоминание о связи между земледельцем и общинной собственностью. Не говоря уже о позднейшем времени, сельское население не получило ни копейки вознаграждения за те 3 511 770 акров общинной земли, которые были у него отняты между 1801 и 1831 гг. и подарены лендлордам парламентом, состоящим из лендлордов.

Наконец, последним крупным процессом экспроприации земли у земледельцев является так называемая «Clearing of Estates» («очистка имений» — в действительности очистка их от людей). «Очистка» представляет собой кульминационный пункт всех рассмотренных выше английских методов экспроприации. Выше мы видели, что уже не оставалось независимых крестьян, которых можно было бы выместить, и дело теперь доходит до «очистки» земли от коттеджей, так что сельскохозяйственные рабочие уже не находят себе необходимого места для жилья на обрабатываемой ими земле. Что такое «Clearing of Estates» в собственном смысле, мы можем узнать, лишь обратившись к горной Шотландии, этой обетованной земле современных романов. Там процесс этот отличается своим систематическим характером, широтой масштаба, при котором он совершается разом (в Ирландии лендлорды сносят по нескольку деревень одновременно; в горной Шотландии сразу «очищаются» земельные площади по величине равные германским герцогствам), и, наконец, особой формой экспроприруемой земельной собственности.

Кельты горной Шотландии жили кланами, каждый из которых был собственником занятой им земли. Представитель клана, глава его, или «большой человек», был собственником этой земли лишь в силу титула совершенно так же, как английская королева является в силу своего титула собственницей всего национального земельного фонда. Когда английскому правительству удалось подавить внутренние войны между этими «большими людьми»

и прекратить их постоянные набеги на территорию равнинной Шотландии, то главы кланов отнюдь не отказались от своего старого разбойничьего ремесла; была изменена только его форма. Собственной своей властью они превратили свое право собственности в силу титула в право частной собственности и, натолкнувшись на сопротивление рядовых членов клана, решили согнать их с земли путем открытого насилия. «С таким же основанием король Англии мог бы претендовать на право согнать своих подданных в море», — говорит профессор Ньюмен²¹³⁾. Эту революцию, начавшуюся в Шотландии вслед за последним восстанием сторонников претендента²⁰⁹⁾, можно проследить в ее первых фазах по работам сэра Джемса Стюарта²¹⁴⁾ и Джемса Андерсона²¹⁵⁾. В XVIII столетии для согнанных с земли гэлов²¹¹⁾ запретили к тому же эмиграцию, так как хотели насильно загнать их в Глазго и другие фабричные города²¹⁶⁾. Как пример метода, господствующего в XIX столетии²¹⁷⁾, мы возьмем здесь «очистки», произведенные герцогиней Сатерленд. Как только бразды правления попали в руки этой особы, весьма просвещенной в вопросах политической экономии, она решила немедленно же приступить к радикальному экономическому лечению и превратить в пастбище для овец все графство, население которого прежними мероприятиями аналогичного характера уже было уменьшено до

213) F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 132.

214) Стюарт говорит: «Рента с этих земельных участков» (он ошибочно подводит под экономическую категорию земельной ренты дань, уплачиваемую таксменами²¹⁶⁾ главе клана) «весьма неизвестельна по сравнению с их размерами; что же касается числа лиц, живущих арендой, то, быть может, окажется, что клочок земли в горных местностях Шотландии кормит в десять раз больше людей, чем земля такой же ценности в самых богатых провинциях» (James Stuart. «An Inquiry into the Principles of Political Economy». London, 1767, v. I, ch. XVI, p. 104).

215) James Anderson. «Observations on the means of exciting a spirit of National Industry etc.». Edinburgh, 1777.

216) В 1860 г. насильственно экспропрированные были вывезены в Канаду, причем им давали заведомо ложные обещания. Некоторые из них бежали в горы и на соседние острова. За ними была организована погоня из полицейских, от которых они скрылись после рукопашной схватки.

217) «В горных областях», — пишет в 1814 г. Бьюкенен, комментатор А. Смита, — «старая система собственности ежедневно насильственно опрокидывается... Лендлорд, не обращая внимания на наследственных арендаторов» (в данном случае эта категория также неправильно применена), «отдает землю тому, кто предлагает за нее высшую плату, и если этот последний улучшает землю, он тотчас же вводит новую систему культуры. Земля, раньше усеянная мелкими крестьянами, была населена в соответствии с количеством получаемого с нее продукта; при новой системе улучшенной культуры и увеличенной ренты стараются получить возможно больше продукта при возможно меньших издержках и ради этой цели удаляют все руки, ставшие бесполезными... Люди, изгнанные из родных мест, ищут средства существования в фабричных городах и т. д.» (David Buchanan. «Observations on etc. A. Smith's Wealth of Nations». Edinburgh, 1814, v. IV, p. 144). «Шотландская знать экспроприровала крестьянские семьи, выбросив их, как сорную траву; она обращается с деревнями и их населением, как индейцы, охваченные местью, обращаются с берлогами диких зверей... Человек продается за овяну, за баранью ногу, даже еще дешевле... При набегах на северные провинции Китая на совете монголов было предложено уничтожить обитателей и превратить их землю в пастбище. Многие лендлорды горной Шотландии осуществили этот проект в собственной стране по отношению к своим соотечественникам» (George Ensor. «An Inquiry concerning the Population of Nations». London, 1818, p. 215, 216)..

15 000 человек. С 1814 по 1820 г. эти 15 000 жителей — около 3 000 семей — систематически изгонялись и искоренялись. Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища. Британские солдаты были посланы для экзекуции, и дело доходило у них до настоящих битв с местными жителями. Одну старуху сожгли в ее собственной избе, так как она отказалась ее покинуть. Таким путем эта дама присвоила себе 794 000 акров земли, с незапамятных времен принадлежавших клану. Изгнанным жителям она отвела на берегу моря около 6 000 акров земли, по 2 акра на семью. Эти 6 000 акров раньше пустовали и не приносили собственникам никакого дохода. Герцогиня обнаружила столь высокое благородство чувств, что сдала землю в среднем по 2 шилл. 6 пенсов за акр тем самым членам клана, которые в течение столетий проливали кровь за ее род. Всю награбленную у клана землю она разделила на 29 крупных ферм, предназначенных для овцеводства, причем в каждой ферме жила одна-единственная семья, большей частью батраки фермеров-англичан. В 1825 г. 15 000 гэлов уже были замещены 131 000 овец. Часть аборигенов, изгнанных на морской берег, пыталась прокормиться рыболовством. Они превратились в амфибий и жили, по словам одного английского автора, наполовину на земле, наполовину на воде, но и земля и вода вместе лишь наполовину обеспечивали их существование ²¹⁸⁾.

Но бравых гэлов ждало новое и еще более тяжелое испытание за их горно-романтическое преклонение перед «большими людьми» клана. «Большие люди» почувствовали запах рыбы. Они пронюхали в нем нечто прибыльное и сдали морское побережье в аренду крупным лондонским рыботорговцам. Гэлы были изгнаны вторично ²¹⁹⁾.

Но, в конце копцов, и часть пастбищ для овец, в свою очередь, превращается в охотничьи парки. Как известно, в Англии нет настоящих лесов. Дикий олень, обитающий в парках аристократов, является уже как бы домашним животным, жирным, как лондонские олдермены. Шотландия представляет собой последнее убежище этой «благородной страсти».

²¹⁸⁾ Когда нынешняя герцогиня Сатерленд устроила в Лондоне пышную встречу миссис Бичер-Стоу, автору «Хижин дяди Тома», с целью продемонстрировать свою симпатию к неграм-рабам Американской республики, — об этой симпатии она вместе с другими аристократками благодушно забыла во время Гражданской войны, когда все «благородные» английские сердца сочувствовали рабовладельцам, — я рассказал в «New-York Tribune» о том, как живут рабы самой Сатерленд ²¹² (часть моей статьи цитирована Кэри в «The Slave Trade». Philadelphia, 1853, p. 202, 203). Статья эта была перепечатана одной шотландской газетой и вызвала энергичную полемику между этой последней и сикофантами Сатерленд.

²¹⁹⁾ Интересные данные об этой рыбной торговле мы находим у Давида Уркарта в «Portfolio. New Series». — Нассау У. Сензор в своем выше цитированном, посмертно изданном сочинении «Journals, Conversations and Essay relating to Ireland», London, 1868, квалифицирует «мероприятия в Сатерлендшире как одну из самых благодетельных «очисток» (clearings), какие только знает человечество».

«В горных областях», — пишет Сомерс в 1848 г., — «площадь под лесом значительно расширилась^{219а)}. Здесь, по одну сторону Гейка, вы видите новый лес Гленфеша, там, по другую его сторону новый лес Ардверики. Там же перед вами Блэк-Маунт, огромная недавно созданная пустошь. С востока к западу, от окрестностей Абердина до скал Обана, тянется в настоящее время непрерывная полоса лесов, между тем как в других частях горной страны новые леса находятся в Лох-Аркейге, Гленгарри, Гленмористоне и т. д. Превращение земли в пастбища для овец... выгнало гзлов на менее плодородные земли. Теперь олень начинает вытеснять овец, что подвергает галов в еще более безвыходную нищету... Охотничий парк и народ не могут ужиться вместе. Тот или другой должен исчезнуть. Если в ближайшую четверть века места для охоты будут численно и по своим размерам возрастать в такой же степени, как они возрастали в прошлую четверть века, то ни одного гзла не останется более на родной земле. Это движение среди земельных собственников горных местностей вызвано отчасти модой, аристократической прихотью, страстью к охоте и т. п., отчасти же они торгуют дикими животными, имея в виду исключительно выгоду. Ибо фактически участок горной земли, отведенный для охоты, оказывается во многих случаях несравненно более доходным, чем тот же участок, превращенный в пастбище для овец... Любитель, ищущий места для охоты, готов предложить такую плату, какую только позволяют размеры его кошелька... Бедствия, постигшие горную Шотландию, не менее ужасны, чем те, которые постигли Англию в результате политики норманских королей. Дикие животные получили больше простора, но зато людей теснят все больше и больше... У народа отнимают одну волюность за другой... И гнет ежедневно возрастает. «Очистка» и изгнание населения производятся собственниками как твердо установленный принцип, как агротехническая необходимость, подобно тому, как на девственных землях Америки и Австралии выкорчевываются деревья и кустарники; и эта операция совершается спокойным, деловым образом»²²⁰⁾.

^{219а)} В шотландских «deer forests» [«охотничьих парках»] нет ни одного дерева. Овец угоняют прочь, на место их стоняют оленей на голые горы и называют это «deer forest». Таким образом, здесь нет даже лесоразведения.

²²⁰⁾ Robert Somers. «Letters from the Highlands; or, the Famine of 1847». London, 1848, p. 12—28 passim. Эти письма появились первоначально в «Times». Английские экономисты, само собой разумеется, объясняли голод, постигший гзлов в 1847 г., их перенаселением. Во всяком случае голы, видите ли, «давили» на средства своего пропитания. В Германии «очистка имений», или, как она называлась здесь, «Bauernlegen», развилась с особенной силой после Тридцатилетней войны и еще в 1790 г. вызвала крестьянские восстания в курфюршестве Саксонии. Она распространилась в Восточной Германии. В большинстве провинций Пруссии право собственности было гарантировано крестьянам впервые Фридрихом II. Завоевав Силезию, он принудил ее земельных собственников восстановить крестьянские дома, амбары и т. п. и снабдить крестьянские хозяйства скотом и орудиями. Ему нужны были солдаты для армии и плательщики налогов для казначейства. Насколько приятна была жизнь крестьянина при Фридрихе II с его безобразной финансовой системой и управлением, представляющим собой смесь деспотизма, бюрократизма и феодализма, свидетельствуют следующие слова Мирабо, горячего поклонника Фридриха: «Лен составляет одно из главных богатств земледельца Северной Германии. Но, к несчастью для рода человеческого, это — только средство против крайней нищеты, а не источник благосостояния. Прямые налоги, барщина, повинности всякого рода разоряют крестьянина, который к тому же платит косвенные налоги на все, что он покупает... и в довершение бедствия он не смеет продавать свою продукцию там, где хочет, и за столько, за сколько хочет; он не смеет покупать необходимые ему продукты у тех купцов, которые согласны продать их за наиболее подходящую цену. Все эти обстоятельства мало-помалу разоряют его, и он не мог бы платить прямых налогов, если бы не занимался приделанием; это последнее составляет для него необходимые подспорье, давая возможность использовать силы его жены, его детей, слуг и служаков и его самого. Но какая жалкая жизнь, даже с этим подспорьем! Летом он работает как каторжник на пахоте и на уборке урожая, ложится в 9 часов и встает в 2, чтобы управиться с работой; зимой он должен бы восстановить свои силы, пользоваться более продолжительным отдыхом, но у него не хватает зерна на хлеб и на семена, если он продаст часть своих продуктов для того, чтобы уплатить

Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинной собственности, осуществляемое по-узурпаторски и с беспощадным терроризмом, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления. Таким путем удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата.

3. КРОВАВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО С КОНЦА XV ВЕКА ПРОТИВ ЭКСПРОПРИИРОВАННЫХ. ЗАКОНЫ С ЦЕЛЬЮ ПОНИЖЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Люди, изгнанные вследствие роспуска феодальных дружин и оторванные от земли то и дело повторяющейся, насильственной

налоги. Итак, приходится прятаться, чтобы заполнить эту прореху... и прятаться с величайшим усердием. Поэтому крестьянин зимой ложится в полночь или в час ночи и встает в пять или шесть часов утра или же ложится в девять и встает в два, — и так ежедневно в течение всей своей жизни, за исключением воскресных дней... Это чрезмерно продолжительное бодрствование и этот чрезмерный труд истощают организм человека; вот почему в деревне мужчины и женщины стареют гораздо скорее, чем в городах» (*Mirabeau*, цит. соч., т. III, стр. 212 и сл.).

Добавление к 2 изданию. В апреле 1866 г., 18 лет спустя после опубликования цитированной выше работы Роберта Сомерса, профессор Лион Леви читал в Обществе искусств и ремесел²¹³ доклад о превращении пастбищ для овец в охотничьи парки. Он рассказывал, насколько подвинулось вперед превращение горной Шотландии в пустыню, и между прочим говорил: «Изгнание населения и превращение земли в пастбища для овец послужило самым удобным средством для получения дохода без всяких затрат... Замена пастбищ для овец охотничьими парками стала обычной в горной Шотландии. Овцы изгоняются дикими животными, подобно тому как раньше изгонялись люди, чтобы очистить место для овец... Вы можете пройти от поместий графа Далхуза в Форфаршире вплоть до Джон-о-Гротс, не выходя из леса. Во многих (из этих лесов) «давно уже живут лисы, дикие кошки, куньи, хорьки, ласки и альпийские зайцы; кролики же, белки и крысы появились там лишь в последнее время. Огромные земельные площади, фигурирующие в шотландской статистике как необычайно богатые и обширные луга, не подвергаются теперь никакой обработке и улучшениям и служат исключительно охотничьей забаве немногих лиц, — забаве, продолжающейся лишь несколько дней в году».

Лондонский «Economist» от 2 июня 1866 г. пишет: «Одна шотландская газета в числе новостей последней недели между прочим сообщает: «Одна из лучших овцеферм в Сатерлендшире, за которую недавно по истечении срока контракта было предложено 1 200 ф. ст. годовой ренты, превращена в охотничий парк! Феодальные инстинкты проявляются так же... как во времена норманского завоевания... когда было снесено 36 деревень, чтобы создать на их месте новый лес... Два миллиона акров, в том числе несколько плодороднейших районов Шотландии, превращены в совершенную пустыню. Трава, произрастающая на лугах в Глен-Тилт, считалась наиболее питательной в графстве Перт; охотничий парк в Бен-Олдер давал в прошлом самую лучшую траву в обширном округе Баденок; часть леса Блэк-Маунт представляла собой самое лучшее в Шотландии пастбище для черных овец. О размерах площади, превращенной в пустошь ради любителей охоты, можно себе представить представление на основании того факта, что площадь эта охватывает гораздо более обширное пространство, чем все графство Перт. Как много терпит страна вследствие этого насильственного опустошения, видно из того, что на земле под лесом Бен-Олдер можно было бы прокормить 15 000 овец и что площадь этого леса составляет лишь $\frac{1}{30}$ всей охотничьей области Шотландии... Вся эта охотничья земля стала совершенно непроизводительной... результат тот же, как если бы она была затоплена водами Северного моря. Сильная рука закона должна бы положить конец этому искусственному созданию пустошей или пустырей».

экспроприацией, — этот поставленный вне закона пролетариат поглощался нарождающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появлялся на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной своей новой обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг — частью из склонности, в большинстве же случаев под давлением обстоятельств. Поэтому в конце XV и в течение всего XVI века во всех странах Западной Европы издаются кровавые законы против бродяжничества. Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников, исходя из того предположения, что при желании они могли бы продолжать трудиться при старых, уже не существующих условиях.

В Англии это законодательство началось при Генрихе VII.

Согласно акту Генриха VIII от 1530 г., старые и нетрудоспособные нищие получают разрешение собирать милостыню. Напротив, для бродяг еще работоспособных предусматривались порка и тюремное заключение. Их следовало привязывать к тачке и бичевать, пока кровь не заструится по тегу, и затем надлежало брать с них клятвенное обещание возвратиться на родину или туда, где они провели последние три года, и «приняться за труд» (to put himself to labour). Какая жестокая ирония! Акт, изданный в 27-й год царствования Генриха VIII, воспроизводит эти положения и усиливает их рядом дополнений. При рецидиве бродяжничества порка повторяется и кроме того отрезается половина уха; если же бродяга попадает в третий раз, то он подвергается смертной казни как тяжкий преступник и враг общества.

Эдуард VI в 1547 г. — в первый же год своего царствования — издаст закон, по которому всякий уклоняющийся от работы отдается в рабство тому лицу, которое донесет на него как на праздношатающегося. Хозяин должен предоставлять своему рабу хлеб и воду, похлебку и такие мясные отбросы, какие ему заблагорассудится. Он имеет право посредством порки и заковывания в кандалы принуждать его ко всякой работе, как бы отвратительна она ни была. Если раб самовольно отлучается на 2 недели, то он осуждается на пожизненное рабство и на его лоб или на щеку кладут клеймо «S»; если он убегает в третий раз, его казнят как государственного преступника. Хозяин может его продать, завещать по наследству, отдать внаймы как раба, как всякое движимое имущество или скот. Если рабы замыслили что-либо против своих господ, то они также подлежат смертной казни. Мировые судьи обязаны разыскивать беглых рабов по заявлению господ. Если окажется, что беглый бродяга три дня шатался без дела, то его отправляют на родину, выжигают раска-

ленным железом на его груди клеймо «V» и, заковав в кандалы, употребляют для дорожных и других работ. Бродяга, неправильно указавший место своего рождения, в наказание за это обращается в пожизненного раба соответствующего селения, его жителей или корпорации и получает клеймо «S». Всякий имеет право отнять у бродяги его детей и держать их при себе в качестве учеников — юношей до 24 лет, девушек до 20 лет. Если они убегают, то до наступления указанного возраста обращаются в рабов своих хозяев-воспитателей, которые могут заковывать их в кандалы, пороть и т. п. Хозяин может надеть железное кольцо на шею, ноги или руки своего раба, чтобы легче отличать его от других и затруднить ему возможность скрыться²²¹⁾. В последней части этого закона предусматриваются случаи, когда бедные должны работать на тот округ или тех лиц, которые берутся их кормить, поить и обеспечивать работой. Такого рода рабы — рабы приходов — сохранились в Англии вплоть до XIX века под именем *groundsmen* (приходчики).

Закон Елизаветы от 1572 г. предусматривает, что нищие старше 14 лет, не имеющие разрешения собирать милостыню, подвергаются жестокой порке и наложению клейма на левое ухо, если никто не соглашается взять их в услужение на два года; в случае рецидива нищие старше 18 лет должны быть казнены, если никто не соглашается взять их на 2 года в услужение; при третьем рецидиве их казнят без всякой пощады как государственных преступников. Аналогичные предписания содержат законы: изданный на 18-м году царствования Елизаветы, гл. 13, и закон 1597 года^{221a)}.

²²¹⁾ Автор «*Essay on Trade etc.*» замечает: «В царствование Эдуарда VI англичане с полной, по-видимому, серьезностью принялись за поощрение мануфактур и доставление бедным занятий. Это видно из одного замечательного закона, в котором говорится, что на всех бродяг должно быть наложено клеймо» и т. д. («*An Essay on Trade and Commerce*». London, 1770, p. 5).

^{221a)} Томас Мор говорит в своей «Утопии»: «Так-то и случается, что жадный и ненасытный обжора, настоящая чума для своей родины, собирает в своих руках тысячи акров земли и обносит их плетнем или забором, или своими насилиями и притеснениями доводит собственников до того, что они вынуждены продать все свое имущество. Тем или другим способом, не мытьем, так катаньем, допинают их, и они, наконец, вынуждены выселиться — эти бедные, простые, несчастные люди! Мужчины и женщины, мужья и жены, сироты и вдовы, обьятые отчаянием матери с грудными детьми, все домохадцы, бедные средствами к жизни, но многочисленные, так как земледелие требовало много рабочих рук. Они бредут прочь, говоря я, покидаю свои привычные родные места и нигде не находят приюта. Продажа всей домашней утвари, хотя и не имеющей большой ценности, могла бы при других условиях оказать им некоторую помощь, но, внезапно выброшенные на улицу, они вынуждены распродавать имущество за бесценок. И когда этими несчастными скитальцами истрчено все до последней копейки, то скажите, бога ради, что же им остается делать, как не красть? Но тогда их вешают по всей форме закона. Или просить милостыню? Но тогда их заключают в тюрьму как бродяг за то, что они шатаются без дела: их обвиняют в бездельи, — их, которым ни одна душа не хочет дать работы, как бы усердно они ее ни добивались». Из числа этих бедных изгнанников, которых, по словам Томаса Мора, прямо-таки принуждали к воровству, «в царствование Генриха VIII было казнено 72 000 крупных и мелких воров» (*Holinshead. «Description of England», v. I, p. 186*). Во времена Елизаветы «бродяг вешали целыми рядами, и не проходило года, чтобы в том или другом месте

При Якове I, лицо, праздношатающееся и просящее милостыню, считается бродягой. Мировые судьи в Petty Sessions²¹⁴ уполномочены подвергать таких бродяг публичной порке и заключать в тюрьму попавшихся первый раз на 6 месяцев, попавшихся второй раз — на 2 года. Во время тюремного заключения они подвергаются порке так часто и в таких размерах, как это заблагорассудится мировым судьям... Неисправимых и опасных бродяг предписывается клеймить, выжигая на левом плече букву «R», и посылать на принудительные работы; если же они еще раз уличаются в нищенстве, их казнят без милосердия. Эти положения закона действовали вплоть до начала XVIII века и были отменены лишь актом, изданным на 12-м году царствования Анны, гл. 23.

Подобные законы имелись и во Франции, где в середине XVII века парижские бродяги основали так называемое «королевство бродяг» (*royaume des truands*). Еще в начале царствования Людовика XVI был издан ордонанс (от 13 июля 1777 г.), который предписывал ссылать на каторгу каждого здорового человека в возрасте от 16 до 60 лет, если он не имеет средств к существованию и определенной профессии. Аналогичные меры предписываются статутом Карла V для Нидерландов (октябрь 1537 г.), первым эдиктом штатов и городов Голландии от 19 марта 1614 г., плакатом Соединенных провинций от 25 июня 1649 г. и т. д.

Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное и превращенное в бродяг, старались приучить, опираясь на эти чудовищно террористические законы, к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками.

Мало того, что на одном полюсе выступают условия труда как капитал, а на другом полюсе — люди, не имеющие для продажи ничего, кроме своей собственной рабочей силы. Мало также принудить этих людей добровольно продавать себя. С дальнейшим ростом капиталистического производства развивается рабочий класс, который по своему воспитанию, традициям, привычкам признает условия этого способа производства как само собой разумеющиеся естественные законы. Организация развитого капиталистического процесса производства сламывает всякое сопротивление; постоянное создание относительного перенаселения удерживает закон спроса на труд и предложения труда, а следовательно и заработную плату, в границах, соответствующих по-

не было повешено их 300 или 400 человек» (*Strype. «Annals of the Reformation and Establishment of Religion, and other Various Occurrences in the Church of England during Queen Elisabeth's Happy Reign», 2nd ed., 1725, v. II*). Согласно тому же самому Страйпу, в Сомерсетшире в течение одного только года было казнено 40 человек, на 35 наложено клеймо, 37 подвергнуто порке и 183 «отчаянных негодяя» выпущено на волю. Тем не менее, говорит он, «из-за попустительства мировых судей и нелепого сострадания народа это значительное число обвиняемых не составляет и 1/5 всех действительных преступников». Он добавляет: «Другие графства Англии были не в лучшем положении, чем Сомерсетшир, многие даже в гораздо худшем».

требности капитала в возрастании; слепая сила экономических отношений закрепляет господство капиталистов над рабочими. Внеэкономическое, непосредственное принуждение, правда, еще продолжает применяться, но лишь в виде исключения. При обычном ходе дел рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства», т. е. зависимости от капитала, которая создается самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается. Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще складывалось. Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и самого рабочего держать в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления.

Класс наемных рабочих, возникший во второй половине XIV столетия, составлял тогда и в следующем столетии лишь очень ничтожную часть населения; его положение находило себе сильную опору в самостоятельном крестьянском хозяйстве в деревне и цеховой организации в городах. Как в деревне, так и в городе хозяева и рабочие стояли социально близко друг к другу. Подчинение труда капиталу было лишь формальным, т. е. самый способ производства еще не обладал специфически капиталистическим характером. Переменный элемент капитала сильно преобладал над постоянным его элементом. Вследствие этого спрос на наемный труд быстро возрастал с накоплением капитала, а предложение наемного труда лишь медленно следовало за спросом. Значительная часть национального продукта, превратившаяся позднее в фонд накопления капитала, в то время еще входила в фонд потребления рабочего.

Законодательство относительно наемного труда, с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему²²²⁾, начинается в Англии при Эдуарде III рабочим статутом от 1349 года. Во Франции ему соответствует ордонанс 1350 г., изданный от имени короля Иоанна. Английское и французское законодательства развиваются параллельно и по содержанию своему тождественны. Я не стану касаться рабочих статутов как средства для удлинения рабочего дня, поскольку с этой стороны они уже рассмотрены выше (глава восьмая, раздел 5).

Рабочий статут был издан вследствие настоятельных жалоб палаты общин.

222). «Всякий раз, когда законодательство пыталось регулировать споры между хозяевами и их рабочими, его советниками были хозяева», — говорит А. Смит.²¹⁵
«Собственность — вот дух законов», — говорит Ленге²¹⁶.

«Прежде», — наивно замечает один тори, — «бедные требовали столь высокой заработной платы, что это угрожало промышленности и богатству. Теперь заработная плата их настолько низка, что это опять-таки является угрозой промышленности и богатству, хотя и иной, чем раньше, и, быть может, еще более опасной, чем тогда»²²³).

Законом устанавливается тариф заработной платы для города и деревни, для сдельной и поденной работы. Сельские рабочие должны наниматься на год, городские же — «на вольном рынке». Под страхом тюремного наказания воспрещается выдавать плату более высокую, чем указанная в статуте, причем лица, получившие такую незаконную плату, наказываются строже, чем уплатившие ее. Так, например, еще в Елизаветинском статуте об учениках статьями 18 и 19 предусматривалось десятидневное тюремное заключение для того, кто выдал плату выше тарифной, и трехнедельное заключение для того, кто ее принял. Статут 1360 г. увеличивал меру наказания и даже уполномочивал хозяев заставлять рабочих путем физического принуждения работать на условиях установленного законом тарифа. Все союзы, договоры, клятвы и т. п., которые объединяли каменщиков и плотников, были объявлены недействительными. Коалиции рабочих рассматривались как тяжкое преступление начиная с XIV века и вплоть до 1825 г., когда были отменены законы против коалиций²¹⁷. Дух рабочего статута 1349 г. и всех последующих законов ярко сказывается в том, что государство устанавливает лишь максимум заработной платы, но отнюдь не ее минимум.

В XVI столетии положение рабочих, как известно, очень ухудшилось. Денежная плата повысилась, но далеко не в той степени, в какой обесценились деньги и повысились цены товаров. Следовательно, фактически заработная плата упала. Тем не менее законы, направленные к понижению заработной платы, продолжали действовать; вместе с тем отрезывались уши и налагались клейма на тех, «кого никто не соглашался взять в услужение». Статут об учениках, изданный на 5-м году царствования Елизаветы, гл. 3, уполномочивает мировых судей устанавливать определенный уровень заработной платы и видоизменять его сообразно временам года и товарным ценам. Яков I распространил это регулирование труда на ткачей, прядильщиков и все прочие категории рабочих²²⁴). Георг II распространил законы против рабочих коалиций на все мануфактуры.

²²³) [J. B. Byles.] «Sophisms of Free Trade». By a Barrister. London, 1850, p. 206. Он ехидно прибавляет: «Мы всегда были готовы вмешаться в пользу предпринимателей; неужели мы ничего не можем сделать в пользу рабочих?»

²²⁴) Из одного пункта статута, изданного на 2-м году царствования Якова I, гл. 6, видно, что некоторые суконщики, бывшие в то же время мировыми судьями, позволяли себе официально устанавливать тариф заработной платы в своих собственных мастерских. В Германии очень часто издавались статуты для понижения заработной платы, особенно после Тридцатилетней войны. «Помещиков очень тяготил недостаток слуг и рабочих в обезлюдевших местностях. Всем деревенским жителям было воспрещено сдавать внаем

В собственно мануфактурный период капиталистический способ производства достаточно окреп для того, чтобы сделать законодательное регулирование заработной платы и невыполнимым и ненужным, но тем не менее все же хотели удержать на всякий случай это оружие из старого арсенала. Еще акт, изданный на 8-м году царствования Георга II, воспрещает давать портным-подмастерьям Лондона и окрестностей более 2 шилл. 7½ пенсов поденной платы, за исключением случаев всенародного траура; еще акт, изданный на 13-м году царствования Георга III, гл. 68, предоставляет мировым судьям регулировать заработную плату шелкоткачей; еще в 1796 г. потребовалось два постановления высших судебных учреждений, для того чтобы решить, распространяются ли приказы мировых судей о заработной плате и на сельскохозяйственных рабочих; еще в 1799 г. парламентским актом было подтверждено, что заработная плата горнорабочих Шотландии регулируется статутом Елизаветы и двумя шотландскими актами 1661 и 1671 годов. Насколько сильно изменились к этому времени условия, показывает один случай, несслуханный в практике английской палаты общин. Здесь, где в течение более 400 лет фабриковались законы, устанавливающие исключительно тот максимум, которого ни в коем случае не должна превышать заработная плата, Уитбред предложил в 1796 г. определить законом минимум заработной платы для сельскохозяйственных рабочих. Питт воспротивился этому, соглашаясь, однако, что «положение бедных ужасно (сruel)». Наконец, в 1813 г. законы относительно регулирования заработной платы были отменены. Они стали смешной аномалией в условиях, когда капиталист регулирует труд на своей фабрике посредством своего личного законодательства и при помощи налога в пользу бедных дополняет до необходимого минимума плату сельских рабочих. Но и по настоящее время сохранились в полной неприкосновенности положения рабочих статутов, касающиеся контрактов между хозяином и рабочими, сроков расторжения и т. п., — положения, согласно которым хозяину, нарушившему контракт, может быть предъявлен лишь гражданский иск, тогда как рабочий, нарушивший контракт, подлежит уголовной ответственности.

комнаты холостым мужчинам и женщинам; обо всех такого рода постояльцах приказано было доносить начальству, и они должны были заключаться в тюрьму, если не пожелают быть слугами, хотя бы они поддерживали свое существование какими-либо другими занятиями, работами на крестьян за поденную плату или даже торговали деньгами и хлебом» («Kaiserliche Privilegien und Sanctionen für Schlesien», I, 125). В течение всего столетия в указах государей не прекращаются горькие сетования на испорченную и наглую челядь, которая не подчиняется строгому режиму, не довольствуется установленной законом платой; отдельному помещику воспрещается выдавать более высокую плату, чем установлено таковой, выработанной для всей округи. И все же после войны условия, в которых находились слуги, были иногда лучше, чем сто лет спустя; в Силезии слуги еще в 1652 г. получали мясо два раза в неделю, тогда как в нашем веке в той же Силезии имеются места, где слуги получают мясо лишь три раза в год. И заработная плата была после войны выше, чем в последующие столетия» (*G. Freytag. [„Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes“. Leipzig, 1862, S. 35, 36].*

Жесткие законы против коалиций пали в 1825 г., когда поведение пролетариата стало угрожающим. Однако они пали только отчасти. Некоторые милые остатки старых статуты исчезли лишь в 1859 году. Наконец, 29 июня 1871 г. был издан парламентский акт, претендовавший на то, что он якобы уничтожает последние следы этого классового законодательства, так как он даровал юридическое признание тред-юнионам. Но другой парламентский акт, изданный в тот же день (акт, принятый во изменение уголовного закона о мерах наказания за насилие, угрозы и посягательство), фактически восстановил прежнее положение в новой форме. При помощи такого парламентского фокуса все средства, которыми могли бы воспользоваться рабочие во время стачки или локаута (стачки связанных между собой фабрикантиков, которые прибегают к одновременному закрытию своих фабрик), были изъяты из общего права и подчинены исключительному уголовному закону, истолкование которого всецело зависело от мировых судей, т. е. от фабрикантов. Два года раньше тот же самый г-н Гладстон в той же самой палате общин с известным благородством внес законопроект об отмене всех исключительных законов, направленных против рабочего класса. Но дальше, чем до второго чтения этого законопроекта, дело не пошло, проект был положен под сукно, пока, наконец, «великая либеральная партия», соединившись с тори, не набралась смелости решительно выступить против того самого пролетариата, который поставил ее у власти. Не довольствуясь этим предательством, «великая либеральная партия» позволила английским судьям, всегда пресмыкавшимся перед господствующими классами, откопать старый закон против «конспираций»²¹⁸ и применить его к рабочим коалициям. Как мы видим, лишь против собственной воли и под давлением масс английский парламент отказался от законов против стачек и тред-юнионов, после того как сам этот парламент с бесстыдным эгоизмом в течение пятисот лет занимал положение постоянного тред-юниона капиталистов, направленного против рабочих.

Точно так же французская буржуазия в самом начале революционной бури решила отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Декретом от 14 июня 1791 г. она объявила все рабочие коалиции «преступлением против свободы и декларации прав человека», караемым штрафом в 500 ливров и лишением активных прав гражданина на один год²²⁵⁾. Этот закон,

²²⁵⁾ Статья первая этого закона гласит: «Так как уничтожение всякого рода корпораций лиц одного состояния или одной профессии составляет одну из коренных основ французской конституции, то воспрещается восстанавливать таковые корпорации под каким бы то ни было предлогом и в какой бы то ни было форме». Статья четвертая заявляет, что «если граждане, занятые одной и той же профессией, искусством или ремеслом, сговариваются между собой или составят соглашение, направленное к тому, чтобы отказаться сообща или соглашаться только при определенной плате оказывать услуги своей промышленной деятельностью и своими работами, то вышеуказанные сговоры и соглашения должны быть объявлены... противоконституционными, посягающими на

втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий. Даже правительство террора ²¹⁹ оставило его неприкосновенным. Лишь совсем недавно он вычеркнут из Code pénal [Уголовного кодекса]. В высшей степени характерна мотивировка этого буржуазного государственного переворота. «Хотя и желательно, — говорил выступивший докладчиком Ле Шапелье, — повышение заработной платы выше теперешнего уровня, дабы тот, кто получает эту плату, избавился от абсолютной, почти рабской зависимости, обусловленной недостатком необходимых жизненных средств», тем не менее рабочие не должны сговариваться между собой относительно своих интересов, не должны действовать совместно с целью смягчить свою «абсолютную, почти рабскую зависимость», так как этим «они нарушили бы свободу своих бывших хозяев, теперешних предпринимателей» (свободу держать рабочих в рабстве!), и так как коалиция против деспотии бывших цеховых хозяев есть — что бы вы думали? — есть восстановление цехов, отмененных французской конституцией ²²⁶).

4. ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФЕРМЕРОВ

Мы рассмотрели те насилия, при помощи которых были созданы поставленные вне закона пролетарии, тот кровавый режим, который превратил их в наемных рабочих, те грязные высокогосударственные меры, которые, усиливая степень эксплуатации труда, повышали полицейскими способами накопление капитала. Спрашивается теперь: откуда же возникли первоначально капиталисты? Ведь экспроприация сельского населения создает непосредственно лишь крупных земельных собственников. Что касается генезиса фермеров, то мы можем проследить его шаг за шагом, так как это медленный процесс, растянувшийся на многие столетия. Уже крепостные, а наряду с ними и свободные мелкие земельные собственники, находились в очень различном имущественном положении, а потому и освобождение их совершилось при очень различных экономических условиях.

В Англии первой формой фермера был bailiff [управляющий господским имением], который сам оставался крепостным. По своему положению он напоминает древнеримского villicus, но с более узким кругом деятельности. Во второй половине XIV столетия на место bailiff становится фермер, которого лендлорд снабжает семенами, скотом и сельскохозяйственными орудиями. Положение его

свободу и декларацию прав человека и т. д.), т. е. государственным преступлением, совершенно так же, как и в старых рабочих статутах («Révolutions de Paris». Paris, 1791, III, p. 523).

²²⁶) Buchez et Roux. «Histoire Parlementaire», t. X, p. 193—195 passim.

не очень отличается от положения крестьянина. Он только эксплуатирует больше наемного труда. Скоро он становится «métauer», фермером-половинником. Он доставляет одну часть необходимого для земледелия капитала, лендлорд — другую. Валовой продукт разделяется между ними в пропорции, установленной контрактом. В Англии эта форма аренды быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова, который вкладывает в дело собственный капитал, ведет хозяйство при помощи наемных рабочих и отдает лендлорду деньгами или натурой часть прибавочного продукта в качестве земельной ренты.

В течение XV века, пока труд независимых крестьян и сельскохозяйственных рабочих, занимавшихся наряду с работой по найму в то же время и самостоятельным хозяйством, шел в их собственную пользу, уровень жизни фермера был так же незначителен, как и сфера его производства. Земледельческая революция, начавшаяся в последней трети XV века и продолжавшаяся в течение почти всего XVI столетия (за исключением последних его десятилетий), обогащала фермера так же быстро, как разоряла сельское население ²²⁷⁾. Узурпация общинных пастбищ и т. п. позволяет фермеру значительно увеличить количество своего скота почти без всяких издержек, между тем как скот доставляет богатое удобрение для его земли.

В XVI веке сюда присоединяется еще один момент, имеющий решающее значение. В то время арендные договоры заключались на продолжительные сроки, нередко на 99 лет. Непрерывное падение стоимости благородных металлов, а следовательно, и стоимости денег, было очень выгодно для фермеров. Оно, не говоря уже о других рассмотренных выше обстоятельствах, понижало заработную плату. Часть заработной платы превращалась в прибыль фермера. Непрерывное повышение цен на хлеб, шерсть, мясо, — одним словом, на все сельскохозяйственные продукты, увеличивало денежный капитал фермера без всяких усилий с его стороны, между тем земельную ренту он уплачивал на основе договоров, заключенных при прежней стоимости денег ²²⁸⁾. Таким образом

²²⁷⁾ «Фермеры», — говорит Харрисон в своей работе «Description of England», — «которым раньше было трудно платить 4 ф. ст. ренты, платят теперь 40, 50, 100 ф. ст. и все же считают дело недостаточно прибыльным, если по истечении срока аренды у них не останется на руках ренты за 6—7 лет».

²²⁸⁾ О влиянии обесценения денег в XVI столетии на различные классы общества см. «A Compendious or Briefe Examination of Certain Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen in these our Days». By W. S., Gentleman (London, 1584). Диалогическая форма этого сочинения способствовала тому, что его долго приписывали Шекспиру, и еще в 1751 г. оно вышло в свет под его именем. Автор его — Уильям Стаффорд. В одном месте рыцарь (knight) рассуждает следующим образом:

Рыцарь: «Вы, мой сосед, земледелец, вы, господин торговец, и вы, мой добрый медник, вы, как и другие ремесленники, можете сравнительно легко отстоять свои интересы. Ибо насколько повышается цена всех предметов по сравнению с тем, что они стоили раньше, настолько повышаете вы цены на ваши товары и ваш труд, которые вы продаете. Но у нас нет ничего такого, что мы могли бы продать по повышенной

он обогащался одновременно и за счет своих наемных рабочих и за счет своего лендлорда. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в Англии к концу XVI столетия образовался класс богатых для того времени «капиталистических фермеров»²²⁹).

5. ОБРАТНОЕ ВЛИЯНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. СОЗДАНИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА

Осуществлявшаяся толчками, постоянно возобновлявшаяся экспроприация сельского населения и изгнание его с земли доставляли, как мы видели, городской промышленности все новые и новые массы пролетариев, стоящие совершенно вне всяких цеховых отношений, — мудреное обстоятельство, которое заставило старика А. Андерсона (не смешивать с Джемсом Андерсоном) в его работе об истории торговли²²⁰ уверовать в непосредственное вмешательство провидения. Мы должны еще остановиться на минуту

цене и таким образом уравновесить тот убыток, который мы несем, покупая продукты». В другом месте рыцарь спрашивает доктора: «Скажите, пожалуйста, кого вы имеете в виду? И, прежде всего, кто, по вашему мнению, не терпит при этом никаких потерь?» Доктор: «Я имею в виду тех, которые живут куплей и продажей и, если дорого покупают, то столь же дорого продают». Рыцарь: «А из кого состоит та категория людей, которая, по вашим словам, выигрывает от этого?» Доктор: «Ну, конечно, это все арендаторы или фермеры, которые платят за обрабатываемую ими землю старую ренту, ибо платят они по старой норме, а продают по новой, т. е. платят за свою землю очень дешево, а все, что вырастает на ней, продают дорого...» Рыцарь: «Ну, а кто же те, которые, по вашим словам, теряют от этого больше, чем выигрывают эти люди?» Доктор: «Это все дворяне, джентльмены и вообще все те люди, которые живут на твердо установленную ренту или жалованье, или не сами обрабатывают свою землю, или не занимаются торговлей».

²²⁹) Во Франции *régisseur*, бывший в начале средних веков управляющим и сборщиком феодальных платежей в пользу феодала, скоро превращается в *homme d'affaires* [дельца], который при помощи вымогательства, обмана и т. д. вырастает в капиталиста. Эти *régisseurs* сами принадлежали иногда к благородному сословию. Например: «Сей отчет представляет Жак де Торесс, рыцарь кастелли в Безансоне, своему патрону, держащему отчет в Дижоне перед господином герцогом и графом Бургонским, относительно ренты, причитающихся с означенного кастеллиства с 25 декабря 1359 г. по 28 декабря 1360 г.» (*Alexis Monteil. «Traité des Matériaux Manuscrits etc.»*, p. 234, 235). Уже тут видно, что во всех сферах общественной жизни львиная доля попадает в руки посредников. Так, например, в экономической области предпринимательские сливки снимают финансисты, биржевики, купцы, лавочники; в области гражданского права адвокат обдирает тяжущиеся стороны; в политике депутат значит больше, чем его избиратели, министр — больше, чем государь; в религии бог отодвигается на задний план святыми «заступниками», а эти последние — попами, которые, в свою очередь, являются неизбежными посредниками между «пастырем добрым» и его стадом. Во Франции, как и в Англии, крупные феодальные территории и были разделены на бесчисленное множество мелких хозяйств, но на условиях несравненно более неблагоприятных для сельского населения. В течение XIV века возникли аренды — фермы, или так называемые *terriers*. Число их постоянно росло и значительно превысило 100 000. Они уплачивают земельную ренту в размере от $\frac{1}{12}$ до $\frac{1}{3}$ продукта деньгами или натурой. *Terriers* были ленами, подленами (*fiefs, arrière-fiefs*) и т. д., в зависимости от ценности и величины площади, которая иногда составляла всего лишь несколько арпанов. Все владельцы этих *terriers* обладали в той или иной степени судебной властью по отношению к населению своих участков; таких степеней власти было четыре. Легко представить себе, каким гнетом ложилась на сельское население власть всех этих мелких тиранов. Монтей говорит, что в те времена во Франции было 160 000 судов там, где теперь существует всего 4 000 (включая сюда и мировые суды).

на этой стороне первоначального накопления. Разрежению самостоятельно хозяйствующего, независимого сельского населения соответствовало не только сгущение промышленного пролетариата, подобно тому как сгущение мировой материи в одном месте Жоффруа Сент-Илер объясняет ее разрежением в другом ²³⁰⁾. Земля, несмотря на уменьшение числа лиц, обрабатывающих ее, приносила теперь столько же или даже еще больше продукта, чем раньше, так как революция в отношениях земельной собственности сопровождалась улучшением методов обработки, расширением кооперации, концентрацией средств производства и т. д. и так как сельскохозяйственные наемные рабочие не только принуждались к более интенсивному труду ²³¹⁾, но и все более и более сокращалась та область производства, в которой они работали на самих себя. Таким образом, с высвобождением части сельского населения высвобождаются также его прежние средства существования. Они превращаются теперь в вещественные элементы переменного капитала. Оказавшийся между небом и землей крестьянин должен заработать их стоимость у своего нового господина, промышленного капиталиста, в форме заработной платы. Отечественный сырой материал, доставляемый для промышленности сельским хозяйством, постигла та же судьба, что и жизненные средства. Он превратился в элемент постоянного капитала.

Представим себе, например, что одна часть вестфальских крестьян, которые во времена Фридриха II все занимались прядением льна, насильственно экспроприирована и прогнана с земли, тогда как другая их часть превращена в батраков крупных фермеров. Одновременно растут крупные льнопрядильные и ткацкие предприятия, куда «освобожденные» от земли нанимаются в качестве рабочих. Лен имеет совершенно такой же вид, как и раньше. Ни одно волокно его не изменилось, но в его тело вселилась теперь новая социальная душа. Он составляет теперь часть постоянного капитала владельца мануфактуры. Если раньше он был распределен между массой мелких производителей, которые сами вместе со своими семьями выращивали его и выпрядали маленькими порциями, то теперь он сосредоточен в руках одного капиталиста, который заставляет других людей ткать и прядь на себя. Добавочный труд, затрачиваемый в льнопрядильне, раньше реализовался в виде добавочного дохода бесчисленных крестьянских семейств, а также — во времена Фридриха II — в виде налогов *pour le roi de Prusse* *. Теперь он реализуется в виде прибыли немногих капиталистов. Прядки и ткацкие станки, разбросанные прежде по деревням, теперь подобно самим рабочим и сырому материалу сосредотачиваются в немногих больших рабочих казармах. И прядки,

²³⁰⁾ См. *ergo* «Notions de Philosophie Naturelle». Paris, 1838.

²³¹⁾ Этот пункт подчеркивает сэр Джеймс Стюарт ²³¹⁾.

* — буквально: в пользу короля Пруссии, в переносном смысле: на ветер. *Ред.*

и ткацкие станки, и сырой материал из средств независимого существования прядильщиков и ткачей превращаются в средства командования²³²⁾ над прядильщиками и ткачами, в средства высасывания из них неоплаченного труда. По внешнему виду крупных мануфактур, точно так же как и крупных ферм, отнюдь нельзя сказать, что они образовались из соединения многих мелких производственных единиц путем экспроприации многих мелких независимых производителей. Однако беспристрастного наблюдателя не обманет этот внешний вид. Во времена Мирабо — этого льва революции — крупные мануфактуры еще назывались *manufactures réunies*, объединенными мастерскими, подобно тому как в настоящее время мы говорим об объединенных полях.

«Обращают внимание», — говорит Мирабо, — «лишь на крупные мануфактуры, в которых сотни людей работают под управлением одного директора и которые обыкновенно называют объединенными мануфактурами (*manufactures réunies*). Напротив, не удостоивают и взглядом те мастерские, в которых очень большое число рабочих работает разъединенно, каждый на свой собственный страх и риск. Эти последние совершенно отодвигаются на задний план. И это — большая ошибка, так как только они образуют действительно важную составную часть народного богатства... Объединенная фабрика (*fabrique réunie*) может чрезвычайно сильно обогатить одного или двух предпринимателей, но рабочие — это лишь поденщики, оплачиваемые выше или ниже и не принимающие никакого участия в благосостоянии предпринимателя. Напротив, разъединенная фабрика (*fabrique séparée*) никого не обогащает, но зато поддерживает благосостояние множества рабочих... Число прилежных хозяйственных рабочих будет расти, ибо в благоразумном образе жизни, в трудолюбии они усматривают средство существенно улучшить свое положение, вместо того чтобы добиваться маленького повышения заработной платы, которое никогда не может иметь важных последствий для будущего и в самом благоприятном случае позволяет рабочим немного лучше жить в данный момент. Разъединенные индивидуальные мануфактуры, обыкновенно совмещаемые с мелким сельским хозяйством, являются единственно свободными»²³³⁾.

Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только высвобождает для промышленного капитала рабочих, их жизненные средства, материал их труда, но и создает внутренний рынок.

В самом деле, те самые события, которые превращают мелких крестьян в наемных рабочих, а их жизненные средства и средства труда в вещественные элементы капитала, создают в то же время для этого последнего внутренний рынок. Прежде крестьянская семья сама производила и перерабатывала жизненные средства и сырье, которые затем по большей части сама же и потребляла.

²³²⁾ «Я предоставляю вам», — говорит капиталист, — «честь служить мне при условии, что вы отдадите мне то немногое, что вы еще имеете, за труд командовать вами, который я беру на себя» (*J. J. Rousseau. «Discours sur l'Économie Politique»*).

²³³⁾ *Mirabeau*, цит. соч., т. III, стр. 20—409, в разных местах. Если Мирабо считает разъединенные мастерские более экономичными и более производительными, чем «объединенные», и усматривает в последних лишь искусственные тепличные растения, возвращенные заботами правительства, то это объясняется тогдашним состоянием большинства континентальных мануфактур.

Это сырье и жизненные средства превратились теперь в товары. Крупный фермер продает их; мануфактуры являются его рынком. Пряжа, холст, грубые шерстяные изделия — вещи, сырье для которых имелось в распоряжении каждой крестьянской семьи, выпрядались и ткались ею для собственного потребления, — превратились теперь в мануфактурные изделия, рынок для сбыта которых образуют как раз земледельческие округа. Многочисленные рассеянные потребители, обслуживавшиеся до сих пор массой мелких производителей, работающих на собственный страх и риск, концентрируются теперь в одно крупное целое, образуют рынок, снабжаемый промышленным капиталом ²³⁴). Так рука об руку с экспроприацией прежде самостоятельного крестьянства, с отделением его от средств производства совершается уничтожение сельского побочного промысла, совершается процесс разделения мануфактуры и земледелия. И только уничтожение сельского домашнего промысла может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства.

Однако собственно мануфактурный период еще не приводит к радикальному преобразованию. Напомним, что мануфактура овладевает национальным производством лишь очень неполно, основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах как на широком базисе [Hintergrund]. Уничтожая эти побочные промыслы и городское ремесло в одной их форме, в известных отраслях промышленности, в известных пунктах, она вызывает их снова к жизни в других, потому что она до известной степени нуждается в них для обработки своего сырого материала. Она создает поэтому новый класс мелких земледельцев, для которых обработка земли является лишь побочной отраслью, а главное занятие — промышленный труд, изготовление продуктов, продаваемых — непосредственно или при посредстве купца — на мануфактуру. Это причина — хотя и не главная — того явления, которое прежде всего сбивает с толку исследователя английской истории. Начиная с последней трети XV века он встречается с непрерывными, только иногда смолкающими жалобами на рост капиталистического хозяйства в деревне и на растущее уничтожение крестьянства. Но, с другой стороны, он видит, что это крестьянство, пусть в уменьшенном количестве и при все более ухудшающихся условиях, существует все

²³⁴) «Если двадцать фунтов шерсти превращаются незаметно, в течение года, в одежду для семьи рабочего собственным трудом этой семьи, в промежутки между другими ее работами, то здесь все обстоит очень просто. Но вынесите эту шерсть на рынок, отправьте ее фабриканту, затем продукт фабриканта — маклеру, затем купцу, и вы будете иметь крупную торговую операцию, причем номинальный капитал, необходимый для нее, будет в двадцать раз больше стоимости этой шерсти... Рабочий класс эксплуатируется таким образом для того, чтобы поддерживать несчастное фабричное население, паразитический класс лавочников и фиктивную коммерческую, денежную и финансовую систему» (David Urquhart, цит. соч., стр. 120).

время ²³⁵⁾. Главная причина этого состоит в следующем: в Англии попеременно преобладает то зерновое хозяйство, то животноводство, и в зависимости от этого колеблются размеры крестьянского производства. Только крупная промышленность с ее машинами доставляет прочный базис для капиталистического земледелия, радикально экспроприирует огромное большинство сельского населения и довершает разделение земледелия и домашней деревенской промышленности, вырывая корни последней — прядение и ткачество ²³⁶⁾. А следовательно, только она завоёвывает для промышленного капитала весь внутренний рынок ²³⁷⁾.

6. ГЕНЕЗИС ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИСТА

Генезис промышленного ²³⁸⁾ капиталиста не отличался той постепенностью, какой характеризуется генезис фермера. Без сомнения, некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились в мелких капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов *sans phrase* [без оговорок]. В младенческий период капиталистического производства часто происходило так, как в младенческий период средневековой городской жизни, где вопрос о том, кто из беглых крепостных должен быть хозяином и кто слугой, решался обыкновенно в зависимости от того, кто из них раньше бежал от своих господ.

²³⁵⁾ Исключение представляет время Кромвеля. Пока сохранялась республика, все слои народных масс Англии оправившись от того улады, в который они пришли при Тюдорах.

²³⁶⁾ Такотт знает, что из собственно мануфактур и в результате уничтожения сельских или домашних мануфактур возникла с введением машин крупная шерстяная промышленность (*Tickett*, цит. соч., т. I, стр. 144). «Плуг и ярмо были изобретением богов и предметом занятия героев — разве ткацкий станок, веретено и прялка менее благородного происхождения? Вы отделяете прялку от плуга, веретено от ярма и получаете фабрики и дома для бедных, кредит и кризисы, две враждебные нации, сельскую и торговую» (*David Urquhart*, цит. соч., стр. 122). Но вот является Кэри и обвиняет Англию, конечно, не без основания, в том, что она стремится превратить все остальные страны в исключительно сельскохозяйственные, а сама хочет стать их фабрикантом. Он утверждает, что таким путем была разорена Турция, ибо там «собственным земли и земледельцам никогда не разрешалось» (Англией) «укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны с молотом» («*The Slave Trade*», р. 125). По его мнению, Уркарт сам является одним из главных виновников разорения Турции, где он, в интересах Англии, пропагандировал свободу торговли. Но лучше всего то, что Кэри — между прочим большой холоп России — хочет воспрепятствовать этому процессу разделения при помощи системы протекционизма, которая в действительности его ускорит.

²³⁷⁾ Филантропические английские экономисты, как Милль, Роджерс, Голдуин Смит, Фосетт и т. д., и либеральные фабриканты, как Джон Брайт и К⁰, спрашивают английских земельных аристократов, как бог спрашивал Каина о его брате Авеле, — куда девались тысячи наших крестьян? — Да откуда же вы-то произошли? Из уничтожения этих крестьян. И почему вы не спрашиваете, куда девались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?

²³⁸⁾ «Промышленный» употреблено здесь в противоположность «земледельческому». В смысле экономической категории фермер — такой же промышленный капиталист, как и фабрикант.

Но черепаший темпы этого метода никак не соответствовали торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века. Средние века оставили после себя две различные формы капитала, которые достигают зрелости в самых различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал.

«В настоящее время все общественное богатство попадает сначала в руки капиталиста... он уплачивает ренту земельному собственнику, заработную плату — рабочему, налоги и десятину — их сборщику, а ему остается значительная, даже преобладающая, и притом непрерывно растущая, часть годового продукта труда. Капиталиста можно рассматривать в настоящее время как собственника, в руки которого все общественное богатство попадает прежде всего, хотя нет такого закона, который обеспечивал бы за ним право на эту собственность... Это изменение в сфере собственности произошло благодаря взиманию процентов на капитал... и не менее знаменательно, что законодатели всей Европы стремились воспрепятствовать этому с помощью законов против ростовщичества... Власть капиталистов над всем богатством страны есть полная революция в праве собственности; какой же закон или какой ряд законов произвел эту революцию?» ²³⁹⁾

Автору следовало бы знать, что законы вообще никогда не совершают революций.

Превращению денежного капитала, образовавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе ²⁴⁰⁾. Ограничения эти пали, когда были распущены феодальные дружины, когда сельское население было экспроприировано и отчасти изгнано. Новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем. Отсюда ожесточенная борьба английских *corporate towns* [городов с цеховым корпоративным строем] против этих новых питомников промышленности.

Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, аренной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, прини-

²³⁹⁾ «The Natural and Artificial Right of Property Contrasted». London, 1832, p. 98, 99. Автор этого анонимного труда — Т. Годскин.

²⁴⁰⁾ Еще в 1794 г. мелкие мастера-суконщики из Лидса посылали в парламент депутацию с петицией об издании закона, воспрещающего купцам становиться фабрикантами (Dr. Atkin, цит. соч.).

мают гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в виде «опиумных» войн против Китая и так далее.

Различные моменты первоначального накопления распределяются, исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе и системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы отчасти покоятся на грубейшем насилии, как, например, колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция.

Относительно христианской колониальной системы У. Хауитт, человек, сделавший христианство своей специальностью, говорит:

«Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас, совершавшиеся во всех частях света по отношению ко всем народам, которые им удавалось поработить, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, какой бы она ни была дикой и невежественной, безжалостной и бесстыдной» ²⁴¹⁾.

История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия — дает нам непревзойденную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей ²⁴²⁾. Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения рабов на острове Ява. С этой целью готовились специально воры людей. Вор, переводчик и продавец были главными агентами этой торговли, туземные принцы — главными продавцами. Украденная молодежь заключалась в целебесские тайные тюрьмы, пока не достигала возраста, достаточно зрелого для отправки на корабли, транспортировавшие рабов. В одном официальном отчете говорится:

«Например, один этот город Макаassar полон тайными тюрьмами, одна ужаснее другой, которые набиты несчастными жертвами жадности и тирании, закованными в кандалы, оторванными насильственно от своих семей».

²⁴¹⁾ William Howitt. «Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by the Europeans in all their Colonies». London, 1838, p. 9. Относительно обращения с рабами хорошая сводка данных имеется в работе: Charles Comte. «Traité de Législation», 3ème éd. Bruxelles, 1837. Надо детально изучить эту работу, чтобы увидеть, во что превращается сам буржуа и во что превращает он своих рабочих там, где он может, не стесняясь, преобразовать мир по своему образу и подобию.

²⁴²⁾ Thomas Stamford Raffles, late Lieut. Gov. of that island. «The History of Java». London, 1817 [v. II, p. CXC—CXCI, приложение].

Чтобы овладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 г. он впустил их в город. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его, чтобы «воздержаться» от уплаты условленной суммы подкупа в 21 875 фунтов стерлингов. Опустошение и обезлюдение следовали везде, куда только ни ступала их нога. Провинция Явы Баньюванги насчитывала в 1750 г. свыше 80 000 жителей, в 1811 г. всего 8 000. Вот она *le doux commerce* [невинная торговля]!

Как известно, английская Ост-Индская компания²²² кроме политической власти в Ост-Индии добилась исключительной монополии на торговлю чаем, как и вообще на торговлю с Китаем и на перевозку товаров из Европы и в Европу. Но судоходство вдоль берегов Индии и между островами, а также торговля внутри Индии сделались монополией высших должностных лиц компании. Монополия на соль, опиум, бетель и другие товары стала неисчерпаемым источником богатства. Должностные лица сами устанавливали цены и по своему произволу обдирали несчастных индийцев. Генерал-губернатор участвовал в этой частной торговле. Его любимцы получали контракты на таких условиях, которые позволяли им, лучше чем алхимикам, делать золото из ничего. Крупные состояния вырастали, как грибы после дождя, и первоначальное накопление осуществлялось без предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебный процесс Уоррена Гастингса полон такого рода примерами. Вот один из них. Один контракт на поставку опиума был предоставлен некоему Салливену в момент его отъезда — с официальным поручением — в район Индии, далеко расположенный от места производства опиума. Салливен продает свой контракт за 40 000 ф. ст. некоему Бинну, а Бинн перепродает его в тот же день за 60 000 фунтов стерлингов. Последний покупатель и исполнитель контракта заявляет, что и он еще извлек из него громадную выгоду. Согласно одному документу, представленному в парламент, с 1757 по 1766 г. компания и ее должностные лица принудили индийцев принести в дар 6 миллионов фунтов стерлингов. В 1769—1770 гг. англичане искусственно организовали голод, закупив весь рис и отказываясь продавать его иначе, как по баснословно высоким ценам²⁴³.

Обращение с туземцами было, конечно, всего ужаснее на плантациях, предназначенных, как, например, в Вест-Индии, исключительно для экспортной торговли, а также в обреченных на разграбление богатых и густо населенных странах, как Мексика и Ост Индия. Однако и в собственнo колониях проявился все тот же христианский характер первоначального накопления. Пуритане Новой

²⁴³) В 1866 г. в одной только провинции Орисса более миллиона индийцев умерли голодной смертью. Тем не менее все усилия были направлены к тому, чтобы обогатить государственную кассу Индии путем продажи голодающим жизненных средств по повышенным ценам.

Англии — эти виртуозы трезвого протестантизма — в 1703 г. постановили на своем Assembly [Законодательном собрании] выдавать премию в 40 ф. ст. за каждый индейский скальп и за каждого краснокожего пленника; в 1720 г. премия за каждый скальп была повышена до 100 ф. ст., в 1744 г., после объявления в районе Мас-сачусетского залива одного племени бунтовщическим, были назначены следующие цены: за скальп мужчины 12 лет и старше 100 ф. ст. в новой валюте, за пленника мужского пола 105 ф. ст., за пленную женщину или ребенка 55 ф. ст., за скальп женщины или ребенка 50 фунтов стерлингов! Несколько десятилетий спустя колониальная система отомстила за себя потомкам этих благочестивых pilgrim fathers [отцов-пилигримов], ставшим, в свою очередь, бунтовщиками. Благодаря подкунам и наущению англичан они были перебиты томагавками. Британский парламент объявил кровавых собак и скальпирование «средствами, дарованными ему богом и природой».

Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства. «Общества-монополии» (Лютер) были мощными рычагами концентрации капитала. Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, которая первой полностью развила колониальную систему, уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества.

«В ее почти безраздельном владении находились ост-индская торговля и торговые сношения между европейским юго-западом и северо-востоком. Ее рыбные угодья, судоходство, мануфактуры не имели себе равных ни в какой другой стране. Капиталы этой республики были, быть может, значительнее, чем вместе взятые капиталы всей остальной Европы»²²³.

Гюлих, автор этих строк, забывает прибавить: народные массы Голландии уже в 1648 г. больше страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы.

В настоящее время промышленная гегемония влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда решающая роль, которую в то время играла колониальная система. Это был тот «неведомый бог», который взмошел на алтарь наряду со старыми божествами Европы и в один прекрасный день одним махом всех их выбросил вон. Колониальная система провозгласила наживу последней и единственной целью человечества.

Система общественного кредита, т. е. государственных долгов, зачатки которой мы открываем в Генуе и Венеции еще

в средние века, распространилась по всей Европе в течение мануфактурного периода. Колониальная система с ее морской торговлей и торговыми войнами послужила для нее теплицей. Так она прежде всего пустила корни в Голландии. Государственный долг, т. е. отчуждение государства — все равно: деспотического, конституционного или республиканского, — накладывает свою печать на капиталистическую эру. Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это — их государственные долги ^{243a)}. Вполне последовательная поэтому современная доктрина, что народ тем богаче, чем больше его задолженность. Государственный кредит становится символом веры капитала. И с возникновением государственной задолженности смертным грехом, за который нет прощения, становится уже не хула на духа святого, а нарушение доверия к государственному долгу.

Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Слово прикосновением волшебной палочки он наделяет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но кроме созданного таким образом класса праздных рантье и импровизированного богатства финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, кроме откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых попадает добрая доля всякого государственного займа в качестве капитала, свалившегося с неба, государственный долг создал акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, ажиотаж, одним словом — биржевую игру и современную банкротию.

С самого своего зарождения крупные банки, подкрепленные национальными титулами, были лишь обществами частных спекулянтов, которые оказывали содействие правительствам и, благодаря полученным привилегиям, могли ссужать им деньги. Поэтому самым непогрешимым мерилom накопления государственного долга является прогрессивное повышение акций этих банков, расцвет которых начинается с момента учреждения Английского банка (1694 г.). Английский банк начал свою деятельность ссудами правительству денег из 8%; вместе с тем он был уполномочен пар-

^{243a)} Уильям Коббет замечает, что в Англии все общественные учреждения называются «королевскими», но зато долг там «национальный» (national debt).

ламентом чеканить деньги из того же самого капитала, который он еще раз ссужал публике в форме банкнот. Этими банкнотами он мог дисконтировать векселя, давать ссуды под товары, скупать на них благородные металлы. Прошло немного времени, и эти фабрикуемые самим банком кредитные деньги стали функционировать как звонкая монета: банкнотами выдавал Английский банк ссуды государству, банкнотами уплачивал за государство проценты по государственным займам. Мало того, что он одной рукой давал, чтобы другой взять гораздо больше; даже когда он получал, он оставался вечным кредитором нации на всю данную им сумму до последней копейки. Мало-помалу он стал неперменным хранителем металлического запаса страны и центром тяготения для всего торгового кредита. В то самое время, когда англичане перестали сжигать на кострах ведьм, они начали вешать подделывателей банкнот. Какое впечатление произвело на современников внезапное появление этого отродья банкратов, финансистов, рантье, маклеров, спекулянтов и биржевых волков, показывают сочинения того времени, например сочинения Болингброка^{243b)}.

Вместе с государственными долгами возникла система международного кредита, которая зачастую представляет собой один из скрытых источников первоначального накопления у того или другого народа. Так, гнусности венецианской системы грабежа составили подобное скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой пришедшая в упадок Венеция ссужала крупные денежные суммы. Таково же отношение между Голландией и Англией. Уже в начале XVIII века голландские мануфактуры были далеко превзойдены английскими, и Голландия перестала быть господствующей торговой и промышленной нацией. Поэтому в период 1701—1776 гг. одним из главных ее предприятий становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке — Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами. Многие не помнящие родства капиталы, функционирующие в Соединенных Штатах, представляют собой лишь вчера капитализированную в Англии кровь детей.

Так как государственные долги опираются на государственные доходы, за счет которых должны покрываться годовые проценты и т. п. платежи, то современная налоговая система стала необходимым дополнением системы государственных займов. Займы позволяют правительству покрывать чрезвычайные расходы таким образом, что налогоплательщик не чувствует сразу всей тяжести последних, но те же займы требуют, в конце концов, повышения налогов. С другой стороны, повышение налогов, вызванное

^{243b)} «Если бы татары в наши дни заполнили Европу, было бы очень трудно растолковать им то значение, которое принадлежит среди нас финансисту» (*Montesquieu*, «*Esprit des loix*», éd. Londres, 1769, t. IV, p. 33).

последовательно нарастающими долгами, вынуждает правительство при каждом новом чрезвычайном расходе прибегать все к новым и новым займам. Таким образом, современная фискальная система, осью которой является обложение необходимейших жизненных средств (следовательно, их вздорожание), в самой себе несет зародыш автоматического возрастания налогов. Чрезмерное обложение — не случайный факт, а скорее ее принцип. В Голландии, где эта система укрепилась прежде всего, великий патриот де Витт прославляет ее в своих «Максимах»²⁴⁴ как наилучший способ развить в наемном рабочем покорность, умеренность, прилежание и... готовность переносить чрезмерный труд. Однако нас интересует здесь не столько то разрушительное влияние, которое современная фискальная система оказывает на положение наемных рабочих, сколько обусловленная ею насильственная экспроприация крестьян, ремесленников — одним словом, всех составных частей мелкой буржуазии. Об этом нет двух мнений, даже среди буржуазных экономистов. Экспроприирующее действие фискальной системы еще больше усиливается благодаря протекционизму, который сам является одной из составных частей фискальной системы.

Та крупная роль, которую государственный долг и соответствующая фискальная система играют в превращении богатства в капитал и в экспроприации масс, ввела в заблуждение ряд авторов: Коббета, Даблдея и других, увидевших в государственном долге и фискальной системе первопричину нищеты современных народов.

Система протекционизма была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых работников, капитализировать национальные средства производства и жизненные средства, насильственно ускорять переход от старого способа производства к современному. Европейские государства дрались из-за патента на это изобретение и, раз попав на службу к рыцарям наживы, не довольствовались уже тем, что с этой целью грабили свои собственные народы, косвенно — путем покровительственных пошлин, прямо — путем экспортных премий и т. п. Они насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как, например, была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии. На европейском континенте процесс этот, с легкой руки Кольбера, был еще более упрощен. Первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственной казны.

«Зачем», — восклицает Мирабо, — «так далеко искать причин мануфактурного расцвета Саксонии перед Семилетней войной? Достаточно обратить внимание на 180 миллионов государственного долга»²⁴⁴⁾!

²⁴⁴⁾ *Mirabeau*, цит. соч., т. VI, стр. 101.

Колониальная система, государственные долги, гнет налогов, протекционизм, торговые войны и т. д. — все эти отпрыски собственно мануфактурного периода гигантски разрастаются в младенческий период крупной промышленности. Зарождение этой последней ознаменовано колоссальным иродовым похищением детей. Фабрики рекрутируют своих рабочих, как и королевский флот своих матросов, посредством насилия. С каким равнодушием взирал сэр Ф. М. Иден на ужасы, которыми сопровождалась экспроприация земли у сельского населения начиная с последней трети XV столетия и вплоть до его времени, до конца XVIII столетия; с каким самодовольством он приветствует этот процесс, «необходимый» для создания капиталистического земледелия и «установления правильного соотношения между пашней и пастбищем»; но даже сэр Иден не возвышается до такого же понимания экономической необходимости похищать и поработать детей для того, чтобы превратить мануфактурное производство в фабричное и установить правильное соотношение между капиталом и рабочей силой. Он говорит:

«Быть может, внимания публики заслуживает следующий вопрос. Промышленность, которая может успешно функционировать, лишь похищая из коттеджей и рабочих домов бедных детей, которые, сменяясь по группам, должны работать большую часть ночи, не зная отдыха; промышленность, которая к тому же смешивает в общую кучу лиц обоего пола, разных возрастов и наклонностей, что неизбежно должно повести к испорченности и развращению благодаря заразительным дурным примерам, — может ли такая промышленность увеличивать сумму национального и индивидуального счастья?»²⁴⁵⁾ «В Дербишире, Ноттингемшире и особенно в Ланкашире», — пишет Филден, — «педавно изобретенные машины были применены на крупных фабриках, построенных близ рек, способных приводить в движение водяное колесо. В эти места, находящиеся вдали от городов, внезапно потребовались тысячи рабочих рук; и, в частности, в Ланкашире, неплодородном и к тому времени сравнительно мало населенном, потребовались прежде всего люди. Особенно сильный спрос был на маленькие, проворные пальцы детей. Тотчас же вошло в обычай набирать учеников (!) из различных лондонских, бирмингемских и других приходских рабочих домов. Многие, многие тысячи этих маленьких беспомощных созданий в возрасте от 7 до 13 или 14 лет были тогда перебросены на север. Обычно хозяева» (т. е. похитители детей) «одевали, кормили и помещали своих учеников в дома, расположенных близ фабрик. Были наняты надсмотрщики для надзора за их работой. В интересах этих надсмотрщиков за рабами было заставлять детей работать возможно больше, так как оплата их зависела от количества продукта, выжатого из каждого ребенка. Жестокость была естественным следствием. Во многих фабричных округах, в особенности в Ланкашире, эти невинные беззащитные создания, отданные во власть фабрикантам, подвергались самым возмутительным истязаниям. Их до смерти замучивали чрезмерным трудом... били, заковывали в кандалы, подвергали самым изощренным и жестоким пыткам; истощенные голодом до последней степени, превратившись в скелеты, они зачастую плетью принуждались к труду... Иногда их доводили до самоубийства!.. Прекрасные романтические долины Дербишира, Ноттингемшира и Ланкашира, скрытые от всякого общественного контроля, сделались мрачным местом истязаний и часто убийств!.. Прибыли фабрикантов были огромны. Это лишь разжигало их волчий аппетит. Они стали практиковать ночную работу, т. е.

²⁴⁵⁾ *Eden*, цит. соч., кн. II, гл. I, стр. 421.

с наступлением ночи место одной группы рабочих, уже изнуренных дневным трудом, заступала на фабрике другая группа рабочих; дневная группа отправлялась в постели, только что покинутые ночной группой, и vice versa [наоборот]. Народное предание в Ланкашире гласит, что постели никогда не остывали»²⁴⁶).

С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести. Нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала. Прочтите, например, наивную летопись торговли, составленную филлистером А. Андерсоном²²⁵. Здесь превозносятся, как высший триумф английской государственной мудрости, тот факт, что Англия при заключении Утрехтского мира вынудила у Испании по асьенто²²⁶ право вести торговлю неграми между Африкой и испанской Америкой, тогда как до сих пор она вела ее лишь между Африкой и английской Вест-Индией. Англия получила право вплоть до 1743 г. поставлять в испанскую Америку 4 800 негров ежегодно. Этим было создано в то же время официальное прикрытие для британской контрабанды. Ливерпуль вырос на торговле рабами. Последняя является его методом первоначального накопления. И до наших дней «респектабельное общество» Ливерпуля осталось Пиндаром торговли рабами, которая — см. цитированное выше сочинение доктора Эйкина, вышедшее в 1795 г., — «превращает дух коммерческой предприимчивости в страсть, создает славных моряков и приносит колоссальные деньги». В 1730 г. Ливерпуль использовал для торговли рабами 15 кораблей, в 1751 г. — 53 корабля, в 1760 г. — 74, в 1770 г. — 96 и в 1792 г. — 132 корабля.

Хлопчатобумажная промышленность, введя в Англии рабство детей, в то же время дала толчок к превращению рабского хозяйства Соединенных Штатов, раньше более или менее патриархального, в коммерческую систему эксплуатации. Вообще для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в ка-

²⁴⁶) John Fielden, цит. соч., стр. 5, 6. О безобразиях, практиковавшихся первоначально на фабриках, см. Dr. Aikin, цит. соч., стр. 219, и Gisborne. «Inquiry into the Duties of Men», 1795, v. II. — Когда паровая машина переместила фабрики от уединенных сельских водопавов в города, под руками склонного к «воздержанию» капиталиста оказался детский рабочий материал и насильственная транспортировка рабов из рабочих домов оказалась излившейся. — Когда сэр Роберт Пиль (отец «министра благопристойности») внес в парламент в 1815 г. билль для защиты детей, Фрэнсис Хорнер (светило «Комитета о сляках» и ятимый друг Рикардо) заявил в палате общин: «Хорошо известно, что вместе с ценностями одного банкрота была назначена к продаже с публичного торга и действительно продана, как часть его собственности, партия фабричных детей, если позволительно употребить это выражение. Два года тому назад (в 1813 г.) в суде королевской скамьи разбирались возмутительный случай. В деле фигурировала группа мальчиков. Один лондонский приход отдал их фабриканту, который, в свою очередь, уступил их другому. В конце концов несколько филантропов нашли их в состоянии полного истощения от голода (absolute famine). С другим случаем, еще более отвратительным, он познакомился как член парламентской комиссии. Несколько лет тому назад один лондонский приход заключил с льянширским фабрикантом договор, по которому фабрикант обязывался на каждые два десятка здоровых детей покупать одного идиота».

честве фундамента рабство *sans phrase* [без оговорок] в Новом свете ²⁴⁷⁾.

Tantae molis erat ²²⁷⁾ создать условия для свободного проявления «вечных естественных законов» капиталистического способа производства, совершить процесс отделения рабочих от условий их труда, на одном полюсе превратить общественные средства производства и жизненные средства в капитал, на противоположном полюсе превратить народную массу в наемных рабочих, в свободных «работающих бедняков» — этот удивительный продукт современной истории ²⁴⁸⁾. Если деньги, по словам Ожье, «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке» ²⁴⁹⁾, то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят ²⁵⁰⁾.

7. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Итак, к чему сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический генезис? Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных

²⁴⁷⁾ В 1790 г. в английской Вест-Индии 10 рабов приходилось на 1 свободного, во французской — 14 на одного, в голландской — 23 на одного (*Henry Brougham. «An Inquiry into the Colonial Policy of the European Powers»*. Edinburgh, 1803, v. II, p. 74).

²⁴⁸⁾ Выражение «labouring poor» [«работающий бедняк»] встречается в английских законах с того момента, когда класс наемных рабочих приобретает заметные размеры. «Labouring poor» противопоставляется, с одной стороны, «idle poor» [«праздным беднякам»], нищим и т. п., с другой стороны, тем рабочим, которые еще не обобраны, еще являются собственниками средств своего труда. Из законодательства выражение «labouring poor» перешло в политическую экономию, где оно употребляется начиная с Каллепера, Д. Чайлда и т. д. вплоть до А. Смита и Идена. Можно судить по этому, какова *bonne foi* [добросовестность] Эдмунда Бёрка, этого «execrable political cantmonger» [«гнусного политического лицемера»], когда он называет выражение «labouring poor» «execrable political cant» [«гнусным политическим лицемерием»]. Этот сифофант, находясь на содержании английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к французской революции а в начале осложнений в Америке, находясь на содержании североамериканских колоний, с таким же успехом выступал в роли либерала по отношению к английской олигархии; в действительности же он был самым ординарным буржуа: «Законы торговли суть законы природы, а следовательно, законы самого бога» (*E. Burke. «Thoughts and Details on Scarcity»*, ed. London, 1800, p. 31, 32). Нет ничего удивительного в том, что он, верный законам бога и природы, всегда продавал себя на самом выгодном рынке! Хорошую характеристику этого Эдмунда Бёрка в период его либеральничанья можно найти в сочинениях Таккера. Таккер был попом и тори, но в остальном это порядочный человек и хороший экономист. Принимая во внимание ту позорную беспринципность, которая господствует в наши дни и благоговейно верует в «законы торговли», необходимо снова и снова клеймить Бёрков, отличающихся от своих последователей только одним — талантом!

²⁴⁹⁾ *Marie Augier. «Du Crédit Public»*.

²⁵⁰⁾ «Капитал, — говорит «Quarterly Reviewer», — избегает шума и брани и отличается бояливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленького прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» (*T. J. Dunning*, цит. соч., стр. 35, 36).

в наемных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется характер самой частной собственности. Бесконечные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями.

Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз.

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Пеккёра, стремлению «декретировать всеобщую посредственность»²²⁸. Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше лишь эпохальные методы, как методы первоначальной

чального накопления. Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы²⁵¹⁾.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовмести-

²⁵¹⁾ «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi*. «Nouveaux Principes de l'Economie Politique», t. II [Paris, 1827], p. 434).

мыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства.

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов ²⁵²⁾.

²⁵²⁾ «Прогресс промышленности, невольным посетителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны... Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии»*. Лондон, 1848, стр. 11, 9 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 435—436, 434]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ ²⁵³⁾

Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний не только составляет прямую противоположность первого, но и вырастает лишь на его могиле.

На западе Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления более или менее завершился. Капиталистический режим или прямо подчинил себе здесь все национальное производство, или, где отношения менее развиты, он, по меньшей мере косвенно, контролирует те продолжающие еще существовать наряду с ним и погибающие общественные слои, которые относятся к устаревшему способу производства. К этому готовому миру капитала экономист с тем более трусливым усердием и с тем большим умилением применяет представления о праве и собственности, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии.

Иначе обстоит дело в колониях. Капиталистический режим на каждом шагу наталкивается там на препятствия со стороны производителя, который, будучи сам владельцем условий своего труда, своим трудом обогащает самого себя, а не капиталиста. Противоречие этих двух диаметрально противоположных экономических систем проявляется здесь на практике в их борьбе. Если за спиной капиталиста стоят силы его метрополии, он старается насильственно устранить способ производства и присвоения, покоящийся на собственном труде производителя. Те самые интересы, которые заставляют экономиста, сикофанта капитала, теоретиче-

²⁵³⁾ Здесь речь идет о действительных колониях, о девственной земле, колонизируемой свободными иммигрантами. Соединенные Штаты в экономическом смысле все еще представляют собой колонию Европы. Впрочем, сюда же относятся и такие старинные поселения, в которых уничтожение рабства в корне преобразовало все отношения.

ски обосновывать в метрополии тождество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью, — эти же самые интересы побуждают его здесь «to make a clean breast of it» [«очистить свою совесть в этом отношении»] и громко провозгласить противоположность этих способов производства. С этой целью он показывает, что развитие общественной производительной силы труда — кооперация, разделение труда, применение в крупном масштабе машин и т. д. — невозможно без экспроприации работников и соответствующего превращения их средств производства в капитал. В интересах так называемого национального богатства он ищет искусственных средств для создания народной бедности. Его апологетический панцирь рассыпается здесь на куски, как дряблый трут.

Большая заслуга Э. Г. Уэйкфилда заключается не в том, что он сказал нечто новое о колониях ²⁵⁴⁾, а в том, что в колониях он раскрыл истину о капиталистических отношениях в метрополии. Как система протекционизма при своем возникновении ²⁵⁵⁾ стремится к фабрикации капиталистов в метрополии, так теория колонизации Уэйкфилда, которую Англия в течение некоторого времени старалась осуществлять законодательным путем, стремится к фабрикации наемных рабочих в колониях. Это он называет «systematic colonization» (систематической колонизацией).

Прежде всего Уэйкфилд открыл в колониях, что обладание деньгами, жизненными средствами, машинами и другими средствами производства еще не делает человека капиталистом, если отсутствует такое дополнение к этому, как наемный рабочий, если отсутствует другой человек, который вынужден добровольно продавать себя самого. Он открыл, что капитал не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредствованное вещами ²⁵⁶⁾. Г-н Пил, — жалуется он, — взял с собой из Англии на берега реки Суон в Новой Голландии жизненные средства и средства производства в общей сумме на 50 000 фунтов стерлингов. Г-н Пил был настолько предусмотрителен, что кроме того захватил с собой 3000 человек из рабочего класса — мужчин, женщин и детей. Но по прибытии на место назначения «у г-на Пила не осталось даже ни одного слуги, который мог бы приготовить ему постель или

²⁵⁴⁾ Немногие лучи света, брошенные Уэйкфилдом на сущность самих колоний, полностью предвосхищены Мирабо-отцом, физиократом, и еще много раньше английскими экономистами.

²⁵⁵⁾ Позже она становится временной необходимостью в международной конкурентной борьбе. Но каковы бы ни были ее мотивы, последствия ее остаются одни и те же.

²⁵⁶⁾ «Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопридильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится капиталом. Выхваченная из этих отношений, она так же не является капиталом, как золото само по себе не является деньгами или сахар — ценой сахара... Капитал — общественное производственное отношение. Он — историческое производственное отношение» (Карл Маркс. «Наемный труд и капитал» в «Neue Rheinische Zeitung» № 226, 7 апреля 1849 г. [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 441, 442]).

зачерпнуть воды из реки» ²⁵⁷⁾. Несчастный г-н Пил! Он все предусмотрел, но забыл только экспортировать английские производственные отношения на берега реки Суон!

Для понимания следующих открытий Уэйкфилда два предварительных замечания. Мы знаем, что если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, то они не являются капиталом. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплуатации рабочего и господства над ним. Но эта их капиталистическая душа соединена в голове экономиста столь тесными узами с их вещественной субстанцией, что он при всяких условиях называет их капиталом, даже при таких, когда они являются прямой противоположностью капитала. Так обстоит дело и у Уэйкфилда. Далее: раздробление средств производства, составляющих индивидуальную собственность многих не зависящих друг от друга, самостоятельно хозяйствующих работников, он называет равным распределением капитала. С экономистом выходит то же, что с феодальным юристом. Последний даже на чисто денежные отношения наклеивал свои феодальные юридические этикетки.

«Если бы», — говорит Уэйкфилд, — «капитал был распределен равными долями между всеми членами общества, то ни один человек не был бы заинтересован в том, чтобы накопить капитала больше, чем он может применить к делу при помощи своих собственных рук. Это до известной степени и наблюдается в новых американских колониях, где страсть к земельной собственности препятствует существованию класса наемных рабочих» ²⁵⁸⁾.

Следовательно, пока работник может накапливать для себя са-мого, — а это он может, пока остается собственником своих средств производства, — до тех пор капиталистическое накопление и капиталистический способ производства невозможны. Отсутствует необходимый для этого класс наемных рабочих. Но в таком случае как же в старой Европе была произведена экспроприация у работника условий его труда, каким образом были созданы капитал и наемный труд? Посредством *contrat social* [общественного договора] весьма оригинального свойства. «Человечество усвоило... простой метод содействовать накоплению капитала», которое, разумеется, со времен Адама казалось ему последней и единственной целью существования; «оно разделилось на собственников капитала и собственников труда... это разделение было результатом добровольного соглашения и сговора» ²⁵⁹⁾. Одним словом: масса человечества сама себя экспроприировала в честь «накопления капитала». Но в таком случае следовало бы полагать, что инстинкт этого фанатического самоотречения должен бы во всей своей силе

²⁵⁷⁾ E. G. Wakefield. «England and America». London, 1833, v. II, p. 33.

²⁵⁸⁾ Там же, т. I, стр. 17.

²⁵⁹⁾ Там же, стр. 18.

проявиться как раз в колониях, где только и существуют такие люди и такие обстоятельства, которые могли бы перенести этот *contrat social* из царства мечты в царство действительности. Но к чему бы тогда вообще «систематическая колонизация» в противоположность естественной колонизации? Но, однако:

«сомнительно, принадлежит ли в северных штатах Американского союза хотя бы десятая доля населения к категории наемных рабочих... В Англии... большая часть народа состоит из наемных рабочих» ²⁶⁰⁾.

Да, стремление трудящегося населения к самоэкспроприации в честь капитала настолько ничтожно, что рабство, даже по Уэйкфилду, — единственная естественная основа колониального богатства. Его систематическая колонизация просто *pis aller* [неизбежное зло], так как он имеет дело со свободными людьми, а не с рабами.

«У первых испанских поселенцев на Сан-Доминго не было ни одного рабочего из Испании. Но без рабочих» (т. е. без рабства) «капитал погиб бы или, по крайней мере, сократился бы до таких мелких размеров, при которых каждый индивидуум мог бы применять его с помощью своих собственных рук. Так оно и случилось в действительности в последней основанной англичанами колонии, где большой капитал в виде семян, скота и орудий погиб вследствие недостатка наемных рабочих и где ни один поселенец не владеет большим капиталом, чем он может применить с помощью своих собственных рук» ²⁶¹⁾.

Мы видели, что экспроприация земли у народных масс служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободной колонии, напротив, заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью, и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднему поселенцу поступить таким же образом ²⁶²⁾. В этом тайна как процветания колоний, так и разъедающей их язвы, их противодействия водворению капитала.

«Где земля очень дешева и все люди свободны, где каждый может по своему желанию получить участок земли для самого себя, там труд не только очень дорог, если принять во внимание долю, получаемую рабочим из его продукта, но там и вообще трудно получить комбинированный труд за какую бы то ни было цену» ²⁶³⁾.

Так как в колониях еще нет отделения работника от условий труда и от земли — основы последних, или такое отделение является лишь спорадическим или наблюдается на слишком ограниченном пространстве, то в колониях нет еще и обособления земледелия от промышленности, не уничтожена еще сельская домашняя промышленность. Откуда же возьмется там внутренний рынок для капитала?

²⁶⁰⁾ Там же, стр. 42, 43, 44.

²⁶¹⁾ Там же, т. II, стр. 5.

²⁶²⁾ «Для того чтобы сделаться элементом колонизации, земля не только должна быть неводеланной, но должна кроме того представлять собой общественную собственность, которая может быть превращена в частную собственность» (там же, т. II, стр. 125).

²⁶³⁾ Там же, т. I, стр. 247.

«В Америке, за исключением рабов и их хозяев, которые комбинируют капитал и труд на крупных предприятиях, нет ни одной части населения, которая занималась бы исключительно земледелием. Свободные американцы, которые сами обрабатывают землю, занимаются в то же время и многими другими работами. Сами они обыкновенно изготовляют часть необходимой для них мебели и орудий. Они нередко строят дома для себя и доставляют продукты своей собственной промышленности на самые отдаленные рынки. Они одновременно прядильщики и ткачи, они изготовляют мыло и свечи, обувь и одежду для своего собственного потребления. В Америке земледелие часто является побочным промыслом кузнеца, мельника или лавочника»²⁶⁴).

Где же остается среди таких чудаков область для «самоотречения» капиталиста?

Великая прелесть капиталистического производства состоит в том, что оно не только постоянно воспроизводит наемных рабочих как наемных рабочих, но и производит всегда соответствующее накоплению капитала относительное перенаселение наемных рабочих. Этим закон спроса и предложения труда удерживается в надлежащей колее, колебаниям заработной платы ставятся пределы, желательные для капиталистической эксплуатации, и, наконец, обеспечивается столь необходимая социальная зависимость рабочего от капиталиста, — та абсолютная зависимость, которую экономист у себя дома, в метрополии, может многословно расписывать как свободное договорное отношение между покупателем и продавцом, между двумя одинаково независимыми товаровладельцами, владельцем товара — капитал и владельцем товара — труд. Но в колониях эта прекрасная иллюзия рушится. Численность населения здесь растет гораздо быстрее, чем в метрополии, так как здесь многие рабочие появляются на свет уже взрослыми, и, однако, рынок труда здесь никогда не бывает полным. Закон спроса и предложения труда терпит крушение. С одной стороны, Старый свет постоянно выбрасывает туда жаждущий эксплуатации, одержимый стремлением к самоотречению капитал; с другой стороны, регулярное воспроизводство наемных рабочих как наемных рабочих наталкивается на самые неприятные и отчасти непреодолимые препятствия. До производства ли тут избыточных наемных рабочих соответственно накоплению капитала! Сегодняшний наемный рабочий завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рынка труда, но только не в рабочий дом. Это постоянное превращение наемных рабочих в независимых производителей, которые работают не на капитал, а на самих себя, и обогащают не господина капиталиста, а самих себя, в свою очередь оказывает чрезвычайно вредное воздействие на состояние рынка труда. Дело не только в том, что степень эксплуатации наемного рабочего остается неприлично низкой. Последний кроме того утрачивает вместе со своей зависимостью от предающегося самоотречению

²⁶⁴) Там же, стр. 21, 22.

капиталиста и чувство зависимости от него. Отсюда все те печальные явления, которые так открыто, так красноречиво и так трогательно описывает наш Э. Г. Уэйкфилд.

Предложение наемного труда, — жалуется он, — непостоянно, нерегулярно, недостаточно. Оно «не только всегда слишком мало, но и не обеспечено»²⁶⁵⁾.

«Хотя продукт, подлежащий разделению между рабочим и капиталистом, велик, но рабочий берет себе столь большую долю, что он быстро становится капиталистом... Напротив, лишь немногие, даже если они живут необыкновенно долго, могут накопить крупные массы богатства»²⁶⁶⁾.

Рабочие никак не позволяют капиталисту воздержаться от оплаты большей части их труда. Ему нисколько не помогает, если он, будучи настолько предусмотрительным, вместе со своим собственным капиталом импортирует из Европы и своих собственных наемных рабочих.

«Они скоро перестают быть наемными рабочими, они скоро превращаются в независимых крестьян или даже в конкурентов своих прежних хозяев на самом рынке наемного труда»²⁶⁷⁾.

Представьте себе ужас подобного положения! Бравый капиталист на свои кровные деньги импортировал из Европы своих собственных конкурентов! Ведь это — конец всему! Неудивительно, что Уэйкфилд жалуется на недостаток зависимости и чувства зависимости у наемных рабочих в колониях.

«Вследствие высокой заработной платы», — говорит его ученик Меривейл, — «в колониях существует страстное желание более дешевого и более покорного труда, потребность в таком классе, которому капиталист мог бы диктовать свои условия, вместо того чтобы, наоборот, условия предписывались ему самому рабочим... В странах старой цивилизации рабочий хотя и свободен, но в силу естественных законов зависит от капиталиста; в колониях эта зависимость должна быть создана искусственными мерами»²⁶⁸⁾.

Каковы же, по Уэйкфилду, последствия такого печального положения в колониях? «Варварская система распыления» произво-

²⁶⁵⁾ Там же, т. II, стр. 116.

²⁶⁶⁾ Там же, т. I, стр. 131.

²⁶⁷⁾ Там же, т. II, стр. 5.

²⁶⁸⁾ *Merivale. «Lectures on Colonization and Colonies». London, 1841—1842, v. II, p. 235—314 passim.* Даже приторный вульгарный экономист-фритредер Молинали говорит: «В колониях, где рабство было уничтожено без замены принудительного труда соответствующим количеством свободного труда, мы видели нечто противоположное тому, что наблюдаем каждый день. Мы видели, как простые рабочие, со своей стороны, эксплуатировали промышленных предпринимателей и требовали такой заработной платы, которая выше причитающейся им законной доли продукта. Плантаторы, лишенные возможности получать за свой сахар такую цену, которая покрывала бы увеличение заработной платы, были вынуждены покрывать дефицит сначала за счет своей прибыли, а потом и за счет своего капитала. Многие плантаторы таким образом разорились, другим пришлось прекратить свои предприятия, чтобы предотвратить неизбежное разорение... Без сомнения, пусть лучше не будет накопления капиталов, чем погибнут целые поколения людей» (какое великодушие со стороны г-на Молинали!); «но не лучше ли было бы, если бы не погибали ни те, ни другие» (*Molinari*, цит. соч., стр. 51, 52). Г-н Молинали, г-н Молинали! Что же получается с десятью заповедями, с Моисеем и пророками²⁶⁹⁾, с законом спроса и предложения, если в Европе «предприниматель» может урезывать «законную

дителей и национального имущества²⁶⁹⁾. Раздробление средств производства между многочисленными, самостоятельно хозяйствующими собственниками уничтожает вместе с централизацией капитала и все основы комбинированного труда. Всякое предприятие, рассчитанное на продолжительное время, охватывающее многие годы и требующее вложений основного капитала, наталкивается при своем осуществлении на препятствия. В Европе капитал ни минуты не медлит, потому что рабочий класс составляет там его живой придаток, постоянно имеется в избытке, всегда готов к его услугам. Но в колониальных странах!.. Уэйкфилд рассказывает в высшей степени прискорбный анекдот. Он беседовал с некоторыми капиталистами из Канады и штата Нью-Йорк, где — что следует отметить — волны иммиграции часто задерживаются и оставляют осадок «избыточных» рабочих.

«Наш капитал», — вздыхает один персонаж мелодрамы, — «наш капитал был наготове для многих операций, исполнение которых требует значительного времени; но могли ли мы начинать такие операции с рабочими, которые — мы знали это — скоро показали бы нам спину? Если бы мы были уверены, что можем удержать у себя труд этих переселенцев, мы с радостью немедленно наняли бы их, и притом по высокой цене. Более того, несмотря на полную уверенность в том, что мы их потеряем, мы тем не менее наняли бы их, если бы были уверены в притоке новых переселенцев, соответствующем нашим потребностям»²⁷⁰⁾.

После того как Уэйкфилд великолепно изобразил контраст между английским капиталистическим земледелием с его «комбинированным» трудом и раздробленным американским крестьянским хозяйством, у него вырывается признание и оборотной стороны медали. Американская народная масса в его изображении зажиточная, независимая, предприимчивая и сравнительно образованная, между тем как

«английский сельскохозяйственный рабочий — жалкий босик (a miserable wretch), паупер... В какой другой стране, кроме Северной Америки и некоторых новых колоний, плата за свободный труд, применяемый в земледелии, сколько-нибудь значительно превышает самые необходимые средства существования рабочего?.. Несомненно, рабочие лошади в Англии получают гораздо лучшее питание, чем английский земледелец, потому что они составляют ценную собственность»²⁷¹⁾.

Но это не беда, ведь национальное богатство оказывается теперь по самой своей природе тождественным с народной нищетой.

Однако каким же образом излечить колонии от антикапиталистической язвы? Если бы разом превратить всю землю из народной собственности в частную собственность, то это хотя и уничтожило

долю» рабочего, а в Вест-Индии рабочий — «законную долю» предпринимателя! И скажите, пожалуйста, что это за «законная доля», которой, по вашему признанию, капиталист в Европе не доплачивает каждый день! Г-ну Молинари очень уж хочется там, в колониях, где рабочие так «неотесаны», что «эксплуатируют» капиталистов, полицейскими мерами придать надлежащее действие закону спроса и предложения, который в других случаях действует автоматически.

²⁶⁹⁾ Wakefield. «England and America». London, 1833, v. II, p. 52.

²⁷⁰⁾ Там же, т. II, стр. 191, 192.

²⁷¹⁾ Там же, т. I, стр. 47, 246.

бы корень зла, но вместе с ним уничтожило бы и колонии. Искусство заключается в том, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев. Необходимо, чтобы правительство дало девственной земле искусственную цену, независимую от закона спроса и предложения: она заставит поселенца сравнительно долгое время работать в качестве наемного рабочего, пока он не заработает такого количества денег, которое позволит ему купить участок земли²⁷²⁾ и превратиться в независимого крестьянина. Тот фонд, который образуется благодаря продаже этих земель по цене, относительно недоступной для наемного рабочего, т. е. тот денежный фонд, который выжимается из заработной платы нарушением священного закона спроса и предложения, правительство должно, в свою очередь, употреблять по мере его образования на то, чтобы ввозить бедняков из Европы в колонии и таким образом заполнять для господ капиталистов рынок наемного труда. При таких условиях «tout sera pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles»²⁷³⁾. Такова великая тайна «систематической колонизации».

«При осуществлении этого плана», — торжествуя восклицает Уэйкфилд, — «предложение труда будет постоянным и регулярным; потому, во-первых, что все переселяющиеся рабочие, — поскольку ни один из них не в состоянии купить себе земли, пока он не поработает известное время за деньги, — сообща работали бы по найму и таким образом производили бы своему хозяину капитал для применения еще большего количества труда; потому, во-вторых, что каждый, кто бросает наемный труд и становится земельным собственником, как раз куплей земли обеспечивает известный фонд на доставку в колонии нового труда»²⁷³⁾.

Октроированная государством цена земли, конечно, должна быть «достаточной» (*sufficient price*), т. е. настолько высокой, «чтобы воспрепятствовать рабочим превращаться в независимых крестьян до тех пор, пока не появятся другие, готовые занять их место на рынке наемного труда»²⁷⁴⁾. Эта «достаточная цена земли» есть не что иное, как смягченное обозначение выкупной суммы, которую рабочий уплачивает капиталисту за разрешение удалиться с рынка наемного труда на свой участок земли. Сначала он должен создать для господина капиталиста «капитал» для эксплуатации еще большего количества рабочих, а потом должен поставить на рынок труда «заместителя», которого за его счет правительство привозит из-за моря для его прежнего хозяина-капиталиста.

В высшей степени характерно, что английское правительство годами осуществляло этот метод «первоначального накопления»,

²⁷²⁾ «Вы говорите, что человек, у которого нет ничего, кроме собственных рук, благодаря присвоению земли и капиталов находит работу и создает для себя доход... напротив, только благодаря индивидуальному присвоению земли находятся люди, у которых нет ничего, кроме их рук... Помещая человека в безвоздушное пространство, вы отнимаете у него воздух, необходимый для дыхания. Точно так же поступаете вы, завладевая землей... Это все равно, что поставить его вне богатства, чтобы подчинить его жизнь вашему произволу» (*Colins*, цит. соч., т. III, стр. 267—271, в разных местах).

²⁷³⁾ *Wakefield*. «England and America». London, 1833, v. II, p. 192.

²⁷⁴⁾ Там же, стр. 45.

рекомендованный г-ном Уэйкфилдом специально для применения в колониях. Неудача была, конечно, столь же позорная, как провал банковского акта Пила²³¹. Следствием было только то, что поток эмиграции от английских колоний был отклонен к Соединенным Штатам. Между тем прогресс капиталистического производства в Европе, сопровождавшийся усилением правительственного гнета, сделал рецепт Уэйкфилда излишним. С одной стороны, колоссальный и непрерывный поток людей, из года в год направляющийся в Америку, оставляет на Востоке Соединенных Штатов застойные осадки, так как волна эмиграции из Европы быстрее выбрасывает людей на рынок труда востока Соединенных Штатов, чем другая волна успевает унести их на запад. С другой стороны, Гражданская война в Америке имела своим следствием колоссальный национальный долг и вместе с ним гнет налогов, возникновение самой низкой финансовой аристократии, раздачу огромной части общественных земель обществам спекулянтов, возникшим с целью эксплуатации железных дорог, рудников и т. д., — короче говоря, имела своим следствием самую быструю централизацию капитала. Таким образом, великая республика перестала быть обетованной землей для эмигрирующих рабочих. Капиталистическое производство развивается там исполинскими шагами, хотя понижение заработной платы и зависимость наемного рабочего еще не достигли европейской нормы. Бесстыдное расточение невозделанных колониальных земель, раздаваемых английским правительством аристократам и капиталистам, — что громко порицает даже Уэйкфилд, — в соединении с потоком людей, привлекаемых золотыми приисками, и с конкуренцией, которую ввоз английских товаров создает даже самому мелкому ремесленнику, — все это породило, особенно в Австралии²⁷⁵, достаточное «относительное перенаселение рабочих», так что почти каждая почта приносит печальные вести о переполнении австралийского рынка труда — о «glut of the Australian labour-market», — и проституция расцветает там местами так же пышно, как на лондонском Хеймаркете.

Однако здесь нас занимает не положение колоний. Нас интересует здесь только тайна, которую открыла в Новом свете и громко возвестила политическая экономия Старого света: капиталистический способ производства и накопления, а следовательно, и капиталистическая частная собственность предполагают уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, т. е. предполагают экспроприацию работника.

²⁷⁵ Как только Австралия сделалась своей собственной законодательницей, она, конечно, начала издавать законы, благоприятные для переселенцев, но расточение земель, уже произведенное англичанами, стоит поперек дороги. «Первая и главная цель, к которой стремится новый земельный закон 1862 г., заключается в том, чтобы облегчить народу возможность расселения» («The Land Law of Victoria» by the Hon. G. Duffy, Minister of Public Lands. London, 1862).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *«Капитал»* — главное произведение К. Маркса, над созданием которого он работал в течение четырех десятилетий, с начала 40-х годов и до конца жизни. «Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 44).

К занятиям политической экономией Маркс приступил в конце 1843 г. в Париже. Он ставил своей целью написание большого труда, содержащего критику политики существующего строя и политической экономии. Первые результаты его исследований в этой области нашли отражение в таких работах, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Манифест Коммунистической партии» и др. Уже в этих работах раскрываются ужасы капиталистической эксплуатации, непримиримая противоположность интересов капиталистов и наемных рабочих, антагонистический и преходящий характер экономических и социально-политических отношений капитализма.

После известного перерыва, обусловленного бурными событиями революции 1848—1849 гг., Маркс смог продолжить свои экономические исследования только в Лондоне, куда он вынужден был эмигрировать в августе 1849 г. Здесь он глубоко и всесторонне изучает труды буржуазных экономистов, историю народного хозяйства и современную ему экономику разных стран, особенно Англии, которая была тогда классической страной капитализма. В поле его зрения находятся истоки и важнейшие особенности капиталистического способа производства, экономические кризисы, истории земельной собственности и теории земельной ренты, история и теория денежного обращения и цен, история техники и технологии и другие проблемы.

Работа Маркса протекала в невероятно трудных условиях. Ему постоянно приходилось вести борьбу с нуждой и нередко отрываться от занятий ради заработка на жизнь. Длительное перенапряжение сил в условиях материальных лишений не осталось без последствий. Маркс серьезно заболевает. Тем не менее к 1857 г. ему удалось провести огромную подготовительную работу, которая позволила приступить к завершающему этапу исследования — систематизации и обобщению собранных материалов.

С января 1857 по июнь 1858 г. Маркс создает рукопись объемом около 50 печатных листов, являющуюся, по существу, первым черновым наброском будущего «Капитала». Впервые она была опубликована лишь в 1939—1941 гг. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на языке оригинала под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» (Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, к. 1—II. М., 1968, 1969).

Поначалу Маркс полагал издавать свой труд отдельными выпусками, и первый выпуск, писал он, «обязательно должен представлять собой до из-

вестной степени цельную работу», которая охватывает всего лишь первый отдел первой книги — отдел, состоящий из трех глав: 1) Товар; 2) Деньги, или простое обращение и 3) Капитал. Однако по политическим мотивам в окончательный вариант первого выпуска — в книгу «К критике политической экономии» — третья глава не вошла. Маркс указывал, что именно с этой главы «начинается настоящая битва» и, по его мнению, было бы неблагоразумным в обстановке официальной цензуры, полицейских преследований и травли авторов, неугодных господствующим классам, выпускать такую главу в свет в «первом выпуске», т. е. еще до того, как о новом произведении узнает широкая общественность. Для «первого выпуска» Маркс специально написал лишь главу о товаре и переработал основательно главу о деньгах из рукописи 1857—1858 гг.

Книга «К критике политической экономии» увидела свет в 1859 г. Имелось в виду вскоре за тем осуществить и «второй выпуск», т. е. опубликовать упомянутую главу о капитале. Маркс возобновляет свои систематические занятия политической экономией в Британском музее. Правда, сравнительно скоро ему пришлось отложить эту работу на целых полтора года в связи с необходимостью выступить в печати с разоблачением клеветнических выпадов бонапартистского агента К. Фогта и другими срочными делами. Только в августе 1861 г. он начинает работать над «вторым выпуском». 28 декабря 1862 г. он пишет Л. Кугельману: «Вторая часть наконец готова, если не считать переписки начисто и окончательной отделки для печати. Она составит около 30 печатных листов. Являясь продолжением первого выпуска, она выйдет самостоятельно под заглавием «Капитал», а название «К критике политической экономии» будет лишь подзаголовком». В действительности, однако, к этому времени или, скорее, к середине 1863 г., получилась снова черновая рукопись, но значительно больших размеров, чем рукопись 1857—1858 гг. — 23 тетради общим объемом примерно в 200 печатных листов. Около половины ее (тетради VI—XVIII) — это история экономических учений, более известная под названием «Теории прибавочной стоимости». Другие тетради в той или иной степени затрагивают проблематику I—III томов «Капитала». Вся рукопись 1861—1863 гг., которую принято считать вторым черновым вариантом «Капитала», в ее подлинном и полном виде опубликована ныне в качестве 3 тома II отдела Marx/Engels Gesamtausgabe (MEGA — МЭГА), в шести книгах (Dietz Verlag Berlin, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1982).

В ходе дальнейшей работы Маркс решает придать своему произведению трехчленное деление. Что же касается историко-критической части, то она должна была составить четвертое завершающее звено. «Вся работа, — пишет Маркс в письме к Кугельману от 13 октября 1866 г., — распадается на следующие части: Книга I) Процесс производства капитала. Книга II) Процесс обращения капитала. Книга III) Формы процесса в целом. Книга IV) К истории теории». Маркс отказывается также от прежнего плана издания произведения отдельными выпусками и ставит задачей подготовить сначала хотя бы в основном всю работу и только тогда издавать ее.

В связи с этим Маркс продолжает усиленно работать над своим трудом, и особенно над теми его частями, которые в рукописи 1861—1863 гг. еще не были достаточно развиты. Он изучает дополнительно большое количество экономической и технической литературы, в том числе по сельскому хозяйству, по вопросам кредита и денежного обращения, штудирует статистические материалы, различные парламентские документы, официальные отчеты о детском труде в промышленности, о жилищных условиях английского пролетариата и т. д. Вслед за тем Маркс создает в течение двух с половиной лет (с августа 1863 до конца 1865) новую рукопись, которая и составляет детально разработанный вариант трех теоретических томов «Капитала». И только после того как была написана вся работа в целом (январь 1866), Маркс приступает к окончательной ее отделке для печати, причем, по совету Энгельса, он решает подготовить к печати не всю работу сразу, а в первую очередь первый том «Капитала».

Эта окончательная отделка производилась Марксом с большой тщательностью и, по существу, явилась еще одной переработкой всего первого тома «Капитала» в целом. В интересах дельности, полноты и ясности изложения Маркс посчитал нужным в сравнительно краткой форме воспроизвести основные вопросы содержания изданной в 1859 г. работы «К критике политической экономии» в начале первого тома «Капитала» — они занимают теперь весь первый отдел («Товар и деньги»), а в первом издании освещались в первой главе («Товар и деньги»).

После выхода в свет первого тома «Капитала» (сентябрь 1867 г.) Маркс продолжает работать над ним в связи с подготовкой новых изданий на немецком языке и переводами на иностранные языки. Для второго издания (1872) он предлагает новую структуру и вносит многочисленные изменения в текст, дает существенные указания в связи с русским изданием, которое вышло в Петербурге в 1872 г. и явилось первым иностранным переводом «Капитала», снова в значительной степени изменяет структуру книги и основательно редактирует французский перевод, который публикуется отдельными выпусками в 1872—1875 гг.

Вместе с тем после появления первого тома «Капитала» Маркс продолжает работать и над следующими томами, намереваясь вскоре завершить все произведение. Но это ему не удается. Много времени отнимает деятельность в Генеральном Совете I Интернационала. Все чаще мешает работе плохое состояние здоровья. Однако чрезвычайная научная добросовестность и скрупулезность Маркса, та строгая самокритика, с какой он, по словам Энгельса, «старался разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их», заставляют его при рассмотрении той или иной проблемы все снова и снова возвращаться к дополнительному исследованию. В самом ходе этой творческой работы возникали также многие новые вопросы.

Следующие два тома «Капитала» были подготовлены к печати и опубликованы Энгельсом лишь после смерти Маркса: второй — в 1885 г. и третий — в 1894 г.

После смерти Маркса Энгельс редактировал перевод первого тома «Капитала» на английский язык (вышел в 1887), подготовил к печати третье (1883) и четвертое (1890) издания первого тома «Капитала» на немецком языке.

В четвертом немецком издании I тома «Капитала» Энгельс, основываясь на личных указаниях Маркса, установил окончательную редакцию основного текста и примечаний. — 5.

² Имеется в виду первая глава первого тома «Капитала» в первом немецком издании 1867 г. под названием «Товар и деньги». При подготовке второго издания Маркс переработал свою книгу и, в частности, внес большие изменения в ее структуру. На основе разделов прежней первой главы и приложения были созданы три соответствующие самостоятельные главы, которые образуют вместе первый отдел книги. — 5.

³ Имеется в виду глава третья работы Ф. Лассалья «Г-н Бастиа Шульце фон Делич, экономический Юлиан, или: Капитал и труд» (Берлин, 1864) («Herr Bastiat-Schulze von Delitzsh, der ökonomische Julian, oder: Capital und Arbeit») (Berlin, 1864). — 5.

⁴ *Mutato nomine de te fabula narratur* (Лишь имя стоит тебе изменить, не твоя ли история это) — слова из сатир Горация, книга первая, сатира 1. — 6.

⁵ Имеется в виду война 1775—1783 гг., в результате которой колонии Новой Англии на севере американского континента обрели независимость от Великобритании, подтвержденную Парижским мирным договором от 3 сентября 1783 г. — 7.

- ⁶ *Гражданская война в Америке XIX столетия* — продолжалась с 1861 по 1865 гг. — победоносная война северных штатов против южных (конфедеральных) штатов Америки, правящие круги которых стремились к сохранению рабовладения, ставшего тормозом социально-экономического развития всей страны. Позиции северных штатов выказывали свою симпатию и поддержку международная демократическая общественность и международное рабочее движение. — 7.
- ⁷ 39 статей англиканской церкви были выработаны при правительстве Елизаветы I (1558—1603) и в 1571 г. получили подтверждение парламента. Они содержали признание протестантских догм о вере и святом писании как единственном источнике «истины», а также католической догмы о спасительной силе церкви. Главой англиканской церкви считался король, а сама она была составной частью государственного аппарата феодально-абсолютистской монархии. — 8.
- ⁸ *Синие книги* (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и служат одним из основных официальных источников для изучения экономической и дипломатической истории этой страны. — 8.
- ⁹ Намеченный здесь план К. Марксом не был реализован. То, что здесь называется книгой II, Ф. Энгельс уже после кончины Маркса издал в виде II тома «Капитала», а книга III под редакцией Энгельса вышла как III том «Капитала». Книга IV осталась неизданной при жизни Маркса и Энгельса. Однако материал для нее Маркс изложил вчерне в своей Экономической рукописи 1861—1863 гг., и он известен широкому читателю под названием «Теории прибавочной стоимости». — 9.
- ¹⁰ *Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!* (Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!) — перефразированные слова из произведения Данте «Божественная комедия», «Чистилище», песнь V. — 9.
- ¹¹ *Mayer S. Die sociale Frage in Wien. Studie eines «Arbeitgebers».* Wien, 1871 (*Майер С. Социальный вопрос в Вене. Этюд одного «работодателя».* Вена, 1871). — 11.
- ¹² В четвертом немецком издании первого тома «Капитала» (1890) первые четыре абзаца настоящего послесловия опущены. В настоящем издании оно дается полностью. — 11.
- ¹³ *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. фабрикантами Кобденом и Брайтом. Отстаивая интересы промышленной буржуазии, Лига добивалась отмены так называемых хлебных законов, предусматривавших в угоду земельной аристократии ограничение и запрет ввоза хлеба из-за границы. Принятый в 1815 г. хлебный закон запрещал импорт хлеба до тех пор, пока цена на хлеб в самой Англии оставалась ниже 80 шилл. за квартал. В 1822 г. этот закон был несколько видоизменен, а в 1828 г. была введена скользящая шкала, согласно которой ввозные пошлины на хлеб повышались с понижением его цены на внутреннем рынке и, наоборот, — понижались с повышением этой цены. Добиваясь отмены хлебных законов и установления свободной торговли хлебом, Лига ставила своей целью снижение внутренних цен на хлеб, а тем самым и снижение заработной платы наемных рабочих. Лозунг свободы торговли широко использовался Лигой в ее демагогической пропаганде единства интересов рабочих и промышленников. Хлебные законы были отменены в 1846 г. — 13.
- ¹⁴ Имеется в виду работа И. Дидгена «Карл Маркс. «Капитал. Критика политической экономики». Гамбург, 1867», опубликованная в газете «Demokratisches

Wochenblatt» («Демократический еженедельник»), № 31, 34, 35, 36 за 1868 г. В 1869—1876 гг. эта газета выходила под новым названием — «Der Volksstaat» («Народное государство»). — 14.

- ¹⁵ Здесь речь идет о журнале «La philosophie positive. Revue» («Позитивистская философия. Обзорение»), выходившем в Париже в 1867—1883 гг. В его третьем номере за ноябрь — декабрь 1868 г. была опубликована краткая рецензия на первый том «Капитала», написанная Е. В. Де-Роберти, последователем позитивистской философии О. Конта. — 15.
- ¹⁶ *Зиббер Н.* Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Киев, 1871, с. 170. — 15.
- ¹⁷ Эта статья («Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса») была написана И. И. Кауфманом. — 15.
- ¹⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 6—8. — 15.
- ¹⁹ Имеются в виду немецкие буржуазные философы Бюхнер, Ланге, Дюринг, Фехнер и др. — 17.
- ²⁰ «Новые две трети» — так называлась серебряная монета достоинством в $\frac{2}{3}$ талера, имевшая хождение в ряде германских государств. — 21.
- ²¹ Нумерация глав английского издания первого тома «Капитала» не совпадает с нумерацией глав его немецких изданий. — 23.
- ²² Под «бунтом в защиту рабства» подразумевается мятеж, поднятый рабовладельцами Юга США и приведший к Гражданской войне 1861—1865 гг. — 26.
- ²³ В действительности у Маркса здесь нет неточности. — 28.
- ²⁴ Разоблачению неоднократных клеветнических нападок представителей буржуазии, обвинявших Маркса в преднамеренной фальсификации цитаты из речи Гладстона от 16 апреля 1863 г., Энгельс посвятил специальную работу «Брентано contra Маркс, по поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы», опубликованную в 1890—1891 гг. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 97—186). — 28.
- ²⁵ Говоря об «изобретении крошки Ласкера», Маркс имеет в виду следующий случай. На заседании рейхстага 8 ноября 1871 г. буржуазный депутат национал-либерал Ласкер в полемике против Бебеля заявил, что если немецкие социал-демократические рабочие вздумают последовать примеру парижских коммунаров, то «добропорядочные и имеющие собственность бюргеры прикончат их дубинами». Однако публиковать это в такой формулировке оратор не решился, и уже в стенографическом отчете вместо слов «прикончат их дубинами» было сказано «удержат их в повиновении». Эту фальсификацию разоблачил Бебель. Ласкер стал предметом насмешек в рабочих кругах. За свой маленький рост он получил ироническое прозвище «крошка Ласкер». — 29.
- ²⁶ *Гёте.* Фауст, часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). — 30.
- ²⁷ Энгельс перефразирует здесь слова хвастуна и труса Фальстафа, рассказывающего о том, как он один будто бы дрался на шпагах с пятьюдесятью чело-веками (*Шекспир.* Король Генрих IV. Часть I, акт II, сцена четвертая). — 31.
- ²⁸ Перефразированные слова из поэмы С. Батлера «Гудибрас» («Hudibras»), часть II, песнь I. — 36.
- ²⁹ См.: *Jacob W.* An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals. In two volumes. London, 1831 (*Джейкоб У.* Историческое ис-

- следование о производстве и потреблении драгоценных металлов. В 2-х т. Лондон, 1831). — 40.
- ³⁰ [Petty W.] A Treatise of Taxes and Contributions. London, 1667, p. 47 ([Петту У.] Трактат о налогах и сборах. Лондон, 1667, с. 47). — 43.
- ³¹ Маркс использует здесь диалог из исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV», часть I. В сцене третьей акта III Фальстаф говорит вдове Куикли, что «неизвестно, как за нее ваяться». На это она отвечает: «Врешь: и ты и другие отлично знают, как за меня ваяться». — 47.
- ³² «*Paris vaut bien une messe*» («Париж стоит мессы») — слова Генриха IV, сказанные им в 1593 г. в связи с обещанием парижан признать его королем, если он перейдет из протестантской веры в католическую. — 52.
- ³³ Маркс цитирует здесь сочинение Аристотеля «Никомахова этика» по книге: Аристотель. Соч. Изд. Имануила Беккера. Оксфорд, 1837, т. IX, с. 99, 100 (Aristotelis opera ex recensione Immanuelis Bekkeri. Oxonii, 1837, t. IX, p. 99, 100). — 59.
- ³⁴ Ломбард-стрит — улица в Сити (финансовом центре Лондона), на которой находится ряд крупных банков; синоним лондонского денежного рынка. — 60.
- ³⁵ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона, гл. I. — См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 65—127. — 67.
- ³⁶ Гёте. Фауст, часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). — 67.
- ³⁷ После поражения революций 1848—1849 гг. в Европе наступил период мрачной политической реакции. В эту пору в аристократических кругах европейских стран стали увлекаться спиритизмом, особенно столоверчением. А в Китае в то же самое время развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны (тайпинская революция). — 70.
- ³⁸ О параллелограммах Оуэна Рикардо упоминает в своей работе «О покровительстве земледелию» (4-е изд. Лондон, 1822, с. 21) («On Protection to Agriculture») (Fourth ed. London, 1822, p. 21). Развивая свой утопический проект социальных преобразований, Оуэн доказывал, что экономически, а также с точки зрения устройства домашнего быта наиболее целесообразным является строительство поселка в форме параллелограмма или квадрата. — 75.
- ³⁹ Согласно взглядам древнегреческого философа Эпикура, в общем материалиста и атеиста, имеется бесчисленное множество миров. Эти миры возникают и существуют по своим собственным, естественным законам. Боги же, хотя и существуют, но находятся вне миров, в пространствах между ними, и не оказывают никакого влияния ни на развитие вселенной, ни на жизнь человека. — 77.
- ⁴⁰ Под «отцами церкви» подразумеваются писавшие на греческом и латинском языках писатели христианской церкви II—VI вв. (Атанасиус, Василиус, Амброзиус, Августин, Григорий Великий и др.). Для их сочинений была характерна подчеркнутая враждебность в отношении «языческой» религии и античного материализма. — 79.
- ⁴¹ В своем романе «Дон-Кихот» (первая его часть вышла в 1605 г., вторая — в 1615 г.) М. Сервантес пародирует изжившее себя рыцарство, которое составляло определенную классовую прослойку феодальной общественно-экономической формации. Начиная с XI в., рыцари в Испании и других романских странах были наследственным сословием, относившимся в общем к низшим

классов феодального общества. Их этика, оружие и военное искусство (а они как раз выполняли в основном военные функции), их образ жизни служили предметом идеализации и прославления в современной литературе. Однако развитие экономических отношений, распространение наемного войска сделали рыцарей излишним пережитком.

«Разумный безумец» — Рыцарь Печального Образа Дон-Кихот не в состоянии был понять произошедших объективно обусловленных перемен в обществе и верил в возможность возврата к минувшей старине, прибегал к средствам, не соответствующим преследуемой цели. Отсюда — комичность его фигуры, его упований и действий. — 80.

⁴² Шекспир. Много шума из ничего, акт III, сцена третья. — 81.

⁴³ Ярмарка Ланди — большая ярмарка близ Парижа, проводившаяся ежегодно в XII—XIX вв. — 82.

⁴⁴ Гёте. Фауст, часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). — 84.

⁴⁵ Апокалипсис — одно из произведений раннехристианской литературы, входящее в Новый завет (Библия. Откровение Иоанна). Написано в I в. Автор Апокалипсиса выражает чувство всеобщей ненависти к Римской империи, которую клеймит именем «зверя» и считает ее воплощением дьявола. Цитируемые места относятся к гл. 17 и 13. — 84.

⁴⁶ Государство инков — существовавшее в начале XV — середине XVI вв. на территории современного Перу рабовладельческое государство, в котором сохранились значительные остатки первобытнообщинного строя. Господствующее здесь племя инков подразделялось на 100 родовых общин (айлью), превратившихся постепенно в сельские (соседские) общины. — 85.

⁴⁷ Пандекты — греческое название Дигест (лат. Digesta — собранное), важнейшей части свода римского гражданского права. Дигесты представляли собой собрание отрывков из сочинений римских юристов и выражали интересы рабовладельцев. Они были опубликованы в 529 г. при византийском императоре Юстиниане. — 88.

⁴⁸ [Parry W. E.] Journal of a Voyage for the Discovery of a North-West Passage from the Atlantic to the Pacific; performed in the Years 1819—20, in His Majesty's Ships Hecla and Griper, under the Orders of William Edward Parry. London, 1821 ([Парри У. Э.] Журнал путешествия, предпринятого в 1819—20 гг. на кораблях его величества «Гекла» и «Грайпер» под командованием Уильяма Эдварда Парри для открытия северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий. Лондон, 1821). Во втором издании этой книги, вышедшей в Лондоне также в 1821 г., цитируемое место находится на стр. 277—278. — 92.

⁴⁹ В античной мифологии история человечества делилась на пять периодов. Золотой и серебряный века представляли собой два первых периода из этих пяти. В наиболее счастливым золотом веке люди жили якобы, не зная никаких невзгод и лишь в последующих веках их жизнь сложилась иначе. Пятый и последний из веков — железный — полон несправедливостей, насилий и убийств. Легенда о пяти веках воспроизведена в творчестве греческого поэта Гесиода и римского поэта-лирика Овидия. — 96.

⁵⁰ Имеется в виду англо-шотландская уния 1707 г., согласно которой Шотландия была окончательно присоединена к Англии. Вследствие этого акта, ликвидировавшего шотландский парламент, были уничтожены и все экономические барьеры, существовавшие между двумя странами. — 96.

⁵¹ Маркс цитирует Иеронима Блаженного «Письмо к Евстохии — о хранении девства». — 99.

- ⁵² Данте. Божественная комедия, «Рай», песнь XXIV. — 100.
- ⁵³ Маркс К. К критике политической экономии. — См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 72. — 102.
- ⁵⁴ *The course of true love never does run smooth* (Истинная любовь никогда не протекает гладко). — Шекспир В. Сон в летнюю ночь, акт I, сцена первая. — 104.
- ⁵⁵ *Disjecta membra poetae* (Разрозненные члены поэта) — слова из сатир Горация, книга первая, сатира 4. — 104.
- ⁵⁶ Маркс цитирует работу: *Dupont de Nemours. Maximes du docteur Quesnay, ou Résumé de ses principes d'économie sociale.* — In: *Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire.* Paris, 1846, part. I, p. 392 (*Дюпон де Немур*. Максимумы доктора Кенэ, или Резюме основных положений его социальной экономики. — В кн.: Физиократы. Со вступительной статьей и комментариями Э. Дюра. Париж, 1846, ч. I, с. 392). — 104.
- ⁵⁷ Деньги *non olet* (не пахнут) — эти слова были сказаны римским императором Веспасианом (69—79) своему сыну, который порицал его за введение специального налога на убожные. — 106.
- ⁵⁸ Müller A. H. *Die Elemente der Staatskunst.* Berlin, 1809, th. II, S. 280 (*Мюллер А. Г.* Основы искусства государственного управления. Берлин, 1809, ч. II, с. 280). — 120.
- ⁵⁹ Игра слов: английское слово «sovereign» означает «суверен, монарх», а также «соверен», название золотого фунта стерлингов. — 122.
- ⁶⁰ *Boisguillebert P. Le détail de la France.* — In: *Économistes financiers du XVIIIe siècle.* Paris, 1843, p. 213 (*Буагильбер П.* Подробное о Франции. — В кн.: Экономисты-финансисты XVIII века. Париж, 1843, с. 213). — 125.
- ⁶¹ Дидро Д. Салон 1767 года. — 128.
- ⁶² *Ост-Индская компания* — английская торговая компания, существовавшая с 1600 по 1858 год и являвшаяся орудием грабительской колониальной политики Англии в Индии, Китае и других странах Азии. С середины XVIII в. Компания, обладавшая армией и флотом, превратилась в крупную военную силу. Под флагом Компании английские колонизаторы осуществили завоевание Индии. Компания в течение длительного времени принадлежала монополия на торговлю с Индией и важнейшие функции управления этой страной. Национально-освободительное восстание 1857—1859 гг. в Индии вынудило англичан изменить формы их колониального господства: Компания была ликвидирована, а Индия объявлена владением британской короны. — 129.
- ⁶³ «East India (Bullion). Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 8 February 1864» («Восточная Индия (Слитки). Отчет, представленный по запросу высочайшей палаты общин от 8 февраля 1864 года»). — 129.
- ⁶⁴ У Маркса здесь, по-видимому, описка, так как между массой необходимых средств платежа и продолжительностью платежных периодов существует не обратная, а прямая зависимость. Именно такую зависимость устанавливает У. Петти, на которого Маркс ссылается в примечании 107. Определен в этом конкретном примере и смысл понятия «платежный период». Во всех немецких изданиях I тома «Капитала» последних лет, в том числе в составе Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала — Marx/Engels Gesamtausgabe (MEGA), Zweite Abteilung, Band 5, Dietz Verlag

Berlin, 1983, S. 97 — это место исправлено без оговорок и формулируется следующим образом: «Из закона скорости обращения средств платежа вытекает, что масса средств платежа, необходимых для всех периодических платежей, каков бы ни был их источник, находится в прямом отношении к продолжительности платежных периодов». — 136.

- ⁶⁵ Маркс цитирует работу У. Петти «Слово мудрым» («Verbum Sapienti»), напечатанную в качестве приложения к упоминаемой здесь Марксом другой его книге — «Политическая анатомия Ирландии. 1672» (Лондон, 1691) («The Political Anatomy of Ireland. 1672») (London, 1691). — 136.

- ⁶⁶ Маркс цитирует книгу Д. Рикардо «Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот». (4-е изд., испр. Лондон, 1811) («The High Price of Bullion a Proof of the Depreciation of Bank Notes») (The Fourth Ed. Corrected. London, 1811). — 137.

- ⁶⁷ «Currency principle» («принцип денежного обращения»), или «денежная школа» — одна из разновидностей школы, выступавшей с количественной теорией денег. Ее представители утверждали, что стоимость и цена товаров определяются количеством денег в сфере обращения. Они ставили своей целью поддержание устойчивого денежного обращения и единственное средство для этого видели в обеспечении обязательного золотого покрытия банкнот и регулирования их эмиссии в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов. Исходя из своих ложных теоретических посылок, «денежная школа» усматривала решающую причину экономических кризисов перепроизводства в нарушении прокламируемых ею законов денежного обращения. Теория «денежной школы» была популярна в Англии в первой половине XIX в. Однако попытки правительства Англии опереться на эту теорию (банковский акт 1844) не имели никакого успеха и только подтвердили всю ее научную несостоятельность и полную непригодность для практических целей. (См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 164—165.) — 137.

- ⁶⁸ См. примечание 65. — 139.

- ⁶⁹ Имеется в виду Институт Франции — высшее научное учреждение, состоящее из нескольких отделений, или академий; существует с 1795 г. Дестют де Траси был членом Академии моральных и политических наук. — 156.

- ⁷⁰ *Hic Rhodus, hic salta!* (Здесь Родос, здесь и прыгай! — в переносном смысле: Здесь и покажи, на что ты способен!) — слова, обращенные к хвостуну (из басни Эзопа «Хвостун»), утверждавшему, что на острове Родос он совершал огромные прыжки. — 158.

- ⁷¹ Упоминаемый Марксом «переворот Кузы» является важным событием в истории Румынии. В январе 1859 г. произошло избрание видного общественного и политического деятеля Александру Куза господарем сначала Молдавии, а затем и Валахии. Объединением этих двух Дунайских княжеств, находившихся долгое время в вассальной зависимости от Османской империи, были заложены основы единого румынского государства. Придя к власти, Куза задался целью осуществить ряд буржуазно-демократических реформ. Однако его политика встретила серьезное сопротивление со стороны помещиков и известной части буржуазии. После того как Национальным собранием, в котором преобладали представители землевладельцев (бояр), был отвергнут предложенный правительством проект аграрной реформы, Куза предпринял в 1864 г. государственный переворот, приведший к роспуску реакционного Национального собрания, обнародованию новой конституции, расширению круга избирателей и усилению роли правительства. Принятая в этой новой политической обстановке аграрная реформа предусматривала отмену крепостного права и наделение крестьян землей на основе выкупных платежей. — 160.

- ⁷² *Storch H. Cours d'économie politique, ou Exposition des principes, qui déterminent la prospérité des nations. St.-Petersbourg, 1815, t. I, p. 288 (Шторх Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С.-Петербург, 1815, т. I, с. 288). — 173.*
- ⁷³ *Cherbuliez A. Richesse ou Pauvreté. Exposition des causes et des effets de la distribution actuelle des richesses sociales. Paris, 1841, p. 14 (Шербюлье А. Богатство или бедность. Изложение причин и следствий современного распределения общественного богатства. Париж, 1841, с. 14). — 173.*
- ⁷⁴ *Казус, который как раз и заставил его улыбаться* — перефразированные слова Фауста из одноименной трагедии Гёте, часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»). — 185.
- ⁷⁵ *Tout pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles* (Все к лучшему в этом лучшем из миров) — афоризм из повести Вольтера «Кандид». — 185.
- ⁷⁶ *Göte. Фауст, часть I, сцена пятая («Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»). — 185.*
- ⁷⁷ *Лукреций. О природе вещей, книга первая, стихи 155—156. — 204.*
- ⁷⁸ Маркс иронически называет Вильгельма Рошера по имени знаменитого древнегреческого историка Фукидида Вильгельмом *Фукидидом* Рошером в связи с тем, что этот вульгарный экономист в предисловии к первому изданию своей книги «Основы политической экономии» («Die Grundlagen der Nationalökonomie»), по словам Маркса, «скромно объявил себя Фукидидом политической экономии». Цитируя Фукидида, Рошер употребил выражение: «подобно древнему историку, я также желал бы, чтобы моя работа сослужила пользу тем, которые...» и т. д. — 206.
- ⁷⁹ Имеется в виду немецкий писатель и литературный критик Готшед, который сыграл определенную положительную роль в литературе, но вместе с тем отличался исключительной нетерпимостью в отношении всех сколько-нибудь новых литературных веяний. Его имя поэтому стало синонимом литературного чванства и тупости. — 206.
- ⁸⁰ *Jacob W. A Letter to S. Whitbread, being a Sequel to Considerations on the Protection Required by British Agriculture. London, 1815, p. 33 (Джейкоб У. Письмо С. Уитбреду в связи с обсуждением протекционистских мер, которые были продиктованы интересами британского сельского хозяйства. Лондон, 1815, с. 33). — 209.*
- ⁸¹ Имеется в виду фабричный акт 1833 г. О нем см. настоящий том, с. 258 — 260. — 213.
- ⁸² *Хилиасты* (от греческого слова «хилиас» — тысяча) — проповедники религиозно-мистического учения о втором пришествии Христа и установлении на земле «тысячелетнего царства» справедливости, всеобщего равенства и благоденствия. Хилиастические верования возникли в период разложения рабовладельческого строя на почве невыносимого гнета и страданий трудящихся, искавших выхода в фантастических мечтаниях об избавлении. Эти верования получили широкое распространение и впоследствии постоянно возрождались в учениях различных средневековых сект. — 216.
- ⁸³ *Ure A. The Philosophy of Manufactures: or, An Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain. London, 1835, p. 406 (Юр Э. Философия фабрики, или Изложение научной, нравственной и коммерческой стороны экономики фабричной системы Великобритании. Лондон, 1835, с. 406). — 216.*

⁸⁴ *Little shilling men* (сторонники малого шиллинга), или бирмингемская школа, — сложившаяся в первой половине XIX в. особая школа в экономической науке. Ее сторонники пропагандировали теорию идеальной денежной единицы измерения и соответственно рассматривали деньги всего лишь как «счетные названия». Представители бирмингемской школы братья Томас и Маттиас Атвуд, Спунер и др. выдвигали проект снижения золотого содержания денежной единицы в Англии, прозванный «проектом малого шиллинга». Отсюда произошло и название самой этой школы. В то же время «сторонники малого шиллинга» выступали против мероприятий правительства, направленных к сокращению денежной массы в обращении. По их мнению, реализация установок школы способна была, вызвав искусственный рост цен, оживить промышленность и обеспечить общее процветание страны. В действительности, однако, предлагаемая девальвация валюты могла лишь создать условия для погашения государственного и частных долгов в обесцененных деньгах, т. е. сулила известные выгоды казне и крупным предпринимателям, которые являлись основными получателями всевозможных кредитов. Об этой школе Маркс говорит в своей работе «К критике политической экономии» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 66—67). — 220.

⁸⁵ См. примечание 71. — 224.

⁸⁶ «*Réglement organique*» («Органический регламент») — первая конституция Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), введенная в 1831 г. П. Д. Киселевым, главой русской администрации в этих княжествах, которые были оккупированы русскими войсками после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Согласно Органическому регламенту, законодательная власть в каждом княжестве предоставлялась собранию, избираемому крупными землевладельцами, а исполнительная власть — господам, пожизненно избираемым представителями землевладельцев, духовенства и городов. Регламент закрепил господствующее положение крупного боярства и высшего духовенства, сохранив прежние феодальные порядки, в том числе и барщину. Крестьяне ответили на такую «конституцию» рядом восстаний. В то же время Органический регламент предусматривал буржуазные преобразования: упразднение внутренних таможенных барьеров, свободу торговли, отделение суда от администрации и др. — 225.

⁸⁷ *Драйден*. Петух и лиса (*The Cock and the Fox*). — 228.

⁸⁸ *Ecce iterum Crispinus* (Вот снова Криспин) — так начинается IV сатира Ювенала, бичующая (в первой своей части) Криспина, одного из придворных римского императора Домициана. В переносном смысле эти слова означают: «Опять тот же самый персонаж» или «Опять то же самое». — 233.

⁸⁹ *Элеаты* — идеалистическое направление в древнегреческой философии конца VI—V вв. до нашей эры. Виднейшими представителями его были Ксенофан, Парменид и Зенон. Элеаты доказывали, между прочим, что движение и многообразие явлений не имеют истинного бытия и существуют только во мнении. — 234.

⁹⁰ *Большое жюри* — в Англии до 1933 г. коллегия присяжных в составе 12—23 человек, отбираемых шерифом из числа «добрых и верных людей» графств для предварительного рассмотрения дел и решения вопроса о предании обвиняемых уголовному суду. — 236.

⁹¹ Маркс имеет в виду свою рецензию на книгу Т. Карлейля «Современные памфлеты» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 269). — 240.

⁹² *Strange W. The Seven Sources of Health*. London, 1864, p. 84 (*Стрейндж У.* Семь источников здоровья. Лондон, 1864, с. 84). — 242.

- ⁹³ *Britons never, never shall be slaves!* (Нет, никогда, никогда не будут британцы рабами!) — слова из английского национального гимна «Правь, Британия, морями». — 247.
- ⁹⁴ *Эксетер-холл* — здание в Лондоне, место собраний различных религиозных и филантропических обществ. — 247.
- ⁹⁵ См. примечание 4. — 249.
- ⁹⁶ *Après moi le déluge!* (После меня хоть потоп!) — так будто бы ответил король Франции Людовик XV на замечание своих приближенных о том, что проводимые и санкционируемые им пышные пиры и празднества угрожают стране сильным ростом государственного долга. — 252.
- ⁹⁷ *Продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки* — это ставшее образным выражение вошло в обиход из одной библейской легенды. Якобы именно за такую цену голодный Исаа продал право первородства брату своему Иакову. — 253.
- ⁹⁸ *Великая чума* — страшная эпидемия чумы, свирепствовавшая в Западной Европе в 1347—1350 гг. По имеющимся данным, от чумы тогда погибло около 25 млн. человек — примерно $\frac{1}{4}$ всего западноевропейского населения. — 253.
- ⁹⁹ См. примечание 65. — 254.
- ¹⁰⁰ «Factories Inquiry Commission. First Report of the Central Board of His Majesty's Commissioners. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 28 June 1833», р. 53 («Комиссия по обследованию фабрик. Первый отчет центрального совета комиссии его величества. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 28 июня 1833 г.», с. 53). — 260.
- ¹⁰¹ *Periculum in mora* (Опасность в промедлении) — слова из сочинения римского историка Тита Ливия «История Рима с его основания» («Ab urbe condita»), кн. XXXVIII, гл. 25. — 261.
- ¹⁰² «Report from the Committee on the «Bill to regulate the Labour of Children in the Mills and Factories of the United Kingdom»: with the Minutes of Evidence». Ordered, by the House of Commons, to be printed, 8 August 1832 («Отчет комиссии по «Биллю о регулировании труда детей на заводах и фабриках Соединенного королевства». С протоколами показаний. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 8 августа 1832 г.»). — 261.
- ¹⁰³ Во время традиционных празднеств в честь Джаггернута (Джаганнатха) — воплощения индуистского бога Вишну — охваченные крайним религиозным фанатизмом верующие нередко бросались под колесницу, на которой везли изображение Вишну. — 261.
- ¹⁰⁴ Имеется в виду содержащая требования чартистов Народная хартия, которая была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент. Она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайное голосование, уравнивание избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. — 262.
- ¹⁰⁵ Сторонники Лиги против хлебных законов (см. примечание 13) в своей демагогической пропаганде внушали рабочим, что с установлением свободы торговли повысится их реальная заработная плата и рабочие будут иметь каравай хлеба в два раза больше прежнего («big loaf»). Причем два каравая хлеба — большой и маленький — с соответствующими надписями носили даже по

улицам как средство наглядной агитации. Действительность показала всю лживость этих обещаний и уловок. Окрепший в результате отмены хлебных законов промышленный капитал Англии усилил свое наступление на жизненные интересы рабочего класса. — 262.

¹⁰⁶ *Комиссарами Конвента* назывались в период Французской буржуазной революции конца XVIII в. представители Конвента (Национального собрания Французской республики в 1792—1795 гг.) в департаментах и войсках, наделенные особыми полномочиями. — 265.

¹⁰⁷ *Закон о подозрительных* (loi des suspects) — закон, принятый во Франции Законодательным корпусом 19 февраля 1858 г. и предоставлявший императору и его правительству неограниченное право ссылать в различные местности Франции и Алжира или вовсе изгонять с французской территории всех лиц, подозреваемых во враждебном отношении к режиму Второй империи. — 266.

¹⁰⁸ См. примечание 22. — 266.

¹⁰⁹ *Шекспир В. Венецианский купец*, акт IV, сцена первая. — 267.

¹¹⁰ *Закон 10 таблиц* — первоначальный вариант «закона 12 таблиц», древнейшего законодательного памятника Римского рабовладельческого государства. Призванный охранять частную собственность, закон предусматривал лишение свободы несостоятельного должника, продажу его в рабство или рассечение его тела на части. — 268.

¹¹¹ Французский историк Лейге высказывает эту гипотезу в своей работе «Теория гражданских законов, или Фундаментальные основы общества» (Лондон, 1767, т. II, кн. V, гл. XX) («Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société») (Londres, 1767, t. II, l. V, ch. XX). — 268.

¹¹² Немецкий философ Даумер в своей работе «Таинства христианской древности» («Die Geheimnisse des christlichen Alterthums») доказывал, что первые христиане во время причастия употребляли человеческое мясо. — 268.

¹¹³ *Шекспир В. Венецианский купец*, акт IV, сцена первая. — 268.

¹¹⁴ Великий французский социалист-утопист Фурье рисовал картину будущего общества, в котором человек в течение одного рабочего дня будет заниматься несколькими видами труда, т. е. рабочий день будет состоять из нескольких кратких сеансов труда («courtes séances»), каждый продолжительностью не более полутора — двух часов. Благодаря этому, по мнению Фурье, производительность труда вырастет настолько, что самый бедный труженик окажется в состоянии удовлетворять все свои потребности полнее, чем любой капиталист в прежние времена. — 270.

¹¹⁵ Речь идет об Американском рабочем съезде, происходившем в Балтиморе с 20 по 25 августа 1866 г. На съезде присутствовало 60 делегатов, представлявших более 60 тысяч рабочих, объединенных в тред-юнионы. Съезд обсудил вопросы о законодательном установлении восьмичасового рабочего дня, о политической деятельности рабочих, о кооперативных товариществах, об объединении всех рабочих в тред-юнионы и др. На съезде было принято также решение о создании политической организации рабочего класса — Национального рабочего союза. — 279.

¹¹⁶ Цитируемая здесь резолюция Женевского конгресса Международного Товарищества Рабочих была составлена на основе написанной Марксом «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 194—203). В данном месте резолюция дословно воспроизводится текст этой «Инструкции». — 280.

- ¹¹⁷ *Змея своих мучений* — перефразированные слова из стихотворения Гейне «Генрих» (цикл «Современные стихотворения»). — 280.
- ¹¹⁸ *Magna Charta* — *Magna Charta Libertatum* (Великая хартия вольностей) — под этим названием вошла в историю грамота, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным. «Великая хартия» была предъявлена королю восставшими крупными феодалами, которые пользовались поддержкой рыцарей и горожан. Она предусматривала известное ограничение королевской власти, сохраняла ряд феодальных вольностей и содержала некоторые уступки рыцарству и городам. В данном месте Маркс имеет в виду законы об ограничении рабочего дня, завоеванные рабочим классом Англии в результате длительной и упорной борьбы с капиталом. — 281.
- ¹¹⁹ *Quantum mutatus ab illo!* (Какая перемена по сравнению с тем, что было!) — выражение из поэмы Вергилия «Энеида», книга вторая, стих 274. — 281.
- ¹²⁰ Получившая широкое хождение фраза «так ничему и не научились» содержится в одном из писем французского адмирала де Панё. Иногда ее приписывают Талейрану. Сказана была в адрес роялистов, которые оказались неспособны извлечь какие-либо уроки из Французской буржуазной революции конца XVIII в. — 286.
- ¹²¹ О том, что невежество не есть достаточное основание, Спиноза говорит в «Этике» (часть первая, дополнение), выступая против представителей позитивно-телеологического взгляда на природу, которые выставляли «волю божью» как причину причин всех явлений и у которых единственным средством аргументации была ссылка на незнание иных причин. — 286.
- ¹²² См.: *Quetelet A. Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale*. Paris, 1835, тт. I—II (*Кетле А. О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики*. Париж, 1835, тт. I—II). — 302.
- ¹²³ *Roscher W. System der Volkswirtschaft*. Bd I: *Die Grundlagen der Nationalökonomie*. Dritte, vermehrte und verbesserte Aufl. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 88—89 (*Росчер В. Система народного хозяйства*. Т. I: Основы политической экономии. 3-е изд., доп., испр. Штутгарт и Аугсбург, 1858, с. 88—89). — 303.
- ¹²⁴ Имеется в виду навеянная идеями социалистов-утопистов инициатива рабочих города Рочдейла (Манчестерский промышленный округ), организовавших в 1844 г. потребительское кооперативное общество под названием Общество справедливых пионеров, которое явилось зародышем рабочего кооперативного движения в Англии и других странах. — 310.
- ¹²⁵ См. примечание 55. — 321.
- ¹²⁶ *Bellum omnium contra omnes* (Война всех против всех) — выражение английского философа Томаса Гоббса из его труда «Левиафан». — 334.
- ¹²⁷ Согласно преданию, римский патриций Менений Агриппа уговорил восставших в 494 г. до н. э. плебеев смириться, рассказав им басню о частях человеческого тела, возмущившихся против желудка. Современное ему общество Менений Агриппа уподоблял живому организму, руками которого были плебеи, питавшие желудок этого организма — патриции. А так как отделение рук от желудка влечет за собой неизбежную смерть живого организма, то, по аналогии, и отказ плебеев от исполнения ими своих повинностей был бы равносильен гибели государства Древнего Рима. — 338.
- ¹²⁸ *Общество искусств и ремесел* (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в 1754 г. в Лондоне. Общество широко и активно объявляло своей целью «поощрение искусств, ремесел и тор-

- говли» и всех тех, кто способствует «предоставлению беднякам занятий, расширению торговли, обогащению страны» и т. п. Оно пыталось выступать в роли посредника между рабочими и предпринимателями. Это общество Маркс называл «обществом искусств и надувательств». — 341.
- ¹²⁹ Hegel. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Werke. Zweite Aufl. Berlin, 1840, Bd VIII, S. 247 (*Гегель. Основы философии права. Соч. 2-е изд. Берлин, 1840, т. VIII, с. 247*). — 341.
- ¹³⁰ См. примечание 55. — 341.
- ¹³¹ У Маркса здесь неточность. В действительности автором произведения «Диалог о счастье» («Concerning Happiness, A Dialogue») является не дипломат Джеймс Харрис, опубликовавший книгу «Дневники и переписка» («Diaries and Correspondence»), а его отец Джеймс Харрис. — 342.
- ¹³² Маркс приводит это выражение Архилоха по сочинению Секста Эмпирика «Против математиков», кн. XI, 44 («Adversus mathematicos», L. XI, 44). — 342.
- ¹³³ *Эпоха низвержения 30 тиранов* — относящийся к V в. до н. э. период восстановления в Древних Афинах рабовладельческой демократии вместо террористического режима тридцати олигархов, в который переродился созданный после окончания Пелопоннесской войны (404 г. до н. э.) особый комитет для разработки новой конституции. Это был период развития в Афинах торгового и ростовщического капитала. — 343.
- ¹³⁴ *Республика Платона* — нарисованный в сочинениях древнегреческого философа Платона идеальный тип рабовладельческого государства, основным принципом которого должно быть строгое разделение труда между разрядами свободных граждан. Так, философам предназначалась функция управления, воины должны были участвовать в войнах, охранять жизнь и имущество граждан, земледельцы, ремесленники и купцы — производить и доставлять народу жизненные средства. — 344.
- ¹³⁵ Цитируется стр. 21 работы Э. Юра (см. примечание 83). — 345.
- ¹³⁶ *Калорическая машина* — машина, в основу действия которой был положен принцип расширения и сокращения объема обычного воздуха путем его нагрева и охлаждения. По сравнению с паровой машиной была громоздкой и имела весьма низкий коэффициент полезного действия. Изобретена калорическая машина в начале XIX в., но уже к концу этого века потеряла всякое практическое значение. — 347.
- ¹³⁷ *Дженни* — изобретенная в 1764—1767 гг. Джеймсом Харгривсом и названная так в честь его дочери прядильная машина. — 349.
- ¹³⁸ *Библия*. Пятая книга Моисея, гл. 25. — 349.
- ¹³⁹ Baynes. The Cotton Trade. Two Lectures on the above Subject, Delivered before the Members of the Blackburn Literary, Scientific and Mechanics' Institution. Blackburn — London, 1857, p. 48 (*Бейнс. Торговля хлопком. Две лекции по этому вопросу, прочитанные членам Блэкбернского общества литературы, науки и механики. Блэкберн — Лондон, 1857, с. 48*). — 363.
- ¹⁴⁰ *Тайный совет* — специальный орган при короле Англии в составе министров и других должностных лиц, а также высших представителей духовенства. Впервые образован в XIII в. В течение длительного времени обладал правом законодательства от имени короля и помимо парламента. В XVIII и XIX вв. роль Тайного совета резко падает. В управлении современной Англией Тайный совет практически вообще не участвует. — 372.

- ¹⁴¹ Шиллер. Песнь о колоколе. — 378.
- ¹⁴² В настоящем издании эти стихи приводятся в переводе с греческого по книге «Греческие эпиграммы». М. — Л., 1935. — 380.
- ¹⁴³ Цитируется стр. 22 работы Э. Юра (см. примечание 83). — 392.
- ¹⁴⁴ См. настоящий том, с. 262. — 392.
- ¹⁴⁵ См. настоящий том, с. 269, примечание 157. — 395.
- ¹⁴⁶ Фурье называет фабрики «смягченной каторгой» («les bagnes mitigés») в книге: Ложная хозяйственная деятельность, разобщенная, отталкивающая, фальшивая, и ее антипод: естественная хозяйственная деятельность, комбинированная, притягательная, истинная, дающая учетверенный продукт. Париж, 1835, с. 59 (*La fausse industrie morcelée, répugnante, mensongère, et l'antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, veridique, donnant quadruple produit*. Paris, 1835, p. 59). — 397.
- ¹⁴⁷ Маркс цитирует работу С. Ланчеллотти «Современность, или Умы, не уступающие умам прошлых времен» («L'Hoggidi overo Gl'ingegni non inferiori a'passati») по книге: Бекман И. К истории изобретений. Лейпциг, 1786, т. I, с. 125—126 (*Beckmann J. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen*. Leipzig, 1786, Bd I, S. 125—126). Данные о работе Ланчеллотти Маркс берет также из этой книги Бекмана. — 397.
- ¹⁴⁸ Таблица составлена на основе данных трех парламентских документов под общим заглавием «Фабрики» («Factories»): «Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 15 апреля 1856 г.» («Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 15 April 1856»); «Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 24 апреля 1861 г.» («Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 24 April 1861»); «Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 5 декабря 1867 г.» («Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 5 December 1867»). — 403.
- ¹⁴⁹ «Tenth Report of the Commissioners appointed to inquire into the Organization and Rules of Trades Unions and other Associations: together with Minutes of Evidence» (London, 1868, p. 63, 64) («Десятый отчет комиссии по изучению организации и уставов тред-юнионов и других ассоциаций, включающий протоколы показаний») (Лондон, 1868, с. 63, 64). — 405.
- ¹⁵⁰ *Nominibus mollire licet mala* (Зло подобает прикрашивать словами) — слова из сочинения Овидия «Наука любви», книга вторая, стих 657. — 408.
- ¹⁵¹ Данные взяты Марксом из парламентского документа «Хлеб, зерно и мука. Отчет составлен по распоряжению высокочтимой палаты общин от 18 февраля 1867 г.» («Corn, Grain and Meal. Return to an Order of the Honourable the House of Commons, dated 18 February 1867»). — 420.
- ¹⁵² *Законы против коалиций* — принятые в 1799 и 1800 гг. английским парламентом законы, согласно которым запрещалось создание и деятельность каких бы то ни было рабочих организаций. Эти законы были отменены парламентом в 1824 г., а в следующем году их отмена была еще раз подтверждена. Однако и после этого власти весьма ограничивали деятельность рабочих союзов. В частности, простая агитация за вступление рабочих в союз и за участие в стачках рассматривалась как «принуждение» и «насилие» и каралась как уголовное преступление. — 422.
- ¹⁵³ См. примечание 105. — 423.

- ¹⁵⁴ Маркс имеет в виду интенсивное проникновение английских частных торговцев на китайский рынок после отмены монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем (1833). Особенно большой размах приобретает контрабандная торговля опиумом, пользовавшаяся всемерной поддержкой правительства Англии, которое сознательно попирало при этом законы и государственные интересы Китая и способствовало массовому отравлению и подрыву здоровья китайцев. В ответ на решительные действия китайских властей против контрабандного ввоза этого наркотика в пределы их страны англичане развязали первую «опиумную» войну (1839—1842), закончившуюся для Китая неравноправным и грабительским договором. — 426.
- ¹⁵⁵ См. примечание 136. — 427.
- ¹⁵⁶ См. примечание 140. — 432.
- ¹⁵⁷ См. примечание 55. — 437.
- ¹⁵⁸ *Генеральный регистратор* — так назывался в Англии чиновник, возглавляющий Центральное бюро регистрации актов гражданского состояния. Помимо своих обычных функций бюро раз в десять лет проводило перепись населения. — 439.
- ¹⁵⁹ Имеется в виду парламентский документ «Фабрики. Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 24 апреля 1861 г.», с. 9 («Factories. Return to an Address of the Honourable the House of Commons, dated 24 April 1861», p. 9). — 441.
- ¹⁶⁰ *Шекспир В.* Венецианский купец, акт IV, сцена первая. — 452.
- ¹⁶¹ *Ne sutor ultra crepidam!* (Сапожник, знай свои колодки!; более известный русский вариант этого выражения: Суди не выше саного) — слова, сказанные выдающимся древнегреческим художником Аппеллесом в ответ на критику его картины одним сапожником, который совершенно не разбирался в живописи и в состоянии был подметить лишь отдельные недочеты в изображении обуви. — 453.
- ¹⁶² См. примечание 8. — 459.
- ¹⁶³ Перефразированные слова из стихотворения «К природе» («An die Natur») немецкого поэта конца XVIII в. Фридриха Леопольда Штольберга. — 474.
- ¹⁶⁴ *Proudhon P.-J. Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère.* Paris, 1846, t. I, p. 73 (*Прудон П.-Ж. Система экономических противоречий, или Философия нищеты.* Париж, 1846, т. I, с. 73). — 476.
- ¹⁶⁵ Речь идет о существовавшем в 1861—1865 гг. Союзе одиннадцати рабовладельческих штатов Юга США, который образовался в результате мятежа рабовладельцев. Провозглашая сепаратное государство, мятежники ставили своей целью сохранение рабства и распространение его на всю территорию США. Этот союз был ликвидирован в 1865 г. в результате поражения рабовладельцев в Гражданской войне. — 500.
- ¹⁶⁶ Автором книги «Опыт о природе торговли вообще» («Essai sur la nature du commerce en général») является Ричард Кантильон. Для английского издания этот труд подвергся переработке родственником Ричарда Кантильона Филиппом Кантильоном. — 516.
- ¹⁶⁷ Маркс намекает здесь на поведение гофмаршала Кальба из трагедии Шиллера «Коварство и любовь». В третьем действии (сцена вторая) Кальб поначалу отказывается участвовать в интриге, затеваемой президентом при дворе немец-

кого герцога. Тогда президент угрожает своей отставкой, которая должна повлечь также и отставку Кальба. Всерьез напуганный этим, Кальб вопрошал: «А как же я?.. Вам-то что! Вы человек образованный! А я... *mon Dieu!* Если его высочество даст мне отставку, что я буду собой представлять?». — 537.

- ¹⁶⁸ Речь идет о Немецком рабочем обществе, которое было основано Марксом и Энгельсом в Брюсселе в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения революционных пролетарских сил в Бельгии. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — 540.

- ¹⁶⁹ *Simonde de Sismondi. Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Paris, 1819, t. I, p. 119 (Симонд де Сисмонди. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Париж, 1819, т. I, с. 119).* — 543.

- ¹⁷⁰ Библия (Евангелие от Матфея, гл. 1) повествует о том, как постепенно росло потомство родоначальника евреев Авраама и как от него в результате произошел весь еврейский народ. — 543.

- ¹⁷¹ *Hegel. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Werke. Zweite Aufl. Berlin, 1840, Bd. VIII, S. 259. — 550.*

- ¹⁷² Имеется в виду работа Дж. Ст. Милля «Система логики силлогистической и индуктивной, изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования» (в двух томах) (*J. St. Mill. «A System of Logic, ratiocinative and inductive, being a connected View of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation» (in two volumes).* Первое издание вышло в Лондоне в 1843 г. Маркс отмечает, что Дж. Ст. Милль, претендовавший на изложение «системы логики», как экономист был поверхностен и не соблюдал элементарных требований логического анализа. — 552.

- ¹⁷³ «Экономическая таблица» — разработанная впервые в экономической науке физиократом Кенэ схема воспроизводства и обращения совокупного общественного продукта. Более подробно о ней говорится в экономической рукописи 1861—1863 гг., в написанной Марксом десятой главе второго отдела книги Энгельса «Анти-Дюринг», а также во втором томе «Капитала» (глава девятнадцатая). — 552.

- ¹⁷⁴ Цитируемые здесь слова «не имеет никакой даты» Лихновский несколько раз употребил, выступая 25 июля 1848 г. в франкфуртском Национальном собрании против исторического права Польши на самостоятельное существование. Лихновский вместо «*keinen Datum hat*» говорил «*keinen Datum nicht hat*», т. е. вопреки грамматическим правилам немецкого языка ставил рядом два отрицания. Его речь поэтому сопровождалась смехом присутствующих. — 553.

- ¹⁷⁵ Шиллер. Баллада «Порука». — 555.

- ¹⁷⁶ Перефразированные слова Фауста из одноименной трагедии Гёте, часть I, сцена вторая («За городскими воротами»). — 555.

- ¹⁷⁷ Согласно древнехристианской легенде, Мойсеем и другими пророками написаны книги Библии, составляющие основу Ветхого завета. Выражение «в этом Мойсей и пророки» Маркс употребляет здесь в смысле — в этом главное, такова первая заповедь и т. п. — 556.

- 178 *Say J.-B.* Traité d'économie politique. Cinquième éd. Paris, 1826, t. premier, p. 130—131 (*Сэй Ж.-Б.* Трактат по политической экономии. 5-е изд. Париж, 1826, т. I, с. 130—131). — 556.
- 179 *Determinatio est negatio* — определение есть отрицание. Маркс приводит здесь это положение Спинозы в толковании Гегеля, приобретшем широкую известность. У Спинозы это выражение употребляется в смысле — «ограничение есть отрицание» (см. *Спиноза Б.* Переписка, письмо № 50). — 558.
- 180 Здесь цитируется книга А. Поттера «Политическая экономия: ее предмет, назначение и основы, рассмотренные применительно к условиям жизни американского народа» (Нью-Йорк, 1841) («Political Economy: its Objects, Uses, and Principles: considered with Reference to the Condition of the American People») (New York, 1841). Как видно из введения, большая часть этой книги представляет собой в основном перепечатку (с изменениями, внесенными А. Поттером) первых десяти глав книги Дж. Скрона «Начала политической экономии» («The Principles of Political Economy»), опубликованной в Англии в 1833 г. — 558.
- 181 Слова «*nulla dies sine linea*» («ни одного дня без штриха») приписываются выдающемуся древнегреческому художнику Апеллесу, правилом которого было каждый день хотя бы немного работать над создаваемыми им произведениями живописи. — 570.
- 182 *Linguet.* Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société. Londres, 1767, t. I, p. 236. — 575.
- 183 *Peculium* (пекулий) — в Древнем Риме часть имущества, которую глава семьи мог передавать для хозяйствования или управления свободному или рабу. Владение пекулием не устраняло фактической зависимости раба от своего господина, и юридическим собственником пекулия оставался господин. Например, владельцу пекулия — рабу разрешалось вступать в сделки с третьими лицами, однако лишь в размерах, исключавших приобретение суммы денег, достаточной для полного выкупа из рабства. Осуществление особо выгодных сделок и других мер, сулявших значительное умножение пекулия, глава семьи обычно брал на себя. — 577.
- 184 *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Edinburgh, 1814, vol. I, p. 142 (*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Эдинбург, 1814, т. I, с. 142). — 580.
- 185 Между 1849 и 1859 гг. Англия участвовала в нескольких войнах: Крымской (1853—1856), против Китая (1856—1858 и 1859—1860) и против Ирана (1856—1857). Кроме того, в 1849 г. Англия завершила завоевание Индии, а в 1857—1859 гг. ее войска были брошены для подавления индийского национально-освободительного восстания. — 595.
- 186 См. примечание 103. — 602.
- 187 *Steuart J.* An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Dublin, 1770, vol. I, p. 39, 40 (*Стьюарт Дж.* Исследование о началах политической экономии. Дублин, 1770, т. I, с. 39, 40). — 604.
- 188 См. примечание 158. — 608.
- 189 *Буало Н.* Сатира VIII. — 609.
- 190 Имеется в виду работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2). — 610.
- 191 *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Edinburgh, 1814, vol. I, p. 6. — 610.

- ¹⁹² См. примечание 140. — 610.
- ¹⁹³ «*Low Church*» («низкая церковь») — распространенное главным образом среди буржуазии и низшего духовенства направление англиканской церкви. Сторонники его занимались проповедью буржуазно-христианской морали и филантропической деятельностью, которая всегда носила ханжески-лицемерный характер. Граф Шефтсбери (он же лорд Эшли) благодаря такого рода деятельности пользовался значительным влиянием в кругах «низкой церкви», поэтому Маркс иронически называет его «напой» этой церкви. — 629.
- ¹⁹⁴ См. примечание 158. — 630.
- ¹⁹⁵ *Гораций*. Наука поэзии, стих 173. — 631.
- ¹⁹⁶ Это выражение употребляется в произведении Фурье «Новый хозяйственный и социетарный мир» («*Le nouveau monde industriel et sociétaire*»), раздел пятый, дополнения к главе XXXVI; раздел шестой, обобщающие выводы. — 645.
- ¹⁹⁷ См. примечание 98. — 653.
- ¹⁹⁸ *Эрин* — древнее название Ирландии. — 658.
- ¹⁹⁹ Перефразированные слова Мефистофеля из трагедии Гёте «Фауст» («Пролог на небесах»). — 659.
- ²⁰⁰ *Фени* — мелкобуржуазные ирландские революционеры. Первые феианские организации возникли в 1857 г. в Ирландии и в США, где они объединяли эмигрантов ирландского происхождения. Программа и деятельность феинов отражали протест народных масс Ирландии против английского колониального гнета. Фени выдвигали требования национальной независимости для своей страны, установления демократической республики, превращения крестьян-арендаторов в собственников обрабатываемой ими земли и др. Свою политическую программу они рассчитывали осуществить с помощью вооруженного восстания. Однако их заговорщическая деятельность была безуспешной. В конце 60-х гг. феиин подверглись массовым репрессиям. В 70-х гг. движение пришло в упадок. — 661.
- ²⁰¹ *Acerba fata Romanos agunt scelusque fraternae necis* (Суровая судьба и злодейское братоубийство преследуют римлян) — Гораций. Энод 7. — 661.
- ²⁰² Под революцией мирового рынка здесь подразумевается резкое падение с конца XV столетия роли Генуи, Венеции и других городов Северной Италии в транзитной торговле, происшедшее в результате великих географических открытий того времени: открытия Кубы, Гаити и Багамских островов, материка Северной Америки, морского пути в Индию вокруг южной оконечности Африки и, наконец, материка Южной Америки. — 665.
- ²⁰³ *Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy*. Dublin, 1770, vol. I, p. 52. — 666.
- ²⁰⁴ *Pauper ubique jacet* (Везде бедняки обездолены) — слова из сочинения Овидия «Фасты», книга первая, стих 218. — 669.
- ²⁰⁵ Очевидно, имеется в виду указ о сыске беглых крестьян, изданный в 1597 г. в царствование Федора Ивановича, когда фактическим правителем России был Борис Годунов. В соответствии с этим указом крестьяне, бежавшие от непосильного гнета и кабалы помещиков, подлежали в течение пяти лет розыску и принудительному возвращению их прежним хозяевам. — 671.
- ²⁰⁶ Название «славной революции» в английской буржуазной историографии получил государственный переворот 1688 г., в результате которого в Англии была

установлена конституционная монархия, основанная на компромиссе между землевладельческой аристократией и крупной буржуазией. — 671.

- ²⁰⁷ Имеется в виду вышедший в 1796 г. в Лондоне памфлет «Письмо достопочтенного Эдмунда Бёрка благородному лорду по поводу упреков, сделанных в его адрес и в отношении его пенсии герцогом Бедфордом и графом Лодерделем в палате лордов в начале нынешней сессии парламента» («A Letter from the Right Honourable Edmund Burke to a Noble Lord, on the Attacks made upon him and his Pension, in the House of Lords, by the Duke of Bedford, and the Earl of Lauderdale, Early in the present Sessions of Parliament»). — 671.

- ²⁰⁸ *Закон Лициния* — закон, принятый в Древнем Риме в 367 г. до н. э. Им предусматривалось известное ограничение права передачи общественных земель в личное пользование и частичная кассация долгов. Направленный против роста крупного землевладения и привилегий патрицианской знати, он отражал некоторое усиление экономических и политических позиций плебса. Авторство закона римской традицией приписывается народным трибунам Лицинию и Секстию. — 674.

- ²⁰⁹ Имеется в виду восстание в 1745—1746 гг. сторонников королевской династии Стюартов, которые требовали возведения на английский престол так называемого «молодого претендента» Чарльза Эдварда. Восстание в то же время отражало протест народных масс Шотландии и Англии против эксплуатации их лендлордами и массового обезземеливания. Вслед за подавлением восстания регулярными войсками Англии клановая система в горной Шотландии начала усиленно разлагаться, и сгон крестьян с земли приобрел еще более интенсивный характер. — 676.

- ²¹⁰ *Таксменами*, как поясняет сам Маркс в статье «Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 521—528), назывались в Шотландии при господстве клановой системы старейшины, подчиненные непосредственно вождю клана — лорду («большому человеку»). Этот последний раздавал старейшинам на их попечение землю («так»), являвшуюся собственностью всего клана, а в знак признания власти лорда ему платили небольшую дань. Таксмены, в свою очередь, распределяли земельные участки между своими вассалами. С разложением клановой системы лорд превращается в лендлорда, а таксмены становятся по существу капиталистическими фермерами. Вместе с тем и прежняя дань уступает место земельной ренте. — 676.

- ²¹¹ *Гэлы* — коренное население горных районов Северной и Западной Шотландии, потомки древних кельтов. — 676.

- ²¹² Маркс имеет в виду свою статью «Выборы. — Финансовые осложнения. — Герцогиня Сатерленд и рабство», опубликованную в газете «New-York Daily Tribune» 9 февраля 1853 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 521—528). — 677.

- ²¹³ См. примечание 128. — 679.

- ²¹⁴ *Petty Sessions* (Малые сессии) — сессии мировых судов в Англии; рассматривают мелкие дела по упрощенному судопроизводству. — 682.

- ²¹⁵ *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Edinburgh, 1814, vol. I, p. 237.* — 683.

- ²¹⁶ См. примечание 182. — 683.

- ²¹⁷ См. примечание 152. — 684.

- ²¹⁸ *Закон против «конспираций»* существовал в Англии еще в средние века. Он запрещал «всякого рода конспиративные действия, если даже и повод для них

- был законен». На основе этого закона подавлялись организации и классовая борьба рабочих как до принятия законов против коалиций (см. примечание 152), так и после отмены их. — 686.
- 219 Речь идет о правительстве якобинской диктатуры во Франции с июня 1793 по июнь 1794 г. — 687.
- 220 *Anderson A. An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce, from the Earliest Accounts to the present Time* (Андерсон А. Исторический и хронологический очерк торговли от самых ранних сведений о ней до настоящего времени). Первое издание вышло в Лондоне в 1764 г. — 689.
- 221 *Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Dublin, 1770, vol. I, First book, Ch. XVI.* — 690.
- 222 См. примечание 62. — 696.
- 223 *Gülich G. Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit. Jena, 1830, Bd. I, S. 371* (Гюлих Г. Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени. Йена, 1830, т. I, с. 371). — 697.
- 224 Маркс ссылается здесь, по-видимому, на английское издание приписываемой Яну де Витту книги «Указание важнейших политических принципов и максимов республики Голландии и Западной Фрисландии» («Aanwysing der heilsame politieke Gronden en Maximen van de Republike van Holland en West-Friesland»), впервые опубликованной в Лейдене в 1662 г. Как теперь установлено, автором ее, за исключением двух глав, написанных Яном де Виттом, был голландский экономист и предприниматель Питер ван дер Хоре (он же Питер де ля Кур). — 700.
- 225 См. примечание 220. — 702.
- 226 *Асьенго* — название договоров, по которым Испания в XVI—XVIII вв. предоставляла иностранным государствам и частным лицам особое право на продажу негров-рабов в ее американские владения. — 702.
- 227 *Tantae molis erat* (Стоило стольких трудов) — выражение из поэмы Вергилия «Энеида», книга первая, стих 33. — 703.
- 228 *Pecqueur C. Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Etudes sur l'organisation des sociétés. Paris, 1842, p. 435* (Пеккёр К. Новая теория социальной и политической экономики, или Исследования об организации обществ. Париж, 1842, с. 435). — 704.
- 229 См. примечание 177. — 712.
- 230 См. примечание 75. — 714.
- 231 Имеется в виду банковский акт 1844 г. Стремясь предотвратить затруднения в обмене банкнот на золото, в 1844 г. английское правительство по инициативе Р. Пилля приняло закон о реформе Английского банка, разделив его на два самостоятельных отделения, банковое и эмиссионное, и установив твердую норму обеспечения банкнот золотом. Выпуск банкнот, не обеспеченных золотом, ограничивался 14 млн. фунтов стерлингов. Однако, несмотря на действие банковского акта 1844 г., количество находившихся в обращении банкнот фактически зависело не от фонда покрытия, а от спроса на них в сфере обращения. В периоды экономических кризисов, когда потребность в деньгах ощущалась особенно остро, английское правительство временно приостанавливало действие акта 1844 г. и увеличивало сумму банкнот, не обеспеченных золотом. — 715.

КАРЛ МАРКС
КАПИТАЛ
КРИТИКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ВТОРОЙ

КНИГА II:
ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

Издан под редакцией
Фридриха Энгельса

-

*Печатается по: Маркс К. «Капитал».
Критика политической экономии,
том второй, книга II:
Процесс обращения капитала.
М., Политиздат, 1984 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Подготовить к печати вторую книгу «Капитала»¹ и притом так, чтобы она представляла собой, с одной стороны, связное и по возможности законченное произведение, а с другой стороны, произведение исключительно автора, а не редактора, — это было нелегкой работой. Многочисленность подвергавшихся переработке рукописей, носивших в большинстве случаев отрывочный характер, затрудняла задачу. Лишь одна единственная рукопись (рукопись IV) — в той части, которая включена в книгу — была вполне подготовлена для печати, однако большая часть и этой рукописи оказалась устаревшей в результате позднейших переработок. Главная масса материала, хотя и была большей частью обработана по существу, но не отделана стилистически; материал изложен таким языком, каким Маркс обыкновенно составлял свои выписки: небрежный стиль, фамильярные, часто грубо-юмористические выражения и обороты, английские и французские технические названия, часто целые фразы и даже страницы по-английски; это — запись мыслей в той форме, в какой они в том или ином случае развивались в голове автора. Наряду с отдельными, обстоятельно изложенными частями, другие, не менее важные, только намечены; фактический материал для иллюстраций собран, но едва сгруппирован, не говоря уже об обработке; в конце главы, стремясь быстрее перейти к следующей, Маркс часто ставил лишь несколько отрывочных фраз, намечающих развитие мысли, оставленное здесь незаконченным; наконец, известный почерк, разобрать который иной раз не мог сам автор.

Я ограничился, по возможности, буквальным воспроизведением рукописей, изменяя в стиле лишь то, что изменил бы сам Маркс, и вставляя лишь кое-какие пояснительные предложения и переходы там, где это было абсолютно необходимо и где кроме того смысл не вызывал никаких сомнений. Положения, толкование которых вызывало хотя бы только самые небольшие сомнения, я предпо-

читал печатать дословно. Сделанные мной переработки и вставки не составляют в общем и десяти печатных страниц, притом все они лишь формального свойства.

Простое перечисление оставленного Марксом рукописного материала для книги II показывает, с какой несравненной добросовестностью, с какой строгой самокритикой он стремился разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их; эта самокритика лишь редко оставляла ему возможность приспособлять изложение по содержанию и по форме к его кругозору, постоянно расширявшемуся вследствие новых исследований. Этот материал состоит из следующего.

Прежде всего имеется рукопись «К критике политической экономии» в 23 тетрадах, составляющих 1472 страницы в четверть листа, написанных с августа 1861 г. по июнь 1863 года. Она представляет собой продолжение первого выпуска, опубликованного под таким же названием в Берлине в 1859 году². На страницах 1—220 (тетради I—V), а затем опять на страницах 1159—1472 (тетради XIX—XXIII) трактуются темы, исследованные в книге I «Капитала», начиная с превращения денег в капитал и до конца; рукопись представляет собой первую из имеющихся редакций этой книги. На страницах 973—1158 (тетради XVI—XVIII) трактуется о капитале и прибыли, о норме прибыли, о купеческом капитале и денежном капитале, следовательно, о таких темах, которые впоследствии были развиты в рукописи, отнесенной к книге III. Напротив, темы, вошедшие в книгу II, а также очень многие темы, рассмотренные позже в книге III, еще не были здесь специально разработаны. Они затрагиваются попутно, особенно в отделе, составляющем главную часть рукописи: страницы 220—972 (тетради VI—XV) — это «Теории прибавочной стоимости». Этот отдел содержит подробную критическую историю центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости, и, кроме того, в форме полемики с предшественниками, здесь излагается большая часть тех пунктов, которые впоследствии исследованы специально и в логической связи в рукописи, относящейся к книгам II и III. Я оставляю за собой право опубликовать критическую часть этой рукописи в виде книги IV «Капитала»³, причем из нее будут устранены многочисленные места, уже исчерпанные в книгах II и III. Как ни драгоценна эта рукопись, тем не менее для настоящего издания книги II ее не пришлось использовать.

Следующей по времени окончания является рукопись книги III. Она написана, по крайней мере в большей своей части, в 1864 и 1865 годах. Лишь после того, как она в основном была готова, Маркс приступил к обработке книги I, напечатанного в 1867 г. первого тома. Эту рукопись книги III я теперь обрабатываю для печати.

Из периода, следовавшего за появлением книги I, для книги II имеются четыре рукописи in folio*, пронумерованные самим Марксом с I по IV. Из них рукопись I (150 страниц), относящаяся, как можно предполагать, к 1865 г. или 1867 г., представляет собой первую самостоятельную, но более или менее отрывочную обработку книги II в ее настоящем построении. Из этой рукописи также ничем не пришлось воспользоваться. Рукопись III отчасти состоит из собрания цитат и ссылок на тетради Маркса с выписками, — все это относится по большей части к первому отделу книги II, — отчасти она представляет собой обработку отдельных пунктов, особенно критику положений А. Смита об основном и оборотном капитале и об источнике прибыли; далее идет изложение отношения нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, относящееся к книге III. Ссылки дали мало нового; разработки отдельных пунктов как для книги II, так и для книги III оказались излишними вследствие позднейших редакций, следовательно, в большинстве случаев их также пришлось отложить в сторону. — Рукопись IV представляет собой подготовленную к печати обработку первого отдела и первых глав второго отдела книги II, и там, где это требовалось, она была использована. Хотя оказалось, что она написана раньше, чем рукопись II, однако вследствие того, что она более закончена по форме, ею с успехом можно было воспользоваться для соответствующей части книги; при этом оказалось достаточным сделать лишь несколько добавлений из рукописи II. — Эта последняя рукопись представляет собой единственную до некоторой степени законченную обработку книги II; она помечена 1870 годом. В заметках для окончательной редакции, о которых будет упомянуто ниже, прямо сказано: «В основу должна быть положена вторая редакция».

После 1870 г. снова наступила пауза, обусловленная главным образом болезненным состоянием Маркса. По обыкновению, он заполнял это время изучением; агрономия, американские и в особенности русские поземельные отношения, денежный рынок и банки, наконец естественные науки: геология и физиология, и в особенности самостоятельные математические работы составляют содержание многочисленных тетрадей Маркса с выписками, относящихся к этому времени⁴. В начале 1877 г. он почувствовал себя настолько оправившимся, что снова мог приступить к своей основной работе. Концом марта 1877 г. помечены ссылки и заметки из вышеупомянутых четырех рукописей, послужившие основой для той новой обработки книги II, начало которой находится в рукописи V (56 страниц in folio). Она содержит первые четыре главы и еще мало обработана; существенные пункты рассматриваются в примечаниях под текстом; материал скорее собран, чем

* форматом в $1\frac{1}{2}$ печатного листа. *Ред.*

просеян, но эта рукопись V является последним полным изложением этой важнейшей части первого отдела. — Первую попытку сделать из нее рукопись, готовую к печати, представляет рукопись VI (написана в период *после* октября 1877 г. и до июля 1878 г.); в ней только 17 страниц в четверть листа, содержащих большую часть первой главы; вторую — и последнюю — попытку представляет рукопись VII, составляющая только 7 страниц in folio и помеченная «2 июля 1878 года».

В это время для Маркса, по-видимому, стало ясно, что, если в состоянии его здоровья не произойдет коренного изменения, ему никогда не удастся окончить обработку книг II и III до такой степени, чтобы она удовлетворяла его самого. Действительно, рукописи V—VIII слишком часто носят следы напряженной борьбы с угнетающим болезненным состоянием. Труднейшая часть первого отдела была заново переработана в рукописи V; остальная часть первого и весь второй отдел (за исключением главы семнадцатой) не представляли сколько-нибудь значительных теоретических затруднений; напротив, третий отдел, воспроизводство и обращение общественного капитала, как ему казалось, настоятельно требовал переработки. А именно, в рукописи II воспроизводство трактовалось сначала без учета опосредствующего его денежного обращения, а затем еще раз с учетом денежного обращения. Это следовало устранить и вообще весь отдел следовало переработать таким образом, чтобы он соответствовал расширившемуся кругу автору. Так возникла рукопись VIII, тетрадь всего в 70 страниц в четверть листа; но как много сумел Маркс вместить в эти страницы, это показывает сравнение с отделом III в печатном виде, после исключения из него мест, взятых мною из рукописи II.

И эта рукопись содержит только предварительное рассмотрение предмета, причем цель состояла прежде всего в том, чтобы установить и развить приобретенные новые, по сравнению с рукописью II, взгляды, между тем как пункты, о которых нельзя было сказать ничего нового, были оставлены в стороне. Значительная часть главы XVII второго отдела, которая, впрочем, в известной мере относится к третьему отделу, была снова подвергнута переработке и расширена. В рукописи VIII нередко прерывается логическая последовательность, местами в изложении имеются пробелы, и особенно в конце оно имеет совершенно отрывочный характер. Но то, что хотел сказать Маркс, так или иначе здесь сказано.

Таков материал для книги II, из которого я, как сказал Маркс своей дочери Элеоноре незадолго до своей смерти, должен был «что-нибудь сделать». Я принял это поручение в самых узких его рамках; где только было возможно, я ограничил свою работу простым выбором между различными редакциями; притом так, что в основу всегда клал последнюю из имеющихся редакций, сливая ее с более ранними. Действительные затруднения, т. е. не толь-

ко технические, представляли при этом лишь первый и третий отделы, но зато это были немалые затруднения. Я старался их разрешать исключительно в духе автора.

Цитаты в тексте я в большинстве случаев переводил там, где они приводятся в подтверждение фактов, или там, где оригинал доступен всякому желающему основательно разобраться в деле, например, при цитировании А. Смита. Это было невозможно только в главе X, потому что здесь прямо критикуется английский текст. — При цитировании из книги I «Капитала» ссылки сделаны на страницы второго издания, последнего издания, появившегося еще при жизни Маркса.

Кроме первой разработки отдельных вопросов в рукописи «К критике политической экономии», кроме упомянутых частей рукописи III и нескольких кратких заметок, сделанных кое-где в тетрадах с выписками, для книги III имеются лишь: упомянутая рукопись in folio 1864—1865 гг., разработанная почти с такой же полнотой, как рукопись II книги II, и, наконец, тетрадь 1875 года: отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, изложенное математически (в уравнениях). Подготовка этой книги к печати быстро подвигается вперед. Насколько я могу пока судить, она представит главным образом только технические затруднения, — конечно, за исключением некоторых очень важных отделов.

Здесь уместно опровергнуть обвинение против Маркса, которое сначала распространялось лишь исподтишка и только отдельными личностями, а теперь, после его смерти, провозглашается в качестве бесспорного факта немецкими катедер-социалистами, государственными социалистами, а также их приверженцами: обвинение, будто бы Маркс совершил плагиат у Родбертуса. В другом месте ¹⁾ я уже высказал самое необходимое по этому поводу, но только здесь я могу привести решающие доказательства.

Насколько я знаю, это обвинение впервые встречается в книге Р. Мейера «*Emancipationskampf des vierten Standes*», на странице 43:

«Из этих опубликованных работ» (работ Родбертуса, относящихся ко второй половине тридцатых годов) «Маркс, как это можно доказать, почерпнул большую часть своей критики».

До представления дальнейших доказательств я, конечно, могу предполагать, что вся «доказательность» этого утверждения сводится к тому, что Родбертус уверил в этом г-на Мейера. —

¹⁾ В предисловии ⁵ к работе Карла Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона». Перевод на немецкий язык Э. Бернштейна и К. Каутского. Штутгарт, 1885.

В 1879 г. на сцену выступает сам Родбертус⁶ и пишет Й. Целлеру (Тюбингенский журнал «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», 1879, S. 219), ссылаясь на свою работу «Zur Erkenntniß unsrer staatswirtschaftlichen Zustände» (1842), следующее:

«Вы увидите, что это» {развитие в этой работе мысли} «уже очень недурно использовано... Марксом, который меня, конечно, не цитирует».

Вслед за ним, это без всяких обиняков повторяет и его посмертный издатель Т. Козак («Das Kapital» von Rodbertus. Berlin, 1884, Einleitung, S. XV).— Наконец, в изданных в 1881 г. Р. Мейером «Briefe und socialpolitische Aufsätze von Dr. Rodbertus-Jagetzow» Родбертус прямо говорит:

«Ныне я вижу, как меня *ограбили* Шеффле и Маркс, причем они не называют меня» (письмо № 60, стр. 134).

А в другом месте притязание Родбертуса принимает более определенный вид:

«Откуда *происходит прибавочная стоимость* капиталиста, это я показал в моем третьем социальном письме *по существу совершенно так же*, как Маркс, только короче и яснее» (письмо № 48, стр. 111).

О всех этих обвинениях в плагиате Маркс никогда ничего не знал. В его экземпляре «Emanzipationskampf» оказалась разрезанной только часть, касающаяся Интернационала, остальную часть книги разрезал уже я сам лишь после его смерти. Тюбингенский журнал он никогда не видел. «Briefe etc.» к Р. Мейеру тоже остались ему неизвестными, и на это место, касающееся «ограбления», мое внимание любезно обратил только в 1884 г. сам господин доктор Мейер. Напротив, письмо № 48 Маркс знал; г-н Мейер был так любезен, что подарил оригинал младшей дочери Маркса. Маркс, до слуха которого, конечно, дошел таинственный шепот о тайных источниках его критики, которые следует искать у Родбертуса, показывал мне это письмо, причем заметил, что в нем он имеет, наконец, аутентичное свидетельство о том, на что собственно претендует сам Родбертус; если он не утверждает ничего более, то для него, Маркса, эти утверждения совсем безразличны, а если Родбертус считает свое собственное изложение более кратким и ясным, то он может оставить его при этом удовольствии. Он действительно полагал, что этим письмом Родбертуса все дело исчерпано.

Маркс тем более мог так думать, что, как я точно знаю, вся литературная деятельность Родбертуса оставалась неизвестной Марксу до 1859 г., когда его собственная критика политической экономии была готова не только в основных чертах, но и в важнейших подробностях. Свои экономические занятия Маркс начал в 1843 г. в Париже изучением великих англичан и французов; из

немцев он знал только Рау и Листа, и этого ему было достаточно. Ни Маркс, ни я ничего не знали о существовании Родбертуса, пока в 1848 г. нам не пришлось критиковать в «*Neue Rheinische Zeitung*»⁷ его речи как берлинского депутата и его действия как министра. Мы были так несведущи, что запрашивали рейнских депутатов, кто же такой этот Родбертус, вдруг сделавшийся министром. Но и они ничего не могли сообщить нам об экономических работах Родбертуса. Напротив, Маркс и без помощи Родбертуса уже тогда очень хорошо знал не только *откуда*, но и *как* «происходит прибавочная стоимость капиталиста», что доказывают «Нищета философии»⁸ 1847 г. и лекции о наемном труде и капитале⁹, прочитанные в 1847 г. в Брюсселе и напечатанные в 1849 г. в «*Neue Rheinische Zeitung*» в №№ 264—269. Только около 1859 г. Маркс узнал от Лассаля, что существует также и экономист Родбертус, а затем нашел его «третье социальное письмо» в Британском музее.

Таковы фактические обстоятельства. Как же обстоит дело с тем содержанием, которое Маркс будто бы «украл» у Родбертуса?

«Откуда происходит прибавочная стоимость капиталиста», — говорит Родбертус, — «это я показал в моем третьем социальном письме совершенно так же, как Маркс, только короче и яснее».

Вот где, следовательно, центральный пункт: теория прибавочной стоимости; и в самом деле, нельзя указать, что еще из Маркса мог бы Родбертус рекламировать в качестве своей собственности. Следовательно, Родбертус объявляет себя здесь действительным автором теории прибавочной стоимости, которую Маркс у него похитил.

Что же говорит нам третье социальное письмо о возникновении прибавочной стоимости? Оно просто говорит, что «рента»; под которой Родбертус понимает и земельную ренту и прибыль вместе, образуется не от «накидки стоимости» к стоимости товара, а

«вследствие того вычета стоимости, который претерпевает заработная плата, другими словами — вследствие того, что заработная плата составляет только часть стоимости продукта».

а при достаточной производительности труда

«заработная плата не должна быть равна естественной меновой стоимости продукта труда для того, чтобы от этой последней оставалась еще часть для возмещения капитала» (!) «и для ренты»¹⁰.

Притом нам не сообщается, что такое эта «естественная меновая стоимость» продукта, при которой ничего не остается для «возмещения капитала», то есть, точнее, для возмещения сырого материала и износа орудий.

К счастью, на нашу долю выпало констатировать, какое впечатление произвело на Маркса это эпохальное открытие Родбертуса. В рукописи «К критике и т. д.», тетрадь X, стр. 445 и сл., мы находим: «Отступление. Господин Родбертус. Новая теория земельной ренты». Третье социальное письмо рассматривается здесь только с этой точки зрения. С теорией прибавочной стоимости Родбертуса в ее общем виде покончено ироническим замечанием: «Господин Родбертус в первую очередь исследует, как обстоит дело в стране, где владение землей и владение капиталом *не отделены* друг от друга, и приходит здесь к тому важному выводу, что рента (под которой он понимает всю *прибавочную стоимость*) просто равна неоплаченному труду или тому количеству продуктов, в котором этот неоплаченный труд выражается»¹¹.

Капиталистическое человечество производило прибавочную стоимость уже в продолжение нескольких столетий и мало-помалу пришло к тому, что стало размышлять о ее возникновении. Первое понимание ее было пониманием, вытекавшим из непосредственной купеческой практики: прибавочная стоимость возникает из надбавки к стоимости продукта. Этот взгляд был господствующим у меркантилистов, но уже Джеймс Стюарт увидел, что при этом то, что выигрывает один, необходимо должен терять другой. Несмотря на это, такой взгляд продолжал бытовать еще долгое время, особенно среди социалистов; но из классической науки он был вытеснен А. Смитом.

В «Wealth of Nations» (book I, ch. VI) у него говорится:

«Как только капитал (stock) накопился в руках отдельных лиц, некоторые из них, естественно, будут использовать его для того, чтобы дать работу трудолюбивым людям, снабжая их сырыми материалами и средствами существования, с целью извлечь *прибыль* посредством продажи продуктов их труда или посредством того, что *прибавлено из трудов к стоимости обрабатываемых материалов*... Та *стоимость*, которую рабочие *прибавляют* к стоимости *сырых материалов*, распадается в этом случае на *две части*, из которых одна оплачивает *их заработную плату*, а другая оплачивает *прибыль предпринимателя* на весь капитал, который он авансировал в виде сырых материалов и заработной платы»¹².

И несколько далее:

«С тех пор, как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, землевладельцы, подобно всем другим людям, любят пожинать там, где они не сеяли, и требуют ренты даже за естественные плоды земли...». Рабочий «...должен уступать землевладельцу *определенную часть* того, что собрано или произведено его *трудо*м. Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет *земельную ренту*»¹³.

Маркс замечает по поводу этого места в вышеупомянутой рукописи «К критике и т. д.», стр. 253: «Итак, *прибавочную стоимость*, т. е. прибавочный труд,— избыток выполненного и овеществленного в товаре труда *над* оплаченным трудом, следовательно,

над трудом, получившим свой эквивалент в заработной плате, — А. Смит понимает как *всеобщую категорию*, [254] по отношению к которой прибыль в собственном смысле слова и земельная рента составляют только ее ответвления»¹⁴.

Далее, кн. I, гл. VIII, А. Смит говорит:

«Как только земля стала частной собственностью, землевладелец требует долю почти со всякого продукта, который рабочий может взрастить на этой земле или собрать с нее. Его земельная рента составляет *первый вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли*. Однако лишь в редких случаях лицо, обрабатывающее землю, имеет средства для содержания себя до уборки урожая. Его содержание обычно авансируется ему из капитала (stock) его хозяина, фермера, у которого не было бы никакого интереса нанимать его, если бы он, фермер, не получал доли *продукта труда рабочего* или если бы его капитал не возмещался ему вместе с некоторой прибылью. Эта прибыль составляет *второй вычет из продукта труда, затрачиваемого на обработку земли*. Такой же вычет для оплаты прибыли делается из продукта почти всякого другого труда. Во всех отраслях промышленности большинство рабочих нуждается в хозяине, который авансировал бы им сырые материалы для их работы, а также заработную плату и жизненные средства до завершения работы. Этот хозяин делит с рабочими продукт их труда, или ту стоимость, которую их труд прибавляет к обрабатываемым сырым материалам; эта доля и составляет прибыль хозяина»¹⁵.

Маркс делает к этому следующее замечание (рукопись, стр. 256): «Итак, А. Смит прямо, без обиняков, называет здесь земельную ренту и прибыль на капитал всего лишь *вычетами* из продукта рабочего, или из стоимости его продукта, равной количеству труда, присоединенному им к сырью. Но этот вычет, как раньше доказывал сам А. Смит, может состоять только из той части труда, которую рабочий присоединяет к сырью сверх того количества труда, которое оплачивает только его заработную плату, или доставляет только эквивалент его заработной платы; следовательно, этот вычет состоит из прибавочного труда, из неоплаченной части труда рабочего»¹⁶.

«Откуда происходит прибавочная стоимость капиталиста» и, кроме того, прибавочная стоимость земельного собственника, это знал, следовательно, еще А. Смит. Маркс прямо признает это уже в 1861 г., тогда как это, по-видимому, совершенно забыли Родбертус и толпа его почитателей, растущих как грибы под теплым летним дождем государственного социализма.

«Однако... — продолжает Маркс, — прибавочную стоимость как таковую Смит не отделил, в виде особой категории, от тех особых форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте. Отсюда у него — а еще больше у Рикардо — много ошибок и недостатков в исследовании»¹⁷. — Это положение буквально относится к Родбертусу. Его «рента» есть просто сумма земельной ренты и прибыли; о земельной ренте он составил себе совершенно ложную теорию; прибыль он принимает без всякого пересмотра в той форме, в какой нашел ее у своих предшественников. — Напротив, у Маркса прибавочная стоимость есть *всеобщая форма* той суммы

стоимости, которую без всякого эквивалента присваивают собственники средств производства и которая по совершенно особым законам, впервые открытым Марксом, распадается на особые, *превращенные* формы прибыли и земельной ренты. Эти законы излагаются в книге III, в которой впервые будет показано, сколько промежуточных звеньев требуется для того, чтобы от понимания вообще прибавочной стоимости дойти до понимания ее превращения в прибыль и земельную ренту, следовательно, — до понимания законов распределения прибавочной стоимости внутри класса капиталистов.

Рикардо идет уже значительно дальше А. Смита. Он основывает свое понимание прибавочной стоимости на той новой теории стоимости, которая в зародыше имеется уже у А. Смита, но почти всегда забывается им, когда дело идет о ее применении, и которая стала исходным пунктом всей последующей экономической науки. Из положения о том, что стоимость товаров определяется количеством реализованного в товарах труда, он выводит распределение между рабочими и капиталистами того количества стоимости, которое присоединено трудом к сырым материалам, ее распадение на заработную плату и прибыль (т. е. в данном случае прибавочную стоимость). Он показывает, что стоимость товаров остается той же самой, как бы ни изменялось отношение между этими двумя частями, — закон, для которого он допускает лишь отдельные исключения. Он даже устанавливает, хотя и в слишком общем понимании, некоторые основные законы, касающиеся взаимного отношения между заработной платой и прибавочной стоимостью (взятой в форме прибыли) (Маркс. «Капитал», книга I, гл. XV, А¹⁸), и показывает, что земельная рента есть избыток над прибылью, отделяющийся при определенных условиях. — Ни в одном из этих пунктов Родбертус не пошел дальше Рикардо. Внутренние противоречия теории Рикардо, из-за которых погибла его школа, остались или совершенно неизвестными Родбертусу, или привели его только к утопическим требованиям («Zur Erkenntniß etc.», S. 130) вместо экономических решений.

Учению Рикардо о стоимости и прибавочной стоимости не понадобилось ждать «Zur Erkenntniß etc.» Родбертуса для того, чтобы найти социалистическое использование. На стр. 609 первого тома «Капитала» (2-е нем. изд.)¹⁹ цитируются слова: «The possessors of surplus produce or capital» * из сочинения: «The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russel. London, 1821». Это сочинение, на значение которого следовало бы обратить внимание уже из-за одного выражения: «surplus produce or capital», представляет собой памфлет в 40 страниц, извлеченный Марксом из забвения; в нем говорится:

* — «Владельцы прибавочного продукта, или капитала». Ред.

«Сколько бы ни приходилось на долю капиталиста» {с точки зрения капиталиста}, «он может присваивать только прибавочный труд (*surplus labour*) рабочего, так как рабочий должен существовать» (стр. 23).

Но *как* живет рабочий и, следовательно, как велик может быть прибавочный труд, присваиваемый капиталистом, это величина весьма относительная.

«Если стоимость капитала уменьшается не в такой пропорции, в какой возрастает его масса, то капиталист будет выжимать из рабочего продукт каждого рабочего часа сверх того минимума, на который рабочий может существовать... капиталист может, в конце концов, сказать рабочему: ты не должен есть хлеба, потому что можно жить, питаясь свеклой и картофелем; и мы уже дошли до этого» (стр. 24). «Если рабочего можно довести до того, что он будет питаться картофелем вместо хлеба, то неоспоримо верно, что при этом из его труда можно выколотить больше: т. е. если при питании хлебом он был вынужден для содержания себя и своей семьи *затрачивать труд понедельника и вторника*, то при питании картофелем он будет получать для себя только *половину понедельника*, а другая половина понедельника и весь вторник *высвободятся* или в пользу государства, или *для капиталиста*» (стр. 26). «Неоспоримо (*it is admitted*), что уплачиваемые капиталистам проценты, в форме ли ренты, ссудного процента или предпринимательской прибыли, уплачиваются из труда других» (стр. 23).

Итак, здесь перед нами целиком «рента» Родбертуса, только вместо «рента» сказано «проценты».

Маркс делает к этому следующее замечание (рукопись «К критике», стр. 852: «Этот малоизвестный памфлет (размером около 40 страниц), появившийся в то время, когда начал привлекать к себе внимание «этот невероятный кропатель»²⁰ Мак-Куллох, представляет собой существенный шаг вперед по сравнению с Рикардо. Прибавочную стоимость, или «прибыль», как ее называет Рикардо (который часто называет ее также и «прибавочным продуктом»), или «процентом», как ее называет автор памфлета, этот автор прямо характеризует как «*прибавочный труд*», труд, выполняемый рабочими бесплатно, — выполняемый сверх того количества труда, которым возмещается стоимость его рабочей силы, или производится эквивалент его заработной платы. Насколько важно было свести *стоимость* к труду, настолько же важно было *прибавочную стоимость*, которая представлена в *прибавочном продукте*, свести к *прибавочному труду*. По сути дела это было сказано уже А. Смитом и составляет один из главных моментов того, что дал Рикардо. Но у них это нигде не высказано и не зафиксировано в *абсолютной форме*»²¹. Затем, на стр. 859 рукописи, говорится: «В остальном автор находится в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников. Как у Рикардо смешение прибавочной стоимости и прибыли приводит к неприятным противоречиям, так у него к таким же противоречиям приводит то, что прибавочную стоимость он окрестил *процентом на капитал*. Правда, он стоит выше Рикардо в том отношении, что он, во-первых, сводит всякую прибавочную стоимость к прибавочному труду, а во-вторых,

хотя и называет прибавочную стоимость *процентом на капитал*, вместе с тем подчеркивает, что под процентом на капитал он понимает общую форму прибавочного труда в отличие от его особых форм — ренты, ссудного процента и предпринимательской прибыли... Но название одной из этих особых форм, процент, он опять-таки принимает как название общей формы. А этого достаточно, чтобы снова впасть в экономическую тарабарщину»²².

Это последнее замечание целиком и полностью относится к нашему Родбертусу. И он остается в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников. И он окрестил прибавочную стоимость именем одной из ее превращенных подчиненных форм: ренты, которую он к тому же сделал совершенно неопределенной. Результатом этих двух промахов было то, что он снова впадает в экономическую тарабарщину, что, сделав шаг вперед по сравнению с Рикардо, он критически не идет дальше, а вместо этого поддается искушению сделать свою недоработанную теорию, еще не освободившуюся от скорлупы, основой утопии, с которой он выступил, как и всегда, слишком поздно. Памфлет, появившийся в 1821 г., уже полностью предвосхитил «ренту» Родбертуса 1842 года.

Наш памфлет — только самый передовой аванпост обширной литературы, которая в двадцатых годах использовала теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства и побивала буржуазию ее собственным оружием. Весь оуэновский коммунизм, поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо. Но наряду с ним был еще целый ряд писателей, из которых Маркс уже в 1847 г. в полемике против Прудона («Нищета философии», стр. 49²³) приводит лишь некоторых: Эдмондса, Томпсона, Годскина и т. д., и т. д., «и еще четыре страницы и т. д.». Из этого огромного количества сочинений я беру наудачу только одно: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, most conducive to Human Happiness, by William Thompson; a new edition, London, 1850». Это сочинение, написанное в 1822 г., впервые увидело свет в 1824 году. Богатство, присваиваемое непроизводительными классами, и в этом сочинении везде характеризуется тоже как вычет из продукта рабочего, и притом в довольно сильных выражениях.

«Постоянное стремление того, что мы называем обществом, состояло в том, чтобы при помощи обмана или убеждения, страха или принуждения заставить производительного работника исполнять труд за возможно меньшую долю продукта его собственного труда» (стр. 28). «Почему же рабочий не должен получать абсолютно весь продукт своего труда?» (стр. 32). «Это вознаграждение, которое капиталисты взыскивают с производительного рабочего под именем земельной ренты или прибыли, они требуют за пользование землей или другими предметами... Так как все физические вещества, на которых или посредством которых неиму-

щий производительный рабочий, не обладающий ничем, кроме своей способности производить, только и может проявлять эту свою производительную способность, — так как эти вещества находятся в обладании других лиц, интересы которых противоположны интересам рабочего и согласие которых является предпосылкой его деятельности, — то не зависит ли и не должно ли зависеть от милости этих капиталистов, какую *долю плодов его собственного труда* они пожелают дать ему в вознаграждение за этот труд?» (стр. 125) «...долю по отношению к величине *удержанного продукта*, называются ли эти присвоенные части продукта налогами, прибылью или кражей» (стр. 126) и т. д.

Признаюсь, я написал эти строки не без некоторого стыда. Я еще могу допустить, что антикапиталистическая английская литература двадцатых и тридцатых годов совершенно неизвестна в Германии, несмотря на то, что Маркс еще в «Нищете философии» прямо указывал на нее, а кое-что из нее — памфлет 1821 г., Рейвнстона, Годскина и т. д. — неоднократно цитировал в первом томе «Капитала». Но то обстоятельство, что не только *literatus vulgaris* *, «действительно ничему не научившийся» и в отчаянии цепляющийся за полы сюртука Родбертуса, но и профессор по должности **, «кичащийся своей ученостью», до такой степени забыл свою классическую политическую экономию, что серьезно упрекает Маркса в краже у Родбертуса таких вещей, которые можно найти уже у А. Смита и Рикардо, — это обстоятельство доказывает, как низко пала в настоящее время официальная политическая экономия.

Но в таком случае что же нового сказал Маркс о прибавочной стоимости? Как это случилось, что теория прибавочной стоимости Маркса произвела такое впечатление, как удар грома с ясного неба, и притом во всех цивилизованных странах, тогда как теории всех его социалистических предшественников, в том числе и Родбертуса, не оказали никакого действия?

История химии может пояснить нам это примером.

Как известно, еще в конце XVIII века господствовала флогистонная теория, согласно которой сущность всякого горения состоит в том, что от горящего тела отделяется другое, гипотетическое тело, абсолютное горючее вещество, получившее название флогистона. Эта теория была достаточно для объяснения большей части известных тогда химических явлений, хотя в некоторых случаях она объясняла их не без большой натяжки. Но вот в 1774 г. Пристли описал разновидность воздуха, «которую он нашел настолько чистой или настолько свободной от флогистона, что сравнительно с ней обыкновенный воздух представлялся уже испорченным». Он назвал ее: дефлогистированный воздух. Вскоре затем такую же разновидность воздуха описал Шееле в Швеции и доказал ее наличие в атмосфере. Шееле нашел также, что она исчезает, если в ней

* — вульгарный литератор (имеется в виду Р. Мейер). *Ред.*

** Энгельс имеет в виду А. Вагнера. Критику Вагнера самим Марксом см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 19, с. 369—399. *Ред.*

или в обыкновенном воздухе сжигать какое-нибудь тело, и назвал ее поэтому огненным воздухом [Feuerluft].

«Из этих данных он вывел такое заключение, что соединение, образующееся при сочетании флогистона с одной из составных частей воздуха» {следовательно, при горении}, «есть не что иное, как огонь или теплота, которая улетучивается через стекло»²⁾.

Пристли и Шееле описали кислород, но они не знали, что оказалось у них в руках. Они «оставались в плену» флогистонных «категорий, которые они нашли у своих предшественников». Элемент, которому суждено было ниспровергнуть все флогистонные воззрения и революционизировать химию, пропадал в их руках совершенно бесплодно. Но вскоре после этого Пристли, будучи в Париже, сообщил о своем открытии Лавуазье, и Лавуазье, руководствуясь этим новым фактом, вновь подверг исследованию всю флогистонную химию и впервые открыл, что новая разновидность воздуха была новым химическим элементом, что при горении *не* таинственный флогистон *выделяется* из горящего тела, а этот новый элемент *соединяется* с телом, и таким образом, он впервые поставил на ноги всю химию, которая в своей флогистонной форме стояла на голове. И если даже Лавуазье и не дал описания кислорода, как он утверждал впоследствии, одновременно с другими и независимо от них, то все же по существу дела *открыл* кислород он, а не те двое, которые только *описали* его, даже не догадываясь о том, что именно они описывали.

В теории прибавочной стоимости Маркс по отношению к своим предшественникам является тем же, чем Лавуазье по отношению к Пристли и Шееле. *Существование* той части стоимости продукта, которую мы называем теперь прибавочной стоимостью, было установлено задолго до Маркса; точно так же с большей или меньшей ясностью было высказано, из чего она состоит, именно: из продукта того труда, за который присвоивший его не заплатил никакого эквивалента. Но дальше этого не шли. Одни — классические буржуазные экономисты — самое большее исследовали количественное отношение, в котором продукт труда распределяется между рабочим и владельцем средств производства. Другие — социалисты — находили это распределение несправедливым и выискивали утопические средства для устранения несправедливости. И те и другие оставались в плену экономических категорий, которые они нашли у своих предшественников.

Но вот выступил Маркс. И притом в прямую противоположность всем своим предшественникам. Там, где они видели *решение*, он видел только *проблему*. Он видел, что здесь перед ним был

²⁾ Roscoe und Schorlemmer: «Ausführliches Lehrbuch der Chemie». Braunschweig, 1877, B. I, S. 13, 18.

не дефлогистированный воздух и не огневой воздух, а кислород, что здесь речь шла не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей политической экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства, — давал тому, кто сумел бы им воспользоваться. Руководствуясь этим фактом, он исследовал все установленные до него категории, как Лавуазье, руководствуясь открытием кислорода, исследовал прежние категории флогистонной химии. Для того чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, он должен был знать, что такое стоимость. Прежде всего необходимо было подвергнуть критике саму теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, *какой* труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд *этого* рода, — пункт, которого до конца дней своих не понимал Родбертус. Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему — в силу присущего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег; его основанная на этом теория денег есть первая исчерпывающая теория их, получившая теперь всеобщее молчаливое признание. Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, которое привело к гибели школы Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом. Лишь установив разделение капитала на постоянный и переменный, Маркс смог до деталей изобразить действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснить его, чего не сделал ни один из его предшественников; следовательно, он установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое дает ключ для решения самых запутанных экономических проблем, убедительнейшим доказательством чего здесь опять служит книга II и еще более — как это будет видно позже — книга III. Далее, он исследовал саму прибавочную стоимость, открыл две ее формы: абсолютную и относительную прибавочную стоимость, и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играли они в историческом развитии капиталистического производства. Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил первую рациональную теорию заработной платы, какую мы теперь только и имеем, и впервые дал основные черты истории капиталистического накопления и изложил его исторические тенденции.

А Родбертус? Прочитав все это, он — как всякий тенденциозный экономист! — нашел здесь «нападение на общество»²⁴, нашел, что он уже сам сказал много короче и яснее, откуда происходит прибавочная стоимость, и, наконец, нашел, что хотя все это справедливо для «современной формы капитала», т. е. для того капитала, который существует исторически, но не годится для «понятия капитал», т. е. не годится для утопического представления господина Родбертуса о капитале. Совершенно так же, как старик Пристли, который до конца дней своих клялся флогистом и ничего не хотел знать о кислороде. Только Пристли действительно первый описал кислород, тогда как Родбертус в своей прибавочной стоимости или, точнее говоря, в своей «rente» вновь открыл только общее место, а Маркс, в противоположность поведению Лавуазье, был выше того, чтобы утверждать, что он первый открыл *факт* существования прибавочной стоимости.

Все остальное, что внес Родбертус в политическую экономию, стоит на таком же уровне. Его переработка теории прибавочной стоимости в утопию уже была непреднамеренно подвергнута Марксом критике в «Нищете философии»; все, что можно было еще сказать об этом, сказано мной в предисловии²⁵ к немецкому переводу этой работы. Его объяснение торговых кризисов недостаточным потреблением рабочего класса имеется уже у Сисмонди в «Nouveaux Principes d'Economie Politique», liv. IV, ch. IV³¹. Только Сисмонди при этом постоянно имел в виду мировой рынок, между тем как горизонт Родбертуса не простирается дальше прусской границы. Его умозрительные рассуждения о том, берется ли заработная плата из капитала или из дохода, относятся к области схоластики и совершенно упраздняются содержанием третьего отдела этой второй книги «Капитала». Его теория ренты осталась его исключительным достоянием и может безмятежно почивать, пока не появится в печати рукопись²⁶ Маркса, содержащая ее критику. Наконец, его проекты освобождения старопрусского землевладения от гнета капитала опять-таки совершенно утопичны; а именно, они обходят единственный практический вопрос, о котором здесь идет речь, — вопрос о том, каким образом старопрусский юнкер, получая из года в год, скажем, 20 000 марок дохода и проживая, скажем, 30 000 марок, может все-таки не делать никаких долгов?

Школа Рикардо около 1830 г. потерпела крах на прибавочной стоимости. То, что она не могла разрешить, оставалось тем более неразрешимым для ее преемницы, вульгарной поли-

³¹ «Итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, внутренний рынок все более и более сокращается, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие потрясения» (а именно кризис 1817 г., который описывается тут же вслед за этим). «Nouv. Princ.», éd. 1819, т. I, p. 336.

тической экономии. Два пункта, о которые она разбилась, следующие:

Во-первых. Труд есть мера стоимости. Но живой труд при обмене на капитал имеет меньшую стоимость, чем овеществленный труд, на который он обменивается. Заработная плата, стоимость определенного количества живого труда, всегда меньше, чем стоимость продукта, который произведен этим самым количеством живого труда или в котором этот труд выражается. В таком понимании вопрос действительно неразрешим. Марксом он правильно поставлен, и тем самым на него дан ответ. Труд не имеет стоимости. Как деятельность, создающая стоимость, он также не может иметь особой стоимости, как тяжесть не может иметь особого веса, теплота — особой температуры, электричество — особой силы тока. Покупается и продается как товар не труд, а рабочая *сила*. Как только она становится товаром, ее стоимость измеряется трудом, воплощенным в ней как в общественном продукте; эта стоимость равна труду, общественно необходимому для ее производства и воспроизводства. Следовательно, купля и продажа рабочей силы на основе такой ее стоимости отнюдь не противоречит экономическому закону стоимости.

Во-вторых. По закону стоимости Рикардо два капитала, применяющие одинаковое количество одинаково оплачиваемого живого труда, предполагая все прочие условия равными, производят в течение равного времени продукты равной стоимости, а также прибавочную стоимость или прибыль равных размеров. Если же они применяют неодинаковые количества живого труда, то они не могут произвести прибавочную стоимость или, как говорят рикардянцы, прибыль равных размеров. Но в действительности имеет место противоположное этому. Фактически равные капиталы в равное время производят в среднем равную прибыль независимо от того, много или мало живого труда они применяют. Следовательно, тут явное противоречие закону стоимости, которое заметил еще Рикардо и разрешить которое его школа тоже была неспособна. Родбертус также не мог не заметить этого противоречия; но вместо того чтобы разрешить его, он сделал его одним из исходных пунктов своей утопии («Zur Erkenntniß», S. 131). Это противоречие Маркс решил уже в рукописи «К критике»²⁷; по плану «Капитала» решение будет дано в книге III²⁸. До ее опубликования пройдут еще месяцы. Следовательно, для экономистов, желающих открыть в Родбертусе тайный источник теории Маркса и его несравненного предшественника, представляется случай показать, что в состоянии дать политическая экономия Родбертуса. Если они покажут, каким образом может и должна образоваться одинаковая средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе, тогда мы будем разговаривать с ними дальше. Однако пусть они сообразовывают поторопиться. Блестящие иссле-

дования этой книги II и совершенно новые результаты их в почти нетронутых до сих пор областях представляют собой только вводные положения к содержанию книги III, в которой изложены заключительные выводы из исследования Марксом процесса общественного воспроизводства на капиталистической основе. Когда появится эта книга III, меньше будут говорить о каком-то экономисте Родбертусе.

Вторую и третью книги «Капитала», как об этом часто говорил мне Маркс, он хотел посвятить своей жене.

Лондон, в день рождения Маркса, 5 мая 1885 г.

Фридрих Энгельс

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ²⁹

Предлагаемое второе издание в основном представляет собой дословную перепечатку первого. Исправлены опечатки, устранены некоторые стилистические погрешности, опущено несколько коротких абзацев, содержавших только повторения.

Третья книга, которая представила совершенно неожиданные затруднения, теперь также почти готова в рукописи. Если здоровье мне позволит, ее печатание может начаться уже этой осенью. Лондон, 15 июля 1893 г.

Ф. Энгельс

Для более удобного обзора здесь приводится краткая сводка мест, взятых из отдельных рукописей II—VIII.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Стр. 31—32 из рукописи II.— Стр. 32—43 из рукописи VII.— Стр. 43—47 из рукописи VI.— Стр. 47—133 из рукописи V.— Стр. 134—137 — заметка, найденная среди выписок из книг.— Со стр. 138 и до конца отдела из рукописи IV; однако на стр. 147—149 вставлено: место из рукописи VIII.— Стр. 152 и 159—160, примечания из рукописи II.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Начало, стр. 172—183, представляет собой конец рукописи IV.— Отсюда и до конца отдела, стр. 183—393, все из рукописи II.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Гл. 18 (стр. 394—403) из рукописи II.

Гл. 19: I и II (стр. 404—438) из рукописи VIII.— III (стр. 438—440) из рукописи II.

Гл. 20: I (стр. 441—444) из рукописи II, только заключительный абзац из рукописи VIII.

II (стр. 445—448) в основном из рукописи II.

III, IV, V (стр. 448—477) из рукописи VIII.

VI, VII, VIII, IX (стр. 478—495) из рукописи II.

X, XI, XII (стр. 495—545) из рукописи VIII.

XIII (стр. 546—555) из рукописи II.

Гл. 21 (стр. 556—596) вся из рукописи VIII.

КНИГА ВТОРАЯ

**ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ
КАПИТАЛА**

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

МЕТАМОРФОЗЫ КАПИТАЛА
И ИХ КРУГООБОРОТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРУГООБОРОТ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА

Процесс кругооборота ¹⁾ капитала проходит три стадии, которые, как изложено в первом томе, образуют следующий ряд:

Первая стадия: Капиталист появляется на товарном рынке и на рынке труда как покупатель; его деньги превращаются в товар, или проделывают акт обращения $D-T$.

Вторая стадия: Производительное потребление купленных товаров капиталистом. Он действует как капиталистический товаропроизводитель; его капитал совершает процесс производства. Результатом является товар большей стоимости, чем стоимость элементов его производства.

Третья стадия: Капиталист возвращается на рынок как продавец; его товар превращается в деньги, или проделывает акт обращения $T-D$.

Следовательно, формула для кругооборота денежного капитала такова: $D-T... П... T'-D'$, где точки обозначают, что процесс обращения прерван, а T' , равно как и D' , означает T и D , увеличенные на прибавочную стоимость.

В первом томе первая и третья стадии исследовались лишь в той мере, в какой это было необходимо для понимания второй стадии — процесса производства капитала. Поэтому там остались нерассмотренными те различные формы, в которые на различных своих стадиях облачается капитал и которые он то принимает, то сбрасывает при повторении кругооборота. Теперь они составляют предмет более подробного исследования.

Чтобы понять эти формы в их чистом виде, необходимо прежде всего отвлечься от всех моментов, которые не имеют ничего общего со сменой форм и образованием форм как таковыми. Поэтому здесь

¹⁾ Из рукописи II.

предполагается не только то, что товары продаются по их стоимостям, но также и то, что это совершается при неизменных обстоятельствах. Следовательно, оставляются в стороне те изменения стоимости, которые могут произойти в течение процесса кругооборота.

1. ПЕРВАЯ СТАДИЯ. $D - T$ ²⁾

$D - T$ представляет собой превращение известной суммы денег в известную сумму товаров: для покупателя — превращение его денег в товар, для продавцов — превращение их товаров в деньги. Этот акт общего товарного обращения становится в то же самое время функционально определенным отделом в самостоятельном кругообороте индивидуального капитала прежде всего не вследствие его формы, а вследствие его вещественного содержания, вследствие особого характера потребления тех товаров, которые меняются местом с деньгами. Это, с одной стороны, — средства производства, с другой стороны — рабочая сила: вещные и личные факторы товарного производства, особый характер которых, конечно, должен соответствовать тому виду изделий, который предполагается производить. Если мы назовем рабочую силу P , средства производства C_n , то покупаемая капиталистом сумма товаров $T = P + C_n$, или, короче, $T <_{C_n}^P$. Следовательно, рассматриваемый со стороны своего содержания акт $D - T$ представляет собой $D - T <_{C_n}^P$, т. е. $D - T$ распадается на $D - P$ и $D - C_n$; денежная сумма D разделяется на две части, одна из которых идет на покупку рабочей силы, а другая — на покупку средств производства. Эти два ряда покупок имеют место на совершенно различных рынках: один — на собственно товарном рынке, другой — на рынке труда.

Но кроме этого качественного разделения той суммы товаров, в которую превращается D , акт $D - T <_{C_n}^P$ представляет собой также и весьма характерное количественное отношение.

Мы знаем, что стоимость, соответственно цена рабочей силы, уплачивается владельцу последней, продающему ее как товар, в форме заработной платы, т. е. как цена известной суммы труда, заключающей в себе и прибавочный труд; таким образом, если, например, дневная стоимость рабочей силы = 3 маркам, продукту пятичасового труда, то в контракте между покупателем и продавцом эта сумма фигурирует как цена или плата, скажем, за десятичасовой труд. Если подобный контракт заключен, например, с 50 рабочими, то они должны доставить покупателю в течение одного дня в общем 500 часов труда, из которых половина, 250 рабочих часов, = 25 десятичасовым рабочим дням, составляет просто при-

²⁾ Ниже следует текст из рукописи VII, начатой Марксом 2 июля 1878 г.

бавочный труд. Количество, равно как и размеры тех средств производства, которые необходимо купить, должны быть достаточны для применения этой массы труда.

Следовательно, $D - T < \frac{P}{C_n}$ выражает не только качественное отношение, не только то, что определенная сумма денег, например 422 ф. ст., превращается в соответствующие друг другу средства производства и рабочую силу: оно выражает и количественное отношение между частью денег, затраченной на рабочую силу P , и частью, затраченной на средства производства C_n . — отношение, заранее определенное суммой того избыточного, прибавочного труда, который будет затрачен определенным числом рабочих.

Следовательно, если, например, в какой-либо прядильне заработная плата 50 рабочих составляет 50 ф. ст. в неделю, то на средства производства должно быть затрачено 372 ф. ст., при том предположении, что это — стоимость средств производства, превращаемых в пряжу недельным трудом в 3 000 часов, из которых 1 500 часов — прибавочный труд.

Здесь совершенно безразлично, в какой мере в различных отраслях промышленности применение добавочного труда обуславливает добавочную затрату стоимости в форме средств производства. Речь идет лишь о том, что при всех обстоятельствах затрачиваемая на средства производства часть денег, т. е. купленные в акте $D - C_n$ средства производства должны быть достаточны, следовательно, должны быть заранее на это рассчитаны, доставлены в соответствующей пропорции. Иначе говоря, количество средств производства должно быть достаточным для того, чтобы поглотить соответствующее количество труда, чтобы при посредстве последнего превратиться в продукт. Если бы налицо не было достаточно средств производства, то избыточный труд, который получает в свое распоряжение покупатель, не нашел бы себе применения: его право распоряжения этим трудом не привело бы ни к чему. Если бы налицо было больше средств производства, чем труда, имеющегося в распоряжении его покупателя, то они остались бы ненасыщенными трудом, не превратились бы в продукт.

Когда акт $D - T < \frac{P}{C_n}$ совершился, покупатель располагает не только средствами производства и рабочей силой, необходимыми для производства какого-либо полезного предмета. Он располагает большим количеством приводимой в действие рабочей силы, или большим количеством труда, чем необходимо для возмещения стоимости рабочей силы, и в то же время располагает средствами производства, требующимися для реализации или овеществления этой суммы труда; следовательно, он располагает факторами производства изделий большей стоимости, чем стоимость элементов их производства, или располагает факторами производства товарной массы, содержащей прибавочную стоимость. Следовательно, стои-

мость, авансированная им в денежной форме, находится теперь в такой натуральной форме, в которой она может реализоваться как стоимость, порождающая прибавочную стоимость (в виде товаров). Другими словами: она находится в состоянии или в форме *производительного капитала*, который обладает способностью функционировать как созидающий стоимость и прибавочную стоимость. Обозначим капитал в этой форме через Π .

Но стоимость $\Pi = \text{стоимости } P + Cn = D$, превращенному в P и Cn . D есть та же самая капитальная стоимость, как и Π , только форма ее существования другая; а именно, это — капитальная стоимость в денежном состоянии, или в денежной форме: это — *денежный капитал*.

Поэтому акт $D - T < \frac{P}{Cn}$ или, в его общей форме $D - T$, т. е. сумма всех актов купли товаров, будучи актом общего товарного обращения, в то же время, как стадия в самостоятельном процессе кругооборота капитала, есть превращение капитальной стоимости из ее денежной формы в ее производительную форму, или, короче, превращение *денежного капитала в производительный капитал*. Следовательно, в той фигуре кругооборота, которая здесь рассматривается в первую очередь, деньги являются первым носителем капитальной стоимости, а потому денежный капитал является той формой, в которой авансируется капитал.

Как денежный капитал, он находится в состоянии, в котором он может выполнять функции денег, например в данном случае — функции всеобщего покупательного средства и всеобщего средства платежа. (Последнее постольку, поскольку рабочая сила, хотя она и покупается раньше, но оплачивается лишь после того, как она действовала. Поскольку на рынке не имеется готовых средств производства и приходится их заказывать, постольку в акте $D - Cn$ деньги также действуют как средство платежа.) Эта способность вытекает не из того, что денежный капитал есть капитал, а из того, что он — деньги.

С другой стороны, капитальная стоимость в денежном состоянии может выполнять лишь функции денег и никаких иных. Что превращает эти последние функции в функции капитала, так это их определенная роль в движении капитала, а потому и связь стадий, в которой они выступают, с другими стадиями его кругооборота. Например, в случае, который прежде всего занимает нас, деньги превращаются в товары, соединение которых составляет натуральную форму производительного капитала, а потому в скрытом состоянии, в возможности, уже заключает в себе результат капиталистического процесса производства.

Часть денег, выполняющих в $D - T < \frac{P}{Cn}$ функцию денежного капитала, совершая само это обращение, переходит к выполнению функции, в которой исчезает их характер капитала и остается лишь

их характер денег. Обращение денежного капитала D распадается на $D - Cn$ и $D - P$, на куплю средств производства и куплю рабочей силы. Рассмотрим последний акт сам по себе. Со стороны капиталиста $D - P$ есть купля рабочей силы; со стороны рабочего, владельца рабочей силы, это есть продажа рабочей силы, мы можем сказать здесь, — продажа труда, ибо форма заработной платы уже предполагается. То, что для покупателя представляет собой $D - T$ ($= D - P$), здесь, как и при всякой купле, для продавца (рабочего) есть $P - D$ ($= T - D$), продажа его рабочей силы. Это — первая стадия обращения или первый метаморфоз товара («Капитал», книга I, гл. III, 2а); со стороны продавца труда это есть превращение его товара в денежную форму. Полученные таким образом деньги рабочий постепенно расходует на известную сумму товаров, которые удовлетворяют его потребности, на предметы потребления. Следовательно, обращение его товара в целом представляется в виде $P - D - T$, т. е., во-первых, $P - D$ ($= T - D$) и, во-вторых, $D - T$; следовательно, в виде общей формы простого товарного обращения $T - D - T$, где деньги фигурируют как простое средство обращения, играющее мимолетную роль, как простой посредник в обмене товара на товар.

$D - P$ является характерным моментом превращения денежного капитала в производительный капитал, потому что это — существенное условие для действительного превращения стоимости, авансированной в денежной форме, в капитал, в стоимость, которая производит прибавочную стоимость. $D - Cn$ необходимо лишь для того, чтобы реализовать ту массу труда, которая куплена в акте $D - P$. Поэтому акт $D - P$ был рассмотрен с этой точки зрения в книге I, отдел II, «Превращение денег в капитал». Здесь же необходимо рассмотреть дело еще и с другой точки зрения, а именно по отношению специально к денежному капиталу как форме проявления капитала.

Акт $D - P$ вообще признается характерным для капиталистического способа производства. Но отнюдь не по той указанной выше причине, что купля рабочей силы есть такая сделка, в которой обусловлено доставление большего количества труда, чем необходимо для возмещения цены рабочей силы, заработной платы, в которой, следовательно, обусловлено доставление прибавочного труда, основного условия для капитализации авансированной стоимости, или, что то же самое, для производства прибавочной стоимости. Нет, напротив, он признается характерным из-за своей формы, потому что в форме заработной платы труд покупается *на деньги*, а это считается признаком денежного хозяйства.

Здесь опять-таки характерным считается не иррациональность формы. Напротив, этой иррациональности не замечают. Иррациональность же заключается в том, что сам труд, как элемент, образующий стоимость, не может иметь стоимости, а потому и опреде-

ленное количество труда также не может иметь стоимости, которая выражалась бы в его цене, в его эквивалентности с определенным количеством денег. Но мы знаем, что заработная плата есть просто замаскированная форма, форма, в которой, например, дневная цена рабочей силы представляется ценой труда, приведенного в течение одного дня этой рабочей силой в текущее состояние, так что, следовательно, стоимость, произведенная этой рабочей силой в течение, скажем, 6 часов труда, становится выражением стоимости ее двенадцатичасового функционирования, или двенадцатичасового труда.

$D - P$ считается характерной чертой, признаком так называемого денежного хозяйства, так как труд является здесь товаром его владельца, а потому деньги являются покупателем; следовательно, $D - P$ считается характерной чертой денежного хозяйства вследствие денежного характера этого отношения (т. е. купли и продажи человеческой деятельности). Но деньги уже очень рано выступили в качестве покупателя так называемых услуг, — и, несмотря на это, ни D не превращалось в денежный капитал, ни общий характер хозяйства не претерпевал переворота.

Для денег совершенно безразлично, в какой вид товаров они превращаются. Это — форма всеобщего эквивалента всех товаров, которые уже своими ценами показывают, что они идеально представляют определенную сумму денег, ожидают своего превращения в деньги и, только меняясь своим местом с деньгами, получают форму, в которой они могут быть превращены в потребительные стоимости для своих владельцев. Следовательно, раз на рынке существует рабочая сила как товар своего владельца, причем продажа этого товара совершается в форме платы за труд, в виде заработной платы, то купля и продажа ее не представляют собой ничего особо примечательного по сравнению с куплей и продажей всякого другого товара. Характерное заключается не в том, что товар-рабочая сила может быть куплен, а в том, что рабочая сила является товаром.

Посредством $D - T < P_{cn}$, посредством превращения денежного капитала в производительный капитал, капиталист достигает соединения предметных и личных факторов производства, поскольку эти факторы состоят из товаров. Если деньги впервые превращаются в производительный капитал или впервые функционируют как денежный капитал для их владельца, то он, прежде чем покупать рабочую силу, должен сначала купить средства производства: производственные здания, машины и т. д., ибо прежде чем рабочая сила перейдет в его распоряжение, у него должны быть налицо средства производства для того, чтобы ее можно было применить как рабочую силу.

Так представляется дело со стороны капиталиста.

Со стороны рабочего: производительное проявление его рабочей силы возможно лишь с того момента, когда последняя вследствие ее продажи приводится в соединение со средствами производства. Следовательно, до продажи она существует отдельно от средств производства, от предметных условий ее проявления. В этом состоянии отделения она не может быть непосредственно применена ни в целях производства потребительных стоимостей для ее владельца, ни в целях производства товаров, продажей которых он мог бы существовать. Но как только вследствие ее продажи она соединяется со средствами производства, она точно так же как и средства производства становится составной частью производительного капитала ее покупателя.

Поэтому, хотя в акте $D - P$ владелец денег и владелец рабочей силы относятся друг к другу лишь как покупатель и продавец, противостоят друг другу как владелец денег и товаровладелец, следовательно, в этом смысле находятся в простом денежном отношении друг к другу, — тем не менее покупатель с самого начала выступает одновременно как владелец средств производства, которые образуют предметные условия производительной затраты рабочей силы владельцем последней. Другими словами, эти средства производства противостоят владельцу рабочей силы как чужая собственность. С другой стороны, продавец труда противостоит покупателю как чужая рабочая сила, которая должна перейти в распоряжение последнего, должна быть включена в его капитал, чтобы он действительно мог проявить себя как производительный капитал. Следовательно, в тот момент, когда капиталист и наемный рабочий противостоят друг другу в акте $D - P$ ($P - D$ со стороны рабочего), классовое отношение между капиталистом и наемным рабочим уже имеется налицо, уже предположено. Рассматриваемый акт — это купля и продажа, денежное отношение, но такая купля и продажа, где покупателем предполагается капиталист, а продавцом — наемный рабочий; это отношение возникло в силу того, что условия для реализации рабочей силы — жизненные средства и средства производства — отделены от владельца рабочей силы как чужая собственность.

Здесь нас не интересует, как возникает это отделение. Оно существует, раз совершается $D - P$. Что интересует нас здесь, так это следующее: если $D - P$ является функцией денежного капитала или если деньги являются здесь формой существования капитала, то отнюдь не только потому, что деньги выступают здесь в качестве средства платежа за человеческую деятельность, имеющую полезный эффект, за услугу; следовательно, отнюдь не вследствие функции денег как средства платежа. Деньги могут быть израсходованы в такой форме лишь потому, что рабочая сила находится в состоянии отделения от средств производства (включая сюда и жизненные средства как средства производства самой рабочей силы); по-

тому что это отделение устраняется лишь таким способом, что рабочая сила продается собственнику средств производства, что, следовательно, покупателю принадлежит также и функционирование рабочей силы, границы которого отнюдь не совпадают с границами количества труда, необходимого для воспроизводства ее собственной цены. Капиталистическое отношение проявляется в процессе производства лишь потому, что оно уже существует само по себе в акте обращения, в тех различных основных экономических условиях, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении. Это отношение вытекает не из природы денег; напротив, лишь существование этого отношения может превратить простую функцию денег в функцию капитала.

В понимании денежного капитала (пока что мы имеем с ним дело только в пределах той определенной функции, в которой он выступает здесь перед нами) обыкновенно встречаются или переплетаются два заблуждения. Во-первых, функции, которые выполняет капитальная стоимость в качестве денежного капитала и которые она может выполнять именно потому, что она находится в денежной форме, ошибочно выводятся из ее характера как капитала, между тем как они обязаны этим лишь денежному состоянию капитальной стоимости, ее форме проявления в качестве денег. И, во-вторых, наоборот: то специфическое содержание функции денег, которое одновременно превращает эту функцию в функцию капитала, выводится из природы денег (поэтому деньги смешиваются с капиталом), между тем как функция денежного капитала предполагает, как здесь при совершении акта $D - P$, общественные условия, которые вовсе не существуют при простом товарном и соответствующем ему денежном обращении.

Купля и продажа рабов по своей форме тоже является куплей и продажей товаров. Но без существования рабства деньги не могут совершать эту функцию. Если рабство существует, то и деньги могут быть затрачены на закупку рабов. Напротив, наличия денег в руках покупателя еще отнюдь недостаточно для того, чтобы сделать рабство возможным.

То обстоятельство, что продажа собственной рабочей силы (в форме продажи собственного труда, или в форме заработной платы) представляет собой не изолированное явление, а решающую предпосылку производства товаров в общественном масштабе, что, следовательно, денежный капитал выполняет рассматриваемую здесь функцию $D - T < \frac{P}{C_n}$ в общественном масштабе, — это обстоятельство предполагает такие исторические процессы, которые разложили первоначальное соединение средств производства и рабочей силы: процессы, вследствие которых масса народа, рабочие, как не собственники средств производства, противостоят не рабочим, как собственникам этих средств производства. При этом

дело нисколько не меняется, имело ли соединение рабочей силы со средствами производства до своего разложения такую форму, что рабочий сам в качестве средства производства принадлежал к числу других средств производства, или же был их собственником.

Итак, сущность дела, лежащая здесь в основе акта $D - T < \overset{P}{C_n}$, есть распределение; не распределение в обычном смысле как распределение предметов потребления, а распределение элементов самого производства, причем предметные факторы сконцентрированы на одной стороне, рабочая же сила, изолированная от них, — на другой.

Следовательно, средства производства, предметная часть производительного капитала, уже должны противостоять рабочему как таковые, как капитал, прежде чем акт $D - P$ может стать всеобщим общественным актом.

Раньше мы видели ³⁰, что капиталистическое производство, однажды появившись, в своем развитии не только воспроизводит это отделение, но и расширяет его в постоянно растущих размерах, пока оно не сделается вообще господствующим общественным состоянием. Но в этом деле есть и еще одна сторона. Предпосылкой образования капитала и подчинения ему производства является известная степень развития торговли, а потому и развития товарного обращения и, следовательно, товарного производства, ибо изделия не могут вступить в обращение как товары, если они производятся не для продажи, следовательно не как товары. Но лишь на основе капиталистического производства товарное производство является нормальным, господствующим типом производства.

Русские земельные собственники, которые вследствие так называемого освобождения крестьян ведут теперь свое хозяйство силами наемных рабочих вместо крепостных подневольных работников, жалуются на две вещи: во-первых, на недостаток денежного капитала. Так, например, они говорят: прежде чем продать урожай, приходится производить платежи наемным рабочим в сравнительно крупных размерах, и здесь-то сказывается недостаток в первом условии, в наличных деньгах. Чтобы вести производство по-капиталистически, требуется постоянное наличие капитала в форме денег, именно для выплаты заработной платы. Однако землевладельцы могут утешиться на сей счет. Все приходит в свое время, промышленный же капиталист уже располагает не только своими собственными деньгами, но и *l'argent des autres* *.

Однако характернее вторая жалоба, а именно: если бы даже и имелись деньги, то нельзя найти достаточного количества свободных рабочих сил, которые можно было бы купить во всякое время, так как вследствие общей собственности деревенской общины на землю русский сельскохозяйственный рабочий еще не вполне отде-

* — чужими деньгами. *Ред.*

лен от своих средств производства, поэтому он еще не является «свободным наемным рабочим» в полном смысле этого понятия. Но наличие такового в общественном масштабе является непременным условием для того, чтобы $D - T$, превращение денег в товар, могло представлять превращение денежного капитала в производительный капитал.

Поэтому совершенно ясно, что формула для кругооборота денежного капитала: $D - T...P...T' - D'$, является само собой разумеющейся формой кругооборота капитала лишь на основе уже развитого капиталистического производства, так как она предполагает наличие класса наемных рабочих в общественном масштабе. Капиталистическое производство, как мы видели, производит не только товар и прибавочную стоимость; оно воспроизводит, притом в постоянно расширяющемся масштабе, класс наемных рабочих и превращает в наемных рабочих подавляющее большинство непосредственных производителей. Поэтому кругооборот $D - T...P...T' - D'$, поскольку первой предпосылкой его осуществления является постоянное наличие класса наемных рабочих, уже предполагает капитал в форме производительного капитала, а потому предполагает и форму кругооборота производительного капитала.

II. ВТОРАЯ СТАДИЯ. ФУНКЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО КАПИТАЛА

Рассматриваемый здесь кругооборот капитала начинается актом обращения $D - T$, превращением денег в товар, куплей. Следовательно, обращение должно быть дополнено противоположным метаморфозом $T - D$, превращением товара в деньги, продажей. Но непосредственным результатом акта $D - T < \frac{P}{C_n}$ является прерыв обращения капитальной стоимости, авансированной в денежной форме. Вследствие превращения денежного капитала в производительный капитал капитальная стоимость приобрела такую натуральную форму, в которой она не может продолжать обращение и должна войти в потребление, а именно в производительное потребление. Потребление рабочей силы, т. е. труд, может быть реализовано лишь в процессе труда. Капиталист не может вновь продать рабочего как товар, потому что рабочий не раб его и потому что он купил лишь пользование его рабочей силой в течение определенного времени. С другой стороны, он может использовать рабочую силу, лишь заставляя ее использовать средства производства в качестве факторов создания товаров. Следовательно, результат первой стадии — это вступление во вторую, в производительную стадию капитала.

Движение представляется в виде $D - T < \frac{P}{C_n} ...P$, где точки означают, что обращение капитала прервано, но процесс его круго-

оборота продолжается, так как из сферы товарного обращения он вступает в сферу производства. Следовательно, первая стадия, превращение денежного капитала в производительный капитал, является лишь предшествующей и вводной фазой ко второй стадии, к функционированию производительного капитала.

Акт $D - T < \overset{P}{C_n}$ предполагает, что индивидуум, совершающий этот акт, не только располагает стоимостями в той или иной потребительной форме, но что он владеет этими стоимостями в денежной форме, что он — владелец денег. Но этот акт заключается именно в отдаче денег, и владелец денег может остаться таковым лишь постольку, поскольку деньги *implicite* * возвращаются к нему благодаря самому акту расходования. Между тем деньги могут вернуться к нему лишь посредством продажи товаров. Следовательно, этот акт предполагает владельца денег в качестве товаропроизводителя.

$D - P$. Наемный рабочий существует только продажей своей рабочей силы. Ее сохранение — его самосохранение — требует ежедневного потребления. Следовательно, оплата рабочего должна постоянно повторяться через сравнительно короткие сроки, чтобы он мог повторять необходимые для его самосохранения закупки, т. е. повторять акт $P - D - T$ или $T - D - T$. Поэтому капиталист постоянно должен противостоять ему как денежный капиталист, а его капитал — как денежный капитал. Но, с другой стороны, чтобы масса непосредственных производителей, наемных рабочих, могла совершать акт $P - D - T$, необходимые жизненные средства постоянно должны противостоять им в такой форме, в которой они могут быть куплены, т. е. в товарной форме. Следовательно, это положение требует уже высокого развития обращения продуктов как товаров, а потому и широких размеров товарного производства. Когда производство посредством наемного труда приобретает всеобщий характер, товарное производство должно стать всеобщей формой производства. Товарное производство, предполагая, что оно имеет всеобщий характер, обуславливает, со своей стороны, постоянно возрастающее разделение общественного труда, т. е. постоянно увеличивающееся обособление продукта, производимого определенным капиталистом как товар, все большее разделение взаимно дополняющих друг друга процессов производства на самостоятельные процессы. Поэтому в той самой степени, в какой развивается $D - P$, развивается и $D - C_n$, т. е. в той же мере производство средств производства отделяется от производства товаров, по отношению к которым они являются средствами производства, а последние сами противостоят каждому товаропроизводителю как товары, которых он не производит, но которые он покупает для своего определенного процесса производства. Они выхо-

* — разными путями. *Ред.*

дят из отраслей производства, которые совершенно отделены от его собственной, которые ведутся самостоятельно, — они входят в его отрасль производства как товары; следовательно, их приходится покупать. Вещные условия товарного производства все в большей мере противостоят товаропроизводителю как продукты других товаропроизводителей, как товары. И в той же мере капиталист должен выступать как денежный капиталист; иначе говоря — расширяется тот масштаб, в котором его капитал должен функционировать как денежный капитал.

С другой стороны, те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих, — содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, в какой последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим образом на всякую более старую форму производства, которая, будучи направлена преимущественно на удовлетворение непосредственных собственных потребностей, превращает в товар только избыток продукта. Продажу продукта оно делает главным интересом, причем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства, — таково было, например, первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайский, индийский, арабский и т. д. Но там, где капиталистическое товарное производство пустило корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служили или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно делает товарное производство всеобщей формой производства, а потом постепенно превращает все товарное производство в капиталистическое производство³⁾.

Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя. В исследуемом случае отделение свободного рабочего от его средств производства есть заранее данный исходный пункт, и мы уже видели, как и при каких условиях рабочий и средства производства соединяются в руках капиталиста, а именно, соединяются как производительная форма существования его капитала. Поэтому тот реальный процесс, в который вступают соединенные таким способом личные и вещные факторы создания товара, самый процесс производства становится функцией капитала, — капиталистическим процессом производст-

³⁾ Здесь заканчивается текст из рукописи VII. Далее следует текст из рукописи VI.

ва, природа которого подробно исследована в первой книге этого сочинения. Всякое предприятие, занимающееся производством товаров, становится вместе с тем предприятием по эксплуатации рабочей силы; но лишь капиталистическое товарное производство становится таким, составляющим новую эпоху способом эксплуатации, который в своем дальнейшем историческом развитии, организуя процесс труда и колоссально развивая технику, совершает переворот во всей экономической структуре общества и оставляет далеко позади все предшествовавшие эпохи.

Вследствие различия тех ролей, которые средства производства и рабочая сила во время процесса производства играют в образовании стоимости, а следовательно, также и в создании прибавочной стоимости, они различаются как постоянный и переменный капитал, поскольку они являются формами существования авансированной капитальной стоимости. Как различные составные части производительного капитала, они различаются, далее, тем, что первые, поскольку ими владеет капиталист, остаются его капиталом и вне процесса производства, между тем как рабочая сила лишь в процессе производства становится формой существования индивидуального капитала. Если рабочая сила есть товар только в руках ее продавца, наемного рабочего, то, напротив, капиталом она становится только в руках ее покупателя, капиталиста, которому достается ее временное потребление. Сами средства производства становятся предметным воплощением производительного капитала, или производительным капиталом, только с того момента, когда рабочая сила, как личная форма существования того же капитала, получает возможность соединяться с ними. Следовательно, как рабочая сила человека не является капиталом от природы, точно так же не являются капиталом от природы и средства производства. Они приобретают этот специфический общественный характер лишь при определенных, исторически развившихся условиях, подобно тому как лишь при таких же условиях благородные металлы получают характер денег или деньги — характер денежного капитала.

Функционируя, производительный капитал потребляет свои собственные составные части, чтобы превратить их в массу продуктов, имеющую более высокую стоимость. Так как рабочая сила действует лишь в качестве одного из его органов, то и созданный ее прибавочным трудом избыток стоимости продукта над стоимостью образующих его элементов является плодом капитала. Прибавочный труд рабочей силы есть даровой труд для капитала и потому образует для капиталиста прибавочную стоимость, стоимость, за которую он не уплачивает эквивалента. Поэтому продукт есть не просто товар, а товар, оплодотворенный прибавочной стоимостью. Его стоимость = $II + M$, равна стоимости потребленного на его изготовление производительного капитала II плюс произве-

денная им прибавочная стоимость *М*. Предположим, что этот товар состоит из 10 000 фунтов пряжи, на изготовление которой потреблены средства производства стоимостью в 372 ф. ст. и рабочая сила стоимостью в 50 ф. ст. В процессе прядения прядильщики перенесли на пряжу стоимость средств производства, потребленных их трудом, величиной в 372 ф. ст., и в то же время соответственно затрате их труда, они доставили новую стоимость, скажем, в 128 ф. ст. Поэтому 10 000 фунтов пряжи являются носителем стоимости в 500 ф. ст.

III. ТРЕТЬЯ СТАДИЯ. *Т' — Д'*

Товар становится *товарным капиталом* как вышедшая непосредственно из самого процесса производства функциональная форма существования уже возросшей капитальной стоимости. Если бы товарное производство во всем его общественном размере велось капиталистически, то всякий товар с самого начала был бы элементом товарного капитала, состоит ли этот товар из чугуна или брюссельских кружев, серной кислоты или сигар. Проблема, какие виды товаров своим свойством предопределены к возведению в ранг капитала и какие к рядовой товарной службе, является одним из тех невинных затруднений, которые создала для себя сама схоластическая политическая экономия.

Капитал, находясь в товарной форме, должен выполнять функцию товара. Предметы, из которых он состоит, произведенные с самого начала для рынка, должны быть проданы, превращены в деньги, следовательно, должны совершить движение *Т — Д*.

Положим, что товар капиталиста состоит из 10 000 фунтов хлопчатобумажной пряжи. Если в процессе прядения потреблено средств производства стоимостью в 372 ф. ст. и создана новая стоимость в 128 ф. ст., то стоимость пряжи равна 500 ф. ст., что и выражается в ее цене такого же наименования. Эта цена реализуется посредством продажи *Т — Д*. Что делает этот простой акт всякого товарного обращения одновременно и функцией капитала? Отнюдь не какое бы то ни было изменение, совершающееся в пределах этого акта: не изменение потребительного характера товара, — потому что именно как предмет потребления товар переходит к покупателю; и не изменение его стоимости, — потому что последняя не претерпевает никаких изменений величины, а только изменение формы. Сначала стоимость существовала в пряже, теперь она существует в деньгах. Так выступает существенное различие между первой стадией *Д — Т* и последней стадией *Т — Д*. Там авансированные деньги функционируют как денежный капитал, потому что при посредстве обращения они превращаются в товары специфической потребительной стоимости. Здесь, в последней стадии *Т — Д*, товар может функционировать как капитал лишь постоль-

ку, поскольку он приносит этот характер капитала уже готовым из процесса производства, прежде чем начинается его обращение. Во время процесса прядения прядильщики создают стоимость пряжи в 128 ф. ст. Из них, скажем, 50 ф. ст. составляют для капиталиста просто эквивалент его затраты на рабочую силу, а 78 ф. ст. — при степени эксплуатации рабочей силы в 156% — образуют прибавочную стоимость. Следовательно, стоимость 10 000 фунтов пряжи включает в себе, во-первых, стоимость потребленного производительного капитала P , постоянная часть которого = 372 ф. ст., переменная = 50 ф. ст., их сумма = 422 ф. ст. = 8 440 фунтам пряжи. Стоимость же производительного капитала $P = T$, равна стоимости образующих его элементов, которые на стадии $D - T$ противостояли капиталисту как товары в руках их продавцов. — Но, во-вторых, стоимость пряжи включает в себе и прибавочную стоимость в 78 ф. ст. = 1 560 фунтам пряжи. Следовательно, T , как выражение стоимости 10 000 фунтов пряжи, равно $T + \Delta T$, T плюс приращение T (= 78 ф. ст.), которое мы назовем τ , потому что в данное время оно существует в той же товарной форме, как и первоначальная стоимость T . Стоимость 10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст., следовательно = $T + \tau = T'$. Не абсолютная величина стоимости (500 ф. ст.) превращает T , как выражение стоимости 10 000 фунтов пряжи, в T' . Ведь абсолютная величина стоимости для T' , так же как и для всех других T , поскольку они являются выражением стоимости какой-либо суммы товаров, определяется величиной овеществленного в нем труда. T превращается в T' вследствие относительной величины его стоимости — вследствие величины его стоимости по сравнению со стоимостью капитала P , потребленного при его производстве. В T' заключается эта последняя стоимость плюс доставленная производительным капиталом прибавочная стоимость. Стоимость T' больше, превышает эту капитальную стоимость на прибавочную стоимость τ . 10 000 фунтов пряжи — это носитель возросшей, обогащенной прибавочной стоимостью капитальной стоимости, и они играют роль такого носителя как продукт капиталистического процесса производства. T' выражает стоимостное отношение — отношение стоимости товарного продукта к стоимости капитала, затраченного на его производство; следовательно, T' выражает, что его стоимость составлена из капитальной стоимости и прибавочной стоимости. 10 000 фунтов пряжи являются товарным капиталом, T' , только в качестве превращенной формы производительного капитала P , следовательно, — лишь в связи, которая существует прежде всего только в кругообороте этого индивидуального капитала или существует только для того капиталиста, который своим капиталом произвел пряжу. Только, так сказать, внутреннее, но отнюдь не какое-либо внешнее отношение делает эти 10 000 фунтов пряжи, как носителя стоимости, товарным капи-

талом; капиталистическое родимое пятно этих 10 000 фунтов пряжи заключается не в абсолютной величине их стоимости, а в относительной величине, в величине их стоимости по сравнению с той, которой обладал содержащийся в них производительный капитал, прежде чем он превратился в товар. Поэтому, если 10 000 фунтов пряжи будут проданы по их стоимости, за 500 ф. ст., то этот акт обращения, рассматриваемый сам по себе, = $T - D$, представляет собой простое превращение стоимости, остающейся неизменной, из товарной формы в денежную форму. Но, как особая стадия в кругообороте индивидуального капитала, тот же самый акт представляет собой реализацию капитальной стоимости в 422 ф. ст., заключающейся в товаре, + прибавочная стоимость в 78 ф. ст., заключающаяся в том же товаре, следовательно, представляет собой $T' - D'$, превращение товарного капитала из его товарной формы в денежную форму⁴⁾.

Функция T' такая же, как и всякого товарного продукта: превратиться в деньги, быть проданным, проделать фазу обращения $T - D$. Пока теперь уже возросший по стоимости капитал остается в форме товарного капитала, пока он неподвижно лежит на рынке, процесс производства останавливается. Капитал не действует ни как созидатель продукта, ни как созидатель стоимости. В зависимости от различной степени скорости, с какой капитал сбрасывает с себя товарную форму и принимает денежную форму, или в зависимости от быстроты продажи, одна и та же капитальная стоимость будет в очень неравной степени служить и в качестве созидателя продукта и в качестве созидателя стоимости, и масштаб воспроизводства в зависимости от этого будет расширяться или сокращаться. В первой книге было показано, что степень действия данного капитала обусловлена такими потенциями процесса производства, которые в известной мере независимы от величины стоимости капитала³⁾. Теперь оказывается, что процесс обращения приводит в движение новые потенции, обуславливающие степень действия капитала, его расширения и сокращения, независимые от величины его стоимости.

Товарная масса T' , как носитель капитала, возросшего по стоимости, должна, далее, во всем своем объеме проделать метаморфоз $T' - D'$. Количество проданного товара становится здесь существенным обстоятельством. Отдельный товар фигурирует только как интегральная часть всей товарной массы. 500 ф. ст. стоимости существует в 10 000 фунтах пряжи. Если капиталисту удастся продать только 7 440 фунтов пряжи по их стоимости в 372 ф. ст., то он возместит таким образом лишь стоимость своего постоянного капитала, стоимость затраченных средств производства; если 8 440 фунтов, — то лишь величину стоимости всего авансированного

⁴⁾ Здесь заканчивается текст из рукописи VI. Далее следует текст из рукописи V.

капитала. Чтобы реализовать прибавочную стоимость, он должен продать больше, а чтобы реализовать всю прибавочную стоимость в 78 ф. ст. (= 1 560 фунтам пряжи), он должен продать все 10 000 фунтов пряжи. Следовательно, в 500 ф. ст. деньгами он получает лишь равную стоимость за проданный товар; его сделка в пределах обращения есть простое $T - D$. Если бы он выдал своим рабочим 64 ф. ст. вместо заработной платы в 50 ф. ст., то его прибавочная стоимость была бы равна лишь 64 ф. ст. вместо 78 ф. ст., а степень эксплуатации составляла бы только 100% вместо 156%; но стоимость его пряжи осталась бы такой же, какой была раньше; изменилось бы только соотношение ее различных частей; акт обращения $T - D$ теперь, как и раньше, был бы продажей 10 000 фунтов пряжи за 500 ф. ст., по их стоимости.

$T' = T + \tau$ (= 422 ф. ст. + 78 ф. ст.). — T равно стоимости Π , или стоимости производительного капитала, а последняя равна стоимости D , которое авансировано в акте $D - T$, в купле элементов производства; в нашем примере = 422 ф. ст. Если вся товарная масса продается по ее стоимости, то $T = 422$ ф. ст. и $\tau = 78$ ф. ст., равно стоимости прибавочного продукта в виде 1 560 фунтов пряжи. Если τ , выраженное в деньгах, мы обозначим посредством δ , то $T' - D' = (T + \tau) - (D + \delta)$, а кругооборот $D - T \dots \Pi \dots T' - D'$ в его распространенной форме будет, следовательно, обозначаться через $D - T < \frac{P}{C_n} \dots \Pi \dots (T + \tau) - (D + \delta)$.

В первой стадии капиталист извлекает предметы потребления с собственно товарного рынка и с рынка труда; в третьей стадии он бросает товар обратно, но только на один рынок, на собственно товарный рынок. Но если потом посредством своего товара он извлекает с рынка больше стоимости, чем бросил на него первоначально, то лишь потому, что бросает на него большую товарную стоимость, чем извлек первоначально. Он бросил на рынок стоимость D и извлек равную стоимость T ; он бросает на рынок $T + \tau$ и извлекает равную стоимость $D + \delta$. — В нашем примере D было равно стоимости 8 440 фунтов пряжи; но он бросает на рынок 10 000 фунтов, следовательно, отдает на рынок большую стоимость, чем сам взял с рынка. С другой стороны, он бросил на рынок эту возросшую стоимость только потому, что посредством эксплуатации рабочей силы в процессе производства произвел прибавочную стоимость (выраженную в прибавочном продукте в качестве известной доли продукта). Только в качестве продукта процесса производства товарная масса есть товарный капитал, носитель возросшей капитальной стоимости. Посредством совершения акта $T' - D'$ реализуется как авансированная капитальная стоимость, так и прибавочная стоимость. Реализация той и другой совершается одновременно в ряде продаж или же в продаже разом всей товарной массы, что и выражает $T' - D'$. Но один и тот же акт обращения $T' - D'$ различен для капитальной стоимости и прибавочной стоимости постольку,

поскольку для каждой из них он выражает различную стадию их обращения, различный отдел того ряда метаморфозов, который они должны пройти в сфере обращения. Прибавочная стоимость, τ , только в процессе производства и появилась на свет. Следовательно, она впервые выступает на товарный рынок и выступает при том именно в товарной форме; это — первая форма ее обращения, а потому акт $\tau - \partial$, первый акт ее обращения, или ее первый метаморфоз, который, следовательно, еще остается дополнить посредством противоположного акта обращения, или посредством обратного метаморфоза $\partial - \tau$ ⁵⁾.

Иначе обстоит дело с обращением, которое совершает капитальная стоимость T в том же самом акте обращения $T' - D'$, являющимся для нее актом обращения $T - D$, где $T = P$, равно первоначально авансированному D . Капитальная стоимость открыла первый акт своего обращения как D , как денежный капитал, и посредством акта $T - D$ возвращается к той же самой форме; следовательно, она прошла обе противоположные фазы обращения 1) $D - T$ и 2) $T - D$ и опять оказалась в такой форме, в которой она снова может начать тот же процесс кругооборота. То, что для прибавочной стоимости является первым превращением товарной формы в денежную форму, для капитальной стоимости является возвратом, или обратным превращением в ее первоначальную денежную форму.

Посредством $D - T < P_{Cn}$ денежный капитал был превращен в сумму товаров P и Cn , имеющую такую же стоимость. Эти товары не функционируют более как товары, как предметы продажи. Их стоимость существует отныне в руках их покупателя, капиталиста, как стоимость его производительного капитала P . А в функции P , в производительном потреблении, они превращаются в новый сорт товара, по натуральной форме отличный от средств производства, в пряжу, в которой их стоимость не только сохраняется, но и увеличивается, с 422 ф. ст. до 500 ф. ст. Путем этого реального метаморфоза товары, извлеченные с рынка в первой стадии $D - T$, замещаются товаром, который отличается от них и по натуральной форме и по стоимости и который должен теперь функционировать как товар, должен быть превращен в деньги и продан. Поэтому процесс производства представляется лишь перерывом в процессе обращения капитальной стоимости, в котором до сих пор была пройдена только первая фаза $D - T$. Капитальная стоимость проходит вторую и заключительную фазу $T - D$ уже после того, как T терпит изменение по натуральной форме и по стоимости. Но если

⁵⁾ Это имеет силу, каким бы способом мы ни отделили капитальную стоимость и прибавочную стоимость. В 10 000 фунтах пряжи заключается 1 560 фунтов = 78 ф. ст. прибавочной стоимости, но в 1 фунте пряжи = 1 шиллингу, в свою очередь, заключается 2,496 унции = 1,872 пенса прибавочной стоимости.

рассматривается капитальная стоимость, взятая сама по себе, то оказывается, что в процессе производства она претерпела изменение лишь своей потребительной формы. Она существовала как 422 ф. ст. стоимости в P и C_n , теперь она существует как 422 ф. ст. стоимости в 8 440 фунтах пряжи. Следовательно, если мы рассмотрим лишь обе фазы процесса обращения капитальной стоимости, взятой обособленно от ее прибавочной стоимости, то окажется, что она проходит 1) $D - T$ и 2) $T - D$, причем второе T имеет изменившуюся потребительную форму, но ту же стоимость, как и первое T ; таким образом, капитальная стоимость проходит $D - T - D$, — форму обращения, которая путем двукратного перемещения товара в противоположном направлении, путем превращения из денег в товар и из товара в деньги, необходимо обуславливает возвращение стоимости, авансированной в форме денег, к ее денежной форме; ее обратное превращение в деньги.

Тот самый акт обращения $T' - D'$, который для капитальной стоимости, авансированной в деньгах, является вторым, заключительным метаморфозом, возвращением к денежной форме, для прибавочной стоимости, содержащейся в том же товарном капитале и реализуемой посредством его превращения в денежную форму, служит первым метаморфозом, превращением из товарной формы в денежную форму, $T - D$, первой фазой обращения.

Итак, здесь необходимо отметить обстоятельства двоякого рода. Во-первых, заключительное обратное превращение капитальной стоимости в ее первоначальную денежную форму есть функция товарного капитала. Во-вторых, эта функция включает в себя первое превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в денежную форму. Таким образом, денежная форма играет здесь двоякую роль: с одной стороны, она представляет ту форму, к которой возвращается стоимость, первоначально авансированная в деньгах, — следовательно, возврат к той форме стоимости, которой открылся процесс; с другой стороны, она — первая превращенная форма той стоимости, которая первоначально вступает в обращение в товарной форме. Если товары, из которых состоит товарный капитал, продаются по их стоимости, как и предполагается здесь, то $T + t$ превращается в равное по стоимости $D + d$. В этой форме $D + d$ (422 ф. ст. + 78 ф. ст. = 500 ф. ст.) реализованный товарный капитал находится теперь в руках капиталиста. Капитальная стоимость и прибавочная стоимость имеются теперь в наличии как деньги, следовательно, — во всеобщей эквивалентной форме.

Итак, в конце процесса капитальная стоимость находится опять в той же форме, в которой она вступила в него, и, следовательно, снова в качестве денежного капитала может открыть и совершить этот процесс. Именно потому, что исходная и заключительная фор-

мы процесса являются формой денежного капитала (D), процесс кругооборота в этой форме назван нами кругооборотом денежного капитала. В конце процесса оказывается изменившейся не форма, а только величина авансированной стоимости.

$D + d$ есть не что иное, как денежная сумма определенной величины, в нашем случае 500 ф. ст. Но как результат кругооборота капитала, как реализованный товарный капитал, эта сумма денег содержит капитальную стоимость и прибавочную стоимость, и притом они уже не срослись вместе, как в пряже; теперь они лежат друг возле друга. Их реализация дала каждой из них самостоятельную денежную форму. $\frac{211}{250}$ этой суммы суть капитальная стоимость, в 422 ф. ст., и $\frac{39}{250}$ — прибавочная стоимость в 78 ф. ст. Это разделение, вызванное реализацией товарного капитала, по своему содержанию является не только формальным, о чем мы сейчас поговорим; оно приобретает важное значение в процессе воспроизводства капитала, смотря по тому, присоединяется ли d к D целиком, частично или совсем не присоединяется, следовательно, смотря по тому, продолжает ли оно функционировать как составная часть авансированной капитальной стоимости или нет. Обращение d и D также может быть совершенно различным.

В D' капитал снова возвратился к своей первоначальной форме D , к своей денежной форме, но возвратился в такой форме, в которой он реализован как капитал.

Здесь имеется, во-первых, количественное различие. Было D , 422 ф. ст.; теперь имеется D' , 500 ф. ст., и это различие выражено в $D...D'$, в количественно различных крайних членах кругооборота, самый ход которого обозначен лишь тремя точками. D' больше D , $D' - D = M$, прибавочной стоимости. — Но, как результат этого кругооборота $D...D'$, теперь существует только D' ; это — такой продукт кругооборота, в котором угас процесс его образования. D' существует теперь самостоятельно само по себе, независимо от движения, которое принесло его. Движение миновало, на его месте стоит D' .

Но D' , как $D + d$, 500 ф. ст., как 422 ф. ст. авансированного капитала плюс его приращение в 78 ф. ст., представляет собой в то же время качественное отношение, хотя само это качественное отношение существует лишь как отношение частей одной и той же суммы, следовательно, — как количественное отношение. D , авансированный капитал, который теперь снова находится в своей первоначальной форме (422 ф. ст.), существует теперь как реализованный капитал. Он не только сохранился, — он также и реализовался как капитал, потому что он, именно как капитал, отличается от d (78 ф. ст.), к которому он относится как к *своему* приращению, к *своему* плоду, к порожденному им самим приросту. Он реализован как капитал, потому что реализован как стоимость, породившая стоимость. D' существует как капиталистическое отношение;

D является уже не просто деньгами, — оно прямо выступает как денежный капитал, получает выражение как самовозросшая стоимость, следовательно как стоимость, которая обладает свойством самовозрастать, порождать больше стоимости, чем имеет сама. D стало капиталом вследствие своего отношения к другой части D' , как к части, обусловленной D , порожденной им как причиной, как к части, к следствию, основой которого оно является. Таким образом D' является суммой стоимости, дифференцированной в самой себе, заключающей в себе функционально (в понятии) различные части, является суммой стоимости, выражающей капиталистическое отношение.

Но это отношение выражено только как результат, без посредства того процесса, результатом которого оно является.

Части стоимости, как таковые, качественно не отличаются одна от другой, за исключением того, что они выступают как стоимости различных предметов, конкретных вещей, следовательно, в различных потребительных формах, а потому выступают как стоимости различных товарных тел, — различие, которое вытекает не из них самих как простых частей стоимости. В деньгах угасает всякое различие товаров, потому что они суть именно общая всем товарам эквивалентная форма. Денежная сумма в 500 ф. ст. состоит из совершенно однородных элементов по 1 ф. ст. Так как в простом бытии этой суммы денег изглажено посредствующее звено ее происхождения и исчез всякий след специфического различия, которым обладают различные составные части капитала в процессе производства, то различие существует лишь между понятием основной суммы (по-английски *principal*), равной авансированному капиталу в 422 ф. ст., и понятием избыточной суммы стоимости, равной 78 ф. ст. Пусть, например, $D' = 110$ ф. ст., из которых $100 = D$, главной сумме, и $10 = M$, прибавочной стоимости. Обе составные части суммы в 110 ф. ст. абсолютно однородны, следовательно, неразличимы в понятии. Какие угодно 10 ф. ст. всегда составляют $\frac{1}{11}$ общей суммы в 110 ф. ст., являются ли они $\frac{1}{10}$ авансированной основной суммы в 100 ф. ст. или избытком над ней в 10 ф. ст. Поэтому основная сумма и сумма прироста, капитал и прибавочная сумма, могут быть выражены как дроби всей суммы; в нашем примере $\frac{10}{11}$ составляют главную сумму, или капитал, $\frac{1}{11}$ — прибавочную сумму. Поэтому то денежное выражение, которое реализованный капитал получает здесь в конце своего процесса, есть иррациональное выражение капиталистического отношения.

Впрочем, это относится также и к $T' (= T + \tau)$. Но с той разницей, что T' , в котором T и τ представляют собой тоже лишь пропорциональные части стоимости одной и той же однородной товарной массы, указывает на свое происхождение из P , непосредственным продуктом которого оно является, между тем как в D' , в форме,

вышедшей непосредственно из обращения, исчезло прямое отношение к Π .

Иррациональное различие между основной суммой и суммой прироста, заключающееся в D' , поскольку последнее выражает результат движения $D...D'$, тотчас же исчезает, как только D' опять начинает активно функционировать в качестве денежного капитала, следовательно, если оно, напротив, не фиксируется как денежное выражение промышленного капитала, возросшего по своей стоимости. Кругооборот денежного капитала никогда не может начаться с D' (хотя D' и функционирует теперь в качестве D), он может начаться только с D , т. е. лишь формой, выражающей авансирование капитальной стоимости, но отнюдь не выражением капиталистического отношения. Как только 500 ф. ст. снова авансируются как капитал для нового самовозрастания, они являются начальным пунктом, между тем как раньше были конечным пунктом. Вместо капитала в 422 ф. ст. теперь авансирован капитал в 500 ф. ст. — больше денег, чем раньше, больше капитальной стоимости, — но отношение между двумя составными частями отпало; совершенно так же и первоначально в качестве капитала могла бы функционировать сумма в 500 ф. ст. вместо суммы в 422 ф. ст.

Представлять капитал в виде D' не есть активная функция денежного капитала; его собственное появление в форме D' является, напротив, функцией T' . Уже при простом товарном обращении: 1) $T_1 - D$; 2) $D - T_2$, D активно функционирует лишь во втором акте $D - T_2$; появление его в виде D является лишь результатом первого акта, в силу которого оно выступает как превращенная форма T_1 . Капиталистическое отношение, заключающееся в D' , отношение одной из его частей как капитальной стоимости к другой его части как к приращению этой стоимости, приобретает, правда, и функциональное значение, поскольку, при постоянном повторении кругооборота $D...D'$, D' разделяется между двоякого рода обращением, — обращением капитала и обращением прибавочной стоимости, следовательно, поскольку обе части исполняют не только количественно, но и качественно различные функции, — D иные, чем ∂ . Но, рассматриваемая сама по себе, форма $D...D'$ не заключает в себе потребления капиталиста, она заключает только самовозрастание стоимости и накопление, поскольку последнее выражается прежде всего в периодическом увеличении снова и снова авансируемого денежного капитала.

$D' = D + \partial$, хотя и является иррациональной формой капитала, в то же время представляет денежный капитал лишь в его реализованной форме, в виде денег, которые породили деньги. Однако здесь следует видеть отличие от функции денежного капитала в первой стадии $D - T < \frac{P}{C_n}$. В этой первой стадии D обращается как деньги. D функционирует как денежный капитал лишь

потому, что только в денежном состоянии оно может выполнить функцию денег, превратиться в элементы P , в P и Sp , противостоящие ему как товары. В этом акте обращения D функционирует только как деньги; но так как этот акт есть первая стадия в процессе движения капитальной стоимости, то он, в силу специфической потребительной формы покупаемых товаров P и Sp , является одновременно функцией денежного капитала. Напротив, D' , состоящее из D , капитальной стоимости, и из d , произведенной ею прибавочной стоимости, выражает возросшую капитальную стоимость, — цель и результат, функцию всего процесса кругооборота капитала. То, что оно выражает этот результат в денежной форме, как реализованный денежный капитал, это вытекает не из того, что оно есть денежная форма капитала, *денежный капитал*, но, наоборот, из того, что оно есть денежный *капитал*, капитал в денежной форме, из того, что капитал в этой форме открыл процесс, был авансирован в денежной форме. Как мы видели, обратное превращение в денежную форму есть функция товарного капитала T' , а не денежного капитала. Что же касается разности между D' и D , то она (d) представляет собой лишь денежную форму t , приращения T ; D' только потому $= D + d$, что T' было $= T + t$. Следовательно, эта разность и отношение капитальной стоимости к порожденной ею прибавочной стоимости имелись налицо и были выражены в T' , прежде чем та и другая стоимость превратились в D' , в единую денежную сумму, в которой обе части стоимости самостоятельно противостоят одна другой и потому могут быть употреблены также на самостоятельные и отличные одна от другой функции.

D' есть лишь результат реализации T' . И то и другое — T' , как и D' — суть лишь различные формы, товарная форма и денежная форма, возросшей капитальной стоимости, у них обеих то общее, что они — возросшая капитальная стоимость. Обе суть проявивший себя в действии капитал, потому что здесь капитальная стоимость как таковая существует совместно с прибавочной стоимостью, как отличным от первой, полученным благодаря ей плодом, хотя это отношение и выражается лишь в такой иррациональной форме, как отношение двух частей одной и той же денежной суммы или одной и той же товарной стоимости. Но как выражение капитала в его отношении к прибавочной стоимости и в его отличии от прибавочной стоимости, произведенной им, следовательно как выражение возросшей стоимости, D' и T' суть одно и то же и выражают они одно и то же, только в различной форме; они отличаются друг от друга не как денежный капитал и товарный капитал, а как деньги и товар. Поскольку они представляют собой возросшую стоимость, т. е. капитал, проявивший себя в действии как капитал, постольку они выражают лишь результат функции производительного капитала, единственной функции, в которой капитальная стоимость

порождает стоимость. Общим для них является то, что они оба, денежный капитал и товарный капитал, суть способы существования капитала. Один — капитал в денежной форме, другой — в товарной форме. Поэтому разделяющие их различия специфических функций не могут быть чем-либо иным, кроме различий между функцией денег и функцией товара. Товарный капитал, как непосредственный продукт капиталистического процесса производства, носит следы этого своего происхождения из процесса производства и потому по своей форме более рационален, не столь иррационален, как денежный капитал, в котором сглажен всякий след процесса производства, как и вообще в деньгах угасает всякая особая потребительная форма товара. Поэтому такое своеобразие денежной формы капитала исчезает только там, где само D' функционирует как товарный капитал, где оно является непосредственным продуктом процесса производства, а не превращенной формой этого продукта, следовательно, — в производстве самого денежного материала. Например, формула для добычи золота была бы такова: $D - T < \frac{P}{C_n} \dots P \dots D' (D + \partial)$, где D' фигурирует как товарный продукт, потому что P доставляет золота больше, чем было авансировано в первом D , денежном капитале, на элементы для добычи золота. Следовательно, здесь исчезает иррациональность выражения $D \dots D' (D + \partial)$, где одна часть денежной суммы является матерью другой части той же самой денежной суммы.

IV. КРУГООБОРОТ В ЦЕЛОМ

Мы видели, что процесс обращения по окончании его первой фазы $D - T < \frac{P}{C_n}$ прерывается производством P , в котором товары P и C_n , купленные на рынке, потребляются как вещественные и стоимостные составные части производительного капитала; продукт этого потребления — новый товар T' , изменившийся по своей натуральной форме и по стоимости. Прерванный процесс обращения, $D - T$, должен дополняться посредством $T - D$. Но в качестве носителя этой второй и заключительной фазы обращения появляется T' , товар, по своей натуральной форме и по стоимости отличный от первого T . Следовательно, ряд обращения выражается в виде: 1) $D - T_1$; 2) $T'_2 - D'$, где во второй фазе место первого товара T_1 занимает другой товар T'_2 , большей стоимости и иной по своей потребительной форме; эта замена происходит во время перерыва, обусловливаемого функцией P , т. е. во время производства T' из элементов T , из форм существования производительного капитала P . Напротив, та первая форма проявления, в которой капитал выступил перед нами («Капитал», книга I, гл. IV, 1), форма $D - T - D'$ (разлагается на: 1) $D - T_1$; 2) $T_1 - D'$) дважды показывает один и тот же товар. Там перед нами оба раза выступает

один и тот же товар — товар, в который превращаются деньги в первой фазе и который во второй фазе превращается обратно в большее количество денег. Несмотря на это существенное различие, оба обращения имеют то общее, что в их первой фазе деньги превращаются в товар, а во второй фазе — товар в деньги, следовательно, деньги, затраченные в первой фазе, снова притекают обратно во второй фазе. Общим для них является, с одной стороны, этот обратный приток денег к их исходному пункту, а, с другой стороны, то, что денег притекает обратно больше, чем было авансировано. Постольку и $D - T \dots T' - D'$ уже содержится во всеобщей формуле $D - T - D'$.

Далее, здесь оказывается, что в обоих метаморфозах, в $D - T$ и в $T' - D'$, относящихся к обращению, всякий раз противостоят друг другу и заменяют друг друга равновеликие, одновременно существующие стоимости. Изменение величины стоимости принадлежит исключительно метаморфозу P , процессу производства, который, таким образом, является реальным метаморфозом капитала, в противоположность лишь формальным метаморфозам в сфере обращения.

Рассмотрим теперь движение $D - T \dots P \dots T' - D'$ в целом или его развернутую форму $D - T < \overset{P}{C_n} \dots P \dots T' (T + \tau) - D' (D + \partial)$. Капитал является здесь стоимостью, которая проходит последовательный ряд взаимно связанных, обусловливаемых друг другом превращений, ряд метаморфозов, которые составляют такой же ряд фаз или стадий всего процесса. Две из этих фаз относятся к сфере обращения, одна — к сфере производства. В каждой из этих фаз капитальная стоимость находится в особой форме, которой соответствует особая, специальная функция. В этом движении авансированная стоимость не только сохраняется, но и возрастает, увеличивается. Наконец, в заключительной стадии она возвращается к той самой форме, в которой появилась в начале всего процесса. Таким образом, этот процесс, как целое, есть процесс кругооборота.

Те две формы, которые капитальная стоимость принимает на стадиях своего обращения, суть формы *денежного капитала* и *товарного капитала*; ее форма, относящаяся к стадии производства, есть форма *производительного капитала*. Капитал, который в ходе своего полного кругооборота принимает и снова сбрасывает эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть *промышленный капитал*; слово промышленный употребляется здесь в том значении, в котором оно охватывает всякую, ведущуюся капиталистически отрасль производства.

Следовательно, денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь отнюдь не самостоятельные виды капитала, функции которых составляют содержание тоже самостоятельных и отделенных друг от друга отраслей предпринимательства. Они обозначают здесь лишь особые функциональные фор-

мы промышленного капитала, который последовательно принимает все эти три формы одну за другой.

Кругооборот капитала совершается нормально лишь до тех пор, пока его различные фазы без задержек переходят одна в другую. Если капитал задерживается на первой фазе $D - T$, то денежный капитал затвердевает в виде сокровища; если на производственной фазе, то на одной стороне лежат, не функционируя, средства производства, между тем как на другой стороне остается незанятой рабочая сила; если капитал задерживается на последней фазе $T' - D'$, то нераспроданные товары, накапливаясь, преграждают путь потоку обращения.

С другой стороны, по сути дела, кругооборот сам обуславливает фиксацию капитала, фиксацию на определенные сроки, в отдельных фазах кругооборота. В каждой из своих фаз промышленный капитал связан с одной определенной формой — как денежный капитал, производительный капитал, товарный капитал. Лишь выполнив функцию, соответствующую той форме, в которой он находится в данное время, он приобретает форму, в которой может вступить в новую фазу превращения. Чтобы сделать это наглядным, мы предположили в нашем примере, что капитальная стоимость товарной массы, созданной на стадии производства, равна всей сумме стоимости, первоначально авансированной в виде денег; другими словами, что вся капитальная стоимость, авансированная как деньги, разом переходит из одной стадии в другую, последующую. Но мы видели («Капитал», книга I, гл. VI), что часть постоянного капитала, собственно средства труда (например, машины) служат снова и снова, в большем или меньшем числе повторений одних и тех же процессов производства, а потому и передают свою стоимость продукту лишь по частям. Позже мы увидим, в какой мере это обстоятельство модифицирует процесс кругооборота капитала. Здесь ограничимся следующим: в нашем примере стоимость производительного капитала = 422 ф. ст. содержит только среднюю величину износа фабричных зданий, машин и т. д., следовательно только ту часть стоимости, которую при превращении 10 600 фунтов хлопка в 10 000 фунтов пряжи они переносят на последнюю, на продукт недельного процесса прядения в течение 60 часов. И поэтому в тех средствах производства, в которые превращается авансированный постоянный капитал в 372 ф. ст., средства труда, — здания, машины и т. д., — фигурируют таким образом, как если бы их брали на рынке лишь в аренду, оплачивая еженедельными взносами. Однако это абсолютно ничего не изменяет в существе дела. Стоит лишь нам количество пряжи в 10 000 фунтов, произведенное в течение недели, помножить на число недель, составляющее известный ряд лет, — и вся стоимость купленных и потребленных за это время средств труда будет перенесена на пряжу. Отсюда ясно, что авансированный денежный капитал сначала

должен быть превращен в эти средства труда, следовательно, сначала должен пройти первую стадию $D - T$, прежде чем он будет в состоянии функционировать как производительный капитал P . Точно так же в нашем примере ясно, что сумма капитальной стоимости в 422 ф. ст., воплотившаяся в пряжу во время процесса производства, не может вступить в фазу обращения $T' - D'$ как составная часть стоимости 10 000 фунтов пряжи до тех пор, пока последняя не будет готова. Нельзя продать пряжу, пока она не выпрядена.

В общей формуле продукт P рассматривается как материальная вещь, отличная от элементов производительного капитала, как предмет, который обладает обособленным от процесса производства существованием, который обладает потребительной формой, отличной от потребительной формы элементов производства. Это имеет место во всех случаях, когда результат процесса производства выступает как вещь, — даже там, где часть продукта снова входит как элемент в возобновляемое производство. Так, зерно в качестве семян служит для производства зерна, но продукт состоит только из зерна, следовательно, имеет форму, отличную от других элементов, также нашедших применение, — от рабочей силы, орудий труда, удобрений. Но существуют самостоятельные отрасли промышленности, где продукт процесса производства не является новым вещественным продуктом, товаром. Из этих отраслей важна в экономическом отношении только промышленность, осуществляющая перевозки и связь, будет ли то собственно транспортная промышленность по перевозке товаров и людей или же просто передача сообщений, писем, телеграмм и т. д.

А. Чупров⁶⁾ говорит об этом так:

«Фабрикант может сначала произвести изделия и потом искать потребителей»;

(его продукт, выброшенный готовым из процесса производства, переходит как отделенный от него товар в сферу обращения);

«производство и потребление являются таким образом двумя актами, разделенными в пространстве и времени; в перевозной же промышленности, которая не творит новых продуктов, но только перемещает людей и вещи, эти два акта сливаются вместе; услуги железной дороги» (перемещение) «потребляются в тот же момент, как они производятся. Оттого район, в котором железные дороги могут искать сбыта своим услугам, простирается много если на 50 верст» {53 км} «по обе стороны линии».

Результатом перевозки — перевозятся ли люди или товары — является изменение их местопребывания, например, пряжа находится теперь в Индии, а не в Англии, где она была произведена.

Но то, что продает транспортная промышленность, есть само изменение местонахождения. Доставляемый ею эффект нераздельно связан с процессом перевозки, т. е. с процессом производства

⁶⁾ А. Чупров. «Железнодорожное хозяйство». Москва, 1875, с. 69—70.

транспортной промышленности. Люди и товары едут вместе с определенным средством транспорта, и движение последнего, его перемещение и есть тот процесс производства, который оно создает. Полезный эффект можно потреблять лишь во время процесса производства; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь, которая лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, обращается как товар. Но меновая стоимость этого полезного эффекта, как и меновая стоимость всякого другого товара, определяется стоимостью затраченных на него элементов производства (рабочей силы и средств производства) плюс прибавочная стоимость, созданная прибавочным трудом рабочих, занятых в транспортной промышленности. Что касается потребления этого полезного эффекта транспортной промышленности, то и в этом отношении он совершенно не отличается от других товаров. Если он входит в индивидуальное потребление, то вместе с потреблением исчезает его стоимость; если он потребляется производительно, так что сам является стадией производства товара, находящегося в перевозке, то его стоимость переносится как дополнительная стоимость на самый товар. Следовательно, для транспортной промышленности формула будет такова: $D - T < \frac{P}{c_n} \dots \Pi - D'$, ибо здесь оплачивается и потребляется самый процесс производства, а не продукт, который может быть отделен от него. Следовательно, перед нами почти точно такая же формула, как и при производстве благородных металлов, с той только разницей, что D' является здесь превращенной формой полезного эффекта, созданного во время процесса производства, а не натуральной формой золота или серебра, добытых во время этого процесса и вытолкнутых из него.

Промышленный капитал есть единственный способ существования капитала, при котором функцией капитала является не только присвоение прибавочной стоимости, соответственно присвоение прибавочного продукта, но в то же время и ее создание. Поэтому промышленный капитал обуславливает капиталистический характер производства; существование промышленного капитала включает в себя наличие классовой противоположности между капиталистами и наемными рабочими. По мере того, как он овладевает общественным производством, совершается переворот в технике и в общественной организации процесса труда, а вместе с тем и в экономико-историческом типе общества. Другие виды капитала, которые появились до него в рамках отошедших в прошлое или гибнущих укладов общественного производства, не только подчиняются ему и не только претерпевают соответствующие ему изменения в механизме своих функций, но и движутся впредь уже лишь на основе промышленного капитала, следовательно, живут и умирают, стоят и падают вместе с этой своей основой. Денежный капитал и товарный капитал, поскольку они со своими функциями выступают

наряду с промышленным капиталом как носители особых отраслей предпринимательства, суть лишь достигшие самостоятельности вследствие общественного разделения труда и односторонне развитые способы существования различных функциональных форм, которые промышленный капитал то принимает, то сбрасывает в сфере обращения.

Кругооборот $D...D'$, с одной стороны, переплетается с общим товарным обращением, выходит из него, входит в него, составляет его часть. С другой стороны, для индивидуального капиталиста он образует особое самостоятельное движение капитальной стоимости, — движение, которое совершается частью в пределах общего товарного обращения, частью вне его, но которое всегда сохраняет свой самостоятельный характер. Во-первых, в силу того, что обе фазы движения, которые совершаются в сфере обращения, $D - T$ и $T' - D'$, имеют функционально определенный характер как фазы движения капитала; в $D - T$ последнее, T , по своей натуральной форме определено как рабочая сила и средства производства; в $T' - D'$ реализуется капитальная стоимость + прибавочная стоимость. Во-вторых, P , процесс производства, охватывает производительное потребление. В-третьих, возвращение денег к их исходному пункту превращает движение $D...D'$ в кругооборот, завершенный в себе самом.

Следовательно, всякий индивидуальный капитал в обеих своих половинах обращения $D - T$ и $T' - D'$ является, с одной стороны, агентом общего товарного обращения, в котором он функционирует или в который он влетен то как деньги, то как товар, и таким образом сам является членом в общем ряду метаморфозов товарного мира. С другой стороны, в пределах общего обращения он описывает свой собственный самостоятельный кругооборот, в котором сфера производства составляет переходную стадию и в котором он возвращается к своему исходному пункту в той самой форме, в которой оставил его. В пределах своего собственного кругооборота, который включает и его реальный метаморфоз в процессе производства, капитал изменяет в то же время и величину своей стоимости. Он возвращается не просто как денежная стоимость, а как увеличенная, возросшая денежная стоимость.

Наконец, если мы посмотрим на $D - T...P...T' - D'$ как на особую форму процесса кругооборота капитала наряду с другими формами, которые будут исследованы впоследствии, то она характеризуется следующим:

1) Она является *кругооборотом денежного капитала*, потому что промышленный капитал в своей денежной форме, как денежный капитал, образует исходный пункт всего процесса и пункт, к которому этот процесс возвращается. Сама формула выражает, что деньги не расходуются здесь как деньги, а лишь авансируются, и потому являются лишь денежной формой капитала, денежным

капиталом. Эта формула, далее, выражает, что не потребительная стоимость, а меновая стоимость есть самоцель, определяющая движение. Именно потому, что денежная форма стоимости есть самостоятельная, осязательная форма проявления стоимости, именно поэтому форма обращения $D...D'$, исходный и заключительный пункты которой суть действительные деньги, с наибольшей наглядностью выражает побудительный мотив капиталистического производства, делание денег. Для делания денег процесс производства является лишь неизбежным посредствующим звеном, необходимым злом. Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают спекулятивную лихорадку, во время которой они стремятся осуществлять делание денег без посредства процесса производства.

2) Стадия производства, функция II , образует в этом кругообороте перерыв между двумя фазами обращения $D - T ... T' - D'$, которое, в свою очередь, лишь опосредствует простое обращение $D - T - D'$. Процесс производства в самой этой форме процесса кругооборота формально и определенно предстает тем, чем он и является при капиталистическом способе производства: простым средством для увеличения авансированной стоимости; следовательно, обогащение как таковое является здесь самоцелью производства.

3) Так как последовательный ряд фаз открывается фазой $D - T$, то вторым звеном обращения является $T' - D'$; следовательно, исходный пункт — D , денежный капитал, которому еще предстоит возрасти по стоимости; заключительный пункт — D' , уже возросший по стоимости денежный капитал $D + \delta$, где D наряду со своим отпрыском δ фигурирует как реализованный капитал. Это отличает кругооборот D от двух других кругооборотов, II и T' , и отличает в двояком отношении. С одной стороны, отличие состоит в денежной форме обоих крайних членов; деньги же суть самостоятельная осязательная форма существования стоимости, суть стоимость продукта в той ее самостоятельной форме, в которой исчез всякий след потребительной стоимости товаров. С другой стороны, форма $II...II$ не necessarily превращается в $II...II'$ ($II + n$), а в форме $T'...T'$ вообще не видно никакой разницы в стоимости двух крайних членов. — Следовательно, для формулы $D...D'$, с одной стороны, характерно то, что капитальная стоимость составляет исходный пункт, а возросшая капитальная стоимость — заключительный пункт, так что авансирование капитальной стоимости является средством, возросшая капитальная стоимость — целью всей операции; с другой стороны, для нее характерно то обстоятельство, что это отношение выражено в денежной форме, в самостоятельной форме стоимости, а потому денежный капитал получает выражение как деньги, порождающие деньги. Создание стоимостью прибавочной стоимости выражено не только как

альфа и омега процесса, но выражено прямо в блестящей денежной форме.

4) Так как D' , реализованный денежный капитал, как результат $T' - D'$, т. е. дополнительной и заключительной фазы $D - T$, находится абсолютно в той же форме, в которой он начал свой первый кругооборот, то, выйдя из него, он может снова начать такой же кругооборот, как увеличенный (накопленный) денежный капитал: $D' = D + \delta$; форма $D \dots D'$, по меньшей мере, не выражает того, что при повторении кругооборота обращение δ отделяется от обращения D . Рассматриваемый в своем однократном виде, формально, кругооборот денежного капитала выражает, следовательно, только процесс увеличения стоимости и процесс накопления. Потребление выражено в нем посредством $D - T < \overset{P}{C_n}$ лишь как производительное потребление; только такое потребление и входит в этот кругооборот индивидуального капитала. $D - P$ есть $P - D$ или $T - D$ со стороны рабочего; следовательно, это есть первая фаза того обращения, которое опосредствует его индивидуальное потребление: $P - D - T$ (жизненные средства). Вторая фаза, $D - T$, уже не входит в кругооборот индивидуального капитала; но этот кругооборот приводит к ней, предполагает ее, потому что рабочий, для того чтобы постоянно находиться на рынке в качестве материала, пригодного для эксплуатации капиталистом, прежде всего должен жить, следовательно, должен поддерживать себя индивидуальным потреблением. Однако само это потребление лишь предполагается здесь как условие производительного потребления рабочей силы капиталом, следовательно, — лишь постольку, поскольку рабочий своим индивидуальным потреблением поддерживает и воспроизводит себя как рабочую силу. Что же касается C_n , собственно товаров, которые входят в кругооборот, то они составляют лишь пищу для производительного потребления. Акт $P - D$ опосредствует индивидуальное потребление рабочего, превращение жизненных средств в его плоть и кровь. Конечно, для того чтобы капиталист функционировал как капиталист, он также должен быть налицо, следовательно, он также должен жить и потреблять. Но для этого он фактически должен потреблять лишь столько же, сколько потребляет рабочий — и поэтому большего не предполагает эта форма процесса обращения. Но даже и это формально не выражено здесь, потому что формула заканчивается D' , т. е. таким результатом, который немедленно может снова функционировать как увеличенный денежный капитал.

В $T' - D'$ прямо содержится продажа T' ; но $T' - D'$, продажа для одной стороны, есть $D - T$, купля для другой; окончательно товар покупается лишь ради его потребительной стоимости, лишь для того, чтобы (оставляя в стороне перепродажу) войти в процесс потребления, — в индивидуальное или производительное потребление.

ние, в зависимости от природы покупаемого изделия. Но это потребление не входит в кругооборот того индивидуального капитала, продуктом которого является T' ; этот продукт выталкивается из кругооборота индивидуального капитала именно как товар, подлежащий продаже. T' прямо предназначено для чужого потребления. Поэтому у истолкователей меркантилистской системы (в основе которой лежит формула $D - T...P...T' - D'$) мы находим весьма пространные проповеди о том, что отдельный капиталист должен потреблять лишь столько же, сколько потребляет рабочий, и что данная капиталистическая нация должна предоставить потребление своих товаров и вообще процесс потребления другим, более глупым нациям, сама же, напротив, должна сделать своей жизненной задачей производительное потребление. Эти проповеди по своей форме и содержанию часто напоминают аналогичные аскетические увещания отцов церкви.

Итак, процесс кругооборота капитала есть единство обращения и производства, включает в себе то и другое. Поскольку обе фазы: $D - T$, $T' - D'$ суть акты обращения, постольку обращение капитала составляет часть общего товарного обращения. Но поскольку они представляют функционально определенные отделы, стадии в кругообороте капитала, — в кругообороте, относящемся не только к сфере обращения, но и к сфере производства, — постольку капитал совершает свой собственный кругооборот в сфере общего товарного обращения. На первой стадии общее товарное обращение служит ему для того, чтобы принять форму, в которой он может функционировать как производительный капитал; на второй стадии — для того, чтобы отрешиться от функции товара, в которой он не может возобновить свой кругооборот, и в то же время для того, чтобы перед ним открылась возможность отделить свой собственный кругооборот как капитала от обращения приросшей к нему прибавочной стоимости.

Поэтому кругооборот денежного капитала есть самая односторонняя, а потому и наиболее резко выраженная и самая характерная из форм, в которых проявляется кругооборот промышленного капитала; цель и движущий мотив последнего: увеличение стоимости, делание денег и накопление представлены здесь так (покупать, чтобы продать дороже), что они прямо бросаются в глаза. Вследствие того, что первой фазой является $D - T$, обнаруживается также, что составные части производительного капитала поступают с товарного рынка, равно как и вообще обнаруживается обусловленность капиталистического процесса производства обращением, торговлей. Кругооборот денежного капитала — это не только товарное производство: он сам осуществляется лишь при посредстве обращения, он предполагает последнее. Это ясно уже из

того, что форма D , принадлежащая обращению, является первой и чистой формой авансированной капитальной стоимости, чего нет в двух других формах кругооборота.

Кругооборот денежного капитала лишь постольку всегда остается общим выражением промышленного капитала, поскольку он всегда включает в себе возрастание авансированной стоимости. В кругообороте $P...P$ денежное выражение капитала выступает лишь как цена элементов производства, следовательно, — лишь как стоимость, выраженная в счетных деньгах, и в этой именно форме она фиксируется в бухгалтерии.

$D...D'$ становится особой формой кругооборота промышленного капитала постольку, поскольку вновь выступающий капитал авансируется сначала в виде денег и потом в той же форме извлекается обратно, безразлично, совершается ли это при переходе из одной отрасли производства в другую или же при выходе промышленного капитала из определенного предприятия. Эта форма включает в себя также и функционирование в качестве капитала той прибавочной стоимости, которая авансируется сначала в денежной форме; с наибольшей ясностью это выступает в том случае, когда прибавочная стоимость функционирует не в том предприятии, из которого она происходит. $D...D'$ может быть первым кругооборотом известного капитала; оно может быть последним кругооборотом; оно может считаться формой всего общественного капитала; это — форма капитала, который вкладывается впервые, причем безразлично, является ли он вновь накопленным в денежной форме капиталом или же старым капиталом, целиком превращенным в деньги с той целью, чтобы перенести его из одной отрасли производства в другую.

Денежный капитал, как форма капитала, постоянно присущая всем кругооборотам, совершает этот кругооборот [$D...D'$] как раз из-за той части капитала, которая производит прибавочную стоимость, из-за переменного капитала. Нормальная форма авансирования заработной платы есть уплата деньгами; этот процесс должен постоянно возобновляться через сравнительно короткие сроки, потому что рабочий живет от платежа к платежу, перебиваясь со дня на день. Поэтому капиталист постоянно должен противостоять рабочему как денежный капиталист, а его капитал — как денежный капитал. Здесь, в противоположность купле средств производства и продаже произведенных товаров, не может происходить прямого или косвенного погашения платежей (так что большая часть денежного капитала фактически фигурирует лишь в форме товаров, деньги же фигурируют лишь в форме счетных денег, а наличные деньги, в конце концов, требуются только для уравнивания балансов). С другой стороны, часть той прибавочной стоимости, которую создает переменный капитал, капиталист затрачивает на свое личное потребление, которое относится к сфере

розничной торговли; он расходует эту часть, в конечном счете, наличными, в денежной форме прибавочной стоимости. Велика или мала эта часть прибавочной стоимости — это нисколько не меняет дела. Переменный капитал постоянно все снова и снова появляется как денежный капитал, затрачиваемый на заработную плату ($D - P$), а δ — как прибавочная стоимость, расходуемая на покрытие личных потребностей капиталиста. Следовательно, D как стоимость авансированного переменного капитала и δ как ее прирост, — то и другое необходимо удерживается в денежной форме, в которой они подлежат расходованию.

Формула $D - T \dots P \dots T' - D'$, имеющая своим результатом $D' = D + \delta$, обманчива по своей внешности, носит иллюзорный характер, вытекающий из того, что авансированная и возросшая стоимости существуют здесь в своей эквивалентной форме, в деньгах. Эта формула ставит ударение не на возрастание стоимости, а на *денежную форму* этого процесса, на то обстоятельство, что из обращения, в конце концов, извлекается больше стоимости в денежной форме, чем было первоначально авансировано, — следовательно, на увеличение массы золота и серебра, принадлежащей капиталисту. Так называемая монетарная система есть просто выражение иррациональной формы $D - T - D'$, движения, протекающего исключительно в сфере обращения; поэтому оба акта: 1) $D - T$, 2) $T - D'$, могут найти в этой системе лишь то объяснение, что T во втором акте продается выше своей стоимости и, следовательно, извлекает из обращения больше денег, чем было брошено в обращение при его купле. Напротив, $D - T \dots P \dots T' - D'$, будучи фиксировано в качестве исключительной формы, лежит в основе более развитой меркантилистской системы, необходимым элементом которой является уже не только товарное обращение, но и товарное производство.

Иллюзорный характер формулы $D - T \dots P \dots T' - D'$ и соответствующее ей иллюзорное истолкование сохраняются до тех пор, пока эта форма фиксируется как однократная, а не как текучая, постоянно возобновляющаяся; следовательно, — до тех пор, пока она считается не одной из форм кругооборота, а его исключительной формой. Но она уже сама по себе указывает на другие формы.

Во-первых, весь этот кругооборот предполагает капиталистический характер самого процесса производства и, следовательно, в качестве базиса предполагает этот процесс производства вместе со специфическим, обусловленным им состоянием общества.

$D - T = D - T < \frac{P}{C_n}$; но $D - P$ предполагает существование наемного рабочего, а потому и средства производства в качестве части производительного капитала; предполагает, следовательно, процесс труда и процесс увеличения стоимости, предполагает процесс производства уже как функцию капитала.

Во-вторых, если акт $D...D'$ повторяется, то возврат к денежной форме оказывается столь же мимолетным, как денежная форма на первой стадии. $D - T$ исчезает, чтобы дать место для P . Постоянно повторяющееся авансирование денег, равно как и постоянное возвращение авансированной стоимости в виде денег сами являются лишь мимолетными моментами в кругообороте.

В-третьих,

$$\underbrace{D - T...P...T' - D' \quad D - T...P...T' - D' \quad D - T...P...}_{\text{и т. д.}}$$

Уже при первом повторении кругооборота выступает кругооборот $P...T' - D' \quad D - T...P$, прежде чем закончится второй кругооборот D ; таким образом все дальнейшие кругообороты D можно рассматривать под углом зрения формы $P...T' - D - T...P$; тогда $D - T$, как первая фаза первого кругооборота, представляет собой лишь мимолетную подготовку постоянно повторяющегося кругооборота производительного капитала, что и имеет место в действительности, когда промышленный капитал впервые вкладывается в предприятие в форме денежного капитала.

С другой стороны, прежде чем закончится второй кругооборот P , успевает совершиться первый кругооборот $T' - D' \quad D - T...P...T' - D'$ (сокращенно $T' - T'$), кругооборот товарного капитала. Таким образом уже первая форма содержит в себе обе остальные, и, следовательно, денежная форма исчезает, поскольку она является не просто выражением стоимости, а выражением ее в эквивалентной форме, в деньгах.

Наконец, если мы возьмем вновь выступающий отдельный капитал, который впервые совершает кругооборот $D - T...P...T' - D'$, то $D - T$ является подготовительной фазой, предшественницей первого процесса производства, претворяемого этим отдельным капиталом. Следовательно, эта фаза $D - T$ не предполагается, а, напротив, выдвигается или обуславливается процессом производства. Но это относится лишь к данному отдельному капиталу. Поскольку предполагается капиталистический способ производства, постольку, следовательно, при состоянии общества, определяемом капиталистическим производством, всеобщей формой кругооборота промышленного капитала является кругооборот денежного капитала. Поэтому капиталистический процесс производства предполагается как *præius* *, — если не при первом кругообороте денежного капитала, в форме которого вновь вкладывается промышленный капитал, то за пределами этого кругооборота. Постоянное существование капиталистического процесса производства предполагает

* — предшественник. *Ред.*

постоянное возобновление кругооборота $П...П$. На первой стадии $Д - T < \frac{P}{C_n}$ уже прямо выступает сама эта предпосылка, так как этот акт, с одной стороны, предполагает существование класса наемных рабочих и так как, с другой стороны, то, что для покупателя средств производства является первой стадией $Д - T$, для их продавца есть $T' - Д'$; следовательно, в T' предполагается товарный капитал, а потому и сам товар предполагается как результат капиталистического производства и тем самым предполагается функционирование производительного капитала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРУГООБОРОТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО КАПИТАЛА

Общая формула кругооборота производительного капитала такова: $P...T' - D' \quad T...P$. Этот кругооборот означает периодически возобновляемое функционирование производительного капитала, следовательно, означает воспроизводство, или процесс производства капитала как процесс его воспроизводства в связи с увеличением стоимости; означает не только производство, но и периодическое воспроизводство прибавочной стоимости; он означает функционирование промышленного капитала, находящегося в своей производительной форме не как однократное, а как периодически повторяющееся функционирование, так что возобновление определяется уже самим исходным пунктом. Часть T' (в известных случаях, в известных отраслях приложения промышленного капитала) может в виде средств производства снова непосредственно войти в тот самый процесс труда, из которого она вышла как товар; вследствие этого становится излишним только превращение ее стоимости в действительные деньги или в денежные знаки, или она получает самостоятельное выражение лишь в виде счетных денег. Эта часть стоимости не входит в обращение. Таким образом в процесс производства входят стоимости, которые не входят в процесс обращения. То же самое относится и к той части T' , которую капиталист потребляет *in natura* * как часть прибавочного продукта. Однако эта часть не имеет существенного значения для капиталистического производства; ее принимают во внимание самое большее в земледелии.

В этой форме сразу бросаются в глаза обстоятельства двоякого рода.

Во-первых. В то время как в первой форме $D...D'$ процесс производства, функция P , прерывает обращение денежного капитала и является лишь посредником между двумя его фазами $D - T$ и $T' - D'$, здесь весь процесс обращения промышленного капитала.

* в натуральной форме. *Ред.*

все его движение в пределах фазы обращения. образует лишь перерыв и оказывается лишь посредствующим звеном между производительным капиталом, который в качестве первого крайнего члена открывает кругооборот, и производительным капиталом, который в качестве последнего члена замыкает его в той же самой форме, т. е. в форме, в которой он снова начинает движение. Собственно обращение является лишь опосредствованием воспроизводства, периодически возобновляемого и непрерывного вследствие этого возобновления.

Во-вторых. Все обращение представляется в форме, прямо противоположной той, которой оно обладает в кругообороте денежного капитала. Там форма, если оставить в стороне величину стоимости, была такова: $D - T - D$ ($D - T. T - D$); здесь, если опять-таки оставить в стороне величину стоимости, она такова: $T - D - T$ ($T - D. D - T$), т. е. это форма простого товарного обращения.

1. ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Итак, рассмотрим прежде всего процесс $T' - D' - T$, протекающий в сфере обращения между двумя крайними членами $P...P$.

Исходным пунктом этого обращения служит товарный капитал: $T' = T + \tau = P + \tau$. Функция товарного капитала $T' - D'$ (реализация содержащейся в нем капитальной стоимости $= P$, существующей теперь как составная часть T товара T' , а также реализация содержащейся в нем прибавочной стоимости), которая существует теперь как составная часть той же товарной массы, обладающей стоимостью τ) была рассмотрена в первой форме кругооборота. Но там она составляла вторую фазу прерванного обращения и заключительную фазу всего кругооборота. Здесь она составляет вторую фазу кругооборота, но первую фазу обращения. Первый кругооборот оканчивается D' , и так как D' , подобно первоначальному D , может снова начать в качестве денежного капитала второй кругооборот, то сначала не было необходимости рассматривать, пойдут ли дальше D и d (прибавочная стоимость), содержащиеся в D' , вместе по одному пути или же они пойдут различными путями. Это было бы необходимо рассмотреть лишь в том случае, если бы мы проследили первый кругооборот дальше, в его возобновлении. Этот вопрос, однако, должен быть решен в процессе кругооборота производительного капитала, так как от решения зависит определение уже его первого кругооборота и так как $T' - D'$ является в нем первой фазой обращения, которая должна быть дополнена фазой $D - T$. От этого решения зависит, представляет ли рассматриваемая нами формула простое воспроизводство или же воспроизводство в расширенном масштабе. Следовательно, характер кругооборота изменяется сообразно с тем или иным решением.

Итак, обратимся прежде всего к простому воспроизводству производительного капитала, причем, как и в первой главе, предположим, что обстоятельства остаются неизменными, а купля и продажа товаров совершаются по их стоимости. При таком предположении вся прибавочная стоимость входит в личное потребление капиталиста. После того как произошло превращение товарного капитала T' в деньги, часть денежной суммы, представляющая капитальную стоимость, продолжает циркулировать в кругообороте промышленного капитала; другая часть, превращенная в деньги прибавочная стоимость, входит в общее товарное обращение, представляет собой исходящее от капиталиста денежное обращение, которое, однако, совершается вне сферы обращения его индивидуального капитала.

В нашем примере у нас был товарный капитал T' в 10 000 фунтов пряжи стоимостью в 500 ф. ст.; из них 422 ф. ст. суть стоимость производительного капитала; как денежная форма 8 440 фунтов пряжи они продолжают обращение капитала, начатое T , между тем как прибавочная стоимость в 78 ф. ст., денежная форма 1 560 фунтов пряжи, прибавочная часть товарного продукта, выходит из обращения этого капитала и проходит отдельный путь в сфере общего товарного обращения.

$$T' \begin{pmatrix} T \\ \tau \\ \tau \end{pmatrix} \begin{matrix} \text{---} \\ \text{---} \\ \text{---} \end{matrix} \begin{pmatrix} D \\ + \\ \partial \end{pmatrix} \begin{matrix} - T < \frac{P}{C_n} \\ \\ - \tau \end{matrix}$$

Акт $\partial - \tau$ представляет собой ряд покупок на деньги, которые капиталист расходует или на собственно товары, или же на услуги для своей драгоценной персоны, соответственно, — для своей семьи. Эти покупки раздроблены, совершаются в различные сроки. Следовательно, деньги существуют временно в форме денежного запаса, предназначенного на текущее потребление, или в форме сокровища, — потому что деньги, обращение которых прервано, находятся именно в форме сокровища. Их функция как средства обращения, а таковым они остаются и в своей преходящей форме сокровища, не входит в обращение капитала в его денежной форме D . Деньги в данном случае не авансируются, а расходуются.

Мы предполагали, что весь авансированный капитал всегда целиком переходит из одной его фазы в другую; также и здесь мы предполагаем, что товарный продукт процесса II несет в себе всю стоимость производительного капитала $II = 422$ ф. ст. плюс прибавочная стоимость = 78 ф. ст., созданная во время процесса производства. В нашем примере, где мы имеем дело с делимым товарным продуктом, прибавочная стоимость существует в форме 1 560 фунтов пряжи, — совершенно так же, как при расчете на 1 фунт пряжи она существует в форме 2,496 унции пряжи. На-

против, если бы товарный продукт был, например, машиной стоимостью в 500 ф. ст. и того же строения по стоимости, то хотя одна часть стоимости этой машины была бы = 78 ф. ст. прибавочной стоимости, однако, эти 78 ф. ст. существовали бы только в машине как в целом; машину нельзя разделить на капитальную стоимость и прибавочную стоимость, не разбивая ее на куски, не уничтожая, таким образом, вместе с ее потребительной стоимостью и ее стоимость. Следовательно, в этом случае обе составные части стоимости могут быть представлены в составных частях товарного тела лишь идеально, но не могут быть представлены в виде самостоятельных элементов товара T' , — подобно тому как каждый фунт пряжи представляет собой неделимый, самостоятельный элемент 10 000 фунтов этого товара. В первом случае, прежде чем δ начнет свое особое обращение, должен быть продан целиком весь товар, весь товарный капитал, т. е. машина. Напротив, если капиталист продает 8 440 фунтов пряжи, то продажа остальных 1 560 фунтов представляет собой совершенно обособленное обращение прибавочной стоимости в форме τ (1 560 фунтов пряжи) — δ (78 ф. ст.) — τ (предметы потребления). Но элементы стоимости каждой отдельной доли 10 000 фунтов продукта, т. е. пряжи, могут быть точно так же представлены частями продукта, как элементы стоимости всего продукта. Как эти 10 000 фунтов пряжи можно разделить на стоимость постоянного капитала (c) — 7 440 фунтов пряжи стоимостью в 372 ф. ст., на стоимость переменного капитала (v) — 1 000 фунтов пряжи в 50 ф. ст., и на прибавочную стоимость (m) — 1 560 фунтов пряжи в 78 ф. ст., точно так же и каждый фунт пряжи можно разделить на $c = 11,904$ унции пряжи стоимостью в 8,928 пенса, $v = 1,600$ унции пряжи стоимостью в 1,200 пенса, $m = 2,496$ унции пряжи стоимостью в 1,872 пенса. Капиталист мог бы также, последовательно продавая 10 000 фунтов по частям, постепенно потреблять содержащиеся в этих частях элементы прибавочной стоимости, причем он с такой же постепенностью реализовал бы сумму $c + v$. Но, в конце концов, и эта операция предполагает, что проданы все 10 000 фунтов и что, следовательно, продажей 8 440 фунтов возмещается стоимость c и v («Капитал», книга I, глава VII, 2).

Как бы то ни было, но посредством акта $T' - D'$ как капитальная стоимость, так и прибавочная стоимость, заключающиеся в T' , приобретают отдельное друг от друга существование, существование различных денежных сумм; в обоих случаях как D , так и δ есть действительно превращенная форма той стоимости, которая первоначально, в T' , имела собственное, лишь идеальное выражение только как цена товара.

Обращение $\tau - \delta - \tau$ представляет собой простое товарное обращение; первая его фаза $\tau - \delta$ входит в обращение товарного капитала $T' - D'$, следовательно, — в кругооборот капитала; напро-

тив. его дополнительная фаза $\delta - \tau$ лежит вне этого кругооборота, совершается как обособленный от него акт общего товарного обращения. После превращения T' в D' обращение T и τ , капитальной стоимости и прибавочной стоимости, разделяется. Отсюда вытекает следующее:

Во-первых. После того как посредством акта $T' - D' = T' - (D + \delta)$ товарный капитал реализован, становится возможным разделить движение капитальной стоимости и прибавочной стоимости, которое в $T' - D'$ оставалось еще общим и осуществлялось одной и той же товарной массой; теперь та и другая стоимости приобретают самостоятельность в форме отдельных денежных сумм.

Во-вторых. Если это разделение совершается, причем δ расходуется в качестве дохода капиталиста, а D , как функциональная форма капитальной стоимости, продолжает свой путь, определяемый кругооборотом, то первый акт $T' - D'$ в связи с последующими актами $D - T$ и $\delta - \tau$ может быть представлен в виде двух различных обращений: $T - D - T$ и $\tau - \delta - \tau$; оба эти ряда по своей общей форме относятся к обычному товарному обращению.

Впрочем, на практике, когда речь идет о целостных, неделимых товарных телах, составные части стоимости обособляются идеально. Например, на строительных предприятиях в Лондоне, которые в большинстве своем ведутся в кредит, строительный предприниматель получает ссуды по мере того, как постройка дома подвигается от стадии к стадии. Ни одна из этих стадий не есть дом, а лишь реально существующая составная часть будущего дома, находящегося в процессе постройки; следовательно, несмотря на свою реальность, это — лишь идеальная дробь целого дома, и все же достаточно реальная для того, чтобы служить гарантией для дополнительной ссуды. (См. об этом ниже, глава XII *.)

В-третьих. Если движение капитальной стоимости и прибавочной стоимости, бывшее в T и D еще общим, разделяется лишь отчасти (так что часть прибавочной стоимости расходуется не в качестве дохода) или совсем не разделяется, то в самой капитальной стоимости совершается изменение еще во время ее кругооборота, до его завершения. В нашем примере стоимость производительного капитала была равна 422 ф. ст. Следовательно, если он продолжит движение $D - T$ уже в виде, например, 480 ф. ст. или 500 ф. ст., то последние стадии кругооборота он совершает как стоимость на 58 ф. ст. или 78 ф. ст. большая, чем его первоначальная стоимость. Это может быть связано с одновременным изменением строения капитала по стоимости. —

$T' - D'$, вторая стадия обращения и заключительная стадия кругооборота I ($D \dots D'$), в нашем кругообороте является его второй стадией и первой стадией товарного обращения. Следовательно, по-

* См. настоящий том, с. 263 - 264. *Ред.*

сколько дело касается обращения, $T' - D'$ должно быть дополнено посредством $D' - T'$. Но акт $T' - D'$ не только следует уже после процесса увеличения стоимости (в данном случае после функции P , первой стадии), но и является его результатом; товарный продукт T' уже реализован посредством этого акта. Следовательно, процесс увеличения стоимости капитала, равно как и реализация того товарного продукта, в котором выступает возросшая капитальная стоимость, заканчивается актом $T' - D'$.

Итак, мы предположили простое воспроизводство, т. е. предположили, что $\delta - \tau$ совершенно отделяется от $D - T$. Оба обращения, как $\tau - \delta - \tau$, так и $T - D - T$, по своей общей форме относятся к товарному обращению (и потому не обнаруживают никакой разности в стоимости между двумя крайними членами); поэтому легко представлять капиталистический процесс производства, как это делает вульгарная политическая экономия, в виде простого производства товаров, потребительных стоимостей, предназначенных для потребления того или иного рода и производимых капиталистом исключительно с той целью, чтобы заменить их товарами иной потребительной стоимости или, как ложно утверждает вульгарная политическая экономия, обменять на эти товары.

T' с самого начала выступает как товарный капитал, и цель всего процесса, обогащение (увеличение стоимости), не только не исключает личного потребления капиталиста, которое возрастает вместе с величиной прибавочной стоимости (а следовательно, и капитала), но и прямо предполагает его.

При обращении дохода капиталиста произведенный товар τ (или соответствующая ему идеальная доля товарного продукта T') в действительности служит лишь для того, чтобы превратить этот доход сначала в деньги, а потом из денег в ряд других товаров, служащих личному потреблению. Но при этом не следует упускать из виду одно небольшое обстоятельство: τ есть товарная стоимость, ничего не стоившая капиталисту, есть воплощение прибавочного труда, а потому оно выступает на сцену первоначально как составная часть товарного капитала T' . Следовательно, уже самим своим существованием это τ привязано к кругообороту совершающей свой процесс капитальной стоимости; если этот кругооборот приостановится или вообще произойдет какое-либо нарушение его, то сокращается или даже совсем прекращается не только потребление τ , но одновременно и сбыт ряда товаров, которые составляют замещение τ . То же самое происходит в том случае, если акт $T' - D'$ не удастся вовсе или если удастся продать лишь некоторую часть T' .

Мы видели, что $\tau - \delta - \tau$, как обращение дохода капиталиста, входит в обращение капитала лишь до тех пор, пока τ является частью стоимости T' , капитала в его функциональной форме товарного капитала; но, сделавшись самостоятельным посредством

σ — τ , обращение дохода в его полной форме $\tau - \delta - \tau$ не входит в движение капитала, авансированного капиталистом, хотя и исходит из него. Обращение дохода связано с обращением авансированного капитала постольку, поскольку существование капитала предполагает существование капиталиста, а последнее обусловлено его потреблением прибавочной стоимости.

T' , например пряжа, в общем обращении функционирует лишь как товар; но, составляя момент в обращении капитала, T' функционирует как *товарный капитал*, как форма, которую капитальная стоимость попеременно принимает и сбрасывает. После продажи пряжи купцу она выходит из процесса кругооборота того капитала, продуктом которого она является, но, тем не менее, все еще остается как товар в сфере общего обращения. Обращение этой же самой товарной массы продолжается, хотя оно перестало составлять момент в самостоятельном кругообороте капитала фабриканта-прядильщика. Поэтому действительно заключительный метаморфоз товарной массы, брошенной капиталистом в обращение, акт $T - D$, окончательный выход ее в сферу потребления, может быть совершенно отделен в пространстве и времени от того метаморфоза, в котором эта товарная масса функционирует как товарный капитал данного капиталиста. Тот самый метаморфоз, который уже совершился в процессе обращения данного капитала, остается еще совершить в сфере общего обращения.

Дело несколько не меняется, если пряжа вновь входит в кругооборот какого-либо другого промышленного капитала. Общее обращение охватывает как взаимно переплетающиеся кругообороты различных самостоятельных частей общественного капитала, т. е. как совокупность кругооборотов отдельных капиталов, так и обращение стоимостей, брошенных на рынок не в качестве капитала, т. е. стоимостей, входящих в сферу индивидуального потребления.

Отношение между кругооборотом капитала, поскольку он составляет часть общего обращения, и кругооборотом, поскольку он составляет звенья самостоятельного кругооборота, выступает перед нами, если мы, далее, рассмотрим обращение $D' = D + \delta$. D , как денежный капитал, продолжает кругооборот капитала; δ , как расходование дохода ($\delta - \tau$), входит в общее обращение, но выпадает из кругооборота данного капитала. В кругооборот этого капитала входит только та часть δ , которая функционирует как добавочный денежный капитал. В $\tau - \delta - \tau$ деньги функционируют лишь как монета; цель этого обращения — индивидуальное потребление капиталиста. Типично для кретинизма вульгарной политической экономии то, что это обращение, не входящее в кругооборот капитала, — обращение той части вновь созданной стоимости, которая потребляется как доход, — она выдает за кругооборот, характерный для капитала.

Во второй фазе, в $D - T$, перед нами опять оказывается капитальная стоимость $D = \Pi$ (равная стоимости того производительного капитала, которым здесь открывается кругооборот промышленного капитала), освобожденная от прибавочной стоимости, следовательно, — с той же величиной стоимости, как и на первой стадии кругооборота денежного капитала $D - T$. Несмотря на различные места, функция того денежного капитала, в который теперь превратился товарный капитал, та же самая: превращение в Sp и P , в средства производства и рабочую силу.

Итак, в функции товарного капитала $T' - D'$ капитальная стоимость одновременно с $t - d$ прошла фазу $T - D$ и вслед за тем вступает в дополнительную фазу $D - T < \overset{P}{C_n}$; следовательно, ее обращение в целом есть $T - D - T < \overset{P}{C_n}$.

Во-первых. Денежный капитал D выступал в форме I (кругооборот $D... D'$) как в той первоначальной форме, в которой авансируется капитальная стоимость; здесь он с самого начала выступает как часть той денежной суммы, в которую превратился товарный капитал в первой фазе обращения $T' - D'$, следовательно, с самого начала выступает как превращение Π , производительного капитала, в денежную форму, осуществляемое посредством продажи товарного продукта. Денежный капитал с самого начала существует здесь не как первоначальная и не как заключительная форма капитальной стоимости, потому что фаза $D - T$, завершающая фазу $T - D$, может быть совершена лишь посредством вторичного сбрасывания денежной формы. Поэтому та часть $D - T$, которая представляет собой в то же время $D - P$, является уже не просто авансированием денег, выражающимся в купле рабочей силы, а таким авансированием, при котором рабочей силе авансируются в денежной форме те самые 1 000 фунтов пряжи стоимостью в 50 ф. ст., которые составляют часть товарной стоимости, созданной рабочей силой. Деньги, авансируемые здесь рабочему, суть лишь превращенная эквивалентная форма некоторой части стоимости товара, произведенного самим рабочим. И уже поэтому акт $D - T$, поскольку он является актом $D - P$, отнюдь не представляет собой только замещение товара в денежной форме товаром в потребительной форме, но включает в себе и другие элементы, независимые от общего товарного обращения как такового.

D' выступает в качестве превращенной формы T' , которое, в свою очередь, есть продукт прошлого функционирования Π , прошлого процесса производства; поэтому вся денежная сумма D' выступает как денежное выражение прошлого труда. В нашем примере: 10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст. — продукт процесса прядения; из них 7 440 фунтов пряжи = авансированному постоянному капиталу $c = 372$ ф. ст.; 1 000 фунтов пряжи =

= авансированному переменному капиталу $v = 50$ ф. ст., и 1 560 фунтов пряжи = прибавочной стоимости $m = 78$ ф. ст. Если из D' вновь авансируется, при прочих неизменных условиях, только первоначальный капитал = 422 ф. ст., то в ближайшую неделю рабочему в акте $D - P$ будет авансирована только часть 10 000 фунтов пряжи (а именно денежная стоимость 1 000 фунтов пряжи), произведенных за эту неделю. Как результат акта $T - D$ деньги всегда суть выражение прошлого труда. Поскольку на товарном рынке тотчас же совершается дополнительный акт $D - T$, следовательно, поскольку D обменивается на уже существующие, находящиеся на рынке товары, то это опять-таки есть превращение прошлого труда из одной формы (денег) в другую форму (товара). Но во времени акт $D - T$ отделен от акта $T - D$. В исключительных случаях они могут быть одновременными, если, например, капиталист, который совершает акт $D - T$, и капиталист, для которого этот акт является актом $T - D$, одновременно передают друг другу свои товары, а D покрывает потом только балансовую разницу. Разница во времени между выполнением $T - D$ и $D - T$ может быть более или менее значительной. Хотя D , как результат акта $T - D$, представляет прошлый труд, тем не менее D для акта $D - T$ может представлять превращенную форму таких товаров, которых еще вовсе нет на рынке и которые появятся на нем только в будущем, так как акт $D - T$ обычно совершается лишь после того, как T уже будет вновь произведено. Точно так же D может представлять такие товары, которые производятся одновременно с тем T , денежным выражением которого D является. Например, в обмене $D - T$ (покупка средств производства) уголь может быть куплен раньше, чем его подняли из шахты. Поскольку d фигурирует как накопленные деньги, не расходуется как доход, постольку оно может представлять хлопок, который будет произведен лишь в следующем году. То же самое при расходовании дохода капиталиста, при $d - t$. Точно так же заработная плата $P = 50$ ф. ст.; эти деньги суть не только денежная форма прошлого труда рабочего, но в то же время и ассигновка на одновременный или будущий труд, который только что реализуется или же еще должен реализоваться в будущем. Рабочий может купить на них сюртук, который будет сшит лишь на следующей неделе. Так именно обстоит дело с очень большим числом необходимых жизненных средств, которые, чтобы не подвергнуться порче, должны быть потреблены почти непосредственно в момент их производства. Таким образом в тех деньгах, в которых рабочему выплачивается его заработная плата, он получает превращенную форму будущего труда своего собственного или труда других рабочих. Давая рабочему часть его прошлого труда, капиталист дает ему ассигновку на получение его же собственного будущего труда. Его собственный одновременный или будущий труд образует тот еще не имеющийся в наличности запас, из

которого ему платят за его прошлый труд. Здесь совершенно исчезает представление об образовании запаса *.

Во-вторых. В обращении $T - D$ $T < \overset{P}{C_n}$ одни и те же деньги перемещаются дважды: капиталист получает их сначала как продавец и затем отдает их как покупатель; превращение товара в денежную форму служит только для того, чтобы из денежной формы опять превратить его в товарную форму; поэтому денежная форма капитала, его существование в виде денежного капитала, является в этом движении лишь мимолетным моментом; иначе говоря, пока продолжается движение, денежный капитал, если он служит покупательным средством, является лишь средством обращения; собственно средством платежа он является в том случае, если капиталисты взаимно покупают друг у друга, и потому приходится погашать только разницу платежного баланса.

В-третьих. Функционирование денежного капитала, независимо от того, служит ли он простым средством обращения или же средством платежа, лишь опосредствует замещение T элементами P и C_n , т. е. замещение пряжи, товарного продукта, — который представляет собой результат функционирования (за вычетом прибавочной стоимости, подлежащей использованию в качестве дохода) производительного капитала, — элементами производства этого продукта; следовательно, оно опосредствует обратное превращение капитальной стоимости из ее товарной формы в элементы образования этого товара, т. е. в конце концов оно лишь опосредствует обратное превращение товарного капитала в производительный капитал.

Чтобы кругооборот совершался нормально, T' должно быть продано по своей стоимости и продано без остатка. Далее, $T - D - T$ заключает в себе не только замещение одного товара другим, но и замещение при одних и тех же отношениях стоимости. Мы предположили, что здесь это именно так и совершается. Но в действительности стоимость средств производства изменяется; капиталистическому производству как раз свойственно непрерывное изменение отношений стоимости уже вследствие тех постоянных изменений в производительности труда, которые характерны для капиталистического производства. Здесь мы просто указываем на это изменение в стоимости факторов производства; рассмотрено оно будет позже **. Превращение элементов производства в товарный продукт, II в T' , совершается в сфере производства; обратное превращение T' в II — в сфере обращения. Это обратное превращение совершается посредством простого метаморфоза товаров. Но по

* Здесь в рукописи Маркса имеется следующая пометка: «Однако все это относится к последнему отделу второй книги». *Ред.*

** См. настоящий том, гл. XV, пункт V. *Ред.*

своему содержанию это обратное превращение составляет момент процесса воспроизводства, рассматриваемого в целом. $T - D - T$ как форма обращения капитала включает в себе функционально определенный обмен веществ. Далее, обращение $T - D - T$ обуславливает то, что T равно элементам производства известного количества товаров T' и что взаимное отношение стоимостей этих элементов остается первоначальным. Следовательно, здесь предполагается не только, что товары покупаются по их стоимости, но также и то, что во время кругооборота они не претерпевают никакого изменения по стоимости; в противном случае процесс не может протекать нормально.

D в $D... D'$ есть первоначальная форма капитальной стоимости; последняя сбрасывает эту форму лишь затем, чтобы снова принять ее. D в $P... T' - D' - T... P$ есть форма, которая принимается только в процессе кругооборота и потом в его же пределах снова сбрасывается. Денежная форма является здесь лишь мимолетной самостоятельной формой стоимости капитала. Капитал, находясь в форме T' , так же лихорадочно стремится принять денежную форму, как, находясь в форме D' , превратившись в нее словно в куколку, стремится сбросить ее, чтобы снова превратиться в форму производительного капитала. Пока этот капитал остается в денежной форме, он не функционирует как капитал и потому не возрастает по стоимости; капитал лежит праздно. D действует здесь как средство обращения, но как средство обращения капитала *. Кажущаяся самостоятельностью, которой обладает денежная форма капитальной стоимости в первой форме ее кругооборота (в форме кругооборота денежного капитала), исчезает в этой второй форме, которая, таким образом, является критикой формы I и сводит ее к положению всего лишь особенной формы. Если второй метаморфоз $D - T$ наталкивается на препятствия (если, например, на рынке нет средств производства), то кругооборот, течение процесса воспроизводства, прерывается точно так же, как и в том случае, когда капитал залеживается в форме товарного капитала. Но есть и различие: капитал в денежной форме может оставаться дольше, чем в переходящей товарной форме. Не функционируя в качестве денежного капитала, он не перестает быть деньгами; если же он слишком долго задерживается в своей функции товарного капитала, то он перестает быть товаром и вообще потребительной стоимостью. Во-вторых, находясь в денежной форме, он обладает способностью вместо своей первоначальной формы производительного капитала принять другую форму, между тем как, пребывая в форме T' , он вообще не в состоянии двинуться с места.

Обращение $T' - D' - T$ только для T' , соответственно его фор-

* Здесь в рукописи Маркса имеется следующая пометка: «Против Тука». Ред.

ме, включает акты обращения, которые являются моментами его воспроизводства; но для осуществления $T' - D' - T$ необходимо действительное воспроизводство того T , в которое превращается T' ; это же воспроизводство, в свою очередь, обусловлено процессами воспроизводства, происходящими вне процесса воспроизводства индивидуального капитала, представленного в данном T' . —

В форме I акт $D - T < \frac{P}{C_n}$ prepares только первое превращение денежного капитала в производительный капитал; в форме II этот акт prepares обратное превращение из товарного капитала в производительный капитал; следовательно, поскольку вложение промышленного капитала остается прежним, этот акт подготавливает обратное превращение товарного капитала в те самые элементы производства, из которых он произошел. Поэтому здесь, как и в форме I, этот акт выступает как подготовительная фаза процесса производства, но выступает уже как возвращение к нему, как его возобновление, следовательно, — как предшественник процесса воспроизводства, а потому и повторения процесса увеличения стоимости.

Здесь необходимо еще раз отметить, что акт $D - P$ есть не простой товарообмен, а купля товара P , который должен служить производству прибавочной стоимости, точно так же $D - C_n$ является лишь процедурой, вещественно необходимой для достижения этой цели.

D после совершения $D - T < \frac{P}{C_n}$ превращается в производительный капитал, в II , и кругооборот начинается снова.

Следовательно, форма $II...T' - D' - T...II$ в ее развернутом виде такова:

$$II...T' \left(\begin{array}{c} T \\ + \\ \tau \end{array} \right) - \left(\begin{array}{c} D \\ + \\ \partial \end{array} \right) - T < \frac{P}{C_n}...II$$

Превращение денежного капитала в производительный капитал есть купля товаров с целью производства товаров. Поскольку потребление представляет собой лишь это производительное потребление, оно входит в кругооборот самого капитала; условие этого потребления заключается в том, что посредством товаров, потребляемых производительно, создается прибавочная стоимость. А это есть нечто весьма отличное от того производства и даже от того товарного производства, цель которого — обеспечить существование производителя; замена товара товаром, обусловливаемая производством прибавочной стоимости, есть, таким образом, нечто совершенно иное, чем обмен продуктов сам по себе, лишь опосредствованный деньгами. Но так изображают дело экономисты с целью доказать, что перепроизводство невозможно.

Кроме производительного потребления D , превращающегося в P и Cn , кругооборот капитала содержит первый член акта $D - P$, который для рабочего есть $P - D = T - D$. Из обращения $P - D - T$, которое исходит от рабочего и заключает в себе его потребление, в кругооборот капитала входит только первый член как результат $D - P$. Второй акт, именно $D - T$, не входит в обращение индивидуального капитала, хотя и исходит из него. Но для класса капиталистов необходимо постоянное существование рабочего класса, а потому необходимо и потребление рабочего, опосредствованное актом $D - T$.

В отношении продолжения кругооборота капитальной стоимости, а также в отношении потребления прибавочной стоимости капиталистом акт $T' - D'$ предполагает только одно: что T' превращено в деньги, продано. Его покупают, конечно, лишь потому, что это изделие представляет собой потребительную стоимость и, следовательно, пригодно для потребления того или иного рода, для производительного или индивидуального. Но если T' продолжает обращение, например в руках купца, купившего пряжу, то это вначале не имеет никакого отношения к продолжению кругооборота того индивидуального капитала, который произвел пряжу и продал ее купцу. Весь процесс продолжается по-прежнему, а вместе с тем продолжается и обусловленное им индивидуальное потребление капиталиста и рабочего. Это обстоятельство важно при рассмотрении кризисов.

А именно, когда T' продано, превращено в деньги, оно может совершить обратное превращение в реальные факторы процесса труда, а следовательно, и процесса воспроизводства. Куплено ли T' окончательным потребителем или купцом, который намерен перепродать его, это непосредственно в деле ничего не меняет. Размеры товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяются масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, а отнюдь не предопределенным кругом спроса и предложения, не кругом потребностей, подлежащих удовлетворению. При массовом производстве непосредственным покупателем может быть, кроме других промышленных капиталистов, только оптовый купец. В известных границах процесс воспроизводства может совершаться в прежнем или даже в расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу индивидуального или производительного потребления. Потребление товаров не входит в тот кругооборот капитала, из которого они вышли. Например, если пряжа продана, то кругооборот капитальной стоимости, представленной в этой пряже, может начаться снова, независимо от того, что происходит вначале с проданной пряжей. До тех пор пока удается продавать продукт, все идет нормально с точки зрения капиталистического производителя. Кругооборот капитальной стоимости, представителем

которой является этот капиталистический производитель, не прерывается. А если этот процесс расширяется, — что включает в себя расширение производительного потребления средств производства, — то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширением индивидуального потребления (т. е. спроса) рабочих, потому что этот процесс начинается и опосредствуется производительным потреблением. Таким образом, производство прибавочной стоимости, а вместе с ним и индивидуальное потребление капиталиста может возрасти, весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем состоянии, — и, однако, весьма значительная часть товаров может перейти в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она может оставаться непроданной в руках перекупщиков, следовательно, — фактически все еще находится на рынке. Но один поток товаров следует за другим, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Прибывшие на рынок позже, чтобы продать товары, продают их по пониженной цене. Товары прежних потоков еще не превращены в наличные деньги, как уже наступают сроки платежа за них. Владельцы их вынуждены объявить себя несостоятельными или же, чтобы произвести платежи, продавать по какой угодно цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она имеет отношение лишь к *спросу на платежи*, лишь к абсолютной необходимости превратить товар в деньги. Тогда разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса в целях индивидуального потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала. —

Если товары Cn и P , в которые превращается D для того, чтобы выполнить свою функцию денежного капитала, т. е. капитальной стоимости, предназначенной для обратного превращения в производительный капитал, — если эти товары приходится покупать или оплачивать в различные сроки и, следовательно, $D - T$ представляет собой ряд покупок и платежей, совершающихся один после другого, то одна часть D совершает акт $D - T$, между тем как другая часть все еще остается в денежном состоянии, чтобы потом, в момент, определяемый условиями самого процесса, служить для ряда одновременных или последовательных актов $D - T$. Эта часть лишь временно извлечена из обращения, чтобы в известный момент вступить в действие, приступить к выполнению своей функции. Но само сохранение этой части в запасе представляет собой, в свою очередь, функцию, определяемую ее обращением и предназначенную для обращения. В таком случае ее существование в качестве покупательного и платежного фонда, приостановка ее движения, состояние перерыва в ее обращении тоже является состоянием, в

котором деньги в качестве денежного капитала выполняют одну из своих функций. В качестве денежного капитала, потому что в этом случае даже временно пребывающие в покое деньги суть часть денежного капитала D ($D' - d = D$), или доля той части стоимости товарного капитала, которая $= P$, равна стоимости производительного капитала, являющегося исходным пунктом кругооборота. С другой стороны, все деньги, извлеченные из обращения, находятся в форме сокровища. Следовательно, форма сокровища, в которой находятся деньги, становится здесь функцией денежного капитала, совершенно так же, как в $D - T$ функция денег, являющихся покупательным средством или средством платежа, становится функцией денежного капитала. Причина заключается в том, что капитальная стоимость существует здесь в денежной форме, что денежная форма является здесь таким состоянием промышленного капитала, которое предопределено вследствие общей связи его кругооборота на одной из стадий последнего. Но одновременно здесь снова оказывается правильным то, что в кругообороте промышленного капитала денежный капитал не выполняет никаких иных функций, кроме функций денег, и что эти функции денег лишь вследствие своей связи с другими стадиями этого кругооборота имеют вместе с тем значение функций капитала.

Представление D' как отношения d к D , как капиталистического отношения, является непосредственно функцией не денежного капитала, а товарного капитала T' , который, в свою очередь, в виде отношения t к T выражает лишь результат процесса производства, лишь результат совершившегося в процессе производства самовозрастания капитальной стоимости.

Если продолжение процесса обращения наталкивается на препятствия, так что D в силу внешних обстоятельств — положения на рынке и т. д. — вынуждено приостановить свою функцию $D - T$ и поэтому более или менее продолжительное время остается в своей денежной форме, то перед нами опять-таки деньги в состоянии сокровища. Это происходит и при простом товарном обращении, когда переход от $T - D$ к $D - T$ прерывается внешними обстоятельствами. Это — вынужденное образование сокровища. Таким образом в нашем случае деньги имеют форму лежащего праздно, скрытого денежного капитала. Однако пока мы не будем долгие останавливаться на этом.

Но в обоих случаях пребывание денежного капитала в его денежном состоянии является результатом перерыва в движении, причем безразлично, каков этот перерыв — целесообразный или нецелесообразный, добровольный или недобровольный, вытекает ли он из функций капитала или противоречит им.

II. НАКОПЛЕНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ

Так как пропорции, в которых может расширяться процесс производства, устанавливаются не по произволу, а предопределяются данной техникой, то реализованная прибавочная стоимость, хотя бы она и предназначалась для капитализации, нередко лишь посредством повторения нескольких кругооборотов может возрасти до такого размера (следовательно, должна накапливаться до такого размера), при котором она действительно может функционировать как добавочный капитал или войти в кругооборот капитальной стоимости, совершающей свой процесс. Следовательно, прибавочная стоимость затвердевает в виде сокровища и в этой форме образует скрытый денежный капитал. Скрытый [latent], — потому что он не может действовать как капитал, пока остается в денежной форме ^{6a)}. Следовательно, образование сокровища является здесь моментом, входящим в процесс капиталистического накопления, сопровождающим его, но в то же время и существенно отличным от него. Отличным, — потому что вследствие образования скрытого денежного капитала сам процесс воспроизводства не расширяется. Наоборот, скрытый денежный капитал образуется здесь потому, что капиталистический производитель не в состоянии непосредственно расширить масштабы своего производства. Если он продает свой прибавочный продукт производителю золота или серебра, который бросает в обращение новое золото или серебро, или — что сводится к тому же — купцу, который в обмен за известную часть национального прибавочного продукта ввозит из-за границы дополнительное золото или серебро, то его скрытый денежный капитал образует прирост национального сокровища в форме золота или серебра. Во всех других случаях, например, те 78 ф. ст., которые в руках покупателя были средством обращения, в руках капиталиста принимают только форму сокровища; следовательно, происходит лишь иное распределение национального сокровища в форме золота или серебра.

Если в сделках нашего капиталиста деньги функционируют в качестве средства платежа (таким образом, что покупатель должен платить за товары лишь через более или менее продолжительный срок), то прибавочный продукт, предназначенный для капитали-

^{6a)} Выражение «latent» [«скрытый»] заимствовано из представления физики о скрытой теплоте, почти преодоленного теперь теорией превращения энергии. Поэтому в третьем отделе (позднейшая редакция) Маркс заменяет его выражением «potentielles Kapital» [«потенциальный капитал»], заимствованным из представления о потенциальной энергии, или, по аналогии с виртуальными скоростями Д'Аламбера, «virtuelles Kapital» [«виртуальный капитал»]. — Ф. Э.

зации, превращается не в деньги, а в долговые требования, в титул собственности на эквивалент, которым покупатель, быть может, уже владеет или же который, быть может, он только имеет в виду. Этот эквивалент не входит в процесс воспроизводства капитала, совершающего данный кругооборот, — как в него не входят и деньги, вложенные в процентные бумаги и т. д., — хотя он может входить в кругооборот других индивидуальных промышленных капиталов.

Весь характер капиталистического производства определяется увеличением авансированной капитальной стоимости, следовательно, в первую очередь определяется производством возможно большей прибавочной стоимости, а во-вторых (см. «Капитал», книга I, гл. XXII), — производством капитала, т. е. превращением прибавочной стоимости в капитал. Накопление, или производство в расширенном масштабе, которое выступает в качестве средства для постоянного расширения производства прибавочной стоимости, а потому выступает в качестве средства обогащения капиталиста, в качестве его личной цели, и которое составляет одну из сторон общей тенденции капиталистического производства, в дальнейшем вследствие своего развития становится, как показано в первой книге, необходимостью для каждого индивидуального капиталиста. Постоянное увеличение капитала становится условием его сохранения. Однако мы не будем возвращаться к тому, что было изложено раньше.

Сначала мы рассмотрели простое воспроизводство, причем предполагалось, что вся прибавочная стоимость расходуется как доход. В действительности при нормальных условиях одна часть прибавочной стоимости всегда должна расходоваться как доход, а другая часть — капитализироваться, причем совершенно безразлично, что прибавочная стоимость, произведенная в тот или иной определенный период, то целиком потребляется, то целиком капитализируется. В среднем, — а общая формула может представить лишь среднее движение, — всегда имеют место одновременно оба процесса. Однако чтобы не усложнять формулу, будет лучше предположить, что накапливается вся прибавочная стоимость. Формула $P \dots T' - D' -$

$T' < \frac{P}{C_n} \dots P'$ выражает производительный капитал, который воспроизводится в расширенном масштабе как капитал большей стоимости и который затем начинает свой второй кругооборот или, что то же, возобновляет первый кругооборот уже как возросший производительный капитал. Когда начинается этот второй кругооборот, мы в качестве исходного пункта имеем опять P ; но только это P есть производительный капитал больших размеров, чем первое P . Точно так же, когда в формуле $D \dots D'$ второй кругооборот начинается с D' , то это D' функционирует как D , как авансированный денежный капитал определенной величины; это — денежный капитал больших размеров, чем тот, который открыл первый кругооборот;

но как только он начинает выполнять функцию авансированного денежного капитала, так уже исчезает всякое напоминание о том, что он возрос благодаря капитализации прибавочной стоимости: В форме денежного капитала, в которой он начинает кругооборот, уже стерты все следы такого происхождения. То же самое происходит и с $П'$, когда оно служит исходным пунктом нового кругооборота.

Если мы сравним $П...П'$ с $Д...Д'$, или с первым кругооборотом, то увидим, что они имеют далеко не одинаковое значение. $Д...Д'$, взятое само по себе как обособленный кругооборот, выражает только одно: что $Д$, денежный капитал (или промышленный капитал, совершающий свой кругооборот как денежный капитал), есть деньги, порождающие деньги, стоимость, порождающая стоимость, что он производит прибавочную стоимость. Напротив, в кругообороте $П$, с завершением первой стадии, стадии процесса производства, процесс увеличения стоимости уже совершился, а по окончании второй стадии $Т' - Д'$ (первой стадии обращения) капитальная стоимость + прибавочная стоимость существуют уже как реализованный денежный капитал, как $Д'$, которое в первом кругообороте являлось последним крайним членом. Что прибавочная стоимость произведена, это в ранее рассмотренной форме $П...П$ (см. развернутую формулу на стр. 47*) было выражено посредством $\tau - \delta - \tau$, которое во второй своей стадии выходит из сферы обращения капитала и выражает обращение прибавочной стоимости как дохода. В этой форме, где все движение выражено в виде $П...П$, следовательно, где между обоими конечными пунктами нет никакой разницы в величине стоимости, увеличение авансированной стоимости, производство прибавочной стоимости, выражено так же, как в кругообороте $Д...Д'$; только акт $Т' - Д'$, являющийся последней стадией в $Д...Д'$ и второй стадией кругооборота, служит первой стадией обращения в $П...П$.

$П'$ в $П...П'$ выражает не то, что произведена прибавочная стоимость, а то, что произведенная прибавочная стоимость капитализирована, следовательно, — произошло накопление капитала, а потому $П'$, в отличие от $П$, состоит из первоначальной капитальной стоимости плюс стоимость капитала, накопленного вследствие движения капитальной стоимости.

И $Д'$, как простое заключение $Д...Д'$, и $Т'$, каким оно является во всех этих кругооборотах, взятые сами по себе, выражают не движение, а его результат: увеличение капитальной стоимости, реализованное в товарной форме или в денежной форме, а потому выражают капитальную стоимость как $Д + \delta$ или как $Т + \tau$, т. е. в виде отношения капитальной стоимости к прибавочной стоимости как к своему потомку. Они выражают этот результат в виде различных

* См. настоящий том, с. 86. *Ред.*

форм обращения возросшей капитальной стоимости. Но ни в форме T' , ни в форме D' само состоявшееся увеличение стоимости не является функцией ни денежного, ни товарного капитала. Денежный и товарный капитал являются особыми различными формами, различными способами существования промышленного капитала, которые соответствуют различным его функциям. Денежный капитал может выполнять только функции денег, товарный капитал — только функции товара, и различие между ними есть только различие между деньгами и товаром. Точно так же промышленный капитал в своей форме производительного капитала может состоять лишь из тех элементов, которые вообще входят во всякий процесс труда, создающий продукты: с одной стороны, — из предметных условий труда (средств производства), с другой стороны, — из производительно (целесообразно) действующей рабочей силы. Как промышленный капитал может существовать в сфере производства лишь при таком строении, которое соответствует процессу производства вообще, а следовательно, и некапиталистическому процессу производства, точно так же в сфере обращения он может существовать лишь в двух формах, соответствующих этой сфере: в формах товара и денег. Но сумма элементов производства с самого начала проявляет себя как производительный капитал, потому что рабочая сила является чужой рабочей силой, которую капиталист покупает у ее владельца совершенно так же, как он покупает для себя средства производства у владельца других товаров; поэтому и самый процесс производства выступает как производительная функция промышленного капитала, а деньги и товар являются формами обращения того же самого промышленного капитала и, следовательно, функции денег и товара — функциями обращения этого капитала, причем они или служат подготовкой к функциям производительного капитала, или вытекают из них. Функция денег и функция товара являются здесь в то же время функциями денежного капитала и товарного капитала лишь вследствие того, что они связаны между собой как формы тех функций, которые промышленный капитал должен выполнять на различных стадиях процесса своего кругооборота. Следовательно, совершенно неправильно специфические свойства и функции, характеризующие деньги как деньги и товар как товар, выводить из их свойств как капитала, — и точно так же неправильно, наоборот, выводить свойства производительного капитала из способа его существования в виде средств производства.

Когда D' или T' фиксируется в виде $D + \partial$, $T + \tau$, т. е. в виде отношения капитальной стоимости к прибавочной стоимости как к своему потомку, то это отношение находит себе выражение один раз в денежной форме, другой раз — в товарной форме, что несколько не меняет сути самого дела. Следовательно, это отношение вытекает не из свойств и функций, присущих деньгам как таковым

или товару как таковому. В обоих случаях свойство, характеризующее капитал, то его свойство, что он есть стоимость, порождающая стоимость, выражено только как результат. T' всегда есть продукт функции Π , а D' — лишь форма T' , претерпевшая превращение в кругообороте промышленного капитала. Поэтому, когда реализованный денежный капитал снова начинает выполнять свою особую функцию в качестве денежного капитала, он перестает выражать то капиталистическое отношение, которое содержится в $D' = D + \delta$. Когда $D \dots D'$ пройдено и D' снова начинает кругооборот, оно фигурирует уже не как D' , а как D , даже если капитализируется вся прибавочная стоимость, заключающаяся в D' . В нашем примере второй кругооборот начинается денежным капиталом в 500 ф. ст., между тем как первый начинался 422 ф. ст. Денежный капитал, открывающий кругооборот, на 78 ф. ст. больше, чем был прежде; это различие существует, если сравнивать один кругооборот с другим; но для этого сравнения нет места в рамках каждого отдельного кругооборота. Авансированные в качестве денежного капитала 500 ф. ст., из которых 78 ф. ст. раньше существовали как прибавочная стоимость, играют совершенно такую же роль, как 500 ф. ст., которыми другой капиталист открывает свой первый кругооборот. То же и в кругообороте производительного капитала. Возросшее Π' при возобновлении выступает просто как Π , подобно Π в простом воспроизводстве $\Pi \dots \Pi$.

На стадии $D' - T' < \overset{P}{C_n}$ возрастание величины капитала отмечено лишь посредством T' , а не посредством P' или C_n' . Так как T есть сумма P и C_n , то T' уже показывает, что сумма заключающихся в нем P и C_n больше, чем первоначальное Π . Но, кроме того, обозначение P' и C_n' было бы и ошибочно, потому что, как мы знаем, с возрастанием капитала связано изменение его строения по стоимости, а именно, последнее развивается таким образом, что стоимость C_n возрастает, стоимость же P всегда уменьшается относительно, а часто и абсолютно.

III. НАКОПЛЕНИЕ ДЕНЕГ

Может ли δ , прибавочная стоимость, превратившаяся в деньги, немедленно снова присоединиться к капитальной стоимости, совершающей процесс своего движения, и таким образом, вместе с капиталом D , составив величину D' , войти в процесс кругооборота. — это определяется обстоятельствами, независимыми от простого наличия δ . Если δ должно в качестве денежного капитала служить в новом, самостоятельном предприятии, которое предполагается основать наряду с первым, то ясно, что δ может быть употреблено на это лишь в том случае, если оно обладает минимальной величиной, необходимой для такого предприятия. Если δ должно быть

употреблено на расширение первоначального предприятия, то опять-таки отношения вещественных факторов Π и их отношения по стоимости обуславливают определенную минимальную величину δ . Между всеми средствами производства, действующими в этом предприятии, существует не только известное качественное, но и определенное количественное соотношение, известная пропорциональность размеров. Эти вещественные отношения и связанные с ними отношения стоимости факторов, входящих в производительный капитал, определяют тот минимальный размер, который должно иметь δ для того, чтобы его можно было превратить, как прирост производительного капитала, в добавочные средства производства и в добавочную рабочую силу или только в первые. Так, фабрикант-прядильщик не может увеличить числа своих веретен, если одновременно не приобретет соответствующего числа кардных и ровничных машин, не говоря уже об увеличении затрат на хлопок и заработную плату, обуславливаемом таким расширением предприятия. Следовательно, для того, чтобы осуществить это расширение, прибавочная стоимость должна составлять уже порядочную сумму (обычно новые затраты определяются в 1 ф. ст. на веретено). Пока δ не достигнет этого минимального размера, капитал должен несколько раз повторить кругооборот, прежде чем сумма последовательно произведенных им δ получит возможность функционировать вместе с D , следовательно, — в $D' - T' < \frac{P}{Cn}$. Даже простые изменения деталей, например в прядильных машинах, поскольку эти изменения ведут к повышению их производительности, требуют больших затрат на материал для придания, увеличения числа ровничных машин и т. д. Следовательно, в промежуточный период δ накапливается, и его накопление является не его собственной функцией, а результатом повторений $\Pi \dots \Pi$. Собственной функцией δ является пребывание в денежном состоянии до тех пор, пока оно посредством повторных кругооборотов возрастания стоимости, — следовательно извне, — не получит достаточного приращения, при котором оно достигает минимальной величины, требуемой для его активного функционирования: величины, при которой оно только и может принять участие в функционировании денежного капитала D , принять участие как денежный капитал, в данном случае — как накопленная часть функционирующего денежного капитала D . В промежуточный период δ накапливается и существует лишь в форме сокровища, находящегося в процессе образования, роста. Следовательно, накопление денег, образование сокровища является здесь таким процессом, который временно сопровождается действительное накопление, т. е. расширение того масштаба, в котором действует промышленный капитал; сопровождается временно потому, что пока сокровище пребывает в состоянии сокровища, оно не функционирует как капитал, не принимает участия в процессе увеличения стоимости, остается денеж-

ной суммой, которая возрастает лишь потому, что деньги, получаемые без ее содействия, кладутся в тот же самый сундук.

Форма сокровища есть просто форма денег, не находящихся в обращении, денег, обращение которых прервано и которые поэтому сохраняются в своей денежной форме. Что касается самого процесса образования сокровища, то он присущ всякому товарному производству, в качестве же самоцели играет некоторую роль только при неразвитых, докапиталистических формах этого производства. Но здесь сокровище выступает как форма денежного капитала, образование же сокровища — как такой процесс, который временно сопровождает накопление капитала, так как, и поскольку, деньги фигурируют здесь в качестве *скрытого денежного капитала*, так как образование сокровища — сохранение в состоянии сокровища той прибавочной стоимости, которая находится в денежной форме, — является здесь совершающейся вне кругооборота капитала, функционально определенной подготовительной стадией к превращению прибавочной стоимости в действительно функционирующий капитал. Следовательно, вследствие такого своего назначения, сокровище — это скрытый денежный капитал, поэтому и размеры, которых оно должно достигнуть прежде, чем вступит в процесс кругооборота капитала, каждый раз определяются строением производительного капитала по стоимости. Но пока деньги пребывают в состоянии сокровища, они еще не функционируют как денежный капитал, являющийся праздно лежащим денежным капиталом; не функционируют, как раньше, не потому, что их функция прервана, а потому, что они еще не способны к выполнению своей функции.

Мы берем здесь накопление денег в его первоначальной реальной форме, как действительное денежное сокровище. Но оно может иметь место и в форме простых долговых документов, долговых требований капиталиста, продавшего T' . Что касается других форм, когда этот скрытый денежный капитал и в промежуточный период существует в виде денег, порождающих деньги, например в виде вкладов в какой-либо банк, приносящих проценты, в векселях или ценных бумагах любого рода, то эти формы сюда не относятся. Прибавочная стоимость, реализованная в деньгах, выполняет в таком случае особые функции капитала вне кругооборота того промышленного капитала, из которого она вышла: функции, которые, во-первых, не имеют ничего общего с кругооборотом этого капитала как таковым и, во-вторых, предполагают функции капитала, отличные от функций промышленного капитала и здесь еще не исследованные.

IV. РЕЗЕРВНЫЙ ФОНД

Сокровище в только что рассмотренной форме, являющейся формой существования прибавочной стоимости, представляет собой денежный фонд накопления, ту денежную форму, которую вре-

менно принимает накопление капитала, и постольку само сокровище является условием последнего. Но этот фонд накопления может оказывать и особые побочные услуги, т. е. входить в процесс кругооборота капитала, не принимая формы $P...P'$ и, следовательно, не расширяя размеров капиталистического воспроизводства.

Если процесс $T' - D'$ затягивается свыше его нормальной продолжительности и, следовательно, превращение товарного капитала в денежную форму ненормально задерживается или если, после того как это превращение совершилось, цена, например, средств производства, в которые должен превратиться денежный капитал, поднимается выше того уровня, который существовал к моменту начала кругооборота, то сокровище, функционирующее как фонд накопления, может быть употреблено на то, чтобы занять место денежного капитала или его части. Следовательно, денежный фонд накопления служит в качестве резервного фонда для того, чтобы устранять нарушения кругооборота.

Резервный фонд как таковой отличается от фонда покупательных или платежных средств, рассмотренного в кругообороте $P...P$. Эти последние средства представляют собой часть функционирующего денежного капитала (следовательно, это — формы существования некоторой части капитальной стоимости, вообще занятой в процессе), части которого начинают функционировать одна за другой лишь в различные сроки. В непрерывном ходе процесса производства постоянно образуется резервный денежный капитал, так как, например, сегодня поступили платежи, а производить платежи придется лишь позднее, сегодня проданы большие массы товара, а покупать такие же большие массы товара придется лишь в последующие дни; следовательно, в эти промежутки часть обращающегося капитала постоянно находится в денежной форме. Напротив, резервный фонд — это не составная часть уже функционирующего капитала, точнее, функционирующего денежного капитала, а составная часть капитала, находящегося на подготовительной стадии своего накопления, составная часть прибавочной стоимости, еще не превратившейся в активный капитал. Впрочем, само собой разумеется, что при затруднительных обстоятельствах капиталист вовсе не интересуется тем, какие определенные функции выполняют находящиеся в его руках деньги, а просто употребляет то, что у него есть, — только бы поддержать ход процесса кругооборота своего капитала. Так, в нашем примере $D = 422$ ф. ст., $D' = 500$ ф. ст. Если часть капитала в 422 ф. ст. существует в качестве фонда средств платежа и покупательных средств, в качестве денежного запаса, то при этом предполагается, что, при неизменных обстоятельствах, она целиком вступит в кругооборот и что она вместе с тем достаточна для этой цели. Резервный же фонд есть часть 78 ф. ст. прибавочной стоимости; он может вступить в процесс кругооборота капитала стоимостью в 422 ф. ст. лишь в том

случае, если этот кругооборот совершается при обстоятельствах, не остающихся неизменными; ведь он есть часть фонда накопления и фигурирует в данном случае без всякого расширения масштабов воспроизводства.

Денежный фонд накопления — это уже бытие скрытого денежного капитала; следовательно, — это уже превращение денег в денежный капитал.

Общая формула кругооборота производительного капитала, охватывающая простое воспроизводство и воспроизводство в расширенном масштабе, такова:

$$P \dots \overbrace{T' - D'}^1. \overbrace{D - T}^2 < \overset{P}{C_n} \dots P (P').$$

Если $P = P$, то в 2) D равно D' минус δ ; если $P = P'$, то в 2) D больше, чем D' минус δ , т. е. δ целиком или частично превратилось в денежный капитал.

Кругооборот производительного капитала есть та форма, в которой классическая политическая экономия рассматривает процесс кругооборота промышленного капитала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРУГООБОРОТ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА

Общая формула для кругооборота товарного капитала такова:

$$T' - D' - T...P...T'.$$

T' является не только продуктом, но и предпосылкой двух ранее рассмотренных кругооборотов, так как то, что для одного капитала есть $D - T$, уже включает $T' - D'$ для другого, — по крайней мере постольку, поскольку часть средств производства сама есть товарный продукт других индивидуальных капиталов, совершающих свой кругооборот. В нашем случае, например, уголь, машины и т. д. представляют собой товарный капитал углепромышленника, капиталистического машиностроителя и т. д. Далее, в главе I, п. IV, показано, что уже при первом повторении $D...D'$, прежде чем закончится этот второй кругооборот денежного капитала, предполагается не только кругооборот $P...P$, но и кругооборот $T'...T'$.

Если воспроизводство совершается в расширенном масштабе, то заключительное T' больше начального T' и потому его следует обозначить здесь посредством T'' .

Отличие третьей формы от первых двух проявляется, во-первых, в том, что здесь обращение в целом с его двумя противоположными фазами открывает кругооборот, между тем как в форме I обращение прерывается процессом производства, а в форме II все обращение с его двумя взаимно дополняющими фазами является лишь посредствующим звеном в процессе воспроизводства и потому образует посредствующее движение между $P...P$. При $D...D'$ форма обращения есть $D - T...T' - D' = D - T - D$. При $P...P$ форма обращения обратная: $T' - D'$. $D - T = T - D - T$. В $T'...T'$ обращение тоже имеет эту последнюю форму.

Во-вторых. При повторении кругооборотов I и II, даже если конечные пункты D' и P' образуют начальные пункты возобновившегося кругооборота, исчезает та форма, в которой были про-

изведены эти D' и P' . $D' = D + d$ и $P' = P + p$ начинают новый процесс опять как D и P . В форме же III — даже если кругооборот возобновляется в прежнем масштабе — исходный пункт T должен обозначаться как T' , а именно по следующей причине. В форме I, лишь только D' как таковое открывает новый кругооборот, оно функционирует как денежный капитал D , как авансированная в денежной форме капитальная стоимость, которая должна возрасти по своей стоимости. Величина авансированного денежного капитала возросла вследствие накопления, совершившегося во время первого кругооборота, стала больше. Но составляет ли величина авансированного денежного капитала 422 ф. ст. или 500 ф. ст., — это ничего не меняет в том обстоятельстве, что он является просто капитальной стоимостью. D' существует уже не как возросший по своей стоимости или оплодотворенный прибавочной стоимостью капитал, не как капиталистическое отношение. Ведь ему [D'] еще лишь предстоит пройти процесс увеличения стоимости. То же самое относится и к $P...P'$; P' должно и впредь постоянно функционировать и возобновлять кругооборот как P , как капитальная стоимость, которая должна произвести прибавочную стоимость. — Напротив, кругооборот товарного капитала открывается не просто капитальной стоимостью, а уже возросшей капитальной стоимостью в товарной форме, и потому с самого начала заключает в себе кругооборот не только находящейся в товарной форме капитальной стоимости, но и кругооборот прибавочной стоимости. Поэтому, если в этой форме происходит простое воспроизводство, то в конечном пункте выступает T' такой же величины, как в начальном пункте. Если в кругооборот капитала вступает часть прибавочной стоимости, то, хотя в конце и появляется T'' вместо T' , т. е. появляется T' большей величины, однако следующий кругооборот все же опять начинается с T' , которое представляет собой лишь большее T' , чем было в предыдущем кругообороте, и начинает свой новый кругооборот с большей накопленной капитальной стоимостью, а потому и с относительно большей вновь произведенной прибавочной стоимостью. Во всех случаях T' постоянно открывает кругооборот как товарный капитал, который = капитальной стоимости + прибавочная стоимость.

T' выступает как T в кругообороте отдельного промышленного капитала не в качестве формы этого капитала, а в качестве формы другого промышленного капитала, поскольку средства производства представляют собой продукт этого последнего. Акт $D - T$ (т. е. $D - Cn$) первого капитала для этого второго капитала есть акт $T' - D'$.

P и Cn в акте обращения $D - T < \frac{P}{C_n}$ играют тождественную роль постольку, поскольку они суть товары в руках их продавцов, в одном случае рабочих, продающих свою рабочую силу, в другом случае — собственников средств производства, продающих эти

последние. Для покупателя, деньги которого функционируют здесь в качестве денежного капитала, P и C_n функционируют как товары только до тех пор, пока он их еще не купил, следовательно, пока они как товары других противостоят его капиталу, существующему в денежной форме. C_n и P различаются здесь лишь постольку, поскольку C_n в руках своего продавца = T' , следовательно, может быть капиталом, поскольку C_n представляет собой товарную форму капитала продавца, между тем как для рабочего P всегда является только товаром и становится капиталом лишь в руках покупателя, как составная часть Π .

Поэтому T' никогда не может начинать кругооборот как простое T , как просто товарная форма капитальной стоимости. Как товарный капитал оно всегда имеет двойственный характер. С точки зрения потребительной стоимости оно есть продукт функционирования Π , — в данном случае пряжи, — элементы которого P и C_n , явившиеся в качестве товаров из сферы обращения, функционировали как факторы образования этого продукта. Во-вторых, с точки зрения стоимости оно равно капитальной стоимости Π плюс прибавочная стоимость m , произведенная во время функционирования Π .

Только в кругообороте самого T' часть его $T = \Pi$ = капитальной стоимости может и должна отдделиться от той части T' , в которой существует прибавочная стоимость, от прибавочного продукта, в котором заключается прибавочная стоимость, — независимо от того, отделимы ли друг от друга обе эти части фактически, как в случае с пряжей, или же нет, как в случае с машиной. Эти части стоимости становятся отдделимыми друг от друга всякий раз, как только T' превращается в D' .

Если весь товарный продукт можно разделить на самостоятельные однородные частичные продукты, как, например, наши 10 000 фунтов пряжи, и если поэтому акт $T' - D'$ можно представить в виде суммы совершенных одна за другой продаж, то капитальная стоимость в товарной форме может функционировать как T , может отдделиться от T' , прежде чем реализована прибавочная стоимость, следовательно, прежде чем реализовано T' в целом.

Из 10 000 фунтов пряжи стоимостью в 500 ф. ст. стоимость 8 440 фунтов = 422 ф. ст., равна капитальной стоимости, отдделенной от прибавочной стоимости. Если капиталист продаст только 8 440 фунтов пряжи за 422 ф. ст., то эти 8 440 фунтов пряжи выражают T , капитальную стоимость в товарной форме; содержащий-ся, кроме того, в том же T' прибавочный продукт в форме 1 560 фунтов пряжи, равный прибавочной стоимости в 78 ф. ст., вступил бы в обращение лишь позже; капиталист мог бы совершить $T - D -$

$T < \overset{P}{C_n}$ до обращения прибавочного продукта, до $\tau - \partial - \tau$.

Или, если бы он продал сначала 7 440 фунтов пряжи стоимостью в 372 ф. ст., а затем 1 000 фунтов пряжи стоимостью в 50 ф. ст.,

то первой частью T могли бы быть возмещены средства производства (постоянная часть капитала, c), а второй частью T — переменная часть капитала, v , рабочая сила, — а затем все так же, как и раньше.

Но если происходят такие последовательные продажи и если условия кругооборота это допускают, то капиталист, вместо того чтобы разделить все T' на $c + v + m$, может выполнять это разделение также и на любой части T' .

Например, 7 440 фунтов пряжи = 372 ф. ст., которые, будучи частями T' (10 000 фунтов пряжи = 500 ф. ст.) являются представителями постоянной части капитала, в свою очередь сами могут быть разделены: на 5 535,360 фунтов пряжи стоимостью в 276,768 ф. ст., которые возмещают только постоянную часть капитала, стоимость средств производства, потребленных в процессе производства 7 440 фунтов пряжи; на 744 фунта пряжи стоимостью в 37,200 ф. ст., возмещающие только переменный капитал; на 1 160,640 фунта пряжи стоимостью в 58,032 ф. ст., являющихся в качестве прибавочного продукта носителем прибавочной стоимости. Следовательно, продав 7 440 фунтов, капиталист может возместить содержащуюся в них капитальную стоимость вследствие продажи 6 279,360 фунта пряжи ценой в 313,968 ф. ст., а стоимость прибавочного продукта в виде 1 160,640 фунта пряжи = 58,032 ф. ст., израсходовать как доход.

Точно так же он может, далее, разделить 1 000 фунтов пряжи = 50 ф. ст. = переменной капитальной стоимости, и соответствующими частями продать их: 744 фунта пряжи стоимостью в 37,200 ф. ст. — это будет постоянная капитальная стоимость, заключающаяся в 1 000 фунтах пряжи; 100 фунтов пряжи стоимостью в 5,000 ф. ст. — переменная часть капитала в тех же 1 000 фунтах; следовательно, 844 фунта пряжи стоимостью в 42,200 ф. ст. служат возмещением капитальной стоимости, содержащейся в 1 000 фунтах пряжи; наконец, 156 фунтов пряжи стоимостью в 7,800 ф. ст. представляют содержащийся в ней прибавочный продукт и могут быть потреблены в качестве такового.

Наконец, он может остальные 1 560 фунтов пряжи стоимостью в 78 ф. ст. разделить, если только удастся продажа, таким образом, чтобы продажа 1 160,640 фунта пряжи стоимостью в 58,032 ф. ст. возместила стоимость средств производства, содержащуюся в 1 560 фунтах пряжи, а продажа 156 фунтов пряжи стоимостью в 7,800 ф. ст. — стоимость переменного капитала; 1 316,640 фунта пряжи = 65,832 ф. ст. представляют в совокупности возмещение всей капитальной стоимости; наконец, прибавочный продукт в виде 243,360 фунта пряжи = 12,168 ф. ст. остается для расходования в качестве дохода.

Подобно тому как каждый заключающийся в пряже элемент c , v , m можно, в свою очередь, разложить на такие же составные

части, точно так же можно разложить и каждый отдельный фунт пряжи стоимостью в 1 шиллинг = 12 пенсам.

$$\begin{array}{rcl} c = 0,744 \text{ фунта пряжи} & = & 8,928 \text{ пенса} \\ v = 0,100 & \text{»} & \text{»} = 1,200 \text{ »} \\ m = 0,156 & \text{»} & \text{»} = 1,872 \text{ »} \end{array}$$

$$c + v + m = 1 \text{ фунту пряжи} = 12 \text{ пенса}$$

Если мы сложим результаты трех вышеуказанных продаж, совершенных по частям, то получится тот же результат, что и при продаже 10 000 фунтов пряжи разом.

Постоянного капитала мы имеем:

при 1-й продаже:	5 535,360	фунта пряжи	=	276,768	ф. ст.
» 2-й »	744,000	» »	=	37,200	» »
» 3-й »	1 160,640	» »	=	58,032	» »
Итого	7 440	фунтов пряжи	=	372	ф. ст.

Переменного капитала:

при 1-й продаже:	744,000	фунтов пряжи	=	37,200	ф. ст.
» 2-й »	100,000	» »	=	5,000	» »
» 3-й »	156,000	» »	=	7,800	» »
Итого	1 000	фунтов пряжи	=	50	ф. ст.

Прибавочной стоимости:

при 1-й продаже:	1 160,640	фунта пряжи	=	58,032	ф. ст.
» 2-й »	156,000	» »	=	7,800	» »
» 3-й »	243,360	» »	=	12,168	» »
Итого	1 560	фунтов пряжи	=	78	ф. ст.

Общий итог:

Постоянный капитал	7 440	фунтов пряжи	=	372	ф. ст.
Переменный капитал	1 000	» »	=	50	» »
Прибавочная стоимость	1 560	» »	=	78	» »
Итого	10 000	фунтов пряжи	=	500	ф. ст.

$T' - D'$ само по себе есть не что иное, как продажа 10 000 фунтов пряжи. 10 000 фунтов пряжи суть товар, как и любая другая пряжа. Покупатель заинтересован в цене 1 шиллинг за фунт, или 500 ф. ст. за 10 000 фунтов пряжи. Если во время сделки он и обращает внимание на строение капитала по стоимости, то лишь

с коварным намерением доказать, что 1 фунт пряжи можно было бы продать дешевле, чем за 1 шиллинг, и что даже в таком случае сделка для продавца будет выгодной. Но количество товара, которое покупает потребитель, зависит от его потребностей; так, например, если он владелец ткацкого предприятия, то это количество зависит от строения его собственного капитала, функционирующего в ткацком предприятии, а не от строения капитала того фабриканта-прядильщика, у которого он покупает. Пропорции, в которых T' должно, с одной стороны, возместить капитал, потребленный в процессе его производства (или различные составные части этого капитала), и, с другой стороны, должно служить прибавочным продуктом, предназначенным либо на расходование прибавочной стоимости, либо на накопление капитала, — эти пропорции существуют лишь в процессе кругооборота того капитала, товарной формой которого являются 10 000 фунтов пряжи. С продажей как таковой они не имеют ничего общего. Кроме того, здесь предполагается, что T' продается по своей стоимости и что, следовательно, речь идет лишь о превращении его из товарной формы в денежную форму. Для T' , как функциональной формы в кругообороте этого отдельного капитала, из которой должен быть возмещен производительный капитал, решающее значение имеет, конечно, то обстоятельство, отклоняются ли и в какой мере отклоняются друг от друга при продаже цена и стоимость; но здесь, при рассмотрении одних только различных форм, нам нет необходимости останавливаться на этом вопросе.

В форме I, $D...D'$, процесс производства находится посредине между двумя друг друга дополняющими и друг другу противоположными фазами обращения капитала; он будет закончен, прежде чем наступит заключительная фаза $T' - D'$. Деньги авансируются как капитал сначала на элементы производства, элементы производства превращаются в товарный продукт, а этот товарный продукт опять превращается в деньги. Это — вполне законченный цикл сделок, результатом которого являются на все и для каждого пригодные деньги. Поэтому возобновление процесса дано, таким образом, лишь в возможности. $D...П...D'$ может быть одинаково как последним кругооборотом, которым заканчиваются функции индивидуального капитала в случае извлечения его из предприятия, так и первым кругооборотом индивидуального капитала, впервые начинающего функционировать. Общее движение здесь таково: $D...D'$, от известной суммы денег к большей сумме денег.

В форме II, $П...T' - D' - T...П(П')$, весь процесс обращения следует за первым $П$ и предшествует второму; но он протекает в порядке, противоположном порядку в форме I. Первое $П$ есть производительный капитал, и функция его есть процесс производства, являющийся предварительным условием следующего за

ним процесса обращения. Напротив, заключительное II не есть процесс производства; оно представляет собой лишь вторичное пребывание промышленного капитала в его форме производительного капитала. И притом это II является результатом превращения, совершившегося в последней фазе обращения, — превращения капитальной стоимости в $P + Cn$, в субъективные и объективные факторы, которые в своем соединении образуют форму существования производительного капитала. Капитал, будь то II или II' , в конце кругооборота опять имеется налицо в такой форме, в которой он должен снова функционировать как производительный капитал, совершать процесс производства. Общая форма движения, $II...II$, есть форма воспроизводства и не указывает, подобно $D...D'$, на увеличение стоимости как на цель процесса. Поэтому эта форма тем более облегчает классической политической экономии возможность игнорировать определенную капиталистическую форму процесса производства и изображать производство как таковое целью процесса, заключающейся будто бы в том, чтобы производить возможно больше и возможно дешевле и обменивать продукт на другие возможно более разнородные продукты, служащие отчасти для возобновления производства ($D - T$), отчасти для потребления ($d - t$). При этом, так как D и d являются здесь средством обращения лишь мимолетно, то особенности как денег, так и денежного капитала могут остаться незамеченными, и весь процесс оказывается простым и естественным, т. е. обладает естественностью плоского рационализма. Точно так же при рассмотрении товарного капитала при случае забывают о прибыли, и когда речь идет о кругообороте производства в целом, то товарный капитал фигурирует просто как товар, когда же речь идет о составных частях стоимости, то он фигурирует как товарный капитал. Конечно, накопление изображается таким же образом, как и производство.

В форме $III, T' - D' - T...II...T'$, кругооборот открывают две фазы процесса обращения, и именно в том же порядке, как в форме II , т. е. в форме $II...II$; затем следует II , притом, следует как и в форме I , со своей функцией, с процессом производства; результатом этого последнего, T' , кругооборот заканчивается. Подобно тому как в форме II он заканчивается II , просто повторным существованием производительного капитала, так и здесь он заканчивается T' , повторным существованием товарного капитала; подобно тому как в форме II капитал в своей заключительной форме II снова должен начать процесс как процесс производства, так и здесь после вторичного появления промышленного капитала в форме товарного капитала кругооборот должен снова начаться фазой обращения $T' - D'$. Обе формы кругооборота остаются незавершенными, потому что они не завершаются D' , т. е. возросшей капитальной стоимостью, снова превращенной в *деньги*. Следовательно, обе формы должны быть продолжены, а потому они

закljučают в себе воспроизводство. Весь кругoоборoт в форме III представляет собой $T'...T'$.

Третью форму отличает от двух первых то обстоятельство, что только в этом кругoоборoте исходным пунктом процесса увеличения стоимости является уже возросшая капитальная стоимость, а не первоначальная капитальная стоимость, которая еще только должна возрасти. Исходным пунктом здесь служит T' , выражающее капиталистическое отношение; как таковое оно оказывает определяющее влияние на весь кругoоборoт, ибо уже в первой своей фазе этот кругoоборoт включает в себя как кругoоборoт капитальной стоимости, так и кругoоборoт прибавочной стоимости; при этом прибавочная стоимость, если и не в каждом кругoоборoте в отдельности, то в среднем, должна отчасти расходоваться как доход, проходить обращение $\tau - \delta - \tau$, отчасти же функционировать как элемент накопления капитала.

В форме $T'...T'$ потребление всего товарного продукта предполагается как условие нормального хода кругoоборoта самого капитала. Индивидуальное потребление рабочего и индивидуальное потребление той части прибавочного продукта, которая не подлежит накоплению, охватывает все индивидуальное потребление. Поэтому потребление, взятое в целом — и как индивидуальное и как производительное потребление, — входит в кругoоборoт T' в качестве его условия. Производительное потребление (в которое по существу входит и индивидуальное потребление рабочего, так как рабочая сила в известных границах является постоянным продуктом индивидуального потребления рабочего) совершается непосредственно каждым индивидуальным капиталом. Индивидуальное же потребление, — за исключением того, что необходимо для самого существования индивидуального капиталиста, — предполагается исключительно как общественный акт, но отнюдь не как акт индивидуального капиталиста.

В формах I и II все движение выражается как движение авансированной капитальной стоимости. В форме III возросший по своей стоимости капитал, выступающий в виде совокупного товарного продукта, образует исходный пункт и имеет форму движущегося капитала, товарного капитала. Лишь после его превращения в деньги это движение разветвляется на движение капитала и движение дохода. В этой форме в кругoоборoт капитала включается как распределение всего общественного продукта, так и особое распределение продукта всякого индивидуального товарного капитала, — распределение, с одной стороны, на фонд индивидуального потребления, с другой стороны — на фонд воспроизводства.

В $D...D'$ дана возможность расширения кругoоборoта в зависимости от величины той части δ , которая войдет в возобновленный кругoоборoт.

II в *II...II* может начать новый кругооборот с той же самой стоимостью, быть может даже с меньшей, — и все-таки оно может представлять воспроизводство в расширенном масштабе; так, например, в том случае, если элементы товара удешевятся вследствие повышения производительности труда. Наоборот, в противоположном случае возросший по своей стоимости производительный капитал может представлять воспроизводство в масштабе, суженном в вещественном отношении, — если, например, элементы производства вздорожают. То же самое относится и к *T'...T'*.

В *T'...T'* наличие капитала в товарной форме является предпосылкой производства, и в качестве предпосылки он снова возвращается в том же кругообороте во втором *T*. Если это *T* еще не произведено или не воспроизведено, то кругооборот приостановлен; это *T* должно быть воспроизведено по большей части как *T'* какого-либо другого промышленного капитала. В этом кругообороте *T'* существует в качестве исходного пункта, переходного пункта и заключительного пункта движения, — поэтому оно всегда имеется налицо. Оно — постоянное условие процесса воспроизводства.

T'...T' отличается от форм *I* и *II* еще одним моментом. Все три кругооборота имеют то общее, что капитал заканчивает процесс своего кругооборота в той же форме, в какой он открывает его, и благодаря этому опять принимает начальную форму, в которой он снова открывает тот же самый кругооборот. Начальная форма *D*, *II*, *T'* есть всегда та форма, в которой авансируется капитальная стоимость (в форме *III* вместе с приросшей к ней прибавочной стоимостью). — следовательно, по отношению к кругообороту это первоначальная форма стоимости; заключительная же форма *D'*, *II*, *T'* есть всегда превращенная форма одной из предшествующих в кругообороте функциональных форм, которая не является первоначальной формой.

Таким образом *D'* в форме *I* есть превращенная форма *T'*, заключительное *II* в форме *II* — превращенная форма *D* (и в форме *I* и в форме *II* это превращение достигается простым актом товарного обращения, благодаря формальному перемещению товара и денег); в форме *III* *T'* есть превращенная форма *II*, производительного капитала. Но здесь, в форме *III*, превращение касается, во-первых, не только функциональной формы капитала, но и величины его стоимости, и во-вторых, превращение является результатом не просто формального перемещения, относящегося к процессу обращения, а результатом действительного превращения, которому в процессе производства подверглись потребительная форма и стоимость товарных составных частей производительного капитала.

Форма начального пункта *D*, *II*, *T'* наперед дана для каждого кругооборота — для *I*, *II* и *III*; форма, снова повторяющаяся в

конечном пункте, вызвана, а следовательно, и обусловлена рядом метаморфозов самого кругооборота. T' , как конечный пункт кругооборота индивидуального промышленного капитала, лишь предполагает не относящуюся к обращению форму Π того же промышленного капитала, продуктом которого является это T' ; D' как конечный пункт в форме I , как превращенная форма T' ($T' - D'$), предполагает, что D находится в руках покупателя, существует вне кругооборота $D...D'$ и лишь вследствие продажи T' вовлекается в этот кругооборот, становится его собственной конечной формой. Таким образом в форме Π конечное Π предполагает P и Cn (T) как существующие вовне и включаемые в его кругооборот, в качестве его конечной формы вследствие совершения акта $D - T$. Но если оставить в стороне последний крайний пункт, то кругооборот индивидуального денежного капитала не предполагает существования денежного капитала вообще, а кругооборот индивидуального производительного капитала не предполагает существования производительного капитала. В форме I D может быть первым денежным капиталом, в форме Π Π может быть первым производительным капиталом, выступающим на арене истории, но в форме Π

$$T' \left\{ \begin{array}{l} T - \\ -D' \\ \tau - \end{array} \right\} D - T < \overset{P}{Cn}... \Pi... T'$$

T дважды предполагается существующим вне кругооборота. В первый раз в кругообороте $T' - D' - T < \overset{P}{Cn}$. Это T , поскольку оно состоит из Cn , есть товар в руках продавца; оно само есть товарный капитал, поскольку является продуктом капиталистического процесса производства, а если даже и нет, то оно выступает как товарный капитал в руках купца. Во второй раз оно предполагается в $\tau - \partial - \tau$, во втором τ , которое точно так же должно иметься в наличии в качестве товара, чтобы его можно было купить. Во всяком случае P и Cn , независимо от того, являются ли они товарным капиталом или нет, суть такие же товары, как и T' , и относятся друг к другу как товары. Точно так же обстоит дело со вторым τ в $\tau - \partial - \tau$. Итак, поскольку $T' = T (P + Cn)$, постольку товары являются элементами образования самого T' и постольку оно должно возмещаться в обращении товарами того же рода; подобно этому и в $\tau - \partial - \tau$ второе τ тоже должно возмещаться в обращении другими товарами того же рода.

Далее, на основе капиталистического способа производства как господствующего всякий товар в руках продавца должен быть товарным капиталом. Он продолжает быть товарным капиталом в руках купца или становится таковым в его руках, если не был им раньше. Или же — как например импортированные изделия, —

он должен быть таким товаром, который возмещает первоначальный товарный капитал и поэтому придает ему лишь другую форму существования.

Товарные элементы P и Cn , из которых состоит производительный капитал P , как формы существования P имеют иной вид, чем имели на тех различных товарных рынках, где они были приобретены. Они теперь соединены, и в своем соединении они могут функционировать как производительный капитал.

То обстоятельство, что только в этой форме III T внутри самого кругооборота оказывается предпосылкой T , объясняется тем, что исходным пунктом кругооборота является капитал в товарной форме. Кругооборот открывается превращением T' (поскольку оно функционирует как капитальная стоимость, то безразлично, увеличена ли она вследствие добавления прибавочной стоимости или нет) в товары, составляющие элементы его производства. Но это превращение охватывает весь процесс обращения $T - D - T$ ($= P + Cn$) и является результатом последнего. Итак, здесь T стоит на обоих крайних пунктах, но второй крайний пункт, получающий свою форму T благодаря акту $D - T$ извне, из сферы товарного рынка, не есть последний пункт кругооборота, а есть лишь последний пункт его двух первых стадий, охватывающих процесс обращения. Его результат есть P , функция которого, процесс производства, начинается вслед за этим. Лишь как результат этого последнего процесса, а не как результат процесса обращения, T' является завершением кругооборота и принимает ту же самую форму, что и начальный пункт T' . Напротив, в $D...D'$ и в $P...P$, заключительные пункты D' и P суть непосредственные результаты процесса обращения. Следовательно, здесь предполагается, что лишь в конце кругооборота в других руках находится D' в первом случае и P — во втором. Поскольку кругооборот протекает между крайними пунктами, постольку ни D в одном случае, ни P в другом, — т. е. ни существование D как чужих денег, ни существование P как чужого процесса производства, — не являясь предпосылкой этих кругооборотов. Напротив, $T'...T'$ предполагает, что $T (= P + Cn)$ представляет собой чужие товары и находится в чужих руках, что эти товары посредством вводного процесса обращения вовлекаются в кругооборот и превращаются в производительный капитал, а в результате функционирования этого последнего T' опять становится заключительной формой кругооборота.

Но именно потому, что кругооборот $T'...T'$ в пределах своего движения предполагает наличие другого промышленного капитала в форме $T (= P + Cn)$ (а Cn включает различного рода другие капиталы, например в данном случае машины, уголь, масло и т. д.), — то уже по этой причине его приходится рассматривать не только как *общую* форму кругооборота, т. е. не только как такую общественную форму, в которой можно рассматривать каждый отдельный

промышленный капитал (кроме тех случаев, когда он вкладывается впервые), следовательно, — не только как форму движения, общую всем индивидуальным промышленным капиталам, но в то же время и как форму движения суммы индивидуальных капиталов, т. е. всего капитала класса капиталистов, как такое движение, по отношению к которому движение каждого индивидуального промышленного капитала является лишь частичным движением, переплетающимся с движениями других капиталов и обусловленным ими. Например, если мы рассматриваем годовой совокупный товарный продукт какой-либо страны и анализируем движение, при посредстве которого одна часть этого продукта возмещает производительный капитал во всех индивидуальных предприятиях, а другая часть входит в сферу индивидуального потребления различных классов, то мы рассматриваем $T'...T'$ как форму движения, свойственную как общественному капиталу в целом, так и произведенной им прибавочной стоимости или прибавочному продукту. Общественный капитал равен сумме индивидуальных капиталов (включая сумму акционерных капиталов и сумму всего государственного капитала, поскольку правительства применяют производительный наемный труд в горных предприятиях, на железных дорогах и т. д., и, следовательно, выполняют функции промышленных капиталистов), а общее движение общественного капитала равно алгебраической сумме движений индивидуальных капиталов. Это обстоятельство никоим образом не исключает того, что данное движение, взятое как движение обособленного индивидуального капитала, обнаруживает иные явления, чем то же самое движение, рассматриваемое как часть общего движения общественного капитала, т. е. рассматриваемое в его связи с движениями других частей этого последнего. Вместе с тем оно разрешает такие проблемы, которые необходимо предполагать уже решенными при рассмотрении кругооборота отдельного индивидуального капитала, а не выводить из него.

$T'...T'$ есть единственный кругооборот, в котором первоначально авансированная капитальная стоимость образует лишь часть крайнего пункта, с которого начинается движение, и где, таким образом, это движение с самого начала заявляет о себе как о совокупном движении промышленного капитала, как о движении не только той части продукта, которая возмещает производительный капитал, но и той его части, которая образует прибавочный продукт и обычно отчасти расходуется как доход, отчасти же должна служить элементом накопления. Поскольку расходование прибавочной стоимости как дохода включается в этот кругооборот, постольку в него включается и индивидуальное потребление. Но это последнее включается, далее, еще и потому, что исходный пункт T , товар, существует в виде определенного предмета потребления; всякий же капиталистически произведенный предмет есть товарный капитал, все равно, предназначается ли он своей потребительной формой для произво-

дительного потребления, или для индивидуального потребления, или для того и другого. $D...D'$ указывает лишь на одну сторону: на стоимость, на увеличение авансированной капитальной стоимости как на цель всего процесса; $P...P$ (P') указывает на процесс производства капитала как на процесс воспроизводства, причем величина производительного капитала остается прежней или возрастает (накопление); $T'...T'$, проявляя себя уже в своем начальном пункте как форма капиталистического товарного производства, с самого начала охватывает и производительное и индивидуальное потребление; производительное потребление вместе с содержащимся в нем возрастанием стоимости оказывается лишь частью движения в этой форме. Наконец, так как T' может существовать в такой потребительной форме, которая не может вступить ни в какой процесс производства, то это уже заранее показывает, что различные составные части стоимости T' , выраженные в долях продукта, должны занимать неодинаковое положение, в зависимости от того, берется ли $T'...T'$ как форма движения всего общественного капитала или как самостоятельное движение индивидуального промышленного капитала. Во всех своих особенностях этот кругооборот выходит за свои собственные пределы как обособленного кругооборота просто индивидуального капитала.

В фигуре $T'...T'$ движение товарного капитала, т. е. всего капиталистически произведенного продукта, не только является предпосылкой самостоятельного кругооборота индивидуального капитала, но и, в свою очередь, обуславливается им. Поэтому, если понято своеобразие этой фигуры, то уже недостаточно ограничиться указанием, что метаморфозы $T' - D'$ и $D - T$ являются, с одной стороны, функционально определенными этапами в метаморфозе капитала, и, с другой стороны, — звеньями общего товарного обращения. Теперь необходимо ясно показать сплетения метаморфозов одного индивидуального капитала с метаморфозами других индивидуальных капиталов и с той частью совокупного продукта, которая предназначена для индивидуального потребления. Поэтому при анализе кругооборота индивидуального промышленного капитала мы берем в качестве основы преимущественно две первые формы.

Кругооборот $T'...T'$ является формой отдельного индивидуального капитала, например в земледелии, где расчет ведется от жатвы до жатвы. В фигуре II исходным пунктом служит посев, а в фигуре III — жатва, или, как говорят физиократы, в первой — *avances* *, во второй — *gergises* **. Движение капитальной стоимости в фигуре III с самого начала выступает лишь как часть движения общей массы продуктов, между тем как в фигурах I и II движение T' образует лишь момент в движении обособленного капитала.

* — авансы. *Ред.*

** — обратные поступления. *Ред.*

В фигуре III находящиеся на рынке товары образуют постоянную предпосылку процесса производства и воспроизводства. Поэтому, если сосредоточить внимание на этой фигуре, то кажется, что все элементы процесса производства происходят из сферы товарного обращения и состоят только из товаров. При таком одностороннем понимании упускают из виду такие элементы процесса производства, которые не являются товарными элементами.

Так как в $T'...T'$ исходный пункт есть весь продукт (вся стоимость), то здесь обнаруживается, что (если оставить в стороне внешнюю торговлю) воспроизводство в расширенном масштабе, при неизменной производительности, может иметь место лишь в том случае, если в части прибавочного продукта, подлежащей капитализации, уже содержатся вещественные элементы добавочного производительного капитала; следовательно, здесь обнаруживается, что поскольку производство одного года служит предпосылкой производства следующего года или поскольку это производство может происходить в течение одного года одновременно с процессом простого воспроизводства, постольку прибавочный продукт сразу производится в такой форме, которая позволяет ему функционировать в качестве добавочного капитала. Возросшая производительность может увеличить только вещество капитала, не повышая его стоимости; но этим она образует добавочный материал для увеличения стоимости капитала.

$T'...T'$ лежит в основе «Tableau économique» * Кенэ, и то обстоятельство, что он в противоположность форме $D...D'$ (форме, которой исключительно придерживалась меркантилистская система) избрал именно эту форму, а не форму $II...II$, свидетельствует о его большом и верном такте.

* «Экономической таблицы». *Ред.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРИ ФИГУРЫ ПРОЦЕССА КРУГООБОРОТА

Если *Обр.* обозначает весь процесс обращения, то три фигуры процесса кругооборота могут быть изображены так:

- I) $D - T \dots P \dots T' - D'$
- II) $P \dots Обр \dots P$
- III) $Обр \dots P (T')$.

Если мы все три формы рассмотрим в совокупности, то все предпосылки процесса кругооборота оказываются его результатом, предпосылкой, созданной им самим. Каждый момент является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения. Процесс кругооборота, взятый в целом, выступает как единство процесса производства и процесса обращения: процесс производства становится посредствующим звеном процесса обращения и наоборот.

Для всех трех кругооборотов общим является следующее: увеличение стоимости как определяющая цель, как движущий мотив. В I это выражено в самой форме. Форма II начинается с *P*, с самого процесса увеличения стоимости. В форме III кругооборот начинается с возросшей стоимости и заканчивается вновь возросшей стоимостью, даже если движение повторяется в прежнем масштабе.

Поскольку $T - D$ для покупателя есть $D - T$, а $D - T$ для продавца есть $T - D$, постольку обращение капитала представляет лишь обычный метаморфоз товара, и развитие при рассмотрении этого метаморфоза законы («Капитал», книга I, глава III, 2), определяющие количество обращающихся денег, сохраняют здесь свое значение. Но если не останавливаться на этой формальной стороне дела, а рассматривать реальную связь между метаморфозами различных индивидуальных капиталов, следовательно, если действительно рассматривать связь кругооборотов индивидуальных капиталов как связь частичных движений в процессе воспроизводства

всего общественного капитала, то эту связь нельзя объяснить простой сменой форм денег и товара.

В постоянно вращающемся кругу каждый пункт есть одновременно и исходный пункт и пункт возвращения. Если это круговое движение прервано, то не каждый исходный пункт есть пункт возвращения. Так, мы видели, что не только каждый отдельный кругооборот предполагает (*implicite* *) другой, но и что повторение кругооборота в одной форме предполагает кругооборот в других формах. Таким образом, все различие представляется чисто формальным или даже чисто субъективным различием, существующим лишь для наблюдателя.

Поскольку каждый из этих кругооборотов рассматривается как особая форма движения, в которой находятся различные индивидуальные промышленные капиталы, постольку это различие тоже существует всегда лишь как индивидуальное различие. В действительности же каждый индивидуальный промышленный капитал находится во всех трех кругооборотах одновременно. Три кругооборота, формы воспроизводства трех видов капитала, непрерывно совершаются один рядом с другим. Например, одна часть капитальной стоимости, функционирующая теперь в качестве товарного капитала, превращается в денежный капитал, другая же часть в то же время выходит из процесса производства и вступает в обращение как новый товарный капитал. Таким образом, постоянно описывается круговая форма $T' \dots T'$; точно так же обстоит дело и в двух других формах. Воспроизводство капитала в каждой из его форм и в каждой из его стадий совершается столь же непрерывно, как и метаморфоз этих форм и последовательное прохождение через три стадии. Следовательно, здесь весь кругооборот есть действительное единство трех его форм.

В нашем исследовании предполагалось, что вся капитальная стоимость в полном своем размере выступает целиком то как денежный капитал, то как производительный капитал, то как товарный капитал. Так, например, 422 ф. ст. сначала имелись у нас целиком в виде денежного капитала, потом, опять-таки в полном своем размере, они превратились в производительный капитал и, наконец, стали товарным капиталом: пряжей стоимостью в 500 ф. ст. (в том числе 78 ф. ст. прибавочной стоимости). Различные стадии образуют здесь соответствующее число перерывов. Например, пока 422 ф. ст. продолжают пребывать в денежной форме, т. е. пока не совершены акты купли $D - T (P + Cn)$, до тех пор весь капитал существует и функционирует только как денежный капитал. Как только он превратился в производительный капитал, он уже не функционирует ни как денежный капитал, ни как товарный капитал. Весь процесс его обращения прерывается, подобно тому как, с

* - включает в себя. *Ред.*

другой стороны, прерывается весь процесс его производства, когда он — в виде D или в виде T' — функционирует в одной из двух стадий обращения. Следовательно, в этом случае кругооборот $П...П$ представлял бы собой не только периодическое возобновление производительного капитала, но и перерыв его функции — процесса производства — до тех пор, пока не будет пройден процесс обращения; вместо того чтобы совершаться непрерывно, производство шло бы, таким образом, скачками и возобновлялось бы лишь через промежутки времени неопределенной продолжительности в зависимости от того, насколько быстро или медленно протекают две стадии процесса обращения. Так обстоит дело, например, у китайского ремесленника, который работает только на частных заказчиков и процесс производства которого прекращается, если заказ не будет возобновлен.

В действительности сказанное относится к каждой отдельной части капитала, находящейся в движении, и все части капитала поочередно проделывают это движение. Например, 10 000 фунтов пряжи представляют собой недельный продукт фабриканта-прядильщика. Эти 10 000 фунтов пряжи целиком выходят из сферы производства и вступают в сферу обращения; содержащаяся в них капитальная стоимость вся должна превратиться в денежный капитал, и, пока она пребывает в форме денежного капитала, она не может снова войти в процесс производства; предварительно она должна вступить в обращение и снова превратиться в элементы производительного капитала $P + Cn$. Процесс кругооборота капитала есть постоянная прерывность, оставление одной стадии, вступление в следующую; сбрасывание одной формы, существование в другой форме; каждая из этих стадий не только обуславливает другую, но в то же время и исключает ее.

Но непрерывность есть характерный признак капиталистического производства; она обусловлена технической основой этого последнего, хотя не всегда безусловно достижима. Посмотрим же, как обстоит дело в действительности. Например, в то время как 10 000 фунтов пряжи в качестве товарного капитала поступают на рынок и совершают свое превращение в деньги (будь то средства платежа, покупательные средства или даже просто счетные деньги), их место в процессе производства занимает новый хлопок, новый уголь и т. д.; следовательно, здесь уже совершилось обратное превращение из денежной и товарной формы в форму производительного капитала, который, как таковой, начинает свою функцию; в то самое время, когда первые 10 000 фунтов пряжи превращаются в деньги, ранее произведенные 10 000 фунтов пряжи проходят уже вторую стадию своего обращения и снова превращаются из денег в элементы производительного капитала. Все части капитала поочередно проделывают процесс кругооборота, находятся одновременно на различных стадиях этого процесса. Таким образом промышленный

капитал, непрерывно совершая свой кругооборот, находится одновременно на всех стадиях последнего и в соответствующих им различных функциональных формах. Для той части капитала, которая впервые превращается из товарного капитала в деньги, кругооборот $T'...T'$ только начался, между тем как для промышленного капитала, как для находящегося в движении целого, кругооборот $T'...T'$ уже пройден. Одна рука авансирует деньги, другая — получает их; начало кругооборота $D...D'$ в одном пункте есть в то же время возвращение денег в другом пункте. Так же обстоит дело и с производственным капиталом.

Действительный кругооборот промышленного капитала в своей непрерывности является поэтому не только единством процесса обращения и процесса производства, но и единством всех его трех кругооборотов. Но таким единством он может быть лишь постольку, поскольку каждая из различных частей капитала может последовательно проходить следующие одна за другой фазы кругооборота и переходить из одной фазы, из одной функциональной формы в другую; поскольку, следовательно, промышленный капитал, как совокупность этих частей, находится одновременно в различных фазах и функциях и, таким образом, одновременно описывает все три кругооборота. Следование одной части за другой обусловлено здесь существованием частей рядом друг с другом, т. е. делением капитала. Так, при фабричной системе разделения труда продукт постоянно находится на различных ступенях процесса своего образования и постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Так как индивидуальный промышленный капитал представляет собой определенную величину, которая зависит от средств капиталиста и которая имеет определенную минимальную величину для каждой отрасли промышленности, то при делении его должны соблюдаться определенные числовые пропорции. Величина наличного капитала обуславливает размеры процесса производства, размеры последнего обуславливают размер товарного и денежного капиталов, поскольку они функционируют наряду с процессом производства. Существование одних частей капитала рядом с другими, обуславливающее непрерывность производства, возможно, однако, только вследствие такого движения частей капитала, при котором они одна за другой проходят различные стадии кругооборота. Само существование одних частей капитала рядом с другими есть лишь результат следования их друг за другом. Если, например, движение $T' - D'$ останавливается для одной части капитала и товар нельзя продать, то кругооборот этой части прерывается, и она не возмещается средствами ее производства; функциональное изменение последующих частей, выходящих в качестве T' из процесса производства, задерживается их предшественниками. Если такое положение продолжается некоторое время, то производство ограничивается, и весь процесс может остановиться. Всякая остановка последова-

тельного движения частей нарушает порядок их существования друг возле друга; всякая остановка на одной стадии влечет за собой большую или меньшую остановку во всем кругообороте не только той части капитала, движение которой остановилось, но и в кругообороте всего индивидуального капитала.

Следующая форма, которую принимает процесс, есть форма последовательности фаз: переход капитала в новую фазу обусловлен тем, что капитал оставляет прежнюю фазу. Поэтому-то каждый особый кругооборот и имеет как исходным пунктом, так и пунктом возвращения одну из функциональных форм капитала. С другой стороны, процесс как целое в действительности представляет собой единство трех кругооборотов, являющихся различными формами, в которых находит свое выражение непрерывность процесса. Кругооборот в целом по отношению к каждой функциональной форме капитала представляется ее специфическим кругооборотом, и притом каждый из этих кругооборотов обуславливает непрерывность всего процесса: круговое движение одной функциональной формы обуславливает круговое движение других. Для всего процесса производства, в особенности для общественного капитала, необходимым условием является то, чтобы процесс производства одновременно был и процессом воспроизводства, а следовательно, и процессом кругооборота каждого из его моментов. Различные доли капитала последовательно пробегают различные стадии и функциональные формы. Благодаря этому каждая функциональная форма, хотя в ней всегда находит свое выражение новая часть капитала, совершает одновременно с другими свой собственный кругооборот. Одна часть капитала — всегда, однако, меняющаяся, постоянно воспроизводимая, — существует в виде товарного капитала, превращающегося в деньги; другая часть — в виде денежного капитала, превращающегося в производительный капитал; третья — в виде производительного капитала, превращающегося в товарный капитал. Постоянное наличие всех трех форм достигается тем, что весь капитал в своем кругообороте проходит именно эти три фазы.

Следовательно, капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом одна с другой. Но каждая часть постоянно переходит по очереди из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и таким путем поочередно функционирует во всех формах. Таким образом эти формы суть текущие формы, одновременность которых опосредствуется их последовательностью. Каждая форма следует за другой и предшествует другой, так что возвращение одной части капитала к одной форме обусловлено возвращением другой части к другой форме. Каждая часть непрестанно совершает свой собственный оборот, но в этой форме находится каждый раз другая часть капитала, и эти особые обороты образуют лишь одновременные и последовательные моменты процесса в целом.

Только в единстве трех кругооборотов осуществляется непрерывность всего процесса вместо изображенной выше прерывности. Весь общественный капитал всегда обладает этой непрерывностью, и его процесс всегда есть единство трех кругооборотов.

Для индивидуальных капиталов непрерывность воспроизводства иногда более или менее нарушается. Во-первых, в различные периоды массы стоимости часто бывают распределены по различным стадиям и функциональным формам неравными частями. Во-вторых, эти части могут распределяться различно также в зависимости от характера производимого товара, следовательно, — в зависимости от особенностей данной сферы производства, в которую вложен капитал. В-третьих, непрерывность может в большей или меньшей степени нарушаться в таких отраслях производства, которые зависят от времени года, — вследствие ли естественных условий (земледелие, ловля сельдей и т. д.) или же вследствие условных обстоятельств, как, например, при так называемых сезонных работах. Всего регулярнее и однообразнее протекает процесс на фабрике и в горном деле. Но это различие отраслей производства не влечет за собой никакого различия в общих формах процесса кругооборота.

Капитал как самовозрастающая стоимость заключает в себе не только классовые отношения, не только определенный характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наемный труд. Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии, процесс, который, в свою очередь, заключает в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те экономисты, которые рассматривают самостоятельное существование стоимости как просто абстракцию, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция *in actu* *. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается. Так как здесь мы имеем дело прежде всего просто с формой движения, то не будем рассматривать те революции, которые капитальная стоимость может претерпевать в процессе своего кругооборота; однако ясно, что, несмотря на все революции в стоимости, капиталистическое производство существует и может продолжать свое существование лишь до тех пор, пока капитальная стоимость возрастает, т. е. пока она, как стоимость, ставшая самостоятельной, совершает процесс своего кругооборота; следовательно, до тех пор, пока революции в стоимости тем или иным способом преодолеваются и нейтрализуются. Движения капитала проявляются как действия отдельного промыш-

* в действии. *Ред.*

ленного капиталиста таким образом, что он функционирует как покупатель товаров и труда, как продавец товаров и как производительный капиталист, следовательно, своей деятельностью он опосредствует кругооборот. Если совершается революция в стоимости общественного капитала, то может случиться, что индивидуальный капитал данного капиталиста станет жертвой этой революции и погибнет, так как он не в состоянии соблюсти условия этого движения стоимости. Чем острее и чаще становятся революции в стоимости, тем больше автоматическое, действующее с силой стихийного процесса природы, движение стоимости, ставшей самостоятельной, торжествует над предусмотрительностью и расчетливостью отдельного капиталиста, тем больше ход нормального производства подчиняется ненормальной спекуляции, тем большей опасности подвергается существование отдельных капиталов. Следовательно, эти периодические революции в стоимости подтверждают то, что они якобы опровергают, а именно подтверждают то, что стоимость, в качестве капитала, приобретает самостоятельное существование, которое она сохраняет и упрочивает посредством своего движения.

Это чередование метаморфозов капитала, находящегося в процессе движения, включает в себя постоянное сравнение изменений величины стоимости капитала, совершившихся в кругообороте, с первоначальной стоимостью. Если приобретение стоимостью самостоятельности по отношению к силе, образующей стоимость, т. е. к рабочей силе, начинается в акте $D - P$ (купля рабочей силы) и осуществляется в процессе производства как эксплуатация рабочей силы, то это приобретение стоимостью самостоятельности не проявляется вновь в том кругообороте, в котором деньги, товары, элементы производства суть лишь чередующиеся формы капитальной стоимости, находящейся в процессе движения, и в котором прежняя величина стоимости сравнивается с теперешней измененной величиной стоимости капитала.

«Стоимость», — говорит Бейли в опровержение того, что стоимость приобретает самостоятельное существование, которое характеризует капиталистический способ производства и которое он, Бейли, трактует как иллюзию некоторых экономистов, — «стоимость есть соотношение между одновременно существующими товарами, так как только такие товары можно обменивать друг на друга»³².

Он высказывает это как довод против сравнения товарных стоимостей в различные периоды, сравнения, которое — поскольку денежная стоимость для каждого периода установлена — означает лишь сопоставление затрат труда, требующегося в различные периоды для производства товаров одного и того же вида. Это мнение вытекает из его общего ошибочного представления, согласно которому меновая стоимость равна стоимости, а форма стоимости есть сама стоимость; следовательно, товарные стоимости не могут срав-

ниваться, если они активно не функционируют как меновые стоимости, т. е. если их невозможно действительно обменять друг на друга. Таким образом, он вовсе не подозревает, что стоимость функционирует как капитальная стоимость или как капитал лишь постольку, поскольку она в различных фазах своего кругооборота, — которые отнюдь не «одновременны», а следуют одна за другой, — остается тождественной самой себе и сама с собой сравнивается.

Чтобы рассмотреть формулу кругооборота в ее чистом виде, следует исходить не только из того предположения, что товары продаются по их стоимости, но и из того, что это происходит при прочих неизменных обстоятельствах. Возьмем, например, форму $П...П$ независимо от всяких революций в технике, происходящих в пределах процесса производства, которые могут обесценить производительный капитал определенного капиталиста, независимо также и от всякого обратного воздействия, которое может оказать изменение стоимости элементов производительного капитала на стоимость наличного товарного капитала, причем эта последняя может возрасти или уменьшиться, если имеется запас такого капитала. Пусть T' , 10 000 фунтов пряжи, будут проданы по их стоимости за 500 ф. ст.; 8 440 фунтов пряжи = 422 ф. ст. возмещают содержащуюся в T' капитальную стоимость. Но если стоимость хлопка, угля и т. д. возросла (здесь мы оставляем в стороне простые колебания цен), то эти 422 ф. ст. окажутся недостаточными для того, чтобы полностью возместить элементы производительного капитала; необходим добавочный денежный капитал, в этом случае денежный капитал связывается. Наоборот, если эти цены падают, то денежный капитал высвобождается. Процесс протекает вполне нормально лишь в том случае, если отношения стоимости остаются постоянными; фактически он совершается нормально до тех пор, пока нарушения при повторении кругооборота сглаживаются; чем больше эти нарушения, тем большим денежным капиталом должен обладать промышленный капиталист, чтобы иметь возможность сгладить их; и так как по мере развития капиталистического производства расширяются масштабы каждого индивидуального процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансируемого капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капиталиста все более и более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных.

Здесь следует попутно заметить, что если происходит изменение стоимости элементов производства, то обнаруживается различие между формой $Д...Д'$, с одной стороны, и формой $П...П$ и $T'...T'$, с другой стороны.

В $Д...Д'$, как в формуле вновь вкладываемого капитала, который сначала выступает как денежный капитал, при падении стоимости

средств производства, например сырья, вспомогательных материалов и т. д., для открытия предприятия известных размеров потребуются меньшая затрата денежного капитала, чем та, которая была необходима до падения, так как размеры процесса производства (при неизменяющемся уровне развития производительной силы) зависят от массы и размера средств производства, с которыми может справиться данное количество рабочей силы; но эти размеры не зависят ни от стоимости средств производства, ни от стоимости рабочей силы (стоимость последней оказывает влияние лишь на величину возрастания стоимости). Наоборот, если стоимость тех элементов производства товара, которые составляют элементы производительного капитала, повышается, то для основания предприятия данных размеров необходимо больше денежного капитала. В обоих случаях затрагивается лишь величина того денежного капитала, который приходится вложить вновь; если в данной отрасли производства прирост новых индивидуальных промышленных капиталов происходит в обычном порядке, то в первом случае денежный капитал оказывается в избытке, во втором случае денежный капитал связывается.

Кругообороты $II \dots II$ и $T' \dots T'$ представляются в виде $D \dots D'$ лишь постольку, поскольку движение II и T' является в то же время накоплением, значит, поскольку добавочное δ , деньги, превращается в денежный капитал. Но если оставить это в стороне, то изменение стоимости элементов производительного капитала отражается на указанных кругооборотах иначе, чем на $D \dots D'$; мы здесь опять-таки не имеем в виду обратного воздействия, оказываемого таким изменением стоимости на составные части капитала, находящиеся в процессе производства. В этом случае перед нами не первоначальная затрата, на которую оказывается прямое влияние, а промышленный капитал, находящийся в процессе своего воспроизводства, но уже не в своем первом кругообороте; следовательно, влияние оказывается на $T' \dots T' < \overset{P}{C_n}$, на обратное превращение товарного капитала в элементы его производства, поскольку эти последние состоят из товаров. При падении стоимости (соответственно при падении цен) возможны три случая: процесс воспроизводства продолжается в тех же самых масштабах; в таком случае высвобождается часть имевшегося до сих пор денежного капитала, и происходит накопление денежного капитала, хотя нет ни действительного накопления (производства в расширенном масштабе), ни подготовительного по отношению к нему и сопровождающего его превращения δ (прибавочной стоимости) в фонд накопления; или, если это допускают технические пропорции, процесс воспроизводства расширяется в большем масштабе, чем это произошло бы при прежних условиях; или же происходит более значительное образование запасов сырых материалов и т. д.

При повышении стоимости элементов, возмещающих товарный капитал, происходит обратное. Воспроизводство совершается тогда уже не в его нормальном размере (в этом случае, например, работают меньшее время); или, чтобы продолжать его в прежнем размере, должен вступить в дело добавочный денежный капитал (денежный капитал связывается); или денежный фонд накопления, если таковой имеется в наличии, целиком или частично служит не расширению процесса воспроизводства, а ведению его в прежнем масштабе. Здесь денежный капитал тоже связывается, с той только разницей, что в данном случае добавочный денежный капитал берется не извне, не с денежного рынка, а из средств самого промышленного капиталиста.

Но при $P...P$ и при $T'...T'$ могут встретиться обстоятельства, вносящие то или иное изменение. Так, например, если наш фабрикант-прядильщик имеет большой запас хлопка (т. е. значительная часть его производительного капитала находится в форме запаса хлопка), то вследствие падения цен хлопка часть его производительного капитала обесценивается; напротив, если цены повысились, то стоимость этой части его производительного капитала повышается. С другой стороны, если он большие массы стоимостей закрепил в форме товарного капитала, например в хлопчатобумажной пряже, то при падении цен хлопка обесценивается часть его товарного капитала, следовательно, обесценивается вообще часть его капитала, находящегося в кругообороте; при повышении цен хлопка происходит обратное. Наконец, в процессе $T' - D - T < \frac{P}{C_n}$ происходит следующее: если акт $T' - D$, т. е. реализация товарного капитала, состоялся до изменения стоимости элементов T , то на капитал оказывается влияние только так, как указано в первом случае, а именно, во втором акте обращения $D - T < \frac{P}{C_n}$; если же это происходит до совершения акта $T' - D$, то при прочих равных условиях падение цены хлопка вызывает соответствующее падение цены пряжи, и, наоборот, повышение цены хлопка вызывает повышение цены пряжи. Воздействие на различные отдельные капиталы, вложенные в одну и ту же отрасль производства, может быть весьма различным в зависимости от различных обстоятельств, в которых они находятся. — Высвобождение и связывание денежного капитала могут точно так же возникать вследствие различий в продолжительности процесса обращения, следовательно, — вследствие различий также и в скорости обращения. Однако это относится уже к рассмотрению оборота. Здесь нас интересует лишь то действительное различие между $D...D'$ и двумя другими формами процесса кругооборота, которое обнаруживается в связи с изменением стоимости элементов производительного капитала.

В эпоху уже развитого, следовательно, господствующего капиталистического способа производства, на стадии обращения

$D - T < \overset{P}{C_n}$ большая часть товаров, которые составляют средства производства C_n , сама есть функционирующий чужой товарный капитал. С точки зрения продавца здесь, следовательно, происходит $T' - D'$, превращение товарного капитала в денежный капитал. Но это не является абсолютным правилом. Наоборот. В процессе своего обращения, в котором промышленный капитал функционирует или как деньги, или как товар, кругооборот промышленного капитала — независимо от того, выступает ли он как денежный капитал или как товарный капитал — перекрещивается с обращением товаров, произведенных при самых разнообразных способах общественного производства, поскольку эти способы производства представляют собой в то же время товарное производство. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райяты), или общинного производства (голландская Ост-Индия), или государственного производства (как, например, основанное на крепостном праве производство, встречавшееся в прежние эпохи русской истории), или производства полудиких охотничьих народов и т. д., — все равно: деньгам или товарам, в виде которых выступает промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят как в кругооборот этого последнего, так и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она расходуется в качестве дохода, — следовательно, они входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости. Следовательно, всесторонний характер их происхождения, существование рынка как мирового рынка — вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала. Сказанное о чужих товарах, в равной мере относится и к чужим деньгам; подобно тому как товарный капитал противостоит им только как товар, так и эти деньги по отношению к нему функционируют только в качестве денег; деньги функционируют здесь как мировые деньги.

Но здесь необходимо отметить обстоятельства двоякого рода.

Во-первых. Товары (C_n), как только завершен акт $D - C_n$, перестают быть товарами и становятся одним из способов существования промышленного капитала в его функциональной форме II , в форме производительного капитала. Но благодаря этому следы их собственного происхождения уничтожаются; товары продолжают существовать только как формы существования промышленного капитала, они включены в состав промышленного капитала. Однако при этом остается в силе то, что для их возмещения необходимо их

воспроизводство, и постольку капиталистический способ производства обусловлен способами производства, находящимися на иной, чем он, стадии развития. Но тенденция капиталистического способа производства заключается в том, чтобы, по возможности, всякое производство превратить в товарное производство; его главным средством для достижения этого служит как раз вовлечение этих способов производства в свой процесс обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством. Проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наемных рабочих.

Во-вторых. Товары, входящие в процесс обращения промышленного капитала (сюда относятся и необходимые жизненные средства, в которые превращается для воспроизводства рабочей силы переменный капитал после того как он выплачен рабочим), каковы бы ни было их происхождение, какова бы ни была общественная форма создавшего их процесса производства, противостоят самому промышленному капиталу уже в форме товарного капитала, товарно-торгового, или купеческого капитала; этот же последний по самой своей природе охватывает товары, произведенные при всяких способах производства.

Подобно тому как капиталистический способ производства предполагает крупные масштабы производства, точно так же он необходимо предполагает и крупные масштабы сбыта, следовательно, — предполагает продажу товаров купцу, а не отдельному потребителю. Поскольку сам этот потребитель является производителем потребителем, т. е. промышленным капиталистом, поскольку, следовательно, промышленный капитал одной отрасли производства поставляет средства производства для другой отрасли производства, постольку (в форме заказа и т. д.) происходит также и непосредственная продажа товаров одного промышленного капиталиста многим другим. Поэтому каждый промышленный капиталист является непосредственным продавцом, даже купцом по отношению к самому себе, впрочем, непосредственным продавцом он является и при продаже товара купцу.

Товарная торговля как функция купеческого капитала предполагается при капиталистическом производстве и все более развивается по мере развития последнего. Следовательно, иллюстрируя отдельные стороны капиталистического процесса обращения, мы предполагаем заодно и наличие товарной торговли; при общем же анализе капиталистического процесса обращения мы предполагаем непосредственную продажу без посредничества купца, потому что это последнее скрывает различные моменты движения.

Обратимся к Сисмонди, который представляет дело несколько наивно:

«В торговле занят также значительный капитал, который на первый взгляд не кажется частью того капитала, о развитии которого мы писали выше. Стоимость сукна, заполняющего магазины сукноторговца, кажется чем-то отличным от той части годового производства, которую богатый отдает бедному в виде заработной платы для того, чтобы он работал. Между тем торговый капитал то и дело замещает тот капитал, о котором мы до сих пор говорили. С целью как можно лучше выслать развитие богатства, мы проследили это развитие с момента возникновения богатства до момента потребления. Капитал, занятый, например, в производстве сукна, представлялся всегда одинаковым; будучи обременен на доход потребителя, он делится на две части: одна из них в форме прибыли составляет доход предпринимателя, другая в виде заработной платы за то время, когда рабочие вырабатывали сукно, составляет доход рабочего.

Но общий интерес определенно требовал, чтобы различные части этого капитала в выполнении определенных функций замещали одна другую, чтобы, если для реализации всего товарооборота между фабрикантом и потребителем достаточно ста тысяч экю, эти сто тысяч распределялись равномерно между фабрикантом, оптовиком и розничным торговцем. Первый может теперь при помощи одной трети капитала произвести то же количество товара, которое раньше он производил при помощи всего капитала, ибо теперь, в момент, когда продукт произведен и требует скорейшей продажи, покупатель-купец найдется значительно быстрее, чем мог бы найтись покупатель из числа непосредственных потребителей. В свою очередь, капитал оптового торговца намного быстрее возмещается за счет капитала мелкого торговца. Разница между суммой авансированной заработной платы и покупной ценой, уплачиваемой последним потребителем, составляет прибыль на капитал. Она распределяется между фабрикантом, оптовиком и розничным торговцем, — с тех пор как их функции разделились — так как дело было общим, хотя оно и требовало участия в нем вместо одного лица трех лиц и вместо одного капитала — трех капиталов» (*Nouveaux Principes*, I, p. 139, 140).

«Все они» (торговцы) «косвенно содействуют производству, ибо производство, имея своей целью потребление, может считаться завершенным только тогда, когда изготовленная вещь доведена до потребителя» (*Ib.*, p. 137).

При рассмотрении общих форм кругооборота и вообще во всей этой второй книге мы предполагаем деньги в качестве металлических денег и оставляем в стороне как символические деньги, простые знаки стоимости, являющиеся лишь специальной принадлежностью известных государств, так и кредитные деньги, которые нами еще не рассмотрены. Этот ход исследования, во-первых, соответствует исторической последовательности: кредитные деньги не играют никакой роли или играют лишь незначительную роль в первоначальную эпоху капиталистического производства. Во-вторых, необходимость такого хода исследования теоретически доказана тем, что все критические исследования относительно обращения кредитных денег, какие предпринимались до сих пор Туком и другими, заставляли их снова и снова возвращаться к рассмотрению того, как представлялось бы дело на основе чисто металлического денежного обращения. Не следует, однако, забывать, что металлические деньги могут функционировать и как покупательное средство и как средство платежа. Для упрощения мы в этой книге II вообще берем их только в вышеуказанной первой функциональной форме.

Процесс обращения промышленного капитала, составляющий лишь часть процесса его индивидуального кругооборота, определяется ранее развитыми общими законами («Капитал», книга I,

глава III), поскольку он представляет собой лишь ряд актов в пределах общего товарного обращения. Одно и то же количество денег, например, 500 ф. ст., поочередно вовлекает в обращение тем больше промышленных капиталов (или же индивидуальных капиталов в форме товарных капиталов), чем больше скорость обращения денег, чем быстрее, следовательно, каждый отдельный капитал совершает ряд своих товарных или денежных метаморфозов. Благодаря этому одна и та же масса капитальной стоимости требует для своего обращения тем меньше денег, чем больше деньги функционируют в качестве средства платежа, следовательно, чем в большей степени, например, при возмещении товарного капитала средствами его производства, приходится оплачивать лишь разницу при сведении балансов и чем короче сроки платежа при выплате, например, заработной платы. С другой стороны, если скорость обращения и все другие обстоятельства предполагаются неизменными, то количество денег, которое должно обращаться в виде денежного капитала, определяется суммой цен товаров (цена, умноженная на количество товаров) или, если даны количество и стоимости товаров, — стоимостью самих денег.

Но законы общего товарного обращения остаются в силе лишь постольку, поскольку процесс обращения капитала есть ряд актов простого обращения, а не постольку, поскольку эти акты образуют функционально определенные этапы кругооборота индивидуальных промышленных капиталов.

Чтобы уяснить это, будет лучше всего, если мы рассмотрим процесс обращения в его непрерывной связи, а таким он является в следующих двух формах:

$$\begin{aligned} \text{II)} \quad P \dots T' & \left\{ \begin{array}{c} T - \\ \tau - \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{c} D - T < \frac{P}{c_n} \dots P(P') \\ \partial - \tau \end{array} \right\} \\ \text{III)} \quad T' & \left\{ \begin{array}{c} T - \\ \tau - \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{c} D - T < \frac{P}{c_n} \dots P \dots T' \\ \partial - \tau \end{array} \right\} \end{aligned}$$

Процесс обращения (независимо от того, является ли он в виде $T - D - T$ или в виде $D - T - D$), будучи вообще рядом актов обращения, представляет собой лишь два противоположных ряда товарных метаморфозов, из которых каждый отдельный метаморфоз, в свою очередь, включает противоположный метаморфоз чужого товара или чужих денег, противостоящих данному товару.

То, что со стороны товаровладельца есть $T - D$, со стороны покупателя есть $D - T$; первый метаморфоз одного товара в $T - D$

есть второй метаморфоз другого товара, выступающего в виде D ; обратное происходит в акте $D - T$. Следовательно, то, что было показано в отношении переплетения товарного метаморфоза на одной его стадии с метаморфозом другого товара на другой стадии, распространяется и на обращение капитала, поскольку капиталист функционирует в качестве покупателя и продавца товара, а потому его капитал функционирует или в качестве денег, противостоящих чужому товару, или в качестве товара, противостоящего чужим деньгам. Но это переплетение товарных метаморфозов не является в то же время выражением переплетения метаморфозов капиталов.

Во-первых, как мы видели, $D - T (Cn)$ может представлять переплетение метаморфозов различных индивидуальных капиталов. Например, пряжа, товарный капитал фабриканта-прядильщика, отчасти возмещается углем. Часть его капитала находится в денежной форме и из нее превращается в товарную форму, в то время как капитал капиталистического углепромышленника находится в товарной форме и потому превращается в денежную форму; в одном и том же акте обращения здесь представлены противоположные метаморфозы двух (относящихся к различным отраслям производства) промышленных капиталов, следовательно, — представлено переплетение ряда метаморфозов этих капиталов. Однако, как мы видели, Cn , в которое превращается D , не должно непременно быть товарным капиталом в категорическом смысле этого слова, т. е. функциональной формой промышленного капитала, товарным капиталом, который произведен капиталистом. Здесь всегда на одной стороне совершается $D - T$, на другой стороне — $T - D$, но не всегда происходит переплетение метаморфозов капиталов. Далее, $D - P$, купля рабочей силы, никогда не является переплетением метаморфозов капиталов, так как рабочая сила, хотя она и есть товар рабочего, но становится капиталом лишь после того, как она продана капиталисту. С другой стороны, D' в процессе $T' - D'$ не обязательно должно быть превращенной формой товарного капитала; оно может выражать превращенный в деньги товар рабочей силы (заработная плата) или превращенный в деньги продукт, произведенный самостоятельным работником, рабом, крепостным, общиной.

Но, во-вторых, для выполнения функционально определенной роли, которую играет каждый метаморфоз, совершающийся в процессе обращения индивидуального капитала, вовсе не требуется, чтобы этот метаморфоз представлял соответствующий противоположный метаморфоз в кругообороте другого капитала, — даже при том предположении, что все производство мирового рынка ведется капиталистически. Например, D' в кругообороте $P...P$, превращающее T' в деньги, может быть на стороне покупателя лишь его прибавочной стоимостью, превращенной в деньги (если товар — пред-

мет потребления); или в $D' - T' < \frac{P}{C_n}$ (куда капитал, следовательно, входит уже накопленный) D' для продавца C_n может вступить в обращение его капитала лишь в качестве возмещения авансированного им капитала или даже и совсем не вступить в обращение его капитала, а именно, если это D' отвлекается от последнего как расходование дохода.

Следовательно, вопрос о том, каким образом взаимно замещаются в процессе обращения различные составные части всего общественного капитала, по отношению к которому отдельные капиталы являются лишь самостоятельно функционирующими составными частями, этот вопрос — идет ли речь о капитале или о прибавочной стоимости — не разрешается исследованием просто переплетений метаморфозов товарного обращения, которые являются общими как для обращения капитала, так и для всякого другого товарного обращения; этот вопрос требует иного способа исследования. До сих пор при этом довольствовались фразами, которые, если их проанализировать более глубоко, не содержат ничего, кроме неопределенных представлений, заимствованных из исследования только таких сцеплений метаморфозов, которые свойственны всякому товарному обращению.

Одной из наиболее осязательных особенностей процесса кругооборота промышленного капитала, а следовательно, и капиталистического производства, является то обстоятельство, что, с одной стороны, элементы, образующие производительный капитал, должны поступать с товарного рынка и постоянно возобновляться при посредстве товарного рынка, т. е. постоянно должны покупаться как товары, а с другой стороны, продукт процесса труда выходит из этого процесса как товар и каждый раз должен снова продаваться как товар. Сравним, например, современного фермера Нижней Шотландии с континентальным мелким крестьянином старого склада. Первый продает весь свой продукт и поэтому должен возместить на рынке все его элементы, даже семена; второй непосредственно потребляет наибольшую часть своего продукта, как можно меньше покупает и продает и по мере возможности самолично изготовляет орудия труда, одежду и т. д.

На этом основании натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство противопоставляли друг другу как три характерные экономические формы движения общественного производства.

Во-первых, эти три формы вовсе не представляют равноценных фаз развития. Так называемое кредитное хозяйство само есть лишь форма денежного хозяйства, поскольку оба обозначения выражают функции обмена или способы обмена между самими производителями. При развитом капиталистическом производстве денежное

хозяйство является лишь основой кредитного хозяйства. Таким образом денежное хозяйство и кредитное хозяйство соответствуют лишь различным ступеням развития капиталистического производства, но вовсе не являются различными самостоятельными формами обмена в противоположность натуральному хозяйству. С таким же точно правом можно было бы этим двум формам противопоставить, как равноценные, весьма различные формы натурального хозяйства.

Во-вторых, так как в категориях «денежное хозяйство», «кредитное хозяйство» подчеркивают и берут в качестве отличительного признака не хозяйство, т. е. не самый процесс производства, а соответствующий этому хозяйству способ обмена между различными агентами производства, или между производителями, то то же самое следовало бы сделать и при рассмотрении первой категории. Следовательно, вместо «натурального хозяйства» мы имели бы меновое хозяйство. Вполне замкнутое натуральное хозяйство, например, перуанское государство инков³³, не подошло бы ни под одну из этих категорий.

В-третьих, денежное хозяйство присуще всякому товарному производству, а продукт выступает в качестве товара в самых различных общественных производственных организациях. Следовательно, отличительной чертой капиталистического производства являлся бы лишь тот объем, в котором продукт производится как предмет торговли, как товар, а следовательно, и тот объем, в котором элементы, образующие продукт, должны в качестве предметов торговли, в качестве товаров, снова войти в то хозяйство, из которого выходит этот продукт.

В действительности капиталистическое производство есть такое товарное производство, которое стало всеобщей формой производства, но оно является таковым — и по мере своего развития становится все более таковым — лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, лишь потому, что рабочий продает труд, т. е. продает функцию своей рабочей силы, и притом, как мы предполагаем, продает по ее стоимости, определяемой издержками ее воспроизводства. В той мере, в какой труд становится наемным трудом, производитель становится промышленным капиталистом; поэтому капиталистическое производство (а следовательно, и товарное производство) проявляется во всем своем объеме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель является наемным рабочим. В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, внутренне присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого. Впрочем, буржуазному кругозору, при котором все внимание поглощается обделыванием коммерческих делишек, как раз

соответствует воззрению, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот⁷⁾.

Капиталист бросает в обращение меньше стоимостей в денежной форме, чем он из него извлекает, потому что он бросает в него стоимостей в товарной форме больше, чем извлек их оттуда в товарной форме. Поскольку он функционирует лишь как олицетворение капитала, как промышленный капиталист, постольку его предложение товарных стоимостей всегда больше, чем его спрос на товарные стоимости. Поэтому, если бы его предложение и спрос взаимно покрывались, то это означало бы, что его капитал не возрастает по стоимости; капитал не функционировал бы как производительный капитал; производительный капитал превращался бы в товарный капитал, не оплодотворенный прибавочной стоимостью; во время процесса производства он не извлекал бы из рабочей силы прибавочной стоимости в товарной форме, следовательно, вообще не функционировал бы как капитал. Капиталист действительно должен «продавать дороже, чем купил»; но это удастся ему только потому, что он посредством капиталистического процесса производства превращает купленный им более дешевый товар, — так как этот товар имеет меньшую стоимость, — в товар большей стоимости, следовательно, в более дорогой товар. Он продает дороже не потому, что продает свой товар выше его стоимости, а потому, что продает товар такой стоимости, которая выше суммы стоимостей элементов его производства.

Норма, в какой капиталист увеличивает стоимость своего капитала, тем больше, чем больше разница между его предложением и его спросом, т. е. чем больше избыток той товарной стоимости, которую он предлагал, над той товарной стоимостью, на которую он предъявляет спрос. Его цель состоит не в том, чтобы спрос и предложение взаимно покрывались, а в том, чтобы они по возможности не покрывались, чтобы его предложение превышало его спрос.

То, что имеет силу по отношению к отдельному капиталисту, сохраняет свою силу и по отношению к классу капиталистов.

Поскольку капиталист олицетворяет только промышленный капитал, постольку предъявляемый им спрос состоит только из спроса на средства производства и рабочую силу. Спрос капиталиста на *Сп*, рассматриваемый со стороны стоимости, меньше, чем авансированный им капитал; он покупает средства производства за меньшую стоимость, чем стоимость его капитала, а потому за значительно меньшую стоимость, чем стоимость того товарного капитала, который он доставляет на рынок.

⁷⁾ Здесь заканчивается текст из рукописи V. Нижеследующее, до конца главы, является заметкой Маркса в тетради 1877 или 1878 г., среди его выписок из книг.

Что касается спроса капиталиста на рабочую силу, то размеры этого спроса, рассматриваемого со стороны стоимости, определяются отношением его переменного капитала ко всему его капиталу, т. е. отношением $v : K$, и потому спрос на рабочую силу при капиталистическом производстве возрастает относительно в меньшей степени, чем его спрос на средства производства. Капиталист во все возрастающей степени становится более покупателем Cn , чем покупателем P .

Так как рабочий превращает свою заработную плату преимущественно в жизненные средства, и притом главным образом в необходимые жизненные средства, то спрос капиталиста на рабочую силу косвенно является в то же время спросом на предметы потребления, входящие в потребление рабочего класса. Но этот спрос равен v , и ни одним атомом не больше v (если рабочий делает сбережения из своей заработной платы, — всякие отношения кредита мы по необходимости оставляем здесь в стороне, — то это значит, что он часть своей заработной платы превращает в сокровище и *pro tanto* * уже не выступает как лицо, предъявляющее спрос, как покупатель). Максимальный предел спроса капиталиста $= K = c + v$, предложение же его $= c + v + m$; следовательно, если строение его товарного капитала $80c + 20v + 20m$, то его спрос $= 80c + 20v$, т. е. его спрос, рассматриваемый со стороны стоимости, на $\frac{1}{5}$ меньше, чем его предложение. Чем больше, в процентном выражении, произведенная им масса m (норма прибыли), тем меньше становится его спрос по сравнению с его предложением. Хотя спрос капиталиста на рабочую силу, а косвенно, следовательно, и на необходимые жизненные средства, с прогрессом производства прогрессивно уменьшается по сравнению с его спросом на средства производства, тем не менее не следует, с другой стороны, забывать, что его спрос на Cn , считая в среднем, всегда меньше, чем его капитал. Таким образом, его спрос на средства производства должен быть всегда меньше по стоимости, чем товарный продукт капиталиста, доставляющего ему эти средства производства и работающего с равным капиталом и при прочих равных условиях. То обстоятельство, что в действительности таковыми являются не один капиталист, а много капиталистов, дела несколько не меняет. Предположим, что капитал данного капиталиста $= 1\,000$ ф. ст., постоянная часть этого капитала $= 800$ ф. ст.; в таком случае его спрос, предъявляемый ко всем другим капиталистам $= 800$ ф. ст.; в свою очередь, последние все вместе на свои $1\,000$ ф. ст. (сколько бы из этой суммы ни приходилось на каждого из них в отдельности и какую бы часть всего его капитала ни составляла причитающаяся ему доля этой суммы) поставляют, при равной норме прибыли, средства производства стоимостью в $1\,200$ ф. ст.; следовательно, спрос капиталиста

* — соответственно. *Ред.*

покрывает лишь $\frac{2}{3}$ их предложения, а весь его собственный спрос, рассматриваемый по величине стоимости, равняется лишь $\frac{4}{5}$ его собственного предложения.

Теперь мы еще должны попутно рассмотреть оборот капитала. Положим, весь капитал данного капиталиста = 5 000 ф. ст., из которых 4 000 ф. ст. составляют основной капитал и 1 000 ф. ст. — оборотный; согласно прежнему предположению, эта 1 000 = $800c + 200v$. Чтобы весь его капитал обернулся один раз в год, его оборотный капитал должен обернуться пять раз в год; в таком случае его товарный продукт = 6 000 ф. ст., т. е. на 1 000 ф. ст. больше, чем авансированный им капитал, что опять дает такое же отношение прибавочной стоимости к капиталу, какое было раньше:

$5\,000 K : 1\,000 m = 100(c + v) : 20m$. Следовательно, этот оборот не изменяет соотношения между совокупным спросом капиталиста и его совокупным предложением: спрос по-прежнему на $\frac{1}{5}$ меньше, чем предложение.

Допустим, что его основной капитал необходимо возобновить через 10 лет. Следовательно, ежегодно капиталист отчисляет на амортизацию $\frac{1}{10} = 400$ ф. ст. Вследствие этого через год у него остается стоимость в размере 3 600 ф. ст. в основном капитале + 400 ф. ст. в деньгах. Если необходим ремонт и этот ремонт не превышает средних размеров, то издержки на него суть не что иное, как вложение капитала, которое капиталист совершает лишь впоследствии. Мы можем рассматривать дело таким образом, как если бы капиталист при определении стоимости вкладываемого им капитала, поскольку она входит в годовой товарный продукт, с самого начала включал в нее издержки на ремонт, так что в амортизации, равной $\frac{1}{10}$ стоимости основного капитала, содержатся и эти издержки. (Если в действительности потребность в ремонте у него ниже средней, то это для него выгодно, а если выше средней, то убыточно. Но для всего класса капиталистов, занятых в одной и той же отрасли промышленности, такие выгоды и убытки уравниваются.) Во всяком случае, хотя его годовой спрос при одном обороте в год всего его капитала остается равным 5 000 ф. ст., т. е. равняется его первоначально авансированной капитальной стоимости, тем не менее этот спрос по отношению к оборотной части капитала увеличивается, а по отношению к основной части капитала постоянно уменьшается.

Перейдем теперь к воспроизводству. Предположим, что капиталист лично потребляет всю прибавочную стоимость d и превращает снова в производительный капитал только сумму, равную величине первоначального капитала K . В таком случае спрос капиталиста по стоимости равен его предложению. Но не равен в связи с движением его капитала; как капиталист он предъявляет спрос только на $\frac{4}{5}$ своего предложения (по величине стоимости); $\frac{1}{5}$ он потреб-

дает как некапиталист, не в силу своих функций капиталиста, а на свои личные потребности или удовольствия.

Счет его, выраженный в процентах, таков:

$$\begin{array}{l} \text{Спрос его как капиталиста} = 100, \text{ предложение} = 120 \\ \text{Спрос его как человека, любящего} \\ \text{пожить в свое удовольствие,} = 20, \text{ предложение} = - \\ \hline \text{Сумма спроса} = 120, \text{ предложения} = 120 \end{array}$$

Это предположение равнозначно тому, что капиталистического производства не существует, а потому не существует и самого промышленного капиталиста, ибо предположение, что движущим мотивом служит личное потребление, а не само обогащение, устраняет саму основу капитализма.

Но, кроме того, такое предположение и технически невозможно. Капиталист не только должен образовать резервный капитал, чтобы обезопасить себя от колебаний цен и иметь возможность выжидать наиболее благоприятной конъюнктуры для купли и продажи; он должен накапливать капитал, чтобы таким образом расширять производство и внедрять технические достижения в свой производительный организм.

Чтобы накапливать капитал, капиталист должен прежде всего извлекать из обращения некоторую часть прибавочной стоимости, притекающую к нему из обращения в денежной форме, и увеличивать ее как сокровище до тех пор, пока она не примет размеры, необходимые для того, чтобы расширить старое предприятие или открыть новое предприятие наряду со старым. Пока продолжается образование сокровища, до тех пор оно не увеличивает спроса капиталиста; деньги иммобилизованы; они не извлекают с товарного рынка никакого эквивалента в виде товара в обмен на тот денежный эквивалент, который извлечен с рынка за доставленный на него товар.

Кредит здесь оставляется в стороне; к области же кредита относится, например, случай, когда капиталист по мере накопления денег кладет их в банк на текущий счет за проценты.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ ⁸⁾

Движение капитала через сферу производства и две фазы сферы обращения совершается, как мы видели, последовательно во времени. Продолжительность его пребывания в сфере производства образует время его производства, продолжительность пребывания в сфере обращения — время его циркуляции, или обращения. Все время, в течение которого капитал совершает свой кругооборот, равняется поэтому сумме времени производства и времени обращения.

Время производства, естественно, включает период процесса труда, но этот последний не охватывает всего времени производства. Напомним прежде всего, что часть постоянного капитала существует в виде таких средств труда, как машины, постройки и т. д., которые до самого конца своего существования служат в одних и тех же, все снова и снова повторяющихся процессах труда. Периодический перерыв процесса труда, например ночью, хотя и прерывает функционирование этих средств труда, но не прерывает их пребывания на месте производства. Они продолжают оставаться там не только тогда, когда они функционируют, но и когда они не функционируют. С другой стороны, капиталист должен иметь наготове известный запас сырья и вспомогательных материалов, чтобы процесс производства в течение более или менее продолжительного времени совершался в заранее определенном масштабе, вне зависимости от случайностей ежедневного предложения товаров со стороны рынка. Этот запас сырья и т. д. производительно потребляется лишь постепенно, мало-помалу. Поэтому имеет место разница между временем производства капитала ⁹⁾ и временем его функционирования. Следовательно, время производства средств производства

⁸⁾ Ниже следует текст из рукописи IV.

⁹⁾ Время производства взято здесь в активном смысле: время производства средств производства есть здесь не то время, в течение которого они производятся, а то время, в течение которого они участвуют в процессе производства товарного продукта. Ф. Э.

вообще охватывает: 1) время, в течение которого они функционируют как средства производства, т. е. служат в процессе производства; 2) перерывы, в течение которых процесс производства, а следовательно, и функционирование включенных в него средств производства, прекращается; 3) время, в течение которого они, хотя и имеются наготове в качестве условий процесса, следовательно, уже представляют производительный капитал, однако еще не вошли в процесс производства.

Рассмотренная выше разница всегда есть разница между временем пребывания производительного капитала в сфере производства и временем его пребывания в процессе производства. Но процесс производства сам может обуславливать перерывы в процессе труда, а потому и во времени труда, обуславливать интервалы, в течение которых предмет труда предоставляется воздействию физических процессов без дальнейшего приложения человеческого труда. В этом случае процесс производства, а потому и функционирование средств производства продолжается, хотя процесс труда, а следовательно, и функционирование средств производства как средств труда, прерваны. Мы видим это на примере зерна, которое посеяно, вина, которое бродит в погребе, материала труда на многих промышленных предприятиях, как, например, на кожевенных предприятиях, где этот материал подвергается химическим процессам. Время производства здесь больше, чем время труда. Разница между обоими заключается в превышении времени производства над временем труда. Это превышение всегда возникает или потому, что производительный капитал *скрыто* находится в сфере производства, не функционируя в самом процессе производства, или потому, что он функционирует в процессе производства, но не находится в процессе труда.

Та часть скрытого производительного капитала, которая имеется наготове лишь в качестве условия для процесса производства, как, например, хлопок, уголь и т. д. на прядильной фабрике, эта часть не действует ни как фактор образования продукта, ни как фактор образования стоимости. Она является капиталом, лежащим праздно, хотя его бездеятельность служит условием для непрерывного течения процесса производства. Постройки, аппараты и т. д., необходимые в качестве хранилищ производственного запаса (скрытого капитала), суть условия процесса производства и потому образуют составные части авансированного производительного капитала. Они выполняют свою функцию хранителей составных частей производительного капитала на предварительной стадии. Поскольку на этой стадии необходимы процессы труда, постольку эти процессы удорожают сырье и т. д., но они представляют собой производительный труд и создают прибавочную стоимость, потому что часть этого труда, как и всякого другого наемного труда, не оплачивается. В течение нормальных перерывов всего процесса про-

изводства, следовательно, в течение тех интервалов, во время которых производительный капитал не функционирует, не производится ни стоимость, ни прибавочная стоимость. Отсюда вытекает стремление заставить работать и ночью («Капитал», книга I, глава VIII, 4). — Такие интервалы во времени труда, которые предмету труда приходится испытывать во время самого процесса производства, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости; но они способствуют созданию продукта, составляют часть его жизни, являются процессом, через который он должен пройти. Стоимость аппаратов и т. д. переносится на продукт соответственно всему тому времени, в течение которого они функционируют; продукт переведен в эту стадию производства самим трудом, и пользование этими аппаратами в такой же мере является условием производства, как и распыление при прядении части хлопка, которая не входит в продукт, но тем не менее переносит на него свою стоимость. Другая часть скрытого капитала, как, например, постройки, машины и т. д., т. е. средства труда, функционирование которых прерывается лишь вследствие регулярных пауз в процессе производства, — нерегулярные перерывы вследствие сокращения производства, кризисов и т. д. представляют собой чистые убытки, — эта часть скрытого капитала присоединяет к продукту свою стоимость, хотя и не участвует в образовании продукта; вся стоимость, которую эта часть прибавляет к продукту, определяется средней продолжительностью ее существования; она утрачивает свою стоимость в силу того, что утрачивает потребительную стоимость как в то время, когда она функционирует, так и в то время, когда она не функционирует.

Наконец, стоимость постоянной части капитала, которая продолжает находиться в процессе производства, несмотря на перерыв в процессе труда, снова появляется в стоимости продукта процесса производства. Средства производства поставлены здесь самим трудом в такие условия, в рамках которых они сами собой проходят через ряд известных естественных процессов, в результате которых получается определенный полезный эффект, или происходит изменение формы их потребительной стоимости. Труд всегда переносит стоимость средств производства на продукт, поскольку он потребляет их действительно целесообразно, как средства производства. Дело несколько не меняется от того, должен ли труд для достижения этого эффекта непрерывно воздействовать на предмет труда при помощи средств труда или же он должен только дать первый толчок, поставив средства производства в такие условия, в силу которых они подвергаются заранее намеченному видоизменению сами собой, без дальнейшего содействия труда, вследствие естественных процессов.

На чем бы ни основывалось превышение времени производства над временем труда, — на том ли, что средства производства образу-

ют лишь скрытый производительный капитал, следовательно, находятся еще лишь на пороге к действительному процессу производства, или на том, что во время процесса производства их собственное функционирование прерывается вследствие пауз в этом процессе, или, наконец, на том, что сам процесс производства обуславливает перерывы в процессе труда, — ни в одном из этих случаев средства производства не функционируют таким образом, чтобы они всасывали труд. Если они не всасывают труда, то они не всасывают и прибавочного труда. Поэтому не происходит увеличения стоимости производительного капитала, пока он находится на том отрезке времени своего производства, который составляет превышение над временем труда, как бы неотделимо ни было совершение процесса увеличения стоимости от этих его перерывов. Ясно, что чем более совпадает друг с другом время производства и время труда, тем больше производительность и увеличение стоимости данного производительного капитала в данный промежуток времени. Отсюда вытекает тенденция капиталистического производства по возможности уменьшить превышение времени производства над временем труда. Но хотя время производства капитала и может отклоняться от времени труда, тем не менее оно всегда включает в себе это последнее, и само это превышение первого над вторым является условием процесса производства. Следовательно, время производства всегда есть то время, в течение которого капитал производит потребительные стоимости и сам возрастает по своей стоимости, т. е. функционирует как производительный капитал, хотя время производства включает в себе и то время, когда капитал либо находится в скрытом состоянии, либо производит продукты, не возрастая по своей стоимости.

В сфере обращения капитал находится в виде товарного капитала и денежного капитала. Два процесса его обращения состоят в том, что он превращается из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму. То обстоятельство, что превращение товара в деньги является здесь в то же время реализацией заключающейся в товаре прибавочной стоимости и что превращение денег в товар есть в то же время превращение или обратное превращение капитальной стоимости в форму элементов ее производства, это обстоятельство совершенно ничего не меняет в том, что эти процессы, как процессы обращения, являются процессами простого метаморфоза товаров.

Время обращения и время производства взаимно исключают друг друга. В течение времени своего обращения капитал не функционирует как производительный капитал и потому не производит ни товара, ни прибавочной стоимости. Если мы рассматриваем кругооборот в самой простой форме, когда вся капитальная стоимость в каждом случае разом переходит из одной фазы в другую, то оче-

видно, что процесс производства, а следовательно, и самовозрастание стоимости капитала, прерывается до тех пор, пока продолжается время его обращения, и что в зависимости от продолжительности последнего процесс производства будет возобновляться быстрее или медленнее. Напротив, если различные части капитала проделывают кругооборот одна за другой, так что кругооборот всей капитальной стоимости осуществляется последовательно в кругообороте ее различных частей, то ясно, что чем длиннее тот промежуток времени, в течение которого составные части капитальной стоимости постоянно задерживаются в сфере обращения, тем меньше будет та ее часть, которая постоянно функционирует в сфере производства. Расширение и сокращение времени обращения играет поэтому роль отрицательного предела для сокращения или расширения времени производства или той степени, в которой капитал данной величины функционирует как производительный капитал. Чем в большей степени метаморфозы обращения капитала являются лишь идеальными, т. е. чем больше время обращения становится равным нулю или приближается к нулю, тем больше функционирует капитал, тем выше становится его производительность и самовозрастание его стоимости. Например, если капиталист работает на заказ, получает плату при поставке продукта, и эта плата производится средствами его собственного производства, то время обращения приближается к нулю.

Итак, время обращения капитала вообще ограничивает время его производства, а потому и процесс увеличения его стоимости. И притом оно ограничивает этот последний пропорционально своей продолжительности. Продолжительность же эта может увеличиваться или уменьшаться в весьма различной степени, а потому в весьма различной степени может ограничивать время производства капитала. Но политическая экономия видит лишь *внешнее проявление*, а именно только влияние времени обращения на процесс увеличения капитала по стоимости вообще. Это отрицательное влияние она принимает за положительное, потому что его последствия положительны. Она тем более цепляется за эту видимость, что эта последняя будто бы доставляет доказательство того, что капитал обладает мистическим источником самовозрастания стоимости, независимым от его процесса производства, а потому и от эксплуатации труда, и что этот источник находится в сфере обращения. Позже мы увидим, как даже научная политическая экономия позволяет обмануть себя этой видимостью. Эта видимость, как позже будет показано, находит себе подкрепление в различных явлениях: 1) В капиталистическом способе исчисления прибыли, при котором отрицательная причина фигурирует в качестве положительной, так как для капиталов, находящихся в таких различных сферах приложения, где различно только время обращения, более продолжительное время обращения действует в качестве причины повышения цен, —

словом, в качестве одной из причин выравнивания прибылей. 2) Время обращения образует лишь часть времени оборота; последнее же заключает в себе время производства, или время воспроизводства. То, что на самом деле своим существованием обязано последнему, кажется обязанным времени обращения. 3) Превращение товаров в переменный капитал (в заработную плату) обусловлено предварительным превращением их в деньги. Следовательно, при накоплении капитала превращение товаров в добавочный переменный капитал совершается в сфере обращения или происходит во время обращения. Поэтому кажется, что именно этому последнему обязано своим происхождением совершившееся накопление.

В сфере обращения капитал, в той или иной последовательности, проходит две противоположные фазы $T - D$ и $D - T$. Время его обращения распадается, таким образом, тоже на две части, на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из товара в деньги, и на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из денег в товар. Уже из анализа простого товарного обращения («Капитал», книга I, глава III) известно, что $T - D$, продажа, является самой трудной частью метаморфоза товара и потому, при обычных условиях, составляет большую часть времени обращения. В виде денег стоимость находится в такой своей форме, которую всегда можно превратить в другую. В виде же товара стоимость лишь посредством превращения в деньги может приобрести форму, способную к непосредственному обмену и потому всегда готовую к деятельности. Между тем в процессе обращения капитала в фазе $D - T$ речь идет о превращении денежного капитала в товары, образующие определенные элементы производительного капитала в данном предприятии. Может случиться, что средств производства нет на рынке и что их еще необходимо произвести или доставить с отдаленных рынков, или что в их обычном предложении произошли перебои, изменение цен и т. д., — словом, может встретиться масса обстоятельств, которых нельзя учесть при простом изменении форм $D - T$, но которые и для этой части фазы обращения требуют то большей, то меньшей затраты времени. Как $T - D$ и $D - T$ разделены во времени, так они могут разделяться и в пространстве, рынок покупок и рынок продаж могут быть пространственно различными рынками. Например, на фабриках закупщик и продавец часто являются даже двумя разными лицами. При товарном производстве обращение столь же необходимо, как и само производство, а следовательно, и агенты обращения столь же необходимы, как и агенты производства. Процесс воспроизводства включает в себя обе функции капитала, а следовательно, и необходимость представления этих функций самим ли капиталистом, наемными ли рабочими, т. е. агентами капиталиста. Однако это вовсе не основание для того, чтобы смешивать агентов обращения с агентами производства, а равно для того, чтобы смешивать функции товарного и

денежного капитала с функциями производительного капитала. Агенты обращения должны оплачиваться агентами производства. Если же капиталисты, покупающие друг у друга и продающие один другому, не создают этим актом ни продуктов, ни стоимости, то это положение нисколько не изменяется, если размеры их предприятий дают им возможность или принуждают их перекладывать на других функции купли-продажи. На некоторых предприятиях закупщики и продавцы оплачиваются тантьемами, т. е. долями в прибыли. Фраза, будто они оплачиваются потребителями, ничего не объясняет. Потребители могут оплачивать лишь постольку, поскольку они сами, как агенты производства, производят эквивалент в виде товаров или присваивают таковой, получая его от агентов производства, будь то на основании того или иного юридического титула (как их компаньоны по обществу и т. д.), или же на основании личных услуг.

Между $T - D$ и $D - T$ существует различие, которое не имеет ничего общего с различием формы товара и формы денег, а вытекает из капиталистического характера производства. Сами по себе $T - D$ и $D - T$ суть простые превращения данной стоимости из одной формы в другую. Но $T' - D'$ есть в то же время реализация содержащейся в T' прибавочной стоимости. Не так обстоит дело с $D - T$. Поэтому продажа важнее купли. При нормальных условиях $D - T$ является актом, необходимым для увеличения выраженной в D стоимости, но не является реализацией прибавочной стоимости; это — введение к ее производству, а не заключительный акт по отношению к этому производству.

Определенные границы для обращения товарного капитала $T' - D'$ ставятся самой формой существования товаров, их существованием в качестве потребительных стоимостей. Последние переходящи по самой своей природе. Поэтому, если в течение известного времени они не вступят в сферу производительного или индивидуального потребления, смотря по тому, каково их назначение, если, другими словами, они не будут проданы в течение определенного времени, то они порвутся и вместе со своей потребительной стоимостью утрачивают свойство быть носителями меновой стоимости. Закрывающаяся в них капитальная стоимость вместе с приросшей к ней прибавочной стоимостью утрачивается. Потребительные стоимости остаются носителями постоянно сохраняющейся и самовозрастающей капитальной стоимости лишь постольку, поскольку они беспрерывно возобновляются и воспроизводятся, возмещаясь новыми потребительными стоимостями того же или иного рода. Но продажа их в форме готовых товаров, следовательно, вступление их при посредстве продажи в производительное или индивидуальное потребление, является постоянно возобновляющимся условием их воспроизводства. В пределах определенного времени они должны сменить свою старую потребительную форму, чтобы продол-

жать существовать в новой. Меновая стоимость сохраняется лишь посредством этого постоянного обновления своего товарного тела. Потребительные стоимости различных товаров портятся быстрее или медленнее; поэтому между их производством и потреблением может пройти больший или меньший промежуток времени. Следовательно, они могут, не подвергаясь опасности уничтожения, более или менее долго оставаться в фазе обращения $T - D$ в виде товарного капитала, могут выдержать в качестве товаров более или менее продолжительное время обращения. Предел времени обращения товарного капитала, обусловливаемый порчей самого тела товара, является абсолютным пределом этой части времени обращения или того времени обращения, в течение которого товарный капитал может существовать как таковой. Чем быстрее портится товар, чем скорее он должен быть потреблен, а следовательно, и продан после его производства, тем на меньшее расстояние от места своего производства он может быть удален, тем, следовательно, пространственно уже сфера его обращения, тем более местный характер носит рынок его сбыта. Поэтому, чем быстрее портится товар, чем ограниченнее абсолютный предел времени его обращения как товара вследствие его физических свойств, тем менее пригоден он быть предметом капиталистического производства. Такой товар может быть захвачен капиталистическим производством только в плотно населенных местностях или же в той мере, в какой одновременно с развитием средств транспорта сокращаются расстояния между местом производства и рынком сбыта. Концентрация же производства какого-нибудь товара в немногих руках и в местностях с густым населением может создать относительно большой рынок также и для таких товаров, как, например, продукты крупных пивоваренных заводов, молочных предприятий и т. д.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ

I. ЧИСТЫЕ ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ

1) ВРЕМЯ КУПЛИ И ПРОДАЖИ

Превращения формы капитала из товара в деньги и из денег в товар являются в то же время торговыми сделками капиталиста, актами купли и продажи. Время, в течение которого совершаются эти превращения формы капитала, субъективно, с точки зрения капиталиста, является временем продажи и купли, т. е. тем временем, в течение которого он функционирует на рынке как продавец и покупатель. Время обращения капитала составляет необходимую часть времени его воспроизводства; точно так же время, в течение которого капиталист покупает и продает, когда он рыщет на рынке, составляет необходимую часть времени его функционирования в качестве капиталиста, т. е. в качестве персонифицированного капитала. Оно составляет часть его делового времени.

{Так как мы приняли, что товары покупаются и продаются по их стоимостям, то при этих актах речь идет лишь о превращении одной и той же стоимости из одной формы в другую, из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму. — речь идет лишь о перемене состояния. Если товары продаются по их стоимостям, то величина стоимости остается неизменной в руках как покупателя, так и продавца; изменяется только форма ее существования. Если же товары продаются не по их стоимостям, то сумма претерпевших превращение стоимостей остается неизменной: то, что является плюсом для одной стороны, есть минус для другой.

Но метаморфозы $T - D$ и $D - T$ суть торговые сделки, которые совершаются между покупателем и продавцом; им требуется время, чтобы договориться о сделке, тем более, что здесь происходит борьба, в которой каждая сторона стремится нанести ущерб другой; друг против друга стоят дельцы, а «when Greek meets Greek then comes the tug of war»*. Изменение состояния стоит времени и рабо-

* «если грек встречается с греком, то происходит боевая схватка»: перефразировка выражения из трагедии английского драматурга XVII в. Н. Ли «Королевы соперницы, или Смерть Александра Великого». *Ред.*

чей силы, но не для того, чтобы создать стоимость, а для того, чтобы совершить превращение стоимости из одной формы в другую. При этом дело нисколько не меняется от взаимных стараний присвоить себе избыточное количество стоимости. Труд этот, злонамеренно преувеличиваемый обеими сторонами, точно так же не создает стоимости, как труд, затраченный на ведение судебного процесса, не увеличивает стоимости объекта тяжбы. Роль этого труда, являющегося необходимым моментом капиталистического процесса производства во всей его совокупности, т. е. когда капиталистический процесс производства включает в себя также и обращение, или когда этот процесс включен в обращение, — роль этого труда такая же, как, например, роль труда, затрачиваемого при сжигании какого-нибудь вещества, которое употребляется для производства тепла. Этот труд по сжиганию не производит тепла, хотя он и является необходимым моментом для процесса горения. Например, чтобы употребить уголь как топливо, я должен соединить его с кислородом и при этом перевести его из твердого состояния в газообразное (так как в углекислом газе, результате горения, уголь находится в газообразном состоянии), следовательно, я должен произвести изменение физической формы его существования или его физического состояния. Образованию нового соединения должно предшествовать отделение молекул углерода, соединенных в одно твердое тело, и распадение самих молекул углерода на их отдельные атомы. Все это стоит известной затраты энергии, которая таким образом не превращается в добавочное количество тепла, а вычитается из него. Поэтому, если товаровладельцы не капиталисты, а самостоятельные непосредственные производители, то время, затрачиваемое ими на куплю и продажу, есть вычет из их рабочего времени. Вот почему они всегда старались (как в древности, так и в средние века) приурочивать такого рода операции к праздничным дням.

Размеры, которые принимает товарооборот в руках капиталистов, конечно, не могут превратить этого труда, не создающего стоимости, лишь опосредствующего перемену формы стоимости, в труд, создающий стоимость. Чудо такого пресуществления труда не может совершиться и вследствие перепоручения его кому-либо, т. е. вследствие того, что промышленные капиталисты, вместо того чтобы самим совершать этот «труд по сжиганию», превращают его в исключительное занятие оплачиваемых ими третьих лиц. Конечно, эти третьи лица не предоставят в их распоряжение своей рабочей силы ради их *beaux yeux* *. Во всяком случае для сборщика ренты, служащего у какого-нибудь землевладельца, или для служителя банка безразлично, что их труд ни на грош не увеличивает величи-

* прекрасных глаз. *Ред.*

ны стоимости ни ренты, ни слитков золота, мешками переносимых в другой банк} ¹⁰⁾.

Купля и продажа становятся главной функцией капиталиста, заставляющего других работать на себя. Так как он присваивает продукт многих, присваивает его в широком общественном масштабе, то в таком же масштабе он должен продавать этот продукт, а потом снова превращать деньги в элементы производства. Но, как и раньше, во время купли и продажи стоимость не создается. Иллюзию создания стоимости здесь порождает функционирование купеческого капитала. Но, если даже не входить в более детальное рассмотрение этого вопроса, само собой ясно, что если какая-нибудь функция, сама по себе не производительная, но являющаяся необходимым моментом воспроизводства, вследствие разделения труда превращается из побочной функции многих в исключительную функцию немногих, в их особое занятие, то от этого сам характер функций не изменится. Возможно, что *один* купец (рассматриваемый здесь просто как агент превращения формы товаров, только как покупатель и продавец) посредством своих операций сокращает для *многих* производителей то время, которое они затрачивали на куплю и продажу. В таком случае его можно рассматривать как машину, уменьшающую бесполезную затрату силы или помогающую высвободить время для производства ¹¹⁾.

Чтобы упростить вопрос (так как мы лишь позже рассмотрим купца как капиталиста и купеческий капитал), мы примем, что агент по купле и продаже является человеком, продающим свой труд. Он расходует свою рабочую силу и свое рабочее время на эти операции $T - D$ и $D - T$. Следовательно, он существует этим так же, как другой существует, например, прядением или приготовлением пилуль. Он выполняет необходимую функцию, потому что сам процесс воспроизводства заключает в себе и непроизводительные функции. Он работает так же, как всякий другой, но содержание его труда таково, что он не создает ни стоимости, ни продукта.

¹⁰⁾ Находящееся в скобках взято из примечания, данного Марксом в конце рукописи VIII.

¹¹⁾ «Торговые издержки, хотя и необходимые, следует рассматривать как убыточную затрату» (*Quesnay*, «Analyse du Tableau Economique». В издании Daire, «Physiocrates», 1-е partie, Paris, 1846, p. 71). — По Кенэ, «прибыль», которую приносит конкуренция между торговцами, а именно благодаря тому, что она вынуждает их «довольствоваться меньшим вознаграждением, или барышом... есть, строго говоря, не что иное, как уменьшение потерь для продавца в первой инстанции и для покупателя-потребителя. Уменьшение же потерь не представляет собой реального продукта или прироста богатства, полученного с помощью торговли, независимо от того, как ее рассматривать, — как просто обмен, т. е. без учета расходов на перевозку, или же совместно с ними» (p. 145—146). «Издержки торговли всегда оплачиваются за счет продавца продуктов, который получал бы всю цену, даваемую за них покупателями... если бы не было промежуточных расходов» (p. 163). Собетвенники и производители — это «salariants», оплачиваемые: купцы — это «saliariés», оплачиваемые, состоящие в найме (p. 164, *Quesnay*, «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans», в издании Daire, «Physiocrates», 1-е partie, Paris, 1846).

Он сам относится к *faux frais* * производства. Он приносит пользу не тем, что превращает непроизводительную функцию в производительную или непроизводительный труд в производительный. Было бы чудом, если бы подобное превращение могло совершиться вследствие такой передачи функции от одного лица к другому. Напротив, он приносит пользу тем, что благодаря его деятельности менее значительная часть рабочей силы и рабочего времени общества затрачивается на эту непроизводительную функцию. Более того. Предположим, что он просто наемный рабочий, хотя бы и лучше оплачиваемый. Как бы ни оплачивался его труд, он как наемный рабочий часть своего времени работает даром. Может быть, он получает ежедневно стоимость, вновь создаваемую за восемь часов, а работает в продолжение десяти часов. Два часа выполняемого им прибавочного труда так же не производят стоимости, как и его восемь часов необходимого труда, хотя вследствие этого необходимого труда ему передается часть общественного продукта. Во-первых, как и прежде, если рассматривать это с точки зрения общества, рабочая сила в продолжение всех десяти часов расходуется только на эту функцию обращения. Рабочая сила не употребляется на что-либо другое; не употребляется она и на производительный труд. Но, во-вторых, общество не оплачивает этих двух часов прибавочного труда, хотя они и были затрачены лицом, работавшим в продолжение этого времени. В силу этого общество не присваивает никакого добавочного продукта или добавочной стоимости. Но издержки обращения, представителем которого является это лицо, уменьшаются на одну пятую: с десяти часов до восьми. Общество не уплачивает никакого эквивалента за пятую часть того действительного времени обращения, агентом которого является данное лицо. Но если этих агентов применяет капиталист, то неоплаченные два часа уменьшают издержки обращения *его* капитала, составляющие вычет из его дохода. Для него — это положительный выигрыш, так как отрицательные границы возрастания стоимости его капитала суживаются. До тех пор, пока мелкие самостоятельные товаропроизводители тратят на куплю и продажу часть своего собственного времени, оно представляет собой или время, затрачиваемое лишь в промежутки их производительной деятельности, или время, представляющее собой вычет из их времени производства:

При всех обстоятельствах время, затрачиваемое на куплю и продажу, является издержками обращения, ничего не прибавляющими к совершающим свое превращение стоимостям. Это — издержки, необходимые для того, чтобы превратить стоимости из товарной формы в денежную форму. Поскольку капиталистический товаропроизводитель выступает в качестве агента обращения, он отличается от непосредственного товаропроизводителя лишь тем, что про-

* — непроизводительным издержкам. *Ред.*

дает и покупает в более крупных масштабах, а потому в более крупном масштабе функционирует как агент обращения. Но если размер предприятия принуждает его или позволяет ему покупать (наимать) особых агентов обращения как наемных рабочих, то сущность дела от этого не меняется. Рабочая сила и рабочее время должны быть в известной степени затрачены на процесс обращения (поскольку он является простой переменной формы). Но теперь эта затрата представляется добавочной затратой капитала; часть переменного капитала приходится затрачивать на покупку этих рабочих сил, функционирующих лишь в сфере обращения. Такое авансирование капитала не создает ни продукта, ни стоимости. Оно *pro tanto* * уменьшает размеры, в которых авансированный капитал функционирует производительно. Это равносильно тому, как если бы часть продукта была превращена в машину, которая покупала бы и продавала бы остальную часть продукта. Эта машина представляет собой вычет из продукта. Она не принимает участия в процессе производства, хотя и может уменьшить в сфере обращения затрату рабочей силы и т. д. Она составляет просто часть издержек обращения.

2) ВЕДЕНИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

Наряду с затратой времени на осуществление купли и продажи, рабочее время расходуется также и на ведение бухгалтерского учета, которое, кроме того, требует затрат и овеществленного труда (перья, чернила, бумага, письменный стол и т. д.), т. е. требует издержек на контору. Следовательно, при выполнении этой функции расходуется, с одной стороны, рабочая сила, с другой стороны — средства труда. Дело здесь обстоит совершенно так же, как со временем, затрачиваемым на куплю и продажу.

Капитал, как единство в своих кругооборотах, как находящаяся в движении стоимость, причем безразлично, пребывает ли она в сфере производства или в двух фазах сферы обращения, капитал как такое единство существует только идеально, в виде счетных денег, прежде всего в голове товаропроизводителя или капиталистического товаропроизводителя. Это движение фиксируется и контролируется посредством ведения бухгалтерского учета, в которое входит также и определение или исчисление товарных цен (калькуляция цен). Таким образом движение производства и в особенности процесс увеличения стоимости, — причем товары фигурируют лишь как носители стоимости, как названия вещей, идеальное существование которых как стоимостей фиксируется в счетных деньгах, — получает символическое изображение в представлении. Пока отдельный товаропроизводитель ведет бухгалтерский учет или

* — соответственно. *Ред.*

только в уме (как, например, крестьянин; лишь капиталистическое земледелие создает фермера, который действительно ведет бухгалтерский учет), или же ведет учет своих расходов, доходов, сроков платежа и т. д. лишь между прочим, в свободное от производства время, до тех пор совершенно ясно, что эта его функция и потребляемые им при этом средства труда, как, например, бумага и т. д., представляют собой дополнительную затрату рабочего времени и средств труда, которые, правда, необходимы, но составляют вычет как из времени, которое он мог бы употребить производительно, так и из средств труда, функционирующих в действительном процессе производства, принимающих участие в образовании продукта и стоимости ¹²⁾. Природа самой этой функции не изменяется ни вследствие того размера, который она приобретает благодаря тому, что концентрируется в руках капиталистического товаропроизводителя и из функции многих мелких товаропроизводителей становится функцией *одного* капиталиста, функцией в процессе производства, ведущегося в крупном масштабе, ни вследствие отделения ее от производительных функций, придатком к которым она была, ни вследствие ее выделения в самостоятельную функцию особых агентов, которым она исключительно поручается.

Разделение труда, выделение какой-либо функции в самостоятельную еще не делает ее функцией, производящей продукт и стоимость, если она не была таковой сама по себе, т. е. еще до выделения ее в самостоятельную функцию. Капиталист, вновь вкладывающий свой капитал, должен употребить часть капитала на наем бухгалтера и т. д. и на покупку средств для ведения бухгалтерского учета. Если его капитал уже функционирует, находится в постоянном процессе своего воспроизводства, то капиталист, превращая часть товарного продукта в деньги, должен постоянно снова затрачивать эту часть на содержание бухгалтера, конторщиков и т. п. Эта часть капитала отвлекается от процесса производства и принадлежит к издержкам обращения, к вычетам из общей выручки. (То же следует сказать о самой рабочей силе, которая применяется исключительно для выполнения этой функции.)

Все же есть некоторое различие между издержками по ведению учета, т. е. между непроизводительной затратой на это рабочего времени, с одной стороны, и издержками времени просто на куплю и

¹²⁾ В средние века бухгалтерский учет ведения сельского хозяйства имел место только в монастырях. Однако мы видели («Капитал», книга I, с. 343 ³⁴⁾), что уже в древнеиндийских общинах фигурирует бухгалтер по учету ведения сельскохозяйственного производства. Ведение бухгалтерского учета выделено здесь в исключительную функцию должностного лица общины. Благодаря такому разделению труда сберегаются время, труд и расходы, но производство и бухгалтерский учет хода производства остаются такими же различными вещами, как погрузка корабля и составление квитанции на груз. В лице бухгалтера часть рабочей силы общины отделена от производства, и издержки, связанные с его деятельностью, возмещаются не его собственным трудом, а вычетом из общинного продукта. С бухгалтером капиталиста дело обстоит *mutatis mutandis* [с соответствующими изменениями] так же, как и с бухгалтером индийской общины. {Из рукописи II.}

продажу — с другой стороны. Последние вытекают лишь из определенной общественной формы процесса производства, из того, что это — процесс производства товаров. Бухгалтерский учет как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса становится тем необходимее, чем более процесс производства совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер; следовательно, ведение бухгалтерского учета более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при общественном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки по ведению бухгалтерского учета сокращаются вместе с концентрацией производства и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство.

Речь идет здесь лишь об общем характере издержек обращения, проистекающих только из метаморфоза форм. Здесь излишне входить во все детальные формы этих издержек. Но насколько эти формы издержек, относящиеся к области чистого превращения форм и вытекающие, следовательно, из определенной общественной формы процесса производства, насколько эти формы, которые для индивидуального товаропроизводителя являются лишь мимолетными и едва заметными моментами и протекают наряду с его производительными функциями или переплетаются с ними, насколько они могут поражать взор, выступая как массовые издержки обращения, — это видно на примере простого приема и выдачи денег, когда эта операция обособлена и сконцентрирована в крупном масштабе в качестве исключительной функции банков и т. д. или кассира на отдельном предприятии. Но следует твердо запомнить, что эти издержки обращения, изменяя свой вид, не изменяют своего характера.

3) ДЕНЬГИ

Производится ли какой-либо продукт как товар или не как товар, он всегда является вещественной формой богатства, потребительной стоимостью, предназначенной для индивидуального или производительного потребления. Его стоимость как товара идеально существует в цене, которая ничего не изменяет в его действительной потребительной форме. То обстоятельство, что определенные товары, как-то золото и серебро, функционируют в качестве денег и как таковые пребывают исключительно в процессе обращения (в качестве сокровища, резерва и т. д. они также остаются, хотя и в скрытом виде, в сфере обращения) — это обстоятельство является всецело продуктом определенной общественной формы процесса производства, а именно процесса производства товаров. Так как на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта; так как подавляющая масса продукта произ-

водится как товар и потому должна принимать форму денег; так как, следовательно, масса товаров, т. е. та часть общественного богатства, которая функционирует как товар, непрерывно растет, — то здесь увеличивается также количество золота и серебра, функционирующих в качестве средств обращения, средств платежа, резерва и т. д. Эти товары, функционирующие как деньги, не входят ни в индивидуальное, ни в производительное потребление. Это — общественный труд, фиксированный в такой форме, в которой он служит только как машина для обращения. Помимо того, что часть общественного богатства удерживается в этой непроизводительной форме, износ денег требует постоянного возмещения их или превращения большего количества общественного труда — в форме продукта — в большие количества золота и серебра. Эти издержки возмещения достигают значительных размеров у капиталистически развитых наций, так как часть богатства, находящаяся в форме денег, вообще велика. Золото и серебро как денежные товары представляют для общества издержки обращения, вытекающие лишь из общественной формы производства. Это — *faux frais* * товарного производства, вообще возрастающие с развитием товарного производства и, в особенности, капиталистического производства. Это — часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения ¹³⁾.

II. ИЗДЕРЖКИ ПО ХРАНЕНИЮ

Издержки обращения, вытекающие из простого изменения формы стоимости, из обращения, рассматриваемого в чистом виде, не входят в стоимость товаров. Затрачиваемые таким образом части капитала являются, поскольку мы имеем в виду капиталиста, простыми вычетами из производительно затрачиваемого капитала. Иную природу имеют те издержки обращения, которые мы сейчас рассмотрим. Они могут вытекать из процессов производства, которые только продолжают в обращении и производительный характер которых, следовательно, лишь затушевывается формой обращения. С другой стороны, с общественной точки зрения, они могут быть чистыми издержками, непроизводительным расходом живого или овеществленного труда, но именно как раз благодаря этому они могут действовать таким образом, что создают стоимость для индивидуального капиталиста, образуют надбавку к продажной цене его товара. Последнее следует уже из того, что эти издержки

* - непроизводительные издержки. *Ред.*

¹³⁾ «Обращающиеся в стране деньги представляют собой известную часть капитала страны, абсолютно изъятую из производства для того, чтобы облегчить или увеличить производительность остальной части; следовательно, известная сумма богатства так же необходима для того, чтобы золото могло играть роль средства обращения, как она необходима для того, чтобы сделать машину с целью облегчения какого-либо другого производства» («Economist» ³⁵, vol. V, p. 520).

различны в различных сферах производства, а иногда различны и для различных индивидуальных капиталов в пределах одной и той же сферы производства. Образуя надбавку к цене товара, они распределяются сообразно с тем, в каком размере падают на индивидуальных капиталистов. Но всякий труд, присоединяющий стоимость, может присоединять также и прибавочную стоимость и на основе капиталистического производства всегда будет присоединять прибавочную стоимость, потому что создаваемая им стоимость зависит от его собственной величины, а создаваемая им прибавочная стоимость — от того размера, в котором капиталист оплачивает труд. Таким образом издержки, которые удорожают товар, ничего не прибавляя к его потребительной стоимости, и, следовательно, для общества составляют *faux frais* производства, для индивидуального капиталиста могут составлять источник обогащения. С другой стороны, эти издержки обращения не утрачивают характера непродизводительных издержек от того, что надбавка, которую они присоединяют к цене товаров, лишь равномерно распределяет эти издержки. Например, страховые общества распределяют потери индивидуальных капиталистов на весь класс капиталистов. Однако это не мешает потерям, уравниваемым таким способом, по-прежнему оставаться потерями по отношению ко всему общественному капиталу.

1) ОБРАЗОВАНИЕ ЗАПАСА ВООБЩЕ

В течение того времени, пока продукт существует в виде товарного капитала или пока он пребывает на рынке, т. е. в течение всего промежутка времени между процессом производства, из которого продукт выходит, и процессом потребления, в который он входит, продукт образует товарный запас. В качестве товара на рынке и, следовательно, в форме запаса, товарный капитал дважды появляется в каждом кругообороте: сначала как товарный продукт того самого находящегося в движении капитала, кругооборот которого рассматривается; затем, напротив, как товарный продукт другого капитала, как продукт, который должен находиться на рынке для того, чтобы его можно было купить и превратить в производительный капитал. Возможно, конечно, что этот последний товарный капитал производится только по заказу. Тогда наступает перерыв на все то время, в течение которого он производится. Но ход процесса производства и воспроизводства требует, чтобы известная масса товаров (средств производства) постоянно находилась на рынке и, следовательно, составляла запас. Точно так же производительный капитал включает закупку рабочей силы, и денежная форма является здесь лишь формой стоимости жизненных средств, большую часть которых рабочему приходится находить на рынке. Ниже в этом параграфе мы более подробно остановимся на этом вопросе.

Но уже здесь ясно следующее. Если рассматривать это с точки зрения находящейся в движении капитальной стоимости, которая превратилась в товарный продукт и теперь должна быть продана, т. е. должна быть превращена обратно в деньги, которая, следовательно, функционирует теперь на рынке в качестве товарного капитала, то такое состояние товарного капитала, при котором он образует запас, представляет собой нецелесообразное, вынужденное пребывание на рынке. Чем быстрее совершается продажа, тем быстрее протекает процесс воспроизводства. Задержка в превращении формы $T' - D'$ препятствует действительному обмену веществ, который должен совершиться в кругообороте капитала, и дальнейшему функционированию последнего в качестве производительного капитала. С другой стороны, постоянное наличие товара на рынке, т. е. товарный запас, является по отношению к $D - T$ условием, без которого не может протекать ни процесс воспроизводства, ни применение нового или добавочного капитала.

Для того чтобы товарный капитал мог оставаться на рынке в качестве товарного запаса, требуются различные постройки, магазины, хранилища товаров, товарные склады, требуется, следовательно, затрата постоянного капитала, а также оплата рабочей силы, необходимой для того, чтобы складывать товары в хранилища. Кроме того, товары портятся и подвергаются вредным стихийным воздействиям. Чтобы предохранить их от этого, приходится затрачивать добавочный капитал частью на средства труда в предметной форме, частью на рабочую силу¹⁴⁾.

Итак, существование капитала в форме товарного капитала и, следовательно, в качестве товарного запаса, вызывает издержки, которые, так как они принадлежат не к сфере производства, считаются издержками обращения. Эти издержки обращения отличаются от приведенных в пункте I тем, что они в известной степени входят в стоимость товаров и, следовательно, удорожают товары. При всех обстоятельствах капитал и рабочая сила, служащие для содержания и хранения товарного запаса, отвлечены от непосредственного процесса производства. С другой стороны, капиталы, вложенные сюда, включая и рабочую силу как составную часть капитала, должны быть возмещены из общественного продукта. Поэтому затрата их действует так же, как уменьшение производительной силы труда, так что для получения определенного полезного эффекта

¹⁴⁾ Корбет в 1841 г. высчитал издержки по хранению пшеницы в продолжение сезона в 9 месяцев; потери ее количества составляют $1/2\%$, 3% составляют издержки на проценты под цену пшеницы, 2% — за наем складов, 1% за ссыпку и плату за погрузку, $1/2\%$ на труд по выгрузке, итого 7%, или, при цене пшеницы в 50 шиллингов, 3 шилл. 6 пенса за квартал. (*The Corbet. «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals etc.»*, London, 1841, [p. 140].) По показаниям ливерпульских купцов, данным перед железнодорожной комиссией, (чистые) непроизводительные издержки по хранению зерна составляли в 1865 г. 2 пенса за квартал, или 9—10 пенсов за тонну в месяц («Royal Commission on Railways», 1867. Evidence. p. 19, N 331).

требуется большее количество капитала и труда. Это — *непроизводительные издержки* [*Unkosten*].

Поскольку же издержки обращения, обусловленные образованием товарного запаса, вытекают лишь из продолжительности периода, в течение которого имеющиеся в наличии стоимости превращаются из товарной формы в денежную форму, следовательно, поскольку издержки обращения вытекают лишь из определенной общественной формы процесса производства (только из того, что продукт производится как товар и потому должен проделать превращение в деньги), постольку они по своему характеру совершенно тождественны с издержками обращения, перечисленными в пункте I. С другой стороны, стоимость товаров при этом сохраняется или увеличивается только потому, что потребительная стоимость, самый продукт, ставится в такие определенные предметные условия, которые вызывают затрату капитала, продукт подвергается таким операциям, посредством которых на потребительные стоимости воздействует добавочный труд. Напротив, исчисление товарных стоимостей, ведение бухгалтерского учета этого процесса, операции по купле и продаже не воздействуют на потребительную стоимость, в которой существует товарная стоимость. Все эти операции имеют отношение лишь к форме товарной стоимости. Поэтому, хотя в вышеуказанном случае * эти непроизводительные издержки по образованию запаса (которое в данном случае является вынужденным) вытекают только из задержки в превращении формы и из необходимости этого последнего, они все же отличаются от непроизводительных издержек, рассмотренных в пункте I, тем, что целью их является не превращение формы стоимости, а сохранение стоимости, которая существует в товаре как в продукте, как в потребительной стоимости и которая поэтому может быть сохранена только посредством сохранения продукта, сохранения самой потребительной стоимости. Потребительная стоимость здесь не повышается и не увеличивается. Напротив, она уменьшается. Но уменьшение ее ставится в известные пределы, и она сохраняется. Существующая в товаре авансированная стоимость здесь тоже не повышается, но к ней присоединяется новый труд как овестьвленный, так и живой.

Теперь необходимо еще исследовать, насколько эти непроизводительные издержки обязаны своим происхождением своеобразному характеру товарного производства вообще и товарного производства в его всеобщей абсолютной форме, т. е. капиталистического товарного производства; насколько, с другой стороны, они присущи всякому общественному производству, а здесь, при капиталистическом производстве, только принимают особый вид, особую форму проявления.

* Маркс имеет в виду подсчеты Т. Корбета, приведенные выше в подстрочном примечании 14. *Ред.*

А. Смит выдвинул нелепое положение, будто образование запаса является специфическим признаком капиталистического производства¹⁵⁾. Более поздние экономисты, как, например, Лалор, наоборот, утверждают, что с развитием капиталистического производства образование запаса уменьшается. Сисмонди усматривает в этом даже теневую сторону капиталистического производства³⁷⁾.

В действительности запас существует в трех формах: в форме производительного капитала, в форме фонда индивидуального потребления и в форме товарного запаса или товарного капитала. Когда увеличивается запас в одной форме, то запас в другой форме относительно уменьшается, хотя по своей абсолютной величине он может одновременно возрастать во всех трех формах.

Само собой ясно, что там, где производство направлено непосредственно на удовлетворение собственной потребности и где продукт лишь в незначительной части производится для обмена или продажи, следовательно, где общественный продукт совсем не принимает формы товара или принимает ее лишь в небольшой своей части, там запас в форме товара, или товарный запас, образует лишь незначительную и незаметную часть богатства. Что касается фонда потребления, то он здесь относительно велик, особенно фонд собственно жизненных средств. Достаточно напомнить только о старинном крестьянском хозяйстве. Преобладающая часть продукта превращается здесь непосредственно, не образуя товарного запаса, — именно потому, что она остается в руках своего владельца, — в запасные средства производства или в запасные жизненные средства. Она не принимает формы товарного запаса, и именно поэтому, по мнению А. Смита, в обществах, основанных на таком способе производства, не существует никакого запаса. А. Смит смешивает форму запаса с самим запасом и думает, что до сих пор общество существовало, перебиваясь со дня на день, или же полагалось на случайности завтрашнего дня¹⁶⁾. Это — наивное недоразумение.

Запас в форме производительного капитала существует в форме средств производства, находящихся уже в процессе производства или, по меньшей мере, в руках производителя, т. е. в скрытом виде

¹⁵⁾ Book II. Introduction ³⁶⁾.

¹⁶⁾ А. Смит воображает, что образование запаса вытекает лишь из превращения продукта в товар и потребительного запаса в товарный запас. В действительности же, напротив, эта перемена формы вызывает сильнейшие кризисы в хозяйстве производителей во время перехода от производства для собственного потребления к товарному производству. В Индии, например, вплоть до последнего времени сохранился обычай складывать в амбары большие количества зерна, за которое в годы изобильного урожая немного можно было бы выручить» (Return. Bengal and Orissa Famine, H. of C., 1867, I, p. 230—231, № 74). Внезапно возросший вследствие Гражданской войны в Америке спрос на хлопок, джут и т. д. вызвал во многих частях Индии сильное сокращение возделывания риса, повышение цен на рис и продажу производителями старых запасов риса. В 1864—1866 гг. к этому присоединился беспримерный вывоз риса в Австралию, на Мадагаскар и т. д. Отсюда острый характер голода 1866 г., который в одном лишь округе Орисса унес жизнь 1 го миллиона человек I с., p. 174, 175, 213, 214 и III: «Papers relating to the Famine in Behar», p. 32, 33, где в числе причин голода особо отмечается «истощение старых запасов»). (Из рукописи III.

уже в процессе производства. Мы видели раньше, что вместе с развитием производительности труда, а следовательно, и капиталистического способа производства, развивающего общественную производительную силу труда более, чем все прежние способы производства, постоянно возрастает масса средств производства, раз навсегда вошедших в форму средств труда в процесс производства и постоянно снова и снова функционирующих в нем в течение более или менее продолжительного периода времени (здания, машины и т. д.); мы видели также, что рост этих средств производства является как предпосылкой, так и следствием развития общественной производительной силы труда. Не только абсолютный, но и относительный рост богатства в этой форме (ср. «Капитал», книга I, гл. XXIII, 2³⁸) характерен прежде всего для капиталистического способа производства. Однако вещественные формы существования постоянного капитала, т. е. средства производства, состоят не только из такого рода средств труда, но также из материала труда на самых различных ступенях его обработки и из вспомогательных материалов. Вместе с ростом масштаба производства и с повышением производительной силы труда посредством кооперации, разделения труда, применения машин и т. д. увеличивается и масса сырья, вспомогательных материалов и т. д., входящих в ежедневный процесс воспроизводства. Эти элементы должны иметься в наличии на месте производства. Таким образом размеры этого запаса, существующего в форме производительного капитала, абсолютно возрастают. Чтобы процесс производства протекал непрерывно — совершенно независимо от того, возобновляется ли этот запас ежедневно или только через определенные сроки, — необходимо, чтобы на месте производства постоянно имелся в наличии больший запас сырья и т. д., чем его потребляется, например, ежедневно или еженедельно. Непрерывность процесса требует, чтобы наличие необходимых для него условий не зависело ни от возможных перерывов при ежедневных закупках, ни от того, что товарный продукт продается ежедневно или еженедельно и поэтому только нерегулярно может превращаться обратно в элементы его производства. Между тем очевидно, что производительный капитал в весьма различных размерах может быть в скрытом состоянии или составлять запас. Например, большая разница, должен ли фабрикант-прядильщик иметь наготове запас хлопка или угля на три или на один месяц. Таким образом очевидно, что этот запас относительно может уменьшиться, хотя абсолютно он увеличивается.

Это зависит от различных условий, которые по существу все сводятся к большей скорости, регулярности и надежности, с которыми может быть доставлена масса сырья, необходимая для того, чтобы никогда не произошло перерыва в процессе производства. Чем меньше соблюдаются эти условия, следовательно, чем меньше надежность, регулярность и скорость доставки, тем значительно

должна быть у производителя скрытая часть производительного капитала, т. е. еще ожидающий своей обработки запас сырья и т. д. Эти условия, а следовательно, и размеры самого запаса в этой форме находятся в обратном отношении к уровню развития капиталистического производства, а потому и производительной силы общественного труда.

Между тем то, что здесь представляется уменьшением запаса (например, для Лалора), отчасти является лишь уменьшением запаса в форме товарного капитала, или собственно товарного запаса. Следовательно, это лишь изменение формы того же запаса. Если, например, количество угля, ежедневно добываемого в данной стране, велико, если, следовательно, размеры и интенсивность добычи угля велики, то фабриканту-прядильщику не требуется большого запаса угля на складе для обеспечения непрерывности своего производства. Подвоз угля, который постоянно и регулярно возобновляется, делает это излишним. Во-вторых, быстрота, с которой продукт одного процесса может перейти в качестве средства производства в другой, зависит от развития средств транспорта и сношений. Дешевизна транспорта играет при этом большую роль. Постоянно возобновляемый подвоз, например, угля от шахты к прядильне обошелся бы дороже, чем снабжение более значительным количеством угля на более долгий промежуток времени при относительно более дешевом транспорте. Оба эти обстоятельства, рассмотренные нами до сих пор, обуславливаются самим процессом производства. В-третьих, известное влияние оказывает развитие кредитной системы. Чем в меньшей зависимости находится фабрикант-прядильщик при возобновлении своих запасов хлопка, угля и т. д. от непосредственной продажи своей пряжи, — а чем более развита система кредита, тем меньше эта непосредственная зависимость, — тем меньше может быть относительная величина этих его запасов, чтобы обеспечить безостановочное производство пряжи в данном масштабе, чтобы сделать его независимым от случайностей продажи пряжи. Но, в-четвертых, многие виды сырья, полуфабрикаты и т. д. требуют для своего производства более продолжительных периодов времени. В особенности это относится ко всем тем видам сырья, которые доставляет земледелие. Следовательно, чтобы не произошло перерыва в процессе производства, должен иметься в наличии определенный запас таких видов сырья на весь период времени, в течение которого новый продукт не может заместить старый. Если этот запас уменьшается в руках промышленного капиталиста, то это только означает, что он увеличивается в форме товарного запаса в руках купца. Развитие средств транспорта позволяет, например, быстро перевозить из Ливерпуля в Манчестер хлопок, лежащий в порту, в который он ввозится. Таким образом фабрикант может, смотря по потребности, возобновлять свой запас хлопка относительно небольшими частями. Но зато тем большая

масса этого самого хлопка будет находиться в виде товарного запаса в руках ливерпульских купцов. Следовательно, здесь происходит просто изменение формы запаса, что упускают из виду Лалор и другие. А если рассматривать общественный капитал, то в обоих случаях одна и та же масса продукта существует в форме запаса. С развитием средств транспорта для отдельной страны уменьшаются размеры той необходимой массы, которая должна быть заготовлена, например, на год. Если между Америкой и Англией совершают свои рейсы многочисленные пароходы и парусные суда, то в Англии можно будет чаще возобновлять запас хлопка, и таким образом уменьшается средний размер того запаса хлопка, который должен лежать на складах в Англии. Точно такое же влияние оказывает развитие мирового рынка и, следовательно, увеличение числа источников получения одного и того же товара. Товар ввозится по частям из различных стран и в различные сроки.

2) СОБСТВЕННО ТОВАРНЫЙ ЗАПАС

Мы уже видели, что на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта и становится тем больше, чем больше это производство развивается по размерам и в глубину. Следовательно, — даже при одинаковых размерах производства, — часть продукта, существующая в виде товара, становится значительно больше, чем она была при прежних способах производства или при капиталистическом способе производства на более низкой ступени развития. Но всякий товар, — а следовательно, и всякий товарный капитал, который тоже представляет собой только товар, являющийся формой существования капитальной стоимости, — всякий товар, если он непосредственно не переходит из сферы своего производства в сферу производительного или индивидуального потребления, т. е. всякий товар, пока он находится на рынке, образует элемент товарного запаса. Поэтому вместе с развитием капиталистического производства — даже при неизменных размерах производства — возрастает и товарный запас сам по себе (т. е. возрастает это обособление и закрепление товарной формы продукта). Мы уже видели, что это — лишь изменение формы запаса: на одной стороне запас в товарной форме увеличивается только потому, что на другой стороне, в форме прямого запаса для производства или потребления, он уменьшается. Это — лишь измененная общественная форма запаса. Если вместе с тем возрастает не только относительная величина товарного запаса по сравнению со всем общественным продуктом, но также и его абсолютная величина, то это происходит потому, что вместе с развитием капиталистического производства возрастает и масса всего продукта.

С развитием капиталистического производства масштаб производства все в меньшей степени определяется непосредственным

спросом на продукт и все в большей степени определяется размерами капитала, которым располагает индивидуальный капиталист, стремлением его капитала к возрастанию по своей стоимости и необходимостью того, чтобы его процесс производства шел непрерывно и в расширенном масштабе. Вместе с тем в каждой отдельной отрасли производства необходимо возрастает масса продукта, которая находится на рынке в виде товара или ищет сбыта. Растет масса капитала, фиксированная на более или менее продолжительное время в форме товарного капитала. Поэтому возрастает товарный запас.

Наконец, большая часть общества превращается в наемных рабочих, в людей, которые живут, перебиваясь со дня на день, получают свою заработную плату еженедельно и расходуют ее ежедневно, которые, следовательно, должны находить на рынке средства к жизни, имеющиеся в виде запаса. Как бы ни велика была текучесть отдельных элементов этого запаса, все же часть их должна постоянно оставаться без движения, чтобы весь запас мог всегда находиться в движении:

Все эти моменты вытекают из формы производства и предполагаемого ею превращения формы, которое продукт должен проделать в процессе обращения.

Какова бы ни была общественная форма запаса продуктов, его сохранение требует издержек: построек, тары и т. д. для хранения продукта; оно требует также, в зависимости от природы продукта, больше или меньше труда и средств производства, которые приходится затрачивать для предотвращения вредных влияний. Чем выше общественная концентрация запасов, тем относительно меньше становятся эти издержки. Эти затраты всегда составляют часть общественного труда в овеществленной или живой форме, — следовательно, в капиталистической форме они представляют собой затраты капитала, — которые не принимают участия в самом образовании продукта и потому являются вычетом из продукта. Они необходимы, эти непроизводительные издержки общественного богатства. Это — издержки по сохранению общественного продукта, независимо от того, вытекает ли существование последнего в качестве элемента товарного запаса лишь из общественной формы производства, следовательно, из товарной формы и ее необходимых превращений, или же мы будем рассматривать товарный запас только как специальную форму запаса продуктов, присущего всем обществам, хотя бы такой запас и не имел формы *товарного* запаса, этой формы запаса продуктов, относящейся к процессу обращения.

Теперь спрашивается, в какой мере эти издержки входят в стоимость товаров?

Если капиталист свой капитал, авансированный на средства производства и рабочую силу, превратил в продукт, в предназначенную для продажи массу готовых товаров, и она остается на

складах непроданной, то на это время останавливается не только процесс возрастания его капитала по стоимости. Расходы на постройки, на добавочный труд и т. д., которых требует сохранение этого запаса, составляют прямую потерю. Покупатель, который, наконец, явился бы, осмелел бы капиталиста, если последний скажет: мой товар не продавался в продолжение шести месяцев, и сохранение его в продолжение этих шести месяцев не только заставило праздно лежать такое-то количество моего капитала, но, кроме того, потребовало от меня x непроизводительных издержек. Tant pis pour vous *, скажет покупатель. Рядом с вами есть другой продавец, товар которого произведен лишь позавчера. Ваш товар — залежь и, вероятно, более или менее попорчен временем. Поэтому вы должны продавать дешевле, чем ваш соперник. — Условия существования товара ничуть не изменяются от того, является ли товаро-производитель действительным производителем своего товара или капиталистическим производителем, т. е. по существу лишь представителем действительных производителей. Он должен превратить свою вещь в деньги. Непроизводительные издержки, вызванные фиксированием ее в товарной форме, относятся к области его личного риска, до которого покупателю товара нет никакого дела. Последний не оплачивает ему времени обращения его товара. Даже в тех случаях, когда капиталист преднамеренно задерживает свой товар вне рынка во время действительной или ожидаемой революции в стоимости, даже в таких случаях лишь от действительного наступления этой революции, от правильности или неправильности его спекулятивных расчетов зависит, реализует ли он свои дополнительные непроизводительные издержки. Но революция в стоимости не является следствием его непроизводительных издержек. Итак, поскольку образование запаса представляет собой приостановку обращения, то вызванные этим издержки не прибавляют к товару никакой стоимости. С другой стороны, никакой запас не может существовать без пребывания в сфере обращения, без более или менее продолжительного пребывания капитала в его товарной форме; следовательно, невозможен запас без приостановки обращения, — совершенно так же, как невозможно обращение денег без образования денежного резерва. Таким образом, без товарного запаса невозможно товарное обращение. Если необходимость образования запаса не возникает для капиталиста в $T' - D'$, то она появляется для него в $D - T$; если она не возникает по отношению к его товарному капиталу, то возникает по отношению к товарному капиталу других капиталистов, которые производят средства производства для него самого и жизненные средства для его рабочих.

Казалось бы, сущность дела не может измениться от того, происходит ли образование запаса добровольно или недобровольно,

* Тем хуже для вас. *Ред.*

т. е. преднамеренно ли товаропроизводитель держит запас или же его товары образуют запас вследствие того сопротивления, которое оказывают продаже товара условия самого процесса обращения. Тем не менее для решения этого вопроса полезно знать, чем отличается добровольное образование запаса от вынужденного. Вынужденное образование запаса вытекает из приостановки обращения или тождественно с приостановкой обращения, не зависящей от предвидения капиталиста и противоречащей его воле. Что характеризует добровольное образование запаса? В обоих случаях продавец старается возможно быстрее сбыть свой товар. Он постоянно предлагает продукт как товар. Если он воздержится от продажи, то продукт образует лишь возможный (*δυνάμει*), а не действительный (*ἐντελέχεια*) элемент товарного запаса. Товар как таковой по-прежнему является для него лишь носителем меновой стоимости, а в этом своем качестве он может действовать лишь посредством и после сбрасывания с себя товарной формы, лишь после того, как он примет денежную форму.

Товарный запас должен достичь известных размеров, чтобы в течение данного периода соответствовать размерам спроса. При этом приходится рассчитывать на постоянное расширение круга покупателей. Например, чтобы быть достаточной на день, часть находящихся на рынке товаров должна постоянно задерживаться в товарной форме, в то время как другая течет, превращается в деньги. Притом та часть, которая застаивается, — в то время как другая течет, — постоянно уменьшается, как уменьшаются и размеры самого запаса, пока он весь не будет распродан. Таким образом, задержка товаров здесь принята в расчет как необходимое условие их продажи. Далее, размеры запаса должны быть больше, чем средние размеры продажи или средние размеры спроса. Иначе невозможно было бы покрывать превышения спроса над его средним размером. С другой стороны, запас должен постоянно возобновляться, так как он постоянно расходуется. Это возобновление в конечном счете осуществляется лишь посредством производства, посредством подвоза товаров. Поступают ли эти товары из-за границы или не из-за границы, это несколько не меняет дела. Возобновление зависит от продолжительности времени, требующегося на воспроизводство товаров. Товарного запаса должно хватить на все это время. То обстоятельство, что он не остается в руках первоначальных производителей, а проходит через различные хранилища, начиная с оптового купца и до розничного продавца, меняет не существо дела, а лишь его внешнее проявление. С точки зрения общества в обоих случаях часть капитала остается в форме товарного запаса до тех пор, пока товар не вступит в сферу производственного или индивидуального потребления. Сам производитель старается иметь на складе товарный запас в размере, соответствующем среднему спросу на его товар, чтобы устранить непосредственную

зависимость от производства и обеспечить себе постоянный круг покупателей. Соответственно периодам производства устанавливаются сроки покупок, и товары в продолжение большего или меньшего времени образуют запас, пока их не заменят новые экземпляры того же рода. Только посредством такого образования запаса обеспечивается постоянство и непрерывность процесса обращения, а потому и процесса воспроизводства, включающего в себя и процесс обращения.

Необходимо напомнить, что T' D' может уже совершиться для производителя T , хотя T все еще находится на рынке. Если бы сам производитель захотел держать собственный товар у себя на складе до того времени, пока он не будет продан окончательному потребителю, то ему пришлось бы привести в движение двойной капитал: один как производителю товара, другой — как купцу. Для самого товара — независимо от того, рассматривать ли его как отдельный товар или как составную часть общественного капитала — дело совершенно не меняется от того, падают ли издержки по образованию запаса на производителя товара или на ряд купцов, начиная с A и кончая Z .

Поскольку товарный запас есть не что иное, как товарная форма продукта, который при данном масштабе общественного производства, не существуя в форме запаса товарного, все равно существовал бы или как производственный запас (скрытый производственный фонд), или как фонд потребления (запас предметов потребления), постольку и издержки, вызываемые сохранением запаса, следовательно, издержки по образованию запаса, т. е. употребляемый с этой целью овеществленный или живой труд, являются просто транспонированными издержками по сохранению общественного производственного фонда или общественного фонда потребления. Повышение стоимости товара, вызываемое ими, только распределяет эти издержки *pro rata* * между различными товарами, так как они различны для различных видов товаров. Издержки по образованию запаса по-прежнему остаются вычетами из общественного богатства, хотя они и являются одним из условий его существования.

Лишь поскольку товарный запас является условием товарного обращения и даже формой, необходимо возникающей в товарном обращении, следовательно, поскольку этот кажущийся застой является формой самого движения, — подобно тому как образование денежного резерва есть условие денежного обращения, — лишь постольку этот застой является нормальным. Напротив, поскольку товары, задержавшиеся в резервуарах обращения, не освобождают места для следующей волны производства и, таким образом, резервуары переполняются, постольку товарный запас увеличивается

* - пропорционально. *Ред.*

вследствие задержки обращения, совершенно так же, как растут размеры сокровища, когда происходит задержка в обращении денег. При этом безразлично, происходит ли эта задержка на складах промышленного капиталиста или на складах купца. В таком случае товарный запас является уже не условием непрерывной продажи, а следствием того обстоятельства, что товары не удается продать. Издержки остаются те же, но так как теперь они вытекают исключительно из формы, а именно из необходимости превратить товары в деньги, и из затруднительности этого метаморфоза, то они не входят в стоимость товара, а представляют собой вычет, потерю стоимости при реализации стоимости. Так как нормальная и аномальная формы запаса по форме не отличаются одна от другой и обе представляют собой приостановку обращения, то эти явления могут быть приняты одно за другое. Самих агентов производства они могут ввести в заблуждение тем легче, что для производителя процесс обращения его капитала может протекать прежним порядком, хотя процесс обращения его товаров, перешедших в руки купцов, приостановился. Если увеличиваются размеры производства и потребления, то, при прочих равных условиях, увеличивается и размер товарного запаса. Он обновляется и поглощается с прежней скоростью, но его размеры становятся больше. Таким образом, размер товарного запаса, вздутый вследствие приостановки обращения, может быть ошибочно принят за симптом расширения процесса воспроизводства; эта ошибка становится возможной в особенности тогда, когда с развитием системы кредита действительное движение может мистифицироваться.

Издержки по образованию запаса состоят 1) из количественного уменьшения массы продукта (как, например, при образовании запаса муки); 2) из порчи качества; 3) из овеществленного или живого труда, которого требует сохранение запаса.

III. ТРАНСПОРТНЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Здесь нет необходимости входить во все детали издержек обращения, каковы, например, упаковка, сортировка и т. д. Общий закон заключается в том, что *все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости.* Это — просто издержки по реализации стоимости, или издержки, необходимые для того, чтобы перевести ее из одной формы в другую. Израсходованный на эти издержки капитал (включая и подчиненный ему труд) принадлежит к *faux frais* капиталистического производства. Возмещение этих издержек должно воспоследовать из прибавочного продукта и составляет, если рассматривать весь класс капиталистов, вычет из прибавочной стоимости или прибавочного продукта; совершенно так же, как то время, которое требуется рабочему для покупки жизненных средств,

является для него потерянным временем. Но транспортные издержки играют слишком важную роль, и потому здесь необходимо кратко остановиться на них.

В кругообороте капитала и в процессе товарного метаморфоза, составляющего часть этого кругооборота, происходит обмен веществ общественного труда. Этот обмен веществ может обуславливать перемещение продуктов, их действительное передвижение с одного места на другое. Но обращение товаров может происходить и без их физического передвижения, а перевозка продуктов — без товарного обращения и даже без непосредственного обмена продуктов. Дом, который *А* продает *В*, обращается как товар, но он недвижимо стоит на своем месте. Подвижные товарные стоимости, как, например, хлопок или чугун, остаются по-прежнему на товарном складе в то самое время, когда они проделывают десятки различных процессов обращения, покупаются и опять продаются спекулянтами¹⁷⁾. В действительности здесь передвигается только титул собственности на вещь, а не сама вещь. С другой стороны, например, в государстве инков, перевозка продуктов играла большую роль, несмотря на то, что общественный продукт не обращался как товар и не распределялся посредством меновой торговли.

Поэтому, хотя перевозка продуктов на основе капиталистического производства представляется причиной издержек обращения, однако эта особенная форма их проявления несколько не меняет сути дела.

Количество продукта не увеличивается вследствие его перевозки. Все перемены, произведенные перевозкой в естественных свойствах продуктов, за некоторыми исключениями, являются не преднамеренным полезным эффектом, а неизбежным злом. Но потребительная стоимость предметов реализуется лишь в потреблении их, а это последнее может сделать необходимым их перемещение, следовательно, сделать необходимым дополнительный производственный процесс транспортной промышленности. Поэтому вложенный в нее производительный капитал присоединяет стоимость к транспортируемому продукту, отчасти вследствие перенесения стоимости средств транспорта, отчасти вследствие того, что стоимость присоединяется трудом на транспорте. Эта последняя надбавка стоимости распадается, как и вообще при капиталистическом производстве, на возмещение заработной платы и на прибавочную стоимость.

Во всяком процессе производства большую роль играет перемещение предмета труда и необходимые для этого средства труда и рабочая сила, — например, хлопок перемещается из кардного отделения в прядильное, уголь поднимается из шахты на-гора. То же явление, но в большем масштабе, наблюдается при перемещении

¹⁷⁾ Шторх называет это «circulation factice» [«иллюзорным обращением»].

готового продукта в виде готового товара из самостоятельного места производства в другое место, пространственно отдаленное от него. За транспортировкой продуктов из места производства в другое место следует также транспортировка готовых продуктов из сферы производства в сферу потребления. Продукт только тогда готов к потреблению, когда он закончит это передвижение.

Как было показано раньше, общий закон товарного производства таков: производительность труда находится в обратном отношении к создаваемой им стоимости. Это относится к транспортной промышленности так же, как и ко всякой другой отрасли производства. Чем меньше то количество труда, мертвого и живого, которое требуется для перевозки товара на данное расстояние, тем выше производительная сила труда, и наоборот ¹⁸⁾.

Абсолютная величина стоимости, прибавляемая к товарам транспортом, при прочих равных условиях обратно пропорциональна производительной силе труда в транспортной промышленности и прямо пропорциональна тем расстояниям, на которые товары перемещаются.

Относительная величина стоимости, которую издержки транспорта при прочих равных условиях присоединяют к цене товара, прямо пропорциональна объему и весу товара. Но существуют многочисленные модифицирующие обстоятельства. Перевозка требует, например, принятия более или менее серьезных мер предосторожности, а потому вызывает большую или меньшую затрату труда и средств труда, в зависимости от относительной ломкости продукта, его подверженности порче, его способности взрываться. В этой области железнодорожные магнаты развивают еще большую гениальность в изобретении фантастических видов, чем ботаники или зоологи. Например, классификация товаров, принятая на английских железных дорогах, составляет томы и по своему общему принципу основана на тенденции превратить всю разнообразную пестроту естественных свойств товаров в столь же многочисленные пороки с точки зрения транспорта и в поводы для вымогательства.

«Стекло, стоявшее раньше 11 ф. ст. за crate (упаковочный ящик определенной емкости), теперь вследствие успехов промышленности и отмены налога на стекло стоит всего 2 ф. ст., но расходы на транспорт так же высоки, как и прежде,

¹⁸⁾ Рикардо цитирует Сэй, который видит благословение торговли в том, что она вследствие транспортных издержек удорожает продукты или повышает их стоимость. «Торговля, — говорит Сэй, — дает нам возможность получать товар в том месте, где он добывается, и доставлять его туда, где он будет потреблен. Она поэтому дает нам возможность увеличить стоимость товара на всю разницу между ценой его в одном месте и ценой его в другом» ³⁹⁾. Рикардо замечает по этому поводу: «Верно; но каким образом эта добавочная стоимость присоединяется? Путем прибавления к издержкам производства, во-первых, издержек по доставке, во-вторых, прибыли на капитал, авансированный торговцем. Товар, следовательно, будет стоить больше по той же самой причине, по которой и всякий другой товар будет стоить больше, потому что на производство и доставку его было затрачено больше труда еще до того, как он был куплен потребителем. Но это далеко не является одним из преимуществ торговли» (*Ricardo, «Principles of Pol. Econ.»*, 3-rd ed., London, 1821, p. 309—310).

причем при перевозке по каналам они стали еще выше. Раньше отправка стекла и стеклянных товаров, употребляемых для глазирования, в пределах до 50 миль от Бирмингема стоила 10 шилл. за тонну. Теперь цена транспорта под предлогом риска, связанного с хрупкостью товара, увеличена втрое. Но железнодорожное управление не оплачивает как раз того, что действительно ломается»¹⁹⁾.

Далее, то обстоятельство, что относительная часть стоимости, которую прибавляют к товару транспортные издержки, обратно пропорциональна его стоимости, дает железнодорожным магнатам особое основание для того, чтобы установить тариф на перевозку товаров, прямо пропорциональный их стоимости. Жалобы промышленников и торговцев по поводу этого обстоятельства повторяются на каждой странице свидетельских показаний в упомянутом докладе.

Капиталистический способ производства уменьшает транспортные издержки для единичного товара как посредством развития средств транспорта и связи, так и посредством концентрации (увеличения масштаба) транспорта. Он увеличивает ту часть общественного труда, живого и овеществленного, которая расходуется на транспортировку товаров,— увеличивает потому, что, во-первых, превращает огромное большинство всех продуктов в товары и, во-вторых, заменяет местные рынки отдаленными рынками.

Циркуляция, т. е. фактическое передвижение товаров в пространстве, сводится к транспортировке товаров. С одной стороны, транспортная промышленность составляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу вложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что является продолжением процесса производства *в пределах* процесса обращения и *для* процесса обращения.

¹⁹⁾ «Royal Commission on Railways», p. 31. N 630.

причем при перевозке по каналам они стали еще выше. Раньше отправка стекла и стеклянных товаров, употребляемых для глазирования, в пределах до 50 миль от Бирмингема стоила 10 шилл. за тонну. Теперь цена транспорта под предлогом риска, связанного с хрупкостью товара, увеличена втрое. Но железнодорожное управление не оплачивает как раз того, что действительно ломается»¹⁹⁾.

Далее, то обстоятельство, что относительная часть стоимости, которую прибавляют к товару транспортные издержки, обратно пропорциональна его стоимости, дает железнодорожным магнатам особое основание для того, чтобы установить тариф на перевозку товаров, прямо пропорциональный их стоимости. Жалобы промышленников и торговцев по поводу этого обстоятельства повторяются на каждой странице свидетельских показаний в упомянутом докладе.

Капиталистический способ производства уменьшает транспортные издержки для единичного товара как посредством развития средств транспорта и связи, так и посредством концентрации (увеличения масштаба) транспорта. Он увеличивает ту часть общественного труда, живого и овеществленного, которая расходуется на транспортировку товаров, — увеличивает потому, что, во-первых, превращает огромное большинство всех продуктов в товары и, во-вторых, заменяет местные рынки отдаленными рынками.

Циркуляция, т. е. фактическое передвижение товаров в пространстве, сводится к транспортировке товаров. С одной стороны, транспортная промышленность составляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу вложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что является продолжением процесса производства *в пределах* процесса обращения и *для* процесса обращения.

¹⁹⁾ «Royal Commission on Railways», p. 31, N 630.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ОБОРОТ КАПИТАЛА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВРЕМЯ ОБОРОТА И ЧИСЛО ОБОРОТОВ

Как мы видели, общее время оборота данного капитала равно сумме времени его обращения и времени его производства. Это — промежуток времени от момента авансирования капитальной стоимости в определенной форме до момента возвращения движущейся капитальной стоимости в той же самой форме.

Определяющей целью капиталистического производства всегда является увеличение авансированной стоимости, независимо от того, авансирована ли она в своей самостоятельной форме, т. е. в денежной форме, или же в виде товара, так что ее форма стоимости приобретает в цене авансированных товаров лишь идеальную самостоятельность. В обоих случаях эта капитальная стоимость проходит в своем кругообороте различные формы существования. Ее тождество с ней самой констатируется в бухгалтерских книгах капиталиста, или в форме счетных денег.

Возьмем ли мы форму $D...D'$ или форму $P...P$, обе формы выражают, 1) что авансированная стоимость функционировала как капитальная стоимость и самовозросла; 2) что по окончании процесса она возвратилась к той форме, в которой начала его. Возрастание авансированной стоимости D и в то же время возвращение капитала к этой форме (к денежной форме) ясно выступает в $D...D'$. Но то же самое совершается и во второй форме. В самом деле, исходным пунктом P является наличие элементов производства, товаров данной стоимости. Эта форма включает возрастание стоимости (T' и D') и возвращение к первоначальной форме, так как во втором P авансированная стоимость опять приобретает ту самую форму элементов производства, в которой она была первоначально авансирована.

Раньше мы видели: «Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму. Подобно

тому как процесс труда при капиталистическом способе производства выступает только как средство для процесса возрастания стоимости, точно так же воспроизводство выступает только как средство воспроизвести авансированную стоимость в качестве капитала, т. е. в качестве самовозрастающей стоимости» («Капитал», книга I, гл. XXI, с. 588⁴⁰).

Три формы: I) $D \dots D'$; II) $P \dots P$ и III) $T' \dots T'$, отличаются друг от друга следующим: в форме II ($P \dots P$) возобновление процесса, процесс воспроизводства, выражено как действительное, в форме же I — лишь как возможное. Но обе эти формы отличаются от формы III тем, что авансированная капитальная стоимость — безразлично, авансирована ли она в виде денег или в виде вещественных элементов производства — служит исходным пунктом, а потому и пунктом возвращения. В $D \dots D'$ возвращение выражается в $D' = D + \delta$. Если процесс возобновляется в прежнем масштабе, то исходным пунктом служит опять D , и δ не входит в него, а только показывает нам, что D возросло по стоимости как капитал и потому породило прибавочную стоимость δ , но оттолкнуло ее от себя. В форме $P \dots P$ исходный пункт составляет опять-таки капитальная стоимость, авансированная в форме элементов производства P . В этой форме заключается также и возрастание авансированной стоимости. Если совершается простое воспроизводство, то та же самая капитальная стоимость в той же самой форме P снова начинает свое движение. Если же совершается накопление, то теперь процесс открывает P' (по величине стоимости $= D' = T'$) как возросшая капитальная стоимость. Но процесс начинается снова авансированной капитальной стоимостью в первоначальной форме, хотя и капитальной стоимостью большей величины, чем прежде. Напротив, в форме III капитальная стоимость начинает процесс не как авансированная, а как уже возросшая, как все богатство, находящееся в форме товаров, лишь часть которого составляет авансированная капитальная стоимость. Последняя форма важна для третьего отдела, в котором движение отдельных капиталов рассматривается в связи с движением всего общественного капитала. Но она не пригодна для исследования оборота капитала, всегда начинающегося авансированием капитальной стоимости, в форме ли денег или в форме товара, и всегда обуславливающего возвращение циркулирующей капитальной стоимости в той форме, в которой она была авансирована. Если внимание обращается преимущественно на то влияние, которое оборот оказывает на создание прибавочной стоимости, то из кругооборотов I и II необходимо рассмотреть первый; если же речь идет о влиянии оборота на создание продукта, то необходимо рассмотреть второй.

Экономисты, не проводя разграничения между различными формами кругооборотов, не рассматривали их обособленно в их отношении к обороту капитала. Обычно они берут форму $D \dots D'$,

потому что она господствует над отдельным капиталистом и служит ему при его расчетах, даже если деньги образуют исходный пункт только в виде счетных денег. Другие исходят из затраты в форме элементов производства и рассматривают движение до момента возвращения, причем нет и речи о форме этого возвращения, о том, совершается ли оно в товаре или в деньгах. Например:

«Экономический цикл... это весь процесс производства, от момента времени, когда делаются затраты, до момента, когда они возвращаются. В земледелии время посева есть начало экономического цикла, а сбор урожая — окончание» («Economic cycle,... the whole course of production, from the time that outlays are made till returns are received. In agriculture, seed-time is its commencement, and harvesting its ending»). S. Ph. Newman, «Elements of Pol. Econ.». Andover and New York, [1835], p. 81).

Некоторые начинают с T' (с III-ей формы):

«Можно считать, что мир производственных связей движется по кругу, который мы назовем экономическим циклом и в котором каждый оборот завершается, как только предприятие, совершив последовательный ряд своих операций, снова приходит к тому пункту, с которого начался оборот. Началом можно считать тот пункт, когда к капиталисту поступают платежи, посредством которых к нему возвращается его капитал; от этого пункта он снова переходит к тому, чтобы завербовать себе рабочих и распределить между ними в виде заработной платы средства их существования, или, вернее, силу, необходимую для приобретения этих средств; получить от них изготовленные предметы, которыми он торгует; доставить эти предметы на рынок и там довести до завершения кругооборот этого ряда движений, продавая эти предметы и получая в выручке за товары возмещение всех своих капитальных затрат» (Th. Chalmers. «On Pol. Econ.», 2-nd ed., London, 1832, p. 85, seq.).

После того как вся капитальная стоимость, вложенная отдельным капиталистом в какую-либо отрасль производства, совершит в своем движении кругооборот, она оказывается снова в своей первоначальной форме и может снова повторить тот же самый процесс. Чтобы стоимость увековечилась и продолжала возрастать как капитальная стоимость, она должна повторять этот кругооборот. В жизни капитала отдельный кругооборот составляет лишь один постоянно повторяющийся отдел, следовательно, составляет период. В конце периода $D...D'$ капитал опять находится в форме денежного капитала, который снова пройдет ряд превращений формы, включающий процесс его воспроизводства, или процесс возрастания его по стоимости. При завершении периода $M...M$ капитал опять находится в форме элементов производства, являющихся предпосылкой для возобновления его кругооборота. Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, называется оборотом капитала. Продолжительность этого оборота определяется суммой времени его производства и времени его обращения. Эта сумма времени составляет время оборота капитала. Следовательно, она охватывает промежуток времени от одного периода кругооборота всей капитальной стоимости до следующего; она отмечает периодичность в процессе жизни капитала или, если угодно, время возобновления, повторения процесса увеличения

стоимости или процесса производства одной и той же капитальной стоимости.

Если оставить в стороне индивидуальные приключения, которые для отдельного капитала могут ускорить или сократить время оборота, то последнее вообще различно в зависимости от различий отдельных сфер вложения капитала.

Подобно тому как для функционирующей рабочей силы естественной единицей измерения служит рабочий день, так год представляет собой естественную единицу измерения для оборотов функционирующего капитала. Естественным базисом такой единицы измерения является то обстоятельство, что в умеренном поясе, на родине капиталистического производства, важнейшие продукты земледелия производятся один раз в год.

Если год, как единицу измерения времени оборота, мы обозначим через O , время оборота определенного капитала — o , число его оборотов — n , то $n = \frac{O}{o}$. Следовательно, если, например, время оборота o составляет 3 месяца, то $n = \frac{12}{3} = 4$; капитал совершает 4 оборота в год, или оборачивается четыре раза. Если $o = 18$ месяцам, то $n = \frac{12}{18} = \frac{2}{3}$, или капитал в год проходит только $\frac{2}{3}$ времени своего оборота. Если время оборота капитала составляет несколько лет, то оно исчисляется, следовательно, одним годом, взятым несколько раз.

Для капиталиста время оборота его капитала представляет собой время, на которое ему приходится авансировать свой капитал с той целью, чтобы он возрос по своей стоимости и возвратился к нему в своей первоначальной форме.

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию того влияния, которое оборот оказывает на процесс производства и на процесс увеличения стоимости, необходимо рассмотреть две новые формы, которые капитал приобретает в процессе обращения и которые воздействуют на форму его оборота.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ И ОБОРОТНЫЙ КАПИТАЛ

I. РАЗЛИЧИЯ ФОРМЫ

Мы видели («Капитал», книга I, гл. VI), что часть постоянного капитала сохраняет ту определенную потребительную форму, в которой он входит в процесс производства, сохраняет ее по отношению к тем продуктам, в образовании которых он участвует. Следовательно, в течение более или менее продолжительных периодов, в постоянно повторяемых процессах труда, эта часть постоянного капитала постоянно выполняет одни и те же функции. К ней относятся, например, производственные здания, машины и т. д., — короче, все, что мы объединяем под названием *средств труда*. Эта часть постоянного капитала передает свою стоимость продукту в той мере, в какой она вместе со своей собственной потребительной стоимостью утрачивает свою собственную меновую стоимость. Эта передача стоимости, или этот переход стоимости такого средства производства на продукт, в образовании которого оно принимает участие, определяется по среднему подсчету; она измеряется средней продолжительностью функционирования средства производства, охватывающей время от момента, когда оно входит в процесс производства, и до момента, когда оно будет совершенно изношено, станет непригодным, когда оно должно быть заменено новым экземпляром того же рода, должно быть воспроизведено.

Таким образом, своеобразие этой части постоянного капитала — собственно средств труда — заключается в следующем.

Часть капитала авансируется в форме постоянного капитала, т. е. в форме средств производства, которые функционируют как факторы процесса труда до тех пор, пока они сохраняют ту самостоятельную потребительную форму, в которой они вступают в процесс труда. Готовый продукт, а следовательно и факторы образования продукта, поскольку они превращены в продукт, выбрасывается из процесса производства, чтобы из сферы производства перейти в сферу обращения в качестве товара. Напротив, средства

труда, вступив однажды в сферу производства, уже никогда не покидают ее. Их прочно удерживает в сфере производства их функция. Часть авансированной капитальной стоимости *фиксируется* в этой форме, определяемой функцией средств труда в процессе производства. Вследствие функционирования, а потому и изнашивания средства труда одна часть его стоимости переносится на продукт, другая же остается фиксированной в средстве труда и, следовательно, остается в процессе производства. Фиксированная таким образом стоимость постоянно уменьшается, — до тех пор, пока средство труда не отслужит своей службы; поэтому его стоимость в течение более или менее продолжительного периода распределяется на массу продуктов, которые выходят из ряда постоянно повторяющихся процессов труда. Но пока средство труда все еще действует в качестве средства труда, следовательно, пока его еще не приходится заменять новым экземпляром того же самого рода, стоимость постоянного капитала все время остается фиксированной в нем, между тем как другая часть первоначально фиксированной в нем стоимости переносится на продукт и потому совершает обращение как составная часть товарного запаса. Чем долговечнее средство труда, чем медленнее оно изнашивается, тем дольше постоянная капитальная стоимость остается фиксированной в этой потребительной форме. Но какова бы ни была степень долговечности средства труда, та степень, в которой оно передает свою стоимость, всегда обратно пропорциональна общей продолжительности времени его функционирования. Если из двух машин одинаковой стоимости одна изнашивается в пять лет, а другая в десять, то на протяжении одинакового времени первая отдает вдвое больше стоимости, чем вторая.

Эта часть капитальной стоимости, фиксированная в средстве труда, совершает обращение, как и всякая другая часть. Мы видели, что вообще вся капитальная стоимость находится в постоянном обращении и в этом смысле весь капитал является поэтому оборотным капиталом. Но обращение рассматриваемой здесь части капитала является своеобразным. Во-первых, она не обращается в своей потребительной форме, обращается только ее стоимость, и притом лишь постепенно, частями, в той мере, как она переносится с рассматриваемой части капитала на продукт, который обращается как товар. В течение всего времени функционирования этой части некоторая доля ее стоимости остается фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует. Благодаря такой особенности эта часть постоянного капитала приобретает форму *основного капитала* [*fixes Kapital*]. В противоположность ему все другие вещественные составные части капитала, авансированного на процесс производства, образуют *оборотный*, или *текущий капитал* [*zirkulierendes oder flüssiges Kapital*].

Часть средств производства, а именно такие вспомогательные материалы, которые потребляются самими средствами труда во время их функционирования, как каменный уголь потребляется паровой машиной, или которые лишь содействуют процессу, например, светильный газ и т. д., — эта часть средств производства вещественно не входит в продукт. Только ее стоимость составляет часть стоимости продукта. В своем собственном обращении продукт вносит в обращение также и стоимость таких средств производства. В этом отношении они не отличаются от основного капитала. Но во всяком процессе труда, в который они входят, они потребляются целиком, и потому для каждого нового процесса труда их приходится целиком заменять новыми экземплярами того же рода. Во время своего функционирования они не сохраняют своей самостоятельной потребительной формы. Следовательно, во время их функционирования ни одна часть капитальной стоимости не остается фиксированной в своем прежнем потребительном виде, в натуральной форме таких средств производства. То обстоятельство, что эта часть вспомогательных материалов не входит вещественно в продукт, но входит в стоимость продукта лишь по своей стоимости, как часть стоимости продукта, и что в связи с этим функционирование таких материалов закреплено в сфере производства, — это обстоятельство привело такого экономиста, как Рамсей, к тому, что он (смешивая в то же время основной и постоянный капитал) отнес их к категории основного капитала ⁴¹.

Часть средств производства, которая вещественно входит в продукт, т. е. сырье и т. д., благодаря этому приобретает отчасти такие формы, в которых она позже может войти в индивидуальное потребление в качестве предметов потребления. Собственно средства труда, вещественные носители основного капитала, потребляются лишь производительно и не могут войти в индивидуальное потребление, потому что они не входят в продукт или в ту потребительную стоимость, образованию которой они содействуют, а, напротив, сохраняют по отношению к ней свою самостоятельную форму до их полного износа. Исключение составляют средства транспорта. Полезный эффект, который они доставляют во время своего производительного функционирования, следовательно, во время пребывания в сфере производства, — т. е. перемещение, — в то же самое время входит и в индивидуальное потребление, например, пассажира. В этом случае пассажир оплачивает их потребление так же, как он оплачивает потребление им других предметов потребления. Мы видели ⁴², что сырой материал и вспомогательные материалы, например, в химической промышленности, сливаются друг с другом. То же самое бывает со средствами труда, вспомогательным и сырым материалом. Так, например, в земледелии вещества, внесенные в почву для ее улучшения, отчасти входят в растительный продукт как факторы его образования. С другой стороны,

их действие распределяется на продолжительный период, например, на 4—5 лет. Поэтому часть их вещественно входит в продукт и тем самым одновременно переносит свою стоимость на продукт, между тем как другая часть, оставаясь в старой потребительной форме, фиксирует в ней и свою стоимость. Она по-прежнему продолжает существовать в качестве средств производства и потому приобретает форму основного капитала. В качестве рабочего скота бык представляет собой основной капитал. Но если тот же бык идет на мясо, то он функционирует уже не как средство труда и, следовательно, не как основной капитал.

То, что придает характер основного капитала части капитальной стоимости, затраченной на средства производства, заключается исключительно в своеобразном способе обращения этой части капитала. Этот особый способ обращения вытекает из того особого способа, каким данное средство труда передает свою стоимость продукту, или из той особой роли, какую оно в качестве фактора образования стоимости играет во время процесса производства. Способ этот в свою очередь сам вытекает из особенностей функционирования различных средств труда в процессе труда.

Известно, что одна и та же потребительная стоимость, выйдя в качестве продукта из одного процесса труда, входит в другой в качестве средства производства⁴³. Только функционирование продукта в процессе производства в качестве средства труда превращает его в основной капитал. Напротив, когда сам продукт только выходит из процесса производства, он еще отнюдь не является основным капиталом. Например, машина как продукт, соответственно — как товар фабриканта-машиностроителя принадлежит к его товарному капиталу. Основным капиталом она становится лишь в руках ее покупателя, капиталиста, который производительно ее применяет.

При прочих равных условиях степень закреплённости средства труда в процессе производства возрастает с долговечностью этого средства труда. Именно от этой долговечности зависит величина разницы между капитальной стоимостью, закреплённой в средстве труда, и той частью этой стоимости, которая при повторных процессах труда переносится на продукт. Чем медленнее совершается эта передача стоимости, — а стоимость передается от средства труда при каждом повторении одного и того же процесса труда, — тем больше закреплённый капитал, тем больше разница между капиталом, применяемым в процессе производства, и капиталом, потребляемым в нем. Когда эта разница исчезает, это значит, что данное средство труда отжило свой век и вместе со своей потребительной стоимостью утратило свою стоимость. Оно перестало быть носителем стоимости. Так как средство труда, подобно всякому другому вещественному носителю постоянного капитала, передает свою стоимость продукту лишь в той мере, в какой оно вместе со своей

потребительной стоимостью утрачивает и свою стоимость, то ясно, что чем медленнее утрачивается его потребительная стоимость, чем дольше удерживается оно в процессе производства, тем продолжительнее период, в течение которого постоянная капитальная стоимость остается фиксированной в этом средстве труда.

Если какое-либо средство производства, не представляющее собой средство труда в собственном значении этого понятия, — например, вспомогательный материал, сырье, полуфабрикат и т. д., — если это средство производства в отношении передачи стоимости, а потому и в отношении способа обращения своей стоимости занимает такое же положение, как и средства труда, то оно также является вещественным носителем, формой существования основного капитала. Именно так обстоит дело в случае с уже упомянутыми улучшениями почвы, когда в почву вносятся химические вещества, действие которых простирается на многие периоды производства или на многие годы. Здесь одна часть их стоимости по-прежнему существует наряду с продуктом в своей самостоятельной форме, или в форме основного капитала, между тем как другая часть стоимости уже перенесена на продукт и потому вместе с ним совершает обращение. В этом случае в продукт входит не только часть стоимости основного капитала, но и та потребительная стоимость, та субстанция, в которой существует эта часть стоимости.

Оставляя в стороне основную ошибку — смешение категорий основного и оборотного капитала с категориями постоянного и переменного капитала, — путаница в определении понятий, существующая у экономистов до сих пор, основывается прежде всего на следующем.

Определенные свойства, которыми обладают средства труда по своей натуральной форме, они превращают в свойства непосредственно основного капитала, например, физическую неподвижность, скажем, дома. Но ведь легко показать, что другие средства труда, которые как таковые тоже являются основным капиталом, обладают противоположными свойствами, например, физической подвижностью, как, скажем, корабль.

Или же экономическую определенность формы, проистекающую из обращения стоимости, они смешивают со свойством, присущим самой вещи: как будто вещи, которые сами по себе вообще не являются капиталом, а становятся таковым лишь при определенных общественных отношениях, как будто эти вещи уже *сами по себе*, по своей природе могли бы быть капиталом в той или иной определенной форме, основным или оборотным. Мы видели («Капитал», книга I, гл. V), что средства производства во всяком процессе труда, при каких бы общественных условиях он ни совершался, всегда разделяются на средства труда и предмет труда. Но лишь при капиталистическом способе производства и средства труда и предмет труда становятся капиталом, притом «производительным

капиталом» в том значении, в котором он определен в предыдущем отделе. Вместе с тем различие средств труда и предмета труда, вытекающее из природы процесса труда, проявляется в новой форме — в форме различия основного капитала и оборотного капитала. Лишь с этого времени вещь, которая функционирует как средство труда, становится основным капиталом. Если она по своим вещественным свойствам способна служить и в других функциях, кроме функций средств труда, то она является или не является основным капиталом в зависимости от различий своих функций. Скот в качестве рабочего скота есть основной капитал; скот, откармливаемый на убой, представляет собой сырой материал, который в конечном счете как продукт вступает в обращение, — следовательно, это не основной, а оборотный капитал.

Простое состояние относительно продолжительной закреплённости какого-либо средства производства в повторных процессах труда, которые взаимно связаны между собой, непрерывны, а потому составляют один период производства, — т. е. все время производства, необходимое для того, чтобы изготовить продукт, — это состояние, подобно основному капиталу, требует от капиталиста авансирования капитала на более или менее продолжительный срок, но еще не превращает соответствующую часть его капитала в основной капитал. Например, семена — это отнюдь не основной капитал, а лишь сырой материал, который примерно в течение целого года закреплён в процессе производства. Всякий капитал, пока он функционирует как производительный капитал, закреплён в процессе производства, следовательно, в процессе производства закреплёны также все элементы производительного капитала, каковы бы ни были их натуральная форма, их функция и способ обращения их стоимости. Продолжается ли это состояние закреплённости сравнительно длительное или краткое время в зависимости от вида производственного процесса или желательного полезного эффекта, — не это создает различие между основным и оборотным капиталом²⁰⁾.

Часть средств труда, включая и общие условия труда, либо прикрепляется к определенному месту, когда эта часть в качестве средств труда вступает в процесс производства, или когда она подготовлена для выполнения производительной функции, как, например, машины. Либо же эта часть средств труда с самого начала производится в такой неподвижной форме, связанной с определенным местом, как, например, улучшения почвы, фабричные здания, доменные печи, каналы, железные дороги и т. д. В этом случае

²⁰⁾ Ввиду того, что определить основной и оборотный капитал трудно, господин Лоренц Штейн полагает, что различие это вводят лишь для того, чтобы сделать изложение более понятным.

постоянная прикрепленность средств труда к процессу производства, в котором они должны функционировать, одновременно обусловлена физическим способом их существования. С другой стороны, какое-либо средство труда физически может постоянно перемещаться, передвигаться и, несмотря на это, постоянно находиться в процессе производства, как, например, локомотив, корабль, рабочий скот и т. д. Неподвижность не придает им, в первом случае, характера основного капитала, а подвижность, во втором случае, не лишает их этого характера. Однако то обстоятельство, что средства труда прикреплены к данному месту, пустили свои корни в землю, определяет особую роль этой части основного капитала в экономической жизни наций. Их нельзя отправить за границу, они не могут обращаться на мировом рынке как товары. Титулы собственности на этот основной капитал могут меняться, его можно покупать и продавать, и постольку он может лишь идеально вступать в обращение. Эти титулы собственности могут обращаться даже на иностранных рынках, например, в форме акций. Но от смены лиц, которые являются собственниками этого рода основного капитала, не изменяется отношение неподвижной, материально закрепленной части богатства известной страны к подвижной части того же богатства ²¹⁾.

Из своеобразия обращения основного капитала вытекает своеобразие его оборота. Та часть стоимости, которую основной капитал в его натуральной форме теряет вследствие износа, обращается как часть стоимости продукта. Посредством обращения продукт из товара превращается в деньги; следовательно, в деньги превращается и та часть стоимости средства труда, которую продукт вносит в обращение, и притом эта часть стоимости в виде денег каплями выпадает из процесса обращения, выпадает в той мере, в какой данное средство труда перестает быть носителем стоимости в процессе производства. Следовательно, стоимость этого средства труда приобретает теперь двойное существование. Часть ее остается связанной с потребительной или натуральной формой этого средства труда, принадлежащей процессу производства, другая же часть отделяется от нее в виде денег. В ходе функционирования средства труда та часть его стоимости, которая существует в его натуральной форме, постоянно уменьшается, между тем как часть стоимости, превратившаяся в денежную форму, постоянно увеличивается до тех пор, пока оно, наконец, не отживет свой век и вся его стоимость, отделившись от трупца данного средства труда, не превратится в деньги. Здесь проявляется своеобразие в обороте этого элемента производительного капитала. Превращение его стоимости в деньги

²¹⁾ Здесь заканчивается текст из рукописи IV. Ниже следует текст из рукописи II.

идет рука об руку с превращением в денежную куколку того товара, который является носителем этой стоимости. Но его обратное превращение из денежной формы в потребительную форму отделяется от обратного превращения товара в прочие элементы производства последнего и определяется уже периодом воспроизводства самого средства труда, т. е. тем временем, в течение которого это средство труда отжило свой век и подлежит замене другим экземпляром того же рода. Если продолжительность функционирования какой-либо машины стоимостью, скажем, в 10 000 ф. ст. составляет, например, 10 лет, то время оборота стоимости, первоначально авансированной на эту машину, составит 10 лет. До истечения этого времени ее не приходится заменять новой; она продолжает действовать в своей натуральной форме. Между тем ее стоимость частями поступает в обращение как часть стоимости товаров, непрерывному производству которых служит эта машина, и таким образом ее стоимость постепенно превращается в деньги — до тех пор, пока, наконец, на исходе 10 лет она целиком не превратится в деньги, а из денег обратно в машину, т. е. пока она не завершит своего оборота. До наступления этого момента воспроизводства стоимость машины постепенно накапливается в форме резервного денежного фонда.

Остальные элементы производительного капитала состоят отчасти из элементов постоянного капитала, заключающихся в сырье и вспомогательных материалах, отчасти из переменного капитала, затраченного на рабочую силу.

Анализ процесса труда и процесса увеличения стоимости («Капитал», книга I, глава V) показал, что различные составные части производительного капитала играют совершенно различную роль в образовании продукта и в образовании стоимости. Стоимость той части постоянного капитала, которая состоит из вспомогательных материалов и сырья, — совершенно так же, как стоимость той его части, которая состоит из средств труда, — снова появляется в стоимости продукта как лишь перенесенная стоимость, между тем как рабочая сила посредством процесса труда присоединяет к продукту эквивалент своей стоимости, или действительно воспроизводит свою стоимость. Далее, одна часть вспомогательных материалов — уголь в качестве топлива, светильный газ и т. д. — потребляется в процессе труда, вещественно не входя в продукт, между тем как другая часть их вещественно входит в продукт и образует материал его субстанции. Но все эти различия не имеют значения для обращения, а потому и для способа оборота. Поскольку вспомогательные материалы и сырье целиком потребляются при образовании известного продукта, постольку они целиком переносят на продукт всю свою стоимость. Поэтому последняя целиком вносится продуктом в обращение, превращается в деньги, а из денег обратно в элементы производства товара. Оборот этой части стоимости не прерывается, как оборот основного капитала, она непрерывно проходит весь кру-

гооборот ее форм, так что эти элементы производительного капитала постоянно возобновляются *in natura* *.

Что касается переменной составной части производительного капитала, затрачиваемой на рабочую силу, то рабочая сила покупается на определенный срок. Когда капиталист купил ее и включил в процесс производства, она образует составную часть его капитала, а именно — переменную составную часть его капитала. Ежедневно она действует на протяжении известного промежутка времени, в течение которого она присоединяет к продукту не только всю свою дневную стоимость, но также и известную избыточную, прибавочную стоимость, которую мы здесь пока оставим в стороне. После того как рабочая сила была уже куплена и действовала, например, в течение недели, купля ее должна постоянно возобновляться через определенные сроки. Тот эквивалент ее стоимости, который рабочая сила постоянно присоединяет к продукту во время своего функционирования и который вследствие обращения продукта превращается в деньги, должен постоянно совершать обратное превращение из денег в рабочую силу, или должен постоянно прodelывать полный кругооборот своих форм, т. е. должен постоянно оборачиваться, чтобы не прервался кругооборот непрерывного производства.

Следовательно, часть стоимости производительного капитала, авансированная на рабочую силу, целиком переносится на продукт (прибавочную стоимость мы здесь все время оставляем в стороне), прodelывает вместе с ним оба метаморфоза, относящиеся к сфере обращения, и благодаря такому постоянному возобновлению постоянно остается включенной в процесс производства. Поэтому, как бы рабочая сила ни отличалась в остальном, в отношении ее роли в образовании стоимости, от тех составных частей постоянного капитала, которые *не составляют основного капитала*, такой способ оборота стоимости рабочей силы оказывается общим с этими составными частями и противоположным основному капиталу. Вследствие такой общности в характере их оборота эти составные части производительного капитала, а именно те части его стоимости, которые затрачиваются на рабочую силу и на средства производства, не составляющие основного капитала, противостоят основному капиталу как *оборотный*, или *текущий* капитал.

Как мы видели раньше ⁴⁴, деньги, уплачиваемые капиталистом рабочему за потребление рабочей силы, в действительности представляют собой лишь всеобщую форму эквивалента необходимых жизненных средств рабочего. Постольку и переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств. Но здесь, при рассмотрении оборота, речь идет о форме. Капиталист покупает не жизненные средства рабочего, а саму его рабочую силу. Переменную часть

* в натуральной форме. *Ред.*

его капитала образуют не жизненные средства рабочего, а проявляющая себя в действии рабочая сила рабочего. В процессе труда капиталист производительно потребляет саму рабочую силу, а не жизненные средства рабочего. Рабочий сам превращает в жизненные средства те деньги, которые он получил за свою рабочую силу, чтобы потом превратить их обратно в рабочую силу, чтобы поддерживать свое существование; совершенно так же, как, например, капиталист превращает в жизненные средства для себя самого некоторую часть прибавочной стоимости, заключающейся в товаре, который он продал за деньги, — и, несмотря на это, никак нельзя сказать, что покупатель его товара уплачивает ему жизненными средствами. И даже в том случае, если часть заработной платы выплачивается рабочему жизненными средствами, т. е. *in natura*, то теперь это уже вторая сделка. Рабочий продает свою рабочую силу за определенную цену, и при этом стороны договариваются, что часть цены он получит жизненными средствами. Этим изменяется лишь форма уплаты, но не изменяется тот факт, что в действительности он продал свою рабочую силу. Это — вторая сделка, совершаемая уже не между рабочим и капиталистом, а между рабочим как покупателем товара и капиталистом как продавцом товара; напротив, в первой сделке рабочий — это продавец товара (своей рабочей силы), а капиталист — покупатель этого товара. Дело обстоит совершенно так же, как если бы капиталист, продав свой товар, например, машину на железодельательный завод, захотел получить за нее другой товар, железо. Следовательно, оборотным капиталом, в противоположность основному капиталу, становятся не сами жизненные средства рабочего и не его рабочая сила, а та часть стоимости производительного капитала, которая затрачивается на рабочую силу и которая благодаря форме своего оборота приобретает этот характер, общий для нее еще с некоторыми составными частями постоянного капитала и противоположный некоторым другим составным частям того же капитала.

Стоимость оборотного капитала — в виде рабочей силы и средств производства — авансируется лишь на то время, в течение которого изготавливается продукт, причем авансируется в соответствии с масштабом производства, определяемым размером основного капитала. Эта стоимость целиком входит в продукт, а потому путем продажи продукта снова целиком возвращается из обращения и может быть авансирована снова. Средства производства и рабочая сила, в виде которых существует обратная составная часть капитала, извлекаются из обращения в том размере, который необходим для производства и для продажи готового продукта, но они должны постоянно заменяться и возобновляться посредством возобновления купли, посредством обратного превращения из денежной формы в элементы производства. В каждый отдельный прием они извлекаются с рынка меньшими массами, чем элементы основного

капитала, но тем чаще их приходится извлекать снова и снова, а потому авансирование затраченного на них капитала возобновляется через сравнительно короткие промежутки времени. Это постоянное возобновление совершается путем постоянного сбыта продукта, который вносит в обращение всю их стоимость. Наконец, они непрерывно проделывают весь кругооборот метаморфозов не только по своей стоимости, но и по своей натуральной форме; из товара они постоянно превращаются обратно в элементы производства этого же товара.

Вместе со своей собственной стоимостью рабочая сила постоянно присоединяет к продукту прибавочную стоимость, воплощение неоплаченного труда. Следовательно, готовый продукт постоянно вносит в обращение прибавочную стоимость, которая вместе с продуктом превращается в деньги, подобно остальным элементам стоимости продукта. Однако прибавочную стоимость мы пока оставляем в стороне, потому что теперь у нас речь идет прежде всего об обороте капитальной стоимости, а не прибавочной стоимости, совершающей свой оборот одновременно с первой.

Из предыдущего вытекает следующее:

1) Определенность форм основного и оборотного капитала вытекает лишь из различий оборота капитальной стоимости, функционирующей в процессе производства, или *производительного капитала*. Это различие оборота в свою очередь вытекает из различий того способа, каким различные составные части производительного капитала переносят свою стоимость на продукт, а не из различий их участия в производстве стоимости продукта или не из особенностей их роли в процессе увеличения стоимости. Наконец, различия в передаче стоимости продукту, а потому и различие способов, какими эта стоимость вносится продуктом в обращение и посредством метаморфозов продукта возобновляется в своей первоначальной натуральной форме, — эти различия вытекают из различий тех вещественных форм, в которых существует производительный капитал, одна часть которого при образовании отдельного продукта потребляется целиком, другая же потребляется лишь постепенно. Следовательно, лишь производительный капитал может разделяться на основной и оборотный. Этой противоположности не существует, напротив, для двух других способов существования промышленного капитала, следовательно, — ни для товарного капитала, ни для денежного капитала; ее не существует и как противоположности этих двух форм по отношению к производительному капиталу. Она существует лишь для *производительного капитала и в пределах последнего*. Пусть денежный капитал и товарный капитал функционируют в качестве капитала, но как бы быстро они ни обращались, оборотным капиталом, в противоположность основному, они могут стать лишь тогда, когда они превратятся в оборотные составные части производительного капитала. Но так как эти две

формы капитала существуют в сфере обращения, то, как мы увидим, политическая экономия со времен А. Смита не удержалась от искушения свалить их в одну кучу с оборотной частью производительного капитала, соединить их в категорию «оборотный капитал». В действительности же денежный капитал и товарный капитал представляют собой капитал обращения в противоположность производственному капиталу, а не оборотный капитал в противоположность основному.

2) Оборот основной составной части капитала, а следовательно и необходимое для этого время оборота, охватывает несколько оборотов оборотных составных частей капитала. В течение того времени, когда основной капитал сделает лишь один оборот, оборотный капитал успевает сделать несколько оборотов. Одна из составных частей стоимости производительного капитала приобретает определенность формы основного капитала лишь постольку, поскольку данное средство производства, в котором она существует, не изнашивается полностью за тот промежуток времени, в течение которого продукт будет изготовлен и выброшен из процесса производства как товар. Одна часть стоимости средства производства должна остаться по-прежнему связанной с сохраняющейся старой потребительной формой, между тем как другую часть уносит в обращение готовый продукт, причем обращение продукта в то же время представляет собой, напротив, обращение всей стоимости оборотной части капитала.

3) Затрачиваемая на основной капитал часть стоимости производительного капитала авансируется полностью, разом, на весь срок функционирования той части средств производства, которая составляет основной капитал. Следовательно, капиталист одним разом бросает эту стоимость в обращение, но она извлекается им из обращения лишь долями, постепенно, посредством реализации тех долей стоимости, которые основной капитал частями присоединяет к товарам. С другой стороны, сами средства производства, в которых фиксируется одна из составных частей производительного капитала, извлекаются из обращения разом и на весь срок своего функционирования входят в процесс производства. Но они в течение этого срока не требуют замены новыми экземплярами того же рода, не требуют воспроизводства. В течение более или менее продолжительного времени они продолжают принимать участие в образовании товаров, бросаемых в обращение, не требуя извлечения из обращения элементов своего собственного возобновления. Следовательно, в течение этого времени они со своей стороны не требуют также и возобновления авансирования со стороны капиталиста. Наконец, капитальная стоимость, вложенная в основной капитал, за время функционирования тех средств производства, в виде которых она существует, проходит кругооборот своих форм не вещественно, а лишь по своей стоимости, да и то лишь по частям

и постепенно. То есть некоторая часть стоимости основного капитала постоянно обращается как часть стоимости товара и превращается в деньги, но из денег не превращается обратно в свою первоначальную натуральную форму. Это обратное превращение денег в натуральную форму определенного средства производства совершается лишь в конце периода его функционирования, когда это средство производства оказывается использованным полностью.

4) Чтобы процесс производства шел непрерывно, элементы оборотного капитала должны быть так же постоянно закреплены в этом процессе, как и элементы основного капитала. Но закрепленные таким образом элементы первого постоянно возобновляются *in natura* (средства производства заменяются новыми экземплярами того же рода, рабочая сила — посредством постоянно возобновляемой ее купли); напротив, что касается элементов основного капитала, то за все время своего существования они не возобновляются и не приходится возобновлять акта их купли. В процессе производства всегда находятся сырые и вспомогательные материалы, но, по мере того как старые целиком потребляются при образовании готового продукта, они всегда заменяются новыми экземплярами того же рода. Точно так же в процессе производства постоянно находится и рабочая сила, но находится лишь вследствие постоянного возобновления акта ее купли, что часто сопровождается также и сменой лиц. Напротив, во время повторяющихся оборотов оборотного капитала, в тех же самых повторяющихся процессах производства продолжают функционировать одни и те же здания, машины и т. д.

II. СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ, ЗАМЕНА, РЕМОНТ, НАКОПЛЕНИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА

Долговечность отдельных элементов основного капитала на одном и том же предприятии различна, а потому различно и время их оборота. Например, на железной дороге продолжительность функционирования, а потому и время воспроизводства рельсов, шпал, земляных сооружений, станционных зданий, мостов, тоннелей, локомотивов и вагонов различны, следовательно, различно и время оборота частей капитала, авансированного на них. В течение долгого ряда лет здания, платформы, водонапорные башни, виадуки, тоннели, земляные выемки и насыпи, — короче, все то, что в английском железнодорожном хозяйстве называется «*works of art*» *, не требуют возобновления. Предметы, которые больше всего подвергаются износу, — это рельсовый путь и «подвижной состав» («*rolling stock*»).

* «искусственными сооружениями». *Ред.*

Первоначально при постройке современных железных дорог господствовало мнение, разделявшееся выдающимися инженерами-практиками, будто по своей прочности железная дорога вечна и износ рельсов до такой степени ничтожен, что, если речь идет о финансовой и практической стороне дела, им можно пренебречь; продолжительность существования хороших рельсов определялась в 100—150 лет. Но вскоре обнаружилось, что продолжительность жизни рельса, которая, разумеется, зависит от скорости движения локомотивов, веса и числа поездов, толщины самих рельсов и многих других побочных обстоятельств, в среднем не превышает 20 лет. На отдельных станциях, в центрах большого движения, рельсы изнашиваются даже за один год. К 1867 г. начали вводить стальные рельсы, которые стоили примерно вдвое дороже чугунных, но зато и долговечнее больше чем вдвое. Продолжительность жизни деревянных шпал составляла 12—15 лет. Что касается подвижного состава, то пассажирские вагоны изнашиваются значительно медленнее, чем товарные. Продолжительность жизни локомотивов в 1867 г. исчислялась в 10—12 лет.

Износ вызывается, во-первых, самим пользованием. В общем, рельсы изнашиваются с быстротой, пропорциональной числу поездов («R. C.», № 17645)²²⁾. При увеличении скорости поездов износ возрастал в большей пропорции, чем квадрат скорости, т. е. при удвоенной скорости поездов износ возрастал более чем в четыре раза («R. C.», № 17046).

Далее, причиной износа является влияние сил природы. Так, шпалы страдают не только от собственно износа, но и от гниения.

«Размеры издержек по содержанию дороги зависят не столько от износа, вызываемого движением поездов, сколько от качества дерева, железа, кирпича и извести, подверженных действию атмосферы. Один месяц сильных дождей причинит дороге больше вреда, чем целый год ее эксплуатации». (R. P. Williams. «On the Maintenance of Permanent Way». Доклад в «Institution of Civil Engineers» осенью 1867 года⁴⁵⁾).

Наконец, здесь, как и повсюду в крупной промышленности, моральный износ тоже играет свою роль: обычно по истечении 10 лет можно купить за 30 000 ф. ст. такое количество вагонов и локомотивов, которое раньше стоило 40 000 ф. ст. Таким образом обесценение этого оборудования приходится исчислять в размере 25% от рыночной цены, хотя бы и не произошло никакого обесценения его потребительной стоимости (Lardner. «Railway Economy», [р. 120]).

«Трубчатые мосты в их теперешней форме не возобновляются».

(Потому что в настоящее время имеются лучшие формы таких мостов.)

²²⁾ Цитаты, помеченные «R. C.», взяты из «Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence taken before the Commissioners, presented to both Houses of Parliament». London, 1867. — Вопросы и ответы пронумерованы, и номера их указаны здесь.

«Обычный ремонт их, удаление и замена отдельных частей нецелесообразны» (W. B. Adams. «Roads and Rails». London, 1862, [p. 136]).

Благодаря прогрессу промышленности средства труда обычно претерпевают постоянные перевороты. Поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот. С одной стороны, то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в предприятия в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный средний срок жизни, это обстоятельство служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому является помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. С другой стороны, конкурентная борьба, в особенности во время решающих переворотов в технике, заставляет заменять старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному обновлению оборудования предприятий в широком общественном масштабе.

Износ (оставляя в стороне моральный износ) есть та часть стоимости, которую основной капитал вследствие его использования постепенно передает продукту, — передает в той средней мере, в какой он утрачивает свою потребительную стоимость.

Этот износ отчасти таков, что основной капитал обладает известной средней продолжительностью жизни; он целиком авансируется на этот срок; по истечении его он должен быть целиком заменен. Для живых средств труда, например для лошадей, время воспроизводства предписано самой природой. Средняя продолжительность их жизни, как средств труда, определена законами природы. Как только истекает этот срок, использованные до конца экземпляры приходится заменять новыми. Лошадь нельзя заменять по частям, ее можно заменить только другой лошадью.

Другие элементы основного капитала допускают периодическое или частичное обновление. Здесь следует провести разграничение между частичной или периодической заменой и постепенным расширением предприятия.

Основной капитал состоит отчасти из однородных составных элементов, продолжительность существования которых, однако, неодинакова и которые обновляются по частям через различные промежутки времени. Так, рельсы на станциях приходится менять чаще, чем на остальной части полотна дороги. То же самое со шпалами, которые на бельгийских железных дорогах в 40-х годах, согласно Ларднеру, приходилось обновлять ежегодно в размере 8% и которые, следовательно, полностью обновлялись в течение $12\frac{1}{2}$ лет. Таким образом, положение здесь таково: известная сумма авансируется на определенный вид основного капитала, например, на 10 лет. Эта затрата делается разом. Но определенная часть этого основного капитала, стоимость которой вошла в стоимость продукта

и вместе с ним превратилась в деньги, каждый год заменяется *in natura*, между тем как другая часть продолжает существовать в своей первоначальной натуральной форме. Вот эта-то затрата разом и воспроизводство в натуральной форме лишь по частям и отличают этот капитал как основной от оборотного капитала.

Другие элементы основного капитала состоят из неоднородных частей, которые изнашиваются в неодинаковые сроки и потому должны заменяться не в одно и то же время. Именно так обстоит дело с машинами. То, что мы сказали сейчас о различной продолжительности жизни различных составных частей основного капитала, это в равной мере относится и к продолжительности существования различных составных частей одной и той же машины, фигурирующей в качестве элемента этого основного капитала.

Что касается постепенного расширения предприятия в ходе частичного обновления, то мы отметим следующее. Хотя, как мы видели, основной капитал *in natura* продолжает действовать в процессе производства, часть его стоимости, определяемая средней величиной износа, обращается вместе с продуктом, превращается в деньги, составляет элемент резервного денежного фонда, который служит для возмещения капитала, когда наступает срок его воспроизводства *in natura*. Эта часть стоимости основного капитала, превращенная, таким образом, в деньги, может послужить для того, чтобы расширить предприятие или произвести в машинах усовершенствования, которые повысят их эффективность. Таким образом через известные промежутки времени совершается воспроизводство, и притом — если рассматривать его с общественной точки зрения, — воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется поле производства; расширенным интенсивно, если применяются более эффективные средства производства. Такое воспроизводство в расширенном масштабе вытекает не из накопления — не из превращения прибавочной стоимости в капитал, а из обратного превращения стоимости, которая, ответвившись, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый — в добавочный или в более эффективный основной капитал того же рода. Разумеется, отчасти от специфической природы данного предприятия зависит, способно ли оно и в какой мере оно способно к такому постепенному расширению; следовательно, от этой специфической природы зависит также, в каких размерах должен быть собран резервный фонд, чтобы его можно было снова вложить в то же предприятие, и в какие сроки может совершаться это вложение. С другой стороны, что касается возможности усовершенствования деталей существующих машин, то она зависит, конечно, от характера усовершенствований и от конструкции самой машины. Но в какой большей мере, например, в железнодорожных сооружениях, приходится с самого начала предусматривать этот момент, показывает Адамс:

«Вся конструкция должна сообразоваться с принципом, который господствует в пчелином улье: со способностью к неограниченному расширению. Все слишком солидные и в особенности симметричные сооружения оказываются злом, в случае расширения их приходится сносить» (там же, стр. 123).

В большинстве случаев это зависит от имеющегося в распоряжении пространства. В некоторых зданиях возможна надстройка этажей, у других необходимо расширение в стороны, следовательно, требуется больше земли. При капиталистическом производстве, с одной стороны, много средств расточается, с другой стороны, при постепенном расширении предприятия наблюдается много случаев нецелесообразного расширения в стороны (отчасти во вред рабочей силе); причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, а все зависит от бесконечно разнообразных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считается отдельный капиталист. Все это ведет к огромному расточению производительных сил.

Это обратное вложение капитала по частям из денежного резервного фонда (т. е. из фонда, образованного частью основного капитала, совершившей обратное превращение в деньги) легче всего осуществляется в земледелии. Здесь пространственно отграниченное поле производства в наибольшей мере способно к постепенному поглощению капитала. Точно так же дело обстоит в тех случаях, когда совершается естественное воспроизводство, как, например, в животноводстве.

Основной капитал требует особых издержек на сохранение. Сохранение обеспечивается отчасти самим процессом труда; основной капитал подвергается порче, если он не функционирует в процессе труда (см. «Капитал», книга I, глава VI, стр. 196 и глава XIII, стр. 423 ⁴⁶: износ машин, возникающий из их неупотребления). Поэтому английский закон считает прямым причинением ущерба («waste») тот случай, когда арендованные участки земли не возделываются обычным в стране способом (барристер У. А. Холдсуорт. «The Law of Landlord and Tenant». London, 1857, p. 96).

Это сохранение, возникающее из употребления в процессе труда, представляет собой безвозмездный дар природы живого труда. Такая сохраняющая сила труда имеет двойкий характер. С одной стороны, труд сохраняет стоимость материалов труда, перенося ее на продукт; с другой стороны, поскольку он не переносит на продукт стоимость средств труда, он тем не менее сохраняет и их стоимость, сохраняя их потребительную стоимость, заставляя их функционировать в процессе производства.

Однако поддержание основного капитала в исправности требует также и прямых затрат труда. Машины необходимо время от времени чистить. Здесь речь идет о добавочном труде, без которого они сделаются непригодными к употреблению; о простом предотвра-

щении тех вредных стихийных влияний, которые неотделимы от процесса производства, следовательно, речь идет о сохранении машин в состоянии работоспособности в буквальном значении этих слов. Как само собой разумеется, нормальная продолжительность жизни основного капитала определяется с учетом того, что будут выполнены те условия, при которых он может нормально функционировать в течение этого времени — совершенно так же, как, принимая, что человек живет в среднем 30 лет, предполагают, что он и моется. Следовательно, речь идет здесь не о возмещении труда, заключающегося в машине, а о постоянном добавочном труде, который становится необходимым вследствие ее употребления. Речь идет здесь не о той работе, которую совершает машина, а о том труде, который прилагается к машине и по отношению к которому она не агент производства, а сырой материал. Капитал, затрачиваемый на этот труд, — хотя этот капитал не входит в тот процесс труда, которому собственно обязан продукт своим происхождением, — относится к оборотному капиталу. В процессе производства приходится постоянно затрачивать капитал на такой труд, а потому и его стоимость должна постоянно возмещаться стоимостью продукта. Капитал, затрачиваемый на этот труд, относится к той части оборотного капитала, которая должна покрыть общие непроизводительные издержки капиталиста и подлежит распределению на вновь созданную стоимость в соответствии с годовым средним расчетом. Мы видели ⁴⁷, что в собственно промышленности этот труд чистки выполняется рабочими бесплатно во время перерывов, но очень часто, — именно потому, что он выполняется бесплатно, — также и во время самого процесса производства, становясь источником большинства несчастных случаев. Этот труд не оплачивается в цене продукта. В этом смысле потребитель получает его бесплатно. С другой стороны, капиталист экономит таким образом на издержках по сохранению своих машин. Рабочий расплачивается своим собственным горбом, и в этом заключается одна из тех тайн самосохранения капитала, которые в сущности обосновывают юридическое притязание рабочего на машины и превращают его в совладельца машин даже с точки зрения буржуазного права. Однако в различных отраслях производства, где машины приходится для чистки удалять из процесса производства и потому чистка не может производиться между прочим, — так обстоит дело, например, с локомотивами, — этот труд сохранения относится к текущим издержкам, т. е. составляет элемент оборотного капитала. После, самое большее, трехдневной работы, локомотив необходимо отправить в депо и там подвергнуть его чистке; чтобы при промывке не попортить котел, его необходимо предварительно охладить. («R. С.», № 17823).

Собственно ремонт или починочные работы требуют таких затрат капитала и труда, которые не содержатся в первоначально

авансированном капитале и, следовательно, не могут быть — во всяком случае не всегда могут быть — возмещены и покрыты из такого источника, как постепенное возмещение стоимости основного капитала. Если, например, стоимость основного капитала = 10 000 ф. ст., а общая продолжительность его жизни = 10 годам, то эти 10 000 ф. ст., по истечении 10 лет целиком превращенные в деньги, возмещают лишь стоимость первоначально вложенного капитала, но не возмещают капитала или труда, вновь добавленного за это время на ремонт. Это — добавочная составная часть стоимости; она авансируется также не разом, а в зависимости от потребностей, и различные сроки ее авансирования по сути дела случайны. Всякий основной капитал требует подобных позднейших, частичных, добавочных затрат капитала на средства труда и рабочую силу.

Повреждения, которым подвержены отдельные части машин и т. д., по природе своей случайны, а потому так же случаен и обусловливаемый ими ремонт. Однако из массы этих ремонтных работ выделяются два вида, которые имеют более или менее постоянный характер и приходится на различные периоды жизни основного капитала: болезни детства и несравненно более многочисленные болезни возраста, вышедшего за пределы средней продолжительности жизни. Например, какой бы совершенной конструкции машина ни вступила в процесс производства, при ее употреблении на практике обнаруживаются недостатки, которые приходится исправлять дополнительным трудом. С другой стороны, чем больше вышла она за предел своего среднего возраста, следовательно, чем больше сказывается действие нормального изнашивания, чем больше изношен и старчески ослаб материал, из которого она сделана, тем многочисленнее и значительнее становятся ремонтные работы, необходимые для того, чтобы поддержать существование машины до конца периода средней продолжительности ее жизни; совершенно так же старому человеку, чтобы не умереть преждевременно, приходится делать больше расходов на медицинскую помощь, чем человеку, полному юношеских сил. Следовательно, при всем случайном характере ремонтных работ, они распределяются неравномерно между различными периодами жизни основного капитала.

Как из этого, так и вообще из случайного характера ремонтных работ, требуемых машиной, вытекает следующее:

С одной стороны, действительная затрата рабочей силы и средств труда на ремонтные работы случайна, как случайны и сами обстоятельства, которые вызывают необходимость в этом ремонте; размеры необходимого ремонта неравномерно распределяются между различными периодами жизни основного капитала. С другой стороны, при определении средней продолжительности жизни основного капитала предполагается, что он постоянно поддерживается в рабочем состоянии — отчасти посредством чистки (сюда

относится и поддержание чистоты в помещениях), отчасти посредством ремонта, производимого каждый раз, когда это требуется. Перенесение стоимости вследствие изнашивания основного капитала рассчитывается по средней продолжительности его жизни, но эта средняя продолжительность жизни, в свою очередь, рассчитана на то, что все время будет авансироваться добавочный капитал, необходимый для содержания его в исправности.

С другой стороны, не менее ясно, что эта стоимость, присоединяемая к основному капиталу благодаря добавочной затрате капитала и труда, не может входить в цену товаров одновременно с этой затратой. Например, если у фабриканта-прядильщика на этой неделе сломалось колесо или порвался ремень, он не может на этой неделе продавать свою пряжу дороже, чем продавал на прошлой неделе. Общие издержки прядения несколько не изменились вследствие этого происшествия на отдельной фабрике. Здесь, как и вообще при определении стоимости, решающее значение имеет средняя величина. Опыт показывает среднее количество таких происшествий и средний объем работ по содержанию и ремонту, необходимых в течение среднего периода жизни основного капитала, вложенного в определенную отрасль производства. Этот средний расход распределяется на средний период жизни основного капитала и соответствующими частями прибавляется к цене продукта, следовательно, возмещается посредством продажи последнего.

Добавочный капитал, который возмещается таким образом, относится к оборотному капиталу, хотя соответствующие затраты имеют нерегулярный характер. Так как в высшей степени важно немедленно исправлять всякое повреждение машин, то на каждой сравнительно крупной фабрике наряду с собственно фабричными рабочими существует особый персонал инженеров, столяров, механиков, слесарей и т. д. Их заработная плата составляет часть переменного капитала, и стоимость их труда распределяется на продукт. С другой стороны, необходимые расходы на средства производства определяются по среднему расчету и в соответствии с ним постоянно составляют часть стоимости продукта, хотя фактически они авансируются в нерегулярные сроки, а потому в нерегулярные сроки входят в продукт, соответственно — в основной капитал. Этот капитал, затрачиваемый на собственно ремонт, в некоторых отношениях составляет капитал особого рода: его нельзя отнести ни к оборотному, ни к основному капиталу, но все же его скорее можно причислить к первому, так как он принадлежит к категории текущих затрат.

Способ учета в бухгалтерских книгах, конечно, ничего не изменяет в действительном соотношении тех вещей, относительно которых ведутся эти книги. Но важно отметить, что во многих отраслях производства издержкам по ремонту и действительному износу основного капитала обычно ведется общий подсчет следующим

образом. Пусть авансированный основной капитал составляет 10 000 ф. ст., продолжительность его жизни — 15 лет; ежегодный износ при этом условии равен $666\frac{2}{3}$ ф. ст. Но вместо этого износ рассчитывают только на 10 лет, т. е. к цене производимых товаров ежегодно прибавляют на износ основного капитала 1 000 ф. ст. вместо $666\frac{2}{3}$; т. е. $333\frac{1}{3}$ ф. ст. идут в резерв на ремонтные работы и т. д. (Числа 10 и 15 взяты лишь для примера.) Следовательно, в среднем на ремонт расходуется такая сумма, чтобы основной капитал просуществовал 15 лет. Такой способ подсчета, разумеется, не препятствует тому, что основной капитал и затрачиваемый на ремонт добавочный капитал составляют различные категории. На основе такого способа подсчета, например, предполагалось, что минимальная сметная норма издержек на сохранение и замену паровозов составляет 15% в год, следовательно, время воспроизводства = $6\frac{2}{3}$ года. В 60-х годах английское правительство возмещало компании «Peninsular and Oriental C^o» ее расходы этого рода в размере 16% в год, что, следовательно, соответствует времени воспроизводства в $6\frac{1}{4}$ года. На железных дорогах средняя продолжительность жизни локомотива составляет 10 лет, но, принимая в расчет издержки на ремонт, ежегодный износ определяется в $12\frac{1}{2}\%$, что сводит продолжительность его жизни к 8 годам. Для пассажирских и товарных вагонов ежегодный износ исчисляется в 9%, т. е. продолжительность их жизни определяется в $11\frac{1}{9}$ года.

Законодательство, касающееся контрактов об аренде домов и других объектов, которые для их собственников являются основным капиталом и как таковой сдаются ими в аренду, везде признает различие между нормальным износом, который обусловливается временем, влиянием сил природы и самим нормальным использованием, и случайным ремонтом, который время от времени необходим в течение периода нормальной продолжительности существования дома для поддержания его в сохранности и для нормального пользования им. Как правило, ремонт первого рода падает на долю собственника, второго рода — на долю арендатора. Ремонтные работы разделяются, далее, на текущие и капитальные. Последние частично представляют собой обновление основного капитала в его натуральной форме и тоже падают на долю собственника, если только контракт прямо не требует противоположного. Так, например, согласно английскому праву:

«Арендатор из года в год обязан лишь содержать постройки в таком состоянии, чтобы они не пропускали ни ветра, ни дождя, поскольку это возможно без капитального ремонта; и вообще он обязан делать лишь такой ремонт, который можно назвать текущим. Но даже и в этом отношении приходится принимать во внимание время службы и общее состояние соответствующих частей здания в тот момент, когда арендатор принял их, ибо он не обязан ни заменять старый и изношенный материал новым, ни возмещать неизбежное обесценение, возникающее как результат влияния времени и регулярного использования» (Holdsworth. «Law of Landlord and Tenant», p. 90—91).

Как от возмещения износа, так и от работ по сохранению и ремонту совершенно отлично *страхование* от возможных разрушений, производимых чрезвычайными явлениями природы: пожарами, наводнениями и т. д. Расходы на страхование должны покрываться за счет прибавочной стоимости и представляют собой вычет из нее. Или, рассматривая дело с точки зрения всего общества, необходимо, чтобы всегда имело место добавочное производство, т. е. производство в более широком масштабе, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства; оно, — если совсем оставить в стороне прирост населения, — необходимо для того, чтобы иметь в распоряжении средства производства для устранения последствий тех чрезвычайных разрушений, которые вызываются случайностями и силами природы.

На практике лишь незначительная часть капитала, необходимого для возмещения, идет в денежный резервный фонд. Важнейшая часть этого капитала идет на расширение размеров самого производства, на расширение, которое отчасти является действительным расширением, отчасти же, — в отраслях производства, в которых производится основной капитал, — необходимым условием для нормального роста объема производства. Так, например, машиностроительный завод строится с расчетом на то, что фабрики, принадлежащие его покупателям, будут ежегодно расширяться и что часть этих фабрик постоянно будет требовать полного или частичного воспроизводства.

При определении как износа, так и издержек по ремонту в соответствии с общественной средней нормой неизбежно оказываются большие различия даже для равновеликих капиталов, вложенных, вообще говоря, при одних и тех же условиях в одну и ту же отрасль производства. На практике у одного капиталиста машина и т. д. существует дольше среднего периода, у другого — не так долго. Издержки по ремонту у одного выше средней величины, у другого ниже и т. д. Но надбавка к цене товаров, определяемая с учетом как износа, так и издержек по ремонту, одна и та же: она определяется по средней величине. Таким образом, благодаря этой надбавке к цене один получает больше, чем он в действительности добавочно затратил, другой — меньше. Это — как и все другие обстоятельства, которые, несмотря на одинаковую эксплуатацию рабочей силы, делают различной прибыль различных капиталистов в одной и той же отрасли производства, — способствует тому, чтобы затруднить понимание истинной природы прибавочной стоимости.

Граница между собственно ремонтом и заменой, между издержками сохранения и издержками, связанными с заменой, более или менее условна. Отсюда вечный спор, например, на железнодорожном транспорте о том, являются ли известные затраты затратами на ремонт или на замену, следует ли покрыть их из текущих расходов или из основного капитала акционерного общества. Отнесение

расходов по ремонту на счет капитала вместо отнесения их на счет дохода является известным средством, при помощи которого правления железнодорожных обществ искусственно взвинчивают свои дивиденды. Однако и в этой области опыт уже дал наиболее существенные опорные пункты. Так, дополнительные работы в первый период жизни железной дороги представляют собой

«отнюдь не ремонт, и их следует рассматривать как существенную составную часть работ по сооружению дороги и, следовательно, они должны быть отнесены на счет капитала, так как они возникают не вследствие износа и не вследствие нормальной эксплуатации дороги, а обизаны своим возникновением первоначальному неизбежному несовершенству работ по сооружению дороги» (Ларднер, там же, стр. 40).

«Напротив, единственно правильный метод заключается в том, чтобы относить на счет годового дохода то обесценение, с которым необходимо было считаться, чтобы заслужить этот доход, причем безразлично, была ли в действительности израсходована соответствующая сумма или нет» (капитан Фицморис. Из заявления в Комитете по расследованию положения дел в обществе «Caledonian Railway», перепечатано в «Money Market Review», 25. I. 1868).

Разграничение замены и сохранения основного капитала практически невозможно и бесцельно в земледелии, по крайней мере постольку, поскольку оно еще не применяет паровых машин.

«При полном, однако не чрезмерно большом комплекте инвентаря» (всевозможных сельскохозяйственных и прочих орудий труда и хозяйственных принадлежностей) «ежегодный износ и издержки по сохранению инвентаря обычно определяются средним числом в 15% — 25% первоначального капитала, в зависимости от различия в сложившихся обстоятельствах» (Kirchhof. «Handbuch der landwirtschaftlichen Betriebslehre». Dresden, 1852, S. 137).

Если иметь в виду подвижной состав железной дороги, то совершенно невозможно разграничить ремонт и замену.

«Мы сохраняем подвижной состав в наличном количестве. Какое число локомотивов имеется у нас, это число мы и сохраняем. Если с течением времени локомотив сделается негодным, так что выгоднее построить новый, то мы и строим таковой за счет дохода, причем мы, конечно, включаем в доход стоимость материалов, оставшихся от старой машины... Остается довольно много. Колеса, оси, котел и т. д., словом — от старого локомотива остается немало» (Д. Гуч, председатель правления общества «Great Western Railway Co», «R. C.», № 17327, 17329).

— «Ремонтировать — значит обновлять; для меня не существует слова «замена»... раз железнодорожное общество купило вагон или локомотив, то оно должно ремонтировать их так, чтобы они могли служить вечно» (№ 17784). «Издержки на локомотивы мы определяем в 8½ пенсов на английскую милю пробега. На эти 8½ пенсов мы постоянно сохраняем локомотивы. Мы обновляем наши машины. Если вы захотите купить новую машину, вы затратите больше денег, чем это необходимо... В старой машине всегда найдется несколько колес, ось или какая-либо другая пригодная часть, и это дает возможность дешевле построить машину, такую же хорошую, как совершенно новая» (№ 17790). «Теперь я каждую неделю произвожу новый локомотив, т. е. такой же хороший, как новый, потому что в нем котел, цилиндр и рама новые» (Арчибалд Старрок, начальник службы тяги общества «Great Northern Railway», № 17823 в «R. C.», 1867).

То же самое с вагонами:

«С течением времени запас локомотивов и вагонов постоянно обновляется: то надеваются новые колеса, то делается новая рама. Так постепенно обновляются

движущиеся части локомотивов и вагонов, которые больше всего подвержены износу; таким образом локомотивы и вагоны могут подвергнуться такому ремонту, что в некоторых из них от старого материала не останется и следа... Если старые локомотивы и вагоны станут даже совсем непригодными для ремонта, отдельные части их используются для ремонта других, и, таким образом, для дороги они никогда не пропадают полностью. Поэтому капитал, вложенный в подвижной состав, находится в состоянии постоянного воспроизводства; то, что в отношении железнодорожного полотна в определенное время приходится производить разом, — а именно, когда вся линия перекалывается заново, — в подвижном составе производится постепенно, из года в год. Его существование вечно, он подвергается постоянному омолаживанию» (Ларднер, там же, стр. 115, 116).

Этот процесс, как он показан здесь Ларднером на примере железной дороги, во всех деталях не наблюдается на отдельной фабрике, но он дает нам картину постоянного частичного, переплетающегося с ремонтом воспроизводства основного капитала в пределах любой одной отрасли промышленности, взятой в целом, или вообще в рамках всего производства, рассматриваемого в общественном масштабе.

Вот еще один факт, показывающий, в каких широких границах ловкие дельцы из правлений железнодорожных обществ могут толковать понятия ремонта и замены с целью получения больших дивидендов. Согласно цитированному выше докладу Р. П. Уильямса, различные английские железнодорожные общества в среднем за ряд лет заносили на счет дохода, а затем списывали на ремонт и на издержки по сохранению железнодорожного полотна и построек следующие суммы (ежегодно на английскую милю длины линии):

«London and North Western»	370	ф. ст.
«Midland»	225	» »
«London and South Western»	257	» »
«Great Northern»	360	» »
«Lancashire and Yorkshire»	377	» »
«South Eastern»	263	» »
«Brighton»	266	» »
«Manchester and Sheffield»	200	» »

Эти различия в суммах лишь в самой ничтожной мере вытекают из различия действительно произведенных затрат: они ведут свое происхождение почти исключительно из различий способа исчисления, из того, относятся ли статьи расходов на счет капитала или на счет дохода. Уильямс прямо говорит:

«Меньшая цифра затрат принимается потому, что это необходимо для приличного дивиденда, а большая цифра указывается потому, что имеется более высокий доход, который может обеспечить и затраты и получение дивидендов».

В известных случаях износ, а потому и его возмещение становится величиной, практически приближающейся к нулю, так что в расчет принимаются лишь одни издержки ремонта. То, что Ларднер говорит ниже о «works of art» на железных дорогах, относится,

в общем, и ко всем таким долговечным сооружениям, как каналы, доки, железные и каменные мосты и т. д. —

«Износ, который вследствие длительного воздействия времени сказывается и на более солидных сооружениях, за сравнительно короткие промежутки времени сказывается почти незаметно; однако по истечении продолжительного периода времени, например, столетий, он делает необходимым обновление, полное или частичное, даже самых солидных сооружений. Отношение этого незаметного износа к более осязаемому износу других частей дороги можно сравнить с отношением вековых отклонений в движении небесных тел к периодическим. Воздействие времени на такие сравнительно массивные сооружения железной дороги, как мосты, тоннели, виадуки и т. д., дает пример того, что можно назвать вековым износом. Более быстрое и более заметное обесценение, устраняемое в более короткие промежутки времени посредством ремонта или замены, аналогично периодическим отклонениям. В ежегодные издержки ремонта входит и возмещение того случайного ущерба, который время от времени причиняется наружной стороне даже сравнительно прочных сооружений; но и независимо от такого ремонта время не проходит для них бесследно, и в конце концов должен наступить момент, как бы отдален он ни был, когда состояние этих сооружений потребует постройки заново. Во всяком случае, что касается финансовой и экономической стороны дела, время это может быть слишком отдаленным для того, чтобы принимать его во внимание в практических расчетах» (Ларднер, там же, стр. 38, 39).

Это относится ко всем таким долговечным сооружениям, когда, следовательно, не приходится постепенно, по мере их износа, возмещать авансированный на них капитал, а приходится переносить на цену продукта лишь ежегодные средние издержки по содержанию их в исправности и по ремонту.

Хотя, как мы видели, большая часть денег, возвращающихся на возмещение износа основного капитала, ежегодно или даже чаще снова совершает обратное превращение в натуральную форму этого капитала, тем не менее каждому отдельному капиталисту необходим амортизационный фонд для той части основного капитала, для которой лишь по истечении ряда лет разом наступает срок воспроизводства и которую тогда приходится заменять целиком. Значительная составная часть основного капитала уже в силу своих свойств исключает возможность ее воспроизводства по частям. Кроме того, когда воспроизводство по частям происходит таким способом, что через короткие промежутки к обесценившемуся составу основного капитала присоединяется новый, то, чтобы сделать возможным эту замену, необходимо предварительное накопление денег в большем или меньшем размере, — в зависимости от специфического характера данной отрасли производства. Для этого достаточна не всякая произвольная сумма денег, — для этого требуется денежная сумма определенных размеров.

Если мы рассмотрим образование амортизационного фонда, предполагая лишь простое денежное обращение и совершенно оставляя в стороне систему кредита, которую надлежит исследовать позже⁴⁸, то механизм движения таков: если одна часть денег, имеющих в данном обществе, всегда лежит в бездейтельном состоянии, в форме сокровища, а другая функционирует как сред-

ство обращения или как непосредственный резервный фонд по отношению к уже обращающимся деньгам, то пропорция, в которой вся масса денег распадается на сокровище и на средства обращения, подвержена постоянным изменениям. Это было показано в первой книге «Капитала» (глава III, 3а). Деньги, которые в нашем примере относительно крупный капиталист должен накопить в виде сокровища сравнительно большого размера, при закупке основного капитала разом выбрасываются в обращение. Потом они в пределах данного общества снова сами распадаются на средства обращения и сокровище. Вследствие образования амортизационного фонда, в который, как в свой исходный пункт, возвращается стоимость основного капитала, соответствующая его износу, часть обращающихся денег на более или менее продолжительное время опять образует сокровище в руках того самого капиталиста, сокровище которого при покупке основного капитала ушло от него, превратившись в средство обращения. Перед нами — постоянно изменяющееся распределение существующего в обществе сокровища, которое попеременно функционирует сначала как средство обращения, а потом в качестве сокровища опять отделяется от массы обращающихся денег. С развитием кредита, которое необходимо идет параллельно развитию крупной промышленности и капиталистического производства, эти деньги функционируют уже не как сокровище, а как капитал, однако в руках не их собственника, а других капиталистов, в распоряжение которых они предоставлены.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

**ОБЩИЙ ОБОРОТ АВАНСИРОВАННОГО КАПИТАЛА.
ЦИКЛЫ ОБОРОТОВ**

Мы видели, что основные и оборотные составные части производительного капитала совершают свои обороты различным способом и в периоды разной продолжительности; мы видели также, что различные составные части основного капитала на одном и том же предприятии, в свою очередь, имеют различные периоды оборота в зависимости от разной продолжительности их жизни, а следовательно, и времени их воспроизводства. (О действительных или кажущихся различиях в обороте различных составных частей оборотного капитала на одном и том же предприятии смотри пункт 6 в конце этой главы.)

1) Общий оборот авансированного капитала есть средний оборот различных его составных частей; способ исчисления показан ниже. Поскольку речь идет лишь о различных периодах времени, нет, конечно, ничего проще, как вывести из них среднее; но

2) здесь имеет место не только количественное, но и качественное различие.

Оборотный капитал, входящий в процесс производства, переносит на продукт всю свою стоимость, и потому, чтобы процесс производства шел без перерывов, оборотный капитал, посредством продажи продукта, должен постоянно возмещаться *in natura* *. Основной капитал, входящий в процесс производства, переносит на продукт лишь часть своей стоимости (износ) и, несмотря на этот износ, продолжает функционировать в процессе производства; поэтому он лишь через более или менее продолжительные промежутки времени, во всяком случае не так часто, как оборотный капитал, должен возмещаться *in natura*. Эта необходимость возмещения, срок воспроизводства, не только количественно различна для различных составных частей основного капитала; как мы видели, одна часть основного капитала, способного функционировать ряд лет и имею-

* в натуральной форме. *Ред.*

щего бо́льшую продолжительность жизни, может возмещаться и присоединяться *in natura* к старому основному капиталу по частям каждый год или через более короткие промежутки времени; что же касается основного капитала, обладающего другими свойствами, то его возмещение, напротив, может происходить лишь разом, по истечении срока его жизни.

Ввиду этого необходимо свести особые обороты различных частей основного капитала к однородной форме оборота, так, чтобы они отличались друг от друга лишь количественно, по продолжительности оборота.

Этой качественной тождественности нет места, если мы примем за исходный пункт $II...II$, т. е. форму непрерывного процесса производства. Ведь определенные элементы II должны постоянно возмещаться *in natura*, другие же нет. Но форма $D...D'$, несомненно, дает такую тождественность оборота. Возьмем, например, машину стоимостью в 10 000 ф. ст., продолжительность ее жизни — 10 лет, следовательно, ежегодно совершает обратное превращение в деньги $\frac{1}{10} = 1\,000$ ф. ст. Эти 1 000 ф. ст. в течение первого года превратились из денежного капитала в производительный капитал, потом в товарный капитал, а из последнего опять в денежный капитал. Они возвратились к своей первоначальной денежной форме, так же как и оборотный капитал, — если мы будем рассматривать последний в этой форме, — и при этом совершенно безразлично, превратится ли в конце года денежный капитал в 1 000 ф. ст. опять в натуральную форму какой-либо машины или же нет. Поэтому, вычисляя общий оборот авансированного производительного капитала, мы фиксируем все его элементы в денежной форме, так что возврат к денежной форме является завершением оборота. Мы исходим из предположения, что стоимость всегда авансируется в деньгах, даже при непрерывном процессе производства, когда эта денежная форма стоимости представляет собой форму только счетных денег. Таким способом мы и можем вывести среднюю величину.

3) Из этого следует, что, даже и в том случае, когда подавляющая часть авансированного производительного капитала состоит из основного капитала, время воспроизводства, а следовательно и время оборота которого охватывает многолетний цикл, оборачивающаяся в течение года капитальная стоимость может быть больше, чем общая стоимость авансированного капитала; это следствие того, что оборотный капитал в течение года делает несколько оборотов.

Пусть основной капитал = 80 000 ф. ст., время его воспроизводства = 10 годам, так что 8 000 ф. ст. ежегодно возвращаются к своей денежной форме, или основной капитал совершает в год $\frac{1}{10}$ своего оборота. Пусть оборотный капитал = 20 000 ф. ст. и совершает в год пять оборотов. Следовательно, весь капитал =

= 100 000 ф. ст. Обернувшийся основной капитал = 8 000 ф. ст.; обернувшийся оборотный капитал = $20\,000 \times 5 = 100\,000$ ф. ст. Следовательно, обернувшийся в течение года капитал = 108 000 ф. ст., — на 8 000 ф. ст. больше, чем авансированный капитал. Обернулось $1 + \frac{2}{25}$ капитала.

4) Следовательно, *оборот стоимости* авансированного капитала отделяется во времени от его действительного воспроизводства, или от реального оборота его составных частей. Например, пусть капитал в 4 000 ф. ст. оборачивается пять раз в год. В таком случае обернувшийся капитал = $4\,000 \times 5 = 20\,000$ ф. ст. Но в конце каждого оборота возвращается, чтобы снова быть авансированным, не что иное, как первоначально авансированный капитал в 4 000 ф. ст. Его величина не изменяется от числа тех периодов оборота, в которых он снова и снова функционирует как капитал. (Прибавочная стоимость оставляется в стороне.)

Итак, в примере пункта 3, согласно предположению, в конце года в руки капиталиста возвратилась а) сумма стоимости в 20 000 ф. ст., которую он снова затрачивает на оборотные составные части капитала, и б) сумма в 8 000 ф. ст., которая вследствие износа отделилась от стоимости авансированного основного капитала; при этом в процессе производства по-прежнему остается все тот же основной капитал, но стоимость его уменьшилась с 80 000 ф. ст. до 72 000 ф. ст. Следовательно, требуется продолжение процесса производства в течение еще девяти лет, — и лишь тогда авансированный основной капитал отживет свое время, перестанет функционировать и в качестве фактора образования продукта, и в качестве фактора образования стоимости, и его необходимо будет заменить. Таким образом, авансированной капитальной стоимости предстоит совершить известный цикл оборотов, например, в данном случае цикл из десяти годовых оборотов, и цикл этот определяется временем жизни, следовательно, временем воспроизводства или временем оборота применяемого основного капитала.

Итак, в той самой мере, в какой вместе с развитием капиталистического способа производства возрастает размер стоимости и продолжительность жизни применяемого основного капитала, в такой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь. Если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается вследствие постоянных переворотов в средствах производства, переворотов, которые с развитием капиталистического способа производства также постоянно учащаются. С этим связаны и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения вследствие морального износа, наступающего задолго до того, как они физически отживут свое время. Можно принять, что в решающих отраслях крупной

промышленности этот цикл жизни составляет теперь в среднем десять лет. Однако дело здесь не в определенном числе. Ясно во всяком случае следующее: этим охватывающим ряд лет циклом взаимно связанных между собой оборотов, в течение которых капитал закреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем в ходе цикла деловая жизнь последовательно переживает периоды ослабления, среднего оживления, стремительного подъема, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов ^{22а)}.

5) Что касается способа исчисления оборота, то предоставим слово одному американскому экономисту ⁴⁹⁾:

«В некоторых отраслях производства весь авансированный капитал успевает возвратиться, или обернуться, несколько раз в течение одного года; в некоторых других отраслях одна часть оборачивается более одного раза в год, а другая часть — не так быстро. Капиталисту приходится исчислять свою прибыль в соответствии с тем средним периодом, который требуется для всего его капитала, чтобы пройти через его руки, или обернуться один раз. Предположим, что некто в определенном предприятии вложил половину своего капитала в здания и машины, которые возобновляются один раз в десять лет; четверть капитала — в орудия и т. д., которые возобновляются в два года, и что последняя четверть, затраченная на заработную плату и сырье, оборачивается два раза в год. Пусть весь его капитал равен 50 000 долларов. Тогда его годовая затрата составит:

$$\begin{array}{rcl} 50\,000 : 2 = 25\,000 & \text{долл. в 10 лет} & = 2\,500 \text{ долл. в 1 год} \\ 50\,000 : 4 = 12\,500 & * & * 2 \text{ года} = 6\,250 * * * * \\ 50\,000 : 4 = 12\,500 & * & * \frac{1}{2} * = 25\,000 * * * * \end{array}$$

$$\text{В 1 год} = 33\,750 \text{ долл.}$$

...Следовательно, среднее время, в течение которого весь его капитал оборачивается один раз, составляет 16 месяцев ⁵⁰⁾...

Возьмем другой случай: пусть одна четверть всего капитала в 50 000 долларов оборачивается в 10 лет; другая четверть — в 1 год; остальная половина — дважды в год. Тогда годовая затрата составит:

$$\begin{array}{rcl} 12\,500 : 10 & = & 1\,250 \text{ долларам} \\ 12\,500 : 1 & = & 12\,500 * \\ 25\,000 \times 2 & = & 50\,000 * \end{array}$$

$$\text{В 1 год обернулось} = 63\,750 \text{ долларов} *$$

(Scrope. «Pol. Econ.», edit. Alonzo Potter, New York, 1841, p. 142—143).

6) Действительные и кажущиеся различия в обороте различных частей капитала. — Тот же Скроп говорит в том же месте:

^{22а)} «Городское производство связано с оборотом, охватывающим несколько дней; сельское, напротив, с оборотом, охватывающим годы». (Adam H. Müller. «Die Elemente der Staatskunst». Berlin, 1809, III, S. 178). Таково наивное представление романтиков о промышленности и земледелии.

«Капитал, который фабрикант, сельский хозяин или торговец затрачивает на выплату заработной платы, обращается всего быстрее, так как этот капитал, если выплата производится еженедельно, обернется, быть может, один раз в неделю благодаря тому, что поступления от продажи товаров или от оплаченных счетов также совершаются еженедельно. Капитал, затраченный на сырье или на запасы товаров, обращается с меньшей быстротой; он может совершить два или четыре оборота в год, смотря по тому, сколько времени проходит между покупкой сырья и продажей товаров, — мы предполагаем, что кредит для покупок и продаж дается на одинаковый срок. Капитал, заключающийся в орудиях и машинах, обращается еще медленнее, потому что он в среднем оборачивается, т. е. потребляется и обновляется, быть может, только один раз в пять или десять лет; хотя при этом некоторые орудия будут до конца изношены уже после короткого ряда операций. Что касается капитала, вложенного в здания, например, фабрик, магазинов, складов, амбаров, а также в дороги, в оросительные сооружения и т. д., то кажется, будто он вообще почти совсем не обращается. Но в действительности и эти вложения, содействуя производству, изнашиваются совершенно так же, как и упомянутые ранее, и для того, чтобы производитель мог продолжать свои операции, они должны воспроизводиться. Различие заключается лишь в том, что они потребляются и воспроизводятся медленнее, чем остальные... Вложенный в них капитал совершает оборот, быть может, лишь в 20 или в 50 лет» (там же, стр. 141—142).

Скроп смешивает здесь то различие в движении определенных частей оборотного капитала, которое обуславливается для индивидуального капиталиста сроками платежа и отношениями кредита, с тем различием оборотов, которое вытекает из природы капитала. Он говорит, что заработная плата должна еженедельно выплачиваться из еженедельных поступлений от оплачиваемых продаж или счетов. Во-первых, здесь следует заметить, что даже по отношению к заработной плате существуют различия в зависимости от продолжительности срока платежа, т. е. от продолжительности того времени, на которое рабочий вынужден кредитовать капиталиста; следовательно, в зависимости от того, каков срок выдачи заработной платы: еженедельный, ежемесячный, трехмесячный, полугодовой и т. д. Здесь находит себе применение ранее развитый закон: «Необходимая масса средств платежа (т. е. того денежного капитала, который приходится авансировать разом) находится в обратном * отношении к продолжительности платежных периодов» («Капитал», книга I, глава III, 3, b, стр. 124⁵¹).

Во-вторых, в недельный продукт входит целиком не только новая стоимость, присоединенная при его производстве трудом этой недели, но также и стоимость сырья и вспомогательных материалов, потребленных за это время на продукт. Вместе с продуктом обращается и эта заключающаяся в нем стоимость. Вследствие продажи этого продукта она приобретает денежную форму и теперь снова должна быть превращена в те же самые элементы производства. Это одинаково относится как к рабочей силе, так и к сырью и вспомогательным материалам. Но выше (глава VI, II, 1) мы уже

* У Маркса здесь, по-видимому, описка, так как между массой необходимых средств платежа и продолжительностью платежных периодов существует не обратная, а прямая зависимость. *Ред.*

видели, что непрерывность производства требует запаса средств производства, — запаса, различного для различных отраслей производства, а в одной и той же отрасли опять-таки различного для различных составных частей этого элемента оборотного капитала, например, для угля и хлопка. Поэтому, хотя эти материалы постоянно приходится возмещать *in natura*, нет необходимости постоянно вновь покупать их. Насколько часто возобновляется купля, это зависит от величины заготовленного запаса, от того, на какое время хватит его, пока он не будет исчерпан. Что касается рабочей силы, то здесь такого образования запаса не происходит. Обратное превращение в деньги той части капитала, которая затрачена на труд, идет рука об руку с обратным превращением той части, которая затрачена на вспомогательные материалы и сырье. Но обратное превращение денег, с одной стороны, в рабочую силу и, с другой стороны, в сырые материалы совершается раздельно, потому что сроки купли и платежа для этих двух составных частей различны; одна из них, как производственный запас, покупается через сравнительно продолжительные сроки, другая же, рабочая сила, через сравнительно короткие, например, еженедельно. С другой стороны, кроме производственного запаса, у капиталиста должен быть запас готовых товаров. Оставим в стороне затруднения с продажей и т. д. Пусть, например, нужно произвести известное количество товаров на заказ. В то время как производится последняя часть товаров, уже готовая часть их остается на складе до того времени, пока не будет выполнен весь заказ. Другие различия в обороте оборотного капитала возникают в том случае, если одним элементам его приходится дольше оставаться на подготовительной стадии процесса производства (сушка дерева и т. д.), чем другим.

Кредит, на который ссылается здесь Скроп, равно как и торговый капитал, модифицирует оборот для отдельного капиталиста. В общественном же масштабе он модифицирует его лишь постольку, поскольку ускоряет не только производство, но и потребление.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТЕОРИИ ОСНОВНОГО И ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА. ФИЗИОКРАТЫ И АДАМ СМИТ

У Кенэ различие между основным и оборотным капиталом выступает как различие между «*avances primitives*»* и «*avances annuelles*»**. Он правильно изображает это различие как различие, существующее лишь в пределах производительного капитала, т. е. капитала, включенного в непосредственный процесс производства. А так как для него единственным действительно производительным капиталом является капитал, применяемый в земледелии, т. е. капитал фермера, то и различия эти оказываются относящимися только к капиталу фермера. Этим же объясняется, почему у него время оборота одной части капитала составляет один год, а время оборота другой — более года (десять лет). По мере дальнейшего развития их учения физиократы стали попутно переносить эти различия и на другие виды капитала, на промышленный капитал вообще. Для общества различие между ежегодными и многолетними авансами настолько важно, что многие экономисты даже после А. Смита возвращались к этому определению.

Различие между обоими видами авансов возникает лишь тогда, когда авансированные деньги превращены в элементы производительного капитала. Различие это существует исключительно и только в рамках производительного капитала. Поэтому Кенэ даже не приходит в голову причислять деньги ни к первоначальным, ни к ежегодным авансам. Как авансы для производства, — т. е. как производительный капитал, — оба вида авансов противостоят как деньгам, так и находящимся на рынке товарам. Далее, у Кенэ различие между этими двумя элементами производительного капитала правильно сводится к различию тех способов, посредством которых эти элементы входят в стоимость готового продукта, следовательно, к различию способов обращения их стоимости вместе со стоимостью продукта, а потому и к различию способов их возмещения или их воспроизводства, причем стоимость одного элемента

* — «первоначальными авансами». *Ред.*

** — «ежегодными авансами». *Ред.*

ежегодно возмещается целиком, стоимость другого — по частям, в течение более продолжительных периодов ²³⁾.

Единственный прогресс, достигнутый в этом вопросе А. Смитом, заключается в том, что он указанным категориям придает общий характер. У него они относятся уже не только к одной специальной форме капитала, к капиталу фермера, но и вообще ко всякой форме производительного капитала. Отсюда уже само собой следует, что на место заимствованного из сферы земледелия различия между ежегодным и многолетним оборотом выступает вообще различие оборотов разной продолжительности, причем оборот основного капитала всегда охватывает более чем один оборот оборотного капитала, какой бы ни была продолжительность этих оборотов оборотного капитала: один год, более года или менее года. Таким образом у Смита «*avances annuelles*» превращаются в оборотный, «*avances primitives*» — в основной капитал. Но этим обобщением категорий и исчерпывается сделанный им шаг вперед. В том же, как он делает это обобщение, он далеко уступает Кенэ.

Уже тот грубо эмпирический прием, при помощи которого он приступает к своему исследованию, порождает неясность:

«Капитал может быть применен двумя различными способами, чтобы приносить доход или прибыль своему владельцу» («*Wealth of Nations*», book II, ch. I, p. 189. Edit. Aberdeen, 1848) ⁵²⁾.

Способы, какими можно вкладывать стоимость, чтобы она функционировала как капитал, приносила своему владельцу прибавочную стоимость, столь же различны, столь же многообразны, как и сферы вложения капитала. Это — вопрос о различных отраслях производства, в которые может быть вложен капитал. Но вопрос, сформулированный таким образом, ведет еще дальше. Он включает в себя вопрос о том, каким образом стоимость, если она даже не вложена как производительный капитал, может для своего владельца выполнять функцию капитала, например, как капитал, приносящий проценты, купеческий капитал и т. д. Здесь мы, таким образом, бесконечно далеко ушли от действительного предмета нашего анализа, а именно от вопроса о том, каким образом деление произ-

²³⁾ Ср. *Quesnay*: «*Analyse du Tableau Économique*» («*Physiocrates*», ed. Daire, I-ре partie, Paris, 1846). Там, например, говорится: «Ежегодные авансы заключаются в издержках, производимых ежегодно на сельскохозяйственные работы. Эти авансы следует отличать от первоначальных авансов, образующих фонд земледельческого оборудования» (p. 59). — У позднейших физиократов такие «*avances*» [авансы] нередко прямо называются «капиталом»: «*Capital ou avances*», — *Dupont de Nemours*. «*Maximes du Docteur Quesnay, ou Résumé de ses Principes d'Economie Sociale*» (Daire, I, p. 391); далее, *Le Tpon* пишет: «В виде произведений труда, существующих более или менее продолжительное время, нация обладает значительным фондом богатств, независимых от его ежегодного воспроизводства; этот фонд составляет капитал, накопленный за долгое время и первоначально оплачиваемый промышленностью, — капитал, непрерывно возобновляющийся и возрастающий» (Daire, II, p. 928 929). — Тюрго уже более систематически употребляет слово «капитал» вместо «авансы» и еще полнее отождествляет авансы «мануфактуристов» с авансами фермеров (*Turgot*. «*Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses*», 1766).

водительного капитала на его различные элементы влияет на оборот этих элементов, независимо от различия сфер их приложения.

А. Смит непосредственно вслед за тем продолжает:

«Во-первых, капитал может быть применен на возделывание земли, в мануфактурном производстве или на покупку товаров с целью перепродажи их с прибылью» [т. II, стр. 254].

А. Смит говорит нам здесь только то, что капитал может быть применен в земледелии, в промышленности и в торговле. Он говорит, следовательно, лишь о различных сферах вложения капитала и притом о таких, где, как в торговле, капитал не входит в непосредственный процесс производства, следовательно, не функционирует как производительный капитал. Тем самым он уже покидает ту основу, на которую опирались физиократы, устанавливая различия отдельных частей производительного капитала и влияние этих различий на характер оборота. Более того, он тотчас же приводит в качестве примера купеческий капитал, хотя в данном случае речь идет исключительно о различиях частей *производительного* капитала в процессе образования продукта и стоимости, — о различиях, которые в свою очередь порождают различия в обороте и воспроизводстве капитала.

Он продолжает:

«Капитал, примененный таким образом, не приносит дохода или прибыли своему владельцу до тех пор, пока он остается в его владении, или пребывает в одной и той же форме» [т. II, стр. 254].

— «Капитал, примененный таким образом»! Но ведь А. Смит говорит о капитале, вложенном в земледелие или в промышленность, и в дальнейшем утверждает, что вложенный таким образом капитал распадается на основной и оборотный! Следовательно, вложение капитала указанным способом само по себе не может сделать его ни основным, ни оборотным.

Но, быть может, он хочет сказать, что капитал, примененный для того, чтобы производить товары и продавать эти товары с прибылью, после своего превращения в товары должен быть продан и посредством продажи должен, во-первых, перейти из собственности продавца в собственность покупателя, во-вторых, сменить свою натуральную форму товара на денежную форму, и что капитал поэтому бесполезен для своего владельца «до тех пор, пока он остается в его владении, или пребывает» — для владельца — «в одной и той же форме»? Однако тогда все дело сводится к следующему: та же самая капитальная стоимость, которая раньше функционировала в форме производительного капитала, в форме, присущей процессу производства, функционирует теперь как товарный капитал и денежный капитал, т. е. в формах, присущих процессу обращения, и потому уже не является ни основным, ни оборотным капиталом. А это в одинаковой мере относится как к тем элементам стои-

мости, которые присоединяются сырьем и вспомогательными материалами, следовательно, оборотным капиталом, так и к тем, которые присоединяются вследствие потребления средств труда, следовательно, присоединяются основным капиталом. Таким образом мы и здесь ни на шаг не приблизились к выяснению различия между основным и оборотным капиталом.

Далее:

«Товары купца не приносят ему дохода или прибыли, пока он не продаст их за деньги, а деньги дадут ему мало пользы, пока они, в свою очередь, не будут обменены на товары. Его капитал постоянно уходит от него в одной форме и возвращается к нему в другой, и только путем такого обращения, или последовательных обменов, он может приносить ему некоторую прибыль. Поэтому такого рода капиталы можно вполне правильно назвать оборотными капиталами» [т. II, стр. 254].

А. Смит называет здесь оборотным капиталом то, что я предлагаю назвать *капиталом обращения*. Это — капитал в форме, присущей процессу обращения, т. е. той смене форм, которая совершается при посредстве обмена (смена вещества и смена владельца), следовательно, это — товарный капитал и денежный капитал в противоположность производительному капиталу, т. е. той форме капитала, которая присуща процессу производства. Это не два различных вида, на которые делит свой капитал промышленный капиталист, а различные формы, которые одна и та же авансированная капитальная стоимость последовательно постоянно вновь принимает и сбрасывает, совершая свой *curriculum vitae**. А. Смит смешивает это, — тем самым делая крупный шаг назад по сравнению с физиократами, — с теми различиями формы, которые возникают в пределах обращения капитальной стоимости, проходящей последовательные стадии своего кругооборота, причем возникают в то время, когда капитальная стоимость находится в форме *производительного* капитала, и возникают именно благодаря тому, что разные элементы производительного капитала различным способом участвуют в процессе образования стоимости и различным способом переносят свою стоимость на продукт. Ниже мы рассмотрим последствия, к которым приводит это основное смешение производительного капитала и капитала, находящегося в сфере обращения (товарного капитала и денежного капитала), с одной стороны, и основного и оборотного капитала — с другой. Капитальная стоимость, авансированная на основной капитал, точно так же обращается вместе с продуктом, как и капитальная стоимость, авансированная на оборотный капитал, и при помощи обращения товарного капитала первая точно так же превращается в денежный капитал, как и вторая. Различие возникает лишь из того, что стоимость основного капитала обращается по частям и поэтому по частям же, в течение более или менее продолжительных периодов,

* — жизненный путь. *Ред.*

должна возмещаться, воспроизводиться в своей натуральной форме.

То, что А. Смит под оборотным капиталом понимает здесь не что иное, как капитал обращения, т. е. капитальную стоимость в ее формах, присущих процессу обращения (товарный капитал и денежный капитал), это доказывает его пример, избранный им особенно неудачно. Он берет в качестве примера тот вид капитала, который вовсе не относится к процессу производства, а существует исключительно в сфере обращения, состоит только из капитала обращения: он берет купеческий капитал.

Насколько нелепо начинать примером, в котором капитал вообще фигурирует не как производительный капитал, это тут же подтверждает сам А. Смит:

«Капитал купца есть целиком оборотный капитал» [т. II, стр. 255].

Но ведь различие между оборотным и основным капиталом само вытекает, как мы узнаем от А. Смита впоследствии, из существенных различий, имеющих место в пределах самого производительного капитала. А. Смит имеет в виду, с одной стороны, различие, установленное физиократами, с другой стороны, — различие тех форм, которые принимают капитальная стоимость в процессе ее кругооборота. И то и другое он сваливает в одну пеструю кучу.

Но каким образом прибыль должна возникнуть вследствие смены формы денег и товара, вследствие простого превращения стоимости из одной из этих форм в другую, это остается абсолютно непонятным. И объяснение здесь совершенно невозможно, так как Смит начинает с купеческого капитала, который функционирует лишь в сфере обращения. Мы еще возвратимся к этому, а пока послушаем, что говорит он об основном капитале [т. II, стр. 254—255]:

«Во-вторых, он» (капитал) «может быть применен на улучшение земли, на покупку полезных машин и орудий труда или других подобных вещей, которые приносят доход или прибыль без перехода от одного хозяина к другому, или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно поэтому с полным правом назвать основными капиталами. В различных промыслах необходимо весьма различное соотношение между применяемыми в них основными и оборотными капиталами... Некоторая часть капитала каждого хозяина-ремесленника или мануфактуриста должна быть фиксирована в орудиях его труда. Эта часть, впрочем, в одних промыслах совсем незначительна, в других же очень велика... Но зато значительно большая часть капитала всех таких хозяев-ремесленников» (например портных, сапожников, ткачей) «обращается или в виде заработной платы их работников, или в виде цены употребляемых ими материалов, и возмещается им с некоторой прибылью в цене изделий».

Не говоря уже о детски наивном определении источника прибыли, слабость и путаница сразу видны из следующего: для фабриканта-машиностроителя, например, машина есть продукт, который обрабатывается как товарный капитал, следовательно, говоря словами А. Смита, «отделяется, меняет хозяина», совершает

«дальнейшее обращение». В этом случае машина оказалась бы, согласно его собственному определению, не основным, а оборотным капиталом. Эта путаница происходит опять-таки вследствие того, что Смит смешивает различие между основным и оборотным капиталом, возникающее из неодинаковых способов обращения различных элементов производительного капитала, с различиями форм, через которые проходит один и тот же капитал, поскольку он в пределах процесса производства функционирует как *производительный* капитал, в сфере же обращения — как капитал обращения, т. е. как товарный капитал или как денежный капитал. Поэтому у А. Смита одни и те же вещи, смотря по тому месту, которое они занимают в жизненном процессе капитала, могут функционировать и как основной капитал (как средства труда, элементы производительного капитала) и как «оборотный» капитал, товарный капитал (как продукт, вытолкнутый из сферы производства в сферу обращения).

Но А. Смит вдруг меняет самые основы деления капитала и вступает в противоречие с тем, с чего он несколькими строками раньше начал все исследование. Мы имеем в виду его положение:

«Капитал может быть применен двумя различными способами, чтобы принести доход или прибыль своему владельцу» [т. II, стр. 254],

а именно или как оборотный, или как основной капитал. Здесь разумеются, очевидно, различные способы применения различных и независимых друг от друга капиталов, которые могут быть вложены, например, или в промышленность, или в земледелие. — Но дальше мы читаем [т. II, стр. 255]:

«В различных промыслах необходимо весьма различное соотношение между применяемыми в них основным и оборотным капиталами».

Теперь основной и оборотный капитал являются уже не различными самостоятельными вложениями капитала, а различными долями одного и того же производительного капитала, которые в различных сферах вложения капитала образуют различные части его совокупной стоимости. Следовательно, это — различия, которые возникают из целесообразного деления самого *производительного* капитала и потому имеют место в отношении только к последнему. Но этому положению снова противоречит то, что торговый капитал, как исключительно оборотный, противопоставляется основному, ибо Смит сам говорит:

«Капитал купца есть целиком оборотный капитал» [т. II, стр. 255].

В действительности же это — капитал, функционирующий только в пределах сферы обращения, и как таковой он вообще противостоит производительному капиталу, т. е. капиталу, включенному в процесс производства, но именно поэтому он не может противопоставляться как текущая (оборотная) составная часть произ-

водительного капитала основной составной части производительного капитала.

В примерах, приводимых Смитом, он определяет как основной капитал «instruments of trade»*, как оборотный капитал — ту часть капитала, которая вложена в заработную плату и сырье, включая сюда и вспомогательные материалы (и которая «возмещается с некоторой прибылью в цене изделий»).

Итак, прежде всего исходным пунктом для Смита являются здесь только различные составные элементы процесса труда: рабочая сила (труд) и сырье, с одной стороны, орудия труда — с другой стороны. Но эти составные элементы процесса труда представляют собой составные части капитала, так как на них затрачена известная сумма стоимости, которая должна функционировать как капитал. Постольку это — вещественные элементы, способы существования *производительного*, т. е. функционирующего в процессе производства капитала. Почему же одна часть называется основной? Потому, что

«некоторая часть капитала должна быть фиксирована в орудиях труда» [т. II, стр. 254].

Но ведь другая его часть также «фиксирована» в заработной плате и в сырье. Далее, машины,

«орудия труда... и другие подобные вещи... приносят доход, или прибыль без перехода от одного хозяина к другому, или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно поэтому с полным правом назвать основными капиталами» [т. II, стр. 254].

Возьмем для примера горную промышленность. Сырой материал здесь вовсе не применяется, так как предмет труда, например, медь, есть продукт природы, который еще должен быть присвоен при помощи труда. Медь, которая еще только должна быть добыта, — это продукт процесса, лишь после окончания которого она будет обращаться как товар, соответственно — как товарный капитал; эта медь не образует элемента производительного капитала. Никакой части стоимости производительного капитала в медь не вложено. С другой стороны, другие элементы процесса производства — рабочая сила и вспомогательные материалы, как-то уголь, вода и т. п. — вещественно также не входят в продукт. Уголь потребляется целиком, и только стоимость его входит в продукт, совершенно так же, как входит в продукт часть стоимости машины и т. д. Наконец, рабочий сохраняет такую же самостоятельность по отношению к продукту, к меди, как и машина. Только стоимость, произведенная его трудом, есть теперь составная часть стоимости меди. Таким образом, в этом примере ни одна из составных частей производительного капитала не меняет «хозяина» («master»), или ни одна из этих частей не совершает дальнейшего обращения, так

* — «орудия труда». *Ред.*

как ни одна из них вещественно не входит в продукт. Итак, где же здесь оборотный капитал? Ведь по собственному определению А. Смита, весь капитал, применяемый на каком-нибудь медном руднике, состоял бы исключительно из основного капитала.

Возьмем, напротив, другую отрасль промышленности, применяющую сырье, которое образует субстанцию продукта, а также вспомогательные материалы, которые входят в продукт физически, а не только по стоимости, как входит, например, каменный уголь, сжигаемый для отопления. Вместе с продуктом, например, с пряжей, сырье, т. е. хлопок, из которого состоит этот продукт, меняет хозяина и переходит из процесса производства в процесс потребления. Но пока хлопок функционирует как элемент производительного капитала, собственник не продает его, а обрабатывает, заставляет делать из него пряжу. Он не выпускает хлопка из своих рук. Или, употребляя грубо неверное и тривиальное выражение Смита, собственник не извлекает прибыль посредством «отделения продукта», «перемены им хозяина» или посредством «его обращения». Он не пускает в обращение свои материалы точно так же, как не пускает и свои машины. Эти материалы закреплены в процессе производства подобно прядильным машинам и фабричным зданиям. Ведь часть производительного капитала должна быть постоянно закреплена в форме угля, хлопка и т. д., закреплена точно так же, как в форме средств труда. Различие состоит лишь в том, что хлопок, уголь и т. д., необходимые, например, для недельного производства пряжи, целиком потребляются при производстве недельного продукта и, следовательно, должны постоянно возмещаться новыми экземплярами хлопка, угля и т. д.; таким образом, эти элементы производительного капитала, хотя они остаются тождественными по своему роду, постоянно состоят из новых экземпляров того же самого рода, между тем как одна и та же отдельная прядильная машина, одно и то же отдельное фабричное здание продолжают принимать участие в целом ряде повторных недельных процессов производства, без замены их новыми партиями того же рода. Как элементы производительного капитала все его составные части постоянно закреплены в процессе производства, потому что без них последний вообще не может совершаться. И все элементы производительного капитала, основные и оборотные, составляя производительный капитал, одинаково противостоят капиталу обращения, т. е. товарному капиталу и денежному капиталу.

То же самое относится и к рабочей силе. Часть производительного капитала постоянно должна быть фиксирована в ней, причем в любой отрасли один и тот же капиталист в течение более или менее продолжительного времени применяет одни и те же тождественные рабочие силы, подобно тому как он применяет одни и те же машины. Здесь различие между рабочей силой и машиной состоит

не в том, что машина покупается раз навсегда (это не имеет места, например, тогда, когда уплата за машину производится в рассрочку), а рабочий не навсегда, а в том, что труд, затрачиваемый рабочим, целиком входит в стоимость продукта, в то время как стоимость машины переходит на продукт лишь по частям.

Смит смешивает различные определения, характеризуя оборотный капитал в противоположность основному следующим образом:

«Капитал, примененный таким образом, не приносит дохода или прибыли своему владельцу до тех пор, пока он остается в его владении, или пребывает в одной и той же форме» [т. II, стр. 254].

Он ставит на одну доску тот чисто формальный метаморфоз говара, который продукт, т. е. товарный капитал, проделывает в сфере обращения и который опосредствует переход товаров из рук в руки, с тем физическим метаморфозом, который различные элементы производительного капитала совершают во время процесса производства. Превращение товара в деньги и денег в товар, куплю и продажу, он без дальнейших рассуждений смешивает здесь с превращением элементов производства в продукт. Приведенный им в качестве примера оборотный капитал есть купеческий капитал, превращающийся из товара в деньги, из денег в товар; это — смена формы, присущая товарному обращению: $T - D - T$. Но такая смена формы в процессе обращения имеет для функционирующего промышленного капитала то значение, что товары, в которые обратно превращаются деньги, суть элементы производства (средства труда и рабочая сила), что, следовательно, при посредстве указанной смены форм осуществляется непрерывность функционирования промышленного капитала, осуществляется процесс производства как непрерывный процесс, или как процесс воспроизводства. Вся эта смена форм совершается в *обращении*; именно эта смена форм опосредствует действительный переход товаров из одних рук в другие. Напротив, метаморфозы, совершаемые производительным капиталом в пределах процесса его производства, являются метаморфозами, присущими *процессу труда*, необходимыми для того, чтобы превратить элементы производства в продукт, который намечено произвести. А. Смит останавливается на том, что часть средств производства (средства труда в собственном смысле слова) служит в процессе труда (что он неправильно выражает словами: «приносит прибыль своему хозяину»), не меняя своей натуральной формы, а лишь постепенно изнашиваясь; между тем другая часть, т. е. материалы, изменяется и именно вследствие этого изменения выполняет свою роль в качестве средств производства. Однако эта различная роль элементов производительного капитала в процессе труда образует лишь исходный пункт различия между основным и не основным капиталом, а не само различие, как это ясно уже из того, что указанная различная роль в одинаковой мере существует для всех способов производства, капиталистических и не-

капиталистических. Но этой различной вещественной роли элементов производительного капитала в процессе труда соответствуют определенные способы *перехода стоимости* на продукт, а последним соответствуют опять-таки определенные способы возмещения стоимости посредством продажи продукта; только это и составляет искомое нами различие. Следовательно, капитал является основным не потому, что он фиксирован в средствах труда, а потому, что часть его стоимости, вложенной в средства труда, остается фиксированной в них, в то время как другая часть обращается в качестве составной части стоимости продукта.

«Если он» (капитал) «применяется для получения в будущем прибыли, то он должен доставить эту прибыль или оставаясь у него» (у «владельца»), «или переходя в другие руки. В первом случае это будет основной, во втором — оборотный капитал» (стр. 189).

Здесь прежде всего бросается в глаза грубо эмпирическое представление о происхождении прибыли, заимствованное из обычных воззрений капиталиста и стоящее в полном противоречии с более глубоким, эзотерическим воззрением самого А. Смита. В цене продукта возмещается как цена материалов, так и цена рабочей силы, но в то же время и та часть стоимости орудий труда, которая переносится на продукт вследствие износа орудий труда. Это возмещение ни в коем случае не может быть источником прибыли. В зависимости от того, возмещается ли путем продажи продукта авансированная для его производства стоимость целиком или частями, разом или постепенно, может изменяться только способ и время возмещения; но в обоих случаях оно остается возмещением уже затраченной стоимости и отнюдь не превращается в созидание прибавочной стоимости. Здесь в основе лежит обычное представление, что прибавочная стоимость, — раз она реализуется только путем продажи продукта, путем его обращения, — и возникнуть может только из продажи, из обращения. То, что А. Смит говорит здесь о различных способах возникновения прибыли, в действительности является лишь ошибочным выражением того факта, что различные элементы производительного капитала играют различную роль, в качестве производительных элементов неодинаково функционируют в процессе труда. Наконец, это различие выводится не из процесса труда, соответственно — не из процесса увеличения стоимости, не из функции самого производительного капитала, а, согласно А. Смигу, имеет лишь субъективное значение для отдельного капиталиста, которому одна часть капитала представляется полезной в одном, другая — в другом отношении.

Напротив, Кенз выводил эти различия из самого процесса воспроизводства и его необходимых закономерностей. Для того чтобы процесс этот мог совершаться непрерывно, стоимость произведенного за год продукта должна целиком возмещать стоимость ежегодных авансов, в то время как стоимость основного капитала [Anlage-

kapital] должна возмещаться частями, так что только в течение ряда лет, например, десятилетия, она возмещается и, следовательно, воспроизводится целиком (замещается новыми экземплярами того же самого рода). Таким образом, А. Смит делает большой шаг назад по сравнению с Кенэ.

Следовательно, в определении основного капитала у А. Смита остается только одно, а именно — это средства труда, которые в противоположность продуктам, созиданию которых они содействуют, не изменяют своей формы в процессе производства и продолжают служить производству до тех пор, пока не изнаются полностью. При этом он забывает, что все элементы производительного капитала в своей натуральной форме (как средства труда, материалы и рабочая сила) неизменно противостоят продукту и притом продукту, обращающемуся в качестве товара; он забывает также, что различие между частью, состоящей из материалов и рабочей силы, и частью капитала, состоящей из средств труда, по отношению к рабочей силе заключается только в том, что последняя постоянно покупается заново (а не на все время своего существования, как покупаются средства труда), а по отношению к материалам — только в том, что в процессе труда функционируют не одни и те же тождественные, а постоянно новые экземпляры того же рода. Вместе с тем создается иллюзия, будто стоимость основного капитала не вступает в обращение, хотя А. Смит раньше и указывал, что износ основного капитала, конечно, составляет часть цены продукта.

Противопоставляя оборотный капитал основному, А. Смит не подчеркивает, что эта противоположность существует лишь постольку, поскольку оборотный капитал представляет собой ту составную часть производительного капитала, которая должна быть целиком возмещена из стоимости продукта, должна, следовательно, целиком участвовать в его метаморфозах, в то время как по отношению к основному капиталу этого нет: А. Смит, напротив, смешивает оборотный капитал с теми формами, которые принимает капитал, переходя из сферы производства в сферу обращения, выступая здесь как товарный капитал и денежный капитал. Но обе эти формы, товарный капитал и денежный капитал, являются в равной степени носителями стоимости как основной, так и оборотной части производительного капитала. Обе они суть капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный (текущий) капитал в противоположность основному.

Наконец, совершенно неверно представление, будто основной капитал создает прибыль, оставаясь в процессе производства, а оборотный — покидая процесс производства и циркулируя в сфере обращения; такое представление приводит к следующему: та одинаковая форма, которую в *процессе оборота* принимают переменный капитал и оборотная часть постоянного капитала, скрывает

капиталистических. Но этой различной вещественной роли элементов производительного капитала в процессе труда соответствуют определенные способы *перехода стоимости* на продукт, а последним соответствуют опять-таки определенные способы возмещения стоимости посредством продажи продукта; только это и составляет искомое нами различие. Следовательно, капитал является основным не потому, что он фиксирован в средствах труда, а потому, что часть его стоимости, вложенной в средства труда, остается фиксированной в них, в то время как другая часть обращается в качестве составной части стоимости продукта.

«Если он» (капитал) «применяется для получения в будущем прибыли, то он должен доставить эту прибыль или оставаясь у него» (у «владельца»), «или переходя в другие руки. В первом случае это будет основной, во втором — оборотный капитал» (стр. 189).

Здесь прежде всего бросается в глаза грубо эмпирическое представление о происхождении прибыли, заимствованное из обычных воззрений капиталиста и стоящее в полном противоречии с более глубоким, эзотерическим воззрением самого А. Смита. В цене продукта возмещается как цена материалов, так и цена рабочей силы, но в то же время и та часть стоимости орудий труда, которая переносится на продукт вследствие износа орудий труда. Это возмещение ни в коем случае не может быть источником прибыли. В зависимости от того, возмещается ли путем продажи продукта авансированная для его производства стоимость целиком или частями, разом или постепенно, может изменяться только способ и время возмещения; но в обоих случаях оно остается возмещением уже затраченной стоимости и отнюдь не превращается в созидание прибавочной стоимости. Здесь в основе лежит обычное представление, что прибавочная стоимость, — раз она реализуется только путем продажи продукта, путем его обращения, — и возникнуть может только из продажи, из обращения. То, что А. Смит говорит здесь о различных способах возникновения прибыли, в действительности является лишь ошибочным выражением того факта, что различные элементы производительного капитала играют различную роль, в качестве производительных элементов неодинаково функционируют в процессе труда. Наконец, это различие выводится не из процесса труда, соответственно — не из процесса увеличения стоимости, не из функции самого производительного капитала, а, согласно А. Смиту, имеет лишь субъективное значение для отдельного капиталиста, которому одна часть капитала представляется полезной в одном, другая — в другом отношении.

Напротив, Кенэ выводил эти различия из самого процесса воспроизводства и его необходимых закономерностей. Для того чтобы процесс этот мог совершаться непрерывно, стоимость произведенного за год продукта должна целиком возмещать стоимость ежегодных авансов, в то время как стоимость основного капитала [Anlage-

капитал] должна возмещаться частями, так что только в течение ряда лет, например, десятилетия, она возмещается и, следовательно, воспроизводится целиком (замещается новыми экземплярами того же самого рода). Таким образом, А. Смит делает большой шаг назад по сравнению с Кенэ.

Следовательно, в определении основного капитала у А. Смита остается только одно, а именно — это средства труда, которые в противоположность продуктам, созиданию которых они содействуют, не изменяют своей формы в процессе производства и продолжают служить производству до тех пор, пока не износятся полностью. При этом он забывает, что все элементы производительного капитала в своей натуральной форме (как средства труда, материалы и рабочая сила) неизменно противостоят продукту и притом продукту, обращающемуся в качестве товара; он забывает также, что различие между частью, состоящей из материалов и рабочей силы, и частью капитала, состоящей из средств труда, по отношению к рабочей силе заключается только в том, что последняя постоянно покупается заново (а не на все время своего существования, как покупаются средства труда), а по отношению к материалам — только в том, что в процессе труда функционируют не одни и те же тождественные, а постоянно новые экземпляры того же рода. Вместе с тем создается иллюзия, будто стоимость основного капитала не вступает в обращение, хотя А. Смит раньше и указывал, что износ основного капитала, конечно, составляет часть цены продукта.

Противопоставляя оборотный капитал основному, А. Смит не подчеркивает, что эта противоположность существует лишь постольку, поскольку оборотный капитал представляет собой ту составную часть производительного капитала, которая должна быть *целиком* возмещена из стоимости продукта, должна, следовательно, целиком участвовать в его метаморфозах, в то время как по отношению к основному капиталу этого нет. А. Смит, напротив, смешивает оборотный капитал с теми формами, которые принимает капитал, переходя из сферы производства в сферу обращения, выступая здесь как товарный капитал и денежный капитал. Но обе эти формы, товарный капитал и денежный капитал, являются в равной степени носителями стоимости как основной, так и оборотной части производительного капитала. Обе они суть капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный (текучий) капитал в противоположность основному.

Наконец, совершенно неверно представление, будто основной капитал создает прибыль, оставаясь в процессе производства, а оборотный — покидая процесс производства и циркулируя в сфере обращения; такое представление приводит к следующему: та одинаковая форма, которую в *процессе оборота* принимают переменный капитал и оборотная часть постоянного капитала, скрывает

существенное различие между ними в *процессе увеличения стоимости* и образования прибавочной стоимости, и, таким образом, вся тайна капиталистического производства еще более затемняется. Общее обозначение «оборотный капитал» уничтожает это существенное различие. Политическая экономия после А. Смита пошла в этом отношении еще дальше, установив противоположность не между постоянным и переменным, а противоположность между основным и оборотным капиталом как существенную и единственно подлежащую разграничению.

Обозначив основной и оборотный капитал как два различных способа помещения капитала, каждый из которых сам по себе приносит прибыль, А. Смит говорит:

«Никакой основной капитал не может приносить какой-либо доход иначе, как только при помощи оборотного капитала. Самые полезные машины и орудия труда не могут ничего произвести без оборотного капитала, доставляющего материалы, которые они перерабатывают, и средства содержания рабочих, применяющих их» (стр. 188).

Здесь выясняется, что означают прежние выражения: «приносить доход», «извлекать прибыль» и т. д., а именно, они означают, что обе части капитала являются факторами образования продукта.

Далее А. Смит приводит следующий пример:

«Та часть капитала фермера, которая вложена в сельскохозяйственные орудия, есть основной капитал, а та, которая вложена в заработную плату и средства содержания его рабочих, есть оборотный капитал».

Следовательно, здесь различие между основным и оборотным капиталом правильно сводится исключительно к различному обращению, к различному обороту различных составных частей производительного капитала.

«Фермер извлекает прибыль из первого, удерживая его в своем владении, а из второго — расставаясь с ним. Цена, или стоимость его рабочего скота, представляет собой основной капитал».

здесь опять-таки правильно то, что в основу различия кладется стоимость, а не вещественный элемент —

«точно так же, как и цена орудий его хозяйства; средства содержания его» (рабочего скота) «есть оборотный капитал, как и средства содержания рабочих. Фермер извлекает прибыль, удерживая в своем владении рабочий скот и расставаясь со средствами его содержания».

Фермер удерживает корм скота, не продает его. Он использует его именно как корм для скота, а самый скот он использует как орудие труда. Различие состоит лишь в следующем: корм, идущий на содержание рабочего скота, потребляется целиком и должен постоянно возмещаться новым кормом непосредственно из продукта земледелия или посредством продажи последнего; между тем самый скот заменяется лишь по мере того, как отдельные экземпляры его становятся неспособными.

«И цена скота и средства содержания скота, покупаемого и откармливаемого не для работы, а для продажи, являются оборотным капиталом. Фермер извлекает свою прибыль, расставаясь с ним» [т. II, стр. 255 – 256].

Всякий товаропроизводитель, а следовательно, и капиталистический производитель, продает свой продукт, результат своего процесса производства, но вследствие этого его продукт не составляет ни основной, ни оборотной части его *производительного* капитала. Напротив, его продукт находится теперь в такой форме, в какой он выталкивается из процесса производства и должен функционировать как товарный капитал. Откармливаемый скот функционирует в процессе производства в качестве сырого материала, а не в качестве орудия труда, как рабочий скот. Он входит поэтому в продукт как субстанция, и вся его стоимость целиком входит в этот продукт, как и стоимость вспомогательных материалов {кормов}. Именно поэтому он и является оборотной частью производительного капитала, а вовсе не потому, что проданный продукт, т. е. откормленный скот, имеет здесь ту же самую натуральную форму, что и сырье, т. е. еще неоткормленный скот. Последнее — просто случайное обстоятельство. Но в то же время А. Смит мог бы увидеть из этого примера, что не вещная форма элемента производства, а лишь его функция в процессе производства определяет заключенную в нем стоимость как основную или оборотную.

«Также и вся стоимость семян есть, собственно говоря, основной капитал. Хотя семена и перемещаются все время из амбара в поле и обратно, они никогда не меняют хозяина и, следовательно, не совершают обращения в собственном смысле этого слова. Фермер извлекает свою прибыль не посредством их продажи, а за счет их прироста» [т. II, стр. 256].

Здесь с особой яркостью обнаруживается вся неленость установленного Смитом различия. По его теории семена были бы основным капиталом, если бы не происходило «смены хозяина», т. е. если семена возмещаются непосредственно из годового продукта, удерживаются из него. Но они, напротив, оказались бы оборотным капиталом, если продается весь продукт и часть стоимости последнего употребляется на покупку семян у другого хозяина. В одном случае «смена хозяина» имеет место, в другом — нет. Смит здесь опять смешивает оборотный капитал с товарным капиталом. Продукт есть вещественный носитель товарного капитала. Но, конечно, этим носителем является лишь та часть его, которая действительно вступает в обращение и не входит опять непосредственно в тот самый процесс производства, из которого она вышла в качестве продукта.

Удерживаются ли семена непосредственно как часть продукта или продается весь продукт и часть его стоимости превращается в семена, купленные на стороне, в обоих случаях имеет место лишь возмещение стоимости, и посредством этого возмещения не создается никакой прибыли. В одном случае семена вместе с ос

тальной частью продукта вступают как товар в обращение, в другом случае они фигурируют лишь в бухгалтерии как составная часть стоимости авансированного капитала. Но в обоих случаях они остаются оборотной составной частью производительного капитала. Они потребляются целиком при изготовлении продукта и целиком должны быть возмещены из него, чтобы стало возможным воспроизводство.

«Сырой материал и вспомогательные вещества утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости. Иначе обстоит дело с собственными средствами труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступить в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как во время своей жизни, т. е. процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали» («Капитал», книга I, глава VI, стр. 192⁵³).

Эти различные способы применения средств производства для образования продукта, когда одни средства производства сохраняют свою самостоятельную форму по отношению к продукту, а другие видоизменяют или совершенно утрачивают ее, это различие, присущее процессу труда как таковому, хотя бы он и был направлен исключительно на удовлетворение собственных потребностей, например, патриархальной семьи, без всякого обмена, без товарного производства, А. Смит представляет в ложном свете, так как он 1) привносит совершенно не относящуюся сюда категорию прибыли, которую одни средства производства доставляют своему собственнику, сохраняя свою форму, другие — утрачивая ее; так как он 2) смешивает изменения части элементов производства в процессе труда с той переменной формы, которая присуща обмену продуктов, обращению товаров (купле и продаже) и которая в то же время включает в себя переход собственности на обращающиеся товары от одного лица к другому.

Оборот предполагает, что воспроизводство опосредствуется обращением, т. е. продажей продукта, его превращением в деньги и обратным превращением из денег в элементы его производства. Но поскольку капиталистическому производителю часть его собственного продукта снова непосредственно служит средством производства, то производитель выступает в качестве продавца этого продукта самому себе, и именно в таком виде фигурирует эта операция в его бухгалтерии. Следовательно, эта часть воспроизводства осуществляется не при посредстве обращения, а непосредственно. Но та часть продукта, которая таким образом снова служит средст-

вом производства, возмещает оборотный капитал, а не основной, поскольку 1) стоимость соответствующей части капитала целиком входит в продукт и 2) поскольку сама эта часть капитала *in natura* целиком возмещена новым экземпляром из нового продукта.

А. Смит затем говорит нам, из чего состоит оборотный и основной капитал. Он перечисляет и те предметы, те вещественные элементы, которые образуют основной капитал, и те, которые образуют оборотный капитал, как будто такое предназначение присуще предметам вещественно, от природы, а не вытекает, напротив, из определенных функций этих предметов в капиталистическом процессе производства. И, однако, в той же самой главе он замечает, что хотя известный предмет, например, жилой дом, предназначенный для непосредственного потребления,

«может приносить доход своему владельцу и таким образом выполнять для него *функцию капитала*, но он не может приносить какой-либо доход обществу или выполнять для него функцию капитала, и доход всего народа никогда ни в малейшей степени не может быть увеличен таким путем» (книга II, гл. II, стр. 186).

Здесь А. Смит, следовательно, вполне ясно высказывает мысль, что свойство быть капиталом принадлежит вещам не как таковым и не при всяких обстоятельствах, но является функцией, которую они, в зависимости от обстоятельств, то выполняют, то не выполняют. Но что справедливо относительно капитала вообще, справедливо и относительно его подразделений.

Одни и те же вещи образуют составную часть оборотного или основного капитала в зависимости от того, какую функцию они выполняют в процессе труда. Так, например, скот в качестве рабочего скота (средство труда) является вещественной формой существования основного капитала; напротив, в качестве скота, откармливаемого на убой (сырой материал), он образует составную часть оборотного капитала фермера. С другой стороны, одна и та же вещь может то функционировать как составная часть производительного капитала, то входить в фонд непосредственного потребления. Например, дом, функционируя как помещение для работы, есть основная часть производительного капитала; функционируя в качестве жилого дома, он вовсе не имеет формы капитала, а является просто жилым домом. Одни и те же средства труда могут во многих случаях функционировать то как средства производства, то как предметы потребления.

Такова одна из ошибок, вытекающих из воззрений Смита: характерные свойства основного и оборотного капитала рассматриваются как свойства, присущие вещам. Уже анализ процесса труда («Капитал», книга I, глава V) показывает, как определения средств труда, материала труда, продукта меняются в зависимости от различных ролей, которые одна и та же вещь играет в этом процессе. Но определения основного и не основного капитала основываются, в свою очередь, на тех определенных ролях, которые эти

элементы играют в процессе труда, а следовательно, и в процессе образования стоимости.

Кроме того, при перечислении вещей, из которых состоит основной и оборотный капитал, совершенно ясно обнаруживается, что А. Смит смешивает различие между основными и оборотными составными частями капитала, действительное и имеющее смысл только в отношении к производительному капиталу (к капиталу в его производительной форме), с различием между производительным капиталом и формами, присущими капиталу в процессе его обращения, т. е. товарным капиталом и денежным капиталом. Он говорит в том же самом месте:

«Оборотный капитал состоит... из продовольствия, материалов и готовых изделий всякого рода, находящихся на руках у соответствующих продавцов, и из денег, необходимых для обращения и распределения их...»

— В действительности, если мы присмотримся ближе, то увидим, что здесь, в противоположность вышесказанному, оборотный капитал опять отождествляется с товарным капиталом и денежным капиталом, т. е. с двумя формами капитала, которые вовсе не присущи процессу производства, которые образуют не оборотный (текущий) капитал в противоположность основному, а капитал обращения в противоположность производительному капиталу. Только наряду с этими формами капитала фигурируют затем составные части производительного капитала, авансированные на материалы (сырье или полуфабрикаты) и действительно включенные в процесс производства. А. Смит говорит:

«...Третью и последнюю из трех частей, на которые естественно подразделяется весь капитал общества, составляет оборотный капитал, который характеризуется тем, что он приносит доход только путем обращения или смены хозяев. Он составляет, в свою очередь, из четырех частей: во-первых, из денег...»

Но деньги никогда не являются формой производительного, функционирующего в процессе производства капитала. Они всегда представляют собой лишь одну из тех форм, которые капитал принимает в процессе своего обращения.

— «Во-вторых, из запасов продовольствия, которыми обладают мясник, скотопромышленник, фермер... и от продажи которых они рассчитывают извлечь прибыль... Наконец, в-четвертых, из изделий, уже изготовленных и законченных, но находящихся еще в руках торговца или мануфактуриста». — И «в-третьих, из материалов, совершенно сырых или более или менее обработанных, из одежды, предметов обстановки, зданий, которые еще не приобрели окончательно ни одну из этих трех форм и остаются в руках сельских хозяев, мануфактуристов, торговцев шелком и сукном, торговцев строевым лесом, столяров и плотников, кирпичников и т. д.» (стр. 187, 188).

Пункты 2 и 4 не заключают в себе ничего, кроме продуктов, которые как таковые вытолкнуты из процесса производства и должны быть проданы; одним словом, это — продукты, функционирующие теперь как товары, поэтому соответственно как товарный капитал, следовательно, обладающие такой формой и зани-

мающие такое место в процессе, что они не образуют элемента производительного капитала, каково бы ни было их конечное назначение, т. е. входят ли они в конечном счете в индивидуальное или производительное потребление, соответственно той цели (соответственно их потребительной стоимости), которой они должны служить. В пункте 2 эти продукты суть предметы питания, в пункте 4 — все другие готовые продукты, которые, следовательно, опять-таки состоят только из готовых средств труда или готовых предметов потребления (иных, чем содержащиеся в пункте 2 предметы питания).

То, что Смит говорит при этом также и о купце, лишь обнаруживает всю его путаницу. Раз производитель продал купцу свой продукт, то этот продукт уже вообще не образует никакой формы его капитала. С точки зрения общества этот продукт, правда, все еще остается товарным капиталом, хотя он и находится уже в других руках, а не в руках своего производителя; но именно потому, что это товарный капитал, он не может быть ни основным, ни оборотным капиталом.

При всяком производстве, не направленном непосредственно на удовлетворение собственных потребностей производителя, продукт должен обращаться как товар, т. е. должен быть продан, — не для того, чтобы получить таким образом прибыль, а для того, чтобы производитель вообще мог существовать. При капиталистическом производстве к этому присоединяется еще и то обстоятельство, что при продаже товара реализуется также и заключающаяся в нем прибавочная стоимость. Продукт в качестве товара выходит из процесса производства и потому не есть уже ни основной, ни оборотный элемент этого последнего.

Впрочем, А. Смит опровергает здесь самого себя. Все готовые продукты, какова бы ни была их вещественная форма или их потребительная стоимость, их полезный эффект, являются здесь товарным капиталом, т. е. капиталом в одной из форм, присущих процессу обращения. Как находящиеся в этой форме, они вовсе не являются составными частями производительного капитала их собственника; это, конечно, отнюдь не мешает тому, что, будучи проданы, они *становятся* в руках покупателя составными частями производительного капитала, все равно — оборотного или основного. Здесь обнаруживается, что те самые вещи, которые в течение известного времени выступали на рынке как товарный капитал в противоположность производительному капиталу, позднее, после их извлечения с рынка, могут функционировать или не функционировать в качестве основной или оборотной части производительного капитала.

Продукт фабриканта-хлопкопрядильщика, т. е. пряжа, есть товарная форма его капитала, есть товарный капитал для него. Пряжа не может снова функционировать как составная часть его

производительного капитала ни в качестве материала труда, ни в качестве средства труда. Но, оказавшись в руках владельца ткацкой фабрики, который купил эту пряжу, она включается в его производительный капитал как одна из оборотных составных частей последнего. Для фабриканта-прядильщика пряжа есть носитель части стоимости его капитала, как основного, так и оборотного (прибавочную стоимость мы оставляем в стороне). Равным образом машина, как продукт фабриканта машин, есть товарная форма его капитала, товарный капитал для него, и до тех пор, пока она сохраняет эту форму, она не является ни оборотным, ни основным капиталом. Будучи продана одному из фабрикантов, применяющих ее в своем производстве, она становится составной частью основного производительного капитала. Даже в том случае, если продукт имеет такую потребительную форму, что отчасти может в качестве средства производства снова войти в тот самый процесс, из которого он вышел, как, например, уголь при добыче угля, — даже здесь как раз та часть продукта, та часть угля, которая предназначена для продажи, не является ни оборотным, ни основным, а товарным капиталом.

С другой стороны, продукт может иметь такую потребительную форму, которая делает его совершенно не пригодным для того, чтобы составить какой-либо элемент производительного капитала, будь то в качестве материала труда, или в качестве средств труда. Таковы, например, некоторые жизненные средства. Тем не менее для своих производителей продукт есть товарный капитал, носитель стоимости как основного, так и оборотного капитала, — первого или второго, смотря по тому, целиком или частями должен быть возмещен примененный для его производства капитал, целиком или частями переносит последний свою стоимость на продукт.

У Смита в пункте 3 сырой материал (сырье, полуфабрикат, вспомогательный материал) фигурирует, с одной стороны, не как составная часть, уже включенная в производительный капитал, а по существу лишь как особый вид потребительных стоимостей, из которых вообще состоит общественный продукт, как особый вид товаров наряду с перечисленными в пунктах 2 и 4 другими вещественными элементами общественного продукта, т. е. жизненными средствами и т. д. С другой стороны, эти же сырые материалы приводятся как включенные в производительный капитал и, следовательно, как элементы последнего, находятся в руках производителя. Путаница обнаруживается в том, что они рассматриваются то как функционирующие в руках производителя («в руках сельских хозяев, мануфактуристов» и т. д.), то, с другой стороны, как функционирующие в руках купцов («торговцев шелком, сукном, строевым лесом»), для которых они являются только товарным капиталом, а не составными частями производительного капитала.

На деле А. Смит в этом перечислении элементов оборотного капитала совершенно забывает о различии между основным и оборотным капиталом, действительным только в отношении производительного капитала. Напротив, товарный капитал и денежный капитал, т. е. обе формы капитала, присущие процессу обращения, он противопоставляет производительному капиталу, да и то несознательно.

Наконец, бросается в глаза то, что А. Смит, перечисляя составные части оборотного капитала, забывает о рабочей силе. И это имеет двоякую причину.

Мы только что видели, что если оставить в стороне денежный капитал, то оборотный капитал оказывается у него лишь другим названием товарного капитала. Но поскольку рабочая сила обращается на рынке, она не есть капитал, не есть какая бы то ни было форма товарного капитала. Она вообще не капитал, а рабочий — не капиталист, хотя он и выносит на рынок товар, а именно свою собственную шкуру. Лишь после того, как рабочая сила уже продана и включена в процесс производства, — следовательно, лишь после того, как она перестала обращаться в качестве товара, — она становится составной частью производительного капитала, а именно: переменным капиталом в качестве источника прибавочной стоимости и оборотной составной частью производительного капитала с точки зрения оборота затраченной на нее капитальной стоимости. Так как Смит смешивает здесь оборотный капитал с товарным капиталом, то он не в состоянии подвести рабочую силу под свою рубрику оборотного капитала. Поэтому переменный капитал выступает у него в форме тех товаров, которые рабочий покупает на свою заработную плату, в форме жизненных средств. В этой форме капитальная стоимость, затраченная на заработную плату, принадлежит, по Смиту, к оборотному капиталу. Но то, что включается в производственный процесс, есть рабочая сила, есть сам рабочий, а не жизненные средства, которыми рабочий поддерживает свое существование. Впрочем, мы уже видели («Капитал», книга I, глава XXI), что с общественной точки зрения воспроизводство самого рабочего посредством его индивидуального потребления тоже относится к процессу воспроизводства общественного капитала. Но этого нельзя сказать об отдельном, замкнутом в себе самом процессе производства, который мы исследуем здесь. «Те, приобретенные и полезные способности» (стр. 187), которые Смит приводит под рубрикой основного капитала, в действительности образуют составные части оборотного капитала, поскольку это — «способности» наемного рабочего и поскольку рабочий продал свой труд вместе с его «способностями».

Крупная ошибка Смита заключается в том, что он все общественное богатство разделяет на: 1) фонд непосредственного потребления, 2) основной капитал, 3) оборотный капитал. Согласно

вышеизложенному, все богатство следовало бы разделить на: 1) фонд потребления, который вовсе не составляет доли функционирующего общественного капитала, хотя отдельные части его всегда могли бы функционировать как капитал, и 2) капитал. Согласно этому одна часть богатства функционирует как капитал, другая часть — как не капитал, или как фонд потребления. Следовательно, для всякого капитала здесь появляется неустраняемая необходимость быть или основным или оборотным, подобно тому как для всякого млекопитающего абсолютно необходимо быть или самцом или самкой. Мы, однако, видели, что противоположность между основным и оборотным капиталом применима лишь к элементам *производительного* капитала, что, следовательно, наряду с ними существует еще очень значительная масса капитала, т. е. товарный капитал и денежный капитал, находящаяся в такой форме, в которой она *не может быть* ни основным, ни оборотным капиталом.

Так как на капиталистической основе вся масса продуктов общественного производства обращается на рынке в качестве товарного капитала, — за исключением той части продукта, которая в своей натуральной форме, непосредственно, без продажи или купли, снова употребляется отдельными капиталистическими производителями в качестве средств производства, — то очевидно, что из товарного капитала должны быть извлечены как основные и оборотные элементы производительного капитала, так и все элементы фонда потребления. Фактически это означает, что средства производства и предметы потребления на основе капиталистического производства выступают сначала как товарный капитал, хотя бы они и были предназначены служить в дальнейшем в качестве предметов потребления или средств производства; равным образом и сама рабочая сила находится на рынке в виде товара, хотя и не в виде товарного капитала.

Не понимая этого, А. Смит допускает следующую новую путаницу. Он говорит:

«Из этих четырех частей»

«оборотного капитала», т. е. капитала в его присущих процессу обращения формах товарного капитала и денежного капитала, — две части, которые превращаются в четыре потому, что Смит различает составные части товарного капитала опять-таки на основании вещественных признаков —

«три части, а именно продовольствие, материалы и готовые изделия, ежегодно или в периоды более или менее продолжительные регулярно извлекаются из оборотного капитала и вкладываются в основной капитал, или в запасы, предназначенные для непосредственного потребления. Всякий основной капитал первоначально возникает из оборотного капитала и требует постоянного пополнения из этого же источника. Все полезные машины и орудия труда первоначально возникают из оборотного капитала, который доставляет материалы, из которых они изготовля-

ются, и средства содержания рабочих, которые их изготовляют. Тот же вид капитала необходим также и для их постоянного ремонта» (стр. 188).

За исключением той части продукта, которую производители постоянно непосредственно употребляют снова в качестве средств производства, для капиталистического производства имеет силу следующее общее положение: все продукты поступают на рынок в качестве товаров и для капиталиста обращаются поэтому как товарная форма его капитала, как товарный капитал, независимо от того, должны ли и могут ли эти продукты по своей натуральной форме, по своей потребительной стоимости функционировать как элементы производительного капитала (как элементы процесса производства), т. е. как средства производства и, следовательно, как основные или оборотные элементы производительного капитала; или же они могут служить только в качестве предметов индивидуального, а не производительного потребления. Все продукты в качестве товаров выбрасываются на рынок; поэтому все средства производства и предметы потребления, все элементы производительного и индивидуального потребления должны быть снова извлечены с рынка посредством купли их как товаров. Эта тривиальность (трюизм), конечно, верна. Следовательно, это одинаково применимо как к основным, так и к оборотным элементам производительного капитала, к средствам труда и материалам труда во всех их формах. (Смит при этом забывает еще о том, что существуют элементы производительного капитала, которые даны самой природой, следовательно, не являются продуктами труда.) Машину покупают на рынке точно так же, как и хлопок. Но из этого отнюдь не следует, что всякий основной капитал первоначально происходит из оборотного, — это следует только из смитовского смешения капитала обращения с оборотным, или текущим, т. е. не основным капиталом. И к тому же Смит сам опровергает себя. Машины как товар образуют, по его же собственным словам, часть указанного в пункте 4 оборотного капитала. Их происхождение из оборотного капитала означает, таким образом, лишь то, что они функционировали как товарный капитал, прежде чем стали функционировать как машины, но что вещественно они происходят из самих себя; равным образом хлопок, как оборотный элемент капитала фабриканта-придильщика, происходит из хлопка, обращающегося на рынке. Но если Смит в дальнейшем изложении выводит основной капитал из оборотного на том основании, что для производства машин необходимы труд и сырые материалы, то, во-первых, для производства машины необходимы также и средства труда, т. е. основной капитал, и, во-вторых, для производства сырых материалов тоже необходим основной капитал — машины и т. д., так как производительный капитал всегда заключает в себе средства труда, но не всегда материал труда. Сам Смит говорит тотчас же вслед за этим:

«Земля, рудники и рыбный промысел одинаково требуют для их эксплуатации как основного, так и оборотного капиталов»,

— следовательно, он признает, что не только оборотный, но и основной капитал необходим для производства сырых материалов —

«и» (тут новое заблуждение) «их продукт возмещает с некоторой прибылью не только эти капиталы, но и *все другие капиталы общества*» (стр. 188).

Это совершенно неверно. Их продукт доставляет сырой материал, вспомогательные материалы и т. д. для всех других отраслей промышленности. Но их стоимость не возмещает стоимость всех других общественных капиталов; она возмещает лишь свою собственную капитальную стоимость (+ прибавочная стоимость). Здесь у А. Смита снова сказывается влияние физиократов.

С общественной точки зрения верно, что часть товарного капитала, состоящая из продуктов, которые могут служить лишь средствами труда, действительно раньше или позже будет функционировать в качестве средств труда, — если только эти средства труда не произведены вообще без всякой пользы, если они не остаются непроданными; другими словами, на основе капиталистического производства средства труда, перестав быть товарами, становятся согласно своему назначению действительными элементами основной части общественного производительного капитала.

Здесь перед нами различие, вытекающее из натуральной формы продукта.

Так, например, прядильная машина не имеет потребительной стоимости, если она не используется для прядения, т. е. не применяется как элемент производства, следовательно, с капиталистической точки зрения, не функционирует как основная составная часть какого-либо производительного капитала. Но прядильная машина подвижна. Она может быть вывезена из страны, в которой произведена, и продана в чужой стране в обмен, прямо или косвенно, на сырые материалы и т. п. или на шампанское. В стране, где она была произведена, она в таком случае функционирует только как товарный капитал, но отнюдь не функционирует — даже после ее продажи — как основной капитал.

Напротив, продукты, которые вследствие своей связи с землей прикреплены к определенному месту и потому могут быть использованы только на том же месте, например фабричные здания, железные дороги, мосты, тоннели, доки и т. д., мелиорация и т. д., — все такие продукты физически не могут быть экспортированы в том виде, в каком они существуют. Они неподвижны. Они или вовсе не находят себе применения, или, если они проданы, должны функционировать в качестве основного капитала в той стране, в которой

они произведены. Для капиталистического производителя, который ради спекуляции строит фабрики или производит улучшения земельных участков с целью их продажи, эти вещи являются формой его товарного капитала, следовательно, по А. Смиту, формой оборотного капитала. Но, рассматриваемые с точки зрения всего общества, эти вещи, чтобы не остаться бесполезными, в конце концов должны функционировать в собственной стране как основной капитал, должны функционировать в процессе производства, фиксированном в месте их нахождения. Отсюда отнюдь не следует, что неподвижные вещи как таковые уже сами по себе являются основным капиталом; они, например жилые дома и т. д., могут принадлежать к фонду потребления и, таким образом, вообще не входить в состав общественного капитала, составляя, однако, элемент общественного богатства, по отношению к которому весь капитал представляет собой только часть. Производитель этих вещей, употребляя выражение Смита, извлекает прибыль посредством их продажи. Итак, они — оборотный капитал! Человек, пользующийся ими, их последний покупатель, может использовать их, только применив их в процессе производства. Итак, они — основной капитал!

Титулы собственности, например, на железную дорогу, могут ежедневно переходить из рук в руки, и владельцы ее путем продажи этих титулов даже за границей могут извлекать прибыль, — так что титулы собственности на железную дорогу в противоположность самой железной дороге могут быть экспортированы. Тем не менее сами эти вещи в той стране, где они расположены, должны или лежать праздно, или функционировать в качестве основной части производительного капитала. Равным образом фабрикант *A* может извлечь прибыль путем продажи своей фабрики фабриканту *B*, что, однако, не мешает фабрике по-прежнему функционировать в качестве основного капитала.

Поэтому закрепленные в данном месте, неотделимые от земли средства труда неизбежно должны по самому своему назначению функционировать как основной капитал в данной стране, хотя для своего производителя они могут функционировать как товарный капитал и не составлять элементов *его* основного капитала (последний состоит для него из средств труда, в которых он нуждается для постройки зданий, железных дорог и т. д.). Но отсюда ни в коем случае не следует обратного вывода, будто основной капитал неизбежно должен состоять из неподвижных вещей. Корабль или локомотив действуют только в движении, и все же они функционируют — не для своего производителя, а для того, кто их применяет, — как основной капитал. С другой стороны, оборотными частями производительного капитала являются вещи, которые действительно закреплены в процессе производства, совершают в нем весь круг своей жизни и, раз вступив в него, уже никогда

его не покидают, — например, уголь, потребляемый для приведения машины в действие во время процесса производства, газ, потребляемый для освещения фабричного здания, и т. д. Они являются оборотными не потому, что они физически вместе с продуктом покидают процесс производства и обращаются как товар, а потому, что их стоимость целиком входит в стоимость товара, производству которого они содействуют, и, следовательно, целиком должна быть возмещена путем продажи товара.

В только что цитированном месте из А. Смита следует отметить еще следующую фразу:

«Оборотный капитал, который доставляет... средства содержания рабочих, которые их изготовляют» (машины и т. д.).

У физиократов часть капитала, авансированная в виде заработной платы, правильно фигурирует под именем «*avances annuelles*» в противоположность «*avances primitives*». С другой стороны, у них в качестве составной части производительного капитала, применяемого фермером, указывается не сама рабочая сила, а жизненные средства, выдаваемые сельскохозяйственным рабочим («средства содержания рабочих», как выражается Смит). Это последнее находится в тесной связи с их специфической доктриной. А именно, у них часть стоимости, присоединяемая трудом к продукту (совершенно так же, как и та часть стоимости, которую присоединяют к продукту сырые материалы, орудия труда и т. д., короче, — вещественные составные части постоянного капитала), принимается лишь равной стоимости тех жизненных средств, которые уплачены рабочим и которые они должны потребить для поддержания своего функционирования в качестве рабочей силы. Вскрыть различие между постоянным и переменным капиталом не позволяла физиократам сама их доктрина. Если прибавочную стоимость производит труд (сверх воспроизводства своей собственной цены), то он производит ее в промышленности точно так же, как и в земледелии. Но так как согласно системе физиократов труд производит ее только в одной отрасли производства, в земледелии, то она возникает не из труда, а из особой деятельности (из содействия) природы в этой отрасли производства. И только поэтому для них труд в земледелии является производительным трудом в отличие от всех других видов труда.

А. Смит определяет жизненные средства рабочих как оборотный капитал в противоположность основному,

1) так как он оборотный капитал, в его противоположности основному, смешивает с формами капитала, относящимися к сфере обращения, с капиталом обращения; смешение, которое некритически унаследовали от него позднейшие экономисты. Поэтому он смешивает товарный капитал с оборотной составной частью производительного капитала; и само собой понятно, что там, где общест-

венный продукт принимает форму товара, жизненные средства рабочих, как и не рабочих, материалы, как и самые средства труда, могут быть получены только из товарного капитала.

2) Но и представления физиократов проскальзывают у Смита, хотя они и противоречат эзотерической, т. е. действительно научной части его собственного исследования.

Авансированный капитал вообще превращается в производительный капитал, т. е. принимает форму элементов производства, которые сами являются продуктом предшествующего труда. (В том числе и рабочая сила.) Только в этой форме авансированный капитал может функционировать в процессе производства. И если на место самой рабочей силы, в которую превращена переменная часть капитала, подставить жизненные средства рабочего, то очевидно, что эти жизненные средства, как таковые, играют ту же самую роль в процессе образования стоимости, как и другие элементы производительного капитала, как сырые материалы, средства существования рабочего скота и т. п. На этом основании Смит в цитированном выше месте, следуя примеру физиократов, ставит их на одну доску. Жизненные средства сами по себе не могут увеличить свою стоимость или присоединить к ней прибавочную стоимость. Их стоимость, как и стоимость других элементов производительного капитала, может лишь снова проявиться в стоимости продукта. Жизненные средства не могут присоединить к продукту больше стоимости, чем та, которой они обладают сами. От основного капитала, состоящего из средств труда, они, подобно сырому материалу, полуфабрикатам и т. п., отличаются лишь тем, что они (по крайней мере для капиталиста, который их оплачивает) полностью используются для производства продукта, в созидании которого они участвуют, что, следовательно, стоимость их должна быть возмещена целиком, тогда как по отношению к основному капиталу это совершается лишь постепенно, по частям. Следовательно, часть производительного капитала, авансированная на рабочую силу (соответственно — на жизненные средства рабочего), отличается теперь от прочих вещественных элементов производительного капитала только лишь вещественно, а не по своей роли в процессе труда и в процессе увеличения стоимости. Она отличается лишь постольку, поскольку попадает в категорию оборотного капитала вместе с одной частью объективных факторов образования продукта («материалов», употребляя общее обозначение Смита), в отличие от другой части объективных факторов образования продукта, которая относится к категории основного капитала.

То обстоятельство, что капитал, затраченный на заработную плату, относится к оборотной части производительного капитала и, в противоположность основной его части, обладает свойством текучести, общим у нее с частью предметных факторов образова-

ния продукта, т. е. сырьем и т. д., — это обстоятельство не имеет абсолютно никакого отношения к той роли, которую в процессе увеличения стоимости играет эта переменная часть капитала в противоположность постоянной части. Здесь речь идет лишь о том, каким образом эта часть авансированной капитальной стоимости посредством обращения должна быть возмещена из стоимости продукта и поэтому возобновлена, т. е. воспроизведена. Купля и повторные акты купли рабочей силы относятся к процессу обращения. Но только в процессе производства стоимость, затраченная на рабочую силу, из определенной, постоянной величины превращается (превращается не для рабочего, а для капиталиста) в переменную, и, следовательно, вообще только благодаря этому авансированная стоимость превращается в капитальную стоимость, в капитал, в самовозрастающую стоимость. Но вследствие того, что оборотной составной частью производительного капитала считают, подобно Смиту, не ту стоимость, которая затрачена на рабочую силу, а ту, которая затрачена на жизненные средства рабочего, — вследствие этого становится невозможным понимание различия между переменным и постоянным капиталом, а следовательно, и понимание процесса капиталистического производства вообще. Определение этой части капитала как капитала переменного в противоположность постоянному капиталу, затраченному на предметные факторы образования продукта, совершенно погребено здесь под определением, гласящим, что по своей роли в обороте часть капитала, затраченная на рабочую силу, принадлежит к оборотной части производительного капитала. Это погребение завершается тем, что в качестве элемента производительного капитала вместо рабочей силы приводятся жизненные средства рабочего. Суть дела не меняется от того, авансируется ли стоимость рабочей силы в виде денег или прямо в виде жизненных средств. Хотя, конечно, этот последний случай на основе капиталистического производства может быть лишь исключением²⁴⁾.

Таким образом, вследствие того, что это определение оборотного капитала было установлено А. Смитом в качестве решающего для капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу, — определение, заимствованное у физиократов, но без предпосылки физиократов, — Смит счастливо привел своих последователей к полнейшей невозможности познать часть капитала, затраченную на рабочую силу, как переменный капитал. Более глубокие и правильные мысли, рассеянные самим А. Смитом в других местах, не одержали верх — победа осталась именно за этой ошибкой. Мало

²⁴⁾ Насколько сам А. Смит закрывает себе путь к пониманию роли рабочей силы в процессе увеличения стоимости, доказывает следующая фраза, в которой труд рабочих совершенно в духе физиократов приравнивается к работе скота: «Не только его» (фермера) «рабочие-батраки, но и его рабочий скот являются производительными работниками» (книга II, гл. V, с. 243).

того, позднейшие писатели пошли еще дальше: для них решающее определение той части капитала, которая затрачена на рабочую силу, состоит не только в том, что она является оборотным капиталом в противоположность основному; эти писатели сводят основную характеристику оборотного капитала к тому, что он затрачивается на жизненные средства рабочих. Отсюда неизбежно вытекает учение о рабочем фонде⁵⁴, состоящем из необходимых жизненных средств, как о величине данной, о величине, которая, с одной стороны, физически ограничивает долю рабочих в общественном продукте и, с другой стороны, во всем своем объеме должна быть затрачена на покупку рабочей силы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ТЕОРИИ ОСНОВНОГО И ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА. РИКАРДО

Рикардо проводит различие между основным и оборотным капиталом только для того, чтобы уяснить исключения из закона стоимости, а именно такие случаи, когда «норма» заработной платы влияет на цены. Об этом мы будем говорить только в книге III⁵⁵.

Однако основная неясность уже с самого начала обнаруживается в следующем беглом сопоставлении:

«Это различие в степени долговечности основного капитала и разнообразие пропорций, в каких могут комбинироваться эти два вида капитала»²⁵⁾.

Если же мы спросим, каковы «эти два вида капитала», то получим следующий ответ:

«Кроме того, пропорции между капиталом, предназначенным для содержания труда, и капиталом, вложенным в орудия, машины и здания, могут комбинироваться весьма различным образом»²⁶⁾.

Следовательно, основной капитал = средствам труда, а оборотный капитал = капиталу, затраченному на труд. «Капитал, предназначенный для содержания труда», — уже это представляет собой плоское выражение, заимствованное у А. Смита. С одной стороны, оборотный капитал смешивается здесь с переменным капиталом, т. е. с частью производительного капитала, затраченной на труд. Но, с другой стороны, так как эта противоположность почерпнута не из процесса увеличения стоимости, где капитал подразделяется на постоянный и переменный, а из процесса обращения (старая смитовская путаница), то в результате получаются определения, ложные вдвойне.

Во-первых. Различие в степени долговечности основного капитала и различие в строении всего капитала, состоящего из постоянной и переменной части, признаются здесь равнозначными.

²⁵⁾ «This difference in the degree of durability of fixed capital, and this variety in the proportions in which the two sorts of capital may be combined». «Principles», p. 25.

²⁶⁾ «The proportions too, in which the capital that is to support labour, and the capital that is invested in tools, machinery and buildings, may be variously combined». — Л. с.

Но последнее различие определяет различие в производстве прибавочной стоимости; напротив, первое различие, поскольку имеется в виду процесс увеличения стоимости, касается лишь тех способов, при помощи которых данная стоимость средств производства переносится на продукт; поскольку же имеется в виду процесс обращения, то оно относится лишь к периоду возобновления затраченного капитала, или, иначе говоря, — лишь к периоду, на который авансирован капитал. Если, вместо того чтобы вскрыть внутреннее движение капиталистического процесса производства, рассматривать уже сложившиеся явления, то эти различия действительно будут совпадать. При распределении общественной прибавочной стоимости между капиталами, вложенными в различные отрасли производства, оказывают свое влияние и различия в продолжительности тех периодов, на которые авансирован капитал (например, различная продолжительность существования основного капитала), и различия в органическом строении капитала (следовательно, и различие в обращении постоянного и переменного капитала). И то и другое в равной мере содействует выравниванию общей нормы прибыли и превращению стоимостей в цены производства.

Во-вторых. С точки зрения процесса обращения на одной стороне находятся средства труда, т. е. основной капитал, на другой стороне — материал труда и заработная плата, т. е. оборотный капитал. Напротив, с точки зрения процесса труда и процесса увеличения стоимости на одной стороне стоят средства производства (средства труда и материал труда), т. е. постоянный капитал; на другой стороне — рабочая сила, т. е. переменный капитал. Для органического строения капитала («Капитал», книга I, гл. XXIII, 2, стр. 647⁵⁶) совершенно безразлично, состоит ли данное количество стоимости постоянного капитала из значительного количества средств труда и небольшого количества материалов труда или, напротив, из значительного количества материалов труда и небольшого количества средств труда; органическое строение капитала всецело определяется отношением между капиталом, затраченным на средства производства, и капиталом, затраченным на рабочую силу. Напротив: с точки зрения процесса обращения, с точки зрения различия между основным и оборотным капиталом, точно так же безразлично, в каком отношении данное количество стоимости оборотного капитала разделяется на материалы труда и заработную плату. С одной точки зрения материалы труда попадают в одну категорию со средствами труда и противопоставляются капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу. С другой точки зрения, часть капитала, затраченная на рабочую силу, соединяется в одну категорию вместе с частью капитала, затраченной на материалы труда, и противопоставляется части капитала, затраченной на средства труда.

Поэтому у Рикардо часть капитальной стоимости, затраченная на материалы труда (на сырые и вспомогательные материалы), не появляется ни на той, ни на другой стороне. Она исчезает совершенно. А именно: она не подходит к категории основного капитала, так как она по способу своего обращения вполне совпадает с частью капитала, затраченной на рабочую силу. С другой стороны, она не может быть отнесена к оборотному капиталу, так как вместе с этим само собой исчезло бы отождествление противоположности основного и оборотного капитала с противоположностью постоянного и переменного капитала. Между тем Рикардо берет у А. Смита и молчаливо сохраняет отождествление этих двух противоположностей. Рикардо обладает достаточно сильным логическим инстинктом, чтобы не почувствовать этого, и потому-то упомянутая часть капитала вовсе исчезает у него.

Здесь следует отметить, что, как выражается политическая экономия, капиталист авансирует капитал, расходуемый на заработную плату, в различные сроки, смотря по тому, выплачивается ли она, например, еженедельно, ежемесячно или раз в три месяца. В действительности дело происходит как раз наоборот. Рабочий авансирует капиталисту свой труд на неделю, на месяц, на три месяца, смотря по тому, еженедельно, ежемесячно или раз в три месяца выплачивается ему заработная плата. Если бы капиталист *покупал* рабочую силу, вместо того чтобы оплачивать ее уже после ее потребления, следовательно, если бы он платил рабочему заработную плату за день, неделю, месяц или за три месяца вперед, то тогда можно было бы говорить об авансировании на эти сроки. Но так как он платит лишь после того, как труд *уже* продолжался дни, недели, месяцы, вместо того чтобы купить и оплатить труд на период времени, в течение которого он *должен* продолжаться, то в целом мы имеем перед собой капиталистическое *quid pro quo**: аванс, выданный рабочим капиталисту в виде труда, превращается в аванс, выдаваемый капиталистом рабочему в виде денег. Дело нисколько не меняется от того, что продукт труда рабочих капиталист получает только через более или менее продолжительный период, в зависимости от различной продолжительности времени, необходимого для изготовления продукта; не меняется дело также и от того, что капиталист реализует этот продукт или получает назад из обращения его стоимость (вместе с воплощенной в продукте прибавочной стоимостью) лишь по истечении различных сроков, в зависимости от различной продолжительности времени, требующегося для обращения продукта. Для продавца совершенно безразлично, что именно намерен предпринять с его товаром покупатель. Капиталисту машина не обходится дешевле от того, что он должен сразу авансировать всю ее стоимость, между тем

* — буквально: одно вместо другого; здесь: смешение понятий. *Ред.*

как к нему эта стоимость притекает обратно из процесса обращения лишь постепенно и по частям; равным образом он не платит дороже за хлопок вследствие того, что стоимость хлопка входит целиком в стоимость изготовленного из него продукта и, следовательно, целиком и сразу возмещается при продаже продукта.

Вернемся к Рикардо.

1) Характерная особенность переменного капитала состоит в том, что определенная, данная (следовательно, в этом смысле постоянная) часть капитала, данная сумма стоимости (предполагается, что она равна стоимости рабочей силы, хотя в этом случае безразлично, равна ли заработная плата стоимости рабочей силы, больше ли или меньше ее) обменивается на силу, самовозрастающую по стоимости, создающую стоимость, — на рабочую силу, которая не только воспроизводит свою собственную, оплаченную капиталистом стоимость, но в то же время производит прибавочную стоимость, стоимость, не существовавшую ранее и не оплаченную никаким эквивалентом. Это характерное свойство части капитала, затраченной на заработную плату, отличающее ее *toto coelo* * как переменный капитал от капитала постоянного, это свойство исчезает, если часть капитала, затраченная на заработную плату, рассматривается исключительно с точки зрения процесса обращения и таким образом выступает как оборотный капитал в противоположность основному капиталу, затраченному на средства труда. Это вытекает уже из того, что тогда под одной и той же рубрикой — под рубрикой оборотного капитала — часть капитала, затраченная на рабочую силу, объединяется с частью постоянного капитала, затраченной на материалы труда, и противопоставляется другой части постоянного капитала, затраченной на средства труда. Прибавочная стоимость, т. е. как раз то условие, которое превращает вложенную сумму стоимости в капитал, при этом совершенно не принимается во внимание. Не принимается во внимание и тот факт, что часть стоимости, которую присоединяет к продукту капитал, затраченный на заработную плату, произведена вновь (следовательно, действительно воспроизведена), между тем как часть стоимости, которую присоединяют к продукту сырые материалы, не произведена вновь, не воспроизведена фактически, а лишь сохранена в стоимости продукта, консервирована, и потому лишь снова выступает как составная часть стоимости продукта. Различие, как оно представляется теперь с точки зрения противоположности между оборотным и основным капиталом, состоит лишь в следующем: стоимость средств труда, примененных для производства товара, лишь по частям входит в стоимость товара и потому по частям же возмещается при его продаже, а следовательно, и вообще возмещается лишь по частям и постепенно. С дру-

* в целом. *Ред.*

гой стороны, стоимость рабочей силы и предметов труда (сырья и т. п.), примененных для производства товара, целиком входит в товар и потому целиком возмещается при его продаже. В этом смысле по отношению к процессу обращения одна часть капитала представляется основным, другая — текучим, или оборотным капиталом. В обоих случаях речь идет о перенесении данной, авансированной стоимости на продукт и о возмещении ее вновь посредством продажи продукта. Различие заключается теперь только в том, что в одном случае это перенесение стоимости, а следовательно, и возмещение стоимости, совершается по частям и постепенно, а в другом случае — сразу. Вместе с тем стирается кардинальное различие между переменным и постоянным капиталом, следовательно, затушевывается вся тайна образования прибавочной стоимости и капиталистического производства, т. е. затушевываются условия, превращающие в капитал известные стоимости и вещи, в которых эти стоимости воплощаются. Все составные части капитала различаются здесь только по способу своего обращения (а обращение товара имеет дело, конечно, лишь с уже имеющимися в наличии, с данными стоимостями); при этом особый способ обращения является общим и для капитала, затраченного на заработную плату, и для той части капитала, которая затрачена на сырье, полуфабрикаты, вспомогательные материалы, — в противоположность части капитала, затраченной на средства труда.

Отсюда понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно сохраняла смитовское смешение категорий «постоянный капитал» и «переменный капитал» с категориями «основной капитал» и «оборотный капитал» и без всякой критики в течение почти целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение. Для нее капитал, затраченный на заработную плату, уже совершенно не отличается от той части капитала, которая затрачена на сырые материалы, а от постоянного капитала отличается лишь формально — лишь тем, обращается ли он вместе с продуктом по частям или целиком. Таким образом одним ударом разрушается основа, необходимая для понимания действительного движения капиталистического производства, а следовательно, и капиталистической эксплуатации. Речь идет лишь о том, что авансированная стоимость появляется снова.

Эта некритически заимствованная у А. Смита путаница мешает Рикардо последовательно развить свою теорию. Она мешает ему не только больше, чем позднейшим апологетами, которым эта путаница понятий, напротив, содействует, но и больше, чем самому А. Смиту, так как Рикардо, в противоположность ему, следуя по существу эзотерическому учению А. Смита против экзотерического А. Смита, последовательнее и острее развивает свою теорию стоимости и прибавочной стоимости.

У физиократов нет этой путаницы. У них различие между «*avances annuelles*»* и «*avances primitives*»** относится лишь к различным периодам воспроизводства различных составных частей капитала, а именно исключительно земледельческого капитала; между тем их взгляды на производство прибавочной стоимости составляют независимую от этого разграничения часть их теории, и притом часть, которую они выставляют в качестве главного пункта своей теории. Образование прибавочной стоимости объясняется здесь не из капитала как такового, а приписывается лишь одной определенной производственной сфере приложения капитала — земледелию.

2) Для определения переменного капитала, — а следовательно и для превращения любой суммы стоимости в капитал, — существенным является то, что капиталист обменивает определенную, данную (и в этом смысле постоянную) величину стоимости на силу, творящую стоимость; определенное количество стоимости обменивается на производство стоимости, на процесс ее самовозрастания. Платит ли капиталист рабочему деньгами или жизненными средствами, от этого данное существенное определение нисколько не меняется. Меняется лишь способ существования авансированной капиталистом стоимости, принимающей в одном случае форму денег, на которые рабочий покупает на рынке свои жизненные средства, в другом случае — форму жизненных средств, которые рабочий потребляет непосредственно. В действительности развитое капиталистическое производство предполагает, что рабочий оплачивается деньгами, так как оно вообще предполагает процесс производства, опосредствуемый процессом обращения, т. е. предполагает денежное хозяйство. Но созидание прибавочной стоимости, а потому и превращение авансированной суммы стоимости в капитал, не вытекает ни из денежной, ни из натуральной формы заработной платы, или капитала, затраченного на покупку рабочей силы. Оно вытекает из обмена стоимости на силу, создающую стоимость, из превращения постоянной величины в переменную. —

Большая или меньшая степень закреплённости средств труда зависит от степени их долговечности, т. е. от их определенного физического свойства. В зависимости от степени долговечности они, при прочих равных условиях, изнашиваются быстрее или медленнее, следовательно, функционируют в качестве основного капитала более продолжительное или более короткое время. Но они функционируют в качестве основного капитала отнюдь не только вследствие одного этого физического свойства долговечности. Сырье на металлообрабатывающих заводах столь же долговечно, как и машины, при помощи которых оно обрабатывается, и долговечнее некоторых составных частей этих машин: кожи, дерева и т. п.

* — «ежегодными авансами». *Ред.*

** — «первоначальными авансами». *Ред.*

Тем не менее металл, служащий в качестве сырья, составляет часть оборотного капитала, а функционирующее средство труда, изготовленное, быть может, из того же самого металла, составляет часть основного капитала. Таким образом, дело здесь не в физической природе вещества; не вследствие меньшей или большей подверженности износу тот же самый металл один раз помещается под рубрикой основного, другой раз — под рубрикой оборотного капитала. Напротив, это различие вытекает из той роли, которую он играет в процессе производства: в одном случае как предмет труда, в другом — как средство труда.

Функция средства труда в процессе производства требует, вообще говоря, чтобы это средство труда в течение более или менее продолжительного периода все снова и снова применялось в повторных процессах труда. Поэтому уже его функцией предписывается большая или меньшая долговечность его вещества. Но долговечность вещества, из которого оно изготовлено, сама по себе не делает его основным капиталом. То же самое вещество в качестве сырого материала становится оборотным капиталом; и у экономистов, которые смешивают различие между товарным капиталом и производительным капиталом с различием между оборотным капиталом и основным капиталом, то же самое вещество, та же самая машина в качестве продукта является оборотным капиталом, а в качестве средства труда — основным капиталом.

Но хотя основным капиталом средство труда становится не вследствие долговечности вещества, из которого оно сделано, тем не менее его роль как средства труда требует, чтобы оно состояло из сравнительно прочного материала. Следовательно, долговечность его вещества есть условие его функционирования в качестве средства труда, а вместе с тем — материальная основа того способа обращения, который делает его основным капиталом. При прочих равных условиях большая или меньшая изнашиваемость его вещества накладывает на него в большей или меньшей степени печать закрепленности и, следовательно, находится в весьма существенной связи с его качеством как основного капитала.

Если же часть капитала, затраченная на рабочую силу, рассматривается исключительно с точки зрения оборотного капитала, следовательно, рассматривается в противоположность основному капиталу; если поэтому различия между постоянным и переменным капиталом смешиваются с различиями между основным и оборотным капиталом, то, — имея в виду, что вещественная реальность средства труда составляет существенную основу его характера как основного капитала, — естественно выводить характер оборотного капитала, в противоположность основному, из вещественной реальности капитала, затраченного на рабочую силу, и затем снова определять оборотный капитал при помощи вещественной реальности переменного капитала.

Действительным веществом капитала, затраченного на заработную плату, является сам труд, т. е. проявляющая себя в действии, созидаящая стоимость рабочая сила, живой труд, который капиталист обменял на мертвый, овеществленный труд и включил в свой капитал; лишь вследствие этого находящаяся в руках капиталиста стоимость превращается в стоимость самовозрастающую. Но эту силу, порождающую самовозрастание стоимости, капиталист не продает. Она всегда образует лишь составную часть его производительного капитала, подобно его средствам труда, но она никогда не образует составную часть его товарного капитала, каковым является, например, тот готовый продукт, который он продает. В процессе производства средства труда, как составные части производительного капитала, не противостоят рабочей силе в их качестве основного капитала, точно так же материалы труда и вспомогательные материалы не совпадают с ней в качестве оборотного капитала; тому и другому рабочая сила противостоит как личный фактор вещным факторам, — это с точки зрения процесса труда. То и другое противостоит рабочей силе как постоянный капитал переменному капиталу, — это с точки зрения процесса увеличения стоимости. Или, если речь идет о вещественном различии, поскольку оно влияет на процесс обращения, то это различие состоит лишь в следующем: из природы стоимости, которая есть не что иное, как овеществленный труд, и из природы функционирующей рабочей силы, которая есть не что иное, как овеществляющийся труд, следует, что рабочая сила в течение периода ее функционирования непрерывно создает стоимость и прибавочную стоимость, причем то, что на стороне рабочей силы представляет собой движение, созидание стоимости, на стороне ее продукта, в покоейся форме, представляет собой уже созданную стоимость. Если рабочая сила уже проявила себя в действии, то капитал не состоит более из рабочей силы, с одной стороны, и из средства производства — с другой. Капитальная стоимость, которая была затрачена на рабочую силу, теперь есть стоимость, которая (+ прибавочная стоимость) присоединена к продукту. Чтобы повторять процесс, необходимо продать продукт и на вырученные за него деньги все снова и снова покупать рабочую силу и включать ее в производительный капитал. Это и придает части капитала, затраченной на рабочую силу, — так же как и частям его, затраченным на материалы труда и т. д., — характер оборотного капитала в противоположность тому капиталу, который остается закрепленным в средствах труда.

Напротив, если вторичное определение одной части оборотного капитала, общее ей с частью постоянного капитала (с сырыми и вспомогательными материалами), превратить в существенное определение капитала, затраченного на рабочую силу, а именно, если в качестве существенного определения этого капитала принять,

что стоимость, затраченная на рабочую силу, переносится целиком на продукт, при производстве которого эта рабочая сила потребляется, а не постепенно и по частям, как у основного капитала, и что потому эта стоимость должна быть также и целиком возмещена посредством продажи продукта, — то при таком определении капитал, затраченный на заработную плату, в вещественном выражении должен состоять не из функционирующей рабочей силы, а из тех вещественных элементов, которые рабочий покупает на свою заработную плату, т. е. из части общественного товарного капитала, входящей в потребление рабочего, — из жизненных средств. Основной капитал в таком случае состоит из средств труда, изнашивающихся сравнительно медленно и потому не подлежащих частому возмещению, капитал же, затраченный на рабочую силу, — из жизненных средств, требующих более быстрого возмещения.

Однако границы между более быстрой и более медленной изнашиваемостью вещей стираются.

«Продовольствие и одежда, потребляемые рабочим, здания, в которых он работает, орудия, которые содействуют его труду, — все это имеет преходящий характер. Но есть, однако, огромная разница во времени, в течение которого все эти различные капиталы могут служить в производстве: паровая машина служит дольше корабля, корабль — дольше одежды рабочего, а одежда рабочего — дольше продовольствия, которое он потребляет»²⁷⁾.

Рикардо забывает при этом дом, в котором живет рабочий, его мебель, орудия для его потребления, как-то: ножи, вилки, посуда и т. п., которые в смысле долговечности все имеют тот же самый характер, что и средства труда. Те же самые вещи, те же самые виды вещей в одном случае выступают как предметы потребления, в другом случае — как средства труда.

Различие, по словам Рикардо, состоит в следующем:

«В зависимости от того, быстро ли изнашивается капитал и часто ли требует воспроизводства или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному, или к основному капиталу»²⁸⁾.

К этому месту он делает следующее примечание:

«Разделение несущественное, и в нем разграничительная линия не может быть точно проведена»²⁹⁾.

Таким образом, мы благополучно пришли опять к физиократам, у которых различие между «*avances annuelles*» и «*avan-*

²⁷⁾ «The food and clothing consumed by the labourer, the buildings in which he works, the implements with which his labour is assisted, are all of a perishable nature. There is however a vast difference in the time for which these different capitals will endure: a steam — engine will last longer than ship, a ship than the clothing of the labourer, and the clothing of the labourer longer than the food which he consumes». Ricardo, etc., p. 26.

²⁸⁾ «According as capital is rapidly perishable, and requires to be frequently reproduced, or is of slow consumption, it is classed under the heads of circulating, or of fixed capital».

²⁹⁾ «A division not essential, and in which the line of demarcation cannot be accurately drawn».

ces primitives» было различием в продолжительности времени потребления, а следовательно, и во времени воспроизводства примененного капитала. Но только то, что у них выражает собой важный для общественного производства факт и в «Tableau économique» представлено также в связи с процессом обращения, здесь превращается в субъективное и, по словам самого Рикардо, в излишнее различие.

Если часть капитала, затраченная на труд, отличается от части капитала, затраченной на средства труда, только периодом своего воспроизводства и, следовательно, продолжительностью своего обращения; если одна часть состоит из жизненных средств так же, как другая из средств труда, так что последние отличаются от первых лишь большей степенью долговечности, причем и первые, конечно, в свою очередь обладают различными степенями долговечности, — если это так, то *differentia specifica* * капитала, затраченного на рабочую силу, от капитала, затраченного на средства производства, естественно, совершенно стирается.

Это полностью противоречит учению Рикардо о стоимости так же, как и его теория прибыли, которая фактически есть теория прибавочной стоимости. Он рассматривает различие между основным и оборотным капиталом вообще лишь постольку, поскольку различные количественные соотношения между ними в различных отраслях производства, при одинаковых по величине капиталах, влияют на закон стоимости, а именно, он рассматривает, в какой мере повышение или понижение заработной платы вследствие этих обстоятельств влияет на цены. Но даже в ограниченных рамках этого исследования он, вследствие смешения основного и оборотного капитала с постоянным и переменным, делает крупнейшие ошибки и в действительности исходит в своем исследовании из совершенно ложного основания. А именно, 1) поскольку оборотный капитал целиком сводится к той части капитальной стоимости, которая затрачена на рабочую силу, постольку неправильно развиваются определения самого оборотного капитала и в особенности определение тех условий, которые подводят часть капитала, затраченную на труд, под эту рубрику; 2) происходит смешение того определения, согласно которому часть капитала, затраченная на труд, есть переменный капитал, и того, согласно которому она есть оборотный капитал в противоположность основному.

Уже с самого начала очевидно, что определение капитала, затраченного на рабочую силу, как оборотного, или текучего, есть вторичное определение, в котором исчезает его *differentia specifica* в процессе производства, потому что, с одной стороны, в таком определении капиталы, затраченные на труд, и капиталы, затраченные на сырье и т. п., равнозначны; рубрика, отождествляющая часть

* — специфическое отличие. Ред.

постоянного капитала с переменным, совершенно игнорирует *differentia specifica* переменного капитала в противоположность постоянному. С другой стороны, части капитала, затраченные на труд, и части капитала, затраченные на средства труда, в этом определении хотя и противопоставляются друг другу, но отнюдь не в том отношении, что они совершенно различным способом входят в производство стоимости, а лишь в том отношении, что обе они переносят на продукт свою данную стоимость, но только в различные периоды времени.

Во всех этих случаях речь идет лишь о том, *как* данная стоимость, затраченная в процессе производства товара, — все равно, будет ли это заработная плата, цена сырья или цена средств труда, — *как* она переносится на продукт, следовательно, *как* она обращается при помощи продукта и посредством продажи продукта возвращается к своему исходному пункту, или возмещается. Единственное различие заключается здесь в этом «*как*», в особом способе перенесения, а следовательно, и обращения этой стоимости.

Заранее определенная по контракту цена рабочей силы может уплачиваться и деньгами и жизненными средствами, но в том и другом случае характер ее остается неизменным, в том и другом случае она есть определенная, данная цена. Между тем при уплате заработной платы деньгами очевидно, что сами деньги не входят в процесс производства подобно средствам производства, у которых не только стоимость, но и само вещество вступает в процесс производства. Если же жизненные средства, которые покупает рабочий на свою заработную плату, непосредственно как вещественная форма оборотного капитала подводятся под одну рубрику с сырьем и т. п. и противопоставляются средствам труда, то это придает делу иную видимость. Если стоимость одних вещей, т. е. средств производства, переносится в процессе труда на продукт, то стоимость других вещей, т. е. жизненных средств, снова проявляется в рабочей силе, которая их потребила, и путем функционирования этой последней также переносится на продукт. В обоих случаях речь одинаково идет о простом повторном появлении в стоимости продукта тех стоимостей, которые были авансированы во время производства. (Физиократы принимали это всерьез и поэтому отрицали, что промышленный труд способен создавать прибавочную стоимость.) Так, например, Уйзленд в уже цитированном месте⁵⁷ говорит:

«Совершенно безразлично, в какой форме капитал появляется вновь... Различные виды продовольствия, одежды и жилища, необходимые для существования и комфорта человека, также претерпевают изменения. Они потребляются с течением времени, и стоимость их вновь появляется» и т. д. («*Elements of Polit. Econ.*», р. 31, 32).

Капитальные стоимости, авансированные для производства в виде средств производства и жизненных средств, здесь одинаково

вновь появляются в стоимости продукта. Таким путем счастливо достигается превращение капиталистического процесса производства в совершеннейшую мистерию, и происхождение прибавочной стоимости, заключающейся в продукте, оказывается совершенно вне поля зрения.

Далее, тем самым завершается присущий буржуазной политической экономии фетишизм, который превращает общественный экономический характер, придаваемый вещам общественным процессом производства, в некий естественный характер, вытекающий из самой природы этих вещей. Так, например, определение «средства труда суть основной капитал» есть схоластическое определение, ведущее к противоречиям и путанице. При исследовании процесса труда («Капитал», книга I, глава V) было показано, что от той роли, которую играют вещественные элементы в определенном процессе труда в каждом данном случае от их функции целиком зависит, выступают ли они в качестве средств труда, материала труда или продукта. Точно так же средства труда, во-первых, только в том случае являются основным капиталом, если процесс производства есть вообще капиталистический процесс производства, а потому и средства производства являются вообще капиталом, т. е. обладают экономической определенностью, общественным характером капитала; и, во-вторых, они являются основным капиталом лишь в том случае, если они переносят свою стоимость на продукт особым способом. Если этого нет, то они остаются средствами труда, но не становятся основным капиталом. Точно так же вспомогательные материалы, например, удобрения, если они передают свою стоимость тем же самым особым способом, как и большая часть средств труда, становятся основным капиталом, хотя они и не являются средствами труда. Здесь речь идет не о дефинициях, под которые могут быть подведены вещи. Речь идет об определенных функциях, которые получают свое выражение в определенных категориях.

Поскольку жизненным средствам как таковым при всяких обстоятельствах приписывается свойство быть капиталом, затраченным на заработную плату, то это свойство «содержать труд», «to support labour» {Рикардо, стр. 25}, превращается в свойство, присущее этому «оборотному капиталу». Следовательно, выходит, что жизненные средства, если бы они не были «капиталом», не могли бы содержать рабочую силу; между тем как раз их характер как капитала и придает им свойство содержать *капитал* посредством чужого труда.

Если жизненные средства сами по себе суть оборотный капитал, — после того как последний превратился в заработную плату, — то отсюда следует, далее, что величина заработной платы зависит от отношения между числом рабочих и данной массой оборотного капитала, — таково излюбленное положение экономистов;

между тем на самом деле та масса жизненных средств, которую рабочий извлекает с рынка, и масса жизненных средств, которой располагает капиталист для собственного потребления, зависит от отношения между прибавочной стоимостью и ценой труда.

Рикардо, как и Бартон^{29а)}, везде смешивает отношение между переменным и постоянным капиталом с отношением между оборотным и основным капиталом. Позже мы увидим, каким образом вследствие этого смешения сбивается на ложный путь исследование Рикардо о норме прибыли⁵⁹.

Далее, Рикардо отождествляет различие между основным и оборотным капиталом с теми различиями, которые возникают в процессе оборота под влиянием совершенно иных причин. Он пишет:

«Следует также заметить, что оборотный капитал может оборачиваться или возвращаться к своему хозяину в весьма неодинаковые промежутки времени. Пшеница, купленная фермером для посева, есть основной капитал сравнительно с пшеницей, купленной пекарем для приготовления из нее хлеба. Один высевает ее в почву и может получить ее обратно лишь через год, другой может перемолоть ее в муку, продать в виде хлеба своим покупателям, и через неделю он снова высвободит свой капитал для возобновления того же самого дела или для того, чтобы с этим капиталом начать какое-нибудь новое предприятие»³⁰⁾.

Здесь характерно то, что пшеница, хотя она в качестве семян служит не жизненным средством, а сырым материалом, относится, во-первых, к оборотному капиталу, так как она сама по себе есть жизненное средство, и, во-вторых, она относится к основному капиталу, потому что ее возвращение наступает через год. Однако не только более медленное или более быстрое возвращение делает данное средство производства основным капиталом, но и определенный способ перенесения его стоимости на продукт.

Итак, путаница, ведущая свое происхождение от А. Смита, привела к следующим результатам:

1) Различие между основным и оборотным капиталом смешивается с различием между производительным капиталом и товарным капиталом. Так, например, одна и та же машина есть оборотный капитал, если она в качестве товара находится на рынке, и основной капитал, если она включена в процесс производства. При этом остается совершенно непонятным, почему какой-то определенный вид капитала должен быть в большей степени основным или в большей степени оборотным, чем другой вид капитала.

^{29а)} «Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society». London, 1817. Соответствующее место цитировано в книге I, с. 655, примечание 79⁵⁸⁾.

³⁰⁾ «It is also to be observed that the circulating capital may circulate, or be returned to its employer, in very unequal times. The wheat bought by a farmer to sow is comparatively a fixed capital to the wheat purchased by a baker to make into loaves. One leaves it the ground, and can obtain no return for a year; the other can get it ground into flour, sell it as bread to his customers, and have his capital free to renew the same, or commence any other employment in a week» (p. 26 - 27).

2) Весь оборотный капитал отождествляется с капиталом, который затрачен или должен быть затрачен на заработную плату. Так, например, у Дж. Ст. Милля⁶⁰ и у других.

3) Различие между переменным и постоянным капиталом, которое уже Бартон, Рикардо и др. смешивают с различием между оборотным и основным капиталом, в конце концов целиком сводится к этому последнему. Так, например, у Рамсея, у которого все средства производства, — сырье и т. д., точно так же как и средства труда, — являются основным капиталом, и только капитал, затраченный на заработную плату, есть оборотный капитал⁶¹. Но так как сведение совершается именно в этой форме, то действительное различие между постоянным и переменным капиталом остается непонятым.

4) У английских, в особенности у шотландских экономистов новейшего времени, а именно у Маклеода⁶², Паттерсона⁶³ и других, которые все рассматривают с невероятно ограниченной точки зрения банкирского приказчика, различие между основным и оборотным капиталом превращается в различие между «money at call» и «money not at call» (между денежными вкладами, получаемыми обратно без предварительного уведомления, и денежными вкладами, выдаваемыми лишь после предварительного уведомления).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РАБОЧИЙ ПЕРИОД

Возьмем две отрасли производства, в которых установлен рабочий день одинаковой продолжительности, скажем, десятичасовой процесс труда; пусть это будет, например, производство хлопчатобумажной пряжи и производство паровозов. В одной отрасли ежедневно, еженедельно доставляется определенное количество готового продукта, хлопчатобумажной пряжи; в другой отрасли процесс труда должен продолжаться, быть может, в течение целых трех месяцев, чтобы создать один готовый продукт, один паровоз. В одном случае продукт делим по своей природе, и один и тот же процесс труда ежедневно или еженедельно начинается снова. В другом случае процесс труда непрерывен, охватывает более или менее значительное число ежедневных процессов труда, которые в результате их соединения, в результате непрерывности их действия доставляют готовый продукт лишь по истечении более или менее продолжительного периода. Хотя ежедневная продолжительность процесса труда здесь одна и та же, тем не менее имеет место весьма существенное различие в продолжительности производственного акта, т. е. в продолжительности повторных процессов труда, которые необходимы для того, чтобы создать готовый продукт, отправить его в качестве товара на рынок и, следовательно, превратить из производительного капитала в товарный капитал. Различие между основным и оборотным капиталом не имеет к этому никакого отношения. Указанное различие сохранилось бы и в том случае, если бы в обеих отраслях производства основной и оборотный капитал применялся в совершенно одинаковых пропорциях.

Эти различия в продолжительности производственного акта имеют место не только между различными сферами производства, но и в пределах одной и той же сферы производства, в зависимости от размеров подлежащего изготовлению продукта. Обычный жилой дом может быть построен в более короткое время, чем крупная фабрика, и требует поэтому меньшего числа непрерывных процес-

сов труда. Если постройка паровоза требует трех месяцев, то постройка броненосца — одного года или нескольких лет. Производство зерна требует почти целого года, производство крупного рогатого скота — нескольких лет; лесоразведение может охватывать период от 12 до 100 лет; там, где грунтовая дорога может быть проложена за несколько месяцев, там постройка железной дороги потребует, возможно, многих лет; обыкновенный ковер изготавливается, быть может, в течение недели, гобелен же изготавливается целые годы и т. д. Следовательно, различия в продолжительности производственного акта варьируются до бесконечности.

Различие в продолжительности производственных актов, очевидно, должно при равных затратах капитала вызвать различие в скорости оборота капитала, т. е. различие в периодах, на которые авансируется данный капитал. Предположим, что машинная прядильная фабрика и паровозостроительный завод применяют равные по величине капиталы, что деление капитала на постоянный и переменный капитал, а также на основную и оборотную составные части в обоих случаях одинаково, что, наконец, рабочий день одинаково продолжителен и в одинаковой пропорции разделяется на необходимый и прибавочный труд. Далее, чтобы устранить все обстоятельства, вытекающие из процесса обращения и к данному случаю не относящиеся, допустим, что пряжа и паровозы производятся по заказу и оплачиваются при поставке готового продукта. В конце недели, сдав готовую пряжу, фабрикант-прядильщик (мы оставляем здесь прибавочную стоимость в стороне) получает назад вложенный им оборотный капитал, а также часть стоимости основного капитала, вошедшую в стоимость пряжи вследствие его износа. Следовательно, он может с тем же самым капиталом снова повторить тот же самый кругооборот. Этот капитал завершил свой оборот. Напротив, фабрикант паровозов должен в течение трех месяцев еженедельно затрачивать все новый и новый капитал на заработную плату и сырой материал, и только по прошествии трех месяцев, после сдачи паровоза, оборотный капитал, постепенно затрачивавшийся в течение этого времени на один и тот же производственный акт, на изготовление одного и того же товара, опять принимает форму, в которой он может вновь начать свой кругооборот; равным образом, износ машин в течение этих трех месяцев возмещается ему только теперь. Затрата одного производится на одну неделю, затрата другого равна недельной затрате, помноженной на 12. Предполагая все остальные условия равными, один должен иметь в своем распоряжении в двенадцать раз больший оборотный капитал, чем другой.

То обстоятельство, что еженедельно авансируемые капиталы равны, не имеет здесь никакого значения. Какова бы ни была величина авансированного капитала, в одном случае он авансируется только на одну неделю, в другом случае — на двенадцать недель,

и только по истечении этих сроков с ним можно оперировать снова, повторяя ту же самую операцию или начиная какую-либо иную.

Различие в скорости оборота или в продолжительности того периода времени, на который приходится авансировать отдельные капиталы и до истечения которого та же самая капитальная стоимость не может снова служить в новом процессе труда или в новом процессе увеличения стоимости, возникает здесь из следующего.

Допустим, что постройка паровоза или какой-либо иной машины стоит 100 рабочих дней. По отношению к рабочим, занятым как в прядении, так и в машиностроении, эти 100 рабочих дней образуют прерывную (делимую) величину; состоящую, согласно предположению, из 100 одинаковых, следующих друг за другом отдельных десятичасовых процессов труда. Но по отношению к продукту, т. е. к машине, эти 100 рабочих дней образуют непрерывную величину, так сказать, один рабочий день из 1000 рабочих часов, один единый, связный акт производства. Такой рабочий день, образованный из ряда последовательных, более или менее многочисленных и связанных между собой рабочих дней, я называю *рабочим периодом*. Говоря о рабочем дне, мы имеем в виду продолжительность того рабочего времени, в течение которого рабочий должен ежедневно затрачивать свою рабочую силу, в течение которого он должен ежедневно работать. Если же мы говорим, напротив, о рабочем периоде, то это означает определенное число связанных между собой рабочих дней, необходимых в определенной отрасли производства для получения готового продукта. В этом случае продукт каждого рабочего дня есть лишь частичный продукт; он изо дня в день продолжает находиться в обработке и лишь в конце более или менее продолжительного периода рабочего времени получает свой законченный вид, становится готовой потребительной стоимостью.

Перерывы, нарушения общественного процесса производства, например, вследствие кризисов, оказывают поэтому весьма различное влияние на те продукты труда, которые по своей природе делимы, и на те, которые требуют для своего производства более продолжительного, связанного периода труда. В одном случае за сегодняшним производством определенного количества пряжи, угля и т. д. завтра не последует нового производства пряжи, угля и т. д. Иначе обстоит дело с кораблями, зданиями, железными дорогами и т. д. В этом случае прерывается не только работа, но прерывается и связный акт производства. Если постройка не ведется дальше, то средства производства и труд, потребленные при ее производстве, затрачены бесполезно. Если даже она и будет потом возобновлена, то за промежуточный период неизбежно произойдут некоторые повреждения.

В продолжение всего рабочего периода как бы слоями накаплиется та часть стоимости, которую основной капитал ежедневно отдает продукту до его полной готовности. И в то же время здесь

обнаруживается практическая важность различия между основным и оборотным капиталом. Основной капитал авансируется в процесс производства на более продолжительное время, его не приходится обновлять до истечения этого, быть может, многолетнего периода. Переносит ли паровая машина свою стоимость ежедневно по частям на пряжу, т. е. на продукт прерывного процесса труда, или же она в течение трех месяцев отдает ее паровозу, т. е. продукту непрерывного производственного акта, — это обстоятельство несколько не отражается на затрате капитала, необходимого для покупки паровой машины. В одном случае ее стоимость притекает назад маленькими дозами, например, еженедельно, в другом — более крупными частями, например, через каждые три месяца. Но в обоих случаях обновление паровой машины совершается всего один раз, скажем, в 20 лет. Если каждый отдельный период, в течение которого стоимость паровой машины вследствие продажи продукта частями притекает обратно, короче периода ее собственного существования, то эта машина продолжает функционировать в процессе производства в течение нескольких рабочих периодов.

Иначе обстоит дело с оборотными составными частями авансированного капитала. Рабочая сила, закупленная на эту неделю, затрачена в течение этой недели и овеществилась в продукте. Она должна быть оплачена в конце этой недели. И такая затрата капитала на рабочую силу повторяется еженедельно в течение, скажем, трех месяцев, так что затрата этой части капитала в данную неделю не избавляет капиталиста от необходимости в следующую неделю снова закупать труд. На оплату рабочей силы еженедельно должен затрачиваться новый добавочный капитал, и, если оставить в стороне все отношения кредита, капиталист должен иметь возможность выплатить заработную плату за три месяца, хотя фактически он выплачивает ее лишь еженедельными частями. То же самое относится и к другой части оборотного капитала, к сырым и вспомогательным материалам. Один слой труда за другим накладывается на продукт. Не только стоимость израсходованной рабочей силы, но и прибавочная стоимость в течение процесса труда непрерывно переносится на продукт, но на продукт еще неготовый, еще не принявший формы готового товара и, следовательно, еще не способный к обращению. То же самое относится и к капитальной стоимости, заключающейся в сырых и вспомогательных материалах, которая также как бы слоями переносится на продукт.

В зависимости от большей или меньшей продолжительности рабочего периода, определяемой специфической природой продукта или той полезной целью, которая преследуется при его изготовлении, необходимы постоянные добавочные затраты оборотного капитала (на заработную плату, сырые и вспомогательные материалы), причем ни одна из частей этого капитала не находится в форме, способной к обращению, и, следовательно, не может служить

возобновлению одной и той же операции; напротив, каждая часть последовательно закрепляется в сфере производства как составная часть образующегося продукта, связывается в форме производительного капитала. Но время оборота равно сумме времени производства и времени обращения капитала. Следовательно, удлинение времени производства уменьшает скорость оборота капитала в такой же мере, как и удлинение времени обращения. Однако в данном случае необходимо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых: на более продолжительное пребывание капитала в сфере производства. Так, например, капитал, авансированный в первую неделю на труд, сырые материалы и т. д., — точно так же, как и части стоимости основного капитала, уже перенесенные на продукт, — в течение всего трехмесячного периода остается связанным в сфере производства и, как включенный в еще только образующийся, в еще неготовый продукт, не может вступить в процесс обращения в качестве товара.

Во-вторых: так как рабочий период, требуемый для производственного акта, продолжается три месяца и в действительности составляет лишь один связный процесс труда, то каждую неделю новая часть оборотного капитала должна присоединяться к предыдущим. Следовательно, вместе с удлинением рабочего периода возрастает масса последовательно авансированного, добавочного капитала.

Мы предположили, что капиталы, вложенные в прядильную фабрику и в машиностроительный завод, равны по величине, что капиталы эти в одинаковой пропорции делятся на постоянный и переменный капитал, а также на основной и оборотный, что рабочие дни имеют одинаковую продолжительность, — короче говоря, что одинаковы все условия, за исключением продолжительности рабочего периода. В течение первой недели затраты в обоих случаях равновелики, но продукт фабриканта-прядильщика уже может быть продан и на вырученные деньги может быть куплена новая рабочая сила, новое сырье и т. д., одним словом, производство может вестись дальше в том же самом масштабе. Напротив, фабрикант машин может превратить в деньги оборотный капитал, затраченный в первую неделю, и начать с ним новые операции только по истечении трех месяцев, когда его продукт будет уже готов. Итак, во-первых, имеет место разница во времени обратного притока одного и того же количества затраченного капитала. Во-вторых, в течение трех месяцев на прядильной фабрике и на машиностроительном заводе применены равновеликие производительные капиталы, но величина затраченного капитала для фабриканта-прядильщика и для фабриканта машин совершенно различна, так как в одном случае один и тот же капитал быстро возобновляется и, следовательно, может снова повторить ту же самую операцию;

в другом случае он возобновляется лишь сравнительно медленно, и, следовательно, до момента его возобновления новые порции капитала постоянно должны присоединяться к старым. Таким образом, различны как продолжительность периодов, в течение которых возобновляются определенные части капитала, или продолжительность периодов, на которые капитал авансируется, так и те массы капитала (хотя ежедневно и еженедельно применяются одинаковые капиталы), которые должны быть авансированы в зависимости от продолжительности процесса труда. Это обстоятельство должно быть отмечено потому, что в некоторых случаях, как, например, в тех случаях, которые мы рассмотрим в следующей главе, продолжительность времени, на которое авансируется капитал, может возрастать, не вызывая пропорционального возрастания авансируемого капитала. Итак, если капитал должен авансироваться на более продолжительное время, то большее количество капитала связывается в форме производительного капитала.

На менее развитых ступенях капиталистического производства предприятия, требующие продолжительного рабочего периода и, следовательно, крупных затрат капитала на продолжительное время, — особенно, если они осуществимы только в большом масштабе, — ведутся или вовсе не капиталистически, а на общественный или государственный счет, как, например, проведение дорог, каналов и т. п. (в прежние времена, если иметь в виду рабочую силу, такие работы большей частью осуществлялись путем применения принудительного труда). Или же такие продукты, изготовление которых требует сравнительно продолжительного рабочего периода, лишь в ничтожной своей части производились за счет средств самого капиталиста. Так, например, при постройке дома то частное лицо, для которого строится дом, время от времени дает авансы строителю-предпринимателю. Следовательно, фактически это частное лицо оплачивает дом по частям, по мере того, как продвигается вперед процесс производства этого дома. Напротив, в эпоху развитого капитализма, когда, с одной стороны, значительные массы капитала сконцентрированы в руках отдельных лиц и когда, с другой стороны, наряду с отдельными капиталистами появляется капиталист ассоциированный (акционерные общества) и в то же время уже развито кредитное дело, капиталистический строительный предприниматель лишь в виде исключения возводит постройки по заказу отдельных частных лиц. Его предприятием является постройка для рынка целого ряда домов, целых городских кварталов, подобно тому как предприятием других отдельных капиталистов является строительство железных дорог по подряду.

Какой переворот вызвало капиталистическое производство в лондонском домостроении, мы видим из показаний одного строительного предпринимателя перед Комиссией по банковским де-

лам в 1857 году. По его словам, в годы его молодости дома обычно строились по заказу, причем вся сумма издержек во время постройки выплачивалась предпринимателю постепенно, по мере того, как заканчивались отдельные стадии постройки. Ради спекуляции строилось очень мало; предприниматели пускались на это главным образом лишь для того, чтобы доставлять регулярное занятие своим рабочим и таким образом не давать им разбредаться. За последние 40 лет все это изменилось. По заказу строится очень мало. Тот, кто нуждается в новом доме, должен выбрать себе один из тех, которые выстроены со спекулятивными целями или еще находятся в процессе постройки. Предприниматель работает теперь уже не на заказчиков, а на рынок; подобно всякому другому промышленнику, он должен иметь на рынке готовые товары. Если прежде предприниматель строил со спекулятивными целями одновременно каких-нибудь три-четыре дома, то теперь он должен купить (т. е., употребляя распространенный на континенте способ выражения, арендовать обычно на 99 лет) значительный участок земли и возвести на нем 100 или 200 домов, пускаясь, таким образом, в предприятие, превосходящее в двадцать-пятьдесят раз размеры его состояния. Средства получают под залог недвижимого имущества, причем в распоряжение предпринимателя деньги поступают в той мере, в какой продвигается вперед постройка отдельных домов. Если наступает кризис, приостанавливающий уплату очередных авансов, то обычно терпит крах все предприятие; в лучшем случае дома остаются недостроенными до наступления более благоприятного времени, в худшем случае они продаются с молотка за полцены. Без спекулятивных построек, и притом в крупном масштабе, не может преуспеть теперь ни один предприниматель. Прибыль от самой постройки в высшей степени мала; источник главной выгоды предпринимателя состоит в повышении земельной ренты, в искусном выборе и использовании застраиваемой площади. Путем таких спекулятивных операций, предвосхищающих спрос на дома, была застроена вся Бельгравия и Тибурния, а также построены многие тысячи вилл в окрестностях Лондона. (Сокращенное изложение из «Report from the Select Committee on Bank Acts». Part I, 1857. Свидетельские показания, ответы на вопросы №№ 5413—5418, 5435—5436.)

Выполнение работ, требующих очень продолжительного рабочего периода и ведущихся в крупном масштабе, целиком попадает в руки капиталистической промышленности лишь тогда, когда концентрация капитала уже очень значительна и когда, с другой стороны, развитие кредитной системы дает капиталисту благоприятную возможность авансировать чужой капитал вместо своего собственного, а следовательно, и рисковать чужим капиталом. Но, само собой разумеется, на скорость оборота и на время оборота капитала не оказывает никакого влияния то обстоятельство, что в

одних случаях авансированный капитал принадлежит, а в других не принадлежит тому, кто авансирует его на производство.

Условия, способствующие увеличению продукта за каждый отдельный рабочий день, как-то кооперация, разделение труда, применение машин, в то же время сокращают рабочий период, состоящий из связанных между собой актов производства. Так, машины сокращают время постройки домов, мостов и т. д.; жатвенные машины, молотилки и т. д. сокращают рабочий период, необходимый для того, чтобы превратить созревшее зерно в готовый товар. Усовершенствования в судостроении, увеличивая скорость судов, сокращают время оборота капитала, вложенного в судоходство. Но эти усовершенствования, сокращая рабочий период, а вместе с тем и время, на которое должен быть авансирован оборотный капитал, в большинстве случаев связаны с увеличенной затратой основного капитала. С другой стороны, в некоторых отраслях рабочий период может быть сокращен посредством простого расширения кооперации; например, время постройки железной дороги сокращается, если поставлены на ноги крупные армии рабочих, которые принимаются за дело сразу во многих пунктах. Время оборота сокращается здесь вследствие возрастания авансированного капитала. При всех таких условиях под командой капиталиста должно быть объединено больше средств производства и больше рабочей силы.

Итак, сокращение рабочего периода связано по большей части с увеличением капитала, авансируемого на более короткий срок, так что по мере сокращения срока, на который капитал авансируется, возрастает масса авансируемого капитала. Ввиду этого здесь необходимо напомнить, что, абстрагируясь от того, какова вообще масса общественного капитала, все дело зависит от того, в какой степени раздроблены или сосредоточены в руках отдельных капиталистов средства производства и жизненные средства или распоряжение ими, — следовательно, от того, каких размеров уже достигла концентрация капитала. Поскольку кредит способствует концентрации капитала в одних руках, ускоряет и повышает ее, постольку он способствует сокращению рабочего периода, а следовательно, и времени оборота.

В отраслях производства, где рабочий период, независимо от того, является ли он непрерывным или прерывным, предписывается определенными естественными условиями, сокращение его при помощи вышеуказанных средств неосуществимо.

«Выражение «более быстрый оборот» не может быть применено к сбору зерна, так как здесь возможен лишь один оборот в год. Что касается животноводства, то мы хотели бы просто спросить, каким образом можно ускорить оборот двух- или трехлетних овец и четырех- или пятилетних быков?» (W. Walter Good: «Political, Agricultural and Commercial Fallacies». London, 1866, p. 325.)

Необходимость заранее иметь наличные деньги (например, для таких твердо установленных платежей, как налоги, земельная рен-

та и т. д.) принуждает решать этот вопрос таким образом, что, например, скот, к большому ущербу для сельского хозяйства, продается и убивается раньше, чем он достиг экономически нормального возраста; в конечном счете это приводит также и к возрастанию цен на мясо.

«Люди, которые раньше занимались главным образом откармливанием скота и летом пользовались пастбищами midland counties*, а зимой — стойлами восточных графств... вследствие колебаний и понижения цен на зерно опустились до такой степени, что теперь они рады, если им удастся извлечь выгоду из высоких цен на масло и сыр; масло они еженедельно выносят на рынок, чтобы, продав его, покрыть текущие расходы; под сыр они берут авансы у скупщика, который забирал продукт, как только он становится годным к перевозке, и, конечно, назначает свои собственные цены. По этой же причине, так как и в сельском хозяйстве действуют законы политической экономии, телята, которые прежде из округов, ведущих молочное хозяйство, отправлялись на юг для откармливания, теперь в массовом количестве, часто в возрасте 8—10 дней, забиваются на бойнях Бирмингема, Манчестера, Ливерпуля и других соседних больших городов. Однако, если бы солод не был обложен налогом, то не только фермеры получили бы больше прибыли и таким образом могли бы содержать у себя молодняк до тех пор, пока он не станет старше и тяжелее, но и люди, не имеющие коров, могли бы для выкармливания телят употреблять солод вместо молока, и нынешняя ужасающая нехватка молодняка была бы в значительной степени устранена. Теперь же, когда этим мелким хозяйщикам рекомендуют выкармливать телят, они отвечают: мы очень хорошо знаем, что выкармливание молоком окупилось бы, но, во-первых, для этого мы должны были бы затратить наличные деньги, а этого мы не можем сделать, и, во-вторых, нам пришлось бы долго ждать, пока мы снова выручим эти деньги, тогда как при молочном хозяйстве мы получаем их немедленно» (там же, стр. 11—12).

Если удлинение периода оборота имеет такие последствия даже для мелких английских фермеров, то легко понять, какие затруднения оно должно вызвать среди мелких крестьян на континенте.

По мере увеличения продолжительности рабочего периода, а следовательно, и периода времени, необходимого для изготовления пригодного к обращению товара, часть стоимости, переносимая как бы слоями с основного капитала на продукт, накапливается, и обратный приток этой части стоимости замедляется. Но это замедление не вызывает новой затраты на основной капитал. Машина продолжает действовать в процессе производства независимо от того, медленнее или быстрее притекает назад в денежной форме возмещение ее изношенной части. Иначе обстоит дело с оборотным капиталом: не только вложенный капитал должен быть связан более продолжительное время соответственно продолжительности рабочего периода, но должен также постоянно авансироваться новый капитал на заработную плату, на сырые и вспомогательные материалы. Поэтому замедленный обратный приток оказывает на основной и оборотный капитал различное влияние. Независимо от того, будет ли обратный приток более медленным или более быстрым, основной капитал продолжает действовать. Напротив, оборотный

* — центральных графств. *Ред.*

капитал при задержке его обратного притока теряет способность функционировать, поскольку он закреплён в форме непроданного или неготового, ещё непригодного к продаже продукта и поскольку нет налицо добавочного капитала, чтобы возобновить его *in natura*. —

«В то время как крестьянин умирает с голоду, скот его процветает. Прошли дожди, и подножный корм вырос богатый, но индийский крестьянин готов умереть с голоду рядом с жирным быком. Требования суверенитет суровы по отношению к отдельному индивидууму, однако они направлены на сохранение общества в целом; сохранение рабочего скота обеспечивает продолжение земледелия, а тем самым и источники будущих средств существования и будущего богатства. В Индии легче заменить человека, нежели быка, — это, быть может, звучит жестоко и печально, но это так» («Return, East India. Madras and Orissa Famine», p. 44, № 4).

Сравните с этим следующее изречение из «Манавадхармашастры»⁶⁴:

«Бескорыстная жертва жизнью ради сохранения жизни жреца или коровы... может обеспечить блаженство этих низкородившихся племен» (гл. X, § 62).

Нет, конечно, никакой возможности доставить на рынок пятилетнее животное раньше, чем ему исполнится пять лет. Но в известных пределах возможно, изменяя способ ухода за животными, подготовить их в более короткий срок к их назначению. Это именно и было достигнуто Бейкуэллем. Лавернь пишет, что раньше английские овцы, как и французские теперь, т. е. в 1855 г., не годились для убоя ранее четвертого или пятого года жизни. По системе Бейкуэлла, овца может быть откормлена на убой за один год и, во всяком случае, к двум годам её рост заканчивается. Путём тщательного отбора Бейкуэлл, фермер из Дишлей-Грэнджа, довёл костный скелет овец до минимума, необходимого для их существования. Овцы его получили название ньюлейстерских.

«Овцевод может теперь доставить на рынок три овцы за то же самое время, которое прежде требовалось для откармливания одной овцы, и притом у них толще, округлее, сильнее развиты те части, которые дают наибольшее количество мяса. Почти весь вес их туши составляет чистое мясо» (Lavergne. «The Rural Economy of England etc.», 1855, p. 20).

Методы, сокращающие рабочий период, в различных отраслях промышленности применимы в весьма различной степени и отнюдь не способны уравнивать разницу в продолжительности различных рабочих периодов. Так, в нашем примере применение новых станков может абсолютно сократить рабочий период, необходимый для изготовления одного паровоза. Однако, если вследствие усовершенствований в процессах прядения количество ежедневно или еженедельно доставляемого готового продукта, т. е. пряжи, увеличивается ещё быстрее, то относительно, по сравнению с прядением, продолжительность рабочего периода в машиностроении все же увеличится.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВРЕМЯ ПРОИЗВОДСТВА

Рабочее время есть всегда время производства, т. е. время, в течение которого капитал связан в сфере производства. Напротив, не всякое время, в течение которого капитал находится в процессе производства, уже в силу этого необходимо является рабочим временем.

Здесь речь идет не о тех перерывах в процессе труда, которые обусловлены естественными пределами возможностей самой рабочей силы, хотя мы и видели, что одним из важных мотивов для неестественного удлинения процесса труда и введения непрерывной дневной и ночной работы стало уже одно то обстоятельство, что основной капитал — фабричные здания, машины и т. д. — остается без употребления во время перерывов в процессе труда⁶⁵. Здесь речь идет о перерыве, не зависящем от продолжительности процесса труда, обусловленном самой природой продукта и способом его изготовления, о перерыве, в течение которого предмет труда подвергается более или менее продолжительным естественным процессам, должен претерпеть физические, химические, физиологические изменения, во время которых процесс труда совершенно или отчасти приостанавливается.

Так, молодое вино сначала некоторое время должно перебродить, а затем снова стоять в течение известного периода для того, чтобы достигнуть определенной степени совершенства. Во многих отраслях промышленности продукт должен подвергаться сушению, как, например, в гончарном деле, или известным влияниям, изменяющим его химические свойства, как, например, в белильном деле. Озимая пшеница требует для созревания, скажем, 9 месяцев. В промежутке между посевом и жатвой процесс труда почти совсем прерывается. В лесоводстве после окончания посева и необходимых для него подготовительных работ образование готового продукта требует, быть может, целого столетия; в течение всего этого времени лес нуждается лишь в сравнительно незначительном воздействии труда.

Во всех этих случаях в течение большей части времени производства добавочный труд присоединяется лишь изредка. В предыдущей главе указаны условия, при которых к капиталу, уже вложенному в процесс производства, необходимо присоединение добавочного капитала и труда; здесь оно имеет место лишь с более или менее продолжительными перерывами.

Таким образом, во всех этих случаях время производства у авансированного капитала состоит из двух периодов: из первого периода, в течение которого капитал находится в процессе труда; и из второго периода, в течение которого форма существования капитала — форма еще неготового продукта, — предоставляется воздействию естественных процессов, не находясь при этом в процессе труда. Дело нисколько не меняется от того, если оба эти периода иногда перекрещиваются и вклиниваются один в другой. Рабочий период и период производства здесь не совпадают. Период производства больше, чем рабочий период. Но только по окончании периода производства продукт готов, созрел и, следовательно, может быть превращен из формы производительного капитала в форму товарного капитала. Следовательно, в зависимости от продолжительности той части времени производства, которая не состоит из рабочего времени, удлиняется и период оборота капитала. Поскольку время производства, избыточное по сравнению с рабочим временем, не определено раз навсегда данными законами природы, как при созревании хлеба, во время роста дуба и т. п., то период оборота нередко может более или менее сокращаться посредством искусственного сокращения времени производства. К этому приводит, например, введение химического беления вместо беления на лугу, введение в процессах сушения более эффективных сушильных аппаратов. В дубильном деле при старом методе воздействие дубильной кислоты на кожу длилось 6—18 месяцев, при новом же методе, с применением воздушного насоса, это время сократилось до $1\frac{1}{2}$ — 2 месяцев. (J. G. Courcelle-Seneuil. «Traité théorique et pratique des entreprises industrielles etc.». Paris, 1857, 2 éd.) Наиболее выдающийся пример искусственного сокращения той части времени производства, которое заполнено исключительно естественными процессами, дает история производства железа, в особенности история переработки чугуна в сталь за последние 100 лет, начиная с открытого в 1780 г. пудлингования и кончая современным бессемеровским процессом и другими новейшими методами, введенными позже. Время производства сократилось колоссально, но в той же самой мере увеличились и размеры вложений основного капитала.

Своеобразный пример отклонения времени производства от рабочего времени представляет американское производство сапожных колодок. Здесь значительная часть непроизводительных издержек обуславливается тем, что дерево должно сохнуть в течение

периода продолжительностью до 18-ти месяцев, чтобы готовая колодка впоследствии не покособилась, не изменила своей формы. В течение этого времени дерево не подвергается какому-либо процессу труда. Период оборота вложенного капитала определяется поэтому не только тем временем, которое необходимо для самого производства колодок, но и тем временем, в продолжение которого вложенный капитал праздно лежит в виде сохнувшего дерева. Дерево 18 месяцев находится в процессе производства, прежде чем оно вступит в процесс труда в собственном смысле слова. Этот пример показывает в то же время, насколько различны могут быть периоды оборота различных частей оборотного капитала вследствие обстоятельств, которые возникают не в сфере обращения, а в процессе производства.

Особенно отчетливо разница между временем производства и рабочим временем выступает в сельском хозяйстве. В условиях нашего умеренного климата земля дает урожай зерновых один раз в год. Сокращение или удлинение периода производства (в среднем девятимесячного для озимого посева) в свою очередь зависит от чередования благоприятных и неблагоприятных лет и потому не может быть точно определено и контролироваться заранее, как в промышленности в собственном смысле слова. Только побочные продукты, как молоко, сыр и т. д., постоянно могут быть произведены и проданы в сравнительно короткие периоды. Напротив, рабочее время представляется, например, в следующем виде:

«В различных местностях Германии, в зависимости от климатических и других оказывающих свое воздействие условий, число рабочих дней для трех главных периодов труда в среднем должно быть принято следующее: для весеннего периода — с середины марта или с начала апреля до середины мая, 50—60 рабочих дней; для летнего периода — с начала июня до конца августа, 65—80 рабочих дней; для осеннего периода — с начала сентября до конца октября или до середины или конца ноября, 55—75 рабочих дней. На зиму приходится лишь такие работы, которые можно выполнять в это время, как-то вывоз удобрений, подвоз дров, поездки на рынок, подвоз строительных материалов и т. д.» (F. Kirchhof. «Handbuch der landwirtschaftlichen Betriebslehre». Dresden, 1852. S. 160).

Поэтому, чем неблагоприятнее климат, тем короче рабочий период в сельском хозяйстве и, следовательно, тем короче тот период, в течение которого затрачивается капитал и труд. Возьмем, например, Россию. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году. Понятно, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда необходимо прекращаются всякие полевые работы. Не считая 200 000 крестьян, работающих в России на 10 500 фабриках, в деревнях повсюду развилась своя домашняя промышленность. Так, существуют деревни, в которых все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножевщиками и т. д.; в особен-

ности это имеет место в Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской губерниях. Кстати сказать, эта домашняя промышленность теперь все более и более вынуждена служить капиталистическому производству: ткачам, например, основу и уток доставляют или непосредственно купцы или же посредники-скупщики. (Сокращенно по «Reports by H. M. Secretaries of Embassy and Legation, on the Manufactures, Commerce, etc.» 1865, p. 86, 87, № 8.) Здесь видно, каким образом расхождение между периодом производства и рабочим периодом, причем последний составляет только часть первого, образует естественную основу для соединения земледелия с сельскими подсобными промыслами и, с другой стороны, как эти последние, в свою очередь, становятся опорными пунктами для капиталиста, который проникает сюда сначала в качестве купца. Когда же капиталистическое производство позднее завершает отделение мануфактуры от земледелия, сельский рабочий становится все более и более зависящим от чисто случайных побочных занятий, и в силу этого его положение ухудшается. Как мы увидим впоследствии, для капитала все различия в обороте сглаживаются, для рабочего же — нет.

В большинстве отраслей обрабатывающей промышленности, в горном деле, на транспорте и т. д. производство идет равномерно, из года в год затрачивается равное рабочее время и, — если оставить в стороне колебания цен, нарушения в ходе деловой жизни и т. п. как аномальные отклонения, — затраты на капитал, необходимый для ежедневного процесса обращения, распределяются также равномерно. Равным образом, при прочих неизменных условиях рынка, обратный приток оборотного капитала или его возобновление в течение года также происходит через равные промежутки времени. Напротив, в тех отраслях, где рабочее время составляет лишь часть времени производства, в различные периоды года оборотный капитал затрачивается весьма неравномерно, между тем как обратный приток его совершается лишь разом, в момент, определяемый естественными условиями. Таким образом здесь, при одинаковом масштабе предприятия, т. е. при одинаковой величине авансированного оборотного капитала, этот последний должен авансироваться сразу в более крупных массах и на более продолжительное время, чем в предприятиях с непрерывными рабочими периодами. Продолжительность жизни основного капитала здесь также значительно больше отличается от того периода времени, в течение которого он функционирует действительно производительно. Само собой разумеется, что, если существует разница между рабочим временем и временем производства, то и время потребления примененного основного капитала постоянно прерывается на более или менее продолжительные периоды, — например, в земледелии так обстоит дело с рабочим скотом, с орудиями труда и машинами. Поскольку этот основной капитал состоит из рабочего скота, он

непрерывно требует одинаковых или почти одинаковых затрат на корм и т. д. как в то время, когда скот работает, так и в то время, когда он не работает. Что касается мертвых средств труда, то их неупотребление также влечет за собой некоторое их обесценение. Следовательно, вообще происходит удорожание продукта, так как передача стоимости на продукт исчисляется не в соответствии с тем временем, в течение которого основной капитал функционирует, а в соответствии с тем временем, в течение которого он теряет стоимость. В этих отраслях производства бездеятельность основного капитала, связана ли она с текущими издержками или нет, является таким же условием его нормального применения, как, например, потеря известного количества хлопка при приядении; равным образом в каждом процессе труда, совершающемся при нормальных технических условиях, затраты рабочей силы, непроизводительные, но неизбежные, учитываются точно так же, как и производительные. Всякое усовершенствование, которое уменьшает непроизводительную затрату средств труда, сырья и рабочей силы, уменьшает также и стоимость продукта.

В сельском хозяйстве имеют место и сравнительно продолжительный рабочий период и большая разница между рабочим временем и временем производства. Годскин справедливо замечает по этому поводу:

«Различие между тем временем» {впрочем, он не различает здесь рабочего времени и времени производства}, «которое необходимо для того, чтобы произвести продукты сельского хозяйства, и тем временем, которое требуется для производства продуктов в других отраслях труда, есть главная причина величайшей зависимости сельских хозяев. Они не могут доставить свои товары на рынок раньше, чем через один год. В течение всего этого периода времени они должны брать взаймы у сапожника, портного, кузнеца, каретника и различных других производителей, в продуктах которых они нуждаются и продукты которых изготавливаются в течение немногих дней или недель. Вследствие этого естественного обстоятельства и вследствие более быстрого увеличения богатства в других отраслях труда земельные собственники, монополизировавшие землю всего государства, да еще сверх того присвоившие себе и монополию законодательства, все же не в состоянии спасти себя и своих слуг, арендаторов, от участи стать самыми зависимыми людьми в стране» (Thomas Hodgskin. «Popular Political Economy». London, 1827, p. 147, примечание).

Все методы, при помощи которых в земледелии, с одной стороны, затраты на заработную плату и средства труда распределяются более равномерно в течение всего года, и, с другой стороны, сокращается время оборота, как, например, при производстве разнородных продуктов, вследствие чего становится возможной разновременная уборка урожая в течение одного и того же года, — все эти методы требуют увеличения авансированного на производство оборотного капитала, который расходуется на заработную плату, удобрения, семена и т. д. Так обстоит дело при переходе от трехпольной системы хозяйства с паром к плодосменному хозяйству без пара. То же имеет место во Фландрии при системе «cultures dérobées».

«При *«cultures dérobées»* применяют корнеплоды; на одном и том же поле сначала произрастает хлеб, лен, рапс для удовлетворения потребностей человека, а после жатвы оно засеивается корнеплодами, предназначенными для кормления скота. Эта система, при которой крупный рогатый скот все время может оставаться в стойле, дает значительное накопление удобрений и таким образом становится основой плодосменного хозяйства. В песчаных местностях более одной трети обрабатываемой площади используется под *«cultures dérobées»*; результат получается такой же, как если бы размеры обрабатываемой площади увеличились на одну треть».

Наряду с корнеплодами в тех же целях культивируются клевер и другие кормовые травы.

«Земледелие, доведенное до такой интенсивности, при которой оно переходит в огородную культуру, требует, разумеется, сравнительно значительных вложений капитала. В Англии вложения капитала определяются в 250 франков на гектар. Во Фландрии наши крестьяне, по всей вероятности, нашли бы, что вложение капитала в 500 фр. на гектар является слишком незначительным» (*«Essai sur l'Economie Rurale de la Belgique»* par Emile de Laveleye. Paris, 1863, p. 45, 46, 48).

Возьмем, наконец, лесоводство. —

«Выращивание леса существенно отличается от большинства остальных производств тем, что здесь сила природы действует самостоятельно, и, при естественном обновлении, не требуется приложения силы человека и капитала. Впрочем, даже и там, где леса обновляются искусственно, затраты сил человека и капитала по сравнению с действием сил природы лишь незначительны. Кроме того, лес может хорошо расти на таких почвах и в таких местах, где хлеб не произрастает или же производство его уже не окупается. Но лесоразведение при правильном ведении хозяйства требует более обширной площади, чем культура зерновых, так как при наличии мелких парцелл нельзя вести хозяйственную рубку леса, почти невозможно извлекать побочные доходы, труднее организовать лесозащиту и т. д. Однако процесс производства связан с такими длинными периодами, что он выходит за пределы частного хозяйства, в отдельных случаях даже за пределы жизни одного поколения. Капитал, затраченный на приобретение земельных участков под лес»,

{при общественном производстве необходимость в этом капитале отпадает, и вопрос заключается лишь в том, сколько земли данное общество может изъять из-под пашни и пастбищ для лесоразведения},

«приносит заметные плоды лишь по истечении длительного времени и оборачивается лишь отчасти; полный же оборот при некоторых породах леса требует до 150 лет. Кроме того, регулярное ведение лесного хозяйства требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10—40 раз его ежегодный расход. Поэтому тот, кто не имеет других источников дохода и обладает только значительными площадями леса, не в состоянии вести правильное лесное хозяйство» (Кирххоф, стр. 58).

Продолжительное время производства (включающее в себя лишь относительно незначительное рабочее время), а потому и большая продолжительность периодов оборота делают лесоразведение отраслью, невыгодной для частного, а следовательно, и для капиталистического производства, — ведь капиталистическое производство по существу является частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный. Развитие культуры и промышлен-

ности вообще с давних пор сопровождалось настолько энергичным уничтожением лесов, что по сравнению с этим все, что было сделано ими для поддержания и новых посадок леса, представляет собой совершенно ничтожную величину.

В приведенной выше цитате из книги Кирххофа заслуживает особого внимания следующее место:

«Кроме того, регулярное ведение лесного хозяйства требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10—40 раз его ежегодный расход».

Это значит, что один оборот капитала совершается в 10—40 и более лет.

То же самое и в животноводстве. Одна часть стада (запас скота) остается в процессе производства, в то время как другая часть стада продается в качестве ежегодного продукта. Только одна часть капитала оборачивается здесь ежегодно, совершенно так же, как это имеет место с основным капиталом — машинами, рабочим скотом и т. п. Хотя этот капитал есть капитал, закрепленный в процессе производства на сравнительно продолжительное время и потому замедляющий оборот всего капитала, тем не менее он не образует основного капитала в категорическом смысле этого понятия.

То, что называют здесь запасом — определенное количество леса на корню или живого скота, — находится в процессе производства в условном смысле (одновременно в качестве средств труда и материала труда); соответственно естественным условиям воспроизводства леса или скота, при правильном ведении хозяйства, значительная часть его должна постоянно находиться в этой форме, в форме запаса.

Подобное же воздействие на оборот капитала оказывает другой вид запаса, который составляет лишь потенциальный производительный капитал, но в силу самой природы хозяйства должен накапливаться в более или менее значительных массах и, следовательно, должен авансироваться для производства на сравнительно продолжительное время, хотя он лишь мало-помалу вступает в активный процесс производства. Сюда относится, например, удобрение, пока оно еще не вывезено на поле, а также зерно, сено и т. д., и запасы таких жизненных средств, которые входят в производство скота.

«Значительная часть капитала предприятия заключается в хозяйственных запасах. Эти последние могут, однако, в большей или меньшей степени утратить свою стоимость, если предохранительные меры, необходимые для их хорошего сохранения, не применяются с надлежащей тщательностью; ведь вследствие недостатка надзора часть запасов продукта может быть совершенно потеряна для хозяйства. Поэтому здесь требуется особенно старательный надзор за амбарами, помещениями для фуража и зерна, за погребами, а также следует тщательно записывать помещения, где хранятся запасы, и, кроме того, держать их в чистоте, проветривать и т. д.; зерновые и другие плоды, предназначенные для хранения, следует время от времени надлежащим образом пересыпать и перебирать, картофель и свеклу защищать как от мороза, так и от воды и гниения» (Кирххоф, стр. 292).

«При подсчете потребностей собственного хозяйства, особенно же того, что требуется для содержания скота, причем распределение следует производить в зависимости от количества имеющихся продуктов и цели, необходимо иметь в виду не только покрытие данной потребности, но и, кроме того, учитывать необходимость известного запаса на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств. И если при этом оказывается, что потребность не может быть полностью покрыта за счет продукта собственного хозяйства, то прежде всего надо подумать, нельзя ли покрыть недостаток другими продуктами (суррогатами) или, по крайней мере, приобрести недостающую часть по возможности дешевле. Если, например, обнаружится недостаток сена, то его можно заменить корнеплодами с прибавкой соломы. Вообще здесь необходимо постоянно считаться с хозяйственной ценностью и рыночной ценой различных продуктов и сообразно этому решать вопрос о потреблении; если, например, овес дорог, в то время как цены на горох и рожь сравнительно низки, то можно с выгодой заменить в рационе лошадей часть овса горохом или рожью, а овес, оставшийся вследствие такой замены, продать» (там же, стр. 300).

Выше, при рассмотрении образования запаса *, уже было отмечено, что необходимо определенное, большее или меньшее количество потенциального производительного капитала, т. е. необходимо определенное количество средств производства, предназначенных для средств производства, которые должны в большей или меньшей массе находиться в запасе и лишь мало-помалу входить в процесс производства. При этом было отмечено также, что в данном предприятии или при капиталистическом производстве определенных размеров величина этого производственного запаса зависит от большей или меньшей трудности его возобновления, от сравнительной близости рынков, на которых производятся закупки, от развития средств транспорта и связи и т. д. Все эти обстоятельства определяют минимум того капитала, который должен иметься в наличии в форме производственного запаса, и, следовательно, определяют продолжительность того времени, на которое должны авансироваться капиталы, а также размер массы капитала, авансируемой за один раз. Этот размер массы капитала, который, следовательно, оказывает влияние также и на оборот, обуславливается большей или меньшей продолжительностью того времени, в течение которого оборотный капитал закреплен в форме производственного запаса, в качестве лишь потенциального производительного капитала. С другой стороны, поскольку эта его остановка зависит от большей или меньшей возможности быстрого возмещения: от условий рынка и т. д., постольку она сама обуславливается временем обращения, обстоятельствами, относящимися к сфере обращения.

* Далее, такие предметы инвентаря или такие принадлежности, как ручные инструменты, решета, корзины, веревки, колесная мазь, гвозди и т. д. тем в большем количестве должны иметься в запасе на случай потребности в быстрой их замене, чем меньше возможность быстро достать их поблизости от хозяйства. Наконец, ежегодно в течение зимы весь инвентарь должен быть тщательно осмотрен; затем следует немедленно позаботиться о том, чтобы было сделано необходимое пополне-

* См. настоящий том, с. 156—162. *Ред.*

ние и ремонт этого инвентаря. Насколько значительны должны быть, вообще говоря, запасы инвентаря, это главным образом определяется местными условиями. Где нет поблизости ремесленников и торговых лавок, там надо держать более крупные запасы, чем там, где лавки и мастера имеются на месте или поблизости. Но если при прочих равных условиях необходимые запасы закупаются сразу в сравнительно значительном количестве, то обычно при этом достигается та выгода, что закупки обходятся дешевле, особенно, если для этого был выбран благоприятный момент; правда, при этом из оборотного капитала предприятия сразу извлекается более значительная сумма, без которой не всегда легко может обойтись это предприятие» (Кирххоф, стр. 301).

Разница между временем производства и рабочим временем может, как мы видели, возникнуть в весьма различных случаях. Оборотный капитал может находиться в периоде производства, прежде чем он вступит в собственно процесс труда (производство сапожных колодок); или он находится в периоде производства после того, как он уже прошел через собственно рабочий процесс (вино, посев); или в общее время производства рабочее время входит с перерывами, отдельными частями (земледелие, лесоводство); большая часть годного к обращению продукта остается в активном процессе производства, в то время как несравненно меньшая часть его вступает в ежегодное обращение (лесоводство и животноводство); большая или меньшая продолжительность того периода времени, на который должен быть затрачен оборотный капитал в форме потенциального производительного капитала и на который, следовательно, большая или меньшая масса капитала должна быть затрачена сразу, отчасти обуславливается характером самого процесса производства (земледелие), отчасти же зависит от близости рынков и т. д., — короче говоря, от обстоятельств, относящихся к сфере обращения.

Позже («Капитал», книга III) мы увидим, к каким нелепым теориям пришли Мак-Куллох, Джеймс Милль и другие вследствие попытки отождествить время производства, отклоняющееся от рабочего времени, с этим последним, — попытки, которая в свою очередь вытекает из неправильного применения теории стоимости.

Цикл оборота, рассмотренный нами раньше, дан продолжительностью жизни основного капитала, авансированного на процесс производства. Так как этот цикл охватывает больший или меньший ряд лет, то он охватывает также ряд годовых, или же ряд повторяющихся в течение года оборотов основного капитала.

В земледелии такой цикл оборота определяется системой полеводства.

«Продолжительность срока аренды во всяком случае не должна быть короче времени оборота, соответствующего практикуемой системе полеводства, — следовательно, при трехпольной системе хозяйства мы всегда имеем здесь дело с числами 3, 6, 9 и т. д. Если принята трехпольная система с чистым паром, то каждое поле в течение шести лет обрабатывается лишь четыре раза, причем в годы обработки

оно засеивается озимыми или яровыми и, если это позволяют или требуют свойства почвы, последовательно пшеницей и рожью, ячменем и овсом. Каждый вид зерно-вых дает на одной и той же почве большие или меньшие урожаи, чем другие виды, каждый имеет иную стоимость и продается по иной цене. Поэтому доход с поля в каждый данный год обработки отличается от дохода предыдущего года, за первую половину всего оборота (за первые три года) он также будет не таким, как за вторую половину. Даже средний доход за первую и вторую половину времени оборота не будет одинаков, так как урожай зависит не только от качества почвы, но и от погоды; цены также находятся в зависимости от самых разнообразных условий. Если же теперь мы вычислим доход с поля, приняв во внимание средний урожай и средние цены за весь шестилетний период оборота, то мы получим общую сумму ежегодного дохода как для первого, так и для второго периода оборота. Этого, однако, не будет, если мы вычислим доход только за половину времени оборота, т. е. только за три года, так как тогда общая сумма дохода была бы различной. Отсюда вытекает, что при трехпольной системе хозяйства продолжительность срока аренды должна быть определена по меньшей мере в 6 лет. Но гораздо более желательным и для арендатора и для сдающего в аренду всегда является то, чтобы срок аренды составлял многократный срок аренды» (sic!) и, таким образом, при трехпольной системе хозяйства вместо 6 определялся бы на 12, 18 и более лет, при семипольной же системе — вместо 7 на 14, 28 лет» (Кирххоф, стр. 117, 118).

{В этом месте рукописи у Маркса стоит: «Английское плодосменное хозяйство. Здесь сделать примечание».}

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ

Все до сих пор рассмотренные нами обстоятельства, порождающие различия в продолжительности периодов оборота различных капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому и различия в продолжительности периодов, на которые должен быть авансирован капитал, возникают в самом процессе производства как различие основного и оборотного капитала, как различие рабочих периодов и т. д. Однако время оборота капитала равно сумме времени его производства и времени его обращения, или циркуляции. Поэтому само собой понятно, что различная продолжительность времени обращения делает различным время оборота, а следовательно, и продолжительность периода оборота. Это становится ясным до очевидности, если сравнить два различных вложения капитала, у которых различно только время обращения, а все прочие условия, модифицирующие оборот, одинаковы, или если взять определенный капитал с определенным соотношением основного и оборотного капитала, при определенном рабочем периоде и т. д., и гипотетически изменять только время его обращения.

Одна часть времени обращения — относительно самая важная — состоит из времени продажи, т. е. из того периода времени, в течение которого капитал находится в состоянии товарного капитала. Соответственно относительной продолжительности этого срока удлиняется или сокращается время обращения, а потому и период оборота вообще. Вследствие издержек на хранение и т. д. может также потребоваться добавочная затрата капитала. Само собой ясно, что время, необходимое для продажи готовых товаров, может быть весьма различно для отдельных капиталистов в одной и той же отрасли производства, следовательно, различно не только для массы капиталов, вложенных в различные отрасли производства, но и для различных самостоятельных капиталов, которые в действительности представляют собой только обособившиеся части всего капитала, вложенного в одну и ту же сферу производства. При про-

чих равных условиях период продажи для одного и того же индивидуального капитала будет изменяться соответственно общим изменениям в условиях рынка или изменениям этих условий в отдельной отрасли производства. На этом мы не будем теперь больше останавливаться. Мы лишь констатируем простой факт: все обстоятельства, которые вообще вызывают различие в продолжительности периодов оборота капиталов, вложенных в различные отрасли производства, имеют своим следствием, если эти капиталы действуют индивидуально (если, например, один капиталист имеет возможность продавать быстрее, чем его конкурент; если один в большей мере, чем другой, применяет методы, сокращающие рабочий период и т. д.), различие в обороте различных индивидуальных капиталов, находящихся в одной и той же отрасли производства.

Одной из причин, постоянно вызывающих разницу в продолжительности времени продажи, а потому и времени оборота вообще, является отдаленность того рынка, на котором товар продается, от места производства этого товара. В продолжение всего времени своего путешествия до рынка капитал остается связанным в состоянии товарного капитала; если товар производится по заказу, то капитал остается связанным до момента передачи товара заказчику; если не по заказу, то ко времени нахождения в пути до рынка присоединяется еще и то время, в течение которого товар находится на этом рынке, ожидая продажи. Улучшение средств связи и транспорта абсолютно сокращает период странствования товаров, но не уничтожает вытекающей из этого странствования относительной разницы во времени обращения различных товарных капиталов или даже различных частей одного и того же товарного капитала, путешествующих на различные рынки. Например, усовершенствованные парусные и паровые суда, сокращающие время нахождения товаров в пути, сокращают это время как до близлежащих, так и до отдаленных портов. При этом относительная разница во времени остается, хотя часто она уменьшается. Однако вследствие развития средств транспорта и связи относительные различия во времени нахождения товаров в пути могут изменяться таким образом, что они уже не соответствуют географическим расстояниям. Например, железная дорога, ведущая от места производства к главному центру сосредоточения населения внутри страны, может сделать географически близкий пункт внутри данной страны, к которому нет железной дороги, абсолютно или относительно более отдаленным, чем пункт, находящийся на географически более значительном расстоянии; точно так же вследствие того же обстоятельства может измениться относительная удаленность мест производства даже от сравнительно крупных рынков сбыта, чем и объясняется то падение старых и возникновение новых центров производства, которым сопровождаются изменения в средствах транспорта и связи. (К этому присоединяется еще и относительно большая дешевизна транспор-

та на далекие расстояния по сравнению с короткими.) Одновременно с развитием средств транспорта возрастает не только скорость передвижения, вследствие чего пространственное отдаление сокращается во времени. При этом возрастает не только масса средств транспорта и связи, так что, например, одновременно много судов отходит в один и тот же порт, несколько поездов одновременно курсируют между двумя пунктами по различным железным дорогам, но и, например, товарные суда в различные дни недели последовательно отправляются из Ливерпуля в Нью-Йорк или товарные поезда в различные часы суток идут из Манчестера в Лондон. Правда, вследствие этого последнего обстоятельства, при данной производительности средств транспорта, не изменяется абсолютная скорость, а следовательно, и соответствующая часть времени обращения. Но последовательные количества товаров могут отправляться через более короткие, следующие один за другим промежутки времени и таким образом последовательно поступать на рынок, не скапливаясь большими массами в виде потенциального товарного капитала до их действительной отправки. Поэтому и обратный приток капитала происходит по частям, через сравнительно короткие последовательные периоды времени, так что постоянно одна часть уже превращается в денежный капитал, тогда как другая еще обращается в качестве товарного капитала. Посредством такого распределения обратного притока на несколько последовательных периодов сокращается все время обращения, а потому сокращается также и время оборота. Прежде всего в большей или меньшей степени развивается интенсивность функционирования средств транспорта; например, с одной стороны, число поездов железной дороги увеличивается по мере того, как на одном месте производства производится все больше, по мере того, как оно превращается в более крупный центр производства, и притом число поездов увеличивается в направлении к уже существующему рынку сбыта, следовательно, — в направлении к крупным центрам производства и населения, к портам, через которые идет экспорт, и т. д. Но, с другой стороны, эта особенная легкость сообщений и ускоренный благодаря ей оборот капитала (поскольку он обуславливается временем обращения) вызывает, наоборот, ускоренное развитие данного центра производства, а также упрочение его положения на рынках сбыта. Вместе с ускоренной таким образом концентрацией массы людей и массы капиталов в определенных пунктах возрастает концентрация этих масс капиталов в немногих руках. В то же время происходит новое передвижение и перемещение центров производства и рынков вследствие изменений их относительного положения, обусловленных изменениями в средствах транспорта и связи. Какое-нибудь место производства, прежде обладавшее особыми преимуществами благодаря своему положению на большой дороге или на канале, оказывается теперь вблизи

единственной железнодорожной ветки, которая к тому же функционирует лишь с сравнительно большими перерывами, тогда как другое место, лежавшее совершенно в стороне от главных путей сообщения, теперь оказалось в узловом пункте нескольких дорог. Второй район развивается, первый — приходит в упадок. Итак, изменение в средствах транспорта приводит к местным различиям во времени обращения товаров, к различиям в условиях купли, продажи и т. д., или же вносит изменения в уже существующие местные различия. Важность этого обстоятельства для оборота капитала обнаруживается в непрерывных спорах представителей купцов и промышленников из различных районов с правлениями железных дорог. (Смотри, например, цитированную выше Спьюю книгу «*Railway Committee*»*.)

Все отрасли производства, по характеру своих продуктов рассчитанные главным образом на местный сбыт, как, например, пивоварни, развиваются поэтому до весьма крупных размеров в главных центрах сосредоточения населения. Более быстрый оборот капитала отчасти компенсирует здесь большую дороговизну некоторых условий производства: земельного участка для построек и т. д.

Если, с одной стороны, с прогрессом капиталистического производства развитие средств транспорта и связи сокращает время обращения для данного количества товаров, то, напротив, тот же самый прогресс и условия, складывающиеся вместе с развитием средств транспорта и связи, приводят к необходимости работать на все более отдаленные рынки, короче говоря, — на мировой рынок. Масса находящихся в пути товаров, отправленных в отдаленные пункты, необычайно возрастает, а потому абсолютно и относительно возрастает также и та часть общественного капитала, которая постоянно на более продолжительные сроки остается в стадии товарного капитала, в пределах времени обращения. В то же время возрастает и та часть общественного богатства, которая, вместо того чтобы непосредственно служить средством производства, затрачивается на средства транспорта и связи, а также на основной и оборотный капитал, требующийся для их эксплуатации.

Различная продолжительность путешествия товара от места производства до места сбыта обуславливает различия не только в первой части времени обращения, во времени продажи, но и во второй части, в обратном превращении денег в элементы производительного капитала, во времени купли. Например, товар отправляется в Индию. Это продолжается, скажем, четыре месяца. Предположим также, что время продажи = 0, т. е. товар посылается по заказу и оплачивается при доставке заказчику. Пересылка денег в обратном направлении (здесь безразлично, в какой форме

* См. настоящий том, с. 171. *Ред.*

они посылаются) продолжается, скажем, еще четыре месяца. Таким образом, в общем проходит восемь месяцев, прежде чем тот же самый капитал снова получает возможность функционировать как производительный капитал и, следовательно, прежде чем может возобновиться та же самая операция. Вызываемые таким образом различия в продолжительности оборота составляют одно из материальных оснований для различных сроков кредита подобно тому, как заморская торговля, например, Венеции и Генуи, вообще составляет один из источников происхождения самой системы кредита.

«Кризис 1847 г. позволил банкам и торговым фирмам того времени сократить сроки уплаты по векселям из Индии и Китая» (время нахождения векселей в пути между этими странами и Европой) «с 10 месяцев по написании до 6 месяцев по предъявлении; теперь, по прошествии 20 лет, с ускорением сообщений и проведением телеграфных линий стало необходимым дальнейшее сокращение этого времени с 6 месяцев по предъявлении до 4 месяцев по написании, или же, как первый шаг к этому, — установление срока в 4 месяца по предъявлении. Плавание парусного корабля от Калькутты до Лондона вокруг мыса Доброй Надежды продолжается в среднем менее 90 дней. Срок в четыре месяца по предъявлении был бы равнозначен примерно 150 дням пути. Существующий ныне срок в 6 месяцев по предъявлении равняется примерно 210 дням пути» («Economist», London, 16 июня 1866 года).

— Напротив:

«Срок уплаты по векселям из Бразилии все еще определяется в два и три месяца по предъявлении, векселя из Антверпена (на Лондон) выдаются на 3 месяца по написании, и даже Манчестер и Бредфорд выдают векселя на Лондон сроком на 3 месяца и на более продолжительные сроки. По молчаливому соглашению торговцу предоставляется, таким образом, достаточная возможность реализовать свой товар если и не раньше, то все же до того времени, как истечет срок выданных под товар векселей. Поэтому срок, установленный для учета векселей из Индии, не является чрезмерным. Индийские продукты, продающиеся в Лондоне по большей части со сроком их оплаты в три месяца, не могут быть реализованы — если еще прибавить некоторое время, необходимое для продажи, — в более короткий срок, чем пять месяцев; кроме того, между закупкой товаров в Индии и сдачей их на английские склады проходит в среднем еще пять месяцев. Здесь мы имеем период в десять месяцев, тогда как срок выданных под эти товары векселей не превышает семи месяцев» («Economist», London, 30 июня 1866 года).

«2 июля 1866 г. пять крупных лондонских банков, ведущих сношения главным образом с Индией и Китаем, а также парижская «Comptoir d'Escompte» заявили, что с 1 января 1867 г. их филиалы и агентства на Востоке будут покупать и продавать лишь такие векселя, которые выдаются не более как на четыре месяца по предъявлении» («Economist», London, 7 июля 1866 года).

Однако это сокращение сроков учета векселей осуществить не удалось, и его пришлось отменить. {Позднее Суэцкий канал коренным образом изменил все эти сроки.}

Разумеется, при более продолжительном времени обращения товаров увеличивается риск изменения цен на рынке сбыта, так как удлиняется период, в течение которого может произойти изменение цен.

Разница во времени обращения, — отчасти индивидуальная разница, существующая у различных отдельных капиталов одной

и той же отрасли производства, отчасти разница, существующая для различных отраслей в зависимости от различных сроков платежа в тех случаях, когда не происходит немедленная уплата наличными, — эта разница вытекает из различных сроков платежа при купле и продаже. Мы не будем здесь подробнее останавливаться на этом пункте, важном для кредитного дела.

Различия в продолжительности времени оборота капитала зависят также от величины сделок по поставкам, возрастающей вместе с ростом объема и масштаба капиталистического производства. Договор о поставке, как сделка между продавцом и покупателем, представляет собой операцию, относящуюся к рынку, к сфере обращения. Вытекающие отсюда различия в продолжительности времени оборота возникают, следовательно, в сфере обращения, но они непосредственно отражаются на сфере производства и притом вне всякой зависимости от сроков платежа и других условий кредита, следовательно, они отражаются на сфере производства и при уплате наличными. Например, уголь, хлопок, пряжа и т. д. суть продукты делимые. Каждый день процесса труда доставляет определенное количество готового продукта. Но если фабрикант-прядильщик или владелец шахты берет на себя поставку такой массы продуктов, которая требует, скажем, четырехнедельного или шестинедельного периода следующих друг за другом рабочих дней, то по отношению к продолжительности того времени, на которое приходится авансировать капитал, это равносильно тому, как если бы в этом процессе труда был введен непрерывный рабочий период из четырех или шести недель. Здесь, конечно, предполагается, что вся заказанная масса продукта должна быть доставлена разом или же что она будет оплачена лишь после того, как вся будет доставлена. Таким образом, каждый день процесса труда, взятый отдельно, доставил свое определенное количество готового продукта. Но эта готовая масса в каждый момент составляет только часть той массы, которую необходимо поставить заказчику по договору. В этом случае, если готовая часть заказанного товара уже не находится в процессе производства, то она во всяком случае уже лежит на складе, однако лежит только как потенциальный капитал.

Перейдем теперь ко второму периоду времени обращения: ко времени купли или к периоду, в течение которого капитал из денежной формы снова превращается в элементы производительного капитала. В течение этого периода он должен более или менее продолжительное время оставаться в своем состоянии денежного капитала, следовательно, некоторая часть всего авансированного капитала должна непрерывно находиться в состоянии денежного капитала, хотя эта часть и состоит из постоянно меняющихся элементов. В каком-либо определенном предприятии из всего авансированного капитала должны находиться в форме денежного капитала, например, 100 ф. ст. $\times n$, и в то время как все состав-

ные части этих 100 ф. ст. $\times n$ непрерывно превращаются в производительный капитал, эта сумма, однако, так же постоянно снова пополняется вследствие притока денег из обращения, за счет реализации товарного капитала. Таким образом определенная часть стоимости авансированного капитала все время находится в состоянии денежного капитала, следовательно, в форме, относящейся не к сфере производства, а к сфере обращения капитала.

Мы уже видели, что возникающее вследствие отдаленности рынка сбыта увеличение продолжительности времени, в течение которого капитал остается связанным в форме товарного капитала, оказывает прямое влияние на замедление обратного притока денег, следовательно, оно задерживает также и превращение капитала из денежного капитала в производительный капитал.

Далее, что касается закупки товаров, мы видели (глава VI), каким образом время купли, большая или меньшая отдаленность от главных источников получения сырого материала, делает необходимым закупать сырой материал на сравнительно продолжительные периоды и сохранять его годным к употреблению в форме производственного запаса, в форме скрытого или потенциального производительного капитала; следовательно, при одном и том же масштабе производства, большая отдаленность главных источников сырых материалов увеличивает и массу капитала, который приходится авансировать разом, и время, на которое его приходится авансировать.

Подобное же влияние в различных отраслях производства оказывают периоды — более или менее продолжительные, — когда на рынок выбрасываются сравнительно значительные массы сырого материала. Так, например, в Лондоне через каждые три месяца происходят крупные аукционы шерсти, которые оказывают решающее влияние на весь рынок шерсти; напротив, рынок хлопка возобновляется от урожая до урожая в общем непрерывно, хотя и не всегда равномерно. Такие периоды определяют главные сроки закупок этого сырья и в особенности влияют на спекулятивные закупки, обуславливающие более или менее продолжительные авансирования на эти элементы производства, — влияя совершенно так же, как природа произведенных товаров воздействует на спекулятивное, умышленное, более или менее продолжительное придерживание продукта в форме потенциального товарного капитала.

«Итак, сельский хозяин тоже должен быть до известной степени спекулянтом и поэтому, сообразуясь с обстоятельствами времени, воздерживаться от продажи своих продуктов...»

Далее следуют некоторые общие правила:

«Между тем при сбыте продуктов самое главное все-таки зависит от человека, от самого продукта и от местности. Когда человек, кроме сметливости и счастья» (!), «наделен достаточным оборотным капиталом, его не приходится порицать, если он при необычайно низких ценах оставит лежать собранный урожай

хотя бы целый год; напротив, у кого отсутствует оборотный капитал или вообще» (!) «дух спекуляции, тот будет стремиться получить заурядную среднюю цену и, следовательно, будет продавать, как только ему представится случай. Если шерсть оставить лежать более года, то это почти всегда приносит только вред, тогда как зерновые и семена масличных культур могут храниться в течение нескольких лет без ущерба для их свойств и добротности. Такие продукты, цены которых обычно сильно возрастают или падают в течение коротких промежутков времени, как, например, семена масличных культур, хмель, ворсильные шишки и т. п., с полным правом оставляют лежать в те годы, когда цены на них значительно ниже цен их производства. Менее всего можно медлить с продажей таких продуктов, которые требуют ежедневных расходов на их содержание и сохранение, как, например, откормленный скот, или которые подвержены порче, как фрукты, картофель и т. д. В некоторых местностях какой-либо определенный продукт в известное время года продается в среднем по его самой низкой, в другое время, напротив, — по его наивысшей цене. Так, например, в некоторых местах средняя цена зерна около мартынова дня ниже, чем в период между рождеством и пасхой. Далее, в иных местностях некоторые продукты можно выгодно продать только в известное время, как, например, шерсть на шерстяных ярмарках в таких местностях, где помимо ярмарок торговля шерстью обычно ничтожна, и т. д.» (Кирххоф, стр. 302).

При рассмотрении второй половины времени обращения, в течение которой деньги снова превращаются в элементы производственного капитала, следует принимать во внимание не только это превращение, взятое само по себе, не только время, в течение которого деньги возвращаются обратно в зависимости от отдаленности того рынка, на котором продается продукт; следует прежде всего принимать во внимание также и размеры той части авансированного капитала, которая постоянно должна находиться в денежной форме, в состоянии денежного капитала.

Оставляя в стороне всякую спекуляцию, размер закупок тех товаров, которые постоянно должны иметься налицо в качестве производственного запаса, зависит от сроков возобновления этого запаса, следовательно, — от обстоятельств, в свою очередь зависящих от условий рынка и потому различных для различных видов сырья и т. д.; следовательно, здесь приходится время от времени авансировать деньги разом в сравнительно больших количествах. В соответствии с продолжительностью оборота капитала деньги притекают обратно быстрее или медленнее, но всегда по частям. Часть их с таким же постоянством снова расходуется через сравнительно короткие промежутки времени, а именно та часть, которая опять превращается в заработную плату. Но другая часть, подлежащая обратному превращению в сырой материал и пр., должна в течение более продолжительного времени накапливаться в качестве резервного фонда, служащего для покупок или для платежей. Следовательно, эта часть существует в форме денежного капитала, хотя размер, в котором она существует как таковая, постоянно меняется.

В следующей главе мы увидим, как другие обстоятельства, — независимо от того, вытекают ли они из процесса производства

или из процесса обращения, делают необходимым постоянное пребывание определенной доли авансированного капитала в денежной форме. Вообще же следует заметить, что экономисты очень склонны забывать, что часть необходимого для предприятия капитала не только попеременно проходит три формы — денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, — но что различные части этого капитала постоянно существуют одна возле другой в этих трех формах, причем относительная величина этих частей постоянно меняется. Экономисты забывают именно ту часть, которая постоянно существует в виде денежного капитала, хотя как раз это обстоятельство очень важно для понимания буржуазного хозяйства, а потому дает знать о себе также и на практике.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВЛИЯНИЕ ВРЕМЕНИ ОБОРОТА НА ВЕЛИЧИНУ АВАНСИРУЕМОГО КАПИТАЛА

В этой и в следующей, шестнадцатой, главе мы исследуем влияние времени оборота на увеличение капитала по стоимости.

Возьмем товарный капитал, представляющий собой продукт рабочего периода, например, из 9 недель. Если мы временно оставим в стороне как ту часть стоимости продукта, которая присоединена к нему вследствие среднего износа основного капитала, так и прибавочную стоимость, присоединенную к нему во время процесса производства, то стоимость этого продукта будет равна стоимости авансированного на его производство оборотного капитала, т. е. равна стоимости заработной платы и потребленных при его производстве сырых и вспомогательных материалов. Предположим, что эта стоимость равна 900 ф. ст., так что еженедельная затрата составляет 100 ф. ст. Следовательно, период производства, который совпадает здесь с рабочим периодом, составляет 9 недель. При этом безразлично, предположим ли мы, что речь идет здесь о рабочем периоде для неделимого продукта или же о непрерывном рабочем периоде для продукта делимого; это становится безразличным, если только на рынок доставляется разом такое количество делимого продукта, которое стоит 9 недель труда. Время обращения продолжается, скажем, 3 недели. Следовательно, весь период оборота продолжается 12 недель. По истечении 9-ти недель авансированный производительный капитал превратился в товарный капитал, но затем он еще три недели пребывает в периоде обращения. Следовательно, новый период производства может начаться снова только с 13-й недели, и производство должно было бы приостановиться на три недели, или на четвертую часть всего периода оборота. При этом опять-таки безразлично, предполагается ли, что это время продолжается в среднем до тех пор, пока товар будет продан, или что это время обусловлено отдаленностью рынка, или сроками платежа за проданный товар. Если через каждые 3 месяца производство приостанавливается на 3 недели, то, следовательно, в течение

года оно приостанавливается на $3 \times 4 = 12$ недель = 3 месяца = $= \frac{1}{4}$ годового периода оборота. Поэтому вести производство непрерывно из недели в неделю в одинаковом масштабе возможно только двумя способами.

Или масштаб производства должен быть сокращен так, чтобы на 900 ф. ст. можно было непрерывно вести работу как во время рабочего периода, так и в течение времени обращения первого оборота. Тогда с началом 10-й недели открывается второй рабочий период, а следовательно и второй период оборота, — открывается раньше, чем закончится первый период оборота, потому что период оборота двенадцатинедельный, а рабочий период девятинедельный. 900 ф. ст., распределенные на 12 недель, дают 75 ф. ст. на неделю. Прежде всего ясно, что такой сокращенный масштаб предприятия предполагает изменение размеров основного капитала, следовательно, он вообще предполагает сокращение вложений в предприятие. Затем остается под вопросом, может ли вообще произойти такое сокращение, так как, при данном развитии производства на различных предприятиях, существует определенная минимальная норма вложений капитала, и если величина затраты меньше этого минимума, то отдельное предприятие будет не в состоянии выдержать конкуренцию. Сама эта минимальная норма с развитием капиталистического производства постоянно возрастает и, следовательно, не является постоянной. Но между данной всякий раз минимальной нормой и постоянно возрастающей максимальной нормой существует множество промежуточных ступеней; середина допускает весьма различные размеры вложений капитала. И поэтому в пределах этой середины возможно такое сокращение вложений капитала, границей которого служит всякий раз определенная минимальная норма. — При заминке в производстве, при переполнении рынков, вздорожании сырья и пр. сокращение нормы затрат оборотного капитала, при данной величине основного капитала, совершается посредством ограничения рабочего времени, так что работа производится, например, только полдня; точно так же во времена процветания при данной величине основного капитала чрезмерное увеличение оборотного капитала происходит отчасти путем удлинения рабочего времени, отчасти путем его интенсификации. На предприятиях, наперед рассчитанных на такие колебания, стараются помочь делу отчасти вышеупомянутыми средствами, отчасти одновременным применением большего числа рабочих, что связано с применением запасного основного капитала, например, запасных паровозов на железных дорогах и т. д. Но здесь, предполагая нормальные условия, мы не будем принимать во внимание такие ненормальные колебания.

Итак, в нашем примере, чтобы вести производство непрерывно, затраты того же самого оборотного капитала приходится распределить на более продолжительное время, на 12 недель вместо 9.

Следовательно, в каждый данный промежуток времени функционирует уменьшенный производительный капитал; оборотная часть производительного капитала уменьшена со 100 до 75, или на одну четверть. Вся сумма, на которую сокращается производительный капитал, функционирующий в продолжение девятинедельного рабочего периода, составляет $25 \times 9 = 225$ ф. ст., или четвертую часть 900 ф. ст. Но отношение времени обращения к периоду оборота по-прежнему составляет $\frac{3}{12} = \frac{1}{4}$. Из этого следует: непрерывность производства в течение времени обращения производительного капитала, превращенного в товарный капитал, непрерывное продолжение его из недели в неделю, может быть достигнуто, если для этого нет особого оборотного капитала, только путем уменьшения масштаба производства, путем сокращения оборотной составной части функционирующего производительного капитала. Оборотная часть капитала, высвобожденная таким способом для продолжения производства в течение времени обращения, относится ко всему авансированному оборотному капиталу, как время обращения относится к периоду оборота. Как мы уже заметили, это имеет силу только в отношении таких отраслей производства, в которых процесс труда совершается в одинаковом масштабе из недели в неделю, в которых, следовательно, не приходится, как в земледелии, в различные рабочие периоды затрачивать различные суммы капитала.

Напротив, если мы предположим, что по характеру предприятия исключена возможность сокращения масштаба производства, а потому и размера еженедельно авансируемого оборотного капитала, то непрерывность производства может быть достигнута только посредством авансирования добавочного оборотного капитала, в вышеприведенном случае — посредством авансирования добавочных 300 ф. ст. В течение двенадцатинедельного периода оборота будет последовательно авансировано 1 200 ф. ст., из них 300 составят четвертую часть, как и 3 недели по отношению к 12. По истечении девятинедельного рабочего периода капитальная стоимость в 900 ф. ст. из формы производительного капитала превратилась в форму товарного капитала. Ее первый рабочий период закончен, но следующий не может возобновиться с тем же самым капиталом. В течение трех недель, пока этот капитал пребывает в сфере обращения, функционируя как товарный капитал, по отношению к процессу производства он находится в таком состоянии, как будто он вообще не существует. Мы здесь оставляем в стороне все отношения кредита и потому предполагаем, что капиталист ведет дело только на собственный капитал. Но когда капитал, авансированный на первый рабочий период, завершив процесс производства, в продолжение трех недель задерживается в процессе обращения, в это время функционирует добавочно затраченный капитал в 300 ф. ст., так что непрерывность производства не нарушается.

Здесь необходимо отметить следующее.

Во-первых, рабочий период капитала в 900 ф. ст., авансированного в самом начале, заканчивается по истечении 9 недель, но капитал притекает назад не ранее как через 3 недели, следовательно, — лишь в начале 13-й недели. Однако новый рабочий период начинается немедленно с помощью добавочного капитала в 300 ф. ст. Именно вследствие этого поддерживается непрерывность производства.

Во-вторых, функции первоначального капитала в 900 ф. ст. и капитала в 300 ф. ст., который вновь добавлен по окончании первого девятинедельного рабочего периода и открывает второй рабочий период непосредственно по завершении первого, эти функции в первый период оборота точно разграничены или, по крайней мере, могут быть разграничены, между тем как в течение второго периода оборота они, напротив, перекрещиваются друг с другом.

Представим себе дело нагляднее.

Первый период оборота продолжается 12 недель. Первый рабочий период — 9 недель; оборот авансированного на него капитала заканчивается в начале 13-й недели. В продолжение последних 3 недель функционирует добавочный капитал в 300 ф. ст., который начинает второй девятинедельный рабочий период.

Второй период оборота. В начале 13-й недели 900 ф. ст. притекают обратно и могут начать новый оборот. Но второй рабочий период уже в 10-ю неделю начался с помощью добавочных 300 ф. ст.; благодаря этому в начале 13-й недели уже заканчивается треть рабочего периода, 300 ф. ст. из производительного капитала превратились в продукт. Так как для завершения второго рабочего периода требуется еще только 6 недель, то в процесс производства второго рабочего периода могут войти лишь две трети притекшего обратно капитала в 900 ф. ст., а именно только 600 ф. ст. Из первоначальных 900 ф. ст. высвободились 300 ф. ст., чтобы играть ту самую роль, которую играл в первом рабочем периоде добавочный капитал в 300 ф. ст. В конце 6-й недели второго периода оборота заканчивается второй рабочий период. Затраченный на него капитал в 900 ф. ст. возвращается через 3 недели, следовательно, в конце 9-й недели второго двенадцатинедельного периода оборота. В течение 3 недель его времени обращения вступает в дело высвободившийся капитал в 300 ф. ст. Этим начинается в 7-ю неделю второго периода оборота или в 19-ю неделю года, третий рабочий период капитала в 900 ф. ст.

Третий период оборота. В конце 9-й недели второго периода оборота вновь притекают обратно 900 ф. ст. Но третий рабочий период начался уже на 7-й неделе второго периода оборота, и к началу третьего периода оборота 6 недель его уже будут пройдены. Поэтому в третьем периоде оборота он продолжится еще только 3 недели. Таким образом из вырученных обратно 900 ф. ст. в процесс произ-

водства в третьем периоде оборота входят только 300 ф. ст. Четвертый рабочий период заполняет остальные 9 недель этого периода оборота, и, таким образом, с 37-й недели года начинается одновременно четвертый период оборота и пятый рабочий период.

Во втором примере для упрощения расчета предположим рабочий период в 5 недель, время обращения в 5 недель, следовательно, период оборота в 10 недель; год будем считать в 50 недель, еженедельная затрата капитала пусть будет 100 ф. ст. Следовательно, рабочий период требует оборотного капитала в 500 ф. ст., и время обращения требует добавочного капитала, еще 500 ф. ст. В этом случае рабочие периоды и периоды оборотов представятся в следующем виде:

1	раб. пер.	1 — 5 нед.	(500 ф. ст. тов.)	возвр.	в конце	10-й нед.
2	»	»	6 — 10 »	(500 » » »)	»	»
3	»	»	11 — 15 »	(500 » » »)	»	»
4	»	»	16 — 20 »	(500 » » »)	»	»
5	»	»	21 — 25 »	(500 » » »)	»	»
						30-й »

и т. д.

Если время обращения = 0, т. е. период оборота равен рабочему периоду, то число оборотов равно числу рабочих периодов в течение года. Следовательно, при пятидневном рабочем периоде оно составило бы $\frac{50}{5} = 10$ недель, а стоимость обернувшегося капитала была бы $= 500 \times 10 = 5\,000$. В таблице, где время обращения принято в 5 недель, стоимость ежегодно производимых товаров тоже составит 5 000 ф. ст., но из них $\frac{1}{10} = 500$ ф. ст., постоянно находятся в виде товарного капитала и возвращаются в форме денег только по истечении 5 недель. В этом случае к концу года продукт десятого рабочего периода (46—50 рабочих недель) закончит только половину своего времени оборота, причем его время обращения придется на первые 5 недель следующего года.

Возьмем еще третий пример: рабочий период составляет 6 недель, время обращения — 3 недели, еженедельное авансирование на процесс труда — 100 ф. ст.

1-й рабочий период: 1—6-я недели. В конце 6-й недели имеется товарный капитал в 600 ф. ст., которые возвратятся в конце 9-й недели.

2-й рабочий период: 7—12-я недели. В продолжение 7—9-й недель авансируются 300 ф. ст. добавочного капитала. В конце 9-й недели возвращаются 600 ф. ст. Из них в продолжение 10—12-й недель авансируются 300 ф. ст.; следовательно, в конце 12-й недели имеется свободных 300 ф. ст. в деньгах и в товарном капитале 600 ф. ст., возвращающихся в конце 15-й недели.

3-й рабочий период: 13—18-я недели. В продолжение 13—15-й недель авансируются вышеупомянутые 300 ф. ст., затем притекают обратно 600 ф. ст., из них 300 ф. ст. авансируются на

16—18-ю недели. В конце 18-й недели имеется свободных 300 ф. ст. в деньгах; 600 ф. ст. находятся в товарном капитале, они притекают обратно в конце 21-й недели. (Более подробное изложение этого случая смотри ниже, в пункте II.)

Итак, в продолжение 9 рабочих периодов (= 54 неделям) будет произведено товара на $600 \times 9 = 5\,400$ ф. ст. В конце девятого рабочего периода у капиталиста будет 300 ф. ст. деньгами и 600 ф. ст. в форме товара, еще не закончившего своего времени обращения.

При сравнении этих трех примеров мы, во-первых, находим, что только во втором примере происходит последовательная смена капитала I в 500 ф. ст. и добавочного капитала II такой же величины, так что эти две части капитала движутся отдельно одна от другой; причина заключается лишь в том, что здесь предположен совершенно исключительный случай, а именно: рабочий период и время обращения образуют две равные половины периода оборота. Во всех других случаях, каково бы ни было неравенство между двумя периодами всего времени оборота, движения обоих капиталов взаимно переплетаются, уже начиная со второго периода оборота, как в первом и третьем примерах. Во всех этих случаях добавочный капитал II вместе с частью капитала I образуют капитал, функционирующий во втором периоде оборота, между тем как остаток капитала I высвобождается для первоначальной функции капитала II. Капитал, действующий в продолжение времени обращения товарного капитала, здесь не тождествен с капиталом II, первоначально авансированным для этой цели, но он равен ему по стоимости и составляет совершенно такую же долю всего авансированного капитала.

Во-вторых, капитал, функционировавший в продолжение рабочего периода, в течение времени обращения лежит праздно. Во втором примере капитал функционирует в продолжение 5 недель рабочего периода и лежит без употребления в продолжение 5 недель времени обращения. Следовательно, за год общая сумма времени, в течение которого капитал I лежит праздно, составит в этом случае полгода. На это время в действие вступает добавочный капитал II, который в предполагаемом случае сам остается без употребления тоже полгода. Но добавочный капитал, требующийся для того, чтобы поддержать непрерывность производства в продолжение времени обращения, определяется не всей величиной, т. е. не всей суммой времени обращения в течение года, а только отношением времени обращения к периоду оборота. (Здесь, конечно, предполагается, что все обороты происходят при одинаковых условиях.) Поэтому во втором примере добавочного капитала требуется 500 ф. ст., а не 2 500 ф. ст. Происходит это просто оттого, что добавочный капитал вступает в оборот совершенно так же, как и пер-

воначально авансированный, и, следовательно, совершенно так же, как и первоначально авансированный, он всю свою массу возмещает числом своих оборотов.

В-третьих, если время производства продолжительнее рабочего времени, то это ничего не меняет в рассмотренных здесь обстоятельствах. Вследствие этого, конечно, удлинятся периоды оборотов в целом, но ввиду этого удлинения оборота для процесса труда не потребуется никакого добавочного капитала. Целью добавочного капитала является лишь заполнение пробелов, образующихся в процессе труда вследствие времени обращения; следовательно, добавочный капитал должен предохранить производство только от тех нарушений, которые имеют своим источником время обращения; нарушения же, возникающие из особых условий производства, могут быть устранены другим способом, который мы здесь не станем рассматривать. Существуют, напротив, такие предприятия, в которых работа производится только по временам, на заказ, в которых, следовательно, могут наступать перерывы между рабочими периодами. В таких предприятиях необходимость добавочного капитала *pro tanto* отпадает. С другой стороны, даже в большинстве случаев сезонных работ существуют известные пределы для времени возвращения капитала. Та же самая работа в следующем году не может быть возобновлена с тем же самым капиталом, если время обращения этого капитала еще не закончилось. Напротив, время обращения может быть и короче промежутка от одного периода производства до следующего. В этом случае капитал лежит праздно, если в это промежуточное время ему не находят другого применения.

В-четвертых, капитал, авансированный на один рабочий период, например, 600 ф. ст. в третьем примере, затрачивается частью на сырые и вспомогательные материалы, на производственный запас для рабочего периода, т. е. на постоянный оборотный капитал, частью — на переменный оборотный капитал, т. е. на оплату самого труда. Часть, затраченная на постоянный оборотный капитал, может существовать в форме производственного запаса не одинаково продолжительное время, например, сырые материалы можно запастись не на весь рабочий период, уголь можно покупать каждые две недели. Так как здесь кредит еще не предполагается, то эта часть капитала, поскольку она имеется в распоряжении еще не в форме производственного запаса, должна оставаться наготове в форме денег, чтобы по мере потребности превращаться в такой производственный запас. Это несколько не изменяет величины стоимости постоянного оборотного капитала, авансируемого на 6 недель. Напротив, — если оставить в стороне денежный запас для непредвиденных расходов, т. е. собственный резервный фонд для устранения нарушений, — заработная плата выдается в более короткие сроки, по большей части еженедельно. Следовательно, если

только капиталист не принуждает рабочего авансировать ему свой труд на более продолжительный срок, то капитал, необходимый для выплаты заработной платы, должен иметься в наличии в денежной форме. Следовательно, по возвращении капитала часть его должна удерживаться в денежной форме для оплаты труда, тогда как другая часть может быть превращена в производственный запас.

Добавочный капитал делится совершенно так же, как первоначальный. Но что отличает его от капитала I, так это (оставляя в стороне отношения кредита) следующее: чтобы им можно было располагать для его собственного рабочего периода, его приходится авансировать уже на протяжении всего первого рабочего периода капитала I, — периода, в который он не входит. Возможно, что уже в течение этого времени он, по крайней мере частично, превращается в постоянный оборотный капитал, который авансируется на весь период оборота. В каком размере он принимает эту форму или сколько времени он остается в форме добавочного денежного капитала, пока не становится необходимым такое превращение, это зависит отчасти от особых производственных условий определенных отраслей производства, отчасти от местных обстоятельств, отчасти от колебаний цен на сырье и т. д. Если рассматривать весь общественный капитал, то более или менее значительная часть этого добавочного капитала всегда находится в состоянии денежного капитала в течение сравнительно продолжительного времени. Напротив, что касается той части капитала II, которая должна авансироваться на заработную плату, то она всегда будет превращаться в рабочую силу лишь постепенно, по мере того, как истекают и оплачиваются сравнительно короткие рабочие периоды. Значит, эта часть капитала II на протяжении всего первого рабочего периода будет иметься в наличии в форме денежного капитала, пока путем превращения в рабочую силу она не примет участия в функционировании производительного капитала.

Следовательно, в связи с этим присоединением добавочного капитала, необходимого для замены времени обращения капитала I временем производства, увеличивается не только величина авансированного капитала и продолжительность времени, на которое необходимо авансировать весь капитал, но в особенности увеличивается также часть авансированного капитала, которая существует в виде денежного запаса, следовательно, находится в состоянии денежного капитала и обладает формой потенциального денежного капитала.

То же самое происходит, как в отношении авансирования в форме производственного запаса, так и в отношении авансирования в форме денежного запаса, в том случае, если вызываемое временем обращения разделение капитала на две части, т. е. на капитал для первого рабочего периода и на капитал, заменяющий его во время

обращения, осуществляется не посредством увеличения расходующего капитала, а посредством уменьшения масштаба производства. По сравнению с масштабом производства капитал, связываемый в денежной форме, в этом случае возрастает еще больше.

Таким разделением капитала на первоначально производительный и добавочный капитал вообще достигается непрерывная последовательность рабочих периодов, достигается то, что все время одинаковая по величине часть авансированного капитала функционирует как производительный капитал.

Присмотримся ко второму примеру. Капитал, постоянно находящийся в процессе производства, составляет 500 ф. ст. Так как рабочий период = 5 неделям, то в течение 50 недель (принимаемых нами за год) этот капитал будет в работе 10 раз. Поэтому и продукт, если прибавочную стоимость оставить в стороне, равняется $500 \times 10 = 5\,000$ ф. ст. Следовательно, с точки зрения капитала, непосредственно и безостановочно занятого в процессе производства, — с точки зрения капитальной стоимости в 500 ф. ст., — время обращения, как кажется, совершенно исчезает. Период оборота совпадает с рабочим периодом; время обращения равняется нулю.

Если бы, напротив, производительная деятельность капитала в 500 ф. ст. регулярно прерывалась пятинедельным периодом обращения, так что он становился бы вновь способным к производственной деятельности лишь по окончании всего десятинедельного периода оборота, то в течение 50 недель года мы имели бы 5 десятинедельных оборотов; в них заключается 5 пятинедельных периодов производства, следовательно, всего 25 недель производства, дающих совокупный продукт в $500 \times 5 = 2\,500$ ф. ст.; кроме того, 5 пятинедельных периодов обращения, следовательно, все время обращения составляет тоже 25 недель. Если мы здесь говорим, что капитал в 500 ф. ст. обернулся 5 раз в течение года, то очевидно и понятно, что в продолжение половины каждого периода оборота этот капитал в 500 ф. ст. совершенно не функционировал как производительный капитал и что в общем итоге он функционировал только в продолжение полугода, в продолжение же другой половины года совершенно не функционировал.

В нашем примере на все время этих пяти периодов обращения в дело вступает добавочный капитал в 500 ф. ст. и вследствие этого оборот капитала возрастает с 2 500 до 5 000 ф. ст. Но зато и авансированный капитал теперь составляет 1 000 вместо 500 ф. ст. 5 000, разделенные на 1 000, дают 5. Следовательно, вместо 10 оборотов их 5. Так в действительности и считают. Между тем, когда говорят, что капитал в 1 000 ф. ст. обернулся 5 раз в течение года, в пустой голове капиталиста исчезает даже воспоминание о времени обращения и появляется путаное представление, будто бы этот капитал в продолжение 5 последовательных оборотов постоянно функцио-

нировал в процессе производства. Но если мы говорим, что капитал в 1 000 ф. ст. обернулся 5 раз, то в этих оборотах заключается и время обращения и время производства. В самом деле, если бы 1 000 ф. ст. действительно непрерывно функционировали в процессе производства, то при наших предположениях продукт должен был бы составить 10 000 ф. ст. вместо 5 000. Но в таком случае для того, чтобы постоянно иметь в процессе производства 1 000 ф. ст., пришлось бы вообще авансировать 2 000 ф. ст. Экономисты, у которых вообще не найдешь ничего ясного о механизме оборота, постоянно упускают из виду именно этот главный момент, — что производство будет совершаться без перерыва лишь при том условии, если в процессе производства постоянно будет фактически занята лишь часть промышленного капитала. Пока одна часть находится в периоде производства, другая часть постоянно должна находиться в периоде обращения. Или, другими словами, одна часть может функционировать как производительный капитал лишь при том условии, что другая часть в форме товарного или денежного капитала извлечена из собственно производства. Упускать это из виду — значит вообще не замечать значения и роли денежного капитала.

Теперь нам необходимо исследовать, какое различие в обороте возникает в зависимости от того, будут ли обе части периода оборота — рабочий период и период обращения — равны один другому, или рабочий период будет больше или меньше периода обращения, и, далее, как это влияет на связывание капитала в форме денежного капитала.

Мы предполагаем, что еженедельно авансируемый капитал во всех случаях равен 100 ф. ст., а период оборота — 9 неделям; следовательно, капитал, авансируемый на каждый период оборота, равен 900 ф. ст.

I. РАБОЧИЙ ПЕРИОД РАВЕН ПЕРИОДУ ОБРАЩЕНИЯ

Хотя этот случай в действительности встречается лишь как редкое исключение, он должен послужить исходным пунктом исследования, потому что отношения представляются здесь в наиболее простом и в наиболее наглядном виде.

Два капитала (капитал I, который авансируется на первый рабочий период, и добавочный капитал II, функционирующий в продолжение периода обращения капитала I) сменяют друг друга в своих движениях, не перекрещиваясь между собой. Поэтому, за исключением первого периода, каждый из обоих капиталов авансируется только на свой собственный период оборота. Период оборота пусть составляет, как и в нижеследующих примерах, 9 недель; следовательно, рабочий период и период обращения — по $4\frac{1}{2}$ недели. Тогда мы имеем следующую схему года:

ТАБЛИЦА I

Капитал I

Периоды оборота	Рабочие периоды	Авансировано	Периоды обращения
I. 1 — 9 нед.	1 — 4 $\frac{1}{2}$ нед.	450 ф. ст.	4 $\frac{1}{2}$ — 9 нед.
II. 10 — 18 „	10 — 13 $\frac{1}{2}$ „	450 „ „	13 $\frac{1}{2}$ — 18 „
III. 19 — 27 „	19 — 22 $\frac{1}{2}$ „	450 „ „	22 $\frac{1}{2}$ — 27 „
IV. 28 — 36 „	28 — 31 $\frac{1}{2}$ „	450 „ „	31 $\frac{1}{2}$ — 36 „
V. 37 — 45 „	37 — 40 $\frac{1}{2}$ „	450 „ „	40 $\frac{1}{2}$ — 45 „
VI. 46 — (54) „	46 — 49 $\frac{1}{2}$ „	450 „ „	49 $\frac{1}{2}$ — (54) „ ³¹⁾

Капитал II

Периоды оборота	Рабочие периоды	Авансировано	Периоды обращения
I. 4 $\frac{1}{2}$ — 13 $\frac{1}{2}$ нед.	4 $\frac{1}{2}$ — 9 нед.	450 ф. ст.	10 — 13 $\frac{1}{2}$ нед.
II. 13 $\frac{1}{2}$ — 22 $\frac{1}{2}$ „	13 $\frac{1}{2}$ — 18 „	450 „ „	19 — 22 $\frac{1}{2}$ „
III. 22 $\frac{1}{2}$ — 31 $\frac{1}{2}$ „	22 $\frac{1}{2}$ — 27 „	450 „ „	28 — 31 $\frac{1}{2}$ „
IV. 31 $\frac{1}{2}$ — 40 $\frac{1}{2}$ „	31 $\frac{1}{2}$ — 36 „	450 „ „	37 — 40 $\frac{1}{2}$ „
V. 40 $\frac{1}{2}$ — 49 $\frac{1}{2}$ „	40 $\frac{1}{2}$ — 45 „	450 „ „	46 — 49 $\frac{1}{2}$ „
VI. 49 $\frac{1}{2}$ — (58 $\frac{1}{2}$) „	49 $\frac{1}{2}$ — (54) „	450 „ „	(55 — 58 $\frac{1}{2}$) „

В течение 51 недели, которые мы здесь принимаем за год, капитал I закончил шесть полных рабочих периодов, следовательно, произвел товаров на $450 \times 6 = 2\,700$ ф. ст., а капитал II за пять полных рабочих периодов произвел товаров на $450 \times 5 = 2\,250$ ф. ст. Кроме того, капитал II за последние 1 $\frac{1}{2}$ недели года (с середины 50-й до конца 51-й недели) произвел еще на 150 ф. ст., т. е. всего продукта за 51 неделю произведено на 5 100 ф. ст. Следовательно, с точки зрения непосредственного производства прибавочной стоимости, производимой только в течение рабочего периода, весь капитал в 900 ф. ст. обернулся бы $\frac{5^2}{3}$ раза ($900 \times \frac{5^2}{3} = 5\,100$ ф. ст.). Но если мы рассмотрим действительный оборот, то увидим, что капитал I обернулся $\frac{5^2}{3}$ раза, так как в конце 51-й недели ему предстоит еще в продолжение 3-х недель заканчивать свой шестой период оборота; $450 \times \frac{5^2}{3} = 2\,550$ ф. ст.; а капитал II обернулся $\frac{5^1}{6}$ раза, так как прошло только 1 $\frac{1}{2}$ недели его шестого периода оборота, следовательно, еще 7 $\frac{1}{2}$ недели его придутся на следующий год; $450 \times \frac{5^1}{6} = 2\,325$ ф. ст.; весь действительный оборот = 4 875 ф. ст.

³¹⁾ Недели, приходящиеся на второй год оборота, заключены в скобки.

Мы рассматриваем капитал I и капитал II как два совершенно независимых друг от друга капитала. В своих движениях они совершенно самостоятельны; эти движения дополняют одно другое только потому, что рабочие периоды и периоды обращения этих капиталов непосредственно сменяют друг друга. Их можно рассматривать как два совершенно независимых капитала, принадлежащих разным капиталистам.

Капитал I прошел пять полных периодов оборота и две трети шестого. В конце года он находится в форме товарного капитала, которому потребуется еще 3 недели для нормальной реализации. В течение этого времени он не может вступить в процесс производства. Он функционирует как товарный капитал: он обращается. Он совершил только $\frac{2}{3}$ своего последнего периода оборота. Это можно выразить так: он обернулся только $\frac{2}{3}$ раза, только $\frac{2}{3}$ всей его стоимости совершили полный оборот. Мы говорим: 450 ф. ст. совершают свой оборот в 9 недель, следовательно, 300 ф. ст. — в 6 недель. Такой способ выражения игнорирует органическое соотношение между двумя специфически различными составными частями времени оборота. Точный смысл выражения, что авансированный капитал в 450 ф. ст. сделал $5\frac{2}{3}$ оборота, только таков: он совершил 5 полных оборотов и лишь $\frac{2}{3}$ шестого. Напротив, в выражении: обернувшийся капитал равен авансированному капиталу, взятому $5\frac{2}{3}$ раза, т. е. в вышеприведенном случае он равен $450 \text{ ф. ст.} \times 5\frac{2}{3} = 2\,550 \text{ ф. ст.}$, — в этом выражении правильно то, что если бы этот капитал в 450 ф. ст. не дополнялся другим капиталом в 450 ф. ст., то в действительности одна часть его должна была бы находиться в процессе производства, а другая — в процессе обращения. Если время оборота мы хотим выразить посредством массы обернувшегося капитала, то оно может быть выражено всегда исключительно посредством массы имеющейся в наличии стоимости (в действительности — массы готового продукта). То обстоятельство, что не весь авансированный капитал находится в таком состоянии, в котором он снова может начать процесс производства, это обстоятельство выражается в том, что лишь часть его находится в форме, пригодной для производства, или в том, что капитал, чтобы находиться в процессе непрерывного производства, должен был бы, сообразно с взаимным соотношением периодов производства и обращения, делиться на части, из которых одна постоянно находилась бы в периоде производства, а другая — постоянно в периоде обращения. Здесь действует тот же самый закон, согласно которому масса постоянно функционирующего производительного капитала определяется отношением времени обращения ко времени оборота.

В конце 51-й недели, которую мы здесь принимаем за конец года, 150 ф. ст. из капитала II авансированы на завершение производства еще неготового продукта. Другая часть находится в форме

оборотного постоянного капитала — сырья и т. д., — т. е. в такой форме, в которой она может функционировать в процессе производства как производительный капитал. Третья же часть находится в денежной форме; это — по меньшей мере — сумма заработной платы за оставшуюся часть рабочего периода (3 недели), но выплачивается заработная плата лишь в конце каждой недели. Хотя в начале нового года, следовательно, в начале нового цикла оборотов, эта часть капитала находится не в форме производительного капитала, а в форме денежного капитала, в которой она не может войти в процесс производства, тем не менее, как только начинается новый оборот, оборотный переменный капитал, т. е. живая рабочая сила, уже действует в процессе производства. Это явление возникает потому, что хотя рабочая сила покупается в начале рабочего периода, скажем, на неделю, и начиная с этого момента потребляется, однако оплачивается она только в конце недели. Деньги функционируют в этом случае в качестве средства платежа. Поэтому, с одной стороны, они как деньги находятся еще в руках капиталиста, между тем как, с другой стороны, товар, в который они превращаются, рабочая сила, уже действует в процессе производства; таким образом одна и та же капитальная стоимость появляется здесь дважды.

Если мы рассматриваем только рабочие периоды, то:

капитал	I	производит	450×6	$= 2\,700$	ф. ст.
»	II	»	$450 \times 5\frac{1}{3}$	$= 2\,400$	» »
следовательно, всего.....			$900 \times 5\frac{2}{3}$	$= 5\,100$	ф. ст.

Итак, весь авансированный капитал в 900 ф. ст. $5\frac{2}{3}$ раза в году функционировал как производительный капитал. Для производства прибавочной стоимости безразлично, действуют ли все время одни 450 ф. ст. в процессе производства, а другие 450 ф. ст. в процессе обращения, сменяя друг друга, или же 900 ф. ст. действуют в продолжение $4\frac{1}{2}$ недель в процессе производства, а в продолжение следующих $4\frac{1}{2}$ недель — в процессе обращения.

Напротив, если мы рассматриваем периоды оборота, то:

капитал	I	$450 \times 5\frac{2}{3}$	$= 2\,550$	ф. ст.
»	II	$450 \times 5\frac{1}{6}$	$= 2\,325$	» »
следовательно, весь капитал.....		$900 \times 5\frac{5}{12}$	$= 4\,875$	ф. ст.

Ведь число оборотов всего капитала равно сумме итогов оборотов I и II, разделенной на сумму I и II капитала.

Следует отметить, что капиталы I и II, если бы они были независимы друг от друга, все-таки представляли бы собой только различные самостоятельные части общественного капитала, авансированного в одной и той же сфере производства. Следовательно, если бы

общественный капитал в этой сфере производства состоял *только* из капиталов I и II, то к обороту общественного капитала в этой сфере *был бы применим* тот же самый расчет, который мы применили здесь для двух составных частей, I и II, одного и того же частного капитала. Идя далее, такой же расчет можно сделать для каждой части всего общественного капитала, вложенной в какую-либо особую сферу производства. В конечном счете число оборотов всего общественного капитала равно сумме капитала, обернувшегося в различных сферах производства, разделенной на сумму капитала, авансированного в этих сферах производства.

Далее, необходимо заметить, что, подобно тому как здесь в одном и том же частном предприятии капиталы I и II, строго говоря, не совпадают по годам своего оборота (так как цикл оборотов капитала II начинается $4\frac{1}{2}$ неделями позже, чем капитала I, то год капитала I кончается поэтому $4\frac{1}{2}$ неделями раньше, чем год капитала II), так и различные индивидуальные капиталы в одной и той же сфере производства начинают свои деловые операции в совершенно различные отрезки времени и потому заканчивают свой годовой оборот также в разное время года. Но и в этом случае достаточно применить такой же способ вычисления средней величины, какой мы применили выше к капиталам I и II, чтобы свести годы оборота различных самостоятельных частей общественного капитала к одному общему году оборота.

II. РАБОЧИЙ ПЕРИОД БОЛЬШЕ ПЕРИОДА ОБРАЩЕНИЯ

Вместо того чтобы по очереди сменять друг друга, рабочие периоды и периоды *оборота капиталов I и II перекрещиваются* между собой. В то же время здесь происходит высвобождение капитала, чего не было в ранее рассмотренном случае.

Но от этого несколько не изменяется то, что теперь, как и ранее, 1) число рабочих периодов всего авансированного капитала равно сумме стоимости годового продукта обеих авансированных частей капитала, разделенной на весь авансированный капитал, и 2) число оборотов всего капитала равно сумме итогов обоих оборотов, разделенной на сумму обоих авансированных капиталов. При этом мы и здесь должны рассматривать обе части капитала таким образом, как будто бы совершаемые ими обороты вполне независимы друг от друга.

Итак, мы опять предполагаем, что на процесс труда еженедельно авансируется 100 ф. ст. Рабочий период продолжается 6 недель; следовательно, каждый раз требуется авансирование 600 ф. ст. (капитал I). Период обращения - 3 недели; следовательно, период

оборота, как и раньше, — 9 недель. Капитал II в 300 ф. ст. вступает в дело в течение трехнедельного периода обращения капитала I. Если рассматривать их оба как капиталы, независимые один от другого, то схема годового оборота представляется в следующем виде:

ТАБЛИЦА II
Капитал 1 600 ф. ст.

Периоды оборота	Рабочие периоды	Авансировано	Периоды обращения
I. 1—9 нед.	1—6 нед.	600 ф. ст.	7—9 нед.
II. 10—18 »	10—15 »	600 » »	16—18 »
III. 19—27 »	19—24 »	600 » »	25—27 »
IV. 28—36 »	28—33 »	600 » »	34—36 »
V. 37—45 »	37—42 »	600 » »	43—45 »
VI. 46—(54) »	46—51 »	600 » »	(52—54) »

Добавочный капитал II, 300 ф. ст.

Периоды оборота	Рабочие периоды	Авансировано	Периоды обращения
I. 7—15 нед.	7—9 нед.	300 ф. ст.	10—15 нед.
II. 16—24 »	16—18 »	300 » »	19—24 »
III. 25—33 »	25—27 »	300 » »	28—33 »
IV. 34—42 »	34—36 »	300 » »	37—42 »
V. 43—51 »	43—45 »	300 » »	46—51 »

Процесс производства идет круглый год без перерыва в одном и том же масштабе. Оба капитала, I и II, остаются совершенно разделенными. Но для того, чтобы представить их разделенными, мы должны были разорвать их действительные скрещивания и сплетения, а тем самым изменить также и число оборотов. А именно, согласно вышеприведенной таблице, оборачивалась бы сумма:

$$\begin{array}{lcl} \text{капитала I} & 600 \times 5^{2/3} = & 3\,400 \text{ ф. ст., и} \\ \text{» II} & 300 \times 5 = & 1\,500 \text{ » » ,} \end{array}$$

следовательно, всего капитала $900 \times 5^{4/9} = 4\,900$ ф. ст.

Но такой подсчет неверен, потому что, как мы увидим, действительные периоды производства и обращения не абсолютно совпадают с периодами в приведенной схеме, в которой главное состояло в том,

чтобы представить оба капитала, I и II, независимыми один от другого.

В действительности же капитал II не имеет ни особого рабочего периода, ни периода обращения, отдельных от соответствующих периодов капитала I. Рабочий период продолжается 6 недель, период обращения — 3 недели. Так как капитал II равен только 300 ф. ст., то он может заполнить только часть рабочего периода. Так оно и есть в действительности. В конце 6-й недели продукт стоимостью в 600 ф. ст. вступает в обращение и в конце 9-й недели возвращается в виде денег. Вместе с тем в начале 7-й недели начинает действовать капитал II и покрывает потребности следующего рабочего периода в течение 7—9-й недель. Но по нашему предположению в конце 9-й недели рабочий период заканчивается только наполовину. Следовательно, в начале 10-й недели снова вступает в действие только что возвратившийся капитал I в 600 ф. ст. и 300 ф. ст. из него покрывают авансирования, необходимые в 10—12-ю недели. Этим завершается второй рабочий период. В обращении находится продукт стоимостью в 600 ф. ст., которые в конце 15-й недели возвратятся обратно; но кроме того высвободилось 300 ф. ст. — сумма первоначального капитала II, — которые могут функционировать в первой половине следующего рабочего периода, т. е. в продолжение 13—15-й недель. По истечении их снова возвращаются 600 ф. ст.; из них 300 ф. ст. будет достаточно до конца этого рабочего периода, а 300 ф. ст. остаются свободными для следующего.

Таким образом, дело идет в следующем порядке:

I-ый период оборота: 1—9-я недели.

1-й рабочий период: 1—6-я недели. Функционирует капитал I, 600 ф. ст.

1-й период обращения: 7—9-я недели. В конце 9-й недели 600 ф. ст. притекают обратно.

II-ый период оборота: 7—15-я недели.

2-й рабочий период: 7—12-я недели.

Первая половина: 7—9-я недели. Функционирует капитал II, 300 ф. ст.

В конце 9-й недели 600 ф. ст. притекают обратно в виде денег (капитал I).

Вторая половина: 10—12-я недели. Функционируют 300 ф. ст. капитала I.

Остальные 300 ф. ст. капитала I остаются свободными.

2-й период обращения: 13—15-я недели.

В конце 15-й недели 600 ф. ст. (образовавшиеся наполо-

вину из капитала I, наполовину из капитала II) притекают обратно в виде денег.

III-ий период оборота: 13—21-я недели.

3-й рабочий период: 13—18-я недели.

Первая половина: 13—15-я недели. Высвободившиеся 300 ф. ст. начинают функционировать. В конце 15-й недели 600 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

Вторая половина: 16—18-я недели. Из возвратившихся 600 ф. ст. функционируют 300 ф. ст., другие 300 ф. ст. снова остаются свободными.

3-й период обращения: 19—21-я недели, в конце которых 600 ф. ст. снова возвращаются в виде денег; в этих 600 ф. ст. капитал I и капитал II теперь слиты так, что их уже нельзя отличить один от другого.

Таким образом, до конца 51-й недели получается восемь полных периодов оборота капитала в 600 ф. ст. (I: 1—9-я недели; II: 7—15; III: 13—21; IV: 19—27; V: 25—33; VI: 31—39; VII: 37—45; VIII: 43—51-я недели). Но так как 49—51-я недели приходятся на восьмой период обращения, то в течение этого времени должны вступить в дело и поддерживать ход производства 300 ф. ст. высвободившегося капитала. Тем самым в конце года оборот представится в следующем виде: 600 ф. ст. восемь раз совершили свой кругооборот, это составляет 4 800 ф. ст. К этому надо прибавить продукт последних 3 недель (49—51-й), но он совершил только треть своего девятинедельного кругооборота, следовательно, к сумме оборота следует прибавить лишь третью часть его величины, т. е. 100 ф. ст. Следовательно, если годовой продукт, считая год в 51 неделю, равен 5 100 ф. ст., то обернувшийся капитал составит только $4\,800 + 100 = 4\,900$ ф. ст.; следовательно, весь авансированный капитал в 900 ф. ст. обернулся $5\frac{1}{9}$ раза, т. е. лишь немногим больше, чем в случае I.

В приведенном примере предполагается, что рабочее время составляет $\frac{2}{3}$, а время обращения $\frac{1}{3}$ периода оборота, т. е. предполагается, что рабочее время — простое кратное времени обращения. Спрашивается, произойдет ли констатированное выше высвобождение капитала, если такого условия не будет?

Возьмем рабочий период = 5 неделям, время обращения = 4 неделям, еженедельно авансируемый капитал = 100 ф. ст.

I-ый период оборота: 1—9-я недели.

1-й рабочий период: 1—5-я недели. Функционирует капитал I = 500 ф. ст.

1-й период обращения: 6—9-я недели. В конце 9-й недели 500 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

II-ой период оборота: 6—14-я недели.

2-й рабочий период: 6—10-я недели.

Первая часть: 6—9-я недели. Функционирует капитал II = 400 ф. ст. В конце 9-й недели притекает обратно в виде денег капитал I = 500 ф. ст.

Вторая часть: 10-я неделя. Из возвратившихся 500 ф. ст. функционируют 100 ф. ст. Остальные 400 ф. ст. остаются свободными для следующего рабочего периода.

2-й период обращения: 11—14-я недели. В конце 14-й недели 500 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

До конца 14-й недели (11—14-я) функционируют ранее высвободившиеся 400 ф. ст.; 100 ф. ст. из возвратившихся потом 500 ф. ст. восполняют недостающую сумму для третьего рабочего периода (11—15-я недели), так что снова высвобождаются 400 ф. ст. для четвертого рабочего периода. То же самое явление повторяется в каждом рабочем периоде; при его начале уже имеются 400 ф. ст., которых достаточно для первых 4-х недель. В конце 4-й недели притекают обратно в виде денег 500 ф. ст., из которых только 100 ф. ст. требуются для последней недели; остальные 400 ф. ст. остаются свободными для следующего рабочего периода.

Возьмем, далее, рабочий период продолжительностью в 7 недель с капиталом I в 700 ф. ст., время обращения продолжительностью в 2 недели с капиталом II в 200 ф. ст.

В таком случае первый период оборота продолжается в течение 1—9-й недель, из них первый рабочий период с 1-й по 7-ю неделю с авансированием в 700 ф. ст. и первый период обращения с 8-й по 9-ю неделю. В конце 9-й недели 700 ф. ст. притекают обратно в виде денег.

Второй период оборота с 8-й по 16-ю неделю включает в себе второй рабочий период с 8-й по 14-ю неделю. При этом потребности 8-й и 9-й недель покрываются капиталом II. В конце 9-й недели возвращаются прежние 700 ф. ст., из них до конца рабочего периода (10—14-я недели) затрачиваются 500 ф. ст.; 200 ф. ст. остаются свободными для последующего рабочего периода. Второй период обращения продолжается в течение 15-й и 16-й недель; в конце 16-й недели снова возвращаются 700 ф. ст. Затем в каждом рабочем периоде повторяется то же самое явление. Потребность в капитале в течение первых двух недель покрывается за счет 200 ф. ст., высвободившихся в конце предыдущего рабочего периода; в конце 2-й недели возвращаются 700 ф. ст., но от рабочего периода остается уже только 5 недель, так что на него может быть затрачено только 500 ф. ст., следовательно, 200 ф. ст. постоянно остаются свободными для следующего рабочего периода.

Итак, оказывается, что в нашем случае, где мы приняли, что рабочий период больше периода обращения, в конце каждого рабо-

чего периода при всяких обстоятельствах имеется свободный денежный капитал, по величине равный капиталу II, авансированному на период обращения. В наших трех примерах капитал II равнялся: в первом — 300 ф. ст., во втором — 400 ф. ст., в третьем — 200 ф. ст.; соответственно этому капитал, высвобождавшийся в конце рабочего периода, составлял последовательно 300, 400 и 200 ф. ст.

III. РАБОЧИЙ ПЕРИОД МЕНЬШЕ ПЕРИОДА ОБРАЩЕНИЯ

Прежде всего мы снова предполагаем период оборота продолжительностью в 9 недель; из них 3 недели составляют рабочий период, для которого имеется в распоряжении капитал I = 300 ф. ст. Период обращения пусть будет 6 недель. Для этих 6 недель требуется добавочный капитал в 600 ф. ст., который мы, в свою очередь, можем разделить на два капитала по 300 ф. ст., причем каждый из них заполняет один рабочий период. Таким образом, мы имеем три капитала по 300 ф. ст.; из них 300 ф. ст. всегда заняты в производстве, а 600 ф. ст. находятся в сфере обращения.

ТАБЛИЦА III

Капитал I

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 1—9 нед.	1—3 нед.	4—9 нед.
II. 10—18 »	10—12 »	13—18 »
III. 19—27 »	19—21 »	22—27 »
IV. 28—36 »	28—30 »	31—36 »
V. 37—45 »	37—39 »	40—45 »
VI. 46—(54) »	46—48 »	49—(54) »

Капитал II

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 4—12 нед.	4—6 нед.	7—12 нед.
II. 13—21 »	13—15 »	16—21 »
III. 22—30 »	22—24 »	25—30 »
IV. 31—39 »	31—33 »	34—39 »
V. 40—48 »	40—42 »	43—48 »
VI. 49—(57) »	49—51 »	(52—57) »

Капитал III

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 7—15 нед.	7— 9 нед.	10—15 нед.
II. 16—24 »	16—18 »	19—24 »
III. 25—33 »	25—27 »	28—33 »
IV. 34—42 »	34—36 »	37—42 »
V. 43—51 »	43—45 »	46—51 »

Мы имеем здесь точное подобие случая I с тем лишь различием, что теперь чередуются три капитала вместо двух. Перекрещивания или переплетения капиталов не происходит; каждый отдельный капитал можно проследить обособленно до конца года. Следовательно, здесь так же, как и в случае I, в конце рабочего периода не происходит высвобождения капитала. Капитал I целиком затрачивается к концу 3-й недели, возвращается целиком в конце 9-й и снова начинает функционировать в начале 10-й недели. То же самое происходит с капиталами II и III. Регулярная и полная смена одного капитала другим исключает всякое высвобождение капитала.

Весь оборот исчисляется следующим образом:

$$\begin{array}{rcl}
 \text{Капитал I} & 300 \text{ ф. ст.} & \times 5^{2/3} = 1\,700 \text{ ф. ст.} \\
 \text{» II} & 300 \text{ » »} & \times 5^{1/3} = 1\,600 \text{ » »} \\
 \text{» III} & 300 \text{ » »} & \times 5 = 1\,500 \text{ » »}
 \end{array}$$

$$\text{Весь капитал } 900 \text{ ф. ст.} \times 5^{1/3} = 4\,800 \text{ ф. ст.}$$

Возьмем теперь еще один пример, где период обращения не составляет точного кратного по отношению к рабочему периоду; например, рабочий период составляет 4 недели, период обращения — 5 недель; в таком случае соответствующие размеры капитала были бы: капитал I = 400 ф. ст., капитал II = 400 ф. ст., капитал III = 100 ф. ст. Мы даем схему только первых трех оборотов:

ТАБЛИЦА IV

Капитал I

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 1— 9 нед.	1— 4 нед.	5— 9 нед.
II. 9—17 »	9, 10—12 »	13—17 »
III. 17—25 »	17, 18—20 »	21—25 »

Капитал II

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 5 13 нед.	5 8 нед.	9—13 нед.
II. 13—21 »	13. 14—16 »	17—21 »
III. 21—29 »	21, 22—24 »	25—29 »

Капитал III

Периоды оборота	Рабочие периоды	Периоды обращения
I. 9 17 нед.	9 нед.	10—17 нед.
II. 17—25 »	17 »	18—25 »
III. 25—33 »	25 »	26—33 »

Переплетение капиталов происходит здесь лишь постольку, поскольку рабочий период капитала III, — которого хватает только на одну неделю и который поэтому не имеет самостоятельного рабочего периода, — совпадает с первой рабочей неделей капитала I. Но зато в конце рабочего периода как капитала I, так и капитала II высвобождается сумма в 100 ф. ст., равная капиталу III. В самом деле, если капитал III заполняет первую неделю второго и первую неделю всех последующих рабочих периодов капитала I, а в конце этой первой недели притекает обратно весь капитал I, 400 ф. ст., то оставшая часть рабочего периода капитала I равна всего 3 неделям, и соответствующая затрата капитала выразится в 300 ф. ст. Высвободившихся таким образом 100 ф. ст. будет затем достаточно для первой недели непосредственно следующего рабочего периода капитала II; в конце этой недели возвращается весь капитал II в 400 ф. ст.; но так как уже начавшийся рабочий период может поглотить еще только 300 ф. ст., то по окончании его снова остаются свободными 100 ф. ст., и так далее. Следовательно, в том случае, когда время обращения не представляет собой простого кратного по отношению к рабочему периоду, в конце рабочего периода происходит высвобождение капитала, причем этот высвобождающийся капитал равен той части капитала, которая должна заполнить время превышения периода обращения над рабочим периодом или над кратным рабочих периодов.

Во всех исследованных случаях предполагалось, что в каждом из рассмотренных здесь предприятий и рабочий период и время обращения в продолжение всего года остаются одинаковыми. Это предположение было необходимо, раз мы хотели выяснить влияние времени обращения на оборот и на величину авансируемого капитала. Дело нисколько не меняется от того, что в действительности

капиталистического производства возрастает продолжительность периода обращения, а следовательно, и продолжительность периода оборота, причем рабочий период меньше периода обращения *, и нет правильного соотношения между обоими периодами.

В первом случае мы должны были еженедельно затрачивать, например, 100 ф. ст. Для шестинедельного рабочего периода — 600 ф. ст., для трехнедельного периода обращения — 300 ф. ст., всего 900 ф. ст. В этом случае будет постоянно высвобождаться 300 ф. ст. Напротив, если еженедельная затрата будет 300 ф. ст., то для рабочего периода мы имеем 1 800 ф. ст., для периода обращения — 900 ф. ст., следовательно, периодически будет высвобождаться уже 900 ф. ст. вместо 300 ф. ст.

Д. Весь капитал, например, в 900 ф. ст. должен быть разделен, как и раньше, на две части: 600 ф. ст. для рабочего периода и 300 ф. ст. для периода обращения. Часть, которая действительно затрачивается на процесс труда, вследствие этого уменьшится на одну треть, с 900 до 600 ф. ст., и потому размер производства сократится на одну треть. С другой стороны, 300 ф. ст. функционируют только для того, чтобы рабочий период не прерывался, чтобы в каждую неделю года на процесс труда можно было затрачивать по 100 ф. ст.

Говоря отвлеченно, совершенно безразлично, работают ли 600 ф. ст. в течение $8 \times 6 = 48$ недель (продукт = 4 800 ф. ст.) или весь капитал в 900 ф. ст. расходуется на процесс труда в продолжение 6 недель, а затем в продолжение 3 недель периода обращения он лежит празднo. В последнем случае в течение 48 недель было бы $5\frac{1}{3} \times 6 = 32$ рабочих недели (продукт = $900 \times 5\frac{1}{3} = 4\,800$ ф. ст.), и 16 недель капитал лежал бы празднo. Но, если даже отвлечься от сравнительно большей порчи основного капитала за время его бездействия в течение 16 недель и от удорожания труда, который приходится оплачивать в течение всего года, хотя действует он только часть года, такие регулярные перерывы процесса производства вообще несовместимы с практикой современной крупной промышленности. Эта непрерывность сама есть производительная сила труда.

Если мы теперь ближе присмотримся к высвободившемуся капиталу, — в действительности к капиталу, деятельность которого временно отсрочена, — то окажется, что значительная часть его постоянно должна иметь форму денежного капитала. Остановимся на примере: рабочий период составляет 6 недель, период обращения — 3 недели, еженедельная затрата — 100 ф. ст. В середине второго рабочего периода, в конце 9-й недели, возвращаются 600 ф. ст., из которых в продолжение оставшейся части рабочего периода придется затратить только 300 ф. ст. Следовательно, в кон-

* Слова «меньше периода обращения» в немецком издании 1893 г. ошибочно опущены. Исправлено на основе рукописи Маркса и рукописи Энгельса. *Ред.*

це второго рабочего периода из 600 ф. ст. высвободятся 300 ф. ст. В каком состоянии находятся эти 300 ф. ст.? Предположим, что $\frac{1}{3}$ должна быть израсходована на заработную плату, $\frac{2}{3}$ на сырые и вспомогательные материалы. Следовательно, из возвратившихся 600 ф. ст. 200 ф. ст., предназначенные на заработную плату, находятся в денежной форме, а 400 ф. ст. находятся в форме производственного запаса, в форме элементов оборотной части постоянного производительного капитала. Но так как для второй половины второго рабочего периода требуется только половина этого производственного запаса, то вторая половина его в продолжение 3 недель находится в форме избыточного производственного запаса, т. е. запаса, превышающего потребности одного рабочего периода. Но капиталист знает, что из этой части возвратившегося капитала (= 400 ф. ст.) для текущего рабочего периода ему требуется только половина = 200 ф. ст. Следовательно, от условий рынка будет зависеть, превратит ли он тотчас же эти 200 ф. ст. целиком или только частью в избыточный производственный запас или же, в ожидании более благоприятных условий рынка, он удержит их целиком или частью в виде денежного капитала. С другой стороны, само собой разумеется, что часть, расходуемая на заработную плату, равная 200 ф. ст., удерживается в денежной форме. Капиталист, купив рабочую силу, не может держать ее на складе как сырой материал. Он должен включить ее в процесс производства и оплачивать ее в конце каждой недели. Следовательно, из высвободившегося капитала в 300 ф. ст. во всяком случае эти 100 ф. ст. будут иметь форму высвободившегося, т. е. не требующегося для рабочего периода, денежного капитала. Таким образом, капитал, высвободившийся в форме денежного капитала, должен быть по меньшей мере равен переменной части капитала, израсходованной на заработную плату; максимум этого денежного капитала может достигнуть суммы всего высвободившегося капитала. В действительности величина его постоянно колеблется между этим минимумом и максимумом.

Денежный капитал, высвободившийся таким образом вследствие одного только механизма движения оборотов (наряду с денежным капиталом, образующимся вследствие последовательного возвращения основного капитала, и наряду с денежным капиталом, который необходим в каждом процессе труда для переменного капитала), должен играть значительную роль, поскольку развивается система кредита, и одновременно должен составить одну из ее основ.

Предположим, что в нашем примере время обращения сокращается с трех недель до двух. Допустим, что это — не нормальное явление, а лишь результат хорошей конъюнктуры, сокращения сроков платежей и т. д. Капитал в 600 ф. ст., израсходованный в продолжение рабочего периода, возвращается неделей раньше, чем необходимо, следовательно, он высвобождается на эту неделю. Да-

лее, в середине рабочего периода, как и прежде, высвобождаются 300 ф. ст. (часть тех 600 ф. ст.), но высвобождаются на 4 недели вместо прежних 3. Следовательно, на денежном рынке в течение одной недели находятся 600 ф. ст., и 300 ф. ст. находятся в течение 4 недель вместо прежних 3. Так как это касается не только одного капиталиста, а многих, и происходит в различные периоды в различных отраслях производства, то благодаря этому на рынке оказывается больше свободного денежного капитала. Если такое состояние продолжается сравнительно долго, то там, где это позволяют условия, производство расширяется. Капиталисты, работающие с капиталом, полученным в кредит, будут предъявлять меньший спрос на денежном рынке, что облегчит положение на этом рынке в такой же мере, как и увеличение предложения ссудного капитала; или, наконец, суммы, ставшие излишними для механизма обращения, будут окончательно выброшены на денежный рынок.

Вследствие сокращения времени обращения с 3 до 2 недель и, следовательно, периода оборота с 9 до 8 недель $\frac{1}{9}$ всего авансированного капитала становится излишней. Шестинедельный рабочий период может теперь протекать при 800 ф. ст. так же непрерывно, как раньше при 900 ф. ст. Поэтому часть стоимости товарного капитала, равная 100 ф. ст., превратившись в деньги, застывает в таком состоянии, в виде денежного капитала, и уже не функционирует как часть капитала, авансированного на процесс производства. В то время как производство продолжается в неизменном масштабе и при прочих неизменных условиях, а именно при тех же ценах и т. д., сумма стоимости авансированного капитала уменьшается с 900 до 800 ф. ст. Остаток в 100 ф. ст. от первоначально авансированной стоимости выделяется в форме денежного капитала. Как таковой он поступает на денежный рынок и образует добавочную часть функционирующих здесь капиталов.

Из этого видно, как может образоваться избыток денежного капитала, и не только в том смысле, что предложение денежного капитала больше спроса на него: такой избыток всегда лишь относительный избыток, который имеет место, например, в «меланхолический период», открывающий новый цикл по окончании кризиса. Нет, это — избыток в том смысле, что определенная часть авансированной капитальной стоимости оказывается излишней для продолжения всего общественного процесса воспроизводства (включающего и процесс обращения) и поэтому выделяется в форме денежного капитала; это — избыток, возникающий при неизменном масштабе производства и неизменных ценах исключительно вследствие сокращения периода оборота. Большая или меньшая масса денег находится в обращении, это не оказывает в данном случае никакого влияния.

Предположим, напротив, что период обращения удлиняется, скажем, с 3 недель до 5. Тогда уже при следующем обороте возвра-

щение авансированного капитала происходит на 2 недели позже. Последняя часть процесса производства этого рабочего периода не может продолжаться посредством самого механизма того оборота, который совершает авансированный капитал. При большей продолжительности такого состояния могло бы наступить сокращение процесса производства, сокращение того размера, в котором оно ведется, — как в предыдущем случае произошло его расширение. Но для продолжения процесса в прежнем масштабе авансированный капитал необходимо увеличить на $\frac{2}{9}$ его размера = 200 ф. ст., причем это увеличение рассчитывается на весь срок удлинения периода обращения. Этот добавочный капитал может быть взят только с денежного рынка. Если удлинение периода обращения происходит в одной или в нескольких крупных отраслях производства, то оно может оказать давление на денежный рынок, если только такое влияние не парализуется противоположным влиянием с другой стороны. В этом случае тоже очевидно до осознания, что такое давление, как ранее избыток денежного капитала, ни малейшим образом не связано ни с изменением цен товаров, ни с изменением массы имеющихся в наличии средств обращения.

{Подготовка этой главы к печати представила не малые затруднения. Как ни силен был Маркс в алгебре, тем не менее техникой цифровых расчетов, особенно из области торговли, он владел не вполне свободно, хотя, между прочим, имеется толстая связка тетрадей, в которых он сам на многих примерах проделывал до мельчайших подробностей все виды торговых расчетов. Но знание отдельных приемов счетоводства и обыденная практика счетоводства купца — это отнюдь не одно и то же, и, таким образом, Маркс запутался в подробных вычислениях оборотов, так что наряду с незаконченностью в его расчеты вкрались кое-какие ошибки и противоречия. В вышенапечатанных таблицах я сохранил только наиболее простое и арифметически правильное, — главным образом по следующей причине.

Неопределенные результаты этих кропотливых вычислений привели к тому, что Маркс стал придавать незаслуженно большое значение одному, на мой взгляд, фактически маловажному обстоятельству. Я имею в виду то, что он называет «высвобождением» денежного капитала. Действительная суть дела при вышепринятых предположениях такова:

Каково бы ни было отношение продолжительности рабочего периода и времени обращения, следовательно, каково бы ни было отношение величины капитала I к капиталу II, по завершении первого оборота к капиталисту все равно, через регулярные промежутки по отношению к продолжительности рабочего периода, возвращается в денежной форме капитал, необходимый для одного рабочего периода, следовательно, все равно возвращается сумма, равная капиталу I.

Если рабочий период = 5 неделям, время обращения = 4 неделям, капитал $I = 500$ ф. ст., то каждый раз возвращается денежная сумма в 500 ф. ст.: в конце 9-й, 14-й, 19-й, 24-й, 29-й и т. д. недель.

Если рабочий период = 6 неделям, время обращения = 3 неделям, капитал $I = 600$ ф. ст., то по 600 ф. ст. возвращается: в конце 9-й, 15-й, 21-й, 27-й, 33-й и т. д. недель.

Наконец, если рабочий период = 4 неделям, время обращения = 5 неделям, капитал $I = 400$ ф. ст., то возвращение каждые 400 ф. ст. последует в конце 9-й, 13-й, 17-й, 21-й, 25-й и т. д. недель.

Окажется ли часть этих возвратившихся денег излишней для текущего рабочего периода, следовательно, высвободится ли она и каковы ее размеры, это совершенно безразлично. Предполагается, что производство идет непрерывно в том же масштабе, а для того, чтобы это было возможно, должны быть налицо деньги, следовательно, они должны возвращаться, безразлично, «высвобождаются» они или нет. Если производство прерывается, то прекращается и высвобождение.

Другими словами: высвобождение денег, следовательно, образование скрытого, лишь потенциального капитала в денежной форме, конечно, происходит, но оно происходит при всяких обстоятельствах, а не только при особых условиях, подробно и точно намеченных в тексте; и происходит оно в более крупном масштабе, чем это предполагается в тексте. По отношению к оборотному капиталу I промышленный капиталист в конце каждого оборота находится совершенно в том же положении, как и при основании предприятия: он опять разом получил весь оборотный капитал, тогда как вновь превращать его в производительный капитал он может лишь постепенно.

Главное в тексте Маркса — это доказательство того, что, с одной стороны, значительная часть промышленного капитала постоянно должна быть налицо в денежной форме, с другой стороны — еще более значительная часть его должна принимать на время денежную форму. Мои дополнительные замечания служат самое большее лишь подкреплением этого доказательства. — Ф. Э.}

В. ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН

Выше мы предполагали неизменные цены, неизменный масштаб производства, с одной стороны, сокращение или увеличение продолжительности времени обращения — с другой. Предположим теперь, напротив, неизменную продолжительность периода оборота, неизменный масштаб производства, но, с другой стороны, — изменение цен, т. е. понижение или возрастание цен сырых и вспомогательных материалов, а также труда, или только двух первых из этих элементов производительного капитала. Предположим, что цена сырых и вспомогательных материалов, а также величина за-

рабочной платы упали наполовину. Тогда в нашем примере потребовалось бы еженедельно авансировать капитал в 50 ф. ст. вместо 100, а для девятинедельного периода оборота — 450 ф. ст. вместо 900 ф. ст. Во-первых, 450 ф. ст. авансированной капитальной стоимости выделяются как денежный капитал, но процесс производства продолжается в том же масштабе, с тем же периодом оборота и с прежним делением его на рабочий период и период обращения. Годовая масса продукта тоже остается прежней, но ее стоимость уменьшилась наполовину. Это изменение, сопровождаемое одновременным изменением в предложении денежного капитала и в спросе на него, вызвано не ускорением обращения и не изменением массы обращающихся денег. Напротив. Понижение стоимости, соответственно — цены, элементов производительного капитала наполовину, имело бы прежде всего то влияние, что на ведение предприятия *X* в прежнем масштабе авансировалась бы капитальная стоимость, уменьшенная наполовину; а так как предприятие *X* авансирует эту капитальную стоимость сначала в форме денег, т. е. как денежный капитал, то, значит, оно выбрасывало бы на рынок только половину прежнего количества денег. Масса брошенных в обращение денег уменьшилась бы, так как цены на элементы производства упали. Таково было бы первое следствие.

Но, во-вторых, половина первоначально авансированной капитальной стоимости в 900 ф. ст. = 450 ф. ст., которая раньше а) попеременно принимала форму денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, б) одновременно находилась частью в форме денежного капитала, частью в форме производительного капитала и частью в форме товарного капитала, причем эти части постоянно находились одна рядом с другой, — эта половина выделилась бы из кругооборота предприятия *X* и поэтому, поступив как добавочный денежный капитал на денежный рынок, оказала бы на него воздействие как добавочная составная часть денежного капитала. Эти высвободившиеся деньги, 450 ф. ст., действуют как денежный капитал не потому, что они суть деньги, оказавшиеся излишними для ведения предприятия *X*, а потому, что они являются составной частью первоначальной капитальной стоимости и, следовательно, должны по-прежнему действовать как капитал, а не расходоваться как простое средство обращения. Самый простой способ заставить их действовать в качестве капитала — это бросить их на денежный рынок как денежный капитал. С другой стороны, можно было бы также вдвое увеличить масштаб производства (основной капитал мы оставляем в стороне). С тем же самым авансированным капиталом в 900 ф. ст. можно было бы вести процесс производства в удвоенном масштабе.

С другой стороны, если бы цены оборотных элементов производительного капитала повысились наполовину, то еженедельно вместо 100 ф. ст. требовалось бы 150 ф. ст., следовательно, вместо

900 ф. ст. — уже 1 350 ф. ст. Для ведения предприятия в том же масштабе понадобилось бы 450 ф. ст. добавочного капитала, и это в зависимости от состояния денежного рынка произвело бы на него *pro tanto* большее или меньшее давление. Если бы был предъявлен спрос на весь свободный капитал на рынке, то возникла бы усиленная конкуренция из-за свободного капитала. Если бы некоторая часть его лежала без употребления, то она *pro tanto* была бы призвана к деятельности.

Но возможен и третий случай: при данном масштабе производства, при неизменной скорости оборота и неизменных ценах элементов оборотного производительного капитала цена продуктов предприятия X может понизиться или повыситься. Если цена товаров, поставляемых на рынок предприятием X, понижается, то цена его товарного капитала с 600 ф. ст., которые оно постоянно бросало в обращение, падает, например, до 500 ф. ст. Следовательно, шестая часть стоимости авансированного капитала не возвращается из процесса обращения; она пропадает в этом процессе (закрывающаяся в товарном капитале прибавочная стоимость здесь не принимается во внимание). Но так как стоимость, а соответственно и цена элементов производства остается прежняя, то возвратившихся 500 ф. ст. хватит лишь на то, чтобы возместить $\frac{5}{6}$ капитала в 600 ф. ст., постоянно занятого в процессе производства. Следовательно, для продолжения производства в прежнем масштабе пришлось бы затратить 100 ф. ст. добавочного денежного капитала.

Наоборот: если цена продуктов предприятия X повысится, то повысится и цена товарного капитала, например с 600 до 700 ф. ст. Седьмая часть его цены, равная 100 ф. ст., приходит не из процесса производства, не была авансирована на него, а притекает из процесса обращения. Однако для возмещения элементов производства требуется только 600 ф. ст.; следовательно, 100 ф. ст. высвобождаются.

Изучение причин, почему в первом случае продолжительность периода оборота сокращается или удлиняется, почему во втором случае цены сырого материала и труда, а в третьем случае цены доставленных на рынок продуктов повышаются или падают, — изучение этих причин не входит в круг вопросов, которые мы до сих пор исследовали.

Но в круг этих вопросов входит, конечно, следующее:

1-й случай. Неизменный масштаб производства, неизменные цены элементов производства и продуктов, изменение в периоде обращения, а следовательно, и в периоде оборота.

Как мы предположили в нашем примере, вследствие сокращения периода обращения потребуются авансировать капитал на $\frac{1}{9}$ меньше; поэтому капитал уменьшится с 900 до 800 ф. ст., и выделится денежный капитал в 100 ф. ст.

Как и прежде, предприятие X доставляет в те же самые шесть недель продукт такой же стоимости в 600 ф. ст., а так как работа ведется круглый год без перерыва, то оно за 51 неделю доставляет прежнюю массу продукта стоимостью в 5 100 ф. ст. Следовательно, в отношении массы и цены того продукта, который предприятие бросает в обращение, нет никакого изменения; не происходит изменений и в тех сроках, в которые предприятие бросает продукт на рынок. Но выделились 100 ф. ст., т. к. вследствие сокращения периода обращения процесс производства будет насыщен при авансировании капитала всего в 800 ф. ст. вместо прежних 900 ф. ст. Эти 100 ф. ст. выделившегося капитала существуют в форме денежного капитала. Но они отнюдь не представляют той части авансированного капитала, которая постоянно должна была бы функционировать в форме денежного капитала. Предположим, что из авансированного оборотного капитала $I = 600$ ф. ст. $\frac{4}{5} = 480$ ф. ст. постоянно затрачиваются на производственные материалы и $\frac{1}{5} = 120$ ф. ст. — на заработную плату. Следовательно, еженедельно 80 ф. ст. затрачиваются на производственные материалы, 20 ф. ст. — на заработную плату. Следовательно, капитал $II = 300$ ф. ст. точно так же должен быть разделен на $\frac{4}{5} = 240$ ф. ст. для покупки производственных материалов и $\frac{1}{5} = 60$ ф. ст. для выплаты заработной платы. Капитал, затрачиваемый на заработную плату, должен постоянно авансироваться в денежной форме. Как только товарный продукт общей стоимостью в 600 ф. ст. снова превратится в денежную форму, как только он будет продан, 480 ф. ст. из этой суммы снова могут быть превращены в производственные материалы (в производственный запас), но 120 ф. ст. сохраняют свою денежную форму, чтобы послужить для выплаты заработной платы в продолжение 6 недель. Эти 120 ф. ст. представляют собой тот минимум из возвращающегося капитала в 600 ф. ст., который постоянно возобновляется и возмещается в форме денежного капитала и потому постоянно должен быть налицо как функционирующая в денежной форме часть авансированного капитала.

Далее, если из периодически высвобождающихся на 3 недели 300 ф. ст., соответственно распадающихся на 240 ф. ст. в форме производственного запаса и 60 ф. ст. деньгами для выплаты заработной платы, вследствие сокращения времени обращения выделяются 100 ф. ст. в форме денежного капитала, которые будут совершенно выброшены из механизма оборота, то откуда же берутся деньги в форме этих 100 ф. ст. денежного капитала? Ведь лишь на одну пятую часть они состоят из денежного капитала, периодически высвобождающегося в пределах данных оборотов. А остальные $\frac{4}{5} = 80$ ф. ст. уже замещены добавочным производственным запасом той же самой стоимости. Каким образом этот добавочный производственный запас превращается в деньги и откуда берутся деньги для этого превращения?

Если в какой-то момент произошло сокращение времени обращения, то из вышеуказанных 600 ф. ст. в производственный запас превращаются вместо 480 ф. ст. только 400 ф. ст. Остальные 80 ф. ст. удерживаются в их денежной форме и вместе с вышеуказанными 20 ф. ст., предназначенными для заработной платы, составляют выделившийся капитал в 100 ф. ст. Хотя эти 100 ф. ст. приходят из обращения вследствие продажи товарного капитала в 600 ф. ст. и теперь извлекаются из обращения, так как не расходуются снова на заработную плату и элементы производства, однако не следует забывать, что, являясь в форме денег, они лишь снова оказываются в той самой форме, в которой они первоначально были брошены в обращение. Сначала на производственный запас и на заработную плату затрачивалось 900 ф. ст. деньгами. Теперь, чтобы вести тот же самый процесс производства, требуется уже только 800 ф. ст. Выделившиеся благодаря этому в денежной форме 100 ф. ст. образуют теперь новый, ищущий приложения денежный капитал, новую составную часть денежного рынка. Хотя они и ранее периодически принимали форму высвободившегося денежного капитала и добавочного производительного капитала, но такое скрытое состояние само было условием ведения процесса производства, так как оно было условием его непрерывности. Теперь 100 ф. ст. уже не требуются для этой цели и потому образуют новый денежный капитал, одну из составных частей всего денежного рынка, хотя они отнюдь не образуют ни добавочного элемента к уже наличному общественному денежному запасу (потому что они уже существовали при открытии предприятия и были брошены им в обращение), ни вновь накопленного сокровища.

Теперь эти 100 ф. ст. фактически извлечены из обращения, поскольку они составляют часть авансированного денежного капитала, которая уже больше не находит применения в том же предприятии. Но такое извлечение возможно лишь вследствие того, что ускорилось на одну неделю превращение товарного капитала в деньги, а этих денег — в производительный капитал, $T' - D - T$, следовательно, ускорилось также и обращение денег, участвующих в этом процессе. Они извлечены из него, потому что они более не требуются для оборота капитала X .

Здесь предполагается, что авансированный капитал принадлежит тому, кто его применяет. Если бы капитал был получен в кредит, то от этого ничего не изменилось бы. При сокращении времени обращения капиталисту X вместо 900 ф. ст. потребовалось бы уже только 800 ф. ст. полученного в кредит капитала. 100 ф. ст., возвращенные кредитору, образуют, как и ранее, новый денежный капитал в 100 ф. ст., с той лишь разницей, что теперь он находится в руках Y вместо X . Далее, если капиталист X производственные материалы стоимостью в 480 ф. ст. получает в кредит, так что он сам должен авансировать деньгами только 120 ф. ст. на заработную пла-

ту, то теперь ему нужно было бы брать в кредит производственных материалов на 80 ф. ст. меньше, и, следовательно, эти 80 ф. ст. составляют избыточный товарный капитал для капиталиста, предоставляющего кредит, между тем как у капиталиста X выделилось бы 20 ф. ст. деньгами.

Добавочный производственный запас уменьшился теперь на $\frac{1}{3}$. Составляя $\frac{4}{5}$ от 300 ф. ст., он был равен добавочному капиталу II = 240 ф. ст.; теперь он равен только 160 ф. ст., т. е. составляет добавочный запас для 2 недель вместо 3. Теперь он будет возобновляться через каждые 2 недели вместо 3, но притом только на 2 недели вместо 3. Таким образом закупки, например, на рынке хлопка, повторяются чаще и производятся меньшими партиями. С рынка изымается то же самое количество хлопка, потому что масса производимого продукта остается прежней. Но закупки распределяются иначе во времени и растягиваются на более продолжительное время. Предположим, например, что речь идет о сокращении времени обращения с 3 до 2 месяцев; годовое потребление хлопка на предприятии капиталиста X пусть составляет 1 200 кип. В первом случае будет продано:

1 января	300	кип.	на складе	останется	900	кип
1 апреля	300	»	»	»	600	»
1 июля	300	»	»	»	300	»
1 октября	300	»	»	»	0	»

Напротив, во втором случае:

1 января продано	200.	на складе	останется	1 000	кип
1 марта	» 200.	»	»	» 800	»
1 мая	» 200.	»	»	» 600	»
1 июля	» 200.	»	»	» 400	»
1 сентября	» 200.	»	»	» 200	»
1 ноября	» 200.	»	»	» 0	»

Следовательно, затраченные на хлопок деньги возвращаются полностью лишь месяцем позже, в ноябре вместо октября. Итак, если вследствие сокращения времени обращения, а вместе с тем и времени оборота, выделяется в форме денежного капитала $\frac{1}{9}$ часть авансированного капитала, = 100 ф. ст., и если эти 100 ф. ст. состояются из 20 ф. ст. периодически повторяющегося избытка денежного капитала, предназначавшегося для еженедельной выплаты заработной платы, и из 80 ф. ст., которые периодически появлялись как избыток производственного запаса на одну неделю, то этому уменьшению у фабриканта избыточного производственного запаса на 80 ф. ст. соответствует увеличение на 80 ф. ст. товарного запаса у торговца хлопком. Тот же самый хлопок тем дольше лежит на складах у торговца в качестве товара, чем меньше он

лежит на складах у фабриканта в качестве производственного запаса.

До сих пор мы предполагали, что сокращение времени обращения для предприятия капиталиста X происходит потому, что X быстрее продает свои товары или скорее получает за них деньги, соответственно при кредите потому, что сокращается срок платежа. Следовательно, это сокращение времени обращения вытекает из сокращения времени продажи товара, из сокращения времени превращения товарного капитала в денежный капитал, из $T' - D$, из первой фазы процесса обращения. Оно может вытекать и из второй фазы, из $D - T$, следовательно, из одновременного изменения как рабочего периода, так и времени обращения капитала Y , Z и т. д., которые доставляют капиталисту X производственные элементы его оборотного капитала.

Например, если хлопок, уголь и т. д. при прежнем транспорте находятся в пути от места своего производства или от складов до местонахождения производства капиталиста X 3 недели, то минимума производственного запаса X должно хватить по крайней мере на эти 3 недели, до прибытия новых запасов. Пока хлопок и уголь находятся в пути, они не могут служить средствами производства. Напротив, в течение этого времени они представляют собой предмет труда для транспортной промышленности и занятого в ней капитала, они составляют также совершающий свое обращение товарный капитал углепромышленника или продавца хлопка. При более совершенном транспорте время нахождения в пути сокращается до 2 недель. Таким образом производственный запас может превратиться из трехнедельного в двухнедельный. Вместе с тем высвобождается авансированный на это добавочный капитал в 80 ф. ст., а также 20 ф. ст., предназначавшиеся для заработной платы, так как обернувшийся капитал в 600 ф. ст. возвращается неделей раньше.

С другой стороны, если, например, сокращается рабочий период капитала, доставляющего сырье (примеры этого даны в предыдущих главах), если, следовательно, возникает возможность чаще возобновлять сырье, то производственный запас может уменьшиться, промежуток от одного периода возобновления до другого может сократиться.

Если, наоборот, время обращения, а потому и период оборота удлиняется, то необходимо авансирование добавочного капитала, — из кармана самого капиталиста, если у него есть такой добавочный капитал. Но в таком случае этот капитал в той или иной форме будет применен уже как часть капитала, находящегося на денежном рынке; чтобы получить его в распоряжение, его надо высвободить из старой формы, например, продать акции, истребовать вклады, так что и в этом случае будет оказано косвенное влияние на денежный рынок. Или же капиталист должен получить добавочный капи-

тал в кредит. Что касается той части добавочного капитала, которая необходима для выплаты заработной платы, то при нормальных условиях ее постоянно приходится авансировать как денежный капитал, и поэтому капиталист X, со своей стороны, оказывает прямое давление на денежный рынок. Для той части капитала, которая должна быть вложена в производственные материалы, авансирование в виде денежного капитала неизбежно лишь в том случае, если капиталист должен оплачивать их наличными. Если он может получить их в кредит, то это не оказывает прямого влияния на денежный рынок, потому что в этом случае добавочный капитал прямо авансируется как производственный запас, а не как денежный капитал с самого начала. Если кредитор в свою очередь выпускает полученный от капиталиста X вексель непосредственно на денежный рынок, предъявляет его к учету и т. д., то это оказало бы косвенное воздействие на денежный рынок через посредство второго лица. Но если кредитор использует этот вексель для того, чтобы, например, досрочно погасить свой долг, то этот добавочно авансированный капитал не окажет на денежный рынок ни прямого, ни косвенного влияния.

II-ой случай. Изменение цены производственных материалов, все прочие условия неизменны.

Выше мы предполагали, что из всего капитала в 900 ф. ст. $\frac{4}{5} = 720$ ф. ст. затрачиваются на производственные материалы и $\frac{1}{5} = 180$ ф. ст. — на заработную плату.

Если цена производственных материалов падает наполовину, то на них для шестинедельного рабочего периода требуется только 240 ф. ст. вместо 480 ф. ст. и на добавочный капитал II требуется лишь 120 ф. ст. вместо 240 ф. ст. Следовательно, капитал I уменьшается с 600 ф. ст. до $240 + 120 = 360$ ф. ст., а капитал II — с 300 ф. ст. до $120 + 60 = 180$ ф. ст. Весь капитал уменьшается с 900 ф. ст. до $360 + 180 = 540$ ф. ст. Следовательно, выделяются 360 ф. ст.

Этот выделившийся и теперь незанятый, а потому ищущий применения на денежном рынке денежный капитал представляет собой не что иное, как часть капитала в 900 ф. ст., первоначально авансированного в виде денежного капитала, часть, которая стала избыточной вследствие падения цен тех элементов производства, в которые она периодически превращается, — стала избыточной, поскольку предприятие не расширяется, а ведется в прежнем масштабе. Если такое падение цен вызвано не случайными обстоятельствами (например, особенно богатым урожаем, чрезмерным предложением товаров и т. д.), а увеличением производительной силы труда в той отрасли, которая доставляет сырье, то этот денежный капитал представлял бы собой абсолютное приращение для денежного рынка и вообще для свободного капитала, который на-

ходится в форме денежного капитала, потому что этот капитал больше не являлся бы необходимой составной частью того капитала, который уже нашел себе применение.

III-й случай. Изменение рыночной цены самого продукта.

В этом случае при падении цены продукта часть капитала оказывается потерянной для капиталиста *X* и потому должна быть возмещена новым авансированием денежного капитала. Эта потеря для продавца может быть, в свою очередь, выигрышем для покупателя: непосредственно в том случае, если рыночная цена продукта упала только вследствие случайной конъюнктуры и затем снова поднялась до своего нормального уровня; косвенно в том случае, если изменение цены вызвано изменением стоимости, отражающимся и на старом продукте, и если этот продукт в качестве элемента производства снова входит в другую сферу производства и *pro tanto* высвобождает здесь капитал. В обоих случаях капитал, потерянный для капиталиста *X*, — а в целях его возмещения этот капиталист оказывает давление на денежный рынок, — может быть доставлен ему его деловыми партнерами как новый добавочный капитал. В таком случае имеет место только перемещение капитала.

Если, наоборот, цена продукта повышается, то из сферы обращения капиталистом *X* присваивается часть капитала, которая не была им авансирована. Она не представляет собой органической части капитала, авансированного на процесс производства, и потому, если производство не расширяется, образует выделившийся денежный капитал. Так как здесь мы предположили, что цены элементов продукта были даны раньше, чем этот продукт выступил на рынке как товарный капитал, то повышение цены продукта могло бы быть вызвано здесь действительным изменением стоимости, поскольку это изменение оказало бы обратное воздействие, например, если бы между тем повысились в цене сырые материалы. В таком случае капиталист *X* выиграл бы и на своем продукте, обращающемся в виде товарного капитала, и на имеющемся у него производственном запасе. Этот выигрыш доставил бы ему добавочный капитал, который требуется теперь для дальнейшего ведения его предприятия при новых, повышенных ценах элементов производства.

Или же повышение цен элементов производства будет лишь временным. В этом случае то, что для капиталиста *X* потребуется как добавочный капитал, для другой стороны окажется высвободившимся капиталом, и наоборот, поскольку продукт капиталиста *X* составляет элемент для других отраслей производства. Кто потерял один, то выиграл другой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ОБОРОТ ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА

I. ГОДОВАЯ НОРМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Предположим оборотный капитал в 2 500 ф. ст., притом такой, что $\frac{4}{5}$ его = 2 000 ф. ст. составляют постоянный капитал (производственные материалы), а $\frac{1}{5}$ = 500 ф. ст. — переменный капитал, затраченный на заработную плату.

Период оборота пусть будет равен 5 неделям; рабочий период = 4 неделям, период обращения = 1 неделе. Тогда капитал I = 2 000 ф. ст. будет состоять из 1 600 ф. ст. постоянного капитала и 400 ф. ст. — переменного; капитал II = 500 ф. ст.; из них 400 ф. ст. постоянный и 100 ф. ст. переменный капитал. В течение каждой рабочей недели затрачивается капитал в 500 ф. ст. В течение года, состоящего из 50 недель, производится годовой продукт в $500 \times 50 = 25\,000$ ф. ст. Следовательно, капитал I в 2 000 ф. ст., постоянно занятый в рабочем периоде, оборачивается $12\frac{1}{2}$ раз. $2\,000 \times 12\frac{1}{2} = 25\,000$ ф. ст. Из этих 25 000 ф. ст. $\frac{4}{5} = 20\,000$ ф. ст. представляют собой постоянный капитал, затраченный на средства производства, и $\frac{1}{5} = 5\,000$ ф. ст. — переменный капитал, затраченный на заработную плату. Напротив, весь капитал в 2 500 ф. ст. оборачивается $\frac{25\,000}{2\,500} = 10$ раз.

Затраченный во время производства переменный оборотный капитал может снова служить в процессе обращения лишь постольку, поскольку продукт, в котором воспроизведена его стоимость, продан, превращен из товарного капитала в денежный капитал, чтобы последний снова мог быть затрачен на оплату рабочей силы. Но точно так же обстоит дело и с затраченным на производство постоянным оборотным капиталом (с производственными материалами), стоимость которых снова появляется в продукте как часть стоимости последнего. Общее свойство обеих этих частей, т. е. переменной и постоянной части оборотного капитала, и их отличие от основного капитала состоит не в том, что их стоимость, перенесенная на продукт, обращается при посредстве товарного капитала,

при посредстве обращения продукта в виде товара. Некоторая часть стоимости продукта, и притом продукта, обращающегося в виде товара, некоторая часть стоимости товарного капитала всегда состоит из износа основного капитала, т. е. из той части стоимости основного капитала, которая перенесена им на продукт во время производства. Но различие состоит в следующем: основной капитал продолжает функционировать в процессе производства в своей старой потребительной форме в продолжение более или менее длительного цикла периодов оборота оборотного капитала (последний равен оборотному постоянному капиталу плюс оборотный переменный капитал); между тем каждый отдельный оборот имеет своим условием возмещение всего оборотного капитала, вступившего — в виде товарного капитала — в сферу обращения из сферы производства. Первая фаза обращения, T' — D' , является общей для оборотного постоянного и оборотного переменного капитала. Во второй фазе они разделяются. Деньги, в которые превратился товар, отчасти превращаются в производственный запас (оборотный постоянный капитал). Соответственно различным срокам закупок составных частей такого запаса одна часть этих денег может превратиться в производственные материалы раньше, другая — позже, но в конечном счете все эти деньги превращаются в производственные материалы. Другая часть денег, вырученных от продажи товара, остается лежать в виде денежного запаса и мало-помалу расходуется на оплату рабочей силы, включенной в процесс производства. Эта часть денег образует оборотный переменный капитал. Тем не менее в процессе оборота капитала, при его превращении в продукт, из продукта в товар, а из товара в деньги каждый раз происходит полное возмещение той или другой части оборотного капитала. Именно по этой причине в предыдущей главе мы рассматривали оборот оборотного капитала — постоянного и переменного — порознь и вместе, оставляя в стороне основной капитал.

В вопросе, который нам теперь следует рассмотреть, мы должны сделать еще один шаг вперед и рассматривать переменную часть оборотного капитала так, как будто бы только она одна и составляет весь оборотный капитал. То есть: мы оставляем в стороне постоянный оборотный капитал, который совершает обороты вместе с переменной частью.

Авансировано 2 500 ф. ст. и стоимость годового продукта = 25 000 ф. ст. Но переменная часть оборотного капитала составляет 500 ф. ст., поэтому переменный капитал, содержащийся в 25 000 ф. ст., равен $\frac{25\,000}{5} = 5\,000$ ф. ст. Если 5 000 ф. ст. разделить на 500, то мы получим число оборотов 10, совершенно такое же, как для всего капитала в 2 500 ф. ст.

Этот средний подсчет, при котором стоимость годового продукта делится на стоимость авансированного капитала, а не на стои-

мость части этого капитала, постоянно занятой в одном рабочем периоде (следовательно, в нашем случае не на 400, а на 500, не на капитал I, а на капитал I + капитал II), — этот средний подсчет абсолютно точен здесь, где речь идет только о производстве прибавочной стоимости. Позже мы увидим, что при иной точке зрения он оказывается не совсем точным, да и вообще не вполне точен этот средний подсчет. То есть: он достаточен для практических целей капиталиста, но он не выражает точно или надлежащим образом всех реальных обстоятельств, сопровождающих оборот.

До сих пор мы совершенно оставляли в стороне одну часть стоимости товарного капитала, а именно заключающуюся в нем прибавочную стоимость, которая произведена во время процесса производства и присоединена к продукту. На нее-то мы и должны теперь обратить наше внимание.

Если предположить, что еженедельно затрачиваемый переменный капитал в 100 ф. ст. производит прибавочную стоимость в 100% = 100 ф. ст., то переменный капитал в 500 ф. ст., затрачиваемый в течение пятинедельного периода оборота, произведет прибавочную стоимость в 500 ф. ст., т. е. половина рабочего дня состоит из прибавочного труда.

Но если 500 ф. ст. переменного капитала производят 500 ф. ст. прибавочной стоимости, то 5 000 ф. ст. производят $500 \times 10 = 5\,000$ ф. ст. прибавочной стоимости. Однако авансированный переменный капитал = 500 ф. ст. Отношение всей массы прибавочной стоимости, произведенной в течение года, к сумме стоимости авансированного переменного капитала мы называем годовой нормой прибавочной стоимости. Следовательно, в данном случае годовая норма прибавочной стоимости составляет $\frac{5\,000}{500} = 1\,000\%$.

Если детальнее проанализировать эту норму, то окажется, что она равна норме прибавочной стоимости, которую авансированный переменный капитал производит в течение одного периода оборота, умноженной на число оборотов переменного капитала (совпадающее с числом оборотов всего оборотного капитала).

Авансированный в течение одного периода оборота переменный капитал в данном случае = 500 ф. ст.; произведенная за это время прибавочная стоимость тоже = 500 ф. ст. Норма прибавочной стоимости в течение одного периода оборота составляет поэтому $\frac{500\ m}{500\ v} = 100\%$. Эти 100%, умноженные на 10, на число оборотов в год, дают $\frac{5\,000\ m}{500\ v} = 1\,000\%$.

Это относится к годовой норме прибавочной стоимости. Что же касается массы прибавочной стоимости, получаемой в течение определенного периода оборота, то эта масса равна стоимости авансированного в течение этого периода переменного капитала, здесь = 500 ф. ст., умноженной на норму прибавочной стоимости,

следовательно, здесь $500 \times \frac{100}{100} = 500 \times 1 = 500$ ф. ст. Если бы авансированный капитал был = 1 500 ф. ст., то, при одинаковой норме прибавочной стоимости, масса прибавочной стоимости была бы $= 1\,500 \times \frac{100}{100} = 1\,500$ ф. ст.

Переменный капитал в 500 ф. ст., оборачивающийся 10 раз в год и производящий в течение года прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст., переменный капитал, для которого, следовательно, годовая норма прибавочной стоимости = 1 000%, мы назовем капиталом *A*.

Предположим теперь, что другой переменный капитал *B* в 5 000 ф. ст. авансируется на целый год (т. е. в данном случае на 50 недель) и потому оборачивается только один раз в год. Далее, предположим при этом, что в конце года продукт оплачивается в тот самый день, как он готов, и что, следовательно, денежный капитал, в который он превращается, возвращается в тот же самый день. Следовательно, период обращения здесь = 0, период оборота = рабочему периоду, а именно = одному году. Как и в предыдущем случае, в процессе труда каждую неделю находится переменный капитал в 100 ф. ст., следовательно, в течение 50 недель — переменный капитал в 5 000 ф. ст. Далее, норма прибавочной стоимости пусть будет та же самая, = 100%, т. е. при одинаковой продолжительности рабочего дня половина его состоит из прибавочного труда. Если мы остановимся на 5 неделях, то вложенный переменный капитал будет равен 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости = 100%, следовательно, масса прибавочной стоимости, произведенная в течение 5 недель, = 500 ф. ст. Масса рабочей силы, которая при этом эксплуатируется, и степень ее эксплуатации предполагаются здесь точно такими же, как у капитала *A*.

Примененный переменный капитал в 100 ф. ст. еженедельно производит прибавочную стоимость в 100 ф. ст., поэтому в течение 50 недель примененный капитал в $100 \times 50 = 5\,000$ ф. ст. произведет прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст. Масса ежегодно производимой прибавочной стоимости оказывается такой же, как и в предыдущем случае, = 5 000 ф. ст., но годовая норма прибавочной стоимости совершенно иная. Она равна произведенной в течение года прибавочной стоимости, разделенной на авансированный переменный капитал: $\frac{5\,000\ m}{5\,000\ v} = 100\%$, тогда как ранее для капитала *A* она была равна 1 000%.

В примере с капиталом *A*, как и в примере с капиталом *B*, мы еженедельно затрачивали 100 ф. ст. переменного капитала; степень увеличения стоимости или норма прибавочной стоимости совершенно одинакова, = 100%; величина переменного капитала также одинакова, = 100 ф. ст. Эксплуатируется совершенно одинаковая

масса рабочей силы, величина и степень эксплуатации в обоих случаях одинаковы, рабочие дни одинаковы и одинаково делятся на необходимый труд и прибавочный труд. Сумма переменного капитала, примененного в течение года, одинакова по величине, $= 5\,000$ ф. ст., она приводит в движение такую же массу труда и выжимает из рабочей силы, приводимой в движение двумя равными капиталами, одинаковую массу прибавочной стоимости, $= 5\,000$ ф. ст. И все-таки разница в годовой норме прибавочной стоимости капиталов A и B составляет 900%.

Это явление производит, конечно, такое впечатление, как будто норма прибавочной стоимости зависит не только от массы и степени эксплуатации рабочей силы, приводимой в движение переменным капиталом, но и, кроме того, от каких-то необъяснимых влияний, вытекающих из процесса обращения; это явление действительно истолковывалось именно таким образом, причем, хотя и не в этой чистой, а в своей более сложной и более скрытой форме (в форме годовой нормы прибыли), оно с начала 20-х годов вызвало полный разлад в школе Рикардо.

Загадочное в этом явлении исчезает немедленно, если мы не только по видимости, но и действительно поставим капитал A и капитал B в совершенно одинаковые условия. Условия будут одинаковыми только в том случае, если переменный капитал B во всем своем объеме расходуется на оплату рабочей силы в тот же самый промежуток времени, что и капитал A .

В этом случае 5 000 ф. ст. капитала B затрачиваются в течение 5 недель, затрата по 1 000 ф. ст. в неделю составит в год 50 000 ф. ст. При нашем предположении прибавочная стоимость составит тоже 50 000 ф. ст. Обернувшийся капитал $= 50\,000$ ф. ст., разделенный на авансированный капитал $= 5\,000$ ф. ст., дает число оборотов $= 10$. Норма прибавочной стоимости $= \frac{5\,000\ m}{5\,000\ v} = 100\%$, умноженная на число оборотов $= 10$, дает годовую норму прибавочной стоимости $= \frac{50\,000\ m}{5\,000\ v} = \frac{10}{1} = 1\,000\%$. Итак, теперь годовые нормы прибавочной стоимости для капиталов A и B одинаковы и равны 1 000%, но массы прибавочной стоимости составляют: у капитала B — 50 000 ф. ст., у капитала A — 5 000 ф. ст.; массы произведенной прибавочной стоимости относятся теперь одна к другой так, как стоимости авансированных капиталов B и A , а именно как $5\,000 : 500 = 10 : 1$. Но зато капитал B за то же самое время привел в движение в десять раз больше рабочей силы, чем капитал A .

Только переменный капитал, действительно примененный в процессе труда, производит прибавочную стоимость, и только к нему относятся все ранее установленные законы производства прибавочной стоимости, а следовательно, и тот закон, что масса приба-

вочной стоимости при данной ее норме определяется величиной переменного капитала⁶⁶.

Самый процесс труда измеряется временем. При данной продолжительности рабочего дня (как здесь, где мы для капиталов *A* и *B* предполагаем все условия одинаковыми, чтобы наглядно показать разницу в годовой норме прибавочной стоимости) рабочая неделя состоит из определенного числа рабочих дней. Или мы можем рассматривать какой-нибудь рабочий период, например в данном случае пятинедельный, как сплошной рабочий день, состоящий из 300 часов, если рабочий день = 10 часам, а неделя = 6 рабочим дням. Но затем мы должны умножить это число на число рабочих, которые ежедневно одновременно заняты совместно в одном и том же процессе труда. Если это число рабочих составляло бы, например, 10, то рабочая неделя была бы равна $60 \times 10 = 600$ часам, а пятинедельный рабочий период был бы равен $600 \times 5 = 3\,000$ часам. Следовательно, при одинаковой норме прибавочной стоимости и при одинаковой продолжительности рабочего дня применяются переменные капиталы одинаковой величины, если в течение того же самого промежутка времени приводятся в движение равновеликие массы рабочей силы (вычисляемые путем умножения одной рабочей силы данной цены на число этих сил).

Вернемся теперь к нашим первоначальным примерам. В обоих случаях, в примерах *A* и *B*, в течение каждой недели года применяются переменные капиталы одинаковой величины, по 100 ф. ст. в неделю. Поэтому примененные, действительно функционирующие в процессе труда переменные капиталы равны, но авансированные переменные капиталы вовсе не равны. В примере *A* на каждые 5 недель авансировано 500 ф. ст., из которых еженедельно применяется 100 ф. ст. В примере *B* уже в первый пятинедельный период приходится авансировать 5 000 ф. ст., но из них применяется только по 100 ф. ст. в неделю, следовательно, за 5 недель применяется только 500 ф. ст. = $\frac{1}{10}$ авансированного капитала. На второй пятинедельный период пришлось авансировать 4 500 ф. ст., применяется же только 500 ф. ст., и т. д. Переменный капитал, авансируемый на определенный период времени, превращается в применяемый, т. е. превращается в действительно функционирующий и действующий переменный капитал лишь в той мере, в какой он действительно вступает в определенные отрезки периода времени, заполненные процессом труда, в какой он действительно функционирует в процессе труда. В промежуточное время, когда одна его часть авансирована для того, чтобы найти применение лишь в последующее время, эта часть как бы совершенно не существует для процесса труда и потому не имеет никакого влияния ни на образование стоимости, ни на образование прибавочной стоимости. Например, таково положение в примере с капиталом *A* в 500 ф. ст. Он полностью авансирован на 5 недель, но в процесс труда последовательно вхо-

дят каждую неделю только 100 ф. ст. В первую неделю применяется $\frac{1}{5}$ его величины; $\frac{4}{5}$ уже авансированы, хотя еще не применяются; их необходимо иметь в запасе для процесса труда 4-х следующих недель и потому их приходится авансировать.

Обстоятельства, изменяющие соотношение между авансированным и примененным переменным капиталом, влияют на производство прибавочной стоимости — при данной ее норме — лишь постольку и лишь таким способом, что они изменяют то количество переменного капитала, которое действительно может быть применено в определенный период времени, например, в 1 неделю, в 5 недель и т. д. Авансированный переменный капитал функционирует как переменный капитал лишь постольку и лишь в течение того времени, поскольку и когда он действительно применяется; но он не функционирует в течение того времени, когда он остается авансированным в виде запаса, не находя действительного применения. Но все обстоятельства, изменяющие соотношение между авансированным и примененным переменным капиталом, сводятся к разнице периодов оборота капитала (возникающей вследствие разницы в продолжительности или рабочего периода, или периода обращения, или того и другого вместе). Закон производства прибавочной стоимости состоит в том, что при одинаковой норме прибавочной стоимости равновеликие массы функционирующего переменного капитала производят равновеликие массы прибавочной стоимости. Следовательно, если капиталы *A* и *B* в равные промежутки времени при одинаковой норме прибавочной стоимости применяют равновеликие массы переменного капитала, то они в течение одинаковых промежутков времени должны произвести равновеликие массы прибавочной стоимости, как бы различно ни было отношение этого переменного капитала, примененного в определенный промежуток времени, к переменному капиталу, авансированному в тот же промежуток времени, и, следовательно, как бы различно ни было также отношение произведенных масс прибавочной стоимости не к примененному, а вообще ко всему авансированному переменному капиталу. Различия в этом соотношении нисколько не противоречат развитым нами законам производства прибавочной стоимости, напротив, они подтверждают эти законы и являются их неизбежным следствием.

Рассмотрим первый пятинедельный период производства капитала *B*. В конце 5-й недели уже применены и потреблены 500 ф. ст. Вновь созданная стоимость = 1 000 ф. ст., следовательно, $\frac{500m}{500v} = 100\%$. Точно так же, как и у капитала *A*. То обстоятельство, что у капитала *A* прибавочная стоимость реализована вместе с авансированным капиталом, а у капитала *B* не реализована, это обстоятельство здесь нас не касается, потому что речь идет пока только о производстве прибавочной стоимости и о ее отношении к

переменному капиталу, авансированному во время ее производства. Напротив, если мы вычислим отношение прибавочной стоимости у капитала B не к той части авансированного капитала в 5 000 ф. ст., которая применена, а поэтому и потреблена во время производства этой прибавочной стоимости, а ко всему авансированному капиталу, то мы получим $\frac{500m}{5\,000v} = \frac{1}{10} = 10\%$. Итак, для капитала B указанное отношение составляет 10%, а для капитала A — 100%, т. е. в 10 раз больше. Если бы по этому поводу было сказано, что разница в норме прибавочной стоимости для равновеликих капиталов, приводящих в движение одинаковое количество труда, и притом такого труда, который делится поровну на оплаченный и неоплаченный труд, что такая разница противоречит законам производства прибавочной стоимости, то ответ был бы прост и его дали бы при первом же взгляде на фактические отношения: для капитала A подсчет выражает действительную норму прибавочной стоимости, т. е. отношение прибавочной стоимости, произведенной в течение 5 недель переменным капиталом в 500 ф. ст., к этому переменному капиталу в 500 ф. ст. Напротив, для капитала B вычисление производят таким способом, который не имеет никакого касательства ни к производству прибавочной стоимости, ни к соответствующему определению нормы прибавочной стоимости. А именно, при этом подсчете 500 ф. ст. прибавочной стоимости, произведенные переменным капиталом в 500 ф. ст., берут собственно не в их отношении к 500 ф. ст. переменного капитала, авансированного во время производства этой прибавочной стоимости, а в их отношении к капиталу в 5 000 ф. ст., $\frac{9}{10}$ которого, 4 500 ф. ст., совершенно не причастны к производству этой прибавочной стоимости в 500 ф. ст. и, напротив, должны вступать в действие лишь постепенно в течение следующих 45 недель; следовательно, они вовсе не существуют для производства в течение первых 5 недель, о которых здесь только и идет речь. Итак, в этом случае разница в норме прибавочной стоимости у капиталов A и B не составляет никакой проблемы.

Сравним теперь годовые нормы прибавочной стоимости для капиталов B и A . Для капитала B мы имеем $\frac{5\,000m}{5\,000v} = 100\%$; для капитала A $\frac{5\,000m}{500v} = 1\,000\%$. Но соотношение норм прибавочной стоимости такое же, как и ранее. Выше у нас было:

Норма прибавочной стоимости капитала B $= \frac{10\%}{100\%}$, а теперь мы имеем:

Годовая норма прибавочной стоимости капитала B $= \frac{100\%}{1\,000\%}$;
 Годовая норма прибавочной стоимости капитала A $= \frac{10\%}{100\%}$;
 но $\frac{10\%}{100\%} = \frac{100\%}{1\,000\%}$, следовательно, перед нами то же самое соотношение, которое было раньше.

Однако теперь обнаружилась оборотная сторона проблемы. Годовая норма капитала B , равная $\frac{5\,000m}{5\,000v} = 100\%$, не представляет совершенно никакого отклонения, не представляет даже видимости отклонения от известных нам законов производства прибавочной стоимости и от соответствующей этим законам нормы прибавочной стоимости. $5\,000v$, авансированные и производительно потребленные в течение года, произвели $5\,000m$. Следовательно, норма прибавочной стоимости выражается вышеприведенной дробью $\frac{5\,000m}{5\,000v} = 100\%$. Годовая норма совпадает с действительной нормой прибавочной стоимости. Следовательно, на этот раз не капитал B , как ранее, а капитал A представляет аномалию, которая требует объяснения.

В этом случае для капитала A мы имеем годовую норму прибавочной стоимости $\frac{5\,000m}{500v} = 1\,000\%$. Но если в первом случае $500m$, продукт 5 недель, мы брали в их отношении к авансированному капиталу в $5\,000$ ф. ст., $\frac{9}{10}$ которого не применялись при производстве этой прибавочной стоимости, то теперь мы берем $5\,000m$ в их отношении к $500v$, т. е. только к $\frac{1}{10}$ переменного капитала, действительно примененного при производстве $5\,000m$, ибо эти $5\,000m$ представляют собой продукт переменного капитала в $5\,000$ ф. ст., производительно потребленного в течение 50 недель, а не продукт переменного капитала в 500 ф. ст., потребленного в течение только одного пятинедельного периода. В первом случае мы брали прибавочную стоимость, произведенную в течение 5 недель, в ее отношении к капиталу, авансированному на 50 недель, т. е. к капиталу, в десять раз большему, чем тот, который потреблен в течение 5 недель. Теперь мы берем прибавочную стоимость, произведенную в течение 50 недель, в ее отношении к капиталу, авансированному на 5 недель, т. е. к капиталу, в десять раз меньшему, чем тот, который потреблен в течение 50 недель.

Капитал A в 500 ф. ст. никогда не авансируется более чем на 5 недель. По истечении их он притекает обратно и, совершая в течение года десять оборотов, может повторить этот самый процесс десять раз. Из этого следуют два вывода.

Во-первых. Авансированный капитал A только в 5 раз больше части капитала, постоянно применяемой в процессе производства в течение недели. Напротив, капитал B , который в течение 50 недель оборачивается только один раз и, следовательно, должен быть авансирован на 50 недель, в 50 раз больше той части его, которая постоянно может быть применена в течение недели. Поэтому оборот видоизменяет соотношение между капиталом, авансируемым на процесс производства в течение года, и капиталом, который постоянно может быть применен за определенный период производства, например, за одну неделю. Здесь перед нами первый случай, когда

пятинедельная прибавочная стоимость берется не в ее отношении к капиталу, применяемому в течение этих 5 недель, а в отношении к капиталу, в десять раз большему, применяемому в течение 50 недель.

Во-вторых. Пятинедельный период оборота капитала *A* составляет лишь $\frac{1}{10}$ года, поэтому год заключает в себе 10 таких периодов оборота, в течение которых капитал *A* в 500 ф. ст. применяется постоянно снова и снова. Примененный капитал равен здесь капиталу, авансированному на 5 недель, умноженному на число периодов оборота, совершенных в течение года. Капитал, примененный в течение года, $= 500 \times 10 = 5\,000$ ф. ст. Капитал, авансированный в течение года, $= \frac{5\,000}{10} = 500$ ф. ст. Действительно, хотя 500 ф. ст. постоянно вновь применяются, тем не менее каждые 5 недель вновь авансируются не более этих 500 ф. ст. С другой стороны, у капитала *B* в течение 5 недель применяются и авансируются на эти 5 недель только 500 ф. ст.; но так как период оборота здесь = 50 неделям, то капитал, примененный в течение года, равен капиталу, авансированному не на 5 недель, а на 50 недель. Но ежегодно производимая масса прибавочной стоимости, при данной ее норме, находится в прямой зависимости от величины капитала, примененного в течение года, а не от величины капитала, авансированного в течение года. Следовательно, для данного капитала в 5 000 ф. ст., оборачивающегося один раз, эта масса прибавочной стоимости не больше, чем для капитала в 500 ф. ст., оборачивающегося десять раз, и она только потому так велика, что капитал, оборачивающийся один раз в год, сам в десять раз больше капитала, оборачивающегося десять раз.

Обернувшийся в течение года переменный капитал, — следовательно, соответствующая ему часть годового продукта или равная последней часть годовых затрат, — есть переменный капитал, действительно примененный, производительно потребленный в течение года. Из этого следует, что если обернувшийся в течение года переменный капитал *A* и обернувшийся в течение года переменный капитал *B* равновелики и если они применяются при равных условиях увеличения стоимости, если, следовательно, норма прибавочной стоимости для обоих капиталов одинакова, то и ежегодно производимая масса прибавочной стоимости также должна быть одинаковой для обоих; следовательно, так как массы примененных капиталов одинаковы, то должна быть также одинакова и норма прибавочной стоимости, исчисленная за год, поскольку она выражается формулой:

$$\frac{\text{масса прибавочной стоимости, произведенная в течение года}}{\text{переменный капитал, обернувшийся в течение года}}$$

Или, если выразить это в общей форме: какова бы ни была относительная величина обернувшихся переменных капиталов, норма их

прибавочной стоимости, произведенной в течение года, определяется той нормой прибавочной стоимости, которую соответствующие капиталы давали в средние рабочие периоды (например, в среднем за неделю или за день).

Таким образом, единственное следствие, вытекающее из законов производства прибавочной стоимости и законов определения ее нормы.

Посмотрим далее, что выражает отношение:

$\frac{\text{капитал, обернувшийся в течение года}}{\text{авансированный капитал}}$ (причем мы, как уже сказано, имеем в виду только переменный капитал). Частное от деления дает число оборотов капитала, авансированного в течение года.

Для капитала A мы имеем:

$$\frac{5\,000 \text{ ф. ст. капитала, обернувшегося в течение года}}{500 \text{ ф. ст. авансированного капитала}}; \quad \text{для капитала } B: \\ \frac{5\,000 \text{ ф. ст. капитала, обернувшегося в течение года}}{5\,000 \text{ ф. ст. авансированного капитала}}.$$

В этих двух отношениях числитель выражает авансированный капитал, умноженный на число оборотов: для капитала A — 500×10 , для капитала B — $5\,000 \times 1$; или же он выражает авансированный капитал, умноженный на перевернутую дробь времени оборота, взятого по отношению к году. Время оборота у капитала A составляет $\frac{1}{10}$ года; перевернутая дробь времени оборота — $\frac{10}{1}$ года, следовательно, $500 \times \frac{10}{1} = 5\,000$; у капитала B — $5\,000 \times \frac{1}{1} = 5\,000$. Знаменатель выражает обернувшийся капитал, умноженный на перевернутую дробь числа оборотов: для капитала A — $5\,000 \times \frac{1}{10}$, для капитала B — $5\,000 \times \frac{1}{1}$.

Соответствующие массы труда (сумма оплаченного и неоплаченного труда), приводимые в движение обоими переменными капиталами, обернувшимися в течение года, здесь равны, потому что сами обернувшиеся капиталы равны, и нормы увеличения их стоимости тоже равны.

Отношение обернувшегося в течение года переменного капитала к авансированному переменному капиталу показывает: 1) Отношение, в котором находится авансируемый капитал к переменному капиталу, примененному за определенный рабочий период. Если, как в случае с капиталом A , число оборотов = 10 и год, согласно предположению, равен 50 неделям, то время оборота = 5 неделям. Переменный капитал должен быть авансирован на эти 5 недель, и этот авансированный на 5 недель капитал должен быть в 5 раз больше переменного капитала, применяемого в течение одной недели. То есть: в течение одной недели может быть применена только $\frac{1}{5}$ авансированного капитала (в данном случае составляющего 500 ф. ст.). Напротив, в случае с капиталом B , число оборотов = $\frac{1}{1}$, время оборота = 1 году = 50 неделям. Следовательно, отношение авансированного капитала к еженедельно применяемому составля-

$M' = \frac{100\% \times 5\,500 \times \frac{10}{11}}{5\,500} = 100 \times \frac{10}{11} = \frac{1\,000}{11} = 90\frac{10}{11}\%$, т. е. меньше 100%. Действительно, если бы годовая норма прибавочной стоимости составляла 100%, то 5 500*v* в течение года должны были бы произвести 5 500*m*, тогда как для этого ему требуется $\frac{11}{10}$ года. Эти 5 500*v* производят в течение года только 5 000 *m*, следовательно, годовая норма прибавочной стоимости $= \frac{5\,000m}{5\,500v} = \frac{10}{11} = 90\frac{10}{11}\%$.

Поэтому годовая норма прибавочной стоимости, или сопоставление прибавочной стоимости, произведенной в течение года, со всем вообще *авансированным* переменным капиталом (в отличие от переменного капитала, *обернувшегося* в течение года), не является только субъективным сопоставлением — оно вызывается самим действительным движением капитала. В конце года к владельцу капитала *A* возвратился авансированный им переменный капитал, равный 500 ф. ст., и, кроме того, он получает еще 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Величину авансированного им капитала выражает не та масса капитала, которую он применил в течение года, а та, которая периодически к нему возвращается. По отношению к рассматриваемому вопросу не имеет никакого значения, существует ли капитал в конце года частью в виде производственного запаса, частью в виде товарного или денежного капитала, и в какой пропорции он делится на эти различные доли. К владельцу капитала *B* возвратились 5 000 ф. ст., возвратился авансированный им капитал, и он получил еще 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Для владельца капитала *C* (последнего рассмотренного нами капитала в 5 500 ф. ст.) в течение года произведено 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости (при затрате 5 000 ф. ст. и норме прибавочной стоимости в 100%), но авансированный им капитал, как и произведенная прибавочная стоимость, еще не возвратились к нему.

$M' = m'n$ выражает, что норма прибавочной стоимости, действительная для переменного капитала, примененного в течение одного периода оборота, то есть:

масса прибав. стоимости, произведенная в течение одного периода оборота
переменный капитал, примененный в течение одного периода оборота,
 что эта норма должна быть помножена на число периодов оборота, или на число периодов воспроизводства авансированного переменного капитала, т. е. на число периодов, в которые он возобновляет свой кругооборот.

В книге I «Капитала», гл. IV («Превращение денег в капитал») и затем в гл. XXI («Простое воспроизводство») мы уже видели, что капитальная стоимость вообще авансируется, а не затрачивается, так как эта стоимость, пройдя различные фазы своего кругооборота, опять возвращается к своему исходному пункту, и притом возвращается обогащенная прибавочной стоимостью. Это характеризует

ее как авансированную стоимость. Время, которое проходит от исходного пункта ее движения до момента ее возвращения, и есть то время, на которое она авансирована. Весь кругооборот, который совершает капитальная стоимость, измеряемый временем от ее авансирования до ее возвращения, образует ее оборот, а продолжительность этого оборота составляет один период оборота. Когда этот период истек и кругооборот закончен, та же самая капитальная стоимость может снова начать тот же кругооборот, следовательно, может снова самовозрастать, производить прибавочную стоимость. Если переменный капитал, как в примере *A*, оборачивается десять раз в год, то в течение года один и тот же авансированный капитал десять раз произведет такую массу прибавочной стоимости, которая соответствует ее производству за один период оборота.

Мы должны выяснить сущность авансирования с точки зрения капиталистического общества.

Капитал *A*, оборачивающийся десять раз в течение года, авансируется в течение года десять раз. На каждый новый период оборота он авансируется снова. Но, вместе с тем, в течение года капиталист *A* никогда не авансирует больше одной и той же капитальной стоимости в 500 ф. ст. и в действительности никогда не располагает для рассматриваемого нами процесса производства большим капиталом, чем этими 500 ф. ст. Как только эти 500 ф. ст. заканчивают один кругооборот, капиталист *A* заставляет их снова начать такой же кругооборот; точно так же капитал по своей природе сохраняет характер капитала именно лишь вследствие того, что он постоянно функционирует как капитал в повторяющихся процессах производства. Также и в данном случае капитал никогда не авансируется больше чем на 5 недель. Если оборот продлится дольше, то капитал окажется недостаточным. Если время оборота сокращается, то часть капитала делается избыточной. Здесь авансируется не десять капиталов по 500 ф. ст., а *один* капитал в 500 ф. ст. авансируется десять раз в последовательные периоды времени. Поэтому годовая норма прибавочной стоимости исчисляется не для капитала в 500 ф. ст., авансируемого десять раз, или не для суммы в 5 000 ф. ст., а для капитала в 500 ф. ст., авансированного один раз; дело обстоит совершенно так же, как 1 талер, обращающийся десять раз, всегда представляет только один единственный находящийся в обращении талер, хотя он и исполняет функцию 10 талеров. Но в тех руках, в которых он находится при каждой сделке, он по-прежнему остается одной и той же стоимостью в 1 талер.

Точно так же и капитал *A* при каждом своем возвращении, а также и при своем возвращении в конце года свидетельствует о том, что его владелец всегда оперирует лишь одной и той же капитальной стоимостью в 500 ф. ст. Поэтому в его руки каждый раз возвращается только 500 ф. ст. Поэтому авансированный им капитал никогда не превышает 500 ф. ст. И поэтому авансированный капитал

в 500 ф. ст. образует знаменатель в той дроби, которая выражает годовую норму прибавочной стоимости. Выше формула годовой нормы прибавочной стоимости была у нас такой: $M' = \frac{m'v n}{v} = m' n$. Так как действительная норма прибавочной стоимости $m' = \frac{m}{v}$, т. е. равна массе прибавочной стоимости, разделенной на переменный капитал, который ее произвел, то в $m' n$ мы можем подставить это значение m' , т. е. $\frac{m}{v}$, и тогда мы получим другую формулу: $M' = \frac{mn}{v}$.

Но вследствие своего десятикратного оборота, а потому и вследствие десятикратного возобновления его авансирования, капитал в 500 ф. ст. исполняет функцию вдесятеро большего капитала, т. е. капитала в 5 000 ф. ст., дело обстоит совершенно так же, как если бы 500 монет достоинством в один талер, обращающихся по десяти раз в год, исполняли функцию 5 000 таких же монет, обращающихся только один раз.

II. ОБОРОТ ОТДЕЛЬНОГО ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА

«Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии... Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства... Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод функционирующего капитала, прибавочная стоимость приобретает форму *дохода*, возникающего из капитала» («Капитал», книга I, гл. XXI, стр. 558, 559⁶⁷).

В нашем примере у капитала А 10 пятинедельных периодов оборота; в первый период оборота авансируются 500 ф. ст. переменного капитала, т. е. каждую неделю 100 ф. ст. обмениваются на рабочую силу, так что в конце первого периода оборота на рабочую силу будет израсходовано 500 ф. ст. Эти 500 ф. ст., первоначально составлявшие часть всего авансированного капитала, перестали быть капиталом. Они выплачены в качестве заработной платы. Рабочие, со своей стороны, расходуют их, покупая для себя жизненные средства; следовательно, рабочие потребляют жизненные средства стоимостью в 500 ф. ст. Таким образом уничтожается некоторое количество товаров на эту именно сумму стоимости (то, что рабочий сберегает, например, в виде денег и т. д., тоже не есть капитал). Эта товарная масса потребляется непроизводительно для рабочего, за исключением того, что она поддерживает в состоянии работоспособности его рабочую силу, т. е. орудие, необходимое для капиталиста. — Но, во-вторых, для капиталиста эти 500 ф. ст. обменены на рабочую силу той же самой стоимости (соответствен-

но — цены). Рабочая сила производительно потребляется капиталистом в процессе труда. В конце пятой недели имеется вновь созданная стоимость в 1 000 ф. ст. Половина ее, 500 ф. ст., представляет собой воспроизведенную стоимость переменного капитала, затраченного на оплату рабочей силы. Другая половина, 500 ф. ст., — это вновь произведенная прибавочная стоимость. Но та пятидневная рабочая сила, в которую посредством обмена превращалась часть капитала, тем самым превращаясь в переменный капитал, тоже израсходована, потреблена, хотя и производительно. Труд, действовавший вчера, — это не тот труд, который действует сегодня. Его стоимость плюс созданная им прибавочная стоимость существует теперь как стоимость вещи, отличной от самой рабочей силы, как стоимость продукта. Но вследствие того, что продукт превращен в деньги, часть его стоимости, равная стоимости авансированного переменного капитала, снова может быть превращена в рабочую силу, а потому снова может функционировать как переменный капитал. То обстоятельство, что на капитальную стоимость, не только воспроизведенную, но и превращенную уже обратно в денежную форму, будут наняты те же самые рабочие, т. е. те же самые носители рабочей силы, это обстоятельство не имеет никакого значения. Возможно, что во второй период оборота капиталист применит новых рабочих вместо прежних.

Следовательно, в действительности за 10 пятидневных периодов оборота на заработную плату последовательно затрачивается капитал не в 500 ф. ст., а в 5 000 ф. ст., и, в свою очередь, рабочие эту заработную плату израсходуют на жизненные средства. Авансированный таким образом капитал в 5 000 ф. ст. потреблен. Он больше не существует. С другой стороны, в процесс производства последовательно включается рабочая сила стоимостью не в 500 ф. ст., а в 5 000 ф. ст.; она не только воспроизводит свою собственную стоимость равную 5 000 ф. ст., но и производит избыток, прибавочную стоимость в 5 000 ф. ст. Переменный капитал в 500 ф. ст., авансируемый на второй период оборота, не тождествен с капиталом в 500 ф. ст., который был авансирован в первый период оборота. Этот последний потреблен, израсходован на заработную плату. Но он *возмещен* новым переменным капиталом в 500 ф. ст., который в первом периоде оборота был произведен в товарной форме и опять превращен в денежную форму. Следовательно, этот новый денежный капитал в 500 ф. ст. представляет собой денежную форму той товарной массы, которая была вновь произведена в первый период оборота. То обстоятельство, что в руках капиталиста опять находится точно такая же денежная сумма в 500 ф. ст., т. е., оставляя в стороне прибавочную стоимость, точно такое же количество денежного капитала, какое он первоначально авансировал, это обстоятельство скрывает тот факт, что капиталист оперирует вновь произведенным капиталом. (Что касается других

составных частей стоимости товарного капитала, возмещающих элементы постоянного капитала, то их стоимость не производится вновь; меняется лишь форма, в которой существует эта стоимость.) — Возьмем третий период оборота. Здесь очевидно, что капитал в 500 ф. ст., авансированный в третий раз, — это не старый, а вновь произведенный капитал, потому что он представляет собой денежную форму товарной массы, произведенной во второй, а не в первый период оборота, т. е. денежную форму той части этой товарной массы, стоимость которой равна стоимости авансированного переменного капитала. Товарная масса, произведенная в первый период оборота, продана. Часть ее стоимости, равная переменной части стоимости авансированного капитала, была обменена на новую рабочую силу второго периода оборота и произвела новую товарную массу, которая в свою очередь была продана, и теперь уже часть ее стоимости образует капитал в 500 ф. ст., авансируемый в третий период оборота.

И таким образом дело идет в продолжение десяти периодов оборота. В течение этих периодов вновь произведенные товарные массы (стоимость которых, поскольку она возмещает переменный капитал, тоже вновь производится, а не просто опять проявляется как стоимость постоянной оборотной части капитала) через каждые пять недель выбрасываются на рынок, и благодаря этому в процесс производства постоянно включается новая рабочая сила.

Следовательно, посредством десятикратного оборота, авансированного переменного капитала в 500 ф. ст. достигается не то, что этот капитал в 500 ф. ст. может быть производительно потреблен десять раз, и не то, что переменный капитал, достаточный для пяти недель, может применяться в течение 50 недель. Напротив, за 50 недель применяется переменный капитал, равный 500 ф. ст. $\times 10$, а капитал в 500 ф. ст. всегда будет достаточен только на 5 недель, и по истечении пяти недель его придется возмещать вновь произведенным капиталом в 500 ф. ст. Это относится к капиталу *A* совершенно так же, как к капиталу *B*. Но здесь начинается различие.

В конце первого пятинедельного периода капиталистом *B*, как и капиталистом *A*, авансирован и затрачен переменный капитал в 500 ф. ст. Как капиталист *B*, так и капиталист *A* превратили его стоимость в рабочую силу и возместили ее частью стоимости продукта, вновь произведенной этой рабочей силой, частью, которая равна стоимости авансированного переменного капитала в 500 ф. ст. Как для капиталиста *B*, так и для капиталиста *A* рабочая сила не только возмещает стоимость израсходованного переменного капитала в 500 ф. ст. новой стоимостью на такую же сумму, но и присоединяет к ней прибавочную стоимость, по нашему предположению, — прибавочную стоимость такой же величины.

Однако та вновь созданная стоимость, которая возмещает авансированный переменный капитал и к его стоимости прибавляет

прибавочную стоимость, находится у капиталиста *B* не в той форме, в какой она снова может функционировать как производительный капитал, соответственно — как переменный капитал. У капиталиста *A* она находится именно в такой форме. При этом до конца года переменный капитал, расходуемый капиталистом *B* в первые пять недель и затем последовательно в каждые 5 недель, хотя он и возмещается вновь произведенной стоимостью плюс прибавочная стоимость, находится не в такой форме, в которой он снова может функционировать как производительный капитал, соответственно — как переменный капитал. Хотя его стоимость возмещена новой стоимостью, т. е. возобновлена, но *форма* его стоимости (здесь абсолютная форма стоимости, ее денежная форма), не возобновлена.

Итак, для второго пятинедельного периода (и таким же образом последовательно для каждых пяти недель в течение года) совершенно так же должны быть в запасе следующие 500 ф. ст., как и для первого периода. Следовательно, если оставить в стороне кредитные отношения, в начале года должны быть в запасе 5 000 ф. ст. в качестве скрытого авансированного денежного капитала, хотя они будут действительно расходоваться, действительно превращаться в рабочую силу лишь постепенно в течение всего года.

Так как у капиталиста *A*, напротив, кругооборот, т. е. оборот авансированного капитала, полностью завершен по истечении 5 недель, то стоимость, служащая возмещением, уже по прошествии первых пяти недель находится в такой форме, в которой она может привести в движение новую рабочую силу на следующие пять недель, т. е. она находится в своей первоначальной, денежной форме.

Во второй пятинедельный период у капиталиста *A*, как и у капиталиста *B*, потребляется новая рабочая сила, и для оплаты этой рабочей силы расходуется новый капитал в 500 ф. ст. Жизненные средства рабочих, купленные на первые 500 ф. ст., потреблены, во всяком случае их стоимость исчезла из рук капиталиста. На вторые 500 ф. ст. покупается новая рабочая сила, новые жизненные средства извлекаются с рынка. Короче говоря, расходуется новый капитал в 500 ф. ст., а не старый. Но у капиталиста *A* этот новый капитал в 500 ф. ст. представляет собой денежную форму вновь произведенной стоимости, возмещающей ранее израсходованные 500 ф. ст. У капиталиста *B* эта возмещающая стоимость находится в такой форме, в которой она не может функционировать как переменный капитал. Она имеется налицо, но не в форме переменного капитала. Поэтому для продолжения процесса производства в следующие пять недель должен быть в наличии и должен быть авансирован добавочный капитал в 500 ф. ст. в неизбежной для данного случая денежной форме. Таким образом в течение 50 недель как капиталист *A*, так и капиталист *B* расходуют одинаковый по размерам переменный капитал, оплачивают и потребляют одинаковое количест-

во рабочей силы. Но капиталист *B* должен оплатить ее, авансировав капитал, равный всей ее стоимости = 5 000 ф. ст., тогда как капиталист *A* оплачивает ее последовательно стоимостью, постоянно возобновляемой в денежной форме, производимой в течение каждых пяти недель и возмещающей капитал в 500 ф. ст., авансированный на каждые 5 недель. Следовательно, капиталист *A* никогда не авансирует денежный капитал более чем на 5 недель, т. е. никогда не авансирует капитал больший, чем капитал в 500 ф. ст., авансированный на первые пять недель. Этих 500 ф. ст. достаточно на весь год. Поэтому ясно, что при одинаковой степени эксплуатации труда, при одинаковой действительной норме прибавочной стоимости годовые нормы прибавочной стоимости у капиталистов *A* и *B* должны находиться в обратном отношении к величинам тех переменных денежных капиталов, которые им необходимо было авансировать для того, чтобы в течение года привести в движение одинаковую массу рабочей силы. У капиталиста *A*: $\frac{5\,000m}{500v} = 1\,000\%$ и у капиталиста *B*: $\frac{5\,000m}{5\,000v} = 100\%$. Но $500v : 5\,000v = 1 : 10 = = 100\% : 1\,000\%$.

Различие вытекает из разницы в продолжительности периодов оборота, т. е. тех периодов, по истечении которых стоимость, возмещающая переменный капитал, примененный в определенный промежуток времени, снова может функционировать как капитал, следовательно, — как новый капитал. У капиталиста *B*, как и у капиталиста *A*, имеет место одинаковое возмещение стоимости переменного капитала, применявшегося в течение одних и тех же периодов. При этом в течение одних и тех же периодов происходит также одинаковый прирост прибавочной стоимости. Но хотя у капиталиста *B* каждые 5 недель и происходит возмещение стоимости в 500 ф. ст., да еще нарастает 500 ф. ст. прибавочной стоимости, однако стоимость, которая служит возмещением, еще не образует нового капитала, потому что она находится не в денежной форме. У капиталиста *A* старая капиталная стоимость не только возмещается новой стоимостью, но она восстанавливается при этом в своей денежной форме, следовательно, возмещается в виде нового, способного вновь функционировать капитала.

Более раннее или более позднее превращение возмещающей стоимости в деньги, т. е. в такую форму, в которой авансируется переменный капитал, — это обстоятельство, очевидно, является совершенно безразличным для самого производства прибавочной стоимости. Последнее зависит от величины примененного переменного капитала и от степени эксплуатации труда. Но указанное обстоятельство изменяет величину того денежного капитала, который приходится авансировать для того, чтобы в течение года привести в движение определенное количество рабочей силы, и, следовательно, оно определяет годовую норму прибавочной стоимости.

III. ОБОРОТ ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА С ОБЩЕСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Кратко рассмотрим оборот переменного капитала с общественной точки зрения. Предположим, что один рабочий стоит в неделю 1 ф. ст., а рабочий день = 10 часам. У капиталиста *A*, как и у капиталиста *B*, в течение года занято 100 рабочих (100 ф. ст. в неделю на 100 рабочих составляет за 5 недель 500 ф. ст., а за 50 недель — 5 000 ф. ст.); рабочие работают 6 дней в неделю, по 60 рабочих часов каждый. Следовательно, 100 рабочих проработают за неделю 6 000 рабочих часов, а за 50 недель 300 000 рабочих часов. Как капиталист *A*, так и капиталист *B* прочно завладели этой рабочей силой, и, следовательно, она не может быть израсходована обществом на что-либо другое. В этом отношении с общественной точки зрения дело обстоит одинаково как у капиталиста *B*, так и у капиталиста *A*. Далее, у капиталиста *B*, как и у капиталиста *A*, каждые 100 рабочих получают в год 5 000 ф. ст. заработной платы (следовательно, все 200 рабочих вместе получают 10 000 ф. ст.) и на эту сумму берут у общества жизненные средства. И в этом отношении с общественной точки зрения дело опять-таки обстоит одинаково как у рабочих капиталиста *A*, так и у рабочих капиталиста *B*. Так как в обоих случаях рабочие получают заработную плату еженедельно, то еженедельно же они берут у общества и жизненные средства, за которые они в обоих случаях опять-таки еженедельно бросают в обращение денежный эквивалент. Но здесь начинается различие.

Во-первых. Деньги, которые бросает в обращение рабочий капиталиста *A*, представляют собой не только денежную форму стоимости его рабочей силы, как для рабочего капиталиста *B* (в действительности они являются средством платежа за уже выполненную работу); после открытия предприятия уже со второго периода оборота эти деньги представляют собой денежную форму *вновь созданной им самим стоимости* (= цене рабочей силы плюс прибавочная стоимость), произведенной в первый период оборота; за счет этой стоимости и оплачивается его труд в течение второго периода оборота. У капиталиста *B* дело обстоит иначе. Хотя по отношению к рабочему деньги и здесь являются средством платежа за уже выполненную им работу, но эта уже выполненная работа оплачивается не вновь созданной им стоимостью, превращенной в деньги (не за счет денежной формы стоимости, произведенной этим самым трудом). Оплата из этого источника может начаться только со второго года, когда рабочий *B* будет оплачиваться за счет стоимости, вновь созданной им в течение прошлого года и превращенной в деньги.

Чем короче период оборота капитала, — чем короче поэтому промежутки, через которые в течение года повторяется его воспроизводство, — тем быстрее переменная часть капитала, первоначально

авансированная капиталистом в денежной форме, превращается в денежную форму той вновь созданной стоимости (закрывающей в себе кроме того и прибавочную стоимость), которая создана рабочим в возмещение этого переменного капитала; следовательно, тем короче время, на которое капиталист должен авансировать деньги из своего собственного фонда, тем меньше, сравнительно с данными размерами производства, тот капитал, который он вообще авансирует, и тем относительно больше та масса прибавочной стоимости, которую он, при данной ее норме, выколачивает из рабочих в течение года. Причина заключается в следующем: чем короче период оборота капитала, тем чаще капиталист может снова покупать рабочего за счет денежной формы вновь созданной им самим стоимости, тем чаще он может снова приводить в движение его труд.

При данном масштабе производства абсолютная величина авансируемого переменного денежного капитала (как и вообще оборотного капитала) уменьшается, а годовая норма прибавочной стоимости возрастает пропорционально сокращению периода оборота. При данной величине авансированного капитала масштаб производства, а потому при данной норме прибавочной стоимости и ее абсолютная масса, производимая в течение одного периода оборота, возрастают одновременно с повышением годовой нормы прибавочной стоимости, повышением, которое вызывается сокращением периодов воспроизводства. Вообще в результате предшествующего исследования оказывается, что соответственно различной продолжительности периода оборота необходимо авансировать денежный капитал очень различной величины для того, чтобы при одной и той же степени эксплуатации труда приводить в движение одинаковую массу производительного оборотного капитала и одинаковую массу труда.

Во-вторых, — и это связано с первым различием, — рабочий капиталиста *В*, как и капиталиста *А*, платит за покупаемые им жизненные средства переменным капиталом, который в его руках превращается в средства обращения. Например, он не только берет с рынка пшеницу, но и возмещает ее эквивалентом в деньгах. Но так как деньги, которыми рабочий капиталиста *В* оплачивает и берет с рынка свои жизненные средства, не представляют собой денежной формы вновь созданной стоимости, выбрасываемой им на рынок в течение года, как у рабочего капиталиста *А*, то хотя он и доставляет деньги продавцу жизненных средств, но не доставляет никаких товаров, — ни средств производства, ни жизненных средств, — которые данный продавец мог бы купить на вырученные деньги, как это происходит, напротив, в случае с рабочим капиталиста *А*. Поэтому с рынка будут взяты: рабочая сила, жизненные средства для этой рабочей силы, основной капитал в форме средств труда, применяемых капиталистом *В*, производственные материалы, и в возмеще-

ние всего этого на рынок будет выброшен эквивалент в виде денег; но в течение года на рынок не выбрасывается никакого продукта, который возместил бы взятые с рынка вещественные элементы производительного капитала. Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, а следовательно, отпадает и вся та маскировка сделок, которая благодаря ему возникает. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, сравнительно длительное время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств и вообще в течение этого времени не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и жизненные средства. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественный разум всегда заявляет о себе только *post festum* *, в таких случаях могут и должны постоянно происходить крупные нарушения. С одной стороны, испытывает давление денежный рынок; причем, напротив, хорошее состояние денежного рынка вызывает в свою очередь массу таких предприятий, следовательно, создает именно такие условия, которые позже вызывают давление на денежном рынке. Денежный рынок испытывает давление, потому что при этом постоянно требуется авансирование денежного капитала в крупном масштабе и на продолжительное время. Мы уже совершенно не говорим о том, что промышленники и купцы бросают на железнодорожные и т. п. спекуляции денежный капитал, необходимый им для ведения собственных предприятий, и возмещают его путем займов на денежном рынке. — С другой стороны, сильно возрастает спрос на свободный производительный капитал общества. Так как элементы производительного капитала постоянно извлекаются с рынка и взамен их на рынок выбрасывается только денежный эквивалент, то возрастает платежеспособный спрос, который, однако, не содержит в себе никаких элементов предложения. Поэтому возрастают цены как на жизненные средства, так и на производственные материалы. К тому же в такое время обычно развивается ажиотаж, и происходит значительное перемещение капитала. Шайка спекулянтов, подрядчиков, инженеров, адвокатов и пр. обогащается. Они создают на рынке усиленный спрос на предметы потребления; наряду с этим повышается и заработная плата. Что касается спроса на продовольствие, то это, конечно, ускоряет развитие также и сельского хозяйства. Но так как количество продуктов питания нельзя увеличить вдруг, в продолжение одного года, то возрастает их ввоз, как и вообще ввоз экзотических

* — задним числом. *Ред.*

продуктов (кофе, сахара, вина и др.), а также предметов роскоши. В результате имеет место чрезмерный ввоз и спекуляция в этой части импорта. С другой стороны, в тех отраслях промышленности, в которых производство можно быстро расширить (собственно обрабатывающая промышленность, горная промышленность и т. д.), повышение цен вызывает внезапное расширение, за которым вскоре следует крах. То же самое воздействие оказывается на рынок труда с целью привлечь к новым отраслям производства крупные массы скрытого относительно избыточного населения и даже уже занятых рабочих. Вообще такие крупные предприятия, как железные дороги, отвлекают с рынка труда определенное количество рабочей силы, которое может поступать лишь из некоторых отраслей, например, из сельского хозяйства, где используются, как правило, крепкие парни. Это явление имеет место и после того, как новые предприятия стали уже сложившейся отраслью производства, а потому и после того, как уже образовалась необходимая для этих предприятий прослойка бродячих рабочих. Например, оно имеет место и в том случае, если железнодорожное строительство вдруг начинает вестись в более крупном масштабе, чем обычный средний. Тогда поглощается часть той резервной армии рабочих, давление которой понижало уровень заработной платы. В этом случае происходит общее повышение заработной платы, — даже в тех частях рынка труда, где и до этого рабочие были вполне заняты. Это продолжается до тех пор, пока неизбежный крах снова не высвободит резервную армию рабочих; тогда вследствие ее давления заработная плата снова понижается до своего минимума и даже ниже³²⁾.

Поскольку большая или меньшая продолжительность периода оборота зависит от собственно рабочего периода, т. е. от периода, который требуется для того, чтобы произвести готовый продукт для рынка, то она основывается на материальных условиях производства, вполне определенных для различных вложений капитала. Эти условия в земледелии имеют в большей мере характер естественных условий производства, а в обрабатывающей и в большей части добывающей промышленности они изменяются вместе с общественным развитием самого процесса производства.

³²⁾ В рукописи у Маркса здесь вставлена следующая заметка с тем, чтобы развить ее позже: «Противоречие в капиталистическом способе производства: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничивать рабочих минимумом цены как продавцов своего товара — рабочей силы. Дальнейшее противоречие: те периоды, когда капиталистическое производство напрягает все свои силы, оказываются, как правило, периодами перепроизводства, так как производственные возможности никогда не могут быть использованы таким образом, чтобы можно было не только произвести, но и реализовать большую массу стоимости; но продажа товаров, реализация товарного капитала, а следовательно, и прибавочной стоимости, ограничена не потребительными нуждами общества вообще, а потребительными нуждами такого общества, огромное большинство которого всегда живет в бедности и вынуждено постоянно оставаться бедным. Однако это относится только к следующему отделу».

Поскольку продолжительность рабочего периода определяют по количеству доставляемых товаров (по количеству продуктов, которое обычно выбрасывается на рынок в качестве товара), то эта продолжительность имеет условный характер. Но материальным базисом самой этой условности служит масштаб производства, а потому она случайна, если только рассматривать ее обособленно.

Наконец, поскольку продолжительность периода оборота зависит от продолжительности периода обращения, то она отчасти обуславливается постоянным изменением рыночной конъюнктуры, большей или меньшей легкостью продажи и вытекающей из этого необходимостью бросать продукт отчасти на более близкий или на более отдаленный рынок. Если вообще оставить в стороне размер спроса, то движение цен играет здесь главную роль: при понижении цен продажа намеренно ограничивается, между тем как производство идет по-прежнему; напротив, при повышении цен производство и продажа не отстают друг от друга, или товар может быть продан даже до того, как он произведен. Однако собственно материальным базисом следует считать здесь действительную отдаленность места производства от рынка сбыта.

Например, английская хлопчатобумажная ткань или пряжа продается в Индию. Предположим, что купец-экспортер платит за нее английскому хлопчатобумажному фабриканту (купец охотно делает это только при хорошем состоянии денежного рынка. Если же фабрикант сам возмещает свой денежный капитал при помощи кредитных операций, то, значит, дела у него обстоят уже неважно). Позже экспортер продает свой хлопчатобумажный товар на индийском рынке, откуда к нему возвращается авансированный им капитал. До момента этого возвращения у фабриканта дело обстоит совершенно так же, как и в том случае, когда большая продолжительность рабочего периода делает необходимым авансирование нового денежного капитала для бесперебойного ведения процесса производства в прежнем масштабе. Денежный капитал, с помощью которого фабрикант оплачивает своих рабочих, а также возобновляет остальные элементы своего оборотного капитала, не представляет собой денежной формы произведенной им пряжи. Это может иметь место лишь тогда, когда стоимость этой пряжи возвратится в Англию в виде денег или продукта. Эти деньги, как и в предыдущих случаях, являются добавочным денежным капиталом. Различие состоит только в том, что вместо фабриканта его авансирует купец, который, возможно, в свою очередь получил его посредством кредитных операций. Точно так же, прежде чем эти деньги выбрасываются на рынок или одновременно с этим, на английский рынок не выбрасывается добавочного продукта, который может быть куплен на эти деньги и может войти в сферу производительного или индивидуального потребления. Если такое положение сохраняется долгое время и в сравнительно крупном масштабе, то оно должно

вызвать такие же последствия, какие вызывало рассмотренное выше удлинение рабочего периода.

Возможно, далее, что в самой Индии пряжа опять-таки продается в кредит. На этот кредит в Индии покупается ее продукт и в качестве платы вывозится в Англию, или же в Англию переводится вексель на соответствующую сумму. Если такое состояние затянется, то оно окажет давление на индийский денежный рынок, а это, в свою очередь, может вызвать в Англии кризис. В свою очередь, кризис в Англии, даже если он и сопровождается вывозом благородных металлов в Индию, вызывает в последней новый кризис вследствие банкротства английских торговых фирм и их индийских филиалов, которым индийские банки предоставили кредит. Так возникает одновременный кризис как на том рынке, для которого торговый баланс оказывается *отрицательным*, так и на том рынке, для которого он оказывается *положительным*. Это явление может быть еще более сложным. Например, Англия отправила в Индию серебро в слитках, но в это время английские кредиторы Индии предъявляют там свои требования, и Индия должна будет вскоре отправить свое серебро в слитках обратно в Англию.

Возможно, что экспорт товаров в Индию и импорт товаров из Индии приблизительно уравниваются, хотя последний (исключая особые обстоятельства, как вздорожание хлопка и т. д.) по своему объему определяется и стимулируется первым. Торговый баланс между Англией и Индией может казаться уравновешенным или показывать лишь незначительные колебания в ту или другую сторону. Но как только в Англии разражается кризис, обнаруживается, что непроданные хлопчатобумажные товары лежат на складах в Индии (следовательно, они еще не превратились из товарного капитала в денежный капитал, т. е. с этой точки зрения имеет место перепроизводство), а, с другой стороны, оказывается, что в Англии не только лежат непроданными запасы индийских продуктов, но и что большая часть проданных и потребленных запасов еще совершенно не оплачена. Поэтому то, что представляется кризисом на денежном рынке, в действительности выражает аномалии в самом процессе производства и воспроизводства.

В-третьих. Что касается самого примененного оборотного капитала (переменного и постоянного), то продолжительность периода оборота, поскольку она зависит от продолжительности рабочего периода, приводит к следующему различию: при нескольких оборотах в течение года некоторая часть переменного или постоянного оборотного капитала может быть получена за счет продукта этого самого капитала, как, например, в угольной промышленности, в мастерских готового платья и т. д. В ином случае это невозможно, по крайней мере невозможно в течение года.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ОБРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Выше мы уже видели, что различие в периоде оборота вызывает различие в годовой норме прибавочной стоимости, даже при неизменной массе ежегодно производимой прибавочной стоимости.

Но затем необходимо возникает различие в капитализации прибавочной стоимости, в *накоплении*, и постольку, при одинаковой норме прибавочной стоимости, возникает также различие в ее массе, производимой в течение года.

Отметим прежде всего, что капитал *A* (в примере предыдущей главы) дает периодический текущий доход, следовательно, за исключением первого периода оборота после открытия предприятия, капиталист покрывает свое собственное потребление в течение года за счет своего производства прибавочной стоимости, на это потребление ему не приходится авансировать деньги из собственного фонда. Напротив, последнее имеет место у капиталиста *B*. Хотя в одни и те же периоды времени он производит столько же прибавочной стоимости, сколько и капиталист *A*, но его прибавочная стоимость не реализована, и потому она не может быть потреблена ни индивидуально, ни производительно. Поскольку речь идет об индивидуальном потреблении, прибавочная стоимость просто предвосхищается. Для этого должен быть авансирован специальный фонд.

Та часть производительного капитала, которую трудно подвести под определенную рубрику, а именно добавочный капитал, необходимый для ремонта и содержания в исправности основного капитала, эта часть капитала тоже выступает теперь в новом свете.

У капиталиста *A* эта часть капитала при начале производства не авансируется ни целиком, ни в большей своей части. Капиталисту не надо иметь ее в своем распоряжении, он может даже совсем не иметь ее. Она возникает в процессе функционирования предприятия путем непосредственного превращения прибавочной стоимости в капитал, т. е. путем прямого применения ее в качестве капитала. Часть прибавочной стоимости, не только периодически произ-

водимой, но и реализуемой в течение года, может покрывать необходимые расходы на ремонт и т. д. Таким образом, часть капитала, необходимого для ведения предприятия в его первоначальном масштабе, создается самим предприятием во время его функционирования, создается посредством капитализации некоторой части прибавочной стоимости. Для капиталиста *В* это невозможно. Часть капитала, о которой идет речь, должна составлять у него часть первоначально авансируемого капитала. В обоих случаях эта часть капитала будет фигурировать в бухгалтерских книгах капиталиста как авансированный капитал, чем она и является в действительности, так как, согласно нашему предположению, она составляет часть производительного капитала, необходимого для ведения предприятия в данном масштабе. Но огромное различие заключается в том, из какого фонда она авансируется. У капиталиста *В* она действительно составляет часть первоначально авансируемого капитала или капитала, который должен иметься в распоряжении. Напротив, у капиталиста *А* она составляет часть прибавочной стоимости, применяемой в качестве капитала. Этот последний случай показывает нам, что не только накопленный капитал, но и часть первоначально авансируемого капитала может быть просто капитализированной прибавочной стоимостью.

С развитием кредита отношение первоначально авансированного капитала и капитализированной прибавочной стоимости становится еще более запутанным. Например, капиталист *А* занимает у банкира *С* часть производительного капитала, с которым он начинает предприятие или ведет его в течение года. Вначале у него нет собственного капитала, достаточного для ведения предприятия. Банкир *С* ссужает ему сумму, которая состоит исключительно из прибавочной стоимости, положенной в его банк промышленниками *D*, *E*, *F* и т. д. С точки зрения капиталиста *А* при этом пока еще и речи нет о накопленном капитале. Но в действительности для промышленников *D*, *E*, *F* и т. д. капиталист *А* есть не что иное, как агент, капитализирующий присвоенную ими прибавочную стоимость.

Мы уже видели («Капитал», книга I, гл. XXII), что накопление, превращение прибавочной стоимости в капитал, по своему реальному содержанию есть процесс воспроизводства в расширенном масштабе, независимо от того, выражается ли такое расширение экстенсивно, путем строительства новых фабрик в дополнение к старым, или интенсивно, путем увеличения масштаба производства на данном предприятии.

Увеличение масштаба производства может совершаться понемногу, а именно в тех случаях, когда часть прибавочной стоимости употребляется на такие улучшения, которые или только повышают производительную силу применяемого труда, или вместе с тем позволяют эксплуатировать его более интенсивно. Или же, в тех слу-

чаях, когда рабочий день не ограничен законом, для увеличения масштаба производства достаточно затраты добавочного оборотного капитала (на производственные материалы и заработную плату) без увеличения основного капитала; таким образом лишь удлиняется ежедневное время использования основного капитала, между тем как период его оборота становится соответственно короче. Или же, при благоприятной конъюнктуре рынка, капитализированная прибавочная стоимость дает возможность спекулировать на сырье, т. е. совершать такие операции, для которых первоначально авансированного капитала было бы недостаточно, и т. д.

Между тем ясно, что в тех случаях, когда увеличение числа периодов оборота влечет за собой более частую реализацию прибавочной стоимости в течение года, в этих случаях рано или поздно наступают периоды, когда уже нельзя будет ни удлинять рабочий день, ни вводить частичные улучшения; с другой стороны, пропорциональное расширение всего предприятия возможно только в известных, более или менее узких пределах, обусловливаемых отчасти общим характером предприятия, например, зданий, отчасти размерами обрабатываемого поля, как в сельском хозяйстве; притом для этого требуется столь значительный добавочный капитал, что его может доставить лишь накопление прибавочной стоимости в течение многих лет.

Итак, наряду с действительным накоплением, или превращением прибавочной стоимости в производительный капитал (и соответствующим воспроизводством в расширенном масштабе), происходит накопление денег, накопление части прибавочной стоимости в виде скрытого денежного капитала, который только впоследствии, когда он достигнет известной величины, будет функционировать как добавочный активный капитал.

Так представляется дело с точки зрения отдельного капиталиста. Однако одновременно с развитием капиталистического производства развивается и система кредита. Денежный капитал, который один капиталист еще не может применить в своем собственном предприятии, применяется другими капиталистами, от которых он получает за это проценты. Для него этот капитал функционирует как денежный капитал в специфическом смысле, как особый вид капитала, отличный от производительного капитала. Но он действует как капитал в руках другого. Ясно, что при более частой реализации прибавочной стоимости и при увеличении масштаба, в котором она производится, возрастает та пропорция, в которой новый денежный капитал, или деньги в виде капитала, выбрасывается на денежный рынок, а отсюда, по крайней мере в своей большей части, вновь поглощается для расширения производства.

Простейшая форма, которую может принять этот добавочный скрытый денежный капитал, есть форма сокровища. Возможно, что это сокровище представляет собой добавочное золото или сереб-

ро, полученное прямо или косвенно при обмене со странами, добывающими благородные металлы. И только таким способом денежное сокровище в пределах данной страны возрастает абсолютно. С другой стороны, возможно — и таково большинство случаев, — что такое сокровище представляет собой не что иное, как деньги, изъятые из обращения внутри страны и принявшие форму сокровища в руках отдельных капиталистов. Возможно, далее, что этот скрытый денежный капитал заключается просто в знаках стоимости — кредитные деньги мы все еще оставляем в стороне — или также в простых, подтвержденных официальными документами притязаниях (юридических титулах) капиталистов к третьим лицам. Во всех этих случаях, какова бы ни была форма существования этого добавочного денежного капитала, поскольку он является капиталом *in spe* *, он представляет собой не что иное, как добавочный и сохраняемый про запас юридический титул капиталиста на будущую добавочную часть годового производства общества.

«Масса действительно накопленного богатства, рассматриваемого с количественной стороны... настолько незначительна по сравнению с производительными силами того общества, которому оно принадлежит, на какой бы ступени цивилизации ни находилось данное общество, или даже по сравнению с действительным потреблением этого самого общества в течение только немногих лет, — она настолько незначительна, что главное внимание законодателей и политико-экономов должно бы направляться на производительные силы и на их будущее свободное развитие, а не — как это было до сих пор — на одно только накопленное богатство, которое поражает взор. Несравненно большая часть так называемого накопленного богатства — это только номинальное богатство, и состоит оно не из действительных предметов, кораблей, домов, хлопчатобумажных товаров, мелиоративных сооружений, — а из одних только юридических титулов, из притязаний на будущие годовые производительные силы общества, из юридических титулов, порожденных и увековеченных благодаря средствам и учреждениям, свойственным состоянию необеспеченности... Пользование такими предметами» (накопленными, физически существующими вещами, или действительным богатством) «как простым средством, которое служит их владельцам для того, чтобы присваивать себе богатство, которое еще должно быть создано будущими производительными силами общества, это пользование было бы отнято у них в силу естественных законов распределения постепенно, без применения силы; при поддержке кооперативного труда» («co-operative labour») «оно было бы отнято у них в течение немногих лет» (William Thompson. «Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London, 1850, p. 453. — Первое издание этой книги появилось в 1824 году).

«Немногие задумываются над тем, а большинство совершенно не подозревает, как ничтожно и по величине и по своему влиянию фактическое накопление общества по сравнению с производительными силами человечества, даже по сравнению с обычным потреблением одного поколения в течение лишь немногих лет. Причина этого очевидна, но влияние очень пагубно. Богатство, потребляемое ежегодно, исчезает в процессе его потребления, оно находится перед глазами только одно мгновение и производит впечатление только в течение того времени, пока им наслаждаются или пока его потребляют. Но часть богатства, потребляемая медленно, — мебель, машины, здания стоят перед нашими глазами с нашего детства и до старости как прочные памятники человеческих усилий. Вследствие обладания этой устойчивой, прочной, лишь медленно потребляемой частью общественного богатства — землей и сырыми материалами, к которым прилагается труд, орудия-

* в перспективе. *Ред.*

ми, которыми выполняется труд, а также домами, которые служат кровом во время работы, — вследствие обладания этими предметами их собственники в своих личных выгодах овладевают годовичными производительными силами всех действительно производительных работников общества, как бы ни были незначительны эти предметы по сравнению с постоянно возобновляемыми продуктами этого труда. Население Британии и Ирландии равно 20 миллионам; среднее годовое потребление каждого человека — мужчины, женщины или ребенка — составляет, вероятно, около 20 ф. ст.; ежегодно потребляемый продукт труда составляет поэтому богатство приблизительно в 400 миллионов ф. ст. Общая сумма накопленного капитала в этих странах по оценке не превышает 1 200 миллионов, или утроенного годового продукта труда; при делении поровну на каждого человека приходится 60 ф. ст. капитала. Здесь для нас важно скорее отношение величин, чем более или менее точный абсолютный итог этих предположительных сумм. Процентом со всего этого капитала было бы достаточно для того, чтобы содержать все население при его современном уровне жизни около двух месяцев в году, а самого накопленного капитала в целом (если бы нашлись на него покупатели) хватило бы на содержание этого населения, без продолжения труда, в продолжение трех лет! По прошествии этого времени люди, лишенные жилища, платья и пищи, должны были бы погибнуть с голоду или же сделаться рабами тех, кто содержал их в течение этих трех лет. Как 3 года относится к продолжительности жизни одного здорового поколения, скажем, к 40 годам, так величина и значение действительного богатства, накопленный капитал даже самой богатой страны, относится к ее производительной силе, к производительным силам одного только поколения людей, т. е. не к тому, что они могли бы произвести при разумном порядке, при одинаковой для всех обеспеченности и в особенности при кооперативном труде, а к тому, что они действительно абсолютно производят при несовершенном порядке, при общей необеспеченности, лишающей бодрости духа!.. И для того, чтобы сохранить и увековечить в своем настоящем состоянии вынужденного разделения эту кажущуюся огромной массу имеющегося в наличии капитала или, лучше сказать, чтобы сохранить и увековечить приобретаемое при ее посредстве распоряжение продуктом годового труда и монополию на него, должен быть увековечен весь чудовищный механизм со своими пороками, преступлениями и страданиями от необеспеченности. Ничто не может быть накоплено, пока не будут удовлетворены необходимые потребности, а великий поток человеческих желаний ищет удовлетворения; этим объясняется относительная незначительность суммы действительного богатства общества в каждый данный момент. Это — вечный кругооборот производства и потребления. При таком громадном объеме годового производства и потребления общество едва ли может обойтись без горстки действительного накопления; и, однако, главное внимание было устремлено не на массу производительных сил, а именно на эту горстку накопления. Но немногие захватили эту горстку и превратили ее в орудие присвоения продуктов труда, постоянно из года в год возобновляемых подавляющей массой людей. Этим объясняется чрезвычайная важность такого орудия для этих немногих... Около трети национального годового продукта отнимается теперь у производителей в виде общественных налогов и непосредственно потребляется людьми, которые не дают за это никакого эквивалента, т. е. ничего такого, что имело бы значение эквивалента для производителей... Толпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно, если они сконцентрированы в руках немногих. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимы волны могучего потока, катятся мимо и теряются безвозвратно в океане потребления. И, однако, это вечное потребление обуславливает не только все наслаждения, но и существование всего человеческого рода. Предметом исследования должно быть прежде всего количество этого годового продукта и его распределение. Действительное накопление имеет совершенно второстепенное значение, да и это значение оно получает почти исключительно вследствие своего влияния на распределение годового продукта... Действительное накопление и распределение постоянно рассматриваются здесь» (в книге Томпсона) «в их отношении к производительной силе общества и как факторы, подчиненные этой силе. Почти во всех других системах производительная сила рассматривалась в ее отношении к накоплению и

увекочению существующего способа распределения, как подчиненная им. По сравнению с сохранением этого существующего способа распределения постоянно возобновляющаяся нищета или благосостояние всего человеческого рода считается фактом, не заслуживающим внимания. Увековечение результатов насилия, обмана и случайностей — это назвали безопасностью; и для сохранения этой мнимой безопасности безжалостно приносятся в жертву все производительные силы человеческого рода» (там же, стр. 440—443).

Если оставить в стороне те помехи, которые затрудняют воспроизводство даже в прежнем масштабе, то возможны только два нормальных случая воспроизводства:

Или имеет место простое воспроизводство.

Или имеет место капитализация прибавочной стоимости, т. е. накопление.

1. ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

При простом воспроизводстве прибавочная стоимость, производимая и реализуемая ежегодно, или, при нескольких оборотах, периодически в течение года, целиком потребляется ее собственниками, капиталистами, индивидуально, т. е. непроизводительно.

То обстоятельство, что стоимость продукта состоит отчасти из прибавочной стоимости, отчасти из той доли стоимости, которую образует воспроизведенный в продукте переменный капитал плюс потребленный на продукт постоянный капитал, — это обстоятельство абсолютно ничего не меняет ни в количестве, ни в стоимости всего продукта, который постоянно вступает в обращение в форме товарного капитала и который точно так же постоянно извлекают из сферы обращения для производительного или индивидуального потребления, т. е. для того, чтобы он служил средством производства или предметом потребления. Если постоянный капитал оставить в стороне, то указанное обстоятельство оказывает влияние только на распределение годового продукта между рабочими и капиталистами.

Даже если предположить только простое воспроизводство, то часть прибавочной стоимости должна постоянно находиться не в форме продукта, а в форме денег, потому что в противном случае ее нельзя превратить из денег в продукт для потребления. Это превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в деньги мы должны исследовать здесь более обстоятельно. Для упрощения дела представим проблему в самом простом виде, а именно предположим, что в обращении находятся исключительно металлические деньги, т. е. деньги, представляющие собой действительный эквивалент.

Согласно законам простого товарного обращения, изложенным раньше («Капитал», книга I, гл. III), масса имеющихся в стране металлических денег должна быть достаточной не только для обра-

щения товаров. Она должна быть достаточной и при тех колебаниях в денежном обращении, которые возникают отчасти вследствие изменений в скорости обращения, отчасти вследствие изменения цен товаров, отчасти вследствие тех различных и меняющихся пропорций, в которых деньги функционируют как средство платежа или как собственно средство обращения. Отношение, в котором имеющаяся в наличии масса денег распадается на сокровище и на обращающиеся деньги, постоянно изменяется, но общая масса денег всегда равна сумме денег, имеющихсся и в форме сокровища и в форме обращающихся денег. Эта масса денег (масса благородного металла) представляет собой постепенно накопленное сокровище общества. Поскольку часть этого сокровища уничтожается вследствие износа, постольку она должна ежегодно возмещаться, как и всякий другой продукт. В действительности это возмещение совершается посредством прямого или косвенного обмена части годового продукта страны на продукт стран, добывающих золото и серебро. Однако такой интернациональный характер сделки скрывает ее простоту. Поэтому, чтобы свести проблему к ее простейшему и наиболее ясному выражению, следует предположить, что добыча золота и серебра происходит в данной стране и, таким образом, составляет часть всего общественного производства этой страны.

Если оставить в стороне золото и серебро, производимые для предметов роскоши, то минимум их ежегодной добычи должен быть равен износу денежного металла, происходящему вследствие обращения денег в течение года. Далее, если возрастает сумма стоимости ежегодно производимой и обращающейся массы товаров, то должна возрастать также и годовая добыча золота и серебра, поскольку возросшая сумма стоимости обращающихся товаров и масса денег, необходимая для их обращения (и для образования соответствующего сокровища), не компенсируются большей скоростью обращения денег и более широким функционированием денег в качестве средства платежа, т. е. более частым взаимным погашением платежей по покупкам и продажам без участия действительных денег.

Следовательно, часть общественной рабочей силы и часть общественных средств производства должна ежегодно затрачиваться на добычу золота и серебра.

Так как мы предполагаем здесь простое воспроизводство, то в данном случае капиталисты, занимающиеся добычей золота и серебра, ограничивают ее размерами среднего годового износа и обусловленного им среднего годового потребления золота и серебра; свою прибавочную стоимость, которую они, по нашему предположению, потребляют ежегодно, ничего из нее не капитализируя, они бросают в обращение прямо в денежной форме, которая для них является здесь натуральной, а не превращенной формой продукта, как в других отраслях производства.

Далее, что касается заработной платы, т. е. той денежной формы, в которой авансируется переменный капитал, то здесь и она возмещается не посредством продажи продукта, не посредством его превращения в деньги, а таким продуктом, натуральной формой которого с самого начала является денежная форма.

Наконец, то же самое происходит и с той частью продукта, благородного металла, которая равна стоимости периодически потребляемого постоянного капитала — как постоянного оборотного, так и постоянного основного капитала, потребляемого в течение года.

Рассмотрим кругооборот, соответственно оборот капитала, вложенного в производство благородных металлов, прежде всего в форме $D - T \dots P \dots D'$. Поскольку T в акте $D - T$ состоит не только из рабочей силы и средств производства, а также из основного капитала, лишь часть стоимости которого потребляется в P , то ясно, что продукт D' есть денежная сумма, равная переменному капиталу, затраченному на заработную плату, плюс оборотный постоянный капитал, затраченный на средства производства, плюс часть стоимости, соответствующая износу основного капитала, плюс прибавочная стоимость. Если, при неизменной всеобщей стоимости золота, эта сумма была бы меньше, то это означало бы, что или данный золотой прииск непроизводителен, или же — если это явление приобретает всеобщий характер — стоимость золота сравнительно с товарами, стоимость которых не изменяется, в будущем возросла бы, т. е. цены товаров упали бы и, следовательно, в будущем денежная сумма, затрачиваемая в акте $D - T$, стала бы меньше.

Рассматривая прежде всего только оборотную часть капитала, авансируемого в D , в исходном пункте $D - T \dots P \dots D'$, мы видим, что определенная денежная сумма авансируется, бросается в обращение на оплату рабочей силы и на покупку производственных материалов. Но посредством кругооборота *этого* капитала она не будет опять извлечена из обращения для того, чтобы ее снова бросили в обращение. Продукт является деньгами уже в своей натуральной форме, следовательно, ему не приходится превращаться в деньги посредством обмена, посредством процесса обращения. Из процесса производства он вступает в сферу обращения не в форме товарного капитала, который должен превратиться обратно в денежный капитал, а как денежный капитал, который должен превратиться обратно в производительный капитал, т. е. должен снова покупать рабочую силу и производственные материалы. Денежная форма оборотного капитала, потребленного на рабочую силу и на средства производства, возмещается не посредством продажи продукта, а натуральной формой самого продукта; следовательно, она возмещается не путем обратного извлечения из обращения его стоимости в денежной форме, а посредством добавочных, вновь произведенных денег.

Предположим, что этот оборотный капитал = 500 ф. ст., период оборота = 5 неделям, рабочий период = 4 неделям, период обращения = только 1 неделе. Деньги с самого начала должны быть авансированы на 5 недель отчасти на производственный запас, отчасти должны быть в запасе для постепенной выплаты в качестве заработной платы. В начале 6-й недели возвращаются 400 ф. ст. и высвобождаются 100 ф. ст. Это повторяется постоянно. Здесь, как и раньше, в течение известного времени оборота 100 ф. ст. постоянно находятся в форме высвободившихся денег. Но совершенно так же, как и остальные 400 ф. ст., они состоят из добавочных, вновь произведенных денег. В нашем случае мы имеем 10 оборотов в год, а произведенный годовой продукт = 5 000 ф. ст. золотом. (Период обращения здесь — это не то время, которого требует превращение товара в деньги, а то, какое требуется для превращения денег в элементы производства.)

Для всякого другого капитала в 500 ф. ст., который оборачивается при таких же условиях, постоянно возобновляемая денежная форма есть превращенная форма произведенного товарного капитала, который через каждые 4 недели бросают в обращение и который посредством продажи, — следовательно, посредством периодического извлечения такого количества денег, какое первоначально вступило в процесс, — постоянно все снова и снова приобретает форму денег. Напротив, здесь в течение каждого периода оборота из самого процесса производства капиталист бросает в обращение новую добавочную массу денег в 500 ф. ст., чтобы постоянно извлекать из обращения производственные материалы и рабочую силу. Эти брошенные в обращение деньги потом уже не извлекаются из него посредством кругооборота этого же капитала, а, напротив, постоянно увеличиваются за счет вновь производимых масс золота.

Если мы рассмотрим переменную часть этого оборотного капитала и предположим, как и выше, что она равна 100 ф. ст., то при производстве обычных товаров этих 100 ф. ст. при десяти оборотах в год было бы достаточно для непрерывной оплаты рабочей силы. Здесь, при добыче золота, достаточно такой же суммы, но возвращающиеся 100 ф. ст., которыми каждые 5 недель оплачивается рабочая сила, представляют собой не превращенную форму продукта этой рабочей силы, а часть самого этого постоянно возобновляемого продукта. Золотопромышленник платит своим рабочим прямо частью золота, добытого ими самими. Таким образом 1 000 ф. ст., ежегодно затрачиваемые на рабочую силу и бросаемые в обращение рабочими, не возвращаются посредством обращения к своему исходному пункту.

Далее, что касается основного капитала, то при учреждении предприятия требуется затрата относительно крупного денежного капитала, который, таким образом, сразу бросают в обращение. Как всякий основной капитал, он возвращается только по частям в тече-

ние ряда лет. Но он возвращается в качестве непосредственной доли продукта, золота, а не посредством продажи продукта, не посредством превращения этого продукта в деньги. Следовательно, он постепенно приобретает свою денежную форму не посредством извлечения денег из обращения, а посредством накопления соответствующей части продукта. Воспроизведенный таким образом денежный капитал не есть денежная сумма, постепенно извлекавшаяся из обращения на покрытие той денежной суммы, которая в самом начале была брошена в обращение на приобретение основного капитала. Это — добавочная масса денег.

Наконец, что касается прибавочной стоимости, то она, в свою очередь, равна той части нового продукта, золота, которая в течение каждого нового периода оборота бросается в обращение, чтобы, согласно нашему предположению, целиком быть израсходованной непроизводительно, полностью пойти на оплату жизненных средств и предметов роскоши.

Но, согласно нашему предположению, вся эта годовая добыча золота, постоянно отвлекающая с рынка рабочую силу и производственные материалы, но не извлекающая с него денег, а снова и снова снабжающая его добавочными деньгами, — вся эта добыча золота только возмещает деньги, количество которых уменьшилось вследствие их износа в течение года, следовательно, лишь содействует тому, чтобы в обществе полностью сохранялось то количество денег, которое постоянно, хотя и в меняющихся пропорциях, существует в двух формах: в форме сокровища и в форме денег, находящихся в обращении.

По закону товарного обращения общая масса денег должна быть равна массе денег, требующихся для обращения товаров, плюс количество денег, находящихся в форме сокровища; последнее увеличивается или уменьшается в зависимости от сокращения или расширения сферы обращения; оно же служит и для образования необходимого резервного фонда средств платежа. Поскольку не происходит взаимного погашения платежей, то стоимость товаров должна быть оплачена деньгами. Дело нисколько не меняется от того, что некоторая часть этой стоимости состоит из прибавочной стоимости, т. е. ничего не стоила продавцу товаров. Предположим, что все производители — это самостоятельные владельцы средств производства, следовательно, обращение происходит между самими непосредственными производителями. Если оставить в стороне постоянную часть их капитала, то их годовую вновь созданную стоимость, по аналогии с положением в капиталистическом обществе, можно было бы разделить на две части: на часть *a*, которая только возмещает их необходимые жизненные средства, и на другую часть *b*, которую они отчасти потребляют в виде предметов роскоши, отчасти применяют в целях расширения производства. В таком случае *a* представляет переменный капитал, *b* — прибавочную стои-

мость. Но такое разделение не оказало бы никакого влияния на величину той массы денег, которая необходима для обращения всего их продукта. При прочих неизменных условиях, стоимость всей обращающейся товарной массы была бы та же самая, а следовательно, и масса необходимых для этого денег была бы прежней. При равном делении периодов оборота производителям пришлось бы иметь одинаковые денежные запасы, т. е. пришлось бы постоянно иметь в денежной форме одну и ту же часть своего капитала, так как, согласно нашему предположению, их производство, как и раньше, оставалось бы товарным производством. Следовательно, то обстоятельство, что часть товарной стоимости состоит из прибавочной стоимости, несколько не меняет массы денег, необходимых для ведения всего производства.

Один из противников Тука, ухватившийся за формулу $D - T - D'$, спрашивает его, как это капиталисту удастся постоянно извлекать из обращения больше денег, чем он их бросает в обращение. Вполне понятно. Здесь речь идет не о *созидании* прибавочной стоимости. Созидание прибавочной стоимости, являющееся единственной тайной, с капиталистической точки зрения само собой разумеется. Ведь примененная сумма стоимости не была бы капиталом, если бы она не обогащалась прибавочной стоимостью. Следовательно, так как, согласно предположению, она является капиталом, то созидание прибавочной стоимости само собой разумеется.

Следовательно, вопрос состоит не в том, откуда происходит прибавочная стоимость, а в том, откуда берутся деньги, в которые превращается прибавочная стоимость.

Но для буржуазной политической экономии существование прибавочной стоимости понятно само по себе. Следовательно, предполагается не только существование прибавочной стоимости, но вместе с тем предполагается, далее, также и то, что часть товарной массы, брошенной в обращение, состоит из прибавочного продукта, следовательно, представляет собой такую стоимость, которую капиталист не бросал в обращение вместе со своим капиталом, что, следовательно, капиталист вместе со своим продуктом бросает в обращение, а затем опять извлекает из обращения некоторый избыток по сравнению со своим капиталом.

Товарный капитал, который капиталист бросает в обращение, имеет большую стоимость (откуда происходит этот избыток, не объясняется или остается непонятным, но с точки зрения данного капиталиста *c'est un fait* *), чем производительный капитал, который он извлек из обращения в виде рабочей силы и средств производства. При этом предположении ясно, почему не только капиталист *A*, но и капиталисты *B*, *C*, *D* и т. д. постоянно могут извлекать из обращения посредством обмена своего товара большую стои-

* это факт. *Ред.*

мость, чем стоимость капитала, авансированного первоначально и потом авансируемого снова и снова. Капиталисты *A, B, C, D* и т. д. постоянно бросают в обращение в форме товарного капитала большую товарную стоимость, чем та, которую они извлекают из обращения в форме производительного капитала, — эта операция является настолько же многосторонней, насколько разнообразны самостоятельно функционирующие капиталы. Следовательно, капиталисты должны постоянно распределять между собой сумму стоимости, равную сумме стоимости их, соответственно, — авансированных ими производительных капиталов (т. е. каждый, со своей стороны, должен извлекать из обращения соответствующую массу элементов производительного капитала); совершенно так же им постоянно приходится распределять между собой и ту сумму стоимости, которую они со всех сторон бросают в обращение в товарной форме, бросают как соответствующий избыток товарной стоимости над стоимостью их элементов производства.

Но товарный капитал, прежде чем он превратится обратно в производительный капитал, и прежде чем будет израсходована заключающаяся в нем прибавочная стоимость, должен быть превращен в деньги. Откуда берутся деньги для этого? На первый взгляд этот вопрос кажется трудным, и ни Тук, ни кто-либо другой до сих пор не дали на него ответа.

Предположим, что оборотный капитал в 500 ф. ст., авансированный в форме денежного капитала, каков бы ни был период его оборота, представляет собой весь оборотный капитал общества, т. е. класса капиталистов. Прибавочная стоимость пусть будет 100 ф. ст. Каким же образом весь класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 ф. ст., если он постоянно бросает в него только 500 ф. ст.?

После того как денежный капитал в 500 ф. ст. превратился в производительный капитал, этот последний в процессе производства превращается в товарную стоимость в 600 ф. ст., и, таким образом, в обращении находится не только товарная стоимость в 500 ф. ст., равная первоначально авансированному денежному капиталу, но и вновь произведенная прибавочная стоимость в 100 ф. ст.

Эта дополнительная, прибавочная стоимость в 100 ф. ст. брошена в обращение в товарной форме. В этом нет никакого сомнения. Но такая операция не создает добавочных денег для обращения этой добавочной товарной стоимости.

Не следует пытаться обойти это затруднение путем благовидных уветок.

Например, в таком роде: что касается постоянного оборотного капитала, то ясно, что не все затрачивают его одновременно. В то время, когда капиталист *A* продает свой товар, следовательно, когда авансированный им капитал принимает денежную форму, капитал

покупателя *B*, находящийся в денежной форме, принимает, напротив, форму средств его производства, как раз тех, которые производит капиталист *A*. Тем же самым актом, посредством которого капиталист *A* снова придает денежную форму произведенному им товарному капиталу, капиталист *B* снова придает производительную форму своему капиталу, превращает его из денежной формы в средства производства и в рабочую силу; одна и та же сумма денег функционирует в двустороннем процессе, как и при всякой простой купле *T — Д*. С другой стороны, если капиталист *A* снова превращает деньги в средства производства, он покупает таковые у капиталиста *C*, а последний платит теми же деньгами капиталисту *B* и т. д. Дело было бы объяснено таким способом. Но:

Все установленные нами законы относительно количества денег, находящихся в обращении при товарном обращении («Капитал», книга I, глава III), нисколько не меняются вследствие капиталистического характера процесса производства.

Следовательно, если говорят, что оборотный капитал общества, авансируемый в денежной форме, составляет 500 ф. ст., то при этом уже принято в расчет, что, с одной стороны, эта сумма была авансирована одновременно и что, с другой стороны, она приводит в движение больше производительного капитала, чем на 500 ф. ст., потому что она попеременно служит денежным фондом различных производительных капиталов. Следовательно, этот способ объяснения уже предполагает наличие тех денег, существование которых он должен объяснить. —

Далее, можно было бы сказать так: капиталист *A* производит такие товары, которые капиталист *B* потребляет индивидуально, непродуцируемо. Следовательно, деньги капиталиста *B* превращают в деньги товарный капитал капиталиста *A*, и таким образом одна и та же денежная сумма служит для превращения в деньги прибавочной стоимости капиталиста *B* и оборотного постоянного капитала капиталиста *A*. Но здесь еще непосредственное предполагается решенным тот самый вопрос, на который необходимо дать ответ. А именно, откуда же капиталист *B* берет эти деньги на покрытие своего дохода? Каким образом он сам превратил в деньги ту часть своего продукта, которая составляет прибавочную стоимость? —

Затем можно было бы сказать, что та часть оборотного переменного капитала, которую капиталист *A* постоянно авансирует на своих рабочих, постоянно же возвращается к нему из обращения; и только некоторая меняющаяся часть ее постоянно остается у него самого для выплаты заработной платы. Однако между моментом расходования денег на заработную плату и моментом их возвращения проходит некоторое время, в течение которого эти деньги могут служить, между прочим, также и для превращения в деньги прибавочной стоимости. Но мы знаем, во-первых, что чем продолжитель-

нее это время, тем больше должна быть также и та масса денежного запаса, которую капиталист А должен постоянно держать in petto *. Во-вторых, рабочий расходует деньги, покупает на них товары и тем самым pro tanto превращает в деньги заключающуюся в этих товарах прибавочную стоимость. Следовательно, те же самые деньги, которые авансируются в форме переменного капитала, pro tanto служат также для превращения в деньги прибавочной стоимости. Не углубляясь в этот вопрос еще больше, мы заметим здесь лишь следующее: потребление всего класса капиталистов и зависимых от них непроизводительных лиц происходит одновременно с потреблением рабочего класса; следовательно, одновременно с тем, как бросают в обращение свои деньги рабочие, должны бросать деньги в обращение и капиталисты, чтобы расходовать свою прибавочную стоимость как доход; следовательно, деньги для этого должны извлекаться из обращения. Только что приведенное объяснение лишь уменьшило бы количество необходимых денег, но не устранило бы необходимости в них.

Наконец, можно было бы сказать: ведь при первом вложении основного капитала всегда бросают в обращение большое количество денег, причем эти деньги лишь постепенно, по частям, на протяжении ряда лет извлекаются из обращения тем, кто их туда бросил. Разве этой суммы недостаточно для того, чтобы превратить в деньги прибавочную стоимость? — На это следует ответить, что обращение вышеуказанной суммы в 500 ф. ст. (которая заключает в себе также и возможность образования сокровища для необходимого резервного фонда) уже предполагает применение ее соответствующей части на покупку элементов основного капитала, если не тем, кто бросил ее в обращение, то кем-либо другим. Кроме того, предполагается также, что сумма, расходуемая на приобретение товаров, служащих основным капиталом, оплачивает и заключающуюся в этих товарах прибавочную стоимость, а вопрос заключается именно в том, откуда берутся эти деньги. —

Общий ответ на этот вопрос уже дан: если должна обращаться масса товаров стоимостью 1 000 ф. ст. $\times X$, то количество денег, необходимых для этого обращения, нисколько не меняется от того, содержится ли в стоимости этой товарной массы прибавочная стоимость или нет, произведена ли эта товарная масса капиталистически или нет. *Следовательно, самой проблемы не существует.* При прочих данных условиях, т. е. при данной скорости обращения денег и т. д. для обращения товарной стоимости в 1 000 ф. ст. $\times X$ требуется определенная сумма денег, которая совершенно не зависит от того обстоятельства, много или мало из этой стоимости достается непосредственным производителям этих товаров. Поскольку здесь, однако, существует проблема, то она совпадает с общей проб-

* — при себе. *Ред.*

демой: откуда берется сумма денег, необходимая для обращения товаров в данной стране.

Между тем, с точки зрения капиталистического производства, конечно, возникает *видимость* существования какой-то особой проблемы. А именно, исходным пунктом, откуда деньги бросают в обращение, является здесь капиталист. Деньги, которые рабочий расходует на оплату своих жизненных средств, существуют сначала как денежная форма переменного капитала и поэтому первоначально капиталист бросает их в обращение как покупательное средство или средство платежа за рабочую силу. Кроме того, капиталист бросает в обращение деньги, которые первоначально составляли для него денежную форму его постоянного — основного и оборотного — капитала; он расходует их как покупательное средство или как средство платежа за средства труда и производственные материалы. Однако за исключением этого капиталист уже не является исходным пунктом денежной массы, находящейся в обращении. Но ведь вообще существуют только два исходных пункта: капиталист и рабочий. Третьи лица всех категорий или должны получать деньги от этих двух классов за какие-нибудь услуги, или, поскольку они получают деньги, не оказывая никаких услуг, они являются совладельцами прибавочной стоимости в форме ренты, процента и т. д. То обстоятельство, что прибавочная стоимость не остается целиком в кармане промышленного капиталиста и что он должен поделиться ею с другими лицами, это обстоятельство не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Вопрос заключается в том, каким образом капиталист превращает в деньги свою прибавочную стоимость, а не в том, как распределяются впоследствии вырученные за нее деньги. Следовательно, в нашем случае мы все еще должны рассматривать капиталиста как единственного владельца прибавочной стоимости. Что же касается рабочего, то уже сказано, что он есть только вторичный исходный пункт, тогда как капиталист — первичный исходный пункт тех денег, которые рабочий бросает в обращение. Деньги, сначала авансированные как переменный капитал, совершают уже свое второе обращение, когда рабочий расходует их на оплату жизненных средств.

Итак, класс капиталистов остается единственным исходным пунктом денежного обращения. Если ему для оплаты средств производства требуется 400 ф. ст., а для оплаты рабочей силы — 100 ф. ст., то он бросает в обращение 500 ф. ст. Но заключающаяся в продукте прибавочная стоимость при норме прибавочной стоимости в 100% равна стоимости в 100 ф. ст. Каким же образом класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 ф. ст., если он постоянно бросает в него только 500 ф. ст.? Из ничего не будет ничего. Весь класс капиталистов не может извлекать из обращения ничего такого, что раньше не было бы брошено в него.

Здесь мы оставляем в стороне то обстоятельство, что при десятикратном обороте денежной суммы в 400 ф. ст., возможно, будет достаточно для обращения средств производства стоимостью в 4 000 ф. ст. и труда стоимостью в 1 000 ф. ст., а остальных 100 ф. ст. точно так же будет достаточно для обращения прибавочной стоимости в 1 000 ф. ст. Это отношение денежной суммы к товарной стоимости, обращающейся при ее посредстве, несколько не меняет сути дела. Проблема остается та же самая. Если бы одна и та же монета не обращалась несколько раз, то пришлось бы бросить в обращение 5 000 ф. ст. в виде капитала, и 1 000 ф. ст. были бы необходимы для превращения в деньги прибавочной стоимости. Спрашивается, откуда берутся эти деньги, будь то 1 000 или 100 ф. ст.? В любом случае они представляют собой излишек по сравнению с денежным капиталом, брошенным в обращение.

Действительно, как бы это ни казалось парадоксальным на первый взгляд, класс капиталистов сам бросает в обращение те деньги, которые служат для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости. Однако *nota bene* *: он бросает их в обращение не как авансированные деньги, следовательно, не как капитал. Он расходует их как покупательное средство в целях своего индивидуального потребления. Следовательно, класс капиталистов не авансирует этих денег, хотя он является исходным пунктом их обращения.

Возьмем отдельного капиталиста, начинающего свое предприятие, например, фермера. В течение первого года он авансирует денежный капитал, скажем, в 5 000 ф. ст. на оплату средств производства (4 000 ф. ст.) и рабочей силы (1 000 ф. ст.). Норма прибавочной стоимости пусть будет равна 100%, присваиваемая им прибавочная стоимость = 1 000 ф. ст. Вышеупомянутые 5 000 ф. ст. заключают в себе все деньги, которые он авансирует как денежный капитал. Но ведь человек должен жить, а до конца года он не получит обратно никаких денег. Пусть его годовое потребление составляет 1 000 ф. ст. Он должен иметь эти деньги. Хотя он говорит, что должен авансировать эти 1 000 ф. ст. в течение первого года, но это авансирование — имеющее здесь только субъективное значение — означает только то, что в первый год он должен покрывать расходы на свое индивидуальное потребление из собственного кармана, а не за счет дарового производства своих рабочих. Он не авансирует эти деньги как капитал. Он расходует их, платит их как эквивалент за те жизненные средства, которые он потребляет. Эта стоимость расходуетс~~я~~ им в виде денег, он бросает ее в обращение и извлекает ее из него в виде товарных стоимостей. Эти товарные стоимости он потребил. Следовательно, он уже не имеет никакого отношения к их стоимости. Деньги, которыми он заплатил за эту стоимость, сущест-

* — заметим хорошенько. *Ред.*

вуют теперь как элемент обращающихся денег. Но стоимость этих денег он извлек из обращения в виде продуктов, а вместе с продуктами, в которых стоимость существовала, уничтожена также и их стоимость. Она полностью исчезла. Но вот в конце года он бросает в обращение товарную стоимость в 6 000 ф. ст. и продает ее. Вместе с тем к нему возвращается: 1) авансированный им денежный капитал в 5 000 ф. ст.; 2) превращенная в деньги прибавочная стоимость в 1 000 ф. ст. Он авансировал 5 000 ф. ст. как капитал, бросил их в обращение, а теперь извлекает из обращения 6 000 ф. ст.: 5 000 ф. ст. взамен капитала и 1 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Эти 1 000 ф. ст. превращены в деньги с помощью тех денег, которые он сам бросил в обращение не как капиталист, а как потребитель, которые он не авансировал, а израсходовал. Теперь они возвращаются к нему обратно как денежная форма произведенной им прибавочной стоимости. И с этого времени такая операция повторяется ежегодно. Но, начиная со второго года, 1 000 ф. ст., расходуемые им лично, постоянно представляют собой превращенную форму, денежную форму произведенной им прибавочной стоимости. Он расходует их ежегодно, и они ежегодно же возвращаются к нему обратно.

Если бы его капитал совершал в течение года большее число оборотов, то это несколько не меняло бы сути дела, но, конечно, изменилась бы продолжительность времени, а потому и величина той суммы, которую капиталисту пришлось бы бросать в обращение в целях своего индивидуального потребления сверх авансированного им денежного капитала.

Эти деньги капиталист бросает в обращение не в качестве капитала. Но ведь на то он и капиталист, чтобы быть в состоянии до возвращения прибавочной стоимости прожить на те средства, которыми он уже обладает.

В этом случае мы предполагали, что денежная сумма, которую капиталист бросает в обращение в целях своего индивидуального потребления впредь до первого возвращения своего капитала, в точности равна прибавочной стоимости, произведенной капиталистом и поэтому подлежащей превращению в деньги. Очевидно, что по отношению к отдельному капиталисту такое предположение произвольно. Но оно должно быть правильным по отношению ко всему классу капиталистов, поскольку мы предполагаем простое воспроизводство. Оно выражает только то, что уже заключено в этом последнем предположении, а именно, что вся прибавочная стоимость и только лишь прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, т. е. непроизводительно не потребляется ни малейшей доли первоначального капитала.

Выше было предположено, что всей добычи благородных металлов (= 500 ф. ст.) достаточно только для возмещения износа денег.

Капиталисты, добывающие золото, получают весь свой продукт в виде золота, — как те его части, которые возмещают постоянный

и переменный капитал, так и ту часть, которая состоит из прибавочной стоимости. Следовательно, часть общественной прибавочной стоимости заключается в золоте, а не в таком продукте, который превращается в золото только в процессе обращения. Эта часть с самого начала заключается в золоте и бросается в обращение для того, чтобы извлечь из него продукты. То же самое относится в данном случае к заработной плате, т. е. к переменному капиталу, и к возмещению авансированного постоянного капитала. Следовательно, если одна часть класса капиталистов бросает в обращение товарную стоимость, большую (на величину прибавочной стоимости), чем авансированный ими денежный капитал, то другая часть капиталистов бросает в обращение большую денежную стоимость (большую на величину прибавочной стоимости), чем товарная стоимость, которую они постоянно извлекают из обращения для добычи золота. Если часть капиталистов постоянно выкачивает из обращения больше денег, чем она их вносит в обращение, то часть капиталистов, — та, которая добывает золото, — постоянно накачивает в обращение денег больше, чем извлекает из него в виде средств производства.

Хотя часть этого продукта, т. е. золота стоимостью в 500 ф. ст., представляет собой прибавочную стоимость золотопромышленников, однако вся сумма предназначена только для возмещения денег, необходимых для обращения товаров; при этом безразлично, сколько из этой суммы идет на превращение в деньги прибавочной стоимости, заключающейся в товарах, и сколько — на превращение в деньги других составных частей стоимости.

Дело абсолютно не меняется, если добычу золота перенести из данной страны в другие страны. Часть общественной рабочей силы и общественных средств производства в стране *А* превращены в продукт, например, в холст стоимостью в 500 ф. ст., который вывозится в страну *В*, чтобы там купить золото. Производительный капитал, примененный таким образом в стране *А*, точно так же не выбрасывает на рынок страны *А* товаров, — вместо них он бросает деньги, — как если бы он был непосредственно применен для добычи золота. Этот продукт страны *А* представлен в 500 ф. ст. золотом и поступает в сферу обращения этой страны *А* только как деньги. Часть общественной прибавочной стоимости, содержащейся в этом продукте, существует непосредственно в форме денег и для страны *А* никогда не существует иначе, как в форме денег. Хотя для капиталистов, добывающих золото, только часть продукта представляет собой прибавочную стоимость, а другая часть возмещает капитал, однако, напротив, решение вопроса о том, какое количество этого золота, если оставить в стороне оборотный постоянный капитал, возмещает переменный капитал и какое количество представляет собой прибавочную стоимость, зависит исключительно от отношений, в которых соответственно заработная плата и прибавочная

стоимость находятся к стоимости обращающихся товаров. Часть, образующая прибавочную стоимость, распределяется между различными представителями класса капиталистов. Хотя эта часть стоимости постоянно расходуется ими на индивидуальное потребление и снова поступает к ним вследствие продажи нового продукта, — вообще именно только эта купля и продажа и вызывает обращение между капиталистами тех денег, которые необходимы для превращения в деньги прибавочной стоимости, — но все же некоторая часть общественной прибавочной стоимости, хотя и в изменяющихся долях, постоянно находится в форме денег в карманах капиталистов; точно так же, как часть заработной платы, по крайней мере в течение нескольких дней недели, задерживается в форме денег в карманах рабочих. И величина этой части общественной прибавочной стоимости не ограничивается той долей денежного продукта, которая первоначально составляла прибавочную стоимость капиталистов, добывающих золото; как сказано, она ограничивается той пропорцией, в которой вышеназванный продукт в 500 ф. ст. вообще распределяется между капиталистами и рабочими и в которой товарный запас, предназначенный для обращения, делится на прибавочную стоимость и на другие составные части стоимости.

Между тем часть прибавочной стоимости, существующая не в виде других товаров, а в виде денег наряду с этими другими товарами, лишь в той мере состоит из части ежегодно добываемого золота, в какой эта часть годовой добычи золота поступает в обращение для реализации прибавочной стоимости. Другая часть денег, которая в изменяющихся долях постоянно находится в руках класса капиталистов как денежная форма их прибавочной стоимости, не составляет элемента ежегодно добываемого золота, а является частью денежной массы, накопленной в стране раньше.

По нашему предположению ежегодной добычи золота на 500 ф. ст. достаточно как раз только для возмещения ежегодного износа денег. Следовательно, если мы будем иметь в виду только эти 500 ф. ст. и отвлечемся от той части ежегодно производимой товарной массы, для обращения которой служат ранее накопленные деньги, то прибавочная стоимость, произведенная в товарной форме, уже потому находит в обращении деньги для своего превращения в деньги, что на другой стороне ежегодно производится прибавочная стоимость в форме золота. То же самое относится и к другим частям золотого продукта в 500 ф. ст., которые возмещают авансированный денежный капитал.

Мы должны сделать теперь два замечания.

Из вышеизложенного следует, во-первых: прибавочная стоимость, расходуемая капиталистами в форме денег, а точно так же и переменный и прочий производительный капитал, авансируемый ими в форме денег, в действительности есть продукт рабочих, а именно рабочих, занятых добычей золота. Они добывают вновь как

ту часть золотого продукта, которая «авансируется» им в качестве заработной платы, так и ту часть золотого продукта, в которой непосредственно представлена прибавочная стоимость капиталистов-золотопромышленников. Наконец, что касается той части золотого продукта, которая только возмещает постоянную капитальную стоимость, авансированную на добычу золота, то она снова появляется в форме денег (и вообще в любом продукте) лишь вследствие годового труда рабочих. При учреждении предприятия она была отдана капиталистом не в виде денег, добытых на этом предприятии, а в виде денег, составлявших часть обращающейся в обществе массы денег. Напротив, поскольку эта часть денег возмещается новым продуктом, добавочным золотом, то она представляет собой годовой продукт рабочего. Авансирование со стороны капиталиста и здесь является авансированием только по форме потому, что рабочий не является владельцем своих собственных средств производства и во время добычи золота не располагает жизненными средствами, произведенными другими рабочими.

И во-вторых: что касается той массы денег, которая существует независимо от этого ежегодного возмещения в 500 ф. ст. и находится частью в форме сокровища, частью в форме обращающихся денег, то дело с ней должно обстоять, т. е. первоначально должно было обстоять, совершенно так же, как оно ежегодно обстоит с этими 500 ф. ст. К данному пункту мы вернемся в конце этого подотдела *. А теперь еще несколько других замечаний.

При исследовании оборота мы видели, что, при прочих неизменных условиях, вместе с изменением величины периодов оборота, изменяются и массы денежного капитала, необходимые для ведения производства в том же масштабе. Следовательно, эластичность денежного обращения должна быть достаточно велика, чтобы оно могло приспособляться к этому чередованию удлинения и сокращения периодов оборота.

Далее, если мы предположим, что при прочих неизменных условиях, — в том числе при неизменной продолжительности, интенсивности и производительности рабочего дня, — *изменяется только распределение вновь произведенной стоимости* между заработной платой и прибавочной стоимостью, так что или первая повышается, а вторая уменьшается, или наоборот, то это не окажет никакого влияния на массу обращающихся денег. Такое изменение в распределении вновь созданной стоимости может произойти без какого-либо увеличения или сокращения массы денег, находящихся в обращении. Рассмотрим в особенности тот случай, когда происходит общее повышение заработной платы, и потому — при выше пред-

* См. настоящий том, с. 386 — 387. *Ред.*

положенных условиях — происходит общее понижение нормы прибавочной стоимости, когда кроме этого, также согласно предположению, не происходит никакого изменения в стоимости обращающейся товарной массы. В этом случае, конечно, возрастает денежный капитал, который приходится авансировать в качестве переменного капитала, следовательно, увеличивается и та масса денег, которая служит для такой функции. Но именно настолько, насколько возрастает масса денег, требующихся для функции переменного капитала, настолько уменьшается прибавочная стоимость, а следовательно, уменьшается и масса денег, необходимая для ее реализации. На общую массу денег, необходимую для реализации товарной стоимости, это не оказывает никакого влияния, точно так же как и на саму эту товарную стоимость. Издержки производства товара возрастают для отдельного капиталиста, но общественная цена производства товара остается неизменной. Если оставить в стороне постоянную часть стоимости, то при этом изменится только то отношение, в котором цена производства товаров делится на заработную плату и прибыль.

Но нам могут сказать, что большая затрата переменного денежного капитала (стоимость денег, конечно, предполагается неизменной) означает не что иное, как такое же увеличение массы денежных средств в руках рабочих. Результатом этого будет увеличение спроса на товары со стороны рабочих. Дальнейшим следствием будет повышение цен на эти товары. — Или могут сказать: если повышается заработная плата, то капиталисты повышают цены своих товаров. В обоих случаях общее повышение заработной платы вызывает повышение товарных цен. Поэтому для обращения товаров потребуется большая масса денег, независимо от того, какой из этих причин объясняют повышение цен.

Ответ на возражение в первой формулировке: вследствие повышения заработной платы особенно возрастает спрос рабочих на необходимые жизненные средства. В гораздо меньшей степени увеличится их спрос на предметы роскоши или возникает спрос на такие изделия, которые раньше не входили в сферу их потребления. Спрос на необходимые жизненные средства, повысившись внезапно и в более крупном масштабе, безусловно немедленно повысит их цену. Следствием этого явится то, что большая часть общественного капитала будет применена в производстве необходимых жизненных средств, а меньшая часть — в производстве предметов роскоши, так как цена последних понизится вследствие уменьшения прибавочной стоимости, а потому и уменьшения спроса капиталистов на предметы роскоши. Напротив, поскольку рабочие сами покупают предметы роскоши, повышение их заработной платы — мы имеем в виду ту сумму, которую рабочие действительно расходуют на покупку предметов роскоши, — не влияет на повышение цен необходимых жизненных средств, а только изменяет состав покупателей

предметов роскоши. Больше предметов роскоши, чем до сих пор, входит теперь в потребление рабочих и относительно меньше — в потребление капиталистов. Voilà tout *. После некоторых колебаний в обращении снова оказывается товарная масса такой же стоимости, как и прежде. — Что же касается кратковременных колебаний, то их результатом будет лишь следующее: незанятый денежный капитал, до сих пор искавший себе применения в спекулятивных предприятиях на бирже или за границей, теперь будет брошен в обращение внутри страны.

Ответ на возражение во второй формулировке: если бы капиталистические производители были в состоянии произвольно повышать цены своих товаров, то они могли бы это делать и делали бы и без повышения заработной платы. Они никогда не допустили бы повышения заработной платы и при падении цен товаров. Класс капиталистов никогда не стал бы выступать против тред-юнионов, если бы он постоянно и при всяких условиях мог делать то, что он действительно делает теперь в виде исключения при определенных, особенных, так сказать, местных условиях, а именно, если бы он мог использовать всякое повышение заработной платы для того, чтобы в гораздо большей степени повышать цены товаров, следовательно, класть в карман большую прибыль.

Утверждение, что капиталисты могут повышать цены предметов роскоши, потому что спрос на них уменьшается (вследствие уменьшения спроса со стороны тех капиталистов, у которых уменьшилась сумма покупательных средств для предметов роскоши), это утверждение было бы весьма оригинальным применением закона спроса и предложения. Поскольку имеет место не только изменение состава покупателей этих предметов, не только замена капиталистов рабочими, — а поскольку такая замена имеет место, постольку спрос со стороны рабочих на предметы роскоши не вызывает повышения цен необходимых жизненных средств, потому что рабочие не могут расходовать на необходимые жизненные средства той части добавочного заработка, которую они тратят на предметы роскоши, — постольку цены предметов роскоши падают ввиду уменьшения спроса на них. Вследствие этого капитал извлекается из производства предметов роскоши до тех пор, пока их предложение не сократится до таких размеров, которые соответствуют изменению их роли в общественном процессе производства. При таком уменьшении производства цены предметов роскоши, даже при неизменной их стоимости, снова повышаются до своего нормального уровня. До тех пор, пока происходит такое сокращение, или такой процесс выравнивания, производство необходимых жизненных средств, ввиду повышения цен на них, будет постоянно привлекать столько же капитала, сколько его будет изъято из отраслей производства

* — Вот и все. *Ред.*

предметов роскоши. Это будет продолжаться до тех пор, пока спрос на жизненные средства не будет удовлетворен. Тогда опять наступает равновесие, и весь процесс завершается тем, что общественный капитал, а потому и денежный капитал, распределяется между производством необходимых жизненных средств и производством предметов роскоши в измененной пропорции.

Оба эти возражения представляют собой холостой выстрел капиталистов и их сикофантов-экономистов.

Для такого холостого выстрела дают повод факты троякого рода:

1) Общий закон денежного обращения таков, что если сумма цен обращающихся товаров увеличивается, — причем безразлично, происходит ли такое увеличение суммы цен для прежней или для возросшей товарной массы, — то при прочих неизменных условиях возрастает масса обращающихся денег. И вот, следствие смешивается с причиной. Заработная плата возрастает вместе с повышением цен необходимых жизненных средств (хотя и редко возрастает, а пропорционально повышению цен она возрастает только в исключительных случаях). Рост заработной платы есть следствие, а не причина повышения цен товаров.

2) При частичном или местном повышении заработной платы — т. е. при повышении ее только в отдельных отраслях производства — может в силу этого последовать местное повышение цен на продукты этих отраслей. Но даже это зависит от многих обстоятельств. Например, повышение цен возможно только в тех отраслях, где заработная плата прежде не была чрезвычайно низкой, а потому норма прибыли — чрезвычайно высокой; оно возможно, если рынок для товаров этих отраслей не сужается вследствие повышения их цен (следовательно, если повышение их цен не требует предварительного уменьшения их предложения) и т. д.

3) При общем повышении заработной платы цена произведенных товаров повышается в тех отраслях промышленности, где преобладает переменный капитал, но зато падает в тех, где преобладает постоянный или основной капитал.

При рассмотрении простого товарного обращения («Капитал», книга I, глава III, 2) оказалось, что, хотя в процессе обращения всякого определенного количества товаров его денежная форма является лишь мимолетной, однако, при метаморфозе товара деньги, мимолетно побывав в руках одного лица, необходимо переходят в руки другого лица; следовательно, товары прежде всего не только обмениваются во всех направлениях или замещают друг друга, но это замещение также опосредствуется и сопровождается всесторонним оседанием денег. «Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица прилипает денежный товар. Обращение не-

прерывно источает из себя денежный пот» («Капитал», книга I, стр. 92⁶⁸).

На основе капиталистического товарного производства совершенно тождественный факт выражается в том, что часть капитала постоянно существует в форме денежного капитала, а часть прибавочной стоимости точно так же в денежной форме постоянно находится в руках ее владельцев.

Если оставить это последнее в стороне, то *кругооборот денег*, т. е. *возвращение* денег к своему исходному пункту, поскольку оно составляет момент в обороте капитала, — представляет собой явление совершенно отличное, даже противоположное *обращению денег*³³⁾, которое выражает постоянное *удаление* их от исходного пункта посредством целого ряда перемещений из рук в руки. («Капитал», книга I, стр. 94⁶⁹). Однако ускоренный оборот капитала eo ipso * заключает в себе ускоренное обращение денег.

Прежде всего, что касается переменного капитала: если, например, денежный капитал в 500 ф. ст. оборачивается в форме переменного капитала десять раз в год, то ясно, что эта дробная часть всей обращающейся денежной массы обращает в десять раз большую сумму стоимости = 5 000 ф. ст. Она обращается между капиталистом и рабочим десять раз в течение года. В течение года рабочий десять раз получает заработную плату и десять раз сам платит одной и той же составной частью обращающейся денежной массы. Если бы при одинаковом масштабе производства этот переменный капитал совершил только один оборот в год, то имело бы место только однократное обращение 5 000 ф. ст.

Далее, пусть постоянная часть оборотного капитала = 1 000 ф. ст. Если капитал оборачивается десять раз, то капиталист продает свой товар, а следовательно, и постоянную оборотную часть его стоимости, десять раз в год. Одна и та же составная часть обращающейся денежной массы (= 1 000 ф. ст.) десять раз в год переходит из рук своих владельцев в руки капиталиста. Десять

³³⁾ Хотя физиократы еще смешивают оба эти явления, однако они первые обратили внимание на возвращение денег к своему исходному пункту как на существенную форму обращения капитала, как на форму обращения, которая опосредствует воспроизводство. «Взгляните на «Экономическую таблицу», и вы увидите, что производительный класс доставляет деньги, с помощью которых другие классы покупают у него продукты производства и которые они возвращают ему, на следующий год производя у него те же самые покупки... Вы не увидите здесь, стало быть, иного кругооборота, кроме того, который создается издержками, за которыми следует воспроизводство, и воспроизводством, за которым следуют издержки; кругооборот этот совершается и обращением денег, которые служат мерилom издержек и воспроизводства» (Quesnay, «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans», в издании Daire, «Physiocr.», I, p. 208, 209). — «Эти постоянные авансы и их постоянное возвращение и составляют то, что следует называть обращением денег, то полезное и плодотворное обращение их, которое оживляет все виды труда в обществе, поддерживает движение и жизнь в политическом организме и которое с большим основанием сравнивают с кровообращением в организме животного» (Turgot, «Réflexions etc.», Oeuvres, изд. Daire, I, p. 45).

* — тем самым. *Ред.*

раз происходит перемещение этих денег из одних рук в другие. Во-вторых, капиталист десять раз в год покупает средства производства; это опять составляет десять актов обращения, еще десять перемещений денег из одних рук в другие. При помощи денег на сумму в 1 000 ф. ст. промышленный капиталист продает товар на 10 000 ф. ст. и затем покупает товар на 10 000 ф. ст. Посредством двадцатикратного обращения денежной суммы в 1 000 ф. ст. обращается товарный запас в 20 000 ф. ст.

Наконец, при ускоренном обороте быстрее обращается и та часть денег, которая служит для реализации прибавочной стоимости.

Но наоборот: более быстрое обращение денег необходимо не предполагает более быстрого оборота капитала, а потому и более быстрого оборота денег, т. е. необходимо не предполагает сокращения и более быстрого возобновления процесса воспроизводства.

Более быстрое обращение денег имеет место тогда, когда при помощи той же самой массы денег совершается большее количество сделок. Это может происходить и при одинаковых периодах воспроизводства капитала вследствие изменений в технике денежного обращения. Далее, может увеличиваться число сделок, в которых обращение денег не служит выражением действительного обмена товаров (биржевые сделки на разницу и т. д.). С другой стороны, может и вовсе не требоваться обращения денег. Например, где сельский хозяин сам является землевладельцем, там нет обращения денег между арендатором и землевладельцем; где промышленный капиталист сам является собственником капитала, там нет обращения денег между ним и кредитором.

Что касается первоначального образования денежного сокровища в данной стране, а также процесса присвоения его немногими лицами, то здесь нет надобности останавливаться на этом подробнее.

Капиталистический способ производства, — базисом которого служит наемный труд, а потому и оплата рабочего деньгами и вообще превращение натуральных платежей в денежные, — может развиваться в сравнительно широком масштабе, достигнуть более глубокого и полного развития только в той стране, где имеется в наличии масса денег, достаточная для обращения и для образования сокровища (резервного фонда и т. д.), обусловливаемого обращением. Такова историческая предпосылка, хотя не следует понимать дело таким образом, будто сначала образуется достаточная масса денег в форме сокровища, а затем начинается капиталистическое производство. Оно развивается одновременно с развитием условий для него, а одним из таких условий является достаточное предложе-

ние благородных металлов. Поэтому увеличение ввоза благородных металлов начиная с XVI столетия составляет существенный момент в истории развития капиталистического производства. Но поскольку речь идет о необходимости добавочного предложения денежного материала уже на базисе капиталистического способа производства, то, с одной стороны, прибавочная стоимость бросается в обращение в виде продукта, без денег, необходимых для его превращения в деньги, и, с другой стороны, прибавочная стоимость бросается в обращение в виде золота, без предварительного превращения продукта в деньги.

Добавочные товары, которые должны превратиться в деньги, находят необходимую для такого превращения сумму денег уже в наличии, потому что с другой стороны не посредством обмена, а самим производством в обращение выбрасывается добавочное золото (и серебро), которое должно превратиться в товары.

II. НАКОПЛЕНИЕ И РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Поскольку накопление происходит в форме воспроизводства в расширенном масштабе, то ясно, что по отношению к денежному обращению оно не представляет никакой новой проблемы.

Прежде всего, что касается добавочного денежного капитала, который требуется для функционирования возрастающего производительного капитала, то он доставляется той частью уже реализованной прибавочной стоимости, которую данный капиталист бросает в обращение как денежный капитал, а не как денежную форму своего дохода. Деньги уже находятся в руках капиталистов. Только их применение иное.

Но вследствие функционирования добавочного производительного капитала в обращение брошена, как продукт этого капитала, добавочная товарная масса. Вместе с этой добавочной товарной массой в обращение одновременно была брошена часть добавочных денег, необходимых для ее реализации, — и именно постольку, поскольку стоимость этой товарной массы равна стоимости производительного капитала, потребленного при ее производстве. Эта добавочная масса денег была авансирована прямо как добавочный денежный капитал и потому она возвращается к капиталисту вследствие оборота его капитала. Здесь перед нами встает тот же самый вопрос, что и выше. Откуда берутся добавочные деньги для реализации дополнительной прибавочной стоимости, находящейся теперь в товарной форме?

Общий ответ опять тот же самый. Сумма цен обращающейся массы товаров увеличилась не потому, что цены данной массы товаров повысились, а потому, что масса обращающихся теперь товаров больше, чем масса товаров, обращавшихся ранее, причем эта разница не уравнивается понижением цен. Добавочные деньги, не-

обходимые для обращения этой большей товарной массы, имеющей большую стоимость, должны быть получены или путем более экономного использования обращающейся денежной массы, — причем безразлично, достигается ли такая экономия посредством взаимного погашения платежей и т. д. или при помощи применения средств, ускоряющих обращение одних и тех же денег, — или же путем превращения денег из формы сокровища в форму обращающихся денег. Это последнее включает в себя не только то, что денежный капитал, лежавший без употребления, начинает функционировать как покупательное средство или как средство платежа; не только то, что денежный капитал, уже функционирующий в качестве резервного фонда, выполняя такую функцию для своего собственника, активно обращается для общества (например, при вкладах в банки, из которых он постоянно выдается в ссуду), следовательно, при этом он выполняет двойную функцию, — это последнее включает в себя и то, что более экономно используются резервные фонды, застаивающиеся в виде монет.

«Для того чтобы деньги постоянно текли как монета, монета должна постоянно оседать в виде денег. Постоянное обращение монеты обусловлено постоянной задержкой ее в больших или меньших количествах в резервных монетных фондах, повсюду возникающих в сфере обращения и вместе с тем обуславливающих его; образование, распределение, исчезновение и возобновление этих резервных фондов постоянно изменяются, их существование постоянно исчезает, их исчезновение постоянно имеет место. Адам Смит выразил это беспрестанное превращение монеты в деньги и денег в монету таким образом, что каждый товаровладелец наряду с тем особым товаром, который он продает, должен постоянно иметь в запасе известную сумму всеобщего товара, на которую он покупает. Мы видели, что в обращении $T - D - T$ второй член $D - T$ расщепляется на ряд покупок, которые совершаются не сразу, а последовательно во времени, так что одна часть D обращается в качестве монеты, в то время как другая часть покоится в качестве денег. Деньги здесь в сущности только отложенная монета, и отдельные составные части находящейся в обращении монетной массы всегда появляются попеременно то в одной форме, то в другой. Следовательно, это первое превращение средства обращения в деньги представляет лишь технический момент самого денежного обращения» (Карл Маркс. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 105, 106 ⁷⁰. — Термин «монета» в противоположность термину «деньги» употребляется здесь для обозначения денег, функционирующих в качестве простого средства обращения, в противоположность средств их другим функциям).

Поскольку всех этих средств оказывается недостаточно, постольку должно быть добыто добавочное золото, или — что сводится к тому же самому — часть добавочного продукта прямо или кос-

венно обменивается на золото, на продукт тех стран, в которых добывают благородные металлы.

Вся масса рабочей силы и общественных средств производства, затраченных на ежегодную добычу золота и серебра как орудий обращения, составляет крупную статью всех *faux frais* * капиталистического способа производства и вообще всякого способа производства, основанного на производстве товаров. Эта добыча золота и серебра как орудий обращения отвлекает от использования обществом соответствующую сумму возможных, добавочных средств производства и предметов потребления, т. е. действительного богатства. Поскольку при неизменяющемся данном масштабе производства или при данной степени его расширения уменьшаются издержки на этот дорогостоящий механизм обращения, постольку вследствие этого повышается производительная сила общественного труда. Следовательно, поскольку такое влияние оказывают вспомогательные средства, развивающиеся вместе с системой кредита, постольку они непосредственно увеличивают капиталистическое богатство — или потому, что вследствие этого большая часть процесса общественного производства и процесса общественного труда совершается без какого-либо участия действительных денег, или потому, что повышается способность функционирования массы денег, действительно находящейся в обращении.

Этим разрешается и нелепый вопрос о том, было бы ли возможно капиталистическое производство в его теперешних размерах без системы кредита (если даже рассматривать ее только с этой точки зрения), т. е. при одном металлическом обращении. Очевидно, нет. Напротив, оно было бы ограничено размерами добычи благородных металлов. С другой стороны, не следует создавать никаких мифических представлений о производительной силе кредита, поскольку он лишь предоставляет в распоряжение денежный капитал или приводит его в движение. Однако дальнейшее развитие этой мысли здесь неуместно.

Теперь мы должны рассмотреть тот случай, когда не происходит действительного накопления, т. е. непосредственного увеличения масштаба производства, но когда часть реализованной прибавочной стоимости более или менее продолжительное время накапливается в виде денежного резервного фонда, чтобы впоследствии превратиться в производительный капитал.

Поскольку накапливаемые таким образом деньги являются добавочными деньгами, дело понятно само собой. Они могут быть только частью избыточного золота, привезенного из стран, добывающих золото. Следует отметить при этом, что в данной стране уже нет то-

* — непроизводительных издержек. *Ред.*

го национального продукта, за который ввезено это золото. Он вывезен за границу в обмен на золото.

Напротив, если предположить, что в стране обращается прежняя масса денег, то накопленные и накапливаемые деньги приливают из каналов обращения; изменяется только их функция. Из обращающихся денег они превращаются в постепенно образующийся, скрытый денежный капитал.

Деньги, которые накаплиются в этом случае, суть денежная форма проданного товара, а именно денежная форма той части его стоимости, которая для его владельца представляет прибавочную стоимость (здесь предполагается, что системы кредита не существует). Капиталист, накопивший эти деньги, *pro tanto* * продал, но не покупает.

Этот процесс, если представить себе его как частный случай, не требует никаких объяснений. Часть капиталистов удерживает часть денег, вырученных от продажи своего продукта, не покупая на них продукта на рынке. Напротив, другая часть капиталистов превращает в продукт все свои деньги, за исключением постоянно возвращающегося денежного капитала, необходимого для ведения производства. Часть продукта, являющегося носителем прибавочной стоимости и выбрасываемого на рынок, состоит из средств производства или из реально существующих элементов переменного капитала, т. е. из необходимых жизненных средств. Следовательно, эта часть продукта может тотчас же служить для расширения производства. Ведь мы вовсе не предполагаем, что, в то время как одна часть капиталистов накапливает денежный капитал, другая часть капиталистов потребляет всю свою прибавочную стоимость целиком; мы только предполагаем, что одна часть капиталистов накапливает капитал в денежной форме, образует скрытый денежный капитал, между тем как другая часть капиталистов действительно накапливает, т. е. расширяет масштабы производства, действительно увеличивает свой производительный капитал. Имеющаяся в наличии масса денег оказывается достаточной для потребностей обращения, даже если попеременно одна часть капиталистов накапливает деньги, в то время как другая расширяет масштаб производства, и наоборот. К тому же накопление денег на одной стороне может совершаться и без наличных денег, посредством одного только накопления долговых требований.

Затруднение возникает тогда, когда мы предполагаем накопление денежного капитала не как частный случай, а как общее явление для класса капиталистов. Согласно нашему предположению, т. е. предполагая всеобщее и исключительное господство капиталистического производства, за исключением класса капиталистов вообще не существует никаких других классов, кроме класса рабо-

* — соответственно. *Ред.*

чих. Все, что покупает рабочий класс, равно сумме его заработной платы, равно сумме переменного капитала, авансированного всем классом капиталистов. К последним эти деньги возвращаются посредством продажи их продукта рабочему классу. Вследствие этого их переменный капитал снова приобретает свою денежную форму. Предположим, что сумма переменного капитала, т. е. переменного капитала, не авансированного, а действительно примененного в течение года, равна $100 \text{ ф. ст.} \times X$; для рассматриваемого здесь вопроса не имеет никакого значения, много или мало — в зависимости от скорости оборота, — требуется денег для того, чтобы авансировать в течение года переменный капитал такой стоимости. На эти $100 \text{ ф. ст.} \times X$ капитала класс капиталистов покупает известную массу рабочей силы, или выплачивает заработную плату известному числу рабочих, т. е. происходит первая сделка. Рабочие на ту же сумму покупают у капиталистов некоторое количество товаров, и сумма в $100 \text{ ф. ст.} \times X$ возвращается в руки капиталистов, т. е. происходит вторая сделка. И это повторяется постоянно. Следовательно, сумма в $100 \text{ ф. ст.} \times X$ никогда не позволит рабочему классу купить ту часть продукта, которая представляет собой постоянный капитал, не говоря уже о той части, которая представляет собой прибавочную стоимость класса капиталистов. Рабочие на $100 \text{ ф. ст.} \times X$ могут купить всегда только ту часть стоимости общественного продукта, которая равна части его стоимости, представляющей стоимость авансированного переменного капитала.

Оставим в стороне тот случай, когда это повсеместное накопление денег не выражает ничего иного, кроме распределения дополнительно ввезенного благородного металла между различными отдельными капиталистами, — причем безразлично, в какой пропорции. Каким же образом может накапливать деньги весь класс капиталистов в этом случае?

Все они должны были бы продавать часть своего продукта, ничего не покупая взамен. Конечно, нет ничего таинственного в том, что они обладают определенным денежным фондом, который они бросают в обращение, затрачивая его как средство обращения в целях своего потребления, и что затем каждый из них снова получает из обращения известную часть этого фонда. Но в таком случае этот денежный фонд существует именно как фонд обращения, образовавшийся вследствие превращения прибавочной стоимости в деньги, а отнюдь не как скрытый денежный капитал.

Если рассматривать дело так, как оно происходит в действительности, то скрытый денежный капитал, накапливаемый для последующего применения, состоит:

1) Из вкладов в банки. Вклады составляют относительно незначительную сумму тех денег, которыми действительно располагает банк. Денежный капитал накапливается при этом лишь номиналь-

но. Что при этом действительно накапливается, так это притязания на деньги, которые превращаются в деньги (если только они когда-нибудь превращаются в деньги) только потому, что устанавливается равновесие между суммой вкладов в банк и суммой денег, затребованных вкладчиками. В виде же денег в банке находится лишь относительно небольшая сумма.

2) Из государственных ценных бумаг. Они вообще представляют собой не капитал, а только долговые притязания на годовой продукт нации.

3) Из акций. Поскольку дело не исключительно спекулятивное, акции представляют собой титул владения действительным капиталом, принадлежащим какой-либо корпорации, и свидетельство на получение прибавочной стоимости, ежегодно приносимой этим капиталом.

Во всех этих случаях не происходит никакого накопления денег: то, что на одной стороне является накоплением денежного капитала, на другой стороне оказывается постоянным действительным расходом денег. Расходятся ли деньги тем лицом, которому они принадлежат, или другим, его должником, это несколько не меняет сути дела.

На основе капиталистического производства образование сокровища само по себе никогда не является целью; оно является или результатом задержки в обращении, — при которой большее, чем обычно, количество денег принимает форму сокровища, — или результатом накоплений, обусловленных оборотом капитала, или, наконец, сокровище представляет собой лишь образование денежного капитала, — пока что в скрытой форме, — предназначенного функционировать в качестве производительного капитала.

Поэтому, с одной стороны, если одна часть прибавочной стоимости, реализованной в форме денег, извлекается из обращения и накапливается в качестве сокровища, то с другой стороны, одновременно другая часть прибавочной стоимости постоянно превращается в производительный капитал. За исключением того случая, когда между классом капиталистов распределяется добавочный благородный металл, накопление капитала в денежной форме никогда не происходит одновременно во всех пунктах.

Все то, что сказано в отношении той части годового продукта, которая представляет собой прибавочную стоимость в товарной форме, действительно и в отношении другой части годового продукта. Для обращения последней требуется известная сумма денег. Эта сумма денег точно так же принадлежит классу капиталистов, как и ежегодно производимая товарная масса, представляющая прибавочную стоимость. Эту сумму денег первоначально бросает в обращение сам класс капиталистов. Она постоянно все снова и снова распределяется между капиталистами посредством самого процесса обращения. Как и вообще при обращении монет, одна

часть этой суммы денег постоянно задерживается то в одном, то в другом пункте, тогда как другая ее часть непрерывно обращается. Дело нисколько не меняется, если такое накопление совершается отчасти преднамеренно, с целью образования денежного капитала.

Здесь мы оставляем в стороне те исключительные случаи в области обращения, когда один капиталист захватывает долю прибавочной стоимости и даже часть капитала другого капиталиста, а потому происходит одностороннее накопление и централизация как денежного, так и производительного капитала. Так, например, часть прибавочной стоимости, присвоенной и накапливаемой капиталистом *A* как денежный капитал, может представлять собой долю прибавочной стоимости капиталиста *B*, которая уже не возвращается к последнему.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ВОСПРОИЗВОДСТВО И ОБРАЩЕНИЕ ВСЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ³⁴⁾

ВВЕДЕНИЕ

I. ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Непосредственный процесс производства капитала есть процесс труда и процесс увеличения стоимости капитала, т. е. процесс, результатом которого является товарный продукт, а определяющим мотивом — производство прибавочной стоимости.

Процесс воспроизводства капитала охватывает как этот непосредственный процесс производства, так и обе фазы собственно процесса обращения, т. е. процесс воспроизводства капитала охватывает весь кругооборот, который, как процесс периодический, — т. е. процесс, все снова и снова повторяющийся через определенные периоды времени, — образует оборот капитала.

Будем ли мы рассматривать кругооборот в форме *Д...Д'* или форме *П...П*, непосредственный процесс производства, *П*, всегда составляет только одно звено этого кругооборота. В одной форме процесс производства опосредствует процесс обращения, в другой форме процесс обращения опосредствует процесс производства. Постоянное возобновление процесса производства, постоянно повторяющееся появление капитала в форме производительного капитала в обоих случаях обусловлено его превращениями в процессе обращения. С другой стороны, постоянно возобновляемый процесс производства является условием превращений, которые капитал постоянно снова и снова прodelывает в сфере обращения, т. е. является условием его попеременного появления то в форме денежного капитала, то в форме товарного капитала.

Однако каждый отдельный капитал составляет лишь обособившуюся, так сказать, одаренную индивидуальной жизнью, дробную часть всего общественного капитала, подобно тому как каждый отдельный капиталист представляет собой лишь индивидуальный

³⁴⁾ Из рукописи II.

элемент класса капиталистов. Движение общественного капитала состоит из всей совокупности движений его обособившихся дробных частей, из всей совокупности оборотов индивидуальных капиталов. Как метаморфоз отдельного товара является звеном в цепи метаморфозов товарного мира, т. е. товарного обращения, точно так же метаморфоз индивидуального капитала, его оборот, является звеном в кругообороте общественного капитала.

Весь этот процесс в целом охватывает как производительное потребление (непосредственный процесс производства) вместе с превращениями форм (обменами, если рассматривать дело с вещественной стороны), которые опосредствуют его, так и индивидуальное потребление с опосредствующими его превращениями форм или обменами. Он охватывает, с одной стороны, превращение переменного капитала в рабочую силу, а поэтому и включение рабочей силы в капиталистический процесс производства. Рабочий выступает здесь в качестве продавца своего товара — рабочей силы, а капиталист — в качестве ее покупателя. Но, с другой стороны, продажа товаров включает куплю последних рабочим классом, следовательно, его индивидуальное потребление. Рабочий класс выступает здесь в качестве покупателя, а капиталисты — в качестве продавцов товаров рабочим.

Обращение товарного капитала включает обращение и прибавочной стоимости, а следовательно, и те акты купли и продажи, при посредстве которых осуществляется индивидуальное потребление капиталистов, потребление прибавочной стоимости.

Следовательно, кругооборот индивидуальных капиталов в их объединении в общественный капитал, т. е. во всей его совокупности, охватывает не только обращение капитала, но и общее товарное обращение. Последнее может первоначально состоять только из двух составных частей: 1) из кругооборота собственно капитала и 2) из кругооборота товаров, входящих в индивидуальное потребление, т. е. товаров, на которые рабочий расходует свою заработную плату, а капиталист — свою прибавочную стоимость (или часть своей прибавочной стоимости). Во всяком случае кругооборот капитала охватывает также и обращение прибавочной стоимости, поскольку она составляет часть товарного капитала, а также и превращение переменного капитала в рабочую силу, выплату заработной платы. Но расходование этой прибавочной стоимости и заработной платы на товары не составляет звена в обращении капитала, несмотря на то, что по меньшей мере расходование заработной платы обуславливает это обращение.

В I книге был подвергнут анализу капиталистический процесс производства и как отдельный акт и как процесс воспроизводства, было подвергнуто анализу производство прибавочной стоимости и производство самого капитала. Та смена форм и тот обмен вещей, которые капитал претерпевает в сфере обращения, были

взяты нами в виде предпосылки, на которой мы подробно не останавливались. Следовательно, предполагалось, что, с одной стороны, капиталист продает продукт по его стоимости и что, с другой стороны, он находит в сфере обращения материальные средства производства, необходимые для того, чтобы возобновить процесс или чтобы непрерывно продолжать его. Единственным актом в сфере обращения, на котором мы должны были там остановиться, был акт купли и продажи рабочей силы как основное условие капиталистического производства.

В первом отделе этой II книги мы рассмотрели различные формы, которые капитал принимает в своем кругообороте, и различные формы самого этого кругооборота. К рабочему времени, рассмотренному в I книге, теперь присоединилось время обращения.

Во втором отделе мы рассматривали кругооборот капитала как кругооборот периодический, т. е. как оборот капитала. При этом, с одной стороны, было показано, как различные составные части капитала (основной и оборотный) проходят кругооборот форм в различные промежутки времени и различным способом; с другой стороны, были исследованы те обстоятельства, которыми обуславливается различная продолжительность рабочего периода и периода обращения. Мы показали, какое влияние период кругооборота и различное соотношение его составных частей оказывают как на размер самого процесса производства, так и на годовую норму прибавочной стоимости. Действительно, если в первом отделе рассматривались главным образом последовательные формы, которые в своем кругообороте постоянно принимает и сбрасывает капитал, то во втором отделе мы рассмотрели, каким образом в этом движении и последовательной смене форм капитал данной величины одновременно, хотя и в изменяющемся соотношении, разделяется на различные формы: на производительный капитал, денежный капитал и товарный капитал, причем эти формы не только чередуются друг с другом, но различные части всей капитальной стоимости постоянно пребывают одна возле другой и функционируют в этих различных состояниях. В частности, денежный капитал при этом проявил особенность, которая не была показана в книге I. Здесь были выявлены те определенные законы, согласно которым составные части данного капитала, различные по величине, — в зависимости от условий оборота, — постоянно должны авансироваться и возобновляться в форме денежного капитала для того, чтобы производительный капитал данного размера мог функционировать беспрерывно.

Однако как в первом, так и во втором отделе речь постоянно шла лишь об индивидуальном капитале, о движении обособившейся части общественного капитала.

Но кругообороты индивидуальных капиталов переплетаются друг с другом, предполагают и обуславливают друг друга и как раз

благодаря этому-то сплетению образуют движение всего общественного капитала. Как при простом товарном обращении весь метаморфоз товара представлялся звеном в цепи метаморфозов товарного мира, так теперь метаморфоз индивидуального капитала является звеном в цепи метаморфозов общественного капитала. Но если простое товарное обращение отнюдь не включало в себя с необходимостью обращения капитала, так как оно может совершаться на основе некапиталистического производства, то кругооборот всего общественного капитала, как уже было отмечено, включает в себя также и товарное обращение, совершающееся вне сферы кругооборота отдельного капитала, т. е. включает в себя также и обращение товаров, которые не являются капиталом.

Мы должны теперь перейти к рассмотрению процесса обращения (который в своей совокупности есть форма процесса воспроизводства) индивидуальных капиталов как составных частей всего общественного капитала, т. е. к рассмотрению процесса обращения всего общественного капитала.

II. РОЛЬ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА

{Хотя нижеследующее относится лишь к дальнейшему изложению в этом отделе, тем не менее мы намерены начать исследование денежного капитала сейчас, а именно исследовать его как составную часть всего общественного капитала.}

При рассмотрении оборота индивидуального капитала были обнаружены две стороны денежного капитала.

Во-первых, он образует ту форму, в которой каждый индивидуальный капитал выступает на сцену, начинает свой процесс как капитал. Он выступает поэтому как *primus motor* *, дающий толчок всему процессу.

Во-вторых, в зависимости от различной продолжительности периода оборота и различного отношения между обеими составными частями последнего — рабочим периодом и периодом обращения — изменяется и относительная величина той составной части авансированной капитальной стоимости, которая должна постоянно авансироваться и возобновляться в денежной форме: изменяется ее величина по отношению к производительному капиталу, приводимому ею в движение, т. е. по отношению к неизменному масштабу производства. Но каково бы ни было это отношение, при всех условиях та часть находящейся в движении капитальной стоимости, которая может постоянно функционировать как производительный капитал, ограничена той частью авансированной капитальной стоимости, которая должна постоянно существовать в денежной форме наряду с производительным капиталом. Речь идет здесь

* — первичный двигатель. *Ред.*

лишь о нормальном обороте, об абстрактной средней величине. При этом мы оставляем в стороне добавочный денежный капитал, необходимый для того, чтобы сглаживать нарушения в процессе обращения.

К первому пункту. Товарное производство предполагает товарное обращение, а товарное обращение предполагает, что товар находит себе выражение в качестве денег, предполагает денежное обращение; раздвоение товара на товар и деньги есть закон выражения продукта как товара. Точно так же капиталистическое товарное производство, — безразлично, будем ли мы его рассматривать с общественной или с индивидуальной точки зрения, — предполагает существование капитала в денежной форме, или существование денежного капитала в качестве *primus motor* для каждого вновь возникающего предприятия и в качестве его постоянного двигателя. Оборотный капитал в особенности предполагает, что через короткие промежутки времени постоянно вновь появляется денежный капитал в качестве двигателя. Вся авансированную капитальную стоимость, т. е. все составные части капитала, состоящие из товаров, — рабочую силу, средства труда и производственные материалы, — постоянно приходится снова и снова покупать на деньги. То, что говорится здесь об индивидуальном капитале, относится и к общественному капиталу, который функционирует лишь в форме многих индивидуальных капиталов. Но, как уже показано в книге I, из этого отнюдь не следует, что арена функционирования капитала, масштабы производства, даже на капиталистическом базисе, в своих *абсолютных* границах зависят от размеров функционирующего денежного капитала.

В производительный капитал входят элементы производства, величина которых, в известных пределах, не зависит от величины авансированного денежного капитала. При одинаковой оплате рабочей силы ее можно подвергать экстенсивно или интенсивно более сильной эксплуатации. Если при такой более сильной эксплуатации увеличивается и денежный капитал (т. е. повышается заработная плата), то он увеличивается не пропорционально усилению эксплуатации, следовательно, он увеличивается вовсе не *pro tanto* *.

Производительно эксплуатируемый материал природы, не составляющий элемента стоимости капитала, — земля, море, руды, леса и т. д., при большем напряжении одного и того же количества рабочих сил может интенсивно или экстенсивно сильнее эксплуатироваться без увеличения авансируемого денежного капитала. Таким образом, величина реальных элементов производительного капитала возрастает, не требуя затрат добавочного денежного капитала. Если же последний потребуются на дополнительные вспомогательные материалы, то денежный капитал, в форме которого

* — в той же мере. *Ред.*

авансируется капитальная стоимость, увеличивается непропорционально увеличению эффективности производительного капитала, следовательно, он увеличивается вовсе не *pro tanto*.

Одни и те же средства труда, т. е. один и тот же основной капитал, можно использовать более эффективно как посредством удлинения времени его ежегодного употребления, так и посредством увеличения интенсивности его применения, причем для этого не требуется добавочной затраты денег на основной капитал. В таком случае происходит лишь более быстрый оборот основного капитала, но зато и элементы его воспроизводства доставляются быстрее.

Оставляя в стороне материалы природы, в процессе производства могут быть включены в качестве более или менее эффективно действующих агентов силы природы, которые капиталисту ничего не стоят. Степень их эффективности зависит от методов их применения и прогресса науки, которые опять-таки ничего не стоят капиталисту.

То же самое относится к общественному комбинированию рабочей силы в процессе производства и к мастерству, накопленному отдельными рабочими. Кэри подсчитал, что земельный собственник никогда не получает достаточно, так как ему оплачивается не весь тот капитал, соответственно не весь тот труд, который с незапамятных времен вкладывался в землю, чтобы довести ее плодородие до нынешнего уровня. (Конечно, о том плодородии, которого она лишается, нет и упоминания.) В соответствии с этим каждый отдельный рабочий должен был бы оплачиваться сообразно с тем трудом, который затрачен всем человеческим родом, чтобы превратить дикаря в современного рабочего-механика. Следовало бы рассуждать как раз наоборот: если подсчитать весь вложенный в землю неоплаченный труд, но превращенный в деньги земельным собственником и капиталистом, то весь их вложенный в землю капитал выплачен им многократно, да еще с ростовщическими процентами; таким образом земельная собственность давным-давно и уже много раз выкуплена обществом.

Правда, повышение производительной силы труда, поскольку оно не предполагает добавочной затраты капитальных стоимостей, увеличивает прежде всего лишь массу продукта, а не его стоимость; исключением является тот случай, когда оно позволяет посредством того же количества труда воспроизводить больше постоянного капитала, а следовательно, и сохранять стоимость большего капитала. Но в то же время повышение производительной силы труда создает новый материал для капитала, следовательно, создает базис для увеличения накопления капитала.

Поскольку сама организация общественного труда, а потому и повышение общественной производительной силы труда требует, чтобы производство велось в крупном масштабе и чтобы отдельные

капиталисты авансировали крупные массы денежного капитала, то уже в книге I было показано⁷¹, что это совершается отчасти посредством централизации капиталов в немногих руках, причем нет никакой необходимости в том, чтобы при этом происходило абсолютное увеличение размера функционирующих капитальных стоимостей, а следовательно, и размера того денежного капитала, в форме которого они авансируются. Величина отдельных капиталов может возрасти посредством их централизации в немногих руках без одновременного возрастания общественной суммы этих капиталов. Это лишь изменение распределения отдельных капиталов.

Наконец, в предыдущем отделе было показано, что уменьшение продолжительности периода оборота позволяет с меньшим денежным капиталом приводить в движение тот же самый производительный капитал, или с тем же денежным капиталом приводить в движение больший производительный капитал.

Однако, очевидно, что все это не имеет никакого отношения к вопросу о собственно денежном капитале. Это показывает только, что авансированный капитал, — данная сумма стоимости, которая в своей свободной форме, в форме стоимости, состоит из определенной суммы денег, — после своего превращения в производительный капитал содержит в себе производительные потенции, границы которых не определяются величиной стоимости, но которые в известных пределах могут действовать с различной степенью экстенсивности или интенсивности. Если цены элементов производства — средств производства и рабочей силы — даны, то этим определена величина того денежного капитала, который необходим для купли определенного количества этих элементов производства, существующих в виде товаров. Другими словами, этим определена величина стоимости того капитала, который приходится авансировать. Но размеры, в которых этот капитал действует как фактор образования стоимости и продукта, эластичны и изменчивы.

Ко второму пункту. Само собой понятно, что та часть общественного труда и средств производства, которая ежегодно должна расходоваться на производство или на покупку денег с целью возмещения изношенной монеты, *pro tanto* является вычетом из общественного производства. Но что касается денежной стоимости, функционирующей частью в форме средств обращения, частью в форме сокровища, то, — раз она уже имеется, раз она уже приобретена, — она существует наряду с рабочей силой, с произведенными средствами производства и естественными источниками богатства. Ее нельзя рассматривать как нечто, ограничивающее эти последние. Посредством превращения ее в элементы производства, посредством обмена с другими странами, мог бы быть расширен масштаб производства. Это предполагает, однако, что деньги в данном случае, как и раньше, играют роль мировых денег.

В зависимости от продолжительности периода оборота для приведения в движение производительного капитала требуется большая или меньшая масса денежного капитала. Точно так же мы видели, что известное деление периода оборота на рабочий период и время обращения обуславливает увеличение находящегося в денежной форме скрытого капитала, или, другими словами, капитала, применение которого отсрочено.

В той мере, в какой период оборота определяется продолжительностью рабочего периода, он определяется, при прочих неизменных условиях, материальной природой процесса производства, следовательно, он определяется не специфическим общественным характером этого процесса производства. Однако на основе капиталистического производства сравнительно широкие операции более длительного характера обуславливают авансирование более крупного денежного капитала на более продолжительное время. Следовательно, производство в таких областях зависит от тех границ, в пределах которых отдельный капиталист располагает денежным капиталом. Эти границы раздвигаются системой кредита и связанным с нею ассоциированием, например, акционерными обществами. Поэтому нарушения, происходящие на денежном рынке, приостанавливают деятельность таких предприятий, а эти последние, в свою очередь, вызывают нарушения на денежном рынке.

На основе общественного производства необходимо определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за все это время никакого продукта в качестве полезного эффекта; необходимо определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя ущерба таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в течение года не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют жизненные средства и средства производства. При общественном производстве, так же как и при капиталистическом, рабочие, занятые в отраслях производства с относительно короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового продукта; между тем отрасли производства с длинными рабочими периодами непрерывно отвлекают продукты на более продолжительное время, прежде чем сами начнут давать таковые. Следовательно, это обстоятельство вытекает из вещных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы. При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует

времени их труда. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения.

Итак, поскольку потребность в денежном капитале вытекает из продолжительности рабочего периода, она обуславливается двумя обстоятельствами: *во-первых*, деньги вообще являются той формой, в которой должен выступить каждый индивидуальный капитал (кредит мы оставляем в стороне) для превращения в производительный капитал. Это вытекает из сущности капиталистического производства, вообще из сущности товарного производства. — *Во-вторых*, величина необходимо авансируемой денежной суммы обуславливается тем обстоятельством, что в течение более или менее продолжительного времени у общества постоянно отвлекаются рабочая сила и средства производства, причем ему в течение этого времени не возвращается никакого продукта, который можно было бы превратить в деньги. Первое обстоятельство, а именно, что подлежащий авансированию капитал приходится авансировать в денежной форме, не устраняется самой формой этих денег, будь то металлические деньги, кредитные деньги, знаки стоимости и т. д. На второе обстоятельство никакого влияния не оказывает то, при помощи каких денежных средств или при какой форме производства отвлекаются труд, жизненные средства и средства производства, когда при этом обратно в обращение не выбрасывается никакого эквивалента.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ³⁵⁾

ПРЕЖНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРЕДМЕТЕ

I. ФИЗИОКРАТЫ

Кенэ в своей «Tableau économique»* немногими крупными штрихами показывает, каким образом годовой продукт национального производства определенной стоимости распределяется посредством обращения так, чтобы, при прочих неизменных условиях, могло совершаться простое воспроизводство этого продукта, т. е. воспроизводство в прежнем масштабе. Исходный пункт для периода производства по существу дела составляет урожай последнего года. Бесчисленные индивидуальные акты обращения с самого начала объединяются в характерно-общественное массовое движение, — в обращение между крупными функционально определенными экономическими классами общества. Нас здесь интересует следующее: одна часть всего продукта, — подобно любой другой его части, она в качестве предмета потребления представляет собой новый результат труда истекшего года, — является в то же время лишь носительницей старой капитальной стоимости, вновь появляющейся в прежней натуральной форме. Эта часть продукта не обращается, а остается в руках ее производителей, класса фермеров, с тем, чтобы в руках этого класса снова начать свою службу в качестве капитала. В эту часть годового продукта, представляющую собой постоянный капитал, Кенэ включает также не относящиеся к нему элементы, но ему удалось схватить суть дела благодаря ограниченности своего кругозора, для которого земледелие является единственной сферой приложения человеческого труда, производящей прибавочную стоимость, т. е. с капиталистической точки зрения — единственной действительно производительной сферой труда. Экономический процесс воспроизводства, каков бы ни был его специфически общественный характер, всегда переплетается в этой

³⁵⁾ Здесь начинается рукопись VIII.

* — «Экономической таблице». *Ред.*

области (в земледелии) с естественным процессом воспроизводства. Очевидные условия этого последнего бросают свет и на условия первого и не допускают заблуждений, вызываемых миражами обращения.

Этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца. Сам Кенэ и его ближайшие ученики верили в свою феодальную вывеску, подобно тому как наши ученые-педанты верят в нее до сих пор. В действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства. Представитель промышленного капитала — класс фермеров — направляет все экономическое движение. Земледелие ведется капиталистически, т. е. как крупное предприятие капиталистического фермера; непосредственный земледелец является наемным рабочим. В процессе производства создаются не только предметы потребления, но и их стоимость; побудительным же мотивом производства служит получение прибавочной стоимости, местом рождения которой является сфера производства, а не сфера обращения. Из трех классов, которые у Кенэ фигурируют в качестве носителей общественного процесса воспроизводства, опосредствуемого обращением, непосредственный эксплуататор «производительного» труда, производитель прибавочной стоимости, капиталистический фермер, отличается от тех, кто просто ее присваивает ⁷².

Капиталистический характер физиократической системы еще во время ее расцвета вызвал оппозицию, с одной стороны, Ленге и Мабли, и, с другой стороны, — защитников свободного мелкого землевладения.

А. Смит в своем анализе процесса воспроизводства пошел назад ³⁶⁾, и это тем более бросается в глаза, что в остальном он не только дает дальнейшую разработку правильного анализа Кенэ, как, например, обобщает его «*avances primitives*»* и «*avances annuelles*»** в понятиях «основной» и «оборотный» капитал ³⁷⁾, но местами совершенно впадает в физиократические заблуждения. Например, чтобы доказать, что фермер производит большую стоимость, чем какой-либо другой род капиталистов, А. Смит говорит:

³⁶⁾ «Капитал», том I, 2-е издание, стр. 612, примечание 32 ⁷³.

* — «первоначальные авансы». *Ред.*

** — «ежегодные авансы». *Ред.*

³⁷⁾ И здесь ему расчистили дорогу некоторые физиократы, прежде всего Тюрго. Этот последний уже чаще, чем Кенэ и другие физиократы, употребляет слово «капитал» вместо «*avances*» [«авансы»] и еще более отождествляет «*avances*» или «*capitaux*» [«капитал»] промышленников с авансами у фермеров. Например: «Подобно этим последним» (предпринимателям-промышленникам), «они» (*les fermiers*, т. е. капиталистические фермеры) «должны получать, кроме возвращающихся обратно капиталов, и т. д.» (*Turgot. Oeuvres, éd. Daire, Paris, 1844, t. I, p. 40*).

«Никакой другой капитал, равный по размерам, не приводит в движение большего количества производительного труда, чем капитал фермера. Ибо не только его рабочие-батраки, но и его рабочий скот являются производительными работниками». {Приятный комплимент для рабочих!} «В земледелии вместе с человеком работают также и природа, и хотя *ее работа не требует никаких издержек*, ее продукт обладает *своей стоимостью точно так же, как и продукт наиболее дорогостоящих рабочих*. В земледелии наиболее важные работы имеют своей целью не столько увеличить естественное плодородие природы, — хотя они делают и это, — сколько направлять его на производство растительных продуктов, наиболее полезных для человека. Поле, заросшее терновником и кустарником, довольно часто может дать такую же массу растительного продукта, как и виноградник или пашня, возделанные самым тщательным образом. Посев и обработка почвы часто не столько возбуждают, сколько направляют активное плодородие природы и после всех трудов земледельца значительная часть труда всегда остается на долю природы. Поэтому рабочие и рабочий скот (!), занятые в земледелии, воспроизводят не только стоимость, равную стоимости их собственного потребления или стоимости капитала, дающего им занятие вместе с прибылью его владельца, как это мы видели у мануфактурных рабочих, но и гораздо большую стоимость. Сверх капитала фермера и всей его прибыли они регулярно воспроизводят ренту землевладельца. Эту ренту можно рассматривать как продукт тех сил природы, пользование которыми землевладелец за определенную плату предоставляет фермеру. Она выше или ниже в зависимости от предполагаемой величины этих сил или, другими словами, от предполагаемого естественного или искусственно созданного плодородия земли. Она — продукт природы, остающийся после вычета и возмещения всего того, что можно признать делом рук человеческих. Она редко бывает меньше четвертой части, а часто превышает третью часть всего продукта. Одинаковое количество производительного труда, примененного в мануфактурах, никогда не даст такого большого воспроизводства. В мануфактурах природа не делает ничего, — все делает человек; и воспроизведенный продукт всегда должен быть пропорционален размерам действующих сил, создающих его. Таким образом, капитал, вложенный в земледелие, не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем таких же размеров капитал, вложенный в мануфактуру, но и прибавляет, пропорционально количеству применяемого им производительного труда, гораздо большую стоимость к годовому продукту земли и труда страны, к действительному богатству и доходу ее жителей» (книга II, гл. V, стр. 242).

В другом месте А. Смит говорит:

«Также и вся стоимость семян есть, собственно говоря, основной капитал» (книга II, гл. I).

Следовательно, здесь капитал = капитальной стоимости; она существует в своей «основной» форме.

«Хотя семена и перемещаются все время из амбара в поле и обратно, они никогда не меняют хозяина и, следовательно, не совершают обращения в собственном смысле этого слова. Фермер извлекает свою прибыль не посредством их продажи, а за счет их прироста» (там же, стр. 186).

Ограниченность проявляется здесь в том, что Смит не видит, как это видел уже Кенэ, повторного появления стоимости постоянного капитала в обновленной форме, следовательно, он не видит важного момента процесса воспроизводства, а видит только лишнюю иллюстрацию — к тому же еще и неправильную — для своего различия между оборотным и основным капиталом. — Переходя от понятий «*avances primitives*» и «*avances annuelles*» к понятиям

«fixed capital»* и «circulating capital»**, Смит делает шаг вперед в употреблении слова, «капитал»; понятие это обобщается, становится независимым от того особого внимания к «земледельческой» сфере применения, которое характерно для физиократов. Шагом назад является то, что различия между «основным» и «оборотным» капиталом рассматриваются и сохраняются как решающие различия.

II. АДАМ СМИТ

1) ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СМИТА

А. Смит говорит:

«В каждом обществе цена любого товара в конечном счете сводится к одной из этих частей (к заработной плате, прибыли, земельной ренте) или же распадается на все эти три части, а в каждом развитом обществе все эти три составные части в большей или меньшей мере входят в цену подавляющей части товаров»³⁸⁾ (книга I, гл. VI, стр. 42).

«Заработная плата, прибыль и земельная рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости» (стр. 63).

В дальнейшем мы исследуем более подробно это учение А. Смита о «составных частях цены товаров», или, соответственно, «всякой меновой стоимости». Далее у А. Смита говорится:

«Так как это относится к каждому единичному товару, взятому в отдельности, то это должно относиться и ко всей совокупности товаров, составляющих *годовой продукт* земли и труда каждой страны. *Общая цена, или меновая стоимость*, этого годового продукта должна *распасться* на такие же три части и *распределяться* между различными жителями страны или в виде заработной платы за их труд, или в виде *прибыли* с их капитала, или в виде *ренты* с их землевладения» (книга II, гл. II, стр. 190).

После того как А. Смит и цену каждого товара, взятого в отдельности, и «общую цену, или меновую стоимость,... годового продукта земли и труда каждой страны» разложил таким образом на три источника доходов наемного рабочего, капиталиста и земельного собственника: на заработную плату, прибыль и земельную ренту, после этого ему все-таки пришлось окольным, контрабандным путем ввести четвертый элемент, а именно — элемент капитала. Это достигается посредством проведения различия между валовым и чистым доходом.

* — «основной капитал». *Ред.*

** — «оборотный капитал». *Ред.*

³⁸⁾ Чтобы читатель не заблуждался относительно смысла слов «цена подавляющей части товаров», приведем следующую выдержку, свидетельствующую о том, как сам А. Смит объясняет это выражение: например, в цену морской рыбы рента не входит, а входит только заработная плата и прибыль; в цену *scotch pebbles* [шотландских голышей] входит лишь заработная плата, а именно: «В некоторых районах Шотландии бедняки промышляют собиранием на морском берегу нестрых камешков, известных под названием шотландских голышей. Цена, которую платят им за эти камешки резчики по камню, состоит только из заработной платы, так как ни земельная рента, ни прибыль не составляют ни малейшей доли ее».

«*Валовой доход всех жителей страны в целом состоит из всего годового продукта их земли и труда; чистый доход составляет ту часть, которая остается в их распоряжении после вычета издержек по содержанию, во-первых, их основного, и, во-вторых, их оборотного капитала; или, другими словами, ту часть, которую они могут, не затрагивая своего капитала, включить в запас, предназначенный для непосредственного потребления, или израсходовать на свое питание, на создание бытовых удобств и на удовольствия. Их действительное богатство тоже пропорционально не их валовому, а их чистому доходу*» (там же, стр. 190).

На это мы заметим:

1) А. Смит рассматривает здесь исключительно лишь простое воспроизводство, а не воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление. Он говорит только о расходах по «содержанию» («*maintaining*») функционирующего капитала. «Чистый» доход равняется той части годового продукта — причем безразлично, всего ли общества или же индивидуального капиталиста, — которая может войти в «фонд потребления», но размеры этого фонда не должны «затрагивать» функционирующий капитал («*encroach upon capital*»). Следовательно, часть стоимости как индивидуального, так и общественного продукта не сводится ни к заработной плате, ни к прибыли, ни к земельной ренте, а сводится к капиталу.

2) А. Смит отказывается от своей собственной теории, прибегая к игре слов, к различению между «*gross*» и «*net revenue*», — между валовым и чистым доходом. Индивидуальный капиталист, как и весь класс капиталистов, или так называемая нация, вместо потребленного в производстве капитала получает товарный продукт. Стоимость этого последнего, — ее можно представить в виде пропорциональных частей самого продукта, — с одной стороны, возмещает затраченную капитальную стоимость, а потому составляет доход, или, как сказано у А. Смита буквально, «*revenue*» («*revenu*» — причастие от глагола «*revenir*», «возвращаться»), однако, *nota bene**, составляет «*capital-revenue*», или «доход на капитал»; с другой стороны, составные части стоимости продукта, которые «распределяются между различными жителями страны или в виде заработной платы за их труд, или в виде прибыли с их капитала, или в виде ренты с их землевладения», составляют как раз то, что в обыденной жизни и называется доходом. Согласно этому взгляду стоимость всего продукта, будь то индивидуального капиталиста или всей страны, составляет чей-нибудь доход, но составляет, с одной стороны, доход на капитал, и, с другой стороны, — отличную от него форму «*revenue*». Таким образом то, что было устранено при разложении стоимости товара на ее составные части, снова вводится с черного хода — посредством двусмысленного слова «*revenue*». Но «присвоить в качестве дохода» можно лишь такие составные части стоимости продукта, которые уже существуют в нем. Чтобы капитал принес доход, «*revenue*», он должен быть предварительно израсходован.

* — заметим хорошенько. *Ред.*

В другом месте А. Смит говорит:

«Минимальная обычная норма прибыли всегда должна быть несколько больше того, что достаточно для возмещения тех случайных потерь, которым подвержен капитал при любом способе его применения. Только этот избыток представляет собой чистую, или нетто-прибыль».

{Но какой же капиталист понимает под прибылью необходимые затраты капитала?}

«То, что называют валовой прибылью, включает в себя часто не только этот избыток, но и ту сумму, которая удерживается для возмещения указанных чрезвычайных потерь» (книга I, гл. IX, стр. 72).

Но это значит только то, что часть прибавочной стоимости, рассматриваемая как часть валовой прибыли, должна образовать страховой фонд производства. Этот страховой фонд создается за счет части прибавочного труда, который постольку непосредственно производит капитал, т. е. фонд, предназначенный для воспроизводства. Что же касается затрат на «содержание» основного капитала и т. д. (см. цитированные выше места), то возмещение потребленного основного капитала новым не составляет новой затраты капитала, а представляет собой только возобновление старой капитальной стоимости в новой форме. Что касается издержек на ремонт основного капитала, которые А. Смит тоже относит к издержкам по его содержанию, то они входят в цену авансированного капитала. То, что капиталисту не приходится разом вкладывать эту часть капитала, что он вкладывает ее во время функционирования капитала лишь постепенно, по мере потребности, и может пользоваться для этой цели уже полученной прибылью, — это обстоятельство несколько не меняет источника этой прибыли. Та составная часть стоимости, которая является источником этой прибыли, показывает только, что рабочий доставляет прибавочный труд и для страхового фонда и для фонда, предназначенного для затрат на ремонт.

А. Смит рассказывает нам далее, что из чистого дохода, т. е. из дохода в специфическом смысле, следует исключить весь основной капитал, а также всю ту часть оборотного капитала, которая требуется на содержание и ремонт основного капитала, а также для его обновления, т. е. в сущности следует исключить весь капитал, находящийся не в такой натуральной форме, в которой он предназначен для фонда потребления.

«Все издержки по содержанию основного капитала необходимо, очевидно, исключить из чистого дохода общества. В него никогда не могут входить ни сырые материалы, необходимые для поддержания в исправности полезных машин и орудий труда, ... ни продукт труда, необходимый для приведения этих материалов в надлежащий вид. *Цена* же этого труда, конечно, может составить часть чистого дохода, ибо рабочие, занятые этим трудом, всю стоимость своей заработной платы могут превратить в свой запас, предназначенный для непосредственного потребления. Но при других видах труда как его *цена*» (т. е. заработная плата, выдаваемая за этот труд), «так и *продукт*» (в котором воплощен этот труд) «входят в этот запас

для потребления: цена — в запас рабочих, продукт — в запас других лиц, потребление, удобства и удовольствия которых возрастают благодаря труду этих рабочих» (книга II, гл. II, стр. 190, 191).

А. Смит наталкивается здесь на очень важное различие между рабочими, занятыми в производстве *средств производства*, и рабочими, которые заняты непосредственным производством *предметов потребления*. Стоимость товарного продукта первой категории рабочих содержит в себе составную часть, равную сумме их заработных плат, т. е. равную стоимости той части капитала, которая затрачена на куплю их рабочей силы. Эта часть стоимости физически существует в виде известной доли средств производства, произведенных этими рабочими. Деньги, полученные ими в виде заработной платы, для них образуют доход, но ни для них самих, ни для других их труд не произвел продуктов, пригодных для индивидуального потребления. Следовательно, эти продукты не образуют элемента той части годового продукта, которая предназначена для общественного фонда потребления, того фонда, в котором только и может реализоваться «чистый доход». А. Смит забывает здесь добавить, что сказанное о заработной плате в равной мере относится и к той составной части стоимости средств производства, которая в качестве прибавочной стоимости под видом категорий прибыли и ренты образует доход (в первую очередь) промышленных капиталистов. Эти составные части стоимости тоже существуют в форме средств производства, в форме предметов, не пригодных для индивидуального потребления. Только после превращения их в деньги можно купить соответствующее их цене количество предметов потребления, произведенных второй категорией рабочих, и перенести его в фонд индивидуального потребления владельцев этих средств производства. Но тем более А. Смит должен был бы видеть, что часть стоимости ежегодно производимых средств производства, которая равна стоимости средств производства, функционирующих в этой сфере производства, т. е. равна стоимости тех средств производства, с помощью которых производят средства производства, — следовательно, часть стоимости, равная стоимости примененного здесь постоянного капитала, — абсолютно не может служить какой-либо составной частью стоимости, образующей доход, — не только вследствие той натуральной формы, в которой эта часть существует, но и вследствие функционирования ее в качестве капитала.

По отношению ко второй категории рабочих, т. е. тех рабочих, которые непосредственно производят предметы потребления, определения А. Смита не совсем точны. А именно, он говорит, что в таких отраслях труда в фонд непосредственного потребления «входят» («go to») и цена труда и продукт:

«цена» (т. е. деньги, полученные в качестве заработной платы) * — в фонд потребления рабочих, продукт — в фонд потребления других лиц («that of other».

people»), потребление, удобства и удовольствия которых возрастают благодаря труду этих рабочих».

Но рабочий не может жить непосредственно «ценой» своего труда, т. е. теми деньгами, в которых выплачивается ему заработная плата; он реализует эти деньги, покупая на них предметы потребления; эти последние частично могут состоять из тех товаров, которые произведены им самим. С другой стороны, его собственный продукт может быть таким, что он входит только в потребление эксплуататоров труда.

Совершенно исключив, таким образом, основной капитал из «netto revenue»* страны, А. Смит продолжает:

«Но если вся сумма затрат на содержание основного капитала таким образом необходимо исключается из чистого дохода общества, то не так обстоит дело с затратами на содержание оборотного капитала. Из четырех частей, из которых состоит этот капитал, а именно денег, жизненных средств, сырых материалов и готовых изделий, три последние, как было уже сказано, постоянно извлекаются из него и вкладываются или в основной капитал общества, или в его запас, предназначенный для непосредственного потребления. Та часть этих пригодных для потребления предметов, которая не употребляется на содержание первого» {основного капитала}, «целиком входит в состав последнего» {в запас, предназначенный для непосредственного потребления} «и составляет часть чистого дохода общества. Поэтому содержание этих трех частей оборотного капитала уменьшает чистый доход общества лишь на ту часть годового продукта, которая необходима для содержания основного капитала» (книга II, гл. II, стр. 192).

Утверждение А. Смита о том, что часть оборотного капитала, которая не служит для производства средств производства, входит в производство предметов потребления, т. е. в часть годового продукта, предназначенную для образования фонда потребления всего общества, есть просто тавтология. Но важно то, что следует непосредственно за этим:

«Оборотный капитал общества в этом отношении отличается от оборотного капитала отдельного лица. Оборотный капитал отдельного лица целиком исключен из его чистого дохода и никогда не может составлять какую-либо часть последнего; чистый доход отдельного лица может состоять только из его прибыли. Но хотя оборотный капитал каждого отдельного лица и составляет часть оборотного капитала того общества, к которому принадлежит это лицо, однако это отнюдь не исключает для оборотного капитала возможности составлять также часть чистого дохода общества. Хотя все товары, находящиеся в лавке розничного торговца, никоим образом не могут быть включены в его собственный запас, предназначенный для непосредственного потребления, тем не менее они могут попасть в фонд потребления других людей, которые за счет дохода, получаемого из других источников, могут регулярно возмещать ему их стоимость вместе с прибылью, не вызывая этим ни малейшего уменьшения ни его капитала, ни своих собственных капиталов» (там же).

Итак, здесь мы узнаем:

1) Как основной капитал и необходимый для его воспроизводства (функционирование основного капитала А. Смит забывает) и содержания оборотный капитал, так и оборотный капитал каждого индивидуального капиталиста, функционирующий в производ-

* — «чистого дохода». *Ред.*

стве предметов потребления, полностью исключаются из *его* чистого дохода, который может состоять лишь из его прибылей. Следовательно, та часть его товарного продукта, которая возмещает его капитал, не разложима на составные части стоимости, образующие для него доход.

2) Оборотный капитал каждого индивидуального капиталиста образует часть общественного оборотного капитала совершенно так же, как и каждый индивидуальный основной капитал образует часть общественного основного капитала.

3) Общественный оборотный капитал, хотя он и является лишь суммой индивидуальных оборотных капиталов, обладает характерной особенностью, отличающей его от оборотного капитала каждого индивидуального капиталиста. Последний никогда не может образовать части *дохода индивидуального капиталиста*; напротив, часть первого (а именно, часть, состоящая из предметов потребления), может в то же время составлять часть *дохода общества*, или, как А. Смит говорил раньше, эта часть капитала не должна непременно уменьшать чистый доход общества на известную часть годового продукта. В действительности то, что А. Смит называет здесь оборотным капиталом, представляет собой ежегодно производимый товарный капитал, который капиталисты, производящие предметы потребления, ежегодно бросают в обращение. Весь этот их годовой товарный продукт состоит из предметов, пригодных для потребления, и потому образует фонд, в котором реализуются или на который расходуются чистые доходы общества (включая и заработную плату). Вместо того чтобы в качестве примера брать товары, находящиеся в лавке розничного торговца, А. Смит следовало бы взять товарные массы, лежащие на складах промышленных капиталистов.

Если бы А. Смит свел воедино те разрозненные мысли, которые владели им раньше при рассмотрении воспроизводства того капитала, который он называет основным, а теперь при рассмотрении воспроизводства того капитала, который он называет оборотным, то он пришел бы к следующему результату:

I. Годовой общественный продукт состоит из двух подразделений: первое охватывает средства производства, второе — предметы потребления. Каждое из этих подразделений необходимо рассматривать отдельно.

II. Совокупная стоимость той части годового продукта, которая состоит из *средств производства*, состоит из следующих частей: одна часть их стоимости представляет собой стоимость только тех средств производства, которые были потреблены при производстве этих средств производства, следовательно, это — капитальная стоимость, лишь появляющаяся в новой форме. Другая часть равна стоимости капитала, затраченного на рабочую силу, или равна сумме заработных плат, выплаченных капиталистами этой сферы про-

изводства. Наконец, третья часть стоимости образует источник прибылей — включая и земельную ренту — промышленных капиталистов этого подразделения.

Первая составная часть, по А. Смиту, — воспроизведенная часть основного капитала всех занятых в этом первом подразделении индивидуальных капиталов, «целиком исключена и никогда не может составлять какую-либо часть чистого дохода» ни индивидуальных капиталистов, ни общества в целом. Она постоянно функционирует как капитал и никогда не функционирует как доход. В этом отношении «основной капитал» каждого индивидуального капиталиста ничем не отличается от основного капитала всего общества. Однако в то же время другие части стоимости этого годового общественного продукта, состоящего из средств производства, — части стоимости, которые, следовательно, существуют также и в виде соответствующих долей всей этой массы средств производства, — образуют *доходы всех агентов, участвующих в этом производстве*: заработную плату рабочих, прибыль и ренту капиталистов. Но для общества они образуют не доход, а *капитал*, хотя указанный годовой продукт общества и состоит лишь из суммы продуктов индивидуальных капиталистов, принадлежащих к данному обществу. Большей частью эти продукты уже по самой своей природе могут функционировать лишь в качестве средств производства, и даже те из них, которые в случае необходимости могли бы функционировать как предметы потребления, предназначены служить в качестве сырого или вспомогательного материала для нового производства. Они функционируют как таковой, т. е. как капитал, но не в руках своих производителей, а в руках тех, кто их применяет, а именно:

III. В руках капиталистов второго подразделения, непосредственных производителей *предметов потребления*. Эти средства производства возмещают им капитал, потребленный при производстве предметов потребления (поскольку этот капитал не превращен в рабочую силу, т. е. поскольку он не состоит из суммы заработных плат рабочих этого второго подразделения). А этот потребленный капитал, который в форме предметов потребления находится теперь в руках капиталистов, производящих таковые, в свою очередь, — т. е. с общественной точки зрения, — *образует тот фонд потребления, в котором капиталисты и рабочие первого подразделения реализуют свои доходы*.

Если бы А. Смит продолжил свой анализ до этих пределов, то он подошел бы почти вплотную к решению всей проблемы. По существу он был уже совсем близок к этому, так как он уже заметил, что определенные части стоимости *одного* вида товарных капиталов (средства производства), из которых состоит весь годовой продукт общества, хотя и образуют доход для индивидуальных рабочих и капиталистов, занятых в их производстве, но не образуют составной

части дохода общества; тогда как часть стоимости *другого* вида товарных капиталов (предметы потребления), хотя и образует капитальную стоимость для индивидуальных собственников этой части, т. е. для капиталистов, занятых в этой сфере приложения капитала, но образует все же лишь часть дохода общества.

Но из всего вышесказанного следует:

Во-первых. Хотя общественный капитал равен лишь сумме индивидуальных капиталов, а потому и годовой товарный продукт (или товарный капитал) общества равен сумме товарных продуктов этих индивидуальных капиталов; хотя отсюда следует, что разложение товарной стоимости на ее составные части, правильное для всякого индивидуального товарного капитала, должно оказаться правильным и в конечном счете действительно оказывается правильным также и для товарного капитала всего общества, тем не менее та форма, в которой эти составные части стоимости выступают во всем общественном процессе воспроизводства, является у них *различной*.

Во-вторых. Даже на основе простого воспроизводства имеет место не только производство заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимости, но и непосредственное производство новой постоянной капитальной стоимости — несмотря на то, что рабочий день состоит только из двух частей: из одной части, в течение которой рабочий возмещает переменный капитал, т. е. фактически производит эквивалент, необходимый для покупки его рабочей силы, и из второй части, в течение которой он производит прибавочную стоимость (прибыль, ренту и т. д.). — Именно тот ежедневный труд, который затрачивается на воспроизводство средств производства, — и стоимость которого тоже распадается на заработную плату и прибавочную стоимость, — именно этот труд реализуется в новых средствах производства, возмещающих постоянную часть капитала, израсходованную на производство предметов потребления.

Основные затруднения, большая часть которых уже разрешена в предшествующем изложении, возникают при рассмотрении не накопления, а простого воспроизводства. Вот почему, когда речь идет о движении годового продукта общества и о его воспроизводстве, опосредствуемом обращением, А. Смит (в книге II), а раньше его и Кенз в «Tableau économique» исходили из простого воспроизводства.

2) РАЗЛОЖЕНИЕ МЕНОВОЙ СТОИМОСТИ У СМИТА НА $v + m$

Согласно догме А. Смита, цена, или «меновая стоимость» («exchangeable value») каждого отдельного товара, а следовательно, и всех вместе взятых товаров, составляющих годовой продукт общества (он правильно повсюду предполагает капиталистическое

производство), слагается из трех «составных частей» («component parts») или «разлагается» («resolves itself into») на заработную плату, прибыль и ренту. Эту догму можно свести к тому, что товарная стоимость = $v + m$, т. е. равна стоимости авансированного переменного капитала плюс прибавочная стоимость. Такое сведение прибыли и ренты к тому общему единству, которое мы называем m , мы можем предпринять с прямого согласия А. Смита; это видно из последующих цитат, в которых мы сначала опускаем все побочные пункты, т. е. все кажущиеся или действительные отклонения от догмы, согласно которой товарная стоимость состоит исключительно из тех элементов, которые мы обозначаем как $v + m$.

В промышленности:

«Стоимость, которую рабочие присоединяют к стоимости материалов, разлагается... на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая — на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал на материалы и на заработную плату» (книга I, гл. VI, стр. 41).

— «Хотя хозяин и авансирует мануфактуру» (промышленному рабочему) «его заработную плату, но в действительности она не стоит ему никаких издержек, так как стоимость этой заработной платы обычно сохраняется для него («reserved») вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего» (книга II, гл. III, стр. 224).

Часть «капитала» («stock»), затраченная на

«...содержание производительного труда, выполнив свою функцию капитала для него» (для предпринимателя), «...образует доход для этих последних» (для рабочих) (книга II, гл. III, стр. 223).

В только что цитированной главе книги II А. Смит прямо говорит:

«Весь годовой продукт земли и труда каждой страны... сам по себе («naturally») разделяется на две части. Одна из этих частей — и часто наибольшая — предназначена прежде всего для возмещения капитала, или для возобновления продовольствия, сырых материалов и готовых продуктов, которые были взяты из капитала; другая часть предназначена для образования дохода собственника капитала в качестве *прибыли с его капитала* или какого-либо другого лица в качестве ренты с его *землеуладения*» (стр. 222).

Согласно тому, что мы раньше узнали от А. Смита, только одна часть капитала одновременно образует доход для кого-либо, а именно та часть, которая затрачена на покупку производительного труда. Эта часть — переменный капитал — сначала выполняет «функцию капитала» в руках предпринимателя и для него, а затем «образует доход» для самих производительных рабочих. Капиталист превращает часть своей капитальной стоимости в рабочую силу и именно тем самым превращает ее в переменный капитал; лишь благодаря такому превращению не только эта часть капитала, но и весь его капитал функционирует как промышленный капитал. Рабочий — продавец рабочей силы — получает стоимость этой ра-

бочей силы в форме заработной платы. В его руках рабочая сила представляет собой лишь годный к продаже товар, — товар, продажей которого он живет и который поэтому является единственным источником его дохода. В качестве переменного капитала рабочая сила функционирует лишь в руках ее покупателя, капиталиста, и саму покупную цену рабочей силы капиталист авансирует лишь по видимости, так как ее стоимость уже раньше доставлена ему рабочим.

После того как А. Смит таким образом показал нам, что стоимость промышленного продукта $= v + m$ (где m = прибыли капиталиста), он говорит нам, что в сельском хозяйстве рабочие, кроме

«...воспроизводства стоимости, равной их собственному потреблению, или капиталу, дающему им занятие (переменному капиталу), вместе с прибылью капиталиста», кроме «капитала фермера и всей его *прибыли*, регулярно воспроизводят еще и *ренту* землевладельца» (книга II, гл. V, стр. 243).

То обстоятельство, что рента попадает в руки землевладельца, не имеет никакого отношения к вопросу, который мы здесь рассматриваем. Прежде чем попасть в его руки, она должна существовать в руках фермера, т. е. в руках промышленного капиталиста. Прежде чем стать чьим-либо доходом, она должна образовать составную часть стоимости продукта. Следовательно, у самого А. Смита и рента и прибыль суть лишь составные части прибавочной стоимости, которые постоянно воспроизводятся производительным рабочим одновременно с его собственной заработной платой, т. е. вместе со стоимостью переменного капитала. Следовательно, рента и прибыль суть части прибавочной стоимости m , и потому у А. Смита цена всех товаров разлагается на $v + m$.

Догма, согласно которой цена всех товаров (а следовательно, и цена годового товарного продукта) разлагается на заработную плату плюс прибыль, плюс земельная рента, эта догма даже в постоянно сопутствующей эзотерической части произведения Смита принимает такую форму, что стоимость всякого товара, а следовательно, и стоимость годового товарного продукта общества, равна $v + m$, равна капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу и постоянно воспроизводимой рабочими, плюс прибавочная стоимость, присоединенная рабочими благодаря их труду.

Этот конечный вывод А. Смита в то же время открывает нам — см. ниже — источник его одностороннего анализа тех составных частей, на которые может быть разложена товарная стоимость. То обстоятельство, что эти составные части стоимости одновременно образуют различные источники дохода для различных классов, функционирующих в производстве, — это обстоятельство не имеет никакого отношения ни к определению величины каждой отдельной из этих составных частей, ни к определению их общей суммы.

Когда Смит говорит:

«Заработная плата, прибыль и земельная рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости. Всякий иной доход в конечном счете получают из одного или другого из этих источников» (книга I, гл. VI, стр. 48),

— то здесь получается нагромождение всяких *quid pro quo* *.

1) Все члены общества, не фигурирующие прямо, трудом или без труда [*mit oder ohne Arbeit*], в воспроизводстве, могут получить свою долю годового товарного продукта, т. е. предметы своего потребления, прежде всего лишь из рук тех классов, которым в первую очередь достается продукт: из рук производительных рабочих, промышленных капиталистов и землевладельцев. Постольку их доходы *materialiter* ** происходят от заработной платы (производительных рабочих), прибыли и земельной ренты и поэтому являются доходами производными по отношению к этим первичным доходам. Но, с другой стороны, эти в указанном смысле производные доходы приобретаются их получателями в силу их общественной функции как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. д.; вот это и позволяет им рассматривать эти свои функции в качестве первоначальных источников своих доходов.

2) Именно здесь грубая ошибка А. Смита и достигает своего кульминационного пункта: начав с правильного определения составных частей стоимости товара и суммы тех вновь создаваемых стоимостей, которые воплощены в этих частях, указав затем, как эти составные части образуют такое же количество различных источников дохода³⁹⁾, выведя таким образом доходы из стоимости, он действует потом в обратном порядке и превращает доходы из «составных частей» (*«component parts»*) в «первоисточники всякой меновой стоимости», и это последнее представление стало у него господствующим; тем самым он широко раскрыл двери для вульгарной политической экономии. (Смотри нашего Рощера⁷⁴⁾.)

3) ПОСТОЯННАЯ ЧАСТЬ КАПИТАЛА

Посмотрим теперь, путем какого колдовства А. Смит пытается изгнать из товарной стоимости постоянную часть капитальной стоимости.

«Из цены, например, зерна, одна ее часть идет на выплату ренты землевладельцу».

Происхождение этой составной части стоимости не имеет никакого отношения к тому обстоятельству, что она выплачивается

* — несуразит. *Ред.*

** — материально. *Ред.*

³⁹⁾ Я воспроизвожу эту фразу дословно в том месте, в каком она находится в рукописи Маркса, хотя в данной связи кажется, будто бы она противоречит как предыдущему, так и непосредственно следующему изложению. Это кажущееся противоречие разрешается ниже, в пункте 4): «Капитал и доход у А. Смита». Ф. Э.

землевладельцу и в форме ренты образует его доход; точно так же происхождение других составных частей стоимости не имеет никакого отношения к тому, что они в качестве прибыли и заработной платы тоже образуют источники дохода.

«Другая часть идет на заработную плату или на содержание рабочих» {и рабочего скота! — добавляет он}, «занятых в производстве этого зерна, а третья часть образует прибыль фермера. Эти три части, как кажется» {«seem», — действительно так *кажется*}, «либо непосредственно, либо в конечном счете составляют всю цену зерна»⁴⁰⁾.

Вся эта цена, т. е. определение всей ее величины, совершенно не зависит от ее распределения между указанными тремя категориями лиц.

«Может показаться, что необходима еще четвертая часть для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения износа его рабочего скота и других его сельскохозяйственных орудий. Но надо иметь в виду, что цена любого сельскохозяйственного орудия, хотя бы, например, и рабочей лошади, в свою очередь, состоит из таких же трех частей: из ренты за землю, на которой эта лошадь была выращена, из труда, затраченного на ее содержание, и из прибыли фермера, авансировавшего ренту за землю и заработную плату за труд. И потому, хотя цена зерна, возможно, и возмещает как цену, так и издержки по содержанию лошади, тем не менее вся цена зерна по-прежнему либо непосредственно, либо в конечном счете целиком разлагается на те же три части: земельную ренту, труд» (под «трудом» он подразумевает заработную плату) «и прибыль» (книга I, гл. VI, стр. 42).

Вот буквально и все, что приводит А. Смит для обоснования своей невероятной доктрины. Его доказательство заключается просто в повторении одного и того же утверждения. Приводя пример, он допускает, что цена зерна состоит не только из $v + m$, но, кроме того, и из цены средств производства, употребленных на производство зерна, следовательно, — из капитальной стоимости, которую фермер затратил не на рабочую силу. Однако, говорит он, цены всех этих средств производства, в свою очередь, распадаются, как и цена зерна, на $v + m$. Адам Смит забывает только прибавить: кроме того, на цену средств производства, потребленных на их собственное производство. От одной отрасли производства он отсылает к другой, а от другой снова отсылает к третьей. Утверждение, что вся цена товаров «непосредственно» или «в конечном счете» («ultimately») разлагается на $v + m$, не было бы пустой уверткой лишь в том случае, если было бы показано, что товарные продукты, цена которых непосредственно разлагается на c (цена потребленных средств производства) + $v + m$, в конце концов компенсируются товарными продуктами, возмещающими эти «потребленные средства производства» во всем их объеме и произведенными в противоположность первым товарным продуктам посредством затраты

⁴⁰⁾ Здесь мы уже совершенно не говорим о том, что Адаму особенно не повезло с его примером. Стоимость зерна только потому и разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, что корм, съеденный рабочим скотом, представлен А. Смитом как заработная плата рабочего скота, а рабочий скот — как наемные рабочие, а потому и наемный рабочий, в свою очередь, — как рабочий скот. {Добавление из рукописи II.}

только переменного капитала, т. е. капитала, затраченного на рабочую силу. В таком случае цена последних товарных продуктов была бы непосредственно $= v + m$. Поэтому и цену первых товарных продуктов, т. е. $c + v + m$, где c фигурирует как постоянная часть капитала, в конце концов можно было бы разложить на $v + m$. Адам Смит сам не думал, что он дает такого рода доказательство, приводя свой пример со сборщиками «scotch pebbles»*; впрочем, согласно его утверждению, эти сборщики 1) не доставляют никакой прибавочной стоимости, а производят лишь свою собственную заработную плату; 2) не применяют никаких средств производства (однако ведь и они тоже применяют средства производства в виде корзин, мешков и другой тары для того, чтобы уносить эти камешки).

Выше мы уже видели, что А. Смит позже сам опрокидывает свою собственную теорию, не сознавая, однако, своих противоречий. Но их источник следует искать как раз в научных исходных пунктах А. Смита. Капитал, обмененный на труд, производит большую стоимость, чем его собственная стоимость. Каким образом? Вследствие того, говорит А. Смит, что рабочие во время процесса производства придают предметам, которые они обрабатывают, такую стоимость, которая сверх эквивалента их собственной покупной цены образует прибавочную стоимость (прибыль и ренту), достоящуюся не им, а тем, кто применяет их труд. Но это и все, что они доставляют и могут доставить. То, что правильно в отношении промышленного труда в течение одного дня, правильно и в отношении того труда, который весь класс капиталистов приводит в движение в течение года. Поэтому общая масса вновь созданной обществом годовой стоимости может быть разложена лишь на $v + m$, т. е. на эквивалент, которым рабочие возмещают капитальную стоимость, затраченную в виде их собственной покупной цены, и на добавочную стоимость, которую они сверх того должны доставить тому, кто их применяет. Но оба эти элемента стоимости товаров в то же время образуют источники дохода различных классов, принимающих участие в воспроизводстве: первый — заработную плату, доход рабочих; второй — прибавочную стоимость, из которой промышленный капиталист удерживает для себя одну часть в форме прибыли, а другую уступает в виде ренты, как доход земельного собственника. Итак, откуда же могла бы появиться еще одна составная часть стоимости, если вновь созданная за год стоимость не содержит никаких иных элементов, кроме $v + m$? Здесь мы имеем в виду простое воспроизводство. Если вся годовая сумма труда разлагается на труд, необходимый для воспроизводства капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу, и на труд, необходимый для создания прибавочной стоимости, то откуда еще мог бы

* — «шотландских голышей»; см. настоящий том, с. 363, примечание 38. *Ред.*

вообще взяться труд для производства капитальной стоимости, затраченной не на рабочую силу?

Дело обстоит следующим образом:

1) А. Смит определяет стоимость товара тем количеством труда, которое наемный рабочий «присоединяет» («adds») к предмету труда. Он говорит буквально: «к материалам», потому что у него речь идет о мануфактуре, которая сама уже перерабатывает продукты труда; но это несколько не меняет сути дела. Стоимость, которую рабочий «присоединяет» (и это «adds» есть выражение Адама) к предмету, совершенно не зависит от того обстоятельства, обладал ли до этого момента стоимостью сам предмет, к которому присоединяется стоимость, или нет. Следовательно, рабочий создает новую стоимость в товарной форме. Часть этой вновь созданной стоимости, по А. Смиту, является эквивалентом заработной платы рабочего; следовательно, эта часть определяется размером стоимости его заработной платы. Чтобы произвести или воспроизвести стоимость, равную стоимости его заработной платы, ему придется присоединить большее или меньшее количество труда в зависимости от того, как велика его заработная плата. Но, с другой стороны, рабочий сверх определяемой таким образом границы присоединяет дальнейший труд, который образует прибавочную стоимость для нанявшего его капиталиста. Остается ли эта прибавочная стоимость целиком в руках капиталиста или часть ее приходится уступить третьим лицам, — это абсолютно ничего не меняет ни в качественном (в том, что эта стоимость вообще является прибавочной стоимостью), ни в количественном (в смысле величины) определении прибавочной стоимости, присоединенной наемным рабочим. Это — стоимость, как и всякая другая часть стоимости продукта, но она отличается тем, что рабочий не получил за нее никакого эквивалента и впоследствии не получит его; напротив, капиталист присваивает ее без эквивалента. Общая стоимость товара определяется количеством труда, затраченного рабочим на его производство. Часть этой общей стоимости определяется тем, что она равна стоимости заработной платы, т. е. является ее эквивалентом. Поэтому другая часть, прибавочная стоимость, необходимо определяется точно так же, а именно: она равна общей стоимости продукта минус та часть стоимости этого последнего, которая представляет собой эквивалент заработной платы; следовательно, она равна избытку новой стоимости, созданной при производстве товара, над той частью этой новой стоимости, которая равна эквиваленту заработной платы.

2) То, что верно в отношении товара, произведенного на отдельном промышленном предприятии каждым отдельным рабочим, верно и в отношении годового продукта всех отраслей производства в целом. То, что относится к одному дневному труду индивидуального производительного рабочего, относится и к совокупному годовому труду, приведенному в движение всем производительным рабочим

классом. Этот класс «фиксирует» (выражение Смита) в годовом продукте совокупную стоимость, определяемую количеством труда, затраченного в течение года, и эта совокупная стоимость распадается на две части: одна часть определяется тем количеством годового труда, посредством которого рабочий класс создает эквивалент своей годовой заработной платы, т. е. в действительности саму эту заработную плату; другая часть определяется добавочным годовым трудом, посредством которого рабочий создает прибавочную стоимость для класса капиталистов. Следовательно, заключающаяся в годовом продукте вновь созданная за год стоимость состоит лишь из двух элементов: из эквивалента годовой заработной платы, полученной рабочим классом, и годовой прибавочной стоимости, доставленной классу капиталистов. Но годовая заработная плата составляет доход рабочего класса, годовая сумма прибавочной стоимости — доход класса капиталистов; следовательно, обе части стоимости представляют (и эта точка зрения правильна, если речь идет о простом воспроизводстве) относительные доли годового фонда потребления и реализуются в нем. Таким образом, совсем не остается места для постоянной капитальной стоимости, для воспроизводства капитала, функционирующего в форме средств производства. Но во введении к своей работе А. Смит прямо говорит, что все части товарной стоимости, функционирующие как доход, совпадают с годовым продуктом труда, предназначенным для общественного фонда потребления:

«В задачу первых четырех книг входит выяснение того, в чем состоял доход нации, или какова была природа тех фондов, которые... обеспечивали (*supplied*) годовое потребление наций» (стр. 12).

И в первом же предложении этого введения говорится:

«Годовой труд каждой нации представляет собой тот первоначальный фонд, который доставляет ей все те жизненные средства, ...которые она потребляет в течение года и которые всегда состоят или из непосредственного продукта этого труда, или из предметов, купленных на этот продукт у других наций» (стр. 11).

Первая ошибка А. Смита заключается в том, что он отождествляет *стоимость годового продукта с вновь созданной за год стоимостью*. Последняя является продуктом *только* труда истекшего года; первая включает в себе, кроме того, все те элементы стоимости, которые были потреблены на производство годового продукта, но *произведены в предыдущий, а отчасти и в ранее истекшие годы*: средства производства, стоимость которых *лишь снова появляется* и которые, что касается их стоимости, не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года. Посредством такого смешения двух различных вещей А. Смит совершенно изгоняет постоянную часть стоимости годового продукта. Само это смешение является следствием другой ошибки в его основных взглядах: он не различает двойственного характера самого труда, т. е. не различает труда, поскольку он в качестве затраты

рабочей силы создает стоимость, и труда, поскольку он в качестве конкретного, полезного труда создает предметы потребления (потребительную стоимость). Общая сумма произведенных за год товаров, т. е. *весь годовой продукт*, есть продукт *полезного* труда, действовавшего в течение последнего года; все эти товары существуют лишь вследствие того, что общественно примененный труд был израсходован в многообразно разветвленной системе различных видов полезного труда. Только поэтому в общей стоимости произведенных товаров сохранилась стоимость средств производства, потребленных при их производстве, сохранилась, опять появившись в новой натуральной форме. Следовательно, *весь годовой продукт* есть результат *полезного* труда, затраченного в течение года. Но в течение года вновь создается лишь часть *стоимости* годового *продукта*; эта часть есть *вновь созданная за год стоимость*, в которой воплощена сумма труда, приведенного в движение в течение данного года.

Следовательно, когда А. Смит в только что цитированном месте говорит:

«Годовой труд каждой нации представляет собой первоначальный фонд, который доставляет ей все те жизненные средства, которые она потребляет в течение года и т. д.»,

то он односторонне принимает во внимание просто полезный труд, который только и придал всем этим жизненным средствам форму, пригодную для потребления. Но при этом он забывает, что это было бы невозможно без содействия средств труда и предметов труда, перешедших от прежних лет, и что поэтому «годовой труд», поскольку он участвовал в образовании стоимости, ни в коем случае не создал всей стоимости продукта, изготовленного при его участии; он забывает, что вновь созданная стоимость меньше, чем стоимость продукта.

Если А. Смигу и нельзя поставить в упрек, что в этом анализе он не оказался выше всех своих последователей (хотя первая попытка правильного решения вопроса была уже у физиократов), то в дальнейшем он, напротив, блуждает в хаосе, и главным образом именно потому, что его «эзотерическое» понимание товарной стоимости вообще постоянно перечеркивается «экзотерическим» пониманием, изложение которого у него занимает преобладающее место. Правда, его научный инстинкт время от времени снова и снова вызывает появление эзотерической точки зрения.

4) КАПИТАЛ И ДОХОД У А. СМИТА

Часть стоимости каждого товара (а потому и годового продукта), образующая только эквивалент заработной платы, равна капиталу, авансированному капиталистом на заработную плату, т. е. равна переменной составной части всего авансированного им капи-

тала. Эту составную часть авансированной капитальной стоимости капиталист получает обратно при посредстве вновь произведенной составной части стоимости товара, доставленного наемными рабочими. Авансируется ли переменный капитал в том смысле, что капиталист выплачивает деньгами приходящуюся на долю рабочего часть еще не готового к продаже продукта, или же хотя и готового, но еще не проданного капиталистом, платит ли он рабочему деньгами, уже полученными от продажи произведенного рабочим товара, или при помощи кредита предвосхищает получение этих денег, — во всех этих случаях капиталист расходует переменный капитал, который притекает к рабочим в виде денег, и, с другой стороны, во всех этих случаях он владеет эквивалентом этой капитальной стоимости в виде той части стоимости товаров, в которой рабочий вновь произвел приходящуюся на его долю часть общей стоимости, или, иначе говоря, в которой он произвел стоимость своей собственной заработной платы. Вместо того чтобы дать рабочему эту часть стоимости в натуральной форме произведенного им же самим продукта, капиталист выплачивает ему эту часть стоимости в форме денег. Таким образом, для капиталиста переменная составная часть авансированной им капитальной стоимости существует теперь в форме товаров, между тем как рабочий получил эквивалент за проданную им рабочую силу в форме денег.

Следовательно, в то время как часть авансированного капиталистом капитала, превращенная путем покупки рабочей силы в переменный капитал, функционирует в самом процессе производства как проявляющаяся в действии рабочая сила, в то время как посредством расходования этой рабочей силы переменная часть авансированного капитала вновь производится в товарной форме как новая стоимость, т. е. воспроизводится, — следовательно, происходит воспроизводство, т. е. новое производство авансированной капитальной стоимости — в это же самое время рабочий расходует стоимость, соответственно цену проданной им рабочей силы на жизненные средства, на средства воспроизводства своей рабочей силы. Сумма денег, равная переменному капиталу, составляет доход рабочего — такой доход, поступление которого продолжается лишь до тех пор, пока рабочий в состоянии продавать свою рабочую силу капиталисту.

Товар наемного рабочего — сама его рабочая сила — функционирует в качестве товара лишь постольку, поскольку она включена в капитал капиталиста, поскольку она функционирует в качестве капитала; с другой стороны, капитал капиталиста, израсходованный в виде денежного капитала на покупку рабочей силы, функционирует как доход в руках продавца рабочей силы, наемного рабочего.

Здесь переплетаются различные процессы обращения и производства, которых А. Смит не разграничивает.

Во-первых. Акты, относящиеся к процессу *обращения*: рабочий продает капиталисту свой товар — рабочую силу; деньги, на которые капиталист покупает ее, являющиеся для него деньгами, применяемыми с целью увеличения стоимости, т. е. денежным капиталом; этот капитал не израсходован, а авансирован. (В этом заключается истинный смысл «авансирования» — «avance» у физиократов, — причем совершенно независимо от того, откуда сам капиталист берет эти деньги. Для капиталиста авансированной является всякая стоимость, которую он выплачивает с целью осуществления процесса производства, независимо от того, происходит ли это до его завершения или *post festum* *. Она авансируется самому процессу производства.) Здесь происходит лишь то же, что и при всякой продаже товаров: продавец отдает потребительную стоимость (в данном случае — рабочую силу) и получает ее стоимость (реализует ее цену) в форме денег; покупатель отдает свои деньги и получает взамен самый товар, в данном случае — рабочую силу.

Во-вторых. В процессе *производства* купленная рабочая сила образует часть функционирующего капитала, а сам рабочий функционирует здесь лишь как особая натуральная форма этого капитала, отличная от тех его элементов, которые существуют в натуральной форме средств производства. Во время процесса производства рабочий к средствам производства, которые он превращает в продукт, посредством расходования своей рабочей силы присоединяет стоимость, равную стоимости его рабочей силы (прибавочную стоимость мы оставляем в стороне); следовательно, он воспроизводит для капиталиста в товарной форме ту часть капитала, которая авансирована или должна быть авансирована ему капиталистом в виде заработной платы; рабочий производит для капиталиста эквивалент этого капитала, т. е. он производит для капиталиста капитал, который капиталист может снова «авансировать» на покупку рабочей силы.

В-третьих. Поэтому при продаже товара часть его продажной цены возмещает капиталисту авансированный им переменный капитал, и благодаря этому капиталист может снова покупать рабочую силу, а рабочий — снова ее продавать.

При всех актах купли и продажи товаров — поскольку речь идет только о самих этих сделках — совершенно безразлично, что сделает продавец с вырученными за свой товар деньгами и что сделает покупатель с купленными им предметами потребления. Следовательно, поскольку имеется в виду только процесс обращения, совершенно безразлично также и то обстоятельство, что купленная капиталистом рабочая сила воспроизводит для него капитальную стоимость и что, с другой стороны, деньги, вырученные от

* — здесь: после. *Ред.*

продажи рабочей силы, образуют доход для рабочего. Величина стоимости товара, которым торгует рабочий, его рабочей силы, несколько не зависит от того, что она образует его «доход», равно как и от того, что потребление покупателем товара, которым торгует рабочий, воспроизводит для этого покупателя капитальную стоимость.

Заработная плата становится доходом, на который должен существовать рабочий, потому что стоимость рабочей силы, — т. е. адекватная цена, по которой продается этот товар, — определяется количеством труда, необходимым для ее воспроизводства, а само это количество труда определяется здесь тем количеством труда, которое требуется для производства необходимых жизненных средств рабочего, т. е. количеством труда, необходимым для поддержания его жизни.

Совершенно неправильным является следующее утверждение А. Смита:

«Часть капитала, затраченная на содержание производительного труда, выполнив свою функцию капитала для него» (для предпринимателя), «...образует доход для этих последних» (для рабочих) (книга II, гл. III, стр. 223).

Деньги, которыми капиталист оплачивает купленную им рабочую силу, выполняют для него «функцию капитала» постольку, поскольку он посредством этих денег присоединяет рабочую силу к вещным составным частям своего капитала, а только это и делает вообще возможным функционирование его капитала в качестве производительного капитала. Мы должны проводить следующее различие: рабочая сила в руках рабочего является *товаром*, а не капиталом; ею обуславливается доход для него лишь постольку, поскольку он может постоянно повторять ее продажу; в качестве капитала она функционирует *после* продажи, в руках капиталиста, во время самого процесса производства. Именно рабочая сила выполняет при этом двойную службу: в руках рабочего она служит товаром, который продается по его стоимости; в руках капиталиста, который купил ее, она служит силой, производящей стоимость и потребительную стоимость. Но деньги рабочий получает от капиталиста лишь после того, как он отдал капиталисту потребление своей рабочей силы, лишь после того, как его рабочая сила уже реализована в стоимости продукта труда. Капиталист владеет этой стоимостью до того, как он ее оплачивает. Следовательно, не деньги функционируют дважды: сначала как денежная форма переменного капитала, а потом как заработная плата. Дважды функционирует рабочая сила: во-первых, в качестве *товара* при продаже рабочей силы (при определении размера заработной платы, которая должна быть выплачена, деньги играют роль просто идеальной меры стоимости, причем их может еще и не быть в руках капиталиста); во-вторых, в процессе производства, где рабочая сила функционирует в распоряжении капиталиста как *капитал*, т. е. как элемент, создающий потребительную стоимость и стоимость. Она уже до-

ставила в товарной форме тот эквивалент, который должен быть выплачен рабочему, причем доставила этот эквивалент раньше, чем капиталист выплатит его в денежной форме рабочему. Таким образом, рабочий сам создает тот платежный фонд, из которого капиталист оплачивает рабочего. Но это еще не все.

Деньги, получаемые рабочим, расходуются им на поддержание своей рабочей силы, следовательно, — если рассматривать класс капиталистов и класс рабочих в их совокупности, — эти деньги расходуются рабочим, чтобы сохранить для капиталиста то орудие, благодаря которому он только и может оставаться капиталистом.

Таким образом, постоянная купля и продажа рабочей силы, с одной стороны, увековечивает рабочую силу в качестве элемента капитала; вследствие этого капитал представляется создателем товаров, т. е. предметов, предназначенных для потребления и обладающих стоимостью; далее, по той же причине часть капитала, идущая на покупку рабочей силы, постоянно восстанавливается посредством продажи продукта, созданного рабочей силой, и, следовательно, сам рабочий постоянно создает тот фонд капитала, из которого ему платят. С другой стороны, постоянная продажа рабочей силы становится постоянно возобновляющимся источником сохранения жизни рабочего и, следовательно, его рабочая сила представляется таким достоянием, посредством которого он получает доход, которым он живет. Доход рабочего в этом случае означает не что иное, как присвоение стоимостей посредством постоянно повторяющейся продажи товара (рабочей силы), причем сами эти стоимости служат лишь для постоянного воспроизводства товара, который рабочий вынужден постоянно продавать. И лишь постольку А. Смит прав, говоря, что источником дохода для рабочего становится та часть стоимости созданного самим рабочим продукта, за которую капиталист выплачивает ему эквивалент в форме заработной платы. Но это обстоятельство ничего не меняет ни в природе, ни в величине этой части стоимости товара; точно так же, как ничего не меняется в природе стоимости средств производства от того, что они функционируют в качестве капитальных стоимостей, как не меняется существо и длина прямой линии от того, образует ли эта линия основание треугольника или же она служит осью эллипса. Стоимость рабочей силы по-прежнему определяется так же независимо от указанного обстоятельства, как и стоимость средств производства. Эта часть стоимости товара не *состоит* из дохода рабочего, как одного из самостоятельных факторов, образующих указанную стоимость, и не *разлагается* на его доход. Хотя эта новая стоимость, постоянно воспроизводимая рабочим, образует для него источник дохода, однако вследствие этого его доход, наоборот, не образует составной части произведенной им новой стоимости. Величина выплачиваемой ему доли в созданной им новой стоимости определяет лишь размер его дохода по стоимости, но не наоборот. То об-

стоятельство, что эта часть вновь созданной стоимости образует для него доход, указывает лишь на то, во что она превращается, на характер ее применения, но точно так же не имеет никакого отношения к ее происхождению, как и к происхождению всякой другой стоимости. Если я еженедельно получаю десять талеров, то факт получения мною этого еженедельного дохода ничего не меняет ни в *природе* стоимости десяти талеров, ни в *величине* их стоимости. Как и стоимость всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для ее воспроизводства; характерным для этого товара (рабочей силы) является то обстоятельство, что это количество труда уже определено стоимостью необходимых жизненных средств рабочего, т. е. равно труду, необходимому для воспроизводства самих условий жизни рабочего. Но это обстоятельство для стоимости рабочей силы так же характерно, как для стоимости рабочего скота характерно то, что она определяется стоимостью средств существования, необходимых для содержания этого скота, т. е. массой человеческого труда, необходимой для производства этих средств существования.

Однако причиной всех бед, постигающих А. Смита в этом вопросе, является категория «дохода». Различные виды доходов образуют у Смита «component parts», т. е. «составные части» ежегодно производимой, вновь создаваемой товарной стоимости, тогда как те две части, на которые распадается эта товарная стоимость *для капиталиста*, т. е. эквивалент его переменного капитала, авансированного в денежной форме при покупке труда, и вторая часть этой стоимости, которая также принадлежит ему, хотя ничего ему не стоила, т. е. прибавочная стоимость,— образуют, наоборот, источники доходов. Эквивалент переменного капитала снова авансируется на рабочую силу и постольку образует доход для рабочего в форме его заработной платы. Другая часть, т. е. прибавочная стоимость, не служит для возмещения капиталисту какой бы то ни было части авансированного капитала, и потому он может израсходовать ее на предметы потребления (на необходимые предметы потребления, а также на предметы роскоши), он может целиком потребить ее как доход, не превращая ее в капитальную стоимость того или иного рода. Предпосылкой получения этих доходов является сама товарная стоимость, и ее составные части для капиталиста различаются лишь постольку, поскольку они образуют или эквивалент за авансированную им переменную капитальную стоимость, или избыток *над* авансированной им переменной капитальной стоимостью. Обе части состоят не из чего иного, как из рабочей силы, израсходованной во время производства товара, приведенной в действие в процессе труда. Они состоят не из «прихода», или «дохода», а представляют собой расход, расход труда.

В соответствии с этой *quid pro quo* *, при которой доход становится источником товарной стоимости, а не товарная стоимость является источником дохода, товарная стоимость оказывается у А. Смита «составленной» из различного рода доходов. Они определены у него независимо один от другого, и общая стоимость товара определяется посредством сложения величин стоимости этих доходов. Но, спрашивается, как же определяется стоимость каждого из этих доходов, из которых должна возникнуть товарная стоимость? Что касается заработной платы, то ее можно определить, потому что она является стоимостью соответствующего товара, рабочей силы, а эта стоимость определяется (подобно стоимости всякого другого товара) трудом, необходимым для воспроизводства этого товара. Но как можно определить прибавочную стоимость, или, согласно А. Смиту, две ее формы: прибыль и земельную ренту? Здесь А. Смит отделяется пустой болтовней. Он то представляет заработную плату и прибавочную стоимость (соответственно — заработную плату и прибыль) как две составные части, из которых «составляется» товарная стоимость, соответственно — цена товара, то, причем часто почти не переводя дыхания, представляет их как части, на которые «разлагается» («*resolves itself*») цена товара, а это значит сказать противоположное первому, значит сказать, что товарная стоимость есть наперед данное и что различные части этой уже данной стоимости в форме различных доходов достаются различным лицам, принимающим участие в процессе производства. Это последнее утверждение А. Смита ни в коем случае не равнозначно тому, что стоимость товара состоит из указанных трех «составных частей». Например, если я произвольно установлю длину трех различных прямых линий, а затем, взяв эти три линии в качестве «составных частей», образу четвертую прямую линию, по длине равную сумме первых трех линий, то это отнюдь не та же самая процедура, если я, имея перед собой, наоборот, уже данную прямую линию, с той или иной целью стал бы делить, некоторым образом «разлагать» ее на три различные части. В первом случае длина всей линии неизбежно меняется вместе с изменением длины трех линий, сумму которых она составляет; в последнем случае длина каждой из трех частей линий заранее ограничена тем, что они составляют части одной линии данной длины.

Однако в действительности, — если мы будем придерживаться того, что есть правильного в изложении А. Смита, а именно: что *вновь созданная годовым трудом стоимость*, заключающаяся в годовом товарном продукте общества (как и во всяком отдельном товаре или в продукте труда за день, за неделю и т. д.), равна стоимости авансированного переменного капитала (т. е. части стоимости, вновь предназначенной на покупку рабочей силы) плюс прибавочная стоимость, которую капиталист может — при простом

* — здесь: подстановкой одного на место другого. *Ред.*

воспроизводстве и прочих неизменных условиях — полностью реализовать в предметах своего индивидуального потребления; далее, если помнить, что А. Смит смешивает труд, поскольку он создает стоимость, т. е. является затратой рабочей силы, и труд, поскольку он создает потребительную стоимость, т. е. затрачивается в полезной, целесообразной форме, — то в действительности все представление А. Смита сводится к следующему: стоимость всякого товара есть продукт труда, а следовательно, таковым является и стоимость продукта годового труда или стоимость годового общественного товарного продукта. Но всякий труд разлагается на 1) необходимое рабочее время, в течение которого рабочий воспроизводит только эквивалент капитала, авансированного на покупку его рабочей силы, и на 2) прибавочный труд, посредством которого он доставляет капиталисту стоимость, за которую последний не уплачивает никакого эквивалента, т. е. доставляет капиталисту прибавочную стоимость. Таким образом, согласно представлению А. Смита, всякая товарная стоимость может разлагаться лишь на эти две различные составные части и в конечном счете образует в качестве заработной платы доход рабочего класса, а в качестве прибавочной стоимости — доход класса капиталистов. Что же касается постоянной капитальной стоимости, т. е. стоимости средств производства, потребленных при производстве годового продукта, то хотя А. Смит и не может сказать (за исключением фразы, что капиталист начисляет ее покупателю при продаже своего товара), каким образом эта стоимость входит в стоимость нового продукта, но так как сами средства производства представляют собой продукт труда, то, согласно А. Смицу, эта часть стоимости нового продукта «в конечном счете» («ultimately») опять-таки может состоять лишь из эквивалента переменного капитала и из прибавочной стоимости: из продукта необходимого труда и прибавочного труда. Если стоимости этих средств производства в руках тех, кто их применяет, функционируют как капитальные стоимости, то это-де не помеха тому, что «первоначально», т. е. если добраться до их происхождения, в других руках, т. е. еще раньше, они распадались на те же две части стоимости, следовательно, на два различных источника дохода.

Правильно во всем этом то, что в движении общественного капитала, т. е. в движении совокупности индивидуальных капиталов, дело представляется иначе, чем оно представляется для каждого индивидуального капитала, рассматриваемого в отдельности, т. е. чем оно представляется с точки зрения каждого отдельного капиталиста. Для последнего товарная стоимость разлагается 1) на постоянный элемент («четвертый элемент», как называет его Смит) и 2) на сумму заработной платы и прибавочной стоимости, соответственно — на сумму заработной платы, прибыли и земельной ренты. Напротив, с общественной точки зрения «четвертый элемент» Смита, постоянная капитальная стоимость, исчезает.

5) РЕЗЮМЕ

Нелепая формула, согласно которой три вида дохода, т. е. заработная плата, прибыль и рента, образуют три «составные части» товарной стоимости, вытекает у А. Смита из более правдоподобной формулы, согласно которой товарная стоимость «разлагается» («resolves itself») на эти три составные части. Однако и это неправильно, неправильно даже в том случае, если предположить, что товарная стоимость может быть разделена на эквивалент потребленной рабочей силы и на созданную последней прибавочную стоимость. Но это заблуждение А. Смита, в свою очередь, покоится здесь на более глубокой, правильной основе. Капиталистическое производство основано на том, что производительный рабочий продает капиталисту свою собственную рабочую силу, как свой товар, и что в руках капиталиста она функционирует потом только как элемент его производительного капитала. Эта сделка, относящаяся к сфере обращения, т. е. продажа и купля рабочей силы, не только служит введением к процессу производства, но и определяет *implicit** его специфический характер. Производство потребительной стоимости и даже производство товара (так как оно может совершаться также и самостоятельными производительными работниками) является здесь лишь средством производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости для капиталиста. Поэтому при анализе процесса производства мы видели, каким образом производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости определяет: 1) продолжительность ежедневного процесса труда, 2) весь общественный и технический строй капиталистического процесса производства. В нем самом осуществляется разграничение между простым сохранением стоимости (постоянной капитальной стоимости), действительным воспроизводством авансированной стоимости (эквивалента рабочей силы) и производством прибавочной стоимости, т. е. стоимости, на производство которой капиталист не авансировал никакого эквивалента и не авансирует *ergo post festum***.

Хотя присвоение прибавочной стоимости, т. е. стоимости, представляющей собой избыток над эквивалентом авансированной капиталистом стоимости, подготавливается куплей и продажей рабочей силы, однако это присвоение есть акт, который совершается в самом процессе производства и составляет существенный момент последнего.

Вступительный акт, представляющий собой акт обращения, т. е. купля и продажа рабочей силы, в свою очередь, основывается на распределении *элементов* производства, которое предшествует распределению общественных *продуктов* и является предпосылкой

* — здесь: собой. *Ред.*

** — задним числом. *Ред.*

последнего, а именно: основывается на отделении рабочей силы как товара рабочего от средств производства как собственности не рабочих.

Но вместе с тем это присвоение прибавочной стоимости или это разделение производства стоимости на воспроизводство авансированной стоимости и производство новой (прибавочной) стоимости, не возмещающей никакого эквивалента, ничего не меняет ни в самой субстанции стоимости, ни в природе ее производства. Субстанцией стоимости всегда является только израсходованная рабочая сила, т. е. труд, независимо от особенного полезного характера этого труда, а производство стоимости есть не что иное, как процесс этого расходования рабочей силы. Так, например, крепостной крестьянин в течение шести дней недели расходует свою рабочую силу, т. е. работает в течение шести дней, и по отношению к самому факту этого расходования рабочей силы совершенно безразлично, что из этих рабочих дней крепостной работает, например, три дня на себя, на своем собственном поле, а три других дня на своего помещика на его поле. Как добровольный труд на себя, так и принудительный труд на барина в одинаковой мере представляют собой труд. Если мы будем рассматривать шестидневный труд крепостного по отношению к созданным им стоимостям или по отношению к созданным им полезным продуктам, то в этом труде мы не найдем никаких различий. Различие касается лишь тех различных условий, которыми вызывается расходование его рабочей силы в течение двух половин шестидневного рабочего времени. Совершенно так же обстоит дело с необходимым и прибавочным трудом наемного рабочего.

Производственный процесс угасает в товаре. Тот факт, что на производство товара израсходована рабочая сила, представляется теперь как вещное свойство товара, — как свойство товара обладать стоимостью; величина этой стоимости измеряется величиной израсходованного труда; ни на что другое товарная стоимость не разлагается и не состоит из чего-либо другого. Если я прямую линию определенной длины начертил таким способом, который применяется согласно известным, независимым от меня правилам (законам), то я прежде всего «произвел» прямую линию (правда, «произвел» лишь символически, что мне известно заранее). Если я эту линию затем разделю на три отрезка (длина которых, в свою очередь, должна соответствовать условиям определенной задачи), то каждый из этих трех отрезков остается по-прежнему прямой линией, а вся линия, части которой они составляют, вследствие такого деления не превратится во что-то отличное от прямой линии, например, в какую-нибудь кривую. Так же точно я не могу разделить линию данной длины таким образом, чтобы сумма этих частей стала бы большей, чем сама эта линия до ее деления; следовательно, длина всей линии не определяется произвольно взятой длиной ее частей.

Наоборот, относительные величины этих последних с самого начала ограничены пределами всей линии, частями которой они являются.

В этом отношении товар, произведенный капиталистом, ничем не отличается от товаров, произведенных самостоятельным работником, общинами трудящихся [Arbeitergemeinden] или рабами. Однако в рассматриваемом нами случае весь продукт труда, как и вся его стоимость, принадлежит капиталисту. Как и всякий другой производитель, он должен сначала посредством продажи превратить товар в деньги, чтобы иметь возможность совершать дальнейшие операции; он должен превратить товар в форму всеобщего эквивалента.—

Рассмотрим товарный продукт до его превращения в деньги. Он целиком принадлежит капиталисту. С другой стороны, как полезный продукт труда, как потребительная стоимость, он всецело является продуктом прошлого процесса труда; не так обстоит дело с его стоимостью. Часть этой стоимости есть лишь появившаяся в новой форме стоимость средств производства, израсходованных при производстве товара; эта часть стоимости не была произведена во время процесса производства данного товара; средства производства обладали этой стоимостью еще до процесса производства, независимо от него; они вошли в этот процесс как носители этой стоимости; обновилась и изменилась лишь форма ее проявления. Эта часть товарной стоимости образует для капиталиста эквивалент той части авансированной им постоянной капитальной стоимости, которая была потреблена во время производства товара. Раньше она существовала в форме средств производства; теперь она существует как составная часть стоимости вновь произведенного товара. Как только последний превращен в деньги, эта стоимость, существующая теперь в виде денег, должна быть снова превращена в средства производства, в свою первоначальную форму, определяемую процессом производства и функцией постоянной капитальной стоимости в этом последнем. В характере стоимости товара ничего не изменяется вследствие функционирования этой стоимости в качестве капитала.

Вторая часть стоимости товара есть стоимость рабочей силы, которую наемный рабочий продает капиталисту. Она определяется, как и стоимость средств производства, независимо от того процесса производства, в который должна войти рабочая сила, и, раньше чем войти в него, эта стоимость фиксируется во время акта обращения, при купле и продаже рабочей силы. Функционируя, расходуя свою рабочую силу, наемный рабочий производит товарную стоимость, равную стоимости, которую капиталист должен уплатить ему за использование его рабочей силы. Рабочий отдает капиталисту эту стоимость в форме товара, капиталист выплачивает ее рабочему в форме денег. То обстоятельство, что эта часть товарной стоимости является для капиталиста лишь эквивалентом переменного капита-

ла, который он должен авансировать на заработную плату, это обстоятельство ровно ничего не меняет в том факте, что данная стоимость есть товарная стоимость, вновь созданная во время процесса производства, состоящая не из чего другого, как из того же, из чего состоит и прибавочная стоимость, а именно из уже совершившегося расходования рабочей силы. На этот факт не оказывает никакого влияния и то обстоятельство, что стоимость рабочей силы, уплачиваемая капиталистом рабочему в форме заработной платы, принимает для рабочего форму дохода и что благодаря этому постоянно воспроизводится не только рабочая сила, но и класс наемных рабочих как таковой, а вместе с тем воспроизводится и основа всего капиталистического производства.

Но сумма этих двух частей стоимости еще не составляет всей товарной стоимости. Остается избыток над суммой обеих частей, т. е. прибавочная стоимость. Эта последняя, как и часть стоимости, возмещающая авансированный на заработную плату переменный капитал, представляет собой стоимость, вновь созданную рабочим во время процесса производства, представляет собой застывший труд. Отличие состоит только в том, что собственнику всего продукта, капиталисту, прибавочная стоимость ничего не стоит. Это обстоятельство действительно позволяет капиталисту потребить ее целиком как доход, целиком в том случае, если ему не приходится часть ее уступать другим соучастникам, например, земельную ренту — земельным собственникам, причем в этом случае соответствующие части образуют доход таких третьих лиц. Это же самое обстоятельство и было тем побудительным мотивом, который вообще заставил нашего капиталиста заняться производством товаров. Но ни первоначально руководившее им благое намерение получить прибавочную стоимость, ни последующее расходование этой прибавочной стоимости им и другими как дохода не оказывает никакого влияния на прибавочную стоимость как таковую. Все это ничего не меняет в том, что она есть застывший неоплаченный труд, а также нисколько не меняет и ее величины, которая определяется совершенно другими условиями.

Но поскольку А. Смит уже при рассмотрении товарной стоимости пожелал заняться выяснением роли различных частей стоимости во всем процессе воспроизводства, то ему было ясно, что если отдельные части стоимости функционируют как доход, то другие с таким же постоянством функционируют как капитал, а потому, согласно его логике, последние следовало бы назвать частями, составляющими товарную стоимость, или частями, на которые она разлагается.

А. Смит отождествляет товарное производство вообще с капиталистическим товарным производством; у него средства производства с самого начала являются «капиталом», труд с самого начала — наемным трудом, и потому у него:

«Число полезных и производительных рабочих всюду... пропорционально величине капитала, который употребляется на то, чтобы дать им работу» («to the quantity of capital stock which is employed in setting them to work») («Введение», стр. 12).

Одним словом, различные факторы процесса труда, как предметные, так и личные, с самого начала выступают в масках, характерных для эпохи капиталистического производства. Поэтому-то у А. Смита анализ товарной стоимости непосредственно совпадает с выяснением того, насколько эта стоимость составляет, с одной стороны, простой эквивалент затраченного капитала и насколько, с другой стороны, она образует «свободную» стоимость, не возмещающую какой-либо авансированной капитальной стоимости, т. е. прибавочную стоимость. Таким образом, части товарной стоимости, сопоставляемые одна с другой с этой точки зрения, незаметно превращаются в ее самостоятельные «составные части» и, наконец, в «источники всякой стоимости». Дальнейшим следствием является то, что товарная стоимость составляется из различного рода доходов или, в других местах изложения А. Смита, что она «разлагается» на различного рода доходы; таким образом у А. Смита не доходы составляют из товарной стоимости, а товарная стоимость состоит из «доходов». Но то обстоятельство, что товарная стоимость позднее функционирует в качестве чьего-нибудь дохода, так же не меняет природы этой стоимости, как природа товарной стоимости как таковой или природа денег как таковых нисколько не меняется, если они функционируют как капитальная стоимость. Товар, с которым А. Смит приходится иметь дело, с самого начала является товарным капиталом (который включает в себе, кроме потребленной при производстве товара капитальной стоимости, еще и прибавочную стоимость), т. е. этот товар с самого начала является капиталистически произведенным товаром, результатом капиталистического процесса производства. Поэтому следовало бы сначала подвергнуть анализу этот последний, а потому и заключающийся в нем процесс увеличения и образования стоимости. Но так как предпосылкой капиталистического процесса производства, в свою очередь, является товарное обращение, то его изображение требует также, чтобы предварительно и независимо от него был произведен анализ товара. Даже тогда, когда А. Смит «эзотерически» порой попадает на правильный путь, то и тогда производству стоимости он уделяет внимание лишь при анализе товара, т. е. при анализе товарного капитала.

III. ПОЗДНЕЙШИЕ ЭКОНОМИСТЫ ⁴¹⁾

Рикардо почти дословно воспроизводит теорию А. Смита:

«Не следует упускать из виду, что все продукты страны потребляются, но неизмеримо большое различие заключается в том, потребляются ли они теми, кто

⁴¹⁾ Ниже и до конца главы следует дополнительный текст из рукописи II.

воспроизводит другую стоимость вновь, или же теми, кто не воспроизводит такой. Если мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, то мы подразумеваем, что та доля дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо непродизводительных» («Principles», p. 163).

Действительно, Рикардо полностью принял теорию А. Смита относительно разложения цены товара на заработную плату и прибавочную стоимость (или на переменный капитал и прибавочную стоимость). В чем он полемизирует со Смитом, так это 1) относительно составных частей прибавочной стоимости: из необходимых элементов ее он исключает земельную ренту; 2) Рикардо *разделяет* цену товара на эти составные части. Следовательно, величина стоимости для него *prius**. Рикардо предполагает, что сумма составных частей цены товара есть величина данная; он исходит из нее в противоположность А. Смигу, который часто, вразрез со своим собственным более глубоким взглядом, определял величину стоимости товара *post festum***, посредством сложения составных частей.

Рамсей возражает Рикардо:

«Рикардо забывает, что весь продукт делится не только на заработную плату и прибыль, но что еще одна часть его необходима для возмещения основного капитала» («An Essay on the Distribution of Wealth», Edinburgh, 1836, p. 174).

Под основным капиталом Рамсей разумеет то же самое, что я разумею под постоянным:

«Основной капитал существует в такой форме, в которой он хотя и содействует производству товара, находящегося в процессе обработки, но не содействует содержанию рабочих» (там же, стр. 59).

А. Смит восставал против необходимого вывода из своего же утверждения о том, что товарная стоимость, а следовательно, и стоимость общественного годового продукта, разлагается на заработную плату и прибавочную стоимость, следовательно, на простые доходы, т. е. восставал против вывода, согласно которому мог бы быть потреблен весь годовой продукт. Оригинальные мыслители никогда не делают абсурдных выводов. Они предоставляют это Сэю и Мак-Куллохам.

Действительно, Сэй довольно легко расправляется с этим делом. У него то, что для одного является авансированием капитала, для другого является доходом, чистым продуктом, или было им. Различие между валовым и чистым продуктом — чисто субъективное, и

«...таким образом общая стоимость всех продуктов распределилась в обществе как доход» (Say. «Traité d'Econ. Pol.», 1817, II, p. 64). «Общая стоимость всякого продукта складывается из прибылей землевладельцев, капиталистов и занимающихся промышленным трудом» {заработная плата фигурирует здесь как «profits des industriels» ***}, «которые содействовали его производству. Вследствие этого доход

* — предшествующее, первоначальное. *Ред.*

** — задним числом. *Ред.*

*** — «прибыль занимающихся промышленным трудом». *Ред.*

общества равен произведенной валовой стоимости, а не только чистому продукту земли, как полагала секта экономистов» {физиократы} (там же, стр. 63).

Это открытие Сэя присвоил себе, между прочим, и Прудон.

Шторх, который в принципе тоже принимает доктрину А. Смита, находит, однако, что ее практическое применение Сэем не выдерживает критики.

«Если признать, что доход нации равен ее валовому продукту без какого бы то ни было вычета капитала» {следовало бы сказать: постоянного капитала}, «то следует также признать, что эта нация может непроизводительно потребить всю стоимость своего годового продукта, не причинив ни малейшего ущерба своему будущему доходу... Продукты, которые составляют» {постоянный} «капитал нации, не могут быть потреблены» (Storch. «Considérations sur la nature du revenu national». Paris, 1824, p. 147, 150).

Но Шторх забыл сказать о том, каким образом согласуется существование этой постоянной части капитала с тем разложением цены, которое он заимствовал у Смита и согласно которому товарная стоимость содержит в себе только заработную плату и прибавочную стоимость, но не содержит никакой части постоянного капитала. Только благодаря Сэю для него становится ясным, что такое разложение цены приводит к абсурдным результатам, и его заключительное слово по этому вопросу гласит:

«Невозможно разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» («Cours d'Econ. Pol.», Pétersbourg, 1815, II, p. 141).

Сисмонди, бившийся над специальным рассмотрением отношения капитала к доходу и на самом деле превративший особую формулировку этого отношения в *differentia specifica* * своих «Nouveaux Principes», не сказал ни одного научного слова, не внес ни атома в разрешение проблемы.

Бартон, Рамсей и Шербюлье делают попытки возвыситься над пониманием Смита. Но они терпят неудачу, так как с самого начала они ставят проблему односторонне, не проводя ясной границы между различием постоянной и переменной капитальной стоимости и различием основного и оборотного капитала.

Джон Стюарт Милль с обычной для него важностью также воспроизводит эту доктрину, унаследованную от А. Смита его последователями.

Результат: смитовское смешение понятий продолжает существовать до настоящего времени, и догма Смита является ортодоксальным символом веры политической экономии.

* характерное отличие. *Ред.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

I. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ⁴²⁾

Если мы рассмотрим результат годового функционирования общественного капитала, т. е. всего совокупного капитала, по отношению к которому индивидуальные капиталы являются лишь дробными частями, причем движение этих частей, будучи их индивидуальным движением, в то же время представляет собой необходимое составное звено в движении всего капитала, т. е. если мы рассмотрим товарный продукт, доставляемый обществом в течение года, то станет ясно, каким образом совершается процесс воспроизводства общественного капитала, какие характерные черты отличают этот процесс воспроизводства от процесса воспроизводства индивидуального капитала и какие черты являются для них общими. Годовой продукт включает в себе как те части общественного продукта, которые возмещают капитал, т. е. идут на воспроизводство общественного капитала, так и те части, которые входят в фонд потребления, потребляются рабочими и капиталистами, следовательно, годовой продукт входит как в производительное, так и в индивидуальное потребление. Это потребление включает в себе воспроизводство (т. е. сохранение) как класса капиталистов, так и рабочего класса, а потому включает в себе также и воспроизводство капиталистического характера всего процесса производства.

Очевидно, что нам следует анализировать фигуру обращения $T' = \left\{ \frac{D - T \dots P \dots T'}{\partial - \tau} \right.$, причем потребление необходимо играет здесь известную роль, так как исходный пункт $T' = T + \tau$, т. е. товарный капитал, содержит как постоянную и переменную капитальную стоимость, так и прибавочную стоимость. Поэтому его движение охватывает как индивидуальное, так и производительное потребление. В кругооборотах $D - T \dots P \dots T' - D'$ и $P \dots T' - D' - T \dots P$ исходным и конечным пунктом является движение капита-

⁴²⁾ Ниже следует текст из рукописи II.

ла. Конечно, тем самым это движение включает также и потребление, так как товар, продукт, должен быть продан. Но если предполагается, что товар продан, то для движения отдельного капитала будет безразлично, что дальше делается с этим товаром. Напротив, в движении $T' \dots T'$ условия общественного воспроизводства дают о себе знать как раз потому, что при этом необходимо показать, что станет с каждой частью стоимости всего этого совокупного продукта T' . Весь процесс воспроизводства здесь включает процесс потребления, опосредствованный обращением в такой же мере, как и самый процесс воспроизводства капитала.

Ввиду стоящей перед нами цели мы должны рассмотреть процесс воспроизводства с точки зрения возмещения как стоимости, так и натуральной формы отдельных составных частей T' . Теперь мы уже не можем довольствоваться, как при анализе стоимости продукта отдельного капитала, тем *предположением*, что отдельный капиталист, продавая свой товарный продукт, может превратить составные части своего капитала сначала в деньги, а потом, вновь закупаая на товарном рынке элементы производства, превратить их снова в производительный капитал. Поскольку эти элементы производства по природе своей являются вещами, они точно так же образуют составную часть общественного капитала, как и тот индивидуальный готовый продукт, который обменивается на них и возмещается ими. С другой стороны, движение той части общественного товарного продукта, которая потребляется рабочим при условии расходования заработной платы и потребляется капиталистом при условии расходования прибавочной стоимости, движение этой части общественного товарного продукта не только является необходимым составным звеном в движении всего совокупного продукта, но и переплетается с движением индивидуальных капиталов, и поэтому этот процесс нельзя объяснить просто путем предположения, что он совершается.

Вопрос, который непосредственно встает перед нами, заключается в следующем: каким образом *капитал*, потребленный в процессе производства, возмещается по своей стоимости из годового продукта, и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочими? Следовательно, речь идет прежде всего о воспроизводстве в неизменном масштабе. Далее предполагается не только то, что продукты обмениваются по своей стоимости, но и то, что не происходит никаких революций в величине стоимости составных частей производительного капитала. Что касается отклонения цен от стоимостей, то это обстоятельство, конечно, не может оказать какого-либо влияния на движение общественного капитала. В этом случае по-прежнему обменивалась бы в общем итоге одна и та же масса продуктов, хотя отдельным капиталистам при этом доставались бы доли стоимости, уже не пропорциональные их соот-

ветствующим авансам капитала и тем массам прибавочной стоимости, которые были произведены каждым из них в отдельности. Что же касается революций в величине стоимости, то, если они имеют всеобщий характер и равномерно затрагивают все отрасли производства, они не вызывают никаких изменений в соотношении между составными частями стоимости всего годового продукта. Напротив, если они имеют частичный характер и затрагивают все отрасли производства не в равной мере, то они представляют собой такие нарушения, которые, *во-первых*, могут быть поняты в качестве нарушений лишь при том условии, если их рассматривать как *отклонения* от неизменных отношений стоимости; но, *во-вторых*, если доказан закон, согласно которому одна часть стоимости годового продукта возмещает постоянный, а другая часть — переменный капитал, то в этом законе ничего не изменила бы любая революция в величине стоимости, все равно, произойдет ли она в величине стоимости постоянного или переменного капитала. Она изменила бы только относительную величину тех частей стоимости, которые функционируют в качестве того или другого капитала, так как на место первоначальных стоимостей выступили бы иные стоимости.

Пока мы рассматривали производство стоимости и стоимость продукта капитала с точки зрения индивидуального капитала, для нашего анализа натуральная форма товарного продукта была совершенно безразлична, — безразлично, состоял ли товарный продукт, например, из машин, или из хлеба, или же из зеркал. В каждом случае мы брали эти натуральные формы только в качестве примера, и любая отрасль производства одинаково могла служить в качестве иллюстрации. Нам приходилось иметь дело с самым непосредственным процессом производства, который в каждом отдельном случае представляет собой процесс индивидуального капитала. Поскольку мы рассматривали воспроизводство капитала, нам достаточно было лишь предположить, что часть товарного продукта, представляющая собой капитальную стоимость, находит в сфере обращения возможность совершить обратное превращение в элементы ее производства и, следовательно, снова принять форму производительного капитала; совершенно так же нам достаточно было предположить, что рабочий и капиталист непременно находят на рынке товары, на которые они расходуют заработную плату и прибавочную стоимость. Но этот чисто формальный прием изложения уже недостаточен, если мы рассматриваем весь общественный капитал и стоимость его продукта. Обратное превращение одной части стоимости продукта в капитал, вступление другой части в индивидуальное потребление класса капиталистов и класса рабочих составляет движение в пределах самой стоимости продукта, в котором нашел свое выражение результат функционирования всего совокупного капитала; и это движение есть не только возме-

щение стоимости, но и возмещение натуральной формы продукта, а потому оно в одинаковой мере обусловлено как взаимным соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их натуральной формой.

Простое воспроизводство⁴³⁾, т. е. воспроизводство в неизменном масштабе, является абстракцией лишь постольку, поскольку, с одной стороны, на базисе капиталистического производства отсутствие всякого накопления или воспроизводства в расширенном масштабе является неправдоподобным предположением, и поскольку, с другой стороны, условия, при которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными (а они предполагаются неизменными). Наше предположение таково, что общественный капитал данной стоимости как в прошлом, так и в текущем году снова доставляет прежнюю массу товарных стоимостей и удовлетворяет прежнюю массу потребностей, хотя бы формы товаров и изменились в процессе воспроизводства. Впрочем, если даже и совершается накопление, то простое воспроизводство всегда составляет часть накопления, следовательно, простое воспроизводство можно рассматривать само по себе, оно есть реальный фактор накопления. Стоимость годового продукта может уменьшиться, хотя масса потребительных стоимостей останется прежней; стоимость может остаться прежней, хотя масса потребительных стоимостей уменьшится; масса стоимости и масса воспроизведенных потребительных стоимостей могут уменьшаться одновременно. И все это сводится к тому, что воспроизводство совершается или при более благоприятных условиях, чем были раньше, или при затруднительных условиях, причем результатом последних может явиться неполное или недостаточное воспроизводство. Однако все это имеет отношение лишь к количественной стороне различных элементов воспроизводства, а не к той роли, которую они играют в общем процессе как воспроизводимый капитал или как воспроизведенный доход.

II. ДВА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА⁴⁴⁾

Весь общественный продукт, а следовательно и все производство общества, распадается на два больших подразделения:

I. *Средства производства*, т. е. товары, имеющие такую форму, в которой они должны войти или, по меньшей мере, могут войти в производительное потребление.

II. *Предметы потребления*, т. е. товары, имеющие такую форму, в которой они входят в индивидуальное потребление класса капиталистов и рабочего класса.

⁴³⁾ Этот абзац взят из рукописи VIII.

⁴⁴⁾ Ниже следует текст в основном из рукописи II. Схема взята из рукописи VIII.

В каждом из этих подразделений совокупность различных отраслей производства, относящихся к этому подразделению, составляет одну единственную большую отрасль производства: в одном случае — отрасль производства средств производства, в другом случае — предметов потребления. Весь капитал, применяемый в каждой из этих двух отраслей производства, образует особое крупное подразделение общественного капитала.

В каждом подразделении капитал распадается на две составные части:

1) *Переменный капитал*. Рассматриваемый со стороны стоимости этот капитал равен стоимости общественной рабочей силы, примененной в этой отрасли производства, следовательно, он равен сумме заработной платы, выплаченной за эту рабочую силу. Рассматриваемый со стороны его натуральной формы, он состоит из самой рабочей силы, проявляющей себя в действии, т. е. из живого труда, приведенного в движение этой капитальной стоимостью.

2) *Постоянный капитал*, т. е. стоимость всех средств производства, примененных для производства в этой отрасли. В свою очередь средства производства распадаются на *основной* капитал: машины, орудия труда, постройки, рабочий скот и т. д., и на *оборотный* постоянный капитал: производственные материалы, как-то сырые и вспомогательные материалы, полуфабрикаты и т. д.

Стоимость всего годового продукта, произведенного в каждом из двух подразделений с помощью этого переменного и постоянного капитала, распадается на часть стоимости, представляющую постоянный капитал c , потребленный в процессе производства и по своей стоимости лишь перенесенный на продукт, и на часть стоимости, присоединенную к продукту всем трудом в течение года. Эта последняя часть стоимости годового продукта, в свою очередь, распадается на возмещение авансированного переменного капитала v и на избыток над ним, образующий прибавочную стоимость m . Следовательно, подобно стоимости всякого отдельного товара, стоимость всего годового продукта в каждом подразделении тоже распадается на $c + v + m$.

Часть стоимости, а именно c , представляющая постоянный капитал, *потребленный* в процессе производства, по своей величине не совпадает со стоимостью постоянного капитала, *примененного* в этом процессе производства. Правда, производственные материалы потребляются при этом целиком, и потому их стоимость целиком переносится на продукт. Но лишь некоторая часть примененного *основного* капитала потребляется целиком, и, следовательно, лишь стоимость этой части переходит на продукт. Другая часть основного капитала, т. е. машины, здания и т. д., существует и продолжает функционировать по-прежнему, хотя стоимость этого основного капитала и уменьшилась вследствие годового износа. Если

мы рассматриваем стоимость продукта, то этой продолжающей функционировать части основного капитала для нас не существует. Она составляет часть капитальной стоимости, независимую от этой вновь произведенной товарной стоимости, существующую наряду с последней. Это обнаружилось уже при рассмотрении стоимости продукта отдельного капитала («Капитал», книга I, гл. VI, стр. 192⁷⁵). Но здесь мы должны временно отвлечься от примененного там способа рассмотрения. Рассматривая стоимость продукта отдельного капитала, мы говорили, что стоимость, утрачиваемая основным капиталом вследствие износа, переносится на товарный продукт, произведенный в течение того времени, когда этот износ происходил, причем безразлично, возмещается ли в течение этого времени часть основного капитала *in natura* * за счет этой перенесенной стоимости или же не возмещается. Напротив, здесь, рассматривая совокупный общественный продукт и его стоимость, необходимо, по крайней мере временно, оставить в стороне эту часть стоимости, в течение года перенесенную на годовой продукт вследствие износа основного капитала. Мы должны отвлечься от нее, поскольку этот основной капитал в течение данного года не возмещается *in natura*. В одном из следующих разделов этой главы мы специально остановимся и на этом пункте.

В основу нашего исследования простого воспроизводства мы положим нижеследующую схему, в которой c = постоянному капиталу, v = переменному капиталу, m = прибавочной стоимости, а степень увеличения стоимости, $\frac{m}{v}$, принята равной 100%. Числа могут означать миллионы марок, франков или фунтов стерлингов.

I. Производство средств производства:

капитал $4\ 000c + 1\ 000v = 5\ 000$,
 товарный продукт $4\ 000c + 1\ 000v + 1\ 000m = 6\ 000$,
 существующий в виде средств производства.

II. Производство предметов потребления:

капитал $2\ 000c + 500v = 2\ 500$,
 товарный продукт $2\ 000c + 500v + 500m = 3\ 000$,
 существующий в виде предметов потребления.

Если товарный продукт обоих подразделений свести вместе, то весь совокупный годовой товарный продукт составит:

- I. $4\ 000c + 1\ 000v + 1\ 000m = 6\ 000$ в средствах производства;
 II. $2\ 000c + 500v + 500m = 3\ 000$ в предметах потребления.

* – в натуральной форме. *Ред.*

Стоимость совокупного продукта равна 9 000, причем, согласно нашему предположению, из этой суммы исключена стоимость основного капитала, продолжающего функционировать в своей натуральной форме.

Если мы исследуем теперь обмены, необходимые на основе простого воспроизводства, когда вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, и при этом сначала оставим в стороне денежное обращение, опосредствующее эти обмены, то прежде всего мы получим три существенных точки опоры.

1) $500v$, заработная плата рабочих, и $500m$, прибавочная стоимость капиталистов подразделения II, должны быть израсходованы на предметы потребления. Но их стоимость существует в виде тех предметов потребления стоимостью в 1 000, которые, находясь в руках капиталистов подразделения II, возмещают авансированные ими $500v$ и представляют для них $500m$. Следовательно, заработная плата рабочих и прибавочная стоимость капиталистов подразделения II обмениваются в пределах подразделения II на продукт этого подразделения. Вместе с тем из совокупного продукта исчезает $(500v + 500m)$ II = 1 000 в виде предметов потребления.

2) $1\,000v + 1\,000m$ подразделения I тоже должны быть израсходованы на предметы потребления, т. е. на продукт подразделения II. Следовательно, они должны быть обменены на остальную часть продукта подразделения II, по величине равную постоянной части капитала $2\,000c$. За это подразделение II получает равную сумму в виде средств производства, получает продукт подразделения I, воплощающий стоимость $1\,000v + 1\,000m$ подразделения I. Тем самым из счета исчезают $2\,000 Ic$ и $(1\,000v + 1\,000m)$ I.

3) Остаются еще $4\,000 Ic$. Они заключаются в тех средствах производства, которые могут быть использованы лишь в подразделении I и служат для возмещения потребленного в нем постоянного капитала; поэтому вопрос о них решается посредством взаимного обмена между отдельными капиталистами подразделения I точно так же, как в отношении $(500v + 500m)$ II он решен посредством обмена между рабочими и капиталистами, соответственно — между отдельными капиталистами подразделения II.

Этого мы коснулись пока лишь для лучшего понимания последующего.

III. ОБМЕН МЕЖДУ ДВУМЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ:

$$I (v + m) \text{ НА } II c^{45)}$$

Мы начинаем с крупного обмена между двумя подразделениями. $(1\,000v + 1\,000m)$ I — эти стоимости, которые в руках своих производителей существуют в натуральной форме средств

⁴⁵⁾ Здесь начинается текст опять из рукописи VIII.

производства, обмениваются на 2 000 $Ис$, на стоимости, существующие в натуральной форме предметов потребления. Благодаря этому обмену капиталисты подразделения II превратили свой постоянный капитал = 2 000 из формы предметов потребления в форму средств производства предметов потребления, в форму, в которой он снова может функционировать как фактор процесса труда и — по отношению к процессу увеличения стоимости — как постоянная капитальная стоимость. С другой стороны, благодаря этому обмену эквивалент стоимости рабочей силы подразделения I (1 000 Iv) и прибавочная стоимость капиталистов подразделения I (1 000 Im) реализовались в предметах потребления; и то и другое из своей натуральной формы средств производства превратилось в такую натуральную форму, в которой они могут быть потреблены как доход.

Однако такой взаимный обмен осуществляется благодаря обращению денег, которое опосредствует его в такой же мере, в какой затрудняет его понимание, но которое играет решающе важную роль, потому что переменная часть капитала снова и снова должна выступать в денежной форме, выступать как денежный капитал, который из денежной формы превращается в рабочую силу. Во всех отраслях производства, одновременно действующих одна рядом с другой на всей территории данного общества, безразлично, относятся ли они к подразделению I или II, переменный капитал должен авансироваться в денежной форме. Капиталист покупает рабочую силу прежде, чем она вступит в процесс производства, но он оплачивает ее лишь в обусловленные по договору сроки, лишь после того, как она уже затрачена на производство потребительной стоимости. Подобно остальной части стоимости продукта, капиталисту принадлежит и та часть этого продукта, которая является лишь эквивалентом денег, израсходованных им на оплату рабочей силы, т. е. та часть стоимости продукта, которая представляет переменную капитальную стоимость. В виде самой этой части стоимости продукта рабочий уже доставил капиталисту эквивалент своей заработной платы. Но лишь обратное превращение товара в деньги, его продажа восстанавливает капиталисту его переменный капитал в виде денежного капитала, который он может вновь авансировать на покупку рабочей силы.

Итак, в подразделении I капиталист, рассматриваемый как совокупный капиталист, уплатил рабочим 1 000 ф. ст. (я говорю «фунтов стерлингов» только для того, чтобы отметить, что это — стоимость в денежной форме) = 1 000 v за ту часть стоимости продукта подразделения I, которая уже существует в виде v , т. е. в виде произведенных рабочими средств производства. На эти 1 000 ф. ст. рабочие покупают у капиталистов подразделения II предметы потребления такой же стоимости и таким образом превращают половину постоянного капитала II в деньги; капиталисты

подразделения II, в свою очередь, покупают на эти 1 000 ф. ст. средства производства стоимостью в 1 000 у капиталистов подразделения I; тем самым переменная капитальная стоимость последних = 1 000 ν , существовавшая как часть их продукта в натуральной форме средств производства, опять превращена в деньги, и теперь в руках капиталистов подразделения I снова может функционировать как денежный капитал, который превращается в рабочую силу, следовательно, в самый существенный элемент производительного капитала. Таким путем, вследствие реализации части их товарного капитала, к капиталистам подразделения I возвращается переменный капитал в денежной форме.

Что же касается денег, необходимых для обмена m , т. е. этой части товарного капитала подразделения I, на вторую половину постоянной части капитала подразделения II, то эти деньги могут быть авансированы различными способами. В действительности это обращение охватывает бесчисленное количество отдельных актов купли и продажи, совершаемых индивидуальноными капиталистами обоих подразделений, причем деньги при всех условиях должны исходить от этих капиталистов, так как с тем количеством денег, которое брошено в обращение рабочими, счет уже закончен. Или капиталист подразделения II может часть своего денежного капитала, имеющегося у него в наличии наряду с его производительным капиталом, употребить на то, чтобы купить средства производства у капиталистов подразделения I; или же, наоборот, капиталист подразделения I может купить предметы потребления у капиталистов подразделения II за счет денежного фонда, предназначенного на личные расходы, а не на расходование в качестве капитала. Как уже показано выше в отделах I и II, предполагается, что в руках капиталистов при всех условиях наряду с производительным капиталом обязательно имеются в наличии известные денежные запасы, причем безразлично, предназначены ли они для авансирования в качестве капитала, или для расходования в качестве дохода. Предположим — для наших целей пропорция здесь совершенно безразлична, — что половина денег авансируется капиталистами подразделения II на закупку средств производства для возмещения постоянного капитала, а другая половина расходуетя капиталистами подразделения I на потребление. В таком случае подразделение II авансирует 500 ф. ст., покупает на них у подразделения I средства производства и тем самым возмещает *in natura* (включая вышеупомянутые 1 000 ф. ст., поступившие от рабочих подразделения I) $\frac{3}{4}$ своего постоянного капитала; подразделение I на полученные таким образом 500 ф. ст. покупает у подразделения II предметы потребления, и тем самым половина той части товарного капитала подразделения I, которая состоит из m , совершила обращение $\tau - \delta - \tau$, и эта часть продукта подразделения I, таким образом, реализована в фонде потребления. Вследствие этого вто-

рого процесса 500 ф. ст. возвращаются в руки капиталистов подразделения II как денежный капитал, которым капиталисты этого подразделения обладают наряду со своим производительным капиталом. С другой стороны, капиталисты подразделения I за счет той половины m своего товарного капитала, которая все еще лежит у них на складах в виде продукта, предвосхищают — раньше, чем эта часть их продукта продана — расходование денег в количестве 500 ф. ст. на закупку предметов потребления у капиталистов подразделения II. На эти самые 500 ф. ст. подразделение II покупает средства производства у подразделения I и таким образом возмещает *in natura* весь свой постоянный капитал ($1\ 000 + 500 + 500 = 2\ 000$), между тем как подразделение I реализовало в предметах потребления всю свою прибавочную стоимость. В общем итоге обмен товаров на сумму 4 000 ф. ст. совершился бы при помощи обращения денег на сумму 2 000 ф. ст., причем величина последней суммы обуславливается лишь тем, что, согласно нашему изложению, весь годовой продукт обменивается разом, несколькими крупными частями. Важно при этом лишь то обстоятельство, что подразделение II не только снова превратило в форму средств производства свой постоянный капитал, воспроизведенный в форме предметов потребления, но что к нему, кроме того, возвратились 500 ф. ст., авансированные им для обращения, на закупку средств производства; и что подразделение I точно так же не только вновь получило свой воспроизведенный им в форме средств производства переменный капитал в денежной форме, в качестве денежного капитала, который снова может быть непосредственно превращен в рабочую силу, но что к нему, кроме того, возвратились 500 ф. ст., которые оно, предвосхищая продажу прибавочной части стоимости своего товарного капитала, еще до этой продажи израсходовало на покупку предметов потребления. Но эти деньги возвратились к нему назад не вследствие совершившегося израсходования, а вследствие последующей продажи части его товарного продукта, несущей в себе половину его прибавочной стоимости.

В обоих случаях не только постоянный капитал подразделения II из формы продукта снова превращается в натуральную форму средств производства, в которой он лишь и может функционировать как капитал; точно так же не только переменная часть капитала подразделения I превращается в денежную форму, но и прибавочная стоимость как часть товарного продукта, воплощенная в средствах производства подразделения I, превращается в такую форму, в которой она пригодна для потребления и может быть потреблена как доход. Кроме того, в подразделение II притекают обратно 500 ф. ст. денежного капитала, которые оно авансировало на покупку средств производства раньше, чем была продана соответствующая, компенсирующая эти 500 ф. ст. часть стоимости постоянного капитала, имевшаяся в наличии в форме предметов по-

требления; далее, в подразделение I возвращаются 500 ф. ст., которые оно *anticipando* * израсходовало на покупку предметов потребления. Если в подразделение II возвращаются назад деньги, авансированные им за счет постоянной части его товарного продукта, а в подразделение I — деньги, авансированные за счет той части его товарного продукта, которая содержит прибавочную стоимость, то возвращаются они лишь потому, что та и другая категории капиталистов бросили в обращение еще по 500 ф. ст. денег; одна — помимо существующего в товарной форме II постоянного капитала, другая — помимо существующей в товарной форме I прибавочной стоимости. В конечном счете они взаимно полностью расплатились друг с другом посредством обмена своих соответствующих товарных эквивалентов. Те деньги, которые в качестве средства этого обмена товаров были брошены ими в обращение сверх общей суммы стоимости своих товаров, возвращаются к каждому из них из обращения *pro rata* ** той доле, которая каждым из них была брошена в обращение. Они не стали от этого ни на грош богаче. Подразделение II имело постоянный капитал = 2 000 в форме предметов потребления + 500 в форме денег; теперь оно обладает 2 000 в средствах производства и 500 в деньгах, т. е. обладает той же суммой, что и раньше; точно так же подразделение I по-прежнему обладает прибавочной стоимостью в 1 000 (в форме товаров, средств производства, превращенных теперь в фонд потребления) + 500 в деньгах. — Общий вывод таков: из денег, которые промышленные капиталисты бросают в обращение для обслуживания своего собственного товарного обращения, — причем безразлично, происходит ли это за счет постоянной части стоимости товара или за счет существующей в товарах прибавочной стоимости, поскольку она расходуется как доход, — из этих денег в руки соответствующих капиталистов возвращается столько, сколько они авансировали на денежное обращение.

Что касается обратного превращения в денежную форму переменного капитала подразделения I, то для капиталистов этого подразделения I, после того как они затратили его на заработную плату, он существует сначала в той товарной форме, в которой рабочие доставили его капиталистам. Капиталисты выплатили его рабочим в денежной форме, как цену рабочей силы последних. Постольку капиталисты оплатили ту составную часть стоимости своего товарного продукта, которая равна этому переменному капиталу, израсходованному ими в форме денег. Поэтому они являются собственниками также и этой части товарного продукта. Но применяемая ими часть рабочего класса отнюдь не является покупателем средств производства, производимых этими рабочими. Эти рабочие являются покупателями предметов потребления, производимых в подраз-

* — заранее. *Ред.*

** — пропорционально. *Ред.*

делении II. Следовательно, переменный капитал, авансированный в подразделении I на оплату рабочей силы деньгами, не непосредственно возвращается к капиталистам подразделения I. Вследствие актов купли, совершаемых рабочими, он переходит в руки капиталистических производителей тех товаров, которые необходимы и вообще доступны для рабочих, т. е. в руки капиталистов подразделения II, и лишь вследствие того, что последние употребляют эти деньги на покупку средств производства, лишь таким окольным путем они возвращаются назад в руки капиталистов подразделения I.

Оказывается, что при простом воспроизводстве сумма стоимостей $v + m$ товарного капитала подразделения I (а следовательно, и соответствующая пропорциональная часть всего товарного продукта подразделения I) должна равняться постоянному капиталу IIc , выделенному в качестве соответствующей части всего товарного продукта подразделения II; или $I(v + m) = IIc$.

IV. ОБМЕН В ПРЕДЕЛАХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ II. НЕОБХОДИМЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СРЕДСТВА И ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ

Из стоимости товарного продукта подразделения II нам остается еще исследовать составные части $v + m$. Рассмотрение их не имеет никакого отношения к важнейшему вопросу, который нас здесь занимает, а именно к вопросу о том, до какой степени распадение стоимости всякого индивидуального капиталистически произведенного товарного продукта на $c + v + m$ сохраняет свою силу и по отношению к стоимости всего годового продукта, даже если это распадение опосредствовано различными формами проявления. Этот вопрос разрешается, с одной стороны, посредством обмена $I(v + m)$ на IIc , и, с другой стороны, — в исследовании того, каким образом IIc воспроизводится в годовом товарном продукте подразделения I; это исследование будет предпринято позже. Так как II ($v + m$) существует в натуральной форме предметов потребления, так как переменный капитал, авансированный капиталистами рабочим при оплате рабочей силы, в общем и целом должен расходоваться рабочими на предметы потребления и так как часть стоимости товара, представляющая m , при предположении простого воспроизводства фактически полностью расходуется как доход на предметы потребления, то *prima facie* * ясно, что на заработную плату, полученную от капиталистов подразделения II, рабочие этого подразделения выкупают часть своего собственного продукта, соответствующую размерам денежной стоимости, полученной ими в качестве заработной платы. Таким образом капиталисты

* — прежде всего. *Ред.*

подразделения II превращают обратно в денежную форму свой денежный капитал, авансированный на оплату рабочей силы; дело обстоит совершенно так же, как если бы эти капиталисты оплатили рабочих просто знаками стоимости [Wertmarken]. Поскольку рабочие реализуют эти знаки стоимости, покупая часть произведенного ими и принадлежащего капиталистам товарного продукта, эти знаки стоимости возвратятся к капиталистам назад; различие заключается лишь в том, что здесь знаки стоимости не только представляют стоимость, но и обладают ею в золотом или серебряном воплощении. Позже мы подробнее исследуем этот способ возвращения переменного капитала, авансированного в денежной форме, возвращения, осуществляемого посредством процесса, в котором рабочий класс является покупателем, а класс капиталистов — продавцом. Здесь же речь идет о другом вопросе, который необходимо рассмотреть в связи с возвращением переменного капитала к его исходному пункту.

Подразделение II годового производства товаров состоит из разнообразнейших отраслей промышленности, которые, однако, — в зависимости от характера их продуктов — можно разделить на два больших подотдела:

а) Предметы потребления, которые входят в потребление рабочего класса и, поскольку они являются необходимыми жизненными средствами, составляют также часть потребления класса капиталистов, хотя в этом случае они по качеству и по стоимости часто отличаются от жизненных средств рабочих. Для цели нашего исследования мы можем объединить весь этот подотдел под рубрикой: *необходимые* предметы потребления, причем совершенно безразлично, является ли соответствующий продукт, например, табак, предметом потребления, необходимым с физиологической точки зрения или же не является таковым; достаточно того, что он — привычно необходимый предмет потребления.

б) Предметы *роскоши*, которые входят лишь в потребление класса капиталистов, следовательно, могут быть обменены лишь на расходуемую прибавочную стоимость, которая никогда не достается рабочему. В первой рубрике ясно, что переменный капитал, авансированный на производство разных товаров, относящихся к этой рубрике, должен непосредственно возвращаться в денежной форме к той части капиталистов подразделения II (следовательно, к капиталистам IIa), которая производит эти необходимые жизненные средства. Эти капиталисты продают их своим собственным рабочим на сумму переменного капитала, выданного рабочим в качестве заработной платы. По отношению ко всему этому подотделу а капиталистов подразделения II такое возвращение является *непосредственным*, как бы многочисленны ни были те сделки между капиталистами различных, входящих в этот подотдел отраслей промышленности, посредством которых *pro rata* распределяется

этот возвращающийся переменный капитал. Это такие процессы обращения, для совершения которых средства обращения непосредственно доставляют рабочие, расходуя полученные ими деньги. Однако иначе обстоит дело в подотделе IIb. Вся та часть вновь созданной стоимости, с которой нам приходится здесь иметь дело, $IIb(v + m)$, существует в натуральной форме предметов роскоши, т. е. в форме предметов, которые рабочий класс так же не может купить, как и товарную стоимость Iv, существующую в форме средств производства, хотя и эти предметы роскоши и те средства производства представляют собой продукты, произведенные этими рабочими. Следовательно, тот обратный приток, посредством которого переменный капитал, авансированный в этом подотделе, возвращается к капиталистическим производителям в своей денежной форме, не может происходить непосредственно, а должен быть опосредствован так же, как и в случае с Iv.

Предположим, например, как и выше для всего подразделения II, что $v = 500$ и $m = 500$; но пусть переменный капитал и соответствующая ему прибавочная стоимость распределяются следующим образом:

Подотдел a, необходимые жизненные средства: $v = 400$, $m = 400$; следовательно, товарная масса в виде необходимых предметов потребления стоимостью в $400v + 400m = 800$, или

IIa ($400v + 400m$).

Подотдел b: предметы роскоши стоимостью в $100v + 100m = 200$, или

IIb ($100v + 100m$).

Рабочие подотдела IIb в оплату за свою рабочую силу получили 100 в форме денег, скажем, в форме 100 фунтов стерлингов; эти рабочие на полученные деньги покупают у капиталистов подотдела IIa предметы потребления на сумму 100. Затем эта категория капиталистов покупает товары IIb, тоже на сумму 100, благодаря чему к капиталистам подотдела IIb притекает обратно в денежной форме их переменный капитал.

В руках капиталистов подотдела IIa, вследствие обмена с их собственными рабочими, уже опять имеются $400v$ в денежной форме; кроме того, четвертая доля той части их продукта, которая представляет прибавочную стоимость, отошла к рабочим подотдела IIb, и за нее получено в товарах роскоши IIb ($100v$).

Если теперь мы предположим, что капиталисты подотделов IIa и IIb в одинаковой пропорции расходуют доход на необходимые жизненные средства и на предметы роскоши, — например, предположим, что те и другие расходуют по $\frac{3}{5}$ на необходимые жизненные средства, по $\frac{2}{5}$ на предметы роскоши, то капиталисты подотдела IIa затрачивают $\frac{3}{5}$ своей прибавочной стоимостью или своего дохода в $400m$, т. е. 240, на свои собственные продукты, на необходимые жизненные средства, и $\frac{2}{5} = 160$ они затрачивают на пред-

меты роскоши. Капиталисты подотдела IIb будут распределять свою прибавочную стоимость $= 100m$ таким же способом: $\frac{3}{5} = 60$ на необходимые жизненные средства и $\frac{2}{5} = 40$ на предметы роскоши; последние производятся и обмениваются в пределах своего собственного подотдела.

Сумма 160 в виде предметов роскоши, которые получают капиталисты подотдела IIa за соответствующую сумму из $(IIa)m$, притекает к капиталистам IIa следующим образом: из (IIa) 400*m*, как мы уже видели, сумма 100 в форме необходимых жизненных средств, была обменена на равную сумму $(IIb)v$, существующую в виде предметов роскоши, а оставшаяся сумма 60 в виде необходимых жизненных средств была обменена на сумму (IIb) 60*m* в виде предметов роскоши.

Общий подсчет всех обменов при указанных предположениях представляется в таком виде:

$$IIa : 400v + 400m; IIb : 100v + 100m.$$

1) 400*v* (*a*) потребляются рабочими подотдела IIa , частью продукта которых (необходимые жизненные средства) являются эти 400*v* (*a*); рабочие покупают их у капиталистических производителей своего подотдела. Таким образом к этим производителям возвращаются 400 ф. ст. деньгами, т. е. возвращается их переменная капитальная стоимость $= 400$, выданная в качестве заработной платы этим самым рабочим; на эту стоимость капиталисты могут вновь купить рабочую силу.

2) Часть суммы 400*m* (*a*), равная сумме 100*v* (*b*), т. е. равная $\frac{1}{4}$ прибавочной стоимости (*a*), реализуется в предметах роскоши следующим образом: рабочие (*b*) получают от капиталистов своего подотдела (*b*) 100 ф. ст. в виде заработной платы; на эту сумму они покупают четвертую часть *m*, т. е. покупают товары, состоящие из необходимых жизненных средств; капиталисты подотдела *a* покупают на эти деньги предметы роскоши на такую же сумму стоимости $= 100v$ (*b*), т. е. покупают половину всех произведенных предметов роскоши. Таким образом к капиталистам подотдела *b* возвращается в денежной форме их переменный капитал, и они посредством возобновления покупки рабочей силы могут снова начать свое воспроизводство, так как весь постоянный капитал всего подразделения II уже возмещен благодаря обмену $I(v + m)$ на IIc . Следовательно, рабочая сила рабочих, занятых в подотделе производства предметов роскоши, только потому может быть продана вновь, что часть их собственного продукта, созданная как эквивалент их заработной платы, взята капиталистами подотдела IIa в свой фонд потребления, превращена в деньги. (То же самое относится и к продаже рабочей силы в подразделении I , потому что IIc , на которое обменивается $I(v + m)$, состоит как из предметов роскоши, так и из необходимых жизненных средств, а то, что возоб-

новляется посредством обмена на $1(v + m)$ состоит из средств производства для производства как предметов роскоши, так и необходимых жизненных средств.)

3) Переходим к обмену между подотделами a и b , поскольку он является теперь обменом лишь между капиталистами обоих подотделов. В предыдущем изложении решен вопрос о переменном капитале ($400v$) и о части прибавочной стоимости ($100m$) в подотделе a ; решен вопрос также о переменном капитале ($100v$) в подотделе b . Мы предполагали далее, что среднее соотношение в расходовании капиталистического дохода в обоих подотделах составляет $\frac{2}{5}$ на предметы роскоши и $\frac{3}{5}$ на необходимые жизненные потребности. Поэтому кроме 100 , уже израсходованных на предметы роскоши, во всем подотделе a на такие предметы остается еще 60 и у подотдела b , при той же самой пропорции, — 40 .

Итак, сумма $(IIa)m$ распределяется следующим образом: 240 на жизненные средства и 160 на предметы роскоши = $240 + 160 = 400m$ (IIa).

Сумма $(IIb)m$ распределяется следующим образом: 60 на жизненные средства и 40 на предметы роскоши: $60 + 40 = 100m$ (IIb). Последние 40 этот подотдел берет для потребления из своего собственного продукта ($\frac{2}{5}$ своей прибавочной стоимости); 60 в форме жизненных средств он получает, обменивая 60 из своего прибавочного продукта на $60m$ (a).

Итак, для всех капиталистов подразделения II мы имеем (причем $v + m$ в подотделе a заключаются в необходимых жизненных средствах, а в подотделе b — в предметах роскоши):

IIa ($400v + 400m$) + IIb ($100v + 100m$) = $1\ 000$; благодаря обращению реализация совершается так: $500v$ ($a + b$) {реализуются в $400v$ (a) и в $100m$ (a)} + $500m$ ($a + b$) {реализуются в $300m$ (a) + $100v$ (b) + $100m$ (b)} = $1\ 000$.

Для подотделов a и b , рассматриваемых по отдельности, реализация приобретает у нас такой вид:

$$a) \frac{v}{400v(a)} + \frac{m}{240m(a) + 100v(b) + 60m(b)} = 800$$

$$b) \frac{v}{100m(a)} + \frac{m}{60m(a) + 40m(b)} \dots\dots\dots = \frac{200}{1\ 000}$$

Если мы ради упрощения изложения сохраним предположенное выше отношение между переменным и постоянным капиталом (что, кстати сказать, вовсе не представляет необходимости), то на $400v$ (a) придется взять постоянный капитал = $1\ 600$, а на $100v$ (b) — постоянный капитал = 400 , и в подразделении II у нас получатся следующие два подотдела a и b :

$$II\ a) \quad 1\ 600c + 400v + 400m = 2\ 400$$

$$II\ b) \quad 400c + 100v + 100m = 600$$

или, в сумме

$$2\,000c + 500v + 500m = 3\,000.$$

В соответствии с этим из $2\,000\text{ Ic}$ в виде предметов потребления, обмениваемых на $2\,000\text{ I } (v + m)$, $1\,600$ обмениваются на средства производства для производства необходимых жизненных средств и 400 — на средства производства для производства предметов роскоши.

Таким образом эти $2\,000\text{ I } (v + m)$, в свою очередь, распались бы на $(800v + 800m)\text{ I}$, для подотдела $a = 1\,600$ в виде средств производства необходимых жизненных средств и на $(200v + 200m)\text{ I}$, для подотдела $b = 400$ в виде средств производства предметов роскоши.

Значительная часть не только собственно средств труда, но также сырых и вспомогательных материалов и т. д. однородна для обоих подотделов. Что же касается обмена различных частей стоимости всего продукта $\text{I } (v + m)$, то наличие указанного деления не имело бы никакого значения. Как упомянутые выше 800 Iv , так и 200 Iv реализуются благодаря тому, что заработная плата рабочих подразделения I расходуется на предметы потребления $1\,000\text{ Ic}$, следовательно, денежный капитал, авансированный на нее, при возвращении распределяется соответствующим образом между капиталистическими производителями подразделения I , вновь прогата возмещающая в деньгах авансированный ими переменный капитал. С другой стороны, что касается реализации $1\,000\text{ Im}$, то и в этом случае капиталисты подразделения I равномерно (пропорционально величине их m) извлекут свои доли из всей второй половины $\text{Ic} = 1\,000$, т. е. они извлекут 600 Ia и 400 Ib в виде предметов потребления; следовательно, те из них, которые возмещают постоянный капитал для подотдела Ia , извлекут

$$480\left(\frac{3}{5}\right) \text{ из } 600c\text{ (Ia)} \text{ и } 320\left(\frac{2}{5}\right) \text{ из } 400c\text{ (Ib)} = 800,$$

а те, которые возмещают постоянный капитал для подотдела Ib , извлекут:

$$120\left(\frac{3}{5}\right) \text{ из } 600c\text{ (Ia)} \text{ и } 80\left(\frac{2}{5}\right) \text{ из } 400c\text{ (Ib)} = 200.$$

Сумма = $1\,000$.

Что здесь произвольно взято и для подразделения I и для подразделения II , так это отношение переменного капитала к постоянному, а также то, что это отношение тождественно и в подразделении I и в подразделении II и в их подотделах. Что касается этой тождественности, то она принята здесь лишь ради упрощения изложения, и, если бы мы предположили различные пропорции, это абсолютно ничего не изменило бы в условиях проблемы и в ее решении. Но во всяком случае, предполагая простое воспроизводство, мы необходимо приходим к следующему результату:

1) Новая стоимость, созданная годовым трудом в натуральной форме средств производства (которая распадается на $v + m$), равна воспроизведенной в форме предметов потребления постоянной капитальной стоимости c , содержащейся в стоимости продукта, произведенного другой частью годового труда. Если бы эта новая стоимость была меньше Πc , то подразделение Π не могло бы полностью возместить свой постоянный капитал; если бы она была больше, то излишек остался бы неиспользованным. В обоих случаях было бы нарушено предположение, что совершается простое воспроизводство.

2) Если рассматривать годовой продукт, воспроизведенный в форме предметов потребления, то переменный капитал v , авансированный на его производство в денежной форме, может быть реализован его получателями — поскольку ими являются рабочие, производящие предметы роскоши, — лишь в той части необходимых жизненных средств, в которой *prima facie* воплощена прибавочная стоимость капиталистических производителей последних; следовательно, v , затраченное на производство предметов роскоши, по величине своей стоимости равно соответствующей части m , произведенной в форме необходимых жизненных средств, а потому должно быть меньше всего этого m , т. е. должно быть меньше $(\Pi a)m$, причем только посредством реализации указанного v , посредством обмена на эту часть m к капиталистическим производителям предметов роскоши возвращается в денежной форме авансированный ими переменный капитал. Это явление совершенно аналогично реализации $I(v + m)$ посредством обмена на Πc ; различие заключается лишь в том, что в рассматриваемом случае $(\Pi b)v$ реализуется путем обмена на часть $(\Pi a)m$, которая по величине стоимости равна $(\Pi b)v$. Эти количественные пропорции сохраняют качественно определяющее значение при всяком распределении всего годового продукта, поскольку он действительно входит в процесс годового воспроизводства, опосредствуемый обращением. $I(v + m)$ может быть реализовано только посредством обмена на Πc , а Πc , в свою очередь, для функционирования в качестве составной части производительного капитала может быть возобновлено лишь посредством этой реализации; точно так же $(\Pi b)v$ может быть реализовано лишь посредством обмена на $(\Pi a)m$, и лишь таким способом $(\Pi b)v$ может опять превратиться в свою форму денежного капитала. Само собой разумеется, сказанное сохраняет свою силу лишь постольку, поскольку все это действительно является результатом самого процесса воспроизводства, следовательно, поскольку, например, капиталисты Πb не получают денежного капитала для авансирования в качестве v при посредстве кредита из каких-либо иных источников. Напротив, что касается количественной стороны, то обмены различных частей годового продукта могут совершаться с такой пропорциональностью, как это

изложено выше, лишь постольку, поскольку масштаб и стоимостные отношения в процессе производства остаются неизменными и поскольку эти прочно сложившиеся отношения не изменяются под влиянием внешней торговли.

Если бы теперь кто-нибудь вслед за А. Смитом сказал, что $I(v + m)$ «разлагается» на $Ис$, а $Ис$ «разлагается» на $I(v + m)$, или, как А. Смит еще чаще и еще нелепее говорит, что $I(v + m)$ образуют «составные части» цены (соответственно — стоимости, он говорит «value in exchange» *) $Ис$, а стоимость $Ис$ образует всю «составную часть» стоимости $I(v + m)$, то он равным образом мог и должен был бы сказать, что (IIb) «разлагается» на $(IIa)m$, или что $(IIa)m$ «разлагается» на $(IIb)v$, или что $(IIb)v$ образует одну-единственную «составную часть» прибавочной стоимости IIa , и vice versa **; таким образом вся прибавочная стоимость «разлагалась» бы на заработную плату, соответственно — на переменный капитал, а переменный капитал образовал бы единственную «составную часть» прибавочной стоимости. Такая нелепость действительно встречается у А. Смита, действительно постольку, поскольку у него заработная плата определяется стоимостью необходимых жизненных средств, а эти товарные стоимости, в свою очередь, определяются стоимостью заключающейся в них заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимостью. Внимание А. Смита настолько поглощено рассмотрением тех частей стоимости, на которые при капиталистическом производстве может распадаться вновь созданная за один рабочий день стоимость, а именно на $v + m$, что он совсем забывает о том обстоятельстве, что при простом товарном обмене совершенно безразлично, состоят ли эквиваленты, существующие в различных натуральных формах, из оплаченного или неоплаченного труда: ведь в обоих случаях они стоят одинакового количества труда, затраченного на их производство; и что при этом обмене так же безразлично, является ли товар какого-нибудь лица A средством производства, а товар какого-нибудь лица B — предметом потребления, будет ли один товар после продажи функционировать как составная часть капитала, а другой, напротив, войдет в фонд потребления и, secundum Adam ***, будет потреблен как доход. Применение товара индивидуальным покупателем совершается не при товарообмене, не в сфере обращения и не касается стоимости товара. Это нисколько не меняется от того, что при анализе обращения совокупного годового продукта общества необходимо принять во внимание определенный характер применения, момент потребления различных составных частей этого продукта.

* — «меновой стоимости». *Ред.*

** — наоборот. *Ред.*

*** — согласно Адаму. *Ред.*

При рассмотренном выше обмене $(IIb)v$ на равную по стоимости часть $(IIa)m$ и при дальнейших обменах между $(IIa)m$ и $(IIb)m$ отнюдь не предполагается, что капиталисты — безразлично, будут ли то отдельные капиталисты подотделов IIa и IIb или соответствующие совокупности этих капиталистов — в одинаковой пропорции делят свою прибавочную стоимость между необходимыми предметами потребления и предметами роскоши. Один может больше расходовать на один вид потребления, другой — на другой. На основе простого воспроизводства предполагается, что сумма стоимости, равная всей прибавочной стоимости, полностью реализуется в фонде потребления. Таким образом, общие границы даны. В пределах же каждого подотдела один капиталист может больше затрачивать на продукты подотдела a , другой — на продукты подотдела b ; но здесь возможна взаимная компенсация, так что капиталисты подотделов a и b , взятые в целом, будут в одинаковой пропорции принимать участие в потреблении продуктов подотделов a и b . Но отношения стоимостей — пропорциональная доля в общей стоимости продукта подразделения II , приходящаяся на каждую из двух категорий производителей продуктов a и b , а следовательно, и определенное количественное отношение между отраслями производства, доставляющими указанные продукты — эти отношения стоимостей необходимо представляют в каждом конкретном случае величину данную; гипотетическим является лишь то отношение, которое фигурирует в качестве примера; если предположить иное отношение, то это ничего не изменит в качественных моментах; изменятся только количественные определения. Однако, если вследствие тех или иных обстоятельств совершилось бы действительное изменение в относительной величине стоимости продуктов a и b , то соответствующим образом изменились бы и условия простого воспроизводства.

Из того обстоятельства, что $(IIb)v$ реализуется в эквивалентной части $(IIa)m$, вытекает следующее: в той мере, в какой возрастает часть годового продукта, состоящая из предметов роскоши, следовательно, в той мере, в какой увеличивается количество рабочей силы, поглощаемое производством предметов роскоши, в той же самой мере обратное превращение авансированного на $(IIb)v$ переменного капитала в денежный капитал, который снова будет функционировать как денежная форма переменного капитала, а тем самым существование и воспроизводство части рабочего класса, занятой в подотделе IIb , т. е. возможность для этой части рабочих получить необходимые предметы потребления, обуславливается расточительностью класса капиталистов, превращением значительной части их прибавочной стоимости в предметы роскоши.

Каждый кризис сразу уменьшает потребление предметов рос-

коши; он замедляет, задерживает обратное превращение (IIb) в денежный капитал, делает возможным лишь частичное превращение и тем самым выбрасывает на мостовую часть рабочих, производящих предметы роскоши, и в то же время, с другой стороны, именно этим самым кризис тормозит и сокращает продажу необходимых предметов потребления. Мы уже не говорим об одновременном увольнении непроизводительных рабочих, которые за свои услуги получают от капиталистов часть затрат последних на предметы роскоши (*pro tanto* * сами эти рабочие являются предметом роскоши) и которые принимают очень большое участие в потреблении как раз необходимых жизненных средств. Противоположное явление имеет место в период процветания и особенно во время расцвета спекуляции в этот период, когда относительная, выраженная в товарах стоимость денег падает уже по другим причинам (не по причине действительной революции в стоимости), а потому цена товаров, независимо от их собственной стоимости, повышается. В этот период возрастает не только потребление необходимых жизненных средств; рабочий класс (в который теперь активно вступает вся его резервная армия) на время принимает участие и в потреблении обычно недоступных для него предметов роскоши, а также той категории необходимых предметов потребления, большая часть которых обычно составляет «необходимые» предметы потребления лишь для класса капиталистов; это, в свою очередь, вызывает повышение цен.

Было бы просто тавтологией сказать, что кризисы происходят по причине недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме потребления оплачиваемого, за исключением потребления *sub forma pauperis* ** или потребления «мошенника». То, что товары не могут быть проданы, означает лишь одно: для этих товаров не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (поскольку в конечном счете товары покупаются для производственного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, беде можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что кризисы каждый раз готовятся как раз таким периодом, когда происходит общее повышение заработной платы и рабочий класс действительно получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей здравого и «простого» (!) человеческого смысла — дол-

* — соответственно. *Ред.*

** — в форме потребления нищего. *Ред.*

жен был бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство включает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на короткое время, да и то всегда лишь в качестве буревестника очередного кризиса⁴⁷⁾.

Выше мы видели, как пропорциональное отношение между производством необходимых предметов потребления и производством предметов роскоши обуславливает соответствующее деление величины Π ($v + m$) между подотделами Πa и Πb , — а следовательно, и соответствующее деление величины Πc между $(\Pi a)c$ и $(\Pi b)c$. Таким образом это деление имеет решающее значение для характера и количественных отношений производства и является моментом, который существенным образом определяет весь его строй.

Простое воспроизводство по существу имеет своей целью потребление, хотя получение прибавочной стоимости и здесь является побудительным мотивом индивидуальных капиталистов; но прибавочная стоимость, какова бы ни была ее относительная величина, в конечном счете должна служить здесь только для индивидуального потребления капиталиста.

Поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную часть, также и всякого годового воспроизводства в расширенном масштабе, то этот мотив, т. е. личное потребление, сохраняя свое значение, выступая в сопровождении мотива обогащения и в противоположность ему как таковому. В действительности дело обстоит сложнее, потому что участники («partners») дележа добычи, т. е. прибавочной стоимости капиталиста, выступают как потребители, независимые от капиталиста.

V. ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ ОБМЕНА ДЕНЕЖНЫМ ОБРАЩЕНИЕМ

Согласно предыдущему исследованию, обращение между различными подразделениями производителей происходило по следующей схеме:

1) Между подразделением I и подразделением II:

$$\text{I. } 4\,000c + \frac{1\,000v + 1\,000m}{2}$$

$$\text{II. } \dots\dots\dots 2\,000c \dots\dots + 500v + 500m.$$

Обращение $\Pi c = 2\,000$ закончено, оно уже обменено на I ($1\,000v + 1\,000m$).

Так как $4\,000 Ic$ мы оставляем пока в стороне, то остается еще обращение $v + m$ в пределах подразделения II. Эти Π ($v + m$) делятся между подотделами Πa и Πb следующим образом:

$$2) \text{ II. } 500v + 500m = a (400v + 400m) + b (100v + 100m).$$

⁴⁷⁾ Ad notam [к сведению] возможных приверженцев теории кризисов Родбертуса. — Ф. Э.

400*v* (*a*) совершают обращение в пределах своего собственного подотдела; рабочие, оплаченные этими 400*v* (*a*), покупают на них произведенные ими самими необходимые жизненные средства у своих нанимателей, у капиталистов подотдела II*a*.

Так как капиталисты обоих подотделов расходуют свою прибавочную стоимость в размере $\frac{3}{5}$ на продукты подотдела II*a* (на необходимые жизненные средства) и в размере $\frac{2}{5}$ на продукты подотдела II*b* (на предметы роскоши), то $\frac{3}{5}$ прибавочной стоимости капиталистов подотдела *a*, т. е. 240, потребляются в пределах самого подотдела II*a*; точно так же $\frac{2}{5}$ прибавочной стоимости капиталистов подотдела *b* (которая произведена и существует в виде предметов роскоши) — в пределах подотдела II*b*.

Следовательно, между подотделами II*a* и II*b* остается еще обменять:

на стороне подотдела II*a*: 160*m*,

на стороне подотдела II*b*: 100*v* + 60*m*. Эти суммы обмениваются без остатка. Рабочие подотдела II*b* на свои 100 деньгами, полученными в форме заработной платы, покупают у капиталистов подотдела II*a* необходимые жизненные средства в сумме на 100. В свою очередь, капиталисты подотдела II*b* на сумму в $\frac{3}{5}$ своей прибавочной стоимости, т. е. на сумму, равную 60*m*, покупают необходимые жизненные средства у капиталистов подотдела II*a*. Благодаря этим двум обменам капиталисты подотдела II*a* получают деньги, необходимые для того, чтобы, как предположено выше, $\frac{2}{5}$ своей прибавочной стоимости, т. е. сумму = 160*m*, затратить на предметы роскоши, произведенные в подотделе II*b* (на 100*v*, которые находятся в руках у капиталистов подотдела II*b* как продукт, возмещающий выплаченную ими заработную плату, и на 60*m*). Итак, получается следующая схема:

$$\begin{array}{l} 3) \text{ II*a*. } [400v] + [240m] + \underline{160m} \\ \quad b. \dots\dots\dots 100v + 60m + [40m], \end{array}$$

причем в скобки заключены те величины, которые совершают обращение и потребляются лишь в пределах своего собственного подотдела.

Тот факт, что денежный капитал, авансированный в качестве переменного капитала, непосредственно возвращается только к капиталистам подотдела II*a*, производящим необходимые жизненные средства, — этот факт представляет собой лишь модифицированное особыми условиями проявление того вышеупомянутого общего закона, согласно которому к товаропроизводителям, авансирующим деньги на обращение, эти деньги при нормальном ходе товарного обращения возвращаются назад. Кстати, отсюда следует, что если за спиной товаропроизводителя вообще стоит денежный капиталист, который, в свою очередь, авансирует промышленному

капиталисту денежный капитал (в самом точном значении этого понятия, т. е. капитальную стоимость в денежной форме), то действительным пунктом возврата этих денег является карман этого денежного капиталиста. Таким образом, хотя деньги в своем обращении и проходят в большей или меньшей мере через всякие руки, масса обращающихся денег принадлежит денежным капиталистам, т. е. подразделению денежного капитала, организованному и сконцентрированному в форме банков и т. д.; тот способ, каким это подразделение авансирует свой капитал, в конечном счете обуславливает постоянный обратный приток к нему этого капитала в денежной форме, хотя посредствующим звеном при этом является опять-таки обратное превращение промышленного капитала в денежный капитал.

Для товарного обращения всегда необходимы вещи двоякого рода: товары, которые бросают в обращение, и деньги, которые тоже бросают в обращение. «Процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают оттого, что они в конце выпадают из ряда метаморфозов данного товара. Они снова и снова осаждаются в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром», и т. д. («Капитал», книга I, глава III, стр. 92⁷⁶).

Например, рассматривая обращение между IIc и $I(v + m)$, мы предположили, что подразделение II авансировало для этого обращения 500 ф. ст. деньгами. При бесконечном количестве тех процессов обращения, на которые распадается обращение между крупными общественными группами производителей, представитель то одной, то другой группы выступает в роли покупателя первым, следовательно, первым и бросает деньги в обращение. Совершенно оставляя в стороне индивидуальные обстоятельства, это обуславливается уже различием продолжительности периодов производства и, следовательно, продолжительности оборотов различных товарных капиталов. Итак, подразделение II на 500 ф. ст. покупает у подразделения I средства производства на такую же сумму стоимости, а подразделение I покупает у подразделения II предметы потребления на 500 ф. ст.; следовательно, деньги притекают обратно в подразделение II; последнее несколько не стало богаче вследствие этого обратного притока. Сначала оно бросило в обращение 500 ф. ст. деньгами и извлекло из него товары на ту же сумму стоимости, потом оно продает товары на 500 ф. ст. и извлекает из обращения такую же сумму стоимости в деньгах; таким образом 500 ф. ст. притекают обратно. Следовательно, фактически подразделение II бросило в обращение на 500 ф. ст. денег и на 500 ф. ст. товаров, т. е. в сумме 1 000 ф. ст.; оно извлекает из обращения на 500 ф. ст. товаров и 500 ф. ст. деньгами. Для обмена 500 ф. ст. товарами (подразделения I) и 500 ф. ст. товарами (подразделения II)

обращение требует лишь 500 ф. ст. деньгами, следовательно, кто при покупке чужого товара авансировал деньги, тот получает их обратно при продаже собственного товара. Поэтому, если бы подразделение I первым купило в подразделении II товара на 500 ф. ст., а потом продало бы подразделению II товара на 500 ф. ст., то 500 ф. ст. возвратились бы не в подразделение II, а в подразделение I.

В подразделении I деньги, затраченные капиталистами на заработную плату, т. е. переменный капитал, авансированный в денежной форме, возвращаются к ним в этой форме не непосредственно, а косвенно, окольным путем. Напротив, в подразделении II 500 ф. ст. заработной платы возвращаются непосредственно от рабочих к капиталистам этого подразделения, как и вообще это возвращение является прямым во всех случаях, когда купля и продажа между одними и теми же лицами постоянно повторяются таким образом, что эти лица попеременно противостоят друг другу то как покупатели, то как продавцы товаров. Капиталист подразделения II оплачивает рабочую силу деньгами; таким образом он включает рабочую силу в свой капитал и только вследствие этого акта обращения, который для него представляет собой лишь превращение денежного капитала в производительный капитал, он как промышленный капиталист противостоит рабочему как своему наемному рабочему. Но рабочий, который на первой стадии был продавцом, торговцем собственной рабочей силой, на второй стадии как покупатель, как владелец денег, противостоит капиталисту как продавцу товаров; таким образом деньги, затраченные капиталистом на заработную плату, притекают к нему обратно. Поскольку продажа этих товаров не связана с надувательством и т. д., поскольку при этом в виде товаров и денег обмениваются эквиваленты, постольку такая продажа не представляет собой процесса, посредством которого обогащается капиталист. Он не оплачивает рабочего дважды: сначала деньгами, а потом товарами; деньги капиталиста возвращаются к нему, когда рабочий обменивает деньги на товар этого капиталиста.

Но денежный капитал, превращенный в переменный капитал, т. е. деньги, авансированные на заработную плату, играет главную роль в самом денежном обращении; так как рабочему классу приходится жить, перебиваясь со дня на день, а потому он не может кредитовать промышленных капиталистов на какой-либо продолжительный срок, то — как бы различна ни была продолжительность периодов оборота капиталов в различных отраслях промышленности — в бесчисленных территориально различных пунктах данного общества переменный капитал должен одновременно авансироваться в денежной форме на известные короткие сроки, например, еженедельно и т. д., на сравнительно быстро повторяющиеся промежутки времени (чем короче эти промежутки, тем отно-

сительно меньше может быть общая сумма денег, разом выбрасываемая в обращение через этот канал). Во всех странах капиталистического производства авансируемый таким образом денежный капитал, взятый по отношению ко всему обращению денег, составляет преобладающую часть этого обращения, тем более, что эти же самые деньги, прежде чем возвратиться к исходному пункту, проникают в самые разнообразные каналы и функционируют как средство обращения в бесчисленном множестве других сделок.

Рассмотрим теперь обращение между $I(v + m)$ и IIc с иной точки зрения.

Капиталисты подразделения I авансируют на выдачу заработной платы 1 000 ф. ст., и рабочие на эти 1 000 ф. ст. покупают жизненные средства у капиталистов подразделения II, а эти капиталисты, в свою очередь, покупают на те же самые деньги средства производства у капиталистов подразделения I. Теперь к последним возвратился в денежной форме их переменный капитал, между тем как капиталисты подразделения II превратили половину своего постоянного капитала из формы товарного капитала обратно в производительный капитал. Капиталисты подразделения II авансируют еще 500 ф. ст. деньгами, чтобы приобрести средства производства у капиталистов подразделения I; капиталисты подразделения I расходуют эти деньги на предметы потребления подразделения II; таким образом эти 500 ф. ст. возвращаются к капиталистам подразделения II; они снова авансируют эти деньги, чтобы превратить в производительную натуральную форму остальную четверть своего постоянного капитала, превращенного в товар. Эти деньги опять возвращаются к капиталистам подразделения I, а последние снова приобретают у капиталистов подразделения II предметы потребления на такую же сумму; тем самым 500 ф. ст. притекают назад в подразделение II; теперь капиталисты этого подразделения по-прежнему располагают 500 ф. ст. в деньгах и 2 000 ф. ст. в постоянном капитале, который, однако, вновь превращен из формы товарного капитала в производительный капитал. Обращение товарной массы в 5 000 ф. ст. совершилось при помощи 1 500 ф. ст. денег, а именно: 1) капиталисты подразделения I уплачивают рабочим 1 000 ф. ст. за рабочую силу соответствующей стоимости; 2) эти рабочие на те же самые 1 000 ф. ст. покупают у капиталистов подразделения II жизненные средства; 3) капиталисты подразделения II на те же самые деньги покупают средства производства у капиталистов подразделения I, у которых, таким образом, снова восстанавливается в денежной форме переменный капитал в 1 000 ф. ст.; 4) капиталисты подразделения II покупают на 500 ф. ст. средства производства у капиталистов подразделения I; 5) капиталисты подразделения I покупают на эти же 500 ф. ст.

предметы потребления у капиталистов подразделения II; 6) капиталисты подразделения II покупают на те же 500 ф. ст. средства производства у капиталистов подразделения I; 7) капиталисты подразделения I покупают на те же самые 500 ф. ст. жизненные средства у капиталистов подразделения II. К капиталистам подразделения II возвратились назад 500 ф. ст., которые они бросили в обращение сверх своих 2 000 ф. ст. в форме товаров и за которые они не извлекли из обращения никакого эквивалента в товарной форме⁴⁸⁾.

Итак, обмен совершается следующим образом:

1) Капиталисты подразделения I платят 1 000 ф. ст. деньгами за рабочую силу, т. е. платят за товар = 1 000 ф. ст.

2) Рабочие на свою заработную плату суммой в 1 000 ф. ст. деньгами покупают предметы потребления у капиталистов подразделения II, т. е. покупают товар = 1 000 ф. ст.

3) Капиталисты подразделения II на полученные от рабочих 1 000 ф. ст. покупают у капиталистов подразделения I средства производства такой же стоимости, т. е. покупают товар = 1 000 ф. ст.

Тем самым к капиталистам подразделения I возвратились 1 000 ф. ст. в деньгах как денежная форма переменного капитала.

4) Капиталисты подразделения II покупают у капиталистов подразделения I на 500 ф. ст. средства производства, т. е. покупают товар = 500 ф. ст.

5) Капиталисты подразделения I покупают на эти самые 500 ф. ст. предметы потребления у капиталистов подразделения II, т. е. покупают товар = 500 ф. ст.

6) Капиталисты подразделения II покупают на эти самые 500 ф. ст. средства производства у капиталистов подразделения I, т. е. покупают товар = 500 ф. ст.

7) Капиталисты подразделения I покупают на те же 500 ф. ст. предметы потребления у капиталистов подразделения II, т. е. покупают товар = 500 ф. ст.

Сумма обмененных товарных стоимостей = 5 000 ф. ст.

500 ф. ст., которые капиталисты подразделения II авансировали на покупку средств производства, возвратились к ним назад.

Результат таков:

1) Капиталисты подразделения I располагают переменным капиталом в денежной форме величиной в 1 000 ф. ст., первоначально авансированных ими для обращения; кроме того, они израсходовали на свое индивидуальное потребление 1 000 ф. ст. в виде части стоимости своего собственного товарного продукта, т. е. они

⁴⁸⁾ Здесь изложение несколько отклоняется от того, которое дано выше (с. 374) [см. настоящий том, с. 450—451]. Там капиталисты подразделения I со своей стороны тоже бросали в обращение независимую сумму в 500. Здесь же только капиталисты подразделения II доставляют добавочный денежный материал для обращения. Однако это ничего не изменяет в конечном выводе. — Ф. Э.

израсходовали деньги, которые получили от продажи средств производства стоимостью в 1 000 ф. ст.

С другой стороны, рабочая сила, т. е. та натуральная форма, в которую снова должен превратиться переменный капитал, существующий теперь в денежной форме, благодаря потреблению сохранилась, воспроизведена и опять имеется в наличии как единственный товар ее владельцев, который они должны продавать, если хотят жить. Таким образом, воспроизведено и отношение между наемными рабочими и капиталистами.

2) Постоянный капитал подразделения II возмещен *in natura*, и 500 ф. ст., авансированные капиталистами того же подразделения II для обращения, возвратились к ним назад.

Для рабочих подразделения I указанное обращение есть простое обращение $T - D - T$:

$\frac{1}{T}$ (рабочая сила) — $\frac{2}{D}$ (1 000 ф. ст., денежная форма переменного капитала подразделения I) — $\frac{3}{T}$ (необходимые жизненные средства в сумме на 1 000 ф. ст.); эти 1 000 ф. ст. на такую же сумму стоимости превращают в деньги постоянный капитал подразделения II, существующий в форме товара, в форме жизненных средств.

Для капиталистов подразделения II этот процесс представляет собой $T - D$, превращение части их товарного продукта в денежную форму, из которой он превращается обратно в составные части производительного капитала, а именно в часть необходимых для этих капиталистов средств производства.

Когда капиталисты подразделения II авансируют D (500 ф. ст.) на покупку остальной части необходимых им средств производства, то этим они предвосхищают превращение в денежную форму той части P_c , которая существует еще в товарной форме (в форме предметов потребления); в акте $D - T$, при совершении которого капиталисты подразделения II покупают на D , а капиталисты подразделения I продают T , деньги (капиталистов подразделения II) превращаются в часть производительного капитала, между тем как T (капиталистов подразделения I) проделывает акт $T - D$, превращается в деньги; но эти деньги представляют для капиталистов подразделения I не составную часть капитальной стоимости, а превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая расходуется ими исключительно на предметы потребления.

В обращении $D - T \dots P \dots T' - D'$ первый акт, $D - T$, представляет собой акт одного капиталиста, последний, $T' - D'$, это акт (или часть акта) другого капиталиста. Представляет ли это T , посредством которого D превращается в производительный капитал, для его продавца (который таким образом превращает это T в деньги) постоянную составную часть капитала, переменную со-

ставную часть капитала или прибавочную стоимость, — это не имеет никакого значения для самого товарного обращения.

Что касается подразделения I, то по отношению к составной части $v + m$ его товарного продукта, это подразделение извлекло из обращения больше денег, чем бросило в него. Во-первых, к капиталистам этого подразделения I возвращаются 1 000 ф. ст. их переменного капитала; во-вторых, они продают (см. выше, обмен под № 4) средства производства на 500 ф. ст.; таким образом превращается в деньги половина их прибавочной стоимости; потом (обмен под № 6) они продают средства производства еще на 500 ф. ст., т. е. вторую половину своей прибавочной стоимости, и, тем самым, вся их прибавочная стоимость оказывается извлеченной из обращения в денежной форме. Итак, в последовательном порядке: 1) переменный капитал превращается обратно в деньги = 1 000 ф. ст.; 2) половина прибавочной стоимости превращается в деньги = 500 ф. ст.; 3) превращается в деньги и другая половина прибавочной стоимости = 500 ф. ст.; таким образом в деньги превращена сумма $1\,000v + 1\,000m = 2\,000$ ф. ст. Хотя капиталисты подразделения I (оставляя в стороне обмены, которые будут рассмотрены впоследствии и которыми опосредствуется воспроизводство Ic) первоначально бросили в обращение только 1 000 ф. ст. переменного капитала, они извлекли из обращения вдвое больше. Конечно, превращенное в деньги m капиталистов подразделения I (m , превратившееся в D) тотчас же переходит в другие руки (в руки капиталистов подразделения II) вследствие того, что эти деньги расходуются на предметы потребления. При превращении m в деньги капиталисты подразделения I извлекли в форме *денег* лишь столько, сколько по стоимости они бросили в обращение в форме *товаров*; тот факт, что эта стоимость есть прибавочная стоимость, т. е. что она ничего не стоит капиталистам, абсолютно ничего не изменяет в самой стоимости этих товаров; следовательно, этот факт не имеет никакого значения, поскольку речь идет о превращении стоимости в товарном обращении. Пребывание прибавочной стоимости в денежной форме, разумеется, мимолетно, как мимолетны и все другие формы, которые авансированный капитал принимает и сбрасывает в процессе своих превращений. Оно длится лишь в течение того промежутка времени, который проходит от превращения товара подразделения I в деньги до следующего за ним превращения денег подразделения I в товар подразделения II.

Если бы мы предположили более короткие обороты или, рассматривая вопрос с точки зрения простого товарного обращения, более быстрое обращение денег, то для обращения обмениваемых товарных стоимостей была бы достаточна еще меньшая сумма денег; эта сумма денег, при данном количестве последовательных обменов, постоянно определяется суммой цен, соответственно — суммой стоимостей обрабатываемых товаров. При этом совершенно

безразлично, в какой пропорции эта сумма товарных стоимостей составляется из прибавочной стоимости, с одной стороны, и из капитальной стоимости — с другой стороны.

Если бы в нашем примере заработная плата рабочим подразделения I выдавалась четыре раза в год, то $250 \times 4 = 1\,000$. Следовательно, 250 ф. ст. деньгами было бы достаточно для обращения стоимости lv минус $\frac{1}{2} Ic$, а также для обращения между переменным капиталом lv и рабочей силой подразделения I. Точно так же, если бы обращение между Im и Ic совершалось за четыре оборота, то для этого было бы необходимо всего лишь 250 ф. ст.; значит, в общей сложности была бы необходима денежная сумма, соответственно — денежный капитал в 500 ф. ст. для обращения товаров на сумму в 5 000 ф. ст. Тогда прибавочная стоимость превращалась бы в деньги не за два раза последовательными половинами, а за четыре раза последовательными четвертями.

Если в обмене под № 4 покупателем выступают не капиталисты подразделения II, а капиталисты подразделения I и, следовательно, последние затрачивают 500 ф. ст. деньгами на предметы потребления такой же стоимости, то капиталисты подразделения II в обмене под № 5 покупают на те же самые 500 ф. ст. средства производства; в обмене под № 6 капиталисты подразделения I на те же 500 ф. ст. покупают предметы потребления; в обмене под № 7 капиталисты подразделения II на эти 500 ф. ст. покупают средства производства; следовательно, в конечном счете 500 ф. ст. возвращаются к капиталистам подразделения I, как раньше они возвращались к капиталистам подразделения II. Прибавочная стоимость превращается здесь в деньги при помощи денег, которые сам капиталистический производитель расходует на свое индивидуальное потребление и которые представляют собой предвосхищенный доход, предвосхищенную выручку из прибавочной стоимости, заключающейся в товаре, еще подлежащем продаже. Превращение прибавочной стоимости в деньги совершается не посредством обратного притока 500 ф. ст.: ведь капиталисты подразделения I, кроме 1 000 ф. ст. в виде товара lv , в конце обмена под № 4 бросили в обращение 500 ф. ст. деньгами, причем, как нам уже известно, эти деньги представляют собой добавочные деньги, а не выручку от проданного товара. Когда эти деньги притекают назад к капиталистам подразделения I, то последние тем самым лишь возвращают себе свои добавочные деньги, а не превращают в деньги свою прибавочную стоимость. Превращение в деньги прибавочной стоимости капиталистов подразделения I совершается лишь посредством продажи товаров Im , в которых заключается эта прибавочная стоимость, и ее пребывание в виде денег продолжается каждый раз лишь до тех пор, пока деньги, вырученные от продажи товара, не будут снова израсходованы на предметы потребления.

Капиталисты подразделения I на добавочные деньги (500 ф. ст.)

покупают у капиталистов подразделения II предметы потребления: эти деньги капиталисты подразделения I израсходовали и получили за них эквивалент в форме товара подразделения II; в первый раз деньги притекают назад вследствие того, что капиталисты подразделения II покупают у капиталистов подразделения I товар на 500 ф. ст.; следовательно, они возвращаются как эквивалент товара, который продали капиталисты подразделения I, но товар этот ничего не стоит капиталистам подразделения I, т. е. он составляет прибавочную стоимость капиталистов подразделения I, и, таким образом, *деньги, брошенные ими самими в обращение, превращают в деньги их собственную прибавочную стоимость*; точно так же при второй купле (обмен № 6) капиталисты подразделения I получают эквивалент в товаре капиталистов подразделения II. Если предположить, что капиталисты подразделения II не покупают у капиталистов подразделения I средства производства (обмен № 7), то капиталисты подразделения I действительно заплатили бы за предметы потребления на 1 000 ф. ст., т. е. потребили бы всю прибавочную стоимость как доход, а именно, они заплатили бы 500 своими товарами I (средствами производства) и 500 — деньгами; напротив, у них на складах осталось бы еще на 500 ф. ст. товаров I (средств производства), и ими было бы безвозвратно затрачено 500 ф. ст. деньгами.

В противоположность этому капиталисты подразделения II превратили бы лишь три четверти своего постоянного капитала из формы товарного капитала в производительный капитал; остальная четверть превратилась бы в форму денежного капитала (500 ф. ст.), фактически — в праздно лежащие деньги, или в деньги, прервавшие свое функционирование и находящиеся в выжидательном состоянии. Если бы такое состояние затянулось, то капиталисты подразделения II были бы вынуждены сократить на одну четверть масштаб воспроизводства. — Однако, что касается тех 500 в виде средств производства, которые остались на шее у капиталистов подразделения I, то они представляют собой не прибавочную стоимость, пребывающую в товарной форме; они остались вместо авансированных 500 ф. ст. деньгами, которые были у капиталистов подразделения I наряду с их 1 000 ф. ст. прибавочной стоимости в товарной форме. Как деньги они находятся в такой форме, в которой они всегда могут быть реализованы; пребывая в форме товара, они не могут быть проданы тотчас же. Отсюда ясно, что простое воспроизводство, — при котором должен быть возмещен каждый элемент производительного капитала как в подразделении II, так и в подразделении I, — остается возможным здесь лишь при том условии, если 500 золотых птиц возвратятся в подразделение I, которое вначале выпустило их.

Если капиталист (здесь мы все еще имеем в виду только промышленных капиталистов, являющихся в то же время представи-

телями всех других потребителей прибавочной стоимости) израсходует деньги на предметы потребления, то это значит, что для него с этими деньгами все покончено, что они пошли стезею всего земного. Если они возвратятся к нему обратно, то это может произойти лишь в том случае, если он выудит их из обращения при помощи товаров, т. е. посредством своего товарного капитала. Подобно стоимости всего его годового товарного продукта (который для него = его товарному капиталу), стоимость каждого элемента последнего, т. е. стоимость каждого отдельного товара, для капиталиста может быть разложена на постоянную капитальную стоимость, переменную капитальную стоимость и прибавочную стоимость. Следовательно, превращение в деньги каждой единицы товара (которые в качестве элементов образуют весь совокупный товарный продукт) является в то же время превращением в деньги известной доли прибавочной стоимости, заключающейся во всем товарном продукте. Таким образом, для данного случая в буквальном смысле правильно, что капиталист сам бросил в обращение те деньги, — бросил именно при расходовании их на предметы потребления, — посредством которых превращается в деньги или реализуется его прибавочная стоимость. Разумеется, при этом речь идет не об одних и тех же единицах денег, а об известной сумме в форме звонкой монеты, равной той сумме (или равной части той суммы), которую он бросил в обращение в целях удовлетворения своих личных потребностей.

На практике это совершается двояким способом: если предприятие открыто лишь в текущем году, то пройдет порядочный срок, в лучшем случае несколько месяцев, прежде чем у капиталиста явится возможность затрачивать на свое личное потребление деньги из доходов самого предприятия. Но из-за этого он ни на минуту не приостанавливает своего потребления. Он сам себе авансирует деньги под прибавочную стоимость, которую еще только предстоит получить (причем совершенно безразлично, авансирует ли он эти деньги из своего собственного кармана или из чужого при посредстве кредита), но тем самым он авансирует и средства на реализацию прибавочной стоимости, которая должна быть реализована лишь позднее. Напротив, если предприятие нормально работает уже сравнительно долгое время, то платежи и поступления распределяются на различные сроки в течение года. Но что при этом происходит непрерывно, так это потребление капиталиста, которое предвосхищает доход и размер которого исчисляется в известной пропорции к обычному или предположительному доходу. При продаже каждой партии товара реализуется и часть прибавочной стоимости, которая будет произведена в течение года. Но если бы за целый год было продано лишь столько произведенного товара, сколько необходимо для возмещения содержащихся в нем постоянной и переменной капитальных стоимостей, или если бы цены упали

ли до такой степени, что при продаже всего годового товарного продукта удалось бы реализовать лишь заключающуюся в нем авансированную капитальную стоимость, то в указанном расходовании денег ясно обнаружилось бы предвосхищение дохода, расчет на будущую прибавочную стоимость. Если наш капиталист обанкротится, то его кредиторы и суд станут расследовать, находились ли его личные расходы, сделанные в расчете на будущий доход, в надлежащем отношении к размерам его предприятия и к доходу, т. е. к прибавочной стоимости, обычно или нормально соответствующему размерам его предприятия.

Однако по отношению ко всему классу капиталистов то положение, что он сам должен бросить в обращение деньги для реализации своей прибавочной стоимости (соответственно также и для обращения своего капитала, постоянного и переменного), не только не представляется парадоксальным, но является необходимым условием всего механизма; ведь здесь имеются только два класса: рабочий класс, у которого только и есть, что его рабочая сила, и класс капиталистов, в монопольном владении которого находятся общественные средства производства и деньги. Парадоксом было бы, если бы рабочий класс первым авансировал из собственных средств деньги, необходимые для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости. Отдельный же капиталист всегда совершает это авансирование лишь в такой форме, что он действует как покупатель, *расходует* деньги на покупку предметов потребления или *авансирует* деньги на покупку элементов своего производительного капитала, причем безразлично, будет ли то рабочая сила или средства производства. Он всегда отдает деньги только за эквивалент. Он авансирует деньги, бросая их в обращение лишь таким же способом, как он авансирует и свой товар, также бросая его в обращение. И в том и в другом случае он действует как исходный пункт обращения.

Действительный же ход дела затемняется обстоятельствами двоякого рода:

1) Появлением в процессе обращения промышленного капитала *торгового капитала* (первой формой которого всегда являются деньги, потому что купец как таковой не производит никакого «продукта» или «товара») и *денежного капитала* как предмета манипуляций особой категории капиталистов.

2) Распадением прибавочной стоимости — которая в первую очередь всегда необходимо попадает в руки промышленного капиталиста — на различные категории, представителями которых наряду с промышленным капиталистом являются землевладелец (для земельной ренты), ростовщик (для процента) и т. д., а также еще и правительство со своими чиновниками, рантье и т. д. Все эти молодчики являются по отношению к промышленному капиталисту покупателями, и постольку они превращают его товары в

деньги; они *pro parte* * тоже бросают деньги в обращение, а капиталист получает эти деньги от них. При этом постоянно забывают, из какого источника эти молодчики первоначально получили деньги и откуда они постоянно все снова и снова их получают.

VI. ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ I ^{48a)}

Нам остается еще исследовать постоянный капитал подразделения I = 4 000 *l.c.* Эта стоимость равна снова появляющейся в товарном продукте I стоимости средств производства, потребленных при производстве этой товарной массы. Эта снова появляющаяся стоимость, которая не была произведена в данном процессе производства подразделения I, а годом раньше вступила в него как постоянная стоимость, как определенная стоимость средств производства этого подразделения, существует теперь в виде всей той части товарной массы подразделения I, которая не поглощена капиталистами подразделения II; стоимость этой товарной массы, оставшейся таким образом в руках капиталистов подразделения I, равна $\frac{2}{3}$ стоимости всего их годового товарного продукта. Об отдельном капиталисте, который производит какой-либо особый вид средств производства, мы могли бы сказать: он продает свой товарный продукт, превращает его в деньги. Превращая его в деньги, он превращает обратно в деньги и постоянную часть стоимости своего продукта. На эту часть стоимости, превращенную в деньги, он потом вновь покупает себе средства производства у других продавцов товаров, или превращает постоянную часть стоимости своего продукта в ту натуральную форму, в которой она может снова функционировать как производительный постоянный капитал. Напротив, в нашем случае такое предположение невозможно. Категория капиталистов подразделения I охватывает всю совокупность капиталистов, производящих средства производства. Кроме того, товарный продукт в 4 000, оставшийся в их руках после рассмотренных нами обменов, представляет собой ту часть общественного продукта, которую нельзя обменять ни на какую другую, потому что для такого обмена уже не существует никакой другой части годового продукта. За исключением этих 4 000, весь остаток годового продукта уже нашел себе место: часть его поглощена общественным фондом потребления, а другая часть должна возместить постоянный капитал подразделения II, которое уже обменяло все, чем могло оно располагать для обмена с подразделением I.

Затруднение разрешается очень просто, если мы примем во внимание тот факт, что весь товарный продукт подразделения I по своей натуральной форме состоит из средств производства, т. е. из

* — в соответствующем размере. *Ред.*

^{48a)} Ниже следует текст из рукописи II.

вещественных элементов самого постоянного капитала. Здесь обнаруживается то же самое явление, которое мы уже видели в подразделении II, только в ином виде. В подразделении II весь товарный продукт состоял из предметов потребления, поэтому часть его, измеряемая заключающейся в этом товарном продукте заработной платой плюс прибавочная стоимость, могла быть потреблена самими производителями этой части продукта. Здесь, в подразделении I, весь товарный продукт состоит из средств производства: построек, машин, вместилищ, сырых и вспомогательных материалов и т. д. Поэтому часть их, возмещающая постоянный капитал, применяемый в данной сфере производства, может в своей натуральной форме немедленно начать функционировать в качестве составной части производительного капитала. Поскольку она вступает в обращение, она обращается в пределах подразделения I. В подразделении II часть товарного продукта *in natura* потребляется его собственными производителями индивидуально, напротив, в подразделении I часть продукта *in natura* потребляется капиталистическими производителями этого продукта производительно.

В рассматриваемой нами части товарного продукта подразделения I = 4 000с постоянная капитальная стоимость, потребленная в этом подразделении, появляется вновь, и притом появляется в такой натуральной форме, в которой она немедленно может начать функционирование в качестве производительного постоянного капитала. В подразделении II та часть всего товарного продукта в 3 000, стоимость которой равна заработной плате плюс прибавочная стоимость (в сумме = 1 000), непосредственно входит в индивидуальное потребление капиталистов и рабочих подразделения II; между тем постоянная капитальная стоимость этого товарного продукта (= 2 000), напротив, не может вновь войти в производительное потребление капиталистов подразделения II, а должна быть возмещена посредством обмена с подразделением I.

В противоположность этому в подразделении I та часть всего товарного продукта стоимостью в 6 000, стоимость которой равна заработной плате плюс прибавочная стоимость (в сумме = 2 000), не входит, да и не может по своей натуральной форме войти в индивидуальное потребление производителей этого продукта. Сначала должен совершиться обмен этой части на продукт подразделения II. Напротив, постоянная часть стоимости продукта подразделения I, равная 4 000, находится в такой натуральной форме, в которой она, если рассматривать капиталистов подразделения I в их совокупности, непосредственно может вновь функционировать как постоянный капитал подразделения I. Другими словами: весь продукт подразделения I состоит из таких потребительных стоимостей, которые по своей натуральной форме могут служить — при капиталистическом способе производства — только в качестве элементов постоянного капитала. Следовательно, из этого продукта

общей стоимостью в 6 000 одна треть (2 000) возмещает постоянный капитал подразделения II и остальные $\frac{2}{3}$ — постоянный капитал подразделения I.

Постоянный капитал подразделения I состоит из совокупной массы различных групп капитала, вложенных в различные отрасли производства средств производства: столько-то в доменные печи, столько-то в каменноугольные шахты и т. д. Каждая из этих групп капитала или каждый из этих общественных групповых капиталов, в свою очередь, слагается из большего или меньшего количества самостоятельно функционирующих отдельных капиталов. Во-первых, весь капитал общества, по стоимости равный, например, 7 500 (что может означать миллионы и т. д.), распадается на различные группы капитала; общественный капитал стоимостью в 7 500 распался на особые части, каждая из которых вложена в особую отрасль производства; вложенная в каждую особую отрасль производства часть общественной капитальной стоимости по своей натуральной форме состоит отчасти из средств производства каждой особой производственной сферы, отчасти из рабочей силы, необходимой для эксплуатации средств производства в этой сфере и соответствующим образом квалифицированной, по-разному модифицирующейся вследствие разделения труда, в зависимости от специфического характера работы, которую она должна выполнять в каждой отдельной сфере производства. Часть общественного капитала, вложенная в каждую особую отрасль производства, в свою очередь, состоит из суммы вложенных в нее, самостоятельно функционирующих отдельных капиталов. Само собой разумеется, это одинаково относится к обоим подразделениям — как к I, так и к II.

Что касается постоянной капитальной стоимости подразделения I, снова появляющейся в форме его товарного продукта, то она отчасти вновь входит в качестве средств производства в ту особую сферу производства (или даже в то индивидуальное предприятие), из которой вышла как продукт, например, зерно вновь входит в производство зерна, уголь — в процесс добычи угля, железо в виде машин — в производство железа и т. д.

Поскольку же отдельные продукты, из которых состоит постоянная капитальная стоимость подразделения I, непосредственно не входят снова в свою особую или в свою индивидуальную сферу производства, постольку они лишь меняют свое место. Они входят в натуральной форме в другую сферу производства подразделения I, между тем как продукт других производственных сфер подразделения I возмещает их *in natura*. Это — лишь перемещение данных продуктов с одного места на другое. Все они вновь входят в процесс производства в качестве факторов, возмещающих постоянный капитал подразделения I, но вместо одной группы предприятий подразделения I они входят в другую его группу, и только. Поскольку здесь имеет место обмен между отдельными капита-

листами подразделения I, постольку он представляет собой обмен одной натуральной формы постоянного капитала на другую натуральную форму постоянного капитала, одного вида средств производства на другой вид средств производства. Это — взаимный обмен различных индивидуальных постоянных частей капитала подразделения I. Продукты, поскольку они не служат непосредственно как средства производства в своей собственной отрасли производства, перемещаются с того места, где они были произведены, в другое место производства и, таким образом, взаимно возмещают друг друга. Другими словами (подобно тому, как это происходит в подразделении II с распределением прибавочной стоимости): каждый капиталист подразделения I соответственно той мере, в какой он является совладельцем этого постоянного капитала в 4 000, извлекает из этой товарной массы необходимые ему средства производства. Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что эти продукты подразделения I в целях воспроизводства не менее постоянно распределялись бы вновь как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно оставалась бы в той отрасли производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие отрасли, и таким образом между различными отраслями производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях.

VII. ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ В ОБОИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ

Итак, вся стоимость произведенных за год предметов потребления равна воспроизведенной в течение года переменной капитальной стоимости подразделения II плюс вновь произведенная прибавочная стоимость подразделения II (т. е. равна стоимости, произведенной в течение года в подразделении II) плюс переменная капитальная стоимость подразделения I, воспроизведенная в течение года, и вновь произведенная прибавочная стоимость подразделения I (следовательно, плюс стоимость, произведенная в течение года в подразделении I).

Если предположить простое воспроизводство, то вся стоимость произведенных за год предметов потребления будет равна годовой вновь созданной стоимости, т. е. равна всей стоимости, произведенной общественным трудом в течение данного года, — и должна быть равна ей, так как при простом воспроизводстве потребляется вся эта стоимость.

Весь общественный рабочий день распадается на две части: 1) на необходимый труд; в течение года этот труд создает стоимость в 1 500*v*; 2) на прибавочный труд; он создает добавочную стоимость, или прибавочную стоимость в 1 500*m*. Сумма этих стоимо-

стей = 3 000, равна стоимости (3 000) произведенных за год предметов потребления. Итак, вся стоимость произведенных за год предметов потребления равна всей стоимости, которую произвел совокупный общественный рабочий день в течение года, равна стоимости общественного переменного капитала плюс общественная прибавочная стоимость, т. е. равна всему годовому новому продукту.

Но мы знаем, что хотя эти две величины стоимости при обмене взаимно покрываются, тем не менее отнюдь не вся стоимость товаров подразделения II, т. е. предметов потребления, произведена в этом подразделении общественного производства. Они взаимно покрываются потому, что постоянная капитальная стоимость, снова появляющаяся в стоимости продукта подразделения II, равна стоимости (переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость), вновь произведенной в подразделении I; поэтому I ($v + m$) может купить ту часть продукта подразделения II, которая для производителей последнего (в подразделении II) представляет постоянную капитальную стоимость. Отсюда видно, почему, хотя для капиталистов подразделения II стоимость их продукта и распадается на $c + v + m$, тем не менее рассматриваемая с точки зрения всего общества стоимость этого продукта может быть разложена на $v + m$. Дело обстоит так лишь потому, что здесь Πc равно I ($v + m$) и что эти две составные части общественного продукта посредством обмена взаимно обмениваются своими натуральными формами, так что после такого обмена стоимость Πc опять существует в виде средств производства, а стоимость I ($v + m$), напротив, существует в виде предметов потребления.

Вот это обстоятельство и дало А. Смиту повод утверждать, что стоимость всего годового продукта якобы разлагается на $v + m$. Это правильно: 1) лишь для той части годового продукта, которая состоит из предметов потребления; 2) правильно не в том смысле, что эта стоимость целиком произведена в подразделении II и что, следовательно, стоимость продукта подразделения II равна стоимости переменного капитала, авансированного в этом подразделении II, плюс прибавочная стоимость, произведенная в том же подразделении. Это правильно лишь в том смысле, что $\Pi (c + v + m) = \Pi (v + m) + I (v + m)$, или потому, что $\Pi c = I (v + m)$.

Из этого следует далее:

Годовой общественный рабочий день (т. е. труд, затраченный всем рабочим классом в течение всего года), подобно каждому индивидуальному рабочему дню, распадается только на две части, а именно на необходимый труд и прибавочный труд; поэтому и стоимость, произведенная этим рабочим днем, тоже распадается только на две части, а именно на переменную капитальную стоимость, т. е. ту часть стоимости, на которую рабочий покупает средства своего собственного воспроизводства, и прибавочную стои-

мость, которую капиталист может израсходовать на свое собственное индивидуальное потребление. Однако с точки зрения всего общества часть общественного рабочего дня затрачивается исключительно на *производство нового постоянного капитала*, т. е. на производство продуктов, которые предназначены исключительно для того, чтобы функционировать в процессе труда в качестве средств производства, и, следовательно, в сопровождающем его процессе увеличения стоимости — в качестве постоянного капитала. Согласно нашему предположению, весь общественный рабочий день выражается в денежной стоимости в 3 000, из которых только $\frac{1}{3}$, равная стоимости в 1 000, произведена в подразделении II, производящем предметы потребления, т. е. товары, в которых в конечном счете реализуются вся переменная капитальная стоимость и вся прибавочная стоимость общества. Итак, согласно этому предположению, $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня употребляются на производство нового постоянного капитала. Хотя с точки зрения индивидуальных капиталистов и рабочих подразделение I эти $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня служат для производства лишь переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость, — совершенно так же, как и остальная треть общественного рабочего дня в подразделении II, — тем не менее, рассматривая дело с точки зрения всего общества, а также принимая во внимание потребительную стоимость продукта подразделения I, эти $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня производят лишь возмещение постоянного капитала, находящегося в процессе производительного потребления или уже целиком потребленного. Да и с индивидуальной точки зрения, хотя вся стоимость, произведенная в эти $\frac{2}{3}$ рабочего дня, равняется только переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость для ее производителей, однако в эти $\frac{2}{3}$ рабочего дня вовсе не производится потребительных стоимостей такого рода, чтобы на них можно было расходовать заработную плату или прибавочную стоимость; продукт этих $\frac{2}{3}$ рабочего дня — это средства производства.

Прежде всего необходимо отметить, что никакая часть общественного рабочего дня ни в подразделении I, ни в подразделении II не служит для производства стоимости того постоянного капитала, который уже применяется в этих двух крупных сферах производства и функционирует в них. Рабочие обоих этих подразделений производят только добавочную стоимость $2\,000\text{ I } (v + m) + 1\,000\text{ II } (v + m)$, добавочную к постоянной капитальной стоимости, равной $4\,000\text{ Ic} + 2\,000\text{ IIc}$. Новая стоимость, которая производится в форме средств производства, еще не есть постоянный капитал. Она лишь предназначена к тому, чтобы в качестве такового функционировать в будущем.

Весь продукт подразделения II, т. е. предметы потребления, рассматриваемый со стороны его потребительной стоимости, кон-

кретно, в его натуральной форме, есть продукт одной трети общественного рабочего дня, затраченного в подразделении II; это продукт труда в конкретной форме труда ткача, пекаря и т. д., которые были заняты в этом подразделении, т. е. продукт труда, поскольку он функционирует как субъективный элемент процесса труда. Напротив, что касается постоянной части стоимости всего продукта подразделения II, то она только снова проявляется в новой потребительной стоимости, в новой натуральной форме, в форме предметов потребления, между тем как раньше она существовала в форме средств производства. Благодаря процессу труда стоимость этой части перенесена с прежней натуральной формы на новую натуральную форму. Но стоимость этих $\frac{2}{3}$ стоимости годового продукта, равная 2 000, произведена не в процессе увеличения стоимости капитала подразделения II, происходившем в текущем году.

Подобно тому как рассматриваемый с точки зрения процесса труда продукт подразделения II есть результат вновь функционирующего живого труда и данных, обуславливающих этот труд средств производства, в которых этот труд осуществляется как в своих предметных условиях, точно так же с точки зрения процесса увеличения стоимости стоимость всего продукта подразделения II, равная 3 000, складывается из новой стоимости, которая произведена вновь присоединенной $\frac{1}{3}$ общественного рабочего дня ($500v + 500m = 1\,000$), и из постоянной стоимости, в которой овеществлены $\frac{2}{3}$ прошлого общественного рабочего дня, истекшего до начала рассматриваемого здесь процесса производства в подразделении II. Эта часть стоимости продукта подразделения II выражается в одной части самого продукта. Она существует в известном количестве предметов потребления общей стоимостью в $2\,000 = \frac{2}{3}$ общественного рабочего дня. Это — та новая потребительная форма, в которой снова появляется постоянная часть стоимости. Таким образом обмен части предметов потребления, по стоимости равной 2 000 IIc, на средства производства подразделения I, по стоимости равные 1 ($1\,000v + 1\,000m$), является по существу обменом $\frac{2}{3}$ всего рабочего дня, не содержащих ни малейшей части труда текущего года и истекших до начала этого года, на $\frac{2}{3}$ рабочего дня, присоединенного вновь в текущем году. $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня текущего года не могли бы быть применены в производстве постоянного капитала и в то же время составлять переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость для своих производителей, если бы они не были обменены на ту часть стоимости ежегодно потребляемых предметов потребления, в которой заключается $\frac{2}{3}$ рабочего дня, затраченного и реализованного до текущего года, не в течение этого года. Это — обмен $\frac{2}{3}$ рабочего дня текущего года на $\frac{2}{3}$ рабочего дня, затраченные до этого года, обмен между рабочим временем текущего года и прошлогодним рабочим временем. Следовательно, это объясняет нам загадку, по-

чему стоимость, вновь созданная за весь общественный рабочий день, может распадаться на переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость, хотя $\frac{2}{3}$ этого рабочего дня затрачиваются не на производство предметов, в которых могут реализоваться переменный капитал или прибавочная стоимость, а, напротив, на производство средств производства, служащих для возмещения капитала, потребленного в течение года. Это объясняется просто тем, что те $\frac{2}{3}$ стоимости продукта подразделения II, в которых капиталисты и рабочие подразделения I реализуют произведенную ими переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость (и которые составляют $\frac{2}{9}$ стоимости всего общественного годового продукта), представляют собой по своей стоимости продукт $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня, истекшего до настоящего года.

Хотя сумма общественного продукта подразделений I и II, средства производства и предметы потребления, рассматриваемые по своей потребительной стоимости, рассматриваемые конкретно в их натуральной форме, являются продуктом труда текущего года, однако лишь постольку, поскольку сам этот труд рассматривается как полезный конкретный труд, а не как затрата рабочей силы, не как труд, создающий стоимость. При этом первое правильно лишь в том смысле, что средства производства только посредством присоединенного к ним, оперировавшего с ними живого труда превратились в новый продукт, в продукт текущего года. Наоборот, без средств производства, существующих независимо от труда в данном году, без средств труда и материалов производства труд текущего года не мог бы превратиться в продукт.

VIII. ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ В ОБОИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ

Что касается всей стоимости совокупного продукта в 9 000 и тех категорий, на которые она распадается, то их анализ не представляет больших затруднений, чем анализ стоимости продукта отдельного капитала, и, напротив, тождествен с последним.

Согласно нашему предположению, во всем годовом продукте общества содержится три одногодичных общественных рабочих дня. Выражение стоимости каждого из этих рабочих дней = 3 000; поэтому выражение стоимости всего продукта = $3\,000 \times 3 = 9\,000$.

Далее, до начала того одногодичного процесса производства, продукт которого мы анализируем, из всего этого рабочего времени истекло: в подразделении I — $\frac{4}{3}$ рабочего дня (вновь созданная стоимость в 4 000) и в подразделении II — $\frac{2}{3}$ рабочего дня (вновь созданная стоимость в 2 000). Итого 2 общественных рабочих дня, которые дали новую стоимость = 6 000. Поэтому $4\,000\text{ Ic} + 2\,000$

$Ис = 6\ 000с$ фигурируют как стоимость средств производства, или стоимость постоянного капитала, снова появляющаяся во всей стоимости общественного продукта.

Далее, в подразделении $I^{1/3}$ вновь присоединенного общественного годового рабочего дня представляет собой необходимый труд, или труд, возмещающий стоимость переменного капитала, $1\ 000\ I_v$ и оплачивающий цену труда, нашедшего применение в подразделении I. Точно так же в подразделении $II^{1/6}$ общественного рабочего дня представляет собой необходимый труд, дающий в сумме стоимость в 500. Итак, $1\ 000\ I_v + 500\ II_v = 1\ 500v$, т. е. выражение стоимости половины общественного рабочего дня является выражением стоимости той первой половины всего присоединенного в текущем году рабочего дня, которая состоит из необходимого труда.

Наконец, в подразделении $I^{1/3}$ всего рабочего дня, вновь созданная стоимость = 1 000, представляет собой прибавочный труд; в подразделении $II^{1/6}$ рабочего дня, вновь созданная стоимость = 500, представляет собой прибавочный труд; в сумме они дают вторую половину всего вновь присоединенного рабочего дня. Поэтому вся произведенная прибавочная стоимость = $1\ 000\ I_m + 500\ II_m = 1\ 500m$.

Итак:

Постоянная капитальная часть стоимости общественного продукта (c):

2 рабочих дня, затраченных до рассматриваемого процесса производства; выражение стоимости = 6 000.

Необходимый труд (v), затраченный в течение года:

половина рабочего дня, затраченного на годовое производство; выражение стоимости = 1 500.

Прибавочный труд (m), затраченный в течение года:

половина рабочего дня, затраченного на годовое производство; выражение стоимости = 1 500.

Вновь созданная годовым трудом стоимость ($v + m$) = 3 000.

Вся стоимость продукта ($c + v + m$) = 9 000.

Следовательно, затруднение заключается не в анализе стоимости самого общественного продукта. Оно возникает при сопоставлении составных частей *стоимости* общественного продукта с его *вещными* составными частями.

Постоянная, лишь снова появляющаяся часть стоимости равна стоимости той части общественного продукта, которая состоит из средств *производства*; она воплощается в этой части общественного продукта.

Вновь созданная в течение года стоимость, т. е. сумма $v + m$, равна стоимости той части продукта, которая состоит из предметов *потребления*; она воплощается в этой части общественного продукта.

Но если оставить в стороне исключения, которые здесь не имеют значения, то средства производства и предметы потребления представляют собой совершенно различные виды товаров, продукты совершенно различной натуральной или потребительной формы, следовательно, продукты совершенно различных конкретных видов труда. Труд, применяющий машины для производства жизненных средств, совершенно отличен от труда, производящего машины. Кажется, будто весь годовой совокупный рабочий день, стоимостное выражение которого $= 3\ 000$, затрачен на производство предметов потребления $= 3\ 000$, в которых не появляется вновь никакой постоянной части стоимости, так как эти $3\ 000$, равные сумме $1\ 500v + 1\ 500m$, разлагаются лишь на переменную капитальную стоимость + прибавочная стоимость. С другой стороны, постоянная капитальная стоимость, равная $6\ 000$, снова появляется в виде продуктов, совершенно отличных от предметов потребления, — в виде средств производства. Между тем кажется, будто на производство этих новых продуктов не затрачено ни малейшей доли общественного рабочего дня; напротив, кажется, будто весь этот рабочий день состоит лишь из таких видов труда, результатом которых являются не средства производства, а предметы потребления. Тайна уже раскрыта. Вновь созданная годовым трудом стоимость равна стоимости продукта подразделения II, всей стоимости вновь произведенных предметов потребления. Но стоимость этого продукта на $\frac{2}{3}$ больше, чем та часть годового труда, которая затрачена на производство предметов потребления (в подразделении II). На их производство затрачена лишь $\frac{1}{3}$ годового труда; $\frac{2}{3}$ этого годового труда затрачены на производство средств производства, следовательно, затрачены в подразделении I. Произведенная за это время в подразделении I новая стоимость, равная сумме произведенных в нем переменной капитальной стоимости и прибавочной стоимости, равна постоянной капитальной стоимости подразделения II, снова появляющейся в виде предметов потребления, произведенных в этом подразделении. Следовательно, они могут быть обменены одна на другую, могут *in natura* возместить одна другую. Поэтому вся стоимость предметов потребления, произведенных в подразделении II, равна сумме вновь произведенной стоимости подразделений I и II, или $II (c + v + m) = I (v + m) + II (v + m)$, следовательно, равна сумме новой стоимости в форме $v + m$, произведенной годичным трудом.

С другой стороны, вся стоимость средств производства (I) равна сумме постоянной капитальной стоимости, снова появляющейся в форме средств производства (I) и в форме предметов потребления (II), следовательно, равна сумме постоянной капитальной стоимости, снова появляющейся во всем продукте общества. Вся эта стоимость равна стоимостному выражению $\frac{4}{3}$ прошлого рабочего дня, затраченных в подразделении I до начала процесса производ-

ства, и $\frac{2}{3}$ прошлого рабочего дня, затраченных в подразделении II до начала процесса производства в текущем году, т. е. в сумме равна стоимостному выражению двух совокупных рабочих дней.

Итак, трудность при анализе всего общественного годового продукта возникает потому, что постоянная часть стоимости представлена в средствах производства — в продуктах совсем иного рода, чем присоединенная к этой постоянной части стоимости новая стоимость $v + m$, которая представлена в предметах потребления. Это выглядит так, как будто $\frac{2}{3}$ потребленной массы продуктов — если рассматривать их со стороны стоимости — снова имеются в новой форме, появляются как новый продукт, хотя общество не затратило никакого труда на его производство. С отдельным капиталом этого не происходит. Каждый индивидуальный капиталист применяет определенный конкретный вид труда, который превращает соответствующие этому труду средства производства в какой-нибудь известный продукт. Например, пусть капиталист будет машиностроителем, затраченный в течение года постоянный капитал = $6\,000c$, переменный = $1\,500v$, прибавочная стоимость = $1\,500m$; продукт = $9\,000$; допустим, что этот продукт представляет собой 18 машин, стоимость каждой из которых равна 500. Весь продукт существует здесь в одной и той же форме, в форме машин. (Если машиностроитель производит несколько видов машин, то для каждого вида счет ведется самостоятельно.) Весь товарный продукт представляет собой продукт труда, затраченного в течение года в машиностроении, представляет собой плод соединения одного и того же конкретного вида труда с одними и теми же средствами производства. Поэтому различные части стоимости продукта представлены в одной и той же натуральной форме: в 12 машинах заключаются $6\,000c$, в 3 машинах — $1\,500v$, в остальных 3 машинах — $1\,500m$. Здесь ясно, что стоимость 12 машин = $6\,000c$ не потому, что в этих 12 машинах воплощен только труд, затраченный до начала производства машин, и не воплощен труд, затраченный на само производство машин в текущем году. Стоимость средств производства, необходимых для производства 18 машин, сама по себе не превратилась в стоимость 12 машин, но стоимость этих 12 машин (состоящая в свою очередь из $4\,000c + 1\,000v + 1\,000m$) просто равна всей постоянной капитальной стоимости, заключающейся в стоимости 18 машин. Поэтому машиностроитель из 18 машин должен продать 12, чтобы возместить затраченный им постоянный капитал, необходимый ему для воспроизводства 18 новых машин. Напротив, дело было бы необъяснимо, если бы результатом применяемого труда, заключенного только в машиностроении, оказались, с одной стороны, 6 машин = $1\,500v + 1\,500m$, с другой стороны — железо, медь, винты, ремни и т. д. общей стоимостью в $6\,000c$, т. е. средства производства машин в их натуральной форме, которых, как известно, отдельный капиталист-

машиностроитель сам не производит, но которые он должен возмещать при посредстве процесса обращения. И, однако, на первый взгляд кажется, будто воспроизводство общественного годового продукта совершается именно таким абсурдным способом.

Продукт индивидуального капитала, т. е. любой части общественного капитала, самостоятельно функционирующей, наделенной собственной жизнью, может иметь какую угодно натуральную форму. Единственное условие состоит в том, чтобы он действительно имел потребительную форму, потребительную стоимость, которая наложила бы на него печать члена товарного мира, способного к обращению. При этом совершенно безразличным и случайным является то обстоятельство, может ли он как средство производства снова войти в тот самый процесс производства, из которого вышел как продукт, следовательно, обладает ли та часть стоимости этого продукта, в которой представлена постоянная часть капитала, такой натуральной формой, в которой она фактически может снова функционировать в качестве постоянного капитала. Если этого нет, то указанная часть стоимости продукта посредством продажи и купли вновь превращается в форму вещных элементов производства этого продукта, а постоянный капитал при посредстве такого обмена воспроизводится в той натуральной форме, в которой он может функционировать как таковой.

Иначе обстоит дело с продуктом всего общественного капитала. Все вещные элементы воспроизводства должны в своей натуральной форме составлять части самого этого продукта. Потребленная постоянная часть капитала может быть возмещена при посредстве всего производства лишь при том условии, если вся снова появляющаяся в годовом продукте постоянная часть капитала появляется в натуральной форме новых средств производства, которые действительно могут функционировать как постоянный капитал. Поэтому, поскольку предполагается простое воспроизводство, стоимость той части продукта, которая состоит из средств производства, должна быть равна постоянной части стоимости общественного капитала.

Далее, если рассматривать дело с индивидуальной точки зрения, то посредством вновь присоединяемого труда капиталист производит лишь свой переменный капитал плюс прибавочную стоимость, входящие в общую стоимость его продукта, между тем как постоянная часть стоимости переносится на продукт благодаря конкретному характеру вновь присоединяемого труда.

Если рассматривать дело с точки зрения всего общества, то та часть общественного рабочего дня, которая производит средства производства, следовательно, присоединяет к ним новую стоимость и переносит на них стоимость средств производства, потребленных при их производстве, — то эта часть общественного рабочего дня не производит ничего иного, кроме нового *постоянного капитала*, предназначенного возместить как в подразделении I, так и в под-

разделении II постоянный капитал, потребленный в форме старых средств производства. Эта часть общественного рабочего дня производит только продукт, предназначенный для производительного потребления. Следовательно, вся стоимость этого продукта представляет собой стоимость, которая может вновь функционировать только как постоянный капитал, на которую можно вновь купить только постоянный капитал в его натуральной форме и которая, следовательно, если рассматривать дело с точки зрения всего общества, не разлагается ни на переменный капитал, ни на прибавочную стоимость. — С другой стороны, та часть общественного рабочего дня, которая производит предметы потребления, ничего не производит для возмещения постоянного общественного капитала. Она производит лишь продукты, которые в своей натуральной форме предназначены для того, чтобы реализовать в них стоимость переменного капитала и прибавочную стоимость подразделений I и II.

Рассматривая вопрос с точки зрения всего общества, следовательно, рассматривая весь общественный продукт, который включает как элементы воспроизводства общественного капитала, так и элементы индивидуального потребления, не следует впадать в манеру, заимствованную Прудоном у буржуазной политической экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество с капиталистическим способом производства, взятое en bloc, т. е. в целом, утрачивает этот свой специфический исторически-экономический характер. Напротив. В таком случае приходится иметь дело с совокупным капиталистом. Весь капитал общества представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов. И такое акционерное общество имеет то общее со многими другими акционерными обществами, что каждый знает, что он вложил, но не знает, что он получит обратно.

IX. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА А. СМИТА, ШТОРХА И РАМСЕЯ

Вся стоимость общественного продукта составляет $9\ 000 = 6\ 000c + 1\ 500v + 1\ 500m$, другими словами: 6 000 воспроизводят стоимость средств производства, а 3 000 — стоимость предметов потребления. Следовательно, стоимость общественного дохода ($v + m$) составляет только $\frac{1}{3}$ стоимости всего продукта, и совокупность потребителей — рабочие и капиталисты — лишь на сумму стоимости этой трети может брать из всего общественного продукта товары, продукты, и включать их в фонд своего потребления. Напротив, 6 000, равные $\frac{2}{3}$ стоимости продукта, представляют собой стоимость постоянного капитала, который должен быть возмещен in natura. Следовательно, средства производства на такую сумму должны быть снова включены в производственный фонд.

Необходимость этого видел уже Шторх, хотя он и не смог доказать эту необходимость:

«Ясно, что стоимость годового продукта делится частью на капитал и частью на прибыль и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, которые необходимы нации как для восстановления своего капитала, так и для возмещения своего потребительного фонда... Продукты, составляющие *капитал* нации, *не подлежат потреблению*» (Storch. «*Considérations sur la nature du revenu national*». Paris, 1824, p. 134—135, 150).

Однако А. Смит выдвинул свою поразительную догму — которая до сих пор слепо перенимается у него — не только в уже упомянутой форме, будто бы вся стоимость общественного продукта разлагается на доход — на заработную плату плюс прибавочная стоимость, — или, как он выражает это, на заработную плату плюс прибыль (процент), плюс земельная рента. Он выдвинул ее и в той еще более популярной форме, будто *потребители* «в конечном счете» («ultimately») должны оплатить производителям *всю стоимость продукта*. Это положение до сих пор остается одним из непрекаемых общих мест или даже одной из вечных истин для так называемой науки политической экономии. Такое представление стараются сделать наглядным при помощи следующего приема, имеющего видимость правдоподобия. Возьмем какое-нибудь изделие, например, полотняные рубашки. Прежде всего, прядильщик льняной пряжи должен оплатить льноводу всю стоимость льна, т. е. стоимость затраченных семян, удобрений, корма для рабочего скота и т. д., а также ту часть стоимости, которую основной капитал льновода, как-то постройки, сельскохозяйственный инвентарь и т. д., передает продукту; кроме того, он должен возместить заработную плату, выданную при производстве льна; оплатить прибавочную стоимость (прибыль, земельную ренту), заключающуюся в льне; наконец, возместить издержки по перевозке льна от места его производства к прядильне. Потом ткач, в свою очередь, должен возратить льнопрядильщику не только эту цену льна, но и ту часть стоимости машин, построек и т. д., короче, основного капитала, которая перенесена на лен; далее, ткач должен оплатить все потребленные в процессе прядения вспомогательные материалы, заработную плату прядильщиков, прибавочную стоимость и т. д., — и точно так же дело обстоит с белильщиком произведенного полотна, с возмещением издержек по транспорту готового полотна, наконец, с фабрикантом рубашек, который оплачивает всю цену всех предыдущих производителей, доставивших ему лишь сырой материал. На фабрике последнего совершается дальнейшее присоединение стоимости: частью за счет стоимости постоянного капитала, потребленного в форме средств труда, вспомогательных материалов и т. д. при фабрикации рубашек, и частью посредством затраченного при этом труда, который присоединяет стоимость заработной платы рабочих, изготовляющих эти рубашки, плюс прибавочная стоимость

фабриканта рубашек. Пусть весь этот продукт, т. е. рубашки, в конечном счете стоит 100 ф. ст., и этим числом пусть выражается та доля всей стоимости годового продукта, которую общество затрачивает на рубашки. Потребители рубашек оплачивают 100 ф. ст., следовательно, они оплачивают стоимость всех средств производства, заключающихся в рубашках, а также заработную плату и прибавочную стоимость льновода, прядильщика, ткача, белильщика, фабриканта рубашек, равно как и соответствующих предпринимателей в сфере транспорта. Это совершенно верно. Это действительно понятно всякому ребенку. Но потом говорят: так обстоит дело и со стоимостью всех других товаров. Следовало бы сказать: так обстоит дело со стоимостью *всех предметов потребления*; со стоимостью той части общественного продукта, которая входит в фонд потребления, следовательно, с той частью стоимости общественного продукта, которая может быть израсходована как доход. Сумма стоимости всех этих товаров, конечно, равна стоимости всех потребленных на них средств производства (потребленных частей постоянного капитала) плюс стоимость, созданная трудом, присоединенным в последний раз (заработная плата плюс прибавочная стоимость). Следовательно, вся масса потребителей может оплатить всю эту сумму стоимости, так как хотя стоимость каждого отдельного товара и состоит из $c + v + m$, но сумма стоимости всех товаров, входящих в фонд потребления, взятая в своей совокупности, максимально может быть равна лишь той части стоимости общественного продукта, которая разлагается на $v + m$, т. е. может быть равна лишь той стоимости, которую труд, затраченный в течение года, присоединил к уже имевшимся в наличии средствам производства, к стоимости постоянного капитала. Что же касается постоянной капитальной стоимости, то, как мы видели, она возмещается из массы общественного продукта двояким образом. Во-первых, посредством обмена капиталистов подразделения II, производящих предметы потребления, с капиталистами подразделения I, производящими средства производства. Здесь и находится источник фразы, будто бы то, что для одних является капиталом, для других представляет собой доход. В действительности дело обстоит совсем не так. Те 2 000 Пс, которые существуют в виде предметов потребления стоимостью в 2 000, составляют для капиталистов подразделения II постоянную капитальную стоимость. Следовательно, сами капиталисты подразделения II не могут потребить эту стоимость, хотя их продукт по своей натуральной форме и предназначен для потребления. С другой стороны, 2 000 I ($v + m$) представляют собой заработную плату и прибавочную стоимость, произведенные капиталистами и рабочими подразделения I. Эта стоимость существует в натуральной форме средств производства, вещей, в которых их собственная стоимость не может быть потреблена. Следовательно, в целом здесь перед нами сумма стоимости в

4 000, из которой — как до обмена, так и после обмена — половина служит лишь для возмещения постоянного капитала, а другая половина составляет только доход. — Но, во-вторых, постоянный капитал подразделения I возмещается *in natura* отчасти посредством обмена между капиталистами подразделения I, отчасти посредством возмещения *in natura* на каждом отдельном предприятии.

Фраза, будто вся стоимость годового продукта в конечном счете должна оплачиваться потребителями, была бы верна лишь при том условии, если бы под потребителями разумели два их совершенно различных вида: индивидуальных потребителей и производительных потребителей. Но коль скоро часть продукта должна быть потреблена *производительно*, то это означает лишь одно: она должна *функционировать как капитал* и не может быть *потреблена как доход*.

Если стоимость всего продукта, равную 9 000, мы разделим на $6\,000c + 1\,500v + 1\,500m$ и станем рассматривать $3\,000(v + m)$ лишь в качестве дохода, то получается, наоборот, такое впечатление, как будто переменный капитал исчез и как будто капитал, рассматриваемый с точки зрения всего общества, состоит исключительно из постоянного капитала. Ведь то, что первоначально выступило как $1\,500v$, теперь свелось к части общественного дохода — к заработной плате, к доходу рабочего класса, а вместе с тем исчез характер этой части как капитала. Рамсей действительно пришел к такому заключению. Согласно Рамсею, капитал, рассматриваемый с точки зрения всего общества, состоит только из основного капитала, но под основным капиталом он понимает постоянный капитал, ту массу стоимости, которая заключается в средствах производства, причем для него безразлично, будут ли эти средства производства средствами труда или материалом труда, как сырье, полуфабрикат, вспомогательный материал и т. д. Переменный капитал он называет оборотным:

«Оборотный капитал состоит исключительно из средств существования и других необходимых предметов, авансируемых для рабочих, пока не будет закончен продукт их труда... Только основной капитал, а не оборотный, является, строго говоря, источником национального богатства... Оборотный капитал не является непосредственным агентом производства и вообще не имеет для него существенного значения; это — лишь условие, ставшее необходимым вследствие плачевной бедности массы народа... С национальной точки зрения лишь основной капитал составляет элемент издержек производства» (Ramsay, l. c., p. 23—26 *passim*).

Основной капитал, под которым Рамсей понимает постоянный, он детальнее определяет так:

«Продолжительность времени, в течение которого какая-нибудь часть продукта этого труда» (а именно труда, направленного на производство какого-либо товара) «существовала в виде основного капитала, т. е. в такой форме, в которой эта часть продукта хотя и содействует производству будущего товара, но не идет на содержание рабочих...» (там же, стр. 59).

Здесь мы снова встречаемся с той бедой, которую причинил А. Смит, потопив различие постоянного и переменного капитала в различии основного и оборотного капитала. Согласно Рамсею, постоянный капитал состоит из средств труда, а оборотный капитал — из жизненных средств; оба суть товары данной стоимости; и те и другие одинаково не могут производить какую-либо прибавочную стоимость.

Х. КАПИТАЛ И ДОХОД: ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ⁴⁹⁾

Все годовое воспроизводство, весь продукт данного года представляет собой продукт полезного труда за этот год. Но стоимость всего этого продукта больше, чем та часть его стоимости, в которой воплощается годовой труд, т. е. рабочая сила, затраченная в текущем году. *Новая годовая стоимость*, стоимость, вновь созданная в течение этого года в товарной форме, меньше, чем *стоимость продукта*, чем вся стоимость товарной массы, произведенной за весь год. Разность, которая получится, если из всей стоимости годового продукта вычесть стоимость, присоединенную к нему трудом текущего года, представляет собой не действительно воспроизведенную стоимость, а стоимость, лишь снова появившуюся в новой форме бытия, стоимостью, перенесенную на годовой продукт со стоимости, которая существовала раньше этого продукта и которая — в зависимости от долговечности составных частей постоянного капитала, принимавших участие в процессе общественного труда текущего года, — возможно, была произведена в более или менее отдаленное время, которая происходит от стоимости средств производства, появившихся на свет, быть может, в прошлом году или в течение ряда предыдущих лет. Во всяком случае это — стоимость, перенесенная на продукт текущего года со средств производства, произведенных в прошлые годы.

Если мы обратимся к нашей схеме, то после обмена рассмотренных до сих пор элементов между подразделениями I и II и в пределах подразделения II мы получаем:

I) $4\,000c + 1\,000v + 1\,000m$ (последние 2 000 реализуются в предметах потребления II) $c) = 6\,000$.

II) $2\,000c$ (воспроизводятся посредством обмена на I $(v + m)$) $+ 500v + 500m = 3\,000$.

Сумма стоимости = 9 000.

Стоимость, вновь произведенная в течение года, заключается только в стоимостях v и m . Следовательно, сумма вновь созданной за данный год стоимости равна сумме $v + m = 2\,000$ I $(v + m) + 1\,000$ II $(v + m) = 3\,000$. Все остальные части стоимости

⁴⁹⁾ Ниже следует текст из рукописи VIII.

продукта этого года представляют собой стоимость, лишь перенесенную со стоимости прежних средств производства, потребленных в годовом производстве. Кроме стоимости в 3 000, труд текущего года не произвел никакой иной стоимости; это — вся вновь созданная им за год стоимость.

Но, как мы видели, 2 000 I ($v + m$) возмещают для II подразделения 2 000 IIc в натуральной форме средств производства. Следовательно, две трети годового труда, затраченные в подразделении I, вновь произвели постоянный капитал подразделения II, произвели как всю его стоимость, так и его натуральную форму. Таким образом, если рассматривать это с точки зрения всего общества, две трети труда, затраченного в течение года, произвели новую постоянную капитальную стоимость, реализованную в натуральной форме, соответствующей подразделению II. Следовательно, большая часть годового общественного труда затрачена на производство нового постоянного капитала (капитальной стоимости, существующей в виде средств производства) для возмещения постоянной капитальной стоимости, израсходованной на производство предметов потребления. В этом отношении капиталистическое общество отличается от дикаря вовсе не тем, в чем видит это отличие Сениор⁵⁰⁾, полагающий, что дикарь имеет особенную привилегию расходовать свой труд иногда таким образом, что он не дает ему никаких продуктов, обращающихся в доход, т. е. в предметы потребления. Различие состоит на самом деле в следующем:

а) Капиталистическое общество употребляет большую часть находящегося в его распоряжении годового труда на производство средств производства (следовательно, постоянного капитала), которые не могут быть разложены на доход ни в форме заработной платы, ни в форме прибавочной стоимости и могут функционировать только в качестве капитала.

б) Если дикарь изготавливает лук, стрелы, каменные молотки, топоры, корзины и т. п. — то он совершенно отчетливо сознает, что израсходованное на это время он употребил не на производство предметов потребления, т. е. что он удовлетворил свою потребность в средствах производства и ничего более. Кроме того, дикарь впадает в тяжкое экономическое прегрешение вследствие полного равнодушия к тому, сколько времени он на это затрачивает; например, как рассказывает Тэйлор⁵¹⁾, зачастую целый месяц уходит у него на изготовление одной стрелы.

Хотя представление, с помощью которого часть политико-экономов старается обойти теоретическое затруднение, т. е. пони-

⁵⁰⁾ «Если дикарь делает лук, то он занимается промышленностью, но не практикует воздержания» (Senior). «Principes fondamentaux de l'Econ. Pol.», trad., Arrivabene. Paris, 1836, p. 342—343). «Чем больше прогрессирует общество, тем более воздержания требует оно» (там же, с. 342). — Ср. «Капитал», книга I, гл. XXII, 3, с. 612¹⁷.

⁵¹⁾ E. B. Tylor. «Forschungen über die Urgeschichte der Menschheit», übersetzt von H. Müller. Leipzig, ohne Datum. S. 240.

мание реальных связей, представление, будто то, что является для одного капиталом, для другого есть доход, и наоборот, — это представление отчасти правильно, но становится совершенно ложным (следовательно, связано с полным непониманием всего процесса обмена, совершающегося при годовом воспроизводстве, т. е. с непониманием фактической основы того, что есть частично верного в указанном представлении), как только ему придают общий характер.

Теперь мы подытожим те фактические отношения, на которых основывается частичная правильность этого представления, причем тут сразу же обнаружится ошибочность в понимании этих отношений.

1) Переменный капитал функционирует как капитал в руках капиталиста и функционирует как доход в руках наемного рабочего.

Переменный капитал существует сначала в руках капиталиста как *денежный капитал*; он функционирует как *денежный капитал*, когда капиталист покупает на него рабочую силу. Пока он остается в его руках в денежной форме, он представляет собой не что иное, как данную стоимость, существующую в денежной форме, следовательно, представляет собой постоянную, но отнюдь не переменную величину. Это — лишь потенциально переменный капитал именно вследствие того, что он может быть превращен в рабочую силу. Действительным переменным капиталом он становится лишь после сбрасывания своей денежной формы, лишь после того, как он превращен в рабочую силу, а последняя начинает функционировать в капиталистическом процессе как составная часть производительного капитала.

Деньги, которые сначала функционировали для капиталиста как денежная форма переменного капитала, теперь функционируют в руках рабочего как денежная форма его заработной платы, которую он превращает в жизненные средства, следовательно, функционируют как денежная форма *дохода*, который он получает за счет постоянно повторяющейся продажи своей рабочей силы.

Здесь перед нами лишь тот простой факт, что *деньги* покупателя, в данном случае капиталиста, из его рук переходят в руки продавца, в данном случае продавца рабочей силы, рабочего. То, что здесь дважды функционирует — как капитал для капиталиста и как доход для рабочего — это не переменный *капитал*, а одни и те же *деньги*, которые сначала существовали в руках капиталиста как денежная форма его переменного капитала, следовательно, как потенциальный переменный капитал, и которые, когда капиталист превратит их в рабочую силу, служат в руках рабочего эквивалентом проданной рабочей силы. Но то, что одни и те же деньги в руках продавца получают иное употребление, чем в руках покупателя, это явление свойственно всякой купле и продаже товаров.

Апологеты-экономисты извращают суть дела. Это видно лучше всего, если мы все внимание, не забывая пока что о последующем изложении, обратим только на акт обращения $D - P (= D - T)$, на превращение денег в рабочую силу на стороне капиталистического покупателя, и на $P - D (= T - D)$, превращение товара рабочей силы в деньги на стороне продавца, рабочего. Эти экономисты говорят: одни и те же деньги реализуют здесь два капитала; покупатель — капиталист — превращает свой денежный капитал в живую рабочую силу, которую он присоединяет к своему производственному капиталу; с другой стороны, продавец — рабочий — превращает свой товар — рабочую силу — в деньги, которые он расходует как доход, благодаря чему он как раз и оказывается в состоянии снова и снова продавать свою рабочую силу и таким образом сохранять ее; следовательно, сама его рабочая сила и есть его капитал в товарной форме, являющийся постоянным источником его дохода. В действительности же рабочая сила есть его достояние (постоянно возобновляющееся, воспроизводящееся), а не капитал. Она — единственный товар, который он постоянно может и должен продавать для того, чтобы жить, и который действует как капитал (переменный) лишь в руках покупателя, капиталиста. То обстоятельство, что человек постоянно вынужден снова и снова продавать третьему лицу свою рабочую силу, т. е. самого себя, доказывает, согласно упомянутым экономистам, что он является капиталистом, потому что ему постоянно приходится продавать «товар» (себя самого). В этом смысле и раб становится капиталистом, хотя третье лицо раз навсегда продает его как товар, потому что природа этого товара — рабочего-раба — такова, что покупатель не только заставляет его каждый день снова работать, но и дает ему те средства к жизни, благодаря которым он снова и снова может работать. — (Сравни об этом Сисмонди и Сэя в письмах к Мальтусу⁷⁸.)

2) Итак, то, что в обмене $1\ 000\ Iv + 1\ 000\ Im$ на $2\ 000\ Ic$ является постоянным капиталом для одних ($2\ 000\ Ic$), становится переменным капиталом и прибавочной стоимостью, следовательно, становится вообще доходом для других; а что является переменным капиталом и прибавочной стоимостью ($2\ 000\ I (v + m)$), следовательно, является вообще доходом для одних, становится постоянным капиталом для других.

Рассмотрим сначала обмен Iv на Ic , и притом прежде всего с точки зрения рабочего.

Совокупный рабочий подразделения I продал свою рабочую силу совокупному капиталисту этого же подразделения за 1 000; эта стоимость уплачена ему деньгами в форме заработной платы. На эти деньги он покупает у капиталиста подразделения II предметы потребления на ту же сумму стоимости. Капиталист подразделения II противостоит рабочему только как продавец товаров, и

не больше, хотя бы рабочий покупал у своего собственного капиталиста, как, например, выше (стр. 380 *), в обмене 500 $Иv$. Форма обращения, которую совершает товар рабочего, рабочая сила, есть форма простого обращения товаров, направленного только на удовлетворение потребностей, на потребление: T (рабочая сила) — $D - T$ (предметы потребления, товар капиталиста подразделения II). Результат этого акта обращения таков: рабочий сохранил себя в качестве рабочей силы для капиталиста подразделения I и, чтобы сохранять себя впредь в качестве таковой, рабочий постоянно снова и снова должен повторять процесс $P(T) - D - T$. Его заработная плата реализуется в предметах потребления, она расходуется как доход и, если взять рабочий класс в целом, расходуется как доход постоянно снова и снова.

Рассмотрим теперь тот же самый обмен $Иv$ на $Ис$ с точки зрения капиталиста. Весь товарный продукт подразделения II состоит из предметов потребления, следовательно, состоит из вещей, предназначенных для того, чтобы войти в годовое потребление, т. е. послужить кому-либо — в рассматриваемом здесь случае совокупному рабочему подразделению I — для реализации дохода. Но для совокупного капиталиста подразделения II часть его товарного продукта, равная 2 000, теперь представляет собой превратившуюся в товар форму постоянной капитальной стоимости его производительного капитала, который из этой товарной формы необходимо снова превратить обратно в ту натуральную форму, в которой он опять может функционировать как постоянная часть производительного капитала. До сих пор капиталист подразделения II достиг того, что половину ($= 1\,000$) своей постоянной капитальной стоимости, воспроизведенной в товарной форме (в предметах потребления), он опять превратил в денежную форму посредством продажи рабочему подразделению I. Таким образом в эту первую половину постоянной капитальной стоимости $Ис$ превратился не переменный капитал $Иv$, а деньги, которые в обмене на рабочую силу функционировали для капиталиста подразделения I как денежный капитал и таким образом попали во владение продавца рабочей силы, причем они представляют для последнего отнюдь не капитал, а доход в денежной форме, т. е. они расходуются им как покупательное средство для покупки предметов потребления. С другой стороны, деньги $= 1\,000$, которые притекли от рабочих подразделения I к капиталистам подразделения II, не могут функционировать как постоянный элемент производительного капитала подразделения II. Это — пока лишь денежная форма его товарного капитала, которой еще предстоит превращение в основные или в оборотные составные части постоянного капитала. Итак, капиталист подразделения II на деньги, вырученные от рабочих подразделения I, покупа-

* См. настоящий том, с. 406. *Ред.*

телей его товара, покупает у капиталиста подразделения I средства производства на 1 000. Таким образом постоянная капитальная стоимость подразделения II на половину всей своей величины возобновляется в той натуральной форме, в которой она снова может функционировать как элемент производительного капитала в этом подразделении. Формой обращения было при этом $T - D - T$: предметы потребления стоимостью в 1 000 — деньги = 1 000 — средства производства стоимостью в 1 000.

Но $T - D - T$ в данном случае представляет собой движение капитала. T , проданное рабочему, превращается в D , а это D превращается в средства производства; это — обратное превращение из товара в вещественные элементы, образующие этот товар. С другой стороны, подобно тому как капиталист подразделения II по отношению к капиталисту подразделения I является лишь покупателем товара, так и капиталист подразделения I по отношению к капиталисту подразделения II функционирует здесь лишь как продавец товара. Сначала подразделение I на 1 000 в деньгах, предназначенных функционировать в качестве переменного капитала, купило рабочую силу стоимостью в 1 000; следовательно, оно получило эквивалент за свои 1 000^в, отданные в денежной форме; теперь деньги принадлежат рабочему, который расходует их, покупая предметы потребления у капиталистов подразделения II; эти деньги, попавшие таким образом в кассу подразделения II, подразделение I может получить обратно, лишь вылавливая их обратно посредством продажи товаров на такую же сумму стоимости.

Сначала у совокупного капиталиста подразделения I была определенная денежная сумма = 1 000, предназначенная функционировать в качестве переменной части капитала; затем она функционирует как переменный капитал вследствие ее превращения в рабочую силу такой же стоимости. Рабочий же доставил ему в качестве результата процесса производства известное количество товаров (средств производства) стоимостью в 6 000, из которых $\frac{1}{6}$, или 1 000, по своей стоимости представляет собой эквивалент авансированной в деньгах переменной части капитала. Как раньше, в своей денежной форме, так и теперь, в своей товарной форме, переменная капитальная стоимость не функционирует как переменный капитал; она может функционировать в таком качестве лишь после того, как совершится ее превращение в живую рабочую силу, и лишь в течение того времени, пока последняя функционирует в процессе производства. Оставаясь в форме денег, переменная капитальная стоимость лишь потенциально была переменным капиталом. Но эта стоимость существовала в такой форме, в которой она могла быть непосредственно превращена в рабочую силу. Оставаясь в форме товара, та же самая переменная капитальная стоимость является пока только потенциальной денежной стоимостью; она может быть снова восстановлена в первоначальной

денежной форме лишь посредством продажи товара, т. е. в данном случае таким способом, что капиталист подразделения II на 1 000 покупает товар у капиталиста подразделения I. Движение обращения здесь таково: 1 000 (деньги) — рабочая сила стоимостью в 1 000 — 1 000 в товаре (эквивалент переменного капитала) — 1 000*v* (деньги), следовательно $D - T \dots T - D (= D - P \dots T - D)$. Самый процесс производства, лежащий между $T \dots T$, не относится к сфере обращения; он не проявляется в обмене различных элементов годового воспроизводства одних на другие, хотя этот обмен включает воспроизводство всех элементов производительного капитала: как постоянных элементов, так и переменного элемента — рабочей силы. Все агенты этого обмена являются только покупателями или продавцами, или и теми и другими; рабочие являются в нем лишь покупателями товаров; капиталисты — попеременно покупателями и продавцами, а в определенных границах — лишь односторонне покупателями товара или односторонне продавцами товара.

Результат таков: совокупный капиталист подразделения I снова владеет переменной частью стоимости своего капитала в денежной форме, из которой эта часть его капитала только и может быть непосредственно превращена в рабочую силу, т. е. опять владеет ею в той единственной форме, в которой она действительно может быть авансирована как переменный элемент его производительного капитала. С другой стороны, чтобы получить возможность вновь выступить в качестве покупателя товара, рабочий теперь опять должен выступить сначала как продавец товара, как продавец своей рабочей силы.

По отношению к переменному капиталу подразделения II (500 II*v*) процесс обращения между капиталистами и рабочими одного и того же подразделения производства, — поскольку мы рассматриваем этот процесс так, как будто он происходит между совокупным капиталистом подразделения II и совокупным рабочим подразделения II, — выступает в прямой форме, без всяких посредствующих звеньев.

Совокупный капиталист подразделения II авансирует 500*v* на покупку рабочей силы такой же стоимости; в этом случае совокупный капиталист — покупатель, совокупный рабочий — продавец. Потом с деньгами, вырученными им за рабочую силу, рабочий выступает как покупатель части товаров, произведенных им же самим. Следовательно, капиталист здесь — продавец. Рабочий частью произведенного им товарного капитала подразделения II, а именно 500*v* в товаре, возместил капиталисту деньги, уплаченные последним при покупке рабочей силы; теперь капиталист владеет в товарной форме тем же *v*, каким он владел в денежной форме раньше, перед превращением денег в рабочую силу; с другой стороны, рабочий стоимость своей рабочей силы реализовал в деньгах, и

теперь, в свою очередь, реализует эти деньги, расходуя их как доход на свое потребление, на покупку части произведенных им самим предметов потребления. Это — обмен дохода рабочего в денежной форме на воспроизведенную им самим в товарной форме составную часть товара на $500v$, принадлежащую капиталисту. Таким образом эти деньги возвращаются к капиталисту подразделения II как денежная форма его переменного капитала. Эквивалентная стоимость дохода в денежной форме возмещает здесь переменную капитальную стоимость в товарной форме.

Капиталист не обогащается от того, что деньги, уплаченные им рабочему при покупке рабочей силы, он опять отбирает у рабочего посредством продажи ему эквивалентной массы товаров. По существу он оплатил бы рабочего дважды, если бы он сначала уплатил ему 500 при покупке его рабочей силы и потом, кроме того, дал бы ему даром то количество товаров стоимостью в 500, которое он заставил рабочего произвести. Наоборот, если бы рабочий не произвел для капиталиста ничего больше, кроме 500 в товарной форме, т. е. ничего кроме эквивалента цены своей рабочей силы в 500, то после этой операции капиталист остался бы при том же, при чем был и раньше. Но рабочий воспроизвел продукт стоимостью в 3 000; он сохранил постоянную часть стоимости продукта, т. е. стоимость потребленных на продукт средств производства = 2 000, превратив их в новый продукт; кроме того, к этой данной стоимости он присоединил стоимость в 1 000 ($v + m$). (Представление, будто капиталист обогащается в том смысле, что получает прибавочную стоимость благодаря обратному притоку 500 в виде денег, развивает Дестют де Траси, о чем подробнее в разделе XIII этой главы.)

Вследствие покупки рабочим подразделения II предметов потребления стоимостью в 500, к капиталисту этого подразделения стоимость $500 Iv$, которая имела у него пока что в товаре, опять возвращается в деньгах, в той форме, в которой он ее первоначально авансировал. Непосредственным результатом сделки, как и при всякой другой продаже товаров, является превращение данной стоимости из товарной формы в денежную форму. Возвращение денег к своему исходному пункту посредством этой сделки тоже не представляет собой ничего особенного. Если бы капиталист подразделения II на 500 деньгами купил у капиталиста подразделения I товара и потом, в свою очередь, продал капиталисту подразделения I товара в сумме на 500, то к нему также возвратились бы 500 деньгами. Эти 500 деньгами послужили бы лишь для обмена массы товаров в 1 000 и, согласно ранее указанному общему закону, возвратились бы к тому, кто первым бросил деньги в обращение для обмена этой товарной массы.

Но те 500 в деньгах, которые возвратились к капиталисту подразделения II, суть в то же время возобновленный потенциальный

переменный капитал в денежной форме. Почему так? Деньги, а следовательно, и денежный капитал, суть потенциальный переменный капитал лишь потому и постольку, поскольку они могут быть превращены в рабочую силу. Возвращение этих 500 ф. ст. деньгами к капиталисту подразделения II сопровождается возвращением рабочей силы подразделения II на рынок труда. Возвращение денег и рабочей силы на противоположные полюсы, — следовательно, и появление вновь этих 500 деньгами не только как денег, но и как переменного капитала в денежной форме, — обусловлено одной и той же процедурой. Деньги = 500 возвращаются к капиталисту подразделения II, потому что он продал рабочему этого подразделения предметы потребления на сумму в 500, следовательно, потому что рабочий израсходовал свою заработную плату и таким образом получил возможность содержать себя и семью, а вместе с тем сохранять и свою рабочую силу. Чтобы жить и впредь иметь возможность выступать в качестве покупателя товаров, рабочий должен снова продать свою рабочую силу. Таким образом возвращение к капиталисту подразделения II этих 500 деньгами является в то же время возвращением, соответственно — сохранением рабочей силы в качестве товара, который можно купить на эти 500 деньгами, а потому является возвращением этих 500 деньгами как потенциального переменного капитала.

Что касается капиталистов подотдела IIb, производящего предметы роскоши, то с их v — $(IIb)v$ — дело обстоит так же, как с Iv . Деньги, которые для капиталистов подотдела IIb возобновляют их переменный капитал в денежной форме, притекают к ним окольным путем, через руки капиталистов подотдела IIa. Но тем не менее имеется различие в том, покупают ли рабочие свои жизненные средства непосредственно у тех капиталистических производителей, которым они продают свою рабочую силу, или же они покупают их у другой категории капиталистов, при посредстве которых деньги возвращаются к первым лишь окольным путем. Так как рабочий класс живет, перебиваясь со дня на день, то он покупает, пока может покупать. Иначе обстоит дело с капиталистом, например при обмене 1 000 IIc на 1 000 Iv. Капиталист живет, не перебиваясь со дня на день. Для него побудительным мотивом является возможно большее увеличение стоимости его капитала. Поэтому, если возникают такие обстоятельства, благодаря которым капиталисту подразделения II кажется выгоднее не возобновлять немедленно свой постоянный капитал, а хотя бы отчасти удержать его в денежной форме на более продолжительное время, то возвращение этих 1 000 IIc (в деньгах) к капиталисту подразделения I замедляется; следовательно, замедляется и восстановление 1 000 Iv в денежной форме, и капиталист подразделения I может продолжать работу в прежнем масштабе лишь при том условии, если в распоряжении у него имеются запасные деньги, — как и вообще требуется

запасной капитал в деньгах для того, чтобы можно было непрерывно продолжать работу, независимо от ускоренного или замедленного возврата в денежной форме переменной капитальной стоимости.

При исследовании обмена различных элементов текущего годового воспроизводства необходимо исследовать также и результат истекшего годового труда, труда уже закончившегося года. Процесс производства, результатом которого является этот годовой продукт, остался позади нас, прошел, представлен теперь своим продуктом; следовательно, тем более относится это к процессу обращения, который предшествует процессу производства или идет параллельно с ним, к превращению потенциального переменного капитала в действительный переменный капитал, т. е. к купле и продаже рабочей силы. Рынок труда уже не составляет части того товарного рынка, который имеется здесь перед нами. Здесь рабочий уже не только продал свою рабочую силу, но и доставил в товарной форме, кроме прибавочной стоимости, эквивалент цены своей рабочей силы; с другой стороны, заработная плата уже у него в кармане, и при обмене он фигурирует лишь как покупатель товара (предметов потребления). Но далее, годовой продукт должен содержать в себе все элементы для воспроизводства, должен воспроизвести все элементы производительного капитала, следовательно, должен воспроизвести прежде всего важнейший элемент — переменный капитал. И мы действительно видели, что по отношению к переменному капиталу результат обмена таков: рабочий как покупатель товара, расходуя свою заработную плату и потребляя купленный товар, тем самым сохраняет и воспроизводит свою рабочую силу как единственный товар, который он может и должен продавать; мы видели также, что как деньги, авансированные капиталистом на покупку этой рабочей силы, возвращаются к капиталисту, так и рабочая сила в качестве товара, обмениваемого на эти деньги, возвращается на рынок труда; в результате — здесь специально для случая с 1 000 *lv* — мы получаем: на стороне капиталистов подразделения I — 1 000*v* деньгами, на противоположной стороне, на стороне рабочих подразделения I, — рабочая сила стоимостью в 1 000, так что весь процесс воспроизводства в этом подразделении может начаться снова. Это — один результат процесса обмена.

С другой стороны, рабочие подразделения I, расходуя заработную плату, приобретают у капиталистов подразделения II предметы потребления на сумму 1 000*s* и таким образом превращают их из товарной формы в денежную форму; капиталисты подразделения II из этой денежной формы превратили их обратно в натуральную форму своего постоянного капитала, превратили посредством покупки товаров на сумму в 1 000*v* у капиталистов подразделения I, которые таким способом возвратили свою переменную капитальную стоимость опять в денежной форме.

Переменный капитал подразделения I совершает три превращения, которые совсем не проявляются при обмене годового продукта или проявляются лишь как намек.

1) Первая форма, $1\ 000\ l_v$ в деньгах, которые превращаются в рабочую силу такой же стоимости. Само это превращение не проявляется в товарном обмене между I и II подразделением, но его результат проявляется в том, что рабочие подразделения I со своими $1\ 000$ в деньгах противостоят продавцу товаров подразделения II совершенно так же, как рабочие подразделения II, получив 500 в деньгах, противостоят продавцу товаров стоимостью в $500\ l_v$, находящихся в товарной форме.

2) Вторая форма, — единственная, в которой переменный капитал действительно изменяется, функционирует как переменный, в которой сила, создающая стоимость, выступает вместо обмененной на нее, данной стоимости, — эта вторая форма относится исключительно к процессу производства, который уже закончился.

3) Третья форма, в которой переменный капитал проявил себя как таковой в качестве результата процесса производства, есть стоимость, вновь созданная в течение года, следовательно, для подразделения I равна $1\ 000v + 1\ 000m = 2\ 000\ l(v + m)$. Вместо его первоначальной стоимости, равной $1\ 000$ деньгами, выступила вдвое бо́льшая стоимость, равная $2\ 000$ в товаре. А потому переменная капитальная стоимость, равная $1\ 000$ в товаре, образует лишь половину той новой стоимости, которая создана переменным капиталом как элементом производительного капитала. Эти $1\ 000\ l_v$ в товаре представляют собой точный эквивалент той переменной по своему назначению части всего капитала, которую первоначально авансировал совокупный капиталист подразделения I, т. е. точный эквивалент $1\ 000v$ в деньгах; но, существуя в товарной форме, они — деньги лишь потенциально (они станут действительно деньгами лишь посредством продажи товара) и, следовательно, они в еще меньшей мере представляют собой непосредственно переменный денежный капитал. В конечном счете они становятся таковыми посредством продажи товара $1\ 000\ l_v$, причем покупателем является IIc, и посредством немедленного появления вновь рабочей силы как товара, который можно купить, как материала, в который могут превратиться $1\ 000v$ деньгами.

Во время всех этих превращений переменный капитал постоянно остается в руках капиталиста подразделения I: 1) сначала как денежный капитал; 2) потом как элемент его производительного капитала; 3) еще позже как часть стоимости его товарного капитала, следовательно, в виде товарной стоимости; 4) наконец, опять в виде денег, которым опять противостоит рабочая сила, в которую они могут быть превращены. В течение процесса труда переменный капитал находится в руках капиталиста как проявляющая себя в действии, создающая стоимость рабочая сила, а не как стоимость

данной величины; но так как капиталист всегда оплачивает рабочего лишь после того, как сила последнего уже действовала определенное, более или менее продолжительное время, то прежде чем оплатить ее, он уже получает в свои руки созданную ею стоимость как возмещение ее самой плюс прибавочную стоимость.

Так как переменный капитал в той или иной форме постоянно остается в руках капиталиста, то отнюдь нельзя утверждать, что он превращается для кого-либо в доход. Напротив, 1 000 Iv в товаре превращается в деньги посредством продажи этого товара подразделению II, которому возмещается *in natura* половина его постоянного капитала.

В доход превращается не переменный капитал подразделения I, не 1 000 v в форме денег. Эти деньги, как только они превращены в рабочую силу, перестают функционировать как денежная форма переменного капитала подразделения I, — как и деньги всякого другого покупателя товаров перестают представлять что-либо принадлежащее ему, как только они будут превращены в товар какого-либо продавца. Превращения, которые совершают в руках рабочего класса деньги, полученные им как заработная плата, суть превращения не переменного капитала, а стоимости рабочей силы рабочего класса, превращенной в деньги, совершенно так же, как превращение вновь созданной рабочим стоимости (2 000 $I (v + m)$) есть лишь превращение принадлежащего капиталисту товара, насколько не касающееся рабочего. Но капиталист — и в еще большей мере его теоретический истолкователь, политико-эконом — лишь с трудом может отделаться от фантазии, что деньги, выплаченные рабочему, являются все еще его, капиталиста, деньгами. Если капиталист является золотопромышленником, то переменная часть стоимости, т. е. тот эквивалент в форме товара, который возмещает ему покупную цену труда, сама непосредственно появляется в денежной форме, а потому снова, не проделывая окольного пути возвращения, может функционировать как переменный денежный капитал. Но что касается рабочего в подразделении II, — если оставить в стороне рабочих, производящих предметы роскоши, — то само 500 v существует в форме товаров, которые предназначены для потребления рабочего, которые он, рассматриваемый как совокупный рабочий, непосредственно опять покупает у того самого совокупного капиталиста, которому он продал свою рабочую силу. Переменная часть стоимости капитала подразделения II по своей натуральной форме состоит из предметов потребления, в большей части предназначенных для потребления рабочим классом. Но то, что рабочий расходует в такой форме, представляет собой не переменный капитал, а заработную плату, деньги рабочего, которые как раз посредством своей реализации в этих предметах потребления восстанавливают для капиталиста переменный капитал 500 Iv в денежной форме. Переменный капитал Iv

воспроизведен в форме предметов потребления, как и постоянный капитал 2 000 $Ис$; как один, так и другой одинаково не могут быть доходом капиталиста подразделения II. В обоих случаях в доход превращается лишь заработная плата.

Но то обстоятельство, что посредством расходования заработной платы как дохода в одном случае восстанавливаются 1 000 $Ис$ и таким же окольным путем 1 000 $Иv$, а в другом случае восстанавливается 500 $Иv$, следовательно, восстанавливаются в виде денежного капитала постоянный и переменный капитал (последний отчасти путем прямого, отчасти путем непрямого возвращения), — это обстоятельство является важным фактом в обмене годового продукта.

XI. ВОЗМЕЩЕНИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА

Большое затруднение при изображении обменов годового воспроизводства заключается в следующем. Если мы возьмем самую простую форму, в которой представляется дело, то мы получим:

$$(I) 4\,000c + 1\,000v + 1\,000m +$$

$$(II) 2\,000c + 500v + 500m = 9\,000,$$

что в конечном счете разлагается на:

$4\,000\ Ic + 2\,000\ Ис + 1\,000\ Iv + 500\ Иv + 1\,000\ Im + 500\ Иm = 6\,000c + 1\,500v + 1\,500m = 9\,000$. Часть стоимости постоянного капитала, а именно поскольку он состоит из собственно средств труда (как особого подразделения средств производства), перенесена со средств труда на продукт труда (на товар); эти средства труда продолжают функционировать в качестве элементов производительного капитала, причем они сохраняют свою старую натуральную форму; их износ, т. е. та стоимость, которую они постепенно утрачивают при своем функционировании в течение определенного периода времени, — вот что вновь появляется как элемент стоимости товаров, произведенных при помощи этих средств труда, вот что переносится с орудия труда на продукт труда. Следовательно, поскольку речь идет о годовом воспроизводстве, то здесь приходится принять во внимание прежде всего лишь такие составные части основного капитала, продолжительность жизни которых составляет больше одного года. Если в пределах данного года они отжили свой век, то их необходимо целиком возместить и возобновить посредством годового воспроизводства, и потому рассматриваемый вопрос к ним совершенно не относится. Может случиться и довольно часто случается так, что известные отдельные части машин и других сравнительно долговечных форм основного капитала требуют полного возмещения в пределах одного года, несмотря на долговечность всего здания или машины в целом. Эти отдельные части относятся к той же категории элементов основного капитала, которые необходимо возместить в пределах одного года.

Элемент стоимости товаров, подлежащий возмещению в пределах данного года, отнюдь не следует смешивать с издержками на ремонт. Когда товар будет продан, этот элемент стоимости, как и другие, превратится в деньги; но после его превращения в деньги обнаруживается его отличие от других элементов стоимости. Для возобновления воспроизводства товаров (вообще для непрерывного течения процесса производства товаров) сырые и вспомогательные материалы, потребленные при производстве этих товаров, должны быть возмещены *in natura*; израсходованная на них рабочая сила точно так же должна быть возмещена свежей рабочей силой. Следовательно, вырученные за товар деньги постоянно приходится снова и снова превращать в эти элементы производительного капитала, превращать из денежной формы в товарную форму. Суть дела нисколько не меняется от того, что, например, сырые и вспомогательные материалы через известные сроки закупаются сравнительно крупными массами, так что они образуют производственные запасы, следовательно, что эти средства производства в течение известного времени не приходится покупать вновь, а потому деньги, поступающие от продажи товаров, поскольку эти деньги служат для закупок про запас, могут накапливаться до тех пор, пока хватает наличных средств производства, причем эта часть постоянного капитала временно является денежным капиталом, активное функционирование которого отсрочено. Этот капитал не есть доход; это — производительный капитал, задерживаемый в денежной форме. Возобновление средств производства должно совершаться постоянно, хотя форма этого возобновления, рассматриваемая в связи с обращением, может быть различной. Новая закупка, т. е. та операция в сфере обращения, посредством которой они возобновляются, возмещаются, может совершаться через продолжительные сроки: в таком случае имеет место крупная затрата денег, совершаемая разом и компенсируемая соответствующим производственным запасом; или же эта операция совершается в сроки, быстро следующие один за другим, в таком случае денежные затраты производятся сравнительно небольшими суммами, быстро следующими одна за другой, а производственные запасы незначительны. Все это нисколько не меняет сути самого дела. То же и с рабочей силой. Там, где производство непрерывно ведется на протяжении года в одном и том же масштабе, там происходит постоянное возмещение потребленной рабочей силы новой рабочей силой; где работа имеет сезонный характер или в различные периоды применяются различные количества труда, как в земледелии, там имеет место купля соответственно то меньшего, то большего количества рабочей силы. Напротив, деньги, вырученные от продажи товара, поскольку эти деньги представляют ту часть стоимости товара, которая равна износу основного капитала, не превращаются опять в составную часть производительного капитала, утрату стоимости

которого они возмещают. Они осаждаются и сохраняются в своей денежной форме наряду с производительным капиталом. Такое оседание денег повторяется до тех пор, пока не истечет состоящий из большего или меньшего ряда лет период воспроизводства, во время которого основной элемент постоянного капитала в своей старой натуральной форме продолжает функционировать в процессе производства. К тому времени, когда основной элемент постоянного капитала — постройки, машины и т. д. — отживет свой век, утратит способность функционировать в процессе производства, к этому времени его стоимость уже существует рядом с ним, полностью возмещенная деньгами, т. е. той суммой денежных осадков, стоимостей, постепенно перенесенных с основного капитала на товары, в производстве которых он принимал участие, и перешедших в денежную форму посредством продажи товаров. Затем эти деньги служат для возмещения основного капитала (или его элементов, так как различные элементы основного капитала имеют различную продолжительность жизни) *in natura*, и таким образом они служат для действительного обновления этой составной части производительного капитала. Следовательно, эти деньги представляют собой денежную форму одной части постоянной капитальной стоимости, ее основной части. Следовательно, это образование сокровища само является элементом капиталистического процесса воспроизводства, воспроизводством и сосредоточением — в денежной форме — стоимости основного капитала или его отдельных элементов до тех пор, пока основной капитал не отживет свой век и, следовательно, не передаст всей своей стоимости произведенным товарам, так что его необходимо будет возместить *in natura*. И лишь тогда, когда эти деньги превращаются в новые элементы основного капитала, чтобы возместить элементы капитала, отжившие свой век, лишь тогда они утрачивают свою форму сокровища и потому вновь активно вступают в процесс воспроизводства капитала, опосредствуемый обращением.

Как простое товарное обращение не тождественно с простым обменом продуктов, так и обращение годового товарного продукта нельзя разложить на простой, непосредственный взаимный обмен его различных составных частей. Деньги играют в нем специфическую роль, которая находит свое выражение особенно в способе воспроизводства основной капитальной стоимости. (Позже надо будет исследовать, как все это предстало бы в ином виде, если предположить, что производство является коллективным и не имеет формы товарного производства.)

Если мы теперь вернемся к основной схеме, то для подразделения II у нас было: $2\,000c + 500v + 500m$. Вся сумма предметов потребления, произведенных в течение года, равна здесь стоимости в 3 000; и каждый из различных товарных элементов, составляющих эту сумму товаров, по своей стоимости распадается на

$\frac{2}{3}c + \frac{1}{6}v + \frac{1}{6}m$, или, в процентах, на $66\frac{2}{3}\%c + 16\frac{2}{3}\%v + 16\frac{2}{3}\%m$. Различные виды товаров подразделения II могут содержать стоимость постоянного капитала в различных пропорциях; точно так же в этих товарах может быть различной стоимость основной части постоянного капитала; точно так же различна и продолжительность жизни основных частей капитала, а следовательно, и годовой износ или та часть стоимости, которую они *pro rata* переносят на товары, производимые при их участии. Все это здесь не имеет никакого значения. Рассматривая общественный процесс воспроизводства, мы говорим только об обмене между подразделением II и подразделением I. Но подразделения II и I противостоят здесь друг другу лишь в их общественных, массовых отношениях; поэтому пропорциональная величина c = части стоимости товарного продукта подразделения II (только эта часть и имеет решающее значение для решения того вопроса, который теперь рассматривается) представляет собой то среднее отношение, которое получится, если подвести общий итог по всем отраслям производства, входящим в подразделение II.

Таким образом каждый из товарных видов (а это по большей части одни и те же виды товаров), общая стоимость которых представлена как $2\,000c + 500v + 500m$, одинаково равен по своей стоимости $66\frac{2}{3}\%c + 16\frac{2}{3}\%v + 16\frac{2}{3}\%m$. Это относится к любым 100 единицам товаров, фигурируют ли они как c , или как v , или же как m .

Товары, в которых воплощены $2\,000c$, в свою очередь, можно разложить по стоимости на:

$$1) \quad 1\,333\frac{1}{3}c + 333\frac{1}{3}v + 333\frac{1}{3}m = 2\,000c;$$

точно так же $500v$ можно разложить на:

$$2) \quad 333\frac{1}{3}c + 83\frac{1}{3}v + 83\frac{1}{3}m = 500v;$$

наконец, $500m$ можно разложить на:

$$3) \quad 333\frac{1}{3}c + 83\frac{1}{3}v + 83\frac{1}{3}m = 500m.$$

Если мы теперь сложим все части c , указанные в пунктах 1, 2 и 3, то получим $1\,333\frac{1}{3}c + 333\frac{1}{3}c + 333\frac{1}{3}c = 2\,000$. Точно так же при сложении всех частей v получим: $333\frac{1}{3}v + 83\frac{1}{3}v + 83\frac{1}{3}v = 500$, и то же самое получается при сложении всех частей m ; сложение всех этих итогов по-прежнему даст общую сумму стоимостью в 3 000.

Итак, вся постоянная капитальная стоимость, заключающаяся в товарной массе подразделения II общей стоимостью в 3 000, содержится в $2\,000c$, но ни $500v$, ни $500m$ не содержат ни одного атома этой стоимости c . Это же относится в свою очередь и к v и к m .

Другими словами: вся та доля товарной массы подразделения II, которая представляет стоимость постоянного капитала и потому снова может быть превращена, — все равно, в его натуральную или в денежную форму, — существует в $2\,000c$. Следовательно, все то, что имеет отношение к обмену постоянной стоимости

товаров подразделения II, ограничивается движением стоимости 2 000 Пс; и этот обмен возможен лишь на стоимость I ($1\,000v + 1\,000m$).

Точно так же для подразделения I все, что имеет отношение к обмену постоянной капитальной стоимости этого подразделения, следует ограничить рассмотрением 4 000 Іс.

1) ВОЗМЕЩЕНИЕ В ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЕ
ЧАСТИ СТОИМОСТИ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА,
УТРАЧЕННОЙ ВСЛЕДСТВИЕ ИЗНОСА

Если мы возьмем теперь прежде всего:

$$\text{I. } 4\,000c + \underbrace{1\,000v + 1\,000m}_{\text{}} \\ \text{II. } \dots\dots\dots 2\,000c + 500v + 500m,$$

то обмен товаров 2 000 Пс на товары той же стоимости I ($1\,000v + 1\,000m$) предполагал бы, что 2 000 Пс *in natura* целиком снова превращаются в произведенные подразделением I натуральные составные части постоянного капитала подразделения II; но товарная стоимость в 2 000, в виде которой существует последний, содержит в себе элемент, который компенсирует убыль стоимости основного капитала, но который не приходится немедленно возмещать *in natura*; этот элемент должен превращаться в деньги, постепенно накапливаемые в общую сумму до тех пор, пока не наступит срок возобновления основного капитала в его натуральной форме. Каждый год является годом смерти основного капитала, его приходится возмещать то в одном, то в другом отдельном предприятии, или то в одной, то в другой отрасли промышленности; в одном и том же индивидуальном капитале приходится возмещать то одну, то другую часть основного капитала (так как его части имеют различную продолжительность жизни). Рассматривая годовое воспроизводство — хотя бы и в неизменном масштабе, т. е. абстрагируясь от всякого накопления, — мы начинаем не *ab ovo* *; мы рассматриваем один год из ряда многих, и этот год — не первый год жизни капиталистического производства. Следовательно, различные капиталы, вложенные в разнообразные отрасли производства подразделения II, имеют различный возраст, и, подобно тому как ежегодно умирают люди, работающие в этих отраслях производства, точно так же массы основных капиталов ежегодно достигают конца своей жизни и должны возобновляться *in natura* за счет накопленного денежного фонда. Постольку обмен 2 000 Пс на 2 000 I ($v + m$) включает в себя превращение 2 000 Пс из его товарной формы (предметов потребления) в натуральные элемен-

* — с самого начала. *Ред.*

ты, которые состоят не только из сырых и вспомогательных материалов, но также из натуральных элементов основного капитала — машин, орудий труда, построек и т. д. Поэтому тот износ, который в стоимости 2 000 Пс возмещается *деньгами*, отнюдь не соответствует размеру функционирующего основного капитала, так как часть последнего ежегодно приходится возмещать *in natura*; и поэтому предполагается, что в предыдущие годы в руках капиталистов подразделения II накопились деньги, необходимые для этого обмена. Но это предположение в такой же мере относится к текущему году, в какой оно принимается и для прошлых лет.

В обмене между I ($1\,000v + 1\,000m$) и 2 000 Пс следует прежде всего отметить, что в сумме стоимости I ($v + m$) не содержится элементов постоянной стоимости, а следовательно, не содержится элементов стоимости, необходимых для возмещения износа, т. е. не содержится стоимости, перенесенной с основной составной части постоянного капитала на те товары, в натуральной форме которых существует $v + m$. Напротив, в стоимости Пс этот элемент существует, и именно часть этого элемента стоимости, обязанного своим существованием основному капиталу, не приходится непосредственно превращать из денежной формы в натуральную форму, а приходится сначала сохранять в денежной форме. Поэтому при обмене I ($1\,000v + 1\,000m$) на 2 000 Пс мы тотчас же наталкиваемся на то затруднение, что средства производства подразделения I, в натуральной форме которых существуют 2 000 ($v + m$), на всю сумму своей стоимости в 2 000 должны быть обменены на эквивалент, существующий в виде предметов потребления подразделения II; напротив, с другой стороны, предметы потребления 2 000 Пс не могут быть обменены на средства производства подразделения I ($1\,000v + 1\,000m$) на всю сумму своей стоимости, так как некоторая часть их стоимости, — равная износу, который подлежит возмещению, или равная убыли стоимости основного капитала, — сначала должна осесть в виде денег, которые уже не будут функционировать снова как средства обращения в пределах того текущего годового периода воспроизводства, который здесь только и рассматривается. Но деньги, в которые превращается элемент износа, заключающийся в товарной стоимости 2 000 Пс, — эти деньги могут поступить только от капиталистов подразделения I, так как капиталисты подразделения II не могут оплачивать самих себя, а получают их лишь вследствие продажи своего товара, и так как, согласно предположению, I ($v + m$) покупает всю сумму товаров 2 000 Пс; следовательно, посредством этой купли подразделение I должно превратить в деньги упомянутый износ основного капитала подразделения II. Но, согласно ранее изложенному закону, деньги, авансированные для обращения, возвращаются к капиталистическому производителю, который позже бросает в обращение равную стоимость в виде товара. Ясно, что подразделение I,

покупая II_c , не может дать подразделению II на 2 000 товарами и, кроме того, раз навсегда отдать еще дополнительную денежную сумму (отдать ее так, чтобы она не возвращалась к нему посредством операции обмена). Это вообще означало бы, что товарная масса II_c покупается выше ее стоимости. Если подразделение II в обмен на свои 2 000с действительно получает I ($1\,000v + 1\,000m$), то ему не приходится требовать от подразделения I ничего больше, и деньги, обращавшиеся при этом обмене, возвращаются к капиталистам подразделения I или II в зависимости от того, кто из них бросил деньги в обращение, т. е. кто из них раньше выступил в качестве покупателя. Вместе с тем подразделение II в таком случае превратило бы свой товарный капитал на всю сумму его стоимости в натуральную форму средств производства, между тем как у нас предположено, что некоторая часть этого товарного капитала, будучи продана в период воспроизводства текущего года, не превращается из денег снова в натуральную форму основных элементов постоянного капитала подразделения II . Следовательно, итоговая разница в форме денег могла бы возвратиться в подразделение II лишь при том условии, если бы это подразделение продало подразделению I именно на 2 000, а купило бы у них меньше, чем на 2 000, например, только на 1 800; тогда подразделение I должно было бы покрыть деньгами сальдо в размере 200, которые не возвратятся к нему, потому что эта сумма денег, авансированная для обращения, не была бы вновь извлечена из него посредством внесения в обращение товаров стоимостью в 200. В таком случае для подразделения II у нас оказался бы денежный фонд в счет износа его основного капитала; но на другой стороне, т. е. на стороне подразделения I , у нас оказалось бы перепроизводство средств производства на сумму в 200 и таким образом была бы разрушена вся основа схемы, а именно было бы нарушено воспроизводство в неизменном масштабе, при котором предполагается полная пропорциональность между различными подразделениями производства. Одно затруднение было бы лишь заменено другим, гораздо более неприятным.

Так как эта проблема представляет особые затруднения и политико-экономию до сих пор ею вообще не занимались, то мы последовательно рассмотрим все возможные (по крайней мере возможные по видимости) решения или, точнее, различную постановку самой проблемы.

Прежде всего, мы только что предположили, что подразделение II продает подразделению I на 2 000, а покупает у него товаров лишь на 1 800. В товарной стоимости 2 000 II_c заключается стоимость в 200 для возмещения износа основного капитала, которая подлежит сохранению в форме денег, в форме сокровища; таким образом стоимость 2 000 II_c распадается на 1 800, которые должны быть обменены на средства производства подразделения I , и на 200 для возмещения износа основного капитала, которые (после

продажи 2 000с подразделению I) должны быть удержаны в деньгах. Или по своей стоимости 2 000 Пс были бы равны $1\,800с + 200с (d)$, где $d = \text{déchet}$ {износ}.

В таком случае нам следовало бы рассмотреть

обмен I. $\underbrace{1\,000v + 1\,000m}$

II. $1\,800с + 200с (d)$

На 1 000 ф. ст., которые в виде заработной платы получили рабочие в уплату за их рабочую силу, подразделение I покупает предметы потребления стоимостью в 1 000 Пс; подразделение II на эти же самые 1 000 ф. ст. покупает средства производства стоимостью в 1 000 Iv. Таким образом к капиталистам подразделения I притекает обратно их переменный капитал в денежной форме, и на следующий год они могут купить на него рабочую силу такой же стоимости, т. е. могут возместить *in natura* переменную часть своего производительного капитала. — Далее, подразделение II на авансированные 400 ф. ст. покупает средства производства Im, а Im на те же самые 400 ф. ст. покупает предметы потребления Пс. Те 400 ф. ст., которые подразделение II авансировало для обращения, возвратились таким образом к капиталистам этого подразделения, но возвратились только как эквивалент за проданный товар. Подразделение I на авансированные 400 ф. ст. покупает предметы потребления; подразделение II покупает у подразделения I средства производства на 400 ф. ст., благодаря чему эти 400 ф. ст. возвращаются к капиталистам подразделения I. Значит, счет до сих пор таков:

Подразделение I бросает в обращение $1\,000v + 800m$ в форме товаров; далее, оно бросает в обращение в форме денег: 1 000 ф. ст. на заработную плату и 400 ф. ст. для обмена с подразделением II. По окончании обмена подразделение I имеет: 1 000v деньгами, 800m, превращенные в 800 Пс (предметы потребления), и 400 ф. ст. деньгами.

Подразделение II бросает в обращение 1 800с в форме товаров (предметы потребления) и 400 ф. ст. в форме денег; по окончании обмена оно имеет: 1 800 в товарах подразделения I (средства производства) и 400 ф. ст. деньгами.

Теперь у нас на стороне подразделения I остается еще 200m (в средствах производства), на стороне подразделения II — 200с (d) (в предметах потребления).

Согласно предположению, подразделение I на 200 ф. ст. покупает предметы потребления с (d) общей стоимостью в 200; но подразделение II удерживает эти 200 ф. ст., так как 200 с (d) представляют износ основного капитала, следовательно, они не подлежат непосредственному превращению в средства производства. Итак, 200 Im не могут быть проданы; $\frac{1}{5}$ прибавочной стоимости подразделения I, подлежащая возмещению, не может быть реализована,

не может превратиться из своей натуральной формы средств производства в натуральную форму предметов потребления.

Это не только противоречит предположению о простом воспроизводстве; это само по себе не является гипотезой для объяснения того, каким образом происходит превращение в деньги $200c$ (d). Напротив, это значит, что такое превращение вообще необъяснимо. Так как нельзя доказать, каким образом $200c$ (d) могут превратиться в деньги, то предполагается, что подразделение I из любезности превращает их в деньги, а именно потому, что оно не в состоянии превратить в деньги свой собственный остаток в $200m$. Видеть в этом нормальную операцию механизма обмена — это равносильно предположению, что 200 ф. ст. ежегодно падают с неба, чтобы регулярно превращать $200c$ (d) в деньги.

Однако нелепость подобной гипотезы так прямо не бросается в глаза, когда $1m$ не выступает в своей первоначальной форме существования, а именно не выступает в качестве составной части стоимости средств производства, т. е. в качестве составной части стоимости товаров, которые их капиталистические производители должны посредством продажи реализовать в деньгах, а вместо этого оказывается в руках тех, с кем капиталисты делят прибавочную стоимость, например, в качестве земельной ренты она оказывается в руках земельных собственников или в качестве процента — в руках кредиторов, ссудивших деньги. Но если та часть заключающейся в товарах прибавочной стоимости, которую промышленный капиталист должен отдать как земельную ренту или как процент другим совладельцам прибавочной стоимости, если эта часть прибавочной стоимости в течение длительного времени не может быть реализована посредством продажи самих товаров, то это означает, что наступил конец и для уплаты ренты или процента, и потому ни земельные собственники, ни получатели процента не смогут посредством расходования ренты и процента служить в качестве *dei ex machina* * для того, чтобы по их усмотрению превращать в деньги определенные части годового воспроизводства. Так же обстоит дело с расходами всех так называемых непроизводительных работников — государственных чиновников, врачей, адвокатов и т. д., и вообще всех тех, кто в облике «большой публики» оказывает политико-экономам ту «услугу», что объясняет необъясненное ими.

Так же мало помогает делу, когда, вместо прямого обмена между I и II — между этими двумя крупными подразделениями самих капиталистических производителей, — привлекают в качестве посредника купца и при помощи его «денег» обходят все затруднения. Например, в данном случае $200\ 1m$ в конце концов должны

* — буквально: «бога из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле выражение «бог из машины» означает неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение.
Ред.

быть окончательно сбыты промышленным капиталистам подразделения II. Пусть они пройдут через руки ряда купцов, — и все же последний из них окажется, согласно гипотезе, в таком же положении по отношению к капиталистам подразделения II, в каком сначала находились капиталистические производители подразделения I, т. е. купцы не могут продать 200 *Im* капиталистам подразделения II, и затраченная ими сумма на покупку 200 *Im* не может возобновить тот же самый процесс для подразделения I.

Отсюда видно, что если даже отвлечься от нашей настоящей цели, совершенно необходимо рассматривать процесс воспроизводства в его основной форме, в которой устранены все затемняющие дело побочные обстоятельства, как необходимо это и для того, чтобы разделаться с фальшивыми увертками, которые создают видимость «научного» объяснения, делая с самого начала предметом анализа общественный процесс воспроизводства в его запутанной конкретной форме.

Итак, закон, согласно которому деньги, авансированные капиталистическим производителем для обращения, при нормальном ходе воспроизводства (в неизменном ли, в расширенном ли масштабе) должны возвращаться к своему исходному пункту (причем безразлично, принадлежат ли деньги самим капиталистическим производителям или взяты ими займы), — этот закон раз навсегда исключает ту гипотезу, что 200 *IIc* (d) превращаются в деньги посредством тех денег, которые авансировало подразделение I.

2) ВОЗМЕЩЕНИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА IN NATURA

Выяснив несостоятельность только что рассмотренной гипотезы, нам остается предположить еще лишь такие возможности, которые, кроме возмещения деньгами износа основного капитала, включают также и возмещение in natura того основного капитала, который полностью отжил свой век.

До сих пор мы предполагали:

а) что 1 000 ф. ст., которые подразделение I выплатило в виде заработной платы, расходуются рабочими на *IIc* той же стоимости, т. е. что они покупают на эти 1 000 ф. ст. предметы потребления.

То, что подразделение I авансирует здесь указанные 1 000 ф. ст. в деньгах, это является только констатированием факта. Соответствующие капиталистические производители должны выплатить заработную плату деньгами; потом эти деньги расходуются рабочими на жизненные средства и, в свою очередь, для продавцов жизненных средств они снова служат средством обращения при превращении их постоянного капитала из товарного капитала в производительный капитал. Правда, эти деньги проходят при этом через многие каналы (розничные торговцы, домовладельцы, сборщики налогов, непроизводительные работники, как-то врачи и т. д., в ко-

торых нуждается сам рабочий), и потому лишь часть их из рук рабочих подразделения I притекает непосредственно в руки капиталистов подразделения II. Течение этих денег может в большей или меньшей мере приостановиться, поэтому на стороне капиталистов могут оказаться необходимыми новые денежные резервы. При рассмотрении основной формы воспроизводства мы все это оставляем в стороне.

б) Выше предполагалось также, что один раз подразделение I авансирует на покупку у подразделения II добавочно еще 400 ф. ст. деньгами, которые притекают к нему обратно, а другой раз подразделение II на покупку у подразделения I авансирует тоже 400 ф. ст., которые возвращаются к нему. Это предположение необходимо, так как было бы произвольным обратное предположение, что либо капиталисты подразделения I, либо капиталисты подразделения II односторонне авансируют на обращение деньги, необходимые для обмена товаров. Так как в предыдущем параграфе 1) было показано, что приходится отвергнуть ту нелепую гипотезу, согласно которой добавочные деньги, необходимые для превращения 200 Пс (d) в деньги, бросает в обращение подразделение I, то, очевидно, остается еще лишь одна гипотеза, которая кажется еще более нелепой, а именно: подразделение II само бросает в обращение деньги, при посредстве которых превращается в денежную форму та составная часть стоимости товара, которая должна возместить износ основного капитала. Например, часть стоимости, которую во время производства утрачивает прядильная машина господина X, вновь появляется как часть стоимости пряжи; то, что на одной стороне утрачено его прядильной машиной в стоимости, ее износ, должно собираться у него же на другой стороне в виде денег. Пусть капиталист X покупает, например, на 200 ф. ст. хлопка у капиталиста Y и таким образом авансирует для обращения 200 ф. ст. деньгами; капиталист Y покупает у него пряжу на эти самые 200 ф. ст., и эти 200 ф. ст. служат теперь для капиталиста X как фонд для возмещения износа прядильной машины. Это сводилось бы просто к тому, как если бы капиталист X, независимо от своего производства, от продукта производства и продажи этого продукта, имел *in petto* * 200 ф. ст. для того, чтобы уплатить самому себе за убыль стоимости прядильной машины, т. е. как если бы он, кроме этой убыли стоимости своей прядильной машины на 200 ф. ст., должен был ежегодно добавлять из своего кармана еще по 200 ф. ст. деньгами для того, чтобы в конце концов иметь возможность купить новую прядильную машину.

Но это только кажущаяся нелепость. Подразделение II состоит из капиталистов, основной капитал которых находится на совершенно различных стадиях своего воспроизводства. У одних уже

* — здесь: в своем кошельке. *Ред.*

наступил срок, когда он целиком должен быть возмещен *in natura*. У других основной капитал более или менее далек от этой стадии; для всех членов этой последней группы капиталистов обще то, что их основной капитал не воспроизводится реально, т. е. не возобновляется *in natura*, не возмещается новым экземпляром того же рода, но что его стоимость последовательно собирается в форме денег. Первая же группа капиталистов находится совершенно (или отчасти, что здесь не имеет значения) в таком же положении, как и при учреждении своего предприятия, когда капиталисты с денежным капиталом выступили на рынке, чтобы превратить его, с одной стороны, в постоянный (основной и оборотный) капитал, а с другой стороны — в рабочую силу, в переменный капитал. Как и тогда, теперь им приходится снова авансировать этот денежный капитал для обращения, — следовательно, приходится авансировать стоимость постоянного основного капитала точно так же, как стоимость оборотного и переменного капитала.

Итак, предполагается, что из 400 ф. ст., бросаемых в обращение капиталистами подразделения II для обмена с подразделением I, одна половина поступает от таких капиталистов подразделения II, которые должны посредством продажи своих товаров не только возместить свои средства производства, относящиеся к оборотному капиталу, но и возобновить свой основной капитал *in natura* посредством авансирования своих денег; между тем другая половина капиталистов подразделения II на свои деньги возмещает *in natura* только оборотную часть своего постоянного капитала, но не возобновляет свой основной капитал *in natura*. При таком предположении решительно нет ничего противоречивого в том, что возвращающиеся назад 400 ф. ст. (возвращающиеся, когда подразделение I покупает на них предметы потребления) различно распределяются между этими двумя группами капиталистов подразделения II. Они притекают обратно к капиталистам подразделения II, но они возвращаются не в прежние руки, а различно распределяются внутри этого подразделения, переходят от одной части его капиталистов к другой.

Одна часть капиталистов подразделения II, кроме части средств производства, в конечном счете оплаченных товарами этих капиталистов, превратила 200 ф. ст. деньгами в новые элементы основного капитала *in natura*. Их деньги, израсходованные таким образом, — как при начале предприятия, — лишь в течение ряда лет постепенно возвращаются к ним из обращения как соответствующая износу основного капитала составная часть стоимости товаров, произведенных при помощи этого основного капитала.

Напротив, другая часть капиталистов подразделения II на 200 ф. ст. не получила никаких товаров от капиталистов подразделения I, но капиталисты подразделения I платят за их товары теми деньгами, на которые первая часть капиталистов подразделения II

купила элементы основного капитала. Одна часть капиталистов подразделения II опять располагает своей основной капитальной стоимостью в обновленной натуральной форме, другая — все еще занята тем, что собирает эту стоимость в денежной форме для возмещения своего основного капитала *in natura* в последующее время.

Положение, из которого нам следует исходить, таково: после прежних обменов остаток подлежащих обмену товаров на обеих сторонах составляет $400m$ для подразделения I, и $400c$ для подразделения II⁵²⁾. Мы предполагаем, что подразделение II авансирует 400 деньгами для обмена этих товаров в сумме на 800. Половина 400 деньгами (= 200) при всех условиях должна быть затрачена той частью II_c, которая накопила 200 в денежной форме как стоимость износа основного капитала и которая теперь должна снова превратить их обратно в натуральную форму своего основного капитала.

Совершенно так же, как постоянная капитальная стоимость, переменная капитальная стоимость и прибавочная стоимость, — на которые может быть разложена стоимость товарных капиталов подразделений II и I, — могут быть представлены в особых пропорциональных долях самих товаров подразделения II, соответственно — товаров подразделения I; совершенно так же может быть представлена в пределах самой постоянной капитальной стоимости и та часть стоимости, которую еще не приходится превращать в натуральную форму основного капитала, но необходимо пока постепенно накапливать в денежной форме как сокровище. Известное количество товаров подразделения II (следовательно, в нашем примере — половина остатка = 200) является здесь лишь носителем этой стоимости износа основного капитала, которой предстоит посредством обмена оседать в форме денег. (Первая часть капиталистов подразделения II, возобновляющая основной капитал *in natura*, вместе со стоимостью износа основного капитала, заключающейся в той товарной массе, от которой здесь фигурирует лишь остаток, быть может, уже реализовала для себя некоторую часть стоимости износа основного капитала; но им остается, таким образом, реализовать еще 200 в деньгах.)

Далее, что касается второй половины (= 200) тех 400 ф. ст., которые подразделение II бросило в обращение при этой заключительной операции, то на нее покупаются у подразделения I оборотные составные части постоянного капитала. Возможно, что часть этих 200 ф. ст. бросили в обращение обе группы капиталистов подразделения II, или же только та их группа, которая не возобновляет *in natura* основную составную часть стоимости.

⁵²⁾ Цифры опять не согласуются с взятыми ранее. Однако это не имеет значения, так как дело касается здесь только определенных пропорций. — Ф. Э.

Итак, посредством 400 ф. ст. из подразделения I извлечено: 1) на сумму в 200 ф. ст. такие товары, которые состоят лишь из элементов основного капитала, 2) на сумму в 200 ф. ст. такие товары, которые возмещают в натуральной форме лишь элементы оборотной части постоянного капитала подразделения II. Подразделение I продало теперь весь свой годовой товарный продукт, поскольку его надлежало продать подразделению II, но стоимость одной пятой этого продукта, т. е. 400 ф. ст., теперь находится в распоряжении подразделения I в денежной форме. Однако эти деньги представляют собой превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая как доход должна быть израсходована на предметы потребления. Итак, подразделение I на эти 400 покупает товарную стоимость подразделения II = 400. Таким образом, привнеся в движение товар подразделения II, деньги притекают обратно в это же подразделение.

Возьмем теперь три случая. При этом ту часть капиталистов подразделения II, которая возмещает основной капитал *in natura*, мы назовем «часть 1», а ту, которая накапливает в денежной форме стоимость износа основного капитала, назовем «часть 2». Три случая таковы: а) некоторая доля тех 400, которые как остаток еще существуют в виде товаров подразделения II, должна возместить известную долю оборотных частей постоянного капитала для части 1 и части 2 (скажем, по $\frac{1}{2}$); б) часть 1 уже продала весь свой товар, следовательно, часть 2 еще должна продать 400; в) часть 2 продала все, кроме тех 200, в которых заключается стоимость износа основного капитала.

Тогда мы получаем следующие распределения:

а) Из товарной стоимости = 400с, которая еще остается в руках подразделения II, части 1 принадлежат 100 и части 2 — 300; 200 из этих 300 представляют износ основного капитала. В этом случае из тех 400 ф. ст. деньгами, которые подразделение I теперь направляет обратно, чтобы получить товары подразделения II, часть 1 первоначально затратила 300, а именно: деньгами 200, на которые она извлекла из подразделения I элементы основного капитала *in natura* и деньгами же еще 100 для опосредствования ее товарного обмена с подразделением I; напротив, часть 2 из этих 400 авансировала только $\frac{1}{4}$, т. е. 100, — тоже для опосредствования своего товарного обмена с подразделением I.

Итак, из этих 400 деньгами часть 1 авансировала 300 и часть 2 авансировала 100.

Но из этих 400 возвращаются:

К части 1 — 100, следовательно, только $\frac{1}{3}$ авансированных ею денег. Но взамен остальных $\frac{2}{3}$ она обладает возобновленным основным капиталом стоимостью в 200. За этот основной элемент капитала стоимостью в 200 она отдала подразделению I деньги, но после этого не продавала своего товара. Поскольку дело касается

этих 200 деньгами, часть 1 выступает по отношению к подразделению I только в качестве покупателя, но не выступает затем в качестве продавца. Следовательно, эти деньги не могут возвратиться к части 1; иначе вышло бы, что она получила элементы основного капитала в подарок от подразделения I. — Поскольку же дело касается остальной трети денег, авансированных частью 1, постольку эта часть 1 выступает сначала как покупатель оборотных составных частей своего постоянного капитала. На эти же самые деньги подразделение I покупает у части 1 остаток ее товара стоимостью в 100. Следовательно, деньги возвращаются к ней (к части 1 от подразделения I), потому что она выступает в качестве продавца товара тотчас же после того, как выступала покупателем. Если бы они не возвратились, то вышло бы, что подразделение II (часть 1) за товары в сумме на 100 отдало бы подразделению I сначала 100 деньгами и потом сверх того еще 100 в товарной форме, — следовательно, оно подарило бы ему свой товар.

Напротив, к части 2, затратившей 100 деньгами, возвращаются 300 деньгами: 100 возвращаются потому, что она сначала как покупатель бросила в обращение 100 деньгами и потом получила их обратно как продавец товаров; 200 возвращаются потому, что она функционирует только как продавец товаров на сумму стоимости в 200, но не как покупатель. Значит, деньги не могут возвратиться к подразделению I. Следовательно, износ основного капитала возмещается деньгами, которые подразделение II (часть 1) бросило в обращение на покупку элементов основного капитала; но они попадают в руки части 2 не как деньги части 1, а как деньги, принадлежащие подразделению I.

б) При этом предположении остаток II_c распределяется таким образом, что части 1 принадлежат 200 деньгами, а части 2 принадлежат 400 в товарной форме.

Часть 1 продала все свои товары, но 200 в деньгах представляют собой превращенную форму основной составной части ее постоянного капитала, подлежащей возобновлению *in natura*. Следовательно, часть 1 здесь выступает только как покупатель и вместо своих денег получает на ту же сумму стоимости товар подразделения I в натуральной форме элементов основного капитала. Часть 2 должна бросить в обращение (в том случае, если капиталисты подразделения I совсем не авансируют денег для обмена товаров между подразделениями I и II) максимум лишь 200 ф. ст., так как в отношении половины своей товарной стоимости она является лишь продавцом подразделению I, а не покупателем у этого подразделения I.

К части 2 возвращаются из обращения 400 ф. ст.: 200 возвращаются потому, что она их авансировала как покупатель и получает их обратно как продавец товаров стоимостью в 200; остальные 200 возвращаются потому, что она продает подразделению I товары

стоимостью в 200, не извлекая за это товарного эквивалента из подразделения I.

с) Часть 1 располагает 200 в деньгах и 200с в товарах; часть 2 — 200с (d) в товарах.

При этом предположении часть 2 не должна авансировать никаких денег, потому что по отношению к подразделению I она вообще функционирует уже не как покупатель, а только как продавец, следовательно, ей приходится ждать, пока у нее купят товары.

Часть 1 авансирует 400 ф. ст. деньгами: 200 авансирует для взаимного обмена товарами с подразделением I, остальные 200 — просто как покупатель у подразделения I. На эти 200 ф. ст. деньгами она покупает элементы основного капитала.

Подразделение I на 200 ф. ст. деньгами покупает у части 1 товары стоимостью в 200, благодаря чему к этой части возвращаются ее 200 ф. ст. деньгами, авансированные на этот товарный обмен; на остальные 200 ф. ст., — которые тоже получены от части 1, — подразделение I покупает товар стоимостью в 200 у части 2, благодаря чему износ основного капитала этой части капиталистов осаждается в форме денег.

Дело нисколько не изменилось бы, если мы предположим, что в случае с) не подразделение II (часть 1), а подразделение I авансирует 200 деньгами на обмен уже произведенных товаров. Если подразделение I первым купит у части 2 подразделения II, товары стоимостью в 200, — предполагается, что части 2 нужно продать лишь этот остаток ее товаров, — то эти 200 ф. ст. не возвращаются к подразделению I, потому что эта часть подразделения II, в свою очередь, не выступит как покупатель; но в таком случае подразделение II, часть 1, должно купить на 200 ф. ст. деньгами, а также обменять товары стоимостью в 200, следовательно, этому подразделению необходимо путем обмена получить у подразделения I товары общей стоимостью в 400. Тогда 200 ф. ст. деньгами от подразделения II, части 1, возвращаются к подразделению I. Если подразделение I снова затрачивает их на покупку остатка товаров стоимостью в 200 у подразделения II, части 1, то эти деньги возвратятся к нему, когда подразделение II, часть 1, возьмет у подразделения I вторую половину из 400 в товарах. Часть 1 (подразделения II) затратила 200 ф. ст. деньгами просто как покупатель элементов основного капитала; поэтому эти деньги не возвращаются к ней, а служат для превращения в деньги 200с, остатка товаров подразделения II, части 2, между тем как к подразделению I деньги, затраченные им на товарный обмен, а именно 200 ф. ст., возвращаются не от части 2, а от части 1 подразделения II. За товары стоимостью 400 к подразделению I возвратился товарный эквивалент в 400; 200 ф. ст. деньгами, авансированные им для этого обмена товаров общей стоимостью в 800, также возвратились к нему, — и, таким образом, все в порядке.

Затруднение, которое встретилось при обмене:

I. $1\ 000v + 1\ 000m$

свелось к затруднению при обмене остатков:

II. $2\ 000c$

I. $400\ m$.

II. (1) 200 деньгами + 200с товарами + (2) 200с товарами, или, чтобы представить дело еще нагляднее:

I. $200m + 200m$.

II. (1) 200 деньгами + 200с товарами + (2) 200с товарами.

Так как у подразделения II, части 1, 200с товарами обмениваются на 200 Im (товарами) и так как все деньги, обращающиеся между подразделениями I и II при этом обмене товаров общей стоимостью в 400, возвращаются к тому, кто их авансировал, — к подразделению I или к подразделению II, — то эти деньги, представляя собой элемент обмена между двумя подразделениями, по существу не являются элементом той проблемы, которую мы здесь рассматриваем. Или, представляя дело иначе: если мы предположим, что в обмене 200 Im (товарами) на 200 IIc (товарами подразделения II, части 1) деньги функционируют как средство платежа, а не как покупательное средство, и, следовательно, не как «средство обращения» в самом узком смысле этого термина, то ясно, — ибо товары 200 Im и 200 IIc (части 1) по величине стоимости равны, — что средства производства стоимостью в 200 обмениваются на предметы потребления стоимостью в 200, что деньги функционируют здесь лишь идеально и что в действительности совсем не приходится бросать денег в обращение для погашения балансовой разницы на той или другой стороне. Следовательно, проблема выступает в своем чистом виде лишь тогда, когда мы на обеих сторонах, т. е. в подразделениях I и II, исключим товар 200 Im и его эквивалент — товар 200 IIc (части 1).

Итак, по устранении этих двух взаимно покрывающихся товарных величин равной стоимости (подразделений I и II) обмену подлежит остаток, при наличии которого проблема выступает в своем чистом виде, а именно:

I. 200m товарами.

II. (1) 200с деньгами + (2) 200с товарами.

Здесь ясно: подразделение II, часть 1, на 200 деньгами покупает 200 Im, т. е. покупает составные части своего основного капитала; благодаря этому основной капитал подразделения II, части 1, возобновлен *in natura*, а прибавочная стоимость подразделения I, величиной в 200, из товарной формы (из формы средств производства, а именно из формы элементов основного капитала) превращена в денежную форму. На эти деньги подразделение I покупает предметы потребления у части 2 подразделения II; для подразделе-

ния II результат состоит в том, что у части 1 в определенном размере возобновлена *in natura* основная составная часть ее постоянного капитала, а у части 2 другая составная часть ее постоянного капитала (возмещающая износ основного капитала) осела в виде денег, причем это ежегодно продолжается до тех пор, пока и эту составную часть ее постоянного капитала не придется возобновить *in natura*.

Предварительное условие здесь, очевидно, заключается в том, чтобы эта основная составная часть постоянного капитала подразделения II, которая на величину всей своей стоимости снова превратилась в деньги и потому каждый год подлежит возобновлению *in natura* (у части 1), — чтобы стоимость этой части постоянного капитала была равна годовому износу той другой основной составной части постоянного капитала подразделения II, которая все еще продолжает функционировать в своей старой натуральной форме и износ которой, т. е. убыль стоимости, переносимая на товары, в процессе производства которых функционирует эта часть основного капитала, сначала подлежит возмещению деньгами. Поэтому такое равновесие являлось бы законом воспроизводства в неизменном масштабе; иначе говоря, это значит, что пропорциональное разделение труда в подразделении I, производящем средства производства, должно оставаться неизменным, поскольку это подразделение доставляет, с одной стороны, оборотные, а с другой стороны, — основные составные части постоянного капитала для подразделения II.

Прежде чем исследовать это более подробно, мы должны посмотреть, что получится, если остаток II_c (1) не равен остатку II_c (2); он может быть больше или меньше этого остатка. Рассмотрим один за другим оба эти случая.

Первый случай

I. 200*m*.

II. (1) 220*c* (деньгами) + (2) 200*c* (товарами).

Здесь II_c (1) на 200 ф. ст. деньгами покупает товары 200 *Im*, а подразделение I на те же самые деньги покупает товары 200 II_c (2), следовательно, оно покупает ту составную часть основного капитала капиталистов II (2), которая должна осесть у последних в форме денег; она превращена, таким образом, в деньги. Но 20 II_c (1) деньгами не могут превратиться обратно в основной капитал *in natura*.

Этой беде, по-видимому, можно помочь, если мы предположим, что остаток *Im* равен не 200, а 220, и что, следовательно, раньше из 2 000 I было обменено не 1 800, а лишь 1 780. В таком случае получится:

I. 220*m*.

II. (1) 220*c* (деньгами) + (2) 200*c* (товарами).

Ис, часть 1, на 220 ф. ст. деньгами покупает 220 *Im*, а затем подразделение I на 200 ф. ст. покупает 200 Ис (2) товарами. Но тогда на стороне подразделения I остается 20 ф. ст. деньгами, т. е. остается такая часть прибавочной стоимости, которую подразделение I не может израсходовать на предметы потребления, а может сохранить лишь в форме денег. Таким образом затруднение лишь передвинуто от Ис (части 1) к *Im*.

Предположим теперь, что Ис, часть 1, напротив, меньше чем Ис (часть 2), следовательно:

Второй случай

I. 200 *m* (товарами).

II. (1) 180с (деньгами) + (2) 200с (товарами).

Подразделение II (часть 1) на 180 ф. ст. деньгами покупает товары 180 *Im*; на эти деньги подразделение I покупает у подразделения II (части 2) товары такой же стоимости, т. е. 180 Ис (2); на одной стороне остается 20 *Im*, которые не могут быть проданы, и точно так же остается 20 Ис (2) на другой стороне; эти товары общей стоимостью в 40 не могут быть превращены в деньги.

Если бы мы предположили, что остаток товаров у подразделения I = 180, то это нам нисколько не помогло бы; правда, тогда у подразделения I не осталось бы никакого излишка, но из суммы Ис (части 2) по-прежнему оставался бы излишек товара в 20, который невозможно продать, превратить в деньги.

В первом случае, где величина стоимости II (1) больше, чем II (2), на стороне Ис (1) остается избыток в деньгах, не превратимый в основной капитал, или, если мы предположим, что остаток *Im* = Ис (1), то тот же самый избыток в деньгах, не превратимый в предметы потребления, оказывается уже на стороне *Im*.

Во втором случае, где Ис (1) меньше, чем Ис (2), оказывается денежный дефицит на стороне 200 *Im* и Ис (2), а также равный излишек товара на обеих сторонах, или, если предположить, что остаток *Im* = Ис (1), то дефицит в деньгах и излишек в товаре оказывается на стороне Ис (2).

Если мы предположим, что остатки *Im* в обоих случаях постоянно равны Ис (1), — так как объем производства определяется заказами и так как воспроизводство нисколько не изменится от того, если в текущем году больше произведено основных составных частей, а в следующем году больше оборотных составных частей постоянного капитала подразделений II и I, — то в первом случае *Im* могло бы быть полностью превращено в предметы потребления лишь при том условии, если бы подразделение I на свой избыток в деньгах купило часть прибавочной стоимости у подразделения II, следовательно, эта часть прибавочной стоимости не была бы потреблена, а была бы накоплена подразделением II в форме денег; во

втором случае беде можно было бы помочь, если подразделение I само израсходовало бы эти деньги, но эта гипотеза нами отвергнута.

Если II_c (1) больше, чем II_c (2), то для реализации денежного избытка в It необходим ввоз иностранных товаров. Если II_c (1) меньше, чем II_c (2), то для реализации в средствах производства той части II_c , которая представляет износ основного капитала, необходим, наоборот, вывоз товаров подразделения II (предметов потребления). Следовательно, в обоих случаях необходима внешняя торговля.

Допуская даже, что при рассмотрении воспроизводства в неизменном масштабе производительность труда во всех отраслях производства, а следовательно, и соответствующие отношения стоимостей товарных продуктов этих отраслей необходимо предполагать неизменными, — оба последних случая, где II_c (1) больше или меньше, чем II_c (2), все же всегда представляли бы интерес при рассмотрении воспроизводства в расширенном масштабе, когда эти случаи безусловно будут иметь место.

3) ВЫВОДЫ

Что касается возмещения основного капитала, то вообще необходимо отметить следующее:

Если, — предполагая неизменными все прочие условия, т. е. не только масштаб производства, но в частности и производительность труда, — в текущем году отмирает более значительная часть основного элемента стоимости II_c , чем в предыдущем году, а потому и более значительная часть этого элемента подлежит возобновлению *in natura*, то при этом та часть основного капитала, которая находится лишь на пути к своей смерти и до момента смерти подлежит возмещению пока что в деньгах, должна уменьшиться в такой же пропорции, так как, согласно предположению, сумма основной части капитала, функционирующей в подразделении II (также и сумма стоимости), остается неизменной. Но это влечет за собой следующие обстоятельства. *Во-первых*, если более значительная часть товарного капитала подразделения I состоит из элементов основного капитала II_c , то соответственно меньшая часть — из оборотных составных частей II_c , так как все производство подразделения I для II_c остается неизменным. Если производство одной части увеличивается, то производство другой части уменьшается, и наоборот. Но, с другой стороны, все производство подразделения II также сохраняет прежний объем. Как же возможно это при уменьшении у него количества сырья, полуфабрикатов, вспомогательных материалов (т. е. при уменьшении оборотных элементов постоянного капитала подразделения II)? *Во-вторых*, более значительная часть основного капитала II_c , вновь восстановленного в денежной форме, устремляется в подразделение I, чтобы

снова превратиться из денежной формы в натуральную форму. Следовательно, в подразделение I устремляется больше денег, чем необходимо только для товарного обмена между двумя подразделениями, устремляется больше таких денег, которые не служат посредником во взаимном обмене товаров, а лишь односторонне выступают в функции покупательного средства. В то же время пропорционально уменьшилась бы та товарная масса из *IIc*, которая представляет возмещение стоимости износа основного капитала, следовательно, уменьшилась бы та товарная масса подразделения II, которая должна быть превращена не в товары подразделения I, а лишь в деньги этого подразделения I. От подразделения II к I подразделению притекло бы больше денег просто в качестве покупательных средств, а у подразделения II оказалось бы меньше товаров, по отношению к которым подразделение I функционировало бы только в качестве покупателя. Так как *Iv* уже превращено в товары подразделения II, то, следовательно, более значительная часть *Im* не могла бы быть превращена в товары подразделения II; эту часть *Im* пришлось бы сохранить в денежной форме.

Противоположный случай имеет место тогда, когда в каком-либо году воспроизводство отмершего основного капитала подразделения II оказывается меньше и, напротив, часть для возмещения износа основного капитала — больше; после вышеизложенного этот случай не требует дальнейшего рассмотрения.

И таким образом, несмотря на воспроизводство в неизменном масштабе, наступил бы кризис — кризис перепроизводства.

Словом: если при простом воспроизводстве и при прочих неизменных условиях, т. е., в частности, при неизменной производительности, общем количестве и интенсивности труда, — предполагается непостоянное соотношение между отмершим (подлежащим возобновлению) и продолжающим действовать в старой натуральной форме (присоединяющим к продуктам только стоимость, возмещающую его износ) основным капиталом, то в одном случае масса подлежащих воспроизводству оборотных составных частей осталась бы неизменной, но возросла бы масса подлежащих воспроизводству основных составных частей; следовательно, все производство подразделения I должно было бы увеличиться или же, даже если оставить в стороне денежные отношения, имел бы место дефицит в воспроизводстве этих частей основного капитала.

В другом случае: если бы относительная величина основного капитала подразделения II, подлежащего воспроизводству *in natura*, уменьшилась, а потому в том же отношении увеличилась бы та составная часть основного капитала подразделения II, которая пока что подлежит возмещению лишь в деньгах, то масса оборотных составных частей постоянного капитала подразделения II, воспроизведенных подразделением I, осталась бы неизменной, а масса подлежащих воспроизводству основных частей, напротив, умень-

шилась бы. Следовательно, имело бы место или уменьшение объема всего производства подразделения I, или же появился бы излишек основного капитала (как ранее был дефицит), и притом излишек, который не может быть превращен в деньги.

Правда, в первом случае тот же самый труд, при увеличении его производительности, продолжительности или интенсивности, мог бы доставить больший продукт и таким образом было бы возможно в этом случае покрыть дефицит; но такое изменение не могло бы произойти без перемещения труда и капитала из одной отрасли производства подразделения I в другую его отрасль, а всякое такое перемещение немедленно вызвало бы нарушения. И, во-вторых, подразделению I пришлось бы (поскольку возросли продолжительность и интенсивность труда) обменять большую стоимость на меньшую стоимость подразделения II, следовательно, произошло бы обесценение продукта подразделения I.

Противоположное произошло бы во втором случае, когда подразделение I вынуждено сокращать свое производство, что означает кризис для занятых в нем рабочих и капиталистов, или же оно доставляет излишек, что опять-таки представляет собой кризис. Сами по себе такие излишки — это отнюдь не беда, а благо, но при капиталистическом производстве они являются бедой.

Помочь в обоих случаях могла бы внешняя торговля; в первом случае — чтобы товар подразделения I, удерживаемый в денежной форме, превратить в предметы потребления; во втором случае — чтобы сбыть товарный излишек. Но внешняя торговля, поскольку она не просто возмещает элементы капитала (также и по величине стоимости), лишь отодвигает противоречия в более широкую сферу, открывает им больший простор.

Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что величина отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала (здесь капитала, функционирующего в производстве предметов потребления) изменяется в различные, следующие один за другим годы. Если в одном году эта часть очень велика (превышает среднюю норму отмирания, подобно тому как это бывает со смертностью людей), то в следующем году она, несомненно, будет значительно меньше. Если предположить, что прочие условия не изменились, то количество сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для производства предметов потребления в течение года, вследствие указанных изменений в возмещении основного капитала не уменьшается; следовательно, в одном случае все производство средств производства должно было бы расшириться, в другом — сократиться. Эти колебания можно предотвратить лишь посредством постоянного относительного перепроизводства; при этом, с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны,

создается запас сырья и т. д. сверх непосредственных потребностей данного года (в особенности это относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства. Но в рамках капиталистического общества перепроизводство является одним из элементов общей анархии.

Этот пример с основным капиталом — при неизменном масштабе воспроизводства — весьма убедителен. Несоответствие в производстве основного и оборотного капитала — это одна из излюбленных экономистами причин, которыми они объясняют возникновение кризисов. А что такое несоответствие может и должно возникать при простом *сохранении* величины основного капитала, что оно может и должно возникать при предположении идеального нормального производства, при простом воспроизводстве уже функционирующего общественного капитала, это для них — нечто новое.

ХII ВОСПРОИЗВОДСТВО ДЕНЕЖНОГО МАТЕРИАЛА

До сих пор мы совершенно не обращали внимания на один момент, а именно на годовое воспроизводство золота и серебра. Как просто материал для изготовления предметов роскоши, для позолоты и т. д., золото и серебро, подобно всяким другим продуктам, не заслуживали бы здесь особого упоминания. Напротив, как денежный материал и, следовательно, как потенциальные деньги, они играют важную роль. Здесь, ради упрощения, мы будем считать денежным материалом только золото.

По сравнительно старым данным вся годовая добыча золота составляла 800—900 тысяч фунтов, что по стоимости равно круглым счетом 1 100 или 1 250 миллионам марок. Напротив, по Зётберу⁵³⁾, в среднем за 1871—1875 годы добывалось лишь 170 675 килограммов золота стоимостью круглым счетом в 476 миллионов марок. Из этого количества доставляли: Австралия округленно на 167, Соединенные Штаты на 166, Россия на 93 миллиона марок. Остаток распределяется между различными странами в суммах меньше 10 миллионов марок на каждую. Среднегодовое производство серебра за тот же период составляло несколько меньше 2 миллионов килограммов стоимостью в 354¹/₂ миллионов марок; из этого количества Мексика доставляла круглым счетом на 108, Соединенные Штаты доставляли на 102, Южная Америка — на 67, Германия — на 26 миллионов марок и т. д.

Из стран с господствующим капиталистическим производством только Соединенные Штаты являются производителями золота и серебра; европейские капиталистические страны почти все свое

⁵³⁾ Ad. Soetbeer. «Edelmetall-Produktion». Gotha, 1879.

золото и преобладающую часть своего серебра получают из Австралии, Соединенных Штатов, Мексики, Южной Америки и России.

Но мы перенесем золотые прииски в ту страну капиталистического производства, годовое воспроизводство которой мы анализируем здесь, и сделаем это по следующей причине.

Капиталистическое производство вообще не существует, без внешней торговли. Но если предположить нормальное годичное воспроизводство в данных размерах, то этим уже предполагается, что внешняя торговля только замещает туземные изделия изделиями другой потребительной или натуральной формы, не затрагивая ни отношений стоимости, а следовательно, и тех отношений стоимости, в которых обмениваются между собой две категории: средства производства и предметы потребления, ни отношений между постоянным капиталом, переменным капиталом и прибавочной стоимостью, на которые распадается стоимость продукта каждой из этих категорий. Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее совсем не надо принимать во внимание; поэтому золото следует рассматривать здесь как непосредственный элемент годового воспроизводства, а не как ввозимый извне посредством обмена товарный элемент.

Добыча золота, как и вообще производство металлов, относится к подразделению I, к той категории, которая охватывает производство средств производства. Предположим, что стоимость годового продукта в форме золота = 30 (для удобства; фактически же это число слишком велико по сравнению с числами нашей схемы); пусть эта стоимость распадается на $20c + 5v + 5m$; $20c$ подлежат обмену на другие элементы $1c$, и это нам следует рассмотреть позже *; напротив, $5v + 5m$ (I) должны быть обменены на элементы $1c$, т. е. на предметы потребления.

Что касается $5v$, то всякое предприятие по добыче золота начинает функционировать прежде всего с покупки рабочей силы, эта рабочая сила покупается не на золото, добытое на самом этом предприятии, а на известную долю денег, имевшихся в запасе в данной стране. На эти $5v$ рабочие приобретают предметы потребления у подразделения II, а последнее на эти деньги покупает средства производства у подразделения I. Если предположить, что подразделение II покупает на 2 у подразделения I золото в качестве материала для производства товаров и т. п. (т. е. покупает составную часть своего постоянного капитала), то к капиталисту-золотопромышленнику подразделения I возвращается $2v$ в деньгах, которые уже раньше находились в сфере обращения. Если подразделение II в дальнейшем не покупает у подразделения I золото в качестве

* См. настоящий том, стр. 480, примечание Ф. Энгельса № 55. *Ред.*

материала, то подразделение I покупает товары у подразделения II, бросая свое золото в обращение в качестве денег, так как на золото можно купить любой товар. Различие заключается только в том, что подразделение I выступает здесь не как продавец, а лишь как покупатель. Золотопромышленники подразделения I всегда могут сбыть свой товар; он всегда находится в такой форме, в которой может быть непосредственно обменен.

Предположим, что фабрикант-прядильщик уплатил своим рабочим $5v$, за что они доставили ему — если оставить в стороне прибавочную стоимость — пряжу, продукт, по стоимости равный 5; рабочие на 5 покупают товары из суммы $1s$, подразделение II покупает на 5 деньгами пряжу у подразделения I, и таким образом $5v$ деньгами возвращаются к фабриканту-прядильщику. Напротив, в только что предположенном случае капиталист Iz (так мы будем обозначать золотопромышленника) авансирует своим рабочим $5v$ деньгами, которые уже раньше находились в сфере обращения; рабочие затрачивают эти деньги на жизненные средства, но из этих 5 деньгами только 2 возвращаются от подразделения II к капиталисту Iz . Однако капиталист Iz точно так же, как и фабрикант-прядильщик, может снова начать процесс воспроизводства: его рабочие доставили ему стоимость 5 в форме золота, из которого он продал 2, а остальными 3 владеет в форме золота, — следовательно, ему следует только отчеканить из них монету⁵⁴⁾ или превратить их в банковые билеты, — и весь его переменный капитал прямо, без дальнейшего опосредствования подразделением II, опять оказывается в его руках в денежной форме.

Но уже при этом первом процессе годового воспроизводства произошло изменение в количестве денег, действительно или потенциально находящихся в сфере обращения. Мы предположили, что подразделение II на часть $1s$ купило $2v$ (Iz) в качестве материала; пусть 3 как денежная форма переменного капитала Iz , в свою очередь, расходуются в пределах подразделения II. Следовательно, из общего количества вновь произведенных денег 3 остались в пределах подразделения II и не возвратились в подразделение I. Согласно нашему предположению, подразделение II уже удовлетворило свою потребность в золоте как в материале. Поэтому указанные 3 остаются в его руках как золотое сокровище. Так как они не могут образовать какого бы то ни было элемента его постоянного капитала и так как подразделение II уже раньше имело достаточный денежный капитал на покупку рабочей силы, так как, далее, эти добавочные $3z$, за исключением возмещения износа основного капитала, не выполняют никакой функции в пределах $1s$, на часть которого они обменены (они могли бы служить для того, чтобы *pro tanto* по-

54) «Значительное количество золотых слитков (*gold bullion*)... доставляется золотоискателями прямо на монетный двор в Сан-Франциско». «Reports by H. M. Secretaries of Embassy and Legation», 1879, Part III, p. 337.

крывать износ основного капитала лишь в том случае, если IIc (1) меньше, чем IIc (2), что имеет характер случайности); так как, с другой стороны, именно за исключением возмещения износа основного капитала, весь товарный продукт IIc должен быть обменен на средства производства I ($v + m$), — то эти деньги целиком подлежат перенесению из IIc в IIm , причем безразлично, существует ли последнее в форме необходимых жизненных средств или в форме предметов роскоши; наоборот, соответствующая товарная стоимость подлежит перенесению из IIm в IIc . Результат: часть прибавочной стоимости подразделения II накапливается как денежное сокровище.

Во второй год воспроизводства, если точно такая же доля золота, добытого в течение года, по-прежнему используется в качестве материала, то 2 опять возвратятся к Iz , а 3 будут возмещены *in natura*, т. е. опять высвободятся в подразделении II как сокровище и т. д.

Относительно переменного капитала вообще: капиталисту Iz , как всякому другому, постоянно приходится авансировать этот капитал в деньгах на покупку труда. На это v не ему, а его рабочим приходится покупать у подразделения II ; следовательно, никогда не может произойти такого случая, чтобы этот капиталист выступил как покупатель, т. е. чтобы он сам бросил золото в пределы подразделения II без инициативы последнего. Но поскольку подразделение II покупает у него материал, поскольку это подразделение должно превращать свой постоянный капитал IIc в золотой материал, постольку часть (Iz) v возвращается от подразделения II к капиталисту Iz точно так же, как возвращается переменный капитал к другим капиталистам подразделения I ; поскольку же этого не происходит, он возмещает свое v золотом непосредственно из своего продукта. Но в той мере, в какой v , авансированное в денежной форме, не возвращается к нему от подразделения II , в этой мере часть денег, обращающихся в пределах подразделения II (деньги, притекшие в это подразделение от подразделения I и не возвратившиеся к последнему), превращается в подразделении II в сокровище, и потому соответствующая часть прибавочной стоимости этого подразделения не расходуется на предметы потребления. Так как постоянно открываются новые золотые прииски или возобновляется работа на старых, то известная доля денег, которые капиталист Iz должен затрачивать на v , всегда составляет некоторую часть того количества денег, которое имелось налицо до начала добычи нового золота; рабочие капиталиста Iz бросают эти деньги в пределы подразделения II и, поскольку они из этого подразделения не возвращаются к капиталисту Iz , они образуют там элемент для образования сокровища.

Что же касается (Iz) m , то капиталист Iz всегда может выступать с этой суммой как покупатель; он вносит в обращение свое m в форме золота и извлекает за него предметы потребления IIc ; в подраз-

делении II золото отчасти используется как материал, поэтому здесь оно функционирует как действительный элемент постоянной составной части с производительного капитала; поскольку же этого не происходит, то оно опять-таки становится элементом для образования сокровища в виде части *III_m*, застывшей в денежной форме. Отсюда видно, — если оставить в стороне *I_c*, подлежащее рассмотрению позже ⁵⁵⁾, — каким образом даже при простом воспроизводстве, хотя здесь и исключается накопление в собственном смысле этого слова, т. е. исключается воспроизводство в расширенном масштабе, все же необходимо предполагается накопление денег, или образование сокровища. И так как это накопление денег ежегодно повторяется снова, то оно объясняет предположение, из которого мы исходили, исследуя капиталистическое производство, а именно то предположение, что при начале воспроизводства в руках капиталистов подразделений I и II находится известное количество денежных средств, соответствующее величине товарного обмена. Такое накопление денег происходит даже при вычете того золота, которое безвозвратно пропадает вследствие износа обращающихся денег.

Само собой понятно, что чем больше возраст капиталистического производства, тем больше масса денег, накопленная всеми капиталистами, и, следовательно, тем относительно меньше та доля, которую годовая добыча нового золота присоединяет к этой массе, хотя это добавление и может быть значительным по своей абсолютной величине. Вернемся еще раз к возражению *, которое было сделано Туку: каким образом каждому капиталисту удастся извлекать из годового продукта прибавочную стоимость в форме денег, т. е. извлекать из обращения больше денег, чем он бросает в него, — ведь в конечном счете именно класс капиталистов следует рассматривать как тот источник, из которого деньги вообще поступают в обращение?

В ответ на это мы, резюмируя ранее сказанное (глава XVII), заметим:

1) Единственное необходимое здесь предположение заключается в том, что вообще имеется налицо достаточно денег для обмена различных элементов массы годового воспроизводства; это предположение совершенно не затрагивает то, что часть товарной стоимости состоит из прибавочной стоимости. Если предположить, что все производство принадлежит самим рабочим и их прибавочный труд является прибавочным трудом только для них самих, а не для капиталистов, то масса обращающейся товарной стоимости осталась бы прежней и, при прочих неизменных условиях, потребовала бы прежнего количества денег для своего обращения. Итак, в обоих

⁵⁵⁾ Исследования об обмене вновь добытого золота в пределах постоянного капитала подразделения I в рукописи Маркса не оказались. Ф. Э.

* См. настоящий том, с. 329—330. *Ред.*

случаях вопрос заключается лишь в том, откуда берутся деньги для обмена всей этой товарной стоимости, а отнюдь не в том, откуда берутся деньги для превращения в деньги прибавочной стоимости.

Конечно, стоимость каждого отдельного товара — возвращаемся еще раз к этому — состоит из $c + v + m$, и, следовательно, для обращения всей товарной массы необходима, с одной стороны, определенная сумма денег для обращения капитала $c + v$, и, с другой стороны, — другая сумма денег для обращения дохода капиталистов, прибавочной стоимости m . Как для отдельных капиталистов, так и для всего класса капиталистов деньги, которые капиталисты авансируют как капитал, отличны от тех денег, которые они расходуют как доход. Откуда берутся эти последние деньги? Просто-напросто из тех денег, которые находятся в руках класса капиталистов; следовательно, в общем и целом из совокупной массы денег, имеющих в данном обществе, одна часть служит для обращения дохода капиталистов. Мы уже видели, что всякий капиталист, учреждающий новое предприятие, сначала расходует деньги на предметы потребления для содержания самого себя, а потом, когда предприятие начнет работать, снова вылавливает их как деньги, служащие для превращения в звонкую монету его прибавочной стоимости. Но, вообще говоря, вся трудность ответа на поставленный вопрос истекает из двух источников.

Во-первых, если мы будем рассматривать только обращение и оборот капитала, следовательно, если мы и капиталиста будем рассматривать лишь как персонификацию капитала, а не как капиталистического потребителя и человека, любящего пожить в свое удовольствие, то, хотя мы увидим, как он постоянно бросает в обращение прибавочную стоимость в качестве составной части своего товарного капитала, но мы никогда не увидим в его руках денег как формы дохода; мы никогда не увидим, чтобы он бросал в обращение деньги с целью потребления прибавочной стоимости.

Во-вторых, если класс капиталистов бросает в обращение известную денежную сумму в форме дохода, то кажется, что он уподобляется эквивалент также и за соответствующую часть всего годового продукта и, следовательно, последняя как бы перестает представлять прибавочную стоимость. Но прибавочный продукт, в котором представлена прибавочная стоимость, ничего не стоит классу капиталистов. Как класс, он владеет им и потребляет этот продукт даром, и денежное обращение ничего не может изменить в этом. Изменение, вызываемое денежным обращением, заключается только в том, что каждый капиталист, — вместо того, чтобы потреблять свой прибавочный продукт *in natura*, что в большинстве случаев невозможно, — из всей массы годового общественного прибавочного продукта извлекает и присваивает всякого рода товары на сумму присвоенной им прибавочной стоимости. Но анализ механизма обращения показал, что если класс капиталистов бросает в обра-

щение деньги на расходование дохода, то он также извлекает из обращения эти деньги и таким образом постоянно может снова начинать тот же самый процесс, что, следовательно, рассматриваемый как класс капиталистов, он по-прежнему остается владельцем этой денежной суммы, необходимой для превращения прибавочной стоимости в деньги. Итак, если капиталист не только извлекает с товарного рынка для своего фонда потребления прибавочную стоимость в форме товаров, но в то же время получает обратно и деньги, на которые он купил эти товары, то ясно, что он извлек из обращения товары без эквивалента со своей стороны. Они ему ничего не стоят, хотя он и уплатил за них деньгами. Если я покупаю товары на один фунт стерлингов, а продавец этих товаров возвращает мне фунт стерлингов за прибавочный продукт, который мне ничего не стоил, то очевидно, что я получил эти товары даром. Постоянное повторение этой операции ничего не меняет в том, что я постоянно извлекаю товары и постоянно остаюсь владельцем фунта стерлингов, хотя для получения товаров я на время расстаюсь со своим фунтом стерлингов. Капиталист постоянно получает эти деньги обратно как превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая ему ничего не стоила.

Мы видели, что у А. Смита вся стоимость общественного продукта разлагается на доходы, на $v + m$, следовательно, постоянная капитальная стоимость предполагается равной нулю. Из этого необходимо следует, что денег, требующихся для обращения годового дохода, достаточно также и для обращения всего годового продукта; что, следовательно, в нашем случае, денег, необходимых для обращения предметов потребления стоимостью в 3 000, достаточно и для обращения всего годового продукта стоимостью в 9 000. Таково, действительно, воззрение А. Смита, и Т. Тук повторяет это воззрение. Это совершенно неверное представление об отношении количества денег, необходимого для превращения дохода в деньги, к тому количеству денег, которое необходимо для обращения всего общественного продукта, является неизбежным результатом непонимания, неосмысленного представления о том, каким способом воспроизводятся и ежегодно возмещаются различные вещественные элементы и элементы стоимости всего годового продукта. Поэтому оно уже опровергнуто.

Послушаем самих Смита и Тука.

Смит говорит:

«Обращение каждой страны можно разделить на две части: обращение, совершающееся между торговцами, и обращение, происходящее между торговцами и потребителями. Хотя одни и те же денежные знаки — бумажные или металлические — могут употребляться то в одной части обращения, то в другой, все же, поскольку оба эти процесса обращения происходят в одно и то же время и рядом друг с другом, каждый из них требует для своего совершения определенной суммы денег того или иного рода. Стоимость товаров, обращающихся между различными торговцами, никогда не может превысить стоимость товаров, обра-

щающихся между торговцами и потребителями, поскольку все, что торговцы покупают, в конечном счете предназначается для продажи потребителям. Обмен между торговцами, носящий оптовый характер, обычно требует довольно значительной суммы для каждой отдельной сделки. Напротив, обращение между торговцами и потребителями, поскольку оно отличается преимущественно розничным характером, часто требует лишь очень небольших сумм, — нередко бывает достаточно шиллинга или даже полпенни. Но мелкие суммы обращаются гораздо быстрее крупных... Поэтому, хотя покупки за год всех потребителей по стоимости по меньшей мере {хорошо это «по меньшей мере»!} «равны покупкам за год всех торговцев, тем не менее покупки первых, как правило, могут быть произведены посредством гораздо меньшего количества денег» и т. д. (книга II, гл. II).

По поводу этого места из книги Адама Смита Т. Тук замечает:

«Не подлежит никакому сомнению, что это проведенное здесь различие по существу дела является правильным... Обмен между торговцами и потребителями включает также и выдачу заработной платы, которая составляет главный доход» («the principal means») «потребителей... Все обмены между торговцами, т. е. все виды продажи, начиная от производителей или импортеров и кончая розничным торговцем или купцом-экспортером, причем товары проходят все ступени промышленной обработки и т. п., могут быть сведены к перемещениям капитала. Но это перемещение капитала необходимо не предполагает и на практике действительно не приводит к тому, чтобы при большом количестве обменов во время перемещения совершалась действительная передача банковых билетов или монет, — я имею в виду материальную, а не фиктивную передачу... Общий итог взаимных обменов между торговцами в конечном счете должен определяться и ограничиваться суммой обменов между торговцами и потребителями» (Th. Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle». London, 1844, p. 34—36 *passim*).

Если последнюю фразу взять обособленно, то можно было бы подумать, что Тук просто констатирует, что существует известное соотношение между обменами торговцев друг с другом и обменами торговцев с потребителями, — другими словами, существует известное соотношение между стоимостью всего годового дохода и стоимостью капитала, посредством которого производится этот доход. Однако это не так. Тук прямо присоединяется к пониманию А. Смита. Поэтому нет нужды в особой критике его теории обращения.

2) Всякий промышленный капитал вначале разом бросает в обращение деньги на покупку всей своей основной составной части, стоимость которой он потом извлекает из обращения лишь постепенно, в течение ряда лет, посредством продажи своего годового продукта. Следовательно, сначала он бросает в обращение больше денег, чем извлекает из него. Это повторяется каждый раз при возобновлении всего капитала *in natura*; это повторяется каждый год для определенного числа предприятий, основной капитал которых приходится возобновлять *in natura*; частично это повторяется при каждом ремонте, при каждом лишь частичном возобновлении основного капитала. Следовательно, если одна сторона извлекает из обращения больше денег, чем бросает в него, то другая сторона, наоборот, бросает в обращение больше денег, чем извлекает из него.

Во всех отраслях промышленности, в которых период производства (как величина, отличная от рабочего периода) охватывает

сравнительно длительное время, капиталистические производители в течение этого периода постоянно бросают деньги в обращение, — отчасти на оплату примененной рабочей силы, отчасти на закупку подлежащих потреблению средств производства; таким образом средства производства непосредственно извлекаются с товарного рынка, а предметы потребления извлекаются с него отчасти косвенно, а именно рабочими, расходующими свою заработную плату, отчасти же непосредственно самими капиталистами, которые отнюдь не отсрочивают своего потребления, причем сначала эти капиталисты не бросают на рынок никакого эквивалента в форме товаров. Деньги, бросаемые ими в обращение, в течение этого периода служат для превращения в деньги товарной стоимости, включая и содержащуюся в ней прибавочную стоимость. Это обстоятельство становится очень важным при развитом капиталистическом производстве, когда акционерные общества и т. д. осуществляют такие долговечные предприятия, как постройка железных дорог, каналов, доков, крупных городских сооружений, железных судов, дренаж почвы в крупных размерах и т. д.

3) В то время, как другие капиталисты — если оставить в стороне их затраты на основной капитал — извлекают из обращения больше денег, чем бросили в него при покупке рабочей силы и оборотных элементов, в это же время капиталисты, добывающие золото и серебро, — если оставить в стороне благородный металл, который служит в качестве сырого материала, — бросают в обращение только деньги, а извлекают из него только товары. Постоянный капитал, кроме части, возмещающей износ основного капитала, большую часть переменного капитала и всю прибавочную стоимость, за исключением разве сокровища, которое накапливается в их собственных руках, — все это они бросают в обращение в виде денег.

4) С одной стороны, в качестве товаров обращаются всевозможные вещи, не являющиеся продуктом производства данного года: земельные участки, дома и т. д.; далее, обращаются также продукты, период производства которых охватывает более года: скот, лес, вино и т. д. По отношению к этим и другим явлениям в сфере обращения важно иметь в виду, что кроме денежной суммы, необходимой для непосредственного обращения товаров, постоянно известное количество денег находится в скрытом состоянии, не функционирует, но, получив толчок, может начать функционирование. Притом стоимость таких продуктов нередко вступает в обращение частями и постепенно, например, стоимость домов в течение ряда лет вступает в обращение в виде арендной платы за наем.

С другой стороны, не все движения процесса воспроизводства опосредствуются денежным обращением. Весь процесс производства, как только приобретены его элементы, исключается из обращения. Исключается, далее, весь продукт, потребляемый непосредственно самим производителем, причем безразлично, входит ли этот

продукт в индивидуальное или в производительное потребление; сюда относится также и натуральная форма оплаты сельскохозяйственных рабочих.

Итак, та масса денег, посредством которой обращается годовой продукт, уже имеется в обществе, постепенно накоплена. Она, за исключением разве золота, возмещающего изношенные монеты, не составляет части той новой стоимости, которая создана в текущем году.

Хотя на основе только металлического обращения деньги могут функционировать, между прочим, и как средство платежа, и исторически действительно функционировали в этом качестве, хотя на этой основе развились кредитная система и определенные стороны ее механизма, тем не менее в нашем изложении предполагается обращение исключительно денег из благородного металла, притом предполагается опять-таки простейшая форма этого обращения: купля и продажа за наличные.

Это предположение делается не только по методологическим соображениям, важность которых сказывается уже в том, что как Тук и его школа, так и их противники в своих контрверзах при исследовании обращения банковых билетов постоянно были вынуждены возвращаться к гипотезе чисто металлического обращения. Они были вынуждены делать это *post festum*, но, и возвращаясь к ней, они оценивали ее весьма поверхностно, что было неизбежно, потому что этот исходный пункт в их анализе играл, таким образом, лишь второстепенную роль.

Но уже самое простое рассмотрение денежного обращения, представленного в его *первоначальной* форме, а это обращение денег является здесь имманентным моментом годового процесса воспроизводства, показывает:

а) Если мы предположим развитое капиталистическое производство, следовательно, предположим господство системы наемного труда, то очевидно, что денежный капитал играет главную роль, поскольку он является формой, в которой авансируется переменный капитал. В той мере, в какой развивается система наемного труда, всякий продукт превращается в товар, а потому — за некоторыми важными исключениями — должен целиком пройти превращение в деньги как фазу своего движения. Количество обращающихся денег должно быть достаточно для этого превращения товаров в деньги, и большая часть этого количества доставляется в форме заработной платы, денег, которые авансированы промышленными капиталистами в качестве денежной формы переменного капитала на оплату рабочей силы и функционируют в руках рабочих: в большей своей части функционируют лишь как средство обращения (как покупательное средство). Это — полная противоположность натуральному хозяйству, которое преобладает на базисе всякой системы личной зависимости (включая и крепостни-

чество) и в еще большей мере преобладает на базисе более или менее примитивных общин, причем безразлично, есть ли в таких общинах отношения личной зависимости или рабства, или таковые отсутствуют.

При системе рабства денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, в течение активного периода жизни раба. Поэтому у афинян прибыль, которую рабовладелец получал непосредственно, путем промышленного использования своего раба, или косвенно, отдавая его в наем другим лицам, применявшим труд рабов в промышленности (например, в горном деле), рассматривалась просто как процент (вместе с амортизацией) на авансированный денежный капитал, — точно так же, как при капиталистическом производстве часть прибавочной стоимости плюс износ основного капитала промышленный капиталист считает процентом и возмещением его основного капитала, что является правилом у капиталистов, сдающих в аренду свой основной капитал (дома, машины и т. д.). Простые домашние рабы, служат ли они для оказания необходимых услуг или только для показной роскоши, не принимаются здесь во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги. Но и система рабства, — поскольку она представляет собой господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как это было в развитых государствах Греции и в Риме, — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара-рабочей силы — посредством войн, морского разбоя и т. д. А весь этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя собой натуральное присвоение чужой рабочей силы путем прямого физического принуждения. Даже в Соединенных Штатах, после того как промежуточная область между северными штатами наемного труда и рабовладельческими южными штатами превратилась в район разведения рабов для Юга, где, следовательно, сам раб, выбрасываемый на рынок, был превращен в элемент годового воспроизводства, — этот источник с течением времени оказался недостаточным, и потому длительное время, до тех пор пока это было возможно, для пополнения рынка рабов продолжалась торговля рабами, которые ввозились из Африки.

б) Стихийно совершающиеся на основе капиталистического производства отливы и приливы денег при обмене годового продукта; единовременные авансирования основных капиталов на всю величину их стоимости и постепенное, охватывающее многолетние периоды извлечение их стоимости из обращения, следовательно, постепенное восстановление их в денежной форме посредством ежегодного образования сокровища, которое по своему существу совершенно отлично от того образования сокровища, которое про-

исходит параллельно с ним и основывается на ежегодной добыче нового золота; различная продолжительность времени, на которое, в зависимости от продолжительности периодов производства товаров, авансируются деньги, и, следовательно, необходимость уже предварительно иметь эти деньги в форме сокровища, иметь их раньше, чем можно будет обратно извлекать их из обращения посредством продажи товара; различная продолжительность времени, на которое авансируются деньги, вытекающая хотя бы уже из различной отдаленности места производства от рынка сбыта; точно так же различие в величине и сроке возврата денежных сумм в зависимости от состояния или относительной величины производственных запасов на различных предприятиях и у различных отдельных капиталистов одной и той же отрасли производства, следовательно, различия в сроках закупок элементов постоянного капитала — и все это в течение одного года воспроизводства. Стоит только на основе практики заметить все эти разнообразные моменты стихийного движения и обратить на них внимание, и они будут планомерно использованы как для применения механических вспомогательных средств системы кредита, так и для действительного выуживания тех наличных капиталов, которые могут быть отданы в ссуду.

К этому присоединяется еще различие между такими отраслями, производство которых при нормальных в общем условиях непрерывно совершается в неизменном масштабе, и такими, которые в различные периоды года применяют рабочую силу в различном количестве, как, например, сельское хозяйство.

ХIII. ТЕОРИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДЕСТЮТА ДЕ ТРАСИ⁵⁶⁾

Примером путаного и в то же время претенциозного недомыслия политико-экономов при рассмотрении общественного воспроизводства может служить «великий логик» Дестют де Траси (ср. книгу I, стр. 146, примечание 30⁷⁹⁾), к которому даже Рикардо относился серьезно, называя его «весьма выдающимся писателем» («Principles», p. 333).

Этот «выдающийся писатель» дает следующие указания относительно всего общественного процесса воспроизводства и обращения:

«Меня спросят, каким образом эти промышленные предприниматели извлекают такие крупные прибыли и из чего они могут извлечь их. Я отвечаю, что они достигают этого, продавая все то, что производят, дороже, чем стоило им производство; они продают:

1) друг другу все то, что идет на их потребление, на удовлетворение их потребностей, оплачивая это частью своих прибылей;

⁵⁶⁾ Из рукописи II.

2) наемным рабочим как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты; таким путем они получают обратно от этих рабочих всю выплаченную им заработную плату, за исключением разве небольших сбережений рабочих;

3) праздным капиталистам, которые уплачивают им той частью своего дохода, которая еще не израсходована на наем рабочих, занятых непосредственно у этих праздных капиталистов; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая предпринимателями праздным капиталистам, тем или иным из этих путей притекает обратно к первым» (Destutt de Tracy. «Traité de la volonté et de ses effets». Paris, 1826, p. 239).

Итак, капиталисты обогащаются, во-первых, обманывая друг друга при обмене той части прибавочной стоимости, которая предназначена ими для личного потребления или потребляется как доход. Иначе говоря: если эта часть их прибавочной стоимости, соответственно их прибыли, равна 400 ф. ст., то эти 400 ф. ст. превращаются, например, в 500 ф. ст. вследствие того, что каждый совладелец этих 400 ф. ст. продает свою часть другому дороже на 25%. Так как это делают все, то результат получается такой же, как если бы они продавали друг другу по действительной стоимости. Только для обращения товарной стоимости в 400 ф. ст. им требуется сумма денег в 500 ф. ст., а это представляется скорее методом обеднения, чем обогащения, так как им приходится значительную долю всего своего состояния непроизводительно сохранять в бесполезной форме средств обращения. Все сводится к тому, что класс капиталистов, несмотря на общее номинальное повышение цен их товаров, может распределить между собой для своего личного потребления товарный капитал стоимостью лишь в 400 ф. ст., но при этом капиталисты доставляют друг другу обоюдное удовольствие, обменивая 400 ф. ст. товарной стоимости при помощи такого количества денег, которое требуется для обращения 500 ф. ст. товарной стоимости.

Мы совершенно оставляем в стороне то, что здесь уже предположена «часть их прибылей» и, следовательно, вообще предположено наличие запаса товаров, в котором представлена прибыль. Но ведь Дестют намеревался объяснить нам именно то, откуда берется эта прибыль. Вопрос о том, какая масса денег необходима для ее обращения, это совершенно подчиненный вопрос. Товарная масса, в которой представлена прибыль, по мнению Дестюта, возникает потому, что капиталисты не только продают эту товарную массу друг другу, хотя уже и эта «мысль» очень хороша и глубока, но что все они продают друг другу дороже. Итак, мы знаем теперь один источник обогащения капиталистов. Он сводится к тайне «энтшпектора Бресига»⁸⁰, что большая бедность проистекает из большой *paupvreté* *.

2) Далее, те же капиталисты продают товары

* – бедности. *Ред.*

«наемным рабочим, как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты; таким путем они получают обратно от этих наемных рабочих всю выплаченную им заработную плату, за исключением разве небольших сбережений рабочих».

Возвращение к капиталистам того денежного капитала, в форме которого они авансировали заработную плату рабочему, является, согласно господину Дестюту, вторым источником обогащения тех же капиталистов.

Итак, если класс капиталистов выдал рабочим в форме заработной платы, например 100 ф. ст., а затем те же рабочие покупают товары такой же стоимости в 100 ф. ст. у того же класса капиталистов, и потому сумма в 100 ф. ст., авансированная капиталистами как покупателями рабочей силы, притекает к ним обратно вследствие продажи товаров на 100 ф. ст. своим рабочим, то капиталисты благодаря этому *обогащаются*. С точки зрения здравого смысла представляется очевидным, что капиталисты посредством этой процедуры снова владеют теми 100 ф. ст., которыми они обладали до нее. В начале процедуры у них было 100 ф. ст. деньгами, на эти 100 ф. ст. они купили рабочую силу. За эти 100 ф. ст. деньгами купленный труд производит товары стоимостью, насколько мы знаем от Дестюта до сих пор, в 100 ф. ст. Посредством продажи рабочим этих 100 ф. ст. в товарах капиталисты получают обратно 100 ф. ст. деньгами. Следовательно, у капиталистов опять 100 ф. ст. деньгами, у рабочих же — на 100 ф. ст. товара, который произведен ими самими. Невозможно понять, как могли бы капиталисты обогатиться на этом. Если бы 100 ф. ст. деньгами не возвратились к ним обратно, то им пришлось бы, во-первых, платить рабочим за их труд 100 ф. ст. деньгами и, во-вторых, даром отдать им продукт этого труда, предметы потребления на 100 ф. ст. Следовательно, возвращение денег могло бы, самое большее, объяснить, почему капиталисты не беднеют вследствие этой операции, но отнюдь не объясняет, почему они в результате этой операции *обогащаются*.

Конечно, совсем иным является вопрос о том, каким образом у капиталистов оказываются эти 100 ф. ст. деньгами и почему рабочие вынуждены обменивать свою рабочую силу на эти 100 ф. ст. вместо того, чтобы самим производить товары за собственный счет. Но это нечто такое, что для мыслителей такого калибра, как Дестют, понятно само собой.

Дестют сам не вполне удовлетворен этим решением. Ведь он не сказал нам, что обогащение происходит вследствие того, что сначала расходуется денежная сумма в 100 ф. ст. и потом опять поступает денежная сумма в 100 ф. ст., т. е. он не сказал, что обогащение происходит вследствие *возвращения* 100 ф. ст. деньгами; последнее показывает лишь то, почему 100 ф. ст. деньгами не пропадают. Он сказал нам, что капиталисты *обогащаются*,

«продавая все то, что производят, дороже, чем стоило им производство».

Таким образом оказывается, что капиталисты при своей сделке с рабочими должны обогащаться также благодаря тому, что они продают рабочим слишком дорого. Превосходно!

«Они выплачивают заработную плату... и все это притекает к ним обратно вследствие расходов всех этих людей, которые платят за них» {за продукты} «дороже, чем они обошлись им» {капиталистам} «ввиду выплаты этой заработной платы» (там же, стр. 240).

Итак, капиталисты выплачивают рабочим 100 ф. ст. заработной платы, а потом продают рабочим собственный продукт последних за 120 ф. ст., так что к капиталистам не только притекают обратно эти 100 ф. ст., но они еще и выигрывают 20 ф. ст.? Это невозможно. Рабочие могут уплатить лишь теми деньгами, которые они получили в форме заработной платы. Если они получили от капиталистов 100 ф. ст. заработной платы, то они могут купить лишь на 100 ф. ст., а не на 120 ф. ст. Значит, так дело не пошло бы. Но существует еще один путь. Рабочие покупают у капиталистов товара на 100 ф. ст., но в действительности получают товара стоимостью лишь на 80 ф. ст. Поэтому они безусловно обмануты на 20 ф. ст. А капиталисты безусловно обогатились на 20 ф. ст., потому что они фактически оплатили рабочую силу ниже ее стоимости на 20%, или окольным путем сделали из номинальной заработной платы вычет размером в 20%.

Класс капиталистов достиг бы той же цели, если бы он с самого начала выдал рабочим заработную плату лишь в 80 ф. ст., а потом доставил бы им за эти 80 ф. ст. деньгами товарную стоимость действительно в 80 ф. ст. Таков, по-видимому, — если рассматривать класс капиталистов в целом, — нормальный путь, потому что, согласно самому господину Дестюту, рабочий класс должен получать «достаточную заработную плату» (там же, стр. 219), так как этой заработной платы должно хватить по меньшей мере на то, чтобы сохранить его существование и работоспособность, чтобы рабочие могли «приобрести самые необходимые жизненные средства» (там же, стр. 180). Если рабочие не получают такой достаточной заработной платы, то, согласно тому же Дестюту, это — «смерть для промышленности» (там же, стр. 208), следовательно, по-видимому, это отнюдь не средство обогащения для капиталистов. Но какова бы ни была величина заработной платы, уплачиваемой классом капиталистов рабочему классу, она имеет определенную стоимость, например 80 ф. ст. Следовательно, если класс капиталистов уплачивает рабочим 80 ф. ст., то он должен доставить им за эти 80 ф. ст. товарную стоимость в 80 ф. ст., и потому возвращение этих 80 ф. ст. не обогащает его. Если же он уплачивает им деньгами 100 ф. ст. и продает за 100 ф. ст. товарную стоимость в 80 ф. ст., то он платил бы им в деньгах на 25% больше, чем их нормальная заработная плата, но доставлял бы им за эти деньги на 25% меньше товара.

Другими словами: фонд, из которого класс капиталистов вообще извлекает свою прибыль, образовался бы посредством вычета из нормальной заработной платы, посредством оплаты рабочей силы ниже ее стоимости, т. е. ниже стоимости жизненных средств, необходимых для нормального воспроизводства рабочей силы в виде наемных рабочих. Следовательно, если бы уплачивалась нормальная заработная плата, что согласно Дестюту и должно совершаться, то не существовало бы никакого фонда прибыли ни для промышленников, ни для праздных капиталистов.

Итак, всю тайну того, каким образом обогащается класс капиталистов, господину Дестюту пришлось бы свести к следующему: класс капиталистов обогащается посредством вычета из заработной платы. В таком случае не существовало бы других фондов прибавочной стоимости, о которых он говорит в своих пунктах 1 и 3.

Следовательно, во всех странах, где денежная заработная плата рабочих сведена к стоимости предметов потребления, необходимых для их существования как класса, не существовало бы ни фонда потребления капиталистов, ни фонда накопления для них, значит, не было бы также и фонда, необходимого для существования класса капиталистов, а следовательно, не было бы и класса капиталистов. Согласно Дестюту, именно так оно и было бы во всех богатых, развитых странах старой цивилизации, потому что здесь,

«в наших, пустивших старые корни обществах, фонд, из которого покрывается заработная плата... является почти постоянной величиной» (там же, стр. 202).

Но и при урезывании заработной платы обогащение капиталистов происходит не потому, что они сначала уплачивают рабочему 100 ф. ст. деньгами, а потом доставляют ему за эти 100 ф. ст. деньгами 80 ф. ст. товарами, — следовательно, при этом фактически 80 ф. ст. в товарной форме обращаются при посредстве денежной суммы в 100 ф. ст., т. е. на 25% большей, — а потому, что капиталист присваивает себе из продукта рабочего не только прибавочную стоимость — ту часть продукта, в которой представлена прибавочная стоимость, — но и, кроме того, еще 25% той части продукта, которая в форме заработной платы должна была бы достаться рабочему. Таким нелепым способом, как это представляется Дестюту, класс капиталистов абсолютно ничего не выиграл бы. Он выдает рабочим 100 ф. ст. в качестве заработной платы и за эти 100 ф. ст. возвращает рабочему из собственного продукта того же рабочего 80 ф. ст. товарной стоимости. Но при следующей операции он опять должен авансировать на ту же самую процедуру 100 ф. ст. Следовательно, он лишь предается бесполезной забаве, авансируя 100 ф. ст. деньгами и доставляя за них 80 ф. ст. товарами, вместо того чтобы авансировать 80 ф. ст. деньгами и доставить за них 80 ф. ст. товарами. Итак, класс капиталистов без всякой пользы постоянно авансирует для обращения своего переменного капитала

на 25% больше денежного капитала, что представляет собой совершенно оригинальный метод обогащения.

3) Наконец, класс капиталистов продает товары

«праздным капиталистам, которые уплачивают им той частью своего дохода, которая еще не израсходована на наем рабочих, занятых непосредственно у этих праздных капиталистов; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая предпринимателями капиталистами» (праздным), «тем или иным из этих путей притекает обратно к первым».

Выше мы видели, что промышленные капиталисты

«частью своих прибылей» оплачивают все то, «что идет на их потребление, на удовлетворение их потребностей».

Итак, предположим, что их прибыли = 200 ф. ст. Пусть, например, 100 ф. ст. они расходуют на индивидуальное потребление. Но оставшая половина, равная 100 ф. ст., принадлежит не им, а праздным капиталистам, т. е. получателям земельной ренты, и капиталистам, ссужающим деньги под проценты. Итак, промышленные капиталисты должны уплатить этой компании 100 ф. ст. деньгами. Из этих денег праздным капиталистам требуется, скажем, 80 ф. ст. на их собственное потребление и 20 ф. ст. на наем прислуги и т. д. Итак, на эти 80 ф. ст. праздные капиталисты покупают предметы потребления у промышленных капиталистов. Тем самым от последних удаляется продукт в 80 ф. ст., но в то же время к ним притекают обратно 80 ф. ст. деньгами, или $\frac{4}{5}$ тех 100 ф. ст., которые они уплатили праздным капиталистам под названием ренты, процента и т. д. Далее, класс прислуги, непосредственные наемные рабочие праздных капиталистов, получили от своих господ 20 ф. ст. Они покупают на них — тоже у промышленных капиталистов — предметы потребления на 20 ф. ст. Таким образом, в то время как от этих капиталистов удаляется продукт в 20 ф. ст., к ним притекают обратно 20 ф. ст. деньгами, или последняя пятая доля тех 100 ф. ст. деньгами, которые они уплатили праздным капиталистам в качестве ренты, процента и т. д.

По окончании сделки оказывается, что 100 ф. ст. деньгами, которые промышленные капиталисты предоставили праздным капиталистам, уплатив их в качестве ренты, процента и т. д., возвратились к ним, между тем как половина их прибавочного продукта, равная 100 ф. ст., из их рук перешла в фонд потребления праздных капиталистов.

Итак, очевидно, что для решения вопроса, о котором здесь идет речь, совершенно излишне в том или ином виде вводить разделение этих 100 ф. ст. между праздными капиталистами и их непосредственными наемными рабочими. Дело обстоит просто: их рента, проценты, короче — та доля, которая достается им из прибавочной стоимости, равной 200 ф. ст., уплачивается им промышленными капиталистами в форме денег, в виде 100 ф. ст. На эти 100 ф. ст. они прямо или косвенно покупают предметы потребления у промыш-

ленных капиталистов. Следовательно, они выплачивают им обратно 100 ф. ст. деньгами и берут у них на 100 ф. ст. предметы потребления.

Таким образом совершилось возвращение к промышленным капиталистам тех 100 ф. ст. деньгами, которые они уплатили праздным капиталистам. Является ли это возвращение денег, как фантазирует Дестют, средством обогащения промышленных капиталистов? До сделки у них была сумма стоимости в 200 ф. ст., из них 100 ф. ст. в форме денег и 100 ф. ст. в форме предметов потребления. После сделки они располагают лишь половиной первоначальной суммы стоимости. У них опять имеются эти 100 ф. ст. в форме денег, но они потеряли 100 ф. ст. в форме предметов потребления, которые перешли в руки праздных капиталистов. Следовательно, они сделались не богаче на 100 ф. ст., а беднее на 100 ф. ст. Если бы они вместо такого окольного пути, — сначала уплатив 100 ф. ст. деньгами, а потом снова получив эти 100 ф. ст. деньгами в качестве платы за предметы потребления на 100 ф. ст., — если бы они непосредственно уплатили ренту, процент и т. д. в натуральной форме своего продукта, то к ним не возвратилось бы из обращения никаких 100 ф. ст. деньгами, потому что они не бросили бы в обращение никаких 100 ф. ст. деньгами. При уплате натурой дело представлялось бы просто так, что они из прибавочного продукта стоимостью в 200 ф. ст. одну половину удержали бы для себя, а другую половину отдали бы без эквивалента праздным капиталистам. Даже и Дестют не почувствовал бы искушения объявить это средством обогащения.

Конечно, земля и капитал, которые промышленные капиталисты арендовали или взяли займы у праздных капиталистов и за которые они должны уплатить последним часть прибавочной стоимости в форме земельной ренты, процента и т. д., были прибыльны для них, потому что это — одно из условий производства как продукта вообще, так и той части продукта, которая составляет прибавочный продукт или в которой представлена прибавочная стоимость. Эта прибыль вытекает из использования арендованной земли и взятого займа капитала, а не из цены, которую платят за их использование. Напротив, эта цена составляет вычет из прибыли. Иначе пришлось бы утверждать, что промышленные капиталисты стали бы не богаче, а беднее, если бы они могли удержать для самих себя и вторую половину прибавочной стоимости, не отдавая ее никому. Но такая путаница получается тогда, когда явления обращения, например обратный приток денег, сваливают в одну кучу с распределением продукта, которое лишь опосредствуется подобными явлениями обращения.

И, однако, тот же Дестют столь хитроумен, что замечает:

«Откуда поступают доходы этих праздных людей? Не из ренты ли, которую из своей прибыли уплачивают им те люди, которые пускают в дело капиталы

первых, т. е. люди, оплачивающие из фонда первых труд, производящий больше, чем он стоит, — словом, промышленники? Поэтому, чтобы найти источник всякого богатства, всегда приходится возвращаться к промышленникам. В действительности именно они кормят рабочих, занятых у первых» (там же, стр. 246).

Итак, уплата ренты и т. д. теперь представляет собой вычет из прибыли промышленников. Раньше она была для них средством обогащения.

Но для нашего Дестюта все же осталось еще одно утешение. Эти brave промышленники обходятся с праздными капиталистами так же, как друг с другом и с рабочими. Они продают им все товары, например, на 20% дороже. При этом возможны два случая. Кроме тех 100 ф. ст., которые праздные ежегодно получают от промышленников, первые либо имеют еще другие денежные средства, либо не имеют таковых. В первом случае промышленники продают им свои товары стоимостью в 100 ф. ст., скажем, по цене в 120 ф. ст. Следовательно, при продаже товаров к промышленникам возвращаются не только те 100 ф. ст., которые уплачены ими праздным, но, кроме того, поступают еще 20 ф. ст., составляющие для них действительно новую стоимость. Какой же вид примет теперь счет? Промышленники даром отдали товары на 100 ф. ст., так как те 100 ф. ст. деньгами, которыми им отчасти заплатили, были их собственные деньги. Итак, их собственный товар оплачен им их собственными деньгами. Значит, 100 ф. ст. — это убыток. Но, кроме того, они получили 20 ф. ст. за счет превышения цены над стоимостью. Значит, 20 ф. ст. — это прибыль; при вычете этой прибыли из 100 ф. ст. убытка в итоге будет 80 ф. ст. убытка, значит, всегда будет минус, а не плюс. Надувательство праздных уменьшило убыток промышленников, но от этого убыль их богатства не превратилась для них в средство обогащения. Однако такой метод не может применяться в течение длительного времени, так как праздные не могут из года в год платить 120 ф. ст. деньгами, если они ежегодно получают только 100 ф. ст. деньгами.

Или вот другой способ: промышленники продают товар стоимостью в 80 ф. ст. за те 100 ф. ст. деньгами, которые они уплатили праздным. В этом случае, как и раньше, они даром отдают 80 ф. ст. в форме ренты, процента и т. д. Таким надувательством они уменьшили дань праздным, но она существует по-прежнему, и, согласно той же теории, по которой цены зависят от доброй воли продавцов, праздные вместо прежних 100 ф. ст. могут впредь требовать 120 ф. ст. ренты, процентов и т. д. за свою землю и капитал.

Это блестящее исследование вполне достойно глубокого мыслителя, который, с одной стороны, списывает у А. Смита, что

«труд есть источник всякого богатства» (там же, стр. 242),

что промышленные капиталисты

«применяют свой капитал, чтобы оплачивать труд, воспроизводящий этот капитал вместе с прибылью» (там же, стр. 246),

а, с другой стороны, тут же делает вывод, что эти промышленные капиталисты

«кормят всех остальных людей», что «только они умножают общественное богатство и создают все наши предметы наслаждений» (там же, стр. 242),

что не рабочие кормят капиталистов, а капиталисты — рабочих, и это на том великолепном основании, что деньги, которыми оплачиваются рабочие, не остаются в их руках, а постоянно возвращаются к капиталистам в уплату за произведенные рабочими товары.

«Они получают лишь одной рукой, а другой отдают обратно. Следовательно, их потребление следует рассматривать как порожденное теми, кто нанимает их» (там же, стр. 235).

После столь исчерпывающего изображения того, каким образом обращение денег опосредствует общественное воспроизводство и потребление, Дестют продолжает:

«Вот чем дополняется это *perpetuum mobile* * богатства, — движением, которое, хотя оно и плохо понято» («*mal connu*» — вот это верно!), «по справедливости называется обращением, потому что оно действительно представляет собой кругооборот и постоянно возвращается к своему исходному пункту. Этим пунктом является то место, где совершается производство» (там же, стр. 239—240).

Дестют, этот «весьма выдающийся писатель», член Института Франции⁸¹ и Философского общества в Филадельфии и действительно в некотором роде светило среди вульгарных экономистов, в заключение просит читателей подивиться той поразительной ясности, с которой он изобразил ход общественного процесса, тому потоку света, который он пролил на предмет, и проявляет даже такую снисходительность, что сообщает читателю, откуда исходит весь этот свет. Это следует воспроизвести в подлиннике:

«On remarquera, j'espère, combien cette manière de considérer la consommation de nos richesses est concordante avec tout ce que nous avons dit à propos de leur production et de leur distribution, et en même temps *quelle clarté elle répand sur toute la marche de la société*. D'où viennent cet accord et cette *lucidité*? De ce que nous avons rencontré la vérité. Cela rappelle l'effet de ces miroirs où les objets se peignent nettement et dans leurs justes proportions, quand on est placé dans leur vrai point de vue, et où tout paraît confus et désuni, quand on en est trop près ou trop loin» (там же, стр. 242, 243) **.

Voilà le crétinisme bourgeois dans toute sa béatitude! ***

* — вечное движение. *Ред.*

** «Надеюсь, что обратят внимание на то, насколько такой взгляд на потребление наших богатств согласуется со всем сказанным об их производстве и их распределении, и в то же время, какую ясность вносит он в рассмотрение всего хода общественной жизни. Откуда берутся эта гармония и этот свет? Из открытой нами истины. Она напоминает нам те зеркала, которые точно и с сохранением правильных пропорций между частями изображают все, что ставится перед ними в надлежащем месте, а все, что находится ближе или дальше этого места, представляют неясным и расплывчатым». *Ред.*

*** — Вот буржуазный кретинизм во всей его красе! *Ред.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ⁵⁷⁾**НАКОПЛЕНИЕ И РАСШИРЕННОЕ
ВОСПРОИЗВОДСТВО**

В книге I было показано, как происходит накопление у отдельного капиталиста. Вследствие превращения в деньги товарного капитала превращается в деньги и прибавочный продукт, представляющий прибавочную стоимость. Эту прибавочную стоимость, превращенную таким образом в деньги, капиталист снова превращает в добавочные натуральные элементы своего производительного капитала. При следующем кругообороте производства увеличенный капитал доставляет большее количество продукта. Но то, что происходит с индивидуальным капиталом, должно проявляться и в совокупном годовом воспроизводстве, подобно тому, что мы видели при рассмотрении простого воспроизводства, когда — при воспроизводстве индивидуального капитала — последовательное осаждение его потребленных основных составных частей в форме денег, накапливаемых как сокровище, находит свое выражение и в годовом общественном воспроизводстве.

Если индивидуальный капитал $= 400c + 100v$, а годовая прибавочная стоимость $= 100$, то товарный продукт $= 400c + 100v + 100m$. Эти 600 превращаются в деньги. Из этих денег $400c$ снова превращаются в натуральную форму постоянного капитала, $100v$ — в рабочую силу, и если вся прибавочная стоимость накапливается, то еще $100m$ превращаются в добавочный постоянный капитал посредством обмена на натуральные элементы производительного капитала. При этом предполагается: 1) что при данных технических условиях этой суммы достаточно либо для увеличения функционирующего постоянного капитала, либо для создания нового промышленного предприятия. Но бывает и так, что необходимо в течение значительно более продолжительного времени превращать прибавочную стоимость в деньги и накапливать эти деньги в форме сокровища, прежде чем может осуществиться этот процесс, следовательно, может начаться действительное накопле-

⁵⁷⁾ Ниже до конца книги следует текст из рукописи VIII

ние, расширение производства. 2) Предполагается, что по существу уже ранее произошло расширение производства, ибо для того, чтобы деньги (накопленную в форме денег прибавочную стоимость) можно было превратить в элементы производительного капитала, эти элементы должны уже продаваться на рынке как товары; при этом совершенно не имеет значения, если они не покупаются в форме готовых товаров, а изготавливаются на заказ. Они оплачиваются лишь после того, как будут получены, и во всяком случае после того, как по отношению к ним уже произошло действительное воспроизводство в расширенном масштабе, произошло расширение производства, до этого времени имевшего нормальный объем. Они должны были существовать потенциально, т. е. в своих элементах, так как для того, чтобы они действительно были произведены, требовался только стимул заказа, т. е. покупка товара, предшествующая его существованию и предвосхищающая его продажу. При этом деньги на одной стороне вызывают расширенное воспроизводство на другой стороне, потому что возможность расширенного воспроизводства имеется уже без денег, так как деньги сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства.

Если, например, капиталист *A* в течение одного года или нескольких лет продает последовательно производимые им массы товарного продукта, то тем самым он превращает в деньги и прибавочный продукт, т. е. ту часть товарного продукта, в которой заключается прибавочная стоимость, следовательно, он последовательно превращает в деньги саму прибавочную стоимость, произведенную им в товарной форме, постепенно накапливает эти деньги и таким образом образует новый потенциальный денежный капитал — потенциальный в силу его способности и назначения быть превращенным в элементы производительного капитала. Фактически же капиталист накапливает лишь простое сокровище, которое не представляет собой элемента действительного воспроизводства. При этом деятельность этого капиталиста состоит сначала только в последовательном извлечении из обращения обращающихся денег, причем, конечно, не исключена возможность того, что эти деньги, которые он таким образом держит под замком, прежде чем попасть в обращение, сами были частью другого сокровища. Это сокровище капиталиста *A*, потенциально являющееся новым денежным капиталом, в такой же мере не представляет собой добавочного общественного богатства, как если бы эти деньги были израсходованы на предметы потребления. Но деньги, извлеченные из обращения, следовательно, прежде находившиеся в обращении, могли уже ранее лежать в форме сокровища, как составная часть его, или быть денежной формой заработной платы; они могли служить для превращения в деньги средств производства или других товаров, для обращения постоянной части капитала или дохода капиталиста. Они также не представляют собой нового богатства, как деньги,

рассматриваемые с точки зрения простого товарного обращения, являясь носителем только своей наличной стоимости, не представляют десятикратной стоимости ввиду того, что они обернулись 10 раз в течение дня, реализовали десять различных товарных стоимостей. Товары существуют без денег, а сами деньги остаются тем, чем они являются (или вследствие износа уменьшаются), безразлично, совершают ли они один оборот или десять. Только в золотопромышленности создано новое богатство (потенциальные деньги), поскольку продукт в форме золота содержит в себе прибавочный продукт, являющийся носителем прибавочной стоимости, и лишь поскольку весь новый продукт в форме денег вступает в обращение, он увеличивает денежный материал для потенциальных новых денежных капиталов.

Не являясь добавочным новым общественным богатством, эта накопленная в форме денег прибавочная стоимость представляет, однако, новый потенциальный денежный капитал в силу той функции, для которой она накапливается. (Позже мы увидим, что новый денежный капитал может возникнуть не только путем постепенного превращения прибавочной стоимости в деньги.)

Деньги извлекаются из обращения и накапливаются в форме сокровища посредством продажи товара, за которой не следует купля. Следовательно, если представить себе, что эта операция имеет всеобщий характер, то, по-видимому, нельзя понять, откуда возмущутся покупатели товаров, так как в этом процессе, — а его следует представлять себе всеобщим, потому что каждый индивидуальный капитал может находиться в стадии накопления, — все желают продавать с целью накопления сокровища, но никто не хочет покупать.

Если представить себе, что процесс обращения между различными частями годового воспроизводства протекает как бы по прямой линии, — что неверно, так как, за немногими исключениями, он всегда состоит из взаимно противоположных движений, — то придется начать с золотопромышленника (соответственно — с производителя серебра), который покупает, не продавая, и предположить, что все другие продают ему. В таком случае весь годовой общественный прибавочный продукт (представляющий собой всю прибавочную стоимость) перешел бы к нему, а все другие капиталисты *pro rata* поделили бы между собой его прибавочный продукт, по природе существующий в форме денег, представляющий собой естественное воплощение в золоте его прибавочной стоимости; потому что часть продукта золотопромышленника, которая должна возместить его функционирующий капитал, уже связана и использована соответствующим образом. Прибавочная стоимость золотопромышленника, произведенная в форме золота, была бы в таком случае единственным фондом, из которого все остальные капиталисты получали бы материал для превращения в деньги своего годо-

вого прибавочного продукта. Следовательно, по величине стоимости она должна была бы быть равной всей общественной годовой прибавочной стоимости, которой еще только предстоит превратиться в свою куколку — в форму сокровища. Такие предположения и нелепы и бесполезны, они могли бы помочь объяснить, самое большее, лишь возможность всеобщего одновременного образования сокровищ, причем само воспроизводство, за исключением воспроизводства у золотопромышленников, не подвинулось бы ни на шаг вперед.

Прежде чем разрешить это кажущееся затруднение, мы должны разграничить накопление в подразделении I (производство средств производства) и в подразделении II (производство предметов потребления). Начнем с подразделения I.

I. НАКОПЛЕНИЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИИ I

1) ОБРАЗОВАНИЕ СОКРОВИЩА

Ясно, что как капиталы, вложенные в многочисленных отраслях промышленности, составляющих подразделение I, так и различные индивидуальные капиталы в каждой из этих отраслей промышленности, в зависимости от возраста этих капиталов, т. е. от продолжительности времени, в течение которого они уже функционировали, — мы совершенно оставляем в стороне их величину, технические условия, условия рынка и т. д., — что все эти капиталы находятся на различных ступенях процесса последовательного превращения прибавочной стоимости в потенциальный денежный капитал, для какой бы из двух форм расширения производства ни послужил впоследствии этот денежный капитал: для увеличения ли функционирующего капитала или для создания новых промышленных предприятий. Поэтому одна часть капиталистов постоянно превращает свой потенциальный денежный капитал, возросший до соответствующей величины, в производительный капитал, т. е. на деньги, накопленные путем превращения в деньги прибавочной стоимости, покупает средства производства, добавочные элементы постоянного капитала; между тем другая часть капиталистов еще занята накоплением у себя потенциального денежного капитала. Следовательно, капиталисты этих двух категорий противостоят друг другу: одни как покупатели, другие как продавцы, и притом каждый, принадлежащий к одной из двух категорий, выступает исключительно в одной из этих ролей.

Например, капиталист *A* продает капиталисту *B* (который может представлять и нескольких покупателей) $600 (= 400c + 100v + 100m)$. Он продал товаров на 600, за 600 деньгами, из которых 100 представляют прибавочную стоимость; эти 100 он извлекает из обращения, копит их как деньги, но эти 100 деньгами

представляют собой лишь денежную форму прибавочного продукта, который был носителем стоимости величиной в 100. Образование сокровища — это вообще не производство, а следовательно, прежде всего, и не приращение производства. Деятельность капиталиста при этом состоит исключительно в том, что он извлекает из обращения, удерживает у себя и сохраняет неприкосновенными деньги, вырученные от продажи прибавочного продукта в 100. Эта операция происходит не только у капиталиста А, — она совершается во множестве пунктов сферы обращения и у других капиталистов А', А'', А''' и т. д.; все они столь же усердно трудятся над такого рода образованием сокровища. Эти многочисленные пункты, в которых деньги извлекаются из обращения и накапливаются в форме многочисленных индивидуальных сокровищ, соответственно в форме потенциальных денежных капиталов, представляют собой столь же многочисленными помехами для обращения, потому что они иммобилизуют деньги и на более или менее продолжительное время лишают их способности обращаться. Но следует принять во внимание, что образование сокровищ происходит уже при простом товарном обращении, задолго до того, как это обращение начинает совершаться на основе капиталистического товарного производства; и количество денег, имеющееся в обществе, всегда больше той части их, которая находится в активном обращении, хотя эта последняя в зависимости от обстоятельств то увеличивается, то уменьшается. Здесь мы опять встречаем такие же сокровища и такое же образование сокровищ, но на этот раз уже как момент, присущий капиталистическому процессу производства.

Можно понять удовольствие, когда при системе кредита все эти потенциальные капиталы, благодаря концентрации их в руках банков и т. д., становятся капиталом, которым можно свободно располагать, становятся «loanable capital»*, денежным капиталом, притом уже не пассивным, не «музыкой будущего»⁸², а активным, ростовщическим капиталом (здесь ростовщический в смысле его роста).

Но капиталист А образует такое сокровище лишь постольку, поскольку он — по отношению к своему прибавочному продукту — выступает только как продавец, не выступая затем в качестве покупателя. Таким образом последовательное производство прибавочного продукта — носителя его прибавочной стоимости, которая должна быть превращена в деньги, — является предпосылкой образования его сокровища. В данном случае, где мы рассматриваем обращение только в пределах подразделения I, натуральная форма прибавочного продукта, как и всего продукта, часть которого составляет прибавочный продукт, является натуральной формой одного из элементов постоянного капитала подразделения I, т. е.

* — «ссудным капиталом». *Ред.*

прибавочный продукт принадлежит к такой категории, как средства производства средств производства. Что получается из этого прибавочного продукта, т. е. для какой функции он служит в руках покупателей B , B' , B'' и т. д., это мы сейчас увидим.

Но прежде всего мы должны запомнить следующее: хотя капиталист A извлекает деньги из обращения в размере своей прибавочной стоимости и накапливает их в форме сокровища, он, с другой стороны, бросает в обращение товары, не извлекая за них другие товары, вследствие чего капиталисты B , B' , B'' и т. д., в свою очередь, могут вносить в обращение деньги и взамен их извлекать из него только товар. В данном случае этот товар и по своей натуральной форме и по своему назначению входит как основной или оборотный элемент в постоянный капитал капиталистов B , B' и т. д. О последнем мы будем говорить подробнее, когда будем иметь дело с покупателями прибавочного продукта, с капиталистами B , B' и т. д.

Между прочим, отметим здесь следующее. Как и раньше, при рассмотрении простого воспроизводства, здесь мы снова находим, что обмен различных составных частей годового продукта, т. е. их обращение (которое должно охватывать в то же время и воспроизводство капитала и при этом его восстановление в различных формах: постоянного, переменного, основного, оборотного, денежного капитала и товарного капитала), предполагает отнюдь не просто куплю товара, дополняемую последующей продажей, или продажу, дополняемую последующей куплей, так что фактически происходил бы только обмен одного товара на другой, как это принимает политическая экономия, особенно фритредерская школа со времен физиократов и Адама Смита. Мы знаем, что основной капитал, если затрата на него однажды уже сделана, затем не возобновляется в течение всего времени его функционирования, а продолжает действовать в старой форме, между тем как его стоимость постепенно осаждается в виде денег. Мы видели, что периодическое возобновление основной составной части капитала IIc (причем вся капитальная стоимость IIc обменивается на элементы стоимостью в $I(v + m)$), предполагает, с одной стороны, *простую куплю* части капитальной стоимости IIc , которая представляет основной капитал и превращается из денежной формы в натуральную форму, причем этой купле соответствует простая продажа Im ; с другой стороны, оно предполагает *простую продажу* со стороны IIc , продажу той части стоимости основного капитала (стоимости изношенной части основного капитала), которая осаждается в форме денег, причем этой продаже соответствует простая купля Im . В этом случае для нормального течения обмена необходимо предположить, что простая купля со стороны IIc по величине стоимости равна

простой продаже со стороны $Ис$, как и простая продажа Im , части 1 $Ис$, равна простой купле части 2 $Ис$ (стр. 440)*. Иначе простое воспроизводство будет нарушено; простая купля на одной стороне должна покрываться простой продажей на другой. Точно так же здесь необходимо предположить, что простая продажа части Im , образующей сокровище для капиталистов A, A', A'' , уравнивается простой куплей части Im со стороны капиталистов B, B', B'' , которые превращают свое сокровище в элементы добавочного производительного капитала.

Поскольку равновесие восстанавливается благодаря тому, что покупатель впоследствии выступает как продавец на такую же сумму стоимости, и наоборот, постольку происходит возвращение денег к той стороне, которая авансировала их при купле и купила раньше, чем продала. Действительное же равновесие в самом обмене товаров, в обмене различных частей годового продукта обусловлено равенством сумм стоимости взаимно обмениваемых товаров.

Но поскольку происходят лишь односторонние обмены, масса простых покупок с одной стороны, масса простых продаж с другой стороны, — а мы видели, что нормальный обмен годового продукта на капиталистической основе обуславливает такие односторонние метаморфозы, — постольку равновесие осуществляется лишь при том предположении, что сумма стоимости односторонних покупок и сумма стоимости односторонних продаж покрывают друг друга. Тот факт, что товарное производство является всеобщей формой капиталистического производства, уже заключает в себе ту роль, которую играют в нем деньги не только как средство обращения, но и как денежный капитал, и создает известные, свойственные этому способу производства условия нормального обмена, следовательно, создает условия нормального хода как простого воспроизводства, так и воспроизводства в расширенном масштабе, — условия, которые превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие — при стихийном характере этого производства — само является случайностью.

Точно так же мы видели, что при обмене суммы стоимости Iv на соответствующую сумму стоимости $Ис$, именно для $Ис$ в конечном счете происходит возмещение товара совокупного капиталиста подразделения II равной суммой стоимости товара совокупного капиталиста подразделения I , и, следовательно, совокупный капиталист подразделения II впоследствии дополняет продажу собственного товара покупкой товара совокупного капиталиста подразделения I на такую же сумму стоимости. Такое возмещение происходит; однако между самими капиталистами подразделений I и II при

* См. настоящий том, с. 526—527. *Ред.*

этом превращении их товаров не происходит обмена. Капиталисты, собственники $Ис$ продают свои товары рабочим подразделения I ; последние противостоят им односторонне как покупатели товаров, а собственники $Ис$ противостоят рабочим односторонне как продавцы товаров; с деньгами, вырученными таким образом, собственники $Ис$ противостоят совокупному капиталисту подразделения I односторонне как покупатели товаров, а совокупный капиталист подразделения I односторонне противостоит им как продавец товаров на сумму Iv . Только посредством этой продажи товаров подразделения I в конечном счете воспроизводит свой переменный капитал снова в форме денежного капитала. Если капитал подразделения I противостоит капиталу подразделения II односторонне как продавец товара на сумму Iv , то рабочим подразделения I он односторонне противостоит как покупатель их товара, т. е. их рабочей силы, и если рабочие подразделения I противостоят капиталисту подразделения II односторонне как покупатели товара (а именно как покупатели жизненных средств), то капиталисту подразделения I они противостоят односторонне как продавцы товара, а именно как продавцы своей рабочей силы.

Постоянное предложение рабочей силы со стороны рабочих подразделения I , обратное превращение части товарного капитала подразделения I в денежную форму переменного капитала этого подразделения, возмещение части товарного капитала подразделения II натуральными элементами постоянного капитала $Ис$ — все эти необходимые предпосылки воспроизводства взаимно обуславливают друг друга, но опосредствуются очень сложным процессом, который включает в себе три процесса обращения, совершающиеся независимо один от другого, но переплетающиеся между собой. Сама многосложность процесса дает столь же многочисленные основания для его ненормального хода.

2) ДОБАВОЧНЫЙ ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ

Прибавочный продукт, носитель прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталистам подразделения I , присваивающим этот прибавочный продукт. Им ни в какой форме не приходится авансировать ни денег, ни товаров, чтобы получить его. Аванс («avance») уже у физиократов является всеобщей формой стоимости, овеященной в элементах производительного капитала. Следовательно, капиталисты подразделения I авансируют только свой постоянный и переменный капитал. Рабочий своим трудом не только сохраняет им постоянный капитал, он не только возмещает им переменную капитальную стоимость посредством соответствующей вновь созданной части стоимости в форме товара; своим прибавочным трудом он, кроме того, доставляет им прибавочную стоимость, существующую в форме прибавочного продукта. Последовательно прода-

вая этот прибавочный продукт, они образуют сокровище, добавочный потенциальный денежный капитал. В рассматриваемом здесь случае этот прибавочный продукт с самого начала состоит из средств производства средств производства. Только в руках капиталистов B, B', B'' и т. д. (подразделения I) этот прибавочный продукт функционирует как добавочный постоянный капитал; но потенциально он являлся таковым раньше, чем был продан, уже в руках капиталистов A, A', A'' (подразделения I), которые теперь накапливают сокровище. Пока мы рассматриваем только величину стоимости воспроизводства на стороне подразделения I, мы находимся еще в пределах простого воспроизводства, потому что никакой добавочный капитал не приведен в движение для того, чтобы создать этот потенциальный добавочный постоянный капитал (прибавочный продукт), не приведено в движение также и большее количество прибавочного труда, чем то, которое затрачивалось на основе простого воспроизводства. Различие здесь заключается только в форме примененного прибавочного труда, в конкретной природе его особенного полезного характера. Он был израсходован на средства производства для I_c вместо II_c , на средства производства средств производства, а не на средства производства предметов потребления. При простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость подразделения I расходуется как доход, т. е. целиком расходуется на товары подразделения II; следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал II_c в его натуральной форме. Таким образом, для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I должно быть в состоянии создавать меньше элементов постоянного капитала для подразделения II, но в той же мере больше для подразделения I. Этот переход, не всегда совершающийся без затруднения, облегчается тем фактом, что некоторые продукты подразделения I могут служить средствами производства в обоих подразделениях.

Из этого следует, — если рассматривать вопрос только с точки зрения величины стоимости, — что в рамках простого воспроизводства создается материальный субстрат расширенного воспроизводства. Он состоит просто из прибавочного труда рабочих подразделения I, израсходованного непосредственно на производство средств производства, на создание потенциального добавочного капитала подразделения I. Следовательно, образование потенциального добавочного денежного капитала на стороне капиталистов A, A', A'' (подразделения I) — путем последовательной продажи их прибавочного продукта, который образуется без всякой капиталистической затраты денег, — представляет собой здесь просто денежную форму добавочно произведенных средств производства подразделения I.

Итак, производство потенциального добавочного капитала в нашем случае (потому что, как мы увидим, он может образоваться и совершенно иначе) выражает не что иное, как явление самого процесса производства: это — производство в определенной форме, — производство элементов производительного капитала.

Следовательно, производство добавочного потенциального денежного капитала в крупном масштабе — во множестве пунктов сферы обращения — есть не что иное, как результат и выражение многостороннего производства потенциального добавочного производительного капитала, само возникновение которого не предполагает никаких добавочных денежных расходов со стороны промышленных капиталов.

Последовательное превращение со стороны капиталистов A , A' , A'' и т. д. (подразделения I) этого потенциально добавочного производительного капитала в потенциальный денежный капитал (в сокровище), превращение, обусловливаемое последовательной продажей прибавочного продукта этих капиталистов, — следовательно, повторной односторонней продажей товара без дополняющей ее купли, — совершается посредством повторного извлечения из обращения денег и соответственного образования сокровища. Такое образование сокровища, — исключая тот случай, когда покупателем является золотопромышленник, — отнюдь не предполагает образования дополнительного богатства в виде благородных металлов; оно предполагает только изменение функции обращавшихся до того времени денег. Они только что функционировали как средства обращения, теперь они функционируют как сокровище, как образующийся, потенциально новый денежный капитал. Следовательно, образование добавочного денежного капитала и количество имеющегося в стране благородного металла не имеют между собой никакой причинной связи.

Из этого следует далее: чем больше производительный капитал, уже функционирующий в данной стране (считая и присоединяемую к нему рабочую силу, производительницу прибавочного продукта), чем более развита производительная сила труда, и, значит, чем более развиты технические средства для быстрого расширения производства средств производства и, следовательно, чем больше масса прибавочного продукта как по своей стоимости, так и по количеству потребительных стоимостей, в которых он выражен, тем больше:

1) потенциально добавочный производительный капитал в форме прибавочного продукта в руках капиталистов A , A' , A'' и т. д.;

2) масса этого прибавочного продукта, превращенного в деньги, следовательно, масса потенциально добавочного денежного капитала в руках капиталистов A , A' , A'' . Таким образом, если, например, Фуллартон не хочет и слышать о перепроизводстве в обычном смысле, но признает перепроизводство капитала, а именно денеж-

ного капитала, то это еще раз доказывает, что даже лучшие буржуазные экономисты абсолютно ничего не понимают в механизме своей системы.

Если прибавочный продукт, непосредственно производимый и присваиваемый капиталистами A, A', A'' (подразделения I), является реальным базисом накопления капитала, т. е. расширенного воспроизводства, хотя он в такой роли будет активно функционировать лишь в руках капиталистов B, B', B'' и т. д. (подразделения I), — то, напротив, в своей денежной куклолке, — в качестве сокровища, как постепенно еще только образующийся потенциальный денежный капитал, — он абсолютно непроизводителен и хотя движется в этой форме параллельно процессу производства, но лежит вне его. Он является мертвым грузом («dead weight») капиталистического производства. Жажда использовать в целях получения как прибыли, так и «дохода» эту прибавочную стоимость, накапливаемую в форме сокровища, в виде потенциального денежного капитала, находит себе удовлетворение в кредитной системе и в «бумажках»*. Благодаря этому денежный капитал в иной форме приобретает огромное влияние на ход и мощное развитие капиталистической системы производства.

Масса прибавочного продукта, превращенного в потенциальный денежный капитал, будет тем больше, чем больше была общая сумма уже функционирующего капитала, вследствие функционирования которого возник этот продукт. Но при абсолютном увеличении размеров ежегодно воспроизводимого потенциального денежного капитала становится также более легкой и его сегментация, так что он скорее может быть вложен в особое предприятие, причем безразлично, будет ли это предприятие в руках того же самого капиталиста или в руках других (например, членов его семьи, при разделе наследства и т. д.). Сегментация денежного капитала здесь понимается в том смысле, что он совершенно отделяется от первоначального капитала и в качестве нового денежного капитала вкладывается в новое самостоятельное предприятие.

Если продавцы прибавочного продукта, капиталисты A, A', A'' и т. д. (подразделения I) получили его как непосредственный результат такого процесса производства, который, помимо авансирования на постоянный и переменный капитал, требуемого и при простом воспроизводстве, не предполагает дальнейших актов обращения, если они, далее, создают таким образом реальный базис для воспроизводства в расширенном масштабе и в действительности производят потенциально добавочный капитал, то, напротив, положение капиталистов B, B', B'' и т. д. (подразделения I) иное. 1) Только в их руках прибавочный продукт капиталистов A, A', A'' и т. д. будет функционировать активно как добавочный постоянный

* Имеются в виду ценные бумаги (акции, облигации и т. п.). *Ред.*

капитал (другой элемент производительного капитала, добавочную рабочую силу, следовательно, добавочный переменный капитал, мы пока оставляем в стороне); 2) для того, чтобы прибавочный продукт попал в их руки, требуется акт обращения. Они должны купить этот прибавочный продукт.

По поводу пункта 1) здесь следует заметить, что бо́льшая часть прибавочного продукта (потенциально добавочного постоянного капитала), произведенного капиталистами A, A', A'' (подразделения I), хотя она и произведена в текущем году, может активно функционировать как промышленный капитал в руках капиталистов B, B', B'' (подразделения I) только в следующем году или даже позднее; по поводу пункта 2) возникает вопрос, откуда берутся деньги, необходимые для этого процесса обращения.

Поскольку продукты, производимые капиталистами B, B', B'' и т. д. (подразделения I), снова входят *in natura* в тот же самый процесс производства, само собой понятно, что *pro tanto* часть их собственного прибавочного продукта прямо (без посредства обращения) переносится в их производительный капитал и входит в него как добавочный элемент постоянного капитала. Но *pro tanto* они не являются капиталистами, превращающими в деньги прибавочный продукт капиталистов A, A' и т. д. (подразделения I). Если оставить это в стороне, то откуда же берутся деньги? Мы знаем, что капиталисты B, B', B'' и т. д. (подразделения I) образовали свое сокровище подобно капиталистам A, A' и т. д. путем продажи соответствующих прибавочных продуктов и теперь достигли цели: теперь их накопленный в форме сокровища, пока лишь потенциальный денежный капитал должен действительно функционировать как добавочный денежный капитал. Но так мы ходим лишь вокруг да около. По-прежнему остается вопросом, откуда берутся деньги, которые ранее извлечены из обращения и накоплены капиталистами группы B (подразделения I). Однако уже из исследования простого воспроизводства мы знаем, что в руках капиталистов подразделений I и II должно находиться известное количество денег для обмена их прибавочного продукта. При простом воспроизводстве деньги, служившие только как доход для расходования на предметы потребления, возвращались обратно к капиталистам в той мере, в какой капиталисты авансировали их для обмена своих соответствующих товарных масс; при расширенном воспроизводстве опять появляются те же самые деньги, но их функция изменилась. Капиталисты групп A и B (подразделения I) попеременно доставляют деньги для превращения прибавочного продукта в добавочный потенциальный денежный капитал и попеременно снова бросают в обращение вновь образованный денежный капитал как покупательное средство.

Единственное предположение при этом заключается в том, что количество имеющихся в стране денег (скорость обращения и т. д.

принята неизменной) достаточно как для активного обращения, так и для образования запасного сокровища; следовательно, это то же самое предположение, которое, как мы видели, должно найти осуществление и при простом товарном обращении. Только функция накопленных сокровищ здесь иная. Кроме того, количество наличных денег должно быть больше: 1) потому что при капиталистическом производстве всякий продукт производится как товар, следовательно, он должен проделать превращение в денежную куколку (исключение составляют вновь добываемые благородные металлы и те относительно немногие продукты, которые потребляются самим производителем); 2) потому что на капиталистической основе масса товарного капитала и величина его стоимости не только абсолютно больше, но и возрастает с несравненно большей быстротой; 3) все увеличивающийся переменный капитал постоянно должен превращаться в денежный капитал; 4) потому что образование новых денежных капиталов идет в ногу с расширением производства, следовательно, должен быть налично и материал для их накопления в форме сокровища. — Если все это верно, во всяком случае, для первой фазы капиталистического производства, когда и система кредита сопровождается преимущественно металлическим обращением, то это верно также и для наиболее развитой фазы кредитной системы, поскольку ее базисом остается металлическое обращение. С одной стороны, добавочная добыча благородных металлов, поскольку она попеременно то возрастает, то уменьшается, может вызывать нарушения в товарных ценах не только на сравнительно продолжительные, но и на очень короткие периоды времени; с другой стороны, весь механизм кредита постоянно направлен к тому, чтобы при помощи всевозможных операций, приемов, технических приспособлений свести действительное металлическое обращение к относительно все сокращающемуся минимуму, благодаря чему соответственно возрастает искусственность всего механизма и увеличиваются шансы нарушений его нормального хода.

Различные капиталисты B , B' , B'' и т. д. (подразделения I), потенциальный новый денежный капитал которых вступает в действие, могут покупать друг у друга и продавать друг другу свои продукты (части своего прибавочного продукта). При нормальном ходе дела деньги, авансированные на обращение прибавочного продукта, *pro tanto* возвращаются к различным капиталистам группы B в такой же пропорции, в какой каждый из них авансировал эти деньги на обращение своих соответствующих товаров. Если деньги обращаются как средство платежа, то приходится уплачивать только балансовую разницу в платежах, поскольку взаимные покупки и продажи не погашают друг друга. Но важно всюду, как это мы делаем здесь, предположить сначала металлическое обращение в его простейшей, самой первоначальной форме, потому что

благодаря этому прилив и отлив денег, погашение балансовой разницы, короче, все моменты, которые при кредитной системе представляются сознательно урегулированными процессами, здесь выступают как существующие независимо от кредитной системы, и все дело выступает в своей первоначальной форме, а не в позднейшей, отраженной форме.

3) ДОБАВОЧНЫЙ ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

Теперь мы должны обратиться к рассмотрению добавочного переменного капитала, так как до сих пор у нас речь шла только о добавочном постоянном капитале.

В книге I было подробно изложено, почему на основе капиталистического производства рабочая сила всегда имеется в запасе и каким образом в случае необходимости можно привести в движение больше труда без увеличения числа занятых рабочих или количества рабочей силы. Поэтому здесь нет необходимости еще останавливаться на этом; теперь мы должны, напротив, предположить, что часть вновь образовавшегося денежного капитала, превращаемая в переменный капитал, всегда находит рабочую силу, в которую она должна превратиться. В книге I было изложено также и то, каким образом данный капитал может без накопления расширять в известных границах размеры своего производства. Но здесь речь идет о накоплении капитала в специфическом смысле, так что расширение производства обусловлено превращением прибавочной стоимости в добавочный капитал, следовательно, оно обусловлено также и увеличением всего капитала, на основе которого ведется производство.

Золотопромышленник может накапливать некоторую часть своей прибавочной стоимости в форме золота как потенциальный денежный капитал; как только последний достигнет необходимой величины, он может непосредственно превратить его в новый переменный капитал, для этого ему не приходится предварительно продавать свой прибавочный продукт; точно так же он может превратить этот потенциальный денежный капитал в элементы постоянного капитала. Однако в последнем случае он должен найти эти вещные элементы своего постоянного капитала уже в наличии, причем безразлично, работает ли каждый производитель, как мы предполагали в предыдущем изложении, про запас, т. е. сначала накапливает товары на складе, а затем доставляет свои готовые товары на рынок, или же он работает на заказ. В обоих случаях предполагается реальное расширение производства, т. е. предполагается прибавочный продукт, который в первом случае действительно имеется налицо, а во втором случае существует потенциально, может быть доставлен.

II. НАКОПЛЕНИЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИИ II

До сих пор мы предполагали, что капиталисты A, A', A'' (подразделения I) продают свой прибавочный продукт капиталистам B, B', B'' и т. д. из того же подразделения I. Но предположим, что капиталист A (подразделения I) превращает в деньги свой прибавочный продукт, продавая его капиталисту B из подразделения II. Это может произойти лишь вследствие того, что капиталист A (подразделения I), продав капиталисту B (подразделения II) средства производства, затем не покупает предметы потребления, следовательно, лишь вследствие односторонней продажи с его стороны. Превращение IIc из формы товарного капитала в натуральную форму производительного постоянного капитала может произойти лишь благодаря тому, что не только Iv , но, по крайней мере, и некоторая часть I_m обменивается на некоторую часть IIc , существующего в форме предметов потребления; теперь же капиталист A превращает в деньги свое I_m только благодаря тому, что этот обмен не совершается; напротив, наш капиталист A деньги, вырученные в подразделении II посредством продажи своего I_m , извлекает из обращения, не расходуя их на покупку предметов потребления IIc ; при этом на стороне капиталиста A (подразделения I) хотя и происходит образование добавочного потенциального денежного капитала, но на другой стороне оказывается закреплённой в форме товарного капитала равная по величине стоимости часть постоянного капитала капиталиста B (подразделения II), которая не может превратиться в натуральную форму производительного постоянного капитала. Другими словами: часть товаров капиталиста B (подразделения II), и притом *prima facie* * та часть, без продажи которой капиталист B (подразделения II) не может превратить весь свой постоянный капитал снова в производительную форму, не находит себе сбыта; поэтому в отношении этой части имеет место перепроизводство, которое затрудняет воспроизводство этой части товаров даже при воспроизводстве в неизменном масштабе.

Итак, хотя в этом случае добавочный потенциальный денежный капитал на стороне капиталиста A (подразделения I) и представляет собой прибавочный продукт (прибавочную стоимость), принявший форму денег, но прибавочный продукт (прибавочная стоимость), рассматриваемый как таковой, представляет собой в данном случае явление простого воспроизводства, но отнюдь еще не воспроизводства в расширенном масштабе. Товары $I(v + m)$, — сказанное во всяком случае относится к некоторой части m , — в конечном счете должны быть обменены на IIc , чтобы воспроизводство IIc могло совершаться в неизменном масштабе. Капиталист A (подразделения I), продав капиталисту B (подразделения II)

* — прежде всего. *Ред.*

свой прибавочный продукт, доставил капиталисту *B* (подразделения II) соответствующую часть стоимости постоянного капитала в натуральной форме, но вместе с тем, извлекая деньги из обращения и не дополняя своей продажи последующей куплей, он сделал невозможной продажу части товаров капиталиста *B* (подразделения II), товаров равной стоимости. Следовательно, если мы имеем в виду все общественное воспроизводство, в одинаковой мере охватывающее капиталистов подразделений I и II, то превращение прибавочного продукта капиталиста *A* (подразделения I) в потенциальный денежный капитал выражает невозможность обратного превращения в производительный (постоянный) капитал для равного по величине стоимости товарного капитала капиталиста *B* (подразделения II); следовательно, это превращение выражает не возможность производства в расширенном масштабе, а нарушение простого воспроизводства, следовательно, выражает наличие дефицита при простом воспроизводстве. Так как образование прибавочного продукта капиталиста *A* (подразделения I) и его продажа сами представляют собой нормальные явления простого воспроизводства, то здесь, уже на основе простого воспроизводства, мы имеем следующие взаимно обусловливаемые явления: образование потенциально добавочного денежного капитала в подразделении I (поэтому недопотребление с точки зрения подразделения II); задержка в подразделении II товарных запасов, которые не могут быть обратно превращены в производительный капитал (следовательно, относительное перепроизводство в подразделении II); избыток денежного капитала в подразделении I и наличие дефицита при воспроизводстве в подразделении II.

Не останавливаясь больше на этом пункте, мы заметим лишь следующее: при изображении простого воспроизводства предполагалось, что вся прибавочная стоимость подразделений I и II расходуется как доход. Но в действительности одна часть прибавочной стоимости расходуется как доход, а другая часть превращается в капитал. Только при таком предположении происходит действительное накопление. Утверждение, будто накопление совершается за счет потребления, рассматриваемое в такой общей форме, само по себе представляет иллюзию, противоречащую сущности капиталистического производства, так как оно предполагает, что целью и побудительным мотивом капиталистического производства является потребление, а не получение прибавочной стоимости и ее капитализация, т. е. накопление.

Рассмотрим теперь несколько подробнее накопление в подразделении II.

Первое затруднение в отношении IIc, т. е. в отношении его обратного превращения из составной части товарного капитала под-

разделения II в натуральную форму постоянного капитала подразделения II, касается простого воспроизводства. Возьмем прежнюю схему:

$$(1\ 000v + 1\ 000m) \text{ I обмениваются на } 2\ 000 \text{ IIc.}$$

Если, например, половина прибавочного продукта подразделения I, т. е. $\frac{1\ 000}{2} m$ или $500 Im$, снова включается как постоянный капитал в подразделение I, то эта часть прибавочного продукта, удержанная в подразделении I, не может возместить ни одной части IIc. Вместо превращения в предметы потребления (а здесь, в этом отделе обращения между подразделениями I и II, — в отличие от возмещения $1\ 000 \text{ IIc}$ путем обмена на $1\ 000 Iv$, совершаемого при посредстве рабочих подразделения I, — происходит действительный взаимный обмен, следовательно, имеет место двустороннее перемещение товаров), эта часть Im должна послужить в качестве добавочных средств производства в самом подразделении I. Она не может выполнять этой функции одновременно в подразделениях I и II. Капиталист не может расходовать стоимость своего прибавочного продукта на предметы потребления и в то же время производительно потреблять самый прибавочный продукт, т. е. присоединять его к своему производительному капиталу. Итак, вместо $2\ 000 I (v + m)$ в обмен на $2\ 000 \text{ IIc}$ поступают только $1\ 500$, а именно $(1\ 000v + 500m) I$; следовательно, 500 IIc не могут превратиться из своей товарной формы в производительный (постоянный) капитал подразделения II. Таким образом, в подразделении II произошло бы перепроизводство, по своему размеру точно соответствующее размерам расширения производства, совершившегося в подразделении I. Возможно, что перепроизводство в подразделении II настолько сильно отразится на подразделении I, что даже $1\ 000$, израсходованная рабочими подразделения I на предметы потребления подразделения II, возвратится обратно только отчасти, следовательно, эта $1\ 000$ полностью не возвратится в форме переменного денежного капитала в руки капиталистов подразделения I. Для этих последних даже воспроизводство в прежнем масштабе оказалось бы затрудненным уже вследствие одной только попытки его расширения. При этом следует принять во внимание, что фактически в подразделении I произошло лишь простое воспроизводство и что элементы его, как они представлены в нашей схеме, только сгруппированы иначе в целях его будущего расширения, например, в следующем году.

Можно было бы попытаться обойти это затруднение таким образом: 500 IIc , которые лежат на складах у капиталистов и которые не могут быть непосредственно превращены в производительный капитал, совсем не значают перепроизводства, а, наоборот, представляют необходимый элемент воспроизводства, который мы до

сих пор не принимали во внимание. Мы видели, что денежный запас должен накапливаться во многих пунктах, следовательно, деньги должны извлекаться из обращения отчасти для того, чтобы стало возможным образование нового денежного капитала в самом подразделении I, отчасти для того, чтобы некоторое время сохранять в денежной форме стоимость постепенно потребляемого основного капитала. Но так как при составлении схемы предполагается, что все деньги и все товары с самого начала находятся исключительно в руках капиталистов подразделений I и II, и так как при этом не существует ни купцов, ни торговцев деньгами, ни банкиров, ни таких классов, которые только потребляют и не принимают непосредственного участия в производстве товаров, то для того, чтобы механизм воспроизводства действовал непрерывно, здесь необходимо постоянное образование товарных запасов у самих соответствующих производителей. Следовательно, 500 IIc, лежащие на складах капиталистов подразделения II, представляют собой товарный запас предметов потребления, который обеспечивает непрерывность процесса потребления, предполагаемого воспроизводством, следовательно, этот запас в данном случае обеспечивает переход от одного года к другому. Фонд потребления, который при этом находится еще в руках его продавцов и вместе с тем производителей, не может в данном году сократиться до нуля, не может сократиться так, чтобы следующий год начинался с нуля, — совершенно так же, как это невозможно при переходе от нынешнего дня к завтрашнему. Так как такие товарные запасы должны постоянно образовываться вновь, хотя размеры их изменяются, то наши капиталистические производители подразделения II должны располагать запасным денежным капиталом, который давал бы им возможность непрерывно продолжать процесс производства, несмотря на то, что часть их производительного капитала временно задерживается в товарной форме. Ведь, согласно предположению, они полностью соединяют в своих руках дело торговли с делом производства; следовательно, они должны располагать и таким добавочным денежным капиталом, который при обособлении отдельных функций процесса воспроизводства в качестве функций различных категорий капиталистов будет находиться в руках купцов.

На это следует возразить так: 1) Такое образование запасов и необходимость его имеет значение для всех капиталистов — как для капиталистов подразделения I, так и для капиталистов подразделения II. Рассматриваемые просто как продавцы товаров, они отличаются друг от друга только тем, что продают товары различного рода. Наличие запаса товаров в подразделении II предполагает, что раньше уже имелся запас товаров в подразделении I. Не принимая во внимание этого запаса на одной стороне, мы должны не принимать его во внимание и на другой стороне. Если же мы принимаем их во внимание на обеих сторонах, то проблема ни-

сколько не меняется. — 2) Если в подразделении II текущий год заканчивается с товарным запасом для следующего года, то начался он в этом же подразделении II с товарным запасом, перешедшим от прошлого года. Следовательно, при анализе годового воспроизводства, сведенного к его самому абстрактному выражению, мы в обоих случаях должны вычеркнуть товарный запас. Если мы отнесем все производство к текущему году, а следовательно, и ту часть годового продукта, которую он передает следующему году в качестве товарного запаса, но, с другой стороны, вычтем из этого товарного запаса товарный запас, полученный им от предыдущего года, то тем самым мы действительно получим в качестве предмета нашего анализа весь средний годовой продукт. — 3) То простое обстоятельство, что при исследовании простого воспроизводства мы не наталкивались на затруднение, которое теперь приходится преодолевать, доказывает, что здесь мы имеем дело с совершенно особенным явлением, которое вызывается всего лишь иной группировкой (по отношению к воспроизводству) элементов продукта в подразделении I: такой измененной группировкой, без которой вообще невозможно никакое воспроизводство в расширенном масштабе.

III. СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НАКОПЛЕНИЯ

Теперь мы рассмотрим воспроизводство по следующей схеме:

$$\text{Схема а) } \left. \begin{array}{l} \text{I. } 4\,000c + 1\,000v + 1\,000m = 6\,000 \\ \text{II. } 1\,500c + 376v + 376m = 2\,252 \end{array} \right\} \text{ Сумма} = 8\,252.$$

Прежде всего заметим, что общая сумма годового общественного продукта, = 8 252, меньше, чем в первой схеме, где она была = 9 000. Мы совершенно так же могли бы взять гораздо большую сумму, например, мы могли бы удесятить ее. Мы взяли сумму меньшую, чем в первой схеме, именно для того, чтобы с очевидностью показать, что воспроизводство в расширенном масштабе (которое мы понимаем в данном случае только как производство, ведущееся с большим капиталом) не находится ни в какой связи с абсолютной величиной продукта, что для данной массы товаров оно предполагает только иное размещение или иное функциональное назначение различных элементов данного продукта, следовательно, по величине стоимости оно является сначала только простым воспроизводством. Сначала изменяется не количество, а качественное назначение данных элементов простого воспроизводства, и такое изменение является материальной предпосылкой последующего воспроизводства в расширенном масштабе ⁵⁸⁾.

⁵⁸⁾ Это раз навсегда кладет конец спору о накоплении капитала между Джамсом Миллем и С. Бейли, рассмотренному в книге I (глава XXII, 5, с. 634, примечание 65 ⁸³⁾) с иной точки зрения, а именно, спору о расширении действия промышленного капитала при неизменяющейся величине его. Вернуться к этому позже.

Мы могли бы представить эту схему иначе при ином отношении между переменным и постоянным капиталом; например, в таком виде:

$$\text{Схема б) } \left. \begin{array}{l} \text{I. } 4\,000c + 875v + 875m = 5\,750 \\ \text{II. } 1\,750c + 376v + 376m = 2\,502 \end{array} \right\} \text{Сумма} = 8\,252.$$

В таком виде схема оказалась бы составленной для простого воспроизводства, так что вся прибавочная стоимость расходуется как доход, а не накапливается. В обоих случаях, как при схеме а), так и при схеме б), мы имеем годовой продукт одинаковой величины стоимости, только в случае б) его элементы группируются по своим функциям таким образом, что снова начинается воспроизводство в прежнем масштабе, тогда как в случае а) создается материальный базис для воспроизводства в расширенном масштабе. А именно: в схеме б) $(875v + 875m)$ I = 1 750 I $(v + m)$ обмениваются без остатка на 1 750 IIc, тогда как в схеме а) при обмене $(1\,000v + 1\,000m)$ I = 2 000 I $(v + m)$ на 1 500 IIc остается излишек в 500 Im для накопления в подразделении I.

Теперь перейдем к более подробному анализу схемы а). Предположим, что как в подразделении I, так и в подразделении II половина прибавочной стоимости не расходуется как доход, а накапливается, т. е. превращается в элемент добавочного капитала. Так как половина $1\,000 Im = 500$ должна быть в той или иной форме накоплена, применена как добавочный денежный капитал, т. е. должна быть превращена в добавочный производительный капитал, то в качестве дохода будет израсходовано только $(1\,000v + 500m)$ I. Поэтому как нормальная величина IIc здесь, в свою очередь, фигурирует всего 1 500. Нет необходимости исследовать обмен $1\,500 I (v + m)$ на 1 500 IIc, потому что этот обмен уже был рассмотрен как процесс простого воспроизводства; точно так же нет необходимости рассматривать $4\,000 Ic$, потому что новое размещение его для вновь начинающегося воспроизводства (которое совершается на этот раз в расширенном масштабе) мы тоже уже рассматривали как процесс простого воспроизводства.

Итак, нам остается исследовать здесь только $500 Im$ и $(376v + 376m)$ II, поскольку рассматриваются, с одной стороны, внутренние отношения как в подразделении I, так и в подразделении II, а с другой стороны — движение между ними обоими. Так как предполагается, что в подразделении II тоже должна накапливаться половина прибавочной стоимости, то в капитал должны превратиться здесь 188, из них в переменный капитал $1/4 = 47$; в переменный капитал должно быть превращено для круглого счета, скажем, 48, а остальные 140 должны быть превращены в постоянный капитал.

Здесь мы сталкиваемся с новой проблемой, само существование которой должно показаться странным для того ходячего представ-

ления, согласно которому товары одного рода обмениваются на товары другого рода или, что то же самое, товары обмениваются на деньги, а эти деньги снова обмениваются на товары другого рода. Эти 140 Im только потому и могут превратиться в производительный капитал, что они возмещаются частью товаров Im на ту же сумму стоимости. Само собой понятно, что часть Im , обмениваемая на $IIIm$, должна состоять из средств производства, которые могут войти как в производство подразделения I, так и в производство подразделения II, или же исключительно в производство подразделения II. Такое возмещение может совершиться лишь посредством односторонней купли со стороны подразделения II, так как весь прибавочный продукт 500 Im , который нам еще предстоит исследовать, должен служить для накопления в пределах подразделения I, следовательно, он не может быть обменян на товары подразделения II; другими словами, капиталисты подразделения I не могут одновременно и накапливать и проедать этот прибавочный продукт. Следовательно, подразделение II должно купить 140 Im на наличные деньги, причем эти деньги не возвратятся к нему посредством последующей продажи своего товара подразделению I. Но ведь этот процесс повторяется постоянно при каждом новом годовом производстве, поскольку оно является воспроизводством в расширенном масштабе. Где же в подразделении II находится источник денег для этого?

Напротив, подразделение II представляет, по-видимому, в высшей степени неблагоприятную почву для образования нового денежного капитала, сопровождающего действительное накопление и являющегося его условием при капиталистическом производстве, причем фактически это образование нового денежного капитала выступает сначала как простое образование сокровища.

Прежде всего, перед нами сумма 376 IIv ; денежный капитал на сумму в 376, авансированный на рабочую силу, посредством купли товаров подразделения II постоянно возвращается к совокупному капиталисту подразделения II как перемennyй капитал в денежной форме. Такое постоянно повторяющееся удаление денег от исходного пункта — из кармана капиталиста — и их возвращение к нему несколько не увеличивает количества денег, совершающих этот кругооборот. Следовательно, оно не является источником накопления денег; эти деньги не могут быть также и извлечены из указанного обращения для образования потенциально нового денежного капитала, накапливаемого в качестве сокровища.

Но постойте! Нельзя ли зашибить на этом какой-нибудь ба-рышик?

Мы не должны забывать, что подразделение II имеет то преимущество перед подразделением I, что занятые в подразделении II

рабочие должны снова покупать у капиталистов этого подразделения товары, произведенные ими самими. Подразделение II оказывается покупателем рабочей силы и вместе в тем продавцом товаров владельцам рабочей силы, применяемой в этом подразделении. Следовательно, капиталисты подразделения II могут:

1) — и это у них является общим с капиталистами подразделения I — просто понизить заработную плату ниже ее нормального среднего уровня. Вследствие этого высвобождается часть денег, функционировавших как денежная форма переменного капитала, и при постоянном повторении такого процесса это могло бы стать нормальным источником образования сокровищ, а следовательно, и источником для образования добавочного потенциального денежного капитала в подразделении II. Конечно, здесь, где речь идет о нормальном образовании капитала, нам нет дела до случайной прибыли, полученной путем надувательства рабочих. Но не следует забывать, что действительно уплачиваемая нормальная заработная плата (которая *ceteris paribus* * определяет величину переменного капитала) уплачивается вовсе не по доброте капиталистов, а потому, что при данных отношениях она должна быть уплачена. Таким образом, этот способ объяснения исключается. Если мы предполагаем, что переменный капитал, который должен быть израсходован подразделением II, составляет 376*v*, то для объяснения вновь возникшей проблемы мы не можем вдруг выдвинуть гипотезу, что подразделение II авансирует только 350*v*, а не 376*v*.

2) Но, с другой стороны, как мы уже сказали, подразделение II, рассматриваемое как целое, имеет то преимущество перед подразделением I, что, будучи покупателем рабочей силы, оно вместе с тем является продавцом своих товаров своим собственным рабочим. Каким образом это преимущество может эксплуатироваться, — каким образом номинально может выплачиваться обычная заработная плата, а в действительности часть ее капиталисты забирают назад, не давая рабочим соответствующего товарного эквивалента, *alias* **, обкрадывая рабочих, как это может прodelьваться отчасти путем применения *trucksystem* ***, отчасти путем фальсификации денег, находящихся в обращении (хотя эта фальсификация подчас остается неуловимой для закона), — на этот счет имеются самые бесспорные данные в каждой промышленной стране, например, в Англии и в Соединенных Штатах. (По этому поводу следует привести несколько ярких примеров.) Это — та же самая операция, как и в пункте 1), только она замаскирована и осуществляется обходным путем. Следовательно, она должна быть отвергнута так

* — при прочих равных условиях. *Ред.*

** — иначе говоря. *Ред.*

*** — системы оплаты товарами. *Ред.*

же, как и указанная выше. Здесь речь идет о заработной плате, выплачиваемой не номинально, а действительно.

Мы видим, что при объективном анализе капиталистического механизма нет нужды использовать присущие ему известные позорные пятна чрезвычайного характера как средство для устранения теоретических затруднений. Но большинство моих буржуазных критиков странным образом кричит о том, будто я, например в книге I «Капитала», своим предположением, что капиталист уплачивает действительную стоимость рабочей силы, — чего он большей частью не делает, — будто я таким образом допустил несправедливость по отношению к этому самому капиталисту! (С тем «великодушием», какое приписывается мне, здесь можно процитировать Шеффле.)

Итак, с суммой 376 *Иv* для упомянутой цели ничего не выходит.

Но с суммой 376 *Ит* возникает, по-видимому, еще больше затруднений. Здесь друг другу противостоят только капиталисты одного и того же подразделения, которые продают друг другу и покупают друг у друга произведенные ими предметы потребления. Деньги, необходимые для такого обмена, функционируют при этом только как средства обращения и при нормальном ходе вещей должны возвращаться к участникам соответственно величине их авансов на обращение, чтобы затем постоянно снова и снова распределять один и тот же путь.

Извлекать эти деньги из обращения для образования добавочного потенциального денежного капитала возможно, по-видимому, только двумя способами. Или одна часть капиталистов подразделения II обманывает другую часть капиталистов и совершает таким образом грабеж денег. Как мы знаем, для образования нового денежного капитала не требуется никакого предварительного увеличения количества денег, находящихся в обращении; для этого не требуется ничего иного, кроме того, чтобы деньги с известных сторон извлекались из обращения и накапливались в виде сокровища. То обстоятельство, что деньги могут быть украдены и потому образование добавочного денежного капитала у одной части капиталистов подразделения II может быть связано с прямой потерей денег у другой части, — это обстоятельство несколько не меняет сути дела. Обманутой части капиталистов подразделения II пришлось бы вести несколько менее разгульную жизнь, только и всего.

Или же часть *Ит*, заключающаяся в необходимых жизненных средствах, прямо превращается в новый переменный капитал в пределах подразделения II. Как это происходит, мы исследуем в конце настоящей главы (в пункте № IV).

1) ПЕРВЫЙ ПРИМЕР

А) Схема простого воспроизводства.

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4\,000c + 1\,000v + 1\,000m = 6\,000 \\ \text{II. } 2\,000c + 500v + 500m = 3\,000 \end{array} \right\} \text{Сумма} = 9\,000.$$

В) Исходная схема для воспроизводства в расширенном масштабе.

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4\,000c + 1\,000v + 1\,000m = 6\,000 \\ \text{II. } 1\,500c + 750v + 750m = 3\,000 \end{array} \right\} \text{Сумма} = 9\,000.$$

Предположив, что в схеме В) накапливается половина прибавочной стоимости подразделения I, т. е. 500, мы прежде всего получим, что $(1\,000v + 500m)$ I, или $1\,500 I(v + m)$, должны быть возмещены посредством 1 500 IIc; в таком случае в подразделении I остается $4\,000c + 500m$, из которых последние подлежат накоплению. Возмещение $(1\,000v + 500m)$ I посредством 1 500 IIc представляет собой процесс простого воспроизводства и уже было объяснено при исследовании последнего.

Предположим, что 400 из 500 Im должны превратиться в постоянный капитал, 100 — в переменный. Обмен в пределах подразделения I этих 400 m , которые, таким образом, подлежат капитализации, уже рассматривался нами; следовательно, эти 400 m без дальнейших пояснений могут быть присоединены к Ic , и тогда мы для подразделения I получим:

$4\,400c + 1\,000v + 100m$ (100 m должны быть обменены на 100 v).

В свою очередь, подразделение II с целью накопления покупает у подразделения I эти 100 Im (существующие в виде средств производства), которые образуют теперь добавочный постоянный капитал подразделения II, между тем как 100 деньгами, уплаченными им за эти средства производства, превращаются в денежную форму добавочного переменного капитала подразделения I. Тогда для подразделения I у нас имеется капитал в $4\,400c + 1\,100v$ (последние в виде денег) = 5 500.

Подразделение II имеет теперь для превращения в постоянный капитал 1 600; для использования его в процессе производства оно должно прибавить еще 50 v деньгами на покупку новой рабочей силы, так что его переменный капитал возрастает с 750 до 800. Это расширение постоянного и переменного капитала подразделения II в общей сложности на 150 покрывается из его прибавочной стоимости; следовательно, из 750 Im только 600 m остаются в качестве фонда потребления капиталистов подразделения II, годовой продукт которых делится теперь следующим образом:

II. $1\ 600c + 800v + 600m$ (фонд потребления) = 3 000. Произведенные в виде предметов потребления $150m$, обмененные здесь на $(100c + 50v)$ II, в своей натуральной форме целиком идут на потребление рабочих: 100 потребляются рабочими подразделения I ($100 Iv$), а 50 — рабочими подразделения II ($50 IIv$) как это показано выше. На деле в подразделении II, весь совокупный продукт которого изготовляется в необходимой для потребления форме, часть прибавочной стоимости, увеличенная на 100, должна быть воспроизведена в виде *необходимых* предметов потребления. Если действительно начинается воспроизводство в расширенном масштабе, то эти 100 переменного денежного капитала подразделения I, пройдя через руки его рабочих, возвращаются в подразделение II; напротив, подразделение II передает $100m$ в виде товарного запаса подразделению I и в то же время 50 в виде товарного запаса передает своим собственным рабочим.

Размещение совокупного продукта, измененное с целью накопления, представляется теперь в следующем виде:

$$\begin{aligned} \text{I. } 4\ 400c + 1\ 100v + 500 \text{ фонд потребления} &= 6\ 000 \\ \text{II. } 1\ 600c + 800v + 600 \text{ фонд потребления} &= 3\ 000 \\ \text{Сумма} &= 9\ 000, \text{ как и выше.} \end{aligned}$$

При этом капитал составляют:

$$\left. \begin{aligned} \text{I. } 4\ 400c + 1\ 100v \text{ (деньгами)} &= 5\ 500 \\ \text{II. } 1\ 600c + 800v \text{ (деньгами)} &= 2\ 400 \end{aligned} \right\} = 7\ 900,$$

между тем к началу производства было:

$$\left. \begin{aligned} \text{I. } 4\ 000c + 1\ 000v &= 5\ 000 \\ \text{II. } 1\ 500c + 750v &= 2\ 250 \end{aligned} \right\} = 7\ 250.$$

Если действительное накопление происходит теперь на этой основе, т. е. если производство действительно ведется с таким увеличенным капиталом, то в конце следующего года мы получим:

$$\left. \begin{aligned} \text{I. } 4\ 400c + 1\ 100v + 1\ 100m &= 6\ 600 \\ \text{II. } 1\ 600c + 800v + 800m &= 3\ 200 \end{aligned} \right\} = 9\ 800.$$

Пусть накопление в подразделении I продолжается в такой же пропорции; следовательно, $550m$ будут израсходованы как доход, а остальные $550m$ будут накоплены. В таком случае прежде всего $1\ 100 Iv$ будут возмещены посредством $1\ 100 IIc$; далее, $550 Im$ должны быть реализованы в равной сумме товаров подразделения II, т. е. в общем итоге должны быть реализованы $1\ 650 I (v + m)$. Но подлежащий возмещению постоянный капитал подразделения II составляет только 1 600, следовательно, остальные 50 должны быть добавлены из $800 II m$. Если на время оставить

в стороне деньги, то в результате такой сделки получится следующее:

I. $4\,400c + 550m$ (которые подлежат капитализации); кроме того, в фонде потребления капиталистов и рабочих $1\,650 (v + m)$, реализованные в товарах $Пс$.

II. $1\,650c$ (в том числе 50, как сказано выше, добавлены из $Пm$) $+ 800v + 750m$ (фонд потребления капиталистов).

Но если в подразделении II между v и c сохраняется прежняя пропорция, то на $50c$ придется затратить еще $25v$; их можно взять из $750m$; таким образом мы получим:

$$\text{II. } 1\,650c + 825v + 725m.$$

В подразделении I капитализации подлежат $550m$; если сохраняется прежняя пропорция между v и c , то 440 из них составляют постоянный капитал и 110 — переменный капитал. Эти 110 могут быть взяты из $725 Пm$, т. е. предметы потребления стоимостью в 110 будут потреблены рабочими подразделения I вместо капиталистов подразделения II, следовательно, последние будут вынуждены превратить в капитал эти $110m$, которые они не могут потребить. Таким образом из $725 Пm$ остается $615 Пm$. Но если подразделение II таким образом превращает эти 110 в добавочный постоянный капитал, то ему понадобится еще 55 добавочного переменного капитала; оно должно будет взять их опять-таки из своей прибавочной стоимости; если вычест эти 55 из $615 Пm$, то для потребления капиталистов подразделения II останется 560; совершив все эти действительные и потенциальные перемещения, мы получим такую капитальную стоимость:

$$\text{I. } (4\,400c + 440c) + (1\,100v + 110v) = 4\,840c + 1\,210v = 6\,050.$$

$$\begin{aligned} \text{II. } (1\,600c + 50c + 110c) + (800v + 25v + 55v) &= \\ &= 1\,760c + 880v = 2\,640. \\ &\quad \underline{8\,690.} \end{aligned}$$

Для нормального хода дела накопление в подразделении II должно совершаться быстрее, чем в подразделении I, так как иначе часть I ($v + m$), которая должна быть обменена на товары $Пс$, возрастала бы быстрее, чем $Пс$, на которое она только и может быть обменена.

Если воспроизводство на такой основе и при прочих равных условиях продолжается, то в конце следующего года мы получаем:

$$\begin{aligned} \text{I. } 4\,840c + 1\,210v + 1\,210m &= 7\,260 \\ \text{II. } 1\,760c + 880v + 880m &= 3\,520 \end{aligned} \quad \left. \vphantom{\begin{aligned} \text{I. } 4\,840c + 1\,210v + 1\,210m &= 7\,260 \\ \text{II. } 1\,760c + 880v + 880m &= 3\,520 \end{aligned}} \right\} = 10\,780.$$

Прежде всего, при неизменяющейся норме деления прибавочной стоимости в подразделении I предстоит израсходовать как

доход $1\ 210v$ и половину $m = 605$, итого $1\ 815$. Этот фонд потребления опять на 55 больше, чем Πc . Если эти 55 вычесть из $880m$, то останется 825. Если 55 Πm превращается в Πc , то это предполагает дальнейший вычет из Πm для соответствующего переменного капитала $= 27\frac{1}{2}$; для потребления остается $797\frac{1}{2} \Pi m$.

Теперь в подразделении I предстоит капитализировать $605m$; из них 484 постоянного капитала и 121 переменного; последняя сумма должна быть вычтена из Πm , которое теперь $= 797\frac{1}{2}$; остается $676\frac{1}{2} \Pi m$. Следовательно, подразделение II превращает в постоянный капитал еще 121 и нуждается для этого в новом переменном капитале $= 60\frac{1}{2}$; последний так же берется из $676\frac{1}{2}$; для потребления остается 616.

Тогда у нас будет капитала:

$$\begin{array}{l} \text{I. Постоянного } 4\ 840 + 484 = 5\ 324. \\ \text{Переменного } 1\ 210 + 121 = 1\ 331. \\ \text{II. Постоянного } 1\ 760 + 55 + 121 = 1\ 936. \\ \text{Переменного } 880 + 27\frac{1}{2} + 60\frac{1}{2} = 968. \\ \text{Итого: } \left. \begin{array}{l} \text{I. } 5\ 324c + 1\ 331v = 6\ 655 \\ \text{II. } 1\ 936c + 968v = 2\ 904 \end{array} \right\} = 9\ 559, \end{array}$$

а в конце года мы будем иметь продукт:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 5\ 324c + 1\ 331v + 1\ 331m = 7\ 986 \\ \text{II. } 1\ 936c + 968v + 968m = 3\ 872 \end{array} \right\} = 11\ 858.$$

Повторяя это вычисление и округляя дроби, мы в конце следующего года получим продукт:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 5\ 856c + 1\ 464v + 1\ 464m = 8\ 784 \\ \text{II. } 2\ 129c + 1\ 065v + 1\ 065m = 4\ 259 \end{array} \right\} = 13\ 043.$$

И в конце следующего затем года:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 6\ 442c + 1\ 610v + 1\ 610m = 9\ 662 \\ \text{II. } 2\ 342c + 1\ 172v + 1\ 172m = 4\ 686 \end{array} \right\} = 14\ 348.$$

В течение пяти лет воспроизводства в расширенном масштабе весь капитал подразделений I и II возрос с $5\ 500c + 1\ 750v = 7\ 250$ до $8\ 784c + 2\ 782v = 11\ 566$, следовательно, в отношении $100 : 160$. Вся прибавочная стоимость первоначально составляла 1 750, теперь она составляет 2 782. Потребленная прибавочная стоимость вначале составляла 500 для подразделения I и 600 для подразделения II, итого $= 1\ 100$; в последний год она составляет 732 для подразделения I и 745 для подразделения II, итого $= 1\ 477$. Следовательно, она возросла в отношении $100 : 134$.

2) ВТОРОЙ ПРИМЕР

Возьмем теперь годовой продукт в 9 000, который целиком находится в руках класса промышленных капиталистов в форме товарного капитала, в форме, при которой общее среднее отношение переменного и постоянного капитала составляет 1 : 5. Это предполагает: уже значительное развитие капиталистического производства и соответствующее развитие производительной силы общественного труда; значительное, уже ранее совершившееся расширение масштаба производства; наконец, развитие всех условий, создающих относительное перенаселение в рабочем классе. При указанном отношении переменного и постоянного капитала годовой продукт, если округлить дроби, будет делиться следующим образом:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 5\,000c + 1\,000v + 1\,000m = 7\,000 \\ \text{II. } 1\,430c + 285v + 285m = 2\,000 \end{array} \quad \} = 9\,000.$$

Предположим теперь, что капиталисты подразделения I половину прибавочной стоимости = 500 потребляют, а другую половину накаплиют. Тогда $(1\,000v + 500m)$ I = 1 500 подлежали бы обмену на 1 500 IIc. Но так как IIc составляет в этом случае только 1 430, то 70 должны быть добавлены из прибавочной стоимости; вычитая их из 285 II m , получаем в остатке 215 II m . Следовательно, мы имеем:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 5\,000c + 500m \text{ (подлежащих капитализации) } + \\ + 1\,500(v + m) \text{ в фонде потребления капиталистов и рабочих.} \\ \text{II. } 1\,430c + 70m \text{ (подлежащих капитализации) } + 285v + \\ + 215m. \end{array}$$

Так как 70 II m в подразделении II прямо присоединяются к IIc, то для того, чтобы привести в движение этот добавочный постоянный капитал, требуется переменный капитал в $\frac{70}{5} = 14$; эти 14, в свою очередь, берутся из 215 II m ; остается 201 II m , и мы имеем:

$$\text{II. } (1\,430c + 70c) + (285v + 14v) + 201m.$$

Обмен 1 500 I $(v + \frac{1}{2}m)$ на 1 500 IIc есть процесс простого воспроизводства, и о нем уже все сказано. Однако мы должны здесь отметить еще некоторые особенности, вытекающие из того, что при воспроизводстве, связанном с накоплением, I $(v + \frac{1}{2}m)$ возмещается не одним только IIc, а суммой IIc плюс часть II m .

Само собой разумеется, что поскольку предположено накопление, то I $(v + m)$ больше IIc, а не равно IIc, как при простом воспроизводстве, потому что: 1) подразделение I включает часть своего прибавочного продукта в свой собственный производительный капитал и превращает $\frac{5}{6}$ этой части в постоянный капитал,

следовательно, оно не может в то же время возместить эти $\frac{5}{6}$ предметами потребления подразделения II; 2) подразделение I из своего прибавочного продукта должно доставить материал для постоянного капитала, необходимого ввиду накопления в пределах подразделения II,— совершенно так же, как подразделение II должно доставить подразделению I материал для переменного капитала, который должен привести в движение ту часть прибавочного продукта подразделения I, которую само подразделение I применяет как добавочный постоянный капитал. Мы знаем, что действительный переменный капитал, а следовательно, и добавочный, состоит из рабочей силы. Капиталисту подразделения I не приходится покупать у капиталистов подразделения II необходимые жизненные средства про запас или накоплять их для добавочной рабочей силы, которую еще только предстоит применять, как это приходилось делать рабовладельцу. Рабочие сами покупают товары у капиталистов подразделения II. Но это не препятствует тому, что с точки зрения капиталиста предметы потребления добавочной рабочей силы представляют собой лишь средства производства и сохранения добавочно нанимаемой рабочей силы, следовательно, натуральную форму его переменного капитала. Его собственная ближайшая операция, выполняемая в данном случае в подразделении I, состоит только в том, что он копит необходимый новый денежный капитал, требующийся для покупки добавочной рабочей силы. Как только он присоединяет ее к своему капиталу, деньги становятся для этой рабочей силы средством покупки товаров подразделения II; следовательно, рабочие должны найти для себя соответствующие предметы потребления уже в наличии.

Между прочим. Господин капиталист и его пресса часто бывают недовольны тем способом, каким рабочие расходуют свои деньги, и теми товарами подразделения II, в которых они реализуют эти деньги. Он философствует по этому поводу, болтает о культуре, разыгрывает из себя филантропа, как это делает, например, г. Драммонд, секретарь английского посольства в Вашингтоне. Он сообщает, что «The Nation» {газета} в конце октября 1879 г. поместила «интересную статью», в которой, между прочим, говорится:

«В культурном отношении рабочие отстали от прогресса изобретений; для них стало доступным множество предметов, которые они не потребляют и для которых они, следовательно, не создают рынка». {Каждый капиталист, конечно, желает, чтобы рабочий покупал его товар.} «Нет никакого основания полагать, что рабочий не желал бы жить с таким же комфортом, как священник, адвокат или врач, получающий столько же, сколько и он». {Много же комфорта могут при желании позволить себе в действительности такого рода адвокаты, священники и врачи!} «Но он так не живет. Вопрос все еще заключается в том, какими рациональными и здоровыми мерами можно повысить его уровень как потребителя; это вопрос нелегкий, потому что все его честолюбие не идет дальше сокращения рабочих часов, и демагоги скорее подстрекают его именно к этому, чем к улучшению его положения посред-

ством совершенствования его умственных и моральных способностей» («Reports by H. M.'s Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc. of the Countries in which they reside». London, 1879, p. 404).

Длинный рабочий день, по-видимому, составляет секрет «рациональных и здоровых мер», которые должны «улучшить положение» рабочего «посредством совершенствования его умственных и моральных способностей» и сделать его «рациональным» потребителем. Чтобы стать таким «рациональным» потребителем товаров капиталистов, рабочий вынужден начать — но этому мешает демагог! — с того, чтобы позволить своему собственному капиталисту потреблять его рабочую силу нерациональным и вредным для здоровья образом. Как понимает капиталист «рациональное» потребление, это показывает trucksystem, при которой благосклонность капиталиста простирается до того, что он прямо вмешивается в потребление своих рабочих, причем одной из многочисленных разновидностей этой системы является предоставление квартир рабочим, так что капиталист одновременно становится и хозяином квартир своих рабочих.

Тот же самый прекраснодушный Драммонд, восторгающийся капиталистическими попытками повышения уровня рабочего класса, рассказывает в том же отчете, между прочим, об образцовых хлопкопрядильных фабриках в городах Лоуэлл и Лоренс. Столовые и жилые дома для фабричных девушек принадлежат тому же акционерному обществу, которому принадлежат и сами фабрики; заведующие этими домами состоят на службе того же общества, которое устанавливает для девушек правила поведения; ни одна из них не смеет возвращаться домой позже 10 часов вечера. Но вот перл: патрули специальной полиции общества в прилегающей местности наблюдают за тем, чтобы не нарушался этот домовый устав. После 10 часов вечера ни одна девушка не выпускается из дома и не впускается туда. Все девушки непременно должны жить на территории, принадлежащей обществу, которому каждый дом на этой территории еженедельно приносит около 10 долларов квартирной платы, и тут мы видим «рациональных» потребителей во всем блеске:

«Так как во многих лучших домах для работниц имеется вездесущее пианино, то музыка, пение и танцы играют существенную роль, по крайней мере для тех из них, которые после монотонной непрерывной десятичасовой работы за ткацким станком более нуждаются в перемене занятий, чем в действительном отдыхе» (там же, стр. 412).

Но главный секрет того, как из рабочего сделать «рационального» потребителя, еще впереди. Господин Драммонд посетил ножевую фабрику в Тернерс Фоле (на реке Коннектикут), причем господин Окмен, казначей этого акционерного общества, рассказав ему, что американские столовые ножи побивают своим качеством английские, продолжает:

«Мы побьем Англию и ценами; мы уже теперь превосходим ее по качеству, это признано, но мы должны продавать по более низким ценам, и мы достигнем этого, если получим дешевле нашу сталь и понизим плату за наш труд!» (там же, стр. 427).

Понижение заработной платы и длинный рабочий день — в этом вся суть «рациональных и здоровых мер», которые должны возвести рабочего в ранг «рационального» потребителя, чтобы он создал рынок для массы предметов, которые стали доступными для него благодаря культуре и прогрессу изобретений.

Следовательно, как подразделение I должно доставить из своего прибавочного продукта добавочный постоянный капитал для подразделения II, так и подразделение II доставляет в этом смысле добавочный переменный капитал для подразделения I. Поскольку речь идет о переменном капитале, постольку подразделение II накапливает для подразделения I и для себя самого, воспроизводя большую часть всего своего продукта, следовательно, и своего прибавочного продукта, в форме необходимых предметов потребления.

При производстве на основе возрастающего капитала I ($v + m$) должно быть равно IIc плюс та часть прибавочного продукта, которая вновь присоединяется к капиталу, плюс добавочная часть постоянного капитала, необходимая для расширения производства в подразделении II; а минимум этого расширения должен быть таким, без которого неосуществимо действительное накопление, т. е. действительное расширение производства в самом подразделении I.

Если мы вернемся к последнему рассмотренному нами случаю, то оказывается, что он имеет ту особенность, что IIc меньше, чем I ($v + \frac{1}{2}m$), чем часть продукта подразделения I, расходуемая как доход на предметы потребления, так что при обмене 1 500 I ($v + m$) тем самым реализуется сразу и часть прибавочного продукта подразделения II, которая равна 70. Что касается IIc = 1 430, то оно, чтобы могло совершиться простое воспроизводство в подразделении II, должно быть при прочих неизменных условиях возмещено из I ($v + m$) на такую же сумму стоимости, и постольку здесь его нечего больше рассматривать. Иначе обстоит дело с добавочными 70 II m . То, что для подразделения I является простым возмещением дохода предметами потребления, просто товарным обменом в целях потребления, для подразделения II является здесь не просто обратным превращением его постоянного капитала из формы товарного капитала в натуральную форму, как при простом воспроизводстве, а прямым процессом накопления, превращением части его прибавочного продукта из формы предметов потребления в форму постоянного капитала. Если подразделение I на 70 ф. ст. деньгами (денежный резерв для превращения прибавочной стои-

мости) покупает эти 70 Im , и если подразделение II затем не покупает 70 Im , а накапливает эти 70 ф. ст. как денежный капитал, то в последнем, конечно, находит свое выражение добавочный продукт (а именно прибавочный продукт подразделения II, частью которого он является), хотя и не такой, который снова входит в производство; но в таком случае это накопление денег на стороне подразделения II в то же время выражало бы, что 70 Im в виде средств производства не могут быть проданы. Следовательно, в подразделении I произошло бы относительное перепроизводство, соответствующее указанному одновременному воспроизводству на стороне подразделения II в прежнем объеме.

Но независимо от этого, в продолжение того времени, пока эти 70 деньгами, поступившие из подразделения I, еще не возвратились к нему или возвратились лишь частично ввиду акта купли некоторой доли 70 Im подразделением II, эти 70 деньгами, все целиком или частью, фигурируют в руках капиталистов подразделения II как добавочный потенциальный денежный капитал. Это относится ко всякому обмену между подразделениями I и II, пока взаимное возмещение товаров на обеих сторонах не приведет к возвращению денег к их исходному пункту. Но при нормальном ходе дела деньги фигурируют здесь в этой роли лишь временно. При системе же кредита, когда все деньги, дополнительно высвободившиеся хотя бы на короткое время, тотчас должны функционировать активно, как добавочный денежный капитал, такой лишь временно свободный денежный капитал может быть закреплён в деле, например, может послужить для новых предприятий в подразделении I, тогда как он должен был бы реализовать добавочный продукт, залежавшийся на других предприятиях этого подразделения. Далее, следует заметить, что присоединение 70 Im к постоянному капиталу подразделения II требует вместе с тем увеличения переменного капитала подразделения II на сумму в 14. Это предполагает, — подобно тому как в подразделении I при непосредственном присоединении прибавочного продукта Im к капиталу Ic — что воспроизводство в подразделении II уже совершается с тенденцией к дальнейшей капитализации, следовательно, что оно заключает в себе увеличение той части прибавочного продукта, которая состоит из необходимых жизненных средств.

Как мы видели, во втором примере, если 500 Im должны быть капитализированы, то продукт в 9 000 должен делиться для целей воспроизводства следующим образом. При этом мы принимаем во внимание только товары и оставляем в стороне денежное обращение.

$1. 5.000c + 500m$ (подлежащие капитализации) + $1.500(v + m)$ фонда потребления = 7 000 в форме товаров.

II. $1\,500c + 299v + 201m = 2\,000$ в форме товаров. Общая сумма: 9 000 в товарном продукте.

Капитализация совершается теперь следующим образом:

В подразделении I подлежащие капитализации $500m$ делятся на $\frac{5}{6} = 417c + \frac{1}{6} = 83v$. Эти $83v$ извлекают такую же сумму из $II\,m$, на которую капиталисты подразделения II покупают элементы постоянного капитала и которая, таким образом, присоединяется к $II\,c$. Увеличение $II\,c$ на 83 обуславливает увеличение $II\,v$ на $\frac{1}{5}$ от 83 = 17. Итак, после обмена мы имеем:

$$I. (5\,000c + 417m)c + (1\,000v + 83m)v = 5\,417c + 1\,083v = 6\,500$$

$$II. (1\,500c + 83m)c + (299v + 17m)v = 1\,583c + 316v = 1\,899$$

Итого 8 399.

Капитал в подразделении I возрос с 6 000 до 6 500, т. е. на $\frac{1}{12}$. В подразделении II капитал возрос с 1 715 до 1 899, т. е. почти на $\frac{1}{9}$.

Воспроизводство на такой основе во втором году дает в конце года капитал:

$$I. (5\,417c + 452m)c + (1\,083v + 90m)v = 5\,869c + 1\,173v = 7\,042.$$

$$II. (1\,583c + 42m + 90m)c + (316v + 8m + 18m)v = 1\,715c + 342v = 2\,057,$$

а в конце третьего года получится продукта:

$$I. 5\,869c + 1\,173v + 1\,173m.$$

$$II. 1\,715c + 342v + 342m.$$

Если подразделение I накапливает при этом, как и ранее, половину прибавочной стоимости, то $I(v + \frac{1}{2}m)$ составляет $1\,173v + 587(\frac{1}{2}m) = 1\,760$, т. е. больше, чем все 1 715 $II\,c$, а именно больше на 45. Таким образом, эту разницу опять приходится покрыть перенесением во $II\,c$ средств производства на равную сумму. Итак, $II\,c$ увеличивается на 45, что обуславливает прирост $II\,v$ на $\frac{1}{5} = 9$. Затем капитализированные $587\,Im$ делятся на $\frac{5}{6}$ и $\frac{1}{6}$, т. е. на $489c$ и $98v$; эти 98 обуславливают в подразделении II новое добавление 98 к постоянному капиталу, а это, в свою очередь, вызывает увеличение переменного капитала подразделения II на $\frac{1}{5} = 20$. Мы имеем тогда:

$$I. (5\,869c + 489m)c + (1\,173v + 98m)v = 6\,358c + 1\,271v = 7\,629$$

$$II. (1\,715c + 45m + 98m)c + (342v + 9m + 20m)v = 1\,858c + 371v = 2\,229$$

$$\text{Весь капитал} = 9\,858.$$

Следовательно, при растущем воспроизводстве весь капитал подразделения I за три года возрос с 6 000 до 7 629, весь капитал подразделения II возрос с 1 715 до 2 229, совокупный общественный капитал — с 7 715 до 9 858.

3) ОБМЕН Πc ПРИ НАКОПЛЕНИИ

Из предыдущего следует, что при обмене $I (v + m)$ на Πc бывают различные случаи.

При простом воспроизводстве обе эти величины должны быть равны и должны возмещать одна другую, так как в противном случае, как мы видели выше, простое воспроизводство не может совершаться беспрепятственно.

При накоплении необходимо обратить внимание прежде всего на норму накопления. До сих пор мы во всех случаях предполагали, что норма накопления в подразделении $I = \frac{1}{2}m I$, мы предполагали также, что она в различные годы оставалась постоянной. Допускалось только изменение пропорции, в которой этот накопленный капитал делится на постоянный и переменный. При этом получилось три случая:

1) $I (v + \frac{1}{2}m) = \Pi c$, которое, следовательно, меньше, чем $I (v + m)$. Это всегда должно быть так, иначе в подразделении I не происходило бы накопления.

2) $I (v + \frac{1}{2}m)$ больше Πc . В этом случае возмещение достигается благодаря тому, что к Πc присоединяется соответствующая часть Πm , так что их сумма $= I (v + \frac{1}{2}m)$. Здесь обмен для подразделения II — это не простое воспроизводство его постоянного капитала, а уже накопление, увеличение этого постоянного капитала на часть прибавочного продукта, которую подразделение II обменивает на средства производства подразделения I; такое увеличение постоянного капитала в то же время предполагает, что подразделение II сверх того соответственно увеличивает свой переменный капитал, причем источником этого увеличения ему служит его собственный прибавочный продукт.

3) $I (v + \frac{1}{2}m)$ меньше Πc . В этом случае подразделение II не вполне воспроизводит свой постоянный капитал при помощи обмена и потому должно возместить дефицит постоянного капитала посредством купли у подразделения I. Но это не вызывает дальнейшего накопления переменного капитала в подразделении II, так как его постоянный капитал посредством такой операции только целиком воспроизводится по своей величине. С другой стороны, та часть капиталистов подразделения I, которая накопляет лишь добавочный денежный капитал, благодаря такому обмену отчасти уже совершила накопление этого рода.

Предположение, допускаемое при простом воспроизводстве, а именно, что $I (v + m) = \Pi c$, несовместимо с капиталистическим

производством; это, впрочем, не исключает того, что в промышленном цикле за 10—11 лет общий объем производства в течение какого-нибудь одного года часто бывает меньше, чем в предыдущем году, так что по сравнению с предыдущим годом не происходит даже простого воспроизводства. Кроме того, при естественном годовом приросте населения простое воспроизводство могло бы происходить лишь постольку, поскольку соответственно большее количество непроизводительной прислуги принимало бы участие в потреблении тех 1 500, которые представляют всю прибавочную стоимость. Напротив, накопление капитала, т. е. действительное капиталистическое производство, при этом было бы невозможно. Поэтому тот факт, что капиталистическое накопление совершается, делает совершенно невозможным, чтобы $IIc = I(v + m)$. Однако даже при капиталистическом накоплении может случиться, что вследствие процессов накопления, совершавшегося на протяжении целого ряда прежних периодов производства, IIc окажется не только равно, но и больше чем $I(v + m)$. Это означало бы перепроизводство в подразделении II, которое может быть устранено только посредством крупного краха, вследствие чего капитал из подразделения II переместился бы в подразделение I. — Отношение $I(v + m)$ к IIc несколько не изменяется, если часть постоянного капитала подразделения II воспроизводит сама себя, примером чему может служить применение в земледелии семян собственного производства. При обмене между подразделениями I и II эту часть IIc не приходится принимать в расчет точно так же, как и Ic . Дело несколько не изменяется и в том случае, если часть продуктов подразделения II, в свою очередь, способна войти в подразделение I в качестве средств производства. Они покрываются частью средств производства, доставленных подразделением I, и эту часть надо заранее исключить на обеих сторонах, если мы хотим исследовать в чистом, незатемненном виде обмен между двумя крупными подразделениями общественного производства, между производителями средств производства и производителями предметов потребления.

Следовательно, при капиталистическом производстве $I(v + m)$ не может быть равно IIc и оба они при обмене не могут покрывать одно другое. Напротив, если $I \frac{m}{x}$ является той частью Im , которая как доход расходуется капиталистами подразделения I, то $I(v + \frac{m}{x})$ может быть равно, может быть больше или меньше IIc ; но $I(v + \frac{m}{x})$ всегда должно быть меньше $II(c + m)$, и притом меньше на ту часть IIm , которую капиталисты подразделения II должны потреблять сами, при всех условиях.

Следует заметить, что при этом изображении накопления не точно представлена стоимость постоянного капитала, поскольку он

составляет часть стоимости товарного капитала, в производстве которого этот постоянный капитал принимает участие. Основная часть вновь накопленного постоянного капитала входит в товарный капитал лишь постепенно и периодически, соответственно различной природе этих элементов основного капитала; поэтому в тех случаях, когда сырье, полуфабрикат и т. д. в большом количестве входят в производство товаров, наибольшая часть этого товарного капитала состоит из возмещения составных частей оборотного постоянного капитала и переменного капитала. (Однако такой метод изложения можно применить благодаря обороту оборотных составных частей; таким образом предполагается, что оборотная часть вместе с присоединенной к ней частью стоимости основного капитала в течение года совершает такое число оборотов, что общая сумма стоимости произведенных товаров равна стоимости всего совокупного капитала, входящего в производство данного года.) Но там, где в производство с применением машин входит не сырье, а только вспомогательные материалы, там элемент труда = v должен снова проявиться в товарном капитале как его большая составная часть. В то время как при определении нормы прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал, независимо от того, много или мало стоимости периодически передают продукту составные части основного капитала, — при определении стоимости каждого периодически производимого товарного капитала основную часть постоянного капитала необходимо учитывать лишь в той мере, в какой она в среднем вследствие износа передает стоимость самому продукту.

IV. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Первоначальным источником денег для подразделения II служит сумма $v + m$ золотопромышленников в подразделении I, обмениваемая на часть II_c ; лишь поскольку золотопромышленник накапливает прибавочную стоимость или превращает ее в средства производства подразделения I, следовательно, поскольку он расширяет свое производство, постольку его $v + m$ не входит в подразделение II; с другой стороны, поскольку накопление денег самим золотопромышленником в конечном счете приводит к расширенному воспроизводству, часть прибавочной стоимости золотопромышленности, расходуемая не как доход, а как добавочный переменный капитал золотопромышленника, входит в подразделение II, способствует здесь образованию новых сокровищ или дает новые средства покупать у подразделения I, в свою очередь не продавая ему непосредственно. Из денег, происходящих от этого I ($v + m$) золотопромышленности, часть золота уходит в известные отрасли производства подразделения II, которые нуждаются в нем как в сыром материале и т. п., короче, как в элементе, возмещающем постоян-

ный капитал подразделения II. Элемент для предварительного образования сокровищ — в целях будущего расширения воспроизводства — оказывается при обмене между подразделениями I и II в следующих случаях: для подразделения I только в том случае, если часть I_m продается подразделению II односторонне, без соответствующей купли и служит здесь, в подразделении II, в качестве добавочного постоянного капитала; для подразделения II в том случае, если подразделение I делает то же самое с целью превращения ее в добавочный переменный капитал; кроме того, в том случае, если часть прибавочной стоимости, израсходованной подразделением I в виде дохода, не покрывается посредством II_c , так что на нее будет куплена и таким образом превращена в деньги часть II_m . Если $I(v + \frac{m}{x})$ больше II_c , то для простого воспроизводства II_c не приходится возмещать товарами из подразделения I то, что подразделение I взяло для потребления из II_m . Спрашивается, в какой мере может происходить образование сокровищ в рамках обмена капиталистов подразделения II между собой, в рамках того обмена, который может быть только взаимным обменом II_m . Мы знаем, что в пределах подразделения II непосредственное накопление происходит в силу того, что часть II_m прямо превращается в переменный капитал (совершенно так же, как в подразделении I часть I_m прямо превращается в постоянный капитал). При различной давности накопления в различных отраслях производства подразделения II и в каждой отдельной отрасли у отдельных капиталистов дело объясняется, *mutatis mutandis* *, совершенно так же, как в подразделении I. Одни находятся еще на стадии образования сокровищ, продают, не покупая; другие уже достигли пункта действительного расширения воспроизводства, покупают, не продавая. Правда, сначала расходуется добавочный переменный денежный капитал на добавочную рабочую силу; рабочие, в свою очередь, покупают жизненные средства у тех владельцев добавочных предметов потребления, входящих в потребление рабочих, которые еще образуют сокровища. От этих владельцев деньги, *pro rata* ** образованию сокровища у каждого из них, не возвращаются к своему исходному пункту; они накапливаются ими.

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

** — соответственно. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Проблематикой второго тома «Капитала» Маркс начал заниматься во второй половине 50-х гг., а продолжил эти занятия в 60-е гг., о чем свидетельствуют экономические рукописи 1857—1859, 1861—1863 и 1864—1865 гг. Результаты этих исследований существовали, по его словам, пока еще в виде «подготовительных набросков», которые в дальнейшем подверглись весьма основательной переработке и значительному дополнению.

Более поздние веки работы Маркса над этим томом достаточно подробно освещены Энгельсом в его Предисловии к первому изданию, которое он подготовил и выпустил в свет уже после кончины Маркса, в 1885 г.

Созданная в первой половине 1865 г. «Рукопись I» явилась по существу первым сводным вариантом тома. В ней, по характеристике Энгельса, «наряду с отдельными, обстоятельно изложенными частями, другие, не менее важные, только намечены» (см. настоящий том, с. 3).

В период с конца 1868 до середины 1870 г. Маркс подготовил второй вариант тома — «Рукопись II», которая тоже содержит все три части тома и является «единственной до некоторой степени законченной обработкой книги II» (см. настоящий том, с. 5).

После 1870 г. наступил длительный перерыв в работе над вторым томом. Он был вызван, главным образом, болезнью автора. Лишь в 1877 г. Маркс смог вновь продолжить работу над томом, и до 1881 г. им было написано еще несколько рукописей различного объема, причем большинство из них — варианты начала тома, а одна, последняя, представляет собой переработку третьей главы «Рукописи II».

Последние полтора-два года жизни Маркс вторым томом не занимался.

Кончина Маркса не позволила ему завершить дело всей его жизни; второй и другие тома «Капитала» «остались, — как писал сам Маркс, — в необработанной форме, свойственной каждому исследованию в его первоначальном виде» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 238).

Исследовав содержание оставленных Марксом рукописей и приняв во внимание огромный их объем, Ф. Энгельс в феврале 1884 г. сообщает о намерении разделить второй том на «второй и третий» тома. Осуществляя этот свой план, Ф. Энгельс просит издателя выпустить вторую книгу отдельно, в виде второго тома «Капитала», включив в него лишь результаты исследования процесса обращения капитала.

Основательно поработав над рукописями Маркса, Энгельс выбрал из них окончательный текст. Редакторская правка Энгельса была исключительно бережной: он «ограничился, по возможности, буквальным воспроизведением... изменения в стиле лишь то, что изменил бы сам Маркс, и вставляя лишь кое-какие пояснительные предложения и переходы там, где это было абсолютно необходимо, и где кроме того смысл не вызывал никаких сомнений» (настоящий том, с. 3).

Разделив рукопись на три тематически законченные, цельные части, три отдела, Энгельс снабдил их четкими и точными заглавиями. — 3.

² Речь идет о работе К. Маркса «К критике политической экономии», вышедшей в свет в июне 1859 г. в Берлине (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 13, с. 1—167). — 4.

³ Свое намерение издать «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса в качестве четвертого тома «Капитала» Энгельс не успел осуществить. В 1905—1910 гг. «Теории прибавочной стоимости» были изданы К. Каутским, однако с целым рядом произвольных отступлений от авторской рукописи, перестановок и купюр. Новое издание «Теории прибавочной стоимости» было осуществлено на русском языке в 1954—1961 и 1962—1964 гг. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 26, ч. I, II, III). — 4.

⁴ Из многочисленных тетрадей с выписками Маркса за этот период Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС частично опубликованы выписки Маркса из русских источников (см.: *Архив Маркса и Энгельса*, т. XI, XII, XIII, XVI), а также математические рукописи (см.: *Маркс К. Математические рукописи*. М., 1968). — 5.

⁵ См. настоящее изд., т. 3, с. 109—121. — 7.

⁶ Энгельс имеет в виду письмо Родбертуса Й. Целлеру, написанное 14 марта 1875 г. и впервые опубликованное в 1879 г. в тюрингенском журнале «*Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*».

«*Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*» («Журнал по вопросам общего государственного управления») — либеральное политико-экономическое обозрение, издававшееся с перерывами в 1844—1943 гг. в Тюрингене. — 8.

⁷ «*Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie*» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. В состав редакции входили Ф. Энгельс, В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии «*Neue Rheinische Zeitung*» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революции 1848—1849 гг., писались, как правило, Марксом и Энгельсом. Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах критики прусского правительства и местных кёльнских властей повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «*Neue Rheinische Zeitung*» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство отдало приказ о высылке Маркса из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*» послужили причиной прекращения выхода газеты. Послед-

ний номер вышел 19 мая 1849 г. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет: освобождение рабочего класса!».

Критику в «*Neue Rheinische Zeitung*» речей и действий Родбертуса см. в работах Маркса и Энгельса (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 103, 104, 169, 287, 418, 424, 425; т. 6, с. 2).— 9.

⁸ См. настоящее изд., т. 3, с. 1—108. — 9.

⁹ См. настоящее изд., т. 3, с. 193—217. — 9.

¹⁰ *Rodbertus I. K. Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Renten-theorie.* Berlin, 1851, S. 87.— 9.

¹¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 3—4. — 10.

¹² *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. A new edition in four volumes.* London, 1843, vol. I, p. 131, 132.— 10.

¹³ *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. A new edition in four volumes.* London, 1843, vol. I, p. 134.— 10.

¹⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 56.— 11.

¹⁵ *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. A new edition in four volumes.* London, 1843, vol. I, p. 172—173.— 11.

¹⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 59.— 11.

¹⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 56. — 11.

¹⁸ См. настоящее изд., т. 7, с. 481—485.— 12.

¹⁹ См. настоящее изд., т. 7, с. 549—550.— 12.

²⁰ «Этот невероятный кропатель» — так называет Мак-Куллоха автор брошюры «*Some Illustrations of Mr. M'Culloch's Principles of Political Economy*». Edinburgh, 1826. Эта брошюра была издана под псевдонимом М. Муллион; ее автором являлся Дж. Уилсон.— 13.

²¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 245—246.— 13.

²² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 262—263.— 14.

²³ См. настоящее изд., т. 3, с. 33.— 14.

²⁴ *Rodbertus-Jagetzow I. K. Briefe und socialpolitische Aufsätze.* Herausgegeben von Dr. R. Meyer. Berlin, [1881] Bd. I, S. 111.— 18.

²⁵ См. примечание 5. — 18.

- ²⁶ Речь идет о работе Маркса «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала») (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, гл. VIII). - 18.
- ²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 12—22, 51—63, 159—172. - 19.
- ²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, отделы первый и второй (настоящее изд., т. 9).— 19.
- ²⁹ Заглавие дано Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 21.
- ³⁰ См.: Маркс К. Капитал, т. I (настоящее изд., т. 7, отдел седьмой). - 33.
- ³¹ См. настоящее изд., т. 7, с. 563—564.— 40.
- ³² См.: [Bailey, Samuel] A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; Chiefly in Reference to the Writings of Mr. Ricardo and his Followers. By the author of Essays on the Formation and Publication of Opinions. London, 1825, p. 72.— 105.
- ³³ Государство инков — существовавшее в начале XV — середине XVI вв. на территории современного Перу — рабовладельческое государство, в котором сохранялись значительные остатки первобытнообщинного строя.— 115.
- ³⁴ См. настоящее изд., т. 7, с. 335.— 133.
- ³⁵ «The Economist» («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 г.; орган крупной промышленной буржуазии.— 135.
- ³⁶ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. A new edition in four volumes. London, 1843, vol. II, p. 249—252.— 139.
- ³⁷ Lalor J. Money and Morals: a Book for the Times. London, 1852, p. 43, 44; Sismondi Simonde de. Etudes sur l'économie politique. Bruxelles, 1837, t. I, p. 49 etc. — 139.
- ³⁸ См. настоящее изд., т. 7, с. 580—588. - 140.
- ³⁹ Say J. B. Traité d'économie politique. Troisième édition. Paris, 1817, t. II, p. 433.— 149.
- ⁴⁰ См. настоящее изд., т. 7, с. 528—529.— 152.
- ⁴¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 337—339.— 157.
- ⁴² См. настоящее изд., т. 7, с. 173—174.— 157.
- ⁴³ См. настоящее изд., т. 7, с. 172—173.— 158.
- ⁴⁴ См. настоящее изд., т. 7, с. 159—168.— 163.

- ⁴⁵ Здесь и ниже на с. 178 Маркс цитирует доклад Р. П. Уильямса, опубликованный в «Money Market Review» («Обозрение денежного рынка») от 2 декабря 1867 г. — 168.
- ⁴⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 195—197, 376—377. — 171.
- ⁴⁷ См. настоящее изд., т. 7, с. 396, примечание 190а. — 172.
- ⁴⁸ Маркс исследует систему капиталистического кредита в III томе «Капитала» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I и II; настоящее изд., т. 9). — 179.
- ⁴⁹ Здесь цитируется книга Поттера А. Political Economy: its Objects, Uses, and Principles: considered with Reference to the Condition of the American People. New-York, 1841. Как видно из введения, большая часть этой книги представляет собой в основном перепечатку (с изменениями, внесенными А. Поттером) первых десяти глав книги Дж. Скروпа «Principles of Political Economy», опубликованной в Англии в 1833 г. — 184.
- ⁵⁰ В рукописи Маркс указывает на ошибочность такого метода подсчета времени оборота капитала. Указанное в цитате среднее время оборота (16 месяцев) исчислено с учетом прибыли в $7\frac{1}{2}\%$ на весь капитал в 50 000 долларов. Без учета прибыли время оборота этого капитала составит 18 месяцев. — 184.
- ⁵¹ У Маркса здесь, по-видимому, описка, так как между массой необходимых средств платежа и продолжительностью платежных периодов существует не обратная, а прямая зависимость. Именно такую зависимость устанавливает У. Петти, на которого Маркс ссылается в примечании 107. Определен в этом конкретном примере и смысл понятия «платежный период». Во всех немецких изданиях I тома «Капитала» последних лет, в том числе в Полном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (Marx — Engels. Gesamtausgabe (MEGA), Zweite Abteilung, Band 5, Dietz Verlag. Berlin, 1983, S. 97), это место исправлено без оговорок и формулируется следующим образом: «Из закона скорости обращения средств платежа вытекает, что масса средств платежа, необходимых для всех периодических платежей, каков бы ни был их источник, находится в *прямом* отношении к продолжительности платежных периодов». См. также настоящее изд., т. 7, с. 135—136. — 185.
- ⁵² В тех случаях, когда Маркс не указывает страниц цитируемого им издания работы А. Смита, в редакционных квадратных скобках даны страницы издания: Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. A new edition in four volumes. London, 1843. — 188.
- ⁵³ См. настоящее изд., т. 7, с. 193. — 200.
- ⁵⁴ См. настоящее изд., т. 7, с. 569—571. — 213.
- ⁵⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, глава 11 (настоящее изд., т. 9). — 214.
- ⁵⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 580—582. — 215.
- ⁵⁷ Маркс имеет в виду I том «Капитала» (см. настоящее изд., т. 7, с. 197, примечание 25). — 224.

- ⁵⁸ См. настоящее изд., т. 7, с. 589—590.— 226.
- ⁵⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, гл. I—III (настоящее изд., т. 9).— 226.
- ⁶⁰ *Mill J. St.* Essays on some unsettled Questions of Political Economy. London, 1844, p. 164.— 227.
- ⁶¹ *Ramsay G.* An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, p. 21—24.— 227.
- ⁶² *Macleod H. D.* The Elements of Political Economy. London, 1858, p. 76—80.— 227.
- ⁶³ *Patterson R. H.* The Science of Finance. A practical Treatise. Edinburgh and London, 1868, p. 129—144.— 227.
- ⁶⁴ «*Манавадхармашастра*» — или законы Ману — древнеиндийский сборник религиозных, правовых и обрядовых предписаний, определявших обязанности каждого индуса в соответствии с догматами брахманизма. Составление этих законов индийская традиция приписывала Ману — мифическому родоначальнику людей.
Маркс цитирует по книге: *Manava Dharma Sastra, or the Institutes of Manu according to the gloss of Kulluka, comprising the indian System of duties, religious and civil. Third edition. Madras, 1863, p. 281.— 237.*
- ⁶⁵ См. настоящее изд., т. 7, с. 240—246.— 238.
- ⁶⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 282—290.— 298.
- ⁶⁷ См. настоящее изд., т. 7, с. 528—529.— 308.
- ⁶⁸ См. настоящее изд., т. 7, с. 108—109.— 342.
- ⁶⁹ См. настоящее изд., т. 7, с. 110—112.— 342.
- ⁷⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 109.— 345.
- ⁷¹ См. настоящее изд., т. 7, с. 583—587, 705—706.— 357.
- ⁷² Более подробный анализ «Экономической таблицы» Кенз Маркс дает в «Теориях прибавочной стоимости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 305—346).— 361.
- ⁷³ См. настоящее изд., т. 7, с. 552.— 361.
- ⁷⁴ *Roscher W.* System der Volkswirtschaft. Band I: Die Grundlagen der Nationalökonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858.— 373.
- ⁷⁵ См. настоящее изд., т. 7, с. 192—194.— 398.
- ⁷⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 108—109.— 416.

- ⁷⁷ См. настоящее изд., т. 7, с. 557—558. 443.
- ⁷⁸ *Say J. B. Lettres à M. Malthus sur différens sujets d'économie politique, notamment sur les causes de la stagnation générale du commerce. Paris, 1820. — 445.*
- ⁷⁹ См. настоящее изд., т. 7, с. 155—156. — 487.
- ⁸⁰ *Энтшпектор Бресиг* (Entspektor Bräsigt) — персонаж ряда произведений немецкого писателя-юмориста Ф. Рейтера (1810—1874). — 488.
- ⁸¹ *Институт Франции* — высшее научное учреждение, состоящее из нескольких отделений, или академий; существует с 1795 г. Дестют де Траси был членом Академии моральных и политических наук. 495.
- ⁸² Выражение «музыка будущего» возникло в связи с опубликованием в 1850 г. книги немецкого композитора Рихарда Вагнера «Художественное произведение будущего»; противники взглядов Р. Вагнера в области музыкального творчества вкладывали в это выражение иронический смысл. — 500.
- ⁸³ См. настоящее изд., т. 7, с. 570, примечание 64. — 514.

КАРЛ МАРКС
КАПИТАЛ

**КРИТИКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

ТОМ ТРЕТИЙ

КНИГА III

**ПРОЦЕСС
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

Издан под редакцией
Фридриха Энгельса

*Печатается по: Маркс К. Капитал.
Критика политической экономии.
Том третий, книга III:
процесс капиталистического производства,
взятый в целом. Ч. I.
М., Политиздат, 1985*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наконец мне удалось опубликовать эту третью книгу основного труда Маркса, завершение его теоретической части¹. При издании второй книги в 1885 г. я полагал, что третья книга, за исключением некоторых, конечно, очень важных разделов, представит, пожалуй, только технические затруднения. Так оно и было в действительности; но тех трудностей, которые предстояли мне именно в этих важнейших разделах целого, я в то время совсем не предвидел, равно как не предвидел и других препятствий, которые столь сильно замедлили подготовку книги.

Прежде всего и больше всего мешала мне слабость зрения, которая на протяжении ряда лет ограничивала до минимума мое рабочее время для письменных занятий, и еще и теперь позволяет мне браться за перо при искусственном освещении лишь изредка. К этому присоединились другие неотложные дела: новые издания и переводы прежних работ Маркса и моих, следовательно пересмотры, предисловия, дополнения, часто невозможные без дополнительных исследований, и т. д. Прежде всего следует упомянуть английское издание первой книги, за текст которого в конечном счете отвечаю я и которое поэтому отняло у меня много времени². Кто хоть сколько-нибудь следил за колоссальным ростом международной социалистической литературы за последние десять лет и в особенности за числом переводов прежних работ Маркса и моих, тот согласится со мной, что я имел основания радоваться, что весьма ограничено число языков, на которых я мог быть полезен переводчику и, следовательно, был обязан не отказываться от просмотра его работы. Но рост литературы был только симптомом соответственного роста самого международного рабочего движения. А это налагало на меня новые обязанности. С первых дней нашей общественной деятельности на Маркса и на меня выпала значительная часть работы по посредничеству между национальными движениями социалистов и рабочих различных стран; работа эта возрастала соответственно

росту всего движения. Но если Маркс и в этой области основную тяжесть брал на себя, то после его смерти постоянно увеличивающийся объем работы доставался мне одному. Между тем непосредственные сношения отдельных национальных рабочих партий между собой стали с тех пор, и, к счастью, изо дня в день все более становятся общим правилом; несмотря на это, к моей помощи все еще прибегают гораздо чаще, чем мне бы того хотелось, исходя из интересов моей теоретической работы. Но кто, подобно мне, более пятидесяти лет активно участвовал в этом движении, для того вытекающие отсюда дела являются неотложной обязанностью, требующей немедленного исполнения. Как в шестнадцатом столетии, так и в наше бурное время чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции.

Так как я живу в Лондоне, эти партийные сношения осуществляются зимой главным образом в письменной форме, а летом — по большей части лично. Вследствие этого, а также вследствие необходимости следить за ходом движения в постоянно возрастающем количестве стран и за еще сильнее растущим количеством органов печати, я не мог выполнять работы, не допускающие никакого перерыва, кроме как зимой, преимущественно в первые три месяца года. Когда человеку перевалило за семьдесят лет, мейнертовские ассоциативные волокна мозга работают с какой-то непреодолимой медленностью; перерывы в трудной теоретической работе преодолевашь уже не так легко и не так быстро, как раньше. Поэтому выходило так, что работу одной зимы, если она не была вполне доведена до конца, приходилось в следующую зиму в значительной части продельвать заново; это и случилось как раз с наиболее трудным пятым отделом.

Как увидит читатель из последующего изложения, работа по редактированию этой книги существенно отличалась от редактирования второй книги. Для третьей книги имелся только один первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами. Как правило, начало каждого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отшлифовано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи, тем больше было экскурсов по поводу возникавших в ходе исследования побочных вопросов, причем работа по окончательному расположению материала откладывалась до позднейшего времени, тем длиннее и более запутанными становились части текста, в которых мысли записывались *in statu nascendi* *. Во многих местах почерк и изложение слишком ясно выдают вторжение и постепенное развитие тех вызванных чрезмерным трудом приступов

* — в процессе их зарождения. *Ред.*

болезни, которые сначала все более и более затрудняли автору его самостоятельную работу и, наконец, временами делали ее совершенно невозможной. И неудивительно. Между 1863 и 1867 гг. Маркс не только сделал две последние книги «Капитала» вчерне, а первую книгу в готовом для печати виде, но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и деятельностью Международного Товарищества Рабочих. Но вследствие этого уже в 1864 и 1865 гг. обнаружились серьезные признаки тех расстройств в здоровье Маркса, из-за которых не он сам закончил обработку II и III книг.

Моя работа началась с того, что я продиктовал всю рукопись с оригинала, который даже я часто лишь с трудом мог разобрать, и таким образом получил удобочитаемую копию, что само по себе отняло уже довольно много времени. Лишь после этого могла начаться настоящая редакция. Я ограничил ее самым необходимым: всюду, где это допускала ясность, по возможности сохранил характер первоначального текста, даже не зачеркивал отдельных повторений там, где они, как это обыкновенно бывает у Маркса, каждый раз касаются предмета с иной стороны или по крайней мере освещают его в иных выражениях. В тех же случаях, когда я вносил изменения или добавления чисто редакционного характера или когда я вынужден был обрабатывать приведенный Марксом фактический материал и делать из него собственные, хотя и по возможности выдержанные в духе Маркса, выводы, в таких случаях все место заключено в прямые скобки и отмечено моими инициалами *. В моих подстрочных примечаниях скобки кое-где отсутствуют; но там, где стоят мои инициалы, я отвечаю за все примечание.

В рукописи, — как это само собой понятно для первого наброска, — имеются многочисленные указания на те пункты, которые впоследствии должны быть развиты, причем эти обещания не во всех случаях были выполнены. Я сохранил их, так как они дают представление о намерениях автора относительно будущей разработки.

А теперь перейдем к отдельным вопросам.

Для первого отдела основной рукописью можно было воспользоваться лишь с большими ограничениями. В самом начале ее помещены все математические вычисления отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли (что составляет нашу главу III), тогда как предмет, изложенный в нашей главе I, рассматривается лишь позже и мимоходом. В этом случае оказали помощь два начала переработки, каждое в 8 страниц in folio **: но и они не везде разработаны с надлежащей связностью. Из них составилась глава I в ее теперешнем виде. Глава II взята из основной

* В настоящем издании прямые скобки заменены фигурными. *Ред.*

** — форматом в $\frac{1}{2}$ печатного листа. *Ред.*

рукописи. Для главы III имелся целый ряд неоконченных математических вычислений, а также целая, почти законченная тетрадь, относящаяся к семидесятым годам и представляющая в уравнениях отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли. Мой друг Самюэл Мур, выполнивший также большую часть английского перевода первой книги, взялся обработать для меня эту тетрадь, к чему он в качестве старого кембриджского математика был несравненно более способен. Из его резюме я составил затем главу III, пользуясь для этого кое-где и основной рукописью. Из главы IV имелось только заглавие. Но так как рассматриваемый здесь вопрос — влияние оборота на норму прибыли — имеет крайне важное значение, то я разработал его сам, вследствие чего вся эта глава в тексте и заключена в скобки. При этом оказалось, что данная в главе III формула нормы прибыли, для того чтобы сделаться общезначимой, в действительности нуждается в некоторой модификации. Начиная с пятой главы, основная рукопись является единственным источником для остальной части отдела, хотя здесь также оказалось необходимым сделать очень много перестановок и дополнений.

Для следующих трех отделов, если не говорить о стилистической редакции, я почти сплошь мог придерживаться оригинала рукописи. Отдельные ее места, в большинстве случаев касающиеся влияния оборота, были обработаны в соответствии со вставленной мною главой IV: они также заключены в скобки и отмечены моими инициалами.

Главное затруднение представлял отдел V, в котором к тому же рассматривается сложнейший вопрос всей книги. И как раз здесь во время работы застиг Маркса один из упомянутых тяжких приступов болезни. Следовательно, это — не готовый набросок и даже не схема, очертания которой следовало заполнить, а лишь самое начало работы, которое нередко представляет собой неупорядоченную груду записей, заметок, материалов в форме выписок. Сначала я пытался закончить этот отдел, как это мне до некоторой степени удалось с первым отделом, заполняя пробелы и разрабатывая лишь намеченные отрывки, чтобы отдел этот хоть приблизительно представлял собой то, что намеревался дать автор. По меньшей мере три раза я делал такую попытку, но всякий раз безуспешно, и в потере времени на это заключается главная причина задержки. Наконец, я убедился, что так дело не пойдет. Мне пришлось бы просмотреть всю обширную литературу в этой области, и в конечном счете у меня получилось бы нечто такое, что все же не было бы книгой Маркса. Мне не оставалось ничего иного, как отказаться от дальнейших попыток в этом направлении и по возможности ограничиться упорядочением того, что имелось, сделав лишь самые необходимые дополнения. И таким образом весной 1893 г. я закончил основную работу над этим отделом.

Из отдельных глав главы XXI—XXIV были в основном разработаны. Главы XXV и XXVI потребовали проверки фактического материала и включения материала, находившегося в других местах. Главы XXVII и XXIX можно было почти целиком дать по рукописи; напротив, текст главы XXVIII пришлось расположить иначе. Но настоящие трудности начались с XXX главы. Начиная отсюда, приходилось приводить в надлежащий порядок не только фактический материал, но и самый ход мыслей, то и дело прерываемый вводными предложениями, отступлениями и т. д. и потом получающий дальнейшее развитие в другом месте, часто совершенно мимоходом. Таким образом XXX глава составила путем перестановок и исключений отдельных отрывков, для которых нашлось применение в другом месте. XXXI глава снова оказалась разработанной в более связной форме. Но затем в рукописи следует большой раздел, озаглавленный «Путаница», представляющий собой сплошь извлечения из парламентских отчетов о кризисах 1847 и 1857 гг., в которых сгруппированы суждения двадцати трех лиц из делового мира и экономистов о деньгах и капитале, об отливе золота, о чрезмерной спекуляции и пр., иногда сопровождаемые краткими комментариями. Здесь, в вопросах и ответах, достаточно представлены почти все ходячие взгляды того времени на отношение между деньгами и капиталом, и Маркс хотел критически и сатирически рассмотреть обнаруживающуюся при этом «путаницу» в вопросе о том, что является на денежном рынке деньгами и что — капиталом. После многих попыток я убедился, что приведение в порядок этой главы невозможно; материал, в особенности в тех случаях, когда он сопровождается комментариями Маркса, я использовал там, где это допускалось логикой изложения.

Затем следует в довольно упорядоченном виде то, что помещено мною в главе XXXII, но непосредственно за этим — новая груда выписок из парламентских отчетов о всевозможных предметах, затрагиваемых в этом отделе, вперемежку с более или менее пространными или краткими замечаниями автора. К концу извлечения и комментарии все более концентрируются вокруг вопроса о движении денежного металла и колебаниях вексельного курса и заканчиваются опять всевозможными дополнительными замечаниями. Напротив, глава «Докапиталистические отношения» (XXXVI) была вполне разработана.

Из всего этого материала, начиная с «Путаницы», поскольку он уже не был помещен раньше, я составил главы XXXIII—XXXV. Конечно, не обошлось без значительных вставок с моей стороны для установления связи. Поскольку эти вставки не чисто формального свойства, они прямо обозначены как принадлежащие мне. Таким образом мне, наконец, удалось включить в текст *все* сколько-нибудь относящиеся к делу суждения автора; ничего не было опущено, кроме незначительной части выписок, где или только повто-

рялось то, что уже было приведено в каком-нибудь другом месте, или же затрагивались пункты, которые в рукописи подробно не рассматриваются.

Отдел о земельной ренте был разработан значительно полнее, хотя и он отнюдь не приведен в порядок, как это явствует уже из того, что в главе XLIII (в рукописи самый конец отдела о ренте) Маркс нашел необходимым дать вкратце общий план всего отдела. При издании этот план оказался тем более кстати, поскольку рукопись начинается главой XXXVII, за которой следуют главы XLV—XLVII и только после того — главы XXXVIII—XLIV. Больше всего работы потребовалось по таблицам дифференциальной ренты II в связи с тем, что в главе XLIII совершенно не был исследован подлежащий здесь рассмотрению третий случай этого вида ренты.

Для этого отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные исследования. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках ставшие в России неизбежными после «реформы» 1861 г. статистические справочники и другие публикации о земельной собственности, представленные в его распоряжение русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки³ и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. Благодаря разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, Марксу не удалось осуществить этот план.

Наконец, седьмой отдел был закончен в рукописи, но только как первый набросок, отдельные части текста которого приходилось расчленять для того, чтобы сделать их пригодными для печати. Из последней главы имелось только начало. Здесь предстояло рассмотреть соответствующие трем главным формам дохода — земельной ренте, прибыли и заработной плате — три крупных класса развитого капиталистического общества: земельных собственников, капиталистов и наемных рабочих и неизбежного спутника их существования — классовую борьбу как реальный продукт капиталистического периода⁴. Подобные итоговые обобщения Маркс обыкновенно откладывал до окончательной редакции, незадолго до печатания, причем новейшие исторические события с неизменной закономерностью доставляли актуальнейший иллюстративный материал для его теоретических положений.

Цитат и иллюстраций здесь, как и во II книге, значительно меньше, чем в первой. Цитаты из книги I приводятся с указанием страниц 2-го и 3-го изданий*. Там, где в рукописи имеется ссылка

* В настоящем томе они даются по 4-му немецкому изданию с указанием соответствующих страниц I тома «Капитала» К. Маркса (см. настоящее издание, т. 7). *Ред.*

на теоретические суждения прежних экономистов, большей частью указывается только имя, а самую цитату предполагалось привести при окончательной обработке. Конечно, мне все это так и пришлось оставить. Из парламентских отчетов использованы только четыре, но они использованы довольно широко. Эти отчеты следующие:

1) Reports from Committees (of the House of Commons), vol. VIII, Commercial Distress; vol. II, part I, 1847—48. Minutes of Evidence. — Цитированы как Commercial Distress, 1847—48.

2) Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress 1847. Report printed 1848. Evidence printed 1857 (потому что в 1848 г. он считался слишком компрометирующим). — Цитируется как С. Д. 1848—1857⁵.

3) Report on Banc Acts, 1857. — То же 1858. — Отчеты комиссии палаты общин о влиянии банковских актов 1844 и 1845 годов. Со свидетельскими показаниями. — Цитируется как В. А. (иногда также В. С.) 1857, соответственно 1858 годов⁶.

К четвертой книге — об истории теорий прибавочной стоимости⁷ — я приступаю, как только это будет для меня сколько-нибудь возможно.

В предисловии ко второму тому «Капитала» я должен был свести счеты с теми господами, которые к тому времени подняли большой крик, желая найти «в Родбертусе тайный источник теории Маркса и его несравненного предшественника». Я предоставил им случай показать, «что в состоянии дать политическая экономия Родбертуса»; я призвал их показать, «каким образом может и должна образоваться одинаковая средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе»⁸. Те самые господа, которые тогда, исходя из субъективных или объективных, как правило, каких угодно, только не научных, соображений, провозглашали доброго Родбертуса экономической звездой первой величины, все без исключения уклонились от ответа. Напротив, другие люди сочли стоящим труда заняться этой проблемой.

В своей критике II тома («Conrads Jahrbücher»⁹, XI, 5, 1885, S. 452—465) профессор В. Лексис поднял этот вопрос, хотя и не пожелал дать прямого решения. Он говорит:

«Разрешение этого противоречия» (между законом стоимости Рикардо — Маркса и одинаковой средней нормой прибыли) «невозможно, если рассматривать различные виды товаров *отдельно* и если их стоимость должна быть равна их меновой стоимости, а эта последняя равна или пропорциональна их цене».

Как полагает Лексис, это возможно лишь при том условии, если

«отказаться от измерения стоимости трудом для отдельных видов товара и иметь в виду лишь товарную продукцию *в целом* и ее распределение между целыми классами капиталистов и рабочих... Из совокупного продукта рабочий класс получает только известную часть... Другая часть, достоящаяся классу капиталистов.

образует прибавочный продукт в марксовом смысле слова, а потому и... прибавочную стоимость. Затем члены класса капиталистов распределяют между собой эту совокупную прибавочную стоимость *не* соответственно числу занятых ими рабочих, а пропорционально величине капитала, представляемого каждым из них, причем земля также принимается в расчет как капитальная стоимость».

Идеальные стоимости Маркса, определяемые единицами труда, воплощенного в товарах, не соответствуют ценам, но могут

«рассматриваться как исходный пункт смещения, которое приводит к действительным ценам. Последние обуславливаются тем, что равные капиталы требуют равновеликих прибылей».

Вследствие этого некоторые капиталисты будут получать за свои товары цену более высокую, а другие цену более низкую, чем идеальная стоимость этих товаров.

«Но так как потери и прибавки в прибавочной стоимости взаимно погашаются в пределах класса капиталистов, то в целом величина прибавочной стоимости оказывается такою же, как если бы все цены были пропорциональны идеальным стоимостям товаров».

Как мы видим, вопрос здесь далеко не решен, но, хотя расплывчато и поверхностно, в общем все же *поставлен* правильно. А это действительно больше, чем мы можем ожидать от кого бы то ни было, кто, подобно этому автору, с гордостью называет себя «вульгарным экономистом»: это прямо поразительно, если сравнить с тем, что дали другие вульгарные экономисты и о чем речь будет позже. Правда, вульгарная политическая экономия Лексиса особого рода. Он говорит, что доход на капитал, конечно, *можно* вывести по способу Маркса, но ничто не *обязывает* к такому пониманию. Напротив, вульгарная политическая экономия имеет свой способ объяснения, по меньшей мере, более приемлемый:

«Капиталистические продавцы, производитель сырья, фабрикант, оптовый торговец, розничный торговец — получают доход от своих предприятий вследствие того, что каждый из них продает дороже, чем покупает, следовательно завышает на какой-то процент издержки производства своего товара. Только рабочий не в состоянии сделать подобной надбавки к стоимости; вследствие своего неблагоприятного положения по отношению к капиталисту он вынужден продавать свой труд по цене, в которую он обходится ему самому, именно за необходимые средства существования... таким образом эти надбавки к цене по отношению к покупающим наемным рабочим сохраняют свое полное значение и обуславливают перелив известной части стоимости совокупного продукта в руки класса капиталистов».

Не требуется больших усилий мысли, чтобы убедиться, что это «вульгарно-экономическое» объяснение прибыли на капитал практически ведет к такому же результату, как и теория прибавочной стоимости Маркса; что, с точки зрения Лексиса, рабочие находятся совершенно в таком же «неблагоприятном положении», как и по Марксу; что они совершенно так же оказываются обманутыми, потому что каждый нерабочий может продавать выше цены, а рабочий не может; и что на основе этой теории может быть построена по крайней мере столь же поверхностная система вульгарного социализма, какая создана здесь, в Англии, на основе теории потреби-

тельной стоимости и предельной полезности Джевонса — Менгера¹⁰. Я даже думаю, что, если бы г-ну Джорджу Бернарду Шоу была известна эта теория прибыли, он был бы способен ухватиться за нее обеими руками, дать отставку Джевонсу и Карлу Менгеру и на этом камне вновь воздвигнуть фабианскую церковь будущего.

Но в действительности эта теория — только парафраз теории Маркса. Откуда же берутся все надбавки к цене? Из «совокупного продукта» рабочих. И именно вследствие того, что товар «труд», или, как говорит Маркс, товар рабочая сила должен продаваться ниже его цены. Потому что если общее свойство всех товаров состоит в том, что их можно продавать дороже издержек производства, и если труд представляет единственное исключение из этого и постоянно продается лишь по издержкам производства, то он продается именно ниже той цены, которая является общим правилом в этом вульгарно-экономическом мире. Добавочная прибыль, достаемая вследствие этого капиталисту, соответственно классу капиталистов, именно в том и состоит и в конечном счете только потому и может получиться, что рабочий, воспроизведя возмещение цены своего труда, должен еще сверх того производить продукт, за который он не получает платы, — прибавочный продукт, продукт неоплаченного труда, прибавочную стоимость. Лексис — человек в высшей степени осторожный в выборе выражений. Он нигде не говорит прямо, что вышеприведенное понимание — его собственное; но если это так, то совершенно ясно, что мы имеем здесь дело не с одним из тех обычных вульгарных экономистов, о которых он сам говорит, что каждый из них в глазах Маркса «в лучшем случае только безнадежно слабоумен», а с марксистом, облачившимся в костюм вульгарного экономиста. Произошло ли такое переодевание преднамеренно или непреднамеренно, этот психологический вопрос нас здесь не интересует. Тот, кто захотел бы выяснить это, быть может, исследует также, каким образом оказалось возможным, что такой несомненно разумный человек, как Лексис, одно время мог защищать такую бессмыслицу, как биметаллизм¹¹.

Первый, кто действительно попытался дать ответ на вопрос, был д-р *Конрад Шмидт* в работе: «Die Durchschnittsprofiträte auf Grundlage des Marx'schen Werthgesetzes». Stuttgart, Dietz, 1889. Шмидт пытается согласовать детали образования рыночной цены как с законом стоимости, так и со средней нормой прибыли. Промышленный капиталист получает в своем продукте, во-первых, возмещение авансированного им капитала. во-вторых, прибавочный продукт, за который он ничего не заплатил. Но чтобы получить этот прибавочный продукт, он должен авансировать свой капитал на производство, т. е. он должен применить определенное количество овеществленного труда, чтобы иметь возможность присвоить этот прибавочный продукт. Следовательно, для капиталиста этот авансированный им капитал есть количество овеществленного труда, общест-

венно необходимое для того, чтобы обеспечить ему этот прибавочный продукт. Это относится и ко всякому другому промышленному капиталисту. А так как по закону стоимости продукты обмениваются друг на друга пропорционально труду, общественно необходимому для их производства, и так как для капиталиста трудом, необходимым для изготовления его прибавочного продукта, является как раз прошлый труд, накопленный в его капитале, то из этого следует, что прибавочные продукты обмениваются пропорционально капиталам, требующимся на их производство, а не пропорционально *действительно* воплощенному в них труду. Следовательно, доля, приходящаяся на каждую единицу капитала, равна сумме всей произведенной прибавочной стоимости, разделенной на сумму употребленных на это капиталов. Поэтому равновеликие капиталы в равные промежутки времени приносят равную прибыль, и это происходит таким образом, что исчисленные так издержки производства прибавочного продукта, т. е. средняя прибыль, прибавляются к издержкам производства оплаченного продукта, и по этой повышенной цене продается и то и другое, и оплаченный и неоплаченный продукт. Устанавливается средняя норма прибыли, хотя, как думает Шмидт, средние цены отдельных товаров определяются согласно закону стоимости.

Конструкция в высшей степени остроумная, она совершенно по гегелевскому образцу и имеет то общее с большей частью гегелевского, что она неправильна. Если закон стоимости должен иметь *непосредственное* значение и для средних цен, то и прибавочный продукт и продукт оплаченный — в этом отношении между ними нет различия — должны продаваться в соответствии с общественно необходимым трудом, требующимся для их изготовления и употребленным на это. Закон стоимости с самого начала направлен против возникшего из капиталистического способа представления взгляда, будто накопленный прошлый труд, из которого состоит капитал, не только есть определенная сумма готовой стоимости, но как фактор производства и образования прибыли обладает свойством создавать стоимость, следовательно представляет собой источник большей стоимости, чем та, какую он сам имеет; закон стоимости прочно устанавливает, что такое свойство принадлежит только живому труду. Что капиталисты в зависимости от величины своих капиталов ожидают пропорционально равной прибыли, следовательно, смотрят на авансированные ими капиталы как на своего рода издержки производства их прибыли, это известно. Но если Шмидт пользуется таким представлением, чтобы с его помощью привести в соответствие с законом стоимости цены, вычисленные на основе средней нормы прибыли, то он таким образом упраздняет самый закон стоимости, присоединяя к нему в качестве соопределяющего фактора представление, стоящее в полном противоречии с этим законом.

Или накопленный труд наряду с живым трудом создает стоимость. В таком случае закон стоимости недействителен.

Или он не создает стоимости. Тогда доводы Шмидта несовместимы с законом стоимости.

Шмидт отклонился от правильного пути в момент, когда он был уже очень близок к решению задачи, так как он думал, что нужно во что бы то ни стало найти математическую формулу, которая дала бы возможность показать соответствие средней цены каждого отдельного товара с законом стоимости. Но если здесь, будучи совсем близко к цели, он последовал по ложному пути, то остальное содержание брошюры показывает, с каким пониманием он сделал из обеих первых книг «Капитала» дальнейшие выводы. Ему принадлежит честь самостоятельного открытия правильного объяснения до того времени необъясненной тенденции нормы прибыли к понижению, — объяснения, данного Марксом в третьем разделе третьей книги; ему принадлежит также заслуга выведения торговой прибыли из промышленной прибавочной стоимости и целый ряд замечаний о проценте и земельной ренте, в которых им предвосхищены вещи, развитые Марксом в четвертом и пятом отделах третьей книги.

В одной более поздней работе («Neue Zeit» №№ 3 и 4, 1892 — 1893) Шмидт пытается прийти к решению иным путем. Этот путь сводится к тому, что среднюю норму прибыли устанавливает конкуренция, поскольку она заставляет капитал переливаться из отраслей производства с недостаточной прибылью в другие отрасли, где получается избыточная прибыль. Что конкуренция — великая уравнилельница прибылей, это не ново. Но Шмидт стремится показать, что эта нивелировка прибылей тождественна со сведением продажной цены товаров, производимых в избыточном количестве, к такой стоимостной мере, которую общество может заплатить за них согласно закону стоимости. Почему и это не могло привести к цели, достаточно явствует из разъяснений Маркса в самой книге.

После Шмидта к проблеме приступил П. Фирман («Conrads Jahrbücher», dritte Folge, III, S. 793). Я не останавливаюсь на его замечаниях о других сторонах изложения у Маркса. Они основываются на недоразумении, будто Маркс дает определения там, где он в действительности развивает, и на непонимании того, что у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений. Ведь само собой разумеется, что, когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования. После этого станет, конечно, ясно, почему Маркс в начале первой книги, где он исходит из простого товарного производства, являющегося для него исторической предпосылкой, чтобы затем в даль-

нейшем изложении перейти от этого базиса к капиталу, — почему он при этом начинает именно с простого товара, а не с формы, логически и исторически вторичной, не с товара, уже капиталистически модифицированного; этого Фиреман, конечно, никак не может понять. Эти и другие побочные обстоятельства, которые могли бы дать повод еще к кое-каким возражениям, мы предпочитаем оставить в стороне и переходим прямо к существу дела¹². Тогда как теория учит Фиремана, что прибавочная стоимость при данной норме прибавочной стоимости пропорциональна числу примененных рабочих сил, опыт показывает ему, что при данной средней норме прибыли прибыль пропорциональна величине всего вложенного капитала. Фиреман объясняет это тем, что прибыль — явление лишь условное (для него это означает: принадлежащее определенной общественной формации, вместе с ней существующее и исчезающее); ее существование связано только с капиталом; последний, если он достаточно силен для того, чтобы обеспечить себе прибыль, вследствие конкуренции вынужден ограничиться получением нормы прибыли, равной для всех капиталов. Без равной нормы прибыли капиталистическое производство было бы прямо невозможно; эта форма производства предполагает, что для каждого отдельного капиталиста масса прибыли при данной норме прибыли может зависеть только от величины его капитала. С другой стороны, прибыль состоит из прибавочной стоимости, из неоплаченного труда. Каким же образом происходит при этом превращение прибавочной стоимости, величина которой определяется эксплуатацией труда, в прибыль, величина которой определяется величиной требующегося для этого капитала?

«Просто таким образом, что во всех отраслях производства, где отношение между... постоянным и переменным капиталом наибольшее, товары продаются выше их стоимости, а это означает также, что в тех отраслях производства, где отношение постоянного капитала к переменному капиталу $= c : v$ наименьшее, товары продаются ниже их стоимости, и что только там, где отношение $c : v$ представляет определенную среднюю величину, товары отчуждаются по их истинной стоимости... Является ли это несовпадение отдельных цен с их соответственными стоимостями опровержением принципа стоимости? Отнюдь нет. Ибо благодаря тому, что цены одних товаров поднимаются выше стоимости в такой же степени, в какой цены других товаров падают ниже их стоимости, общая сумма цен остается равной общей сумме стоимостей ... в конечном счете это несовпадение устраняется». Такое несовпадение представляет собой «возмущение»: «но в точных науках возмущение, которое можно предвидеть, обыкновенно никогда не рассматривается как опровержение известного закона» [стр. 806, 808].

Сравните с этим соответствующие места главы IX и вы найдете, что Фиреман действительно затронул здесь решающий пункт. Но сколько посредствующих звеньев потребовалось бы Фиреману еще и после этого открытия, чтобы выработать полное и ясное решение проблемы, — это показывает незаслуженно холодный прием, которым была встречена его столь значительная статья. Как ни много людей интересовалось этой проблемой, все они еще боялись на ней

обжечься. И это объясняется не только несовершенной формой, в которую Фиреман облек свое открытие, но и бесспорными недостатками как его понимания изложения у Маркса, так и его собственной общей критики этого изложения, основанной на таком понимании.

Если представляется случай оскандалиться на чем-либо трудном, то за г-ном профессором *Юлиусом Вольфом* из Цюриха дело никогда не станет. Вся проблема, рассказывает он нам («*Conrads Jahrbücher*», dritte Folge, II, 1891, S. 352 und ff.), разрешается при помощи относительной прибавочной стоимости. Производство относительной прибавочной стоимости основывается на увеличении постоянного капитала сравнительно с переменным.

«Прирост постоянного капитала предполагает прирост производительной силы рабочих. Но так как этот прирост производительной силы (путем удешевления жизненных средств) влечет за собой прирост прибавочной стоимости, то устанавливается прямое отношение между возрастанием прибавочной стоимости и возрастанием доли постоянного капитала в совокупном капитале. Увеличение постоянного капитала свидетельствует об увеличении производительной силы труда. При неизменяющемся переменном и возрастающем постоянном капитале прибавочная стоимость должна поэтому возрастать в согласии с Марксом. Вот какой вопрос был задан нам» [стр. 358].

Правда, Маркс в сотне мест первой книги говорит прямо противоположное; правда, утверждение, будто по Марксу при уменьшающемся переменном капитале относительная прибавочная стоимость возрастает прямо пропорционально возрастанию постоянного капитала, столь изумительно, что для него трудно подыскать парламентское выражение; правда, г-н Юлиус Вольф каждой строчкой доказывает, что он ни относительно, ни абсолютно ничего не понял ни в абсолютной, ни в относительной прибавочной стоимости; правда, он сам говорит:

«С первого взгляда кажется, что здесь находишься поистине в кругу несообразностей» [стр. 361],

что, кстати сказать, единственно правильное замечание во всей его статье. Но что же из того? Г-н Юлиус Вольф так горд своим гениальным открытием, что не может удержаться, чтобы не воздать за это посмертной хвалы Марксу и эту свою собственную непомерную бессмыслицу не превознести как

«новое доказательство той проницательности и дальновидности, с какой набросана его (Маркса) критическая система капиталистической экономики»!

Дальше еще лучше: г-н Вольф говорит:

«Рикардо выдвинул два положения. Во-первых: равные затраты капитала — равная прибавочная стоимость (прибыль), во-вторых: равные затраты труда — равная (по массе) прибавочная стоимость. И вопрос заключался тогда в том, как одно согласуется с другим. Однако Маркс не признавал такой постановки вопроса. Он без сомнения показал (в третьей книге), что второе утверждение не представляет собой безусловного следствия закона стоимости, что оно даже противоречит его закону стоимости и, следовательно... должно быть прямо отвергнуто» [стр. 366].

И затем он исследует, кто из нас двоих заблуждался, я или Маркс. Что он сам пребывает в заблуждении, этого он, конечно, не думает.

Если бы я захотел обронить хотя бы одно слово по поводу этого великолепного места, это значило бы оскорбить моих читателей и не понять всей комичности положения. Я прибавлю к этому только следующее: с такой же смелостью, с какой он уже тогда мог сказать, что «Маркс в третьем томе без сомнения показал», он пользуется случаем, чтобы сообщить профессорскую сплетню о том, будто вышеупомянутая работа Конрада Шмидта «прямо инспирирована Энгельсом» [стр. 366]. Г-н Юлиус Вольф! В том мире, в котором живете и действуете вы, может быть, и принято, что человек, который публично ставит перед другими проблему, втихомолку сообщает ее решение своим личным друзьям. Что вы на это способны, я вам охотно верю. Что до таких низостей не приходится опускаться в том мире, где вращаюсь я, докажет вам настоящее предисловие.

Едва Маркс умер, как г-н *Акилле Лориа* поспешил опубликовать статью о нем в «*Nuova Antologia*» (апрель 1883 год)¹³; сначала это биография, переполненная ложными данными, затем критика общественной, политической и литературной деятельности. Материалистическое понимание истории Маркса здесь фальсифицировано и искажено с таким апломбом, который позволяет угадать великую цель. И эта цель была достигнута: в 1886 г. тот же г-н Лориа издал книгу: «*La teoria economica della costituzione politica*», в которой он возвестил изумленным современникам как свое собственное открытие историческую теорию Маркса, так основательно и так умышленно искаженную им в 1883 году. Конечно, теорию Маркса он свел здесь к довольно филистерскому уровню; исторические иллюстрации и примеры также пестрят ошибками, непростительными и для школьника четвертого класса; но что ему до всего этого? Открытие того, что политические условия и события всегда и всюду находят свое объяснение в соответствующих экономических условиях, было сделано, как доказано упомянутой книгой, отнюдь не Марксом в 1845 г., а г-ном Лориа в 1886 году. По крайней мере он счастливо уверил в этом своих соотечественников, а с того времени, как его книга появилась на французском языке, — и некоторых французов, и может теперь важничать в Италии как автор новой эпохальной исторической теории, пока тамошние социалисты не найдут времени повыщипать у *illustre* * Лориа краденые павлиньи перья.

Но это лишь один маленький образец приемов г-на Лориа. Он уверяет нас, что все теории Маркса основываются на *сознательном* софизме (*un consaputo sofisma*); что Маркс не останавливался перед паралогизмами даже в тех случаях, если он сам *распознавал*

* — знаменитого. *Ред.*

их как таковые (*sapendoli tali*) и т. д. И после того, как он в целом ряде подобных пошлых рассказней сообщил своим читателям все необходимое для того, чтобы они увидели в Марксе карьериста à la Лориа, который достигает своих мизерных результатов при помощи таких же мизерных, негодных шарлатанских приемов, какими пользуется наш падуанский профессор, он может теперь сообщить им важную тайну, а вместе с тем и нас возвращает к норме прибыли.

Г-н Лориа говорит: по Марксу масса прибавочной стоимости (которую г-н Лориа отождествляет здесь с прибылью), произведенной в капиталистическом промышленном предприятии, зависит от примененного в нем переменного капитала, так как постоянный капитал не приносит никакой прибыли. Но это противоречит действительности, потому что на практике прибыль зависит не от переменного капитала, а от совокупного капитала. И Маркс сам видит это (I, гл. XI¹⁴) и соглашается, что факты по внешней видимости противоречат его теории. Как же разрешает он это противоречие? Он отсылает своих читателей к еще не появившемуся следующему тому. Об этом томе Лориа уже раньше говорил своим читателям, что он не верит тому, чтобы Маркс хотя бы одно мгновение думал о его написании, и теперь он торжествующе восклицает:

«Итак, я справедливо утверждал, что этот второй том, которым Маркс постоянно угрожает своим противникам и который, однако, никогда не появится, что этот том, весьма вероятно, служил хитроумной уверткой, которую Маркс применял в тех случаях, когда у него не хватало научных аргументов (*un ingegnoso spediente ideato dal Marx a sostituzione degli argomenti scientifici*)».

И кто и теперь еще не убежден в том, что Маркс стоит на таком же уровне научного шарлатанства, как *illustre* Лориа, того уже ничем не исправишь.

Итак, вот что мы узнали: по мнению г-на Лориа, теория прибавочной стоимости Маркса абсолютно несовместима с фактом общей равной нормы прибыли. Но вот появилась вторая книга и вместе с тем публично поставленный мною вопрос как раз об этом самом пункте¹⁵. Если бы г-н Лориа был одним из нас, робких немцев, он пришел бы в некоторое смущение. Но он — смелый южанин, он происходит из страны с жарким климатом, где, как он утверждает, беззастенчивость* является до некоторой степени естественным условием. Вопрос о норме прибыли поставлен публично. Г-н Лориа публично объявил его неразрешимым. И именно потому он теперь превзойдет самого себя, разрешив его публично.

Такое чудо произошло в «*Conrads Jahrbücher*», N. F., Bd. XX, S. 272 ff., в статье о вышеупомянутой работе Конрада Шмидта. После того как он узнал от Шмидта, как образуется торговая прибыль, для него сразу все стало ясно.

* Игра слов: «*Unverfrorenheit*» означает «беззастенчивость» и «незамерзаемость». *Ред.*

«Так как определение стоимости рабочим временем дает преимущество тем капиталистам, которые вкладывают большую часть своего капитала в заработную плату, то непроизводительный» (следует сказать — торговый) «капитал может принудить этих пользующихся преимуществом капиталистов платить ему более высокий процент» (следует сказать — прибыль) «и создать равенство между отдельными промышленными капиталистами... Так, например, если промышленные капиталисты *A, B, C* употребляют на производство по 100 рабочих дней каждый и постоянного капитала соответственно 0, 100 и 200, а заработная плата за 100 рабочих дней содержит в себе 50 рабочих дней, то каждый капиталист получает прибавочную стоимость в 50 рабочих дней, а норма прибыли составляет 100% для первого, 33,3% для второго и 20% для третьего капиталиста. Но если четвертый капиталист *D* накопляет непроизводительный капитал в 300, который предъявляет притязание на получение от капиталиста *A* процента» (прибыли) «стоимостью в 40 рабочих дней и от капиталиста *B* — процента стоимостью в 20 рабочих дней, то норма прибыли капиталистов *A* и *B* понизится до 20%, как у *C*, а капиталист *D* с капиталом в 300 получит прибыль в 60, т. е. норму прибыли в 20%, как и остальные капиталисты».

С такой поразительной ловкостью, в один миг, illustre Лориа разрешил тот самый вопрос, который он за десять лет перед тем объявил неразрешимым. К сожалению, он не открыл нам тайны, откуда «непроизводительный капитал» приобретает силу для того, чтобы не только отнять у промышленников эту их добавочную прибыль, превышающую среднюю норму прибыли, но и удержать ее в собственном кармане совершенно так же, как земельный собственник кладет себе в карман в виде земельной ренты добавочную прибыль арендатора. В самом деле, при этом купцы взимали бы с промышленников дань, совершенно аналогичную земельной ренте, и таким путем устанавливали бы среднюю норму прибыли. Конечно, торговый капитал, как это достаточно известно всякому, очень существенный фактор в установлении общей нормы прибыли. Но только литературный авантюрист, который в глубине души плюет на всю политическую экономию, может позволить себе утверждение, что торговый капитал обладает волшебной силой поглощать всю избыточную прибавочную стоимость, превышающую общую норму прибыли, к тому же поглощать прежде, чем последняя установлена, и превращать ее в земельную ренту для себя самого, причем для этого ему не требуется никакой земельной собственности. Не менее удивительно утверждение, будто торговый капитал всегда находит тех промышленников, прибавочная стоимость которых как раз достигает лишь средней нормы прибыли, и что он почитает за честь для себя до некоторой степени облегчить участь этих несчастных жертв закона стоимости Маркса, продавая их продукты даром, даже без всяких комиссионных вознаграждений. Каким надо быть шарлатаном, чтобы вообразить себе, будто Маркс нуждался в подобных жалких фокусах!

Но в полном блеске своей славы наш illustre Лориа выступает только тогда, когда мы сравниваем его с его северными конкурентами, например с г-ном Юлиусом Вольфом, который ведь тоже известен не со вчерашнего дня. Каким мелким брехуном кажется Вольф

рядом с итальянцем даже в своей толстой книге «Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung»! Как беспомощно, я чуть было даже не сказал как скромно, выглядит он по сравнению с тем благородным дерзновением, с каким маэстро выдает как нечто само собой разумеющееся, что Маркс не больше и не меньше, а такой же, как и все другие люди, что он совершенно такой же сознательный софист, паралогист, хвастун и шарлатан, как сам г-н Лориа, что Маркс всякий раз, когда попадает в затруднительное положение, обещает публике дать окончание своей теории в следующем томе, который он, как это ему самому очень хорошо известно, и не может и не собирается выпустить! Безграничная отвага, соединяющаяся с чрезвычайной изворотливостью и умением выходить из самых невозможных положений, героическое равнодушие к полученным пинкам, стремительно быстрое присвоение чужих работ, назойливое шарлатанство рекламы, организация успеха при помощи шумихи друзей, — кто может сравниться с ним во всем этом?

Италия — страна классического. С того великого времени, когда там взошла заря современного мира, эта страна взрастила величественные характеры недостижимого классического совершенства, от Данте до Гарибальди. Но времена унижения и чужеземного господства оставили ей и другие классические характеры, среди них два особенно рельефных типа: Сганареля и Дулькамару¹⁶. Классическое единство обоих воплотилось, как мы видим, в нашем illustre Лориа.

В заключение я должен повести своих читателей за океан. В Нью-Йорке г-н д-р медицины *Георг К. Штибеллинг* также нашел решение задачи, и притом в высшей степени простое. Настолько простое, что ни один человек ни по ту, ни по эту сторону океана не захотел признать его, вследствие чего он пришел в великий гнев и в бесконечном ряде брошюр и газетных статей по обеим сторонам океана горько жаловался на такую несправедливость. Хотя в «Neue Zeit» ему сказали¹⁷, что все его решение основывается на ошибке в вычислениях, но это не могло его обеспокоить. Маркс-де тоже делал ошибки в вычислениях, однако во многих вещах оказался прав. Итак, посмотрим на решение Штибеллинга.

«Я беру две фабрики, работающие одинаковое время с одинаковым капиталом, но при различном отношении постоянного и переменного капитала. Весь капитал $(c + v)$ я принимаю $= y$ и обозначаю разницу в отношении постоянного к переменному капиталу через x . Для фабрики I $y = c + v$; для фабрики II $y = (c - x) + (v + x)$. Следовательно, норма прибавочной стоимости для фабрики I $= \frac{m}{v}$, а для фабрики II $= \frac{m}{v + x}$. Прибылью (p) я называю совокупную прибавочную стоимость (m), на которую увеличивается совокупный капитал y , или $c + v$, в течение данного времени; следовательно, $p = m$. Поэтому норма прибыли для фабрики I $= \frac{p}{y}$, или $\frac{m}{c + v}$, и точно так же для фабрики II $= \frac{p}{y}$, или $\frac{m}{(c - x) + (v + x)}$, т. е. точно так же $= \frac{m}{c + v}$. Следовательно, проблема раз-

кового капитала и одинакового времени, но неодинаковых количеств живого труда, равная средняя норма прибыли происходит от изменения нормы прибавочной стоимости» (G. C. Stiebeling. «Das Werthgesetz und die Profitrate». New York [1890, S. 1]).

Как ни прекрасно, как ни ясно вышеприведенное вычисление, однако мы вынуждены предложить г-ну д-ру Штибелингу один вопрос: откуда он знает, что сумма прибавочной стоимости, которую производит фабрика I, совершенно равна сумме прибавочной стоимости, произведенной на фабрике II? Относительно c , v , y и x , следовательно, о всех остальных факторах подсчета, он нам прямо говорит, что они одинаковой величины для обеих фабрик, но об m ни слова. Но из того, что он алгебраически обозначает оба упоминаемые здесь количества прибавочной стоимости через m , это отнюдь не следует. Напротив, это есть именно то, что должно быть доказано, так как г-н Штибелинг без всяких оговорок и прибыль p отождествляет с прибавочной стоимостью. Тут возможны только два случая: или оба m равны, каждая фабрика производит одинаковые количества прибавочной стоимости, следовательно при одинаковом общем капитале — и одинаковое количество прибыли, а в таком случае г-н Штибелинг уже наперед предполагает то, что он должен еще доказать; или же одна фабрика производит большую сумму прибавочной стоимости, чем другая, и в таком случае весь его расчет рушится.

Г-н Штибелинг не пожалел ни труда, ни средств для того, чтобы нагромоздить на этой своей ошибке в расчете целую груду вычислений и преподнести их публике. Я могу дать ему успокоительное заверение, что почти все они одинаково неверны и что там, где они в виде исключения правильны, они доказывают нечто совершенно иное, чем то, что он желает доказать. Так, сравнивая данные американских цензов 1870 и 1880 гг., он указывает на фактическое понижение нормы прибыли, но объясняет это совершенно ошибочно и полагает, что теория Маркса относительно никогда не изменяющейся, неподвижной нормы прибыли должна быть исправлена на основе практики. Но вот из третьего отдела предлагаемой третьей книги следует, что эта приписываемая Марксу «неподвижная норма прибыли» — чистая выдумка и что тенденция нормы прибыли к понижению покоится на причинах, диаметрально противоположных тем, которые приводит д-р Штибелинг. У г-на д-ра Штибелинга намерения несомненно добрые, но, если желаешь заниматься научными вопросами, необходимо прежде всего научиться читать сочинения, которыми хочешь воспользоваться, так, как их написал автор, и прежде всего не вычитывать из них того, чего в них нет.

Итог всего исследования: и что касается поставленного вопроса, то опять-таки кое-что сделано только школой Маркса. Фиреман и Конрад Шмидт, читая эту третью книгу, могут быть совершенно довольны каждый своей частью их собственных работ.

Лондон, 4 октября 1894 г.

Ф. Энгельс

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРОЦЕСС
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОИЗВОДСТВА,
ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ И НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В НОРМУ ПРИБЫЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА И ПРИБЫЛЬ

В первой книге были исследованы те явления, которые представляет капиталистический *процесс производства*, взятый сам по себе как непосредственный процесс производства, причем оставались в стороне все вторичные воздействия чуждых ему обстоятельств. Но этим непосредственным процессом производства еще не исчерпывается жизненный путь капитала. В действительном мире он дополняется *процессом обращения*, который составил предмет исследования второй книги. Там, — именно в третьем отделе, при рассмотрении процесса обращения как опосредствования общественного процесса воспроизводства, — оказалось, что капиталистический процесс производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения. Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*. В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым форма капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его форма в процессе обращения, выступает лишь в качестве особых моментов. Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства.

Стоимость всякого капиталистически произведенного товара W выражается формулой: $W = c + v + m$. Если из этой стоимости продукта вычесть прибавочную стоимость m , то останется только

эквивалент или стоимость, возмещающая в товаре капитальную стоимость $c + v$, израсходованную в виде элементов производства.

Если, например, производство известного товара вызвало затраты капитала в 500 фунтов стерлингов: 20 ф. ст. на изнашивание средств труда, 380 ф. ст. на производственные материалы, 100 ф. ст. на рабочую силу, и если норма прибавочной стоимости составляет 100%, то стоимость продукта $= 400_c + 100_v + 100_m = 600$ фунтам стерлингов.

По вычете прибавочной стоимости в 100 ф. ст. остается товарная стоимость в 500 ф. ст., и она лишь возмещает израсходованный капитал в 500 фунтов стерлингов. Эта часть стоимости товара, возмещающая цену потребленных средств производства и цену примененной рабочей силы, возмещает лишь то, чего стоит товар для самого капиталиста, и потому образует для него издержки производства товара.

То, чего стоит товар капиталисту, и то, чего стоит само производство товара, это во всяком случае — две совершенно различные величины. Та часть товарной стоимости, которая состоит из прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталисту именно потому, что рабочему она стоит неоплаченного труда. Но так как на основе капиталистического производства рабочий, вступив в процесс производства, сам образует составную часть функционирующего и принадлежащего капиталисту производительного капитала, и, следовательно, действительным производителем товара является капиталист, то издержки производства товара для него неизбежно представляются действительной стоимостью [Kost] самого товара. Если мы издержки производства назовем k , то формула: $W = c + v + m$ превращается в формулу: $W = k + m$, или товарная стоимость = издержкам производства + прибавочная стоимость.

Поэтому сведение различных частей стоимости товара, лишь возмещающих затраченную на его производство капитальную стоимость, к категории издержек производства, служит, с одной стороны, выражением специфического характера капиталистического производства. То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой *капитала*; то, чего товар действительно стоит, — затратой *труда*. Поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличны от его стоимости, или действительных издержек его производства; они меньше, чем товарная стоимость, так как, раз $W = k + m$, то $k = W - m$. С другой стороны, издержки производства товара отнюдь не являются такой рубрикой, которая существует лишь в капиталистическом счетоводстве. Обособление этой части стоимости практически постоянно дает о себе знать в действительном воспроизводстве товаров, так как из своей товарной формы эта часть посредством процесса обращения снова и снова должна превращаться обратно в форму производительного капита-

да и, следовательно, на издержки производства необходимо снова и снова покупать элементы производства, потребленные на производство товара.

Напротив, категория издержек производства не имеет никакого отношения к образованию стоимости товара или к процессу возрастания стоимости капитала. Если я знаю, что $\frac{5}{6}$ товарной стоимости в 600 ф. ст., т. е. 500 ф. ст., составляют лишь эквивалент, стоимость, возмещающую затраченный капитал в 500 ф. ст., и потому достаточны только для того, чтобы вновь купить вещественные элементы этого капитала, то я от одного этого еще не знаю ни того, как произведены эти $\frac{5}{6}$ стоимости товара, составляющие его издержки производства, ни того, как произведена последняя шестая часть, составляющая прибавочную стоимость. Исследование, однако, покажет, что издержки производства в капиталистическом хозяйстве приобретают ложную видимость категории, относящейся к самому производству стоимости.

Возвратимся к нашему примеру. Если мы предположим, что стоимость, произведенная одним рабочим в течение одного среднего общественного рабочего дня, выражается денежной суммой в 6 шилл. = 6 маркам, то авансированный капитал в 500 ф. ст. = $400_c + 100_r$ будет представлять собой стоимость, произведенную в $1\frac{666}{3}$ десятичасового рабочего дня, из которых $1\frac{333}{3}$ рабочего дня кристаллизованы в стоимости средств производства = 400_c , $333\frac{1}{3}$ — в стоимости рабочей силы = 100_r . Следовательно, если норма прибавочной стоимости = 100%, то производство самого вновь создаваемого товара стоит затраты рабочей силы = $100_c + 100_m = 666\frac{2}{3}$ десятичасового рабочего дня.

Далее, нам известно (см. «Капитал», кн. I, гл. VII, стр. 173¹⁸), что стоимость вновь произведенного продукта в 600 ф. ст. складывается из: 1) снова появляющейся стоимости постоянного капитала в 400 ф. ст., израсходованного на средства производства, и 2) из вновь произведенной стоимости в 200 фунтов стерлингов. Издержки производства товара = 500 ф. ст. включают снова появившиеся 400_c и половину вновь произведенной стоимости в 200 ф. ст. (= 100_r), следовательно, два совершенно различных по своему происхождению элемента товарной стоимости.

Благодаря целесообразному характеру труда, затраченного в течение $666\frac{2}{3}$ десятичасового дня, стоимость потребленных средств производства суммой в 400 ф. ст. переносится с этих средств производства на продукт. Поэтому эта старая стоимость снова появляется как составная часть стоимости продукта, но она не возникает в процессе производства *этого* товара. Она только потому существует как составная часть товарной стоимости, что раньше существовала как составная часть авансированного капитала. Следовательно, израсходованный постоянный капитал возмещается той частью товарной стоимости, которую он сам присоединяет

к товарной стоимости. Таким образом, этот элемент издержек производства имеет двоякое значение: с одной стороны, он входит в издержки производства товара, потому что является той составной частью товарной стоимости, которая возмещает израсходованный капитал; а, с другой стороны, он лишь потому является составной частью товарной стоимости, что представляет собой стоимость израсходованного капитала, или потому, что средства производства столько-то стоят.

Совершенно обратное происходит с другой составной частью издержек производства. $66\frac{2}{3}$ дня труда, израсходованного во время производства товара, образуют новую стоимость в 200 фунтов стерлингов. Из этой новой стоимости одна часть возмещает только авансированный переменный капитал в 100 ф. ст., или цену примененной рабочей силы. Но эта авансированная капитальная стоимость отнюдь не входит в образование новой стоимости. При авансировании капитала рабочая сила рассматривается как *стоимость*, но в процессе производства она функционирует как *созидатель* стоимости. На место той стоимости рабочей силы, которая фигурирует при авансировании капитала, в действительно *функционирующем* производительном капитале выступает сама живая, созидающая стоимость рабочая сила.

Различие между этими различными составными частями товарной стоимости, которые вместе образуют издержки производства, бросается в глаза, как только наступает изменение в величине стоимости: в одном случае — израсходованной постоянной, в другом случае — израсходованной переменной части капитала. Пусть цена одних и тех же средств производства, или постоянная часть капитала, повысится с 400 ф. ст. до 600 ф. ст. или, наоборот, упадет до 200 фунтов стерлингов. В первом случае повысится не только издержки производства товара с 500 ф. ст. до $600_c + 100_v = 700$ ф. ст., но и сама товарная стоимость повысится с 600 ф. ст. до $600_c + 100_v + 100_m = 800$ фунтам стерлингов. Во втором случае упадут не только издержки производства с 500 ф. ст. до $200_c + 100_v = 300$ ф. ст., но и сама товарная стоимость — с 600 ф. ст. до $200_c + 100_v + 100_m = 400$ фунтам стерлингов. Так как израсходованный постоянный капитал переносит на продукт свою собственную стоимость, то при прочих равных условиях стоимость продукта возрастает или падает соответственно изменению абсолютной величины этой капитальной стоимости. Предположим, наоборот, что при прочих равных условиях цена прежней массы рабочей силы возрастает со 100 ф. ст. до 150 ф. ст. или, напротив, падает до 50 фунтов стерлингов. Хотя издержки производства в первом случае повышаются с 500 ф. ст. до $400_c + 150_v = 550$ ф. ст., а во втором случае падают с 500 ф. ст. до $400_c + 50_v = 450$ ф. ст., однако товарная стоимость в обоих случаях остается неизменной = 600 фунтам стерлингов: в первом случае = $400_c + 150_v + 50_m$, во втором случае = $400_c +$

+ 50_v + 150_m . Авансированный переменный капитал не присоединяет к продукту своей собственной стоимости. Напротив, вместо его стоимости в продукт вошла новая стоимость, созданная трудом. Поэтому изменение в абсолютной величине стоимости переменного капитала, поскольку оно выражает лишь изменение в цене рабочей силы, нисколько не изменяет абсолютной величины товарной стоимости, так как ничего не изменяет в абсолютной величине новой стоимости, создаваемой действующей рабочей силой. Напротив, такое изменение оказывает влияние лишь на отношение величин тех двух составных частей новой стоимости, из которых одна составляет прибавочную стоимость, а другая возмещает переменный капитал и потому входит в издержки производства товара.

Общим для обеих частей издержек производства — в нашем случае 400_c + 100_v — является только одно: обе они суть части товарной стоимости, которые возмещают авансированный капитал.

Но с точки зрения капиталистического производства это действительное положение вещей необходимо проявляется в извращенном виде.

Капиталистический способ производства отличается от способа производства, основанного на рабстве, между прочим, тем, что стоимость, геср.* цена, рабочей силы представляется как стоимость, геср. как цена, самого труда, или как заработная плата («Капитал», кн. I, гл. XVII). Поэтому переменная часть стоимости авансированного капитала выступает в виде капитала, израсходованного на заработную плату, в виде капитальной стоимости, оплачивающей стоимость, соответственно цену, всего труда, израсходованного на производство. Если мы, например, предположим, что средний общественный рабочий день 10-часовой продолжительности воплощается в количестве денег = 6 шилл., то авансированный переменный капитал в 100 ф. ст. будет денежным выражением стоимости, произведенной в $33\frac{1}{3}$ десятичасового рабочего дня. Но эта стоимость купленной рабочей силы, фигурирующая при авансировании капитала, отнюдь не составляет части действительно функционирующего капитала. Вместо нее в процесс производства вступает сама живая рабочая сила. Если степень эксплуатации последней составляет, как в нашем примере, 100%, то она расходуется в течение $66\frac{2}{3}$ десятичасового рабочего дня и поэтому присоединяет к продукту новую стоимость в 200 фунтов стерлингов. Но при авансировании капитала переменный капитал в 100 ф. ст. фигурирует как капитал, затраченный на заработную плату, или как цена труда, который совершается в течение $66\frac{2}{3}$ десятичасового дня, 100 ф. ст., деленные на $66\frac{2}{3}$, дают нам в качестве цены десятичасового рабочего дня 3 шилл., стоимость, созданную в течение пятичасового труда.

* - respective: соответственно. *Ред.*

Если мы теперь сравним авансированный капитал, с одной стороны, и товарную стоимость — с другой, то мы получим:

- I. Авансированный капитал в 500 ф. ст. = 400 ф. ст. капитала, израсходованного на средства производства (цена средств производства), + 100 ф. ст. капитала, израсходованного на труд (цена $666\frac{2}{3}$ рабочего дня, или заработная плата за них).
- II. Товарная стоимость в 600 ф. ст. = издержкам производства в 500 ф. ст. (400 ф. ст., цена израсходованных средств производства + 100 ф. ст., цена затраченных $666\frac{2}{3}$ рабочего дня) + 100 ф. ст. прибавочной стоимости.

В этой формуле часть капитала, затраченная на труд, только тем отличается от части капитала, затраченной на средства производства, например, на хлопок или уголь, что она служит для оплаты вещественно другого элемента производства, но отнюдь не тем, что в процессе образования стоимости товара, а потому и в процессе увеличения стоимости капитала, она играет функционально другую роль. В издержках производства товара цена средств производства воспроизводится такой же, какой она уже фигурировала при авансировании капитала, и именно потому, что эти средства производства были целесообразно использованы. Совершенно так же в издержках производства товара цена, или заработная плата, $666\frac{2}{3}$ рабочего дня, затраченного на его производство, воспроизводится такой, какой она уже фигурировала при авансировании капитала, и опять же именно потому, что это количество труда затрачено в целесообразной форме. Мы видим лишь готовые, наличные стоимости, — те части стоимости авансированного капитала, которые участвуют в образовании стоимости продукта, — но не видим элемента, создающего новую стоимость. Различие между постоянным и переменным капиталом исчезло. Все издержки производства в 500 ф. ст. приобретают теперь двоякий смысл: во-первых, они представляют собой ту составную часть товарной стоимости в 600 ф. ст., которая возмещает капитал в 500 ф. ст., затраченный на производство товара; и, во-вторых, сама эта составная часть стоимости товара существует лишь потому, что раньше она существовала как издержки производства примененных элементов производства, средств производства и труда, т. е. как авансированный капитал. Капитальная стоимость воспроизводится как издержки производства товара потому и постольку, поскольку она была израсходована как капитальная стоимость.

Тем обстоятельством, что различные составные части стоимости авансированного капитала затрачены на вещественно различные элементы производства — на средства труда, сырье, вспомогательные материалы и труд, — обуславливается лишь то, что на издержки производства товара опять придется купить эти вещественно различные элементы производства. Напротив, в том, что касается образования самих издержек производства, дает о себе знать только

одно различие — различие между основным и оборотным капиталом. В нашем примере 20 ф. ст. числились как средства труда (400_c = 20 ф. ст. — износ средств труда + 380 ф. ст. — производственные материалы). Если до производства товара стоимость этих средств труда была = 1 200 ф. ст., то после его производства она существует в двух видах: 20 ф. ст. — как часть товарной стоимости, 1 200 — 20, или 1 180 ф. ст. — как оставшаяся стоимость средств труда, находящихся по-прежнему во владении капиталиста, или как элемент стоимости не его товарного капитала, а его производительного капитала. В противоположность средствам труда производственные материалы и заработная плата целиком затрачиваются на производство товара, а потому и вся их стоимость входит в стоимость произведенного товара. Мы видели, как эти различные составные части авансированного капитала по отношению к обороту приобретают формы основного и оборотного капитала.

Итак, авансированный капитал = 1 680 фунтам стерлингов: основной капитал = 1 200 ф. ст. плюс оборотный капитал = = 480 ф. ст. (= 380 ф. ст. — производственные материалы плюс 100 ф. ст. — заработная плата).

Издержки производства товара, напротив, = только 500 ф. ст. (20 ф. ст. — износ основного капитала, 480 ф. ст. — оборотный капитал).

Однако это различие между издержками производства товара и авансированным капиталом подтверждает лишь то, что издержки производства товара образуются исключительно капиталом, действительно затраченным на его производство.

В производстве товара применяются средства труда стоимостью в 1 200 ф. ст., но из этой авансированной капитальной стоимости в производстве потребляется только 20 фунтов стерлингов. Следовательно, примененный основной капитал лишь частично входит в издержки производства товара потому, что лишь частично расходуется на производство товара. Примененный оборотный капитал целиком входит в издержки производства товара потому, что он целиком расходуется на его производство. Но что же доказывает это, как не то, что потребленные основная и оборотная части капитала, *pro rata* * величине их стоимости, одинаково входят в издержки производства данного товара и что эта составная часть стоимости товара вообще обязана своим происхождением лишь капиталу, израсходованному на его производство? Если бы это было не так, то нельзя было бы понять, почему авансированный основной капитал в 1 200 ф. ст. не присоединяет к стоимости продукта помимо тех 20 ф. ст., которые он утрачивает в процессе производства, также и те 1 180 ф. ст., которые не утрачены им в этом процессе.

* — пропорционально. *Red.*

Итак, это различие между основным и оборотным капиталом в отношении исчисления издержек производства лишь подтверждает видимое возникновение издержек производства из затраченной капитальной стоимости или той цены, в которую обходятся самому капиталисту израсходованные элементы производства, включая сюда и труд. С другой стороны, в отношении образования стоимости, переменная, затраченная на рабочую силу часть капитала прямо отождествляется здесь под рубрикой оборотного капитала с постоянным капиталом (частью капитала, состоящей из производственных материалов), и таким образом завершается мистификация процесса увеличения стоимости капитала ¹⁾.

До сих пор мы рассматривали только один элемент товарной стоимости — издержки производства. Мы должны теперь посмотреть и на другую составную часть товарной стоимости, на избыток над издержками производства, или на прибавочную стоимость. Итак, прибавочная стоимость представляет собой прежде всего избыток стоимости товара над издержками его производства. Но так как издержки производства равны стоимости израсходованного капитала, в вещественные элементы которого они постоянно обратно превращаются, то этот избыток стоимости представляет собой прирост стоимости капитала, израсходованного на производство товара и возвращающегося из обращения этого товара.

Раньше мы уже видели, что хотя m , прибавочная стоимость, возникает лишь из изменения стоимости v , переменного капитала, и потому по своему происхождению представляет собой просто прирост переменного капитала; однако по окончании процесса производства она в такой же мере образует прирост стоимости $c + v$, т. е. всего израсходованного капитала. Формула $c + (v + m)$, которая указывает, что m производится вследствие превращения определенной капитальной стоимости v , авансированной на рабочую силу, в изменяющуюся величину, следовательно, вследствие превращения постоянной величины в величину переменную, может быть представлена точно так же в виде $(c + v) + m$. До производства у нас был капитал в 500 фунтов стерлингов. После производства у нас имеется капитал в 500 ф. ст. плюс прирост стоимости в 100 фунтов стерлингов ²⁾.

Однако прибавочная стоимость составляет прирост не только к той части авансированного капитала, которая входит в процесс об-

¹⁾ Какая путаница может возникнуть из за этого в головах экономистов, показано в «Капитале», кн. I, гл. VII, 3, стр. 185–191, на примере Н. У. Сениора [см. настоящее издание, т. 7, с. 242–247].

²⁾ «В действительности мы уже знаем, что прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с v , с частью капитала, превращенной в рабочую силу, что, следовательно, $v + m = v + \Delta v$ (v плюс прирост v). Но действительное изменение стоимости и отношение, в котором изменяется стоимость, затеваются тем обстоятельством, что вследствие возрастания своей изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. Раньше он был равен 500, теперь он равен 590» («Капитал», кн. I, гл. VII, 1, стр. 175 [см. настоящее издание, т. 7, с. 203]).

разования стоимости, но и к той части, которая не входит в него; следовательно, — прирост стоимости не только к тому израсходованному капиталу, который возмещается издержками производства товара, но вообще ко всему капиталу, вложенному в производство. До процесса производства у нас была капитальная стоимость в 1 680 фунтов стерлингов: 1 200 ф. ст. основного капитала в средствах труда, из которого только 20 ф. ст. износа входят в стоимость товара, плюс 480 ф. ст. оборотного капитала в производственных материалах и заработной плате. После процесса производства у нас имеется 1 180 ф. ст. как составная часть стоимости производительного капитала плюс товарный капитал в 600 фунтов стерлингов. Если мы сложим эти две суммы стоимости, то окажется, что капиталист владеет теперь стоимостью в 1 780 фунтов стерлингов. Если он вычтет из этого весь авансированный капитал в 1 680 ф. ст., то у него остается прирост стоимости в 100 фунтов стерлингов. Итак, 100 ф. ст. прибавочной стоимости в такой же мере составляют прирост стоимости к вложенному капиталу в 1 680 ф. ст., как и к той его доле в 500 ф. ст., которая израсходована во время производства.

Теперь для капиталиста ясно, что этот прирост стоимости возникает из производственных процессов, предпринятых с капиталом, что, следовательно, он порождается самим капиталом; после процесса производства указанный прирост уже существует, а до этого процесса его не было. Что касается прежде всего капитала, израсходованного в производстве, то кажется, будто прибавочная стоимость одинаково возникает из различных элементов его стоимости, состоящих из средств производства и труда, ибо эти элементы одинаково участвуют в образовании издержек производства. Они в одинаковой мере присоединяют к стоимости продукта свои составляющие авансированный капитал стоимости и не различаются как постоянная и переменная величины стоимости. Это становится очевидным, если мы на один момент представим себе, что весь израсходованный капитал состоит или исключительно из заработной платы, или исключительно из стоимости средств производства. Тогда в первом случае мы имели бы вместо товарной стоимости $400_c + 100_v + 100_m$ товарную стоимость $500_v + 100_m$. Затраченный на заработную плату капитал в 500 ф. ст. представляет собой стоимость всего труда, употребленного на производство товарной стоимости в 600 ф. ст., и как раз поэтому образует издержки производства всего продукта. Но образование этих издержек производства, вследствие чего стоимость израсходованного капитала снова появляется как составная часть стоимости продукта, является единственным нам известным процессом в создании этой товарной стоимости. Как возникает та ее составная часть в 100 ф. ст., которая образует прибавочную стоимость, мы не знаем. То же самое было бы во втором случае, когда товарная стоимость была бы $= 500_c + 100_m$. В обоих случаях мы знаем, что прибавочная стоимость возникает из

данной стоимости потому, что эта стоимость авансирована в форме производительного капитала, — безразлично, в форме ли труда или в форме средств производства. Но, с другой стороны, авансированная капитальная стоимость не может образовать прибавочной стоимости лишь по той причине, что она израсходована и, следовательно, образует издержки производства товара. Как раз в той мере, в какой она образует издержки производства товара, она образует не прибавочную стоимость, а лишь эквивалент, стоимость, возмещающую израсходованный капитал. Следовательно, поскольку она образует прибавочную стоимость, она образует ее не в своем специфическом качестве израсходованного капитала, а вообще как авансированный и потому примененный капитал. Следовательно, прибавочная стоимость происходит как из той части авансированного капитала, которая входит в издержки производства товара, так и из той части, которая не входит в издержки производства, словом, — в равной мере из основной и оборотной составных частей примененного капитала. Весь капитал — как средства труда, так и производственные материалы и труд — вещественно служит созидателем продукта. Вещественно в действительном процессе труда участвует весь капитал, а в процессе образования стоимости только часть его. Быть может, именно в этом лежит причина того, что он лишь частично участвует в образовании издержек производства, но зато целиком в образовании прибавочной стоимости. Как бы то ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость возникает одновременно из всех частей вложенного капитала. Рассуждения можно было бы еще более сократить, если грубо и просто сказать вслед за Мальтусом:

«Капиталист *ждет* одинаковой выгоды от всех частей авансированного им капитала»³⁾.

Прибавочная стоимость, представленная как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму *прибыли*. Следовательно, известная сумма стоимости является капиталом потому, что она затрачена для того, чтобы произвести прибыль⁴⁾, или прибыль появляется потому, что известная сумма стоимости употребляется как капитал. Если прибыль мы обозначим буквой p , то формула $W = c + v + m = k + m$ превращается в формулу $W = k + p$, или *товарная стоимость = издержкам производства + прибыль*.

Следовательно, прибыль, как мы ее сначала здесь имеем перед собой, есть то же самое, что и прибавочная стоимость, но только в мистифицированной форме, которая, однако, необходимо возникает из капиталистического способа производства. Так как при видимом

³⁾ *Malthus*. «Principles of Political Economy», 2nd ed., London, 1836. p. 268.

⁴⁾ «Капитал это то, что расходуется в целях получения прибыли». *Malthus*. «Definitions in Political Economy». London, 1827. p. 86.

образовании издержек производства нельзя обнаружить никакого различия между постоянным и переменным капиталом, то изменение стоимости, совершающееся во время процесса производства, неизбежно связывается не с переменной частью капитала, а со всем капиталом. Так как на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращенной форме заработной платы, то на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращенной форме прибыли.

Как мы видели, издержки производства товара меньше, чем его стоимость. Так как $W = k + m$, то $k = W - m$. Формула $W = k + m$ лишь при том условии сводится к $W = k$, равенству товарной стоимости и издержек производства товара, если $m = 0$, — это случай, который никогда не встречается на основе капиталистического производства, хотя при особой рыночной конъюнктуре продажная цена товаров может падать до или даже ниже их издержек производства.

Поэтому если товар продается по его стоимости, то реализуется прибыль, равная избытку его стоимости над издержками его производства, следовательно, равная всей прибавочной стоимости, заключающейся в товарной стоимости. Но капиталист может продавать товар с прибылью, даже продавая его ниже его стоимости. До тех пор, пока продажная цена товара выше издержек его производства, если даже при этом она и ниже его стоимости, все время будет реализоваться часть заключающейся в нем прибавочной стоимости, следовательно, будет получаться прибыль. В нашем примере товарная стоимость = 600 ф. ст., издержки производства = 500 фунтам стерлингов. Если товар продается за 510, 520, 530, 560, 590 ф. ст., то он продается ниже его стоимости соответственно на 90, 80, 70, 40, 10 ф. ст. и, все же, от его продажи выручается прибыль соответственно в 10, 20, 30, 60, 90 фунтов стерлингов. Между стоимостью товара и издержками его производства, очевидно, возможен неопределенный ряд продажных цен. Чем больше тот элемент товарной стоимости, который состоит из прибавочной стоимости, тем больше на практике пределы этих промежуточных цен.

Этим объясняются не только повседневные явления конкуренции, как, например, известные случаи продажи по пониженным ценам (*underselling*), ненормально низкий уровень товарных цен в определенных отраслях промышленности⁵⁾ и т. д. Основной закон капиталистической конкуренции, непонятый до сих пор политической экономией, закон, регулирующий общую норму прибыли и определяемые ею так называемые цены производства, основывается, как мы увидим позже, на этой разнице между стоимостью товара и его издержками производства и на вытекающей из нее возможности с прибылью продавать товар ниже его стоимости.

⁵⁾ Ср. «Капитал», кн. I, гл. XVIII, стр. 511 — 512 [см. настоящее издание, т. 7, с. 508 — 509]

Низшая граница продажной цены товара определяется издержками его производства. Если товар продается ниже издержек его производства, то израсходованные составные части производительного капитала не могут быть полностью возмещены из продажной цены. Если этот процесс продолжается, то авансированная капитальная стоимость исчезает. Уже с этой точки зрения капиталист склонен считать издержки производства действительной *внутренней* стоимостью товара, потому что это — цена, необходимая для простого сохранения его капитала. Но к этому присоединяется еще то обстоятельство, что издержки производства товара есть та покупная цена, которую сам капиталист уплатил для производства товара, следовательно, покупная цена, определяемая самим процессом производства товара. Поэтому реализуемый при продаже товара избыток стоимости, или прибавочная стоимость, представляется капиталисту избытком продажной цены товара над его стоимостью, а не избытком его стоимости над издержками его производства, так что выходит, будто прибавочная стоимость, заключающаяся в товаре, не реализуется посредством его продажи, а возникает из самой продажи. Мы уже выяснили эту иллюзию более подробно в «Капитале», кн. I, гл. IV, 2 («Противоречия всеобщей формулы капитала»), теперь же на один момент возвратимся к той форме, которую вновь выдвинули Торренс и др., изображая ее шагом вперед, сделанным политической экономией по сравнению с Рикардо.

«Естественная цена, состоящая из издержек производства, или, другими словами, из капитала, затраченного при производстве или изготовлении товара, не может включать норму прибыли... Если фермер, затратив 100 кварталов зерна, получает обратно 120 кварталов, то 20 кварталов зерна составляют прибыль, и было бы абсурдно этот избыток, или эту прибыль, называть частью затрат... Фабрикант затрачивает известное количество сырья, орудий и средств существования для труда и получает взамен известное количество готового товара. Этот готовый товар должен обладать более высокой меновой стоимостью, чем то сырье, те орудия и средства существования, благодаря авансированию которых он создан».

Поэтому, заключает Торренс, избыток продажной цены над издержками производства, или прибыль, возникает вследствие того, что потребители

«путем ли непосредственного или опосредствованного (circuitous) обмена дают за товар некоторое большее количество всех составных частей капитала, чем стоило его производство»⁶¹.

На деле же избыток над данной величиной не может образовать части этой величины, а потому и прибыль, избыток товарной стоимости над затратами капиталиста, не может образовать части этих затрат. Следовательно, если в образовании стоимости товара не участвует какой-либо иной элемент, кроме стоимости, авансированной капиталистом, то непонятно, каким образом из производства может выйти большая стоимость, чем та, которая вошла в не-

⁶¹ R. Torrens. «An Essay on the Production of Wealth». London. 1821. p. 51—53, 349.

го. — т. е., как может нечто возникнуть из ничего. Однако Торренс отделяется от этого созидания из ничего лишь таким способом, что переносит его из сферы производства товаров в сферу обращения товаров. Прибыль не может получиться из производства, говорит Торренс, потому, что иначе она уже содержалась бы в издержках производства, следовательно не было бы никакого избытка над этими издержками. Прибыль не может получиться из обмена товаров, отвечает ему Рамсей¹⁹, если она уже не имелась в наличии до обмена товаров. Сумма стоимости обмениваемых продуктов, очевидно, не изменяется вследствие обмена продуктов, сумму стоимости которых они собой представляют. Она остается после обмена такой же, какой была до обмена. Здесь следует заметить, что Мальтус²⁰ прямо ссылается на авторитет Торренса²⁰, хотя сам он иначе объясняет продажу товаров выше их стоимости или, вернее, не объясняет этого, так как все аргументы этого рода по существу совершенно под стать рассуждениям о знаменитом в свое время отрицательном весе флогистона²¹.

В обществе, где господствует капиталистическое производство, даже некапиталистический производитель находится во власти капиталистических представлений. В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще отличающийся глубоким пониманием реальных отношений, метко показывает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких денежных затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом одним выстрелом двух зайцев. Он избавляет себя от денежных расходов на заработную плату и втягивает все больше и больше в долговую кабалу крестьянина, который постепенно разоряется, так как не работает на собственном поле.

Нелепое представление, будто издержки производства товара составляют его действительную стоимость, а прибавочная стоимость происходит из продажи товара выше его стоимости, что, следовательно, товары продаются по их стоимостям, если их продажная цена равна издержкам их производства, т. е. равна цене средств производства, потребленных на них, плюс заработная плата, — это нелепое представление Прудон с обычным для него наукообразным шарлатанством возвестил как новое открытие тайны социализма²². Это сведение стоимости товаров к издержкам их производства образует в действительности основу его «Народного банка»²³. Раньше было показано, что различные составные части стоимости продукта можно представить в пропорциональных частях самого продукта. Если, например («Капитал», кн. I, гл. VII, 2, стр. 182²⁴), стоимость 20 ф. пряжи составляет 30 шилл. — именно 24 шилл. средства про-

¹⁹ Malthus. «Definitions in Political Economy». London. 1853. p. 70, 71.

изводства, 3 шилл. рабочая сила и 3 шилл. прибавочная стоимость, — то эту прибавочную стоимость можно представить в виде $\frac{1}{10}$ продукта = 2 ф. пряжи. Если эти 20 ф. пряжи будут теперь проданы по их издержкам производства, за 27 шилл., то покупатель получит 2 ф. пряжи даром, или товар будет продан на $\frac{1}{10}$ ниже своей стоимости; рабочий так же, как и раньше, совершил свой прибавочный труд, однако только для покупателя, а не для капиталистического производителя пряжи. Было бы совершенно ошибочно предполагать, что если бы все товары продавались по издержкам их производства, то результат фактически получился бы такой же, как если бы все товары продавались выше издержек их производства, но по их стоимостям. Если даже предположить, что стоимость рабочей силы, продолжительность рабочего дня и степень эксплуатации труда повсюду одинаковы, то все же массы прибавочной стоимости, заключающиеся в стоимостях различных видов товара, в зависимости от различного органического строения капитала, авансированного на их производство, отнюдь не будут равны⁸⁾.

⁸⁾ «Производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу» («Капитал», кн. I, гл. IX, стр. 270 [см. настоящее издание, т. 7, с. 286]).

ГЛАВА ВТОРАЯ

НОРМА ПРИБЫЛИ

Всеобщая формула капитала такова: $D - T - D'$, т. е. известную сумму стоимости бросают в обращение для того, чтобы извлечь из него большую сумму стоимости. Процесс, порождающий эту большую сумму стоимости, есть капиталистическое производство; процесс, реализующий ее, есть обращение капитала. Капиталист производит товар не ради самого товара, не ради его потребительной стоимости или своего личного потребления. Продукт, который в действительности интересует капиталиста, — это не сам осязаемый продукт, а избыток стоимости продукта над стоимостью потребленного на него капитала. Капиталист авансирует весь капитал, не обращая внимания на различные роли, которые составные части капитала играют в производстве прибавочной стоимости. Он одинаково авансирует все эти составные части не только для того, чтобы воспроизвести авансированный капитал, но и произвести известный избыток стоимости по сравнению с ним. Стоимость переменного капитала, авансируемого им, он может превратить в большую стоимость лишь посредством обмена его на живой труд, посредством эксплуатации живого труда. Но он может эксплуатировать труд только в том случае, если он одновременно авансирует и условия для осуществления этого труда, — средства труда и предмет труда, машины и сырье, — т. е. если он ту сумму стоимости, которая имеется у него, превратит в форму условий производства; как и вообще он только потому является капиталистом, только потому вообще может приняться за процесс эксплуатации труда, что он как собственник условий труда противостоит рабочему как владельцу только рабочей силы²⁵. Уже раньше, в первой книге²⁶, было показано, что как раз то обстоятельство, что этими средствами производства владеют нерабочие, превращает рабочих в наемных рабочих, нерабочих — в капиталистов.

Для капиталиста безразлично, как смотрят на дело: что он авансирует постоянный капитал для того, чтобы извлечь прибыль из пе-

ременного, или же он авансирует переменный капитал для того, чтобы увеличить стоимость постоянного; что он затрачивает деньги на заработную плату для того, чтобы придать машинам и сырью более высокую стоимость, или же он авансирует деньги на машины и сырье для того, чтобы получить возможность эксплуатировать труд. Хотя прибавочную стоимость создает только переменная часть капитала, однако создает ее лишь при том условии, если авансированы и другие части — необходимые для труда условия производства. Так как капиталист может эксплуатировать труд лишь путем авансирования постоянного капитала, так как он может использовать постоянный капитал лишь путем авансирования переменного, то в его представлении эти капиталы сливаются воедино, и это тем более, что действительный уровень его прибыли определяется отношением ее не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, не нормой прибавочной стоимости, а нормой прибыли, которая, как мы увидим, может оставаться одной и той же и тем не менее выражать различные нормы прибавочной стоимости²⁷.

К издержкам производства продукта относятся все составные части его стоимости, которые оплачены капиталистом или эквивалент которых он бросил в производство. Для того чтобы капитал просто сохранился или был воспроизведен в своих первоначальных размерах, эти издержки должны быть возмещены.

Стоимость, заключающаяся в товаре, равна тому рабочему времени, которого стоит его производство, а сумма этого труда состоит из оплаченного и неоплаченного труда. Напротив, для капиталиста издержки производства товара состоят только из той части определенного в товаре труда, которую он оплатил. Содержащийся в товаре прибавочный труд ничего не стоит капиталисту, хотя рабочему он совершенно так же стоит труда, как и оплаченный, и хотя он совершенно так же, как оплаченный, создает стоимость и входит в товар как элемент, образующий стоимость. Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил. Прибавочная стоимость, *геср.** прибыль, состоит как раз из избытка стоимости товара над издержками его производства, т. е. из избытка всей суммы труда, содержащейся в товаре, над содержащейся в нем оплаченной суммой труда²⁸. В соответствии с этим и прибавочная стоимость, каково бы ни было ее происхождение, есть избыток над всем авансированным капиталом. Следовательно, этот избыток стоит в таком отношении ко всему капиталу, которое выражается дробью $\frac{m}{K}$, где K означает весь капитал. Таким образом мы получаем *норму прибыли* $\frac{m}{K} = \frac{m}{c + v}$ в отличие от нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$.

* — respective: соответственно. *Ред.*

Отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу называется нормой прибавочной стоимости; отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу называется нормой прибыли. Это — два различных измерения одной и той же величины, которые вследствие различия масштаба выражают различные пропорции или отношения одной и той же величины.

Превращение прибавочной стоимости в прибыль следует вывести из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, — а не наоборот. И в самом деле, исходным пунктом исторически была норма прибыли. Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости есть нечто относительно невидимое, существенное, подлежащее раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживаются на поверхности явлений.

Что касается отдельного капиталиста, то ясно, что его интересуют только одно: отношение прибавочной стоимости, или того избытка стоимости, с которым он продает свои товары, ко всему капиталу, авансированному на производство товара; между тем как определенное отношение этого избытка к отдельно взятым составным частям капитала и его внутренняя связь с этими частями вовсе не интересуют капиталиста, и более того, его интерес заключается как раз в том, чтобы окутать туманом это определенное отношение и эту внутреннюю связь.

Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства, но реализуется он только в процессе обращения; и видимость, будто этот избыток возник из процесса обращения, тем легче создается, что в действительности, в условиях конкуренции, на действительном рынке, от отношений рынка зависит, будет или не будет и в какой степени он будет реализован. Здесь нет надобности говорить о том, что если товар продается выше или ниже своей стоимости, то имеет место лишь иное распределение прибавочной стоимости и что это иное распределение, изменение отношения, в котором различные лица делят между собой прибавочную стоимость, ничего не изменяет ни в величине, ни в природе прибавочной стоимости. В действительном процессе обращения не только совершаются превращения, которые мы рассмотрели в «Капитале», кн. II, но они совпадают с действительной конкуренцией, с куплей или продажей товаров выше или ниже их стоимости, так что для отдельного капиталиста реализуемая им самим прибавочная стоимость в такой же мере зависит от взаимного обмана, как и от непосредственной эксплуатации труда²⁹.

В процессе обращения наряду с рабочим временем вступает в действие время обращения, соответственно ограничивающее ту массу прибавочной стоимости, которую можно реализовать за известный промежуток времени. На непосредственный процесс про-

изводства оказывают определяющее влияние и другие моменты, возникающие из обращения. И тот и другой — и непосредственный процесс производства и процесс обращения — постоянно переходят один в другой, переплетаются и таким образом постоянно представляют в ложном виде свои характерные отличительные признаки. Производство прибавочной стоимости, как и стоимости вообще, приобретает в процессе обращения, как показано раньше, новые определения; капитал проходит круг своих превращений; наконец, из своей, так сказать, внутренней органической жизни он вступает в отношения внешней жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а, с одной стороны, капитал и капитал, с другой стороны, индивидуумы, опять-таки просто как покупатели и продавцы; время обращения и рабочее время перекрещиваются на своем пути, и таким образом кажется, будто и то и другое одинаково определяют прибавочную стоимость; та первоначальная форма, в которой противостоят друг другу капитал и наемный труд, замаскировывается вмешательством таких отношений, которые кажутся независимыми от нее; сама прибавочная стоимость представляется не продуктом присвоения рабочего времени, а избытком продажной цены товара над издержками его производства, благодаря чему эти последние легко могут показаться его действительной стоимостью (*valeur intrinsèque*), так что прибыль кажется избытком продажной цены товаров над их имманентной стоимостью³⁰.

Правда, в непосредственном процессе производства природа прибавочной стоимости все же постоянно доходит до сознания капиталиста, как это уже при рассмотрении прибавочной стоимости показала нам его алчность к чужому рабочему времени и т. д. Но, во-первых, сам непосредственный процесс производства есть лишь преходящий момент, который постоянно переходит в процесс обращения, как и наоборот, так что с большей или меньшей ясностью пробивающаяся в процессе производства догадка об источнике создаваемого в нем дохода, т. е. о природе прибавочной стоимости, выступает в лучшем случае как столь же правомерный момент наряду с представлением, будто реализуемый избыток происходит от такого движения, которое является независимым от процесса производства, возникает из самого обращения и принадлежит капиталу независимо от его отношения к труду. Недаром даже современные экономисты, как Рамсей, Мальтус, Сениор, Торренс и т. д., прямо ссылаются на эти явления обращения, как на доказательства того, будто капитал просто в своем вечном существовании, независимо от его общественного отношения к труду, которое только и делает его капиталом, является, наряду с трудом и независимо от труда, самостоятельным источником прибавочной стоимости³¹. Во-вторых, под рубрикой издержек, к которой заработная плата относится совершенно так же, как цена сырья, износ машин и т. д., выжи-

мание неоплаченного труда выступает лишь как сбережение на оплате одной из статей, входящих в издержки, лишь как меньшая плата за определенное количество труда; совершенно так же, как происходит сбережение, когда дешевле покупается сырье или уменьшается изнашивание машин. Таким образом выжимание прибавочного труда утрачивает свой специфический характер; его специфическое отношение к прибавочной стоимости затемняется; этому сильно способствует и облегчает это, как показано в «Капитале», кн. I, отдел VI ³², то обстоятельство, что стоимость рабочей силы представлена в форме заработной платы.

Благодаря тому, что все части капитала одинаково кажутся источниками избыточной стоимости (прибыли), капиталистическое отношение мистифицируется.

Однако тот способ, которым прибавочная стоимость посредством перехода через норму прибыли превращается в форму прибыли, представляет собой только дальнейшее развитие того смещения субъекта и объекта, которое совершается уже в процессе производства. Мы уже видели, как все субъективные производительные силы труда представляются производительными силами капитала ³³. С одной стороны, стоимость, прошлый труд, господствующий над живым трудом, персонифицируется в капиталисте; с другой стороны, рабочий, напротив, выступает только как рабочая сила — как предмет, как товар. Из этого извращенного отношения необходимо возникает уже в самом простом производственном отношении соответствующее извращенное представление, ложное понимание, которое усугубляется превращениями и модификациями собственно процесса обращения.

Как показывает пример школы Рикардо, попытка представить законы нормы прибыли непосредственно в виде законов нормы прибавочной стоимости, или наоборот, является совершенно ошибочной ³⁴. Конечно, в голове капиталиста между ними нет различия. В выражении $\frac{m}{K}$ прибавочная стоимость измеряется ее отношением к стоимости всего капитала, который авансирован на ее производство и частью потреблен в этом производстве целиком, частью же только применен к производству. В действительности отношение $\frac{m}{K}$ выражает степень возрастания стоимости всего авансированного капитала; т. е., будучи взято в соответствии с внутренней существенной связью и природой прибавочной стоимости, оно показывает, каково отношение той величины, на которую изменяется переменный капитал, к величине всего авансированного капитала.

Величина стоимости всего капитала сама по себе не стоит ни в каком внутреннем отношении к величине прибавочной стоимости, но крайней мере не стоит непосредственно. По своим вещественным элементам весь капитал минус переменный капитал, — т. е. посто-

янный капитал, — состоит из вещественных условий осуществления труда — из средств труда и материала труда. Для того чтобы определенное количество труда овеществилось в товарах, а потому и образовало стоимость, требуется определенное количество материала труда и средств труда. В зависимости от особого характера присоединяемого труда существует определенное техническое отношение между массой труда и массой тех средств производства, к которым должен быть присоединен этот живой труд. Постольку же, следовательно, существует определенное отношение и между массой прибавочной стоимости, или прибавочного труда, и массой средств производства. Если, например, труд, необходимый для производства заработной платы, составляет 6 часов ежедневно, то рабочий, чтобы доставить 6 часов прибавочного труда, чтобы создать прибавочную стоимость в 100%, должен работать 12 часов. За эти 12 часов он потребляет вдвое больше средств производства, чем за 6 часов. Но от этого прибавочная стоимость, присоединяемая им за 6 часов, еще не становится ни в какое непосредственное отношение к стоимости средств производства, потребленных за 6 или хотя бы за 12 часов. Эта стоимость не имеет здесь никакого значения; важно только, чтобы имела технически необходимая масса. Дешевы ли, дороги ли сырье или средства труда, это совершенно безразлично, если только они обладают требуемой потребительной стоимостью и имеются в предписываемой техникой пропорции к тому живому труду, который подлежит поглощению. Однако если мне известно, что за один час перепрядается x фунтов хлопка, стоящих a шиллингов, то мне, конечно, известно также, что за 12 часов перепрядается $12x$ фунтов хлопка = $12a$ шиллингам, и тогда я могу вычислить отношение прибавочной стоимости к стоимости 12 совершенно так же, как к стоимости 6. Но отношение живого труда к стоимости средств производства имеет здесь место лишь постольку, поскольку a шиллингов служат обозначением x фунтов хлопка: так как определенное количество хлопка имеет определенную цену, то и обратно — определенная цена может служить показателем определенного количества хлопка, пока цена последнего не изменится. Если я знаю, что для того чтобы присвоить 6 часов прибавочного труда, я должен заставить работать 12 часов, следовательно, должен иметь в готовности хлопка на 12 часов, и если я знаю цену этого количества хлопка, которое требуется на 12 часов, то косвенным путем устанавливается отношение между ценой хлопка (как показателем необходимого количества) и прибавочной стоимостью. А по цене сырья я, наоборот, никогда не могу установить ту массу сырья, для прядения которой потребуется, например, один, а не 6 часов. Следовательно, нет никакого внутреннего капитала, а следовательно, и стоимостью всего капитала ($= c + v$), и прибавочной стоимостью.

Если норма прибавочной стоимости известна и величина ее дана, то норма прибыли выражает не что иное, как то, что она есть в действительности: иное измерение прибавочной стоимости, измерение ее стоимостью всего капитала, а не стоимостью той части капитала, из которой и при помощи обмена которой на труд она непосредственно возникает. Но в действительности (т. е. в мире явлений) дело обстоит наоборот. Прибавочная стоимость дана, но дана как избыток продажной цены товара над издержками его производства; причем остается тайной, откуда происходит этот избыток, — из эксплуатации ли труда в процессе производства, из надувательства ли покупателей в процессе обращения, или из того и другого. Дано, далее, отношение этого избытка к стоимости всего капитала, или норма прибыли. Исчисление этого избытка продажной цены над издержками производства в его отношении к стоимости всего авансированного капитала очень важно и естественно, так как благодаря этому действительно отыскивается то числовое отношение, в котором увеличивается стоимость всего капитала, или степень увеличения его стоимости. Следовательно, если исходить из этой нормы прибыли, то нет никакой возможности вывести отсюда специфическое отношение между избытком и той частью капитала, которая затрачена на заработную плату. В одной из следующих глав мы увидим, какие забавные фокусы продлевает Мальтус, когда он этим путем пытается проникнуть в тайны прибавочной стоимости и ее специфического отношения к переменной части капитала³⁵. На что указывает норма прибыли как таковая, так это скорее на то, что избыток стоит в одинаковом отношении к равновеликим частям капитала, который с этой точки зрения вообще не обнаруживает никаких внутренних различий, кроме различия между основным и оборотным капиталом. Да и это различие обнаруживается лишь потому, что избыток исчисляется двояко. Именно, во-первых, как простая величина: избыток над издержками производства. В этой первой форме избытка весь оборотный капитал входит в издержки производства, между тем как из основного капитала в них входит только износ. Далее, во-вторых: отношение этого избытка стоимости ко всей стоимости авансированного капитала. Здесь в исчисление входит стоимость всего основного капитала совершенно так же, как стоимость оборотного. Итак, оборотный капитал оба раза входит одинаково, между тем как основной капитал в одном случае входит иначе, а в другом — так же, как и оборотный капитал. Таким образом, различие между оборотным и основным капиталом навязывается здесь как единственное различие.

Следовательно, избыток, если он, выражаясь языком Гегеля, обратно отражает себя от нормы прибыли в себе самом, или, иначе, избыток, характеризующийся точнее нормой прибыли, выступает как избыток, который ежегодно или в определенный период обращения производится капиталом сверх его собственной стоимости.

Поэтому, хотя норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости, между тем как прибавочная стоимость и прибыль представляют в действительности одно и то же и равны также в числовом выражении, тем не менее прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, форма, в которой ее происхождение и тайна ее бытия замаскированы и скрыты. В самом деле, прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь посредством анализа надлежит вывести из первой. В прибавочной стоимости отношение между капиталом и трудом обнажено; в отношении капитала и прибыли, — т. е. капитала и прибавочной стоимости, проявляющейся с одной стороны, как реализованный в процессе обращения избыток над издержками производства товара, а с другой, как избыток, получающий более точное определение при посредстве его отношения ко всему капиталу, — *капитал выступает как отношение к себе самому*, как отношение, в котором он как первоначальная сумма стоимости отличается от новой стоимости, созданной им же самим. Что он производит эту новую стоимость во время своего движения через процесс производства и процесс обращения — это имеется в сознании. Но каким образом это совершается — это покрыто тайной и кажется, что прибавочная стоимость обязана своим происхождением каким-то присущим самому капиталу скрытым свойствам.

Чем дальше прослеживаем мы процесс увеличения стоимости капитала, тем более мистифицируется капиталистическое отношение и тем менее раскрывается тайна его внутреннего организма.

В этом отделе норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости; напротив, прибыль и прибавочная стоимость рассматриваются как одна и та же числовая величина, только в различной форме. В следующем отделе мы увидим, как размежевание идет дальше и как прибыль выражается величиной, которая и численно отлична от прибавочной стоимости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТНОШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ
К НОРМЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Как сказано в конце предыдущей главы, мы предполагаем здесь, как и вообще во всем этом первом отделе, что сумма прибыли, приходящаяся на данный капитал, равна всей сумме прибавочной стоимости, произведенной при посредстве этого капитала в течение данного периода обращения. Следовательно, мы пока отвлекаемся от того, что эта прибавочная стоимость, с одной стороны, распадается на различные производные формы: процент на капитал, земельную ренту, налоги и т. д., и что, с другой стороны, она в большинстве случаев не совпадает с прибылью в том виде, как прибыль эта присваивается в силу общей средней нормы прибыли, о чем речь будет во втором отделе.

Поскольку прибыль предполагается количественно равной прибавочной стоимости, ее величина и величина нормы прибыли определяются отношениями простых числовых величин, которые даны или могут быть определены для каждого отдельного случая. Таким образом исследование движется сначала в чисто математической области.

Мы сохраняем обозначения, применявшиеся в первой и второй книгах. Весь капитал K разделяется на постоянный капитал c и переменный капитал v и производит прибавочную стоимость m . Отношение этой прибавочной стоимости к авансированному переменному капиталу, следовательно $\frac{m}{v}$, мы называем нормой прибавочной стоимости и обозначаем ее посредством m' . Следовательно, $\frac{m}{v} = m'$ и потому $m = m'v$. Если эту прибавочную стоимость относить не к переменному капиталу, а ко всему капиталу, то она называется прибылью (p), а отношение прибавочной стоимости m ко всему капиталу K , следовательно, $\frac{m}{K}$ называется нормой прибыли p' . Мы получаем таким образом:

$$p' = \frac{m}{K} = \frac{m}{c + v};$$

если мы вместо m подставим его выше найденную величину $m'v$, то мы получим:

$$p' = m' \frac{v}{K} = m' \frac{v}{c + v},$$

это уравнение можно выразить также в пропорции:

$$p' : m' = v : K,$$

где норма прибыли относится к норме прибавочной стоимости, как переменный капитал ко всему капиталу.

Из этой пропорции следует, что p' , норма прибыли, всегда меньше m' , нормы прибавочной стоимости, потому что v , переменный капитал, всегда меньше K , суммы $v + c$, переменного и постоянно-го капитала; это — за исключением единственного, практически невозможного случая, когда $v = K$, когда, следовательно, капиталист совсем не авансирует постоянного капитала, средств производства, а лишь заработную плату.

В нашем исследовании принимается во внимание, между прочим, еще ряд других факторов, которые определяющим образом воздействуют на величину c , v и m и потому заслуживают краткого упоминания.

Во-первых, *стоимость денег*. Ее мы можем принимать повсюду постоянной.

Во-вторых, *оборот*. Этот фактор мы оставим пока в стороне, потому что его влияние на норму прибыли исследуется особо в одной из последующих глав. {Здесь же мы, забегая вперед, заметим только, что формула $p' = m' \frac{v}{K}$ строго верна только для *одного* оборота переменного капитала, но что мы можем сделать ее правильной и для годового оборота, если вместо m' , простой нормы прибавочной стоимости, поставим $m'n$, годовую норму прибавочной стоимости, причем n обозначает число оборотов переменного капитала в течение одного года (см. кн. II, гл. XVI, 1). — Ф. Э.}

В-третьих, следует принять во внимание *производительность труда*, влияние которой на норму прибавочной стоимости подробно исследовано в «Капитале», кн. I, отдел IV. Но она может оказывать также и прямое влияние на норму прибыли, по крайней мере отдельного капитала, если, как показано в «Капитале», кн. I, гл. X, стр. 280³⁶, этот отдельный капитал работает с большей производительностью, чем общественно средняя, доставляет продукты по стоимости более низкой, чем общественная средняя стоимость таких же товаров, и потому реализует добавочную прибыль. Но этот случай мы оставляем здесь в стороне, так как и в этом отделе мы все еще исходим из предположения, что товары производятся при общественно нормальных условиях и продаются по своим стоимостям. Следовательно, в каждом отдельном случае мы исходим из предположения, что производительность труда остается постоянной. В самом деле, капитал, вложенный в известную отрасль промыш-

ленности, своим стоимостным строением, т. е. определенным отношением переменного к постоянному капиталу, всякий раз выражает определенную степень производительности труда. Следовательно, коль скоро это отношение подвергается изменению иначе, чем путем простого изменения стоимости вещественных составных частей постоянного капитала или изменения заработной платы, то изменение должна претерпеть и производительность труда, и потому мы довольно часто будем иметь возможность наблюдать, что изменения, совершающиеся с факторами s , v и m , предполагают в то же время и изменения в производительности труда.

То же самое относится и к трем остальным факторам: *продолжительности рабочего дня, интенсивности труда и заработной платы*. Их влияние на массу и норму прибавочной стоимости подробно исследовано в первой книге³⁷. Итак, понятно, что, хотя ради упрощения мы всегда исходим из предположения, что эти три фактора остаются постоянными, тем не менее изменения, совершающиеся с v и m , могут предполагать изменения величины этих их определяющих моментов. Здесь следует лишь кратко напомнить, что заработная плата действует на величину прибавочной стоимости и высоту нормы прибавочной стоимости обратно тому, как действует на них продолжительность рабочего дня и интенсивность труда; повышение заработной платы уменьшает прибавочную стоимость, между тем как удлинение рабочего дня и повышение интенсивности труда увеличивают ее.

Если мы предположим, что капитал, например, в 100 с 20 рабочими при десятичасовом труде и общей заработной плате 20 в неделю производит прибавочную стоимость в 20, то мы получим:

$$80_c + 20_v + 20_m; \quad m' = 100\%, \quad p' = 20\%.$$

Пусть рабочий день без повышения заработной платы будет удлинен до 15 часов; благодаря этому вся вновь произведенная 20 рабочими стоимость повысится с 40 до 60 ($10 : 15 = 40 : 60$); так как v , уплаченная заработная плата, остается прежняя, то прибавочная стоимость с 20 повышается до 40, и мы получаем:

$$80_c + 20_v + 40_m; \quad m' = 200\%, \quad p' = 40\%.$$

Если, с другой стороны, при десятичасовом труде заработная плата с 20 упадет до 12, то мы будем иметь так же, как и вначале, всю вновь созданную стоимость в 40, но теперь она будет делиться по-иному: v понижается до 12, а m будет равна остатку в 28. Следовательно, мы получаем:

$$80_c + 12_v + 28_m; \quad m' = 233\frac{1}{3}\%; \quad p' = \frac{28}{92} = 30\frac{10}{23}\%.$$

Итак, мы видим, что как удлинение рабочего дня (или соответственное повышение интенсивности труда), так и понижение заработной платы повышает массу, а потому и норму прибавочной сто-

имости; наоборот, повышение заработной платы при прочих равных условиях понизило бы норму прибавочной стоимости. Если, следовательно, v возрастает вследствие повышения заработной платы, то это служит выражением не увеличения, а только более дорогой оплаты известного количества труда; m' и p' не повышаются, а понижаются.

Уже здесь видно, что изменения в рабочем дне, интенсивности труда и заработной плате не могут не вызывать одновременного изменения v и m и отношения между ними, а потому и p' , отношения m к $c + v$, ко всему капиталу; и точно так же ясно, что изменения отношения m к v тоже предполагают изменения по меньшей мере в одном из упомянутых трех условий труда.

В этом обнаруживается как раз особое органическое отношение переменного капитала к движению всего капитала и увеличению его стоимости, равно как и его отличие от постоянного капитала. Постоянный капитал, поскольку дело касается образования стоимости, важен лишь благодаря той стоимости, которой он обладает; причем для образования стоимости совершенно безразлично, представляет ли постоянный капитал в 1 500 ф. ст. 1 500 тонн железа, скажем, по 1 ф. ст., или 500 тонн железа по 3 фунта стерлингов. Количество действительного вещества, в котором представлена стоимость постоянного капитала, совершенно безразлично для образования стоимости и для нормы прибыли, которая изменяется в обратном направлении с этой стоимостью, т. е. совершенно безразлично, в каком отношении находится увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала к той массе вещественных потребительных стоимостей, в которой он представлен.

Совершенно иначе обстоит дело с переменным капиталом. Здесь важна в первую очередь не та стоимость, которой он обладает, не тот труд, который овеществлен в нем, а эта стоимость как простой показатель всего труда, который приводится переменным капиталом в движение и который не выражен в переменном капитале; разница между всем этим трудом и трудом, выраженным в самом переменном капитале, а потому трудом оплаченным, или та часть этого труда, которая создает прибавочную стоимость, оказывается как раз тем больше, чем меньше труд, содержащийся в самом переменном капитале. Пусть рабочий день в 10 часов равен десяти шиллингам или десяти маркам. Если необходимый труд, возмещающий заработную плату, а следовательно переменный капитал, = 5 часам = 5 шилл., то прибавочный труд = 5 часам и прибавочная стоимость = 5 шиллингам; если необходимый труд = 4 часам = 4 шилл., то прибавочный труд = 6 часам и прибавочная стоимость = 6 шиллингам.

Итак, как только величина стоимости переменного капитала перестает быть показателем массы труда, приводимой им в движение, и, более того, изменяется сама мера этого показателя, то вме-

сте с тем изменяется в противоположном направлении и в обратном отношении норма прибавочной стоимости.

Теперь мы переходим к тому, чтобы применить к различным возможным случаям приведенное выше уравнение нормы прибыли $p' = m' \frac{v}{K}$. Мы будем изменять значение одного за другим отдельных факторов $m' \frac{v}{K}$ и устанавливать влияние этих изменений на норму прибыли. Таким образом мы получим различные ряды случаев, в которых мы можем видеть или последовательные изменения условий действия одного и того же капитала или же различные одновременно существующие один возле другого и привлекаемые для сравнения капиталы в различных отраслях промышленности или в различных странах. Поэтому, если понимание некоторых наших примеров, как последовательных во времени состояний одного и того же капитала, покажется натянутым или практически невозможным, то это возражение отпадает, когда будем сравнивать независимые капиталы.

Итак, мы выделяем в произведении $m' \frac{v}{K}$ оба его множителя, m' и $\frac{v}{K}$; сначала мы возьмем m' как постоянную величину и исследуем влияние возможных изменений $\frac{v}{K}$; потом мы предположим, что дробь $\frac{v}{K}$ есть постоянная величина, и заставим m' претерпеть возможные изменения; наконец, мы предположим, что все факторы изменяются, и этим исчерпаем все случаи, из которых могут быть выведены законы, касающиеся нормы прибыли.

1. m' НЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ, $\frac{v}{K}$ ИЗМЕНЯЕТСЯ

Для этого случая, охватывающего несколько частных случаев, можно составить общую формулу. Если мы имеем два капитала: K и K_1 с соответственными переменными составными частями v и v_1 , с общей для обоих нормой прибавочной стоимости m' и нормами прибыли p' и p'_1 , то

$$p' = m' \frac{v}{K}, \quad p'_1 = m' \frac{v_1}{K_1}.$$

Если мы теперь определим отношение друг к другу K и K_1 , а также v и v_1 , если мы предположим, например, дробь $\frac{K_1}{K} = E$, а дробь $\frac{v_1}{v} = e$, то получим $K_1 = EK$ и $v_1 = ev$. Теперь, подставив в прежнее уравнение полученные таким образом величины для p'_1 , K_1 и v_1 , мы будем иметь:

$$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}.$$

Но из прежних двух уравнений мы можем вывести и еще одну формулу, превратив их в следующую пропорцию:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m' \frac{v_1}{K_1} = \frac{v}{K} : \frac{v_1}{K_1}.$$

Так как величина дроби не изменится, если числитель и знаменатель помножить или разделить на одно и то же число, то мы можем $\frac{v}{K}$ и $\frac{v_1}{K_1}$ свести к процентному отношению, т. е. предположить, чтои K и $K_1 = 100$. Тогда у нас будет $\frac{v}{K} = \frac{v}{100}$ и $\frac{v_1}{K_1} = \frac{v_1}{100}$, и мы можем в приведенной пропорции отбросить знаменатели; мы получаем:

$$p' : p'_1 = v : v_1; \text{ или:}$$

При двух произвольно взятых капиталах, функционирующих с равной нормой прибавочной стоимости, нормы прибыли относятся друг к другу, как переменные части капитала, взятые в процентном отношении к соответствующим совокупным капиталам.

Эти две формулы охватывают все случаи изменений $\frac{v}{K}$.

Прежде чем исследовать эти случаи в отдельности, сделаем еще одно замечание. Так как K представляет сумму s и v , постоянного и переменного капитала, и так как норма прибавочной стоимости, подобно норме прибыли, обыкновенно выражается в процентах, то вообще удобно предполагать сумму $s + v$ тоже равной сотне, т. е. выражать s и v в процентах. Для определения, правда, не массы, а нормы прибыли, безразлично, скажем ли мы: капитал в 15 000, из них 12 000 постоянный и 3 000 переменный капитал, производит прибавочную стоимость в 3 000; или же сведем этот капитал к процентам:

$$15\,000K = 12\,000_c + 3\,000_v (+ 3\,000_m)$$

$$100K = 80_c + 20_v (+ 20_m).$$

В обоих случаях норма прибавочной стоимости $m' = 100\%$, норма прибыли $= 20\%$.

То же самое, когда мы сравниваем друг с другом два капитала, например, с предыдущим капиталом сравниваем такой капитал:

$$12\,000K = 10\,800_c + 1\,200_v (+ 1\,200_m)$$

$$100K = 90_c + 10_v (+ 10_m),$$

здесь в обоих случаях $m' = 100\%$, $p' = 10\%$ и сравнение оказывается много нагляднее в процентной форме.

Напротив, если дело касается изменений, совершающихся с одним и тем же капиталом, то лишь изредка можно воспользоваться процентной формой, потому что она почти всегда стирает эти изменения. Если капитал от процентной формы:

$$80_c + 20_v + 20_m$$

переходит к процентной форме:

$$90_c + 10_v + 10_m,$$

то не видно, возникло ли изменившееся процентное строение $90_c + 10_v$ вследствие абсолютного уменьшения v или вследствие

абсолютного увеличения s , или же вследствие того и другого. Для этого мы должны располагать абсолютными числовыми величинами. Но при изучении последующих отдельных случаев изменений все сводится к тому, каким образом произошли эти изменения: превратились ли $80_c + 20_r$ в $90_c + 10_r$ потому, что, например, $12\ 000_c + 3\ 000_r$ вследствие увеличения постоянного капитала при неизменившемся переменном капитале превратились в $27\ 000_c + 3\ 000_r$ (в процентах $90_c + 10_r$), или же они приняли эту форму вследствие уменьшения переменного капитала при неизменившемся постоянном капитале, т. е. вследствие перехода в $12\ 000_c + 1\ 333\frac{1}{3}_r$ (в процентах тоже $90_c + 10_r$), или, наконец, вследствие изменения обоих слагаемых, например, $13\ 500_c + 1\ 500_r$ (в процентах опять $90_c + 10_r$). Мы должны последовательно рассмотреть как раз все эти случаи, и потому нам приходится отказаться от удобств процентной формы или прибегать к ней лишь во вторую очередь.

1) m' и K не изменяются, v изменяется

Если v изменяет свою величину, K может остаться неизменным лишь потому, что другая составная часть K , именно постоянный капитал s , изменяет свою величину на такую же сумму, как v , но в противоположном направлении. Если K первоначально $= 80_c + 20_v = 100$, а потом v уменьшается до 10, то K может остаться $= 100$ лишь при том условии, если s повышается до 90; $90_c + 10_v = 100$. Вообще говоря, если v превращается в $v \mp d$, в v увеличенное или уменьшенное на d , то, чтобы были удовлетворены условия рассматриваемого случая, s должно превратиться в $s \mp d$, должно измениться на такую же сумму, но в противоположном направлении.

Точно так же при неизменной норме прибавочной стоимости m' , но при меняющейся величине переменного капитала v , масса прибавочной стоимости m должна измениться, так как $m = m'v$, а в m' один множитель, именно v , изменил свою величину.

Предположения нашего случая, наряду с первоначальным уравнением:

$$p' = m' \frac{v}{K},$$

вследствие изменения v дают второе уравнение:

$$p'_1 = m' \frac{v_1}{K},$$

в котором v перешло в v_1 , а p'_1 , измененная вследствие этого норма прибыли, должна быть найдена.

Она определяется соответствующей пропорцией:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m' \frac{v_1}{K} = v : v_1.$$

Или: при неизменной норме прибавочной стоимости и неизменной величине всего капитала, первоначальная норма прибыли относит-

ся к норме прибыли, возникшей вследствие изменения переменного капитала, как первоначальный переменный капитал относится к измененному.

Если капитал был первоначально, как выше:

- I. $15\ 000\ K = 12\ 000_c + 3\ 000_v (+ 3\ 000_m)$, а теперь он:
 II. $15\ 000\ K = 13\ 000_c + 2\ 000_v (+ 2\ 000_m)$, то в обоих случаях $K = 15\ 000$ и $m' = 100\%$, а норма прибыли I, 20% , относится к норме прибыли II, $13\frac{1}{3}\%$, как переменный капитал I, $3\ 000$, к переменному капиталу II, $2\ 000$, следовательно, $20\% : 13\frac{1}{3}\% = 3\ 000 : 2\ 000$.

Переменный капитал может или повыситься или понизиться. Возьмем сначала пример, когда он повышается. Пусть капитал будет первоначально составлен и функционирует следующим образом:

- I. $100_c + 20_v + 10_m; K = 120, m' = 50\%, p' = 8\frac{1}{3}\%$.

Пусть теперь переменный капитал повысится до 30; тогда, согласно предположению, чтобы весь капитал остался по-прежнему $= 120$, постоянный капитал должен понизиться со 100 до 90. Произведенная прибавочная стоимость при той же норме прибавочной стоимости в 50% должна повыситься до 15. Следовательно, мы получаем:

- II. $90_c + 30_v + 15_m; K = 120, m' = 50\%, p' = 12\frac{1}{2}\%$.

Будем сначала исходить из предположения, что заработная плата не изменилась. Тогда другие факторы нормы прибавочной стоимости — рабочий день и интенсивность труда — тоже должны остаться неизменными. Следовательно, увеличение v (с 20 до 30) может иметь только тот смысл, что рабочих применяется больше наполовину. В таком случае и вся вновь произведенная ими стоимость тоже повышается наполовину, с 30 до 45, и делится, как и раньше, — $\frac{2}{3}$ на заработную плату и $\frac{1}{3}$ на прибавочную стоимость. Но одновременно с увеличением числа рабочих понизился постоянный капитал, стоимость средств производства, со 100 до 90. Следовательно, мы имеем перед собой случай уменьшающейся производительности труда, связанный с одновременным уменьшением постоянного капитала; возможен ли экономически этот случай?

В земледелии и добывающей промышленности, где было бы легко понять уменьшение производительности труда, а потому и увеличение числа занятых рабочих, этот процесс — в рамках капиталистического производства и на его базисе — связан не с уменьшением, а с увеличением постоянного капитала. Если бы даже упомянутое уменьшение c было обусловлено простым понижением цены, отдельный капитал лишь при совершенно исключительных обстоятельствах мог бы совершить переход от I к II. Но по отношению

к двум независимым капиталам, которые вложены в различных странах или в различные отрасли земледелия или добывающей промышленности, не было бы ничего удивительного в том, если бы в одном случае применялось больше рабочих (потому и больший переменный капитал), которые работают со средствами производства, меньшими по стоимости или объему, чем в другом случае.

Если же мы отбросим предположение, что заработная плата остается неизменной, и объясним повышение переменного капитала с 20 до 30 увеличением заработной платы наполовину, то перед нами будет совершенно иной случай. То же самое число рабочих, скажем 20 рабочих, и впредь работает с тем же самым или незначительно уменьшившимся количеством средств производства. Если рабочий день остается неизменным, например 10 часов, то вся вновь произведенная стоимость тоже остается неизменной: теперь, как и раньше, она равняется 30. Но эти 30 будут целиком употреблены на то, чтобы возместить авансированный переменный капитал в 30; прибавочная стоимость исчезла бы. Однако было предположено, что норма прибавочной стоимости не изменяется, т. е. как и в I, остается = 50%. Это возможно лишь при том условии, если рабочий день будет увеличен наполовину, т. е. до 15 часов. Тогда 20 рабочих в 15 часов произвели бы новую стоимость в 45, и все условия были бы соблюдены:

$$\text{II. } 90_c + 30_v + 15_m; \quad K = 120, \quad m' = 50\%, \quad p' = 12\frac{1}{2}\%.$$

В этом случае эти 20 рабочих не потребуют средств труда, орудий, машин и т. д. больше, чем в случае I; придется увеличить наполовину только количество сырого материала или вспомогательных материалов. Следовательно, при понижении цен на эти материалы переход от I к II, согласно нашим предположениям, был бы экономически допустим даже для отдельного капитала. И капиталист за свою возможную потерю вследствие обесценения его постоянного капитала был бы по меньшей мере отчасти компенсирован повышением прибыли.

Предположим теперь, что переменный капитал не увеличивается, а уменьшается. В таком случае нам стоит только перевернуть наш прежний пример, взять II как первоначальный капитал и от II перейти к I.

II. $90_c + 30_v + 15_m$ превращается тогда в:

I. $100_c + 20_v + 10_m$, и ясно, что вследствие такой перестановки ничего не изменяется в условиях, регулирующих в обоих случаях нормы прибыли и их взаимное отношение.

Если v с 30 понизится до 20 потому, что при возрастании постоянного капитала будет занято рабочих меньше на $\frac{1}{3}$, то перед нами будет здесь нормальный случай современной промышленности: повышающаяся производительность труда, подчинение большей массы средств производства меньшему числу рабочих.

Что такое движение необходимо связано с одновременно наступающим понижением нормы прибыли, это обнаружится в третьем отделе этой книги.

Но если v с 30 понижается до 20 потому, что прежнее число рабочих занято по более низкой заработной плате, то при неизменности рабочего дня вся вновь произведенная стоимость осталась бы, как и раньше, $= 30_c + 15_m = 45$; так как v понизилось до 20, то прибавочная стоимость повысилась бы до 25, норма прибавочной стоимости — с 50% до 125%, что противоречило бы нашему предположению. Чтобы сохранились условия нашего случая, прибавочная стоимость при норме в 50% должна, напротив, понизиться до 10, следовательно вся вновь произведенная стоимость — с 45 до 30, а это возможно лишь при сокращении рабочего дня на $1/3$. Тогда мы получаем, как раньше:

$$100_c + 20_v + 10_m; \quad m' = 50\%, \quad p' = 8\frac{1}{3}\%.$$

Конечно, нет надобности упоминать о том, что такого сокращения рабочего времени при понижении заработной платы на практике не произошло бы. Впрочем, это пока безразлично. Норма прибыли является функцией многих переменных, и, если мы желаем узнать, как влияют эти переменные на норму прибыли, мы должны по порядку исследовать обособленное влияние каждой из них, независимо от того, допустимо ли экономически такое изолированное влияние по отношению к одному и тому же капиталу или же нет.

2) m' не изменяется, v изменяется, K изменяется вследствие изменения v

Этот случай отличается от предыдущего только степенью. Вместо того чтобы s уменьшалось или увеличивалось настолько, насколько увеличивается или уменьшается v , s остается здесь неизменным. Но при современных условиях крупной промышленности и сельского хозяйства переменный капитал представляет собой относительно лишь небольшую часть всего капитала, и потому уменьшение или возрастание последнего, поскольку оно определяется изменением первого, тоже относительно невелико. Если бы мы опять исходили из капитала:

I. $100_c + 20_v + 10_m$; $K = 120$, $m' = 50\%$, $p' = 8\frac{1}{3}\%$, то он превратился бы, например, в:

II. $100_c + 30_v + 15_m$; $K = 130$, $m' = 50\%$, $p' = 11\frac{7}{13}\%$. Противоположный случай уменьшения переменного капитала опять-таки иллюстрировался бы обратным переходом от II к I.

Экономические условия по существу были бы такие же, как в предыдущем случае, поэтому они не требуют повторного изложения. Переход от I к II предполагает: уменьшение производительности труда наполовину, подчинение 100_c во II потребует наполо-

вину больше труда, чем в I. Этот случай может иметь место в земледелии⁹⁾.

Но в то время как в предыдущем случае весь капитал оставался неизменным потому, что постоянный капитал превращался в переменный или наоборот, здесь при увеличении переменной части происходит связывание дополнительного капитала, при уменьшении переменной части — высвобождение капитала, применявшегося до того времени.

3) m' и v не изменяются, c , а потому и K изменяются

В этом случае уравнение:

$$p' = m' \frac{v}{K} \text{ изменяется в: } p'_1 = m' \frac{v}{K_1}$$

и при соответствующем сокращении множителей на обеих сторонах приводит к пропорции:

$$p'_1 : p' = K : K_1;$$

при равенстве норм прибавочной стоимости и равенстве переменных частей капитала нормы прибыли обратно пропорциональны общей величине капиталов.

Если перед нами, например, три капитала или три различных строения одного и того же капитала:

I. $80_c + 20_v + 20_m; K = 100, m' = 100\%, p' = 20\%;$

II. $100_c + 20_v + 20_m; K = 120, m' = 100\%, p' = 16\frac{2}{3}\%;$

III. $60_c + 20_v + 20_m; K = 80, m' = 100\%, p' = 25\%;$

то получаются такие отношения:

$$20\% : 16\frac{2}{3}\% = 120 : 100 \text{ и } 20\% : 25\% = 80 : 100.$$

Ранее данная общая формула изменений $\frac{v}{K}$ при неизменяющейся m' была такова:

$p'_1 = m' \frac{ev}{EK}$; теперь же она превращается в: $p' = m' \frac{v}{EK}$, так как v не претерпевает изменений, и поэтому множитель $e = \frac{v_1}{v}$ становится здесь = 1.

Так как $m'v = m$, массе прибавочной стоимости, и так как m' и v остаются неизменными, то и m не затрагивается изменением K ; масса прибавочной стоимости остается такой же, как была перед этим изменением.

Если бы c упало до нуля, то p' было бы = m' , норма прибыли была бы равна норме прибавочной стоимости.

Изменение c может возникнуть или вследствие простого изменения стоимости вещественных элементов постоянного капитала,

⁹⁾ Здесь в рукописи стоит: «Исследовать позже, каким образом этот случай связан с земельной рентой». [Ф. Л.]

или вследствие изменения технического строения всего капитала, т. е. вследствие изменения производительности труда в соответствующей отрасли производства. В последнем случае повышение производительности общественного труда, совершающееся с развитием крупной промышленности и сельского хозяйства, обусловило бы то, что переход происходил бы (в только что приведенном примере) в последовательности от III к I и от I к II. То количество труда, которое оплачивается в 20 и производит стоимость в 40, приводило бы в движение сначала массу средств труда стоимостью в 60; при повышении производительности и неизменяющейся стоимости масса приводимых в движение средств труда возросла бы сначала до 80, потом до 100. Обратная последовательность обусловила бы понижение производительности; то же самое количество труда было бы в состоянии привести в движение меньше средств производства, производство сократилось бы, как это может случиться в земледелии, горном деле и т. д.

Экономия на постоянном капитале, с одной стороны, повышает норму прибыли, а с другой — высвобождает капитал, следовательно, имеет важное значение для капиталистов. Позже * мы подробнее исследуем этот вопрос, а также влияние изменения цены элементов постоянного капитала, особенно сырья.

И здесь снова оказывается, что изменение постоянного капитала одинаково действует на норму прибыли, независимо от того, вызвано это изменение увеличением или уменьшением вещественных составных частей с или же простым изменением их стоимости.

4) m' не изменяется, v , e и K меняются

В этом случае остается в силе прежняя общая формула измененной нормы прибыли:

$$p'_i = m' \frac{ev}{EK}$$

Из нее следует, что при неизменной норме прибавочной стоимости:

а) Норма прибыли падает, если E больше, чем e , т. е. если постоянный капитал увеличивается таким образом, что весь капитал возрастает относительно быстрее, чем переменный капитал. Если капитал $80_c + 20_v + 20_m$ по своему строению переходит в $170_c + 30_v + 30_m$, то m' остается = 100%, но $\frac{v}{K}$ падает с $\frac{20}{100}$ до $\frac{30}{200}$, несмотря на то, что увеличились как v , так и K , и норма прибыли соответственно падает с 20% до 15%.

б) Норма прибыли остается неизменной только в том случае, если $e = E$, т. е. если дробь $\frac{v}{K}$ при кажущемся изменении сохраняет прежнюю величину, т. е. если числитель и знаменатель будут помножены или разделены на одно и то же число. $80_c + 20_v + 20_m$

* См. настоящий том, гл. V и VI. *Ред.*

и $160_c + 40_v + 40_m$, очевидно, имеют одну и ту же норму прибыли в 20%, потому что m' остается = 100%, а $\frac{v}{K} = \frac{20}{100} = \frac{40}{200}$ в обоих примерах имеет одно и то же значение.

с) Норма прибыли повышается, если e больше, чем E , т. е. если переменный капитал возрастает относительно быстрее, чем весь капитал. Если $80_c + 20_v + 20_m$ превращается в $120_c + 40_v + 40_m$, то норма прибыли повышается с 20% до 25%, потому что m' не изменилось, а $\frac{v}{K} = \frac{20}{100}$ увеличилось до $\frac{40}{160}$, с $1/5$ до $1/4$.

При изменении v и K в одном направлении мы могли бы представить это изменение величин таким образом, как будто обе они до известной границы изменяются в одном и том же отношении, так что до этой границы $\frac{v}{K}$ остается неизменным. За этой границей стала бы изменяться лишь одна из двух величин, и мы таким образом сведем этот более сложный случай к одному из предыдущих, более простых.

Если, например, $80_c + 20_v + 20_m$ переходит в $100_c + 30_v + 30_m$, то в процессе этого изменения отношение v к c , а потому и к K , будет оставаться неизменным вплоть до тех пор, пока не будет достигнуто $100_c + 25_v + 25_m$. Следовательно, до этих пор и норма прибыли остается прежней. Таким образом в качестве исходного пункта мы можем принять теперь $100_c + 25_v + 25_m$; мы находим, что v увеличилось на 5, до 30_v , а благодаря этому K увеличивается со 125 до 130, и, следовательно, получаем второй случай — случай простого изменения v и вызванного этим изменения K . Норма прибыли, которая первоначально была 20%, вследствие этого присоединения 5_v при прежней норме прибавочной стоимости повышается до $23\frac{1}{3}\%$.

Такое же сведение к более простому случаю может иметь место, если даже v и K изменяются в противоположном направлении. Если бы мы опять исходили, например, из $80_c + 20_v + 20_m$ и постарались бы перейти к форме $110_c + 10_v + 10_m$, то при изменении до $40_c + 10_v + 10_m$ норма прибыли осталась бы прежняя, именно 20%. Вследствие присоединения к этой промежуточной форме 70_c норма прибыли упадет до $8\frac{1}{3}\%$. Следовательно, мы свели этот случай опять-таки к случаю изменения одной-единственной переменной, именно c .

Таким образом одновременное изменение v , c и K не дает никаких новых точек зрения и в конечном счете всегда приводит к случаю, когда изменяется только один фактор.

Даже единственный еще остающийся случай фактически уже исчерпан, именно тот случай, когда v и K численно сохраняют прежнюю величину, но их вещественные элементы претерпевают изменения стоимости, когда, следовательно, v означает изменившееся количество приводимого в движение труда, c — изменившееся количество приводимых в движение средств производства.

Допустим в капитале $80_c + 20_v + 20_m$ 20_v первоначально представляли заработную плату 20 рабочих за 10 часов труда в день. Пусть заработная плата каждого повысится с 1 до $1\frac{1}{4}$. Тогда 20_v оплачивают не 20, а только 16 рабочих. Но если эти 20 за 200 рабочих часов производили стоимость в 40, то эти 16 за 10 часов в день, следовательно, в общей сложности за 160 рабочих часов, произведут стоимость только в 32. За вычетом 20_v на заработную плату от 32 останется тогда всего 12 на прибавочную стоимость; норма прибавочной стоимости понизилась бы со 100% до 60%. Но так как, согласно предположению, норма прибавочной стоимости должна остаться неизменной, то рабочий день должен быть удлиннен на $\frac{1}{4}$, с 10 до $12\frac{1}{2}$ часов; если 20 рабочих за 10 часов в день = 200 часам труда производят стоимость в 40, то 16 рабочих за $12\frac{1}{2}$ часов в день = 200 часам труда произведут такую же стоимость, и капитал $80_c + 20_v$ произведет, как и раньше, прибавочную стоимость в 20.

Наоборот: если заработная плата понижается таким образом, что 20_v составляют заработную плату 30 рабочих, то m' может остаться неизменным лишь при том условии, если рабочий день будет сокращен с 10 до $6\frac{2}{3}$ часов. $20 \times 10 = 30 \times 6\frac{2}{3} = 200$ рабочим часам.

Насколько при таких противоположных предположениях s , в денежном выражении его стоимости, может остаться неизменным, хотя оно представляет количество средств производства, изменившееся соответственно изменившимся отношениям, это по существу уже рассмотрено выше. В своем чистом виде этот случай возможен лишь как совершенно исключительный.

Что касается такого изменения стоимости элементов s , которое увеличивает или уменьшает их массу, но оставляет неизменной сумму стоимости s , то, пока оно не влечет за собой изменения величины v , оно не затрагивает ни нормы прибыли, ни нормы прибавочной стоимости.

Таким образом мы исчерпали в нашем уравнении все возможные случаи изменения v , s и K . Мы видели, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли может понижаться, оставаться неизменной или возрастать, так как самого незначительного изменения в отношении v к s , соответственно к K , достаточно для того, чтобы изменить и норму прибыли.

Далее, оказалось, что при изменении v всегда достигается граница, когда неизменяемость m' становится экономически невозможной. Так как всякое одностороннее изменение s тоже должно дойти до границы, когда v не может более оставаться неизменным, то оказывается, что для всех возможных изменений $\frac{v}{K}$ существуют границы, за которыми m' тоже должна сделаться изменяющейся. Это взаимодействие различных переменных нашего уравнения еще яснее выступит при исследовании изменений m' , к чему мы теперь и переходим.

II. m' ИЗМЕНЯЕТСЯ

Общая формула норм прибыли при различных нормах прибавочной стоимости — безразлично, остается ли $\frac{v}{K}$ неизменным или, в свою очередь, изменяется, — получится, если уравнение:

$$p' = m' \frac{v}{K}$$

мы превратим в другое:

$$p'_1 = m'_1 \frac{v_1}{K_1},$$

где p'_1 , m'_1 , v_1 и K_1 означают изменившиеся величины p' , m' , v и K . Мы тогда получаем:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m'_1 \frac{v_1}{K_1},$$

а отсюда:

$$p'_1 = \frac{m'_1}{m'} \times \frac{v_1}{v} \times \frac{K}{K_1} \times p'.$$

1) m' изменяется, $\frac{v}{K}$ не изменяется

В этом случае мы имеем уравнения:

$$p' = m' \frac{v}{K}; \quad p'_1 = m'_1 \frac{v}{K},$$

в которых $\frac{v}{K}$ равны между собой. Поэтому получается такое отношение:

$$p' : p'_1 = m' : m'_1.$$

Нормы прибыли двух капиталов одинакового строения относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости у обоих этих капиталов. Так как в дроби $\frac{v}{K}$ важны не абсолютные величины v и K , а лишь отношение между ними, то это относится ко всем капиталам одинакового строения, какова бы ни была их абсолютная величина.

$$\begin{aligned} 80_c + 20_v + 20_m; K = 100, m' = 100\%, p' = 20\% \\ 160_c + 40_v + 20_m; K = 200, m' = 50\%, p' = 10\% \\ 100\% : 50\% = 20\% : 10\%. \end{aligned}$$

Если абсолютные величины v и K в обоих случаях одинаковы, то нормы прибыли относятся друг к другу, кроме того, как массы прибавочной стоимости:

$$p' : p'_1 = m'v : m'_1v = m : m_1.$$

Например:

$$\begin{aligned} 80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\% \\ 80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\% \\ 20\% : 10\% = 100 \times 20 : 50 \times 20 = 20_m : 10_m. \end{aligned}$$

Теперь ясно, что у капиталов одинакового строения — одинакового в абсолютных числах или в процентном отношении — нормы прибавочной стоимости могут быть различны лишь в том случае, если различны или заработная плата, или продолжительность рабочего дня, или интенсивность труда. В трех случаях:

- I. $80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$,
- II. $80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\%$,
- III. $80_c + 20_v + 40_m; m' = 200\%, p' = 40\%$,

вся вновь произведенная стоимость составляет в I — 30 ($20_v + 10_m$), во II — 40, в III — 60. Это могло произойти трояким способом.

Во-первых, если заработная плата различна, следовательно, если 20_v в каждом отдельном случае выражают неодинаковое число рабочих. Предположим, что в I заняты 15 рабочих 10 часов при заработной плате в $1\frac{1}{3}$ ф. ст. и что они производят стоимость в 30 ф. ст., из которых 20 ф. ст. возмещают заработную плату, а 10 ф. ст. составляют прибавочную стоимость. Если заработная плата понижается до 1 ф. ст., то может быть занято в течение 10 часов 20 рабочих; тогда они производят стоимость в 40 ф. ст., в том числе 20 ф. ст. на возмещение заработной платы и 20 ф. ст. прибавочной стоимости. Если заработная плата понижается еще больше, до $\frac{2}{3}$ ф. ст., то может быть занято 30 рабочих по 10 часов; производят они стоимость в 60 ф. ст., из которых за вычетом 20 ф. ст. на возмещение заработной платы останется еще 40 ф. ст. прибавочной стоимости.

Этот случай: неизменное в процентном отношении строение капитала, неизменный рабочий день, неизменная интенсивность труда, изменение нормы прибавочной стоимости, вызванное изменением заработной платы, представляет единственный случай, когда оправдывается положение Рикардо:

«Прибыль будет высока или низка в точном соответствии с тем, низка или высока будет заработная плата» («Principles of Political Economy etc.», ch. I, sec. III, p. 18. «Works of D. Ricardo», ed. by MacCulloch, 1852).

Или, *во-вторых*, если интенсивность труда различна. Тогда, например, 20 рабочих при одинаковых средствах труда за 10 рабочих часов в день производят в I случае — 30, во II — 40, в III — 60 штук определенного товара, каждая штука которого, кроме стоимости потребленных на нее средств производства, представляет новую стоимость в 1 фунт стерлингов. Так как в каждом случае 20 штук = 20 ф. ст. возмещают заработную плату, то на прибавочную стоимость остаются в I случае — 10 штук = 10 ф. ст., во II — 20 штук = 20 ф. ст., в III — 40 штук = 40 фунтам стерлингов.

Или, *в-третьих*, если продолжительность рабочего дня различна. Если 20 рабочих при одинаковой интенсивности труда рабо-

тают в I случае девять, во II двенадцать, в III восемнадцать часов в день, то продукты их труда 30 : 40 : 60 относятся друг к другу, как 9 : 12 : 18, и так как заработная плата каждый раз = 20, то на прибавочную стоимость опять остается 10, соответственно 20 и 40.

Итак, на величину нормы прибавочной стоимости, а потому, при неизменности $\frac{v}{K}$, и на норму прибыли повышение или понижение заработной платы действует в обратном направлении, повышение или понижение интенсивности труда и удлинение или сокращение рабочего дня — в том же направлении.

2) m' и v изменяются, K не изменяется

К этому случаю относится пропорция:

$$p' : p'_1 = m' \frac{v}{K} : m'_1 \frac{v_1}{K} = m'v : m'_1 v_1 = m : m_1.$$

Нормы прибыли относятся друг к другу, как соответственные массы прибавочной стоимости.

Изменение нормы прибавочной стоимости при неизменности переменного капитала означает изменение величины и деления вновь произведенной стоимости. Одновременное изменение v и m' тоже всегда предполагает иное деление вновь произведенной стоимости, но не всегда — изменение ее величины. Возможны три случая:

а) v и m изменяются в противоположном направлении, но на одинаковую величину, например:

$$80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$$

$$90_c + 10_v + 20_m; m' = 200\%, p' = 20\%.$$

Вновь произведенная стоимость одинакова в обоих случаях, следовательно, одинаково и количество совершенного труда: $20_c + 10_m = 10_c + 20_m = 30$. Различие заключается только в том, что в первом случае 20 возмещает заработную плату и 10 остается на прибавочную стоимость, между тем как во втором случае заработная плата составляет всего 10, а потому прибавочная стоимость — 20. Это — единственный случай, когда при одновременном изменении v и m число рабочих, интенсивность труда и продолжительность рабочего дня остаются неизменными.

б) Изменение m' и v совершается опять в противоположном направлении, однако не на одну и ту же величину. В таком случае перевес оказывается или на стороне изменения v или на стороне изменения m' .

$$\text{I. } 80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\%$$

$$\text{II. } 72_c + 28_v + 20_m; m' = 71^{3/7}\%, p' = 20\%$$

$$\text{III. } 84_c + 16_v + 20_m; m' = 125\%, p' = 20\%.$$

В I за вновь произведенную стоимость в 40 уплачивается 20, во II за вновь произведенную стоимость в 48 уплачивается 28,

в III за вновь произведенную стоимость в 36 уплачивается 16_v. Как вновь произведенная стоимость, так и заработная плата изменились; но изменение вновь произведенной стоимости означает изменение количества совершенного труда, следовательно, или числа рабочих, или продолжительности труда, или интенсивности труда, или одновременно нескольких из этих трех факторов.

с) Изменение m' и v происходит в одинаковом направлении; в таком случае одно усиливает действие другого.

$$90_c + 10_v + 10_m; m' = 100\%, p' = 10\%$$

$$80_c + 20_v + 30_m; m' = 150\%, p' = 30\%$$

$$92_c + 8_v + 6_m; m' = 75\%, p' = 6\%.$$

И здесь во всех трех случаях вновь произведенная стоимость различна, именно: 20, 50 и 14; и это различие в величине соответствующего каждому случаю количества труда опять сводится к различию числа рабочих, продолжительности труда, интенсивности труда или нескольких, или, соответственно всех, этих факторов.

3) m' , v и K изменяются

Этот случай не дает новых точек зрения и разрешается общей формулой, данной в случае II, когда m' изменяется.

Итак, действие изменений величины нормы прибавочной стоимости на норму прибыли допускает следующие случаи:

1) если $\frac{v}{K}$ остается неизменным, то p' увеличивается или уменьшается в том же отношении, как m' .

$$80_c + 20_v + 20_m; m' = 100\%, p' = 20\%$$

$$80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$$

$$100\% : 50\% = 20\% : 10\%.$$

2) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в одинаковом направлении с m' , т. е. увеличивается или уменьшается, когда увеличивается или уменьшается m' , то p' повышается или понижается в большей степени, чем m' .

$$80_c + 20_v + 10_m; m' = 50\%, p' = 10\%$$

$$70_c + 30_v + 20_m; m' = 66\frac{2}{3}\%, p' = 20\%$$

$$50\% : 66\frac{2}{3}\% < 10\% : 20\%.$$

3) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m' , но относительно слабее, чем m' , то p' повышается или понижается относительно слабее, чем m' .

$$\begin{aligned} 80_c + 20_v + 10_m; m' &= 50\%, p' = 10\% \\ 90_c + 10_v + 15_m; m' &= 150\%, p' = 15\% \\ 50\% : 150\% &> 10\% : 15\%. \end{aligned}$$

4) Если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m' , и относительно сильнее, чем m' , то p' повышается, хотя m' понижается, или p' понижается, хотя m' повышается.

$$\begin{aligned} 80_c + 20_v + 20_m; m' &= 100\%, p' = 20\% \\ 90_c + 10_v + 15_m; m' &= 150\%, p' = 15\%. \end{aligned}$$

m' повысилось со 100% до 150%, p' понизилось с 20% до 15%.

5) Наконец, если $\frac{v}{K}$ изменяется в направлении, противоположном m' , но изменяет свою величину точно в том же отношении, как и m' , p' остается неизменным, хотя m' повышается или понижается.

Только этот последний случай и требует еще некоторого рассмотрения. Как выше, при изменениях $\frac{v}{K}$, мы видели, что одна и та же норма прибавочной стоимости может выражаться в разнообразнейших нормах прибыли, так здесь мы видим, что в основе одной и той же нормы прибыли могут лежать очень различные нормы прибавочной стоимости. Но в то время как при неизменности m' любого изменения в отношении между v и K достаточно для того, чтобы дать различные нормы прибыли, здесь при изменении величины m' требуется строго соответственное обратное изменение величины $\frac{v}{K}$ для того, чтобы норма прибыли осталась прежняя. Для одного и того же капитала или для двух капиталов в одной и той же стране это возможно лишь в очень редких случаях. Возьмем, например, капитал

$$80_c + 20_v + 20_m; K = 100, m' = 100\%, p' = 20\%$$

и предположим, что заработная плата понижается настолько, что теперь на 16_v можно иметь такое же число рабочих, которому раньше уплачивалось 20_v . В таком случае при прочих неизменных условиях высвободится 4_v , и мы получим:

$$80_c + 16_v + 24_m; K = 96, m' = 150\%, p' = 25\%.$$

Теперь для того, чтобы p' было = 20%, как прежде, весь капитал должен был бы возрасти до 120, следовательно, постоянный капитал до 104:

$$104_c + 16_v + 24_m; K = 120, m' = 150\%, p' = 20\%.$$

Но это было бы возможно лишь в том случае, если бы одновременно с понижением заработной платы произошло изменение в производительности труда, которое потребовало бы такого изменения в строении капитала; или же если бы денежная стоимость

постоянного капитала повысилась с 80 до 104; одним словом, — если бы произошло такое случайное совпадение условий, которое бывает лишь в исключительных случаях. В действительности такое изменение m' , которое не предполагает одновременного изменения v , а потому и изменения $\frac{v}{K}$, мыслимо только при вполне определенных обстоятельствах, именно в таких отраслях промышленности, в которых применяется только основной капитал и труд, а предмет труда дается природой.

Но при сравнении норм прибыли в двух странах дело обстоит иначе. Одна и та же норма прибыли здесь служит в действительности выражением по большей части различных норм прибавочной стоимости.

Итак, из всех пяти случаев вытекает, что повышающаяся норма прибыли может соответствовать понижающейся или повышающейся норме прибавочной стоимости, понижающаяся норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости, неизменная норма прибыли — повышающейся или понижающейся норме прибавочной стоимости. Что повышающаяся, понижающаяся или неизменная норма прибыли тоже может соответствовать неизменяющейся норме прибавочной стоимости, это мы видели в случае I.

Итак, норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала. Влияние этих двух факторов можно кратко резюмировать следующим образом, причем строение мы можем выражать в процентах, так как здесь безразлично, от какой из двух частей капитала исходит изменение.

Нормы прибыли двух капиталов или одного и того же капитала в двух последовательных различных состояниях

равны:

1) При одинаковом в процентном отношении строении капиталов и одинаковой норме прибавочной стоимости.

2) При неодинаковом в процентном отношении строении капиталов и неодинаковой норме прибавочной стоимости, если равны произведения норм прибавочной стоимости на выраженные в процентах переменные части капиталов (произведения m' на v), т. е. если равны массы прибавочной стоимости, рассчитанные в процентах ко всему капиталу ($m = m'v$), другими словами, если в обоих случаях множители m' и v стоят в обратном отношении друг к другу.

Они не равны:

1) При равном в процентном отношении строении капиталов, если нормы прибавочной стоимости не равны; при этом нормы относятся друг к другу, как нормы прибавочной стоимости.

2) При равной норме прибавочной стоимости и неравном в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как переменные части капиталов.

3) При неодинаковой норме прибавочной стоимости и неодинаковом в процентном отношении строении, причем они относятся друг к другу, как произведения mv , т. е. как массы прибавочной стоимости, рассчитанные в процентах ко всему капиталу ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ В рукописи имеются еще очень подробные вычисления разности между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли ($m' - p'$); она отличается разнообразными любопытными особенностями, и ее движение обнаруживает случаи, когда обе нормы удаляются друг от друга или сближаются друг с другом. Это движение можно изобразить и в виде кривых. Я воздерживаюсь от воспроизведения этого материала, так как он менее важен для непосредственных целей настоящей книги. Здесь достаточно будет просто обратить на это внимание тех читателей, которые захотят изучить данный вопрос более глубоко. — Ф. Э.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЛИЯНИЕ ОБОРОТА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

{Влияние оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, было рассмотрено во второй книге. Вкратце его можно резюмировать в следующих положениях: так как для оборота требуется время известной продолжительности, на производство не может быть употреблен одновременно весь капитал, следовательно, часть капитала постоянно должна бездействовать, — в форме ли денежного капитала, запасного ли сырья, готового, но еще не проданного товарного капитала, или долговых требований, для которых еще не наступил срок; капитал, действующий в активном производстве, т. е. в процессе создания и присвоения прибавочной стоимости, постоянно уменьшается на эту часть и в том же самом отношении постоянно сокращается производимая и присваиваемая прибавочная стоимость. Чем короче время оборота, тем меньше по сравнению со всем капиталом эта бездействующая часть капитала; и, следовательно, при прочих равных условиях тем больше становится присваиваемая прибавочная стоимость.

Во второй книге подробно показано, как сокращение времени оборота или одного из его двух отрезков — времени производства и времени обращения — повышает массу производимой прибавочной стоимости³⁸. Но так как норма прибыли служит лишь выражением отношения произведенной массы прибавочной стоимости ко всему капиталу, занятому в ее производстве, то ясно, что всякое такое сокращение повышает норму прибыли. То, что раньше, во втором отделе второй книги, сказано относительно прибавочной стоимости, в такой же мере касается и прибыли и нормы прибыли и не нуждается здесь в повторении. Мы намерены отметить лишь несколько главных моментов.

Главным средством сокращения времени производства является повышение производительности труда, что обычно называют прогрессом промышленности. Если этим не будет вызвано одно-

временно значительное увеличение общих затрат капитала вследствие внедрения дорогостоящих машин и т. д. и, следовательно, понижение нормы прибыли, исчисляемой на весь капитал, то последняя должна повыситься. И это определенно имеет место при осуществлении многих новшеств в области металлургии и химической промышленности. Вновь открытые способы производства железа и стали Бессемера, Сименса, Джилкриста — Томаса и др. при сравнительно незначительных издержках сокращают до минимума процессы, в прежнее время чрезвычайно продолжительные. Изготовление ализарина или мареновой краски из каменноугольного дегтя, и притом при помощи фабричных установок, которые уже применялись до этого для изготовления других красок из каменноугольного дегтя, дает в несколько недель такой же результат, для которого раньше нужны были годы; один год требовался для произрастания марены, а потом еще несколько лет корни оставляли для созревания, прежде чем употреблять их на крашение.

Главным средством для сокращения времени обращения является совершенствование путей сообщения. И в этом отношении за последние пятьдесят лет произошла революция, которую можно сравнить только с промышленной революцией последней половины прошлого века. На суше мощные каменные дороги отнесены на задний план железной дорогой, на море медленное и нерегулярное парусное сообщение — быстрым и регулярным пароходным сообщением, и весь земной шар опутан телеграфной проволокой. Суэцкий канал собственно только и открыл Восточную Азию и Австралию для пароходных сообщений. Время обращения для товаров, отправляемых в Восточную Азию, еще в 1847 г. составляло по меньшей мере двенадцать месяцев (см. «Капитал», кн. II, стр. 235³⁹), теперь оно сведено почти к стольким же неделям. Два великих очага кризисов 1825 и 1857 гг., Америка и Индия, вследствие такого переворота в средствах сообщения приблизились к европейским промышленным странам на 70—90% и таким образом утратили большую часть своей способности к взрывам. Время оборота в такой же мере сократилось для всей мировой торговли, и дееспособность занятого в ней капитала повысилась более чем вдвое или втрое. Что это не осталось без влияния на норму прибыли, понятно само собой.

Чтобы представить в чистом виде влияние оборота всего капитала на норму прибыли, мы должны предположить, что все остальные условия для сравниваемых двух капиталов одинаковы. В частности, кроме нормы прибавочной стоимости и рабочего дня, пусть будет одинаково и строение капиталов, выраженное в процентах. Возьмем теперь капитал A строения $80_c + 20_v = 100 K$, совершающий при норме прибавочной стоимости в 100% два оборота в год. В таком случае годовой продукт будет:

$160_c + 40_r + 40_m$. Но для определения нормы прибыли мы исчисляем эти 40_m не к сумме оборота капитальной стоимости в 200, а к авансированной капитальной стоимости в 100 и таким образом получаем $p' = 40\%$.

Сравним с капиталом A капитал $B = 160_c + 40_r = 200 K$ с такой же нормой прибавочной стоимости в 100% , но оборачивающийся лишь один раз в год. Годовой продукт будет такой же, как выше: $160_c + 40_r + 40_m$. Но эти 40_m на этот раз следует исчислять на авансированный капитал в 200, что даст норму прибыли только 20% , т. е. только половину нормы A .

Из этого следует: при капиталах одинакового процентного строения, при одинаковой норме прибавочной стоимости и одинаковом рабочем дне, нормы прибыли двух капиталов обратно пропорциональны времени их оборотов. Если в двух сравниваемых случаях неодинаковы или строение, или норма прибавочной стоимости, или рабочий день, или заработная плата, то этим, конечно, будут вызваны и дальнейшие различия в норме прибыли; но они независимы от оборота и потому здесь не интересуют нас; к тому же они рассмотрены уже в главе III.

Прямое влияние сокращения времени оборота на производство прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, заключается в достигаемом таким способом повышении действенности переменной части капитала, о чем см. «Капитал», кн. II, гл. XVI: «Оборот переменного капитала». Там показано, что переменный капитал в 500, совершающий десять оборотов в год, за это время присваивает столько же прибавочной стоимости, как переменный капитал в 5 000, который при той же норме прибавочной стоимости и той же заработной плате совершает только один оборот в год.

Возьмем капитал I, состоящий из 10 000 основного капитала, годового износа которого составляет $10\% = 1\,000$, 500 постоянного оборотного и 500 переменного капитала. Переменный капитал оборачивается десять раз в год при норме прибавочной стоимости в 100% . Для упрощения предположим во всех следующих примерах, что оборотный постоянный капитал за такое же время совершает такой же оборот, как переменный, что в большинстве случаев и бывает на практике. Тогда продукт одного такого периода оборота будет:

$$100_c (\text{износ}) + 500_c + 500_r + 500_m = 1\,600,$$

а продукт целого года с десятью такими оборотами:

$$1\,000_c (\text{износ}) + 5\,000_c + 5\,000_r + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000, m = 5\,000^{40}, p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45\frac{5}{11}\%.$$

Возьмем теперь капитал II: основной капитал 9 000, его годового износа 1 000, оборотный постоянный капитал 1 000, переменный капитал 1 000, норма прибавочной стоимости 100% , число оборо-

тов переменного капитала в год 5. Следовательно, продукт за каждый период оборота переменного капитала будет таков:

$$200_c(\text{износ}) + 1\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 3\,200,$$

а весь годовой продукт при пяти оборотах:

$$1\,000_c(\text{износ}) + 5\,000_c + 5\,000_v + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000, m = 5\,000, p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45\frac{5}{11}\%.$$

Возьмем, далее, капитал III, в котором нет совсем основного капитала, оборотный же постоянный капитал составляет 6 000 и переменный 5 000. Пусть при норме прибавочной стоимости в 100% он оборачивается один раз в год. В таком случае весь продукт за год будет:

$$6\,000_c + 5\,000_v + 5\,000_m = 16\,000,$$

$$K = 11\,000, m = 5\,000, p' = \frac{5\,000}{11\,000} = 45\frac{5}{11}\%.$$

Следовательно, во всех трех случаях мы получаем одинаковую годовую массу прибавочной стоимости = 5 000, и так как весь капитал во всех трех случаях тоже одинаков, именно = 11 000, то получаем и одинаковую норму прибыли в $45\frac{5}{11}\%$.

Напротив, если бы при капитале I у нас было не 10, а только 5 годовых оборотов переменной части, то дело обстояло бы иначе. Тогда продукт одного оборота был бы:

$$200_c(\text{износ}) + 500_c + 500_v + 500_m = 1\,700.$$

Или годовой продукт:

$$1\,000_c(\text{износ}) + 2\,500_c + 2\,500_v + 2\,500_m = 8\,500,$$

$$K = 11\,000, m = 2\,500, p' = \frac{2\,500}{11\,000} = 22\frac{8}{11}\%.$$

Норма прибыли понизилась наполовину, так как время оборота удвоилось.

Итак, масса прибавочной стоимости, присваиваемая в течение года, равна массе прибавочной стоимости, присваиваемой в течение одного оборота *переменного* капитала, умноженной на число таких оборотов в год. Если мы присваиваемую за год прибавочную стоимость, или прибыль, назовем M , присваиваемую за один оборот прибавочную стоимость — m , число оборотов переменного капитала в год — n , то $M = mn$, и годовая норма прибавочной стоимости $M' = m'n$, как показано уже в «Капитале», кн. II, гл. XVI, I⁴¹.

Само собой разумеется, что формула нормы прибыли $p' = \frac{m'}{K} = m' \frac{v}{c+v}$ верна лишь при том условии, если v числителя равно v знаменателя. В знаменателе v представляет всю ту часть всего капитала, которая в среднем была употреблена как переменный капитал на заработную плату. В числителе v прежде всего определяется только тем, что оно произвело и присвоило извест-

ное количество прибавочной стоимости = m , отношение которой к этому v , $\frac{m}{v}$, есть норма прибавочной стоимости m' . Только таким путем уравнение $p' = \frac{m}{c+v}$ превратилось в другое: $p' = m' \frac{v}{c+v}$. Теперь v числителя должно быть уже равно v знаменателя, т. е. всей переменной части капитала K . Другими словами, уравнение $p' = \frac{m}{K}$ лишь при том условии можно без ошибки превратить в уравнение $p' = m' \frac{v}{c+v}$, если m означает прибавочную стоимость, произведенную за один период оборота переменного капитала. Если m составляет только некоторую часть этой прибавочной стоимости, то хотя $m = m'v$ верно, но это v здесь меньше, чем v в $K = c + v$, потому что оно меньше, чем весь переменный капитал, затраченный на заработную плату. Но если m составляет больше, чем прибавочную стоимость от одного оборота v , то часть этого v или даже все v функционирует дважды: сначала в первом обороте, потом во втором, или, соответственно, во втором и дальнейших оборотах; следовательно, это v , которое производит прибавочную стоимость и представляет собой сумму всей выданной заработной платы, больше чем v в $c + v$, и потому вычисление становится неверным.

Для того чтобы формула годовой нормы прибыли сделалась вполне верной, мы должны вместо простой нормы прибавочной стоимости поставить годовую норму прибавочной стоимости, т. е. вместо m' поставить M' или $m'n$. Другими словами, m' , норму прибавочной стоимости, или, что сводится к тому же, v , переменную часть капитала, заключающуюся в K , мы должны помножить на n , на число оборотов этого переменного капитала в год, и таким образом у нас получится: $p' = m'n \frac{v}{K}$ — формула для вычисления годовой нормы прибыли.

Но какова именно величина переменного капитала в данном предприятии, этого в большинстве случаев не знает и сам капиталист. В восьмой главе второй книги мы видели и в дальнейшем еще увидим, что единственное различие в капитале, которое воспринимает капиталист как существенное, есть различие между основным и оборотным капиталом. Из кассы, в которой хранится часть оборотного капитала, имеющаяся в его распоряжении в денежной форме, — если она не лежит в банке, — он берет деньги на заработную плату, из той же самой кассы он берет деньги на сырье и вспомогательные материалы, и все эти расходы записывает на один и тот же счет. А если бы даже ему пришлось вести особый счет выдаваемой заработной платы, то этот счет в конце года показал бы сумму выплаты, т. е. vn , но не величину самого переменного капитала v . Чтобы выяснить последнюю, капиталисту пришлось бы сделать особый подсчет, пример которого мы сейчас приведем.

Для этого возьмем хлопчатобумажную прядильную фабрику с 10 000 мюльных веретен, описанную в «Капитале», кн. I,

стр. 180—181⁴², и предположим, что данные, относящиеся к одной неделе апреля 1871 г., сохраняют свое значение на целый год. Основной капитал в машинах составляет 10 000 фунтов стерлингов. Оборотный капитал не был указан; предположим, что он составлял 2 500 ф. ст., — довольно высокая цифра, однако оправдываемая тем предположением, которое мы здесь должны сделать, именно — отсутствием кредитных операций, следовательно, постоянного или временного использования чужого капитала. Недельный продукт по своей стоимости состоял из 20 ф. ст. на износ машин, 358 ф. ст. авансированного оборотного постоянного капитала (плата за наем помещения 6 ф. ст., хлопок 342 ф. ст., уголь, газ, масло 10 ф. ст.), 52 ф. ст. затраченного на заработную плату переменного капитала и 80 ф. ст. прибавочной стоимости, следовательно:

$$20_c (\text{износ}) + 358_c + 52_v + 80_m = 510.$$

Итак, еженедельное авансирование оборотного капитала составляло $358_c + 52_v = 410$, и его строение в процентах $= 87,3_c + 12,7_v$. При пересчете на весь оборотный капитал в 2 500 ф. ст. это дает 2 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала. Так как вся затрата на заработную плату составила в год 52×52 ф. ст., следовательно, 2 704 ф. ст., то оказывается, что переменный капитал в 318 ф. ст. обернулся в течение года почти $8\frac{1}{2}$ раз. Норма прибавочной стоимости была $\frac{80}{52} = 153^{11}_{13}\%$. По этим данным мы вычислим норму прибыли, подставив в формулу $p' = m'n \frac{v}{K}$ величины: $m' = 153^{11}_{13}$, $n = 8\frac{1}{2}$, $v = 318$, $K = 12\,500$; итак:

$$p' = 153^{11}_{13} \times 8\frac{1}{2} \times \frac{318}{12\,500} = 33,27\%.$$

Для проверки мы воспользуемся простой формулой $p' = \frac{m}{K}$. Вся прибавочная стоимость, или прибыль, составляет в год 80 ф. ст. $\times 52 = 4\,160$ ф. ст., а это, будучи разделено на весь капитал в 12 500 ф. ст., дает почти столько же, как выше, 33,28%, — чрезвычайно высокую норму прибыли, которая объясняется лишь крайне благоприятными в данный момент условиями (очень низкие цены хлопка наряду с очень высокими ценами пряжи) и которая в действительности несомненно имела место не на протяжении всего года.

В формуле $p' = m'n \frac{v}{K}$, как сказано, $m'n$ представляет собой то, что во второй книге названо годовой нормой прибавочной стоимости⁴³. В приведенном сейчас случае она составляет $153^{11}_{13}\% \times 8\frac{1}{2}$, или, по точному подсчету, $1\,307^9_{13}\%$. Следовательно, если некий Бидерман всплеснул руками перед чудовищностью годовой нормы прибавочной стоимости в 1 000%, приведенной в одном примере во второй книге, то его, быть может, успокоит факт годовой нормы прибавочной стоимости свыше 1 300%, приведенный здесь из действительной практики Манчестера. Во времена наивысшего

процветания, каких мы, правда, уже давно не переживали, такая норма отнюдь не редкость.

Кстати сказать, мы имеем здесь пример действительного строения капитала в современной крупной промышленности. Весь капитал распадается на 12 182 ф. ст. постоянного и 318 ф. ст. переменного капитала, итого 12 500 фунтов стерлингов. Или, в процентах, $97\frac{1}{2}_c + 2\frac{1}{2}_v = 100 K$. Только сороковая доля всего капитала, совершая более восьми оборотов в год, служит для выдачи заработной платы.

Так как, конечно, лишь немногим капиталистам приходит в голову производить такие вычисления применительно к своим собственным предприятиям, то статистика почти совершенно умалчивает об отношении постоянной части всего общественного капитала к переменной части. Только американские цензы дают то, что возможно при современных отношениях: сумму заработной платы, выданной в каждой отрасли предпринимательства, и сумму полученных прибылей. Как ни сомнительны эти данные, — потому что они основываются лишь на непроверяемых сообщениях самих промышленников, — тем не менее они в высшей степени ценны и представляют собой все, что имеется у нас по этому предмету. В Европе мы слишком щепетильны, чтобы требовать подобных разоблачений от наших крупных промышленников. — Ф. Э.]

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭКОНОМИЯ В ПРИМЕНЕНИИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Увеличение абсолютной прибавочной стоимости, или удлинение прибавочного труда, а следовательно и рабочего дня, при неизменной величине переменного капитала, т. е. при том же числе рабочих, получающих номинально ту же заработную плату, — причем безразлично, оплачивается или не оплачивается сверхурочное время, — относительно понижает стоимость постоянного капитала по сравнению со стоимостью всего капитала и стоимостью переменного капитала и повышает благодаря этому норму прибыли, опять-таки независимо от роста массы прибавочной стоимости и от возможного повышения нормы прибавочной стоимости. Размер основной части постоянного капитала — фабричные здания, машины и т. д. — остается неизменным, работают ли с его помощью 16 или 12 часов. Удлинение рабочего дня не требует новых затрат на эту наиболее дорогостоящую часть постоянного капитала. Кроме того, стоимость основного капитала воспроизводится благодаря этому в течение меньшего количества периодов оборота, следовательно, сокращается время, на которое он должен быть авансирован, чтобы извлечь определенную прибыль. Удлинение рабочего дня повышает поэтому прибыль даже в том случае, если сверхурочное время оплачивается, и, в известных границах, даже в том случае, если оно оплачивается выше, чем нормальные рабочие часы. Постоянно растущая при современной промышленной системе необходимость увеличивать основной капитал была поэтому для алчных до прибыли капиталистов главным толчком к удлинению рабочего дня ¹¹⁾.

Иные условия имеют место при постоянном рабочем дне. В этом случае для увеличения массы эксплуатируемого труда (мы здесь отвлекаемся от вычетов из заработной платы или от понижения

¹¹⁾ «Так как на всех фабриках очень значительная сумма основного капитала вложена в строения и машины, то прибыль будет тем больше, чем больше число часов, в течение которых эти машины работают» («Reports of Insp. of Fact., 31st October 1858», p. 8).

заработной платы ниже ее нормального уровня) необходимо увеличить число рабочих, а вместе с тем в известном отношении и массу основного капитала — строений, машин и т. д. Или же, если увеличивается интенсивность труда или повышается производительная сила труда и вообще производится больше относительной прибавочной стоимости, то в отраслях производства, применяющих сырье, растет масса оборотной части постоянного капитала, так как в данный промежуток времени перерабатывается больше сырья и т. п., и, во-вторых, возрастает количество машин, приводимых в движение тем же числом рабочих, следовательно, возрастает и эта часть постоянного капитала. Возрастание прибавочной стоимости сопровождается, таким образом, возрастанием постоянного капитала, возрастающая эксплуатация труда сопровождается вздорожанием тех условий производства, при помощи которых эксплуатируется труд, т. е. сопровождается возрастанием затрат капитала. Таким образом, норма прибыли вследствие этого, с одной стороны, уменьшается, а с другой стороны, повышается.

Целый ряд текущих расходов остается почти или совершенно одинаковым как при более длинном, так и при более коротком рабочем дне. Расходы по надзору меньше при 500 рабочих и 18-часовом дне, чем при 750 рабочих и 12-часовом дне.

«Текущие расходы фабрики при десятичасовом рабочем дне почти такие же, как и при двенадцатичасовом» («Reports of Insp. of Fact., October 1848», p. 37).

Государственные и коммунальные налоги, страхование на случай пожара, жалование различным постоянным служащим, обесценение машин и различные другие расходы фабрики остаются неизменными при длинном или коротком рабочем дне; по мере сокращения производства они возрастают за счет прибыли («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 19).

Продолжительность времени, в течение которого воспроизводится стоимость машин и других составных частей основного капитала, практически определяется не тем временем, в течение которого они просто существуют, а общей продолжительностью того процесса труда, в течение которого они функционируют и используются. Если рабочие вынуждены гнуть спину 18 часов вместо 12, то это составляет три лишних дня в неделю, неделя превращается в полторы недели, два года — в три. Если сверхурочное время не оплачивается, то рабочие сверх нормального прибавочного времени отдают еще даром неделю на каждые две недели, год — на каждые два года труда. Таким образом воспроизводство стоимости машин ускоряется на 50% и занимает лишь $\frac{2}{3}$ того времени, которое было бы необходимо при 12-часовом рабочем дне.

В этом исследовании, точно так же как в исследовании колебаний цены сырого материала (глава VI), мы, чтобы избежать ненужного усложнения вопроса, исходим из предположения, что масса и норма прибавочной стоимости даны.

Как уже было указано при анализе кооперации, разделения труда и роли машин⁴⁴, экономия на условиях производства, характеризующая производство в крупном масштабе, в основном возникает благодаря тому, что эти условия функционируют как условия общественного, общественно-комбинированного труда, следовательно, — как общественные условия труда. Они используются в процессе производства сообща, совокупным рабочим, а не в раздробленной форме массой не связанных между собой рабочих или, в лучшем случае, рабочими, кооперирующимися между собой лишь в ничтожной степени. На крупной фабрике с одним или двумя центральными двигателями издержки на эти двигатели возрастают не в той пропорции, в какой растет количество лошадиных сил двигателей, а следовательно, и возможная сфера их действия; издержки на передаточные механизмы растут не в той пропорции, в какой растет масса рабочих машин, которым они сообщают движение; сам остов рабочей машины удорожается не в той пропорции, в какой увеличивается число орудий, которыми она действует как своими органами, и т. д. Далее, благодаря концентрации средств производства сберегаются издержки на всякого рода постройки, не только на мастерские в собственном смысле слова, но также на складские помещения и т. п. То же самое имеет место по отношению к расходам на отопление, освещение и т. п. Другие условия производства остаются те же самые, независимо от того, много или мало людей используют их.

Но вся эта экономия, вытекающая из концентрации средств производства и их массового применения, предполагает, как свое существенное условие, сосредоточение и совместную деятельность рабочих, т. е. общественное комбинирование труда. Следовательно, она вытекает из общественного характера труда точно так же, как прибавочная стоимость вытекает из прибавочного труда каждого отдельного рабочего, рассматриваемого изолированно. Даже те постоянные усовершенствования, которые здесь возможны и необходимы, возникают всецело и исключительно из общественного опыта и наблюдений, которые делает возможными и доставляет производство, осуществляемое совокупным, комбинированным в крупном масштабе рабочим.

То же самое приходится сказать и о другой крупной области экономии на условиях производства. Мы имеем в виду обратное превращение экскрементов производства, так называемых отходов, в новые элементы производства той же самой или другой отрасли промышленности, — процессы, при помощи которых эти так называемые экскременты снова вводятся в кругооборот производства, а следовательно и потребления — производительного или индивидуального. И эта область сбережений, которой мы впоследствии коснемся несколько подробнее, есть результат общественного труда в крупном масштабе. Только при таком масштабе отходы получают

ся в столь значительных массах, что они сами становятся снова предметом торговли, а следовательно новыми элементами производства. Только как отходы совместного производства, а следовательно производства в крупном масштабе, получают они это значение для производственного процесса, остаются носителями меновой стоимости. Эти отходы — независимо от той роли, которую они выполняют в качестве новых элементов производства — удешевляют в той мере, в какой они могут быть вновь проданы, издержки на сырье, так как к этим издержкам всегда причисляется нормальный отход его, именно то его количество, которое в среднем должно быть потеряно при обработке. Уменьшение издержек на эту часть постоянного капитала повышает *pro tanto* * норму прибыли при данной величине переменного капитала и данной норме прибавочной стоимости.

Раз прибавочная стоимость дана, норма прибыли может быть увеличена только путем уменьшения стоимости постоянного капитала, необходимого для производства товара. Поскольку постоянный капитал входит в производство товаров, постольку приобретает значение не его меновая стоимость, а исключительно его потребительная стоимость. Сколько труда способен впитать в себя лен на прядильной фабрике, зависит не от его стоимости, а от его количества, раз дан уровень производительности труда, т. е. уровень технического развития. Равным образом та помощь, которую машина оказывает, например, трем рабочим, зависит не от ее стоимости, но от ее потребительной стоимости как машины. На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой — хорошая машина может быть дешева.

Возросшая прибыль, которую капиталист получает благодаря тому, например, что хлопок или прядильные машины стали дешевле, является результатом возросшей производительности труда, правда, не в прядильном производстве, а в производстве машин и хлопка. Чтобы опредметить данное количество труда и, следовательно, присвоить данное количество прибавочного труда, требуется теперь меньше затрат на условия труда. Уменьшаются издержки, необходимые для того, чтобы присвоить определенное количество прибавочного труда.

Мы уже говорили о сбережениях, которые получаются в процессе производства благодаря совместному применению средств производства совокупным рабочим, — общественно-комбинированным рабочим. Дальнейшие сбережения в затратах постоянного капитала, вытекающие из сокращения времени обращения (причем существенным материальным моментом является развитие средств сообщения), мы рассмотрим ниже. Но уже здесь должно быть упо-

* — соответственно. *Ред.*

мянута об экономии, получающейся благодаря непрерывному усовершенствованию машин, а именно: 1) благодаря улучшению их материала, например, замене дерева железом; 2) благодаря удешевлению машин вследствие улучшения производства машин вообще; причем, хотя стоимость основной части постоянного капитала с развитием труда в широком масштабе непрерывно возрастает, она возрастает далеко не в той же степени ¹²⁾; 3) благодаря специальным усовершенствованиям, которые удешевляют и делают более эффективной эксплуатацию уже имеющихся машин, как, например, усовершенствование паровых котлов и т. п., о чем некоторые подробности будут даны ниже; 4) благодаря уменьшению количества отходов при усовершенствованных машинах.

Все, что уменьшает изнашивание машин и вообще основного капитала в течение данного периода производства, не только удешевляет отдельный товар в силу того, что каждый отдельный товар воспроизводит в своей цене причитающуюся на его долю часть износа, но и сокращает соответственные затраты капитала на этот период. Ремонтные работы и т. п., поскольку они необходимы, причисляются к первоначальным издержкам на машины. Их уменьшение вследствие большей прочности машин уменьшает *pro tanto* цену последних.

Всякая экономия подобного рода характеризуется опять-таки тем, что в большинстве случаев она возможна лишь при наличии комбинированного рабочего и зачастую может быть осуществлена лишь при работах, организованных в еще более широком масштабе; следовательно, она требует еще более значительного комбинирования рабочих непосредственно в процессе производства.

Но, с другой стороны, развитие производительной силы труда в *одной* отрасли производства, — например, в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., — которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно от успехов естественных наук и их применения, является условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в *других* отраслях промышленности, например, в текстильной промышленности или земледелии. Это само собой понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средство производства в другую отрасль промышленности. Его большая или меньшая дешевизна зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит как продукт; в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар как средство производства, но и условием уменьшения стоимо-

¹²⁾ См. Юр о прогрессе в строительстве фабрик ⁴⁵⁾.

сти постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар, а следовательно условием повышения нормы прибыли.

Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной неуклонным развитием промышленности, состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в *одной* отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в *другой* отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплуатируемого непосредственно самим этим капиталистом. Такое развитие производительной силы в конечном счете всегда сводится к общественному характеру действующего труда, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естественных наук. Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда. Развитие производительной силы труда не в данной отрасли промышленности, а в той, которая доставляет ей средства производства, — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли.

В другом случае повышение нормы прибыли достигается не вследствие экономии на труде, производящем постоянный капитал, а вследствие экономии в применении самого постоянного капитала. Благодаря концентрации рабочих и их кооперации в широком масштабе сберегается постоянный капитал. Одни и те же постройки, приспособления для отопления и освещения и т. п. обходятся относительно дешевле при производстве в крупном, чем при производстве в мелком масштабе. То же самое следует сказать о двигателях и рабочих машинах. Стоимость их, хотя и возрастает абсолютно, относительно падает по сравнению с растущим расширением производства и величиной переменного капитала или массой рабочей силы, приводимой в движение. Экономия, которую данный капитал осуществляет в своей собственной отрасли производства, состоит прежде всего и непосредственно в экономии на труде, т. е. в сокращении оплачиваемого труда своих собственных рабочих; напротив, упомянутая выше экономия сводится к тому, чтобы осуществлять это возможно большее присвоение чужого неоплаченного труда возможно более экономным способом, т. е. с возможно меньшими при данном масштабе производства издержками. Поскольку эта экономия основывается не на упомянутой уже эксплуатации производительности общественного труда, применяемого в производстве постоянного капитала, а на экономии в применении самого постоянного капитала, она создается или непосредственно кооперацией и общественной формой труда в самой данной отрасли производства или производством машин и т. д. в таком мас-

штабе, при котором стоимость их возрастает не в такой степени, как их потребительная стоимость.

Здесь необходимо иметь в виду два момента. Если стоимость $c = 0$, то p' было бы $= m'$ и норма прибыли достигла бы своего максимума. Но, во-вторых: для непосредственной эксплуатации самого труда важна отнюдь не стоимость применяемых средств эксплуатации, будь то основной капитал или сырье и вспомогательные материалы. Поскольку они служат в качестве поглотителей труда, в качестве средств, в которых или при помощи которых опредмечивается труд, а следовательно и прибавочный труд, меновая стоимость машин, строений, сырья и т. п. совершенно не имеет значения. Единственно, что здесь имеет значение, это, с одной стороны, их масса, которая технически необходима для соединения с определенным количеством живого труда, и, с другой стороны, их соответствие поставленной цели, т. е. хорошими должны быть не только машины, но также сырье и вспомогательные материалы. От качества сырья зависит отчасти норма прибыли. Хороший материал дает меньшее количество отходов; следовательно, требуется меньшая масса сырья для впитывания того же самого количества труда. Далее, становится меньше то сопротивление, которое встречает рабочая машина. Отчасти это влияет даже на прибавочную стоимость и норму прибавочной стоимости. При плохом сырье рабочих для переработки того же самого количества затрачивает больше времени; при неизменной заработной плате это приводит к сокращению прибавочного труда. Это оказывает, далее, значительное влияние на воспроизводство и накопление капитала, которое, как было показано в «Капитале», кн. I, стр. 568⁴⁶, зависит больше от производительности, чем от массы применяемого труда.

Отсюда понятно фанатическое стремление капиталистов экономить на средствах производства. Когда ничто не расточается и не пропадает даром, когда средства производства расходуются именно так, как этого требует само производство — такое положение достигается частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся на себя, она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной заработной плате. Этот же фанатизм проявляется, с другой стороны, и в фальсификации элементов производства, что представляет собой главное средство понижения стоимости постоянного капитала по сравнению с переменным и повышения, таким образом, нормы прибыли; как существенный элемент надувательства сюда присоединяется еще продажа этих элементов производства выше их стоимости, поскольку эта стоимость снова появляется в продукте. Этот момент играет решающую роль,

особенно в германской промышленности, основной принцип которой таков: самый лучший способ угодить людям — это сначала послать им хорошие образцы, а затем плохие товары. Впрочем, эти явления, относящиеся к области конкуренции, нас здесь не касаются.

Следует заметить, что такое повышение нормы прибыли, вызываемое уменьшением стоимости, а следовательно и цены постоянного капитала, совершенно не зависит от того, производит ли отрасль промышленности, в которой оно имеет место, предметы роскоши, или жизненные средства, входящие в потребление рабочих, или же средства производства вообще. Последнее обстоятельство может иметь значение лишь постольку, поскольку речь идет о норме прибавочной стоимости, которая существенно зависит от стоимости рабочей силы, т. е. от стоимости обычных жизненных средств рабочих. Но в рассматриваемом случае прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости предполагаются данными. При этих условиях отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу — оно и определяет норму прибыли — зависит исключительно от стоимости постоянного капитала, а отнюдь не от потребительной стоимости элементов, из которых он состоит.

Относительное удешевление средств производства, конечно, не исключает возрастания абсолютной суммы их стоимости, потому что абсолютное количество применяемых средств производства чрезвычайно увеличивается вместе с развитием производительной силы труда и сопровождающим его ростом размеров производства. Экономия в применении постоянного капитала, с какой бы стороны мы ее ни рассматривали, отчасти является результатом исключительно того факта, что средства производства функционируют и потребляются как общие средства производства комбинированного рабочего, так что сама эта экономия оказывается продуктом общественного характера непосредственно производительного труда; отчасти же — результатом развития производительности труда в сферах, которые доставляют капиталу его средства производства; таким образом, если мы будем противопоставлять весь труд всему капиталу, — а не одних только рабочих, занятых капиталистом X , этому капиталисту X , — то эта экономия опять-таки окажется продуктом развития производительных сил общественного труда, и вся разница сведется к тому, что капиталист X извлекает выгоду из производительности труда не только своей собственной мастерской, но также и чужих мастерских. Тем не менее капиталисту экономия на постоянном капитале представляется условием, совершенно чуждым рабочему и абсолютно не касающимся его, условием, к которому рабочий не имеет никакого отношения; между тем для капиталиста всегда совершенно ясно, что рабочему отнюдь не безразлично, много или мало труда покупает капиталист за одни и те же деньги (так как именно в этом

виде представляется в его сознании сделка между капиталистом и рабочим). Эта экономия в применении средств производства, этот метод достигать определенного результата при наименьших затратах, в еще большей степени, чем другие силы, заложенные в труде, представляется силой, присущей капиталу, методом, свойственным капиталистическому способу производства и характеризующим его.

Такой способ представления тем менее может казаться странным, что ему соответствует внешняя видимость фактов и что капиталистическое отношение на самом деле скрывает внутреннюю связь вещей за тем полнейшим безразличием, обособленностью и отчужденностью, в которые оно ставит рабочего по отношению к условиям осуществления его собственного труда.

Во-первых: Средства производства, из которых состоит постоянный капитал, представляют только деньги капиталиста (подобно тому, как, по Ленге, тело римского должника представляло деньги его кредитора⁴⁷⁾) и находятся в известном отношении только к нему, тогда как рабочий, поскольку он приходит с ними в соприкосновение в действительном процессе производства, имеет с ними дело только как с потребительными стоимостями производства, как со средствами труда и материалом труда. Поэтому уменьшение или увеличение этой стоимости так же мало затрагивает отношение рабочего к капиталисту, как, например, то обстоятельство, обрабатывает ли он медь или железо. Впрочем, капиталист предпочитает, как мы покажем впоследствии, рассматривать дело иначе в тех случаях, когда имеет место возрастание стоимости средств производства и вследствие этого уменьшается норма прибыли.

Во-вторых: Поскольку средства производства в процессе капиталистического производства являются в то же время средствами эксплуатации труда, сравнительная дешевизна или дороговизна этих средств эксплуатации столь же безразлична для рабочего, как безразлично для лошади, дорогими или дешевыми удилами и уздой ею управляют.

Наконец, как мы видели раньше⁴⁸⁾, рабочий в действительности относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность, расточение которой нисколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его не принуждали экономить ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, например, в Рочлейде⁴⁹⁾.

Таким образом, едва ли надо говорить, что, поскольку производительность труда в одной отрасли производства проявляется как удешевление и улучшение средств производства в другой и тем по-

вышает норму прибыли, эта всеобщая связь общественного труда выступает как нечто совершенно чуждое рабочим, касается фактически только капиталиста, поскольку только он покупает и присваивает эти средства производства. Тот факт, что он покупает продукт рабочих чужой отрасли производства на продукт рабочих своей собственной отрасли производства и, следовательно, располагает продуктом чужих рабочих лишь постольку, поскольку он безвозмездно присвоил себе продукт своих собственных, — этот факт представляет собой связь, которая благополучно маскируется процессом обращения и т. д.

Сюда присоединяется еще следующее обстоятельство. Так как производство в крупном масштабе развивается впервые в капиталистической форме, то и погоня за прибылью, с одной стороны, а с другой стороны, конкуренция, вынуждающая производить товары как можно дешевле, придают этой экономии в применении постоянного капитала такой вид, как будто она является специфической особенностью капиталистического способа производства и, следовательно, функцией капиталиста.

Капиталистический способ производства усиливает, с одной стороны, развитие производительных сил общественного труда и, с другой стороны, экономию в применении постоянного капитала.

Однако дело не ограничивается этим отношением отчужденности и безразличия, которое устанавливается между рабочим, носителем живого труда, и экономным, т. е. рациональным и бережливым, применением условий его труда. В силу своей противоречивой, антагонистической природы капиталистический способ производства приводит к тому, что расточение жизни и здоровья рабочего, ухудшение условий его существования само причисляется к экономии в применении постоянного капитала и, следовательно, к средствам повышения нормы прибыли.

Так как рабочий большую часть своей жизни отдает процессу производства, то условия процесса производства являются в значительной мере также и условиями его активного жизненного процесса, его условиями жизни, а экономия на этих условиях жизни есть один из методов повышения нормы прибыли, совершенно так же, — что мы видели раньше⁵⁰, — как чрезмерная работа, превращение рабочего в рабочий скот, является методом ускорения самовозрастания стоимости капитала, производства прибавочной стоимости. Эта экономия приводит к переполнению рабочими тесных, нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках, к нагромождению опасных машин в одном и том же помещении и отсутствию приспособлений, предохраняющих от опасности, отсутствию мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. д. Мы уже

не говорим об отсутствии каких-либо приспособлений, которые сделали бы для рабочего процесс производства более человечным, приятным или хотя бы только сносным. С капиталистической точки зрения это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом; точно так же как, с другой стороны, оно, благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли и свойственному ему способу конкуренции, оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причем для общества теряется то, что выигрывают отдельные капиталисты.

Так же как капиталу присуща тенденция при непосредственном применении живого труда сводить его к необходимому труду и путем эксплуатации общественных производительных сил труда постоянно сокращать необходимый для изготовления продукта труд, а следовательно, всячески экономить непосредственно применяемый живой труд, так ему присуща и тенденция — применять этот сведенный к необходимой мере труд при возможно более экономных условиях, т. е. сводить стоимость применяемого постоянного капитала к возможному минимуму. Если стоимость товаров определяется заключающимся в них необходимым рабочим временем, а не рабочим временем, вообще заключающимся в них, то определение это реализуется только капиталом, который в то же время непрерывно сокращает рабочее время, общественно необходимое для производства того или иного товара. Цена товара сводится таким образом к минимуму благодаря тому, что сводится к минимуму каждая часть труда, необходимого для его производства.

Рассматривая экономию в применении постоянного капитала, необходимо иметь в виду следующее различие. Если растет масса, а вместе с тем и сумма стоимости применяемого капитала, то это, прежде всего, означает лишь концентрацию большего количества капитала в одних руках. Но как раз это увеличение применяемой одним владельцем массы капитала, — которой в большинстве случаев соответствует также абсолютно большее, но относительно меньшее количество применяемого труда, — и допускает экономию на постоянном капитале. Для отдельного капиталиста растут размеры необходимых затрат капитала, в особенности основного капитала; но по отношению к массе перерабатываемого материала и эксплуатируемого труда стоимость этих затрат уменьшается.

Мы иллюстрируем это вкратце отдельными примерами. Начнем с конца, — с экономии на условиях производства, поскольку последние представляют собой в то же время условия существования и жизни рабочего.

II. ЭКОНОМИЯ НА УСЛОВИЯХ ТРУДА ЗА СЧЕТ РАБОЧЕГО. ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ САМЫМИ НЕОБХОДИМЫМИ ЗАТРАТАМИ

Каменноугольные копи.

«При конкуренции, господствующей между владельцами каменноугольных шахт... не делается иных затрат, кроме тех, которые необходимы для того, чтобы преодолеть самые очевидные физические трудности; а при конкуренции между рабочими-шахтерами, которых имеется обыкновенно в избытке, рабочие эти охотно подвергают себя значительным опасностям и самым вредным влияниям за плату, лишь немного превышающую заработок соседних деревенских поденщиков, так как работа в шахтах позволяет, кроме того, с выгодой использовать и их детей. Этой двойной конкуренции совершенно достаточно для того... чтобы работы в большинстве копей велись при самом несовершенном способе осушения и вентиляции. Часто в плохо построенных шахтах, с плохими креплениями, неподготовленными машинистами, с плохо проложенными и плохо отстроенными штольнями и откатными путями; разрушение жизни и здоровья, увечья рабочих — таковы результаты, статистика которых представила бы ужасающую картину» («First Report on Children's Employment in Mines and Collieries etc.», 21 April 1841, p. 102).

Около 1860 г. в английских каменноугольных копиях еженедельно погибало в среднем 15 человек. По данным отчета «Coal Mines Accidents» (6 февраля 1862 г.) за 10 лет, 1852—1861 гг., было убито в общей сложности 8 466 человек⁵¹. Число это, однако, гораздо меньше действительного, как указывает и сам отчет, так как в первые годы, когда институт фабричных инспекторов был только что учрежден, а подлежащие их надзору округа были слишком обширны, о многих несчастных и смертных случаях вовсе не заявлялось. Естественная тенденция капиталистической эксплуатации лучше всего обнаруживается именно в том, что несмотря на недостаточное число и незначительную власть фабричных инспекторов количество несчастных случаев сильно уменьшилось с учреждением инспекции, хотя и в настоящее время истребление рабочих совершается еще в очень крупных размерах. Эти человеческие жертвы являются в большинстве случаев результатом гнусной скаредности владельцев копей, которые, например, зачастую делают только один ствол, вследствие чего не только невозможна никакая действительная вентиляция, но невозможен также выход наружу в случае, если этот единственный путь засыпан.

Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и расходов в связи с конкуренцией, относится крайне бережливо к труду, уже осуществленному, овеществленному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле, только ценой колоссального расточения сил отдельного индивидуума обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества. Так как вся экономия,

о которой здесь идет речь, вытекает из общественного характера труда, то фактически именно этот непосредственно общественный характер труда и вызывает это расточение жизни и здоровья рабочего. Характерным в этом отношении является вопрос, поставленный уже фабричным инспектором Р. Бейкером:

«Весь вопрос, заслуживающий серьезных размышлений, состоит в том, каким образом можно лучше всего избежать *обусловленного совместным трудом принесения в жертву детских жизней?*» («Reports of Insp. of Fact., 31 October 1863», p. 157).

Фабрики. Сюда относится отсутствие всех предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих также и на фабриках в собственном смысле этого слова. Отсюда исходит большая часть боевых сводок о раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчеты). Для фабрик характерны также тесные помещения, плохая вентиляция и т. д.

Еще в октябре 1855 г. Леонард Хорнер жаловался на сопротивление, оказываемое значительным числом фабрикантов требованиям закона относительно предохранительных приспособлений к горизонтальным валам, несмотря на то, что опасность постоянно подтверждается все новыми несчастными случаями, часто со смертельным исходом, и что приспособления эти стоят недорого и никоим образом не мешают производству («Reports of Insp. of Fact., October 1855», p. 6). В своем сопротивлении этому и другим положениям закона фабриканты нашли дружескую поддержку со стороны безвозмездно исполняющих обязанности мировых судей, которые, в большинстве случаев сами являясь фабрикантами или друзьями фабрикантов, должны были решать судебные дела подобного рода. Какого сорта приговоры выносились этими господами, видно из слов верховного судьи Кэмпбелла, сказанных им по поводу одного из таких приговоров, поступивших на его рассмотрение по апелляционной жалобе.

«Это не истолкование парламентского акта, а простая его отмена» (там же, стр. 11).

В том же самом отчете Джон Кинкейд рассказывает, что на многих фабриках машины пускают без предварительного предупреждения об этом рабочих. Так как и на остановленной машине всегда найдется какая-нибудь работа, причем руки и пальцы неизбежно приходят в соприкосновение с машиной, то в данном случае вследствие одной только неподачи сигнала постоянно происходят несчастные случаи (там же, стр. 44). Манчестерские фабриканты образовали в то время с целью противодействия фабричному законодательству предпринимательский союз, так называемую Национальную ассоциацию по пересмотру фабричных законов, который в марте 1855 г. в виде взносов по 2 шилл. с лошадиной силы собрал

сумму свыше 50 000 ф. ст., предназначенную для оплаты судебных издержек своих членов в связи с контрпроцессами по поводу обвинений, с которыми выступали фабричные инспектора. Предприниматели старались доказать, что, раз речь идет о прибыли, «killing по murder»⁵². Шотландский фабричный инспектор, сэр Джон Кинкейд, рассказывает, что одна Глазговская фирма снабдила все свои машины на фабрике предохранительными приспособлениями из старого железа, что обошлось ей в 9 ф. ст. 1 шиллинг. Если бы она присоединилась к вышеупомянутому союзу, ей пришлось бы со своих 110 лошадиных сил уплатить 11 ф. ст. взносов, т. е. больше, чем стоили ей все предохранительные приспособления. Однако Национальная ассоциация была основана в 1854 г. с явно выраженной целью противиться закону, предписывающему установление предохранительных приспособлений. В течение 1844—1854 гг. фабриканты не обращали на закон ни малейшего внимания. Фабричные инспектора по предписанию Пальмерстона заявили фабрикантам, что отныне закон будет применяться со всей строгостью. Тотчас же фабриканты основали свою Ассоциацию, многие из членов которой были мировыми судьями и в качестве таковых должны были сами применять закон. В апреле 1855 г. новый министр внутренних дел, сэр Джордж Грей, обратился к фабрикантам с компромиссным предложением, согласно которому правительство обещало удовлетворяться почти исключительно формальным исполнением закона о предохранительных приспособлениях; однако Ассоциация с негодованием отвергла и это предложение. Известный инженер Уильям Фэрберн поставил на карту свою репутацию, выступая в различных процессах экспертом-защитником экономии и поправной свободы капитала. Глава фабричной инспекции Леонард Хорнер подвергался со стороны фабрикантов всякого рода преследованиям и неприятностям.

Фабриканты, однако, не успокоились до тех пор, пока не добились решения суда королевской скамьи⁵³, толкующего закон 1844 г. так, что он не обязывает де устраивать предохранительные приспособления для горизонтальных валов, поднятых над уровнем пола более чем на 7 футов. В 1856 г. им удалось, наконец, при посредстве ханжи Уилсона-Паттена, — одного из тех благочестивых людей, показная религия которых делает их всегда готовыми выполнять любую грязную работу в угоду рыцарям денежного мешка, — провести в парламенте акт, которым они были удовлетворены. Акт этот фактически лишил рабочих всякой специальной защиты, предоставив им при несчастных случаях, причиненных машинами, добиваться компенсации в обычных судах (прямая насмешка при высоких в Англии судебных издержках), между тем, с другой стороны, он при помощи весьма крючкотворных положений о производстве экспертизы почти полностью исключил проигрыш процесса фабрикантами. В результате число несчастных случаев быстро

возросло. За полугодие май — октябрь 1858 г. инспектор Бейкер отметил повышение числа несчастных случаев на 21% по сравнению с предшествующим полугодием. 36,7% всех несчастных случаев, по его мнению, можно было бы предотвратить. Во всяком случае, по сравнению с 1845 и 1846 гг. число несчастных случаев в 1858 и 1859 гг. значительно уменьшилось, а именно на 29%, при увеличении на 20% числа рабочих, работающих в отраслях промышленности, подчиненных надзору фабричной инспекции. В чем же причина этого? К 1865 г. страсти улеглись главным образом благодаря введению новых машин, которые с самого начала делаются с готовыми предохранительными приспособлениями и с которыми фабрикант мирится, так как они не требуют от него добавочных издержек. Кроме того, отдельным рабочим удалось получить по суду крупную компенсацию за потерю рук, причем эти судебные решения были подтверждены даже самой высокой инстанцией («Reports of Insp. of Fact., 30 April 1861», p. 31; также April 1862, p. 17).

Этим мы ограничимся в вопросе об экономии на средствах, предохраняющих жизнь рабочих (среди которых много детей) от опасностей и конечности рабочих от увечий, непосредственно обусловленных работой при машинах.

Работа в закрытых помещениях вообще. Известно, насколько экономия на пространстве, а следовательно на строениях, способствует скученности рабочих в тесных помещениях. Сюда присоединяется экономия на приспособлениях для вентиляции. В связи с продолжительным рабочим временем обе эти причины вызывают сильное увеличение болезней дыхательных органов и, следовательно, повышают смертность. Нижеследующие иллюстрации взяты из отчета «Public Health, 1863, 6th Report»; отчет составлен д-ром Джоном Саймоном, хорошо известным читателю по книге I этой работы⁵⁴.

Комбинирование рабочих и их кооперация — таково условие, допускающее применение машин в широком масштабе, концентрацию средств производства и экономию в их применении; равным образом эта совместная работа масс в закрытых помещениях и при таких условиях, когда решающим является не здоровье рабочих, а более успешное изготовление продукта, — это сосредоточение массы рабочих в одной и той же мастерской является, с одной стороны, источником растущей прибыли капиталистов, с другой же стороны, раз его последствия не компенсируются сокращением рабочего времени и специальными мерами предосторожности, оно является причиной расточения жизни и здоровья рабочих.

Д-р Саймон устанавливает следующее общее правило, доказывая его массовыми статистическими данными:

«В прямом отношении к тому, насколько население данного округа вынуждено прибегать к совместному труду в закрытых помещениях, растет при прочих равных

условиях процент смертности по данному округу вследствие легочных заболеваний» (стр. 23). Причина — плохая вентиляция. «И, по всей вероятности, во всей Англии нет ни одного исключения из того общего правила, что в каждом округе, где имеется значительная промышленность, сосредоточенная в закрытых помещениях, высокая смертность рабочих этой промышленности представляет достаточную величину, чтобы обеспечить во всей статистике смертности по данному округу абсолютное преобладание легочных заболеваний» (стр. 23).

Статистика смертности в отраслях промышленности, в которых работы производятся в закрытых помещениях и которые в 1860 и 1861 гг. подверглись обследованию со стороны санитарного надзора, дает следующие результаты: на то же самое число мужчин 15—55-летнего возраста, на которое в земледельческих округах Англии падает 100 смертных случаев от чахотки и других легочных заболеваний, приходится: в Ковентри — 163 смертных случая от чахотки, в Блэкберне и Скиптоне — 167, в Конглтоне и Бадфорд — 168, в Лестере — 171, в Лике — 182, в Маклсфилде — 184, в Болтоне — 190, в Ноттингеме — 192, в Рочдейле — 193, в Дерби — 198, в Солфорде и Аштоне-андер-Лайн — 203, в Лидсе — 218, в Престоне — 220 и в Манчестере — 263 (стр. 24). Нижеследующая таблица дает еще более разительный пример. Она показывает количество смертных случаев от легочных заболеваний отдельно для обоих полов в возрасте от 15 до 25 лет на каждые 100 000 жителей. Выбор пал на такие округа, в промышленности которых, сосредоточенной в закрытых помещениях, заняты только женщины, тогда как мужчины заняты в самых разнообразных отраслях труда.

Округа	Основная отрасль производства	Число смертных случаев от легочных заболеваний в возрасте 15—25 лет на 100 000 жителей	
		мужчин	женщин
Беркемпстид	Плетение из соломы, работают женщины.....	219	578
Лейтон-Баззард	Плетение из соломы, работают женщины.....	309	554
Ньюпорт-Пагнелл	Плетение кружев женщинами.....	301	617
Тоустер	Плетение кружев женщинами.....	239	577
Йовил	Перчаточное производство, работают преимущественно женщины.....	280	409
Лик	Шелковая промышленность, преобладают женщины.....	437	856
Конглтон	Шелковая промышленность, преобладают женщины.....	566	790
Маклсфилд	Шелковая промышленность, преобладают женщины.....	593	890
Северные округа	Земледелие.....	331	333

В округах с шелковой промышленностью, где участие мужчин в фабричном труде выше, выше также и смертность. Показатели смертности от чахотки и т. п. среди лиц обоего пола вскрывают здесь, как гласит отчет,

«возмутительные (atrocious) санитарные условия на значительной части предприятий нашей шелковой промышленности».

И это как раз та самая шелковая промышленность, фабриканты которой, указывая на исключительно благоприятные санитарные условия своего производства, требовали и отчасти добились исключительно продолжительного рабочего времени для детей моложе 13-летнего возраста (см. «Капитал», кн. I, гл. VIII, 6, стр. 256⁵⁵).

«Пожалуй, ни одна из обследованных до сих пор отраслей промышленности не дает более печальной картины, чем швейное производство, обрисованное с этой стороны д-ром Смитом... «Мастерские», говорит он, «весьма различны в санитарном отношении; но почти все они переполнены, плохо проветриваются и в высшей степени неблагоприятны для здоровья... В таких комнатах, кроме того, неизбежно душно; а когда зажигают газ, как это делается днем во время тумана или зимними вечерами, температура достигает 80 и даже 90 градусов (по Фаренгейту = 27—33° Цельсия), вследствие чего рабочие обливаются потом, оконные стекла отпотевают, вода постоянно струится и каплет с потолка, и рабочие вынуждены держать открытыми несколько окон, хотя они при этом неизбежно простуживаются». Состояние 16 наиболее значительных мастерских в лондонском Уэст-Энде описывается следующим образом: «наибольшая кубатура на одного рабочего в этих плохо проветриваемых комнатах 270 куб. футов, наименьшая 105 футов, в среднем всего лишь 156 футов на человека. В помещении, окруженном со всех сторон галереей и получающем свет только сверху, работают от 92 до 100 человек; горит значительное количество газовых рожков; отхожие места находятся рядом с мастерской; на каждого человека приходится не более 150 куб. футов. В другой мастерской, которая, подобно собачьей конуре, помещается в глубине двора и в которую свет и воздух поступают только через небольшое отверстие в крыше, работают 5 или 6 человек, причем на каждого из них приходится всего 112 куб. футов». И «в этих ужасных (atrocious) мастерских, описанных д-ром Смитом, портные работают обыкновенно 12—13 часов в день, а порой работа продолжается целых 15—16 часов» (стр. 25, 26, 28).

Число лиц различного возраста, заня- тых в соответст- вующих отраслях про- мышленности	Виды занятий, сравни- ваемые с точки зрения влияния их на здоровье	Смертность на 100 000 человек в соответствующих отраслях (по возрастам)					
		25	35 лет	35	45 лет	45	55 лет
958 265	Земледелие в Англии и Уэльсе.....		743		805		1145
22 301 мужчины } 12 377 женщин }	Лондонские портные.....		958		1262		2093
13 803	Лондонские печатники		894		1747		2367

Необходимо отметить — и это действительно отмечено Джоном Саймоном, составителем отчета, заведующим медицинским отделом, — что для лиц в возрасте 25—35 лет приводятся заниженные

цифры смертности среди портных, наборщиков и печатников Лондона, так как в обеих отраслях промышленности лондонские мастера получают из деревни значительное число молодых людей (вероятно, до 30-летнего возраста), работающих в качестве учеников и «improvers», т. е. совершенствующихся в ремесле. Они увеличивают общее число занятых в промышленности, на которое рассчитывается процент смертности промышленного населения Лондона; но число смертей в Лондоне среди них меньше, чем среди других рабочих, так как их пребывание в городе лишь временное; если они заболели в течение этого времени, они возвращаются домой в деревню, где и регистрируется их смерть, когда болезнь имеет смертельный исход. Это в еще большей степени касается более ранних возрастных групп, и потому лондонские цифры смертности для лиц этих групп лишены всякого значения в качестве показателя вредности промышленности для здоровья (стр. 30).

Приблизительно так же, как с портными, обстоит дело с наборщиками, у которых к недостатку вентиляции, отравленному воздуху и т. д. присоединяется еще ночная работа. Их обычное рабочее время продолжается 12—13 часов, иногда 15—16.

«Страшная жара и духота, как только зажгут газ... Нередко случается, что испарения из словолитни или смрад от машины и сточной канавы поднимаются вверх с нижнего этажа и усугубляют недостатки верхнего помещения. Разгоряченный воздух нижних помещений поднимает температуру в верхних уже только нагреванием пола, и если комнаты низки, а газа потребляется много, — это настоящее бедствие. Еще хуже обстоит дело там, где паровые котлы помещаются внизу и наполняют весь дом несносным жаром... В общем можно сказать, что вентиляция сплошь неудовлетворительна и совершенно недостаточна для того, чтобы после захода солнца умерять жару и удалять продукты сгорания газа, и что во многих мастерских, особенно там, где раньше были жилые помещения, санитарные условия в высшей степени достойны осуждения».

В некоторых мастерских, в особенности там, где печатаются еженедельники, работа производится почти без перерыва в течение двух дней и одной ночи, причем здесь также работают подростки 12—16 лет; в других наборных мастерских, выполняющих срочные работы, рабочие не имеют отдыха даже по воскресеньям, и их рабочая неделя составляет 7 дней вместо 6 (стр. 26, 28).

О белошвейках и модистках (milliners and dressmakers) мы говорили уже в «Капитале», кн. I, гл. VIII, 3, стр. 215—217⁵⁶, когда речь шла о чрезмерном труде. Их рабочие помещения в приводимом нами отчете описаны д-ром Ордом. Даже в тех случаях, когда они днем несколько лучше, то в те часы, когда горит газ, в них чрезвычайно жарко, атмосфера испорченная и нездоровая. В 34 более благоустроенных мастерских д-р Орд нашел, что в среднем кубатура на одну работницу была:

«В 4 случаях более 500 футов; в 4 других — от 400 до 500 футов... в 7 — 200—250; в 4 — 150—200 и, наконец, в 9 случаях — только 100—150 куб. футов. Даже самый благоприятный из этих случаев дает содержание воздуха, едва достаточное при продолжительной работе в помещении с несовершенной вентиляцией. Даже

при хорошей вентиляции вечером в мастерских становится очень жарко и душно вследствие того, что требуется значительное число горящих газовых рожков».

А вот замечания д-ра Орда об одной из посещенных им мастерских низшего разряда, где работы ведутся за счет посредника (middleman):

«Комната объемом 1 280 куб. футов; в ней находятся 14 человек; на каждого приходится 91,5 куб. фута. Работницы выглядели здесь переутомленными и измученными. Заработок определяется в 7—15 шилл. в неделю, кроме того чай... Работают от 8 утра до 8 вечера. Маленькая комната, в которой скучены эти 14 человек, плохо проветривается. Имеются два открывающихся окна и камин, который, впрочем, засорен; нет никаких специальных приспособлений для вентиляции» (стр. 27).

В том же самом отчете о чрезмерной работе модисток говорится следующее:

«Чрезмерный труд молодых женщин господствует в фешенебельных модных мастерских только в течение приблизительно 4 месяцев, но он столь чудовищно чрезмерен, что это порой вызывало даже изумление и возмущение публики; в течение этих месяцев в мастерской работают, как правило, 14 полных часов, а при накоплении спешных заказов даже 17—18 часов ежедневно. В остальное время года работы продолжаются, вероятно, 10—14 часов; работающие на дому заняты обыкновенно 12 или 13 часов. В производстве дамского верхнего платья, воротничков, сорочек и т. п. работы в общей мастерской, в том числе и шитье на швейной машине, продолжаются не так долго, обыкновенно не более 10—12 часов»; но, прибавляет д-р Орд, «в некоторых заведениях обычное рабочее время удлиняется в известные периоды сверхурочными работами, оплачиваемыми особо, в других по окончании обычного рабочего дня работу берут с собой на дом, чтобы там закончить ее. Прибавим, что и в той и в другой форме сверхурочные работы зачастую являются принудительными» (стр. 28).

Джон Саймон делает к этой странице следующее примечание:

«Г-н Редклифф, секретарь эпидемиологического общества, которому представлялось особенно много случаев обследовать здоровье работниц в заведениях первого типа, из каждых 20 девушек, которые говорили о себе, что они «совершенно здоровы», нашел здоровой только одну; остальные обнаруживали различную степень упадка сил, нервного истощения и многочисленных обусловленных этим функциональных расстройств. Причинами этого он считает: в первую очередь, чрезмерную продолжительность рабочего дня, которую он определяет даже для спокойного времени года минимум в 12 часов ежедневно; во-вторых, переполнение и плохую вентиляцию мастерских, испорченный газовыми рожками воздух, недостаточное или плохое питание, недостаточную заботу об удобствах помещений».

Д-р Саймон приходит в конце концов к заключению,

«что рабочие практически не могут настоять на выполнении того, что теоретически является их элементарнейшим правом на здоровье, а именно, настоять на выполнении требования, чтобы работодатель, на какую бы работу он их ни назначал, за свой счет устранил, поскольку это от него зависит, все условия, делающие исполнение этой совместной работы без нужды вредным для здоровья... между тем рабочие фактически не в состоянии собственными силами добиться этой санитарной справедливости и, несмотря на предполагаемое намерение законодателя, столь же мало могут рассчитывать на какую-либо действительную поддержку со стороны чиновников, которым вверено проведение в жизнь актов о санитарной охране труда» (стр. 29).— «Несомненно, определение точных границ, в которых предприниматели должны руководствоваться законом, представляет небольшие технические затруднения. Но... в принципе требования, направленные к охране здоровья, имеют всеобщий характер. И в интересах миллионов рабочих и работниц,

жизнь которых теперь без всякой нужды отравляется и сокращается бесконечными физическими страданиями, вызываемыми исключительно характером их работы, я осмеливаюсь высказать надежду, что вообще санитарные условия труда будут везде поставлены под надлежащую защиту законов; необходимо по меньшей мере гарантировать устройство удовлетворительной вентиляции во всех закрытых рабочих помещениях и в каждой отрасли труда, вредной для здоровья по самой своей природе, ограничить, насколько возможно, влияния, особенно вредные для здоровья» (стр. 31).

III. ЭКОНОМИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ, НА ПЕРЕДАЧЕ СИЛЫ И НА ПОСТРОЙКАХ

В своем октябрьском отчете за 1852 г. Л. Хорнер цитирует письмо известного инженера Джемса Несмита из Патрикροфта, изобретателя парового молота; в письме этом, между прочим, говорится ⁵⁷:

«Публика очень мало знакома с тем, какое колоссальное приращение двигательной силы получается вследствие таких изменений системы и усовершенствований» (паровых машин), «как те, о которых я говорю. Сила машин нашего округа» (Ланкашира) «почти в течение 40 лет находилась под гнетом боязливой и полной предрассудков рутины, от которой мы теперь, к счастью, освободились. В течение последних 15 лет, в особенности же за последние 4 года» (следовательно, с 1848 г.), «имели место очень важные изменения в способе использования конденсационных паровых машин... В результате... те же самые машины производят гораздо больше полезной работы при значительно уменьшенном потреблении топлива... В течение очень многих лет после введения паровой силы на фабриках этого округа полагали, что скорость движения поршня конденсационных машин может равняться приблизительно 220 футам в минуту, т. е. машина с 5-футовым ходом поршня была уже заранее ограничена 22 оборотами коленчатого вала в минуту. Считалось нецелесообразным пускать машину быстрее; и так как все механизмы были приспособлены к этой 220-футовой скорости движения поршня, эта малая и бессмысленно ограниченная скорость господствовала во всей промышленности в течение многих лет. Наконец, вследствие ли счастливого неведения установленной нормы или же сознательно по инициативе какого-то смелого новатора, была испробована большая скорость, и, так как результат оказался в высшей степени благоприятным, пример нашел себе подражателей; машине, как тогда выражались, отпустили вожжи, переделав главные колеса передаточного механизма таким образом, что паровая машина могла развивать скорость в 300 футов и более в минуту, в то время как механизмы сохраняли свою прежнюю скорость... Это увеличение скорости паровой машины является теперь всеобщим фактом, так как опыт показал, что при этом не только та же самая машина дает больше полезной силы, но и самое движение вследствие увеличенной инерции махового колеса становится много регулярнее... При неизменном давлении пара и неизменном разрежении в конденсаторе получается больше силы вследствие простого ускорения движения поршня. Если бы удалось, например, паровую машину, развивающую при скорости поршня 200 футов в минуту 40 лошадиных сил, так изменить, чтобы ее поршень при том же давлении пара и разрежении делал 400 футов в минуту, то мы имели бы как раз двойное количество силы; а так как давление пара и разрежение в обоих случаях одинаковы, то напряжение отдельных частей машины, а следовательно, и опасность несчастных случаев при увеличении скорости, не увеличится сколько-нибудь значительно. Вся разница сводится к тому, что теперь количество потребляемого пара увеличивается приблизительно в том же отношении, в каком возрастает скорость движения поршня, и, кроме того, несколько быстрее изнашиваются подшипники, т. е. части машины, подвергающиеся трению, но это едва ли заслуживает упоминания... Но, чтобы от той же самой машины получить больше силы путем ускорения движения поршня, необходимо сжечь больше угля под тем же самым паровым

котлом или применять котел с увеличенной способностью парообразования, одним словом, необходимо получить больше пара. Это и было достигнуто, и котлы с большей способностью парообразования были приспособлены к старым «ускоренным» машинам; благодаря этому последние во многих случаях доставляли работы на 100% больше. В 1842 г. начинает привлекать к себе внимание чрезвычайно дешевый способ производства силы пара в рудниках Корнуэллса; конкуренция в хлопчатобумажной промышленности вынуждала фабрикантов видеть в экономии главный источник их прибыли; значительная разница в потреблении угля, при расчете на один час и одну лошадиную силу, между корнуэллскими и другими машинами, а также чрезвычайная экономия, достигаемая применением двухцилиндровых машин Вулфа, заставили и в нашей местности выдвинуть на первый план вопрос об экономии горючего материала. Корнуэллские машины и машины с двумя цилиндрами Вулфа давали 1 лошадиную силу в течение часа при сжигании от $3\frac{1}{2}$ до 4 фунтов угля, в то время как машины в хлопчатобумажных округах потребляли обыкновенно 8—12 фунтов угля на одну лошадиную силу в течение часа. Столь значительная разница побудила фабрикантов и владельцев машиностроительных заводов нашего округа добиваться со своей стороны этой чрезвычайной экономии, употребляя средства, аналогичные тем, которые вошли уже в обычай в Корнуэлле и во Франции, где высокие цены на уголь заставляли фабрикантов по возможности сокращать эту дорогостоящую статью расходов их предприятия. Это привело к очень важным результатам. Во-первых, многие котлы, половина поверхности которых в доброе старое время высоких прибылей была не защищена от холодного внешнего воздуха, теперь покрывались толстым слоем войлока или кирпича и штукатуркой или другими материалами, благодаря чему затруднилось излучение тепла, полученного с такими издержками. Подобным же образом стали защищать паровые трубы и обшивать войлоком и деревом цилиндры. Во-вторых, стали применять высокое давление. Раньше предохранительный клапан открывался уже при давлении пара в 4, 6 или 8 фунтов на квадратный дюйм; теперь было установлено, что повышение давления до 14 или 20 фунтов... приводит к весьма значительной экономии угля; другими словами, работа на фабрике стала осуществляться при значительно меньшем потреблении угля... Люди, обладающие необходимыми для этого средствами и предприимчивостью, стали применять систему повышенного давления во всей ее полноте и ввели в употребление соответственно построенные паровые котлы, развивавшие давление в 30, 40, 60 и 70 фунтов на квадратный дюйм, — давление, которое инженера старой школы повергло бы в обморочное состояние. Но так как экономические результаты этого повышенного давления пара... очень быстро обнаружались в совершенно осязаемой форме фунтов, шиллингов и пенсов, паровые котлы высокого давления при конденсационных машинах получили почти всеобщее распространение. Те, кто провел реформу радикально, стали применять вулфовские машины; большинство наших недавно построенных фабрик употребляли вулфовские машины, в особенности двухцилиндровые, в одном из цилиндров пар из котла развивает силу вследствие перепада давления над атмосферным и затем, вместо того чтобы выходить наружу после каждого движения поршня, как это делалось прежде, поступает в цилиндр низкого давления, приблизительно в четыре раза более обширный по объему, и, совершив там новое расширение, проводится в конденсатор. Экономия, достигаемая в результате применения таких машин, выражается в том, что здесь работа одной лошадиной силы в течение часа совершается при помощи $3\frac{1}{2}$ —4 фунтов угля, тогда как на машинах старой системы для этого необходимо было от 12 до 14 фунтов. При помощи искусных приспособлений удалось вулфовскую систему двух цилиндров или комбинированной машины высокого и низкого давления применить к существующим машинам более старого типа и таким образом повысить производительность, понижая в то же время потребление угля. Тот же самый результат в течение последних 8—10 лет был достигнут путем соединения машины высокого давления с конденсационной машиной таким образом, чтобы отработанный пар первой переходил во вторую и приводил ее в движение. Эта система во многих случаях оказалась полезной».

«Трудно было бы точно установить, в какой степени увеличилась работа, выполняемая теми из прежних машин, к которым были применены некоторые из указанных выше новых усовершенствований или все эти усовершенствования, вместе взятые. Я, однако, уверен, что на единицу веса паровой машины мы в среднем получаем в настоящее время по крайней мере на 50% больше работы и что во многих случаях та же самая паровая машина, которая в период ограничения скорости 220 футами в минуту давала 50 лошадиных сил, дает их теперь более 100. В высшей степени важные в смысле экономии результаты применения высокого давления при конденсационной машине, а также значительно повышенные требования, предъявляемые к старым машинам с целью расширения предприятия, привели за последние три года к введению трубчатых котлов, благодаря чему опять-таки сильно уменьшились издержки производства пара» («Reports of Insp. of Fact., October 1852», p. 23—27).

Все сказанное выше о двигателях применимо также к передачным механизмам и рабочим машинам.

«Быстрота, с которой совершенствовались машины за последние годы, позволила фабрикантам расширить производство, не увеличивая двигательную силу. Более экономное использование труда стало необходимым вследствие сокращения рабочего дня, и на большинстве хорошо управляемых фабрик постоянно изыскиваются способы расширить производство при меньших затратах. Благодаря любезности одного очень интеллигентного фабриканта моего округа в моем распоряжении имеются данные относительно числа и возраста рабочих, занятых на его фабрике, относительно применяемых там машин и заработной платы, выплаченной за период с 1840 г. до настоящего времени. В октябре 1840 г. на фабрике его фирмы было 600 рабочих, из которых 200 было в возрасте до 13 лет; в октябре 1852 г. — только 350 рабочих, из которых лишь 60 в возрасте до 13 лет. В оба года на фабрике действовало одно и то же число машин, за самыми ничтожными исключениями, и была выплачена та же сумма заработной платы» (отчет Редгрейва в «Reports of Insp. of Fact., October 1852», p. 58—59).

Эти усовершенствования машин обнаруживают все свои результаты лишь тогда, когда они применяются в новых, целесообразно устроенных фабричных зданиях.

«Что касается усовершенствования машин, то я должен отметить, что сделаны крупные успехи прежде всего в постройке фабрик, приспособленных к установке этих новых машин... В нижнем этаже я произвожу трощение всей пряжи, и исключительно там сосредоточены 29 000 тростильных веретен. В одном этом помещении и в пристройке я достигаю экономии труда по крайней мере на 10%, и не столько вследствие усовершенствований в системе самого трощения, сколько благодаря концентрации машин под одним управлением; то же самое количество веретен я могу привести в движение при помощи одного передаточного вала, вследствие чего я, по сравнению с другими фирмами, выгадываю на одном передаточном механизме от 60% до 80%. Кроме того, при этом получается крупная экономия на смазочном масле, жире и т. п. ... Одним словом, при усовершенствованном устройстве фабрики и улучшенных машинах я, по самому скромному подсчету, сократил на 10% труд и, кроме того, добился большой экономии силы, угля, масла, сала, передаточных валов, ремней и т. п.» (показание одного хлопчатобумажного фабриканта, «Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 109, 110).

IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСКРЕМЕНТОВ ПРОИЗВОДСТВА

Вместе с развитием капиталистического способа производства расширяется использование экскрементов производства и потребления. Под первыми мы понимаем отходы промышленности и сель-

ского хозяйства, под последними — частью экскременты, являющиеся результатом естественного обмена веществ у человека, частью ту форму, какую принимают предметы потребления после того, как процесс потребления их закончен. Экскрементами производства являются, таким образом, в химической промышленности побочные продукты, которые не используются при малых размерах производства; железные стружки, образующиеся при производстве машин и снова вступающие в железоделательное производство в качестве сырья, и т. п. Экскременты потребления — это естественные вещества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпья и т. д. Экскременты потребления наиболее важны для сельского хозяйства. В отношении их использования капиталистическое хозяйство отличается колоссальной расточительностью; в Лондоне, например, оно не находит для испражнений $4\frac{1}{2}$ миллиона людей лучшего употребления, кроме как с огромными издержками загрязнять ими Темзу.

Вздорожание сырья служит, конечно, стимулом к использованию отходов.

В общем условия этого вторичного использования таковы: накопление значительных масс экскрементов, которое возможно только при работе в крупном масштабе; усовершенствование машин, благодаря чему вещества, не находившие прежде употребления в данной форме, получают вид, пригодный для применения в новом производстве; успехи наук, в особенности химии, открывающей полезные свойства таких отходов. Правда, и при мелкой грядковой земледельческой культуре, как, например, в Ломбардии, Южном Китае и Японии, тоже достигается крупная экономия этого рода. Однако в общем при этой системе производительность земледелия достигается ценой огромного расточения человеческой рабочей силы, отвлекаемой от других сфер производства.

Так называемые отходы играют значительную роль почти в каждой отрасли промышленности. Так, например, в октябрьском фабричном отчете за 1863 г. указывается на следующее обстоятельство, как на одну из главных причин, вследствие которых фермеры Англии и многих районов Ирландии лишь неохотно и редко занимаются культурой льна:

«Значительные отходы... которые получаются при обработке льна в небольших водяных льночесальнях (scutch mills)... Угары при обработке хлопка сравнительно невелики, при обработке же льна очень значительны. Тщательная постановка работ при мочении и механическом чесании может значительно уменьшить этот ущерб... В Ирландии чесание льна производится зачастую в высшей степени неудовлетворительно, так что 28—30% продукта пропадают даром» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 139, 142).

Все это могло бы быть устранено при употреблении более совершенных машин. Очески получают при этом в таком значительном количестве, что фабричный инспектор говорит:

«Из некоторых чесальных предприятий Ирландии мне сообщают, что рабочие часто забирают с собой домой образовавшиеся отходы и употребляют их в качестве топлива для своих печей, а ведь это весьма ценный материал» (там же, стр. 140).

О хлопковых угарах мы будем говорить ниже, там, где речь пойдет о колебаниях цен на сырье.

В шерстяной промышленности поступали благоразумнее, чем при обработке льна.

«Прежде обычно считалось позорным собирать отходы шерсти и шерстяной лоскут для новой переработки, но предрассудок этот совершенно исчез в связи с *shoddy trade* (производством искусственной шерсти), которое сделалось важной отраслью шерстяной промышленности йоркширского округа; без сомнения, и предприятия, перерабатывающие хлопковые угары, скоро займут то же самое место в качестве отрасли производства, отвечающей общепризнанной потребности. 30 лет назад шерстяной лоскут, т. е. куски ткани из чистой шерсти, оценивался в среднем 4 ф. ст. 4 шилл. за тонну; за последние несколько лет он вздорожал до 44 ф. ст. за тонну. При этом спрос настолько возрос, что используется даже смешанная ткань из шерсти и хлопка, так как найдено средство, которое разъедает хлопок, не повреждая шерсти; и в настоящее время тысячи рабочих заняты изготовлением *shoddy*, от чего потребитель получает крупную выгоду, так как в настоящее время он может купить сукно хорошего среднего качества за очень умеренную цену» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 107).

Изготавливаемая таким образом искусственная шерсть уже к концу 1862 г. составляла одну треть всего потребления шерсти в английской промышленности («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 81). «Крупная выгода» для «потребителя» состоит в том, что его шерстяные платья теперь изнашиваются в три раза скорее, чем прежде, и в шесть раз скорее начинают расползаться по ниткам.

Английская шелковая промышленность двигалась по той же наклонной плоскости. С 1839 по 1862 г. потребление натурального шелка-сырца несколько уменьшилось, в то время как потребление шелковых отходов удвоилось. При помощи усовершенствованных машин стало возможным производить из этого при других условиях довольно малоценного материала шелковую ткань, применимую для различных целей.

Наиболее яркий пример применения отходов дает химическая промышленность. Она потребляет не только свои собственные отходы, находя для них новое применение, но также отходы самых разнообразных других отраслей промышленности и превращает, например, раньше почти бесполезный каменноугольный деготь в анилиновые краски, в ализарин, а за последнее время также в медикаменты.

От этой экономии на отходах производства путем вторичного использования последних следует отличать экономию за счет сокращения самих отходов, т. е. сведение экскрементов производства к минимуму и непосредственное максимальное использование сырья и вспомогательных материалов, входящих в производство.

Экономия на отходах частью обусловлена хорошим качеством применяемых машин. Масло, мыло и т. п. экономятся тем более, чем точнее изготовлены отдельные детали машин и чем лучше они отполированы. Это касается вспомогательных материалов. Отчасти же — и это самое важное — от качества применяемых машин и орудий зависит, больше или меньше сырья в процессе производства превращается в отходы. Наконец, это зависит также от качества самого сырья. Это качество, в свою очередь, зависит частью от уровня развития добывающей промышленности и земледелия, которые производят сырье (от успехов культуры в собственном смысле этого слова), частью от степени развития процессов, которым сырье подвергается до своего поступления в обрабатывающую промышленность.

*Пармантье доказал, что с не очень давних пор, например со времени Людовика XIV, искусство помола зерна значительно усовершенствовалось во Франции, так что современные мельницы по сравнению с прежними могут дать почти наполовину больше хлеба из того же самого количества зерна. В самом деле, годовое потребление парижанина, исчислявшееся прежде в 4 сете зерна, затем в 3, наконец в 2, в настоящее время составляет только $1\frac{1}{3}$ сете, или приблизительно 342 фунта на душу... В Перше, где я долго жил, грубо сколоченные мельницы с жерновами из гранита и трапа в большинстве случаев реконструированы согласно требованиям механики, сделавшей такие крупные успехи за последние 30 лет. Их снабдили хорошими жерновами Ла Ферте, стали перемалывать зерно два раза, ситу придали кругообразное движение, и в результате из того же самого количества зерна получается на $\frac{1}{6}$ больше муки. Таким образом, я легко объясняю себе громадную разницу между ежедневным потреблением зерна у римлян и у нас; причина заключается исключительно в несовершенстве способов перемалывания зерна и приготовления хлеба. В этом также я вижу объяснение того замечательного факта, который приводит Плиний, XVIII, гл. 20, 2... Мука продавалась в Риме, смотря по качеству, по 40, 48 или 96 ассов за модий. Эти цены, чрезвычайно высокие по сравнению с ценами на зерно того времени, объясняются несовершенством мельниц, переживавших тогда свое детство, и вытекающими отсюда значительными издержками на помол» (Dureau de la Malle. «Économie politique des Romains». T. I, Paris, 1840, p. 280—281).

V. ЭКОНОМИЯ, ДОСТИГАЕМАЯ БЛАГОДАРЯ ИЗОБРЕТЕНИЯМ

Этого рода экономия на основном капитале является, как уже сказано, результатом того, что условия труда применяются в крупном масштабе, короче говоря, результатом того, что они служат условиями непосредственно общественного обобщественного труда или непосредственной кооперации в процессе производства. С одной стороны, только при этом условии механические и химические изобретения могут быть применены, не повышая цену товара, а последнее обстоятельство является всегда *conditio sine qua non* *. С другой стороны, только при производстве, организованном в крупном масштабе, становится возможной экономия, вытекающая из того, что производительное потребление осуществляется целыми

* — неизменным условием. *Ред.*

коллективами рабочих. Наконец, только опыт комбинированного рабочего открывает и показывает, где и как надо экономить, как проще всего воспользоваться уже сделанными открытиями, какие практические затруднения приходится преодолевать, следуя требованиям теории, — применяя ее к производственному процессу, и т. д.

Заметим мимоходом, что следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов.

Вышесказанное получает новое подтверждение в неоднократно наблюдавшихся фактах:

1) В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками ее производства в последующем, о чем писали Юр и Баббедж⁵⁸.

2) В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий, возникших на его развалинах, *ex suis ossibus* *. Этот момент настолько значителен, что предприниматели-пионеры в своем большинстве терпят банкротство, и процветают лишь их последователи, которым строения, машины и т. п. достаются по более дешевым ценам. Именно поэтому наибольшую выгоду из всех новых достижений всеобщей работы человеческого ума и их общественного применения, осуществляемого комбинированным трудом, в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала.

* — на его костях. *Ред.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН

1. КОЛЕБАНИЯ ЦЕН СЫРЬЯ, НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ ИХ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

Здесь предполагается, как и раньше, что норма прибавочной стоимости не претерпевает никакого изменения. Эта предпосылка необходима для исследования данного случая в его чистом виде. Представляется, однако, возможным, что при неизменной норме прибавочной стоимости капитал занимает увеличивающееся или уменьшающееся количество рабочих вследствие тех его сокращений или расширений, которые вызываются подлежащими здесь нашему рассмотрению колебаниями цен на сырье. В этом случае масса прибавочной стоимости могла бы изменяться при постоянной норме прибавочной стоимости. Однако мы должны здесь устранить и этот случай. Если усовершенствование машин и изменение цены сырья одновременно влияют на количество занятых данным капиталом рабочих или на величину заработной платы, то следует только сопоставить 1) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения постоянного капитала, и 2) влияние, которое оказывают на норму прибыли изменения заработной платы; итог получается сам собой.

Но здесь, как и в предыдущем случае, необходимо, вообще говоря, иметь в виду следующее. Раз наступают изменения, вследствие ли экономии на постоянном капитале или вследствие колебания цены сырья, они всегда затрагивают норму прибыли, даже в том случае, если они совершенно не изменяют заработной платы, а следовательно, также нормы и массы прибавочной стоимости. В формуле $m' \frac{v}{K}$ они изменяют величину K , а вместе с тем и величину всей дроби. Таким образом здесь, — в отличие от того, что мы видели при рассмотрении прибавочной стоимости, — совершенно безразлично, в каких сферах производства совершаются эти изменения, производят ли затронутые ими отрасли промышленности жизненные средства рабочих или постоянный капитал для производства этих жизненных средств, или нет. Все развиваемые здесь соображения применимы также к тем случаям, когда изменения

происходят в производстве предметов роскоши, причем под производством предметов роскоши подразумевается всякое вообще производство, не являющееся необходимым для воспроизводства рабочей силы.

К сырью причисляются здесь также вспомогательные материалы, как индиго, уголь, газ и т. п. Далее, поскольку к этой рубрике относятся машины, сырье для их собственного производства состоит из железа, дерева, кожи и т. п. На их собственную цену влияет поэтому колебание цен на сырье, входящее в их производство. И, поскольку цена эта повышается вследствие колебания цен сырья, из которого они состоят, или вспомогательных материалов, которые потребляются при их эксплуатации, понижается *pro tanto** и норма прибыли. И наоборот.

В дальнейшем исследовании мы ограничимся колебаниями цен только того сырья, из которого непосредственно производится товар; мы оставим таким образом в стороне сырье, поскольку оно является сырым материалом для производства машин, функционирующих в качестве средств труда, или вспомогательным материалом, потребляемым при их применении. Только одно здесь следует еще отметить: естественное богатство железом, углем, деревом и т. д., вообще главными элементами, необходимыми для производства и применения машин, кажется здесь естественной производительностью самого капитала и является одним из элементов, определяющих норму прибыли, независимо от высокого или низкого уровня заработной платы.

Так как норма прибыли $= \frac{m}{K}$ или $= \frac{m}{c+v}$, то, очевидно, все, что изменяет величину c , а следовательно и K , изменяет в то же время и норму прибыли даже в том случае, если m и v и их взаимное отношение остаются неизменными. Но сырье образует главную составную часть постоянного капитала. Даже в те отрасли промышленности, в которых нет сырья в собственном смысле слова, сырье входит в качестве вспомогательного материала или как составная часть машин и т. п., и таким образом колебания его цен влияют *pro tanto* на норму прибыли. Если цена сырья падает на сумму $= d$, то $\frac{m}{K}$ или $\frac{m}{c+v}$ превращается в $\frac{m}{K-d}$ или $\frac{m}{(c-d)+v}$. Следовательно, норма прибыли повышается. Наоборот, если цена сырья повышается, то $\frac{m}{K}$ или $\frac{m}{c+v}$ превращается в $\frac{m}{K+d}$ или $\frac{m}{(c+d)+v}$, т. е. норма прибыли падает. При прочих равных условиях норма прибыли повышается или понижается, как мы видим, в направлении, обратном движению цены сырья. Отсюда видно, между прочим, насколько важны для промышленных стран низкие цены сырья, даже если колебания цен на сырье не сопровождаются изменениями в сфере сбыта продукта, т. е. если даже совершенно

* — соответственно. *Ред.*

отвлечься от соотношения между спросом и предложением. Отсюда следует далее, что внешняя торговля влияет на норму прибыли даже независимо от всякого воздействия ее на заработную плату путем удешевления необходимых жизненных средств. А именно, она влияет на цены сырья и вспомогательных материалов, применяемых в промышленности или земледелии. Существующее до сих пор совершенно недостаточное понимание природы нормы прибыли и ее специфического отличия от нормы прибавочной стоимости повинно в том, что, с одной стороны, те экономисты, которые подчеркивают установленное практическим опытом значительное влияние цен сырья на норму прибыли, совершенно неверно объясняют это теоретически (Торренс⁵⁹), между тем как, с другой стороны, те экономисты, которые придерживаются общих принципов, как Рикардо⁶⁰, не признают влияния на норму прибыли, например, мировой торговли.

Понятно поэтому, какое большое значение для промышленности представляет отмена или понижение пошлин на сырье; по возможности свободный ввоз сырья был поэтому основным положением рационально построенной протекционистской системы. Наряду с отменой хлебных пошлин⁶¹ это было центральным пунктом для английских фритредеров, которые особенно заботились об отмене пошлин и на хлопок.

Иллюстрацией того значения, которое имеет понижение цены не на собственно сырье, а на вспомогательный материал, являющийся в то же время и главным элементом питания, может послужить потребление муки в хлопчатобумажной промышленности. Уже в 1837 г., по вычислению Р. Х. Грега¹³⁾, действовавшие в то время в хлопчатобумажной промышленности Великобритании 100 000 механических и 250 000 ручных ткацких станков потребляли ежегодно 41 миллион фунтов муки для шлихтования основы. К этому надо присоединить еще одну треть указанного количества на отбелку и другие процессы. Общую стоимость потребляемой таким образом муки он определяет в 342 000 ф. ст. ежегодно за последние 10 лет. Сравнение с ценами муки на континенте показало, что вследствие хлебных пошлин фабриканты вынуждены были переплачивать на одной только муке 170 000 ф. ст. ежегодно. Для 1837 г. Грег оценивает эту переплату по меньшей мере в 200 000 ф. ст. и указывает на одну фирму, которой эта надбавка к цене на муку обходилась ежегодно в 1 000 фунтов стерлингов. Вследствие этого

«крупные фабриканты, скрупулезные и расчетливые дельцы, утверждают, что 10 часов ежедневного труда было бы вполне достаточно, если бы отменили хлебные пошлины» («Reports of Insp. of Fact., October 1848», p. 98).

Хлебные пошлины, а также пошлины на хлопок и другое сырье были отменены; но едва это было достигнуто, как оппозиция

¹³⁾ «The Factory Question and the Ten Hours Bill». By R. H. Greg. London, 1837, p. 115.

фабрикантов биллю о десятичасовом рабочем дне⁶² сделалась более энергичной, чем когда бы то ни было. И когда вслед за тем десятичасовой день на фабриках все-таки стал законом, его первым последствием была попытка всеобщего понижения заработной платы.

Стоимость сырья и вспомогательных материалов сразу и целиком входит в стоимость продукта, на изготовление которого они потребляются, в то время как стоимость элементов основного капитала входит в продукт лишь по мере их изнашивания, следовательно, лишь постепенно. Отсюда следует, что на цену продукта в гораздо большей степени оказывает влияние цена сырья, чем цена основного капитала, хотя норма прибыли определяется общей суммой стоимости вложенного капитала, независимо от того, какая часть его потребляется в данное время. Очевидно, однако, что расширение или сокращение рынка зависит от цены отдельного товара и находится в обратном отношении к повышению или падению этой цены, — впрочем, об этой стороне дела мы упоминаем лишь мимоходом, так как здесь мы все еще предполагаем, что товары продаются по их стоимости, и, следовательно, совершенно отвлекаемся от колебания цен, вызванного конкуренцией. Поэтому в действительности оказывается, что цена готового товара повышается не пропорционально повышению цены сырья и понижается не пропорционально понижению цены сырья. Таким образом в одном случае норма прибыли падает ниже, в другом поднимается выше, чем это имело бы место при продаже товаров по их стоимости.

Далее: масса и стоимость применяемых машин возрастает с развитием производительной силы труда, но не пропорционально росту самой производительной силы, т. е. не пропорционально увеличению количества продукта, доставляемого этими машинами. Таким образом, в тех отраслях промышленности, куда вообще входит сырье, или, другими словами, где предмет труда сам является уже продуктом предшествующего труда, — в этих отраслях промышленности рост производительной силы труда выражается как раз в том отношении, в каком большее количество сырья поглощает данное количество труда, следовательно, в растущей массе сырья, превращаемой в продукт, перерабатываемой в товар в течение, например, одного рабочего часа. Итак, по мере развития производительной силы труда стоимость сырья образует все возрастающую составную часть стоимости товарного продукта, и не только потому, что она целиком входит в эту последнюю, но также потому, что в каждой доле всего продукта обе части, — как часть, соответствующая износу машин, так и часть, создаваемая вновь присоединенным трудом, — уменьшаются. Вследствие этого движения в сторону понижения относительно возрастает другая часть стоимости, образуемая сырьем, если только этот рост не уничтожается соответственным уменьшением стоимости сырья, которое является результатом

растущей производительности труда, применяемого для изготовления самого этого сырья.

Далее, так как сырье и вспомогательные материалы совершенно так же, как и заработная плата, образуют составные части оборотного капитала, то они постоянно должны полностью возмещаться из каждой отдельной продажи продукта, в то время как у машин возмещается только их износ и к тому же сначала в форме резервного фонда; при этом на деле отнюдь не столь существенно — выделяется определенная часть в резервный фонд при каждой отдельной продаже продукта или нет, предполагается только, что из всей годовой выручки производится соответственное годовое отчисление. Таким образом, здесь снова обнаруживается, что повышение цены сырья может урезать или затормозить весь процесс воспроизводства в том случае, если цена, вырученная от продажи товара, недостаточна для возмещения всех элементов товара или если цена эта делает невозможным продолжение процесса производства в размерах, отвечающих его техническому базису, так что в результате или работает только часть машин или же все машины не могут работать обычное полное время.

Наконец, издержки, связанные с образованием отходов, изменяются в прямом отношении к колебаниям цены сырья: растут, если она растет, падают, если она падает. Но и здесь имеется известная граница. Уже в 1850 г. были написаны следующие строки:

«Один из источников значительных потерь, вызываемых повышением цены сырья, обыкновенно ускользает от внимания всякого, кто не является придильщиком-практиком, а именно потери на угарах. Мне сообщают, что при повышении цен хлопка издержки придильщика, в особенности при изготовлении пряжи низших сортов, растут сильнее, чем уплачиваемая надбавка к цене. Угары при придании грубой пряжи достигают более 15%; следовательно, если эта норма при цене хлопка в $3\frac{1}{2}$ пенсов причиняет потерю в $\frac{1}{2}$ пени на 1 фунт, то при возрастании цены хлопка до 7 пенсов на фунт потеря составит уже 1 пенни на фунт» («Reports of Insp. of Fact., April 1850», p. 17).

Но в тот период, когда вследствие Гражданской войны в Америке цена хлопка достигла высоты, неслыханной почти за целое столетие, мы находим в отчете уже нечто совсем иное:

«Цена, которую дают в настоящее время за хлопковые угары, и вторичная переработка этих угаров на фабрике в качестве сырья до известной степени компенсируют ту разницу в потере на угарах, которая получается при употреблении индийского хлопка вместо американского. Разница эта составляет приблизительно $12\frac{1}{2}\%$. Потери при обработке индийского хлопка достигает 25%, так что в действительности хлопок обходится придильщику на $\frac{1}{4}$ дороже, чем он за него платит. Потеря на угарах не играла большой роли, когда американский хлопок стоил 5 или 6 пенсов за фунт, потому что тогда она не превышала $\frac{3}{4}$ пени на фунт; но сейчас, когда фунт хлопка стоит 2 шилл., а следовательно, потеря на угарах составляет 6 пенсов на фунт, она имеет большое значение» ¹⁴⁾ («Reports of Insp. of Fact., October 1863» p. 106).

¹⁴⁾ В заключительной фразе этого отчета допущена ошибка. Потеря на угарах составляет не 6 пенсов, а 3 пенса. Эта потеря достигает 25% при обработке индийского хлопка,

II. ПОВЫШЕНИЕ И ПОНИЖЕНИЕ СТОИМОСТИ КАПИТАЛА, ЕГО ВЫСВОБОЖДЕНИЕ И СВЯЗЫВАНИЕ

Явления, которые мы рассматриваем в этой главе, предполагают для своего полного развития существование кредита и конкуренции на мировом рынке, который вообще является базисом и жизненной атмосферой капиталистического способа производства. Однако эти более конкретные формы капиталистического производства могут быть исследованы исчерпывающим образом лишь после того, как будет выяснена *общая природа капитала*; к тому же такое исследование не входит в план нашей работы и относится к теме, которая могла бы составить ее продолжение. Тем не менее явления, указанные в заголовке, могут быть рассмотрены здесь в общей форме. Они находятся в связи, с одной стороны, между собой, с другой стороны, с нормой и массой прибыли. Они подлежат здесь краткому рассмотрению уже по одной той причине, что ими вызывается иллюзия, будто не только норма, но и масса прибыли, — в действительности тождественная с массой прибавочной стоимости, — может уменьшаться и увеличиваться независимо от движения массы и нормы прибавочной стоимости.

Можно ли рассматривать высвобождение и связывание капитала, с одной стороны, повышение и понижение его стоимости, с другой, как различные явления?

Прежде всего возникает вопрос: что понимаем мы под высвобождением и связыванием капитала? Повышение и понижение стоимости понятны сами собой. Они означают лишь, что вследствие каких-либо общих экономических причин — так как здесь речь идет не об особой судьбе каждого отдельного частного капитала — увеличивается или уменьшается стоимость уже существующего капитала, следовательно, *повышается или падает стоимость капитала*, авансированного на производство, несмотря на ее увеличение тем прибавочным трудом, который применяется этим капиталом.

Под связыванием капитала подразумевается то, что определенные данные части совокупной стоимости продукта должны быть снова превращены в элементы постоянного или переменного капитала, для того чтобы производство могло продолжаться в своих прежних размерах. Под высвобождением капитала мы понимаем то, что часть совокупной стоимости продукта, которая до сих пор должна была превращаться в постоянный или переменный капи-

но она равняется только $12\frac{1}{2}$ — 15% при обработке американского хлопка, о котором здесь идет речь, причем выше, по отношению к цене 5 — 6 пенса, этот же самый процент вычислен правильно. Впрочем, и при употреблении того американского хлопка, который ввозился в Европу в последние годы Гражданской войны, доля угаров зачастую была значительно выше, чем в прежнее время. Ф. Э.

тал, становится свободной и излишней, хотя производство продолжается в прежних размерах. Это высвобождение и связывание капитала отличается от высвобождения и связывания дохода. Если, например, годовая прибавочная стоимость для капитала $K = x$, то вследствие удешевления товаров, входящих в потребление капиталиста, $x - a$ может оказаться достаточным для того, чтобы удовлетворить те же самые потребности, что и раньше. Благодаря этому часть дохода $= a$ высвобождается и может служить или для расширения потребления, или же для обратного превращения в капитал (для накопления). Наоборот, если потребуются $x + a$ для того, чтобы продолжать прежний образ жизни, то или этот последний должен претерпеть ограничение, или часть дохода, равная a и прежде накапливавшаяся, должна быть израсходована теперь в качестве дохода.

Повышение и понижение стоимости может коснуться или постоянного, или переменного капитала, или того и другого одновременно, причем по отношению к постоянному капиталу оно может опять-таки коснуться или основной, или оборотной его части, или обеих вместе.

В составе постоянного капитала следует рассмотреть: сырье и вспомогательные материалы, к которым относятся и полуфабрикаты, — все это мы объединяем под общим названием сырья, — а также машины и прочий основной капитал.

Выше мы уже рассмотрели изменения цены, соответственно стоимости, сырья, их влияние на норму прибыли и установили тот общий закон, что при прочих равных условиях норма прибыли находится в обратном отношении к величине стоимости сырья. Это безусловно верно для капитала, который заново вкладывается в предприятие, т. е. для того случая, когда вложение капитала, превращение денег в производительный капитал, совершается впервые.

Но и помимо этого капитала, составляющего новые вложения, значительная часть капитала, уже функционирующего, находится в сфере обращения, в то время как другая часть его остается в сфере производства. Часть имеется на рынке в виде товара и должна быть превращена в деньги; другая часть существует в виде денег в какой бы то ни было форме и должна быть снова превращена в условия производства; наконец, третья часть находится в сфере производства, частично в первоначальной форме средств производства, сырья, вспомогательных материалов, купленных на рынке полуфабрикатов, машин и прочего основного капитала, частично в виде продукта, еще находящегося в процессе изготовления. Каким образом влияет здесь повышение и понижение стоимости, в значительной степени зависит от соотношения между этими составными частями. Для упрощения вопроса мы оставим пока в стороне весь основной капитал и будем рассматривать лишь ту часть постоянного капита-

ла, которая состоит из сырья и вспомогательных материалов, полуфабрикатов и товаров, или еще только изготавливаемых, или уже находящихся на рынке в готовом виде.

Если повышается цена сырья, например, хлопок, то повышается также цена и хлопчатобумажных товаров — полуфабрикатов, как пряжа, и готовых товаров, как ткань и т. п., — которые изготовлены из более дешевого хлопка; равным образом повышается как стоимость еще не обработанного, находящегося на складе хлопка, так и стоимость того хлопка, который еще только подвергается обработке. Последний, благодаря обратному влиянию изменившихся условий, становится выражением большего рабочего времени, присоединяет к продукту, в который он входит составной частью, большую стоимость, чем та, которой он сам обладал первоначально и которую капиталист заплатил за него.

Таким образом, если при повышении цены сырья на рынке находятся значительные массы готового товара, — на какой бы то ни было ступени обработки, — то повышается стоимость этого товара и вместе с тем происходит повышение стоимости уже существующего капитала. То же самое следует сказать о находящихся в руках производителей запасах сырья и т. п. Это повышение стоимости может компенсировать или более чем компенсировать отдельных капиталистов или даже капиталистов целой отрасли промышленности за падение нормы прибыли, обусловленное повышением цены сырья. Не входя здесь в детали влияния конкуренции, можно, однако, ради полноты отметить, что: 1) если находящиеся на складах запасы сырья значительны, они противодействуют повышению цен, возникающему в самом очаге производства сырья; 2) если находящиеся на рынке полуфабрикаты или готовые товары оказывают очень сильное давление на рынок, то они препятствуют возрастанию цены готовых товаров или полуфабрикатов пропорционально цене их сырья.

Наоборот, при падении цены сырья норма прибыли при прочих равных условиях повышается. Товары, находящиеся на рынке, предметы, обработка которых еще не закончена, запасы сырья обесцениваются, противодействуя тем самым одновременному повышению нормы прибыли.

Чем меньше запасы, находящиеся в сфере производства и на рынке, например, к концу производственного года, ко времени, когда сырье вновь доставляется в большом количестве, — следовательно, для земледельческих продуктов после уборки урожая, — тем в более чистом виде проявляется влияние изменения цен на сырье.

Во всем нашем исследовании мы исходим из предположения, что повышение или понижение цен является выражением действительных колебаний стоимости. Но так как здесь речь идет о том

влиянии, которое колебания цен оказывают на норму прибыли, то источник самих этих колебаний в действительности не имеет значения; развитые здесь выводы остаются справедливыми и в том случае, если цены повышаются и падают не вследствие колебаний стоимости, а вследствие воздействия системы кредита, конкуренции и т. п.

Так как норма прибыли равняется отношению избытка стоимости продукта к стоимости всего авансированного капитала, то повышение нормы прибыли, вызываемое обесценением авансированного капитала, связано с потерей капитальной стоимости точно так же, как понижение нормы прибыли, вызываемое повышением стоимости авансированного капитала, может быть связано с выгрышем капитальной стоимости.

Что касается другой части постоянного капитала, машин и вообще основного капитала, то повышения стоимости, имеющие здесь место, а именно касающиеся построек, капиталовложений в землю и т. п., могут быть исследованы только в связи с учением о земельной ренте и потому не относятся сюда. Однако среди факторов обесценения этой части капитала общее значение имеют следующие.

Прежде всего, постоянные усовершенствования, вследствие которых уже имеющиеся машины, фабричное оборудование и т. д. утрачивают в известной мере свою потребительную стоимость, а следовательно и свою стоимость. Этот процесс действует с особой силой в первый период введения новых машин, когда эти последние не достигли еще достаточной степени зрелости и когда поэтому они сплошь да рядом оказываются устарелыми раньше, чем успеют воспроизвести свою стоимость. Это является одной из причин обычного в такие периоды чрезмерного удлинения рабочего времени, непрерывной работы благодаря системе дневных и ночных смен, имеющей целью в течение возможно более короткого периода воспроизвести стоимость машин, не отчисляя слишком больших сумм на их амортизацию. Если бы короткий период действия машин (сокращенный срок их жизни ввиду вероятных новых усовершенствований) не компенсировался таким образом, то на продукт вследствие морального износа машин переходила бы столь значительная часть их стоимости, что они не могли бы конкурировать даже с ручным трудом ¹⁵⁾.

Если машины, постройки, вообще основной капитал, достигли известной зрелости, так что в течение более или менее продолжительного периода остаются неизменными, по крайней мере в основе своей конструкции, то подобного же рода обесценение происходит

¹⁵⁾ Примеры этого см., между прочим, у Баббеджа ⁶³. Обычное средство — понижение заработной платы — применяется и в данном случае, и таким образом это постоянное обесценение приводит к совершенно иным последствиям, чем это представляется «гармоничной голове» г-на Кэри ⁶⁴.

вследствие усовершенствования методов воспроизводства этого основного капитала. Стоимость машин и т. п. падает теперь не потому, что они быстро вытесняются и до известной степени обесцениваются новыми более производительными машинами, а потому, что они теперь могут быть воспроизведены дешевле. Такова одна из причин того, почему крупное предприятие зачастую процветает лишь во вторых руках, после того как обанкротится его первый владелец, а второй, купив его за дешевую цену, таким образом уже с самого начала приступит к производству с меньшими затратами капитала.

В земледелии особенно бросается в глаза то, что в силу тех же самых причин, которые вызывают повышение или понижение цены продукта, повышается или понижается также и стоимость капитала, так как последний в значительной своей части сам состоит из этого продукта: зерно, скот и т. п. (Рикардо⁶⁵).

Следовало бы сказать еще несколько слов о переменном капитале.

Раз стоимость рабочей силы возрастает вследствие повышения стоимости жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства, или, наоборот, понижается вследствие понижения стоимости этих жизненных средств, — а повышение и понижение стоимости переменного капитала не выражает ничего иного, кроме этих двух случаев, — то при неизменной продолжительности рабочего дня повышению стоимости жизненных средств соответствует падение прибавочной стоимости, понижению их — увеличение прибавочной стоимости. Но с этим в то же время могут быть связаны и другие обстоятельства — высвобождение и связывание капитала, — которые еще не были исследованы и которые мы должны теперь вкратце рассмотреть.

Если заработная плата падает вследствие понижения стоимости рабочей силы (хотя при этом может иметь место даже повышение реальной цены труда), то высвобождается часть капитала, которая до сих пор затрачивалась на заработную плату. Происходит высвобождение переменного капитала. На вновь вкладываемый капитал это оказывает лишь то влияние, что он функционирует с повышенной нормой прибавочной стоимости. Меньшее по сравнению с прежним количество денег приводит в движение то же самое количество труда, и таким образом неоплаченная часть труда увеличивается за счет оплаченной. Но что касается капитала, бывшего до сих пор в деле, то не только повышается норма прибавочной стоимости, но и, кроме того, высвобождается часть капитала, который до того времени расходовался на заработную плату. До сих пор она была связана и непременно должна была отчисляться от выручки за продукт, затрачиваться на заработную плату, функ-

ционировать как переменный капитал, коль скоро предприятие должно продолжаться в прежнем масштабе. Теперь эта часть капитала становится свободной и, следовательно, она может быть употреблена как новая затрата капитала — или для расширения того же самого предприятия, или для функционирования в другой сфере производства.

Допустим, например, что первоначально требовалось 500 ф. ст. для того, чтобы еженедельно использовать труд 500 рабочих, а теперь для этой цели требуется только 400 фунтов стерлингов. Если масса произведенной стоимости в обоих случаях = 1 000 ф. ст., то масса еженедельной прибавочной стоимости в первом случае будет = 500 ф. ст., норма прибавочной стоимости $\frac{500}{500} = 100\%$; после же понижения заработной платы масса прибавочной стоимости будет 1 000 ф. ст. — 400 ф. ст. = 600 ф. ст. и ее норма $\frac{600}{400} = 150\%$. И это повышение нормы прибавочной стоимости есть единственный результат для того, кто с переменным капиталом в 400 ф. ст. и соответственным постоянным капиталом начинает новое предприятие в той же самой сфере производства. Напротив, в предприятии, уже функционирующем, в этом случае вследствие понижения стоимости переменного капитала не только повышается масса прибавочной стоимости с 500 до 600 ф. ст., а норма прибавочной стоимости — со 100% до 150%, но, кроме того, высвобождаются 100 ф. ст. переменного капитала, которые могут быть снова употреблены на эксплуатацию труда. Следовательно, не только прежнее количество труда эксплуатируется с большей выгодой, но благодаря высвобождению этих 100 ф. ст. прежний переменный капитал в 500 ф. ст. дает возможность эксплуатировать при более высокой норме прибавочной стоимости больше рабочих, чем раньше.

Теперь возьмем обратный случай. Предположим, что первоначальное распределение продукта совершалось при 500 рабочих в таком отношении: $400_c + 600_m = 1\,000$, следовательно, норма прибавочной стоимости = 150%. Таким образом рабочих получает еженедельно $\frac{4}{5}$ ф. ст. = 16 шиллингам. Если теперь вследствие повышения стоимости переменного капитала 500 рабочих обходятся в неделю в 500 ф. ст., то еженедельная заработная плата каждого отдельного рабочего будет = 1 ф. ст., и 400 ф. ст. могут привести в движение всего 400 рабочих. И если будет занято то же самое число рабочих, как и раньше, то мы получим $500_c + 500_m = 1\,000$; норма прибавочной стоимости понизилась бы со 150% до 100%, т. е. на $\frac{1}{3}$. Для вновь вкладываемого капитала это понижение нормы прибавочной стоимости было бы единственным результатом. При прочих равных условиях в связи с этим понизилась бы и норма прибыли, хотя и не в том же самом отношении. Если, например, $c = 2\,000$, то в первом случае мы имеем $2\,000_c + 400_v + 600_m =$

$= 3\,000$; $m' = 150\%$, $p' = \frac{600}{2\,400} = 25\%$. Во втором случае

$2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000$; $m' = 100\%$, $p' = \frac{500}{2\,500} = 20\%$.

Напротив, для уже вложенного капитала результат оказался бы двояким. При помощи 400 ф. ст. переменного капитала можно теперь дать занятие только 400 рабочим и притом с нормой прибавочной стоимости в 100%. Таким образом вся прибавочная стоимость, произведенная ими, составит 400 фунтов стерлингов. Так как, далее, постоянный капитал стоимостью в 2 000 ф. ст. требует для своего функционирования 500 рабочих, то 400 рабочих приведут в движение лишь постоянный капитал стоимостью в 1 600 фунтов стерлингов. Следовательно, коль скоро производство должно продолжаться в прежнем масштабе и чтобы $\frac{1}{5}$ машин не бездействовала, необходимо переменный капитал увеличить на 100 ф. ст. и, как и прежде, занять 500 рабочих; а это может быть достигнуто лишь одним способом: капитал, бывший до сих пор свободным, связывается, причем та часть накопления, которая должна была бы служить для расширения производства, теперь служит только для восполнения, или же та часть, которая предназначена для того, чтобы расходоваться как доход, присоединяется к прежнему капиталу. В результате затрата переменного капитала, увеличенная на 100 ф. ст., производит на 100 ф. ст. меньше прибавочной стоимости. Чтобы привести в движение то же самое количество рабочих, требуется больше капитала, и в то же время уменьшается прибавочная стоимость, доставляемая каждым отдельным рабочим.

Выгоды, вытекающие из высвобождения, и потери, вытекающие из связывания переменного капитала, существуют только для капитала, уже вложенного в дело и, следовательно, воспроизводимого при данных отношениях. Для капитала, вкладываемого вновь, выгоды в одном случае, потери в другом сводятся к повышению, соответственно понижению, нормы прибавочной стоимости и к соответственному, хотя отнюдь не пропорциональному, изменению нормы прибыли.

Только что исследованное высвобождение и связывание переменного капитала есть результат понижения или повышения стоимости элементов переменного капитала, т. е. издержек воспроизводства рабочей силы. Переменный капитал может, однако, высвободиться также в том случае, если вследствие развития производительной силы труда при неизменной норме заработной платы требуется меньше рабочих для того, чтобы привести в движение ту же самую массу постоянного капитала. Равным образом и наоборот, связывание добавочного переменного капитала может иметь место, если вследствие понижения производительной силы труда требуется больше рабочих на ту же самую массу постоянного капитала. Если, напротив, часть капитала, применявшегося до сих

пор в качестве переменного, теперь применяется в форме постоянного капитала, если, следовательно, происходит лишь иное распределение между составными частями того же самого капитала, то хотя это и оказывает влияние на норму прибавочной стоимости и прибыли, но не относится к рассматриваемой здесь рубрике связывания и высвобождения капитала.

Постоянный капитал, как мы уже видели, также может связываться или высвобождаться вследствие повышения или понижения стоимости элементов, из которых он состоит. Если отвлечься от этого, связывание постоянного капитала (предполагается, что часть переменного не превращается в постоянный) возможно лишь в том случае, если производительная сила труда увеличивается, т. е. если та же самая масса труда производит больше продукта и, следовательно, приводит в движение больше постоянного капитала. То же самое при известных условиях может иметь место, если производительная сила уменьшается, например в земледелии, так что то же самое количество труда для производства того же самого продукта требует больше средств производства, например, больше семян, удобрений, дренирования и т. п. Без понижения стоимости его элементов постоянный капитал может высвобождаться в том случае, если усовершенствования, применение сил природы и т. д. делают постоянный капитал меньшей стоимости способным выполнять ту же техническую роль, какую раньше выполнял капитал более высокой стоимости.

В «Капитале», кн. II, мы уже видели⁶⁶, что после того как товары превращены в деньги, проданы, определенная часть этих денег должна снова превратиться в вещественные элементы постоянного капитала и как раз в том отношении, какого требует определенный технический характер каждой данной отрасли производства. С этой точки зрения во всех отраслях важнейшим элементом, — если оставить в стороне заработную плату, следовательно, переменный капитал, — является сырье, включая и вспомогательные материалы, которые имеют особенно большое значение в тех отраслях производства, где нет сырья в строгом смысле слова, например, в горном деле и вообще в добывающей промышленности. Та часть цены, которая должна возмещать износ машин, принимается в расчет скорее идеально, до тех пор пока машины вообще способны функционировать; причем не так уж важно, будет ли эта часть оплачена и возмещена деньгами сегодня или завтра или в любой иной момент оборота капитала. Иначе обстоит дело с сырьем. Если цена сырья возрастает, становится невозможным после вычета заработной платы полностью возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен вызывают перерывы, крупные коллизии и даже катастрофы в процессе воспроизводства. Таким колебаниям стоимости вследствие изменчивых урожаев и т. п., — влияние кредитной системы мы здесь еще совершенно оставляем

в стороне, — в особенности подвержены собственно земледельческие продукты, органическое сырье. Одно и то же количество труда может здесь в зависимости от не поддающихся контролю природных условий, благоприятной или неблагоприятной погоды и т. д. выражаться в очень различных количествах потребительных стоимостей, и потому определенное количество этих потребительных стоимостей может иметь весьма различную цену. Если стоимость x воплощается в 100 фунтах товара a , то цена одного фунта товара $a = \frac{x}{100}$; если та же стоимость представлена в 1 000 фунтах a , то цена одного фунта $a = \frac{x}{1\,000}$ и т. д. Таков, следовательно, один из элементов рассматриваемых нами колебаний цены сырья. Второй элемент, о котором мы упоминаем здесь только ради полноты, — так как конкуренция и система кредита лежат пока вне круга нашего рассмотрения, — заключается в следующем: количество растительного и животного сырья, рост и производство которого подчинены определенным органическим законам и связаны с известными естественными промежутками времени, по самой природе вещей не может быть внезапно увеличено в такой степени, как, например, количество машин и прочего основного капитала, угля, руды и т. п., увеличение которого при соответствующих природных условиях в промышленно развитой стране может совершаться очень быстро. Поэтому возможно, а при развитом капиталистическом производстве даже неизбежно, что производство и рост части постоянного капитала, состоящий из основного капитала, машин и т. д., значительно обгоняет производство и рост той его части, которая состоит из органического сырья; вследствие этого спрос на такое сырье увеличивается быстрее его предложения, и потому цена его повышается. Это повышение цены приводит на деле к тому, что: 1) сырье начинает подвозиться из более отдаленных местностей, так как повышенная цена покрывает увеличенные издержки перевозки; 2) производство его увеличивается, правда, действительное увеличение массы продукта по природе вещей может произойти не сразу, а, быть может, лишь через год, и 3) используются ранее неиспользуемые суррогаты и экономнее обращаются с отходами. Если повышение цен начинает очень заметно влиять на расширение производства и предложение, то это означает в большинстве случаев, что достигнут уже поворотный пункт, после которого вследствие продолжающегося удорожания сырья и всех товаров, в последние сырье входит как элемент, спрос понижается, а потому наступает реакция и в движении цен сырья. Кроме конвульсий, которые вызывает эта реакция вследствие понижения стоимости капитала в его различных формах, наступает еще ряд других обстоятельств, о которых мы сейчас упомянем.

Прежде всего уже из сказанного до сих пор ясно следующее: чем больше развито капиталистическое производство, чем больше

поэтому средств для быстрого и непрерывного увеличения части постоянного капитала, состоящей из машин и т. д., чем быстрее накопление (особенно в периоды процветания), тем больше относительное перепроизводство машин и прочего основного капитала, тем чаще наступает относительное недопроизводство растительного и животного сырья, тем отчетливее проявляется вышеописанное увеличение их цены и соответствующая этому последнему реакция, тем чаще, следовательно, происходят те потрясения, которые вытекают из этого сильного колебания цены одного из главных элементов процесса воспроизводства.

И если наступает резкое падение этих высоких цен вследствие того, что рост их вызвал, с одной стороны, уменьшение спроса, а с другой, — расширение производства в данном месте и предложение со стороны отдаленных, до сих пор мало или вовсе не использованных производственных областей, в результате чего предложение сырья превышает спрос на него, — превышает именно при старых высоких ценах, — то последствия этого должны быть рассмотрены с различных точек зрения. Внезапное падение цен на сырье тормозит его воспроизводство, и благодаря этому восстанавливается монополия тех стран его вывоза, которые производят при наиболее благоприятных условиях, — восстанавливается, быть может, с известными ограничениями, но все-таки восстанавливается. Правда, воспроизводство сырья вследствие раз данного толчка продолжается в расширенном масштабе, особенно в странах, которые в большей или меньшей степени обладают монополией этого производства. Но базис, на котором вследствие увеличения количества машин и т. п. совершается теперь производство и который теперь после нескольких колебаний должен стать новым нормальным базисом, новым исходным пунктом развития, чрезвычайно расширился благодаря процессам, имевшим место в течение последнего цикла оборота. Но при этом в некоторой части второстепенных источников сырья расширившееся было воспроизводство испытывает опять значительные затруднения. Так, например, данные об экспорте показывают, как за последние 30 лет (до 1865 г.) возрастало индийское производство хлопка, когда наступала убыль в американском производстве и затем вдруг снова начиналось более или менее длительное сокращение производства. При вздорожании промышленного сырья капиталисты объединяются, образуют ассоциации для регулирования производства. Так было, например, в Манчестере после повышения цен хлопка в 1848 г., то же было с производством льна в Ирландии. Но как только непосредственный повод исчезает и снова воцарится общий принцип конкуренции «покупать на самом дешевом рынке» (вместо того чтобы стремиться, подобно вышеупомянутым ассоциациям, к повышению производственной мощности соответствующих стран, доставляющих сырой продукт, независимо от цены, за которую непосредственно

в данное время эти страны могут доставить продукт), — итак, раз принцип конкуренции снова полновластно господствует, регулировать предложение предоставляют снова «ценам». Всякая мысль о коллективном, решительном и дальновидном контроле над производством сырья, — контроле, который вообще совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается благим пожеланием или ограничивается имеющими характер исключения коллективными действиями в момент большой непосредственной опасности и беспомощности, — уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга ¹⁶⁾. Суеверие капиталистов в этой области настолько грубо, что даже фабричные инспектора в своих отчетах снова и снова останавливаются перед ним с величайшим изумлением. Смена благоприятных и неблагоприятных лет, конечно, также вызывает удешевление сырья. Помимо того непосредственного влияния, которое оказывает это обстоятельство на расширение спроса, сюда присоединяется еще в качестве стимула упомянутое выше влияние на норму прибыли. И вышеуказанный процесс, при котором производство сырья постепенно обгоняется производством машин и т. д., повторяется тогда в более широком масштабе. Действительное улучшение сырья, при котором оно доставлялось бы не только в надлежащем количестве, но и надлежащего качества, например получение хлопка из Индии, по качеству не уступающего американскому, потребовало бы продолжительного, регулярно возрастающего и постоянного спроса со стороны Европы (совершенно независимо от тех экономических условий, в которые поставлен индийский производитель у себя на родине). Но сфера производства сырья изменяется только скачками: то внезапно расширяясь, то сильно сокращаясь. Все это, как и дух капиталистического производства вообще, очень хорошо можно проследить на примере хлопкового голода 1861—1865 гг. ⁶⁷⁾, когда наблюдалась еще та особенность, что временами вообще не было сырья, являющегося существеннейшим элементом воспроизводства. Собственно

¹⁶⁾ После того как были написаны эти строки (1865 г.), конкуренция на мировом рынке значительно усилилась вследствие быстрого развития промышленности во всех развитых странах, в особенности в Америке и Германии. Тот факт, что быстро и значительно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которых должно совершаться их движение, — факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это особенно проявляется в двух симптомах. Во-первых, в новой всеобщей мании запретительных пошлин, которая от старой протекционистской системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится защитить как раз те продукты, которые способны к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных сфер производства, имеющих целью регулировать производство, а следовательно, цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем до сих пор. — Ф. Э.

говоря, цена может повышаться и при вполне достаточном предложении, если это предложение осуществляется при сравнительно тяжелых условиях. Или же может иметь место действительный недостаток сырья. Во время хлопкового кризиса первоначально наблюдалось последнее.

Поэтому, чем ближе подходим мы в истории производства к современному моменту, тем регулярнее оказывается, и в особенности в решающих отраслях промышленности, постоянно повторяющаяся смена периодов относительного вздорожания и вытекающего отсюда последующего обесценения сырья органического происхождения. Иллюстрации к вышесказанному даны в приводимых ниже примерах из отчетов фабричных инспекторов.

Мораль истории, которую можно также извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения, состоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию) и требует либо руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей.

Теперь мы приведем только что упомянутые иллюстрации из отчетов английских фабричных инспекторов.

«Положение дел улучшается; но цикл благоприятных и неблагоприятных периодов сокращается с увеличением количества машин, и так как при этом растет спрос на сырье, то вместе с тем становится чаще колебания в ходе дел... В настоящее время не только восстановлено доверие после паники 1857 г., но и сама паника, по-видимому, почти совершенно забыта. Будет ли это улучшение длительным или нет, зависит в очень значительной степени от цены сырья. И, на мой взгляд, имеются признаки того, что в некоторых случаях уже достигнут тот максимум, выше которого производство будет становиться все менее выгодным, пока, наконец, оно не перестанет вовсе давать прибыли. Если возьмем, например, прибыльные годы в шерстяном производстве, 1849 и 1850, то мы увидим, что цена английской чесаной шерсти достигала 13 пенсов, австралийской 14 — 17 пенсов за фунт и что в среднем за 10 лет, с 1841 по 1850 г., цена английской шерсти никогда не превышала 14 пенсов, цена австралийской — 17 пенсов за фунт. Но в начале неблагоприятного 1857 г. австралийская шерсть продавалась по 23 пенса; в декабре, в самый разгар паники, цена ее упала до 18 пенсов, но в течение 1858 г. опять поднялась и достигла своей теперешней высоты — 21 пенса. Равным образом в начале 1857 г. цена английской шерсти была 20 пенсов, в апреле и сентябре повысилась до 21 пенса, в январе 1858 г. упала до 14 пенсов и затем поднялась до 17 пенсов, так что теперь она стоит на 3 пенса за фунт выше по сравнению со средней за вышеприведенное десятилетие... Это показывает, по моему мнению, что или банкротства 1857 г., вызванные аналогичными ценами, заборы, или шерсти производится как раз столько, сколько могут выпрять наличные веретена, или же что цены на ткани испытывают стабильное повышение... Но в моей прошлой практике я имел возможность убедиться, что, с одной стороны, в невероятно короткое время может быть увеличено не только количество веретен и ткацких станков, но и скорость их работы; что, с другой стороны, почти в такой же степени увеличился наш вывоз шерсти во Францию, в то время как средний возраст разводимых овец как внутри страны, так и за границей становится все ниже, так как население быст-

ро возрастает и овцеводы стремятся как можно скорее превратить свой скот в деньги. Поэтому я часто испытывал тяжелое чувство при виде людей, которые, не зная этого, связывали свою судьбу и свой капитал с предприятиями, успех которых зависит от предложения продукта, способного к увеличению только в рамках известных органических законов... Состояние спроса и предложения всех сырых материалов... объясняет, по-видимому, многие колебания в хлопчатобумажном деле, а также положение английского шерстяного рынка осенью 1857 г. и обусловленный последним промышленный кризис¹⁷⁾ (Р. Бейкер в «Reports of Insp. of Fact., October 1858», р. 56—57, 61).

Время расцвета камвольной промышленности Уэст-Райдинга в Йоркшире относится к 1849—1850 годам. В 1838 г. там было занято 29 246 чел., в 1843 г. — 37 000, в 1845 г. — 48 097, в 1850 г. — 74 891. В том же самом округе в 1838 г. было 2 768 механических ткацких станков, в 1841 г. — 11 458, в 1843 г. — 16 870, в 1845 г. — 19 121 и в 1850 г. — 29 539 («Reports of Insp. of Fact., [October] 1850», р. 60). Этот расцвет камвольной промышленности уже в октябре 1850 г. начал становиться подозрительным. В апрельском отчете за 1851 г. субинспектор Бейкер пишет о Лидсе и Брадфорде:

«Состояние дел с некоторого времени очень неудовлетворительно. Прядильщики чесаной шерсти быстро лишаются прибылей, какие они имели в 1850 г., и большинство ткачей находится не в лучшем положении. Мне кажется, что в настоящее время в шерстяной промышленности бездействует больше машин, чем когда бы то ни было раньше, и льнопрядильщики точно так же увольняют рабочих и останавливают машины. Циклы в текстильной промышленности являются в настоящее время действительно весьма неопределенными, и, я думаю, мы скоро придем к взгляду..., что не соблюдается пропорциональность между производственной мощностью веретен, количеством сырья и ростом населения» (стр. 52).

То же самое наблюдается и в хлопчатобумажной промышленности. В цитированном выше октябрьском отчете за 1858 г. мы читаем:

«С тех пор, как на фабриках установлен строго определенный рабочий день, количество потребляемого сырья, размеры производства и величина заработной платы во всех отраслях текстильной промышленности устанавливаются на основании простого тройного правила... Я привожу выдержку из недавнего доклада... г-на Бейнса, нынешнего мэра Блэкберна, о хлопчатобумажной промышленности, в котором он с чрезвычайной тщательностью суммирует данные промышленной статистики своего округа:

«Каждая действительная лошадиная сила приводит в движение 450 автоматических веретен с соответствующим подготовительным оборудованием, или 200 тростильных веретен, или 15 станков для 40-дюймового сукна вместе с машинами для наматывания шпуль, снования и шлихтования. На каждую лошадиную силу при прядении приходится $2\frac{1}{2}$ рабочих, а при ткачестве 10; их средняя заработная плата составляет более $10\frac{1}{2}$ шилл. на одного человека в неделю... Средние вырабатываемые номера — № 30—32 для основы и № 34—36 для утка; если принять, что еженедельно производимая пряжа составляет 13 унций на веретено, то это даст 824 700 фунтов пряжи в неделю, для чего должно быть потреблено 970 000 фунтов,

¹⁷⁾ Само собой разумеется, что мы не считаем, подобно г-ну Бейкеру, что кризис в шерстяной промышленности 1857 г. вызван несоответствием между ценами сырья и готового продукта. Это несоответствие само было лишь симптомом, кризис же был всеобщий. — Ф. Э.

или 2 300 кип хлопка на сумму в 28 300 фунтов стерлингов... В нашем округе (район вокруг Блэкберна радиусом в 5 английских миль) еженедельное потребление хлопка 1 530 000 фунтов, или 3 650 кип на сумму в 44 625 фунтов стерлингов. Это составляет $\frac{1}{18}$ всей хлопчатобумажной промышленности Соединенного королевства и $\frac{1}{6}$ всего механического ткачества».

Таким образом, по подсчетам г-на Бейнса, общее число веретен в хлопчатобумажной промышленности Соединенного королевства должно составлять 28 800 000, и, чтобы держать их в полном ходу, требуется ежегодно 1 432 080 000 фунтов хлопка. Но ввоз хлопка, за вычетом вывоза в 1856 и 1857 гг., составлял лишь 1 022 576 832 фунта, следовательно, неизбежно должен был оказаться дефицит в 409 503 168 фунтов. Г-н Бейнс, который любезно согласился дать мне свои разъяснения по этому вопросу, полагает, что подсчет годового потребления хлопка, основанный на потреблении блэкбернского округа, должен был оказаться преувеличенным не только вследствие различия выпрадаемых номеров, но также вследствие большего совершенства машин. Он оценивает все годовое потребление хлопка в Соединенном королевстве в 1 000 миллионов фунтов. Но если даже он прав, если действительно предложение превышает спрос на $22\frac{1}{2}$ миллиона фунтов, то уже теперь спрос и предложение, по-видимому, почти уравниваются; между тем следует еще принять во внимание добавочные веретена и станки, которые, по г-ну Бейнсу, вводятся в его округе и, судя по последнему, вероятно, также и в других округах» (стр. 59, 60, 61).

III. ОБЩАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ХЛОПКОВЫЙ КРИЗИС 1861—1865 ГОДОВ

ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ ПЕРИОД 1845—1860 ГОДОВ

1845 год. Расцвет хлопчатобумажной промышленности. Очень низкие цены на хлопок. Л. Хорнер пишет об этом времени:

«За последние 8 лет я не наблюдал ни одного периода столь интенсивного оживления в делах, как прошлым летом и осенью, в особенности в хлопчатобумажной промышленности. В течение целого полугодия я каждую неделю получал сообщения о новых капиталовложениях в фабрики: то сообщали о вновь строящихся фабриках, то немногие пустующие фабрики находили новых арендаторов, то, наконец, действующие фабрики расширялись и на них устанавливали более мощные паровые машины и большее количество рабочих машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1845», p. 13).

1846 год. Начинаются жалобы:

«Уже в течение довольно продолжительного времени я слышу от очень многих хлопчатобумажных фабрикантов жалобы на угнетенное состояние их дел... за последние 6 недель различные фабрики перешли на сокращенное время работы, обыкновенно работают 8 часов в день вместо 12; это, по-видимому, распространяется... цены хлопка сильно повысились... не только не произошло повышения цен на готовые изделия, но... цены их стоят ниже, чем до вздорожания хлопка. Крупное увеличение числа хлопчатобумажных фабрик за последние 4 года должно было иметь своим последствием, с одной стороны, сильно возросший спрос на сырье, с другой стороны, сильно возросшее предложение готовых изделий на рынке; обе причины должны были, действуя одновременно, способствовать понижению прибыли, пока оставались неизменными предложение сырья и спрос на готовые изделия; но действие их оказалось тем значительнее, что, с одной стороны, предложение хлопка было за последнее время недостаточным, с другой стороны, спрос на готовые изделия со стороны различных внутренних и внешних рынков уменьшился» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», p. 10).

Растущий спрос на сырье и переполнение рынка готовыми изделиями естественно идут рука об руку. Между прочим, тогдашнее расширение промышленности и последующий застой не ограничивались хлопчатобумажными округами. В брадфордском камвольном округе в 1836 г. было лишь 318 фабрик, а в 1846 г. — 490. Эти цифры далеко не выражают действительного роста производства, так как существующие фабрики в то время были значительно расширены. Это в особенности относится к льнопрядильным фабрикам.

«В течение последних 10 лет все они в большей или меньшей степени способствовали переполнению рынка, которому главным образом должен быть приписан теперешний застой в делах... Угнетенное положение дел является совершенно естественным следствием столь быстрого увеличения числа фабрик и машин» («Reports of Insp. of Fact., October 1846», p. 30).

1847 год. В октябре денежный кризис. Учетная ставка 8%. Уже ранее произошел крах железнодорожных спекуляций и махинаций с ост-индскими векселями. Но:

«Г-н Бейкер приводит очень интересные детали относительно возросшего за последние годы спроса на хлопок, шерсть и лен вследствие расширения соответствующих отраслей промышленности. Возросший спрос на эти виды сырья, особенно потому, что он наступил в период, когда их предложение упало далеко ниже средней, Бейкер считает почти достаточным для объяснения современного угнетенного состояния этих отраслей промышленности, даже если не принимать во внимание расстройств денежного рынка. Этот взгляд вполне подтверждается моими собственными наблюдениями и тем, что я узнал от компетентных людей. Эти различные отрасли промышленности испытывали уже очень сильное затруднение в тот период, когда учет легко можно было производить из 5% и менее. Между тем предложение шелка-сырца было достаточным, цены умеренными, и соответственно этому дела шли оживленно до... последних 2 или 3 недель, когда денежный кризис несомненно затронул не только самих фабрикантов шелка, но, и в еще большей степени, их главных клиентов — фабрикантов модных товаров. Стоит взглянуть на опубликованные официальные отчеты, чтобы убедиться, что хлопчатобумажное производство за последние три года выросло почти на 27%. Вследствие этого хлопок повысился в цене в округленных цифрах с 4 пенсов до 6 пенсов за фунт, в то время как цена пряжи благодаря увеличившемуся предложению стоит лишь немного выше своего прежнего уровня. Шерстяная промышленность начала расширяться в 1836 году; с этого времени в Йоркшире ее производство возросло на 40%, а в Шотландии еще больше. Еще значительнее рост камвольной промышленности¹⁸⁾. Здесь за тот же период расширение составляет более чем 74%. Потребление сырой шерсти было поэтому огромно. Льняная промышленность обнаруживает с 1839 г. прирост приблизительно на 25% в Англии, на 22% в Шотландии и почти на 90% в Ирландии¹⁹⁾; в результате цена сырья при одновременных плохих урожаях льна поднялась на 10 ф. ст. за тонну, тогда как цена пряжи упала на 6 пенсов за моток» («Reports of Insp. of Fact., 31st October 1847», p. 30 — 31).

¹⁸⁾ В Англии строго различают шерстяную промышленность — прядение и ткачество из короткой шерсти, дающей аппаратную пряжу (главный центр — Лидс), и камвольную промышленность — прядение и ткачество из длинной шерсти, дающей гребенную пряжу (главный центр — Брадфорд в Йоркшире). Ф. Э.

¹⁹⁾ Это быстрое расширение машинного производства льняной пряжи в Ирландии нанесло тогда смертельный удар вывозу германского (силезского, лаузицкого, вестфальского) полотна, вытканного из пряжи, изготовляемой ручным способом. Ф. Э.

1849 год. За последние месяцы 1848 г. дела снова оживились.

«Цена сырья, стоявшая настолько низко, что достаточная прибыль казалась обещанной чуть ли не при всяких условиях, побуждала фабрикантов непрерывно развивать свое производство... Фабриканты шерстяных изделий в начале года работали очень интенсивно... но я опасаясь, что посылка шерстяных товаров на консигнацию зачастую заступает место действительного спроса и что периоды кажущегося процветания, т. е. периоды полной загрузки предприятий, не всегда являются периодами реального спроса. В течение нескольких месяцев камвольное производство находилось в особенно хорошем состоянии... В начале упомянутого периода цена на шерсть стояла особенно низко; прядильщики запаслись ею по выгодным ценам, конечно, в значительном количестве. Когда во время весенних аукционов цена шерсти поднялась, прядильщики извлекли выгоду из этого и удержали ее, так как спрос на готовые изделия был значителен и постоянен» («*Reports of Insp. of Fact., [April] 1849*», p. 42).

«Если мы присмотримся к колебаниям в положении дел, имевшим место в фабричных округах Англии за последние 3 или 4 года, то мы должны, как мне кажется, допустить, что где-то существует серьезная причина, нарушающая правильный ход промышленности... Не является ли в этом отношении новым элементом гигантская производительная сила разросшегося машинного производства?» («*Reports of Insp. of Fact., 30th April 1849*», p. 42, 43).

В ноябре 1848 г., а также в мае и летом 1849 г. вплоть до октября, положение дел все улучшалось.

«В особенности это относится к производству материала из камвольной пряжи, которое концентрируется вокруг Брадфорда и Галифакса; это производство никогда раньше даже приблизительно не достигало своих нынешних размеров... Спекуляции сырьем и неизвестность относительно размеров его возможного предложения уже давно вызывают в хлопчатобумажной промышленности большее возбуждение и более частые колебания, чем в какой бы то ни было другой отрасли промышленности. В настоящее время здесь наблюдается накопление запасов более грубых сортов хлопчатобумажных товаров, что вызывает беспокойство мелких прядильщиков и уже причиняет им вред, так что некоторые из них работают неполное время» («*Reports of Insp. of Fact., October 1849*», p. 64—65).

1850 год. Апрель. Дела идут по-прежнему оживленно. Исключение:

«Сильно угнетенное состояние в части хлопчатобумажной промышленности вследствие недостаточного предложения сырья как раз для грубых номеров пряжи и тяжелых тканей. Возникает опасение, что аналогичная реакция будет вызвана и в камвольной промышленности, где за последнее время увеличено количество машин. По подсчетам г-на Бейкера, в одном только 1849 г. в этой отрасли производство на ткацких станках выросло на 40%, на веретенах — на 25—30%, причем расширение предприятий все еще продолжается прежним темпом» («*Reports of Insp. of Fact., April 1850*», p. 54).

1850 год. Октябрь.

«Цена хлопка продолжает... вызывать заметное угнетение в этой отрасли промышленности, особенно для таких товаров, у которых сырье составляет значительную часть издержек производства. Крупное повышение цен на шелк-сырец во многих случаях приводило к угнетенному положению и в этой отрасли» («*Reports of Insp. of Fact., October 1850*», p. 14).

Согласно цитированному здесь отчету Комитета королевского общества культуры льна в Ирландии, высокая цена льна при низких ценах на другие сельскохозяйственные продукты обеспечи-

вает значительное расширение производства льна в будущем году (там же, стр. 31, 33).

1853 год. Апрель. Интенсивный расцвет.

«За последние 17 лет ни разу в течение всего того времени, когда мне приходилось официально знакомиться с положением дел в фабричном округе Ланкашира, я не наблюдал такого всеобщего процветания; оживление во всех отраслях чрезвычайное», — говорит Леонард Хорнер («Reports of Insp. of Fact., April 1853», p. 19).

1853 год. Октябрь. Депрессия в хлопчатобумажной промышленности. «Перепроизводство» («Reports of Insp. of Fact., October 1853», p. 15).

1854 год. Апрель.

«Хотя дела в шерстяной промышленности шли не бойко, все же она доставляла всем фабрикам работу в полном объеме; это относится и к хлопчатобумажной промышленности. Камвольная промышленность в течение всего истекшего полугодия сплошь работала с переборами... В льнообрабатывающей промышленности имели место трудности, так как вследствие Крымской войны уменьшилось предложение льна и пеньки из России» («Reports of Insp. of Fact., [April] 1854», p. 37).

1859 год.

«В шотландской льнообрабатывающей промышленности дела все еще находятся в угнетенном состоянии... так как сырья не хватает и оно дорого; плохой урожай в прибалтийских странах, являющихся нашими главными поставщиками, будет оказывать отрицательное влияние на ход дел в этом округе; между тем джут, который мало-помалу вытесняет лен в производстве многих грубых товаров, стоит не слишком дорого и имеется в достаточном количестве... приблизительно половина машин в Данди придет в настоящее время джут» («Reports of Insp. of Fact., April 1859», p. 19). «Вследствие высокой цены сырья льнопрядение все еще не дает достаточной выгоды, и в то время как все другие фабрики работают полное время, мы имеем целый ряд примеров приостановки машин, перерабатывающих лен... Прядение джута... находится в более удовлетворительном положении, так как за последнее время цена на этот материал стала более умеренной» («Reports of Insp. of Fact., October 1859», p. 20).

1861—1864 ГОДЫ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АМЕРИКЕ. ХЛОПКОВЫЙ ГОЛОД. ЯРЧАЙШИЙ ПРИМЕР ПЕРЕРЫВА В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТКА И ДОРОГОВИЗНЫ СЫРЬЯ

1860 год. Апрель.

«Что касается хода дел, то я радуюсь возможности сообщить вам, что, несмотря на высокую цену сырья, все отрасли текстильной промышленности, за исключением шелкоткацкой, работали за последнее полугодие довольно хорошо... В некоторых хлопчатобумажных округах рабочих находили при помощи объявлений, и рабочие направлялись туда из Норфолка и других земледельческих графств... По-видимому, во всех отраслях промышленности имеет место острый недостаток сырья. Только... этот недостаток сдерживает нас в известных границах. В хлопчатобумажном деле число вновь созданных фабрик, расширение уже существующих и спрос на рабочих, быть может, никогда не достигали такой высоты, как в настоящее время. Везде и всюду ищут сырье» («Reports of Insp. of Fact., April 1860», p. 57).

1860 год. Октябрь.

«Положение дел в хлопчатобумажных, шерстяных и льнопрядильных округах было хорошим; в Ирландии, как говорят, положение дел за последний год было даже очень хорошее и было бы еще лучше, если бы не высокая цена сырья. По-видимому, льнопрядильщики с большим нетерпением, чем когда бы то ни было, ожидают от железных дорог открытия добавочных индийских источников снабжения и соответственного развития индийского земледелия, чтобы, наконец... добиться предложения льна, которое соответствовало бы их потребностям» («Reports of Insp. of Fact., October 1860», p. 37).

1861 год. Апрель.

«Положение дел в настоящий момент угнетенное... некоторые хлопчатобумажные фабрики работают сокращенное время, и многие шелковые фабрики загружены только частично. Сырье дорого. Почти во всех отраслях текстильной промышленности цена его выше той цены, при которой оно могло бы быть переработано для массы потребителей» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», p. 33).

Теперь обнаружилось, что в 1860 г. в хлопчатобумажной промышленности имело место перепроизводство; последствия его ощущались еще в течение ряда лет.

«Потребовалось от двух до трех лет, чтобы мировой рынок поглотил массу товаров, перепроизведенных в 1860 году» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 127). «Угнетенное состояние рынков хлопчатобумажных готовых изделий в Восточной Азии оказалось в начале 1860 г. соответствующее обратное влияние на состояние дел в Блэкберне, где в среднем 30 000 механических ткацких станков почти исключительно заняты производством ткани для этого рынка. Вследствие этого спрос на труд был здесь ограниченным уже за много месяцев до того, как сказалось влияние хлопковой блокады... к счастью, это спасло многих фабрикантов от разорения. Запасы возросли по стоимости, пока их держали на складах, и таким образом удалось избежать ужасного обесценения, которое в противном случае было бы неизбежно при таком кризисе» («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 28, 29, 30).

1861 год. Октябрь.

«Положение дел с некоторого времени было очень угнетенным... Очень вероятно, что в течение зимних месяцев многие фабрики значительно сократят производство. Это, впрочем, можно было предвидеть... совершенно независимо от причин, прервавших наш обычный ввоз хлопка из Америки и наш вывоз в Америку, сокращение рабочего времени в течение наступающей зимы стало бы необходимым вследствие сильного увеличения производства за последние три года и затруднений на индийском и китайском рынках» («Reports of Insp. of Fact., October 1861», p. 19).

Хлопковые угары. Ост-индский хлопок (Surat). Влияние на заработную плату рабочих. Усовершенствование машин. Замена хлопка крахмальной мукой и минеральными веществами. Влияние этого шлихтования крахмальной мукой на рабочих. Прядильщики тонких номеров. Жульничество фабрикантов.

«Один фабрикант пишет мне следующее: «Что касается количества хлопка, потребляемого на одно веретено, то вы несомненно недостаточно считаетесь с тем фактом, что при дороговизне хлопка каждый прядильщик обычной пряжи (скажем, до № 40, преимущественно же №№ 12—32) производит настолько тонкие номера, насколько может, т. е. он будет выпрядать № 16 вместо прежних № 12 или № 22 вместо № 16 и т. д., и ткач, который перерабатывает эту тонкую пряжу, доведет

свой миткаль до обычного веса, присоединив к нему соответственно большее количество шлихты. Этот прием применяется теперь поистине в позорных размерах. Из авторитетного источника и знаю, что 8-фунтовая ткань готовится из $5\frac{1}{4}$ ф. хлопка и $2\frac{3}{4}$ ф. шлихты. В другой $5\frac{1}{4}$ -фунтовой ткани заключаются два фунта шлихты. Это — обыкновенная рубашечная ткань для экспорта. В иные сорта иногда прибавляют 50% шлихты, так что фабриканты могли бы похвалиться и действительно хвалятся тем, что они обогащаются, продавая ткани дешевле, чем номинально стоит заключающаяся в них пряжа» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», p. 27).

«Мне сообщали также, что ткачи приписывают свою возросшую заболеваемость шлихте, которая употребляется для основы, выпряденной из ост-индского хлопка, и которая не состоит, как раньше, из чистой муки. Но этот суррогат муки, как говорят, представляет ту крупную выгоду, что значительно увеличивает вес ткани, так что 15 фунтов пряжи дают 20 фунтов ткани» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 63. Этим суррогатом был перемолотый тальк, так называемый «China clay», или гипс, так называемый «French chalk»).

«Заработок ткачей» (здесь имеются в виду ткачи-рабочие) «сильно уменьшается из-за применения суррогатов муки для шлихтования основы. Эта шлихта делает пряжу более тяжелой, но в то же время твердой и ломкой. Каждая нить основы проходит в ткацком станке через так называемый ремиз, крепкие нити которого удерживают основу в правильном положении; сильно шлихтованная основа вызывает постоянные разрывы нитей в ремизе; каждый разрыв отнимает у ткача пять минут времени для исправления; в настоящее время ткачу приходится исправлять такие повреждения по крайней мере в 10 раз чаще, чем раньше, и, само собой разумеется, станок в течение рабочего дня дает соответственно меньше ткани» (там же, стр. 42—43).

«В Аштоне, Стейлибридже, Мосли, Олдеме и т. д. рабочее время сокращено на целую треть и с каждой новой неделей сокращается все больше... Одновременно с этим сокращением рабочего дня во многих отраслях имеет место и понижение заработной платы» («Reports of Insp. of Fact., October 1861», p. 12, 13).

В начале 1861 г. произошла стачка механических ткачей в некоторых районах Ланкашира. Некоторые фабриканты заявили о предстоящем понижении заработной платы на $5-7\frac{1}{2}\%$, рабочие настаивали на том, чтобы ставки заработной платы были сохранены, а рабочий день сокращен. Предприниматели не согласились, и началась стачка. Через месяц рабочие вынуждены были уступить. Однако теперь и заработная плата понижена и рабочий день сокращен:

«Кроме того, что была понижена заработная плата, на что согласились в конце концов рабочие, многие фабрики работают теперь неполное время» («Reports of Insp. of Fact., April 1861», p. 23).

1862 год. Апрель.

«Страдания рабочих со времени моего последнего отчета значительно увеличились: но еще никогда в истории промышленности столь неожиданные и столь тяжелые страдания не переносились с такой молчаливой покорностью и с таким терпеливым самообладанием» («Reports of Insp. of Fact., April 1862», p. 10). «Число полностью безработных в настоящий момент, по-видимому, незначительно превышает число безработных 1848 г., когда господствовала обычная паника, оказавшаяся, однако, достаточной для того, чтобы побудить обеспокоенных фабрикантов собрать статистические данные по хлопчатобумажной промышленности, аналогичные тем, какие в настоящее время публикуются еженедельно... В мае 1848 г. не работали 15% всех хлопчатобумажных рабочих Манчестера, 12% работали неполное время, в то время как свыше 70% работали полное время. 28 мая

1862 г. 15% рабочих были без работы, 35% работали неполное время, 49% — полное время... В соседних местностях, например в Стокпорте, процент работающих неполное время и вовсе неработающих выше, процент работающих полное время ниже», так как здесь выпрадаются более грубые номера, чем в Манчестере (стр. 16).

1862 год. Октябрь.

«По последним сведениям официальной статистики, в Соединенном королевстве в 1861 г. было всего 2 887 хлопчатобумажных фабрик: из них 2 109 в моем округе» (Ланкашир и Чешир). «Я, конечно, знал, что очень значительная часть этих 2 109 фабрик моего округа — мелкие предприятия с небольшим количеством рабочих. Я был, однако, удивлен, когда узнал, насколько велико это число. На 392 фабриках, составляющих 19% общего их числа, двигательная сила — паровая или водяная — меньше 10 лошадиных сил; на 345, или 16% — от 10 до 20 лошадиных сил; на 1 372 — 20 лошадиных сил и выше... Очень значительная часть этих мелких фабрикантов — более чем одна треть всего их числа — не так давно сами были рабочими; это люди, не располагающие капиталами... Центр тяжести падает, следовательно, на остальные $\frac{2}{3}$ » («Reports of Insp. of Fact., October 1862», p. 18, 19).

По данным того же отчета, в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и Чешира в то время работало полное время 40 146 рабочих, или 11,3%; неполное время — 134 767, или 38%; не имело работы 179 721, или 50,7%. Если вычесть отсюда цифры, относящиеся к Манчестеру и Болтону, где выпрадались главным образом тонкие номера, — отрасль, сравнительно мало пострадавшая от недостатка хлопка, — то положение дел представится в еще более неблагоприятном виде, а именно: занятых полное время 8,5%, неполное время 38%, безработных 53,5% (стр. 19, 20).

«Для рабочего представляет существенную разницу, перерабатывает ли он хороший или плохой хлопок. В первые месяцы года, когда все фабриканты старались держать свои фабрики в ходу, применяя всякий хлопок, какой только можно было купить по дешевым ценам, много плохого хлопка попало на фабрики, где раньше употреблялся обыкновенно хороший; разница в заработной плате рабочих оказалась настолько велика, что произошло много стачек, так как рабочие при старой поштучной плате не могли теперь добиться сносного ежедневного заработка... В некоторых случаях разница вследствие применения плохого хлопка достигала половины всего заработка даже при полном рабочем времени» (стр. 27).

1863 год. Апрель.

«В течение этого года может работать полное время лишь немного больше половины всех рабочих хлопчатобумажной промышленности» («Reports of Insp. of Fact., April 1863», p. 14).

«Употребление ост-индского хлопка, который вынуждены применять теперь фабрики, имеет ту весьма серьезную отрицательную сторону, что скорость машин в процессе производства приходится сильно замедлять. В течение последних лет были пущены в ход все средства, чтобы увеличить эту скорость и таким образом заставить те же самые машины производить больше работы. Уменьшение скорости машин затрагивает интересы как рабочего, так и фабриканта, потому что большинство рабочих получает поштучную плату: прядильщик получает за фунт выпряденной пряжи, ткач — за кусок изготовленной им ткани; но даже у рабочих, оплачиваемых понедельно, заработная плата должна понизиться вследствие сокращения производства. По моим сведениям и доставленным мне данным относительно заработка рабочих хлопчатобумажной промышленности в течение этого года получается понижение заработной платы в среднем на 20%, в некоторых случаях на 50% по сравнению с ее величиной в 1861 году» (стр. 13). — «Сумма заработка зависит от... того, какого качества перерабатываемый материал... Положение ра-

бочих в том, что касается их заработной платы, в настоящий момент» (октябрь 1863 г.) «гораздо лучше, чем в то же время в прошлом году. Машины усовершенствованы, лучше освоено сырье, и рабочие легче справляются с теми трудностями, с которыми им приходилось иметь дело вначале. Прошлой весной я был в Престоне в одной швейной школе» (благотворительное учреждение для безработных); «две юные девушки, посланные незадолго перед тем в ткацкую мастерскую, где, по уверениям фабриканта, они могли бы заработать 4 шилл. в неделю, просили об обратном приеме в школу и жаловались, что они не в состоянии заработать и 1 шилл. в неделю. У меня были сведения относительно мюльщиков при сельфакторах... Мужчины, управляющие парой сельфакторов, зарабатывали за 14 дней полного рабочего времени 8 шилл. 11 пенсов, из этой суммы вычиталась квартирная плата, половину которой фабрикант» (о, великодушие!). «возвращал им в виде подарка. Рабочие приносили домой по 6 шилл. 11 пенсов. Во многих местах за последние месяцы 1862 г. мюльщики при сельфакторах зарабатывали 5—9 шилл. в неделю, ткачи — 2—6 шилл. в неделю... В настоящее время положение дел гораздо лучше, хотя заработок в большинстве округов все еще очень низкий... Наряду с коротким волокном индийского хлопка и его загрязненностью различные другие причины способствовали уменьшению заработка. Так, например, теперь вошло в обыкновение обильно подмешивать к индийскому хлопку хлопковые угары, и это, конечно, еще более увеличивает трудности прядения. При коротком волокне нити легко обрываются при выходе мюлей и наматывании пряжи, причем невозможно с такой регулярностью поддерживать мюль в ходу... Равным образом вследствие того, что нитям приходится уделять очень много внимания, одна ткачиха зачастую способна следить только за одним станком, и лишь очень немногие могут следить более чем за двумя станками... Во многих случаях заработная плата рабочих понизилась на 5%, $7\frac{1}{2}\%$ и 10%... в большинстве случаев рабочему предоставляется самому решить, как справиться с сырьем и достигнуть обычного размера заработка... Другое затруднение, с которым порою приходится сталкиваться ткачу, состоит в том, что его заставляют делать хорошую ткань из плохого материала и наказывают вычитать из заработной платы, если работа не дает желаемых результатов» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 41—43).

Заработная плата была ничтожной даже там, где работали долгое время. Рабочие хлопчатобумажной промышленности охотно брались за всякие общественные работы, куда только их принимали: дренаж, проведение дорог, дробление камней, мощение улиц, чтобы получать от местных властей пособие (которое было на деле пособием для фабрикантов, см. «Капитал», кн. I, стр. 536 и сл.⁶⁸). Вся буржуазия зорко следила за рабочими. Если рабочему предлагался мизернейший заработок и тот отказывался от него, то комитет вспомоществования немедленно вычеркивал рабочего из списка лиц, получающих пособие. Это было золотое время для господ фабрикантов, так как рабочим приходилось или умирать с голоду, или работать за всякую плату на самых выгодных для капиталистов условиях, причем комитеты вспомоществования действовали как верные сторожевые псы последних. В то же время фабриканты в тайном союзе с правительством препятствовали насколько возможно эмиграции частью для того, чтобы иметь наготове капитал, воплощенный в теле и крови рабочих, частью для того, чтобы обеспечить себе выжимаемую из рабочих квартирную плату...

«Комитеты вспомоществования поступали в этом случае с величайшей строгостью. Раз предлагалась работа, рабочие, которым она предлагалась, тотчас вычеркивались из списков и принуждались таким образом принимать ее. Если рабочие

уклонялись от предлагаемой работы... то по той причине, что заработок их был бы только номинальным, а труд чрезвычайно тяжелым» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», p. 97).

Рабочие готовы были взять всякую работу, которая предназначалась для них, согласно акту об общественных работах.

«Условия организации промышленных работ были далеко не одинаковы в различных городах. Но даже в тех местах, где труд под открытым небом не был исключительно пробной работой (labour test), труд этот оплачивался или в размерах обычного регулярного пособия, или лишь немного выше и таким образом фактически носил характер трудового испытания» (стр. 69). «Акт об общественных работах 1863 г. должен был помочь этой беде и дать рабочему возможность добывать свой дневной заработок в качестве независимого поденщика. Цель этого акта была троякая: 1) уполномочить местные власти заимствовать деньги у комиссаров, ведавших государственными займами» (с согласия президента Центрального государственного ведомства попечительства о бедных); 2) способствовать благоустройству городов в хлопчатобумажных округах; 3) доставить безработным работу и достаточное вознаграждение (remunerative wages)». До конца октября 1863 г. было предоставлено займов, согласно этому акту, на сумму до 883 700 ф. ст. (стр. 70).

Предпринятые работы состояли главным образом в устройстве канализации, проведении дорог, мощении улиц, возведении запруд для водяных двигателей и т. п.

Г-н Хендерсон, президент блэкбернского комитета, пишет по этому поводу фабричному инспектору Редгрейву:

«Из всего, что мне пришлось наблюдать в течение переживаемого нами периода страданий и нищеты, ничто в такой степени не поражало и не радовало меня, как та бодрая готовность, с которой безработные этого округа берутся за работы, предлагаемые им городским советом Блэкберна на основании акта об общественных работах. Трудно представить себе контраст более резкий, чем тот, который существует между прядильщиком, работавшим прежде в качестве квалифицированного рабочего на фабрике, и тем же прядильщиком, работающим теперь в качестве поденщика в спускном канале на глубине 14 или 18 футов».

(Рабочие получали при этом в зависимости от размера семьи от 4 до 12 шилл. в неделю; именно на эту «гигантскую сумму» нередко содержалась семья в 8 человек. Господа обыватели получали здесь двойную выгоду: во-первых, на улучшение своих прокопченных и залупченных городов они получали деньги из исключительно низких процентов; во-вторых, они платили рабочим гораздо меньше обычной заработной платы.)

«Рабочий, привыкший к почти тропической жаре, к труду, при котором искусство и точность манипуляции были для него бесконечно важнее мускульной силы, привыкшей к двойной, иногда тройной плате по сравнению с тем, что он может получить в настоящее время, — такой рабочий, соглашаясь на предлагаемые условия, обнаруживает самоотверженность и благоразумие, делающие ему величайшую честь. В Блэкберне безработные были испробованы чуть ли не на всех возможных работах, ведущихся под открытым небом: они копали вязкую, тяжелую глинистую землю на значительной глубине, производили осушительные работы, дробили камни, прокладывали дороги, копали уличные канавы глубиной 14, 16 и порой 20 футов. Зачастую им приходилось при этом стоять на 10—12 дюймов в грязи и воде и подвергаться действию климата, с которым по сырости и холоду едва ли может сравниться климат какого-либо другого округа Англии, если вообще такой климат

где-нибудь встречается» (стр. 91, 92). — «Рабочие держали себя почти безукоризненно; они были готовы брать на себя работу под открытым небом и мужественно выполнять ее...» (стр. 69).

1864 год. Апрель.

«Время от времени в различных округах раздаются жалобы на недостаток рабочих, главным образом в таких отраслях, как, например, ткацкое дело... Но эти жалобы являются результатом как низкого уровня заработной платы, которую в состоянии заработать теперь рабочие вследствие употребления плохих сортов пряжи, так и некоторого действительного недостатка рабочих в этой специальной отрасли. В прошлом месяце происходили многочисленные столкновения между хозяевами отдельных фабрик и их рабочими из-за заработной платы. Я сожалею, что стачки стали происходить слишком часто... Влияние акта об общественных работах фабриканты рассматривают как конкуренцию; и местный комитет в Бейкене приостановил свою деятельность, так как хотя еще не все фабрики в ходу, тем не менее обнаружилась нехватка рабочих» («Reports of Insp. of Fact., April 1864», p. 9).

Во всяком случае, господам фабрикантам пора было задуматься. Благодаря акту об общественных работах спрос на их рабочую силу настолько возрос, что в каменоломнях Бейкена некоторые фабричные рабочие зарабатывали 4—5 шилл. в день. И потому мало-помалу были приостановлены общественные работы — это новое издание национальных мастерских 1848 г.⁶⁹, устроенных, однако, на этот раз в интересах буржуазии.

Эксперименты in corpore vili *

«Хотя я привел здесь сильно пониженную заработную плату» (рабочих, занятых полное время), «составляющую действительный заработок рабочих на различных фабриках, но отсюда еще отнюдь не следует, что рабочие из недели в неделю зарабатывают одну и ту же сумму. Здесь имеют место сильные колебания вследствие того, что фабриканты на одних и тех же фабриках производят постоянные эксперименты с различными сортами хлопка и с различными комбинациями хлопка и угаров; эти «смеси», как их называют, часто меняются, и заработок рабочего повышается или падает в зависимости от качества хлопковой смеси. В некоторых случаях заработок составляет лишь 15% прежней величины и за какие-нибудь одну-две недели падает на 50% или 60%».

Инспектор Редгрейв, которого мы здесь цитируем, приводит взятые из практики данные о заработной плате, из которых здесь будет достаточно привести следующие примеры:

A, ткач, семья из 6 лиц, занят 4 дня в неделю, зарабатывает 6 шилл. 8½ пенса; *B*, присучальщик, занят 4½ дня в неделю, зарабатывает 6 шиллингов; *C*, ткач, семья из 4 лиц, занят 5 дней в неделю, зарабатывает 5 шилл. 1 пенс; *D*, тростильщик, семья из 6 лиц, занят 4 дня в неделю, зарабатывает 7 шилл. 10 пенсов; *E*, ткач, семья из 7 лиц, занят 3 дня в неделю, зарабатывает 5 шилл. и т. д. Редгрейв продолжает:

«Эти данные заслуживают внимания, так как они показывают, что для некоторых семей работа была бы несчастьем, потому что она не просто уменьшает доход, но понижает его настолько, что его совершенно недостаточно было бы для удовлетворения ничтожной части абсолютно необходимых потребностей, если бы не выдавалось добавочного вспомоществования в тех случаях, когда заработок семьи не достигает той суммы, которую она получала бы в качестве вспомошест-

* — на ничего не стоящем живом теле. *Ред.*

ования, если бы вовсе не имела работы» («Reports of Insp. of Fact., October 1863», р. 50—53).

«Начиная с 5 июня 1863 г., все рабочие были заняты в среднем не более двух дней в неделю, по 7 часов с несколькими минутами» (там же, стр. 121).

С начала кризиса до 25 марта 1863 г. было выдано почти три миллиона фунтов стерлингов ведомствами попечительства о бедных, центральным комитетом вспомоществования и лондонским муниципальным комитетом (там же, стр. 13).

«В одном округе, где выпрадаются наиболее тонкие номера пряжи... прядильщики подверглись косвенному понижению заработной платы на 15% вследствие перехода от сорта снейленд к египетскому хлопку... В одном обширном округе, где хлопковые угары массами применяются для смешивания с индийским хлопком, заработная плата понизилась на 5% и, кроме того, они потеряли еще 20—30% вследствие переработки сурата и угаров. Ткачи, управлявшие прежде четырьмя станками, теперь работают на двух. В 1860 г. на каждом станке они вырабатывали 5 шилл. 7 пенсов, в 1863 г. только 3 шилл. 4 пенса... Денежные штрафы, которые раньше при употреблении американского хлопка колебались от 3 до 6 пенсов (для прядильщика), достигают теперь 1 шилл.— 3 шилл. 6 пенсов».

В одном округе, где египетский хлопок применялся в смеси с ост-индским,

«средняя заработная плата прядильщика на мюле была в 1860 г. 18—25 шилл., а теперь от 10 до 18 шиллингов. Причина этого заключается не только в ухудшении хлопка, но также в уменьшении скорости движения мюля с целью производства более тугой пряжи, за что в обычное время уплачивается, согласно условиям найма, добавочное вознаграждение» (стр. 43, 44). «Хотя переработка ост-индского хлопка, быть может, и принесла в том или ином случае выгоду фабрикантам, но мы видим зато (см. расценочный лист, стр. 53), что должны были вытерпеть вследствие этого рабочие по сравнению с 1861 годом. Если упрощется применение сурата, то рабочие потребуют такого же заработка, как в 1861 году; но это серьезно скажется на прибыли фабрикантов, поскольку не будет компенсации изменением цены хлопка или готовых изделий» (стр. 105).

Квартирная плата.

«Квартирная плата, уплачиваемая рабочими в тех случаях, когда рабочие живут в коттеджах, принадлежащих фабриканту, часто вычитается последним из заработной платы, хотя бы работы и производились неполное время. Тем не менее стоимость этого рода строений упала, и домини сдают теперь на 25—50% дешевле, чем раньше; коттедж, который стоил 3 шилл. 6 пенсов в неделю, можно снять теперь за 2 шилл. 4 пенса, а порой и еще дешевле» (стр. 57).

Эмиграция. Фабриканты были, конечно, против эмиграции рабочих, так как, с одной стороны,

«в ожидании лучших времен для хлопчатобумажной промышленности они стремились удержать у себя под рукой средства вести свои фабрики наиболее выгодным способом». Кроме того, «многие фабриканты — собственники домов, в которых живут занятые ими рабочие, и по крайней мере некоторые из них безусловно рассчитывают получить впоследствии хоть часть той наемной платы за квартиры, которую задолжали им рабочие» (стр. 96).

Г-н Бернал Осборн, депутат парламента, в одной из речей перед своими избирателями 22 октября 1864 г. говорил, что рабочие Ланкашира вели себя, как античные философы (стоики). А не как овцы ли?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ДОБАВЛЕНИЯ

Допустим, как это мы вообще делаем в настоящем отделе, что масса прибыли, присваиваемая в каждой отдельной сфере производства, равна сумме прибавочной стоимости, производимой всем капиталом, вложенным в эту сферу. Даже и в этом случае буржуа не будет рассматривать прибыль как нечто тождественное прибавочной стоимости, т. е. неоплаченному прибавочному труду, и не будет по следующим причинам:

1) В процессе обращения он забывает процесс производства. Реализация стоимости товаров, — включающая и реализацию заключающейся в них прибавочной стоимости, — ему представляет созидаaniem прибавочной стоимости. {Здесь в рукописи пропуск, указывающий на то, что Маркс намеревался более подробно развить этот пункт. — Ф. Э.}

2) Если предположить, что степень эксплуатации труда остается неизменной, то, как мы уже видели, независимо от всех модификаций, вызываемых кредитной системой, независимо от взаимного обмана и взаимного надувательства капиталистов и усилий каждого выиграть за счет другого, независимо, далее, от всякого удачного выбора рынка норма прибыли может быть весьма различной в зависимости от большей или меньшей дешевизны сырья, от большего или меньшего умения его закупить; в зависимости от того, насколько производительны, целесообразны и дешевы применяемые машины; в зависимости от того, более или менее совершенна общая организация различных ступеней производственного процесса, насколько устранено расточительство сырья, насколько просто и целесообразно организовано управление и надзор и т. п. Короче говоря, если дана прибавочная стоимость для определенного переменного капитала, то одна и та же прибавочная стоимость может выражаться в более высокой и более низкой норме прибыли, следовательно, может доставлять большую или меньшую массу прибыли в зависимости от индивидуальных деловых способностей

самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков. Пусть одна и та же прибавочная стоимость в 1 000 ф. ст., продукт 1 000 ф. ст. заработной платы, в предприятии *A* приходится на 9 000 ф. ст., а в другом предприятии *B* на 11 000 ф. ст. постоянного капитала. В случае *A* мы имеем $p' = \frac{1\,000}{10\,000} = 10\%$. В случае *B* мы имеем $p' = \frac{1\,000}{12\,000} = 8\frac{1}{3}\%$. Весь капитал производит в *A* относительно больше прибыли, чем в *B*, так как там норма прибыли выше, чем здесь, хотя в обоих случаях авансированный переменный капитал = 1 000 и извлеченная из него прибавочная стоимость также = 1 000, следовательно, в обоих случаях, имеет место одинаковая эксплуатация одинакового числа рабочих. Это различное выражение одной и той же массы прибавочной стоимости, или различие норм прибыли, а следовательно, и величины самой прибыли при одинаковой эксплуатации труда, может происходить и из других источников; но оно может также вытекать всецело и исключительно из различия в той умелости, с какой ведутся оба предприятия. И это обстоятельство создает у капиталиста иллюзию, убеждение в том, что его прибыль обязана своим существованием не эксплуатации труда, но по крайней мере отчасти и другим, не зависимым от этого обстоятельствам, в особенности его индивидуальной деятельности.

Из всего изложенного в этом первом отделе видна ошибочность того взгляда (Родбертус⁷⁰), согласно которому (в отличие от земельной ренты, где, например, площадь земли остается неизменной, в то время как рента растет) изменение величины капитала не оказывает влияния на отношение между прибылью и капиталом, а следовательно, и на норму прибыли, так как в том случае, когда растет масса прибыли, растет и масса капитала, на которую она исчисляется, и наоборот.

Это справедливо только в двух случаях. Во-первых, тогда, когда при неизменности всех прочих условий, а следовательно, прежде всего нормы прибавочной стоимости, наступает изменение стоимости товара, являющегося денежным товаром. (То же самое имеет место при исключительно номинальном изменении стоимости, повышении или падении знаков стоимости при прочих равных условиях.) Пусть весь капитал равен 100 ф. ст., прибыль = 20 ф. ст., следовательно норма прибыли = 20%. Если стоимость золота понижается или повышается вдвое, то в первом случае тот же самый капитал, который раньше стоил 100 ф. ст., теперь стоит 200 ф. ст., и прибыль будет иметь стоимость 40 ф. ст., т. е. будет выражаться в этой сумме денег вместо прежних 20 фунтов стерлингов. Во втором случае стоимость капитала падает до 50 ф. ст., и прибыль выражается в продукте стоимостью в 10 фун-

тов стерлингов. Но в обоих случаях $40 : 200 = 10 : 50 = 20 : 100 = 20\%$. В действительности, однако, во всех этих случаях изменилась бы не величина капитальной стоимости, а произошло бы только изменение в денежном выражении одной и той же стоимости и одной и той же прибавочной стоимости. Следовательно, это не могло бы повлиять и на отношение $\frac{m}{K}$, или на норму прибыли.

Другой случай — тот, когда имеет место действительное изменение величины стоимости, но это изменение не сопровождается изменением отношения $v : c$, т. е. когда при постоянной норме прибавочной стоимости отношение капитала, затраченного на рабочую силу (причем переменный капитал рассматривается как показатель приведенной в движение рабочей силы), к капиталу, затраченному на средства производства, остается прежним. При этих условиях, если мы имеем K , или nK , или $\frac{K}{n}$, например, 1 000, или 2 000, или 500, прибыль при норме прибыли в 20% будет в первом случае $= 200$, во втором $= 400$, в третьем $= 100$, но $\frac{200}{1\,000} = \frac{400}{2\,000} = \frac{100}{500} = 20\%$. Другими словами, норма прибыли остается здесь неизменной, так как строение капитала остается прежним и не затрагивается изменением его величины. Поэтому увеличение или уменьшение массы прибыли является здесь лишь показателем увеличения или уменьшения величины применяемого капитала.

Итак, в первом случае имеет место лишь кажущееся изменение величины применяемого капитала, во втором случае происходит действительное изменение величины, но при неизменном органическом строении капитала, при неизменном отношении его переменной части к постоянной. Но, за исключением обоих этих случаев, изменение величины применяемого капитала является или *следствием* предшествующего изменения стоимости одной из его составных частей — и потому (поскольку изменение переменного капитала не сопровождается изменением самой прибавочной стоимости) следствием изменения относительной величины его составных частей, — или же это изменение величины капитала (как при работах в расширенном масштабе, при введении новых машин и т. п.) есть *причина* изменения относительной величины его обеих органических составных частей. Поэтому во всех этих случаях при прочих равных условиях изменение величины применяемого капитала должно сопровождаться одновременным изменением нормы прибыли.

Увеличение нормы прибыли всегда происходит вследствие того, что прибавочная стоимость увеличивается относительно или абсолютно по сравнению с издержками ее производства, т. е. с размерами всего авансированного капитала; другими словами, вследст-

вне того, что разница между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости уменьшается.

Колебания нормы прибыли, независимые от изменений органических составных частей капитала или от его абсолютной величины, возможны в том случае, если стоимость авансированного капитала, в какой бы форме — основной или оборотной — он ни являлся, повышается или понижается вследствие независимого от уже существующего капитала увеличения или уменьшения рабочего времени, необходимого для его воспроизводства. Стоимость всякого товара, — а следовательно, и товаров, из которых состоит капитал, — определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, *общественно* необходимым для его воспроизводства. Это воспроизводство может происходить при улучшающихся или ухудшающихся условиях, при условиях, отличных по сравнению с условиями первоначального производства. Пусть при изменившихся условиях требуется, вообще говоря, вдвое больше или, наоборот, вдвое меньше рабочего времени, чтобы воспроизвести тот же по своему вещественному содержанию капитал; тогда при неизменной стоимости денег капитал, стоивший раньше 100 ф. ст., теперь будет стоить 200 ф. ст. или соответственно 50 фунтов стерлингов. Если бы это повышение стоимости или, наоборот, обесценение затрагивало все части капитала в равной степени, то и прибыль соответственно с этим выразилась бы в двойной или вдвое меньшей сумме денег. Если же оно сопровождается изменением органического строения капитала, повышением или понижением отношения переменной части капитала к постоянной, то при прочих равных условиях норма прибыли будет расти при относительном возрастании, будет падать при относительном уменьшении переменного капитала. Если же повышается или понижается только денежная стоимость (вследствие изменения стоимости денег) авансированного капитала, то в том же отношении повышается или понижается денежное выражение прибавочной стоимости. Норма прибыли остается неизменной ⁷¹.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБЫЛИ
В СРЕДНЮЮ ПРИБЫЛЬ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РАЗЛИЧНОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛОВ
В РАЗНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОИЗВОДСТВА
И ВЫТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА РАЗЛИЧИЯ
В НОРМАХ ПРИБЫЛИ

В предыдущем отделе было, между прочим, показано, каким образом норма прибыли может изменяться — повышаться или понижаться — при неизменной норме прибавочной стоимости. В этой главе предполагается, что степень эксплуатации труда, а следовательно, норма прибавочной стоимости и длина рабочего дня, имеет одинаковую величину, стоит на одинаковом уровне во всех сферах производства, на которые распадается общественный труд данной страны. Что касается значительных различий в эксплуатации труда в разных сферах производства, то уже А. Смит обстоятельно показал⁷², что они выравниваются в силу всякого рода действительных или основанных на предрассудке компенсирующих условий, и, следовательно, различия эти, как только кажущиеся и преходящие, не должны приниматься в расчет при исследовании общих отношений. Другие различия, например, в уровне заработной платы, покоятся главным образом на указанном уже в начале «Капитала», кн. I, стр. 11⁷³ различии между простым и сложным трудом, причем, хотя они и делают участь рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковой, однако несколько не затрагивают степени эксплуатации труда в этих различных сферах. Если, например, труд золотых дел мастера оплачивается выше, чем труд поденщика, то прибавочный труд золотых дел мастера производит по сравнению с прибавочным трудом поденщика пропорционально больше прибавочной стоимости. И если выравнивание заработной платы и продолжительности рабочего дня, а следовательно и нормы прибавочной стоимости в различных сферах производства и даже между различными капиталистическими предприятиями в одной и той же сфере производства, поддерживается многочисленными обстоятельствами местного значения, то с прогрессом капиталистического производства и по мере

подчинения этому способу производства всех экономических отношений это выравнивание осуществляется все более и более полно. Как ни важно изучение подобного рода осложняющих моментов для каждой специальной работы о заработной плате, в общем исследовании капиталистического производства ими можно пренебречь как случайными и несущественными. В таком общем исследовании вообще всегда предполагается, что действительные отношения соответствуют своему понятию или, что то же самое, что действительные отношения изображаются лишь постольку, поскольку они выражают свой собственный общий тип.

Различия норм прибавочной стоимости в различных странах, т. е. национальные различия в степени эксплуатации труда, для настоящего исследования не имеют значения. Ведь в этом отделе мы как раз хотим показать, каким путем образуется известная общая норма прибыли в пределах каждой отдельной страны. В самом деле, очевидно, что при сравнении различных национальных норм прибыли придется только сопоставить то, что было исследовано нами раньше, с тем, что предстоит исследовать теперь. Сначала пришлось бы рассмотреть различие национальных норм прибавочной стоимости, а затем на основе этих данных норм прибавочной стоимости сравнить различные национальные нормы прибыли. Поскольку различие их не вытекает из различия национальных норм прибавочной стоимости, оно, очевидно, вытекает из условий, при которых, как и в нашем исследовании в настоящей главе, прибавочная стоимость предполагается везде одинаковой, постоянной.

В предыдущей главе было показано, что при неизменной норме прибавочной стоимости норма прибыли, доставляемая определенным капиталом, может повышаться или понижаться в зависимости от обстоятельств, которые повышают или понижают стоимость той или другой части постоянного капитала и, следовательно, вообще влияют на отношение между постоянной и переменной составными частями капитала. Далее было отмечено, что обстоятельства, удлиняющие или сокращающие время оборота капитала, могут оказывать аналогичное влияние на норму прибыли. Так как масса прибыли тождественна с массой прибавочной стоимости, с самой прибавочной стоимостью, то оказалось, что *масса* прибыли — в отличие от *нормы* прибыли — не затрагивается вышеупомянутыми колебаниями стоимости. Они модифицируют только норму, в которой выражается данная прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль данной величины, т. е. модифицируют лишь относительную величину прибыли, ее величину по сравнению с величиной авансированного капитала. Правда, поскольку вследствие этих колебаний стоимости происходит связывание или высвобождение капитала, таким косвенным путем может подвергнуться влиянию не только норма прибыли, но и сама прибыль. Однако это

касается лишь капитала, уже функционирующего, а не новых вложений капитала; и, кроме того, увеличение или уменьшение самой прибыли всегда зависит от того, насколько больше или меньше труда вследствие указанных колебаний стоимости может быть приведено в движение тем же самым капиталом; другими словами, от того, насколько большую или меньшую массу прибавочной стоимости — при неизменной норме прибавочной стоимости — может произвести один и тот же капитал. Таким образом это кажущееся исключение в действительности отнюдь не противоречит общему закону, не является исключением из него, а, напротив, представляет собой лишь особый случай применения общего закона.

В предыдущем отделе мы видели, что при неизменной степени эксплуатации труда изменение стоимости составных частей постоянного капитала, а также изменение времени оборота капитала изменяют норму прибыли. Отсюда само собой вытекает, что нормы прибыли в различных, одновременно существующих одна возле другой, сферах производства будут различны, если капиталы, применяемые в различных отраслях производства, имеют при прочих равных условиях различное время оборота или различные по стоимости отношения между своими органическими составными частями. То, что раньше мы рассматривали как изменения, которые совершаются с одним и тем же капиталом последовательно во времени, теперь мы рассматриваем как одновременно существующие различия между капиталистическими предприятиями, действующими одно рядом с другим в различных сферах производства.

Нам предстоит при этом исследовать: 1) различие в *органическом строении* капиталов, 2) различие во времени их оборота.

Само собой понятно, что если мы в этом исследовании говорим о строении или времени оборота капитала в определенной отрасли производства, мы всегда имеем в виду средние, нормальные отношения капитала, вложенного в данную отрасль производства; вообще речь здесь идет о средних отношениях для всего капитала данной сферы производства, а не о случайных различиях между отдельными капиталами, вложенными в эту сферу.

Так как, далее, предполагается, что норма прибавочной стоимости и рабочий день остаются неизменными, а это предположение включает в себя также неизменность заработной платы, то при этих условиях определенное количество переменного капитала выражает определенное количество приведенной в движение рабочей силы, а, следовательно, определенное количество опредмеченного труда. Итак, если 100 ф. ст. выражают недельную заработную плату 100 рабочих, т. е. на деле 100 рабочих сил, то 100 ф. ст. $\times n$ выражают заработную плату $100 \times n$ рабочих, а $\frac{100 \text{ ф. ст.}}{n}$ заработную плату $\frac{100}{n}$ рабочих. Таким образом переменный капитал служит здесь (как и всегда при данной величине заработной платы) по-

казателем массы труда, приводимого в движение всем капиталом определенной величины; следовательно, различия в величине применяемого переменного капитала служат показателями различия в массе применяемой рабочей силы. Если 100 ф. ст. представляют 100 рабочих в течение недели и, следовательно, при 60 часах недельного труда 6 000 рабочих часов, то 200 ф. ст. соответствуют 12 000, а 50 ф. ст. лишь 3 000 рабочих часов.

Под строением капитала мы понимаем, как уже указано в «Капитале» кн. I, отношение между его активной и пассивной составными частями, между переменным и постоянным капиталом. При этом нашему рассмотрению подлежат два отношения, имеющие неодинаковое значение, хотя при известных обстоятельствах могущие оказывать одинаковое действие.

Первое отношение покоится на техническом базисе и на известной ступени развития производительных сил может рассматриваться как данное. Требуется определенная масса рабочей силы, представленная определенным числом рабочих, чтобы произвести определенную массу продукта, например, в течение одного дня, и, следовательно, — что уже при этом само собой разумеется, — привести в движение, потребить производительно определенную массу средств производства, машин, сырья и т. д. Определенное число рабочих приходится на определенное количество средств производства, следовательно, определенное количество живого труда приходится на определенное количество средств труда, уже определенного в средствах производства. Отношение это очень различно в различных отраслях производства, часто даже в различных подразделениях одной и той же отрасли промышленности, хотя, с другой стороны, в очень отдаленных друг от друга отраслях промышленности оно случайно может быть совершенно или почти одинаковым.

Это отношение образует техническое строение капитала и является действительной основой его органического строения.

Возможен, однако, и такой случай: указанное отношение одинаково в различных отраслях промышленности, поскольку переменный капитал является простым показателем рабочей силы, а постоянный капитал — простым показателем массы средств производства, приводимых в движение этой рабочей силой. Например, известные работы с применением меди и железа могут требовать одинакового отношения между рабочей силой и массой средств производства. Но так как медь дороже железа, то отношение между стоимостью переменного и постоянного капитала в обоих случаях будет различно, а вместе с тем будет различно и стоимостное строение совокупных капиталов на обоих предприятиях. Разница между техническим строением и стоимостным строением обнаруживается в каждой отрасли промышленности в том, что при неизменном техническом строении отношение стоимости обеих частей капитала может изменяться, и, наоборот, при изменении технического строе-

ния отношение стоимости их может оставаться неизменным; последнее имеет место, конечно, лишь в том случае, если изменение в отношении между массой применяемых средств производства и рабочей силой уравнивается противоположным изменением их стоимостей.

Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменение технического строения, мы называем *органическим* строением капитала²⁰⁾.

Итак, по отношению к переменному капиталу мы предполагаем, что он является показателем определенного количества рабочей силы, определенного числа рабочих или определенной массы приводимого в движение живого труда. В предыдущем отделе мы видели, что при некоторых условиях изменение величины стоимости переменного капитала может выражать только увеличение или уменьшение цены той же самой массы труда; но здесь, где норма прибавочной стоимости и рабочий день рассматриваются как величины постоянные, а заработная плата за определенное рабочее время — как величина данная, этот случай отпадает. Напротив, разница в величине постоянного капитала, правда, тоже может быть показателем изменения массы средств производства, приводимых в движение определенным количеством рабочей силы; но она может также вытекать из различия в стоимости средств производства, приводимых в движение в одной из сфер производства, по сравнению с другими сферами производства. Таким образом, обе точки зрения подлежат здесь нашему рассмотрению.

Необходимо, наконец, отметить следующее существенное обстоятельство:

Пусть 100 ф. ст. представляют собой недельную заработную плату 100 рабочих. Пусть недельное рабочее время = 60 часам. Пусть, далее, норма прибавочной стоимости = 100%. В этом случае рабочие 30 часов из 60 работают на себя и 30 даром на капиталиста. В 100 ф. ст. заработной платы в действительности воплощено только 30 рабочих часов каждого из 100 рабочих, или всего 3 000 рабочих часов, в то время как остальные 3 000 часов, проводимых ими на работе, воплощены в 100 ф. ст. прибавочной стоимости, соответственно и прибыли, которую забирает себе капиталист. Таким образом, хотя заработная плата в 100 ф. ст. и не выражает той стоимости, в которой опредмечивается недельный труд 100 рабочих, но все же она показывает (так как продолжительность рабочего дня и норма прибавочной стоимости даны), что данный капитал приводит в движение 100 рабочих в течение в общей сложности 6 000 рабочих часов. Капитал в

²⁰⁾ Вышеизложенное вкратце было уже развито в третьем издании «Капитала», кн. I, стр. 628, в начале гл. XXIII [см. наст. издание, т. 7, с. 572]. Так как в первых двух изданиях этого места нет, повторение его здесь имело тем больше оснований. — Ф. Э.

100 ф. ст. показывает это, так как, во-первых, он показывает число приведенных в движение рабочих, потому что 1 ф. ст. = 1 рабочему в неделю, следовательно 100 ф. ст. = 100 рабочим; так как, во-вторых, каждый приводимый в движение рабочий при данной норме прибавочной стоимости в 100% совершает вдвое больше труда, чем заключается в его заработной плате; следовательно, 1 ф. ст., его заработная плата, выражение полунедельного труда, приводит в движение труд в течение целой недели, и равным образом 100 ф. ст., хотя они заключают в себе лишь труд 50 недель, приводят в движение труд в течение 100 рабочих недель. Поэтому необходимо проводить весьма существенное различие между переменным, затраченным на заработную плату капиталом, поскольку его стоимость — сумма заработных плат — представляет определенное количество опредмеченного труда, и тем же переменным капиталом, поскольку его стоимость есть простой показатель массы живого труда, приводимой им в движение. Масса живого труда всегда больше, чем количество труда, заключающееся в переменном капитале, и выражается поэтому в стоимости большей, чем стоимость переменного капитала, в стоимости, которая, с одной стороны, определяется числом рабочих, приводимых в движение переменным капиталом, а с другой стороны, тем количеством прибавочного труда, которое они совершают.

Из этого способа рассмотрения переменного капитала вытекает следующее:

Пусть на капиталистическом предприятии в сфере производства *A* на каждые 700 единиц всего капитала расходуется только 100 единиц на переменный и 600 на постоянный капитал, тогда как в сфере производства *B* — 600 на переменный и 100 на постоянный капитал. Тогда весь капитал *A* в 700 будет приводить в движение рабочую силу, равную всего 100, что, при прежнем нашем предположении дает лишь 100 рабочих недель, или 6 000 часов живого труда; между тем равновеликий совокупный капитал *B* приводит в движение труд в 600 недель, и, следовательно, 36 000 часов живого труда. Поэтому капитал в сфере *A* мог бы присвоить только 50 рабочих недель, или 3 000 часов прибавочного труда, тогда как равновеликий капитал в сфере *B* — 300 рабочих недель, или 18 000 часов. Переменный капитал есть показатель не только труда, заключающегося в нем самом, но при данной норме прибавочной стоимости вместе с тем и показатель приводимого им в движение труда сверх этой меры, избыточного или прибавочного труда. При одинаковой степени эксплуатации труда прибыль в первом случае была бы $= \frac{100}{700} = \frac{1}{7} = 14\frac{2}{7}\%$, а во втором $= \frac{600}{700} = 85\frac{5}{7}\%$, т. е. в шесть раз большая норма прибыли. Но в действительности в этом случае сама прибыль была бы в шесть раз больше, 600 для *B* против 100 для *A*, так как в шесть раз больше живого труда приво-

дится в движение таким же самым капиталом, следовательно, при равной степени эксплуатации труда, производится в шесть раз больше прибавочной стоимости, а значит и в шесть раз больше прибыли.

Если бы в сфере *A* применялось не 700, а 7 000 ф. ст., а в сфере *B* только 700 ф. ст. капитала, то при неизменном органическом строении из 7 000 ф. ст. капитала *A* было бы применено в качестве переменного капитала 1 000 ф. ст., т. е. 1 000 рабочих в течение недели = 60 000 часов живого труда, в том числе 30 000 часов прибавочного труда. Но по-прежнему в сфере *A* по сравнению с *B* посредством каждых 700 ф. ст. приводилось бы в движение в шесть раз меньше живого труда и, следовательно, в шесть раз меньше прибавочного труда, а потому и прибыли здесь получилось бы в шесть раз меньше. Если мы будем рассматривать норму прибыли, то получим для *A* $\frac{1\,000}{7\,000} = \frac{100}{700} = 14\frac{2}{7}\%$ по сравнению с $\frac{600}{700}$ или $85\frac{5}{7}\%$ для капитала *B*. Несмотря на равную величину капиталов, нормы прибыли здесь различны, так как при равной норме прибавочной стоимости различны массы произведенной прибавочной стоимости, а значит и прибыли, вследствие того, что приведены в движение неодинаковые массы живого труда.

Фактически тот же самый результат получается в том случае, если технические условия в одной сфере производства те же самые, что и в другой, но стоимость применяемых элементов постоянного капитала больше или меньше. Допустим, что обе сферы применяют по 100 ф. ст. переменного капитала, следовательно, в обоих случаях требуется 100 рабочих в неделю, чтобы привести в движение одно и то же количество машин и сырья, но последние в *B* дороже, чем в *A*. Тогда на 100 ф. ст. переменного капитала приходится постоянного в сфере *A*, например, 200 ф. ст. и в сфере *B* — 400 фунтов стерлингов. При норме прибавочной стоимости в 100% произведенная прибавочная стоимость в обоих случаях равна 100 ф. ст., следовательно и прибыль в обоих случаях равна 100 фунтам стерлингов. Но в сфере *A* мы имеем $\frac{100}{200 + 100} = \frac{1}{3} = 33\frac{1}{3}\%$, тогда как в сфере *B* $\frac{100}{400 + 100} = \frac{1}{5} = 20\%$. В самом деле, если мы в обоих случаях возьмем определенные части совокупного капитала, то в сфере *B* из каждых 100 ф. ст. на долю переменного капитала придется только 20 ф. ст., или $\frac{1}{5}$, тогда как в *A* из каждых 100 ф. ст. переменный капитал составляет $33\frac{1}{3}$ ф. ст., или $\frac{1}{3}$. *B* производит на каждые 100 ф. ст. меньше прибыли, так как приводит в движение меньше живого труда, чем *A*. Таким образом, различие в нормах прибыли сводится здесь опять-таки к различию масс прибавочной стоимости, а потому и масс прибыли, производимых на каждые 100 единиц вложенного капитала.

Отличие этого второго примера от предыдущего заключается лишь в следующем: во втором случае выравнивание *A* и *B* потребовало бы только изменения стоимости постоянного капитала в *A* или в *B* при неизменном техническом базисе; напротив, в первом случае в двух сферах производства само техническое строение капитала различно и для выравнивания их должны быть предприняты соответствующие преобразования технического базиса.

Таким образом, различное органическое строение капиталов не зависит от их абсолютной величины. Вопрос состоит всегда лишь в том, сколько из каждых 100 единиц капитала приходится на переменный и сколько на постоянный капитал.

Итак, капиталы различной величины, выраженные в 100 единиц, — или, что здесь сводится к тому же, равновеликие капиталы — производят при равном рабочем дне и равной степени эксплуатации труда весьма различные количества прибыли, так как они производят различные количества прибавочной стоимости; это вызывается именно тем, что вследствие различного органического строения капиталов в различных сферах производства различны их переменные части, следовательно, различны количества приводимого ими в движение живого труда, а потому различны и количества присваиваемого ими прибавочного труда — этой субстанции прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли. Равновеликие части совокупного капитала в различных сферах производства заключают в себе неравные по величине источники прибавочной стоимости, а ведь единственный источник прибавочной стоимости есть живой труд. При равной степени эксплуатации труда масса труда, приводимого в движение, скажем, капиталом $= 100$, а следовательно и масса присваиваемого им прибавочного труда, зависит от величины его переменной составной части. Если бы капитал, процентное отношение составных частей которого $90_c + 10_v$, при равной степени эксплуатации труда производил столько же прибавочной стоимости, или прибыли, как и капитал, состоящий из $10_c + 90_v$, то было бы совершенно очевидно, что прибавочная стоимость, а следовательно и стоимость вообще, должна была бы иметь своим источником не труд, а что-то совершенно другое, и вместе с тем отпала бы всякая рациональная основа политической экономии. Допустим, как мы это делали раньше, что 1 ф. ст. есть недельная заработная плата одного рабочего за 60 рабочих часов и что норма прибавочной стоимости $= 100\%$. Тогда очевидно, что вся вновь произведенная стоимость, которую один рабочий может доставить в течение недели, $= 2$ фунтам стерлингов; таким образом при этом условии 10 рабочих не могли бы доставить более 20 фунтов стерлингов; а так как из этих 20 ф. ст. 10 ф. ст. возмещают заработную плату, то 10 рабочих не могут создать прибавочной стоимости большей, чем 10 фунтов стерлингов; между тем 90 рабочих, вся вновь произведенная стоимость которых $=$

= 180 ф. ст., а заработная плата = 90 ф. ст., создали бы прибавочную стоимость в 90 фунтов стерлингов. Норма прибыли была бы таким образом в одном случае 10%, в другом 90%. Если бы дело обстояло иначе, стоимость и прибавочная стоимость должны были бы быть не опредмеченным трудом, а чем-то иным. Таким образом, так как в различных сферах производства равновеликие капиталы, выраженные в процентном соотношении своих составных частей, неодинаково разделяются на постоянный и переменный элементы, приводят в движение неодинаковое количество живого труда и, следовательно, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, а потому и прибыли, то норма прибыли, которая как раз и есть процентное отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, у них различна.

Но если в различных сферах производства равновеликие капиталы, выраженные в процентном соотношении своих составных частей, производят неравные прибыли вследствие различий своего органического строения, то отсюда следует, что прибыли неравных капиталов в различных сферах производства не могут быть пропорциональны соответственным величинам этих капиталов, что, следовательно, прибыли в различных сферах производства не пропорциональны соответственным величинам вложенных в них капиталов. Потому что возрастание прибыли *pro rata* * величине вложенного капитала предполагало бы, что в процентном выражении прибыль оказывается одинаковой, следовательно, что равновеликие капиталы в различных сферах производства имеют одинаковую норму прибыли независимо от их различного органического строения. Только в пределах одной и той же сферы производства, где, следовательно, органическое строение капитала дано, или в различных сферах производства с одинаковым органическим строением капитала, массы прибыли прямо пропорциональны массам вложенного капитала. Что прибыли неравных капиталов пропорциональны их величинам, означает вообще лишь то, что равновеликие капиталы доставляют равновеликие прибыли, или что нормы прибыли для всех капиталов равны, какова бы ни была их величина и их органическое строение.

Все предыдущие рассуждения исходят из предположения, что товары продаются по их стоимостям. Стоимость товара равна стоимости заключающегося в нем постоянного капитала плюс стоимость воспроизведенного в нем переменного капитала плюс приращение этого переменного капитала, т. е. произведенная прибавочная стоимость. При данной норме прибавочной стоимости масса ее, очевидно, зависит от массы переменного капитала. Пусть стоимость продукта, произведенного капиталом 100, в одном случае = $90_c + 10_v + 10_m = 110$, в другом случае = $10_c + 90_v +$

* — соответственно. *Ред.*

+ $90_m = 190$. Если товары продаются по их стоимости, то первый продукт продается за 110, из которых 10 представляют прибавочную стоимость, или неоплаченный труд, второй продукт продается за 190, из которых 90 — прибавочная стоимость, или неоплаченный труд.

Этот случай особенно важен, когда сравниваются между собой национальные нормы прибыли. Пусть в какой-либо европейской стране норма прибавочной стоимости = 100%, т. е. рабочий половину дня работает на себя и половину дня на предпринимателя; пусть в какой-либо азиатской стране норма прибавочной стоимости = 25%, т. е. рабочий $\frac{4}{5}$ дня работает на себя и $\frac{1}{5}$ на предпринимателя. Пусть в европейской стране строение национального капитала будет $84_c + 16_c$, а в азиатской стране, где применяется мало машин и т. п. и в течение данного периода данным количеством рабочей силы производительно потребляется сравнительно мало сырья, строение будет $16_c + 84_c$. Тогда мы получаем следующий расчет:

В европейской стране стоимость продукта = $84_c + 16_c + 16_m = 116$; норма прибыли = $\frac{16}{100} = 16\%$.

В азиатской стране стоимость $\frac{100}{100}$ продукта = $16_c + 84_c + 21_m = 121$; норма прибыли = $\frac{21}{100} = 21\%$.

Таким образом норма прибыли в азиатской стране более чем на 25% выше, чем в европейской, хотя норма прибавочной стоимости в ней в четыре раза меньше; Кэри, Бастиа и tutti quanti * сделали бы, конечно, как раз противоположный вывод ⁷⁴.

Это между прочим. Различие национальных норм прибыли в большинстве случаев обуславливается различием национальных норм прибавочной стоимости; но мы сравниваем в этой главе неодинаковые нормы прибыли, в основе которых одна и та же норма прибавочной стоимости.

Кроме различного органического строения капиталов, следовательно, кроме различия в массах труда, а значит при прочих равных условиях и прибавочного труда, приводимого в движение равновеликими капиталами в различных сферах производства, существует еще один источник неравенства норм прибыли: различная продолжительность оборота капитала в разных сферах производства. В IV главе мы видели, что при одинаковом строении капиталов и при прочих равных условиях нормы прибыли обратно пропорциональны времени их оборота; мы видели также, что один и тот же переменный капитал, если он оборачивается в различные отрезки времени, создает неравные массы годовой прибавочной стоимости. Итак, различие времени оборота — вот другая

* — им подобные. *Ред.*

причина, вследствие которой в разных сферах производства равные капиталы в равные отрезки времени производят неравную прибыль и вследствие которой нормы прибыли в этих различных сферах различны.

Что касается той пропорции, в которой совокупный капитал распадается на основной и оборотный, то это соотношение само по себе вовсе не затрагивает нормы прибыли. Оно может влиять на норму прибыли лишь в двух случаях: или тогда, когда различие в соотношении между основным и оборотным капиталами совпадает с различием в соотношении между переменной и постоянной частями, следовательно, когда этому различию, а не различию в соотношении оборотной и основной частей обязана своим происхождением разница в норме прибыли; или же тогда, когда различие в соотношении между основной и оборотной составными частями обуславливает различие во времени оборота, в течение которого реализуется определенная прибыль. Если капиталы распадаются в различной пропорции на основной и оборотный, то это обстоятельство, правда, всегда будет оказывать влияние на время их оборота и вызывать различия в последнем; однако отсюда еще не следует, что будет различно время оборота, в течение которого одни и те же капиталы реализуют данную прибыль. Пусть, например, *A* постоянно должен продавать большую часть продукта для приобретения сырья и т. п., тогда как *B* более продолжительное время применяет одни и те же машины и т. п. при меньшем количестве сырья; во всяком случае у обоих, поскольку они производят, постоянно занята часть капитала; у одного она вложена в сырье, т. е. в оборотный капитал, у другого — в машины и т. д., т. е. в основной капитал. *A* постоянно превращает часть своего капитала из товарной в денежную форму и из этой последней обратно в форму сырья; между тем *B* часть своего капитала более или менее продолжительное время употребляет как орудие труда без такого превращения. Если оба они применяют одинаковое количество труда, то хотя они продадут в течение года массы продуктов неодинаковой стоимости, но обе массы продуктов будут заключать в себе одинаковые количества прибавочной стоимости, и их нормы прибыли, исчисляемые на весь авансированный капитал, одинаковы, хотя в обоих случаях различна та пропорция, в какой каждый из этих капиталов состоит из основной и оборотной частей, так же как различно и время их оборота. Оба капитала реализуют в равное время равные прибыли, хотя оборачиваются они в продолжение различного времени ²¹⁾. Различие во времени оборота само по себе имеет значение лишь постольку, поскольку оно влияет на массу

²¹⁾ {Как следует из главы IV, вышеизложенное справедливо лишь в том случае, если капиталы *A* и *B* имеют различное стоимостное строение и если их переменные составные части, выраженные в процентах, прямо пропорциональны времени их оборота, т. е. обратно пропорциональны количеству оборотов за данное время. Пусть процентное строе-

прибавочного труда, которая в течение данного времени может быть присвоена и реализована одним и тем же капиталом. Следовательно, если неодинаковое деление капитала на оборотный и основной не приводит к необходимостью к различию во времени оборота, которое, в свою очередь, обуславливает неравенство норм прибыли, то, очевидно, раз это последнее имеет место, оно обуславливается не самим по себе различным делением капитала на оборотный и основной, а, напротив, тем, что это деление капитала является в данном случае лишь показателем влияющего на норму прибыли различия во времени оборота.

Итак, различное деление постоянного капитала на оборотный и основной в разных отраслях промышленности само по себе не имеет значения для нормы прибыли, так как решающее влияние оказывает отношение переменного капитала к постоянному, причем стоимость постоянного капитала, а следовательно и его относительная величина по сравнению с переменным, не стоит ни в какой зависимости от основного или оборотного характера его составных частей. Совершенно справедливо, однако, — и это зачастую приводит к ложным выводам, — что там, где значительно развит основной капитал, это является выражением только того факта, что производство ведется в крупном масштабе и, следовательно, постоянный капитал сильно преобладает над переменным, другими словами, применяемая к делу живая рабочая сила незначительна по сравнению с массой средств производства, приводимых ею в движение.

Мы показали таким образом следующее: в разных отраслях промышленности господствуют различные нормы прибыли, соответствующие различию в органическом строении капиталов и в известных пределах — различиям времени оборота; поэтому даже при равной норме прибавочной стоимости только по отношению к капиталам одинакового органического строения, — если предположить равное время оборота, — сохраняет силу закон (в общей тенденции), согласно которому прибыли относятся между собой, как величины капиталов и, следовательно, равновеликие капиталы в равные промежутки времени дают равновеликие прибыли. Развитые нами соображения покоятся на той основе, которая до сих пор была основой всего нашего исследования, — что товары продаются по их стоимостям. С другой стороны, не подлежит никакому сомнению, что в действительности, если оставить в стороне не-

ние капитала $A = 20_c$ основного + 70_o оборотного, следовательно, $90_c + 10_o = 100$. При норме прибавочной стоимости в 100% эти 10_o в течение одного оборота производят 10_m . Норма прибыли для одного оборота = 10% . Пусть, с другой стороны, капитал $B = 60_c$ основного + 20_o оборотного, следовательно, $80_c + 20_o = 100$. Эти 20_o при той же норме прибавочной стоимости производят в течение одного оборота 20_m ; норма прибыли для одного оборота равна 20% , т. е. вдвое больше по сравнению с A . Но если A оборачивается два раза в год, а B лишь один раз, то за год мы получаем для A также $10 \times 2 = 20_m$; таким образом годовая норма прибыли оказывается в обоих случаях одинаковой, а именно 20% . — Ф. Э.]

существенные случайные и взаимно уничтожающиеся различия, в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существовать его без разрушения всей системы капиталистического производства. Таким образом кажется, будто теория стоимости не согласуется с действительным движением, не согласуется с действительными явлениями производства, и что поэтому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние.

Из первого отдела настоящей книги следует, что издержки производства одинаковы для продуктов различных сфер производства, если на производство этих продуктов авансированы равновеликие капиталы, как бы ни было различно органическое строение этих капиталов. В издержках производства для капиталиста исчезает различие между переменным и постоянным капиталом. Для него товар, на производство которого он должен затратить 100 ф. ст., стоит одинаково дорого, должен ли он затратить $90_c + 10_v$ или $10_c + 90_v$. Товар во всяком случае обходится ему в 100 ф. ст., не больше и не меньше. Издержки производства в различных сферах производства при равновеликих затратах капитала одни и те же, как бы ни были различны между собой произведенные стоимости и прибавочные стоимости. Это равенство издержек производства образует базис капиталистической конкуренции, посредством которой устанавливается средняя прибыль.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
**ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ
(СРЕДНЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ)
И ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ ТОВАРОВ
В ЦЕНУ ПРОИЗВОДСТВА**

Органическое строение капитала зависит в каждый данный момент от двух обстоятельств: во-первых, от технического отношения между применяемой рабочей силой и массой применяемых средств производства; во-вторых, от цены этих средств производства. Его следует рассматривать, как мы видели, в процентном отношении. Органическое строение капитала, состоящего на $\frac{4}{5}$ из постоянного и на $\frac{1}{5}$ из переменного капитала, мы выражаем формулой $80_c + 20_v$. Далее, при сравнении предполагается неизменная норма прибавочной стоимости, а именно какая-либо произвольная норма, например 100%. Капитал, состоящий из $80_c + 20_v$, дает таким образом прибавочную стоимость в 20_m , что составляет на весь капитал норму прибыли в 20%. Величина действительной стоимости его продукта зависит от того, насколько велика основная часть постоянного капитала, и от того, много или мало из этой последней входит в стоимость продукта вследствие изнашивания. Но так как это обстоятельство не имеет значения для нормы прибыли, а потому и для настоящего исследования, то ради простоты мы принимаем, что постоянный капитал одинаково везде входит целиком в годовой продукт рассматриваемых капиталов. Мы принимаем далее, что капиталы различных сфер производства реализуют ежегодно одинаковое по отношению к величине переменной их части количество прибавочной стоимости; следовательно, мы пока оставляем в стороне ту разницу, которую в этом отношении может вызвать различие во времени оборота. Этот пункт мы рассмотрим позже.

Возьмем, к примеру, пять различных сфер производства с различным органическим строением вложенных в них капиталов:

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Норма прибыли
I. $80_c + 20_r$	100%	20	120	20%
II. $70_c + 30_r$	100%	30	130	30%
III. $60_c + 40_r$	100%	40	140	40%
IV. $85_c + 15_r$	100%	15	115	15%
V. $95_c + 5_r$	100%	5	105	5%

Мы получаем здесь для различных сфер производства при одинаковой степени эксплуатации труда весьма различные нормы прибыли, соответственно различному органическому строению капиталов.

Общая сумма капиталов, вложенных в пять сфер, = 500; общая сумма произведенной ими прибавочной стоимости = 110; общая стоимость произведенных ими товаров = 610. Рассмотрим 500 как единый капитал, по отношению к которому капиталы I — V являются только отдельными частями (как, например, это имеет место на хлопчатобумажной фабрике, в различных отделах которой — кардном, приготавительном, прядильном, ткацком — существует различное отношение между постоянным и переменным капиталом и среднее отношение для всей фабрики получается только путем вычисления). В этом случае среднее строение капитала 500 было бы = $390_c + 110_r$, или в процентах $78_c + 22_r$. Строение каждого из капиталов в 100, рассматриваемого лишь как $\frac{1}{5}$ всего капитала, было бы этим средним строением $78_c + 22_r$; равным образом на каждые 100 единиц приходилось бы 22 единицы в качестве средней прибавочной стоимости; поэтому средняя норма прибыли была бы = 22%, и, наконец, цена каждой $\frac{1}{5}$ всего продукта, произведенного капиталом в 500, равнялась бы 122. Продукт каждой пятой части всего авансированного капитала должен был бы, таким образом, продаваться за 122.

Однако во избежание совершенно ложных выводов необходимо считать, что издержки производства не во всех случаях равны 100.

При $80_c + 20_r$ и норме прибавочной стоимости = 100% вся стоимость товара, произведенного капиталом I = 100, была бы = $80_c + 20_r + 20_m = 120$, если бы весь постоянный капитал входил в годовой продукт. При определенных условиях это, конечно, может иметь место в некоторых сферах производства. Однако едва ли это возможно там, где отношение $c:v = 4:1$. Таким образом следует иметь в виду, что стоимости товаров, производимые каждым 100 единицами различных капиталов, могут быть различны в зави-

симости от различного деления c на основную и оборотную составные части и что основные составные части различных капиталов могут, в свою очередь, изнашиваться медленнее или быстрее, следовательно, в равные промежутки времени присоединять к продукту неравные количества стоимости. На норму прибыли это, однако, не оказывает влияния. Отдают ли 80_c годовому продукту стоимость, равную 80 или 50 , или 5 , будет ли поэтому годовой продукт $= 80_c + 20_r + 20_m = 120$, или $= 50_c + 20_r + 20_m = 90$, или $= 5_c + 20_r + 20_m = 45$, — во всех этих случаях избыток стоимости продукта над его издержками производства $= 20$, и во всех этих случаях при установлении нормы прибыли эти 20 рассчитываются на капитал, равный 100 ; норма прибыли для капитала I таким образом во всех случаях $= 20\%$. Чтобы представить это еще отчетливее, мы в следующей таблице, относящейся к тем же пяти капиталам, что и раньше, принимаем, что в стоимость продукта входят различные доли постоянного капитала.

Капиталы	Норма прибавочной стоимости	Прибавочная стоимость	Норма прибыли	Потребленная часть c	Стоимость товаров	Издержки производства
I. $80_c + 20_r$	100%	20	20%	50	90	70
II. $70_c + 30_r$	100%	30	30%	51	111	81
III. $60_c + 40_r$	100%	40	40%	51	131	91
IV. $85_c + 15_r$	100%	15	15%	40	70	55
V. $95_c + 5_r$	100%	5	5%	10	20	15
$390_c + 110_r$	—	110	—	—	—	Сумма
$78_c + 22_r$	—	22	22%	—	—	В среднем

Если мы капиталы I—V будем опять рассматривать как единый совокупный капитал, то мы увидим, что и в этом случае строение суммы пяти капиталов $= 500 = 390_c + 110_r$, следовательно, среднее строение остается тем же самым $= 78_c + 22_r$, точно так же и средняя прибавочная стоимость $= 22$ единицам. Распределив эту прибавочную стоимость равномерно между капиталами I—V, мы получили бы следующие товарные цены:

Капиталы	Прибавочная стоимость	Стоимость товаров	Издержки производства товаров	Цена товаров	Норма прибыли	Отклонение цены от стоимости
I. $80_c + 20_v$	20	90	70	92	22%	+ 2
II. $70_c + 30_v$	30	111	81	103	22%	— 8
III. $60_c + 40_v$	40	131	91	113	22%	— 18
IV. $85_c + 15_v$	15	70	55	77	22%	+ 7
V. $95_c + 5_v$	5	20	15	37	22%	+ 17

В общей сложности товары продаются на $2 + 7 + 17 = 26$ выше и на $8 + 18 = 26$ ниже стоимости, так что отклонения цен взаимно уничтожаются благодаря равномерному распределению прибавочной стоимости, т. е. благодаря присоединению к соответственным издержкам производства товаров I—V средней прибыли в 22 единицы на каждую сотню авансированного капитала; в той же самой мере, в какой одна часть товаров продается выше, другая часть продается ниже ее стоимости. И только продажа их по таким ценам делает возможным, что норма прибыли для капиталов I—V одинакова и равна 22%, несмотря на различное органическое строение капиталов I—V. Цены, возникающие таким образом, что из различных норм прибыли в различных сферах производства выводится средняя и эта средняя присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства, — такие цены суть *цены производства*. Предпосылкой их является существование какой-то общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой особой сфере производства в отдельности уже сведены к соответствующей средней норме. Эти особые нормы прибыли в каждой сфере производства $= \frac{m}{K}$ и должны быть выведены, как это и сделано в первом отделе настоящей книги, из стоимости товара. Без такого выведения общая норма прибыли (а следовательно и цена производства товара) была бы представлением, лишенным смысла и содержания. Цена производства товара равняется, таким образом, издержкам его производства плюс присоединенная к ним прибыль, исчисленная соответственно общей норме прибыли, другими словами: цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль.

Вследствие различного органического строения капиталов, вложенных в различные отрасли производства, а потому вследствие того, что в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины равновеликими капиталами приводятся в движение весьма различные количества труда, равновеликими капиталами присваиваются также весьма

различные количества прибавочного труда, или производятся весьма различные массы прибавочной стоимости. Соответственно этому нормы прибыли, господствующие в различных отраслях производства, первоначально весьма различны. Эти различные нормы прибыли выравниваются путем конкуренции в единую общую норму прибыли, представляющую собой среднее из этих различных норм прибыли. Прибыль, выпадающая согласно этой общей норме на капитал данной величины, каково бы ни было его органическое строение, называется средней прибылью. Цена товара, равная его издержкам производства плюс выпадающая на его долю при данных условиях его оборота часть годовой средней прибыли на капитал, применяемый в производстве товара (а не только потребленный в его производстве), есть его цена производства. Возьмем для примера капитал в 500, в том числе 100 основного капитала, 10% которого изнашивается в течение одного периода оборота, совершаемого оборотным капиталом в 400. Средняя норма прибыли в продолжение этого периода оборота пусть будет 10%. Тогда издержки производства продукта, изготовленного за время этого оборота, будут: 10_c (износ) плюс 400 ($c + v$) оборотного капитала = 410; и его цена производства: 410 издержки производства плюс (10% прибыли на 500) 50 = 460.

Таким образом, хотя капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают обратно капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров, однако они получают не ту прибавочную стоимость, а следовательно и не ту прибыль, которая произведена в их собственной отрасли при производстве этих товаров, а лишь столько прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, сколько при равномерном распределении ее приходится на каждую соответственную часть совокупного общественного капитала из всей прибавочной стоимости, или всей прибыли, произведенной в течение данного промежутка времени этим совокупным общественным капиталом во всех сферах производства, вместе взятых. На 100 единиц каждого авансированного капитала, каково бы ни было его строение, приходится в течение года или иного промежутка времени столько прибыли, сколько и на каждую сотню всего совокупного капитала за этот же промежуток времени. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу, как простые акционеры одного акционерного общества, в котором прибыль распределяется между ними равномерно на каждую сотню капитала и поэтому для различных капиталистов она бывает различна лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие в зависимости от относительных размеров участия каждого в этом общем предприятии, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций. Итак, если та часть товарной цены, которая возмещает части капитальной стоимости, потребленные в производстве това-

ра, и на которую, следовательно, эти потребленные капитальные стоимости снова должны быть закуплены, если эта часть, составляющая издержки производства, всецело определяется затратами, произведенными в пределах соответственной сферы производства, то другая составная часть товарной цены, присоединяемая к этим издержкам производства, прибыль, определяется не массой прибыли, произведенной этим определенным капиталом в этой определенной сфере производства в течение данного времени, а той массой прибыли, которая за данный промежуток времени в среднем приходится на каждый вложенный в дело капитал, как определенную часть совокупного общественного капитала, вложенного во все производство в целом ²²⁾.

Таким образом, если капиталист продает свой товар по цене производства, то он получает количество денег, соответствующее величине стоимости капитала, потребленного им в производстве, и извлекает прибыль, пропорциональную величине авансированного им капитала, просто как определенной части совокупного общественного капитала. Издержки производства для каждого капиталиста носят специфический характер. Прибыль, присоединяемая к этим издержкам производства, не зависит от условий соответствующей особой сферы производства и есть простая средняя на каждую сотню авансированного капитала.

Допустим, что в предыдущем примере пять различных капиталов I—V принадлежат одному лицу. Количество переменного и постоянного капитала, потребленное в производстве товаров на каждую сотню вложенного в дело капитала, здесь дано для каждого предприятия I—V, и эта часть стоимости товаров I—V, само собой разумеется, часть их цены, так как эта цена необходима для возмещения авансированной и потребленной части капитала. Таким образом, эти издержки производства различны для каждого рода товаров I—V и как таковые должны быть фиксированы владельцем. Что же касается различных масс прибавочной стоимости, или прибыли, произведенных на предприятиях I—V, то капиталист мог бы рассматривать их как прибыль на весь свой авансированный капитал, так что на каждую сотню капитала пришлась бы соответствующая часть всей этой прибыли. Следовательно, издержки производства товаров на каждом из предприятий I—V были бы различны; но у всех этих товаров оказалась бы равной та часть продажной цены, которая образуется присоединяемой к издержкам производства прибылью на каждую сотню капитала. Общая цена товаров I—V равнялась бы, таким образом, общей их стоимости, т. е. сумме издержек производства I—V плюс сумма прибавочной стоимости, или прибыли, произведенной в I—V; следовательно, на деле общая их цена была бы денежным выражением со-

²²⁾ Cherbuliez [*«Richesse ou pauvreté»*. Paris, 1841, p. 71—72] ⁷⁵.

вокупного количества труда как прошлого, так и вновь присоединенного, заключающегося в товарах I—V. Подобным же образом в масштабе общества, — если рассматривать все отрасли производства как одно целое, — сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их стоимостей.

Кажется, будто этому положению противоречит тот факт, что в капиталистическом производстве элементы производительного капитала покупаются обыкновенно на рынке, следовательно, цены их содержат уже реализованную прибыль, и поэтому цена производства вместе с заключающейся в ней прибылью одной отрасли промышленности входит в издержки производства другой. Но если мы подсчитаем, с одной стороны, сумму издержек производства товаров в целой стране, с другой стороны, — сумму производимой в ней прибыли, или прибавочной стоимости, то, очевидно, мы получим правильный итог. Возьмем, например, какой-либо товар A ; пусть в издержки его производства входят прибыли от B, C, D , а в издержки производства B, C, D , в свою очередь, входит прибыль от A . Производя вышеуказанный подсчет, мы не будем прибыль от A причислять к его собственным издержкам производства, и точно так же прибыли от B, C, D и т. д. не войдут в их собственные издержки производства. Никто не причисляет своей собственной прибыли к издержкам своего производства. И, следовательно, если имеется, например, n отраслей производства и в каждой из них прибыль равна p , то издержки производства всех их вместе взятых $= k - np$. Рассматривая весь расчет в целом, мы находим таким образом, что прибыли одной сферы производства, поскольку они входят в издержки производства другой сферы, уже учитываются здесь как составная часть общей цены окончательного продукта и не могут снова появиться в графе прибылей. Если же они появляются в этой графе, то только потому, что данный товар сам есть окончательный продукт и, следовательно, его цена производства не входит в издержки производства какого-либо другого товара.

Если в издержки производства товара входит сумма $= p$, составляющая прибыль производителей средств производства, и если на эти издержки производства набавляется прибыль, равная p_1 , то общая прибыль будет $P = p + p_1$. Общая сумма издержек производства товара, абстрагированная от всех элементов цены, приходящихся на прибыль, равняется его собственным издержкам в данной сфере производства без p . Если мы эти издержки производства назовем k , то, очевидно, $k + P = k + p + p_1$. При исследовании прибавочной стоимости в «Капитале», кн. I, гл. VII, 2, стр. 182 и сл.⁷⁶ мы видели, что продукт каждого капитала можно рассматривать таким образом, что одна часть его только возмещает капитал, тогда как другая выражает лишь прибавочную стоимость. Применяя этот расчет к совокупному продукту общества, необходимо сделать соответственные поправки, так как по отношению ко

всему обществу в целом прибыль, заключающаяся, например, в цене льна, не может фигурировать дважды: один раз — как часть цены полотна и другой раз — как прибыль производителя льна.

Между прибылью и прибавочной стоимостью не существует различия, поскольку, например, прибавочная стоимость капиталиста *A* входит в постоянный капитал *B*. Ведь для стоимости товара совершенно безразлично, состоит ли заключающийся в нем труд из оплаченного или неоплаченного труда. Это показывает только, что *B* уплачивает прибавочную стоимость *A*. В общем итоге прибавочная стоимость *A* не может засчитываться два раза.

Однако существует все же следующее различие. Мало того, что цена продукта, произведенного, например, капиталом *B*, отклоняется от его стоимости, так как прибавочная стоимость, реализованная в *B*, может быть больше или меньше, чем прибыль, присоединенная к цене продуктов *B*, — то же самое обстоятельство сохраняет свою силу и по отношению к товарам, которые образуют постоянную часть капитала *B*, а косвенно — в качестве жизненных средств рабочих — и переменную его часть. Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства плюс прибавочная стоимость, т. е. в данном случае равна издержкам производства плюс прибыль, а эта прибыль, в свою очередь, может быть больше или меньше, чем та прибавочная стоимость, место которой она заступает. Что касается переменного капитала, то хотя дневная заработная плата в среднем всегда равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которое рабочий должен работать для того, чтобы произвести необходимые жизненные средства, однако само это количество часов, в свою очередь, непостоянно в силу того, что цены производства необходимых жизненных средств отклоняются от их стоимостей. Все это разрешается, однако, благодаря тому, что в один товар прибавочной стоимости входит на столько больше, на сколько ее недостает в другом, а следовательно, отклонения от стоимости, заключающиеся в ценах производства товаров, взаимно уничтожаются. Вообще при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний.

Так как общая норма прибыли образуется из средней различных норм прибыли на каждую сотню авансированного капитала за определенный период времени, скажем, за один год, то в ней погашается и то различие, которое создается различием времени оборота различных капиталов. Но эти различия являются определяющим моментом для различных норм прибыли тех разных сфер производства, средняя которых образует общую норму прибыли.

В предыдущей иллюстрации образования общей нормы прибыли каждый капитал каждой сферы производства был принят =

$= 100$, и это было сделано для того, чтобы выяснить процентную разницу в нормах прибыли, а следовательно, и разницу в стоимости товаров, производимых капиталами одинаковой величины. Но, разумеется, в действительности массы прибавочной стоимости, создаваемые в каждой отдельной сфере производства, зависят, раз дано строение капитала в каждой из этих данных сфер производства, от величины вложенных в дело капиталов. Между тем особая норма прибыли каждой отдельной сферы производства не изменяется от того, применяется ли в данном случае капитал, равный 100 , $m \times 100$ или $xt \times 100$. Норма прибыли одинаково составляет 10% как в том случае, когда вся прибыль составляет $10:100$, так и в том случае, когда она составляет $1\,000:10\,000$.

Но так как нормы прибыли в разных сферах производства различны вследствие того, что в этих последних, в зависимости от процентного отношения переменного капитала ко всему капиталу, производятся весьма различные массы прибавочной стоимости и, следовательно, весьма различные массы прибыли, то, очевидно, средняя прибыль на сотню общественного капитала, а потому и средняя норма прибыли, или общая норма прибыли, будет весьма значительно изменяться в зависимости от соответственной величины капиталов, вложенных в разные сферы производства. Возьмем четыре капитала A , B , C , D . Пусть норма прибавочной стоимости для всех них будет $= 100\%$. Пусть, наконец, на каждую сотню всего капитала приходится переменного капитала в $A = 25$, в $B = 40$, в $C = 15$, в $D = 10$. Тогда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню всего капитала составила бы для $A = 25$, для $B = 40$, для $C = 15$, для $D = 10$, всего $= 90$; следовательно, если все четыре капитала равновелики, средняя норма прибыли $= \frac{90}{4} = 22\frac{1}{2}\%$.

Но если общие величины капиталов будут: $A = 200$, $B = 300$, $C = 1\,000$, $D = 4\,000$, то произведенные прибыли составят соответственно 50 , 120 , 150 и 400 . Всего на $5\,500$ единиц капитала приходится 720 единиц прибыли, т. е. средняя норма прибыли равна $13\frac{1}{11}\%$.

Массы всей произведенной стоимости различны в зависимости от различия общих величин соответственных капиталов, авансированных в A , B , C и D . Поэтому при образовании общей нормы прибыли речь идет не только о различии норм прибыли в разных сферах производства, из которых надлежало бы просто вывести среднюю арифметическую, а и о том удельном весе, с которым эти различные нормы прибыли вступают в образование средней. Но это зависит от относительной величины капитала, вложенного в каждую отдельную сферу, т. е. от того, какую часть совокупного общественного капитала составляет капитал, вложенный в каждую отдельную сферу производства. Конечно, имеет очень существен-

ное значение, бо́льшая или меньшая часть всего капитала дает бо́льшую или меньшую норму прибыли. А это зависит опять-таки от того, сколько капитала вложено в отрасли производства с высоким и сколько в отрасли с низким отношением переменного капитала ко всему капиталу. Здесь дело обстоит совершенно так же, как со средней ставкой процента, получаемого ростовщиком, ссужающим различные части своего капитала из различных процентов, например из 4%, 5%, 6%, 7% и т. п. Средняя норма всецело зависит от того, какую часть своего капитала ростовщик ссудил по каждой из этих различных процентных ставок.

Таким образом, общая норма прибыли определяется двумя факторами:

1) органическим строением капиталов в разных сферах производства, следовательно, различными нормами прибыли в отдельных сферах;

2) распределением совокупного общественного капитала между этими различными сферами, следовательно, относительной величиной капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего поэтому особую норму прибыли, т. е. той долей, которая поглощается каждой отдельной сферой производства из всей массы общественного капитала.

В кн. I и II «Капитала» мы имели дело только со *стоимостями* товаров. Теперь же, с одной стороны, обособлены *издержки производства* как часть этой стоимости, с другой стороны, развита *цена производства* как превращенная форма стоимости товара.

Пусть среднее строение общественного капитала $80_c + 20_p$ и норма годовой прибавочной стоимости $m' = 100\%$, тогда средняя годовая прибыль для капитала в 100 будет $= 20$ и общая годовая норма прибыли $= 20\%$. Каковы бы ни были k , издержки производства товаров, произведенных в течение года капиталом 100, их цена производства была бы во всяком случае $= k + 20$. В сферах производства, где строение капитала $= (80 - x)_c + (20 + x)_p$, действительно произведенная прибавочная стоимость или прибыль, произведенная в течение года в данной сфере производства, была бы $= 20 + x$, т. е. больше, чем 20, и произведенная товарная стоимость была бы $= k + 20 + x$, больше, чем $k + 20$, или больше, чем цена производства. В сферах, где строение капитала $= (80 + x)_c + (20 - x)_p$, произведенная в течение года прибавочная стоимость, или прибыль, была бы $= 20 - x$, т. е. меньше, чем 20, и потому стоимость товара $k + 20 - x$ была бы меньше, чем цена производства, которая $= k + 20$. Если оставить в стороне возможные различия во времени оборота, цена производства товаров была бы равна их стоимости только в тех сферах, где строение капитала случайно $= 80_c + 20_p$.

Специфическое развитие общественной производительной силы труда в каждой отдельной сфере производства различно по степени,

выше или ниже в зависимости от того, каково количество средств производства, приводимых в движение определенным количеством труда, или — при данном рабочем дне — определенным числом рабочих, т. е. оно обратно пропорционально количеству труда, требуемого определенным количеством средств производства. Поэтому капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами *высокого* строения. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами *низкого* строения. Наконец, капиталами среднего строения мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала. Если средний общественный капитал состоит в процентах из $80_c + 20_v$, то капитал $90_c + 10_v$ стоит *выше*, капитал $70_c + 30_v$ *ниже* среднего общественного. Вообще при строении среднего общественного капитала, равном $m_c + n_v$, где m и n суть величины постоянные и $m + n = 100$, $(m + x)_c + (n - x)_v$ представляет высшее, $(m - x)_c + (n + x)_v$ — низшее строение отдельного капитала или группы капиталов. Как функционируют эти капиталы по установлении средней нормы прибыли при предположении, что все они оборачиваются один раз в год, — показывает следующая таблица, где I представляет среднее строение, а средняя норма прибыли поэтому $= 20\%$.

I. $80_c + 20_v + 20_m$.	Норма прибыли $= 20\%$.
	Цена продукта $= 120$. Стоимость $= 120$.
II. $90_c + 10_v + 10_m$.	Норма прибыли $= 20\%$.
	Цена продукта $= 120$. Стоимость $= 110$.
III. $70_c + 30_v + 30_m$.	Норма прибыли $= 20\%$.
	Цена продукта $= 120$. Стоимость $= 130$.

Таким образом, для товаров, произведенных капиталом II, стоимость меньше, чем цена производства; для товаров, произведенных капиталом III, цена производства меньше, чем стоимость, и только для капитала I в отрасли производства, где строение капитала случайно совпадает со средним общественным строением, стоимость и цена производства равны. Впрочем, при применении этих обозначений к определенным случаям необходимо, конечно, учитывать, в какой мере отклонение отношения c к v от среднего уровня вызывается не разницей в техническом строении, а простым изменением стоимости элементов постоянного капитала.

Рассуждения, развитые выше, несомненно модифицируют определение издержек производства товаров. Первоначально предполагалось, что издержки производства товара равны *стоимости* товаров, потребленных при его производстве. Но цена производства дан-

ного товара для покупателя последнего является его издержками производства и может таким образом войти в образование цены другого товара в качестве издержек производства. Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которые включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства. Не следует забывать об этом модифицированном значении издержек производства, не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства. Для нашего настоящего исследования нет необходимости подробнее входить в рассмотрение этого пункта. При этом во всяком случае остается справедливым положение, что издержки производства товаров всегда меньше их стоимости. В самом деле, как бы ни отклонялись издержки производства товара от стоимости потребленных им средств производства, для капиталиста эти прошлые отклонения не имеют никакого значения. Издержки производства товара есть данная, независимая от его, капиталиста, производства предпосылка, в то время как результат его производства есть товар, содержащий прибавочную стоимость, т. е. некоторый избыток стоимости над издержками его производства. Впрочем, положение, что издержки производства меньше, чем стоимость товара, практически превратилось теперь в положение, что издержки производства меньше, чем цена производства. По отношению к совокупному общественному капиталу, для которого цена производства равна стоимости, это положение тождественно с предыдущим, что издержки производства меньше, чем стоимость. Хотя для отдельных сфер производства оно модифицируется, тем не менее в основе его всегда остается тот факт, что при рассмотрении совокупного общественного капитала издержки производства произведенных им товаров оказываются ниже, чем стоимость, или, в данном случае, применительно ко всей массе произведенных товаров, издержки производства их оказываются ниже, чем тождественная с этой стоимостью цена производства. Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нем оплаченного труда, стоимость — всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства — сумме оплаченного труда плюс определенное количество неоплаченного труда, независимое от особых условий данной сферы производства.

Формула, согласно которой цена производства товара $= k + p$, т. е. равна издержкам производства плюс прибыль, теперь точнее определена в том смысле, что $p = kp'$ (где p' — общая норма прибыли) и, следовательно, цена производства $= k +$

+ kp' . Если $k = 300$ и $p' = 15\%$, то цена производства $k + kp' = 300 + 300 \times \frac{15}{100} = 345$.

Цена производства товаров в каждой отдельной отрасли производства может изменяться:

1) при неизменной стоимости товаров (т. е. при условии, что в производство товара входит неизменно одно и то же количество мертвого и живого труда) — вследствие такого изменения общей нормы прибыли, которое не зависит от конкретных условий данной сферы производства;

2) при неизменной общей норме прибыли — вследствие изменения стоимости как в самой данной сфере производства в результате технических перемен, так и вследствие изменения стоимости товаров, которые входят в постоянный капитал данной сферы производства в качестве образующих элементов;

3) наконец, — вследствие совместного влияния обоих этих обстоятельств.

Несмотря на крупные изменения, которым, — как будет показано дальше, — постоянно подвергаются фактические нормы прибыли в отдельных сферах производства, действительное изменение общей нормы прибыли, поскольку оно не вызывается какими-либо исключительными чрезвычайными экономическими событиями, наступает очень поздно вследствие целого ряда колебаний, охватывающих весьма продолжительные периоды, т. е. колебаний, требующих много времени для того, чтобы наступило прочное и уравновешенное изменение общей нормы прибыли. Поэтому при рассмотрении сравнительно коротких периодов (колебания рыночных цен мы совершенно оставляем в стороне) изменения цен производства всегда следует объяснять *prima facie* * действительным изменением стоимости товаров, т. е. изменением общей суммы рабочего времени, необходимого для их производства. Простое изменение денежного выражения одних и тех же стоимостей здесь, разумеется, вовсе не принимается во внимание ²³⁾.

С другой стороны, очевидно, что если рассматривать совокупный общественный капитал, то сумма стоимости произведенных им товаров (или, в денежном выражении, их цена) будет = стоимости постоянного капитала + стоимостью переменного капитала + прибавочная стоимость. Если степень эксплуатации труда принять за величину постоянную, то при неизменной массе прибавочной стоимости норма прибыли может изменяться здесь лишь при том условии, если изменяется стоимость постоянного капитала, если изменяется стоимость переменного капитала, или если обе они вместе изменяются так, что изменяется K , а следовательно

* — в первую очередь. *Ред.*

²³⁾ Corbet [*«An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals»*, London, 1841], p. 174 ⁷⁷⁾.

и $\frac{m}{K}$, общая норма прибыли. Следовательно, в каждом случае изменение общей нормы прибыли предполагает изменение стоимости товаров, которые входят в качестве образующих элементов в постоянный капитал, в переменный капитал или одновременно в тот и другой.

Далее, общая норма прибыли может изменяться при неизменной стоимости товаров, раз изменяется степень эксплуатации труда.

Наконец, при неизменной степени эксплуатации труда общая норма прибыли может изменяться, если сумма применяемого труда относительно изменяется по сравнению с постоянным капиталом вследствие технических перемен в процессе труда. Но такие технические перемены всегда должны обнаруживаться в изменении стоимости товаров, а потому должны всегда сопровождаться изменением стоимости товаров, на производство которых теперь требуется больше или меньше труда, чем требовалось раньше.

В первом отделе мы видели, что прибавочная стоимость и прибыль тождественны, поскольку они рассматриваются со стороны их массы. Однако норма прибыли уже с самого начала оказывается отличной от нормы прибавочной стоимости, причем отличие это первоначально представляется лишь иной формой расчета; но так как норма прибыли может повышаться или понижаться при неизменной норме прибавочной стоимости и наоборот, и так как капиталиста практически интересует исключительно норма прибыли, то это обстоятельство опять-таки с самого начала совершенно затемняет и мистифицирует происхождение прибавочной стоимости. Тем не менее количественное различие было только между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, а не между самой прибавочной стоимостью и прибылью. Так как в норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал и относится к этому последнему как к своей мере, то вследствие этого кажется, будто сама прибавочная стоимость возникла из всего капитала, и притом равномерно из всех его частей, и таким образом органическое различие между постоянным и переменным капиталами погашается в понятии прибыли; поэтому в действительности в этом своем превращенном виде, в качестве прибыли, прибавочная стоимость сама отрицает свое происхождение, утрачивает свой характер, становится неузнаваемой. Однако до сих пор различие между прибылью и прибавочной стоимостью сводилось лишь к качественному изменению, к изменению формы, в то время как действительное количественное различие на этой первой ступени превращения существует лишь между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости, но еще не между прибылью и прибавочной стоимостью.

Иначе обстоит дело, когда установлена общая норма прибыли и при ее посредстве средняя прибыль, соответствующая величине

применяемого капитала, величине, данной для различных отраслей производства.

Теперь только случайно прибавочная стоимость, а следовательно и прибыль, действительно произведенная в какой-либо особой отрасли производства, может совпасть с прибылью, заключающейся в продажной цене товара. Как правило, прибыль и прибавочная стоимость, а не только их нормы, являются действительно различными величинами. Теперь, при данной степени эксплуатации труда, масса прибавочной стоимости, произведенная в какой-либо отдельной сфере производства, оказывается важнее для совокупной средней прибыли общественного капитала, т. е. для класса капиталистов вообще, чем непосредственно для капиталиста в пределах каждой отдельной отрасли производства. Для последнего ²⁴⁾ она важна лишь постольку, поскольку количество прибавочной стоимости, произведенной в его отрасли производства, участвует как один из определяющих моментов в регулировании средней прибыли. Но это есть процесс, который протекает за спиной капиталиста, процесс, которого капиталист не видит, не понимает и которым он фактически не интересуется. Действительная разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью, — а не только между нормами прибыли и прибавочной стоимости, — в отдельных сферах производства совершенно скрывает теперь истинную природу и происхождение прибыли, и не только для капиталиста, который в данном случае имеет особый интерес обманываться, но и для рабочего. С превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости. Наконец, если уже при простом превращении прибавочной стоимости в прибыль та часть стоимости товара, которая образует прибыль, противопоставляется другой части стоимости как издержкам производства, то уже здесь понятие стоимости ускользает от капиталиста, потому что последний имеет перед собой не все количество труда, которого стоит производство товара, а лишь ту часть этого труда, которую он оплатил в форме живых или мертвых средств производства, и таким образом капиталисту прибыль представляется чем-то стоящим вне имманентной стоимости товара; с превращением стоимости в цену производства это представление окончательно утверждается, упрочивается и закостеневаает, так как теперь, если рассматривать отдельную сферу производства, прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не границами процесса образования стоимости, совершающегося в данной отрасли, а условиями, лежащими совершенно вне ее.

То обстоятельство, что эта внутренняя зависимость раскрыта здесь впервые; что политическая экономия, как будет показано в

²⁴⁾ Само собой разумеется, мы совершенно отвлекаемся здесь от возможности получить временную добавочную прибыль путем понижения заработной платы, монопольных цен и т. п. [Ф. Э.]

дальнейшем изложении и в книге IV⁷⁸, до сих пор или произвольно абстрагировалась от различия между прибавочной стоимостью и прибылью, нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли с тем, чтобы иметь возможность сохранить в качестве основы определение стоимости, или же отказывалась от этого определения стоимости и вместе с ним от всякой почвы для научного отношения к вопросу, чтобы ухватиться за различия, лежащие на поверхности явлений и бросающиеся в глаза, — эта путаница, царящая среди теоретиков, лучше всего показывает, как капиталист, всецело захваченный конкурентной борьбой и отнюдь не проникающий за ее внешние проявления, как такой капиталист-практик не способен распознать за обманчивой внешностью внутреннюю сущность и внутренний строй этого процесса.

Все законы повышения и понижения нормы прибыли, развитые в первом отделе, в действительности имеют следующее двойное значение:

1) С одной стороны, это — законы общей нормы прибыли. При обилии различных причин, которые, согласно вышеизложенному, заставляют норму прибыли повышаться или понижаться, можно было бы думать, что общая норма прибыли ежедневно должна изменяться. Но движение в одной сфере производства уничтожается движением в другой сфере производства; влияния перекрещиваются и взаимно парализуются. В дальнейшем мы исследуем, в какую сторону в конечном счете склоняются эти колебания; но происходят они медленно; внезапность, многосторонность и различная продолжительность колебаний в отдельных сферах производства приводят к тому, что колебания отчасти уравниваются благодаря своему чередованию во времени, так что за повышением цен следует их понижение и наоборот; следовательно, колебания остаются местными, т. е. ограниченными определенной сферой производства; наконец, по этим же причинам различные местные колебания взаимно нейтрализуются. В пределах каждой отдельной сферы производства происходят изменения, отклонения от общей нормы прибыли, которые, с одной стороны, выравниваются в течение определенного периода времени и поэтому не влияют на общую норму прибыли и, с другой стороны, не могут влиять на нее, так как уничтожаются другими, одновременно происходящими местными колебаниями. Так как общая норма прибыли определяется не только средней нормой прибыли в каждой сфере, но также распределением совокупного капитала между различными отдельными сферами, и так как это распределение постоянно изменяется, то здесь мы снова имеем постоянную причину изменения общей нормы прибыли, но такую причину изменения, которая благодаря непрерывности* и всесторонности этого движения опять-таки в значительной степени парализует самое себя.

* В оригинале сказано: «прерывистости»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

2) В пределах каждой сферы норма прибыли этой сферы имеет возможность колебаться в течение более или менее продолжительного периода, пока колебание это после ряда повышений и понижений не консолидируется настолько, чтобы иметь достаточно времени для воздействия на общую норму прибыли и, следовательно, для того чтобы приобрести более чем местное значение. Поэтому в пределах таких пространственных и временных границ законы нормы прибыли, развитые в первом отделе этой книги, опять-таки сохраняют свою силу.

Теоретический взгляд, — относительно первого превращения прибавочной стоимости в прибыль, — что каждая часть капитала в равной мере производит прибыль²⁵⁾, выражает практический факт. Каково бы ни было строение промышленного капитала, приводит ли он в движение четверть мертвого труда и три четверти живого или три четверти мертвого и одну четверть живого, впитывает ли в одном случае втрое больше прибавочного труда, или производит втрое больше прибавочной стоимости, чем в другом, при одинаковой степени эксплуатации труда и независимо от индивидуальных различий, которые, впрочем, исчезают сами собой, так как в этом и другом случае мы имеем лишь среднее строение для всей сферы производства, в обоих этих случаях прибыль будет одинакова. Отдельно взятый капиталист (или все капиталисты в каждой сфере производства), взгляд которого ограничен, справедливо полагает, что его прибыль происходит не только из труда, применяемого им или в его отрасли производства. Это совершенно верно, поскольку дело идет о средней прибыли отдельного капиталиста. Насколько же эта прибыль обуславливается общей эксплуатацией труда совокупным капиталом, т. е. всеми собратьями-капиталистами, это является для него совершеннейшей тайной, тем более что сами буржуазные теоретики, экономисты, до сих пор не разоблачили этой тайны. Экономия на труде — не только на труде, необходимым для производства определенного продукта, но и на числе занятых рабочих — и большее применение мертвого труда (постоянного капитала) представляется операцией, экономически совершенно правильной и отнюдь не затрагивающей общей нормы прибыли и средней прибыли. Но как же тогда живой труд может быть исключительным источником прибыли, если оказывается, что уменьшение количества труда, необходимого для производства, не только не понижает прибыли, но при известных условиях является, напротив, ближайшим источником увеличения прибыли, по крайней мере для отдельного капиталиста?

Если в данной сфере производства повышается или понижается та часть издержек производства, которая представляет стоимость постоянного капитала, то эта часть выходит из сферы обращения

²⁵⁾ *Malthus* [«Principles of Political Economy». 2nd ed., London, 1836, p. 268] 79.

и вступает в процесс производства товара уже с самого начала увеличенной или уменьшенной. Если, с другой стороны, данное число рабочих производит в течение того же самого времени меньше или больше продукта, следовательно, при неизменном числе рабочих изменяется количество труда, необходимое для производства определенного количества товаров, то часть издержек производства, представляющая стоимость переменного капитала, может остаться неизменной, т. е. войти в тех же самых размерах в издержки производства всего продукта. Но на каждую единицу товаров, сумма которых составляет весь продукт, падает теперь больше или меньше труда (оплаченного, а значит и неоплаченного), следовательно также больше или меньше затрат на этот труд, т. е. большая или меньшая доля заработной платы. Вся выплаченная капиталистом заработная плата осталась той же самой, но она изменилась в расчете на штуку товара. Таким образом, здесь имеет место изменение в этой части издержек производства товаров. Повысятся или понизятся издержки производства отдельного товара вследствие таких изменений стоимости его самого или его элементов (или же изменятся также издержки производства суммы товаров, производимых капиталом данной величины), — во всяком случае средняя норма прибыли, если она была 10%, так и останется 10%; хотя по отношению к отдельному товару 10% представляют весьма различную величину в зависимости от того, насколько изменилась величина издержек производства этого отдельного товара вследствие предположенного нами изменения стоимости ²⁶⁾.

Что касается переменного капитала, — а это как раз самое важное, так как он есть источник прибавочной стоимости и так как все, скрывающее его действительную роль в обогащении капиталиста, мистифицирует всю систему, — то капиталисту дело представляется в грубо упрощенном виде, а именно следующим образом: пусть переменный капитал в 100 ф. ст. представляет недельную заработную плату 100 рабочих. Если эти 100 рабочих при данном рабочем дне производят в неделю 200 штук товара = 200*T*, то, отвлекаясь от той части издержек производства, которую присоединяет постоянный капитал, $1T = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{200} = 10 \text{ шилл.}$, так как 100 ф. ст. = 200*T*. Допустим теперь, что произошло изменение в производительной силе труда: пусть она удвоилась, так что прежнее число рабочих производит дважды по 200*T* за то самое время, в течение которого раньше производилось только 200*T*. В этом случае (поскольку издержки производства складываются только из заработной платы) $1T = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{400} = 5 \text{ шилл.}$, так как 100 ф. ст. = 400*T*. Если бы, наоборот, производительная сила уменьшилась

²⁶⁾ Corbet [*An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals*], London, 1841, p. 20].

вдвое, то тот же самый труд произвел бы лишь $\frac{200T}{2}$; и так как $100 \text{ ф. ст.} = \frac{200T}{2}$, то $1T$ теперь $= \frac{200 \text{ ф. ст.}}{200} = 1$ фунту стерлингов. Изменение рабочего времени, необходимого для производства товаров, а следовательно изменение стоимости товаров, представляется теперь по отношению к издержкам производства, а потому и к ценам производства, как иное распределение той же самой заработной платы на большее или меньшее количество товаров, смотря по тому, больше или меньше товаров производится в течение того же самого рабочего времени за ту же самую заработную плату. Капиталист, а следовательно и экономист, видят, что с изменением производительности труда изменяется количество оплаченного труда, которое падает на каждую штуку товара, а вместе с тем и стоимость каждой отдельной штуки; но они не видят, что то же самое имеет место и по отношению к неоплаченному труду, содержащемуся в каждой штуке товара, и они тем более не видят этого, так как средняя прибыль действительно лишь случайно определяется неоплаченным трудом, поглощенным в данной сфере производства. Только в такой грубой и бессодержательной форме проявляется теперь тот факт, что стоимость товаров определяется заключающимся в них трудом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

**ВЫРАВНИВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ
ПОСРЕДСТВОМ КОНКУРЕНЦИИ.
РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ И РЫНОЧНЫЕ СТОИМОСТИ.
ДОБАВОЧНАЯ ПРИБЫЛЬ**

Часть сфер производства имеет среднее строение капитала, т. е. строение их капитала вполне или приблизительно такое же, как строение среднего общественного капитала.

Цена производства товаров, производимых в этих сферах, полностью или приблизительно совпадает с их стоимостью, выраженной в деньгах. Стоимость составляет математический предел цены производства. Конкуренция так распределяет общественный капитал между различными сферами производства, что цены производства в каждой сфере складываются по образцу цен производства в сферах среднего строения, т. е. $= k + kp'$ (издержки производства плюс произведение издержек производства на среднюю норму прибыли). Но эта средняя норма прибыли есть не что иное как выраженная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения, где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью. Следовательно, норма прибыли во всех сферах производства одна и та же, а именно, равная норме прибыли в тех средних сферах производства, где господствует среднее строение капитала. Поэтому сумма прибыли всех различных сфер производства должна быть равна сумме прибавочной стоимости, и сумма цен производства всего общественного продукта должна быть равна сумме его стоимости. Но, очевидно, выравнивание сфер производства с различным строением капитала всегда должно стремиться уравнивать эти сферы с теми, где строение капитала среднее, безразлично, совпадает ли это последнее точно или только приблизительно со средним строением совокупного общественного капитала. В отраслях производства, в большей или меньшей степени приближающихся к средней, опять-таки наблюдается тенденция к выравниванию, которая стремится к идеальному, т. е. в действительности не существующему, среднему уровню, иными словами, наблюдается тенденция устанавливать норму, находящуюся около этого идеального уровня. Итак, в этом отношении неизбежно гос-

подстужает тенденция сделать цены производства просто превращенной формой стоимости или превратить прибыли в простые части прибавочной стоимости, которые, однако, распределяются не пропорционально прибавочной стоимости, произведенной в каждой отдельной сфере производства, а пропорционально массе капитала, применяемого в каждой сфере производства, так что на равновеликие массы капитала, каково бы ни было их органическое строение, приходится равновеликие доли (части) совокупной прибавочной стоимости, произведенной совокупным общественным капиталом.

Таким образом, для капиталов среднего или приблизительно среднего строения цена производства совпадает со стоимостью или приближается к ней, а прибыль — с произведенной ими прибавочной стоимостью. Все другие капиталы, каково бы ни было их строение, стремятся под давлением конкуренции выравниваться с капиталами среднего строения. Но так как капиталы среднего строения по своему строению равны или приблизительно равны среднему общественному капиталу, то все капиталы, какова бы ни была произведенная ими самими прибавочная стоимость, стремятся вместо этой прибавочной стоимости реализовать в ценах своих товаров среднюю прибыль, т. е. стремятся реализовать цены производства.

С другой стороны, можно сказать, что везде, где образуется средняя прибыль, а следовательно, и общая норма прибыли, — каким бы путем ни достигался этот результат, — эта средняя прибыль не может быть ничем иным, как только прибылью на средний общественный капитал, сумма которой равна сумме прибавочной стоимости, и что цены, получаемые путем надбавки этой средней прибыли к издержкам производства, не могут быть ничем иным, как только стоимостью, превращенной в цены производства. Дело несколько не изменилось бы, если бы капиталы, вложенные в определенные сферы производства, по каким-либо причинам не подлежали процессу выравнивания. Средняя прибыль исчислялась бы тогда на ту часть общественного капитала, которая входит в процесс выравнивания. Очевидно, средняя прибыль не может быть ничем иным, как совокупной массой прибавочной стоимости, распределенной в каждой сфере производства на массы вложенных в нее капиталов пропорционально их величинам. Это есть сумма реализованного неоплаченного труда, и вся эта масса неоплаченного труда, так же как и оплаченный мертвый и живой труд, получает выражение во всей массе товаров и денег, присваиваемых капиталистами.

Действительно трудным вопросом является здесь следующий — каким образом происходит это выравнивание прибылей в общую норму прибыли, раз оно, очевидно, есть результат и не может быть исходным пунктом.

Прежде всего очевидно, что оценка товарной стоимости, например в деньгах, может быть лишь результатом ее обмена и что,

предположив такую оценку, мы должны рассматривать ее как результат действительного обмена товарной стоимости на товарную стоимость. Каким же образом может осуществиться этот обмен товаров по их действительным стоимостям?

Допустим сначала, что все товары в различных сферах производства продаются по их действительным стоимостям. Что произошло бы тогда? Согласно вышеизложенному, в этом случае в разных сферах производства господствовали бы очень различные нормы прибыли. Продаются ли товары по их стоимости (т. е. обмениваются ли они друг на друга пропорционально заключенной в них стоимости, по ценам, соответствующим их стоимости), или же они продаются по таким ценам, что продажа их доставляет одинаковые по величине прибыли на одинаковые массы соответственных капиталов, авансированных на их производство, — это вещи *prima facie* * совершенно различные.

То обстоятельство, что капиталы, приводящие в движение неодинаковое количество живого труда, производят неодинаковое количество прибавочной стоимости, предполагает, по крайней мере до известных пределов, что степень эксплуатации труда, или норма прибавочной стоимости, везде одинакова, или что различия, существующие в этой области, выравниваются в силу действительных или воображаемых (условных) оснований для компенсации. Это предполагает конкуренцию между рабочими и выравнивание путем постоянных переходов их из одной отрасли производства в другую. Такая общая норма прибавочной стоимости, — в виде тенденции, как и все экономические законы, — была допущена нами в качестве теоретического упрощения; однако в действительности она является фактической предпосылкой капиталистического способа производства, хотя установление ее и тормозится в большей или меньшей степени практическими препятствиями, которые создают более или менее значительные местные различия, — таковы, например, законы об оседлости (*settlement laws*) ⁸¹ для английских сельскохозяйственных рабочих. Но в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов.

Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости. И совокупная цена товаров, произведенных данным капиталом за данный промежуток времени, должна удовлетво-

* — прежде всего. *Ред.*

рить этому требованию. Но совокупная цена этих товаров есть просто сумма цен отдельных товаров, образующих продукт капитала.

Punctum saliens * выступит всего ярче, если мы подойдем к вопросу следующим образом: пусть сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом. Эти товары не были бы тогда продуктами капитала. Стоимость средств труда и материалов труда, применяемых в различных отраслях труда, была бы различна в зависимости от технической природы различных работ. Равным образом, независимо от различной стоимости применяемых средств производства, потребовалась бы различная масса этих последних для данной массы труда, так как один товар может быть изготовлен в один час, другой — только в течение целого дня и т. д. Допустим далее, что эти рабочие в среднем работают одинаковое количество времени, причем принимаются в расчет те уравнивающие влияния, которые вытекают из различной интенсивности труда и т. д. Тогда двое рабочих в товарах, составляющих продукт их дневного труда, воспроизвели бы, во-первых, эквивалент своих затрат, т. е. издержек средств производства, потребленных в процессе их труда. Последние были бы различны в зависимости от технической природы их отраслей труда. Во-вторых, оба рабочих создали бы равные количества новой стоимости, а именно — стоимости, присоединенную к средствам производства в течение рабочего дня. Эта новая стоимость заключала бы в себе их заработную плату плюс прибавочная стоимость, прибавочный труд, продолжающийся за пределы их необходимых потребностей, причем результаты прибавочного труда принадлежали бы самим рабочим. Выражаясь капиталистическим языком, оба рабочих получают равную заработную плату плюс равная прибыль, — стоимость, выраженную в продукте, например, десятичасового рабочего дня. Но, во-первых, стоимости их товаров были бы различны. Пусть, например, в стоимости товара I на потребленные средства производства приходится большая часть, чем в товаре II; и для того, чтобы сразу учесть все возможные различия, допустим, что товар I впитывает больше живого труда, следовательно, для его изготовления требуется более продолжительное рабочее время, чем для товара II. Таким образом стоимость этих товаров I и II очень различна. Равным образом различны и суммы товарных стоимостей, составляющих продукт труда, выполненного в течение данного времени рабочим I и рабочим II. Нормы прибыли для I и II будут также очень различны, если мы в данном случае назовем нормой прибыли отношение прибавочной стоимости ко всей стоимости затраченных средств производства. Жизненные средства, ежедневно потребляемые I и II рабочим во время производства и представляющие заработную плату, образуют здесь ту часть

* Решающий пункт. *Ред.*

авансированных средств производства, которую мы в других случаях называем переменным капиталом. Но прибавочные стоимости для I и II были бы за одинаковое рабочее время одинаковы; или, еще точнее, так как I и II получают каждый стоимость продукта одного рабочего дня, то оба они за вычетом стоимости авансированных «постоянных» элементов получают равную стоимость, одну часть которой можно рассматривать как возмещение жизненных средств, потребленных при производстве, а другую — как остающуюся сверх того прибавочную стоимость. Если I сделал больше затрат, то последние возмещаются большей суммой той части стоимости его товара, которая возмещает эту «постоянную» часть, и потому он должен также большую часть всей стоимости своего продукта превратить обратно в вещественные элементы этой постоянной части, тогда как II, если он и выручает меньше, то должен зато и превращать меньшую часть стоимости в вещественные элементы постоянной части. Таким образом, при этом предположении различие норм прибыли было бы безразличным обстоятельством, совершенно так же, как в настоящее время для наемного рабочего безразлично, в какой норме прибыли выражается выжатое из него количество прибавочной стоимости, и совершенно так же, как в международной торговле различие норм прибыли у различных наций оказывается совершенно безразличным обстоятельством для их товарообмена.

Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития.

Каким бы образом ни устанавливались и ни регулировались первоначально цены различных товаров по отношению друг к другу, движение их подчиняется закону стоимости. Когда уменьшается рабочее время, необходимое для производства товара, падают и цены; когда оно увеличивается, повышаются при прочих равных условиях и цены.

Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически как *prius** цен производства. Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства; таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее мнением²⁷⁾, что развитие продуктов в товары возникает вследствие

* — предшествующее. *Ped.*

27) Тогда, в 1865 г., это было только «мнением» Маркса. Теперь, после обширных исследований первобытной общины, начиная с Маурера и кончая Морганом²²⁾, это едва ли кем-либо оспариваемый факт. — Ф. Э.

обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины⁸³. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим общественным отношениям, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины.

Для того чтобы цены, по которым взаимно обмениваются товары, соответствовали приблизительно их стоимостям, требуется лишь: 1) чтобы обмен различных товаров перестал быть чисто случайным или только единичным явлением; 2) чтобы, поскольку мы рассматриваем непосредственный обмен товаров, товары эти производились с той и другой стороны в количествах, приблизительно соответствующих взаимной потребности в них, что устанавливается взаимным опытом, приобретаемым при сбыте, и таким образом возникает как результат длительно существующего обмена, и 3) поскольку речь идет о продаже, чтобы никакая естественная или искусственная монополия не давала возможности сторонам, совершающим сделку, продавать выше стоимости или не принуждала их уступать ниже ее. Под случайной монополией мы понимаем монополию, возникающую для покупателя или продавца из случайного соотношения спроса и предложения.

Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимостям, означает, конечно, лишь то, что их стоимость является центром тяготения, вокруг которого вращаются их цены и по которому уравниваются их постоянные колебания вверх и вниз. Необходимо, кроме того, всегда отличать *рыночную стоимость*, — о которой мы поговорим позднее, — от индивидуальной стоимости отдельных товаров, произведенных различными производителями. Индивидуальная стоимость некоторых из этих товаров будет стоять ниже их рыночной стоимости (т. е. для их производства требуется меньше рабочего времени, чем выражает рыночная стоимость), индивидуальная стоимость других товаров — выше их рыночной стоимости. Рыночная стоимость должна рассматриваться, с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведенных в данной сфере производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной сферы и которые составляют значительную массу продуктов последней. Только при исключительных комбинациях рыночная стоимость регулируется товарами, произведенными при наихудших или наиболее благоприятных условиях, причем эта рыночная стоимость, в свою очередь, является центром колебаний для рыночных цен, которые, однако, всегда одинаковы для товаров одного и того же вида. Если обычный спрос удовлетво-

ряется предложением товаров по средней стоимости, т. е. по средней стоимости той массы, которая лежит между обеими крайностями, то товары, индивидуальная стоимость которых ниже рыночной, реализуют добавочную прибавочную стоимость, или добавочную прибыль, тогда как товары, индивидуальная стоимость которых выше рыночной, не могут реализовать части заключающейся в них прибавочной стоимости.

Отнюдь не уясняет вопроса утверждение, что продажа товаров, произведенных при наихудших условиях, доказывает, что они необходимы для покрытия спроса. Если бы в разбираемом случае цена стояла выше средней рыночной стоимости, то спрос был бы меньше *. При определенных ценах известный вид товаров может занимать на рынке лишь определенное место; при изменении цен место это может оставаться неизменным лишь в том случае, если повышение цены совпадает с уменьшением количества товаров или понижение цены — с увеличением количества товаров. Если же спрос настолько сильный, что он не сокращается даже тогда, когда цена регулируется стоимостью товаров, произведенных при наихудших условиях, то эти последние определяют рыночную стоимость. Это возможно лишь в том случае, если спрос превышает обычный уровень или предложение падает ниже обычной величины. Наконец, если масса произведенных товаров превышает количество их, находящее себе сбыт по средним рыночным стоимостям, то рыночную стоимость определяют товары, произведенные при наилучших условиях. Товары этой последней категории могут, например, продаваться вполне или приблизительно по их индивидуальным стоимостям, причем может случиться, что товары, произведенные при наихудших условиях, не реализуют даже своих издержек производства, в то время как товары, произведенные при средних условиях, могут реализовать лишь часть заключающейся в них прибавочной стоимости. То, что сказано здесь о рыночной стоимости, относится и к цене производства, раз последняя заступает место рыночной стоимости. Цена производства регулируется в каждой отдельной сфере и регулируется точно так же в зависимости от определенных обстоятельств. Но сама она опять-таки является центром, вокруг которого колеблются ежедневные рыночные цены и по которому эти цены выравниваются в течение определенных периодов (см. Рикардо об определении цен производства предприятиями, работающими при наихудших условиях⁸⁴).

Как бы ни регулировались цены, получают следующие выводы:

1) Закон стоимости управляет движением цен так, что уменьшение или увеличение рабочего времени, необходимого для произ-

* В оригинале сказано: «больше»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Рев.*

водства, заставляет цены производства понижаться или повышаться. Именно в этом смысле Рикардо (который чувствует, конечно, что его цены производства отклоняются от стоимости товаров) говорит, что

«исследование, на которое он хочет обратить внимание читателя, касается влияния изменений не абсолютной, а относительной стоимости товаров» [D. Ricardo, «Principles of Political Economy». Works ed. by MacCulloch, London, 1852, p. 15] ⁸⁵.

2) Средняя прибыль, определяющая цены производства, всегда должна быть приблизительно равна тому количеству прибавочной стоимости, которое приходится на данный капитал, как соответствующую часть всего общественного капитала. Допустим, что общая норма прибыли и, следовательно, средняя прибыль выражается в денежной стоимости более высокой, чем действительная средняя прибавочная стоимость в денежном выражении. Поскольку дело касается капиталистов, безразлично, начисляют ли они взаимно 10% или 15% прибыли. 10% соответствуют действительной стоимости товаров не более, чем 15%, так как денежное выражение преувеличивается взаимно. Что же касается рабочих (предполагается, что они получают свою нормальную заработную плату, следовательно, повышение средней прибыли не означает действительного вычета из заработной платы, т. е. не выражает чего-либо совершенно отличного от нормальной прибавочной стоимости капиталиста), то вызванному повышением средней прибыли повышению товарных цен должно соответствовать повышение денежного выражения переменного капитала. В самом деле, такое общее номинальное повышение нормы прибыли и средней прибыли выше уровня, определяемого отношением действительной прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, невозможно без того, чтобы не вызвать повышения заработной платы, а также повышения цен товаров, образующих постоянный капитал. Понижение должно оказать обратное действие. Так как совокупная стоимость товаров регулирует совокупную прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует — как общий закон, управляющий колебаниями, — высоту средней прибыли, а следовательно общую норму прибыли, то, очевидно, закон стоимости регулирует цены производства.

Что осуществляет конкуренция, прежде всего, в одной сфере производства, так это — установление одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из различных индивидуальных стоимостей товаров. Но только конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, которая выравнивает нормы прибыли различных отраслей. Для образования цен производства требуется более высокое развитие капиталистического способа производства, чем для установления одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены.

Для того чтобы товары одной и той же сферы производства, одного и того же вида и приблизительно одного и того же качества продавались по их стоимости, необходимы два условия:

Во-первых, различные индивидуальные стоимости должны выравниваться в *одну* общественную стоимость, выше разобранную нами рыночную стоимость, а для этого требуется наличие конкуренции между производителями одного и того же вида товаров, так же как и наличие рынка, на котором они одновременно предлагают свои товары. Для того чтобы рыночная цена товаров, тождественных между собой, но производимых каждый при условиях с различной индивидуальной окраской, соответствовала рыночной стоимости, не отклонялась от нее ни вверх, ни вниз, давление, оказываемое различными продавцами друг на друга, должно быть достаточно велико, чтобы выбросить на рынок такую массу товаров, которая соответствует общественной потребности, т. е. такое количество их, за которое общество способно уплатить рыночную стоимость. Если масса продуктов превышает эту потребность, товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости; наоборот, они должны быть проданы выше их рыночной стоимости, если масса продуктов недостаточно велика или, что то же самое, если давление конкуренции среди продавцов недостаточно сильно для того, чтобы принудить их вынести соответствующую массу товаров на рынок. Если бы изменилась рыночная стоимость, то изменились бы и те условия, на которых может быть продана вся масса товаров. При падении рыночной стоимости общественная потребность (под которой здесь всегда разумеется платежеспособная потребность) в среднем расширяется и в известных границах может поглотить более значительные массы товаров. При повышении рыночной стоимости общественная потребность в товарах сокращается и поглощает меньшие массы их. Поэтому, если спрос и предложение регулируют рыночные цены или, точнее, отклонения рыночных цен от рыночной стоимости, то, с другой стороны, рыночная стоимость регулирует отношения спроса и предложения или тот центр, вокруг которого изменения спроса и предложения заставляют колебаться рыночные цены.

Рассматривая вопрос подробнее, мы находим, что условия, действительные для стоимости отдельного товара, воспроизводятся здесь как условия, определяющие стоимость всей суммы товаров данного вида, так как капиталистическое производство с самого начала есть производство массовое; да и при других, менее развитых способах производства, товары, — по крайней мере основные товары, — производимые в сравнительно незначительных количествах как общий продукт хотя бы и многих мелких производителей, сосредоточиваются на рынке крупными массами в руках сравнительно немногих купцов, накаплиются и продаются ими как общий продукт целой отрасли производства или ее более или менее крупных частей.

Отметим здесь совсем мимоходом, что «общественная потребность», т. е. то, что регулирует принцип спроса, обуславливается в основном отношением различных классов друг к другу и их относительным экономическим положением, а следовательно, в частности, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.); таким образом также и здесь снова обнаруживается, что отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии объяснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится это отношение.

Хотя и товар и деньги представляют собой единство меновой стоимости и потребительной стоимости, тем не менее, как мы уже видели («Капитал», кн. I, гл. I, 3), в акте продажи и купли оба эти определения располагаются полярно на двух крайних точках, так что товар (продавец) представляет потребительную стоимость, а деньги (покупатель) — меновую стоимость. Что товар должен иметь потребительную стоимость, должен, следовательно, удовлетворять общественной потребности, в этом, как мы установили, заключается первая предпосылка продажи. Другая состоит в том, что количество труда, заключающееся в товаре, должно представлять общественно необходимый труд, следовательно, индивидуальная стоимость (или, что при данном предположении то же самое, — продажная цена) товара должна совпадать с его общественной стоимостью²⁸⁾.

Применим это к находящейся на рынке массе товаров, составляющей продукт целой отрасли производства.

Дело будет представлено всего проще, если мы всю массу товаров, сначала лишь *одной* отрасли производства, будем рассматривать как *один* товар, а сумму цен многих тождественных товаров как *одну* суммарную цену. В этом случае все, что было сказано об отдельном товаре, буквально применимо к находящейся на рынке массе товаров определенной отрасли производства. Требование, чтобы индивидуальная стоимость товара соответствовала его общественной стоимости, осуществляется или определяется теперь в том смысле, что все количество товара содержит в себе труд, общественно необходимый для его производства, и что стоимость этой массы товаров равна ее рыночной стоимости.

Допустим теперь, что значительная масса этих товаров произведена при приблизительно одинаковых, нормальных общественных условиях, так что общественная стоимость является в то же время индивидуальной стоимостью образующих эту массу отдельных товаров. И если одна сравнительно небольшая часть товаров произведена при худших, другая при лучших условиях, так что ин-

²⁸⁾ *Карл Маркс. «К критике политической экономии».* Берлин. 1859 [см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 13, с. 18, 32].

дивидуальная стоимость первой части больше, а второй меньше, чем средняя стоимость большинства товаров, если притом обе эти крайности уравниваются и средняя стоимость товаров этих двух частей равна стоимости товаров, принадлежащих к средней массе, то рыночная стоимость определяется стоимостью товаров, произведенных при средних условиях²⁹⁾. Стоимость всей товарной массы равна действительной сумме стоимостей всех отдельных товаров, вместе взятых, — как тех, которые произведены при средних условиях, так и тех, которые произведены при условиях лучших или худших, чем средние. В этом случае рыночная стоимость, или общественная стоимость, массы товаров — содержащееся в этих последних необходимое рабочее время — определяется стоимостью преобладающей средней массы товаров.

Допустим, наоборот, что все количество требуемых товаров, которые выброшены на рынок, осталось то же самое, но стоимость товаров, произведенных при худших условиях, не уравнивается стоимостью товаров, произведенных при лучших условиях, причем часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно значительную величину как по сравнению со средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью. Тогда рыночная стоимость, или общественная стоимость, регулируется товарной массой, произведенной при худших условиях.

Допустим, наконец, что товары, произведенные при условиях лучших, чем средние, по своему количеству значительно превышают товары, произведенные при худших условиях, и притом составляют значительную величину даже по сравнению с товарами, произведенными при средних условиях; тогда часть товаров, произведенная при наилучших условиях, будет регулировать рыночную стоимость. Мы оставляем здесь в стороне переполнение рынка, при котором рыночные цены всегда регулируются частью товаров, произведенной при наилучших условиях; мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, а с различными определениями самой рыночной стоимости³⁰⁾.

²⁹⁾ *Карл Маркс. «К критике политической экономии»* [см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 13].

³⁰⁾ Следовательно, спор по поводу земельной ренты между Шторхом и Рикардо (лишь по существу спор: фактически ни один из них не обращал внимания на то, что говорил другой) о том, регулируется ли рыночная стоимость (у них скорее рыночная цена, соответственно цена производства) товарами, произведенными при наихудших (Рикардо) или, наоборот, при наилучших (Шторх) условиях⁸⁶⁾, — спор этот разрешается в том смысле, что оба они были правы и оба неправы и что оба они совершенно упустили из виду средний случай. Сравни рассуждения Корбета о тех случаях, когда цена регулируется товарами, произведенными при наилучших условиях⁸⁷⁾. «Не следует думать, будто он» (Рикардо) «утверждает, что два отдельных экземпляра двух различных товаров, например, шляпы и пара башмаков, обмениваются друг на друга в том случае, если именно эти два отдельных экземпляра были произведены одинаковыми количествами труда. Под «товаром» здесь следует понимать «род товара», а не отдельную индивидуальную шляпу, пару башмаков и т. д. Весь труд, производящий в Англии все шляпы, следует с этой целью рассматривать как распределяющийся между всеми этими шляпами. Это, как мне кажется, было недостаточно ясно выражено в начале и в общих положениях учения Рикардо» («Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy etc.». London, 1821, p. 53 - 54).

В самом деле, в случае I рыночная стоимость всей массы товаров, регулируемая средними стоимостями, строго говоря (в действительности это, разумеется, осуществляется лишь приблизительно и с бесчисленными модификациями), равна сумме их индивидуальных стоимостей; при этом, однако, для товаров, произведенных при наихудших и наилучших условиях, эта стоимость является навязанной им средней стоимостью. Лица, производящие свои товары при наихудших условиях, должны продавать их ниже индивидуальной стоимости; производящие при наилучших условиях продают товары выше индивидуальной стоимости.

В случае II индивидуальные массы стоимости, произведенные при наихудших и наилучших условиях, не уравниваются, и решающее значение приобретают товары, произведенные при худших условиях. Строго говоря, средняя цена, или рыночная стоимость, каждого отдельного товара или каждой соответственной части всей массы товаров определяется здесь совокупной стоимостью всей массы товаров, получаемой в результате сложения отдельных стоимостей товаров, произведенных при самых разнообразных условиях, и той частью этой совокупной стоимости, которая приходится на каждый отдельный товар. Полученная таким образом рыночная стоимость стояла бы выше индивидуальной стоимости не только тех товаров, которые произведены при наиболее благоприятных условиях, но также и тех товаров, которые принадлежат к средней массе; тем не менее она все же была бы ниже индивидуальной стоимости товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях. Насколько близко подходит она к этой последней и может ли, наконец, совершенно совпасть с ней, это зависит всецело от размеров той части, которая в данной сфере производства приходится на долю товаров, произведенных при наихудших условиях. Если при этом спрос преобладает хотя бы незначительно, то рыночную стоимость регулирует индивидуальная стоимость товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях.

Допустим, наконец, как в случае III, что количество товаров, произведенных при наилучших условиях, преобладает не только по сравнению с другой крайностью, но и по сравнению со средними условиями; тогда рыночная стоимость падает ниже средней стоимости. Средняя стоимость, вычисленная путем сложения стоимостей товаров, произведенных как при обоих крайних, так и при средних условиях, стоит здесь ниже стоимости средней группы и приближается к последней или удаляется от нее в зависимости от относительных размеров той части, которая произведена при наиболее благоприятных условиях. Если спрос по сравнению с предложением слабый, то часть товаров, произведенная при наиболее благоприятных условиях, независимо от ее размеров, сокращая свою цену до уровня своей индивидуальной стоимости,

насиловственно приобретает определяющее положение. С этой индивидуальной стоимостью товаров, произведенных при наилучших условиях, рыночная стоимость никогда не может совпасть, за исключением того случая, когда предложение сильно преобладает над спросом.

Это представленное здесь *абстрактно* установление рыночной стоимости совершается на действительном рынке посредством конкуренции между покупателями, если спрос как раз настолько велик, чтобы поглотить данную массу товаров по ее установленной таким образом стоимости. Мы подходим здесь к другому пункту.

Во-вторых. То обстоятельство, что товар имеет потребительную стоимость, означает лишь, что он удовлетворяет какую-либо общественную потребность. Пока мы имели дело только с отдельными товарами, мы могли предполагать, что существует потребность в этом определенном товаре, — количество которого уже заключено в его цене, — и дальше не вдавались в рассмотрение размеров потребности, подлежащей удовлетворению. Но эта количественная сторона дела становится существенным моментом, коль скоро, с одной стороны, имеется продукт целой отрасли производства, а с другой — общественная потребность в нем. Теперь необходимо рассмотреть размеры, т. е. количество этой общественной потребности.

В данных выше определениях рыночной стоимости предполагалось, что масса произведенных товаров дана, т. е. остается неизменной, что изменяется лишь отношение между составными частями этой массы, произведенными при различных условиях, что поэтому рыночная стоимость одной и той же массы товаров регулируется различным способом. Допустим, что масса эта представляет собой предложение обычных размеров, причем мы оставляем в стороне возможность временного ухода с рынка части произведенных товаров. Если спрос на эту массу сохраняет также свои обычные размеры, то товар продается по его рыночной стоимости, каким бы из трех исследованных выше способов не регулировалась эта рыночная стоимость. Товарная масса не только удовлетворяет известную потребность, но удовлетворяет ее в общественных размерах. Если количество товаров на рынке больше или меньше, чем спрос на них, то имеют место отклонения рыночной цены от рыночной стоимости. И первое отклонение состоит в том, что при недостаточном количестве рыночную стоимость всегда регулируют товары, произведенные при худших условиях; при избыточном количестве — всегда товары, произведенные при наилучших условиях; что, таким образом, рыночную стоимость определяет одна из двух крайностей, несмотря на то, что на основании самого по себе отношения между массами, произведенными при различных условиях, должен был бы получиться иной результат. Если разница между спросом и предложением продуктов значительнее, то

и рыночная цена будет значительно отклоняться вверх или вниз от рыночной стоимости. Но разница между количеством произведенных товаров и тем количеством их, которое продается по их рыночной стоимости, может иметь двоякую причину. Или изменяется, становится слишком малым или слишком большим само количество произведенных товаров, так что воспроизводство совершается в ином масштабе, чем тот, который регулировал данную рыночную стоимость. В этом случае изменяется предложение, хотя спрос остается неизменным, и, следовательно, имеет место относительное перепроизводство или недопроизводство. Или же воспроизводство, т. е. предложение, остается неизменным, а спрос падает или поднимается, что может совершиться по различным причинам, хотя при этом абсолютная величина предложения осталась той же самой, его относительная величина, его величина по сравнению с потребностью, изменилась. Это оказало бы такое же влияние, как и в первом случае, только в противоположном направлении. Наконец, если изменения совершаются с той и с другой стороны, но в различных направлениях, или же хотя в одном направлении, но в различной степени, — одним словом, если совершаются изменения двусторонние, но в то же время изменяющие прежнее соотношение между сторонами, то конечный результат неизбежно должен свестись к одному из двух рассмотренных выше случаев.

Действительная трудность при общем определении понятий спроса и предложения заключается в том, что определения эти как будто сводятся к тавтологии. Рассмотрим сначала предложение, т. е. продукт, который находится на рынке или может быть доставлен на него. Чтобы не входить в совершенно излишние здесь детали, мы возьмем массу товаров, произведенных за год в каждой отдельной отрасли промышленности, и совершенно оставим в стороне то обстоятельство, что различные товары в большей или меньшей мере могут не поступить на рынок и будут храниться на складах с целью потребления, скажем, в ближайшем году. Это годовое воспроизводство выражается прежде всего в определенном количестве — мере или числе, — смотря по тому, измеряется ли данная масса товаров оптом или же поштучно; перед нами не просто потребительные стоимости, удовлетворяющие человеческие потребности, но потребительные стоимости, находящиеся на рынке в определенном количестве. Во-вторых, эта масса товаров имеет определенную рыночную стоимость, которую можно выразить в виде рыночной стоимости отдельного товара или товарной меры, служащей единицей. Поэтому между количеством находящихся на рынке товаров и их рыночной стоимостью не существует необходимой связи; например, в то время как некоторые товары имеют специфически высокую стоимость, другие — специфически низкую, и таким образом данная сумма стоимости может быть выражена в очень большом количестве одних и очень малом количестве других то-

варов. Между количеством товаров, находящихся на рынке, и рыночной стоимостью этих товаров имеет место лишь следующая связь: при данном уровне производительности труда в каждой данной сфере производства для изготовления определенного количества товаров требуется определенное количество общественного рабочего времени, хотя в различных сферах производства отношение это, конечно, различно и не стоит ни в какой внутренней связи с полезностью данного товара или особой природой его потребительной стоимости. Если количество a данного вида товаров стоит b рабочего времени, то при прочих равных условиях количество na стоит nb рабочего времени. Далее: поскольку общество хочет удовлетворить свои потребности и произвести с этой целью известный вид товаров, оно должно оплатить их. В самом деле, так как при товарном производстве предполагается разделение труда, то общество оплачивает эти товары тем, что употребляет на их производство часть находящегося в его распоряжении рабочего времени, следовательно, оно покупает их при помощи определенного количества рабочего времени, которым оно — это данное общество — может располагать. Та часть общества, которой благодаря разделению труда приходится употребить свой труд на производство данного определенного товара, должна получить эквивалент в общественном труде, воплощенном в товарах, удовлетворяющих ее потребности. Но не существует никакой необходимой связи, а наблюдается лишь случайная связь между всем количеством общественного труда, затраченного на данный общественный продукт, т. е. между той долей совокупной рабочей силы, которую общество употребляет на производство этого продукта, следовательно, между объемом, который производство этого продукта занимает во всем производстве, с одной стороны, и, с другой стороны, между тем объемом, в котором общество стремится удовлетворить потребность при помощи данного определенного продукта. Хотя каждый отдельный товар или каждое данное количество определенного вида товаров заключает в себе лишь общественный труд, необходимый для его производства, и с этой стороны рыночная стоимость всей массы товаров данного вида выражает только необходимый труд, тем не менее, раз определенный товар произведен в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растроченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается. (Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помо-

ции этого предмета.) Поэтому эти товары должны быть проданы ниже их рыночной стоимости, а часть их и вовсе не может быть продана. Как раз обратное будет иметь место, если количество общественного труда, затраченного на производство определенного вида товаров, слишком мало по сравнению с размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи данного продукта. Если же количество общественного труда, затраченного на производство определенного товара, соответствует размерам подлежащей удовлетворению общественной потребности, так что произведенная масса продукта соответствует обычному масштабу воспроизводства при неизменном спросе, то товар продается по его рыночной стоимости. Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия; исходя из этого закона, следует объяснять отклонения, а не наоборот, — не из отклонений выводить самый закон.

Рассмотрим теперь другую сторону дела — спрос.

Товары покупаются или как средства производства или как жизненные средства для того, чтобы войти в производительное или личное потребление, причем дело не изменяется от того, что некоторые виды товаров могут служить обоим этим целям. Следовательно, спрос на них предъявляется со стороны производителей (в данном случае капиталистов, так как предполагается, что средства производства превращены в капитал) и со стороны потребителей. Кажется, что этим прежде всего предполагается на стороне спроса наличие определенных размеров общественной потребности, которой на стороне предложения соответствуют определенные размеры общественного производства в различных отраслях производства. Чтобы хлопчатобумажная промышленность могла вновь осуществить свое годовое воспроизводство в данном масштабе, необходимо обычное количество хлопка, а если принять во внимание ежегодное расширение воспроизводства вследствие накопления капитала, то, при прочих равных условиях, необходимо добавочное количество хлопка. То же самое и по отношению к жизненным средствам. Рабочий класс, чтобы сохранить свой обычный средний уровень жизни, должен вновь получить по меньшей мере прежнее количество необходимых жизненных средств, хотя, быть может, и несколько измененное по характеру составляющих его товаров; если же принять в расчет ежегодный рост населения, то необходимо и добавочное количество жизненных средств; то же самое с большими или меньшими поправками можно сказать и относительно других классов.

Итак, оказывается, что на стороне спроса имеется определенная общественная потребность данной величины, которая требует для своего покрытия наличия на рынке определенного количества товаров. Но количественная определенность этой потребности чрезвычайно эластична и изменчива. Она только кажется фиксирован-

ной. Если бы жизненные средства были дешевле или денежная заработная плата была бы выше, то рабочие покупали бы их больше, и обнаружилась бы более значительная «общественная потребность» в данных видах товаров, причем мы совершенно оставляем в стороне пауперов и т. д., «спрос» которых стоит ниже самых крайних границ их физической потребности. Если бы, с другой стороны, цена, например, хлопка, понизилась, то возрос бы спрос капиталистов на хлопок, больше дополнительного капитала было бы вложено в хлопчатобумажную промышленность и т. д. При этом не следует вообще забывать, что при наших предположениях спрос для производительного потребления есть спрос со стороны капиталиста, истинная цель которого — производство прибавочной стоимости, и что только ради прибавочной стоимости он производит известный вид товаров. С другой стороны, это отнюдь не препятствует тому, что капиталист, поскольку он выступает на рынке как покупатель, например хлопка, является представителем потребности в хлопке; точно так же для продавца хлопка ведь безразлично, превращает ли покупатель этот хлопок в ткань для рубашек, в пироксилин или же намерен затыкать им уши себе и всему миру. Но, конечно, это оказывает большое влияние на то, какого рода покупателем он является. Его потребность в хлопке существенно видоизменяется благодаря тому обстоятельству, что в действительности она прикрывает лишь его потребность в получении прибыли. Пределы, в которых представленная на *рынке* потребность в товарах — спрос — количественно отклоняется от *действительной общественной* потребности, конечно, очень различны для различных товаров; я имею в виду разницу между количеством товаров, на которое фактически предъявлен спрос, и тем количеством их, на которое был бы предъявлен спрос при иных денежных ценах товаров или при иных денежных, соответственно жизненных, условиях покупателей.

Нет ничего легче, как понять неравномерность спроса и предложения и вытекающие отсюда отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей. Действительная трудность состоит в определении того, что следует понимать под выражением: предложение и спрос покрываются.

Предложение и спрос покрываются, если они находятся в таком отношении, что масса товаров определенной отрасли производства может быть продана по ее рыночной стоимости — не выше и не ниже. Вот первое, что нам говорят по этому поводу.

И во-вторых, если товары могут быть проданы по их рыночной стоимости, то предложение и спрос покрываются.

Если предложение и спрос покрываются, то они перестают действовать, и именно потому товары продаются по их рыночной стоимости. Если две силы, равные по величине, действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не

действуют вовне, и явления, происходящие при этом условии, должны быть объяснены как-нибудь иначе, а не действием этих двух сил. Раз спрос и предложение взаимно уничтожаются, они перестают объяснять что бы то ни было, не воздействуют более на рыночную стоимость и оставляют нас в полном неведении относительно того, почему рыночная стоимость выражается именно в этой сумме денег, а не в какой-либо иной. Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения (если даже оставить в стороне более глубокий анализ обеих этих общественных движущих сил, который сюда не относится), так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрываются. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно. Следовательно, с научной точки зрения этот случай должен быть $= 0$, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга⁸⁸. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, соответствующем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от той их внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения; с другой стороны, — для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, известным образом фиксировать ее. Так как отклонения от равенства имеют противоположный характер и так как они постоянно следуют друг за другом, они взаимно уравниваются благодаря противоположности их направления, благодаря их взаимному противоречию. Итак, если ни в одном конкретном случае спрос и предложение не покрываются, то отклонения от равенства следуют друг за другом таким образом, — ведь отклонение в одном направлении вызывает как свой результат отклонение в противоположном направлении, — что, если рассматривать итог движения за более или менее продолжительный период, спрос и предложение всегда взаимно покрываются; однако результат этот получается лишь как средняя уже истекшего движения и лишь как постоянное движение их противоречия. Этим путем рыночные цены, отклоняющиеся от рыночных стоимостей, если рассматривать их среднюю величину, выравниваются и дают среднюю, совпадающую с рыночной стоимостью, причем отклонения от этой последней взаимно уничтожаются как плюс и минус. И эта средняя имеет отнюдь не одно только теоретическое, но и практическое значение для капитала, затраты которого рассчитаны на колебания и выравнивания в течение более или менее определенного периода времени.

Следовательно, отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонения рыночных цен от

рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, т. е. уничтожить влияние отношения между спросом и предложением. (Те представляющие исключение товары, которые имеют цены, но не имеют стоимости, не входят здесь в наше рассмотрение.) Устранение этого влияния, которое оказывают спрос и предложение благодаря своим отклонениям от равенства, может осуществляться в очень различных формах. Если, например, падает спрос, а следовательно и рыночная цена, то это может привести к тому, что капитал будет извлекаться из данной отрасли, и таким образом предложение уменьшится. Но это может иметь также и тот результат, что сама рыночная стоимость благодаря изобретениям, сокращающим необходимое рабочее время, понизится и выравняется таким образом с рыночной ценой. Наоборот, если спрос растет, а следовательно, рыночная цена превышает рыночную стоимость, то это может привести к избыточному приливу капитала в данную отрасль производства и к такому расширению производства, при котором рыночная цена упадет даже ниже рыночной стоимости; или, с другой стороны, это может повести к такому повышению цен, которое сократит самый спрос. В отдельных отраслях производства это может также вызвать тот результат, что сама рыночная стоимость на более или менее значительный период возрастет, так как в течение этого времени часть требуемого на рынке товара придется производить при худших условиях.

Если спрос и предложение определяют рыночную цену, то, с другой стороны, рыночная цена, а при дальнейшем анализе рыночная стоимость определяет спрос и предложение. По отношению к спросу это очевидно, так как он изменяется в направлении, противоположном ценам: повышается, когда цены падают, и наоборот. Но то же самое применимо и к предложению. В самом деле, цены средств производства, входящих в товар, предлагаемый на рынке, определяют спрос на эти средства производства, а следовательно, — и предложение тех товаров, предложение которых включает в себя спрос на эти средства производства. Цены хлопка имеют определяющее значение для предложения хлопчатобумажных тканей.

Эта путаница — определение цен спросом и предложением и наряду с этим определение спроса и предложения ценами — осложняется еще тем, что спрос определяет предложение и, наоборот, предложение определяет спрос, производство определяет рынок и рынок — производство ³¹⁾.

³¹⁾Порядочный вздор представляют следующие «остроумные» соображения: «Если количество заработной платы, капитала и земли, необходимое для производства данного продукта, изменяется по сравнению с прежней величиной, то изменяется и то, что Адам Смит называет его естественной ценой, а та цена, которая первоначально была его естественной ценой, становится по отношению к этому изменению его рыночной ценой, хо-

Даже заурядный экономист (см. сноску) понимает, что и без порождаемого внешними обстоятельствами изменения предложения или спроса отношение между ними может измениться вследствие изменения рыночной стоимости товаров. Даже он вынужден согласиться, что, какова бы ни была рыночная стоимость, спрос и предложение должны уравновеситься, чтобы она реализовалась. Это значит, что не отношение спроса к предложению объясняет рыночную стоимость, а, наоборот, эта последняя объясняет колебания спроса и предложения. Автор «Observations» вслед за местом, цитированным в сноске, продолжает:

«Однако отношение это» (между спросом и предложением), «если только мы будем понимать под «спросом» и «естественной ценой» то, что мы только что понимали, ссылаясь на А. Смита, всегда должно быть отношением равенства; потому что только в том случае, когда предложение равно фактическому спросу, т. е. тому спросу, который не желает оплачивать ни больше, ни меньше естественной цены, — только в этом случае естественная цена может быть действительно уплачена; следовательно, в различное время один и тот же товар может иметь две весьма различные естественные цены, и все же отношение между спросом и предложением в обоих случаях может остаться неизменным, а именно — остаться отношением равенства» [стр. 61].

Итак, здесь допускается, что при двух различных «естественных ценах» одного и того же товара в различное время спрос и предложение могут и даже должны покрывать друг друга, чтобы товар в обоих случаях действительно был продан по его «естественной цене». Но так как при этом в обоих случаях ничуть не изменяется отношение спроса к предложению, но изменяется величина самой «естественной цены», то последняя, очевидно, устанавливается независимо от спроса и предложения и потому менее всего может определяться ими.

ты предложение и спрос могут не измениться» (и то и другое изменяется как раз потому, что изменяется вследствие изменения стоимости рыночная стоимость или о чем собственно и говорится у А. Смита — цена производства). «тем не менее предложение это не соответствует теперь вполне точно требованиям лиц, способных и желающих оплатить то, что теперь является издержками производства, а оказывается или больше или меньше их: так что отношение между предложением и тем фактическим спросом, который устанавливается теперь, принимая во внимание новые издержки производства, отличается от своей прежней величины. В результате, если не встретится препятствий, изменяя размеры предложения, что в конце концов приведет товар к его новой естественной цене. Так как товары доходят до своей естественной цены благодаря изменению в их предложении, то, быть может, позволительно было бы сказать, что естественная цена в такой же степени обязана своим существованием одному отношению между спросом и предложением, в какой рыночная цена обязана другому отношению; и следовательно, естественная цена, совершенно так же, как и рыночная цена, зависит от взаимного отношения между спросом и предложением. («Великий принцип спроса и предложения призван определить то, что А. Смит называет естественной ценой, а также рыночной ценой». — Мальтус²⁶.)» («Observations on certain Verbal Disputes etc.», London, 1821, p. 60, 61.) Мудрый автор не понимает, что в разбираемом случае как раз изменение в издержках производства, а следовательно и в стоимости, изменяет спрос, а следовательно и отношение между спросом и предложением, и что изменение спроса может вызвать изменение предложения: а это доказывало бы как раз противоположное тому, что пытается доказать наш мыслитель. — Это доказывало бы, что издержки производства отнюдь не регулируются отношением между спросом и предложением, а, наоборот, сами регулируют это отношение.

Чтобы товар мог быть продан по его рыночной стоимости, т. е. в соответствии с содержащимся в нем общественно необходимым трудом, для этого все количество общественного труда, употребленного на производство всей массы данного вида товаров, должно соответствовать величине общественной потребности в них, т. е. платежеспособной общественной потребности. Конкуренция, колебания рыночных цен, соответствующие колебаниям отношения между спросом и предложением, всегда стремятся свести к этой мере общее количество труда, затраченного на каждый вид товаров.

В отношении между спросом и предложением товаров отражается, во-первых, отношение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, между товаром и деньгами, покупателем и продавцом; во-вторых, — отношение между производителем и потребителем, хотя оба последние могут быть представлены третьими лицами, торговцами. Чтобы вполне развить это отношение, достаточно противопоставить покупателя и продавца друг другу в отдельности. Трех лиц достаточно для полного метаморфоза товара, а следовательно, для процесса купли-продажи, взятого в целом. *A* превращает свой товар в деньги *B*, которому он продает товар, и снова превращает свои деньги в товар, который он покупает у *C*; весь процесс протекает между этими тремя лицами. Далее, при исследовании денег мы допускали, что товары продаются по их стоимости, так как не было никакого основания рассматривать цены, отклоняющиеся от стоимости, раз дело шло исключительно о тех изменениях формы, которые претерпевает товар, становясь деньгами и превращаясь обратно из денег в товар⁹⁰. Если товар вообще продается и на вырученные деньги покупается новый товар, то мы имеем перед собой весь метаморфоз, и для него как такового совершенно безразлично, стоит ли цена товара выше или ниже его стоимости. Стоимость товара сохраняет свое значение основы, так как только из этого основания могут быть развиты в понятии деньги, а цена, по своему общему понятию, есть прежде всего лишь стоимость в денежной форме. Конечно, при рассмотрении денег как средства обращения предполагается, что происходит не только один метаморфоз товара. Напротив, рассматривается общественное сплетение этих метаморфозов. Только таким образом подходим мы к обращению денег и к развитию их функции в качестве средства обращения. Но, насколько эта связь важна для перехода денег к функции средства обращения и для вытекающего отсюда изменения их вида, настолько же безразлична она для сделки между отдельными покупателями и продавцами.

Между тем, рассматривая спрос и предложение, мы считаем, что предложение представляет сумму продавцов, или производителей, данного определенного товара, а спрос — покупателей, или потребителей (индивидуальных или производительных), этого же самого товара. И притом суммы эти действуют друг на друга как

целое, как агрегатные силы. Отдельная личность действует здесь лишь как часть общественной силы, как атом всей массы, — именно в такой форме конкуренция обнаруживает *общественный* характер производства и потребления.

Та из конкурирующих сторон, которая в данный момент слабее, является вместе с тем и той стороной, где каждое отдельное лицо действует независимо от массы своих конкурентов, а зачастую прямо против них и как раз таким путем делает ощутительной зависимость отдельного конкурента от других; между тем более сильная сторона всегда противостоят своим противникам как более или менее сплоченное целое. Если спрос на данный вид товаров больше, чем предложение, то — в известных границах — один покупатель стремится перебить другого и поднимает таким образом для всех покупателей цену товара выше его рыночной стоимости, в то время как, с другой стороны, продавцы совместно стараются продать товар по высокой рыночной цене. Если, наоборот, предложение больше спроса, то один начинает продавать дешевле, а за ним вынуждены следовать другие, в то время как покупатели совместно стремятся возможно больше понизить рыночную цену по сравнению с рыночной стоимостью. Совместные действия интересуют каждого лишь до тех пор, пока он благодаря им выигрывает больше, чем без них. Единство действий прекращается, как только данная сторона как таковая оказывается слабее другой, и тогда каждое отдельное лицо старается возможно лучше устроиться собственными силами. Далее, если один из конкурентов производит дешевле других, может сбывать больше товара и отвоевывать для себя больше места на рынке, продавая товар ниже господствующей в данный момент рыночной цены, или рыночной стоимости, то он так и поступает и начинает действовать таким образом, что мало-помалу принуждает других ввести более дешевый метод производства и сводит общественно необходимый труд к новому, менее значительному количеству. Если одна из сторон получает преимущество, то выигрывает всякий, кто к ней принадлежит; дело происходит таким образом, как если бы все принадлежащие к ней осуществляли общую монополию. Если одна из сторон оказывается слабее другой, то каждый может попытаться своими собственными усилиями стать сильнее противника (например тот, кто работает с меньшими издержками производства) или по крайней мере отделаться возможно меньшими потерями, и в этом случае ему уже нет никакого дела до своих соседей, хотя действия его касаются не только его самого, но и всех его сообщников ³²⁾.

32) «Если каждый член группы никак не может получить больше определенной доли или соответственной части общих выгод или владений, то он охотно будет объединяться с другими, чтобы повысить эти выгоды» (так он и делает, когда отношение между спросом и предложением позволяет ему это): «это — монополия. Но если каждый убежден, что можно каким-либо способом повысить абсолютную величину своей доли, хотя бы даже путем уменьшения общей суммы, он часто именно так и будет поступать: это — конку-

Спрос и предложение предполагают превращение стоимости в рыночную стоимость, и, поскольку они действуют на капиталистическом базисе, поскольку товары являются продуктом капитала, спрос и предложение предполагают капиталистический процесс производства, а следовательно, совершенно иное сплетение отношений, чем простая купля и продажа товаров. Здесь речь идет не о формальном превращении стоимости товаров в цену, т. е. не о простом изменении формы; речь идет об определенных количественных отклонениях рыночных цен от рыночных стоимостей и, далее, от цен производства. При простой купле и продаже достаточно, чтобы производители товаров как таковые противостояли друг другу. Спрос и предложение при дальнейшем анализе предполагают существование различных классов и подразделений классов, которые распределяют между собой совокупный доход общества и потребляют его как доход, которые, следовательно, предъявляют спрос, образуемый этим доходом; между тем, с другой стороны, для понимания спроса и предложения, которые производители как таковые создают друг для друга, необходимо уяснение всего строя капиталистического процесса производства в целом.

При капиталистическом производстве речь идет не только о том, чтобы за массу стоимости, брошенную в обращение в форме товара, выручить равную массу стоимости в другой форме, — денежной или товарной, — речь идет о том, чтобы на капитал, авансированный на производство, извлечь такую же прибавочную стоимость, или прибыль, какую получает всякий другой капитал такой же величины, или *pro rata* * его величине, независимо от того, в какой отрасли производства он применяется; следовательно, речь идет о том, чтобы продать товары по меньшей мере по ценам, доставляющим среднюю прибыль, т. е. по ценам производства. В этой форме капитал сам начинает сознавать себя как *общественную силу*, в которой каждый капиталист имеет свою долю, пропорциональную его участию во всем общественном капитале.

Во-первых, капиталистическое производство само по себе относится совершенно безразлично к определенной потребительной стоимости и вообще к специфическим особенностям того товара, который оно создает. В каждой сфере производства речь идет для него лишь о том, чтобы произвести прибавочную стоимость, присвоить себе в продукте труда определенное количество неоплаченного труда. И равным образом наемный труд, подчиненный капиталу, по самой своей природе относится безразлично к специфическому характеру своих работ, он должен видоизменяться соответственно потребностям капитала и допускать переброску его из одной сферы производства в другую.

принцип» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand etc.», London, 1821, p. 105).

* — соответственно. *Ред.*

Во-вторых, на деле одна сфера производства так же хороша или плоха, как и другая; каждая приносит одинаковую прибыль, и каждая не оправдывала бы своего назначения, если бы производимые ею товары не удовлетворяли какую-либо общественную потребность.

Но если товары продаются по их стоимостям, то, как было уже показано выше, в разных сферах производства возникают весьма различные нормы прибыли в зависимости от различия органического строения вложенных в них масс капитала. Но капитал извлекается из отрасли с более низкой нормой прибыли и устремляется в другие, которые приносят более высокую прибыль. Посредством такой постоянной эмиграции и иммиграции, — словом, посредством своего распределения между различными сферами производства, в зависимости от понижения и повышения нормы прибыли, капитал обуславливает такое соотношение между спросом и предложением, что в различных сферах производства создается одна и та же средняя прибыль, и благодаря этому стоимости превращаются в цены производства. Это выравнивание капиталу удастся осуществить тем полнее, чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, т. е. чем больше условия данной страны приспособлены к капиталистическому способу производства. С прогрессом капиталистического производства развиваются и его условия; оно подчиняет своему специфическому характеру, своим имманентным законам всю совокупность общественных предпосылок, при которых совершается процесс производства.

Постоянное выравнивание постоянно возникающих неравенств происходит тем быстрее, чем, во-первых, подвижнее капитал, т. е. чем легче он может быть перенесен из одной сферы и из одного места в другие; во-вторых, чем скорее рабочая сила может быть переброшена из одной сферы в другую, из одного центра производства данной местности в другой. Пункт первый предполагает полную свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, т. е. устранение монополий, которые возникают из самого капиталистического способа производства. Далее, предполагается развитие кредитной системы, которая концентрирует распыленную массу свободного общественного капитала, противопоставляя ее отдельному капиталисту; наконец, — подчинение различных сфер производства капиталистам. Последнее уже включено в принятые нами предпосылки, раз мы допустили, что речь идет о превращении стоимостей в цены производства во всех капиталистически эксплуатируемых сферах производства; однако само это выравнивание наталкивается на более крупные препятствия, если между капиталистическими предприятиями вклиниваются и с ними переплетаются многочисленные и носящие массовый характер сферы производства, которые ведутся нека-

питалистически (например, земледелие мелких крестьян). Необходимо, наконец, значительная плотность населения. Пункт второй предполагает: отмену всех законов, препятствующих рабочим перемещаться из одной сферы производства в другую или из одного центра производства данной местности в другой; безразличное отношение рабочего к содержанию его труда; возможно большее сведение труда во всех сферах производства к простому труду; освобождение рабочих от всех профессиональных предрассудков; наконец, — и это в особенности — подчинение рабочего капиталистическому способу производства. Дальнейший анализ этого вопроса относится к специальному исследованию конкуренции.

Из сказанного следует, что каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность всех капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и обуславливает своим участием определенную степень этой эксплуатации — и участвует не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому что, — если предположить данными все прочие условия, в том числе стоимость всего авансированного постоянного капитала, — средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом.

Средняя прибыль совпадает со средней прибавочной стоимостью, производимой капиталом на каждую сотню, и по отношению к прибавочной стоимости только что сказанное понятно само собой. Что касается средней прибыли, то тут в качестве одного из моментов, определяющих норму прибыли, присоединяется еще стоимость авансированного капитала. В самом деле, для капиталиста или для капитала определенной сферы производства специальный интерес в эксплуатации непосредственно занятых им рабочих ограничивается тем, чтобы при помощи исключительного чрезмерного труда, или при помощи понижения заработной платы ниже среднего уровня, или же при помощи исключительной производительности применяемого труда получить необычно высокую прибыль, — такую прибыль, которая превышает среднюю. Если же оставить это обстоятельство в стороне, то капиталист, даже вовсе не затрачивающий в своей отрасли производства переменного капитала, следовательно вовсе не применяющий труда (что в действительности, конечно, невозможно), был бы столь же сильно заинтересован в эксплуатации рабочего класса капиталом и совершенно так же извлекал бы свою прибыль из неоплаченного прибавочного труда, как и капиталист, который (опять-таки в действительности невозможное допущение) применял бы только один переменный капитал, затрачивая таким образом весь свой капитал на заработную плату. Но степень эксплуатации труда при данном рабочем дне зависит от средней интенсивности труда, при данной интенсивности — от длины рабочего дня. От степени эксплуатации труда зависит высота

нормы прибавочной стоимости, следовательно, при данной общей массе переменного капитала — величина прибавочной стоимости, а потому и величина прибыли. Тот же специальный интерес, который капитал известной отрасли — в отличие от всего совокупного капитала — имеет в эксплуатации специально им занятых рабочих, отдельный капиталист — в отличие от всех капиталистов его отрасли — имеет в эксплуатации лично им занятых рабочих.

С другой стороны, каждая отдельная сфера капитала и каждый отдельный капиталист одинаково заинтересованы в производительности общественного труда, применяемого совокупным капиталом, потому что от этого зависят два обстоятельства. Во-первых, масса потребительных стоимостей, в которой выражается средняя прибыль; а это вдвойне важно, так как прибыль служит и фондом накопления нового капитала и фондом доходов, предназначенным для потребления. Во-вторых, величина стоимости всего авансированного капитала (постоянного и переменного), которая при данной величине прибавочной стоимости, или прибыли всего класса капиталистов, определяет норму прибыли, или прибыль на определенное количество капитала. Особый уровень производительности труда в отдельной сфере или на отдельном индивидуальном предприятии этой сферы интересует лишь непосредственно частных к делу капиталистов, поскольку он обеспечивает отдельной сфере возможность получать добавочную прибыль по сравнению со всем капиталом или отдельному капиталисту — по сравнению со всей его сферой.

Итак, мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым.

Цена производства включает в себя среднюю прибыль. Мы называем ее ценой производства — фактически это то же самое, что А. Смит называет «естественной ценой», Рикардо — «ценой производства», «стоимостью производства», физиократы — «необходимой ценой», причем никто из них не исследовал отличия цены производства от стоимости, — так как цена производства является постоянным условием предложения и воспроизводства товаров в каждой отдельной сфере производства³³⁾. Понятно также, почему те самые экономисты, которые восстают против определения стоимости товаров рабочим временем, количеством заключающегося в них труда, всегда говорят о ценах производства как о центрах, вокруг которых колеблются рыночные цены. Они могут позволить себе это, так как цена производства представляет собой форму, ставшую уже вполне внешней, и prima

33) *Malthus* [«Principles of Political Economy». London. 1836. p. 77 and sq.].

facie * иррациональную форму товарной стоимости, такую форму, которая выступает в процессе конкуренции, следовательно, в сознании обыкновенного капиталиста, а значит и в сознании вульгарных экономистов.

Из предшествующего изложения видно, каким образом рыночная стоимость (а все сказанное о ней применимо с необходимыми ограничениями и к цене производства) включает в себя добавочную прибыль тех, кто в каждой особой сфере производства производит при наиболее благоприятных условиях. За исключением случаев кризисов и перепроизводства вообще, это применимо ко всем рыночным ценам, как бы сильно они ни отклонялись от рыночных стоимостей и рыночных цен производства. Рыночная цена именно предполагает, что за все товары данного вида уплачивается одинаковая цена, несмотря на то, что товары эти могут быть произведены при очень различных индивидуальных условиях и могут, следовательно, иметь очень различные издержки производства. (О добавочной прибыли как следствии монополий в обычном смысле этого слова — искусственных или естественных — мы здесь не говорим.)

Однако добавочная прибыль может возникнуть, кроме того, еще в том случае, когда известные сферы производства в состоянии избежать превращения их товарных стоимостей в цены производства, а потому и сведения их прибылей к средней прибыли. В отделе о земельной ренте мы рассмотрим дальнейшее видоизменение этих двух форм добавочной прибыли.

* на первый взгляд. *Ред.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВЛИЯНИЕ ОБЩИХ КОЛЕБАНИЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА

Пусть среднее строение общественного капитала будет $80_c + 20_v$, а прибыль 20 единиц. В таком случае норма прибавочной стоимости 100%. Общее повышение заработной платы, при прочих равных условиях, означает понижение нормы прибавочной стоимости. Для среднего капитала прибыль и прибавочная стоимость совпадают. Пусть заработная плата возросла на 25%. Та самая масса труда, привести в движение которую стоило 20 единиц, стоит теперь 25. Следовательно, мы имеем вместо $80_c + 20_v + 20_p$ за один оборот стоимость $80_c + 25_v + 15_p$. Труд, приведенный в движение переменным капиталом, производит теперь, как и раньше, сумму стоимости, равную 40. Раз v возросло с 20 до 25, то избыток, m , соответственно p , теперь = только 15. Прибыль 15 на 105 составляет $14\frac{2}{7}\%$, и это было бы новой средней нормой прибыли. Так как цена производства товаров, производимых средним капиталом, совпадает с их стоимостью, то цена производства этих товаров не изменилась бы; следовательно, повышение заработной платы хотя и вызвало бы понижение прибыли, но не привело бы к изменению стоимости и цены товаров.

Раньше, когда средняя прибыль была = 20 единицам, цена производства товаров, произведенных в течение одного периода оборота, равнялась их издержкам производства плюс прибыль в 20 единиц на эти издержки производства, следовательно = $k + kp = k + \frac{20k}{100}$, где k переменная величина, различная в зависимости от стоимости средств производства, входящих в товары, и в зависимости от величины износа, выражающего переход на продукт стоимости основного капитала, примененного в производстве этих товаров. Теперь цена производства составляет $k + \frac{14\frac{2}{7}k}{100}$.

Возьмем теперь капитал, строение которого ниже, чем первоначальное строение среднего общественного капитала $80_c + 20_v$ (превратившееся теперь в $76\frac{4}{21}_c + 23\frac{17}{21}_v$), — например,

$50_c + 50_p$. Здесь до повышения заработной платы цена производства годового продукта равнялась $50_c + 50_p + 20_p = 120$, — ради упрощения мы принимаем, что весь основной капитал входит в результате износа в годовой продукт и что время оборота такое же, как и в случае I. Повышение заработной платы на 25% дает для того же самого количества приведенного в движение труда повышение переменного капитала с 50 до $62\frac{1}{2}$. Если бы годовой продукт был продан по прежней цене производства 120, то это дало бы $50_c + 62\frac{1}{2}_c + 7\frac{1}{2}_p$, следовательно, — норму прибыли $6\frac{2}{3}\%$. Но новая средняя норма прибыли $14\frac{2}{7}\%$, и, так как мы предположили все прочие условия равными, этот капитал в $50_c + 62\frac{1}{2}_c$ должен также дать указанную прибыль. Но капитал $112\frac{1}{2}$ при норме прибыли $14\frac{2}{7}\%$ дает $16\frac{1}{14}$ прибыли. Таким образом, цена производства произведенных им товаров равна теперь $50_c + 62\frac{1}{2}_c + 16\frac{1}{14}_p = 128\frac{8}{14}$. Итак, вследствие повышения заработной платы на 25% цена производства того же самого количества того же самого товара возросла здесь со 120 до $128\frac{8}{14}$, или более чем на 7%.

Возьмем, наоборот, сферу производства более высокого строения, чем средний капитал, например $92_c + 8_p$. Следовательно, первоначальная средняя прибыль и здесь = 20, и если мы опять допустим, что весь основной капитал входит в годовой продукт и что время оборота остается такое же, как в случаях I и II, то цена производства товара и здесь = 120.

Вследствие повышения заработной платы на 25% переменный капитал, затрачиваемый на то же самое количество труда, возрастает с 8 до 10, издержки производства товаров увеличиваются, следовательно, со 100 до 102; с другой стороны, средняя норма прибыли с 20% упала до $14\frac{2}{7}\%$. Но $100 : 14\frac{2}{7} = 102 : 14\frac{4}{7}$. Следовательно, прибыль, причитающаяся теперь на 102, составляет $14\frac{4}{7}$. И потому весь продукт продается за $k + kp' = 102 + 14\frac{4}{7} = 116\frac{4}{7}$. Следовательно, цена производства упала с 120 до $116\frac{4}{7}$, или на $3\frac{3}{7}$.

Итак, вследствие повышения заработной платы на 25%:

1) для капитала среднего общественного строения цена производства товара осталась неизменной;

2) для капитала более низкого строения цена производства товара возросла, хотя и не в том отношении, в каком упала прибыль;

3) для капитала более высокого строения цена производства товара упала, хотя и не в том отношении, как прибыль.

Так как цена производства товаров, производимых капиталом среднего строения, осталась неизменной, равной стоимости продукта, то и сумма цен производства продуктов всех капиталов осталась неизменной, равной сумме стоимостей, произведенных совокупным капиталом; повышение, с одной стороны, понижение, с другой стороны, для всего капитала выравниваются до уровня общественного среднего капитала.

Если цена производства товаров в примере II повышается, а в примере III падает, то уже одно это противоположное действие, вытекающее из падения нормы прибавочной стоимости или из общего повышения заработной платы, показывает, что речь здесь не может идти о возмещении в цене товара потери, вызываемой повышением заработной платы, ибо в III случае падением цены производства капиталист не может, конечно, быть компенсирован за падение прибыли, да и повышение цены в случае II не предотвращает падения прибыли. Напротив, в обоих случаях, — и там, где цена повышается, и там, где она падает, — прибыль одинакова с прибылью среднего капитала, где цена остается неизменной. Прибыль одна и та же во II и III случае, а именно, это — средняя прибыль, понизившаяся на $5\frac{5}{7}$, или более чем на 25%. Отсюда следует, что, если бы в случае II цена не возрастала, а в III не падала, товары продавались бы в случае II с прибылью меньшей, а в III большей, чем новая понизившаяся средняя прибыль. Само собой понятно, что в зависимости от того, 50%, 25% или 10% капитала затрачиваются на труд, повышение заработной платы должно в весьма различной степени затрагивать того, кто затратил на заработную плату $\frac{1}{10}$, и того, кто затратил на нее $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ своего капитала. Повышение цен производства, с одной стороны, их падение — с другой, смотря по тому, выше или ниже строение данного капитала по сравнению с общественным средним строением, обуславливается лишь выравниванием до новой понизившейся средней прибыли.

Каким же образом подействует общее понижение заработной платы и соответствующее ему общее повышение нормы прибыли, а следовательно и средней прибыли, на цены производства товаров, которые являются продуктом капиталов, отклоняющихся от общественного среднего строения в противоположных направлениях? (Стоит только перевернуть вышеприведенные рассуждения, чтобы получить результат (которого не исследует Рикардо).

1. Капитал со средним строением = $80_c + 20_v = 100$; норма прибавочной стоимости = 100%; цена производства = стоимости товара = $80_c + 20_v + 20_p = 120$; норма прибыли = 20%. Пусть заработная плата понизится на одну четверть, так что тот же самый постоянный капитал будет приводиться в движение 15_v вместо прежних 20_v . Следовательно, мы получаем стоимость товара = $80_c + 15_v + 25_p = 120$. Количество труда, произведенное v , остается неизменным, и лишь созданная им новая стоимость иначе распределяется между капиталистом и рабочим. Прибавочная стоимость возросла с 20 до 25, и норма прибавочной стоимости с $\frac{20}{20}$ до $\frac{25}{15}$, следовательно, со 100% до $166\frac{2}{3}\%$. Прибыль на 95 теперь = 25; следовательно, норма прибыли на 100 = $26\frac{6}{19}$. Новое процентное строение капитала теперь $84\frac{4}{19}_c + 15\frac{15}{19}_v = 100$.

II. Капитал с низким строением. Первоначально $50_c + 50_r$, как выше. Вследствие понижения заработной платы на $1/4$ c сокращается до $37^{1/2}$, а тем самым весь авансированный капитал — до $50_c + 37^{1/2}_r = 87^{1/2}$. Если мы применим сюда новую норму прибыли $26^{6/19}\%$, то $100 : 26^{6/19} = 87^{1/2} : 23^{1/38}$. Та же самая масса товаров, которая раньше стоила 120, стоит теперь $87^{1/2} + 23^{1/38} = 110^{10/19}$; цена упала почти на 10 единиц.

III. Капитал с высоким строением. Первоначально $92_c + 8_r = 100$. Понижение заработной платы на $1/4$ понижает 8_r до 6_r , весь капитал — до 98. Следовательно, $100 : 26^{6/19} = 98 : 25^{15/19}$. Цена производства товаров, составлявшая прежде $100 + 20 = 120$, теперь, после падения заработной платы, равна $98 + 25^{15/19} = 123^{15/19}$; следовательно, она возросла почти на 4 единицы.

Итак, мы видим, что следует лишь повторить предыдущие рассуждения, но в обратном направлении и с соответствующими поправками; общее понижение заработной платы имеет своим результатом: общее повышение прибавочной стоимости, нормы прибавочной стоимости, а следовательно, при прочих равных условиях, нормы прибыли, хотя и в иной пропорции; понижение цен производства для товаров, произведенных капиталами с низким, повышение цен производства для товаров, произведенных капиталами с высоким строением. Результат — как раз противоположный тому, который мы имели при общем повышении заработной платы³⁴⁾. В обоих случаях — и при повышении и при понижении заработной платы — продолжительность рабочего дня предполагалась неизменяющейся точно так же, как и цена всех необходимых жизненных средств. Таким образом, понижение заработной платы здесь возможно лишь при том условии, если она или раньше стояла выше нормальной цены труда, или теперь опускается ниже ее. Какие произойдут модификации, если понижение или повышение заработной платы вызывается изменением стоимости, а следовательно и цен производства товаров, входящих в обычное потребление рабочего, это будет отчасти исследовано ниже, в отделе о земельной ренте. Здесь же мы заметим раз навсегда следующее:

Если повышение или понижение заработной платы вызывается изменением стоимости необходимых жизненных средств, то вышеприведенные соображения могут модифицироваться лишь постольку, поскольку товары, изменение цен которых повышает или понижает размеры переменного капитала, входят в то же время и в постоянный капитал в качестве образующих его элементов

³⁴⁾ В высшей степени странно, что Рикардо⁹¹⁾ (который, конечно, строит свои рассуждения не так, как это сделано здесь, потому что процесс выравнивания стоимости в цену производства не был им понят) даже не касается этого случая и рассматривает лишь первый случай — повышение заработной платы и его влияние на цены производства товаров. А *servum pecus imitatorum*⁹²⁾ не додумалось даже до того, чтобы сделать это само собой разумеющееся, в сущности тавтологическое, применение.

и, следовательно, воздействуют не на одну только заработную плату. Поскольку же они воздействуют только на заработную плату, вышеприведенные соображения заключают в себе все, что следует сказать относительно этого случая.

Во всей этой главе образование общей нормы прибыли, средней прибыли, а следовательно, и превращение стоимостей в цены производства, предполагалось как данный факт. Вопрос состоял лишь в том, каким образом общее повышение или понижение заработной платы должно повлиять на цены производства товаров, предположенные как данные величины. По сравнению с другими исследованными в этом отделе пунктами это очень второстепенный вопрос. Но это единственный из затронутых здесь вопросов, который рассматривает Рикардо, и притом, как увидим ниже⁹³, рассматривает односторонне и неудовлетворительно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДОБАВЛЕНИЯ

I. ПРИЧИНЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ЦЕНЕ ПРОИЗВОДСТВА

Цена производства какого-либо товара может изменяться только в результате двух причин:

Во-первых. Изменяется общая норма прибыли. Это возможно лишь при том условии, если изменяется сама средняя норма прибавочной стоимости или — при неизменной средней норме прибавочной стоимости — если изменяется отношение суммы присваиваемой прибавочной стоимости к сумме всего авансированного общественного капитала.

Поскольку изменение нормы прибавочной стоимости основывается не на понижении заработной платы ниже или повышении ее выше нормального уровня, — а подобного рода движения следует рассматривать лишь как случайные колебания заработной платы, — изменение это может произойти только или вследствие того, что стоимость рабочей силы повысилась или понизилась; то и другое одинаково невозможно без изменения производительности труда, производящего жизненные средства, следовательно, без изменения стоимости товаров, входящих в потребление рабочих.

Или же изменяется отношение суммы присваиваемой прибавочной стоимости ко всему авансированному общественному капиталу. Так как изменение исходит здесь не от нормы прибавочной стоимости, то оно должно исходить от всего капитала, а именно от постоянной его части. Масса последней, рассматриваемая с технической стороны, увеличивается или уменьшается пропорционально количеству рабочей силы, купленной переменным капиталом, а масса стоимости постоянной части капитала растет или падает вместе с ростом и уменьшением самой ее массы, следовательно, она растет или падает также пропорционально массе стоимости переменного капитала. Если прежнее количество труда приводит в движение больше постоянного капитала, то труд стал производительнее, и наоборот. Следовательно, раз совершилось

изменение в производительности труда, то должно произойти изменение стоимости известных товаров.

Итак, в обоих случаях сохраняет силу следующий закон: если изменяется цена производства данного товара вследствие изменения общей нормы прибыли, то собственная стоимость этого товара может остаться неизменной, однако должно произойти изменение стоимости других товаров.

Во-вторых. Общая норма прибыли остается неизменной. Тогда цена производства товара может измениться лишь при том условии, если изменилась его собственная стоимость, если теперь требуется больше или меньше труда, чем раньше, для воспроизводства его самого, причем безразлично, изменяется ли производительность того труда, который производит данный товар в окончательной форме, или того труда, который производит товары, входящие в производство данного товара. Цена производства хлопчатобумажной пряжи может упасть или потому, что дешевле производится хлопок-сырец, или потому, что труд прядения стал производительнее вследствие усовершенствования машин.

Цена производства, как было показано выше, равняется $k + p$, т. е. издержкам производства плюс прибыль. А это, в свою очередь, равно $k + kp'$, где k , издержки производства, — неопределенная величина, изменяющаяся в различных сферах производства и всегда равная стоимости постоянного и переменного капитала, потребленного в производстве товара, а p' есть исчисленная в процентах средняя норма прибыли. Если $k = 200$, а $p' = 20\%$, то цена производства $k + kp' = 200 + 200 \times \frac{20}{100} = 200 + 40 = 240$. Очевидно, что эта цена производства может оставаться неизменной, хотя стоимость товаров изменяется.

Всякое изменение цены производства товаров в конечном счете сводится к изменению стоимости; но не всякое изменение стоимости товаров должно обязательно выразиться в изменении цены производства, так как эта последняя определяется не только стоимостью данного товара, но также совокупной стоимостью всех товаров. Изменение, касающееся товара A , может быть уравновешено противоположным изменением товара B , так что общее отношение остается неизменным.

II. ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ СРЕДНЕГО СТРОЕНИЯ

Мы видели, что отклонения цен производства от стоимостей происходят вследствие того:

1) что к издержкам производства товара присоединяется не та прибавочная стоимость, которая в нем содержится, а средняя прибыль;

2) что цена производства товара, отклоняющаяся таким образом от его стоимости, входит как элемент в издержки производ-

ства другого товара, так что уже в издержках производства товара может заключаться отклонение от стоимости потребленных на него средств производства независимо от того отклонения, которое для самого этого товара получается вследствие разницы между средней прибылью и прибавочной стоимостью.

Возможно таким образом, что и у товаров, произведенных капиталами среднего строения, издержки производства отклоняются от суммы стоимости элементов, из которых складывается эта составная часть их цены производства. Пусть среднее строение $80_c + 20_v$. Возможно, что в действительных капиталах, составленных таким образом, 80_c больше или меньше стоимости c , постоянного капитала, так как это c состоит из товаров, цена производства которых отклоняется от их стоимости. Равным образом 20_v могут отклоняться от их стоимости, если заработная плата расходуется на товары, цена производства которых отлична от стоимости; следовательно, рабочий, чтобы выкупить эти товары (возместить их), должен затратить больше или меньше рабочего времени, т. е. должен выполнить больше или меньше необходимого труда, чем это требовалось бы, если бы цены производства необходимых жизненных средств совпадали с их стоимостями.

Однако эта возможность несколько не колеблет справедливости положений, установленных для товаров среднего строения. Количество прибыли, приходящейся на эти товары, равно количеству заключающейся в них самих прибавочной стоимости. Например, в вышеприведенном капитале строения $80_c + 20_v$ для определения прибавочной стоимости важно не то, выражают эти числа действительные стоимости или нет, а то, в каком отношении они находятся между собой, именно, что $v = \frac{1}{5}$ всего капитала и $c = \frac{4}{5}$. Раз это так, прибавочная стоимость, которую произвело v , равна, как было выше предположено, средней прибыли. С другой стороны, так как прибавочная стоимость равна средней прибыли, то цена производства = издержкам производства + прибыль = $k + p = k + m$, практически равна стоимости товара. То есть повышение или понижение заработной платы оставляет в этом случае $k + p$ столь же неизменным, сколь неизменной оставило бы оно стоимость товара, и вызывает только соответственное обратное движение, понижение или повышение, на стороне нормы прибыли. А именно, если бы вследствие повышения или понижения заработной платы изменилась в данном случае цена товаров, то норма прибыли в этих сферах среднего строения оказалась бы выше или ниже ее уровня в других сферах. Лишь поскольку цена остается неизменной, сферы среднего строения сохраняют свой уровень прибыли, одинаковый с другими сферами. Таким образом практически дело происходит совершенно так, как если бы продукты этой сферы продавались по их действительной стоимости. В самом деле, если товары продаются по их действительным стоимостям, то очевидно,

что при прочих равных условиях повышение или понижение заработной платы вызовет соответственное понижение или повышение прибыли, но отнюдь не изменение стоимости товаров, и что при всех обстоятельствах повышение или понижение заработной платы может затронуть только величину прибавочной стоимости, а никак не стоимость товаров.

III. ОСНОВАНИЯ У КАПИТАЛИСТА ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ

Как уже было сказано, конкуренция выравнивает нормы прибыли различных сфер производства в среднюю норму прибыли и именно этим превращает стоимость продуктов этих различных сфер в цены производства. И это совершается путем постоянного перелива капитала из одной сферы в другую, где в данный момент прибыль стоит выше среднего уровня; при этом, однако, должны быть приняты во внимание колебания прибыли, связанные для известной отрасли промышленности на протяжении известного периода с чередованием скудных и весьма прибыльных годов. Эта непрерывная эмиграция и иммиграция капитала, происходящая между различными сферами производства, вызывает восходящие и нисходящие движения нормы прибыли, которые более или менее взаимно уравниваются и в силу этого имеют тенденцию повсюду сводить норму прибыли к одному общему уровню.

Это движение капиталов обуславливается в первую очередь состоянием рыночных цен, которые здесь поднимают прибыль выше общего среднего уровня, там понижают ее ниже этого уровня. Мы оставляем пока в стороне купеческий капитал, до которого здесь нам еще нет дела и который, как показывают внезапно разражающиеся пароксизмы спекуляции известными излюбленными ею предметами, с чрезвычайной быстротой способен извлекать массы капитала из одной отрасли предпринимательства и столь же быстро бросать их в другую. Но в каждой сфере собственно производства — промышленности, земледелии, горном деле и т. д. — перелив капитала из одной сферы в другую представляет значительные трудности, в особенности ввиду наличия основного капитала. К тому же опыт показывает, что если какая-либо отрасль промышленности, например хлопчатобумажная промышленность, в течение известного времени приносит необычно высокую прибыль, то в течение другого периода она приносит лишь ничтожную прибыль или даже убыток, так что за известный цикл лет средняя прибыль оказывается здесь приблизительно одинаковой с другими отраслями. И с этим опытом капитал скоро привыкает считаться.

Но чего конкуренция не обнаруживает, так это того, что стоимость господствует над движением производства, она не обнаруживает стоимостей, которые скрываются за ценами производства и в конечном счете определяют их. Зато конкуренция обнаружи-

вает, напротив: 1) средние прибыли, независимые от органического строения капитала в различных сферах производства, следовательно, независимые и от массы живого труда, присваиваемого данным капиталом в данной сфере эксплуатации; 2) повышение и понижение цен производства вследствие изменения заработной платы — явление, на первый взгляд совершенно противоречащее стоимостному отношению товаров; 3) колебания рыночных цен, которые сводят среднюю рыночную цену товаров за данный период не к рыночной *стоимости*, а к уклоняющейся от нее, весьма отличной от нее рыночной цене производства. *Кажется*, что все эти явления противоречат в равной степени и определению стоимости рабочим временем, и природе прибавочной стоимости, состоящей из неоплаченного прибавочного труда. *Таким образом в конкуренции все проявляется в искаженном виде.* Тот сложившийся уже вид экономических отношений, который выступает на поверхности, в их реальном существовании, а следовательно и в тех представлениях, при помощи которых пытаются уяснить себе эти отношения их носители и агенты, весьма сильно отличается от их внутреннего, существенного, но скрытого основного содержания и на деле искажает его и противоречит как ему самому, так и соответствующему ему понятию⁹⁴.

Далее. Когда капиталистическое производство достигает известной степени развития, выравнивание различных норм прибыли отдельных сфер производства в общую норму прибыли отнюдь не совершается исключительно путем отталкивания и притяжения капитала рыночными ценами. После того как на известный период установились средние цены и соответствующие им рыночные цены, до *сознания* отдельных капиталистов доходит, что при таком выравнивании выравниваются *определенные различия*, которые немедленно учитываются капиталистами в их взаимных расчетах. В представлении капиталистов эти различия живут и учитываются ими как основания для компенсации.

Основой такого представления является при этом сама средняя прибыль, т. е. то, что капиталы равной величины в равные промежутки времени должны давать равную прибыль. А это, в свою очередь, основывается на том, что капитал каждой сферы производства должен *pro rata* * своей величине участвовать в присвоении совокупной прибавочной стоимости, выжатой из рабочих совокупным общественным капиталом; или что каждый отдельный капитал должен рассматриваться просто как часть совокупного капитала, каждый отдельный капиталист должен рассматриваться по существу как акционер общего предприятия, который участвует в общей прибыли *pro rata* величине своей доли во всем капитале.

* — соответственно. *Ред.*

На этом представлении основываются затем расчеты капиталистов. Так, например, если капитал оборачивается сравнительно медленно или потому, что товары дольше остаются в процессе производства, или потому, что они должны быть проданы на более отдаленных рынках, то прибыль, ускользающая от него вследствие этого, все-таки начисляется, следовательно, компенсируется путем надбавки к цене. Точно так же капиталовложения, подвергающиеся исключительно большим опасностям, например вложения в морской транспорт, тоже получают компенсацию в виде надбавки к цене. Когда капиталистическое производство, а вместе с ним и страховое дело достаточно развиваются, опасность становится фактически одинаковой для всех сфер производства (см. Корбет⁹⁵); предприятия, наиболее подверженные опасности, платят, однако, более высокие страховые взносы и компенсируют себя за это в цене своих товаров. На практике все сводится к тому, что каждое обстоятельство, которое делает данное вложение капитала более прибыльным, а другое менее прибыльным, — а в известных границах все вложения считаются одинаково необходимыми, — принимается в расчет, как раз навсегда установленное основание для компенсации; причем уже нет надобности в новых и новых действиях конкуренции, чтобы оправдать этот мотив или правильность этого расчета. Капиталист забывает только, — или, скорее, не видит, так как конкуренция ему этого не показывает, — что все эти основания для компенсации, выдвигаемые капиталистами друг против друга при взаимном расчете товарных цен в различных отраслях производства, покоятся исключительно на том, что все капиталисты имеют *pro rata* их капиталу одинаковое притязание на общую добычу, на совокупную прибавочную стоимость. Наоборот, так как фактически полученная ими прибыль отлична от выжатой ими прибавочной стоимости, то им *кажется*, что их основания для компенсации не выравнивают их участия в совокупной прибавочной стоимости, а *создают самоё прибыль*, так как эта последняя возникает якобы просто из так или иначе мотивированной надбавки к издержкам производства товаров.

В остальном и к средней прибыли применимо все то, что в главе VII, стр. 116*, было сказано о представлении капиталиста относительно источника прибавочной стоимости. Здесь постановка вопроса меняется лишь постольку, поскольку при данной рыночной цене товаров и данной эксплуатации труда экономия на издержках производства зависит от индивидуального искусства, внимательно

* См. настоящий том, с. 128 - 129. *Ред.*

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ЗАКОН ТЕНДЕНЦИИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ К ПОНИЖЕНИЮ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЗАКОН КАК ТАКОВОЙ

При данной заработной плате и при данной продолжительности рабочего дня переменный капитал, например в 100, представляет определенное число рабочих, приводимых в движение; он является показателем этого числа. Пусть, например, 100 ф. ст. составляют заработную плату 100 рабочих, скажем, за неделю. Если эти 100 рабочих совершают столько же необходимого труда, сколько прибавочного труда, если, следовательно, они ежедневно работают столько же времени на самих себя, т. е. для воспроизводства своей заработной платы, сколько на капиталистов, т. е. для производства прибавочной стоимости, то вся произведенная ими стоимость была бы = 200 ф. ст., а произведенная ими прибавочная стоимость составила бы 100 фунтов стерлингов. Норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ была бы = 100%. Однако эта норма прибавочной стоимости, как мы видели, выражалась бы в очень различных нормах прибыли соответственно различной величине постоянного капитала c и вместе с тем всего капитала K , так как норма прибыли = $\frac{m}{K}$. При норме прибавочной стоимости 100%:

$$\text{Если } c = 50, v = 100, \text{ то } p' = \frac{100}{150} = 66\frac{2}{3}\%;$$

$$* \quad c = 100, v = 100, \text{ то } p' = \frac{100}{200} = 50\%;$$

$$* \quad c = 200, v = 100, \text{ то } p' = \frac{100}{300} = 33\frac{1}{3}\%;$$

$$* \quad c = 300, v = 100, \text{ то } p' = \frac{100}{400} = 25\%;$$

$$* \quad c = 400, v = 100, \text{ то } p' = \frac{100}{500} = 20\%.$$

Таким образом, при неизменяющейся степени эксплуатации труда одна и та же норма прибавочной стоимости выражалась бы в понижающейся норме прибыли, потому что вместе с материальным

объемом постоянного капитала возрастает, хотя и не в той же пропорции, и величина стоимости постоянного, а следовательно и всего, капитала.

Если мы далее предположим, что это постепенное изменение строения капитала происходит не только в отдельных сферах производства, но более или менее во всех или, по крайней мере, в решающих сферах производства, так что оно равносильно изменению среднего органического строения всего капитала, принадлежащего определенному обществу, то такое постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным необходимо должно иметь своим результатом *постепенное понижение общей нормы прибыли* при неизменяющейся норме прибавочной стоимости; или при неизменяющейся степени эксплуатации труда капиталом. Но законом капиталистического способа производства оказалось, что с его развитием совершается относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным капиталом и, следовательно, по сравнению со всем приводимым в движение капиталом. Это означает только то, что одинаковое число рабочих, одинаковое количество рабочей силы, которым может располагать переменный капитал данной стоимостной величины, вследствие развития методов производства, свойственных капиталистическому производству, за одинаковое время приводит в движение, перерабатывает и производительно потребляет постоянно возрастающую массу средств труда, машин и других видов основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, а потому — и постоянный капитал, постоянно возрастающий по своей стоимостной величине. Такое прогрессирующее относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным, и, следовательно со всем, капиталом тождественно с прогрессирующим повышением среднего органического строения общественного капитала. Это является также только иным выражением прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, которое сказывается именно в том, что посредством возрастающего применения машин и вообще основного капитала при том же числе рабочих в такое же время, т. е. с меньшим трудом, превращается в продукты большее количество сырья и вспомогательных материалов. Этому возрастанию стоимостной величины постоянного капитала, — хотя оно лишь отдаленным образом представляет возрастание действительной массы потребительных стоимостей, из которых вещественно состоит постоянный капитал, — соответствует возрастающее удешевление продукта. Каждый индивидуальный продукт, рассматриваемый сам по себе, содержит меньшую сумму труда, чем на низшей ступени производства, где отношение капитала, затраченного на труд, к капиталу, затраченному на средства производства, представляет несравненно большую величину. Следовательно, гипотетический ряд, приведенный нами в начале главы, выражает действительную

тенденцию капиталистического производства. Последнее вместе с прогрессирующим относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным создает все более высокое органическое строение всего капитала, непосредственным результатом чего является то, что при неизменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда норма прибавочной стоимости выражается в постоянно понижающейся общей норме прибыли. (Дальше будет показано *, почему понижение выступает не в этой абсолютной форме, а скорее как тенденция к прогрессивному понижению.) Следовательно, возрастающая тенденция общей нормы прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, *выражение, свойственное капиталистическому способу производства*. Это не значит, что норма прибыли не может временно понижаться и по другим причинам, но таким образом, исходя из сущности капиталистического способа производства, доказано, как сама собой разумеющаяся необходимость, что с развитием капиталистического способа производства общая средняя норма прибавочной стоимости должна выражаться в понижающейся общей норме прибыли. Так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по сравнению с массой приводимого им в движение опредмеченного труда, с массой производительно потребляемых средств производства, то отношение той части этого живого труда, которая не оплачена и опредмечена в прибавочной стоимости, к стоимостной величине всего вложенного капитала должно постоянно уменьшаться. Но это отношение массы прибавочной стоимости к стоимости всего вложенного капитала образует норму прибыли, которая поэтому должна постоянно падать.

Как ни прост кажется этот закон после всего нами изложенного, но всей предшествующей политической экономии не удавалось открыть его, как мы это увидим в одном из последующих отделов ⁹⁶. Она наблюдала явление и мучилась в противоречивых попытках объяснить его. Но при том огромном значении, какое имеет этот закон для капиталистического производства, можно сказать, что он составляет тайну, над разрешением которой бьется вся политическая экономия со времени Адама Смита, и что различие между разными школами после А. Смита состоит в различии попыток ее разрешения. С другой стороны, если принять во внимание, что хотя вся предшествующая политическая экономия и ходила вокруг да около различия между постоянным и переменным капиталом, но так и не сумела определенно его сформулировать; что она никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде, в отличие от ее различных обособившихся друг от друга составных частей, —

* См. настоящий том, гл. XIV. *Ред.*

как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента; — что она никогда не анализировала основательно различия в органическом строении капитала, а следовательно и образования общей нормы прибыли, — то перестает быть загадочным то обстоятельство, что ей никогда не удавалось разрешить этой загадки.

Мы намеренно даем изложение этого закона раньше, чем показали распадение прибыли на различные обособившиеся одна от другой категории. Возможность выведения этого закона независимо от распада прибыли на различные части, приходящиеся на долю лиц различных категорий, прямо доказывает независимость закона в его всеобщности от такого распада и от взаимных отношений между различными категориями прибыли, возникающими в результате этого распада. Прибыль, о которой мы говорим здесь, есть только другое название самой прибавочной стоимости, которая представлена лишь в отношении ко всему капиталу, а не только к одному переменному капиталу, из которого она возникает. Следовательно, понижение нормы прибыли выражает убывающее отношение самой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, и потому оно независимо от какого бы то ни было распределения этой прибавочной стоимости между различными категориями.

Мы видели, что если на одной ступени капиталистического развития, когда строение капитала $c : v = 50 : 100$, норма прибавочной стоимости в 100% выражается в норме прибыли $= 66\frac{2}{3}\%$, то на более высокой ступени, когда $c : v = 400 : 100$, та же самая норма прибавочной стоимости выражается в норме прибыли лишь 20%. То, что относится к различным последовательным ступеням развития одной и той же страны, относится и к различию ступеней развития в одно и то же время, различных стран. В неразвитой стране, где первое строение капитала является средним, общая норма прибыли была бы $= 66\frac{2}{3}\%$, тогда как в стране со вторым строением капитала, стоящей на значительно более высокой ступени развития, она была бы $= 20\%$.

Различие обеих национальных норм прибыли могло бы исчезнуть и даже принять обратный вид вследствие того, что в менее развитой стране труд был бы менее производителен, поэтому большее количество труда выражалось бы в меньшем количестве одного и того же товара, большая меновая стоимость выражалась бы в меньшей потребительной стоимости, следовательно, рабочий тратил бы большую часть своего времени на воспроизводство средств своего собственного существования или их стоимости и меньшую часть на создание прибавочной стоимости, доставлял бы меньше прибавочного труда, так что норма прибавочной стоимости была бы ниже. Если бы, например, в менее развитой стране рабочий $\frac{2}{3}$ рабочего дня работал на самого себя, а $\frac{1}{3}$ на капиталиста, то, если принять

предположения вышеприведенного примера, эта же самая рабочая сила оплачивалась бы в $133\frac{1}{3}$ и доставила бы избыток только в $66\frac{2}{3}$. Переменному капиталу в $133\frac{1}{3}$ соответствовал бы постоянный капитал в 50. Следовательно, норма прибавочной стоимости составляла бы в этом случае $66\frac{2}{3} : 133\frac{1}{3} = 50\%$, а норма прибыли $66\frac{2}{3} : 183\frac{1}{3}$, или приблизительно $36\frac{1}{2}\%$.

Так как мы до сих пор еще не исследовали различных составных частей, на которые распадается прибыль, следовательно, они для нас еще не существуют, то мы только во избежание недоразумений наперед заметим следующее. При сравнении стран, стоящих на различных ступенях развития, именно стран с развитым капиталистическим производством и таких, где труд еще формально не подчинен капиталу, хотя в действительности рабочий эксплуатируется капиталистом (например в Индии, где райят ведет хозяйство как самостоятельный крестьянин, следовательно, его производство как таковое еще не подчинено капиталу, хотя ростовщик может вытянуть из него в форме процента не только весь его прибавочный труд, но даже, выражаясь капиталистически, часть его заработной платы), — при таком сравнении было бы весьма ошибочно измерять высоту национальной нормы прибыли национальной ставкой процента⁹⁷. В странах, где труд еще формально не подчинен капиталу, в процент включена вся прибыль и даже больше чем прибыль, тогда как в странах развитого капиталистического производства процент составляет лишь известную часть произведенной прибавочной стоимости, или прибыли. С другой стороны, ставка процента здесь определяется главным образом такими отношениями (ссуды ростовщиков, предоставляемые знати, собственникам земельной ренты), которые не имеют решительно ничего общего с прибылью, а, напротив, показывают лишь, в какой мере ростовщик присваивает земельную ренту.

В той стране из числа стран с различными степенями развития капиталистического производства и поэтому с различным органическим строением капитала, где нормальный рабочий день короче, норма прибавочной стоимости (один из факторов, определяющих норму прибыли) может стоять выше, чем в той, где он продолжительнее. *Во-первых*, если английский 10-часовой рабочий день вследствие своей более высокой интенсивности равен австрийскому 14-часовому рабочему дню, то при одинаковом разделении рабочего дня 5 часов прибавочного труда англичанина могут представлять на мировом рынке стоимость большую, чем 7 часов австрийца. А, *во-вторых*, в Англии прибавочный труд может составлять большую часть рабочего дня, чем в Австрии.

Закон понижения нормы прибыли, — причем в понижающейся норме прибыли получает выражение та же самая или даже возрастающая норма прибавочной стоимости, — иными словами означает следующее: если взять какое-нибудь определенное количество

среднего общественного капитала, например капитал в 100, то часть его, заключающаяся в средствах труда, все возрастает, а часть, заключающаяся в живом труде, все уменьшается. Следовательно, так как совокупная масса живого труда, присоединяемого к средствам производства, относительно уменьшается по сравнению со стоимостью этих средств производства, то относительно уменьшается по сравнению со стоимостью всего авансированного капитала и неоплаченный труд и та часть стоимости, в которой он выражается. Или: из всего затрачиваемого капитала в живой труд превращается все меньшая часть, и поэтому весь этот капитал всасывает по сравнению со своей величиной все меньше прибавочного труда, хотя одновременно с этим может возрастать отношение неоплаченной части применяемого труда к его оплаченной части. Относительное уменьшение переменного капитала и увеличение постоянного при абсолютном возрастании обеих этих частей есть, как мы сказали, только другое выражение возрастающей производительности труда.

Положим, что капитал в 100 состоит из $80_c + 20_v$, последние $= 20$ рабочим. Норма прибавочной стоимости пусть будет 100%, т. е. рабочие половину дня работают на себя и половину дня на капиталиста. В другой, менее развитой стране капитал пусть будет $= 20_c + 80_v$, причем эти последние $= 80$ рабочим. Эти рабочие $\frac{2}{3}$ рабочего дня работают на себя, и только $\frac{1}{3}$ они работают на капиталиста. При прочих равных условиях рабочие в первом случае производят стоимость в 40, во втором в 120. Первый капитал производит $80_c + 20_v + 20_m = 120$; норма прибыли $= 20\%$. Второй капитал $20_c + 80_v + 40_m = 140$; норма прибыли $= 40\%$. Следовательно, во втором случае она вдвое больше, чем в первом, хотя в первом случае норма прибавочной стоимости $= 100\%$, вдвое больше, чем во втором, где она только 50%. Но зато равновеликий капитал в первом случае присваивает прибавочный труд только 20, а во втором 80 рабочих.

Закон прогрессирующего падения нормы прибыли, или относительного уменьшения присваиваемого прибавочного труда по сравнению с массой опредмеченного труда, приводимой в движение живым трудом, отнюдь не исключает возрастания абсолютной массы труда, приводимого в движение и эксплуатируемого общественным капиталом, а потому и возрастания абсолютной массы присваиваемого им прибавочного труда; точно так же он не исключает того, что капиталы, находящиеся под командой отдельных капиталистов, командуют возрастающей массой труда, а следовательно и прибавочного труда, — последнее может иметь место даже в том случае, если число находящихся под их командой рабочих не возрастает.

Если взять рабочее население данной численности, например два миллиона, и принять, далее, продолжительность и интенсивность среднего рабочего дня, а также заработную плату, — а вместе

с тем и отношение между необходимым и прибавочным трудом, — за величины данные, то совокупный труд этих двух миллионов, а также и их прибавочный труд, выражающийся в прибавочной стоимости, постоянно производит стоимость одинаковой величины. Но с возрастанием массы постоянного — основного и оборотного — капитала, приводимого в движение этим трудом, падает отношение этой величины стоимости к стоимости этого капитала, которая возрастает вместе с его массой, хотя и не в одинаковой пропорции. Это отношение, а потому и норма прибыли, падает, хотя капитал командует такой же массой живого труда, как и раньше, и всасывает такую же массу прибавочного труда. Отношение изменяется не потому, что уменьшается масса живого труда, а потому, что увеличивается масса уже опредмеченного труда, приводимого им в движение. Уменьшение это относительно, а не абсолютно и на деле не имеет ничего общего с абсолютной величиной приводимого в движение труда и прибавочного труда. Падение нормы прибыли возникает не из абсолютного, а только из относительного уменьшения переменной составной части совокупного капитала, из ее уменьшения по сравнению с постоянной составной частью.

То, что действительно для данной массы труда и массы прибавочного труда, действительно и для возрастающего числа рабочих, а потому при данных предпосылках и для возрастающей массы труда, находящегося под командой, и, в частности, для его неоплаченной части, для прибавочного труда. Если рабочее население увеличивается, например, с двух до трех миллионов, если переменный капитал, уплачиваемый ему в виде заработной платы, составлявший раньше два миллиона, теперь составляет три миллиона, а постоянный капитал в то же время увеличивается с 4 до 15 миллионов, то при данных предпосылках (неизменяющийся рабочий день и неизменяющаяся норма прибавочной стоимости) масса прибавочного труда, прибавочной стоимости, возрастает наполовину, на 50%, с 2 миллионов до 3. Тем не менее, несмотря на такое возрастание абсолютной массы прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, на 50%, отношение переменного капитала к постоянно-му упало бы с 2:4 до 3:15, и отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу представлялось бы в следующем виде:

$$\begin{aligned} \text{I. } 4_c + 2_v + 2_m; \quad K &= 6; \quad p' = 33\frac{1}{3}\%. \\ \text{II. } 15_c + 3_v + 3_m; \quad K &= 18; \quad p' = 16\frac{2}{3}\%. \end{aligned}$$

В то время как масса прибавочной стоимости увеличилась наполовину, норма прибыли упала наполовину сравнительно с прежней. Но прибыль есть только прибавочная стоимость, взятая по отношению к общественному капиталу, и потому масса прибыли, ее абсолютная величина, взятая в общественном масштабе, равна абсолютной величине прибавочной стоимости. Следовательно, абсолютная величина прибыли, ее общая масса возросла бы на 50%, несмотря

на чрезвычайное относительное уменьшение этой массы прибыли по сравнению со всем авансированным капиталом, или несмотря на чрезвычайное уменьшение общей нормы прибыли. Таким образом, число рабочих, занятых капиталом, т. е. абсолютная масса труда, приводимого им в движение, следовательно, абсолютная масса высасываемого им прибавочного труда, а потому и масса производимой им прибавочной стоимости, а значит и абсолютная масса производимой им прибыли, *может* возрастать, и возрастать прогрессивно, несмотря на прогрессивное падение нормы прибыли. Это не только *возможно*. На основе капиталистического производства так *должно* быть, если оставить в стороне преходящие колебания.

Процесс капиталистического производства по существу есть в то же время и процесс накопления. Мы показали, как с развитием капиталистического производства масса стоимости, которая должна быть просто воспроизведена, сохранена, увеличивается и возрастает вместе с повышением производительности труда, если даже применяемая рабочая сила остается неизменной. Но с развитием общественной производительной силы труда еще быстрее возрастает масса производимых потребительных стоимостей, часть которых составляют средства производства. А количество добавочного труда, путем присвоения которого это добавочное богатство может быть снова превращено в капитал, зависит не от стоимости, а от массы этих средств производства (включая и жизненные средства), так как в процессе труда рабочий имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью средств производства. Однако само накопление и сопровождающая его концентрация капитала сами являются материальным средством увеличения производительной силы. Но это возрастание средств производства предполагает возрастание численности рабочего населения, создание населения рабочих, соответствующего добавочному капиталу и даже в общем и целом постоянно превышающего его потребности, следовательно, предполагает перенаселение рабочих. Временный избыток добавочного капитала сравнительно с рабочим населением, находящимся под его командой, может оказывать двоякое влияние. С одной стороны, он может постепенно увеличивать рабочее население путем повышения заработной платы, т. е. путем смягчения губительных влияний, сокращающих прирост рабочих, и облегчением браков. А с другой стороны, посредством применения методов, создающих относительную прибавочную стоимость (введение и усовершенствование машин), он может еще быстрее создавать искусственное относительное перенаселение, которое, в свою очередь, — так как при капиталистическом производстве нищета порождает население⁹⁸, — служит топливом для действительно быстрого увеличения численности населения. Поэтому из природы капиталистического процесса накопления, который составляет лишь момент в капиталистическом процессе производства, само собой следует, что воз-

росшая масса средств производства, предназначенных к превращению в капитал, всегда находит в наличии соответственно увеличившееся и даже избыточное рабочее население, пригодное для эксплуатации. Следовательно, с развитием процесса производства и накопления необходимо *должна* возрастая масса прибавочного труда, который можно присваивать и который действительно присваивается, а потому должна возрастая и абсолютная масса прибыли, присваиваемой общественным капиталом. Но те же законы производства и накопления вместе с увеличением массы постоянного капитала обуславливают в возрастающей прогрессии увеличение его стоимости более быстрое, чем увеличение стоимости переменной части капитала, обмениваемой на живой труд. Таким образом, в силу одних и тех же законов абсолютная масса прибыли на общественный капитал возрастает, а норма прибыли понижается.

Мы здесь совершенно не принимаем во внимание, что с прогрессом капиталистического производства и соответствующего ему развития производительной силы общественного труда и при умножении отраслей производства, а следовательно и продуктов, прежняя величина стоимости представляет прогрессивно возрастающую массу потребительных стоимостей и предметов потребления.

Ход развития капиталистического производства и накопления обуславливает то обстоятельство, что процесс труда совершается во все возрастающем масштабе, а это, в свою очередь, обуславливает увеличение авансирований капитала на каждое отдельное предприятие. Поэтому возрастающая концентрация капиталов (сопровождаемая в то же время, хотя и в меньшей степени, увеличением числа капиталистов) является и одним из материальных условий капиталистического производства и накопления и одним из создаваемых им самим результатов. Рука об руку и во взаимодействии с этим совершается прогрессирующая экспроприация более или менее непосредственных производителей. Таким образом в отношении отдельных капиталистов понятно, что они командуют все большими рабочими армиями (как бы относительно ни уменьшался их переменный капитал по сравнению с постоянным), что масса присваиваемой ими прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, возрастает одновременно с понижением нормы прибыли и несмотря на такое понижение. Именно те самые причины, в силу которых происходит концентрация массы рабочих армий под командой отдельных капиталистов, приводят также и к увеличению массы применяемого основного капитала, сырья и вспомогательных материалов, относительно более быстрому и значительному, чем увеличение массы применяемого живого труда.

Далее, нам достаточно здесь просто упомянуть, что при данной численности рабочего населения, если норма прибавочной стоимости возрастает, — вследствие ли удлинения рабочего дня или интенсификации труда рабочего или же вследствие понижения заработ-

ной платы в стоимостном выражении, являющегося результатом развития производительной силы труда, — масса прибавочной стоимости, а потому и абсолютная масса прибыли, должна возрасти, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным.

То же самое развитие производительной силы общественного труда, те же самые законы, которые выражаются в относительном уменьшении переменного капитала по сравнению со всем капиталом и в ускоряющемся вместе с тем накоплении, — между тем как, с другой стороны, накопление, оказывая обратное действие, становится исходным пунктом дальнейшего развития производительной силы и дальнейшего относительного уменьшения переменного капитала, — это же самое развитие, если оставить в стороне временные колебания, выражается в прогрессивном увеличении всей применяемой рабочей силы, во все усиливающемся возрастании абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли.

В какой же форме должен выражаться этот двойственный закон, согласно которому уменьшение *нормы* прибыли и одновременное увеличение абсолютной *массы* прибыли, возникает в силу одних и тех же причин; закон, основанный на том, что при данных условиях присваиваемая масса прибавочного труда, а следовательно и прибавочной стоимости, возрастает и что, если рассматривать весь капитал в целом или рассматривать каждый отдельный капитал только как часть всего капитала, прибыль и прибавочная стоимость суть тождественные величины?

Возьмем определенную сумму капитала, например 100, и вычислим по отношению к ней норму прибыли. Пусть эти 100 представляют среднее строение всего капитала, скажем, $80_c + 20_v$. Во втором отделе этой книги мы видели, что средняя норма прибыли в различных отраслях производства определяется не особым строением капитала в каждой отрасли, а его средним общественным строением. Вместе с относительным уменьшением переменной части по сравнению с постоянной и, следовательно, по сравнению со всем капиталом в 100 при неизменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда уменьшается норма прибыли, уменьшается относительная величина прибавочной стоимости, т. е. ее отношение к стоимости всего авансированного капитала в 100. Но уменьшается не только эта относительная величина. Величина прибавочной стоимости, или прибыли, которую всасывает весь капитал в 100, уменьшается абсолютно. При норме прибавочной стоимости в 100% капитал в $60_c + 40_v$ производит массу прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли = 40; капитал в $70_c + 30_v$ производит массу прибыли в 30; при капитале в $80_c + 20_v$ прибыль понижается до 20. Это понижение касается массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, и вытекает из того, что весь капитал в 100 производит меньше прибавочной стоимости, так как он

приводит в движение меньше живого труда вообще, а при неизменной степени эксплуатации меньше также и прибавочного труда. Если какую-нибудь определенную часть общественного капитала, следовательно капитала среднего общественного строения, принять за единицу меры для измерения прибавочной стоимости, — а это делается при каждом вычислении прибыли, — то вообще относительное понижение прибавочной стоимости и ее абсолютное понижение оказываются тождественными. В вышеприведенных примерах норма прибыли падает с 40% до 30% и до 20%, так как на деле масса прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, производимой одним и тем же капиталом, по своей абсолютной величине понижается с 40 до 30 и до 20. Так как величина стоимости капитала, с которым соизмеряется прибавочная стоимость, дана, именно = 100, то уменьшение отношения прибавочной стоимости к этой неизменяющейся величине может быть лишь особым выражением уменьшения абсолютной величины прибавочной стоимости и прибыли. На самом деле это — тавтология. Но то обстоятельство, что такое уменьшение наступает, — это, как было показано, вытекает из природы развития капиталистического процесса производства.

Но, с другой стороны, те самые причины, которые вызывают абсолютное уменьшение прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли на данный капитал, а потому и нормы прибыли, исчисляемой в процентах, эти же причины приводят к возрастанию абсолютной массы прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли, присваиваемой всем общественным капиталом (т. е. совокупностью капиталистов). Как же это должно выразиться? Как это может выразиться? Или — какие условия предполагаются этим кажущимся противоречием?

Если всякая доля общественного капитала, равная 100, а следовательно всякая сотня капитала среднего общественного строения, есть величина данная, а потому для нее уменьшение нормы прибыли совпадает с уменьшением абсолютной величины прибыли, ибо как раз в этом случае капитал, которым она измеряется, есть величина постоянная, то, напротив, величина всего общественного капитала, как и капитала, находящегося в руках отдельных капиталистов, есть изменяющаяся величина, которая, для того чтобы соответствовать предположенным условиям, должна изменяться в обратном отношении к уменьшению своей переменной части.

В прежнем примере при строении капитала $60_c + 40_p$ прибавочная стоимость, или прибыль на него, была 40, а потому норма прибыли 40%. Положим, что при таком строении весь капитал равнялся миллиону. В таком случае вся прибавочная стоимость, а следовательно вся прибыль, составляла бы 400 000. Если затем строение капитала будет = $80_c + 20_p$, то при неизменяющейся степени эксплуатации труда прибавочная стоимость, или прибыль, на каждую сотню = 20. Но так как прибавочная стоимость, или прибыль, как

мы показали, по своей абсолютной массе возрастает вопреки этой уменьшающейся норме прибыли или уменьшающемуся производству прибавочной стоимости на каждую сотню капитала, — возрастает, скажем, с 400 000 до 440 000, — то это возможно лишь благодаря тому, что весь капитал, образовавшийся одновременно с этим новым строением, возрос до 2 200 000. Масса всего приводимого в движение капитала увеличилась на 120%, тогда как норма прибыли упала на 50%. Если бы капитал только удвоился, то для того чтобы норма прибыли была 20%, он должен был бы произвести только такую же массу прибавочной стоимости и прибыли, как прежний капитал в 1 000 000 при норме прибыли в 40%. Если бы он возрос менее чем вдвое, то он произвел бы прибавочной стоимости и прибыли меньше, чем прежде производил капитал в 1 000 000, который для того, чтобы повысить свою прибавочную стоимость с 400 000 до 440 000, должен был бы при своем старом строении увеличиться с 1 000 000 только до 1 100 000.

Здесь проявляется уже ранее развитый закон⁹⁹, согласно которому с относительным уменьшением переменного капитала, следовательно с развитием общественной производительной силы труда, требуется постоянно возрастающая масса всего капитала для того, чтобы приводить в движение такое же количество рабочей силы и поглощать такую же массу прибавочного труда. Поэтому в той же мере, в какой развивается капиталистическое производство, развивается также возможность появления относительно избыточного рабочего населения, не потому, что производительная сила общественного труда *уменьшается*, а потому, что она *увеличивается*, т. е. не вследствие абсолютного несоответствия между трудом и средствами существования или средствами для производства этих средств существования, а вследствие несоответствия, вытекающего из капиталистической эксплуатации труда, несоответствия между прогрессивным возрастанием капитала и его относительно уменьшающейся потребностью в возрастании населения.

Понижаясь на 50%, норма прибыли понижается наполовину. Поэтому, чтобы масса прибыли осталась прежней, капитал должен удвоиться. Для того чтобы при уменьшающейся норме прибыли масса прибыли оставалась неизменной, множитель, показывающий возрастание всего капитала, должен быть равен делителю, показывающему понижение нормы прибыли. Если норма прибыли понижается с 40% до 20%, то для того, чтобы результат оставался прежним, весь капитал должен, наоборот, увеличиться с 20 до 40. Если бы норма прибыли понизилась с 40% до 8%, то капитал должен был бы возрасти с 8 до 40, т. е. в пять раз. Капитал в 1 000 000 при норме прибыли в 40% производит 400 000 прибыли, и капитал в 5 000 000 при норме прибыли в 8% производит также 400 000 прибыли. Такое увеличение прибыли необходимо для того, чтобы прибыль оставалась прежней. Наоборот, чтобы получить большую прибыль, капи-

тал должен возрастать в большей пропорции, чем понижается норма прибыли. Другими словами: для того чтобы переменная составная часть всего капитала в ее абсолютном значении не только оставалась прежней, но и возрастала, хотя ее процентное отношение ко всему капиталу понижается, весь капитал должен возрастать в большей пропорции, чем понижается выраженная в процентах доля переменного капитала. Он должен возрастать настолько, чтобы при его новом строении для покупки рабочей силы требовалась не только прежняя переменная часть капитала, но еще некоторый добавок. Если у капитала в 100 переменная часть уменьшится с 40 до 20, то весь этот капитал должен возрасти более чем до 200, для того чтобы можно было применить переменный капитал больший, чем 40.

Даже в том случае, если бы эксплуатируемая масса рабочего населения оставалась неизменной и увеличилась бы только продолжительность и интенсивность рабочего дня, масса примененного капитала должна была бы возрасти, — она должна возрасти даже для того, чтобы с изменением строения капитала можно было бы применять прежнюю массу труда при прежних отношениях эксплуатации.

Итак, одно и то же развитие общественной производительной силы труда выражается с прогрессом капиталистического способа производства, с одной стороны, в тенденции к прогрессирующему понижению нормы прибыли, а с другой стороны, — в постоянном возрастании абсолютной массы присваиваемой прибавочной стоимости, или прибыли: так что в общем относительному уменьшению переменного капитала и прибыли соответствует абсолютное увеличение их обоих. Как мы показали, этот двусторонний результат может выразиться лишь в том, что весь капитал возрастает в более быстрой прогрессии, чем та, в какой понижается норма прибыли. Для того чтобы при более высоком строении капитала или при относительно более сильном увеличении постоянного капитала можно было применить абсолютно возросший переменный капитал, весь капитал должен возрасти не только в соответствии с более высоким строением, но еще быстрее. Из этого следует, что по мере развития капиталистического способа производства требуется все большее количество капитала для того, чтобы применять ту же самую рабочую силу, и тем более для того, чтобы применять увеличивающуюся рабочую силу. Итак, на капиталистическом базисе повышающаяся производительная сила труда необходимо создает постоянное явное перенаселение рабочих. Если переменный капитал составляет только $\frac{1}{6}$ всего капитала вместо прежней $\frac{1}{2}$, то для того чтобы дать занятие прежней рабочей силе, весь капитал должен утроиться; а для того чтобы дать занятие вдвое большей рабочей силе, он должен возрасти в шесть раз.

Предшествующая политическая экономия, не сумевшая объяснить закона понижения нормы прибыли, указывала на увеличиваю-

щуюся массу прибыли, на возрастание абсолютной величины прибыли отдельных капиталистов и всего общественного капитала как на своего рода утешение, но и это утешение покоилось на одних общих местах и возможностях.

Что масса прибыли определяется двумя факторами: во-первых, нормой прибыли и, во-вторых, массой капитала, который применяется при этой норме прибыли, — это бесспорный факт. Что масса прибыли, следовательно, может возрастать, несмотря на одновременное понижение нормы прибыли, — это только выражение указанного факта и оно не помогает продвинувшись вперед ни на шаг, потому что возможен и такой случай, когда капитал возрастает, а масса прибыли не увеличивается, и что он может возрастать даже в то время, когда она падает: 100 при 25% дает 25, 400 при 5% дает только 20³⁵⁾. Но если те самые причины, которые вызывают понижение нормы прибыли, содействуют накоплению, т. е. образованию дополнительного капитала, и если каждый дополнительный капитал приводит в движение дополнительный труд и производит дополнительную прибавочную стоимость; если, с другой стороны, простое понижение нормы прибыли уже само по себе предполагает тот факт, что постоянный капитал, а следовательно весь прежний капитал, возрос, то весь этот процесс перестает быть таинственным. Впоследствии мы увидим, к каким умышленно искаженным вычислениям прибегали для того, чтобы устранить возможность увеличения массы прибыли при одновременном уменьшении нормы прибыли¹⁰¹.

Мы показали, как те самые причины, которые вызывают тенденцию общей нормы прибыли к понижению, обуславливают ускоренное накопление капитала, а вследствие этого и возрастание абсолютной величины или общей массы присваиваемого им прибавоч-

35) «Мы могли бы также ожидать, что, хотя норма прибыли на капитал уменьшается вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы, все же общая сумма прибыли будет возрастать. Так, если мы предположим, что при повторных накоплениях, каждый раз в размере 100 000 ф. ст., норма прибыли падает с 20% до 19%, 18%, 17%, т. е. непрерывно понижается, то мы могли бы ожидать, что вся сумма прибыли, которую получают все следующие друг за другом владельцы капитала, будет все возрастать: что она больше, когда капитал достигает 200 000 ф. ст., чем когда он составляет 100 000 ф. ст., еще больше, когда он возрастает до 300 000 ф. ст. и т. д., что, следовательно, она увеличивается при каждом увеличении капитала, хотя бы норма прибыли все время понижалась. Однако такая прогрессия имеет силу только в течение определенного времени. Так, 19% с 200 000 ф. ст. составляют больше, чем 20% с 100 000 ф. ст., 18% с 300 000 ф. ст. — больше, чем 19% с 200 000 ф. ст., но когда капитал будет накоплен в очень больших размерах, а норма прибыли упадет, тогда дальнейшее накопление будет уменьшать совокупную массу прибыли. Предположим, например, что накопление достигло 1 000 000 ф. ст., а норма прибыли составляет 7%, тогда вся сумма прибыли составит 70 000 фунтов стерлингов. Если теперь к миллиону прибавить еще 100 000 ф. ст. капитала, а норма прибыли упадет до 6%, то владельцы капитала получат уже только 66 000 ф. ст., или на 4 000 ф. ст. меньше, хотя общая сумма капитала возросла с 1 000 000 до 1 100 000 ф. ст.» (Ricardo. «Principles of Political Economy». Works ed. by MacCulloch, 1852. Ch. VI. p. 68—69). В действительности здесь предположено, что капитал возрастает с 1 000 000 до 1 100 000, т. е. на 10%, между тем как норма прибыли понижается с 7 до 6, т. е. на $\frac{1}{7}$ %. *Nine illae lacrimae*¹⁰⁰.

ного труда (прибавочной стоимости, прибыли). Как в конкуренции, а следовательно и в сознании ее агентов, все выражается в искаженном виде; точно так же искаженно выражается в конкуренции и в сознании ее агентов и этот закон, — я имею в виду эту внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями, которые по своей внешней видимости противоречат одно другому. Ясно, что при тех пропорциях, которые приведены выше, капиталист, располагающий крупным капиталом, получает большую массу прибыли, чем мелкий капиталист, получающий по видимости высокую прибыль. Далее, самое поверхностное рассмотрение конкуренции показывает, что если при известных обстоятельствах, как, например, во время кризиса, более крупный капиталист желает захватить место на рынке, оттеснить более мелких капиталистов, он пользуется этим практически, т. е. намеренно понижает свою норму прибыли, чтобы вытеснить сравнительно мелких капиталистов. В частности, купеческий капитал, о котором подробнее будет сказано позже, также обнаруживает явления, из-за которых понижение прибыли представляется следствием расширения дела, а вместе с тем и увеличения капитала. Подлинно научное объяснение этих ошибочно понимаемых явлений мы дадим позже. Подобные поверхностные воззрения возникают из сравнения норм прибыли, получаемых в отдельных отраслях предпринимательства в зависимости от того, подчинены ли они режиму свободной конкуренции или монополии. Крайне поверхностное представление, которое засело в головах агентов конкуренции, мы находим и у нашего Рошера, — именно, что такое понижение нормы прибыли «благоразумнее и гуманнее»¹⁰². Уменьшение нормы прибыли представляется здесь как *следствие* увеличения капитала и связанного с ним расчета капиталистов, что при меньшей норме прибыли будет больше масса прибыли, которую они кладут себе в карман. Все это (за исключением того, что имеется у А. Смита, о чем мы поговорим позже¹⁰³) основано на полном непонимании, что такое вообще есть общая норма прибыли, и на грубом представлении, что цены в действительности определяются путем надбавки более или менее произвольной доли прибыли к действительной стоимости товаров. Как ни грубы такие представления, но они необходимо возникают вследствие того искаженного вида, какой принимают в сфере конкуренции имманентные законы капиталистического производства.

Закон, согласно которому понижение нормы прибыли, вызываемое развитием производительной силы, сопровождается увеличением массы прибыли, этот закон выражается и в том, что падение цен товаров, производимых капиталом, сопровождается относительным увеличением массы прибыли, заключающейся в них и реализуемой посредством их продажи.

Так как развитие производительной силы и соответствующее ему более высокое строение капитала приводит в действие все увеличивающееся количество средств производства при помощи все уменьшающегося количества труда, то каждая доля совокупного продукта, каждая единица товара или каждое определенное количество товара, служащее единицей меры для всей массы произведенных товаров, поглощает меньше живого труда и, кроме того, содержит меньше опредмеченного труда как в виде изношенной части примененного основного капитала, так и в виде потребленного сырья и вспомогательных материалов. Следовательно, каждая единица товара содержит меньшую сумму труда, как опредмеченного в средствах производства, так и вновь присоединенного во время производства. Поэтому цена единицы товара понижается. Тем не менее, масса прибыли, заключающаяся в каждой единице товара, может увеличиться, если норма абсолютной или относительной прибавочной стоимости возрастает. Товар содержит меньше вновь присоединенного труда, но неоплаченная часть последнего возрастает сравнительно с оплаченной частью. Однако это происходит лишь в известных пределах. Вместе с чрезвычайно быстро совершающимся при развитии производства абсолютным уменьшением суммы живого труда, вновь присоединяемого к каждой единице товара, будет абсолютно уменьшаться и масса заключающегося в ней неоплаченного труда, как бы она ни возрастала относительно, именно по сравнению с оплаченной частью. Несмотря на возрастание нормы прибавочной стоимости, масса прибыли, приходящаяся на каждую единицу товара, будет значительно уменьшаться с развитием производительной силы труда; а такое уменьшение, совершенно так же, как понижение нормы прибыли, будет только замедляться удешевлением элементов постоянного капитала и другими обстоятельствами, которые указаны в первом отделе этой книги и которые при неизменной и даже при понижающейся норме прибавочной стоимости повышают норму прибыли.

То обстоятельство, что цена отдельных товаров, из суммы которых состоит совокупный продукт капитала, падает, означает только то, что данное количество труда реализуется в большей массе товаров, следовательно, что каждая штука товара содержит меньше труда, чем прежде. Это имеет место даже в том случае, если повышается цена некоторой части постоянного капитала, сырья и пр. За исключением отдельных случаев (например, если производительная сила труда равномерно удешевляет все элементы как постоянного, так и переменного капитала) норма прибыли будет падать, несмотря на повышенную норму прибавочной стоимости, во-первых, потому что даже увеличившаяся неоплаченная часть уменьшившейся общей суммы вновь присоединенного труда меньше, чем была меньшая неоплаченная часть сравнительно большей общей суммы, и, во-вторых, потому что более высокое строение капитала выражает-

ся в отдельном товаре таким образом, что часть его стоимости, представляющая вообще вновь присоединенный труд, уменьшается сравнительно с той частью стоимости, которая представлена в виде сырья, вспомогательных материалов и изношенной части основного капитала. Такое изменение соотношения различных составных частей цены отдельного товара — уменьшение той части цены, в которой представлен вновь присоединенный живой труд, и увеличение той части цены, в которой представлен ранее опредмеченный труд, — есть форма, в которой находит себе выражение в цене отдельного товара уменьшение переменного капитала сравнительно с постоянным. Поскольку такое уменьшение абсолютно для капитала данной величины, например 100, оно абсолютно также для каждого отдельного товара как соответственной доли воспроизведенного капитала. Однако норма прибыли, если только ее вычислять по отношению к элементам цены отдельного товара, представилась бы иной, чем она есть в действительности. И причина тому следующая:

{Норма прибыли исчисляется на весь вложенный капитал, но за определенное время, фактически за один год. Отношение произведенной и реализованной за год прибавочной стоимости, или прибыли, ко всему капиталу, взятое в процентах, дает норму прибыли. Следовательно, она не обязательно равна той норме прибыли, при которой в основу вычисления положен не год, а период оборота данного капитала; только в том случае, если этот капитал оборачивается именно один раз в год, обе нормы прибыли совпадают.

С другой стороны, прибыль, полученная в течение года, есть только сумма прибылей на товары, произведенные и проданные в течение этого года. Если же мы будем вычислять прибыль на издержки производства товаров, то мы получим норму прибыли $= \frac{p}{k}$, где p есть реализованная в течение года прибыль, а k есть сумма издержек производства товаров, произведенных и проданных за то же самое время. Очевидно, что эта норма прибыли $\frac{p}{k}$ только в том случае может совпадать с действительной нормой прибыли $\frac{p}{K}$, массой прибыли, деленной на весь капитал, если $k = K$, т. е. если капитал оборачивается ровно один раз в год.

Возьмем три различных состояния какого-нибудь промышленного капитала.

I. Капитал в 8 000 ф. ст. ежегодно производит и продает 5 000 штук товара по 30 шилл. за штуку, следовательно, его годовой оборот = 7 500 фунтов стерлингов. На каждую штуку товара он приносит прибыли 10 шилл. = 2 500 ф. ст. в год. Следовательно, в каждой штуке заключается 20 шилл. авансированного капитала и 10 шилл. прибыли, таким образом норма прибыли на каждую штуку составляет $\frac{10}{20} = 50\%$. На обернувшуюся сумму в 7 500 ф. ст. приходится 5 000 ф. ст. авансированного капитала и 2 500 ф. ст.

прибыли; норма прибыли на каждый оборот, $\frac{p}{k}$, тоже = 50%. Напротив, норма прибыли, вычисленная на весь капитал, $\frac{p}{K} = \frac{2\,500}{8\,000} = 31\frac{1}{4}\%$.

II. Положим, что капитал увеличился до 10 000 фунтов стерлингов. Допустим, что вследствие увеличения производительной силы труда он может ежегодно производить 10 000 штук товара при издержках производства в 20 шилл. на штуку. Он продает их с прибылью в 4 шилл., т. е. по 24 шилл. за штуку. В таком случае цена годового продукта = 12 000 ф. ст., из которых 10 000 ф. ст. составляют авансированный капитал, а 2 000 ф. ст. — прибыль. $\frac{p}{k}$ на штуку = $\frac{4}{20}$, для годового оборота = $\frac{2\,000}{10\,000}$, следовательно, в обоих случаях — 20%, а так как весь капитал равен сумме издержек производства, именно 10 000 ф. ст., то и $\frac{p}{K}$, действительная норма прибыли, на этот раз = 20%.

III. Положим, что капитал при постоянно возрастающей производительной силе труда увеличился до 15 000 ф. ст. и производит теперь ежегодно 30 000 штук товара при издержках производства в 13 шилл. на штуку, причем каждая штука продается с прибылью в 2 шилл., следовательно по 15 шиллингов. Таким образом, годовой оборот = 15 шилл. $\times$ 30 000 = 22 500 ф. ст., из которых 19 500 приходится на авансированный капитал, а 3 000 ф. ст. составляют прибыль. Следовательно, $\frac{p}{k} = \frac{2}{13} = \frac{3\,000}{19\,500} = 15\frac{5}{13}\%$. Напротив, $\frac{p}{K} = \frac{3\,000}{15\,000} = 20\%$.

Итак, мы видим, что только в случае II, когда обернувшаяся капиталовая стоимость равна всему капиталу, норма прибыли на штуку товара или на сумму оборота та же самая, как и вычисленная на весь капитал. В случае I, когда сумма оборота меньше всего капитала, норма прибыли, вычисленная на издержки производства товара, выше; в случае III, когда весь капитал меньше суммы оборота, она ниже, чем действительная норма прибыли, вычисленная на весь капитал. Этот результат является правилом для всех подобных случаев.

В торговой практике оборот обычно вычисляется неточно. Предполагают, что капитал обернулся один раз, если сумма реализованных товарных цен достигает суммы всего вложенного капитала. Но капитал только тогда может закончить полный оборот, когда сумма издержек производства реализованных товаров равняется сумме всего капитала. — Ф. Э.]

Здесь опять обнаруживается, как важно при капиталистическом производстве рассматривать отдельный товар, или товарный продукт, произведенный в течение определенного времени, не обособленно, не сам по себе, не как простой товар, а как продукт авансированного капитала и в отношении ко всему капиталу, который производит эти товары ¹⁰⁴.

Хотя *норма* прибыли выражается отношением массы произведенной и реализованной прибавочной стоимости не только к потребленной части капитала, снова появляющейся в товарах, а к этой части плюс часть капитала не потребленная, но примененная и продолжающая служить в производстве, тем не менее *масса* прибыли может быть равна только той массе прибыли или прибавочной стоимости, которая содержится в самих товарах и должна быть реализована посредством их продажи.

Если производительность труда в промышленности увеличивается, то цена отдельного товара падает. В нем содержится меньше труда, как оплаченного, так и неоплаченного. Пусть тот же самый труд производит, например, втрое большее количество продукта; в таком случае на каждый отдельный продукт приходится труда на $\frac{2}{3}$ меньше. А так как прибыль может составлять только часть этой массы труда, заключающейся в каждом отдельном товаре, то масса прибыли, приходящаяся на единицу товара, должна уменьшиться, и это в известных пределах наблюдается даже в том случае, если норма прибавочной стоимости повышается. Во всех случаях масса прибыли на весь продукт не упадет ниже первоначальной массы прибыли, если только капитал применяет такое же число рабочих, как прежде, при одинаковой степени эксплуатации труда. (Это может произойти и тогда, когда применяется меньше рабочих при более высокой степени эксплуатации.) Потому что в том же отношении, в каком уменьшается масса прибыли, приходящаяся на единицу продукта, увеличивается число этих продуктов. Масса прибыли остается прежняя, она только иначе распределяется на сумму товаров; но это несколько не изменяет распределения между рабочими и капиталистами того количества стоимости, которое создано вновь присоединенным трудом. Масса прибыли может возрастать только в том случае, если при условии применения прежней массы труда возрастает неоплаченный прибавочный труд или если при неизменяющейся степени эксплуатации труда увеличивается число рабочих, или если происходит то и другое. Во всех этих случаях, — которые, однако, согласно принятым предположкам, предполагают возрастание постоянного капитала сравнительно с переменным и возрастание величины всего вложенного капитала, — единица товара содержит меньшую массу прибыли, и норма прибыли понижается, даже если ее вычислять на единицу товара; данное количество вновь присоединенного труда выражается в большем количестве товаров; цена отдельного товара падает. Если рассматривать дело абстрактно, то при понижении цены отдельного товара, вследствие увеличения производительной силы труда, следовательно при одновременном увеличении числа этих более дешевых товаров, норма прибыли может остаться прежней, если, например, увеличение производительной силы влияет равномерно и одновременно на все составные части товаров, так что вся цена товара

понижается в том же отношении, в каком увеличилась производительность труда, а с другой стороны, взаимное отношение различных составных частей цены товара осталось прежнее. Норма прибыли могла бы даже повыситься, если бы с повышением нормы прибавочной стоимости было связано значительное уменьшение стоимости элементов постоянного и в особенности основного капитала. Но в действительности, как мы уже видели, норма прибыли с течением времени понижается. Однако из понижения цены отдельного товара отнюдь нельзя делать выводов об изменении нормы прибыли. Все сводится к тому, как велика общая сумма капитала, участвующего в производстве товара. Например, пусть цена одного аршина ткани понизится с 3 шилл. до $1\frac{2}{3}$ шиллинга; если известно, что до такого понижения цены в одном аршине ткани заключалось на $1\frac{2}{3}$ шилл. постоянного капитала, пряжи и пр., $\frac{2}{3}$ шилл. заработной платы и $\frac{2}{3}$ шилл. прибыли, а после понижения цены — на 1 шилл. постоянного капитала, $\frac{1}{3}$ шилл. заработной платы и $\frac{1}{3}$ шилл. прибыли, то еще не известно, осталась ли норма прибыли прежняя или нет. Это зависит от того, вырос ли, и на сколько именно, весь авансированный капитал и на сколько аршин больше стал производить он в течение данного времени.

То вытекающее из природы капиталистического способа производства явление, что при возрастающей производительности труда цена отдельного товара, или данного количества товара, понижается, число товаров увеличивается, масса прибыли на отдельный товар и норма прибыли на данную сумму товаров понижаются, а масса прибыли на всю сумму товаров увеличивается, — это явление выражает на поверхности только понижение массы прибыли, приходящейся на отдельный товар, понижение его цены, увеличение массы прибыли на увеличившееся общее число товаров, произведенных всем капиталом общества или же отдельным капиталистом. Это явление воспринимается так, будто капиталист по доброй воле получает меньшую прибыль с единицы товара, но компенсирует себя тем, что производит большее количество товаров. Такое понимание основывается на представлении о прибыли, как «прибыли от отчуждения» («profit upon alienation»¹⁰⁵), а это представление, в свою очередь, взято из воззрений купеческого капитала¹⁰⁶.

Ранее, в четвертом и седьмом отделах первой книги «Капитала», мы видели, что масса товаров, возрастающая вместе с производительной силой труда, и удешевление отдельного товара (поскольку эти товары не влияют определяющим образом на цену рабочей силы) сами по себе, несмотря на понижение цены, не изменяют отношения оплаченного и неоплаченного труда в отдельном товаре.

Так как при конкуренции все представляется в ложном, в извращенном виде, то отдельный капиталист может вообразить себе: 1) что, понижая цену, он понижает свою прибыль с единицы това-

ра, но вместе с тем выручает бóльшую прибыль вследствие увеличения массы товаров, которые он продает; 2) что он устанавливает цену единицы товара и посредством умножения определяет цену всего продукта, тогда как первоначальный процесс — это процесс деления (см. «Капитал», кн. I, гл. X, стр. 281¹⁰⁷); умножение же оказывается правильным лишь как второй этап, предполагающий предварительно такое деление. Вульгарный экономист в действительности только и делает, что переводит своеобразные представления капиталистов, захваченных конкуренцией, на якобы более теоретический, обобщающий язык, и вымучивает обоснование правильности этих представлений.¹⁰⁸

В действительности понижение цен товаров и увеличение массы прибыли на увеличивающуюся массу удешевленных товаров есть только другое выражение закона понижения нормы прибыли при одновременном увеличении ее массы.

Исследование того, насколько понижение нормы прибыли может совпадать с повышением цен, столь же мало относится сюда, как и пункт, рассмотренный раньше («Капитал», кн. I, стр. 280—281¹⁰⁹) в связи с вопросом об относительной прибавочной стоимости. Капиталист, применяющий усовершенствованные, но еще не получившие всеобщего распространения методы производства, продает по цене ниже рыночной, но выше его индивидуальной цены производства; таким образом, норма прибыли повышается для него до тех пор, пока ее не уравнивает конкуренция; пока продолжается этот период выравнивания, происходит и другой процесс — рост капиталовложений; смотря по степени этого роста, капиталист будет в состоянии предоставить работу при новых условиях части прежде занятых рабочих, быть может, всем им или даже большему, чем прежде, числу рабочих, следовательно, будет в состоянии производить ту же самую или бóльшую массу прибыли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИЕ ПРИЧИНЫ

Если принять во внимание чрезвычайное, сравнительно со всеми предыдущими периодами, развитие производительных сил общественного труда даже только за последние 30 лет, в особенности если принять во внимание, что не только собственно машины, а вся огромная масса основного капитала входит в совокупность общественного процесса производства, то вместо затруднения, которое до сих пор занимало экономистов, именно затруднения, как объяснить понижение нормы прибыли, возникает другое, противоположное затруднение, именно, как объяснить, почему такое падение не было более значительным или более быстрым. Это заставляет предполагать противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению. Наиболее общие из этих причин следующие.

I. ПОВЫШЕНИЕ СТЕПЕНИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА

Степень эксплуатации труда, присвоение прибавочного труда и прибавочной стоимости, повышается в частности посредством удлинения рабочего дня и интенсификации труда. Оба эти пункта подробно исследованы в «Капитале», кн. I, когда речь шла о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Существует много таких факторов интенсификации труда, которые предполагают увеличение постоянного капитала по сравнению с переменным, следовательно, понижение нормы прибыли, — например, если рабочему приходится наблюдать за большим числом машин. При этом, — как и при большей части способов, служащих для производства относительной прибавочной стоимости, — те же са-

мые причины, которые вызывают возрастание нормы прибавочной стоимости могут обуславливать уменьшение массы прибавочной стоимости, приходящейся на данную величину всего вложенного капитала. Но существуют другие факторы интенсификации труда, как, например, увеличение скорости машин, последние при этом потребляют в одинаковый промежуток времени больше сырья, но что касается основного капитала, то, хотя машины и изнашиваются быстрее, от этого несколько не изменяется отношение их стоимости к цене труда, который приводит их в движение. Но в особенности увеличивает массу присваиваемого прибавочного труда удлинение рабочего дня — это изобретение современной промышленности; не изменяя существенным образом отношения применяемой рабочей силы к приводимому ею в движение постоянному капиталу, оно фактически приводит скорее к относительному уменьшению постоянного капитала. Впрочем, мы уже показали, что методы производства относительной прибавочной стоимости в общем и целом сводятся к следующему, — в этом, собственно, и заключается тайна тенденции нормы прибыли к понижению: с одной стороны, возможно большую часть данной массы труда превращать в прибавочную стоимость, с другой стороны, — вообще применять как можно меньше труда по сравнению с авансированным капиталом; так что те самые причины, которые позволяют повышать степень эксплуатации труда, не допускают, чтобы капитал той же самой общей величины эксплуатировал столько же труда, как и прежде. Таковы противодействующие тенденции, которые повышают норму прибавочной стоимости и в то же время вызывают уменьшение массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, а следовательно и понижение нормы прибыли. Здесь следует упомянуть также о массовом применении женского и детского труда, потому что при этом вся семья должна доставлять капиталу большую массу прибавочного труда, чем прежде, даже если возрастает общая сумма заработной платы, получаемой этой семьей, хотя подобный случай отнюдь не представляет общего правила. Такое же влияние оказывает все то, что, как в земледелии, способствует при неизменяющейся величине применяемого капитала производству относительной прибавочной стоимости просто посредством улучшения методов производства. Хотя здесь применяемый постоянный капитал не возрастает по сравнению с переменным, поскольку мы рассматриваем последний как показатель занятой рабочей силы, но масса продукта возрастает по отношению к примененной рабочей силе. То же самое имеет место, если производительная сила труда (безразлично, входит ли продукт труда в потребление рабочих или в элементы постоянного капитала) освобождается от препятствий, затрудняющих связь, от произвольных ограничений или от ограничений, становящихся стеснительными с течением времени, и вообще от всякого рода пут, причем этим первое вре-

мя не затрагивается отношение переменного капитала к постоянному.

Когда капиталисты пользуются изобретениями и т. д., которые еще не получили всеобщего распространения, то у них имеют место временные повышения прибавочной стоимости над общим ее уровнем; может возникнуть вопрос, входят ли эти временные, но постоянно повторяющиеся повышения прибавочной стоимости над ее общим уровнем, обнаруживающиеся то в одной, то в другой отрасли производства, в число тех причин, которые тормозят падение нормы прибыли, но в конечном счете постоянно ускоряют его. На этот вопрос следует ответить утвердительно.

Масса прибавочной стоимости, произведенная капиталом данной величины, зависит от двух факторов, именно от нормы прибавочной стоимости и от числа рабочих, занятых при данной норме. Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости она зависит от числа рабочих, а при данном числе рабочих — от нормы прибавочной стоимости, т. е. вообще от сложного отношения абсолютной величины переменного капитала и нормы прибавочной стоимости. Оказалось, что те самые причины, которые повышают норму относительной прибавочной стоимости, в среднем уменьшают массу применяемой рабочей силы. Но ясно, что увеличение или уменьшение происходит при этом в зависимости от определенного отношения между этими двумя противоположными движениями и что тенденция к уменьшению нормы прибыли ослабляется, в частности, повышением нормы абсолютной прибавочной стоимости, протекающим из удлинения рабочего дня.

При исследовании нормы прибыли мы вообще установили, что понижению нормы, совершающемуся вследствие возрастания массы всего вложенного капитала, соответствует увеличение массы прибыли. Если рассматривать весь переменный капитал общества, то произведенная им прибавочная стоимость равна произведенной прибыли. Вместе с абсолютной массой прибавочной стоимости возросла и норма прибавочной стоимости; первая возросла потому, что увеличилась применяемая обществом масса рабочей силы, вторая — потому, что повысилась степень эксплуатации этого труда. Но по отношению к капиталу данной величины, например в 100 единиц, норма прибавочной стоимости может возрасти, тогда как масса ее в среднем понизится, потому что норма определяется тем отношением, в котором увеличивается стоимость переменной части капитала; масса же, напротив, определяется той относительной долей, которую переменный капитал составляет от всего капитала.

Повышение нормы прибавочной стоимости, — так как оно происходит, между прочим, и при таких условиях, когда, как указано выше, постоянный капитал вовсе не увеличивается или увеличивается не в той пропорции, как переменный, — есть фактор, которым

определяется масса прибавочной стоимости, а следовательно и норма прибыли. Этот фактор не уничтожает общего закона. Но он делает то, что этот закон действует скорее как тенденция, т. е. как закон, абсолютное осуществление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами. Но так как те самые причины, которые повышают норму прибавочной стоимости (даже удлинение рабочего времени есть результат крупной промышленности), имеют тенденцию уменьшать количество рабочей силы, применяемой данным капиталом, то они же имеют тенденцию и уменьшать норму прибыли и замедлять процесс этого уменьшения. Если один рабочий вынужден делать работу двоих, — а если рационально работать, то эти двое могли бы заменить троих, — то он будет доставлять теперь столько же прибавочного труда, сколько раньше доставляли двое, и постольку норма прибавочной стоимости повысится. Но он не доставит его столько, сколько раньше доставляли трое, и таким образом масса прибавочной стоимости понизится. Но это понижение компенсируется или ограничивается повышением нормы прибавочной стоимости. Если все население будет работать при повышенной норме прибавочной стоимости, то масса прибавочной стоимости увеличится, хотя население останется тем же самым. Еще больше она увеличится при увеличении населения; и хотя это связано с относительным уменьшением числа занятых рабочих по сравнению с величиной всего капитала, однако это уменьшение ограничивается или задерживается вследствие повышения нормы прибавочной стоимости.

Прежде чем перейти к следующему пункту, мы должны еще раз подчеркнуть, что при данной величине капитала *норма прибавочной стоимости* может возрастать, когда *масса* ее уменьшается, и обратно. Масса прибавочной стоимости равна ее норме, помноженной на число рабочих; но эта норма никогда не исчисляется на весь капитал, а только на переменный капитал, в действительности только на один рабочий день. Напротив, при данной величине капитальной стоимости *норма прибыли* никогда не может повыситься или понизиться, если не увеличилась или не уменьшилась *масса прибавочной стоимости*.

II. ПОНИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НИЖЕ СТОИМОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Мы здесь только эмпирически указываем на это обстоятельство, так как в действительности оно, как и многое другое, что здесь можно было бы привести, относится не к общему анализу капитала, а к исследованию конкуренции, которое не входит в задачу настоящей работы. Однако оно является одной из значительнейших причин, которые задерживают тенденцию нормы прибыли к понижению.

III. УДЕШЕВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА

Сюда относится все то, что было сказано в первом отделе этой книги о причинах повышения нормы прибыли при неизменной норме прибавочной стоимости или независимо от нормы прибавочной стоимости, следовательно, и тот случай, когда, — если рассматривать весь капитал, — стоимость постоянного капитала возрастает не в такой пропорции, как его материальный объем. Например, количество хлопка, которое перерабатывает отдельный европейский прядильщик на современной фабрике, в колоссальной степени возросло по сравнению с тем количеством, которое европейский прядильщик перерабатывал раньше при помощи ручной прялки. Но стоимость перерабатываемого хлопка увеличилась не в такой пропорции, как его количество. То же самое можно сказать о машинах и другом основном капитале. Короче говоря, то самое развитие, которое увеличивает массу постоянного капитала по отношению к переменному, уменьшает стоимость его элементов вследствие повышения производительной силы труда и, следовательно, препятствует стоимости постоянного капитала, хотя и постоянно возрастающей, возрастать в таком же отношении, как возрастает материальный объем основного капитала, т. е. материальный объем средств производства, приводимых в движение тем же самым количеством рабочей силы. В отдельных случаях масса элементов постоянного капитала может даже увеличиться, в то время как его стоимость остается прежней или даже уменьшается.

В связи с только что сказанным стоит происходящее с развитием промышленности обесценение наличного капитала (т. е. его вещественных элементов). Оно также представляет собой одну из постоянно действующих причин, которые задерживают понижение нормы прибыли, хотя при некоторых обстоятельствах оно может уменьшать массу прибыли, уменьшая массу капитала, приносящего прибыль. Здесь снова оказывается, что те самые причины, которые порождают тенденцию нормы прибыли к понижению, в то же время сдерживают осуществление этой тенденции.

IV. ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

Создание относительного перенаселения неотделимо от развития производительной силы труда и ускоряется этим развитием, выражающимся в уменьшении нормы прибыли. Относительное перенаселение тем более заметно обнаруживается в данной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства. В свою очередь, оно является причиной того, что, с одной стороны, во многих отраслях производства продолжает существовать более или менее неполное подчинение труда капиталу — и притом продолжает существовать дольше, чем это на первый взгляд соответ-

ствуем общему уровню развития; это — следствие дешевизны и чрезмерного количества имеющихся на рынке или уволенных наемных рабочих, а также более упорного сопротивления, которое в некоторых отраслях производства, по самой их природе, встречает превращение ручного труда в машинный. С другой стороны, возникают новые отрасли производства, в особенности предметов роскоши, — отрасли, базисом для которых служит именно избыточное население, зачастую образующееся вследствие преобладания постоянного капитала в других отраслях производства, и которые, в свою очередь, покоятся на преобладании в них элементов живого труда и лишь мало-помалу проходят такой же путь развития, как другие отрасли производства. В обоих случаях переменный капитал составляет значительную долю всего капитала, а заработная плата стоит ниже средней, так что в этих отраслях производства и норма прибавочной стоимости и масса прибавочной стоимости необычайно высоки. А так как общая норма прибыли образуется путем выравнивания норм прибыли отдельных отраслей производства, то та же причина, которая порождает тенденцию нормы прибыли к понижению, вызывает здесь противодействие этой тенденции, более или менее парализующее ее влияние.

V. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Поскольку внешняя торговля удешевляет отчасти элементы постоянного капитала, отчасти необходимые жизненные средства, в которые превращается переменный капитал, она способствует повышению нормы прибыли, так как повышает норму прибавочной стоимости и понижает стоимость постоянного капитала. Она вообще влияет в этом смысле, позволяя расширять масштабы производства. Таким образом она ускоряет, с одной стороны, накопление, а с другой стороны, уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным, а потому ускоряет и понижение нормы прибыли. Точно так же расширение внешней торговли хотя и служило в младенческий период капиталистического способа производства базисом для него, однако, с его развитием, вследствие присущей этому способу производства внутренней необходимости, вследствие его потребности в постоянно расширяющемся рынке, оно стало его собственным результатом. Здесь снова обнаруживается такое же, как и в других случаях, двойное влияние (Рикардо совершенно просмотрел эту сторону внешней торговли¹¹⁰).

Другой вопрос, — который ввиду своего специального характера лежит собственно вне рамок нашего исследования, — заключается в следующем: повышается ли общая норма прибыли вследствие более высокой нормы прибыли, которую дает капитал, вложенный во внешнюю, особенно в колониальную торговлю?

Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь имеет место конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что страна более развитая продает свои товары выше их стоимости, хотя и дешевле конкурирующих стран. Норма прибыли повышается, поскольку труд более развитой страны оценивается как труд более высокого удельного веса, поскольку этот труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. Такое же отношение может сложиться и для той страны, в которую отправляются товары, и для той, из которой товары поступают; может, в частности, оказаться, что такая страна отдает опредмеченного труда *in natura* * больше, чем получает, и что все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить. Совершенно так же, как фабрикант, применяющий новое изобретение прежде, чем оно нашло всеобщее распространение, продает дешевле своих конкурентов и все-таки выше индивидуальной стоимости своих товаров, т. е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого им труда превращает в прибавочный труд. Он реализует таким образом добавочную прибыль. С другой стороны, что касается капиталов, вложенных в колониях и т. д., то они могут давать более высокие нормы прибыли, так как там вследствие низкого уровня развития норма прибыли выше вообще, а в связи с применением рабов, кули и т. п. выше и степень эксплуатации труда. Совершенно непонятно, почему же эти сравнительно высокие прибыли, приносимые капиталами, вложенными в известные отрасли и отправляемые на родину, не должны участвовать здесь в выравнивании общей нормы прибыли, если на пути такого выравнивания не стоят монополии, и почему эти сравнительно высокие прибыли не должны *pro tanto* ** повышать общую норму прибыли ³⁶⁾. Этого невозможно понять в особенности в том случае, если отрасли, в которые вложен капитал, подчинены законам свободной конкуренции. Рикардо же, напротив, дело представляется следующим образом: на деньги, приобретенные за границей от продажи по более высокой цене, там покупаются товары и отправляются обратно домой; следовательно, эти товары продаются в своей стране, и благодаря этому возможны, в лучшем случае, временные особые выгоды для этих наиболее привилегированных отраслей. Такая иллюзия тотчас отпадает, как только мы отвлечемся от денежной формы. Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при об-

* — в натуральной форме. *Ред.*

** — соответственно. *Ред.*

³⁶⁾ В этом случае прав А. Смит и не прав Рикардо, который говорит: «Они утверждают, что равенство прибылей установится путем общего повышения прибылей; я же держусь того мнения, что прибыли той отрасли, которая находится в особо благоприятных условиях, быстро опустятся до общего уровня» ([*D. Ricardo. «Principles of Political Economy»*]. Works ed. by MacCulloch [London, 1852]. p. 73).

мене получает больше труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот избыток, как вообще это бывает при обмене между трудом и капиталом, прикарманивается одним определенным классом. Следовательно, более высокая норма прибыли, потому что она вообще выше в колонии, при благоприятных естественных условиях может идти рука об руку с низкими товарными ценами. Выравнивание происходит, но это не выравнивание по старому уровню, как полагает Рикардо.

Но та же самая внешняя торговля развивает в стране, вывозящей товары, капиталистический способ производства и, следовательно, ведет к уменьшению переменного капитала по отношению к постоянному; с другой стороны, она создает перепроизводство по отношению к границе и потому в дальнейшем оказывает опять-таки противодействующее влияние.

И таким образом в общем оказывается, что те самые причины, которые ведут к понижению общей нормы прибыли, вызывают противодействия, тормозящие это понижение, замедляющие и отчасти парализующие его. Они не уничтожают закона, но ослабляют его действие. Без учета этого было бы непонятным не понижение общей нормы прибыли, а, наоборот, относительная медленность такого понижения. Таким образом закон действует только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени.

Прежде чем пойти дальше, мы, во избежание недоразумений, еще раз повторим два уже неоднократно изложенных положения.

Во-первых: Тот самый процесс, который с развитием капиталистического способа производства порождает удешевление товаров, вызывает также изменение в органическом строении общественного капитала, применяемого для производства товаров, а вследствие этого вызывает и понижение нормы прибыли. Таким образом, относительное уменьшение издержек на единицу товара, а также — той части этих издержек, которая образуется износом машин, не следует отождествлять с возрастанием стоимости постоянного капитала по отношению к переменному, хотя, наоборот, всякое относительное уменьшение издержек на постоянный капитал при неизменяющейся или возрастающей массе его вещественных элементов оказывает влияние на повышение нормы прибыли, т. е. на уменьшение *pro tanto* стоимости постоянного капитала по сравнению с переменным капиталом, применяемым все в меньшей пропорции.

Во-вторых: То обстоятельство, что в отдельных товарах, из совокупности которых складывается продукт капитала, содержащийся в них вновь присоединенный живой труд оказывается во все убывающей пропорции к заключенному в них сырью и потребленным при

их производстве средствам труда; то обстоятельство, стало быть, что в отдельных товарах опредмечивается все уменьшающееся количество вновь присоединяемого живого труда, так как по мере развития общественной производительной силы на их производство требуется меньше труда, — это обстоятельство не касается того отношения, в котором живой труд, заключающийся в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный. Наоборот. Хотя общее количество заключающегося в товаре вновь присоединенного живого труда уменьшается, неоплаченная часть возрастает по сравнению с оплаченной частью вследствие или абсолютного или относительного сокращения оплаченной части, потому что тот же самый метод производства, который уменьшает общую сумму вновь присоединенного живого труда в каждой единице товара, сопровождается повышением абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Тенденция нормы прибыли к понижению связана с тенденцией к повышению нормы прибавочной стоимости, следовательно, с тенденцией к повышению степени эксплуатации труда. Поэтому в высшей степени нелепо объяснять понижение нормы прибыли повышением заработной платы, хотя в виде исключения и это может иметь место. Только поняв отношения, действующие при образовании нормы прибыли, статистика приобретает способность предпринять действительный анализ уровня заработной платы в различные эпохи и в различных странах. Норма прибыли понижается не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. То и другое, повышение нормы прибавочной стоимости и понижение нормы прибыли, суть лишь особые формы, в которых получает свое капиталистическое выражение возрастающая производительность труда.

VI. УВЕЛИЧЕНИЕ АКЦИОНЕРНОГО КАПИТАЛА

К вышеизложенным пяти пунктам можно добавить еще один, на котором, однако, мы пока что не можем останавливаться подробно. С прогрессом капиталистического производства, который идет рука об руку с ускоряющимся накоплением, часть капитала учитывается и применяется только как капитал, приносящий проценты. Не в том смысле, что всякий капиталист, ссужающий капитал, довольствуется процентами, тогда как промышленный капиталист получает предпринимательский доход. Это не имеет никакого отношения к высоте общей нормы прибыли, потому что, когда речь идет о ней, имеется в виду $\text{прибыль} = \text{проценту} + \text{прибыль}$ всякого рода + земельная рента; такое деление прибыли безразлично для общей нормы прибыли. А в том смысле, что капиталы, хотя и вложенные в крупные производственные предприятия, за вычетом всех издержек не приносят ничего, кроме высоких или

низких процентов, так называемых дивидендов, как, например, в железнодорожном деле. Следовательно, они не участвуют в выравнивании общей нормы прибыли, потому что их норма прибыли меньше средней. Если бы они участвовали в этом, то последняя упала бы значительно ниже. Рассматривая вопрос теоретически, эти капиталы можно принять в расчет, и в таком случае получится меньшая норма прибыли, чем та, которая, по-видимому, существует и действительно имеет определяющее значение для капиталистов, так как именно на этих предприятиях постоянный капитал наиболее значителен по отношению к переменному.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ЗАКОНА

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В первом отделе этой книги мы видели, что норма прибавочной стоимости, будучи выражена в виде нормы прибыли, всегда кажется ниже, чем она есть на самом деле. Теперь мы увидели, что даже повышающаяся норма прибавочной стоимости имеет тенденцию выражаться в понижающейся норме прибыли. Норма прибыли лишь в том случае была бы равна норме прибавочной стоимости, если бы $s = 0$, т. е. если бы весь капитал расходовался на заработную плату. Понижающаяся норма прибыли только в том случае выражает понижающуюся норму прибавочной стоимости, если отношение между стоимостью постоянного капитала и массой рабочей силы, приводящей его в движение, остается неизменным или если эта последняя увеличивается по отношению к стоимости постоянного капитала.

Рикардо, исследуя, как он думал, норму прибыли, в действительности исследовал только норму прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь при том предположении, что рабочий день по интенсивности и продолжительности есть величина постоянная¹¹¹.

Понижение нормы прибыли и ускоренное накопление являются лишь постольку различными выражениями одного и того же процесса, поскольку то и другое выражает развитие производительной силы. В свою очередь, накопление ускоряет понижение нормы прибыли, поскольку оно обуславливает концентрацию работ в крупном масштабе и вместе с тем более высокое строение капитала. С другой стороны, понижение нормы прибыли опять-таки ускоряет концентрацию капитала и централизацию его путем лишения мелких капиталистов собственности, путем экспроприации последних остатков ее у непосредственных производителей, если у них еще есть что экспроприировать. Далее, вследствие этого ускоряется накопление, рассматриваемое в количественном отношении, хотя с понижением нормы прибыли понижается и норма накопления.

С другой стороны, поскольку норма увеличения стоимости всего капитала, норма прибыли, служит стимулом капиталистического производства (подобно тому, как увеличение стоимости капитала служит его единственной целью), понижение нормы прибыли замедляет образование новых самостоятельных капиталов и таким образом представляется обстоятельством, угрожающим развитию капиталистического процесса производства; оно способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала наряду с избыточным населением. Поэтому экономисты, считающие, подобно Рикардо, капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создает себе пределы, и потому приписывают эти пределы не производству, а природе (в учении о ренте). Но что существенно в том страхе, который внушает им понижение нормы прибыли, так это — смутное сознание того, что капиталистический способ производства встречает в развитии производительных сил такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства как таковым; и этот своеобразный предел свидетельствует об ограниченности и лишь историческом, преходящем характере капиталистического способа производства; свидетельствует о том, что капиталистический способ производства не является абсолютным способом для производства богатства и что, напротив, на известной ступени он вступает в конфликт со своим дальнейшим развитием.

Правда, Рикардо и его школа исследуют только промышленную прибыль, включающую и процент. Но и норма земельной ренты также имеет тенденцию к понижению, хотя ее абсолютная масса возрастает, и, кроме того, она может возрастать также и относительно по сравнению с промышленной прибылью (см. Эд. Уэста¹¹², который раньше Рикардо развил закон земельной ренты). Если мы будем рассматривать весь общественный капитал K и обозначим через p_1 промышленную прибыль, остающуюся за вычетом процента и земельной ренты, через z процент и через r земельную ренту, то $\frac{m}{K} = \frac{p}{K} = \frac{p_1 + z + r}{K} = \frac{p_1}{K} + \frac{z}{K} + \frac{r}{K}$. Мы видели, что хотя в ходе развития капиталистического производства общая сумма прибавочной стоимости m постоянно возрастает, однако $\frac{m}{K}$ столь же постоянно уменьшается, потому что K возрастает еще быстрее, чем m . Следовательно, нет никакого противоречия в том, что p_1 , z и r , каждое само по себе, могут постоянно возрастать, тогда как $\frac{m}{K} = \frac{p}{K}$, а также $\frac{p_1}{K}$, $\frac{z}{K}$ и $\frac{r}{K}$, каждое само по себе, могут постоянно уменьшаться, или что p_1 по сравнению с z или r по сравнению с p_1 или же по сравнению с p_1 и с z относительно возрастает. При увеличивающейся совокупной прибавочной стоимости, или прибыли $m = p$, но одновременно понижающейся норме прибыли

$\frac{m}{K} = \frac{p}{K}$, отношение величин p_1 , z и r , на которые распадается $m = p$, может изменяться как угодно в пределах общей суммы m , причем не оказывая этим никакого влияния на величину m или $\frac{m}{K}$.

Изменение p_1 , z и r по отношению друг к другу является лишь иным распределением m по различным рубрикам. Поэтому $\frac{p_1}{K}$, $\frac{z}{K}$ или $\frac{r}{K}$, норма индивидуальной промышленной прибыли, норма процента и отношение ренты ко всему капиталу могут возрасти, если сравнивать их друг с другом, хотя общая норма прибыли, $\frac{m}{K}$, понижается; незыблемо только одно условие, а именно, что сумма всех трех величин $= \frac{m}{K}$. Если норма прибыли понижается с 50% до 25%, если, например, строение капитала при норме прибавочной стоимости в 100% изменяется с $50_c + 50_p$ до $75_c + 25_p$, то в первом случае капитал в 1 000 даст прибыль в 500, а во втором случае капитал в 4 000 даст прибыль в 1 000. Удвоилось m или p , но p_1 упало на половину. И если раньше из 50% на прибыль приходилось 20, на процент 10 и на ренту 20, то $\frac{p}{K} = 20\%$, $\frac{z}{K} = 10\%$, $\frac{r}{K} = 20\%$. Если при понижении нормы прибыли с 50% до 25% пропорции остаются прежние, то $\frac{p_1}{K} = 10\%$, $\frac{z}{K} = 5\%$ и $\frac{r}{K} = 10\%$. Напротив, если $\frac{p_1}{K}$ понизится до 8% и $\frac{z}{K}$ до 4%, то $\frac{r}{K}$ повысится до 13%. Относительная величина r повысилась бы по сравнению с p_1 и z , но все-таки p' осталось бы прежнее. При обоих предположениях сумма p_1 , z и r увеличилась бы, так как она была бы произведена при посредстве капитала в четыре раза большего. Впрочем, предположение Рикардо, что первоначально промышленная прибыль (плюс процент) включает в себя всю прибавочную стоимость, исторически и логически неверно¹¹³. Напротив, в условиях развитого капиталистического производства 1) вся прибыль только вначале попадает в руки промышленных и торговых капиталистов, чтобы в дальнейшем быть распределенной, и 2) рента сводится к избытку над прибылью. Потом на этом капиталистическом базисе снова вырастает рента, которая представляет собой часть прибыли (т. е. прибавочной стоимости, рассматриваемой как продукт всего капитала), но не ту специфическую часть продукта, которую прикарманивает капиталист.

Если предположить наличие необходимых средств производства, т. е. достаточное накопление капитала, то создание прибавочной стоимости при данной ее норме, следовательно при данной степени эксплуатации труда, находит себе предел только в рабочем населении, а при данном рабочем населении оно находит себе предел только в степени эксплуатации труда. И капиталистический процесс производства по существу заключается в производстве прибавочной стоимости, представленной в прибавочном продукте

или в соответственной части произведенных товаров, в которой опредмечен неоплаченный труд. Никогда не следует забывать, что производство этой прибавочной стоимости, — а обратное превращение некоторой части ее в капитал, или накопление, образует составную часть этого производства прибавочной стоимости, — является непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистического производства. Поэтому никогда нельзя изображать капиталистическое производство тем, чем оно не является на самом деле, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов. При этом был бы совершенно упущен из виду его специфический характер, который выражается всей его внутренней сущностью¹¹⁴.

Добывание этой прибавочной стоимости образует непосредственный процесс производства, для которого, как мы сказали, не существует иных пределов, кроме указанных выше. Как только то количество прибавочного труда, которое можно выжать, опредметилось в товарах, прибавочная стоимость произведена. Но этим производством прибавочной стоимости закончен только первый акт капиталистического процесса производства, непосредственный процесс производства. Капитал всосал столько-то неоплаченного труда. С развитием процесса, который выражается в понижении нормы прибыли, масса производимой таким образом прибавочной стоимости достигает чудовищных размеров. Теперь наступает второй акт процесса. Вся товарная масса, весь продукт, — как та его часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и часть, представляющая прибавочную стоимость, — должна быть продана. Если этого не происходит, или если это происходит только отчасти, или если товар продается лишь по ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочего и эксплуатировали, но эта эксплуатация не реализуется как таковая для капиталиста, так как отсутствуют условия реализации выжатой прибавочной стоимости или возможна лишь частичная ее реализация, т. е. имеет место частичная или полная потеря капитала. Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной силой, а потребительной силой на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена, далее, стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расши-

ренном масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными переворотами в самих методах производства, постоянно сопровождающим такие перевороты обесценением наличного капитала, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его масштаб ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что рыночные связи и определяющие их условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, становятся все более неподдающимися контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления. На этом основании, полным противоречий, вполне естественным является то, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения; потому что хотя при соединении избытка капитала с избытком населения масса производимой прибавочной стоимости возросла бы, но именно потому возросло бы и противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми условиями, при которых она реализуется.

Если дана определенная норма прибыли, то масса прибыли всегда зависит от величины авансированного капитала. Накопление же определяется в таком случае той частью этой массы, которая превращается в капитал. Но так как эта часть равна прибыли минус потребленный капиталистами доход, то она будет зависеть не только от стоимости этой массы, но также от дешевизны товаров, которые капиталист может на нее купить; товаров, которые отчасти входят в его потребление, — в его доход, — отчасти в его постоянный капитал (заработная плата предполагается здесь данной).

Масса капитала, которую рабочий приводит в движение, стоимость которой он сохраняет своим трудом и заставляет снова появиться в продукте, совершенно отлична от стоимости, которую он присоединяет. Если масса капитала = 1 000 и присоединенный труд = 100, то воспроизведенный капитал = 1 100. Если масса капитала = 100 и присоединенный труд = 20, то воспроизведенный капитал = 120. Норма прибыли в первом случае = 10%, во втором = 20%. И, тем не менее, из 100 в первом случае можно накопить больше, чем из 20 во втором случае. И таким образом продолжает нарастать поток капитала (обесценение вследствие повышения производительной силы мы оставляем в стороне) или происходит накопление капитала пропорционально той массе, которую он уже составляет, но не пропорционально высоте нормы прибыли. Высокая норма прибыли, поскольку она основывается на высокой норме прибавочной стоимости, возможна, если рабочий

день очень продолжителен, хотя труд и не очень производителен; она возможна, несмотря на невысокую производительность труда потому, что потребности рабочих весьма ничтожны и вследствие этого средняя заработная плата весьма низкая. Низкой заработной плате будет соответствовать отсутствие энергии у рабочих. Несмотря на высокую норму прибыли, капитал накапливается при этом медленно. Население не увеличивается, а рабочее время, которого стоит продукт, велико, хотя получаемая рабочим заработная плата мала.

Норма прибыли понижается не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что вообще применяется относительно меньше труда по сравнению с применяемым капиталом.

Если, как мы показали, понижение нормы прибыли происходит одновременно с повышением массы прибыли, то большая часть годового продукта труда будет присваиваться капиталистом под категорией капитала (как возмещение потребленного капитала) и относительно меньшая часть — под категорией прибыли¹¹⁵. Отсюда фантазия попа Чалмерса¹¹⁶, будто чем меньшую массу годового продукта капиталисты затрачивают как капитал, тем большую прибыль выручают они, причем государственная церковь приходит к ним на помощь, чтобы позаботиться о потреблении, а не о капитализации значительной части прибавочного продукта. Поп смешивает причину и следствие. Впрочем, ведь масса прибыли даже при меньшей норме возрастает вместе с величиной затраченного капитала. Однако это в то же время обуславливает концентрацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения больших капиталов. Это обуславливает также централизацию капитала, т. е. поглощение мелких капиталистов крупными и утрату первыми своих капиталов. Это опять-таки является отделением, хотя лишь вторичного порядка, условий труда от производителей, к числу которых все еще относятся эти мелкие капиталисты, так как у них собственный труд еще играет известную роль; вообще труд капиталиста обратно пропорционален величине его капитала, т. е. той степени, в какой он является капиталистом. Именно это отделение условий труда от производителей образует понятие капитала, оно начинается вместе с первоначальным накоплением («Капитал», кн. I, гл. XXIV), происходит затем как постоянный процесс при накоплении и концентрации капитала и здесь, наконец, выражается в виде централизации уже имеющихся капиталов в немногих руках и потери капиталов многими (такую форму принимает теперь экспроприация). Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к краху, если бы наряду с центростремительной силой не действовали децентрализующим образом противодействующие тенденции.

II. КОНФЛИКТ МЕЖДУ РАСШИРЕНИЕМ ПРОИЗВОДСТВА И УВЕЛИЧЕНИЕМ СТОИМОСТИ

Развитие общественной производительной силы труда проявляется двояким образом. Во-первых, в величине уже произведенных производительных сил, в стоимостном объеме и массе условий производства, при которых совершается новое производство, и в абсолютной величине уже накопленного производительного капитала; во-вторых, в относительной незначительности сравнительно со всем капиталом той его части, которая расходуется на заработную плату, т. е. в относительной незначительности живого труда, который требуется для воспроизводства и увеличения стоимости данного капитала, для массового производства. А это предполагает в то же время концентрацию капитала.

По отношению к применяемой рабочей силе развитие производительной силы проявляется опять-таки двояким образом: во-первых, в увеличении прибавочного труда, т. е. в сокращении необходимого рабочего времени, требующегося для воспроизводства рабочей силы; во-вторых, в уменьшении количества рабочей силы (числа рабочих), которая вообще употребляется для того, чтобы привести в движение данный капитал.

Оба эти движения не только идут рука об руку, но взаимно обуславливают друг друга и представляя собой явления, в которых находит себе выражение один и тот же закон. Между тем они влияют на норму прибыли в противоположном направлении. Общая масса прибыли равна общей массе прибавочной стоимости, норма прибыли = $\frac{m}{K} = \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{весь авансированный капитал}}$. Но прибавочная стоимость, ее общая сумма, определяется, во-первых, ее нормой, а во-вторых, массой труда, одновременно применяемого при такой норме, или, — что то же самое, — величиной переменного капитала. С одной стороны, возрастает один фактор — норма прибавочной стоимости, с другой стороны, уменьшается (относительно или абсолютно) другой фактор — число рабочих. Поскольку развитие производительной силы сокращает оплачиваемую часть применяемого труда, оно повышает прибавочную стоимость, повышая ее норму; поскольку же оно уменьшает общую массу труда, применяемого данным капиталом, оно уменьшает другой фактор, число рабочих, на которое надо помножить норму прибавочной стоимости, чтобы получить ее массу. Двое рабочих, работающих по 12 часов в день, не могут доставить такую же массу прибавочной стоимости, как 24 рабочих, работающих только по 2 часа каждый, даже если бы они могли питаться одним воздухом и если бы им поэтому вовсе не приходилось работать на самих себя. Следовательно, в этом отношении имеются известные непреодолимые границы для компенсации сокращения числа рабочих повышением степени эксплуа-

тации труда; поэтому она может, конечно, задержать понижение нормы прибыли, но не устранить его.

Итак, с развитием капиталистического способа производства норма прибыли понижается, тогда как ее масса и масса применяемого капитала увеличиваются. При данной норме абсолютная масса, на которую возрастает капитал, зависит от его величины в данный момент. Но, с другой стороны, если дана эта величина, то отношение, в котором он возрастает, степень его возрастания, зависит от нормы прибыли. Повышение производительной силы (которое, кроме того, как мы упоминали, постоянно идет рука об руку с обесценением наличного капитала) непосредственно может повысить величину стоимости капитала лишь при том условии, если оно, повышая норму прибыли, увеличивает ту часть стоимости годового продукта, которая обратно превращается в капитал. Поскольку речь идет о производительной силе труда (потому что эта производительная сила непосредственно не имеет никакого отношения к *стоимости* наличного капитала), это увеличение той доли годового продукта, которая обратно превращается в капитал, может произойти только в том случае, если вследствие роста производительной силы труда или увеличивается относительная прибавочная стоимость, или уменьшается стоимость постоянного капитала, следовательно, удешевляются товары, которые входят или в воспроизводство рабочей силы, или в элементы постоянного капитала. Но и то и другое сопровождается обесценением наличного капитала, то и другое идет рука об руку с относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным. То и другое обуславливает понижение нормы прибыли и замедляет это понижение. Далее, поскольку повышение нормы прибыли вызывает повышение спроса на труд, оно влияет на увеличение рабочего населения и вместе с тем на увеличение пригодного для эксплуатации материала, который только и делает капитал капиталом.

Но косвенно развитие производительной силы труда содействует увеличению наличной капитальной стоимости, увеличивая массу и разнообразие потребительных стоимостей, в которых представлена одна и та же меновая стоимость и которые образуют материальный субстрат, вещественные элементы капитала, реальные предметы, из которых непосредственно состоит постоянный капитал и, по крайней мере, косвенно — переменный. Тем же самым капиталом и тем же самым количеством труда производится больше вещей, которые, независимо от их меновой стоимости, могут быть превращены в капитал, — вещей, которые могут служить для впитывания дополнительного труда, следовательно и дополнительного прибавочного труда, и которые таким образом могут составить дополнительный капитал. Масса труда, которым может распоряжаться капитал, зависит не от стоимости этого капитала, а от

массы сырья и вспомогательных материалов, машин и элементов основного капитала, жизненных средств — всего того, из чего составляется капитал, какова бы ни была его стоимость. В то время как возрастает таким образом масса применяемого труда, а потому и прибавочного труда, возрастает и стоимость воспроизводимого капитала и вновь присоединяемая к ней добавочная стоимость.

Но оба эти момента, входящие в процесс накопления, нельзя рассматривать только в том состоянии спокойного сосуществования их друг возле друга, в каком их изучает Рикардо; они заключают в себе противоречие, обнаруживающееся в противоречивых тенденциях и явлениях¹¹⁷. Противодействующие друг другу факторы действуют одновременно один против другого.

Одновременно с побуждениями к действительному увеличению рабочего населения, возникающими из увеличения части совокупного общественного продукта, функционирующей как капитал, действуют факторы, создающие относительное перенаселение.

Одновременно с понижением нормы прибыли возрастает масса капиталов, и рука об руку с этим совершается обесценение наличного капитала, которое задерживает понижение нормы прибыли и побуждает к ускоренному накоплению капитальной стоимости.

Одновременно с развитием производительной силы развивается более высокое строение капитала, относительное уменьшение переменной части по сравнению с постоянной.

Эти различные влияния проявляются то преимущественно одно рядом с другим в пространстве, то преимущественно одно вслед за другим во времени; конфликт противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие.

Противоречие, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т. е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в использовании наличной капитальной стоимости как средства для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, сопряжены с уменьшением

нормы прибыли, обесценением наличного капитала и развитием производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил.

Периодическое обесценение наличного капитала, — это имманентное средство капиталистического способа производства, сдерживающее понижение нормы прибыли и ускоряющее накопление капитальной стоимости путем образования нового капитала, — нарушает сложившиеся отношения, в которых совершается процесс обращения и воспроизводства капитала, и потому сопровождается внезапными приостановками и кризисами процесса производства.

Идущее рука об руку с развитием производительных сил относительное уменьшение переменного капитала по сравнению с постоянным стимулирует рост рабочего населения и в то же время постоянно создает искусственное перенаселение. Накопление капитала, рассматриваемое со стороны стоимости, замедляется вследствие понижения нормы прибыли, ускоряя тем самым накопление потребительных стоимостей, а это последнее, в свою очередь, ведет к ускорению хода накопления, рассматриваемого опять же со стороны стоимости.

Капиталистическое производство постоянно стремится преодолеть эти имманентные пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе.

Настоящий предел капиталистического производства — это *сам капитал*, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства: производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей. Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден применять для достижения своей цели и которые служат безграничному расширению производства, производству как самоцели, безусловному развитию общественных производительных сил труда. Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства ¹¹⁸

III. ИЗБЫТОК КАПИТАЛА ПРИ ИЗБЫТКЕ НАСЕЛЕНИЯ

С понижением нормы прибыли возрастает тот минимум капитала, который требуется отдельному капиталисту для производительного применения труда, — требуется как для эксплуатации труда вообще, так и для того, чтобы затрачиваемое рабочее время было временем, необходимым для производства товаров, чтобы оно не превышало среднего рабочего времени, общественно необходимого для производства товаров. И одновременно возрастает концентрация, потому что за известными пределами крупный капитал с невысокой нормой прибыли накапливает быстрее, чем небольшой капитал с высокой нормой прибыли. Эта возрастающая концентрация, достигнув известного уровня, в свою очередь, приводит к новому понижению нормы прибыли. Масса мелких раздробленных капиталов пускается вследствие этого на путь авантюры: спекуляции, кредитные махинации и махинации на акциях; эти капиталы оказываются перед лицом кризисов. Под так называемым изобилием капитала всегда подразумевается по существу изобилие такого капитала, для которого понижение нормы прибыли не уравнивается ее массой¹¹⁹, — а такими являются всегда вновь образующиеся свежие отпрыски капитала, — или изобилие таких капиталов, которые сами по себе не способны для самостоятельных действий и предоставляются в форме кредита в распоряжение заправил крупных отраслей производства. Это изобилие капитала возникает вследствие тех же обстоятельств, которые вызывают относительное перенаселение, и потому изобилие это представляет собой явление, дополняющее это последнее, хотя оба они находятся на противоположных полюсах: на одной стороне — незанятый капитал, на другой стороне — незанятое рабочее население.

Перепроизводство капитала, а не отдельных товаров, — хотя перепроизводство капитала всегда включает перепроизводство товаров, — означает поэтому не что иное, как перенакопление капитала. Чтобы понять, что такое это перенакопление (более подробное исследование его будет дано ниже), стоит только предположить его абсолютным. Когда перепроизводство капитала было бы абсолютным? И притом перепроизводство, которое распространялось бы не на ту или другую или на несколько значительных сфер производства, но было бы абсолютным во всем своем объеме, т. е. охватывало бы все сферы производства?

Абсолютное перепроизводство капитала было бы налицо, если бы дополнительный капитал для целей капиталистического производства был = 0. Но целью капиталистического производства является увеличение стоимости капитала, т. е. присвоение прибавочного труда, производство прибавочной стоимости, прибыли. Следовательно, если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное

рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное рабочее время (последнее и без того было бы невыполнимо в случае, когда спрос на труд значителен, следовательно, когда существует тенденция к повышению заработной платы), т. е. если бы возросший капитал производил лишь такую же, как до своего увеличения или даже меньшую массу прибавочной стоимости, то имело бы место абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $K + \Delta K$ произвел бы прибыли не больше или даже меньше, чем капитал K до своего увеличения на ΔK . В обоих случаях произошло бы также сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз вследствие такой перемены в строении капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, а повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду.

В действительности дело обстоит бы таким образом, что одна часть капитала целиком или частично лежала бы без движения (потому что она, чтобы вообще увеличивать свою стоимость, должна была бы сначала вытеснить с его позиции уже действующий капитал), а другая часть под давлением незанятого или только наполовину занятого капитала возрастала бы при более низкой норме прибыли. При этом было бы безразлично, если бы часть дополнительного капитала вступила на место старого, а этот последний таким образом занял бы место в дополнительном капитале. Мы все же имели бы, с одной стороны, прежнюю капитальную сумму, с другой — дополнительную. Понижение нормы прибыли сопровождалось бы в этом случае абсолютным уменьшением массы прибыли, так как при наших предположениях масса применяемой рабочей силы не могла бы увеличиться, и норма прибавочной стоимости не могла бы повыситься, следовательно, не могла бы увеличиться и масса прибавочной стоимости. А уменьшенную массу прибыли надо было бы исчислять на увеличившийся совокупный капитал. Но если даже предположить, что занятый капитал продолжает возрастать при прежней норме прибыли, следовательно, масса прибыли остается прежняя, то все же она исчислялась бы на возросший совокупный капитал и опять произошло бы понижение нормы прибыли. Если весь капитал в 1 000 приносил прибыль в 100, а после своего увеличения до 1 500 он по-прежнему приносит только 100, то во втором случае 1 000 приносит уже только $66\frac{2}{3}$. Возрастание стоимости прежнего капитала сократилось бы абсолютно. При новых условиях капитал = 1 000 приносил бы не больше, чем прежде приносил капитал = $666\frac{2}{3}$.

Но ясно, что это фактическое обесценение прежнего капитала не могло бы произойти без борьбы, что без борьбы дополнительный капитал ΔK не смог бы функционировать как капитал. Норма

прибыли упала бы не вследствие конкуренции, обусловленной перепроизводством капитала, а, наоборот, конкурентная борьба началась бы теперь вследствие того, что понижение нормы прибыли и перепроизводство капитала вызываются одними и теми же причинами. Уже функционирующие капиталисты, в руках которых оказалась бы часть ΔK , в большей или меньшей степени оставили бы ее лежать без движения, чтобы не обесценить своего первоначального капитала и не сузить место, занимаемое им в области производства, или же они употребили бы ее так, чтобы перенести, хотя бы с временным убытком для себя, последствия бездействия дополнительного капитала с себя на новых пришельцев и вообще на своих конкурентов.

Часть ΔK , которая оказалась бы в руках новых капиталистов, стремилась бы вытеснить старый капитал, и это отчасти удалось бы ей, поскольку она оставила бы в бездействии часть старого капитала, принудила бы его очистить ей старое место и занять место дополнительного капитала, употребляемого в дело только отчасти или вовсе не употребляемого.

Поскольку капитал должен функционировать как капитал и возрастать по своей стоимости, известная часть старого капитала при всех обстоятельствах должна находиться в бездействии, должна бездействовать в своем качестве капитала. Какой именно части пришлось бы остаться недеиствующей, это решила бы конкурентная борьба. Пока все идет хорошо, конкуренция, как это обнаружилось при выравнивании общей нормы прибыли, действует как осуществленный на практике братский союз класса капиталистов, так что они сообща делят между собой общую добычу пропорционально доле, вложенной каждым. Но, как только речь идет уже о распределении не прибыли, а убытка, всякий стремится насколько возможно уменьшить свою долю убытка и взвалить ее на другого. Для всего класса капиталистов убыток неизбежен. Но какая доля придется на каждого отдельного капиталиста, насколько вообще должен разделять его каждый отдельный капиталист, это зависит от силы и хитрости, и конкуренция превращается в таком случае в борьбу враждующих собратьев. При этом дает себя знать противоположность интересов каждого отдельного капиталиста и всего класса капиталистов совершенно так же, как раньше практически прокладывала себе путь через конкуренцию тождественность этих интересов.

Каким же образом может быть устранен этот конфликт и могут быть снова восстановлены отношения, соответствующие «здоровому» движению капиталистического производства? Способ устранения содержится уже в самом выражении того конфликта, об устранении которого идет речь. Он заключается в том, что капитал, равный по стоимости всему дополнительному капиталу ΔK или, по крайней мере, его части, лежит без движения и отчасти даже

уничтожается. Хотя, как это явствует уже из самого изложения конфликта, такой убыток отнюдь не распределяется равномерно между отдельными индивидуальными капиталами, а его распределение решается конкурентной борьбой, причем убыток распределяется в зависимости от особых преимуществ и уже завоеванных позиций очень неравномерно и в очень разнообразных формах, так что один капитал бездействует, другой уничтожается, третий терпит только относительные убытки или подвергается лишь временному обесценению и т. д.

Но при всех обстоятельствах равновесие было бы восстановлено бездействием и даже уничтожением капитала в большем или меньшем объеме. Это распространялось бы отчасти на материальную субстанцию капитала, т. е. некоторая часть средств производства, основной и оборотный капитал, не функционировала бы, не действовала бы как капитал; приостановилась бы часть предприятий, уже начавших производство. Хотя в этом отношении время ничего не щадит и ухудшает все средства производства (за исключением земли), но здесь, вследствие приостановки функционирования, в действительности произошло бы гораздо более значительное разрушение средств производства. Однако главный результат в этом отношении заключался бы в том, что эти средства производства перестали бы действовать как средства производства, прекратилось бы на более или менее долгое время их функционирование как средств производства.

Но в основном разрушительное влияние, притом в самой острой форме, коснулось бы капитала, поскольку он обладает стоимостью, коснулось бы капитальных *стоимостей*. Часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свидетельств на получение в будущем доли прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая только различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается сразу же с уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть. Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует как капитал. Часть находящихся на рынке товаров может совершать свой процесс обращения и воспроизводства только при чрезвычайном понижении своих цен, следовательно, путем обесценения того капитала, который эта часть представляет. Точно так же более или менее обесцениваются элементы основного капитала. К этому присоединяется то, что определенные предположительные отношения цен обуславливают процесс воспроизводства, а потому последний вследствие общего понижения цен приостанавливается и приходит в расстройство. Это расстройство и приостановка процесса воспроизводства парализует функцию денег как средства платежа, развивающуюся с развитием капитала и основывающуюся на упомянутых предположительных отношениях цен, разрывает в сотне мест цепь платежных обязательств на определенные сроки, еще более

обостряется возникающим отсюда потрясением кредитной системы, развившейся вместе с капиталом, и таким образом приводит к сильным и острым кризисам, к внезапным насильственным обесценениям, к действительной приостановке и нарушению процесса воспроизводства и вместе с тем к действительному сокращению воспроизводства.

Но одновременно действовали бы другие факторы. Приостановка производства лишила бы работы часть рабочего класса и вследствие этого другую, занятую часть его поставила бы в такие условия, при которых ей пришлось бы мириться с понижением заработной платы даже ниже среднего уровня, — обстоятельство, которое производит на капитал совершенно такое же действие, как если бы при средней заработной плате повысилась относительная или абсолютная прибавочная стоимость. Период процветания благоприятствовал бы бракам среди рабочих и уменьшил бы смертность их детей — обстоятельства, которые, какое бы действительное увеличение населения ни было связано с ними, вовсе не предполагают увеличения действительно работающего населения, но на отношение рабочих к капиталу влияют совершенно так же, как если бы увеличилось число действительно функционирующих рабочих. С другой стороны, падение цен и конкурентная борьба побуждали бы каждого капиталиста понижать индивидуальную стоимость всего своего продукта ниже общей стоимости этого продукта посредством применения новых машин, новых усовершенствованных методов труда, новых комбинаций, т. е. повышать производительную силу данного количества труда, понижать отношение переменного капитала к постоянному и таким образом высвобождать рабочих, — короче говоря, создавать искусственное перенаселение. Далее, обесценение элементов постоянного капитала само сделалось бы элементом, влекущим за собой повышение нормы прибыли. Масса применяемого постоянного капитала возросла бы по сравнению с переменным, но стоимость этой массы могла бы уменьшиться. Наступившая приостановка производства подготовила бы последующее расширение его в пределах капиталистических границ.

И таким образом круг был бы пройден снова. Часть капитала, обесценившаяся вследствие приостановки функционирования, снова приобрела бы свою прежнюю стоимость. Впрочем, при условиях расширенного производства, при расширенном рынке и при повышенной производительной силе был бы опять совершен такой же порочный кругооборот.

Но даже при допущенном нами крайнем предположении абсолютное перепроизводство капитала не есть абсолютное перепроизводство вообще, абсолютное перепроизводство средств производства. Оно является перепроизводством средств производства лишь постольку, поскольку эти последние должны *функционировать*

как капитал и, следовательно, должны пропорционально увеличению стоимости, соответствующему увеличению их массы, производить дополнительную стоимость.

Но, несмотря на то, это все же было бы перепроизводство, потому что капитал оказался бы неспособным эксплуатировать труд в той степени, которая обуславливается «здоровым», «нормальным» развитием капиталистического процесса производства, в той степени, при которой с возрастанием массы применяемого капитала увеличивается, по крайней мере, масса прибыли, и которая, следовательно, исключает падение нормы прибыли в той же самой мере, как возрастает капитал, и в особенности, исключает падение нормы прибыли более быстрое, чем возрастание капитала.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, кроме перепроизводства средств производства, — средств труда и жизненных средств, — которые могут функционировать как капитал, т. е. могут применяться для эксплуатации труда при данной степени эксплуатации; падение же этой степени эксплуатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, — эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплуатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или, по крайней мере, вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплуатации.

Если капитал вывозится за границу, то это происходит не потому, что он абсолютно не мог бы найти применения внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли. Но такой капитал — абсолютно избыточный капитал для занятого рабочего населения и для данной страны вообще. Он существует как таковой наряду с относительно избыточным населением, и это служит примером, как избыточный капитал и избыточное население существуют рядом друг с другом и взаимно обуславливают друг друга.

С другой стороны, связанное с накоплением понижение нормы прибыли необходимо вызывает конкурентную борьбу. Компенсация понижения нормы прибыли увеличением массы прибыли имеет реальное значение только для совокупного общественного капитала и для крупных капиталистов, владельцев уже существующих пред-

приятый. Новый, самостоятельно функционирующий дополнительный капитал не находит заранее готовых условий для такой компенсации; он еще должен завоевать такие условия, и потому понижение нормы прибыли вызывает конкурентную борьбу между капиталами, а не наоборот. Эта конкурентная борьба сопровождается, конечно, временным повышением заработной платы и вытекающим из этого дальнейшим временным понижением нормы прибыли. То же проявляется в перепроизводстве товаров, в переполнении рынков. Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы. Впрочем, ведь капитал состоит из товаров, и потому перепроизводство капитала включает в себя перепроизводство товаров. Отсюда тот любопытный факт, что те самые экономисты, которые отрицают перепроизводство товаров, признают перепроизводство капитала¹²⁰. Когда говорят, что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это означает лишь то, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, постигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю. Далее, тем самым требуют, чтобы в странах, в которых не развит капиталистический способ производства, потребление и производство стояли на такой ступени, какая свойственна странам капиталистического способа производства. Если говорят, что перепроизводство только относительно, то это совершенно правильно; но весь капиталистический способ производства есть только относительный способ производства, границы которого вообще не абсолютны, однако для него, на его базисе, абсолютны. Иначе как же можно было бы объяснить отсутствие спроса на такие товары, в которых нуждается масса народа, и как можно было бы объяснить то явление, что приходится искать этот спрос за границей, на отдаленных рынках для того, чтобы иметь возможность платить рабочим у себя дома среднее количество необходимых жизненных средств? Потому что только в этих специфических, капиталистических взаимоотношениях избыточный продукт получает такую форму, что его владелец может представить его для потребления лишь в том случае, если он превратится для него опять в капитал. Наконец, если говорят, что капиталисты должны только обменивать

между собой свои товары и потреблять их. то при этом забывают общий характер капиталистического производства, забывают, что речь идет об увеличении стоимости капитала, а не об его потреблении. Одним словом, все возражения против очевидных явлений перепроизводства (которым дела нет до этих возражений) сводятся к тому, что границы капиталистического производства не являются границами производства вообще, а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но противоречие этого капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных сил, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими условиями производства, в которых движется и только может двигаться капитал.

Дело не в том, что жизненных средств производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично, по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится больше, чем нужно для того, чтобы занять трудоспособную часть населения. Наоборот. Во-первых, производится слишком большая часть населения, которая фактически не работает, которая в силу условий своей жизни эксплуатирует труд других или занимается работами, которые могут считаться таковыми только при жалком способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы все трудоспособное население могло быть использовано наиболее производительным образом, следовательно, чтобы его абсолютное рабочее время сокращалось благодаря массе и эффективности постоянного капитала, применяемого в течение рабочего времени.

Но периодически средств труда и жизненных средств производится слишком много для того, чтобы они при данной норме прибыли могли функционировать как средства эксплуатации рабочих. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношения потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е. чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Дело не в том, что богатств производится слишком много. Но периодически производится слишком много богатств в их капиталистических, противоречивых формах.

Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, кото-

рый в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов.

2) В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к овеществленному труду вообще, или, выражаясь языком капиталиста, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли.

Если норма прибыли понижается, то, с одной стороны, силы капитала направляются на то, чтобы отдельный капиталист посредством усовершенствованных методов и пр. понизил индивидуальную стоимость своих товаров ниже их средней общественной стоимости и получил таким образом при данной рыночной цене некоторую добавочную прибыль; с другой стороны, возникает спекуляция, которой благоприятствуют страстные поиски новых методов производства, новых применений капитала, новых авантур с целью обеспечить хоть какую-нибудь добавочную прибыль, независимую от общего среднего уровня ее и возвышающуюся над ним.

Норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталообразование стало уделом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли — это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли¹²¹. Тот факт, что даже одна возможность этого тревожит Рикардо, свидетельствует как раз о глубоком понимании им условий капиталистического производства. Наиболее значительно у Рикардо именно то, в чем его упрекали: что при исследовании капиталистического производства он, не занимаясь «людьми», обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы человеческих жертв и капитальных стоимостей оно ни стоило¹²². Развитие производительных сил общественного труда — это историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные

условия более высокой формы производства. Рикардо беспокоит то, что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства, а вместе с тем и условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства. А количественное отношение здесь — все. В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что он только смутно сознает. В этом обнаруживается чисто экономическим образом, т. е. с буржуазной точки зрения, в пределах капиталистического понимания, с точки зрения самого капиталистического производства, ограниченность последнего, его относительность, то, что оно — не абсолютный, а лишь исторический способ производства, соответствующий известной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

IV. ДОБАВЛЕНИЯ

Так как развитие производительной силы труда происходит очень неравномерно в различных отраслях промышленности, и притом не только неравномерно по степени, но часто в противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (= прибавочной стоимости) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительной силы в наиболее развитых отраслях промышленности. То обстоятельство, что развитие производительной силы в различных отраслях промышленности совершается не только в очень различных пропорциях, но часто в противоположном направлении, вытекает не только из анархии конкуренции и из особенностей буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с естественными условиями, которые нередко становятся менее плодотворными по мере того, как производительность, поскольку последняя зависит от общественных условий, повышается. Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других. Можно напомнить, например, хотя бы то, что сами по себе времена года влияют на объем производства большей части сырых материалов, на масштабы истребления лесов, истощения каменноугольных копей, железных рудников и т. д.¹²³

Если оборотная часть постоянного капитала, — сырье и т. д., — постоянно возрастает по своей массе пропорционально развитию производительной силы труда, то иначе обстоит дело с основным капиталом, — зданиями, машинами, приспособлениями для освещения, отопления и пр. Хотя машины с увеличением их размеров становятся абсолютно дороже, но относительно они дешевеют. Если пять рабочих производят товаров в десять раз больше, чем прежде, то вследствие этого затраты на основной капитал не удеса-

теряются; хотя стоимость этой части постоянного капитала возрастает с развитием производительной силы, но она возрастает далеко не в такой пропорции. Мы уже неоднократно указывали на различие между отношением постоянного капитала к переменному как оно выражается в понижении нормы прибыли, и тем же самым отношением, как оно с развитием производительности труда выражается в единице товара и его цене.

{Стоимость товара определяется всем рабочим временем, прошлым и живым трудом, который входит в этот товар¹²⁴. Повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается; что, следовательно, количество живого труда уменьшается больше, чем увеличивается количество прошлого труда. Прошлый труд, воплощенный в стоимости товара, — постоянная часть капитала, — состоит отчасти из износа основного капитала, отчасти из вошедшего в товар целиком оборотного постоянного капитала, — сырья и вспомогательного материала. Та часть стоимости, которая происходит от сырья и вспомогательного материала, с повышением производительности труда должна сокращаться, потому что производительность труда по отношению к этим материалам обнаруживается именно в том, что их стоимость понижается. Напротив, наиболее характерным для повышения производительной силы труда является то, что основная часть постоянного капитала претерпевает очень сильное увеличение, а вместе с тем увеличивается и та часть его стоимости, которая переносится на товары вследствие износа. Для того чтобы новый метод производства проявил себя как метод действительного повышения производительности, он должен в результате износа основного капитала переносить на отдельный товар меньшую стоимость, чем та стоимость, которая экономится, сберегается вследствие уменьшения живого труда; одним словом, этот метод должен уменьшить стоимость товара. Само собой разумеется, это должно иметь место и тогда, как это бывает в отдельных случаях, когда в образование стоимости товара, кроме дополнительно изнашиваемой части основного капитала, входит дополнительная часть стоимости, соответствующая увеличившимся по количеству или более дорогим видам сырья и вспомогательных материалов. Все надбавки к стоимости должны более чем уравновеситься уменьшением стоимости, вытекающим из уменьшения живого труда.

Поэтому такое уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда при любых общественных условиях производства. В обществе, в котором производители регулируют свое производство согласно заранее начертанному плану, и даже при простом товарном производстве произ-

водительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом. Но как обстоит дело при капиталистическом производстве?

Положим, что определенная отрасль капиталистического производства производит нормальную штуку своего товара при следующих условиях: износ основного капитала составляет на штуку $1\frac{1}{2}$ шилл. или марки; сырьё и вспомогательного материала входит в каждую штуку на $17\frac{1}{2}$ шиллинга; на заработную плату приходится 2 шилл., и при норме прибавочной стоимости в 100% прибавочная стоимость составляет 2 шиллинга. Вся стоимость = 22 шилл. или маркам. Ради простоты мы предположим, что строение капитала в этой отрасли производства есть среднее строение общественного капитала, следовательно, цена производства товара совпадает с его стоимостью, а прибыль капиталиста совпадает с произведенной прибавочной стоимостью. В таком случае издержки производства товара = $1\frac{1}{2} + 17\frac{1}{2} + 2 = 20$ шилл., средняя норма прибыли $\frac{2}{20} = 10\%$, а цена производства каждой штуки товара, равная его стоимости, = 22 шиллингам или маркам.

Предположим, что изобретается машина, которая сокращает наполовину живой труд, требующийся для производства каждой штуки товара, но зато увеличивает втрое часть стоимости, образующуюся от износа основного капитала. Тогда дело представляется в следующем виде: износ = $1\frac{1}{2}$ шилл., сырьё и вспомогательный материал, как и раньше, $17\frac{1}{2}$ шилл., заработная плата 1 шилл., прибавочная стоимость 1 шилл., итого 21 шилл. или 21 марка. Стоимость товара упала теперь на 1 шиллинг; новая машина заметно повысила производительную силу труда. Но для капиталиста дело представляется в таком виде: его издержки производства составляют теперь: $1\frac{1}{2}$ шилл. износ, $17\frac{1}{2}$ шилл. сырьё и вспомогательный материал, 1 шилл. заработная плата, — итого 20 шилл., как и раньше. Так как норма прибыли непосредственно не изменяется применением новой машины, то он должен получить 10% сверх издержек производства, что составляет 2 шиллинга; следовательно, цена производства осталась без изменения — 22 шилл., но она превышает стоимость на 1 шиллинг. Для общества, производящего при капиталистических условиях, товар *не* подешевел, новая машина не составляет *никакого* усовершенствования. Следовательно, капиталист несколько не заинтересован в том, чтобы вводить новую машину. А так как введением ее в производство он только полностью обесценил бы свои старые, еще не изношенные машины и превратил бы их просто в железный лом, следовательно, потерпел бы прямой убыток, то он всячески будет воздерживаться от такой, с его точки зрения, глупости.

Таким образом, для капитала закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим

вообще сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на *оплачиваемой* части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда, как это вкратце было уже указано в «Капитале», кн. I, гл. XIII, 2, стр. 356—357¹²⁵. При этом капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание — безудержное, измеряемое в геометрической прогрессии развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в приведенном случае, препятствует развитию производительности труда. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более и более изживает себя.³⁷⁾

Увеличение того минимума капитала, который с возрастанием производительной силы становится необходимым для успешного ведения самостоятельного промышленного предприятия, проявляется в конкуренции следующим образом: как только новое более дорогое производственное оборудование получает всеобщее распространение, более мелкие капиталы на будущее время лишаются доступа в соответствующее производство. Только в начальной стадии применения механических изобретений в различных сферах производства мелкие капиталы могут функционировать в них самостоятельно. С другой стороны, очень крупные предприятия с чрезвычайно высокой долей постоянного капитала, как железные дороги, приносят не среднюю норму прибыли, а только часть ее, процент. Иначе общая норма прибыли пала бы еще ниже. Напротив, большое скопление капиталов в форме акций находит себе здесь непосредственное поле деятельности.

Возрастание капитала, следовательно накопление капитала, включает в себя уменьшение нормы прибыли лишь постольку, поскольку вместе с таким возрастанием наступают рассмотренные нами выше изменения в соотношении органических составных частей капитала. Однако несмотря на постоянные повседневные перевороты в способе производства, то та, то другая, большая или меньшая часть всего капитала в течение известного промежутка времени продолжает накапливаться на основе данного среднего отношения этих составных частей, так что ростом этой части не обуславливаются никакие органические изменения, следовательно, не обуславливается возникновение каких-либо причин понижения нормы прибыли. Это постоянное увеличение капитала, а потому и расширение производства на основе старых методов производства, спокойно протекающее в то время, как наряду с ними вводятся уже новые методы, в свою очередь, являются причиной того, что норма

³⁷⁾ Эти строки заключены в скобки, потому что, представляя собой переделку замечания из оригинала рукописи, они все же в некоторой части изложения выходят за пределы материала, содержащегося в оригинале. — Ф. Э.

прибыли понижается не в такой степени, в какой возрастает совокупный общественный капитал.

Увеличение абсолютного числа рабочих, несмотря на относительное уменьшение переменного капитала, расходуемого на заработную плату, происходит не во всех отраслях производства и не во всех равномерно. В земледелии уменьшение живого труда может быть абсолютным.

Впрочем, абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, только и отвечает потребности капиталистического способа производства. Для этого способа производства рабочие становятся уже лишними, как только исчезает необходимость заставлять их работать в течение 12—15 часов ежедневно. Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, в известный момент оно вступает в коллизии с этим развитием. Частично такая коллизия проявляется в периодических кризисах, которые происходят оттого, что то одна, то другая часть рабочего населения делается излишней в своей старой профессии. Предел капиталистического производства — избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не постольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом капиталистическое производство вращается в противоречиях.

Мы видели, что рост накопления капитала включает в себя возрастающую концентрацию его. Таким образом возрастает власть капитала, обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства от действительных производителей. Капитал все более оказывается общественной силой, функционером которой является капиталист и которая не находится уже решительно ни в каком соответствии с тем, что может создать труд отдельного индивидуума. Он оказывается отчужденной, обособленной общественной силой, которая противостоит обществу как вещь и как сила капиталиста через посредство этой вещи. Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно

вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Это преобразование обуславливается развитием производительных сил при капиталистическом производстве и тем способом, каким совершается это развитие¹²⁶.

Ни один капиталист не применит нового метода производства добровольно, как бы он ни был производителем и как бы он ни повышал норму прибавочной стоимости, если только он уменьшает норму прибыли. Но каждый такой новый метод производства удешевляет товары. Поэтому первоначально капиталист продает их выше их цены производства, может быть, выше их стоимости. Он кладет себе в карман разницу между издержками их производства и рыночной ценой остальных товаров, произведенных при более высоких издержках производства. Он может это делать, потому что среднее рабочее время, общественно необходимое для производства этих товаров, больше, чем рабочее время, которое требуется при новом методе производства. Его приемы производства стоят выше средних общественных. Но конкуренция делает их всеобщими и подчиняет общему закону. Тогда наступает понижение нормы прибыли, — сначала в его сфере производства, и затем она выравнивается с другими; таким образом, это понижение совершенно не зависит от воли капиталистов.

К данному пункту следует еще добавить, что действию этого закона подчиняются и те сферы производства, продукт которых ни прямо, ни косвенно не входит в потребление рабочего или в условия производства его жизненных средств; следовательно, и те сферы производства, в которых никакое удешевление товаров не может увеличить относительную прибавочную стоимость, удешевить рабочую силу. (Конечно, во всех этих отраслях удешевление постоянно-го капитала может повысить норму прибыли при неизменяющейся степени эксплуатации рабочего.) Как только новый метод производства начинает распространяться, — и этим дается фактическое доказательство того, что эти товары могут производиться дешевле, — капиталисты, работающие при старых условиях производства, должны продавать свой продукт ниже своей полной цены производства, потому что стоимость этого товара понизилась, рабочее время, которое требуется им для производства этого товара, стоит выше общественного. Одним словом, — и это является действием конкуренции, — они тоже должны ввести новый метод производства, при котором отношение переменного капитала к постоянному уменьшается¹²⁷.

Все обстоятельства, ведущие к тому, что применение машин удешевляет цену производимых ими товаров, неизменно сводятся к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара,

а во-вторых, — к уменьшению изнашиваемой части машин, стоимость которой входит в единицу товара. Чем медленнее изнашивание машин, тем на большее количество товаров распределяется оно, тем больше живого труда заменяют они до срока их воспроизводства. Количество и стоимость основного постоянного капитала сравнительно с переменным в обоих случаях увеличивается.

«При прочих равных условиях способность нации делать сбережения из своей прибыли изменяется с изменениями в норме прибыли: эта способность увеличивается, когда норма прибыли высока, уменьшается, когда она низка; но, когда норма прибыли понижается, все прочие условия не остаются без изменения... Низкая норма прибыли обычно сопровождается быстрым темпом накопления по сравнению с численностью населения, как в Англии, а высокая норма прибыли — более медленным, по сравнению с численностью населения, темпом накопления, как в Польше, России, Индии и т. д.» (Richard Jones, «An Introductory Lecture on Political Economy», London, 1833, p. 50—51).

Джонс справедливо указывает, что, несмотря на понижение нормы прибыли, стремление к накоплению и возможность последнего увеличиваются. Во-первых, вследствие возрастания относительного перенаселения. Во-вторых, потому, что с возрастанием производительности труда увеличивается масса потребительных стоимостей, представляемых одной и той же меновой стоимостью, т. е. растут вещественные элементы капитала. В-третьих, потому, что возникают все новые разнообразные отрасли производства. В-четвертых, вследствие развития кредитной системы, акционерных обществ и пр. и связанной с этим легкости превращать деньги в капитал, если даже их владелец и не становится промышленным капиталистом. В-пятых, вследствие роста потребностей и стремлений к обогащению. В-шестых, вследствие увеличения массы вложений основного капитала и т. д.

Тремя главными фактами капиталистического производства являются следующие:

1) Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных работников, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя сначала таковыми они становятся, будучи еще частной собственностью капиталистов. Последние — опекуны буржуазного общества, но они прикармливают все плоды этой опеки.

2) Организация самого труда как общественного труда: путем кооперации, разделения труда и соединения труда с естественным.

Как с той, так и с другой стороны, капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и частный труд, хотя уничтожает в противоречивых формах¹²⁸.

3) Создание мирового рынка.

По сравнению с численностью населения огромная производительная сила, развивающаяся в рамках капиталистического способа производства, и возрастание, хотя и не в той же пропорции, капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), растущих значительно быстрее, чем население, находятся в противоречии со становящейся все более узкой, по сравнению с ростом богатства, основой, на которой действует эта огромная производительная сила, и с условиями возрастания стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

**ПРЕВРАЩЕНИЕ ТОВАРНОГО КАПИТАЛА
И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА
В ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ
И ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ
(КУПЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ)**

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ТОВАРНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ

Купеческий, или торговый, капитал распадается на две формы или два подвида: товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал, которые мы теперь охарактеризуем подробнее, поскольку это необходимо для анализа капитала в его основной структуре. А это тем более необходимо, что современная политическая экономия, даже в лице своих лучших представителей, смешивает торговый капитал с промышленным капиталом и фактически совершенно не видит его характерных особенностей ¹²⁹.

Движение товарного капитала было проанализировано в «Капитале», кн. II ¹³⁰. Если рассматривать совокупный общественный капитал, то одна часть его, хотя и постоянно составляющаяся из новых элементов и изменяющаяся даже по величине, постоянно находится на рынке в виде товара, который должен превратиться в деньги; другая часть находится на рынке в виде денег, которые должны превратиться в товар. Он постоянно находится в процессе этого превращения, этого метаморфоза форм. Поскольку такая функция капитала, находящегося в процессе обращения, вообще обособляется как особая функция особого капитала, фиксируется как функция, вследствие разделения труда принадлежащая особой разновидности капиталистов, постольку товарный капитал становится товарно-торговым, или коммерческим капиталом.

Мы уже выяснили («Капитал», кн. II, гл. VI, «Издержки обращения», II и III), в какой мере следует рассматривать транспортировку, хранение и распределение товаров в пригодной для потребления форме как процессы производства, продолжающиеся в пределах процесса обращения. Эти моменты обращения товарного капитала отчасти смешиваются со специфическими функциями купеческого, или товарно-торгового, капитала; они отчасти и на прак-

тике соединяются с его своеобразными специфическими функциями, хотя с развитием общественного разделения труда функция купеческого капитала вполне обособляется, т. е. отделяется от указанных реальных функций и становится самостоятельной по отношению к ним. Для нашей цели важно определить специфическое отличие этой особой формы капитала и, следовательно, мы должны отвлечься от упомянутых функций. Поскольку капитал, функционирующий только в процессе обращения, именно товарно-торговый капитал, отчасти соединяет эти функции со своими, он выступает не в своей чистой форме. Лишь после устранения и удаления этих функций, мы получим чистую форму товарно-торгового капитала.

Мы видели, что бытие капитала как товарного капитала и метаморфоз, который он как товарный капитал претерпевает в сфере обращения, на рынке, — метаморфоз, который сводится к купле и продаже, к превращению товарного капитала в денежный капитал и денежного капитала в товарный капитал, — образуют фазу процесса воспроизводства промышленного капитала, следовательно фазу его процесса производства, взятого в целом; но мы видели в то же время, что капитал в этой своей функции капитала обращения отличается от самого себя как капитала производительного. Это две особых, отличных формы существования одного и того же капитала. Часть совокупного общественного капитала постоянно находится на рынке в этой форме существования в качестве капитала обращения, постоянно охватывается процессом этого метаморфоза, хотя для каждого отдельного капитала его бытие в качестве товарного капитала и его метаморфоз как таковой составляют лишь постоянно исчезающий и постоянно возобновляющийся переходный момент, переходную стадию непрерывного процесса его производства, и хотя поэтому элементы находящегося на рынке товарного капитала постоянно изменяются, так как они постоянно извлекаются с товарного рынка и точно так же постоянно возвращаются на него как новый продукт процесса производства.

Товарно-торговый капитал есть не что иное, как превращенная форма части этого капитала обращения, постоянно находящегося на рынке, постоянно находящегося в процессе метаморфоза, постоянно охватываемого сферой обращения. Мы говорим — части этого капитала потому, что некоторая часть товарных покупок и продаж постоянно совершается непосредственно между самими промышленными капиталистами. От этой части в нашем исследовании мы совершенно абстрагируемся, так как она несколько не способствует определению понятия, не способствует пониманию специфической природы купеческого капитала, а, с другой стороны, в «Капитале», кн. II мы уже исследовали ее исчерпывающим для наших целей образом.

Торговец товарами, как капиталист вообще, выступает на рынке прежде всего как представитель известной денежной суммы,

которую он авансирует как капиталист, т. е. которую он желает превратить из x (суммы первоначальной стоимости) в $x + \Delta x$ (эта сумма плюс прибыль на нее). Но для него не только как для капиталиста вообще, но именно как для торговца товарами, само собой очевидно, что его капитал первоначально должен появиться на рынке в форме денежного капитала, потому что он не производит никаких товаров, а только торгует ими, опосредствует их движение; а для того чтобы ими торговать, он должен их сначала купить, следовательно, должен быть владельцем денежного капитала.

Положим, что торговец товарами владеет 3 000 ф. ст., которые он применяет как торговый капитал. На эти 3 000 ф. ст. он покупает у фабриканта, производящего холст, например, 30 000 аршин холста по 2 шилл. за аршин. Он продает эти 30 000 аршин. Если средняя годовая норма прибыли = 10% и если он, за вычетом всех накладных расходов, получает 10% годовой прибыли, то в конце года 3 000 ф. ст. превратятся у него в 3 300 фунтов стерлингов. Каким образом он получает эту прибыль, — это вопрос, который мы исследуем позже. Здесь мы прежде всего рассмотрим только форму движения его капитала. На 3 000 ф. ст. он постоянно покупает холст и постоянно продает этот холст; он постоянно повторяет эту операцию купли для продажи, $D - T - D'$, простую форму капитала, ограниченную исключительно процессом обращения, не прерываемым интервалами для процесса производства, который лежит вне собственного движения и функций этого капитала.

Каково же отношение этого товарно-торгового капитала к товарному капиталу как простой форме существования промышленного капитала? Что касается фабриканта, производящего холст, то с помощью денег купца он реализовал стоимость своего холста, совершил первую фазу метаморфоза своего товарного капитала, его превращение в деньги, и может теперь, при прочих равных условиях, снова превращать деньги в пряжу, уголь, заработную плату и пр., с другой стороны, — в жизненные средства и т. д. для потребления своего дохода; следовательно, если оставить в стороне расходование дохода, он может продолжать процесс воспроизводства.

Но хотя для него, для производителя холста, уже произошел метаморфоз холста в деньги, произошла его продажа, она еще не произошла для самого холста. Как и раньше, холст находится все еще на рынке в виде товарного капитала, которому предстоит совершить свой первый метаморфоз — быть проданным. С этим холстом не случилось ничего, кроме перемены личности его владельца. По своему назначению, по своему положению в процессе, он по-прежнему остается товарным капиталом, продаваемым товаром; только теперь он находится в руках не производителя, как раньше, а купца. Функция его продажи, опосредствования первой фазы его метаморфоза, от производителя взята купцом и превратилась в специальное занятие последнего, тогда как раньше эту функцию

должен был выполнять производитель после того, как он покончил с функцией производства.

Положим, что купцу не удалось продать 30 000 аршин в течение того промежутка времени, который требуется производителю холста, для того чтобы снова выбросить на рынок 30 000 аршин стоимостью в 3 000 фунтов стерлингов. Купец не может вновь купить их, потому что у него еще имеется на складе непроданных, еще не превратившихся для него в денежный капитал 30 000 аршин холста. В таком случае наступает застой, перерыв воспроизводства. Конечно, производитель холста мог бы иметь в своем распоряжении дополнительный денежный капитал, который он мог бы превратить в производительный капитал независимо от продажи 30 000 аршин и таким образом продолжить процесс производства. Но такое предположение нисколько не изменяет дела. Поскольку речь идет о капитале, авансированном на производство данных 30 000 аршин, процесс его воспроизводства был и остается прерванным. Следовательно, здесь на деле оказывается очевидным, что операции купца являются не чем иным, как операциями, которые вообще должны быть выполнены, для того чтобы товарный капитал производителя превратить в деньги, что это такие операции, которые опосредствуют функции товарного капитала в процессе обращения и воспроизводства. Если бы вместо независимого купца этой продажей, а также закупкой занимался исключительно простой агент производителя, эта связь ни на одно мгновение не оставалась бы скрытой.

Следовательно, товарно-торговый капитал безусловно представляет собой не что иное, как товарный капитал производителя, капитал, который должен совершить процесс своего превращения в деньги, выполнить на рынке свою функцию товарного капитала. Только эта функция вместо побочной операции производителя является теперь исключительной операцией особого рода капиталистов, торговцев товарами, обособляется как сфера особых вложений капитала.

Впрочем, это обнаруживается и в специфической форме обращения товарно-торгового капитала. Купец покупает товары и затем продает их: $D - T - D'$. При простом товарном обращении или даже при обращении товаров, каким оно является как процесс обращения промышленного капитала, $T' - D - T$, обращение опосредствуется таким образом, что каждая единица денег дважды переходит из рук в руки. Производитель холста продает свой товар, холст, превращает его в деньги; деньги покупателя переходят в его руки. На эти самые деньги он покупает пряжу, уголь, труд и пр., снова расходует те же самые деньги, чтобы стоимость холста превратил обратно в товары, образующие элементы производства холста. Товар, который он покупает, не тот же самый товар, товар не того рода, который он продает. Он продал продукты, а купил средства производства. Иначе обстоит дело в движении купеческо-

го капитала. Торговец холстом покупает на 3 000 ф. ст. 30 000 аршин холста; он продает эти 30 000 аршин холста, чтобы извлечь обратно из обращения денежный капитал (3 000 ф. ст. и прибыль). Следовательно, здесь два раза перемещаются не одни и те же деньги, но один и тот же товар; он переходит из рук продавца в руки покупателя и из рук покупателя, ставшего теперь продавцом, в руки другого покупателя. Он продается дважды и может быть продан при посредничестве ряда купцов еще много раз; и как раз только вследствие повторения этой продажи, вследствие двукратного перемещения одного и того же товара, первый покупатель извлекает обратно деньги, авансированные на покупку товара, и, следовательно, этим перемещением опосредствуется возвращение к нему денег. В одном случае $T' - D - T$ двукратное перемещение одних и тех же денег опосредствует то, что товар отчуждается в одном виде и присваивается в другом. В другом случае $D - T - D'$ двукратное перемещение одного и того же товара опосредствует то, что авансированные деньги снова извлекаются из обращения. При этом то и оказывается, что товар, когда он перешел из рук производителя в руки купца, еще не окончательно продан, что последний лишь продолжает операцию продажи, или опосредствование функции товарного капитала. Но вместе с тем оказывается, что то, что для производительного капиталиста является $T - D$, простой функцией его капитала в его преходящем виде товарного капитала, то для купца является $D - T - D'$, особым процессом увеличения стоимости авансированного им денежного капитала. Одна фаза метаморфоза товара представляется здесь, по отношению к купцу, как $D - T - D'$, следовательно как путь движения капитала особого рода.

Купец окончательно продает товар, в данном случае холст, потребителю, безразлично, будет ли это производительный потребитель (например белильщик) или индивидуальный, который использует холст для своего личного потребления. Вследствие этого к купцу возвращается обратно авансированный им капитал (вместе с прибылью), и он может снова начать операцию. Если бы при купле холста деньги функционировали только как средства платежа, так что купцу пришлось бы платить лишь спустя шесть недель по получении холста, и если бы он продал его ранее этого времени, то он мог бы расплатиться с производителем холста, не авансируя лично никакого денежного капитала. Если бы он его не продал, то ему пришлось бы авансировать 3 000 ф. ст. при наступлении срока платежа, вместо того чтобы платить сразу по получении холста; а если бы вследствие понижения рыночной цены он продал его ниже покупной цены, то ему пришлось бы возместить недостающую часть из своего собственного капитала.

Что же придает товарно-торговому капиталу характер самостоятельного функционирующего капитала, между тем как в руках производителя, который сам продает свой товар, он, очевидно, яв-

ляется лишь особой формой его капитала в особой фазе процесса воспроизводства, которую этот капитал принимает, находясь в сфере обращения?

Во-первых, то обстоятельство, что товарный капитал в руках агента, отличного от производителя этого товарного капитала, совершает свое окончательное превращение в деньги, следовательно свой первый метаморфоз, выполняет на рынке функцию, присущую ему как товарному капиталу — и что эта функция товарного капитала опосредствуется операциями купца, его куплями и продажами, так что эти операции становятся особым делом, отдельным от остальных функций промышленного капитала и потому самостоятельным. Это — особая форма общественного разделения труда, вследствие чего некоторая часть функции, которая должна быть выполнена в особой фазе воспроизводства капитала, в данном случае в обращении, является исключительной функцией особого агента обращения, отличного от производителя. Однако такое особое занятие еще отнюдь не обязательно должно быть функцией особого капитала, который отличен от промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, и самостоятелен по отношению к промышленному капиталу; это занятие в действительности не является функцией особого капитала в тех случаях, когда торговля товарами ведется через посредство простых коммивояжеров или других непосредственных агентов промышленного капиталиста. Следовательно, к этому следует добавить еще второй момент.

Во-вторых, это происходит вследствие того, что самостоятельный агент обращения, купец, авансирует в этом своем положении денежный капитал (собственный или заемный). То, что для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, представляется просто как $T - D$, как превращение товарного капитала в денежный капитал, или как простая продажа, для купца представляется как $D - T - D'$, как купля и продажа одного и того же товара, следовательно, как возвращение к нему посредством продажи удалившегося от него при купле денежного капитала.

То, что для купца, поскольку он авансирует капитал на покупку товара у производителя, представляется как $D - T - D$, это есть всегда $T - D$, превращение товарного капитала в денежный капитал, всегда первый метаморфоз товарного капитала, хотя тот же самый акт может представляться для производителя или для промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства, как $D - T$, как обратное превращение денег в товар (в средства производства) или как вторая фаза метаморфоза. Для производителя холста $T - D$, превращение товарного капитала в денежный капитал, было первым метаморфозом. Этот акт представляется для купца как $D - T$, как превращение его денежного капитала в товарный капитал. Если же он продает холст белиль-

щику. то для последнего это представляет $D - T$, превращение денежного капитала в производительный капитал, или второй метаморфоз его товарного капитала; но для купца это представляет $T - D$, продажу купленного им холста. Однако в действительности товарный капитал, произведенный фабрикантом холста, только теперь продан окончательно, или $D - T - D$ купца представляет только посредствующий процесс при совершении $T - D$ между двумя производителями. Или предположим, что фабрикант, производящий холст, на часть стоимости проданного холста покупает пряжу у торговца пряжей. Таким образом, для него это $D - T$. Но для купца, продающего пряжу, это будет $T - D$, перепродажа пряжи; а по отношению к самой пряже как к товарному капиталу это только ее окончательная продажа, благодаря которой она переходит из сферы обращения в сферу потребления, $T - D$, окончательное завершение ее первого метаморфоза. Итак, покупает ли купец у промышленного капиталиста или продает ему, его $D - T - D$, кругооборот купеческого капитала, всегда выражает лишь то, что для самого товарного капитала как переходной формы воспроизводящегося промышленного капитала есть просто $T - D$, просто выполнение его первого метаморфоза. Акт $D - T$ купеческого капитала является в то же время актом $T - D$ лишь для промышленного капиталиста, но не для произведенного им товарного капитала: это лишь переход товарного капитала из рук промышленника в руки агента обращения; и только $T - D$ купеческого капитала является окончательным $T - D$ для функционирующего товарного капитала. $D - T - D$ представляет собой только два акта $T - D$ одного и того же товарного капитала, две последовательных продажи его, которые лишь опосредствуют его последнюю и окончательную продажу.

Следовательно, товарный капитал в товарно-торговом капитале принимает форму самостоятельного вида капитала вследствие того, что купец авансирует денежный капитал, который увеличивается в стоимости как капитал, функционирует как капитал лишь постольку, поскольку он употребляется исключительно для опосредствования метаморфоза товарного капитала, опосредствования его функции товарного капитала, т. е. его превращения в деньги, и он осуществляет это посредством постоянной купли и продажи товаров. Это составляет исключительную операцию товарно-торгового капитала; эта деятельность, опосредствующая процесс обращения промышленного капитала, является исключительной функцией того денежного капитала, которым оперирует купец. Посредством этой функции он превращает свои деньги в денежный капитал, так что его D принимает вид $D - T - D'$, и путем такого же процесса он превращает товарный капитал в товарно-торговый капитал.

Товарно-торговый капитал, поскольку и пока он существует в форме товарного капитала, — с точки зрения процесса воспроиз-

водства всего общественного капитала, — очевидно, есть не что иное, как еще находящаяся на рынке в процессе своих метаморфозов часть промышленного капитала, которая теперь существует и функционирует как товарный капитал. Следовательно, по отношению к процессу воспроизводства всего совокупного капитала мы должны рассматривать только тот *денежный* капитал, который авансируется купцом, предназначен исключительно для купли и продажи и потому никогда не принимает иной формы, кроме формы товарного капитала и денежного капитала, никогда не принимает формы производительного капитала и постоянно находится в сфере обращения капитала.

Как только производитель, фабрикант холста, продал свои 30 000 аршин купцу за 3 000 ф. ст., он покупает на вырученные таким образом деньги необходимые средства производства, и его капитал снова вступает в процесс производства; его процесс производства продолжается, идет непрерывно¹³¹. Превращение его товара в деньги для него совершилось. Но, как мы видели, для самого холста такое превращение еще не совершилось. Он еще не превратился окончательно в деньги, еще не вошел в потребление, производительное или личное, как потребительная стоимость. Торговец холстом представляет теперь на рынке тот самый товарный капитал, который первоначально представлял там производитель холста. Для последнего процесс метаморфоза сократился, но только для того, чтобы продолжаться в руках купца.

Если бы производитель холста должен был ждать, пока его холст действительно не перестанет быть товаром, пока он не перейдет к последнему покупателю, производительному или индивидуальному потребителю, его процесс воспроизводства был бы прерван. Или же для того чтобы не прерывать его, производителю пришлось бы ограничить свои операции, превращать в пряжу, уголь, труд и пр., словом в элементы производительного капитала, меньшую часть своего холста, а большую часть его пришлось бы сохранять у себя в качестве денежного резерва для того, чтобы пока одна часть его капитала как товар находится на рынке, другая часть могла продолжать процесс производства, так что, если одна часть поступает на рынок как товар, другая возвращается обратно в денежной форме. Такое деление его капитала не устраняется посредничеством купца. Но без последнего часть капитала обращения, имеющаяся в форме денежного резерва, неизбежно составляла бы относительно большую долю по сравнению с той частью, которая занята в форме производительного капитала, и соответственно этому сократился бы масштаб воспроизводства. Теперь же производитель постоянно употребляет большую часть своего капитала на собственно процесс производства и меньшую часть — в виде денежного резерва.

Но зато теперь другая часть общественного капитала в форме купеческого капитала постоянно находится в сфере обращения.

Она всегда употребляется только для купли и продажи товаров. Таким образом, кажется, что происходит только перемена лиц, в руках которых находится этот капитал.

Если бы купец вместо того, чтобы покупать холст на 3 000 ф. ст., имея в виду снова продать его, сам производительно употребил эти 3 000 ф. ст., то производительный капитал общества увеличился бы. Конечно, в таком случае производитель холста и купец, превратившийся теперь в промышленного капиталиста, должны были бы удерживать более значительную часть своего капитала в виде денежного резерва. С другой стороны, если купец остается купцом, то производитель сберегает время, требующееся для продажи; он может использовать его для наблюдения за процессом производства, тогда как купец должен все свое время употреблять для продажи.

Если купеческий капитал не превышает своей необходимой пропорции, то следует признать:

1) что вследствие разделения труда капитал, занятый исключительно куплей и продажей (а кроме денег, употребляемых на покупку товаров, сюда относятся деньги, расходуемые на оплату труда, необходимого для ведения торгового дела, на постоянный капитал купца, — здания для складов, транспорт и т. д.), меньше, чем он был бы в том случае, если бы промышленный капитал должен был сам вести всю торговую часть своего предприятия;

2) что так как купец занимается исключительно этим делом, то не только для производителя его товар раньше превращается в деньги, но и самый товарный капитал совершает свой метаморфоз быстрее, чем он мог бы совершать его в руках производителя;

3) что если рассматривать весь купеческий капитал в отношении к промышленному капиталу, то один оборот купеческого капитала может представлять не только обороты многих капиталов в одной сфере производства, но обороты нескольких капиталов в различных сферах производства. Первое происходит в том случае, если, например, торговец холстом, купивший на свои 3 000 ф. ст. продукт одного производителя холста и снова продавший его, прежде чем этот производитель выбросит на рынок снова такое же количество товара, купит и снова продаст продукт другого или нескольких других производителей холста, опосредствуя таким образом обороты различных капиталов в одной и той же сфере производства. Второе происходит в том случае, если, например, купец, продав холст, покупает шелк, следовательно, опосредствует оборот капитала в другой сфере производства.

Вообще необходимо заметить следующее: оборот промышленного капитала ограничивается не только временем обращения, но и временем производства. Оборот купеческого капитала, поскольку он торгует лишь определенными товарами, ограничивается оборотом не одного промышленного капитала, а всех промышленных

капиталов одной и той же отрасли производства. Купец, купив и продав холст у одного, может затем купить его у другого и продать прежде, чем первый снова выбросит товар на рынок. Итак, один и тот же купеческий капитал может последовательно опосредствовать различные обороты капиталов, вложенных в какую-нибудь отрасль производства, так что его оборот не тождествен с оборотами какого-нибудь отдельного промышленного капитала и потому замещает не только тот денежный резерв, который должен иметь *in petto* * этот отдельный промышленный капиталист. Оборот купеческого капитала в сфере производства, конечно, ограничен общим объемом производства в этой сфере. Но он не ограничен пределами производства или временем оборота отдельного капитала этой сферы, поскольку это время оборота определяется временем производства. Положим, что А доставляет товар, для производства которого требуется три месяца. После того как купец купит и продаст его, скажем, в течение одного месяца, он может купить такой же продукт у другого производителя и продать его. Или, например, продав хлеб одного фермера, он может на те же деньги купить и продать хлеб другого и т. д. Оборот его капитала ограничен количеством хлеба, которое он последовательно может купить и продать в течение данного времени, например в течение года, между тем как оборот капитала фермера, независимо от времени обращения, ограничен временем производства, которое продолжается год.

Но оборот одного и того же купеческого капитала может с таким же успехом опосредствовать обороты капиталов различных отраслей производства.

Поскольку один и тот же купеческий капитал в различных оборотах служит для последовательного превращения в деньги различных товарных капиталов, следовательно, поочередно покупает и продает их, он как денежный капитал выполняет по отношению к товарному капиталу ту самую функцию, какую вообще деньги всеми своими оборотами за определенный период выполняют по отношению к товарам.

Оборот купеческого капитала не тождествен с оборотом, или с однократным воспроизводством равновеликого промышленного капитала; напротив, он равен сумме оборотов нескольких таких капиталов в одной и той же или в различных сферах производства¹³². Чем быстрее оборачивается купеческий капитал, тем меньше часть всего денежного капитала, фигурирующая в качестве купеческого капитала, и чем медленнее он оборачивается, тем эта часть больше. Чем менее развито производство, тем больше сумма купеческого капитала по сравнению с суммой товаров, вообще бросаемых в обращение; но абсолютно и сравнительно с суммой купеческого капитала при более развитом производстве сумма купечес-

* - в наличности. *Red.*

кого капитала при менее развитом производстве меньше. И наоборот. Поэтому при таком неразвитом производстве большая часть собственно денежного капитала находится в руках купцов, состояние которых таким образом противостоит другим как денежное состояние.

Скорость обращения денежного капитала, авансируемого купцом, зависит: 1) от скорости, с которой возобновляется процесс производства и различные процессы производства переплетаются один с другим; 2) от скорости потребления.

Для того чтобы купеческий капитал совершил только выше рассмотренный оборот, ему нет необходимости сначала покупать товары на всю величину его стоимости, а затем продавать их. Купец одновременно совершает обе эти операции. Его капитал разделяется в таком случае на две части. Одна состоит из товарного капитала, а другая — из денежного капитала. Он покупает в одном месте, превращая этим свои деньги в товар. Он продает в другом месте, превращая этим другую часть товарного капитала в деньги. С одной стороны, к нему возвращается его капитал как денежный капитал, тогда как, с другой стороны, к нему притекает товарный капитал. Чем больше часть, находящаяся в одной форме, тем меньше часть, существующая в другой форме. Эти части меняются своими местами и взаимно уравниваются. Если с употреблением денег как средства обращения соединяется употребление их как средства платежа и вырастающая отсюда система кредита, то денежная часть купеческого капитала еще более уменьшается по сравнению с размерами сделок, совершаемых этим купеческим капиталом. Если я покупаю вина на 3 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца и продаю это вино за наличные деньги до истечения 3 месяцев, то для этой сделки мне не придется авансировать ни гроша. В этом случае также вполне очевидно, что денежный капитал, фигурирующий здесь как купеческий капитал, есть не что иное, как сам промышленный капитал в своей форме денежного капитала, в процессе своего возвращения к самому себе в форме денег. (То обстоятельство, что производитель, продавший товар за 3 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца, может полученный при этом вексель, т. е. долговое обязательство, учесть у банкира, несколько не изменяет дела и не имеет никакого отношения к капиталу торговца товаром.) Если в этот промежуток времени рыночные цены товара понизятся, положим, на $\frac{1}{10}$, то купец не только не получит никакой прибыли, но вообще выручит только 2 700 ф. ст. вместо 3 000 фунтов стерлингов. Для расчета ему пришлось бы добавить 300 фунтов стерлингов. Эти 300 ф. ст. функционировали бы только в качестве резерва для выравнивания разницы в цене. Но то же самое относится и к производителю. Если бы он продавал сам, то при понижении цен он тоже потерял бы 300 ф. ст. и без резервного капитала не мог бы снова начать производство в прежнем масштабе.

Торговец холстом покупает у фабриканта холста на 3 000 фунтов стерлингов; фабрикант из этих 3 000 ф. ст. уплачивает, например, 2 000 при покупке пряжи; он покупает эту пряжу у торговца пряжей. Деньги, которыми фабрикант платит торговцу пряжей, это не деньги торговца холстом, потому что последний получил за них товар на такую же сумму. Это денежная форма его собственного капитала. В руках же торговца пряжей эти 2 000 ф. ст. являются возвратившимся к нему денежным капиталом; но в какой мере они являются таковым, в какой мере они отличны от тех 2 000 ф. ст., которые служат денежной формой, оставленной холстом и принятой пряжей? Если торговец пряжей купил в кредит и продал за наличные до истечения срока платежа, то в этих 2 000 ф. ст. не содержится ни гроша купеческого капитала, отличного от той денежной формы, которую принимает сам промышленный капитал в процессе своего кругооборота. Товарно-торговый капитал, поскольку он не является простой формой промышленного капитала, находящегося в виде товарного капитала или денежного капитала в руках купца, есть не что иное, как часть денежного капитала, которая принадлежит самому купцу и действует в области купли и продажи товаров. Эта часть в уменьшенном масштабе представляет часть капитала, авансированного для производства, которая постоянно должна была бы находиться в руках промышленников как денежный резерв, как покупательное средство и должна была бы постоянно обращаться как их денежный капитал. Эта часть в уменьшенном виде находится теперь в руках капиталистов-купцов, постоянно функционируя как таковая в процессе обращения. Это — часть совокупного капитала, которая, если оставить в стороне долю, расходуемую как доход, должна постоянно обращаться на рынке как покупательное средство для того, чтобы поддерживать непрерывность процесса воспроизводства. По отношению к совокупному капиталу она тем меньше, чем быстрее совершается процесс воспроизводства и чем более развита функция денег как средства платежа, т. е. чем более развита кредитная система.³⁸⁾

38) Чтобы иметь основание для классификации купеческого капитала как производительного капитала, Рамсей отождествляет его с транспортной промышленностью и называет торговлю «the transport of commodities from one place to another» [«транспортировкой товаров из одного места в другое»] (*An Essay on the Distribution of Wealth* [Edinburgh, 1836], p. 19). Такое же отождествление встречается уже у *Beppu* («*Meditazione sulla Economia Politica*» [в издании *Custodi: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica*», Parte moderna, t. XV, p. 32], § 4) и *Сая* («*Traité d'Economie Politique*» [t. I, Paris, 1817, p. 14—15]). В своих «*Elements of Political Economy*» (Andover and New York, 1835) С. Ф. Ньюмен говорит: «При существующем экономическом устройстве общества тот акт, который совершает купец, стоящий между производителем и потребителем, авансируя первому капитал, получая в обмен за него продукты и передавая эти самые продукты последнему, причем он получает обратно капитал, — этот акт есть сделка, облегчающая экономический процесс общества и присоединяющая стоимость к продукту, с которым совершен этот акт» (стр. 174). Таким образом благодаря посредничеству купца производитель и потребитель сберегают деньги и время. Выполнение такой услуги требует авансирования капитала и труда и должно быть оплачено, «потому что это присоединяет стои-

Купеческий капитал есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере обращения. Процесс обращения есть фаза всего процесса воспроизводства. Но в процессе обращения не производится никакой стоимости, а потому никакой прибавочной стоимости. В нем происходят лишь изменения формы одной и той же массы стоимости. В самом деле, здесь не совершается ничего иного, кроме метаморфоза товаров, который как таковой не имеет никакого отношения к созданию стоимости или к изменению стоимости. Если при продаже произведенного товара реализуется прибавочная стоимость, то это потому, что она уже имеется в нем; поэтому при втором акте, при обратном обмене денежного капитала на товар (на элементы производства), покупателем также не реализуется никакой прибавочной стоимости; посредством обмена денег на средства производства и рабочую силу только подготавливается производство прибавочной стоимости. Напротив. Поскольку такие метаморфозы требуют времени обращения, — времени, в течение которого капитал вообще ничего не производит, а следовательно не производит и прибавочной стоимости, — время это задерживает создание стоимости, и прибавочная стоимость, выраженная в виде нормы прибыли, будет стоять как раз в обратном отношении к продолжительности времени обращения. Следовательно, купеческий капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, т. е. непосредственно он их не создает. Поскольку он содействует сокращению времени обращения, он косвенным образом может содействовать увеличению прибавочной стоимости, производимой промышленным капиталистом. Поскольку он содействует расширению рынка и опосредствует разделение труда между капиталами, следовательно, дает капиталу возможность работать в более крупном масштабе, его функция повышает производительность промышленного капитала и способствует его накоплению. Поскольку он сокращает время обращения, он повышает отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, следовательно норму прибыли. Поскольку он уменьшает ту часть капитала, которая должна постоянно оставаться в сфере обращения как денежный капитал, он увеличивает часть капитала, применяемую непосредственно в производстве.

мость к продуктам, так как те же самые продукты имеют большую стоимость в руках потребителя, чем в руках производителя». И таким образом торговля кажется ему совершенно так же, как г-ну Сэю, «strictly an act of production» [«в буквальном смысле слова актом производства»] (стр. 175). Этот взгляд Ньюмена совершенно ошибочен. Потребительная стоимость товара в руках потребителя больше, чем в руках производителя, потому что она вообще только здесь реализуется. Ведь потребительная стоимость товара реализуется, начинает выполнять свою функцию лишь после того, как товар перешел в сферу потребления. В руках производителя она существует лишь в потенциальной форме. Но один и тот же товар не оплачивают дважды: сначала его меновую стоимость, а затем еще, кроме того, его потребительную стоимость. Оплачивая его меновую стоимость, я тем самым присваиваю его потребительную стоимость. И от того, что товар переходит из рук производителя или посредника в руки потребителя, не происходит ни малейшего прироста меновой стоимости (133).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ТОРГОВАЯ ПРИБЫЛЬ

В «Капитале», кн. II мы видели, что чистые функции капитала в сфере обращения — операции, которые должен предпринять промышленный капиталист, во-первых, чтобы реализовать стоимость своих товаров, а во-вторых, чтобы эту стоимость снова превратить в элементы производства товара, операции, которые опосредствуют метаморфозы товарного капитала $T' - D - T$, следовательно, акты продажи и купли, — не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Наоборот, оказалось, что требующееся для них время ставит границы для создания стоимости и прибавочной стоимости объективно по отношению к товарам и субъективно по отношению к капиталистам. Что касается метаморфоза самого товарного капитала, то, конечно, ничего не изменится от того, что часть его принимает вид товарно-торгового капитала, или от того, что операции, которые опосредствуют метаморфоз товарного капитала, являются особым занятием особого подразделения капиталистов или исключительной функцией части денежного капитала. Если продажа и купля товаров, — а к этому и сводится метаморфоз товарного капитала $T' - D - T$, — производимые самими промышленными капиталистами, представляют собой операции, не создающие никакой стоимости или прибавочной стоимости, то они не могут создавать их и в том случае, если продажа и купля товаров будут производиться не этими, а другими лицами. Далее, если часть совокупного общественного капитала, которая постоянно должна иметься в распоряжении как денежный капитал, чтобы процесс воспроизводства не прерывался процессом обращения, а продолжался безостановочно, — если этот денежный капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, то он не может приобрести этого свойства создавать стоимость и прибавочную стоимость от того, что для отправления своих функций он постоянно пускается в обращение не промышленными капиталистами, а капиталистами другого подразделения. Насколько купеческий капитал может быть

косвенно производительным, об этом уже было упомянуто, и впоследствии это будет исследовано подробнее.

Итак, товарно-торговый капитал, — если отбросить все различные функции, которые могут быть с ним связаны, как хранение товаров, отправка их, перевозка, группировка, разборка, и ограничиться его истинной функцией купли ради продажи, — не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, а только опосредствует их реализацию и тем самым одновременно опосредствует действительный обмен товаров, их переход из одних рук в другие, общественный обмен веществ. Тем не менее, так как фаза обращения промышленного капитала точно так же составляет фазу процесса воспроизводства, как и производство, то капитал, самостоятельно функционирующий в процессе обращения, должен точно так же приносить среднюю годовую прибыль, как и капитал, функционирующий в различных отраслях производства. Если бы купеческий капитал приносил в процентном отношении более высокую среднюю прибыль, чем промышленный капитал, то часть промышленного капитала превратилась бы в купеческий капитал. Если бы он приносил более низкую среднюю прибыль, то имел бы место обратный процесс. Часть купеческого капитала превратилась бы в промышленный капитал. Ни один вид капитала не может изменять своего назначения, своей функции с большей легкостью, чем купеческий капитал.

Так как сам купеческий капитал не производит прибавочной стоимости, то ясно, что прибавочная стоимость, приходящаяся на его долю в форме средней прибыли, составляет часть прибавочной стоимости, произведенной всем производительным капиталом. Но теперь вопрос заключается в следующем: каким образом купеческий капитал притягивает к себе достаемую на его долю часть произведенной производительным капиталом прибавочной стоимости, или прибыли?¹³⁴

Это только внешняя видимость, будто торговая прибыль есть простая надбавка, номинальное повышение цены товаров выше их стоимости.

Ясно, что купец может извлекать свою прибыль только из цены продаваемых им товаров, и еще более ясно, что эта прибыль, получаемая им при продаже своих товаров, должна равняться разнице между его покупной ценой и его продажной ценой, равняться избытку, на который последняя превышает первую.

Возможны случаи, когда после покупки товара и до его продажи в него войдут дополнительные издержки (издержки обращения), но точно так же возможны случаи, когда этого не бывает. Если такие издержки имеют место, то ясно, что превышение продажной цены над покупной ценой представляет не одну только прибыль. Чтобы упростить исследование, мы прежде всего предположим, что никаких таких издержек в товар не входит.

Для промышленного капиталиста разница между продажной и покупной ценой его товаров равна разнице между их ценой производства и издержками производства или, если рассматривать совокупный общественный капитал, равна разнице между стоимостью товаров и издержками их производства для капиталистов, что, в свою очередь, сводится к разнице между всем количеством опредмеченного в них труда и количеством опредмеченного в них оплаченного труда. Товары, купленные промышленным капиталистом, прежде чем они снова будут выброшены на рынок как товары, готовые для продажи, проходят процесс производства, в котором только и производится составная часть их цены, реализуемая впоследствии как прибыль. Иначе все обстоит у торговца товарами. Товары находятся в его руках только до тех пор, пока они находятся в процессе своего обращения. Он только продолжает их продажу, начатую производителем капиталистом, продолжает реализацию их цены и потому не подвергает их никакому промежуточному процессу, в котором они снова могли бы всасывать прибавочную стоимость. В то время как промышленный капиталист в обращении лишь реализует ранее произведенную прибавочную стоимость, или прибыль, купец, напротив, должен в обращении и посредством обращения не только реализовать свою прибыль, но сначала создать ее. Кажется, будто это возможно только при том условии, что товары, проданные ему промышленным капиталистом по их ценам производства, или, — если рассматривать совокупный товарный капитал, — по их стоимостям, он продает дороже их цен производства, делает номинальную надбавку к их ценам, следовательно, — если рассматривать совокупный товарный капитал, — продает их выше их стоимости и кладет себе в карман этот избыток их номинальной стоимости над их реальной стоимостью, — словом, продает их дороже, чем они стоят.

Понять эту форму надбавки очень легко. Например, один аршин холста стоит 2 шиллинга. Если мне надо при перепродаже получить 10% прибыли, то я должен накинуть на цену $1\frac{1}{10}$, следовательно, продавать аршин по 2 шилл. $2\frac{2}{5}$ пенса. Разница между его действительной ценой производства и его продажной ценой в таком случае = $2\frac{2}{5}$ пенса, а это на 2 шилл. составляет прибыль в 10%. Фактически я продаю в таком случае покупателю аршин холста по такой цене, которая в действительности есть цена $1\frac{1}{10}$ аршина. Или, что сводится к тому же самому: это совершенно все равно, как если бы я продавал покупателю за 2 шилл. только $\frac{10}{11}$ аршина, а $\frac{1}{11}$ удерживал у себя. Действительно, на $2\frac{2}{5}$ пенса я могу снова купить $\frac{1}{11}$ аршина, считая по 2 шилл. $2\frac{2}{5}$ пенса за аршин. Следовательно, это было бы только окольным путем для того, чтобы посредством номинального повышения цены товаров получить долю в прибавочной стоимости и в прибавочном продукте.

Это — реализация торговой прибыли путем надбавки к цене товаров, как она представляется на первый взгляд. И в самом деле, все представление о происхождении прибыли от номинального повышения цены товаров или от продажи их выше их стоимости возникло из наблюдений над торговым капиталом.

Однако если подойти к вопросу ближе, то скоро обнаруживается, что это — простая видимость и что если предполагать капиталистический способ производства господствующим, то торговая прибыль реализуется не таким способом. (Здесь речь идет всегда только о средних, а не об отдельных случаях.) Почему мы полагаем, что торговец товарами может реализовать прибыль на свои товары, скажем, в 10%, лишь продавая их на 10% выше их цены производства? Потому что мы предположили, что производитель этих товаров, промышленный капиталист (который, как олицетворение промышленного капитала, по отношению к внешнему миру всегда фигурирует в качестве «производителя»), продал их купцу по их цене производства. Если покупные цены товаров, уплаченные торговцем товарами, равны их ценам производства, в конечном счете, равны их стоимостям, так что, следовательно, цена производства, а в конечном счете стоимость товаров, представляет для купца издержки производства, то в действительности избыток его продажной цены над его покупной ценой, — а только эта разница между ценами и образует источник его прибыли, — должен быть избытком их торговой цены над их ценой производства, и в конечном счете купец должен продавать все товары выше их стоимости. Но почему же было предположено, что промышленный капиталист продает купцу товары по их цене производства? Или, вернее сказать, что имелось в виду при таком предположении? То, что торговый капитал (здесь мы имеем с ним дело еще только как с товарно-торговым капиталом) не участвует в образовании общей нормы прибыли. При исследовании общей нормы прибыли мы необходимо исходили из такого предположения, во-первых, потому что торговый капитал как таковой тогда для нас еще не существовал; а во-вторых, потому что среднюю прибыль, а следовательно и общую норму прибыли, необходимо было сначала исследовать как выравнивание прибылей, или прибавочных стоимостей, которые действительно производятся промышленными капиталами различных сфер производства. Напротив, в купеческом капитале мы имеем дело с таким капиталом, который участвует в прибыли, не участвуя в ее производстве. Следовательно, нам необходимо теперь дополнить прежнее изложение.

Предположим, что весь промышленный капитал, авансированный в продолжение года, $= 720_c + 180_v = 900$ (например, миллионом фунтов стерлингов), а $m' = 100\%$. Следовательно, продукт $= 720_c + 180_v + 180_m$. Если мы затем обозначим этот продукт, или произведенный товарный капитал, через T , то его

стоимость, или цена производства (так как для всей совокупности товаров они совпадают), $= 1\ 080$, а норма прибыли для всего капитала в $900 = 20\%$. Согласно вышеизложенному, эти 20% представляют собой среднюю норму прибыли, так как прибавочная стоимость здесь вычисляется не на тот или иной капитал особого строения, а на весь промышленный капитал с его средним строением. Итак, $T = 1\ 080$ и норма прибыли $= 20\%$. Но теперь мы предположим, что к этим 900 ф. ст. промышленного капитала присоединяется еще 100 ф. ст. купеческого капитала, который *pro rata* * своей величине имеет такую же долю в прибыли, как и тот. Согласно предположению, купеческий капитал составляет $\frac{1}{10}$ совокупного капитала в $1\ 000$. Следовательно, из совокупной прибавочной стоимости в 180 на его долю приходится $\frac{1}{10}$, и таким образом он получает прибыль по норме 18% . Значит прибыль, подлежащая распределению между остальными $\frac{9}{10}$ всего совокупного капитала, фактически равняется уже только 162 , или на капитал в 900 она тоже $= 18\%$. Таким образом цена, по которой владельцы промышленного капитала в 900 продают T торговцам товарами, $= 720_c + 180_v + 162_m = 1\ 062$. Следовательно, если купец надбавит на свой капитал в 100 среднюю прибыль в 18 , то он продает товары за $1\ 062 + 18 = 1\ 080$, т. е. по их цене производства, или — если рассматривать весь товарный капитал, — по их стоимости, хотя он добывает свою прибыль только в обращении и через обращение и только таким путем, что цена, по которой он продает, превышает цену, по которой он покупает. Но все же он продает товары не выше их стоимости, или не выше их цены производства, как раз потому, что он купил их у промышленного капиталиста ниже их стоимости, или ниже их цены производства.

Итак, купеческий капитал определяющим образом участвует в образовании общей нормы прибыли *pro rata* той доле, какую он составляет от совокупного капитала. Следовательно, если мы в данном случае говорим: средняя норма прибыли $= 18\%$, то она была бы $= 20\%$, если бы $\frac{1}{10}$ совокупного капитала не составлял купеческий капитал и если бы вследствие этого общая норма прибыли не понизилась на $\frac{1}{10}$. Вместе с тем появляется более точное, ограничительное определение цены производства. Под ценой производства, как и выше, следует понимать цену товара $=$ его издержкам (стоимости содержащегося в нем постоянного и переменного капитала) $+$ средняя прибыль на них. Но эта средняя прибыль определяется теперь иначе. Она определяется всей прибылью, которую производит весь производительный капитал; но она исчисляется не только на весь этот производительный капитал, так что, если он по-прежнему был бы $= 900$, а прибыль $= 180$, то средняя норма прибыли была бы $= \frac{180}{900} = 20\%$, а на весь производитель-

* — пропорционально. *Ред.*

ный капитал + торговый капитал, так что если имеется 900 производительного и 100 торгового капитала, то средняя норма прибыли $= \frac{180}{1\,000} = 18\%$. Следовательно, цена производства $= k$ (издержкам) + 18, а не $k + 20$. В средней норме прибыли уже учтена часть всей прибыли, приходящаяся на долю торгового капитала. Поэтому действительная стоимость, или цена производства, всего товарного капитала $= k + p + h$ (где h означает торговую прибыль). Следовательно, цена производства, или та цена, по которой продает промышленный капиталист как таковой, ниже, чем действительная цена производства товара; или, если рассматривать всю совокупность товаров, то цены, по которым продает их класс промышленных капиталистов, ниже их стоимостей. Таким образом в вышеприведенном примере: 900 (издержки) + 18% на 900, или $900 + 162 = 1\,062$. Купец же, продавая товар, стоящий ему 100, за 118, конечно, накидывает 18%; но так как товар, купленный им за 100, стоит 118, то таким образом он продает его не выше его стоимости. Мы будем употреблять выражение цена производства в вышеизложенном более точном смысле. В таком случае ясно, что прибыль промышленного капиталиста равна избытку цены производства товара над его издержками производства и что в отличие от этой промышленной прибыли торговая прибыль равна избытку продажной цены над ценой производства товара, которая для купца является его покупной ценой; но ясно, что действительная цена товара $=$ его цене производства + купеческая (торговая) прибыль. Подобно тому, как промышленный капитал только потому реализует прибыль, что она как прибавочная стоимость уже заключается в стоимости товара, так и торговый капитал только потому реализует ее, что не вся прибавочная стоимость, или прибыль, была реализована промышленным капиталом в цене товара³⁹⁾. Таким образом цена, по которой купец продает, выше той, по которой он покупает, не потому, что первая выше всей стоимости, но потому, что вторая ниже ее.

Итак, купеческий капитал участвует в выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль, хотя и не участвует в производстве этой прибавочной стоимости. Поэтому общая норма прибыли уже содержит в себе вычет из прибавочной стоимости, приходящийся на долю купеческого капитала, т. е. вычет из прибыли промышленного капитала.

Из вышеизложенного следует:

1) Чем больше купеческий капитал по сравнению с промышленным капиталом, тем меньше норма промышленной прибыли, и обратно.

³⁹⁾ John Bellers [Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality, London, 1699, p. 10].

2) Если в первом отделе оказалось, что норма прибыли всегда выражается меньшей величиной, чем норма действительной прибавочной стоимости, т. е. всегда показывает степень эксплуатации труда слишком низкой, — например, в вышеприведенном случае $720_c + 180_v + 180_m$ норма прибавочной стоимости в 100% выражается как норма прибыли только в 20%, — то эти величины расходятся еще больше, поскольку сама средняя норма прибыли, если учесть долю, приходящуюся на купеческий капитал, в свою очередь, представляется меньше, — в нашем случае 18% вместо 20%. Следовательно, средняя норма прибыли непосредственно эксплуатирующего капиталиста выражает норму прибыли преуменьшенной по сравнению с той, какой она является в действительности.

При прочих равных условиях относительная величина купеческого капитала стоит в обратном отношении к скорости его оборота, следовательно, в обратном отношении к энергии процесса воспроизводства вообще (однако капитал мелких торговцев — промежуточного слоя торговцев [Zwittergattung] — составляет исключение). В ходе научного анализа в качестве исходного пункта образования общей нормы прибыли принимаются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация благодаря посредничеству купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс воспроизводства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части совокупного капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства.

При дополнительном выравнивании прибылей вследствие вмешательства купеческого капитала оказалось, что в стоимость товара не входит никакого добавочного элемента на авансированный купцом денежный капитал, что надбавка к цене, благодаря которой купец получает свою прибыль, равна только той части стоимости товара, которую производительный капитал не причислил к цене производства товара, равна той части, которой он поступился. С этим денежным капиталом дело обстоит именно так, как с основным капиталом промышленного капиталиста, поскольку он не потреблен, поскольку, следовательно, его стоимость не составляет никакого элемента стоимости товара. Именно в той цене, по которой он покупает товарный капитал, он возмещает деньгами цену его производства = D . Цена, по которой он продает, как было пока-

зано выше, $= D + \Delta D$, причем ΔD выражает прибавку к цене товара, определяемую общей нормой прибыли. Следовательно, если купец продает товар, то к нему возвращается кроме ΔD первоначальный денежный капитал, авансированный им на покупку товаров. При этом снова обнаруживается, что его денежный капитал вообще есть не что иное, как превращенный в денежный капитал товарный капитал промышленного капиталиста, капитал, который так же мало может влиять на величину стоимости этого товарного капитала, как если бы последний продавался не купцу, а непосредственно окончательному потребителю. Фактически он только предвосхищает оплату товара этим последним. Однако это справедливо только в том случае, если, как это мы до сих пор предполагали, купец не делает никаких издержек или если в процессе метаморфоза товаров, купли и продажи, ему не приходится авансировать никакого иного капитала, ни основного, ни оборотного, кроме того денежного капитала, который он должен авансировать для того, чтобы купить товар у производителя. Однако, как мы это видели при рассмотрении издержек обращения («Капитал», кн. II, гл. VI), это не так. И эти издержки обращения являются отчасти такими, которые купец может потребовать от других агентов обращения, отчасти такими, которые непосредственно связаны с его специфическим предприятием.

Какого бы рода ни были эти издержки обращения, свойственны ли они чисто купеческому предприятию как таковому, следовательно, принадлежит к специфическим издержкам обращения купца, или же они представляют расходы, обусловленные дополнительными процессами производства, совершающимися во время процесса обращения, каковы: отправка, перевозка, хранение и пр., они постоянно предполагают, что купцом, кроме денежного капитала, авансированного на покупку товаров, авансирован дополнительный капитал на покупку и оплату этих средств обращения. Поскольку этот элемент издержек состоит из оборотного капитала, он как дополнительный элемент входит целиком в продажную цену товаров; поскольку он состоит из основного капитала, он входит в нее как дополнительный элемент по мере своего износа; но он входит в нее и как элемент, образующий номинальную стоимость, даже если он, как чисто купеческие издержки обращения, не образует никакого действительного дополнения к стоимости товара. Но весь этот дополнительный капитал, будет ли он оборотным или основным, участвует в образовании общей нормы прибыли.

Чисто купеческие издержки обращения (следовательно, за исключением издержек на отставку, перевозку, хранение и пр.) сводятся к издержкам, необходимым для реализации стоимости товара, для превращения ее из товара в деньги или из денег в товар, для опосредствования обмена между ними. При этом мы совершенно оставляем в стороне процессы производства, которые могут про-

должаться в течение акта обращения и от которых купеческое предприятие может существовать совершенно обособленным. Подобно тому, как, например, действительный транспорт и отправка товаров фактически могут представлять и представляют собой отрасли хозяйства, совершенно отличные от торговли, точно так же и товары, подлежащие купле и продаже, могут лежать в доках и других общественных помещениях, причем вытекающие из этого издержки, поскольку купцу приходится их авансировать, начисляются на него третьими лицами. Все это имеет место в собственно оптовой торговле, где купеческий капитал проявляется в наиболее чистом виде и в наименьшей степени переплетается с другими функциями. Хозяин извозного предприятия, управляющий железной дорогой, судовладелец — не «купцы». Издержки, которые мы здесь рассматриваем, это издержки купли и продажи. Уже ранее мы отметили, что они сводятся к расчетам, ведению бухгалтерского учета, рыночным расходам, расходам на корреспонденцию и пр. Необходимый для этого постоянный капитал заключается в конторах, бумагах, почтовых знаках и пр. Другие издержки сводятся к переменному капиталу, который авансируется на наем торговых рабочих. (Экспедиционные расходы, транспортные издержки, таможенные пошлины и т. п. отчасти можно рассматривать таким образом, как будто купец авансировал их на покупку товаров, и потому для него они входят в покупную цену.)

Все такие издержки делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения. Они входят не в непосредственный процесс производства, а в процесс обращения, а потому в совокупный процесс воспроизводства.

Нас здесь интересует единственно та часть этих издержек, которая расходуется на переменный капитал. (Кроме того, необходимо было бы исследовать: во-первых, каким образом сохраняет свое значение для процесса обращения закон, согласно которому в стоимость товара входит только необходимый труд? Во-вторых, как проявляется накопление при купеческом капитале? В-третьих, как функционирует купеческий капитал в действительном общественном процессе воспроизводства, взятом в целом?)

Эти издержки обуславливаются экономической формой продукта как товара.

Если рабочее время, которое промышленные капиталисты теряют сами, продавая свои товары непосредственно один другому, — следовательно, говоря объективно, время обращения товаров, — не присоединяет никакой стоимости к этим товарам, то ясно, что это рабочее время не получает иного характера вследствие того, что вместо промышленного капиталиста оно приходится на долю купца. Превращение товара (продукта) в деньги и денег в товар (в средства производства) составляет необходимую функцию про-

мышленного капитала и, следовательно, необходимую операцию капиталиста, который в действительности представляет собой только персонифицированный капитал, одаренный собственным сознанием и волей. Но эти функции не увеличивают стоимости и не создают прибавочной стоимости. Совершая такие операции или продолжая выполнять функции капитала в сфере обращения после того, как их перестал выполнять производительный капиталист, купец лишь заменяет промышленного капиталиста. Рабочее время, требующееся для этих операций, употребляется на необходимые операции в процессе воспроизводства капитала, но оно не присоединяет никакой стоимости. Если бы купец не выполнял этих операций (следовательно и не затрачивал бы требующегося для них рабочего времени), то он не употреблял бы своего капитала в качестве агента обращения промышленного капитала; он не продолжал бы функции, прерванной промышленным капиталистом, и потому не принимал бы в качестве капиталиста участия *pro rata* авансированному им капиталу в той массе прибыли, которая производится всем классом промышленных капиталистов. Поэтому для того чтобы иметь долю в общей массе прибавочной стоимости, чтобы авансированная им сумма возрастала в своей стоимости как капитал, торговому капиталисту нет необходимости применять наемных рабочих. Если его предприятие и его капитал незначительны, он сам может быть единственным работником в своем собственном предприятии. Он оплачивается частью прибыли, возникающей из разницы между покупной ценой товаров и их действительной ценой производства.

Но, с другой стороны, при небольшом размере капитала, авансированного купцом, реализуемая им прибыль может быть несколько не больше, или даже меньше, заработной платы лучше оплачиваемого квалифицированного наемного рабочего. В самом деле, наряду с ним функционируют непосредственные торговые агенты производительного капиталиста, закупщики, продавцы, коммивояжеры, получающие столько же или больше дохода, в форме ли заработной платы или в форме отчислений от прибыли с каждой продажи (комиссионные, тантьемы). В первом случае купец получает торговую прибыль как самостоятельный капиталист; во втором случае приказчику, наемному рабочему промышленного капиталиста, выплачивается часть прибыли в форме ли заработной платы или в форме соответствующего отчисления от прибыли того промышленного капиталиста, непосредственным агентом которого он является, и в этом случае его хозяин кладет себе в карман как промышленную, так и торговую прибыль. Но хотя самому агенту обращения его доход может представляться простой заработной платой, платой за выполненный им труд, и хотя там, где он не представляется в таком виде, величина его прибыли может равняться лишь заработной плате лучше оплачиваемого рабочего, однако во

всех этих случаях источником его дохода служит лишь торговая прибыль. Это происходит от того, что его труд не есть труд, создающий стоимость.

Увеличение продолжительности операции обращения представляет для промышленного капиталиста 1) его личную потерю времени, поскольку это мешает ему выполнять свою функцию управляющего самим процессом производства; 2) более продолжительное пребывание его продукта, в денежной или товарной форме, в процессе обращения, следовательно в таком процессе, где не происходит возрастания стоимости этого продукта и где непосредственный процесс производства прерывается. Чтобы последний не прерывался, приходится сокращать производство или, — чтобы процесс производства продолжался постоянно в прежнем масштабе, — авансировать дополнительный денежный капитал. Это каждый раз сводится к тому, что или при прежнем капитале получается меньшая прибыль или приходится авансировать дополнительный денежный капитал, чтобы получить прежнюю прибыль. Все это несколько не изменяется, если на место промышленного капиталиста становится купец. Вместо того чтобы первый затрачивал дополнительное время на процесс обращения, его затрачивает купец; вместо того чтобы промышленник авансировал на обращение дополнительный капитал, его авансирует купец; или, — что то же самое, — вместо того чтобы значительная часть промышленного капитала постоянно находилась в процессе обращения, в этом процессе сосредоточивается исключительно капитал купца; и вместо того чтобы промышленный капиталист производил меньшую прибыль, ему приходится часть своей прибыли уступать купцу. Поскольку купеческий капитал не превышает необходимых пределов, то вследствие такого разделения функций капитала употребляется меньше времени на самый процесс обращения, авансируется на него меньше дополнительного капитала, и потеря на общем количестве прибыли, выражающаяся в форме торговой прибыли, меньше, чем была бы она в противном случае. Если в приведенном выше примере капитал $720_c + 180_r + 180_m$, при существовании наряду с ним купеческого капитала в 100, дает промышленному капиталисту прибыль в 162, или 18%, следовательно, прибыль убавляется на 18, то без такого обособления купеческого капитала необходимый дополнительный капитал достигал бы, может быть, 200, и в таком случае вся сумма, авансированная промышленным капиталистом, составляла бы 1 100 вместо 900, следовательно, при прибавочной стоимости в 180 норма прибыли была бы только $16\frac{4}{11}\%$.

Если промышленный капиталист, являющийся по отношению к самому себе и купцом, кроме дополнительного капитала, на который он покупает новый товар, прежде чем его продукт, находящийся в обращении, превратится в деньги, авансировал еще

капитал (на конторские расходы и на заработную плату торговым рабочим) для реализации стоимости своего товарного капитала, следовательно на процесс обращения, то эти расходы хотя и образуют дополнительный капитал, но они не создают прибавочной стоимости. Они должны быть возмещены из стоимости товаров; некоторая часть стоимости этих товаров должна быть снова превращена в эти издержки обращения; но никакой дополнительной прибавочной стоимости от этого не образуется. По отношению к совокупному капиталу общества это фактически сводится к тому, что часть его требуется для второстепенных операций, не входящих в процесс увеличения стоимости, и что эта часть общественного капитала постоянно должна воспроизводиться для этих целей. Вследствие этого уменьшается норма прибыли для отдельных капиталистов и для всего класса промышленных капиталистов, т. е. получается результат, который следует из всякого присоединения дополнительного капитала, поскольку это требуется, чтобы привести в движение прежнюю массу переменного капитала.

Это уменьшение нормы прибыли, только в меньшей степени и иным путем, происходит также, поскольку торговый капиталист избавляет промышленного капиталиста от этих связанных с самим обращением дополнительных издержек. Дело представляется теперь таким образом, что купец авансирует капитала больше, чем требовалось бы, если бы этих издержек не существовало, и что прибыль на этот дополнительный капитал повышает сумму торговой прибыли; следовательно, купеческий капитал в большем размере участвует вместе с промышленным капиталом в выравнивании средней нормы прибыли, т. е. средняя прибыль понижается. Если в нашем прежнем примере кроме 100 единиц купеческого капитала авансируется еще 50 дополнительного капитала на те издержки, о которых идет речь, то общая сумма прибавочной стоимости в 180 распределяется в таком случае на производительный капитал в 900 плюс купеческий капитал в 150, итого $= 1\ 050$. Следовательно, средняя норма прибыли понижается до $17\frac{1}{7}\%$. Промышленный капиталист продает товары купцу за $900 + 154\frac{2}{7} = 1\ 054\frac{2}{7}$, а купец продает их за $1\ 130$ ($1\ 080 + 50$ на те издержки, которые он опять должен возместить). Впрочем, следует признать, что с разделением капитала на купеческий и промышленный связана централизация торговых издержек и вследствие этого их сокращение.

Теперь спрашивается: как обстоит дело с торговыми наемными рабочими, занятыми у торгового капиталиста, в нашем случае у торговца товарами?

С одной стороны, такой торговый рабочий совершенно такой же наемный рабочий, как и всякий другой. Во-первых, поскольку его труд покупается на переменный капитал купца, а не на те деньги, которые расходуются как доход, следовательно, покупается не для

личных услуг, а в целях увеличения стоимости капитала, авансированного купцом. Во-вторых, поскольку стоимость его рабочей силы и, следовательно, его заработная плата, определяется, как и у всех других наемных рабочих, издержками производства и воспроизводства его специфической рабочей силы, а не продуктом его труда.

Но между ним и рабочими, непосредственно занятыми промышленным капиталом, имеется такое же различие, какое существует между промышленным капиталом и торговым капиталом, а потому между промышленным капиталистом и купцом. Так как купец как простой агент обращения не производит ни стоимости, ни прибавочной стоимости (потому что добавочная стоимость, которую он присоединяет к товарам посредством своих издержек, сводится лишь к добавлению ранее существовавшей стоимости, хотя здесь напрашивается вопрос, каким образом он удерживает, сберегает эту стоимость своего постоянного капитала), то и торговые рабочие, занятые у него исполнением таких же функций, не могут непосредственно создавать для него прибавочную стоимость. При этом, как и для производительных рабочих, мы предполагаем, что их заработная плата определяется стоимостью рабочей силы, следовательно, купец не обогащается вычетами из заработной платы, т. е. он не включает в счет своих издержек сумму, на которую он недооплачивает труд, другими словами, он обогащается не тем, что надувает своих приказчиков и пр.

По отношению к торговым наемным рабочим затруднение состоит вовсе не в том, чтобы объяснить, каким образом они производят прибыль непосредственно для своих хозяев, хотя и не производят непосредственно прибавочной стоимости (лишь превращенной формой которой является прибыль). Этот вопрос фактически уже разрешен общим анализом торговой прибыли. Совершенно так же, как промышленный капитал получает прибыль благодаря тому, что он продает заключающийся и реализованный в товарах труд, за который он не заплатил никакого эквивалента, так и торговый капитал получает ее благодаря тому, что он оплачивает промышленному капиталу не весь неоплаченный труд, заключающийся в товаре (в товаре, поскольку капитал, затраченный на его производство, функционирует как соответственная часть всего промышленного капитала), а при продаже товаров, напротив, заставляет заплатить себе еще и за эту заключающуюся в товарах и не оплаченную им часть. Отношение купеческого капитала к прибавочной стоимости иное, чем отношение к ней промышленного капитала. Последний производит прибавочную стоимость путем непосредственного присвоения неоплаченного чужого труда. Первый присваивает себе часть этой прибавочной стоимости, заставляя промышленный капитал уступить ему эту часть.

Лишь посредством своей функции — реализации стоимостей — торговый капитал функционирует в процессе воспроизводства как

капитал, а потому как функционирующий капитал извлекает долю прибавочной стоимости, произведенной всем капиталом. Для каждого отдельного купца масса его прибыли зависит от массы капитала, которую он может употреблять на этот процесс, а он может употреблять на куплю и продажу тем больше, чем больше неоплаченный труд его приказчиков. Даже функцию, в силу которой его деньги являются капиталом, торговый капиталист по большей части заставляет выполнять своих рабочих. Хотя неоплаченный труд этих приказчиков не создает прибавочной стоимости, но он создает для него возможность присвоения прибавочной стоимости, что по своему результату представляет для этого капитала совершенно то же самое; следовательно, этот труд является для него источником прибыли. Иначе торговое предприятие невозможно было бы вести в крупных размерах, невозможно было бы вести капиталистически ¹³⁵.

Подобно тому, как неоплаченный труд рабочего непосредственно создает для производительного капитала прибавочную стоимость, неоплаченный труд торговых наемных рабочих создает для торгового капитала участие в этой прибавочной стоимости.

Затруднение заключается в следующем: если рабочее время и труд самого купца не являются трудом, создающим стоимость, хотя он и создает для купца участие в уже произведенной прибавочной стоимости, то как обстоит дело с тем переменным капиталом, который купец расходует на покупку торговой рабочей силы? Следует ли причислять этот переменный капитал как издержки к авансированному торговому капиталу? Если нет, то это как будто противоречит закону выравнивания нормы прибыли; какой капиталист стал бы авансировать 150, если бы он мог считать авансированным капиталом только 100? Если же следует, то это как будто противоречит сущности торгового капитала, так как капитал этого рода функционирует как капитал не благодаря тому, что он подобно промышленному капиталу приводит в движение чужой труд, а благодаря тому, что он сам работает, т. е. выполняет функции купли и продажи и именно лишь за это и благодаря этому переносит на себя часть прибавочной стоимости, произведенной промышленным капиталом.

(Итак, нам предстоит исследовать следующие вопросы: переменный капитал купца; закон необходимого труда в сфере обращения; каким образом труд купца сохраняет стоимость его постоянного капитала; роль купеческого капитала в процессе воспроизводства, взятом в целом; наконец, раздвоение на товарный капитал и денежный капитал, с одной стороны, и на товарно-торговый и денежно-торговый капитал, с другой.)

Если бы каждый купец располагал только таким количеством капитала, которое позволяло бы ему совершать обороты посредст-

вом исключительно своего собственного труда. то происходило бы бесконечное дробление купеческого капитала; это дробление должно было бы возрастать по мере увеличения с развитием капиталистического способа производства масштабов производства и операций производительного капитала. Следовательно, получилось бы возрастающее несоответствие между тем и другим. По мере централизации капитала в сфере производства совершалась бы децентрализация капитала в сфере обращения. Чисто купеческие операции промышленного капиталиста и вместе с тем его чисто купеческие расходы вследствие этого бесконечно увеличивались бы, так как ему пришлось бы иметь дело, например, с 1 000 купцов вместо 100. Тем самым утратилась бы большая часть выгоды от обособления купеческого капитала; кроме чисто купеческих, росли бы и другие издержки обращения: по сортировке, отправке и т. д. Это относится к промышленному капиталу. Рассмотрим теперь купеческий капитал. Во-первых, что касается чисто купеческих работ. В счетоводстве при больших числах не требуется больше времени, чем при малых. 10 покупок по 100 ф. ст. требуют в десять раз больше времени, чем одна покупка в 1 000 фунтов стерлингов. Корреспонденция, бумага, почтовые расходы обойдутся в десять раз дороже, если иметь дело с 10 мелкими купцами, чем если иметь дело с одним крупным. Строго очерченное разделение труда в коммерческом предприятии, где один ведет бухгалтерский учет, другой кассу, третий корреспондирует, тот покупает, этот продает, другой находится в разъездах и т. д., сберегает рабочее время в огромных количествах, так что число торговых рабочих, находящихся применение в оптовой торговле, не стоит ни в каком соответствии с относительной величиной предприятия. Это происходит оттого, что в торговле гораздо чаще, чем в промышленности, одна и та же функция требует одинакового рабочего времени независимо от того, выполняется ли она в большом или малом масштабе. Поэтому исторически концентрация в купеческом деле наступает раньше, чем в промышленной мастерской. Далее, расходы на постоянный капитал. 100 мелких контор стоят бесконечно дороже, чем одна большая; 100 мелких товарных складов — дороже, чем один большой, и т. д. Транспортные издержки, по крайней мере те, которые входят в число издержек, подлежащих авансированию, в купеческом предприятии возрастают вместе с дроблением.

Промышленный капиталист должен был бы затрачивать в торговой части своего предприятия больше труда и издержек обращения. Один и тот же купеческий капитал, если бы он был разделен между множеством мелких купцов, потребовал бы вследствие такой раздробленности гораздо больше рабочих для опосредствования своих функций, и, кроме того, потребовался бы более крупный купеческий капитал для обращения того же самого товарного капитала.

Если мы обозначим через B весь купеческий капитал, затраченный непосредственно на куплю и продажу товаров, а через b обозначим соответствующий переменный капитал, расходуемый на оплату вспомогательных торговых рабочих, то $B + b$ оказывается меньше, чем должен бы быть весь купеческий капитал B , если бы каждый купец обходился без помощников, т. е. если бы часть капитала не расходовалась на b . Однако мы все же еще не разрешили затруднения.

Продажная цена товаров должна быть достаточной, 1) чтобы оплатить среднюю прибыль на $B + b$. Это объясняется уже тем, что $B + b$ есть вообще сокращение первоначального B , представляет меньший купеческий капитал, чем тот, который был бы необходим без b . Но эта продажная цена должна быть достаточной, 2) чтобы, кроме дополнительно появляющейся теперь прибыли на b , возместить и выплаченную заработную плату, самый переменный капитал купца $= b$. Это последнее представляет затруднение. Образует ли b новую составную часть цены или оно есть только часть прибыли, полученной на $B + b$, часть, которая является заработной платой только по отношению к торговому рабочему, а по отношению к самому купцу представляет собой простое возмещение его переменного капитала? В последнем случае полученная купцом прибыль на затраченный им капитал $B + b$ была бы только равна прибыли, приходящейся соответственно общей норме на $(B + b)$, плюс b , причем последнее оплачивается купцом в форме заработной платы, но само не приносит никакой прибыли.

На деле задача сводится к тому, чтобы найти границы b (в математическом смысле). Прежде всего мы хотим точно установить, в чем заключается затруднение. Обозначим капитал, затраченный непосредственно на куплю и продажу товаров, через B , постоянный капитал, потребляемый при этой функции, через K (вещественные торговые издержки) и переменный капитал, расходуемый купцом, через b .

Возмещение B не представляет решительно никаких затруднений. Оно является только реализованной покупной ценой для купца или ценой производства для фабриканта. Купец платит эту цену, а при перепродаже он получает B обратно как часть своей продажной цены; кроме этого B он, как было объяснено выше, получает прибыль на B . Например, товар стоит 100 фунтов стерлингов. Прибыль на него пусть составляет 10%. Таким образом товар продается за 110. Уже раньше товар стоил 100; купеческий капитал в 100 прибавляет к нему только 10.

Далее, если мы возьмем K , то оказывается, что оно, самое большее, такой же величины, а в действительности меньше той части постоянного капитала, которую пришлось бы употребить для купли

и продажи производителю; но она составила бы тогда прибавку к тому постоянному капиталу, который употребляется производителем непосредственно в производстве. Тем не менее эта часть должна постоянно возмещаться из цены товара, или, что то же самое, соответственная часть товара должна постоянно расходоваться в этой форме, должна, если иметь в виду совокупный общественный капитал, постоянно воспроизводиться в этой форме. Эта часть авансируемого постоянного капитала так же ограничивающе влияла бы на норму прибыли, как и вся масса его, вложенная непосредственно в производство. Поскольку промышленный капиталист предоставляет торговую часть своего предприятия купцу, ему нет надобности авансировать эту часть капитала. Вместо него ее авансирует купец. Но это только номинально; купец не производит, не воспроизводит потребляемый им постоянный капитал (вещественные торговые издержки). Следовательно, производство последнего является особым видом предпринимательской деятельности или, по крайней мере, частью деятельности известных промышленных капиталистов, которые, таким образом, играют такую же роль, как промышленные капиталисты, доставляющие постоянный капитал тем, кто производит жизненные средства. Следовательно, купец получает, во-первых, возмещение этого капитала и, во-вторых, прибыль на него. Таким образом, вследствие того и другого происходит сокращение прибыли промышленного капиталиста. Но благодаря связанной с разделением труда концентрации и экономии она сокращается в меньшей мере, чем в том случае, если бы ему самому приходилось авансировать этот капитал. Сокращение нормы прибыли меньше, потому что меньше авансируемый таким образом капитал.

Итак, продажная цена состоит пока из $B + K +$ прибыль на $B + K$. После вышесказанного эта часть ее не представляет никаких затруднений. Но вот появляется b , или переменный капитал, авансируемый купцом.

Вследствие этого продажная цена превращается в $B + K + + b +$ прибыль на $B + K, +$ прибыль на b .

B возмещает только покупную цену, не присоединяя, однако, кроме прибыли на B , к этой цене никакой части. K присоединяет не только прибыль на K , но и самое K ; однако сумма $K +$ прибыль на K , т. е. часть издержек обращения, авансированная в форме постоянного капитала, плюс соответствующая средняя прибыль, была бы в руках промышленного капиталиста больше, чем в руках торгового капиталиста. Уменьшение средней прибыли проявляется так, что из полной средней прибыли, исчисленной на авансированный — без $B + K$ — промышленный капитал, вычитается и выплачивается купцу средняя прибыль на $B + K$ и, таким образом, этот вычет выступает в качестве прибыли особого капитала, купеческого капитала.

Но иначе обстоит дело с $b +$ прибыль на b , или в данном случае, где норма прибыли предполагается $= 10\%$, с $b + \frac{1}{10}b$. Здесь-то и кроется действительное затруднение.

Согласно предположению, купец покупает на b только торговый труд, т. е. труд, необходимый для опосредствования функций обращения капитала, для $T - D$ и $D - T$. Но торговый труд есть труд, вообще необходимый для того, чтобы капитал функционировал как купеческий капитал, чтобы он опосредствовал превращение товара в деньги и денег в товар. Это труд, реализующий стоимости, но не создающий никаких стоимостей. И лишь поскольку какой-нибудь капитал исполняет эти функции, — следовательно, поскольку какой-нибудь капиталист выполняет со своим капиталом эти операции, этот труд, — постольку этот капитал функционирует как купеческий капитал и принимает участие в регулировании общей нормы прибыли, т. е. извлекает свой дивиденд из общей прибыли. Но в $b +$ прибыль на b представляется оплаченным, во-первых, труд (потому что совершенно безразлично, платит ли промышленный капиталист купцу за его собственный труд или за труд приказчиков, оплачиваемых купцом) и, во-вторых, прибыль на сумму, уплаченную за тот труд, который должен был бы выполнить сам купец. Купеческий капитал получает обратно, во-первых, оплату b и, во-вторых, прибыль на него, следовательно, это происходит от того, что он, во-первых, заставляет заплатить себе за тот труд, благодаря которому он функционирует как *купеческий* капитал, а, во-вторых, он заставляет заплатить себе прибыль, потому что он функционирует как *капитал*, т. е. потому что он выполняет труд, который для него как функционирующего капитала оплачивается прибылью. Таков, следовательно, вопрос, который нам предстоит разрешить.

Предположим, что $B = 100$, $b = 10$ и норма прибыли $= 10\%$. Предположим, что $K = 0$, чтобы без надобности не вводить снова в расчет этот элемент покупной цены, который сюда не относится и с которым мы уже покончили. Таким образом, продажная цена была бы $= B + p + b + p(= B + Bp' + b + bp')$, где p' — норма прибыли) $= 100 + 10 + 10 + 1 = 121$.

Но если бы купец не расходовал b на заработную плату, — так как b уплачивается лишь за торговый труд, следовательно за труд, необходимый для реализации стоимости товарного капитала, выбрасываемого на рынок промышленным капиталом, — то дело обстоит бы таким образом: на то, чтобы купить или продать на $B = 100$, купец отдавал бы свое время, и мы предположим, что это все время, которым он располагает. Если бы торговый труд, представляемый b или 10 единицами, оплачивался не заработной платой, а прибылью, то он предполагал бы другой купеческий капитал $= 100$, так как 10% его $= b = 10$. Этот второй капитал $B = 100$ не входил бы дополнительно в цену товара, но 10% , конечно,

входили бы в нее. Поэтому были бы произведены две операции по 100, составляющие 200, чтобы купить товаров на $200 + 20 = 220$.

Так как купеческий капитал есть абсолютно не что иное, как обособившаяся форма части промышленного капитала, функционирующего в процессе обращения, то все относящиеся к нему вопросы должны разрешаться так, чтобы проблема ставилась прежде всего в такой форме, при которой свойственные купеческому капиталу явления представляются еще не самостоятельными, но стоящими в непосредственной связи с промышленным капиталом, как явления, свойственные разновидности этого капитала. Подобно конторе, в отличие ее от мастерской, торговый капитал постоянно функционирует в процессе обращения. Таким образом, именно здесь, в конторе самого промышленного капиталиста, и должно сначала исследовать интересующее нас b ¹³⁶.

Прежде всего эта контора всегда чрезвычайно мала по сравнению с промышленной мастерской. Впрочем, ясно, что по мере расширения размеров производства увеличиваются торговые операции, которые приходится постоянно совершать в процессе обращения промышленного капитала как для того, чтобы продать продукт, имеющийся в форме товарного капитала, так и для того, чтобы снова превратить в средства производства вырученные деньги и всему вести счет. Калькуляция цен, бухгалтерия, ведение кассы, корреспонденция — все это сюда относится. Чем шире размер производства, тем больше, хотя отнюдь не в соответствующей пропорции, торговые операции промышленного капитала, следовательно, тем больше труд и прочие издержки обращения для реализации стоимости и прибавочной стоимости. Вследствие этого становится необходимым применение наемных торговых рабочих, которые составляют собственно контору. Хотя расходы на них производятся в форме заработной платы, эти расходы отличаются от переменного капитала, который затрачивается на покупку производительного труда. Они увеличивают расходы промышленного капиталиста, массу авансируемого капитала, не увеличивая непосредственно прибавочной стоимости. Потому что они являются расходами на оплату труда, который употребляется только для реализации уже созданной стоимости. Как и всякий другой расход такого рода, этот расход тоже уменьшает норму прибыли, потому что возрастает авансированный капитал, но не возрастает прибавочная стоимость. Если прибавочная стоимость m остается неизменной, авансированный же капитал K возрастает до $K + \Delta K$, то вместо нормы прибыли $\frac{m}{K}$ получается меньшая норма прибыли $\frac{m}{K + \Delta K}$. Следовательно, промышленный капиталист старается свести до минимума эти издержки обращения совершенно так же, как и свои затраты на постоянный капитал. Поэтому отношение промышленного капитала к его торговым наемным рабочим не таково, как отношение к

его производительным наемным рабочим. При прочих равных условиях, чем больше он применяет последних, тем крупнее производство, тем больше прибавочная стоимость, или прибыль. И наоборот. Чем больше масштаб производства и чем больше подлежащая реализации стоимость, а потому и прибавочная стоимость, следовательно, чем больше произведенный товарный капитал, тем больше возрастают абсолютно, хотя и не относительно, конторские издержки и в тем большей мере они вызывают определенного рода разделение труда. В какой мере прибыль является предпосылкой таких расходов, это обнаруживается, между прочим, в том, что часто при увеличении жалования торговому служащим часть его уплачивается в виде отчислений определенного процента с прибыли. По существу дела, труд, заключающийся только в посреднических операциях, связанных отчасти с калькуляцией стоимостей, отчасти с их реализацией, отчасти с обратным превращением реализованных денег в средства производства, размер которых зависит, следовательно, от величины произведенных и подлежащих реализации стоимостей, — такой труд действует не как причина, подобно непосредственно производительному труду, а как следствие соответствующей величины и массы этих стоимостей. Подобным же образом обстоит дело и с другими издержками обращения. Для того чтобы много измерять, взвешивать, упаковывать, транспортировать, должно быть налицо много товаров; масса труда по упаковке, транспорту и т. п. зависит от массы товаров, объектов такой деятельности, а не наоборот.

Торговый рабочий непосредственно не производит прибавочной стоимости. Но цена его труда определяется стоимостью его рабочей силы, следовательно издержками ее производства, тогда как проявление этой рабочей силы в действии, ее напряжение, расходование и износ, как и у всякого другого наемного рабочего, отнюдь не ограничиваются ее стоимостью. Поэтому его заработная плата никак не пропорциональна массе прибыли, которую он помогает реализовать капиталисту. То, чего он стоит капиталисту, и то, что он ему приносит, — это различные величины. Он приносит ему прибыль не потому, что непосредственно создает прибавочную стоимость, а потому, что помогает уменьшать издержки реализации прибавочной стоимости, поскольку он выполняет отчасти неоплаченный труд. Собственно торговый рабочий принадлежит к лучше оплачиваемому классу наемных рабочих, к тем, труд которых есть квалифицированный труд, стоящий выше среднего труда. Между тем с прогрессом капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию понижаться даже по сравнению с заработной платой среднего труда¹³⁷. Отчасти это происходит вследствие разделения труда внутри конторы, при котором необходимым является лишь одностороннее развитие способности к труду и издержки производства такого развития отчасти ничего не

стоят капиталисту: искусство рабочего развивается самой функцией, и притом тем быстрее, чем одностороннее она становится с разделением труда. Во-вторых, вследствие того, что начальное образование, знание торговли и языков и т. д. с прогрессом науки и народного образования приобретаются все быстрее и легче, становятся все более общераспространенными, воспроизводятся тем дешевле, чем больше капиталистический способ производства направляет методы обучения и т. д. на практические цели. Распространение народного обучения позволяет вербовать этого рода рабочих из таких классов, которым раньше был закрыт доступ к этим профессиям, которые привыкли к сравнительно худшему образу жизни. К тому же оно увеличивает наплыв и вместе с тем конкуренцию. Поэтому, за некоторыми исключениями, с прогрессом капиталистического способа производства рабочая сила этих людей обесценивается; их заработная плата понижается, тогда как их способность к труду увеличивается. Капиталист увеличивает число таких рабочих в тех случаях, когда необходимо реализовать больше стоимости и прибыли. Увеличение такого труда постоянно является следствием, но отнюдь не причиной увеличения прибавочной стоимости^{39а)}.

Итак, происходит раздвоение. С одной стороны, функции капитала как товарного капитала и денежного капитала (а потому в дальнейшем определении как торгового капитала) суть общие определенные формы промышленного капитала. С другой стороны, особые капиталы, следовательно, особые категории капиталистов занимаются исключительно этими функциями, и таким образом эти функции становятся особыми сферами увеличения стоимости капитала¹³⁸.

Только в торговом капитале торговые функции и издержки обращения оказываются обособленными. Та сторона промышленного капитала, которой он соприкасается с обращением, существует не только в том, что сам он постоянно пребывает в форме товарного капитала и денежного капитала, но и в том, что наряду с мастерской имеется контора. Но в торговом капитале эта сторона обособляется. Контора представляет собой его единственную мастерскую. Часть капитала, употребляемая в форме издержек обращения, оказывается у оптового купца значительно большей, чем у промышленника, потому что, кроме собственной конторы, которая

^{39а)} Насколько оправдалось впоследствии это предвидение участия торгового пролетариата, данное в 1865 г., об этом могут порассказать сотни немецких приказчиков, которые, будучи весьма сведущи во всех торговых операциях и владея 3—4 языками, тщательно предлагают свои услуги в лондонском Сити по 25 шилл. в неделю, — значительно ниже оплаты квалифицированного слесаря. Пропуск в рукописи, занимающий две страницы, показывает, что предполагалось подробнее развить этот пункт. Впрочем, можно указать на «Капитал», кн. II, гл. VI («Издержки обращения»), стр. 105—113 [см. настоящее издание, т. 8, с. 128—134], где Маркс уже коснулся многого из того, что относится сюда. — Ф. Э.

находится при каждой промышленной мастерской, часть капитала, которую должен был бы употреблять таким образом весь класс промышленных капиталистов, концентрируется в руках отдельных купцов, которые, обеспечивая продолжение функций обращения, берут на себя вытекающие из этого издержки обращения¹³⁹.

Издержки обращения представляются промышленному капиталу и действительно являются непроизводительными издержками. Купцу они представляются источником его прибыли, которая, — если предположить общую норму прибыли, — находится в соответствии с их величиной. Поэтому расход, который приходится производить на эти издержки обращения, представляется торговому капиталу производительной затратой. Следовательно, и торговый труд, который он покупает, для него — непосредственно производительный труд¹⁴⁰.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ОБОРОТ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА. ЦЕНЫ

Оборот промышленного капитала есть единство времени его производства и времени его обращения; поэтому он охватывает процесс воспроизводства, взятый в целом. Напротив, оборот купеческого капитала, так как он есть фактически только обособившееся движение товарного капитала, представляет лишь первую фазу метаморфоза товара, $T - D$, движение особого капитала, направленное к своему исходному пункту; $D - T - D$ с купеческой точки зрения представляет оборот купеческого капитала. Купец покупает, превращает свои деньги в товар, потом продает, снова превращает тот же самый товар в деньги; и таким образом это повторяется постоянно. В пределах обращения метаморфоз промышленного капитала всегда представляется как $T_1 - D - T_2$; деньги, вырученные от продажи T_1 , произведенного товара, употребляются на покупку T_2 , новых средств производства; это — действительный обмен T_1 и T_2 , и таким образом одни и те же деньги дважды переходят из рук в руки. Их движением опосредствуется обмен двух разнородных товаров, T_1 и T_2 . Напротив, у купца в $D - T - D'$ дважды переходит из рук в руки один и тот же товар; товар лишь опосредствует возвращение к купцу денег.

Если, например, купеческий капитал составляет 100 ф. ст. и купец покупает товар на эти 100 ф. ст., потом продает этот товар за 110 ф. ст., то этот его капитал в 100 совершил один оборот, а число оборотов в течение года зависит от того, насколько часто в продолжение года повторяется это движение $D - T - D'$.

При этом мы совершенно оставляем в стороне те издержки, которые могут заключаться в разнице между покупной и продажной ценой, так как эти издержки совершенно ничего не изменяют в той форме, которую нам прежде всего предстоит здесь рассмотреть.

Следовательно, в этом случае число оборотов данного купеческого капитала представляет полную аналогию с повторением обо-

ротов денег как простого средства обращения. Подобно тому, как один и тот же талер, совершая десять оборотов, десять раз покупает свою стоимость в виде товаров, точно так же один и тот же денежный капитал купца, например в 100, оборачиваясь десять раз, десять раз покупает свою стоимость в виде товаров или реализует в общей сложности товарный капитал десятикратной стоимости = 1 000. Но есть и различие: при обращении денег как средства обращения одни и те же деньги проходят через различные руки, следовательно, несколько раз совершают одну и ту же функцию, и потому быстротой обращения здесь возмещается масса обращающихся денег. Но у купца один и тот же денежный капитал, — безразлично, из каких бы денежных единиц он ни состоял, — одна и та же денежная стоимость несколько раз покупает и продает товарный капитал на сумму своей стоимости и потому несколько раз возвращается в прежние руки, к своему исходному пункту, как $D + \Delta D$, как стоимость плюс прибавочная стоимость. Это характеризует ее оборот как оборот капитала. Из обращения постоянно извлекается больше денег, чем вносится в него. Впрочем, само собой разумеется, что с ускорением оборота купеческого капитала (причем при развитом кредите преобладающей функцией денег становится их функция как средства платежа) одна и та же масса денег обращается быстрее.

Но повторение оборота товарно-торгового капитала выражает не что иное, как повторение актов купли и продажи, между тем повторение оборота промышленного капитала выражает периодичность и возобновление всего процесса воспроизводства (включая в него и процесс потребления). Напротив, для купеческого капитала это является только внешним условием. Промышленный капитал должен постоянно выбрасывать товары на рынок и снова извлекать их оттуда, чтобы для купеческого капитала сохранялась возможность быстрого оборота. Если процесс воспроизводства вообще происходит медленно, то медленно совершается и оборот купеческого капитала. Опосредствуя оборот производительного капитала, купеческий капитал сокращает время его обращения. Но он не оказывает прямого влияния на время производства, которое тоже является границей времени оборота промышленного капитала. Это — первая граница для оборота купеческого капитала. Во-вторых же, — если оставить в стороне ту границу, которую ставит ему производительное потребление, порождаемое воспроизводством, — этот оборот в конце концов ограничен быстротой и размерами всего личного потребления, так как от этого зависит вся та часть товарного капитала, которая входит в фонд потребления.

Но (если совершенно оставить в стороне обороты в пределах купеческого мира, где один купец перепродает другому один и тот же товар, причем в период спекуляции обращение этого рода

может иметь вид цветущего состояния дел) купеческий капитал, во-первых, сокращает фазу $T - D$ для производительного капитала. Во-вторых, при современной кредитной системе он располагает значительной частью всего денежного капитала общества, так что он может производить свои закупки прежде, чем уже купленное будет окончательно продано; причем безразлично, продает ли наш купец прямо окончательно потребителю или между ними обоими стоят 12 других купцов. При чрезвычайной эластичности процесса воспроизводства, который постоянно может быть выведен за каждый данный предел, в самом производстве он не находит никакой границы или только очень эластичную границу. Следовательно, кроме отделения актов $T - D$ и $D - T$, вытекающего из самой природы товара, здесь создается фиктивный спрос. Движение купеческого капитала, несмотря на его обособление, всегда есть не что иное, как движение промышленного капитала в сфере обращения. Но, в силу своего обособления, он совершает свое движение в известных границах независимо от пределов, полагаемых процессом воспроизводства, и потому заставляет даже процесс воспроизводства выходить из своих пределов. Внутренняя зависимость и внешняя самостоятельность приводят его к такому пункту, когда внутренняя связь восстанавливается насильственно, посредством кризиса.

Отсюда то явление, наблюдаемое в кризисах, что они сначала обнаруживаются и разражаются не в розничной торговле, которая имеет дело с непосредственным потреблением, а в сферах оптовой торговли и банков, которые предоставляют в распоряжение оптовой торговли денежный капитал общества.

Действительно, фабрикант может продавать экспортеру, а этот, в свою очередь, своему заграничному клиенту, импортер может сбывать свое сырье фабриканту, последний же свои продукты — оптовому торговцу и т. д. Однако в каком-нибудь одном незаметном пункте товар залеживается непроданным; или же иной раз малопомалу переполняются запасы всех производителей и торговцев-посредников. Как раз в это время потребление обычно находится в состоянии наивысшего процветания, отчасти вследствие того, что один промышленный капиталист приводит в движение целый ряд других, отчасти вследствие того, что занятые ими рабочие, работая полное время, могут расходовать больше обыкновенного. С ростом дохода капиталистов увеличиваются и их расходы. Кроме того (даже, если оставить в стороне ускорение накопления), происходит, как мы видели («Капитал», кн. II, отд. III), постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое тем не менее ограничено в конечном счете личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда

не совершается ради него самого, а совершается лишь потому, что этого постоянного капитала больше потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление. Однако это производство в течение некоторого времени может спокойно идти своим путем, возбуждаемое ожидаемым спросом, и потому в этих отраслях у купцов и промышленников дела идут очень бойко. Кризис наступает тогда, когда затраты купцов, продающих на отдаленных рынках (или тех купцов, запасы которых накопились и внутри страны), возвращаются столь медленно и в столь скудных количествах, что банки настаивают на платежах, или сроки уплаты по векселям под закупленные товары наступают раньше, чем совершится перепродажа. Тогда начинаются принудительные продажи, продажи с целью уплаты. И вместе с тем разражается крах, который сразу кладет конец кажущемуся процветанию.

Но внешний характер и иррациональность оборота купеческого капитала усиливается еще больше вследствие того, что оборот одного и того же купеческого капитала может опосредствовать одновременно или последовательно обороты очень различных производительных капиталов.

Однако оборот купеческого капитала может опосредствовать не только обороты различных промышленных капиталов, но и противоположные фазы метаморфоза товарного капитала. Например, купец покупает холст у фабриканта и продает его белильщику. Следовательно, в этом случае оборот одного и того же купеческого капитала, — в действительности один и тот же акт $T - D$, реализация холста, — представляет две противоположные фазы для двух различных промышленных капиталов. Поскольку купец вообще продает для производительного потребления, его $T - D$ всегда представляет $D - T$ какого-нибудь промышленного капитала, а его $D - T$ всегда представляет $T - D$ какого-нибудь другого промышленного капитала.

Если мы, как это сделано в настоящей главе, отбросим K , издержки обращения, т. е. ту часть капитала, которую авансирует купец, кроме суммы, расходуемой на покупку товаров, то, конечно, отпадает и ΔK , дополнительная прибыль, получаемая им на этот дополнительный капитал. Следовательно, этот прием исследования строго логичен и математически правилен, коль скоро речь идет о том, чтобы узнать, каким образом прибыль и оборот купеческого капитала влияют на цены.

Если бы цена производства 1 ф. сахара составляла 1 ф. ст., то купец мог бы на 100 ф. ст. купить 100 ф. сахара. Если в течение года он покупает и продает такое количество и если средняя годовая норма прибыли 15%, то он накинёт на 100 ф. ст. 15 ф. ст., и на 1 ф. ст., цену производства 1 ф. сахара, 3 шиллинга. Следовательно, он продавал бы 1 ф. сахара за 1 ф. ст. 3 шиллинга. Напро-

тив, если бы цена производства 1 ф. сахара упала до 1 шилл., то на 100 ф. ст. купец купил бы 2 000 ф. сахара и продавал бы по 1 шилл. $1\frac{4}{5}$ пенса за фунт. И в том и в другом случае годовая прибыль на капитал в 100 ф. ст., вложенный в сахарное дело, = 15 фунтам стерлингов. Только в первом случае он должен продать 100, а во втором — 2 000 фунтов. Высока или низка цена производства, это не имеет никакого значения для нормы прибыли, но это имеет очень большое, решающее значение для величины той части продажной цены каждого фунта сахара, которая составляет торговую прибыль, т. е. для величины той надбавки к цене, которую делает купец на определенное количество товара (продукта). Если цена производства товара незначительна, то незначительна и та сумма, которую авансирует купец на его покупную цену, т. е. на определенную массу товара, а следовательно, при данной норме прибыли, незначительна и общая сумма прибыли, которую он получает на это данное количество дешевого товара; или, — что сводится к тому же, — он может в таком случае купить на данный капитал, например в 100, большую массу этого дешевого товара и общая прибыль в 15, которую он получает на 100, распределяется на каждую отдельную штуку этой товарной массы незначительными долями. И наоборот. Это всецело зависит от большей или меньшей производительности того промышленного капитала, товарами которого он торгует. Если исключить случаи, когда купец является монополистом и в то же время монополизует производство, как, например, в свое время Голландско-Ост-Индская компания¹⁴¹, то ничего не может быть нелепее, чем ходячее представление, будто от желания самого купца зависит, продаст ли он много товаров с меньшей прибылью на единицу товара или мало товаров с большей прибылью на единицу товара. Две границы существуют для его продажной цены: с одной стороны, цена производства товара, над которой он не властен; с другой стороны, средняя норма прибыли, которая совершенно так же находится вне его власти. Единственное, что от него зависит — будет ли он торговать дорогими или дешевыми товарами, но и здесь известную роль играют величина капитала, находящегося в его распоряжении, и другие обстоятельства. Как поступит купец, это всецело зависит от степени развития капиталистического способа производства, а не от желания самого купца. Такая чисто купеческая компания, как старая Голландско-Ост-Индская, обладавшая монополией производства, вообразила, что при совершенно изменившихся условиях можно по-прежнему придерживаться метода, соответствующего самое большее зачаткам капиталистического производства⁴⁰⁾.

⁴⁰⁾ «Согласно общему правилу, прибыль всегда одинакова, какова бы ни была цена: она держится на одной отметке, как плавающее тело при колебаниях волны. Поэтому, когда цены повышаются, торговец повышает цены, когда цены понижаются, торго-

Этот распространенный предрассудок, — который, впрочем, как и все ошибочные представления о прибыли и т. п., возникает из наблюдений только над торговлей и из купеческого предрассудка, — поддерживается, между прочим, следующими обстоятельствами.

Во-первых: явлениями конкуренции, которые, однако, касаются только распределения торговой прибыли между отдельными купцами, владеющими той или иной долей всего купеческого капитала; если, например, один продает дешевле с целью побить своих соперников.

Во-вторых: экономисту такого калибра, как профессор Рошер в Лейпциге, все еще может казаться, что изменение в продажных ценах произведено по соображениям «благоразумия и гуманности»¹⁴³, а не было результатом переворота в самом способе производства.

В-третьих: если цены производства понижаются вследствие повышения производительной силы труда, а потому понижаются и продажные цены, то спрос часто растет быстрее, чем предложение, а вместе с ним и рыночные цены, так что продажные цены дают более чем среднюю прибыль.

В-четвертых: какой-нибудь купец может понизить продажную цену (а это всегда есть не что иное, как понижение обычной прибыли, которую он накидывает на цену), чтобы в его предприятии больший капитал оборачивался быстрее. Все это вещи, которые касаются только конкуренции между самими купцами.

Уже в кн. I «Капитала» мы показали, что, высоки ли цены товаров или низки, это не определяет ни массы прибавочной стоимости, производимой данным капиталом, ни нормы прибавочной стоимости; хотя в зависимости от относительного количества товара, производимого данным количеством труда, цена единицы товара, а вместе с тем и та часть этой цены, которая соответствует прибавочной стоимости, может быть больше или меньше¹⁴⁴. Цены всякого количества товаров, поскольку они соответствуют стоимостям, определяются общим количеством опредмеченного в этих товарах труда. Если небольшое количество труда опредмечивается в большом количестве товаров, то цена единицы товара низка, и заключающаяся в нем прибавочная стоимость незначительна. Каким образом труд, воплощенный в товаре, распадается на оплаченный и неоплаченный труд, следовательно, какая часть цены товара представляет прибавочную стоимость, это не находится ни

вещ понижает цены» (*Corbet*. «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals». London, 1841, p. 20)¹⁴². — Здесь, как и вообще в тексте, речь идет лишь об обычной торговле, а не о спекуляции, изучение которой, как и вообще все относящееся к классификации торгового капитала, выходит из круга нашего исследования. «Торговая прибыль есть стоимость, присоединяемая к капиталу, независимо от цены; вторая» (спекуляция) «основана на изменении стоимости капитала или самой цены» (там же, стр. 128).

в какой связи с общим количеством этого труда, а следовательно и с ценой товара. Норма же прибавочной стоимости зависит не от абсолютной величины той прибавочной стоимости, которая заключается в цене отдельного товара, а от ее относительной величины, от ее отношения к заработной плате, заключающейся в том же товаре. Поэтому норма может быть высокой, хотя абсолютная величина прибавочной стоимости для каждой единицы товара невелика. Эта абсолютная величина прибавочной стоимости в каждой единице товара зависит в первую очередь от производительности труда и только во вторую очередь — от его разделения на оплаченный и неоплаченный труд.

Для торговой продажной цены цена производства теперь уже является извне данным условием.

Высокий уровень торговых цен товаров в прежнее время обуславливался 1) высокими ценами производства, т. е. низкой производительностью труда; 2) отсутствием общей нормы прибыли, причем купеческий капитал присваивал себе гораздо более высокую долю прибавочной стоимости, чем какая пришлась бы ему при общей мобильности капиталов. Следовательно, прекращение такого положения в обоих отношениях есть результат развития капиталистического способа производства.

В различных отраслях торговли обороты купеческого капитала длиннее или короче, следовательно, их число в течение года больше или меньше. В одной и той же отрасли торговли в различные фазы экономического цикла оборот совершается быстрее или медленнее. Тем не менее совершается среднее число оборотов, которое устанавливается опытом.

Мы уже видели, что оборот купеческого капитала отличен от оборота промышленного капитала. Это вытекает из существа дела; отдельная фаза в обороте промышленного капитала выступает в качестве полного оборота собственно купеческого капитала или, по крайней мере, части его. Оборот купеческого капитала стоит также в ином отношении к определению прибыли и цены.

Оборот промышленного капитала выражает, с одной стороны, периодичность воспроизводства, и от этого зависит масса товаров, выбрасываемых на рынок в течение определенного времени. С другой стороны, время обращения образует границу, хотя и растяжимую, которая, воздействуя на размеры процесса производства, тем самым влияет более или менее ограничивающим образом на образование стоимости и прибавочной стоимости. Поэтому оборот — не как положительный, но как ограничивающий элемент — оказывает определяющее влияние на массу ежегодно производимой прибавочной стоимости и, следовательно, на образование общей нормы прибыли. Напротив, для купеческого капитала средняя норма прибыли есть величина данная. Он не принимает непосредственного участия в создании прибыли, или прибавочной стои-

мости, и на образование общей нормы прибыли оказывает определяющее влияние лишь постольку, поскольку получает — соответственно той части, какую он составляет от всего капитала, — свою долю из общей массы прибыли, произведенной промышленным капиталом.

Как было показано в кн. II, отд. II «Капитала», чем больше число оборотов промышленного капитала, тем больше масса прибыли, которую он производит. Правда, теперь, с установлением общей нормы прибыли, вся прибыль распределяется между различными капиталами, но не пропорционально их непосредственному участию в ее производстве, а соответственно той части, которую каждый из них составляет от всего капитала, т. е. пропорционально их величине. Однако существо дела от этого нисколько не изменяется. Чем больше число оборотов всего промышленного капитала, тем больше масса прибыли, масса ежегодно производимой прибавочной стоимости, а потому при прочих равных условиях и норма прибыли. Иное дело с купеческим капиталом. Для него норма прибыли есть величина данная, определяемая, с одной стороны, массой прибыли, произведенной промышленным капиталом, с другой стороны, — относительной величиной всего торгового капитала, его количественным отношением к сумме капитала, авансированного на процесс производства и процесс обращения. Конечно, число его оборотов влияет определяющим образом на его отношение ко всему капиталу, или на относительную величину купеческого капитала, необходимого для обращения; при этом ясно, что абсолютная величина необходимого купеческого капитала и скорость его оборота обратно пропорциональны друг другу; но его относительная величина, или та доля, которую он составляет от всего капитала, определяется его абсолютной величиной, если предположить все прочие условия равными. Если весь капитал равен 10 000, то купеческий капитал, составляющий, скажем, $\frac{1}{10}$ его, = 1 000; если весь капитал 1 000, то $\frac{1}{10}$ его = = 100. Таким образом, хотя его относительная величина остается той же самой, его абсолютная величина различна в такой же степени, в какой различна и величина всего капитала. Но здесь мы принимаем его относительную величину, составляющую, скажем, $\frac{1}{10}$ всего капитала, за данную. Но эта его относительная величина сама, в свою очередь, определяется оборотом. При быстром обороте его абсолютная величина, например, = 1 000 ф. ст. в первом случае, 100 во втором, а потому его относительная величина = $\frac{1}{10}$. При более медленном обороте его абсолютная величина, скажем, = = 2 000 в первом случае и 200 во втором. Поэтому его относительная величина увеличилась с $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ всего капитала. Условия, сокращающие среднюю продолжительность оборота купеческого капитала, например развитие средств транспорта, pro tanto *

* — соответственно. *Ред.*

уменьшают абсолютную величину купеческого капитала, следовательно повышают общую норму прибыли. И наоборот. Развитый капиталистический способ производства сравнительно с предшествующими общественными отношениями оказывает двойное влияние на купеческий капитал: то же самое количество товаров оборачивается при помощи меньшей массы действительно функционирующего купеческого капитала; вследствие более быстрого оборота купеческого капитала и большей скорости процесса воспроизводства, — а на этом и основывается более быстрый оборот, — уменьшается купеческий капитал по отношению к промышленному капиталу. С другой стороны, с развитием капиталистического способа производства все производство становится товарным производством, и потому весь продукт попадает в руки агентов обращения; к этому следует добавить то, что при прежнем способе производства, которое велось в мелких масштабах, — если оставить в стороне массу продуктов, потреблявшихся непосредственно *in natura* * самими производителями, и массу повинностей, выполнявшихся *in natura*, — очень значительная часть производителей продавала свои товары непосредственно потребителям или работала по их личному заказу. Поэтому, хотя при прежних способах производства торговый капитал больше по отношению к товарному капиталу, который оборачивается с его помощью, однако он

1) абсолютно меньше, так как несравненно меньшая часть всего продукта производится в виде товара и должна поступать в обращение как товарный капитал и попадать в руки купцов; он меньше потому, что товарный капитал меньше. Но вместе с тем он относительно больше не только в силу большей медленности своего оборота и не только по сравнению с массой товаров, совершающих оборот при его помощи. Он больше и в силу того, что цена этой массы товаров, а следовательно и авансируемый на нее купеческий капитал, вследствие более низкой производительности труда, больше, чем при капиталистическом производстве; поэтому та же самая стоимость выражается в меньшей массе товаров.

2) На основе капиталистического способа производства не только производится большая масса товаров (причем надо принять в расчет уменьшение стоимости товаров, образующих эту массу), но одна и та же масса продукта, например зерна, образует большую массу товара, т. е. все большая часть его поступает в торговлю. Впрочем, вследствие этого возрастает не только масса купеческого капитала, но вообще весь капитал, вкладываемый в обращение, например в судоходство, в железные дороги, телеграф и пр.

3) Но, — и это та точка зрения, изложение которой относится к «конкуренции капиталов», — нефункционирующий купеческий капитал или купеческий капитал, функционирующий только напо-

* — в натуральной форме. *Ред.*

ловину, с прогрессом капиталистического способа производства возрастает, по мере того как облегчается его проникновение в розничную торговлю, по мере развития спекуляции и увеличения избытка высвобождающегося капитала.

Но, предполагая относительную величину купеческого капитала по сравнению со всем капиталом данной, различие оборотов в различных отраслях торговли не оказывает влияния ни на величину всей прибыли, приходящейся на долю купеческого капитала, ни на общую норму прибыли. Прибыль купца определяется не массой товарного капитала, который находится у него в обороте, а величиной денежного капитала, авансированного для опосредствования этого оборота. Если общая годовая норма прибыли 15% и купец авансирует 100 ф. ст., то при обороте его капитала один раз в год он продаст свой товар за 115. Если его капитал оборачивается пять раз в течение года, то он пять раз в течение года продаст за 103 товарный капитал, покупная цена которого 100, следовательно, в течение целого года он продаст за 515 товарный капитал в 500. Но как в первом, так и во втором случае это дает на авансированный им капитал в 100 годовую прибыль в 15. Если бы это было не так, то купеческий капитал соответственно числу своих оборотов приносил бы несравненно более высокую прибыль, чем промышленный капитал, что противоречит закону общей нормы прибыли.

Итак, число оборотов купеческого капитала в различных отраслях торговли оказывает прямое влияние на торговые цены товаров. Высота торговой накладки на цену, величина части торговой прибыли данного капитала, которая приходится на цену производства единицы товара, стоит в обратном отношении к числу оборотов или к скорости оборота купеческого капитала в различных отраслях торговли. Если купеческий капитал оборачивается пять раз в год, то он присоединяет к товарному капиталу одинаковой стоимости только $\frac{1}{5}$ накладки, присоединяемой к товарному капиталу равной стоимости другим купеческим капиталом, который может обернуться только один раз в год.

Влияние среднего времени оборота капиталов на продажную цену в различных отраслях торговли сводится к тому, что в соответствии с этой скоростью оборота одна и та же масса прибыли, которая при данной величине купеческого капитала определяется общей годовой нормой прибыли, т. е. определяется независимо от особого купеческого характера операций этого капитала, распределяется на массы товаров одной и той же стоимости различным образом, так что, например, при пятикратном обороте в год к цене товара присоединяется $\frac{15\%}{5} = 3\%$, напротив, при однократном обороте в год 15%.

Следовательно, одна и та же норма торговой прибыли в различных отраслях торговли повышает соответственно продолжи-

тельности оборота продажную цену товаров на совершенно различные величины в процентном отношении к стоимости этих товаров.

Наоборот, время оборота промышленного капитала не оказывает никакого влияния на величину стоимости производимой единицы товаров, хотя оно оказывает влияние на массу стоимостей и прибавочных стоимостей, производимых данным капиталом в данное время, потому что оно оказывает влияние на массу эксплуатируемого труда. Конечно, если иметь в виду цены производства, это маскируется и выглядит по-иному, но это лишь вследствие того, что цены производства различных товаров, согласно ранее изложенным законам, отклоняются от их стоимостей. Если же рассматривать весь процесс производства, всю массу товаров, произведенную всем промышленным капиталом, то мы сразу обнаружим подтверждение общего закона.

Итак, в то время как более подробное исследование влияния времени оборота на образование стоимости в отношении промышленного капитала опять приводит к тому общему закону и базису политической экономии, что стоимости товаров определяются содержащимся в них рабочим временем, влияние оборотов купеческого капитала на торговые цены обнаруживает явления, которые, если не произвести очень обстоятельного анализа промежуточных звеньев, как будто предполагают чисто произвольное определение цен, именно определение их просто тем, что капитал вдруг решил получить в течение года определенное количество прибыли. Именно вследствие такого влияния оборотов кажется, будто процесс обращения как таковой определяет цены товаров в известных пределах независимо от процесса производства. Все поверхностные и превратные воззрения на процесс воспроизводства в его целом взяты из представлений о купеческом капитале и из тех представлений, которые вызываются его специфическими движениями в головах агентов обращения.

Если, как в этом к своему огорчению убедился читатель, анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса производства — дело в высшей степени сложное и требующее очень серьезного труда; если задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению, то само собой разумеется, что в головах агентов капиталистического производства и обращения должны получаться такие представления о законах производства, которые совершенно отклоняются от этих законов и суть лишь выражение в сознании движения, каким оно кажется. Представления купца, биржевого спекулянта, банкира неизбежно оказываются совершенно извращенными. Представления фабрикантов искажаются в силу тех актов обращения, которым подвергается их капитал, и в результате выравнивания общей нормы

прибыли⁴¹⁾. В представлении этих людей конкуренция тоже играет совершенно превратную роль. Если даны пределы стоимости и прибавочной стоимости, то легко понять, каким образом конкуренция капиталов превращает стоимости в цены производства, а затем и в торговые цены, прибавочную стоимость — в среднюю прибыль. Но, не зная этих пределов, абсолютно невозможно понять, почему конкуренция доводит общую норму прибыли до этого, а не до того предела, до 15%, а не до 1 500%. Она, самое большее, может лишь привести общую норму прибыли к *одному* уровню. Но в ней нет абсолютно никакого элемента, который определял бы самый этот уровень.

Итак, с точки зрения купеческого капитала кажется, что сам оборот определяет цены. С другой стороны, в то время как скорость оборота промышленного капитала, поскольку она открывает возможность для данного капитала эксплуатировать больше или меньше труда, влияет определяющим и ограничивающим образом на массу прибыли, а потому и на общую норму ее, для торгового капитала норма прибыли дается извне, и внутренняя связь ее с образованием прибавочной стоимости совершенно стирается. Если один и тот же промышленный капитал при прочих неизменяющихся условиях и в особенности при одинаковом органическом строении оборачивается в продолжение года четыре раза вместо двух, то он производит вдвое больше прибавочной стоимости, а потому и прибыли; и это явственно обнаруживается, если и пока этот капитал обладает монополией на более совершенный метод производства, который дает ему возможность ускорять оборот. Напротив, различная продолжительность оборота в различных отраслях торговли проявляется в том, что прибыль, получаемая на один оборот определенного товарного капитала, находится в обратном отношении к числу оборотов денежного капитала, при помощи которого этот товарный капитал совершает свой оборот. *Small profits and quick returns* * являются для *shopkeeper* ** именно тем принципом, которому он следует из принципа.

Впрочем, само собой понятно, что этот закон оборотов купеческого капитала в каждой отрасли торговли, — даже если оставить в стороне чередование более быстрых и более медленных оборотов, компенсирующих друг друга, — имеет значение только для средних оборотов всего купеческого капитала, вложенного в эту отрасль. Число оборотов капитала *A*, действующего в той же самой отрасли,

⁴¹⁾ Вот одно очень наивное, но вместе с тем совершенно правильное замечание: «Поэтому в основе того обстоятельства, что один и тот же товар можно получить у различных продавцов по существенно различным ценам, несомненно очень часто лежит *неправильная калькуляция*» (*Feller und Odermann*. «*Das Ganze der Kaufmännischen Arithmetik*». 7. Auflage, 1859 [S. 451]). Это показывает, как определение цен становится чисто теоретическим, т. е. абстрактным.

* Малая прибыль и быстрый оборот. *Ред.*

** лавочника. *Ред.*

как и *B*, может быть больше или меньше среднего числа оборотов. В этом случае число оборотов других капиталов будет соответственно меньше или больше. Оборот всей массы купеческого капитала, вложенной в эту отрасль, от этого нисколько не изменяется. Но это имеет решающее значение для отдельного купца или розничного торговца. В этом случае он получает добавочную прибыль совершенно так же, как получают добавочную прибыль промышленные капиталисты, когда они производят при условиях более благоприятных, чем средние. Если того потребует конкуренция, он может продавать дешевле своих «собратьев», не понижая своей прибыли ниже среднего уровня. Если условия, дающие ему возможность делать более быстрый оборот, например места для продажи, сами покупаются, то он может уплачивать за них особую ренту, т. е. часть его добавочной прибыли превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ДЕНЕЖНО-ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ

Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и, как мы теперь можем прибавить, товарно-торгового капитала (так как последний берет на себя часть движения промышленного капитала в обращении и совершает его как свое собственное и ему присущее движение), — эти движения, сделавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их, и только их, как операции, свойственные исключительно ему, превращают этот капитал в денежно-торговый капитал. Часть промышленного капитала и, говоря точнее, также товарно-торгового капитала, постоянно находится в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, занятый этими техническими функциями. От совокупного капитала отделяется и обособляется в форме денежного капитала определенная часть, капиталистическая функция которой заключается исключительно в том, чтобы выполнять эти операции для всего класса промышленных и торговых капиталистов. Как в случае с товарно-торговым капиталом, так и здесь известная часть промышленного капитала, находящегося в процессе обращения в виде денежного капитала, отделяется и выполняет для всего остального капитала эти операции процесса воспроизводства. Следовательно, движения этого денежного капитала опять-таки представляют собой лишь движения обособившейся части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства.

Только в том случае и поскольку капитал вкладывается впервые — что имеет место и при накоплении, — капитал в денежной форме является исходным пунктом и конечным пунктом движения. Но для каждого капитала, уже находящегося в процессе своего движения, исходный пункт, как и конечный пункт, является только переходным пунктом. Поскольку промышленный капитал с момента своего выхода из сферы производства до того момента, когда

он снова вступает в нее, должен проделать метаморфоз $T' - D - T$, постольку D , как это обнаружилось уже при простом товарном обращении, в действительности является конечным результатом одной фазы метаморфоза только затем, чтобы быть исходным пунктом противоположной фазы, дополняющей первую. И хотя для торгового капитала $T - D$ промышленного капитала всегда имеет вид $D - T - D$, однако и для него, раз он начал функционировать, действительным процессом постоянно является $T - D - T$. Но торговый капитал одновременно совершает акты $T - D$ и $D - T$, т. е. не только один капитал находится в стадии $T - D$, в то время как другой капитал находится в стадии $D - T$, но один и тот же капитал одновременно постоянно покупает и постоянно продает в силу непрерывности процесса производства; он одновременно и постоянно находится в обеих стадиях. Между тем как одна часть его превращается в деньги, чтобы впоследствии превратиться обратно в товар, другая часть в то же время превращается в товар, чтобы потом опять превратиться в деньги.

Функционируют ли при этом деньги как средство обращения или как средство платежа, это зависит от формы товарообмена. В обоих случаях капиталисту постоянно приходится платить деньги многим лицам и постоянно получать деньги в уплату от многих лиц. Эта чисто техническая операция уплаты и получения денег уже сама по себе составляет труд, который, поскольку деньги функционируют как средство платежа, делает необходимым подведение баланса платежей, акты взаимных расчетов. Этот труд относится к издержкам обращения, представляет собой труд, не создающий никакой стоимости. Он сокращается благодаря тому, что его выполняет особое подразделение агентов или капиталистов для всего остального класса капиталистов.

Определенная часть капитала постоянно должна быть налицо в виде сокровища, потенциального денежного капитала: резерва покупательных средств, резерва средств платежа, незанятого капитала в денежной форме, ожидающего своего применения; а некоторая часть капитала постоянно притекает обратно в этой форме. Кроме получения денег, их выдачи и счетоводства, это делает необходимым хранение сокровища, что опять составляет особую операцию. Следовательно, в действительности происходит постоянное выделение из сокровища средств обращения и средств платежа и образование его вновь из денег, получаемых от продажи и от платежей, которым наступил срок; это постоянное движение части капитала, существующей в виде денег, движение, обособленное от функций самого капитала, эта чисто техническая операция вызывает особый труд и издержки — издержки обращения.

Разделение труда приводит к тому, что эти технические операции, обусловливаемые функциями капитала, выполняются, насколько возможно, для всего класса капиталистов особым под-

разделением агентов или капиталистов как их исключительные функции или сосредоточиваются в их руках. Это, как и в случае с купеческим капиталом, — разделение труда в двояком смысле. Появляется особая отрасль предпринимательской деятельности, и так как она в качестве такой особой отрасли обслуживает денежный механизм всего класса, она концентрируется, ведется в крупном масштабе; и здесь, в свою очередь, происходит разделение труда в пределах этой особой отрасли предпринимательской деятельности как вследствие распада ее на различные, независимые одна от другой отрасли, так и вследствие образования специального аппарата в каждой из таких отраслей (большие конторы, многочисленные бухгалтеры и кассиры, далеко идущее разделение труда). Уплата денег, прием их, сальдирование балансов, ведение текущих счетов, хранение денег и пр., будучи отделены от актов, обусловивших необходимость этих технических операций, делают капитал, авансированный на эти функции, денежно-торговым капиталом⁴².

Различные операции, вследствие обособления которых в особые отрасли предпринимательской деятельности возникает торговля деньгами, вытекают из различных определений самих денег и из их функций, которые приходится таким образом выполнять и капиталу в форме денежного капитала.

Уже раньше я указывал, что деньги вообще первоначально развиваются при обмене продуктов между различными общинами⁴²).

Поэтому торговля деньгами, торговля денежным товаром развивается прежде всего из международных сношений. При существовании особых монет в различных странах купцы, производящие закупки в чужих странах, должны обменивать монеты своей страны на местные монеты и обратно, или же обменивать различные монеты на слитки чистого серебра или золота как мировые деньги. Отсюда возникает меняльное дело, которое следует рассматривать как одно из естественно возникших оснований современной торговли деньгами⁴³. Из него развились обменные банки,

⁴² Карл Маркс. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 27 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 36—37¹⁴⁶].

⁴³ «Уже вследствие большого разнообразия монет как в отношении их веса и пробы, так и в отношении чеканки их многими князьями и городами, имеющими право на это, возникла повсеместная необходимость пользоваться местной монетой в тех случаях, когда в торговых делах требовалось свести счета в какой-нибудь одной монете. Купцы, отправляясь на какой-нибудь из иностранных рынков, для расчетов наличными запасались слитками чистого серебра, а также, конечно, и золота. Тогда так же отправляясь в обратный путь, они обменивали полученные ими местные монеты на слитки серебра или золота. Поэтому меняльное дело, обмен слитков благородных металлов на местные монеты и обратно, стало очень распространенным и выгодным делом» (Hüllmann. «Städtewesen des Mittelalters». Ester Theil, Bonn. 1826, S. 437, 438). «De Wisselbank [обменный банк] получил свое название не... от wissel [векселя], не от вексельной расписки, а от wisselen van geldspeciën [обменивать различные разновидности денег]. Задолго до учреждения Амстердамского обменного банка в 1609 г. в нидерландских торговых городах были менялы, меняльные лавки, даже обменные банки... Занятие этих менял состояло в том, что

где серебро (или золото) функционирует, в отличие от ходячей монеты, как мировые деньги, а в настоящее время — как банковые деньги или торговые деньги. Поскольку вексельное дело сводилось к выдаче путешественнику менялой какой-нибудь страны платежного требования на менялу другой страны, оно развилось уже в Риме и в Греции из собственно меняльного дела.

Торговля золотом и серебром как товарами (как сырым материалом для изготовления предметов роскоши) образует естественно возникший базис для торговли слитками (Bullion trade) или торговли, которая опосредствует функции денег как мировых денег. Как показано раньше («Капитал», кн. I, гл. III, 3, с.), эти функции двойного рода: перемещение денег между различными национальными сферами обращения для выравнивания международных платежей и вывоз капитала под проценты; наряду с этим — движение их из мест добычи благородных металлов на мировой рынок и распределение добычи между различными национальными сферами обращения. В Англии еще на протяжении большей части XVII столетия функции банкиров выполнялись золотых дел мастерами¹⁴⁷. Каким образом выравнивание международных платежей развивается дальше в вексельную торговлю и пр., это мы пока совершенно оставляем в стороне, как и все то, что относится к операциям с ценными бумагами; короче говоря, все особые формы кредитного дела здесь пока не рассматриваются.

В качестве мировых денег национальные деньги утрачивают свой национальный характер; деньги одной страны выражаются в деньгах другой, и таким образом все сводится к содержанию в них золота или серебра, тогда как последние как два товара, обращающиеся в качестве мировых денег, сводятся к взаимному постоянно изменяющемуся соотношению их стоимостей. Опосредствование соответствующих операций торговцев деньгами делает своим особым занятием. Таким образом, меняльное дело и торговля слитками являются самыми ранними формами торговли деньгами и вытекают из двойных функций денег: как национальных денег и как мировых денег¹⁴⁸.

Из капиталистического процесса производства, как и из торговли вообще, даже при докапиталистическом способе производства, вытекает:

они обменивали различные иностранные монеты, привозимые в страну иностранными купцами, на ходячую монету. Мало-помалу круг их деятельности расширился... они сделались кассирами и банкирами. Но в соединении профессий кассира и менялы власти Амстердама усмотрели опасность, и, чтобы предупредить эту опасность, было решено основать крупное учреждение, которое заменяло бы как менял, так и кассиров и действовало бы открыто, согласно уставу. Таким учреждением и был знаменитый Амстердамский обменный банк 1609 года. Совершенно так же возникли обменные банки в Венеции, Генуе, Стокгольме. Гамбурге вследствие постоянной потребности в обмене денежных знаков. Из всех этих банков существует еще и теперь один только Гамбургский, так как этот торговый город, где не чеканится собственной монеты, еще и теперь нуждается в подобном учреждении» и т. д. (S. Vissering. «Handboek van Praktische Staatshuishoudkunde». Amsterdam. 1860 — 1861, I, блз. 247 — 248).

Во-первых, собрание денег как сокровища, т. е. в настоящее время как части капитала, которая постоянно должна иметься налицо в денежной форме в качестве резервного фонда средств платежа и покупательных средств. Это первая форма сокровища, в которой оно снова появляется при капиталистическом способе производства и вообще образуется по крайней мере при развитии торгового капитала. То и другое относится как к внутреннему, так и к международному обращению. Это сокровище всегда находится в текучем состоянии, оно постоянно вливается в обращение и постоянно утекает из него обратно. Вторую форму сокровища представляет собой лежащий без движения, временно незанятый капитал в денежной форме; сюда же относится и вновь накопленный денежный капитал, еще не вложенный в дело. Функциями, которых требует это образование сокровища как таковое, являются прежде всего его хранение, счетоводство и т. д.¹⁴⁹⁾

Во-вторых, расходование денег при покупках, прием их при продажах, уплата денег и получение при платежах, выравнивание платежей и т. д. Торговец деньгами выполняет все это для купцов и промышленных капиталистов сперва как простой *кассир*¹⁴⁴⁾.

Торговля деньгами получает полное развитие, когда к ее остальным функциям присоединяется предоставление ссуд и торговля в кредит, — а это всегда происходит уже в самом ее начале, — об этом в следующем отделе в связи с капиталом, приносящим проценты.

¹⁴⁴⁾ «Институт кассиров, быть может, нигде не сохранил в таком чистом виде своего первоначального, самостоятельного характера, как в нидерландских торговых городах (о происхождении института кассиров в Амстердаме см. *E. Luzac. «Holland's rijkdom»*. Leyden, 1782, dl. III). Их функции отчасти совпадают с функциями старого Амстердамского обменного банка. Кассир получает от купцов, пользующихся его услугами, известную сумму денег и открывает им на эту сумму «кредит» в своих книгах; затем они посылают ему свои долговые требования, по которым он получает для них деньги и кредитует их на соответствующую сумму; напротив, он производит платежи по их распоряжениям (*kassier breifjes*), записывая соответствующую сумму на их текущий счет. С этих поступлений и уплат он отчисляет себе незначительный процент за комиссию, который образует достаточное вознаграждение за его труд только благодаря значительности оборотов, совершаемых при его посредстве между двумя сторонами... Если требуется покрыть платежи двух купцов, причем обоих обслуживает один и тот же кассир, то такие платежи покрываются чрезвычайно просто благодаря параллельным счетам в книгах, так как кассиры изо дня в день балансируют их взаимные требования. Итак, занятие кассиров заключается собственно в этом опосредствовании платежей; следовательно, оно исключает промышленное предпринимательство, спекуляции и открытие бланко-кредитов; потому что здесь должно оставаться правилом, что кассир за того, кому он открыл счет в своих книгах, не производит никаких платежей, превышающих размеры его имущества» (*Vissering*, цит. соч., стр. 244). О кассовых союзах в Венеции: «Вследствие потребности и географического положения Венеции, где перемещение наличных денег затруднительнее, чем в других местах, оптовые торговцы этого города... стали учреждать кассовые союзы при условии надлежащей безопасности, контроля и управления: члены такого союза вносили в него известные суммы, на которые они давали распоряжения своим кредиторам, причем в заведенной для того книге уплаченная сумма списывалась со счета должника и прибавлялась к сумме, которую имел там же кредитор. Это первые зачатки так называемых жиро-банков. Эти союзы имеют большую давность. Но когда их происхождение относят к XII веку, то их смешивают с основанным в 1171 г. учреждением для государственных займов» (*Hüllmann*, цит. соч., стр. 453—454).

Самая торговля слитками, перевозка золота или серебра из одной страны в другую, есть только результат товарной торговли, который определяется вексельным курсом, выражающим состояние международных платежей и ставки процента на различных рынках. Торговец слитками как таковой опосредствует только этот результат.

При исследовании денег, при рассмотрении того, каким образом их движения и определенности формы развиваются из простого товарного обращения, мы видели («Капитал», кн. I, гл. III), что движение массы денег, обращающихся как покупательное средство и как средство платежа, определяется товарным метаморфозом, его размером и скоростью, метаморфозом, который, как мы теперь знаем, сам является лишь моментом всего процесса воспроизводства. Что касается получения денежного материала — золота и серебра — с мест его добычи, то оно сводится к непосредственному товарному обмену, к обмену золота и серебра как товаров на другие товары, т. е. оно само совершенно так же является моментом товарного обмена, как получение путем обмена железа или других металлов. Что касается движения благородных металлов на мировом рынке (мы здесь не будем рассматривать этого движения, поскольку оно выражает предоставление капитала в ссуду, совершающееся и в форме товарного капитала), то оно совершенно так же определяется международным товарным обменом, как движение денег в качестве покупательного средства и средства платежа внутри страны определяется внутренним товарообменом. Ввоз и вывоз благородных металлов из одной национальной сферы обращения в другую, поскольку они вызываются только обесценением национальной валюты или биметаллизмом¹⁵⁰, не стоят ни в какой связи с денежным обращением как таковым и являются только исправлением произвольных нарушений, произведенных государственной властью. Наконец, что касается сокровищ, поскольку они представляют собой резервный фонд покупательных средств или средств платежа для внутренней или для внешней торговли и равным образом поскольку они являются просто формой капитала, временно лежащего без употребления, они в том и другом случае есть только необходимый осадок процесса обращения.

Если все денежное обращение по своим размерам, по своим формам и по своему движению есть простой результат товарного обращения, которое с капиталистической точки зрения само представляет лишь процесс обращения капитала (а этот процесс заключается в себе обмен капитала на доход и дохода на доход, поскольку расходование дохода реализуется в розничной торговле), то само собой разумеется, что торговля деньгами опосредствует не только простой результат и способ проявления товарного обращения, не только денежное обращение. Само это денежное обращение,

как один из моментов товарного обращения, есть уже нечто данное по отношению к торговле деньгами. Последняя опосредствует технические операции денежного обращения, которые она концентрирует, сокращает и упрощает. Торговля деньгами не образует сокровищ, а доставляет технические средства для того, чтобы это образование сокровищ, поскольку оно происходит добровольно (следовательно, если оно не является выражением того, что капитал не находит применения или что процесс воспроизводства нарушен), свести к экономическому минимуму; потому что, если управление резервным фондом покупательных средств и средств платежа ведется для всего класса капиталистов, то этот резервный фонд может быть не столь велик, как в том случае, если им управляет каждый капиталист особо. В торговле деньгами происходит не купля благородных металлов, а только распределение их, поскольку они куплены в процессе торговли товарами. Торговля деньгами облегчает выравнивание балансов, поскольку деньги функционируют как средство платежа, и при помощи искусственного механизма этого выравнивания балансов уменьшает массу денег, требующуюся для расчетов; но она не определяет ни связи, ни размера взаимных платежей. Например, векселя и чеки, которые обмениваются друг на друга в банках и расчетных палатах, представляют собой совершенно независимые сделки, суть результаты данных операций, и дело сводится лишь к тому, чтобы технически наилучшим способом выравнять эти результаты. Поскольку деньги обращаются как покупательное средство, размеры и число покупок и продаж совершенно не зависят от торговли деньгами. Она может лишь сократить технические операции, которыми сопровождаются эти сделки, и таким образом уменьшить массу наличных денег, необходимых для данного оборота.

Итак, торговля деньгами в той чистой форме, в которой мы здесь рассматриваем ее, т. е. обособленно от кредитного дела, касается только технической стороны одного момента товарного обращения, именно денежного обращения и вытекающих из него различных функций денег.

Это существенным образом отличает торговлю деньгами от торговли товарами, которая опосредствует метаморфоз товара и товарный обмен или даже приводит к тому, что этот процесс товарного капитала представляется как процесс капитала, обособленного от промышленного капитала. Поэтому, если у товарно-торгового капитала оказывается собственная форма обращения, $D - T - D$, где товар перемещается дважды и вследствие этого деньги возвращаются обратно, — в противоположность форме обращения $T - D - T$, где деньги два раза переходят из рук в руки и этим опосредствуют товарный обмен, — то для денежно-торгового капитала нельзя указать никакой такой особой формы.

Поскольку для такого технического опосредствования денежного обращения особое подразделение капиталистов авансирует денежный капитал, представляющий в уменьшенном виде тот дополнительный капитал, который иначе пришлось бы авансировать для той же цели самим купцам и промышленным капиталистам, постольку и здесь находит себе место общая форма капитала $D - D'$. Благодаря авансированию D для авансировавшего получается $D + \Delta D$. Но опосредствование $D - D'$ относится в этом случае не к существованию самого метаморфоза, а лишь к его техническим моментам.

Очевидно, что та масса денежного капитала, которой оперируют торговцы деньгами, — это находящийся в обращении денежный капитал купцов и промышленников и что операции, совершаемые ими, суть лишь операции тех, кого они обслуживают.

Ясно и то, что прибыль торговцев деньгами есть лишь вычет из прибавочной стоимости, так как они имеют дело только с уже реализованными стоимостями (даже если они реализованы лишь в форме долговых требований).

Как и в торговле товарами, здесь происходит раздвоение функции, потому что часть технических операций, связанных с денежным обращением, должна выполняться самими товароторговцами и товаропроизводителями.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ИЗ ИСТОРИИ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Особая форма денежного накопления товарно-торгового и денежно-торгового капитала будет рассмотрена лишь в следующем отделе.

Из вышеизложенного само собой следует, что ничего не может быть более нелепого, чем рассматривать купеческий капитал — в форме или товарно-торгового или же в форме денежно-торгового капитала — как особый вид промышленного капитала, по аналогии, например, с горным делом, земледелием, животноводством, промышленностью, транспортом и пр. отраслями, которые представляют собой образовавшиеся вследствие общественного разделения труда разветвления, а потому и особые сферы приложения, промышленного капитала. Уже то простое наблюдение, что всякий промышленный капитал, находясь в фазе обращения процесса своего воспроизводства как товарный капитал и денежный капитал, выполняет совершенно те же функции, которые являются исключительными функциями купеческого капитала в его обеих формах, — уже одно это наблюдение должно было бы сделать невозможным такое грубое понимание. Наоборот, в товарно-торговом и денежно-торговом капитале различия между промышленным капиталом как производительным, с одной стороны, и тем же самым капиталом в сфере обращения — с другой, приобретают самостоятельное существование вследствие того, что определенные формы и функции, которые временно принимает на себя в этом случае капитал, приобретают вид самостоятельных форм и функций отделившейся части капитала и связаны исключительно с нею. Превращенная форма промышленного капитала и вещественные различия производительного капитала, вытекающие из природы различных отраслей промышленности, — это вещи совершенно различные¹⁵¹.

Кроме той грубости, с которой экономист вообще исследует различия форм, фактически интересующие его только с вещест-

венной стороны, в основе такого смещения у вульгарного экономиста лежат еще двоякого рода обстоятельства. Во-первых, его неспособность объяснить торговую прибыль со всеми ее особенностями; во-вторых, его апологетическое стремление формы товарного и денежного капитала, а затем товарно-торгового и денежно-торгового капитала, возникающие из специфической формы капиталистического способа производства, который прежде всего предполагает в качестве своей основы товарное обращение, а следовательно денежное обращение, вывести как виды, необходимо возникающие из процесса производства как такового.

Если бы между товарно-торговым и денежно-торговым капиталом и производством зерна не было никакого иного различия, кроме такого, которое отличает последнее от животноводства и промышленности, то было бы ясно, что производство и капиталистическое производство вообще тождественны и что в частности распределение общественных продуктов между членами общества как для производительного, так и для индивидуального потребления должно столь же вечно совершаться при помощи купцов и банкиров, как потребности в мясе удовлетворяет животноводство, а потребности в одежде — промышленность ⁴⁵⁾.

Вследствие того, что предметом рассмотрения великих экономистов, таких, как Смит, Рикардо и др., была основная форма капитала промышленный капитал, а капитал обращения (денежный и товарный) фактически рассматривался ими лишь постольку, поскольку он сам представляет собой фазу в процессе воспроизводства всякого капитала, они стали в тупик перед купеческим капиталом как капиталом особого рода. Положения об образовании стоимости, о прибыли и пр., выведенные из рассмотрения промышленного капитала, непосредственно неприменимы к купеческому капиталу. Поэтому они фактически оставляют купеческий капитал совершенно в стороне и упоминают о нем только как о виде промышленного капитала. Там, где они особо говорят о нем, как Рикардо ¹⁵³ в связи с внешней торговлей, они стараются

⁴⁵⁾ Мудрый Рошер додумался ¹⁵², что если некоторые характеризуют торговлю как «посредничество» между производителями и потребителями, то с таким же успехом «можно» характеризовать самое производство как «посредничество» потребления (между кем?), из чего, конечно, следует, что торговый капитал есть часть производительного капитала подобно земельному и промышленному капиталам. Следовательно, если можно сказать, что человек может обеспечивать свое потребление только через производство (а он должен это делать, даже если не получил образования в Лейпциге) или что для присвоения благ природы необходим труд (что можно назвать «посредничеством»), то из этого, конечно, следует, что общественное «посредничество», вытекающее из специфической общественной формы производства, — *потому что оно посредничество*, — имеет характер столь же абсолютной необходимости, имеет такой же ранг. Слово «посредничество» решает все. Впрочем, ведь купцы не посредники между производителями и потребителями (потребителей в отличие от производителей, потребителей, которые не производят, мы пока оставляем в стороне), а посредники при обмене продуктов этих производителей между собой, они лишь промежуточные лица при этом обмене, который в тысяче случаев совершается и без них.

показать, что он не создает никакой стоимости (а следовательно и прибавочной стоимости). Но все, что имеет значение для внешней торговли, относится и к внутренней¹⁵⁴.

До сих пор мы рассматривали купеческий капитал с точки зрения и в пределах капиталистического способа производства. Но не только торговля, а и торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности он представляет собой исторически древнейшую свободную форму существования капитала.

Так как мы уже видели, что торговля деньгами и авансированный на нее капитал не требуют своего развития ничего иного, кроме оптовой торговли и, далее, товарно-торгового капитала, то лишь последним мы здесь и займемся.

Так как торговый капитал не выходит из сферы обращения и его функция состоит исключительно в том, чтобы опосредствовать обмен товаров, то, — если оставить в стороне неразвитые формы, вытекающие из непосредственной меновой торговли, — для его существования не требуется никаких других условий, кроме тех, которые необходимы для простого товарного и денежного обращения. Или, лучше сказать, последнее является условием его существования. Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары, — будет ли это первобытнообщинное хозяйство, или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство, — это несколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. Крайние члены, между которыми служит посредником купеческий капитал, даны для него, как они даны для денег и для движения денег. Единственно необходимое заключается в том, чтобы эти крайние члены имелись в наличии как товары, — безразлично, является ли производство во всем своем объеме товарным производством или же производители, сами ведущие хозяйство, выносят на рынок только излишек, остающийся за покрытием их непосредственных потребностей, удовлетворяемых их производством. Купеческий капитал лишь опосредствует движение этих крайних членов, товаров, которые являются для него заранее данными предпосылками.

Размер, в котором продукция поступает в торговлю, проходит через руки купцов, зависит от способа производства и достигает своего максимума при полном развитии капиталистического производства, когда продукт производится уже только как товар, а не как предмет непосредственного потребления. С другой сто-

роны, на основе любого способа производства торговля способствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен, для того чтобы увеличить потребление или сокровища производителей (под которыми здесь следует понимать собственников продуктов); следовательно, она все более придает производству характер производства ради меновой стоимости¹⁵⁵.

Метаморфоз товаров, их движение состоит: 1) вещественно — в обмене различных товаров друг на друга, 2) в отношении формы — в превращении товара в деньги, в продаже, и в превращении денег в товар, в купле. И к этим функциям, к обмену товаров посредством купли и продажи, сводится функция купеческого капитала. Следовательно, он опосредствует только товарный обмен, который, однако, нельзя понимать с самого начала просто как товарный обмен между непосредственными производителями. При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а следовательно и продает продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство. Купец покупает и продает для многих. В его руках сосредоточиваются купли и продажи, вследствие чего купля и продажа утрачивают связь с непосредственными потребностями покупателя (как купца).

Но какова бы ни была общественная организация в тех сферах производства, для которых купец служит посредником при обмене товаров, его имущество всегда существует как денежное имущество, и его деньги постоянно функционируют как капитал. Форма этого капитала постоянно одна и та же: $D - T - D'$; деньги, самостоятельная форма меновой стоимости, есть исходный пункт, и увеличение меновой стоимости, — самостоятельная цель. Самый товарный обмен и опосредствующие его операции — отделенные от производства и совершаемые непроизводителями — суть лишь средство увеличения не просто богатства, но богатства в его всеобщей общественной форме, богатства как меновой стоимости. Побудительный мотив и определяющая цель состоит в том, чтобы превратить D в $D + \Delta D$; акты $D - T$ и $T - D'$, опосредствующие акт $D - D'$, являются лишь переходными моментами этого превращения D в $D + \Delta D$. Это $D - T - D'$ как характерное движение купеческого капитала отличает его от $T - D - T$, от торговли товарами между самими производителями, конечной целью которой является обмен потребительных стоимостей.

Поэтому, чем менее развито производство, тем более денежное имущество концентрируется в руках купцов, или тем более оно является специфической формой купеческого имущества.

При капиталистическом способе производства, — т. е. когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно измененную и специфическую форму, — купеческий ка-

питал выступает лишь как капитал с *особой функцией*. При всех прежних способах производства, — и тем в большей мере, чем более производство есть непосредственно производство жизненных средств для самого производителя, — купеческий капитал оказывается функцией капитала *par excellence**.

Итак, не представляет ни малейших затруднений понимание того, почему купеческий капитал появляется в качестве исторической формы капитала задолго до того, как капитал подчинил себе само производство. Его существование и развитие до известной степени само является историческим условием для развития капиталистического способа производства 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям, а следовательно уже предполагает купца, который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц. С другой стороны, все развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары. Однако, как мы скоро увидим из дальнейшего изложения, его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой.

При капиталистическом производстве купеческий капитал от своего прежнего самостоятельного существования низводится до такой роли, когда он является лишь особым моментом применения капитала вообще, а выравнивание прибыли сводит его норму прибыли к общему среднему уровню. Он функционирует уже только как агент производительного капитала. Особые общественные отношения, складывающиеся с развитием купеческого капитала, теперь уже не являются определяющими; напротив, там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения. Это наблюдается даже в пределах одной и той же страны, где, например, чисто торговые города больше напоминают о прошлых отношениях, чем фабричные города⁴⁶¹.

* — по преимуществу. *Ped.*

⁴⁶¹ Г-н В. Киссельбах («Der Gang des Welthandels im Mittelalter». 1860) действительно все еще живет представлениями того мира, в котором купеческий капитал есть форма капитала вообще. О капитале в современном смысле он не имеет ни малейшего представления, как и г-н Моммзен, который в своей «Römische Geschichte» говорит о «капитале» и о господстве капитала. В новейшей английской истории собственно торговое сословие и торговые города также являются политически реакционными и выступают в союзе с земельной и финансовой аристократией против промышленного капитала. Сравните, например, политическую роль Ливерпуля с ролью Манчестера и Бирмингема. Полное господство промышленного капитала признано английским купеческим капиталом и финансовой аристократией (moneyed interest) лишь со времени отмены хлебных пошлин¹⁵⁶ и т. д.

Самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества.

Самостоятельное купеческое имущество как господствующая форма капитала означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены — сами обменивающиеся производители. Эти крайние члены остаются самостоятельными по отношению к процессу обращения, как и этот процесс по отношению к ним. Продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю. Следовательно, здесь капитал впервые выступает как капитал в процессе обращения. В процессе обращения деньги развиваются в капитал. В обращении продукт впервые развивается как меновая стоимость, как товар и деньги. Капитал может образоваться в процессе обращения и должен образоваться в нем, прежде чем он научится подчинять себе его крайние члены, различные сферы производства, обращение между которыми он опосредствует. Денежное и товарное обращение могут опосредствовать сферы производства самой разнообразной организации, сферы, которые по своей внутренней структуре все еще направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Это обособление процесса обращения, при котором сферы производства связываются между собой при посредстве третьего члена, выражает двоякого рода обстоятельства. Во-первых, — то, что обращение еще не овладело производством, а относится к нему как к данной предпосылке. Во-вторых, — то, что процесс производства еще не включил в себя обращения в качестве просто своего момента. Напротив, в капиталистическом производстве произошло и то и другое. Процесс производства основывается всецело на обращении, а обращение представляет собой лишь момент, переходную фазу производства, лишь реализацию продукта, произведенного как товар, и возмещение элементов его производства, производимых как товары. Форма капитала, происходящая непосредственно из обращения, — торговый капитал, — является здесь лишь одной из форм капитала в процессе его воспроизводства ¹⁵⁷.

Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли (*carrying trade*), например у венецианцев, генуэзцев и голландцев, следовательно, там, где главный

барыш извлекается не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и из эксплуатации вступивших в обмен обеих производящих стран ⁴⁷⁾. В этом случае перед нами купеческий капитал в чистом виде, обособленный от крайних членов, от тех сфер производства, между которыми он служит посредником. Таков главный источник его образования. Но такая монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существования. При посреднической торговле это сказывается не только в упадке торговли как особой отрасли, но и в падении преобладания чисто торговых народов и вообще их торгового богатства, которое покоилось на базисе этой посреднической торговли. Это лишь особая форма, в которой в ходе развития капиталистического производства находит себе выражение подчинение торгового капитала промышленному. Впрочем, яркий пример того, как хозяйничает купеческий капитал там, где он прямо овладевает производством, представляет не только колониальное хозяйство вообще (так называемая колониальная система), но в особенности хозяйство старой Голландско-Ост-Индской компании ¹⁵⁹.

Так как движение купеческого капитала есть $D - T - D'$, то прибыль купца, во-первых, получается благодаря актам, совершающимся лишь в пределах процесса обращения, следовательно, получается при совершении двух актов: купли и продажи, и, во-вторых, она реализуется при совершении последнего акта продажи. Следовательно, это «прибыль от отчуждения», «profit upon alienation» ¹⁶⁰. Чистая независимая торговая прибыль *prima facie* * кажется невозможной, если продукты продаются по их стоимости ¹⁶¹. Дешево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли. Следовательно, это не обмен эквивалентов. Понятие стоимости предполагается при этом постольку, поскольку различные товары все суть стоимость, а потому — деньги; качественно все они одинаково суть выражения общественного труда. Но они не равные величины стоимости. Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга, является сначала

⁴⁷⁾ «Жители торговых городов вывозили из более богатых стран утонченные товары мануфактурного производства и драгоценные предметы роскоши и таким образом давали пищу тщеславию крупных землевладельцев, которые с жадностью покупали эти товары и оплачивали их огромными количествами сырого продукта своих земель. Таким образом, в это время торговля значительной части Европы состояла главным образом в обмене сырого продукта одной страны на готовые изделия страны, более передовой в промышленном отношении... Когда же употребление этих изделий стало настолько общераспространенным, что вызвало значительный спрос на них, купцы, чтобы сэкономить издержки по перевозке, пытались основать производство подобного рода товаров у себя на родине» (A. Smith. [«Wealth of Nations», Vol. I, London, 1776] Book III, ch. III [p. 489, 490]) ¹⁵⁸.

* — на первый взгляд. *Ред.*

совершенно случайным. Они принимают товарную форму, потому что они вообще могут обмениваться, т. е. потому что они суть выражения чего-то одного и того же третьего. Продолжающийся обмен и более регулярное воспроизводство для обмена все более устраняют этот элемент случайности. Но сначала не для производителей и потребителей, а для посредника между ними обоими, для купца, который сравнивает денежные цены и разницу кладет в карман. Самим своим движением он устанавливает эквивалентность.

Торговый капитал вначале служит только посредником в движении между двумя крайними членами, которые не подчинены ему, и между предпосылками, которые не им созданы.

Подобно тому как из самой по себе формы товарного обращения, $T - D - T$, деньги возникают не только как мера стоимости и средство обращения, но и как абсолютная форма товара, а вместе с тем и богатства, как сокровище, и их сохранение и приращение в форме денег становится самоцелью, так из самой по себе формы обращения купеческого капитала, $D - T - D'$, возникают деньги, сокровище, как нечто такое, что сохраняется и увеличивается просто посредством отчуждения.

Торговые народы древнего мира существовали, как боги Эпикура в межмировых пространствах ¹⁶², или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных, колоссально развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников.

На пороге капиталистического общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе наоборот. Конечно, торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и пропитание она ставит в большую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта. Этим она разлагает старые отношения. Она увеличивает денежное обращение. Она захватывает уже не только избыток продуктов, но мало-помалу пожирает и самое производство и ставит в зависимость от себя целые отрасли производства. Однако это разлагающее влияние в значительной степени зависит от природы производящего общества ¹⁶³.

Пока торговый капитал опосредствует обмен продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обмана и обмана, но по большей части и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал живет за счет разницы между ценами производства различных стран (и в этом отношении он оказывает влияние на выравнивание и установле-

ние товарных стоимостей), купеческий капитал при прежних способах производства присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта, отчасти как посредник между обществами, производство которых в основном еще направлено на потребительную стоимость и для экономической организации которых продажа части продуктов, вообще поступающей в обращение, следовательно вообще продажа продуктов по их стоимости, имеет второстепенное значение; отчасти потому, что при прежних способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный земельный собственник, государство (например, восточная деспотия), — представляют потребляющее богатство, которому расставляет сети купец, как это правильно почуял по отношению к феодальному времени уже А. Смит в приведенной цитате. Итак, повсюду, где торговый капитал имеет преобладающее господство, он представляет систему грабежа ⁴⁸⁾, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, хищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.

Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит

⁴⁸⁾ «Теперь купцы очень жалуются на дворян или на разбойников, на то, что им приходится торговать с большой опасностью, и, кроме того, их захватывают, избивают, облагают поборами и грабят. Но если бы купцы претерпевали это ради справедливости, то, конечно, они были бы святыми людьми... Но так как сами купцы творят столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой по всему миру и даже по отношению друг к другу, то нет ничего удивительного в том, что бог делает так, что столь большое имущество, несправедливо приобретенное, снова утрачивается или подвергается разграблению, а их самих вдобавок еще избивают или захватывают в плен... А князьям подобает надлежащей властью наказывать за столь несправедливую торговлю и принимать меры, чтобы купцы не обдирали так бесовственно их подданных. Но так как князья этого не делают, то бог посылает рыцарей и разбойников и через них наказывает купцов за беззаконие, и они должны быть его дьяволами, подобно тому как он мучит дьяволами или губит врагами землю Египетскую и весь мир. Так он бьет одного злодея другим, давая этим понять, что купцы — не меньшие разбойники, чем рыцари, ибо купцы ежедневно грабят весь мир, тогда как рыцарь в течение года ограбит раз или два, одного или двух». «Исполняется пророчество Исайи: князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и действуют заодно с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем все другие, как бы для того, чтобы оставалась верной поговорка: крупные воры вешают мелких воров, и, как говорил римский сенатор Катон, мелкие воры сидят в тюрьмах и закованы в цепи, а крупные воры щеголяют в золоте и шелках. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорил устами Иезекииля: князей и купцов, одного вора с другим, он славит вместе, как свинец и медь, как это бывает, когда сгорел город, чтобы не было больше ни князей, ни купцов» (*Martin Luther. «Von Kauffshandlung und Wucher», 1524* ¹⁶⁴⁾).

это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на месте старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же в зависимости от исходного пункта оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами.

По самой природе вещей получается так, что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой. Но насколько рука об руку с этим идет промышленное развитие, это целиком зависит здесь от других обстоятельств. В Древнем Риме уже в поздний республиканский период купеческий капитал в своем развитии достигает более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в развитии промышленности; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов. С другой стороны, в прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам.

Не подлежит никакому сомнению, — и именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам, — что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках в связи с географическими открытиями¹⁶⁵ и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Между тем современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в сред-

ние века. Стоит сравнить, например, Голландию с Португалией ⁴⁹⁾. А если в XVI и отчасти еще в XVII столетии внезапное расширение торговли и создание нового мирового рынка оказали решающее влияние на падение старого и на подъем капиталистического способа производства, то это, напротив, произошло на основе уже созданного капиталистического способа производства. Мировой рынок сам образует основу этого способа производства. С другой стороны, имманентная для последнего необходимость производить в постоянно увеличивающемся масштабе ведет к постоянному расширению мирового рынка, так что в этом случае не торговля революционизирует промышленность, а промышленность постоянно революционизирует торговлю. И торговое господство теперь связано уже с большим или меньшим преобладанием условий крупной промышленности. Стоит сравнить, например, Англию и Голландию. История упадка Голландии как господствующей торговой нации есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу. Препятствия, которые ставят разлагающему влиянию торговли внутренняя устойчивость и структура докапиталистических национальных способов производства, разительно обнаруживаются в отношениях англичан с Индией и Китаем. Единство мелкого земледелия с домашней промышленностью образует здесь широкий базис способа производства, причем в Индии к этому присоединяется еще форма деревенских общин, покоящихся на общинной собственности на землю, которые, впрочем, были первоначальной формой и в Китае. В Индии англичане немедленно применили свою непосредственную политическую и экономическую силу как правители и получатели земельной ренты для того, чтобы разрушить эти маленькие экономические общины ⁵⁰⁾. Их торговля оказывает здесь революционизирующее влияние на способ производства лишь постольку, поскольку они дешевизной своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную неразрывную часть этого единства промышленно-земледельческого производства, и таким образом разрушают

⁴⁹⁾ Какое важное значение для развития Голландии, кроме других обстоятельств, имел такой базис, как ее рыболовство, мануфактура и земледелие, это показали уже писатели XVIII столетия. См., например, Масси ¹⁶⁶⁾. В противоположность прежним взглядам, когда размеры и значение азиатской, античной и средневековой торговли недооценивались, теперь стало модой чрезвычайно переоценивать их. Всего лучше можно освободиться от такого представления, если сопоставить английский ввоз и вывоз к началу XVIII столетия с современным. Однако и тогда английский ввоз и вывоз был несравненно больше, чем у какого бы то ни было торгового народа прежнего времени (см. A. Anderson. «An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce». [Vol. II, London, 1764, p. 261 and sq.]).

⁵⁰⁾ Если история какого-либо народа и представляет ряд неудачных и действительно нелепых (на практике глупых) экономических экспериментов, так это — хозяйничанье англичан в Индии. В Бенгалии они создали карикатуру крупной английской земельной собственности; в Юго-Восточной Индии — карикатуру парцеллярной собственности; на северо-западе они превратили, поскольку это зависело от них, индийскую экономическую общину с общинной земельной собственностью в карикатуру ее самой.

общину. Но даже здесь это дело разложения удается им лишь постепенно. Еще медленнее разрушалась община в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит на помощь. Большая экономия и сбережение времени, происходящие от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают здесь самое упорное сопротивление продуктам крупной промышленности, в цену которых входят *faux frais* * повсюду пронизывающего их процесса обращения. В противоположность английской, русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства ⁵¹⁾.

Переход от феодального способа производства совершается двояким образом. Производитель становится купцом и капиталистом в противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство. Как ни велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени, — примером чего может служить хотя бы английский *clothier* ** XVII столетия, подчиняющий своему контролю ткачей, оставшихся тем не менее самостоятельными, продавая им шерсть и скупая у них сукно, — все же этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку. Таким образом, например, еще вплоть до середины настоящего столетия фабрикант во французской шелковой промышленности, в английской чулочной и кружевной промышленности по большей части лишь номинально был фабрикантом, в действительности же — просто купцом, который предоставлял ткачам работать их старым кустарным способом и господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали ⁵²⁾. Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем у рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого

* — непроизводительные издержки. *Ред.*

⁵¹⁾ Эта основа также начинает изменяться с тех пор, как Россия стала предпринимать крайне судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на соседний азиатский рынки. — *Ф. Э.*

** — суконщик. *Ред.*

⁵²⁾ То же самое относится к рейнскому ленточному и тесемочному производству и к шелкоткачеству. Близ Крефельда была даже построена особая железная дорога для сношения этих сельских ручных ткачей с городскими «фабрикантами», но впоследствии механическое ткачество обрело ее вместе с ручными ткачами на бездействии. — *Ф. Э.*

способа производства. Такие же отношения, лишь несколько модифицированные, существуют в части лондонского ремесленного производства мебели. В особенности в Тауэр-Хамлетс оно поставлено на весьма широкую ногу. Все производство разделено на множество независимых одна от другой отраслей. Одно предприятие изготовляет только стулья, другое — только столы, третье — только шкафы и т. д. Но самые эти предприятия ведутся более или менее ремесленным способом мелким мастером с немногими подмастерьями. Однако производство оказывается слишком массовым для того, чтобы можно было работать непосредственно на частных потребителей. Покупатели здесь — владельцы мебельных магазинов. По субботам мастер отправляется к ним и продает свой продукт, причем они торгуются относительно цены совершенно так же, как в ломбарде торгуются относительно размеров ссуды под ту или другую вещь. Эти мастера вынуждены продавать свои продукты еженедельно уже для того, чтобы в следующую неделю иметь возможность снова купить сырой материал и уплатить заработную плату. При таких обстоятельствах они по существу служат лишь посредниками между купцом и своими собственными рабочими. Собственно капиталистом является здесь купец, который кладет себе в карман большую часть прибавочной стоимости⁵³⁾. Сходное явление наблюдается при переходе в мануфактуру тех отраслей, которые раньше велись ремесленным способом или как побочные отрасли сельской промышленности. В зависимости от технического уровня развития этого мелкого самостоятельного производства, — там, где оно само уже применяет машины, допускаемые ремесленным производством, — совершается и переход к крупной промышленности; машина приводится в движение уже не рукой, а паром, как это, например, происходит в последнее время в английском чулочновязальном производстве¹⁶⁷⁾.

Итак, переход совершается трояким образом: *во-первых*, купец непосредственно становится промышленником; это имеет место в отраслях ремесла, основанных на торговле, в частности, в производстве предметов роскоши, которые вместе с сырьем и рабочими ввозятся купцами из-за границы, как в пятнадцатом веке в Италию из Константинополя. *Во-вторых*, купец делает своими посредниками (middlemen) мелких мастеров или прямо покупает у самостоятельного производителя; номинально он оставляет его самостоятельным и оставляет без изменения его способ производства. *В-третьих*, промышленник становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли.

⁵³⁾ С 1865 г. эта система развивалась в еще большем масштабе. Подробности о ней см. «First Report of the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System». London, 1888. — Ф. 3.

В средние века, как правильно говорит Поппе, купец был только «передатчиком» товаров, произведенных цеховыми ремесленниками или крестьянами¹⁶⁸. Купец становится промышленником, или, точнее, заставляет работать на себя ремесленную, в особенности же сельскую мелкую промышленность. С другой стороны, производитель становится купцом. Например, мастер, сукнодел, вместо того чтобы получать шерсть от купца постепенно, небольшими партиями, и обрабатывать ее для него с помощью своих подмастерьев, сам покупает шерсть или пряжу и продает свое сукно купцу. Элементы производства входят в процесс производства как купленные им самим товары. И вместо того чтобы производить для отдельного купца или для определенных заказчиков, сукнодел производит теперь для всего торгового мира. Сам производитель — купец. Торговый капитал совершает уже только процесс обращения. Первоначально торговля была предпосылкой для превращения цехового и сельского домашнего ремесла и феодального земледелия в капиталистические производства. Она развивает продукт в товар отчасти тем, что создает для него рынок, отчасти тем, что доставляет новые товарные эквиваленты, а для производства — новые сырые и вспомогательные материалы, и тем самым вызывает к жизни новые отрасли производства, которые с самого начала основываются на торговле: на производстве для рынка и для мирового рынка и на условиях производства, доставляемых мировым рынком. Как только мануфактура до некоторой степени окрепла, она, — а еще больше крупная промышленность, — сама создает себе рынок, завоевывает его своими товарами. Теперь торговля становится слугой промышленного производства, для которого постоянное расширение рынка является жизненным условием. Постоянно расширяющееся массовое производство переполняет наличный рынок и потому постоянно расширяет этот рынок, раздвигает его рамки. Что ограничивает это массовое производство, так это не торговля (поскольку последняя выражает лишь существующий спрос), а величина функционирующего капитала и степень развития производительной силы труда. Промышленный капиталист постоянно имеет перед собой мировой рынок, он сравнивает и постоянно должен сравнивать свои собственные издержки производства с рыночными ценами не только в своей стране, но и с мировыми ценами. В более ранние периоды это сравнение выпадает на долю почти исключительно купцов и обеспечивает таким образом торговому капиталу господство над промышленным капиталом¹⁶⁹.

Первое теоретическое освещение современного способа производства — меркантилистская система — по необходимости исходило из поверхностных явлений процесса обращения в том виде, как они обособились в движении торгового капитала, и потому оно схватывало только внешнюю видимость явлений. Отчасти потому,

что торговый капитал есть первая свободная форма существования капитала вообще. Отчасти вследствие того преобладающего влияния, какое он имел в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства. Подлинная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства. Правда, капитал, приносящий проценты,— тоже древняя форма капитала. Но почему меркантилизм не делает его своим отправным пунктом, а, напротив, относится к нему полемически, это мы увидим впоследствии.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД.
КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ

При первом рассмотрении общей или средней нормы прибыли (отдел II этой книги) эта последняя не выступала еще перед нами в своем законченном виде, так как выравнивание прибылей представлялось еще просто выравниванием промышленных капиталов, вложенных в различные сферы производства. Это рассмотрение было дополнено в предыдущем отделе, где исследовались участие торгового капитала в этом выравнивании и торговая прибыль. Общая норма прибыли и средняя прибыль предстали теперь в более узких границах, чем прежде. В ходе дальнейшего исследования следует иметь в виду, что, говоря об общей норме прибыли, или о средней прибыли, мы подразумеваем это последнее значение, т. е. говорим лишь о средней норме в ее законченном виде. А так как норма эта теперь одинакова для промышленного и для торгового капитала, то, поскольку речь идет только об этой средней прибыли, нет также необходимости впредь делать различие между промышленной и торговой прибылью. Независимо от того, вложен ли капитал в сферу производства как промышленный капитал или в сферу обращения как торговый капитал, он приносит *pro rata* * своей величине одну и ту же годовую среднюю прибыль.

Деньги, взятые здесь как самостоятельное выражение известной суммы стоимости, — независимо от того, существует ли она в действительности в форме денег или товара, — могут на основе капиталистического производства быть превращены в капитал и вследствие такого превращения из стоимости данной величины становятся стоимостью самовозрастающей, увеличивающейся. Они производят прибыль, т. е. дают капиталисту возможность выжимать из рабочих и присваивать определенное количество

* — соответственно, *Ред.*

неоплаченного труда, прибавочный продукт и прибавочную стоимость. Тем самым помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, они приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал. Их потребительная стоимость состоит здесь как раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал. В этом качестве потенциального капитала, средства для производства прибыли, деньги становятся товаром, но товаром *sui generis* *. Или, что сводится к тому же, капитал как капитал становится товаром ⁵⁴⁾.

Предположим, что годовая средняя норма прибыли равняется 20%. В таком случае машина стоимостью в 100 ф. ст., применяемая в качестве капитала при средних условиях и среднем уровне знания дела и целесообразной деятельности, дала бы прибыль в 20 фунтов стерлингов. Из этого следует, что человек, располагающий 100 ф. ст., обладает силой превратить 100 ф. ст. в 120, или произвести прибыль в 20 фунтов стерлингов. Он обладает потенциальным капиталом в 100 фунтов стерлингов. Если этот человек уступает эти 100 ф. ст. на год другому, который действительно применит их как капитал, то он дает ему силу произвести 20 ф. ст. прибыли, произвести прибавочную стоимость, которая ничего ему не стоит, за которую он не уплачивает никакого эквивалента. Если это последнее лицо уплачивает собственнику этих 100 ф. ст. в конце года, предположим, 5 ф. ст., т. е. часть произведенной прибыли, то оно оплачивает таким образом потребительную стоимость этих 100 ф. ст., потребительную стоимость их функции как капитала, функции производить 20 ф. ст. прибыли. Часть прибыли, уплачиваемая владельцу этих денег, называется процентом, что, следовательно, является не чем иным, как особым названием, особой рубрикой той части прибыли, которую функционирующий капитал должен выплатить собственнику капитала вместо того, чтобы положить ее в собственный карман.

Ясно, что обладание этими 100 ф. ст. дает их собственнику силу присвоить процент, некоторую часть прибыли, произведенной его капиталом. Если бы он не отдал этих 100 ф. ст. другому лицу, то это последнее не могло бы произвести прибыль, вообще не могло бы функционировать в качестве капиталиста по отношению к этим 100 фунтам стерлингов ⁵⁵⁾.

* — особого рода. *Ред.*

⁵⁴⁾ Здесь можно было бы процитировать несколько мест, в которых экономисты так именно и понимают дело. — «Вы» (Английский банк) «являетесь очень крупными торговцами *товаром капитала*?» — таков вопрос при опросе свидетелей в связи с отчетом по банковскому законодательству (палата общин, 1857) был задан одному из директоров этого Банка. [*Report on Bank Acts*, 1857, p. 104].

⁵⁵⁾ «То обстоятельство, что человек, берущий деньги взаймы с целью извлечь из них прибыль, должен отдать часть прибыли кредитору, является само собой разумеющимся принципом естественной справедливости» (*Gilbart*. «*The History and Principles of Banking*», London, 1834, p. 163).

Говорить в данном случае вместе с Гилбартом (см. примечание) об «естественной справедливости» — бессмыслица. Справедливость сделок, совершающихся между агентами производства, основывается на том, что эти сделки как естественное следствие вытекают из отношений производства. Юридические формы, в которых эти экономические сделки проявляются как волевые действия участников, как выражения их общей воли и как обязательства, к выполнению которых каждую из сторон принуждает государство, — эти юридические формы, будучи только формами, не могут сами определить этого содержания сделок. Они только выражают его. Содержание это является справедливым, поскольку оно соответствует способу производства, адекватно ему. Оно несправедливо, поскольку противоречит ему. Рабство на основе капиталистического способа производства несправедливо; точно так же несправедлив и обман на качестве товара.

Эти 100 ф. ст. производят прибыль в 20 ф. ст. потому, что они функционируют как капитал — промышленный или торговый капитал. Однако *sine qua non* * такого функционирования их в качестве капитала является расходование их как капитала, следовательно, расходование денег на покупку средств производства (при капитале промышленном) и на покупку товара (при капитале торговом). Но чтобы деньги могли быть израсходованы, они должны быть налицо. Если бы *A*, собственник этих 100 ф. ст., израсходовал их на свое личное потребление или удержал их при себе как сокровище, то *B*, функционирующий капиталист, не мог бы израсходовать их как капитал. Он затрачивает не свой капитал, а капитал, принадлежащий *A*, но он не может затратить капитала, принадлежащего *A*, помимо воли *A*. Таким образом, в действительности эти 100 ф. ст. как капитал первоначально расходуются капиталистом *A*, хотя вся функция его в качестве капиталиста ограничивается этим расходованием 100 ф. ст. как капитала. Поскольку дело касается этих 100 ф. ст., то *B* лишь потому функционирует как капиталист, что *A* передает ему эти 100 ф. ст. и таким образом расходует их как капитал.

Рассмотрим сначала своеобразие обращения капитала, приносящего проценты. Затем, во вторую очередь, следует рассмотреть тот своеобразный способ, при котором он продается как товар, именно ссужается, а не уступает раз навсегда.

Исходным пунктом являются деньги, которые *A* ссужает *B*. Ссуда может быть предоставлена под залог или без залога; однако первая форма является более древней, за исключением ссуды под товары или под долговые обязательства, как-то: векселя, акции и т. д. Эти особые формы нас здесь не интересуют. Мы имеем здесь дело с капиталом, приносящим проценты, в его обычной форме.

* — непременно условием. *Ред.*

В руках B деньги действительно превращаются в капитал, проделывают движение $D - T - D'$ и затем снова возвращаются к A как D' , как $D + \Delta D$, где ΔD представляет процент. Ради упрощения мы пока оставляем в стороне тот случай, когда капитал остается в руках B на более продолжительное время и проценты выплачиваются в определенные сроки.

Итак, движение таково:

$$D - D - T - D' - D'.$$

Дважды здесь появляются 1) расходование денег как капитала, 2) обратный приток их как реализованного капитала, как D' , или $D + \Delta D$.

При движении торгового капитала $D - T - D'$ один и тот же товар дважды, а в тех случаях, когда купец продает купцу, и многократно, переходит из одних рук в другие; но каждое такое перемещение одного и того же товара означает метаморфоз, куплю или продажу товара, сколько бы раз ни повторялся этот процесс, до тех пор пока товар не войдет окончательно в потребление.

С другой стороны, в $T - D - T$ совершается двукратное перемещение одних и тех же денег, но это двукратное перемещение указывает на полный метаморфоз товара, который сначала превращается в деньги, а затем из денег опять в другой товар.

Напротив, для капитала, приносящего проценты, первое перемещение D отнюдь не является моментом ни метаморфоза товара, ни воспроизводства капитала. Таким моментом перемещение D становится лишь при вторичной затрате, в руках функционирующего капиталиста, который ведет с этими деньгами торговлю, или превращает их в производительный капитал. Первое перемещение D выражает здесь не что иное, как переуступку, или передачу, лицом A лицу B — переуступку, обыкновенно совершающуюся при соблюдении известных юридических форм и условий.

Этому двукратному расходованию денег как капитала, причем первое из них есть простая передача денег лицом A лицу B , соответствует и двукратное возвращение их. Как D' , или $D + \Delta D$, они возвращаются из движения обратно к функционирующему капиталисту B . Тогда последний снова передает их A , но уже вместе с частью прибыли, передает как реализованный капитал, как $D + \Delta D$, где ΔD не равно всей прибыли, а представляет собой только часть прибыли, процент. К B они возвращаются обратно лишь в качестве того, что он израсходовал, — в качестве функционирующего капитала, являющегося, однако, собственностью A . Поэтому, чтобы процесс их возвращения закончился, B должен передать их A . Но кроме суммы капитала, B должен передать A под названием процента часть прибыли, произведенной им при помощи этой суммы капитала, так как A давал деньги B только как капитал, т. е. как стоимость, которая не только сохра-

няется в движении, но и создает своему собственнику прибавочную стоимость. Они остаются в руках *В* лишь до тех пор, пока являются функционирующим капиталом. И по своем возвращении, — по истечении срока, — они перестают функционировать как капитал. Но и в качестве нефункционирующего более капитала они должны быть снова переданы обратно *А*, который не перестал быть их юридическим собственником.

Форма ссуды, вместо формы продажи, свойственная этому товару, капиталу как товару, встречающаяся впрочем и при других сделках, вытекает уже из того определения, что капитал выступает здесь как товар или что деньги в качестве капитала становятся товаром.

Здесь необходимо провести следующее различие:

Мы видели («Капитал», кн. II, гл. I) и кратко напоминаем здесь о том, что в процессе обращения капитал функционирует как товарный капитал и как денежный капитал. Но в обеих формах капитал становится товаром не как капитал.

Как только производительный капитал превратится в товарный капитал, он должен быть выброшен на рынок, продан как товар. Здесь он функционирует просто как товар. Капиталист выступает в данном случае лишь как продавец товара, подобно тому, как покупатель — лишь как покупатель товара. Как товар продукт должен в процессе обращения посредством продажи реализовать свою стоимость, принять свой превращенный вид, вид денег. Поэтому также совершенно безразлично, покупается ли этот товар потребителем в качестве жизненного средства или капиталистом в качестве средства производства, как составная часть капитала. В акте обращения товарный капитал функционирует лишь как товар, не как капитал. Это — товарный *капитал* в отличие от простого товара, 1) потому что он уже чреват прибавочной стоимостью, следовательно реализация его стоимости есть в то же время и реализация прибавочной стоимости; но это ничего не изменяет в том факте, что он существует просто как товар, как продукт определенной цены; 2) потому что эта функция его как товара есть момент процесса воспроизводства его как капитала, и потому его движение как товара, являясь лишь частичным движением в совершаемом им процессе, в то же время является его движением как капитала; но оно становится таковым не вследствие самого акта продажи, а только вследствие связи, существующей между этим актом и всем движением этой определенной суммы стоимости как капитала.

Точно так же в качестве денежного капитала он фактически действует лишь просто как деньги, т. е. как средство для покупки товаров (элементов производства). То обстоятельство, что эти деньги являются здесь в то же время денежным капиталом, формой капитала, вытекает не из акта купли, не из той действительной

функции, которую он выполняет как деньги, а из связи этого акта с совокупным движением капитала, потому что этот акт, который совершает капитал как деньги, служит введением к капиталистическому процессу производства.

Но поскольку товарный капитал и денежный капитал действительно функционируют, действительно играют свою роль в процессе, товарный капитал действует здесь только как товар, денежный капитал — только как деньги. Ни в один из отдельных моментов метаморфоза, рассматриваемых сами по себе, капиталист не продает покупателю товара как *капитала* — хотя для него товар представляет капитал — и не отчуждает продавцу денег как капитала. В обоих случаях он отчуждает товар просто как товар и деньги просто как деньги, как покупательное средство по отношению к товару.

Капитал выступает в процессе обращения как капитал только в общей связи всего процесса, в том моменте, в котором исходная точка является вместе с тем и той точкой, к которой движение возвращается, в $D - D'$ или $T - T'$ (тогда как в процессе производства он выступает как капитал вследствие подчинения рабочего капиталисту и вследствие производства прибавочной стоимости). Но в этом моменте возвращения к исходной точке посредствующий процесс исчез. Налицо здесь D' , или $D + \Delta D$, сумма денег, равная первоначально авансированной денежной сумме плюс некоторый избыток сравнительно с ней, реализованная прибавочная стоимость (при этом безразлично, существует ли теперь сумма стоимости, увеличенная на ΔD , в форме денег, или товара, или элементов производства). И как раз в этом пункте возвращения, в котором капитал существует как реализованный капитал, как возросшая стоимость, — поскольку этот пункт фиксируется как точка покоя, воображаемая или действительная, — в этой форме капитал никогда не вступает в обращение, а, наоборот, выступает как извлеченный из обращения, как результат всего процесса. Если он расходуется вновь, он никогда не отчуждается третьему лицу как *капитал*, а продается ему как простой товар или уплачивается ему за товар как простые деньги. Он никогда не выступает в процессе своего обращения как капитал, а только как товар или деньги, и это в данном случае единственная форма его существования *для других*. Товар и деньги являются здесь капиталом не постольку, поскольку товар превращается в деньги, а деньги в товар, не в их действительных отношениях к покупателю или продавцу, а лишь в их идеальных отношениях к самому капиталисту (если рассматривать дело субъективно) или как моменты процесса воспроизводства (если рассматривать дело объективно). В действительном движении капитал существует как капитал не в процессе обращения, а лишь в процессе производства, в процессе эксплуатации рабочей силы.

Но иначе обстоит дело с капиталом, приносящим проценты, и как раз в этом-то и заключается его специфический характер. Владелец денег, желающий применить свои деньги как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром как *капитал*, — как капитал не только для себя самого, но и для других. Это капитал не только для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они с самого же начала передаются как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость, прибыль; как стоимость, которая в движении сохраняется и после своего функционирования возвращается к первоначально израсходовавшему ее лицу, в данном случае, к владельцу денег; следовательно, лишь на время удаляется от него и из рук своего собственника лишь временно переходит во владение функционирующего капиталиста, т. е. не поступает в уплату и не продается, а лишь отдается в ссуду, лишь отчуждается под условием, что по истечении известного срока она, во-первых, возвратится к своему исходному пункту и, во-вторых, возвратится как реализованный капитал, реализовав свою потребительную стоимость, свою способность производить прибавочную стоимость.

Товар, который ссужается как капитал, ссужается, смотря по его свойствам, как основной или как оборотный капитал. Деньги могут даваться в ссуду в обеих формах, — как основной капитал, например, в том случае, когда они выплачиваются обратно в форме пожизненной ренты, так что вместе с процентами всегда возвращается обратно и часть капитала. Некоторые товары по самой природе своей потребительной стоимости могут быть даны в ссуду лишь как основной капитал, например дома, суда, машины и т. д. Но всякий ссудный капитал, какова бы ни была его форма и как бы природа его потребительной стоимости ни модифицировала обратную уплату, всегда является лишь особой формой денежного капитала. Потому что то, что дается здесь в ссуду, всегда есть определенная денежная сумма, и на эту же сумму исчисляется и процент. Если то, что ссужается, не есть ни деньги, ни оборотный капитал, то и обратно оно уплачивается таким способом, как притекает обратно основной капитал. Кредитор получает периодически процент и часть потребленной стоимости самого основного капитала, эквивалент периодического износа. А по истечении срока непотребленная часть ссуженного основного капитала возвращается обратно *in natura* *. Если ссуженный капитал — капитал оборотный, то и он возвращается к кредитору точно так же, как притекает обратно оборотный капитал ¹⁷⁰.

Итак, способ возвращения определяется каждый раз действительным кругооборотом воспроизводящегося капитала и его осо-

* - в натуральной форме. *Ред.*

бых видов. Но возвращение ссуженного капитала принимает *форму* обратной уплаты потому, что авансирование, отчуждение этого капитала имеет форму ссуды.

В этой главе мы занимаемся лишь собственно денежным капиталом, от которого произошли все другие формы ссудного капитала.

Ссудный капитал притекает обратно два раза; в процессе воспроизводства он возвращается к функционирующему капиталисту, а затем еще раз повторяется возвращение как передача капитала кредитору, денежному капиталисту, как обратная уплата капитала его действительному собственнику, юридической исходной точке капитала.

В действительном процессе обращения капитал всегда выступает только как товар или деньги, и его движение сводится к ряду актов купли и продажи. Короче, процесс обращения сводится к метаморфозу товара. Иное дело, если мы рассмотрим процесс воспроизводства в целом. Если в качестве отправной точки мы возьмем деньги (дело не изменится, если в качестве отправной точки мы возьмем товар, потому что в таком случае мы исходим из его стоимости и, следовательно, рассматриваем самый товар *sub specie* * денег), то мы увидим, что известная сумма денег израсходована и по истечении известного периода возвращается обратно с некоторым приращением. Возвращается обратно возмещение авансированной денежной суммы плюс прибавочная стоимость. Эта сумма сохранилась и увеличилась, совершив известное круговое движение. Но деньги, поскольку они ссужаются как капитал, ссужаются именно в качестве такой сохраняющейся и увеличивающейся денежной суммы, которая по истечении известного периода возвращается с некоторой прибавкой и во всякое время может снова начать тот же самый процесс. Они не расходуются ни как деньги, ни как товар, т. е. они не обмениваются на товар, если авансированы в виде денег, и не продаются за деньги, если авансированы в виде товара; они расходуются как капитал. Отношение к самому себе, отношение, в котором представляется капитал, если рассматривать капиталистический процесс производства как целое и как единство, отношение, в котором капитал выступает как деньги, высиживающие деньги, здесь срастается с деньгами без посредствующего промежуточного движения, просто в качестве их характера, их определенности. И в этой определенности они отчуждаются, когда отдаются в ссуду в качестве денежного капитала.

Странное понимание роли денежного капитала у Прудона («*Gratuité du Crédit*», Discussion entre m. Fr. Bastiat et m. Proudhon. Paris, 1850)¹⁷¹. Ссуда потому кажется Прудону злом, что она не является продажей.

* — под углом зрения. *Ред.*

Ссуда под проценты — это

«возможность все снова продавать один и тот же предмет и все снова получать за него цену, никогда не уступая собственности на то, что продается» (стр. 9)¹⁷².

Предмет, деньги, дом и т. д. не меняют собственника, как это бывает при купле и продаже. Но Прудон упускает из виду, что при отдаче денег в форме капитала, приносящего проценты, за них не получают никакого эквивалента. При всяком акте купли и продажи, поскольку вообще происходит обмен, предмет действительно отдается. Собственность на продаваемый предмет каждый раз уступается. Но стоимость при этом не отдается. При продаже отдается товар, а не его стоимость, которая возвращается в форме денег или, что является здесь лишь иной формой денег,— в форме долгового обязательства или платежного титула. При купле отдаются деньги, а не их стоимость, которая возмещается в форме товара. В продолжение всего процесса воспроизводства промышленный капиталист сохраняет в своих руках одну и ту же стоимость (оставляя в стороне прибавочную стоимость), только в различных формах.

Поскольку совершается обмен, т. е. обмен предметов, никакого изменения стоимости не происходит. Один и тот же капиталист все время удерживает в своих руках одну и ту же стоимость. Поскольку, однако, прибавочная стоимость производится капиталистом, нет обмена; когда же происходит обмен, прибавочная стоимость уже заключена в товарах. Если мы будем рассматривать не отдельные акты обмена, а весь кругооборот капитала $D - T - D'$, то определенная сумма стоимости постоянно авансируется, и эта же сумма стоимости плюс прибавочная стоимость, или прибыль, извлекается из обращения. В простых актах обмена опосредствование этого процесса, конечно, остается вне поля зрения. Как раз на этом движении D как капитала покоится и из этого движения возникает процент капиталиста, ссужающего деньги.

«В самом деле»,— говорит Прудон,— «шляпник, продающий шляпы... получает взамен их стоимость, не больше и не меньше. Но капиталист, ссужающий деньги... не только получает обратно свой капитал неуменьшившимся,— он получает больше, чем составлял его капитал, больше, чем было им брошено в обмен, он получает сверх капитала еще и процент» (стр. 69).

Шляпник представляет здесь промышленного капиталиста в противоположность капиталисту, который ссужает деньги. Прудон явно не постиг тайны того, каким образом промышленный капиталист может продавать товар по его стоимости (выравнивание по ценам производства здесь, при его понимании, не имеет никакого значения) и именно поэтому может получать прибыль сверх капитала, бросаемого им в обмен. Предположим, что цена производства 100 шляп = 115 ф. ст. и что эта цена производства случайно равна стоимости шляп, т. е. капитал, производящий шляпы, представляет собой капитал среднего общественного

строения. Если прибыль = 15%, то шляпник реализует прибыль в 15 ф. ст., продавая свои товары по их стоимости в 115 фунтов стерлингов. Ему они стоят всего 100 фунтов стерлингов. Если он производил при помощи своего собственного капитала, то избыток в 15 ф. ст. он целиком кладет в карман; если — при помощи капитала, взятого в ссуду, то из этих 15 ф. ст. ему придется, быть может, 5 ф. ст. отдать в виде процента. Это нисколько не меняет стоимости шляп, а вносит лишь изменение в распределение между разными лицами той прибавочной стоимости, которая уже заключена в этой стоимости. Поскольку на стоимость шляп уплата процента не оказывает влияния, то бессмыслицей является и такое утверждение Прудона:

«Так как в торговле процент на капитал присоединяется к заработной плате рабочего, чтобы вместе с этой последней составить цену товара, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. «Жить работаю» — это такой принцип, который при господстве процента заключает в себе противоречие» (стр. 105)⁵⁶⁾.

Как плохо понял Прудон природу капитала, можно видеть из следующей фразы, в которой он движение капитала вообще изображает как движение, характерное для капитала, приносящего проценты:

«Так как вследствие накопления процентов капитал-деньги, совершив ряд обменов, всегда возвращается к своему источнику, то отсюда следует, что ссуда, делаемая одним и тем же лицом, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» [стр. 154].

Что же остается для него загадочным в своеобразном движении капитала, приносящего проценты? Категории: купля, цена, уступка предметов и та непосредственная форма, в которой появляется здесь прибавочная стоимость; короче, то явление, что здесь капитал как капитал сделался товаром и что поэтому продажа превратилась в ссуду, цена — в долю прибыли.

Возвращение капитала к своему исходному пункту есть вообще характерное движение капитала, поскольку он совершает весь свой кругооборот. Это отнюдь не является отличительной чертой только капитала, приносящего проценты. Характерна для него только внешняя форма возвращения, оторванная от посредствующего кругооборота. Ссужающий капиталист отдает свой капитал, передает его промышленному капиталисту, не получая эквивалента. Эта передача вообще не является актом действительного процесса кругооборота капитала, она лишь подготавливает кругооборот,

⁵⁶⁾ Поэтому, если рассуждать по Прудону, «дом», «деньги» и т. д. ссужаются не как «капитал», а отчуждаются как «товар... по себестоимости» (стр. 43–44). Лютер стоял несколько выше Прудона. Он уже знал, что получение прибыли не зависит от формы ссуды или покупки: «Из торговли тоже делают ростовщичество. Но для этого раза это уже слишком много. Сейчас мы будем говорить только об одном — о ростовщичестве при ссудах. После того как мы с ним разделимся, мы воздадим по заслугам (в ближайшее время) также и торговому ростовщичеству» (*M. Luther. «Au die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung». Wittenberg, 1540*)¹⁷³.

который должен быть совершен при посредстве промышленного капиталиста. Это первое перемещение денег не выражает никакого акта метаморфоза: ни купли, ни продажи. Собственность не уступается, так как не происходит никакого обмена и не получается никакого эквивалента. Возвращение денег из рук промышленного капиталиста в руки ссудившего просто дополняет первый акт уступки капитала. Авансированный в денежной форме капитал процессом кругооборота снова возвращается к промышленному капиталисту в денежной форме. Но так как при расходовании капитал не принадлежал ему, то и при возвращении он не может ему принадлежать. То обстоятельство, что этот капитал прошел через процесс воспроизводства, не может превратить его в собственность промышленного капиталиста. Следовательно, он должен возвратить этот капитал тому, кто дал его в ссуду. Первое расходование капитала, перемещающее его из рук кредитора в руки заемщика, есть юридическая сделка, не имеющая ничего общего с действительным процессом воспроизводства капитала, лишь подготавливающая его. Обратная уплата, снова перемещающая возвратившийся обратно капитал из рук заемщика в руки кредитора, есть вторая юридическая сделка, дополнение первой; первая подготавливает действительный процесс, вторая есть заключительный акт, совершающийся после окончания последнего. Следовательно, исходный и конечный пункты — отдача и возврат капитала, отданного в ссуду, — представляются произвольными движениями, совершающимися при посредстве юридических сделок, происходящими до и после действительного движения капитала и не имеющими никакого отношения к самому этому движению. Для действительного движения капитала было бы безразлично, если бы капитал с самого начала принадлежал промышленному капиталисту и потому возвращался бы к нему просто как его собственность.

В первом, вводном, акте кредитор передает свой капитал заемщику. Во втором, дополнительном и заключительном, акте заемщик возвращает капитал кредитору. Поскольку во внимание принимается лишь сделка между двумя лицами и, — если оставить пока процент в стороне, — поскольку, следовательно, речь идет лишь о движении самого отданного в ссуду капитала между кредитором и заемщиком, оба эти акта (отделенные более или менее продолжительным промежутком времени, на который приходится действительное движение воспроизводства капитала) охватывают все это движение. А это движение — отдача под условием возврата — представляет собой вообще движение ссуды выдаваемой и ссуды получаемой, этой специфической формы лишь условного отчуждения денег или товара.

Движение, характерное для капитала вообще, — возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точ-

ке, — для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит. *A* отдает свои деньги не как деньги, а как капитал. С капиталом здесь не происходит никакого изменения. Он лишь переходит в другие руки. Его действительное превращение в капитал совершается только в руках *B*. Но для *A* он уже стал капиталом вследствие простой передачи *B*. Действительное возвращение капитала из процесса производства и обращения имеет место лишь для *B*. Но для *A* возвращение происходит в той же форме, как отчуждение. Из рук *B* капитал снова возвращается в руки *A*. Отдача, ссуда денег на известное время, и получение их обратно с процентом (прибавочной стоимостью) — вот вся форма движения, присущая капиталу, приносящему проценты, как таковому. Действительное движение отданных в ссуду денег как капитала есть операция, лежащая вне сделок между кредиторами и заемщиками. В самих этих сделках посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен. Как товар особого рода капитал обладает и своеобразным родом отчуждения. Поэтому и возврат получает здесь выражение не как следствие и результат определенного ряда экономических актов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом¹⁷⁴. Время возвращения зависит от хода процесса воспроизводства; в отношении капитала, приносящего проценты, *кажется*, будто его возврат как капитала зависит от простого соглашения между кредитором и заемщиком. Так что по отношению к этой сделке возвращение капитала представляется уже не результатом, который определяется процессом производства, а представляется так, как будто бы данный в ссуду капитал никогда не утрачивал формы денег. Конечно, фактически сделки эти определяются действительными возвращениями капитала. Но это не проявляется в самой сделке. На практике дело также отнюдь не всегда так происходит. Если действительный возврат не произошел вовремя, то заемщику приходится искать иной вспомогательный источник для выполнения своих обязательств перед кредитором. Простая *форма* капитала — деньги, которые затрачиваются в виде суммы *A* и через известный промежуток времени возвращаются обратно в виде суммы $A + \frac{1}{x} A$ без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени, — есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала.

В действительном движении капитала его обратное возвращение есть момент процесса обращения. Сначала деньги превращаются в средства производства; процесс производства превращает их в товар; путем продажи товара они снова превращаются в деньги и в этой форме возвращаются обратно в руки капиталиста, который впервые авансировал данный капитал в денежной форме. Но в отношении капитала, приносящего проценты, возврат его, как и

выдача, есть лишь результат юридической сделки между собственником капитала и вторым лицом. Мы видим лишь выдачу и обратную уплату. Все, что происходит между ними, изгладилось.

Но так как деньги, авансированные как капитал, обладают свойством возвращаться к тому, кто их авансировал, затратил как капитал; так как $D - T - D'$ есть имманентная форма движения капитала, то именно поэтому владелец денег может ссужать их как капитал, как нечто такое, что обладает свойством возвращаться к своему исходному пункту, сохраняться и возрастать как стоимость в том движении, которое оно совершает. Он отдает деньги как капитал, так как после того, как они применены как капитал, они возвращаются к своей исходной точке, и, следовательно, по истечении известного срока заемщик может возратить их именно потому, что они притекают обратно к нему самому.

Итак, отдача в ссуду денег как капитала — отдача их под условием возврата по истечении известного времени — предполагает, что деньги действительно применяются как капитал, действительно притекают обратно к своей исходной точке. Таким образом действительный кругооборот денег как капитала является условием юридической сделки, согласно которой заемщик должен возратить деньги кредитору. Если заемщик не затратит деньги как капитал, — это его дело. Кредитор ссужает деньги как капитал, и как таковой они должны проделывать функции капитала, заключающие в себе кругооборот денежного капитала вплоть до его возвращения в денежной форме к своему исходному пункту.

Акты обращения $D - T$ и $T - D'$, в которых данная сумма стоимости функционирует как деньги или как товар, суть лишь посредствующие процессы, отдельные моменты всего ее движения. Как капитал она проделывает все движение $D - D'$. Она авансируется как деньги или как сумма стоимости в какой-либо форме и возвращается обратно как сумма стоимости. Ссужающий деньги не затрачивает их при купле товара или, в том случае, если сумма стоимости существует в виде товаров, не продает последние за деньги, но авансирует их как капитал, как $D - D'$, как стоимость, которая в определенный срок снова возвращается к своему исходному пункту. Вместо того чтобы покупать или продавать, он дает в ссуду. Эта отдача в ссуду является таким образом соответственной формой для отчуждения стоимости *как капитала*, а не как денег или товара. Но отсюда отнюдь не следует, что отдача в ссуду не может быть формой и таких сделок, которые не имеют никакого отношения к капиталистическому процессу воспроизводства.

До сих пор мы рассматривали только движение ссудного *капитала* между его собственником и промышленным капиталистом. Теперь нам предстоит исследовать *процент*.

Кредитор расходует свои деньги как капитал; сумма стоимости, которую он отчуждает другому лицу, есть капитал и потому возвращается к нему обратно. Но простое возвращение к нему ссуженной суммы стоимости было бы не возвращением ее *как капитала*, а просто возвращением ссуженной суммы стоимости. Чтобы возвратиться в качестве капитала, авансированная сумма стоимости должна не только сохраниться в движении, но и возрасти, увеличиться в своем размере, т. е. возвратиться с прибавочной стоимостью, как $D + \Delta D$, и это ΔD является здесь процентом, или той частью средней прибыли, которая не остается в руках функционирующего капиталиста, а достается денежному капиталисту.

Го обстоятельство, что деньги были отчуждены им как капитал, означает, что они должны быть возвращены ему в виде $D + \Delta D$. Нам предстоит еще особо рассмотреть ту форму, когда проценты выплачиваются в известные сроки в продолжение того периода времени, на который предоставлена ссуда, а возврат капитала происходит лишь в конце этого периода.

Что дает денежный капиталист заемщику, промышленному капиталисту? Что он отчуждает ему в действительности? А ведь только акт отчуждения превращает ссуду денег в отчуждение денег как капитала, т. е. в отчуждение капитала как товара.

Только посредством акта этого отчуждения капитал денежного кредитора передается другому лицу как товар, или товар, которым он распоряжается, передается другому лицу как капитал.

Что отчуждается при обычной продаже? Не стоимость проданного товара, так как она только меняет свою форму. Она существует идеально в товаре как цена, прежде чем реально перейти в форме денег в руки продавца. Одна и та же стоимость и одна и та же величина стоимости меняют здесь только свою форму. В одном случае они существуют в товарной форме, в другом случае — в денежной форме. То, что действительно отчуждается от продавца, а потому переходит в сферу индивидуального или производительного потребления покупателя, — это потребительная стоимость товара, товар как потребительная стоимость.

Что же это за потребительная стоимость, которую денежный капиталист отчуждает на время ссуды и передает промышленному капиталисту, заемщику? Это — потребительная стоимость, которую деньги имеют благодаря тому, что они могут быть превращены в капитал, могут функционировать как капитал и что поэтому они сверх того, что сохраняют свою первоначальную величину стоимости, производят в своем движении определенную прибавочную стоимость, среднюю прибыль (то, что превышает или стоит ниже ее, представляется здесь случайностью). У остальных же товаров потребительная стоимость в конце концов потребляется, при этом исчезает субстанция товара, а с ней и его стоимость. Товар-капитал, напротив, обладает той особенностью, что благодаря потреблению

его потребительной стоимости его стоимость и потребительная стоимость не только сохраняются, но еще и увеличиваются.

Эту-то потребительную стоимость денег как капитала — способность производить среднюю прибыль — и отчуждает денежный капиталист промышленному капиталисту на то время, на которое он передает этому последнему право распоряжаться ссудным капиталом.

В этом смысле имеется известная аналогия между деньгами, отданными таким образом в ссуду, и рабочей силой, взятой в ее отношении к промышленному капиталисту. Но только стоимость рабочей силы капиталист оплачивает, тогда как стоимость взятого в ссуду капитала он просто возвращает обратно. Потребительная стоимость рабочей силы для промышленного капиталиста — это способность в процессе ее потребления производить большую стоимость (прибыль), чем она сама имеет, производить больше, чем она стоит. Этот избыток стоимости является для промышленного капиталиста потребительной стоимостью рабочей силы. Точно так же потребительной стоимостью ссудного денежного капитала является его способность присоединять и увеличивать стоимость.

Денежный капиталист в действительности отчуждает потребительную стоимость, и вследствие этого то, что он отдает, остается им как товар. И в этом отношении аналогия с товаром как таковым полная. Во-первых, это стоимость, которая переходит из одних рук в другие. Когда мы имеем дело с простым товаром, товаром как таковым, в руках покупателя и продавца остается одна и та же стоимость, но в различной форме; как до торговой сделки, так и после нее в их руках находится та же стоимость, которую они отчуждали, но только у одного она в товарной форме, у другого — в денежной форме. В случае же ссуды денежный капиталист является единственным лицом, которое при этой сделке отдает стоимость; но он и сохраняет ее благодаря происходящему впоследствии обратному ее возвращению. При ссуде только одна сторона получает стоимость, так как только одна сторона ее отдает. Во-вторых, одна сторона отчуждает действительную потребительную стоимость, другая же сторона получает и потребляет ее. Но в отличие от обыкновенного товара эта потребительная стоимость сама есть стоимость, именно превышение стоимости в сравнении с ее первоначальной величиной, превышение, получающееся вследствие употребления денег как капитала. Прибыль есть эта потребительная стоимость.

Потребительная стоимость ссужаемых денег — это их способность функционировать в качестве капитала и в качестве такового производить при средних условиях среднюю прибыль ⁵⁷⁾.

⁵⁷⁾ «Правомерность взимания процента зависит не от того, получает ли заемщик прибыль с занятых им денег или нет, а от того, могут ли эти деньги принести прибыль, если им дать правильное применение». («An Essay on the Governing Causes of the Natural

Что же платит промышленный капиталист и что, следовательно, является ценой ссудного капитала?

«То, что заемщики платят в качестве процента за занятые деньги», по Масси, «есть часть той прибыли, которую занятые деньги способны принести»⁵⁸¹.

Покупатель обыкновенного товара покупает потребительную стоимость этого товара, а оплачивает его стоимость. Заемщик денег также покупает их потребительную стоимость как капитала; но что он оплачивает? Конечно, не их цену, или стоимость, как при покупке других товаров. Между кредитором и заемщиком не происходит, как между покупателем и продавцом, смены формы стоимости, при которой эта стоимость один раз существует в форме денег, в другой раз — в форме товара. Тождественность отдаваемой и обратно получаемой стоимости проявляется здесь совершенно иным образом. Сумма стоимости, деньги, отдается без эквивалента и возвращается по истечении известного времени. Кредитор все время остается собственником данной стоимости даже после того, как она из его рук перешла в руки заемщика. При простом обмене товаров деньги всегда находятся на стороне покупателя; при ссуде же деньги находятся на стороне продавца. Он является тем лицом, которое отдает деньги на известное время, а покупатель капитала является тем лицом, которое получает их как товар. Но это возможно лишь постольку, поскольку деньги функционируют как капитал и поэтому авансируются. Заемщик берет займы деньги как капитал, как самовозрастающую стоимость. Но сначала это капитал лишь в себе, — подобно всякому капиталу в его исходной точке в момент его авансирования. Только посредством потребления он увеличивает свою стоимость, реализуется как капитал. Но заемщик должен возратить его как *реализованный* капитал, т. е. как стоимость плюс прибавочная стоимость (процент); а процент может быть только частью реализованной заемщиком прибыли. Частью, а не всей прибылью, так как для заемщика потребительная стоимость взятого займа капитала заключается в том, что он производит ему прибыль. В противном случае не происходило бы отчуждения потребительной стоимости со стороны кредитора. С другой стороны, и заемщику не может доставаться вся прибыль, ибо это означало бы, что он ничего не заплатил за отчуждение потребительной стоимости и возвращает кредитору авансированные деньги только как простые деньги, а не как капитал, не как реализованный капитал, потому что реализованным капиталом они являются только как $D + \Delta D$.

Rate of Interest; wherein the Sentiments of Sir W. Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered. London, 1750, p. 49. Автор этого анонимного сочинения — Дж. Масси.)

⁵⁸¹ [Там же, стр. 49.] «Богатые люди, вместо того чтобы самим применять свои деньги... ссужают их другим, чтобы те производили с их помощью прибыль и некоторую часть этой прибыли предоставляли владельцам денег» (там же, стр. 23—24)¹⁷⁵.

Оба, и кредитор и заемщик, расходуют одну и ту же денежную сумму как капитал. Но лишь в руках последнего она функционирует как капитал. То обстоятельство, что одна и та же сумма денег двукратно существует как капитал для двух лиц, не удваивает прибыли. Эта сумма может функционировать как капитал для обоих только благодаря тому, что прибыль делится. Та часть, которая достается кредитору, называется процентом.

Предполагается, что вся сделка происходит между капиталистами двух видов, между денежным капиталистом и капиталистом промышленным или торговым.

Никогда не следует забывать, что здесь капитал как капитал есть товар, или что товар, о котором здесь идет речь, есть капитал. Все проявляющиеся здесь отношения были бы поэтому иррациональны, если бы мы имели дело с простым товаром или с капиталом, поскольку последний функционирует в процессе своего воспроизводства как товарный капитал. Давать в ссуду и брать займы вместо того, чтобы продавать и покупать — вот в чем заключается здесь вытекающее из специфической природы товаркапитала различие. Точно так же то, что здесь уплачивается, есть процент, а не цена товара. Если процент назвать ценой денежного капитала, то это будет иррациональной формой цены, совершенно противоречащей понятию цены товара⁵⁹⁾. Цена сведена здесь к своей чисто абстрактной и бессодержательной форме, к такой форме, что это есть определенная сумма денег, которая уплачивается за нечто фигурирующее так или иначе в качестве потребительной стоимости, тогда как цена по своему понятию равна выраженной в деньгах стоимости этой потребительной стоимости.

Процент как цена капитала — выражение с самого начала совершенно иррациональное. Здесь товар имеет двоякую стоимость: во-первых, стоимость и, во-вторых, цену, отличную от этой стоимости, между тем как цена есть денежное выражение стоимости. Денежный капитал прежде всего есть не что иное, как сумма денег или стоимость определенной массы товаров, фиксированная в виде суммы денег. Если в ссуду дается товар как капитал, то он является лишь замаскированной формой денежной суммы. Потому что то, что дается в ссуду как капитал, это — не столько-то фунтов хлопка, а такое-то количество денег, существующее в форме хлопка как стоимость последнего. Цена капитала относится поэтому к нему как к денежной сумме, хотя и не как к «сиггенсу», как полагает г-н Торренс (см. выше, примечание 59). Каким же обра-

⁵⁹⁾ «Выражение стоимость (value) в применении к currency [средствам обращения] имеет три значения... 2) currency actually in hand [средства обращения, фактически находящиеся в руках] в отличие от той же суммы currency, которая должна поступить в один из последующих дней. Кроме того, их стоимость измеряется ставкой процента, а ставка процента определяется отношением между всем капиталом, даваемым в ссуду, и спросом на него» (Полковник R. Torrens. «On the Operation of the Bank Charter Act of 1844 etc.». 2nd ed. [London]. 1847 [p. 5, 6]).

зом сумма стоимости может иметь цену, кроме своей собственной цены, кроме цены, выраженной в ее собственной денежной форме? Ведь цена — это стоимость товара (это одинаково относится и к рыночной цене, отличие которой от стоимости не качественное, а лишь количественное, касающееся лишь величины стоимости) в отличие от его потребительной стоимости. Цена, качественно отличная от стоимости, — это абсурдное противоречие ⁶⁰⁾.

Капитал проявляет себя как капитал, увеличивая свою стоимость; степень этого увеличения выражает ту количественную степень, в какой он реализуется как капитал. Произведенная им прибавочная стоимость, или прибыль, — ее норма или высота, — измерима лишь посредством сравнения со стоимостью авансированного капитала. Поэтому большее или меньшее увеличение стоимости капитала, приносящего проценты, тоже измеримо лишь сравнением суммы процента, т. е. той части общей прибыли, которая достается на его долю, со стоимостью авансированного капитала. Если поэтому цена выражает стоимость товара, то процент выражает увеличение стоимости денежного капитала и поэтому выступает как цена, которая уплачивается за него кредитору. Отсюда следует, до чего нелепо с самого начала желание непосредственно приложить сюда простые отношения обмена, купли и продажи, опосредствуемые деньгами, как это делает Прудон. Основное предположение как раз и заключается в том, что деньги функционируют как капитал и поэтому могут быть переданы третьему лицу как капитал в себе, как потенциальный капитал.

Но как товар сам капитал выступает здесь постольку, поскольку он предлагается на рынке и поскольку потребительная стоимость денег действительно отчуждается как капитал. Но его потребительная стоимость заключается в способности производить прибыль. Стоимость денег или товаров как капитала определяется не их стоимостью как денег или товаров, а тем количеством прибавочной стоимости, которое они производят для своего владельца. Продукт капитала есть прибыль. Затрачены ли деньги как деньги или они авансированы как капитал — это на основе капиталистического производства лишь различное применение денег. Деньги, соответственно товар, в себе, потенциально, суть капитал совершенно так же, как и рабочая сила потенциально есть капитал. Потому что 1) деньги могут быть превращены в элементы производства и являются, как это и есть на самом деле, лишь абстрактным выражением элементов производства, их бытием как стоимости. 2) вещественные элементы богатства обладают уже потенциально

⁶⁰⁾ «Неопределенность термина стоимость денег, или средств обращения, который в одинаковой мере употребляется как с целью обозначения меновой стоимости товаров, так и потребительной стоимости капитала, является постоянным источником путаницы» (Тоук. «Inquiry into the Currency Principles», p. 77). — Но Тоук не замечает главной путаницы (лежащей в самом существе дела), заключающейся в том, что стоимость как таковая (процент) становится потребительной стоимостью капитала.

свойством быть капиталом, так как на основе капиталистического производства имеется налицо дополняющая их противоположность, то, что делает их капиталом, — наемный труд.

Антагонистический общественный характер вещественного богатства — антагонизм этого последнего труду как наемному труду, — обособленного от процесса производства, уже выражен в собственности на капитал как таковой. Уже этот момент, обособленный от самого капиталистического процесса производства, постоянным результатом которого он является, и как постоянный результат его он есть его постоянная предпосылка, выражается в том, что деньги, а также и товар, в себе, скрыто, потенциально, суть капитал, что они могут быть проданы как капитал и что в этой форме они представляют командование над чужим трудом, предъявляют притязание на присвоение чужого труда, а потому и представляет собой увеличивающуюся стоимость. Здесь же ясно обнаруживается, что основанием и средством для присвоения чужого труда служит не какой-либо труд капиталиста, который был бы эквивалентом, а именно это отношение¹⁷⁶.

Далее, капитал выступает как товар, поскольку разделение прибыли на процент и собственно прибыль регулируется спросом и предложением, следовательно конкуренцией, совершенно так же, как ими регулируются рыночные цены товаров. Но различие так же бросается здесь в глаза, как и сходство. Если спрос и предложение покрываются, то рыночная цена товара соответствует его цене производства; т. е. в этом случае оказывается, что его цена регулируется внутренними законами капиталистического производства, независимо от конкуренции, так как колебания спроса и предложения не объясняют ничего, кроме отклонений рыночных цен от цен производства, — отклонений, которые взаимно выравниваются, так что за известные более или менее продолжительные периоды средние рыночные цены равны ценам производства. Когда спрос и предложение покрывают друг друга, эти силы перестают действовать, взаимно уничтожаются, и общий закон определения цены выступает тогда как закон и для отдельного случая; рыночная цена тогда соответствует уже в своем непосредственном бытии, а не только как средняя движения рыночных цен, цене производства, которая регулируется имманентными законами самого способа производства. То же с заработной платой. Если спрос и предложение покрывают друг друга, то действие их уничтожается, и заработная плата равна стоимости рабочей силы. Но иначе обстоит дело с процентом на денежный капитал. Конкуренция определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией, потому что, как мы это еще увидим дальше, не существует никакой «естественной» нормы процента. Под естественной нормой процента понимают, напротив, именно норму, устанавливаемую

мую свободной конкуренцией. «Естественных» границ нормы процента не существует. Там, где конкуренция определяет не только отклонения и колебания, где, следовательно, при равновесии взаимно противодействующих сил вообще прекращается всякое определение, там определяемое само по себе есть нечто не подверженное закономерности и произвольное. Подробнее об этом в следующей главе.

Когда дело касается капитала, приносящего проценты, то все представляется чем-то внешним: авансирование капитала — простой передачей его кредитором заемщику; возврат реализованного капитала — просто обратной передачей, обратной уплатой капитала с процентами заемщиком кредитору. То же следует сказать и относительно имманентного для капиталистического способа производства определения, именно, что норма прибыли определяется не только отношением той прибыли, которая произведена в продолжение одного оборота, к авансированной капитальной стоимости, но также и продолжительностью самого времени этого оборота, т. е. определяется как прибыль, которую приносит промышленный капитал в определенные промежутки времени. Для капитала, приносящего проценты, это также представляется чем-то совершенно внешним: кредитору просто уплачивается определенный процент за определенный срок.

Романтический Адам Мюллер говорит со своим обычным для него пониманием внутренней связи вещей («Elemente der Staatskunst». Berlin, 1809. [Dritter Theil] S. 138):

«При определении цены вещей не спрашивают о времени; при определении же процента принимается в расчет главным образом время».

Он не видит, каким образом время производства и время обращения входит в определение цены товаров и каким образом именно этим определяется норма прибыли для данного времени оборота капитала, а норма процента определяется как раз прибылью для данного времени. Все его глубокомыслие здесь, как и всегда, заключается лишь в том, что он замечает облака пыли, носящиеся по поверхности, и претенциозно рассуждает об этой пыли, как о чем-то таинственном и значительном¹⁷⁷.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

**ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ. СТАВКА ПРОЦЕНТА.
«ЕСТЕСТВЕННАЯ» НОРМА ПРОЦЕНТА**

Предмет этой главы, равно как вообще все явления кредита, о которых мы будем говорить ниже, не могут быть исследованы здесь в подробностях. Конкуренция между кредиторами и заемщиками и, как ее результат, сравнительно кратковременные колебания денежного рынка, выходят за пределы нашего рассмотрения. Изображение кругооборота, совершаемого нормой процента на протяжении промышленного цикла, предполагает предварительное изображение самого этого цикла, которое здесь тоже не может быть дано. То же самое относится и к большему или меньшему приближительному выравниванию ставки процента на мировом рынке. Наша задача заключается здесь лишь в том, чтобы выяснить самостоятельную форму капитала, приносящего проценты, и обособление процента от прибыли.

Так как процент есть просто та часть прибыли, которую, согласно принятому нами до сих пор предположению, промышленный капиталист должен уплачивать денежному капиталисту, то максимальным пределом процента служит сама прибыль, причем часть, достоящаяся функционирующему капиталисту, была бы тогда $= 0$. За исключением отдельных случаев, когда процент фактически может быть больше, чем прибыль, — но тогда он не может уплачиваться из прибыли, — можно было бы, пожалуй, считать максимальным пределом процента всю прибыль минус ту ее часть, которая сводится к плате за надзор (*wages of superintendence*) и которую нам предстоит рассмотреть впоследствии. Минимальный предел процента совершенно не поддается определению. Он может упасть до какого угодно уровня. Но тогда снова и снова выступают противодействующие обстоятельства и поднимают его выше этого относительного минимума.

«Отношение между суммой, уплаченной за употребление капитала, и самим этим капиталом составляет норму процента, выраженную в деньгах». — «Норма процента зависит 1) от нормы прибыли, 2) от того, в каком отношении распределя-

ется вся прибыль между кредитором и заемщиком» («Economist», 22 января 1853 года). «Если то, что заемщики платят в качестве процента за занятые деньги, есть часть той прибыли, которую занятые деньги способны принести, то уровень процента всегда должен определяться этой прибылью» (Massie, цит. соч., стр. 49)¹⁷⁸.

Предположим сначала, что существует постоянное соотношение между всей прибылью и той ее частью, которая как процент должна быть уплачена денежному капиталисту. В таком случае ясно, что процент будет повышаться или понижаться вместе со всей прибылью, а последняя определяется общей нормой прибыли и ее колебаниями. Если бы, например, средняя норма прибыли была = 20%, а процент = $\frac{1}{4}$ прибыли, то ставка процента была бы = 5%; если бы средняя норма прибыли была = 16%, то процент был бы = 4%. При норме прибыли в 20% процент мог бы подняться до 8%, и промышленный капиталист все же получал бы ту же прибыль, как при норме прибыли = 16% и ставке процента = 4%, а именно 12%. Если бы процент повысился только до 6% или 7%, то промышленный капиталист все же удерживал бы большую часть прибыли. Если бы процент равнялся постоянной части средней прибыли, то из этого следовало бы, что, чем выше общая норма прибыли, тем больше абсолютная разница между всей прибылью и процентом, тем больше, следовательно, та часть всей прибыли, которая достается функционирующему капиталисту, и наоборот. Предположим, что процент = $\frac{1}{5}$ средней прибыли, $\frac{1}{5}$ от 10 дает 2, разница между всей прибылью и процентом = 8; $\frac{1}{5}$ от 20 = 4, разница = 20 - 4 = 16; $\frac{1}{5}$ от 25 = 5, разница = 25 - 5 = 20; $\frac{1}{5}$ от 30 = 6, разница = 30 - 6 = 24; $\frac{1}{5}$ от 35 = 7, разница = 35 - 7 = 28. Различные нормы процента: 4%, 5%, 6%, 7% все время выражали бы здесь только $\frac{1}{5}$, или 20%, всей прибыли. Итак, если нормы прибыли различны, то различные нормы процента могут выражать одну и ту же часть всей прибыли, или одну и ту же процентную долю всей прибыли. При таком постоянном отношении процента промышленная прибыль (разность между всей прибылью и процентом) была бы тем больше, чем выше общая норма прибыли, и обратно.

При прочих равных условиях, т. е. если предположить более или менее постоянное отношение между процентом и всей прибылью, функционирующий капиталист будет в состоянии и согласится платить более высокий или низкий процент в прямой зависимости от высоты нормы прибыли⁶¹⁾. Так как мы видели, что высота нормы прибыли находится в обратном отношении к развитию капиталистического производства, то отсюда следует, что более высокая или низкая ставка процента в стране находится в таком же обратном отношении к высоте промышленного развития, если только различие ставки процента действительно выражает различие норм

⁶¹⁾ «Естественная норма процента определяется прибылью отдельных предприятий» (Massie, цит. соч., стр. 51).

прибыли. Позже мы увидим, что так бывает отнюдь не всегда. В этом смысле можно сказать, что процент регулируется прибылью, точнее — общей нормой прибыли. И этот способ его регулирования распространяется даже на его средний уровень.

Во всяком случае среднюю норму прибыли следует рассматривать как конечный максимальный предел процента.

То обстоятельство, что процент следует ставить в соотношение со средней прибылью, мы сейчас рассмотрим подробнее. Когда приходится делить целое данной величины, например прибыль, между двумя лицами, то, конечно, дело зависит прежде всего от величины того целого, которое подлежит разделу, а она, величина прибыли, определяется средней нормой прибыли. Предположим, что дана общая норма прибыли, следовательно, величина прибыли на капитал данной величины, скажем, на 100; тогда изменения процента будут, очевидно, находиться в обратном отношении к изменениям той части прибыли, которая остается в руках функционирующего капиталиста, но работающего со взятым в ссуду капиталом. А обстоятельства, определяющие величину подлежащей распределению прибыли, — новой стоимости, созданной неоплаченным трудом, — весьма отличны от тех, которыми определяется ее распределение между двумя этими родами капиталистов, и часто действуют в совершенно противоположном направлении ⁶²⁾.

Если мы рассмотрим те циклы оборотов, в которых движется современная промышленность, — состояние покоя, возрастающее оживление, процветание, перепроизводство, крах, стагнация, состояние покоя и т. д., циклы, дальнейший анализ которых выходит за пределы нашего исследования, — то мы увидим, что низкая ставка процента в большинстве случаев соответствует периодам процветания или сверхприбыли, повышение процента — переходу от процветания к следующей фазе цикла, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису ⁶³⁾. С лета 1843 г. определенно наступило процветание; ставка процента, еще весной 1842 г. достигавшая $4\frac{1}{2}\%$, весной и летом 1843 г. упала до 2% ⁶⁴⁾, а в сентябре даже до $1\frac{1}{2}\%$

⁶²⁾ В рукописи здесь находится следующая пометка: «В ходе изложения настоящей главы выясняется, что будет все же лучше, прежде чем исследовать законы распределения прибыли, сначала показать, каким образом количественное деление становится качественным. Чтобы перейти к этому от изложения предыдущей главы, не требуется ничего иного, как представить процент сначала в виде некоторой части прибыли, не определяя этой части точнее». [Ф. Э.]

⁶³⁾ «В первый период, следующий непосредственно после периода угнетения, денег достаточно, спекуляции нет; во второй период денег достаточно, и спекуляция процветает; в третий период спекуляция начинает ослабевать, и люди ищут деньги; в четвертый период деньги редки, и наступает угнетение» (Gilbart. «A Practical Treatise on Banking». 2nd ed., vol. I, London, 1849, p. 149).

⁶⁴⁾ Тут объясняет это «накоплением дополнительного капитала, необходимо сопровождающим недостаток выгодного применения его в прежние годы, высвобождением денежных запасов и возрождением надежд на процветание торговли» («History of Prices from 1839 to 1847», London, 1848, p. 54).

(Gilbart, цит. соч., I, стр. 166); впоследствии, во время кризиса 1847 г., она поднималась до 8% и выше.

Конечно, с другой стороны, низкий процент может совпасть с застоем, а умеренно повышающийся процент — с возрастающим оживлением.

Наибольшей высоты ставка процента достигает во время кризисов, когда, чего бы это ни стоило, приходится брать займы для производства платежей. В то же время, — так как повышению процента соответствует понижение курса ценных бумаг, — это дает людям со свободным денежным капиталом превосходный случай приобрести за бесценок такие процентные бумаги, которые при нормальном ходе дел должны снова достигнуть по меньшей мере своей средней цены, как только ставка процента снова понизится ⁶⁵⁾.

Но существует тенденция к понижению ставки процента, совершенно независимо от колебаний нормы прибыли. И главные причины тому двоякого рода:

I. «Даже если предположить, что капитал никогда не берет займы иначе, как для производительного применения, то все же возможно, что ставка процента изменяется без какого-либо изменения нормы валовой прибыли. Ибо по мере того как нация подвигается вперед по пути богатства, возникает и все больше возрастает класс людей, которые благодаря трудам своих предков обладают такими фондами, на одни лишь проценты с которых они могут жить. Точно так же многие из тех, кто в юности и в зрелом возрасте был активно занят предпринимательской деятельностью, отходят от дел, чтобы на старости лет спокойно жить на проценты с тех сумм, которые они сами накопили. Оба эти класса имеют тенденцию увеличиваться с ростом богатства страны, потому что те, кто начинает дело с более или менее значительным капиталом, имеют шансы раньше сколотить себе состояние, чем те, кто начинает дело с небольшим капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение во вновь осваиваемых и бедных странах. Как многочислен класс ренты в Англии! По мере роста класса ренты растет также и класс людей, ссужающих капитал, ибо это одни и те же люди» (Ramsay. «An Essay on the Distribution of Wealth» [Edinburgh, 1836], p. 201–202) ¹⁷⁹⁾.

II. Давление на ставку процента должны также оказывать развитие системы кредита, постоянно возрастающая вместе с нею возможность для промышленников и купцов распоряжаться при посредстве банкиров всеми денежными сбережениями всех классов общества и прогрессирующая концентрация этих сбережений в таких размерах, при которых они могут действовать как денежный капитал. Подробнее об этом позже.

Относительно определения нормы процента Рамсей говорит, что она

⁶⁵⁾ «Один банкир отказался дать своему старому клиенту ссуду под залог ценных бумаг стоимостью в 200 000 фунтов стерлингов. Когда этот клиент намеревался уже уйти и заявить о прекращении платежей, банкир сказал ему, что он может этого не делать при том условии, если продаст банкиру свои бумаги за 150 000 фунтов стерлингов» ([H. Roy.] «The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844». London, 1864, p. 80).

«зависит частью от нормы валовой прибыли, частью от той пропорции, в которой эта последняя распадается на проценты и предпринимательскую прибыль (*profits of enterprise*). Эта пропорция зависит от конкуренции между ссужающими и заемщиками капитала; эта конкуренция находится под влиянием предполагаемой нормы валовой прибыли, однако регулируется не только ею⁶⁹⁾. Конкуренция поэтому не регулируется исключительно предполагаемой нормой валовой прибыли, что, с одной стороны, многие берут займы, не имея в виду производительного применения, а, с другой стороны, та доля всего национального капитала, которая отдается займам, изменяется с богатством страны независимо от какого бы то ни было изменения валовой прибыли» (Ramsay, там же, стр. 206—207).

Чтобы найти среднюю норму процента, необходимо 1) вычислить среднюю ставку процента по ее изменениям во время крупных промышленных циклов и 2) вычислить ставку процента в таких областях вложения, где капитал ссужается на сравнительно продолжительное время.

Средняя норма процента, господствующая в данной стране, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных ставок, не может быть определена никаким законом. В этой области не существует никакой естественной нормы процента в том смысле, в каком экономисты говорят об естественной норме прибыли и естественной норме заработной платы. Уже Масси вполне правильно замечает по этому поводу:

«Единственное, в чем можно сомневаться в данном случае, — это вопрос — какая часть этой прибыли принадлежит по праву заемщику и какая займодавцу? Определить это вообще могут только те, которые берут ссуды, и те, которые дают их. Ибо определение того, что здесь правильно и что неправильно, является лишь результатом соглашения между людьми» (Massie, цит. соч., стр. 49)¹⁸⁰.

Равенство спроса и предложения — причем средняя норма прибыли предполагается данной — здесь вовсе ничего не значит. В тех случаях, когда вообще прибегают к этой формуле (и в таком случае это правильно и практически), она служит формулой для нахождения основного правила, независимого от конкуренции и, напротив, определяющего ее (формулой для нахождения регулирующих пределов или предельных величин); она служит формулой для тех, кто захвачен практикой конкуренции, ее проявлениями и возникающими отсюда представлениями; формулой, которая помогает прийти хотя бы опять-таки к поверхностному представлению о проявляющейся в конкуренции внутренней связи экономических отношений. Это — способ для того, чтобы от изменений, сопровождающих конкуренцию, прийти к пределам этих изменений. Но он неприложим к средней ставке процента. Нет решительно никакого основания, почему средние условия конкуренции, равновесие между ссужающими и заемщиками должны были бы давать для ссужающего ставку процента в 3%, 4%, 5% и т. д. на его

⁶⁹⁾ Так как ставка процента в общем определяется средней нормой прибыли, то очень часто с низкой ставкой процента могут быть связаны чрезвычайные спекулятивные махинации, как, например, железнодорожные спекуляции летом 1844 года. Учетная ставка Английского банка была повышена до 3% лишь 16 октября 1844 года.

капитал или же определенную часть, 20% или 50% валовой прибыли. В тех случаях, когда здесь решающую роль играет конкуренция как таковая, определение само по себе является случайным, чисто эмпирическим, и надо быть педантом или фантазером, чтобы пытаться представить эту случайность как нечто необходимое⁶⁷⁾. В парламентских отчетах 1857 и 1858 гг. относительно законодательства о банках и о торговом кризисе нет ничего забавнее бесконечной болтовни директоров Английского банка, лондонских банкиров, провинциальных банкиров и профессиональных теоретиков о «*real rate produced*»*, причем они не идут дальше общих мест, вроде того, что «цена, уплачиваемая за капитал, который дается в ссуду, должна изменяться с изменением предложения этого капитала», или, что «высокая норма процента и низкая норма прибыли не могут существовать рядом в течение продолжительного времени» и т. п. плоских мест⁶⁸⁾. Привычка, узаконенная традиция, совершенно так же, как и сама конкуренция, влияют на определение средней ставки процента, поскольку она существует не только как среднее число, но и как фактическая величина. Уже во многих юридических тяжбах, при решении которых приходится иметь дело с вычислением процентов, приходится принимать среднюю ставку процента в качестве узаконенной. Но если спросить, почему границы средней ставки процента не могут быть выведены из общих законов, то ответ найдем просто в природе процента. Процент есть только часть средней прибыли. Один и тот же капитал выступает в двояком определении: как ссудный капитал — в руках кредитора, как промышленный или торговый капитал — в руках функционирующего капиталиста. Но функционирует он лишь один раз и сам производит прибыль лишь один раз. В самом про-

⁶⁷⁾ Так, например, Дж. Опдайк в работе «*A Treatise on Political Economy*», New York, 1851 делает в высшей степени неудачную попытку объяснить всеобщность ставки процента в 5% действием вечных законов. Несравненно наивнее рассуждает Карл Арид в работе «*Die naturgemäße Volkswirtschaft, gegenüber dem Monopoliengeste und dem Communismus etc.*», Nannau, 1845. Здесь можно прочесть следующее: «В ходе естественного созидания материальных благ наблюдается только одно явление, которое — во вполне цивилизованных странах — до известной степени как бы призвано регулировать ставку процента: это — то отношение, в котором масса древесных европейских лесов увеличивается вследствие ежегодного прироста. Прирост этот происходит совершенно независимо от их меновой стоимости» (сколько комично говорить о деревьях, что они регулируют свой прирост независимо от их меновой стоимости!) «в пропорции от 3 до 4 на сотню. Поэтому» (т. е. потому, что, сколько бы меновая стоимость деревьев ни зависела от их прироста, прирост этот происходит независимо от их меновой стоимости!) «нельзя ожидать падения ставки процента ниже того уровня, на котором она находится ныне в самых богатых деньгами странах» (стр. 124—125). Это заслуживает названий: «ставка процента, вырастающая в лесу», а ее изобретатель как «философ собачьего налога»¹⁸⁾ снискал себе благодаря этому произведению новые заслуги перед «нашей наукой».

* — «реально произведенной норме». *Ред.*

⁶⁸⁾ Английский банк повышает и понижает свою учетную ставку, смотря по тому, продвигает или отливает золото, хотя, конечно, им всегда принимается во внимание ставка, господствующая на свободном рынке. «Благодаря этому игра на учетную ставку в ожидании ее изменений сделалась теперь одним из главных занятий крупных капиталистов денежного центра», — т. е. лондонского денежного рынка ([*H. Roy.*] «*The Theory of the Exchanges etc.*», p. 113).

цессе производства характер капитала, как капитала ссудного, не играет никакой роли. Что оба лица делят между собой ту прибыль, на которую они имеют притязания, это само по себе такой же чисто эмпирический, относящийся к царству случайностей факт, как процентное распределение общей прибыли какой-нибудь компании между различными ее пайщиками. При делении произведенной стоимости на прибавочную стоимость и заработную плату, на котором существенно основывается определение нормы прибыли, определяющее влияние оказывают два совершенно различных элемента: рабочая сила и капитал; прибавочная стоимость и заработная плата — функции двух независимых переменных, которые взаимно ограничивают друг друга; и из их *качественного различия* происходит *количественное деление* произведенной стоимости. Мы увидим позже, что то же самое происходит при делении прибавочной стоимости на ренту и прибыль. По отношению к проценту не происходит ничего подобного. Здесь *качественное различие*, наоборот, происходит, как мы сейчас увидим, из *чисто количественного деления* одной и той же части прибавочной стоимости.

Из всего вышеизложенного следует, что нет никакой «естественной» нормы процента. Но если, с одной стороны, границы средней ставки процента, в противоположность общей норме прибыли, или границы средней нормы процента, в отличие от постоянно колеблющихся рыночных норм процента, не могут быть установлены каким-либо общим законом, — так как здесь речь идет лишь о делении валовой прибыли под различными титулами между двумя владельцами капитала, — то, наоборот, ставка процента, как средняя, так и ее рыночная величина, в каждом конкретном случае выступает в качестве равномерной, определенной и осознательной величины совершенно иначе, чем это имеет место при общей норме прибыли ⁶⁹⁾.

Ставка процента относится к норме прибыли так же, как рыночная цена товара к его стоимости. Поскольку ставка процента определяется нормой прибыли, она всегда определяется общей нормой прибыли, а не частными нормами прибыли, которые могут господствовать в отдельных отраслях промышленности, и тем более не добавочной прибылью, которую отдельный капиталист может получить в какой-нибудь особой сфере предпринимательства ⁷⁰⁾.

⁶⁹⁾ «Цена товаров колеблется постоянно; все они предназначены для различного рода потребления; деньги же служат для всякой цели. Товары, даже одного и того же рода, различаются по качеству, различные деньги обладают всегда одинаковой стоимостью или должны обладать таковой. Отсюда следует, что цена денег, обозначаемая словом «процент», обладает большим постоянством и равномерностью, чем цена всякого другого предмета» (J. Steuart. «Recherche des principes de l'économie politique». Paris, 1789, IV, p. 27).

⁷⁰⁾ «Однако это правило деления прибыли применимо не к каждому отдельно взятому займодавцу и заемщику, а только к займодавцам и заемщикам вообще... Исключительно большие и исключительно малые прибыли являются соответственно наградой за предприимчивость и расплатой за непредусмотрительность, до которых займодавцам нет решительно никакого дела; ибо подобно тому как эти последние не несут убытка от указанной

Поэтому общая норма прибыли в действительности проявляется как эмпирический, данный факт в средней ставке процента, хотя последняя не представляет собой чистого или достаточно надежного выражения первой.

Правда, ставка процента сама постоянно меняется в зависимости от рода обеспечения, представляемого различными категориями заемщиков, и от продолжительности займа; но для каждой такой категории она едина во всякий данный момент. Следовательно, это различие не нарушает характера постоянства и единообразия ставки процента ⁷¹⁾.

Средняя ставка процента является в каждой стране для более или менее продолжительных периодов постоянной величиной, так как общая норма прибыли, несмотря на постоянное изменение отдельных норм прибыли, изменяется лишь в сравнительно продолжительные периоды времени, причем изменение в одной сфере уравнивается противоположным изменением в другой. И относительное постоянство общей нормы прибыли проявляется как раз в этом более или менее постоянном характере средней ставки процента (*average rate or common rate of interest*).

Что касается постоянно колеблющейся рыночной ставки процента, то для каждого момента она, подобно рыночной цене товаров, является определенной величиной, потому что на денежном рынке весь ссудный капитал постоянно противостоит функционирующему капиталу как единая масса, и, следовательно, отношение между предложением ссудного капитала, с одной стороны, и спросом на него, с другой, всякий раз определяет рыночный уровень процента. Это происходит в тем большей мере, чем более развитие кредитного

непредусмотрительности, так они не должны пользоваться выгодой и от указанной предприимчивости. И то, что здесь сказано об отдельных людях в одной и той же отрасли торговли или промышленности, верно и в применении к отдельным отраслям торговли или промышленности. Если купцы и промышленники, занятые в какой-либо отрасли промышленности, получают при помощи взятого в ссуду капитала больше, чем обычную прибыль, которую производят другие купцы и промышленники в той же самой стране, то экстраординарная прибыль принадлежит им, хотя бы для получения ее требовались лишь обычная предприимчивость и предусмотрительность, а не принадлежит заимодавцам, ссудившим деньги... заимодавцы не ссудили бы своих денег какому нибудь промышленному или торговому предприятию на более льготных условиях, чем обычная норма процента, поэтому они не должны получать больше этого, какова бы ни была прибыль, получаемая при помощи их денег» (*Massie*, цит. соч., стр. 50, 51).

⁷¹⁾ Учетная ставка банка	5%
Рыночная учетная ставка для двухмесячных векселей	3 ⁵ / ₈ %
Рыночная учетная ставка для трехмесячных векселей	3 ¹ / ₂ %
Рыночная учетная ставка для шестимесячных векселей	3 ⁵ / ₁₆ %
Ссуды вексельным маклерам на день	1—2%
Ссуды вексельным маклерам на неделю	3%
Последний учетный процент по двухнедельным займам биржевым маклерам	4 ³ / ₄ —5%
Проценты по вкладам (банки)	3 ¹ / ₂ %
Проценты по вкладам (учетные дома)	3—3 ¹ / ₄ %

Как велика может быть эта разница на протяжении одного и того же дня, показывают вышеприведенные ставки процента на лондонском денежном рынке 9 декабря 1889 г., взятые из статьи в «Daily News» ¹⁸² от 10 декабря о положении в Сити. Минимум равняется 1%, максимум 5%. [Ф. Э.]

дела и связанная с ним концентрация его придают ссудному капиталу всеобщий общественный характер и сразу, одновременно выбрасывают его на денежный рынок. Напротив, общая норма прибыли всегда существует лишь как тенденция, как движение к выравниванию отдельных норм прибыли. Конкуренция капиталистов, — которая как раз и является этим движением к выравниванию, — заключается здесь в том, что она постепенно отвлекает капитал от тех сфер, в которых прибыль долгое время стоит ниже среднего уровня, и так же постепенно привлекает его к тем сферам, в которых она превышает средний уровень; или также в том, что дополнительный капитал мало-помалу в различных пропорциях распределяется между этими сферами. По отношению к этим различным сферам это — постоянные колебания прилива и отлива капитала, а отнюдь не одновременное действие всей массы капитала, как при определении ставки процента.

Мы видели, что капитал, приносящий проценты, хотя и является абсолютно отличной от товара категорией, становится товаром *sui generis* * и поэтому процент становится его ценой, которая, подобно рыночной цене обычных товаров, каждый раз фиксируется спросом и предложением. Поэтому рыночная процентная ставка, хотя она постоянно колеблется, является в каждый данный момент настолько же определенной и единой, как рыночная цена товара в каждом конкретном случае. Денежные капиталисты доставляют этот товар, а функционирующие капиталисты покупают его, создают спрос на него. При выравнивании прибыли в общую норму прибыли этого не бывает. Если цены товаров в какой-нибудь сфере стоят выше или ниже цены производства (причем остаются в стороне колебания, свойственные каждому роду коммерческой деятельности и связанные с различными фазами промышленного цикла), то выравнивание совершается посредством расширения или сокращения производства, т. е. посредством увеличения или уменьшения товарных масс, выбрасываемых на рынок промышленным капиталом благодаря приливу и отливу капитала в отдельных сферах производства. Достигаемое таким образом выравнивание средних рыночных цен товаров в цены производства вносит коррективы в отклонения отдельных норм прибыли от общей или средней нормы прибыли. Этот процесс никогда не носит и никогда не может носить такого характера, чтобы промышленный или торговый капитал как таковой являлся, подобно капиталу, приносящему проценты, товаром по отношению к покупателю. Поскольку этот процесс проявляется, он проявляется лишь в колебаниях и выравнивании рыночных цен товаров по ценам производства, а не как непосредственное установление средней прибыли. В действительности, общая норма прибыли определяется 1) прибавочной стоимо-

* особого рода. Ред.

мостью, которую производит совокупный капитал, 2) отношением этой прибавочной стоимости к стоимости совокупного капитала и 3) конкуренцией, но лишь постольку, поскольку она есть движение, посредством которого капиталы, вложенные в отдельные сферы производства, стремятся извлечь из этой прибавочной стоимости по сравнению с величиной этих капиталов относительно одинаковые дивиденды. Таким образом, общая норма прибыли действительно определяется совершенно иными и более сложными причинами, чем рыночная ставка процента, прямо и непосредственно определяемая отношением между спросом и предложением, и потому не является очевидным и непосредственно данным фактом, как ставка процента. Особые нормы прибыли в различных сферах производства сами более или менее неопределенны; но, поскольку они проявляются, проявляется не единообразие их, а различие. Общая же норма прибыли сама выступает лишь в качестве минимального предела прибыли, а не как эмпирическая, непосредственно воспринимаемая форма действительной нормы прибыли.

Отмечая это различие между ставкой процента и нормой прибыли, мы еще оставляем в стороне следующие два обстоятельства, способствующие упрочению ставки процента: 1) что исторически уже до этого существовал капитал, приносящий проценты, и была налицо традиционная общая ставка процента; 2) что мировой рынок, независимо от условий производства данной страны, оказывает гораздо большее непосредственное влияние на установление ставки процента, чем то влияние, которое он оказывает на норму прибыли.

Средняя прибыль выступает не как непосредственно данный факт, а как конечный результат выравнивания противоположных колебаний, который можно установить лишь при помощи исследования¹⁸³. Иначе обстоит дело со ставкой процента. При своей общепризнанности, по крайней мере в пределах известной местности, ставка процента является ежедневно фиксируемым фактом, таким фактом, который даже служит промышленному и торговому капиталу в их операциях предпосылкой и специальной статьей при калькуляции. Она становится общей способностью всякой денежной суммы, равной 100 ф. ст., принести 2, 3, 4, 5 фунтов стерлингов. Метеорологические бюллетени отмечают положение барометра не с большей точностью, чем биржевые бюллетени — уровень ставки процента не для того или иного капитала, а для каждого находящегося на денежном рынке капитала, т. е. вообще для ссудного капитала.

На денежном рынке противостоят друг другу лишь кредитор и заемщик. Товар имеет одну и ту же форму — форму денег. Здесь стерты все особые формы капитала, которые капитал принимает в зависимости от того, в какую особую сферу производства или обращения он вложен. Капитал существует здесь в лишенной

различий, равной себе самой форме самостоятельной стоимости, в форме денег. Здесь уже нет более места конкуренции между различными сферами; все они вместе выступают как заемщики денег, и капитал противостоит им всем тоже в такой форме, в которой он еще безразличен к определенному роду и способу своего применения. Если промышленный капитал только в движении и конкуренции между отдельными сферами проявляет себя как *общий капитал всего класса*, то здесь капитал всей своей массой действительно выступает как *общий капитал всего класса* в спросе и предложении капитала. С другой стороны, денежный капитал на денежном рынке действительно обладает такой формой, в которой он, как *общий элемент*, безразличен к особому способу его применения, распределяется между различными сферами, среди класса капиталистов, соответственно потребностям производства каждой отдельной сферы. К тому же с развитием крупной промышленности денежный капитал, поскольку он появляется на рынке, все в большей мере представлен не отдельным капиталистом, собственником той или иной частицы находящегося на рынке капитала, а выступает как *концентрированная, организованная масса*, которая совершенно иначе, чем реальное производство, стоит под контролем банкиров, являющихся представителями общественного капитала. Таким образом, поскольку дело касается формы спроса, ссудному капиталу противостоит класс в его целом; что же касается предложения, то он сам выступает *en masse* * как ссудный капитал.

Таковы некоторые из тех причин, в силу которых общая норма прибыли кажется расплывающимся миражем по сравнению с определенной ставкой процента, величина которой, правда, колеблется, однако, поскольку она колеблется одинаково для всех заемщиков, то она всегда противостоит им как *фиксированная данная величина*. Подобно тому как изменение стоимости денег не препятствует им иметь по отношению ко всем товарам одинаковую стоимость; подобно тому как ежедневные колебания рыночных цен товаров не мешают ежедневной котировке этих товаров, так и колебания их процентной ставки не мешают столь же регулярно отмечать ее в котировках в качестве «цены денег». Это происходит потому, что сам капитал здесь в качестве товара предлагается в денежной форме; поэтому фиксация его цены, как и у всех других товаров, есть фиксация его рыночной цены; поэтому ставка процента всегда является общей ставкой процента, количественно определенной, как такое-то количество денег за такое-то количество денег. Напротив, норма прибыли даже в пределах одной и той же сферы при одинаковых рыночных ценах товаров может быть различна в зависимости от различия условий, при которых одни и те же товары производятся отдельными капиталами, потому что норма

* — во всей своей массе. *Ред.*

прибыли отдельного капитала определяется не рыночной ценой товара, а разницей между рыночной ценой и издержками производства. И эти различные нормы прибыли могут выравниваться сначала в пределах одной и той же сферы производства, а затем между различными сферами лишь посредством постоянных колебаний.

(Заметка для позднейшей разработки.) Особая форма кредита: Известно, что если деньги функционируют как средство платежа, а не как покупательное средство, то товар отчуждается, но его стоимость реализуется лишь впоследствии. Если платеж совершается уже после того, как товар снова продан, то эта продажа является не следствием купли, а, напротив, купля реализуется продажей. Или продажа становится средством купли. Во-вторых: долговые обязательства, векселя и т. д. становятся для кредиторов средствами платежа. В-третьих, компенсация долговых обязательств заменяет деньги.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД

Процент, как мы это видели в двух предыдущих главах, появляется первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как той частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и кредитору этого капитала. Если капиталист применяет только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит; эта последняя целиком принадлежит ему. В самом деле, раз собственники капитала сами же применяют его в процессе воспроизводства, они не принимают участия в конкуренции, определяющей ставку процента, и уже в этом сказывается, насколько категория процента, невозможная без определения ставки процента, сама по себе чужда движению промышленного капитала.

«Ставка процента может быть определена как та пропорциональная сумма, которой довольствуется кредитор и которую платит заемщик за пользование известной суммой денежного капитала в течение года или иного более продолжительного или более короткого периода... в тех случаях, когда собственник капитала действительно применяет его для воспроизводства, он не принадлежит к числу тех капиталистов, отношением которых к числу заемщиков определяется ставка процента» (Th. Tooke. «A History of Prices etc. from 1793 to 1837». Vol. II, London, 1838, p. 355—356).

В самом деле, только разделение капиталистов на денежных капиталистов и промышленных капиталистов превращает часть прибыли в процент, вообще создает категорию процента, и только конкуренция между этими двумя видами капиталистов создает ставку процента.

Пока капитал функционирует в процессе воспроизводства, — даже при том предположении, что он принадлежит самому промышленному капиталисту, которому поэтому не приходится возвращать его кредитору, — до тех пор в распоряжении капиталиста как частного лица находится не самый этот капитал, а лишь

прибыль, которую он может расходовать как доход. Пока его капитал функционирует как капитал, он принадлежит процессу воспроизводства, закреплён в нём. Хотя промышленный капиталист и является его собственником, но эта собственность не даёт ему возможности до тех пор, пока он пользуется капиталом как капиталом для эксплуатации труда, одновременно располагать им и ещё каким-нибудь способом. Совершенно так же обстоит дело и с денежным капиталистом. Пока его капитал находится в ссуде и потому функционирует как денежный капитал, он приносит ему проценты, часть прибыли, но основной суммой капиталист не может располагать. Это обнаруживается всякий раз, когда капиталист отдаёт свой капитал в ссуду, например на год или на несколько лет, и через известные сроки получает проценты, не получая обратно капитала. Но даже возвращение капитала несколько не меняет дела. Получая его обратно, капиталист всегда должен снова отдавать его в ссуду, если желает сохранить для себя его действие как капитала, в данном случае, денежного капитала. Пока капитал находится в его руках, он не приносит процентов и не действует как капитал; а пока он приносит проценты и действует как капитал, он находится не в его руках. Отсюда возможность ссужать капитал на вечные времена. Поэтому совершенно неправильны следующие замечания Тука против Бозанкета. Он цитирует Бозанкета («Metallic, Paper, and Credit Currency». London, 1842, p. 73):

«Если бы ставка процента была понижена до 1%, то взятый в ссуду капитал был бы почти равнозначен (on a par) собственному капиталу».

Тук даёт здесь следующее пояснение:

«Что капитал, взятый в ссуду из такого или даже меньшего процента, может хотя бы приблизительно быть равнозначным собственному капиталу, — это настолько странное утверждение, что вряд ли оно заслуживало бы серьёзного внимания, если бы не исходило от столь умного и хорошо осведомленного по отдельным пунктам темы автора. Неужели он упустил из виду или считал не имеющим большого значения то обстоятельство, что предпосылкой ссудного капитала является обратная уплата?» (Th. Tooke. «An Inquiry into the Currency Principles». 2nd ed., London, 1844, p. 80).

Если бы процент был $= 0$, то промышленный капиталист, взявший капитал в ссуду, оказался бы в одинаковом положении с тем капиталистом, который работает с собственным капиталом. Оба получали бы одинаковую среднюю прибыль, а капитал функционирует как капитал, будь то заемный или собственный, лишь постольку, поскольку он производит прибыль. То условие, что капитал должен быть возвращен, ничего не изменило бы в этом. Чем больше ставка процента приближается к нулю, т. е., например, понижается до 1%, тем больше капитал, взятый в ссуду, становится в одинаковое положение с собственным капиталом. До тех пор пока денежный капитал должен существовать как денежный капитал, он все время должен снова и снова отдаваться в ссуду, и притом

из существующего процента, скажем из 1%, и все время одному и тому же классу промышленных и торговых капиталистов. Пока последние функционируют как капиталисты, различие между тем, кто функционирует при помощи заемного капитала, и тем, кто функционирует с собственным капиталом, заключается лишь в том, что один должен уплачивать проценты, а другой — нет; один кладет себе в карман всю прибыль p , а другой $p - z$, прибыль минус процент; чем больше z приближается к нулю, тем больше $p - z$ приближается к p , и, следовательно, тем больше оба капиталиста становятся в одинаковое положение. Один должен возвращать капитал и снова занимать; а другой, раз его капитал должен функционировать, тоже постоянно должен вновь авансировать капитал для процесса производства и не может располагать им иначе, как только для этого процесса. Впрочем, остается еще одно само собой понятное различие, заключающееся в том, что один из этих капиталистов — собственник своего капитала, а другой — нет.

Теперь возникает вопрос: каким образом это чисто количественное деление прибыли на чистую прибыль и процент переходит в качественное? Другими словами, каким образом капиталист, применяющий лишь свой собственный, а не заемный капитал, тоже относит часть своей валовой прибыли в особую категорию процента и особо исчисляет его как таковой? И, далее, каким образом в связи с этим всякий капитал, — заемный или нет, — как капитал, приносящий проценты, отличается от себя самого как приносящего чистую прибыль?

Известно, что не всякое случайное количественное деление прибыли такого рода превращается в качественное. Например, несколько промышленных капиталистов объединяются для ведения предприятия и затем распределяют между собой прибыль согласно юридически закрепленному договору. Другие ведут свое предприятие самостоятельно, без компаньонов. Эти другие не исчисляют своей прибыли по двум категориям, одну часть как индивидуальную прибыль, другую как прибыль компании для несуществующих компаньонов. Следовательно, в этом случае количественное деление не превращается в качественное. Деление происходит в том случае, когда собственник состоит из нескольких юридических лиц; оно не имеет места, когда этого нет.

Чтобы дать ответ на вопрос, нам придется несколько дольше остановиться на действительном исходном пункте образования процента; т. е. необходимо исходить из предположения, что денежный капиталист и производительный капиталист действительно противостоят друг другу не только как юридически разные лица, но и как лица, играющие совершенно различные роли в процессе воспроизводства, или как лица, в руках которых один и тот же капитал действительно совершает двойное и совершенно различное

движение. Один лишь отдает капитал в ссуду, другой производительно его применяет.

Для производительного капиталиста, работающего при помощи заемного капитала, валовая прибыль распадается на две части: процент, который он должен заплатить кредитору, и избыток сверх процента, составляющий его собственную долю в прибыли. Если общая норма прибыли дана, то эта последняя часть определяется ставкой процента; если дана ставка процента, то эта часть определяется общей нормой прибыли. И далее: как бы валовая прибыль, действительная величина стоимости всей прибыли, ни отклонялась в каждом конкретном случае от средней прибыли, та ее часть, которая принадлежит функционирующему капиталисту, определяется процентом, так как этот последний фиксируется общей ставкой процента (если оставить в стороне случаи особых юридических договоров) и предполагается как величина данная, прежде чем начнется процесс производства, т. е. прежде чем будет получен его результат, валовая прибыль. Мы видели, что действительный специфический продукт капитала есть прибавочная стоимость, или, точнее, прибыль. Но для капиталиста, работающего при помощи заемного капитала, этот продукт не прибыль, а прибыль минус процент, т. е. часть прибыли, остающаяся у него по уплате процента. Таким образом эта часть прибыли необходимо представляется ему продуктом капитала, поскольку этот капитал функционирует; по отношению к нему так оно и есть в действительности, потому что он — представитель капитала лишь как функционирующего капитала. Он — персонификация капитала, поскольку капитал функционирует, а функционирует он постольку, поскольку вложен в промышленность или в торговлю таким образом, что приносит прибыль, и поскольку применяющий его капиталист совершает с ним те операции, которых требует данная отрасль предпринимательства. В противоположность проценту, который он должен выплачивать из валовой прибыли кредитору, приходящаяся на его долю остальная часть прибыли необходимо принимает, таким образом, форму промышленной, соответственно торговой, прибыли, или, употребляя выражение, охватывающее и ту и другую, принимает форму предпринимательского дохода. Если валовая прибыль равна средней прибыли, то величина этого предпринимательского дохода будет определяться исключительно ставкой процента. Если валовая прибыль отклоняется от средней прибыли, то разность между нею и средней прибылью (за вычетом из той и другой процента) определяется всеми теми конъюнктурными моментами, которые вызывают временное отклонение, — или отклонение нормы прибыли в отдельной сфере производства от общей нормы прибыли, или же отклонение той прибыли, которую получает отдельный капиталист в определенной сфере, от средней прибыли этой особой сферы. Но мы видели, что норма прибыли в самом процессе произ-

водства зависит не только от прибавочной стоимости, но и от многих других обстоятельств: от покупной цены средств производства, от методов производства, более производительных, чем средние, от экономии постоянного капитала и т. д. И если оставить в стороне цену производства, то норма прибыли зависит от особых конъюнктурных моментов, а в каждой отдельной предпринимательской сделке от большей или меньшей ловкости и предприимчивости капиталиста, от того, насколько покупает или продает капиталист выше или ниже цены производства, от того, следовательно, присваивает ли он себе в процессе обращения большую или меньшую часть совокупной прибавочной стоимости. Но во всяком случае количественное деление валовой прибыли превращается здесь в качественное, тем более, что само количественное деление зависит от того, что подлежит делению, как хозяйничает активный капиталист при помощи капитала и какую валовую прибыль он приносит ему как функционирующий капитал, т. е. вследствие функций капиталиста как активного капиталиста. Функционирующий капиталист предполагается здесь не собственником капитала. Собственность на капитал представлена по отношению к нему кредитором, денежным капиталистом. Таким образом, процент, который функционирующий капиталист уплачивает ему, является частью валовой прибыли, приходящейся на долю собственности на капитал, на долю этой собственности как таковой. В противоположность этому часть прибыли, приходящаяся на долю активного капиталиста, представляется теперь в виде предпринимательского дохода, вытекающего исключительно из операции или функций, которые он совершает в процессе воспроизводства при помощи капитала, следовательно, специально из тех функций, которые выполняет он как предприниматель в промышленности или торговле. Следовательно, по отношению к нему процент представляется просто плодом собственности на капитал, плодом капитала самого по себе, абстрагированного от процесса воспроизводства капитала, плодом капитала, поскольку он «не работает», не функционирует; между тем предпринимательский доход представляется ему исключительно плодом тех функций, которые он совершает с капиталом, плодом движения и процессирования капитала, такого процессирования, которое представляется активному капиталисту теперь как его собственная деятельность в противоположность бездеятельности, неучастию денежного капиталиста в процессе производства. Это качественное разграничение двух частей валовой прибыли, заключающееся в том, что процент есть плод капитала самого по себе, плод собственности на капитал, независимо от процесса производства, а предпринимательский доход — плод процессирующего капитала, капитала действующего в процессе производства, а потому плод той активной роли, которую лицо, применяющее капитал, играет в процессе воспроизводства, — это качественное

разграничение отнюдь не является лишь субъективным представлением денежного капиталиста в одном случае, промышленного капиталиста в другом. Оно основывается на объективном факте, потому что процент притекает к денежному капиталисту, кредитору, являющемуся просто собственником капитала, т. е. просто представителем собственности на капитал до процесса производства и вне процесса производства; предпринимательский же доход притекает только к функционирующему капиталисту, не собственнику капитала.

Как для промышленного капиталиста, поскольку он работает с заемным капиталом, так и для денежного капиталиста, поскольку он не сам применяет свой капитал, чисто количественное деление валовой прибыли между двумя различными лицами, имеющими различные юридические титулы на один и тот же капитал, а потому и на произведенную им прибыль, превращается в качественное деление. Одна часть прибыли представляется теперь плодом, который сам по себе причитается капиталу в *одном* определении последнего, в виде процента; другая часть представляется специфическим плодом капитала в другом, противоположном определении, и потому представляется предпринимательским доходом; одна представляется исключительно продуктом собственности на капитал, другая — продуктом исключительно функционирования с этим капиталом, продуктом процессирующего капитала, или продуктом тех функций, которые выполняет активный капиталист. И эта кристаллизация и взаимное обособление обеих частей валовой прибыли, как если бы они происходили из двух существенно различных источников, должны теперь установиться для всего класса капиталистов и для всего капитала. При этом безразлично, получен ли капитал, применяемый активным капиталистом, в ссуду или нет, применяется ли капитал, принадлежащий денежному капиталисту, им самим или нет. Прибыль от всякого капитала, а следовательно и средняя прибыль, основывающаяся на выравнивании капиталом между собой, распадается или может быть разложена на две качественно различные, взаимно самостоятельные и не зависящие друг от друга части, процент и предпринимательский доход, из которых каждая определяется особыми законами. Капиталист, работающий с собственным капиталом, точно так же, как тот, который работает с заемным капиталом, делит свою валовую прибыль на процент, который полагается ему как собственнику, как кредитору, ссудившему свой собственный капитал самому себе, и на предпринимательский доход, причитающийся ему как активному, функционирующему капиталисту. Таким образом, для этого деления, как качественного, не имеет значения, должен ли капиталист действительно поделиться с другим капиталистом или нет. Тот, кто применяет капитал, если даже он работает с собственным капиталом, распадается на два лица: простого

собственника капитала и лицо, применяющее капитал; сам его капитал по отношению к приносимым им категориям прибыли распадается на капитал-*собственность*, капитал *вне* процесса производства, сам по себе приносящий процент, и на капитал в процессе производства, который, как капитал, совершающий процесс, приносит предпринимательский доход.

Итак, процент закрепляется таким образом, что выступает теперь не как безразличное для производства деление валовой прибыли, имеющее место лишь в том случае, когда промышленник работает при помощи заемного капитала. Даже когда он работает с собственным капиталом, его прибыль распадается на процент и предпринимательский доход. Вместе с тем чисто количественное деление становится качественным; оно имеет место независимо от того случайного обстоятельства, является ли промышленник собственником своего капитала или нет. Это не только части прибыли, распределяемые между разными лицами, но две различные категории прибыли, которые стоят в различном отношении к капиталу, т. е. относятся к различным определенным формам капитала¹⁸⁴.

Теперь очень ясными становятся причины, благодаря которым это деление валовой прибыли на процент и предпринимательский доход, раз оно сделалось качественным, сохраняет этот характер качественного деления для всего капитала и для всего класса капиталистов.

Во-первых: это вытекает уже из того простого эмпирического обстоятельства, что большинство промышленных капиталистов, хотя и в различной мере, работает при помощи как собственного, так и заемного капитала и что отношение между собственным и заемным капиталом в различные периоды изменяется.

Во-вторых: превращение одной части валовой прибыли в форму процента превращает другую ее часть в предпринимательский доход. В самом деле, этот последний есть лишь та противоположная форма, которую принимает избыток валовой прибыли над процентом, когда процент существует как особая категория. Все исследование вопроса, каким образом валовая прибыль дифференцируется на процент и предпринимательский доход, сводится просто к исследованию того, каким образом часть валовой прибыли вообще кристаллизуется и приобретает самостоятельное существование в виде процента. Но капитал, приносящий проценты, исторически существует как готовая, старинная форма, а потому и процент как готовая форма прибавочной стоимости, произведенной капиталом, существует уже задолго до появления капиталистического способа производства и соответствующих ему представлений о капитале и прибыли. Поэтому и до сих пор денежный капитал, капитал, приносящий проценты, все еще остается в народном представлении капиталом как таковым, капиталом *par excellence* *. Отсюда же,

* — по преимуществу. *Ред.*

с другой стороны, и то господствовавшее до времени Масси представление, будто процентом оплачиваются деньги как таковые. То обстоятельство, что данный в ссуду капитал приносит процент независимо от того, применяется ли он в действительности как капитал или нет, — он приносит процент даже в том случае, если он взят в ссуду в целях потребления, — укрепляет представление о самостоятельности этой формы капитала. Лучшее подтверждение той самостоятельности, с какой в первые периоды капиталистического способа производства процент выступает по отношению к прибыли, а приносящий проценты капитал — по отношению к промышленному капиталу, заключается в том, что лишь в середине XVIII века был открыт (Масси, а затем Юмом ¹⁸⁵) тот факт, что процент есть просто часть валовой прибыли, и что вообще приходилось делать такое открытие.

В-третьих: работает ли промышленный капиталист с собственным или с заемным капиталом, это ничего не изменяет в том обстоятельстве, что ему противостоит класс денежных капиталистов как особый вид капиталистов, денежный капитал как самостоятельный вид капитала и процент как соответствующая этому особому капиталу самостоятельная форма прибавочной стоимости.

Качественно процент есть прибавочная стоимость, которую доставляет просто собственность на капитал, которую капитал приносит сам по себе, хотя его собственник остается вне процесса воспроизводства, которую капитал, следовательно, дает обособленно от своего процесса.

Количественно часть прибыли, образующая процент, представляется так, как будто она связана не с промышленным и торговым капиталом как таковым, а с денежным капиталом, и норма этой части прибавочной стоимости, норма процента, или ставка процента, закрепляет такое отношение. Потому что, во-первых, ставка процента — несмотря на свою зависимость от общей нормы прибыли — определяется самостоятельно, и, во-вторых, подобно рыночной цене товаров, она, в противоположность неуловимой норме прибыли, выступает как устойчивое, при всех переменах единообразное, очевидное и всегда данное отношение. Если бы весь капитал находился в руках промышленных капиталистов, то не существовало бы ни процента, ни ставки процента. Самостоятельной формой, которую принимает количественное деление валовой прибыли, порождается качественное деление. Если сравнить промышленного капиталиста с денежным капиталистом, то первого отличает от второго лишь предпринимательский доход как избыток валовой прибыли над средним процентом, который выступает благодаря ставке процента в качестве эмпирически данной величины. Если же, с другой стороны, сравнить того же промышленного капиталиста с промышленным капиталистом, который хозяйствует при

помощи собственного, а не заемного капитала, то этот последний капиталист будет отличаться от него лишь как денежный капиталист, так как он кладет процент в свой карман, вместо того чтобы его выплачивать. В обоих случаях часть валовой прибыли, отличная от процента, представляется ему предпринимательским доходом, а самый процент — прибавочной стоимостью, которую капитал дает сам по себе и которую он поэтому стал бы давать и без производительного применения.

По отношению к отдельному капиталисту это практически верно. От его усмотрения зависит, ссудить ли свой капитал в качестве капитала, приносящего проценты, или самостоятельно увеличивать его стоимость, применяя его в качестве производительного капитала, причем безразлично, существует ли данный капитал уже в своей исходной точке как денежный капитал или же его еще приходится превращать в денежный капитал. Но в общем масштабе, т. е. в применении ко всему общественному капиталу, — как то делают некоторые вульгарные экономисты, выдавая даже самое владение денежным капиталом за основание прибыли, — это, конечно, нелепо¹⁸⁶. Превращение всего капитала в денежный капитал без людей, покупающих и использующих для увеличения стоимости средства производства, в форме которых существует весь капитал, за исключением относительно небольшой его части, существующей в виде денег, конечно, представляет собой нелепость. Еще большей нелепостью будет предполагать, что на основе капиталистического способа производства капитал может приносить процент, не функционируя как производительный капитал, т. е. не создавая прибавочной стоимости, частью которой и является процент, что капиталистический способ производства может совершать свой путь без капиталистического производства. Если бы непомерно большая часть капиталистов захотела превратить свой капитал в денежный капитал, то следствием этого было бы чрезмерное обесценение денежного капитала и чрезвычайное падение ставки процента; многие немедленно оказались бы не в состоянии жить на свои проценты и таким образом были бы вынуждены снова превратиться в промышленных капиталистов. Но, как уже сказано, каждый отдельный капиталист думает именно так. Поэтому, даже хозяйствуя с собственным капиталом, он необходимо рассматривает ту часть своей средней прибыли, которая равна среднему проценту, как продукт своего капитала как такового, получающийся независимо от процесса производства; и в противоположность этой части, обособившейся в виде процента, он рассматривает избыток валовой прибыли над процентом просто как предпринимательский доход.

В-четвертых: {Пробел в рукописи.}

Итак, оказалось, что та часть прибыли, которую функционирующий капиталист должен уплачивать простому собственнику

взятого в ссуду капитала, превращается в самостоятельную форму той части прибыли, которую приносит под названием процента всякий капитал как таковой, взят ли он в ссуду или нет. Величина этой части зависит от высоты средней ставки процента. На происхождение ее теперь указывает лишь то, что функционирующий капиталист, поскольку он является собственником своего капитала, не конкурирует — по крайней мере активно — в определении ставки процента. Чисто количественное деление прибыли между двумя лицами, имеющими различные юридические титулы на нее, превратилось в качественное деление, которое кажется вытекающим из самой природы капитала и прибыли. Потому что, как мы видели, когда часть прибыли вообще принимает форму процента, разность между средней прибылью и процентом, или избыток прибыли над процентом, превращается в противоположную проценту форму, в форму предпринимательского дохода. Эти две формы, процент и предпринимательский доход, существуют лишь в своей противоположности. Следовательно, обе они находятся в известном соотношении не с прибавочной стоимостью, по отношению к которой они суть лишь части, фиксированные под различными категориями, рубриками и названиями, а в соотношении одна с другой. Так как одна часть прибыли превращается в процент, то другая выступает в виде предпринимательского дохода.

Под прибылью мы постоянно понимаем здесь среднюю прибыль, так как здесь для нас совершенно безразличны отклонения как индивидуальной прибыли, так и прибыли в различных сферах производства, т. е. те или иные изменения в распределении средней прибыли, или прибавочной стоимости, связанные с конкурентной борьбой и другими обстоятельствами. Это относится вообще ко всему настоящему исследованию.

Процент же есть чистая прибыль, как называет его Рамсей¹⁸⁷, которую приносит собственность на капитал как таковая тому ли, кто является только кредитором, остающимся вне процесса воспроизводства, или собственнику, который сам производительно применяет свой капитал. Но и последнему капитал приносит эту чистую прибыль не как функционирующему капиталисту, а как денежному капиталисту, ссудившему свой собственный капитал как капитал, приносящий проценты, себе самому как функционирующему капиталисту. Подобно тому, как превращение денег и вообще стоимости в капитал есть постоянный результат капиталистического процесса производства, так их существование в качестве капитала есть постоянное предварительное условие капиталистического процесса производства. Благодаря своей способности превращаться в средства производства, они постоянно командуют неоплаченным трудом и потому превращают процесс производства и обращения товаров в производство прибавочной стоимости для своего владельца. Следовательно, процент есть лишь выражение

того, что стоимость вообще, — опредмеченный труд в его всеобщей общественной форме, — стоимость, принимающая в действительном процессе производства вид средств производства, противостоит живой рабочей силе как самостоятельная сила и является средством присвоения неоплаченного труда; и что такой силой она является благодаря тому, что противостоит рабочему как чужая собственность. Но, с другой стороны, в форме процента эта противоположность наемному труду стирается, потому что приносящий проценты капитал как таковой находит свою противоположность не в наемном труде, а в функционирующем капитале; капиталист-кредитор как таковой прямо противостоит действительно функционирующему в процессе воспроизводства капиталисту, а не наемному рабочему, у которого именно на основе капиталистического производства экспроприированы средства производства. Приносящий проценты капитал — это капитал *как собственность* в противоположность капиталу *как функции*. Но пока капитал не функционирует, он не эксплуатирует рабочих и не вступает в антагонизм с трудом.

С другой стороны, предпринимательский доход составляет противоположность не наемному труду, а лишь проценту.

Во-первых: если предположить среднюю прибыль как величину данную, то норма предпринимательского дохода определяется не заработной платой, а ставкой процента. Она будет выше или ниже в обратном отношении к ставке процента ⁷²⁾.

Во-вторых: свое притязание на предпринимательский доход, а следовательно и самый этот доход, функционирующий капиталист выводит не из своей собственности на капитал, а из функции капитала в противоположность той его определенной форме, когда она существует как бездеятельная собственность. Это проявляется как непосредственно существующая противоположность в тех случаях, когда он оперирует заемным капиталом, так что процент и предпринимательский доход достаются двум разным лицам. Предпринимательский доход возникает из функции капитала в процессе воспроизводства, т. е. вследствие операций, деятельности, которыми функционирующий капиталист опосредствует эти функции промышленного и торгового капитала. Но быть представителем функционирующего капитала — это не синекура, подобная представительству капитала, приносящего проценты. На основе капиталистического производства капиталист управляет как процессом производства, так и процессом обращения. Эксплуатация производительного труда стоит усилий для самого капиталиста или для других лиц, которые действуют от его имени. Его предпринимательский доход в противоположность проценту представляется

⁷²⁾ «Предпринимательская прибыль зависит от чистой прибыли с капитала, а не пошедшая от первой». (Ramsay. «An Essay on the Distribution of Wealth», p. 214. Чистая прибыль у Рамсея всегда означает процент.)

ему, таким образом, чем-то независимым от собственности на капитал, более того, результатом его функций как не собственника, как *работника*.

Поэтому в его голове необходимо возникает представление, что его предпринимательский доход не только не находится в какой-либо противоположности наемному труду, не только не является просто неоплаченным чужим трудом, а, напротив, сам есть не что иное, как *заработная плата*, плата за надзор, *wages of superintendence of labour*, более высокая плата, чем заработная плата обыкновенного наемного рабочего, 1) потому что это более сложный труд, 2) потому что он сам выплачивает себе заработную плату. Что функция его как капиталиста состоит в том, чтобы производить прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд, да еще при самых экономных условиях, — это совершенно заслоняется тем фактом, что процент достается капиталисту, даже если он и не выполнял никакой функции как капиталист, а был лишь собственником капитала, и что, напротив, предпринимательский доход достается функционирующему капиталисту, даже если он не был собственником капитала, с которым функционирует. Из-за противоположных форм обеих частей, на которые распадается прибыль, т. е. прибавочная стоимость, забывают, что обе они являются просто частями прибавочной стоимости и что деление ее ничего не может изменить ни в ее природе, ни в ее происхождении и условиях ее существования.

В процессе воспроизводства функционирующий капиталист выступает по отношению к наемным рабочим представителем капитала как чужой собственности, и денежный капиталист, будучи представлен функционирующим капиталистом, принимает участие в эксплуатации труда. То обстоятельство, что только как представитель средств производства по отношению к рабочим активный капиталист может выполнять свою функцию, может заставить рабочих работать на себя или сделать так, чтобы средства производства функционировали в качестве капитала, — это обстоятельство забывается из-за противоположности между функцией капитала в процессе воспроизводства и простой собственностью на капитал вне процесса воспроизводства.

В самом деле, та форма, которую обе части прибыли, т. е. прибавочной стоимости, принимают как процент и предпринимательский доход, не выражает отношения к труду, потому что это отношение существует лишь между ним и прибылью, или точнее, прибавочной стоимостью как суммой, как целым, как единством обеих этих частей. Отношение, в котором делится прибыль, и различные юридические титулы, на основе которых производится это деление, предполагают прибыль уже готовой, предполагают, что она уже существует. Поэтому, если капиталист является собственником капитала, с которым он функционирует,

то он кладет себе в карман всю прибыль, или прибавочную стоимость; для рабочего совершенно безразлично, берет ли капиталист всю прибыль себе или должен выплачивать часть ее третьему лицу как юридическому собственнику. Таким образом, основы деления прибыли между двумя видами капиталистов превращаются мало-помалу в основы существования подлежащей делению прибыли, прибавочной стоимости, которую, независимо от какого бы то ни было позднейшего деления, капитал как таковой извлекает из процесса воспроизводства. Из того, что процент противостоит предпринимательскому доходу, а предпринимательский доход — проценту, что они оба противостоят друг другу, а не труду, следует, что предпринимательский доход плюс процент, т. е. прибыль, т. е. в конце концов прибавочная стоимость, основываются — на чем? На том, что обе ее части имеют противоположные формы! Но прибыль производится прежде, чем происходит это деление, прежде, чем о нем может идти речь.

Капитал, приносящий проценты, оказывается таковым лишь постольку, поскольку данные в ссуду деньги действительно превращаются в капитал и поскольку производится избыток, часть которого есть процент. Но это не исключает того, что с ним независимо от процесса производства сростается свойство приносить проценты. Ведь рабочая сила также обнаруживает свою способность производить стоимость лишь тогда, когда она действует и реализуется в процессе труда; но это не исключает того, что она сама по себе, потенциально, как способность, есть деятельность, которой создается стоимость, и как таковая она не возникает лишь из процесса, а, напротив, служит предварительным условием процесса. Она покупается как способность создавать стоимость. Но ее можно купить не только для того, чтобы заставлять производительно работать, но, например, и для чисто личных целей, для услуг и т. д. Так и с капиталом. Это уже дело заемщика, использовать ли капитал как капитал, т. е. фактически привести в действие связанное с ним свойство производить прибавочную стоимость. Оплачивает он в обоих случаях прибавочную стоимость, которая сама по себе, в возможности, заключается в товаре капитал.

Остановимся теперь подробнее на предпринимательском доходе.

Поскольку при капиталистическом способе производства фиксируется момент специфической общественной определенности капитала — собственность на капитал, обладающая свойством командовать над трудом других, — и поскольку процент выступает поэтому как часть прибавочной стоимости, которую в этих условиях производит капитал, другая часть прибавочной стоимости — пред-

принимательский доход — необходимо представляется в таком виде, как будто она возникает не из капитала как капитала, а из процесса производства, независимо от его специфической общественной определенности, которая в выражении процента на капитал ведь уже приобрела свой особый способ существования. Но процесс производства, обособленный от капитала, есть процесс труда вообще. Промышленный капиталист, в отличие от собственника капитала, выступает поэтому не как функционирующий капитал, а как лицо, функционирующее даже помимо капитала, как простой носитель процесса труда вообще, как работник и притом наемный работник.

Процент сам по себе выражает именно существование условий труда как капитала в их общественной противоположности труду и в их претворении в личную власть по отношению к труду и над трудом. Собственность на капитал как таковую он выражает как средство присваивать продукты чужого труда. Но эта характерная особенность капитала представлена в проценте как нечто такое, что принадлежит капиталу помимо процесса производства и что отнюдь не является результатом специфически капиталистической определенности самого этого процесса производства. В проценте эта характерная особенность капитала представлена не в прямой противоположности труду, а, наоборот, вне отношения к труду, только как отношение одного капиталиста к другому, т. е. представлена как определение, чисто внешнее и безразличное для отношения капитала к самому труду. Таким образом, в проценте, в этом особом виде прибыли, в котором антагонистический характер капитала приобретает самостоятельное выражение, он выражен так, что этот антагонизм здесь совершенно погашен и происходит полное абстрагирование от него. Процент есть отношение между двумя капиталистами, а не между капиталистом и рабочим.

С другой стороны, форма процента придает другой части прибыли качественную форму предпринимательского дохода, далее — форму платы за надзор. Особые функции, которые приходится выполнять капиталисту как таковому и которые выпадают на его долю как раз в отличие от рабочих и в противоположность рабочим, представляются как чисто трудовые функции. Он создает прибавочную стоимость не потому, что работает *как капиталист*, а потому, что несмотря на свое качество капиталиста он *тоже* работает. Поэтому эта часть прибавочной стоимости — это уже не прибавочная стоимость, а ее противоположность — эквивалент выполненного труда. Так как отчужденный характер капитала, его противоположность труду переносится по ту сторону действительного процесса эксплуатации, а именно переносится на капитал, приносящий проценты, то самый этот процесс эксплуатации представляется простым процессом труда, в котором функционирую-

щий капиталист выполняет лишь иную работу, чем рабочий. Таким образом, труд по эксплуатации и эксплуатируемый труд тождественны как труд. Труд по эксплуатации точно так же есть труд, как и тот труд, который подвергается эксплуатации¹⁸⁸. Процент становится общественной формой капитала, но выраженной в нейтральной и индифферентной форме; предпринимательский доход становится экономической функцией капитала, но отвлеченной от определенного, капиталистического характера этой функции.

При этом в сознании капиталиста происходит совершенно то же, что с упомянутыми во II отделе этой книги основаниями для компенсации при выравнивании прибыли в среднюю прибыль. Эти основания для компенсации, которые определяющим образом влияют на распределение прибавочной стоимости, превращаются благодаря капиталистическому способу представления в причины возникновения и (субъективные) основания для оправдания прибыли.

Представление о предпринимательском доходе как о вознаграждении за труд по надзору, возникающее из противоположности, существующей между предпринимательским доходом и процентом, находит дальнейшую опору в том, что часть прибыли в самом деле может быть обособлена и действительно обособляется как заработная плата, или, точнее, наоборот: что часть заработной платы на основе капиталистического способа производства выступает как интегральная составная часть прибыли. Эта часть, как это правильно установил уже А. Смит, выступает в чистом виде, самостоятельно и совершенно обособленно, с одной стороны, от прибыли (как суммы процента и предпринимательского дохода), с другой стороны — от той части прибыли, которая остается за вычетом процента как так называемый предпринимательский доход, — выступает в форме содержания управляющего в таких видах предприятий, размер и т. д. которых допускают настолько значительное разделение труда, что можно установить особую заработную плату для управляющего¹⁸⁹.

Труд по надзору и управлению необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не является разьединенным трудом самостоятельных производителей⁷³⁾. Но природа его — двойного рода.

С одной стороны, во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей

⁷³⁾ «Назор здесь» (у крестьянина — собственника земли) «совершенно не нужен» (J. E. Cairnes. «The Slave Power». London. 1862. p. 48).

деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства.

С другой стороны, если совершенно оставить в стороне купеческое дело, этот труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого надзора за работниками. Поэтому своего максимума она достигает при системе рабства⁷⁴⁾. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами.

У античных писателей, непосредственно наблюдавших систему рабства, обе стороны труда по надзору были неразрывно соединены в теории, как это имело место и на практике, — совершенно так же, как у современных экономистов, которые считают капиталистический способ производства абсолютным способом производства. С другой стороны, как я сейчас покажу на одном примере, апологеты современной системы рабства совершенно так же умеют использовать труд по надзору в качестве основания для оправдания рабства, как другие экономисты — для оправдания системы наемного труда.

Villicus во времена Катона:

«Во главе рабовладельческого имения (*familia rustica*) стоял эконо́м (*villicus* от *villa* *), который принимал и выдавал, покупал и продавал, получал от владельца инструкции и в его отсутствие распоряжался и наказывал... Эконом, конечно, пользовался большей свободой, чем остальные рабы; в книгах Магона дается совет разрешать ему вступать в брак, производить на свет детей и иметь свои собственные наличные деньги, а Катон советует женить его на экономке; он один мог надеяться в случае благопристойного поведения получить свободу из рук своего господина. В остальном все они составляли одну единую дворню... Всякий раб, в том числе и сам эконом, получал свое содержание от хозяина в определенные сроки и в строго установленном размере, причем ему предоставлялось уже самому сводить концы с концами... Размеры этого содержания устанавливались в зависимости от работы; поэтому, например, эконом, выполнявший более легкий труд, чем простые рабы, получал и меньшее содержание» (Mommсен. «*Römische geschichte*». 2 Auflage, Bd. I, 1856. S. 809 -810).

⁷⁴⁾ «Если характер работы требует распределения работников» (именно рабов) «на большем пространстве, то число надсмотрщиков, а потому и расход на вознаграждение труда, вызываемого этим надзором, должны соответственно возрасти» (J. E. Cairnes, цит. соч., стр. 44).

* — поместье. Ред.

Аристотель:

«Ὁ γὰρ δεσπότης οὐκ ἐν τῇ κτᾶσθαι τοὺς δούλους, ἀλλ' ἐν τῇ χρῆσθαι δούλους». («Потому что господин» — капиталист — «проявляется как таковой не в приобретении рабов» — собственности на капитал, которая дает власть покупать труд, — «а в использовании рабов», — употреблении рабочих, в настоящее время наемных рабочих, в процессе производства.) «Ἔστι δὲ αὐτῇ ἡ ἐπιστήμη οὐδὲν μέγα ἔχουσα οὐδὲ σεμνόν» («Но в этой науке нет ничего великого или возвышенного») «ἀ γὰρ τὸν δούλον ἐπιστάσθαι δεῖ ποιεῖν, ἐκεῖνον δὲ ταῦτα ἐπιστάσθαι ἐπιτάττειν» («он должен уметь приказывать то, что раб должен уметь исполнять»). «Διὸ οἷοις ἐξουσία μὴ αὐτοῦς κακοπαθεῖν, ἐπίτροπος λαμβάνει ταυτὴν τὴν τιμὴν, αὐτοὶ δὲ πολιτεύονται ἢ φιλοσοφοῦσιν». («Когда сами господа не находят нужным обременять себя этим, *честь* эту берет на себя надсмотрщик; сами же они занимаются государственными делами или философией»). (Aristoteles. «De republica». Ed. Bekkeri, 1837, lib. I, 7.)

Аристотель без обвиняков говорит, что господство как в политической, так и в экономической области возлагает на властителей функции господства; это означает, что в экономической области они должны уметь потреблять рабочую силу, и прибавляет к этому, что труду по надзору не следует придавать большого значения, ввиду чего господин, если только он достаточно состоятелен, передает «честь» этих хлопот надсмотрщику.

Труд по управлению и надзору, поскольку этот труд не есть особая функция, обусловливаемая природой всякого комбинированного общественного труда, а вытекает из противоположности между собственником средств производства и собственником только рабочей силы, — причем безразлично, покупается ли последняя вместе с самим работником, как при системе рабства, или сам рабочий продает свою рабочую силу, и процесс производства является поэтому одновременно и процессом потребления его труда капиталом, — эта функция, возникающая из порабощения непосредственного производителя, часто выставляется как достаточное основание для оправдания самого этого отношения, и эксплуатация, присвоение чужого неоплаченного труда, столь же часто изображается как заработная плата, причитающаяся собственнику капитала. Но всего лучше делает это защитник рабства в Соединенных Штатах, некий адвокат О'Конор, в своей речи, произнесенной 19 декабря 1859 г. на митинге в Нью-Йорке под лозунгом «Справедливость к Югу».

«Итак, джентльмены, — заявил он под громкие аплодисменты, — негру самой природой предопределено положение раба. Он крепок и силен в работе; но природа, давшая ему эту силу, отказала ему как в умении управлять, так и в желании трудиться. (*Одобрения*) И в том и в другом ему отказано! И та же природа, лишившая его воли к труду, дала ему господина для того, чтобы принуждать его к труду, сделать из него в тех климатических условиях, для которых он создан, полезного слугу как для самого себя, так и для господина, управляющего им. Я утверждаю, что не будет никакой несправедливости оставить негра в положении, в которое его поставила природа, дать ему господина, который управляет им; у негра не отнимают каких бы то ни было прав, принуждая его работать и доставлять справедливое вознаграждение своему господину за труд и таланты, которые тот применяет для того, чтобы управлять им и сделать его полезным как для себя самого, так и для общества» [*«New-York Daily Tribune»*¹⁹⁰, 20 декабря 1859, стр. 7—8].

И вот наемный рабочий, подобно рабу, тоже должен иметь господина, который заставляет бы его работать и управлял бы им. А раз предположены эти отношения господства и подчинения, будет в порядке вещей, что наемный рабочий вынуждается производить свою собственную заработную плату и сверх того плату за надзор, компенсацию за труд по управлению и надзору за ним, вынуждается

«доставлять справедливое вознаграждение своему господину за труд и таланты, которые тот применяет для того, чтобы управлять им и сделать его полезным как для себя самого, так и для общества».

Труд по надзору и управлению, поскольку он возникает из антагонистического характера общества, в частности из господства капитала над трудом, и потому является общим для всех способов производства, основанных, как и капиталистический способ, на классовой противоположности, этот труд при капиталистической системе непосредственно и неразрывно связан с производительными функциями, которые налагаются всяким комбинированным общественным трудом на отдельных индивидуумов в качестве особого труда. Заработная плата какого-нибудь *epitropos**, или *régisseur*, как он назывался в феодальной Франции, совершенно отделяется от прибыли и принимает форму заработной платы за квалифицированный труд, как только предприятие достигает достаточно крупных размеров, для того чтобы оплачивать такого управляющего (*manager*), — хотя и при этом наши промышленные капиталисты еще далеки от того, чтобы «заниматься государственными делами или философией».

Что не промышленные капиталисты, а промышленные управляющие (*manager*) являются «душой нашей промышленной системы», это заметил еще г-н Юр⁷⁵⁾. Что касается торговой части предприятия, то все необходимое об этом сказано уже в предыдущем отделе**.

Само капиталистическое производство привело к тому, что труд по надзору, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда предлагается в избытке. Поэтому сделалось необязательным, чтобы этот труд по надзору выполнялся капиталистом. Нет никакой необходимости в том, чтобы капельмейстер был собственником инструментов оркестра; в его функцию как дирижера не входит также обязанность иметь дело с «оплатой» прочих музыкантов. Кооперативные фабрики дают доказательство того, что капиталист в качестве функционера производства стал столь же излишен, как сам он, представляя высшую ступень развития, считает излишним

* — управляющего. *Ред.*

⁷⁵⁾ *A. Ure. «Philosophie des manufactures». Tome I. Paris, 1836. p. 67–68.* где этот Пиндар фабрикантов в то же время показывает им, что большинство из них не имеет ни малейшего представления о машинах, которые они применяют¹⁹⁾.

** См. настоящий том, с. 281–282. *Ред.*

крупного земельного собственника. Поскольку труд капиталиста обуславливается процессом производства не только потому, что этот процесс капиталистический и, следовательно, поскольку этот труд сам собой не исчезает вместе с капиталом, поскольку он не ограничивается такой функцией, как эксплуатация чужого труда; поскольку, следовательно, он обуславливается формой труда как общественного труда, комбинацией и кооперацией многих для достижения общего результата, постольку труд этот совершенно так же независим от капитала, как независима от него сама эта форма, раз только она сбросила с себя капиталистическую скорлупу. Утверждение, что этот труд необходим как капиталистический труд, как функция капиталиста, означает лишь, что вульгарный экономист не может представить себе форм, развившихся в недрах капиталистического способа производства, отделенными и освобожденными от их антагонистического капиталистического характера¹⁹². По отношению к денежному капиталисту промышленный капиталист — работник, но работающий в качестве капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда. Плата, которую он требует и получает за этот труд, как раз равна присвоенному количеству чужого труда и непосредственно зависит, раз капиталист берет на себя необходимые хлопоты по эксплуатации, от степени эксплуатации этого труда, а не от степени напряжения, которого ему стоит эта эксплуатация и которое он может за умеренное вознаграждение свалить на управляющего. В английских фабричных округах после каждого кризиса можно встретить достаточное количество экс-фабрикантов, которые за небольшое вознаграждение заведуют фабриками, ранее принадлежавшими им самим, заведуют как управляющие, состоящие на службе у новых владельцев, зачастую своих кредиторов⁷⁶⁾.

Плата за управление, которой вознаграждаются управляющие как торговыми, так и промышленными предприятиями, выступает совершенно обособленно от предпринимательского дохода и в кооперативных фабриках рабочих и в капиталистических акционерных предприятиях. Отделение платы за управление от предпринимательского дохода, которое в других случаях является случайным, приобретает здесь постоянный характер. В кооперативной фабрике труд по надзору утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является по отношению к ним представителем капитала. Акционерные предприятия, развивающиеся вместе с кредитом, вообще обнаруживают тенденцию все более отделять этот труд по управлению как особую функцию от владения капиталом, собственным ли, или заемным.

⁷⁶⁾ В одном известном мне случае обанкротившийся фабрикант сделался после кризиса 1868 г. платным наемным работником у своих прежних рабочих. После банкротства фабрику взяло в свои руки товарищество рабочих, а прежний владелец сделался ее управляющим. — Ф. Э.

совершенно так же, как с развитием буржуазного общества функции суда и управления отделяются от земельной собственности, атрибутами которой они были в феодальное время. Но когда, с одной стороны, простому собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоит функционирующий капиталист, а с развитием кредита этот денежный капитал сам принимает общественный характер, концентрируется в банках и ссужается ими, а не его непосредственными собственниками; когда, с другой стороны, лицо, являющееся только управляющим, не владеющее капиталом ни под каким титулом, ни заимообразно, ни как-либо иначе, исполняет все реальные функции, выпадающие на долю функционирующего капиталиста как такового, — тогда остается лишь служащий. а капиталист как лицо излишнее исчезает из процесса производства.

Из опубликованных отчетов ⁷⁷⁾ кооперативных фабрик в Англии видно, что, — за вычетом вознаграждения управляющему, которое составляет часть затраченного переменного капитала совершенно так же, как заработная плата остальных рабочих, — прибыль превышала среднюю прибыль, хотя эти фабрики иногда уплачивали более высокий процент, чем частные фабриканты. Причиной более высокой прибыли во всех этих случаях является большая экономия в применении постоянного капитала. Но нас при этом больше всего интересует то обстоятельство, что средняя прибыль (= проценту + предпринимательский доход) фактически и осязательно представляется здесь величиной, совершенно независимой от платы за управление. Так как прибыль здесь была больше средней прибыли, то и предпринимательский доход был больше, чем обыкновенно.

То же явление наблюдается и на некоторых капиталистических акционерных предприятиях, например в акционерных банках (Joint Stock Banks). «London and Westminster Bank» в 1863 г. выплатил 30% годового дивиденда; «Union Bank of London» и другие — 15%. Кроме вознаграждения управляющим из валовой прибыли, здесь выплачивается процент, уплачиваемый по вкладам. Высокая прибыль объясняется здесь тем, что вложенный в предприятия капитал составляет незначительную величину по сравнению с вкладами. Например, у «London and Westminster Bank» в 1863 г. — вложенный капитал 1 000 000 ф. ст., вклады 14 540 275 фунтов стерлингов. У «Union Bank of London» в 1863 г. — вложенный капитал 600 000 ф. ст., вклады 12 384 173 фунта стерлингов.

Смешение предпринимательского дохода с платой за надзор или за управление первоначально возникло из той особой формы,

⁷⁷⁾ Приведенные здесь данные отчетов доведены, самое большее, до 1864 г., так как текст был написан в 1865 году. — Ф. Э.

которую избыток прибыли над процентом принимает в противоположность проценту. Оно получило свое дальнейшее развитие благодаря апологетическому стремлению представить прибыль не как прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд, а как заработную плату самого капиталиста за выполняемый им труд. Этому со стороны социалистов было противопоставлено требование, чтобы прибыль была фактически сведена к тому, за что она выдается в теории, а именно к простой плате за надзор¹⁹³. И это требование, противопоставленное теоретическому прикрашиванию, было тем неприятнее, чем более эта плата за надзор с возникновением многочисленного класса промышленных и торговых управляющих⁷⁸⁾ обретала, с одной стороны, подобно всякой другой заработной плате, свой определенный уровень и свою определенную рыночную цену и чем ниже, с другой стороны, она опускалась, как всякая плата за квалифицированный труд, по мере общего развития, понижавшего издержки производства особо обученной рабочей силы⁷⁹⁾. С развитием кооперации среди рабочих и акционерных предприятий среди буржуазии был уничтожен и последний предлог для смешения предпринимательского дохода с платой за управление, и прибыль практически выступила как то, чем она бесспорно была теоретически: как чистая прибавочная стоимость, как стоимость, за которую не уплачивается эквивалента, как реализованный неоплаченный труд; так что функционирующий капиталист действительно эксплуатирует труд, и плод его эксплуатации, если он работает с заемным капиталом, делится на процент и предпринимательский доход — избыток прибыли над процентом.

На базе капиталистического производства в акционерных предприятиях возникают новые мошенничества с платой за управление, рядом с действительно управляющим и над ним появляется множество членов правлений и наблюдательных советов, для которых управление и контроль фактически служат лишь предлогом к ограблению акционеров и к собственной наживе. На этот счет имеется много любопытных подробностей в работе «*The City; or, the Physiology of London Business; with Sketches on Change, and at the Coffee Houses*». London, 1845.

⁷⁸⁾ «Предприниматели — такие же работники, как и их наемные рабочие. В этом отношении их интересы в точности совпадают с интересами их рабочих. Но одновременно с этим они являются также или капиталистами, или агентами капиталистов, и в этом отношении их интересы решительно противоположны интересам их рабочих» (*Hodgskin. «Labour defended against the Claims of Capital etc.»*. London, 1825, p. 27).

«Широкое распространение образования среди машинных рабочих нашей страны уменьшает изо дня в день значение труда и искусства почти всех предпринимателей и хозяев, так как оно увеличивает число людей, обладающих их специальными знаниями» (стр. 30).

⁷⁹⁾ «Общее ослабление условных преград, увеличивающаяся возможность получить образование... имеет тенденцию понизить оплату квалифицированного труда, вместо того чтобы повысить оплату неквалифицированного» (*J. St. Mill. «Principles of Political Economy»*, 2nd ed., vol. I, London, 1849, p. 479).

«Что выигрывают банкиры и купцы благодаря тому, что участвуют в управлении восьми или девяти различных компаний, можно видеть из следующего примера: частный баланс г-на Тимоти Абрахама Кертиса, представленный после его банкротства в суд, показывал под рубрикой «директорство» — 800 - 900 ф. ст. ежегодного дохода. Так как г-н Кертис был директором Английского банка и членом правления Ост-Индской компании, то всякое акционерное общество считало за честь привлечь его в качестве директора» (стр. 81, 82).

Вознаграждение директоров таких обществ за каждое заседание, которые происходят еженедельно, равняется по меньшей мере одной гинее (21 марке). Дела о банкротстве, разбираемые в судах, показывают, что эта плата за надзор обыкновенно находится в обратном отношении к труду по надзору, который в действительности несут эти номинальные директора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЫДЕЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ
В ФОРМЕ КАПИТАЛА, ПРИНОСЯЩЕГО ПРОЦЕНТЫ

В капитале, приносящем проценты, капиталистическое отношение достигает своей наиболее внешней и фетишистской формы. Мы имеем здесь перед собой $D - D'$, деньги, которые производят большее количество денег, имеем самовозрастающую стоимость без процесса, опосредствующего два крайние пункта. В купеческом капитале, $D - T - D'$, имеется налицо по крайней мере всеобщая форма движения капитала, хотя оно не выходит из сферы обращения; поэтому прибыль представляется просто прибылью от отчуждения, но все же она представляется продуктом общественного отношения, а не продуктом просто вещи. Форма купеческого капитала все же представляет процесс, единство противоположных фаз, движение, распадающееся на два противоположных акта, на куплю и продажу товаров. В $D - D'$, в форме капитала, приносящего проценты, это движение погашено. Если, например, 1 000 ф. ст. даются капиталистом в ссуду и ставка процента равна 5%, то стоимость 1 000 ф. ст. как капитала за один год $= K + Kz'$, где K — капитал, а z' — ставка процента; следовательно, здесь $5\% = \frac{5}{100} = \frac{1}{20}$, $1\ 000 + 1\ 000 \times \frac{1}{20} = 1\ 050$ фунтов стерлингов. Стоимость 1 000 ф. ст. как капитала $= 1\ 050$ ф. ст., т. е. это значит, что капитал не простая величина. Капитал есть отношение величин, отношение его как основной суммы, как данной стоимости к себе самой, как к самовозрастающей стоимости, как к такой основной сумме, которая произвела прибавочную стоимость¹⁹⁴. А мы уже видели, что капитал как таковой представляется всем активным капиталистам — функционируют ли они с собственным или взятым в ссуду капиталом — именно такой непосредственно самовозрастающей стоимостью. $D - D'$: здесь мы имеем первоначальный исходный пункт капитала, деньги в формуле $D - T - D'$ сводятся к ее двум крайним пунктам $D - D'$, где $D' = D + \Delta D$, т. е. здесь обозначены деньги, создающие большее количество денег. Это — первоначальная и все-

общая формула капитала, сокращенная до бессмысленного резюме. Это — капитал в его готовом виде, единство процесса производства и процесса обращения, это — капитал, приносящий в определенные периоды времени определенную прибавочную стоимость. В форме капитала, приносящего проценты, это качество проявляется непосредственно, без опосредствования процессом производства и процессом обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения. *Вещь* (деньги, товар, стоимость), как просто вещь, теперь уже является капиталом, а капитал представляется просто вещью; результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим самой вещи; от владельца денег, т. е. товара в той его форме, в которой его всегда можно обменять, зависит, израсходует ли он их как деньги или отдаст в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и в этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения. Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе¹⁹⁵. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения. Как в случае с рабочей силой, потребительной стоимостью денег становится здесь способность создавать стоимость, большую стоимость, чем та, которая заключается в них самих. Деньги как таковые потенциально уже представляют собой самовозрастающую стоимость, и как таковые они отдаются в ссуду, что является формой продажи этого своеобразного товара. Создавать стоимость, приносить проценты является их свойством совершенно так же, как свойством грушевого дерева — приносить груши. Как такую приносящую проценты вещь, кредитор и продает свои деньги. Но этого мало. Как мы видели, даже действительно функционирующий капитал представляется таким образом, как будто он приносит процент не как функционирующий капитал, а как капитал сам по себе, как денежный капитал¹⁹⁶.

Переворачивается и следующее отношение: процент, являющийся не чем иным, как лишь частью прибыли, т. е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист выжимает из рабочего, представляется теперь, наоборот, как собственный продукт капитала, как нечто первоначальное, а прибыль, превратившаяся теперь в форму предпринимательского дохода, — просто как всего лишь добавок, придаток, присоединяющийся в процессе воспроизводства. Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише получают свое завершение. В *Д* — *Д'* мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений; форму капита-

ла, приносящего проценты, простую форму капитала, в которой он является предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства; перед нами способность денег, соответственно товара, увеличивать свою собственную стоимость независимо от воспроизводства, т. е. перед нами мистификация капитала в самой яркой форме.

Для вульгарной политической экономии, стремящейся представить капитал самостоятельным источником стоимости, созидания стоимости, форма эта является, конечно, настоящей находкой, такой формой, в которой уже невозможно узнать источник прибыли и в которой результат капиталистического процесса производства, отделенный от самого процесса, приобретает некое самостоятельное бытие¹⁹⁷.

Только в форме денежного капитала капитал становится товаром, свойство которого самовозрастать в стоимости имеет определенную цену, отмечаемую в каждом конкретном случае ставкой процента.

Как капитал, приносящий проценты, и именно в его непосредственной форме приносящего проценты денежного капитала (другие формы капитала, приносящего проценты, которые здесь нас не интересуют, являются, в свою очередь, производными от этой формы и предполагают ее), капитал приобретает свою чистую фетишистскую форму: в $D - D'$ мы видим субъект, вещь, которая может быть продана. *Во-первых*, это происходит вследствие постоянного пребывания его в форме денег, в такой форме, в которой стерта всякая определенность его и не видны его реальные элементы. Ведь деньги — это как раз та форма, в которой стирается различие между товарами как потребительными стоимостями, а потому и различие между промышленными капиталами, состоящими из этих товаров и условий их производства; деньги — это форма, в которой стоимость, — а здесь капитал, — существует как самостоятельная меновая стоимость. В процессе воспроизводства капитала денежная форма является мимолетной, простым переходным моментом. Напротив, на денежном рынке капитал всегда существует в этой форме. *Во-вторых*, произведенная капиталом прибавочная стоимость, опять-таки в форме денег, представляется здесь принадлежащей капиталу как таковому. Как деревьям свойственно расти, так капиталу, согласно этой видимости, свойственно в этой его форме денег порождать деньги (τόκος *)¹⁹⁸.

В капитале, приносящем проценты, движение капитала сведено к самой краткой формуле; посредствующий процесс опущен, и таким образом капитал = 1 000 фиксируется как вещь, которая потенциально = 1 100 и в известный период времени действительно превращается в 1 100 подобно тому, как увеличивает свою потребительную стоимость вино, которое продержали известное время

* роды, порождение; порожденное; процент. Ρεδ.

в погреб. Капитал теперь вещь, но как вещь он — капитал. Деньги охвачены теперь «любовной страстью»¹⁹⁹. Раз они отданы в ссуду или вложены в процесс воспроизводства (поскольку они приносят функционирующему капиталисту как своему владельцу процент, помимо предпринимательского дохода), на них и днем и ночью нарастает процент, что бы с ними ни делалось: снят ли они или бодрствуют, сидят дома или странствуют. Таким образом денежный капитал, приносящий проценты (а всякий капитал по своему стоимостному выражению есть денежный капитал или считается теперь выражением денежного капитала), осуществляет благочестивые мечты стяжателей сокровищ.

Вот это-то сращение процента с денежным капиталом как бы в одну вещь (именно так и представляется здесь производство прибавочной стоимости капиталом) и занимает так сильно Лютера в его наивной шумихе против ростовщичества²⁰⁰. Поведав, что процент можно было бы взимать в том случае, если бы просрочка долга ввела в убыток заимодавца, который, в свою очередь, должен производить платежи, или лишила бы его прибыли, которую он мог бы получить, купив, например, сад. Лютер продолжает:

«Но я одолжил их» [100 гульденов] «тебе, и ты причиняешь мне двойной ущерб — тут я не могу уплатить, а там не могу купить и, следовательно, вынужден терпеть ущерб в обоих отношениях. Это называют *duplex interesse, damni emergentis et lucri cessantis**... После того как они** услышали, что какой-нибудь Ганс потерпел ущерб, одолжив сто гульденов, и требует справедливого возмещения своего ущерба, они спешат использовать этот случай и на каждые сто гульденов накладывают возмещение за двойной ущерб, а именно из-за понесенных Гансом убытков и из-за упущенной им покупки сада, как будто эти два ущерба *от природы присущи ста гульденам*; поэтому, во всех случаях, когда имеется сто гульденов и их дают в ссуду, на них насчитывают этот двойной ущерб, которого эти ссудодатели, однако, совсем и не терпели... Поэтому ты — ростовщик, ибо ты возмещаешь деньгами своего ближнего даже твой вымышленный ущерб, которого тебе, однако, никто не причинил и которого ты не можешь ни доказать, ни вычислить. Такой ущерб юристы называют *non verum, sed phantasticum interesse****. Это — такой ущерб, который человек сам себе выдумал...

Нельзя, следовательно, говорить, что мог бы получиться тот ущерб, что я не был бы в состоянии ни произвести платеж, ни совершить покупку. Если говорить так, то это называется *ex contingente necessarium*****; из того, чего нет, делать то, что с необходимостью должно быть; из того, что сомнительно, делать нечто вполне достоверное. Не сожрет ли такое ростовщичество за несколько лет весь мир?..

То несчастье, от которого необходимо оправиться ссудодателю, произошло случайно, помимо его воли. Нечто совершенно иное и даже противоположное имеет место в ростовщических сделках: тут ищут и придумывают ущерб для взыскания его с нуждающегося ближнего, хотя кормиться этим и богатеть на этом, в лени и безделье кутить и наяряться за счет труда других людей, за счет их забот, опасностей и убытков. А я в это время сижу за печкой и предоставляю моим ста гульденам работать на меня, и все же, так как это одолженные деньги, то я наверняка сохранию их в кошельке, не подвергаясь никаким опасностям и не

* — двойной ущерб: причиненный убыток и упущенная выгода. *Ред.*

** — жадные на деньги люди. *Ред.*

*** — не настоящий, а фантастический ущерб. *Ред.*

**** — делать из случайного необходимое. *Ред.*

неся никаких забот. Милый, кто не хотел бы этого?» (M. Luther. «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen etc.», Wittenberg, 1540).

Представление о капитале как самовоспроизводящейся и возрастающей в процессе воспроизводства стоимости, как о стоимости, вечно сохраняющейся и возрастающей в силу прирожденного ей свойства, — т. е. в силу скрытого свойства, о котором говорили схоласты, — это представление привело д-ра Прайса к фантастическим измышлениям, перед которыми бледнеют все фантазии алхимиков; к измышлениям, в которые Питт, однако, серьезно поверил и которые он в своих законах о фонде погашения²⁰¹ сделал основой своего финансового хозяйства²⁰².

«Деньги, приносящие сложные проценты, сначала растут медленно, но в дальнейшем темп роста непрерывно ускоряется, и через некоторое время он достигает такой быстроты, что превосходит всякое воображение. Один пенс, отданный в рост из 5% в год рождения Христа, к настоящему времени вырос бы в сумму, большую, чем представили бы 150 миллионов земных шаров, состоящих сплошь из чистого золота. Но если отдать его в рост под простые проценты, то за тот же период времени он превратился бы не более чем в 7 шилл. 4½ пенса. До сих пор наше правительство предпочитало поправлять свои денежные дела скорее вторым способом, нежели первым»⁸⁰⁾.

Еще выше возносится он в своих «Observations on reversionary pay ments etc.», London, 1772:

«1 шилл., отданный в рост в год рождения нашего Христа» (т. е. вероятно в храме Иерусалимском) «из 6% под сложные проценты, вырос бы в сумму большую, чем сколько могла бы вместить вся солнечная система, превращенная в шар, диаметр которого равнялся бы диаметру орбиты Сатурна». — «Государство всегда в состоянии найти выход из затруднительного положения, ибо, располагая самыми малыми сбережениями, оно может уплатить самые крупные долги в такой короткий срок, какого могут потребовать его интересы» (стр. XIII, XIV).

Какое превосходное теоретическое введение к вопросу об английском государственном долге!

⁸⁰⁾ Richard Price. «An Appeal to the Public, on the subject of the National Debt». London, 1772 [p. 19]. Прайс наивно острит: «Следует брать деньги займы из простых процентов, чтобы увеличивать их, отдавая в ссуду из сложных процентов» (см. R. H. Naughton. «An Inquiry concerning the Rise and Progress of the National Debt of Great Britain». 2nd ed., Edinburgh, 1814 [p. 133]). Если так, то займы вообще и для частных лиц были бы вернейшим средством обогащения. Но если я беру займы, например, 100 ф. ст. из 5% годовых, то в конце года я должен заплатить 5 ф. ст., и если предположить, что этот заем заключен на 100 миллионов лет, то в этот промежуток времени я могу давать ежегодно займам все те же 100 ф. ст. и точно так же каждый год должен уплачивать по 5 фунтов стерлингов. Таким путем я никогда не буду в состоянии, взяв 100 ф. ст., дать в ссуду 105 фунтов стерлингов. Но из какого источника должен я уплачивать 5%? Из новых займов или, если я — государство, из налогов. Если же деньги берет займы промышленный капиталист, то при прибыли, скажем, в 15% ему придется 5% уплачивать как процент, 5% потреблять (хотя его аппетит возрастает с его доходом) и 5% — капитализировать. Итак, приходится предположить прибыль в 15% для того, чтобы можно было постоянно платить 5% как процент. Если процесс продолжится, то норма прибыли упадет вследствие уже илложенных причин, скажем, с 15% до 10%. Но Прайс совершенно забывает, что ставка процента, равная 5%, предполагает норму прибыли в 15% и оставляет ее такой же и при накоплении капитала. Ему вообще нет дела до действительного процесса накопления, его дело лишь давать займам деньги с тем, чтобы они притекали обратно с процентами на проценты. Как это происходит, ему безразлично, потому что это ведь прирожденное свойство капитала, приносящего проценты.

Прайса попросту ослепила чудовищность числа, возникающего из геометрической прогрессии. Так как он рассматривал капитал, не принимая во внимание условия воспроизводства и труда, как самодействующий автомат, как простое самоувеличивающееся число (совершенно так же, как Мальтус считал, что население растет в геометрической прогрессии²⁰³), то он вообразил, что открыл закон возрастания капитала в формуле $s = c(1 + z)^n$, где s = сумме капитала + проценты на проценты, c = авансированному капиталу, z = ставке процента (выраженной в соответственных частях 100), а n — ряд лет, на протяжении которых протекает процесс.

Питт совершенно серьезно принимает мистификацию д-ра Прайса. В 1786 г. палата общин постановила собрать путем обложения населения 1 миллион ф. ст. для государственных нужд. По Прайсу, в которого уверовал Питт, конечно, не могло быть ничего лучшего, как обложить налогом народ, чтобы «накопить» полученную таким способом сумму и таким образом избавиться от государственного долга при посредстве таинства сложных процентов. За этой резолюцией палаты общин вскоре последовал внесенный Питтом закон, который предписывал накапливать по 250 000 ф. ст. до тех пор,

«пока образовавшийся таким образом фонд не будет давать вместе с освободившимися пожизненными рентами 4 000 000 ф. ст. в год» (Act 26, Georg III, cap. 31²⁰⁴).

Питт в своей речи 1792 г., в которой он предлагал увеличить сумму, поступающую в фонд погашения долгов, среди причин торгового превосходства Англии называет машины, кредит и т. д., но как

«наиболее широко действующую и постоянную причину — накопление. Принцип этот вполне развит и достаточно разъяснен в сочинении Смита, этого гения... Это накопление капиталов было бы осуществлено, если бы откладывали хоть часть годичной прибыли для того, чтобы увеличить основную сумму, которая, при условии такого же употребления ее и в следующем году, давала бы постоянную прибыль».

Таким образом, с помощью д-ра Прайса Питт превращает теорию накопления Смита в теорию обогащения народа посредством накопления долгов и приходит к приятной перспективе бесконечного нарастания займов — займов для платежей по займам.

Уже у Джозаи Чайлда, отца современных банкиров, мы находим, что 100 ф. ст. из 10% произвели бы через 70 лет с процентами на проценты 102 400 фунтов стерлингов («*Traité sur le commerce etc. par J. Child traduit etc.*», Amsterdam et Berlin, 1754, p. 115). Написано в 1669 году.

Как воззрение д-ра Прайса бессознательно проскальзывает у современных экономистов, это показывает следующее место из «*Economist*»:

«Капитал со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим, что все богатство мира, от которого происходит доход, уже давно превратилось в процент на капитал... Всякая рента является теперь уплатой процентов на капитал, ранее вложенный в землю» («Economist», 19 июля 1851 года).

Иначе говоря, капиталу в его качестве капитала, приносящего проценты, принадлежит все богатство, которое вообще может быть произведено, и все, что получал он до настоящего времени, это лишь рассроченные платежи его всепоглощающему аппетиту. По законам, с которыми он появляется на свет, ему принадлежит весь прибавочный труд, который род человеческий когда бы то ни было мог бы произвести. Словом, это Молох²⁰⁵.

В заключение еще следующая галиматья «романтического» Мюллера:

«Описанное д-ром Прайсом чудовищное нарастание процентов на проценты, или возрастание самоускоряющихся сил людей, предполагает неизменный или нерушимый единообразный порядок, существующий в течение многих столетий. Как только капитал раздробляется, разделяется на многие отдельные продолжающие расти побег, общий процесс накопления сил начинается снова. Природа предоставила на долю каждого отдельного рабочего (!) период нарастания сил, продолжающийся в среднем 20 - 25 лет. По прошествии этого времени рабочий оставляет свою жизненную стезю и должен передать капитал, полученный благодаря процентам на проценты с труда, новому рабочему, в большинстве случаев распределить его между несколькими рабочими или детьми. Эти последние, прежде чем извлекать собственные проценты на проценты с доставшегося им капитала, должны научиться вдыхать в него жизнь и применять его. Далее, огромная масса капитала, который приобретает гражданское общество даже в наиболее неспокойных общественных организациях, постепенно накапливается в течение долгих лет и не употребляется непосредственно для расширения труда, а, напротив, лишь только составит значительная сумма, она под именем займа передается другому индивидууму, рабочему, банку, государству, после чего заемщик, приводя капитал в действительное движение, получает с него проценты на проценты и легко может взять на себя обязательство уплачивать займодавцу простые проценты. Наконец, неизмеримо быстрому возрастанию сил людей и их продукта, возможному при том условии, если проявляет свое действие только закон производства или бережливости, противодействует закон потребления, желаний, расточительности» (A. Müller. «Elemente der Staatskunst». 1809, Theil III, S. 147 - 149).

Невозможно нагородить больше нелепейшего вздора в столь немногих строках. Не говоря уже о забавном смешении рабочего с капиталистом, стоимости рабочей силы с процентом на капитал и т. д., взимание процента на процент Мюллер объясняет тем, что капитал ссужается с целью приносить проценты на проценты. Метод нашего Мюллера характерен для романтики в любой профессии. Содержанием ее являются ходячие предрассудки, питающиеся самыми поверхностными представлениями о вещах. А затем это ложное и банальное содержание должно быть «возвышено» и опозитизировано мистифицирующей манерой изложения.

Процесс накопления капитала может быть представлен как накопление процентов на проценты лишь в той мере, в какой можно назвать процентом ту часть прибыли (прибавочной стоимости).

которая превращается обратно в капитал, т. е. служит для высасывания нового прибавочного труда. Но:

1) Если отвлечься от всех случайных нарушений, значительная часть имеющегося в наличии капитала постоянно более или менее обесценивается в течение процесса воспроизводства, так как стоимость товаров определяется не тем рабочим временем, которого первоначально стоит их производство, а тем рабочим временем, которого стоит их воспроизводство, а это рабочее время постоянно уменьшается вследствие развития общественной производительной силы труда. Поэтому на более высокой ступени развития общественной производительной силы труда наличный капитал представляется не результатом продолжительного процесса накопления капитала, а результатом сравнительно очень короткого периода воспроизводства ⁸¹⁾.

2) Как было показано в III отделе этой книги, норма прибыли понижается по мере возрастания накопления капитала и соответствующего ему увеличения производительной силы общественного труда, которое получает выражение как раз в растущем относительном уменьшении переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если постоянный капитал, приводимый в движение одним рабочим, удесятерится, то, чтобы принести такую же норму прибыли, прибавочное рабочее время должно было бы удесятериться и скоро для него не хватило бы всего рабочего времени и всех 24 часов в сутки, даже если бы капитал присваивал их целиком. Представление же, что норма прибыли не понижается, лежит в основе прогрессии Прайса и вообще в основе «всепоглощающего капитала со сложными процентами» ⁸²⁾.

Тождество прибавочной стоимости и прибавочного труда ставит качественную границу накоплению капитала: эта граница определяется продолжительностью *всего рабочего дня*, данным уровнем развития производительных сил и численностью населения, которая ограничивает число рабочих дней, поддающихся эксплуатации одновременно. Если же, напротив, прибавочная стоимость рассматривается в иррациональной форме процента, то предел становится исключительно количественным, и накопление капитала превосходит всякое воображение.

Но в капитале, приносящем проценты, представление капитала-фетиша завершено; то представление, которое накопленному про-

⁸¹⁾ См. Милля и Кэри, а также основанный на непонимании комментарий к этому Рошера ²⁰⁶.

⁸²⁾ «Однако ясно, что никакой труд, никакая производительная сила, никакая изобретательность и никакое искусство не в состоянии удовлетворить всепоглощающие требования сложных процентов. Но все сбережения делаются из дохода капиталиста, так что в действительности эти требования постоянно предъявляются, и столь же постоянно производительная сила труда отказывается их удовлетворить. Поэтому здесь постоянно подводится некоторого рода баланс» («Labour Defended against the Claims of Capital» [London, 1825], p. 23 — книга Годкеина) ²⁰⁷.

дукту труда, к тому же еще фиксированному в форме денег, приписывает силу производить прибавочную стоимость в геометрической прогрессии, производить ее благодаря прирожденному скрытому свойству, чисто автоматически, так что этот накопленный продукт труда, по мнению «Economist», уже давно дисконтировал все богатства мира за все времена, как по праву принадлежащие и достаемые ему. Продукт прошлого труда, даже сам прошлый труд здесь уже сам по себе чреват частью настоящего или будущего живого прибавочного труда. Но мы знаем, напротив, что на самом деле сохранение, а постольку и воспроизводство, стоимости продуктов прошлого труда есть *только* результат их контакта с живым трудом; и, во-вторых, что господство продуктов прошлого труда над живым прибавочным трудом продолжается как раз лишь до того времени, пока сохраняется капиталистическое отношение, — определенное социальное отношение, при котором прошлый труд самостоятельно противостоит живому труду и подчиняет его себе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

КРЕДИТ И ФИКТИВНЫЙ КАПИТАЛ

Подробный анализ кредита и тех орудий, которые он создает для себя (кредитных денег и т. п.), не входит в наш план. Здесь следует отметить только некоторые немногие пункты, необходимые для характеристики капиталистического способа производства вообще. При этом мы будем иметь дело только с коммерческим и банкирским кредитом. Связь между развитием этого кредита и общественного кредита остается вне нашего рассмотрения.

Я показал уже («Капитал», кн. I, гл. III, 3, b), каким образом из простого товарного обращения развивается функция денег как средства платежа и вместе с тем отношение кредитора и должника между производителями товара и торговцами товаром. С развитием торговли и капиталистического способа производства, при котором производят в расчете лишь на обращение, этот естественный базис кредита расширяется, получает всеобщее значение, развивается. В общем и целом деньги функционируют здесь лишь в качестве средств платежа, т. е. товар продается не за деньги, а под письменное обязательство платежа в определенный срок. Все такого рода платежные обязательства мы можем для краткости подвести под общую категорию векселей. Такие векселя до истечения их срока и до наступления дня платежа, в свою очередь, сами обращаются как платежное средство; они-то и образуют собственно торговые деньги. Поскольку они в конце концов взаимно погашаются при сальдировании счетов по требованиям и долгам, они функционируют абсолютно как деньги, так как в таком случае не происходит заключительного их превращения в деньги. Подобно тому, как эти взаимные авансы производителей и купцов друг другу образуют подлинную основу кредита, так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим базисом не денежное обращение, будь то металлические или государственные бумажные деньги, а вексельное обращение.

W. Leatham (банкир из Йоркшира) «Letters on the Currency». 2nd ed., London, 1840:

«Я полагаю, что общая сумма векселей за весь 1839 г. составила 528 493 842 ф. ст.» (сумма иностранных векселей определяется им приблизительно в $\frac{1}{7}$ всего количества), «а сумма векселей, обращавшихся одновременно в том же году, — 132 123 460 фунтов стерлингов» (стр. 55—56). — «Векселя представляют собой составную часть средств обращения, превышающую по размерам все другие части, вместе взятые» (стр. 3, 4). — «Эта колоссальная надстройка из векселей покоится (!) на фундаменте, образованном суммой банкнот и золота; и если в ходе событий этот фундамент слишком суживается, прочности надстройки и даже ее существованию грозит опасность» (стр. 8). — «Если взять все средства обращения» (он подразумевает банкноты) «и сумму обязательств всех банков, по которым может немедленно потребоваться платеж наличными, то, по моим расчетам, получится сумма в 153 миллиона, превращения которой в золото можно требовать по закону... а между тем золота на покрытие этих требований имеется только 14 миллионов» (стр. 11). — «Векселя нельзя поставить под контроль иначе, как создав препятствия возникновению избыточных денег и низкой ставке процента или учетной ставки, которыми порождается часть векселей и дается толчок к большому и опасному их распространению. Невозможно установить, какая часть векселей возникает из действительных сделок, например из действительных покупок и продаж, и какая их часть искусственно создается (fictitious) и состоит из одних только бронзовых векселей, т. е. векселей, которые выдаются, чтобы заменить текущий вексель до наступления срока платежа по нему и, таким образом, создают фиктивный капитал из простых средств обращения. Мне известно, что во времена избытка денег и их дешевизны эта практика достигает огромных размеров» (стр. 43—44). J. W. Bosanquet, «Metallic, Paper, and Credit Currency». London, 1842: «Средняя сумма платежей, совершаемых в расчетной палате» (где лондонские банкиры взаимно обмениваются подлежащими оплате чеками и векселями, коим наступил срок), «составляет за каждый день в среднем свыше 3 миллионов ф. ст., а необходимый для этого ежедневный денежный запас немногим больше 200 000 фунтов стерлингов» (стр. 86). {В 1889 г. общий оборот расчетной палаты составил 7 618 $\frac{3}{4}$ миллиона ф. ст. или круглым счетом за 300 дней в среднем 25 $\frac{1}{2}$ миллиона ежедневно. — Ф. Э.} «Векселя являются бесспорно средством обращения (circulency), независимо от денег, поскольку они передают собственность из рук в руки посредством передаточной надписи» (стр. 92—93). «В среднем можно принять, что каждый находящийся в обращении вексель имеет на себе две передаточных надписи и что, следовательно, каждый вексель до истечения срока погашает в среднем два платежа. При этом условии благодаря одним только передаточным надписям в течение 1839 г. при помощи векселей было перемещено из рук в руки собственности на сумму, вдвое превышающую 528 миллионов, т. е. на 1 056 миллионов ф. ст., более 3 миллионов ежедневно. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что векселя и вклады, вместе взятые, посредством перемещения собственности из рук в руки и без помощи денег выполняют денежные функции на сумму не менее 18 миллионов ф. ст. ежедневно» (стр. 93).

О кредите вообще Тук говорит следующее:

«В простейшем своем выражении кредит представляет собой более или менее обособленное доверие, в силу которого одно лицо доверяет другому сумму капитала в деньгах или в товарах, оцененных в известной денежной стоимости; эта сумма всегда подлежит возврату по истечении определенного срока. Если капитал ссужается в виде денег, т. е. в виде банкнот, или кредит предоставляется наличными, или путем перевода на корреспондента, то за пользование капиталом дополнительно начисляется столько-то процентов на подлежащую возврату сумму. При предоставлении же кредита товарами, стоимость которых устанавливается участниками сделки и передача которых обозначает продажу, установленная сумма, которая должна быть уплачена, включает в себя вознаграждение за пользование

капиталом и за риск, перенимаемый до истечения срока платежа. Письменные платежные обязательства с определенным сроком платежа обыкновенно выдаются для таких кредитов. И эти обязательства, или промессы, образуют средство, при помощи которого кредиторы, если им предоставляется случай употребить свой капитал в форме денег или товаров, в большинстве случаев оказываются в состоянии еще до истечения срока таких векселей дешевле занять или купить, так как их собственный кредит укрепляется кредитом другой подписи на векселе» (*An Inquiry into the Currency Principles*, p. 87).

Ch. Coquelin. «Du Cr dit et des Banques dans L'Industrie». «Revue des deux Mondes»²⁰⁸, 1842, t. XXXI [p. 797]: «В каждой стране большинство кредитных сделок совершается в самой сфере промышленных отношений... Производитель сырья авансирует его перерабатывающему фабриканту и получает от него платежные промессы. Выполнив свою часть работы, фабрикант, в свою очередь, на подобных же условиях авансирует свой товар другому фабриканту, который должен подвергнуть его дальнейшей переработке, и таким образом кредит предоставляется все дальше от одного лица к другому, вплоть до потребителя. Оптовый торговец авансирует товар розничному, а сам он получает товар в кредит от фабриканта или посредника. Каждый занимает одной рукой и ссужает другой иногда деньги, но гораздо чаще товары. Таким путем осуществляется в промышленных делах непрерывный обмен ссудами, комбинирующимися и перекрещивающимися во всех направлениях. Именно в умножении и росте этих взаимных ссуд состоит развитие кредита, и здесь истинный корень его могущества».

Другая сторона кредита связана с развитием торговли деньгами, которое в капиталистическом производстве, конечно, идет параллельно с развитием товарной торговли. В предыдущем отделе (гл. XIX) мы уже видели, как в руках торговцев деньгами концентрируется хранение принадлежащих коммерсантам резервных фондов, технические операции по приему и выплате денег, по международным платежам, а вместе с тем и торговля слитками. В связи с этой торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела — управление приносящим проценты капиталом, или денежным капиталом, как особая функция торговцев деньгами. Заем и ссуда денег становятся их особым делом. Торговцы деньгами выступают как посредники между действительным кредитором и заемщиком денежного капитала. Говоря вообще, банкирское дело с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать большими массами в своих руках ссудный денежный капитал, так что вместо отдельного денежного кредитора промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех денежных кредиторов. Они становятся общими распорядителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем кредиторам они концентрируют заемщиков, так как они берут займы для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала, кредиторов, с другой — централизацию заемщиков. Его прибыль, вообще говоря, состоит в том, что он берет займы под более низкие проценты, чем отдает займы.

Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к ним различными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентрируется

денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются таким образом в ссудный денежный капитал. Тем самым резервный фонд торгового мира сокращается до необходимого минимума, так как он концентрируется как общественный, и часть денежного капитала, которая иначе бездействовала бы в качестве резервного фонда, отдается в ссуду, функционирует как капитал, приносящий проценты. Во-вторых, ссудный капитал банков образуется из вкладов денежных капиталистов, которые предоставляют банкам отдавать их в ссуду. С развитием банковской системы, а именно, как только банки начинают платить проценты по вкладам, в них уже концентрируются денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов. Мелкие суммы, сами по себе неспособные функционировать как денежный капитал, объединяются в большие суммы и таким образом образуют денежную силу. Это собиранье мелких сумм, как особый результат банковской системы, следует отличать от ее посреднической роли между собственно денежными капиталистами и заемщиками. Наконец, в банках депонируются и доходы, которые предполагается потреблять лишь постепенно.

Кредитование (здесь мы имеем дело только с собственно торговым кредитом) производится посредством учета векселей — превращения их в деньги до истечения их срока — и посредством ссуд в различных формах: прямой ссуды по личному кредиту, ссуд под залог процентных бумаг, государственных облигаций, всякого рода акций, в особенности же путем ссуд под накладные, доковые warrants и другие засвидетельствованные документы о праве собственности на товары, под вклады и т. п.

Кредит же, предоставляемый банкиром, может быть предоставлен в различных формах, например векселями на другие банки, чеками на них, открытием прямого кредита, наконец, — в случае банков, имеющих право на выпуск банкнот, — собственными банкнотами банка. Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель в любое время может получить деньги и которым банкир заменяет частные векселя. Последняя форма кредита кажется непосвященным особенно поразительной и важной, во-первых, потому что этого рода кредитные деньги переходят из простого торгового обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги; а также и потому, что в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляют собой удивительное смешение государственного банка и частного банка: в действительности основу их операций составляет государственный кредит, а их билеты являются в большей или меньшей степени узаконенным платежным средством; потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, так как банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обраще-

нии. Но банкир торгует кредитом и во всех других формах, даже когда дает наличными в ссуду депонированные у него деньги. В действительности банкнота составляет лишь монету для оптовой торговли — самое же важное значение для банков всегда имеют вклады. Лучшее тому доказательство дают шотландские банки.

Для наших целей нет надобности подробнее рассматривать особые виды кредитных учреждений, как и особые формы банков.

«Банкирское дело... может быть разделено на двоякого рода операции:.. 1) Сбирать капитал с тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять его или передавать тем, кто может его применить. 2) Принимать вклады из доходов своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления... Первое есть обращение *капитала*, последнее — обращение *средств обращения* (currency)». — «Первый род операций есть концентрация капитала, с одной стороны, и распределение его, с другой; второй — регулирование обращения для местных нужд округа». Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle», p. 36, 37. К этому месту мы вернемся в гл. XXVIII*.

«Reports of Committees», vol. VIII. «Commercial Distress», vol. II, part I, 1847—1848. Minutes of Evidence. — (В дальнейшем цитируются как «Commercial Distress» 1847—1848²⁰⁹.) В сороковых годах при учете векселей в Лондоне в бесчисленном множестве случаев принимали вместо банкнот векселя одного банка на другой сроком в 21 день. (Показание Дж. Пиза, провинциального банкира, №№ 4636 и 4645.) Согласно тому же отчету, банкиры имели обыкновение, когда денег не хватало, регулярно производить платежи своим клиентам такими векселями. Если получатель хотел банкнот, он должен был вновь учесть этот вексель. Таким образом банки как бы получили привилегию делать деньги. Господа Джонс, Лойд и К⁰ платили таким способом «с незапамятных времен», раз денег не хватало и ставка процента превышала 5%. Клиент охотно принимал такие банковские векселя, потому что векселя фирмы Джонс, Лойд и К⁰ можно было легче учесть, чем свои собственные; при этом векселя эти часто проходили через 20—30 рук (там же, №№ 901—904, 905, 992).

Все эти формы служат для того, чтобы сделать передаваемым право на получение платежа.

«Едва ли найдется хоть одна форма кредита, в которой временами ему не приходилось бы выполнять функции денег; является ли этой формой банкнота, вексель или чек, процесс остается по существу тот же, и результат остается по существу один и тот же». — Fullarton. «On the Regulation of Currencies», 2nd ed., London, 1845, p. 38. — «Банкноты — это разменные деньги кредита» (стр. 51).

Следующие выдержки взяты из книги: J. W. Gilbert. «The History and Principles of Banking». London, 1834:

«Капитал банка состоит из двух частей — основного капитала (invested capital) и банкового, или заемного, капитала (banking capital)» (стр. 117). «Банковый, или заемный, капитал образуется тремя путями: 1) приемом вкладов,

* См. настоящий том, с. 434. *Ред.*

2) выпуском собственных банкнот. 3) выдачей векселей. Если кто-нибудь согласится мне ссудить бесплатно 100 ф. ст., и я отдам взаймы эти 100 ф. ст. другому из 4%, то сделка эта принесет мне в конце года 4 ф. ст. прибыли. Равным образом, если кто-нибудь согласен принять мое платежное обещание» (*I promise to pay* — я обещаюсь уплатить — обычная формула английских банкнот), «вернуть его в конце года и уплатить мне за это 4%, как будто я ему ссудил 100 ф. ст., то на этой сделке я получу прибыли 4 фунта стерлингов; и опять-таки, если кто-нибудь в маленьком провинциальном городке принесет мне 100 ф. ст. под условием, чтобы я уплатил эту сумму в Лондоне третьему лицу 21 день спустя, любой процент, который мне удастся выручить с этих денег за это время, составит мою прибыль. Таковы по сути дела операции банка и те каналы, по которым создается банковый капитал посредством вкладов, банкнот и векселей» (стр. 117). «Прибыль банкира в общем пропорциональна сумме полученного им взаймы или собственного капитала. Чтобы определить действительную прибыль банка, необходимо вычесть из валовой прибыли процент на основной капитал. Остаток и составит банковую прибыль» (стр. 118). «Ссуды, выдаваемые банкиром своим клиентам, производятся деньгами других людей» (стр. 146). «Именно банкиры, не выпускающие банкнот, создают банковый капитал путем учета векселей. Они увеличивают свои вклады посредством своих дисконтных операций. Лондонские банкиры учитывают векселя только тех фирм, которые имеют у них текущий счет» (стр. 119). «Фирма, учитывающая векселя в своем банке и выплачивающая проценты за всю сумму этих векселей, должна по меньшей мере часть этой суммы оставить в банке, не получая за нее процентов. Таким путем банкир получает на ссуженные им деньги процент выше текущего и создает себе банковый капитал за счет того остатка, который остается в его руках» (стр. 119—120).

• Об экономии резервных фондов, вкладов, чеков:

«Депозитные банки посредством перевода долгов достигают экономии в употреблении средств обращения и с небольшими суммами действительных денег выполняют сделки на большие суммы. Освободившиеся таким образом деньги банкир употребляет на ссуду своим клиентам посредством учета и т. д. Поэтому перевод долгов повышает эффективность депозитной системы» (стр. 123, 124). «Не суть важно, имеют ли оба клиента, ведущие между собой дела, счет у одного и того же или у различных банкиров. Потому что банкиры обмениваются своими чеками в расчетной палате. Посредством перевода долгов депозитная система могла бы достигнуть такого распространения, что совсем вытеснила бы употребление металлических денег. Если бы каждый имел в банке текущий счет и производил все свои платежи посредством чеков, эти чеки сделались бы единственным средством обращения. В этом случае следовало бы предполагать, что деньги находятся в руках банкиров, иначе чеки не имели бы никакой ценности» (стр. 124).

Централизация местного обращения банками осуществляется:

1) при помощи отделений банков. Провинциальные банки имеют отделения в мелких городах своего округа; лондонские банки — в различных городских кварталах Лондона. 2) Посредством агентств.

«Всякий провинциальный банк имеет своего агента в Лондоне, чтобы там платить по своим банкнотам или векселям и получать деньги, вносимые жителями Лондона на счета лиц, живущих в провинции» (стр. 127). «Каждый банкир собирает банкноты другого банка и обратно не выдает их. В каждом более крупном городе банкиры собираются раз или два раза в неделю и обмениваются своими банкнотами. Сальдо покрывается переводом на Лондон» (стр. 134). «Назначение банков — облегчать коммерческие сделки. Все, что облегчает коммерцию, облегчает и спекуляцию. Коммерция и спекуляция во многих случаях так тесно связаны друг с другом, что трудно сказать, где кончается коммерция и где начинается спекуляция... Всюду, где существуют банки, легче и дешевле получить капитал.

Дешевизна капитала стимулирует спекуляцию, подобно тому как дешевизна мяса и пива стимулирует обжорство и пьянство» (стр. 137, 138). «Так как банки, выпускающие собственные банкноты, постоянно расплачиваются этими банкнотами, то может показаться, будто их учетные операции совершаются исключительно посредством капитала, полученного таким путем; но это не так. Банкир может, конечно, оплатить все учетные им векселя своими собственными банкнотами, и тем не менее $\frac{2}{10}$ находящихся в его портфеле векселей будут представлять действительный капитал. Потому что, хотя он сам выдал за эти векселя только свои бумажные деньги, однако нет необходимости в том, чтобы они оставались в обращении до истечения срока векселей. До истечения срока векселей может оставаться еще три месяца, а банкноты могут возвратиться через три дня» (стр. 172). «Покрытие счетов клиентами есть нормальная деловая операция. В действительности ради этой цели обеспечивается наличный кредит... Наличные кредиты обеспечиваются не только личной гарантией, но и депонированием ценных бумаг» (стр. 174, 175). «Капитал, ссуженный под залог товаров, имеет то же действие, что и капитал, ссуженный под учет векселей. Если кто-нибудь берет взаймы 100 ф. ст. под обеспечение своего товара, то это то же самое, как если бы он продал товар за вексель в 100 ф. ст. и затем учел его у банкира. Но ссуда дает ему возможность придержать товар до лучших цен и тем избежать жертв, которые он иначе должен был бы понести, чтобы получить деньги на неотложные дела» (стр. 180—181).

«The Currency Theory Reviewed etc.» [Edinburgh, 1845],
p. 62—63:

«Беспорная истина, что 1 000 ф. ст., которые вы сегодня депонировали у А, завтра будут снова выданы и составят вклад у В. Послезавтра они могут быть снова выданы В, депонированы у С и так далее до бесконечности. Следовательно, одна и та же сумма денег в 1 000 ф. ст. может посредством ряда передач умножиться до абсолютно неограниченной суммы вкладов. Поэтому возможно, что *десять десятых всех вкладов в Англии существуют только в виде соответствующих записей в бухгалтерских книгах банкиров...* Так, в Шотландии, где находящиеся в обращении деньги» (к слову сказать, почти исключительно бумажные деньги!) «никогда не превышают 3 миллионов ф. ст., вклады составляют 27 миллионов. Пока не наступит всеобщее истребование вкладов (a run on the banks), одна и та же тысяча фунтов стерлингов, странствуя туда и сюда, может с такой же легкостью покрыть столь же неопределенную сумму. Так как те же 1 000 ф. ст., которыми я плачу сегодня мой долг коммерсанту, завтра покроют его долг другому купцу, а послезавтра долг банку и так далее до бесконечности, то одни и те же 1 000 ф. ст. могут переходить из рук в руки, от банка к банку, покрывая самую крупную сумму вкладов».

{ Как мы видели, Гилбарт уже в 1834 г. понимал, что

«все, что облегчает коммерцию, облегчает и спекуляцию. Коммерция и спекуляция во многих случаях так тесно связаны друг с другом, что трудно сказать, где кончается коммерция и где начинается спекуляция».

Чем легче можно получить ссуду под непроданные товары, тем больше берется таких ссуд, тем сильнее искушение усилить производство товаров или выбросить на отдаленные рынки уже произведенные товары, — только бы получить под них денежную ссуду. Яркий пример того, как весь торговый мир страны может быть охвачен подобной горячкой и чем она кончается, дает нам история английской торговли в период 1845—1847 годов. Здесь можно видеть, на что способен кредит. Для пояснения дальнейших примеров — несколько предварительных кратких замечаний.

В конце 1842 г. угнетение, тяготевшее над английской промышленностью почти непрерывно с 1837 г., стало ослабевать. В два последующие года спрос из-за границы на товары английской промышленности еще больше повысился; 1845—1846 гг. были периодом наибольшего процветания. В 1843 г. «опиумная» война открыла английской торговле Китай²¹⁰. Новый рынок дал новый толчок и без того бурному подъему, в особенности хлопчатобумажной промышленности. «Разве можем мы производить слишком много? Ведь нам предстоит одеть 300 миллионов человек», говорил тогда автору этих строк один манчестерский фабрикант. Но всех этих вновь построенных фабричных зданий, паровых и прядильных машин и ткацких станков было недостаточно для того, чтобы поглотить поток прибавочной стоимости, устремившийся из Ланкашира. С той же страстью, с какой расширяли производство, кинулись на постройку железных дорог; жажда спекуляции, охватившая фабрикантов и купцов, была утолена прежде всего здесь, и именно — уже с лета 1844 года. Приобретали акции насколько хватало сил, т. е. насколько хватало денег на покрытие первых взносов; для очередных взносов средства найдутся! Но когда наступил срок дальнейших платежей. — согласно вопросу 1059 «Commercial Distress», 1848/1857, сумма капиталов, вложенных в 1846—1847 гг. в железные дороги, достигла 75 миллионов ф. ст., — пришлось прибегнуть к помощи кредита, и собственным предприятиям фирм по большей части тоже приходилось полатиться за это.

А собственные предприятия в большинстве случаев уже перешли пределы возможного. Заманчиво высокая прибыль соблазнила на более широкое распространение операций, чем это позволяли имевшиеся в распоряжении ликвидные средства. Но к услугам был кредит, легко доступный и, кроме того, дешевый. Учетная ставка банка была низкой: в 1844 г. $1\frac{3}{4} - 2\frac{3}{4}\%$, в 1845 г. до октября меньше 3%, затем на некоторое время повысилась до 5% (февраль 1846), чтобы снова упасть до $3\frac{1}{4}\%$ в декабре 1846 года. В кладовых Английского банка накопился золотой запас неслыханных размеров. Все отечественные предметы биржевых сделок котировались так высоко, как никогда прежде. Итак, зачем же упускать прекрасный случай, почему бы быстро не взяться за дело? Почему бы не направить на иностранные рынки, жаждущие английских изделий, все товары, какие только можно произвести? И почему бы самому фабриканту не заполучить двойную прибыль — от продажи пряжи и тканей на Дальнем Востоке и от обратной продажи в Англии полученных за них товаров?

Так возникла система массовых отправок товаров на консигнацию²¹¹ под ссуду в Индию и Китай, очень скоро развившаяся в систему отправок на консигнацию исключительно ради авансов, как это подробно описано в нижеследующих заметках, и неизбежно кончавшаяся массовым переполнением рынков и крахом.

Крах этот разразился вследствие неурожая 1846 года. Англия и особенно Ирландия нуждались в огромном привозе продуктов питания, в особенности хлеба и картофеля. Но странам, доставлявшим эти продукты, лишь в самой ничтожной доле можно было платить за них изделиями английской промышленности; приходилось расплачиваться благородным металлом: по меньшей мере 9 миллионов [ф. ст.] золота ушло за границу. Из этой суммы $7\frac{1}{2}$ миллиона было взято из наличных запасов Английского банка, вследствие чего свобода действий Банка на денежном рынке была чувствительно парализована; прочие банки, резервы которых помещались в Английском банке и фактически были тождественны с резервами этого последнего, точно так же должны были ограничить свои денежные операции; быстро и легко устремлявшийся в Банк поток платежей приостановился сначала в отдельных местах, потом повсеместно. Учетная ставка Банка, находившаяся еще в январе 1847 г. на уровне $3 - 3\frac{1}{2}\%$, поднялась в апреле, когда разразился первый приступ паники, до 7% ; затем летом снова наступило некоторое временное облегчение ($6\frac{1}{2}\%$, 6%), но как только стал очевиден новый неурожай, разразилась новая еще более сильная паника. Официальная минимальная учетная ставка Английского банка поднялась в октябре до 7% , в ноябре — до 10% , другими словами, огромное большинство векселей можно было учесть только под колоссальные ростовщические проценты или вовсе нельзя было учесть; всеобщая приостановка платежей привела к банкротству ряда первоклассных фирм и очень многих средних и мелких; самому Английскому банку угрожала опасность неизбежного краха вследствие ограничений, возложенных на него хитроумным банковским актом 1844 г.²¹², — тогда правительство, по всеобщему настоянию, приостановило 25 октября действие банковского акта и тем устранило абсурдные оковы, наложенные на Банк законом. Теперь Банк мог уже беспрепятственно вводить в обращение свой запас банкнот; так как кредит этих банкнот фактически имел государственную гарантию, следовательно, был прочен, то благодаря этому немедленно наступило решительное облегчение в денежных затруднениях; разумеется, и после еще обанкротилось множество крупных и мелких безнадежно зарвавшихся фирм, но высшая точка кризиса была уже преодолена, учетная ставка Банка упала в декабре снова до 5% , и уже в течение 1848 г. было подготовлено то новое оживление в делах, которое сорвало в 1849 г. дальнейший подъем революционных движений на континенте, в пятидесятых же годах привело сперва к неслыханному дотоле промышленному процветанию, а вслед за ним — к краху 1857 года. — Ф. Э.)

1. Колоссальном обесценении государственных бумаг и акций в течение кризиса 1847 г. свидетельствует документ, изданный палатой лордов в 1848 году. Согласно этим сведениям, это обесцене-

ние на 23 октября 1847 г., по сравнению с февралем того же года, составляло:

На английские государственные бумаги.....	93 824 217 ф. ст.	
» акции доков и каналов.....	1 358 288 »	»
» железнодорожные акции.....	19 579 820 »	»

Итого..... 114 762 325 ф. ст.

II. «Manchester Guardian»²¹³ 24 ноября 1847 г. сообщает следующее о мошенничествах в ост-индской торговле, где векселя выписывались не столько потому, что был куплен товар, сколько покупали товар с тем, чтобы иметь возможность выписать вексель, который можно было бы учесть, превратить в деньги:

А в Лондоне при посредстве В покупает товар у манчестерского фабриканта С для погрузки на корабль в адрес D в Ост-Индию. В рассчитывается с С шестимесячным векселем, выписанным С на В. В, в свою очередь, рассчитывается шестимесячным векселем на А. Как только товар погружен на корабль, А, в свою очередь, выписывает под накладную шестимесячный переводный вексель на D.

«Таким образом оба, и покупатель и отправитель, располагают фондами на много месяцев раньше, чем действительно оплатят товары; и весьма часто векселя эти по истечении срока платежа возобновлялись под тем предлогом, что при такой длительной сделке необходимо дать время на ее реализацию. Но, к сожалению, потери на такого рода сделках ведут не к ограничению этих сделок, а как раз к их распространению. Чем беднее становились участники, тем сильнее делалась для них потребность покупать, чтобы таким образом возместить в новых ссудах утеранный при прежних спекуляциях капитал. Закупки уже не регулировались спросом и предложением, они становились главнейшей финансовой операцией какой-нибудь определенной фирмы. Но это лишь одна сторона дела. Что творилось здесь с экспортом промышленных товаров, то происходило и там с закупкой и отправкой продуктов. Торговые фирмы в Индии, пользовавшиеся достаточным кредитом, чтобы учесть свои векселя, закупали сахар, индиго, шелк или хлопок — не потому, что покупные цены обещали прибыль по сравнению с последними лондонскими ценами, а потому, что прежним траттам на лондонскую фирму скоро истекал срок и их нужно было покрыть. Так чего же проще: купить груз сахара, заплатить за него десятимесячным векселем на лондонскую фирму и отправить накладную почтой в Лондон? Меньше чем через два месяца накладная на эти едва только погруженные товары, а с ней и сами товары закладывались на Ломбард-стрит²¹⁴, и лондонская фирма получала на руки деньги за восемь месяцев до истечения срока выданных за товар векселей. И все это шло гладко, без всяких перебоев или затруднений, пока учетные банки находили в изобилии деньги для того, чтобы ссужать их под накладные и доковые варранты и учитывать на неограниченные суммы векселя индийских торговых домов у «солидных» фирм на Минсинг-лейн²¹⁵».

{Эта мошенническая процедура практиковалась всюду до тех пор, пока товары из Индии и в Индию должны были на парусных судах обогнуть мыс Доброй Надежды. С тех пор, как товары направляются через Суэцкий канал и притом на пароходах, этот способ фабриковать фиктивный капитал лишился такой основы, как продолжительность перевозок товаров. А с тех пор, как телеграф стал доставлять в тот же самый день сведения о состоянии индий-

ского рынка английскому купцу и о состоянии английского рынка — индийскому, этот способ стал совершенно невозможным. — Ф. Э.]

III. В цитированном уже отчете «Commercial Distress», 1847—1848, говорится следующее:

«В последнюю неделю апреля 1847 г. Английский банк известил Ливерпульский королевский банк, что с этого числа он наполовину сокращает учетную операцию с последним. Сообщение это произвело очень плохое действие, потому что платежи в Ливерпуле за последнее время гораздо больше производились векселями, чем наличными, и купцы, обычно доставлявшие банку много наличных денег, чтобы оплачивать этими деньгами их акцепты, в последнее время могли доставлять только векселя, ими самими полученные за их хлопок и другие товары. Явление это сильно распространилось, а с ним увеличилось и затруднения в делах. Акцепты, которые должен был оплатить банк за купцов, по большей части выдавались за границы и до настоящего времени обыкновенно покрывались платежами, полученными за товары. Векселя, доставлявшиеся теперь купцами вместо прежних наличных денег, были различных сроков и различного рода; значительную их часть составляли банковые векселя сроком на три месяца; большое количество векселей составляли векселя под хлопок. Векселя эти акцептировались лондонскими банками, если они были банковыми векселями, в противном же случае — всякого рода купцами, бразильскими, американскими, канадскими, вест-индскими и т. д. фирмами. Купцы не выдавали векселей друг на друга, а клиенты внутри страны, покупавшие товары в Ливерпуле, оплачивали их векселями на лондонские банки, или векселями на другие фирмы в Лондоне, или векселями на какое-нибудь лицо. Объявление Английского банка привело к тому, что был сокращен срок для векселей под проданные иностранные товары, обыкновенно превышавший три месяца» (стр. 26, 27).

Период процветания 1844—1847 гг. в Англии, как указано выше, был связан с первой крупной железнодорожной горячкой. О ее влиянии на торговые дела вообще названный отчет сообщает следующее:

«В апреле 1847 г. почти все торговые фирмы начали более или менее свертывать свою деятельность (to starve their business), помещая часть своего торгового капитала в железные дороги (стр. 42). — Под железнодорожные акции заключались и займы из высоких процентов, например из 8%, у частных лиц, банкиров и страховых обществ (стр. 66). Ссужая такие огромные суммы железным дорогам, эти торговые фирмы, в свою очередь, были вынуждены брать у банков посредством учета векселей очень много капитала с тем, чтобы на эти деньги продолжать ведение своего собственного дела» (стр. 67). — (Вопрос:) «Можете ли вы утверждать, что платежи по железнодорожным акциям сильно способствовали возникновению угнетенного состояния» (на денежном рынке) «в апреле и октябре» (1847 года)? (Ответ:) — «Я полагаю, что едва ли они оказывали какое-либо влияние на угнетенное состояние в апреле. Я думаю, что платежи до апреля и, пожалуй, вплоть до лета скорее усиливали, чем ослабляли банкиров. Потому что действительное применение денег отнюдь не производилось так быстро, как поступали платежи; вследствие этого большинство банков имело в своих руках в начале года довольно значительную сумму железнодорожных фондов». (Это подтверждается многочисленными показаниями банкиров и комиссии. «С. D.» 1848—1857.) «Сумма эта летом мало-помалу растаяла и к 31 декабря была значительно меньше. Одной из причин угнетенного состояния в октябре было постепенное уменьшение железнодорожных фондов в распоряжении банков; между 22 апреля и 31 декабря железнодорожные сальдо в наших руках сократились на треть. Такое влияние имели платежи по железнодорожным акциям по всей Великобритании. Мало-помалу они высосали вклады банков» (стр. 43, 44).

То же говорит и Самюэл Гёрни (глава знаменитой фирмы Оверенд, Гёрни и К^о):

«В 1846 г. был значительно больший спрос на капиталы для железных дорог, но он не повысил ставки процента. Произойшла конденсация мелких сумм в крупные, и эти крупные суммы были затрачены на нашем рынке; так что в общем результат был таков, что на денежный рынок в Сити выбрасывалось больше денег, чем извлекалось обратно» (стр. 159).

А. Ходжсон, директор ливерпульского акционерного банка, показывает, в какой мере векселя могут служить банкирам в качестве резервов:

«У нас было правило по меньшей мере $\frac{9}{10}$ всех наших вкладов и все деньги, полученные нами от других лиц, хранить в нашем портфеле в векселях, срок которым истекал изо дня в день... настолько, что во время кризиса сумма ежедневно истекавших векселей почти равнялась сумме платежных требований, ежедневно представлявшихся нам» (стр. 53).

Спекулятивные векселя.

(№ 5092.) «Кем главным образом акцентировались векселя» (за проданный хлопок)? — (Р. Гарднер, неоднократно упоминавшийся в настоящей работе хлопчатобумажный фабрикант): «Товарищами маклерами; торговец покупает хлопок, передает его маклеру, выписывает вексель на этого маклера и учитывает вексель». — (№ 5094.) «И эти векселя направляются в ливерпульские банки и учитываются там?» — «Да, а также и в других местах... Не будь этих операций, на которые пошла главным образом ливерпульские банки, хлопок в прошлом году был бы, по моему мнению, дешевле на $1\frac{1}{2}$ или 2 пенса за фунт». — (№ 600.) «Вы сказали, что в обращении находилось огромное количество векселей, выставленных спекулянтами на хлопковых маклеров в Ливерпуле; относится ли то же самое к вашим ссудам под векселя за другие колониальные товары, кроме хлопка?» — (А. Ходжсон, ливерпульский банкир): «Это касается всех видов колониальных товаров, особенно же хлопка». — (№ 601.) «Стремитесь ли вы как банкир держаться в стороне от векселей этого рода?» — «Нисколько, мы считаем их совершенно законными векселями, если иметь их в умеренном количестве... По векселям этого рода часто дается отсрочка».

Жульнические махинации на ост-индско-китайском рынке в 1847 году. — Чарльз Тёрнер (глава одной из первоклассных ост-индских фирм в Ливерпуле):

«Все мы знаем случаи, имевшие место с операциями на острове Маврикий и в тому подобных делах. Маклеры привыкли брать ссуду не только под уже поступившие товары для оплаты векселей, выданных за эти товары, что вполне в порядке вещей, и ссуды под накладные, но они брали ссуды под товар, прежде чем он погружен, а в некоторых случаях — прежде чем он произведен. Например, в одном конкретном случае я купил в Калькутте векселей на 6 000—7 000 фунтов стерлингов; выручка от этих векселей пошла на Маврикий в качестве средств для развития производства сахара; векселя прибыли в Англию, и более половины их было там опротестовано; когда же, наконец, прибыл груз сахара, которым должны были быть оплачены векселя, то оказалось, что сахар этот уже был заложен третьим лицам, прежде чем он был погружен, в действительности даже почти раньше, чем он был произведен» (стр. 78). «За товары для ост-индского рынка приходится теперь платить фабриканту наличными; но это ничего не значит, так как, если покупатель пользуется в Лондоне каким-нибудь кредитом, он выставляет вексель на Лондон и учитывает его в Лондоне, где дисконт стоит теперь низко; полученными таким образом деньгами он расплачивается с фабрикантом... про-

ходит по меньшей мере двенадцать месяцев, пока отправитель товаров в Индию не получит оттуда своей выручки;.. человек с 10 000 или 15 000 ф. ст., начинающий операции с Индией, добьется на значительную сумму кредита у лондонской фирмы; этой фирме он будет платить 1% и выдавать на нее векселя под условием, что выручка от проданных в Индию товаров будет прислана лондонской фирме; при этом обе стороны молчаливо вступают в соглашение, что лондонская фирма не должна выдавать действительной ссуды наличными деньгами, т. е., что векселя будут пролонгированы, пока не придут вырученные деньги. Векселя учитывались в Ливерпуле, Манчестере, Лондоне; некоторые из них находятся во владении шотландских банков» (стр. 79).— (№ 786.) «Вот фирма, недавно обанкротившаяся в Лондоне; при изучении бухгалтерских книг оказалось следующее: существовала одна фирма в Манчестере и другая в Калькутте; они открыли кредит у лондонской фирмы на 200 000 фунтов стерлингов; т. е. клиенты этой манчестерской фирмы, посылавшие фирме в Калькутте из Глазго и Манчестера товары на консигнацию, транслировали векселя на лондонскую фирму в сумме до 200 000 фунтов стерлингов; в то же время устанавливалось соглашение, что калькуттская фирма выдаст векселей на лондонскую фирму тоже на 200 000 фунтов стерлингов; векселя эти были проданы в Калькутте, на вырученные деньги были куплены другие векселя, и эти последние были отправлены в Лондон, чтобы дать возможность лондонской фирме уплатить по векселям, выданным в Глазго или Манчестере. Таким образом благодаря одной этой операции было выпущено в свет векселей на 600 000 фунтов стерлингов».— (№ 971.) «В настоящее время, если фирма в Калькутте покупает корабельный груз» (для Англии) «и расплачивается за него своей собственной тратой на своего лондонского корреспондента и накладные отправляются сюда, то эти накладные тотчас пускаются им в дело для получения ссуды на Ломбард-стрит; следовательно, торговая фирма может в течение восьми месяцев пользоваться деньгами, прежде чем ее корреспонденту придется уплатить по векселям».

IV. В 1848 г. заседала секретная комиссия палаты лордов для выяснения причин кризиса 1847 года. Свидетельские показания, данные перед этой комиссией, были, однако, опубликованы только в 1857 году («Minutes of Evidence, taken before the Secret Committee of the H. of L. appointed to Inquire into the Causes of Distress etc.», 1857; нами цитируется: «C. D.» 1848/57²¹⁶). В этой комиссии управляющий Union Bank of Liverpool, г-н Листер, сказал, между прочим, следующее:

(2444.) «Весной 1847 г. кредит получил неслыханный размах, потому что коммерсанты переводили свой капитал из собственных предприятий в железные дороги и тем не менее хотели продолжать свое дело в прежних размерах. Каждый, вероятно, думал вначале, что ему удастся продать с прибылью железнодорожные акции и затем вложить деньги в предприятие. Увидев, вероятно, что это невозможно, они стали для своих предприятий брать кредит там, где раньше расплачивались наличными. Отсюда и возникло расширение кредита».

(2500.) «Эти векселя, на которых банки, их принявшие, потерпели убытки, были ли это векселя главным образом за хлеб или хлопок?»... «Это были векселя за хлеб, хлопок, сахар и изделия всякого рода. В то время не было ни одного товара, — за исключением, быть может, масла, — который не упал бы в цене». — (2506.) «Маклер, акцептирующий вексель, не акцептирует его без достаточного покрытия, в том числе и на случай падения цен на товар, служащий покрытием».

(2512.) «За товары выдаются двойного рода векселя. К первому роду принадлежит первоначальный вексель, выданный извне на импортера... Сроки векселей, выдаваемых таким образом, нередко истекают до прибытия товаров. Поэтому купец, если прибедет товар и у него нет достаточно капитала, должен заложить товар у маклера, пока не удастся продать его. Тогда немедленно выдается другого

рода вексель дивернульским купцом на маклера, под обеспечение того товара... тогда уже дело банкира осведомиться у маклера, есть ли у него товар и сколько дал он под него ссуд. Он должен убедиться, что маклер имеет покрытие, чтобы поправить дело в случае убытков».

(2516.) «Мы получаем также векселя из-за границы. Кто-нибудь покупает за границей вексель на Англию и посылает его в английскую фирму; мы не можем видеть по векселю, выдан ли он разумно или неразумно, представляет ли он товар или ветер».

(2533.) «Вы сказали, что иностранные товары почти всех родов были проданы с большими убытками. Думаете ли вы, что это было следствием неоправдываемой спекуляции с этими товарами?» — «Убытки произошли от слишком большого привоза, между тем как не было соответствующего потребления, которое поглотило бы его. По всей видимости потребление очень сильно уменьшилось». — (2534.) «В октябре... на товары почти не было спроса».

О том, как в кульминационный момент катастрофы раздается всеобщий крик *saive qui peut* *, об этом говорит в том же отчете первоклассный знаток — бывалый достопочтенный квакер Самюэл Гёрни, глава фирмы Оверенд, Гёрни и К⁰:

(1262.) «Когда царит паника, деловой человек не спрашивает себя, по какой цене может он поместить свои банкноты, потеряет ли он 1% или 2% на продаже своих сертификатов или трехпроцентной ренты. Раз он находится под влиянием страха, его не интересует ни прибыль, ни убыток; он старается обезопасить себя самого, все остальные пусть делают, что хотят».

V. О взаимном переполнении обоих рынков г-н Александер, купец, участвующий в ост-индской торговле, показал следующее перед комиссией палаты общин 1857 г. о банковских актах (цитируется «В. С.» 1857):

(4330.) «В настоящий момент, если я заплачу в Манчестере 6 шилл., я получу в Индии 5 шиллингов; если же я заплачу в Индии 6 шилл., я получу в Лондоне 5 шиллингов».

Таким образом индийский рынок благодаря Англии и английский благодаря Индии переполняются в одинаковой мере. И именно такой случай имел место летом 1857 г. через неполных десять лет после горького опыта 1847 года!

* спасайся, кто может. *Ред.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

НАКОПЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА; ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАВКУ ПРОЦЕНТА

«В Англии происходит постоянное накопление богатства, имеющее тенденцию принять в конечном счете денежную форму. Но вслед за желанием приобретать деньги наиболее настойчивым является желание снова освободиться от них путем какого-нибудь приложения, дающего проценты или прибыль, потому что деньги как деньги ничего не приносят. Поэтому, если одновременно с этим постоянным притоком избыточного капитала не происходит постепенного и достаточного расширения поля деятельности для него, мы неизбежно столкнемся с периодическими накоплениями денег, ищущих приложения, причем эти накопления, смотря по обстоятельствам, могут быть более или менее значительными. В течение многих лет государственные займы были главным средством поглощения избыточного богатства Англии. С того времени, как государственный долг достиг в 1816 г. своего максимума и больше уже не поглощает избыточного богатства, ежегодно оказывалась сумма по меньшей мере в 27 миллионов, ищущая для себя другого приложения. К тому же происходит возврат капиталов в различных видах... Предприятия, нуждающиеся в крупных капиталах и от времени до времени отвлекающие избыток незанятого капитала... абсолютно необходимы, по крайней мере нашей стране, для того, чтобы отвлечь периодические накопления избыточного общественного богатства, которые в обычных отраслях приложения капиталов не могут найти себе места» («The Currency Theory Reviewed». Edinburgh, 1845, p. 32—34).

О положении в 1845 г. там же говорится:

«В течение весьма непродолжительного периода цены поднялись по сравнению с самым низким пунктом депрессии... трехпроцентный государственный заем котируется почти *al pari* *... золото в кладовых Английского банка превышает суммы, когда-либо накопившиеся там. На всякого рода акции стоят цены, почти никогда не слыханные, а процент так упал, что он почти номинален... Все это доказывает, что теперь в Англии снова налицо обременительное накопление незанятого богатства, что в недалеком будущем нам снова предстоит период спекулятивной горячки» (там же, стр. 36).

«Хотя ввоз золота не служит верным показателем прибылей во внешней торговле, однако, при отсутствии других показателей, часть этого ввоза золота *prima facie* ** представляет такую прибыль» (J. G. Hubbard. «The Currency and the Country». London, 1843, p. 40—41). «Предположим, что в период устойчивого благоприятного положения дел, прибыльных цен и достаточного денежного обращения вследствие плохого урожая необходим ввоз хлеба и вывоз золота на сумму

* — по паритету. *Ред.*

** — прежде всего. *Ред.*

5 миллионов. Обращение» [это означает, как сейчас будет видно, не средства обращения, а незанятый денежный капитал. — Ф. Э.] «сократится на ту же сумму. Частные лица могут обладать прежним количеством средств обращения, но вклады купцов в их банках, сальдо банков у их денежных маклеров и кассовые резервы банков — все они сократятся, и непосредственным следствием этого сокращения количества незанятого капитала явится повышение процента, скажем с 4% до 6%. Так как дела находятся в нормальном состоянии, доверие не будет поколеблено, но кредит станет цениться выше» (там же, стр. 42). «Если все товарные цены понизятся... избыточные деньги обратно притекут в банки в форме увеличенных вкладов, избыток незанятого капитала понизит ставку процента до минимума, и это положение вещей будет продолжаться до тех пор, пока более высокие цены или торговое оживление не введут в дело бездействующие деньги или пока эти деньги не будут затрачены на покупку иностранных ценных бумаг или иностранных товаров» (стр. 68).

Дальнейшие выдержки снова взяты из парламентского отчета о торговом кризисе 1847—1848 годов. — Вследствие неурожая и голода 1846—1847 гг. потребовался большой ввоз продовольственных продуктов.

«Отсюда крупный перевес ввоза над вывозом... Отсюда значительный отлив денег из банков и усиленные требования учесть векселя у учетных маклеров; маклеры начинают строже принимать векселя. Открытый до сих пор кредит подвергся весьма серьезному ограничению, и среди слабых фирм начались крахи. Те, которые полагались исключительно на кредит, обанкротились. Это усилило уже ранее ощущавшееся беспокойство; банкиры и другие увидели, что они не могут с такой уверенностью, как раньше, рассчитывать на превращение своих векселей и других ценных бумаг в банкноты, чтобы выполнить свои обязательства; они еще сильнее сократили кредит, часто вовсе прекращали его; во многих случаях они припрятывали свои банкноты для выполнения своих собственных обязательств; они предпочитали вовсе не выпускать их. Беспокойство и смятение росли с каждым днем, и, если бы не письмо лорда Джона Рассела, всеобщее банкротство было бы налицо» (стр. 74, 75).

Письмо Рассела приостанавливало действие банковского акта. — Вышеупомянутый Чарльз Тёрнер показал:

«У некоторых фирм были большие средства, но они не были свободны. Весь их капитал был вложен в земельную собственность на острове Маврикий или на фабриках индigo и сахарных заводах. Некогда приняв обязательства на 500 000—600 000 ф. ст., они не имели свободных средств для платежей по векселям, и в конце концов оказалось, что они могли платить по своим векселям лишь посредством своего кредита и лишь постольку, поскольку его хватало» (стр. 81).

Упомянувшийся С. Гёрни показал:

[1664.] «В настоящее время» (в 1848 г.) «наблюдается сокращение оборотов и большое изобилие денег». — (№ 1763.) «Я не думаю, чтобы недостаток капитала был причиной, которая так высоко погнала вверх ставку процента; то был страх (the alarm), трудность получить банкноты».

В 1847 г. Англия уплатила за границе по меньшей мере 9 миллионов ф. ст. золота за ввезенные продукты питания. Из них 7¹/₂ миллиона взяты из Английского банка и 1¹/₂ из других источников (стр. 245). — Моррис, управляющий Английским банком, заявил:

[3800.] «К 23 октября 1847 г. государственные ценные бумаги и акции каналов и железных дорог были уже обесценены на 114 752 225 фунтов стерлингов» (стр. 312).

Тот же Моррис в ответ на вопрос лорда Дж. Бентинка показал:

[3846.] «Известно ли вам, что весь капитал, помещенный в ценные бумаги и товары всякого рода, обесценился настолько, что сырье — хлопок-сырец, швей-сырец, сырая шерсть, — посылалось на континент по тем же бросовым ценам и что... сахар, кофе и чай распродавались с аукциона?» — «Нация неизбежно должна была принести значительные жертвы, чтобы справиться с отливом золота, вызванным колоссальным ввозом продуктов питания». — [3848.] «Не думаете ли вы, что было бы лучше потревожить 8 миллионов ф. ст., лежащих в хранилищах банка, чем пытаться возратить золото с такими жертвами?» — «Нет, я не думаю этого».

А вот комментарии к этому героизму. Дизраэли допрашивает г-на У. Коттона, директора и бывшего управляющего Английским банком:

«Как велик был дивиденд, полученный акционерами Банка в 1844 году?» — «7% годовых». — «А дивиденд 1847 года?» — «9%». — «Уплачивает ли Банк в текущем году подоходный налог за своих акционеров?» — «Конечно». — «Сделал ли это Банк и в 1844 году?» — «Нет»⁸³⁾. — «В таком случае, следовательно, этот банковский акт» (1844 г.) «был очень даже в интересах акционеров. Значит, результат таков, что со времени введения в действие нового закона дивиденд акционеров повысился с 7% до 9%, и, кроме того, подоходный налог уплачивается теперь Банком, тогда как прежде он должен был уплачиваться акционерами?» — «Совершенно верно». — (№№ 4356—4361.)

Г-н Пиз, провинциальный банкир, сообщает следующее относительно образования денежных запасов в банках во время кризиса 1847 года:

(4605.) «Так как банк был вынужден все более повышать свой процент, то опасения стали всеобщими; провинциальные банки увеличили свои золотые запасы, равно как и суммы банковых билетов; и многие из нас, которые, быть может, в обычное время держали у себя лишь несколько сот фунтов в золоте или в банкнотах, стали немедленно накапливать тысячи фунтов в денежных сейфах и конторках, так как царило полное неведение относительно дисконта и способности векселей обращаться на рынке, и таким образом последовало всеобщее накопление денежных запасов».

Один член комиссии замечает:

(4691.) «Следовательно, какова бы ни была причина в течение последних 12 лет, результат во всяком случае был больше в пользу ростовщика и торговца деньгами, чем в пользу производительного класса вообще».

В какой мере эксплуатируют торговцы деньгами кризисные условия, показывает Тук:

«В производстве металлоизделий Уорикшира и Стаффордшира многие заказы на товары в 1847 г. были аннулированы, потому что ставка процента, которую должен был платить фабрикант за учет своих векселей, более чем поглотила бы всю его прибыль» (№ 5451).

Возьмем теперь другой, уже ранее цитированный парламентский отчет: «Report from Select Committee on Bank Acts, communi-

⁸³⁾ Т. е. прежде устанавливался дивиденд, и затем уже при выплате дивиденда удерживался с каждого акционера подоходный налог; после же 1844 г. сначала уплачивался налог со всей прибыли Банка, а затем уже распределялся «free of Income Tax» [«свободный от подоходного налога»] дивиденд. Следовательно, номинально один и тот же процент в этом случае был выше на сумму налога. — Ф. Э.

cated from the Commons to the Lords, 1857» (в дальнейшем цитируется как «В. С.» 1857). Вот что показывал на допросе г-н Норман, директор Английского банка и главное светило среди сторонников «currency principle»²¹⁷:

(3635.) «Вы сказали, что держитесь того взгляда, что ставка процента зависит не от количества банкнот, а от спроса и предложения капитала. Не соблаговолите ли вы пояснить, что понимаете вы под капиталом кроме банкнот и металлических денег?» — «Я полагаю, что обычное определение капитала таково: это товары или услуги, употребляемые в производстве». — (3636.) «Все ли товары вы охватываете словом капитал, когда говорите о ставке процента?» — «Все товары, употребляемые в производстве». — (3637.) «Все это вы понимаете под словом капитал, когда говорите о ставке процента?» — «Да. Допустим, что хлопчатобумажному фабриканту требуется хлопок для его фабрики; по всей вероятности, он раздобудет его таким образом, что получит ссуду у своего банкира, отправится с полученными таким путем банкнотами в Ливерпуль и купит хлопок. Что ему действительно требуется, так это хлопок; банкноты или золото ему требуются только как средство получить хлопок. Или, например, ему требуются средства для оплаты рабочих; тогда он снова занимает банкноты и уплачивает ими заработную плату своим рабочим; рабочим, в свою очередь, требуется пища и квартира, и деньги являются средством платежа за них». — (3638.) «Но ведь процент платится за деньги?» — «Конечно, прежде всего; но возьмите другой случай. Допустим, что фабрикант покупает хлопок в кредит, не беря ссуды в банке; тогда разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент истечения срока и будет мерой процента. Процент существовал бы, даже если бы вообще не было на свете денег».

Этот самодовольный вздор вполне достоин этого столпа «currency principle». Прежде всего, гениально открытие, что банкноты или золото являются средством что-нибудь купить, что их берут займы не ради них самих. И отсюда должно следовать, что процентная ставка регулируется чем? Спросом и предложением товаров, хотя мы до сих пор знали только, что они регулируют рыночные цены товаров. Но с одинаковыми рыночными ценами товаров совместимы совершенно различные ставки процента. — И дальше такая мудрость. На правильное замечание: «Но ведь процент платится за деньги», которое, конечно, заключает в себе вопрос: какое отношение к товарам имеет процент, получаемый банкиром, который вовсе не торгуя этими товарами? И разве фабриканты, затрачивающие эти деньги на самых различных рынках, т. е. на рынках, где господствует совершенно различное соотношение спроса и предложения употребляемых в производстве товаров, не получают денег по одинаковой процентной ставке? — На этот вопрос наш блестящий гений отвечает: если фабрикант покупает хлопок в кредит, «то разница между ценой за наличный расчет и ценой в кредит в момент истечения срока и будет мерой процента». Наоборот. Существующая ставка процента, регулирование которой пытаются разъяснить гений Нормана, определяет разницу между ценой за наличный расчет и ценой в кредит до истечения срока. Прежде всего надо продать хлопок по его цене за наличный расчет, а эта цена определяется рыночной ценой, которая, в свою очередь, регу-

лируется состоянием спроса и предложения. Допустим, что цена = 1 000 фунтам стерлингов. На этом кончается сделка между фабрикантом и хлопковым маклером, поскольку идет речь о купле и продаже. Но сюда присоединяется вторая сделка. Сделка между кредитором и заемщиком. Стоимость в 1 000 ф. ст. дается фабриканту в ссуду хлопком, а он должен возратить ее деньгами, скажем, через три месяца. Тогда проценты с суммы в 1 000 ф. ст. за три месяца, устанавливаемые в соответствии с рыночной ставкой процента, и составят надбавку к цене за наличный расчет. Цена хлопка определяется спросом и предложением. Но цена ссуженной стоимости хлопка, 1 000 ф. ст. на три месяца, определяется ставкой процента. И тот факт, что сам хлопок превращается таким образом в денежный капитал, служит для г-на Нормана доказательством того, что процент существовал бы, даже если бы вообще не было на свете денег. Не будь вообще денег, во всяком случае не было бы общей ставки процента.

Прежде всего, вульгарно представление о капитале как о «товарах, употребляемых в производстве». Поскольку эти товары фигурируют как капитал, их стоимость как *капитала*, в отличие от их стоимости как *товаров*, выражается в прибыли, которая получается от их производительного или торгового применения. И норма прибыли безусловно имеет всегда известное отношение к рыночной цене купленных товаров и к их спросу и предложению, но определяется она совсем другими обстоятельствами. И что ставка процента в общем имеет предел в норме прибыли, в этом нет никакого сомнения. Но пусть г-н Норман прямо скажет нам, чем определяется этот предел. Определяется же он спросом и предложением денежного капитала в *отличие* от всех других форм капитала. Но можно было бы дальше спросить: каким образом определяется спрос и предложение денежного капитала? Не подлежит сомнению, что существует скрытая связь между предложением вещественного капитала и предложением денежного капитала, равно как и то, что спрос промышленных капиталистов на денежный капитал определяется условиями действительного производства. Вместо того чтобы разъяснить нам это, г-н Норман раскрывает нам ту премудрость, что спрос на денежный капитал не тождествен со спросом на деньги как таковые; — и только эту премудрость, потому что в глубине души у него, у Оверстона и других пророков «*scarcity principle*», таится нечистая совесть, так как они путем искусственного законодательного вмешательства стремились сделать капитал из средства обращения как такового и повысить ставку процента.

Обратимся теперь к лорду Оверстону, alias * Самюэлу Джонсу Лойду, и посмотрим, как ему приходится объяснять, почему он взимает 10% за свои «деньги», раз так редок в стране «капитал».

* — иначе. *Ред.*

(3653.) «Колебания ставки процента происходят по одной из двух причин: изменения стоимости капитала»

(Превосходно! Ведь стоимость капитала и есть, вообще говоря, ставка процента! Следовательно, изменение ставки процента происходит здесь от изменения ставки процента! «Стоимость капитала», как мы раньше показали, теоретически никогда не понимается иначе. Или, быть может, г-н Оверстон понимает под стоимостью капитала норму прибыли, — тогда глубокий мыслитель возвращается к тому, что ставка процента регулируется нормой прибыли!)

«или изменения количества имеющихся в стране денег. Все значительные колебания ставки процента, значительные или по продолжительности или по амплитуде колебаний, могут быть явственно сведены к изменениям в стоимости капитала. Наиболее убедительной практической иллюстрацией этого факта может служить повышение ставки процента в 1847 г. и затем в последние два года» (1855—1856); «меньшие колебания ставки процента, вытекающие из изменения количества имеющихся денег, невелики как по их амплитуде, так и по их продолжительности. Они происходят часто, и чем они чаще, тем скорее они достигают своей цели»,

т. е. обогащения банкиров à la Оверстон. Милейший Самюэл Гёрни по этому поводу очень наивно выражается перед комиссией палаты лордов, «С. D.» 1848/57:

(1324.) «Придерживаетесь ли вы того мнения, что значительные колебания ставки процента, имевшие место в прошлом году, были выгодны банкирам и торговцам деньгами, или нет?» — «Я думаю, они были выгодны торговцам деньгами. Все колебания в хозяйственной жизни выгодны тем, кто понимает в этом толк (to the knowing men)». — (1325.) «Не несет ли в конце концов банкир потерь при высокой ставке процента вследствие обеднения своих лучших клиентов?» — «Нет, я того мнения, что в сколько-нибудь заметной степени такой результат не имеет места».

Voilà ce que parler veut dire *.

Мы еще возвратимся к вопросу о влиянии на ставку процента количества имеющихся в стране денег. Но уже теперь необходимо заметить, что и здесь Оверстон допускает *quid pro quo* **. Спрос на денежный капитал в 1847 г. (до октября не было никаких забот из-за недостатка в деньгах, из-за «количества имеющихся денег», как выше назвал его Оверстон) увеличился по различным причинам: вздорожание хлеба, повышение цен на хлопок, невозможность продать сахар вследствие перепроизводства, железнодорожная спекуляция и крах, переполнение внешних рынков хлопчатобумажными товарами, вышеописанный ввоз в Индию и вывоз из Индии *** с единственной целью обзавестись бронзовыми векселями. Все эти обстоятельства, перепроизводство в промышленности, равно как и недопроизводство в земледелии, следовательно, совершенно различные причины обусловили повышение спроса на денежный капитал, т. е. на кредит и деньги. Повывсившийся спрос на денежный капитал имел свои причины в ходе самого процесса производства.

* — Вот это довольно сказано. *Ред.*

** — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

*** См. настоящий том, с. 405—406. *Ред.*

Но какова бы ни была причина, именно спрос на *денежный капитал* привел к повышению ставки процента, стоимости денежного капитала. Если Оверстон хочет сказать, что стоимость денежного капитала повысилась, *потому что* она повысилась, то это тавтология. Если же он понимает здесь под «стоимостью капитала» повышение нормы прибыли как причину повышения ставки процента, то ошибочность этого положения сейчас будет обнаружена. Спрос на денежный капитал, а потому «стоимость капитала» может повыситься, несмотря на понижение прибыли; как только предложение денежного капитала относительно понизится, повысится его «стоимость». Оверстону хотелось доказать, что кризис 1847 г. и сопровождавшая его высокая ставка процента ничуть не зависели от «количества имеющихся денег», т. е. от положений инспирированного им банковского акта 1844 года; хотя в действительности они зависели от него, поскольку боязнь истощения банковского резерва, — этого творения Оверстона, — присоединила к кризису 1847—1848 гг. денежную панику. Но сейчас вопрос не в этом. Был налицо недостаток денежного капитала, обусловленный чрезмерными, по сравнению с имевшимися средствами, размерами операций и приведший к взрыву вследствие нарушения процесса воспроизводства, вызванного неурожаем, чрезмерным железнодорожным строительством, перепроизводством, особенно хлопчатобумажных товаров, махинациями на индийском и китайском рынках, спекуляциями, чрезмерным ввозом сахара и т. д. Лицам, купившим хлеб тогда, когда он стоил 120 шилл. за квартал, не доставало теперь, когда его цена упала до 60 шилл., именно 60 шилл., переплаченных ими, и на такую же сумму не доставало кредита под залог хлеба. Отнюдь не недостаток в банкнотах мешал им обратить свой хлеб в деньги по старой цене в 120 шилл., как не он мешал и тем, кто ввез слишком много сахара, который затем почти не удавалось продать. Таково же было положение тех господ, которые вложили свой денежный капитал (*floating capital*) в железные дороги и для возмещения его в своем «законном» деле обратились к кредиту. Все это для Оверстона выражается в «моральном сознании повысившейся стоимости его денег (a moral sense of the enhanced value of his money)». Но этой повысившейся стоимости денежного капитала как раз соответствовала на другой стороне понизившаяся денежная стоимость реального капитала (товарного капитала и производительного капитала). Стоимость капитала в одной форме повысилась, потому что стоимость капитала в другой форме понизилась. Оверстон же пытается отождествить обе эти стоимости различного рода капиталов в единой стоимости капитала вообще и притом таким образом, что противопоставляет их недостатку в средствах обращения, в наличных деньгах. Но одна и та же сумма денежного капитала может быть отдана займы при посредстве самого различного количества средств обращения.

Возьмем его пример, относящийся к 1847 году. Официальная ставка учетного процента составляла: в январе 3 — $3\frac{1}{2}\%$, в феврале 4 — $4\frac{1}{2}\%$, в марте по большей части 4%, в апреле (паника) 4 — $7\frac{1}{2}\%$, в мае 5 — $5\frac{1}{2}\%$, в июне в общем 5%, в июле 5%, в августе 5 — $5\frac{1}{2}\%$, в сентябре 5% с небольшими колебаниями до $5\frac{1}{4}\%$, $5\frac{1}{2}\%$, 6%, в октябре 5%, $5\frac{1}{2}\%$, 7%, в ноябре 7 — 10%, в декабре 7 — 5%. — В этом случае процент повышался потому, что прибыли уменьшались и непомерно падали денежные стоимости товаров. Следовательно, если Оверстон говорит здесь, что ставка процента в 1847 г. повысилась, так как стоимость капитала повысилась, то под стоимостью капитала он может понимать здесь только стоимость денежного капитала, а стоимость денежного капитала есть именно ставка процента и ничего более. Но позднее выглядит лисий хвост — стоимость капитала отождествляется с нормой прибыли.

Что касается высокой ставки процента в 1856 г., то Оверстон действительно не знал, что она была отчасти симптомом появления категории рыцарей кредита, уплачивавших проценты не из прибыли, а из чужого капитала; он утверждал всего лишь за несколько месяцев до кризиса 1857 г., что «положение дел безусловно здоровое».

Далее он говорит [В. С. 1857]

(3722.) «Представление, будто прибыль предприятия уничтожается с повышением ставки процента, в высшей степени ошибочно. Во-первых, повышение ставки процента редко бывает продолжительным; во-вторых, если оно и бывает длительным и значительным, то по существу оно представляет собой повышение стоимости капитала; а почему повышается стоимость капитала? Потому, что поднялась норма прибыли».

Итак, здесь мы, наконец, узнали, какой смысл имеет «стоимость капитала». Впрочем, норма прибыли может оставаться продолжительное время на высоком уровне, а предпринимательский доход упасть и ставка процента повыситься, так что процент поглотит большую часть прибыли.

(3724.) «Повышение ставки процента было следствием колоссального развития деловой активности в нашей стране и значительного повышения нормы прибыли: и если раздаются жалобы, что повышенная ставка процента разрушает те самые две вещи, которые были ее собственной причиной, то это логический абсурд, о котором не знаешь даже, что сказать».

Но это как раз столь же логично, как если бы он сказал: повышенная норма прибыли была следствием повышения товарных цен спекуляцией, и если раздаются жалобы, что повышение цен уничтожает свою собственную причину, т. е. спекуляцию, то это логический абсурд и т. д. Что какое-нибудь явление может в конце концов уничтожить свою собственную причину, — это логический абсурд только для ростовщика, влюбленного в высокую ставку процента. Моущество римлян было причиной их завоеваний, а эти завоева-

ния уничтожили их могущество. Богатство — причина роскоши, а роскошь действует разрушительно на богатство. Этаким хитрец! Идиотизм современного буржуазного мира как нельзя лучше характеризуется той почтительностью, какую внушала всей Англии «логика» миллионера, этого *dunghill aristocrat**. Впрочем, если высокая норма прибыли и расширение предприятий могут быть причинами высокой ставки процента, то отсюда отнюдь не следует, что высокая процентная ставка является причиной высокой прибыли. Вопрос именно в том и состоит, не удержался ли этот высокий процент (как это действительно показал кризис) или не поднялся ли он до высшей своей точки после того, как от высокой нормы прибыли осталось лишь одно воспоминание.

(3718.) «Что касается значительного повышения учетной ставки процента, то обстоятельство это возникает исключительно из увеличившейся стоимости капитала, а причину увеличившейся стоимости капитала, думаю, мне, с полной ясностью может открыть всякий. Я уже упоминал о том факте, что за 13 лет действия банковского акта торговли Англии выросла с 45 до 120 миллионов фунтов стерлингов. Восстановите в своей памяти все события, заключающиеся в этих кратких цифровых данных; вспомните колоссальный спрос на капитал, принесший с собой такое неслыханное развитие торговли; вспомните, наконец, что естественный источник предложения для этого громадного спроса, а именно ежегодные сбережения страны, был в течение трех или четырех последних лет использован на не приносящие прибыли военные расходы. Признаюсь, я был поражен, что процент не поднялся еще выше, или, другими словами, я поражен, что трудности получения капитала вследствие таких колоссальных операций не стали еще больше, чем вы их уже наблюдали».

Какое удивительное жонглирование словами у нашего ростовщического логика! Он снова тут со своей повысившейся стоимостью капитала! По-видимому, он воображает себе, что на одной стороне происходило это колоссальное расширение процесса воспроизводства, следовательно, накопление действительного капитала, а на другой находился «капитал», на который возник «колоссальный спрос», вызванный стремлением осуществить это колоссальное увеличение торговли! Но разве это колоссальное увеличение производства не представляло собой самого увеличения капитала и разве, создавая спрос, оно вместе с тем не создавало и предложения и даже увеличенного предложения денежного капитала? Если ставка процента поднялась очень высоко, то ведь только потому, что спрос на денежный капитал рос еще быстрее, чем предложение, другими словами, потому, что с расширением промышленного производства расширилось ведение его на основе кредитной системы. Другими словами, действительное расширение промышленности вызвало усиленный спрос на «ссуды», и этот последний спрос есть, очевидно, то, что наш банкир понимает под «колоссальным спросом на капитал». Конечно, не расширение простого *спроса* на капитал подняло экспортную торговлю с 45 до 120 миллионов. И что понимает

* — аристократа навозной кучи. *Ред.*

далее Оверстон, когда говорит, что поглощенные Крымской войной ежегодные сбережения страны образуют естественный источник предложения для этого большого спроса? Во-первых, при помощи чего же накапливала Англия в период войны 1792—1815 гг., которая была совсем не такая, как небольшая Крымская война? Во-вторых, если естественный источник иссяк, из какого же источника притекает капитал? Как известно, Англия не брала займы у других наций. Но если рядом с естественным источником существует еще искусственный, то ведь было бы самым приятным методом для страны пользоваться естественным источником для войны, а искусственным источником — в торговом деле. Если же был налицо только старый денежный капитал, то ведь не мог он удвоить своей эффективности благодаря высокой ставке процента? Г-н Оверстон, очевидно, полагает, что ежегодные сбережения страны (однако в этом случае, по-видимому, потребленные) превращаются только в денежный капитал. Но если бы не происходило действительного накопления, т. е. повышения производства и увеличения количества средств производства, какой прок был бы от накопления долговых требований в денежной форме к этому производству?

Повышение «стоимости капитала», вытекающее из высокой нормы прибыли, Оверстон путает с повышением, вытекающим из усиленного спроса на денежный капитал. Этот спрос может возрастать по причинам, совершенно не зависимым от нормы прибыли. Сам же Оверстон приводит пример, что в 1847 г. этот спрос усилился вследствие обесценения реального капитала. Смотри по тому, как ему удобнее, он относит стоимость капитала то к реальному капиталу, то к денежному капиталу.

Недобросовестность нашего банкового лорда, так же как и его ограниченная банкирская точка зрения, которую он дидактически подчеркивает, обнаруживается дальше в следующем:

(3728. Вопрос:) «Вы сказали, что, по вашему мнению, учетная ставка не имеет для купца существенного значения: не будете ли так добры сказать, что вы считаете обычной нормой прибыли?»

Дать ответ на этот вопрос г-н Оверстон признает «невозможным».

(3729.) «Допустим, что средняя норма прибыли 7—10%; в таком случае изменение учетной ставки с 2% до 7% или 8% должно существенно повлиять на норму прибыли, не правда ли?»

(Спрашивающий смешивает норму предпринимательского дохода с нормой прибыли и упускает из виду, что норма прибыли является общим источником процента и предпринимательского дохода. Норма процента может оставить без изменения норму прибыли, но не предпринимательский доход. Оверстон отвечает):

«Во-первых, коммерсанты не станут платить такую учетную ставку, которая поглощает значительную часть их прибыли; в этом случае они скорее приостановят свое дело».

(Конечно, если они могут это сделать, не разоряя себя. Пока их прибыль высока, они будут платить дисконт, потому что этого хотят, а раз она низка, они будут платить, потому что вынуждены платить.)

«Что значит дисконт? Почему кто-нибудь учитывает вексель?.. потому что он хочет получить больше капитала».

(Стоп! Потому что он хочет предвосхитить обратный приток в денежной форме своего прочно помещенного капитала и избежать застоя в своих делах. Потому что он должен покрыть срочные платежи. Увеличения капитала он требует только, когда дело идет хорошо или, если он спекулирует на чужих капиталах, даже когда оно плохо идет. Дисконтирование отнюдь не является только средством для расширения дела.)

«А почему он хочет получить в свое распоряжение больший капитал? Потому что он хочет применить этот капитал; а почему он хочет применить капитал? Потому что это выгодно, но для него было бы невыгодно, если бы дисконт поглощал его прибыль».

Этот самодовольный логик полагает, что векселя учитываются только для расширения дела и что дело расширяется потому, что оно прибыльно. Первое предположение ложно. Обыкновенный предприниматель дисконтирует, чтобы антиципировать денежную форму своего капитала и тем сохранить непрерывность процесса воспроизводства: он делает это не для того, чтобы расширить дело или раздобыть добавочный капитал, а чтобы компенсировать кредит, который он дает, кредитом, который он получает. И, если он станет расширять свое дело в кредит, учет векселей принесет ему мало пользы, так как учет есть только превращение уже находящегося в его руках денежного капитала из одной формы в другую; он предпочтет заключить твердый заем на более длительный срок. Впрочем, рыцарь кредита учитывает свои бронзовые векселя, чтобы расширить свое дело, чтобы покрыть одно нечистое дело другим; он это делает не для того, чтобы получить прибыль, а чтобы завладеть чужим капиталом.

Отождествив таким образом дисконтирование с займом добавочного капитала (а не с превращением в наличные деньги векселей, представляющих капитал), г-н Оверстон немедленно ретируется, как только его начинают припирать к стенке.

(3730. Вопрос:) «Разве купцы, раз втянувшись в дело, не оказываются вынужденными продолжать некоторое время свои операции, несмотря на временное повышение процента?» — (Оверстон:) «Несомненно, что если при какой-нибудь сделке кто-нибудь может получить в свое распоряжение капитал по более низкой ставке процента вместо высокой, то такой случай, взятый с этой ограниченной точки зрения, для него приятен».

Зато как безгранична точка зрения г-на Оверстона, когда под «капиталом» он вдруг начинает подразумевать только свой банкирский капитал и потому считает человека, учитывающего у него

вексель, человеком без капитала, так как капитал последнего существует в товарной форме и так как денежной формой капитала в этом случае является вексель, который превращается г-ном Оверстоном в другую денежную форму.

(3732.) «Можете ли вы в связи с банковским актом 1844 г. указать, каково было приблизительно отношение ставки процента к золотому резерву банка; верно ли, что, когда в банке было золота на 9 или на 10 миллионов, ставка процента составляла 6% или 7%, а когда золота было на 16 миллионов, ставка процента стояла на уровне приблизительно 3 4%?» (Спрашивающий хочет заставить его объяснить ставку процента, поскольку она определяется количеством золота в банке, ставкой процента, поскольку она определяется стоимостью капитала.) — «Я не скажу, что это так... но будь это так, мы должны были бы, по моему мнению, принять еще более строгие меры, чем те, которые были приняты в 1844 году; так как, если бы так и было, что чем больше запас золота, тем ниже ставка процента, тогда, согласно этому взгляду, мы должны были бы взяться за дело, увеличить золотой запас до неограниченной суммы, и тогда мы свели бы процент к нулю».

Кейли, поставивший вопрос, несколько не смущенный этим остроумием, продолжает:

(3733.) «Пусть это так, допустим, что банку были бы возвращены 5 миллионов золотом, в таком случае в течение ближайших шести месяцев золотой запас составил бы около 16 миллионов ф. ст., и допустим, что благодаря этому ставка процента упала бы до 3% или 4%, — тогда как же можно было бы утверждать, что понижение ставки процента произошло от значительного сокращения дел?» — «Я сказал, что имевшее место недавно значительное повышение ставки процента, а не ее падение, тесно связано с значительным расширением дел».

Но Кейли говорил вот что: если повышение ставки процента вместе с сокращением золотого запаса есть показатель расширения дел, в таком случае понижение ставки процента вместе с увеличением золотого запаса должно быть показателем сокращения дел. На это Оверстон не может дать никакого ответа.

(3736. Вопрос:) «Помнится мне, вы» (в тексте постоянно Your Lordship *) «сказали, что деньги — орудие для получения капитала». (Какая нелепость считать их орудием для получения капитала; они — форма капитала.) «При сокращении золотого запаса» (Английского банка) «не состоит ли, наоборот, большая трудность в том, что капиталисты не могут достать денег?» (Оверстон:) «Нет; капиталисты не стремятся приобретать деньги, — это делают не капиталисты. А почему?.. Потому что посредством денег они получают в свое распоряжение капитал капиталистов, чтобы вести дело людей, которые не являются капиталистами».

Здесь он как раз объясняет, что фабриканты и купцы — некапиталисты и что капитал капиталиста — это только денежный капитал.

(3737.) «Разве люди, выписывающие векселя, не капиталисты?» «Люди, выписывающие векселя, могут быть капиталистами, а могут и не быть».

Здесь он крепко засел.

Ему ставится вопрос, не представляют ли векселя купцов товары, которые они продали или погрузили. Оверстон отрицает, что

* — Ваша светлость. *Ред.*

эти векселя с такой же точностью представляют стоимость товаров, как банкноты — золото (3740, 3741). Вот уж бесстыдство!

(3742.) «Не является ли целью купца получить деньги?» — «Нет, получение денег не составляет цели при выдаче векселя; получение денег, это — цель при учете векселей».

Выдача векселей, это — превращение товара в одну из форм кредитных денег, а учет векселей — лишь превращение этих кредитных денег в другие деньги, а именно в банкноты. Во всяком случае, г-н Оверстон соглашается здесь, что цель учета векселей — получение денег. Раньше он допускал учет только для получения дополнительного капитала, но не для превращения капитала из одной формы в другую.

(3743.) «Каково главное желание торгового мира в условиях паники, имевшей место, по вашим словам, в 1825, 1837 и 1839 годах; стремятся ли деловые люди получить в свое распоряжение капитал или законные платежные деньги?» — «Они стремятся получить в свое распоряжение капитал для дальнейшего ведения своего дела».

Их цель — ввиду наступившего недостатка в кредите получить средства платежа по срочным векселям, выставленным на них самих, чтобы не быть вынужденными продавать свой товар ниже [нормальной] цены. Если у них самих вообще нет капитала, то вместе со средствами платежа они, разумеется, получают одновременно и капитал, потому что они получают стоимость без эквивалента. Спрос на деньги как таковые всегда сводится только к желанию превратить стоимость из формы товара или долговых требований в форму денег. Потому-то, даже если оставить в стороне кризисы, существует большое различие между займом капитала и учетом, который только осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги.

{Я — редактор — позволю себе здесь вставить замечание.

У Нормана, как и у Лойда-Оверстона, банкир всегда есть лицо, «ссужающее капитал», а клиент его — лицо, требующее от него «капитал». Так, по словам Оверстона, то или другое лицо учитывает через банкира вексель «потому, что оно хочет получить *капитал*» (3729), и такому человеку очень приятно, если он «может получить в свое *распоряжение капитал* из низких процентов» (3730). «Деньги — орудие для получения *капитала*» (3736), и в случае паники главное желание торгового мира «получить в свое распоряжение *капитал*» (3743). При всей путанице у Лойда-Оверстона на тот счет, что такое капитал, все же из его слов достаточно ясно видно, что то, что банкир дает деловому клиенту, он называет капиталом, раньше не имевшимся у клиента и данным ему в ссуду, дополнительно к тому, каким раньше располагал клиент.

Банкир настолько привык фигурировать как распределитель — в форме ссуды — свободного в денежной форме общественного капитала, что всякая функция, при которой он отдает деньги, кажется

ему ссудой. Все деньги, которые он выплачивает, представляются ему ссудой. Если банкир расходует деньги прямо на выдачу ссуды, то это верно в буквальном смысле. Если он затрачивает их на учет векселей, то для него самого они в действительности представляют собой ссуду, выданную до истечения срока векселя. Таким путем в голове банкира укрепляется представление, что он не может произвести ни одного платежа, который не был бы ссудой. И именно ссудой не в том только смысле, что всякое помещение денег с целью извлечения процента или прибыли рассматривается с экономической точки зрения как ссуда, которую соответствующий владелец денег в качестве частного лица выдает себе самому в качестве предпринимателя. А ссудой в том определенном смысле, что банкир заимообразно передает клиенту сумму, на которую увеличивается находящийся в распоряжении последнего капитал.

Именно это представление, перенесенное из банкирской конторы в политическую экономию, породило вызывающий путаницу спорный вопрос: является ли то, что банкир наличными деньгами предоставляет в распоряжение своего клиента, капиталом или же только деньгами, средством обращения, *сиренсу*? Чтобы разрешить этот — по существу простой — спорный вопрос, мы должны стать на точку зрения клиентов банка. Все зависит от того, чего те требуют и что получают.

Если банк соглашается дать своему клиенту заем просто под личный его кредит, без предоставления с его стороны обеспечения, то дело ясно. Клиент безусловно получает определенную по величине стоимости ссуду, как дополнение к его капиталу, которым он до сих пор располагал. Он получает ссуду в денежной форме, следовательно, получает не только деньги, но и денежный капитал.

Если же он получает ссуду, выданную под залог ценных бумаг и т. п., то это — ссуда в том смысле, что ему даются деньги под условием их обратной уплаты. Но это не ссуда капитала. Потому что ценные бумаги тоже представляют капитал, и притом на большую сумму, чем ссуда. Следовательно, получатель берет меньшую капитальную стоимость, чем отдает в залог; такая операция отнюдь не представляет собой для него приобретения добавочного капитала. Он совершает сделку не потому, что ему нужен капитал, — он уже имеет его в своих ценных бумагах, — а потому, что ему нужны деньги. Здесь, следовательно, перед нами ссуда *денег*, а не капитала.

Если ссуда выдается под учет векселей, тогда исчезает и *форма* ссуды. Налицо простая купля и продажа. Посредством передаточной надписи вексель переходит в собственность банка, а деньги — в собственность клиента; о возврате их с его стороны нет и речи. Если клиент покупает наличные деньги с помощью векселя или другого орудия кредита, то это такая же ссуда, не больше и не меньше, как если бы он купил наличные деньги за какой-нибудь

другой товар: хлопок, железо, хлеб. И всего меньше может быть тут речь о ссуде *капитала*. Всякая купля и продажа между торговцами есть передача капитала. Ссуда же имеет место только там, где передача капитала совершается не взаимно, а односторонне и на срок. Поэтому ссуда капитала посредством учета векселей может иметь место только там, где вексель — бронзовый вексель, который отнюдь не представляет проданного товара и который не берет ни один банкир, раз он знает, что это за вексель. Следовательно, в нормальной учетной сделке клиент банка не получает никакой ссуды ни капиталом, ни деньгами; он получает деньги за проданный товар.

Таким образом случаи, когда клиент требует у банка и получает от него капитал, очень ясно отличаются от тех, когда он получает в ссуду деньги или покупает деньги у банка. И так как именно г-н Лойд-Оверстон имел обыкновение без покрытия выдавать в ссуду свои фонды только в самых редких случаях (он был банкиром моей фирмы ²¹⁸ в Манчестере), то так же ясно и то, что его прекрасные слова о тех массах капитала, которые великодушные банкиры ссужают нуждающимся в капитале фабрикантам, — сплошная небывлица.

Впрочем, в гл. XXII Маркс говорит по существу то же самое: «Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на средства платежа есть просто спрос на то, что *может быть превращено в деньги*; поскольку же этого нет, поскольку, следовательно, ссуда средств платежа доставляет капиталистам не только *денежную форму*, но и недостающий им для платежей *эквивалент* в какой бы то ни было форме, постольку спрос на средства платежа есть спрос на денежный капитал». — Затем в гл. XXXIII: «При развитом кредите, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние, *по крайней мере номинально*, ссужают деньги. Такая ссуда касается лишь денег, находящихся в обращении. Перед нами ссуда *средств обращения*, а не ссуда капиталов, обращающихся при помощи этих средств». — Г-н Чапмен, который это должен знать, также подтверждает вышеприведенное понимание учетной операции:

«В. С.» 1857: «У банкира есть вексель, банкир *купил вексель*». Показания. Вопрос 5139.

Впрочем, мы еще вернемся к этой теме в гл. XXVIII *. — Ф. Э.}

(3744.) «Не будете ли так любезны описать, что вы в действительности понимаете под выражением капитал?» (Ответ Оверстона:) «Капитал состоит из различных товаров, посредством которых ведется дело (*capital consists of various commodities, by the means of which trade is carried on*): есть основной капитал, и есть оборотный капитал. Ваши корабли, ваши доки, ваши верфи... — основной капитал; ваше продовольствие, ваши платья и т. д. — оборотный капитал».

* См. настоящий том, с. 446—447. *Ред.*

(3745.) «Имеет ли отлив золота за границу вредные последствия для Англии?» — «Нет, если связывать с этим словом разумный смысл». (Появляется старая теория денег Рикардо²¹⁹). «При естественном порядке вещей мировые деньги распределяются в известных пропорциях между различными странами; пропорции эти такого рода, что при подобном распределении» (денег) «сношения между какой-нибудь страной, с одной стороны, и всеми другими странами мира, с другой, являются простым обменом; но бывают пертурбации, от времени до времени влияющие на это распределение; раз они возникают, часть денег данной страны отливает в другие». — (3746.) «Вы употребляете теперь выражение: деньги. Если раньше я вас правильно понял, вы называли это потерей капитала». — «Что называл я потерей капитала?» — (3747.) «Отлив золота». — «Нет, я этого не говорил. Если вы употребляете золото как капитал, то, без сомнения, это будет потеря капитала; это будет отдачей известной части благородного металла, из которого состоит мировые деньги». — (3748.) «Разве раньше вы не говорили, что изменение учетной ставки есть простой показатель изменения стоимости капитала?» — «Да». (3749.) «И что учетная ставка изменяется в общем с изменением золотого запаса Английского банка?» — «Да; но я уже сказал, что колебания ставки процента, вытекающие из изменения количества денег» (следовательно, он понимает здесь количество действительного золота). «в стране очень ничтожны...»

(3750.) «Итак, вы хотите сказать, что произошло уменьшение капитала, раз произошло более продолжительное, но все же только временное, повышение учетного процента сверх обычной нормы?» — «Уменьшение в известном смысле слова. Изменилось соотношение между капиталом и спросом на капитал; но возможно, что вследствие увеличения спроса, а не вследствие уменьшения количества капитала».

(Но ведь только сейчас капитал приравнялся к деньгам, или золоту, и чуть раньше повышение ставки процента объяснялось еще высокой нормой прибыли, происшедшей от расширения, а не от сокращения коммерческой деятельности или капитала.)

(3751.) «Какой это капитал вы имеете здесь специально в виду?» — «Это целиком зависит от того, какой капитал требуется каждому отдельному человеку. Это тот капитал, которым располагает нация для ведения своих дел, и если эти дела увеличатся вдвое, должно наступить большое увеличение спроса на капитал, необходимый для дальнейшего их ведения».

(Этот хитроумный банкир сначала увеличивает вдвое дело и вслед за тем — спрос на капитал, необходимый для этого удвоения. Всегда он видит перед собой лишь своего клиента, требующего у г-на Лойда большего капитала для расширения своего дела вдвое.)

«Капитал таков же, как и всякий другой товар» (но ведь капитал, по мнению г-на Лойда, есть не что иное, как совокупность товаров); «он изменяется в своей цене» (следовательно, товары дважды меняются в цене — один раз как товары, другой — как капитал) «в зависимости от спроса и предложения».

(3752.) «Колебания учетной ставки в общем находятся в связи с колебаниями золотого запаса в хранилищах Банка. Этот ли капитал имеете вы в виду?» — «Нет». — (3753.) «Можете ли вы указать пример, когда в Английском банке были бы накоплены большие запасы капитала и в то же время учетная ставка стояла бы высоко?» — «В Английском банке накаплиют не капитал, а деньги». — (3754.) «Вы показали, что ставка процента зависит от количества капитала; не будете ли вы любезны сказать, какой капитал имеете вы в виду, и не можете ли вы привести пример, когда бы в Банке имелись большие запасы золота и в то же время ставка процента стояла бы высоко?» — «Весьма вероятно» (ага!), «что накопление золота

в Банке могло совпасть с низкой ставкой процента, потому что в период слабого спроса на капитал» (именно денежный капитал; время, о котором здесь идет речь, 1844 и 1845 гг., было временем процветания) «естественно можно накапливать то средство или орудие, при помощи которого распоряжаются капиталом». — (3755.) «Следовательно, вы думаете, что между учетной ставкой и количеством золота в кладовых Банка не существует никакой связи?» — «Такая связь, может быть, и существует, но это связь, не имеющая принципиального значения» (но его банковский акт 1844 г. возвел именно в принцип Английского банка регулирование ставки процента по количеству находящегося в его распоряжении золота); «явления эти могут совпадать по времени (there may be a coincidence of time)». (3758.) «Следовательно, вы хотите сказать, что затруднение купцов здесь в стране в периоды недостатка в деньгах вследствие высокой учетной ставки состоит в том, чтобы получить капитал, а не в том, чтобы получить деньги?» — «Вы смешиваете две разные вещи, которые я в этой форме не соединяю; трудность состоит в том, чтобы получить капитал, и точно так же трудно получить деньги... Трудность получить деньги и трудность получить капитал — одна и та же трудность, рассматриваемая в два различных момента ее проявления».

Здесь рыба снова крепко попалась. Первая трудность — учесть вексель или получить ссуду под залог товара. Трудность состоит в том, чтобы превратить капитал или торговый знак стоимости капитала в деньги. И эта трудность выражается, между прочим, в высокой ставке процента. Но раз деньги уже получены, в чем же тогда состоит вторая трудность? Если речь идет только о платеже, разве кто-нибудь сочтет за трудность освобождение от своих денег? А если речь идет о купле, разве кто-нибудь во времена кризиса испытывал трудность в купле того или иного товара? И если даже допустить, что это касается особого случая вздорожания хлеба, хлопки и т. д., то ведь трудность эта могла бы выражаться не в стоимости денежного капитала, т. е. не в ставке процента, а только в цене товара; и эта трудность ведь уже преодолена тем, что у нашего человека теперь имеются деньги для купли нужного товара.

(3760.) «Но разве повышенная учетная ставка не увеличивает трудности получения денег?» — «Она увеличивает трудность получения денег, но это не те деньги, которыми владеют, это только форма» (и эта форма приносит прибыль в карманы банкира). «в которой выражается возросшая трудность получения капитала в сложных условиях современной цивилизации».

(3763.) (Ответ Оверстона:) «Банкир — это посредник, который, с одной стороны, принимает вклады, с другой — применяет эти вклады, передавая их *в форме капитала* в руки лиц, которые и т. д.».

Здесь мы узнаём, наконец, что понимает он под капиталом. Он превращает деньги в капитал, «передавая их», — или, говоря менее деликатно, — ссужая их под проценты.

Сказав раньше, что изменение учетной ставки по существу не стоит в связи с изменением суммы золотого запаса Банка или с количеством имеющихся денег, а, самое большее, совпадает по времени, г-н Оверстон повторяет:

(3805.) «Если в стране станет меньше денег вследствие отлива, то стоимость их повысится, и Английский банк должен будет приспособиться к этому изменению в стоимости денег» (следовательно, к изменению стоимости денег *как капитала*, другими словами, к изменению ставки процента, потому что стоимость денег *как*

денег, по сравнению с товарами, остается прежняя). «Технически это выражают так, что Банк повышает ставку процента».

(3819.) «Я никогда не смешиваю их друг с другом».

Т. е. деньги и капитал. Он не смешивает их по той простой причине, что он их никогда не различает.

(3834.) «Очень крупная сумма, которую пришлось уплатить» (за хлеб в 1847 г.) «за необходимое для страны продовольствие и которая в действительности была капиталом».

(3841.) «Колебания учетной ставки имеют несомненно очень тесную связь с состоянием золотого запаса» (Английского банка), «потому что состояние запаса есть показатель увеличения или уменьшения массы имеющихся в стране денег; и в той же пропорции, в какой увеличивается или уменьшается количество денег в стране, падает или повышается стоимость денег, а с этим сообразуется и банковая учетная ставка».

Таким образом Оверстон признает здесь то, что он категорически отрицал в своем показании № 3755.

(3842.) «Между тем и другим существует тесная связь».

А именно между количеством золота в эмиссионном отделении и резервом банкнот в банковом отделении. Здесь он объясняет изменения ставки процента изменением количества денег. При этом он говорит неправду. Резервы могут сократиться, потому что увеличилось количество обращающихся в стране денег. Такой случай бывает тогда, когда публика берет больше банкноты, а металлический запас не сокращается. Но тогда повысится ставка процента, потому что в этом случае банковый капитал Английского банка по закону 1844 г.²²⁰ ограничен. Но об этом ему не следует говорить, так как в силу этого закона оба отделения банка самостоятельны.

(3859.) «Высокая норма прибыли всегда повлечет за собой усиленный спрос на капитал; усиленный спрос на капитал повысит его стоимость».

Такова, наконец, связь между высокой нормой прибыли и спросом на капитал, как представляет ее себе Оверстон. Между тем в 1844—1845 гг., например в хлопчатобумажной промышленности, господствовала высокая норма прибыли, потому что при сильном спросе на хлопчатобумажные товары хлопок-сырец был дешев и остался дешев. Стоимость капитала (а по данному Оверстоном ранее определению капитал — это то, что нужно каждому для своего дела), следовательно в данном случае стоимость хлопка-сырца, не повысилась для фабриканта. Пусть высокая норма прибыли побудила какого-нибудь хлопчатобумажного фабриканта занять деньги на расширение своего дела. В таком случае повысился бы его спрос на *денежный* капитал и ни на что больше.

(3889.) «Золото может быть и не быть деньгами, как бумага может быть и не быть банкнотой».

(3896.) «Если я правильно вас понимаю, вы отказываетесь от того положения, которым вы аргументировали в 1840 году: что колебания количества находящихся в обращении банкнот Английского банка должны следовать за колебаниями суммы золотого запаса», — «Я постольку отказываюсь от него... поскольку при

нынешнем состоянии наших знаний мы должны присоединить к находящимся в обращении банкнотам еще и те банкноты, которые лежат в банковом резерве Английского банка».

Это превосходно. Произвольное определение, что Банк может печатать столько бумажных банкнот, сколько у него золота в хранилищах и в придачу еще 14 миллионов ф. ст., обуславливает, конечно, то, что выпуск банкнот Банком колеблется вместе с колебаниями золотого запаса. Но так как «нынешнее состояние наших знаний» ясно показало, что количество банкнот, которое согласно закону имеет право фабриковать Банк (и которое эмиссионное отделение передает в банковое отделение), — что это обращение между обоими отделениями Английского банка, колеблющееся с изменением золотого запаса, не определяет колебаний обращения банкнот вне стен Английского банка, то последнее, действительное обращение, становится теперь для администрации Банка безразличным, и решающим становится только обращение между обоими отделениями Банка, отличие которого от действительного выражается резервом. Для внешнего мира это обращение важно лишь постольку, поскольку резерв показывает, насколько приблизился Банк к установленному законом максимуму выпуска банкнот и как много могут еще получить клиенты Банка из банкового отделения.

O mala fides * Оверстона говорит следующий блестящий пример:

(4243.) «Колеблется ли, по вашему мнению, из месяца в месяц количество капитала в такой степени, чтобы стоимость его могла вследствие этого так измениться, как это мы видели за последние годы на колебаниях учетной ставки?» — «Соотношение между спросом и предложением капитала несомненно может измениться даже в короткие промежутки времени... Если Франция заявит завтра, что она собирается заключить большой заем, то, без сомнения, это тотчас же вызовет в Англии сильное изменение в стоимости денег, т. е. в стоимости капитала».

(4245.) «Если Франция даст знать, что ей сразу понадобится для какой-нибудь цели на 30 миллионов товаров, то возникнет, употребляя более научное и простое выражение, сильный спрос на капитал».

(4246.) «Капитал, который хотела бы купить Франция при помощи своего займа, — это одно дело: деньги, на которые Франция купит его, — это другое дело: так что же изменяет свою стоимость — деньги или нет?» — «Мы снова возвращаемся к старому вопросу, и я полагаю, что этот вопрос более подходит для кабинета ученого, чем для зала заседаний этого комитета».

С этими словами он удаляется, но не в кабинет ученого⁸⁴⁾.

* — недобросовестности. *Ред.*

⁸⁴⁾ Дальнейшие замечания о путанице понятий у Оверстона в вопросах капитала — в конце главы XXXII [Ф. Э.].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

РОЛЬ КРЕДИТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Общие замечания, до сих пор высказанные нами по поводу кредита, сводились к следующему:

I. Образование кредита необходимо для того, чтобы опосредствовать выравнивание нормы прибыли или процесс этого выравнивания, на чем покоится все капиталистическое производство.

II. Сокращение издержек обращения.

1) Одной из главных статей издержек обращения являются сами деньги, поскольку они сами имеют стоимость. Экономия денег посредством кредита осуществляется тройным образом:

A. Для значительной части сделок деньги вовсе не нужны.

B. Ускоряется обращение средств обращения⁸⁵⁾. Отчасти это совпадает с тем, что придется сказать в пункте 2). С одной стороны, это ускорение — техническое, т. е. при неизменной величине и количестве действительных товарных оборотов, опосредствующих потребление, меньшее количество денег или денежных знаков исполняет ту же самую службу. Это находится в связи с техникой банковского дела. С другой стороны, кредит увеличивает скорость товарного метаморфоза и вместе с тем скорость денежного обращения.

C. Замещение золотых денег бумажными.

⁸⁵⁾ «В среднем в обращении было банкнот Французского банка в 1812 г. 106 538 000 франков; в 1818 г. — 101 205 000 франков, тогда как денежное обращение, общая сумма всех поступлений и платежей, составляло в 1812 г. 2 837 742 000 франков; в 1818 г. — 9 665 030 000 франков. Следовательно, денежное обращение во Франции в 1818 г. относилось к денежному обращению 1812 г. как 3 : 1. Великий регулятор скорости обращения — кредит... Этим объясняется, почему сильное давление на денежный рынок обыкновенно совпадает с заполнением каналов обращения» («The Currency Theory Reviewed etc.», p. 65). — «Между сентябрем 1833 г. и сентябрем 1843 г. в Великобритании возникло около 300 банков, выпускающих собственные банкноты; следствием этого было сокращение банкнот в обращении на 2½ миллиона; в конце сентября 1833 г. оно составляло 36 035 244 ф. ст. и в конце сентября 1843 года: 33 518 544 ф. ст.» (там же, стр. 53). «Удивительная скорость обращения в Шотландии позволяет при помощи 100 ф. ст. исполнить такое же количество денежных сделок, какое в Англии требует 420 ф. ст.» (там же, стр. 55. Последнее касается лишь технической стороны операции).

2) Ускорение кредитом отдельных фаз обращения, или метаморфоза товаров, затем метаморфоза капитала, а вместе с тем ускорение процесса воспроизводства вообще. (С другой стороны, кредит позволяет на больший срок отделять друг от друга акты купли и продажи и потому служит основой спекуляции.) Сокращение резервных фондов, что можно рассматривать с двойкой точки зрения: с одной стороны, как уменьшение находящихся в обращении средств обращения, с другой — как сокращение той части капитала, которая должна всегда существовать в денежной форме ⁸⁶⁾.

III. Образование акционерных обществ. Благодаря этому:

1) Колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства.

3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов. Если даже получаемые ими дивиденды включают в себя процент и предпринимательский доход, т. е. всю прибыль (потому что содержание управляющего является или должно быть просто заработной платой за известного рода квалифицированный труд, цена которого регулируется на рабочем рынке как цена всякого другого труда), то и тогда вся эта прибыль получается только в форме процента, т. е. вознаграждения просто за собственность на капитал, которая таким образом совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, подобно тому как эта функция в лице управляющего отделяется от собственности на капитал. Таким образом, прибыль выступает (уже не одна только часть ее, процент, получающая свое оправдание в прибыли заемщика) как простое присвоение чужого прибавочного труда, возникающее из превращения средств производства в капитал, т. е. из их отчуждения от действительных производителей, из их противоположности как чужой собственности всем действительно участвующим в производстве индивидуумам, от

⁸⁶⁾ «До учреждения банков сумма капитала, необходимая для функционирования средств обращения, была всегда больше, чем этого требовало действительное товарное обращение». «Economist», [15 марта] 1845 г., стр. 238.

управляющего до последнего поденщика. В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции.

Прежде чем пойти дальше, отметим еще следующий экономически важный факт: так как прибыль принимает здесь чистую форму процента, то подобные предприятия оказываются возможными даже тогда, когда они приносят только процент; здесь же кроется одна из причин, задерживающих падение общей нормы прибыли, так как эти предприятия, где постоянный капитал находится в такой колоссальной пропорции к переменному, не обязательно должны участвовать в выравнивании общей нормы прибыли.

{С тех пор, как Маркс написал эти строки, развились, как известно, новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества. Ежедневно возрастающей скорости, с какой во всех отраслях крупной промышленности может быть увеличено производство, противостоит постоянно возрастающая медленность расширения рынка для увеличивающегося количества продуктов. То, что промышленность производит в несколько месяцев, то рынок едва может потребить в несколько лет. Сюда же присоединяется политика запретительных пошлин, при помощи которой каждая промышленная страна отгораживает себя от всех других, и в особенности от Англии, и искусственно повышает отечественное производство. Следствием этого являются общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль; словом, издавна прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве. Это банкротство выражается именно в том, что в каждой стране крупные промышленники определенной отрасли объединяются в картель для регулирования производства. Картельный комитет устанавливает для каждого предприятия твердую квоту производства и в конечном счете распределяет поступающие заказы. В отдельных случаях возникали время от времени даже международные картели, так, например, картели, объединяющие предприятия английской и германской черной металлургии. Но и этой формы обобществления производства оказалось мало. Противо-

положность интересов отдельных фирм слишком часто взрывала их союз и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где это позволяла данная ступень развития производства, стали концентрировать все производство этой отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество под единым руководством. В Америке это осуществлялось уже неоднократно, в Европе ярчайшим примером этого рода до сих пор остается «United Alkali Trust», сосредоточивший все английское производство щелочи в руках одной-единственной фирмы. Препьющие владельцы отдельных заводов — свыше тридцати — получили за все оборудование по оценочной стоимости в акциях в общем около 5 миллионов ф. ст., представляющих основную капитал треста. Техническое управление остается в руках прежних руководителей, коммерческое же руководство сосредоточивается в руках генеральной дирекции. Оборотный капитал (floating capital) в сумме около одного миллиона ф. ст. был предложен публике для реализации по подписке. Весь капитал треста составляет таким образом 6 миллионов фунтов стерлингов. Таким путем в этой отрасли, образующей основу всей химической промышленности Англии, конкуренция заменена монополией и самым обнадеживающим образом подготавливается будущая экспроприация всем обществом, нацией. — Ф. Э.]

Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое *prima facie* * представляется простым переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие оно выступает и в своем проявлении. В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства. Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности.

IV. Если оставить в стороне акционерное дело, — которое является упразднением капиталистической частной промышленности на основе самой капиталистической системы и которое по мере того, как расширяется и захватывает новые отрасли производства, уничтожает частную промышленность, — кредит предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное в пределах известных границ распоряжение чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого чужим трудом⁸⁷⁾.

* прежде всего. Ред.

87) Посмотрите, например, в «Times»²²¹ перечень банкротств за такой год кризиса, как 1857, и сравните собственное изумство обанкротившихся с размером их долгов. —

Распоряжение общественным, а не собственным капиталом позволяет ему распоряжаться общественным трудом. Сам капитал, которым владеет лицо в действительности или в общественном мнении, становится базисом кредитной надстройки. В особенности это относится к оптовой торговле, через которую проходит преобладающая часть общественного продукта. Здесь исчезает всякое мерило, всякие более или менее обоснованные в пределах капиталистического способа производства оправдания. Спекулирующий оптовый торговец рискует не *своей*, а общественной собственностью. Вместе с тем пошлой становится фраза о происхождении капитала из сбережений, так как спекулирующий, наоборот, требует, чтобы *другие* делали за него сбережения. [Как недавно вся Франция сберегла полтора миллиарда франков для панамских мошенников²²². С какой точностью изображено здесь все панамское мошенничество за целых двадцать лет до того, как оно произошло! — Ф. Э.] Фразам о воздержании резко противоречит свойственная капиталу роскошь, которая сама теперь становится средством кредита. Представления, имевшие еще некоторый смысл на менее развитой ступени капиталистического производства, становятся здесь совершенно бессмысленными. Удача и неудача равно ведут здесь к централизации капиталов, а потому и к экспроприации в самом колоссальном масштабе. Экспроприация распространяется здесь с непосредственного производителя на самих мелких и средних капиталистов. Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление ее является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становятся просто ре-

«Поистине покупательная способность людей, пользующихся капиталом и кредитом, далеко превосходит все, что могут себе представить те, кто не имеет практического знакомства со спекулятивными рынками» (*Tooke*, «An Inquiry into the Currency Principle», р. 79). «Человек, который слышит имеющим достаточный капитал для своего постоянного дела, и располагает в своей отрасли хорошим кредитом, если он читает сангвиническую уверенность в повышении конъюнктуры производимого им товара и если в начале и в течение его спекуляции ему благоприятствуют обстоятельства, может произвести закупки колоссальных размеров по сравнению со своим капиталом» (там же, стр. 136). — «Фабриканты, купцы и т. д. — все совершают операции, далеко превосходящие размер их капиталов. В настоящее время капитал скорее основа, на которой строится хороший кредит, чем предел оборотов какого-нибудь коммерческого предприятия» («*Economist*», [20 ноября] 1847 г., стр. 1333).

результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками. В акционерном деле уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность; но само превращение в форму акции еще стеснено капиталистическими рамками; поэтому вместо того чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде.

Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в этой форме, хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства. Без фабричной системы, возникающей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникающей из того же самого способа производства, не могла бы развиваться кооперативная фабрика. Кредитная система, образующая главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества, составляет точно так же и средство к постепенному большему или меньшему расширению кооперативных предприятий в национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоположность устранена отрицательно, а в других — положительно.

До сих пор мы рассматривали развитие кредита и скрыто заключающееся в нем уничтожение капиталистической собственности главным образом в отношении промышленного капитала. В следующих главах мы рассмотрим кредит в отношении капитала, приносящего проценты, как такового, его влияние на последний, форму, которую он здесь принимает; при этом нам придется еще сделать несколько замечаний специфически экономического характера.

Пока только следующее:

Если кредит оказывается главным рычагом перепроизводства и чрезмерной спекуляции в торговле, то лишь потому, что процесс воспроизводства, эластичный по своей природе, форсируется здесь

до крайних пределов, и именно потому форсируется, что значительная часть общественного капитала применяется не-собственниками его, пускающимися в силу этого в предпринимательскую деятельность совсем по-иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, боязливо взвешивает ограниченные возможности своего частного капитала. Это только свидетельствует о том, что основанное на противоречивом характере капиталистического производства возрастание стоимости капитала допускает действительное, свободное развитие лишь до известного предела и, следовательно, в действительности создает для производства имманентные оковы и пределы, постоянно прорываемые кредитом⁸⁸⁾. Поэтому кредит ускоряет развитие материальных производительных сил и создание мирового рынка, доведение которых как материальных основ новой формы производства до известной высокой степени развития и составляет историческую задачу капиталистического способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия, кризисы, и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства.

Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение на эксплуатации чужого труда, в систему чистейшего и колоссальнейшего азарта и мошенничества и все более сокращать число тех немногих, которые эксплуатируют общественное богатство; а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства; эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Ло до Исаака Перейры свойственный им приятный характер помеси мошенника и пророка.

88) *Th. Chalmers* [«On Political Economy etc.», Glasgow, 1832].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ И КАПИТАЛ; ВОЗЗРЕНИЯ ТУКА И ФУЛЛАРТОНА

Различие между средствами обращения и капиталом, как изображают это различие Тук⁸⁹⁾, Уилсон и другие, при этом сваливающие в одну кучу различия между средствами обращения как деньгами, денежным капиталом вообще и капиталом, приносящим проценты (*moneyed capital* в английском смысле), сводится к следующим двум пунктам.

⁸⁹⁾ Приведем здесь в оригинале соответствующее место из Тука, цитируемое в поддержке по немецки на стр. 390 [настоящий том, стр. 398]: «The business of bankers, setting aside the issue of promissory notes payable on demand, may be divided into two branches, corresponding with the distinction pointed out by Dr. (Adam) Smith of the transactions between dealers and dealers, and between dealers and consumers. One branch of the bankers' business is to collect *capital* from those, who have not immediate employment for it, and to distribute or transfer it to those who have. The other branch is to receive deposits of the *incomes* of their customers, and to pay out the amount, as it is wanted for expenditure by the latter in the objects of their consumption... the former being a circulation of *capital*, the latter of *currency*» [«Банкирское дело, если оставить в стороне выпуск долговых обязательств с платежом на предъявителя, может быть разделено на двоякого рода операции, отвечающие установленному д-ром (Адамом) Смитом делению сделок между самими торговцами и между торговцами и потребителями. Один род банковских операций состоит в том, чтобы собирать *капитал* с тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять его или передавать тем, кто может его применить. Другой род операций состоит в том, чтобы принимать вклады из *доходов* своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления... Первое есть обращение *капитала*, последнее обращение *средств обращения*»]. — *Tooke*, «Inquiry into the Currency Principle», London, 1844, p. 36. Первый род операций есть «the concentration of capital on the one hand and the distribution of it on the other» [«концентрация капитала, с одной стороны, и распределение его, с другой»], второй «administering the circulation for local purposes of the district» [«регулирование обращения для местных нужд округа»]. (Там же, стр. 37.) Гораздо ближе подходит к истинному пониманию вопроса Киннир в следующем месте: «Деньги употребляются для двух существенно различных операций. Как средства обмена между торговцами они являются орудием, посредством которого осуществляется передача капитала, т. е. обмен определенной суммы капитала в деньгах на равную сумму капитала в товарах. Но деньги, затрачиваемые на уплату заработной платы и для осуществления купли и продажи торговцем и потребителем, — это не капитал, а доход; это часть дохода всего общества, предназначенная для ежедневного расходования. Эти деньги обращаются в постоянном ежедневном употреблении, и только эти деньги могут быть названы в строгом смысле слова средствами обращения (*currency*). Ссуды капитала зависят исключительно от воли банка и других владельцев капитала, заемщики всегда найдутся; но сумма средств обращения зависит от потребностей общества, в пределах которых деньги обращаются с целью ежедневного расходования» (*J. G. Kinnear*, «The Crisis and the Currency», London, 1847 [p. 3 4]).

Средства обращения обращаются, с одной стороны, как *монета* (деньги), поскольку они опосредствуют *расходование доходов*, следовательно, обмен между индивидуальными потребителями и розничными торговцами; к последним следует причислить всех купцов, продающих потребителям — индивидуальным потребителям, в отличие от производительных потребителей, или производителей. Здесь деньги обращаются в функции монеты, хотя они постоянно *возмещают капитал*. Известная часть денег в стране всегда предназначается для этой функции, хотя эта часть складывается из постоянно меняющихся отдельных единиц денег. Напротив, поскольку деньги опосредствуют *передачу капитала*, в качестве ли покупательного средства (средства обращения) или в качестве средства платежа, они представляют собой *капитал*. Следовательно, не функция денег как покупательного средства и не функция денег как средства платежа отличает их от монеты, потому что деньги могут функционировать как покупательное средство даже между торговцами, поскольку последние покупают друг у друга на наличные, и потому что они могут функционировать как средство платежа также между торговцем и потребителем, поскольку дается кредит и доходы сначала потребляются, а потом оплачиваются. Следовательно, различие состоит в том, что во втором случае эти деньги не только возмещают капитал для одной стороны, продавца, но и расходуются, авансируются как капитал другой стороной, покупателем. Следовательно, в действительности это — отличие *денежной формы дохода от денежной формы капитала*, а не отличие средств обращения от капитала, потому что в качестве посредника между торговцами, равно как и в качестве посредника между потребителем и торговцем, *обращается* определенная по своему количеству часть денег, и потому в *обеих* этих функциях деньги в одинаковой мере служат *средством обращения*. Но в возвращении Тука имеет место различного рода путаница:

- 1) вследствие смешения функциональных определений;
- 2) вследствие привнесения вопроса о количестве денег, обращающихся в обеих функциях вместе взятых;
- 3) вследствие привнесения вопроса о соотношении количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства.

К пункту 1) о смешении функциональных определений, т. е. о непонимании того, что деньги в одной форме являются средствами обращения (*сиггенсу*), а в другой форме — капиталом. Поскольку деньги служат в той или другой функции, служат для реализации дохода или для передачи капитала, они функционируют в купле и продаже или при платеже как покупательное средство или средство платежа и в более широком смысле слова как средство обращения. Дальнейшее определение денег, которое они имеют в счете того, кто их тратит или в счете того, кто их получает, — оп-

ределение, выражающееся в том, что они представляют для данного лица капитал или доход, — абсолютно ничего здесь не меняет; и это обнаруживается также двояко. Хотя виды денег, обращающихся в обеих сферах, различны, но одна и та же единица денег, например, пятифунтовая банкнота, переходит из одной сферы в другую и попеременно выполняет обе функции; это неизбежно уже потому, что розничный торговец может придать своему капиталу денежную форму только в форме той монеты, которую он получает от своих покупателей. Можно принять, что собственно разменная монета обращается главным образом в сфере розничной торговли; она постоянно нужна розничному торговцу для размена, и он постоянно получает ее обратно в платежах от своих клиентов. Но он получает также деньги, т. е. монету в том металле, который служит мерой стоимости; следовательно, в Англии — фунты стерлингов и даже банкноты, а именно банкноты небольшим достоинством, например в 5 или 10 фунтов. Эти золотые монеты и банкноты вместе с излишней разменной монетой каждый день или каждую неделю он депонирует в своем банке и оплачивает ими свои закупки, выписывая чеки на свой счет в банке. Но те же самые золотые монеты и банкноты столь же постоянно, прямо или косвенно, извлекаются из банков всей публикой как потребителем в качестве денежной формы дохода (например, фабриканты берут мелкие деньги для выплаты заработной платы) и постоянно обратно притекают к розничным торговцам, для которых они таким образом вновь реализуют часть их капитала, но вместе с тем и часть их дохода. Это последнее важное обстоятельство Тук совершенно упускает из виду. Лишь когда деньги затрачиваются как денежный капитал в начале процесса воспроизводства («Капитал», кн. II, отд. 1²²³), капитальная стоимость существует как таковая в чистом ее виде. Потому что в произведенном товаре заключается не только израсходованный капитал, но уже и прибавочная стоимость, товар есть не только капитал потенциально, но уже осуществившийся капитал, капитал с присоединенным к нему источником дохода. Следовательно, то, что розничный торговец отдает за деньги, обратно притекающие к нему, — его товар, — представляет собой для него капитал плюс прибыль, капитал плюс доход.

Далее, обращающиеся деньги, обратно притекая к розничному торговцу, снова восстанавливают денежную форму его капитала.

Следовательно, совершенно неправильно превращать различие между обращением как обращением дохода и обращением как обращением капитала в различие между средством обращения и капиталом. Такой оборот мысли происходит у Тука потому, что он просто становится на точку зрения банкира, выпускающего собственные банкноты. Сумма его банкнот, постоянно находящаяся на руках у публики (хотя и постоянно слагающаяся не из одних и тех же банкнот) и функционирующая как средство обращения,

ничего ему не стоит, кроме бумаги и расходов на печатание. Это выставленные на него самого обращающиеся долговые обязательства (векселя), которые, однако, приносят ему деньги и таким образом служат средством увеличения стоимости его капитала. Но они отличны от его капитала, будь то собственный капитал или капитал, взятый в ссуду. Отсюда для него вытекает специальное различие между средством обращения и капиталом, которое, однако, не имеет ничего общего со значением этих понятий самих по себе и всего менее с тем их значением, какое они получили у Тука.

Различная определенность денег — функционируют ли они как денежная форма дохода или как денежная форма капитала — прежде всего ничего не изменяет в характере денег как средства обращения; они сохраняют этот характер, выполняют ли они ту или другую функцию. Впрочем, если деньги выступают как денежная форма дохода, они функционируют больше в качестве собственно средств обращения (монеты, покупательного средства), вследствие раздробления этих покупок и продаж и потому что большинство расходующих доход — рабочие — сравнительно мало могут купить в кредит, тогда как в оборотах торгового мира, где средство обращения представляет собой денежную форму капитала, деньги, частью вследствие концентрации [капитала], частью вследствие преобладания кредитной системы, функционируют главным образом как средство платежа. Но различие между деньгами как средством платежа и деньгами как покупательным средством (средством обращения) есть различие, принадлежащее самим деньгам, а не различие между деньгами и капиталом. Из-за того, что в розничной торговле обращается больше медной и серебряной монеты, а в оптовой — больше золотой, различие между серебряной и медной монетой, с одной стороны, и золотой, с другой, не становится различием между средством обращения и капиталом.

К пункту 2) о привнесении вопроса о количестве денег, обращающихся в обеих функциях вместе взятых. Поскольку деньги обращаются или как покупательное средство или как средство платежа, — безразлично, в какой из двух сфер и независимо от их функции реализовывать доход или капитал, — сохраняют свою силу ранее развитые при исследовании простого товарного обращения законы относительно количества обращающихся денег («Капитал», кн. I, гл. III, 2, b). Массу обращающихся денег, *currensu*, в обоих случаях определяет скорость обращения, т. е. число повторений одними и теми же деньгами в данный промежуток времени одной и той же функции покупательного средства и средства платежа, количество одновременных покупок и продаж, соответственно платежей, сумма цен обращающихся товаров, наконец, ее определяют подлежащие сальдированию в это же самое время платежные балансы. Представляют ли функционирующие таким образом деньги для плательщика или получателя капитал или доход —

это безразлично, от этого абсолютно ничего не меняется в положении дела. Масса денег просто определяется их функциями как покупательного средства и средства платежа.

К пункту 3), к вопросу о соотношении количества средств обращения, обращающихся в обеих функциях и потому в обеих сферах процесса воспроизводства. Обе сферы обращения внутренние связаны, потому что, с одной стороны, сумма подлежащих израсходованию доходов выражает размеры потребления, а с другой — величина обращающихся в производстве и торговле капиталов выражает размеры и быстроту процесса воспроизводства. Несмотря на это, одни и те же обстоятельства влияют различно, и даже в противоположном направлении, на количество денежных масс, обращающихся в обеих функциях или сферах, или, как говорят англичане на своем банковском языке, на количество обращения. И это снова дает Туку повод к вульгарному разграничению средств обращения и капитала. (То обстоятельство, что господа, представляющие «денежную школу»²²⁴, смешивают две разные вещи, отнюдь не дает основания изображать их как различные понятия.)

В периоды процветания, большого расширения, ускоренного и энергичного процесса воспроизводства рабочие заняты полностью. В большинстве случаев наступает и повышение заработной платы, несколько выравнивающее ее падение ниже среднего уровня в другие периоды коммерческого цикла. Вместе с тем значительно растут доходы капиталистов. Потребление повсюду повышается. Товарные цены тоже регулярно повышаются, по крайней мере в решающих отраслях предпринимательской деятельности. Вследствие этого возрастает количество обращающихся денег, по крайней мере в известных границах, ибо большая скорость обращения, в свою очередь, ставит предел возрастанию количества средств обращения. Так как часть общественного дохода, состоящая из заработной платы, первоначально авансируется промышленным капиталистом в форме переменного капитала и всегда в форме денег, то в периоды процветания она требует больше денег для своего обращения. Но мы не должны дважды считать их: первый раз как деньги, необходимые для обращения переменного капитала, и второй раз как деньги, необходимые для обращения дохода рабочих. Уплачиваемые рабочим в виде заработной платы деньги расходуются в розничной торговле и приблизительно еженедельно возвращаются в банки в качестве вкладов розничных торговцев, предварительно обслужив в мелких кругооборотах ряд разного рода промежуточных сделок. В периоды процветания возврат денег к промышленным капиталистам протекает гладко, и, таким образом, их потребность в денежных ссудах растет не от того, что им необходимо выплатить больше заработной платы, не от того, что требуется больше денег для обращения их переменного капитала.

Общий результат таков, что в периоды процветания масса средств обращения, служащих для расходования доходов, значительно возрастает.

Что же касается обращения, необходимого для передачи капитала, следовательно обращения только между самими капиталистами, то время бойких дел является вместе с тем и периодом самого эластичного и легкого кредита. Скорость обращения между самими капиталистами непосредственно регулируется кредитом, и масса средств обращения, требующихся для покрытия платежей и даже для покупок за наличный расчет, сравнительно сокращается. Абсолютно она может увеличиться, но относительно, по сравнению с расширением процесса воспроизводства, она при всех обстоятельствах сокращается. С одной стороны, крупные массовые платежи погашаются без всякого посредничества денег; с другой — вследствие сильного оживления процесса воспроизводства ускоряется движение одного и того же количества денег в качестве как покупательного средства, так и средства платежа. Та же самая масса денег опосредствует обратный приток большого количества отдельных капиталов.

В общем в такие периоды денежное обращение является полным (full), хотя часть II его (передача капитала) сокращается, по крайней мере относительно, тогда как часть I (расходование доходов) абсолютно расширяется.

Обратный приток денег выражает обратное превращение товарного капитала в деньги, $D - T - D'$, как это мы видели при исследовании процесса воспроизводства («Капитал», кн. II, отд. I). Обратный приток в денежной форме становится благодаря кредиту независимым от времени действительного возврата как для промышленного капиталиста, так и для купца. Каждый из них продает в кредит; следовательно, их товар отчуждается прежде, чем он превратится для них в деньги, т. е. прежде, чем он обратно вернется к ним самим в форме денег. С другой стороны, каждый из них покупает в кредит, и, таким образом, стоимость их товара совершает для них обратное превращение в производительный капитал или в товарный капитал прежде, чем эта стоимость действительно превратится в деньги, прежде, чем цена товаров будет оплачена. В такие периоды процветания обратное возвращение капитала протекает легко и гладко. Розничный торговец точно в срок расплачивается с оптовым торговцем, этот последний — с фабрикантом, фабрикант — с поставщиком сырья и т. д. Видимость быстрого и верного обратного притока капитала всегда сохраняется еще долго после того, как в действительности этого уже нет, — сохраняется благодаря налаженному кредиту, потому что возврат посредством кредита замещает действительный возврат. Банки начинают предчувствовать беду, как только их клиенты станут уплачивать больше векселями, чем деньгами. См.

вышеприведенное показание управляющего ливерпульского банка, стр. 398*.

Здесь следует еще вставить то, о чем я упоминал раньше: «В периоды, когда кредит процветает, скорость обращения денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров, между тем как при сокращении кредита цены товаров падают медленнее, чем скорость обращения» («К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 83, 84²²⁵).

В периоды кризисов отношение становится обратным. Обращение № I сокращается, цены падают, падает также и заработная плата; число занятых рабочих сокращается, масса оборотов уменьшается. Напротив, в обращении № II с сокращением кредита увеличивается потребность в денежных ссудах — обстоятельство, на котором мы сейчас остановимся подробнее.

Не подлежит никакому сомнению, что с сокращением кредита, совпадающим с застоём в процессе воспроизводства, сокращается масса средств обращения, требующихся для № I, расходования доходов, тогда как для № II, для передачи капиталов, она увеличивается. Но необходимо исследовать, насколько это положение тождественно с положением, выставленным Фуллартоном и др.:

«Спрос на заемный капитал и спрос на добавочные средства обращения — совершенно различные вещи и не часто встречаются вместе»⁹⁰⁾.

* См. настоящий том, с. 406—407. *Ред.*

⁹⁰⁾ A demand for capital on loan and a demand for additional circulation are quite distinct things, and not often found associated (*Fullarton*. «On the Regulation of Currencies», London, 1845, p. 82. Заголовок к гл. 5). — «В самом деле, крупная ошибка полагать, будто спрос на денежную ссуду» (т. е. на заем капитала) «тождествен спросу на добавочные средства обращения или что тот и другой часто выступают вместе. Каждый из них возникает вследствие обстоятельств, только ему свойственных, и весьма отличен от другого спроса. Когда все представляется в состоянии расцвета, когда заработная плата высока, цены повышаются, и фабрики загружены работой, тогда обыкновенно требуется дополнительное предложение *средств обращения* для выполнения дополнительных функций, не отделенных от необходимости производить более крупные и многочисленные платежи; тогда как на более поздней стадии коммерческого цикла, когда начинают выступать затруднения, когда рынки переполнены и обратные выручки задерживаются, процент повышается, к банкам предъявляется, главным образом, усиленный спрос на ссуду *капитала*. Несомненно, что банк, кроме выпуска банкнот, не имеет иного средства, при помощи которого он обыкновенно ссужает капитал; и что, следовательно, отказать в банкнотах — значит отказать в ссуде. Но раз ссуда разрешена, все сообразуется с потребностями рынка; заем остается, а средство обращения, если в нем нет нужды, возвращается обратно к ссудившему. Согласно этому, даже поверхностный взгляд на парламентские отчеты может убедить всякого, что количество ценных бумаг, находящихся в распоряжении Английского банка, обыкновенно колеблется в направлении, противоположном обращению его банкнот, а не в одном направлении с ним, и, следовательно, что пример этого крупного учреждения подтверждает испытанное правило провинциальных банков, что никакой банк не может повысить выпуск своих банкнот за пределы потребностей, для удовлетворения которых обычно служит обращение банкнот; если же банк хочет выдавать ссуды свыше этой суммы, он должен производить их за счет своего капитала, т. е. или пустить в оборот служившие обеспечением ценные бумаги или употребить для этой цели денежные поступления, которые иначе он поместил бы в ценные бумаги. Таблица, составленная по парламентским отчетам за 1833—1840 гг., на которую я ссылался на одной из предыдущих страниц, наземно подтверждает эту истину: но два из них так замечательны, что я не могу обойти их. 3 января 1837 г., когда для поддержания кредита и противодействия затруднениям денежного рынка понадобилось крайнее напряжение ресурсов Банка, мы находим, что его ссуды и учетные операции достигли огромной суммы в 17 022 000 ф. ст., суммы, едва ли

Прежде всего ясно, что в первом из двух вышеуказанных случаев, в периоды процветания, когда масса находящихся в обращении средств обращения должна расти, спрос на них увеличивается. Но ведь так же ясно, что если фабрикант берет со своего счета в банке больше золота или банкнот, потому что ему предстоит израсходовать больше капитала в денежной форме, то от этого его спрос на капитал не растет, а растет лишь спрос на ту особую форму, в которой он расходует свой капитал. Спрос касается лишь технической формы, в которой он бросает свой капитал в обращение. Точно так же, как, например, при различном развитии кредита один и тот же переменный капитал, одно и то же количество заработной платы, требует в одной стране большего количества средств обращения, чем в другой: в Англии, например, больше, чем в Шотландии, в Германии больше, чем в Англии. Равным образом в сельском хозяйстве один и тот же капитал, действующий в процессе воспроизводства, требует для исполнения своей функции в различные времена года различного количества денег.

Но противоположность в той постановке, в какой ее дает Фуллартон, неверна. Отнюдь не сильный спрос на ссуды, как он говорит, отличает периоды застоя от процветания, а та легкость, с какой этот спрос удовлетворяется во времена процветания, и та трудность, с какой он удовлетворяется при наступившем зastoе. Ведь именно огромное развитие кредитной системы в период процветания, стало быть, также колоссальное повышение спроса на ссудный капитал и наличие его постоянного предложения в такие периоды, создает кредитные затруднения в период застоя. Следовательно, не различие в величине спроса на ссуды характеризует оба периода.

Как уже было сказано раньше, оба периода различаются прежде всего тем, что в период процветания преобладает спрос на средства обращения между потребителями и торговцами, в период застоя —

наблюдавшейся после войны и почти равной всей сумме эмиссии, которая между тем оставалась без движения на таком низком уровне, как 17 076 000 фунтов стерлингов! С другой стороны, на 4 июня 1833 г. мы имеем средств обращения на 18 892 000 ф. ст. при счете частных обеспечений еще более низком, если только не самом низком за последнее полувековье, — не свыше 972 000 фунтов стерлингов!» (*Fullarton*, там же, стр. 97, 98). — Из следующих показаний г-на Угелина, управляющего Английским банком, видно, что отнюдь не требуется, чтобы «demand for pecuniary accomodation» [спрос на денежные ссуды] был тождествен с «demand for gold» [спросом на золото] (что Уилсон, Тук и др. называют капиталом). «Учет векселей не свыше этой суммы» (до одного миллиона ежедневно в течение трех дней подряд) «не сократил бы запаса» (банкнот), «если бы публика не требовала большей суммы активного обращения. Банкноты, выданные при учете векселей, возвращались бы обратно при посредстве банков и путем вкладов. Если целью таких сделок не является вывоз золота или если внутри страны не господствует такого рода паника, когда публика криком держит свои банкноты вместо того, чтобы производить ими платежи банку, то такие грандиозные обороты не повлияли бы на запас». — «Банк может ежедневно учить на полтора миллиона, и это происходит постоянно, насколько не затрагивая его запасов. Банкноты возвращаются обратно в виде вкладов, и единственное происходящее при этом изменение состоит в простом переносе их с одного счета на другой» («*Report on-Bank Acts*» 1857. Evidence № 241, 500). Следовательно, банкноты служат здесь только средством передачи кредитов.

спрос на средства обращения между капиталистами. В период застоя в делах первый спрос сокращается, второй — усиливается.

Фуллартону и другим кажется имеющим решающее значение, что в такие времена, когда размеры securities — залоговых свидетельств и векселей — в распоряжении Английского банка увеличиваются, обращение его банкнот сокращается, и наоборот. Но размер securities отражает объем денежных операций, учтенных векселей и ссуд под ходовые ценные бумаги. Так, Фуллартон в приведенном выше месте (примечание 90, стр. 435)* говорит, что количество ценных бумаг (securities), находящихся в распоряжении Английского банка, обыкновенно колеблется в направлении, противоположном обращению его банкнот, и это подтверждает испытанное правило частных банков, что никакой банк не может повысить выпуск своих банкнот за пределы известной суммы, определяемой потребностями его клиентов; если же банк хочет выдавать ссуды свыше этой суммы, он должен производить их за счет своего капитала, т. е. или пустить в оборот ценные бумаги или употребить для этой цели денежные поступления, которые иначе он поместил бы в ценные бумаги.

Здесь, однако, выясняется, что понимает Фуллартон под капиталом. Что называется здесь капиталом? Банк не может более выдавать ссуд своими собственными банкнотами, платежными обязательствами, которые, конечно, ему ничего не стоят. Но в таком случае при помощи чего он выдает ссуды? Он выдает их из выручки от продажи имеющихся в запасе securities, т. е. государственных бумаг, акций и других процентных бумаг. Но за что продает он эти бумаги? За деньги, за золото или банкноты, поскольку последние являются узаконенным средством платежа, как банкноты Английского банка. Следовательно, то, что он дает в ссуду, есть во всяком случае деньги. Но теперь эти деньги образуют часть его капитала. Если он дает в ссуду золото, то это само собой очевидно. Если — банкноты, то теперь эти банкноты представляют капитал, потому что банк отдал в обмен за них действительную стоимость, процентные бумаги. У частных банков банкноты, приливающие к ним вследствие продажи ценных бумаг, в большей своей части могут быть только банкнотами Английского банка или их собственными, так как другие едва ли принимаются в уплату за ценные бумаги. Если же эту операцию производит сам Английский банк, то его собственные банкноты, которые он получает обратно, стоят ему капитала, т. е. процентных бумаг. Кроме того, он таким способом извлекает из обращения свои собственные банкноты. Если он вновь выпускает эти банкноты или вместо них новые на такую же сумму, то они, следовательно, представляют теперь капитал. И притом они одинаково представляют капитал как в том случае, когда они

* См. настоящий том, с. 440. *Ред.*

выдаются в ссуду капиталистам, так и в том случае, если впоследствии при сокращении спроса на такие денежные ссуды они снова употребляются на приобретение ценных бумаг. Во всех этих случаях слово «капитал» употребляется здесь только в банкирском смысле, причем оно означает, что банкир вынужден выдавать ссуды на сумму большую, чем просто его кредит.

Как известно, Английский банк выдает все свои ссуды своими банкнотами. Если же, несмотря на это, обращение банкнот, как правило, сокращается, по мере того как увеличивается в его руках количество учтенных векселей и залоговых, следовательно, по мере того как увеличивается количество выданных им ссуд, то что происходит с банкнотами, выпущенными в обращение, каким образом они приливают обратно в Банк?

Прежде всего, если спрос на денежные ссуды вызывается неблагоприятным национальным платежным балансом и, следовательно, опосредствует отлив золота, то дело очень просто. Векселя учитываются в банкнотах. Банкноты в самом же Банке, в эмиссионном отделении, обмениваются на золото, и золото вывозится за границу. Это все равно, как если бы Банк при самом учете векселей прямо платил золотом, без посредства банкнот. Такое усиление спроса, достигающее в известных случаях от 7 до 10 миллионов ф. ст., конечно, не прибавляет к внутреннему обращению страны ни одной пятифунтовой банкноты. Если же говорят, что Банк дает при этом в ссуду капитал, а не средства обращения, то это имеет двоякий смысл. Во-первых, что он дает в ссуду не кредит, а действительную стоимость, часть своего собственного или депонированного у него капитала. Во-вторых, что он дает в ссуду деньги не для внутреннего, а для международного обращения, дает мировые деньги; а для такой цели деньги всегда должны находиться в форме сокровища, в своей металлической телесности, в форме, в которой они не только представляют собой форму стоимости, но сами равны той стоимости, денежной формой которой они являются. Хотя это золото как для Банка, так и для экспортера золота представляет капитал, — банкирский капитал или купеческий капитал, — однако спрос на него возникает не как спрос на капитал, а как спрос на абсолютную форму денежного капитала. Он возникает именно в тот момент, когда заграничные рынки переполнены не находящим реализации английским товарным капиталом. Следовательно, при этом требуется капитал не как *капитал*, а капитал как *деньги*, в форме, в которой деньги суть всеобщий товар мирового рынка; а это есть их первоначальная форма, как благородного металла. Следовательно, отлив золота не есть, как говорят Фуллартон, Тук и др., «a mere question of capital» *, а «a question of money» **, хотя и в их

* «просто вопрос капитала». *Ред.*

** — «вопрос денег». *Ред.*

специфической функции. То обстоятельство, что это не вопрос *внутреннего* обращения, как утверждают представители «денежной школы», конечно, не служит доказательством того, что это просто «question of capital», как полагают Фуллартон и др. Это «a question of money» в той форме, в которой деньги служат международным средством платежа.

«Передается ли этот капитал» (цена миллионов кварталов иностранной пшеницы, купленной в связи с неурожаем в своей стране) «товарами или деньгами, — это обстоятельство несколько не влияет на характер сделки» (Fullarton, цит. соч., стр. 131).

Но от этого весьма зависит, происходит отлив золота или нет. Капитал вывозится в форме благородного металла, потому что в форме товаров он или совсем не может быть вывезен или только с очень большими убытками. Страх современной банковской системы перед отливом золота превосходит все, что когда-либо грезилось представителям монетарной системы, для которых благородный металл — единственное истинное богатство ²²⁶. Возьмем, например, следующее показание управляющего Английским банком Морриса перед парламентской комиссией по кризису 1847 года.

(3846. Вопрос:) «Когда я говорю об обесценении запасов (stocks) и основного капитала, то я имею в виду, что весь капитал, помещенный в запасы и продукты всякого рода, обесценился таким же образом; что хлопок-сырец, шелк-сырец, сырая шерсть посылались на континент по таким же бросовым ценам и что сахар, кофе и чай распроданы с аукциона с большими убытками?» — «Страна неизбежно должна была принести *значительные жертвы*, чтобы предотвратить *отлив золота*, вызванный колоссальным ввозом продуктов питания». — (3848.) «Не думаете ли вы, что было бы лучше потревожить 8 миллионов ф. ст., лежащих в хранилищах Банка, чем пытаться возвратить золото с такими жертвами?» — «Нет, я не *думаю этого*».

Здесь значение единственного действительного богатства придается золоту.

Цитированное Фуллартоном открытие Тука, — что

«за одним или двумя исключениями, которые притом допускают удовлетворительное объяснение, всякое сопровождаемое отливом денежного металла заметное падение курса, совершавшееся за последнее полувековье, совпадало с относительно низким уровнем средств обращения и *vice versa* *» (Fullarton, стр. 121),

доказывает, что такие отливы золота в большинстве случаев наступают после периода оживления и спекуляции, как

«признак уже начавшегося упадка, как проявление переполнения рынков, прекращения иностранного спроса на наши продукты, замедления оборотов и необходимых следствием всего этого является коммерческое недоверие, закрытие фабрик, голодание рабочих и общий застой промышленности и предпринимательства» (стр. 129).

В то же время это, конечно, лучшее возражение против утверждения представителей «денежной школы», будто

* — наоборот. *Ред.*

«переполнение каналов обращения вызывает отлив золота, а слабое обращение привлекает его».

Напротив, хотя в Английском банке во времена процветания по большей части имеется большой запас золота, но образуется этот запас всегда в безрадостное время застоя, сменяющее период расцвета.

Следовательно, вся мудрость в отношении отлива золота сводится к тому, что спрос на *международные* средства обращения и средства платежа отличен от спроса на *внутренние* средства обращения и средства платежа (из чего само собой следует также, что «наличие отлива не предполагает необходимо уменьшения внутреннего спроса на средства обращения», как говорит Фуллартон, стр. 112) и что вывоз благородных металлов из страны, выбрасывание их в международное обращение, не тождествен с выбрасыванием банкнот или монеты во внутреннее обращение. Впрочем, уже раньше я показал, что движение сокровища, сконцентрированного в качестве резервного фонда для международных платежей, само по себе не имеет ничего общего с движением денег как средства обращения²²⁷. Конечно, при этом дело усложняется тем, что различные функции сокровища, которые я вывел из природы денег: его функция как резервного фонда средств платежа для срочных платежей внутри страны; как резервного фонда средств обращения; наконец, как резервного фонда мировых денег — все эти функции возложены на один-единственный резервный фонд, из чего следует также, что при известных обстоятельствах отлив золота из банка внутрь страны может соединяться с отливом его за границу. Еще одно дальнейшее осложнение возникает вследствие новой функции, совершенно произвольно возлагаемой на это сокровище, — служить фондом для обеспечения размена банкнот в странах с развитой кредитной системой и кредитными деньгами. Затем ко всему этому в конце концов присоединяется 1) концентрация национального резервного фонда в единственном главном банке, 2) его сведение к возможному минимуму. Отсюда и жалоба Фуллартона (стр. 143):

«Видя то полное спокойствие и легкость, с какими изменения курса обыкновенно проходят в континентальных странах по сравнению с лихорадочным беспокойством и шумом, каждый раз возникающими в Англии, когда кажется, что наличность банка близка к полному истощению, нельзя не изумляться тем крупным выгодам, которые имеет в этом отношении металлическое денежное обращение».

Но если мы оставим в стороне отлив золота, то как же может банк, выпускающий банкноты, следовательно, например, Английский банк, увеличивать сумму выдаваемых им денежных ссуд, не увеличивая выпуска своих банкнот?

Все банкноты, которые вне банка, обращаются ли они или спокойно лежат в частных хранилищах, с точки зрения самого этого

банка, находятся в обращении, т. е. не в его владении. Следовательно, если банк расширяет свои учетные и ломбардные операции, ссуды под залог, то выпущенные для этого банкноты должны притекать к нему обратно, потому что иначе они увеличивают сумму обращения, чего именно и не должно быть. Этот обратный приток может происходить двояким образом.

Во-первых: банк платит *A* банкнотами за ценные бумаги; *A* платит ими *B* по векселю при наступлении срока платежа, а *B* снова депонирует их в банке. Таким образом, обращение этих банкнот закончено, но заем остается.

(«Заем остается, а средство обращения, если в нем нет нужды, возвращается обратно к ссудившему». Fullarton, стр. 97.)

Банкноты, которыми банк ссудил *A*, теперь возвратились к нему обратно, напротив, банк является кредитором *A* или того лица, на которое выдан учетный *A* вексель, и должником *B* на сумму стоимости, выраженную в этих банкнотах, а *B* располагает, таким образом, соответствующей частью капитала банка.

Во-вторых: *A* платит *B*, а сам *B* или *C*, которому в свою очередь *B* платит банкнотами, платит ими же банку по векселю, которому наступил срок. В этом случае банку платят его собственными банкнотами. И тогда сделка этим завершается (до обратного платежа банку лицом *A*).

В какой же мере можно рассматривать ссуду банка лицу *A* как ссуду капитала и в какой — просто как ссуду средств платежа? ⁹¹⁾

{Это зависит от природы самой ссуды. При этом мы должны исследовать три случая.

Первый случай. — *A* получает от банка известную сумму в ссуду как свой личный кредит, не предоставляя для этого никакого обеспечения. В этом случае он получил в ссуду не только средство платежа, но безусловно также и новый капитал, который он до обратной уплаты банку может применить в своем деле в качестве добавочного капитала.

Второй случай. — *A* заложил в банке ценные бумаги, облигации государственного займа или акции, и получил под них ссуду наличными деньгами, скажем, до двух третей их курсовой стоимости. В этом случае он получил нужные ему средства платежа, но не дополнительный капитал, потому что он отдал банку большую капитальную стоимость, чем та, какую получил от него. Но, с одной стороны, он не мог воспользоваться этой большей капитальной стоимостью для своих текущих потребностей — потребностей в средствах платежа, — потому что эта капитальная стоимость находилась в определенной форме с целью получения процента; с дру-

⁹¹⁾ Следующее за этим место оригинала непонятно в данной связи и вплоть до абзаца, где закрывается скобка, заново переработано редактором. В иной связи этот вопрос уже был затронут в гл. XXVI [настоящий том, с. 420—422]. — Ф. Э.

гой стороны, у *A* были свои основания не превращать этой стоимости путем продажи прямо в средства платежа. Его ценные бумаги, между прочим, имели назначение функционировать в качестве резервного капитала, и он заставил их функционировать именно как резервный капитал. Следовательно, между *A* и банком произошла временная взаимная передача капиталов, причем *A* не получил никакого дополнительного капитала (наоборот!), но, конечно, получил необходимые для него средства платежа. Напротив, для банка сделка была временным помещением денежного капитала в форме ссуды, превращением денежного капитала из одной формы в другую, а такое превращение именно и составляет существенную функцию банковского дела.

Третий случай.— *A* учел в банке вексель и получил при этом за вычетом дисконта определенную сумму наличными. В этом случае он продал банку денежный капитал в неликвидной форме за сумму стоимости в ликвидной форме; вексель, которому еще не истек срок, он продал за наличные деньги. Вексель составляет теперь собственность банка. Дело несколько не изменяется от того, что в случае неуплаты по векселю последний индоссант *A* отвечает перед банком на сумму векселя; эту ответственность он разделяет с другими индоссантами и с лицом, выставившим вексель, которым он в свое время может предъявить иск. Следовательно, здесь нет никакой ссуды, а самая обыкновенная купля и продажа. Поэтому *A* ничего не должен уплачивать банку: при наступлении срока платежа банк покрывает свой расход, получая по векселю. В этом случае тоже произошла взаимная передача капитала между *A* и банком, притом совершенно такая же, как при купле и продаже всякого другого товара, и именно поэтому *A* не получил никакого дополнительного капитала. Ему требовались и он получил средства платежа, и получил благодаря тому, что банк превратил для него одну форму его денежного капитала — вексель, в другую — деньги.

Следовательно, о действительной ссуде капитала речь может идти только в первом случае. Во втором и в третьем случае можно говорить о ссуде капитала разве только в том смысле, как говорят о «ссуде капитала» при всяком помещении капитала. В этом смысле банк ссужает лицу *A* денежный капитал; но для *A* он представляет собой *денежный капитал* разве только в том смысле, что он вообще является частью его капитала. И он получает и употребляет его не как собственно капитал, а именно как средство платежа. Иначе каждую обыкновенную продажу товара, посредством которой получают средства платежа, пришлось бы также считать получением в ссуду капитала.— *Ф. Э.*

Для частного банка, выпускающего банкноты, различие заключается в том, что в случае, если его банкноты не остаются в местном обращении и не возвращаются к нему в форме вкладов или платежей по векселям, которым наступил срок, эти банкноты попадают

в руки лиц, которым банк в обмен за них должен платить золотом или банкнотами Английского банка. Таким образом, в этом случае ссуда его банкнотами в действительности представляет ссуду банкнотами Английского банка, или, — что для банка то же самое, — ссуду золотом, следовательно, частью его банковского капитала. То же самое имеет место в том случае, когда сам Английский банк или какой-нибудь другой банк, подчиненный закону о максимуме выпуска банкнот, должен продавать ценные бумаги, чтобы извлечь из обращения свои собственные банкноты и затем снова выдавать их в ссуду; в этом случае его собственные банкноты представляют часть его мобилизованного банковского капитала.

Если бы даже обращение было чисто металлическое, то одновременно 1) отлив золота (здесь, очевидно, имеется в виду такой отлив, при котором золото, по крайней мере частично, уходит за границу. — *Ф. Э.*) мог бы опустошить кладовые банка, и 2) так как золото требовалось бы банку главным образом только для уплаты разницы по платежам (для завершения прежних сделок), то его ссуды под ценные бумаги могли бы сильно возрасти, но возвращались бы к нему в форме вкладов или платежей по векселям, которым истек срок; так что, с одной стороны, при увеличении количества ценных бумаг в портфеле банка общая сумма его золотого запаса уменьшилась бы, а, с другой стороны, ту же самую сумму, которую раньше банк держал как ее собственник, он держал бы теперь как должник своих вкладчиков, и, наконец, уменьшилась бы общая масса средств обращения.

До сих пор мы предполагали, что ссуды выдаются в банкнотах, следовательно, влекут за собой по крайней мере временное, хотя тотчас же снова исчезающее увеличение выпуска банковых билетов. Но это не является необходимостью. Вместо выдачи бумажных билетов банк может открыть лицу *A* кредит по своим счетам, причем *A*, должник банка, становится его мнимым вкладчиком. Он платит своим кредиторам чеками на банк, а получатель этих чеков, в свою очередь, платит ими своему банкиру, который обменивает их в расчетной палате на чеки, выданные на него. В этом случае дело обходится без всякого участия банкнот, и вся сделка ограничивается тем, что требования, которые банк должен выполнить, сальдируются чеками на него самого, а его действительная рекомпенсация состоит в кредитном требовании к *A*. В этом случае банк выдал ему в ссуду часть своего банковского капитала, потому что он выдал свои собственные долговые требования.

Поскольку этот спрос на денежные ссуды представляет собой спрос на капитал, он есть спрос лишь на денежный капитал, на капитал с точки зрения банкира, именно на золото — при отливе золота за границу — или на банкноты национального банка, которые частный банк может получить только куплей за эквивалент; следовательно, для него они представляют капитал. Или, наконец, речь

идет о процентных бумагах, государственных облигациях, акциях и т. д., которые должны быть проданы, чтобы банк мог привлечь к себе золото или банкноты. Но если это — государственные бумаги, они суть капитал только для того, кто их купил, для кого они представляют, следовательно, ту цену, за которую он их купил, представляют его капитал, помещенный в эти бумаги; сами по себе они не капитал, а простые долговые обязательства; если это — ипотеки, то они являются просто свидетельствами на получение будущей земельной ренты, а если — акции, то они являются просто титулами собственности, дающими право на получение будущей прибавочной стоимости. Все эти вещи не суть действительный капитал, не образуют никакой составной части капитала и сами по себе не суть стоимости. При помощи подобных сделок можно также превратить деньги, принадлежащие банку, во вклады, так что банк вместо собственника делается по отношению к этим деньгам должником, будет владеть ими на основании другого титула. Как ни важно это для самого банка, это несколько не изменяет количества резервного капитала и даже денежного капитала, имеющегося в стране. Следовательно, капитал фигурирует здесь только как денежный капитал, а если он существует не в действительной денежной форме, то — как простой титул на капитал. Это очень важно, так как недостаток *банковского* капитала и усиленный спрос на него смешиваются с уменьшением *действительного* капитала, который в форме средств производства и продуктов имеется в подобных случаях, напротив, в избытке и оказывает давление на рынки.

Итак, очень просто объясняется, каким образом возрастает количество ценных бумаг, которые удерживаются банками в качестве обеспечения, следовательно, очень просто объяснить и то, каким образом банки могут удовлетворять возрастающий спрос на денежные ссуды при прежней или уменьшающейся общей массе средств обращения. А именно в такие периоды стесненности в деньгах эта общая масса удерживается в известных пределах двояким образом: 1) благодаря отливу золота; 2) благодаря спросу на деньги просто как на средства платежа, причем выданные банкноты тотчас притекают обратно или же сделка совершается при помощи кредита по книгам банка без всякой выдачи банкнот, следовательно, простая кредитная сделка обслуживает платежи, расчет по которым является единственной целью операции. Такова особенность денег, что, когда они функционируют лишь для сальдирования платежей (а во времена кризисов ссуда берется для того, чтобы платить, а не для того, чтобы покупать; — для того чтобы завершить прежние сделки, а не для того, чтобы начинать новые), их количество в обращении ничтожно, оно ничтожно даже и в том случае, когда это сальдирование осуществляется не только посредством чисто кредитных операций, но и при некотором участии денег; следовательно, при сильном спросе на денежные ссуды огромное количество

этих сделок может совершаться, не увеличивая обращения. Но один тот факт, что обращение Английского банка остается неизменным или даже уменьшается одновременно со значительным увеличением выдаваемых им денежных ссуд, отнюдь не доказывает *prima facie* *, — как это принимают Фуллартон, Тук и др. (вследствие их ошибочного мнения, что денежная ссуда тождественна с займом дополнительного капитала, *capital on loan*). — что обращение денег (банкнот) в их функции средства платежа не увеличивается и не расширяется. Так как обращение банкнот как покупательного средства сокращается в период застоя в делах, когда требуются столь значительные ссуды, то их обращение как средства платежа может увеличиваться, а вся сумма обращения, сумма банкнот, функционирующих в качестве покупательного средства и средства платежа, все же может оставаться неизменной или даже уменьшаться. Обращение в качестве средства платежа банкнот, которые тотчас притекают обратно в выпускающий их банк, в глазах упомянутых эконоомистов вовсе не есть обращение.

Если обращение денег в качестве средства платежа увеличилось бы в большей степени, чем оно уменьшилось бы как обращение денег в качестве покупательного средства, то все обращение возросло бы, хотя количество денег, функционирующих в качестве покупательного средства, значительно уменьшилось бы. И это действительно наступает в известные моменты кризиса, именно при полном крушении кредита, когда становится невозможным не только продавать товары и ценные бумаги, но и учитывать векселя, и когда не остается ничего иного, кроме платежа наличными, или, как говорят купцы, кассы. Так как Фуллартон и другие не понимают, что обращение банкнот как средства платежа является характерным для таких периодов нужды в деньгах, то они и рассматривают это явление как случайное.

«Что касается примеров сильной конкуренции из-за получения банкнот, которая характеризует времена паники и которая иногда, как в конце 1825 г., может повести к внезапному, хотя бы только и временному, увеличению эмиссии, даже при продолжающемся отливе золота, то, думаю, мне, на это не следует смотреть как на одно из явлений, естественно или необходимо сопровождающих низкий курс; спрос в таких случаях есть спрос не на средства обращения» (следовало бы сказать: не на средства обращения как покупательные средства), «а на сокровище, спрос части встревоженных банкиров и капиталистов, возникающий обыкновенно в последнем акте кризиса» (следовательно, спрос на резерв средств платежа), «после продолжительного отлива и является предвестником окончания последнего» (Fullarton, цит. соч., стр. 130).

Уже при исследовании денег как средства платежа («Капитал», кн. I, гл. III, 3, б) мы показали, как при резком перерыве цепи платежей деньги по отношению к товарам превращаются из чисто идеальной формы в вещную и вместе с тем абсолютную форму стоимости. Там же мы привели некоторые примеры этого, в примеча-

* — прежде всего. *Ред.*

ниях 100 и 101. Этот перерыв сам является отчасти следствием, отчасти причиной потрясения кредита и сопровождающих его обстоятельств: переполнения рынков, обесценения товаров, перерыва в производстве и т. д.

Однако ясно, что Фуллартон превращает различие между деньгами как покупательным средством и деньгами как средством платежа в ошибочное различие между средством обращения (*сиггенсу*) и капиталом. Но в основе этого опять-таки лежит ограниченное, свойственное банкиру, представление об обращении.

Можно было бы еще спросить: в чем же чувствуется недостаток в такие трудные времена — в капитале или в деньгах в их определенной форме средства платежа? Как известно, в этом и заключается спор.

Прежде всего, поскольку стесненное состояние проявляется в отливе золота, ясно, что требуются именно международные средства платежа. Но деньги в своей определенной форме международного средства платежа есть золото в его металлической реальности, субстанция, которая сама является стоимостью, стоимостной массой. Вместе с тем они суть капитал, но капитал не как товарный капитал, а как денежный капитал, капитал не в форме товара, а в форме денег (и притом денег в том возвышенном смысле, в каком они существуют как всеобщий товар мирового рынка). Здесь нет противоположности между спросом на деньги в качестве средств платежа и спросом на капитал. Противоположность существует между капиталом в его форме денег и капиталом в его форме товара; и та форма, в которой в данном случае он требуется и в которой только и может функционировать, есть его денежная форма.

Оставляя в стороне этот спрос на золото (или серебро), нельзя сказать, что в такие периоды кризиса чувствуется каким-либо образом недостаток в капитале. Это может иметь место при чрезвычайных обстоятельствах, как, например, при вздорожании хлеба, недостатке хлопка и т. д.; но такие обстоятельства отнюдь не необходимые или обычные спутники подобных периодов; и существование такого недостатка капитала нельзя поэтому с самого начала выводить из того, что наблюдается сильный спрос на денежные ссуды. Напротив, рынки переполнены, наводнены товарным капиталом. Следовательно, стеснение вызывается во всяком случае не недостатком *товарного* капитала. Мы возвратимся к этому вопросу впоследствии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Третий том «Капитала», изданный под редакцией Ф. Энгельса в ноябре 1894 г. в Гамбурге, завершает теоретическую часть главного экономического произведения К. Маркса.

Начало занятий Маркса политической экономией приходится на 1843 г. Степень проникновения в новую для него область науки, усвоения всего ценного, что было сделано до него его предшественниками, а также преодоления ограниченности их воззрений в 40-е гг. XIX в. отражены в таких работах Маркса, как «Нищета философии» (1847) и «Наемный труд и капитал» (1849). Оставаясь в это время на позициях классика буржуазной политической экономии Д. Рикардо, Маркс вместе с тем уже в этот период идет дальше, в первую очередь в вопросе об исторически преходящем характере капиталистических производственных отношений.

Решающим этапом в выработке марксистской экономической теории стали 50-е гг. Именно в конце этого десятилетия Марксом была создана экономическая рукопись 1857—1858 гг. — первоначальный вариант «Капитала», а также первый выпуск «К критике политической экономии» (1859). Создав подлинно научную теорию стоимости, Маркс в этих работах впервые выделяет прибавочную стоимость, т. е. раскрывает эксплуататорскую сущность капитала. На этой основе он нащупывает решение одной из важнейших проблем будущего III тома «Капитала» — проблемы соотношения прибавочной стоимости с ее превращенной, поверхностной формой прибыли. Вместе с тем в заключительном отделе рукописи он впервые дает научное объяснение такого феномена, как падение нормы прибыли, являющееся законом буржуазного производства. К этому же времени у Маркса постепенно формируется план разделения исследования капитала на три части: процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого, или капитал и прибыль (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 29, с. 451).

Значительно дальше продвинулся Маркс в определении проблематики заключительной части исследования о капитале в экономической рукописи 1861—1863 гг. — втором черновом варианте «Капитала». В XV и XVI тетрадах данной рукописи, а также в являющихся ее частью «Теориях прибавочной стоимости», нашли отражение постановка и решение большинства вопросов, которые составят основу III тома «Капитала». Это проблемы издержек производства, цены производства и средней прибыли, механизм межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции, торгового и денежного капиталов, земельной ренты, доходов и их источников. О степени разработки указанных проблем в рукописи 1861—1863 гг. говорит тот факт, что при написании текста III тома «Капитала» Маркс не только использовал некоторые фундаментальные идеи, содержащиеся в этой более ранней рукописи, но и брал из нее целые фраг-

менты, компануя из них материал ряда будущих глав или их отдельных частей. Хотя некоторые из этих фрагментов не вошли в окончательный текст III тома, а другие вошли в значительно переработанном виде, в настоящем томе в соответствующих редакционных примечаниях отмечены те места в тексте III тома «Капитала», которые в основном совпадают с экономической рукописью 1861—1863 гг.

1863—1865 гг. — период создания третьего чернового варианта «Капитала». За это время Марксом был написан текст I книги, который лег в основу при подготовке I тома «Капитала» к печати, первый вариант текста второй книги, обозначенный Марксом как «рукопись I»; наконец, в этот же период был создан единственный полный вариант рукописи третьей книги. Из переписки Маркса и Энгельса за это время явствует, какими быстрыми темпами шла работа над этой рукописью. Приступив к ее написанию осенью 1864 г., Маркс 31 июля 1865 г. сообщает Энгельсу, что «осталось написать еще три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые три книги)». А уже в феврале 1866 г. Маркс, говоря о ходе работы над «Капиталом», пишет об этой рукописи, что «она была готова в конце декабря» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 111, 150).

По выходе в свет в сентябре 1867 г. I тома «Капитала» Маркс продолжил работу над вторым томом, в состав которого, согласно его тогдашнему замыслу, должны были войти анализ процесса обращения капитала (книга II) и исследование форм капиталистического процесса в целом (книга III) (см. настоящее изд., т. 7, с. 9). Приступив к подготовке этого тома, Маркс интенсивно собирал в 70-е гг. материалы для него, о чем свидетельствуют как переписка, так и тетради с выписками за данный период. К этому же периоду относятся «два начала переработки» главы I и тетрадь с математическими вычислениями, «представляющая в уравнениях отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли» (см. настоящий том, с. 6). Но большая работа по подготовке немецкого и особенно французского изданий I тома «Капитала» все более и более отодвигала окончание работы над II и III книгами (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 472). С другой стороны, новые факты, особенно по проблеме поземельных отношений и форм земельной собственности в России и США, требовали дополнительных изысканий, о чем Маркс неоднократно сообщал своим многочисленным корреспондентам. Так, 12 декабря 1872 г. он писал Н. Ф. Даниельсону: «Во втором томе «Капитала», в отделе о земельной собственности, я намерен заняться очень подробно ее русской формой» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 458).

Во второй половине 70-х гг. на здоровье Маркса все более начали сказываться последствия многолетней титанической практической и теоретической деятельности, которую он вел в интересах международного рабочего класса. II и III книги Маркс так и не успел подготовить к печати. Эту труднейшую обязанность взял на себя Ф. Энгельс.

Завершив подготовку II книги в феврале 1885 г., Энгельс сразу же приступил к расшивке и диктовке переписчику рукописи III книги. Эта работа продлилась до середины или конца июля, и в результате Энгельс «получил удобочитаемую копию» (см. настоящий том, с. 5), намереваясь быстро подготовить ее к печати. Но помимо тех значительных трудностей, которые надо было ему преодолеть из-за незавершенного характера самой рукописи, целый ряд других обстоятельств затягивали ее подготовку. Во-первых, это была огромная работа, связанная с деятельностью Энгельса по руководству германским и международным социалистическим движением. Во-вторых, подготовка к печати новых и старых его собственных работ и произведений Маркса. Достаточно назвать в этой связи только английское и четвертое немецкое издания I тома «Капитала», которые потребовали от Энгельса много времени и сил. Наконец, ухудшающееся здоровье не позволяло ему быстро продвигаться вперед. Тем не менее свой научный долг перед общественностью и памятью друга он выполнил. В 1894 г. III том «Капитала» вышел в свет. — 3.

- ² Первый английский перевод I тома «Капитала», сделанный С. Муром и Эд. Эвелингом, вышел в свет под редакцией Ф. Энгельса в 1887 г. — 3.
- ³ Выписки Маркса из русских источников за этот период частично опубликованы Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. См.: Архив Маркса и Энгельса, том XI (М., 1948), том XII (М., 1952), том XIII (М., 1955), том XVI (М., 1982). — 8.
- ⁴ Ср. с характеристикой содержания III тома «Капитала» в письме Маркса Энгельсу от 30 апреля 1868 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 32, с. 60—65). — 8.
- ⁵ Имеются в виду следующие отчеты: 1) First Report from the Secret Committee on Commercial Distress; with the Minutes of Evidence. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 8 June 1848; 2) Report from the Secret Committee of The House of Lords appointed to Inquire into the Causes of the Distress which has for some Time prevailed among the Commercial Classes, and how far it has been affected by the Laws for regulating the Issue of Bank Notes payable on Demand. Together with the Minutes of Evidence, and an Appendix. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 28 July 1848 [Reprinted, 1857]. — 9.
- ⁶ Имеются в виду следующие отчеты: Report from the Select Committee on Bank Acts; together with the Proceedings of the Committee, Minutes of Evidence, Appendix and Index. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 30 July 1857; Report from the Select Committee on the Bank Acts; together with the Proceedings of the Committee, Minutes of Evidence, Appendix and Index. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 1 July 1858. — 9.
- ⁷ Свое намерение издать «Теории прибавочной стоимости» в качестве четвертого тома «Капитала» Энгельс не успел выполнить. В 1905—1910 гг. «Теории прибавочной стоимости» были изданы К. Каутским, однако с целым рядом произвольных перестановок и купюр. Новое издание «Теорий прибавочной стоимости» Маркса было осуществлено на русском языке Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1954—1961 и 1962—1964 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, 2, 3. — 9.
- ⁸ См. настоящее изд., т. 8, с. 19. — 9.
- ⁹ «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» — двухнедельный журнал, основан в 1863 г. в Йене; с 1872 по 1890 г. выходил под редакцией буржуазного экономиста Конрада, с 1891 по 1897 г. — под редакцией буржуазного экономиста Лексиса. — 9.
- ¹⁰ Теория «предельной полезности» — вульгарная буржуазно-апологетическая экономическая теория, возникшая в 70-х гг. XIX в. в противовес трудовой теории стоимости Маркса. Согласно этой теории, в основе стоимости лежит не общественно необходимый труд, а так называемая предельная полезность товара, отражающая субъективную оценку полезности товара, который удовлетворяет наименее неотложную потребность покупателей. По мнению сторонников теории «предельной полезности», трудовая теория стоимости неверна, так как в действительности, говорили они, цены не совпадают со стоимостью, и последняя определяется обычно случайными и не связанными с производством обстоятельствами, вроде редкости товара, и др. Будучи одним из средств маскировки эксплуатации наемной рабочей силы при капитализме, теория «предельной полезности» широко распространена в современной буржуазной политической экономии. — 11.
- ¹¹ *Lexis W.* Kritische Erörterungen über die Währungsfrage. — Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutsche Reich. Jahrgang V, Heft I, 1881, S. 87—132.

Биметаллизм — денежная система, при которой функции денег одновременно выполняют два валютных металла — золото и серебро. — 11.

¹² В связи с развернувшейся полемикой о якобы имеющемся противоречии между I и III томами «Капитала» Энгельс в дополнении к третьему тому — «Закон стоимости и норма прибыли» — еще раз возвращается к рассмотрению исходных предпосылок анализа «Капитала». — 14.

¹³ Имеется в виду статья Акилле Лориа «Карл Маркс», опубликованная в «Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti». Roma, 1883. Aprile, p. 509—542. — 16.

¹⁴ Лориа пользовался французским изданием I тома «Капитала», в котором XI глава соответствует IX главе «Норма и масса прибавочной стоимости» немецкого издания. — 17.

¹⁵ Имеется в виду предисловие Энгельса ко II тому «Капитала» К. Маркса (см. настоящее изд., т. 8, с. 19—20). — 17.

¹⁶ *Дулькамара* — персонаж оперы Доницетти «Любовный напиток»; образ пройдохи и шарлатана.

Сганарель — персонаж комедии Мольера «Дон Жуан», слуга Дон Жуана; тип ловкого и трусливого пройдохи. — 19.

¹⁷ Имеется в виду статья «Замечания к статье г-на Штибелинга: «О влиянии концентрации капитала на заработную плату и эксплуатацию труда», опубликованная в журнале «Neue Zeit», N 3, 1887, с. 123—127.

«Die Neue Zeit» — политико-теоретический журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 по октябрь 1890 г. ежемесячно, с октября 1890 по осень 1923 г. — еженедельно. Редактором журнала с 1883 г. был К. Каутский, с октября 1917 г. до осени 1923 г. — Г. Кунов. В 1885—1894 гг. Энгельс опубликовал в журнале ряд своих статей, постоянно помогая своими советами редакции журнала и нередко критикуя ее за допуски в журнале отступления от марксизма. Со второй половины 90-х гг. после смерти Энгельса в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, фактически поддерживал социал-шовинистов. — 19.

¹⁸ См. настоящее изд., т. 7, с. 201—202. — 25.

¹⁹ Ramsay G. An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, p. 184. — 35.

²⁰ Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 16. — 35.

²¹ Согласно господствовавшим в химии XVIII в. взглядам, считалось, что процесс горения обусловлен наличием в телах, способных к горению, особого вещества — флогистона, который выделяется из таких тел во время горения. Поскольку, однако, было известно, что при прокаливании металлов на воздухе их вес увеличивается, то сторонники флогистонной теории пытались приписать флогистону физически бессмысленный, отрицательный вес. Несостоятельность этой теории показал выдающийся французский химик А. Л. Лавуазье, который дал правильное объяснение процесса горения как реакции соединения горящего вещества с кислородом. О теории флогистона Энгельс писал в предисловии ко II тому «Капитала» (см. настоящее изд., т. 8, с. 15—16). — 35.

²² Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 405—407. — 35.

²³ В январе 1849 г. Прудон сделал попытку учреждения «Народного банка». Этот банк, посредством которого Прудон намеревался мирным путем осуществить свой «социализм», сводившийся к уничтожению ссудного процента и введению безденежного обмена на базе получения производителем полного эквивалента своего трудового дохода, потерял банкротство через два месяца после своего основания. Подробный критический анализ взглядов Прудона

Маркс дает в работе «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (см. настоящее изд., т. 4, с. 1—108).— 35.

²⁴ См. настоящее изд., т. 7, с. 209—210.— 35.

²⁵ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 253, 254.— 37.

²⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 160—161, 663—664.— 37.

²⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 254, 255.— 38.

²⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 256, 257.— 38.

²⁹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 249, 248 249. 39.

³⁰ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 247.— 40.

³¹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 247—248.— 40.

³² См. настоящее изд., т. 7, с. 495—502.— 41.

³³ См. настоящее изд., т. 7, с. 311—312.— 41.

³⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 194—196.— 41.

³⁵ Маркс имеет в виду тот раздел «Теорий прибавочной стоимости», в котором дается критический разбор взглядов Мальтуса о норме прибавочной стоимости (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 29—33).— 43.

³⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 295—298.— 46.

³⁷ См. настоящее изд., т. 7, с. 480—490.— 47.

³⁸ См. настоящее изд., т. 8, с. 293—298.— 66.

³⁹ См. настоящее изд., т. 8, с. 251—252.— 67.

⁴⁰ Под *m* Энгельс в данном расчете, так же, как и в нижеследующих, имеет в виду годовую прибавочную стоимость. 68.

⁴¹ См. настоящее изд., т. 8, с. 293—308.— 69.

⁴² См. настоящее изд., т. 7, с. 208.— 71.

⁴³ См. настоящее изд., т. 8, с. 295.— 71.

⁴⁴ См. настоящее изд., т. 7, с. 303—304.— 75.

⁴⁵ Маркс имеет в виду следующую работу: *Ure A. The Philosophy of Manufactures: or, An Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain. Second edition, London, 1835.*— 77.

⁴⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 564—565.— 79.

⁴⁷ Французский историк Ленге высказывает эту гипотезу в своей работе «*Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société*». Tome II, Londres, 1767, livre V, chapitre XX. 81.

⁴⁸ См. настоящее изд., т. 7, с. 304. 81.

⁴⁹ Имеется в виду навеянная идеями социалистов-утопистов инициатива рабочих города Рочдейла (Манчестерский промышленный округ), организовавших в 1844 г. потребительское кооперативное общество под названием Общество справедливых пионеров, которое явилось зародышем рабочего кооперативного движения в Англии и других странах.— 81.

⁵⁰ См. настоящее изд., т. 7, с. 218 281.— 82.

⁵¹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 47, с. 186.— 84.

⁵² «*Killing no murder*» («убить еще не значит быть убийцей») — распространенное английское выражение, которое происходит от названия изданного в се-

- редине XVII в., в период английской буржуазной революции, памфлета «Killing no murder». Автор памфлета, левеллер Сексби, призывал к убийству лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии Оливера Кромвеля, как жестокого тирана, и оправдывал это убийство (ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 47, с. 204). — 86.
- ⁵³ *Суд королевской скамьи* — один из высших судов Англии. Суд королевской скамьи рассматривал уголовные и гражданские дела и обладал правом пересмотра решений ряда нижестоящих судов. — 86.
- ⁵⁴ См. настоящее изд., т. 7, с. 432. — 87.
- ⁵⁵ См. настоящее изд., т. 7, с. 272—273. — 89.
- ⁵⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 238—239. — 90.
- ⁵⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 47, с. 490. — 92.
- ⁵⁸ Имеются в виду книги: *Ure A. The Philosophy of Manufactures: or, An Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain.* Second edition, London, 1835; *Babbage Ch. On the Economy of Machinery and Manufactures.* London, 1832, p. 280—281. — 98.
- ⁵⁹ *Torrens R. An Essay on the Production of Wealth.* London, 1821, p. 28 and sqq. (ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 68—81). — 101.
- ⁶⁰ *Ricardo D. On the Principles of Political Economy, and Taxation.* Third edition, London, 1821, p. 131—138 (ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 482—484). — 101.
- ⁶¹ Хлебные пошлины взимались в Англии на основании так называемых хлебных законов (1815, 1822 и 1828 гг.), направленных на ограничение или запрещение импорта в интересах крупных земельных собственников. Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась их отменой в 1846 г. Отмена хлебных законов явилась ударом по земельной аристократии и способствовала ускорению развития капитализма в Англии. — 101.
- ⁶² Биль о десятичасовом рабочем дне, распространявшийся только на подростков и женщин-работниц, был принят английским парламентом 8 июня 1847 г. и вступил в силу в качестве закона 1 мая 1848 г. Однако на практике многие фабриканты игнорировали этот закон. Подробно об этом см. настоящее изд., т. 7, с. 264—266. — 102.
- ⁶³ *Babbage Ch. On the Economy of Machinery and Manufactures.* London, 1832, p. 280—281. — 107.
- ⁶⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 2, с. 268. — 107.
- ⁶⁵ *Ricardo D. On the Principles of Political, and Taxation.* Third edition, London, 1821, chapter II. — 108.
- ⁶⁶ См. настоящее изд., т. 8, с. 393—438. — 111.
- ⁶⁷ *Хлопковый голод или хлопковый кризис 1861—1865 гг.* так называлась острая нехватка хлопка в хлопчатобумажной промышленности Англии и некоторых других стран, вызванная прекращением поставок хлопка из Америки из-за блокады южных рабовладельческих штатов флотом северян во время Гражданской войны; хлопковый голод возник накануне кризиса перепроизводства и перепелелся с ним. Большая часть хлопчатобумажной промышленности Европы была парализована, что тяжело отразилось на положении рабочих. В 1862 г. в Англии остановились три пятых общего числа прядильных веретен и ткацких станков, свыше 75% рабочих хлопчатобумажной промышленности в течение двух-трех лет были охвачены полной или частичной безработи-

цей. Бедственное положение рабочих усугубилось неурожаями, постигшими Европу в начале 60-х гг. — 114.

⁶⁸ См. настоящее изд., т. 7, с. 534 и сл. — 124.

⁶⁹ *Национальные мастерские 1848 г.* — форма организации общественных работ, главным образом земляных, для безработных во Франции. Они возникли после февральской революции 1848 г. в результате декрета французского временного правительства. При этом преследовалась цель дискредитировать популярные тогда среди рабочих идеи мелкобуржуазного социалиста Луи Блана об организации труда и, с другой стороны, использовать организованных по-военному рабочих национальных мастерских в борьбе против революционного пролетариата. Так как провокационный план раскола рабочего класса не удался и занятые в национальных мастерских рабочие все более проникались революционными настроениями, буржуазное правительство предприняло ряд мер, направленных к ликвидации этих мастерских. Это вызвало сильное возмущение парижского пролетариата и явилось одним из поводов к началу июньского восстания в Париже. После подавления восстания правительство Кавеньяка приняло 3 июля 1848 г. декрет о роспуске национальных мастерских. — 126.

⁷⁰ *Rodbertus. Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie.* Berlin, 1851, S. 125. Подробный критический анализ теории нормы прибыли Родбертуса Маркс дает в «Теориях прибавочной стоимости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 69—90). — 129.

⁷¹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 283—284. — 131.

⁷² Речь идет о десятой главе книги: *Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. I, London, 1776.* — 132.

⁷³ См. настоящее изд., т. 7, с. 44. — 132.

⁷⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 286, 444. — 141.

⁷⁵ Взгляды Шербюлье об образовании общей нормы прибыли Маркс специально рассматривает в «Теориях прибавочной стоимости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 389). — 150.

⁷⁶ См. настоящее изд., т. 7, с. 209 и сл. — 151.

⁷⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 436—437. — 157.

⁷⁸ Речь идет о «Теориях прибавочной стоимости». См. примечание 7. Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 280. — 160.

⁷⁹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 245. — 161.

⁸⁰ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 426. — 162.

⁸¹ *Законы об оседлости (settlement laws)* — существующие с 1662 г. в Англии законы, в силу которых сельскохозяйственные рабочие фактически лишались права переезда с одного места на другое. Этими законами, которые, в свою очередь, были составной частью законов о бедных, предусматривалось возвращение нуждавшихся сельскохозяйственных рабочих по решению суда к месту их рождения и постоянного жительства. Ограничивая свободу передвижения рабочих, законодательство тем самым создавало условия, позволявшие предпринимателям понижать до крайнего минимума заработную плату рабочих. — 166.

⁸² Имеются в виду труды Г. Л. Майера: *Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung und der öffentlichen Gewalt.* München, 1854; *Geschichte der Markenverfassung in Deutschland.* Erlangen, 1856; *Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland.* Bd. I -

IV, Erlangen, 1862—1863; Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. Bd. I II, Erlangen, 1865—1866; Geschichte der Städteverfassung in Deutschland. Bd. I—IV, Erlangen, 1869—1871.

Morgan L. H. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilization. London, 1877. — 168.

⁸³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 36—37; настоящее изд., т. 7, с. 85.— 169.

⁸⁴ *Ricardo D.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition, London, 1821, p. 60—61. Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 294.— 170.

⁸⁵ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 182—186.— 171.

⁸⁶ Указанные взгляды высказываются в работах: *Ricardo D.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition, London, 1821, p. 60—61; *Storch H.* Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Tome II, St.-Petersbourg, 1815, p. 78—79 (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 102). — 174.

⁸⁷ *Corbet Th.* An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained. London, 1841, p. 42—44 (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 428). — 174.

⁸⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 389.— 181.

⁸⁹ Автор анонимного сочинения «Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy» цитирует здесь первое издание книги Мальтуса «Principles of Political Economy». London, 1820, p. 75.— 183.

⁹⁰ См. настоящее изд., т. 7, с. 100—110.— 184.

⁹¹ *Ricardo D.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition, London, 1821, p. 36—41.— 194.

⁹² *Servum pecus imitatorum* (рабопенное стадо подражателей) — перефразировка слов «O imitatores, servum pecus!» («О подражатели, рабопенное стадо!») из посланий Горация, книга I, послание 19.— 194.

⁹³ Здесь имеется в виду тот раздел «Теорий прибавочной стоимости», в котором Маркс дает критический разбор взглядов Рикардо о влиянии колебаний заработной платы на цены производства (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 204—219).— 195.

⁹⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 391; ч. 2, с. 276; т. 48, с. 280.— 200.

⁹⁵ *Corbet Th.* An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained. London, 1841, p. 100—102 (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 369; т. 48, с. 428).— 201.

⁹⁶ Маркс имеет в виду «Теории прибавочной стоимости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 484—522, 602—606). — 204.

⁹⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 28—31, 343.— 206.

⁹⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 470.— 209.

⁹⁹ Имеется в виду всеобщий закон капиталистического накопления, сформулированный Марксом в I томе «Капитала» (см. настоящее изд., т. 7, с. 601—602).— 213.

¹⁰⁰ «*Hinc illae lacrimae!*» («Вот отчего эти слезы!») — слова из комедии римского драматурга Публия Теренция «Девушка с Андроса», акт I, сцена первая.— 215.

- ¹⁰¹ См. примечание 96. — 215.
- ¹⁰² *Roscher W. System der Volkswirtschaft. Band I: Die Grundlagen der National-ökonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858, § 108, S. 192. — 216.*
- ¹⁰³ Критический анализ теории прибыли А. Смита Маркс дает в «Теориях прибавочной стоимости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 240—254.*) — 216.
- ¹⁰⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 8—22. — 219.*
- ¹⁰⁵ «*Profit upon alienation*» («прибыль от отчуждения») — формула Джемса Стюарта (*An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. I, London, 1805, p. 244*), согласно которой прибыль капиталиста возникает в результате продажи товара выше его стоимости. Маркс анализирует эту формулу в «Теориях прибавочной стоимости». (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, с. 11.*) — 221.
- ¹⁰⁶ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 370—371. — 221.*
- ¹⁰⁷ См. настоящее изд., т. 7, с. 295—296. — 222.
- ¹⁰⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 471, 509, 529. — 222.*
- ¹⁰⁹ См. настоящее изд., т. 7, с. 295—296. — 222.
- ¹¹⁰ *Ricardo D. On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition, London, 1821, chapter VII. — 228.*
- ¹¹¹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 447—448, 457. — 233.*
- ¹¹² *West E. Essay on the Application of Capital to Land, with Observations shewing the Impolicy of any Great Restriction of the Importation of Corn. By a Fellow of University College of Oxford. London, 1815. — 234.*
- ¹¹³ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 24. — 235.*
- ¹¹⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 390; т. 26, ч. 2, с. 550. — 236.*
- ¹¹⁵ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 322—323. — 238.*
- ¹¹⁶ *Chalmers Th. On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society. Second edition, Glasgow, 1832, p. 88—89 and sqq. — 238.*
- ¹¹⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 523—547. — 241.*
- ¹¹⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 387; т. 48, с. 20—21. — 242.*
- ¹¹⁹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 291—292. — 243.*
- ¹²⁰ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 293. — 249.*
- ¹²¹ Начиная с этой фразы и до конца параграфа ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 292, 293—294. — 251.*
- ¹²² Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 123—124. — 251.*
- ¹²³ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 313, 318. — 252.*
- ¹²⁴ Переработанный Энгельсом фрагмент рукописи III тома «Капитала» сопоставим с соответствующей частью рукописи 1861—1863 гг. Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 319—322. — 253.*
- ¹²⁵ См. настоящее изд., т. 7, с. 366—367. — 255.

- ¹²⁶ Ср. весь данный фрагмент, отделенный Энгельсом от предыдущего и последующего текста, с соответствующими местами в рукописи 1861—1863 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 324—325, 326, 328—329.— 257.
- ¹²⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 330—331, 332.— 257.
- ¹²⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 442.— 258.
- ¹²⁹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 401—402.— 260.
- ¹³⁰ См. настоящее изд., т. 8, с. 85—98.— 260.
- ¹³¹ Начиная с этого абзаца и вплоть до трех выводов относительно купеческого капитала ср. с соответствующими фрагментами рукописи 1861—1863 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 387—388, 390.— 267.
- ¹³² Начиная с этого абзаца и до конца главы ср. с соответствующей частью рукописи 1861—1863 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 394—400.— 269.
- ¹³³ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 423—424.— 272.
- ¹³⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 403.— 274.
- ¹³⁵ Предыдущий и данный абзац ср. с соответствующими местами в экономической рукописи 1861—1863 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 407, 417—418.— 286.
- ¹³⁶ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 410.— 291.
- ¹³⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 414.— 292.
- ¹³⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 384—385.— 293.
- ¹³⁹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 416.— 294.
- ¹⁴⁰ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 417.— 294.
- ¹⁴¹ *Голландско-Ост-Индская компания* существовала с 1602 по 1798 г. Отличительными чертами деятельности Компании в Индонезии были насильственное закрепление и консервирование докапиталистических производственных отношений (рабовладельческих и феодальных) и ограбление покоренного населения при помощи феодально-бюрократического аппарата туземной власти, перешедшего на службу к голландцам. Компания извлекала огромные доходы от продажи вывезенных из Индонезии сельскохозяйственных продуктов. Позже в крестьянское хозяйство стали принудительно внедряться новые культуры (особенно кофе), урожай которых полностью сдавался Компании. В результате непрерывного ряда крупных, жестоко подавляемых восстаний, обезлюдения страны, больших издержек по содержанию воинских гарнизонов, общего упадка бывшего могущества Нидерландов Компания потерпела крах и прекратила свое существование.— 299.
- ¹⁴² Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 426.— 300.
- ¹⁴³ См. примечание 102.— 300.
- ¹⁴⁴ См. настоящее изд., т. 7, с. 480—490.— 300.
- ¹⁴⁵ Начиная со второго абзаца данной главы ср. с соответствующим фрагментом рукописи 1861—1863 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 419—420.— 310.
- ¹⁴⁶ См. также примечание 83.— 310.
- ¹⁴⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 422.— 311.
- ¹⁴⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 383.— 311.
- ¹⁴⁹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 379—380.— 312.
- ¹⁵⁰ См. примечание 11(2).— 313.

- ¹⁵¹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 384. — 316.
- ¹⁵² *Roscher W.* System der Volkswirtschaft. Band I: Die Grundlagen der Nationalökonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage, Stuttgart und Augsburg. 1858, § 60, S. 103. — 317.
- ¹⁵³ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 2, с. 482—484. — 317.
- ¹⁵⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 402. — 318.
- ¹⁵⁵ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 2, с. 372—373, 463—464. — 319.
- ¹⁵⁶ См. примечание 61. — 320.
- ¹⁵⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 349—350. — 321.
- ¹⁵⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 355. — 322.
- ¹⁵⁹ См. примечание 141. — 322.
- ¹⁶⁰ См. примечание 105. — 322.
- ¹⁶¹ Далее до конца этого абзаца и два последующих ср. с соответствующим фрагментом экономической рукописи 1861—1863 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 348—349. — 322.
- ¹⁶² Согласно взглядам древнегреческого философа Эпикура имеется бесчисленное множество миров. Эти миры возникают и существуют по своим собственным, естественным законам. Боги же, хотя и существуют, но находятся вне миров, в пространствах между ними, и не оказывают никакого влияния ни на развитие вселенной, ни на жизнь человека. — 323.
- ¹⁶³ Данный и предыдущий абзац ср. с соответствующим фрагментом экономической рукописи 1861—1863 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 355—356. — 323.
- ¹⁶⁴ *Маркс* цитирует работу Лютера по книге: *Der sechste Teil der Bücher des ehrnwürdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittenbergk, 1589, S. 296, 297.* — 324.
- ¹⁶⁵ *Маркс* имеет в виду резкое падение с конца XV столетия роли Генуи, Венеции и других городов Северной Италии в транзитной торговле, происшедшее в результате великих географических открытий того времени: открытия Кубы, Гаити и Багамских островов, материка Северной Америки, морского пути в Индию вокруг южной оконечности Африки и, наконец, материка Южной Америки. — 325.
- ¹⁶⁶ *Massie J.* An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein the Sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered. London, 1750, p. 60. Ср. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, с. 381—382. — 326.
- ¹⁶⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 450. — 328.
- ¹⁶⁸ *Poppe I. H. M.* Geschichte der Technologie seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Band I, Göttingen, 1807, S. 70. — 329.
- ¹⁶⁹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 491, 492. — 329.
- ¹⁷⁰ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 338. — 337.
- ¹⁷¹ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 553—555. — 338.
- ¹⁷² Цитированные в тексте слова принадлежат одному из редакторов газеты «La Voix du Peuple» Шеве — автору «первого письма» в книге «Gratuité du Crédit». Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850.

«*La Voix du Peuple*» — издававшаяся Пруденом ежедневная газета, выходила в Париже с 1 октября 1849 по 14 мая 1850 г. — 339.

- 173 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 553, 560. — 340.
- 174 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 477—478, 479. — 342.
- 175 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, с. 381, 380. — 346.
- 176 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 499. — 349.
- 177 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 443. — 350.
- 178 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 48, с. 444—445; т. 26, ч. 1, с. 381.
«*The Economist*» — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 г.; орган крупной промышленной буржуазии. — 352.
- 179 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 366. — 354.
- 180 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, с. 381. — 355.
- 181 Маркс иронически называет К. Арнда «философом собачьего налога» потому, что этот автор в своей книге посвятил специальный параграф (§ 88, S. 420—421) обоснованию правомерности и целесообразности налога на собак. — 356.
- 182 «*The Daily News*» — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 г. — 358.
- 183 Ср. весь нижеследующий фрагмент с соответствующими местами в экономической рукописи 1861—1863 гг. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 484, 485, 486—487. — 360.
- 184 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 517—518. — 369.
- 185 *Massie J.* An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest: wherein the Sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered. London, 1750; *Hume D.* Of interest (1752). In: *Hume, David.* Essays and Treatises on several Subjects. A new edition. In two volumes. Vol. I, containing Essays, moral, political and literary. London, 1764 (об этом см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 1, с. 378—382). — 370.
- 186 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 501; т. 48, с. 246. — 371.
- 187 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 366. — 372.
- 188 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 519—520. — 377.
- 189 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 520—521. — 377.
- 190 «*New-York Daily Tribune*» — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 г. В 40—50-х гг. газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. С августа 1851 по март 1862 г. в газете сотрудничал Маркс. Большое число статей для нее было по просьбе Маркса написано Энгельсом. В период реакции в Европе после революции 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс использовали широко распространенную, прогрессивную в то время газету для обвинения на конкретных материалах пороков капиталистического общества. Во время Гражданской войны в Америке сотрудничество Маркса в газете прекратилось. Значительную роль в разрыве Маркса с «*New-York Daily Tribune*» сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельцами и отход газеты от прогрессивных позиций. В дальнейшем направление газеты становилось все более правым. — 379.
- 191 Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 519, 525. — 380.

- ¹⁹² Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 522, 531, 522—523.— 381.
- ¹⁹³ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 521.— 383.
- ¹⁹⁴ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 502.— 385.
- ¹⁹⁵ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 475.— 386.
- ¹⁹⁶ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 482.— 386.
- ¹⁹⁷ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 483.— 387.
- ¹⁹⁸ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 487—488.— 387.
- ¹⁹⁹ Гете. «Фауст», часть I, сцена пятая («Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»).— 388.
- ²⁰⁰ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 555—565.— 388.
- ²⁰¹ Подробно о фонде погашения Питта см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 462—463.— 389.
- ²⁰² Весь нижеследующий фрагмент, включая критику немецкого буржуазного экономиста Мюллера, ср. с соответствующей частью экономической рукописи 1861—1863 гг. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 48, с. 439—443.— 389.
- ²⁰³ *Malthus Th. R.* An Essay on the Principle of Population. London, 1798, p. 25—26.— 390.
- ²⁰⁴ Имеется в виду следующий документ: An Act for vesting certain Sums in Commissioners, at the End of every Quarter of a Year, to be by them applied to the Reduction of the National Debt (Anno 26 Georgii III, Regis, cap. 31).— 390.
- ²⁰⁵ Молох бог солнца в религии Древней Финикии и Карфагена, поклонение которому сопровождалось человеческими жертвоприношениями; впоследствии имя Молоха стало олицетворением свирепой всепоглощающей силы.— 391.
- ²⁰⁶ Маркс имеет в виду следующие работы: *Mill J. St.* Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy. Second edition, vol. I, London, 1849, p. 91—92; *Carey H. Ch.* Principles of Social Science, Vol. III, Philadelphia, 1859, p. 71—73; *Roscher W.* System der Volkswirtschaft. Band I: Die Grundlagen der Nationalökonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858, § 45.— 392.
- ²⁰⁷ Ср. с рассмотрением взглядов Т. Годскина в «Теориях прибавочной стоимости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 309—325).— 392.
- ²⁰⁸ «*Revue des deux Mondes*» — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издается в Париже с 1829 г.— 396.
- ²⁰⁹ См. примечание 5(1).— 398.
- ²¹⁰ После отмены монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем (1833 г.) происходило интенсивное проникновение английских частных торговцев на китайский рынок. Особенно большой размах приобретает контрабандная торговля опиумом, пользовавшаяся всемерной поддержкой правительства Англии, которое сознательно попирало при этом законы и государственные интересы Китая и способствовало массовому отравлению и подрыву здоровья китайцев. В ответ на решительные действия китайских властей против контрабандного ввоза этого наркотика в пределы их страны англичане развязали первую «опиумную» войну (1839—1842), закончившуюся для Китая неравноправным и грабительским договором.— 401.
- ²¹¹ Консигнация (consignatio, буквально — подпись, письменное подтверждение) — разновидность комиссионной продажи товаров за границу, при кото-

- рой экспортер (консигнант) отправляет товар на склад иностранной фирмы (консигнатору) для продажи его на определенных условиях. — 401.
- ²¹² О содержании и значении банковского акта 1844 г. см. настоящий том, главу XXXIV «Принцип денежного обращения» и английское банковское законодательство 1844 года. — 402.
- ²¹³ «*The Manchester Guardian*» — английская буржуазная газета, основана в Манчестере в 1821 г., орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии. — 403.
- ²¹⁴ *Ломбард-стрит* — улица в Сити (финансовом центре Лондона), на которой находится ряд крупных банков; синоним лондонского денежного рынка. — 403.
- ²¹⁵ *Минсинг-лейн* — улица в Лондоне, центр оптовой торговли колониальными товарами. — 403.
- ²¹⁶ См. примечание 5(2). — 406.
- ²¹⁷ «*Currency principle*» («Принцип денежного обращения»), или «денежная школа», — одна из разновидностей школы, выступавшей с количественной теорией денег. Ее представители утверждали, что стоимость и цена товаров определяются количеством денег в сфере обращения. Они ставили своей целью поддержание устойчивого денежного обращения и единственное средство для этого видели в обеспечении обязательного золотого покрытия банкнот и регулировании их эмиссии в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов. Исходя из своих ложных теоретических посылок, «денежная школа» усматривала решающую причину экономических кризисов перепроизводства в нарушении прокламируемых ею законов денежного обращения. Теория «денежной школы» была популярна в Англии в первой половине XIX в. Однако попытки правительства Англии опираться на эту теорию (банковский акт 1844 г.) не имели никакого успеха и только подтвердили всю ее научную несостоятельность и полную непригодность для практических целей (см. также настоящий том, глава XXXIV «Принцип денежного обращения» и английское банковское законодательство 1844 года). — 411.
- ²¹⁸ Имеется в виду фирма Эрмен и Энгельс. — 422.
- ²¹⁹ Критику теории денег Рикардо Маркс дал в первом выпуске «К критике политической экономии» (1859) (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 150—159). — 423.
- ²²⁰ См. примечание 212. — 425.
- ²²¹ «*The Times*» — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1785 г. — 430.
- ²²² Энгельс имеет в виду мошенническую аферу, связанную с подкупом французских государственных деятелей, должностных лиц и прессы акционерной компании Панамского канала, которая была основана во Франции по инициативе инженера и дельца Ф. Лессепса в 1879 г. В конце 1888 г. эта компания потерпела крах, вызвав массовое разорение мелких акционеров и многочисленные банкротства. Слово «панамы» стало нарицательным для обозначения крупных мошеннических афер. — 431.
- ²²³ См. настоящее изд., т. 8, с. 26—34. — 436.
- ²²⁴ См. примечание 217. — 438.
- ²²⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 88. — 440.
- ²²⁶ Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 178. — 444.
- ²²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 132—134; настоящее изд., т. 7, с. 138. — 445.

ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС

F. Engels

К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ
том 9
часть 2

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1988

КАРЛ МАРКС
КАПИТАЛ

**КРИТИКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

ТОМ ТРЕТИЙ

КНИГА III:
ПРОЦЕСС
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА.
ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Издан под редакцией
Фридриха Энгельса

*Печатается по: Маркс К. Капитал.
Критика политической экономии.
Том третий, книга III: процесс
капиталистического производства,
взятый в целом. Ч. 2.
М., Политиздат, 1986*

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ (продолжение)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА

Теперь мы должны рассмотреть подробнее, из чего состоит банковский капитал.

Мы только что видели, что Фуллартон и другие превращают различие между деньгами как средством обращения и деньгами как средством платежа (а также мировыми деньгами, поскольку принимается в расчет отлив золота) в различие между средством обращения (*circulans*) и капиталом.

Своеобразная роль, которую здесь играет капитал, приводит к тому, что с такой же старательностью, с какой «просвещенная» политическая экономия пыталась внушить, что деньги не капитал, — с такой же старательностью эта банкирская политическая экономия внушает, что деньги в действительности представляют собой капитал *par excellence* *.

В дальнейшем исследовании мы покажем, что денежный капитал здесь смешивается с *moneyed capital* ** в смысле капитала, приносящего проценты, тогда как: в первом смысле денежный капитал означает всегда лишь переходную форму капитала, рассматриваемую в отличие от других форм капитала: от товарного капитала и производительного капитала.

Банковский капитал состоит: 1) из наличных денег, золота или банкнот; 2) из ценных бумаг. Эти последние мы можем снова разделить на две части: торговые бумаги, то есть текущие векселя, для которых время от времени истекает срок и в учете которых состоит собственно деятельность банкира; и публичные ценные бумаги, как, например, государственные облигации, казначейские свидетельства, всякого рода акции, — короче, бумаги, приносящие

* по преимуществу. *Ред.*
** денежным капиталом. *Ред.*

проценты, но существенно отличающиеся от векселей. Сюда могут быть причислены также ипотеки. Капитал, составляющийся из этих вещественных составных частей, разделяется опять-таки на капитал, вложенный самим банкиром, и депозиты, составляющие его *banking capital*, или заемный капитал. В банках с банкнотной эмиссией сюда относятся также и банкноты. Депозиты и банкноты мы пока оставим в стороне. Ясно во всяком случае, что действительные составные части банкирского капитала — деньги, векселя, процентные бумаги — нисколько не изменяются от того, представляют ли эти различные элементы собственный капитал банкира или же депозиты, то есть капитал других людей. Разделение капитала на части остается неизменным, независимо от того, ведет ли банкир свое дело только при помощи собственного капитала или же только при помощи капитала, депонированного у него.

Форма капитала, приносящего проценты, приводит к тому, что каждый определенный и регулярный денежный доход представляется процентом на капитал независимо от того, возникает ли этот доход из капитала или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, раз есть процент, найдется уж и капитал, из которого денежный доход возникает. Равным образом, когда есть капитал, приносящий проценты, всякая сумма стоимости представляется капиталом, раз она не расходуется как доход, — представляется именно основной суммой (*principal*), в противоположность возможному или действительному проценту, который она может приносить.

Суть дела проста: пусть средняя процентная ставка 5% в год. Следовательно, сумма в 500 ф. ст., превращенная в капитал, приносящий проценты, давала бы ежегодно 25 фунтов стерлингов. Каждый фиксированный ежегодный доход в 25 ф. ст. рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 фунтов стерлингов. Однако это — чисто иллюзорное представление, за исключением того случая, когда источник дохода в 25 ф. ст. — есть ли он простой титул собственности, или долговое требование, или же действительный элемент производства, как, например, земельный участок, — может быть непосредственно передан или же приобретает форму, в которой он способен к передаче. Возьмем для примера государственный долг и заработную плату.

Государство должно ежегодно выплачивать своим кредиторам определенный процент за капитал, который оно получает взаймы. Здесь кредитор не может требовать от должника погашения долга, он может только продать свое долговое требование, свой титул собственности. Самый капитал потреблен, израсходован государством. Он больше не существует. Что касается кредитора государства, то он: 1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 фунтов стерлингов; 2) получает в силу этого обязательства

право на известную часть годовых доходов государства, то есть на известную часть годовых налогов в размере, скажем, 5 ф. ст. или 5%; 3) может продать это долговое обязательство на 100 ф. ст. всякому другому лицу. Если процентная ставка 5% и если платежеспособность государства не вызывает сомнений, то владелец *A* может, вообще говоря, продать долговое обязательство *B* за 100 ф. ст., потому что для *B* совершенно безразлично, ссужает ли он 100 ф. ст. из 5% годовых или же путем уплаты 100 ф. ст. обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 фунтов стерлингов. Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются платежи государства, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того, чтобы ее затратить, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самосохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора *A* причитающаяся ему доля ежегодных налогов представляет собой процент на его капитал, — так же, как для ростовщика процентом на капитал представляется причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная займа, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для *A* возможность вернуть основную сумму. Что касается *B*, то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же дела *B* только стал на место *A* и купил принадлежащее последнему долговое требование к государству. Как бы ни умножались сделки этого рода, капитал государственного долга остается чисто фиктивным, и с того момента, как долговые свидетельства перестали бы находить себе покупателей, исчезла бы даже видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением.

Теперь в противоположность капиталу государственного долга, где в качестве капитала выступает отрицательная величина, — так как вообще капитал, приносящий проценты, порождает всякие извращенные формы, то и долги в представлении банкира могут казаться товарами, — мы рассмотрим рабочую силу. Заработная плата принимается здесь как процент, а следовательно, рабочая сила — как капитал, приносящий эти проценты. Если, например, годовая заработная плата = 50 ф. ст., а ставка процента — 5%, то рабочая сила, функционирующая в течение года, считается равной капиталу в 1 000 фунтов стерлингов. Нелепость капиталистического способа представления достигает здесь своего апогея; вместо того чтобы объяснять эксплуатацию рабочей силы увеличение стоимости капитала, наоборот, производительность рабочей

силы объясняется тем, что сама рабочая сила является этой таинственной вещью, капиталом, приносящим проценты. Во второй половине XVII века (например, у Петти) это было излюбленным представлением, но и в наши дни оно со всей серьезностью используется отчасти вульгарными экономистами, отчасти же и главным образом немецкими статистиками¹⁾. К сожалению, имеются два обстоятельства, неприятным образом опрокидывающих это безмозглое представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получать эти проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому. Более того, годовая стоимость его рабочей силы равна его средней годовой заработной плате, и своим трудом он должен возместить для покупателя его рабочей силы именно эту стоимость плюс прибавочную стоимость, то есть ее прирост. При системе рабства работник имеет капитальную стоимость, именно покупную цену. И если его отдают внаем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и, кроме того, возмещать ежегодный износ капитала.

Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, причем его исчисляют по средней процентной ставке как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента; если, например, годовой доход = 100 ф. ст. и ставка процента = 5%, то 100 ф. ст. составили бы годовой процент на 2 000 ф. ст., и эти 2 000 ф. ст. будут считаться теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности на ежегодный доход в 100 фунтов стерлингов. Для того, кто купил этот титул собственности, 100 ф. ст. годового дохода действительно представляют процент на его капитал, вложенный из 5%. Таким образом всякая связь с действительным процессом возрастания капитала исчезает бесследно, и представление о капитале как о стоимости, самовозрастающей автоматически, окончательно упрочивается.

Даже там, где долговое свидетельство — ценная бумага — не представляет чисто иллюзорный капитал, как в случае с государственными долгами, капитальная стоимость этой бумаги чисто иллюзорная. Мы видели выше*, каким образом кредит создает акционерный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими этот капитал. Акции железнодорожных, горных,

¹⁾ «Рабочий имеет капитальную стоимость, величина которой определится, если мы будем рассматривать денежную стоимость его ежегодного заработка как процентный доход... Если... капитализировать из 4% средний дневной заработок, то получится средняя стоимость одного сельскохозяйственного рабочего мужского пола: для немецкой Австрии — 1 500 талеров, для Пруссии — 1 500, для Англии — 3 750, для Франции — 2 000, для Центральной России — 750 талеров» (*Von Reden. «Vergleichende Kultur-Statistik etc.»*, Berlin, 1848, S. 434).

* См. настоящий том, ч. 1, с. 428—429. *Ред.*

пароходных и других обществ являются представителями действительного капитала, именно капитала, вложенного и функционирующего в этих предприятиях, или денежной суммы, авансированной участниками с целью израсходовать ее в этих предприятиях как капитал. При этом отнюдь не исключено, что акции могут представлять также и чистое мошенничество. Однако данный капитал не существует вдвойне, — один раз как капитальная стоимость титула собственности, акций, и другой раз как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, *pro rata* *, на реализуемую им прибавочную стоимость. *A* может продать титул *B*. *B* может продать его *C*. Такие сделки ничего не меняют в существе дела. *A* или *B* превращает в таком случае свой титул в капитал, а *C* свой капитал — в простой титул собственности на прибавочную стоимость, ожидаемую от акционерного капитала.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности — не только государственных ценных бумаг, но и акций — поддерживает иллюзию, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. А именно, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала (хотя и связанное с увеличением этой стоимости). С одной стороны, рыночная стоимость их колеблется вместе с высотой и обеспеченностью доходов, на которые они дают право. Если номинальная стоимость акции, то есть действительно затраченная сумма, которую она первоначально представляла, есть 100 ф. ст. и если предприятие вместо 5% приносит 10%, то рыночная стоимость акции при прочих равных условиях и при процентной ставке в 5% поднимается до 200 ф. ст., потому что, капитализированная из 5%, она представляет теперь фиктивный капитал в 200 фунтов стерлингов. Тот, кто покупает ее за 200 ф. ст., получает 5% дохода с этой затраты капитала. Обратное имеет место, если доход предприятия уменьшается. Рыночная стоимость этих бумаг отчасти спекулятивна, так как она определяется не только действительным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным. Но при том условии, если увеличение стоимости действительного капитала является постоянным, или же, где, как в случае государственного долга, никакого капитала не существует, если ежегодный доход фиксирован законом и вообще достаточно обеспечен, цена этих ценных бумаг будет подниматься и падать в направлении, обратном движению ставки процен-

* — пропорционально. *Ред.*

та. Если процентная ставка повышается с 5% до 10%, то ценная бумага, обеспечивающая доход в 5 ф. ст., будет представлять капитал только в 50 фунтов стерлингов. Если же процентная ставка понижается до $2\frac{1}{2}\%$, — та же самая ценная бумага представляет капитал в 200 фунтов стерлингов. Ее стоимость есть всегда лишь капитализированный доход, то есть доход, исчисленный на иллюзорный капитал в соответствии с существующей процентной ставкой. Таким образом, во время затруднений на денежном рынке эти ценные бумаги падают в цене в силу двоякого рода причин: во-первых, потому что повышается процентная ставка, и, во-вторых, потому что их массами выбрасывают на рынок с целью реализовать в деньгах. Это падение цен имеет место и в том случае, когда доход, обеспечиваемый этими бумагами их владельцу, остается постоянным, как у держателей государственных ценных бумаг, и в том случае, когда возрастание действительного капитала, представляемого ценными бумагами, будет затронуто нарушениями процесса воспроизводства, — как это бывает с промышленными предприятиями. В последнем случае к вышеупомянутому обесценению присоединяется только еще новое. После того как буря миновала, курс ценных бумаг снова достигает своего прежнего уровня, если они не представляют предприятий, потерпевших крах или дутых. Их обесценение во время кризиса действует как мощное средство централизации денежного имущества ²⁾.

Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг не зависит от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, каким оно было до него.

«К 23 октября 1847 г. государственные фондовые бумаги и акции каналов и железных дорог обесценились уже на 114 752 225 ф. ст.» (Моррис, управляющий Английским банком, показание в отчете «Commercial Distress» 1847—1848 [№ 3800]).

Поскольку их обесценение не выражало действительного застоя производства и перевозок по железным дорогам и каналам, или прекращения уже работающих предприятий, или бесполезной затраты капитала на предприятия, действительно ничего не стоящие, нация не стала беднее ни на грош от того, что лопнули эти мыльные пузыри номинального денежного капитала.

²⁾ {Непосредственно после февральской революции, когда в Париже товары и ценные бумаги были в высшей степени обесценены и совершенно не находили покупателей, один швейцарский купец в Ливерпуле, г-н Р. Цвильхенберт (рассказавший этот случай моему отцу), обратив в деньги все, что можно было, отправился с этой наличностью в Париж и сделал Ротшильду предложение совместно предпринять аферу. Ротшильд пристально посмотрел на него, а затем, приблизившись к нему, положил руки на плечи и спросил: «Avez vous de l'argent sur vous?» — «Oui, M. Le baron!» — «Alors vous êtes mon homme!» [«А у вас есть деньги?» — «Да, г-н барон!» — «Ну, тогда вы тот, кто мне нужен!»]. И оба они сделали блестящую аферу. Ф. Э.]

В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, денежная или капитальная стоимость которых либо вовсе не представляет никакого капитала, как в случае государственных долгов, либо регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют.

Во всех странах капиталистического производства в этой форме существует огромная масса так называемого приносящего проценты капитала, или *moneyed capital*. И под накоплением денежного капитала большей частью подразумевается только накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний.

И вот часть банкирского капитала вложена в эти так называемые процентные бумаги. Это — собственно часть резервного капитала, который не функционирует в собственно банковском деле. Наиболее значительная часть этих бумаг состоит из векселей, то есть платежных обязательств промышленных капиталистов или купцов. Для денежного кредитора векселя эти являются процентными бумагами, то есть, покупая эти бумаги, он вычитает проценты за время, остающееся до срока платежа. Это и есть то, что называют учетом. Таким образом, величина вычета из суммы, представляемой векселем, зависит от высоты процентной ставки в данное время.

Наконец, последняя часть капитала банкира состоит из его денежного резерва в золоте или банкнотах. Вклады, если только договором не обусловлен более или менее длительный срок, во всякий момент могут быть истребованы вкладчиком. Они находятся в состоянии постоянных приливов и отливов. Но на смену извлеченных вкладов поступают новые, так что в период нормального хода дел их средняя величина мало изменяется.

В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда выражают в среднем количество денег, существующих в качестве сокровища, причем часть этого последнего опять-таки состоит из бумаг, из простых свидетельств на получение золота, которые, однако, не имеют никакой собственной стоимости. Поэтому большая часть банкирского капитала совершенно фиктивна и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (свидетельств на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в сейфах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть свидетельства на обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулом собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который

упомянутые бумаги, по крайней мере отчасти, представляют; если же они представляют не капитал, а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что этот фиктивный капитал банкира представляет большей частью не собственный его капитал, а капитал публики, которая вкладывает его в банк под проценты или без них.

Вклады производятся всегда деньгами, золотом или банкнотами, или свидетельствами на их получение. За исключением резервного фонда, который в зависимости от потребностей действительного обращения то сокращается, то расширяется, вклады эти на деле всегда находятся в руках, с одной стороны, промышленных капиталистов и купцов, которые за счет вкладов учитывают свои векселя и получают ссуду; с другой стороны, в руках торговцев ценными бумагами (биржевых маклеров) или в руках частных лиц, продавших свои ценные бумаги, или в руках правительства (в случаях со свидетельствами казначейства и новыми займами). Самые вклады играют двоякую роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчиком. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списываются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний осуществляет взаимное выравнивание счетов, или же это выполняется различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу.

С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование появляется под различными формами в различных руках³⁾. Большая часть этого «денежного капитала» совер-

³⁾ {Это удвоение и утроение капитала за последние годы развилось значительно шире благодаря, например, финансовым трестам, занимающим уже в лондонских биржевых отчетах особую рубрику. Образуется общество для приобретения известного рода процентных бумаг, скажем, иностранных государственных ценных бумаг, английских городских или американских государственных облигаций, железнодорожных акций и т. д. Капитал, скажем в 2 млн. ф. ст., собирается путем подписки на акции; дирекция приобретает соответственные ценности или же более или менее энергично спекулирует на них и распределяет годовые проценты за вычетом издержек между акционерами в качестве дивиденда. Далее, у некоторых акционерных обществ вошло в обыкновение разделять обыкновенные акции на два класса: preferred и deferred [привилегированные и второстепенные]. Акции preferred приносят фиксированный процент, скажем 5%, конечно, при том условии, что это допускает общая прибыль предприятия; если сверх того остается

шенно фиктивна. Все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. Поскольку они служат для жирооборота, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом свидетельствами на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования.

А. Смит говорит следующее относительно той роли, которую играет капитал при денежных ссудах:

«Даже в денежно-ссудном деле деньги играют роль как бы свидетельства, при помощи которого капиталы, не находящие себе применения у своего владельца, передаются из рук в руки. Эти капиталы могут почти неограниченно превышать по своей величине денежную сумму, служащую орудием их передачи; те же самые деньги последовательно служат при многих различных займах, точно так же, как и при многих различных покупках. Например, *A* ссужает *W* 1 000 ф. ст., на которые *W* тотчас же покупает у *B* товаров на 1 000 фунтов стерлингов. Так как *B* не находит применения для денег, он ссужает те же деньги *X*, а *X* при их помощи опять-таки немедленно покупает у *C* товаров на 1 000 фунтов стерлингов. Таким же образом и на том же основании *C* ссужает свои деньги *Y*, который снова покупает на них товары у *D*. Таким образом, одни и те же деньги, золотые или бумажные, могут в течение немногих дней служить посредниками для трех различных займов и трех различных покупок, причем каждая из этих сделок по своей стоимости равна всей сумме этих денег. Владельцы денег *A*, *B* и *C* передали трем заемщикам *W*, *X* и *Y* только власть совершить эти покупки. В этой власти состоит как ценность, так и польза этих займов. Капитал, данный в ссуду тремя капиталистами, равен стоимости товаров, которые могут быть на него куплены, и втрое больше, чем стоимость денег, при помощи которых совершаются эти покупки. Тем не менее все эти ссуды могут быть вполне обеспечены, так как товары, купленные должниками на занятые деньги, употребляются таким способом, что со временем они возвращают свою стоимость с прибылью в золотых или бумажных деньгах. И подобно тому, как одни и те же деньги могут служить средством для различных займов, превышающих в общей сложности стоимость этих денег в три или даже в тридцать раз, равным образом они могут последовательно служить средством для возврата этих займов» ([A. Smith. «An inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776] Book II, ch. IV [p. 428—429]).

Так как одни и те же деньги, в зависимости от скорости их обращения, могут совершать несколько различных покупок, то они могут также совершать несколько различных займов, потому что купля передает их из одних рук в другие, а заем есть не что иное, как передача денег из рук в руки, непосредствуемая куплей. Для каждого из продавцов деньги представляют превращенную

некоторый избыток, он распределяется по акциям *deferred*. Таким путем «солидные» вложения капитала в *preferred* более или менее изолируются от спекуляции в собственном смысле слова, оперирующей с *deferred*. Но так как отдельные крупные предприятия не желают подчиняться этой новой моде, то начали образовываться общества, которые, вложив один или несколько миллионов фунтов стерлингов в акции этих предприятий, выпускают затем на номинальную стоимость этих акций новые акции, по уже наполовину *preferred*, наполовину *deferred*. В таких случаях первоначально выпущенные акции удваиваются, так как они служат основанием для нового выпуска акций. — Ф. Э.]

форму его товара; в настоящее время, когда всякая стоимость принимает вид капитальной стоимости, деньги в различных займах представляют поочередно различные капиталы, что является лишь иным выражением того установленного выше положения, что деньги могут последовательно реализовывать различные товарные стоимости. Наряду с этим деньги служат средством обращения, с помощью которого происходит перемещение вещественного капитала из одних рук в другие. При ссуде деньги переходят из рук в руки не как средство обращения. Пока они остаются в руках кредитора, они в его руках не средство обращения, а форма существования стоимости его капитала. И в этой форме он передает их при ссуде третьему лицу. Если бы *A* ссудил деньги *B*, а *B* ссудил их *C* без посредства купли, то данная сумма денег представляла бы не три капитала, а один, только одну капитальную стоимость. Сколько капиталов деньги действительно представляют, зависит от того, насколько часто они функционируют как форма стоимости различных товарных капиталов.

То, что А. Смит говорит о ссудах вообще, приложимо и к вкладам, которые суть лишь особое название ссуд, предоставляемых публикой банкиру. Одни и те же деньги могут служить в качестве орудия для любого числа вкладов.

«Бесспорная истина, что 1 000 ф. ст., которые вы сегодня депонировали у *A*, завтра будут снова выданы и составят вклад у *B*. Послезавтра они могут быть снова выданы *B*, депонированы у *C* и так далее до бесконечности. Следовательно, одна и та же сумма денег в 1 000 ф. ст. может посредством ряда передач умножиться до абсолютно неограниченной суммы вкладов. Поэтому возможно, что девять десятых всех вкладов в Англии существуют только в виде соответствующих записей в бухгалтерских книгах банкиров... Так, в Шотландии, где находящиеся в обращении деньги никогда не превышают 3 млн. ф. ст., вклады составляют 27 миллионов. Пока не наступит всеобщее истребование вкладов, одна и та же тысяча фунтов стерлингов, странствуя туда и сюда, может с такой же легкостью покрыть столь же неопределенную сумму. Так как те же 1 000 ф. ст., которыми я плачу сегодня мой долг коммерсанту, завтра покроют его долг другому купцу, а послезавтра долг банку и так далее до бесконечности, то одни и те же 1 000 ф. ст. могут переходить из рук в руки, от банка к банку, покрывая самую крупную сумму вкладов» («The Currency Theory Reviewed etc.» [Edinburgh, 1845], p. 62—63).

И так как в этой кредитной системе все удваивается, утраивается и превращается в простой призрак, то это справедливо и по отношению к «резервному фонду», в котором надеются, наконец, нащупать нечто реальное.

Послушаем опять г-на Морриса, управляющего Английским банком:

«Резервные фонды частных банков находятся в руках Английского банка в форме вкладов. Отлив золота, по-видимому, сначала касается лишь Английского банка; в действительности, однако, отлив золота в такой же степени затронул бы и резервы других банков, так как он означал бы отлив части резервов, которые они имеют в нашем Банке. Совершенно такое же влияние оказал бы он на резервы всех провинциальных банков» («Commercial Distress» 1847—1848 [№№ 3639—3642]).

Итак, в конце концов эти резервные фонды растворяются в резервном фонде Английского банка ⁴⁾. Но и этот резервный фонд существует опять-таки в двойной форме. Резервный фонд банковского отделения равняется избытку количества банкнот, которое Банк имеет право выпустить, сверх их количества, находящегося в обращении. Установленный законом максимум банкнотной эмиссии = 14 миллионам (для которых не требуется металлического обеспечения; это соответствует приблизительно величине государственного долга Банку) плюс сумма банковского запаса благородного металла. Таким образом, если этот запас = 14 млн. ф. ст., то Банк имеет право выпустить на 28 млн. ф. ст. банковых билетов, и если из этой суммы 20 миллионов находятся в обращении, то резервный фонд банковского отделения = 8 миллионам. Эти 8 миллионов банкнотами составляют в таком случае законный банкирский капитал, которым Банк может распоряжаться, и в то же время резервный фонд для его вкладов. Если теперь наступит отлив золота, уменьшающий металлический запас на 6 миллионов, — а в связи с этим на такую же сумму должны быть уни-

⁴⁾ [Насколько широкое развитие получила с тех пор эта практика, доказывают следующие заимствованные из «Daily News» ¹ от 15 декабря 1892 г. официальные данные относительно резервов в пятнадцати крупнейших лондонских банках в ноябре 1892 года.]

Название банка	Пассив	Наличные резервы	Отношение наличных резервов к пассиву (в %)
City	9 317 629 ф. ст.	746 551 ф. ст.	8,01
Capital and Counties	11 392 744 „ „	1 307 483 „ „	11,47
Imperial	3 987 400 „ „	447 157 „ „	11,22
Lloyds	23 800 937 „ „	2 966 806 „ „	12,46
London and Westminster	24 671 559 „ „	3 818 885 „ „	15,50
London and S. Western	5 570 268 „ „	812 353 „ „	14,58
London Joint Stock	12 127 993 „ „	1 288 977 „ „	10,62
London and Midland	8 814 499 „ „	1 127 280 „ „	12,79
London and County	37 111 035 „ „	3 600 374 „ „	9,70
National	11 163 829 „ „	1 426 225 „ „	12,77
National Provincial	41 907 384 „ „	4 614 780 „ „	11,01
Parrs and the Alliance	12 794 489 „ „	1 532 707 „ „	11,98
Prescott and C ^o	4 041 058 „ „	538 517 „ „	13,07
Union of London	15 502 618 „ „	2 300 084 „ „	14,84
Williams, Deacon, and Manchester, and C ^o	10 452 381 „ „	1 317 628 „ „	12,60
Итого	232 655 823 ф. ст.	27 845 807 ф. ст.	11,97

Из этих почти 28 миллионов резерва по меньшей мере 25 миллионов депонированы в Английском банке, и самое большое 3 миллиона имеются наличными в кассах самих 15 банков. Между тем излишний резерв банковского отделения Английского банка в том же ноябре 1892 г. ни разу не достигал полных 16 миллионов! — Ф. Э.]

чтожены и банкноты, — то резерв банкового отделения упадет с 8 миллионов до 2 миллионов. С одной стороны, Банк повысил бы значительно свою учетную ставку, с другой стороны, значительно уменьшился бы резервный фонд, обеспечивающий вклады банков и других вкладчиков. В 1857 г. четыре крупнейших акционерных банка в Лондоне угрожали, что если Английский банк не добьется правительственного распоряжения о приостановке действия банковского акта 1844 г.⁵¹, они потребуют назад свои вклады, что привело бы банковое отделение к банкротству. Таким образом, банковое отделение может, как в 1847 г., обанкротиться, в то время как в эмитсионном отделении лежат многие миллионы (например в 1847 г. — до 8 миллионов) в качестве обеспечения обратимости циркулирующих банкнот. Но и это последнее опять же иллюзорно.

«Большая часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки billbrokers» (буквально: вексельных маклеров, по существу дела — полубанкиров), «которые в качестве обеспечения данной им ссуды предлагают банкиру торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне или провинции. Billbroker ответственен перед банкиром за уплату этих money at call» (деньги, которые должны быть возвращены по первому требованию); «и этого рода операции совершаются в таких огромных размерах, что г-н Нив, нынешний управляющий {Английским} банком, говорит в своем свидетельском показании: «Нам известно, что один маклер имел 5 миллионов, и мы имеем основание предположить, что у другого было 8—10 миллионов; один имел 4, другой 3½, третий более 8 миллионов. Я говорю о вкладах, перешедших в руки маклеров»» («Report of Committee on Bank Acts», 1858, p. V. № 8).

«Лондонские billbrokers вели свои колоссальные операции без всякого наличного резерва; они рассчитывали на поступления по имеющимся у них векселям, сроки которых постепенно истекают, или, в случае нужды, на возможность получить ссуду из Английского банка под обеспечение дисконтированных ими векселей» [там же, ст. VIII, № 17]. — «Две фирмы лондонских billbrokers приостановили платежи в 1847 году; обе впоследствии возобновили дело. В 1857 г. они снова приостановили платежи. Пассив одной фирмы в 1847 г. был в округленных цифрах 2 683 000 ф. ст. при капитале в 180 000 фунтов стерлингов; ее пассив в 1857 г. был 5 300 000 ф. ст., в то время как капитал равнялся, по всей вероятности, не более чем одной четверти того, что она имела в 1847 году. Пассивы другой фирмы колебались в обоих случаях между 3 или 4 миллионами при капитале, не превышавшем 45 000 фунтов стерлингов» (там же, стр. XXI, № 52).

⁵¹ Приостановка действия банковского акта 1844 г. позволяет Банку выпускать любое количество банкнот, не заботясь о покрытии их находящимся в руках Банка золотым запасом, следовательно, позволяет создавать любые количества бумажного фиктивного денежного капитала и при помощи последнего давать ссуды банкам и вексельным маклерам, а через них и торговцам. [Ф. З.]

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ.— I

Единственно трудные вопросы в исследовании кредита, к которым мы теперь подходим, суть следующие:

Во-первых, накопление собственно денежного капитала. В какой мере оно является и в какой не является признаком действительного накопления капитала, то есть воспроизводства в расширенном масштабе? Есть ли так называемое *plethora* — избыток капитала, выражение, применяемое всегда только к капиталу, приносящему проценты, то есть к денежному капиталу, — лишь особый способ выражения промышленного перепроизводства, или же оно представляет собой особое явление наряду с этим последним? Совпадает ли это *plethora*, это избыточное предложение денежного капитала с наличностью денежных масс (слитков, золотых денег и банкнот), лежащих без движения, и можно ли рассматривать этот избыток действительных денег как выражение и форму проявления указанного *plethora* ссудного капитала?

И, *во-вторых*, в какой степени денежное затруднение, то есть недостаток ссудного капитала, выражает недостаток действительного капитала (товарного капитала и производительного капитала)? В какой степени, с другой стороны, оно совпадает с недостатком денег, как таковых, с недостатком средств обращения?

Поскольку мы рассматривали до сих пор специфическую форму накопления денежного капитала и денежного имущества вообще, мы видели, что эта форма накопления сводится к накоплению притязаний собственности на труд. Накопление капитала в виде обязательств государственного долга означает, как оказалось, лишь увеличение класса кредиторов государства, которые получают право присваивать себе известные суммы из общей массы налогов⁶⁾. В том факте, что даже накопление долгов может выступать

⁶⁾ «Государственные процентные бумаги суть не что иное, как иллюзорный капитал, представляющий часть ежегодного дохода, предназначенную для уплаты долга. Соответствующий капитал был растратен; он определил собой сумму займа, однако государ-

как накопление капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение, которое имеет место в системе кредита. Эти долговые свидетельства, выданные за первоначально взятый взаймы и давно уже израсходованный капитал, эти бумажные дубликаты уничтоженного капитала функционируют для своих владельцев как капитал, поскольку они являются пригодными к продаже товарами и, следовательно, могут быть обратно превращены в капитал.

Правда, мы также видели, что титулы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и т. п. являются фактически титулами на действительный капитал. Однако они не дают возможности распоряжаться этим капиталом. Его нельзя извлечь. Эти титулы дают только юридическое право на получение части прибавочной стоимости, которая должна быть присвоена этим капиталом. Но эти титулы становятся также и бумажными дубликатами действительного капитала: дело происходит таким образом, как если бы накладная приобрела стоимость наряду с самим грузом и одновременно с ним. Они становятся номинальными представителями несуществующего капитала. Ибо действительный капитал существует наряду с ними и, конечно, не переходит в другие руки оттого, что эти дубликаты переходят из рук в руки. Они делаются формой капитала, приносящего проценты, не только потому, что обеспечивают известный доход, но и потому, что путем продажи за них можно получить обратно деньги как за капитальные стоимости. Поскольку накопление этих бумаг выражает накопление железных дорог, рудников, пароходов и т. п., оно выражает расширение действительного процесса воспроизводства, — совершенно так же, как увеличение налоговых требований, например, на движимое имущество свидетельствует о возрастании этой движимости. Но в качестве дубликатов, которые сами могут продаваться как товары, а потому обращаются как капитальные стоимости, они иллюзорны, и величина их стоимости может повышаться и падать совершенно независимо от движения стоимости действительного капитала, титулами на который они являются. Величина их стоимости, то есть их биржевой курс, имеет обязательную тенденцию повышаться с падением ставки процента, поскольку последнее, независимо от специфического движения денежного капитала, является простым следствием тенденции нормы прибыли к понижению. Таким образом, уже в силу одной этой причины с развитием капиталистического производства это фиктивное

ственные процентные бумаги представляют не этот капитал, ибо он уже совершенно не существует. Между тем новые богатства должны быть созданы промышленным трудом; каждый год часть этих богатств заранее предназначается для тех, кто ссудил богатства, впоследствии уничтоженные; часть эта посредством налогов отнимается у производителей богатства, чтобы быть отданной кредиторам государства, причем, сообразно обычному для данной страны отношению между капиталом и процентом, предполагается иллюзорный капитал, эквивалентный тому, который мог бы порождать ежегодную ренту, причитающуюся кредиторам» (*Sismondi. «Nouveaux principes»*. [Seconde édition, Paris, 1827]. II, p. 229 -230).

богатство возрастает вследствие роста стоимости каждой из его пропорциональных частей, имеющих определенную первоначальную номинальную стоимость ⁷⁾.

Выигрыш и потеря благодаря колебаниям цен этих титулов собственности, как и их централизация в руках железнодорожных королей и т. п., по самой природе вещей все более и более становятся результатом игры, которая теперь выступает вместо труда, а также вместо прямого насилия, в качестве первоначального способа приобретения капиталистической собственности. Этот вид фиктивного денежного имущества, как мы уже отмечали, составляет весьма значительную часть не только денежного имущества частных лиц, но также и банкирского капитала.

Можно было бы, — мы упоминаем об этом лишь затем, чтобы поскорее покончить с этим вопросом, — под накоплением денежного капитала понимать также накопление богатства в руках банкиров (денежных кредиторов по профессии) как посредников между частными денежными капиталистами, с одной стороны, и государством, общинами и производительными заемщиками — с другой; причем все колоссальное расширение кредитной системы, вся система кредита эксплуатируется этими банкирами как их частный капитал. Эти молодцы имеют капиталы и доходы всегда в денежной форме или в форме прямых требований на деньги. Накопление состояний этими банкирами может совершаться в направлении, весьма отличном от действительного накопления, но во всяком случае доказывает, что они прибирают к рукам добрую долю последнего.

Ограничим этот вопрос более узкими рамками. Государственные процентные бумаги, равно как и акции и всякого рода иные ценные бумаги, суть сферы вложения для ссудного капитала, для капитала, предназначенного приносить проценты. Они суть формы отдачи его в ссуду. Но сами они не представляют собой тот ссудный капитал, который в них вкладывается. С другой стороны, поскольку кредит играет прямую роль в процессе воспроизводства, необходимо иметь в виду следующее: когда промышленник или купец хочет дисконттировать вексель или получить ссуду, ему не нужны ни акции, ни государственные бумаги. Ему нужны деньги. Поэтому он закладывает или продает эти ценные бумаги, если он иным способом не может добыть себе денег. Вот о накоплении *этого-то* ссудного капитала у нас и идет речь, и притом специально о накоплении ссужаемого денежного капитала. Мы не го-

⁷⁾ Часть накопленного денежного капитала, предназначенного для ссуд, в действительности является простым выражением промышленного капитала. Так, например, когда Англия в 1857 г. вложила в американские железные дороги и другие предприятия 80 млн. ф. ст., то это совершилось почти исключительно за счет вывоза английских товаров, которые американцам вовсе не пришлось оплачивать. Английские экспортеры выписывали взамен этих товаров векселя на Америку, которые раскупались английскими подписчиками на акции и посылались в Америку в качестве уплаты за стоимость акций.

ворим здесь о ссуде домов, машин и иного основного капитала. Мы не говорим также о тех ссудах, которые промышленники и торговцы предоставляют друг другу товарами и в рамках процесса воспроизводства, хотя и этот пункт нам предварительно придется еще рассмотреть подробнее; мы говорим исключительно о денежных ссудах, которые банкиры, как посредники, предоставляют промышленникам и купцам.

Итак, проанализируем сначала коммерческий кредит, то есть кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он образует основу кредитной системы. Его представителем является вексель, долговое свидетельство с определенным сроком платежа, *document of deferred payment* *. Каждый дает кредит одной рукой и получает кредит другой. Отвлечемся пока от банковского кредита, который образует совершенно иной, существенно отличный момент. Поскольку эти векселя в свою очередь обращаются среди самих купцов как средство платежа, при помощи передаточных надписей от одного к другому, без посредствующего учета, то происходит лишь перенесение долгового требования с *A* на *B*, совершенно не изменяющее связи в целом. Одно лицо только ставится на место другого. Но даже и в этом случае погашение долгов может иметь место без вмешательства денег. Например, прядильщик *A* должен уплатить по векселю хлопковому маклеру *B*, а этот последний — импортеру *C*. Если *C* в то же время экспортирует пряжу, что случается довольно часто, то он может в обмен на вексель купить у *A* пряжи, а прядильщик *A* погашает свой долг маклеру *B* его же векселем, полученным *A* в счет платежа от *C*, причем деньгами придется уплатить самое большее только сальдо. Результатом всей этой сделки является лишь обмен хлопка на пряжу. Экспортер представляет только прядильщика, хлопковый маклер — производителя хлопка.

Относительно кругооборота этого чисто коммерческого кредита необходимо отметить два момента:

Во-первых: погашение этих взаимных долговых требований зависит от обратного притока капитала, то есть от акта *T—D*, который только отсрочен. Если прядильщик получил вексель от фабриканта ситца, то последний сможет уплатить, если он до срока уплаты успеет продать свой ситец, находящийся на рынке. Если спекулянт хлебом выдал вексель на своего агента, то агент сможет уплатить деньги, если тем временем ему удастся продать хлеб по ожидаемой цене. Таким образом, эти уплаты зависят от бесперебойности воспроизводства, то есть процесса производства и процес-

* — документ об отсрочке платежа. *Ред.*

са потребления. Но так как кредит носит взаимный характер, то платежеспособность одного зависит в то же время от платежеспособности другого; ибо векселедатель, выдавая свой вексель, может рассчитывать или на возврат капитала в его собственном предприятии или на возврат капитала в предприятии третьего лица, которое в течение данного срока должно уплатить ему по векселю. Если оставить в стороне расчеты на возврат капитала, платеж может состояться только за счет резервного капитала, которым располагает векселедатель для выполнения своих обязательств в случае замедленного возврата капитала.

Во-вторых: эта кредитная система не устраняет необходимости уплаты наличными. Прежде всего, значительная часть затрат должна всегда производиться наличными: заработная плата, налоги и т. д. Далее, пусть, например, *В*, получивший от *С* вместо платежа вексель, сам должен до истечения срока этого векселя уплатить *Д* по векселю, для которого уже наступил срок платежа, а для этого ему нужны наличные деньги. Такой совершенный кругооборот воспроизводства, какой выше предположен между производителем хлопка и прядильщиком, и наоборот, может составить только исключение; в действительности кругооборот постоянно прерывается во многих местах. При рассмотрении процесса воспроизводства («Капитал», кн. II, отдел III²) мы видели, что производители постоянного капитала частично обмениваются постоянным капиталом между собой. Вот почему векселя могут более или менее взаимно покрываться. То же самое имеет место в восходящей линии производства, где, например, торговец хлопком выписывает вексель на прядильщика, прядильщик — на фабриканта ситца, этот последний — на экспортера, экспортер — на импортера (быть может, опять-таки на импортера хлопка). Однако здесь нет кругооборота сделок, а следовательно, нет и замыкающегося круга требований. Например, требование прядильщика ткачу не компенсируется требованием поставщика угля машиностроителю; прядильщик на своем предприятии никогда не может создать встречного требования машиностроителю, так как его продукт, пряжа, не входит в качестве элемента в процесс воспроизводства машин. Поэтому такие требования должны погашаться деньгами.

Границы этого коммерческого кредита, если их рассматривать сами по себе, таковы: 1) богатство промышленников и купцов, то есть резервный капитал, находящийся в их распоряжении на случай замедленного обратного притока капитала; 2) самый этот обратный приток. Последний может замедлиться на некоторое время, или товарные цены могут в течение данного периода времени упасть, или вдруг может оказаться, что товар вследствие застоя на рынке не находит сбыта. Чем долгосрочнее вексель, тем больше, во-первых, должен быть резервный капитал и тем значительнее

возможность уменьшения и запоздания обратного притока вследствие падения цен или переполнения рынка. И далее, возврат тем менее обеспечен, чем более первоначальная сделка обуславливалась спекуляцией на повышение или падение товарных цен. Ясно, однако, что с развитием производительной силы труда, а следовательно, и производства в крупном масштабе: 1) рынки расширяются и удаляются от места производства, 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно, 3) все сильнее должен господствовать в сделках спекулятивный элемент. Производство в крупном масштабе и для отдаленных рынков бросает весь продукт в сферу торговли; однако немислимо такое удвоение капитала нации, при котором торговцы сами по себе были бы в состоянии закупать на свой собственный капитал весь национальный продукт и затем снова продавать его. Следовательно, кредит здесь неизбежен — кредит, объем которого возрастает вместе с ростом стоимости производства и сроки которого удлиняются по мере увеличивающейся отдаленности рынков сбыта. Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций.

Если рассматривать этот кредит отдельно от банкирского кредита, то очевидно, что он растет вместе с размерами самого промышленного капитала. Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны; капиталы, предоставленные в ссуду, суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь выступает в виде ссудного капитала, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но переходящий посредством купли и продажи из одних рук в другие, причем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок. Так, например, хлопок в обмен на вексель переходит в руки прядильщика, пряжа в обмен на вексель — в руки фабриканта ситца, ситец в обмен на вексель переходит в руки купца, из рук которого в обмен на вексель попадает к экспортеру, последний, в обмен на вексель, передает его купцу в Индии, который продает его, покупая взамен индиго и т. д. В течение этого перехода из одних рук в другие хлопок совершает свое превращение в ситец, ситец в конце концов транспортируется в Индию, обменивается на индиго, которое привозится в Европу и там снова вступает в процесс воспроизводства. Различные фазы процесса воспроизводства опосредствуются здесь кредитом, так что прядильщик не оплачивает наличными хлопком, фабрикант ситца — пряжи, купец — ситца и т. д. В первых актах процесса товар-хлопок проходит различные фазы производства и переход этот опосредствуется кредитом. Но как только

хлопок получил в производстве свою окончательную форму как товар, этот самый товарный капитал проходит еще лишь через руки различных купцов, которые транспортируют его на отдаленный рынок и последний из которых продает его в конце концов потребителю, покупая вместо того другой товар, входящий или в процесс потребления или в процесс воспроизводства. Следовательно, здесь надо различать два периода: в течение первого кредит опосредствует действительные последовательные фазы в производстве данного предмета; в течение второго — лишь переход его из рук одного купца в руки другого, куда включается и транспортировка, то есть осуществляется акт $T - D$. Но и здесь товар все же находится по крайней мере в акте обращения, следовательно, в одной из фаз процесса воспроизводства.

Итак, то, что здесь ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом, — это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который существует в такой форме, когда он для своего владельца является просто товарным капиталом, то есть капиталом, который должен совершить обратное превращение, а именно, он в первую очередь должен по крайней мере превратиться в деньги. Итак, здесь кредит опосредствует метаморфоз товара: не только $T - D$, но также $D - T$ и действительный процесс производства. Если оставить в стороне банкирский кредит, то обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает того, что имеется большой незанятый капитал, который предлагается в ссуду и ищет прибыльного приложения, — оно означает занятость большого количества капитала в процессе воспроизводства. Итак, кредит опосредствует здесь: 1) поскольку речь идет о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства; 2) поскольку речь идет о купцах, — транспортировку и переход товаров из одних рук в другие до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другой товар.

Максимум кредита означает здесь наиболее полное вовлечение промышленного капитала в производство, то есть крайнее напряжение его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления. Эти границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, оно тождественно с напряжением производительного потребления.

Пока процесс воспроизводства протекает бесперебойно, а потому обратный приток капитала остается обеспеченным, этот кредит поддерживается и расширяется, причем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства. Как только наступает застой вследствие замедления обратного притока, пере-

полнения рынков, понижения цен, появляется избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой последний не в состоянии выполнять свои функции. Налицо масса товарного капитала, но он не находит сбыта. Налицо масса основного капитала, но вследствие застоя воспроизводства он большей частью бездействует. Кредит сокращается: 1) потому что этот капитал не занят, то есть остановился в одной из фаз своего воспроизводства, потому что он не может совершить своего метаморфоза, 2) потому что подорвана вера в возможность бесперебойного течения процесса воспроизводства, 3) потому что уменьшается спрос на этот коммерческий кредит. Прядильщику, который сокращает свое производство и имеет на складе массу непроданной пряжи, незачем покупать хлопок в кредит. Купцу незачем покупать в кредит товары, так как их у него и без того более чем достаточно.

Итак, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальное напряжение процесса воспроизводства, то вместе с тем появляется и недостаток в кредите; становится труднее получить товары в кредит. Требование платежа наличными и осторожность при продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда каждый стремится, но не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить, масса капитала — не свободного и ищущего приложения, а стесненного в процессе своего воспроизводства — наиболее значительна как раз тогда, когда всего сильнее нехватка кредита (и потому всего выше учетная ставка при банкирском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остается сплошь и рядом незанятым, так как приостановился процесс воспроизводства. Фабрики стоят, сырье накапливается, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел нехватке производительного капитала. Как раз в этот период имеется избыток производительного капитала частью по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращенным масштабом воспроизводства, частью по сравнению с уменьшенным потреблением.

Представим себе, что все общество состоит только из промышленных капиталистов и наемных рабочих. Далее, оставим в стороне изменения цен, которые препятствуют значительным частям всего капитала возмещаться согласно своим средним нормам и неизбежно должны вызывать временно всеобщий застой при той всеобщей связи между различными частями процесса воспроизводства, какая развивается в особенности благодаря кредиту. Оставим в стороне также фиктивные предприятия и спекулятивные обороты, поощряемые кредитом. Тогда кризис можно было бы объяснить только несоразмерностью производства в различных отраслях и несоразмерностью между потреблением самих капиталистов и их

накоплением. Но при данном положении вещей возмещение капиталов, вложенных в производство, зависит главным образом от потребительной способности непроеизводительных классов, тогда как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть использованы с прибылью для класса капиталистов. Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества.

О действительном недостатке производительного капитала, по крайней мере у капиталистически развитых наций, речь может идти лишь в случае общего неурожая либо главных продуктов питания, либо важнейшего промышленного сырья.

Но к этому коммерческому кредиту присоединяется собственно денежный кредит. Взаимное кредитование промышленников и купцов переплетается с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов. При дисконтировании векселя ссуда является лишь номинальной. Фабрикант продает свой продукт под вексель и дисконтирует последний у *billbroker* *. В действительности последний ссужает лишь кредит своего банкира, который, в свою очередь, ссужает ему денежный капитал своих вкладчиков, каковыми являются сами промышленники и купцы, а также и рабочие (при посредстве сберегательных касс), равно как и получатели земельной ренты и прочие непроеизводительные классы. Таким образом, для каждого индивидуального фабриканта или купца устраняется как необходимость иметь солидный резервный капитал, так и зависимость от действительного обратного притока капитала. Но с другой стороны, частью благодаря дутым векселям, частью же благодаря товарным сделкам с единственной целью фабрикации векселей, весь процесс настолько усложняется, что видимость очень солидного предприятия с бесперебойным обратным притоком капиталов может спокойно сохраняться долгое время и после того, когда в действительности обратный приток достигается лишь за счет частью обманутых денежных кредиторов, частью обманутых производителей. Потому-то непосредственно перед крахом предприятие всегда имеет почти чрезмерно здоровый вид. Лучшее доказательство этому дают, например, «*Reports on Bank Acts*» 1857 и 1858 гг., согласно которым все директора банков, купцы, словом, все приглашенные в качестве экспертов, с лордом Оверстоном во главе, поздравляли друг друга с цветущим и здоровым развитием дел, — как раз за месяц до того,

* — вексельного маклера. *Ред.*

как в августе 1857 г. разразился кризис. И Тук в своей работе «History of Prices» поразительным образом также впадает в эту иллюзию при изложении истории каждого отдельного кризиса. Предприятия кажутся все еще в высшей степени здоровыми, и дела идут самым блестящим образом, пока вдруг не разражается крах.

Теперь мы возвратимся к накоплению денежного капитала.

Не всякое увеличение ссудного денежного капитала указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизводства. Яснее всего это обнаруживается в той фазе промышленного цикла, которая непосредственно следует за пережитым кризисом, когда ссудный капитал массами бездействует. В те моменты, когда процесс производства сокращается (в английских промышленных округах после кризиса 1847 г. производство сократилось на одну треть), когда цены товаров достигают своей низшей точки, когда дух предпринимательства парализован, в такие моменты господствует низкая процентная ставка, которая в данном случае указывает лишь на увеличение ссудного капитала как раз вследствие сокращения и парализованности промышленного капитала. При падении товарных цен, уменьшении оборотов, сокращении капитала, вложенного в заработную плату, требуется, конечно, меньше средств обращения; с другой стороны, после того как ликвидированы заграничные долги частью благодаря отливу золота, частью благодаря банкротствам, отпадает надобность в добавочных деньгах для функции мировых денег; наконец, объем операций по учету векселей сокращается вместе с сокращением числа и общей суммы самих этих векселей, — все это очевидно само собой. Спрос на ссудный денежный капитал — и как на средство обращения и как на средство платежа — поэтому уменьшается (о новых затратах капитала пока нет речи), и поэтому наступает относительное изобилие этого капитала. Но в то же время, как будет показано впоследствии, и предложение ссудного денежного капитала при таких обстоятельствах положительно увеличивается.

Так, после кризиса 1847 г. имело место «сокращение оборотов и большое изобилие денег» («Comm. Distress» 1847—1848. Evidence № 1664), ставка процента была очень низкой вследствие «почти полного отсутствия торговли и почти полного отсутствия возможности поместить деньги» (там же, стр. 45 [№ 231]. Показание Ходжсона, директора ливерпульского королевского банка). Какие нелепости сочиняют эти господа (а Ходжсон еще один из лучших среди них), чтобы объяснить себе это, видно из следующей фразы:

«Угнетение» (1847 г.) «возникло вследствие действительного уменьшения денежного капитала в стране, которое было вызвано отчасти необходимостью

оплачивать золотом ввоз из всех стран света, отчасти превращением оборотного капитала (floating capital) в основной» [там же, стр. 63, № 466].

Каким образом превращение оборотного капитала в основной может уменьшить денежный капитал страны, совершенно нельзя понять; ибо, например, при строительстве железных дорог, куда в то время главным образом вкладывался капитал, ни золото, ни бумажные знаки не употребляются как материал для строительства виадуков или изготовления рельсов, а деньги за железнодорожные акции, поскольку они депонировались при покупке этих акций, функционировали, как и всякие другие депонированные в банке деньги, и, как было показано выше *, даже увеличивали на некоторое время количество ссудного денежного капитала; поскольку же деньги действительно затрачивались на строительство, они циркулировали в стране как покупательное и платежное средство. Денежный капитал мог бы быть затронут превращением оборотного капитала в основной лишь постольку, поскольку основной капитал не является предметом, пригодным для экспорта, так что вследствие невозможности вывоза отпадает и свободный капитал, который образуется от поступлений за вывезенные предметы, а следовательно, отпадают и поступления наличными деньгами или слитками. Но в рассматриваемый период и предметы английского экспорта массами лежали в складах на заграничных рынках, не находя покупателей. У купцов и фабрикантов Манчестера и других мест, вложивших часть нормального капитала своих предприятий в железнодорожные акции и потому оказавшихся в дальнейшем ведении своего дела в зависимости от заемного капитала, floating capital действительно был закреплен, последствия чего и пришлось им испытать. Но результат получился бы тот же самый, если бы капитал, принадлежащий их предприятиям, по извлеченный из них, они вложили не в железные дороги, а, например, в горное дело, продукты которого — железо, уголь, медь и т. д. — сами представляют floating capital. — Действительное уменьшение свободного денежного капитала вследствие неурожая, ввоза зерна и вывоза золота, само собой разумеется, было фактом, не имевшим никакого отношения к железнодорожным спекуляциям.

«Почти все торговые фирмы начали более или менее свертывать свою деятельность, помещая часть своего торгового капитала в железные дороги» [там же, стр. 42]. — «Ссужая такие огромные суммы железным дорогам, эти торговые фирмы, в свою очередь, были вынуждены брать у банков посредством учета векселей очень много капитала с тем, чтобы на эти деньги продолжать ведение своего собственного дела» (тот же Ходжсон, там же, стр. 67). «В Манчестере в результате железнодорожных спекуляций многие потерпели громадные убытки» (Р. Гарднер, неоднократно цитированный в «Капитале», кн. I, гл. XIII, 3, с³ и других местах; показание № 4884, там же).

* См. настоящий том, ч. 2, с. 6–7. *Ред.*

Главной причиной кризиса 1847 г. было колоссальное переполнение рынка и безграничная спекуляция в торговле ост-индскими товарами. Но и другие обстоятельства привели к краху очень богатые фирмы этой отрасли:

«Они располагали большими средствами, но эти средства были ликвидны. Весь их капитал был вложен в земельную собственность на острове Маврикий или в фабрики индиги и сахарные заводы. Когда они затем взяли на себя обязательства в размере 500 000 — 600 000 ф. ст., у них не оказалось никаких свободных средств для оплаты своих векселей, и в конце концов выяснилось, что для оплаты своих векселей они всецело должны рассчитывать на кредит» (Ч. Тёрнер, крупный ост-индский купец в Ливерпуле, № 730, там же).

Далее мы имеем показания Гарднера (№ 4872, там же):

«Тотчас же по заключении китайского договора для страны открылись столь широкие перспективы колоссального расширения нашей торговли с Китаем, что вдобавок ко всем нашим уже существующим фабрикам многие крупные фабрики были построены специально с целью изготовлять наиболее ходкие на китайском рынке хлопчатобумажные ткани. — 4874. Чем же все это кончилось? — Величайшим разорением, не поддающимся описанию; я не думаю, чтобы за весь вывоз 1844—1845 гг. в Китай было получено обратно более $\frac{2}{3}$ всей суммы; так как чай является основным предметом обратного экспорта и так как нас сильно обнадеживали, то мы, фабриканты, с уверенностью рассчитывали на крупное понижение пошлины на чай».

И вот перед нами наивно выраженное характерное кредо английских фабрикантов:

«Наша торговля на иностранном рынке не ограничивается способностью последнего покупать товары, но она ограничена здесь, в нашей стране, нашей способностью потреблять продукты, которые мы получаем взамен наших промышленных изделий».

(Сравнительно бедные страны, с которыми ведет торговлю Англия, могли бы, естественно, оплатить и потребить любое количество английских товаров, а вот богатая Англия, к сожалению, не способна потребить продукты, полученные в обмен за ее экспорт.)

«4876. Я сначала вывез некоторые свои товары, которые были проданы с убытком около 15%; при этом я был вполне убежден, что агенты мои закупают чай по такой цене, при которой перепродажа здесь даст прибыль, достаточно большую для покрытия этого убытка; но вместо прибыли я терпел порой убыток в 25% и даже в 50%. — 4877. Экспортируют ли фабриканты за свой счет? — Преимущественно; купцы, как видно, быстро убедились, что из этого дела ничего не выходит, и больше поощряли фабрикантов к самостоятельной отправке продуктов, чем сами принимали в ней участие».

Напротив, в 1857 г. убытки и банкротства выпали преимущественно на долю купцов, так как на этот раз фабриканты предоставили им возможность переполнять чужие рынки «за собственный счет».

Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что с расширением банковского дела (см. ниже пример о районе Ипсуи-

ча, где в течение немногих лет непосредственно перед 1857 г. вклады фермеров учетверились *) то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определенный срок в ссудный капитал. Такое возрастание денежного капитала не выражает собой рост производительного капитала, как, например, и увеличение вкладов в лондонских акционерных банках, после того как эти банки начали платить проценты по вкладам, не выражает возрастания денежного капитала. Пока масштаб производства остается неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие ссудного денежного капитала по сравнению с производительным. Отсюда низкая ставка процента.

Если процесс воспроизводства достигает снова состояния расцвета, предшествующего чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которым в свою очередь действительно создается «здоровый» базис для облегченного обратного притока капиталов и расширения производства. При таком состоянии дел ставка процента все еще низка, хотя и превышает свой минимум. Фактически это *единственный* период, когда можно сказать, что низкая ставка процента и, следовательно, относительное обилие ссудного капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Легкость и регулярность обратного притока капитала, в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усилившийся спрос, предложение ссудного капитала и препятствует повышению ставки процента. С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль те рыцари наживы, которые ведут дела без запасного, а то и вообще без всякого капитала и потому оперируют всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяется еще значительный рост основного капитала во всех его формах и открытие массы новых крупных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис, когда кредит внезапно прекращается, платежи приостанавливаются, процесс воспроизводства парализуется и за упомянутыми выше исключениями наряду с почти абсолютным недостатком ссудного капитала наступает избыток бездейственного промышленного капитала.

Следовательно, движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях процентной ставки, в целом протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала. Фаза, в которой низкая, но превышающая свой минимум ставка процента совпадает с «улучшением» и с растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда эта ставка достигает своей средней величины — одинаково удаленной и от минимума

* См. настоящий том, ч. 2, с. 35. *Ред.*

и от максимума, — только эти два момента выражают совпадение обилия ссудного капитала с большим расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкая ставка процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокая ставка совпадает с избытком промышленного капитала. Низкая ставка процента, сопровождающая «улучшение», свидетельствует о том, что коммерческий кредит лишь в небольшой степени нуждается в банковском кредите, так как он все еще стоит на своих собственных ногах.

С этим промышленным циклом дело обстоит так, что, раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот должен периодически воспроизводиться⁸⁾. В состоянии депрессии производство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которой теперь заложен технический базис. При процветании — среднем периоде — производство развивается далее на этом базисе. В период перепроизводства и мошеничеств производительные силы напрягаются в самой высокой степени, даже за пределы капиталистических границ производственного процесса.

Очевидно само собой, что в период кризиса недостает средств платежа. Обратимость векселей заступает место метаморфоза самих товаров, и как раз в такое время тем более, чем больше торговых фирм вели операции только в кредит. Невежественное и нелепое банковское законодательство — вроде законов 1844—1845 гг. — может усилить этот денежный кризис. Но никакое банковское законодательство не может устранить кризиса.

⁸⁾ [Как я уже упоминал в другом месте (см. настоящее изд., т. 7, с. 26), со времени последнего большого всеобщего кризиса в этом отношении наступил некоторый поворот. Острая форма периодического процесса с ее до сих пор десятилетним циклом уступила, по-видимому, место более хронической, затяжной, затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно короткого, слабого улучшения дел и сравнительно продолжительного угнетенного состояния. Возможно, однако, что мы имеем перед собой лишь увеличение продолжительности цикла. В период детства мировой торговли, в 1815—1847 гг., наблюдался примерно пятилетний цикл; в 1847 по 1867 г. цикл был определенно десятилетним. Не живем ли мы в период подготовки нового мирового краха неслыханной силы? В пользу такого предположения говорит ряд фактов. Со времени последнего всеобщего кризиса 1867 г. произошли крупные изменения. Колоссальный рост средств сообщения — океанские пароходы, железные дороги, электрические телеграфы. Суэцкий канал — впервые создал действительно мировой рынок. Наряду с Англией, которая раньше монополизировала промышленность, выступил целый ряд конкурирующих промышленных стран; для вложения избыточного европейского капитала во всех частях света стали доступны несравненно более обширные и разнообразные области, так что капитал распределяется гораздо шире и местная чрезмерная спекуляция преодолевается легче. Благодаря всему этому большинство старых очагов кризиса или поводов к кризису устранено или сильно ослаблено. Вместе с тем конкуренция на внутреннем рынке отступает перед картелями и трестами, в то время как на внешнем рынке она ограничивается запретительными пошлинами, которыми оградили себя все крупные промышленные страны, кроме Англии. Но сами эти запретительные пошлины суть не что иное, как вооружение для неизбежной всеобщей промышленной войны, которая должна решить вопрос о господстве на мировом рынке. Таким образом, каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса. — Ф. Э.]

При такой системе производства, где все связи процесса воспроизводства покоятся на кредите, в том случае, когда кредит внезапно прекращается и силу имеет только платеж наличными, должен очевидно наступить кризис, должна наступить необычайная погоня за средствами платежа. Поэтому на первый взгляд весь кризис представляется только кредитным кризисом и денежным кризисом. И в самом деле, вопрос заключается только в том, как превратить векселя в деньги. Но эти векселя представляют в большинстве случаев действительные купли и продажи, расширение которых далеко за пределы общественной потребности лежит в конце концов в основе всего кризиса. Однако наряду с этим громадная масса этих векселей представляет простые операции, которые теперь обнаруживают свой истинный характер и лопаются; далее, она представляет спекуляции, принятые с чужим капиталом и потерпевшие крушение; наконец, товарные капиталы, которые обесценены или даже вовсе не могут быть проданы; или обратный приток капиталов, который никогда уже не может осуществиться. Всю эту искусственную систему насильственного расширения процесса воспроизводства нельзя, конечно, оздоровить тем, что какой-либо банк, например Английский банк, при помощи своих бумаг снабдит всех спекулянтов недостающим им капиталом и купит все обесцененные товары по их прежней номинальной стоимости. Впрочем, здесь все представляется в извращенном виде, так как в этом «бумажном» мире нигде не выступают реальная цена и ее реальные моменты, а фигурируют лишь слитки, металлические деньги, банкноты, векселя, ценные бумаги. Это извращение особенно сказывается в центрах, где скоплены денежные предприятия страны, каков, например, Лондон; весь процесс становится непонятным; уже в меньшей степени это наблюдается в центрах производства.

Впрочем, относительно чрезмерного изобилия промышленного капитала, обнаруживающегося во время кризисов, следует заметить: товарный капитал потенциально является в то же время и денежным капиталом, то есть определенной суммой стоимости, выраженной в цене товара. Как потребительная стоимость он есть определенное количество определенных предметов потребления, и последние в момент кризиса оказываются в избытке. Но как денежный капитал в себе, как потенциальный денежный капитал он подвержен постоянным расширениям и сокращениям. Накануне кризиса и во время его товарный капитал в своем качестве потенциального денежного капитала сокращается. Для своих владельцев и их кредиторов (а также в качестве обеспечения векселей и займов) он представляет меньше денежного капитала, чем в тот период, когда он был куплен и когда совершались основанные на нем учетные и залоговые опера-

ции. Если именно таков смысл утверждения, что денежный капитал страны в период угнетения уменьшается, то это тождественно с констатированием того, что цены товаров упали. Впрочем, такое падение цен только уравнивает их прежнее разбухание.

Доходы непродовольственных классов и всех тех, кто живет за счет фиксированных доходов, остаются по большей части неизменными в период разбухания цен, идущего рука об руку с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией. Поэтому их потребительная способность относительно понижается, а вместе с тем понижается и способность возмещать ту часть общей суммы воспроизводства, которая нормально должна была бы войти в их потребление. Даже в том случае, если номинально спрос их остается неизменным, в действительности он понижается.

Относительно ввоза и вывоза необходимо заметить, что одна за другой все страны втягиваются в кризис, и тогда обнаруживается, что все они, за немногими исключениями, слишком много экспортировали и импортировали и, следовательно, *платежный баланс неблагоприятен для всех* и что, таким образом, причина кризиса заключается в действительности не в платежном балансе. Например, Англия страдает от отлива золота. Она слишком много импортировала. Но в то же время все другие страны переполнены английскими товарами. Следовательно, они также слишком много ввели или в них ввели слишком много. (Конечно, есть разница между страной, которая вывозит в кредит, и странами, которые мало или вовсе не вывозят в кредит. Но последние зато ввозят в кредит; это не имеет места лишь в том случае, если товары посылаются туда на консигнацию⁴.) Прежде всего кризис может разразиться в Англии, в стране, которая больше всего дает кредит и меньше всего берет его, ибо платежный баланс, баланс платежей, которым наступает срок и которые немедленно должны быть погашены, для нее *неблагоприятен*, хотя общий торговый баланс *благоприятен*. Это последнее обстоятельство объясняется отчасти оказываемым ею кредитом, отчасти массой суженных ею за границу капиталов, вследствие чего имеет место большой обратный приток товаров независимо от обратного притока, обусловленного собственно торговыми операциями. (Иногда кризис начинался также в Америке, стране, которая больше всех других пользуется английским кредитом, — торговым кредитом и кредитом капитала.) Крах в Англии, начинающийся и сопровождающийся отливом золота, выравнивает платежный баланс Англии частью благодаря банкротству ее импортеров (о чем ниже), частью благодаря тому, что за границу по дешевым ценам выбрасывается часть ее товарного капитала, частью благодаря продаже иностранных ценных бумаг, купле английских бумаг и т. д. Но вот настает черед какой-либо другой страны. Платежный баланс для нее в данный момент был благоприятен; но существующий в обычное время разрыв меж-

ду платежным и торговым балансом теперь отпадает или, во всяком случае, сокращается благодаря кризису: все платежи должны быть произведены сразу. Та же история повторяется теперь здесь. В Англию теперь приливает золото, а из другой страны — отливает. То, что в одной стране проявляется как избыточный ввоз, в другой оказывается избыточным вывозом, и наоборот. Но избыточный ввоз и избыточный вывоз имел место во всех странах (мы говорим здесь не о неурожаях и т. п., а о всеобщем кризисе), то есть имело место перепроизводство, которому способствовал кредит и сопровождающее последний всеобщее разбухание цен.

В 1857 г. кризис разразился в Соединенных Штатах. Произошел отлив золота из Англии в Америку. Но как только разбухание цен в Америке прекратилось, последовал кризис в Англии и отлив золота из Америки в Англию. То же самое произошло между Англией и континентом. Платежный баланс в период всеобщего кризиса неблагоприятен для каждой нации, по крайней мере для каждой коммерчески развитой нации, но обнаруживается он всегда, как при поочередном ведении огня, сначала у одной нации, а вслед затем у другой, по мере того как доходит очередь платежа, и кризис, лишь только он разразился в какой-либо стране, например в Англии, сжимает эти сроки в очень короткий период времени. Тогда-то и выясняется, что все эти страны одновременно и слишком много вывезли (следовательно, перепроизвели) и слишком много ввезли (следовательно, переторговали), что у всех у них цены чрезмерно разбухли, а кредит перенапряжен. И везде происходит одинаковый крах. Явление отлива золота обнаруживается затем во всех странах поочередно и своей всеобщностью доказывает, в частности: 1) что отлив золота представляет собой лишь проявление кризиса, а не причину его, 2) что последовательность, в которой он наступает у различных наций, лишь показывает, когда для каждой из них приходит очередь свести свои счета с небом, когда у них наступает срок кризиса и скрытые элементы его созревают для взрыва.

Для английских экономистов характерно, — а заслуживающая упоминания экономическая литература с 1830 г. сводится главным образом к литературе о суггенсу*, кредите, кризисах, — что они рассматривают вывоз благородных металлов в период кризиса, несмотря на изменение вексельного курса, исключительно с точки зрения Англии как чисто национальное явление и совершенно закрывают глаза на тот факт, что когда их банк в период кризиса повышает процентную ставку, то и все другие европейские банки делают то же самое, и что если сегодня в Англии раздаются вопли по поводу отлива золота, то завтра они прозвучат в Америке, послезавтра — в Германии и Франции.

* денежном обращении. *Рев.*

В 1847 г. «нужно было погасить текущие обязательства Англии» (главным образом за хлеб). «К несчастью, они по большей части погашались путем банкротства». (Благодаря банкротству богатая Англия развязала себе руки по отношению к континенту и Америке.) «А поскольку с обязательствами не было покончено благодаря банкротству, их погашали вывозом благородных металлов» («Report of Committee on Bank Acts», 1857).

Итак, поскольку кризис в Англии обостряется банковским законодательством, законодательство это является средством для того, чтобы в период голода надувать нации, вывозящие хлеб, сначала на хлебе, а потом на деньгах за хлеб. Таким образом, запрещение вывоза хлеба в такое время является для стран, которые сами более или менее страдают от дороговизны, очень рациональным средством борьбы с этим планом Английского банка «погашать обязательства», вызванные ввозом хлеба, «посредством банкротства». Гораздо лучше, если производители хлеба и спекулянты потеряют часть своей прибыли к выгоде страны, чем если они потеряют свой капитал к выгоде Англии.

Из сказанного видно, что товарный капитал во время кризиса и вообще во время застоя в делах в значительной степени теряет свое свойство представлять потенциальный денежный капитал. То же самое приходится сказать и о фиктивном капитале, процентных бумагах, поскольку они сами обращаются на бирже как денежные капиталы. При повышении процента цена их падает. Она падает, далее, вследствие общего недостатка кредита, который заставляет их собственников массами выбрасывать их на рынок, чтобы добыть себе денег. Наконец, цена акций падает, частью вследствие уменьшения доходов, удостоверениями на получение которых они являются, частью вследствие того, что предприятия, которые они представляют, довольно часто имеют дутый характер. Во время кризиса этот фиктивный денежный капитал чрезвычайно уменьшается, а вместе с тем для его владельцев уменьшается возможность получать под него деньги на рынке. Все же понижение курса этих ценных бумаг совершенно не затрагивает того действительно-го капитала, который они представляют, и, напротив, весьма сильно затрагивает платежеспособность его владельцев.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. — II (продолжение)

Мы все еще не покончили с вопросом, в какой степени накопление капитала в форме ссудного денежного капитала совпадает с действительным накоплением, с процессом расширенного воспроизводства.

Превращение денег в ссудный денежный капитал — история гораздо более простая, чем превращение денег в производительный капитал. Но нам следует здесь различать две вещи:

- 1) простое превращение денег в ссудный капитал;
- 2) превращение капитала или дохода в деньги, которые превращаются в ссудный капитал.

Только при условии, указанном в последнем пункте, может иметь место положительное накопление ссудного капитала, совпадающее с действительным накоплением промышленного капитала.

1) ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ

Мы уже видели, что возможно скопление, сверхизобилие ссудного капитала, лишь постольку связанное с производительным накоплением, поскольку оно находится к этому последнему в обратном отношении. Это имеет место в двух фазах промышленного цикла, а именно, во-первых, в тот период, когда промышленный капитал в обеих формах — производительного и товарного капитала — сокращается, следовательно, в начале цикла после кризиса; и, во-вторых, в период, когда началось улучшение, но коммерческий кредит еще мало прибегает к банковскому кредиту. В первом случае денежный капитал, раньше применявшийся в производстве и торговле, выступает как свободный ссудный капитал; во втором случае он выступает как капитал, находящий применение в возрастающих размерах, но по очень низкой процентной ставке, так как теперь промышленный и торговый капиталисты диктуют условия денежному капиталисту. Избыток ссудного капитала в первом случае выражает бездействие промышленного капитала,

во втором случае — относительную независимость коммерческого кредита от банковского кредита, покоящуюся на наличии обратного притока денег, кратких сроков кредита и на ведении дела по преимуществу с собственным капиталом. Спекулянты, рассчитывающие на чужой ссудный капитал, еще не выступили в поход: люди, ведущие дело на собственный капитал, еще далеки от ведения операций почти целиком за счет кредита. В первой фазе избыток ссудного капитала выражает прямую противоположность действительного накопления. Во второй фазе он совпадает с новым расширением процесса воспроизводства, сопровождает его, однако не является его причиной. Избыток ссудного капитала уже уменьшается, он только относителен, то есть пока является таковым лишь по сравнению со спросом. В обоих случаях расширению действительного процесса накопления благоприятствует то обстоятельство, что низкий процент, который в первом случае совпадает с низкими ценами, во втором — с медленно растущими ценами, увеличивает ту часть прибыли, которая превращается в предпринимательский доход. В еще большей степени это имеет место при повышении процента до его среднего уровня в период максимального расцвета, так как тут хотя процент и возрастает, но не в такой степени, как прибыль.

С другой стороны, мы видели, что накопление ссудного капитала может быть достигнуто без всякого действительного накопления, при помощи чисто технических средств, каковы расширение и концентрация банковского дела, экономное использование резерва обращения или также резервного фонда принадлежащих частным лицам платежных средств, которые вследствие этого постоянно превращаются на короткие сроки в ссудный капитал. Хотя этот ссудный капитал, который потому и называется также текучим капиталом (*floating capital*), сохраняет всегда лишь на короткие периоды форму ссудного капитала (и точно так же лишь на короткие периоды может послужить для дисконтных операций), но он зато постоянно приливает и отливает. Если один извлекает его, то другой его доставляет. Таким образом масса ссудного денежного капитала (мы говорим здесь вообще не о ссудах на годы, но лишь о краткосрочных ссудах под векселя и под залог) на самом деле растет совершенно независимо от действительного накопления.

В. С. 1857. Вопрос 501. «Что вы понимаете под *floating capital*?» (Г-н Уэгелин, управляющий Английским банком:) «Это капитал, употребляемый для денежных ссуд на короткие сроки... (502) банкноты Английского банка... провинциальных банков и сумма денег, имеющихся в стране». — {Вопрос:} [503.] «Если вы под *floating capital* понимаете активное обращение» [именно обращение банкнот Английского банка], «то, судя по тем показаниям, которыми располагает по этому поводу комиссия, в этом активном обращении не происходит, по-видимому, очень значительных колебаний?» (Однако очень большая разница — кто именно авансировал это активное обращение, денежный кредитор или сам промышленный капиталист. — Ответ Уэгелина:) «Я включаю в *floating capital* резервы банкиров, подверженные значительным колебаниям».

Это значит, следовательно, что имеют место значительные колебания той части вкладов, которую банкиры не употребили для ссуд, но которая фигурирует как их резерв, а большей частью как резерв Английского банка, куда они вложены. Наконец, тот же самый господин говорит, будто *floating capital* есть *bullion*, то есть слитки и металлические деньги (503^a). Поразительно вообще, насколько искажается смысл и форма всех категорий политической экономии в этой кредитной тарабарщине денежного рынка. *Floating capital* является здесь обозначением для *circulating capital* *, тогда как в действительности это, конечно, совершенно разные вещи, и *money* ** — это *capital*, и *bullion* — тоже *capital*, и банкноты — *circulation* ***, и капитал — *a commodity* ****, и долги — *commodities* *****, и *fixed capital* ***** — деньги, вложенные в трудно реализуемые бумаги!

«Лондонские акционерные банки... увеличили свои вклады с 8 850 774 ф. ст. в 1847 г. до 43 100 724 ф. ст. в 1857 году... Данные и показания, имеющиеся в комиссии, позволяют сделать заключение, что значительная часть этой громадной суммы взята из источников, которые раньше не могли быть использованы для этой цели, и что обычай открывать счет у банкира и помещать у него деньги распространился на многочисленные классы, которые раньше не применяли своего капитала (!) таким образом. Г-н Родуэлл, президент ассоциации провинциальных частных банков» [в отличие от акционерных банков], «делегированный ею, чтобы давать показания перед комиссией, сообщает, что в районе Ипсуича среди фермеров и мелких торговцев этого округа практика эта в последнее время увеличилась раза в четыре: что почти все фермеры, даже те из них, которые уплачивают всего 50 ф. ст. годовой арендной платы, имеют теперь вклады в банках. Масса этих вкладов находит, конечно, себе путь к употреблению в дело и тяготеет в особенности к Лондону, центру коммерческой деятельности, где она прежде всего находит применение в учете векселей и других ссудах клиентам лондонских банкиров. Большая часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки *billbrokers*, которые в качестве обеспечения данной им ссуды предлагают банкиру торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне или провинции» (В. С. 1858, p. V).

Банкир, выдавая ссуду вексельному маклеру под векселя, которые тот уже раз учел, фактически переучитывает их еще раз, но в действительности многие из этих векселей уже были переучтены самими вексельными маклерами, и на те же самые деньги, которыми банкир переучитывает векселя маклера, последний переучитывает новые векселя. А это приводит вот к чему:

«Расширение фиктивного кредита было создано учетом дружеских векселей и бланковым кредитом, что значительно облегчалось практикой провинциальных акционерных банков, которые учитывали такие векселя и переучитывали их затем у вексельных маклеров на лондонском рынке, причем полагались исключительно на кредитоспособность банка и совершенно оставляли без внимания все прочие качества векселей» (там же, стр. XXI).

* — обращения капитала. *Ред.*

** — деньги. *Ред.*

*** — средства обращения. *Ред.*

**** — товар. *Ред.*

***** — товары. *Ред.*

***** — основной капитал. *Ред.*

Относительно этого переучета и поощрения кредитных спекуляций при помощи такого чисто технического увеличения ссудного денежного капитала интересным является следующее место из «Economist»⁵:

«В течение ряда лет в некоторых округах страны накопление капитала» (именно ссудного денежного капитала) «шло быстрее, чем он мог найти применение, в то время как в других округах возможности его применения росли быстрее, чем сам капитал. В то время как в сельскохозяйственных округах банкиры лишены были возможности прибыльно и надежно вложить свои депозиты, у банкиров промышленных округов и торговых городов спрос на их капитал был больше, чем они могли предложить. Результатом этих различных условий в различных округах явилось за последние годы возникновение и стремительно быстрое расширение нового типа фирм, занятых распределением капитала, — фирм, которые, хотя и называются обыкновенно фирмами вексельных маклеров, в действительности являются банками крупнейшего масштаба. Фирмы эти занимаются тем, что, взяв на определенный срок и за определенные проценты избыточный капитал у банкиров таких округов, где капитал этот не находит себе применения, а также средства акционерных обществ и крупных торговых домов, временно бездействующие, ссужают полученные таким образом деньги под более высокий процент банкам тех округов, где спрос на капитал значительнее, обыкновенно путем переучета векселей их клиентов... Таким образом, Ломбард-стрит⁶ стала крупным центром перемещения бездействующего капитала из одного района страны, где он не может найти прибыльного применения, в другой, где существует на него спрос; причем это относится как к различным районам страны, так и к отдельным лицам, находящимся в аналогичном положении. Первоначально эти предприятия ограничивались почти исключительно ссудами и займами под обычное банковское обеспечение. Но по мере того, как капитал страны быстро возрастал и все более и более экономизировался благодаря учреждению банков, фонды, находящиеся в распоряжении этих учетных фирм, стали настолько велики, что указанные фирмы начали выдавать ссуды сначала под квитанции на товары, хранящиеся в доках, а потом и под накладные, представляющие товары, которые еще вовсе не получены, но под которые тем не менее зачастую, хотя и не всегда, уже выписывались векселя на товарных маклерах. Такая практика скоро изменила весь характер английской коммерции. Облегчения, предоставляемые таким образом со стороны Ломбард-стрит, чрезвычайно усилили положение товарных маклеров на Минсинг-Лейн⁷; товарные маклеры, в свою очередь, предоставили все преимущества купцам-импортерам; эти последние пользовались ими настолько широко, что если 25 лет тому назад ссуда под накладную или хотя бы под квитанцию на товары, хранящиеся в доках, совершенно подорвала бы кредит данного купца, то теперь такая практика приняла настолько всеобщий характер, что она является уже правилом, а не редким исключением, как это было 25 лет тому назад. Мало того, система эта распространилась настолько широко, что на Ломбард-стрит крупные суммы выдаются на векселя, выписанные под находящийся еще на корню урожай отдаленных колоний. В результате таких облегчений кредита купцы-импортеры расширили свои заграничные операции и поместили свой текущий капитал, при помощи которого они до сих пор вели дело, в самые ненадежные из всех предприятий, в колониальные плантации, которые они могут лишь в ничтожной степени или даже вовсе не могут контролировать. Мы видим, таким образом, непосредственное сцепление кредитов. Капитал страны, накопленный в наших сельскохозяйственных округах, вносится в качестве вкладов мелкими суммами в провинциальные банки и централизуется для употребления в дело на Ломбард-стрит. Но использовался он, во-первых, для расширения дела в наших горных и промышленных округах путем переучета векселей в тамошних банках; во-вторых, для обеспечения больших льгот импортерам заграничных продуктов при помощи ссуд под квитанции на товары, хранящиеся в доках, и накладные, вследствие чего «законный» капитал торговых фирм в заграничных и колониальных предприятиях выво-

бождается и, таким образом, может получить самое нежелательное применение на заокеанских плантациях» («Economist», [20 ноября] 1847 г., стр. 1334).

Таково это «прекрасное» сцепление кредитов. Сельскому вкладчику кажется, что он дает вклад лишь своему банкиру, ему кажется, далее, что если банкир дает ссуду, то лишь известным ему частным лицам. Но он не имеет ни малейшего представления о том, что его банкир отдает его вклады в распоряжение лондонского вексельного маклера, операции которого совершенно ускользают от контроля их обоих.

Мы уже видели, как крупные общественные предприятия, например железнодорожное строительство, могут на время увеличивать ссудный капитал, оставляя в течение известного времени вносимые акционерами суммы, до их действительного применения, в распоряжении банкиров.

Впрочем масса ссудного капитала совершенно отлична от количества средств обращения. Под количеством средств обращения мы понимаем здесь сумму всех находящихся и обращающихся в стране банкнот и металлических денег, включая слитки благородных металлов. Часть этого количества составляет непрерывно изменяющийся по величине резерв банков.

«12 ноября 1857 г.» (дата временной приостановки действия банковского акта 1844 г.) «запас Английского банка и его филиалов составлял в общей сложности всего 580 751 ф. ст., сумма вкладов равнялась в то же время $22\frac{1}{2}$ млн. ф. ст., из которых около $6\frac{1}{2}$ млн. принадлежало лондонским банкирам» (В. А. 1858, р. LVII).

Колебания ставки процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия ставки процента в различных странах; первые обусловлены изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, например, степень доверия и т. п.), то есть капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег и банкнот; в отличие от промышленного капитала, который как таковой, в товарной форме, ссужается посредством коммерческого кредита между самими агентами воспроизводства.

И все-таки масса этого ссудного денежного капитала отлична и независима от массы обращающихся денег.

Если, например, 20 ф. ст. будут предоставлены в ссуду пять раз в день, то будет ссужен денежный капитал в 100 фунтов стерлингов. Это означало бы в то же время, что эти 20 ф. ст. по меньшей мере 4 раза функционировали как покупательное или платежное средство; ибо, если бы не посредствующая роль купли и платежа, благодаря которым 20 ф. ст. представляли бы по меньшей мере

четыре раза превращенную форму капитала (товара, включая сюда и рабочую силу), то они составили бы не капитал в 100 ф. ст., а лишь пять требований на 20 ф. ст. каждое.

Для стран с развитым кредитом мы можем допустить, что весь денежный капитал, который может быть употреблен для ссудных операций, существует в форме вкладов в банках и у денежных кредиторов. По крайней мере это справедливо для дела в общем и целом. К тому же в периоды хорошего положения дел, пока еще не разразилась спекуляция в собственном смысле слова, при легкости кредита и возрастающем доверии большая часть функций обращения выполняется просто с помощью кредита, без посредства металлических или бумажных денег.

Простая возможность иметь большую сумму вкладов, при сравнительно небольшом количестве средств обращения, зависит исключительно от:

1) числа покупок и платежей, выполняемых одними и теми же деньгами;

2) числа их обратных возвращений в банк в качестве вклада, причем их повторная функция платежного и покупательного средства опосредствуется превращением их снова во вклад. Например, розничный торговец еженедельно вкладывает у своего банкира 100 ф. ст. деньгами; банкир выплачивает ими часть вклада фабриканта; последний платит ими своим рабочим; рабочие платят ими розничному торговцу, который снова вносит их в банк. Вложенные розничным торговцем 100 ф. ст. послужили таким образом, во-первых, для уплаты вклада фабриканту, во-вторых, для оплаты рабочих, в-третьих, для того чтобы заплатить самому розничному торговцу, в-четвертых, для того чтобы вложить в банк новую часть денежного капитала того же самого розничного торговца; таким образом, если он сам не будет пользоваться вложенными им в банк деньгами, то по истечении 20 недель его вклад при посредстве одних и тех же 100 ф. ст. достигнет 2 000 фунтов стерлингов.

В какой степени этот денежный капитал остается незанятым, показывает лишь прилив и отлив резервного фонда банков. Отсюда г-н Уэгелин, в 1857 г. управляющий Английским банком, делает заключение, что золото в Английском банке является «единственным» резервным капиталом:

«1258. По моему мнению, учетная ставка фактически определяется количеством незанятого капитала, имеющегося в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически является золотым резервом. Поэтому, когда золото отливает, уменьшается количество незанятого капитала в стране, и вследствие этого повышается стоимость остальной его части». — [Ньюмарч] «1364. Золотой запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или запас наличных денег, на основе которого ведутся все дела страны... На этом-то запасе, или резервуаре, всегда сказывается изменение заграничного вексельного курса» («Report on Bank Acts», 1857).

Масштаб накопления действительного, то есть производительного и товарного, капитала показывает статистика вывоза и ввоза. И тут всегда обнаруживается, что для английской промышленности (1815—1870), развитие которой происходит десятилетними циклами, максимум последнего периода расцвета *перед* кризисом каждый раз оказывается минимумом ближайшего следующего периода расцвета, а затем наступает новый, гораздо более высокий максимум.

Действительная или объявленная стоимость продуктов, вывезенных из Великобритании и Ирландии в 1824 г., который был годом расцвета, составляла 40 396 300 фунтов стерлингов. С наступлением кризиса 1825 г. размер вывоза падает ниже этой суммы и колеблется между 35 и 39 миллионами в год. При новом расцвете в 1834 г. он превосходит предыдущий высший уровень, поднимаясь до 41 649 191 ф. ст., и в 1836 г. достигает нового максимума в 53 368 571 фунт стерлингов. В 1837 г. он снова падает до 42 миллионов, так что *новый минимум стоит уже выше старого максимума* и колеблется затем между 50 и 53 миллионными. Новый период расцвета поднимает затем в 1844 г. размеры вывоза до $58\frac{1}{2}$ миллиона, что опять-таки далеко превышает максимум 1836 года. В 1845 г. вывоз достигает 60 111 082 ф. ст., затем падает до 57 и более миллионов в 1846 г., составляет почти 59 млн. в 1847 г., 53 млн. в 1848 г., повышается в 1849 г. до $63\frac{1}{2}$ млн., в 1853 г. до 99 млн., в 1854 г. составляет 97 млн., в 1855 г. — $94\frac{1}{2}$ млн., в 1856 г. — почти 116 млн. и в 1857 г. достигает максимума в 122 миллиона. В 1858 г. вывоз падает до 116 млн., но уже в 1859 г. повышается до 130 млн., в 1860 г. до 136 млн., в 1861 г. составляет всего 125 миллионов (здесь новый минимум опять выше предшествующего максимума), в 1863 г. — $146\frac{1}{2}$ миллиона.

То же самое могло бы быть, конечно, доказано и по отношению к ввозу, который является показателем расширения рынка; здесь мы имеем дело лишь с масштабом производства. (Само собой разумеется, это справедливо по отношению к Англии лишь в эпоху фактической промышленной монополии: но это справедливо также по отношению ко всем вообще странам с современной крупной промышленностью в условиях, пока мировой рынок еще расширяется. Ф. Э.)

2) ПРЕВРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА ИЛИ ДОХОДА В ДЕНЬГИ, ПРЕВРАЩАЮЩИЕСЯ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ

Мы рассматриваем здесь накопление денежного капитала, поскольку оно не выражает застоя в движении коммерческого кредита или же экономного использования как действительно функционирующих средств обращения, так и резервного капитала агентов, занятых в воспроизводстве.

Кроме обоих этих случаев, накопление денежного капитала может возникнуть благодаря необычному притоку золота, как это имело место в 1852 и 1853 гг. вследствие открытия новых золотых приисков в Австралии и Калифорнии. Это золото вкладывали в Английский банк. Вкладчики брали вместо него банкноты, которые непосредственно вслед за тем не вкладывались ими в банки. Таким образом чрезвычайно увеличилось количество средств обращения. (Показания Уэглина. В. С. 1857, № 1329.) Банк старался использовать эти вклады, понизив учетную ставку до 2%. Накопленная в банке масса золота в течение шести месяцев 1853 г. возросла до 22—23 миллионов.

Накопление у всех капиталистов, ссужающих деньги, происходит, само собой разумеется, непосредственно в денежной форме, в то время как действительное накопление промышленного капитала совершается обыкновенно, как мы уже видели, путем увеличения элементов самого производительного капитала. Таким образом, развитие кредита и колоссальная концентрация денежно-ссудного дела в руках крупных банков должны уже сами по себе ускорять накопление ссудного капитала как отличную от действительного накопления форму. Это быстрое развитие ссудного капитала потому есть результат действительного накопления, что оно является следствием развития процесса воспроизводства, а прибыль, образующая источник накопления для таких денежных капиталистов, есть лишь часть прибавочной стоимости, выколачиваемой капиталистами, занимающимися воспроизводством (и в то же время присвоение части процентов на *чужие* сбережения). Ссудный капитал накапливается одновременно за счет промышленников и купцов. Мы видели, что в неблагоприятных фазах промышленного цикла ставка процента может подняться настолько высоко, что будет полностью поглощать прибыль некоторых отраслей, поставленных в особенно невыгодные условия. Вместе с тем падают цены государственных процентных бумаг и других ценных бумаг. Это тот момент, когда денежные капиталисты массами скупают обесцененные бумаги, которые в дальнейших фазах снова быстро поднимаются в цене до своего нормального уровня и выше. Тогда бумаги эти снова сбываются, и таким образом присваивается часть денежного капитала публики. Та часть бумаг, которая остается на руках скупивших их капиталистов, приносит им более высокие проценты, так как эти бумаги были куплены по пониженной цене. Но всю прибыль, получаемую денежными капиталистами и превращаемую обратно в капитал, они превращают прежде всего в ссудный денежный капитал. Следовательно, накопление последнего как отличное от действительного накопления, хотя и порожденное им, выступает уже, раз мы рассматриваем только денежных капиталистов, банкиров и т. д., как накопление этого особого класса капиталистов. И оно должно расти при всяком расши-

рении кредитного дела, сопровождающем действительное расширение процесса воспроизводства.

Если ставка процента низка, то это обесценение денежного капитала затрагивает главным образом вкладчиков, а не банки. До возникновения акционерных банков в Англии $\frac{3}{4}$ всех вкладов были беспроцентными. Если в настоящее время за них и уплачивается процент, то последний по меньшей мере на 1 пункт ниже процентной ставки данного дня.

Что касается накопления денег остальными капиталистами, то мы оставим в стороне ту часть, которая вкладывается в процентные бумаги и накапливается в этой форме. Мы рассматриваем только ту часть, которая выбрасывается на рынок как ссудный денежный капитал.

Здесь мы имеем прежде всего ту часть прибыли, которая не расходуется как доход, а предназначена для накопления, но для которой не находится на первых порах употребления в предприятии самих промышленных капиталистов. Прибыль эта существует непосредственно в товарном капитале, часть стоимости которого она составляет, и вместе с ним реализуется в деньгах. Если она (купца мы пока оставляем в стороне, о нем будем говорить особо) не превращается обратно в элементы производства товарного капитала, то в течение некоторого времени она должна оставаться в форме денег. Масса эта растет вместе с массой самого капитала, даже при уменьшающейся норме прибыли. Часть, которая должна быть израсходована как доход, мало-помалу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал банкира. Таким образом, даже рост части прибыли, расходуемой как доход, выражается в постепенном, постоянно совершающемся накоплении ссудного капитала. То же самое надо сказать и о другой части, предназначенной для накопления. Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, то есть потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это верно по отношению ко всем доходам, поскольку они потребляются постепенно, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в ее высших формах, доходу непроизводительных классов и т. д. Все они в известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превращены во вклады, а тем самым и в ссудный капитал. По отношению ко всякому доходу, предназначен ли он для потребления или для накопления, раз он существует в какой бы то ни было денежной форме, верно то положение, что доход есть превращенная в деньги часть стоимости товарного капитала, а следовательно, — выражение и результат действительного накопления, а не сам производительный капитал. Если прядильщик обменял свою пряжу на хлопок, а часть, составляющую доход, — на деньги, то действительное бытие его промышленного капитала — это пряжа,

перешедшая теперь в руки ткача или, быть может, индивидуального потребителя, и притом пряжа — предназначена ли она для воспроизводства или для потребления — есть бытие как капитальной стоимости, так и прибавочной стоимости, которая в ней заключается. Величина прибавочной стоимости, превратившейся в деньги, зависит от величины прибавочной стоимости, заключающейся в пряже. Но раз прибавочная стоимость превратилась в деньги, последние являются лишь стоимостным бытием этой прибавочной стоимости. И как таковое они становятся моментом ссудного капитала. Для этого требуется только, чтобы они были превращены во вклад, если только они уже не выданы в ссуду самим их собственником. Напротив, чтобы превратиться обратно в производительный капитал, сумма их должна достигнуть сначала определенного минимума.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ
ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ.— III
(окончание)

Таким образом, масса денег, которая превращается обратно в капитал, является результатом массового процесса воспроизводства, но рассматриваемая сама по себе, как ссудный денежный капитал, она не является массой производительного капитала.

Самый важный из выводов предшествующего исследования состоит в том, что расширение части дохода, предназначенной для потребления (причем мы оставляем в стороне рабочего, так как его доход = переменному капиталу), прежде всего проявляется как накопление денежного капитала. Следовательно, в накопление денежного капитала входит один момент, существенно отличающийся от действительного накопления промышленного капитала, потому что часть годового продукта, предназначенная для потребления, вовсе не становится капиталом. Другая часть годового продукта *возмещает* капитал, а именно, постоянный капитал производителей предметов потребления. Но поскольку она действительно превращается в капитал, она существует в натуральной форме дохода производителей этого постоянного капитала. Те же самые деньги, которые представляют доход, которые служат простыми посредниками потребления, регулярно превращаются на некоторое время в ссудный денежный капитал. Поскольку деньги эти представляют заработную плату, они являются в то же время денежной формой переменного капитала; а поскольку они возмещают постоянный капитал производителей предметов потребления, они являются денежной формой, которую временно принимает постоянный капитал, и служат для закупки элементов этого подлежащего возмещению постоянного капитала в натуре. Ни в той, ни в другой форме они сами по себе не выражают накопления, хотя масса их и растет с расширением процесса воспроизводства. Однако временно они выполняют функции ссужаемых денег, то есть денежного капитала. Следовательно, с этой стороны накопление денежного капитала всегда должно отражать в себе более значи-

тельное накопление капитала, чем то, которое совершается в действительности, так как расширение индивидуального потребления, благодаря тому, что оно осуществляется при посредстве денег, выступает как накопление денежного капитала, доставляя денежную форму для действительного накопления, для денег, открывающих новые сферы приложения капитала.

Итак, накопление ссудного денежного капитала отчасти выражает лишь тот факт, что всякие деньги, в которые превращается промышленный капитал в процессе своего кругооборота, принимают форму не денег, которые *авансируют* агенты воспроизводства, а денег, которые они *занимают*; таким образом, то авансирование денег, которое происходит в процессе воспроизводства, представляется авансированием заемных денег. В действительности на основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства. Но это принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, в свою очередь ссужает их другой части агентов воспроизводства, причем банкир этот кажется благодетелем; в то же время распоряжение этим капиталом оказывается полностью в руках банкира как посредника.

Нам остается лишь указать некоторые особые формы накопления денежного капитала. Капитал высвобождается, например, вследствие понижения цены элементов производства, сырых материалов и т. д. Если промышленник не может расширить непосредственно свой процесс воспроизводства, то часть его денежного капитала, как избыточная, выталкивается из кругооборота и превращается в ссудный денежный капитал. Но кроме того, капитал высвобождается в денежной форме, особенно у купца, когда наступают перерывы в ходе дела. Если купец совершил ряд сделок и вследствие таких перерывов может начать новый ряд сделок лишь позднее, то реализованные деньги представляют для него лишь сокровище, избыточный капитал. Однако в то же время они непосредственно представляют накопление ссудного денежного капитала. В первом случае накопление денежного капитала выражает повторение процесса воспроизводства при более благоприятных условиях, действительное высвобождение части ранее связанного капитала, следовательно, возможность расширения процесса воспроизводства при тех же самых денежных средствах. Во втором случае — простой перерыв потока сделок. Но в обоих случаях деньги превращаются в ссудный денежный капитал, представляют накопление этого последнего, оказывают влияние в одинаковой степени на денежный рынок и ставку процента, хотя в первом случае в этом находят себе выражение более благоприятные условия, во втором — препятствия для действительного процесса накопления. Наконец, на накопление денежного капитала влияет количество людей, которые, основательно упрочив свое положение, уда-

ляются от сферы воспроизводства. Чем больше прибыли создается в течение промышленного цикла, тем больше число таких людей. Тут накопление ссудного денежного капитала служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (в его относительном размере), с другой стороны, оно выражает собой лишь размеры превращения промышленных капиталистов в чисто денежных капиталистов.

Что касается остальной части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение дела в той сфере производства, в которой она создана. Последнее может происходить по двум причинам. Или потому, что данная сфера производства уже насыщена капиталом. Или потому, что накопленная сумма, для того чтобы функционировать как капитал, должна сначала достигнуть известных размеров, определяемых количественными отношениями новых вложений капитала в данном определенном предприятии. Поэтому накопленная сумма превращается сначала в ссудный денежный капитал и служит для расширения производства в других сферах. При прочих равных условиях масса прибыли, предназначенная для обратного превращения в капитал, зависит от массы всей произведенной прибыли и, следовательно, от расширения самого процесса воспроизводства. Если же это новое накопление наталкивается в своем применении на трудности, на недостаток сфер приложения, если, следовательно, имеет место переполнение отраслей производства и избыточное предложение ссудного капитала, то такой избыток ссудного денежного капитала указывает лишь на ограниченность *капиталистического* производства. Последующий кредитный ажиотаж показывает, что не существует никаких положительных препятствий для применения этого избыточного капитала. Но существуют препятствия, возникающие в силу законов возрастания капитала, из-за тех границ, в которых капитал может возрастать как капитал. Избыток денежного капитала как такового не выражает необходимо перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер приложения капитала.

Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс весьма отличен от действительного превращения денег в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, выражать моменты, весьма отличные от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления это расширение накопления денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накоп-

ления. Уже потому, что накопление ссудного капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но все же сопровождающих его моментов, в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток увеличивается по мере развития кредита. Вместе с этим избытком, следовательно, должна также усиливаться необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы, то есть возникают избыточная торговля, перепроизводство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение.

Что касается накопления денежного капитала из земельной ренты, заработной платы и т. п., то здесь излишне останавливаться на этом вопросе. Следует подчеркнуть лишь тот момент, что благодаря разделению труда в ходе развития капиталистического производства дело действительного сбережения и воздержания (собираемыми сокровищ), поскольку оно доставляет элементы накопления, выпадает на долю тех, которые получают минимальное количество этих элементов и зачастую еще теряют свои сбережения, как, например, рабочие при крахе банков. С одной стороны, промышленный капиталист не сам «сберегает» свой капитал, а распоряжается чужими сбережениями в количестве, пропорциональном величине своего капитала; с другой стороны, денежный капиталист делает чужие сбережения своим капиталом, а кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства, и который дает им публика, превращает в источник своего личного обогащения. Вместе с тем рушится последняя иллюзия капиталистической системы, будто капитал порождается собственным трудом и сбережением. Не только прибыль состоит в присвоении чужого труда, но и капитал, при помощи которого этот чужой труд приводится в движение и эксплуатируется, состоит из чужой собственности, которую денежный капиталист предоставляет в распоряжение промышленного капиталиста и за которую он эксплуатирует последнего в свою очередь.

Нам остается сделать еще несколько замечаний относительно ссудного капитала.

Насколько часто одни и те же деньги могут фигурировать в качестве ссудного капитала, это всецело зависит, как было показано выше, от того,

1) насколько часто они реализуют товарные стоимости в процессе продажи или платежа, перенося таким образом капитал, и от того, далее, насколько часто они реализуют доход. Насколько часто они переходят в другие руки в качестве реализованной стоимости, все равно капитала или дохода, это зависит, очевидно, от размеров и числа действительных оборотов;

2) это зависит от экономии платежей и от развития и организации кредитного дела;

3) наконец, от взаимного сцепления и быстроты действия кредитов, благодаря которым деньги, осев в одном месте в виде вклада, тотчас же снова wypлывают в другом — в виде ссуды.

Если даже предположить, что формой существования ссудного капитала является исключительно форма действительных денег, золота или серебра — товаров, вещество которых служит мерой стоимостей, — то и в этом случае значительная часть этого денежного капитала неизбежно будет фиктивной, то есть простым титулом стоимости, чем-то вроде знаков стоимости. Поскольку деньги функционируют в кругообороте капитала, они, хотя в известный момент и образуют денежный капитал, однако, не превращаются в ссудный денежный капитал, а или обмениваются на элементы производительного капитала, или же ими расплачиваются как средством обращения при реализации дохода и, следовательно, они не могут опять превратиться в ссудный капитал для своего владельца. Поскольку же они превращаются в ссудный капитал и одна и та же сумма денег повторно представляет ссудный капитал, ясно, что они лишь в одном пункте существуют как металлические деньги; во всех других пунктах они существуют лишь в форме притязаний на капитал. Накопление этих притязаний, согласно предположению, проистекает из действительного накопления, то есть из превращения стоимости товарного капитала и т. д. в деньги; и тем не менее накопление этих притязаний или титулов стоимости, как таковое, отлично и от действительного накопления, которым оно порождается, и от будущего накопления (нового процесса производства), которое опосредствуется выдачей денег в ссуду.

Prima facie * ссудный капитал всегда существует в форме денег⁹⁾, а позже как притязание на деньги, ибо деньги, в виде кото-

* — Сначала. *Ред.*

⁹⁾ В. А. 1857. Показание банкира Туэласа: «4516. Как банкир, ведете ли вы операции с капиталом или с деньгами? — Мы торгуем деньгами. — 4517. Как вносятся вклады в ваш банк? Деньгами. 4518. Как выплачиваются они? — Деньгами. [4519.] Итак, можно ли сказать, что они представляют нечто отличное от денег? — Нет».

Оверстон (см. гл. XXVI) постоянно путает «капитал» и «деньги». «Стоимость денег» означает у него также процент, но лишь постольку, поскольку последний определяется массой денег: «стоимость капитала» должна обозначать процент, поскольку он определяется спросом на производительный капитал и приносимой им прибылью. Он говорит: «4140. Слово «капитал» следует употреблять с осторожностью. — 4148. Вывоз золота из Англии означает уменьшение количества денег в стране, что должно, конечно, вообще говоря, вызывать увеличенный спрос на денежном рынке» [следовательно, по его мнению, не на рынке капитала]. — «4112. По мере того как деньги уходят из страны, количество их в стране уменьшается. Это уменьшение количества денег, остающихся в стране, вызывает повышение стоимости этих денег» (первоначально, по его теории, это означало повышение стоимости денег как денег сравнительно со стоимостью товаров, вызванное сокращением средств обращения, причем это повышение стоимости денег равняется, следовательно, понижению стоимости товаров. Но так как в дальнейшем даже для него стало несомненным, что масса обращающихся денег не определяет цен, то теперь уменьшение количества денег как средства обращения должно повысить их стоимость как капитала, приносящего проценты, и, следовательно, должно повысить ставку процента). «И это возрастание стоимости еще остающихся денег задерживает дальнейший отлив их и продолжается до тех пор, пока оно не привлечет обратно такое количество денег, какое необходимо для восстановления равновесия». Продолжение о противоречиях, в которые впадает Оверстон, — ниже.

рых он первоначально существует, находятся теперь в руках заемщика в действительной денежной форме. Для кредитора ссудный капитал превратился в право на получение денег, в титул собственности. Одна и та же масса действительных денег может поэтому представлять весьма различные массы денежного капитала. Просто деньги, представляют ли они реализованный капитал или реализованный доход, становятся ссудным капиталом благодаря одному акту ссуды, благодаря превращению их в депозит, если рассматривать общую форму при развитой кредитной системе. Вклад есть денежный капитал для вкладчика. Однако в руках банкира он может быть лишь потенциальным денежным капиталом, лежащим без движения в его кассе вместо того, чтобы лежать в кассе собственника этого капитала ¹⁰⁾.

С ростом вещественного богатства растет класс денежных капиталистов: с одной стороны, растет число и богатство капиталистов, отошедших от дел, рантье; а во-вторых, усиливается развитие кредитной системы, а вместе с тем растет число банкиров, кредиторов, финансистов и т. п. С развитием свободного денежного капитала увеличивается, как было показано выше, масса ценных бумаг, государственных процентных бумаг, акций и т. д. Но вместе с тем увеличивается и спрос на свободный денежный капитал, причем биржевики, спекулирующие этими бумагами, начинают играть главную роль на денежном рынке. Если бы все покупки и продажи этих бумаг были лишь выражением действительных вложений капитала, то мы имели бы право сказать, что они не могут влиять

¹⁰⁾ Здесь-то и выступает путаница, состоящая в том, что «деньгами» является и то и другое: и вклад как требование на платеж со стороны банкира, и депонированные деньги в руках банкира. Банкир Туэлс, давая показания перед банковской комиссией 1857 г., приводит следующий пример: «Я начинаю свое дело с 10 000 фунтов стерлингов. На 5 000 ф. ст. я покупаю товары и отправляю их на свой склад. Остальные 5 000 ф. ст. в виде вклада я помещаю у банкира, чтобы пользоваться ими по мере надобности. Но я все-таки рассматриваю всю сумму как мой капитал, хотя из нее 5 000 ф. ст. находятся в форме вклада или денег (4528)». Отсюда возникают следующие занятые дебаты: «4531. Следовательно, вы передали ваши 5 000 ф. ст. в банкнотах кому то другому? — Да, — 4532. Тогда этот другой имеет вклад в 5 000 фунтов стерлингов? — Да, конечно. — 4533. Но и вы имеете вклад в 5 000 фунтов стерлингов? Совершенно верно. — 4534. Он имеет 5 000 ф. ст. деньги, и вы имеете 5 000 ф. ст. деньги? — Да. — 4535. Но в конце концов это только деньги? — Нет». Путаница происходит здесь отчасти по следующей причине: А, который депонировал 5 000 ф. ст., может выписать из них требования, распоряжаться ими совершенно так же, как если бы эти деньги находились еще у него. В этом смысле они функционируют для него как потенциальные деньги. Но каждый раз, когда он пользуется ими, он *pro tanto* [соответственно] уменьшает сумму своего вклада. Если он берет из банка действительные деньги, причем его деньги уже отданы в новую ссуду, то ему платят не его собственными деньгами, но деньгами, вложенными в банк кем-либо другим. Если он уплачивает В долг чеком на своего банкира, причем В вкладывает этот чек у своего банкира, и банкир вкладчика А также имеет чек на банкира вкладчика В, так что оба банкира только обмениваются чеками, то деньги, вложенные А, дважды выполнили денежную функцию: во-первых, в руках того, кто получил деньги, вложенные А, и, во-вторых, в руках самого А. Другая функция состояла в погашении долговых требований (долговое требование А на своего банкира и долговое требование последнего на банкира В) без посредничества денег. Здесь вклад дважды функционирует как деньги, именно один раз как действительные деньги и другой раз — как право на получение денег. Простое право на получение денег может замещать деньги лишь путем взаимного погашения долговых требований.

на спрос ссудного капитала, так как если *A* продает свои бумаги, то он извлекает при этом ровно столько же денег, сколько *B* вкладывает в бумаги. Между тем даже там, где бумага хотя и существует, но уже не существует того капитала (по крайней мере как денежного капитала), который она первоначально представляла, она всегда вызывает *pro tanto* новый спрос на такой денежный капитал. Но во всяком случае это тот денежный капитал, которым раньше располагал *B*, а теперь располагает *A*.

В. А. 1857. № 4886: «Будет ли это, по вашему мнению, правильным указанием причин, определяющих учетную ставку, если я скажу, что она регулируется количеством находящегося на рынке капитала, который может быть употреблен для учета торговых векселей, в отличие от других видов ценных бумаг?» — [Чапмен:] «Нет; я придерживаюсь того взгляда, что на ставку процента влияют все легко превращаемые в деньги ценные бумаги (all convertible securities of a current character); было бы неправильно ограничивать вопрос только учетом векселей, потому что если существует большой спрос на деньги под* [зalog] «консолой или даже под свидетельства казначейства, как это в большой мере имело место в последнее время, и притом под проценты, значительно превышающие коммерческую процентную ставку, то было бы абсурдно сказать, что наш торговый мир не затрагивается этим; он весьма существенно затрагивается этим. — 4890. Если на рынке имеются хорошие и ходкие ценные бумаги, признаваемые банкирами как таковые, и если собственники хотят получить под них деньги, то это, без всякого сомнения, окажет влияние на торговые векселя; я не могу, например, ожидать, что мне дадут под торговый вексель деньги из 5%, если эти деньги можно в данное время ссудить под консоли и т. п. из 6%; такое же влияние это оказывает и на нас; никто не может требовать от меня, чтобы я учел его вексель из 5 1/2%, раз я могу ссудить мои деньги из 6%. — 4892. Относительно людей, которые на 2 000 ф. ст., 5 000 ф. ст. или 10 000 ф. ст. покупают ценные бумаги, считая это надежным вложением капитала, мы не скажем, что они оказывают существенное влияние на денежный рынок. Если вы меня спрашиваете о процентной ставке на ссуды под* [зalog] «консолой, то я имею в виду людей, которые совершают операции на сотни тысяч, так называемых джобберов, которые подписываются на публичные займы на большие суммы или покупают их на рынке, а затем вынуждены держать эти бумаги, пока можно будет сбыть их с прибылью; эти люди должны для этой цели занимать деньги».

С развитием кредитного дела создаются крупные концентрированные денежные рынки вроде Лондона, которые в то же время являются главными пунктами торговли этими бумагами. Банкиры предоставляют в распоряжение шайки таких торговцев громадные суммы денежного капитала публики, и благодаря этому растет это отродье игроков. «На фондовой бирже деньги обыкновенно дешевле, чем где бы то ни было», говорил в 1848 г. [Джемс Моррис] тогдашний управляющий Английским банком, давая показания перед секретной комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/1857, № 219).

При рассмотрении капитала, приносящего проценты, было уже показано, что средняя ставка процента для более или менее длинного ряда лет, при прочих равных условиях, определяется средней нормой прибыли, — не предпринимательского дохода, который сам есть не что иное, как прибыль минус процент*.

* См. настоящий том, ч. 1, с. 357—358. *Ред.*

Было также указано, что и для колебаний коммерческого процента — процента, устанавливаемого в торговом мире денежными кредиторами, занимающимися учетными и ссудными операциями, — в ходе промышленного цикла наступает фаза, когда ставка процента превосходит свой минимум и достигает средней высоты (которую она впоследствии превышает), причем движение это является результатом повышения прибыли, — и это было уже упомянуто и обстоятельнее будет исследовано впоследствии.

Однако здесь необходимо сделать два замечания.

Во-первых: если ставка процента в течение продолжительного времени держится высоко (мы говорим о ставке процента в определенной стране, например в Англии, где средняя процентная ставка дается для более или менее продолжительного периода и выражается также в том проценте, который уплачивается за ссуды на более продолжительный период и который можно назвать частным процентом), то это *prima facie* доказывает, что за этот период норма прибыли стоит высоко, хотя это еще вовсе не показатель того, что высока и норма предпринимательского дохода. Это последнее различие более или менее отпадает для капиталистов, которые работают преимущественно с собственным капиталом; они реализуют высокую норму прибыли, так как сами выплачивают себе процент. Возможность устойчивой высокой ставки процента, — мы не говорим здесь о фазе угнетения в собственном смысле, — дается высокой нормой прибыли. Возможно, однако, что эта высокая норма прибыли за вычетом высокой ставки процента оставляет лишь низкую норму предпринимательского дохода. Последняя может уменьшаться, в то время как высокая норма прибыли продолжает существовать. Это возможно потому, что однажды пущенные предприятия продолжают дальше функционировать. В этой фазе дело ведется в значительной мере за счет чисто заемного (чужого) капитала; и высокая норма прибыли иногда может быть чисто спекулятивной, предвосхищающей виды на будущее. Высокая ставка процента может выплачиваться при высокой норме прибыли, но уменьшающемся предпринимательском доходе. Она может выплачиваться, — и это отчасти имеет место в периоды спекуляции, — не из прибыли, а из самого заемного чужого капитала, и этот факт может иметь место длительное время.

Во-вторых: положение, что спрос на денежный капитал, а стало быть, и ставка процента, растет вследствие того, что норма прибыли высока, не тождественно с тем, что ставка процента высока потому, что растет спрос на промышленный капитал.

В периоды кризиса спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и ставка процента, достигает своего максимума; норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал снижается почти до нуля. В такое время каждый прибегает к кредиту лишь для того, чтобы платить, чтобы выполнить уже принятые на себя

обязательства. Напротив, в периоды нового оживления после кризиса ссудный капитал требуется для того, чтобы покупать и чтобы превращать денежный капитал в производительный или торговый капитал. В это время ссудный капитал требуют или промышленный капиталист или купец. Промышленный капиталист расходует его на средства производства и на рабочую силу.

Растущий спрос на рабочую силу сам по себе отнюдь еще не является основой для повышения ставки процента, поскольку последняя определяется нормой прибыли. Более высокая заработная плата никогда не бывает причиной более высокой прибыли, хотя в известные фазы промышленного цикла она может быть одним из ее последствий.

Спрос на рабочую силу может повышаться вследствие того, что эксплуатация труда совершается при особо благоприятных условиях, но повышающийся спрос на рабочую силу и, следовательно, на переменный капитал сам по себе не увеличивает прибыли, а уменьшает ее *pro tanto*. И тем не менее благодаря этому может возрасти спрос на переменный капитал, а потому и спрос на денежный капитал, что способно повышать ставку процента. Рыночная цена рабочей силы поднимается тогда выше своей средней величины, работу находит более чем среднее число рабочих, и одновременно растет ставка процента, так как при таких обстоятельствах повышается спрос на денежный капитал. Повышающийся спрос на рабочую силу удорожает этот товар, как и всякий другой, повышает цену рабочей силы, но не повышает прибыли, которая основывается главным образом на относительной дешевизне как раз этого товара. Но в то же время — при предположенных обстоятельствах — он повышает ставку процента, потому что повышает спрос на денежный капитал. Если бы денежный капиталист, вместо того чтобы давать свои деньги в ссуду, превратился в промышленника, то сам по себе тот факт, что ему пришлось бы платить дороже за труд, не повысил бы его прибыли, а понизил бы *pro tanto*. Общая конъюнктура могла бы сложиться так, что прибыль его все-таки возрастет, но отнюдь не потому, что он дороже оплачивал бы труд. Однако последнего обстоятельства, поскольку оно повышает спрос на денежный капитал, достаточно для того, чтобы повысить ставку процента. Если бы по каким-либо причинам повысилась заработная плата при конъюнктуре, в прочих отношениях неблагоприятной, то рост заработной платы понизил бы норму прибыли, но повысил бы ставку процента в той мере, в какой он увеличил бы спрос на денежный капитал.

То, что Оверстон называет «спросом на капитал», если оставить в стороне труд, состоит лишь в спросе на товары. Спрос на товары повышает их цену как в том случае, если спрос этот поднимается выше средней, так и в том случае, если предложение падает ниже средней. Если, например, промышленный капиталист или купец

должен уплатить теперь 150 ф. ст. за ту же массу товаров, за которую он раньше платил 100 ф. ст., то ему придется занять 150 ф. ст. вместо обычных 100 ф. ст. и, следовательно, при 5% придется платить $7\frac{1}{2}$ ф. ст. в качестве процента вместо прежних 5 фунтов стерлингов. Сумма, уплачиваемая им в качестве процента, увеличится, так как увеличится масса занятого капитала.

Попытка г-на Оверстона всецело сводится к тому, чтобы интересы ссудного и промышленного капитала представить тождественными, между тем как его банковский акт рассчитан именно на то, чтобы использовать различие этих интересов к выгоде денежного капитала.

В том случае, если предложение товаров падает ниже среднего уровня, спрос на товары может и не поглощать денежного капитала больше, чем прежде. Приходится уплачивать ту же самую, быть может, даже меньшую сумму за общую стоимость товаров, но за ту же сумму получают теперь меньшее количество потребительных стоимостей. В этом случае спрос на ссудный денежный капитал остается неизменным, и, следовательно, ставка процента не повышается, хотя спрос на товар по сравнению с его предложением, а потому и цена товара повышается. Ставка процента может быть затронута лишь в том случае, если возрастает общий спрос на ссудный капитал, а при вышеуказанных предположениях это не имеет места.

Возможен, однако, и такой случай, что предложение известного товара падает ниже среднего уровня, как это бывает, например, при неурожае зерновых, хлопка и т. п., но спрос на ссудный капитал растет, потому что имеет место спекуляция на еще большее повышение цен, а простейшее средство повысить цены состоит в том, чтобы временно устранить с рынка часть предложения. Для того же чтобы оплатить купленный товар, не продавая его, добываются деньги при помощи коммерческих «вексельных операций». В таком случае возрастает спрос на ссудный капитал, и ставка процента может повыситься в результате такой попытки искусственно помешать доступу товара на рынок. Более высокая ставка процента выражает тогда искусственное уменьшение предложения товарного капитала.

С другой стороны, спрос на известный продукт может возрасти вследствие того, что возросло его предложение и его цена упала ниже своего среднего уровня.

В этом случае спрос на ссудный капитал может остаться неизменным или даже упасть, так как на ту же самую сумму денег может быть приобретено большее количество товаров. Может, однако, появиться и спекулятивное образование запасов, частью чтобы использовать благоприятный момент для целей производства, частью в ожидании позднейшего повышения цен. В этом случае спрос на ссудный капитал может возрасти, и повышенная ставка

процента будет свидетельствовать о затратах капитала на образование избыточных запасов элементов производительного капитала. Мы рассматриваем здесь лишь спрос на ссудный капитал, поскольку на него влияют спрос и предложение товарного капитала. Уже ранее было показано, каким образом меняющееся в фазах промышленного цикла состояние процесса воспроизводства влияет на предложение ссудного капитала. Тривиальное положение, что рыночная ставка процента определяется предложением и спросом (ссудного) капитала, Оверстон хитро валит в одну кучу со своим собственным предположением, согласно которому ссудный капитал тождествен с капиталом вообще, и старается таким образом превратить ростовщика в единственного капиталиста, а его капитал — в единственный вид капитала.

В период угнетения спрос на ссудный капитал есть спрос на средство платежа и ничего более; это отнюдь не спрос на деньги как покупательное средство. Ставка процента может подняться при этом очень высоко независимо от того, имеется реальный капитал — производительный и товарный — в избытке или же его мало. Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на средства платежа есть просто спрос на то, что может быть превращено в *деньги*; поскольку же этого нет, поскольку, следовательно, ссуда средств платежа доставляет капиталистам не только *денежную форму*, но и недостающий им для платежей *эквивалент* в какой бы то ни было форме, постольку спрос на средства платежа есть спрос на *денежный капитал*. Это тот пункт, в котором в вопросе о кризисах одинаково правы и неправы сторонники двух противоположных мнений ходячей теории. Все те, кто утверждает, что существует лишь недостаток в средствах платежа, или имеют в виду только лиц, владеющих *bona fide* * обеспечением, или же настолько глупы, что приписывают банкам силу и обязанность превращать путем выпуска бумажек всех обанкротившихся спекулянтов в солидных, платежеспособных капиталистов. Те, кто говорит, что существует просто недостаток в капитале, или занимаются простой игрой слов, так как в действительности в такое время, вследствие избыточного ввоза и перепроизводства, имеется всегда обилие капитала, *не могущего превратиться в деньги*, или же они говорят лишь о тех рыцарях кредита, которые действительно попадают в условия, когда они больше не получают чужого капитала, чтобы хозяйствовать при его помощи, и потому требуют, чтобы банк не только помог им возратить утраченный капитал, но и дал возможность продолжать спекулятивные сделки.

Основу капиталистического производства составляет то, что деньги как самостоятельная форма стоимости противостоят товару; другими словами, меновая стоимость должна получить само-

* — надежным. Ред.

стоятельную форму в деньгах, а это возможно лишь благодаря тому, что определенный товар становится материалом, в стоимости которого измеряются все другие товары, что он именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром *par excellence* * в противоположность всем другим товарам. Это должно обнаруживаться в двойном направлении, и особенно у капиталистически развитых наций, которые в широких размерах замещают деньги, с одной стороны, кредитными операциями, с другой стороны, — кредитными деньгами. В периоды угнетения, когда кредит сокращается или совершенно прекращается, деньги внезапно абсолютно противопоставляются всем другим товарам как единственное средство платежа и истинное бытие стоимости. Отсюда всеобщее обесценение товаров, трудность, даже невозможность превратить их в деньги, то есть в их собственную чисто фантастическую форму. Но, с другой стороны, сами кредитные деньги суть деньги лишь постольку, поскольку они в сумме своей номинальной стоимости абсолютно замещают действительные деньги. Вместе с отливом золота становится проблематичной их обратимость в деньги, то есть их тождество с действительным золотом. Отсюда принудительные меры, повышение процентной ставки и т. д. с целью обеспечить условия обмена на золото. Это может быть доведено до крайности при помощи фальшивого законодательства, покоящегося на ложных теориях денег и навязанного нации в своих интересах торговцами деньгами, — Оверстонами и компанией. Но основа [кредитных денег] дана с основой самого способа производства. Обесценение кредитных денег (конечно, не их мнимое обесценение) расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное бытие этой стоимости в деньгах. Как денежная стоимость она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради нескольких миллионов в деньгах должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы в товарах. Это неизбежно при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При прежних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, не получают развития ни кредит, ни кредитные деньги. Пока общественный характер труда выступает как *денежная форма существования* товаров, то есть как *вещь*, существующая вне действительного производства, неизбежны денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. С другой стороны, ясно, что, пока не поколеблен кредит банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, а путем изъятия их увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает,

* по преимуществу. *Ред.*

что если бы производство внутри страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает приостановка размена банкнот со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению.

Имея в виду двух лиц, было бы смешно говорить, что оба они между собой имеют неблагоприятный платежный баланс. Если каждый из них является и должником и кредитором по отношению к другому и если требования их не погашаются взаимно, то ясно, что в конце концов лишь один оказывается должником другого на сумму разницы. Но дело обстоит иначе, когда речь идет о нациях. И что оно обстоит иначе, признают все экономисты, выдвигая положение, согласно которому платежный баланс данной нации может быть благоприятен и неблагоприятен для нее, несмотря на то, что ее торговый баланс в конце концов должен уравновеситься. Платежный баланс тем отличается от торгового баланса, что он есть торговый баланс, платеж по которому приходится на определенное время. Кризисы же сводят разницу между торговым и платежным балансом к короткому промежутку времени; и известные явления, развивающиеся в стране, которая охвачена кризисом и для которой теперь, следовательно, наступает время платежей, — эти явления уже сами по себе вызывают сокращение периода, в течение которого должно быть произведено погашение платежей. Во-первых, вывоз благородных металлов, затем распродажа консигнированных товаров, экспорт товаров с целью сбыть их или добыть под них денежную ссуду внутри страны, повышение ставки процента, востребование кредитов, падение курса ценных бумаг, распродажа иностранных ценных бумаг, привлечение иностранного капитала для вложения в эти обесцененные бумаги, наконец, банкротство, погашающее массу требований. При этом зачастую металл отправляется в страну, в которой разразился кризис, так как векселя на нее ненадежны и наиболее верным представляется платеж звонкой монетой. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношению к Азии все капиталистические нации, в большинстве случаев одновременно, оказываются ее прямыми или косвенными должниками. Как только эти различные обстоятельства окажут свое полное влияние на другую заинтересованную нацию, — у нее начинается экспорт золота и серебра, короче, наступает период платежей, и повторяются те же самые явления.

При коммерческом кредите процент, как разница между ценой в кредит и ценой на наличные деньги, лишь постольку входит в цену товаров, поскольку сроки векселей продолжительнее обыкновенных сроков. В противном случае это не имеет места. Объясняется это тем, что каждый одной рукой получает такой кредит,

а другой оказывает его. {Это не согласуется с моими наблюдениями. — Ф. Э.} Поскольку же в цену товаров входит дисконт, то он регулируется не коммерческим кредитом, а денежным рынком.

Если бы спрос и предложение денежного капитала, определяющие ставку процента, были тождественны со спросом и предложением действительного капитала, как это утверждает Оверстон, то процент должен был бы одновременно быть и низким и высоким в зависимости от того, какой товар имеется в виду, или по отношению к одному и тому же товару в различных стадиях (сырой материал, полуфабрикат, готовый продукт). В 1844 г. учетная ставка Английского банка колебалась между 4% (от января до сентября) и $2\frac{1}{2}\%$ — 3% от ноября до конца года. В 1845 г. она была $2\frac{1}{2}\%$, $2\frac{3}{4}\%$, 3% от января до октября, между 3% и 5% в последние месяцы. Средняя цена хлопка fair Orleans * была в 1844 г. $6\frac{1}{4}$ пенса, а в 1845 г. — $4\frac{7}{8}$ пенса. 3 марта 1844 г. запас хлопка в Ливерпуле составлял 627 042 кипы, а 3 марта 1845 г. — 773 800 кип. Если судить по низкой цене хлопка, то в 1845 г. учетная ставка должна была бы быть низкой, что фактически и наблюдалось в течение большей части этого периода. Но если судить по цене пряжи, то процент должен был бы быть высоким, так как цены были относительно, а прибыли абсолютно высоки. Из хлопка по 4 пенса за фунт при издержках прядения в 4 пенса в 1845 г. можно было выпрясть пряжу (№ 40 хороший secunda mule twist **), которая прядильщику обошлась бы таким образом в 8 пенсов и которую он в сентябре и октябре 1845 г. мог бы продать по $10\frac{1}{2}$ или $11\frac{1}{2}$ пенса за фунт. (См. ниже показания Уайли.)

Весь вопрос разрешается следующим образом:

Спрос и предложение ссудного капитала были бы тождественны со спросом и предложением капитала вообще (хотя последняя фраза нелепа: для промышленника или купца товар есть форма его капитала, тем не менее он никогда не нуждается в капитале как таковом, но всегда лишь в специальном товаре как таковом, покупает и оплачивает его как товар — хлеб или хлопок — независимо от той роли, которую товар сыграт в кругообороте его капитала) лишь в том случае, если бы вовсе не существовало денежных кредиторов, но зато ссужающие капиталисты владели бы машинами, сырыми материалами и т. п. и отдавали бы эту свою собственность в ссуду или внаем, — подобно тому как теперь сдаются дома, — промышленным капиталистам, которые сами являются собственниками части этих предметов. При таких обстоятельствах предложение ссудного капитала было бы тождественно с предложением элементов производства промышленным капиталистам или товаров купцам. Но совершенно ясно, что в этом случае распределение прибыли между кредитором и заемщиком всецело определялось бы

* — сорт хлопка. *Ред.*

** — сорт пряжи. *Ред.*

в первую очередь отношением между капиталом, данным в ссуду, и капиталом, составляющим собственность того, кто его применяет к делу.

По словам г-на Уэгелина (В. А. 1857), процентная ставка определяется «массой незанятого капитала» (252): есть «лишь показатель массы незанятого капитала, ищущего приложения» (271); позже этот незанятый капитал называется у него *floating capital* (485), причем под последним он понимает «банкноты Английского банка и другие средства обращения в стране, например, банкноты провинциальных банков и имеющуюся в стране монету... я включаю в *floating capital* также запасы банков» (502, 503), а позже он сюда же относит золото в слитках (503). Тот же Уэгелин утверждает, что Английский банк оказывает сильное влияние на процентную ставку в те периоды, «когда мы» (Английский банк) «фактически имеем в своих руках большую часть незанятого капитала» (1198), между тем как, согласно выше цитированным показаниям г-на Оверстона, Английский банк — «не место для капитала». Далее Уэгелин говорит:

«По моему мнению, учетная ставка определится количеством незанятого капитала в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически является золотым резервом. Таким образом, если запас благородного металла уменьшается, то это уменьшает количество незанятого капитала в стране и, следовательно, повышает стоимость остальной его части» (1258).

Дж. Стюарт Милль говорит (2102):

«Для поддержания платежеспособности своего банковского отделения Банк вынужден делать все возможное, чтобы пополнить резерв этого отделения: поэтому, как только он замечает, что наступает отлив, он должен обеспечить себе резерв и либо сократить учетные операции, либо продавать ценные бумаги».

Резерв, поскольку речь идет только о банковом отделении, есть резерв исключительно для вкладов. По мнению Оверстонов, банковое отделение должно действовать просто как банкир, не считаясь с «автоматическим» выпуском банкнот. Но в периоды действительного угнетения Английский банк независимо от запаса в банковом отделении, состоящего исключительно из банкнот, очень зорко следит за состоянием металлического запаса и должен следить, если он не хочет потерпеть крах. Ибо в той же самой степени, в какой исчезает металлический запас, исчезает и запас банкнот, и г-ну Оверстону, который столь мудро устроил это своим банковским актом 1844 г., это должно бы быть известно лучше, чем кому-либо другому.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ ПРИ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ

«Кредит есть великий регулятор скорости обращения... Отсюда понятно, почему период сильного угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с наполнением до отказа каналов обращения» («The Currency Theory Reviewed etc.», p. 65).

Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы экономического использования средств обращения основываются на кредите. Но с другой стороны: возьмем для примера банкноту в 500 фунтов стерлингов. *A* отдает ее сегодня *B* в уплату по векселю; *B* вносит ее в тот же день своему банкиру в качестве вклада; банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи ее вексель для *C*; *C* уплачивает ее своему банку, банк отдает ее вексельному маклеру в виде ссуды и т. д. Скорость, с которой обращается здесь банкнота, обслуживая покупки и платежи, обуславливается той скоростью, с которой она все снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада и затем опять переходит в другие руки в форме ссуды. Простая экономия средств обращения достигает наивысшего развития в Расчетной палате в простом обмене векселей, которым истек срок, и когда преобладает функция денег как средства платежа только для погашения излишков. Но само существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, а следовательно, и действенность этого метода сбалансирования платежей. Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как средства платежа, покоящейся, в свою очередь, на кредите (мы здесь оставляем в стороне большее или меньшее развитие техники концентрации таких платежей): встречные долговые требования, представленные векселями или чеками, либо погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает требование со счета одного на счет друго-

го, либо различные банкиры погашают их в своих расчетах между собой¹¹⁾. Концентрация 8—10 миллионов векселей в руках одного вексельного маклера, например фирмы Оверенд, Гёрни и К^о, была одним из главных средств местного расширения масштаба такого погашения платежей. Посредством этой экономии повышается эффективность средств обращения, поскольку требуется меньшее их количество, поскольку они требуются исключительно для уплаты балансовой разницы. С другой стороны, скорость движения денег, функционирующих как средство обращения (чем также достигается экономия), зависит всецело от потока покупок и продаж, а также от сцепления платежей, поскольку эти последние совершаются один за другим при помощи денег. Но кредит опосредствует и тем самым повышает скорость обращения. Так, например, отдельная монета может обслужить лишь пять оборотов и, функционируя как простое средство обращения без посредства кредита, дольше остается в каждой отдельных руках, если *A*, ее первоначальный владелец, делает покупку у *B*, *B* у *C*, *C* у *D*, *D* у *E*, *E* у *F*, и, следовательно, ее переход из одних рук в другие вызывается лишь действительными покупками и продажами. Если же *B* помещает деньги, уплаченные ему *A*, у своего банкира в виде вклада, а банкир выдает их *C*, учитывая его вексель, *C* делает покупку у *D*, *D* снова вносит деньги в виде вклада своему банкиру, последний ссужает их *E*, который совершает покупку у *F*, то сама скорость движения денег в качестве простого средства обращения (покупательного средства) обусловлена здесь несколькими кредитными операциями: депозитной операцией *B* у его банкира, учетной операцией последнего для *C*, депозитом *D* у его банкира и учетной операцией последнего для *E*,— следовательно, четырьмя кредитными операциями. Без этих кредитных операций данная монета не была бы в состоянии совершить в течение данного времени одну за другой пять отдельных покупок. Благодаря тому, что данная единица денег переходила из рук в руки — в качестве вклада и при учете векселей — без посредства действительных покупок и про-

¹¹⁾ Среднее число дней, в течение которых находилась в обращении банкнота:

Годы	Банкнота в 5 ф. ст.	Банкнота в 10 ф. ст.	Банкнота в 20—100 ф. ст.	Банкнота в 200—500 ф. ст.	Банкнота в 1000 ф. ст.
1792	?	236	209	31	22
1818	148	137	121	18	13
1846	79	71	34	12	8
1856	70	58	27	9	7

(Подсчеты кассира Английского банка Маршалла в «Report on Bank Acts», 1857, part II. Appendix, p. 300—301).

даж, ускорился ее переход из рук в руки в ряде действительных торговых актов купли-продажи.

Мы только что видели, что одна и та же банкнота может образовывать вклады у различных банкиров. Равным образом она может образовывать различные вклады у одного и того же банкира. Банкир учитывает вексель *B* банкнотой, вложенной *A*, *B* уплачивает *C*, *C* вносит в виде вклада ту же самую банкноту тому же самому банкиру, который ее выдал.

При рассмотрении простого денежного обращения («Капитал», кн. I, гл. III, 2) было уже показано, что количество действительно обращающихся денег, предполагаемая скорость обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок⁸. Тот же самый закон действителен и для обращения банкнот.

В следующей таблице (В. А. 1858, р. XXVI) указана среднегодовая сумма обращающихся банкнот Английского банка, поскольку они находились в руках публики, причем показаны суммы 5-, 10-фунтовых банкнот, 20-, 100-фунтовых и банкнот высшего, 200-, 1 000-фунтового достоинства; равным образом приведено процентное отношение суммы банкнот каждого достоинства к общему количеству обращающихся банкнот. Суммы даны округленно в тысячах фунтов стерлингов.

Годы	Банкноты в 5—10 ф. ст.	Процентное отношение	Банкноты в 20—100 ф. ст.	Процентное отношение	Банкноты в 200—1 000 ф. ст.	Процентное отношение	Всего ф. ст.
1844	9 263 ф. ст.	45,7	5 735 ф. ст.	28,3	5 253 ф. ст.	26,0	20 241 ф. ст.
1845	9 698 * *	46,9	6 082 * *	29,3	4 942 * *	23,8	20 722 * *
1846	9 918 * *	48,9	5 778 * *	28,5	4 590 * *	22,6	20 286 * *
1847	9 591 * *	50,1	5 498 * *	28,7	4 066 * *	21,2	19 155 * *
1848	8 732 * *	48,3	5 046 * *	27,9	4 307 * *	23,8	18 085 * *
1849	8 692 * *	47,2	5 234 * *	28,5	4 477 * *	24,3	18 403 * *
1850	9 164 * *	47,2	5 587 * *	28,8	4 646 * *	24,0	19 398 * *
1851	9 362 * *	48,1	5 554 * *	28,5	4 557 * *	23,4	19 473 * *
1852	9 839 * *	45,0	6 161 * *	28,2	5 856 * *	26,8	21 856 * *
1853	10 699 * *	47,3	6 393 * *	28,2	5 541 * *	24,5	22 653 * *
1854	10 565 * *	51,0	5 910 * *	28,5	4 234 * *	20,5	20 709 * *
1855	10 628 * *	53,6	5 706 * *	28,9	3 459 * *	17,5	19 793 * *
1856	10 680 * *	54,4	5 645 * *	28,7	3 323 * *	16,9	19 648 * *
1857	10 659 * *	54,7	5 567 * *	28,6	3 241 * *	16,7	19 467 * *

Итак, за период с 1844 по 1857 г. общая сумма обращающихся банкнот положительно уменьшилась, несмотря на то, что торговый оборот, как показывают цифры ввоза и вывоза, более чем уд-

воилсь. Сумма мелких банкнот в 5 ф. ст. и в 10 ф. ст. увеличилась, как видно из таблицы, с 9 263 000 ф. ст. в 1844 г. до 10 659 000 ф. ст. в 1857 году. И это одновременно с тем значительным увеличением золотого обращения, которое как раз имело тогда место. Напротив, сумма банкнот более высоких достоинств (в 200—1 000 ф. ст.) упала с 5 856 000 в 1852 г. до 3 241 000 ф. ст. в 1857 году. Следовательно, произошло уменьшение более чем на 2½ миллиона фунтов стерлингов. Это объясняется следующим образом:

«8 июня 1854 г. частные лондонские банкиры допустили к участию в работе Расчетной палаты акционерные банки, и вскоре после этого Английский банк стал производить окончательные безналичные расчеты. Ежедневные расчеты совершаются теперь путем переводов на счета, которые различные банки имеют в Английском банке. Благодаря введению этой системы стали излишними банкноты крупных купюр, которыми раньше банки пользовались для взаимного погашения счетов» (В. А. 1858, р. V).

К какому минимуму сводится применение денег в оптовой торговле, видно из таблицы, которая напечатана в «Капитале», кн. I, гл. III, прим. 103⁹ и которая была предоставлена комиссии палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству фирмой Моррисон, Диллон и К^о, одной из тех крупнейших лондонских фирм, где розничный торговец может закупить весь нужный ему запас товаров всякого рода.

Согласно показанию У. Ньюмарча перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (В. А. 1857) № 1741, экономии средств обращения способствовали еще и другие обстоятельства: почтовый сбор в 1 пенс, железные дороги, телеграфы, словом, улучшение средств сообщения; поэтому Англия может в настоящее время почти при том же самом обращении банкнот делать в пять и шесть раз большие обороты, чем раньше. Те же самые причины в значительной степени способствовали вытеснению из сферы обращения банкнот более чем 10-фунтового достоинства. Здесь же Ньюмарч видит естественное объяснение того, что в Шотландии и Ирландии, где обращаются даже билеты в 1 ф. ст., обращение банкнот возросло почти на 31% (1747). Сумма всех обращающихся в Соединенном королевстве банкнот, включая и банкноты в 1 ф. ст., составляет, по его словам, 39 миллионов фунтов стерлингов (1749). Сумма обращающегося золота = 70 миллионам фунтов стерлингов (1750). В Шотландии в 1834 г. было в обращении банкнот на 3 120 000 фунтов стерлингов; в 1844 г. — на 3 020 000 фунтов стерлингов; в 1854 г. — на 4 050 000 фунтов стерлингов (1752).

Уже отсюда следует, что увеличение количества обращающихся банкнот, которые могут быть во всякое время обменены на деньги, отнюдь не зависит от произвола эмиссионных банков. {О необратимых в золото бумажных деньгах здесь вообще нет речи; необратимые в золото банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются

государственным кредитом, как, например, в настоящее время в России. Они подпадают таким образом под действие указанных выше («Капитал», кн. I, гл. III, 2, с: монета, знак стоимости) законов, управляющих движением необратимых в золото казначейских бумажных денег. — Ф. Э.]

Количество обращающихся банкнот подчиняется в своем движении потребностям оборота, и каждая лишняя банкнота тотчас же возвращается к выпустившему ее учреждению. Так как в Англии только билеты Английского банка имеют всеобщее хождение как законное средство платежа, то мы можем здесь совершенно пренебречь незначительным и исключительно местным обращением билетов провинциальных банков.

В своих показаниях перед комиссией палаты общин 1858 г. по банковскому законодательству (В. А. 1858) г-н Нив, управляющий Английским банком, говорит:

«№ 947. (Вопрос:) Какие бы меры вы ни принимали, количество банкнот в руках публики остается, по вашим словам, тем же самым, то есть приблизительно 20 миллионов фунтов стерлингов? — В обычное время для нужд публики необходимо, по-видимому, приблизительно 20 миллионов. В известные, периодически повторяющиеся времена года сумма эта повышается на 1 или $1\frac{1}{2}$ миллиона. Если публике требуется больше, то она может, как я сказал, всякий раз получить их из Английского банка. — 948. Вы сказали, что во время паники публика не позволяла вам уменьшать сумму банкнот; не сообразовали ли вы объяснить это? — В периоды паники публика, как мне кажется, имеет полную возможность получать банкноты; и, конечно, пока Банк имеет обязательства, публика может по этим обязательствам извлекать из Банка банкноты. — 949. Таким образом, по-видимому, неизменно существует потребность приблизительно в 20 млн. ф. ст. банкнотами Английского банка? — 20 млн. ф. ст. банкнотами на руках у публики; сумма эта меняется. Бывает $18\frac{1}{2}$, 19, 20 миллионов и т. д.; но в среднем 19—20 миллионов».

Показание Томаса Тука перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57):

№ 3094. «Банк не может произвольно увеличивать количество банкнот, находящихся на руках публики; он может уменьшить количество банкнот на руках публики, но лишь при посредстве весьма насильственной операции».

И. Ч. Райт, в течение 30 лет банкир в Ноттингеме, обстоятельно выяснив, что провинциальные банки совершенно не в состоянии держать в обращении большее количество банкнот, чем то, в котором нуждается и которого хочет публика, говорит о билетах Английского банка (С. D. 1848/57):

№ 2844. «Мне неизвестны какие-либо пределы» (выпуска банкнот) «для Английского банка, но всякий избыток средств обращения перейдет во вклады и, таким образом, примет иную форму».

То же самое относится и к Шотландии, где обращаются почти исключительно бумажные деньги, так как здесь, как и в Ирландии, допущены билеты однофунтового достоинства и так как «the scotch hate gold»*. Кеннеди, управляющий одного шотланд-

* — «шотландцы ненавидят золото». *Ред.*

ского банка, заявляет, что банки не в состоянии сократить обращение своих банкнот, и

«придерживается того взгляда, что, пока сделки внутри страны требуют для своего осуществления банкнот или золота, банкиры должны доставлять столько средств обращения, сколько нужно для этих сделок, — по требованию ли своих вкладчиков, или как-либо иначе... Шотландские банки могут ограничить свои операции, но они не в состоянии контролировать выпуск банкнот» (там же, №№ 3446, 3448).

В том же духе высказывается Андерсон, управляющий Union Bank of Scotland (там же, № 3578).

«Препятствует ли система взаимного обмена банкнотами» {между шотландскими банками} «чрезмерному выпуску банкнот со стороны какого-либо отдельного банка? — Конечно, но мы имеем в своих руках средство более действенное, чем обмен банкнотами» {который в действительности не имеет к указанной цели никакого отношения, хотя и обеспечивает обращение билетов каждого отдельного банка по всей Шотландии}, «и это обычная практика в Шотландии — иметь счет в банке; каждый, имеющий какие бы то ни было деньги, имеет также и счет в каком-либо банке и ежедневно вносит туда все деньги, в которых он не нуждается сам в данный момент, так что к концу каждого делового дня в банках оказываются все деньги за исключением тех, которые каждый имеет в кармане».

Так же обстоит дело и в Ирландии (см. показания перед той же самой комиссией управляющего Ирландским банком Мак-Доннелла и директора провинциального банка Ирландии Марри).

Обращение банкнот, не завися от воли Английского банка, является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых Банка, который обеспечивает размен этих банкнот.

«18 сентября 1846 г. имелось в обращении билетов Английского банка на сумму 20 900 000 ф. ст., а его металлический запас составлял 16 273 000 фунтов стерлингов; 5 апреля 1847 г. сумма обращающихся билетов составляла 20 815 000 ф. ст., металлический запас — 10 246 000 фунтов стерлингов... Следовательно, несмотря на вывоз 6 млн. ф. ст. благородного металла, обращение банкнот несколько не сократилось» (J. G. Kinnear. «The Crisis and the Currency». London, 1847, p. 5).

Однако само собой разумеется, что это верно лишь при условиях, господствующих в настоящее время в Англии, да и там лишь постольку, поскольку законодательство не установит иного отношения между вынужденным банкнот и металлическим запасом.

Следовательно, влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого хода дел. Здесь прежде всего следует принять во внимание периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет

«в один месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц низкого, в третий же месяц оно стоит на средней точке» (Ньюмарч, В. А. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов фунтов стерлингов, по большей части золотом, уходит из Английского банка во внутреннее обращение в связи с расходами по уборке урожая;

так как здесь речь главным образом идет о выдаче заработной платы, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. К концу года эти деньги снова притекают в Банк. В Шотландии вместо соверенов обращаются почти исключительно банкноты однофунтового достоинства; поэтому здесь в соответствующих случаях, именно два раза в год, в мае и ноябре, обращение банкнот увеличивается с 3 до 4 млн. фунтов стерлингов; спустя 14 дней начинается уже обратный приток, и в течение месяца он почти заканчивается (Андерсон, С. Д. 1848/57, № 3595—3600).

Обращение банкнот Английского банка испытывает, кроме того, четыре раза в год преходящие колебания в связи с тем, что каждую четверть года уплачиваются «дивиденды», то есть проценты по государственному долгу, для чего банкноты сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются; но очень скоро они опять притекают обратно. Уэгедин (В. А. 1857, № 38) определяет размеры вызываемого этим колебания в обращении банкнот в $2\frac{1}{2}$ миллиона. Напротив, г-н Чапмен, представитель пресловутой фирмы Оверенд, Гёрни и К^о, оценивает вызываемое этим нарушение на денежном рынке значительно выше.

«Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 миллионов в виде государственных доходов, чтобы выплатить ими дивиденды, то должен же быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответственную сумму» (В. А. 1857, № 5196).

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах обращающихся средств, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла. Вот что говорит об этом другой компаньон той же фирмы, достопочтенный квакер Самюэл Гёрни (С. Д. 1848/57, № 2645).

«В конце октября (1847 г.) на руках у публики имелось банкнот на 20 800 000 фунтов стерлингов. В то же время можно было лишь с большим трудом получить банкноты на денежном рынке. Причиной этого являлось всеобщее опасение, что вследствие ограничений банковского акта 1844 г. нельзя будет приобрести банкноты в достаточном количестве. В настоящее время» (март 1848 г.) «на руках публики находится банкнот... 17 700 000 ф. ст., но так как теперь нет никакой коммерческой паники, то это гораздо больше, чем нужно. В Лондоне нет ни одного банкира или торговца деньгами, который не имел бы банкнот больше, чем он может использовать... 2650. Сумма банкнот... находящихся вне Английского банка, является совершенно недостаточным показателем активного состояния обращения, если наряду с этим не принять во внимание... состояние торговли и кредита. 2651. Если в настоящее время чувствуется, что при данных размерах обращения на руках публики имеется избыток банкнот, то это в значительной степени объясняется нынешним состоянием большого застоя. При высоких ценах и оживлении дел эти же 17 700 000 ф. ст. вызывали бы у нас ощущение недостаточности денег в обращении».

{ Пока положение дел таково, что выданные авансы возвращаются регулярно и, следовательно, кредит непоколеблен, расширение и сокращение обращения регулируются просто нуждами промышленников и купцов. Так как золото, по крайней мере в Англии, не играет роли в оптовой торговле и так как обращение золота, если

оставить в стороне сезонные колебания, может рассматриваться как величина весьма постоянная в течение более или менее продолжительного времени, то обращение билетов Английского банка является достаточно точным показателем масштаба этих перемен. В период затишья после кризиса размеры обращения всего меньше; с новым оживлением спроса возрастает также потребность в средствах обращения, увеличивающаяся вместе с расцветом; высшей точки количество средств обращения достигает в период чрезмерного напряжения и чрезмерной спекуляции, — тогда разражается кризис и разом исчезают с рынка еще накануне имевшиеся в таком обилии банкноты, а вместе с ними дисконтеры векселей, кредиторы под залог ценных бумаг, покупатели товаров. Английский банк призывается на помощь, но и его силы скоро истощаются, банковский акт 1844 г. принуждает его ограничить обращение его банкнот как раз в такой момент, когда все вопят, требуя банкнот, когда товаровладельцы не могут продать и все же обязаны платить, а потому готовы на всякие жертвы, только бы раздобыть банкнот.

«Во время паники», — говорит упомянутый выше банкир Райт (там же, № 2930), — «стране требуется средств обращения вдвое больше, чем в обычное время, так как банкиры и другие лица создают себе запасы средств обращения».

Как только разражается кризис, речь идет лишь о средствах платежа. Но так как в поступлении этих средств платежа каждый зависит от других и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за средствами платежа, находящимися на рынке, то есть за банкнотами. Каждый припрятывает столько банкнот, сколько ему удастся получить, и, таким образом, банкноты исчезают из обращения именно тогда, когда потребность в них всего острее. Для октября 1847 г. Самюэл Гёрни (С. D. 1848/57, № 1116) оценивает количество таких банкнот, находившихся под замком в момент паники, в 4—5 миллионов фунтов стерлингов. — *Ф. Э.*

В этом отношении особенно интересны показания компаньона Гёрни, упомянутого выше Чапмена, перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (В. А. 1857). Я передаю основное содержание их в данной связи, хотя некоторые затронутые в показаниях вопросы будут исследованы нами позднее.

Показание г-на Чапмена гласит:

«4963. Я без малейшего колебания заявляю также, что не считаю правильным, чтобы денежный рынок находился во власти какого-либо отдельного капиталиста (каких немало в Лондоне), имеющего возможность вызвать колоссальный недостаток в деньгах и стесненное положение как раз в то время, когда размеры обращения очень невелики... Возможно... имеется не один капиталист, который для своих целей в состоянии извлечь из сферы обращения 1 или 2 млн. ф. ст. банкнотами, если это ему выгодно».

4965. Крупный спекулянт может продать на 1 или 2 миллиона консолей и таким образом изъять деньги с рынка. Нечто подоб-

ное имело место недавно, результатом чего явилось «в высшей степени сильное угнетение».

4967. В таком случае банкноты, конечно, непроизводительны.

«Но это не важно, раз достигается великая цель — падение цены фондовых бумаг, безденежье, и крупный спекулянт имеет полную возможность достигнуть этого».

Вот пример: однажды на фондовой бирже обнаружился сильный спрос на деньги, никто не знал причины, кто-то обратился к Чапмену с просьбой ссудить 50 000 ф. ст. из 7%. Чапмен был поражен: его процентная ставка была гораздо ниже; он согласился. Немедленно вслед за этим тот же человек явился снова, взял еще 50 000 ф. ст. из $7\frac{1}{2}\%$, затем 100 000 ф. ст. из 8% и изъявил желание занять еще более крупную сумму из $8\frac{1}{2}\%$. Тогда даже Чапменом овладели опасения. Впоследствии обнаружилось, что значительная сумма денег была внезапно изъята с рынка. Однако, рассказывает Чапмен,

«я все же ссудил значительную сумму из 8%; идти дальше я опасался: я не знал, что из этого может выйти».

Хотя от 19 до 20 млн. ф. ст. банкнот более или менее постоянно находится будто бы в руках публики, тем не менее не следует забывать, что постоянно и значительно изменяется отношение между той частью этих банкнот, которая действительно обращается, и той их частью, которая как резерв лежит неподвижно в банках. Если этот резерв велик и, следовательно, уровень действительного обращения низок, то, с точки зрения денежного рынка, это означает, что каналы обращения заполнены (*the circulation is full, money is plentiful*); если резерв мал, следовательно, каналы действительного обращения наполнены, то, с точки зрения денежного рынка, это состояние называется низким уровнем обращения (*the circulation is low, money is scarce*), то есть незначительные размеры имеет та часть, которая представляет незанятый ссудный капитал. Действительное, независимое от фаз промышленного цикла расширение или сокращение обращения, — причем, однако, сумма, которая требуется публикой, остается неизменной, — имеет место лишь вследствие чисто технических причин, например во время уплаты налогов или процентов по государственному долгу. Когда уплачиваются налоги, банкноты и золото притекают в Английский банк сверх обычной меры и фактически сокращают обращение независимо от потребностей в последнем. Обратное происходит, когда выплачиваются дивиденды по государственному долгу. В первом случае делаются займы в банке с тем, чтобы иметь средства обращения. Во втором случае процентная ставка в частных банках падает вследствие временного увеличения их резервов. Это несколько не затрагивает абсолютную сумму средств обращения; дело касается только банковской фирмы, которая пускает эти средства в обращение; для нее этот процесс представляет

отчуждение ссудного капитала, и она, следовательно, кладет в карман прибыль от этой операции.

В одном случае происходит просто временное перемещение обращающихся средств, и Английский банк уравнивает его таким образом, что незадолго до срока платежа налогов за четверть года или выдачи дивидендов за такой же срок выдает краткосрочные ссуды по пониженному проценту; эти выпущенные таким образом сверх обычного банкноты сначала восполняют тот недостаток, который получается вследствие уплаты налогов, между тем как погашение указанных ссуд немедленно возвращает банку излишек банкнот, попавший в руки публики благодаря выплате дивидендов.

В другом случае низкий или высокий уровень обращения означает всегда лишь иное распределение той же самой массы средств обращения между активным обращением и вкладами, то есть орудием займов.

С другой стороны, если, например, благодаря притоку золота в Английский банк соответственно увеличивается количество выпущенных банкнот, то эти последние облегчают учет вне банка и притекают обратно в виде платежей по займам, так что абсолютная масса обращающихся банкнот увеличивается лишь на короткий срок.

Если уровень обращения является высоким вследствие расширения дел (что возможно и при сравнительно низких ценах), то ставка процента может быть сравнительно высокой благодаря спросу на ссудный капитал, обусловленному растущей прибылью и увеличением новых капиталовложений. Если уровень обращения низок вследствие сокращения дел или вследствие легкости получения кредита, то ставка процента может быть низкой даже и при высоких ценах. (См. показание Хаббарда *.)

Абсолютная величина обращения оказывает определяющее влияние на процентную ставку только в периоды застоя. При этом спрос на высокий уровень обращения (оставляя в стороне уменьшение скорости, с которой обращаются деньги и с которой одни и те же деньги снова и снова превращаются в ссудный капитал) выражает собой только спрос на средства образования сокровищ вследствие отсутствия кредита, как это было в 1847 г., когда приостановка действия банковского акта не вызвала расширения обращения, но оказалась достаточной для того, чтобы снова извлечь на свет божий припрятанные банкноты и бросить их в обращение. Или же при известных обстоятельствах может действительно потребоваться большее количество средств обращения, как в 1857 г., когда после приостановки действия банковского акта обращение на некоторое время действительно возросло.

* См. настоящий том, ч. 2, с. 85—87. *Ред.*

В других же случаях абсолютная величина обращения не влияет на ставку процента, так как она, предполагая экономию и скорость обращения постоянными, во-первых, определяется ценой товаров, количеством сделок (причем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и, наконец, состоянием кредита, а отнюдь не определяет последнее, так как, во-вторых, цены товаров и процентная ставка не зависят друг от друга.

Во время действия акта о банковской рестрикции (1797—1819)¹⁰ имел место избыток средств обращения, ставка процента была всегда значительно выше, чем в то время, когда был восстановлен размен банкнот. Позже, с сокращением выпуска банкнот и повышением вексельных курсов, она быстро упала. В 1822, 1823, 1832 гг. общий уровень обращения был низок, процентная ставка была также низкой. В 1824, 1825, 1836 гг. отмечался высокий уровень обращения, ставка процента тоже повысилась. Летом 1830 г. обращение достигло высокого уровня, а ставка процента была низкой. После открытия новых месторождений золота денежное обращение расширилось во всей Европе, ставка процента повысилась. Ставка процента не зависит, таким образом, от количества обращающихся денег.

Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала обнаруживается лучше всего в действительном процессе воспроизводства. Мы видели («Капитал», кн. II, отдел III), каким образом обмениваются различные составные части производства. Например, переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств рабочих, то есть из части их собственного продукта. Но он выплачивается им по частям в форме денег. Капиталист должен авансировать эти деньги, и от организации кредитного дела в значительной степени зависит, в состоянии ли он в ближайшую неделю выплатить новый переменный капитал теми же самыми деньгами, которыми он платил в предыдущую неделю. То же самое относится и к актам обмена между различными составными частями всего общественного капитала, например, между предметами потребления и средствами производства предметов потребления. Деньги для их обращения, как мы видели, должны быть авансированы одной или обеими обменивающимися сторонами. Деньги остаются затем в сфере обращения, но по завершении обмена всегда снова возвращаются к тому, кто их авансировал, так как они были авансированы сверх его действительно занятого промышленного капитала (см. «Капитал», кн. II, гл. XX¹¹). При развитом кредите, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние, по крайней мере номинально, ссужают деньги. Такая ссуда касается лишь денег, находящихся в обращении. Перед нами ссуда средств обращения, а не ссуда капиталов, обращающихся при помощи этих средств.

Чапмен: «5062. Может яступить период, когда банкноты в большом количестве находятся в руках публики и тем не менее их невозможно достать».

Деньги имеются и во время паники; но тогда каждый остерегается превращать их в ссудный капитал, в ссужаемые деньги; каждый удерживает их на случай действительной необходимости платить.

«5099. Отправляют ли банки сельских округов свои свободные остатки вам и другим лондонским фирмам? — Да. — 5100. С другой стороны, дисконтируют ли у вас векселя для своих коммерческих целей фабричные округа Ланкашира и Йоркшира? — Да. — 5101. Так что благодаря этому избыточные деньги одной части страны могут быть использованы для нужд другой части страны? — Совершенно верно».

Чапмен утверждает, что обычай банков употреблять избыточный денежный капитал на короткие сроки для покупки консолей и свидетельств казначейства стал практиковаться реже за последнее время, когда вошло в обычай ссужать эти деньги at call (до востребования в любое время). Сам он считает покупку такого рода бумаг для своего предприятия в высшей степени нецелесообразной. Поэтому он помещает деньги в надежные векселя, для части которых ежедневно наступает срок, так что он всегда знает, на какое количество свободных денег он может каждый день рассчитывать {5101—5105}.

Даже увеличение вывоза проявляется — более или менее во всякой стране, особенно же в стране, оказывающей кредит, — как растущий спрос на внутреннем денежном рынке, причем, однако, спрос этот начинает ощущаться как таковой лишь во времена зстоя. В периоды, когда вывоз растет, британские фабриканты выписывают обычно под английские готовые изделия, отправленные за границу на консигнацию, долгосрочные векселя на экспортера-купца (5126).

«5127. Не существует ли договоренность время от времени возобновлять такого рода векселя?» — [Чапмен.] «Это они держат от нас в тайне; мы бы не приняли такого векселя... Конечно, это может случаться, но я о чем-либо подобном ничего не могу сказать». (Невинный Чапмен.) — «5129. Если имеет место большое увеличение вывоза, как, например, теперь, когда за один только прошлый год вывоз увеличился на 20 млн. ф. ст., не приводит ли оно само собой к увеличенному спросу на капитал для учета векселей, представляющих этот вывоз? — Несомненно. — 5130. Так как Англия, как правило, предоставляет за границе кредит на всю сумму своего экспорта, то не может ли это вызывать поглощения соответственного добавочного капитала на все время, пока длится этот кредит? — Англия оказывает огромный кредит, но взамен этого она получает в кредит необходимое ей сырье. Америка выписывает на нас всегда векселя на 60 дней, другие страны — на 90 дней. С другой стороны, мы оказываем кредит; когда мы отправляем товары в Германию, кредит этот длится 2 или 3 месяца».

Уилсон спрашивает Чапмена (5131), не выписываются ли векселя на Англию под это импортируемое сырье и колониальные товары уже одновременно с их погрузкой и не получают ли они одновременно с накладными? Чапмен полагает, что это так, но не

знает ничего об этих «купеческих» делах и рекомендует спросить более осведомленных людей. — При экспорте в Америку, говорит Чапмен, «товары символизируются в транзите»; эта тарабарщина должна означать, что английский экспортер-купец выписывает под товары четырехмесячный вексель на одну из крупных американских банкирских фирм в Лондоне, а покрытие банкирская фирма получает из Америки [5133].

«5136. Не ведутся ли, как правило, дела с отдаленными странами при помощи купцов, которые дожидаются возвращения своего капитала, пока не будут проданы товары? — Быть может, и существуют фирмы настолько богатые, что они могут вкладывать в товары свой собственный капитал, не прибегая к ссудам под товары; однако в большинстве случаев эти товары превращаются в ссуды при посредстве акцепта известных фирм. 5137. Такие фирмы находятся в Лондоне, Ливерпуле и других местах. — 5138. Итак, безразлично, должен ли фабрикант затратить свои собственные деньги, или же он находит в Лондоне или Ливерпуле купца, который ссужает ему деньги; во всяком случае мы имеем дело с авансом, предоставленным в Англии? — Совершенно верно. Фабрикант лишь в немногих случаях имеет к этому какое-либо отношение» (между тем, в 1847 г. так было почти во всех случаях). «Торговец готовыми товарами, например в Манчестере, закупает товары и отправляет их за море через посредство солидной лондонской фирмы; как только лондонская фирма убедилась, что погружено все, согласно условию, торговец выписывает на эту лондонскую фирму шестимесячный вексель под эти направляемые в Индию, Китай или другую страну товары: тогда в это дело включается банковский мир и дисконтирует ему этот вексель, так что к тому времени, когда торговец должен платить за купленные им товары, он уже имеет деньги, полученные путем учета этого векселя. 5139. Но если он и имеет эти деньги, то банкиру все же пришлось их ссудить? — *Банкир имеет вексель; банкир купил вексель*; он применяет свой банковский капитал в этой форме, в форме учета торговых векселей». [Следовательно, и Чапмен рассматривает учет векселей не как ссуду, а как куплю товара. — Ф. Э.] «5140. Однако это все же составляет часть спроса на лондонском денежном рынке? — Без сомнения, в этом существенное назначение денежного рынка и Английского банка. Английский банк с такой же охотой принимает такие векселя, как и мы, так как он знает, что это хорошее применение денег. 5141. По мере того как растет экспортное дело, растет и спрос на денежном рынке? — По мере того как возрастает процветание страны, и мы» (Чапмены) «принимаем в нем участие. — 5142. Итак, если эти различные области приложения капитала внезапно расширяются, то естественным следствием является рост ставки процента? — Несомненно».

5143. Для Чапмена «не совсем понятно, каким образом при нашем большом вывозе мы находили такое широкое применение для золота».

Достопочтенный Уилсон спрашивает:

5144. «Не может ли дело обстоять так, что мы даем большие кредиты по нашему вывозу, чем получаем кредитов по нашему ввозу? Я лично сомневаюсь. Если кто-либо дает для акцепта вексель за манчестерский товар, направленный в Индию, то нельзя акцептовать на срок меньше чем 10 месяцев. Нам приходится — во всяком случае — платить Америке за ее хлопок несколько раньше, чем мы получаем платежи из Индии; но выяснить, какое влияние это оказывает, не так-то легко. 5145. Если, как это было в прошлом году, вывоз промышленных товаров увеличился на 20 млн. ф. ст., то раньше мы должны были иметь очень значительное увеличение ввоза сырых материалов» (и уже в этом обнаруживается тождество избыточного вывоза и избыточного ввоза, перепроизводства и избыточной торговли), «чтобы произвести это увеличенное количество товаров? — Несомненно. [5146] Мы должны были предварительно выплатить очень значительное saldo, то есть неизбежно было, что в течение этого времени баланс был неблагоприятный; но в целом век

сельный курс в сделках с Америкой оказывается в нашу пользу, и мы в течение довольно продолжительного времени получали из Америки значительное количество золота».

5148. Уилсон спрашивает архиростовщика Чапмена, не рассматривает ли он свой высокий процент как признак большого процветания и высоких прибылей. Чапмен, явно пораженный наивностью этого сикофанта, отвечает, разумеется, утвердительно, но в то же время он достаточно чистосердечен, чтобы сделать следующую оговорку:

«Для некоторых нет иного выхода; они имеют обязательства, которые они должны выполнить все равно, прибыльно ли это или нет; но если бы она» {высокая ставка процента} «оказалась устойчивой, то это свидетельствовало бы о процветании».

Оба забывают, что это может свидетельствовать и о том, что, как это было в 1857 г., странствующие рыцари кредита делают неустойчивым экономическое положение страны, что они могут платить высокие проценты, так как платят их из чужого кармана (однако при этом они способствуют определению общей процентной ставки) и пока что живут на широкую ногу за счет ожидаемых прибылей. Впрочем, как раз это может дать фабрикантам и т. д. действительно очень прибыльное дело. Обратный приток капиталов благодаря системе ссуд становится совершенно обманчивым. Этим объясняются следующие явления, которые, поскольку дело касается Английского банка, не нуждаются ни в каком объяснении, так как Английский банк при высокой процентной ставке дисконтирует по более низкой ставке, чем другие.

«5156. Я могу смело сказать»,— говорит Чапмен,— «что в настоящий момент, когда у нас в течение столь продолжительного времени была высокая процентная ставка, сумма нашего учета достигает своего максимума». (Это Чапмен говорил 21 июля 1857 г., за несколько месяцев до краха.) — «5157. В 1852 г.» (когда процент был низок) «она далеко не была так велика».

Так как в то время действительно дела еще шли несравненно нормальнее.

«5159. Если бы на рынке был большой избыток денег ... и учетная ставка была бы низка, у нас уменьшилось бы число векселей ... в 1852 г. мы находились в совершенно иной фазе: вывоз и ввоз страны были тогда совершенно несравнимы с теперешними.— 5161. При этой высокой учетной ставке мы учли на такую же сумму, как и в 1854 году». (Когда процент был $5-5\frac{1}{2}$.)

В показаниях Чапмена в высшей степени забавно, что люди подобного сорта действительно считают деньги пубрики своей собственностью и уверены, что они имеют право во всякое время обменивать дисконтированные ими векселя на деньги. Наивность вопросов и ответов поразительна. Законодательству вменяется в обязанность обеспечить постоянный обмен на деньги векселей, акцептованных крупными фирмами: позаботиться о том, чтобы Английский банк при всяких обстоятельствах переучитывал их вексельным маклерам. А между тем в 1857 г. три таких маклера обан-

критились приблизительно на 8 миллионов, причем их собственный капитал представлял по сравнению с этим долгом совершенно ничтожную величину.

«5177. Хотите ли вы этим сказать, что, по вашему мнению, они» (акцепты Берингов или Лойдов) «должны подлежать обязательному учету, вроде того, как в настоящее время банкноты Английского банка подлежат обязательному размену на золото? — Я думаю, что было бы весьма плачевно, если бы их нельзя было учитывать; было бы в высшей степени странно, если бы кто-нибудь вынужден был прекратить платежи только потому, что он имеет акцепты фирм Смит, Пейн и К⁰ или Джонс, Лойд и К⁰ и не в состоянии их учесть. — 5178. Но разве акцепт Беринга не есть обязательство уплатить известную сумму денег, когда истечет срок векселя? — Это совершенно верно; но господа Беринга, когда они принимают на себя такое обязательство, как и каждый купец, принимающий на себя обязательство этого рода, вовсе и не думают о том, что им придется уплатить его со временем; они рассчитывают, что оплата произойдет в Расчетной палате. — 5180. Полагаете ли вы, что следует придумать особого рода механизм, при помощи которого публика приобретала бы право получать деньги до истечения срока уплаты по векселю вследствие того, что кто-нибудь другой должен был бы учесть его? — Нет, не акцептант; но если вы хотите этим сказать, что мы не должны иметь возможности осуществлять учет торговых векселей, то мы должны изменить весь порядок вещей. — 5182. Итак, вы полагаете, что для него» (торгового векселя) «должно быть обеспечено превращение в деньги совершенно так же, как для банкноты Английского банка должен быть обеспечен размен на золото? — Именно так, при известных условиях. — 5184. Вы, значит, думаете, что денежное обращение должно быть так организовано, чтобы торговые векселя несомненной солидности во всякое время обменивались на деньги так же легко, как и банкноты? — Да, я так думаю. — 5185. Однако не считаете ли вы, что Английский банк или кого бы то ни было следует обязать законом обменивать их? — Я тем не менее считаю, что раз мы будем составлять закон, регулирующий денежное обращение, мы должны принять меры, которые предотвратили бы возможность наступления такого положения, когда безусловно солидные и правильные отечественные торговые векселя не могут быть обращены в деньги».

Это значит: размен торгового векселя по примеру размена банкноты.

«5190. Торговцы деньгами фактически представляют только публику». — это и впоследствии заявлял г-н Чапмен во время слушания дела Дейвидсона ассизами. См. «Great City Frauds»¹².

«5196. Каждую четверть года» (когда выплачиваются дивиденды) «абсолютно необходимо прибегать к содействию Английского банка. Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 миллионов в виде государственных доходов, чтобы выплатить ими дивиденды, то должен же быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответственную сумму». (Следовательно, в этом случае речь идет о предложении денег, а не капитала или ссудного капитала.)

«5169. Каждый, кто знаком с нашим торговым миром, должен знать, что при том состоянии дел, когда обязательства казначейства не находят покупателей, когда облигации Ост-Индской компании становятся совершенно бесполезными, когда самые лучшие торговые векселя не могут быть дисконтированы, в такой период крайне озабочены должны быть те, кого дела обязывают немедленно, по простому требованию, платить обычными средствами обращения, — а в таком положении находятся все банкиры. Результат получается тот, что каждый удваивает свои резервы. Представьте же теперь себе, как это отзовется на всей стране, если каждый провинциальный банкир, — а их имеется около 500, — должен будет поручить своему лондонскому корреспонденту перевести ему 5 000 ф. ст. банкнотами. Даже если взять за среднее эту малую сумму, — что уже само по себе абсурдно, — то и тогда мы получим 2¹/₂ млн. ф. ст., которые должны быть извлечены из обращения. Каким образом возместить их?»

С другой стороны, частные капиталисты и т. п., располагающие деньгами, не отдают их ни за какой процент, потому что, по примеру Чапмена, они рассуждают:

«5195. Нам лучше не получать никаких процентов, нежели пребывать в сомнениях, получим ли мы деньги, если они нам потребуются.

5173. Наша система такова: мы имеем на 300 млн. ф. ст. обязательств, уплата которых монетой, обращающейся в стране, может быть потребована в один какой-либо определенный момент. Между тем сумма этой монеты, даже если мы ее используем всю, составляет 23 млн. ф. ст. или что-нибудь в этом роде; разве такое состояние дел не угрожает нам ежеминутно потрясениями?»

Отсюда во время кризисов внезапное превращение кредитной системы в монетарную систему.

Оставляя в стороне панику внутри страны в период кризиса, о количестве денег речь может идти лишь постольку, поскольку имеется в виду металл, мировые деньги. Но как раз их исключает Чапмен, он говорит лишь о 23 миллионах *банкнотами*.

Тот же Чапмен:

«5218. Первоначальная причина расстройства на денежном рынке» [в апреле и позднее в октябре 1847 г.] «заклучалась без сомнения в том, что для регулирования вексельного курса понадобилась, вследствие чрезвычайных размеров ввоза в этом году, большая масса денег».

Во-первых, этот запас денег мирового рынка был сведен тогда к своему минимуму. Во-вторых, он служил в то же время обеспечением размена кредитных денег, банкнот. Он выполнял, таким образом, сразу две совершенно различные функции, которые, однако, вытекают из природы денег, так как действительные деньги всегда являются деньгами мирового рынка, а кредитные деньги всегда опираются на деньги мирового рынка.

В 1847 г. без приостановки действия банковского акта 1844 года

«Расчетная палата была бы не в состоянии справиться со своим делом (5221)».

Чапмен имел все же некоторое предчувствие предстоящего кризиса.

«5236. Бывают известные положения на денежном рынке (и теперешнее положение не особенно далеко от этого), когда деньги очень трудно достать и приходится прибегать к услугам банка.

5239. Что касается сумм, взятых нами из банка в пятницу, субботу и понедельник, 19, 20 и 22 октября 1847 года ... то мы были бы лишь в высшей степени благодарны, если бы в ближайшую среду могли получить обратно векселя; деньги тотчас же стали приливать к нам обратно, как только миновала паника».

Во вторник, 23 октября, действие банковского акта было приостановлено, и тем самым развитие кризиса прекратилось.

Чапмен полагает (5274), что сумма текущих векселей на Лондон во всякий момент составляет 100 – 120 миллионов фунтов стерлингов. Сюда не включены местные векселя на провинциальные пункты.

«5287. Хотя в октябре 1856 г. сумма банкнот, находящихся на руках публики, возросла до 21 155 000 ф. ст., тем не менее было чрезвычайно трудно получить

деньги; несмотря на то, что на руках публики их было очень много, мы не могли добыть их».

Именно вследствие тревоги, вызванной угнетенным положением, в котором некоторое время (март 1856 г.) находился Восточный банк.

5290. Как только паника миновала,

«все банкиры, получающие свою прибыль из процента, немедленно начинают пускать в дело свои деньги».

5302. Чапмен объясняет беспокойство, вызываемое уменьшением банкового резерва, не страхом за вклады, а тем, что все те, кто внезапно может оказаться перед необходимостью уплатить крупные денежные суммы, прекрасно знают, что при заминках на денежном рынке они, быть может, окажутся вынужденными обратиться к банку как к последнему источнику помощи, и

«если у банка очень небольшой резерв, он отнюдь не будет рад этому нашему обращению, а наоборот».

Интересно, между прочим, как банковый резерв исчезает в качестве фактической величины. Банкиры держат частью у себя, частью в Английском банке минимальные суммы, необходимые для их текущих дел. Вексельные маклеры держат «свободные банковые деньги страны», не располагая резервом. И Английский банк имеет в обеспечение обязательств по вкладам лишь резерв банкиров и других вместе с общественными вкладами и т. д.; этот резерв сокращается до минимума, например, до 2 миллионов фунтов стерлингов. Таким образом, за исключением этих 2 млн. ф. ст. в бумагах, в периоды угнетения (а последнее уменьшает резерв, так как банкноты, поступающие взамен отливающего металла, необходимо аннулировать) вся эта махинация не обеспечена никаким иным резервом, кроме металлического запаса, и каждое уменьшение последнего вследствие отлива золота усиливает кризис.

«5306. Если бы не оказалось денег для того, чтобы уплатить разницу при расчетах в Расчетной палате, то, на мой взгляд, нам не оставалось бы ничего другого, как собраться вместе и произвести наши платежи первоклассными векселями, векселями на казначейство, на фирмы Смит, Пейн и К^о и т. д. — 5307. Следовательно, в том случае, когда правительство не в состоянии будет снабдить вас средствами обращения, вы сами создали бы их для себя? — Что же мы можем сделать? Приходит публика и берет у нас из рук средство обращения; оно не существует более. — 5308. Итак, вы сделали бы в Лондоне лишь то, что ежедневно делается в Манчестере? — Вот именно».

Очень недурен ответ Чапмена на вопрос, который предложил ему Кейли (сторонник Атвуда из бирмингемской школы¹³⁾, имея в виду оверстоновское представление о капитале:

«5315. Перед комиссией высказано было мнение, что в период угнетения, подобный тому, который имел место в 1847 г., люди ищут не деньги, а капитал; что вы думаете по этому поводу? — Я не понимаю вопроса; мы торгуем только деньгами; я не понимаю, что вы хотите сказать. — 5316. Если вы под этим» (под

коммерческим капиталом) «понимаете сумму собственных денег предпринимателя, вложенных в предприятие, — если вы это называете капиталом, то я должен заметить, что он в большинстве случаев составляет лишь ничтожную долю тех денег, которыми распоряжается в своих делах предприниматель благодаря кредиту, который ему оказывает публика», то есть через посредство господ Чапменов.

«5339. Свидетельствует ли это о недостатке богатства, если мы приостанавливаем размен банкнот? Отнюдь нет... у нас нет недостатка в богатстве, но мы движемся в рамках в высшей степени искусственной системы, и если мы имеем угрожающе (*superincumbent*) колоссальный спрос на наши средства обращения, то могут возникнуть обстоятельства, вследствие которых мы будем лишены возможности получить эти средства обращения. Неужели же вследствие этого должна быть парализована вся коммерческая деятельность страны? Неужели мы должны приостановить всякое производство? — 5338. Если бы возник вопрос, что мы должны сохранить: размен банкнот или промышленность страны, то я уж знал бы, чем следует пожертвовать».

Относительно накопления банкнот «с целью обострить стесненное положение и извлечь из последствий этого выгоду» [5358] он говорит, что такое явление свободно может иметь место. Трех крупных банков было бы достаточно для этого.

«5383. Не известно ли вам как человеку, блико знакомому с крупными оборотами нашей столицы, что капиталисты пользуются этими кризисами, чтобы извлечь огромные прибыли из разорения тех лиц, которые оказываются жертвой кризиса? — В этом не может быть сомнения».

И г-ну Чапмену в данном случае мы вполне можем верить, хотя он в конце концов и сломал себе шею — в коммерческом смысле этого слова — при попытке «извлечь огромные прибыли из разорения жертв кризиса». Ибо если его компаньон Гёрни говорит: всякое изменение в ходе дел выгодно для сведущего человека, — то Чапмен говорит:

«Одна часть общества ничего не знает о другой: вот, например, фабрикант, экспортирующий на континент или импортирующий свой сырой материал. — он ничего не знает о том, кто оперирует с золотыми слитками» (5046).

Так и случилось, что в один прекрасный день сами Гёрни и Чапмен оказались «несведущими» и потерпели постыдное банкротство.

Мы уже видели выше, что выпуск банкнот не всегда означает ссуду капитала. Нижеследующее показание Тука перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57) доказывает только, что ссуда капитала даже в том случае, если она осуществляется банком при помощи выпуска новых банкнот, не означает еще непременно увеличения количества обращающихся банкнот.

«3099. Полагаете ли вы, что, например, Английский банк мог бы значительно расширить свои ссуды без того, чтобы это повлекло за собой увеличение выпуска банкнот? — Факты, доказывающие это, имеются в избытке. Один из наиболее ярких примеров имел место в 1835 г., когда банк использовал вест-индские вклады и заем у Ост-Индской компании¹⁴ для того, чтобы увеличить ссуды публики; сумма банкнот, находящихся в руках публики, в это же время фактически несколько уменьшилась. Нечто аналогичное наблюдалось и в 1846 г., в то время когда вносились в банк железнодорожные вклады: ценные бумаги «учтенные и принятые

в обеспечение» повысились приблизительно до 30 миллионов, что не оказало никакого заметного влияния на сумму банкнот в руках публики».

Но наряду с банкнотами оптовая торговля имеет другое и для нее гораздо более важное средство обращения: векселя. Г-н Чапмен показал нам, насколько существенно для правильного хода дел, чтобы надежные векселя принимались в уплату всегда и при всяких условиях:

«Таусфее-Монтеф» не годится? Что ж годится? Караул!»¹⁵

Как же относятся друг к другу оба эти средства обращения? Гилбарт говорит относительно этого:

«Сокращение размеров обращения банкнот регулярно увеличивает размеры обращения векселей. Эти векселя бывают двоякого рода: торговые векселя и банкирские векселя... раз в деньгах чувствуется недостаток, лица, ссужающие деньги, говорят ... «пишите на нас вексель, и мы акцептируем его», и если какой-либо провинциальный банкир дисконтирует вексель одному из своих клиентов, он выплачивает ему не наличными деньгами, а выдает свою собственную тратту на 21 день на своего лондонского агента. Эти векселя служат в качестве средства обращения» (J. W. Gilbart. «An Inquiry into the Causes of the Pressure etc.», [London, 1840] p. 31).

В несколько видоизмененной форме это подтверждает и Ньюмарк (B. A. 1857, № 1426):

«Не существует никакой зависимости между изменениями количества находящихся в обращении векселей и банкнот... единственный более или менее постоянный результат сводится к тому, что как только на денежном рынке наступает хотя бы небольшая заминка, обнаруживаемая повышением учетной ставки, размеры обращения векселей значительно увеличиваются, и обратно».

Однако векселя, выписанные в такие периоды, отнюдь не являются исключительно краткосрочными банковскими векселями, о которых упоминает Гилбарт. Напротив: это по большей части «дружеские» векселя, не представляющие никакой действительной операции или представляющие операции, которые были предприняты только для того, чтобы можно было выписать под них вексель; мы дали достаточное количество примеров векселей того и другого рода. Поэтому «Economist» (Уилсон), сравнивая обеспеченность таких векселей и банкнот, пишет:

«Банкноты, оплачиваемые по предъявлению, никогда не могут оставаться в избытке вне банка, так как избыток неизбежно притекает бы обратно в банк для размена; между тем двухмесячные векселя могут быть выпущены в значительном избытке, так как нет средства контролировать их выпуск, пока не наступит срок платежа, а к этому моменту они могут быть уже снова замещены другими векселями. Для нас совершенно непонятно, почему нация должна признавать обеспеченность обращения векселей, подлежащих оплате в будущий срок, и в то же время подвергать сомнению обращение бумажных денег, размениваемых по предъявлению» («Economist», [22 мая] 1847 г., стр. 375).

Таким образом, количество обращающихся векселей, точно так же как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения; в 50-х годах в обычное время в Соединенном

королевстве находилось в обращении, наряду с 39 миллионами в банкнотах, около 300 миллионов векселей, в том числе 100—120 миллионов только на один Лондон. Размер обращения векселей не оказывает никакого влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно прекращается; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет, по крайней мере до настоящего времени в Англии, способность к обращению, так как за спиной Английского банка стоит страна со всем своим богатством.

Мы видели, что даже г-н Чапмен, который в 1857 г. сам был магнатом денежного рынка, горько жалуется на то, что в Лондоне имеется много крупных денежных капиталистов, достаточно сильных для того, чтобы в известный момент привести в расстройство весь денежный рынок и таким постыднейшим способом обескровить более мелких торговцев деньгами. Так, имеется несколько таких крупных акул, которые в состоянии значительно обострить угнетенное положение, продав на 1—2 миллиона консолей и изъязв таким образом с рынка соответственное количество банкнот (и вместе с тем свободного ссудного капитала). Достаточно совместного действия трех крупных банков, чтобы посредством подобного маневра угнетенное положение превратить в панику.

Крупнейшая сила капитала в Лондоне — это, конечно, Английский банк; но благодаря своему положению полугосударственного учреждения он не имеет возможности проявлять свое господство столь грубым образом. Однако и он — особенно со времени банковского акта 1844 г. — знает достаточно средств и путей для того, чтобы нагреть руки.

Английский банк имеет капитал в 14 553 000 ф. ст. и располагает, кроме того, приблизительно 3 млн. ф. ст. «остатков», то есть нераспределенных прибылей, равно как и всеми деньгами, которые поступают к правительству в виде налогов и т. д. и депонируются в Английском банке, пока не наступит нужда в них. Если причислить сюда еще сумму остальных вкладов (в обычное время около 30 млн. ф. ст.) и банкнот, выпускаемых без покрытия, то придется признать, что Ньюмарч дает еще сравнительно умеренную оценку, когда он утверждает следующее (В. А. 1857, № 1889):

«Я убедился, что общая сумма фондов, постоянно обращающихся на» [Лондонском] «денежном рынке, должна быть определена приблизительно в 120 миллионов фунтов стерлингов; и из этих 120 миллионов Английский банк располагает очень значительной частью, около 15—20%».

Поскольку Банк выпускает банкноты без покрытия металлическим запасом, находящимся в его подвалах, он создает знаки

стоимости, которые образуют не только средства обращения, но и некоторый добавочный — хотя и фиктивный — капитал для него на сумму номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал дает Банку добавочную прибыль. — Уилсон спрашивает Ньюмарча (В. А. 1857):

«1563. Не правда ли, обращение собственных банкнот какого-либо банка, то есть средняя сумма их, остающаяся в руках публики, образует добавление к действующему капиталу этого банка? — Совершенно верно. — 1564. Итак, вся та прибыль, которую извлекает банк из этого обращения, есть прибыль, происходящая от кредита, а не от капитала, которым банк действительно владеет? — Совершенно верно».

То же самое относится, конечно, и к тем частным банкам, которые выпускают банкноты. В своих ответах №№ 1866—1868 Ньюмарч рассматривает две трети всех этих выпускаемых частными банками банкнот (для одной трети эти банки обязаны иметь металлическое покрытие) как «создание равновеликого капитала», так как экономятся металлические деньги на такую же сумму. Прибыль банкира вследствие этого может и не быть больше, чем прибыль других капиталистов. Но факт, что банкир извлекает прибыль из этой национальной экономии металлических денег. То обстоятельство, что национальное сбережение оказывается прибылью частного лица, нисколько не шокирует буржуазного экономиста, так как прибыль есть вообще присвоение национального труда. Может ли быть что-либо более нелепое, чем, например, Английский банк 1797—1819 гг., банкноты которого служили средством кредита лишь благодаря государству и который вместе с тем принуждал государство, стало быть, публику, оплачивать в форме процентов по государственным займам данную ему государством же силу превращать эти банкноты из бумаги в деньги и затем ссужать их государству?

Банки имеют, впрочем, и другие средства создавать капитал. По словам того же самого Ньюмарча, провинциальные банки имеют, как уже упомянуто выше, обыкновенные посылать свои избыточные фонды (то есть банкноты Английского банка) лондонским вексельным маклерам, которые взамен этого отсылают им дисконтированные векселя. Этими векселями Банк обслуживает своих клиентов, так как он придерживается правила не выпускать из своих рук векселей, полученных от его местных клиентов, чтобы деловые операции этих клиентов не были разглашены в их округе. Эти полученные из Лондона векселя служат не только для того, чтобы выдавать их клиентам, которым предстоит сделать прямые платежи в Лондоне, если они не предпочтут потребовать от Банка собственного перевода на Лондон; векселя служат также для производства платежей в провинции, так как передаточная надпись банкира обеспечивает им местный кредит. Таким образом они, например в Ланкашире, вытеснили из обращения все собственные банкноты

местных банков и в значительной степени банкноты Английского банка (там же, 1568—1574).

Мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал: 1) путем выпуска собственных банкнот; 2) путем выдачи платежных приказов на Лондон сроком до 21 дня, причем, однако, они сами, выдавая эти приказы, получают немедленно наличными; 3) путем уплаты дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно — по крайней мере для соответствующего округа — создается передаточной надписью банка.

Могущество Английского банка обнаруживается в том, что он регулирует рыночную ставку процента. В периоды нормального хода дел может случиться, что Английский банк не в состоянии путем повышения учетной ставки¹²⁾ предотвратить умеренный отлив золота из своего металлического запаса, так как потребность в средствах платежа удовлетворяется частными и акционерными банками и вексельными маклерами, капитал и сила которых возросли за последние 30 лет. Он вынужден будет в таких случаях прибегать к другим средствам. Но для критических моментов все еще верно то, о чем банкир Глин (из фирмы Глин, Милс, Карри и К⁰) говорил комиссии палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57):

«1709. В периоды больших затруднений в стране Английский банк диктует процентную ставку. — 1710. В периоды чрезвычайного угнетения... когда учетные операции частных банков или маклеров сравнительно сокращаются, эти операции ложатся на Английский банк, и он тогда имеет силу устанавливать рыночную ставку процента».

Во всяком случае, он как общественное учреждение, пользующееся покровительством государства и государственными привилегиями, не может применять эту свою силу с такой беспощадностью, как это позволяют себе частные предприятия. Поэтому Хаббард и говорит перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (В. А. 1857):

«2844. (Вопрос:) Не правда ли, когда учетная ставка достигает максимальной высоты, Английский банк оказывает услуги всего дешевле, когда же она спускается до минимума, всего дешевле берут маклеры?» — (Хаббард:) «Это действительно всегда так, потому что Английский банк никогда не понижает учетную ставку до такой степени, как его конкуренты, и когда ставка стоит на высшем уровне, никогда не поднимает ее так высоко, как они».

¹²⁾ На общем собрании акционеров Union Bank of London 17 января 1894 г. председатель г-н Ричи сообщил, что Английский банк повысил в 1893 г. учетную ставку с 2 1/2% (в июле) до 3% и 4% (в августе) и затем, так как он, несмотря на это, потерял в течение 4 недель целые 4 1/2 млн. ф. ст. золотом, повысил еще до 5%, после чего золото стало притекать обратно, и банковая учетная ставка в сентябре была понижена до 4%, а в октябре до 3%. Но эта банковая учетная ставка не была признана на рынке. «Когда банковая учетная ставка была 5%, рыночная ставка была 3 1/2%, а ставка для денег 2 1/4%; когда банковая учетная ставка упала до 4%, учетный процент был 2 1/8% и денежная ставка 1 1/4%; когда банковая учетная ставка стала 3%, учетная ставка была 1 1/2%, денежная ставка немного ниже» («Daily News», 18 января 1894 года). Ф. Э.

Тем не менее в деловой жизни является весьма серьезным событием, когда Английский банк в период угнетенного положения начинает, выражаясь ходячим языком, подвинчивать гайку, то есть поднимает еще больше ставку процента, уже стоящую выше средней.

«Как только Английский банк начинает подвинчивать гайку, прекращаются всякие закупки для вывоза за границу, экспортеры ждут, пока цены не достигнут низшей точки, и только тогда они покупают, но не раньше. Но когда эта точка достигнута, курс уже снова урегулирован,— золото перестает отливать за границу, причем еще до того, как достигнута эта низшая точка падения цен. Закупки товаров для экспорта могут, быть может, вернуть назад часть посланного за границу золота, но они совершаются слишком поздно для того, чтобы воспрепятствовать отливу» (J. W. Gilbert. «An Inquiry into the Causes of the Pressure etc.», London, 1840, p. 35). «Другой результат регулирования средств обращения посредством вексельного курса состоит в том, что в периоды угнетенного положения он влечет за собой огромное повышение процентной ставки» (там же, стр. 40). «Издержки по восстановлению вексельного курса падают на производительную промышленность страны, между тем в течение этого процесса прибыль Английского банка действительно возрастает благодаря тому, что он продолжает свои операции с меньшим количеством благородного металла» (там же, стр. 52).

Но, говорит наш приятель Самюэл Гёрни,

«эти значительные колебания процентной ставки выгодны для банкиров и торговцев деньгами — всякие колебания в ходе дел выгодны для сведущих людей».

И хотя господа Гёрни снимают сливки беззастенчивой эксплуатацией деловых затруднений, тогда как Английский банк не может позволить себе такой свободы, тем не менее и на его долю выпадают очень недурные барыши, — не говоря уже о тех частных прибылях, которые сами плывут в руки господ директоров вследствие исключительно благоприятных возможностей, которые они имеют для получения сведений об общем состоянии дел. По данным комиссии палаты лордов в 1819 г. при возобновлении размена банкнот эти прибыли Английского банка за весь период 1797—1819 гг. составляли:

Тантьемы и возросшие дивиденды	7 451 136
Новые акции, распределенные между акционерами	7 276 500
Возросшая стоимость капитала	14 553 000
Итого	29 280 636

на капитал в 11 642 400 ф. ст. за 19 лет (D. Hardcastle. «Banks and Bankers», 2nd ed., London, 1843, p. 120).

Если мы по тому же принципу определим общую прибыль ирландского банка, который также приостановил платежи наличными в 1797 г., то получится следующий результат:

Ежегодные дивиденды по отчетам до 1821 г.	4 736 085
Объявленные тантьемы	1 225 000

Взросшие активы	1 214 800
Взросшая стоимость капитала	4 185 000

Итого 11 360 885

на капитал в 3 миллиона фунтов стерлингов (там же, стр. 363 -364).

Вот она централизация! Кредитная система, имеющая своим центром так называемые национальные банки и группирующихся вокруг них крупных торговцев деньгами и ростовщиков, представляет собой гигантскую централизацию, и она дает этому классу паразитов сказочную силу не только периодически опустошать ряды промышленных капиталистов, но и самым опасным образом вмешиваться в действительное производство,— а между тем эта банда ничего не знает о производстве и не имеет с ним ничего общего. Акты 1844 и 1845 гг. служат доказательствами растущей силы этих бандитов, к которым примыкают финансисты и биржевые маклеры.

Но если кто-либо сомневается в том, что эти почтенные бандиты эксплуатируют национальное и интернациональное производство исключительно в интересах самого производства и самих эксплуатируемых, то он может получить истинное представление о деле из следующего экскурса в область высоких нравственных доблестей банкиров.

«Банки суть учреждения религиозно-нравственные. Как часто юный купец порывал с обществом шумливых и разгульных друзей из страха перед бдительным и неодобрительным взглядом банкира! Как старается он сохранить доброе мнение о нем банкира, быть всегда респектабельным! Нахмуренный лоб банкира оказывает на него более сильное влияние, чем все моральные проповеди его друзей; он трепещет при мысли, что к нему станут относиться подозрительно, если он окажется повинным в обмане или хотя бы малейшем уклонении от истины; он боится возбудить такое подозрение, так как в результате его кредит в банке может быть ограничен или даже совсем закрыт! Совет банкира для него важнее, чем совет священника» (Дж. М. Белл, управляющий банком в Шотландии. «The Philosophy of Joint Stock Banking». London, 1840, p. 46—47).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**«ПРИНЦИП ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ»
И АНГЛИЙСКОЕ БАНКОВСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
1844 ГОДА**

[В одной из прежних работ ¹³⁾ была исследована теория стоимости денег Рикардо в отношении к ценам товаров; поэтому мы можем здесь ограничиться лишь самым необходимым. По Рикардо, стоимость денег — металлических — определяется овеществленным в них рабочим временем, однако лишь до тех пор, пока количество денег находится в нормальном отношении к массе и цене обращающихся товаров. Если количество денег поднимается выше этого отношения, то падает их стоимость, товарные цены повышаются; если оно опускается ниже нормального отношения, то стоимость их повышается, а товарные цены падают при прочих равных условиях. В первом случае страна, где имеется такой избыток золота, будет вывозить золото, упавшее ниже своей стоимости, и ввозить товары; во втором случае золото будет притекать в страны, в которых оно оценивается выше его стоимости, в то время как недооцененные товары направляются оттуда на другие рынки, где их можно продать по нормальным ценам. Так как при таких предпосылках «само золото, будь то в форме монеты или в форме слитков, может стать знаком большей или меньшей стоимости, чем его собственная металлическая стоимость, то, разумеется, и находящиеся в обращении разменные банкноты разделяют ту же участь. Хотя банкноты разменны, и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, совокупная масса обращающихся денег, золота и банкнот (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes) может быть оценена выше или ниже своей стоимости, соответственно тому, поднимается ли общее их количество, по изложенным уже причинам, выше или падает ниже того уровня, который определяется меновой стоимостью обращающихся товаров и металлической стоимостью золота... Это обесценение, — не бумажных денег по отношению к золоту, а золота и бумажных

¹³⁾ К. Маркс, «К критике политической экономии», Берлин, 1859, стр. 150 и далее [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 154—165].

денег, вместе взятых, или совокупной массы средств обращения данной страны, — представляет собой одно из главных открытий Рикардо, которое лорд Оверстон и К⁰ поставили себе на службу и сделали основным принципом банковского законодательства сэра Роберта Пия 1844 и 1845 годов» (цит. соч., стр. 155).

Нам нет надобности повторять здесь приведенное там же доказательство ложности этой теории Рикардо. Нас интересует лишь тот способ, каким эти положения Рикардо были переработаны школой банковских теоретиков, продиктовавшей упомянутые банковские акты Пия.

«Торговые кризисы XIX столетия, особенно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но вызвали новое ее применение. Теперь это были уже не единичные экономические явления, — как обесценение благородных металлов в XVI и XVII столетиях у Юма или обесценение бумажных денег в течение XVIII и в начале XIX столетий у Рикардо, — а великие бури мирового рынка, в которых разряжалось противоречие всех элементов буржуазного процесса производства: происхождение этих бурь и способы защиты от них искали в самой поверхностной и самой абстрактной сфере процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа заклинателей экономических бурь, состоит в сущности не в чем ином, как в догме, будто Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им оставалось лишь подвести под эти законы кредитное или банкнотное обращение.

Наиболее всеобщее и ощутительное явление торговых кризисов, это — внезапное всеобщее падение товарных цен, наступающее после довольно длительного всеобщего их повышения. Всеобщее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а всеобщее повышение цен, наоборот, — как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление лишь названо, но не объяснено... различная фразеология точно так же не изменяет задачу, как не изменил бы ее перевод с немецкого языка на английский. Поэтому теория денег Рикардо пришлось необычайно кстати, ибо она придает тавтологии видимость причинного отношения. Отчего происходит периодическое всеобщее падение товарных цен? От периодического повышения относительной стоимости денег. Отчего, наоборот, происходит всеобщее периодическое повышение товарных цен? От периодического падения относительной стоимости денег. С таким же правом можно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит от их периодического повышения и падения... Если только согласиться с превращением тавтологии в причинное отношение, то все остальное получается очень легко. Повышение товарных цен происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег, как мы узна-

ем от Рикардо, происходит от переполнения денежного обращения, то есть оттого что масса обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Точно так же, наоборот, всеобщее падение товарных цен происходит от повышения стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие недостаточного количества их в обращении. Следовательно, цены периодически повышаются и падают потому, что периодически в обращении находится слишком много или слишком мало денег. Если же будет доказано, что повышение цен совпадало с сокращением денежного обращения, а падение цен — с расширением денежного обращения, то можно будет, несмотря на это, утверждать, что вследствие некоторого, хотя статистически и совершенно недоказуемого, уменьшения или увеличения находящейся в обращении товарной массы количество обращающихся денег, пусть не абсолютно, но относительно, увеличилось или уменьшилось. Мы уже видели, что, по мнению Рикардо, эти всеобщие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но они выравниваются благодаря своему чередованию, так например, недостаточное денежное обращение вызывает падение товарных цен, это падение товарных цен вызывает вывоз товаров за границу, этот вывоз влечет за собой прилив денег в страну, а последний вновь вызывает возрастание товарных цен. Обратное происходит при избыточном денежном обращении, когда ввозятся товары и вывозятся деньги. Хотя эти всеобщие колебания цен вытекают из самой природы металлического обращения, как его понимал Рикардо, однако их бурная и насильственная форма, форма кризисов, присуща периодам развитого кредита; поэтому становится совершенно ясно, что выпуск банкнот не регулируется точно по законам металлического обращения. Металлическое обращение обладает своим целебным средством в виде импорта и экспорта благородных металлов, которые немедленно в качестве монеты вступают в обращение и таким образом своим приливом или отливом вызывают падение или повышение товарных цен. Такое же действие на товарные цены должны теперь искусственно оказывать банки путем подражания законам металлического обращения. Если золото притекает из-за границы, то это доказывает, что в обращении недостаточно денег, что стоимость денег слишком высока, а товарные цены — слишком низки; следовательно, банкноты должны быть брошены в обращение пропорционально количеству вновь ввозимого золота. И наоборот, они должны быть изъяты из обращения пропорционально количеству золота, отливающему из страны. Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов или с вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и поэтому все ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а все

вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, — эта теоретическая предпосылка становится здесь *практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота*. Лорд Оверстон (банкир Джонс Лойд), полковник Торренс, Норман, Клей, Арбатнот и множество других писателей, известных в Англии под названием школы «*surgency principle*»*, не только проповедовали эту доктрину, но через посредство банковских актов сэра Роберта Пили от 1844 и 1845 гг. сделали ее основой существующего английского и шотландского банковского законодательства. Позорное фиаско этой доктрины, как теоретическое, так и практическое, после экспериментов в самом крупном национальном масштабе, может быть изложено только в учении о кредите» (цит. соч., стр. 165—168).

Критика этой школы была дана Томасом Туком, Джемсом Уилсоном (в «*Economist*» 1844—1847 гг.) и Джоном Фуллартоном. Насколько недостаточно понимали и эти писатели природу золота, как смутно представляли они себе соотношение между деньгами и капиталом, мы видели уже неоднократно, особенно в главе XXVIII настоящей книги. Здесь мы приведем еще несколько данных из трудов комиссии палаты общин 1857 г. относительно действия банковских актов Пили (В. С. 1857).— Ф. Э.]

Дж. Г. Хаббард, бывший управляющий Английским банком, показывает:

«2400.— Вывоз золота... абсолютно не влияет на товарные цены. Но вывоз золота оказывает весьма значительное влияние на курс ценных бумаг, так как в той мере, в какой изменяется процент, неизбежно затрагивается и стоимость товаров, воплощающих этот процент».

Он приводит две таблицы, относящиеся к 1834—1843 и 1844—1853 гг., которые показывают, что движение цен пятнадцати наиболее важных предметов торговли происходило совершенно независимо от отлива и прилива золота и от ставки процента. Но зато они свидетельствуют о тесной зависимости между отливами и приливами золота, которое действительно является «представителем нашего капитала, ищущего приложения», и ставкой процента.

«В 1847 г. очень большая сумма американских ценных бумаг была вывезена обратно в Америку, точно так же русские ценные бумаги были вывезены обратно в Россию, а ценные бумаги других стран континента — в страны, из которых мы получаем наш хлеб» [2402].

Пятнадцать основных предметов торговли, положенные в основу приводимых ниже таблиц Хаббарда, — следующие: хлопок, хлопчатобумажная пряжа, хлопчатобумажные ткани, шерсть, сукно, лен, полотно, индиго, чугун, жесть, медь, сало, сахар, кофе, шелк.

* «принцип денежного обращения». *Ред.*

I. С 1834 по 1843 г.

Время	Металлический запас Банка	Рыночная учетная ставка	Из 15 основных предметов торговли		
			повысились в цене	упали в цене	остались без изменений в цене
1834, 1 марта	9 104 000 ф. ст.	2 ³ / ₄ %	—	—	—
1835, 1 «	6 274 000 « «	3 ³ / ₄ %	7	7	1
1836, 1 «	7 918 000 « «	3 ¹ / ₄ %	11	3	1
1837, 1 «	4 077 000 « «	5%	5	9	1
1838, 1 «	10 471 000 « «	2 ³ / ₄ %	4	11	—
1839, 1 сентября	2 684 000 « «	6%	8	5	—
1840, 1 июня	4 571 000 « «	4 ³ / ₄ %	5	9	1
1840, 1 декабря	3 642 000 « «	5 ³ / ₄ %	7	6	2
1841, 1 «	4 873 000 « «	5%	3	12	—
1842, 1 «	10 603 000 « «	2 ¹ / ₂ %	2	13	—
1843, 1 июня	11 566 000 « «	2 ¹ / ₄ %	1	14	—

II. С 1844 по 1853 г.

Время	Металлический запас Банка	Рыночная учетная ставка	Из 15 основных предметов торговли		
			повысились в цене	упали в цене	остались без изменений в цене
1844, 1 марта	16 162 000 ф. ст.	2 ¹ / ₄ %	—	—	—
1845, 1 декабря	13 237 000 « «	4 ¹ / ₂ %	11	4	—
1846, 1 сентября	16 366 000 « «	3%	7	8	—
1847, 1 «	9 140 000 « «	6%	6	6	3
1850, 1 марта	17 126 000 « «	2 ¹ / ₂ %	5	9	1
1851, 1 июня	13 705 000 « «	3%	2	11	2
1852, 1 сентября	21 853 000 « «	1 ³ / ₄ %	9	5	1
1853, 1 декабря	15 093 000 « «	5%	14	—	1

Хаббард делает к этим таблицам следующее примечание:

«Как за десятилетие с 1834 по 1843 г., так и за 1844—1853 гг. колебания золотой наличности Банка каждый раз сопровождались возрастанием или уменьшением ссудной стоимости денег, выдаваемых под учет; а с другой стороны, изменения товарных цен внутри страны обнаруживают полную независимость от количества средств обращения, как это можно видеть по колебаниям золотого запаса Английского банка» («Bank Acts Report», 1857, II, p. 290, 291).

Так как спросом и предложением товаров регулируются их рыночные цены, то здесь становится очевидным, насколько ошибочно оверстоновское отождествление спроса на ссудный денежный капитал (или скорее отклонений предложения от спроса), как он проявляется в учетной ставке, и спроса на действительный «капитал». Утверждение, что товарные цены регулируются колебаниями в количестве средств обращения, скрывается теперь за фразой, что колебания учетной ставки выражают собой колебания спроса на действительный вещественный капитал в отличие от денежного капитала. Мы видели, что и Норман и Оверстон действительно утверждали это перед той же самой комиссией; мы видели также, к каким жалким уверткам они вынуждены были при этом прибегать, в особенности Оверстон, пока наконец он совсем не запутался (гл. XXVI). В самом деле, это старый вздор, будто изменения в количестве наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны. Если золото вывозится, то, согласно этой теории, цены товаров должны возрастать в той стране, куда направляется золото, и вместе с тем должна возрастать стоимость экспорта страны, вывозящей золото, на рынке страны, ввозящей золото; напротив, стоимость экспорта последней страны на рынке первой должна падать, в то время как стоимость экспортируемых товаров возрастает на их родине, куда приливает золото. На самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь процентную ставку, тогда как увеличение его понижает последнюю; и если бы эти колебания процента не оказывали влияния при установлении издержек производства или на определение спроса и предложения, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы.

В том же отчете Н. Александер, глава одной крупной фирмы, ведущей дела в Индии, следующим образом высказывается относительно сильного отлива серебра в Индию и Китай, имевшего место в середине 50-х годов, частью вследствие гражданской войны в Китае¹⁶, которая затруднила сбыт английских тканей в Китай, частью вследствие болезни шелковичных червей в Европе, значительно сократившей итальянское и французское шелководство.

«4337. Происходит ли отлив в Китай или в Индию? — Вы посылаете серебро в Индию и на значительную часть его покупаете опиум, который весь идет в Китай, чтобы образовать фонд для закупки шелка; а состояние рынков в Индии» (несмотря на накопление там серебра) «таково, что купцу выгоднее посылать

туда серебро, чем ткани и другие английские изделия. — 4338. Не имел ли место крупный отлив из Франции, вследствие чего мы получили серебро? — Конечно, он был очень велик. — 4344. Вместо того чтобы вывозить шелк из Франции и Италии, мы посылаем его туда в значительных количествах — как бенгальский, так и китайский*.

Итак, в Азию посылалось серебро — денежный металл этой части света — вместо товаров не потому, что цены этих товаров поднялись в стране, которая их производит (Англия), а потому, что они упали — упали из-за чрезмерного ввоза — в стране, куда товары импортируются; и это несмотря на то, что серебро получено Англией из Франции и частью должно было оплачиваться золотом. По теории «денежной школы», при таком импорте цены в Англии должны были бы упасть, а в Индии и Китае — повыситься.

Другой пример. Перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/1857) Уайли, один из первых ливерпульских купцов, дает следующие показания:

«1994. В конце 1845 г. не было более выгодного дела, которое давало бы столь же высокие прибыли» {чем бумагопрядение}. «Запас хлопка был велик, и хороший, пригодный к делу хлопок можно было получить по 4 пенса за фунт, причем из такого хлопка можно было выпрясть хороший *secunda mule twist* № 40* с затратой также в 4 пенса, следовательно, с общим расходом на прядильщика приблизительно в 8 пенсов. В сентябре и октябре 1845 г. эта пряжа продавалась большими массами и заключались столь же крупные контракты на поставку по 10¹/₂ и 11¹/₂ пенса за фунт, и в некоторых случаях прядильщики реализовали прибыль, равную покупной цене хлопка. — 1996. Дело оставалось прибыльным до начала 1846 года. — 2000. 3 марта 1844 г. запас хлопка» {627 042 кипы} «более чем вдвое превышал его нынешнюю величину» {3 марта 1848 г., когда запас равнялся 301 070 кипам} «и тем не менее цена была на 1¹/₄ пенса дороже на фунт». {6¹/₄ против 5 пенсов.}

Вместе с тем цена пряжи — хорошего *secunda mule twist* № 40 — упала с 10¹/₂ пенса в январе до 9¹/₂ пенса за фунт в октябре и до 7³/₄ пенса в конце декабря 1847 года: пряжа продавалась по покупной цене хлопка, из которого она выпрядена (там же, №№ 2021, 2023). Это проливает истинный свет на своекорыстную мудрость Оверстона, согласно которой деньги «дороги» потому, что капитал «редок». 3 марта 1844 г. учетная ставка была 3%; в октябре и ноябре 1847 г. она достигла 8% и 9% и 3 марта 1848 г. еще была равна 4%. Цены хлопка вследствие полной приостановки сбыта и паники, с соответствующей ей высокой процентной ставкой, упали гораздо ниже той цены, которая соответствовала размерам предложения. Результатом этого было, с одной стороны, небывалое уменьшение ввоза в 1848 г. и, с другой стороны, уменьшение производства в Америке; отсюда новое повышение цен хлопка в 1849 году. По Оверстону, товары были слишком дороги потому, что в стране было слишком много денег.

«2002. Недавнее ухудшение состояния дел в хлопчатобумажной промышленности нельзя приписать недостатку сырья, так как цена понизилась, несмотря на то, что запасы хлопка-сырца значительно сократились».

* сорт пряжи. *Ред.*

До чего же милым образом Оверстон смешивает цену, соответственно стоимость, товара и стоимость денег, то есть процентную ставку. В своем ответе на вопрос 2026 Уайли высказывает свое общее мнение о теории «денежной школы», в соответствии с которой Кардуэлл и сэр Чарлз Вуд в мае 1847 г.

«настаивали на необходимости проводить банковский акт 1844 г. во всем его объеме. Эти принципы, по-моему, таковы, что они должны придавать деньгам искусственно высокую стоимость, а всем товарам искусственную, разорительно низкую стоимость».

Он говорит далее о влиянии этого банковского акта на общее состояние дел:

«Так как лишь с большими жертвами можно было учесть четырехмесячные векселя, которыми являются обычные тратты фабричных городов на купцов и банкиров за купленные и предназначенные для Соединенных Штатов товары, то выполнение заказов было в значительной мере затруднено вплоть до правительственного распоряжения от 25 октября» (приостановка действия банковского акта). «когда снова возможно стало учитывать эти четырехмесячные векселя» (2097).

Следовательно, и в провинции приостановка действия банковского акта ощущалась как избавление.

«2102. В прошлом октябре» [1847 г.] «почти все американские покупатели, закупающие здесь товары, немедленно сократили, насколько это возможно было, свои заказы; и когда в Америку пришло известие о вздорожании денег, все новые заказы прекратились. — 2134. Хлеб и сахар представляли особый случай. На хлебный рынок оказывали влияние виды на урожай, на сахар оказывали влияние огромные запасы и ввоз. — 2163. Из наших платежных обязательств по отношению к Америке... многие были ликвидированы путем принудительной продажи отправленных на консигнацию товаров и многие, боюсь, были аннулированы вследствие банкротств, которые здесь имели место. — 2196. Если память не изменяет мне, на нашей фондовой бирже в октябре 1847 г. процентная ставка дошла до 70%».

{Кризис 1837 г. с его продолжительными болезненными последствиями, к которым в 1842 г. присоединился еще развернутый добавочный кризис [vollständige Nachkrise], и своекорыстное ослепление промышленников и купцов, которые ни за что не хотели признавать перепроизводства — ведь согласно вульгарной политической экономии — это нелепость и невозможность! — вызвали, наконец, ту путаницу в умах, которая позволила «денежной школе» применить свою догму на практике в национальном масштабе. Банковские законы 1844—1845 гг. были приняты парламентом.

Банковский акт 1844 г. делит Английский банк на эмиссионное и банковое отделение. Первое получает обеспечений — главным образом в виде свидетельств государственного долга — на 14 млн. ф. ст. и весь металлический запас, который может состоять из серебра не более чем на $\frac{1}{4}$, и выпускает на общую сумму того и другого банкноты. Поскольку эти последние не находятся в руках публики, они лежат в банковом отделении и образуют вместе с небольшим количеством необходимой для каждодневных нужд монеты

(около одного миллиона) всегда готовый резерв банкового отделения. Эмиссионное отделение выдает публике банкноты за золото и золото за банкноты; остальные операции с публикой осуществляет банковое отделение. Частные банки, имевшие в 1844 г. право выпускать собственные банкноты в Англии и Уэльсе, сохранили за собой это право, только выпуск их банкнот был лимитирован; если такой банк прекращает выпуск собственных банкнот, Английский банк имеет право увеличить сумму своих непокрытых банкнот на $\frac{2}{3}$ освободившегося лимита; таким путем сумма эта к 1892 г. повысилась с 14 до $16\frac{1}{2}$ млн. ф. ст., точнее до 16 450 000 фунтов стерлингов.

Итак, взамен каждых пяти фунтов золотом, уходящих из банкового резерва, в эмиссионное отделение поступает пятифунтовая банкнота и уничтожается там; взамен каждых пяти соверенов, поступивших в резерв, выпускается в обращение новая пятифунтовая банкнота. Этим практически осуществляется оверстоновское идеальное бумажное обращение, совершенно точно подчиненное законам металлического обращения, и благодаря этому, по утверждению сторонников «денежной школы», кризисы становятся навсегда невозможными.

В действительности разделение Банка на два независимых отделения лишило дирекцию возможности свободно располагать в решающие моменты всеми доступными ей средствами, так что могли наступить случаи, когда банковое отделение стояло перед банкротством, а эмиссионное отделение сохраняло в бездействии миллионы золотом, не считая 14 миллионов обеспечения. И притом подобное состояние дел могло наступать тем легче, что почти каждый кризис имеет период, когда происходит сильный отлив золота за границу, который надо покрывать главным образом за счет металлического запаса Банка. Но взамен каждых пяти фунтов, уходящих в этом случае за границу, из внутреннего обращения извлекается пятифунтовая банкнота, следовательно, количество средств обращения уменьшается как раз в тот момент, когда их требуется больше всего и потребность в них настоятельнее всего. Таким образом, банковский акт 1844 г. прямо толкает весь торговый мир к тому, чтобы в момент, когда разражается кризис, тотчас же припрятать запасы банкнот и, следовательно, ускорить и обострить кризис; таким наступающим в решающий момент искусственным повышением спроса на денежные ссуды, то есть на средства платежа, при одновременном ограничении их предложения, этот акт в период кризиса гонит процентную ставку до неслыханной высоты; итак, вместо того чтобы устранять кризисы, он их усиливает до такой степени, что должен потерпеть крах либо весь промышленный мир, либо банковский акт. Два раза, 25 октября 1847 г. и 12 ноября [1857 г.], кризис достигал этой высоты; тогда правительство освободило Банк от ограничений в выпуске банкнот, приостановив дей-

ствие акта 1844 г., и оба раза этого было достаточно для того, чтобы приостановить кризис. В 1847 г. достаточно было уверенности в возможности снова получать банкноты под первоклассное обеспечение, чтобы извлечь на свет и вернуть обращению накопленные запасы банкнот на 4—5 миллионов; в 1857 г. было выпущено без малого 1 миллион банкнотами свыше узаконенной нормы, но лишь на самое короткое время.

Необходимо, кроме того, упомянуть, что законодательство 1844 г. хранит еще следы памятного первого двадцатилетия нынешнего века — времени приостановки размена банкнот и обесценения последних. Опасение, что может быть потеряно доверие к банкнотам, проявляется здесь еще очень заметно; совершенно напрасное опасение, так как уже в 1825 г. выпуском имевшегося старого запаса однофунтовых банкнот, изъятых из обращения, был приостановлен кризис и тем самым было доказано, что даже в то время всеобщего и сильнейшего недоверия доверие к банкнотам не было поколеблено. И это вполне понятно: ведь фактически за этими знаками стоимости стоит вся нация со всем своим кредитом. — *Ф. Э.*}

Выслушаем теперь несколько показаний о влиянии банковского акта. Дж. Ст. Милль полагает, что банковский акт 1844 г. сдерживал спекуляцию. Сей мудрый муж по счастливой случайности выступал как раз 12 июня 1857 года. Четыре месяца спустя разразился кризис. Милль буквально поздравляет «директоров банка и коммерческую публику вообще» с тем, что они

«понимают теперь много лучше, чем раньше, природу торгового кризиса и тот очень большой вред, который они причиняют сами себе и публике, поддерживая чрезмерную спекуляцию» (В. С. 1857, № 2031).

Мудрый Милль полагает, что если выпускаются однофунтовые банкноты,

«как ссуды фабрикантам и др., выплачивающим заработную плату... то банкноты эти могут попасть в руки других лиц, которые затратят их на цели потребления, и в этом случае банкноты сами по себе создают спрос на товары и могут временно иметь тенденцию содействовать повышению цен» [2066].

Следовательно, г-н Милль допускает, что фабриканты будут выдавать более высокую заработную плату, если они будут расплачиваться бумагой вместо золота? Или же он думает, что если фабрикант получит свою ссуду стофунтовыми банкнотами и разменяет затем последние на золото, то заработная плата вызовет меньший спрос, чем в том случае, если бы она выдавалась прямо однофунтовыми банкнотами? И разве он не знает, что, например, в некоторых горных округах заработная плата выдавалась банкнотами местных банков, так что несколько рабочих получали вместе одну пятифунтовую банкноту? Увеличивает ли это их спрос? Или, быть может, мелкими банкнотами банкиры легче дают фабрикантам ссуду и на большую сумму, чем крупными?

{Этот необычайный страх Милля перед однофунтовыми банкнотами был бы совершенно необъясним, если бы весь его труд по политической экономии не обнаруживал эклектизма, не останавливающегося ни перед какими противоречиями. С одной стороны, он во многом согласен с Туком против Оверстона, с другой стороны, верит в то, что товарные цены определяются количеством имеющихся денег. Следовательно, он отнюдь не убежден, что вместо каждой выпущенной банкноты — при прочих равных условиях — в запас банка поступает один соверен; он опасается, что масса средств обращения может увеличиться и вследствие этого обесцениться, то есть поднять товарные цены. Только это скрывается за приведенными выше опасениями и ничего больше. — Ф. Э.]

О разделении Банка на два отделения и чрезмерной заботливости относительно обеспечения размена банкнот Тук высказывается следующим образом перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57):

Более крупные колебания процентной ставки в 1847 г. по сравнению с 1837 и 1839 гг. вызваны только разделением Банка на два отделения (3010). Обесценность банкнот не была затронута ни в 1825, ни в 1837, ни в 1839 годах (3015). — Спрос на золото в 1825 г. имел целью лишь заполнить пустоту, образовавшуюся вследствие полной дискредитации однофунтовых банкнот провинциальных банков; эта пустота могла быть заполнена только золотом, пока Английский банк не выпустил, в свою очередь, однофунтовые банкноты (3022). — В ноябре и декабре 1825 г. не наблюдалось ни малейшего спроса на золото для вывоза (3023).

«Что касается дискредитации Банка внутри страны и за границей, то приостановка выдачи дивидендов и вкладов имела бы гораздо более тяжелые последствия, чем приостановка размена банкнот (3028).

3035. Не думаете ли вы, что любое обстоятельство, угрожающее в конечном счете разменности банкнот, могло бы в момент коммерческого угнетения создать новые и серьезные затруднения? — Отнюдь нет.

В течение 1847 г. увеличенный выпуск банкнот, быть может, способствовал бы обратному наполнению золотого запаса Банка, как это имело место в 1825 году (3058)*.

Перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (В. А. 1857) Ньюмарч говорит:

«1357. Первое плохое последствие... этого разъединения двух отделений (Банка) и неизбежно вытекающего отсюда разделения золотого запаса состояло в том, что банковские операции Английского банка, то есть вся та сфера его операций, которая приводит его в непосредственную связь с торговлей страны, могли вестись лишь с половиной суммой прежнего запаса. Вследствие этого разделения запаса сложилось такое положение вещей, что при малейшем уменьшении резерва банковского отделения Банк вынужден был повышать свою учетную ставку. Такое уменьшение резерва вызвало поэтому ряд скачкообразных изменений учетной ставки. — 1358. Таких изменений с 1844 г.» {до июня 1857} «было около 60, тогда как до 1844 г. за такой же период времени они едва ли составили дюжину».

Особенно интересны показания перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57) Палмера, бывшего с 1811 г. директором и в течение некоторого времени управляющим Английского банка:

«828. В декабре 1825 г. в Банке оставалось золота приблизительно на 1 100 000 фунтов стерлингов. Он, несомненно, потерпел бы полное банкротство, если бы этот акт» (1844 г.) «существовал в то время. В декабре Банк выпустил, думаю мне, в одну неделю на 5 или 6 миллионов банкнот, и это значительно смягчило тогдашнюю панику.

825. Первый момент» (после 1 июля 1825 г.), «когда современное банковское законодательство потерпело бы крах, если бы Банк попытался довести до конца раз начатые операции, наступил 28 февраля 1837 года; Банк тогда имел от 3 900 000 до 4 000 000 ф. ст., и он сохранил бы всего 650 000 ф. ст. в своем резерве. Другой период, подобный этому моменту, был в 1839 г. и продолжался с 9 июля до 5 декабря. - 826. Каковы были размеры резерва в этом случае? На 5 сентября резерв состоял из дефицита на сумму 200 000 фунтов стерлингов (the reserve was minus altogether 200 000 £). 5 ноября он возрос приблизительно до 1—1½ миллиона. - 830. Акт 1844 г. воспрепятствовал бы Банку в 1837 г. оказать поддержку торговле с Америкой. - 831. Три главнейших американских фирмы обанкротились... Почти все фирмы, торгующие с Америкой, лишились кредита, и если бы в то время Банк не пришел им на помощь, то я не думаю, что устояло бы более одной или двух фирм. - 836. Угнетенное состояние в 1837 г. нельзя сравнивать с угнетенным состоянием 1847 года. Действие первого ограничивалось почти исключительно американскими операциями. - 838. (В начале июня 1837 г. в дирекции Банка дискутировался вопрос, какими мерами облегчить угнетенное состояние.) «Некоторые отстаивали то мнение... что наиболее правильным принципом было бы повысить процентную ставку, вследствие чего упали бы товарные цены, словом, удорожить деньги и удешевить товары, что и дало бы возможность осуществить заграничные платежи (by which the foreign payment would be accomplished). - 906. Введение искусственного ограничения полномочий Банка актом 1844 г. вместо старой и естественной границы его полномочий, а именно действительных размеров его металлического запаса, создает искусственное затруднение в ходе дел и тем самым оказывает такое влияние на товарные цены, которого можно было бы избежать без этого акта. - 968. При действии акта 1844 г. нельзя в обычных условиях понизить металлический запас Банка значительно ниже 9½ миллиона. Это оказало бы давление на цены и кредит, которое в свою очередь вызвало бы такое изменение вексельных курсов, что ввоз золота возрос бы и увеличил сумму золота в эмиссионном отделении. - 996. При теперешнем ограничении вы» [Банк] «лишены той возможности управлять движением серебра, которая необходима в моменты, когда серебро требуется для воздействия на заграничный курс. - 999. Какова была цель предписания, ограничившего серебряный запас Банка 1/5 общей суммы его металлического запаса? - На этот вопрос и не могу ответить».

Цель была удорожить деньги; та же самая цель, которая, независимо от теории «денежной школы», преследовалась при разделении Банка на два отделения и при установлении для шотландских и ирландских банков обязательства держать в резерве золото для покрытия банкнот, выпускаемых свыше известной нормы. Таким образом возникла децентрализация национального металлического запаса, которая ослабила его способность поправлять неблагоприятный вексельный курс. К повышению ставки процента направлены все следующие постановления: право Английского банка выпускать банкноты на сумму большую, чем 14 млн. ф. ст., не иначе как при покрытии их золотым запасом; управление банковым отделением, так же как и обычным банком, путем понижения процентной ставки в периоды избытка денег и повышения ее в периоды угнетения; ограничение серебряного запаса, главного средства для регулирования вексельного курса с континентом Европы и Азией:

предписания относительно шотландских и ирландских банков, которые никогда не нуждаются в золоте * для экспорта и которые теперь должны хранить его в запасе под предлогом обеспечения в действительности совершенно иллюзорного размена банкнот. Факт тот, что акт 1844 г. впервые вызвал в 1857 г. штурм шотландских банков с требованием золота. Новое банковское законодательство не делает также никакого различия между отливом золота за границу и внутрь страны, хотя, само собой разумеется, последствия того и другого совершенно различны. Отсюда постоянные сильные колебания рыночной ставки процента. Отвечая на вопросы 992 и 994, Палмер дважды подчеркнул, что Английский банк может покупать на банкноты серебро лишь в том случае, если вексельный курс благоприятен для Англии и, следовательно, серебро в избытке; потому что:

«1003. Единственная цель, из-за которой можно держать значительную часть металлического запаса в серебре, состоит в стремлении облегчить заграничные платежи в период, когда вексельный курс неблагоприятен для Англии. — 1004. Серебро есть товар, который, являясь деньгами для всего остального мира, оказывается наиболее подходящим товаром... для этой цели» [заграничных платежей]. «Лишь Соединенные Штаты за последнее время принимали в уплату только золото».

По его мнению, в периоды угнетения Английскому банку не было надобности повышать учетную ставку выше старого уровня в 5%, пока неблагоприятный вексельный курс не отвлекает золото за границу. Если бы не было акта 1844 г., то банк мог бы без всякого затруднения учесть все первоклассные векселя (first class bills), которые были ему предложены {1018—1020}.

«Но при акте 1844 г. и при том положении, в котором находился Банк в октябре 1847 г., не было такого процента, которого Банк потребовал бы от кредитоспособных фирм и который они не были бы готовы уплатить, чтобы не прекращать платежей» {1022}.

А высокая учетная ставка составляла как раз цель этого акта.

«1029. Я считаю необходимым строго различать влияние учетной ставки на заграничный спрос» {на благородные металлы} «и повышение процента с целью предотвратить нажим на Банк в период недостатка в кредите внутри страны. — 1023. До акта 1844 г., когда курс был благоприятен для Англии, а в стране царил беспокойство и даже положительная паника, не существовало никакой границы для выпуска банкнот, который один только мог облегчить это угнетенное состояние».

Так высказывается человек, который в течение 39 лет сидел в дирекции Английского банка. Послушаем теперь частного банкира Туэлса, с 1801 г. компаньона Спунера, братьев Атвуд и К^о. Это единственный из всех свидетелей, опрошенных комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (В. С. 1857), который дает возможность бросить взгляд на действительное состояние

* В оригинале сказано: «деньгах»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

страны и который видит приближающийся кризис. В остальном он является представителем бирмингемской школы «little shilling men»¹⁷, подобно своим компаньонам, братьям Атвуд, которые являются основателями этой школы (см. К. Маркс. «К критике политической экономии». Берлин [1859], стр. 59¹⁸). Он говорит:

«4488. Какое влияние, по вашему мнению, оказал акт 1844 года? — Если я должен отвечать как банкир, то я скажу, что акт оказал самое хорошее действие, так как банкирам и» [денежным] «капиталистам всякого рода он доставил богатую жатву. Но он имел очень плохие результаты для честных и усердных представителей делового мира, которые нуждаются в устойчивой процентной ставке, чтобы с уверенностью вести свои дела... акт сделал ссуду денег в высшей степени прибыльным занятием. — 4489. Он» [банковский акт] «позволяет лондонским акционерным банкам выплачивать акционерам 20—22%? — Один из них выплатил недавно 18%, а другой, насколько мне известно, 20%; они имеют все основания самым решительным образом защищать акт 1844 года. — 4490. Мелкие деловые люди и респектабельные купцы, не обладающие крупным капиталом... их он сильно ущемляет... Чтобы убедиться в этом, достаточно того, что я вижу поразительную массу их акцептов, остающихся неоплаченными. Эти акцепты всегда незначительны, приблизительно в 20—100 ф. ст., многие из них не оплачиваются и вследствие этого возвращаются назад во все части страны, что всегда служит признаком угнетенного положения... мелких торговцев».

4494. Он заявляет, что в настоящее время коммерция не приносит достаточной прибыли. Следующие его замечания важны потому, что он видел кризис в скрытом состоянии, когда никто еще не предчувствовал его.

«4494. Цены на Минсинг-Лейн еще более или менее держатся, но уже ничего не продается, нельзя продать ни за какую цену; цены держатся номинальные».

4495. Он рассказывает один случай: некий француз посылает маклеру на Минсинг-Лейн товары на сумму в 3 000 ф. ст. для продажи по определенной цене. Маклер не может получить назначенной цены, француз не может продать дешевле. Товар остается без движения, но французу нужны деньги. Маклер ссужает ему поэтому 1 000 ф. ст. таким способом, что француз под обеспечение товаров выписывает на маклера вексель на 1 000 ф. ст. сроком на 3 месяца. По истечении 3 месяцев наступает срок платежа, а товары все еще не могут быть проданы. Маклер должен тогда оплатить вексель, и хотя он имел покрытие в 3 000 ф. ст., он не был в состоянии реализовать его и вследствие этого попал в затруднительное положение. Таким образом один увлекает с собой на дно другого.

4496. «Что касается большого вывоза... если дела внутри страны находятся в угнетенном состоянии, то это неизбежно вызывает усиленный вывоз. — 4497. Полагаете ли вы, что потребление внутри страны уменьшилось? — *Очень значительно... чрезвычайно...* мелкие торговцы являются в этом отношении самым надежным авторитетом. — 4498. И все же ввоз очень велик; не указывает ли это на сильное потребление? — Конечно, *если только вы имеете возможность продать*; но многие товарные склады переполнены этими предметами; в том примере, который я только что приводил, товары на 3 000 ф. ст. были импортированы и остались непроданными.

4514. Если деньги дороги, то не скажете ли вы, что в этом случае капитал дешев? — Да».

Следовательно, этот человек отнюдь не придерживается мнения Оверстона, что высокая процентная ставка — это то же самое, что дорогой капитал.

Как ведутся теперь дела:

4616. «Другие очень сильно увлекаются, делают с вывозом и ввозом гигантские дела, значительно более крупные, чем позволяет их капитал, — в этом не может быть ни малейшего сомнения. Они могут иметь удачу, благодаря какому-либо счастливому случаю они могут нажить большое состояние и со всеми расплатиться. Такова во многих случаях система, по которой в настоящее время ведется значительная часть дел. Такие люди охотно теряют 20%, 30% и 40% на одной отправке товара; следующая операция может вернуть им все потерянное. Но если они испытывают неудачу два раза подряд, тогда им конец; и как раз за последнее время мы очень часто наблюдали такие случаи; торговые фирмы терпят банкротство, не оставляя ни одного шиллинга в активе.

4791. Низкая процентная ставка» [за последние 10 лет] «во всяком случае неблагоприятна для банкиров, но без предъявления вам торговых книг мне было бы очень трудно объяснить, насколько нынешняя прибыль» [его собственная] «выше, по сравнению с прежним временем. Когда ставка процента низка вследствие чрезмерного выпуска банкнот, мы имеем значительную сумму вкладов; если ставка процента высока, это приносит нам прямую прибыль. — 4794. Если деньги можно получить по умеренной процентной ставке, мы имеем большой спрос на них: мы больше ссужаем: таков результат» [для нас, банкиров] «в этом случае. Если ставка процента повышается, мы получаем за ссуды больше, чем следует по справедливости: мы получаем больше, чем мы должны бы получать».

Мы уже видели, что все компетентные люди считают кредит банкнот Английского банка непоколебимым. Несмотря на это, банковский акт для обеспечения их размена абсолютно закрепляет от 9 до 10 миллионов золотом. Святость и неприкосновенность этого сокровища охраняется совершенно иначе, чем у собирателей сокровищ прежнего времени. У. Браун (Ливерпуль) показывает перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57).

«2311. Что касается той пользы, которую эти деньги» [металлический запас эмиссионного отделения] «приносили тогда, то без ущерба для дела их можно было бы бросить в море; ведь даже ничтожнейшей части их нельзя было пускать в оборот, не нарушая парламентского акта».

Предприниматель строительной промышленности Э. Кэпс, уже цитированный нами выше, тот самый, из показаний которого заимствовано описание современной лондонской системы строительства («Капитал», кн. II, гл. XII¹⁹), следующим образом резюмирует свое мнение о банковском акте 1844 года (В. А. 1857).

«5508. Следовательно, в общем же того мнения, что современная система» (банковского законодательства) «является очень искусным приспособлением для того, чтобы перекладывать периодически в кошелёк ростовщиков прибыль промышленности? Да, таково мое мнение. Я знаю, что в строительном деле влияние было таково».

Как уже было упомянуто, шотландские банки банковским актом 1845 г. были вынуждены принять систему, приближающуюся к английской. На них было возложено обязательство иметь золотое покрытие для выпуска банкнот свыше суммы, установленной для

каждого банка. Какие последствия это имело, видно из приводимых ниже показаний перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57).

Кеннеди, управляющий одним из шотландских банков, показывает:

«3375. Имелось ли до введения акта 1845 г. в Шотландии что-либо заслуживающее названия золотого обращения? - Ничего подобного. 3376. А с того времени увеличилось ли количество золота в обращении? - Нисколько; публика не любит золота (the people dislike gold)».

3450. Приблизительно 900 000 ф. ст. золотом, которые шотландские банки должны держать в запасе с 1845 г., по его мнению, приносят лишь вред, так как

«бесприбыльно поглощают значительную часть капитала Шотландии».

Далее идут показания Андерсона, управляющего Union Bank of Scotland:

«3588. Единственный случай сильного спроса на золото, предъявленного Английскому банку со стороны шотландских банков, имел место под влиянием иностранного вексельного курса? - Совершенно верно; и этот спрос не уменьшился оттого, что мы держим золото в Эдинбурге. - 3590. Пока мы имеем ту же самую сумму ценных бумаг в Английском банке» (или в частных банках Англии). «у нас остается та же, что и раньше, возможность вызвать отлив золота из Английского банка».

В заключение процитируем еще одну статью (Уилсона) из журнала «Economist»:

«Шотландские банки держат свободную наличность у своих лондонских агентов; последние держат ее в Английском банке. Это дает шотландским банкам возможность в пределах этих сумм распоряжаться металлической наличностью Английского банка, и здесь она всегда готова к услугам, когда приходится провозводить заграничные платежи». Эта система была нарушена актом 1845 года. «В результате шотландского акта 1845 г. за последнее время имел место сильный отлив золотой монеты из Английского банка для удовлетворения всего лишь потенциального спроса в Шотландии, который в действительности, быть может, никогда не наступит... С этого времени значительная сумма неизменно закреплена в Шотландии, и другая значительная сумма постоянно путешествует туда и обратно между Лондоном и Шотландией. Если наступает время, когда шотландский банкир ждет повышенного спроса на свои банкноты, то из Лондона посылаются ящики с золотом; раз это время миновало, тот же самый ящик, обыкновенно даже не вскрытый, отсылается обратно в Лондон» («Economist», 23 октября 1847 г. [стр. 1214 - 1215]).

{Что же говорит по поводу всего этого отец банковского акта, банкир Самюэл Джонс Лойд, alias * лорд Оверстон?

Он уже в 1848 г. повторил перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57), что

«стесненное положение с деньгами и высокая ставка процента, вызванные недостатком капитала, не могут быть облегчены путем усиленного выпуска банкнот» (1514).

* - иначе. *Ред.*

хотя уже одного *разрешения* правительственным указом от 25 октября 1847 г. увеличить выпуск банкнот было достаточно, чтобы лишить кризис остроты.

Он считает, что

«высокая ставка процента и угнетенное состояние фабричной промышленности являются неизбежным результатом уменьшения *вещественного* капитала, применяемого для промышленных и коммерческих целей» (1604).

А между тем угнетенное состояние фабричной промышленности в течение целого ряда месяцев выражалось как раз в том, что *вещественный* товарный капитал в избытке заполнял кладовые, не находя сбыта, и что именно поэтому *вещественный* производительный капитал целиком или наполовину бездействовал, чтобы не производить еще больше товарного капитала, не находящего покупателей.

А перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству он говорил следующее:

«Благодаря строгому и точному соблюдению основных положений акта 1844 г. все совершалось регулярно и легко, денежная система прочна и непоколебима, процветание страны неоспоримо, доверие общества к акту 1844 г. с каждым днем растет, и если комиссия желает дальнейших практических доказательств прочности принципов, на которых покоится этот акт, и тех благодетельных последствий, которые он обеспечивает, то верный и достаточный ответ таков: взгляните вокруг себя, посмотрите на нынешнее состояние дел в нашей стране, посмотрите на довольство народа, посмотрите на богатство и процветание всех классов общества. Последовав этому совету, комиссия будет в состоянии решить, должна ли она воспрепятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие успехи» (В. С. 1857, № 4189).

Ответом на этот дифирамб, который Оверстон пропел перед комиссией 14 июля, послужило письмо в дирекцию Банка от 12 ноября, которым правительство приостанавливало действие чудотворного закона 1844 г., дабы спасти то, что еще можно было спасти. — *Ф. Э.*]

хотя уже одного *разрешения* правительственным указом от 25 октября 1847 г. увеличить выпуск банкнот было достаточно, чтобы лишить кризис остроты.

Он считает, что

«высокая ставка процента и угнетенное состояние фабричной промышленности являются неизбежным результатом уменьшения *вещественного* капитала, применяемого для промышленных и коммерческих целей» (1604).

А между тем угнетенное состояние фабричной промышленности в течение целого ряда месяцев выражалось как раз в том, что *вещественный* товарный капитал в избытке заполнял кладовые, не находя сбыта, и что именно поэтому *вещественный* производительный капитал целиком или наполовину бездействовал, чтобы не производить еще больше товарного капитала, не находящего покупателей.

А перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству он говорил следующее:

«Благодаря строгому и точному соблюдению основных положений акта 1844 г. все совершалось регулярно и легко, денежная система прочна и непоколебима, процветание страны неоспоримо, доверие общества к акту 1844 г. с каждым днем растет, и если комиссия желает дальнейших практических доказательств прочности принципов, на которых покоится этот акт, и тех благодетельных последствий, которые он обеспечивает, то верный и достаточный ответ таков: взгляните вокруг себя, посмотрите на нынешнее состояние дел в нашей стране, посмотрите на довольство народа, посмотрите на богатство и процветание всех классов общества. Последовав этому совету, комиссия будет в состоянии решить, должна ли она воспрепятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие успехи» (В. С. 1857, № 4189).

Ответом на этот дифирамб, который Оверстон пропел перед комиссией 14 июля, послужило письмо в дирекцию Банка от 12 ноября, которым правительство приостанавливало действие чудотворного закона 1844 г., дабы спасти то, что еще можно было спасти. — Ф. Э.].

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

БЛАГОРОДНЫЙ МЕТАЛЛ И ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС

I. ДВИЖЕНИЕ ЗОЛОТОГО ЗАПАСА

Относительно накопления банкнот в периоды угнетения следует заметить, что здесь повторяется образование сокровищ в виде благородного металла, которое наблюдалось в тревожные времена на самых ранних стадиях существования общества. Влияние акта 1844 г. представляет интерес потому, что акт этот стремится весь находящийся в стране благородный металл превратить в средства обращения; он хочет отождествить отлив золота с сокращением, прилив золота с расширением количества средств обращения. На опыте применения акта было доказано обратное. За единственным исключением, о котором мы сейчас упомянем, масса находящегося в обращении банкнот Английского банка после 1844 г. никогда не достигала того максимума, который Банк имел право выпускать. И кризис 1857 г. показал, с другой стороны, что при известных условиях этого максимума недостаточно. С 13 по 30 ноября 1857 г. в обращении было банкнот в среднем ежедневно на 488 830 ф. ст. больше этого максимума (В. А. 1858, стр. XI). Законный максимум был тогда 14 475 000 ф. ст. плюс сумма металлического запаса в подвалах Банка.

Относительно прилива и отлива благородного металла необходимо заметить следующее:

Во-первых, надо различать, с одной стороны, движение металла в пределах области, не производящей золота и серебра, а с другой стороны, движение золота и серебра от источников их производства в различные другие страны и распределение этого добавочного металла между этими странами.

С начала нынешнего века — до тех пор, пока не сказались влияние русских, калифорнийских и австралийских золотых приисков, — поступлений золота и серебра хватало лишь для возмещения изнашивающейся монеты, для обычного употребления этих металлов в производстве предметов роскоши и для вывоза серебра в Азию.

Однако с того времени с ростом азиатской торговли Америки и Европы чрезвычайно возрос, во-первых, вывоз серебра в Азию. Серебро, вывезенное из Европы, в значительной своей части замещалось добавочным золотом. Далее, часть вновь приливающего золота поглощалась внутренним денежным обращением. Считают, что до 1857 г. приблизительно 30 миллионов добавочного золота вступило во внутреннее обращение Англии¹⁴⁾. Затем, после 1844 г. средний уровень металлических запасов во всех центральных банках Европы и Северной Америки повысился. В то же время рост внутреннего денежного обращения привел к тому, что после паники в следующий за ней период затишья банковский запас стал возрастать быстрее, так как увеличилась масса золотой монеты, вытолкнутой из внутреннего обращения и иммобилизованной. Наконец, после того как были открыты новые месторождения золота, поднялось потребление благородного металла для изготовления предметов роскоши вследствие возросшего богатства.

Во-вторых, между странами, не производящими золота и серебра, благородный металл постоянно циркулирует туда и обратно: одна и та же страна непрерывно ввозит золото и столь же непрерывно вывозит его. И лишь перевес движения в ту или другую сторону решает, в конечном счете, имеет ли место прилив или отлив, так как чисто колебательные и зачастую параллельные движения по большей части взаимно нейтрализуются. Но именно вследствие этого, поскольку обращают внимание на конечный результат, упускается из виду непрерывность и в общем параллельный ход обоих движений. Дело воспринимается всегда таким образом, как будто избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла есть лишь результат и выражение соотношения между ввозом и вывозом товаров, тогда как он в то же время выражает соотношение между независимым от товарной торговли ввозом и вывозом самого благородного металла.

В-третьих, преобладание ввоза над вывозом, и наоборот, изменяется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. Большая или меньшая точность этого мерила зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банков-

¹⁴⁾ Как подействовало это на денежный рынок, видно из следующего показания Ньюмарча: «1509. К концу 1853 г. среди публики имели место серьезные опасения; в сентябре Английский банк трижды, раз за разом, повышал учетную ставку... В первых числах октября обнаружилось значительное беспокойство и паника среди публики. Эти опасения и это беспокойство были большей частью устранены к концу ноября и почти совершенно исчезли с прибытием 5 000 000 ф. ст. благородного металла из Австралии. То же самое повторилось осенью 1854 г., когда — в октябре и ноябре — поступило почти 6 000 000 ф. ст. благородного металла. То же самое повторилось осенью 1855 г., — как известно, это был период возбуждения и беспокойства, — в связи с поступлением в течение сентября, октября и ноября около 8 000 000 ф. ст. благородного металла; в конце 1856 г. мы видим опять то же самое. Одним словом, я вполне мог бы сослаться на опыт почти каждого члена комиссии в подтверждение того, что мы привыкли при каждом финансовом затруднении видеть естественное и радикальное средство помощи в прибытии корабля с золотом» [В. А. 1857].

ское дело вообще централизовано. Ибо от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном банке, представляет вообще национальный запас металла. Но если даже это и так, указанное мерило все же не точно, так как при известных условиях добавочный ввоз поглощается внутренним обращением и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши и так как, кроме того, без добавочного ввоза золото может извлекаться для внутреннего обращения и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза.

В-четвертых, вывоз металла принимает форму отлива (drain), если движение в сторону уменьшения продолжается длительное время, так что уменьшение становится общей тенденцией движения и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня, пока не достигнет своего среднего минимума. Этот последний устанавливается более или менее произвольно, поскольку законодательство, определяющее размер покрытия для размена банкнот и т. п., в различных случаях оказывается различным. Относительно количественных границ, которых такой отлив может достигнуть в Англии, Ньюмарч говорит перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (В. А. 1857, № 1494):

«Если судить на основании опыта, то представляется в высшей степени неправдоподобным, чтобы отлив металла вследствие какого-либо колебания в сделках с границей мог превысить 3 000 000 или 4 000 000 фунтов стерлингов».

В 1847 г. самый низкий уровень золотого запаса в Английском банке, имевший место 23 октября, показывает по сравнению с 26 декабря 1846 г. уменьшение на 5 198 156 ф. ст., а по сравнению с наивысшим уровнем в 1846 г. (29 августа) уменьшение на 6 453 748 фунтов стерлингов.

В-пятых, назначение металлического резерва так называемого национального банка, назначение, которое служит отнюдь не единственным регулятором величины металлического запаса, ибо он может возрастать вследствие простой задержки в делах внутри или вне страны, является трояким: 1) Быть резервным фондом для международных платежей, короче, резервным фондом мировых денег. 2) Быть резервным фондом для внутреннего металлического обращения, попеременно расширяющегося и сокращающегося. 3) Быть резервным фондом для платежей по вкладам и для размена банкнот, что связано с функцией банка и ничего общего не имеет с функциями денег как таковых. На металлический запас могут поэтому влиять те отношения, которые касаются каждой из этих трех функций; следовательно, он может испытать на себе влияние: как международный фонд — со стороны платежного баланса, какими бы причинами ни определялся этот последний и каково бы ни было его отношение к торговому балансу; как резервный фонд внутрен-

него металлического обращения он может испытать на себе влияние расширения или сокращения этого последнего. Третья функция, функция фонда обеспечения, не обуславливает, правда, самостоятельного движения металлического резерва, однако оказывает двойное влияние. Если выпускаются банкноты, замещающие во внутреннем обращении металлические деньги (следовательно, также и серебряную монету в странах, где серебро является мерой стоимости), то отпадает функция резервного фонда, отмеченная в пункте 2. И часть благородного металла, служившая для этой цели, будет надолго уходить за границу. В этом случае металлические деньги не извлекаются из банка для целей внутреннего обращения и вместе с тем отпадает необходимость периодически увеличивать металлический запас путем иммобилизации части обращающихся металлических денег. Далее, если необходимо при всех обстоятельствах удерживать в резерве известный минимум металла для уплаты по вкладам и размена банкнот, то это особым образом сказывается на последствиях прилива и отлива золота; это влияет на ту часть резерва, которую банк обязан удерживать при всех обстоятельствах, или на ту его часть, от которой он в другое время стремился бы освободиться как от бесполезной. При чисто металлическом обращении и концентрации банковского дела банк также должен был бы рассматривать свой металлический резерв как гарантию для уплаты по своим вкладам и в случае отлива золота могла бы наступить паника, подобная той, которая имела место в 1857 г. в Гамбурге.

В-шестых, за исключением разве только 1837 г., действительный кризис всегда наступал уже после изменения вексельного курса, то есть в тот момент, когда ввоз благородного металла снова стал превышать вывоз.

В 1825 г. настоящий крах наступил после того, как прекратился отлив золота. В 1839 г. отлив золота имел место, не приведя к краху. В 1847 г. отлив золота прекратился в апреле, а крах наступил в октябре. В 1857 г. отлив золота за границу прекратился с начала ноября, и лишь позднее, в ноябре, наступил крах.

Особенно отчетливо проявилось это в кризисе 1847 г., когда отлив золота прекратился уже в апреле, вызвав сравнительно легкий предварительный кризис, а затем лишь в октябре разразился собственно торговый кризис.

Приводимые ниже показания были даны перед секретной комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 года; показания свидетелей (evidence) были отпечатаны только в 1857 г. (раньше эти показания мы помечали: C. D. 1848/57).

Показания Тука:

В апреле 1847 г. возникло угнетенное состояние, которое, строго говоря, было равносильно панике, но продолжалось сравнительно короткое время и не сопровождалось сколько-нибудь значительными коммерческими банкротствами. В октяб-

ре угнетенное состояние было гораздо острее, чем в апреле, причем имело место почти неслыханное количество банкротств (2996). — В апреле вексельный курс — в особенности с Америкой — заставил нас экспортировать значительное количество золота для оплаты чрезвычайно большого импорта; только ценой крайне сильного напряжения Банк приостановил отлив золота и добился повышения курса (2997). — В октябре вексельный курс был благоприятен для Англии (2998). — Изменение вексельного курса началось на третьей неделе апреля (3000). — Колесания вексельного курса имели место в июле и августе; с начала августа он все время был благоприятен для Англии (3001). — Отлив золота в августе был вызван нуждами внутреннего обращения (3003).

Дж. Моррис, управляющий Английским банком, показывает:

хотя с августа 1847 г. вексельный курс сделался благоприятным для Англии и вследствие этого имел место ввоз золота, тем не менее металлический запас Банка уменьшился.

«2 200 000 ф. ст. золотом ушли из Банка в обращение вследствие внутреннего спроса» (137). Это объясняется, «с одной стороны, увеличением числа занятых рабочих на строительстве железных дорог... с другой стороны, желанием банкиров в период кризиса иметь собственный запас золота» (147).

Палмер, бывший управляющий и с 1811 г. директор Английского банка, показывает:

«684. За весь период с половины апреля 1847 г. до дня приостановки банковского акта 1844 г. вексельные курсы были благоприятны для Англии».

Следовательно, отлив металла в апреле 1847 г., вызвавший самостоятельную денежную панику, был здесь, как и везде, лишь предтечей кризиса и обратное движение наступило раньше, чем разразился этот последний. В 1839 г. при сильно угнетенном состоянии дел имел место значительный отлив металла для уплаты за хлеб и т. п. — однако без кризиса и денежной паники.

В-седьмых, как только общий кризис заканчивается, золото и серебро — оставляя в стороне прилив новых количеств благородного металла из стран его производства — распределяются снова в тех соотношениях, в которых они существовали как особое сокровище различных стран в состоянии их равновесия. При прочих равных условиях относительная величина сокровища каждой страны определяется ее ролью на мировом рынке. Из страны, которая располагала благородными металлами в количестве, превышающем норму, они отливаются в другие страны; эти движения прилива и отлива лишь восстанавливают первоначальное распределение сокровищ между различными нациями. Однако такое перераспределение осуществляется посредством влияния различных обстоятельств, которые будут упомянуты при рассмотрении вексельных курсов. Как только нормальное распределение снова восстановлено, то, начиная с этого момента, наступает сначала рост, затем новый отлив. {Это последнее положение, само собой разумеется, относится только к Англии как центру мирового денежного рынка. — Ф. Э.}

В-восьмых, отливы металла являются большей частью симптомами изменений в состоянии внешней торговли, а это измене-

ние есть, в свою очередь, предвестник того, что назревает кризис¹⁵⁾.

В-девятых, платежный баланс может быть благоприятен для Азии и неблагоприятен для Европы и Америки¹⁶⁾.

Ввоз благородного металла имеет место преимущественно в два периода. С одной стороны, в первой фазе низкой процентной ставки, которая следует за кризисом и выражает собой сокращение производства; и затем во второй фазе, когда ставка процента повышается, но еще не достигает своего среднего уровня. Это та фаза, когда обратный приток капиталов совершается легко, коммерческий кредит достигает большого размаха и потому спрос на ссудный капитал возрастает медленнее, чем расширяется производство. В обеих фазах при сравнительном обилии ссудного капитала избыточный приток капитала в форме золота и серебра, то есть в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только как ссудный капитал, должен оказывать значительное влияние на ставку процента, а тем самым и на тонус всей деловой жизни.

С другой стороны, отлив, непрерывный значительный вывоз благородного металла, наступает, когда новых поступлений уже нет, рынки переполнены и мнимое процветание поддерживается только кредитом; когда, следовательно, уже существует очень сильный спрос на ссудный капитал и потому ставка процента достигает по меньшей мере своего среднего уровня. При этих условиях, выражающихся именно в отливе благородного металла, значительно усиливается влияние непрерывного ухода капитала в такой форме, в какой он непосредственно существует как ссудный денежный капитал. Это должно оказывать прямое влияние на ставку процента. Но вместо того чтобы ограничивать кредитные операции, повышение ставки процента расширяет их и приводит к перенапряжению всех их вспомогательных средств. Поэтому такой период предшествует краху.

Ньюмарчу ставят вопрос (В. А. 1857):

«1520. Итак, количество обращающихся векселей повышается вместе с процентной ставкой? — По-видимому, да. — 1522. В спокойные, обычные времена

¹⁵⁾ По Ньюмарчу, отлив золота за границу может вызываться тройкого рода причинами, а именно: 1) причинами чисто коммерческого характера, то есть вследствие превышения ввоза над вывозом, как это было между 1836 и 1844 гг. и затем снова в 1847 г. главным образом вследствие большого ввоза хлеба; 2) необходимостью создать средства для вложения английского капитала за границей, как например в 1857 г., и для строительства железных дорог в Индии; и 3) безвозвратными расходами за границей, как например в 1853 и 1854 гг. для военных целей на Востоке.

¹⁶⁾ 1918. Ньюмарч. «Если вы возьмете Индию и Китай вместе, если вы примете во внимание обороты между Индией и Австралией и еще более важные обороты между Китаем и Соединенными Штатами, — а в этих случаях сделки являются трехсторонними и окончательные расчеты совершаются при нашем посредничестве... — тогда окажется правильным, что торговый баланс был не только против Англии, но также против Франции и Соединенных Штатов» (В. А. 1857).

главная книга есть действительное орудие обмена; но когда наступают затруднения, когда, например, при обстоятельствах, указанных мной, поднимается банковская учетная ставка... тогда операции сами собой сводятся к выписыванию векселей; векселя эти не только более пригодны для того, чтобы служить законным доказательством заключенной сделки; они удобнее также для совершения дальнейших закупок и прежде всего применимы как кредитное средство приобретения капитала».

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что раз банк при сколько-нибудь угрожающих условиях поднимает свою учетную ставку — в связи с чем в то же время становится вероятным, что банк ограничит сроки учитываемых им векселей, — наступает всеобщее опасение, что это будет происходить *crescendo* *. Каждый, и прежде всего рыцарь кредита, стремится поэтому как бы учесть будущее и получить в данный момент в свое распоряжение максимально возможное количество кредитных средств. Таким образом, из указанных выше причин вытекает, что одно только количество как ввезенного, так и вывезенного благородного металла оказывает влияние не само по себе; но что, с одной стороны, оно оказывает свое влияние благодаря специфическому характеру благородного металла как капитала в денежной форме, а с другой стороны, оно влияет, как перышко, которое, будучи прибавлено к грузу на чаше весов, оказывается достаточным, чтобы окончательно склонить ее в определенную сторону; оно влияет благодаря тому, что наступает при условиях, когда всякое прибавление в ту или другую сторону имеет решающее значение. Без этих причин было бы совершенно непонятно, каким образом может оказать сколько-нибудь заметное влияние отлив золота, скажем, на сумму в 5—8 млн. ф. ст., а как показывает опыт, эта граница до сих пор не переступалась; такое ничтожное увеличение или уменьшение капитала, совершенно незначительное даже по сравнению с 70 миллионами золота, циркулирующими в среднем в Англии, является, конечно, ничтожно малой величиной при размерах производства, подобных английским¹⁷⁾. Но именно развитие кредитной и банковской системы, которая, с одной стороны, стремится поставить весь денежный капитал на службу производства (или, что сводится к тому же, стремится превратить всякий денежный доход в капитал) и, с другой стороны, на известной фазе цикла сводит металлический резерв к такому минимуму, что он уже не в состоянии выполнять выпадающие на его долю функции, — именно эта развитая кредитная и банковская система и создает чрезмерную чувствительность всего

* с возрастающей силой. *Ред.*

17) См., например, комичный ответ Уэгелина [В. А. 1857], который говорит, что отлив 5 миллионов золота означает уменьшение капитала на ту же сумму, и старается объяснить этим такие явления, которые не наступают при бесконечно более крупном повышении цен или обесценении, расширения или сокращения действительного промышленного капитала. Не менее комичной является, с другой стороны, попытка толковать эти явления как непосредственные симптомы расширения или сокращения массы реального капитала (рассматриваемого со стороны его вещественных элементов).

организма. На более низкой ступени развития производства увеличение или уменьшение металлического запаса по сравнению с его средней величиной оказывает относительно ничтожное влияние на производство. Равным образом даже очень значительный отлив золота оказывает относительно ничтожное влияние, раз он имеет место не в критический период промышленного цикла.

При данном объяснении мы отвлеклись от тех случаев, когда отлив металла наступает вследствие неурожая и т. д. Здесь значительное и внезапное нарушение равновесия производства, выражением которого является отлив золота, не нуждается в дальнейшем объяснении своих последствий. Последствия эти тем значительнее, чем больше такое нарушение совпадает с периодом, когда производство переживает высокую конъюнктуру.

Мы отвлеклись, кроме того, от функции металлического запаса как гарантии размена банкнот и оси всей кредитной системы. Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка ¹⁸⁾. Превращение кредитной системы в монетарную систему неизбежно, как это уже было указано в «Капитале», кн. I, гл. III, при исследовании функции денег в качестве средства платежа ²⁰⁾. И Тук и Лойд-Оверстон одинаково признают необходимость огромных жертв реальным богатством для того, чтобы в критический момент удержать металлический базис. Спор между ними сводится лишь к вопросу о некотором плюсе или минусе, к вопросу о том, какой образ действий следует считать более, а какой менее рациональным перед лицом этой неизбежности ¹⁹⁾. Некоторое, по сравнению со всем производством, незначительное количество металла признается осью системы. Не говоря уже об ужасающем проявлении во время кризисов этого характера «оси», отсюда вытекает очень забавный теоретический дуализм. Пока «просвещенная» политическая экономия *ex professo* * трактует «о капитале», она с величайшим презрением взирает на золото и серебро как на форму капитала, которая фактически не представляет совершенно никакого интереса и является совершенно бесполезной. Как только она начинает говорить о банковском деле, то, наоборот, и золото с серебром становятся капиталом *par excellense* **, для удержания которого следует приносить в жертву все дру-

¹⁸⁾ Ньюмарч (В. А. 1857): «1364. Металлический запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или центральное металлическое сокровище, на основе которого строится вся деловая жизнь страны. Это, так сказать, ось, вокруг которой вращается вся деловая жизнь страны; все другие банки в стране рассматривают Английский банк как центральное сокровище, или резервуар, из которого им приходится черпать свои запасы звонкой монеты, и влияние заграничного вседневного курса отражается всегда как раз на этом сокровище и этом резервуаре».

¹⁹⁾ «Таким образом практически оба они, и Тук и Лойд, для устранения чрезмерного спроса на золото... прибегают бы к своевременному ограничению кредита путем повышения процентной ставки и уменьшения ссуд капитала... Только Лойд создает своими иллюзиями... тяжелые и даже опасные» (законодательные) «ограничения и предписания» («Economist», [11 декабря] 1847 г., стр. 1418).

* — специально. *Ред.*

** — по преимуществу. *Ред.*

гие формы капитала и труд. Чем же отличаются золото и серебро от других видов богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством опредмеченного в них труда. Они отличаются лишь как самостоятельное воплощение, как выражение *общественного* характера богатства. [Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно проявляется как общественное богатство лишь благодаря тому, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собой качественно различными потребительными стоимостями. В условиях капиталистического производства они могут это делать лишь при посредстве денег. Таким образом, лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи, воплощена общественная природа этого богатства. — Ф. Э.] Следовательно, это общественное бытие денег проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет бесперебойно, это забывается. Кредит, тоже как общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства является причиной того, что денежная форма продуктов кажется чем-то мимолетным и идеальным, простым представлением. Но как только кредит потрясен, — а эта фаза неизбежно наступает в современном промышленном цикле, — все реальное богатство вдруг должно быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро. Это требование безумное, однако оно неизбежно вырастает из самой системы. Между тем все золото и серебро, долженствующее удовлетворить эти чудовищные притязания, составляют сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в подвалах банка ²⁰⁾. Таким образом, в воздействии отлива золота тот факт, что производство как общественное производство не подчинено в действительности общественному контролю, резко обнаруживается в том, что общественная форма богатства как *вещь* существует вне его. Это обстоятельство в действительности является общим для капиталистической системы и для более ранних систем производства, поскольку последние покоились на товарной торговле и частном обмене. Однако лишь при капиталистической системе оно проявляется наиболее резко и притом в самой уродливой форме абсурдного противоречия и бессмыслицы, так как 1) при капиталистической системе производство менее всего является производством ради непосредственной потре-

²⁰⁾ «Вы совершенно согласны с тем, что для изменения спроса на золото не существует иного пути, кроме повышения процентной ставки? — Чапмен» [компаньон крупной маклерской фирмы Оверенд, Герни и К^о]: «Да, таково мое мнение. Если запас нашего золота упадет до известного пункта, то мы лучше всего сделаем, если тотчас же ударим в набат и займем: мы катимся под гору, а если кто-нибудь хочет отсудить золото за границу, пусть делает это на свой собственный риск» (В. А. 1857, № 5057).

бительной стоимости, ради потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся как сплетение производства и обращения; 2) так как с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится уничтожить эту металлическую границу — эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения, — но все снова и снова наталкивается на эту границу.

Во время кризиса возникает требование превратить сразу все векселя, ценные бумаги, товары в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, в золото.

II. ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС

{ Барометром движения денежного металла в международном масштабе является, как известно, вексельный курс. Если Англия должна уплатить Германии больше, чем Германия Англии, то в Лондоне повышается цена марки, выраженная в стерлингах, а в Гамбурге и Берлине понижается цена фунта стерлингов, выраженная в марках. Если этот перевес платежных обязательств Англии перед Германией не выравнивается снова благодаря, например, преобладанию закупок Германии в Англии над закупками Англии в Германии, то выражаемая в стерлингах цена векселей, выписанных в марках на Германию, должна повышаться до тех пор, пока не окажется выгодным послать из Англии в Германию вместо векселей металл — золотые деньги или слитки. Таков обычный ход дела.

Если этот вывоз благородного металла примет более значительные размеры и будет долго продолжаться, то это отразится на банковском резерве Англии, и английский денежный рынок, в первую очередь Английский банк, должен будет принять защитные меры. Последние, как мы уже видели, состоят главным образом в повышении процентной ставки. При значительном отливе золота на денежном рынке наступают обыкновенно затруднения, то есть спрос на ссудный капитал в денежной форме значительно превышает предложение, и высокая ставка процента вытекает отсюда сама собой; таким образом учетная ставка, декретированная Английским банком, соответствует положению вещей и осуществляется на рынке. Бывают, однако, случаи, когда отлив металла вызывается иными, а не обычными комбинациями сделок (например, займами иностранных государств, вложением капитала за границей и т. д.) и когда положение на лондонском денежном рынке как таковом отнюдь не оправдывает существенного повышения ставки процента; в таком случае Английскому банку приходится сначала путем усиленных займов на «открытом рынке» «сделать деньги редкими», как принято выражаться, и таким образом искусствен-

но создать положение, при котором повышение процента оправдывается или становится необходимым; маневр, который с каждым годом становится для этого Банка все затруднительнее. — Ф. Э.)

Как влияет повышение ставки процента на вексельный курс, видно из следующих показаний перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству. (Цитировано как В. А. или В. С. 1857.)

Джон Стюарт Милль показывает:

«2176. Когда в делах наступают затруднения... происходит значительное падение курса ценных бумаг... иностранцы поручают покупать железнодорожные акции здесь, в Англии, или английские держатели иностранных железнодорожных акций продают их за границей... в соответствующих размерах прекращается отправка золота. — 2182. Многочисленный и богатый класс банкиров и торговцев ценными бумагами, при помощи которых достигается выравнивание ставки процента и показателей (pressure) коммерческого барометра между различными странами... всегда высматривают случай закупать ценные бумаги, обещающие повышение цены... Подходящим местом для их закупок окажется всегда страна, посылающая золото за границу. — 2184. Такие вложения капитала в 1847 г. производились в значительном масштабе, достаточном для того, чтобы уменьшить отлив золота».

Дж. Г. Хаббард, бывший управляющий и с 1838 г. директор Английского банка, показывает:

«2545. Имеются значительные количества европейских ценных бумаг... которые обращаются на самых различных европейских денежных рынках и, раз на одном рынке стоимость этих бумаг упала на 1% или 2%, они тотчас же скупаются для отсылки на другие рынки, где стоимость их еще держится. — 2565. Не находятся ли другие страны в большом долгу по отношению к английским купцам? — В очень большом. — 2566. Следовательно, одно получение этих долгов могло бы в достаточной степени объяснить весьма значительное накопление капитала в Англии? — В 1847 г. мы в конце концов восстановили наше положение тем, что ликвидировали столько-то миллионов прежней задолженности Америки и России нашей стране».

Англия в то время также была должна этим странам «столько-то миллионов» за хлеб и не преминула, в свою очередь, большую часть их «ликвидировать» при помощи банкротств английских должников. См. выше отчет 1857 г. о банковском акте, в главе XXX, стр. 31*.

«2572. В 1847 г. курс между Англией и Петербургом стоял очень высоко. Когда было издано правительственное распоряжение, предоставившее Банку право выпускать банкноты» [без покрытия золотым запасом] «сверх узаконенного лимита в 14 миллионов, было поставлено условие, чтобы учетная ставка удерживалась на уровне 8 процентов. В такой момент и при такой учетной ставке было выгодно затребовать золото из Петербурга в Лондон и по его прибытии ссужать его из 8% до истечения срока трехмесячных векселей, которые выписывались за проданное золото. — 2573. При всяких операциях с золотом необходимо принимать во внимание различные моменты; речь идет о вексельном курсе и о процентной ставке, по которой можно до истечения срока векселя поместить деньги» [выданные под этот вексель].

* См. настоящий том, ч. 2, с. 31 - 32. *Ред.*

ВКСЕЛЬНЫЙ КУРС С АЗИЕЙ

Следующие моменты важны, так как, с одной стороны, они показывают, каким образом Англия при неблагоприятном вексельном курсе с Азией должна компенсировать себя за счет других стран, ввоз которых из Азии оплачивается при английском посредничестве. С другой стороны, так как г-н Уилсон опять делает здесь глупую попытку отождествить влияние вывоза благородного металла на вексельный курс с влиянием, оказываемым на вексельный курс вывозом капитала вообще, — причем в обоих случаях дело идет о вывозе не в качестве платежного или покупательного средства, а для капиталовложений. Прежде всего само собой понятно, что, если в Индию с целью вложения в железнодорожное строительство посылается столько-то миллионов фунтов стерлингов в виде ли благородного металла или в виде железнодорожных рельсов, — и то и другое представляет собой лишь различные формы перемещения известной суммы капитала из одной страны в другую; в частности, это такое перемещение, которое не входит в счет обычных торговых сделок и за которое экспортирующая страна не должна ожидать никаких иных поступлений, кроме получения годового дохода из выручки по эксплуатации этих железных дорог. Если такой экспорт совершается в форме благородного металла, то именно потому, что это благородный металл, следовательно, непосредственно пригодный для ссуды денежный капитал и базис всей денежной системы, такой экспорт — не обязательно при всяких условиях, но обязательно при условиях, указанных выше, — окажет прямое действие на денежный рынок, а значит и на процентную ставку в стране, экспортирующей благородный металл. Столь же непосредственное действие окажет он и на вексельный курс. Благородный металл отсылается лишь тогда именно и постольку, когда и поскольку недостаточно предлагаемых на лондонском денежном рынке векселей, например, на Индию, для того чтобы осуществить такие экстраординарные переводы денег. Следовательно, имеет место спрос векселей на Индию, превышающий предложение, и, таким образом, в данный момент курс становится неблагоприятен для Англии не потому, что она в долгу перед Индией, а потому, что она должна послать в Индию экстраординарные суммы. Если такой вывоз благородного металла в Индию продолжается значительное время, то он приводит к увеличению индийского спроса на английские товары, так как косвенно повышает способность Индии потреблять европейские товары. Напротив, если капитал вывозится в форме рельсов и т. д., то это совершенно не может иметь влияния на вексельный курс, так как в этом случае Индии не приходится производить за это никаких возвратных платежей. По той же причине это не должно также оказывать никакого влияния на денежный рынок. Уилсон пытается доказать наличие такого влияния тем,

что такие экстраординарные затраты вызывают якобы добавочный спрос на денежные ссуды и таким образом влияют на ставку процента. Это может случиться; но утверждать, что это должно иметь место при всяких обстоятельствах, было бы совершенно неправильно. Куда бы ни были посланы рельсы и где бы они ни были уложены, на английской или на индийской земле, они во всяком случае представляют лишь известное расширение английского производства в известной сфере. Утверждать, что увеличение производства, даже в очень широких пределах, не может совершиться без повышения ставки процента, было бы нелепо. Возможно, что будут возрастать денежные ссуды, то есть сумма тех сделок, в которые входят кредитные операции; но эти операции могут возрастать при неизменной ставке процента. Так действительно и было в Англии в 40-х годах во время железнодорожной горячки. Ставка процента не повысилась. И совершенно очевидно, что, поскольку речь идет о действительном капитале, то есть в данном случае о товарах, влияние, оказываемое на денежный рынок, будет совершенно одно и то же, предназначены ли эти товары для отправки за границу или для внутреннего потребления. Разница получилась бы лишь в том случае, если бы капиталовложения Англии за границей сокращали ее коммерческий экспорт, — экспорт, который должен быть оплачен и который, следовательно, вызывает обратный приток денег, — или если бы эти капиталовложения уже вообще были симптомом крайнего напряжения кредита и начала спекулятивных операций.

В дальнейшем вопросы задает Уилсон, отвечает Ньюмарч:

«1786. Вы сказали раньше относительно спроса на серебро для Восточной Азии, что, по вашему мнению, вексельный курс с Индией благоприятен для Англии, несмотря на то, что в Восточную Азию непрерывно отсылаются значительные массы металлического резерва; имеете ли вы основания для этого? - Конечно... Я нахожу, что действительная стоимость вывоза Соединенного королевства в Индию в 1851 г. достигла 7 420 000 фунтов стерлингов. Сюда следует присоединить сумму векселей Индия-хаус, то есть тех фондов, которые Ост-Индская компания переводит из Индии для покрытия своих собственных издержек. Эти траты составляли в рассматриваемом году 3 200 000 ф. ст., так что весь вывоз Соединенного королевства в Индию равнялся 10 620 000 фунтов стерлингов. В 1855 году... действительная стоимость товарного экспорта возросла до 10 350 000 фунтов стерлингов; траты Индия-хаус составляли 3 700 000 фунтов стерлингов; следовательно, весь вывоз — 14 050 000 фунтов стерлингов. Для 1851 г. у нас, как мне кажется, нет возможности установить действительную стоимость ввоза товаров из Индии в Англию; но мы располагаем такими данными для 1854 и 1855 годов. В 1855 г. вся действительная стоимость ввоза товаров из Индии в Англию составляла 12 670 000 ф. ст., и эта сумма, при сравнении с 14 050 000 ф. ст. вывоза, дает в пользу Англии сальдо от непосредственной торговли между обеими странами в 1 380 000 фунтов стерлингов» [В. А. 1857].

Уилсон замечает на это, что на вексельный курс влияет также и косвенная торговля. Так, например, вывоз из Индии в Австралию и Северную Америку покрывается траттами на Лондон и влияет поэтому на вексельный курс совершенно таким же образом, как если бы товары шли непосредственно из Индии в Англию. Далее, если

взять Индию и Китай вместе, то баланс окажется неблагоприятным для Англии, так как Китаю приходится постоянно производить значительные платежи Индии за опиум, а Англии приходится производить платежи Китаю, так что этим окольным путем суммы из Англии идут в Индию (1787, 1788).

1791. Уилсон спрашивает, не будет ли влияние на вексельный курс одинаковым как в том случае, если капитал

«вывозится в форме железнодорожных рельсов и локомотивов, так и в том случае, если он вывозится в форме металлических денег».

Ньюмарч отвечает на это совершенно правильно:

12 млн. ф. ст., посланные за последние годы в Индию для строительства железных дорог, послужили для покрытия годовой ренты, которую Индия должна уплачивать в определенные сроки Англии.

«Что же касается непосредственного влияния на рынок благородного металла, то затрата этих 12 млн. ф. ст. может оказать его лишь постольку, поскольку металл приходилось вывозить для действительных расходов в виде денег» [1792].

1797. (Угелин спрашивает:) «Если в оплату за это желез» (рельсы) «не последует никаких поступлений, то как можно говорить, что оно влияет на вексельный курс? — Я не думаю, что та часть затрат, которая производится в форме вывоза товаров, влияет на состояние вексельного курса... на вексельный курс между двумя странами оказывает влияние — можно сказать, исключительно количество облигаций или векселей, предлагаемых в одной стране, по сравнению с количеством, предлагаемым в то же самое время в другой стране; такова рациональная теория вексельного курса. Что касается перевода 12 миллионов... то эти 12 миллионов сначала были подписаны здесь; если бы сделка была такого рода, что все эти 12 миллионов осели бы в виде звонкой монеты в Калькутте, Бомбее или Мадрасе... то такой внезапный спрос оказал бы потрясающее действие как на цену серебра, так и на вексельный курс — совершенно так же, как если бы Ост-Индская компания заявила завтра, что она увеличивает свои траты с 3 до 12 миллионов. Но половина этих 12 миллионов израсходована... на покупку товаров в Англии... железнодорожных рельсов, леса и других материалов... это — расход английского капитала в самой Англии на известный сорт товаров, который отправляется в Индию, и этим дело исчерпывается». — 1798. (Угелин:) «Но производство этих необходимых для железных дорог товаров, железа и лесоматериалов, вызывает значительное потребление заграничных товаров, а это последнее могло бы повлиять на вексельный курс? — Конечно».

Уилсон высказывает мнение, что железо представляет главным образом труд и что заработная плата, уплаченная за этот труд, представляет главным образом импортированные товары (1799), и затем спрашивает:

«1801. Но говоря вообще: если товары, произведенные при посредстве потребления этих импортированных товаров, вывозятся таким образом, что мы не получаем за них никакого возмещения, — в продуктах ли, или как-либо иначе, — не будет ли это иметь своим последствием неблагоприятный для нас курс? — Это общее положение как раз соответствует тому, что имело место в Англии во время усиленного железнодорожного строительства» [1845]. «В течение трех, четырех или пяти лет подряд мы вложили в железные дороги 30 млн. ф. ст., и почти вся эта сумма пошла на заработную плату. В продолжение трех лет мы содержали на строительстве железных дорог, локомотивов, вагонов и вокзалов больше народа, чем во всех фабричных районах, вместе взятых. Эти люди... тратили свою заработную плату на чай, сахар, спиртные напитки и другие иностранные товары: товары эти приходилось ввозить, и, однако, несомненно, что в течение всего времени,

когда производились эти огромные затраты, вексельный курс между Англией и другими странами не претерпел существенных изменений. Отлива благородных металлов не наблюдалось, напротив, скорее имел место прилив их».

1802. Уилсон настаивает на том положении, что при равновесии торгового баланса и курсе *al pari* * между Англией и Индией экстраординарный вывоз железа и локомотивов «должен повлиять на вексельный курс с Индией». Ньюмарч не видит, почему это должно быть так, ибо рельсы экспортируются как капитал и Индия не должна оплачивать их в той или другой форме; к этому он добавляет:

«Я согласен с тем положением, что ни одна страна не может продолжительное время иметь неблагоприятный вексельный курс со всеми странами, с которыми она ведет торговлю; неблагоприятный вексельный курс с одной страной неизбежно создает благоприятный курс с другой страной».

Этому Уилсон противопоставляет следующую тривиальность:

«1803. Но разве перемещение капитала зависит от того, в какой форме оно совершается? — Да, конечно, поскольку дело касается долговых обязательств. — 1804. Итак, посылаете ли вы благородный металл или товары, влияние железнодорожного строительства в Индии на здешний рынок капиталов будет одно и то же и повысит стоимость капитала совершенно так же, как если бы вся сумма была вывезена в виде благородного металла?»

Если цены железа не возросли, то это доказывает во всяком случае, что «стоимость» содержащегося в рельсах «капитала» не увеличилась. То, о чем здесь идет речь, это — стоимость денежного капитала, процентная ставка. Уилсон хотел бы отождествить денежный капитал и капитал вообще. Факт заключается просто в том, что в Англии по подписке на акции индийских железных дорог собрано 12 миллионов. Это обстоятельство вовсе не имеет прямого отношения к вексельному курсу, и на денежный рынок эти 12 миллионов опять-таки не могут повлиять. Если денежный рынок находится в благоприятном положении, то это вообще может не оказать никакого влияния, подобно тому как не затронула его подписка на акции английских железных дорог в 1844 и 1845 годах. Если же денежный рынок уже до известной степени стеснен, то это, конечно, могло бы повлиять на уровень процента, но лишь в сторону повышения, а по теории Уилсона это должно было бы сделать курс более благоприятным для Англии, то есть противодействовать тенденции к вывозу благородного металла, — если не в Индию, то в другие страны. Г-н Уилсон перескакивает от одного к другому. Отвечая на вопрос под № 1802, он утверждает, что должен быть затронут вексельный курс; в № 1804 — что затрагивается «стоимость капитала», — а это две совершенно различные вещи. Ставка процента может влиять на вексельный курс и вексельный курс на ставку процента, и тем не менее при изменяющемся курсе ставка процента, а при изменяющейся ставке процента курс могут оставаться постоянными. В голове Уилсона не укладывается мысль, что при вывозе

* — по паритету. *Ред.*

капитала за границу такое различие влияния создает самая форма, в которой происходит этот вывоз, то есть столь важное значение имеет различие форм капитала и притом как раз денежная его форма, что совершенно противоречит воззрениям «просвещенных» экономистов. Ньюмарч отвечает Уилсону односторонне, поскольку совершенно не обращает внимания последнего на его внезапный и ничем не мотивированный переход от вексельного курса к ставке процента. Ньюмарч отвечает на указанный вопрос 1804 неуверенно и неопределенно:

«Раз требуется найти 12 миллионов, то, поскольку дело касается общей процентной ставки, без сомнения несущественно. пересылаются ли эти 12 миллионов в виде благородного металла или в виде материалов. Я все же думаю» (не дурно это «все же» в виде перехода к прямо противоположному утверждению), «что это не совсем несущественно» (это несущественно, но все же не несущественно), «так как в одном случае 6 млн. ф. ст. немедленно притекли бы обратно; в другом случае они не притекли бы так быстро. Поэтому до некоторой степени» (какая определенность!) «не все равно, будут ли эти 6 миллионов затрачены здесь в стране, или же они целиком будут экспортированы».

Что должно означать утверждение, что 6 миллионов тотчас же притекли бы обратно? Поскольку 6 млн. ф. ст. затрачены в Англии, они существуют в виде рельсов, локомотивов и т. п., которые должны быть отправлены в Индию, откуда они не вернутся назад, и стоимость их возмратится лишь посредством амортизации, то есть очень медленно, в то время как 6 миллионов благородного металла, быть может, гораздо скорее вернутся *in natura* *. Поскольку 6 миллионов затрачены на заработную плату, они съедены; но деньги, в виде которых они авансировались, по-прежнему обращаются в стране или составляют резерв. То же самое относится к прибыли производителей рельсов и той части 6 миллионов, которая возмещает их постоянный капитал. Итак, двусмысленная фраза о возврате капиталов употреблена Ньюмарчем лишь для того, чтобы не сказать прямо: деньги остались в стране и, поскольку они функционируют как ссудный денежный капитал, разница для денежного рынка (отвлекаясь от того, что обращение могло бы, быть может, поглотить большее количество металлических денег) заключается лишь в том, что они расходуются за счет *A*, а не *B*. Вложение подобного рода, при котором капитал вывозится в другие страны в виде товаров, а не в виде благородного металла, лишь постольку может оказать влияние на вексельный курс (и притом не на вексельный курс с той страной, куда вкладывается капитал), поскольку производство таких экспортируемых товаров требует добавочного импорта других иностранных товаров. В таком случае это производство не служит устранению этого добавочного импорта. Но то же самое имеет место при всяком экспорте в кредит, безразлично для чего — для новых капиталовложений или для обычных торго-

* — в натуральной форме. *Ред.*

вых целей. Кроме того, этот добавочный импорт может путем обратного влияния вызвать добавочный спрос на английские товары со стороны, например, колоний или Соединенных Штатов.

Раньше (1786) Ньюмарч говорил, что вследствие тратт Ост-Индской компании вывоз из Англии в Индию больше, чем ввоз. Сэр Чарлз Вуд подвергает его в этом пункте перекрестному допросу. Это превышение английского вывоза в Индию по сравнению с ввозом из Индии в действительности достигается благодаря такому ввозу из Индии, за который Англия не уплачивает никакого эквивалента: тратты Ост-Индской компании (в настоящее время ост-индского правительства) сводятся к данн. взимаемой с Индии. Возьмем для примера 1855 год: ввоз из Индии в Англию — 12 670 000 фунтов стерлингов; английский вывоз в Индию — 10 350 000 фунтов стерлингов. Баланс в пользу Индии — 2 250 000 фунтов стерлингов.

«Если бы этим дело исчерпывалось, то эти 2 250 000 ф. ст. пришлось бы в той или иной форме отправить в Индию. Но тут выступают на сцену требования со стороны Индия-хаус. Индия-хаус объявляет, что он в состоянии выдать тратты на различные президентства Индии в размере 3 250 000 фунтов стерлингов». (Эта сумма взималась для погашения лондонских издержек Ост-Индской компании и уплаты дивидендов акционерам.) «А это не только погашает торговый баланс в 2 250 000 ф. ст., но и дает миллион избытка» (1917). [В. А. 1857] 1922. [Вуд:] «Следовательно, влияние этих тратт Индия-хаус сказывается не в возрастании вывоза в Индию, но в уменьшении его *pro tanto*?»

[Это должно означать в уменьшении необходимости покрывать ввоз из Индии такой же суммой вывоза туда.] Г-н Ньюмарч объясняет это тем, что англичане за эти 3 700 000 ф. ст. импортируют в Индию «хорошее управление» (1925). Вуд, в качестве министра по делам Индии очень хорошо знакомый с «хорошим управлением», которое ввозилось англичанами в Индию, делает следующее правильное и ироническое замечание (1926):

«В этом случае тот вывоз, который, по вашим словам, является результатом тратт Индия-хаус, есть вывоз хорошего управления, а не товаров».

Так как Англия много экспортирует «таким образом» для «хорошего управления» и для вложения капиталов в других странах, — следовательно, осуществляет ввоз, совершенно независимый от обычного хода дел, получает дань частью за экспортированное «хорошее управление», частью как доход с капиталов, вложенных в колониях и других странах, дань, за которую ей не приходится уплачивать никакого эквивалента, то ясно, что вексельный курс не отреагирует, если Англия просто съедает эту дань без встречного экспорта; ясно также, что курсы не затрагиваются и в том случае, если Англия опять помещает эту дань не у себя, а, производительно

* соответственно. *Ред.*

или непроизводительно, за границей: если, например, она за счет этой дани посылает боеприпасы и снаряжения в Крым. К тому же, поскольку ввоз из-за границы входит в доход Англии (оплачиваться он, конечно, должен или в виде дани, не требующей эквивалента, или путем обмена на эту неоплаченную дань, или обычным в торговле путем), Англия может его или потратить или снова вложить в дело в качестве капитала. Но ни то, ни другое на вексельный курс не влияет, и это упускает из виду мудрый Уилсон. Составляет ли известную часть дохода отечественный или иностранный продукт — причем последний случай предполагает лишь обмен отечественных продуктов на иностранные — потребление этого дохода, производительное или непроизводительное, насколько не изменяет вексельного курса, хотя и оказывает влияние на общий масштаб производства. Это необходимо иметь в виду при оценке нижеследующего.

1934. Вуд спрашивает, каким образом отправка боеприпасов и снаряжения в Крым могла бы повлиять на вексельный курс с Турцией. Ньюмарч отвечает:

«Я не вижу, почему бы должна непременно отразиться на вексельном курсе простая отправка боеприпасов и снаряжения, но отправка благородного металла несомненно сказалась бы на курсе».

Следовательно, здесь он отличает капитал в денежной форме от других форм капитала. Но вот Уилсон задает следующий вопрос:

«1935. Если вы производите в широких размерах экспорт какого-либо товара, не получая взамен соответствующего импорта»

{г-н Уилсон забывает, что по отношению к Англии имеет место весьма значительный импорт, взамен которого никогда не было соответствующего экспорта, за исключением экспорта в форме «хорошего управления» или вывезенного раньше капитала для инвестиций; во всяком случае это не такой импорт, который входит в регулярный торговый оборот. Но предметы этого импорта снова обмениваются, например на американские продукты; и если американские продукты экспортируются без соответствующего импорта, это ничуть не изменяет того обстоятельства, что стоимость этого импорта может быть потреблена без эквивалентного вывоза за границу; он осуществлен без соответствующего экспорта и, следовательно, может быть потреблен, не входя в торговый баланс},

«то вы не уплачиваете заграничного долга, который вы сделали благодаря вашему ввозу»

{Но если вы уже ранее оплатили этот импорт, например, посредством заграничного кредита, то при этом не будет сделано никакого долга, и вопрос не имеет ничего общего с международным балансом, — он сводится к производительной или непроизводительной затрате, причем совершенно безразлично, произведены ли потребленные продукты внутри страны или за границей}

«и потому такой сделкой вы повлияете на вексельный курс, так как заграничный долг не уплачивается вследствие того, что ваш экспорт не имеет соответствующего импорта. — Это справедливо по отношению к различным странам вообще».

Лекция Уилсона сводится к тому, что всякий экспорт без соответствующего импорта есть в то же время импорт без соответствующего экспорта, потому что в производство экспортированных товаров входят иностранные, следовательно, импортированные товары. Предполагается, что всякий такой экспорт основывается на неоплаченном импорте или создает его, — следовательно, предполагает или создает заграничный долг. Это ложно, даже если оставить в стороне следующие два обстоятельства: 1) Англия имеет даровой импорт, за который она не уплачивает никакого эквивалента; такова, например, часть ее индийского импорта. Она может обменять его предметы на предметы американского импорта, а предметы последнего экспортировать без соответствующего импорта; что касается стоимости, то Англия при этом во всяком случае экспортирует лишь то, что ей ничего не стоило. И 2) Англия, быть может, уже оплатила импорт, например, американский, который образует добавочный капитал; если она затем потребляет его непроизводительно, например в виде боеприпасов и снаряжения, то это не образует долга по отношению к Америке и не затрагивает вексельного курса с Америкой. Ньюмарч сам противоречит себе в показаниях 1934 и 1935, на что и указывает ему Вуд в вопросе 1938:

«Если ни одна часть товаров, употребляемых для изготовления тех предметов, которые мы вывозим без соответствующего возврата» (военные расходы), «не получается из страны, куда экспортируются эти предметы, то каким образом может это повлиять на вексельный курс с этой страной? Если допустить, что торговля с Турцией находится в обычном состоянии равновесия, каким образом вексельный курс между Англией и Турцией может быть подвержен влиянию вывоза боеприпасов и снаряжения припасов в Крым?».

Здесь Ньюмарч теряет душевное равновесие; он забывает, что в показании под № 1934 он уже правильно ответил на этот простой вопрос, и говорит:

«Мне кажется, что мы уже исчерпали практический вопрос, и мы вступаем теперь в очень возвышенную область метафизической дискуссии».

{ Уилсон дает еще и иную формулировку своему утверждению, будто на вексельный курс влияет всякий вывоз капитала из одной страны в другую, совершается ли он в форме благородного металла или в форме товаров. Уилсон знает, конечно, что на вексельный курс влияет процентная ставка, а именно отношение между ставками процента тех двух стран, о взаимном вексельном курсе которых идет речь. Если ему удастся показать, что избыток капитала вообще, то есть прежде всего избыток товаров всякого рода, включая сюда и благородные металлы, оказывает в числе других обстоятельств определяющее влияние на ставку процента, то он уже дела-

ет шаг, приближающий его к цели; в самом деле, раз это так, вывод значительной части этого капитала из одной страны в другую должен изменить ставку процента в обеих странах, а именно в противоположном направлении, и таким образом во вторую очередь должен воздействовать на вексельный курс между обеими странами. — Ф. Э.]

Он пишет в «Economist», редактором которого он в то время состоял ([22 мая] 1847 г., стр. 574):

«Очевидно, что такой избыток капитала, на который указывают большие запасы всякого рода, включая сюда и благородный металл, неизбежно должен повести не только к низким ценам на товары вообще, но и к более низкой ставке процента за пользование капиталом (1). Если мы имеем в наличии запас товаров, достаточный для страны в течение двух ближайших лет, то получить эти товары в свое распоряжение в течение известного периода можно по гораздо более низкой ставке, чем в том случае, если бы запаса едва хватило на два месяца (2). Всякие денежные займы, в какой бы форме они ни совершались, представляют лишь переход права распоряжаться товарами от одного лица к другому. Поэтому, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок, если товаров мало, он должен быть высок (3). Если приток товаров превышает их сбыт, то число продавцов по сравнению с числом покупателей будет увеличиваться, и в той мере, в которой количество товаров превышает нужды непосредственного потребления, все большая и большая часть их должна сохраняться для позднейшего потребления (4). При таких обстоятельствах товаровладелец согласится продать их с отсрочкой платежа или в кредит на условиях менее для него выгодных, чем в том случае, если бы он был уверен, что весь его запас будет продан в течение немногих недель».

По поводу положения 1) необходимо заметить, что сильный прилив благородного металла может иметь место одновременно с сокращением производства, как это и наблюдается всегда непосредственно после кризиса. В следующей фазе благородный металл может притекать из стран, которые по преимуществу производят благородный металл, ввоз других товаров в этот период обыкновенно уравновешивается вывозом. В этих двух фазах ставка процента низка и лишь медленно повышается; почему это так, мы уже видели. Эта низкая процентная ставка во всех случаях объяснима помимо влияния каких бы то ни было «больших запасов всякого рода». И как могло бы иметь место такое влияние? Низкая цена, например, хлопка дает возможность прядильщикам и т. д. получать высокую прибыль. Почему же низка ставка процента? Конечно, не потому, что высока прибыль, получаемая при помощи взятого займа капитала. Но единственно и исключительно потому, что при существующих обстоятельствах спрос на ссудный капитал не растет пропорционально росту этой прибыли; следовательно, движение ссудного капитала отлично от движения промышленного капитала. Между тем «Economist» стремится доказать как раз противоположное: что движение его тождественно с движением промышленного капитала.

Положение 2), если даже нелепую предпосылку, что имеется запас, обеспечивающий потребление на два года вперед, мы смягча-

ем в такой степени, что она приобрела некоторый смысл, предполагает переполнение товарного рынка. При этом происходит понижение цен. За кипу хлопка надо будет платить теперь меньше, чем раньше. Но отсюда никоим образом не следует, что деньги для покупки кипы хлопка можно достать дешевле. Процентная ставка зависит от состояния денежного рынка. Если их можно достать дешевле, то только потому, что коммерческий кредит находится в таком положении, при котором к банковскому кредиту прибегают в меньшей мере, чем в обычное время. Товары, переполняющие рынок, представляют собой жизненные средства или средства производства. Низкая цена тех и других повышает прибыль промышленного капиталиста. По какой же причине понижается процент, если не вследствие противоположности — а отнюдь не тождества — между обилием промышленного капитала и спросом на денежные ссуды? Обстоятельства складываются таким образом, что купцу и промышленнику легче оказывать друг другу кредит; вследствие такого облегчения коммерческого кредита и промышленник и купец менее нуждаются в банковском кредите; поэтому процентная ставка может быть низкой. Эта низкая процентная ставка не имеет ничего общего с приливом благородного металла, хотя и то и другое могут наблюдаться одновременно, и те же самые причины, которые вызывают понижение цен предметов ввоза, могут создать также избыток ввезенного благородного металла. Если бы рынок импорта был действительно переполнен, это указывало бы на уменьшение спроса на импортные товары, что при низких ценах могло бы быть объяснено лишь как результат сокращения отечественного промышленного производства; а это было бы, в свою очередь, необъяснимо при чрезмерном ввозе по низким ценам. Сплошные нелепости, цель которых — показать, что падение цен = падению процента. То и другое может происходить рядом в одно и то же время. Но в таком случае это — выражение противоположности направлений, в которых совершается движение промышленного и движение ссудного денежного капитала, а не выражение их тождества.

Почему денежный процент, как это утверждает положение 3), должен быть низок, если товары имеются в избытке, опять-таки нельзя понять и после этих рассуждений. Раз товары дешевы, то для покупки определенного количества их мне нужно, скажем, 1 000 ф. ст. вместо прежних 2 000. Но, быть может, я и теперь затратю 2 000 ф. ст., куплю на них двойное по сравнению с прежним количество товаров и расширю мое предприятие, авансировав тот же самый капитал, который мне, допустим, пришлось взять взаймы. Я покупаю теперь, как и прежде, на 2 000 фунтов стерлингов. Следовательно, мой спрос на денежном рынке остается неизменным, хотя мой спрос на товарном рынке с понижением цен повышается. Но если последний падает, то есть если производство — в противо-

речи со всеми законами «Economist» — не расширяется с падением товарных цен, то и спрос на ссудный денежный капитал должен был бы уменьшиться, хотя прибыль возрастала бы; однако эта возрастающая прибыль создала бы спрос на ссудный капитал. Впрочем, низкий уровень товарных цен может проистекать от трех причин. Во-первых, от недостаточного спроса. Тогда ставка процента низка потому, что производство слабое, а не потому, что товары дешевы, так как эта дешевизна лишь отражает указанное ослабление. Или причиной может послужить избыток предложения по сравнению со спросом. Это может иметь место вследствие переполнения рынков и т. д., ведущего к кризису, и во время самого кризиса может совпадать с высокой процентной ставкой, или же это может произойти вследствие того, что упала стоимость товаров и, следовательно, тот же самый спрос может быть удовлетворен по более низким ценам. Почему в этом последнем случае должна падать ставка процента? Потому, что растет прибыль? Если потому, что теперь требуется меньше денежного капитала, чтобы получить тот же самый производительный или товарный капитал, то это доказывало бы лишь, что прибыль и процент стоят в обратном отношении друг к другу. Во всяком случае общее положение «Economist» ложно. Низкие денежные цены товаров и низкая процентная ставка не обязательно совпадают. В противном случае в наиболее бедных странах, где денежные цены продуктов самые низкие, и ставка процента должна бы быть самой низкой, а в наиболее богатых странах, где денежные цены продуктов земледелия самые высокие, и процентная ставка должна бы быть самой высокой. В общем и «Economist» соглашается, что если падает стоимость денег, то это не оказывает никакого влияния на уровень процента. 100 ф. ст. будут по-прежнему давать 105 фунтов стерлингов; если 100 ф. ст. стоят теперь меньше, то меньше стоят и 5 ф. ст. процента. Отношение не изменяется вследствие повышения стоимости или обесценения первоначальной суммы. Определенное количество товаров, рассматриваемое как стоимость, равно известной денежной сумме. Если его стоимость повышается, то оно равно большей денежной сумме; обратное имеет место при понижении стоимости. Если стоимость = 2 000, то $5\% = 100$; если она = 1 000, то $5\% = 50$. Но это несколько не изменяет ставки процента. Правильно лишь одно, что требуются более крупные денежные ссуды, когда необходимы 2 000 ф. ст. вместо 1 000 ф. ст. для того, чтобы могло быть продано то же самое количество товаров. Но это обнаруживает в данном случае лишь обратное отношение между прибылью и процентом. Ибо прибыль растет с удешевлением элементов постоянного и переменного капитала, а процент падает. Однако может быть и зачастую бывает наоборот. Например, хлопок может быть дешевле вследствие того, что нет спроса на пряжу и ткани; он может быть относительно дорог вследствие того, что большая прибыль в хлопчатобумажной промышленности

вызывает большой спрос на него. С другой стороны, прибыль промышленников может быть высока именно потому, что цена хлопка низка. Таблица Хаббарда показывает, что движение ставки процента и движение товарных цен протекают совершенно независимо одно от другого, в то время как движение ставки процента точно соотнобразуется с движением металлического запаса и вексельного курса*.

«Следовательно, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок», — говорит «Economist».

Как раз противоположное наблюдается во время кризисов; товары имеются в избытке, не могут быть превращены в деньги, и потому ставка процента высока; в другой фазе цикла имеет место усиленный спрос на товары, поэтому облегчен обратный приток капитала, но в то же время товарные цены повышаются, а вследствие легкости обратного притока денег ставка процента низка.

«Если их» {товаров} «мало, она должна быть высока».

Опять-таки как раз обратное происходит в периоды депрессии [Abspannung] вслед за кризисом. Товаров мало — абсолютно, а не по отношению к спросу, — а ставка процента низка.

К положению 4). Достаточно ясно, что при переполненном рынке владелец товаров уступит их дешевле, — если он вообще в состоянии их продать, — чем в том случае, когда предвидится быстрое истощение наличных запасов товаров. Менее ясно, почему при этом должна понижаться ставка процента.

Если рынок переполнен импортированными товарами, то ставка процента может повышаться вследствие возросшего спроса на ссудный капитал со стороны собственников, не желающих выбрасывать во что бы то ни стало товары на рынок. Она может понижаться вследствие того, что легкость коммерческого кредита поддерживает на сравнительно низком уровне спрос на банковский кредит.

«Economist» упоминает о быстром воздействии на [вексельный] курс 1847 г., которое было оказано повышением процентной ставки и давлением иного рода на денежный рынок. Не следует, однако, забывать, что, несмотря на изменение курса, золото продолжало отливать до конца апреля; поворот наступил здесь лишь в начале мая.

*1 января 1847 г. металлический запас Банка составлял 15 066 691 фунт стерлингов; учетная ставка $3\frac{1}{2}\%$; трехмесячный курс на Париж 25.75%; на Гамбург 13.10%; на Амстердам $12.3\frac{1}{4}\%$. 5 марта металлический запас упал до 11 595 535 фунтов стерлингов; учетная ставка поднялась до 4%; вексельный курс на Париж упал до $25.67\frac{1}{2}\%$, на Гамбург — до $13.9\frac{1}{4}\%$, на Амстердам — до $12.2\frac{1}{2}\%$. Отлив золота продолжался».

* См. настоящий том, ч. 2, с. 86. *Ред.*

См. следующую таблицу

1847 г.	Запас благородных металлов в Английском банке	Состояние денежного рынка	Наивысшая котировка трехмесячных векселей		
			Париж	Гамбург	Амстердам
20 марта	11 236 630 ф. ст.	Учети. ставка 4%	25,67 ¹ / ₂	13,9 ³ / ₄	12,2 ¹ / ₂
3 апр.	10 246 410 * *	* * 5%	25,80	13,10	12,3 ¹ / ₂
10 "	9 867 053 * *	Деньги очень редки	25,90	13,10 ¹ / ₂	12,4 ¹ / ₂
17 "	9 329 841 * *	Учети. ставка 5 ¹ / ₂ %	26,02 ¹ / ₂	13,10 ³ / ₄	12,5 ¹ / ₂
24 "	9 213 890 * *	Угнетение	26,05	13,12	12,6
1 мая	9 337 716 * *	Возрастающее угнетение	26,15	13,12 ³ / ₄	12,6 ¹ / ₂
8 "	9 588 759 * *	Наивысшая точка угнетения	26,27 ¹ / ₂	13,15 ¹ / ₂	12,7 ³ / ₄

В 1847 г. весь экспорт благородного металла из Англии составил 8 602 597 фунтов стерлингов.

Из этой суммы вывезено в Соединенные Штаты 3 226 411 ф. ст.

»	»	»	»	»	Францию	2 479 892	»	»
»	»	»	»	»	Ганзейские города ...	958 781	»	»
»	»	»	»	»	Голландию	247 743	»	»

Несмотря на изменение курса в конце марта, еще целый месяц продолжается отлив золота; вероятно, в Соединенные Штаты.

«Здесь мы видим» (говорит «Economist», от 21 августа 1847 г., стр. 954), «как быстро и решительно повышение процентной ставки и последовавшее за ним затруднение с деньгами исправило неблагоприятный курс и изменило движение золота, так что последнее стало снова приливать в Англию. Это действие было вызвано совершенно независимо от состояния платежного баланса. Повышенная ставка процента понизила курсы ценных бумаг, английских и иностранных, и дала повод к большому закупкам их за счет заграницы. Это увеличило сумму выписанных Англией векселей, между тем как, с другой стороны, при высокой ставке процента трудность добывать деньги была настолько велика, что спрос на эти векселя уменьшился, в то время как их сумма возросла. Но той же причине заказы на иностранные товары были аннулированы, английские капиталы в иностранных ценных бумагах были реализованы и деньги были направлены для помещения в Англию. Так, например, мы читаем в «Rio de Janeiro Price Current» от 10 мая: «Вексельный курс» [на Англию] «испытал новое понижение, вызванное главным образом давлением, оказываемым на рынок спросом на римессы для выручки от значительных продаж государственных ценных бумаг» [бразильских] «за английский счет».

Английский капитал, который вкладывался за границей в различные ценные бумаги, когда ставка процента здесь была очень низка, вернулся, таким образом, назад, когда ставка процента повысилась.

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС АНГЛИИ

Одна Индия должна уплачивать около 5 миллионов дани за «хорошее управление», проценты и дивиденды на британский капитал и т. п., кроме тех сумм, которые ежегодно отправляются в Англию с целью помещения их там, частью чиновниками в виде сбережений из их жалованья, частью английскими купцами в виде доли их прибыли. По тем же причинам из каждой британской колонии непрерывно поступают значительные переводы денег. Большинство банков в Австралии, Вест-Индии, Канаде основаны на британском капитале, дивиденды должны уплачиваться в Англии. Кроме того, Англия обладает значительным количеством иностранных государственных бумаг — европейских, южно- и североамериканских, по которым она получает проценты. К этому присоединяется еще и ее участие в эксплуатации железных дорог, каналов, рудников и т. д. с соответствующими дивидендами. Платежи по всем этим статьям производятся почти исключительно продуктами, сверх суммы английского вывоза. Суммы, поступающие, с другой стороны, из Англии за границу к владельцам английских ценных бумаг, и суммы, потребляемые англичанами за границей, составляют по сравнению с этим ничтожную величину.

Вопрос этот, поскольку он касается торгового баланса и вексельного курса, является

«в каждый данный момент вопросом времени. Обыкновенно... Англия оказывает долгосрочный кредит под свой вывоз, в то время как ввоз она оплачивает наличными. В известный момент это различие в сроках платежей оказывает значительное влияние на курс. В периоды, когда наш вывоз значительно возрастает, как, например, в 1850 г., неуклонно увеличиваются вложения английского капитала... таким образом, получения за товары, экспортированные в 1849 г., могут поступать лишь в 1850 году. Но если в 1850 г. вывоз превысил вывоз 1849 г. на 6 миллионов, то практический результат был тот, что в этом году за пределы страны отправлено больше денег, чем их возвращено назад; и таким путем оказывается влияние на вексельный курс и на уровень процента. Но как только наши дела оказываются под угнетающим воздействием кризиса и наш вывоз сильно сокращается, получения за более крупный экспорт предшествующих лет начинают значительно превышать стоимость нашего импорта; курс в соответствии с этим обращается в нашу пользу, капитал быстро накапливается внутри страны и ставка процента падает» («Economist», 11 января 1851 г. [стр. 30]).

Заграничный вексельный курс может изменяться:

1) под влиянием платежного баланса в данный момент, какими бы причинами ни определялся этот баланс, — чисто торговыми, помещением капитала за границей или же государственными расходами на ведение войн и т. д., поскольку при этом производятся наличными деньгами платежи за границей.

2) Под влиянием обесценения в данной стране денег, — металлических или бумажных. В этом случае изменение курса чисто номинальное. Если 1 фунт стерлингов представляет в данный момент половину тех денег, которые он представлял раньше, то, само собой разумеется, его примут по $12\frac{1}{2}$ франка вместо 25.

3) Если речь идет о вексельном курсе между двумя странами, из которых одна употребляет в качестве денег серебро, другая золото, то вексельный курс зависит от колебаний относительной стоимости обоих металлов, ибо такие колебания очевидно изменяют паритет между обоими металлами. Примером последнего могут служить курсы 1850 года; они были неблагоприятны для Англии, хотя ее экспорт чрезвычайно возрос; тем не менее не наблюдалось отлива золота. Это было результатом внезапного повышения стоимости серебра по сравнению со стоимостью золота. (См. «Economist», 30 ноября 1850 г. [стр. 1319—1320].)

Паритет вексельного курса за 1 фунт стерлингов: на Париж 25 франков 20 сантимов; на Гамбург 13 марок-банк 10¹/₂ шиллинга; на Амстердам 11 флоринов 97 центов. По мере того как вексельный курс на Париж поднимается выше 25,20, он становится все более благоприятным для английского должника Франции или для покупателя французских товаров. И тот и другой нуждаются теперь в меньшем количестве фунтов стерлингов для того, чтобы достигнуть своей цели. — В отдаленных странах, где благородный металл получить не легко, когда векселя редки и их не хватает для производства платежей Англии, естественным следствием является поднятие цен тех продуктов, которые обыкновенно вывозятся в Англию, так как на эти продукты возникает повышенный спрос с целью отправки их в Англию вместо векселей; это часто имеет место в Индии.

Неблагоприятный вексельный курс и даже отлив золота может иметь место в тот момент, когда в Англии наблюдается большой избыток денег, низкая ставка процента и высокие курсы ценных бумаг.

В течение 1848 г. Англия получила большое количество серебра из Индии, так как хорошие векселя были редки, а посредственные брались неохотно вследствие кризиса 1847 г. и сильного упадка кредита в операциях с Индией. Все это серебро тотчас же по прибытии нашло себе дорогу на континент, где революция повсеместно обусловила усиленное образование сокровищ. В 1850 г. это же самое серебро совершало по большей части обратное путешествие в Индию, так как состояние вексельного курса теперь делало это выгодным.

Монетарная система по преимуществу — католическая, кредитная по преимуществу — протестантская. «The Scotch hate gold»*. В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Лишь *вера* дает спасенье²¹. Вера в денежную стоимость как имманентный дух товаров, вера в способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но кредитная система столь же мало освободилась от базиса монетарной системы, как мало протестантизм освободился от основ католицизма.

* «Шотландцы ненавидят золото». *Ред.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Капитал, приносящий проценты, или — как мы можем назвать его по его старинной форме — ростовщический капитал, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях.

Для существования ростовщического капитала необходимо, чтобы по крайней мере часть продуктов превратилась в товары и наряду с товарной торговлей получили развитие деньги в своих различных функциях.

Развитие ростовщического капитала связано с развитием купеческого капитала и особенно денежно-торгового капитала. В Древнем Риме со времени последних лет существования республики, где мануфактура стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пределах античных форм — высшего пункта развития.

Мы видели, каким образом деньги неизбежно приводят к образованию сокровищ²². Однако профессиональный собиратель сокровищ приобретает важное значение лишь тогда, когда он превращается в ростовщика.

Купец берет деньги взаймы для того, чтобы при их помощи делать прибыль, применять их как капитал, то есть затрачивать. Следовательно, и в прежних формах денежный кредитор противостоит ему совершенно так же, как современному капиталисту. Специфический характер этого отношения чувствовали уже католические университеты.

«Университеты Алькалы, Саламанки, Ингольштадта, Фрейбурга в Брейсгау, Майнца, Кёльна и Трира один за другим признали правомерность взимания процентов по торговым займам. Эти санкции со стороны первых пяти университетов были занесены в архивы консулата города Лиона и напечатаны в приложении к «*Traité de l'usure et des intérêts*», Lyon, Bruyset Ponthus» (M. Augier. «*Du Crédit public etc.*», Paris, 1842, p. 206).

Во всех тех формах, в которых хозяйство, основанное на рабском труде (не патриархальное, а как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи), существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда через куплю рабов, земли и т. д., — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты.

Однако характерные формы существования ростовщического капитала во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, были две. Я говорю характерные формы. Эти же самые формы повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты. Эти две формы следующие: *во-первых*, ростовщичество путем предоставления денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; *во-вторых*, ростовщичество путем предоставления денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают существование мелких самостоятельных, индивидуальных производителей, огромное большинство последних составляет класс крестьян.

И то и другое, — как разорение богатых земельных собственников ростовщичеством, так и высасывание соков из мелких производителей, — приводит к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Как далеко заходит в связи с этим разложение старого способа производства, как, например, в современной Европе, и становится ли на его место капиталистический способ производства, — это зависит всецело от исторической ступени развития и от обусловленных ею обстоятельств.

Ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких мастеров-ремесленников. Там, где — как при развитии капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он занимает деньги, то для своих личных нужд, как, например, в ссудной кассе. Но там, где работник является собственником — действительным или номинальным — условий своего труда и своего продукта, он как производитель находится в определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противостоящему ему в качестве ростовщического капитала. Ньюмен выражает этот факт в пошлой форме, утверждая, что банкир пользуется почетом, а ростовщика ненавидят и презирают, потому что первый ссужает деньги богатым, второй —

беднякам (F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 44). Он не замечает, что различие между банкиром и ростовщиком — это различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя и что вопрос этот не исчерпывается противоположностью между бедным и богатым. Более того, ростовщичество, высасывающее мелкого производителя, идет обыкновенно рука об руку с ростовщичеством, высасывающим богатого крупного землевладельца. Когда ростовщичество римских патрициев окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое.

В форме процента весь избыток сверх самых необходимых средств существования производителя (сверх суммы, составляющей позднее заработную плату) может быть здесь поглощен ростовщиком (что позже выступает как прибыль и земельная рента), и потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту *этого* процента, отнимающего *всю* прибавочную стоимость, за исключением того, что приходится на долю государства, с высотой современной процентной ставки, когда процент — по крайней мере нормальный — образует лишь часть этой прибавочной стоимости. При этом забывают, что наемный рабочий производит и отдает капиталисту, на которого он работает, прибыль, процент и земельную ренту, словом, всю прибавочную стоимость. Кэри делает это бессмысленное сравнение, чтобы показать, насколько выгодно для рабочего развитие капитала и сопровождающее его падение ставки процента²³. Далее, если ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочного труда из своей жертвы, мало-помалу приобретает право собственности на самые условия ее труда — на землю, дом и т. д. — и постоянно старается экспроприировать ее таким путем, то не следует забывать, что полная экспроприация у работника условий его труда является не результатом, к которому стремится капиталистический способ производства, а готовой предпосылкой, из которой он исходит. Наемный раб совершенно так же, как и настоящий раб, самим своим положением поставлен в условия, исключаящие для него — по крайней мере в его качестве производителя — возможность сделаться рабом кредитора; он может сделаться им разве только в качестве потребителя. Ростовщический капитал в той форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя самого способа производства; в которой существенной предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный капитал, — такой ростовщический капитал приводит этот способ произ-

водства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает те жалкие общественные условия, при которых общественная производительность труда не развивается, как при капиталистическом производстве, за счет самого труда.

Итак, с одной стороны, ростовщичество подрывает и разрушает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность²⁴. С другой стороны, оно подрывает и разоряет мелкокрестьянское и мелкобуржуазное производство, словом, все те формы, при которых производитель еще выступает как собственник своих средств производства. При развитии капиталистическом способе производства рабочий не является собственником условий производства — поля, которое он возделывает, сырого материала, который он обрабатывает, и т. д. Но этому отчуждению условий производства от производителя соответствует здесь действительный переворот в самом способе производства. Разрозненные рабочие объединяются в крупной мастерской для выполнения отдельных, внутренне связанных между собой функций; орудие труда становится машиной. Самый способ производства уже не допускает как связанного с мелкой собственностью распыления орудий производства, так и изолированности самих рабочих. При капиталистическом производстве ростовщичество уже не может отделить условия производства от производителя, потому что они уже отделены.

Ростовщичество централизует денежное имущество там, где средства производства распылены. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно сильная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время основой политических отношений, основой самостоятельности граждан.

Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт продается феодалами и его челядью и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на работника. Обремененный долгами рабовладелец или феодал высасывает больше, потому что из них самих больше высасывают. Или же в конце концов они уступают свое место ростовщику, который сам становится земельным собственником или рабовладельцем, как всадники в Древнем Риме. Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всех докапиталистических способах производства ростовщичество оказывает революционизирующее действие лишь в том

отношении, что оно разрушает и уничтожает те формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал.

«В средние века ни в одной стране не было общей процентной ставки. Церковь воспрещала вообще всякие сделки, приносящие процент. Законы и суды лишь в незначительной мере обеспечивали возврат долгов. Тем выше была процентная ставка в отдельных случаях. Ничтожное денежное обращение, необходимость производить большую часть платежей наличными деньгами вынуждали обращаться к денежным займам, и притом тем больше, чем слабее было развито вексельное дело. Имели место большие различия как в размере процента, так и в самом понимании ростовщичества. Во времена Карла Великого считалось ростовщичеством, если кто-либо взимал 100%. В Линдау на Боденском озере местные граждане взимали в 1344 г. 216²/₃%. В Цюрихе Совет определил как законный процент 43¹/₃%. В Италии приходилось временами платить 40%, хотя в XII—XIV столетиях обычная ставка не превышала 20%. Верона установила 12¹/₂% как законный процент. Император Фридрих II установил 10%, но только для евреев; о христианах он не хотел говорить. В Рейнской Германии 10% были обычной ставкой уже в XIII веке» (Hüllmann. «Städtewesen des Mittelalters». Zweiter Theil, Bonn, 1827, S. 55—57).

Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства. Это отношение повторяется и в условиях буржуазной экономики в отсталых отраслях промышленности или таких, которые сопротивляются переходу к современному способу производства²⁵. Если бы мы захотели, например, сравнить процентную ставку Англии с процентной ставкой в Индии, то нам следовало бы взять для этого не процентную ставку Английского банка, а, например, тот процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности те, кто ссужает им мелкие машины.

В противоположность потребляющему богатству ростовщичество исторически важно тем, что оно само есть процесс возникновения капитала²⁶. Ростовщический капитал и купеческое богатство служат образованию денежных средств, независимых от земельной собственности. Чем менее развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость подчинила себе производство во всю его ширину и глубину, тем в большей степени деньги представляются богатством в собственном смысле слова, богатством как таковым, всеобщим богатством, в противоположность его ограниченному способу выражения в потребительных стоимостях. На этом основывается образование сокровищ. Оставляя в стороне деньги как мировые деньги и как сокровище, деньги именно в форме сред-

ства платежа выступают как абсолютная форма товара. И именно функция их как средства платежа является той функцией, которая развивает процент, а вместе с тем и денежный капитал. Чего расточительное и развращающее богатство хочет, это денег как денег, денег как средства, на которое все можно купить. (А также платить долги.) Мелкому же производителю в первую очередь нужны деньги для платежа. (Превращение натуральных повинностей и оброков в пользу земельного собственника и государства в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную роль.) В обоих случаях требуются деньги как таковые. С другой стороны — образование сокровищ становится реальным только при ростовщичестве и в ростовщичестве его мечта осуществляется. От собственника сокровища требуют не капитала, а денег как денег; однако благодаря проценту он превращает для себя это денежное сокровище в капитал — в средство, при помощи которого он овладевает вполне или отчасти прибавочным трудом, а также известной долей самих условий производства, хотя номинально последние и продолжают противостоять ему как чужая собственность. Ростовщичество живет как бы в порах производства, подобно тому как боги Эпикура жили в межмировых пространствах²⁷. Деньги получить тем труднее, чем меньше товарная форма является всеобщей формой продукта. Ростовщик не знает поэтому никаких иных границ, кроме дееспособности или способности к сопротивлению лиц, нуждающихся в деньгах. В мелкокрестьянском и мелкобуржуазном производстве деньги нужны в качестве покупательного средства преимущественно в тех случаях, когда вследствие случайности или каких-нибудь чрезвычайных потрясений работник лишается необходимых условий производства (как правило, при этих способах производства он еще является их собственником) или, по меньшей мере, они не могут быть возмещены обычным процессом воспроизводства²⁸. Жизненные средства и сырые материалы образуют главную часть этих условий производства. Вздорожание их может привести к невозможности возместить их из выручки за продукт, простой неурожай может помешать крестьянину возместить семена *in natura**. Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих (обнищание, то есть истощение или потеря условий воспроизводства являются при этом преобладающей формой), — наполняли амбары и кладовые патрициев добычей в виде меди — тогдашних денег. Вместо того чтобы прямо давать плебеям необходимые для них товары, — хлеб, лошадей, крупный рогатый скот, — они ссужали им эту бесполезную для них самих медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические про-

* — в натуральной форме. *Ред.*

центы, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников — рабов. При Карле Великом франкские крестьяне также были разорены войнами, так что им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных. В Римской империи, как известно, нередко случалось, что голод заставлял свободных людей продавать своих детей и самих себя в рабство богатым. Таковы в общем поворотные пункты. Что касается отдельных случаев, то для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависят от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильны обнищанию и представляют момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать воспроизводство в своем хозяйстве в прежних размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится.

Однако собственной, широкой и своеобразной ареной ростовщичества является функция денег как средства платежа. Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку, — арендная плата, подати, налоги и т. п., — сопряжены с необходимостью денежных платежей. Поэтому ростовщичество со времен Древнего Рима и до нашего времени в широком масштабе присоединяется к функции откупщиков, *fermiers généraux*, *receveurs généraux* *. Затем с развитием торговли и всеобщего характера товарного производства развивается разделение во времени покупок и платежей. Деньги необходимо доставить к определенному сроку. Современные денежные кризисы доказывают, что это может создать такие условия, при которых еще и в наше время денежный капиталист и ростовщик сливаются воедино. Но то же самое ростовщичество становится главным средством дальнейшего развития потребности в деньгах как средстве платежа; все усиливая и усиливая задолженность производителя, ростовщичество лишает его обычных средств платежа, так как для него из-за тяжести одних только процентов становится невозможным регулярное воспроизводство. Здесь ростовщичество вырастает из денег как средства платежа и расширяет эту функцию, являющуюся его исконной ареной.

Развитие кредитного дела совершается как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства.

В общем и целом капитал, приносящий проценты, при современной кредитной системе приспособляется к условиям капиталистичес-

* — генеральных откупщиков, главных сборщиков податей. *Ред.*

тического производства. Ростовщичество как таковое не только продолжает существовать, но у народов с развитым капиталистическим производством освобождается от тех границ, которые всегда ставило ему прежнее законодательство. Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, когда речь идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства; когда займы берут для личных нужд, как, например, в ломбарде; когда представители потребляющего богатства получают займы для расточительства, или когда производитель является производителем некапиталистическим, как, например, мелкий крестьянин, ремесленник и т. д., следовательно, является еще в качестве непосредственного производителя владельцем своих собственных условий производства; наконец, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами.

Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредиту. Даже человеку без средств предоставляют кредит как промышленнику или купцу, однако только в том случае, если есть уверенность, что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи заемного капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту. И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство, что человек без средств, но обладающий энергией, солидностью, способностями и знанием дела, чтобы таким образом превратиться в капиталиста, — ведь при капиталистическом способе производства оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно, — обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению новых счастливых, весьма нежелательных для уже существующих капиталистов, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества. Совершенно так же, как в средние века то обстоятельство, что католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние, было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство.

Поэтому вместо того, чтобы предавать анафеме приносящий проценты капитал вообще, инициаторы современной кредитной системы исходят, наоборот, из его решительного признания.

Мы не говорим здесь о действиях, которые были направлены к защите бедняков от ростовщичества, как это делали, например, *Monts-de-piété* (в 1350 г. в Сарлене во Франш-Конте, позднее, в 1400 и 1479 гг., в Перудже и Савоне в Италии)²⁹. Эти учреждения замечательны лишь тем, что в них обнаружилась та ирония истории, когда благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность. Английский рабочий класс платит по умеренной оценке 100% ломбардам, этим потомкам *Monts-de-piété*²¹⁾. Мы точно так же не говорим о кредитных фантазиях некоего доктора Хью Чемберлена или Джона Бриско, которые в последнее десятилетие XVII века хотели избавить английскую аристократию от ростовщичества при посредстве сельскохозяйственного банка, предоставляющего бумажные деньги под залог земельной собственности²²⁾.

Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли освободиться от господства старомодных ростовщиков и монополистов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные в этих городах-республиках, представляли в то же время учреждения общественного кредита, из которых государство получало ссуды под будущие налоговые поступления, то не следует забывать, что купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и были столь же заинтересованы в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, как и в том, чтобы освободить от них самих себя²³⁾; этими мерами они рассчиты-

21) «Процент, взимаемый в ломбардах, становится таким чрезмерным вследствие частых залогов и выкупов в течение одного и того же месяца или залогов одного предмета с целью выкупить другой, получив при этом небольшую разницу деньгами. В Лондоне имеется 240 зарегистрированных ломбардов и в провинции приблизительно 1 450... Владелец ими в дело капитал исчисляется примерно в 1 миллион; он оборачивается по крайней мере три раза в год, принося в среднем каждый раз 33 1/3%; таким образом низшие классы Англии ежегодно уплачивают 1 миллион за временную ссуду в 1 миллион, не считая потери вещей, не выкупленных в срок» (*J. D. Tuckett. «A History of the Past and Present State of the Labouring Population», Vol. I, London, 1846, p. 114*).

22) Даже в названиях своих трудов³⁰ они указывали как на основную свою цель «на общее благосостояние землевладельцев, большое повышение стоимости земли, освобождение знати, мелкого дворянства и т. п. от налогов, увеличение их годовых доходов» и т. п. Потерпели бы, по их словам, только ростовщики, эти злейшие враги нации, причинившие дворянству и йоменам³¹ больше вреда, чем это могло бы сделать нашествие французской армии.

23) «Так, например, еще Карл II английский должен был уплачивать «золотых дел мастеров» (представителям банкиров) «огромные ростовщические проценты и лаж, 30%. Столь выгодное дело побуждало «золотых дел мастеров» давать королю все новые и новые ссуды, предвосхищать все поступления от налогов, забирать в качестве обеспечения любые парламентские субсидии, как только они будут сделаны, а также соперничать между собой в покупке и принятии в залог векселей, чеков и налоговых документов, так что фактически все государственные доходы проходили через их руки» (*John Francis. «History of the Bank of England», Third edition, vol. I, London, [1848] p. 31*). «Учреждение

вали еще сильнее и прочнее подчинить себе государство. Поэтому-то, когда проектировалось основание Английского банка, торы возражали:

«Банки — учреждения республиканские. Процветающие банки существуют в Венеции, Генуе, Амстердаме и Гамбурге. Но кто слышал когда-либо о банке французском или испанском?»

Амстердамский банк, основанный в 1609 г., так же мало, как и Гамбургский банк (1619 г.), знаменует эпоху в развитии современного кредитного дела. Это был чисто депозитный банк. Боны, выпускавшиеся банком, были в действительности лишь расписками о получении вложенного в банк благородного металла, в монете или в слитках, и обращались только с передаточной надписью их владельца. Однако в Голландии с развитием торговли и мануфактуры развились коммерческий кредит и торговля деньгами, и капитал, приносящий проценты, в ходе этого процесса был подчинен промышленному и торговому капиталу. Это обнаружилось уже в низкой ставке процента. Но Голландия в XVII веке считалась, подобно нынешней Англии, страной наиболее передовой в экономическом отношении. Монополия старомодного ростовщичества, базировавшегося на бедности, исчезла там сама собой.

В течение всего XVIII века громко раздаются голоса, — и законодательство действует в том же направлении, — требующие, ссылаясь на пример Голландии, насильственного понижения процентной ставки с той целью, чтобы капитал, приносящий проценты, подчинить торговому и промышленному капиталу, а не наоборот. Главным запевалой был сэр Джозая Чайлд, отец современного частного банкирского дела в Англии. Он разражается тирадами против монополии ростовщиков совершенно в том же духе, в каком фирма массового пошива готового платья Мозес и сын рекламирует себя в качестве борца с монополией «частных портных». Этот же Джозая Чайлд является в то же время отцом английских *stock jobber* *. Таким же образом, он, самодержец Ост-Индской компании, защищает ее монополию во имя свободы торговли. Против Томаса Манли («*Interest of Money mistaken*») он пишет ³²:

«В качестве поборника интересов трусливой банды ростовщиков он направляет огонь своей главной батареей против того пункта, который я сам признал наиболее слабым... Он прямо отрицает как раз низкий уровень процента как причину богатства, и уверяет, что он есть всего лишь следствие богатства» («*Traité sur le Commerce etc.*», 1669. Traduits de l'anglois, Amsterdam et Berlin, 1754, p. 120). «Если торговля есть средство, обогащающее страну, и если уменьшение процента расширяет торговлю, то снижение процента, или ограничение ростовщичества, есть, без сомнения, главная плодотворная причина богатства нации. Нет вообще ничего нелепого в утверждении, что в одно и то же время одна и та же вещь может

Банка уже раньше предлагалось несколько раз. Наконец, оно стало необходимым» (там же, стр. 38). «Банк был нужен уже для одного того, чтобы дать возможность эксплуатировать ростовщиками правительству получать деньги по сносным процентам под обеспечение парламентских субсидий» (там же, стр. 59–60).

* — торговцев ценными бумагами. *Ред.*

при известных условиях быть причиной, а при других условиях - следствием» (там же, стр. 155). «Яйцо есть причина курицы, а курица есть причина яйца. Снижение процента может вызывать увеличение богатства, а увеличение богатства может явиться причиной еще более сильного снижения процента» (там же, стр. 156). «Я - защитник трудолюбия, а мой противник защищает леность и праздность» (там же, стр. 179).

Эта яростная борьба с ростовщичеством, эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банковского дела, которое, с одной стороны, лишает ростовщический капитал его монополии, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные резервы, с другой стороны, ограничивает самое монополию благородных металлов путем создания кредитных денег.

В последнюю треть XVII и в начале XVIII века во всех английских сочинениях о банковском деле мы найдем такие же, как и у Чайлда, нападки на ростовщичество, требование эмансипировать от ростовщичества торговлю, промышленность и государство. Наряду с этим - колоссальные иллюзии насчет чудотворного влияния кредита, демополизации благородных металлов, замещения их бумажными деньгами и т. п. Шотландец Уильям Патерсон, основатель Английского и Шотландского банков, имеет несомненное право на титул Ло Первый³³.

Против Английского банка «все золотых дел мастера» и закладчики подняли яростную вой» (Macaulay. «The History of England». Vol. IV, London, 1855, p. 499).

«В течение первых десяти лет банку приходилось бороться с большими затруднениями; сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости... «золотых дел мастера» (в руках которых торговля благородными металлами служила базисом примитивного банковского дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, а их операции с правительством перешли в руки этого их противника» (John Francis, цит. соч., стр. 73).

Еще до учреждения Английского банка, в 1683 г., возник план национального Кредитного банка, цель которого между прочим заключалась в том,

«чтобы деловые люди, если они имеют значительные массы товаров, могли при поддержке этого банка отдавать свои товары на хранение и получать кредит под свои лежащие без движения запасы, могли давать работу своим служащим и расширять свои предприятия, пока не найдут выгодного рынка, вместо того чтобы продавать с убытком»³⁴.

После долгих хлопот этот Кредитный банк был, наконец, открыт в Девоншир-хаус на Бишопсгейт-стрит. Он давал промышленникам и купцам ссуды векселями под залог товаров на сумму $\frac{3}{4}$ стоимости этих последних. Чтобы обеспечить таким векселем обращение, в каждой отрасли предпринимательства известное число лиц объединялось в общество, у которого всякий владелец векселей мог получать взамен их товары столь же легко, как если

бы он платил наличными. Дела банка шли не блестяще. Механизм был слишком сложен, риск в случае обесценения товаров слишком велик.

Вдумываясь в действительное содержание этих сочинений, теоретически сопровождавших и поощрявших формирование современного кредитного дела в Англии, мы не найдем там ничего, кроме требования подчинить капиталистическому способу производства, в качестве одного из его условий, капитал, приносящий проценты, и вообще предоставляемые в ссуду разнообразные средства производства. Если же обратить внимание только на фразу, то сходство, вплоть до отдельных выражений, с банковыми и кредитными иллюзиями сен-симонистов зачастую поразительно.

Совершенно так же, как у физиократов *cultivateur* означает не действительного земледельца, а крупного арендатора, у Сен-Симона, а в некоторых случаях и у его учеников *travailleur* означает не рабочего, а промышленного и торгового капиталиста.

«*Travailleur* нуждается в помощниках, в сотрудниках, в *работчи*; он ищет помощников разумных, искусных, преданных; он их ставит на работу, и труд их производителен» («*Religion saint-simonienne. Economie politique et Politique*». Paris, 1831, p. 104).

Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «*Nouveau Christianisme*» Сен-Симон прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют собой лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху юристам. Как велико различие между этими работами и относящимися к тому же времени сочинениями Оуэна! ²⁴⁾ И у последователей Сен-Симона, как показывает только что цитированное место, промышленный капиталист остается *travailleur par excellence* *. Критически прочитав их сочинения, мы не будем удивляться тому, что реализацией их кредитных и банковских грез явился основанный экс-сен-симонистом Эмилем Перейром *Crédit Mobi-*

²⁴⁾ При переработке рукописи Маркс, несомненно, сильно изменил бы это место. Оно навевает роль экс-сен-симонистов, которую они играли при Второй империи во Франции, где — как раз в то время, когда Маркс писал эти строки, — кредитные фантазии этой школы, должностующие спасти мир, реализовались по иронии истории в виде спекуляции неслыханного дотоле размаха. Впоследствии Маркс говорил о гении и энциклопедическом уме Сен-Симона исключительно с восторгом. Если последний в своих ранних произведениях игнорировал противоположность между буржуазией и едва нарождавшимся тогда во Франции пролетариатом, если он причислял часть буржуазии, занятую производством, к *travailleurs*, то это соответствует воззрению Фурье, стремившегося примирить капитал и труд, и объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции. Если Оуэн в этом пункте был более глубоким, то лишь потому, что он жил в другой обстановке, в период промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоположностей. — Ф. Э.

* — работником по преимуществу. *Ред.*

lier³⁵, — форма, которая, впрочем, могла стать господствующей лишь в такой стране, как Франция, где ни кредитная система, ни крупная промышленность не развились еще до современного уровня. В Англии или Америке что-нибудь подобное было бы невозможно. — В следующих местах «*Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. 1828—1829*». 3-me éd., Paris, 1834 находится уже зародыш *Crédit Mobilier*. Очевидно, что банкир может оказывать более дешевый кредит, чем капиталист или частный ростовщик. Следовательно, эти банкиры

«могут доставлять промышленникам средства значительно дешевле, то есть за *более низкие проценты*, чем это могли бы сделать земельные собственники и капиталисты, которым легче ошибиться в выборе заемщика» (стр. 202).

Но сами авторы добавляют в примечании:

«Выгода, которая должна получиться из посредничества банкира между праздными и *travailleurs*, зачастую уравнивается и даже уничтожается благодаря тому, что наше дезорганизованное общество позволяет эгоизму проявить себя в различных формах обмана и шарлатанства; банкиры вклиниваются нередко между праздными и *travailleurs*, чтобы эксплуатировать тех и других в ущерб обществу».

«*Travailleur*» стоит здесь вместо «промышленный капиталист». Совершенно неправильно впрочем рассматривать те средства, которыми располагают современные банки, исключительно как средства праздных людей. Во-первых, это та часть капитала, которую в данный момент промышленники и купцы держат свободной, в денежной форме, как денежный резерв или капитал, еще только ждущий применения, — это, следовательно, праздный капитал, но не капитал праздных. Во-вторых, сюда же относится та часть всяких вообще доходов и сбережений, которая окончательно или временно предназначена для накопления. И обе эти части существенны для определения характера банковской системы.

Однако отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги — в форме благородных металлов — остаются основой, от которой кредитное дело по самой природе своей *никогда* не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на общественные средства производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама кредитная система, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны — движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм.

Банковская система, по своей формальной организации и централизации, как отмечено еще в 1697 г. в сочинении «*Some Thoughts of the Interest of England*», представляет собой самое искусное и совершенное творение, к которому вообще приводит капиталистический способ производства. Отсюда колоссальная власть такого учреждения как Английский банк над торговлей

и промышленностью, хотя действительное движение последних лежит совершенно вне круга его действия, и он относится к этому движению пассивно. В банковской системе, конечно, дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма. Как мы уже видели, средняя прибыль каждого отдельного капиталиста или каждого отдельного капитала определяется не тем прибавочным трудом, который непосредственно присваивает этот капитал, а количеством совокупного прибавочного труда, присваиваемого совокупным капиталом, откуда каждый отдельный капитал получает свой дивиденд в количестве, пропорциональном той части совокупного капитала, которую он представляет. Этот общественный характер капитала опосредствуется и осуществляется в полной мере лишь полным развитием кредитной и банковской системы. С другой стороны, последняя идет дальше. Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь свободный и даже только еще потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, употребляющее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Она снимает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала. Банковское дело изымает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательства.

Далее, банковская система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги в действительности суть не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, причем, однако, характер этот, как находящийся в противоречии с базисом частного производства, должен в конце концов всегда выражаться в виде вещи, в виде особого товара наряду с другими товарами.

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как элемент в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзия относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекает из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит

как таковой не имеет уже никакого смысла, — это поняли, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать, как одна из его форм, и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы. Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги ²⁵⁾, был способен создать несусветную фантазию «дарового кредита» ³⁶⁾, эту мнимую реализацию мелкобуржуазных благих пожеланий.

В «Religion saint-simonienne. Économie politique et Politique». Paris, 1831, мы читаем на стр. 45:

«В обществе, где одни владеют орудиями промышленности, не имея ни способностей, ни желания применять их к делу, а другие, трудолюбивые люди, не владеют орудиями труда, кредит имеет своей целью перенести возможно более легким способом эти орудия из рук первых, их владельцев, в руки вторых, умеющих применить их к делу. Заметим, что, согласно этому определению, кредит есть следствие того способа, по которому конституирована *собственность*».

Следовательно, кредит отпадает вместе с данным конституированием собственности. Далее, стр. 98 гласит:

теперешние банки «считают своим назначением следовать тому движению, которое создается предприятиями, функционирующими независимо от них, но отнюдь не стремятся сами давать импульс этому движению; другими словами, банки играют роль капиталистов по отношению к тем *travailleurs*, которым они ссужают капиталы».

Мысль, что банки должны взять на себя руководство предприятиями и должны отличаться

«многочисленностью и полезностью управляемых ими учреждений и совершаемых по их инициативе работ» (стр. 101),

закладывает уже в себе в скрытом виде *Crédit Mobilier*. Константен Пеккёр также требует, чтобы банки (то, что сен-симонисты называют *Système général des banques* *) «управляли производством». Вообще Пеккёр по существу сен-симонист, хотя и много радикальнее. Он хочет, чтобы

«кредитное учреждение... управляло всем движением национального производства». — «Попробуйте создать национальное кредитное учреждение, которое ссужало бы средствами неимущих людей, обладающих талантами и заслугами, не связывая, однако, принудительно этих заемщиков строгой солидарностью в производстве и потреблении, но, напротив, предоставляя им самим определить свой обмен и свое производство. Этим путем вы достигнете лишь того, что уже теперь достигнуто частными банками: анархии, диспропорции между производством и потреблением, внезапного разорения одних и внезапного обогащения других; таким образом, ваше учреждение никогда не пойдет дальше того, чтобы создать для одних сумму благосостояния, равную сумме несчастья, выпадающего на долю других... Вы только дадите наемным рабочим, поддерживаемым вашими ссудами, возможность совершенно таким же образом конкурировать между собой,

²⁵⁾ Карл Маркс. «Нищета философии». Брюссель и Париж. 1847 [см. настоящее изд., т. 3, с. 1 108]. — Карл Маркс. «К критике политической экономии», стр. 64 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 70].

* — общей системой банков. *Ред.*

как это делают теперь их капиталистические хозяева» (С. Pecqueur. «Théorie nouvelle d'Économie sociale et Politique etc.». Paris, 1842, p. 433 - 434).

Мы уже видели, что купеческий капитал и капитал, приносящий проценты, являются старейшими формами капитала. Из самой природы дела вытекает, однако, что в народном представлении капитал, приносящий проценты, выступает как форма капитала *par excellence**. В рамках купеческого капитала находит себе место посредническая деятельность, как бы она ни истолковывалась — как надувательство, как труд или как-либо иначе. Напротив, в капитале, приносящем проценты, в чистом виде представлен самовоспроизводящий характер капитала, самовозрастающая стоимость, производство прибавочной стоимости как скрытое качество. От этого-то и происходит, что даже некоторые представители политической экономии, особенно в странах, где, как во Франции, промышленный капитал не достиг еще полного развития, считают капитал, приносящий проценты, основной формой капитала, рассматривают, например, земельную ренту лишь как его разновидность, так как и здесь преобладает форма ссуды. Вследствие этого внутренняя структура капиталистического способа производства понимается совершенно неправильно, совершенно упускается из виду, что земля, как и капитал, ссужается только капиталистам. Вместо денег могут быть, конечно, даны в ссуду средства производства *in natura*, например, машины, промышленные здания и т. д. Но они представляют тогда определенную денежную сумму, а если кроме процента уплачивается известная сумма для возмещения износа, то это вытекает из потребительной стоимости, из специфической натуральной формы этих элементов капитала. Решающим здесь опять-таки является вопрос, ссужаются ли они непосредственному производителю, что предполагает отсутствие капиталистического способа производства, но крайней мере в той сфере, где это имеет место, — или же они ссужаются промышленному капиталисту, что как раз предполагается на базисе капиталистического способа производства. Еще более неуместно и бессмысленно присоединение сюда ссуды домов и т. п. для индивидуального потребления. Что рабочий класс надувают и в этой форме, и притом в вопиющих размерах, факт общеизвестный, но то же самое совершает и мелкий торговец, снабжающий рабочего жизненными средствами. Это вторичная эксплуатация, сопровождающая первичную, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства. Разница между продажей и ссудой безусловно не имеет здесь значения и чисто формальна и, как было уже показано**, лишь при полном непонимании действительной связи явлений представляется существенной.

* — по преимуществу. *Ped.*

** См. настоящий том. ч. I, с. 338 - 343. *Ped.*

Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом³⁷. Ростовщичество стремится просто его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния. Чем менее элементы производства входят в процесс производства как товары и выходят из него как товары, тем более их происхождение из денег представляется обособленным актом. Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем больше расцветает ростовщичество.

Тот факт, что денежные средства развиваются как особые средства, означает в отношении ростовщического капитала, что последний владеет всеми своими требованиями в форме денежных требований. Ростовщический капитал развивается тем больше, чем больше производство данной страны в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью.

Поскольку ростовщичество выполняет двойную роль: во-первых, вообще создает наряду с купеческим капиталом самостоятельные денежные средства, во-вторых, присваивает себе условия труда, то есть разоряет владельцев старых условий труда, — постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала.

ПРОЦЕНТ В СРЕДНИЕ ВЕКА

«Но в средние века население было чисто сельскохозяйственным. А при таком населении и при феодальном режиме может иметь место лишь небольшая торговля, а потому и небольшая прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве имели себе оправдание. К тому же в сельскохозяйственной стране человек редко стремится к тому, чтобы занимать деньги, за исключением тех случаев, когда он обеднел или попал в беду вследствие какого-либо несчастия... Генрих VIII ограничил процент 10 процентами, Яков I — 8 процентами, Карл II — 6 процентами, Анна — 5 процентами... В те времена заимодавцы, если не юридически, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничивать их, как и других монополистов. В наше время норма прибыли регулирует ставку процента, тогда как в те времена ставка процента регулировала норму прибыли. Если кредитор обременял купца высокой ставкой процента, то купец бывал вынужден накладывать на свои товары более высокую норму прибыли. Тем самым из карманов покупателей извлекалась большая сумма денег, чтобы положить ее в карман кредитора, ссудившего деньги купцу» (Gilbart. «The History and Principles of Banking». London, 1834, p. 163, 164, 165).

«Мне говорят, что теперь ежегодно на Лейпцигской ярмарке взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто³⁸, некоторые прибавляют еще сюда Наумбургскую ярмарку, так что получается 40 на сто; взимают ли где-нибудь еще больше этого, я не знаю. Позор, к чему же, черт возьми, это, в конце концов, приведет!.. Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно получает 40, — это значит сожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1 000 флоринов, то получает ежегодно 400, — это значит сожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10 000, то он ежегодно получает 4 000, — это значит сожрать в один

год богатого графа. Если он имеет 100 000, как это и должно быть у крупных купцов, то он ежегодно получает 40 000, — это значит сожрать в один год крупного богатого князя. Если он имеет 1 000 000, то он ежегодно взимает 400 000, — это значит сожрать в один год крупного короля. И не грозит ему за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру. Он не выполняет никакой работы, сидит себе за печкой и печет яблоки. И этот разбойник в кресле, сидя у себя дома, может в 10 лет сожрать целый мир». («An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen», 1540. In: Der sechste Theil der Bücher des ehrwürdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittenbergk, 1589 [S. 312].)

«Пятнадцать лет тому назад я писал против ростовщичества, ибо уже тогда оно приобрело такую силу, что я не видел надежды на улучшение. С тех пор оно столь вознеслось, что не хочет уже считаться пороком, грехом и позором, а величается чистой добродетелью и честью. словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Где же искать избавления, раз позор стал честью и порок добродетелью?» («An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung». Wittenbergk, 1540).

«Евреи, ломбардчики, ростовщики и кровопийцы были нашими первыми банкирами, нашими первоначальными банковыми барышниками, их ремесло следует клеймить позором... К ним присоединились затем лондонские золотых дел мастера. В общем... наши первоначальные банкиры представляли собой... очень дурную компанию, они были жадными ростовщиками, бессердечными кровопийцами» (D. Hardcastle. «Banks and Bankers». 2nd ed., London, 1843, p. 19, 20).

«Показанный Венецией пример» (образования банка) «быстро нашел, таким образом, подражателей; все приморские города и вообще все города, составившие себе имя своей независимостью и своей торговлей, основали свои первые банки. Так как вознаграждения их кораблей приходилось зачастую дожидаться очень долго, то это по необходимости привело к обычаю кредитования, а открытие Америки и торговли с ней еще более усилили этот обычай». (Это главный пункт.) «Отправка судов с товарами принуждала делать крупные займы, что имело место уже в древности в Афинах и вообще в Греции. В 1308 г. в ганзейском городе Брюгге уже имелась страховая палата» (M. Augier. «Du Crédit public etc.». Paris, 1842, p. 202—203).

Насколько сильно в последней трети XVII столетия, когда еще не была развита современная кредитная система, даже в Англии преобладали ссуды земельным собственникам, следовательно, вообще представителям потребляющего богатства, видно, между прочим, из работы сэра Дадли Норса, бывшего не только одним из первых английских купцов, но и одним из самых значительных теоретиков-экономистов своего времени ³⁹:

«Из тех денег, которые в нашей стране отдаются под проценты, едва ли одна десятая часть размещена среди торговых людей, использующих эти ссуды в своих предприятиях; в большинстве случаев деньги даются займы для поддержания роскоши, для покрытия расходов тех людей, которые хотя и владеют крупными именьями, однако тратят приносимые их именьями доходы быстрее, чем эти доходы к ним поступают, и, не желая продавать что-либо из своего имущества, предпочитают закладывать свои именья» («Discourses upon Trade». London, 1691, p. 6, 7).

В XVIII веке в Польше:

«Варшава производила крупные операции с векселями, что, однако, имело главным образом своей основой и задачей служение ростовщическим интересам варшавских банкиров. Чтобы достать себе деньги, которые они могли бы ссужать расточительной знати из 8 и более процентов, они искали и находили за границей вексельный кредит in Blanco, то есть кредит, в основе которого не лежало никакой

товарной торговли; тем не менее заграничные трассаты терпеливо акцептовали эти векселя до тех пор, пока еще поступали платежи, созданные этими вексельными махинациями. За это они сильно заплатились, когда обанкротился такой банкир, как Тенпер, и другие варшавские банкиры, пользовавшиеся большим доверием» (J. G. Büsch. «Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung etc.». 3. Aufl., Band II, Hamburg, 1808, S. 233).

ВЫГОДЫ ДЛЯ ЦЕРКВИ ОТ ЗАПРЕЩЕНИЯ ПРОЦЕНТА

«Взимать проценты церковь запретила; но она не запрещала продавать имущество, чтобы помочь себе в случае нужды; не запрещала даже отдавать займодавцу это имущество на определенный срок до уплаты долга, чтобы последний мог располагать этим имуществом как обеспечением долга, а также, пользуясь им, мог, пока оно в его руках, получать вознаграждение за отданные в ссуду деньги... Сама церковь или принадлежащие к ней коммуны и *pia coenotia* * извлекали отсюда большую выгоду, особенно во времена крестовых походов. Благодаря этому столь большая часть национального богатства попала во владение так называемой «мертвой руки», тем более, что евреи не могли вести ростовщичество этим способом, так как владения таким прочным залогом нельзя было утаить... Без запрещения процента церкви и монастыри никогда не сосредоточили бы в своих руках таких богатств» (там же, стр. 55).

* — благотворительные корпорации. *Ред.*

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ
ПРИБЫЛИ В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анализ земельной собственности в ее различных исторических формах лежит за рамками этой работы. Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведенной капиталом, достается земельному собственнику. Следовательно, мы исходим из того предположения, что земледелие, — точно так же, как и промышленность, — подчинено капиталистическому способу производства, то есть сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов в первую очередь только тем элементом, в который вкладывается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т. д. точно так же, как фабрикант — пряжу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства буржуазного общества, что имеются, следовательно, налицо также и такие его условия, как свободная конкуренция капиталов, возможность перелива их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и т. д. Рассматриваемая нами форма земельной собственности есть специфически историческая форма ее, *превращенная* воздействием капитала и капиталистического способа производства форма либо феодальной земельной собственности, либо мелкокрестьянского земледелия, которое ведется крестьянином в целях пропитания и при котором *владение* земель является одним из условий производства для непосредственного производителя, а его *собственность* на землю — наиболее благоприятным условием, условием процветания *его* способа производства. Если капиталистический способ производства вообще предполагает экспроприацию у рабочего условий его труда, то в земледелии он предполагает экспроприацию земли у сельских рабочих и подчинение их капиталисту, ведущему земледелие ради

прибыли. Следовательно, для нашего исследования не важно, если, возражая нам, напомнят, что существовали или еще существуют другие формы земельной собственности и земледелия. Это может иметь значение только для тех экономистов, которые рассматривают капиталистический способ производства в сельском хозяйстве и соответствующую ему форму земельной собственности не как исторические, а как вечные категории.

Для нас необходимо изучение современной формы земельной собственности потому, что задача вообще сводится к изучению определенных отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Без этого анализ капитала был бы неполным. Итак, мы ограничиваемся исключительно приложением капитала к собственному земледелию, то есть к производству основного растительного продукта, которым живет население. Мы могли бы сказать: пшеницы, потому что она — основное средство питания современных, капиталистически развитых народов. (Или вместо земледелия можно было бы взять рудники, потому что законы — те же самые.)

Одна из больших заслуг А. Смита заключается в том, что он показал, каким образом земельная рента с капитала, вложенного в производство других сельскохозяйственных продуктов, например льна, красильных трав, в самостоятельное животноводство и т. д., определяется той земельной рентой, которую приносит капитал, вложенный в производство основного продукта питания⁴⁰. В самом деле, после него в этом отношении не было сделано ни единого шага вперед. Все, что мы могли бы напомнить для ограничения или дополнения, относится не сюда, а к самостоятельному рассмотрению земельной собственности. Что же касается земельной собственности, не имеющей отношения к той земле, которая предназначена для производства пшеницы, то мы не будем поэтому говорить о ней *ex professo**, но иногда будем касаться ее лишь в порядке иллюстрации.

Ради полноты следует заметить, что здесь под землей подразумевается и вода, поскольку она имеет собственника, является принадлежностью земли.

Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли²⁶.

* — специально. *Ред.*

²⁶) Ничего не может быть комичнее рассуждений Гегеля о частной земельной собственности. Человек как личность должен сделать действительной свою волю как душу внешней природы, и потому должен взять во владение эту природу как свою частную собственность. Если таково определение «личности», — человека как личности, — то отсюда следует, что каждый человек должен быть земельным собственником, чтобы осуществить себя как личность. Свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения — есть, по Гегелю, не определенное общественное отношение, а отношение человека как личности к «природе», абсолютное право человека на присвоение всех вещей

При таком предположении дело сводится к тому, чтобы выяснить экономическое значение, то есть использование этой монополии на основе капиталистического производства. Юридическая власть этих лиц, их власть пользоваться участками земли и злоупотреблять ими, еще ничего не решает. Использование всецело зависит от экономических условий, не зависящих от воли этих лиц. Само юридическое представление означает лишь то, что земельный собственник может поступать с землей так, как всякий товаровладелец со своим товаром; и это представление — юридическое представление о свободной частной земельной собственности — появляется в древнем мире лишь в эпоху разложения органического общественного строя, а в современном мире лишь с развитием капиталистического производства. В Азию оно лишь в некоторые места импортировано европейцами. В главе о первоначальном накоплении («Капитал», кн. I, гл. XXIV) мы видели, что этот способ производства предполагает, с одной стороны, освобождение непосредственного производителя от роли простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию земли у народных масс. В этом смысле монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме. Но та форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная

(*Hegel. «Grundlinien der Philosophie des Rechts»*, Berlin, 1840, S. 79). Ясно во всяком случае, что, отдельная личность посредством одной только своей «воли» не может утвердить себя как собственника вопреки чужой воле, которая также желает воплотиться в том же самом клочке земли. Тут необходимы вещи совершенно иного порядка, чем добрая воля. Далее, абсолютно невозможно усмотреть, где полагает «личность» границу осуществления своей воли, реализуется ли бытие этой воли в целой стране, или, быть может, необходима целая группа стран, чтобы путем присвоения их «манифестировать верховность моей воли по отношению к вещам». Здесь Гегель попадает в совершенный тупик. «Вступление во владение есть нечто спорадическое. Я не могу вступить во владение чем-то большим, чем то, к чему я прикасаюсь своим телом. Но из этого получается второе следствие, а именно, что внешние предметы имеют более широкое протяжение, чем то, которое я могу охватить. Вступая таким образом во владение каким-нибудь предметом, я нахожу, что с ним находится в связи также и нечто другое. Я осуществляю вступление во владение посредством руки, но сфера последней может быть расширена» (стр. 90-91). Но с этим «другим» всегда находится в соединении еще что-нибудь другое, и таким образом исчезают пределы, в которых моя воля, как душа, должна излиться в землю. «Когда я владею чем-нибудь, рассудок тотчас же приходит к заключению, что моим является не только непосредственно владеемое, но и связанное с ним. Здесь должно делать свои постановления положительное право, ибо из понятия нельзя ничего больше вывести» (стр. 91). Это в высшей степени наивное признание со стороны «понятия»; оно доказывает, что понятие, которое уже с самого начала заблуждается, считая абсолютным вполне определенное и принадлежащее буржуазному обществу юридическое представление о земельной собственности, вообще «ничего» не понимает в действительном характере этой земельной собственности. Вместе с тем здесь заключается признание, что с изменением потребностей общественного, то есть экономического, развития «положительное право» может и должно изменять свои постановления.

земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной [Markgemeinschaft] превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы. Один из великих результатов капиталистического способа производства состоит в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно в условиях частной собственности²⁷⁾; что он, с одной стороны, совершенно отделяет земельную собственность от отношений господства и рабства, а с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от земельной собственности и от земельного собственника, для которого земля означает не что иное, как определенный денежный налог, взимаемый им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера; капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность находится в Шотландии. Так собственность на землю получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей, короче, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретики, как мы увидим ниже, в пылу борьбы с земельной собственностью нападали как на бесполезное и нелепое излишество. С одной стороны, рационализация земледелия, впервые создающая возможность общественного ведения его, с другой стороны, сведение к абсурду

27) Совершенно консервативные агрохимики, как, например, Джонстон, признают, что частная собственность повсюду создает для действительно рационального земледелия непреодолимые препятствия⁴¹⁾. То же признают и авторы, являющиеся защитниками ex professo монополии частной собственности на землю, как, например, г-н Шарль Конт в двухтомной работе [*Traité de la propriété*... Tome I. Paris, 1834, p. 228], имеющей своей специальной целью защиту частной собственности. «Никакой народ», — говорит он, — «не может достигнуть той степени благосостояния и силы, которая соответствует его природе, если только каждая часть питающей его земли не получит назначения, наиболее согласного с общим интересом. Чтобы обеспечить широкое развитие его богатств, необходимо, чтобы по возможности единая и, самое главное, просвещенная воля взяла на себя распоряжение каждым отдельным участком его территории и добилась того, чтобы каждый участок служил для процветания всех остальных. Но существование такой воли... оказалось бы несомкстимым с разделением земли на частные земельные участки... и с предоставленной всякому владельцу возможность почти абсолютно по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом». — Джонстон, Конт и др., встречаясь с противоречием собственности и рационального применения агрономии, обращают внимание лишь на необходимость возделывать землю данной страны как одно целое. Но и зависимость культуры отдельных сельскохозяйственных продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду, противостоят агрикультуре, которая должна обеспечить совокупность постоянных жизненных условий сменяющихся человеческих поколений. Яркий пример этого дает лесное хозяйство, которое лишь в тех случаях ведется до некоторой степени в соответствии с общественными интересами, когда лес не составляет частной собственности, а находится в ведении государства.

земельной собственности — таковы великие заслуги капиталистического способа производства. Как и все свои другие исторические заслуги, он покупает и эту прежде всего ценой полного обнищания непосредственных производителей.

Прежде чем перейти к самому предмету, необходимо во избежание недоразумений сделать еще несколько предварительных замечаний.

Предпосылка капиталистического способа производства, стало быть, такова: действительные земледельцы суть наемные рабочие, занятые у капиталиста, арендатора, который ведет сельское хозяйство только как особую отрасль применения капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства. В определенные сроки, например ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает землевладельцу, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (совершенно так же, как заемщик денежного капитала — определенный процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, рудников, рыбных угодий, лесов и т. д. Она уплачивается за все время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход [verwertet]. Далее, мы имеем здесь перед собой все три класса, которые в совокупности и в отношении друг к другу составляют остов современного общества: наемный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник.

Капитал может быть фиксирован в земле, вложен в нее или на относительно короткий срок, как при улучшениях химического свойства, применении удобрений и т. д., или на более длительный срок, как при строительстве осушительных каналов, оросительных сооружений, выравнивании поверхности почвы, возведении хозяйственных построек и т. д. В другом месте я назвал капитал, вложенный таким образом в землю, *la terrecapital* ²⁸⁾. Он относится к категории основного капитала. Процент за вложенный в землю капитал и за улучшения, таким образом произведенные в ней как в средстве производства, может составлять часть той ренты, которая уплачивается фермером собственнику земли ²⁹⁾, но не это образует собст-

²⁸⁾ *Карл Маркс. «Ницшта философии»*. Брюссель и Париж, 1847 [см. настоящее изд., т. 3, с. 100]. Там я прохожу различие между *terre-matière* [земля-материя] и *terre-capital* [земля-капитал]. «Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, люди увеличивают землю-капитал без всякого увеличения материи земли, то есть пространства земли... Но земля-капитал не более вечна, чем всякий другой капитал... Земля-капитал есть основной капитал, но основной капитал так же изнашивается, как и оборотные капиталы».

²⁹⁾ Я говорю «может», потому что при известных обстоятельствах этот процент регулируется законом земельной ренты и потому, например в случае конкуренции новых земель, обладающих большим естественным плодородием, может исчезнуть.

венно земельную ренту, уплачиваемую за пользование землей как таковой, независимо от того, находится ли она в том состоянии, которое дано природой, или же она освоена. При систематическом изучении земельной собственности, что не входит в наш план, эту часть дохода земельного собственника нужно было бы рассмотреть подробно. Здесь же достаточно сказать несколько слов об этом. Краткосрочные затраты капитала, связанные с обычными производственными процессами в земледелии, все без исключения делаются фермером. Эти затраты, как и простое возделывание земли вообще, если только оно ведется до некоторой степени рационально, то есть не сводится к грубому истощению почвы, как было, например, у прежних американских рабовладельцев — против чего, однако, господа земельные собственники по контракту обеспечивают себе гарантию, — эти затраты улучшают почву³⁰⁾, увеличивают количество ее продукта и превращают землю из простой материи в землю-капитал. Возделанная земля больше стоит, чем невозделанная, обладающая такими же естественными свойствами. И основной капитал, вложенный в землю на более длительный срок, используемый в течение сравнительно продолжительного времени, по большей части, а в некоторых сферах иногда исключительно, затрачивается также фермером. Когда же истекает определенный договором срок аренды, — и это одна из причин, почему с развитием капиталистического производства земельный собственник стремится по возможности сократить срок аренды, — тогда произведенные в земле улучшения достаются собственнику земли в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли. При заключении нового договора об аренде земельный собственник присоединяет к собственно земельной ренте процент на капитал, вложенный в землю, — безразлично, сдает ли он теперь землю тому самому фермеру, который произвел улучшение, или уже другому. Таким образом его рента разбухает; или если он намерен продать землю — мы сейчас увидим, как определяется ее цена, — теперь оказывается повышенной ее стоимость. Он продает не просто землю, но улучшенную землю, вложенный в землю капитал, который ему ничего не стоил. Это одна из тайн — совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты — возрастающего с ходом экономического развития обогащения земельных собственников, постоянного разбухания их рент и возрастания денежной стоимости их земли. Так они кладут в свой частный карман то, что является результатом общественного развития, получающимся без содействия с их стороны, они как бы «*fruges consumere nati*»⁴³⁾. Но в то же время это — одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они

³⁰⁾ См. Джеймс Андерсон и Кэри⁴²⁾.

целиком будут использованы до истечения срока его аренды; и мы видим, что на это обстоятельство, на эту помеху указывал в прошлом веке Джеймс Андерсон, подлинный создатель современной теории ренты и в то же время фермер-практик и видный для своей эпохи агроном⁴⁴, а в наши дни на это указывают противники современного строя земельной собственности в Англии.

А. А. Уолтон в работе «History of the Landed Tenures of Great Britain and Ireland». London, 1865 так говорит об этом (стр. 96—97):

«Все усилия многочисленных сельскохозяйственных ассоциаций в нашей стране не могут привести к значительному или действительно заметному прогрессу в области улучшения обработки земли, пока такие улучшения в гораздо большей степени увеличивают стоимость земельной собственности и размер ренты земельного собственника, чем улучшают положение фермера или сельскохозяйственного рабочего. В общем фермеры нисколько не хуже земельного собственника, его управляющего или даже президента сельскохозяйственной ассоциации знают, что хороший дренаж, обильное удобрение и хорошее хозяйствование вместе с увеличенным применением труда для основательной расчистки и обработки земли дадут замечательные результаты как в отношении улучшения почвы, так и в отношении увеличения производства. Но все это требует значительных затрат, и фермеры не менее хорошо знают, что как бы ни улучшили они землю и ни повысили ее стоимость, с течением времени земельные собственники пожнут от этого главную выгоду в повышенной ренте и возросшей цене земли... Фермеры достаточно понятливы, чтобы заметить, что те ораторы» {земельные собственники и их управляющие, выступающие на сельскохозяйственных торжествах} «странным образом всегда забывают сказать им, что львиная доля всех улучшений, сделанных фермером, всегда, в конце концов, попадает в карман земельного собственника... как бы прежний арендатор ни улучшал арендованную землю, его преемник каждый раз будет находить, что земельный собственник повышает ренту соответственно повышению стоимости земли, достигнутому благодаря прежним улучшениям».

В собственно земледелии этот процесс проявляется еще не так ясно, как при использовании земли в качестве строительного участка. В Англии подавляющая часть земли под строительство не продается freehold*, а сдается земельными собственниками на 99 лет, или, если возможно, и на более короткий срок. По истечении этого срока строения вместе с самой землей достаются земельному собственнику.

«Они» {арендаторы} «обязуются, после того как они все время уплачивали вздутую земельную ренту, по истечении срока договора передать крупному земельному собственнику дом в хорошем, удобном для жилья состоянии. Едва истекает срок договора об аренде, как приходит агент или инспектор земельного собственника, осматривает ваш дом, заботится о том, чтобы вы привели его в хорошее состояние, потом вступает во владение им и присоединяет его к владениям своего лендлорда... Факт тот, что если полное действие этой системы будет сохранено еще на продолжительное время, все домовладение в королевстве, точно так же как земли в сельских округах, окажется в руках крупных земельных собственников. Почти весь Уэст-Энд⁴⁵ Лондона, к северу и югу от Темпл Бар⁴⁶, принадлежит примерно полдюжине крупных лендлордов, сдается в аренду, принося огромную земельную ренту, и там, где сроки договоров еще не совсем истекли, они быстро истекают

* — в собственность. *Ред.*

один за другим. В большей или меньшей мере это относится и ко всем городам королевства. Но даже на этом не останавливается эта алчная система исключительности и монополии. Почти все доковые сооружения являвшихся приморских городов вследствие такого же процесса узурпации находятся в руках крупных земельных левифанов⁴⁷ (там же, стр. 92—93).

При таких обстоятельствах очевидно, что если перепись 1861 г. для Англии и Уэльса при общей численности населения в 20 066 224 определяет число домовладельцев в 36 032, то отношение числа собственников к числу домов и численности населения получило бы совершенно иной вид, если бы крупные собственники были указаны отдельно от мелких.

Этот пример собственности на строения важен, 1) потому что он ясно показывает различие между собственно земельной рентой и процентом на вложенный в землю основной капитал, — процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на строение, как и на капитал, вкладываемый при обработке земли арендатором в землю, достается промышленному капиталисту — строительному спекулянту или фермеру — и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которая должна уплачиваться ежегодно, в определенные сроки, за пользование землей; 2) потому что он показывает, как вместе с землей, в конце концов, достается земельному собственнику и вложенный в нее чужой капитал, и вследствие этого его рента возрастает на величину процента.

Некоторые авторы, отчасти как защитники земельной собственности против нападок буржуазных экономистов, отчасти стремясь превратить капиталистическую систему производства из системы противоречий в систему «гармонии», как, например, Кэри, старались представить, будто земельная рента, специфически экономическое выражение земельной собственности, тождественна с процентом. Тем самым стиралась бы противоположность между земельными собственниками и капиталистами. Обратный метод применялся в начале капиталистического производства. Тогда для ходячего представления земельная собственность была еще первоначальной и respectable формой частной собственности, между тем как процент на капитал подвергался нападкам как ростовщичество. Поэтому Дадли Норс, Локк и др. изображали процент на капитал как форму, аналогичную земельной ренте, — совершенно так же, как Тюрго из существования земельной ренты выводил оправдание процента. — Указанные авторы нового времени, совершенно оставляя в стороне тот факт, что земельная рента может существовать и существует в чистом виде, без всякой примеси процента на вложенный в землю капитал, забывают, что земельный собственник получает таким образом не только процент на чужой капитал, который ему ничего не стоил, но сверх того получает еще даром и чужой капитал в придачу. Оправдание земельной собственности, — как и всяких других форм собственности, соот-

ветствующих определенному способу производства, — заключается в том, что самый способ производства, а следовательно, и вытекающие из него отношения производства и обмена представляют собой историческую преходящую необходимость. Впрочем, как мы увидим ниже, земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства *.

Земельная рента может быть смешана с процентом еще в одной форме, и в силу этого ее специфический характер может остаться непонятым. Земельная рента находит выражение в определенной сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи в аренду известного участка земли. Мы видели, как всякий определенный денежный доход может капитализироваться, то есть рассматриваться как процент на воображаемый капитал. Если, например, средняя процентная ставка 5%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. может рассматриваться как процент на капитал в 4 000 фунтов стерлингов. Капитализированная таким образом земельная рента и образует покупную цену, или стоимость, земли, категорию, которая *prima facie* ** столь же иррациональна, как и цена труда, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости. Но с другой стороны, за этой иррациональной формой скрывается действительное производственное отношение. Если капиталист покупает за 4 000 ф. ст. землю, приносящую годовую ренту в 200 ф. ст., то он получает средний годовой доход в 5% — совершенно так же, как если бы он вложил этот капитал в процентные бумаги или прямо отдал его в ссуду из 5%. Это — увеличение стоимости капитала в 4 000 ф. ст. из 5%. При таком предположении в 20 лет он возместил бы покупную цену своего имени доходами с последнего. Поэтому в Англии покупная цена земель исчисляется по известному числу *years' purchase* ***, что есть лишь иное выражение капитализации земельной ренты. В самом деле, это покупная цена — не земли, а той земельной ренты, которую она приносит, — исчисленная в соответствии с обычной процентной ставкой. Но эта капитализация ренты предполагает ренту, между тем как рента не может быть выведена и объяснена в обратном порядке, из ее собственной капитализации. Напротив, ее существование, независимо от продажи, является здесь предпосылкой, исходной точкой.

Из этого следует, что, предполагая земельную ренту как постоянную величину, цена земли может повышаться и понижаться в обратном направлении с повышением и понижением ставки процента. Если бы обычная процентная ставка понизилась с 5%

* См. настоящий том, ч. 2, с. 341—342. *Ред.*

** — на первый взгляд. *Ред.*

*** — годовых доходов, которыми окупится земля. *Ред.*

до 4%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. представляла бы годовой прирост стоимости капитала уже не в 4 000 ф. ст., а в 5 000 ф. ст., и таким образом цена того же самого участка земли повысилась бы с 4 000 до 5 000 ф. ст. или с 20 years' purchase до 25. В противоположном случае произошло бы обратное. Это — независимое от движения самой земельной ренты и регулируемое лишь процентной ставкой движение цены земли. Но так как мы видели, что в ходе общественного развития норма прибыли, а вместе с ней и процентная ставка, поскольку она регулируется нормой прибыли, имеет тенденцию понижаться; что, далее, даже оставляя в стороне норму прибыли, процентная ставка имеет тенденцию понижаться вследствие роста ссудного денежного капитала, — то из этого следует, что цена земли имеет тенденцию повышаться и независимо от движения земельной ренты и цены земельных продуктов, часть которой составляет рента.

Смещение самой земельной ренты с той формой процента, которую она принимает для покупателя земли, — смещение, основанное на полном непонимании природы земельной ренты, — необходимо приводит к удивительнейшим ложным заключениям. Так как земельная собственность во всех старых странах считается особо почтенной формой собственности, а купля земельной собственности — особо надежным вложением капитала, то процентная ставка, на основе которой покупается земельная рента, стоит в большинстве случаев ниже, чем процентная ставка при других капиталовложениях, рассчитанных на сравнительно продолжительное время, так что, например, покупатель земли получает на покупную цену всего 4%, между тем как он получил бы на тот же капитал при ином его вложении 5%; или, что сводится к тому же, он уплачивает за земельную ренту больше капитала, чем пришлось бы ему уплатить за такой же годовой денежный доход в других областях приложения капитала. Г-н Тьер в своей вообще совершенно дрянной работе о собственности (оттиске его речи против Прудона, произнесенной в 1848 г. во французском Национальном собрании)⁴⁸ делает из этого тот вывод, что земельная рента низка, между тем как это только доказывает, что покупная цена ее высока.

То обстоятельство, что капитализированная земельная рента представляется как цена земли, или стоимость земли, и что земля таким образом продается и покупается подобно всякому другому товару, служит для некоторых апологетов основанием для оправдания земельной собственности, так как покупатель платил за нее, как и за всякий другой товар, эквивалент, и большая часть земельной собственности перешла таким образом из рук в руки. Но в таком случае подобное соображение служило бы оправданием и для рабства, потому что для рабовладельца, заплатившего за раба наличными, выручка от рабского труда представляет лишь процент

на капитал, затраченный на его покупку. Вообще выводить из купли и продажи земельной ренты оправдание ее существования — это значит оправдывать ее существование ее существованием.

Как ни важно для научного анализа земельной ренты, — то есть самостоятельной, специфической экономической формы земельной собственности на базисе капиталистического способа производства, — как ни важно изучить ее в чистом виде, свободной от всех фальсифицирующих и затушевывающих ее примесей, не менее важно, с другой стороны, для понимания практических последствий земельной собственности и даже для теоретического познания массы фактов, которые противоречат понятию и природе земельной ренты и, однако, выступают как формы существования земельной ренты, — не менее важно познакомиться с элементами, которые приводят к этим затемнениям теории.

На практике все, что фермер платит земельному собственнику в форме арендных денег за разрешение возделывать землю, выступает, естественно, как земельная рента. Из каких бы составных частей ни складывалась эта дань, из каких бы источников она ни происходила, для нее с собственно земельной рентой общее то, что монополия на часть территории земли дает так называемому земельному собственнику силу взимать дань, налагать контрибуцию. Для нее с собственно земельной рентой общее то, что она определяет цену земли, которая, как показано выше, есть не что иное, как капитализированный доход от сдачи земли в аренду.

Мы уже видели, что процент на вложенный в землю капитал может образовать такую инородную составную часть земельной ренты, составную часть, которая с ходом экономического развития будет образовывать постоянно возрастающее дополнение к совокупной сумме ренты данной страны. Но даже оставляя этот процент в стороне, возможно, что в арендных деньгах частично, а в известных случаях исключительно, — при полном, следовательно, отсутствии собственно земельной ренты, когда земля поэтому в действительности ничего не стоит, — скрывается вычет из средней прибыли, или из нормальной заработной платы, или из той и другой одновременно. Эта часть — прибыли или заработной платы — выступает здесь в образе земельной ренты, потому что она не достается, как это бывает в нормальных случаях, промышленному капиталисту или наемному рабочему, а уплачивается в форме арендных денег земельному собственнику. Ни та, ни другая часть не составляет земельной ренты в экономическом смысле этого слова; но практически она составляет доход земельного собственника, является экономической реализацией его монополии совершенно так же, как действительная земельная рента, и точно так же как последняя определяющим образом влияет на цену земли.

Мы не говорим здесь о таких отношениях, когда формально существует земельная рента, это соответствующее капиталистиче-

скому способу производства выражение земельной собственности, но когда нет самого капиталистического способа производства, когда сам фермер не является предпринимателем-капиталистом и характер его хозяйствования не является капиталистическим. Таково, например, положение в *Ирландии*. Фермер здесь в общем мелкий крестьянин. То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, то есть его собственного прибавочного труда, на который он имеет право как собственник орудий своего труда, но и часть нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда. Кроме того, земельный собственник, который здесь совершенно ничего не делает для улучшения почвы, экспроприирует у арендатора его небольшой капитал, вложенный им в землю по большей части собственным трудом, — точно так же, как сделал бы ростовщик при аналогичных условиях. Но ростовщик рискует при подобных операциях, по крайней мере, своим собственным капиталом. Такое постоянное ограбление составляет предмет раздоров в области ирландского земельного законодательства, которое главным образом сводится к тому, чтобы заставить земельного собственника, прекращающего аренду, компенсировать арендатора за произведенные им улучшения почвы или за вложенный в землю капитал⁴⁹. Пальмерстон обыкновенно давал на это циничный ответ:

«Палата общин является палатой земельных собственников».

Мы не говорим также о тех исключительных отношениях, когда даже в странах капиталистического производства земельный собственник может выжимать высокую арендную плату, которая не стоит ни в каком соответствии с продуктом земли, примером чего может служить в английских промышленных округах сдача мелких клочков земли в аренду фабричным рабочим под маленькие садики или для ведения любительского земледелия в часы досуга (см. «Reports of Inspectors of Factories»).

Мы говорим о земельной ренте в странах развитого капиталистического производства. Например, среди английских фермеров имеется известное количество мелких капиталистов, которые в силу воспитания, образования, традиции, конкуренции и других обстоятельств предназначены и вынуждены к тому, чтобы в качестве фермеров вкладывать свой капитал в земледелие. Они вынуждены довольствоваться прибылью меньшей, чем средняя, и отдавать часть ее в форме ренты собственнику земли. Только при этом условии им разрешается вкладывать свой капитал в землю, в земледелие. Так как земельные собственники повсюду оказывают значительное, в Англии даже преобладающее влияние на законодательство, то это влияние может быть использовано для того, чтобы обирать целый класс фермеров. Правда, например,

хлебные законы 1815 г.⁵⁰, — налог на хлеб, которым обложили население страны откровенно с той целью, чтобы обеспечить для праздных земельных собственников дальнейшее существование доходов, непомерно возросших во время антиякобинской войны⁵¹ — оказали, если не считать отдельных исключительно урожайных годов, то действие, что поддерживали цены сельскохозяйственных продуктов выше уровня, на котором они были бы при свободном ввозе хлеба. Однако эти законы не смогли поддерживать цены на уровне, который декретировался вершащими законодательство земельными собственниками в качестве нормальных цен, образующих законный предел для ввоза иностранного хлеба. Между тем арендные договоры заключались под влиянием этих нормальных цен. Когда иллюзии рассеялись, был составлен новый закон с новыми нормальными ценами, которые, однако, были столь же бессильным выражением фантазии алчных земельных собственников, как и старые. Таким способом фермеров обманывали с 1815 до 30-х годов. Отсюда *agricultural distress* * как постоянная тема на протяжении всего этого времени. Отсюда экспроприация и разорение целого поколения фермеров в течение этого периода и замещение их новым классом капиталистов³¹⁾.

Но несравненно более общим и важным фактом является понижение заработной платы собственно земледельческих рабочих ниже нормального среднего уровня, так что часть заработной платы отнимается у рабочего, образует составную часть арендной платы и таким образом под видом земельной ренты достается земельному собственнику, а не рабочему. Например, в Англии и Шотландии, за исключением немногих графств, находящихся в благоприятном положении, это общее явление. Труды учрежденных перед введением хлебных законов в Англии парламентских следственных комиссий по вопросу о высоте заработной платы⁵³ — до сих пор самые ценные и почти совершенно неиспользованные материалы по истории заработной платы в XIX веке и в то же время позорный памятник, воздвигнутый английской аристократией и буржуазией самим себе, — с очевидностью, вне всякого сомнения, доказывают, что высокие рентные ставки и соответствующий им рост цены на землю во время антиякобинской войны являются отчасти результатом просто вычета из заработной платы и ее понижения даже ниже физического минимума, то есть результатом передачи некоторой части нормальной заработной платы земельному собственнику. Различные обстоятельства, между прочим обесценение денег, способ применения законов о бедных

* — бедственное положение сельского хозяйства. *Ред.*

³¹⁾ См. *Anti Corn-Law Prize-Essays*⁵². Тем не менее хлебные законы все же поддерживали цены на искусственно повышенном уровне. Это благоприятствовало лучшим фермерским хозяйствам. Они выигрывали от застоя, в котором запретительные пошлины держали подавляющую массу фермеров, уповавших — имея для этого основания или нет, дело другое, — на исключительную среднюю цену.

в земледельческих округах⁵⁴ и т. д., сделали возможной эту операцию в то самое время, когда доходы фермеров колоссально возрастали и земельные собственники сказочно обогащались. Ведь одним из главных аргументов как фермеров, так и земельных собственников в пользу введения хлебных пошлин был тот довод, что физически невозможно еще больше понизить заработную плату сельскохозяйственных батраков. Это положение не претерпело существенных изменений, и в Англии, как и во всех европейских странах, часть нормальной заработной платы по-прежнему является составной частью земельной ренты. Когда граф Шефтсбери, в то время лорд Эшли, один из филантропов-аристократов, чрезвычайно обеспокоенный положением английских фабричных рабочих, во время кампании за десятичасовой рабочий день выступил их парламентским защитником, то в ответ защитники промышленников опубликовали статистические данные о заработной плате сельскохозяйственных рабочих в принадлежащих ему деревнях (см. «Капитал», кн. I, гл. XXIII, 5, е: «Британский сельскохозяйственный пролетариат»)⁵⁵, эти данные ясно показали, что часть земельной ренты этого филантропа получается просто от грабежа, который за него учиняют его арендаторы из заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Эта публикация интересна еще и потому, что приведенные в ней факты могут быть смело поставлены рядом с самыми позорными фактами, которые были раскрыты комиссиями 1814 и 1815 годов⁵⁶. Когда обстоятельства вынуждают к временному повышению заработной платы сельскохозяйственных рабочих, тотчас раздаются вопли фермеров, что повышение заработной платы до нормального уровня, как это имеет место в других отраслях промышленности, вещь невозможная, что оно неизбежно разорит их, если не будет одновременно понижена земельная рента. Здесь, таким образом, заключается признание, что под маркой земельной ренты арендаторы делают вычет из заработной платы и выплачивают этот вычет земельному собственнику. Например, за 1849—1859 гг. заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Англии повысилась благодаря следующим обстоятельствам, имевшим решающее значение: массовая эмиграция из Ирландии, прекратившая приток оттуда сельскохозяйственных рабочих, необычное поглощение сельского населения фабричной промышленностью, спрос на солдат для войны, необычная эмиграция в Австралию и Соединенные Штаты (в Калифорнию) и другие причины, на которых здесь не приходится останавливаться подробнее. В то же время в этот период, за исключением неурожайных 1854—1856 гг., средние цены на хлеб понизились более чем на 16%. Арендаторы подняли крик, требуя понижения размеров ренты. В отдельных случаях они достигли этого. Вообще же они с этим требованием потерпели неудачу. Они искали выхода в понижении издержек производства, между прочим, путем массового введения

паровых локобилей и новых машин, которые отчасти заменяли и вытесняли из хозяйства лошадей, отчасти же, высвобождая сельскохозяйственных рабочих, вызвали искусственное перенаселение, а потому и новое понижение заработной платы. И это происходило, несмотря на общее относительное, по сравнению с ростом всего населения, уменьшение сельского населения за это десятилетие и несмотря на абсолютное уменьшение этого населения в некоторых чисто земледельческих округах ³²⁾. Об этом же 12 октября 1865 г. Фосетт, тогда профессор политической экономии в Кембридже (умер в 1884 г., будучи генерал-почтмейстером), говорил на конгрессе социальных наук ⁵⁸⁾:

«Сельскохозяйственные рабочие начинают эмигрировать, и арендаторы начинают жаловаться, что они не в состоянии будут платить столь высокие ренты, как обыкновенно платили, потому что вследствие эмиграции труд становится дороже».

Следовательно, здесь высокая земельная рента прямо отождествляется с низкой заработной платой. И поскольку высота цены земли обуславливается этим обстоятельством, повышающим ренту, постольку повышение стоимости земли тождественно с обесценением труда, а высокий уровень цены земли тождествен с низким уровнем цены труда.

То же самое имеет место и во Франции.

«Арендная плата повышается, потому что на одной стороне повышается цена хлеба, вина, мяса, овощей и фруктов, а на другой стороне цена труда остается неизменной. Если бы старики сравнили счета их отцов, — что возвращает нас назад почти на 100 лет, — они нашли бы, что тогда цена рабочего дня в сельских округах Франции была точно такая же, как в настоящее время. Цена же мяса с того времени утроилась... Кто жертва этого переворота? Богач, являющийся собственником сдаваемой в аренду земли, или бедняк, который ее обрабатывает?.. Повышение арендной платы есть доказательство общественного бедствия» («Du Mécanisme de la Société en France et en Angleterre». Par M. Rubichon. Nouvelle édit., Paris, 1837, p. 101).

Примеры ренты как следствия вычета из средней прибыли, с одной стороны, и из средней заработной платы, с другой:

Цитированный выше Мортон ⁵⁹⁾, земельный агент и сельскохозяйственный инженер, рассказывает, что, согласно сделанным во многих местах наблюдениям, ренты за крупные аренды ниже, чем за более мелкие, так как

«конкуренция из-за последних обычно больше, чем из-за первых, и так как мелкие арендаторы, которые редко имеют возможность заняться чем-либо иным, кроме сельского хозяйства, вынужденные в силу необходимости находить подходящее дело, часто соглашаются платить такую ренту, о которой они сами знают, что она слишком высока» (John L. Morton. «The Resources of Estates etc.». London, 1858, p. 116).

³²⁾ John Ch. Morton. «On the Forces used in Agriculture». Доклад, прочитанный в лондонском Обществе искусств и ремесел ³⁷⁾ в 1859 г., основан на подлинных документах, полученных примерно от 100 арендаторов 12 шотландских и 35 английских графств.

Однако, по его мнению, в Англии это различие постепенно стирается, чему, как он полагает, сильно содействует эмиграция как раз класса мелких арендаторов. Тот же Мортон приводит пример, когда в земельную ренту несомненно входит вычет из заработной платы самого фермера и, следовательно, еще несомненное — из заработной платы рабочих, которых он нанял. В частности, это имеет место при арендах менее 70—80 акров (30—34 гектара), когда невозможно держать пароконный плуг.

«Если арендатор сам не работает так же прилежно, как любой рабочий, он не может существовать за счет своей аренды. Если он предоставит выполнение работы своим людям, а сам ограничится исключительно надзором за ними, он, по всей вероятности, очень скоро убедится, что не в состоянии уплачивать свою ренту» (там же, стр. 118).

Из этого Мортон делает тот вывод, что если арендаторы в данной местности не очень бедны, то сдаваемые в аренду участки не должны быть менее 70 акров, так чтобы фермер мог держать 2—3 лошадей.

Необычайную мудрость обнаруживает г-н Леонс де Лавернь, член Института⁶⁰ и Национального центрального сельскохозяйственного общества. В своем труде «Economie Rurale de l'Angleterre» (цитируется по английскому переводу, [«The Rural Economy of England etc.»] London, 1855) он приводит следующие сравнения годовых выгод от крупного рогатого скота, который во Франции применяется на сельскохозяйственных работах, а в Англии не применяется, так как здесь эти работы выполняются при помощи лошадей (стр. 42):

Франция: молоко	4 млн. ф. ст.	Англия: молоко	16 млн. ф. ст.
мясо	16 * * *	мясо	20 * * *
работа	8 * * *	работа	—
28 млн. ф. ст.		36 млн. ф. ст.	

Более высокий показатель получается потому, что, согласно его собственным данным, молоко в Англии стоит вдвое дороже, чем во Франции, между тем как для мяса он предполагает одинаковые цены в обеих странах (стр. 35); следовательно, если стоимость молочного продукта в Англии сокращается до 8 млн. ф. ст., то стоимость всего продукта сократится до 28 млн. ф. ст., как во Франции. Действительно, это, пожалуй, слишком сильно, коль скоро г-н Лавернь вводит в свое вычисление одновременно и разные количества продукта и различие цен; так что если Англия производит известные продукты дороже, чем Франция, — что может означать лишь большую прибыль для арендаторов и земельных собственников, — то это представляется как преимущество английского сельского хозяйства.

Что г-н Лавернь знаком не только с экономическими показателями английского сельского хозяйства, но разделяет и предрассуд-

ки английских фермеров и земельных собственников, это он показывает на стр. 48:

«Крупная невыгода обыкновенно сопряжена с зерновыми культурами... они истощают почву, на которой произрастают».

Г-н Лавернь не только полагает, что другие растения этого не делают, — он полагает также, что кормовые травы и корнеплоды обогащают землю:

«Кормовые культуры получают главные элементы своего роста из атмосферы и возвращают почве больше, чем извлекают из нее; таким образом они двояко — и прямо и вследствие их превращения в навоз — содействуют возмещению вреда, причиненного зерновыми и другими истощающими культурами; отсюда правило, чтобы они по меньшей мере чередовались с кормовыми культурами; в этом состоит норфолкский севооборот» (стр. 50—51).

Не удивительно, что г-н Лавернь, веря этим сказкам английско-го сельского хозяина⁶¹, верит ему также и в том, что после отмены хлебных законов заработная плата английских сельскохозяйственных рабочих утратила свой прежний ненормальный характер. См., что мы говорили об этом раньше, «Капитал», кн. I, гл. XXIII, 5, стр. 701—729⁶². Однако обратимся еще к речи г-на Джона Брайта, произнесенной в Бирмингеме 13 декабря 1865 года. Сказав о 5 миллионах семейств, вовсе не представленных в парламенте, он продолжает:

«Из них в Соединенном королевстве 1 миллион или, вернее, больше 1 миллиона занесены в злополучные списки нищих. Затем еще 1 миллион, которые пока еще держатся выше уровня пауперизма, но которым постоянно угрожает опасность тоже сделаться нищими. Их положение и их перспективы не лучше. Посмотрите же, наконец, на невежественные низшие слои этой части общества. Обратите внимание на их участь, как отверженных, на их бедность, их страдания, их полнейшую безнадежность. Даже в Соединенных Штатах, даже в южных штатах при господстве рабства у всякого негра оставалась надежда, что и он когда-нибудь может получить свободу. Но у этих людей, у этой массы низших слоев нашей страны не существует, — я должен здесь прямо сказать это, — ни надежды на какое-либо улучшение, ни даже стремления к этому. Читали ли вы недавно в газетах заметку о Джоне Кроссе, сельскохозяйственном рабочем из Дорсетшира? Он работал по 6 дней в неделю, имел превосходный отзыв от своего хозяина, на которого он работал 24 года, получая в неделю по 8 шиллингов. На эту заработную плату Джон Кросс должен был содержать в свой хижине семью из 7 детей. Чтобы обогреть свою большую жену и грудного ребенка, он взял, — выражаясь языком закона, могут сказать украд, — деревянный плетень стоимостью в 6 пенсов. Мировые судьи приговорили его за этот проступок к 14 или 20 дням тюрьмы... Я могу сказать вам, что во всей стране можно найти многие тысячи таких случаев, как с Джоном Кроссом, особенно на юге, и что положение этих людей таково, что до сих пор самый внимательный наблюдатель не мог раскрыть тайны, как они сводят концы с концами. А теперь бросьте взгляд на всю страну и посмотрите на эти 5 миллионов семейств и на отчаянное положение, в каком находится этот слой населения. Не следует ли по совести сказать, что эта часть нации, лишенная избирательного права, мучится, вечно мучится на работе и почти совсем не знает отдыха? Сравните ее положение с положением господствующего класса — однако, если я стану говорить так, меня обвинят в коммунизме... Но сравните эту огромную, изнуряющую себя работой, лишенную избирательного права массу людей, с той частью населения, которую можно считать господствующими классами. Посмотрите на их богатство, их величие, их роскошь. Посмотрите на их усталость, — потому что

и среди них наблюдается усталость, но это усталость от пресыщения, — посмотрите, как они мотаются с места на место, как будто весь смысл жизни в том, чтобы искать новые удовольствия» («Morning Star»⁶³, 14 декабря 1865 года).

Ниже будет показано, как прибавочный труд, а потому и прибавочный продукт вообще, смешивается с земельной рентой, этой частью прибавочного продукта, специфически определенной — по крайней мере на базисе капиталистического способа производства — с количественной и качественной стороны. Естественным базисом прибавочного труда вообще, то есть тем естественным условием, без которого он невозможен, является то, что при затрате рабочего времени, не поглощающего всего рабочего дня, природа доставляет необходимые средства существования — в продуктах земли, растительных и животных, или в продуктах рыболовства и т. д. Эта естественная производительность земледельческого труда (куда в данной связи относится простое собирательство: охота, рыболовство, разведение скота) является основой всякого прибавочного труда, так как первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство продуктов питания. (Но животные доставляют в то же время шкуру для защиты от холода в условиях холодного климата; кроме того, пещеры используются под жилье и т. д.)

Такое же смешение прибавочного продукта и земельной ренты, только в иных выражениях, встречается у г-на Дава⁶⁴. Первоначально земледельческий труд и промышленный труд не отделены один от другого: последний примыкает к первому. Прибавочный труд и прибавочный продукт земледельческого племени, домашней общины или семьи включает в себе как земледельческий, так и промышленный труд. Тот и другой идут рука об руку. Охота, рыболовство, земледелие невозможны без соответствующих орудий. Ткачество, прядение и т. д. сначала ведутся как подсобные при земледелии работы.

Раньше мы показали, что как труд отдельного рабочего распадается на необходимый и прибавочный труд, так и совокупный труд рабочего класса можно разделить таким образом, что часть, которая производит жизненные средства для всего рабочего класса (включая сюда и необходимые для этого средства производства), выполняет необходимый труд для всего общества. Труд, выполняемый всей остальной частью рабочего класса, можно рассматривать как прибавочный труд. Но необходимый труд включает в себе отнюдь не только земледельческий труд, но также и тот труд, который производит все остальные продукты, необходимо входящие в среднее потребление рабочего. Кроме того, с общественной точки зрения одни выполняют только необходимый труд лишь потому, что другие выполняют только прибавочный труд, и наоборот. Это — лишь разделение труда между ними. Так же обстоит дело и с разделением труда между земледельческими и промышленными

рабочими вообще. Чисто промышленному характеру труда на одной стороне соответствует чисто земледельческий на другой. Этот чисто земледельческий труд отнюдь не дан природой, он сам есть продукт общественного развития, притом продукт весьма новый, далеко не повсюду достигнутый, и соответствует вполне определенной ступени в развитии производства. Подобно тому, как часть земледельческого труда овеществляется в продуктах, которые или служат только предметами роскоши или образуют сырой материал для промышленности, но вовсе не входят в питание, не говоря уже о питании народных масс, — точно так же, с другой стороны, часть промышленного труда овеществляется в продуктах, которые служат необходимыми предметами потребления как сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных рабочих. Было бы ошибочно рассматривать этот промышленный труд как прибавочный труд — с общественной точки зрения. Он в известной части такой же необходимый труд, как и необходимая часть земледельческого труда. Да он и есть лишь обособившаяся форма известной части того промышленного труда, который раньше был естественно соединен с земледельческим трудом, необходимое взаимное дополнение отделившегося теперь от него чисто земледельческого труда. (Если рассматривать дело с чисто материальной стороны, то, например, 500 ткачей, работая при помощи механических станков, производят гораздо больше тканей, чем требуется для их собственной одежды.)

Наконец, рассматривая формы проявления земельной ренты, то есть рассматривая арендную плату, которая уплачивается под титулом земельной ренты собственнику земли за использование земли в целях производства или потребления, необходимо помнить, что цена предметов, которые сами по себе не имеют стоимости, то есть не являются продуктами труда, как, например, земля, или, по крайней мере, не могут быть воспроизведены трудом, как, например, памятники древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д., может определяться весьма случайными обстоятельствами. Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, как только чтобы она способна была сделаться объектом монополии и отчуждения.

При рассмотрении земельной ренты следует избегать трех главных ошибок, которые затемняют анализ.

1) Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства.

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собст-

венность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником лицо, являющееся представителем общины [Gemeinwesen], как в Азии, Египте и т. д., или эта земельная собственность будет лишь составной частью собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же это будет чисто частная собственность непроизводителей на природу, просто титул собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, как у колонистов и мелкокрестьянских землевладельцев, представляется непосредственно как присвоение и производство продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит.

Это *общее* для различных форм ренты — то, что она есть экономическая реализация земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенной земельной площадью, — это *общее* ведет к тому, что различия не замечаются.

2) Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. В своей неразвитой форме, в форме натуральной ренты, она еще непосредственно является прибавочным продуктом. Отсюда то заблуждение, будто рента, соответствующая капиталистическому способу производства и являющаяся избытком над прибылью, то есть над той частью стоимости товара, которая сама состоит из прибавочной стоимости (прибавочного труда), — будто эта особая и специфическая составная часть прибавочной стоимости получит должное объяснение, раз будут объяснены общие условия существования прибавочной стоимости и прибыли вообще. Эти условия таковы: непосредственные производители должны работать больше того времени, которое требуется для воспроизводства их собственной рабочей силы, для воспроизводства их самих. Они вообще должны совершать прибавочный труд. Это — субъективное условие. Объективное же заключается в том, чтобы они *могли* совершать прибавочный труд; естественные условия должны быть таковы, чтобы *части* рабочего времени, которым располагают непосредственные производители, хватало для их воспроизводства и самосохранения как производителей, чтобы производство необходимых им жизненных средств не поглощало всей их рабочей силы. Естественное плодородие составляет здесь одну границу, одну исходную точку, одну основу. Другую же составляет развитие общественной производительной силы труда. Рассматривая вопрос еще подробнее, — так как производство продуктов питания является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще, — труд, примененный в этом производстве, следовательно, земледельческий труд в самом широком экономическом смысле

этого слова должен быть настолько плодотворен, чтобы производством продуктов питания для непосредственных производителей поглощалось не все возможное рабочее время, то есть чтобы был возможен земледельческий прибавочный труд, а потому и земледельческий прибавочный продукт. Далее: необходимо, чтобы весь земледельческий труд — необходимый и прибавочный труд — некоторой части общества был достаточен для того, чтобы производить необходимые продукты питания для всего общества, то есть и для неземледельческих рабочих; следовательно, чтобы было возможно это крупное разделение труда между работниками земледелия и промышленности, а также между теми из работников земледелия, которые производят продукты питания, и теми, которые производят сырые материалы. Хотя труд непосредственных производителей продуктов питания распадается для них самих на необходимый и прибавочный труд, однако, по отношению к обществу он представляет лишь необходимый труд, требующийся для производства продуктов питания. Впрочем, то же самое имеет место при всяком разделении труда внутри всего общества, в отличие от разделения труда внутри отдельной мастерской. Это — труд, необходимый для производства особого рода предметов, для удовлетворения особой потребности общества в этих особых предметах. Если это разделение пропорционально, то продукты различных групп продаются по их стоимости (при дальнейшем развитии по их ценам производства) или же по ценам, которые суть модификации этих стоимостей, соответственно цен производства, определяемых общими законами. Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество. Ибо условием остается, чтобы товар представлял собой потребительную стоимость. Но если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной потребностью распределен труд между различными сферами производства. (Следует остановиться на этом пункте в связи с распределением капитала между различными сферами производства.) Общественная потребность, то есть потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь долю всего общественного

рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. Этот пункт касается отношения между необходимым и прибавочным трудом лишь постольку, поскольку при нарушении этой пропорции не может быть реализована стоимость товара, а потому и заключающаяся в ней прибавочная стоимость. Пусть, например, хлопчатобумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще-то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, то есть часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции. Эта количественная граница тех частей общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще, хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество при данных условиях производства на такой-то продукт определенного рода может затратить лишь столько-то из своего совокупного рабочего времени⁶⁵. Но субъективные и объективные условия прибавочного труда и прибавочной стоимости вообще не имеют никакого отношения к конкретной, определенной форме как прибыли, так и ренты. Они имеют значение для прибавочной стоимости, как таковой, какие бы особые формы она ни принимала. Поэтому они не объясняют земельной ренты.

3) Как раз в экономической реализации земельной собственности, в развитии земельной ренты представляется особенно своеобразным то обстоятельство, что ее величина определяется отнюдь не ее получателем, а развитием общественного труда, независимым от ее получателя, совершающимся помимо него. Поэтому легко принять за своеобразную особенность ренты (и вообще земледельческого продукта) то, что на основе товарного производства — и, точнее, капиталистического производства, которое во всем своем объеме есть товарное производство, — обще всем отраслям производства и всем их продуктам.

В ходе общественного развития величина земельной ренты (а вместе с ней и стоимость земли) развивается как результат совокупного общественного труда. С одной стороны, с общественным развитием возрастают рынок и спрос на продукты земли, с другой стороны — спрос непосредственно на самую землю как непереносимое условие производства для всевозможных, даже и не

земледельческих отраслей хозяйства. Точнее, если говорить только о собственно земледельческой ренте, рента, а вместе с ней и стоимость земли развиваются вместе с рынком для продукта земли и, следовательно, с ростом неземледельческого населения, с его потребностью и спросом отчасти на продукты питания, отчасти на сырые материалы. По самой своей природе капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала за счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно; следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения.

В действительности это явление не представляет специфической особенности земледелия и его продуктов. Напротив, на основе товарного производства и его абсолютной формы, капиталистического производства, то же самое характерно и для всех других отраслей производства и продуктов.

Эти продукты лишь постольку являются товарами, то есть потребительными стоимостями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации — превращению в деньги, — поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противоплагаются им как товары и как стоимости; другими словами, постольку, поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги), посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком. Здесь нет совершенно ничего специфически характерного для земледельческих продуктов.

Рента может развиваться как денежная рента лишь на основе товарного производства, точнее, капиталистического производства, и она развивается в той самой мере, в какой земледельческое производство становится товарным производством, следовательно, в той самой мере, в какой неземледельческое производство развивается как самостоятельное по отношению к нему производство, потому что в той же мере земледельческий продукт становится товаром, меновой стоимостью и стоимостью. В той самой мере, как с капиталистическим производством развивается товарное производство, а потому производство стоимости, — развивается

производство прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Но в той же мере, как развивается последнее, развивается и способность земельной собственности захватывать посредством своей монополии на землю все возрастающую часть этой прибавочной стоимости, а тем самым повышать стоимость своей ренты и цену самой земли. В развитии этой прибавочной стоимости и прибавочного продукта капиталист все же является еще самостоятельным агентом. Земельному же собственнику приходится только захватывать все возрастающую таким образом без его содействия долю прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Вот в чем заключается характерная особенность его положения, а не в том, что стоимость продуктов земли, а потому и самой земли, все более возрастает в той мере, как расширяется рынок для них, растет спрос, а вместе с ним мир товаров, противостоящий продукту земли, то-есть, говоря иными словами, в той мере, как растет масса неземледельческих товаропроизводителей и неземледельческого товарного производства. Но так как это происходит без содействия земельного собственника, то представляется какой-то его специфической особенностью то явление, что масса стоимости, масса прибавочной стоимости и превращение части этой прибавочной стоимости в земельную ренту зависят от общественного процесса производства, от развития товарного производства вообще. Поэтому Дав, например, хочет вывести ренту отсюда. Он утверждает, что рента зависит не от массы земледельческого продукта, а от его стоимости⁶⁶; последняя же зависит от массы и производительности неземледельческого населения. Но ведь и для всякого другого продукта справедливо, что он развивается как товар лишь в той мере, в какой возрастает масса и многообразие других товаров, образующих по отношению к нему эквиваленты. Это было показано уже в связи с общим изложением теории стоимости⁶⁷. С одной стороны, способность известного продукта к обмену зависит вообще от того, насколько разнообразны товары, существующие помимо него. С другой стороны, от этого же зависит в особенности то количество, в котором этот продукт может быть произведен как товар.

Производитель — как в промышленности, так и в земледелии, — рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определенной комбинации общественных отношений. Во-первых, поскольку он выступает как выражение общественного труда, следовательно, поскольку собственное рабочее время данного производителя является частью общественного рабочего времени вообще; во-вторых, этот общественный характер труда производителя проявляется в денежном характере его продукта и его общей обмениваемости, определяемой ценой, как общественный характер, свойственный его продукту.

Итак, если, с одной стороны, вместо того, чтобы объяснять ренту, занимаются объяснением прибавочной стоимости или, при еще более ограниченном понимании, объяснением прибавочного продукта вообще, то, с другой стороны, здесь делают ту ошибку, что характер, свойственный всем продуктам как товарам и стоимостям, приписывают исключительно земельным продуктам. Объяснение делается еще более поверхностным, когда от общего определения стоимости переходят к *реализации* определенной товарной стоимости. Всякий товар может реализовать свою стоимость лишь в процессе обращения, а реализует ли он ее и в какой мере реализует, это каждый раз зависит от условий рынка.

Итак, своеобразие земельной ренты заключается не в том, что земельные продукты развиваются в стоимости и как стоимости, то есть не в том, что они как товары противостоят другим товарам и неземельные продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земельные продукты развиваются в стоимости (товары) и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без ее содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При анализе земельной ренты мы прежде всего будем исходить из предположения, что продукты, с которых уплачивается такая рента, в которых часть прибавочной стоимости, а потому и часть всей цены превращается в ренту, — для целей нашего анализа достаточно иметь в виду сельскохозяйственные продукты или также продукты рудников, — следовательно, что продукты земли или рудников, подобно всем другим товарам, продаются по ценам их производства. То есть их продажные цены равны издержкам их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потребленный и непотребленный. Итак, мы предполагаем, что средние продажные цены этих продуктов равны их ценам производства. И вот вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может образоваться земельная рента, то есть каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту, а потому часть цены товара может достаться земельному собственнику.

Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определенное меньшинство — естественными водопадами. Предположим, что в соответственных отраслях промышленности цена производства составляет 115 единиц за такую массу товаров, на которую капитала потребляется 100 единиц. Эти 15% прибыли исчисляются не только на потребленный капитал в 100, но на весь капитал, примененный в производстве этой товарной стоимости. Эта цена производства, как показано раньше*, определяется не индивидуальными издержками производства каждого отдельного промышленного производителя, а теми издержками производства,

* См. настоящий том. ч. I. с. 184—190. *Ред.*

которых товар требует в среднем при средних условиях для всего капитала, вложенного в данную сферу производства. Фактически это рыночная цена производства — средняя рыночная цена в отличие от ее колеблющихся величин. Природа стоимости товаров, определение стоимости не тем рабочим временем, которое индивидуально необходимо для производства определенного количества товаров или отдельных товаров определенному отдельному производителю, а общественно необходимым рабочим временем, тем рабочим временем, которое при данных средних общественных условиях производства необходимо для того, чтобы произвести все общественно необходимое количество различных товаров, находящихся на рынке, — эта природа стоимости, этот способ ее определения вообще находит себе выражение в форме рыночной цены и, далее, в форме регулирующей рыночной цены, или рыночной цены производства.

Так как в данной связи совершенно безразлично, какие определенные количественные отношения мы берем, то мы предположим далее, что издержки производства на фабриках, приводимых в движение силой воды, составляют всего 90 единиц вместо 100. Так как цена производства массы этих товаров, регулирующая рынок, вместе с прибылью в 15% = 115, то фабриканты, которые приводят свои машины в движение силой воды, тоже будут продавать по 115, то есть по средней цене, регулирующей рыночную цену. Поэтому их прибыль будет составлять 25 единиц вместо 15; регулирующая цена производства позволит им получать добавочную прибыль в $12\frac{7}{9}\%$ — не потому, что они продают свои товары выше цены производства, а потому, что они продают их по цене производства, потому, что их товары производятся, их капитал функционирует при исключительно благоприятных условиях, при условиях выше среднего уровня, преобладающего в этой сфере.

Тотчас же обнаруживаются двоякого рода обстоятельства: *Во-первых:* добавочная прибыль производителей, применяющих естественный водопад в качестве двигательной силы, сначала имеет такой же характер, как всякая добавочная прибыль (а мы уже исследовали эту категорию, когда говорили о ценах производства *), которая не есть случайный результат сделок в процессе обращения, случайных колебаний рыночных цен. Итак, эта добавочная прибыль равна разности между индивидуальной ценой производства у этих производителей, поставленных в более благоприятные условия, и общей, общественной ценой производства, регулирующей рынок всей этой сферы производства. Эта разность равна превышению общей цены производства товара над его индивидуальной ценой производства. Двумя границами; регулирующими это превышение, являются, с одной стороны, индивидуальные

* См. настоящий том, ч. 1, с. 189—190. *Ред.*

издержки производства, а потому индивидуальная цена производства, с другой стороны — общая цена производства. Стоимость товара, произведенного при помощи водопада, меньше потому, что для его производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство в определенной форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем производительная сила труда, применяемого в большинстве фабрик такого же рода. Его большая производительная сила обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да кроме того требуется и меньшее количество живого труда, так как водяное колесо не нуждается в топке. Эта большая индивидуальная производительная сила применяемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и, следовательно, цену производства товара. С точки зрения промышленника дело представляется таким образом, что для него издержки производства товара меньше. Ему приходится нести меньшие расходы на овеществленный труд, а также на заработную плату, потому что живой рабочей силы у него применяется меньше. Так как издержки производства его товара меньше, то и его индивидуальная цена производства меньше. Издержки производства для него составляют 90 единиц вместо 100. Следовательно, и его индивидуальная цена производства составляет вместо 115 всего $103\frac{1}{2}$ ($100 : 115 = 90 : 103\frac{1}{2}$). Разность между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства ограничена разницей между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства. Это — одна из величин, образующих пределы его добавочной прибыли. Другая из таких величин — это величина общей цены производства, в образовании которой участвует общая норма прибыли как один из регулирующих факторов. Если бы уголь подешевел, то разность между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства уменьшилась бы, а потому уменьшилась бы и добавочная прибыль промышленника. Если бы ему пришлось продавать товар по его индивидуальной стоимости или по цене производства, определяемой его индивидуальной стоимостью, то разность отпала бы. Она является результатом, с одной стороны, того, что товар продается по своей общей рыночной цене, по цене, по которой конкуренция выравнивает индивидуальные цены, а с другой стороны, того, что большая индивидуальная производительная сила труда, приводимого им в движение, идет на пользу не рабочим, а, как вообще это бывает с производительной силой труда, тому, кто ее применяет; то есть она выступает как производительная сила капитала.

Так как одной границей этой добавочной прибыли служит уровень общей цены производства, одним из факторов которой является уровень общей нормы прибыли, то эта добавочная прибыль может возникнуть лишь из разности между общей и индивидуальной ценой производства, следовательно, из разности между индивидуальной и общей нормой прибыли. Избыток над этой разностью предполагает продажу продукта не по цене производства, регулируемой рынком, а дороже.

Во-вторых: до сих пор добавочная прибыль фабриканта, применяющего в качестве двигательной силы естественный водопад вместо пара, ничем не отличается от всякой другой добавочной прибыли. Всякая нормальная добавочная прибыль, то есть возникающая не в результате случайных операций по продаже или колебаний рыночной цены, определяется разностью между индивидуальной ценой производства товаров этого особого капитала и той общей ценой производства, которая регулирует рыночные цены товаров, производимых капиталом этой отрасли производства вообще, или, выражаясь иначе, рыночные цены товаров совокупного капитала, вложенного в эту сферу производства.

Но отсюда начинается различие.

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на создание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий при помощи паровой машины, тоже применяет естественные силы, которые ему ничего не стоят, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство жизненных средств, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизируются капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т. д. Фабрикант оплачивает уголь, но не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т. д. Эта монополизация сил природы, то есть обусловливаемого ими повышения производительности рабочей силы, присуща всякому капиталу, применяющему паровые машины. Она может увеличить ту часть продукта труда, которая представляет прибавочную стоимость, по сравнению с той частью,

которая превращается в заработную плату. Поскольку она оказывает такое действие, она повышает общую норму прибыли, но не создает добавочной прибыли, которая сводится именно к превышению индивидуальной прибыли над средней прибылью. Итак, если применение естественной силы, водопада, создает здесь добавочную прибыль, это не может быть результатом только того факта, что повышение производительной силы труда здесь вызвано применением естественной силы. Для этого необходимы еще дальнейшие модифицирующие обстоятельства.

Наоборот. Простое применение сил природы в промышленности может оказать влияние на уровень общей нормы прибыли, оказывая влияние на массу труда, требующегося для производства необходимых жизненных средств. Но оно само по себе не создает никакого отклонения от общей нормы прибыли, а как раз о нем и идет речь в данном случае. Далее: добавочная прибыль, которую в других случаях реализует индивидуальный капитал в какой-либо особой сфере производства, — принимая во внимание, что отклонения нормы прибыли в особых сферах производства непрерывно выравниваются в среднюю норму прибыли, — возникает, если оставить в стороне чисто случайные отклонения, в результате уменьшения издержек производства, расходов на производство. Последнее же, в свою очередь, обязано или тому обстоятельству, что капитал применяется в больших массах, чем средняя, и потому *faux frais* * производства уменьшаются, между тем как общие причины повышения производительной силы труда (кооперация, разделение труда и т. д.) получают возможность действовать в повышенной степени, с большей интенсивностью, так как они действуют на более широком поле труда; или же уменьшение издержек производства обязано тому обстоятельству, что, оставляя в стороне размер функционирующего капитала, применяются лучшие методы труда, новые изобретения, усовершенствованные машины, химические средства и т. д., короче, новые, усовершенствованные, стоящие выше среднего уровня средства производства и методы производства. Уменьшение издержек производства и получающаяся вследствие этого добавочная прибыль возникают здесь из того способа, каким применяется функционирующий капитал. Они возникают или вследствие того, что капитал в исключительно больших размерах концентрируется в одних руках, — обстоятельство, которое отпадает, когда в среднем применяются равновеликие массы капитала, — или вследствие того, что капитал определенной величины функционирует особо производительным способом, — обстоятельство, которое отпадает, когда исключительный способ производства приобретает всеобщее распространение или будет превзойден еще более производительным способом.

* — непроизводительные издержки. *Ред.*

Причина добавочной прибыли кроется здесь, следовательно, в самом капитале (включая и приводимый им в движение труд), — или в различных величинах применяемого капитала, или же в более целесообразном способе его применения, — и, если рассматривать дело само по себе, нет никаких препятствий к тому, чтобы весь капитал в известной сфере производства применялся таким же способом. Конкуренция между капиталами имеет тенденцию, напротив, ко все большему выравниванию этих различий; определение стоимости общественно необходимым рабочим временем проявляет себя посредством удешевления товаров и принуждения производить товары при одинаково благоприятных условиях. Но с добавочной прибылью фабриканта, использующего водопад, дело обстоит иначе. Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из самого капитала и труда и не из простого факта применения естественной силы, отличной от капитала и труда, но присоединенной к капиталу. Она возникает из большей естественной производительной силы труда в связи с использованием естественной силы, но не такой естественной силы, которой, как, например, упругостью пара, может располагать всякий капитал в данной сфере производства, то есть не такой естественной силы, применение которой разумеется само собой, раз капитал вообще применяется в этой сфере, а такой естественной силы, которую можно монополизировать, которой, как водопадом, могут располагать лишь те, кто может располагать особыми участками земли вместе со всем тем, что находится на их территории. Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т. д., а с определенными природными условиями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, не допускают фабрикантов, у которых нет водопадов, к применению этой естественной силы, так как земли — и тем более земли с источниками водяной силы, — ограничены. Это не исключает того, что, хотя количество естественных водопадов в известной стране ограничено, количество водяной силы, доступной для использования промышленностью, может быть увеличено. Водопад может быть искусственно отведен, чтобы полностью использовать его двигательную силу; водяное колесо может быть усовершенствовано, чтобы возможно больше использовать силу воды; там, где по характеру потока не годится обычное колесо, могут быть применены турбины и т. д. Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца, то есть такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может

быть создано производственным процессом самого капитала³³⁾; эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землей. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы производства, ни к числу таких ее условий, которые могут быть созданы как общие условия.

Теперь, если мы представим себе, что земля вместе с водопадами находится в руках тех лиц, которые считаются владельцами этих участков земли, земельных собственников, то мы увидим, что они не допускают применение капитала к водопаду, использование последнего посредством капитала. Они могут разрешить и не разрешить его использование. Но капитал не может создать водопад из себя. Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, возникает не из капитала, а из применения капиталом этой могущей быть монополизированной и фактически монополизированной естественной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, то есть она достается собственнику водопада. Если фабрикант уплачивает последнему за его водопад 10 ф. ст. в год, то его прибыль составляет 15 фунтов стерлингов; 15% на те 100 ф. ст., которые теперь составляют сумму его издержек производства; и он оказывается теперь в совершенно таком же положении, может быть, в лучшем, чем все остальные капиталисты его сферы производства, работающие при помощи пара. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталист сам был собственником водопада. Он по-прежнему получал бы добавочную прибыль в 10 ф. ст. не как капиталист, а как собственник водопада; и именно потому, что этот избыток происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, могущей быть монополизированной, ограниченной в своих размерах, именно потому этот избыток превращается в земельную ренту.

Во-первых: очевидно, что эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, но предполагает ее. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства.

Во-вторых: эта земельная рента возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы примененного капитала или присваиваемого им труда, — что вообще могло бы лишь уменьшить стоимость товаров, а вследствие относительно большей

³³⁾ См. о добавочной прибыли «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus». London, 1821 (против Мальтуса).

производительности определенных отдельных капиталов, вложенных в известную сферу производства, по сравнению с теми капиталами, которые не могут воспользоваться такими исключительными, создаваемыми природой благоприятными условиями повышения производительной силы. Если бы, например, несмотря на то, что уголь имеет стоимость, а сила воды не имеет стоимости, пользование паром все же доставляло решающие преимущества, невозможные при использовании силы воды, и если бы эти преимущества с лихвой превосходили преимущества от использования силы воды, то сила воды не находила бы применения и не могла бы породить добавочной прибыли, а следовательно, и ренты.

В-третьих: сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, которым она служит будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда. Так и вообще потребительная стоимость — носитель меновой стоимости, а не ее причина. Если бы ту же самую потребительную стоимость можно было получить без труда, она не имела бы никакой меновой стоимости, но по-прежнему сохраняла бы свою естественную полезность как потребительная стоимость. Но, с другой стороны, без потребительной стоимости, то есть без этого естественного носителя труда, вещь не имеет никакой меновой стоимости. Если бы различные стоимости не выравнивались в цены производства и различные индивидуальные цены производства не выравнивались в общую цену производства, регулирующую рынок, то простое повышение производительной силы труда вследствие использования водопада лишь понизило бы цену товаров, производимых при помощи водопада, но не повысило бы прибыли, заключающейся в этих товарах, — совершенно так же, как, с другой стороны, эта повышенная производительная сила труда вообще не превращалась бы в прибавочную стоимость, если бы капитал не присваивал себе производительную силу применяемого им труда, как естественную, так и общественную.

В-четвертых: земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который производится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собственности, если бы, например, земля, принадлежностью которой является водопад, использовалась фабрикантом как земля, не имеющая хозяина. Следовательно, земельная собственность не создает той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь дает земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения

в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада.

В-пятых: очевидно, прежде всего, что цена водопада, то есть цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, не входит в цену производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства у данного фабриканта, потому что рента возникает здесь из регулируемой независимо от водопада цены производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин. Но, далее, эта цена водопада вообще является иррациональным выражением скрывающегося за ним реального экономического отношения. Водопад, как и земля вообще, как и все силы природы, не имеет никакой стоимости, потому что в нем не овеществлено никакого труда, а потому он не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Там, где нет стоимости, там *eo ipso** и нечего представлять в деньгах. Цена водопада есть не что иное, как капитализированная рента. Земельная собственность дает собственнику возможность присваивать разность между индивидуальной прибылью и средней прибылью; присваиваемая таким образом прибыль, которая возобновляется ежегодно, может быть капитализирована и тогда она выступает как цена самой силы природы. Если добавочная прибыль, которую доставляет фабриканту использование водопада, составляет 10 ф. ст. в год, а средний процент 5%, то эти 10 ф. ст. в год представляют проценты на капитал в 200 фунтов стерлингов; и эта капитализация годовых 10 ф. ст., которые водопад позволяет его собственнику взять у фабриканта, выступает тогда как капитальная стоимость самого водопада. Но что стоимостью обладает не сам водопад, что цена его есть простое отражение присваиваемой добавочной прибыли, капиталистически исчисленной, это сразу обнаруживается в том, что цена в 200 ф. ст. представляет лишь добавочную прибыль по 10 ф. ст. в течение 20 лет, хотя этот же водопад при прочих равных условиях дает собственнику возможность ежегодно присваивать эти 10 ф. ст. в течение неопределенного времени, 30, 100, x лет, и хотя, с другой стороны, если новый метод производства, не применимый при водяной силе, понизил бы издержки производства товаров, производимых при помощи паровой машины, с 100 до 90 ф. ст., то исчезла бы добавочная прибыль, а вместе с ней и рента, а вместе с тем и цена водопада.

Установив таким образом общее понятие дифференциальной ренты, мы переходим теперь к рассмотрению ее в собственно земледелии. То, что будет сказано о земледелии, в общем относится и к рудникам.

* тем самым. *Pso.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ПЕРВАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ
(ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА I)

Рикардо вполне прав, высказывая следующее положение:

«Ренту» (то есть дифференциальную ренту; он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной) «всегда составляет разницу продукции, полученной при затрате двух одинаковых количеств капитала и труда» («On the Principles of Political Economy, and Taxation», London, 1821, p. 59).

Он должен был бы сказать еще: «на одинаковых по величине земельных участках», поскольку речь идет о земельной ренте, а не о добавочной прибыли вообще.

Иными словами: добавочная прибыль, если она создается нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам процесса обращения, всегда производится как разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках и дают неодинаковые результаты. Впрочем, нет безусловной необходимости в том, чтобы эта добавочная прибыль получалась от неодинаковых результатов одинаковых количеств занятого капитала. В различных предприятиях могут быть заняты и различной величины капиталы; в большинстве случаев так и бывает; но одинаковые пропорциональные части, например 100 ф. ст. каждого капитала, дают неодинаковые результаты, то есть норма прибыли различна. Это — общая предпосылка существования добавочной прибыли в любой отрасли приложения капитала вообще. Другое дело превращение этой добавочной прибыли в форму земельной ренты (вообще ренты как формы, отличной от прибыли); необходимо поэтому исследовать, когда, как и при каких обстоятельствах происходит это превращение.

Далее, Рикардо прав, высказывая следующее положение, поскольку оно ограничивается дифференциальной рентой:

«Все, что уменьшает разницу в продукте, полученном с той же или с новой земли, имеет тенденцию уменьшить ренту; а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию ее увеличить» (там же, стр. 74).

К числу этих причин относятся, однако, не только общие (плодородие и местоположение), но и 1) распределение налогов, смотря по тому, влияет ли оно равномерно или нет; последнее всегда имеет место, когда налоги не централизованы, как, например, в Англии, и когда налог взимается не с ренты, а с земли; 2) различия, вытекающие из неодинакового развития земледелия в различных районах страны, ибо эта отрасль производства, благодаря своему традиционному характеру, труднее нивелируется, чем промышленность, и 3) неравномерное распределение капитала между арендаторами. Так как проникновение капиталистического способа производства в земледелие, превращение крестьянина из самостоятельного хозяина в наемного рабочего, является в действительности последним завоеванием этого способа производства вообще, то эти различия здесь более значительны, чем в какой-либо другой отрасли производства.

После этих предварительных замечаний я хочу в кратких чертах высказать особенности моего понимания вопроса в отличие от Рикардо и др.

Мы рассмотрим сначала неодинаковые результаты одинаковых количеств капитала, примененных на различных земельных участках одинаковой величины, или на земельных участках неодинаковой величины, результаты, исчисленные по отношению к одинаковой земельной площади.

Две независимые от капитала общие причины этой неодинаковости результатов суть: 1) *Плодородие* (в связи с этим вопросом следует выяснить, что вообще и какие различные моменты подразумеваются под естественным плодородием земель). 2) *Местоположение* земельных участков. Последнее обстоятельство является решающим для колоний и вообще для последовательности, в которой могут вводиться в обработку земельные участки один за другим. Далее ясно, что эти два различных основания дифференциальной ренты, плодородие и местоположение, могут действовать в противоположном направлении. Земельный участок может быть очень хорошо расположен и быть весьма малоплодородным, и наоборот. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняет нам, почему при распашке земли в данной стране переход может совершаться точно так же от лучшей земли к худшей, как и наоборот. Наконец, ясно, что прогресс общественного производства вообще действует, с одной стороны, нивелирующим образом на местоположение [земельных участков] как на основание

дифференциальной ренты, создавая местные рынки, создавая местоположение благодаря проведению путей сообщения; а, с другой стороны, усиливает различия в местоположении земельных участков как вследствие отделения земледелия от промышленности, так и вследствие образования крупных центров производства наряду с обратной стороной этого явления: усилением относительной обособленности деревни [relative Vereinsamung des Landes].

Но сначала мы оставим этот пункт, местоположение земельного участка, в стороне и рассмотрим лишь естественное плодородие. Помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии обуславливается различием химического состава верхнего слоя почвы, то есть различным содержанием необходимых для растений питательных веществ. Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и в этом смысле одинакового естественного плодородия могут быть различны по своему действительному, эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в более или менее усвояемой форме, в зависимости от формы, которой определяется большая или меньшая непосредственная пригодность этих веществ для питания растений. Таким образом, отчасти от развития агрохимии, отчасти от развития механизации земледелия зависит, в какой степени на земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано. Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития химических и механических средств агрикультуры, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития. Как при помощи химических средств (например, применением жидких удобрений на плотной глинистой почве или же посредством известкования тяжелой глинистой почвы), так и при помощи механических средств (например, применением особых плугов для обработки тяжелых почв) могут быть устранены препятствия, делавшие одинаково плодородные почвы фактически менее плодородными (сюда же относится и дренаж почвы). Это может изменить и самое последовательность в обработке различных категорий почвы, как это наблюдалось, например, по отношению к легкой песчаной и тяжелой глинистой почвам в один из периодов развития английского земледелия. Это опять-таки показывает, каким образом исторически — с прогрессом земледельческой культуры — переход может совершаться как от более плодородных земель к менее плодородным, так и обратно. Одинаковые результаты могут быть достигнуты также посредством искусственно произведенных улучшений в составе почвы или просто благодаря изменениям в методах земледелия. Наконец, тот же результат может получиться вследствие

изменения типа почвы в силу различных условий подпочвы, раз последняя также вовлекается в обработку и присоединяется к пахотному горизонту. Обусловливается это отчасти применением новых земледельческих методов (например, возделыванием кормовых трав), отчасти применением механических средств, при помощи которых подпочва превращается в верхний слой почвы, или смешиваясь с ним, или же подвергается рыхлению, не перемещаясь на поверхность.

Все эти влияния на дифференциальное плодородие различных земель означают, что с точки зрения экономического плодородия степень производительности труда, в данном случае способность земледелия непосредственно использовать естественное плодородие почвы, — способность, которая различна на различных ступенях развития, — представляет собой такой же момент так называемого естественного плодородия почвы, как ее химический состав и другие ее природные свойства.

Итак, мы предполагаем определенную ступень развития земледелия. Мы предполагаем далее, что последовательность, в которой различного рода земли располагаются по своему достоинству, соотносится с этой ступенью развития, как это, несомненно, всегда имеет место по отношению к затратам капитала, производимым на различных землях в одно и то же время. В таком случае дифференциальная рента может быть представлена по восходящей или нисходящей линии, потому что хотя порядок перехода дан для всей совокупности действительно возделываемых земель, однако никогда не прекращалось последовательное движение, в котором данный порядок складывался.

Представим четыре категории земли: *A*, *B*, *C*, *D*. Предположим далее, что цена квартера пшеницы = 3 ф. ст., или 60 шиллингам. Так как рента есть просто дифференциальная рента, то эта цена в 60 шилл. за квартал равняется на самой плохой почве цене производства [*Produktionskosten*]⁶⁸, то есть равняется [затраченному] капиталу плюс средняя прибыль.

Пусть *A* будет этой самой плохой землей, которая на 50 шилл. затрат дает 1 квартал = 60 шилл., следовательно, прибыль составляет 10 шилл., или 20%.

Пусть земля *B* при тех же затратах дает 2 квартера = 120 шиллингам. Это дало бы 70 шилл. прибыли, или 60 шилл. добавочной прибыли.

Пусть земля *C* при тех же затратах дает 3 квартера = 180 шиллингам; вся прибыль = 130 шиллингам. Добавочная прибыль = 120 шиллингам.

Пусть земля *D* дает 4 квартера = 240 шилл., добавочная прибыль = 180 шиллингам.

В таком случае мы имели бы такую последовательность.

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Продукт		Аванси- рованный капитал	Прибыль		Рента	
	квар- теры	шил- линги		квар- теры	шил- линги	квар- теры	шил- линги
A.....	1	60	50	$\frac{1}{6}$	10	—	—
B.....	2	120	50	$1\frac{1}{6}$	70	1	60
C.....	3	180	50	$2\frac{1}{6}$	130	2	120
D.....	4	240	50	$3\frac{1}{6}$	190	3	180
Итого.....	10 кварт.	600 шилл.	—	—	—	6 кварт.	360 шилл.

Соответственно рента была бы для $D = 190$ шилл. — 10 шилл., или разности между D и A ; для $C = 130$ шилл. — 10 шилл., или разности между C и A ; для $B = 70$ шилл. — 10 шилл., или разности между B и A ; а совокупная рента для $B, C, D = 6$ кварталов = 360 шилл., что равняется сумме разностей между D и A , C и A , B и A .

Эта последовательность, представляющая данный продукт при данных условиях, может, если рассматривать дело абстрактно (а мы уже указали причины, по которым это может иметь место и в действительности), быть и по нисходящей линии (понижаясь от D к A , от плодородной земли ко все менее и менее плодородной), и по восходящей линии (восходящей от A к D , от относительно неплодородной ко все более плодородной земле) и, наконец, попеременно, то по нисходящей, то по восходящей линии, например, от D к C , от C к A , от A к B .

Процесс, совершившийся по нисходящей линии, был следующим: цена квартера постепенно повышается, скажем, с 15 до 60 шиллингов. Как только четырех кварталов (под этим можно подразумевать и миллионы), произведенных на земле D , оказалось уже недостаточно, цена пшеницы стала подниматься до тех пор, пока земля C не получила возможности восполнить недостаток предложения. То есть цена должна была подняться до 20 шилл. за квартал. Когда цена пшеницы поднялась до 30 шилл. за квартал, тогда в число обрабатываемых земель могла бы войти земля B , а поднимись она до 60 шилл., в число обрабатываемых земель могла бы войти и земля A , причем это не повело бы к тому, чтобы на затраченный для этого капитал пришлось довольствоваться нормой прибыли ниже 20%. Таким образом, для земли D образовалась бы рента сначала в 5 шилл. с квартера, что составило бы 20 шилл. на 4 квартера, которые эта земля производит; затем в 15 шилл. с квартера = 60 шилл., а затем в 45 шилл. с квартера = 180 шилл. за 4 квартера.

Если норма прибыли с *D* первоначально также равнялась 20%, то и вся прибыль с 4 кварталов была лишь 10 шилл., что, однако, при цене хлеба в 15 шилл. представляло большее количество хлеба, чем при цене в 60 шиллингов. Но так как хлеб входит в воспроизводство рабочей силы и из каждого квартала одна часть должна возмещать заработную плату, а другая — постоянный капитал, то при этом предположении прибавочная стоимость была бы выше, а следовательно, при прочих равных условиях выше была бы и норма прибыли. (Вопрос о норме прибыли подлежит еще особому и более детальному исследованию.)

Если, напротив, последовательность была обратная, если процесс начинался с *A*, то при вводе в оборот новой пашни цена квартала сначала поднялась бы выше 60 шиллингов; но так как необходимо предложение в 2 квартала было бы предъявлено со стороны *B*, то цена опять понизилась бы до 60 шиллингов; хотя земля *B* и производит квартал за 30 шилл., все же продается он за 60 шилл., так как его предложения хватило бы как раз только для того, чтобы покрыть спрос. Таким способом образовалась бы рента сначала в 60 шилл. для земли *B* и таким же путем для земель *C* и *D* при том же прежнем предположении, что хотя действительная стоимость, по которой оба они доставляют квартал пшеницы, равняется 20 и 15 шилл., рыночная цена все же остается 60 шилл., так как предложение одного квартала, доставляемого землей *A*, по-прежнему необходимо для удовлетворения всей потребности. В этом случае возрастание спроса сверх той величины потребности, которую сначала удовлетворяла земля *A*, затем земли *A* и *B*, могло бы повести не к последовательной обработке земель *B*, *C* и *D*, а к расширению площади обработки вообще, причем могло случиться, что более плодородные земли были бы введены в оборот лишь позднее.

В первом случае с увеличением цены рента стала бы повышаться, а норма прибыли уменьшаться. Это уменьшение могло бы совсем или отчасти парализоваться противодействующими обстоятельствами; на этом пункте нам позже придется остановиться подробнее. Не следует забывать, что общая норма прибыли не определяется прибавочной стоимостью во *всех* отраслях производства равномерно. Не земледельческая прибыль определяет промышленную, а наоборот⁶⁹. Но об этом дальше.

Во втором случае норма прибыли на затраченный капитал осталась бы прежняя; масса прибыли выразилась бы в меньшем количестве хлеба, но относительная цена последнего по сравнению с другими товарами повысилась бы. Но увеличение прибыли, когда оно происходит, попадает не в карманы арендаторов-предпринимателей и выступает не как увеличение прибыли, а в форме ренты обособляется от прибыли. Цена же хлеба при данном предположении осталась бы неизменной.

Движение и рост дифференциальной ренты одинаковы как при неизменяющихся, так и при повышающихся ценах и как при непрерывном прогрессе от худших земель к лучшим, так и при непрерывном регрессе от лучших к худшим землям.

До сих пор мы предполагали: 1) что цена при одной последовательности повышается, при другой — остается неизменной и 2) что постоянно совершается переход от лучших земель к худшим или обратно, от худших к лучшим.

Но предположим, что потребность в хлебе увеличилась с первоначальных 10 до 17 кварталов; далее, что наихудшая земля *A* вытеснена другой землей *A*, которая при цене производства в 60 шилл. (50 шилл. издержек + 10 шилл., составляющих 20% прибыли) дает $1\frac{1}{3}$ квартера, так что цена производства 1 квартера = 45 шилл., или же предположим, что прежняя земля *A* улучшилась вследствие постоянной рациональной обработки, или что она при неизменности издержек стала производительнее обрабатываться, например, вследствие введения в севооборот клевера и т. д., так что при том же авансированном капитале продукт ее увеличился до $1\frac{1}{3}$ квартера. Предположим далее, что земли *B*, *C*, *D* по-прежнему производят одно и то же количество продукта, но обработке подверглись новые земли *A'*, стоящие по своему плодородию между *A* и *B*, и далее *B'* и *B''*, стоящие по своему плодородию между *B* и *C*; в этом случае имели бы место следующие явления:

Во-первых: цена производства квартера пшеницы, или ее регулирующая рыночная цена, упала бы с 60 до 45 шилл., или на 25%.

Во-вторых: совершился бы одновременный переход от более плодородной земли к менее плодородной и от менее плодородной земли к более плодородной. Земля *A'* более плодородна, чем земля *A*, но менее плодородна, чем обрабатывавшиеся до сих пор земли *B*, *C*, *D*; а земли *B'*, *B''* более плодородны, чем земли *A*, *A'* и *B*, но менее плодородны, чем земли *C* и *D*. Следовательно, переход от одной земли к другой совершался бы в перекрещивающихся направлениях; обработке стала бы подвергаться не абсолютно неплодородная земля по сравнению с *A* и т. д., а относительно неплодородная по сравнению с землями *C* и *D*, которые до сих пор были наиболее плодородными; с другой стороны, переход совершился бы не к абсолютно более плодородной земле, а к относительно более плодородной по сравнению с землями *A*, — или землями *A* и *B*, — которые до сих пор были наименее плодородными.

В-третьих: произошло бы понижение ренты с земли *B*, а также с земель *C* и *D*; но общая сумма ренты, выраженная в хлебе, поднялась бы с 6 до $7\frac{2}{3}$ квартера; масса обрабатываемой и приносящей ренту земли увеличилась бы, а также увеличилась бы и масса продукта с 10 до 17 кварталов. Прибыль, хотя и осталась бы без перемены для земли *A*, однако выраженная в хлебе, она повысилась бы; возможно даже, что норма прибыли повысилась бы, так как по-

высилась бы относительная прибавочная стоимость. В этом случае вследствие удешевления жизненных средств уменьшилась бы заработная плата, следовательно, уменьшились бы расходы на переменный капитал, а потому и общие издержки. Вся сумма ренты, выраженная в деньгах, понизилась бы с 360 до 345 шиллингов.

Представим эту новую последовательность перехода.

ТАБЛИЦА II

Категория земли	Продукт		Затрата капитала	Прибыль		Рента		Цена производства за квартал
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги	
A	1 ¹ / ₃	60	50	2 ² / ₉	10	—	—	45 шилл.
A'	1 ² / ₃	75	50	5 ⁵ / ₉	25	1 ¹ / ₃	15	36 „
B	2	90	50	8 ⁸ / ₉	40	2 ² / ₃	30	30 „
B'	2 ¹ / ₃	105	50	12 ² / ₉	55	1	45	25 ⁵ / ₇ „
B''	2 ² / ₃	120	50	15 ⁵ / ₉	70	1 ¹ / ₃	60	22 ¹ / ₂ „
C	3	135	50	18 ⁸ / ₉	85	1 ² / ₃	75	20 „
D	4	180	50	28 ⁸ / ₉	130	2 ² / ₃	120	15 „
Итого	17	—	—	—	—	7 ² / ₃	345	—

Наконец, если бы по-прежнему продолжали возделываться только земли A, B, C, D, то их производительность возросла бы настолько, что земля A вместо 1 квартера давала бы 2, земля B вместо 2 кварталов — 4, земля C вместо 3 кварталов — 7 и земля D вместо 4 кварталов — 10, следовательно, если бы одни и те же причины различным образом повлияли бы на различного рода земли, то все производство повысилось бы с 10 до 23 кварталов. Если предположить, что спрос вследствие прироста населения и понижения цены поглотил бы эти 23 квартера, получился бы следующий результат:

ТАБЛИЦА III

Категория земли	Продукт		Затрата капитала	Цена производства квартера	Прибыль		Рента	
	квартеры	шиллинги			квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги
A	2	60	50	30	1 ¹ / ₃	10	0	0
B	4	120	50	15	2 ¹ / ₃	70	2	60
C	7	210	50	8 ⁴ / ₇	5 ¹ / ₃	160	5	150
D	10	300	50	6	8 ¹ / ₃	250	8	240
Итого	23	—	—	—	—	—	15	450

Цифры здесь, как и в остальных таблицах, произвольные, но предположения являются вполне рациональными.

Первое и основное предположение заключается в том, что улучшение в земледелии оказывает неравномерное действие на различные категории земли и в этом случае больше влияет на лучшие земли *C* и *D*, чем на земли *A* и *B*. Опыт показал, что, как правило, так и происходит, хотя может иметь место и обратный случай. Если бы улучшение больше влияло на худшие земли, чем на лучшие, то рента, получаемая с последних, понизилась бы, вместо того чтобы повыситься. — Но одновременно с абсолютным ростом плодородия всех категорий земли в таблице III предполагается сравнительно более высокий рост плодородия лучших категорий земель *C* и *D*, а потому увеличение разницы в продукте при той же затрате капитала, а потому и увеличение дифференциальной ренты.

Второе предположение заключается в том, что вместе с возрастанием всего продукта соответственно возрастает и общая потребность в нем. *Во-первых*, не следует представлять себе это возрастание совершающимся внезапно; оно происходит постепенно до тех пор, пока не установится ряд III [таблица III]. *Во-вторых*, неверно, будто бы потребление необходимых жизненных средств не возрастает с их удешевлением. Отмена хлебных законов⁷⁰ в Англии (см. Ньюмен⁷¹) доказала обратное, и противоположное представление возникло лишь вследствие того, что большие и внезапные различия в урожаях, объясняющиеся только метеорологическими причинами, вызывают то несоразмерное понижение, то несоразмерное повышение цен хлеба. Если в этом случае удешевление настолько внезапно и кратковременно, что не успевает оказать полного влияния на расширение потребления, то обратное явление наблюдается в том случае, когда удешевление вытекает из уменьшения самой регулирующей цены производства, следовательно, имеет длительный характер. *В-третьих*, часть хлеба может быть потреблена в виде водки или пива. А возрастающее потребление обоих этих продуктов отнюдь не ограничено узкими пределами. *В-четвертых*, дело зависит отчасти от прироста населения, отчасти от того, что страна может быть экспортирующей хлеб, как Англия вплоть до середины XVIII века и позже, так что потребность регулируется границами не одного только национального потребления. *Наконец*, увеличение и удешевление производства пшеницы может иметь своим последствием то, что вместо ржи или овса основным средством питания массы народа делается пшеница и уже вследствие одного этого рынок для нее возрастает подобно тому, как при уменьшении количества продукта и увеличении его цены может произойти обратное явление. — При этих предположениях, следовательно, и при взятых нами цифрах ряд III [таблица III] дает тот результат, что цена понижается с 60 до 30 шилл. за квартал, то есть на 50%; производство по сравнению с рядом I [таблица I] возрастает

с 10 до 23 кварталов, то есть на 130%; рента, получаемая с земли *B*, остается без изменения; рента с земли *C* увеличивается на 25%, а с земли *D* — на $33\frac{1}{3}\%$; общая сумма ренты повышается с 18 до $22\frac{1}{2}$ ф. ст., то есть на 25%.

Сравним три таблицы (причем ряд I следует брать двояко: по восходящей линии от *A* к *D* и по нисходящей от *D* к *A*), которые можно рассматривать или как данные ступени, существующие при данном состоянии общества — например, рядом одна с другой в трех различных странах, — или как ступени, следующие одна за другой в различные периоды развития одной и той же страны; из такого сравнения следует:

1) Что ряд в своем законченном виде — каков бы ни был ход процесса его образования — всегда представляется по нисходящей линии; ибо при рассмотрении ренты всегда исходят сначала от земли, приносящей максимум ренты, и лишь в конце переходят к той земле, которая не приносит ренты.

2) Цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты, всегда является регулирующей рыночной ценой, хотя последняя в таблице I, отражающей восходящую линию, только потому остается неизменной, что в обработку вовлекается все время лучшая земля. В этом случае цена хлеба, произведенного на лучшей земле, становится регулирующей постольку, поскольку от количества продукта, произведенного на ней, зависит, в какой мере земля *A* остается регулирующей. Если бы производство на землях *B*, *C*, *D* превысило потребность, то земля *A* перестала бы играть регулирующую роль. Это и имел в виду Шторх, когда он признал лучшие земли регулируемыми⁷². В этом смысле английские цены хлеба регулируются американскими.

3) Дифференциальная рента происходит из различия в естественном плодородии почвы (здесь еще не принимается в расчет местоположение земельного участка), данного для каждой данной ступени развития земледелия, следовательно, из ограниченности размера лучших земель и из того обстоятельства, что одинаковые капиталы приходится затрачивать на обработку неодинаковых земель, которые, следовательно, при затрате одинакового капитала дают неодинаковое количество продукта.

4) Дифференциальная рента и градация дифференциальной ренты могут возникать как по нисходящей линии вследствие перехода от лучшей земли к худшей, так и, наоборот, по восходящей линии вследствие перехода от худшей к лучшей, а также в меняющихся, перекрещивающихся направлениях. (Ряд I может образоваться посредством перехода как от *D* к *A*, так и от *A* к *D*. Ряд II [таблица II] охватывает оба рода движения.)

5) В зависимости от различных способов ее образования дифференциальная рента может возникать при постоянной, повышающейся и понижающейся цене земледельческого продукта.

При понижающейся цене общее производство и общая сумма ренты могут повыситься, и на земельных участках, не приносящих до сих пор ренты, последняя может образоваться несмотря на то, что худшая земля *A* вытеснена лучшей или сама улучшилась и что рента с других лучших и даже наилучших категорий земли понижается (таблица II); этот процесс может быть также связан с понижением общей суммы ренты (выраженной в деньгах). Наконец, при понижении цен, обусловленном общим таким повышением культуры земледелия, когда количество и цена продукта с наихудшей земли уменьшаются, рента с части лучших земель может остаться без изменений или уменьшиться, тогда как рента с наилучших земель может возрасти. Как бы то ни было, если разность масс продукта дана, дифференциальная рента со всякой земли, по сравнению с наихудшей землей, зависит от цены, например, квартера пшеницы. Но если дана цена, дифференциальная рента зависит от величины разности между массами продукта, и если при повышении абсолютного плодородия всей земли плодородие лучших видов ее повышается сравнительно больше, чем плодородие худших, то вместе с этим возрастает и величина этой разности. Так (таблица I), при цене в 60 шилл. рента с земли *D* определяется разницей в продукте по сравнению с продуктом земли *A*, то есть избытком в 3 квартера; поэтому рента = $3 \times 60 = 180$ шиллингам. Но в таблице III, где цена = 30 шилл., она определяется избытком продукта с земли *D* по сравнению с продуктом земли *A*, который равен 8 квартерам, что уже составляет ренту в $8 \times 30 = 240$ шиллингам.

Таким образом, отпадает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Уэста, Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход ко все худшей и худшей земле, или же постоянно уменьшающуюся производительность земледелия⁷³. Дифференциальная рента, как мы видели, может иметь место при переходе ко все лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая земля вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство категорий земли. Поскольку дело касается развития производительности, — постольку дифференциальная рента предполагает, что повышение абсолютного плодородия всей сельскохозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает.

С начала и до середины XVIII века в Англии, несмотря на понижающуюся цену золота и серебра, происходило непрерывное падение цен хлеба одновременно (если рассматривать весь период) с ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой зе-

мельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I, комбинированной с таблицей II по восходящей линии, но таким образом, что худшая земля A или подвергается улучшению или исключается из числа земель, находящихся под зерновыми культурами; это, конечно, не означает, что она не используется для других сельскохозяйственных или промышленных целей.

С начала XIX века (следует точнее обозначить время) до 1815 г. имело место непрерывное повышение хлебных цен одновременно с постоянным ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I по нисходящей линии. (Здесь следует привести цитату относительно обработки худших земель в то время.)

В эпоху Петти и Давенанта наблюдаются жалобы сельского населения и землевладельцев по поводу улучшений и распахки целины; наблюдается понижение ренты с лучших земель, повышение общей суммы ренты вследствие расширения площади земли, приносящей ренту.

(К этим трем пунктам привести потом дальнейшие цитаты, а также данные о различии в плодородии различных частей возделываемой земли в стране.)

Когда мы говорим о дифференциальной ренте, то следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства массы продуктов. Возьмем, например, таблицу I. 10 кварталов всего продукта продаются за 600 шилл., так как рыночная цена определяется ценой производства на земле A, которая составляет 60 шилл. с квартера. Действительная же цена производства такова:

A.....	1 квартал = 60 шилл.	1 квартал = 60 шилл.
B.....	2 квартера = 60 шилл.	1 квартал = 30 шилл.
C.....	3 квартера = 60 шилл.	1 квартал = 20 шилл.
D.....	4 квартера = 60 шилл.	1 квартал = 15 шилл.

10 кварталов = 240 шилл.

Средняя цена
1 квартера = 24 шилл.

Действительная цена производства 10 кварталов равняется 240 шиллингам; они продаются за 600, то есть в $2\frac{1}{2}$ раза дороже. Действительная средняя цена 1 квартера равняется 24 шиллингам; рыночная цена равняется 60 шилл., то есть тоже в $2\frac{1}{2}$ раза дороже.

Перед нами определение [рыночной цены] рыночной стоимостью в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляет себя при посредстве конкуренции; эта последняя порождает ложную социальную стоимость. Это

вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определение рыночной стоимости продуктов, следовательно, и земледельческих продуктов, есть общественный акт, хотя и общественно бессознательный и непреднамеренный, акт, необходимо покоящийся на меновой стоимости продукта, а не на качестве земли и различии в ее плодородии. Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 кварталов будут представлять собой количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в $2\frac{1}{2}$ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли. Это оказало бы совершенно такое же влияние, как удешевление продукта на такую же сумму вследствие иностранного ввоза. Поэтому насколько справедливо утверждение, что — при условии сохранения современного способа производства, но при том предположении, что дифференциальная рента перейдет к государству, — цены земледельческих продуктов при прочих равных условиях остались бы прежние, настолько же ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя. Одинаковость рыночной цены однородных товаров есть способ, посредством которого на базисе капиталистического способа производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными лицами, проявляется общественный характер стоимости. То, что общество, рассматриваемое как потребитель, переплачивает за продукты земли, то, что составляет минус при реализации его рабочего времени в земледельческом продукте, — составляет теперь плюс для одной части общества, для земельных собственников.

Другое обстоятельство, важное для понимания того, что будет изложено в следующей главе при рассмотрении дифференциальной ренты II, таково:

Речь идет не только о ренте с акра или гектара, не только вообще о различии между ценой производства и рыночной ценой, или между индивидуальной и общей ценой производства на акр, но также и о том, сколько акров каждой категории земли подвергается обработке. Здесь непосредственно важна лишь величина общей суммы ренты, то есть совокупной ренты, получаемой со всей обрабатываемой площади; но это служит для нас в то же время переходом к исследованию того, как повышается *норма ренты*, когда не увеличиваются ни цены, ни различия в относительном плодородии различных категорий земли при понижающихся ценах. Выше у нас было:

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Акры	Цена производства	Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
A	1	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B	1	3 » »	2 »	1 кварт.	3 ф. ст.
C	1	3 » »	3 »	2 »	6 » »
D	1	3 » »	4 »	3 »	9 » »
Сумма...	4 акра	—	10 кварт.	6 кварт.	18 ф. ст.

Предположим теперь, что обрабатываемая площадь по каждой категории удвоилась; в таком случае мы имеем:

ТАБЛИЦА Ia

Категория земли	Акры	Цена производства	Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
A	2	6 ф. ст.	2 кварт.	0	0
B	2	6 » »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C	2	6 » »	6 »	4 »	12 » »
D	2	6 » »	8 »	6 »	18 » »
Сумма...	8 акров	—	20 кварт.	12 кварт.	36 ф. ст.

Предположим еще два случая: первый, когда производство расширяется на двух худших землях таким образом:

ТАБЛИЦА Ib

Категория земли	Акры	Цена производства		Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
		на акр	всего			
A	4	3 ф. ст.	12 ф. ст.	4 кварт.	0	0
B	4	3 » »	12 » »	8 »	4 кварт.	12 ф. ст.
C	2	3 » »	6 » »	6 »	4 »	12 » »
D	2	3 » »	6 » »	8 »	6 »	18 » »
Сумма	12 акров	—	36 ф. ст.	26 кварт.	14 кварт.	42 ф. ст.

и, наконец, тот случай, когда расширение производства и возделываемой площади по четырем категориям земли происходит неравномерно:

ТАБЛИЦА 1с

Категория земли	Акры	Цена производства		Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
		на акр	всего			
A	1	3 ф. ст.	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B	2	3 » »	6 » »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C	5	3 » »	15 » »	15 »	10 »	30 » »
D	4	3 » »	12 » »	16 »	12 »	36 » »
Сумма	12 акров	-	36 ф. ст.	36 кварт.	24 кварт.	72 ф. ст.

Прежде всего во всех этих случаях I, Ia, Ib, Ic рента с 1 акра остается одна и та же, так как фактически продукт одинаковой массы капитала на акр земли одной и той же категории остался неизменным; предположено только, — и это в каждый момент происходит в любой стране, — что земли различных категорий находятся в определенном отношении ко всей возделываемой земле; и предположено, — а это постоянно имеет место в двух странах при сравнении их одна с другой или в одной и той же стране в различные периоды ее развития, — что изменяется отношение, в котором вся возделываемая земельная площадь распределяется между различными категориями земли.

При сравнении таблиц Ia и I мы видим, что если обрабатываемая площадь земель всех четырех категорий возрастает в одинаковой пропорции, то с удвоением этой площади удваивается все производство, а также хлебная и денежная ренты.

Но при последовательном сравнении случаев Ib и Ic с I мы найдем, что в обоих случаях площадь обрабатываемой земли увеличивается втрое. В обоих случаях она увеличивается с 4 до 12 акров, но в Ib наибольшее увеличение происходит по категориям земли A и B, из которых земля A не приносит никакой ренты, а земля B — наименьшую дифференциальную ренту: из 8 вновь возделываемых акров на долю земли A и земли B приходится по 3, итого 6 акров, тогда как на землю C и землю D приходится лишь по 1 акру, всего 2. Другими словами: $\frac{3}{4}$ прироста приходится на земли A и B и лишь $\frac{1}{4}$ на земли C и D. При таких данных в Ib по сравнению с I увеличению в три раза площади возделанной земли не соответствует такое же увеличение продукта, так как количество его увеличилось с 10 не до 30, а лишь до 26. С другой стороны, так как значительная часть прироста приходится на землю A, которая не приносит ренты, а большая часть прироста, совер-

шившегося на лучших землях, приходится на землю *B*, то хлебная рента увеличилась лишь с 6 до 14 кварталов, а денежная рента — с 18 до 42 фунтов стерлингов.

Если мы, напротив, сравним *Ic* с *I*, то есть случай, когда площадь земли, не приносящей ренты, совсем не увеличивается в раз-
мере, земля, приносящая минимальную ренту, увеличивается по площади лишь незначительно, тогда как наибольший прирост падает на земли *C* и *D*, то мы увидим, что при увеличении площади возделанной земли в три раза производство возросло с 10 до 36 кварталов, то есть более чем в три раза; хлебная рента увеличилась с 6 до 24 кварталов, или в четыре раза, и во столько же раз увеличилась денежная рента: с 18 до 72 фунтов стерлингов.

Во всех этих случаях цена сельскохозяйственного продукта остается в сущности неизменной: во всех случаях общая сумма ренты возрастает с расширением обрабатываемой земли, поскольку оно происходит не исключительно за счет худшей земли, не приносящей никакой ренты. Но рост этот различен. В той мере, в какой расширение происходит за счет лучших категорий земли и, следовательно, масса продукта растет не только пропорционально увеличению земельной площади, но быстрее, в такой же мере увеличивается и хлебная и денежная ренты. В той мере, в какой расширение происходит преимущественно за счет наихудшей земли и на близких к ней категориях земли (причем предполагается, что категория наихудшей земли не претерпевает изменений), общая сумма ренты не увеличивается пропорционально расширению обрабатываемой площади. Следовательно, если даны две страны, в которых не приносящая ренты земля *A* одинакова по качеству, то сумма ренты будет находиться в обратном отношении к той соответственной доле, которую в общей площади возделанной земли составляют наихудшая и худшие категории почвы, а потому и в обратном отношении к массе продукта, получающейся при одинаковой затрате капитала на равновеликую общую площадь земли. Таким образом, отношение между количеством обрабатываемой земли наихудшего качества и количеством земли наилучшего качества в пределах всей земельной площади страны оказывает на общую сумму ренты влияние, обратное тому, какое оказывает отношение между качеством наихудшей из возделываемых земель и качеством лучшей и наилучшей на ренту с акра и, следовательно, при прочих равных условиях и на сумму ренты. Смещение этих двух моментов дало повод к всевозможным нелепым возражениям против теории дифференциальной ренты.

Итак, общая сумма ренты возрастает уже вследствие одного расширения площади обрабатываемой земли и связанного с этим расширением увеличенного приложения капитала и труда к земле.

Но наиболее важным пунктом является такой: хотя, согласно предположению, отношение рент с различных категорий земли,

в расчете на акр, не изменяется, а потому не изменяется и норма ренты по отношению к капиталу, затраченному на каждый акр, однако оказывается следующее: если мы сравним Ia с I — случай, когда обрабатываемая площадь и произведенная затрата капитала увеличились пропорционально, — то мы найдем, что так же, как общее производство возросло пропорционально увеличившейся площади возделанной земли — и то и другое удвоились, — возросла и общая сумма ренты. Она увеличилась с 18 до 36 ф. ст., совершенно так же, как число акров, увеличившееся с 4 до 8.

Если мы возьмем общую площадь в 4 акра, то общая сумма ренты с них составит 18 ф. ст., следовательно, средняя рента, принимаемая в расчет землю, которая не приносит ренты, составит $4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Такой расчет мог бы сделать, например, какой-нибудь земельный собственник, которому принадлежали бы все 4 акра; и таким же образом статистика исчисляет среднюю ренту всей страны. Общая сумма ренты в 18 ф. ст. получается при применении капитала в 10 фунтов стерлингов. Отношение между обоими этими числами мы называем нормой ренты; в данном случае она составляет, следовательно, 180%.

Та же норма ренты получается в случае Ia, когда вместо 4 акров возделывается 8, но все категории земли в одинаковом отношении участвуют в приросте. Общая сумма ренты в 36 ф. ст. дает при 8 акрах и 20 ф. ст. затраченного капитала среднюю ренту в $4\frac{1}{2}$ ф. ст. с акра и норму ренты в 180%.

Если же мы, напротив, рассмотрим случай Ib, когда прирост произошел главным образом на двух худших категориях земли, то мы получим ренту в 42 ф. ст. с 12 акров, то есть среднюю ренту в $3\frac{1}{2}$ ф. ст. с акра. Весь затраченный капитал = 30 ф. ст., следовательно, норма ренты = 140%. Таким образом, средняя рента с акра уменьшилась на 1 ф. ст., а норма ренты упала со 180% до 140%. Следовательно, при возрастании общей суммы ренты с 18 до 42 ф. ст. здесь происходит понижение средней ренты, исчисленной как на акр, так и на капитал; понижение параллельное, но не пропорциональное возрастанию производства. Это происходит несмотря на то, что рента по всем категориям земли, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, остается прежняя. Причина заключается в том, что $\frac{3}{4}$ прироста приходится на землю A, не дающую ренты, и на землю B, дающую лишь минимальную ренту.

Если бы в случае Ib все расширение ограничилось лишь землей A, то мы имели бы 9 акров на земле A, 1 на земле B, 1 на земле C и 1 на земле D. Общая сумма ренты по-прежнему была бы 18 ф. ст., а следовательно, средняя рента с акра на этих 12 акрах равнялась бы $1\frac{1}{2}$ фунта стерлингов; 18 ф. ст. ренты на 30 ф. ст. затраченного капитала составляли бы норму ренты в 60%. Средняя рента, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал,

сильно уменьшилась бы, тогда как общая сумма ренты не возросла бы.

Сравним, наконец, случаи Ic с I и Ib. По сравнению с I земельная площадь увеличилась втрое и так же увеличился затраченный капитал. Общая сумма ренты = 72 ф. ст. с 12 акров, то есть 6 ф. ст. с акра вместо $4\frac{1}{2}$ ф. ст. в случае I. Норма ренты на затраченный капитал (72 ф. ст.: 30 ф. ст.) составляет 240% вместо 180%. Весь продукт увеличился с 10 до 36 кварталов.

По сравнению с Ib земельная площадь, затраченный капитал и разность между возделанными категориями земли остались прежние, но распределение будет иное. Здесь продукт = 36 кварталам вместо 26 кварталов, средняя рента с акра = 6 ф. ст. вместо $3\frac{1}{2}$ и норма ренты по отношению ко всему авансированному капиталу той же величины = 240% вместо 140%.

Как бы мы ни стали рассматривать различные положения, изображенные в таблицах Ia, Ib, Ic, — как положения, одновременно существующие одно возле другого в различных странах, или как последовательные положения в одной и той же стране, — мы приходим к следующим выводам: при постоянной цене хлеба — постоянной потому, что продукт с наихудшей, не приносящей ренты земли остается тот же; при неизменяющемся различии в плодородии различных категорий возделываемой земли; следовательно, при соответственно одинаковом количестве продукта при равных затратах капитала на равной площади каждой из категорий обрабатываемой земли; при постоянном вследствие этого отношении между рентами с акра каждой категории земли и при одинаковой норме ренты на капитал, вложенный в каждый участок земли одной и той же категории: *во-первых*, сумма ренты всегда возрастает с расширением возделываемой площади, а следовательно, с увеличением затраты капитала, за исключением того случая, когда весь прирост приходится на долю не приносящей ренты земли. *Во-вторых*, как средняя рента на акр (общая сумма ренты, деленная на все число обрабатываемых акров), так и средняя норма ренты (общая сумма ренты, деленная на весь затраченный капитал) могут весьма значительно изменяться, и притом в одном направлении, но в различной мере одна по отношению к другой. Если не принимать во внимание того случая, когда расширение происходит лишь за счет земли А, не приносящей ренты, то оказывается, что средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал, вложенный в земледелие, зависят от того, какую долю всей возделываемой земли составляют земли различных категорий; или, что сводится к тому же, от распределения всего затраченного капитала между землями различного плодородия. Много ли, мало ли земли обрабатывается в стране и в зависимости от этого (за исключением того случая, когда расширение приходится лишь на долю земли А) больше ли, меньше ли общая сумма ренты, — средняя

рента на акр и средняя норма ренты на примененный капитал остаются без изменения до тех пор, пока не изменятся пропорции различных категорий земли во всей возделываемой площади. Несмотря на повышение и даже значительное повышение общей суммы ренты, совершающееся с расширением обрабатываемой площади и увеличением затраты капитала, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал понижаются, если земельные участки, не приносящие ренты или приносящие лишь незначительную дифференциальную ренту, возрастают быстрее лучших, приносящих большую ренту земельных участков. Наоборот, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал повышаются по мере того, как лучшие земли начинают составлять относительно большую долю всей площади и на их долю поэтому приходится относительно большая затрата капитала.

Таким образом, если рассматривать среднюю ренту на акр или гектар всей возделываемой земли, как это обычно делается в статистических работах при сравнении различных стран в одну и ту же эпоху или различных эпох в одной и той же стране, то оказывается, что средняя высота ренты на акр, а потому и общая сумма ренты в известной мере (хотя отнюдь не в той же, а в значительно большей мере) соответствует не относительному, а абсолютному плодородию земледелия в стране, то есть соответствует массе продуктов, получаемых в среднем с одинаковой земельной площади. Ибо чем большую долю общей площади составляют лучшие категории почвы, тем больше масса продуктов при одинаковой затрате капитала с земельной площади одинаковой величины и тем больше средняя рента на акр. При противоположном условии имеет место обратное. Вследствие этого кажется, что рента определяется не отношением дифференциального плодородия, а абсолютным плодородием, и что таким образом закон дифференциальной ренты уничтожается. Поэтому некоторые явления отрицаются или их пытаются объяснить несуществующими различиями средних хлебных цен и дифференциального плодородия возделываемых участков земли, — явления, основанные просто на том, что отношение общей суммы ренты как ко всей площади обрабатываемой земли, так и ко всему капиталу, вложенному в землю, при одинаковом плодородии не приносящей ренты земли, а потому и при одинаковых ценах производства и при одинаковой разнице между различными категориями земли, определяется не только рентой, получаемой на акр, или нормой ренты на капитал, но также и отношением площади земли каждой категории к общей обрабатываемой площади, или, что сводится к тому же, распределением всего затраченного капитала между различными категориями земли. До сих пор на это обстоятельство странным образом совершенно не обращали внимания. Во всяком случае оказывается, и это важно для дальнейшего хода нашего исследования, что относительная высота

средней ренты на акр и средняя норма ренты, или отношение общей суммы ренты ко всему вложенному в землю капиталу, могут увеличиваться или уменьшаться просто вследствие экстенсивного расширения обрабатываемой площади при неизменяющихся ценах, неизменяющемся различии в плодородии возделываемых участков земли и неизменяющейся ренте с акра, или норме ренты на капитал, затраченный на акр по каждой действительно приносящей ренту категории земли, то есть на весь капитал, действительно приносящий ренту.

Необходимо сделать еще следующие дополнения относительно той формы дифференциальной ренты, которая исследована у нас под рубрикой I; они отчасти имеют значение и для дифференциальной ренты II.

Во-первых: мы видели, как средняя рента с акра или средняя норма ренты на капитал может повыситься при расширении площади обрабатываемой земли, постоянных ценах и неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых земельных участков. Когда вся земля в какой-либо стране уже присвоена, капиталовложения в землю, культура и население достигли определенной высоты, — условия, наличие которых предполагается, раз капиталистический способ производства стал господствующим, подчинив себе и земледелие, — цена необработанной земли различного качества (предполагая существование лишь дифференциальной ренты) определяется ценой возделанных участков земли одинакового качества и одинаково удобных в смысле расположения. Цена этой земли такая же — за вычетом присоединяющихся к ней издержек по распашке, — хотя она и не приносит ренты. Конечно, цена земли есть не что иное, как капитализированная рента. Но и в цене возделанных земельных участков оплачиваются лишь будущие ренты, например, сразу уплачиваются вперед ренты за двадцать лет, если определяющая процентная ставка = 5%. Раз продается земля, она продается как приносящая ренту, и перспективный характер ренты (которая рассматривается здесь как продукт земли, чем она является только по видимости) не делает разницы между невозделанной землей и возделанной. Цена невозделанных участков земли, как и рента с них, концентрированное выражение которой представляет цена земли, чисто иллюзорна, пока эти участки не будут действительно использованы. Но она определяется таким образом *a priori** и реализуется, когда найдутся покупатели. Поэтому, если действительная средняя рента в известной стране определяется действительной средней годовой суммой ренты и отношением этой последней ко всей возделываемой площади, то цена невозде-

* — заранее. *Ред.*

ланной части земельной площади определяется ценой возделанной и является поэтому лишь отражением затраты капитала и ее результатов на возделанных земельных участках. Так как все категории земли, за исключением наихудшей, приносят ренту (а эта рента, как мы увидим при рассмотрении дифференциальной ренты II, возрастает вместе с массой капитала и соответствующей этой массе интенсивностью обработки), то благодаря этому образуется номинальная цена для невозделанных земель, которые таким образом становятся товаром, источником богатства для их владельцев. Этим же объясняется, почему возрастает цена земли всей области, включая сюда и невозделанную землю (Опдайк⁷⁴). Земельная спекуляция, например в Соединенных Штатах Америки, основана лишь на этом отражении, которое капитал и труд отбрасывают на невозделанную землю.

Во-вторых: процесс расширения возделываемой земли вообще совершается или путем перехода к худшей земле или на различных имеющихся категориях земли в различных пропорциях в зависимости от того, что имеется в наличности. Переход к худшей земле, конечно, никогда не совершается по доброй воле, а может быть лишь, — предполагая капиталистический способ производства, — следствием повышения цен, а при всяком способе производства — лишь результатом необходимости. Но это не имеет безусловного значения. Худшей земле оказывается предпочтение перед относительно лучшей землей вследствие ее местоположения, которое имеет решающее значение при всяком расширении обрабатываемой площади в молодых странах; далее, вследствие того, что, хотя земля определенного района в целом принадлежит к числу более плодородных, все же местами встречаются земли лучшего и худшего качества, и худшую землю приходится обрабатывать уже по одному тому, что она находится в непосредственной близости к лучшей. Если худшая земля вклинивается отдельными участками в лучшую, то соседство с последней создает худшей земле преимущество по сравнению с землей более плодородной, но не прилегающей к обработанной или подлежащей обработке земле.

Так, штат Мичиган среди западных штатов начал вывозить хлеб одним из первых. Почва его в общем скудна. Но соседство со штатом Нью-Йорк и водное сообщение по озерам и каналу Эри сначала давали ему преимущество перед более плодородными от природы штатами, находящимися далее к западу. Пример этого штата по сравнению со штатом Нью-Йорк может также служить иллюстрацией перехода от лучшей к худшей земле. Почвы штата Нью-Йорк, в частности в его западной части, несравненно плодороднее, в особенности при культуре пшеницы. Хищнической обработкой эта плодородная земля была превращена в неплодородную, и почвы Мичигана оказались теперь плодороднее.

«В 1838 г. через Буффало перевозили по воде пшеничную муку на запад, главным образом из производящих пшеницу районов штата Нью-Йорк и Верхней Канады. В настоящее время, спустя лишь 12 лет, громадные запасы пшеницы и муки с запада привозят по озерам и каналу Эри через Буффало и соседнюю гавань Блэкрок для отправки водным путем на восток. Экспорт пшеницы и муки особенно стимулировался голодом в Европе в 1847 году. Вследствие этого пшеница на западе штата Нью-Йорк стала дешевле и возделывание ее сделалось менее выгодным; это побудило нью-йоркских фермеров больше заниматься животноводством, производством молочных продуктов, плодоводством и т. д., то есть такими отраслями, в которых, по их мнению, северо-запад будет не в состоянии непосредственно конкурировать с ними» (J. W. Johnston. «Notes on North America». Vol. I. London, 1851, p. 222—223).

В-третьих: неправильно предполагать, что земли в колониях и вообще в молодых странах, которые могут вывозить хлеб по более дешевой цене, непременно отличаются большим естественным плодородием. Хлеб продается в данном случае не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства, а именно ниже цены производства, определяемой средней нормой прибыли в более старых странах.

Если у нас, как говорит Джонстон (там же, стр. 223),

«с этими новыми штатами, из которых ежегодно подвозят в Буффало такие большие количества пшеницы, по привычке связывается представление о большом природном плодородии и беспредельном пространстве богатой земли»,

то это зависит прежде всего от экономических условий. Все население такого штата, как, например, Мичиган, занималось вначале почти исключительно сельским хозяйством и специально массовыми продуктами его, так как только их можно было обменивать на промышленные товары и на продукты из тропиков. Весь его избыточный продукт поэтому — исключительно хлеб. Уже этим прежде всего отличаются колонии, основанные на базе современного мирового рынка, от прежних и в особенности от колоний античного мира. Современные колонии получают через посредство мирового рынка готовыми те продукты, которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготавливать самим, как то: одежду, орудия и т. д. Только на такой основе южные штаты Союза и могли сделать хлопок своим основным продуктом. Разделение труда на мировом рынке дает им эту возможность. Если поэтому *кажется*, что они, принимая во внимание их молодость и относительно малочисленность населения, производят очень большой избыточный продукт, то этим они обязаны не плодородию их почв и не плодотворности труда проживающих в них людей, а односторонней форме их труда, а следовательно, и того избыточного продукта, в котором этот труд представлен.

Далее, в относительно менее плодородной пахотной земле, которая лишь недавно начала обрабатываться и еще не освоена в достаточной мере, при более или менее благоприятных климатических условиях бывает накоплено, во всяком случае в верхних слоях, настолько много легко растворимых веществ, необходимых

для питания растений, что она долгое время дает урожай, не требуя удобрений, даже при самой поверхностной обработке. Что касается западных прерий, следует добавить еще и то, что они почти не требуют никаких особых издержек на распашку целины, так как они пригодны для возделывания уже от природы ^{33а)}. В менее плодородных областях этого рода избыток получается не благодаря высокому плодородию почвы, то есть не благодаря высокому урожаю на акр, а благодаря большим площадям, которые могут быть подвергнуты поверхностной обработке, так как сама эта земля или ничего не стоит возделывателю или, по сравнению со старыми странами, стоит чрезвычайно дешево. Например, там, где существует издольщина, как в некоторых районах штатов Нью-Йорк, Мичиган и в Канаде и т. д. Одна семья обрабатывает, скажем, 100 акров, и, хотя количество продукта, получаемого с акра, невелико, со 100 акров это дает значительный избыток для продажи. К этому присоединяется еще почти даровое содержание скота на естественных пастбищах, без искусственных лугов. Решающее значение имеет здесь не качество, а количество земли. Возможность такой поверхностной обработки естественно исчерпывается со временем, — тем медленнее, чем плодороднее новая земля, и тем быстрее, чем больше вывоз ее продукта.

«И все же такая земля дает превосходные первые урожаи, даже урожаи пшеницы; тот, кто снимает первые сливки с земли, может доставить на рынок большой избыток пшеницы» (там же, стр. 224).

В странах старой культуры отношения собственности, цена невозделанной земли, определяемая ценой возделанной и т. д., делают невозможным подобного рода экстенсивное хозяйство.

Следующие данные показывают, что, вопреки мнению Рикардо, эта земля не должна быть непременно очень плодородной, а также что нет необходимости в том, чтобы возделывались категории земли, одинаковые по своему плодородию: в штате Мичиган в 1848 г. было засеяно пшеницей 465 900 акров и производилось 4 739 300 бушелей, или в среднем по $10\frac{1}{5}$ бушеля на акр; по вычете семян это дает менее 9 бушелей на акр. Из 29 округов штата 2 округа производили в среднем 7 бушелей, 3—8, 2—9, 7—10, 6—11, 3—12, 4—13 бушелей и лишь 1 округ — 16 бушелей и еще 1—18 бушелей на акр (там же, стр. 225).

Для земледельческой практики большее плодородие почвы совпадает с возможностью более интенсивного немедленного исполь-

^{33а)} [Быстро расширяющееся возделывание таких прерий и степных земель как раз превратило в последнее время напугавшее положение Мальтуса о том, что «население давит на средства существования» ⁷³⁾, в предмет детского смеха и в противоположность этому вызвало жалобы аграриев на то, что земледелие, а вместе с тем и Германия погибнут, если насильственными мерами не устранить жизненных средств, которые дают на население. Но обработка этих степей, прерий, пампасов, льяносов и т. д. едва лишь начинается: поэтому ее революционизирующее влияние на европейское сельское хозяйство будет со временем несравненно ощутительнее, чем оно было до сих пор. — Ф. Э.]

зования этого плодородия. Такая возможность может быть больше у бедной от природы почвы, чем у почвы от природы богатой; колонист же прежде всего возьмется за ту почву, которая предоставляет такого рода возможность, и при недостатке капитала он вынужден будет именно так поступить.

Наконец, освоение все больших площадей новых земель — оставляя в стороне только что рассмотренный случай, когда приходится прибегать к земле худшего качества, чем та, которая до тех пор возделывалась, — освоение различных категорий земли, начиная с земли *A* и до земли *D*, то есть, например, освоение больших площадей земель *B* и *C*, отнюдь не предполагает предварительного повышения цен на хлеб, подобно тому как ежегодное расширение, например, хлопчатобумажной промышленности не требует постоянного повышения цен на пряжу. Хотя значительное повышение или понижение рыночных цен оказывает влияние на объем производства, однако, оставляя это в стороне, и при средних ценах, не оказывающих на производство ни задерживающего, ни особо оживляющего влияния, в земледелии (как и во всех других отраслях производства, которые ведутся капиталистическим способом) постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения, а в колониях — постоянной иммиграцией. Потребности постоянно возрастают, и в предвидении этого все новые и новые капиталы постоянно вкладываются в новые земли, хотя и, в зависимости от обстоятельств, быть может, для производства разных земледельческих продуктов. К этому само по себе приводит образование новых капиталов. Что касается отдельного капиталиста, то объем своего производства он соразмеряет с имеющимся в его распоряжении капиталом, поскольку он еще сам в состоянии управлять своим капиталом. Он стремится лишь к тому, чтобы занять как можно больше места на рынке. Если произведено слишком много, то он обвинит в этом не себя, а своих конкурентов. Отдельный капиталист может расширять свое производство, как овладевая сравнительно большей частью существующего рынка, так и расширяя самый рынок.

ГЛАВА Сороковая

**ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ
(ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II). ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

До сих пор мы рассматривали дифференциальную ренту лишь как результат различной производительности одинаковых затрат капитала на равных земельных площадях различного плодородия, так что дифференциальная рента определялась разностью между продуктом капитала, вложенного в наихудшую, не приносящую ренты землю, и продуктом капитала, вложенного в лучшую землю. При этом мы предполагали, что капиталы затрачивались одновременно на различных участках земли, так что каждой новой затрате капитала соответствовал экстенсивный рост обработки земли, расширение возделываемой площади. Но по существу дифференциальная рента являлась в конце концов лишь результатом различной производительности равных капиталов, вложенных в землю. Рассмотрим теперь, будет ли какая-нибудь разница, если капиталы различной производительности вкладываются один после другого на одном и том же участке земли и если они вкладываются одновременно в различные участки земли, — если только предположить, что результаты одни и те же.

Прежде всего нельзя отрицать, что, поскольку речь идет об образовании добавочной прибыли, совершенно безразлично, дадут ли 3 ф. ст. цены производства на акр земли *A* продукт в 1 квартал, так что 3 ф. ст. будут ценой производства и регулирующей рыночной ценой 1 квартала, тогда как 3 ф. ст. цены производства на акр земли *B* дадут 2 квартала и, таким образом, добавочную прибыль в 3 ф. ст., а 3 ф. ст. цены производства на акр земли *C* дадут 3 квартала и 6 ф. ст. добавочной прибыли, и, наконец, 3 ф. ст. цены производства на акр земли *D* дадут 4 квартала и 9 ф. ст. добавочной прибыли; или же такой результат получится от того, что эти 12 ф. ст. цены производства, соответственно 10 ф. ст. капитала, будут затрачены с таким же успехом, в такой же последовательности на одном и том же акре. И в том и в другом случае капитал = 10 ф. ст., и стоимость его последовательно затрачивается частями в

$2\frac{1}{2}$ ф. ст., — или одновременно на 4 акрах земли различного плодородия или же одна после другой на одном и том же акре, — а из этих частей, так как продукт их различен, одна не дает добавочной прибыли, между тем как другие дают добавочную прибыль, соответствующую разности между их продуктом и продуктом той затраты, которая не приносит ренты.

Добавочные прибыли и различные нормы добавочной прибыли с различных частей капитала образуются в обоих случаях одинаково. Рента же есть не что иное, как форма этой добавочной прибыли, образующей ее субстанцию. Но во всяком случае второй способ [образования добавочной прибыли] сопряжен с трудностями при превращении добавочной прибыли в ренту, этом изменении формы, которое предполагает передачу дополнительной прибыли капиталистическим арендатором собственнику земли. Вот почему английские арендаторы оказывают такое упорное сопротивление официальной сельскохозяйственной статистике. Отсюда же борьба, которую они ведут с земельными собственниками из-за установления действительных результатов их капиталовложений (Мортон). Дело в том, что величина ренты устанавливается при аренде земель, и после этого добавочная прибыль, получаемая от последовательных затрат капитала, поступает в карман арендатора вплоть до окончания срока арендного договора. Отсюда борьба арендаторов за арендные договоры на длительный срок и, наоборот, увеличение числа ежегодно расторгаемых договоров (*tenancies at will*) вследствие превосходства сил земельных собственников.

Поэтому ясно с самого начала: если для закона образования добавочной прибыли безразлично, вложены ли равные капиталы с различными результатами одновременно в земельные участки равной величины или последовательно друг за другом в один и тот же участок земли, то для превращения добавочной прибыли в земельную ренту это имеет существенное значение. Последний способ заключает это превращение, с одной стороны, в более узкие, с другой — в менее устойчивые границы. Поэтому в странах интенсивной культуры (а в экономическом смысле под интенсивной культурой мы понимаем не что иное, как концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого) работа таксатора, как показывает Мортон в своей работе «*Resources of Estates*», становится очень важной, сложной и трудной профессией. Поэтому при таких улучшениях земли, которые сохраняют свою силу в течение продолжительного времени, в случае, когда срок арендного договора истекает, искусственно повышенное дифференциальное плодородие земли совпадает с естественным, а потому и оценка размера ренты совпадает с определением ренты земель различного плодородия вообще. Напротив, в той мере, в какой

образование добавочной прибыли определяется величиной капитала, вложенного в дело, величина ренты, достигаемая при определенном размере вложенного капитала, приплюсовывается к средней ренте страны, и поэтому земельные собственники заботятся о том, чтобы новый арендатор располагал капиталом, достаточным для последующей обработки земли с прежней степенью интенсивности.

При рассмотрении дифференциальной ренты II необходимо отметить еще следующие пункты.

Во-первых: ее основой и исходным пунктом не только исторически, но и, поскольку речь идет об ее движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента I, то есть одновременное возделывание земельных участков, различных как по своему плодородию, так и по местоположению, то есть одновременное применение различных составных частей совокупного земледельческого капитала на землях различного качества.

Исторически это само собой разумеется. В колониях колонистам приходится затрачивать лишь незначительный капитал; главными агентами производства являются труд и земля. Каждый отдельный глава семьи старается создать для себя и своих родственников *поле деятельности, независимое от поля деятельности его собратьев-колонистов*. В собственно земледелии уже при докапиталистических способах производства дело должно было происходить вообще таким же образом. При овцеводстве и вообще животноводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер. Капиталистический способ производства вырастает из прежних способов производства, при которых средства производства фактически или юридически составляют собственность самого земледельца, словом, из кустарного сельскохозяйственного производства. По сути дела из последнего лишь постепенно развивается концентрация средств производства и превращение их в капитал, противостоящий непосредственным производителям, превращенным в наемных рабочих. Поскольку капиталистический способ производства выступает здесь со своими характерными чертами, это происходит в первую очередь в особенности в области овцеводства и животноводства; но проявляется это не в концентрации капитала на относительно небольшой площади земли, а в производстве в большем масштабе, благодаря чему достигается экономия на количестве лошадей и других издержках производства; в действительности здесь нет приложения большего капитала к одной и той же земле. Далее, в силу естественных законов земледелия при известной высоте культуры и соответствующем ей истощении поч-

вы капитал, понимаемый здесь также в смысле уже произведенных средств производства, становится решающим элементом земледелия. Пока возделываемая земля составляет небольшую площадь сравнительно с неводеланной и почва еще не истощена (а таково положение при преобладании животноводства и мясной пищи в период, предшествующий периоду преобладания собственно земледелия и растительной пищи), возникающий новый способ производства противостоит крестьянскому производству именно по размеру земельной площади, обрабатываемой на средства одного капиталиста, то есть опять-таки по экстенсивной затрате капитала на земельной площади больших размеров. Таким образом, с самого начала следует иметь в виду, что дифференциальная рента I является той исторической основой, которая служит исходным пунктом. С другой стороны, движение дифференциальной ренты II в каждый данный момент начинается лишь в такой области, которая сама, в свою очередь, служит мозаичной основой для дифференциальной ренты I.

Во-вторых: при дифференциальной ренте в форме II к различию плодородия присоединяются различия в распределении капитала (и кредитоспособности) между фермерами. В собственно промышленности для каждой отрасли производства скоро определяется минимум размера предприятия и соответственно этому минимум капитала, без которого нельзя успешно вести отдельное предприятие. Точно так же в каждой отрасли производства образуется стоящий выше этого минимума нормальный средний размер капитала, которым должно располагать и располагает большинство производителей. Капитал большего размера может дать сверхприбыль; меньшего размера — не дает и средней прибыли. Капиталистический способ производства лишь медленно и неравномерно захватывает сельское хозяйство, как это можно наблюдать в Англии, классической стране капиталистического способа производства в области земледелия. Поскольку не существует свободного ввоза хлеба или его влияние лишь ограничено, потому что размер ввоза ограничен, то рыночную цену определяют производители, работающие на худшей земле, то есть при условиях производства менее благоприятных, чем средние. Большая часть общей массы капитала, который применяется в сельском хозяйстве и которым оно вообще располагает, находится в их руках.

Верно, что крестьянин, например, затрачивает много труда на обработку своей маленькой парцеллы, но труда изолированного и лишенного объективных как общественных, так и материальных условий производительности.

Это обстоятельство приводит к тому, что настоящие капиталистические фермеры имеют возможность присваивать себе часть добавочной прибыли, что не имело бы места — по крайней мере, поскольку дело касается указанной причины, — если бы капита-

листический способ производства был так же равномерно развит в сельском хозяйстве, как в промышленности.

Рассмотрим сначала только образование добавочной прибыли при дифференциальной ренте II, не касаясь условий, при которых может совершиться превращение этой добавочной прибыли в земельную ренту.

В таком случае ясно, что дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с ней. Различие в плодородии различных земель влияет при дифференциальной ренте I лишь постольку, поскольку благодаря ему вложенные в землю капиталы дают неодинаковые результаты, неодинаковое количество продуктов на капиталы одинаковой величины или дают количество продуктов, не пропорциональное величине капиталов. Получается ли это неравенство для различных капиталов, затрачиваемых один за другим на одном и том же участке земли, или для капиталов, вкладываемых в несколько земельных участков различной по качеству земли, — это ничего не может изменить в различии плодородия земли или продукта, а потому и в образовании дифференциальной ренты с тех частей капитала, которые затрачены с большей продуктивностью. По-прежнему при равных затратах капитала земля обнаруживает различное плодородие, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных по величине частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной ренте I дают различные категории почвы при затрате одинаковой величины частей общественного капитала.

Предположим, что тот же капитал в 10 ф. ст., который затрачивался в таблице I* различными фермерами в виде самостоятельных капиталов по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на каждый акр четырех категорий земли A, B, C и D, вместо этого затрачивается последовательно на одном и том же акре земли D так, что первая затрата дала бы 4 квартера, вторая — 3, третья — 2 и последняя — 1 квартал (или же в обратной последовательности). В таком случае цена 1 квартера, получаемого от наименее доходной части капитала, равная 3 ф. ст., не приносила бы дифференциальной ренты, но определяла бы цену производства до тех пор, пока была бы еще необходимость в пшенице, цена производства которой = 3 фунтам стерлингов. А так как, согласно предположению, производство ведется капиталистически и, следовательно, цена в 3 ф. ст. включает в себе среднюю прибыль, приносимую вообще капиталом в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., то три остальные части по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. будут приносить, в зависимости от различия в количестве продукта, добавочную прибыль, так как этот продукт продается не по его цене производства, а по цене производства наименее доходной затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ фунта стерлингов, затраты,

* См. настоящий том, ч. 2, с. 182. *Ред.*

которая не приносит ренты, и цена продукта которой регулируется общим законом цен производства. Образование добавочной прибыли было бы такое же, как оно представлено в таблице 1.

Здесь снова оказывается, что дифференциальная рента II предполагает дифференциальную ренту I. Минимум продукта, который приносит капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., то есть капитал, вложенный в наихудшую землю, мы приняли здесь в 1 квартал. Следовательно, предполагается, что арендатор земли *D*, помимо тех $2\frac{1}{2}$ ф. ст., которые приносят ему 4 квартера, за что он уплачивает 3 квартера дифференциальной ренты, затрачивает на той же земле $2\frac{1}{2}$ ф. ст., которые приносят ему всего лишь 1 квартал, то есть столько же, сколько приносит капитал, вложенный в наихудшую землю *A*. В таком случае это была бы затрата капитала, не приносящая ренты, так как она принесла бы фермеру только среднюю прибыль. Здесь не было бы никакой добавочной прибыли, нечему было бы превращаться в ренту. Но, с другой стороны, это уменьшение продукта от второй затраты капитала на земле *D* не оказало бы никакого влияния на норму прибыли. Это было бы то же самое, как если бы $2\frac{1}{2}$ ф. ст. были вновь затрачены на какой-нибудь новый акр земли *A*, — обстоятельство, которое не оказало бы никакого влияния на добавочную прибыль, а следовательно, и на дифференциальную ренту с земель *A*, *B*, *C*, *D*. Для фермера же эта дополнительная затрата $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на земле *D* была бы выгодна как раз в такой же мере, как, согласно нашему предположению, затрата первоначальных $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на акр земли *D*, хотя она приносит 4 квартера. Если, далее, следующие две затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. каждая дадут ему: первая — 3, а вторая — 2 квартера дополнительного продукта, то имело бы место новое уменьшение продукта по сравнению с продуктом, полученным от первой затраты в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на земле *D*, которая дала 4 квартера, а потому 3 квартера добавочной прибыли. Но это было бы лишь уменьшением величины добавочной прибыли и не оказало бы никакого влияния ни на среднюю прибыль, ни на регулирующую цену производства. Такое влияние имело бы место только в том случае, если бы дополнительное производство, которое приносит пониженную добавочную прибыль, сделало излишним производство на земле *A* и таким образом исключило бы землю *A* из числа обрабатываемых земель. В этом случае с понижением продуктивности дополнительной затраты капитала на акре земли *D* было бы связано уменьшение цены производства, например, с 3 до $1\frac{1}{2}$ ф. ст., если бы землей, не приносящей ренты и регулирующей рыночную цену, сделался акр земли *B*.

Продукт с земли *D* был бы теперь = $4 + 1 + 3 + 2 = 10$ квартерам, тогда как прежде он был равен 4 квартерам. Но цена квартера, регулируемая ценой производства на земле *B*, уменьшилась бы до $1\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Разница между [продуктами земель]

D и B была бы $= 10 - 2 = 8$ квартерам, что по $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал составило бы 12 ф. ст., тогда как денежная рента с земли D раньше была $= 9$ фунтам стерлингов. Это следует отметить. Если сделать расчет на акр, то рента поднялась на $33\frac{1}{3}\%$, несмотря на уменьшившуюся норму добавочной прибыли с двух дополнительных капиталов по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. каждый *.

Отсюда видно, какие необычайно сложные комбинации может вызвать дифференциальная рента вообще и особенно в форме II вместе с формой I, тогда как Рикардо, например, трактует ее совершенно односторонне и как простую вещь. Бывают случаи, как приведенный выше, когда происходит понижение регулирующей рыночной цены и вместе с тем увеличение ренты на плодородных землях, так что возрастает как абсолютный продукт, так и абсолютный добавочный продукт. (При дифференциальной ренте I по нисходящей линии может возрастать относительный добавочный продукт, а потому и рента с акра, хотя абсолютный добавочный продукт с акра остается тот же или даже уменьшается.) Но в то же время уменьшается продуктивность затрат капитала, которые делаются одна за другой на одной и той же земле, несмотря на то, что значительная часть их приходится на более плодородные земли. Если смотреть с одной точки зрения — с точки зрения количества продукта и цен производства — производительность труда возросла. Но с другой точки зрения она уменьшилась, так как норма добавочной прибыли и добавочный продукт на акр для различных затрат капитала на той же самой земле уменьшились.

Дифференциальная рента II при уменьшающейся продуктивности последовательных затрат капитала только в том случае была бы непременно связана с повышением цены производства и абсолютным понижением производительности, если бы эти затраты капитала могли быть произведены исключительно на худшей земле A . Если акр земли A , дававший при затрате капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. 1 квартал по цене производства в 3 ф. ст., дает при дальнейшей затрате в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., то есть при общей затрате в 5 ф. ст., в общей сложности лишь $1\frac{1}{2}$ квартера, то цена производства этих $1\frac{1}{2}$ квартера $= 6$ ф. ст., а потому одного квартера $= 4$ фунтам стерлингов. Всякое понижение производительности при возрастающей затрате капитала было бы здесь относительным уменьшением продукта с акра, тогда как такое понижение производительности на земле лучших категорий есть лишь уменьшение дополнительного добавочного продукта.

Но по самой природе дела интенсивная агрикультура, то есть последовательные затраты капитала на одной и той же земле, развивается преимущественно или в более значительной степени на лучших землях. (Мы не говорим здесь о тех постоянно действующ-

* Здесь допущены некоторые ошибки в расчетах. *Ред.*

щих улучшениях, посредством которых земли, до того времени непригодные, превращаются в пригодные.) Поэтому уменьшающаяся продуктивность последовательных затрат капитала будет сказываться преимущественно вышеуказанным образом. Лучшая земля выбирается при этом потому, что она дает наибольшие шансы прибыльного применения капитала, так как содержит в себе наибольшее количество естественных элементов плодородия, которые остаются только использовать.

Когда после отмены хлебных законов агрикультура в Англии сделалась еще интенсивнее, масса земель, на которых прежде возделывалась пшеница, была использована для иных целей, а именно превращена в пастбища; напротив, плодородные земли, наиболее пригодные для возделывания пшеницы, были осушены и иным образом улучшены: капитал, применяемый для возделывания пшеницы, был сконцентрирован на сравнительно меньшей площади земли.

В этом случае, — а все возможные нормы добавочной прибыли, находящиеся между наибольшим количеством добавочного продукта лучшей земли и количеством продукта земли *A*, не приносящей ренты, соответствуют здесь не относительному, а абсолютному увеличению добавочного продукта на акр, — вновь образовавшаяся добавочная прибыль (потенциальная рента) представляет не превратившуюся в ренту часть прежней средней прибыли (часть продукта, в которой раньше была представлена средняя прибыль), а дополнительную добавочную прибыль, которая из этой формы превращается в ренту.

Напротив, только в том случае, если бы спрос на хлеб увеличился настолько, что рыночная цена превысила бы цену производства на земле *A* и потому добавочный продукт с земель *A*, *B* или какой-либо другой категории земли можно было бы получать лишь по более высокой цене, чем 3 ф. ст., — только в этом случае уменьшение продукта от дополнительной затраты капитала на какой-либо из земель *A*, *B*, *C*, *D* было бы сопряжено с повышением цены производства и регулирующей рыночной цены. Поскольку такое положение установилось бы на сравнительно продолжительное время и не вызвало бы возделывания дополнительной земли *A* (по меньшей мере земли такого качества, как земля *A*) и вообще никакие другие влияния не привели бы к предложению хлеба по более дешевым ценам, заработная плата при прочих равных условиях повысилась бы вследствие вздорожания хлеба и соответственно этому понизилась бы норма прибыли. В этом случае было бы безразлично, удовлетворялся ли бы возросший спрос путем вовлечения в обработку земли худшего качества, чем земля *A*, или же путем дополнительной затраты капитала, все равно на какой из четырех категорий земли. Дифференциальная рента стала бы повышаться в связи с понижением нормы прибыли.

Этот один случай, когда убывающая продуктивность капиталов, дополнительно вкладываемых в земли, уже освоенные, может привести к повышению цены производства, понижению нормы прибыли и образованию более высокой дифференциальной ренты, — так как эта последняя при данных условиях повысилась бы на всех категориях земли совершенно так же, как если бы худшая, чем *A*, земля стала теперь регулировать рыночную цену, — этот случай Рикардо превращает в единственный случай, в нормальный случай, к которому он сводит все образование дифференциальной ренты II.

Так оно и было бы в действительности, если бы обрабатывалась лишь земля *A* и если бы последовательные затраты капитала, производимые на ней, не сопровождалась пропорциональным ростом продукта.

Таким образом, здесь, при дифференциальной ренте II, совершенно забывают дифференциальную ренту I.

За исключением этого случая, когда или предложение продукта с уже возделываемых земель недостаточно, и потому рыночная цена в течение долгого времени превышает цену производства, пока не начнется возделывание новых, дополнительных, худших земель, или до тех пор пока весь продукт дополнительного капитала, затраченного на землях различных категорий, будет возможно сбывать по более высокой цене производства, чем прежде существовавшая, — за исключением этого случая относительное уменьшение производительности дополнительных капиталов не затрагивает регулирующей цены производства и норм прибыли. Вообще же говоря, возможны еще три следующих случая:

а) Если дополнительный капитал, вложенный в землю какого бы то ни было вида: *A*, *B*, *C*, *D*, дает лишь норму прибыли, определяемую ценой производства на земле *A*, то вследствие этого не образуется добавочной прибыли, а значит, и какой бы то ни было ренты, — не образуется точно так же, как если бы стала обрабатываться дополнительная земля *A*.

б) Если дополнительный капитал принесет большее количество продукта, то, само собой разумеется, образуется новая добавочная прибыль (потенциальная рента), если регулирующая цена остается прежней. Последнее не всегда имеет место, в частности, не имеет места в том случае, если это дополнительное производство исключает землю *A* из числа обрабатываемых, а вместе с тем и из числа конкурирующих категорий земли. Тогда регулирующая цена производства понижается. Норма прибыли повысилась бы, если бы с этим было сопряжено понижение заработной платы или если бы более дешевый продукт вошел как элемент в постоянный капитал. Если бы повышенная производительность дополнительных капиталов имела место на землях лучших категорий — *C* и *D*, то только от степени повышения производительности и от массы вновь вло-

женных капиталов зависело бы, насколько образование увеличенной добавочной прибыли (а следовательно, и увеличенной ренты) было бы связано с понижением цены и повышением нормы прибыли. Эта последняя может повышаться и без понижения заработной платы, — вследствие удешевления элементов постоянного капитала.

с) Если дополнительная затрата капитала дает уменьшающуюся добавочную прибыль, но все же продукт этой затраты оставляет избыток по сравнению с продуктом такого же капитала, затраченного на земле *A*, то, если только увеличившееся предложение не исключит землю *A* из числа обрабатываемых земель, при всех обстоятельствах происходит образование новой добавочной прибыли, причем оно может произойти одновременно на землях *D*, *C*, *B*, *A*. Если же, напротив, из числа обрабатываемых земель будет вытеснена худшая земля *A*, то регулирующая цена производства понизится, и от отношения между уменьшившейся ценой 1 квартера и увеличившимся числом кварталов, образующих добавочную прибыль, зависит, повышается или понижается выраженная в деньгах добавочная прибыль, а следовательно, и дифференциальная рента. Но во всяком случае здесь обнаруживается то любопытное обстоятельство, что при уменьшении добавочной прибыли от последовательных затрат капитала цена производства может уменьшаться, вместо того чтобы обязательно повышаться, как это представляется с первого взгляда.

Эти дополнительные затраты капитала с убывающими добавочными продуктами как раз соответствуют такому случаю, когда на землях, стоящих по своему плодородию между землями *A* и *B*, землями *B* и *C*, землями *C* и *D*, были бы, например, затрачены четыре новых самостоятельных капитала по $2\frac{1}{2}$ ф. ст., которые приносили бы соответственно $1\frac{1}{2}$ квартера, $2\frac{1}{3}$, $2\frac{2}{3}$ и 3 квартера. На всех этих землях, на все четыре дополнительных капитала образовались бы добавочные прибыли, потенциальные ренты, хотя норма добавочной прибыли по сравнению с той, которую приносит равная затрата капитала на соответственно лучшей земле, и уменьшилась бы. При этом было бы совершенно безразлично, вложены ли эти четыре капитала в землю *D* и т. д. или же распределены между землями *D* и *A*.

Мы подходим теперь к существенному различию между обеими формами дифференциальной ренты.

Когда речь идет о дифференциальной ренте I, здесь при неизменяющейся цене производства и неизменяющихся разностях [между продуктами различных земель] вместе с общей суммой ренты может повыситься средняя рента на акр или средняя норма ренты на капитал. Но среднее — это лишь абстракция. Действительный уровень ренты, в расчете на акр или на капитал, здесь остается прежний.

Напротив, уровень ренты, при расчете на акр, при тех же условиях может повыситься, хотя норма ренты, вычисленная на вложенный капитал, остается прежней.

Предположим, что производство удваивается вследствие того, что на каждой из категорий земли *A, B, C, D* вкладывается капитала не по $2\frac{1}{2}$, а по 5 ф. ст., то есть в общем 20 ф. ст. вместо 10 ф. ст., причем относительное плодородие остается прежнее. Это было бы совершенно то же самое, как если бы вместо 1 акра каждой из этих категорий земли обрабатывалось 2 акра, причем издержки оставались бы те же. Норма прибыли не изменилась бы, равно как и ее отклонение к добавочной прибыли или ренте. Если же земля *A* и стала бы приносить теперь 2 квартера, земля *B* — 4, земля *C* — 6, земля *D* — 8, то цена производства по-прежнему равнялась бы 3 ф. ст. за квартал, так как этот прирост был бы обязан своим происхождением не удвоившемуся плодородию при прежнем капитале, а прежнему плодородию при удвоившемся капитале. Эти 2 квартера с земли *A* стоили бы теперь 6 ф. ст., как раньше 1 квартал стоил 3 фунта стерлингов. Прибыль на всех четырех категориях земли удвоилась бы, но только потому, что удвоился вложенный капитал. И рента удвоилась бы, возросла бы в том же отношении; она равнялась бы 2 квартерам для земли *B* вместо 1 квартера, 4 квартерам для земли *C* вместо 2 и 6 квартерам для земли *D* вместо 3, и соответственно этому денежная рента для земель *B, C, D* равнялась бы 6 ф. ст., 12 ф. ст., 18 фунтам стерлингов. Как и продукт на акр, удвоилась бы и денежная рента при расчете на акр, а следовательно, цена земли, в которой капитализируется эта денежная рента. Согласно такому расчету, повышаются хлебная и денежная ренты, а следовательно, и цена земли, так как масштаб, которым измеряется последняя, акр, есть земельная площадь постоянной величины. Напротив, в норме ренты, то есть в отношении ренты к вложенному капиталу, не произошло никакого изменения. Общая сумма ренты в 36 ф. ст. относится к вложенному капиталу в 20 ф. ст., как общая сумма ренты в 18 ф. ст. к вложенному капиталу в 10 фунтов стерлингов. То же самое справедливо и для отношения денежной ренты, получаемой с земли каждой категории, к вложенному в последнюю капиталу; так, например, 12 ф. ст. ренты с земли *C* относятся к 5 ф. ст. капитала, как раньше 6 ф. ст. ренты относились к $2\frac{1}{2}$ ф. ст. капитала. При этом не образуется новых различий между вложенными капиталами, но образуются новые добавочные прибыли только потому, что дополнительный капитал вкладывается в какую-либо из приносящих ренту земель или во все земли и дает при этом пропорционально своей величине прежний продукт. Если бы двойная затрата капитала была произведена, например, лишь на земле *C*, то дифференциальная рента между *C, B* и *D* по отношению к капиталу осталась бы той же, потому что хотя масса ренты, полученная

с земли *C*, и удвоилась бы, но удвоился бы и вложенный капитал.

Отсюда видно, что при неизменной цене производства, неизменной норме прибыли и неизменных разностях [между продуктами различных земель] (а потому при неизменной норме добавочной прибыли или ренты, взятой в отношении к капиталу) высота ренты, выраженной в продукте и в деньгах, получаемых с акра, а следовательно, и цена земли могут повыситься.

То же самое может произойти при уменьшающихся нормах добавочной прибыли, а потому и ренты, то есть при уменьшающейся производительности дополнительных затрат капитала, все еще приносящих ренту. Если бы вторичные затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. не дали удвоенного продукта, а на земле *B* получилось бы лишь $3\frac{1}{2}$ квартера, на земле *C* — 5 и на земле *D* — 7 кварталов, то дифференциальная рента на земле *B* для второй затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. равнялась бы лишь $\frac{1}{2}$ квартера вместо 1, на земле *C* — 1 квартеру вместо 2 и на земле *D* — 2 квартерам вместо 3. Отношение между рентой и капиталом для обеих последовательных затрат было бы следующее:

Первая затрата				Вторая затрата			
В: рента 3 ф. ст., капитал $2\frac{1}{2}$ ф. ст.				Рента $1\frac{1}{2}$ ф. ст., капитал $2\frac{1}{2}$ ф. ст.			
C:	*	6	*	*	3	*	*
	*		*	*		*	*
D:	*	9	*	*	6	*	*
	*		*	*		*	*

Несмотря на такое относительное понижение нормы производительности капитала, а потому и добавочной прибыли, взятой по отношению к капиталу, хлебная и денежная ренты повысились бы для земли *B* с 1 до $1\frac{1}{2}$ квартера (с 3 до $4\frac{1}{2}$ ф. ст.), для земли *C* — с 2 до 3 кварталов (с 6 до 9 ф. ст.) и для земли *D* — с 3 до 5 кварталов (с 9 до 15 фунтов стерлингов). В этом случае разности для дополнительных капиталов по сравнению с капиталом, вложенным в землю *A*, уменьшились бы, цена производства осталась бы прежняя, но рента на акр, а следовательно, и цена земли за акр увеличились бы.

Что же касается комбинаций дифференциальной ренты II, которая предполагает как свою основу дифференциальную ренту I, то они следующие.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ:
ПОСТОЯННАЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА

Это условие предполагает, что рыночная цена по-прежнему регулируется капиталом, вложенным в наихудшую землю А.

I. Если дополнительный капитал, вложенный в какую-либо из приносящих ренту земель В, С, D, производит лишь столько, сколько производит такой же капитал, вложенный в землю А, то есть если при регулирующей цене производства он приносит лишь среднюю прибыль, не давая, таким образом, никакой добавочной прибыли, то влияние, оказываемое им на ренту, равно нулю. Все остается по-старому. Это равносильно тому, как если бы любое число акров земли А, наихудшей земли, было присоединено к уже возделываемой земельной площади.

II. Дополнительные капиталы производят на землях всех категорий дополнительные продукты пропорционально величине этих капиталов, то есть производство возрастает в зависимости от специфического плодородия земли каждой категории, пропорционально величине дополнительного капитала. В XXXIX главе исходным пунктом нам служила следующая таблица I:

Категория земля	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ- водства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	1	3	3	0	0	0
B	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	2	3	6	1	3	120%
C	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	3	3	9	2	6	240%
D	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	4	3	12	3	9	360%
Итого	4	10		12	10	—	30	6	18	—

Теперь из нее получается:

ТАБЛИЦА II

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	2	3	6	0	0	0
B	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	4	3	12	2	6	120%
C	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	6	3	18	4	12	240%
D	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	8	3	24	6	18	360%
	4	20	—	—	20	—	60	12	36	—

В данном случае нет необходимости в том, чтобы капитал вкладывался в каждую из категорий земли в удвоенном размере, как это имеет место в таблице. Закон остается тот же, если только на какой-либо одной или нескольких категориях земли, приносящей ренту, затрачен дополнительный капитал в какой бы то ни было пропорции. Необходимо лишь, чтобы производство на всех этих землях увеличивалось в том же отношении, в каком увеличивается капитал. Рента повышается здесь исключительно благодаря увеличению вложенного в землю капитала и соразмерно с этим увеличением капитала. Такое увеличение продукта и ренты, являющееся следствием увеличения вложенного капитала и пропорциональное ему, ничем не отличается ни по количеству продукта, ни по величине ренты от того случая, когда увеличивается возделываемая площадь равных по качеству участков земли, приносящих ренту, и начинает возделываться с такой же затратой капитала, с какой совершалась раньше обработка земельных участков того же качества. В случае, изображенном таблицей II, например, результат был бы тот же, если бы дополнительный капитал в $2^{1/2}$ ф. ст. на акр был затрачен на вторые акры земель B, C и D.

Этот пример не предполагает, далее, какого-либо более продуктивного применения капитала, а лишь применение большего капитала к той же площади и с теми же результатами, как и до того времени.

Все относительные величины здесь остаются прежние. Конечно, если рассматривать не относительные различия, а чисто арифметические, то окажется, что дифференциальная рента, получаемая

с различных категорий земли, может изменяться. Предположим, например, что дополнительный капитал был вложен лишь в земли *B* и *D*. В таком случае разница между продуктом земель *D* и *A* = 7 кварталам; прежде эта разница была = 3; между продуктом земель *B* и *A* = 3 кварталам; прежде была = 1; разница между продуктом земель *C* и *B* = -1; прежде была = +1 и т. д. Но эта арифметическая разница, имеющая решающее значение при дифференциальной ренте I, поскольку в ней выражается различие в производительности при одинаковом размере вложенного капитала, в данном случае не имеет никакого значения, так как является лишь следствием вложения различных дополнительных капиталов, причем разница для каждой равной части капитала на различных участках не изменяется.

III. Дополнительные капиталы приносят дополнительный продукт и образуют поэтому добавочные прибыли, но с понижающейся нормой, не пропорционально увеличению дополнительных капиталов.

ТАБЛИЦА III

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	1	3	3	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2\frac{1}{2}+1\frac{1}{2}=3\frac{1}{2}$	3	$10\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$	90%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$3+2=5$	3	15	3	9	180%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$4+3\frac{1}{2}=7\frac{1}{2}$	3	$22\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{2}$	$16\frac{1}{2}$	330%
	—	$17\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	21	17	—	51	10	30	—

При этом третьем предположении опять-таки безразлично, приходятся или нет вторичные дополнительные равномерные или неравномерные затраты капитала на земли разных категорий: в одинаковых или неодинаковых отношениях уменьшается производство добавочной прибыли; вкладывается дополнительный капитал в одну и ту же категорию земли, приносящую ренту, или распределяется, равномерно или неравномерно, между приносящими ренту землями различного качества. Все эти обстоятельства не имеют никакого значения для выводимого нами закона. Единственное предположение, которое мы делаем, заключается в том, что дополнительный капитал, вложенный в приносящую ренту землю

какой бы то ни было категории, дает добавочную прибыль, но в уменьшающейся пропорции по сравнению со степенью увеличения капитала. Пределы этого уменьшения колеблются в примерах находящейся перед нами таблицы между 4 квартерами = 12 ф. ст., продуктом первой затраты капитала на наилучшей земле *D*, и 1 кварталом = 3 ф. ст., продуктом такой же затраты капитала на наихудшей земле *A*. Продукт лучшей земли при затрате капитала I представляет максимальную границу, а продукт наихудшей земли *A*, не приносящей ренты, не дающей никакой добавочной прибыли при одинаковой затрате капитала, — минимальную границу продукта, получаемого от последовательных затрат капитала на приносящих добавочную прибыль землях, при убывающей производительности последовательных затрат капитала. Если предположение II соответствует тому случаю, когда новые одинаковые по качеству участки земли лучших категорий присоединяются к возделываемой земельной площади, когда увеличивается количество какой-либо категории возделанной земли, то предположение III соответствует тому случаю, когда возделываются дополнительные земельные участки, различные степени плодородия которых распределяются между землями *D* и *A*, между плодородием лучшей и худшей земли. Если последовательные затраты капитала производятся исключительно на земле *D*, то они могут заключать в себе различия, существующие между землями *D* и *A*, далее — различия между землями *D* и *C*, равно как и различия между землями *D* и *B*. Если же все они производятся на земле *C*, то лишь различия между землями *C* и *A* или *B*; если на земле *B*, то лишь различия между землями *B* и *A*.

Но закон таков: рента на землях всех этих категорий абсолютно возрастает, хотя и не пропорционально дополнительно вложенному капиталу.

Норма добавочной прибыли уменьшается как по отношению к дополнительному капиталу, так и по отношению ко всему вложенному в землю капиталу; но абсолютная величина добавочной прибыли возрастает; совершенно так же, как уменьшение нормы прибыли на капитал вообще по большей части связано с увеличением абсолютной массы прибыли. Так, средняя норма добавочной прибыли, получаемой с капитала, вложенного в землю *B*, = 90% на капитал, тогда как при первой затрате капитала она была = 120%. Но совокупная добавочная прибыль увеличивается с 1 квартера до $1\frac{1}{2}$ и с 3 ф. ст. до $4\frac{1}{2}$. Вся рента, взятая сама по себе, а не по отношению к удвоившемуся размеру авансированного капитала, абсолютно возросла. Разница между рентами различных категорий земли и их отношение друг к другу могут здесь изменяться; но это изменение разницы является следствием, а не причиной увеличения рент по отношению друг к другу.

IV. Случай, когда дополнительные затраты капитала на лучших землях производят большее количество продукта, чем первоначаль-

чальные затраты, не требует дальнейшего анализа. Само собой разумеется, что при этом предположении ренты, получаемые с акра, повышаются, и притом в большей пропорции, чем дополнительный капитал, в какую бы категорию земли он ни был вложен. В этом случае дополнительная затрата капитала соединяется с улучшением земли. Сюда же относятся случаи, когда дополнительная затрата меньшего капитала производит то же или большее действие, чем прежняя дополнительная затрата большего капитала. Случай этот не совсем тождествен с прежним, причем различие, существующее между ними, имеет важное значение при всех затратах капитала. Если, например, 100 единиц дают прибыль в 10 единиц, а 200 единиц, при определенной форме применения, дают прибыль в 40 единиц, то прибыль увеличилась с 10% до 20%, и постольку это равносильно тому, как если бы 50 единиц, при более целесообразной форме применения, дали прибыль в 10 единиц вместо 5 единиц. Мы предполагаем здесь, что увеличение прибыли связано с соответственным увеличением продукта. Но различие заключается в том, что в одном случае я должен удвоить капитал, тогда как в другом — я получаю удвоенный эффект при прежнем капитале. Отнюдь не безразлично, производится ли: 1) прежний продукт при половине прежнего количества живого и овеществленного труда или 2) удвоенный продукт при прежнем количестве труда, или 3) учетверенный продукт при удвоенном количестве труда. В первом случае труд — в живой или овеществленной форме — высвобождается и может быть употреблен иным способом; возможность располагать трудом и капиталом увеличивается. Высвобождение капитала (и труда) само по себе есть увеличение богатства; оно оказывает совершенно то же действие, как если бы этот дополнительный капитал был получен путем накоплений, но оно сберегает труд накопления.

Положим, что капитал [создающий цену производства] в 100 единиц, произвел продукт в 10 метров. В 100 единицах содержится как постоянный капитал, так и живой труд и прибыль. Таким образом, метр стоит 10 единиц. Если теперь при помощи того же капитала в 100 единиц я могу произвести 20 метров, то метр будет стоить 5 единиц. Если, напротив, я могу с капиталом в 50 единиц произвести 10 метров, то метр будет также стоить 5 единиц, причем высвобождается капитал в 50 единиц, если только прежнее предложение товара является достаточным. Если я должен затратить капитал в 200 единиц, чтобы произвести 40 метров, то метр также будет стоить 5 единиц. Определение стоимости, равно как и цены, так же мало позволяет уловить здесь какое-либо различие, как и отношение массы продукта к авансированному капиталу. Но в одном случае высвобождается капитал; в другом случае — сберегается дополнительный капитал, когда требуется удвоение продукции; в третьем случае увеличенный продукт можно полу-

чить лишь при том условии, если увеличится авансированный капитал, хотя и не в такой пропорции, какая потребовалась бы, если бы большее количество продукта пришлось изготовлять при прежней производительной силе. (Относится к отделу I.)

С точки зрения капиталистического производства, имея в виду не увеличение прибавочной стоимости, а уменьшение издержек производства,— а сокращение издержек даже на элемент, образующий прибавочную стоимость, на труд, уменьшает капиталисту издержки производства и образует для него прибыль, пока регулирующей ценой производства остается прежняя,— применение постоянного капитала всегда дешевле, чем переменного. В действительности это предполагает соответствующее капиталистическому способу производства развитие кредита и обилие ссудного капитала. С одной стороны, я применяю 100 ф. ст. дополнительного постоянного капитала, если 100 ф. ст. составляют продукт 5 рабочих в течение года; с другой стороны — 100 ф. ст. в виде переменного капитала. Если норма прибавочной стоимости = 100%, то стоимость, произведенная 5 рабочими, = 200 фунтам стерлингов; напротив, стоимость 100 ф. ст. постоянного капитала = 100 ф. ст., а как капитала, быть может, она = 105 ф. ст., если процентная ставка = 5%. Одни и те же денежные суммы, в зависимости от того, авансированы ли они для производства как стоимостью постоянного или же как стоимостью переменного капитала, выражают, если рассматривать их продукт, весьма различные стоимости. Что касается, далее, издержек производства товаров, с точки зрения капиталиста, то разница заключается еще в том, что из этих 100 ф. ст. постоянного капитала, поскольку они вложены в основной капитал, в стоимость товара входит лишь износ, тогда как 100 ф. ст., израсходованные на заработную плату, должны быть целиком воспроизведены.

У колонистов и вообще у самостоятельных мелких производителей, которые совсем не располагают капиталом или могут располагать им только из высоких процентов, часть продукта, соответствующая заработной плате, представляет их доход, тогда как для капиталистов она является авансированием капитала. Поэтому первый смотрит на эту затрату труда как на необходимое условие производства продукта труда, который прежде всего и имеется в виду. Что же касается прибавочного труда, затрачиваемого им сверх необходимого труда, то он, конечно, реализуется в прибавочном продукте; и поскольку он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как продукт, который ничего ему не стоил, так как он не стоил опредмеченного труда. Только расходование этого последнего имеет для него значение отчуждения богатства. Он естественно стремится продавать как можно дороже; но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если

только эта прибыль не антиципирована задолженностью, ипотеками и т. д. Напротив, для капиталистов затрата как переменного, так и постоянного капитала в одинаковой мере является авансированием капитала. Относительно большее авансирование постоянного капитала уменьшает при прочих равных условиях издержки производства, как и действительную стоимость товаров. Поэтому, хотя прибыль возникает лишь из прибавочного труда, следовательно, лишь из применения переменного капитала, все же отдельному капиталисту может казаться, что живой труд является наиболее дорогим элементом издержек производства, который больше всего следует сводить к минимуму. Это лишь капиталистически извращенная форма той истины, что относительно большее применение прошлого труда, по сравнению с живым, знаменует повышение производительности общественного труда и увеличение общественного богатства. Вот в каком ложном виде, каким перевернутым на голову представляется все с точки зрения конкуренции.

При условии неизменных цен производства дополнительные затраты капитала могут быть сделаны с постоянной, возрастающей или с убывающей производительностью на лучших землях, то есть на всех землях, начиная с земли *B* и выше. На земле *A* предполагаемое нами сохранение неизменных цен производства было бы возможно или только при прежней производительности, когда земля *A* по-прежнему не дает ренты, или же при условии возрастания производительности; в таком случае одна часть вложенного в землю *A* капитала приносила бы ренту, другая — нет. Но оно было бы невозможно при предположении, что производительная сила на земле *A* уменьшается, потому что в таком случае цена производства не осталась бы той же, а повысилась бы. Но при всех этих обстоятельствах, то есть будет ли приносимый дополнительными затратами добавочный продукт пропорционален их величине, будет ли он выше или ниже этой пропорции, — остается ли поэтому норма добавочной прибыли на капитал при возрастании последнего та же самая, повышается она или понижается, — добавочный продукт и соответствующая ему добавочная прибыль с акра возрастает, а следовательно, может возрасти как хлебная рента, так и денежная. Возрастание просто массы добавочной прибыли, соответственно ренты, при расчете на акр, то есть увеличение массы добавочной прибыли на какую-нибудь постоянную единицу, в данном случае, следовательно, на какое-нибудь определенное количество земли, акр или гектар, получает здесь выражение как возрастающая пропорция. Поэтому рента с акра возрастает при этих условиях просто вследствие увеличения капитала, вложенного в землю. И притом это происходит при неизменяющихся ценах производства, а потому, напротив, безразлично, остается ли производительность дополнительного капитала прежняя, уменьшается ли она или увеличивается. Эти последние обстоятельства изменяют размер возраста-

ния ренты на акр, но не самый факт этого возрастания. Это — явление, свойственное дифференциальной ренте II и отличающее ее от дифференциальной ренты I. Если бы дополнительные затраты капитала производились не одна за другой, последовательно во времени, на одной и той же земле, а последовательно в пространстве, одна рядом с другой, на новых дополнительных участках земли соответствующего качества, то увеличилась бы общая масса ренты, а также, как это показано раньше, средняя рента со всей возделываемой площади, но не высота ренты с акра. При неизменном результате, поскольку учитываются масса и стоимость всего производства и добавочного продукта, концентрация капитала на земельной площади меньшего размера повышает размер ренты с акра, тогда как распыление того же капитала на земельной площади больших размеров при прочих равных условиях не оказывает такого действия. Но чем больше развивается капиталистический способ производства, тем больше концентрируется капитал на одной и той же земельной площади, тем больше, следовательно, повышается рента в расчете на акр. Таким образом, если мы возьмем две страны, в которых цены производства были бы одинаковы, различия между землями одинаковы и была бы вложена одинаковая масса капитала, но в одной стране преимущественно в виде последовательных затрат на ограниченной земельной площади, в другой — преимущественно в виде координированных затрат на более обширной площади, то рента с акра, а потому и цена земли была бы выше в первой и ниже во второй стране, хотя масса ренты в обеих странах была бы одинакова. Следовательно, различие в высоте ренты можно было бы объяснить здесь не различием естественного плодородия различных по качеству земель и не количеством затраченного труда, а исключительно различным способом затрат капитала.

Когда мы здесь говорим о добавочном продукте, то всегда под этим подразумевается соответственная часть продукта, в которой представлена добавочная прибыль. Вообще же под прибавочным продуктом или добавочным продуктом мы понимаем ту часть продукта, которая представляет всю прибавочную стоимость, а в единичных случаях — ту часть продукта, в которой представлена средняя прибыль. Специфическое значение, придаваемое этому понятию в тех случаях, когда речь идет о капитале, приносящем ренту, дает, как это было указано выше, повод к недоразумениям.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

**ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II.— ВТОРОЙ СЛУЧАЙ:
ПОНИЖАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА**

Цена производства может понизиться, если дополнительные затраты капитала происходят при неизменяющейся, убывающей или повышающейся норме производительности.

I. При неизменяющейся производительности дополнительных затрат капитала.

Этот случай, следовательно, предполагает, что количество продукта на различных землях возрастает соответственно их качеству в той же мере, в какой возрастает вложенный в них капитал. Это предполагает, при неизменяющихся различиях между землями, возрастание добавочного продукта, пропорциональное возрастанию затраченного капитала. Следовательно, случай этот исключает всякие влияющие на дифференциальную ренту дополнительные затраты капитала на земле *A*. На ней норма добавочной прибыли = 0; следовательно, она остается = 0, так как мы предположили, что производительная сила дополнительного капитала, а потому и норма добавочной прибыли не изменяются.

Но регулирующая цена производства может при этих условиях понизиться только потому, что регулирующей становится не цена производства на земле *A*, а цена производства на ближайшей по качеству земле *B*, или вообще на какой-нибудь земле, лучшей, чем земля *A*; если бы цена производства на земле *C* сделалась регулирующей, то капитал был бы извлечен из земли *A* или даже из земель *A* и *B*, и таким образом вся земля, худшая, чем земля *C*, перестала бы конкурировать с землями, на которых возделывается пшеница. Условие, необходимое для этого при данных предположениях, заключается в том, чтобы дополнительный продукт, получаемый благодаря дополнительным затратам капитала, удовлетворял потребностям, и таким образом производство на худшей земле *A* и т. д. сделалось бы излишним для обеспечения предложения.

Итак, возьмем, например, таблицу II, но изменим ее таким образом, чтобы не 20 кварталов, а 18 удовлетворяли потребностям. В таком случае земля *A* отпала бы; земля *B*, а вместе с ней цена производства в 30 шилл. за квартал стала бы регулирующей. Дифференциальная рента принимает тогда следующую форму:

ТАБЛИЦА IV

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена за кварт. ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	1½	9	2	3	60%
D	1	5	1	6	8	1½	12	4	6	120%
Итого	3	15	3	18	18	—	27	6	9	—

Таким образом, вся рента по сравнению с таблицей II понизилась бы с 36 ф. ст. до 9, а хлебная — с 12 кварталов до 6; все производство сократилось бы лишь на 2 квартала, с 20 до 18. Норма добавочной прибыли, вычисленная по отношению к капиталу, понизилась бы втрое, с 180% до 60%. Следовательно, понижению цены производства здесь соответствует уменьшение хлебной и денежной рент.

По сравнению с таблицей I происходит уменьшение лишь денежной ренты; хлебная рента в обоих случаях равняется 6 квартерам, а денежная рента в одном случае = 18 ф. ст., в другом = 9 фунтам стерлингов. Для земли *C* хлебная рента по сравнению с таблицей I осталась прежняя. Благодаря тому, что добавочное производство, достигнутое применением дополнительного капитала равной производительности, вытеснило с рынка продукт земли *A* и вместе с тем устранило землю *A* из числа конкурирующих элементов производства, — благодаря этому в действительности образовалась новая дифференциальная рента I, для которой лучшая земля *B* играет ту же роль, какую раньше играла более плохая земля *A*. Вследствие этого, с одной стороны, отпадает рента с земли *B*; с другой стороны, согласно предположению, затрата дополнительного капитала ничего не изменила в различиях между

землями *B*, *C* и *D*. Поэтому часть продукта, превращающаяся в ренту, уменьшается.

Если бы результат, о котором говорится выше, — удовлетворение спроса при исключении земли *A* — был получен более чем двойной затратой капитала на землях *C* или *D* или на обеих вместе, то дело приняло бы другой оборот. Например, если бы третья затрата капитала была произведена на земле *C*:

ТАБЛИЦА IVa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
<i>B</i>	1	5	1	6	4	1 ¹ / ₂	6	0	0	0
<i>C</i>	1	7 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	9	9	1 ¹ / ₂	13 ¹ / ₂	3	4 ¹ / ₂	60%
<i>D</i>	1	5	1	6	8	1 ¹ / ₂	12	4	6	120%
Итого	3	17 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	21	21	—	31 ¹ / ₂	7	10 ¹ / ₂	—

Количество продукта с земли *C* увеличилось здесь по сравнению с таблицей IV с 6 до 9 кварталов, количество добавочного продукта — с 2 до 3 кварталов, денежная рента возросла с 3 до 4¹/₂ фунта стерлингов. В сравнении же с таблицей II, где денежная рента = 12 ф. ст., и таблицей I, где она = 6 ф. ст., она, напротив, уменьшилась. Общая сумма хлебной ренты, равной 7 квартерам, уменьшилась по сравнению с таблицей II (12 кварталов), повысилась по сравнению с таблицей I (6 кварталов); денежная рента (10¹/₂ ф. ст.) уменьшилась по сравнению с обеими (18 ф. ст. и 36 фунтов стерлингов).

Если бы третий капитал в 2¹/₂ ф. ст. был применен на земле *B*, то хотя это и изменило бы объем производства, но не коснулось бы ренты, так как, согласно предположению, последовательные затраты капитала на одной и той же земле не обуславливают никакого различия, а земля *B* ренты не приносит.

Напротив, если бы третья затрата капитала была произведена на земле *D* вместо земли *C*, то у нас получилась бы следующая картина:

ТАБЛИЦА IVb

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	1½	9	2	3	60%
D	1	7½	1½	9	12	1½	18	6	9	120%
Итого	3	17½	3½	21	22	—	33	8	12	-

Здесь общее количество продукта = 22 квартерам, более чем удвоилось по сравнению с таблицей I, хотя авансированный капитал = лишь 17½ ф. ст., по сравнению с 10 ф. ст., то есть не удвоился по сравнению с 10 фунтами стерлингов. Далее, общее количество продукта на 2 квартера превышает общее количество продукта таблицы II, хотя в последней авансированный капитал больше, а именно 20 фунтов стерлингов.

На земле *D* хлебная рента по сравнению с таблицей I возросла с 3 до 6 квартеров, тогда как денежная рента осталась по-прежнему 9 фунтов стерлингов. По сравнению с таблицей II хлебная рента с земли *D* осталась прежняя, 6 квартеров, но денежная рента понизилась с 18 до 9 фунтов стерлингов.

Если рассматривать общие суммы ренты, то хлебная рента таблицы IVb = 8 квартерам, больше, чем хлебная рента, представленная в таблице I, равная 6 квартерам, и в таблице IVa, равная 7 квартерам, и, напротив, меньше, чем общая сумма ренты в таблице II = 12 квартерам. Денежная рента таблицы IVb = 12 ф. ст. больше, чем денежная рента таблицы IVa = 10½ ф. ст., и меньше денежной ренты таблицы I = 18 ф. ст. и таблицы II = 36 фунтам стерлингов.

Чтобы по отпадении ренты с земли *B*, при условиях таблицы IVb, общая сумма ренты была такая же, как в таблице I, мы должны получить еще на 6 ф. ст. добавочного продукта, то есть 4 квартера по 1½ ф. ст., что является новой ценой производства. Тогда мы снова имеем общую сумму ренты в 18 ф. ст., как в таблице I. Величина требуемого на это дополнительного капитала будет различна в зависимости от того, вложим ли мы его в землю *C* или землю *D* или распределим между обеими категориями земли.

На земле *C* капитал в 5 ф. ст. приносит 2 квартера добавочного продукта, следовательно, 10 ф. ст. дополнительного капитала дадут 4 квартера дополнительного добавочного продукта. На земле *D* было бы достаточно дополнительной затраты в 5 ф. ст., чтобы произвести 4 квартера дополнительной хлебной ренты при предположении, положенном здесь в основу, что производительность дополнительных затрат капитала остается без изменения. Таким образом, получают следующие результаты.

ТАБЛИЦА IVc

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	1 $\frac{1}{2}$	6	0	0	0
C	1	15	3	18	18	1 $\frac{1}{2}$	27	6	9	60%
D	1	7 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	9	12	1 $\frac{1}{2}$	18	6	9	120%
Итого	3	27 $\frac{1}{2}$	5 $\frac{1}{2}$	33	34	—	51	12	18	—

ТАБЛИЦА VIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	1 $\frac{1}{2}$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	1 $\frac{1}{2}$	9	2	3	60%
D	1	12 $\frac{1}{2}$	2 $\frac{1}{2}$	15	20	1 $\frac{1}{2}$	30	10	15	120%
Итого	3	22 $\frac{1}{2}$	4 $\frac{1}{2}$	27	30	—	45	12	18	—

Общая сумма денежной ренты составила бы ровно половину общей суммы денежной ренты таблицы II, где дополнительные капиталы были затрачены при сохранении прежних цен производства.

Самое важное сравнить эти таблицы с таблицей I.

Мы видим, что при понижении цены производства наполовину, с 60 до 30 шилл. за квартал, общая сумма денежной ренты осталась прежняя = 18 ф. ст. и соответственно этому хлебная рента удвоилась, увеличилась с 6 до 12 кварталов. Рента с земли *B* отпала; с земли *C* денежная рента в таблице IVc увеличилась на 50%, но вдвое уменьшилась в таблице IVd; рента с земли *D* осталась прежняя = 9 ф. ст. в таблице IVc и поднялась с 9 до 15 ф. ст. в таблице IVd. Производство поднялось с 10 кварталов до 34 в таблице IVc и до 30 кварталов в таблице IVd; прибыль повысилась с 2 до $5\frac{1}{2}$ ф. ст. в таблице IVc и до $4\frac{1}{2}$ ф. ст. в таблице IVd. Общая затрата капитала возросла в одном случае с 10 до $27\frac{1}{2}$ ф. ст., в другом — с 10 до $22\frac{1}{2}$ фунта стерлингов; следовательно, в обоих случаях более чем вдвое. Норма ренты, рента, исчисленная по отношению к авансированному капиталу, во всех таблицах с IV до IVd для каждой категории земли всюду одна и та же, что вытекает уже из предположения неизменности нормы производительности обеих последовательных затрат капитала на каждой категории земли. Однако по сравнению с таблицей I она понизилась, — понизилась в среднем как для всех категорий земли, так и для каждой отдельной категории. В таблице I она была равна 180% в среднем, в таблице IVc $= \frac{18}{27\frac{1}{2}} \times 100 = 65\frac{5}{11}\%$ и в таблице IVd $= \frac{18}{22\frac{1}{2}} \times 100 = 80\%$. Средняя денежная рента с акра повысилась. Ее средняя величина прежде, в таблице I, равнялась $4\frac{1}{2}$ ф. ст. с акра для всех 4 акров, а теперь в таблице IVc и в таблице IVd равняется 6 ф. ст. с акра для 3 акров. Ее средняя величина для земли, приносящей ренту, равнялась прежде 6 ф. ст., а теперь равняется 9 ф. ст. на акр. Таким образом, денежная сумма ренты с акра повысилась и представляет теперь вдвое больше продукта, чем прежде; но 12 кварталов хлебной ренты теперь составляют меньше половины всего продукта — 34 и 30 кварталов, тогда как в таблице I шесть кварталов составляют $\frac{3}{5}$ всего продукта в 10 кварталов. Итак, хотя рента, если рассматривать ее как соответственную часть всего продукта, а также если взять ее в отношении к затраченному капиталу, и понизилась, однако ее денежная сумма при расчете на акр увеличилась, а величина ее, выраженная в продуктах, выросла еще больше. Если мы возьмем землю *D* в таблице IVd, то фактическая цена производства = 15 ф. ст., из которых $12\frac{1}{2}$ ф. ст. составляют затраченный капитал. Денежная рента = 15 фунтам стерлингов. В таблице I цена производства на той же земле *D* была = 3 ф. ст., затраченный капитал = $2\frac{1}{2}$ ф. ст., денежная рента = 9 ф. ст., следовательно, последняя втрое больше цены производства и почти в четыре раза больше затраченного капитала. В таблице IVd для *D* денежная рента в 15 ф. ст. как раз равна цене производства и лишь на $\frac{1}{5}$ превышает затраченный капитал. При всем том денежная рента с акра на $\frac{2}{3}$ больше, составляет 15 ф. ст.

вместо 9 фунтов стерлингов. В таблице I хлебная рента в 3 квартера $= \frac{3}{4}$ всего продукта, составляющего 4 квартера; в таблице IVd она $= 10$ кварталам, то есть половине всего продукта (20 кварталов), получаемого с акра земли D. Это показывает, что денежная и хлебная ренты с акра могут возрасти, хотя они и составляют относительно меньшую часть всего продукта и понизились по отношению к авансированному капиталу.

Стоимость всего продукта в таблице I $= 30$ фунтам стерлингов; рента $= 18$ ф. ст., то есть составляет больше половины этой стоимости. Стоимость всего продукта в таблице IVd $= 45$ ф. ст., из которых 18 ф. ст., то есть меньше половины, составляют ренту.

Причина же того, что, несмотря на понижение цены на $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал, то есть на 50%, и несмотря на уменьшение площади конкурирующей земли с 4 до 3 акров, общая сумма денежной ренты не изменяется, а хлебная рента удваивается, причем хлебная рента и денежная рента с акра повышаются, заключается в том, что произведено большее число кварталов добавочного продукта. Цена хлеба понижается на 50%, добавочный продукт возрастает на 100%. Но для достижения такого результата все производство, согласно нашим условиям, должно увеличиться втрое, а капитал, затраченный на лучших землях, должен более чем удвоиться. В каком отношении он должен увеличиться, зависит прежде всего от того, как распределяются дополнительные затраты капитала между лучшими и наилучшей по качеству землями, причем всегда предполагается, что производительность капитала на каждой категории земли возрастает пропорционально его величине.

Если бы понижение цены производства было менее значительным, то требовалось бы меньше дополнительного капитала, чтобы произвести ту же денежную ренту. Если бы предложение хлеба, необходимое для того, чтобы исключить землю A из числа обрабатываемых земель, — а это зависит не только от количества продукта, получаемого с акра земли A, но также от того, какую часть всей возделываемой земельной площади составляет земля A, — итак, если бы необходимое для этого предложение было больше, следовательно, если бы потребовалась и большая масса капитала, дополнительно затрачиваемого, на земле, лучшей, чем A, то денежная и хлебная ренты при прочих равных условиях возросли бы еще больше, несмотря на то, что земля B перестала бы приносить денежную и хлебную ренты.

Если бы капитал, переставший функционировать на земле A, был $= 5$ ф. ст., то для этого случая следовало бы взять для сравнения таблицы II и IVd. Весь продукт увеличился бы с 20 до 30 кварталов. Денежная рента уменьшилась бы вдвое, была бы 18 ф. ст. вместо 36 фунтов стерлингов; хлебная рента осталась бы прежняя $= 12$ кварталам.

Если бы можно было произвести на земле D 44 квартера продукта = 66 ф. ст. при затрате капитала в $27\frac{1}{2}$ ф. ст., соответственно прежней норме для земли D — 4 квартера на $2\frac{1}{2}$ ф. ст. капитала, то общая сумма [денежной] ренты опять поднялась бы до той высоты, которой она достигла в таблице II, и таблица приняла бы следующий вид:

Категория земли	Капитал ф. ст.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
B	5	4	0	0
C	5	6	2	3
D	$27\frac{1}{2}$	44	22	33
Итого	$37\frac{1}{2}$	54	24	36

Все производство составило бы 54 квартера против 20 кварталов в таблице II, а денежная рента осталась бы прежней = 36 фунтам стерлингов. Но весь капитал был бы $37\frac{1}{2}$ ф. ст., тогда как в таблице II он был = 20 фунтам стерлингов. Весь авансированный капитал почти удвоился бы, между тем как производство почти утроилось бы; хлебная рента увеличилась бы вдвое, денежная рента не изменилась бы. Следовательно, если цена при неизменяющейся производительности понижается вследствие затраты дополнительного денежного капитала на лучших землях, приносящих ренту, то есть на всех землях, которые по своему качеству лучше земли A , то весь капитал обнаруживает тенденцию не увеличиваться в такой пропорции, в какой возрастают производство и хлебная рента; таким образом, возрастание хлебной ренты может уравновесить убыль в денежной ренте, вытекающую из понижения цены. Тот же закон проявляется и в том, что авансированный капитал должен быть больше в той мере, в какой он больше затрачивается на землю C , чем на землю D , — на землю, приносящую меньше ренты, чем на такую, которая приносит больше ренты. Это означает лишь следующее: чтобы денежная рента осталась без изменения или чтобы она повысилась, должно быть произведено определенное дополнительное количество добавочного продукта, а для этого требуется тем меньше капитала, чем плодороднее земли, приносящие добавочный продукт. Если бы разница между землями B и C , C и D была еще больше, то требовалось бы еще меньше дополнительного капитала. Определенное отношение зависит: 1) от отношения, в котором понижается цена, то есть от разницы между землей B , которая теперь не дает ренты, и землей A , которая раньше не давала ренты; 2) от отношения различий между лучшими, чем B , землями; 3) от массы вновь затрачиваемого дополнительного капитала и 4) от его распределения между землями различного качества.

Мы видим, что закон в действительности выражает не что иное, как то, что уже было показано при исследовании первого случая; именно, что при данной цене производства, какова бы ни была ее величина, рента может повышаться вследствие дополнительной затраты капитала. Ибо вследствие исключения земли *A* теперь получается новая дифференциальная рента I, причем уже земля *B* является теперь наихудшей землей, а $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал становятся новой ценой производства. Это одинаково имеет силу как для таблиц IV, так и для таблицы II. Закон все тот же, но исходной точкой берется земля *B* вместо земли *A* и цена производства в $1\frac{1}{2}$ ф. ст. вместо цены производства в 3 фунта стерлингов.

Все это важно здесь лишь в следующем отношении: если такое-то количество дополнительного капитала необходимо для того, чтобы отвлечь от земли *A* капитал и создать достаточное предложение без его участия, то оказывается, что это может сопровождаться неизменяющейся, повышающейся или убывающей рентой с акра, если не на всех землях, то, по крайней мере, на некоторых, и в среднем на всех возделываемых землях. Мы видели, что хлебная рента и денежная рента неодинаково изменяются. Только в силу традиции хлебная рента вообще все еще продолжает играть роль в экономике. С успехом можно было бы доказать, что, например, фабрикант на свою прибыль в 5 ф. ст. может купить гораздо большее количество пряжи, чем раньше на прибыль в 10 фунтов стерлингов. Но во всяком случае это показывает, что господа земельные собственники, если они являются одновременно и владельцами или пайщиками текстильных предприятий, сахарных, винокуренных заводов и т. д., все же могут при понижении денежной ренты очень сильно выигрывать как производители сырых материалов для своих собственных предприятий³⁴⁾.

II. При понижающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Это не вызывает ничего нового постольку, поскольку цена производства здесь, как в только что рассмотренном случае, может лишь понизиться, если вследствие дополнительных затрат капитала на землях, лучших, чем земля *A*, продукт с земли *A* сделается излишним, и потому капитал будет отвлечен от земли *A*, или земля *A* будет применена для производства другого продукта. Случай этот

³⁴⁾ В вышеприведенных таблицах от IVa до IVd пришлось исправить сквозную погрешность в расчетах. Правда, эта погрешность не меняла теоретических положений, выведенных из данных таблиц, но порой приводила к невероятным количественным показателям производства в расчете на акр. Но и это по существу не имеет значения. Во всех топографических картах берут значительно больший масштаб для вертикалей, чем для горизонталей. Тому же, кто все-таки чувствует себя уязвленным в своих аграрных чувствах, предлагается умножить число акров на любое число. Можно также в таблице I заменить 1, 2, 3, 4 квартала с акра 10, 12, 14, 16 бушелями (8 буш. = 1 кварт.), причем цифры других таблиц, выведенные из этих чисел, останутся в пределах вероятности; это даст возможность убедиться, что результат — отношение увеличения ренты к увеличению капитала — сведется совершенно к тому же. Это делается в таблицах, даваемых редактором в следующей главе. — Ф. Э.

уже исследован нами исчерпывающим образом. Мы показали, что хлебная и денежная ренты в расчете на акр могут при этом возрасти, уменьшиться или остаться без изменения.

Для удобства сравнения воспроизведем прежде всего таблицу I.

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	1	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	2	1	3	120%
C	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	3	2	6	240%
D	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	4	3	9	360%
Итого	4	10	—	—	10	6	18	180% средняя

Если мы теперь предположим, что цифра 16, обозначающая [в таблице III] количество кварталов, полученных с B, C, D, при убывающей норме производительности, достаточна для того, чтобы исключить землю A из числа обрабатываемых земель, то таблица III превращается в следующую таблицу V.

ТАБЛИЦА V

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$2 + \frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$	$1^{\frac{5}{7}}$	6	0	0	0
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$3 + 2 = 5$	$1^{\frac{5}{7}}$	$8^{\frac{4}{7}}$	$1^{\frac{1}{2}}$	$2^{\frac{4}{7}}$	$51^{\frac{3}{7}}\%$
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$4 + 3\frac{1}{2} = 7\frac{1}{2}$	$1^{\frac{5}{7}}$	$12^{\frac{6}{7}}$	4	$6^{\frac{6}{7}}$	$137^{\frac{1}{7}}\%$
Итого ...	3	15	—	16	—	$27^{\frac{3}{7}}$	$5^{\frac{1}{2}}$	$9^{\frac{3}{7}}$	$94^{\frac{2}{7}}\%*$ средняя

* Земля, не приносящая ренты, здесь, как и в дальнейших таблицах VI, VII, VIII, IX и X, в расчет не принимается. *Ред.*

Здесь, при уменьшении нормы производительности дополнительных капиталов и при различной степени этого уменьшения на различного рода землях, регулирующая цена производства понизилась с 3 до $1\frac{5}{7}$ фунта стерлингов. Затрата капитала увеличилась наполовину [в сравнении с таблицей I] — с 10 до 15 фунтов стерлингов. Денежная рента уменьшилась почти вдвое — с 18 до $9\frac{3}{7}$ ф. ст., но хлебная рента — лишь на $\frac{1}{12}$, с 6 кварталов до $5\frac{1}{2}$. Весь продукт увеличился с 10 до 16 кварталов, или до 160%. Хлебная рента составляет немного больше $\frac{1}{3}$ всего продукта. Авансированный капитал относится к денежной ренте, как 15 : $9\frac{3}{7}$, тогда как раньше это отношение было 10:18.

III. При повышающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Случай этот только тем отличается от варианта I, приведенного в начале этой главы, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, что исключение из сельскохозяйственного оборота земли A с помощью известного дополнительного продукта происходит здесь быстрее.

Как при убывающей, так и при повышающейся производительности дополнительных затрат капитала последние могут оказывать различное влияние в зависимости от того, как они распределяются между различными категориями земли. В той мере, в какой это различное влияние будет нивелировать или увеличивать различие, дифференциальная рента с лучших земель, а вместе с тем и общая сумма ренты понизится или повысится, как это было уже в случае с дифференциальной рентой I. В остальном все зависит от величины земельной площади и капитала, пришедшихся на землю A, и от относительного размера авансированного капитала, необходимого при повышающейся производительности для того, чтобы доставить дополнительный продукт для покрытия спроса.

Единственный вопрос, на исследовании которого здесь стоит остановиться и который вообще возвращает нас к исследованию того, как эта дифференциальная прибыль превращается в дифференциальную ренту, заключается в следующем.

В первом случае, когда цена производства не изменяется, дополнительный капитал, вложенный в землю A, не оказывает влияния на дифференциальную ренту как таковую, потому что земля A по-прежнему не приносит ренты, цена ее продукта не изменяется и продолжает регулировать рынок.

Во втором случае, вариант I, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, земля A необходимо выпадает, и тем более она выпадает в варианте II (понижающаяся цена производства при убывающей норме производительности), так как в противном случае дополнительный капитал, вложенный в землю A, должен был бы повысить цену производства. Но здесь, в варианте III второго случая, когда цена произ-

водства понижается вследствие того, что производительность дополнительного капитала повышается, этот дополнительный капитал может быть при известных условиях вложен как в землю А, так и в земли лучшего качества.

Предположим, что дополнительный капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., вложенный в землю А, производит $1\frac{1}{5}$ квартера вместо 1 квартера.

ТАБЛИЦА VI

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$1 + 1\frac{1}{5} = 2\frac{1}{5}$	$2\frac{8}{11}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$2 + 2\frac{2}{5} = 4\frac{2}{5}$	$2\frac{8}{11}$	12	$2\frac{1}{5}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$3 + 3\frac{3}{5} = 6\frac{3}{5}$	$2\frac{8}{11}$	18	$4\frac{2}{5}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$4 + 4\frac{4}{5} = 8\frac{4}{5}$	$2\frac{8}{11}$	24	$6\frac{3}{5}$	18	360%
	4	20	4	24	22	—	60	$13\frac{1}{5}$	36	240%

Эту таблицу следует сравнить, кроме основной таблицы I, и с таблицей II, в которой удвоенная затрата капитала связана с неизменяющейся производительностью, пропорциональной затрате капитала.

Согласно предположению, регулирующая цена производства понижается. Если бы она не изменялась, то есть оставалась бы $= 3$ ф. ст., то наихудшая земля А, не приносявшая раньше, при затрате капитала лишь в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., никакой ренты, теперь стала бы приносить ренту, если даже и никакой новой еще худшей земли не было вовлечено в сельскохозяйственный оборот; это произошло бы вследствие того, что производительность на этой земле увеличилась, но лишь для части капитала, а не для первоначально вложенного капитала. При первой цене производства в 3 ф. ст. получают 1 квартал; при второй — $1\frac{1}{5}$ квартера, но весь продукт в $2\frac{1}{5}$ квартера продается теперь по его средней цене. Так как норма производительности возрастает с дополнительной затратой капитала, то этот случай предполагает улучшение земли. Оно может заключаться в том, что на акр затрачивается вообще больше капитала (больше удобрений, применяется более механизированный труд и т. д.), или же в том, что вообще лишь этот дополнительный капитал дает возможность осуществить качественно отличное более производительное капиталовложение. В обоих случаях при затрате 5 ф. ст. на акр получается продукт в $2\frac{1}{5}$ квартера, тогда как при

затрате половины этого капитала, $2^{1/2}$ ф. ст., получается продукт лишь в 1 квартал. Продукт земли *A*, оставляя в стороне преходящие рыночные отношения, можно было бы по-прежнему продавать по более высокой цене производства, вместо новой средней цены, лишь при том условии, если значительная площадь земель категории *A* по-прежнему возделывалась бы с капиталом всего в $2^{1/2}$ ф. ст. на акр. Но как только новая затрата в 5 ф. ст. капитала на акр и, вместе с тем, более совершенные методы хозяйства приобретут всеобщее распространение, регулирующая цена производства понизится до $2^{8/11}$ фунта стерлингов. Разница между обеими частями капитала исчезла бы, и тогда акр земли *A*, обрабатываемый при помощи капитала в $2^{1/2}$ ф. ст., возделывался бы в действительности ненормально, несоответственно новым условиям производства. Это уже было бы различие не между продуктом различных частей капитала, затраченных на одном и том же акре, а между достаточной и недостаточной общей затратой капитала на акр. Отсюда видно, *во-первых*, что недостаточность капитала в руках большого числа арендаторов (это число должно быть большое, потому что будь оно маленьким, этим арендаторам пришлось бы продавать свой продукт ниже его цены производства) оказывает совершенно такое же влияние, как дифференцирование самих земель по нисходящей линии. Худший способ обработки, примененный на худшей земле, увеличивает ренту с лучшей; он может даже создать ренту с лучшей обрабатываемой земли такого же плохого качества, которая вообще ренты не приносит. Отсюда видно, *во-вторых*, что дифференциальная рента, возникающая из последовательной затраты капитала на одной и той же земельной площади, в действительности превращается в некую среднюю величину, в которой уже нельзя распознать и отличить влияний различных затрат капитала и которые поэтому не порождают ренты на наихудшей земле, а 1) среднюю цену всего продукта, скажем, с одного акра земли *A*, превращают в новую регулирующую цену и 2) представляются как изменение общего количества капитала на акр, которое при новых условиях требуется для удовлетворительной обработки земли и в котором отдельные последовательные затраты капитала и их соответственные влияния слиты настолько, что их нельзя различить. Точно так же обстоит дело и с единичными дифференциальными рентами с лучших земель. Они определяются в каждом случае различием среднего продукта данной категории земли по сравнению с продуктом наихудшей земли при увеличенной, ставшей теперь нормальной, затрате капитала.

Нет земли, которая приносила бы какой-нибудь продукт без затраты капитала. Так, даже при простой дифференциальной ренте, при дифференциальной ренте 1, когда говорят, что 1 акр земли *A*, то есть земли, регулирующей цену производства, дает столько-то продукта, по такой-то цене, и что земли *B*, *C*, *D*, которые

лучше, дают столько-то дифференциального продукта, а потому при существующей регулирующей цене столько-то и столько-то денежной ренты, то при этом всегда предполагается, что затрачен определенный капитал, считающийся при данных условиях производства нормальным капиталом. Совершенно так же, как в промышленности для каждой отрасли требуется определенный минимум капитала для того, чтобы возможно было производить товары по их цене производства.

Если этот минимум изменяется вследствие последовательных затрат капитала на одной и той же земле, связанных с улучшениями, то это происходит постепенно. Пока такой дополнительный производительный капитал не будет приложен к известному числу акров, например, земли *A*, до тех пор то обстоятельство, что цена производства остается без изменения, будет создавать ренту на лучше обрабатываемых акрах земли *A* и повышать ренту на лучших землях *B*, *C*, *D*. Однако как только новый метод ведения хозяйства достигнет такого распространения, что сделается нормой, цена производства понизится; рента, которую дают лучшие участки земли, снова понизится, и с той части земли *A*, которая не располагает капиталом в размере, сделавшемся теперь средним, придется продавать продукты ниже их индивидуальной цены производства, следовательно, ниже уровня, обеспечивающего среднюю прибыль.

То же самое происходит и при понижающейся цене производства, даже при убывающей производительности дополнительного капитала, если вследствие увеличившейся затраты капитала весь необходимый продукт начинают доставлять лучшие категории земли и, таким образом, занятый в производстве капитал отвлекается, например, от земли *A*, так что земля *A* перестает конкурировать в производстве этого определенного продукта, например пшеницы. То количество капитала, которое теперь в среднем затрачивается на относительно лучшей земле *B*, сделавшейся регулирующей землей, становится теперь нормальным; и когда говорится о различном плодородии земельных участков, то предполагается, что на акр затрачивается капитал в этом новом нормальном размере.

С другой стороны, ясно, что этот средний размер затрачиваемого капитала, как, например, в Англии 8 ф. ст. на акр до 1848 г. и 12 ф. ст. после 1848 г.*, образует масштаб при заключении арендных договоров. Для арендатора, затрачивающего больше, добавочная прибыль, во время срока действия арендного договора, не превращается в ренту. Произойдет ли это по истечении арендного договора, будет зависеть от конкуренции арендаторов, которые в состоянии сделать такое же чрезвычайное авансирование. При этом речь не идет о постоянно действующих улучшениях почвы, которые при одинаковой или даже уменьшающейся затрате капитала продол-

* См. настоящий том, ч. 2, с. 254. *Ред.*

жают обеспечивать увеличенный продукт. Хотя эти улучшения и являются продуктом капитала, однако, они оказывают совершенно такое же действие, как различие в природных качествах почвы.

Таким образом, мы видим, что при дифференциальной ренте II учитывается такой момент, который при дифференциальной ренте I как таковой не проявляет своего действия, потому что последняя может по-прежнему существовать независимо от какого бы то ни было изменения нормы капиталовложений на акр. С одной стороны, результаты различных затрат капитала на регулирующей земле *A* стираются, и продукт, получаемый с этой земли, представляется теперь просто нормальным средним продуктом с акра. С другой стороны, изменяется нормальный минимум, или средняя величина затраты капитала на акр, причем это изменение выступает как свойство земли. Наконец, различен и способ превращения добавочной прибыли в форму ренты.

Далее, сравнение таблицы VI с таблицами I и II показывает, что хлебная рента по сравнению с ее размерами в таблице I более чем удвоилась, в сравнении с ее размерами в таблице II увеличилась на $1\frac{1}{5}$ квартера, тогда как денежная рента по сравнению с ее размерами в таблице I удвоилась, а по сравнению с ее размерами в таблице II не изменилась. Она значительно возросла бы, если бы (при прочих равных условиях) большая часть дополнительного капитала пришлось на лучшие категории земли или если бы, с другой стороны, действие дополнительного капитала на земле *A* было менее значительным и, таким образом, регулирующая средняя цена квартера с земли *A* стояла бы выше.

Если бы увеличение плодородия, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, было различным на различного рода землях, это привело бы к изменению дифференциальных рент с этих земель.

Во всяком случае доказано, что при понижении цены производства, совершающемся вследствие повышения нормы производительности дополнительной затраты капитала, — то есть когда эта производительность возрастает в большей пропорции, чем авансированный капитал, — рента с акра, например, при удвоившейся затрате капитала, может не только удвоиться, но и более чем удвоиться. Но она может и понизиться в том случае, если вследствие более быстрого возрастания производительности земли *A* цена производства упадет в еще большей мере.

Если бы мы предположили, что дополнительные затраты капитала увеличили производительность, например, земель *B* и *C* не в такой степени, как производительность земли *A*, так что для земель *B* и *C* пропорциональная разница уменьшилась и увеличившееся количество продукта не возместило бы понижения цены, то по сравнению с таблицей II [денежная] рента на земле *D* не изменилась бы, на землях *B* и *C* понизилась бы.

ТАБЛИЦА VIa

Категория земли	Акра	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт с акра кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A.....	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$1 + 3 = 4$	$1\frac{1}{2}$	6	0	0
B.....	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$2 + 2\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$6\frac{3}{4}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{4}$
C.....	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$3 + 5 = 8$	$1\frac{1}{2}$	12	4	6
D.....	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$4 + 12 = 16$	$1\frac{1}{2}$	24	12	18
Итого	4	20	—	$32\frac{1}{2}$	-	-	$16\frac{1}{2}$	$24\frac{3}{4}$

Наконец, денежная рента повысилась бы в том случае, если бы при том же пропорциональном повышении плодородия на лучшие земельные участки было затрачено больше дополнительного капитала, чем на землю *A*, или если бы дополнительные затраты капитала на лучшие земельные участки приводили к повышению нормы производительности. В обоих случаях разница стала бы возрастать.

Денежная рента понижается, если улучшение, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, уменьшая все разницы или часть их, оказывает большее влияние на землю *A*, чем на земли *B* и *C*. Она понижается тем больше, чем незначительнее повышение производительности лучших земельных участков. От того, насколько велика разница оказываемого влияния, зависит, повысится ли хлебная рента, понизится или останется без перемены.

Денежная рента, а равно и хлебная рента повышаются либо в том случае, если, при неизменяющейся относительной разнице в дополнительном плодородии различных земель, дополнительного капитала на землю, приносящую ренту, будет затрачено больше, чем на землю *A*, не приносящую ренты, и больше капитала будет вложено в землю, которая дает более высокую ренту, чем на землю, дающую более низкую ренту; либо же в том случае, если при одинаковом дополнительном капитале плодородие больше возрастает на лучшей и наилучшей земле, чем на земле *A*, а именно денежная рента и хлебная рента повышаются в соответствии с тем, в какой мере это увеличение плодородия высших категорий земли сильнее, чем увеличение плодородия более низких категорий.

Но, при всех обстоятельствах, рента относительно повышается, когда увеличение производительной силы является следствием дополнительной затраты капитала, а не просто следствием увеличившегося плодородия при неизменившейся затрате капитала. Это — абсолютная точка зрения, которая показывает, что в этом случае, как и во всех прежних, рента и увеличившаяся рента с акра (по-

добно тому, как при дифференциальной ренте I высота средней ренты на всю возделываемую площадь) есть следствие увеличившейся затраты капитала на землю, причем безразлично, функционирует ли эта дополнительная затрата с неизменившейся нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с убывающей нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с повысившейся нормой производительности при понизившихся ценах. Ибо наше предположение таково: постоянная цена при постоянной, понизившейся или повысившейся норме производительности дополнительного капитала, и понизившаяся цена при постоянной, понизившейся и повысившейся норме производительности, сводится к следующему: постоянная норма производительности добавочного капитала при постоянной или понижающейся цене, убывающая норма производительности при постоянной или понижающейся цене, повышающаяся норма производительности при постоянной и понижающейся цене. Хотя во всех этих случаях рента может остаться неизменной и может понизиться, она понизилась бы еще больше, если бы, при прочих равных обстоятельствах, условием повышения плодородия не была дополнительная затрата капитала. В таком случае дополнительная затрата капитала всегда является причиной относительной высоты ренты, хотя бы абсолютно она и понизилась.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

**ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ТРЕТИЙ СЛУЧАЙ:
ПОВЫШАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА. ВЫВОДЫ**

(Повышение цены производства предполагает, что производительность земли наихудшего качества, не приносящей ренты, убывает. Цена производства, принятая нами за регулирующую, может подняться выше 3 ф. ст. за квартал лишь в том случае, если $2\frac{1}{2}$ ф. ст., вложенные в землю А, будут производить меньше 1 квартера или если 5 ф. ст. будут производить меньше 2 кварталов, или если обработке будет подвергнута земля еще худшего качества, чем земля А.

При неизменной или даже повысившейся производительности второй затраты капитала это было бы возможно лишь в том случае, если бы производительность первой затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. уменьшилась. Этот случай встречается довольно часто. Например, если истощенный при мелкой вспашке верхний слой почвы дает при старой системе хозяйствования все меньшие урожаи, а затем извлеченный на поверхность посредством более глубокой вспашки нижний слой благодаря более рациональной обработке начинает давать урожаи выше, чем они были раньше. Но этот специальный случай, строго говоря, сюда не относится. Уменьшение производительности *первой* затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. обуславливает для лучших земель, даже если предполагать для них аналогичные отношения, понижение дифференциальной ренты I; однако здесь мы рассматриваем лишь дифференциальную ренту II. Но так как данный специальный случай не может иметь места, если не предполагается существование дифференциальной ренты II и так как он представляет в действительности отражение изменений дифференциальной ренты I на дифференциальной ренте II, то мы приведем пример, иллюстрирующий этот случай.

Денежная рента, как и продукт в денежном выражении остаются те же, что и в таблице II. Повысившаяся регулирующая цена производства в точности возмещает то, что потеряно на количестве продукта; так как эта цена и количество продукта изменились в обратном отношении, то само собой разумеется, что произведение их остается прежнее.

ТАБЛИЦА VII

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ-водства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2}+1\frac{1}{4}=1\frac{3}{4}$	$\frac{3}{7}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1+2\frac{1}{2}=3\frac{1}{2}$	$\frac{3}{7}$	12	$1\frac{3}{4}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2}+3\frac{3}{4}=5\frac{1}{4}$	$\frac{3}{7}$	18	$3\frac{1}{2}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$2+5=7$	$\frac{3}{7}$	24	$5\frac{1}{4}$	18	360%
	—	20	—		$17\frac{1}{2}$	—	60	$10\frac{1}{2}$	36	240%

В вышеприведенном случае мы предполагали, что производительная сила второй затраты капитала выше, чем первоначальная производительность первой затраты. Дело не изменится, если для второй затраты капитала, как это показано в следующей таблице, мы предположим лишь такую же производительность, какой первоначально характеризовалась первая затрата.

ТАБЛИЦА VIII

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена произ-водства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной при-были
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$\frac{1}{2}+1=1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1+2=3$	4	12	$1\frac{1}{2}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1\frac{1}{2}+3=4\frac{1}{2}$	4	18	3	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2+4=6$	4	24	$4\frac{1}{2}$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

И здесь увеличивающаяся в одинаковом отношении цена производства обуславливает то, что уменьшение производительности вполне уравнивается как по стоимости продукта, так и по сумме денежной ренты.

В чистом виде третий случай выступает лишь при убывающей производительности второй затраты капитала, в то время когда производительность первой затраты не изменяется, как это было всюду принято для первого и второго случаев. Дифференциальная рента I здесь не претерпевает изменений, изменение совершается лишь с той частью ренты, которая составляет дифференциальную

ренту II. Мы приводим два примера: в первом производительность второй затраты капитала предположена уменьшившейся на $1/2$, во втором — на $3/4$.

ТАБЛИЦА IX

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	$1 + 1/2 = 1^{1/2}$	4	6	0	0	0
B	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	$2 + 1 = 3$	4	12	$1^{1/2}$	6	120%
C	1	$2^{1/2} + 1^{1/2} = 5$	1	6	$3 + 1^{1/2} = 4^{1/2}$	4	18	3	12	240%
D	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	$4 + 2 = 6$	4	24	$4^{1/2}$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

Таблица IX та же, что и таблица VIII, но только в таблице VIII уменьшается производительность первой затраты капитала, в IX — второй.

ТАБЛИЦА X

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	$1 + 1/4 = 1^{1/4}$	$4^{4/5}$	6	0	0	0
B	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	$2 + 1/2 = 2^{1/2}$	$4^{4/5}$	12	$1^{1/4}$	6	120%
C	1	$2^{1/2} + 1^{1/2} = 5$	1	6	$3 + 3/4 = 3^{3/4}$	$4^{4/5}$	18	$2^{1/2}$	12	240%
D	1	$2^{1/2} + 2^{1/2} = 5$	1	6	$4 + 1 = 5$	$4^{4/5}$	24	$3^{3/4}$	18	360%
	—	20	—	24	$12^{1/2}$	—	60	$7^{1/2}$	36	240%

В этой таблице продукт в денежном выражении, денежная рента и норма ренты тоже остаются такие же, как в таблицах II, VII и VIII, потому что продукт [ф. ст.] и продажная цена опять-таки изменились в обратном отношении, затрата же капитала осталась та же самая.

Но как обстоит дело в другом случае, возможном при повышающейся цене производства, а именно в том случае, когда худшая земля, которую до сих пор не стоило обрабатывать, теперь начинает возделываться?

Предположим, что такая земля, которую мы назовем *a*, вступает в число конкурирующих земель. В таком случае земля *A*, не приносявшая до того времени ренты, начала бы давать ренту, и вышеприведенные таблицы VII, VIII и X приняли бы следующий вид:

ТАБЛИЦА VIIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производ- ства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
a ...	1	5	1	6	$1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
A ...	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2} + 1\frac{1}{4} = 1\frac{3}{4}$	4	7	$\frac{1}{4}$	1	1
B ...	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + 2\frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$	4	14	2	8	1 + 7
C ...	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3\frac{3}{4} = 5\frac{1}{4}$	4	21	$3\frac{3}{4}$	15	1 + 2×7
D ...	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + 5 = 7$	4	28	$5\frac{1}{2}$	22	1 + 3×7
	—	—	—	30	19	—	76	$11\frac{1}{2}$	46	—

ТАБЛИЦА VIIIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производ- ства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
a	1	5	1	6	$1\frac{1}{4}$	$4\frac{4}{5}$	6	0	0	0
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2} + 1 = 1\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	$7\frac{1}{5}$	$\frac{1}{4}$	$1\frac{1}{5}$	$1\frac{1}{5}$
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + 2 = 3$	$4\frac{4}{5}$	$14\frac{2}{5}$	$1\frac{3}{4}$	$8\frac{2}{5}$	$1\frac{1}{5} + 7\frac{1}{5}$
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2} + 3 = 4\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	$21\frac{4}{5}$	$3\frac{1}{4}$	$15\frac{3}{5}$	$1\frac{1}{5} + 2 \times 7\frac{1}{5}$
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + 4 = 6$	$4\frac{4}{5}$	$28\frac{4}{5}$	$4\frac{3}{4}$	$22\frac{4}{5}$	$1\frac{1}{5} + 3 \times 7\frac{1}{5}$
	5	—	—	30	$16\frac{1}{4}$	—	78	10	48	—

ТАБЛИЦА Ха

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
а ...	1	5	1	6	$1\frac{1}{8}$	$5\frac{1}{3}$	6	0	0	0
А ...	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$1 + \frac{1}{4} = 1\frac{1}{4}$	$5\frac{1}{3}$	$6\frac{2}{3}$	$\frac{1}{8}$	$\frac{2}{3}$	$\frac{2}{3}$
В ...	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$2 + \frac{1}{2} = 2\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{3}$	$13\frac{1}{3}$	$1\frac{3}{8}$	$7\frac{1}{3}$	$\frac{2}{3} + 6\frac{2}{3}$
С ...	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$3 + \frac{3}{4} = 3\frac{3}{4}$	$5\frac{1}{3}$	20	$2\frac{5}{8}$	14	$\frac{2}{3} + 2 \times 6\frac{2}{3}$
Д ...	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	6	$4 + 1 = 5$	$5\frac{1}{3}$	$26\frac{2}{3}$	$3\frac{7}{8}$	$20\frac{2}{3}$	$\frac{2}{3} + 3 \times 6\frac{2}{3}$
		—	—	30	$13\frac{5}{8}$	—	$72\frac{2}{3}$	8	$42\frac{2}{3}$	—

Присоединением земли *а* создается новая дифференциальная рента I, на этой новой основе образуется затем дифференциальная рента II, тоже в измененном виде. Земля *а* обладает в каждой из трех вышеприведенных таблиц различным плодородием: ряд пропорционально повышающихся степеней плодородия начинается лишь с земли *А*. В соответствии с этим располагается и ряд повышающихся рент. Рента, получаемая с наихудшей земли, приносящей ренту, а раньше ее не дававшей, образует постоянную величину, которая просто присоединяется ко всем более высоким рентам; лишь за вычетом этой постоянной величины с ясностью выступает для более высоких рент ряд разниц и его параллелизм с рядом, обозначающим плодородие различных по качеству земель. Во всех таблицах различные степени плодородия, начиная с земли *А* и до земли *Д*, относятся друг к другу, как 1:2:3:4, и соответственно этому относятся друг к другу ренты:

в VIIa, как $1 : (1 + 7) : (1 + 2 \times 7) : (1 + 3 \times 7)$,

в VIIIa, как $1\frac{1}{5} : (1\frac{1}{5} + 7\frac{1}{5}) : (1\frac{1}{5} + 2 \times 7\frac{1}{5}) : (1\frac{1}{5} + 3 \times 7\frac{1}{5})$,

в Ха, как $\frac{2}{3} : (\frac{2}{3} + 6\frac{2}{3}) : (\frac{2}{3} + 2 \times 6\frac{2}{3}) : (\frac{2}{3} + 3 \times 6\frac{2}{3})$.

Короче говоря: если рента с земли *А* = *n*, а рента с земли непосредственно более высокого плодородия = *n* + *m*, то ряд будет такой: *n* : (*n* + *m*) : (*n* + 2*m*) : (*n* + 3*m*) и т. д. — *Ф. Э.*

[Так как вышеприведенный третий случай в рукописи не был разработан, — там имеется лишь его заголовок, — то задачей редактора было по возможности восполнить это, как сделано выше. Кро-

ме того, он должен еще сделать общие выводы, вытекающие из всего предшествующего исследования дифференциальной ренты II с ее тремя главными случаями и девятью производными. Но для этой цели приведенные в рукописи примеры мало пригодны. Во-первых, в них сравниваются участки земли, продукт [ф. ст.] которых с площадями одинаковой величины, относится как 1:2:3:4; следовательно, берется разница, которая уже с самого начала сильно преувеличена и которая при дальнейшем развитии сделанных на этом основании предположений и исчислений приводит к совершенно непомерным числовым отношениям. Во-вторых, они дают повод к совершенно неверному представлению. Если при степенях плодородия, относящихся друг к другу, как 1:2:3:4 и т. д., получаются ренты ряда 0:1:2:3 и т. д., то тотчас же возникает искушение вывести второй ряд из первого и объяснить удвоение, утроение и т. д. рент удвоением, утроением и т. д. всего продукта. Но это было бы совершенно ошибочно. Ренты относятся как 0:1:2:3:4 даже в том случае, когда степени плодородия относятся как $n : (n + 1) : (n + 2) : (n + 3) : (n + 4)$; ренты относятся одна к другой не как *степени* плодородия, а как *разности* плодородия; причем земля, не приносящая ренты, приравнивается к нулю.

Таблицы рукописи следовало привести для разъяснения текста. Но чтобы получить наглядную основу для приведенных ниже результатов исследования, я в дальнейшем даю новый ряд таблиц, в которых продукт дан в бушелях ($\frac{1}{8}$ квартера, или 36,35 литра) и шиллингах (= марке).

Первая таблица (XI) соответствует прежней таблице I. Она дает продукт [ф. ст.] и ренты для земель пяти различных категорий A — E при *первой* затрате капитала в 50 шилл., что вместе с 10 шилл. прибыли составляет 60 шилл. всей цены производства на акр. Количество получаемого хлеба взято небольшое: 10, 12, 14, 16, 18 бушелей с акра. Получающаяся при этом регулирующая цена производства = 6 шилл. за бушель.

Следующие 13 таблиц соответствуют трем случаям дифференциальной ренты II, рассмотренным в этой и двух предшествующих главах, причем *дополнительная* затрата капитала на той же земле предполагается равной 50 шилл. на акр, при постоянной, понижающейся и повышающейся цене производства. Каждый из этих случаев, в свою очередь, изображается как он есть: 1) при неизменяющейся, 2) при понизившейся, 3) при повысившейся производительности второй затраты капитала сравнительно с первой. При этом получаются еще некоторые варианты, благодаря которым картина становится особенно наглядной.

В случае I — постоянная цена производства — мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала (таблица XII).

Вариант 2: Убывающая производительность. Это может произойти лишь при условии, что на земле *A* не делается второй затраты. При этом дело обстоит или

- а) так, что земля *B* тоже не приносит ренты (таблица XIII), или
 - б) так, что земля *B* не становится землей, совершенно не приносящей ренты (таблица XIV).
- » 3: Повышающаяся производительность (таблица XV). И этот случай исключает вторую затрату капитала на земле *A*.

В случае II — понижающаяся цена производства — мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XVI).

- » 2: Убывающая производительность (таблица XVII). Оба эти варианта приводят к тому, что земля *A* перестает входить в число конкурирующих земель, земля *B* перестает приносить ренту и регулирует цену производства.
- » 3: Повышающаяся производительность (таблица XVIII).

Здесь земля *A* остается регулирующей.

В случае III — повышающаяся цена производства — возможны две модификации: земля *A* может остаться землей, не приносящей ренты и регулирующей цену, или же в конкуренцию вступает земля худшего качества, чем земля *A*, и начинает регулировать цену, так что земля *A* уже приносит ренту.

Первая модификация: Земля *A* остается регулирующей.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XIX). Это допустимо лишь при предположении, что производительность первой затраты уменьшается.

- » 2: Убывающая производительность второй затраты (таблица XX). Это не исключает, что производительность первой затраты не изменится.
- » 3: Повышающаяся производительность второй затраты (таблица XXI). Это опять-таки обуславливает убывающую производительность первой затраты.

Вторая модификация: Земля худшего качества (обозначаемая буквой *a*) вступает в конкуренцию; земля *A* приносит ренту.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XXII).

Вариант 2: Убывающая производительность (таблица XXIII).

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XXIV).

Эти три варианта соответствуют общим условиям проблемы и не дают повода к каким-либо замечаниям.

Теперь мы приведем таблицы:

ТАБЛИЦА XI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	60	12	6	72	12	12
C	60	14	6	84	24	2×12
D	60	16	6	96	36	3×12
E	60	18	6	108	48	4×12
		—		—	120	10×12

При второй затрате капитала на той же земле:

Первый случай: При неизменяющейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	$60+60=120$	$10+10=20$	6	120	0	0
B	$60+60=120$	$12+12=24$	6	144	24	24
C	$60+60=120$	$14+14=28$	6	168	48	2×24
D	$60+60=120$	$16+16=32$	6	192	72	3×24
E	$60+60=120$	$18+18=36$	6	216	96	4×24
		—	—		240	10×24

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; на земле *A* не произведено второй затраты.

1) Когда земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	$60+60=120$	$12+8=20$	6	120	0	0
C	$60+60=120$	$14+9\frac{1}{3}=23\frac{1}{3}$	6	140	20	20
D	$60+60=120$	$16+10\frac{2}{3}=26\frac{2}{3}$	6	160	40	2×20
E	$60+60=120$	$18+12=30$	6	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

2) Когда земля *B* не совсем перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XIV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	$60+60=120$	$12+9=21$	6	126	6	6
C	$60+60=120$	$14+10\frac{1}{2}=24\frac{1}{2}$	6	147	27	$6+21$
D	$60+60=120$	$16+12=28$	6	168	48	$6+2\times 21$
E	$60+60=120$	$18+13\frac{1}{2}=31\frac{1}{2}$	6	189	69	$6+3\times 21$
	—	—	—	—	150	$4\times 6+6\times 21$

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; здесь на земле *A* тоже не производится второй затраты.

ТАБЛИЦА XV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60	10	6	60	0	0
B	$60+60=120$	$12+15=27$	6	162	42	42
C	$60+60=120$	$14+17\frac{1}{2}=31\frac{1}{2}$	6	189	69	$42+27$
D	$60+60=120$	$16+20=36$	6	216	96	$42+2\times 27$
E	$60+60=120$	$18+22\frac{1}{2}=40\frac{1}{2}$	6	243	123	$42+3\times 27$
	—	—	—	—	330	$4\times 42+6\times 27$

Второй случай: При уменьшающейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала; земля A исключается из числа конкурирующих земель, земля B перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
B	$60+60=120$	$12+12=24$	5	120	0	0
C	$60+60=120$	$14+14=28$	5	140	20	20
D	$60+60=120$	$16+16=32$	5	160	40	2×20
E	$60+60=120$	$18+18=36$	5	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; земля A исключается из числа конкурирующих земель, земля B перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
B	$60+60=120$	$12+9=21$	$5^{5/7}$	120	0	0
C	$60+60=120$	$14+10^{1/2}=24^{1/2}$	$5^{5/7}$	140	20	20
D	$60+60=120$	$16+12=28$	$5^{5/7}$	160	40	2×20
E	$60+60=120$	$18+13^{1/2}=31^{1/2}$	$5^{5/7}$	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; земля *A* продолжает конкурировать. Земля *B* приносит ренты.

ТАБЛИЦА XVIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	$60+60=120$	$10+15=25$	$4^{4/5}$	120	0	0
B	$60+60=120$	$12+18=30$	$4^{4/5}$	144	24	24
C	$60+60=120$	$14+21=35$	$4^{4/5}$	168	48	2×24
D	$60+60=120$	$16+24=40$	$4^{4/5}$	192	72	3×24
E	$60+60=120$	$18+27=45$	$4^{4/5}$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Третий случай: При повышающейся цене производства.

A. Когда земля *A* остается землей, не приносящей ренты и регулирующей цену.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала, что обуславливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XIX

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	$60 + 60 = 120$	$7\frac{1}{2} + 10 = 17\frac{1}{2}$	$6^6/7$	120	0	0
B	$60 + 60 = 120$	$9 + 12 = 21$	$6^6/7$	144	24	24
C	$60 + 60 = 120$	$10\frac{1}{2} + 14 = 24\frac{1}{2}$	$6^6/7$	168	48	2×24
D	$60 + 60 = 120$	$12 + 16 = 28$	$6^6/7$	192	72	3×24
E	$60 + 60 = 120$	$13\frac{1}{2} + 18 = 31\frac{1}{2}$	$6^6/7$	216	96	4×24
		—	—	—	240	10×24

Вариант 2: При уменьшающейся производительности второй затраты капитала, что не исключает остающейся неизменной производительности первой затраты.

ТАБЛИЦА XX

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	$60 + 60 = 120$	$10 + 5 = 15$	8	120	0	0
B	$60 + 60 = 120$	$12 + 6 = 18$	8	144	24	24
C	$60 + 60 = 120$	$14 + 7 = 21$	8	168	48	2×24
D	$60 + 60 = 120$	$16 + 8 = 24$	8	192	72	3×24
E	$60 + 60 = 120$	$18 + 9 = 27$	8	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала, что при данных предположениях обусловливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XXI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	$60 + 60 = 120$	$5 + 12\frac{1}{2} = 17\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	120	0	0
B	$60 + 60 = 120$	$6 + 15 = 21$	$6\frac{6}{7}$	144	24	24
C	$60 + 60 = 120$	$7 + 17\frac{1}{2} = 24\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	168	48	2×24
D	$60 + 60 = 120$	$8 + 20 = 28$	$6\frac{6}{7}$	192	72	3×24
E	$60 + 60 = 120$	$9 + 22\frac{1}{2} = 31\frac{1}{2}$	$6\frac{6}{7}$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

В. Когда худшая (обозначаемая буквой *a*) земля становится землей, регулирующей цену, и потому земля *A* начинает приносить ренту. Этим допускается неизменяющаяся производительность второй затраты для всех вариантов.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a	120	16	$7\frac{1}{2}$	120	0	0
A	$60 + 60 = 120$	$10 + 10 = 20$	$7\frac{1}{2}$	150	30	30
B	$60 + 60 = 120$	$12 + 12 = 24$	$7\frac{1}{2}$	180	60	2×30
C	$60 + 60 = 120$	$14 + 14 = 28$	$7\frac{1}{2}$	210	90	3×30
D	$60 + 60 = 120$	$16 + 16 = 32$	$7\frac{1}{2}$	240	120	4×30
E	$60 + 60 = 120$	$18 + 18 = 36$	$7\frac{1}{2}$	270	150	5×30
	—	—	—	—	450	15×30

Вариант 2: Убывающая производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a	120	15	8	120	0	0
A	$60 + 60 = 120$	$10 + 7\frac{1}{2} = 17\frac{1}{2}$	8	140	20	20
B	$60 + 60 = 120$	$12 + 9 = 21$	8	168	48	$20 + 28$
C	$60 + 60 = 120$	$14 + 10\frac{1}{2} = 24\frac{1}{2}$	8	196	76	$20 + 2 \times 28$
D	$60 + 60 = 120$	$16 + 12 = 28$	8	224	104	$20 + 3 \times 28$
E	$60 + 60 = 120$	$18 + 13\frac{1}{2} = 31\frac{1}{2}$	8	252	132	$20 + 4 \times 28$
		—	—	—	380	$5 \times 20 + 10 \times 28$

Вариант 3: Повышающаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a ...	120	16	$7\frac{1}{2}$	120	0	0
A ...	$60 + 60 = 120$	$10 + 12\frac{1}{2} = 22\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{2}$	$168\frac{3}{4}$	$48\frac{3}{4}$	$15 + 33\frac{3}{4}$
B ...	$60 + 60 = 120$	$12 + 15 = 27$	$7\frac{1}{2}$	$202\frac{1}{2}$	$82\frac{1}{2}$	$15 + 2 \times 33\frac{3}{4}$
C ...	$60 + 60 = 120$	$14 + 17\frac{1}{2} = 31\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{2}$	$236\frac{1}{4}$	$116\frac{1}{4}$	$15 + 3 \times 33\frac{3}{4}$
D ...	$60 + 60 = 120$	$16 + 20 = 36$	$7\frac{1}{2}$	270	150	$15 + 4 \times 33\frac{3}{4}$
E ...	$60 + 60 = 120$	$18 + 22\frac{1}{2} = 40\frac{1}{2}$	$7\frac{1}{2}$	$303\frac{3}{4}$	$183\frac{3}{4}$	$15 + 5 \times 33\frac{3}{4}$
	—	—			$581\frac{1}{4}$	$5 \times 15 + 15 \times 33\frac{3}{4}$

Из этих таблиц вытекает следующее:

Прежде всего, что ряд рент находится друг к другу точно в таком же отношении, как ряд различий в плодородии, принимая за нулевой пункт регулируемую землю, не приносящую ренты. Рента определяется не абсолютным размером продукта, а лишь разностью в размере продукта. Будут ли различного рода земли

приносить 1, 2, 3, 4, 5 бушелей или 11, 12, 13, 14, 15 бушелей продукта на акр, — рента в обоих случаях составит ряд: 0, 1, 2, 3, 4 бушеля или соответствующие суммы денег.

Но гораздо важнее результат, взятый по отношению ко всей ренте при вторичной затрате капитала на одной и той же земле.

В пяти случаях из исследованных тринадцати *удваивается* вместе с затратой капитала и общая сумма ренты: вместо 12 шилл. $\times$ 10 она становится равной 24 шилл. $\times$ 10 = 240 шиллингам. Случаи эти следующие:

Случай I, постоянная цена, вариант 1: соответственное затратам увеличение производства (таблица XII).

Случай II, понижающаяся цена, вариант 3: возрастающее увеличение производства (таблица XVIII).

Случай III, повышающаяся цена, первая модификация, когда земля *A* остается регулирующей, во всех трех вариантах (таблицы XIX, XX, XXI).

В четырех случаях рента повышается *более чем вдвое*, а именно:

Случай I, вариант 3, постоянная цена, но возрастающее увеличение производства (таблица XV). Сумма рент повышается до 330 шиллингов.

Случай III, вторая модификация, когда земля *A* приносит ренту, во всех трех вариантах. (Таблица XXII, рента = $30 \times 15 = 450$ шиллингам; таблица XXIII, рента = $20 \times 5 + 28 \times 10 = 380$ шиллингам; таблица XXIV, рента = $15 \times 5 + 33\frac{1}{4} \times 15 = 581\frac{1}{4}$ шиллинга.)

В одном случае она *повышается*, но не вдвое по сравнению с рентой, получаемой при первой затрате капитала:

Случай I, постоянная цена, вариант 2: убывающая производительность второй затраты при условиях, когда земля *B* все еще приносит ренту. (Таблица XIV, рента = $6 \times 4 + 21 \times 6 = 150$ шиллингам.)

Наконец, только в трех случаях совокупная рента при второй затрате капитала для всех категорий земли остается на том же уровне, как при первой затрате (таблица XI); это те случаи, когда земля *A* перестает участвовать в конкуренции, а земля *B* становится регулирующей и, следовательно, не приносящей ренты землей. Таким образом, не только отпадает рента с земли *B*, но она убывает в каждом последующем звене ряда рент; этим обуславливается результат. Случаи эти следующие:

Случай I, вариант 2, когда условия таковы, что земля *A* исключается из конкуренции (таблица XIII). Сумма рент равняется 20×6 , следовательно, $12 \times 10 = 120$, как и в таблице XI.

Случай II, варианты 1 и 2. Здесь, согласно предположениям, необходимо исключается из конкуренции земля *A* (таблицы XVI и XVII), и сумма рент опять равняется $20 \times 6 = 12 \times 10 = 120$ шиллингам.

Таким образом, это значит: в громадном большинстве всех возможных случаев вследствие увеличенного вложения капитала в землю рента повышается как на акр земли, приносящей ренту, так и особенно в своей общей сумме. Лишь в трех случаях из исследованных тринадцати общая сумма ренты остается без изменения. Это те случаи, когда земля наихудшего качества, не приносившая до сих пор ренты и игравшая роль регулирующей земли, перестает участвовать в конкуренции, непосредственно следующая за ней лучшая по качеству земля становится на ее место, то есть перестает приносить ренту. Но в этих случаях ренты с земель лучшего качества повышаются сравнительно с теми рентами, которые обязаны своим происхождением первой затрате капитала; если рента на земле *C* понижается с 24 до 20 шилл., то для земель *D* и *E* она повышается с 36 и 48 до 40 и 60 шиллингов.

Понижение общей суммы рент ниже того уровня, которого она достигла при первой затрате капитала (таблица XI), было бы возможно лишь в том случае, если бы, кроме земли *A*, перестала участвовать в конкуренции и земля *B*, так что регулирующей и не приносящей ренты землей сделалась бы земля *C*.

Таким образом, чем больше капитала вкладывается в землю, чем выше развитие земледелия и цивилизации вообще в данной стране, тем выше поднимается рента — как с акра, так и вся сумма рент, тем колоссальнее та дань, которую платит общество крупным землевладельцам в форме добавочной прибыли, пока все категории земли, уже освоенные, сохраняют способность к конкуренции.

Этот закон объясняет удивительную живучесть класса крупных землевладельцев. Никакой другой класс общества не живет так расточительно, как этот, никакой другой не предъявляет такой претензии на традиционную, «положению соответствующую» роскошь, откуда бы ни получались для этого деньги, никакой другой класс не влезает с таким легким сердцем в долги. И тем не менее он всегда выходит из положения благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю и который приносит ему ренту вне всякого соотношения с прибылями, извлекаемыми из земли капиталистом.

Но тот же закон объясняет, почему эта живучесть крупного земельного собственника постепенно иссякает.

Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим земельную аристократию в пауперов. Вместо этого она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по договору, чтобы они вкладывали [капитала] по 12 ф. ст. вместо 8 ф. ст. на акр в год, а во-вторых, землевладельцы, имея очень много представителей в палате общин, добились себе крупной государственной субсидии для осушения своих земель и для других постоянно действующих улучшений. Так как полного вытеснения даже

самой худшей земли нигде не было, а случалось — самое большее — лишь использование ее для других целей, да и то в большинстве случаев только временное, — то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и земельная аристократия оказалась в еще лучших условиях, чем прежде.

Но ничто не вечно. Океанские пароходы, северо- и южноамериканские, а также индийские железные дороги дали возможность конкурировать на европейских хлебных рынках совершенно особым землям. Это были, с одной стороны, североамериканские прерии, аргентинские пампасы, степи, уже от природы пригодные для пашни, девственная почва, которая долгие годы давала богатые урожаи даже при примитивной обработке и без удобрения. С другой стороны, это были земли русских и индийских коммунистических общин, которые должны были продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, которые выжимал из них, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег. И перед лицом этой конкуренции — конкуренции девственной степной земли и земли русских и индийских крестьян, задавленных непосильными податями, — европейский фермер и крестьянин не мог уже при старых рентах держаться. Часть земли в Европе окончательно оказалась не в силах конкурировать в производстве хлеба, ренты повсюду упали, для Европы стал общим правилом наш 2-й случай, 2-й вариант, именно: понижающаяся цена хлеба и понижающаяся производительность добавочных вложений капитала. Отсюда вопли аграриев от Шотландии до Италии и от Южной Франции до Восточной Пруссии. К счастью, еще далеко не все степные земли распаханы; их осталось еще достаточно для того, чтобы разорить все европейское крупное землевладение, да и мелкое в придачу. — Ф. Э.]

Вопросы, по которым нужно исследовать ренту, таковы:

А. Дифференциальная рента.

1) Понятие дифференциальной ренты. Иллюстрация данными о силе воды. Переход к собственно земледельческой ренте.

2) Дифференциальная рента I, происходящая из различия в плодородии различных земельных участков.

3) Дифференциальная рента II, происходящая из последовательной затраты капитала на одной и той же земле. Дифференциальная рента II подлежит исследованию:

а) при постоянной,

б) при убывающей,

- с) при повышающейся цене производства.
- И далее
- d) превращение добавочной прибыли в ренту.
- 4) Влияние этой ренты на норму прибыли.
- B. Абсолютная рента.
- C. Цена земли.
- D. Заключительные замечания о земельной ренте.

Как общий результат рассмотрения дифференциальной ренты получается вообще следующее:

Во-первых: образование добавочной прибыли может происходить различными путями. С одной стороны, на базисе дифференциальной ренты I, то есть на базисе затраты совокупного земледельческого капитала на земельной площади, состоящей из различных по плодородию земель. Далее, в виде дифференциальной ренты II, на базисе различной дифференциальной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же земле, то есть на базисе большей производительности, выраженной, например, в квартерах пшеницы, чем та, которая достигается при той же затрате капитала на наихудшей земле, не приносящей ренты, но регулирующей цену производства. Но каким бы путем ни возникала эта добавочная прибыль, превращение ее в ренту, следовательно, ее переход из рук арендатора в руки земельного собственника всегда предполагает в качестве предварительного условия, что различные действительные индивидуальные цены производства (то есть независимо от общей регулирующей рынок цены производства) отдельных продуктов единичных последовательных затрат капитала предварительно выравниваются в индивидуальную среднюю цену производства. Избыток общей регулирующей цены производства продукта одного акра над этой индивидуальной средней ценой образует и определяет величину ренты на акр. При дифференциальной ренте I различия результатов видны сами по себе, так как они получаются на различных участках земли, находящихся один вне другого и возле другого, — получаются при такой затрате капитала на акр, которая принимается за нормальную, и при соответствующем этой затрате нормальном возделывании. При дифференциальной ренте II различия результатов надо сделать прежде всего видимыми; в самом деле, их сначала приходится превратить обратно в дифференциальную ренту I, а это можно сделать лишь указанным способом. Возьмем, например, таблицу III, стр. 226 *.

Земля B дает в результате первой затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. 2 квартера с акра, а в результате второй затраты, одинаковой по

* См. настоящий том, ч. 2, с. 216. *Ред.*

размеру, — $1\frac{1}{2}$ квартера, в общей сложности — $3\frac{1}{2}$ квартера с одного и того же акра. По этим $3\frac{1}{2}$ квартера, собранным с одной и той же земли, нельзя различить, какая часть является продуктом затраты капитала I и какая продуктом затраты капитала II. В действительности $3\frac{1}{2}$ квартера суть продукт всего капитала в 5 фунтов стерлингов; и фактически дело заключается лишь в том, что капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. принес 2 квартера, а капитал в 5 ф. ст. принес не 4, а $3\frac{1}{2}$ квартера. Дело ничуть не изменилось бы, если бы эти 5 ф. ст. дали 4 квартера, так что продукты обеих затрат капитала были бы одинаковы, или даже 5 кварталов, так что вторая затрата капитала дала бы избыток в 1 квартал. Цена производства первых 2 кварталов равняется $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал, а вторых $1\frac{1}{2}$ квартера — 2 ф. ст. за квартал. Все эти $3\frac{1}{2}$ квартера вместе стоят поэтому 6 фунтов стерлингов. Это индивидуальная цена производства всего продукта, составляющая в среднем 1 ф. ст. $14\frac{2}{7}$ шилл. за квартал, круглым счетом, скажем, $1\frac{3}{4}$ фунта стерлингов. При общей цене производства в 3 ф. ст., определяемой землей A, это дает добавочную прибыль в $1\frac{1}{4}$ ф. ст. за квартал и, следовательно, для всех $3\frac{1}{2}$ квартера — $4\frac{3}{8}$ фунта стерлингов. При средней цене производства на земле B это составит круглым счетом $1\frac{1}{2}$ квартера. Добавочная прибыль, получаемая с земли B, выражается, следовательно, в соответственной части продукта с земли B, в этих $1\frac{1}{2}$ квартера, которые образуют хлебную ренту и которые продаются по общей цене производства за $4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Но, наоборот, избыточный продукт, получаемый с акра земли B, по сравнению с тем, который получается с акра земли A, нельзя считать непосредственно добавочной прибылью, а потому и добавочным продуктом. Согласно предположению, акр земли B производит $3\frac{1}{2}$ квартера, акр земли A — лишь 1 квартал. Избыточный продукт с земли B представляет, следовательно, $2\frac{1}{2}$ квартера, а добавочный продукт — лишь $1\frac{1}{2}$ квартера; потому что в землю B вложен вдвое больший капитал, чем в землю A, и потому вся цена производства на этой земле вдвое больше. Если бы в землю A было также вложено 5 ф. ст. и норма производительности осталась без изменения, то продукт был бы равен 2 квартерам вместо 1, и таким образом стало бы ясным, что действительный добавочный продукт можно найти посредством сравнения не величин $3\frac{1}{2}$ и 1, а величин $3\frac{1}{2}$ и 2; что, следовательно, он равняется не $2\frac{1}{2}$, а всего $1\frac{1}{2}$ квартера. Но, далее, если бы на земле B была произведена третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., которая дала бы лишь 1 квартал, так что этот квартал стоил бы 3 ф. ст., как квартал, произведенный на земле A, то его продажная цена в 3 ф. ст. покрыла бы только всю цену производства, дала бы лишь среднюю прибыль, но не принесла бы никакой добавочной прибыли, а следовательно, и ничего, что могло бы превратиться в ренту. Продукт с акра любой категории земли, по сравнению с продуктом с акра земли A, не показывает ни того,

является ли он продуктом одинаковой или большей затраты капитала, ни того, покрывает ли добавочный продукт только цену производства, или же он обязан своим возникновением более высокой производительности дополнительного капитала.

Во-вторых: при убывающей норме производительности дополнительных затрат капитала, границей которых, — поскольку речь идет об образовании новой добавочной прибыли, — является такая затрата капитала, которая покрывает лишь цену производства, то есть производит квартал столь же дорого, как равная затрата капитала производит его на акре земли *A*, то есть, согласно предположению, за 3 ф. ст., — предел, где вся затрата капитала на акр земли *B* перестает давать ренту, был бы, как следует из вышеизложенного, достигнут тогда, когда индивидуальная средняя цена производства продукта на акре земли *B* повысилась бы до уровня цены производства с акра земли *A*.

Если на земле *B* производятся такие дополнительные затраты капитала, которые лишь окупают цену производства и, следовательно, не образуют добавочной прибыли, а потому и новой ренты, то, хотя это и повышает индивидуальную среднюю цену производства квартала, тем не менее, не затрагивает добавочной прибыли, образовавшейся от прежних затрат капитала, следовательно, не затрагивает ренты, которая раньше могла получаться. Ибо средняя цена производства всегда остается ниже цены производства на земле *A*, а если разница этих цен в расчете на квартал и уменьшается, то количество кварталов увеличивается в том же отношении, так что общее превышение цены остается без изменения.

В приведенном случае две первые затраты капитала в 5 ф. ст. на земле *B* производят $3\frac{1}{2}$ квартала, следовательно, согласно предположению, $1\frac{1}{2}$ квартала ренты = $4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Если сюда присоединится третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст., производящая лишь один дополнительный квартал, то вся цена производства (включая 20% прибыли) $4\frac{1}{2}$ квартала = 9 фунтам стерлингов; следовательно, средняя цена за квартал = 2 фунтам стерлингов. Таким образом, средняя цена производства за квартал на земле *B* поднялась с $1\frac{5}{7}$ до 2 ф. ст., добавочная прибыль с квартала, по сравнению с регулирующей ценой земли *A*, упала следовательно с $1\frac{2}{7}$ до 1 фунта стерлингов. Но $1 \times 4\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов, совершенно так же, как прежде, $1\frac{2}{7} \times 3\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов.

Если бы мы предположили, что на земле *B* были сделаны еще четвертая и пятая дополнительные затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ ф. ст.; затраты, производящие квартал лишь по его общей цене производства, то весь продукт с акра составлял бы теперь $6\frac{1}{2}$ квартала, а вся его цена производства составила бы 15 фунтов стерлингов. Средняя цена производства квартала снова повысилась бы на земле *B* с 2 до $2\frac{4}{13}$ ф. ст., а добавочная прибыль с квартала по сравне-

нию с регулирующей ценой производства на земле *A* снова упала бы с 1 до $\frac{9}{13}$ фунта стерлингов. Но и эти $\frac{9}{13}$ ф. ст. пришлось бы теперь считать на $6\frac{1}{2}$ квартера, вместо прежних $4\frac{1}{2}$. Между тем $\frac{9}{13} \times 6\frac{1}{2} = 1 \times 4\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов.

Отсюда прежде всего следует, что при этих обстоятельствах не требуется никакого повышения регулирующей цены производства для того, чтобы сделать возможными дополнительные затраты капитала на землях, приносящих ренту, возможными даже в таком размере, что дополнительный капитал совсем перестает доставлять добавочную прибыль и дает лишь среднюю прибыль. Из этого следует далее, что здесь сумма добавочной прибыли на акр остается без изменения, как бы ни уменьшалась добавочная прибыль на квартал; это уменьшение всегда уравновешивается соответствующим увеличением кварталов, производимых на акре земли. Для того чтобы средняя цена производства поднялась до уровня общей цены производства (следовательно, достигла бы 3 ф. ст. на земле *B*), должны быть сделаны такие дополнительные затраты капитала, продукт которых обладал бы более высокой ценой производства, чем регулирующая цена в 3 фунта стерлингов. Но мы увидим, что этого одного тоже недостаточно, чтобы повысить среднюю цену производства квартера на земле *B* до уровня общей цены производства в 3 фунта стерлингов.

Предположим, что на земле *B* были произведены:

1) $3\frac{1}{2}$ квартера, цена производства которых, как и прежде, = 6 фунтам стерлингов; следовательно, две затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ ф. ст. каждая, причем обе образуют добавочные прибыли, но в уменьшающемся размере.

2) 1 квартал за 3 фунта стерлингов; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства была бы равна регулирующей цене производства.

3) 1 квартал за 4 фунта стерлингов; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства на 33% выше регулирующей цены.

Мы имели бы тогда $5\frac{1}{2}$ квартера с акра за 13 ф. ст., при затрате капитала в $10\frac{7}{10}$ фунта стерлингов; первоначальная затрата капитала возросла бы в четыре раза, но продукт первой затраты капитала не увеличился бы и в три раза.

$5\frac{1}{2}$ квартера за 13 ф. ст. дают среднюю цену производства в $2\frac{1}{11}$ ф. ст. за квартал, следовательно, при регулирующей цене производства в 3 ф. ст., избыток в $\frac{7}{11}$ ф. ст. с квартера; этот избыток может превратиться в ренту. $5\frac{1}{2}$ квартера при продаже по регулирующей цене в 3 ф. ст. дают $16\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. За вычетом всей цены производства в 13 ф. ст. остается $3\frac{1}{2}$ ф. ст. добавочной прибыли, или ренты; эти $3\frac{1}{2}$ ф. ст., считая по теперешней средней цене производства квартера на земле *B*, то есть по $2\frac{1}{11}$ ф. ст. за квартал, являются теперь представителем $1\frac{25}{52}$ квар-

тера. Денежная рента понизилась бы на 1 ф. ст., хлебная рента — приблизительно на $\frac{1}{2}$ квартера, но несмотря на то, что четвертая дополнительная затрата капитала на земле *B* не только не производит добавочной прибыли, но дает меньше, чем среднюю прибыль, по-прежнему продолжает получаться добавочная прибыль и рента. Если мы предположим, что, кроме затраты капитала 3), и затрата 2) производит по цене, превышающей регулирующую цену производства, то все производство составит: $3\frac{1}{2}$ квартера за 6 ф. ст. + + 2 квартера за 8 ф. ст., итого $5\frac{1}{2}$ квартера за цену производства в 14 фунтов стерлингов. Средняя цена производства квартера была бы = $2\frac{6}{11}$ ф. ст., что оставляло бы избыток в $\frac{5}{11}$ фунта стерлингов. Эти $5\frac{1}{2}$ квартера, проданные по 3 ф. ст., дают $16\frac{1}{2}$ фунта стерлингов; за вычетом 14 ф. ст. всей цены производства остается $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на ренту. При теперешней средней цене производства на земле *B* это составило бы $\frac{55}{56}$ квартера. Следовательно, рента все еще продолжает получаться, хотя и в меньшем размере, чем раньше.

Во всяком случае это показывает, что на лучших земельных участках при дополнительных затратах капитала, продукт которых обходится дороже регулирующей цены производства, рента, — по крайней мере в пределах, допустимых практикой, — не исчезает, а лишь уменьшается соответственно тому, с одной стороны, какую долю всего затраченного капитала составляет этот менее производительный капитал, а с другой стороны — соответственно уменьшению его производительности. Средняя цена производства его продукта все же была бы ниже регулирующей цены и потому все еще оставалась бы добавочная прибыль, которая могла бы превратиться в ренту.

Предположим теперь, что средняя цена производства квартера на земле *B* совпадает с общей ценой производства, что явилось следствием четырех последовательных затрат капитала ($2\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, 5 и 5 ф. ст.) с убывающей производительностью.

	Капитал ф. ст.	При- быль ф. ст.	Про- дукт кварт.	Цена производства		Про- дажная цена ф. ст.	Про- дукт ф. ст.	Избыток для ренты	
				за кварт. ф. ст.	всего ф. ст.			кварт.	ф. ст.
1)	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	2	$1\frac{1}{2}$	3	3	6	1	3
2)	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	2	3	3	$4\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$
3)	5	1	$1\frac{1}{2}$	4	6	3	$4\frac{1}{2}$	— $\frac{1}{2}$	— $1\frac{1}{2}$
4)	5	1	1	6	6	3	3	— 1	— 3
	15	3	6	—	18	—	18	0	0

В данном случае арендатор продает каждый квартал по его индивидуальной цене производства, и потому все количество кварталов продается им по их средней цене производства, совпадающей с регулирующей ценой в 3 фунта стерлингов. Он получает поэтому на свой капитал в 15 ф. ст. по-прежнему 20% прибыли = 3 фунтам стерлингов. Но рента исчезла. Куда же девался избыток при этом выравнивании индивидуальных цен производства каждого квартала с общей ценой производства?

Добавочная прибыль с первой затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. равнялась 3 фунтам стерлингов; со второй в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. она равнялась $1\frac{1}{2}$ фунта стерлингов; в общей сложности добавочная прибыль на $\frac{1}{3}$ авансированного капитала, то есть на 5 ф. ст., была = $4\frac{1}{2}$ ф. ст. = 90%.

При затрате капитала 3) 5 ф. ст. не только не приносят добавочной прибыли, но продукт ее в $1\frac{1}{2}$ квартала, проданный по общей цене производства, дает минус в $1\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Наконец, при затрате капитала 4), тоже в 5 ф. ст., продукт ее в 1 квартал, проданный по общей цене производства, дает минус в 3 фунта стерлингов. Следовательно, обе затраты капитала, взятые вместе, дают минус в $4\frac{1}{2}$ ф. ст., равный добавочной прибыли в $4\frac{1}{2}$ ф. ст., которая получилась от затрат капитала 1) и 2).

Добавочная прибыль и этот общий минус прибыли взаимно уничтожаются. Поэтому рента исчезает. Но в действительности это возможно лишь потому, что те элементы прибавочной стоимости, которые составляли добавочную прибыль или ренту, входят теперь в образование средней прибыли. Фермер получает эту среднюю прибыль в размере 3 ф. ст. на 15 ф. ст., или в размере 20% за счет ренты.

Выравнивание индивидуальной средней цены производства B с общей ценой производства A , регулирующей рыночную цену, предполагает, что разность между индивидуальной ценой продукта первых затрат капитала и превышающей ее регулирующей ценой все более и более уравновешивается и в конце концов уничтожается разницей, на которую цена продукта последующих затрат капитала начинает превышать регулирующую цену. Таким образом то, что представляется добавочной прибылью, пока продукт первых затрат капитала продается отдельно, становится постепенно частью средней цены производства и тем самым входит в образование средней прибыли, пока, наконец, не будет совсем поглощено последней.

Если бы вместо 15 ф. ст. капитала, вложенного в землю B , на этой земле было затрачено всего 5 ф. ст., а показанные в последней таблице дополнительные $2\frac{1}{2}$ квартала были произведены таким образом, что $2\frac{1}{2}$ акра земли A были бы возделаны вновь при помощи капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. на акр, то затраченный дополнительный капитал составил бы всего $6\frac{1}{4}$ ф. ст., а вся затрата на землях A и B ,

сделанная для производства этих 6 кварталов, составила бы всего $11\frac{1}{4}$ ф. ст. вместо 15 ф. ст., и вся цена их производства, включая и прибыль, составила бы $13\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Эти 6 кварталов по-прежнему продавались бы за 18 ф. ст., но затрата капитала уменьшилась бы на $3\frac{3}{4}$ ф. ст., и рента с земли *B* составляла бы, как и прежде, $4\frac{1}{2}$ ф. ст. на акр. Иначе обстоит бы дело, если бы для производства дополнительных $2\frac{1}{2}$ квартала пришлось прибегнуть к худшей, чем *A*, земле, к A_1, A_2 , так что цена производства квартала для $1\frac{1}{2}$ квартала на земле $A_1 = 4$ ф. ст., а для последнего квартала на земле $A_2 = 6$ фунтам стерлингов. В таком случае 6 ф. ст. сделались бы регулирующей ценой производства квартала. Эти $3\frac{1}{2}$ квартала с земли *B* были бы проданы за 21 ф. ст. вместо $10\frac{1}{2}$ ф. ст., что дало бы ренту в 15 ф. ст. вместо $4\frac{1}{2}$ ф. ст., а хлебная рента составила бы $2\frac{1}{2}$ квартала вместо $1\frac{1}{2}$ квартала. Точно так же один квартал с земли *A* теперь дал бы ренту в 3 ф. ст. $= 1\frac{1}{2}$ квартала.

Прежде чем заняться дальнейшим исследованием этого вопроса, сделаем одно замечание.

Средняя цена квартала с земли *B* выравнивается, совпадает с общей ценой производства в 3 ф. ст. для квартала, регулируемой землей *A*, как только часть всего капитала, производящая дополнительные $1\frac{1}{2}$ квартала, уравнивается той частью всего капитала, которая недопроизводит $1\frac{1}{2}$ квартала. Когда именно это будет достигнуто или сколько капитала с недостаточной производительной силой должно быть для этого затрачено на земле *B*, это зависит при данной добавочной производительности первых затрат капитала от относительно недостаточной производительности последующих затрат капитала, — недостаточной по сравнению с производительностью равновеликой затраты капитала на наихудшей регулирующей земле *A*, или от индивидуальной цены производства продукта этих последующих затрат, по сравнению с регулирующей ценой.

Из предыдущего прежде всего следует:

Во-первых. До тех пор, пока дополнительные капиталы затрачиваются на одной и той же земле с относительно более высокой производительностью, пусть даже убывающей, рента с акра как хлебная, так и денежная, абсолютно возрастает, хотя относительно, по сравнению с авансированным капиталом (следовательно, как норма добавочной прибыли или ренты), она уменьшается. Пределом здесь служит тот дополнительный капитал, который приносит лишь среднюю прибыль или для продукта которого индивидуальная цена производства совпадает с общей ценой производства. Цена производства при этих условиях остается без изменения, если только производство на худших землях не станет

излишним вследствие увеличившегося предложения. Даже при уменьшающихся ценах эти дополнительные капиталы могут в известных пределах все еще производить добавочную прибыль, хотя и менее значительную.

Во-вторых. Затрата дополнительного капитала, который производит только среднюю прибыль и добавочная производительность которого, следовательно, $= 0$, ничего не изменяет в высоте образовавшейся добавочной прибыли, а потому и ренты. Индивидуальная средняя цена производства квартера на лучших землях вследствие этого возрастает, избыток, получаемый с квартера, уменьшается, но количество кварталов, дающих такой уменьшенный избыток, увеличивается, так что общий результат не изменяется.

В-третьих. Дополнительные затраты капитала, которые дают продукт с индивидуальной ценой производства, превышающей регулируемую цену, следовательно, добавочная производительность которых не только $= 0$, но ниже нуля, с минусом, то есть ниже, чем производительность равной затраты капитала на регулирующей земле A , — такая дополнительная затрата все больше приближает индивидуальную среднюю цену всего продукта на лучших землях к общей цене производства, следовательно, все больше уменьшает между ними разницу, которая образует добавочную прибыль, соответственно ренту. Все большая и большая часть того, что раньше составляло добавочную прибыль или ренту, входит в образование средней прибыли. Тем не менее, весь капитал, затраченный на акр земли B , продолжает приносить добавочную прибыль, хотя она уменьшается вместе с увеличением массы капитала недостаточной производительности и с увеличением степени этой недостаточной производительности. При возрастающем капитале и увеличивающемся производстве рента, получаемая с акра, уменьшается здесь абсолютно, а не только относительно, по сравнению с возрастающим размером затраченного капитала, как во втором случае.

Исчезнуть рента может только в том случае, если индивидуальная средняя цена производства всего продукта на лучшей земле B совпадает с регулирующей ценой, следовательно, если вся добавочная прибыль первых, более производительных затрат капитала войдет в образование средней прибыли.

Крайним пределом уменьшения ренты с акра является тот пункт, когда она вовсе исчезает. Но этот предел наступает не сразу после того, как дополнительные затраты капитала начинают производить с недостаточной производительностью, а после того, как дополнительная затрата капитала с недостаточной производительностью приобретает такие размеры, что ее влияние уничтожает более высокую производительность первых затрат капитала, и производительность всего затраченного капитала становится равной производительности капитала, вложенного в землю A , а потому

индивидуальная средняя цена квартера с земли *B* становится равной индивидуальной средней цене квартера с земли *A*.

Но и в этом случае регулирующая цена производства в 3 ф. ст. с квартера не изменилась бы, хотя рента и исчезла бы. Только за этим пределом цена производства должна была бы повыситься вследствие увеличения либо степени недостаточной производительности дополнительного капитала, либо величины самого этого дополнительного капитала при той же степени недостаточной производительности. Если бы, например, в вышеприведенной таблице на стр. 265 * на той же земле производилось по 4 ф. ст. $2\frac{1}{2}$ квартера, а не $1\frac{1}{2}$ квартера, то мы имели бы в общем 7 кварталов, вся цена производства которых равнялась бы 22 фунтам стерлингов; квартал стоил бы $3\frac{1}{7}$ фунта стерлингов; то есть он стоил бы на $\frac{1}{7}$ ф. ст. дороже общей цены производства, и последняя должна была бы повыситься.

Таким образом, еще долгое время можно было бы затрачивать дополнительный капитал с недостаточной и даже все понижающейся производительностью, пока индивидуальная средняя цена квартера на лучших земельных участках не станет равна общей цене производства, пока не исчезнет совершенно избыток последней над первой, а вместе с тем и не исчезнут совершенно добавочная прибыль и рента.

Даже и в этом случае с исчезновением ренты с лучших земель индивидуальная средняя цена их продукта только совпала бы с общей ценой производства, следовательно, все еще не потребовалось бы повышения этой последней.

В вышеприведенном примере на лучшей земле *B*, находящейся, однако, на последнем месте в ряду лучших или приносящих ренту земель, $3\frac{1}{2}$ квартера производятся при помощи капитала в 5 ф. ст., обладающего добавочной производительностью, и $2\frac{1}{2}$ квартера производятся при помощи капитала в 10 ф. ст., обладающего недостаточной производительностью, в общей сложности получается 6 кварталов, следовательно, $\frac{5}{12}$ этого количества производится при помощи этих последних частей капитала, затраченных с недостаточной производительностью. И только в этом пункте индивидуальная средняя цена производства 6 кварталов повышается до 3 ф. ст. за квартал, следовательно, совпадает с общей ценой производства.

Но в условиях собственности на землю последние $2\frac{1}{2}$ квартера не могли бы быть произведены подобным образом по 3 ф. ст. за квартал, исключая тот случай, когда они могли бы быть произведены на новых $2\frac{1}{2}$ акра земли *A*. Случай, когда дополнительный капитал производит уже только по общей цене производства, явился бы пределом. При этом дополнительные затраты капитала на такой земле прекращаются.

* См. настоящий том, ч. 2, с. 260. *Ред.*

В самом деле, раз арендатору пришлось после двух первых затрат капитала заплатить $4\frac{1}{2}$ ф. ст. ренты, то он должен ее продолжать уплачивать, и каждая затрата капитала, которая произвела бы квартал дороже 3 ф. ст., вызвала бы сокращение его прибыли. Это препятствует, при недостаточной производительности, выравниванию индивидуальной средней цены.

Возьмем этот случай в прежнем примере, когда цена производства на земле А в 3 ф. ст. за квартал регулирует цену для земли В.

Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Цена производства за кварт. ф. ст.	Продажная цена		Добавочная прибыль ф. ст.	Убыток ф. ст.
					за кварт. ф. ст.	итого ф. ст.		
$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	2	$1\frac{1}{2}$	3	6	3	—
$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	$1\frac{1}{2}$	2	3	$4\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	—
5	1	6	$1\frac{1}{2}$	4	3	$4\frac{1}{2}$	—	$1\frac{1}{2}$
5	1	6	1	6	3	3	—	3
15	3	18	—	—	—	18	$4\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$

Цена производства $3\frac{1}{2}$ квартера при двух первых затратах капитала тоже составляет для арендатора 3 ф. ст. за квартал, так как ему приходится уплачивать ренту в $4\frac{1}{2}$ ф. ст., причем разница между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства попадает таким образом не в его карман. Следовательно, избыток цены продукта двух первых затрат капитала не может ему послужить возмещением дефицита в цене продуктов третьей и четвертой затрат капитала.

$1\frac{1}{2}$ квартера от затраты капитала 3) стоят фермеру, включая и прибыль, 6 фунтов стерлингов; но при регулирующей цене в 3 ф. ст. за квартал он может продать их лишь за $4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Следовательно, он потерял бы не только всю прибыль, но сверх того $\frac{1}{2}$ ф. ст., или 10% затраченного капитала в 5 фунтов стерлингов. Его потеря в прибыли и капитале при затрате капитала 3) равнялась бы $1\frac{1}{2}$ ф. ст., а при затрате капитала 4) — 3 ф. ст., итого $4\frac{1}{2}$ ф. ст., ровно столько, сколько составляет рента от более производительных затрат капитала; индивидуальная цена производства, получающаяся при этих более производительных затратах, именно потому не может оказать выравнивающего влияния на индивидуальную среднюю цену производства всего продукта земли В, что избыток ее приходится выплатить в виде ренты третьему лицу.

Если бы для удовлетворения спроса пришлось произвести дополнительные $1\frac{1}{2}$ квартера при помощи третьей затраты капита-

ла, то регулирующая рыночная цена должна была бы подняться до 4 ф. ст. за квартал. Вследствие такого вздорожания регулирующей рыночной цены рента на земле *B* для первой и второй затрат капитала повысилась бы, а земля *A* начала бы давать ренту.

Итак, хотя дифференциальная рента есть лишь формальное превращение добавочной прибыли в ренту и хотя собственность на землю дает здесь собственнику лишь возможность переместить добавочную прибыль из рук арендатора в свои, тем не менее оказывается, что последовательная затрата капитала на одну и ту же земельную площадь или, что сводится к тому же, увеличение капитала, затраченного на одной и той же земельной площади, при убывающей норме производительности капитала и неизменяющейся регулирующей цене, гораздо скорее достигает предела, следовательно, достигает в действительности более или менее искусственной границы как раз вследствие этого формального превращения добавочной прибыли в земельную ренту, являющегося следствием земельной собственности. Таким образом, повышение общей цены производства, которое становится здесь необходимым, когда границы для него уже, чем обычно, не только служит здесь причиной повышения дифференциальной ренты, но само существование дифференциальной ренты как таковой является в то же время причиной того, что общая цена производства раньше и быстрее повышается, чтобы таким образом обеспечить ставшее необходимым увеличенное предложение продукта.

Необходимо далее заметить следующее:

Дополнительная затрата капитала на земле *B* не могла бы повысить регулирующей цены до 4 ф. ст., как в приведенном выше примере, если бы земля *A* в результате второй затраты капитала доставляла добавочный продукт дешевле 4 ф. ст., или если бы в конкуренции стала участвовать новая, худшая, чем *A*, земля, цена производства на которой хотя и выше 3, но ниже 4 фунтов стерлингов. Таким образом, мы видим, что дифференциальная рента I является базисом для дифференциальной ренты II, вместе с тем они служат пределом друг для друга, благодаря чему то производится последовательная затрата капитала на одном и том же земельном участке, то производится затрата капитала одна рядом с другой на новой дополнительной земле. Точно так же они ограничивают друг друга и в иных случаях, когда, например, очередь доходит до лучших земель.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

**ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА ТАКЖЕ
И С НАИХУДШЕЙ ИЗ ВОЗДЕЛЫВАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ**

Предположим, что спрос на хлеб повышается и что предложение может быть покрыто лишь посредством последовательных вложений капитала с недостаточной производительностью в земли, приносящие ренту, или посредством дополнительных вложений капитала, тоже с убывающей производительностью, в землю *A*, или посредством вложений капитала в новые земли худшего качества, чем земля *A*.

Возьмем землю *B* в качестве примера земель, приносящих ренту.

Дополнительная затрата капитала требует повышения рыночной цены выше 3 ф. ст. за квартал, которые до сих пор были регулирующей ценой производства, чтобы на земле *B* возможно было дополнительное производство 1 квартера (который может представлять здесь 1 миллион кварталов, как каждый акр — 1 миллион акров). На землях *C* и *D* и т. д., на землях с наивысшей рентой, тоже может быть получен дополнительный продукт, но лишь при убывающей добавочной производительной силе; однако предполагается, что 1 квартал с земли *B* необходим для удовлетворения спроса. Если этот один квартал можно дешевле произвести посредством дополнительного капитала на земле *B*, чем посредством равной затраты дополнительного капитала на земле *A* или на земле еще более низкой категории — *A*₁, которая, например, может произвести квартал лишь за 4 ф. ст., между тем как дополнительный капитал на земле *A* мог бы произвести квартал уже за $3\frac{3}{4}$ ф. ст., то дополнительный капитал, затраченный на земле *B*, стал бы регулировать рыночную цену.

Земля *A* по-прежнему произвела 1 квартал за 3 фунта стерлингов. Земля *B* тоже, как и раньше, произвела в общей сложности $3\frac{1}{2}$ квартера, индивидуальная цена производства которых состав-

ляет в итоге 6 фунтов стерлингов. Теперь, если бы на земле *B* потребовалась прибавка в 4 ф. ст. к цене производства (включая и прибыль), чтобы произвести один новый квартал, между тем как на земле *A* его можно произвести при такой прибавке в $3\frac{3}{4}$ ф. ст., то, само собой разумеется, он был бы произведен на земле *A*, а не на земле *B*. Но предположим, что он может быть произведен на земле *B* при прибавке в $3\frac{1}{2}$ ф. ст. к цене производства. В этом случае $3\frac{1}{2}$ ф. ст. сделались бы регулирующей ценой для всего производства. Тогда с земли *B* продавался бы продукт в $4\frac{1}{2}$ квартера за $15\frac{3}{4}$ фунта стерлингов. Из этой суммы на цену производства первых $3\frac{1}{2}$ квартера приходится 6 ф. ст. и на последний квартал — $3\frac{1}{2}$ ф. ст., итого $9\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Остается добавочная прибыль для ренты = $6\frac{1}{4}$ ф. ст., между тем как раньше она была равна всего $4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. В этом случае акр земли *A* тоже принес бы ренту в $\frac{1}{2}$ ф. ст., но цену производства в $3\frac{1}{2}$ ф. ст. стала бы регулировать не наихудшая земля *A*, а сравнительно лучшая земля *B*. При этом, конечно, предполагается, что новая земля категории *A*, будучи расположенной так же, как земля, возделывавшаяся до сих пор, недоступна и что пришлось бы сделать вторую затрату капитала на уже возделываемом участке *A*, но при большей цене производства, или пришлось бы обратиться к еще худшей земле *A*₁. Как только последовательные затраты капитала начнут давать дифференциальную ренту II, пределы повышающейся цены производства могут регулироваться лучшей землей, и худшая земля, базис дифференциальной ренты I, может тогда тоже приносить ренту. Таким образом, принимая во внимание только дифференциальную ренту, все возделываемые земли стали бы тогда приносить ренту. В таком случае мы имели бы две следующие таблицы, в которых под ценой производства подразумевается сумма авансированного капитала плюс 20% прибыли, следовательно, на каждые $2\frac{1}{2}$ ф. ст. капитала по $\frac{1}{2}$ ф. ст. прибыли, итого 3 фунта стерлингов.

Категория земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	3	3	0	0
B	1	6	$3\frac{1}{2}$	3	$10\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$
C	1	6	$5\frac{1}{2}$	3	$16\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$
D	1	6	$7\frac{1}{2}$	3	$22\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{2}$	$16\frac{1}{2}$
Итого	4	21	$17\frac{1}{2}$		$52\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$	$31\frac{1}{2}$

Таково положение вещей до новой затраты капитала в $3\frac{1}{2}$ ф. ст. на земле В, приносящей только 1 квартал. После этой затраты дело обстоит таким образом:

Категория земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	$3\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$\frac{1}{7}$	$\frac{1}{2}$
B	1	$9\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$15\frac{3}{4}$	$1\frac{11}{14}$	$6\frac{1}{4}$
C	1	6	$5\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$19\frac{1}{4}$	$3\frac{11}{14}$	$13\frac{3}{4}$
D	1	6	$7\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$26\frac{1}{4}$	$5\frac{11}{14}$	$20\frac{1}{4}$
Итого	4	$24\frac{1}{2}$	$18\frac{1}{2}$	—	$64\frac{3}{4}$	$11\frac{1}{2}$	$40\frac{1}{4}$

{Это опять не совсем верно вычислено. Арендатору В производство этих $4\frac{1}{2}$ квартера обходится, во-первых, в $9\frac{1}{2}$ ф. ст. цены производства и, во-вторых, в $4\frac{1}{2}$ ф. ст. ренты, итого в 14 фунтов стерлингов; в среднем за квартал = $3\frac{1}{9}$ фунта стерлингов. Эта средняя цена для всего его производства становится, таким образом, регулирующей рыночной ценой. Поэтому рента на земле А составила бы $\frac{1}{9}$ ф. ст. вместо $\frac{1}{2}$ ф. ст., а рента на земле В осталась бы по-прежнему $4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов; $4\frac{1}{2}$ квартера по $3\frac{1}{9}$ ф. ст. = 14 фунтам стерлингов; если из этой суммы вычесть $9\frac{1}{2}$ ф. ст. всей цены производства, то добавочная прибыль составила бы $4\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Итак, несмотря на то, что цифры должны быть изменены, пример показывает, как при посредстве дифференциальной ренты II относительно лучшая земля, уже приносящая ренту, может сделаться регулирующей цену и благодаря этому вся земля, в том числе и не приносящая до того времени ренты, может превратиться в приносящую ренту. — Ф. Э.]

Хлебная рента должна повыситься, раз повышается регулирующая цена производства хлеба, то есть коль скоро повышается цена производства квартера хлеба на регулирующей земле, или регулирующая затрата капитала на одной из земель. Это все равно, как если бы все земли сделались менее плодородными и производили бы, например, на каждые $2\frac{1}{2}$ ф. ст. новых затрат капитала всего по $\frac{5}{7}$ квартера вместо 1 квартера. Весь тот избыток хлеба, который они производят при той же затрате капитала, превращается в добавочный продукт, в котором представлена добавочная прибыль, а потому и рента. Если предположить, что норма прибыли остается прежняя, то фермер мог бы кушать на свою прибыль меньшее количество хлеба. Норма прибыли может остаться прежняя,

если заработная плата не повысится, — потому ли, что ее снизили до физического минимума, то есть ниже нормальной стоимости рабочей силы, или потому что сравнительно дешевле стали другие предметы потребления рабочих, доставляемые промышленностью, или потому что рабочий день удлинен или сделался интенсивнее и вследствие этого норма прибыли в неzemледельческих отраслях производства, регулирующая, однако, земледельческую прибыль, осталась прежняя, если не повысилась; или же потому что в земледелии по сравнению с промышленностью затрачивается относительно больше постоянного капитала и меньше переменного.

Итак, мы рассмотрели первый путь возникновения ренты на земле A , — которая до сих пор была наихудшей, — без того, чтобы к возделыванию была привлечена еще более худшая земля; именно, возникновение ренты, благодаря разнице индивидуальной цены производства на этой земле, которая до сих пор была регулирующей, по сравнению с той новой, более высокой ценой производства, по которой последний дополнительный капитал, затраченный с недостаточной производительной силой на сравнительно лучшей земле, доставляет необходимый дополнительный продукт.

Если бы дополнительный продукт пришлось произвести на земле A_1 , которая может доставить квартал лишь за 4 ф. ст., то рента с акра на земле A повысилась бы до 1 фунта стерлингов. Но в этом случае земля A_1 передвинулась бы на место A , как наихудшая из возделываемых земель, а земля A вступила бы как низшее звено в ряд земель, приносящих ренту. Дифференциальная рента I изменилась бы. Таким образом, этот случай лежит за пределами рассматриваемой здесь дифференциальной ренты II, которая возникает из различной производительности последовательных затрат капитала на одном и том же участке земли.

Но, кроме этого, дифференциальная рента на земле A может возникнуть еще двояким образом.

В том случае, когда при изменяющейся цене, — какова бы она ни была, хотя бы это была понизившаяся по сравнению с прежней цена, — дополнительная затрата капитала создает добавочную производительность, что *prima facie* * до известной границы всегда должно иметь место как раз на наихудшей земле.

Во-вторых, в том случае, когда производительность последовательных затрат капитала на земле A , напротив, понижается.

В обоих случаях предполагается, что увеличение производства диктуется состоянием спроса.

Но здесь с точки зрения дифференциальной ренты выступает особое затруднение в связи с ранее выведенным законом, согласно которому общую цену производства для всей продукции (или

* — прежде всего. *Ред.*

для всей затраты капитала) всегда определяет индивидуальная средняя цена производства одного квартера. Ведь для земли *A*, в противоположность лучшим землям, цена производства, которая ограничивает для новых затрат капитала выравнивание индивидуальной цены производства с общей ценой производства, дана не извне. Ибо как раз индивидуальная цена производства на земле *A* и есть та самая общая цена производства, которая регулирует рыночную цену.

Предположим:

1) При повышающейся производительной силе последовательных затрат капитала на 1 акре земли *A*, авансировав капитал в 5 ф. ст., что соответствует 6 ф. ст. цены производства, можно произвести 3 вместо 2 кварталов. Первая затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. доставляет 1 квартал, вторая — 2 квартера. В этом случае 6 ф. ст. всей цены производства дают 3 квартера, следовательно, квартал будет стоить в среднем 2 фунта стерлингов; таким образом, если 3 квартера будут проданы по 2 ф. ст., то земля *A* по-прежнему не принесет ренты, но изменится лишь основа дифференциальной ренты II; регулирующей ценой производства стали 2 ф. ст. вместо 3 фунтов стерлингов; на наихудшей земле капитал в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. производит теперь в среднем $1\frac{1}{2}$ вместо 1 квартера, и это теперь официальное плодородие для всех земель более высокого качества при затрате в $2\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. С этого времени часть их прежнего добавочного продукта входит в образование их необходимого продукта, подобно тому как часть их прежней добавочной прибыли — в образование средней прибыли.

Если, напротив, произвести расчет таким же способом, как он сделан на лучших землях, где средний расчет ничего не изменяет в абсолютной величине добавочной части, потому что для них общая цена производства дана как граница затраты капитала, то квартал от первой затраты капитала стоит 3 ф. ст., а 2 квартера от второй затраты — всего по $1\frac{1}{2}$ фунта стерлингов. Таким образом, на земле *A* возникла бы хлебная рента в 1 квартал, или денежная рента в 3 ф. ст., но эти 3 квартера продавались бы по старой цене — за 9 фунтов стерлингов. Если бы последовала третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ ф. ст. с такой же продуктивностью, как вторая, то были бы произведены теперь в общей сложности 5 кварталов при 9 ф. ст. цены производства. Если бы индивидуальная средняя цена производства на земле *A* осталась регулирующей, то квартал пришлось бы теперь продавать по $1\frac{4}{5}$ фунта стерлингов. Средняя цена опять понизилась бы не вследствие нового повышения производительности третьей затраты капитала, а лишь вследствие присоединения новой затраты капитала с такой же дополнительной производительностью, как вторая. Вместо того чтобы повысить ренту, как это было бы на землях, приносящих ренту, последовательные затраты капитала относительно более высокой, но неизменяющейся произ-

водительности, сделанные на земле *A*, соответственно понизили бы цену производства, а вместе с тем при прочих равных условиях и дифференциальную ренту на всех других категориях земли. Напротив, если бы первая затрата капитала, которая производит 1 квартал за 3 ф. ст. цены производства, осталась регулирующей сама по себе, то 5 кварталов были бы проданы за 15 ф. ст., и дифференциальная рента от позднейших затрат капитала на земле *A* составила бы 6 фунтов стерлингов. Присоединение дополнительного капитала к акру земли *A*, в какой бы форме ни совершилось оно, было бы в этом случае улучшением, и дополнительный капитал сделал бы более производительной и первоначальную часть капитала. Было бы бессмыслицей утверждать, что $\frac{1}{3}$ капитала произвела 1 квартал, а остальные $\frac{2}{3}$ произвели 4 квартала. 9 ф. ст. на акр все же производили бы 5 кварталов, между тем как 3 ф. ст. производят только 1 квартал. Возникла бы здесь рента, добавочная прибыль, или нет, — это всецело зависело бы от конкретных обстоятельств. Нормально регулирующая цена производства должна была бы понизиться. Так будет при том условии, если это улучшенное, а потому связанное с увеличенными издержками возделывание имеет место на земле *A* лишь потому, что оно имеет место и на сравнительно лучших землях, то есть если произойдет общая революция в земледелии; и если теперь идет речь о естественном плодородии земли *A*, то уже подразумевается, что на нее затрачено 6 или 9 ф. ст. вместо 3 фунтов стерлингов. Это в особенности бывает, когда обработке по новому методу подвергается большая часть земли *A*, доставляющая в данной стране основную массу продуктов. Но если бы улучшение охватило сначала лишь небольшую долю площади *A*, то эта лучше возделываемая часть стала бы доставлять добавочную прибыль, которую землевладелец, не теряя времени, постарался бы превратить целиком или отчасти в ренту и фиксировать как ренту. Таким образом, если бы спрос повышался вместе с предложением, то постепенно, по мере того, как земля *A* на всей своей площади подвергается новому методу обработки, могла бы образоваться рента на всей земле *A*, и результаты добавочной производительности, целиком или отчасти, смотря по условиям рынка, оказались бы конфискованными. Следовательно, выравнивание цены производства на земле *A* по средней цене продукта, получаемого с земли *A* при увеличении затрат капитала, могло бы задерживаться фиксированием в форме ренты той добавочной прибыли, которая получается от этой увеличенной затраты капитала. В этом случае опять, как мы это видели раньше на лучших землях при убывающей производительной силе дополнительных капиталов, превращение добавочной прибыли в земельную ренту, то есть вмешательство земельной собственности, повысило бы цену производства, так что дифференциальная рента не была бы просто следствием различий между индивидуальной и общей ценами произ-

водства. Это воспрепятствовало бы совпадению обеих цен для земли A , потому что воспрепятствовало бы регулированию цены производства средней ценой производства на земле A ; следовательно, оно удержало бы цену производства на более высоком уровне, чем это необходимо, и таким образом создало бы ренту. Такой результат мог бы сложиться или удержаться даже при свободном ввозе хлеба из-за границы, потому что той земле, которая, не принося ренты, могла бы выдержать конкуренцию в возделывании хлеба и в том случае, если цена производства определяется извне, фермеры теперь были бы вынуждены дать другое назначение, например отвести ее под выпас скота, и таким образом возделыванием хлеба были бы заняты лишь земли, приносящие ренту, то есть лишь земли, на которых индивидуальная средняя цена производства за квартал стоит ниже цены производства, определяемой извне. В общем можно принять, что в данном случае цена производства понизится, однако не до уровня средней цены, и будет стоять выше его, но ниже цены производства на хуже возделываемой земле A , так что конкуренции новой земли A ставится предел.

2) *При убывающей производительной силе дополнительных капиталов.*

Предположим, что земля A_1 могла бы произвести дополнительный квартал лишь за 4 ф. ст., а земля A — за $3\frac{3}{4}$, то есть дешевле, чем A_1 , но на $\frac{3}{4}$ ф. ст. дороже, чем квартал, произведенный первой затратой капитала на земле A . В этом случае совокупная цена двух произведенных на земле A кварталов была бы $= 6\frac{3}{4}$ фунта стерлингов; следовательно, средняя цена за квартал $= 3\frac{3}{8}$ фунта стерлингов. Цена производства повысилась бы, но всего на $\frac{3}{8}$ ф. ст., между тем как если бы дополнительный капитал был затрачен на новой земле, которая производит квартал за $3\frac{3}{4}$ ф. ст., она повысилась бы еще на $\frac{3}{8}$ ф. ст., до $3\frac{3}{4}$ ф. ст., и этим было бы вызвано соответствующее повышение всех остальных дифференциальных рент.

Цена производства в $3\frac{3}{8}$ ф. ст. за квартал на земле A таким образом выравнилась бы по средней цене производства на той же земле при увеличившейся затрате капитала и стала бы регулиющей; следовательно, здесь не получилось бы ренты, потому что не было бы добавочной прибыли.

Но если бы этот квартал, произведенный второй затратой капитала, был продан за $3\frac{3}{4}$ ф. ст., то земля A дала бы теперь ренту в $\frac{3}{4}$ ф. ст., и притом на все акры земли A , на которых не было бы сделано дополнительной затраты капитала и которые, следовательно, по-прежнему производят квартал за 3 фунта стерлингов. Пока существуют еще невозделанные участки земли A , цена могла бы лишь временно повыситься до $3\frac{3}{4}$ фунта стерлингов. Конкуренция новых участков земли A удерживала бы цену производства

на 3 ф. ст., пока не была бы исчерпана вся та земля А, благоприятное положение которой позволяет производить квартал дешевле, чем за $3\frac{3}{4}$ фунта стерлингов. Следовательно, приходится делать это допущение, хотя когда один акр земли приносит ренту, собственник земли не уступит фермеру другого акра без ренты.

Опять-таки от большего или меньшего распространения второй затраты капитала на имеющейся земле А зависит, выравнивается ли цена производства по средней цене или же регулирующей будет индивидуальная цена производства при второй затрате капитала в $3\frac{3}{4}$ фунта стерлингов. Регулирующей ценой становится $3\frac{3}{4}$ ф. ст. только в том случае, если землевладелец успеет, пока не будет удовлетворен спрос, фиксировать в качестве ренты ту добавочную прибыль, которая получалась бы при цене в $3\frac{3}{4}$ ф. ст. за квартал.

О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха⁷⁶. Мы видели, что последовательное уменьшение добавочной производительной силы затрат капитала постоянно увеличивает ренту с акра, при неизменяющейся цене производства, и что оно может привести к этому даже при понижающейся цене производства.

Но вообще должно заметить следующее.

С точки зрения капиталистического способа производства всегда имеет место относительное удорожание продуктов, если для получения того же продукта делается затрата, если должно оплачиваться нечто такое, что прежде не оплачивалось. Ибо под возмещением капитала, потребленного в производстве, следует понимать только возмещение стоимостей, которые представлены в определенных средствах производства. Элементы природы, входящие в производство как агенты его, ничего не стоят, — эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в него не как составные части капитала, а как даровая естественная сила капитала, то есть как даровая естественная производительная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает, однако, подобно вообще всякой производительной силе, как производительная сила капитала. Следовательно, если в производстве принимает участие такая естественная сила, которая первоначально ничего не стоит, то она не входит в расчет при определении цены, пока продукт, изготавливаемый при ее помощи, достаточен для удовлетворения потребности. Но если со временем потребуется больше продукта, чем можно изготовить с помощью этой естественной силы, то есть если придется производить дополнительный продукт без помощи этой естественной силы, или при содействии человека, человеческого труда, то в капитал войдет новый дополнительный элемент. Следовательно, для получения

прежнего продукта будет сделана относительно большая затрата капитала. При прочих равных условиях произойдет вздорожание производства.

(Из тетради с пометкой «Начато в середине февраля 1876 года». [Ф. Э.])

Дифференциальная рента и рента как всего лишь процент на вложенный в землю капитал.

Так называемые мелиоративные работы продолжительного действия, — которые изменяют физические, отчасти и химические свойства почвы посредством операций, стоящих затраты капитала, и которые могут рассматриваться как вложение капитала в землю, — почти все сводятся к тому, чтобы определенному участку земли, почве в определенном ограниченном месте придать такие свойства, которыми другая почва, в другом месте, зачастую совсем близко, обладает от природы. Поверхность одного массива земли является ровной от природы, поверхность другого — приходится выравнивать; один обладает естественными стоками для воды, другой требует искусственного дренажа; один от природы обладает глубоким пахотным горизонтом, на другом его необходимо углубить искусственно; одна глинистая почва от природы смешана с надлежащим количеством песка, у другой еще необходимо искусственно создать надлежащее отношение; один луг орошается от природы или покрывается илом, на другом этого приходится достигать с помощью труда, или, говоря языком буржуазной политической экономии, с помощью капитала.

Поистине забавна теория, согласно которой в этом случае на одной земле, относительные преимущества которой искусственно созданы, рента есть процент, а на другой земле, которая обладает этими преимуществами от природы, не есть процент*. (На деле же вопрос извращается таким образом, что раз в одном случае рента действительно совпадает с процентом, ее и в других случаях, когда фактически этого нет, надо называть процентом, ложно изображать в виде процента.) Но после того как произведена затрата капитала, земля приносит ренту не потому, что в нее вложен капитал, а потому, что затрата капитала превратила землю в более производительную сферу вложений, чем до этого. Предположим, что вся земля известной страны требует такой затраты капитала; в таком случае каждому участку земли, на котором она еще не была сделана, предстоит пройти эту стадию, и рента (процент, который участок в данном случае приносит), которую дает земля, уже поглотившая такую затрату капитала, точно так же является дифференциальной рентой, как если бы эта земля от природы обла-

* См. настоящий том, ч. 2, с. 151, *Ред.*

дала этим преимуществом, а остальной земле приходилось бы приобретать его лишь искусственным способом.

И эта сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой, как только затраченный капитал будет амортизирован. Иначе оказалось бы, что один и тот же капитал как капитал существует вдвойне.

Одно из самых забавных явлений заключается в том, что все противники Рикардо, оспаривающие определение стоимости исключительно трудом, выдвигают против объяснения дифференциальной ренты различием между землями то обстоятельство, что здесь стоимость определяется природой, а не трудом; и в то же время приписывают это определение местоположению или — и в еще большей мере — даже проценту на капитал, вложенный в землю при ее обработке. Один и тот же труд придает одинаковую стоимость продукту, изготовленному в течение данного времени; но объем или количество этого продукта, а следовательно, и та часть стоимости, которая приходится на соответственную часть этого продукта, зависит при данном количестве труда единственно от количества продукта, а последнее, в свою очередь, от производительности данного количества труда, а не от абсолютной величины этого количества. Обязана ли эта производительность своим происхождением природе или обществу, совершенно безразлично. Только в том случае, когда она сама стоит труда, следовательно, капитала, она в той или иной мере увеличивает цену производства, тогда как природа этого не делает.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

АБСОЛЮТНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

При анализе дифференциальной ренты мы исходили из предположения, что наихудшая земля не приносит земельной ренты или, выражаясь в более общей форме, что земельную ренту приносит только такая земля, на которой индивидуальная цена производства ниже цены производства, регулирующей рынок, благодаря чему возникает добавочная прибыль, которая превращается в ренту. Необходимо прежде всего заметить, что закон дифференциальной ренты, как дифференциальной ренты, совершенно не зависит от правильности или неправильности этого предположения.

Если общую, регулирующую рынок цену производства мы обозначим буквой P , то P для продукта наихудшей земли A совпадает с индивидуальной ценой производства на этой земле; то есть цена оплачивает потребленный в производстве постоянный и переменный капитал плюс средняя прибыль (= предпринимательскому доходу плюс процент).

Рента в этом случае равна нулю. Индивидуальная цена производства на ближайшей по качеству земле категории $B = P'$, и $P > P'$; то есть P оплачивает более чем действительную цену производства продукта земли категории B . Пусть теперь $P - P' = d$; поэтому d , избыток P над P' , есть та добавочная прибыль, которую извлекает арендатор земли категории B . Это d превращается в ренту, которую приходится уплачивать собственнику земли. Пусть для земли третьей категории C действительной ценой производства будет P'' , и пусть $P - P'' = 2d$; следовательно, эти $2d$ превращаются в ренту; точно так же для земли четвертой категории D индивидуальная цена производства пусть будет P''' , а $P - P''' = 3d$, которые превращаются в земельную ренту, и т. д. Будем считать теперь ошибочным предположение, что для земли категории A рента = 0, а потому цена ее продукта = $P + 0$. Пусть, напротив, и она дает ренту = r . В этом случае мы имели бы результат двоякого рода.

Во-первых: цена продукта земли категории A не регулировалась бы ценой производства на этой земле, а содержала бы некоторый избыток над этой ценой, была бы равна $P + r$. Ибо раз предполагается нормальный ход капиталистического производства, то есть раз предполагается, что избыток r , уплачиваемый фермером земельному собственнику, не представляет вычета ни из заработной платы, ни из средней прибыли на капитал, то фермер может выплачивать его лишь благодаря тому, что его продукт продается дороже цены производства, что он, следовательно, дал бы ему добавочную прибыль, если бы не приходилось отдавать этот избыток в форме ренты земельному собственнику. В таком случае регулирующая рыночная цена всего находящегося на рынке продукта всех категорий земли была бы не той ценой производства, которую дает капитал вообще во всех сферах производства, то есть не ценой, равной издержкам плюс средняя прибыль, но была бы ценой производства плюс рента, $P + r$, а не P . Ибо цена продукта земли категории A выражает вообще предел регулирующей общей рыночной цены, той цены, по которой может быть доставлен совокупный продукт, и постольку она регулирует цену этого совокупного продукта.

Однако, *во-вторых*, хотя общая цена продукта земли подверглась бы в этом случае существенной модификации, этим отнюдь не был бы снят закон дифференциальной ренты. Ибо, если цена продукта земли A , а тем самым и общая рыночная цена $= P + r$, то цена продукта земель B , C , D и т. д. тоже была бы $= P + r$. Но так как для земли B $P - P' = d$, то $(P + r) - (P' + r)$ тоже было бы $= d$, а для земли C , в свою очередь, $P - P'' = (P + r) - (P'' + r)$ было бы $= 2d$, как, наконец, для земли D , $P - P''' = (P + r) - (P''' + r) = 3d$ и т. д. Итак, дифференциальная рента осталась бы прежняя и регулировалась бы все тем же законом, хотя рента заключала бы теперь в себе элемент, независимый от этого закона, и одновременно с ценой продукта земли подверглась бы общему повышению. Отсюда следует, что как бы ни обстояло дело с рентой наименее плодородных категорий земли, от этого не только не зависит закон дифференциальной ренты, но единственный способ понять самую природу дифференциальной ренты заключается в том, чтобы ренты земли категории A приравнять нулю. Действительно ли она $= 0$ или > 0 , безразлично, поскольку речь идет о дифференциальной ренте и на деле не принимается в расчет.

Итак, закон дифференциальной ренты не зависит от результата дальнейшего исследования.

Теперь, если спросить далее, на чем основывается предположение, что продукт земли наихудшей категории A не дает ренты, то ответ необходимо будет таков: Если рыночная цена продукта земли, скажем хлеба, достигает такого уровня, что дополнительно авансированный капитал, вложенный в землю A , оплачивает обычную

цену производства, то есть дает на капитал обычную среднюю прибыль, то этого условия достаточно для того, чтобы в землю *A* вкладывался дополнительный капитал. То есть для капиталиста достаточно этого условия, чтобы использовать нормальным способом новый капитал, получать обычную прибыль.

Здесь следует заметить, что и в этом случае рыночная цена должна стоять выше, чем цена производства на земле *A*. Ибо как только возникнет дополнительное предложение, то изменится явно и соотношение спроса и предложения. Прежде предложение было недостаточно, теперь оно достаточно. Следовательно, цена должна понизиться. Но чтобы она могла понизиться, для этого требуется, чтобы она раньше стояла на более высоком уровне, чем цена производства на земле *A*. Но более низкое плодородие вновь обрабатываемой земли *A* приводит к тому, что цена не упадет снова до такого низкого уровня, как в то время, когда рынок регулировала цена производства продукта земли категории *B*. Цена производства на земле *A* образует границу не для временного, а для относительно постоянного повышения рыночной цены. — Напротив, если вновь возделываемая земля плодороднее, чем земля *A*, которая была до того времени регулирующей, и, однако, ее достаточно лишь для покрытия дополнительного спроса, то рыночная цена остается без изменений. Исследование вопроса, приносит ли ренту низшая категория земли, и в этом случае совпадает с тем, которым мы заняты теперь: и здесь предположение, что земля *A* не приносит ренты, объяснялось бы достаточностью рыночной цены как раз только для того, чтобы капиталистический фермер мог покрыть ею примененный капитал плюс средняя прибыль; короче говоря, такое предположение объяснялось бы тем, что рыночная цена дает ему цену производства его товара.

Во всяком случае капиталистический фермер, поскольку он должен действовать как капиталист, может при этих условиях возделывать землю *A*. Итак, условие для нормального использования капитала на земле *A* налицо. Но из той предпосылки, что капитал мог бы быть вложен фермером в землю *A* в соответствии со средними условиями увеличения стоимости капитала, хотя он не мог бы платить ренту, отнюдь не следует вывод, что эта относящаяся к категории *A* земля будет немедленно предоставлена в распоряжение арендатора. То обстоятельство, что арендатор использует свой капитал с обычной прибылью, если ему не придется платить ренту, для земельного собственника вовсе не основание даром предоставлять свою землю арендатору и быть настолько филантропом по отношению к этому своему партнеру, чтобы предоставлять ему *crédit gratuit* *. Подобное предположение означает абстрагирование от земельной собственности, уничтожение земельной

* даровой кредит. *Ред.*

собственности, существование которой как раз и образует границу для затраты капитала и для свободного применения его к земле, — границу, которая отнюдь не рушится от одного простого соображения арендатора, что, если бы ему не пришлось уплачивать ренту, то есть если бы он мог на практике считать земельную собственность несуществующей, уровень хлебных цен позволил бы ему извлечь из своего капитала посредством эксплуатации земли *A* обычную прибыль. Но монополия земельной собственности, земельная собственность как граница для капитала, предполагается уже дифференциальной рентой, так как без этого добавочная прибыль не превратилась бы в земельную ренту и не досталась бы земельному собственнику вместо арендатора. И земельная собственность как граница продолжает существовать и там, где рента как дифференциальная рента не существует, то есть на земле *A*. Если мы рассмотрим случаи, когда в стране капиталистического производства капитал может вкладываться в землю без платежа ренты, то мы найдем, что все они предполагают, если не юридическое, то фактическое уничтожение земельной собственности, уничтожение, которое, однако, может произойти лишь при совершенно определенных и случайных по своему характеру обстоятельствах.

Во-первых, когда сам земельный собственник — капиталист, или сам капиталист — земельный собственник. Если рыночная цена поднялась достаточно для того, чтобы на той земле, которая является теперь землей *A*, можно было извлечь цену производства, то есть возместить капитал плюс среднюю прибыль, то он может в этом случае *сам вести хозяйство* на своем участке земли. Но почему? Потому что по отношению к нему земельная собственность не создает какой-либо границы для приложения его капитала. Он может распоряжаться землей просто как элементом природы и потому может руководствоваться исключительно соображениями об использовании своего капитала, капиталистическими соображениями. Такие случаи встречаются на практике, но только как исключения. Так же, как капиталистическое возделывание земли предполагает разделение функционирующего капитала и земельной собственности, совершенно так же оно исключает, как правило, ведение хозяйства самим земельным собственником. Последний сам ведет хозяйство лишь в редких случаях. Если увеличившийся спрос на хлеб требует возделывания большего количества земли *A*, чем ее имеется у собственников, которые сами ведут хозяйство, то есть если часть земли *A* должна быть заарендована для того, чтобы она вообще могла обрабатываться, тогда тотчас же отпадает гипотетическое отсутствие * той границы, которую земельная собственность создает для приложения капитала. Получается абсурд-

* В оригинале сказано: «представление»; исправлено на основании рукописи Маркса. *Ред.*

ное противоречие, когда исходят из соответствующего капиталистическому способу производства обособления капитала и земли, арендатора и земельного собственника, а потом, наоборот, предполагают, что, как правило, земельные собственники сами ведут хозяйство всюду там, где капитал, при отсутствии независимой от него и противостоящей ему земельной собственности, не извлекал бы из обработки земли никакой ренты. (См. у А. Смита место о ренте с рудников, цитированное значительно ниже*.) Это уничтожение земельной собственности имеет случайный характер. Оно может произойти и не произойти.

Во-вторых: среди арендуемых земель могут быть такие отдельные участки земли, которые при данном уровне рыночных цен не приносят ренты, следовательно, фактически сдаются даром, но которые земельный собственник не считает такими, потому что для него существует общая сумма ренты с земли, сдаваемой в аренду, а не особые ренты составляющих ее отдельных участков. В этом случае для фермера, поскольку принимаются во внимание те арендуемые участки земли, которые не приносят ренты, земельная собственность как граница приложения капитала отпадает и притом отпадает в силу самого договора с земельным собственником. Но он не платит ренты за эти участки только потому, что он платит ренту за землю, к которой они составляют придаток. В этом случае предполагается как раз такая комбинация, когда приходится прибегать к земле худшей категории *A* не как к самостоятельному, новому полю производства, с целью ликвидировать недостаток предложения, а как такому, которое вклинивается в лучшую землю. Подлежащий исследованию случай как раз тот, когда приходится самостоятельно вести хозяйство на участках земли *A*, следовательно, когда они при наличии общих предпосылок капиталистического способа производства самостоятельно сдаются в аренду.

В-третьих: арендатор может затратить дополнительный капитал на свою прежнюю аренду, хотя при существующих рыночных ценах получаемый таким образом дополнительный продукт доставляет ему лишь цену производства, приносит обычную прибыль, но не дает возможности платить дополнительную ренту. Таким образом, с одной части капитала, вложенного в землю, он уплачивает земельную ренту, с другой — нет. Но насколько мало это предположение разрешает проблему, видно из следующего: если рыночная цена (а также плодородие земли) дает ему возможность получать на дополнительный капитал добавочный продукт, который, подобно старому капиталу, приносит ему кроме цены производства известную добавочную прибыль, то до истечения срока договора об аренде он берет эту добавочную прибыль себе. Но почему? Потому что пока продолжается срок арендного договора,

* См. настоящий том, ч. 2, с. 304. *Ред.*

отпадает образуемая земельной собственностью граница для приложения его капитала к земле. Однако то простое обстоятельство, что для обеспечения ему этой добавочной прибыли необходимо, чтобы дополнительная земля худшего качества самостоятельно подверглась возделыванию и была самостоятельно сдана в аренду, неопровержимо доказывает, что затраты дополнительного капитала на старой земле недостаточны для обеспечения требующегося повышенного предложения. Одно предположение исключает другое. Правда, теперь можно было бы сказать: сама рента с наихудшей земли *A* есть дифференциальная рента по сравнению либо с землей, которая возделывается самим собственником (однако это бывает лишь как случайное исключение), либо с дополнительной затратой капитала на тех старых арендных участках, которые не приносят ренты. Но это, во-первых, была бы такая дифференциальная рента, которая возникала бы не из различия плодородия различных земель и которая поэтому *не* предполагала бы, что земля *A* не приносит ренты и что продукт ее продается по цене производства. А, во-вторых, приносят ли или не приносят ренту дополнительные затраты капитала на том же арендуемом участке, так же совершенно безразлично для того обстоятельства, что вновь возделываемая земля категории *A* приносит или не приносит ренту, как, например, для учреждения нового самостоятельного промышленного предприятия безразлично, вкладывает ли другой фабрикант той же отрасли производства в процентные бумаги часть своего капитала, которую он не может целиком использовать в своем предприятии, или же он предпринимает некоторое расширение своего предприятия, хотя это расширение не приносит ему полной прибыли, но все же дает больше, чем процент. Это для него дело второстепенное. Напротив, дополнительные новые предприятия должны приносить среднюю прибыль и учреждаются в надежде на среднюю прибыль. Конечно, дополнительные затраты капитала на старых арендах и дополнительное возделывание новой земли категории *A* образуют границы. Предел, до которого на старой аренде может затрачиваться дополнительный капитал при менее благоприятных условиях производства, определяется конкурирующими новыми затратами на земле *A*; с другой стороны, рента, которую может приносить земля этой категории, ограничивается конкурирующими дополнительными затратами капитала на старых арендах.

Однако все эти фальшивые увертки не разрешают проблемы, которая в простой постановке такова: предположим, что рыночная цена хлеба (который в этом исследовании представляет для нас продукт земли вообще) достаточна для того, чтобы возделывалась частично и земля *A* и чтобы капитал, затраченный на эти новые поля, выручил цену производства продукта, то есть возмещение капитала плюс средняя прибыль. Итак, предположим, что в налич-

ности имеются условия для нормального применения капитала на земле категории А. Достаточно ли этого? Действительно ли можно в таком случае затратить этот капитал? Или же рыночная цена должна повыситься настолько, чтобы ренту приносила и наихудшая земля А? То есть налагает ли монополия земельного собственника такую границу затрате капитала, которой не было бы с чисто капиталистической точки зрения, если бы не существовало этой монополии? Уже из условий поставленного вопроса вытекает, что если, например, на старых арендах существуют дополнительные капиталовложения, которые при данной рыночной цене не приносят никакой ренты, а дают лишь среднюю прибыль, это обстоятельство несколько не решает вопроса, может ли действительно быть вложен капитал в землю А, которая также приносила бы среднюю прибыль, но не давала бы ренты. Но в этом как раз и заключается вопрос. Что дополнительные затраты капитала, не приносящие ренты, не удовлетворяют спроса, это доказывается необходимостью привлечения для обработки новой земли А. Если дополнительное возделывание земли А имеет место лишь постольку, поскольку она приносит ренту, следовательно, избыток над ценой производства, тогда возможны только два случая. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, все равно будет ли последняя присвоена арендатором или земельным собственником. Это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля А не может быть возделана, если она не даст ренты. Ибо если бы для возделывания было достаточно только цены производства, одной только средней прибыли, то цена не повысилась бы до такой степени и конкуренция новых участков земли уже началась бы, как только они стали бы приносить одни эти цены производства. В таком случае с дополнительными затратами капитала на старых арендах, не приносящими ренты, стали бы конкурировать затраты капитала на земле А, которые тоже не приносят ренты. — Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того, чтобы земля А начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля А не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту. Без последнего условия обработка ее началась бы уже при более низком уровне цены, и те позднейшие затраты капитала на старых арендуемых участках, которые, для того чтобы приносить обычную прибыль без ренты, требуют высокой рыночной цены, не могли бы иметь места. Ведь и при высокой рыночной цене они приносят лишь среднюю прибыль. Следовательно, при более низкой цене,

которая при обработке земли *A* стала бы регулировать цену производства на ней, они не приносили бы этой прибыли, следовательно, при этом предположении вообще не могли бы быть произведены. Конечно, рента с земли *A* образовала бы таким образом дифференциальную ренту, по сравнению с этими затратами капитала на старых арендуемых участках, которые не приносят ренты. Но если участки земли *A* создают такую дифференциальную ренту, это лишь следствие того, что они вообще недоступны для возделывания, если только не станут приносить ренту, то есть следствие того, что возникает необходимость этой ренты, которая сама по себе не обуславливается различиями земель и которая создает границу для возможного приложения дополнительных капиталов на старых арендах. В обоих случаях рента с земли *A* была бы не простым следствием повышения цены хлеба, а наоборот: то обстоятельство, что наихудшая земля должна приносить ренту для того, чтобы ее вообще возделывали, было бы причиной повышения цены хлеба до такого пункта, когда представилась бы возможность осуществить это условие.

Дифференциальная рента имеет ту особенность, что земельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы и, при известных обстоятельствах, пока не истечет срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор. Земельная собственность является здесь лишь причиной перенесения возникшей без содействия этой собственности (а скорее вследствие того, что цена производства, регулирующая рыночную цену, определяется конкуренцией) известной части цены товара, которая сводится к добавочной прибыли, — причиной перенесения этой части цены от одного лица к другому, от капиталиста к земельному собственнику. Но земельная собственность здесь не причина, которой *создается* эта составная часть цены или то повышение цены, которое является предпосылкой этой части цены. Напротив, если наихудшая земля категории *A* не может возделываться, — хотя возделывание ее принесло бы цену производства, — пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является причиной, создающей *это* повышение цены. *Собственность на землю сама создала ренту.* Дело несколько не изменяется от того, что, как во втором разобранным случае, рента, уплачиваемая теперь с земли *A*, образует дифференциальную ренту, по сравнению с теми последними дополнительными затратами капитала на старых арендах, которые выручают лишь цену производства. Ибо только то обстоятельство, что земля *A* не может быть возделана, пока регулирующая рыночная цена не поднимется настолько высоко, что земля *A* будет в состоянии приносить ренту, — только это обстоятельство и является здесь причиной повышения рыночной цены до пункта, на котором последние затраты капитала на

старых арендах выручают, правда, лишь свою цену производства, но такую цену производства, которая в то же время приносит ренту для земли А. То обстоятельство, что с последней вообще должна уплачиваться рента, является здесь причиной образования дифференциальной ренты между землей А и последними затратами капитала на прежних арендах.

Если мы вообще говорим, что, — предполагая регулирование цены хлеба ценой производства, — земля категории А не приносит ренты, то мы имеем в виду ренту в том значении этого слова, которое выражает сущность категории. Если фермер уплачивает арендную плату, составляющую вычет то ли из нормальной заработной платы его рабочих, то ли из его собственной нормальной средней прибыли, то он не уплачивает никакой ренты, никакой самостоятельной составной части цены товара, отличной от заработной платы и прибыли. Уже раньше мы отмечали, что на практике это встречается постоянно. Если заработная плата сельскохозяйственных рабочих в данной стране вообще ниже в сравнении с нормальным средним уровнем заработной платы и потому вычет из заработной платы, определенная часть заработной платы входит, как общее правило, в состав ренты, то в этом отношении не будет исключением и арендатор наихудшей земли. В той самой цене производства, которая допускает возделывание наихудшей земли, эта низкая заработная плата уже является одной из составных статей, и потому продажа продукта по цене производства не дает возможности арендатору этой земли уплачивать ренту. Земельный собственник может также сдать свою землю в аренду какому-нибудь рабочему, который готов будет все или большую часть того, что доставляет ему продажная цена сверх заработной платы, уплатить в форме ренты. Однако во всех этих случаях отнюдь не уплачивается действительная рента, хотя уплачивается арендная плата. Но при существовании отношений, соответствующих капиталистическому способу производства, рента и арендная плата должны совпадать. А здесь мы и должны исследовать как раз это нормальное отношение.

Если даже рассмотренные выше случаи, когда в пределах капиталистического способа производства могут действительно иметь место капиталовложения в земли, не приносящие ренты, — если даже эти случаи ничего не дают для решения нашей проблемы, то еще меньше даст ссылка на колониальные отношения. Что делает колонию колонией, — мы говорим здесь лишь о собственно земледельческих колониях, — так это не только масса девственных плодородных земель. Колониями делает их скорее то обстоятельство, что эти земли не присвоены, не подчинены земельной собственности. Вот этим-то и определяется такое колоссальное различие между старыми землями и колониями, поскольку речь идет о земле: а именно, юридическим или фактическим отсутствием земельной

собственности, как справедливо отметил Уэйкфилд³⁵⁾, и уже задолго до него открыли Мирабо-отец, физиократ, и другие старые экономисты. При этом совершенно безразлично, присваивают ли колонисты землю просто или же они под видом номинальной цены земли в действительности уплачивают государству всего лишь пошлину за приобретение юридического титула на землю. Безразлично также и то обстоятельство, что уже поселившиеся колонисты являются юридическими собственниками земли. Земельная собственность фактически не представляет здесь границы для приложения капитала, а также труда без капитала; захват части земли уже осевшими колонистами не исключает для новых пришельцев возможности превратить новую землю в сферу приложения их капитала или их труда. Поэтому, когда приходится исследовать, каким образом земельная собственность влияет на цены продуктов земли и на ренту в тех случаях, когда эта собственность ограничивает землю как сферу для приложения капитала, было бы в высшей степени нелепо ссылаться на свободные буржуазные колонии, где нет ни капиталистического способа производства в земледелии, ни соответствующей ему формы земельной собственности, которая вообще фактически здесь еще не существует. Так делает, например, Рикардо в главе о земельной ренте⁷⁷⁾. Вначале он говорит, что намерен исследовать влияние, оказываемое присвоением земли на стоимость продуктов земли, и непосредственно вслед за тем берет в качестве иллюстрации колонии, причем предполагает, что земля существует там в сравнительно первобытном состоянии и ее эксплуатация не ограничивается монополией земельной собственности.

Одна лишь юридическая собственность на землю не создает земельной ренты для собственника. Но зато она наделяет его властью воздерживаться от эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование ее, которое принесет ему известный избыток, независимо от того, найдет ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей, как строения и т. д. Он не может увеличить или уменьшить абсолютные размеры этого поля деятельности, но может изменить то количество земли, которое находится на рынке. Отсюда, как это отмечал уже Фурье, характерный факт, что во всех цивилизованных странах сравнительно большая часть земли всегда пустует.

Итак, предполагая такой случай, когда спрос требует распахивки новых земель, скажем, менее плодородных, чем возделывавшиеся до того времени, — станет ли земельный собственник сдавать эти земли в аренду даром потому, что рыночная цена продукта земли

³⁵⁾ Wakefield, «England and America». London, 1833. Ср. также [«Капитал»], книга I, гл. XXV [см. настоящее изд., т. 7, с. 707—715].

поднялась достаточно высоко, чтобы затрата капитала на эту землю приносила арендатору цену производства, а тем самым обычную прибыль? Отнюдь нет. Затрата капитала должна принести земельному собственнику ренту. Он сдает в аренду лишь при том условии, если ему будет уплачиваться арендная плата. Следовательно, рыночная цена должна подняться выше цены производства, до $P + r$, чтобы можно было уплачивать земельному собственнику ренту. Так как, согласно предположению, земельная собственность без сдачи земли в аренду ничего не приносит, не имеет в экономическом отношении никакой ценности, то небольшого повышения рыночной цены над ценой производства достаточно для того, чтобы пустить в продажу новую землю наихудшей категории.

Теперь встает такой вопрос: из того, что наихудшая земля приносит земельную ренту, которая не может быть выведена из различия плодородия, следует ли, что цена продукта земли необходимо является монопольной ценой в обычном значении слова, или ценой, в состав которой входит рента в такой же форме, как налог, с той только разницей, что этот налог взимает земельный собственник, а не государство? Что такой налог имеет свои определенные экономические границы, это само собой разумеется. Он ограничивается дополнительными затратами капитала на прежних арендах, конкуренцией заграничных продуктов земли — предполагается свободный ввоз их, — конкуренцией земельных собственников между собой, наконец, потребностью и платежеспособностью потребителей. Но здесь речь идет не об этом. Речь идет о том, входит ли рента, уплачиваемая с наихудшей земли, в цену ее продукта, которая, согласно предположению, регулирует общую рыночную цену — входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, который обложен этим налогом, то есть как элемент, не зависящий от стоимости этого товара.

Это отнюдь не необходимый вывод и делался он лишь потому, что до сих пор не было понято различие между стоимостью товаров и их ценой производства. Мы видели, что цена производства известного товара отнюдь не тождественна с его стоимостью, хотя цены производства товаров, рассматриваемые в целом, регулируются только их совокупной стоимостью и хотя движение цен производства отдельных товаров, предполагая все прочие условия неизменными, определяется исключительно движением их стоимостью. Мы показали, что цена производства известного товара может быть выше или ниже его стоимости и лишь в виде исключения совпадает с его стоимостью. Поэтому тот факт, что продукты земли продаются выше их цены производства, отнюдь еще не доказывает, что они продаются выше их стоимости; как тот факт, что промышленные товары продаются в среднем по их цене производства, отнюдь не доказывает, что они продаются по своей стоимости. Возможно, что сельскохозяйственные продукты продаются выше их цены производ-

ства и ниже их стоимости, как, с другой стороны, многие промышленные товары приносят цену производства только потому, что они продаются выше их стоимости.

Отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, произведшего товар, находится к его постоянной части, или органическим строением капитала, которым произведен товар. Если строение капитала в известной сфере производства ниже, чем строение среднего общественного капитала, то есть если отношение его переменной составной части, затраченной на заработную плату, к его постоянной составной части, затраченной на вещественные условия труда, выше, чем для общественного среднего капитала, то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства. То есть такой капитал, применяя относительно больше живого труда, производит при одинаковой эксплуатации труда больше прибавочной стоимости, а потому больше прибыли, чем равновеликая соответственная часть среднего общественного капитала. Поэтому стоимость его продукта будет выше цены его производства, так как эта цена производства равна издержкам капитала плюс средняя прибыль, а средняя прибыль ниже, чем прибыль, произведенная в этом товаре. Прибавочная стоимость, производимая средним общественным капиталом, меньше прибавочной стоимости, производимой капиталом этого низкого строения. Обратное получается в том случае, когда капитал, вложенный в определенную сферу производства, более высокого строения, чем средний общественный капитал. Стоимость произведенных им товаров ниже их цены производства, что обычно характерно для продуктов наиболее развитых отраслей промышленности.

Если капитал в определенной сфере производства имеет более низкое строение, чем средний общественный капитал, то это прежде всего является лишь иным выражением того факта, что производительная сила общественного труда в этой особой сфере производства ниже среднего уровня, потому что достигнутая ступень производительной силы выражается в относительном преобладании постоянной части капитала над переменной, или в постоянном уменьшении той составной части данного капитала, которая затрачивается на заработную плату. Если, наоборот, капитал в определенной сфере производства имеет более высокое строение, то это означает, что развитие производительной силы превышает средний уровень.

Оставляя в стороне собственно художественные работы, рассмотрение которых по самому существу дела не относится к нашей теме, само собой, конечно, разумеется, что различные сферы производства требуют соответственно их техническим особенностям различного отношения между постоянным и переменным

капиталом и что живой труд должен занимать в одних сферах большее место, в других — меньшее. Например, в добывающей промышленности, которую следует четко отличать от земледелия, совершенно отпадает сырой материал как элемент постоянного капитала, да и вспомогательный материал играет значительную роль лишь изредка. В горной промышленности, однако, значительную роль играет другая часть постоянного капитала — капитал основной. Но и здесь прогресс производства измеряется относительным ростом постоянного капитала по сравнению с переменным.

Если строение капитала в собственно земледелии ниже, чем строение среднего общественного капитала, то это *prima facie** служит выражением того, что в странах развитого производства земледелие не продвинулось вперед в такой мере, как обрабатывающая промышленность. Такой факт, оставляя в стороне все другие и отчасти решающие экономические обстоятельства, объясняется уже более ранним и быстрым развитием механики и в особенности ее применением по сравнению с более поздним и отчасти совсем недавним развитием химии, геологии и физиологии и в особенности опять-таки по сравнению с их применением к земледелию. Впрочем несомненный и давно известный³⁶⁾ факт заключается в том, что прогресс самого земледелия постоянно выражается в относительном росте постоянной части капитала по сравнению с переменной. Ниже ли строение земледельческого капитала в определенной стране капиталистического производства, например, в Англии, по сравнению со средним общественным капиталом, — это вопрос, который можно решить лишь статистически и которым детально заниматься было бы излишне для нашей цели. Как бы то ни было, теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, то есть, что прибавочная стоимость, производимая в земледелии капиталом определенной величины, или, что сводится к тому же, прибавочный труд (а следовательно, и прилагаемый живой труд вообще), приводимый им в движение и подчиненный ему, больше, чем при равновеликом капитале среднего общественного строения.

Итак, для той формы ренты, которую мы исследуем здесь и которая может получиться только при этом предположении, достаточно, если мы это предположение сделаем. Где оно отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты.

Однако один простой факт, что стоимость земледельческих продуктов выше их цены производства, сам по себе ни в какой мере недостаточен для того, чтобы объяснить существование земельной

* — прежде всего. *Ред.*

³⁶⁾ См. Домбаль⁷⁸ и Р. Джонс⁷⁹.

ренды, независимой от различия в плодородии различных категорий земли или последовательных затрат капитала на одной и той же земле, короче, такой ренты, которая в сущности отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому *абсолютной рентой*. Целый ряд промышленных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на это они не приносят такого избытка над средней прибылью или такой добавочной прибыли, которая могла бы превратиться в ренту. Наоборот. Существование и понятие цены производства и предполагаемой последнею общей нормы прибыли покоятся на том, что отдельные товары продаются не по их стоимостям. Цены производства возникают из выравнивания товарных стоимостей, которое по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потребленных в различных сферах производства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько ее произведено в отдельных сферах производства и сколько ее поэтому заключается в их продуктах, а пропорционально величине авансированных капиталов. Только таким образом возникает средняя прибыль и цена производства товаров, характерным элементом которой является средняя прибыль. Постоянная тенденция капиталов — производить посредством конкуренции это выравнивание в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолевать все помехи этому выравниванию. Отсюда и тенденция их допускать только такие добавочные прибыли, которые при всяких обстоятельствах возникают не из различия между стоимостями и ценами производства товаров, а, напротив, из различия между общей, регулирующей рынок ценой производства и отличными от нее индивидуальными ценами производства; такие добавочные прибыли, которые получаются поэтому не из различия между двумя различными сферами производства, а в пределах каждой сферы производства; которые, следовательно, не затрагивают общих цен производства, складывающихся в различных сферах, то есть общей нормы прибыли, а, напротив, предполагают превращение стоимостей в цены производства и предполагают общую норму прибыли. Однако, как показано раньше *, это предположение основывается на постоянном изменении пропорций распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, на постоянной иммиграции и эмиграции капиталов, на возможности перелива их из одной сферы в другую, короче, на свободе передвижения их между этими различными сферами производства, как между соответствующими свободными областями для приложения самостоятельных частей совокупного общественного капитала. При этом предполагается, что никакие барьеры, за исключением случайных или временных,

* См. настоящий том, ч. 1, с. 187—188. *Ред.*

не мешают конкуренции капиталов сводить стоимость к цене производства в такой, например, сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства или в которой производится прибавочная стоимость бо́льшая, чем средняя прибыль, и вместе с тем распределять избыточную прибавочную стоимость этой сферы производства пропорционально между всеми сферами, которые эксплуатируются капиталом. Но если встречается обратное, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отчасти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключаящих упомянутое общее выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, очевидно, в таких сферах производства благодаря превышению товарной стоимостью цены производства товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и как таковая обособиться от прибыли. И вот в качестве такой чуждой силы и преграды капиталу при его приложении к земле противостоит земельная собственность или капиталисту — земельный собственник.

Земельная собственность служит здесь барьером, который, если не уплачивается пошлина, то есть не взимается рента, не допускает никакой новой затраты капитала на невозделанной до того времени или не сданной в аренду земле, хотя земля, вновь привлекаемая к обработке, принадлежит к той категории земли, которая не приносит дифференциальной ренты и которая, если бы не существовало земельной собственности, могла бы возделываться уже при некотором незначительном повышении рыночной цены, когда регулирующая рыночная цена доставляла бы возделывателю этой наихудшей земли лишь его цену производства. Между тем вследствие границы, которая ставится земельной собственностью, рыночная цена должна повыситься до такого пункта, когда земля может приносить избыток над ценой производства, то есть ренту. Но так как, согласно предположению, стоимость товаров, производимых земледельческим капиталом, выше их цены производства, то эта рента (за исключением того случая, который будет сейчас исследован) образует избыток стоимости над ценой производства или часть этого избытка. Равна ли рента всей разности между стоимостью и ценой производства или только большей или меньшей части этой разности, это всецело зависело бы от соотношения между спросом и предложением и от размера площади, вновь привлеченной к возделыванию. До тех пор, пока рента не была бы равна избытку стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, часть этого избытка во всяком случае принимала бы участие в общем выравнивании и пропорциональном распределении всей прибавочной стоимости между различными индивидуальными капиталами. Если бы рента была равна избытку

стоимости над ценой производства, то вся эта часть, весь этот избыток прибавочной стоимости над средней прибылью не участвовал бы в этом выравнивании. Но равна ли эта абсолютная рента всему избытку стоимости над ценой производства или же равна лишь части его, и в том и в другом случае земледельческие продукты продавались бы по монопольной цене не потому, что их цена выше их стоимости, а потому, что она равна их стоимости, или потому, что она ниже их стоимости, но выше их цены производства. Их монопольное положение заключалось бы в том, что они, в отличие от промышленных продуктов, стоимость которых выше общей цены производства, не продавались бы по цене производства. Так как одна часть и стоимости и цены производства фактически является данной постоянной величиной, — именно, издержки производства, потребленный в производстве капитал, $= k$, — то различие между ними заключается в другой, переменной части, в прибавочной стоимости, которая в цене производства $= p$, прибыли, то есть равна совокупной прибавочной стоимости, которая в данном случае исчисляется на общественный капитал и на каждый отдельный капитал, как на его соответственную часть, но которая в стоимости товара равна действительной прибавочной стоимости, созданной этим отдельным капиталом, и образует составную часть произведенных им товарных стоимостей. Если стоимость товара выше его цены производства, то цена производства $= k + p$, стоимость $= k + p + d$, так что $p + d =$ содержащейся в нем прибавочной стоимости. Следовательно, разность между стоимостью и ценой производства $= d$, избытку прибавочной стоимости, произведенной этим капиталом, над той прибавочной стоимостью, которая выпадает на его долю в соответствии с общей нормой прибыли. Из этого следует, что цена земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, не достигая размеров их стоимости. Из этого следует дальше, что до известного пункта может происходить длительное повышение цены земледельческих продуктов, прежде чем их цена достигнет уровня их стоимости. Из этого следует также, что только вследствие монополии земельной собственности избыток стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства может стать моментом, определяющим их общую рыночную цену. Из этого следует, наконец, что в этом случае не вздорожание продукта является причиной ренты, а рента является причиной вздорожания продукта. Если цена продукта с единицы площади наихудшей земли $= P + r$, то все дифференциальные ренты увеличиваются соответствующими слагаемыми r , так как, согласно предположению, регулирующей рыночной ценой становится $P + r$.

Если бы среднее строение неземледельческого общественного капитала было $= 85_c + 15_v$ и норма прибавочной стоимости $= 100\%$, то цена производства была бы $= 115$ единицам. Если бы

строение земледельческого капитала было $= 75_c + 25_v$, то стоимость продукта, при той же норме прибавочной стоимости, и регулирующая рыночная цена были бы $= 125$ единицам. Если бы земледельческий продукт выравнивался с неземледельческим по средней цене (для краткости мы предполагаем, что совокупные капиталы в той и другой отрасли производства равны), то вся прибавочная стоимость была бы $= 40$, то есть 20% на капитал в 200 единиц. Продукт как первого капитала, так и второго продавался бы за 120 единиц. Следовательно, при выравнивании по ценам производства средние рыночные цены неземледельческого продукта стояли бы выше, а земледельческого продукта ниже их стоимости. Если бы земледельческие продукты продавались по их стоимости, они были бы на 5 единиц дороже, а промышленные продукты на 5 единиц дешевле, чем после выравнивания. Если рыночные условия не позволяют продавать земледельческие продукты по их стоимости, выручать весь избыток над ценой производства, то результат будет занимать среднее место между двумя крайними пунктами; промышленные продукты будут продаваться несколько выше их стоимости, а земледельческие продукты несколько выше их цены производства.

Хотя земельная собственность может взвинтить цену земледельческих продуктов выше их цены производства, однако не от нее, а от общего состояния рынка зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведенная в земледелии сверх данной средней прибыли, либо превратится в ренту, либо же примет участие в общем выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль. Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из избытка стоимости над ценой производства рента есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту, захват ее земельным собственником; совершенно так же, как дифференциальная рента возникает из превращения добавочной прибыли в ренту, из захвата добавочной прибыли земельной собственностью при общей регулирующей цене производства. Эти две формы ренты суть единственно нормальные. Рента, кроме этих форм, может покоиться лишь на собственно монопольной цене, которая определяется не ценой производства и не стоимостью товаров, а спросом и платежеспособностью покупателей, и рассмотрение которой относится к учению о конкуренции, где исследуется действительное движение рыночных цен.

Если бы вся земля известной страны, пригодная для земледелия, была уже сдана в аренду, — причем предполагается, как общее явление, капиталистический способ производства и нормальные отношения, — то не было бы такой земли, которая не приносит ренты, но могли бы существовать такие затраты капитала, отдель-

ные части капитала, вложенного в землю, которые не приносят ренты; потому что, раз земля сдана в аренду, земельная собственность, как абсолютная граница для необходимого приложения капитала, перестает действовать. Как относительная граница, она продолжает еще действовать и после этого постольку, поскольку переход к земельному собственнику того капитала, который присоединен к земле, ставит здесь перед арендатором очень определенные границы. Только в этом случае вся рента превратилась бы в дифференциальную ренту, в дифференциальную ренту, определяемую не различиями в качестве земли, а различиями между добавочными прибылями, получающимися от последних затрат капитала на определенной земле, и рентой, которая уплачивалась бы за аренду земли наихудшего класса. Как абсолютная граница, земельная собственность действует лишь постольку, поскольку допущение к земле вообще как к сфере приложения капитала обуславливается данью земельному собственнику. Раз это допущение состоялось, последний уже не может поставить каких бы то ни было абсолютных границ размерам затраты капитала на данном участке земли. Строительству домов вообще ставится граница земельной собственностью третьего лица на тот участок, на котором должен быть построен дом. Но раз эта земля арендована под строительство домов, от арендатора уже зависит, построит он на ней высокий или низкий дом.

Если бы среднее строение земледельческого капитала было таково, каково строение среднего общественного капитала или выше, то абсолютная рента — опять-таки в только что исследованном значении — отпала бы; то есть отпала бы рента, которая отличается как от дифференциальной ренты, так и от ренты, покоящейся на собственно монопольной цене. Тогда стоимость земледельческого продукта не была бы выше его цены производства и земледельческий капитал не приводил бы в движение больше труда, а следовательно, не реализовал бы больше прибавочного труда, чем неземледельческий капитал. То же самое произошло бы в том случае, если бы строение земледельческого капитала стало одинаковым со строением среднего общественного капитала в результате прогресса земледелия.

На первый взгляд кажется противоречием предполагать, что, с одной стороны, строение земледельческого капитала повышается, следовательно, повышается его постоянная часть по сравнению с переменной, а, с другой стороны, цена земледельческого продукта должна подняться настолько высоко, чтобы новая и более плохая, чем прежняя, земля могла приносить ренту, которая в этом случае может возникнуть лишь из избытка рыночной цены над стоимостью и ценой производства, короче, лишь из монопольной цены продукта.

Здесь необходимо проводить следующее различие.

Рассматривая образование нормы прибыли, мы прежде всего видели, что капиталы, техническое строение которых одинаково, то есть одинаковое количество машин и сырья приводится в движение одинаковым количеством труда, могут тем не менее иметь различное строение вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют неодинаковую стоимость. Сырье или машины могут быть в одном случае дороже, чем в другом. Чтобы привести в движение одинаковую массу труда (а это, согласно предположению, было бы необходимо для переработки одинаковой массы сырого материала), в одном случае пришлось бы авансировать больший капитал, чем в другом, потому что, например, с капиталом в 100 единиц я не могу привести в движение одинакового количества труда, если сырой материал, который приходится оплачивать из этих же 100, в одном случае стоит 40, в другом 20 единиц. Но что техническое строение этих капиталов одинаково, это немедленно обнаружилось бы, как только цена более дорогого сырья упадет до уровня более дешевого. Стоимостное отношение между переменным и постоянным капиталами сделалось бы одинаковым, хотя в техническом отношении между примененным живым трудом и массой и характером примененных условий труда не произошло никакого изменения. С другой стороны, если рассматривать дело исключительно с точки зрения стоимостного строения, капитал более низкого органического строения, вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей, может по видимости подняться на одинаковую ступень с капиталом более высокого органического строения. Возьмем капитал $= 60_c + 40_v$, — потому что он применяет много машин и сырого материала по сравнению с живым трудом, — и другой капитал $= 40_c + 60_v$, — потому что он применяет много живого труда (60%), мало машин (скажем, 10%) и по отношению к рабочей силе небольшое количество сырья, притом дешевого (скажем, 30%); вследствие одного только повышения стоимости сырых и вспомогательных материалов с 30 до 80 единиц, строение могло бы уравниваться таким образом, что во втором капитале на 10 единиц, представленных в машинах, приходилось бы 80 единиц сырья и 60 единиц рабочей силы, то есть $90_c + 60_v$, что, выраженное в процентах, тоже было бы $= 60_c + 40_v$, причем не произошло бы никакой перемены в техническом строении. Следовательно, капиталы одинакового органического строения могут иметь различное стоимостное строение, и капиталы одинакового в процентах стоимостного строения могут занимать различные ступени органического строения, а потому служить выражением различных ступеней развития общественной производительной силы труда. Итак, одно то обстоятельство, что по стоимостному строению земледельческий капитал находился бы на общем уровне, еще не доказывало бы того, что общественная производительная сила труда достигла у него того же общего

уровня. Оно могло бы свидетельствовать лишь о том, что собственный продукт этого капитала, образующий опять часть условий его производства, стал дороже или что теперь приходится привозить издалека вспомогательные материалы, как, например, удобрения, которые раньше были прямо под рукой, и т. п.

Но, оставляя это в стороне, необходимо принять во внимание своеобразный характер земледелия.

Предположим, что машины, сберегающие труд, химические вспомогательные средства и т. д. находят себе в земледелии более широкое применение, что постоянный капитал, следовательно, возрастает в техническом отношении, то есть возрастает не только по стоимости, но и по массе, по отношению к массе применяемой рабочей силы; и в таком случае в земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается не только в общественной, но также и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда. Возможно, что увеличением общественной производительной силы в земледелии лишь компенсируется, или даже не полностью компенсируется, уменьшение естественной силы — эта компенсация во всяком случае может оказывать влияние лишь в течение некоторого времени, — так что, несмотря на технический прогресс, продукт не удешевляется, а лишь предотвращается еще большее его вздорожание. Возможно также, что при повышающейся цене хлеба абсолютная масса продукта уменьшается, между тем как относительный добавочный продукт возрастает; именно это возможно при относительном увеличении постоянного капитала, который состоит главным образом из машин или скота, причем приходится возмещать только износ и при соответствующем уменьшении переменной части капитала, которая затрачивается на заработную плату и которую постоянно приходится возмещать из продукта целиком.

Но возможно также, что вследствие прогресса земледелия потребуется лишь умеренное повышение рыночной цены над средней для того, чтобы могла поступить под обработку и в то же время приносить ренту такая земля худшего качества, которая при более низком уровне технических вспомогательных средств потребовала бы большего повышения рыночной цены.

То обстоятельство, что, например, в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота, могло бы казаться решающим аргументом против того положения, что земледельческий капитал, в процентном отношении, приводит в движение рабочей силы больше, чем неземледельческий средний общественный капитал. Но здесь следует отметить, что при рассмотрении ренты мы исходим, как из определяющей, из той части земледельческого капитала, которая производит основной растительный продукт питания, то есть для цивилизованных наро-

дов вообще основное жизненное средство. Уже А. Смит показал, — и в этом одна из его заслуг, — что в животноводстве и, вообще, в среднем, для всех капиталов, вложенных в землю не для производства основных жизненных средств, например хлеба, цена определяется совершенно иначе. Именно, она определяется здесь таким образом, что цена продукта земли, которая, скажем, как искусственный луг, используется для животноводства, но которую с таким же успехом можно было бы превратить в пахотную землю определенных достоинств, — цена продукта должна повыситься настолько, чтобы могла получаться такая же рента, как с пахотной земли такого же качества; следовательно, рента с земли, на которой выращивается хлеб, принимает здесь участие в определении цены скота, почему Рамсей правильно отметил, что цена скота, таким образом, искусственно повышается рентой, этим экономическим выражением земельной собственности, следовательно, земельной собственностью⁸⁰.

«С развитием земледельческой культуры площадь естественных пастбищ становится недостаточной для животноводства, для удовлетворения спроса на мясо. Значительную часть обрабатываемой земли приходится использовать для выращивания и откорма скота, цена которого поэтому должна быть достаточной, чтобы оплатить не только труд, примененный в животноводстве, но также ренту и прибыль, которые эта земля, будучи использована как пашня, могла бы приносить земельному собственнику и арендатору. Скот, выращенный на совершенно необрабатываемых болотах, продается на данном рынке, соответственно своему весу и качеству, по той же цене, как и скот, выращенный на самых культурных землях. Владельцы таких заболоченных участков пользуются этим и повышают ренту со своих земель соответственно цене скота» (А. Smith. [*An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*].) Vol. I, [London, 1776] book I, ch. XI [p. 185]).

Итак, и здесь дифференциальная рента, в отличие от хлебной ренты, говорит в пользу сравнительно худшей земли.

Абсолютная рента объясняет некоторые явления, которые с первого взгляда позволяют думать, что рента обязана своим существованием монопольной цене. Чтобы быть поближе к примеру, который приводит А. Смит, представим, например, владельца такого леса, который растет без всякого содействия человека, следовательно, не как продукт лесоводства, скажем, в Норвегии. Если ему уплачивается рента капиталистом, который занимается рубкой леса, вследствие того, например, что на него существует спрос в Англии, или если владелец леса сам как капиталист производит рубку, то заготовленный лес, кроме прибыли на авансированный капитал, даст ему большую или меньшую ренту. По отношению к этому чистому продукту природы это представляется чисто монопольной надбавкой. Но в действительности капитал состоит здесь почти только из переменного капитала, затрачиваемого на труд, и потому он приводит в движение большее количество прибавочного труда, чем другой капитал равной величины. Следовательно, в стоимости заготовленного леса содержится больший избыток

неоплаченного труда, или прибавочной стоимости, чем в продукте капиталов более высокого строения. Поэтому за лесоматериалы может выручаться средняя прибыль, а значительный избыток в форме ренты может доставаться собственнику леса. Наоборот, при той легкости, с какой может расширяться рубка леса, то есть при быстроте увеличения этого производства, приходится предполагать, что необходимо очень значительное увеличение спроса для того, чтобы цена лесоматериалов сравнялась с их стоимостью и таким образом собственнику достался бы в форме ренты весь избыток неоплаченного труда (сверх той его части, которая достается капиталисту как средняя прибыль).

Мы предполагали, что вновь привлекаемая к обработке земля по качеству еще хуже, чем та, которая возделывалась в последнее время как наихудшая. Если она лучше, она приносит дифференциальную ренту. Но здесь мы исследуем как раз тот случай, когда рента не выступает как дифференциальная рента. Здесь возможны только два случая. Или вновь привлекаемая к обработке земля хуже или же она такого же качества, как последняя из возделываемых земель. Если она хуже, то этот случай мы уже исследовали. Таким образом, остается еще исследовать только тот случай, когда она такого же качества.

С прогрессом земледелия, как мы выяснили это уже при исследовании дифференциальной ренты, вновь привлекаться к возделыванию может одинаково как земля такого же качества и даже лучшего, так и земля худшего качества.

Во-первых, потому, что при дифференциальной ренте (и при ренте вообще, так как даже при недифференциальной ренте всегда встает вопрос, позволяет ли, с одной стороны, плодородие земли вообще, а с другой стороны, ее местоположение возделывать ее так, чтобы при регулирующей рыночной цене получалась прибыль и рента) действуют в обратном направлении двоякого рода условия, которые то взаимно парализуют друг друга, то берут перевес одно над другим. Повышение рыночной цены, — предполагая, что издержки возделывания не понизились, иными словами, что завоевания технического характера не образуют нового момента, обуславливающего расширение возделывания, — может привести к возделыванию более плодородной земли, которая раньше из-за своего местоположения исключалась из числа конкурирующих земель. Или же для менее плодородной земли это может настолько повысить преимущества местоположения, что ими компенсируется меньшая производительность. Или, и без повышения рыночной цены, местоположение благодаря улучшению средств сообщения откроет возможность лучшим землям вступить в конкуренцию, что мы наблюдаем в огромном масштабе в тех штатах Северной Америки, на территории которых имеются прерии. Да и в странах старой цивилизации это совершается постоянно,

хотя и не в таком масштабе, как в колониях, где, как справедливо отметил Уэйкфилд, решающая роль принадлежит местоположению⁸¹. Итак, во-первых, противоположные влияния местоположения и плодородия и, во-вторых, изменчивость фактора местоположения, который постоянно уравнивается, претерпевает постоянные прогрессивные изменения, направленные к уравниванию, — вот причины, почему вновь вступают в конкуренцию с уже возделываемыми землями попеременно участки земли одинакового, лучшего и худшего качества.

Во-вторых. С развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых элементы почвы делаются пригодными для немедленного использования. Так, во Франции и в восточных графствах Англии легкие почвы, которые раньше считались плохими, совсем недавно поднялись до категории первоклассных (см. Пасси⁸²). С другой стороны, почва, которая считалась плохой не по своему химическому составу, но ставила известные механико-физические препятствия возделыванию, превращается в хорошую почву, как только открываются средства для преодоления этих препятствий.

В-третьих. Во всех странах старой цивилизации старые исторические и традиционные отношения, например в форме государственных земель, общинных земель и т. д., совершенно случайно ограждают крупные участки земли от возделывания, которому они подвергаются в силу этого лишь постепенно. Последовательность, с которой они подвергаются возделыванию, не зависит ни от их качества, ни от их местоположения, а лишь от совершенно внешних обстоятельств. Если бы мы проследили историю английских общинных земель, как они постепенно превращались законами об огораживании⁸³ в частную собственность и распахивались, то оказалось бы, что не может быть ничего более смешного, чем то фантастическое представление, будто выбором этой последовательности руководил какой-нибудь современный агрохимик, например Либих, что он одни поля благодаря химическим свойствам их почв намечал под культуру, а другие исключал. В действительности здесь решающую роль играл скорее случай, благоприятствующий воровству: представлявшаяся крупным лендлордам возможность присвоить ту или иную землю под более или менее благовидным юридическим предлогом.

В-четвертых. Не говоря о том, что достигнутая в каждый определенный момент ступень развития в росте населения и капитала ставит расширению земледелия известную, хотя и эластичную границу; не говоря о влиянии таких случайностей, которые временно воздействуют на рыночную цену, как, например, ряд благоприятных и неблагоприятных времен года, — пространственное расширение земледелия зависит от общего состояния рынка

капиталов и положения дел в данной стране. Для того чтобы дополнительный капитал устремился в земледелие, в периоды нехватки капиталов недостаточно того условия, что невозделанная земля, — приносит ли она ренту или нет, — может дать арендатору среднюю прибыль. В периоды изобилия капитала он устремляется в земледелие, — даже если рыночная цена не повысится, — были бы только в остальном осуществлены нормальные условия. Земля лучшего качества, чем возделывавшаяся до того времени, в самом деле могла бы быть исключена из конкуренции только из-за неудобного местоположения, либо из-за непреодолимых до сих пор границ, которые делают ее недоступной для арендатора, или в силу чисто случайных факторов. Поэтому мы должны заниматься только теми категориями земли, которые по качеству одинаковы с последними из возделанных земель. Но между новой землей и последней из возделанных все еще остается разница издержек, которые требуются для того, чтобы сделать первую пригодной к возделыванию, и от состояния рыночных цен и отношений кредита зависит, будут ли они произведены или нет. Когда эта земля действительно примет участие в конкуренции, рыночная цена при прочих равных условиях опять понизится до своего прежнего уровня, после чего вновь вступившая земля будет приносить такую же ренту, как соответствующая ей старая. Предположение, будто она не будет приносить ренты, доказывается его сторонниками таким образом, что они просто принимают то, что требуется доказать, а именно: что последняя земля не принесла ренты. Таким способом можно было бы доказать, что последние из построенных домов, кроме самой платы за аренду дома, не приносят никакой ренты, хотя и сдаются внаем. Между тем факт таков, что они приносят ренту, еще не принося указанной платы, коль скоро они, часто в течение долгого времени, остаются незанятыми. Подобно тому, как последующие затраты капитала на известный участок земли могут приносить пропорциональный добавочный продукт, а потому и такую же ренту, как первые, — совершенно также поля такого качества, как последние из возделанных, могут при равных издержках давать одинаковый продукт. Иначе вообще было бы непонятно, каким образом можно было бы поля одинакового качества возделывать последовательно, а не все разом, или же, вернее, не возделывать ни одного, чтобы не вызвать против себя всеобщей конкуренции. Земельный собственник всегда готов извлекать ренту, то есть получать нечто даром; но чтобы удовлетворить его желание, капитал нуждается в известных условиях. Поэтому взаимная конкуренция между землями зависит не от того, что земельный собственник хочет их конкуренции, но от того, найдется ли капитал, который захочет на новых полях конкурировать с другими.

Поскольку собственно земледельческая рента есть просто монополярная цена, последняя может быть весьма незначительной,

как и абсолютная рента может быть здесь при нормальных условиях весьма незначительной, каков бы ни был избыток стоимости продукта над его ценой производства. Итак, существо абсолютной ренты заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости, или одинаковой эксплуатации труда, производят, в зависимости от различий среднего строения, различные массы прибавочной стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости выравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между отдельными капиталами как соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, поскольку для производства — земледелия или добычи сырья — требуется земля, тормозит это выравнивание для капиталов, вложенных в землю, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе выравнивания в общую норму прибыли. В таких случаях рента составляет часть стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, но часть эта достается не классу капиталистов, который выжал ее из рабочих, а земельным собственникам, которые отбирают ее у капиталистов. При этом предполагается, что земледельческий капитал приводит в движение больше труда, чем равновеликая часть неземледельческого капитала. Насколько велико это отклонение или существует ли оно вообще, зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью. По сути дела эта разница с прогрессом земледелия должна уменьшаться, если пропорция, в которой переменная часть капитала уменьшается по сравнению с постоянной, не окажется для промышленного капитала еще больше, чем для земледельческого.

Эта абсолютная рента играет еще более значительную роль в собственно добывающей промышленности, где один элемент постоянного капитала, сырой материал, совершенно отпадает и где, — за исключением отраслей, в которых часть, состоящая из машин и прочего основного капитала, очень значительна, — безусловно преобладает самое низкое строение капитала. И как раз здесь, где рента представляется обязанной своим происхождением исключительно монопольной цене, требуются исключительно благоприятные рыночные отношения для того, чтобы товары продавались по их стоимости или чтобы рента сделалась равной всему избытку прибавочной стоимости товара над его ценой производства. Таково положение, например, при ренте с рыбных угодий, каменно-

37) Рикардо разделяется с этим крайне поверхностно. См. место, направленное против А. Смита, о ренте с лесов в Норвегии, «Principles», гл. II, в самом начале [D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation», London, 1821, p. 53—54] ⁸⁴.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

РЕНТА ЗА СТРОИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ. РЕНТА С РУДНИКОВ. ЦЕНА ЗЕМЛИ

Повсюду, где существует вообще рента, образуется дифференциальная рента и подчиняется она тем же законам, что и земледельческая дифференциальная рента. Повсюду, где силы природы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику добавочную прибыль, — будет ли то водопад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место, — лицо, признаваемое в силу своего титула на часть земли собственником этих предметов природы, улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Что касается земли, предназначенной для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, как и с других неземледельческих участков, регулируется в своей основе собственно земледельческой рентой (А. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». London, 1776, book I, ch. XI, 2 and 3). Эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладающим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает местоположение (оно очень важно, например, при возделывании винограда и для строительных участков в больших городах); во-вторых, очевидной и полнейшей пассивностью собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплуатации общественного прогресса, в который собственник ничего не привносит и в котором он ничем не рискует, — хотя бы в той мере, как промышленный капиталист; и, наконец, преобладанием монопольной цены во многих случаях, особенно в случаях самой бесстыдной эксплуатации бедности (потому что бедность — более богатый источник для ренты с домов, чем рудники Потоси⁸⁵ когда-либо были для Испании³⁸⁾), и той чудовищной властью, которую дает эта земельная собственность, когда она, будучи соединена в одних руках с промышленным капиталом, практически позволяет промышленному

³⁸⁾ Лентг, Ньюмен ⁸⁶.

капиталу устранять с земли, как места жительства, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за заработной платы³⁹⁾. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право жить на земле, как и вообще земельная собственность включает право собственников эксплуатировать землю, ее недра, воздух, а вместе с тем все необходимое для сохранения и развития жизни. Строительную ренту необходимо повышает не только рост населения и возрастающая вместе с ним потребность в жилищах, но и рост основного капитала, который или присоединяется к земле или размещен на ней, покоится на ней, как все промышленные строения, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т. д. Снятие платы за наем, поскольку она представляет процент и амортизацию капитала, вложенного в дом, с рентой просто за землю невозможно здесь даже при всем добром желании Кэри, в особенности в тех случаях, когда, как в Англии, земельный собственник и строительный спекулянт суть совершенно разные лица. В этом случае следует принимать во внимание два момента: с одной стороны, эксплуатация земли в целях производства или добывающей промышленности, с другой — земля представляет собой пространство, которое необходимо как условие всякого производства и всякой человеческой деятельности. И в том и в другом случае земельная собственность требует своей дани. Спрос на строительные участки повышает стоимость земли как пространства и основы, и в то же время благодаря этому возрастает спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом⁴⁰⁾.

В «Капитале», кн. II, гл. XII, в показаниях Эдуарда Кэпса, крупного лондонского строительного спекулянта, перед банковской комиссией 1857 г. приводится пример того, как в быстро развивающихся городах, особенно когда строительство ведется, как в Лондоне, фабричным способом, главным предметом строительной спекуляции становится собственно не дом, а земельная рента⁸⁷⁾. Кэпс говорит там, [В. А. 1857] № 5435:

«Я полагаю, что человек, желающий преуспевать, едва ли может рассчитывать, что он будет преуспевать, ведя только солидное дело (*fair trade*)... ему необходимо, кроме того, строить для спекуляции, и притом в крупном масштабе; потому что предприниматель извлекает очень мало прибыли из самих зданий, свою главную прибыль он извлекает из повышения земельной ренты. Пусть, например, он арендует участок земли и уплачивает за него 300 ф. ст. в год; если он по тщательно разработанному проекту построит на этом участке дома надлежащей категории, то ему, быть может, удастся получать за это 400 или 450 ф. ст. в год, и его прибыль в несравненно большей мере заключалась бы в увеличении земельной ренты на 100 или 150 ф. ст. в год, чем в прибыли от строений, которую он во многих случаях едва ли даже принимает в расчет».

³⁹⁾ Кроулингтонская стачка. *Энгельс*. «Положение рабочего класса в Англии», стр. 307 [см. настоящее изд., т. I, с. 445—446].

⁴⁰⁾ «Настилка мостовых в Лондоне дала возможность собственникам голых скал на побережье Шотландии извлекать ренту из абсолютно бесполезной до того времени каменистой почвы» (*A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations»*. Vol. I, London, 1776, book I, ch. XI, p. 204—205).

При этом не следует забывать, что по истечении срока договора об аренде, который составляет самое большее на 99 лет, земля со всеми находящимися на ней строениями и с земельной рентой, которая за это время обыкновенно повышается более чем в два-три раза, возвращается от строительного спекулянта или его правопреемника к последнему преемнику первоначального земельного собственника.

Собственно рента с рудников определяется совершенно так же, как земледельческая рента.

«Существуют такие рудники, продукта которых едва достаточно для того, чтобы оплатить труд и возместить затрачиваемый при их разработке капитал вместе с обычной прибылью. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю, но не дают ренты земельному собственнику. Они могут разрабатываться с выгодой исключительно только земельным собственником, который, будучи сам предпринимателем, получает обычную прибыль на затраченный им капитал. Многие каменноугольные копи Шотландии разрабатываются таким именно образом и никаким другим способом не могут разрабатываться. Земельный собственник никому другому не разрешил бы эксплуатировать их без уплаты ренты, а платить ренты никто не был бы в состоянии» (A. Smith. [*«An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations»*, Vol. I, London, 1776] Book III, ch. XI [p. 207]).

Необходимо различать, вытекает ли рента из монопольной цены, потому что независимо от нее существует монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене, потому что существует рента. Говоря о монопольной цене, мы вообще имеем в виду ту цену, которая определяется только стремлением купить и платежеспособностью покупателей, независимо от цены, определяемой как общей ценой производства, так и стоимостью продуктов. Виноградник, из винограда которого производится вино совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, дает монопольную цену. Вследствие этой монопольной цены, избыток которой над стоимостью продукта определяется единственно богатством и вкусами знатных потребителей вина, винодел мог бы реализовать значительную добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль, которая вытекает в данном случае из монопольной цены, превращается в ренту и достается в этой форме земельному собственнику в силу его титула на этот участок земли, наделенный особыми свойствами. Итак, здесь ренту создает монопольная цена. Наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы хлеб продавался не только выше цены производства, но и выше его стоимости, вследствие границы, которая ставится земельной собственностью безрентной затрате капитала на невозделанной земле. Что только титул собственности известного числа лиц на землю дает им возможность присваивать себе в качестве дани часть прибавочного труда общества, притом, по мере развития производства, присваивать в постоянно возрастающей мере, — это маскируется тем обстоятельством, что капитализированная рента,

следовательно, именно эта капитализированная дань, выступает как цена земли, и потому последняя может продаваться подобно всякому другому предмету торговли. Поэтому покупателю кажется, что он получил свое право на ренту не даром, не без труда, риска и предпринимательского духа капитала, а уплатил за это соответствующий эквивалент. Рента, как отмечено уже раньше, кажется ему просто процентом на капитал, за который он купил землю и вместе с ней право на ренту. Совершенно так же рабовладельцу, купившему негра, представляется, что он приобрел свою собственность на негра не в силу существующего института рабства как такового, а в силу купли и продажи товара. Но ведь самый титул не порождается, а лишь переносится актом продажи. Титул должен быть налицо до того, как становится возможной его продажа, и как одна продажа, так и целый ряд таких продаж и их постоянное повторение не могут создать этого титула. Что вообще создало его,— так это производственные отношения. Когда последние достигают такого пункта, где им приходится переменить свою оболочку, отпадает получавший экономическое и историческое оправдание, возникший из процесса общественного производства жизни материальный источник титула и всех основывавшихся на нем сделок. С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как *boni patres familias* *, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям.

В дальнейшем исследовании цены земли мы оставляем в стороне все колебания конкуренции, всякую спекуляцию землей, а также мелкую земельную собственность, при которой земля представляет основное орудие производителей, так что они вынуждены покупать ее по любой цене.

I. Цена земли может повыситься, хотя рента не повышается; именно:

1) просто вследствие понижения ставки процента, благодаря чему рента продается дороже, а потому капитализированная рента, цена земли, возрастает;

2) потому что возрастает процент на капитал, присоединенный к земле.

II. Цена земли может повыситься потому, что увеличивается рента.

* — добрые отцы семейств. *Ред.*

Рента может увеличиться потому, что повышается цена продуктов земли, в таком случае всегда повышается норма дифференциальной ренты, независимо от того, будет ли рента с наихудшей из возделываемых земель велика, мала или ее совсем не будет. Под нормой мы понимаем отношение той части прибавочной стоимости, которая превращается в ренту, к авансированному капиталу, производящему продукт земли. Оно отлично от отношения добавочного продукта ко всему продукту, потому что последний заключает в себе не весь авансированный капитал, именно не содержит в себе того основного капитала, который продолжает существовать наряду с продуктом. Зато здесь подразумевается, что на тех землях, которые приносят дифференциальную ренту, возрастающая часть продукта превращается в избыточный добавочный продукт. На наихудшей земле повышение цены земледельческого продукта создает сначала ренту, а отсюда и цену земли.

Но рента может увеличиться и в том случае, если цена земледельческого продукта не повышается. Последняя может остаться без изменения или даже понизиться.

Если она остается без изменения, то рента может возрасти потому только (оставляя в стороне монопольные цены), что при равновеликой затрате капитала на старых землях начинают возделываться новые земли лучшего качества, причем их будет достаточно только для того, чтобы покрыть увеличившийся спрос, так что регулирующая рыночная цена остается без изменений. В этом случае цена старых земель не повысится, но для земли, вновь введенной в сельскохозяйственный оборот, цена поднимется выше уровня цены старой земли.

Или же рента повысится потому, что при прежнем плодородии и прежней рыночной цене возрастает масса капитала, эксплуатирующего землю. Поэтому, хотя рента по отношению к авансированному капиталу остается прежняя, ее масса, например, удвоится, так как сам капитал удвоился. Так как не произошло понижения цены, то вторая затрата капитала приносит, подобно первой, добавочную прибыль, которая по истечении срока аренды тоже превращается в ренту. Масса ренты здесь увеличивается потому, что увеличивается масса капитала, производящего ренту. Утверждение, будто различные последовательные затраты капитала на одном и том же участке земли могут произвести ренту лишь при том условии, если продукт их неодинаков, и потому возникает дифференциальная рента, равносильно утверждению, будто, если два капитала по 1 000 ф. ст. затрачены на двух полях, одинаковых по своему плодородию, то лишь один из них может принести ренту, хотя оба эти поля принадлежат к той лучшей категории земли, которая приносит дифференциальную ренту. (Следовательно, общая масса ренты, вся рента данной страны, увеличивается с ростом массы затраченного капитала без того, чтобы цена едини-

цы земельной площади или норма ренты или даже масса ренты на единицу площади обязательно возрастала; в этом случае масса всей ренты возрастает с расширением обрабатываемой площади. Это может быть сопряжено даже с понижением ренты на отдельных владениях.) Иначе это утверждение было бы равносильно другому утверждению, именно, что затрата капитала на двух различных участках земли, расположенных рядом, подчиняется иным законам, чем последовательная затрата капитала на одном и том же участке земли, между тем дифференциальную ренту выводят как раз из тождества закона в обоих случаях, из увеличения продуктивности затрат капитала как на одном и том же поле, так и на различных полях. Единственная модификация, которая существует здесь и которой не замечают, та, что последовательные затраты капитала в их применении к пространственно различным землям наталкиваются на границу земельной собственности, чего нет при последовательных затратах капитала на одну и ту же землю. Отсюда и то противоположное действие, благодаря которому эти различные формы затраты на практике взаимно ограничивают друг друга. При этом никогда не проявляются различия капитала. Если строение капитала остается то же самое, равно как и норма прибавочной стоимости, то норма прибыли остается неизменной, так что при удвоении капитала масса прибыли удваивается. Точно так же при предположенных отношениях норма ренты остается прежняя. Если капитал в 1 000 ф. ст. приносит ренту в x , то капитал в 2 000 ф. ст. при предположенных обстоятельствах приносит ренту в $2x$. Но если взять ренту в отношении к площади земли, которая осталась без изменения, так как, согласно предположению, удвоенный капитал работает на прежнем поле, то окажется, что вследствие увеличения массы ренты повысился и ее уровень. Тот самый акр, который приносил 2 ф. ст. ренты, приносит теперь 4 фунта стерлингов ⁴¹⁾.

Отношение части прибавочной стоимости, денежной ренты, — потому что деньги суть самостоятельное выражение стоимости, — к земле само по себе нелепо и иррационально, потому что

⁴¹⁾ Одна из заслуг Родбертуса, к значительной работе которого о ренте⁸⁸ мы возвращаемся в книге IV⁸⁹, заключается в том, что он исследовал этот вопрос. Он только впадает в ошибку, во-первых, предполагая, что для капитала рост прибыли всегда получает такое выражение, как будто возрос и капитал, так что при увеличении массы прибыли отношение остается прежним. Это, однако, неверно, так как при изменении строения капитала норма прибыли, несмотря на неизменную эксплуатацию труда, может повыситься как раз потому, что относительная стоимость постоянной части капитала по сравнению с переменной понизилась. — Он впадает в ошибку, во-вторых, трактуя это отношение денежной ренты к количественно определенному участку земли, например, к одному акру, как нечто такое, что вообще предполагается классической политической экономией в ее исследованиях о повышении или понижении ренты. Это опять неверно. Она постоянно говорит о норме ренты, и поскольку она рассматривает последнюю в ее натуральной форме, в отношении к продукту, и поскольку она рассматривает ренту как денежную ренту, — в отношении к авансированному капиталу, ибо это — действительно рациональные выражения.

здесь измеряются одна другой несоизмеримые величины: с одной стороны, определенная потребительная стоимость, участок земли во столько-то квадратных футов, и стоимость, точнее прибавочная стоимость, — с другой. В действительности это является лишь выражением того, что при данных отношениях собственность на квадратные футы земли дает земельному собственнику возможность улавливать определенное количество неоплаченного труда, *реализованного капиталом, который роется на этих квадратных футах*, как свинья в картофеле {здесь в рукописи поставлено в скобках зачеркнутое потом: Либих}. Но *prima facie* * это выражение означает то же самое, как если бы мы вздумали говорить об отношении пятифунтовой банкноты к диаметру земли. Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного. В формах проявления, лишенных внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя, как рыба в воде. В этом случае справедливо то, что Гегель сказал относительно известных математических формул: то, что обыденный человеческий рассудок находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность⁹⁰.

Итак, увеличение массы ренты, рассматриваемое по отношению к самой площади земли, выражается совершенно так же, как увеличение нормы ренты; отсюда затруднение, когда условия, которые объяснили бы один случай, отсутствуют в другом случае.

Но цена земли может повыситься даже в том случае, когда цена продукта земли понижается.

В этом случае дифференциальная рента, а потому и цена лучших земель может вследствие дальнейшего дифференцирования увеличиться. Или же, если этого нет, то при возросшей производительной силе труда цена земледельческого продукта может понизиться, но таким образом, что это будет более чем компенсировано увеличением производства. Предположим, что квартал стоил 60 шиллингов. Если на том же акре при прежнем капитале будут произведены 2 квартала вместо одного, и цена квартала понизится до 40 шилл., то 2 квартала дадут 80 шилл., так что стоимость продукта прежнего капитала на прежнем акре повысится на одну треть, хотя цена квартала понизилась на одну треть. При исследовании дифференциальной ренты было показано, как это возможно без того, чтобы продукт продавался выше его цены

* — прежде всего. *Ред.*

производства или стоимости. В действительности это осуществляется только двумя способами. Или плохая земля перестает конкурировать, но цена лучшей земли повышается, когда дифференциальная рента увеличивается, следовательно, когда общее улучшение действует неравномерно на различные земли. Или же на наихудшей земле та же самая цена производства (и та же самая стоимость, если уплачивается абсолютная рента) вследствие повышения производительности труда получает выражение в увеличившейся массе продукта. Продукт представляет теперь ту же стоимость, что и раньше, но цена его составных частей понизилась, между тем как число этих частей увеличилось. Это невозможно, если применяется тот же самый капитал, потому что в этом случае в какой угодно массе продукта находит выражение все одна и та же стоимость. Но это возможно, если затрачен дополнительный капитал на гипс, гуано и т. д., словом, на такие улучшения, действие которых простирается на многие годы. Условие такого результата заключается в том, что хотя цена 1 квартера и понижается, однако не в том отношении, в каком увеличивается число кварталов.

III. Эти различные условия повышения ренты, а вследствие этого и цены земли могут как вообще, так и для отдельных категорий земли, отчасти конкурировать между собой, отчасти исключать друг друга и могут действовать лишь попеременно. Но из изложенного следует, что из повышения цены земли нельзя непосредственно делать вывода, что рента повысилась, и из повышения ренты, которое всегда влечет за собой повышение цены земли, нельзя непосредственно делать вывода, что продукт земли увеличился ⁴²⁾.

Вместо того чтобы обратиться к рассмотрению действительных, естественных причин истощения земли, — причин, которые впрочем были неизвестны всем писавшим о дифференциальной ренте экономистам из-за состояния агрохимии в их время, — вместо этого прибегали к помощи того плоского соображения, что нельзя вложить любое количество капитала в пространственно ограниченный участок земли. Так, например, журнал «*Edinburgh Review*» возражал Ричарду Джонсу, что нельзя прокормить всю Англию обработкой Сохо-сквера ⁹¹. Если это рассматривается, как особая невыгода земледелия, то верно как раз обратное положение. В земледелии могут быть продуктивно употреблены последовательные затраты капитала, потому что земля сама действует в качестве орудия производства, тогда как на фабрике, где земля служит лишь основой, местом расположения, территориальной операционной базой, на фабрике этого нет или это имеет место в очень узких

⁴²⁾ О падении цен на землю при повышении ренты как о факте см. Пасси.

пределах. Правда, можно концентрировать большое производство на маленьком по сравнению с раздробленным ремеслом пространстве, и крупная индустрия поступает именно таким образом. Но если дана известная ступень развития производительной силы, то всегда требуется и определенное пространство, а строительство вверх имеет также свои определенные практические границы. За этими границами расширение производства требует также расширения земельной площади. Основной капитал, затраченный на машины и т. п., не улучшается вследствие употребления, а, наоборот, изнашивается. Новые изобретения могут и здесь производить отдельные улучшения, но если взять данную ступень развития производительной силы, то машина может только ухудшаться. При быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть заменены более выгодными, то есть должны быть совсем выброшены. Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с ней. То преимущество земли, что последовательные затраты капитала могут давать прибыль без всякой потери предыдущих затрат, это преимущество включает также возможность различной производительности последовательных затрат капитала.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

**ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ****I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ**

Необходимо уяснить себе, в чем собственно заключается трудность трактовки земельной ренты с точки зрения современной политической экономии как теоретического выражения капиталистического способа производства. Этого еще не понимает огромное число даже новейших писателей, о чем свидетельствует всякая новая попытка объяснить земельную ренту «по-новому». Новизна в этих случаях почти всегда заключается в том, что возвращаются обратно к точке зрения, которая уже давно была преодолена. Трудность заключается не в том, чтобы вообще объяснить производимый земледельческим капиталом прибавочный продукт и соответствующую последнему прибавочную стоимость. Нет, этот вопрос разрешен анализом прибавочной стоимости, создаваемой всяким производительным капиталом, в какую бы сферу ни был он вложен. Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость выравнялась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом во всех сферах производства, — откуда после этого выравнивания, после уже совершившегося очевидного распределения всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берется еще та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику. Совершенно оставляя в стороне практические мотивы, которые побуждали современных экономистов как защитников промышленного капитала против земельной собственности к исследованию этого вопроса, — мотивы, которые мы изложим подробнее в главе об истории земельной ренты, — этот вопрос представлял для них как для теоретиков решающий интерес. Признать, что своим появлением рента на капитал, вложенный в земледелие, обязана особому действию самой

сферы приложения, свойствам, принадлежащим земной коре как таковой, — это значило бы отказаться от самого понятия стоимости, следовательно, отказаться от всякой возможности научного познания в этой области. Уже то простое наблюдение, что рента выплачивается из цены продукта земли, — что имеет место даже в том случае, когда она уплачивается в натуральной форме, раз арендатор выручает свою цену производства, — показывало, насколько нелепо избыток этой цены над обычной ценой производства, следовательно, относительную дороговизну земледельческого продукта, объяснять избытком естественной производительности земледелия над производительностью других отраслей производства; так как, наоборот, чем производительнее труд, тем дешевле продукты труда, потому что тем больше будет масса потребительных стоимостей, в которой представлено то же количество труда, следовательно, та же стоимость.

Вся трудность анализа ренты заключалась, следовательно, в том, чтобы объяснить избыток земледельческой прибыли над средней прибылью, объяснить не прибавочную стоимость, а собственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а избыток этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей производства. Сама средняя прибыль есть продукт, образование процесса общественной жизни, протекающего при вполне определенных исторических производственных отношениях, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы сама эта средняя прибыль появилась в качестве масштаба и — как это имеет место при капиталистическом способе производства — в качестве регулятора производства вообще. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что принуждает к прибавочному труду и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчиняет его лишь спорадически, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как избытке над средней прибылью, то есть над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом. И если, например, г-н Пасси (см. ниже) уже по отношению к первобытному строю говорит о ренте как об избытке над прибылью, как об избытке над исторически определенной общественной формой прибавочной стоимости, так что, по г-ну Пасси, эта форма могла бы, пожалуй, существовать и без общества, — то это свидетельствует лишь о его наивности⁹².

Для прежних экономистов, которые вообще лишь начинали анализ капиталистического способа производства, еще не развитого

в их время, анализ ренты или вообще не представлял никаких затруднений или представлял затруднение совершенно иного рода. Петти, Кантильон, вообще авторы, ближе стоящие к эпохе феодализма, рассматривают земельную ренту как нормальную форму прибавочной стоимости вообще⁹³, между тем как прибыль для них еще неопределенно сливается с заработной платой или, самое большее, представляется той частью этой прибавочной стоимости, которую капиталист вырвал у земельного собственника. Следовательно, они исходят из такого состояния, когда, во-первых, сельское население составляет еще значительно преобладающую часть нации и когда, во-вторых, земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает прибавочный труд непосредственных производителей в первую очередь, когда, следовательно, земельная собственность все еще выступает как основное условие производства. Для них еще не могло существовать такой постановки вопроса, которая, с точки зрения капиталистического способа производства, имеет целью, наоборот, исследовать, каким образом земельная собственность достигает того, что отнимает у капитала часть произведенной им (то есть выжатой из непосредственных производителей) и первоначально уже присвоенной им прибавочной стоимости.

У *физиократов* затруднение уже иного свойства. Как действительно первые систематические истолкователи капитала, они стремились анализировать природу прибавочной стоимости вообще. Для них этот анализ совпадает с анализом ренты, единственной формы, в которой для них существует прибавочная стоимость. Поэтому капитал, приносящий ренту, или земледельческий капитал, для них есть единственный капитал, производящий прибавочную стоимость, и приводимый им в движение земледельческий труд есть единственный дающий прибавочную стоимость труд, а потому, что вполне правильно с капиталистической точки зрения, единственный производительный труд. Определяющим они совершенно правильно считают производство прибавочной стоимости. Им, помимо других заслуг, о которых речь будет в книге IV⁹⁴, принадлежит прежде всего та великая заслуга, что от торгового капитала, который функционирует только в сфере обращения, они обратились к производительному капиталу, в противоположность меркантилистской системе, которая по своему грубому реализму являлась настоящей вульгарной политической экономией той эпохи, перед практическими интересами которой были оттеснены совершенно на задний план зачатки научного анализа у Петти и его последователей. Между прочим, здесь, при критике меркантилистской системы, речь идет лишь о ее воззрениях на капитал и прибавочную стоимость. Уже раньше мы отмечали, что производство на мировой рынок и превращение продукта в товар, а потому в деньги, монетарная система справедливо провозгласила предпо-

сылкой и условием капиталистического производства⁹⁵. В ее продолжении, в меркантилистской системе, решающую роль играет уже не превращение товарной стоимости в деньги, а производство прибавочной стоимости, — но с бессодержательной [begriffslos] точки зрения сферы обращения — и притом таким образом, что эта прибавочная стоимость представлена в форме добавочных денег, в положительном сальдо торгового баланса. Вместе с тем поистине характерно для купцов и фабрикантов того времени и адекватно тому периоду капиталистического развития, который они представляют, то обстоятельство, что при превращении земельно-феодалных обществ в промышленные и при соответствующей промышленной борьбе наций на мировом рынке все зависит от ускоренного развития капитала, которое достигается не так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств. Далеко не одно и то же, превращается ли национальный капитал в промышленный постепенно и медленно, или же это превращение ускоряется во времени посредством налогов, которыми они в форме запретительных пошлин облагали главным образом земельных собственников, средних и мелких крестьян и ремесленников, посредством ускоренной экспроприации самостоятельных непосредственных производителей, посредством насильственно ускоренного накопления и концентрации капиталов, короче, посредством ускоренного создания условий капиталистического способа производства. Точно так же этим обуславливается огромная разница в капиталистической и промышленной эксплуатации естественной национальной производительной силы. Поэтому национальный характер меркантилистской системы в устах ее защитников — не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и ресурсы государства, они в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства и прокламируют буржуазное общество в противоположность старому неземному государству. Но в то же время имелось и сознание того, что развитие интересов капитала и класса капиталистов, капиталистического производства, сделалось базисом национальной силы и национального превосходства в современном обществе.

Далее, физиократы правы, что все производство прибавочной стоимости, а следовательно, и все развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественной основы, действительно покоится на производительности земледельческого труда. Если люди вообще не в состоянии производить в течение одного рабочего дня больше жизненных средств, следовательно, в узком смысле больше земледельческих продуктов, чем требуется каждому работнику для его собственного воспроизводства, если дневной затраты всей его рабочей силы достаточно лишь на то, чтобы произвести жизненные средства, необходимые для его личного потребления, то вообще

не может быть и речи ни о прибавочном продукте, ни о прибавочной стоимости. Производительность земледельческого труда, превышающая индивидуальную потребность работника, составляет базис всякого общества, и прежде всего базис капиталистического производства, которое все возрастающую часть общества отрывает от производства непосредственных жизненных средств и превращает ее, по выражению Стюарта, в «free hands»*, дает возможность располагать ею для эксплуатации в других сферах⁹⁶.

Но что сказать о новейших экономистах, которые, как Дэр, Пасси и др., на закате всей классической политической экономии, скорее в то время, когда она была уже на смертном одре, повторяют самые первоначальные представления об естественных условиях прибавочного труда и, следовательно, прибавочной стоимости вообще и воображают, будто они этим дают нечто новое и существенное о земельной ренте⁹⁷, после того как эта земельная рента уже давным-давно исследована как особая форма и специфическая часть прибавочной стоимости? Для вульгарной политической экономии как раз характерно, что то, что на определенной исторической ступени развития было ново, оригинально, глубоко и обоснованно, она повторяет в такое время, когда это плоско, отстало и ложно. Она обнаруживает тем самым, что ей чуждо даже представление о проблемах, занимавших классическую политическую экономию. Она путает эти проблемы с вопросами, которые могли ставиться лишь на более низкой ступени развития буржуазного общества. Так же обстоит дело и с ее неизменно самодовольным пережевыванием физиократических положений о свободе торговли. Как бы практически не интересовали эти положения то или иное государство, они давным-давно утратили всякий теоретический интерес.

При собственно натуральном хозяйстве, когда земледельческий продукт совсем не входит в процесс обращения или входит в него лишь очень незначительная часть этого продукта и лишь сравнительно незначительная доля даже той части продукта, которая представляет доход земельного собственника, — как, например, во многих древнеримских латифундиях, равно как в имениях Карла Великого, а также (см. Vinçard. «Histoire du travail») в большей или меньшей мере на всем протяжении средних веков, — продукт и прибавочный продукт крупных имений состоит отнюдь не только из продуктов земледельческого труда. Он охватывает также и продукты промышленного труда. Домашний ремесленный и мануфактурный труд как побочное производство при земледелии, образующим базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так — еще до настоящего времени —

* — «свободные руки». *Ред.*

и в индийской общине, где ее традиционная организация еще не разрушена. Капиталистический способ производства совершенно уничтожает эту связь; процесс, который в крупном масштабе наблюдался особенно в Англии в течение последней трети XVIII века. Умы, выросшие в более или менее полуфеодальных обществах; Херреншванд например, еще в конце XVIII века видят в этом обособлении земледелия и промышленности безумно смелую общественную авантюру, непостижимо рискованный способ существования. И даже в тех сельскохозяйственных хозяйствах древнего мира, в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и Риме, больше сходства с плантаторским хозяйством, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации^{42а)}. Мы вообще не найдем в древности в континентальной Италии повода для формальной аналогии, — которая к тому же во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, кто понял капиталистический способ производства и кто не открывает подобно г-ну Моммзену⁴³⁾ капиталистического способа производства уже во всяком денежном хозяйстве, — мы найдем ее, пожалуй, только в Сицилии, потому что последняя существовала как сельскохозяйственный данник Рима и потому земледелие в основном было нацелено на экспорт. Здесь встречаются арендаторы в современном значении слова.

Неправильное понимание природы ренты основывается на том обстоятельстве, что рента в натуральной форме перешла из натурального хозяйства средних веков, и в полном противоречии с условиями капиталистического способа производства в новейшее время выступает отчасти в виде церковной десятины, отчасти как диковина, увековеченная старинными договорами. Благодаря этому кажется, будто рента возникает не из цены сельскохозяйственного продукта, а из массы продукта, следовательно, не из общественных отношений, а из земли. Уже раньше мы показали, что, хотя прибавочная стоимость представлена в прибавочном продукте, однако, наоборот, прибавочный продукт в смысле простого увеличения массы продукта не [всегда] представляет прибавочную стоимость. Он может представлять минус стоимости. Иначе хлопчатобумажная промышленность 1860 г. по сравнению с 1840 г. должна была бы представлять огромную прибавочную стоимость, между тем как

^{42а)} А. Смит показывает, что в его время (да и для нашего времени это остается в силе по отношению к плантаторскому хозяйству в тропических и субтропических странах) рента и прибыль еще не обособились⁹⁸, потому что земельный собственник есть в то же время и капиталист, каким был, например, Катон в своих имениях. Но это обособление — как раз предпосылка капиталистического способа производства, самой сущности которого вообще противоречит такой базис, как рабство.

⁴³⁾ В своей работе «*Römische Geschichte*» г-н Моммзен употребляет слово «капиталист» отнюдь не в смысле современной политической экономии и современного общества, а в духе популярного представления, которое все еще распространяется не в Англии или Америке, а на континенте как старинный пережиток исчезнувших отношений.

цена пряжи, напротив, понизилась. Вследствие неурожая в течение ряда лет рента может колоссально возрасти, потому что цена хлеба повышается, хотя эта прибавочная стоимость представлена в абсолютно уменьшившейся массе вздорожавшей пшеницы. Наоборот, вследствие хорошего урожая в течение ряда лет рента может понизиться, потому что цена падает, хотя понизившаяся рента будет представлена в большей массе сравнительно дешевой пшеницы. Теперь относительно продуктовой ренты следует прежде всего заметить, что она представляет перешедшую из отжившего способа производства, исчезающую традицию, противоречие которой с капиталистическим способом производства обнаруживается в том, что она сама собой исчезла из частных договоров и что там, где могло вмешаться законодательство, как в случае с церковными десятинами в Англии, она была насильственно сметена как нелепость⁹⁹. Но, во-вторых, там, где она продолжает существовать на базисе капиталистического способа производства, она была и могла быть не чем иным, как по-средневековому замаскированным выражением денежной ренты. Пусть, например, цена квартера пшеницы стоит на уровне 40 шиллингов. Часть этого квартера должна возместить содержащуюся в нем заработную плату, должна быть продана, чтобы она могла быть авансирована снова; другую часть необходимо продать для того, чтобы уплатить приходящуюся на квартал долю налогов. Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним разделение общественного труда, семена и даже часть удобрений входят в воспроизводство как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это, опять-таки приходится продать часть квартера. Поскольку же их в действительности не приходится покупать как товары, а напротив, они могут быть возмещены из самого продукта *in natura* *, чтобы снова войти как условия производства в его воспроизводство, — как это бывает не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал, — то они входят в счет, выраженные как счетные деньги, и вычитаются как составные части издержек производства. Износ машин и вообще основного капитала приходится возмещать деньгами. Наконец, прибыль исчисляется на эти издержки, выраженные в действительных или счетных деньгах. Эта прибыль представлена в известной доле валового продукта, которая определяется его ценой. А остальная часть образует ренту. Если продуктовая рента, установленная договором, больше этого остатка, определяемого ценой, то это будет уже не рента, а вычет из прибыли. Уже вследствие одной этой возможности продуктовая рента, которая не соотносится с ценой продукта, следовательно, может составлять и больше и меньше действительной ренты, а пото-

* -- в натуральной форме. *Ред.*

му может образоваться вычет не только из прибыли, но и из тех составных частей, которыми возмещается капитал, — уже по одной этой причине такая рента представляет устаревшую форму. В действительности эта продуктовая рента, поскольку она является рентой не только по названию, но и по существу, определяется исключительно избытком цены продукта над его ценой производства. Дело только в том, что эта переменная величина предполагается ею как постоянная. А это сводится к напоминающему доброе старое время представлению, что продукта *in natura* должно быть достаточно для того, чтобы, во-первых, прокормить рабочих, далее, оставить капиталистическому арендатору больше продуктов питания, чем ему требуется, и что избыток над этим образует натуральную ренту. Совершенно так же, как если фабрикант производит 200 000 аршин ситца. Этого ситца достаточно для того, чтобы не только одеть рабочих данного фабриканта и более чем одеть его жену и все его потомство и его самого, но оставить, кроме того, ситец на продажу и, наконец, уплачивать ситцем огромную ренту. Все так просто! Стоит только из 200 000 аршин ситца вычесть цену их производства — и непременно останется избыток ситца в качестве ренты. Например, из 200 000 аршин ситца вычесть цену их производства в 10 000 ф. ст., не зная продажной цены ситца, из ситца вычесть деньги, из потребительной стоимости как таковой вычесть меновую стоимость и затем определить избыток аршин ситца над фунтами стерлингов, — это действительно наивное представление. Это хуже, чем квадратура круга, в основе которой все же лежит представление о пределе, за которым сливаются прямая линия и кривая. Но именно таков рецепт г-на Пасси. Вычтите деньги из ситца, прежде чем в голове или в действительности ситец превратился в деньги! Избыток составляет ренту, которая становится будто бы осязательной *naturaliter* * (см., например, Карла Арнда¹⁰⁰), а не благодаря «софистической» чертовщине! К этой глупости, к вычету цены производства из стольких-то шеффелей пшеницы, к вычитанию денежной суммы из меры объема сводится вся реставрация натуральной ренты.

II. ОТРАБОТОЧНАЯ РЕНТА

Если мы рассмотрим земельную ренту в ее самой простой форме, в форме *отработочной ренты*, когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении земельного собственника, работает на земельного собственника, то здесь дело

* — натурально. *Ред.*

еще совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тождественны. Рента, не прибыль, — вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд. В какой мере работник (self-sustaining serf) может получить здесь избыток над необходимыми средствами своего существования, то есть избыток сверх того, что при капиталистическом способе производства мы называли бы заработной платой, это зависит при прочих равных условиях от того отношения, в котором его рабочее время делится на рабочее время для него самого и барщинное рабочее время для земельного собственника. Итак, этот избыток над необходимейшими средствами существования, зародыш того, что при капиталистическом способе производства является прибылью, здесь всецело определяется высотой земельной ренты, которая в этом случае не только есть непосредственно неоплаченный прибавочный труд, но и выступает как таковой; неоплаченный прибавочный труд для «собственника» условий производства, которые здесь тождественны с землей, а поскольку они отличны от нее, они считаются лишь ее принадлежностью. Что продукта крепостного должно быть здесь достаточно для того, чтобы, кроме средств его существования, возместить и условия его труда, — это обстоятельство остается тем же самым для всех способов производства, так как это результат не специфической формы последних, а естественное условие всякого непрерывного и производительного труда вообще, всякого длительного производства, которое всегда есть одновременно и воспроизводство, а следовательно, воспроизводство и условий своего собственного функционирования. Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства. Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием, как и связанной с ним сельской домашней промышленностью. Эта самостоятельность не снимается тем, что, как, например, в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в более или менее естественно выросшую производственную общину, так как здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному земельному собственнику. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало

последнее ⁴⁴⁾. Данная форма тем и отличается от рабовладельческого или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно. Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное воздействие. А на этом основана вся структура экономического строя [Gemeinwesen], вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств.

⁴⁴⁾ После завоевания страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становится присвоение и людей. Ср. Ленте ¹⁰¹. См. также Мезер ¹⁰².

Что касается отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, то очевидно одно: рента является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с ней. Но совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не нуждается здесь в анализе, потому что оно существует здесь еще в своей очевидной, осязательной форме, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и времени от его труда на земельного собственника, и этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого. Точно так же «свойство» земли приносить ренту сводится здесь к осязательно раскрывающейся тайне, потому что к природе, которая приносит ренту, относится и прикованная к земле человеческая рабочая сила и отношение собственности, принуждающее владельца рабочей силы напрягать и тратить ее сверх той меры, которая требовалась бы для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Рента прямо состоит в присвоении земельным собственником этой избыточной затраты рабочей силы, потому что непосредственный производитель не уплачивает ему больше никакой ренты. Здесь, где не только тождественны прибавочная стоимость и рента, но и прибавочная стоимость еще осязательно имеет форму прибавочного труда, совершенно ясно выступают и естественные условия или границы ренты, потому что они суть естественные условия и границы прибавочного труда вообще. Непосредственный производитель должен 1) обладать достаточной рабочей силой, и 2) естественные условия его труда, то есть в первую очередь обрабатываемая земля, должны быть достаточно благоприятны, словом, естественная производительность его труда должна быть достаточно велика для того, чтобы у него оставалась возможность производить избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Эта возможность не создает ренты, ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность. Но самая возможность связана с субъективными и объективными естественными условиями. В этом тоже нет решительно ничего таинственного. Если рабочая сила незначительна и естественные условия труда скудны, то и прибавочный труд незначителен, но в таком случае незначительны, с одной стороны, потребности производителей, с другой стороны, относительно невелико число эксплуататоров прибавочного труда и, наконец, невелик прибавочный продукт, в котором реализуется этот малопроизводительный прибавочный труд на это относительно незначительное число эксплуатирующих собственников.

Наконец, при отработочной ренте ясно само собой, что, при прочих равных условиях, от относительных размеров прибавочного или барщинного труда всецело зависит, в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшать свое

положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования, или, если мы предвосхищаем капиталистический способ выражения, окажется ли у него и в какой мере возможность производить какую бы то ни было прибыль для себя самого, то есть избыток над его заработной платой, производимой им же самим. Рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, легитимная форма прибавочного труда; она далека от того, чтобы являться избытком над прибылью, то есть в данном случае над каким-либо иным избытком сверх заработной платы; напротив, здесь не только размер такой прибыли, но и самое ее существование зависит, при прочих равных условиях, от размера ренты, то есть прибавочного труда, принудительно выполняемого для собственника.

Некоторые историки выразили свое удивление по поводу того, что, хотя непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд на деле *de jure* * принадлежит земельному собственнику, при этих условиях может вообще совершаться самостоятельное увеличение имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных нести барщину или крепостных. Между тем ясно, что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль. Ясно далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения. Это же, — оставляя все другое в стороне, — делается впрочем само собой, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащих в основе этого состояния отношений, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму, и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола. Он достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого возобновления их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон. Так как данная форма прибавочного труда, барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда,

* юридически. Ред.

на примитивности самого способа труда, то барщинный труд должен, естественно, отнимать у непосредственного производителя несравненно меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства и в особенности при капиталистическом производстве. Предположим, например, что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю, таким образом, прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной установившимся или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается с ростом его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, которые у него возникают, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут поощрять его к усиленному напряжению рабочей силы, причем не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и сельскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, от врожденных расовых черт характера и т. д.

III. ПРОДУКТОВАЯ РЕНТА

Превращение отработочной ренты в продуктовую ренту, если рассматривать дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, *владеющий* условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике. В какой бы мере продуктовая рента ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, то есть ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и при этом все равно, является ли земельным собственником частное лицо или государство. Продуктовая рента предполагает более высокую куль-

туру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд должен выполняться уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети. Прибавочное производство, в смысле производства сверх необходимых потребностей непосредственного производителя, и производство на фактически ему самому принадлежащем поле производства, им самим эксплуатируемой земле, вместо производства в господском поместье около и вне своего хозяйства, как было раньше, здесь стали уже само собой разумеющимся правилом. При этом отношении непосредственный производитель, применяя свой труд, более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, по-прежнему даром принадлежит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже получает его непосредственно не в его собственной натуральной форме, а в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется. Обременительные и в зависимости от регулирования барщинного труда являющиеся большей или меньшей помехой перерывы, обусловливаемые работой на земельного собственника (ср. «Капитал», кн. I, гл. VIII, 2 «Неутолимая жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин»), отпадают там, где продуктовая рента существует в чистом виде, или сводятся по крайней мере к немногочисленным коротким перерывам в течение года, если наряду с продуктовой рентой сохраняется известная барщинная повинность. Труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Эта продуктовая рента в ее чистом виде, хотя ее остатки могут продержаться до более развитых способов производства и производственных отношений, по-прежнему предполагает натуральное хозяйство, то есть предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта. Она предполагает, далее, соединение сельской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, причем, как это часто наблюдалось в средние века, в продуктовую ренту могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта. При этой форме ренты, когда прибавочный труд представлен

в продуктовой ренте, рента может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности. Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере, является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд. Однако это, поскольку мы рассматриваем чистую форму продуктовой ренты, здесь нас не касается; как и вообще, мы не можем разбирать бесконечные различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, искажаться и сливаться. Благодаря связанной с определенным характером продукта и самого производства форме продуктовой ренты, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, словом, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии. Здесь, как и при более ранней форме отработочной ренты, земельная рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, то есть всего избыточного труда, который непосредственный производитель принужден даром, фактически, следовательно, по принуждению, выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли, — хотя это принуждение уже не противостоит ему в старой грубой форме. Прибыль, — если мы, позволив себе ложную антиципацию, так назовем ту частицу избытка труда непосредственного производителя над необходимым трудом, которую он присваивает сам себе, — столь мало влияет на продуктовую ренту, что скорее она появляется за спиной последней и находит свою естественную границу в размере этой ренты. Последняя может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и принуждает непосредственного производителя довольствоваться физически необходимым минимумом жизненных средств. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и использует торговая нация-завоеватель, как, например, англичане в Индии.

IV. ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА

Под денежной рентой мы понимаем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей собой лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникающую из простого превращения формы продуктовой ренты, как и она сама, в свою очередь, была лишь превращенной отработочной рентой. Непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) вместо продукта цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, этот избыток необходимо превратить из натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом. Отношение издержек производства, в которые теперь входят в большей или меньшей мере денежные затраты, приобретает решающее значение; во всяком случае приобретает решающее значение избыток той части валового продукта, которую предстоит превратить в деньги, над той частью, которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования. Тем не менее базис этого рода ренты, хотя он и идет здесь навстречу своему разложению, все еще остается тот же, как при продуктовой ренте, образующей исходный пункт. Непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать земельному собственнику как собственнику существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, то есть неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги. Собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей уже при предшествующих формах, и тем более приходится предполагать это для такой формы, как денежная рента. Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение продуктовой ренты в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее

близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах. На востоке Европы мы можем еще отчасти и теперь наблюдать процесс этого превращения. Насколько это неосуществимо без известного развития общественной производительной силы труда, свидетельствуют имевшие место при римских императорах различные потерпевшие неудачу попытки этого превращения и возвраты к натуральной ренте после того, как хотели превратить в денежную ренту хотя бы ту часть натуральной ренты, которая взималась в виде государственного налога. Об этой же трудности перехода свидетельствуют, например, фальсификация и слияние денежной ренты с остатками ее прежних форм накануне революции во Франции.

Денежная рента как превращенная форма продуктовой ренты, и в противоположность ей, есть последняя форма и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени, именно земельной ренты как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который приходится отдавать собственнику условий производства. В своей чистой форме эта рента, как и отработочная рента и продуктовая рента, не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю. Поскольку прибыль возникает фактически лишь как особая часть избыточного труда наряду с рентой, денежная рента, как и рента в ее прежних формах, все еще остается нормальной границей этой эмбриональной прибыли, которая может развиваться лишь с появлением возможности эксплуатации или своего собственного избыточного труда или чужого избыточного труда, который совершается по выполнении прибавочного труда, воплощенного в денежной ренте. Если прибыль действительно возникает наряду с этой рентой, то не прибыль является границей ренты, а, наоборот, рента является границей прибыли. Но, как уже сказано, денежная рента есть в то же время форма разложения рассматривавшейся до сих пор земельной ренты, совпадающей *prima facie* * с прибавочной стоимостью и прибавочным трудом, земельной ренты как нормальной и господствующей формы прибавочной стоимости.

В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как, например, форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором.

При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим

* — прежде всего. *Ред.*

частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором. Это превращение при наличии прочих благоприятствующих общих отношений производства, с одной стороны, используется для того, чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны, оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое оброчное обязательство и превращается в независимого крестьянина с полной собственностью на возделываемую им землю. Далее, превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обязанных оброком [rentepflichtigen] крестьянских хозяйств развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих, — совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных. Таким образом у них складывается малопомалу возможность накоплять известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов. Среди самих прежних владельцев земли, которые сами ее обрабатывали, возникает таким образом рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства и которые расцветают с особенной быстротой, если им способствуют, как в XVI веке в Англии, особо благоприятные обстоятельства вроде тогдашнего возрастающего обесценения денег, обогащавшего их при традиционных долгосрочных арендных договорах за счет земельных собственников.

Далее: когда рента принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и земельным собственником принимает форму договорного отношения — превращение, возможное вообще лишь при уже данном относительно высоком уровне развития мирового рынка, торговли и промышленности, — необходимо начинается и предоставление земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли далеко от земледелия и которые теперь переносят в деревню и в сельское хозяйство нажитый в городе капитал и уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости. Общим правилом эта форма может стать лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке. С появлением капиталистического арендатора

между земельным собственником и действительно работающим земледельцем разрываются все отношения, возникшие из прежнего способа производства в деревне. Арендатор становится действительным командиром этих сельскохозяйственных рабочих и действительным эксплуататором их прибавочного труда, между тем как земельный собственник стоит теперь в прямом отношении, именно просто денежном и договорном отношении, только к этому капиталистическому арендатору. Вместе с тем претерпевает превращение и природа ренты, — не только фактически и случайно, как отчасти наблюдалось уже при прежних формах, а нормально, в ее признанной и господствующей форме. От нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда она низводится до избытка этого прибавочного труда над той его частью, которая присваивается в форме прибыли эксплуатирующим капиталистом; равно как он же теперь непосредственно извлекает весь прибавочный труд, — прибыль и избыток над прибылью, — захватывает его в форме всего прибавочного продукта и превращает в деньги. В качестве ренты он отдает земельному собственнику теперь только избыточную часть этой прибавочной стоимости, которую он, благодаря своему капиталу, извлек непосредственной эксплуатацией сельских рабочих. Много или мало он отдает земельному собственнику, это определяется в среднем, как предел, той средней прибылью, которую капитал приносит в неземледельческих сферах производства, и регулируемыми ею неземледельческими ценами производства. Итак, из нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда рента теперь превратилась в характерный для этой особой сферы производства, для земледельческой сферы, избыток над той частью прибавочного труда, на которую капитал претендует как на часть, с самого начала и нормально причитающуюся ему. Вместо ренты нормальной формой прибавочной стоимости сделалась теперь прибыль, и рента имеет теперь значение лишь обособившейся при особых обстоятельствах формы не прибавочной стоимости вообще, а определенного ее ответвления, добавочной прибыли. Нет необходимости дольше останавливаться на том, как этому превращению соответствует постепенное превращение в самом способе производства. Это видно уже из того, что нормальным для этого капиталистического арендатора является производство земледельческого продукта как товара и что, если раньше в товар превращался лишь избыток над его средствами существования, то теперь относительно лишь ничтожная доля этих товаров непосредственно превращается в средства существования для него. Уже не земля, а капитал непосредственно подчиняет теперь себе и своей производительности земледельческий труд.

Средняя прибыль и регулируемая ею цена производства образуются вне земледелия как такового, в сфере городской торговли и промышленности. Прибыль оброчного крестьянина не принимает

участия в выравнивании прибылей, потому что его отношение к земельному собственнику не есть капиталистическое отношение. Поскольку он получает прибыль, то есть реализует — собственным ли трудом или эксплуатацией чужого труда — избыток над необходимыми средствами своего существования, это совершается вне нормального отношения и при прочих равных условиях высота этой прибыли не определяет ренты, а, наоборот, сама она определяется рентой как своей границей. Высокая норма прибыли в средние века обязана своей высотой не только низкому строению капитала, в котором преобладает переменный, затрачиваемый на заработную плату элемент. Она обязана своей высотой практикуемому в деревне надувательству, присвоению части ренты земельного собственника и дохода подвластного ему населения. Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством.

Можно было бы вообразить, что простой факт вступления капиталистического арендатора в сельскохозяйственное производство служит доказательством того, что цена сельскохозяйственных продуктов, с которых в той или иной форме искони уплачивалась рента, должна бы стоять выше цен производства в промышленности по крайней мере в эпоху этого вступления, — потому ли, что она достигла уровня монопольной цены, или же потому, что она повысилась до уровня стоимости сельскохозяйственных продуктов, а их стоимость действительно выше цены производства, регулируемой средней прибылью. Потому что в противном случае капиталистический арендатор при тех ценах сельскохозяйственных продуктов, которые он застал, не мог бы сначала реализовать из цены этих продуктов среднюю прибыль, а потом из той же самой цены уплатить еще в форме ренты избыток над этой прибылью. Из этого можно было бы заключить, что общая норма прибыли, которую капиталистический арендатор имеет в виду при заключении договора с земельным собственником, образовалась без включения ренты и потому, начиная играть регулирующую роль в сельском хозяйстве, находит этот избыток готовым и уплачивает его земельному собственнику. Таким традиционным способом объясняет себе дело, например, г-н Родбертус¹⁰³. Но:

Во-первых. Это проникновение капитала в земледелие как самостоятельной и ведущей силы совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Он захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как животноводство, особенно овцеводство, основной продукт которого, шерсть, при подъеме промышленности дает на первых

порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, что выравнивается лишь впоследствии. Так было в Англии в XVI веке.

Во-вторых. Так как это капиталистическое производство сначала выступает лишь спорадически, то ничего нельзя возразить против предположения, что оно сначала овладевает лишь такими комплексами земель, которые вследствие своего особого плодородия или вследствие особо благоприятного местоположения могут в общем приносить дифференциальную ренту.

В-третьих. Предположим даже, что при появлении этого способа производства, предполагающего фактически возрастание удельного веса городского спроса, цены сельскохозяйственного продукта были выше цены производства, как это без сомнения было, например, в последнюю треть XVII века в Англии, — даже и в этом случае, раз этот способ производства до известной степени выйдет из простого подчинения земледелия капиталу и как только произойдет необходимо связанное с его развитием улучшение в земледелии и понижение издержек производства, это превышение цен сельскохозяйственного продукта над ценами производства выровняется благодаря известной реакции — падению цен сельскохозяйственных продуктов, как это было в первой половине XVIII века в Англии.

Итак, этим традиционным способом невозможно объяснить ренту как избыток над средней прибылью. При каких бы исторически данных условиях ни выступила рента впервые, — раз она пустила корень, она может иметь место лишь при ранее указанных современных условиях.

В заключение, говоря о превращении продуктовой ренты в денежную ренту, следует еще заметить, что при этой последней становится существенным моментом капитализированная рента, цена земли, а следовательно, ее отчуждаемость и отчуждение, и что благодаря этому не только прежние оброчные крестьяне могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам или капиталистам и пользоваться рентой как формой процента на свой таким способом употребленный капитал; что, следовательно, и это обстоятельство способствует преобразованию прежнего способа эксплуатации, отношения между собственником и действительным земледельцем, а также самой ренты.

У. ИЗДОЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРЦЕЛЛЯРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Здесь мы подошли к концу ряда ступеней развития земельной ренты.

Во всех этих формах земельной ренты — отработочная рента, продуктовая рента, денежная рента (как просто превращенная

форма продуктовой ренты) — плательщик ренты всегда предполагается действительным земледельцем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли. Даже при последней форме, при денежной ренте, — поскольку она выступает в чистом виде, то есть как просто превращенная форма продуктовой ренты, — это не только возможно, но и действительно так бывает.

Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать *Metairie-System*, или систему издольного хозяйства, при которой земледелец (арендатор), кроме труда (собственного или чужого), доставляет часть производительного капитала, а земельный собственник, кроме земли, — остальную часть этого капитала (например, скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между издольщиком и земельным собственником. С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны, та доля, которую получает здесь земельный собственник, не обладает чистой формой ренты. Фактически в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может фактически также и поглотить весь прибавочный труд арендатора или же оставить ему большую или меньшую часть этого прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, издольщик, применяет ли он только собственный или же и чужой труд, предъявляет притязание на известную часть продукта не потому, что он работник, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет притязание на свою долю не только в силу собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал^{44а)}.

Остаток старой общинной собственности на землю, сохранившийся после перехода к самостоятельному крестьянскому хозяйству, например в Польше и Румынии, послужил там предлогом для того, чтобы осуществить переход к более низким формам земельной ренты. Часть земли принадлежит отдельным крестьянам и обрабатывается ими самостоятельно. Другая обрабатывается сообща и образует прибавочный продукт, который служит отчасти для покрытия расходов общины, отчасти как резерв на случай неурожая и т. д. Эти две последних части прибавочного продукта, а в конце концов и весь прибавочный продукт вместе с землей, на которой он вырастает, мало-помалу узурпируются государственными чиновниками и частными лицами, и первоначально свободные кре-

^{44а)} Ср. Бюре, Токвиль, Сисмонди¹⁰⁴.

стьяне — земельные собственники, для которых сохраняется повинность совместной обработки этой земли, превращаются таким образом в обязанных нести барщину или обязанных к платежу продуктовой ренты, между тем как узурпаторы общинной земли превращаются в собственников не только узурпированной общинной земли, но и самих крестьянских участков.

Здесь нам нет надобности более подробно останавливаться на собственно рабовладельческом хозяйстве (которое тоже проходит ряд ступеней — от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок) и на помещичьем хозяйстве, в котором земельный собственник ведет обработку за собственный счет, владеет всеми орудиями производства и эксплуатирует труд батраков, — несвободных или свободных, оплачиваемых натурой или деньгами. Земельный собственник и собственник орудий производства, а потому и непосредственный эксплуататор рабочих, относящихся к числу этих элементов производства, здесь совпадают. Точно так же совпадают рента и прибыль, обособление различных форм прибавочной стоимости не имеет места. Собственник всех орудий производства, к которым относится земля, а при первоначальной форме рабства и сами непосредственные производители, прямо выжимает из работников весь прибавочный труд, который здесь представлен в прибавочном продукте. Там, где господствуют капиталистические представления, как на американских плантациях, вся эта прибавочная стоимость рассматривается как прибыль; там, где не существует самого капиталистического способа производства и куда еще не перенесен соответствующий ему способ представления из капиталистических стран, она представляется рентой. Во всяком случае эта форма не представляет никаких затруднений. Доход земельного собственника, какое название ни давали бы ему, присваиваемый им наличный прибавочный продукт является здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд, и земельная собственность образует базис этого присвоения.

Далее *парцеллярная собственность*. Крестьянин здесь одновременно и свободный собственник своей земли, которая является основным средством его производства, необходимым полем приложения его труда и капитала. При этой форме не уплачивается никакой арендной платы, следовательно, рента не выступает в качестве обособленной формы прибавочной стоимости, хотя в странах, где вообще получил развитие капиталистический способ производства, она при сравнении с другими отраслями производства представляется добавочной прибылью, но такой добавочной прибылью, которая, как вообще вся выручка от труда, достается крестьянину.

Эта форма земельной собственности предполагает, что, как и при прежних, более древних формах земельной собственности, сельское население численно значительно преобладает над городским, что, следовательно, хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит слабо, а потому и в других отраслях производства концентрация капитала движется в узких пределах, преобладает раздробление капиталов. По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта как непосредственное средство существования, и лишь избыток над этой долей может как товар входить в торговлю с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена сельскохозяйственного продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует на такой ступени общественного развития, когда еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого совершается при более благоприятных естественных условиях. Как раз при этой форме, где цена земли входит элементом в фактические издержки производства для крестьянина, потому ли, что с дальнейшим развитием этой формы земля достается при разделе наследства взамен известной денежной стоимости, или потому, что при постоянных переходах всей собственности или части ее сам земледелец покупает землю, причем деньги он добывает по большей части под ипотеку; где, следовательно, цена земли, представляющая не что иное, как капитализированную ренту, есть элемент, предполагаемый заранее, и где поэтому кажется, что рента существует независимо от каких бы то ни было различий в плодородии и местоположении земли, — как раз при этой форме приходится в общем предполагать, что абсолютной ренты не существует и что, следовательно, наихудшая земля не приносит никакой ренты; потому, что абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта. Но так как сельское хозяйство ведется здесь главным образом ради непосредственных средств существования и так как земля представляет для большинства населения необходимое поле приложения его труда и капитала, то регулирующая рыночная цена продукта лишь при исключительных обстоятельствах достигнет размеров его стоимости; стоимость же эта вследствие преобладания элемента живого труда будет, как правило, выше цены производства, хотя этот избыток стоимости над ценой производства ограничивается, в свою очередь,

тем, что в странах преобладающего парцеллярного хозяйства и неземледельческий капитал имеет низкое строение. Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина не является, с одной стороны, ни средняя прибыль на капитал, поскольку сам этот крестьянин мелкий капиталист, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку сам он земельный собственник. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, за вычетом собственно издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, — часто вплоть до тех пор, когда покрывается лишь физический минимум заработной платы. Что касается его как земельного собственника, то для него отпадает граница, полагаемая собственностью, которая может проявиться лишь по отношению к обособленному от нее капиталу (включая и труд), препятствуя его приложению. Конечно, процент на цену земли, который притом обыкновенно приходится уплачивать третьему лицу, ипотечному кредитору, является границей. Но этот процент может уплачиваться как раз из той части прибавочного труда, которая при капиталистических отношениях образовала бы прибыль. Следовательно, рента, антиципированная в цене земли и уплачиваемая на последнюю проценте, не может быть чем-либо иным, как лишь частью капитализированного прибавочного труда крестьянина, избытка над трудом, необходимым для его существования, хотя этот прибавочный труд не реализуется в части стоимости товара, равной всей средней прибыли, и тем более в избытке над реализованным в средней прибыли прибавочным трудом, в добавочной прибыли. Рента может быть вычетом из средней прибыли или даже единственной частью ее, которая и реализуется. Итак, для того чтобы владеющий парцеллой крестьянин обрабатывал свою землю или купил землю для возделывания, нет необходимости в том, чтобы, как это имеет место при нормальном капиталистическом способе производства, рыночная цена земледельческого продукта поднялась настолько высоко, чтобы принести ему среднюю прибыль, а тем более избыток над этой средней прибылью, фиксированный в форме ренты. Следовательно, нет необходимости в том, чтобы рыночная цена повысилась до уровня стоимости или до уровня цены производства продукта парцеллярного крестьянина. Здесь — одна из причин того, что в странах с преобладанием парцеллярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в регулировании цен производства или в образовании стоимости вообще. Следовательно, такая низкая цена есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда.

Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы, с одной стороны, образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности, с другой стороны, мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, истекающих из разложения феодальной земельной собственности. Таковы йомены в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французское и западногерманское крестьянство. О колониях мы здесь не говорим, так как независимый крестьянин развивается там при иных условиях.

Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, то есть для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или подданный, производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей. Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью для развития самого земледелия. Причины, по которым эта собственность гибнет, раскрывают ее пределы. Они таковы: уничтожение сельской домашней промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности; постепенное обеднение и истощение почвы в условиях мелкого производства; узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или как капиталистическое. Ее гибели содействуют также, как это было в Англии в первой половине XVIII века, улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен земледельческих продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более значительных вещественных условий производства.

Мелкая земельная собственность по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Ростовщичество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от агрикультуры. Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Безмерное расточе-

ние человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства — необходимый закон мелкой собственности. Для этого способа производства урожайные годы — несчастье ⁴⁵⁾.

Один из специфических недостатков мелкого земледелия там, где оно связано со свободной собственностью на землю, проистекает из того, что земледелец затрачивает капитал на покупку земли. (То же относится и к переходной форме, при которой крупный землевладелец затрачивает капитал, во-первых, на покупку земли и, во-вторых, на то, чтобы в качестве ее арендатора вести на ней хозяйство.) При той подвижности, которую приобретает здесь земля как простой товар, возрастает число меняющихся владельцев ею ⁴⁶⁾, так что для каждого нового поколения, с каждым разделом наследства, земля, с точки зрения крестьянина, снова выступает в виде капитальной затраты, то есть становится купленной им землей. Цена земли образует здесь преобладающий элемент индивидуальных непроизводительных издержек производства или издержек производства продукта индивидуальных производителей.

Цена земли есть не что иное, как капитализированная и поэтому антиципированная рента. Если земледелие ведется капиталистически, так что земельный собственник получает только ренту, арендатор же ничего не платит за землю, кроме этой ежегодной ренты, то ясно, что хотя капитал, затраченный самим земельным собственником на покупку земли, является для него капиталом, приносящим проценты, он тем не менее не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на само земледелие. Он не составляет элемента ни функционирующего в земледелии основного, ни оборотного капитала ⁴⁷⁾, напротив, он только доставляет покупателю титул на получение ежегодной ренты, но не имеет решительно никакого отношения к производству этой ренты. Ведь покупатель земли отдает капитал как раз тому, кто продает землю, и взамен продавец отказывается от своей собственности на землю. Следовательно, как капитал покупателя этот капитал уже не существует; у покупателя его уже нет; следовательно, он не относится к тому капиталу, который каким-либо способом можно было бы вложить в самую землю. Дорого или дешево покупатель купил землю, или

⁴⁵⁾ См. у Тука тронную речь французского короля ¹⁰⁵.

⁴⁶⁾ См. Мунье и Рюбишон ¹⁰⁶.

⁴⁷⁾ Г-н д-р Н. Maron («*Extensiv oder Intensiv?*» [других данных об этой брошюре Маркс не приводит]) исходит из ложного предположения тех, с кем он борется. Он предполагает, что капитал, затрачиваемый на покупку земли, есть «*Anlagekapital*», и потом начинает спорить относительно соответствующих определений понятий *Anlagekapital* и *Betriebskapital*, то есть основной капитал и оборотный капитал. Его совершенно ученические представления о капитале вообще извинительные, впрочем, для неэкономиста вследствие состояния немецкой «науки о народном хозяйстве» — скрывают от него, что этот капитал не есть ни основной, ни оборотный капитал; точно так же, как капитал, который кто-нибудь затрачивает на бирже на покупку акций или государственных ценных бумаг и который для этого человека представляет вложение капитала, в действительности не «вкладывается» в какую-либо из отраслей производства.

получил ее даром, — это ничего не изменяет ни в том капитале, который арендатор затрачивает на ведение хозяйства, ни в ренте, а влияет лишь на то, представляется ли рента для него процентом или нет, соответственно, представляется она высоким или низким процентом.

Возьмем, например, рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выжата из него. Но капитал, уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это — капитал, отчужденный рабовладельцем, вычит из того капитала, которым он располагает в действительном производстве. Он перестал существовать для рабовладельца, — совершенно так же, как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия. Это лучше всего доказывается тем, что он вновь начнет существовать для рабовладельца или собственника земли лишь в том случае, если они снова продадут раба или землю. Но в этом случае в таком же положении оказывается покупатель. Оттого что он купил раба, он еще не в состоянии сразу эксплуатировать раба. Эту возможность даст ему лишь дальнейший капитал, который будет помещен им в само рабовладельческое хозяйство.

Один и тот же капитал не существует вдвойне: и в руках продавца и в руках покупателя земли. Из рук покупателя он переходит в руки продавца, и этим дело закончено. У покупателя теперь нет капитала, но у него имеется зато участок земли. То обстоятельство, что ренту, получаемую от действительного приложения капитала к этому участку земли, новый земельный собственник считает теперь процентом на капитал, который он не вложил в землю, а потратил на приобретение земли, решительно ничего не изменяет в экономической природе фактора земли, — как то обстоятельство, что кто-нибудь уплатил 1 000 ф. ст. за трехпроцентные консоли, не имеет никакого отношения к тому капиталу, из дохода которого выплачиваются проценты по государственному займу.

Деньги, затраченные на покупку земли, как и деньги, израсходованные на покупку государственных ценных бумаг, есть в действительности капитал лишь *в себе*, как всякая сумма стоимости на базисе капиталистического способа производства есть капитал в себе, потенциальный капитал. Что уплачивается за землю, как и за государственные ценные бумаги, как и за другой покупаемый товар, — это известная сумма денег. Она капитал в себе, потому что она может быть превращена в капитал. От того употребления, которое продавец сделает из полученных им денег, зависит, превратятся ли они действительно в капитал или нет. Для покупателя они уже не могут функционировать как капитал, — подобно всяким другим деньгам, которые им окончательно израсходованы.

В его расчетах они фигурируют для него как капитал, приносящий проценты, потому что доход, получаемый в виде ренты с земли или процента по государственному займу, исчисляется им как процент на деньги, которых стоила ему покупка права на этот доход. Он может реализовать их как капитал только посредством перепродажи. Но тогда другой, новый покупатель окажется в таком же положении, в котором был первый, и никакими перемещениями из рук в руки затраченные таким образом деньги не могут превратиться в действительный капитал для того, кто их затратил.

При мелкой земельной собственности еще больше упрочивается та иллюзия, будто сама земля имеет стоимость и потому входит как капитал в цену производства продукта, подобно машине или сырому материалу. Но мы видели, что рента, а потому и капитализованная рента, цена земли, только в двух случаях может принимать участие в определении цены земледельческого продукта. Во-первых, когда вследствие строения земледельческого капитала, — капитала, который не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на покупку земли, — стоимость земледельческого продукта выше его цены производства, и отношения рынка дают собственнику земли возможность использовать эту разницу. Во-вторых, когда имеет место монопольная цена. И то и другое реже всего встречается при парцеллярном хозяйстве и мелкой земельной собственности, потому что как раз здесь производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли. Даже в тех случаях, когда парцеллярное хозяйство ведется на арендованной земле, арендная плата здесь в несравненно большей мере, чем при каких бы то ни было иных отношениях, включает в себе часть прибыли и даже вычит из заработной платы; в таком случае это — рента лишь номинально, это не рента как самостоятельная категория в противоположность заработной плате и прибыли.

Итак, затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет собой вложение земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет собой помеху земледелию также и в том случае, когда ее предпринимают крупные хозяйства. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность земельного собственника, все равно, унаследовал ли он свой участок земли или купил его. Сам ли он забирает ренту, или же должен,

в свою очередь, отдать ее ипотечному кредитору, — это само по себе ничего не изменяет в ведении хозяйства в арендованном имении.

Мы видели, что при данной земельной ренте цена земли регулируется ставкой процента. Если последняя низка, то цена земли высока, и наоборот. Итак, при нормальных условиях высокая цена земли и низкая ставка процента должны бы идти рука об руку, так что, если бы крестьянин вследствие низкой ставки процента дорого заплатил за землю, то эта же самая низкая ставка процента должна была бы обеспечить ему на благоприятных условиях в кредит капитал для ведения хозяйства. В действительности при господстве парцеллярной собственности дело обстоит иначе. Прежде всего, к крестьянам не относятся общие законы кредита, так как они предполагают, что производитель является капиталистом. Во-вторых, там, где преобладает парцеллярная собственность — о колониях здесь нет речи — и парцеллярный крестьянин образует основу нации, образование капитала, то есть общественное воспроизводство, сравнительно слабо и еще слабее образование ссудного денежного капитала в ранее изложенном смысле. Оно предполагает концентрацию и существование класса богатых праздных капиталистов (Масси¹⁰⁷). В-третьих, в том случае, где собственность на землю составляет жизненное условие для большей части производителей и необходимую сферу для приложения их капитала, цена земли повышается независимо от ставки процента, а часто вместе с ней в силу превышения спроса на земельную собственность над предложением. За землю, продаваемую парцеллами, часто получают здесь гораздо более высокую цену, чем при продаже крупными массивами, так как здесь число мелких покупателей огромно, а число крупных покупателей мало («черные банды»¹⁰⁸, Рюбишон¹⁰⁹; Ньюмен¹¹⁰). По всем этим причинам здесь цена земли повышается при относительно высокой ставке процента. Относительно низкому проценту, который крестьянин извлекает здесь из капитала, затраченного на покупку земли (Мунье¹¹¹), на противоположной стороне здесь соответствует высокая ростовщическая процентная ставка, которую сам крестьянин должен уплачивать ипотечному кредитору. Ирландская система обнаруживает то же самое, только в иной форме.

Поэтому цена земли, этот элемент, сам по себе чуждый производству, может достигать здесь такой высоты, что производство становится невозможным (Домбаль).

То обстоятельство, что цена земли играет такую роль, что купля и продажа земли, обращение земли в качестве товара, развивается до таких масштабов, практически является следствием развития капиталистического способа производства, при котором товар становится всеобщей формой всех продуктов и всех средств производства. С другой стороны, эти явления развиваются только там,

где капиталистический способ производства получил лишь ограниченное развитие и не раскрыл все свои особенности; так как эти явления покоятся именно на том, что земледелие уже не подчинено — или еще не подчинено — капиталистическому способу производства, а подчинено способу производства, сохранившемуся от погибших форм общества. Следовательно, вредные стороны капиталистического способа производства с его зависимостью производителя от денежной цены его продукта совпадают здесь с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства. Крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых он мог бы производить свой продукт в виде товара.

Конфликт между ценой земли как элементом издержек производства для производителя и неэлементом цены производства продукта (даже если рента принимает определяющее участие в образовании цены земледельческого продукта, такого участия отнюдь не принимает капитализированная рента, которая авансируется на 20 и более лет) есть лишь одна из форм, в которых вообще выражается противоречие между частной собственностью на землю и рациональным земледелием, нормальным общественным использованием земель. Но, с другой стороны, частная собственность на землю, следовательно, экспроприация земли у непосредственных производителей — частная собственность одних, которая подразумевает отсутствие собственности на землю у других, — есть основа капиталистического способа производства.

Здесь, при мелком земледелии, цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной земельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счете не ему, а земельному собственнику. При обеих формах на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства постоянно сменяющихся друг друга человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого обществом уровня развития, а от случайных неодинаковых обстоятельств отдельных производителей). При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности — вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстрого обогащения арендаторов и собственников. И в том и в другом случае — вследствие зависимости от рыночной цены.

Вся критика мелкой земельной собственности в конечном счете сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия. К этому же сводится и вся противоположная критика крупной земельной собственности. Конечно, мы здесь для обоих случаев оставляем в стороне побочные политические соображения. Эта граница и эта помеха, которую всякая частная собственность на землю ставит земледельческому производству и рациональному возделыванию, сохранению и улучшению самой почвы, развивается и здесь и там только в различных формах, и в спорах об этих специфических формах зла забывается его основная причина.

Мелкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, то есть и материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры. С другой стороны, крупная земельная собственность сокращает сельское население до постоянно понижающегося минимума и противопоставляет ему все возрастающее, концентрирующееся в больших городах промышленное население; тем самым создаются условия, которые вызывают непоправимую брешь в процессе общественного и диктуемого естественными законами жизни обмена веществ, вследствие чего сила почвы расточительно растрачивается, а эта расточительная растрата при посредстве торговли распространяется далеко за пределы собственной страны (Либих¹¹²).

Если мелкая земельная собственность создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее природная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций — в самой деревне. Крупная промышленность и предпринимательское ведение крупного земледелия действуют рука об руку. Если первоначально они различаются тем, что первая истощает и разрушает больше рабочую силу, а следовательно, естественную силу человека, между тем как второе более непосредственно опустошает и разоряет естественную силу земли, то позже, с ходом развития, они подают друг другу руку: предпринимательская система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля, в свою очередь, создают для земледелия средства истощения почвы.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА

I ⁴⁸⁾

Капитал — прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля — земельная рента, труд — заработная плата: вот триединая формула, которая охватывает все тайны общественного процесса производства.

Далее, поскольку процент, как это показано раньше *, выступает как специфический, характерный продукт капитала, а предпринимательский доход в противоположность проценту — как независимая от капитала заработная плата, то указанная триединая формула точнее сводится к следующей:

Капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата; в этой формуле прибыль, форма прибавочной стоимости, специфически характеризующая капиталистический способ производства, благополучно устраняется.

При ближайшем рассмотрении этого экономического триединства мы находим следующее:

Во-первых, мнимые источники богатства, которым можно располагать каждый год, относятся к совершенно различным сферам и не имеют ни малейшего сходства между собой. Они относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свекла и музыка.

Капитал, земля, труд! Но капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер. Капитал — это не просто сумма материальных

⁴⁸⁾ Следующие три отрывка находятся в различных местах рукописи отдела VI — Ф. Э. ¹¹³

* См. настоящий том, ч. 1, гл. XXIII. *Ред.*

и произведенных средств производства. Капитал — это превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото или серебро сами по себе — деньгами. Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия приведения в действие самой этой рабочей силы, — вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале. Не только продукты рабочих, превратившиеся в самостоятельные силы, продукты как поработители и покупатели своих производителей, но также и общественные силы и будущая... {неразборчиво}* форма этого труда противостоят им как свойства их продукта. Следовательно, мы имеем здесь определенную, на первый взгляд весьма мистическую, общественную форму одного из факторов исторически сложившегося общественного процесса производства.

А теперь рядом с этим земля, неорганическая природа как таковая, «*rudis indigestaque moles*»¹¹⁴, то есть во всей ее первозданности. Стоимость — это труд. Поэтому земля не может создать прибавочной стоимости. Абсолютное плодородие почвы не приводит к чему-либо другому, кроме как к тому, что известное количество труда дает известный, обусловливаемый естественным плодородием почвы, продукт. Различие в плодородии почвы приводит к тому, что одни и те же количества труда и капитала, следовательно, одна и та же стоимость, выражаются в различных количествах земледельческих продуктов; следовательно, эти продукты имеют различные индивидуальные стоимости. Выравнивание этих индивидуальных стоимостей в рыночные стоимости приводит к тому, что

«преимущества более плодородных земель по сравнению с менее плодородными... переходят от земледельца или потребителя к земельному собственнику» (D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». [London, 1821, p. 62]).

И, наконец, в качестве «третьего в союзе»¹¹⁵ фигурирует простой призрак — труд [«*die Arbeit*»], который есть не что иное, как абстракция, и как таковой вообще не существует или, если мы возьмем... {неразборчиво}** — производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ и, как выражение жизни

* Более поздняя расшифровка рукописи в этом месте читается так: «общественные силы их труда и общественная форма этого труда» («*die gesellschaftlichen Kräfte und zusammenhängende Form dieser Arbeit*»). *Ред.*

** Более поздняя расшифровка рукописи в этом месте читается так: «если мы возьмем то, что под этим скрывается» («*wenn wir das Gemeinte nehmen*»). *Ред.*

и утверждение жизни, общая еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение.

II

Капитал — процент; земельная собственность, частная собственность на землю, и именно современная, соответствующая капиталистическому способу производства, — рента; наемный труд — заработная плата. Итак, в этой форме должна заключаться связь между источниками дохода. Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность есть исторически определенные общественные формы, одна — труда, другая — монополизированной земли, и к тому же обе есть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической общественной формации.

Первое, что бросается в глаза в этой формуле, заключается в том, что рядом с капиталом, рядом с этой формой одного элемента производства, принадлежащей определенному способу производства, определенной исторической структуре общественного процесса производства, рядом с элементом производства, слившимся с определенной общественной формой и представляемым в ней, непосредственно ставятся: земля — с одной стороны, труд — с другой, два элемента реального процесса труда, которые в этой вещественной форме являются общими для всех способов производства, являются вещественными элементами всякого процесса производства и не имеют никакого отношения к его общественной форме.

Во-вторых. В формуле: «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата» капитал, земля, труд соответственно выступают как источники процента (вместо прибыли), земельной ренты и заработной платы, являющихся их продуктами, плодами; первые — основание, вторые — следствие, первые — причина, вторые — результат; причем каждый отдельный источник относится к своему продукту, как к чему-то выделенному и произведенному им. Все три вида доходов, процент (вместо прибыли), рента, заработная плата, есть три части стоимости продукта, следовательно, вообще части стоимости, или, в денежном выражении, известные денежные части, части цены. Хотя формула: капитал — процент есть самая бессодержательная формула капитала, но тем не менее это — его формула. Но каким образом земля может создать стоимость, то есть общественно определенное количество труда да еще именно ту особую часть стоимости ее собственных продуктов, которая образует ренту? Земля служит фактором производства известной потребительной стоимости, известного материального продукта, например пшеницы. Но она не имеет никакого отношения к производству *стоимости пшеницы*. Поскольку

в пшенице представлена стоимость, пшеница рассматривается лишь как определенное количество опредмеченного общественного труда, совершенно независимо от особого вещества, в котором представлен этот труд, или от особой потребительной стоимости этого вещества. Это не противоречит тому, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. Производительность земледельческого труда связана с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда бывает представлено в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей. Как велико количество труда, представленное в одном шеффеле, это зависит от того, какое количество шеффелей доставляется данным количеством труда. От производительности земли здесь зависит, в каких количествах продукта представлена стоимость; но эта стоимость дана независимо от такого распределения. Стоимость представлена в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие созидания стоимости; но глупо делать противопоставление там, где на одной стороне стоит потребительная стоимость, земля, а на другой стороне — стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) {Здесь рукопись обрывается.}

III

Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они *prima facie* * принимают неленый характер и полны противоречий, — а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя, — что именно здесь вульгарная политическая экономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными. Поэтому она нисколько не понимает, что триединство, из которого она исходит: земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата или цена труда, есть *prima facie* три невозможных компонента. Прежде всего перед нами потребительная стоимость, *земля*, которая не имеет стоимости, и меновая стоимость, *рента*: таким образом общественное отношение, взятое как вещь, поставлено в отношение пропорциональности к природе;

* — прежде всего. *Ред.*

то есть выходит, что в известное отношение друг к другу ставятся две несоизмеримые величины. Затем *капитал — процент*. Если под капиталом понимается определенная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то *prima facie* является бессмыслицей то, что стоимость есть большая стоимость, чем она стоит. Как раз в формуле «капитал — процент» отпадает всякое опосредствование, и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле. Именно потому вульгарный экономист и предпочитает формулу «капитал — процент», с таинственным свойством стоимости быть неравной себе самой, формуле «капитал — прибыль», что последняя уже ближе подходит к действительному капиталистическому отношению. А потом, сознавая, что 4 не есть 5 и потому 100 талеров не могут быть 110 талерами, вульгарный экономист ищет спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала, в его потребительной стоимости как условии производства, в машинах, сыром материале и т. д. Таким образом, вместо непонятого первого отношения, при котором $4 = 5$, опять выводят совершенно несообразное отношение между потребительной стоимостью, вещью, с одной стороны, и определенным общественным производственным отношением, прибавочной стоимостью, с другой стороны, как и в случае с земельной собственностью. Как только вульгарный экономист доходит до этих несообразностей, ему все становится ясным, он уже не чувствует потребности раздумывать дальше. Ибо он дошел как раз до «рационального» в буржуазном представлении. Наконец, *труд — заработная плата*, цена труда, как показано в «Капитале», кн. I, есть выражение, которое *prima facie* противоречит понятию стоимости, равно как и понятию цены, которая вообще сама есть лишь определенное выражение стоимости¹¹⁶; «цена труда» столь же иррациональна, как и «желтый логарифм». Но как раз этим-то больше всего и удовлетворяется вульгарный экономист, потому что он тут дошел до глубокого воззрения буржуа, который находит, что он платит деньги за труд, и так как именно противоречие формулы понятия стоимости снимает с него обязанность понять последнюю.

Мы⁴⁹⁾ видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым, и носителей

⁴⁹⁾ Начало главы XLVIII по рукописи. [Ф. Э.]

этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны — результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним. Далее мы видели: капитал, — а капиталист есть лишь персонифицированный капитал и функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала — итак, капитал выкачивает в соответствующем ему общественном процессе производства из непосредственных производителей, или рабочих, определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения. Этот прибавочный труд выражается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте. Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется для страхового фонда от разного рода случайностей для обеспечения необходимого, соответствующего развитию потребностей и росту населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [*höhere Neubildung*] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые при более высокой форме общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значитель-

ным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что в зависимости от развития производительной силы труда прибавочный труд может быть велик при общей небольшой продолжительности рабочего дня и относительно мал при общей большой продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 6 часам и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 12 часам, а норма прибавочного труда = только $33\frac{1}{3}\%$. Таким образом, от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, также и в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

Эта прибавочная стоимость или этот прибавочный продукт распределяется в капиталистическом обществе между капиталистами, — если мы оставим в стороне случайные колебания распределения и будем рассматривать его регулирующий закон, его нормирующие границы, — как дивиденд пропорционально той

доле, которая принадлежит каждому в общественном капитале. В этом виде прибавочная стоимость выступает как средняя прибыль, достающаяся капиталу, средняя прибыль, которая, в свою очередь, делится на предпринимательский доход и процент и которая в форме этих двух категорий может достаться различного рода капиталистам. Это присвоение и распределение прибавочной стоимости, соответственно прибавочного продукта, капиталом имеет, однако, свою границу в земельной собственности. Как функционирующий капиталист выкачивает из рабочего прибавочный труд, а тем самым в форме прибыли прибавочную стоимость и прибавочный продукт, так земельный собственник, согласно ранее изложенным законам, в свою очередь, выкачивает у капиталиста часть этой прибавочной стоимости или прибавочного продукта в форме ренты.

Итак, когда мы говорим здесь о прибыли как о достающейся капиталу доле прибавочной стоимости, то мы имеем в виду среднюю прибыль (равную предпринимательскому доходу плюс процент), которая уже ограничена в своем размере вычетом ренты из всей прибыли (по своей массе тождественной со всей прибавочной стоимостью); то есть предполагается вычет ренты. Следовательно, прибыль на капитал (предпринимательский доход плюс процент) и земельная рента есть не что иное, как особые составные части прибавочной стоимости, категории, в которых последняя становится различной в зависимости от того, достается ли она капиталу или земельной собственности, что, однако, ничего не изменяет в ее сущности. Сложенные вместе, прибыль на капитал и земельная рента образуют сумму общественной прибавочной стоимости. Капитал выкачивает прибавочный труд, представленный в прибавочной стоимости и прибавочном продукте, непосредственно из рабочих. Следовательно, в этом смысле он может рассматриваться как производитель прибавочной стоимости. Земельная собственность не имеет никакого отношения к действительному процессу производства. Ее роль ограничивается тем, что она перемещает часть произведенной прибавочной стоимости из кармана капитала в свой собственный. Тем не менее, земельный собственник играет роль в капиталистическом процессе производства не только благодаря тому давлению, которое он оказывает на капитал, и также не просто потому, что крупная земельная собственность является предпосылкой и условием капиталистического производства, так как она является предпосылкой и условием экспроприации условий труда у работников, но особенно потому, что земельный собственник выступает как персонификация одного из существеннейших условий производства.

Наконец, рабочий, как собственник и продавец своей личной рабочей силы, под названием заработной платы получает часть продукта, где представлена часть его труда, которую мы называем

необходимым трудом, то есть трудом, необходимым для сохранения и воспроизводства этой рабочей силы, каковы бы ни были условия этого сохранения и воспроизводства: беднее или богаче, благоприятнее или неблагоприятнее.

Какими бы несравнимыми вообще ни казались эти отношения, в них есть одно общее: капитал из года в год приносит капиталисту прибыль, земля земельному собственнику — земельную ренту, и рабочая сила, — при нормальных условиях и пока она применяется, — приносит заработную плату рабочему. Эти три части ежегодно производимой совокупной стоимости и соответствующие им части ежегодно производимого совокупного продукта могут, — накопление мы оставляем здесь пока в стороне, — ежегодно потребляться их соответствующими владельцами без того, чтобы иссяк источник их воспроизводства. Они выступают как предназначенные для ежегодного потребления плоды многолетнего дерева или, вернее, трех деревьев; они образуют годовой доход трех классов: капиталиста, земельного собственника и рабочего. Доходы, которые распределяются функционирующим капиталистом, так как он непосредственно выкачивает прибавочный труд и применяет труд вообще. Таким образом, капиталисту его капитал, земельному собственнику его земля и рабочему его рабочая сила или, скорее, самый его труд (так как он действительно продает рабочую силу только как себя проявляющую и цена рабочей силы, как показано раньше, на базисе капиталистического способа производства необходимо представляется ему ценой труда) представляются тремя различными источниками их специфических доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы. Они и действительно являются таковыми в том смысле, что капитал для капиталиста — постоянно действующий насос для выкачивания прибавочного труда, земля для земельного собственника — постоянно действующий магнит для притяжения части той прибавочной стоимости, которую выкачал капитал, и, наконец, труд — постоянно возобновляющееся условие и постоянно возобновляющееся средство для того, чтобы в форме заработной платы приобретать часть созданной рабочим стоимости, а следовательно, измеряемую этой частью стоимости часть общественного продукта — необходимые жизненные средства. Они являются, далее, таковыми в том смысле, что капитал фиксирует часть стоимости, а потому и продукта годового труда, в форме прибыли, земельная собственность — другую часть в форме ренты и наемный труд — третью часть в форме заработной платы, и как раз благодаря этому превращению эти части делаются доходами капиталиста, земельного собственника и рабочего, не создавая, однако, самой субстанции, превращающейся в эти различные категории. Напротив, распределение предполагает наличие этой субстанции, то есть совокупной стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный

труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме. Почему это происходит, мы увидим из дальнейшего хода исследования. Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно, происходят не только различные формы этой стоимости, достигающиеся в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода.

{Здесь в рукописи недостает листа in folio*}.

...Дифференциальная рента связана с относительным плодородием земель, следовательно, со свойствами, которые возникают из почвы как таковой. Но поскольку она, во-первых, покоится на различии индивидуальных стоимостей продуктов различных категорий земли, это есть лишь то определение, которое мы только что упомянули; поскольку она, во-вторых, покоится на отличной от этих индивидуальных стоимостей регулирующей общей рыночной стоимости, это будет общественный, осуществляющийся при посредстве конкуренции закон, который не имеет никакого отношения ни к земле, ни к различным степеням ее плодородия.

Может показаться, что по крайней мере в формуле «труд — заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля — земельная рента». Поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата, или цена труда, есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы; и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства. Труд овеществляется и в той составной части стоимости товара, которая в качестве заработной платы образует цену рабочей силы; он создает эту часть точно так же, как другие части продукта; но он овеществляется в этой части не более и не иначе, чем в частях, которые образуют ренту или прибыль. И вообще раз труд нами фиксируется, как созидатель стоимости, мы рассматриваем его не в его конкретной форме, как условие производства, а в его общественной определенности, которая отлична от общественной определенности наемного труда.

* — форматом в $1/2$ печатного листа. *Ред.*

Даже выражение «капитал — прибыль» здесь неправильно. Если капитал берется в том единственном отношении, в котором он производит прибавочную стоимость, именно в том его отношении к рабочему, в котором он выжимает прибавочный труд принуждением, оказываемым на рабочую силу, то есть на наемного рабочего, то ведь эта прибавочная стоимость включает в себе кроме прибыли (предпринимательский доход плюс процент) и ренту, короче, всю неразделенную прибавочную стоимость. Здесь, напротив, капитал как источник дохода ставится в отношение только к той части, которая достается капиталисту. А это не прибавочная стоимость, которую он вообще извлекает, а лишь та ее часть, которую он извлекает для капиталиста. Всякая связь отпадает еще более, если эта формула превращается в такую: «капитал — процент».

Если сначала мы рассматривали различие трех источников, то теперь мы видим, что их продукты, их порождения, доходы, напротив, все принадлежат к одной и той же сфере, к сфере стоимости. Однако это различие выравнивается тем (это отношение между не только несоизмеримыми величинами, но и между совершенно различными, никакого отношения друг к другу не имеющими и не сравнимыми вещами), что капитал, подобно земле и труду, берется в действительности просто в его вещественной субстанции, следовательно, просто как произведенное средство производства, причем абстрагируются от него как от отношения к рабочему и как стоимости.

В-третьих. В этом смысле, следовательно, формула: «капитал — процент (прибыль), земля — рента, труд — заработная плата» представляет одинаковое симметрическое несовпадение своих частей. В действительности, раз наемный труд представляется не как общественно определенная форма труда, но всякий труд по своей природе представляется наемным трудом (так представляет себе дело тот, кто опутан капиталистическими производственными отношениями), то и определенные, специфические общественные формы, которые принимают вещественные условия труда — произведенные средства производства и земля — по отношению к наемному труду (как и, наоборот, со своей стороны они предполагают наемный труд), — прямо совпадают с вещественным бытием этих условий труда, или с тем видом, который они вообще имеют в действительном процессе труда, независимо от каждой его конкретной, исторически определенной общественной формы и даже независимо от *любой* общественной формы. Отчужденная от труда, ставшая самостоятельной по отношению к нему и тем самым превращенной формой условий труда, в которой таким образом произведенные средства производства превращаются в капитал, а земля — в монополизированную землю, земельную собственность, эта принадлежащая определенному историческому периоду форма совпадает поэтому с бытием и функцией произведенных

средств производства и земли в процессе производства вообще. Эти средства производства оказываются капиталом сами по себе, от природы; капитал оказывается просто «экономическим наименованием» этих средств производства; и земля оказывается сама по себе, от природы, землей, монополизированной известным количеством земельных собственников. Как при капитале и капиталисте, — который в действительности есть не что иное, как персонифицированный капитал, — продукты становятся самостоятельной силой по отношению к производителям, так и в лице земельного собственника персонифицируется земля, которая тоже становится на дыбы и как самостоятельная сила требует своей доли в произведенном с ее помощью продукте: так что не земля получает принадлежащую ей часть продукта для восстановления и повышения ее производительности, а вместо нее земельный собственник получает долю этого продукта ее для расточения и мотовства. Ясно, что капитал предполагает труд как наемный труд. Но не менее ясно, что если исходить из труда как наемного труда, так что совпадение труда вообще с наемным трудом кажется само собой разумеющимся, то капитал и монополизированная земля должны также представляться естественной формой условий труда по отношению к труду вообще. Капитал представляется теперь естественной формой средств труда, а потому чисто вещным свойством, возникающим из их функций в процессе труда вообще. Таким образом капитал и произведенное средство производства становятся тождественными выражениями. Точно так же тождественными выражениями становятся земля вообще и земля, монополизированная частной собственностью. Поэтому средства труда как таковые, средства труда, которые являются капиталом от природы, становятся источником прибыли, а земля как таковая — источником ренты.

Труд как таковой в его простой определенности как целесообразная производительная деятельность ставится в отношении к средствам производства не в их общественной определенности формы, а в их вещественной субстанции, к средствам производства как к материалу и средству труда, различающимся между собой тоже лишь вещественно как потребительные стоимости: земля — как непроизведенное средство труда, остальные — как произведенные средства труда. Следовательно, если труд совпадает с наемным трудом, то та определенная общественная форма, в которой условия труда противостоят теперь труду, в свою очередь, совпадает с их вещественным бытием. В таком случае средства труда как таковые суть капитал, и земля как таковая есть земельная собственность. Тогда формальная самостоятельность этих условий труда по отношению к труду, та особая форма этой самостоятельности, которой они обладают по отношению к наемному труду, оказывается свойством, неотделимым от них как от вещей, как от материальных

условий производства, оказывается характером, необходимо принадлежащим им, имманентно присущим им просто как элементам производства. Их обусловленный определенной исторической эпохой общественный характер в капиталистическом процессе производства оказывается их вещным, естественным и, так сказать, исконно врожденным характером их как элементов процесса производства. В таком случае должно казаться, что соответственное участие, которое земля как первоначальное поле приложения для труда, как царство сил природы, как найденный готовым арсенал всех предметов труда, и другое соответственное участие, которое произведенные средства производства (орудия, сырые материалы и т. д.) принимают в процессе производства вообще, находят себе выражение в соответственных долях, которые достаются им как капиталу и земельной собственности, — то есть их социальным представителям, — в форме прибыли (процента) и ренты, подобно тому, как для рабочего то участие, которое его труд принимает в процессе производства, выражается в заработной плате. Таким образом кажется, будто рента, прибыль, заработная плата порождаются той ролью, которую земля, произведенные средства производства и труд играют в простом процессе труда, даже если бы мы рассматривали этот процесс труда как процесс, происходящий просто между человеком и природой, и абстрагировались от всякой исторической определенности. Это опять то же самое, только в иной форме, когда говорят: продукт, в котором представлен труд наемного рабочего на себя самого, представлена его выручка, его доход, — это только заработная плата, та часть стоимости (а потому и общественного продукта, измеряемого этой стоимостью), которая представляет его заработную плату. Следовательно, если наемный труд совпадает с трудом вообще, то и заработная плата совпадает с продуктом труда, и та часть стоимости, которая представлена заработной платой, совпадает со стоимостью, вообще созданной трудом. Но благодаря этому и другие части стоимости, прибыль и рента, столь же самостоятельно противопоставляются заработной плате и, в свою очередь, должны возникать из собственных источников, специфически отличных и независимых от труда; они должны возникать из соучаствующих элементов производства, владельцам которых они достаются, следовательно, прибыль — из средств производства, вещественных элементов капитала, а рента из земли или природы, представляемой земельным собственником (Рошер¹¹⁷).

Поэтому из источников дохода в том смысле, что капитал притягивает в форме прибыли к капиталисту часть той прибавочной стоимости, которую он извлекает из труда, монополия на землю притягивает к земельному собственнику другую часть в форме ренты, а труд доставляет в форме заработной платы последнюю еще остающуюся часть стоимости рабочему, — из источников, при

посредстве которых одна часть стоимости превращается в форму прибыли, другая в форму ренты и третья в форму заработной платы, — земельная собственность, капитал и наемный труд превращаются в действительные источники, из которых возникают сами эти части стоимости и те соответственные части продукта, в которых существуют или на которые могут быть обменены эти части стоимости, в источники, из которых в конечном счете возникает сама стоимость продукта ³⁰⁾.

Уже при рассмотрении простейших категорий капиталистического способа производства, и даже товарного производства, товара и денег, мы указали на мистифицирующий характер, превращающий общественные отношения, для которых вещественные элементы богатства при производстве служат носителями, в свойства самих этих вещей (товар), и, что еще ярче, превращающий само производственное отношение в вещь (деньги). Все общественные формы, поскольку дело доходит до товарного производства и денежного обращения, принимают участие в этом извращении. Но при капиталистическом способе производства и при капитале, который образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие. Если мы будем рассматривать капитал прежде всего в непосредственном процессе производства — как силу, выкачивающую прибавочный труд, — то это отношение еще очень просто; и действительная связь еще прямо навязывается носителям этого процесса, самим капиталистам, и еще сознается ими. Это убедительно доказывается упорной борьбой из-за границ рабочего дня. Но даже в этой непосредственной сфере — сфере непосредственного процесса между трудом и капиталом — дело не является столь простым. С развитием относительной прибавочной стоимости при собственно специфически капиталистическом способе производства, развивающем общественные производительные силы труда, эти производительные силы и общественные связи труда в непосредственном процессе труда кажутся перенесенными с труда на капитал. Благодаря этому капитал уже становится весьма таинственным существом, так как все общественные производительные силы труда представляются принадлежащими ему, а не труду как таковому, и возникающими из его собственных недр. А затем вмешивается процесс обращения, в обмен веществ и в изменение форм которого втягиваются все части капитала, даже земледельческого капитала, в той самой мере, как развивается специфический капиталистический

³⁰⁾ «Заработная плата, прибыль и рента представляют собой три первичных источника всякого дохода, точно так же как и всякой меновой стоимости» (А. Смит) ¹¹⁵. «Таким образом причины материального производства представляют собой в то же время источники всех существующих первичных доходов» (Storch | «Cours d'Economie Politique etc.», St.-Petersbourg, 1815], t. I, p. 259).

способ производства. Это — сфера, в которой отношения первоначального производства стоимости отступают совершенно на задний план. Уже в непосредственном процессе производства капиталист в то же время действует как товаропроизводитель, как руководитель товарного производства. Этот процесс производства поэтому отнюдь не представляется ему просто процессом производства прибавочной стоимости. Но какова бы ни была та прибавочная стоимость, которую капитал в непосредственном процессе производства выкачивает и воплощает в товарах, стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в товарах, должны реализоваться лишь в процессе обращения. И дело представляется таким образом, будто стоимость, возмещающая стоимости, авансированные на производство, и в особенности прибавочная стоимость, заключающаяся в товарах, не просто реализуются в обращении, но возникают из него; эту иллюзию в особенности укрепляют два обстоятельства: во-первых, прибыль при отчуждении, которая зависит от обмана, хитрости, знания дела, ловкости и тысячи рыночных конъюнктур; затем то обстоятельство, что здесь наряду с рабочим временем выступает второй определяющий элемент, время обращения. Хотя оно функционирует только как отрицательная граница образования стоимости и прибавочной стоимости, но получается такая внешняя видимость, будто оно — столь же положительная причина их образования, как сам труд, и будто оно привносит определение, происходящее из природы капитала, независимое от труда. В «Капитале», кн. II, нам, естественно, пришлось изображать эту сферу обращения лишь в ее отношении к определенным формам, которые она порождает, указывать на дальнейшее развитие форм капитала, которое совершается в этой сфере. Но в действительности эта сфера есть сфера конкуренции, в которой, если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства. Но, далее: действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые формы, в которых все более теряется нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают самостоятельное существование по отношению друг к другу, а составные части стоимости заостеневают в самостоятельные одна по отношению к другой формы.

Как мы видели, превращение прибавочной стоимости в прибыль определяется как процессом обращения, так и процессом производства. Прибавочная стоимость в форме прибыли относится уже не к затраченной на труд части капитала, из которой она происходит, а ко всему капиталу. Норма прибыли регулируется собственными

законами, которые допускают и даже обуславливают ее изменение, при неизменной норме прибавочной стоимости. Это все больше и больше скрывает истинную природу прибавочной стоимости, а потому и действительный механизм капитала. В еще большей мере совершается это вследствие превращения прибыли в среднюю прибыль и стоимостей в цены производства, в регулирующие средние рыночных цен. Здесь вторгается сложный общественный процесс — процесс выравнивания капиталов, который отрывает относительные средние цены товаров от их стоимостей, и средние прибыли в различных сферах производства (совершенно не говоря уже об индивидуальных затратах капитала в каждой особой сфере производства) от действительной эксплуатации труда отдельными капиталами. Здесь не только так кажется, но и действительно средняя цена товаров отлична от их стоимости, следовательно, от реализованного в них труда, и средняя прибыль отдельного капитала отлична от прибавочной стоимости, которую этот капитал извлек из занятых им рабочих. Стоимость товаров проявляется непосредственно лишь в том влиянии, которое изменения производительной силы труда оказывают на понижение и повышение цен производства, на их движение, а не на их конечные пределы. Кажется, что прибыль определяется непосредственной эксплуатацией труда лишь побочно, постольку именно, поскольку последняя позволяет капиталисту при наличии регулирующих рыночных цен, кажущихся независимыми от этой эксплуатации, реализовывать прибыль, отклоняющуюся от средней прибыли. Что же касается нормальных средних прибылей, они кажутся имманентными капиталу, независимыми от эксплуатации; кажется, что ненормальная эксплуатация, а также средняя эксплуатация при исключительно благоприятных условиях обуславливают лишь отклонения от средней прибыли, а не самую среднюю прибыль. Деление прибыли на предпринимательский доход и процент (не говоря уже о вмешательстве торговой и денежно-торговой прибыли, которые основаны на обращении и кажутся возникающими целиком из обращения, а не из процесса самого производства) завершает обособление формы прибавочной стоимости, заострение ее формы по отношению к ее субстанции, ее сущности. Одна часть прибыли, в противоположность другой, совершенно отрывается от капиталистического отношения как такового и представляется возникающей не из функции эксплуатации наемного труда, а из наемного труда самого капиталиста. В противоположность этому, процент представляется возникающим независимо от наемного труда рабочего и от собственного труда капиталиста, а из капитала как своего собственного независимого источника. Если первоначально, на поверхности обращения, капитал казался капиталом-фетишем, стоимостью, порождающей стоимость, то теперь, в виде капитала, приносящего проценты, он представляется в наиболее отчужденной

и наиболее своеобразной форме. А потому формула: «капитал — процент», как третье звено в формулах «земля — рента» и «труд — заработная плата», гораздо последовательнее, чем формула «капитал — прибыль», потому что в прибыли все еще сохраняется воспоминание о ее происхождении, которое в проценте не только исчезло, но фиксировано в форме, противоположной этому происхождению.

Наконец, наряду с капиталом как самостоятельным источником прибавочной стоимости выступает земельная собственность, как предел средней прибыли и как фактор, передающий часть прибавочной стоимости такому классу, который сам не работает, не эксплуатирует рабочих непосредственно и не может предаваться, по примеру капитала, приносящего проценты, морально назидательным соображениям, например, о риске и жертвах при ссуде капитала. Так как здесь часть прибавочной стоимости кажется связанной непосредственно не с общественными отношениями, а с элементом природы, землей, то форма обособления и заострения различных частей прибавочной стоимости одна по отношению к другой завершается, внутренняя связь окончательно разрывается, и ее источники совершенно маскируются именно взаимным обособлением отношений производства, которые связываются с различными вещественными элементами процесса производства.

В формуле: «капитал — прибыль» или, еще лучше, «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства вообще с его источниками, оказывается завершенной мистификация капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью: получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир, в котором *monsieur le Capital** и *madame la Terre*** как социальные характеры в то же время непосредственно, как просто вещи, справляют свой шабаш. Великая заслуга классической политической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и заострение различных общественных элементов богатства по отношению друг к другу, эту персонификацию вещей и овеществление производственных отношений, эту религию повседневной жизни, — тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются воедино в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения как простой метаморфоз форм и, наконец, свела в непосредственном процессе

* — господин капитал. *Ред.*

** — госпожа земля. *Ред.*

производства стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду. Однако даже лучшие из ее представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром видимости, который они критически разрушили, и потому в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешимые противоречия. Столь же естественно, с другой стороны, что действительные агенты производства чувствуют себя совершенно как дома среди этих отчужденных и иррациональных форм: капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата, ибо они движутся в этих формах внешней видимости и постоянно имеют дело с ними. Не менее естественно поэтому, что вульгарная политическая экономия, которая представляет не что иное, как дидактическое, более или менее доктринерское истолкование обыденных представлений действительных агентов производства, и которая лишь вносит известный рациональный порядок в эти представления, что она именно в этом триединстве, в котором стерта всякая внутренняя связь, находит естественный, стоящий выше всяких сомнений базис для своего пустого самодовольства. В то же время эта формула соответствует интересам господствующих классов, так как она прокламирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода.

Описывая, как производственные отношения овеществляются и приобретают самостоятельность по отношению к агентам производства, мы не останавливаемся на том, каким образом эти взаимосвязи, благодаря мировому рынку, его конъюнктуре, движению рыночных цен, кредиту, циклам промышленности и торговли, смене фаз процветания и кризиса, представляются агентам производства как непреодолимые, стихийно господствующие над ними законы природы и проявляются по отношению к ним как слепая необходимость. Не останавливаемся потому, что действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана и потому, что мы имеем целью представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе.

В прежних общественных формах эта экономическая мистификация выступает преимущественно по отношению к деньгам и приносящему проценты капиталу. По самой природе дела, она исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительной стоимости, для непосредственного собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощения, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного процесса. В первобыт-

ных общинах, в которых господствует первобытный коммунизм, и даже в античных городских общинах сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины — как конечная цель производства. Даже в средневековых цехах ни капитал, ни труд не являются несвязанными, напротив, их отношения определяются корпоративным строем, отношениями, которые с этим строем связаны, и представлениями о профессиональном долге, уровне мастерства и т. д., которые соответствуют этим отношениям. Только при капиталистическом способе производства...*

* Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА

В исследовании, которое нам теперь предстоит, можно отвлечься от различия между ценой производства и стоимостью, так как различие это вообще отпадает, если, как в данном случае, рассматривать стоимость совокупного годового продукта труда, то есть продукта совокупного общественного капитала.

Прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента есть не что иное, как своеобразные формы, которые принимают отдельные части прибавочной стоимости товаров. Величина прибавочной стоимости является пределом общей величины частей, на которые она может распадаться. Средняя прибыль плюс рента равняется поэтому прибавочной стоимости. Возможно, что часть заключающегося в товарах прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, не входит прямо в выравнивание средней прибыли, так что часть товарной стоимости вообще не получает выражения в цене соответствующего товара. Но, во-первых, это компенсируется либо тем, что норма прибыли возрастает, если товар, проданный ниже его стоимости, образует элемент постоянного капитала, либо тем, что прибыль и рента представлены в большем продукте, если товар, проданный ниже его стоимости, входит в качестве предмета личного потребления в ту часть стоимости, которая потребляется как доход. А, во-вторых, эти отклонения цены от стоимости в среднем взаимно уничтожаются. Во всяком случае, если даже часть прибавочной стоимости, не получившая выражения в цене товара, оказывается потерянной для ценообразования, сумма средней прибыли плюс рента в своей нормальной форме никогда не может быть больше всей прибавочной стоимости, хотя и может быть меньше последней. Ее нормальная форма предполагает заработную плату, соответствующую стоимости рабочей силы. Даже монопольная рента, поскольку она не является вычетом из заработной платы, следовательно, не образует особой категории, косвенно всегда неизбежно образует часть прибавочной стоимости: если она и не образует избытка цены над ценой производства того самого товара, составной

частью которого является (как при дифференциальной ренте), или если она и не образует избыточной прибавочной стоимости того самого товара, составной частью которого она служит, над частью его собственной прибавочной стоимости, измеряемой средней прибылью (как при абсолютной ренте), то все же она образует часть прибавочной стоимости других товаров, то есть товаров, обмениваемых на этот товар, имеющий монопольную цену. — Сумма средней прибыли плюс земельная рента никогда не может превышать величины, частями которой являются эти прибыль и рента и которая уже дана до этого разделения. Поэтому для нашего исследования безразлично, реализуется ли в цене товаров вся прибавочная стоимость товаров, то есть весь заключающийся в товарах прибавочный труд, или нет. Прибавочный труд уже потому не реализуется целиком, что при постоянном изменении количества труда, общественно необходимого для производства данного товара, — изменении, вытекающем из постоянного изменения производительной силы труда, — часть товаров всегда производится при ненормальных условиях, а потому их приходится продавать ниже их индивидуальной стоимости. Во всяком случае, прибыль плюс рента равны всей реализованной прибавочной стоимости (прибавочному труду), и для исследования, о котором здесь идет речь, реализованную прибавочную стоимость можно считать равной всей прибавочной стоимости, ибо прибыль и рента суть реализованная прибавочная стоимость, следовательно, та прибавочная стоимость, которая вообще входит в цену товаров, следовательно, практически вся та прибавочная стоимость, которая образует составную часть этой цены.

С другой стороны, заработная плата, образующая третью своеобразную форму дохода, всегда равна переменной составной части капитала, то есть той составной части, которая затрачивается не на средства труда, а на покупку живой рабочей силы, на оплату рабочих. (Труд, оплачивающийся при расходовании дохода, оплачивается из средств на заработную плату, из прибыли или ренты и потому не составляет части стоимости тех товаров, которыми он оплачивается. Следовательно, он не принимается во внимание при анализе стоимости товаров и составных частей, на которые она распадается.) Стоимость переменного капитала, а следовательно, и цена труда воспроизводится в части овеществленного рабочего дня рабочих, в той части товарной стоимости, в которой рабочий воспроизводит стоимость своей собственной рабочей силы, или цену своего труда. Весь рабочий день рабочего распадается на две части. Одна часть та, в течение которой он выполняет количество труда, необходимое для воспроизводства стоимости его собственных жизненных средств: оплаченная часть всего его труда, то есть та часть, которая необходима для его собственного сохранения и воспроизводства. Остальная часть рабочего дня, все избыточное количество труда, которое он совершает сверх труда, реализованного в стоимости

его заработной платы, есть прибавочный труд, неоплаченный труд, выраженный в прибавочной стоимости всей его товарной продукции (и потому в избыточном количестве товара), в прибавочной стоимости, которая, в свою очередь, распадается на части с различными наименованиями — на прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и ренту.

Итак, часть совокупной стоимости товаров, в которой реализуется весь труд рабочих, присоединяемый в течение одного дня или одного года, стоимость совокупного годового продукта, которую создает этот труд, распадается на стоимость заработной платы, прибыли и ренты. Ибо весь этот труд распадается на необходимый труд, посредством которого рабочий создает ту часть стоимости продукта, которой он сам оплачивается, то есть заработную плату, и на неоплаченный прибавочный труд, посредством которого он создает ту часть стоимости продукта, которая представляет прибавочную стоимость и впоследствии распадается на прибыль и ренту. Кроме этого труда, рабочий не совершает никакого иного труда, и кроме стоимости продукта, которая принимает формы заработной платы, прибыли, ренты, он не создает никакой стоимости. Стоимость годового продукта, в которой выражается труд, вновь присоединенный им в течение года, равняется заработной плате, или стоимости переменного капитала, плюс прибавочная стоимость, которая, в свою очередь, распадается на формы прибыли и ренты.

Итак, часть совокупной стоимости годового продукта, создаваемая рабочим в течение года, выражается в годовой сумме стоимости трех доходов: стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Очевидно поэтому, что в создаваемой за год стоимости продукта стоимость постоянной части капитала не воспроизводится, так как заработная плата равна лишь стоимости переменной части капитала, авансированной на производство, а рента и прибыль равны лишь прибавочной стоимости, произведенному избытку стоимости над всей стоимостью авансированного капитала, которая равна стоимости постоянного капитала плюс стоимости переменного капитала.

По отношению к тому затруднению, которое предстоит разрешить здесь, совершенно безразлично то обстоятельство, что часть прибавочной стоимости, превращенной в форму прибыли и ренты, не потребляется в качестве дохода, а служит для накопления. Та ее часть, которая сберегается как фонд накопления, служит для образования нового, дополнительного капитала, но не для возмещения старого капитала, — ни той составной части его, которая была израсходована на рабочую силу, ни составной части, которая была израсходована на средства труда. Следовательно, ради упрощения здесь можно принять, что доходы целиком пошли на личное потребление. Это затруднение двоякого рода. С одной стороны, стоимость годового продукта, в виде которого потребляются эти доходы, — заработная плата, прибыль, рента — содержит в себе известную

часть стоимости, равную стоимости вошедшей в него постоянной части капитала. Она содержит в себе эту часть стоимости, помимо той части стоимости, которая сводится к заработной плате, и той части, которая разлагается на прибыль и ренту. Следовательно, стоимость годового продукта = заработной плате + прибыль + + рента + C , причем C представляет постоянную часть его стоимости. Каким же образом произведенная за год стоимость, равная лишь заработной плате + прибыль + рента, может купить продукт, стоимость которого = (заработной плате + прибыль + рента) + C ? Каким образом произведенная за год стоимость может купить продукт, обладающий большей стоимостью, чем она сама?

С другой стороны, если мы оставим в стороне ту часть постоянного капитала, которая не вошла в продукт и которая поэтому, хотя и с уменьшившейся стоимостью, продолжает существовать и после годового периода производства товаров, если мы, таким образом, на время абстрагируемся от примененного, но не потребленного основного капитала, то окажется, что постоянная часть авансированного капитала в форме сырых и вспомогательных материалов целиком вошла в новый продукт, тогда как одна часть средств труда потреблена целиком, а другая — лишь частично, то есть в производстве была потреблена только часть стоимости последних. Вся эта потребленная в производстве часть постоянного капитала должна быть возмещена *in natura* *. Предполагая, что все прочие условия, особенно производительная сила труда, не изменились, для ее возмещения потребуется то же самое количество труда, как и прежде, то есть она должна быть возмещена равновеликой стоимостью. В противном случае самое воспроизводство не может совершаться в прежнем масштабе. Но кто должен производить эти работы и кто их производит?

Что касается первого затруднения — кто должен оплатить заключающуюся в продукте постоянную часть стоимости и чем — то предполагается, что стоимость постоянного капитала, потребленного в производстве, снова появляется как часть стоимости продукта. Это не противоречит предпосылкам второго затруднения, так как уже в «Капитале», кн. I, гл. V «Процесс труда и процесс увеличения стоимости» было показано, каким образом посредством простого присоединения нового труда, хотя и не воспроизводящего старой стоимости, а создающего лишь добавление к ней, создающего лишь добавочную стоимость, одновременно сохраняется в продукте и старая стоимость; но в то же время было показано, что это достигается не постольку, поскольку труд производит стоимость, то есть является трудом вообще, а поскольку он функционирует в качестве определенного производительного труда. Таким образом, не требуется дополнительного труда для того, чтобы сохранить

* - в натуральной форме. *Ред.*

стоимость постоянной части в том продукте, на который расходуется доход, то есть вся созданная в течение года стоимость. Но, конечно, требуется новый дополнительный труд для того, чтобы возместить постоянный капитал, стоимость и потребительная стоимость которого были потреблены в истекшем году; без такого возмещения воспроизводство вообще невозможно.

Весь вновь присоединенный труд представлен во вновь созданной в течение года стоимости, которая, в свою очередь, целиком превращается в три вида дохода: заработную плату, прибыль и ренту. Стало быть, с одной стороны, не остается избыточного общественного труда для возмещения потребленного постоянного капитала, подлежащего восстановлению частью *in natura* и по стоимости, частью только по стоимости (поскольку речь идет просто об износе основного капитала). С другой стороны, стоимость, созданная годичным трудом и распадающаяся на заработную плату, прибыль и ренту, и в этих формах подлежащая расходованию, кажется недостаточной для того, чтобы оплатить или купить постоянную часть капитала, которая должна находиться в продукте сверх вновь созданной стоимости.

Мы видим, что поставленная здесь проблема уже решена при исследовании воспроизводства всего общественного капитала («Капитал», кн. II, отдел III). Здесь мы возвращаемся к этому предмету прежде всего потому, что там прибавочная стоимость еще не была раскрыта в ее формах дохода: прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента, — а потому и не могла быть рассмотрена в этих формах; затем также и по той причине, что как раз с анализом формы заработной платы, прибыли и ренты связана невероятная ошибка всей политической экономии, начиная с А. Смита.

Мы разделили там весь капитал на два больших подразделения: подразделение I, которое производит средства производства, и подразделение II, которое производит предметы индивидуального потребления. То обстоятельство, что некоторые продукты могут точно так же служить для индивидуального потребления, как и в качестве средств производства (лошадь, зерно и т. д.), отнюдь не опровергает абсолютной правильности этого разделения. Оно в самом деле не гипотеза, а лишь выражение факта. Возьмем годовой продукт какой-либо страны. Часть этого продукта, какова бы ни была ее способность служить в качестве средств производства, входит в индивидуальное потребление. Это — продукт, на который расходуется заработная плата, прибыль и рента. Продукт этот является продуктом определенного подразделения общественного капитала. Возможно, что этот же самый капитал производит и продукты, принадлежащие к подразделению I. Поскольку это так, то производительно потребляемые продукты подразделения I доставляются не той частью этого капитала, которая потреблена на продукт подразделе-

ния II, на такой продукт, который действительно достается на долю индивидуального потребления. Весь продукт подразделения II, который входит в индивидуальное потребление и на который поэтому тратится доход, представляет бытие потребленного на него капитала плюс произведенный избыток. Таким образом, это — продукт капитала, вложенного только в производство предметов потребления. И таким же образом подразделение I годового продукта, которое служит в качестве средства воспроизводства — сырого материала и орудий труда — какова бы ни была вообще способность этого продукта *naturaliter** служить в качестве предмета потребления, является продуктом капитала, вложенного исключительно в производство средств производства. Несравненно большая часть продуктов, образующих постоянный капитал, находится и вещественно в такой форме, в которой они не могут войти в индивидуальное потребление. Поскольку же часть продуктов могла бы войти в индивидуальное потребление, поскольку, например, крестьянин мог бы съесть свое семенное зерно или забить для своего индивидуального потребления свой рабочий скот, то уже в силу самой экономической необходимости крестьянин вынужден обращаться с этой частью продуктов так, как если бы она существовала в форме, не пригодной для потребления.

Как уже сказано, при рассмотрении обоих подразделений мы абстрагируемся от основной части постоянного капитала, которая продолжает существовать *in natura* и по своей стоимости, независимо от годового продукта обоих подразделений.

В подразделении II, на продукты которого расходуются заработная плата, прибыль и рента, короче говоря, тратятся доходы, продукт по своей стоимости, в свою очередь, состоит из трех составных частей. Одна составная часть равна стоимости потребленной в производстве постоянной части капитала; другая составная часть равна стоимости той авансированной на производство переменной части капитала, которая затрачена на заработную плату; наконец, третья составная часть равна произведенной прибавочной стоимости, то есть = прибыли + рента. Первая составная часть продукта подразделения II, стоимость постоянной части капитала, не может быть потреблена ни капиталистами, ни рабочими подразделения II, ни земельными собственниками. Она не образует какой бы то ни было части их дохода, но должна быть возмещена *in natura*, а чтобы это могло произойти, она должна быть продана. Напротив, остальные две составные части этого продукта равны стоимости произведенных в этом подразделении доходов = заработной плате + + прибыль + рента.

В подразделении I продукт состоит по форме из таких же составных частей. Но та часть, которая образует здесь доход, — зара-

* - натурально. *Ред.*

ботная плата + прибыль + рента, короче, переменная часть капитала + прибавочная стоимость, — потребляется здесь не в натуральной форме продуктов этого подразделения I, а в форме продуктов подразделения II. Следовательно, стоимость доходов подразделения I должна быть потреблена в виде той части продукта подразделения II, которая образует подлежащий возмещению постоянный капитал этого подразделения. Часть продукта подразделения II, которая должна возместить постоянный капитал этого подразделения, потребляется в ее натуральной форме рабочими, капиталистами и земельными собственниками подразделения I. Они расходуют свои доходы на этот продукт подразделения II. С другой стороны, продукт подразделения I, поскольку он представляет доход подразделения I, производительно потребляется подразделением II, постоянный капитал которого он возмещает *in natura*. Наконец, потребленная постоянная часть капитала подразделения I возмещается собственными продуктами этого подразделения, которые состоят как раз из средств труда, сырых и вспомогательных материалов и т. д., возмещается частью посредством обмена капиталистов подразделения I между собой, частью же тем, что некоторые из этих капиталистов могут непосредственно применить свой собственный продукт снова как средства производства.

Возьмем прежнюю схему («Капитал», кн. II, гл. XX, II) просто го воспроизводства ¹¹⁹:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 6\,000 \\ \text{II. } 2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000 \end{array} \right\} = 9\,000$$

Согласно этому, в подразделении II производителями и земельными собственниками потребляется как доход $500_v + 500_m = 1\,000$; остается возместить $2\,000_c$. Эти $2\,000_c$ потребляются рабочими, капиталистами и получателями ренты подразделения I, доход которых $= 1\,000_c + 1\,000_m = 2\,000$. Продукт подразделения II потребляется как доход подразделением I, а доход подразделения I, представленный в продукте, который нельзя потребить [индивидуально], потребляется в качестве постоянного капитала подразделением II. Следовательно, остается дать отчет относительно $4\,000_c$ подразделения I. Они возмещаются из собственного продукта подразделения I $= 6\,000$ или, вернее, $= 6\,000 - 2\,000$, так как эти $2\,000$ уже превращены в постоянный капитал для подразделения II. Следует заметить, что цифры, конечно, взяты произвольно, а потому и отношение между стоимостью дохода подразделения I и стоимостью постоянного капитала подразделения II кажется произвольным. Однако же очевидно, что если процесс воспроизводства совершается нормально и при неизменяющихся прочих условиях, следовательно, оставляя в стороне накопление, то сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты подразделения I должна равняться стоимости постоянной части капитала подразделения II.

В противном случае либо подразделение II не сможет возместить свой постоянный капитал, либо у подразделения I не будет возможности превратить свой доход из непотребляемой в потребляемую форму.

Итак, стоимость годового товарного продукта, совершенно так же как и стоимость товарного продукта отдельной затраты капитала и стоимость каждого отдельного товара, распадается на две составные части: на *A* — часть, возмещающую стоимость авансированного постоянного капитала, и на *B*, часть, которая в форме дохода выступает как заработная плата, прибыль и рента. Последняя составная часть стоимости, *B*, постольку представляет противоположность первой, *A*, поскольку *A*, при прочих равных условиях, 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно притекает обратно в форме капитала, а именно постоянного капитала. Однако и *B*, в свою очередь, в себе самой содержит противоположность. Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все три являются формами дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная стоимость, то есть неоплаченный труд, а в заработной плате — оплаченный труд. Часть стоимости продукта, которая представляет затраченную заработную плату, то есть возмещает заработную плату, и которая при нашем предположении, что воспроизводство совершается в том же масштабе и при тех же условиях, снова превращается в заработную плату. — эта часть притекает обратно прежде всего как переменный капитал, как составная часть капитала, который должен быть снова авансирован на воспроизводство. Эта составная часть функционирует двояким образом. Она существует сначала в форме капитала и обменивается как таковой на рабочую силу. В руках рабочего она превращается в доход, который он извлекает путем продажи своей рабочей силы, как доход обменивается на жизненные средства и потребляется. Этот двойной процесс проявляется при посредстве денежного обращения. Переменный капитал авансируется деньгами, выплачивается в виде заработной платы. Это — его первая функция как капитала. Он обменивается на рабочую силу и превращается в проявление этой рабочей силы, в труд. Таков процесс для капиталиста. Но, во-вторых, на эти деньги рабочие покупают часть своего товарного продукта, измеряемую этими деньгами, и потребляют ее как доход. Если мы мысленно отвлечемся от денежного обращения, то часть продукта рабочего находится в руках капиталиста в форме наличного капитала. Эту часть он авансирует как капитал, дает ее рабочему за новую рабочую силу, тогда как рабочий потребляет ее как доход непосредственно или посредством обмена ее на другие товары. Таким образом, часть стоимости продукта, предназначенная процессом воспроизводства для того, чтобы превратиться в заработную плату, в доход для рабочих, прежде всего притекает обратно в руки капиталиста в форме

капитала, точнее, переменного капитала. То обстоятельство, что она притекает обратно в этой форме, является существенным условием постоянно возобновляющегося воспроизводства труда как наемного труда, средств производства как капитала и самого процесса производства как капиталистического процесса производства.

Чтобы не запутывать дела, создавая бесполезные затруднения, необходимо отличать валовую выручку и чистую выручку от валового дохода и чистого дохода.

Валовая выручка, или валовой продукт, есть весь воспроизведенный продукт. Оставляя в стороне примененную, но непотребленную часть основного капитала, стоимость валовой выручки, или валового продукта, равняется стоимости авансированного и потребленного в производстве капитала, постоянного и переменного, плюс прибавочная стоимость, которая распадается на прибыль и ренту. Или, если рассматривать продукт не отдельного капитала, а совокупного общественного капитала, валовая выручка равняется вещественным элементам, образующим постоянный и переменный капиталы, плюс вещественные элементы прибавочного продукта, в которых представлены прибыль и рента.

Валовой доход есть та часть стоимости и измеряемая ею часть валового продукта [Bruttoprodukts oder Rohprodukts], которая остается за вычетом части стоимости и измеряемой ею части всего произведенного продукта, возмещающей вложенный на производство и потребленный в нем постоянный капитал. Валовой доход равен, следовательно, заработной плате (или той части продукта, которая предназначена превратиться снова в доход рабочего) + + прибыль + рента. Чистый же доход есть прибавочная стоимость, следовательно — прибавочный продукт, остающийся за вычетом заработной платы и представляющий собой реализованную капиталом и подлежащую разделу с земельным собственником прибавочную стоимость и измеряемый ею прибавочный продукт.

Мы видели, что стоимость каждого отдельного товара и стоимость всего товарного продукта каждого отдельного капитала распадается на две части: одну, которая просто возмещает постоянный капитал, и другую, которая, — хотя некоторая доля ее и притекает обратно как переменный капитал, стало быть, притекает обратно тоже в *форме* капитала, — тем не менее предназначена к тому, чтобы целиком превратиться в валовой доход и принять форму заработной платы, прибыли и ренты, сумма которых составляет валовой доход. Мы видели далее, что то же самое наблюдается и по отношению к стоимости совокупного годового общественного продукта. Различие между продуктом отдельного капиталиста и общественным продуктом заключается лишь в следующем: с точки зрения отдельного капиталиста чистый доход отличается от валового дохода, ибо последний заключает в себе заработную плату, первый же исключает ее. Если же рассматривать доход всего общества, то нацио-

нальный доход состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, то есть из валового дохода. Впрочем, и это является лишь абстракцией, так как все общество, при капиталистическом производстве, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом только доход, распадающийся на прибыль и ренту.

Напротив, фантазия, как, например, у г-на Сэя, будто вся выручка, весь валовой продукт сводится для нации к чистой выручке или не отличается от нее, следовательно, будто различие это, с национальной точки зрения, перестает существовать, — эта фантазия есть лишь необходимое и крайнее выражение абсурдной догмы, проходящей через всю политическую экономию со времен А. Смита, будто вся стоимость товаров в конечном счете распадается на доходы: заработную плату, прибыль и ренту⁵¹⁾.

Разумеется, легко понять, когда речь идет о каждом отдельном капиталисте, что часть его продукта должна снова превратиться в капитал (даже оставляя в стороне расширенное воспроизводство или накопление), и притом не только в переменный капитал, назначение которого, в свою очередь, опять превратиться в доход для рабочего, то есть в форму дохода, но и в постоянный капитал, который никогда не может превратиться в доход. Простейшее наблюдение процесса производства делает это очевидным. Затруднение начинается лишь тогда, когда процесс производства рассматривается в общем и целом. Стоимость всей части продукта, потребляемой как доход в форме заработной платы, прибыли и ренты (причем совершенно безразлично, будет ли то индивидуальное или производительное потребление), действительно целиком, как показывает анализ, покрывается суммой стоимости, составленной из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, то есть всей стоимостью трех доходов, хотя стоимость этой части продукта совершенно так же, как и той, которая не входит в доход, содержит часть стоимости = C , равную стоимости заключающегося в этих частях постоянного капитала, следовательно, *prima facie* * не может исчерпываться стоимостью дохода. Это обстоятельство, которое является, с одной

⁵¹⁾ Рикардо делает следующее весьма удачное замечание относительно пустоголового Сэя: «Вот что говорит г-н Сэй о чистом и валовом продукте: «Вся произведенная стоимость составляет валовой продукт; та же стоимость за вычетом из нее издержек производства составляет чистый продукт» (т. II, стр. 491)¹²⁰. Таким образом, чистый продукт не может существовать, так как, согласно г-ну Сэю, издержки производства состоят из ренты, заработной платы и прибыли. На стр. 508 он говорит: «Стоимость продукта, стоимость производственных услуг, стоимость издержек производства — все это сходные стоимости. Если дело предоставлено естественному ходу вещей». Отнимите от целого целое, и у вас ничего не останется» (*Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation»*. London, 1821, ch. XXXII, p. 512, note). Впрочем, как мы увидим далее, и Рикардо нигде не опроверг ошибочного анализа цены товаров у Смита, именно разложения этой цены на сумму стоимостей доходов. Рикардо не задумывается над ошибочностью этого анализа и в своем анализе принимает его за верный постольку, поскольку он «абстрагируется» от постоянной части стоимости товаров. Время от времени он возвращается к тому же способу представления.

* — явно. *Ред.*

стороны, практически бесспорным фактом, с другой стороны, столь же бесспорным теоретическим противоречием, представляет трудность, которую легче всего обойти, утверждая, что товарная стоимость лишь по видимости, с точки зрения отдельного капиталиста, заключает в себе какую-то другую часть стоимости, отличную от существующей в форме дохода. Фраза: «доход для одного становится капиталом для другого» избавляет от необходимости какого бы то ни было дальнейшего размышления. Если стоимость всего продукта может быть потреблена в виде доходов, то каким же образом становится возможным при этом возмещение старого капитала; и каким образом стоимость продукта каждого индивидуального капитала может быть равна сумме стоимости трех доходов плюс C , постоянный капитал, а вся сумма стоимости продуктов всех капиталов равна сумме стоимости трех доходов плюс 0 , — все это, конечно, представляется при этом неразрешимой загадкой и потому все это можно объяснить тем, что такой анализ вообще не способен постигнуть простые элементы цены; более того, он вращается в порочном кругу и довольствуется тем, что отодвигает решение задачи до бесконечности. Таким образом, то, что представляется в виде постоянного капитала, может быть разложено на заработную плату, прибыль, ренту, а товарные стоимости, в которых представлены заработная плата, прибыль, рента, в свою очередь, определяются заработной платой, прибылью, рентой, и так далее до бесконечности⁵²⁾.

В корне ложная догма, будто стоимость товаров в конечном счете может быть разложена на заработную плату + прибыль + рента, получает еще и такое выражение, будто потребитель в конечном счете должен оплатить всю стоимость совокупного продукта; или еще — будто денежное обращение между производителями и потребителями в конечном счете должно равняться денежному обращению между самими производителями (Тук¹²¹⁾); положения, которые столь же неверны, как и то основное положение, на которое они опираются.

Затруднения, которые приводят к этому ошибочному и *prima facie* абсурдному анализу, в кратких чертах таковы:

⁵²⁾ «Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к какой-либо одной из частей или же ко всем им трем вместе» (то есть заработной плате, прибыли, ренте). «...Пожалуй, к этим трем частям можно было бы прибавить некоторую четвертую часть, необходимую для возмещения капитала арендатора, то есть для возмещения износа его рабочего скота и других орудий земледелия. Но надо принять во внимание, что цена всякого орудия в этом хозяйстве, например рабочей лошади, сама состоит из тех же трех частей: ренты с земли, на которой лошадь была вскормлена, труда, затраченного на уход за ней и содержание ее, и прибыли арендатора, авансировавшего как эту ренту, так и заработную плату за этот труд. Поэтому, хотя цена хлеба и должна оплачивать цену и содержание лошади, тем не менее *полная* цена его распадается, непосредственно или в конечном счете, на те же самые три части: ренту, труд» (следует сказать: заработную плату) «и прибыль» (*A. Smith. [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Vol. I, London, 1776. p. 60 - 61*). Мы покажем впоследствии, что А. Смит сам чувствует всю противоречивость и недостаточность этой увертки, ибо это только увертка, когда он отсылает нас от Понтия к Пилату, нигде не показывая нам той действительной затраты капитала, при которой цена продукта в конечном счете без остатка распадается на эти три части.

1) Непонимание основного отношения между постоянным и переменным капиталом, а потому и природы прибавочной стоимости, а вместе с тем и всего базиса капиталистического способа производства. Стоимость каждого отдельного продукта капитала, каждого единичного товара включает в себе часть стоимости = постоянно-му капиталу, часть стоимости = переменному капиталу (превращенному в заработную плату для рабочих) и часть стоимости = прибавочной стоимости (позднее делящуюся на прибыль и ренту). Каким же образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты, следовательно, трех источников дохода, вместе взятых, могла купить товары, составляющие все потребление получателей этих доходов, товары, которые, кроме этих трех составных частей стоимости, содержат в себе еще одну составную часть стоимости, а именно постоянный капитал? Как можно на стоимость из трех частей купить стоимость из четырех частей?⁵³⁾

Анализ этого мы дали в «Капитале», кн. II, отдел III.

2) Непонимание того, как и почему труд, присоединяя новую стоимость, сохраняет старую стоимость в новой форме, не производя этой последней стоимости вновь.

⁵³⁾ Прудон выражает свою неспособность понять это следующей ограниченной формулой: рабочий не может выкупить свой собственный продукт, потому что в него входит процент, присоединяющийся к себестоимости продукта¹²². Но вот как поучает его г-н Эжен Форкад: «Если бы возражение Прудона было правильно, оно касалось бы не только прибылей с капитала, но уничтожило бы самую возможность существования промышленности. Если рабочий принужден платить 100 за вещь, за которую он получил всего лишь 80, если заработная плата в состоянии выкупить в продукте лишь стоимость, вложенную в него ею самой, то это равносильно утверждению, что рабочий не может ничего выкупить, что за работная плата ничего не может оплатить. На самом деле в себестоимости всегда заключается нечто большее, чем заработная плата рабочего, а в продажной цене нечто большее, чем прибыль предпринимателя, например, цена сырого материала, часто уплаченная за границей... Прудон забыл о непрерывном росте национального капитала: он забыл, что этот рост проявляет себя для всех работников, как для предпринимателей, так и для рабочих» («Revue des deux Mondes», 1848, t. XXIV, p. 998—999). Мы имеем здесь перед собой образец оптимизма буржуазного скудоумия в наиболее соответствующей ему мудрой форме. Во первых, г-н Форкад полагает, что рабочий не мог бы жить, если бы не получал, помимо стоимости, которую производит, более высокой стоимости, тогда как на самом деле, наоборот, капиталистический способ производства был бы невозможен, если бы рабочий действительно получал стоимость, которую он производит. Во-вторых, он совершенно правильно обобщает то затруднение, которое Прудон выставил в такой ограниченной форме. Цена товаров содержит в себе избыток не только над заработной платой, но также и над прибылью, а именно постоянную часть стоимости. Таким образом, и капиталист, согласно рассуждению Прудона, не мог бы выкупить товары на свою прибыль. Как же разрешает Форкад загадку? Бессмысленной фразой о росте капитала. Итак, постоянный рост капитала должен, между прочим, проявлять себя также и в том, что анализ товарной цены, невозможный для экономиста при капитале в 100, делается изощренным при капитале в 10 000. Что сказали бы о химике, который на вопрос: чем объясняется, что в земледельческом продукте содержится больше углерода, чем в самой почве? — ответил бы: это объясняется постоянным ростом земледельческого производства. Благонамеренное желание видеть в буржуазном мире лучший из всех возможных миров заменяет в вульгарной политической экономии всякую необходимость любви к истине и стремления к научному исследованию.

3) Непонимание общей связи процесса воспроизводства, как она представляется не по отношению к отдельному капиталу, а по отношению к совокупному капиталу; непонимание затруднения, заключающегося в том, каким образом продукт, в котором реализуется заработная плата и прибавочная стоимость, то есть вся стоимость, созданная всем вновь присоединенным в течение года трудом, может возмещать свою постоянную часть стоимости и еще в то же время сводиться к стоимости, ограниченной доходами; каким образом, далее, потребленный при производстве постоянный капитал может быть вещественно и по стоимости возмещен новым, несмотря на то, что вся сумма вновь присоединенного труда реализуется лишь в заработной плате и в прибавочной стоимости и исчерпывающе представлена в сумме стоимости обеих. Главное затруднение как раз и заключается в этом, в анализе воспроизводства и отношения его различных составных частей со стороны как их вещественного характера, так и отношений их стоимости.

4) Но сюда присоединяется дальнейшее затруднение, которое еще усиливается, как только различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных по отношению друг к другу доходов. Затруднение это заключается в том, что устойчивые определения дохода и капитала взаимно обмениваются и меняются местами, так что, с точки зрения отдельного капиталиста, кажутся лишь относительными определениями, которые, однако, исчезают при рассмотрении всего процесса производства. Например, доход рабочих и капиталистов подразделения I, производящего постоянный капитал, возмещает и вещественно и по стоимости постоянный капитал капиталистов подразделения II, производящего предметы потребления. Таким образом, можно обойти затруднение посредством такого представления: то, что для одного — доход, для другого — капитал, а потому эти определения не имеют никакого отношения к действительному обособлению составных частей стоимости товара. Далее, товары, в конечном счете предназначенные к тому, чтобы образовать вещественные элементы, на которые расходуется доход, то есть предметы потребления, например, шерстяная пряжа, сукно, проходят в течение года различные ступени. На одной ступени они образуют часть постоянного капитала, на другой — они потребляются индивидуально, следовательно, целиком входят в доход. Можно, следовательно, вместе с А. Смитом вообразить себе, что постоянный капитал есть лишь мнимый элемент товарной стоимости, исчезающий в общей связи. Таким же образом происходит, далее, обмен переменного капитала на доход. Рабочий покупает на свою заработную плату часть товаров, составляющую его доход. Этим самым он в то же время возмещает для капиталиста денежную форму переменного капитала. Наконец, часть продуктов, образующих постоянный капитал, возмещается или *in natura* или посредством обмена между самими производителями постоянного

капитала, — процесс, к которому потребители не имеют никакого отношения. Когда это упускают из виду, то возникает ложное представление, что доход потребителей возмещает весь продукт, следовательно, и постоянную часть стоимости.

5) Помимо той путаницы, которую вносит превращение стоимостей в цены производства, возникает и другая вследствие превращения прибавочной стоимости в различные особые формы дохода, самостоятельные одна по отношению к другой и относящиеся к различным элементам производства вследствие превращения ее в прибыль и ренту. Забывают, что стоимости товаров являются основой и что распадение этой товарной стоимости на особенные составные части и дальнейшее развитие этих составных частей стоимости в формы дохода, их превращение в отношения различных владельцев различных факторов производства к этим отдельным составным частям стоимости, их распределение между этими владельцами сообразно определенным категориям и титулам, решительно ничего не изменяет в самом определении стоимости и в законе определения стоимости. Так же мало изменяется закон стоимости вследствие того обстоятельства, что выравнивание прибыли, то есть распределение всей прибавочной стоимости между различными капиталами, и препятствия, которые отчасти (в абсолютной ренте) ставятся земельной собственностью на пути к этому выравниванию, обуславливая отклонение регулирующих средних цен товаров от их индивидуальных стоимостей. Это оказывает влияние опять-таки только на величину присоединения прибавочной стоимости к ценам различных товаров, но не снимает самой прибавочной стоимости и совокупной стоимости товаров как источника этих различных составных частей цены.

Здесь перед нами *quid pro quo**, которое мы рассматриваем в следующей главе и которое неизбежно связано с иллюзией, будто бы стоимость возникает из своих собственных составных частей. В частности, различные составные части стоимости товара приобретают в доходах самостоятельные формы, и в качестве таковых доходов их относят к отдельным вещественным элементам производства как к их источникам, вместо того чтобы отнести их, как к их источнику, к стоимости товара. Они действительно относятся к упомянутым особым источникам, но не как составные части стоимости, а как доходы, как составные части стоимости, достигающиеся определенным категориям агентов производства: рабочему, капиталисту, земельному собственнику. Тем не менее можно вообразить, что эти составные части стоимости не происходят от разложения товарной стоимости, а, наоборот, лишь образуют ее посредством соединения: тогда-то и получается великолепный порочный круг: стоимость товаров возникает из суммы стоимости заработной

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

платы, прибыли, ренты, а стоимость заработной платы, прибыли, ренты, в свою очередь, определяется стоимостью товаров, и т. д.⁵⁴⁾

При нормальном состоянии воспроизводства только часть вновь присоединенного труда употребляется на производство и, следовательно, на возмещение постоянного капитала; именно, как раз та часть, которая возмещает постоянный капитал, израсходованный для производства предметов потребления, вещественных элементов дохода. Это выравнивается тем, что указанная постоянная часть не стоит подразделению II добавочного труда. Но постоянный капитал, который (если рассматривать весь процесс воспроизводства, в который, следовательно, включено и вышеуказанное выравнивание подразделений I и II) не есть продукт вновь присоединенного труда, хотя этот продукт невозможно было бы произвести без него, — этот постоянный капитал подвергается во время процесса воспроизводства, в вещественном отношении, случайностям и опасностям, которые могут его уменьшить. (Далее, если рассматривать его со стороны стоимости, то и в этом отношении он может обесцениться вследствие изменения в производительной силе труда; однако это относится лишь к отдельным капиталистам.) В соответствии с этим часть прибыли, следовательно, прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, в котором (если рассматривать его с точки зрения стоимости) представлен лишь вновь присоединенный

⁵⁴⁾ «Оборотный капитал, затраченный на материалы, сырье и готовые изделия, сам состоит из товаров, необходимая цена которых составлена из тех же элементов, так что причислить эту часть оборотного капитала к элементам необходимой цены при рассмотрении всей совокупности товаров страны значило бы допустить двойной счет» (*Storch, Cours d'Economie Politique etc.*, Т. II, [St. Pétersbourg, 1815] p. 140). Под этими элементами оборотного капитала Шторх понимает (основной — это только измененная форма оборотного) постоянную часть стоимости. «Правда, что заработная плата рабочего, так же как и та часть прибыли предпринимателя, которая состоит из заработных плат, если рассматривать их как часть средств существования, в свою очередь, составляют из товаров, купленных по рыночной цене и тоже заключающих в себе заработные платы, ренты на капиталы, земельные ренты и предпринимательские прибыли... это соображение служит лишь для того, чтобы доказать невозможность разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (там же, примечание). В своей работе «*Considérations sur la nature du revenu national*» (Paris, 1824) Шторх в полемике с Сэем, правда, понимает всю нелепость, к которой приводит ошибочный анализ товарной стоимости, разлагающий ее только на доходы, и правильно оценивает всю бессмыслицу этих выводов с точки зрения не отдельных капиталистов, а нации, — но сам он не делает ни шага вперед в анализе необходимой цены, относительно которой он заявляет в своей работе «*Cours...*», что необходимую цену нельзя разложить на ее действительные элементы, не отодвигая в минимое движение вперед решения задачи до бесконечности. «Ясно, что стоимость годового продукта разлагается частью на капиталы, частью на прибыли и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, в которых нуждается нация как для поддержания и сохранения своего капитала, так и для возобновления своего фонда потребления» ([«*Considérations sur la nature du revenu national*», Paris, 1824] p. 134—135)... Может ли она (живущая своим трудом крестьянская семья) жить в своих амбарах и хлевах, продать свой семенной фонд и предназначенный для скота корм, одеваться в шкуры своего рабочего скота, пользоваться своими сельскохозяйственными орудиями для развлечения? Согласно тезису г-на Сэя, пришлось бы ответить утвердительно на все эти вопросы (стр. 135—136)... Если признать, что доход нации равен ее валовому продукту, то есть, что из этого продукта не нужно вычитать никакого капитала, то следовало бы также признать, что нация может непроизводительно израсходовать всю стоимость своего годового продукта, не причинив ни малейшего ущерба своему будущему доходу (стр. 147). Продукты, составляющие капитал нации, не подлежат потреблению» (стр. 150).

труд, служит страховым фондом. При этом дело несколько не изменяется от того, управляет ли этим страховым фондом страховое общество как отдельным предприятием или нет. Это — единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит обязательно фондом накопления. Служит ли она фактически фондом накопления или лишь покрывает пробелы воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна будет существовать и по уничтожении капиталистического способа производства. Конечно, это предполагает, что часть, регулярно потребляемая непосредственными производителями, не будет ограничена ее нынешним минимальным уровнем. За исключением прибавочного труда на тех, которые в силу своего возраста еще не могут или уже не могут принимать участие в производстве, отпадает какой бы то ни было труд на содержание тех, кто не работает. Если обратиться к начальному периоду истории человеческого общества, то мы увидим, что здесь нет еще произведенных средств производства, следовательно, нет постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться *in natura* из продукта в размере, определяемом его стоимостью. Но здесь природа непосредственно дает жизненные средства и поначалу нет нужды их производить. Поэтому она оставляет дикарю, которому приходится удовлетворять лишь небольшие потребности, время не на то, чтобы использовать еще не существующие средства производства для нового производства, а на то, чтобы, кроме труда, которого стоит присвоение существующих в природе жизненных средств, затрачивать труд на превращение других продуктов природы в средства производства: лук, каменный нож, лодку и т. д. Процесс этот, если рассматривать его только с вещественной стороны, у дикаря совершенно соответствует обратному превращению прибавочного труда в новый капитал. В процессе накопления постоянно совершается превращение такого продукта избыточного труда в капитал; и то обстоятельство, что всякий новый капитал происходит из прибыли, ренты или других форм дохода, то есть из прибавочного труда, ведет к ошибочному представлению, будто вся стоимость товаров возникает из дохода. Это обратное превращение прибыли в капитал при более тщательном анализе показывает, что добавочный труд, — который всегда выступает в форме дохода, — служит не для сохранения или воспроизводства прежней капитальной стоимости, а, поскольку он не потребляется как доход, для создания нового дополнительного капитала.

Все затруднение вытекает из того, что весь вновь присоединенный труд, поскольку созданная им стоимость не сводится к заработной плате, выступает как прибыль, понимаемая здесь как форма

прибавочной стоимости вообще, то есть как стоимость, которая ничего не стоила капиталисту и которая поэтому, конечно, не должна возмещать ему ничего авансированного, никакого капитала. Поэтому такая стоимость существует в форме незанятого, добавочного богатства, короче, с точки зрения отдельного капиталиста, в форме его дохода. Но эту вновь созданную стоимость одинаково можно потребить как производительно, так и индивидуально, одинаково и как капитал и как доход. Она частично уже по своей натуральной форме должна быть потреблена производительно. Таким образом, ясно, что ежегодно присоединяемый труд создает как капитал, так и доход; что и обнаруживается в процессе накопления. Но часть рабочей силы, затраченная на производство нового капитала (следовательно, по аналогии, та часть рабочего дня, которую дикарь употребляет не на то, чтобы присваивать продукты питания, а на то, чтобы изготовлять орудие, посредством которого он присваивает продукты питания), становится невидимой потому, что весь продукт прибавочного труда выступает прежде всего в форме прибыли, — определение, которое в действительности не имеет ничего общего с самим этим прибавочным продуктом, а касается только частного отношения капиталиста к инкассированной им прибавочной стоимости. В действительности прибавочная стоимость, создаваемая рабочим, распадается на доход и капитал, то есть на предметы потребления и добавочные средства производства. Но прежний, оставшийся от прошлого года, постоянный капитал (кроме той части, которая повреждена и, следовательно, *pro tanto* * уничтожена, стало быть, поскольку прежний капитал не должен быть воспроизведен, — а такие нарушения процесса воспроизводства подпадают под страхование), рассматриваемый со стороны его стоимости, не воспроизводится посредством вновь присоединенного труда.

Мы видим, далее, что часть вновь присоединенного труда постоянно поглощается в процессе воспроизводства и возмещения потребленного постоянного капитала, хотя этот вновь присоединенный труд распадается только на доходы: заработную плату, прибыль и ренту. Но при этом упускается из виду, 1) что часть стоимости продукта этого труда *не есть* продукт этого вновь присоединенного труда, а уже существовавший и потребленный постоянный капитал; что поэтому та часть продукта, в которой представлена эта часть стоимости, тоже не превращается в доход, а возмещает *in natura* средства производства этого постоянного капитала; 2) что часть стоимости, которая действительно представляет этот вновь присоединенный труд, не потребляется *in natura* как доход, а возмещает постоянный капитал в другой сфере, где он приобретает такую натуральную форму, в которой может быть потреблен как доход,

* — соответственно. *Red.*

но которая, в свою очередь, опять-таки не является исключительно продуктом вновь присоединенного труда.

Пока воспроизводство совершается в неизменном масштабе, каждый потребленный элемент постоянного капитала должен возмещаться *in natura* посредством нового экземпляра соответствующего рода, если не того же самого количества и формы, то такой же дееспособности. Если производительная сила труда остается прежней, то это натуральное возмещение будет в то же время и возмещением той стоимости, какую постоянный капитал имел в своей прежней форме. Если же производительная сила труда увеличивается так, что те же самые вещественные элементы можно воспроизвести меньшим трудом, то меньшая часть стоимости продукта может вполне возместить *in natura* постоянную часть. Избыток может в таком случае послужить для образования нового добавочного капитала, или можно будет большей части продукта придать форму предметов потребления, или же уменьшить прибавочный труд. Напротив, если производительная сила труда уменьшится, то на возмещение прежнего капитала потребуются более значительная часть продукта; прибавочный продукт уменьшится.

Обратное превращение прибыли или вообще какой бы то ни было формы прибавочной стоимости в капитал показывает, — если мы отвлечемся от исторически определенной экономической формы и будем рассматривать это превращение просто как образование новых средств производства, — что все еще сохраняется то положение, когда рабочий, кроме труда, направленного на приобретение непосредственных жизненных средств, затрачивает труд на производство средств производства. Превращение прибыли в капитал означает не что иное, как применение части избыточного труда на образование новых, добавочных средств производства. Что это совершается в форме превращения прибыли в капитал, означает лишь, что не рабочий, а капиталист распоряжается избыточным трудом. Что этот избыточный труд должен сначала пройти стадию, в которой он выступает как доход (в то время как, например, у дикаря он выступает как избыточный труд, непосредственно направленный на производство средств производства), означает лишь, что этот труд или его продукт присваивается тем, кто не работает. Но что в действительности превращается в капитал, — это не прибыль как таковая. Превращение прибавочной стоимости в капитал означает лишь, что прибавочная стоимость и прибавочный продукт не потребляются капиталистом как доход, индивидуально. Что действительно превращается таким образом — это стоимость, овеществленный труд, или продукт, в котором непосредственно представлена эта стоимость или на который она обменивается после предварительного превращения в деньги. И тогда, когда прибыль превращается в капитал, не эта определенная форма прибавочной стоимости, не прибыль составляет источник нового капитала.

Прибавочная стоимость при этом только превращается из одной формы в другую. Но не это превращение формы делает ее капиталом. В качестве капитала теперь функционирует товар и его стоимость. Но то обстоятельство, что стоимость товара не оплачена, — а только вследствие этого она и становится прибавочной стоимостью, — совершенно безразлично для опредмечивания труда, для самой стоимости.

Недоразумение выражается в различных формах. Например, в том, что товары, из которых состоит постоянный капитал, также заключают в себе элементы заработной платы, прибыли и ренты. Или: то, что представляет для одного доход, для другого представляет капитал, и потому это — просто субъективные отношения. Так, пряжа прядильщика содержит часть стоимости, которая представляет для него прибыль. Следовательно, ткач, покупая пряжу, реализует прибыль прядильщика, для него же самого эта пряжа — лишь часть его постоянного капитала.

Кроме того, что уже раньше было сказано об отношении дохода и капитала, следует заметить: то, что, рассматриваемое как стоимость, входит с пряжей как составная часть в капитал ткача — это стоимость пряжи. Каким образом части этой стоимости распределяются для самого прядильщика на капитал и доход, иными словами, на оплаченный и неоплаченный труд, — это совершенно безразлично для определения стоимости самого товара (если отвлечься от изменений, обусловливаемых средней прибылью). Однако здесь таится еще представление, будто прибыль, вообще прибавочная стоимость, есть избыток над стоимостью товара, который образуется лишь благодаря надбавке, взаимному надувательству, прибыли от отчуждения. Если оплачивается цена производства или даже стоимость товара, то оплачиваются, конечно, и составные части стоимости товара, которые представляются продавцу последнего в форме дохода. О монопольных ценах здесь, разумеется, нет речи.

Во-вторых, совершенно верно, что составные части товаров, из которых состоит постоянный капитал, могут быть сведены, подобно всякой другой товарной стоимости, к частям стоимости, которые для производителей и собственников средств производства распадаются на заработную плату, прибыль и ренту. Это есть лишь капиталистическая форма выражения того факта, что всякая товарная стоимость есть лишь мера заключающегося в товаре общественно необходимого труда. Но уже в «Капитале», кн. I было показано, что это ничуть не препятствует распадению товарного продукта всякого капитала на отдельные части, из которых одна представляет исключительно постоянную часть капитала, другая — переменную часть капитала и третья — только прибавочную стоимость.

Шторх выражает и мнение многих других, когда говорит:

«Продаваемые продукты, составляющие национальный доход, следует рассматривать в политической экономии с двух различных точек зрения: как стоимос-

ти по отношению к индивидуумам и как блага по отношению к нации; потому что доход нации определяется не так, как доход отдельного индивидуума, по его стоимости, а по его полезности или по тем потребностям, которые он может удовлетворить» («*Considérations sur la nature du revenu national*». Paris, 1824, p. 19).

Во-первых, это ложная абстракция рассматривать нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, как целостный организм [Gesamtkörper], работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Во-вторых, по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

ВИДИМОСТЬ, СОЗДАВАЕМАЯ КОНКУРЕНЦИЕЙ

Уже было показано, что стоимость товаров, или регулируемая всей их стоимостью цена производства, распадается на:

1) Ту часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал или представляет прошлый труд, потребленный в форме средств производства при изготовлении товара; иными словами, стоимость или цену средств производства, вошедших в процесс производства товара. Здесь мы имеем всегда в виду не отдельный товар, а товарный капитал, то есть ту форму, в которой представлен продукт капитала за определенный отрезок времени, например за год; отдельный товар образует лишь элемент товарного капитала, и стоимость его распадается на те же самые составные части, что и стоимость товарного капитала.

2) Ту часть стоимости, которая составляет переменный капитал, измеряющий собой доход рабочего и превращающийся для последнего в его заработную плату, которую рабочий, следовательно, воспроизвел в этой переменной части стоимости капитала; короче, часть стоимости, в которой представлена оплаченная часть труда, вновь присоединенного в производстве товара к первой, постоянной части стоимости.

3) Прибавочную стоимость, то есть ту часть стоимости товарного продукта, в которой представлен неоплаченный, или прибавочный, труд. Эта последняя часть стоимости принимает, в свою очередь, самостоятельные формы, которые в то же время являются формами дохода: форму прибыли на капитал (процент на капитал как таковой и предпринимательский доход с капитала как функционирующего капитала) и форму земельной ренты, которая достается собственнику земли, участвующей в процессе производства. Составные части 2) и 3), то есть та составная часть стоимости, которая всегда принимает форму дохода — в виде заработной платы (конечно, лишь после того, как последняя предварительно прошла через форму переменного капитала), прибыли и ренты — отличается от

постоянной составной части 1) тем, что к ней сводится вся та стоимость, в которой овеществляется труд, вновь присоединенный к этой постоянной части, к средствам производства товара. Если же оставить в стороне постоянную часть стоимости, то окажется верным утверждение, что стоимость товара, поскольку она, следовательно, представляет вновь присоединенный труд, всегда разлагается на три части, образующие три формы дохода — на заработную плату, прибыль и ренту⁵⁵⁾, соответствующие величины стоимости которых, то есть те соответственные доли, которые эти величины составляют от всей стоимости, определяются различными, специфическими, выведенными выше законами. Но было бы неверно обратное утверждение, что стоимость заработной платы, прибыль и рента образуют самостоятельные, конституирующие элементы стоимости, путем соединения которых получается, — если оставить в стороне постоянную составную часть, — стоимость товара; иными словами, неверно было бы утверждение, что они образуют слагаемые составные части товарной стоимости или цены производства⁵⁶⁾.

Не трудно увидеть, в чем тут разница.

Пусть стоимость продукта капитала, равного 500, будет $400_c + 100_v + 150_m = 650$; 150_m распадается, в свою очередь, на 75 единиц прибыли + 75 единиц ренты. Допустим, далее, во избежание ненужных затруднений, что это капитал среднего строения, так что его цена производства совпадает с его стоимостью; совпадение, всегда имеющее место, коль скоро продукт этого отдельного капитала рассматривается как продукт соответствующей его величине части совокупного капитала.

Здесь заработная плата, измеряемая переменным капиталом, составляет 20% авансированного капитала; прибавочная стои-

⁵⁵⁾ При распадении стоимости, присоединенной к постоянной части капитала, на заработную плату, прибыль и земельную ренту получаются, само собой разумеется, части стоимости. Их можно, конечно, представить себе существующими непосредственно в продукте, в котором представлена эта стоимость, то есть непосредственно в продукте, который произвели рабочие и капиталисты данной особой сферы производства, например прядильной промышленности, следовательно, в пряже. Однако в действительности они представлены в этом продукте не больше и не меньше, чем в каком-либо другом товаре, чем в какой-либо другой составной части вещественного богатства той же самой стоимости. Ведь на практике заработная плата уплачивается деньгами, то есть в чистом выражении стоимости; то же верно по отношению к проценту и ренте. И в самом деле, для капиталиста превращение его продукта в чистое выражение стоимости имеет большое значение; оно уже предполагается при самом распределении. Превращаются ли эти стоимости обратно в тот же самый продукт, в тот же самый товар, из производства которого они возникли, покупает ли рабочий обратно часть непосредственно им произведенного продукта, или же он покупает продукт другого и качественно отличного труда — все это не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. Г-н Родбертус проявляет совершенно бесполое усердие по этому вопросу.

⁵⁶⁾ «Достаточно заметить, что то же самое общее правило, которое регулирует стоимость сырья и промышленных товаров, применимо также и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от нормы заработной платы и не от ренты, уплачиваемой за рудники, а от всего количества труда, необходимого для получения металла и для доставки его на рынок» (*Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation».* London, 1821, ch. III, p. 77).

мость, исчисленная на весь капитал, 30%, а именно 15% прибыли и 15% ренты. Вся та составная часть стоимости товара, в которой овеществлен вновь присоединенный труд, равна $100_v + 150_m = 250$. Величина ее не зависит от того, что она распадается на заработную плату, прибыль и ренту. Соотношение этих последних частей показывает нам, что рабочая сила, оплаченная сотней, скажем, фунтов стерлингов, доставила количество труда, выражающееся в сумме денег, равной 250 фунтам стерлингов. Мы видим отсюда, что рабочий выполнил прибавочного труда в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем труда для самого себя. Если рабочий день = 10 часам, то он работал 4 часа на себя и 6 часов на капиталиста. Итак, труд рабочих, оплаченных 100 ф. ст., выражается в денежной стоимости 250 фунтов стерлингов. За исключением этой стоимости в 250 ф. ст. ничего не приходится делить между рабочим и капиталистом, между капиталистом и земельным собственником. Такова вся стоимость, вновь присоединенная к стоимости средств производства, равной 400. Поэтому произведенная указанным образом и определяемая количеством овеществленного в ней труда товарная стоимость в 250 составляет предел тех дивидендов, которые рабочий, капиталист и земельный собственник могут извлечь из этой стоимости в форме доходов: заработной платы, прибыли и ренты.

Пусть капитал с тем же самым органическим строением, то есть с тем же самым отношением между примененной живой рабочей силой и приведенным в движение постоянным капиталом, вынужден платить 150 ф. ст. вместо 100 ф. ст. за ту же самую рабочую силу, приводящую в движение постоянный капитал, равный 400; пусть, далее, прибавочная стоимость распадается также в новой пропорции на прибыль и ренту. Так как предполагается, что теперь переменный капитал в 150 ф. ст. приводит в движение ту же самую массу труда, какая раньше приводилась в движение капиталом в 100 ф. ст., то вновь произведенная стоимость была бы по-прежнему = 250 и стоимость всего продукта по-прежнему = 650, но мы имели бы тогда $400_c + 150_v + 100_m$; и эти 100_m распались бы, скажем, на 45 единиц прибыли и 55 единиц ренты. Пропорция, в которой вся вновь произведенная стоимость распределяется теперь между заработной платой, прибылью и рентой, была бы совершенно иная; совершенно иной была бы также величина всего авансированного капитала, хотя он приводит в движение ту же самую совокупную массу труда, что и раньше. Заработная плата составила бы $27\frac{3}{11}\%$, прибыль — $8\frac{2}{11}\%$, рента — 10% авансированного капитала: следовательно, вся прибавочная стоимость составила бы несколько больше 18%.

Вследствие повышения заработной платы изменилась бы величина неоплаченной части всего труда, а тем самым и величина прибавочной стоимости. При десятичасовом рабочем дне рабочему приходилось бы теперь 6 часов работать на себя и лишь 4 часа на капи-

талиста. Изменилось бы также отношение между прибылью и рентой; уменьшенная прибавочная стоимость делилась бы между капиталистом и земельным собственником в новой пропорции. Наконец, вследствие того, что стоимость постоянного капитала осталась неизменной, а стоимость авансированного переменного капитала возросла, уменьшенная прибавочная стоимость выражалась бы в еще более пониженной норме валовой прибыли, причем под последней мы понимаем здесь отношение всей прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу.

Изменение в стоимости заработной платы, в норме прибыли и норме ренты, каково бы ни было действие законов, регулирующих взаимоотношение этих частей, может совершаться лишь в пределах, определяемых величиной вновь созданной товарной стоимости = 250 единицам. Исключение имело бы место лишь в том случае, если бы рента покоилась на монопольной цене. Это несколько не изменило бы закона, но лишь усложнило бы исследование. Ибо если бы мы в этом случае стали рассматривать только самый продукт, то изменение обнаружилось бы лишь в распределении прибавочной стоимости; если же мы стали бы рассматривать относительную стоимость этого продукта по сравнению с другими товарами, то мы нашли бы лишь то различие, что часть прибавочной стоимости последних переносится на этот специфический товар.

Повторяем вкратце:

Стоимость продукта	Новая стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма валовой прибыли
Первый случай: $400_c + 100_c + 150_m = 650$	250	150%	30%
Второй случай: $400_c + 150_c + 100_m = 650$	250	$66\frac{2}{3}\%$	$18\frac{2}{11}\%$

Прежде всего прибавочная стоимость понизилась на одну треть своей прежней величины, со 150 до 100. Норма прибыли понизилась несколько более, чем на одну треть, с 30% до 18%, так как уменьшенная прибавочная стоимость исчисляется теперь на возросший авансированный совокупный капитал. Но и она упала далеко не в том отношении, как норма прибавочной стоимости. Эта последняя со $\frac{150}{100}$ упала до $\frac{100}{150}$, то есть со 150% до $66\frac{2}{3}\%$, в то время как норма прибыли понизилась лишь со $\frac{150}{500}$ до $\frac{100}{550}$, или с 30% до $18\frac{2}{11}\%$.

Таким образом, норма прибыли падает относительно больше, чем масса прибавочной стоимости, но меньше, чем норма прибавочной стоимости. Далее, мы видим, что стоимости, как и массы продуктов, остаются неизменными, раз применяется то же самое количество

труда, хотя авансированный капитал вследствие увеличения его переменной составной части увеличился. Это возрастание авансированного капитала отозвалось бы, конечно, очень чувствительно на капиталисте, начинающем новое предприятие. Но с точки зрения воспроизводства в целом возрастание переменного капитала означает лишь одно, — что большая часть стоимости, вновь созданной при помощи вновь присоединенного труда, превращается в заработную плату и, стало быть, прежде всего в переменный капитал, вместо того чтобы превращаться в прибавочную стоимость и прибавочный продукт. Следовательно, стоимость продукта остается неизменной, так как она ограничена, с одной стороны, постоянной капитальной стоимостью = 400, с другой стороны — цифрой 250, которой представлен вновь присоединенный труд. Но обе эти величины остались неизменными. Новый продукт, поскольку он сам снова входит в постоянный капитал, представляет в данной величине стоимости ту же, что и прежде, массу потребительной стоимости; следовательно, та же самая масса элементов постоянного капитала сохраняет ту же самую стоимость. Иначе обстоит бы дело в том случае, если бы заработная плата повысилась не потому, что рабочему стали давать большую долю стоимости продукта его собственного труда, но если бы он стал получать большую долю стоимости продукта своего собственного труда потому, что упала производительность труда. Тогда вся стоимость, в которой выражается то же самое количество труда — оплаченного и неоплаченного — осталась бы неизменной; но масса продукта, в которой представлено это количество труда, уменьшилась бы и, следовательно, возросла бы цена каждой соответственной части продукта, так как каждая такая часть представляет теперь большее количество труда. Повышенная заработная плата в 150 единиц представляла бы не больше продукта, чем прежняя заработная плата в 100; пониженная прибавочная стоимость в 100 единиц представляла бы лишь $\frac{2}{3}$ того продукта, $66\frac{2}{3}\%$ той массы потребительных стоимостей, которая прежде выражалась в 100. В этом случае вздорожал бы и постоянный капитал, поскольку в него входит этот продукт. Но это не было бы следствием повышения заработной платы, — а, наоборот, повышение заработной платы было бы следствием вздорожания товаров и следствием пониженной производительности того же самого количества труда. Здесь возникает иллюзия, будто повышение заработной платы удорожило продукт; в действительности повышение это является не причиной, а результатом изменения стоимости товаров вследствие понижения производительности труда.

Если, наоборот, при прочих равных условиях, когда, следовательно, прежнее количество затраченного труда было бы представлено, как и раньше, в 250 единицах, повысилась или упала бы стоимость примененных трудом средств производства, то и стоимость той же массы продукта повысилась бы или упала на ту же самую

величину. $450_c + 100_v + 150_m$ составляет стоимость продукта $= 700$, тогда как $350_c + 100_v + 150_m$ дает для стоимости той же самой массы продукта лишь 600, вместо прежних 650 единиц. Следовательно, когда растет или уменьшается авансированный капитал, приводимый в движение тем же самым количеством труда, тогда, при прочих равных условиях, увеличивается или падает стоимость продукта, — раз увеличение или уменьшение авансированного капитала происходит вследствие изменения величины стоимости постоянной части капитала. Наоборот, она не изменяется, если увеличение или уменьшение авансированного капитала вызвано изменением величины стоимости переменной части капитала при неизменной производительной силе труда. Увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала не компенсируется никаким противоположным движением. Увеличение же или уменьшение стоимости переменного капитала при неизменяющейся производительности труда компенсируется обратным движением прибавочной стоимости, так что стоимость переменного капитала плюс прибавочная стоимость, то есть стоимость, вновь присоединенная трудом к средствам производства и вновь созданная в продукте, остается неизменной.

Напротив, если увеличение или уменьшение стоимости переменного капитала или заработной платы есть следствие вздорожания или понижения цены товаров, то есть следствие уменьшения или увеличения производительности труда, примененного при данном вложении капитала, то это отразится на стоимости продукта. Но повышение или понижение заработной платы является здесь не причиной, а только следствием.

Если бы, напротив, в вышеприведенном примере, при неизменном постоянном капитале $= 400_c$, изменение $100_v + 150_m$ в $150_v + 100_m$, то есть возрастание переменного капитала явилось следствием понижения производительной силы труда не в данной отрасли производства, например в хлопчатобумажной, но, скажем, в земледелии, доставляющем рабочему продукты питания, — следовательно, явилось результатом вздорожания этих продуктов питания, то стоимость ее продукта не изменилась бы. Стоимость в 650 единиц теперь, как и прежде, была бы представлена в той же самой массе хлопчатобумажной пряжи.

Из вышеизложенного вытекает, далее, следующее: если благодаря экономии и т. п. уменьшаются затраты постоянного капитала в тех отраслях производства, продукты которых входят в потребление рабочего, то это в такой же степени, как и непосредственное возрастание производительности самого затрачиваемого труда, может привести к уменьшению заработной платы, так как удешевляет жизненные средства рабочего, — может привести, следовательно, к повышению прибавочной стоимости; так что норма прибыли возросла бы здесь по двум причинам: во-первых, потому что уменьша-

ется стоимость постоянного капитала и, во-вторых, потому что увеличивается прибавочная стоимость. Рассматривая превращение прибавочной стоимости в прибыль, мы предполагали, что заработная плата не понижается, а остается постоянной, так как там мы должны были исследовать колебания нормы прибыли, независимо от изменения нормы прибавочной стоимости. Кроме того, выясненные нами там законы имеют общий характер, они применимы также и к тем капиталовложениям, продукты которых не входят в потребление рабочего, изменение стоимости продукта которых, следовательно, не оказывает влияния на заработную плату.

Итак, обособление и разложение стоимости, ежегодно присоединяемой вновь к средствам производства или к постоянному капиталу при помощи вновь применяемого труда, — обособление этой вновь созданной стоимости и разложение ее на различные формы дохода: на заработную плату, прибыль и ренту, несколько не изменяет границы самой стоимости, той суммы стоимости, которая распределяется между этими различными категориями; совершенно так же, как изменение отношения между этими отдельными частями не может изменить их суммы, этой данной величины стоимости. Данное число 100 остается всегда тем же самым, разложим ли мы его на $50 + 50$, или на $20 + 70 + 10$, или на $40 + 30 + 30$. Та часть стоимости продукта, которая распадается на эти доходы, как и постоянная часть стоимости капитала, определяется стоимостью товаров, то есть количеством труда, овеществленного в них в каждом данном случае. Таким образом, во-первых, дана масса товарной стоимости, распределяющаяся между заработной платой, прибылью и рентой, — дана, следовательно, абсолютная граница суммы отдельных частей стоимости этих товаров. Во-вторых, что касается самих отдельных категорий, то их средние и регулирующие границы также даны. Заработная плата образует базис такого их ограничения. Она, с одной стороны, регулируется естественным законом: ее минимальная граница дана физическим минимумом жизненных средств, необходимых рабочему для сохранения и воспроизводства своей рабочей силы, — дана, следовательно, определенным количеством товаров. Стоимость этих товаров определяется рабочим временем, которое требуется для их воспроизводства, и, тем самым, той частью труда, вновь присоединяемого к средствам производства, или той частью каждого рабочего дня, которую рабочий употребляет для производства и воспроизводства эквивалента стоимости этих необходимых жизненных средств. Если, например, средняя стоимость его жизненных средств за день равняется 6 часам среднего труда, то он должен в среднем работать на себя 6 часов в день. Действительная стоимость его рабочей силы отклоняется от этого физического минимума: она бывает различна в зависимости от кли-

мата и уровня общественного развития; она зависит не только от физических, но и от исторически развившихся общественных потребностей, которые становятся второй природой. Но в каждой стране и в каждый данный период эта регулирующая средняя заработная плата является данной величиной. Таким образом, стоимость всех остальных доходов получает границу. Она всегда равна стоимости, в которой воплощается весь рабочий день (который здесь совпадает со средним рабочим днем, так как он охватывает всю массу труда, приведенную в движение совокупным общественным капиталом), минус та часть его, которая воплощается в заработной плате. Ее граница, следовательно, дана границей той стоимости, в которой выражается неоплаченный труд, то есть количеством этого неоплаченного труда. Если та часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает на воспроизводство стоимости своей заработной платы, находит свою крайнюю границу в физическом минимуме заработной платы, то другая часть рабочего дня — та, в которой представлен прибавочный труд, а следовательно, и та часть стоимости, которая выражает собой прибавочную стоимость, — находит свою границу в физически возможном максимуме рабочего дня, то есть в том совокупном количестве ежедневного рабочего времени, которое рабочий вообще может дать при условии сохранения и воспроизводства своей рабочей силы. Так как в настоящем исследовании речь идет о распределении той стоимости, в которой представлен весь труд, вновь присоединяемый в течение года, то рабочий день может рассматриваться здесь как величина постоянная, и предполагается как таковая, независимо от того, много или мало он отклоняется от своего физически возможного максимума. Абсолютная граница той части стоимости, которая образует прибавочную стоимость и распадается на прибыль и земельную ренту, таким образом, дана; она определяется величиной неоплаченной части рабочего дня, остающейся за вычетом оплаченной его части, следовательно, той частью стоимости всего продукта, в которой этот прибавочный труд воплощается. Если мы назовем, как я это сделал, прибылью прибавочную стоимость, ограниченную этими пределами и исчисленную на весь авансированный капитал, то прибыль эта, рассматриваемая со стороны ее абсолютной величины, равна прибавочной стоимости, и, следовательно, границы ее определены столь же закономерно, как и границы этой последней. Но высота нормы прибыли также есть величина, заключенная в известные границы, определяемые стоимостью товаров. Она есть отношение совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу, авансированному на производство. Если этот капитал = 500 (скажем, миллионов), а прибавочная стоимость = 100, то 20% образуют абсолютную границу нормы прибыли. Распределение общественной прибыли соответственно этой норме между капиталами, вложенными в различные сферы производства, создает отклоняю-

щиеся от стоимостей товаров цены производства, которые и являются действительно регулируемыми средними рыночными ценами. Но отклонение это не снимает ни определения цен стоимостями, ни закономерных границ прибыли. Если стоимость товара равна потребленному при его производстве капиталу k плюс заключающаяся в нем прибавочная стоимость, то цена производства товара равна потребленному при его производстве капиталу k плюс прибавочная стоимость, которая приходится на его долю соответственно общей норме прибыли, например 20% на капитал, авансированный для производства этого товара, как на действительно потребленный, так и просто примененный капитал. Но эта надбавка в 20% сама определяется прибавочной стоимостью, созданной совокупным общественным капиталом, и ее отношением к стоимости капитала; именно поэтому она составляет 20%, а не 10% или 100%. Таким образом, превращение стоимостей в цены производства не снимает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, — распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению к совокупному капиталу. Рыночные цены поднимаются выше и падают ниже этой регулирующей цены производства, но такие колебания взаимно уничтожаются. Если рассмотреть данные о ценах за продолжительный период, устранив те случаи, когда вследствие изменения производительной силы труда изменяется действительная стоимость товаров, а также те случаи, когда процесс производства нарушается какими-либо естественными или общественными бедствиями, то мы будем поражены прежде всего относительно узкими пределами отклонений и затем регулярностью, с которой такие отклонения уравниваются. Мы найдем здесь то господство регулирующих средних, которое Кетле указал для общественных явлений¹²³. Если выравнивание товарных стоимостей в цены производства не наталкивается ни на какие препятствия, то рента сводится к дифференциальной ренте, то есть ограничивается выравниванием тех сверхприбылей, которые регулирующая цена производства доставила бы известной части капиталистов и которые теперь присваивает земельный собственник. Следовательно, здесь рента находит свою определенную границу стоимости в тех отклонениях индивидуальных норм прибыли, которые вызываются регулированием цен производства при посредстве общей нормы прибыли. Если земельная собственность ставит препятствия выравниванию товарных стоимостей в цены производства и присваивает себе абсолютную ренту, то эта последняя ограничена избытком стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, следовательно, избытком заключающейся в них прибавочной стоимости над прибылью, приходящейся на долю капиталов соответственно общей норме прибыли. Эта раз-

ница образует здесь границу ренты, которая опять-таки составляет лишь определенную часть данной и заключающейся в товарах прибавочной стоимости.

Наконец, если бы выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий, и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монопольная цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, все же границы, определяемые стоимостью товаров, этим не были бы сняты. Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, но такое нарушение оставило бы границу самой прибавочной стоимости неизменной. Если бы товар с такой монопольной ценой входил в число необходимых предметов потребления рабочего, он повысил бы заработную плату и тем самым понизил бы прибавочную стоимость, раз рабочему по-прежнему выплачивали бы всю стоимость его рабочей силы. Такой товар мог бы понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, но лишь поскольку заработная плата превышает границу своего физического минимума. Здесь монопольная цена уплачивалась бы путем вычета из реальной заработной платы (то есть из суммы потребительных стоимостей, получаемых рабочим благодаря данному количеству труда) и из прибыли других капиталистов. Границы, в пределах которых монопольная цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, были бы твердо определены и поддавались бы точному учету.

Итак, подобно тому, как распределение стоимости товаров, вновь присоединенной и вообще разлагающейся на доходы, находит свои данные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью, точно так же и деление самой прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту находит свои границы в законах, регулирующих выравнивание норм прибыли. Что касается деления прибыли на процент и предпринимательский доход, то пределы их обоих, вместе взятых, образует средняя прибыль. Она дает ту определенную величину стоимости, в границах которой это деление должно произойти и только может произойти. Определенная пропорция, в которой происходит деление, здесь носит случайный характер, то есть определяется исключительно отношениями конкуренции. В то время как в других случаях равновесие спроса и предложения уничтожает отклонения рыночных цен от регулирующих их средних цен, то есть уничтожает влияние конкуренции, здесь

оно является единственно определяющим. Но почему? Потому что один и тот же фактор производства, капитал, должен распределить достающуюся на его долю прибавочную стоимость между двумя владельцами этого самого фактора производства. Но то обстоятельство, что здесь нет определенной закономерной границы для деления средней прибыли, не снимает границ последней, как части товарной стоимости, — так же, как граница прибыли предприятия не затрагивается тем фактом, что два его компаньона в силу каких-либо внешних обстоятельств делят между собой эту прибыль не поровну.

Если, следовательно, та часть товарной стоимости, в которой представлен труд, вновь присоединенный к стоимости средств производства, распадается на различные части, приобретающие затем в виде доходов самостоятельные по отношению друг к другу формы, то отсюда еще отнюдь не следует, что заработную плату, прибыль и ренту надо рассматривать как конституирующие элементы, из соединения, или суммы которых возникает регулирующая цена («natural price», «prix nécessaire»*) самих товаров; таким образом, не товарная стоимость — по вычете из нее постоянной части стоимости — была бы первоначальным единством, которое распадается на указанные три части, а, наоборот, цена каждой из этих трех частей определялась бы самостоятельно, и лишь из сложения этих трех независимых величин получалась бы цена товара. В действительности стоимость товара есть величина, заранее данная, это есть совокупность всей суммы стоимости заработной платы, прибыли и ренты, каковы бы ни были относительные величины этих последних. При указанном же ложном понимании заработная плата, прибыль и рента суть три самостоятельные величины стоимости, совокупная величина которых создает, ограничивает и определяет величину товарной стоимости.

Прежде всего ясно, что если бы заработная плата, прибыль и рента конституировали цену товаров, то это в равной степени должно было бы относиться как к постоянной части товарной стоимости, так и к другой ее части, в которой представлены переменный капитал и прибавочная стоимость. Эта постоянная часть может, следовательно, быть при этом оставлена без внимания, так как стоимость товаров, из которых она состоит, точно так же сводилась бы к сумме стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Как уже было показано, этот взгляд отрицает даже само существование такой постоянной части стоимости.

Ясно, далее, что здесь отпадает всякое понятие стоимости. Остается только представление цены в том смысле, что владельцам рабочей силы, капитала и земли уплачивается известная сумма денег. Но что такое деньги? Деньги — не вещь, а определенная форма

* — «естественная цена», «необходимая цена». *Ред.*

стоимости, следовательно, они опять-таки предполагают стоимость. Итак, пусть определенное количество золота или серебра уплачивается за эти элементы производства или приравнивается этому количеству мысленно. Но ведь золото и серебро (а «просвещенный» экономист гордится тем, что он это уразумел) сами являются товарами, как всякие другие товары. Следовательно, цена золота и серебра также определяется заработной платой, прибылью и рентой. Следовательно, мы не можем заработную плату, прибыль и ренту определять тем, что они приравниваются известному количеству золота и серебра, так как стоимость этого золота и серебра, в которой они должны быть оценены, как в своем эквиваленте, должна раньше быть оценена как раз ими, независимо от золота и серебра, то есть независимо от стоимости всякого товара, которая сама как раз есть продукт указанных трех факторов. Итак, сказать, будто стоимость заработной платы, прибыли и ренты состоит в том, что они равны известному количеству золота и серебра, значило бы лишь сказать, что они равны известному количеству заработной платы, прибыли и ренты.

Возьмем прежде всего заработную плату. Ибо, и придерживаясь этой точки зрения, следует исходить из труда. Как же определяется регулирующая цена заработной платы, та цена, вокруг которой колеблются ее рыночные цены?

Скажем, спросом и предложением рабочей силы. Но о каком спросе на рабочую силу идет здесь речь? О спросе капитала. Следовательно, спрос на труд равносителен предложению капитала. Чтобы говорить о предложении капитала, мы должны знать прежде всего, что такое капитал. Из чего состоит капитал? Возьмем самое простое его проявление: из денег и товаров. Но деньги лишь форма товара. Значит, из товаров. Но стоимость товаров, по предположению, определяется, в первую очередь, ценой производящего их труда, заработной платой. Заработная плата является здесь предпосылкой и рассматривается как элемент, конституирующий цену товаров. Стало быть, эта цена должна быть определена отношением предложения труда к капиталу. Цена самого капитала равна цене товаров, из которых он состоит. Спрос капитала на труд равен предложению капитала. А предложение капитала равно предложению суммы товаров данной цены, а эта цена, в первую очередь, регулируется ценой труда, и цена труда опять-таки равна той части товарной цены, из которой состоит переменный капитал, выплачиваемый рабочему в обмен на его труд; а цена товаров, из которых состоит этот переменный капитал, в первую очередь, определяется опять-таки ценой труда; ибо цена товаров определяется ценой заработной платы, прибыли и ренты. Следовательно, для того чтобы определить заработную плату, мы не можем исходить из капитала как из предпосылки, ибо стоимость самого капитала определяется при участии заработной платы.

Кроме того, привлечение к делу конкуренции нисколько не помогает нам. Конкуренция заставляет рыночные цены труда повышаться или падать. Но допустим, что спрос и предложение труда взаимно покрываются. Чем тогда будет определяться заработная плата? Конкуренцией. Но ведь мы как раз предположили, что конкуренция перестала действовать, что благодаря равновесию ее обеих противоположно направленных сил она перестает оказывать влияние. Ведь мы как раз хотим найти естественную цену заработной платы, то есть не ту цену труда, которая регулируется конкуренцией, а ту, которая, наоборот, регулирует ее.

Не остается ничего другого, как определить необходимую цену труда необходимыми жизненными средствами рабочего. Но эти жизненные средства представляют собой товары, имеющие цену. Следовательно, цена труда определяется ценой необходимых жизненных средств, а цена жизненных средств, как и всех других товаров, определяется в первую очередь ценой труда. Следовательно, цена труда, определяемая ценой жизненных средств, определяется ценой труда. Цена труда определяет самое себя. Другими словами, мы не знаем, чем определяется цена труда. Труд имеет здесь вообще цену, потому что он рассматривается как товар. Следовательно, чтобы говорить о цене труда, мы должны знать, что такое вообще цена. Но что такое цена вообще, мы этим путем как раз и не узнаем.

Но допустим, что столь утешительным способом мы определили необходимую цену труда. Как же обстоит дело с средней прибылью, с прибылью каждого капитала, которая при нормальных условиях образует второй элемент цены товара. Средняя прибыль должна определяться средней нормой прибыли; а как определяется эта последняя? Конкуренцией между капиталистами? Но конкуренция уже предполагает существование прибыли. Она предполагает различные нормы прибыли, а следовательно, и различные прибыли в тех же самых или различных отраслях производства. Конкуренция может влиять на норму прибыли лишь постольку, поскольку она влияет на цены товаров. Конкуренция может достигнуть лишь того, что производители в пределах одной и той же сферы производства будут продавать свои товары по одинаковым ценам, а в пределах различных отраслей производства — по ценам, дающим им одинаковую прибыль, одинаковую пропорциональную надбавку к цене товара, уже определенной частично заработной платой. Конкуренция может поэтому лишь выравнивать различия в норме прибыли. Для того чтобы возможно было выравнивать неодинаковые нормы прибыли, прибыль как элемент товарной цены должна уже быть налицо. Конкуренция ее не создает. Она повышает или понижает ее, но не создает того уровня, который устанавливается, раз равенство действительно наступило. И когда мы говорим о необходимой норме прибыли, мы хотим узнать как раз эту норму прибыли, которая не зависит от движения конкуренции, а, со своей стороны,

регулирует конкуренцию. Средняя норма прибыли появляется при равновесии сил конкурирующих между собой капиталистов. Конкуренция может создать это равновесие, но не ту норму прибыли, которая выступает при этом равновесии. Почему, когда такое равновесие достигнуто, общая норма прибыли = 10% или 20% или 100%? Вследствие конкуренции? Но, как раз наоборот, конкуренция устранила причины, вызывавшие отклонения от 10% или 20% или 100%. Она привела к товарной цене, при которой каждый капитал дает одинаковую прибыль пропорционально своей величине. Но величина самой этой прибыли независима от конкуренции. Последняя лишь все снова и снова приводит все отклонения к данной величине. Один человек конкурирует с другими, и конкуренция заставляет его продавать свои товары по той же самой цене, как и эти другие. Но почему же эта цена составляет 10 или 20 или 100 единиц?

Следовательно, не остается ничего иного, как объяснять норму прибыли, а потому и прибыль, как непостижимым образом определяемую надбавку к цене товара, которая до этого пункта определялась заработной платой. Эта норма прибыли должна быть данной величиной — вот единственное, что говорит нам конкуренция. Но это мы знали и раньше, когда мы говорили об общей норме прибыли, о «необходимой цене» прибыли.

Совершенно нет нужды опять проследивать этот бесплодный ход рассуждений в применении к земельной ренте. И без того ясно, что, проведенный сколько-нибудь последовательно, он обуславливает лишь то, что прибыль и рента кажутся просто надбавкой к цене товаров, определяемой совершенно непостижимыми законами, определяемой, в первую очередь, заработной платой. Короче, конкуренция должна объяснить все бессмыслицы экономистов, между тем как экономисты, наоборот, должны были бы объяснить конкуренцию.

Если оставить в стороне ту фантазию, будто прибыль и рента, как составные части цены, создаются обращением, то есть возникают из продажи, — хотя обращение не может дать ничего такого, что ему самому не было предварительно дано, — то дело сводится просто к следующему:

Пусть цена товара, определяемая заработной платой, = 100 единицам; норма прибыли составляет 10% на заработную плату и рента 15% на заработную плату. Тогда цена товара, определяемая суммой заработной платы, прибыли и ренты, = 125 единицам. Эти 25 единиц надбавки не могут возникнуть из продажи товара. Потому что все, продающие друг другу товары, продают за 125 единиц то, что каждому из них стоило 100 единиц заработной платы; результат получается тот же, как если бы все они продавали по 100. Следовательно, операция эта должна быть рассмотрена независимо от процесса обращения.

Если трое делят самый товар, который теперь стоит 125, — а дело несколько не изменится, если капиталист сначала продаст товар за 125 единиц, а потом уплатит рабочему 100, себе самому 10 и получателю земельной ренты 15, — то рабочий получает $\frac{4}{5} = 100$ единицам стоимости и продукта. Капиталист получает $\frac{2}{25}$ стоимости и продукта, а получатель земельной ренты — $\frac{3}{25}$. Продав за 125 единиц вместо 100, капиталист отдает рабочему лишь $\frac{4}{5}$ того продукта, в котором представлен труд последнего. Следовательно, результат получился бы тот же самый, если бы он дал рабочему 80, удержав 20, из которых 8 пришлось бы на его долю и 12 на долю получателя земельной ренты. Он тогда продал бы товар по его стоимости, так как в действительности надбавки к цене суть повышения, независимые от стоимости товара, которая при допущенном выше предположении определяется стоимостью заработной платы. Таким образом, окольным путем это свелось бы к тому, что, при данном представлении, слова «заработная плата», 100, означают стоимость продукта, то есть сумму денег, в которой представлено это определенное количество труда, но что стоимость эта все-таки отлична от реальной заработной платы и, следовательно, оставляет некоторый избыток. Только этот избыток улавливается путем номинальной надбавки к цене. Следовательно, если бы заработная плата была 110 вместо 100, то прибыль должна бы быть = 11, и земельная рента = $16\frac{1}{2}$, стало быть, цена товара = $137\frac{1}{2}$. Отношение осталось бы при этом без изменения. Но так как деление осуществлялось бы всегда путем номинальной надбавки определенных процентов к заработной плате, то цена повышалась бы и падала бы вместе с заработной платой. Заработная плата сначала приравнивается здесь к стоимости товара и затем снова отделяется от этой последней. В действительности же дело сводится — окольным иррациональным путем — к тому, что стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, стоимость же заработной платы — ценой необходимых жизненных средств, а избыток стоимости над заработной платой образует прибыль и ренту.

Распадение стоимости товаров за вычетом стоимости потребленных при их производстве средств производства; распадение этой данной суммы стоимости, определенной количеством труда, овеществленного в товарном продукте, на три составные части, которые принимают затем в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты вид самостоятельных независимых друг от друга форм дохода, — это распадение представляется на поверхности капиталистического производства, а следовательно, и в представлениях захваченных ею агентов последнего, в совершенно извращенном виде.

Пусть вся стоимость какого-либо товара = 300, из которых 200 составляют стоимость потребленных при его производстве средств производства, или элементов постоянного капитала. Остаются, сле-

довательно, 100 единиц как сумма новой стоимости, присоединенной к этому товару в процессе его производства. Эта новая стоимость в 100 единиц представляет собой всю ту сумму, которая может быть разделена между тремя формами дохода. Если заработная плата = x , прибыль = y , земельная рента = z , то в рассматриваемом случае сумма $x + y + z$ всегда будет равна 100. Но в представлении промышленников, купцов и банкиров, как и в представлении вульгарных экономистов, это происходит совсем не так. Для них не стоимость товара за вычетом стоимости потребленных на его изготовление средств производства дана равной 100, которые распадаются затем на x , y и z . Напротив, для них цена товара складывается просто из величин стоимости заработной платы, прибыли и ренты, которые определяются независимо от стоимости товара и друг от друга, так что x , y и z даны и определены каждый самостоятельно и лишь из суммы этих величин, которая может быть меньше и больше 100, получается величина стоимости товара как результат сложения этих составных частей, образующих его стоимость. Такое *quid pro quo* * неизбежно вследствие целого ряда причин:

Во-первых, составные части стоимости товара противостоят друг другу как самостоятельные доходы, которые относятся как таковые к трем совершенно отличным друг от друга факторам производства: труду, капиталу и земле, вследствие чего кажется, что они возникают из этих последних. Собственность на рабочую силу, капитал и землю есть причина того, что эти различные составные части стоимости товаров выпадают на долю соответствующих собственников и потому превращаются для них в доходы. Но стоимость не возникает из превращения чего-либо в доход, она должна быть уже налицо, прежде чем превратиться в доход, принять этот вид. Обратная видимость укрепляется тем больше, что определение относительной величины этих трех частей по отношению друг к другу совершается по разнородным законам, связь которых с самой стоимостью товаров и ограничение которых стоимостью отнюдь не обнаруживается на поверхности.

Во-вторых, как мы уже видели **, общее повышение или понижение заработной платы, вызывая при прочих равных условиях движение общей нормы прибыли в противоположном направлении, изменяет цены производства различных товаров, повышает одни из них и понижает другие в зависимости от среднего строения капитала в соответственных сферах производства. Таким образом, здесь, по крайней мере в некоторых отраслях производства, опыт действительно показывает, что средняя цена товара повышается вследствие повышения заработной платы и понижается вследствие ее понижения. Но «опыт» не показывает, что независимая от заработной платы стоимость товаров скрыто регулирует эти изменения.

* — смешение понятий (буквально, принятие одного за другое). *Ред.*

** См. настоящий том, ч. I, с. 191 — 193. *Ред.*

Если, напротив, повышение заработной платы является локальным, если оно происходит лишь в отдельных отраслях производства под влиянием особых условий, то может иметь место соответствующее номинальное повышение цен этих товаров. Такое повышение относительной стоимости одних товаров по сравнению с другими, для которых заработная плата остается неизменной, является тогда лишь реакцией против местного нарушения равномерности в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, средством выравнивания особых норм прибыли в общую норму. «Опыт», который здесь получается, опять таков, что цена определяется заработной платой. Итак, опыт в обоих случаях показывает одно, — что заработная плата определяет товарные цены. Чего опыт не показывает, — это скрытой причины этой зависимости. Далее: средняя цена труда, то есть стоимость рабочей силы, определяется ценой производства необходимых жизненных средств. Если повышается или понижается вторая, то повышается или понижается и первая. Опыт обнаруживает здесь опять-таки лишь существование связи между заработной платой и ценой товаров; но причина может представляться следствием, а следствие причиной, что и имеет место при движении рыночных цен, где повышение заработной платы выше средней соответствует связанному с периодом расцвета повышению рыночных цен выше цен производства, а следующее затем падение заработной платы ниже средней соответствует падению рыночных цен ниже цен производства. Если оставить в стороне колебательное движение рыночных цен, то зависимости цен производства от стоимости товаров должен бы соответствовать в непосредственном опыте *prima facie* * тот факт, что при повышении заработной платы понижается норма прибыли и наоборот. Но мы уже видели **, что норма прибыли может определяться изменениями в стоимости постоянного капитала, независимыми от изменений заработной платы; так что заработная плата и норма прибыли могут изменяться не в противоположном, а в одном и том же направлении, могут одновременно повышаться или падать. Если бы норма прибыли непосредственно совпадала с нормой прибавочной стоимости, это было бы невозможно. Равным образом при повышении заработной платы, вызванном ростом цен жизненных средств, норма прибыли может остаться неизменной или даже повыситься вследствие большей интенсивности труда или удлинения рабочего дня. Все эти данные опыта подтверждают иллюзию, вызванную самостоятельной, извращенной формой составных частей стоимости, будто одна заработная плата или заработная плата вместе с прибылью определяют стоимость товаров. Если вообще такая иллюзия имеет место по отношению к

* — прежде всего. *Ред.*

** См. настоящий том, ч. 1, с. 99—115. *Ред.*

заработной плате, если кажется, что цена труда совпадает со стоимостью, произведенной трудом, то по отношению к прибыли и ренте это разумеется само собой. Их цены, то есть их денежные выражения, должны в этом случае регулироваться независимо от труда и созданной последним стоимости.

В-третьих, допустим, что стоимости или только по видимости независимые от последних цены производства в непосредственном опыте всегда совпадают с рыночными ценами товаров. вместо того чтобы проявляться лишь как регулирующие средние цены посредством постоянной компенсации непрерывных колебаний рыночных цен. Допустим, далее, что воспроизводство совершается всегда при одних и тех же неизменных условиях, так что производительность труда во всех элементах капитала остается постоянной. Допустим, наконец, что та часть стоимости товарного продукта, которая в каждой сфере производства образуется путем присоединения к стоимости средств производства нового количества труда, следовательно, новой стоимости, — распадается в неизменной пропорции на заработную плату, прибыль и ренту, так что действительно выплаченная заработная плата, фактически реализованная прибыль и фактическая рента всегда непосредственно совпадают: со стоимостью рабочей силы, с той частью всей прибавочной стоимости, которая в силу средней нормы прибыли причитается каждой самостоятельно функционирующей части всего капитала и с пределами, в которые *normaliter* * заключена земельная рента на данном базисе. Допустим, одним словом, что распределение произведенной обществом стоимости и регулирование цен производства совершается на капиталистическом базисе, но с устранением конкуренции.

Итак, при этих предположениях, когда стоимость товаров была бы и проявлялась бы как величина постоянная; когда часть стоимости товарного продукта, распадающаяся на доходы, оставалась бы постоянной величиной и именно таковой и представлялась бы; когда, наконец, эта данная и постоянная часть стоимости распалась бы на заработную плату, прибыль и ренту всегда в неизменной пропорции, — даже при таких предположениях действительное движение неизбежно должно было бы представляться в извращенном виде: не как распадение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе, составляющих ее элементов заработной платы, прибыли и земельной ренты. Такая видимость возникла бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их товарных продуктов не стоимость товара предполагается как данная при распадении ее на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она

* — нормально. *Ред.*

распадается, функционируют как предпосылка стоимости товаров. Прежде всего отдельному капиталисту, как мы уже видели, издержки производства товара кажутся величиной данной и в действительной цене производства всегда выступают в качестве такой величины. Но издержки производства равны стоимости постоянного капитала, авансированных средств производства, плюс стоимость рабочей силы, которая, однако, представляется агенту производства в иррациональной форме цены труда, так что заработная плата представляется в то же время доходом рабочего. Средняя цена труда есть величина данная, так как стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее воспроизводства. Что же касается той части стоимости товаров, которая составляет заработную плату, то она порождается не тем, что принимает эту форму заработной платы, не тем, что капиталист авансирует рабочему в форме заработной платы его долю в его собственном продукте, но тем, что рабочий производит эквивалент, соответствующий его заработной плате, то есть в течение известной части своего ежедневного или годового труда производит стоимость, содержащуюся в цене его рабочей силы. Но заработная плата устанавливается договором раньше, чем произведен соответствующий ей эквивалент стоимости. Как элемент цены, величина которого дана раньше, чем произведен товар и товарная стоимость, как составная часть издержек производства, заработная плата представляется не частью всей стоимости товара, которая отделилась в самостоятельную форму от совокупной стоимости товара, а, наоборот, величиной данной, определяющей собой заранее эту совокупную стоимость, то есть представляется фактором, образующим стоимость и цену. Роль, аналогичную той, какую заработная плата играет в издержках производства товара, средняя прибыль играет в цене его производства, ибо цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Эта средняя прибыль входит практически в представления и расчеты самого капиталиста как регулирующий элемент, — и не только в том смысле, что она определяет собой перелив капитала из одной сферы приложения в другую, но и вообще при всяких покупках и договорах, охватывающих процесс воспроизводства за более или менее продолжительный период. Но поскольку это так, средняя прибыль является заранее данной величиной и действительно не зависит от стоимости и прибавочной стоимости, создаваемой в каждой данной отрасли производства, тем более при каждом отдельном вложении капитала в пределах каждой такой отрасли. Средняя прибыль в своем внешнем проявлении кажется не результатом расщепления стоимости, а, наоборот, величиной, независимой от стоимости товарного продукта, заранее данной в процессе производства товаров и определяющей самой среднюю цену товаров, то есть фактором, образующим стоимость. При этом прибавоч-

ная стоимость вследствие распадаения ее различных частей на совершенно независимые друг от друга формы представляется в еще более конкретной форме предпосылкой образования стоимости товаров. Часть средней прибыли в форме процента самостоятельно противопоставляется функционирующему капиталисту как элемент, предпосланный производству товаров и их стоимости. Как бы ни колебалась величина процента, она тем не менее в каждый момент и для каждого капиталиста есть величина данная, которая для него, отдельного капиталиста, входит в состав издержек производства производимых им товаров. Такую же роль для земледельческого капиталиста играет земельная рента в форме, установленной договором арендной платы, а для других предпринимателей — в форме платы за аренду производственной площади. Так как эти части, на которые распадается прибавочная стоимость, для каждого отдельного капиталиста являются данными элементами его издержек производства, то кажется, будто они, наоборот, образуют прибавочную стоимость, образуют одну часть товарной цены, подобно тому, как заработная плата образует ее другую часть. Тайна, вследствие которой эти продукты разложения товарной стоимости всегда кажутся предпосылками образования стоимости, состоит просто в том, что капиталистический способ производства, как и всякий другой, непрерывно воспроизводит не только материальный продукт, но и общественные экономические отношения, экономические определенности формы его образования. Поэтому результат этого процесса производства столь же неизменно принимает вид его предпосылок, как его предпосылки — вид его результата. И как раз это непрерывное воспроизводство тех же самых отношений антиципируется отдельным капиталистом как само собой разумеющийся, не подлежащий никакому сомнению факт. Пока продолжает существовать капиталистическое производство как таковое, одна часть вновь присоединенного труда постоянно превращается в заработную плату, другая — в прибыль (процент и предпринимательский доход), третья — в ренту. При заключении договоров между собственниками различных факторов производства это является предпосылкой, и эта предпосылка правильна, как бы ни колебались в каждом отдельном случае относительные величины. Та определенная форма, в которой противостоят друг другу части стоимости, является предпосылкой, потому что она постоянно воспроизводится, и она постоянно воспроизводится, потому что является неизменной предпосылкой.

Впрочем, опыт и наблюдение показывают также, что, рассматриваемые со стороны их величины, рыночные цены, во влиянии которых капиталист действительно видит единственное определение стоимости, — что эти рыночные цены отнюдь не зависят от указанных антиципаций, отнюдь не соотносятся с тем, высоки или низки процент или рента, предусмотренные договором. Но рыночные

цены постоянны лишь в изменении, и их средняя за более или менее продолжительный период как раз и дает соответственные средние величины заработной платы, прибыли и ренты, как величины постоянные и, следовательно, в конечном счете господствующие над рыночными ценами.

С другой стороны, весьма простой кажется следующая мысль: если заработная плата, прибыль и рента образуют стоимость, потому что они представляются предпосылками производства стоимости и для отдельного капиталиста входят в качестве предпосылок в издержки производства и цену производства, то стоимость образуется и постоянной частью капитала, стоимость которой входит в производство каждого товара как величина данная. Но постоянная часть капитала есть не что иное, как сумма товаров и, следовательно, товарных стоимостей. Получается, таким образом, плоская тавтология, что товарная стоимость образует товарную стоимость и есть причина ее.

Однако если бы капиталист находил какой-либо интерес в том, чтобы поразмыслить над этим вопросом, — а его размышления как капиталиста определяются исключительно его интересами и своекорыстными мотивами, — то опыт тотчас покажет ему, что продукт, производимый им самим, входит в другие сферы производства как постоянная часть капитала, и продукты других сфер производства входят как постоянная часть капитала в его продукт. Так как для него, поскольку речь идет о его новой продукции, вновь образованная стоимость складывается, по видимости, из величин заработной платы, прибыли и ренты, — то это представление переносится им также и на постоянную часть, состоящую из продукции других капиталистов; таким образом, цена постоянной части капитала, а вместе с тем и вся стоимость товаров, сводится, правда, способом, в котором нельзя разобраться до конца, в конечном счете к сумме стоимости, получающейся от сложения самостоятельных, регулируемых различными законами, проистекающих из различных источников факторов стоимости: заработной платы, прибыли и ренты.

В-четвертых. Продаются ли товары по их стоимости или нет, для отдельного капиталиста совершенно безразлично, следовательно, для него совершенно безразлично само определение стоимости. Определение стоимости уже с самого начала есть нечто, совершающееся за его спиной в силу независимых от него условий, так как не стоимости товаров, а отличные от них цены производства образуют регулирующие средние цены в каждой отрасли производства. Определение стоимости как таковое интересует отдельного капиталиста и служит для него и для капитала в каждой сфере производства определяющим моментом лишь постольку, поскольку уменьшение или увеличение количества труда, которое требуется для производства товаров при росте или падении производительной силы труда, в первом случае дает ему возможность получить при су-

ществующих рыночных ценах сверхприбыль, а в другом — принуждает его повышать цены товаров, так как теперь на каждую единицу продукта, или на каждый отдельный товар, падает больше заработной платы, больше постоянного капитала, а следовательно, большая сумма процента. Определение стоимости интересует его лишь постольку, поскольку оно повышает или понижает для него самого издержки производства товара, поскольку оно, следовательно, ставит его в исключительное положение.

Напротив, заработная плата, процент и рента представляются ему границами, регулирующими не только ту цену, по которой он может реализовать часть прибыли, — предпринимательский доход, — причитающуюся на долю его, как функционирующего капиталиста, но по которой он вообще должен продавать товары, чтобы возможно было продолжение процесса воспроизводства. Для него совершенно безразлично, реализует он или нет при продаже стоимость и прибавочную стоимость, заключающуюся в товаре, если только он при данной цене извлекает обычный или более чем обычный предпринимательский доход сверх издержек производства, индивидуально данных для него величиной заработной платы, процента и ренты. Поэтому, если оставить в стороне постоянную часть капитала, то заработная плата, процент и рента представляются ему ограничивающими, а потому созидающими, определяющими элементами товарной цены. Если ему удастся, например, понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, то есть ниже ее нормальной высоты, получить капитал по пониженному проценту и уплачивать арендную плату ниже нормального уровня ренты, то для него совершенно безразлично, будет ли он продавать товар ниже его стоимости, даже ниже общей цены производства, то есть будет ли отдавать даром часть содержащегося в товаре прибавочного труда. Это относится и к постоянной части капитала. Если, например, промышленник может купить сырой материал ниже его цены производства, то это гарантирует его от убытка даже и в том случае, когда ему приходится, в свою очередь, продавать этот материал в готовом продукте ниже цены производства. Его предпринимательский доход может остаться неизменным и даже возрасти, если только остается неизменным или возрастает избыток товарной цены над теми ее элементами, которые должны быть оплачены, возмещены эквивалентом. Но кроме стоимости средств производства, которые входят в производство его товаров как данные элементы цены, как раз заработная плата, процент и рента являются теми ограничивающими и регулирующими элементами цены, которые тоже входят в это производство. Поэтому они представляются ему элементами, определяющими цену товаров. С этой точки зрения кажется, будто предпринимательский доход определяется или тем избытком, который имеется в рыночной цене, зависящей от случайных условий конкуренции, над имманентной стоимостью

товаров, определяемой вышеуказанными элементами цены; или же, поскольку сам предпринимательский доход оказывает определяющее влияние на рыночные цены, он сам кажется, в свою очередь, зависящим от конкуренции между продавцами и покупателями.

Как в конкуренции между отдельными капиталистами, так и в конкуренции на мировом рынке данные и заранее предположенные величины заработной платы, процента и ренты входят в расчеты как величины постоянные и регулирующие, — постоянные не в том смысле, что величины эти не изменяются, а в том, что они в каждом отдельном случае даны и образуют постоянную границу для непрерывно колеблющихся рыночных цен. Так, например, при конкуренции на мировом рынке речь идет исключительно о том, можно ли при данной заработной плате, данном проценте и данной ренте продать товар по данной общей рыночной цене или ниже ее с выгодой, то есть реализовав при этом соответственный предпринимательский доход. Если в одной стране заработная плата и цена земли низки, а процент на капитал, наоборот, высок, так как капиталистический способ производства здесь вообще недостаточно развит, в то время как в другой стране заработная плата и цена земли номинально высоки, а процент на капитал низок, то капиталист в первой стране применяет больше труда и земли, во второй — сравнительно больше капитала. При учете того, насколько возможна конкуренция между обоими этими капиталистами, эти факторы входят как определяющие элементы. Таким образом, опыт показывает здесь теоретически, а своекорыстные расчеты капиталиста показывают практически, что цены товаров определяются заработной платой, процентом и рентой, ценой труда, капитала и земли и что эти элементы цены действительно являются регулирующими факторами ценообразования.

Само собой разумеется, при этом всегда остается один элемент, который является не предпосылкой, а результатом рыночной цены товаров, — именно избыток над издержками производства [*Kostpreis*], образующимися путем сложения указанных выше элементов — заработной платы, процента и ренты. Представляется, будто этот четвертый элемент определяется в каждом отдельном случае конкуренцией, а в среднем отдельных случаев — средней прибылью, которая опять-таки регулируется той же самой конкуренцией, но только за более продолжительный период.

В-пятых. На базисе капиталистического способа производства распадение стоимости, в которой представлен вновь присоединенный труд, на доходы в форме заработной платы, прибыли и земельной ренты становится настолько само собой разумеющимся, что этот метод применяется даже там, где совершенно отсутствуют сами условия существования этих форм дохода (мы не говорим уже о прошлых исторических периодах, откуда мы приводили примеры

при исследовании земельной ренты). Это значит, что под данные формы дохода подводится все путем аналогии.

Если независимый работник — возьмем мелкого крестьянина, так как здесь применимы все три формы дохода, — работает на самого себя и продает свой собственный продукт, то он рассматривается, во-первых, как свой собственный работодатель (капиталист), который применяет самого себя в качестве рабочего; затем как свой собственный земельный собственник, который применяет самого себя в качестве арендатора. Как рабочему он выплачивает себе заработную плату, как капиталист он присваивает себе прибыль, как земельному собственнику платит себе ренту. Если предположить, что капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения являются всеобщим общественным базисом, то такое допущение будет правильным постольку, поскольку независимый производитель не своему труду, а своей собственности на средства производства, — уже целиком принявшие здесь форму капитала, — обязан тем, что он в состоянии присвоить свой собственный прибавочный труд. И далее, поскольку он производит свой продукт в качестве товара и, следовательно, зависит от цены последнего (а если даже этого и нет, то цена все же может быть принята в расчет), масса прибавочного труда, которой он может воспользоваться, зависит не от ее собственной величины, а от общей нормы прибыли; равным образом некоторый избыток над долей прибавочной стоимости, определяемой общей нормой прибыли, зависит опять-таки не от количества затраченного им труда, но может быть присвоен им лишь в силу того, что он — собственник земли. Так как подобного рода форма производства, не соответствующая капиталистическому способу производства, может быть подведена — и до известной степени не без основания — под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства.

Если свести заработную плату к ее общей основе, то есть к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (то есть общественной производительной силой собственного труда рабочего как действительно общественного труда) и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при условиях производства в данном обществе необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью; если, наконец, включить в № 1, необходимый труд, и

в № 2, прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, то есть если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства.

Впрочем, такого рода подведение было свойственно и прежним господствующим способам производства, например феодальному. Производственные отношения, совершенно не отвечающие ему, стоящие совершенно вне его, подводились под феодальные отношения, например, в Англии *tenures in common socage* * (в противоположность *tenures on knight's service* **), которые включали только денежные обязательства и лишь по названию были феодальными.

* — крестьянское держание земли. *Ред.*

** — рыцарскому держанию. *Ред.*

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ОТНОШЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Итак, стоимость, вновь присоединяемая ежегодно при помощи вновь присоединяемого труда, — а следовательно, и часть годового продукта, в которой представлена эта стоимость и которая может быть выделена из валовой стоимости продукта, — распадается на три части, принимающие формы трех различных доходов, формы, выражающие одну часть этой стоимости, как принадлежащую или достающуюся владельцу рабочей силы, другую — владельцу капитала, а третью — владельцу земельной собственности. Следовательно, это — отношения или формы распределения, так как они выражают те отношения, в которых вся вновь произведенная стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства.

Согласно обычному взгляду, эти отношения распределения являются естественными отношениями, отношениями, вытекающими из природы всякого общественного производства, из законов человеческого производства вообще. Конечно, нельзя отрицать, что докапиталистические общества обнаруживают иные способы распределения, но эти последние истолковываются как неразвитые, несовершенные и замаскированные, не достигшие своего наиболее чистого выражения и высшей формы, как иначе окрашенные разновидности этих естественных отношений распределения.

В таком представлении правильно лишь одно: в любом общественном производстве (например, в естественно сложившихся индийских общинах или в более искусственно развившемся коммунизме перуанцев) всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и членов их семьи и, — оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление, — другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный

продукт и кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей. Следовательно, тождество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тождественны, когда мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их единстве в противоположность различиям.

Ум, более развитый, более критический, признает^{56а)}, правда, исторически развивающийся характер отношений распределения, но с тем бóльшим упорством держится за неизменный, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих производственных отношений.

Напротив, научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что это способ производства особого рода, обладающий специфической исторической определенностью, что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и форм их развития, как свое историческое условие, — условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения, — отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, — имеют специфический, исторический и преходящий характер; что, наконец, условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер.

При рассмотрении отношений распределения исходят в первую очередь из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется как заработная плата, прибыль и земельная рента. Но выраженный таким образом этот факт неверен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, собственно заработная плата, постоянно принимает только форму дохода, дохода рабочего, после того как он до этого противостоял тому же самому рабочему в *форме капитала*. Тот факт, что произведенные условия труда и продукты труда противопоставляются вообще как капитал непосредственным производителям, уже заранее предполагает определенный общественный характер вещественных условий труда по отношению к рабочим и тем самым определенное отношение их к владельцам условий труда и друг к другу в самом производстве. Превращение этих условий

^{56а)} J. Stuart Mill. «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy». London, 1844 [Essay II, p. 47—74].

труда в капитал предполагает, в свою очередь, экспроприацию земли у непосредственных производителей и тем самым определенную форму земельной собственности.

Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не принимала бы формы заработной платы, прибыли и ренты.

С другой стороны, если капиталистический способ производства предполагает эту определенную общественную форму условий производства, то он непрерывно воспроизводит ее. Он не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, при которых эти продукты производятся, воспроизводит тем самым и соответствующие отношения распределения.

Можно, конечно, сказать, что капитал (в который включается и земельная собственность как его противоположность) сам уже предполагает распределение: экспроприацию у работника условий его труда, концентрацию этих условий в руках меньшинства индивидуумов, исключительную собственность на землю для других индивидуумов, — одним словом, все те отношения, которые были исследованы в главе о первоначальном накоплении («Капитал», кн. I, гл. XXIV). Но это распределение совершенно отлично от того, что понимают под отношениями распределения, когда этим последним, в противоположность производственным отношениям, приписывают исторический характер. При этом имеют в виду различные права на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления. Напротив, эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства.

Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

Во-первых, он производит свои продукты как товары. Не самый факт производства товаров отличает его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой. Это означает прежде всего то, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, а потому в качестве свободного наемного рабочего, а следовательно, труд вообще выступает в качестве наемного труда. После всего того, что было выяснено нами до сих пор, излишне снова показывать, как отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства. Главные агенты самого этого способа производства, капиталист и наемный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персо-

нификациями капитала и наемного труда; это — определенные общественные характеры, которые накладывают на индивидуумов общественный процесс производства; продукт этих определенных общественных производственных отношений.

Характер 1) продукта как товара и 2) товара как продукта капитала уже включает все отношения обращения, то есть определенный общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенные общественные черты, в то же время он включает столь же определенные отношения агентов производства, которыми определяется использование их продукта с целью увеличения стоимости и его обратное превращение в жизненные средства или в средства производства. Но даже оставляя это в стороне, из указанных выше двух характерных особенностей, продукта как товара или товара как капиталистически произведенного товара вытекает все определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства. В этой совершенно специфической форме стоимости труд имеет значение, с одной стороны, только как общественный труд; с другой стороны, распределение этого общественного труда и взаимное дополнение его продуктов труда, обмен веществ между продуктами этого труда, его подчинение общественному механизму и включение в этот последний — все это предоставлено случайным, взаимно уничтожающимся стремлениям отдельных капиталистических производителей. Так как эти последние противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, причем каждый старается продать свой товар возможно дороже (и в регулировании самого производства действуют, как кажется, исключительно по своему произволу), то внутренний закон пробивает себе дорогу лишь через посредство их конкуренции, их взаимного давления друг на друга, благодаря которому взаимно уничтожаются отклонения. Лишь как внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний.

Далее, уже в товаре и в еще большей степени в товаре как продукте капитала, заключены овеществление общественных определений производства и субъективизация материальных основ производства, характеризующие весь капиталистический способ производства.

Второе, что является специфическим отличием капиталистического способа производства, — это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит главным образом капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость. При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы видели, как на этом основывается характерный для капиталистического периода спо-

соб производства, — особая форма развития общественных производительных сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему, характер самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, постоянно действующую тенденцию к сокращению рабочего времени, необходимого для производства товара, то есть к уменьшению стоимости товара ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала.

Та власть, которую приобретает капиталист как олицетворение капитала в непосредственном процессе производства, та общественная функция, которую он выполняет как руководитель и властелин производства, существенно отличны от власти на базисе производства при помощи рабов, крепостных и т. д.

В то время как на базисе капиталистического производства масса непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства в форме строго регулирующей власти и построенного как законченная иерархия общественного механизма процесса труда, — причем, однако, этой властью носители ее пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства, — среди самих носителей этой власти, среди самих капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, господствует полнейшая анархия, в рамках которой общественная связь производства властно дает о себе знать индивидуальному произволу только как всемогущий закон природы.

Только вследствие того, что даны как предпосылка труд в форме наемного труда и средства производства в форме капитала, — следовательно только вследствие такого специфически общественного характера этих двух основных факторов производства, — часть стоимости (продукта) выступает как прибавочная стоимость, а эта прибавочная стоимость — как прибыль (рента), доход капиталиста, добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство. Но только потому, что часть стоимости выступает таким образом, как *его прибыль*, добавочные средства производства, предназначенные для расширенного воспроизводства и образующие часть прибыли капиталиста, выступают как новый добавочный капитал, и процесс расширенного воспроизводства вообще — как процесс капиталистического накопления.

Хотя форма труда как наемного труда имеет решающее значение для характера всего процесса и для специфического способа самого производства, тем не менее определение стоимости вытекает не из наемного труда. При определении стоимости речь идет об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество и долей поглощения которого различными продуктами соответственно определяется их общественный удельный вес. Та определенная форма, в которой общественное рабочее время проявляется в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю, связана, конечно, с формой труда как наемного труда и соответствующей формой средств производства как капитала постольку, поскольку лишь на этом базисе товарное производство становится всеобщей формой производства.

Рассмотрим, однако, сами так называемые отношения распределения. Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль — капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, следовательно, определенные общественные черты условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определенного отношения производства.

А теперь возьмем прибыль. Эта определенная форма прибавочной стоимости есть предпосылка того, что созидание новых средств производства совершается в форме капиталистического производства; следовательно, это есть отношение, господствующее над воспроизводством, хотя отдельному капиталисту и кажется, что он собственно мог бы проесть всю свою прибыль в качестве дохода. Он наталкивается, однако, при этом на границы, которые встают перед ним в форме страхового и резервного фонда, закона конкуренции и т. д. и практически доказывают ему, что прибыль не есть просто категория распределения продукта, предназначенного для индивидуального потребления. Далее, весь капиталистический процесс производства регулируется при посредстве цены продуктов. Но регулирующие цены производства, в свою очередь, регулируются выравниванием норм прибыли и соответствующим ему распределением капитала между различными общественными сферами производства. Таким образом, прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства, фактором распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства. Деление прибыли на предпринимательский доход и процент представляется разделением одного и того же дохода. Но оно порождается прежде всего развитием капитала как стоимости самовозрастающей, создающей прибавочную стоимость. — развитием этой определенной общественной формы господствующего процесса производства. Оно развивает из себя

кредит и кредитные учреждения, и тем самым соответствующую форму производства. Процент и подобные проценту мнимые формы распределения входят в цену как определяющие производственные моменты.

Что касается земельной ренты, то могло бы показаться, что она является чисто распределительной формой, так как земельная собственность как таковая не выполняет в самом процессе производства никакой — по крайней мере никакой нормальной — функции. Но то обстоятельство, что 1) рента ограничивается избытком над средней прибылью, 2) что земельный собственник из руководителя и властелина процесса производства, а следовательно, и всего общественного жизненного процесса, низводится до роли простого сдатчика земли в аренду, земельного ростовщика, простого получателя ренты, — обстоятельство это есть специфически исторический результат капиталистического способа производства. То, что земля приобрела форму земельной собственности, служит исторической предпосылкой этого способа производства. То обстоятельство, что земельная собственность приобретает формы, допускающие капиталистический способ ведения сельского хозяйства, является продуктом специфического характера этого способа производства. Доход земельного собственника и при других формах общества можно назвать рентой. Но он существенно отличен от ренты, какой она является при этом способе производства.

Следовательно, так называемые отношения распределения соответствуют исторически определенным, специфически общественным формам процесса производства и тем отношениям, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и возникают из этих форм и отношений. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой произтекает.

То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой критики буржуазной политической экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные

основания и общественные формы его. Достигнув известной степени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и освобождает место для более высокой формы. Наступление такого кризиса проявляется в расширении и углублении противоречий и противоположностей между отношениями распределения, — а следовательно, и определенной исторической формой соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой⁵⁷).

⁵⁷) См. работы о Competition and Cooperation (1832?)¹²⁴.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

КЛАССЫ

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответствующими источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства.

В Англии современное общество, с точки зрения его экономической структуры, получило бесспорно наиболее широкое, наиболее классическое развитие. Однако и здесь указанное классовое деление не выступает еще в чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют строгие границы между классами (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах). Впрочем это безразлично для нашего исследования. Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все больше и больше отделяются от труда, что распыленные средства производства все больше концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наемный труд, а средства производства — в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельное отделение земельной собственности от капитала и труда ⁵⁸⁾, то есть превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс, — причем ответ этот получится сам собой, раз мы

⁵⁸⁾ Ф. Лист правильно замечает: «Преобладание самодовлеющего хозяйства в крупных поместьях свидетельствует только о недостаточном развитии цивилизации, средств сообщения, отечественной промышленности и богатых городов. Потому-то мы и находим его повсеместно в России, Польше, Венгрии, Мекленбурге. Прежде оно преобладало и в Англии; с развитием торговли и промышленности на его место приходит образование хозяйств и аренда» («Die Ackerverfassung, die Zwergwirthschaft und die Auswanderung», [Stuttgart und Tübingen] 1842, S. 10).

ответим на другой вопрос: благодаря чему наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших общественных класса?

На первый взгляд, это — тождество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, компоненты которых — образующие их индивидуумы — живут соответственно на заработную плату, прибыль и земельную ренту, живут использованием своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но с этой точки зрения, врачи и чиновники, например, образовали бы два класса, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причем члены каждой из этих двух групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же было бы верно и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда среди рабочих, как и среди капиталистов и земельных собственников, — последние делятся, например, на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных угодий.

[Здесь рукопись обрывается.]

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДОПОЛНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ
«КАПИТАЛА»¹²⁵

*Написано Ф. Энгельсом в мае — июне
1895 г.*

*Введение и первая статья впервые
опубликованы в журнале «Die Neue Zeit».
Bd. I, № 1, 1895 — 1896. Статья вторая
впервые опубликована на русском языке
в журнале «Большевик» № 23—24, 1932 г.*

*Печатается по рукописи, сверенной
с текстом журнала «Die Neue Zeit»*

Перевод с немецкого

С тех пор как третий том «Капитала» передан на суд общественного мнения, он уже многократно подвергался самым разнообразным толкованиям. Иного нельзя было и ожидать. При его издании моей задачей было прежде всего подготовить возможно более аутентичный текст, передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами, ограничить мое личное вмешательство лишь абсолютно необходимым, причем и в таких случаях не оставлять у читателя ни малейшего сомнения в том, кто с ним говорит. Это порицалось; высказывалось мнение, что я должен был превратить имевшийся в моем распоряжении материал в систематически обработанную книгу, *en faire un livre*, как выражаются французы, другими словами — аутентичность текста принести в жертву удобству читателя. Но я не так понимал свою задачу. На такую переработку я не имел ни малейшего права: такой человек, как Маркс, имеет полное право на то, чтобы быть выслушанным самолично и передать потомству свои научные открытия в подлинном собственном изложении. Далее, у меня не было ни малейшего желания обращаться по своему усмотрению с наследием столь выдающегося человека; я бы это считал нарушением доверия. И, в-третьих, это было бы совершенно бесполезно. Вообще бессмысленно чем-либо поступиться для людей, которые не могут или не желают читать, для тех, которые уже в отношении первого тома потратили больше усилий на его неправильное толкование, чем это было необходимо для того, чтобы его правильно понять. Для тех же, кто стремится к действительному пониманию, самым важным был именно подлинник; для них моя переработка в лучшем случае имела бы ценность комментария, и к тому же комментария к чему-то неизданному и недоступному. При первой же полемике, однако, пришлось бы привлечь подлинный текст, а при второй и третьей — издание его *in extenso** стало бы неизбежным.

* — в полном объеме. *Ред.*

Такого рода полемика вполне естественна в отношении труда, дающего так много нового, и притом лишь в форме бегло набросанной первой обработки, местами не лишенной пробелов. Именно здесь мое вмешательство может быть действительно полезным для устранения трудностей в понимании, для того чтобы выдвинуть на первый план наиболее важные моменты, значение которых в тексте недостаточно сильно подчеркнуто, или сделать некоторые важные дополнения к написанному в 1865 г. тексту под углом зрения положения вещей в 1895 году. И действительно, уже в настоящее время имеются два таких пункта, краткое выяснение которых мне представляется необходимым.

I

ЗАКОН СТОИМОСТИ И НОРМА ПРИБЫЛИ

Следовало ожидать, что разрешение кажущегося противоречия между обоими этими факторами так же и после опубликования Марксова текста приведет к спорам, как они имели место и до его опубликования. Кое-кто ожидал настоящего чуда и считает себя разочарованным, увидев вместо предполагаемого жонглирования простое, рациональное и прозаически трезвое разрешение противоречия. Конечно, более всех приятно разочарован уже известный нам знаменитый Лориа. Он нашел, наконец, архимедову точку опоры, благодаря которой даже пигмей его калибра может поднять на воздух и взорвать прочно сооруженное гигантское здание, созданное Марксом. Как, восклицает он с негодованием, вот это и есть решение? Да тут чистейшая мистификация! Экономисты, когда они говорят о стоимости, имеют в виду такую стоимость, которая фактически устанавливается в обмене.

«А заниматься стоимостью, по которой товары не только не продаются, но и не могут продаваться (*nè possono vendersi mai*), этого не делал еще, да и никогда не сделает ни один экономист, сохранивший хотя бы следы рассудка... Когда Маркс утверждает, что стоимость, по которой товары *никогда* не продаются, определяется пропорционально содержащемуся в них труду, разве не повторяет он — только в обратной форме — положение правверных экономистов, что стоимость, по которой товары продаются, не находится в пропорции с затраченным на них трудом?.. Ничуть не помогает и утверждение Маркса, что, несмотря на отклонение отдельных цен от отдельных стоимостей, сумма цен всех товаров всегда совпадает с их совокупной стоимостью или с количеством труда, содержащегося в совокупной массе товаров. Ведь так как стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, то уже само понятие совокупной стоимости есть абсурд, бессмыслица... *contradictio in adjecto* *».

В самом начале своего сочинения Маркс, дескать, заявляет, что обмен может приравнивать два товара только потому, что они содержат равные количества однородного элемента, а именно равное количество труда. Теперь же он торжественно отрывается от самого

* — противоречие в определении. *Ред.*

себя, утверждая, что товары обмениваются не пропорционально содержащимся в них количествам труда, а в совершенно иной пропорции.

«Видано ли, чтобы когда-нибудь доходили до такого абсурда, терпели такое теоретическое банкротство? Совершалось ли когда-либо научное самоубийство с большей помпой и торжественностью?» («Nuova Antologia», Рим, третья серия, том LV, 1 февраля 1895 г., стр. 477—478, 479).

Как видите, наш Лориа вне себя от радости. Разве он не был прав, третируя Маркса, как такого же, как и он сам, заурядного шарлатана? Не угодно ли полюбоваться — Маркс издевается над своим читателем совершенно так же, как Лориа; он пробавляется мистификациями, точь-в-точь как ничтожнейший итальянский профессор политической экономии. Но в то время как этот Дулькамара¹²⁶ может позволить себе это, так как он владеет своим ремеслом, неуклюжий северянин Маркс на каждом шагу попадает впрок, говорит бессмыслицы, абсурд, так что в конце концов ему остается только торжественно покончить с собой.

Не будем пока касаться утверждения, что товары никогда не продавались и не могут продаваться по их стоимости. Остановимся здесь лишь на уверении г-на Лориа, что

«стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, и что поэтому уже само понятие совокупной стоимости товаров есть абсурд, бессмыслица и т. д.».

Итак, отношение, в котором два товара обмениваются, — их стоимость — есть нечто совершенно случайное, приставшее к товарам извне и могущее иметь сегодня одну величину, а завтра другую. Обменивается ли центнер пшеницы на один грамм или на один килограмм золота, это ни в малейшей степени не зависит от условий, внутренних присущих этой пшенице или этому золоту, а зависит от совершенно чуждых им обоим обстоятельств. Ибо в ином случае эти условия должны были бы иметь значение и в обмене, господствовать над ним в общем и целом и иметь самостоятельное существование независимо от обмена, так что можно было бы говорить и о совокупной стоимости товаров. Но знаменитый Лориа утверждает, что это бессмыслица. В каком бы отношении ни обменивались два товара, это и есть их стоимость — вот и все. Следовательно, стоимость идентична с ценой, и каждый товар имеет столько стоимостей, сколько он может иметь цен. Цена же определяется спросом и предложением, а кто еще продолжает задавать вопросы, ожидая ответа, — тот дурак.

Но тут имеется маленькая загвоздка. При нормальном состоянии спрос и предложение взаимно покрываются. Разделим все наличные товары мира на две половины — группу спроса и равную ей по величине группу предложения. Допустим, далее, что цена каждой группы = 1 000 млрд. марок, франков, фунтов стерлингов или каких-нибудь других денежных единиц. Это даст в сумме по

элементарному подсчету цену или стоимость в 2 000 миллиардов. Бессмыслица, абсурд! — восклицает г-н Лория. Обе группы вместе могут представлять цену в 2 000 млрд., но со стоимостью дело обстоит иначе. Если мы говорим: цена, то $1\,000 + 1\,000 = 2\,000$; но если мы говорим: стоимость, то $1\,000 + 1\,000 = 0$. Так обстоит дело, по крайней мере в данном случае, где речь идет о совокупности всех товаров. Ибо здесь товар каждого из двух владельцев стоит 1 000 млрд., потому что каждый из них хочет и может дать эту сумму за товар другого. Если же мы сосредоточим все товары обоих в руках третьего лица, то у первого не будет никакой стоимости, у второго тоже, а у третьего и подавно: в результате ни у кого не будет ничего. И мы снова восхищены превосходством нашего южного Калиостро, так расправившегося с понятием стоимости, что от него не осталось ни малейшего следа. Вот достойное завершение вульгарной политической экономии ¹⁾.

В брауновском «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» ¹³¹

¹⁾ Этот же «славой своей известный» господин (говоря словами Гейне) несколько позже был вынужден ответить на мое предисловие к третьему тому, а именно после того, как оно появилось на итальянском языке в первом номере «Rassegna» за 1895 год. Ответ напечатан в «Riforma Sociale» ¹²⁷ от 25 февраля 1895 года. Осыпав меня сначала неизбежными у него и именно потому двойные отвратительными похвалами, он заявляет, что и не думал присваивать себе заслуг Маркса в области материалистического объяснения истории. Он-де признал их еще в 1885 г. — как-то мимоходом в журнальной статье. Но зато тем упорнее он умалчивает об этом там, где об этом нужно говорить, а именно в своей книге на эту тему, где Маркс упоминается лишь на стр. 129, да и то по вопросу о мелкой земельной собственности во Франции. А теперь он откровенно заявляет, что Маркс вовсе не является творцом этой теории: если она не была намечена в обиходных чертах еще Аристотелем, то несомненно, что Гаррингтон прокламировал ее уже в 1656 г., и она была вновь развита затем целой плеядой историков, политиков, юристов и экономистов задолго до Маркса. И чего только нельзя вычитать из французского издания сочинения Лория! Короче говоря, Маркс — законченный плагиатор. После того как я помешал его дальнейшему хвастовству при помощи заимствований из Маркса, он смело заявляет, что и Маркс точно так же украшал себя чужими перьями, как и он. Из других моих возражений Лория отвечает лишь на сказанное по поводу его утверждения, будто Маркс никогда и не думал писать второй, а тем более третий том «Капитала». «И теперь Энгельс отвечает мне, с триумфом указывая на второй и третий тома... Великолепно! А я так рад этим томам, которым я обязан столь громадным умственным наслаждением, что никогда еще мне не была так приятна победа, как приятно это поражение, если это действительно можно считать поражением. Но поражение ли это в самом деле? Действительно ли верно, что Маркс написал с целью опубликования эту массу не связанных между собой заметок, которые Энгельс собрал с таким благоволением? Можно ли действительно допустить, что Маркс... предполагал этими страницами завершить свое сочинение и свою систему? Верно ли, что Маркс опубликовал бы эту главу о средней норме прибыли, где много лет тому назад обещанное решение сводится к безотрадной мистификации, к вульгарнейшей игре словами? По меньшей мере позволительно усомниться в этом... Это доказывает, как мне кажется, что Маркс после издания своей блестящей (splendide) книги не имел в виду дать ее продолжения или же хотел предоставить завершение этого колоссального труда своим преемникам, не неся за это личную ответственность».

Так написано на стр. 267. Самый презрительный отзыв Гейне о его немецкой фидлистерской публике заключается в словах: «Автор привыкает в конце концов к своей публике, точно она разумное существо» ¹²⁸. За кого же должен принимать свою публику знаменитый Лория?

В заключение — новая порция похвал сыплется на мою несчастную голову. При этом наш Сганарель ¹²⁹ уподобляется Валааму, который явился проклинать, но уста его против его воли расточают «слова благословения и любви» ¹³⁰. Как известно, Валаам отличался тем, что ездил на ослице, которая была умнее своего седока. На этот раз, очевидно, Валаам оставил свою ослицу дома.

(Берлин, том VII, 1894 г.) Вернер Зомбарт дает в целом удачное изложение контуров системы Маркса. Это первый случай, когда немецкому университетскому профессору удается прочесть в сочинениях Маркса в общем и целом то, что Маркс действительно сказал, когда такой профессор заявляет, что критика системы Маркса должна заключаться не в опровержении ее, —

«этим пусть займутся политические карьеристы».

— а лишь в дальнейшем ее развитии. Конечно, и Зомбарт занимается нашей темой. Он исследует вопрос, какое значение имеет стоимость в системе Маркса, и приходит к следующим выводам: стоимость не проявляется в меновом отношении капиталистически произведенных товаров; она не живет в сознании агентов капиталистического производства; стоимость — не эмпирический, а мысленный, логический факт; понятие стоимости в ее материальной определенности есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия: при капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над экономическими явлениями в конечном счете и для этого хозяйственного строя в самом общем виде означает следующее: стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в конечном счете господствующей над всеми экономическими явлениями. Так говорит Зомбарт: по поводу такого понимания значения закона стоимости для капиталистической формы производства нет оснований утверждать, что оно неверно. Но в то же время оно представляется мне взятым слишком обще, ему можно придать более определенную, более точную формулировку; оно, по моему мнению, ни в какой мере не исчерпывает всего значения закона стоимости на тех ступенях экономического развития общества, которые подчинены господству этого закона.

В брауновском «Sozialpolitisches Centralblatt»¹³² от 25 февраля 1895 г., № 22, напечатана также превосходная статья Конрада Шмидта о III томе «Капитала». В особенности следует отметить имеющийся здесь показ того, как выведением средней нормы прибыли из прибавочной стоимости Маркс впервые дает ответ на вопрос, который до сих пор даже не ставился экономистами: как определяется высота этой средней нормы прибыли и почему она достигает, скажем, 10% или 15%, а не 50% или 100%? С тех пор как мы знаем, что прибавочная стоимость, присвоенная прежде всего промышленными капиталистами, является единственным и исключительным источником, из которого происходит прибыль и земельная рента, этот вопрос решается сам собой. Эта часть статьи Шмидта непосредственно написана для экономистов à la Лориа, если бы только не было напрасным трудом пытаться открыть глаза тем, кто не хочет видеть.

У Шмидта также есть формальные соображения по поводу закона стоимости. Он называет его научной *гипотезой*, выдвинутой для объяснения фактического процесса обмена, гипотезой, которая оправдала себя как необходимый теоретический исходный пункт, объясняющий даже явления конкурентных цен, как будто совершенно противоречащие ей; без закона стоимости, по его мнению, невозможно какое бы то ни было теоретическое понимание экономического механизма капиталистической действительности. А в одном частном письме, которое он мне разрешил цитировать, Шмидт прямо объявляет закон стоимости в рамках капиталистической формы производства фикцией, хотя и теоретически необходимой¹³³. Но это понимание, по моему мнению, совершенно неверно. Закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой.

Как Зомбарт, так и Шмидт, — знаменитого Лориа я упоминаю при этом лишь мимоходом в качестве забавного экземпляра вульгарной политической экономии. — не обращают должного внимания на то, что здесь речь идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей.

Решающее место по этому поводу имеется у Маркса в «Капитале», кн. III, I, стр. 154*:

«Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары*, но как *продукты капиталов*, которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости».

Для иллюстрации этого различия предполагается сначала, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обменивают свои продукты между собой. При таких условиях двое рабочих присоединяли бы своим однодневным трудом к своему продукту одинаковое количество новой стоимости, но продукт каждого из них мог бы иметь различную стоимость в зависимости от количества труда, уже ранее воплощенного в средствах производства. Эта последняя часть стоимости представляла бы постоянный капитал капиталистического хозяйства; часть вновь присоединенной стоимости, израсходованная на жизненные средства рабочих, соответствовала бы переменному капиталу, а остающаяся сверх того часть новой стоимости представляла бы прибавочную стоимость, которая в данном случае принадлежала бы самим рабочим. Следовательно, двое рабочих, за вычетом возмещения лишь авансированной ими «постоянной» части стоимости, получили бы равные по ве-

* См. настоящий том, ч. I, с. 166. *Ред.*

личине стоимости; однако отношение части, представляющей прибавочную стоимость, к стоимости средств производства, — что соответствовало бы капиталистической норме прибыли, — было бы у обоих различно. Но так как каждый из них при обмене получает возмещение стоимости его средств производства, то это было бы совершенно безразличным обстоятельством.

«Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой степени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определено высокая степень капиталистического развития... Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически, как *prius* * цен производства. Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства; таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее мнением, что развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим общественным отношениям, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины» (Маркс. «Капитал», кн. III, I, стр. 155—156) **.

Если бы Марксу удалось еще раз переработать третий том, то он, несомненно, развил бы это место значительно подробнее. В своем же настоящем виде оно дает лишь набросок того, что следовало бы сказать по данному вопросу. Остановимся на нем поэтому несколько подробнее.

Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями и что эти производители стихийно объединены в более или менее коммунистически организованные общины; что обмен избытками этих продуктов, с которого начинается превращение продуктов в товары, возникает позднее, причем сначала он происходит лишь между отдельными разноплеменными общинами и только потом возникает и внутри общин, существенно содействуя их разложению на большие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся между собой главы семейств остаются трудящимися крестьянами, производящими почти все необходимое для удовлетво-

* — предшествующее. *Ред.*

** См. настоящий том. ч. I, с. 168—169. *Ред.*

ния всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи, и лишь незначительную часть необходимых предметов они выменивают на стороне на избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но и перерабатывает также их продукты в готовые предметы потребления, местами даже перемалывает еще зерно на ручной мельнице, печет хлеб, прядет, красит, изготавливает льняные и шерстяные ткани, дубит кожи, строит и ремонтирует деревянные здания, изготавливает инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы, так что такая семья или семейная группа в основном ведет натуральное хозяйство.

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX столетия в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, то есть из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны, или лучшего качества покупных изделий. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого для изготовления предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые у нас на Рейне еще в дни моей юности ходили из одного крестьянского дома в другой и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд — и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? Рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подходящим мерилом у них для количественного определения подлежащих обмену величин, но всякое другое мерило было совершенно немыслимо. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров соизмерялись все больше и больше по количеству воплощенного в них труда. С момента проникновения денег в это хозяйство тенденция к соответствию с законом стоимости (*nota bene* * — в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой — она уже начинает

* — заметим хорошенько. *Ред.*

нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной системы, и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается прямо, без посредничества купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продает свои продукты и совершает покупки. И здесь точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород, но очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д. Таким образом, в средневековые люди были в состоянии довольно точно подсчитать друг у друга издержки производства в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени — по крайней мере, поскольку дело касалось предметов повседневного обихода.

Но как же при этом обмене по количеству затраченного труда определялось это количество, хотя бы косвенно и относительно, для продуктов, требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным объемом продукции, например для хлеба и скота, и при этом людьми, не умеющими считать? Очевидно, лишь путем длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей. Необходимость для каждого в общем и целом возместить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число видов предметов, поступавших в обмен наряду с неизменяющимся — нередко на протяжении многих столетий — характером их производства, облегчали эту задачу. Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе не требовалось слишком много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как скот, для которого, ввиду продолжительности времени производства отдельной его головы, это определение кажется наиболее затруднительным, был первым довольно общепризнанным денежным товаром. А для этого необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, относительно необычной и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племен. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное были достаточно благоразумны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе к первоначальному периоду товарного производства находится тот или другой народ, — например русские и восточные народы, — тем больше времени и до сих пор тратят они на то, чтобы путем долгого,

упорного торга полностью оплатить рабочее время, употребленное на производство продукта.

Исходя из этого определения стоимости рабочим временем, все товарное производство, — а вместе с тем и многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости, — развивается так, как это изложено в первом отделе первого тома «Капитала»: стало быть, в частности, развиваются и условия, при которых только труд и является создателем стоимости. При этом эти условия прокладывают себе путь, не будучи осознанными людьми, и лишь путем трудных теоретических исследований они могут быть абстрагированы из повседневной практики; стало быть, эти условия действуют подобно законам природы, что неизбежно вытекает, как доказал Маркс, из природы товарного производства. Важнейшим и решающим шагом вперед был переход к металлическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мерилom стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем в большей мере они притекали из отдаленных стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краев; но даже и в том случае, когда благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники отчасти не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, с другой же стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерилa стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости.

Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, — поскольку вообще имеют силу экономические законы, — для всего периода простого товарного производства, следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летосчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит в глубь веков в Египте по мень-

шей мере за две с половиной, а может быть и за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре-шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет. И вот после этого полюбуйтея глубокомыслием г-на Лориа, называющего стоимость, имевшую всеобщее и непосредственное значение в течение всего этого времени, стоимостью, по которой товары никогда не продавались и не могут продаваться и исследованием которой никогда не будет заниматься ни один экономист, имеющий хотя бы каплю здравого рассудка.

Пока мы не говорили о купце. Мы могли оставлять без внимания его вмешательство до сих пор, когда мы переходим к превращению простого товарного производства в капиталистическое товарное производство. Купец был революционизирующим элементом этого общества, где прежде все было неизменно, неизменно, так сказать, по наследству; где крестьянин не только свой надел, но и свое положение свободного собственника, свободного или зависимого оброчника или крепостного, а городской ремесленник свое ремесло и цеховые привилегии получали наследственно и почти неотчуждаемо; кроме того, каждый из них получал по наследству свою клиентуру, свой рынок сбыта, так же как и выработанное с юных лет мастерство в унаследованной профессии. И вот в этот мир вступил купец, который должен был стать исходным пунктом для этого переворота. Но он не действовал в качестве сознательного революционера, а, наоборот, как плоть от плоти, кость от кости этого мира. Купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был в сущности общинником, как и все его современники. В деревне господствовала выросшая на основе первобытного коммунизма община-марка. Каждый крестьянин имел первоначально надел одинаковой величины, с одинаковыми участками земли каждого для данной местности качества, и пользовался соответствующими одинаковыми правами в общине-марке. С тех пор как община-марка стала замкнутой и было прекращено предоставление новых наделов, наступило дробление наделов благодаря наследованию и т. д. и соответствующее дробление общинных прав, но единицей общинного землевладения по-прежнему оставался полный надел, так что были половины, четверти и восьмые доли надела с половиной, четвертой или восьмой долей участия в правах общины-марки. По образцу общины-марки строились все позднейшие промышленные общины и прежде всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как применением устройства общины-марки, но уже к привилегированному ремеслу, а не к определенной территории. Центральным пунктом всей организации было равное участие каждого ее члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами, как это красноречиво выражено в привилегии на «кормление от пряжи», данной жителям Эльберфельда и Бармена в 1527 г. (Thun. «Die Industrie am Niederrhein und

ihre Arbeiter». Theil II, Leipzig, 1879, S. 164 und ff.). То же относится к горной промышленности, где каждый пай гарантировал также равное участие и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями. И то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам, вызвавшим к жизни заморскую торговлю. Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, — каждая «нация» в своем собственном Fondaco *, состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой, — составляли законченные торговые товарищества; они были ограждены от конкурентов и посторонних клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особого клейма, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д. Точно так же вели свое дело ганзейцы на «Немецком мосту» (Tudske Bryggen) в норвежском Бергене, а также их голландские и английские конкуренты. Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника. Но, кроме того, основывались более тесные товарищества с определенными целями, вроде генуэзского общества Маона, владевшего в течение многих лет квасцовыми залежами Фокеи в Малой Азии и на острове Хиосе в XIV и XV столетиях, далее — большого Равенсбергского торгового общества, которое с конца XIV столетия вело торговые дела с Италией и Испанией и основывало там свои отделения, а также немецкого общества аугсбургских купцов — Фуггер, Вельзер, Фёлин, Хёхштеттер и т. д., нюрнбергских — Хиршфогель и других, которое с капиталом в 66 000 дукатов и тремя кораблями принимало участие в португальской экспедиции 1505—1506 гг. в Индию, получив при этом 150%, а по другим источникам — 175% чистой прибыли (Heyd. «Geschichte des Levantehandels im Mittelalter». Bd. II, Stuttgart, 1879, S. 524), и целого ряда других обществ «монополий», приводивших Лютера в такую ярость.

Здесь мы впервые сталкиваемся с прибылью и нормой прибыли. А именно — стремление купцов сознательно и преднамеренно направлено к тому, чтобы сделать эту норму прибыли равной для всех участников. Каждый венецианец в странах Леванта, каждый ганзеец в северных странах платил одинаковые со своими соседями цены за приобретаемые товары, они стоили ему одинаковых транспортных издержек, он получал за них одинаковые с другими цены и закупал обратный груз по тем же ценам, как и другие купцы его «нации». Таким образом, норма прибыли была одинакова для всех.

* — гостином дворе. Ред.

В крупных торговых товариществах распределение прибыли пропорционально вложенной доле капитала было столь же само собой разумеющимся, как и пользование правами в марке пропорционально дающим эти права долям надела или как участие в прибыли горнорудных предприятий пропорционально размеру пая. Таким образом, равная норма прибыли, которая в своем полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма.

Эта первоначальная норма прибыли неизбежно была очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия; наконец, самый сбыт и условия этого сбыта основывались на данных чужеземными князьями привилегиях, которые довольно часто нарушались или совершенно отменялись. Прибыль, следовательно, должна была включать высокую страховую премию. Кроме того, оборот совершался медленно, выполнение сделок затягивалось, а в более благоприятные периоды, которые, впрочем, редко бывали продолжительными, торговые дела представляли собой монопольную торговлю с монопольной прибылью. О том, что средняя норма прибыли была очень высока, свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие ставки процента, которые всегда должны быть в общем ниже обычного уровня торговой прибыли.

Но эта высокая и равная для всех участников норма прибыли, получаемая благодаря совместной деятельности товариществ, имела силу лишь в пределах данных товариществ, то есть в данном случае — отдельных «наций». Венецианцы, генуэзцы, ганзейцы, голландцы — каждая нация для себя и, вероятно, вначале также для каждого отдельного рынка сбыта — имели особые нормы прибыли. Выравнивание этих различных норм прибыли отдельных товариществ осуществлялось противоположным путем — при помощи конкуренции. Прежде всего выравнивались нормы прибыли на различных рынках одной и той же нации. Если Александрия давала большую прибыль на венецианские товары, чем Кипр, Константинополь или Трапезунд, то венецианцы направляли больше капиталов в Александрию, изъяс часть их из обращения на других рынках. Далее должно было последовать постепенное выравнивание норм прибыли между отдельными нациями, вывозящими на одни и те же рынки одинаковые или сходные товары, причем очень часто некоторые из этих наций разорялись и исчезали со сцены. Процесс этот, однако, постоянно прерывался политическими событиями: так, например, вся торговля с Востоком прекратилась вслед-

ствие монгольских и турецких нашествий, а великие географическо-торговые открытия с 1492 г.¹³⁴ лишь ускорили и затем довершили ее закат.

Последовавшее затем внезапное расширение рынков сбыта и связанный с этим переворот в путях сообщения не вызвали на первых порах существенных изменений в способе ведения торговли. Торговля с Индией и Америкой также велась сперва преимущественно товариществами. Но теперь уже за этими товариществами стояли более или менее крупные нации. Место торговавших со странами Леванта каталонцев заняла в американской торговле вся объединенная Испания, а наряду с ней две такие большие страны, как Англия и Франция; даже такие маленькие страны, как Голландия и Португалия, были все же, во всяком случае, не меньше и не слабее Венеции — самой большой и сильной торговой нации предшествовавшего периода. Это давало странствующему купцу, *merchant adventurer**, XVI и XVII столетий опору, которая все более и более делала товарищество, защищающее своих членов также и при помощи оружия, и связанные с его существованием расходы излишним бременем. Далее, теперь богатства накаплились в руках отдельных лиц значительно быстрее, так что вскоре отдельные купцы могли тратить на торговые операции столько же средств, сколько раньше расходовало целое общество. Торговые общества, там, где они еще продолжали существовать, превращались по большей части в вооруженные корпорации, которые под защитой и протекторатом своих государств завоевывали и монопольно эксплуатировали целиком вновь открытые страны. Но чем в большем числе основывались, преимущественно государством, колонии в новых районах, тем больше торговые товарищества уступали место торговой деятельности отдельного купца, и вместе с тем выравнивание норм прибыли все больше и больше становилось исключительно делом конкуренции.

До сих пор мы знакомились лишь с нормой прибыли торгового капитала. Ибо до сих пор имелся только торговый и ростовщический капитал, поскольку промышленный капитал еще не получил развития. Производство еще было преимущественно в руках работников, которые владели своими собственными средствами производства и труд которых, следовательно, не приносил прибавочной стоимости капиталу. Если они и были вынуждены отдавать безвозмездно часть своего продукта третьему лицу, то лишь в виде дани феодальному владыке. Поэтому торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов. Только в конце этого периода — для Италии, следовательно, с упадком торговли с Левантом —

* — купцу-авантюристу. *Ред.*

иностранная конкуренция и затруднения со сбытом могли вынуждать ремесленного производителя экспортных товаров уступать купцу-экспортеру товары ниже их стоимости. Таким образом, мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по их стоимостям, а во внешней торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность современному положению, когда цены производства имеют силу во внешней и оптовой торговле, между тем как в розничной городской торговле ценообразование регулируется совершенно иными нормами прибыли, так что теперь, например, говядина претерпевает более значительную надбавку в цене по дороге от лондонского оптового торговца к лондонским потребителям, чем на пути от оптового торговца в Чикаго к лондонскому оптовому торговцу, включая сюда и транспортные расходы.

Орудием этого постепенного переворота в ценообразовании был промышленный капитал. Начало существованию промышленного капитала было положено уже в средние века, а именно в трех областях: судоходстве, горной промышленности и текстильной промышленности. Судоходство в тех размерах, в которых оно велось итальянскими и ганзейскими приморскими республиками, невозможно было без матросов, то есть наемных рабочих (отношения найма последних могли маскироваться артельными формами с участием в прибылях), а галеры того времени немыслимы без гребцов — наемных рабочих или рабов. Предприятия по добыванию руды, которые первоначально велись объединенными в артели работниками, почти везде превращались в акционерные общества, которые вели производство силами наемных рабочих. В текстильной же промышленности купец начал прямо ставить мелких мастеров-ткачей себе на службу, обеспечивая их пряжей и заставляя их за его счет перерабатывать ее в ткань за определенную плату, — короче говоря, превращаясь из простого купца в так называемого *раздатчика*.

Здесь мы имеем перед собой первые зачатки образования капиталистической прибавочной стоимости. Горные промыслы ввиду их замкнутого монопольно-корпоративного характера мы можем оставить в стороне. Что же касается судоходства, то, очевидно, здесь прибыль должна была, во всяком случае, равняться обычной прибыли данной страны со специальной надбавкой на страхование, износ судов и т. д. Ну а как обстояло дело с раздатчиками в текстильной промышленности, которые впервые вынесли на рынок товары, произведенные непосредственно за счет капиталиста, создав этим конкуренцию товарам того же рода, произведенным за счет ремесленника?

Норма прибыли торгового капитала была уже заранее дана. Она уже была также, по крайней мере для данной местности, сведена

к приблизительно средней норме. Что же могло побудить купца взять на себя дополнительную роль раздатчика? Лишь одно: перспектива большей прибыли при равной с другими продажной цене. И именно это он имел в виду. Заставив работать на себя мелких мастеров, он ломал традиционные границы производства, при которых производитель продавал свой готовый продукт и ничего другого. Торговый капиталист покупал рабочую силу работника, который покамест еще владел своими орудиями производства, но уже больше не владел сырьем. Обеспечивая, таким образом, ткачу регулярную работу, он мог вместе с тем настолько понижать его заработную плату, что часть затраченного рабочего времени оставалась неоплаченной. Таким образом раздатчик присваивал прибавочную стоимость сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли. Правда, он должен был для этого применять добавочный капитал, чтобы закупать пряжу и т. д. и оставлять ее в руках ткача до окончательной выделки продукта, между тем как прежде он выплачивал полную цену продукта только в момент покупки его. Но, во-первых, в большинстве случаев он и раньше уже делал дополнительные затраты капитала на ссуду ткачу, которого, как правило, только долговое рабство заставляло подчиняться новым условиям производства. И, во-вторых, даже независимо от этого расчет представляется в следующем виде.

Допустим, что наш купец вел свое экспортное дело с капиталом в 30 000 дукатов, цехинов, фунтов стерлингов или каких-нибудь других денежных единиц. Положим, что 10 000 из них затрачено на покупку товаров внутреннего производства, в то время как 20 000 тратятся на заморских рынках. Пусть капитал оборачивается раз в два года, тогда годовой оборот равен 15 000. Но допустим, что наш купец хочет заняться ткачеством за свой счет, сделаться раздатчиком. Какой капитал должен он для этого дополнительно затратить? Пусть время производства штуки ткани, которой он торгует, равняется в среднем двум месяцам (хотя это наверное слишком продолжительный срок). Допустим далее, что он за все должен платить наличными деньгами. В таком случае он должен будет дополнительно затратить такой капитал, чтобы его хватило для обеспечения ткачей пряжей на два месяца. Так как его годовой оборот — 15 000, то в два месяца он закупает тканей на 2 500. Пусть 2 000 из них представляют стоимость пряжи, а 500 — заработную плату ткачей; тогда нашему купцу потребуется дополнительный капитал в 2 000. Допустим, что прибавочная стоимость, которую он благодаря новому методу извлекает у ткача, составляет лишь 5% стоимости ткани, что дает безусловно весьма скромную норму прибавочной стоимости в 25% ($2\,000_c + 500_r + 125_m$; $m' = \frac{125}{500} = 25\%$; $p' = \frac{125}{2\,500} = 5\%$). При таких условиях наш купец с годовым оборотом 15 000 получит 750 добавочной прибыли, а в $2\frac{2}{3}$ года

вернет себе, следовательно, весь затраченный дополнительный капитал.

Но чтобы ускорить свой сбыт и вместе с тем свой оборот и благодаря этому получить ту же прибыль с прежнего капитала в более короткий период времени, — следовательно, чтобы получить в течение того же времени большую прибыль, — он подарит небольшую часть своей прибавочной стоимости покупателю, будет продавать дешевле своих конкурентов. Последние также превратятся постепенно в раздатчиков, и тогда добавочная прибыль сведется для них всех к обычной прибыли или даже к меньшей, причем она будет получаться на повысившийся у них всех капитал. Равенство нормы прибыли снова восстановлено, хотя быть может уже на другом уровне, ввиду того что часть произведенной внутри страны прибавочной стоимости уступается иностранным покупателям.

Дальнейшим шагом по пути подчинения промышленности капиталу было введение мануфактуры. Последняя также давала возможность мануфактуристу, который в XVII и XVIII столетиях в большинстве случаев был и купцом-экспортером своих товаров, — в Германии так было до 1850 г. почти повсюду, а местами сохранилось и до сих пор, — производить дешевле его старомодных конкурентов-ремесленников. Повторяется тот же процесс: прибавочная стоимость, присваиваемая владельцем мануфактуры — капиталистом, позволяет ему или купцу-экспортеру, с которым он ее делит, продавать дешевле своих конкурентов, пока новый метод производства не станет всеобщим и снова произойдет выравнивание прибылей. Уже заранее данная норма торговой прибыли, если даже она выравнена в местном масштабе, остается прокрустовым ложем, на котором без всякого милосердия отсекается избыточная промышленная прибавочная стоимость.

Если мануфактура бурно развилась благодаря удешевлению продуктов, то в еще гораздо большей степени этому удешевлению обязана своим ростом крупная промышленность, которая путем непрерывного революционизирования производства все более и более понижает издержки производства товаров и беспощадно устраняет все прежние способы производства. Именно крупная промышленность таким путем окончательно завоевывает капиталу внутренний рынок, кладет конец мелкому производству и натуральному хозяйству крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя большую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перелива капитала из одной отрасли в другую. Вместе с этим для всего процесса обмена совершается превращение стоимостей в цены производства. Это превра-

щение происходит, следовательно, в силу объективных законов, вне сознания или намерения участников. То обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, превышающую общую норму, и таким путем снова отнимает у первых присвоителей-промышленников прибавочную стоимость, превышающую средний уровень, не представляет собой в теоретическом отношении никаких трудностей. Но зато на практике здесь больше трудностей, так как отрасли с избыточной прибавочной стоимостью, то есть с высоким переменным и низким постоянным капиталом или с низким строением капитала, по самой природе своей позже всего и меньше всего подчиняются капиталистическому производству; это относится прежде всего к земледелию. Что же касается, наоборот, повышения цен производства выше стоимости товаров, которое необходимо, чтобы поднять до уровня средней нормы прибыли недостаточную прибавочную стоимость, заключенную в продуктах отраслей с высоким строением капитала, то теоретически это выглядит весьма трудным, на практике же, как мы уже видели, совершается всего легче и быстрее. Ибо товары этого рода, когда они начинают производиться капиталистически и поступают в капиталистическую торговлю, вступают в конкуренцию с товарами того же рода, которые произведены докапиталистическими методами и которые, следовательно, стоят дороже. Следовательно, капиталистический производитель даже при отказе от части прибавочной стоимости все же может получать обычную для его местности норму прибыли, которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала из функции торгового капитала задолго до того, как вообще начали капиталистически производить, то есть задолго до того, как стала возможна промышленная норма прибыли.

II БИРЖА

1) Из третьего тома, пятого отдела, в особенности из главы [27] видно, какое положение биржа занимает в капиталистическом производстве вообще. Однако с 1865 г., когда книга была написана, наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков все производство, как промышленное, так и сельскохозяйственное, и все обращение — как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства.

2) В 1865 г. биржа была еще *второстепенным* элементом в капиталистической системе. Основную массу биржевых ценностей представляли государственные ценные бумаги, но и их количество было относительно невелико. Наряду с этим акционерные банки, которые на континенте и в Америке занимали господствующее положение, в Англии же только собирались поглотить принадлежащие аристократам частные банки, в массе своей играли еще сравнительно незначительную роль. Железнодорожные акции были также еще относительно слабо распространены по сравнению с настоящим временем. Промышленных предприятий, так же как и банков, непосредственно в акционерной форме было еще немного, большей частью они создавались в *более бедных* странах, как Германия, Австрия, Америка и т. д.: — «глаз хозяина» был в то время еще не изжитым суеверием.

Следовательно, биржа тогда была еще местом, где капиталисты отнимали друг у друга накопленные ими капиталы и которое непосредственно интересовало рабочих лишь как новое доказательство всеобщего деморализующего влияния капиталистического хозяйства и как подтверждение кальвинистской догмы, что уже на этом

свете божественное предопределение — *alias* *. случай — определяет благословение и проклятие, богатство, это значит роскошь и власть, и бедность, это значит лишения и рабство.

3) Теперь дело обстоит иначе. Со времени кризиса 1866 г. накопление происходило со все возрастающей быстротой и притом таким образом, что ни в одной промышленной стране, и всего менее в Англии, производство не поспевало за накоплением, и накопление отдельного капиталиста не могло найти полного применения в расширении его собственного предприятия; в английской хлопчатобумажной промышленности [это наблюдалось] уже в 1845 г., [далее] железнодорожные аферы. Вместе с этим накоплением возрастала и масса рантие, людей, которым надоело постоянное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели только развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний. И, в-третьих, чтобы облегчить приложение высвободившейся таким образом массы денежного капитала, ныне повсюду, где этого не было раньше, установлены новые законодательные формы для обществ с ограниченной ответственностью и уменьшены обязательства акционеров, прежде несших неограниченную ответственность (акционерные общества в Германии в 1890 г. — 40% подписки!).

4) Отсюда постепенное превращение промышленности в акционерные предприятия. Одну отрасль за другой постигает эта судьба. Сначала железоделательная промышленность, где в настоящее время необходимы гигантские вложения (еще раньше горнорудная промышленность, если она еще не имела формы паевых предприятий). Затем химическая промышленность, *ditto* ** машиностроительные заводы. На континенте также текстильная промышленность, а в Англии пока лишь в отдельных местностях — Ланкашир (прядельная фабрика в Олдем, ткацкая фабрика в Берили и т. д., объединение швейных предприятий; но это лишь предварительная ступень, так как во время ближайшего кризиса эти объединения распадутся и предприятия снова окажутся в руках [отдельных] хозяев), пивоварни (несколько лет назад американские пивоварни были отданы в руки английского капитала, далее Guinness Bess, Alisopp ***). Затем тресты, создающие гигантские предприятия с общим управлением (как United Alkali). Обыкновенная единоличная фирма все более и более становится только предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы на его основе «учредить» акционерное общество.

То же самое относительно торговли. Leafes, Parsons, Morleys, Morrison, Dillon — все эти фирмы превратились в акционерные об-

* - иначе. *Ред.*

** - а также. *Ред.*

*** Название двух крупных английских пивоваренных фирм. *Ред.*

щества. Точно такие же изменения претерпевают и розничные фирмы, и притом не только приобретают вид кооперации à la «Stores»*.

То же самое относительно банков и других кредитных учреждений также и в Англии. Масса новых — все в форме акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Даже старые банки, как...** и т. д., преобразуются с 7 частными [акционерами] в акционерное общество.

5) В области земледелия то же самое. Неимоверно расширившиеся банки, особенно в Германии (под всевозможными бюрократическими наименованиями) — все больше и больше становятся ипотекодержателями: вместе с их акциями действительная верховная собственность на землю передается бирже, и это имеет место в еще большей степени, если имения попадают в руки кредиторов. Здесь революция в сельском хозяйстве, связанная с обработкой степных земель, оказывает огромное влияние; если так будет продолжаться, то можно предвидеть время, когда земля попадет в руки биржи также в Англии и во Франции.

6) Далее приложение капитала за границей — все в акциях. Если говорить только об Англии: американские железные дороги, северные и южные (справиться по биржевому бюллетеню), Гольдбергер и т. д.

7) Затем колонизация. Последняя ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку, французы захватили Тунис и Тонкин. Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигерия, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка). Машоналенд и Наталь захвачены для биржи Родсом.

* То есть по образцу универмагов. *Ред.*

** Слово неразборчиво. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

«*The Daily News*» — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 г. — 13.

² См. настоящее изд., т. 8, с. 426—429. — 19.

³ См. настоящее изд., т. 7, с. 383. — 25.

⁴ *Консигнация* (consignatio, буквально — подпись, письменное подтверждение) — разновидность комиссионной продажи товаров за границу, при которой экспортер (консигнант) отправляет товар на склад иностранной фирмы (консигнатору) для продажи его на определенных условиях. — 30.

⁵ «*The Economist*» — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики выходит в Лондоне с 1843 г.; орган крупной промышленной буржуазии. — 36.

⁶ *Ломбард-стрит* — улица в Сити (финансовом центре Лондона), на которой находится ряд крупных банков; синоним лондонского денежного рынка. — 36.

⁷ *Минсинг-лейн* — улица в Лондоне, центр оптовой торговли колониальными товарами — 36.

⁸ См. настоящее изд., т. 7, с. 115—116, 133—134. — 60.

⁹ См. настоящее изд., т. 7, с. 134. — 61.

¹⁰ *Акт о банковской рестрикции* (Bank Restriction Act) — принятый в 1797 г. английским правительством специальный закон, который устанавливал принудительный курс банкнот и отменял обмен банкнот на золото. В 1819 г. был принят закон, восстанавливавший обмен банковых билетов на золото. Фактически обмен был полностью восстановлен к 1821 г. — 68.

¹¹ См. настоящее изд., т. 8, с. 414—426. — 68.

¹² Маркс имеет в виду судебное разбирательство по делу Дейвидсона и др., обвиненных в крупных мошенничествах с векселями. Это дело изложено в книге: *Laing S. New series of the great city frauds of Cole, Davidson, & Gordon, corrected and enlarged. Fifth edition. London [1869].*

Ассизы — периодические выездные сессии судей Высшего суда Англии по уголовным и гражданским делам. — 72.

[ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ]

[VI—220] Все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты. Какие теоретические заблуждения с необходимостью должны были отсюда возникнуть, это раскроется полнее в третьей главе, где анализируется та весьма превращенная форма, которую принимает прибавочная стоимость, выступая в виде прибыли ¹².

[ГЛАВА ПЕРВАЯ]

СЭР ДЖЕМС СТЮАРТ

[РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ «ПРИБЫЛЬЮ ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ»
И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ УВЕЛИЧЕНИЕМ БОГАТСТВА]

До физиократов прибавочная стоимость, — т. е. прибыль, прибавочная стоимость в форме прибыли, — выводилась исключительно из *обмена*, объяснялась продажей товара выше его стоимости. Сэр Джемс Стюарт в целом не вышел за рамки этого ограниченного воззрения; вернее даже будет сказать, что именно Стюарт его научно воспроизвел. Я говорю: «научно» воспроизвел. Дело в том, что Стюарт не разделяет иллюзии, будто прибавочная стоимость, получаемая отдельным капиталистом благодаря продаже товара выше его стоимости, есть созидание нового богатства. Поэтому он проводит различие между *положительной* прибылью и *относительной* прибылью:

«Положительная прибыль ни для кого не означает потери; она является результатом увеличения труда, усердия или мастерства и вызывает увеличение или возрастание общественного достояния... Относительная прибыль означает для кого-то потерю; она отмечает колебание весов богатства между участвующими сторонами, но не предполагает никакого прибавления к совокупным фондам... Для понимания смешанной прибыли не требуется большого труда: это такая прибыль,.. которая отчасти относительна, а отчасти положительна... Оба вида могут существовать нераздельно в одной и той же сделке» («Principles of Political Economy», vol. I. The Works of Sir James Steuart etc., ed. by General Sir James Steuart, his son etc. in 6 volumes. London, 1805, стр. 275—276).

Положительная прибыль возникает из «увеличения труда, усердия и мастерства». Стюарт не пытается дать себе отчет в том, *как* она возникает из этого увеличения. Его добавление относительно того, что эта прибыль вызывает увеличение и возрастание «общественного достояния», позволяет, по-видимому, сделать вывод, что Стюарт понимает под этим лишь увеличение массы потребительных стоимостей, обусловленное развитием

производительных сил труда, и что он рассматривает эту положительную прибыль совершенно отдельно от прибыли капиталистов, которая всегда предполагает увеличение меновой стоимости. Такое толкование полностью подтверждается его дальнейшим изложением.

А именно, он говорит:

«В цене товаров я рассматриваю две вещи как действительно существующие и совершенно отличные одна от другой: *действительную стоимость* товаров и *прибыль от отчуждения* [*profit upon alienation*]» (стр. 244).

Цена товаров, стало быть, включает в себя два совершенно отличных друг от друга элемента: во-первых, их *действительную стоимость*, во-вторых — «*прибыль от отчуждения*», прибыль, реализуемую при их отчуждении, при их продаже.

[221] Эта «*прибыль от отчуждения*» возникает, следовательно, из того, что цена товаров превышает их действительную стоимость, другими словами — из того, что товары продаются *выше* их стоимости. Выигрыш для одной стороны здесь всегда означает потерю для другой. Не создается никакого «прибавления к совокупным фондам». Прибыль, — следовало бы сказать, прибавочная стоимость, — относительна и сводится к «колебанию весов богатства между участвующими сторонами». Стюарт сам отклоняет то представление, что таким путем можно объяснить прибавочную стоимость. Его теория о «колебании весов богатства между участвующими сторонами», хотя она ничуть не затрагивает природу и происхождение самой прибавочной стоимости, имеет важное значение при рассмотрении распределения прибавочной стоимости между различными классами и по различным рубрикам, каковы прибыль, процент, рента.

Что Стюарт ограничивает всю прибыль отдельного капиталиста этой «относительной прибылью», «прибылью от отчуждения», видно из следующего:

«Действительная стоимость», говорит он, определяется в среднем тем «количеством» труда, которое «обыкновенно может выполнить работник данной страны... в течение дня, недели, месяца и т. д.». Во-вторых, «стоимостью средств существования работника и необходимых издержек, как для удовлетворения его личных потребностей, так и... для приобретения инструментов, относящихся к его профессии; все это опять-таки надо брать в среднем»... В-третьих, «стоимостью материалов» (стр. 244—245). «Если известны эти три статьи, то цена продукта определена. Она не может быть меньше суммы всех этих трех статей, т. е. меньше *действительной стоимости*. Все, что превышает эту последнюю, есть *прибыль фабриканта*. Эта прибыль будет всегда находиться в соответствии со *спросом*, и она поэтому будет изменяться в зависимости от обстоятельств» (цит. соч., стр. 245). «Отсюда возникает необходимость большого спроса для процветания мануфактур... Промышленники сообразуют свои расходы и свой образ жизни с той прибылью, в получении которой они уверены» (цит. соч., стр. 246).

Отсюда ясно: прибыль «фабриканта», отдельного капиталиста, всегда есть «относительная прибыль», всегда есть «прибыль от отчуждения», всегда вытекает из того, что цена товара превышает его действительную стоимость, что *товар продается выше его стоимости*. Следовательно, если бы все товары продавались по своей *стоимости*, то не существовало бы никакой прибыли.

Стюарт написал об этом особую главу, он подробно исследует,

«как прибыли сливаются в одно целое с издержками производства» (цит. соч., том III, стр. 11 и сл.).

Стюарт, с одной стороны, отвергает то представление монетарной и меркантилистской системы, согласно которому продажа товаров выше их стоимости и возникающая отсюда прибыль создают прибавочную стоимость, положительное увеличение богатства *; с другой стороны, он остается приверженцем их взгляда, будто прибыль отдельного капитала есть не что иное, как этот избыток цены над [222] стоимостью — «прибыль от отчуждения», которая, однако, по его мнению, лишь *относительна*, так как выигрышу на одной стороне соответствует потеря на другой и поэтому движение прибыли сводится к «колебанию весов богатства между участвующими сторонами».

В этом отношении Стюарт является, стало быть, *рациональным* выразителем монетарной и меркантилистской системы.

Его заслуга в понимании капитала основывается на том, что он показал, каким образом происходит процесс отделения условий производства, как собственности определенного класса, от рабочей силы ¹³. Этому *процессу возникновения* капитала Стюарт уделяет много внимания; правда, он еще не понимает этот процесс прямо как процесс возникновения капитала, но все же видит в нем условие существования крупной промышленности. Стюарт рассматривает этот процесс особенно в земледелии и правильно считает, что только благодаря этому процессу отделения, имевшему место в земледелии, и возникла мануфактурная промышленность как таковая. У А. Смита этот процесс отделения предполагается уже в готовом виде.

(Книга Стюарта [вышла] в Лондоне в 1767 году, книга *Тьюрго* [написана] в 1766 году, книга Адама Смита — в 1775 году.)

* Впрочем, даже монетарная система считает, что эта прибыль возникает не внутри страны, а только в обмене с другими странами. Меркантилистская система не видит дальше того, что эта стоимость представлена в деньгах (золоте и серебре) и что прибавочная стоимость находит поэтому свое выражение в торговом балансе, сальдируемом деньгами.

[ГЛАВА ВТОРАЯ]

ФИЗИОКРАТЫ

[1) ПЕРЕНЕСЕНИЕ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ ИЗ СФЕРЫ ОБРАЩЕНИЯ В СФЕРУ ПРОИЗВОДСТВА. ВЗГЛЯД НА ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ КАК НА ЕДИНСТВЕННУЮ ФОРМУ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

Существенная заслуга физиократов состоит в том, что они в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*. Эта-то заслуга и делает их настоящими отцами современной политической экономии. Прежде всего, они дали анализ различных *вещественных составных частей*, в которых существует и на которые распадается капитал во время процесса труда. Физиократам нельзя ставить в вину то, что ими, как и всеми их преемниками, эти вещественные формы существования капитала — инструменты, сырье и т. д. — рассматриваются как капитал в отрыве от тех общественных условий, в которых они выступают в капиталистическом производстве, короче говоря, рассматриваются в той форме, в какой они являются элементами процесса труда вообще, независимо от его общественной формы. Тем самым физиократы превращают капиталистическую форму производства в какую-то вечную естественную форму производства. Для них буржуазные формы производства с необходимостью принимают вид естественных форм производства. Большой заслугой физиократов было то, что они рассматривали эти формы как физиологические формы общества: как формы, вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т. д. Это — материальные законы; ошибка состоит здесь лишь в том, что материальный закон одной определенной исторической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества.

Кроме этого анализа вещественных элементов, из которых состоит капитал в пределах процесса труда, физиократы ис-

следуют те формы, которые капитал принимает в обращении (основной капитал, оборотный капитал, хотя термины, употребляемые физиократами, — еще иные), и вообще устанавливают связь между процессом обращения и процессом воспроизводства капитала. К этому следует вернуться в главе об обращении ¹⁴.

В обоих этих главных пунктах А. Смит воспринял наследство физиократов. Его заслуга — в этом отношении — ограничивается тем, что он фиксировал абстрактные категории, придав большую устойчивость названиям, которыми он окрестил анализированные физиократами различия.

[223] Как мы видели ¹⁵, основой для развития капиталистического производства является вообще то, что *рабочая сила*, в качестве принадлежащего рабочим *товара*, противостоит условиям труда, как товарам, прочно обособившимся в виде капитала и существующим независимо от рабочих. Определение *стоимости* рабочей силы как товара имеет весьма существенное значение. Эта стоимость равна рабочему времени, которое требуется для создания жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы, или равна цене жизненных средств, необходимых для существования рабочего как рабочего. Только на этой основе возникает различие между *стоимостью* рабочей силы и *той стоимостью, которая создается путем применения этой рабочей силы*, — различие, не существующее ни для какого другого товара, так как потребительная стоимость, а следовательно и потребление, всякого другого товара не может повысить его *меновую стоимость* или те меновые стоимости, которые из него получаются.

Таким образом, в основе современной политической экономии, занимающейся анализом капиталистического производства, лежит взгляд на *стоимость рабочей силы* как на нечто фиксированное, как на данную величину, каковой она практически и является в каждом определенном случае. Поэтому *минимум заработной платы* правомерно образует у физиократов ось их учения. Хотя они еще не познали природы самой стоимости, установление понятия минимума заработной платы было для них возможно потому, что эта *стоимость рабочей силы* выражается в цене необходимых жизненных средств, следовательно в некоторой сумме определенных потребительных стоимостей. Не уяснив себе природы стоимости вообще, они все же оказались в состоянии рассматривать стоимость рабочей силы как определенную величину, поскольку это нужно было для их исследований. Если они, далее, впали в ту ошибку, что рассматривали этот *минимум* как неизменную

величину, всецело определяемую, по их мнению, природой, а не ступенью исторического развития, которая сама есть подверженная изменениям величина, то это нисколько не затрагивает абстрактной правильности их выводов, так как различие между стоимостью рабочей силы и той стоимостью, которая создается путем применения этой рабочей силы, совершенно не зависит от того, какая величина, большая или меньшая, приписывается стоимости рабочей силы.

Физиократы перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства.

Они совершенно правильно выставляют то фундаментальное положение, что *производителен* только такой труд, который создает *прибавочную стоимость*, т. е. только такой труд, в продукте которого содержится стоимость, превышающая сумму стоимостей, потребленных во время производства этого продукта. А так как стоимость сырья и материалов дана, а стоимость рабочей силы равна минимуму заработной платы, то ясно, что эта прибавочная стоимость может состоять только из избытка труда, отдаваемого рабочим капиталисту сверх того количества труда, которое он получает в виде своей заработной платы. Правда, в такой именно форме прибавочная стоимость еще не выступает у физиократов, так как они еще не свели стоимость вообще к ее простой субстанции: к количеству труда, или рабочему времени.

[224] Способ изложения предмета у физиократов необходимым образом определяется, конечно, их общим взглядом на природу стоимости, которая в их понимании не есть определенный общественный способ существования человеческой деятельности (труда), а состоит из вещества, даваемого землей, природой, и из различных видоизменений этого вещества.

Различие между *стоимостью* рабочей силы и *той стоимостью, которая создается путем применения* этой рабочей силы, — т. е. прибавочная стоимость, которая в результате покупки рабочей силы достается тому, кто ее применяет, — ни в одной *отрасли производства* не выступает так осязательно и бесспорно, как в *земледелии*, этой первичной отрасли производства. Сумма жизненных средств, потребляемых рабочим из года в год, или масса вещества, потребляемая им, меньше той суммы жизненных средств, которую он производит. В промышленности непосредственно не видно вообще ни того, что рабочий производит свои жизненные средства, ни того, что сверх них он производит еще избыток. Процесс здесь опосред-

ствован куплей и продажей, различными актами обращения, и для его понимания необходим анализ стоимости вообще. В земледелии он непосредственно обнаруживается в избытке произведенных потребительных стоимостей над потребительными стоимостями, потребленными рабочим, а потому может быть понят и без анализа стоимости вообще, без ясного уразумения природы стоимости. Следовательно, этот процесс понятен также и в том случае, когда стоимость сводят к потребительной стоимости, а последнюю — к веществу вообще. Поэтому для физиократов земледельческий труд есть единственный *производительный труд*, так как, по их мнению, это единственный труд, *создающий прибавочную стоимость*, а *земельная рента* есть *единственная форма прибавочной стоимости*, известная им. В промышленности, полагают они, работник не увеличивает количества вещества: он лишь изменяет форму последнего. Материал — масса вещества — дается ему земледелием. Он, правда, присоединяет к веществу добавочную стоимость, но не своим трудом, а издержками производства своего труда: теми жизненными средствами, которые он потребляет в течение своей работы и сумма которых равна минимуму заработной платы, получаемому им от земледелия. Так как земледельческий труд рассматривается как единственно производительный труд, то та форма прибавочной стоимости, которая отличает земледельческий труд от промышленного труда, — *земельная рента*, — рассматривается как единственная форма прибавочной стоимости.

Поэтому-то у физиократов и не существует *прибыли* на капитал, прибыли в собственном смысле слова, по отношению к которой сама земельная рента является лишь одним из ее ответвлений. Прибыль представляется физиократам лишь как своего рода более высокая заработная плата, которая выплачивается земельными собственниками и потребляется капиталистами как доход (следовательно, она входит в издержки производства совершенно так же, как минимум заработной платы, получаемый обыкновенными рабочими) и которая увеличивает стоимость сырья потому, что она входит в издержки потребления капиталиста, промышленника, приходящиеся на время производства им продукта, на время превращения им сырья в новый продукт.

Поэтому некоторые физиократы, как, например, Мирабо старший, объявляют прибавочную стоимость в форме *денежного процента* — другое ответвление прибыли — ростовщичеством, противным природе. Тюрго, напротив, выводит правомерность денежного процента из того, что денежный капиталист мог бы купить землю, т. е. земельную ренту, и, следовательно,

его денежный капитал должен доставлять ему столько же прибавочной стоимости, сколько он получал бы, если бы превратил его в земельное владение. Таким образом, согласно этому взгляду, также и денежный процент не есть вновь созданная стоимость, не есть прибавочная стоимость; здесь только объясняется, почему часть полученной земельными собственниками прибавочной стоимости притекает к денежному капиталисту в форме процента, подобно тому как другими причинами [225] объясняется, почему к промышленному капиталисту часть этой прибавочной стоимости притекает в форме прибыли. Так как *земледельческий труд*, по мнению физиократов, есть единственно производительный труд, единственный труд, создающий прибавочную стоимость, то та *форма прибавочной стоимости*, которая отличает земледельческий труд от всех других отраслей труда, *земельная рента*, является для них *всеобщей формой прибавочной стоимости*. Промышленная прибыль и денежный процент являются лишь различными рубриками, по которым земельная рента распределяется и переходит определенными долями из рук земельных собственников в руки других классов. Это совершенно противоположно тому взгляду, которого придерживались, начиная с Адама Смита, позднейшие политико-экономы, ибо эти последние справедливо рассматривают *промышленную прибыль* как ту *форму*, в которой прибавочная стоимость *первоначально* присваивается капиталом, а потому — как первоначальную всеобщую форму прибавочной стоимости, процент же и земельную ренту они трактуют только как ответвления промышленной прибыли, которая распределяется промышленными капиталистами между различными классами, являющимися совладельцами прибавочной стоимости.

Кроме уже приведенного основания, — заключающегося в том, что земледельческий труд есть такой труд, где созидание прибавочной стоимости выступает в материально осязательном виде и обнаруживается помимо процессов обращения, — у физиократов были и другие мотивы, объясняющие их точку зрения.

Во-первых, в земледелии земельная рента выступает как третий элемент, как такая форма прибавочной стоимости, которая в промышленности либо совсем не существует, либо имеет только мимолетное существование. Это была прибавочная стоимость сверх прибавочной стоимости (сверх прибыли), следовательно — наиболее осязательная и наиболее бросающаяся в глаза форма прибавочной стоимости, прибавочная стоимость в квадрате.

«Сельское хозяйство», как говорит доморощенный политико-эконом Карл Арнд («Die naturgemässe Volkswirtschaft» etc. Hanau, 1845, стр. 461—462), «создает — в виде земельной ренты — такую стоимость, которая не встречается в промышленности и в торговле: стоимость, остающуюся после возмещения всей выплаченной заработной платы и всей израсходованной прибыли на капитал».

Во-вторых. Если отвлечься от внешней торговли, — что физиократы вполне правильно делали и что они должны были делать для абстрактного рассмотрения буржуазного общества, — то ясно, что количество занятых в обрабатывающей промышленности и т. д. и совершенно оторванных от земледелия рабочих («свободных рук», как называет их Стюарт) определяется тем количеством сельскохозяйственных продуктов, которое производится земледельческими работниками сверх их собственного потребления.

«Ясно, что относительная численность тех людей, которые могут существовать не занимаясь земледельческим трудом, всецело определяется производительностью труда земледельцев» (*R. Jones. On the Distribution of Wealth. London, 1831, стр. 159—160* [Русский перевод: Джонс, Ричард. Экономические сочинения. Соцэкгиз, 1937, стр. 114]).

Таким образом, земледельческий труд составляет естественную основу (см. об этом в одной из предыдущих тетрадей)¹⁶ не только для прибавочного труда в сфере самого земледелия, но и для превращения всех других отраслей труда в самостоятельные отрасли, а следовательно и для создаваемой в них прибавочной стоимости; поэтому ясно, что именно его до тех пор должны были рассматривать как созидателя прибавочной стоимости, пока вообще субстанцией стоимости считался определенный конкретный труд, а не абстрактный труд и его мера, рабочее время.

[226] *В-третьих.* Всякая прибавочная стоимость, не только относительная, но и абсолютная, основывается на некоторой данной производительности труда. Если бы производительность труда достигла только такой степени развития, что рабочего времени одного человека хватало бы лишь для поддержания его собственной жизни, лишь для производства и воспроизводства его собственных жизненных средств, то не было бы никакого прибавочного труда и никакой прибавочной стоимости, не существовало бы вообще никакого различия между стоимостью рабочей силы и той стоимостью, которая создается путем применения этой рабочей силы. Возможность прибавочного труда и прибавочной стоимости обуславливается поэтому некоторой данной производительностью труда, такой производительностью, которая делает рабочую силу способной создавать новую стоимость, превышающую ее собственную стоимость,

производить более того, что необходимо для поддержания процесса существования. При этом, как мы уже видели в пункте *втором*, эта производительность, эта степень производительности, служащая исходной предпосылкой, должна быть налицо прежде всего в земледельческом труде, а потому она кажется *даром природы, производительной силой природы*. Здесь, в земледелии, с самого начала дано в широких размерах содействие сил природы, увеличение рабочей силы [Arbeitskraft] человека путем применения и эксплуатации автоматически действующих сил природы. В промышленности это использование сил природы в крупном масштабе появляется только с развитием крупной промышленности. Базисом для развития капитала является определенная степень развития земледелия, будь то в собственной стране или в чужих странах. Постольку абсолютная прибавочная стоимость совпадает здесь с относительной. (Даже ярый противник физиократов *Бьюкенен* выдвигает это против А. Смита, стараясь доказать, что и возникновению современной городской промышленности предшествовало развитие земледелия.)

В-четвертых. Так как заслугой и отличительным признаком физиократии является то, что она выводит стоимость и прибавочную стоимость не из обращения, а из производства, то она, в противоположность монетарной и меркантилистской системе, начинает по необходимости с той отрасли производства, которую вообще можно мыслить обособленно, независимо от обращения, от обмена, и которая предполагает не обмен между человеком и человеком, а только обмен между человеком и природой.

[2) ПРОТИВОРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ ФИЗИОКРАТОВ: ФЕОДАЛЬНЫЙ ОБЛИК СИСТЕМЫ И ЕЕ БУРЖУАЗНАЯ СУЩНОСТЬ; ДВОЙСТВЕННОСТЬ В ТРАКТОВКЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

Из указанных выше обстоятельств и проистекают противоречия в системе физиократии.

Фактически это — первая система, анализирующая капиталистическое производство и изображающая в виде вечных естественных законов производства те условия, в которых капитал производится и в которых он производит. Но, с другой стороны, она выступает скорее как буржуазное воспроизведение феодальной системы, господства земельной собственности; промышленные же отрасли, в которых капитал раньше всего получает самостоятельное развитие, кажутся ей «непроизводи-

тельными» отраслями труда, всего лишь придатками земледелия. Первым условием развития капитала является отделение земельной собственности от труда, является то, что земля — это первичное условие труда — начинает противостоять свободному работнику как самостоятельная сила, как сила, находящаяся в руках особого класса. Поэтому в физиократической трактовке земельный собственник выступает как настоящий капиталист, т. е. как присвоитель прибавочного труда. Таким образом, феодализм изображается и объясняется здесь *sub specie* * буржуазного производства, а земледелие трактуется как та отрасль производства, в которой только и имеет место капиталистическое производство, т. е. производство прибавочной стоимости. В то время как феодализм благодаря этому приобретает буржуазный характер, буржуазное общество принимает феодальную видимость.

Эта видимость ввела в заблуждение принадлежавших к дворянству сторонников доктора Кенэ, как, например, патриархального чудака *Мирабо* старшего. У тех представителей [227] физиократической системы, которые видели дальше, особенно у *Тюрго*, эта иллюзия полностью исчезает, и физиократическая система выступает как выражение нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодального общества. Она, следовательно, соответствует буржуазному обществу той эпохи, когда оно вылущивается из феодализма. Исходный пункт поэтому находится во Франции, в стране преимущественно земледельческой, а не в Англии, стране, где преобладает промышленность, торговля и мореплавание. В Англии взор естественно направлен на процесс обращения, на то, что продукт приобретает стоимость, становится товаром лишь как выражение всеобщего общественного труда, как деньги. Поэтому, пока дело идет не о форме стоимости, а о величине стоимости и об увеличении стоимости, здесь прежде всего бросается в глаза *«прибыль от отчуждения»*, т. е. описанная Стюартом относительная прибыль. Но когда речь заходит о том, чтобы показать, что прибавочная стоимость создается в сфере самого производства, то необходимо прежде всего обратиться к той отрасли труда, где она выступает наружу независимо от процесса обращения, т. е. к земледелию. Поэтому инициатива в этом отношении была проявлена в стране, где преобладало земледелие. Родственные физиократам идеи встречаются в фрагментарном виде у предшествовавших им старых писателей, как, например, отчасти в самой Франции

* — под углом зрения. *Ред.*

у Буагильбера. Но только у физиократов эти идеи становятся системой, означающей новый этап в науке.

Земледельческий работник, вынужденный довольствоваться минимумом заработной платы, «самым необходимым», воспроизводит больше этого «самого необходимого», и этот избыток есть земельная рента, *прибавочная стоимость*, которая присваивается собственниками основного условия труда — природы. Поэтому физиократы не говорят: работник работает сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства его рабочей силы, а потому стоимость, которую он создает, превышает стоимость его рабочей силы; или, другими словами, труд, который он отдает, больше того количества труда, которое он получает в форме заработной платы. Но они говорят: сумма потребительных стоимостей, потребляемых им во время производства, меньше той суммы потребительных стоимостей, которую он производит, и таким образом остается избыток потребительных стоимостей. — Если бы он работал только в течение того времени, которое необходимо для воспроизводства его собственной рабочей силы, то никакого избытка не получилось бы. Но физиократы отмечают и фиксируют только то обстоятельство, что производительная сила земли предоставляет работнику возможность в течение его рабочего дня, величина которого предполагается данной, производить больше того, что ему нужно потребить для поддержания своего существования. Таким образом, эта прибавочная стоимость выступает как *дар природы*, при содействии которой определенная масса органического вещества — семена растений, поголовье животных — придает труду способность превращать большее количество неорганического вещества в органическое.

С другой стороны, как нечто само собой разумеющееся предполагается, что земельный собственник противостоит работнику как капиталист. Земельный собственник оплачивает работнику его рабочую силу, которую тот предлагает ему в качестве товара, — а взамен этого не только получает эквивалент, но и присваивает себе весь прирост стоимости, созданный применением этой рабочей силы. При этом обмене предполагается, что вещественное условие труда и сама рабочая сила отчуждены друг от друга. Исходным пунктом берется феодальный земельный собственник, но он выступает как капиталист, выступает просто как товаровладелец, увеличивающий стоимость товаров, обмениваемых им на труд, и получающий обратно не только их эквивалент, но и избыток сверх этого эквивалента, так как он оплачивает рабочую силу лишь как товар. В качестве товаровладельца он противостоит свободному

рабочему. Другими словами, этот земельный собственник является по существу капиталистом. Физиократическая система и в этом отношении права постольку, поскольку отделение работника от земли и от земельной собственности представляет собой основное условие [228] для капиталистического производства и производства капитала.

Отсюда в той же системе следующие противоречия: для нее, впервые пытавшейся объяснить *прибавочную стоимость* присвоением чужого труда, притом присвоением на основе товарного обмена, стоимость вообще не есть форма общественного труда, а прибавочная стоимость не есть прибавочный труд; для нее стоимость — это только потребительная стоимость, только вещество, а прибавочная стоимость — только дар природы, которая возвращает труду вместо данного количества органического вещества большее его количество. С одной стороны, земельная рента, — т. е. действительная экономическая форма земельной собственности, — высвобождена из феодальной оболочки земельной собственности, сведена просто к прибавочной стоимости, к избытку над заработной платой. С другой стороны, эта прибавочная стоимость — снова в феодальном духе — выводится из природы, а не из общества, из отношения к земле, а не из общественных отношений. Сама стоимость сводится всего лишь к потребительной стоимости, следовательно к веществу. Но в то же время в этом веществе физиократов интересует только количественная сторона, избыток произведенных потребительных стоимостей над потребленными, следовательно только количественное отношение потребительных стоимостей друг к другу, только их меновая стоимость, которая в конечном счете сводится к рабочему времени.

Все это — противоречия капиталистического производства того периода, когда оно, высвобождаясь из недр феодального общества, пока еще только дает самому этому феодальному обществу буржуазное толкование, но еще не нашло своей собственной формы; подобно тому как философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере.

Поэтому и в тех выводах, которые делают сами физиократы, кажущееся превознесение земельной собственности переходит в ее экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства. С одной стороны, все налоги переносятся на земельную ренту, или, другими словами, земельная

собственность подвергается частичной конфискации — мера, которую пыталось осуществить законодательство французской революции и к которой, как к завершающему выводу, приходит рикардianская, достигшая вполне развитой формы современная политическая экономия¹⁷. Так как единственной прибавочной стоимостью считается земельная рента и все налоги взваливаются, исходя из этого, на земельную ренту, то всякое обложение других форм дохода представляет собой только косвенный, а потому экономически вредный, тормозящий производство, путь обложения земельной собственности. Вследствие этого бремя налогов и тем самым всякое государственное вмешательство отстраняется от промышленности, и промышленность таким образом освобождается от какого бы то ни было вмешательства со стороны государства. Совершается это якобы для блага земельной собственности, не в интересах промышленности, а в интересах земельной собственности.

С этим связано: *laissez faire, laissez aller* *, ничем не стесняемая свободная конкуренция, освобождение промышленности от всякого государственного вмешательства, устранение монополий и т. д. Так как промышленность, по мнению физиократов, ничего не создает, а только превращает в другую форму даваемые ей земледелием стоимости; так как она не присоединяет к этим стоимостям никакой новой стоимости, а только возвращает в другой форме, в виде эквивалента, доставленные ей стоимости, то, естественно, представляется желательным, чтобы этот процесс превращения совершался без помех и обходился как можно дешевле, а это достигается лишь свободной конкуренцией, — достигается тем, что капиталистическое производство предоставляется самому себе. Выходит, что освобождение буржуазного общества от абсолютной монархии, воздвигнутой на развалинах феодального общества, совершается лишь в интересах [229] феодального земельного собственника, превратившегося в капиталиста и стремящегося только к обогащению. Капиталисты являются капиталистами только в интересах земельного собственника, совершенно так же, как в своем дальнейшем развитии политическая экономия заставляет их быть капиталистами лишь в интересах рабочего класса.

Из всего этого видно, как мало понимают физиократов современные экономисты, вроде издателя физиократов господина Эжена Дэра с его удостоенным премии очерком о них, когда считают, что специфические положения физиократов об исклю-

* — требование полной свободы действий (буквально: «предоставьте действовать, предоставьте вещам идти своим ходом»). *Ред.*

чительной производительности земледельческого труда, о земельной ренте как единственной форме прибавочной стоимости, о выдающемся положении земельных собственников в системе производства — не стоят ни в какой связи и лишь случайно сочетаются у физиократов с провозглашением свободы конкуренции, с принципом крупной промышленности, капиталистического производства. Вместе с тем становится понятным, каким образом феодальная видимость этой системы — совершенно так же, как аристократический тон эпохи Просвещения — должна была сделать немалое количество феодальных господ восторженными приверженцами и распространителями такой системы, которая по существу провозглашала буржуазную систему производства на развалинах феодальной.

[3] КЕНЭ О ТРЕХ КЛАССАХ ОБЩЕСТВА. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ У ТЮРГО: ЭЛЕМЕНТЫ БОЛЕЕ ГЛУБОКОГО АНАЛИЗА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ]

Теперь мы просмотрим ряд мест частью для пояснения, частью для доказательства приведенных выше положений.

У самого Кенэ, в «Analyse du Tableau économique», нация состоит из трех классов граждан:

«производительный класс» (работники земледелия), «класс земельных собственников» и «бесплодный класс» («все граждане, занятые всякими другими услугами и всякими другими работами, кроме земледелия») («Physiocrates» etc., édition Eugène Daire, Paris, 1846, I partie, стр. 58) [Русский перевод: Кенэ, Франсуа. Избранные экономические произведения. М., 1960, стр. 360].

Производительным классом, классом, создающим прибавочную стоимость, являются только работники земледелия, а не земельные собственники. Значение этого класса, класса земельных собственников, который не «бесплоден», так как он является представителем «прибавочной стоимости», вытекает не из того, что он создает эту прибавочную стоимость, а исключительно из того, что он ее присваивает.

У Тюрго физиократическая система приняла наиболее развитый вид. Местами у него «чистый дар природы» представлен даже как *прибавочный труд*, а с другой стороны, существующая для рабочего необходимость отдавать то, что превышает потребную для жизни заработную плату, объясняется отделением работника от условий труда, которые противостоят ему как собственности класса, превратившего их в предмет купли-продажи.

Первый довод в пользу того, что производителен один лишь земледельческий труд, состоит в том, что он является естественной основой и предпосылкой для самостоятельного существования всех других видов труда.

«Его» (земледельца) «труд сохраняет среди других видов труда, распределенных между различными членами общества, такое же первенствующее значение, .. какое труд, необходимый для добывания себе пищи, занимал среди различных работ, которые человек до общественного разделения труда должен был выполнять для удовлетворения своих разнообразных потребностей. Это не первенство в смысле почета или достоинства; это первенство, обусловленное *физической необходимостью*... То, что труд земледельца извлекает из земли сверх необходимого для удовлетворения его личных потребностей, образует единственный фонд заработной платы, которую получают все другие члены общества в обмен на свой труд. Эти последние — тем, что они в свою очередь используют получаемую ими при этом обмене плату для покупки продуктов земледельца, — возвращают ему точь-в-точь» (в вещественном выражении) «только то, что они получили. Таково существенное [230] различие между этими двумя видами труда» («*Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses*» (1766). *Turgot. Oeuvres*, édition Daire, Tome I, Paris, 1844, стр. 9—10).

Каким же образом возникает прибавочная стоимость? Возникает она не из обращения, но реализуется она в обращении. Продукт продается по своей стоимости, а не *выше* своей стоимости. Нет избытка цены над стоимостью. Но так как продукт продается по своей стоимости, продавец реализует прибавочную стоимость. Это возможно только потому, что сам он не полностью оплатил продаваемую им стоимость, иначе говоря потому, что продукт содержит в себе такую составную часть стоимости, которая не оплачена продавцом, не возмещена эквивалентом. Именно так и обстоит дело с земледельческим трудом. Продавец продает то, чего он не купил. Это некупленное Тюрго сначала изображает как *«чистый дар природы»*. Но мы увидим, что этот «чистый дар природы» незаметным образом превращается у него в некупленный земельным собственником, но продаваемый им в земледельческих продуктах, прибавочный труд земледельцев.

«Как только земледелец своим трудом начинает *производить сверх того, что необходимо* для удовлетворения его потребностей, он получает возможность на этот избыток, *предоставляемый ему природой как чистый дар* сверх платы за его труд, покупать труд других членов общества. Эти последние, продавая ему свой труд, зарабатывают себе только на жизнь; земледелец же, кроме своих средств существования, пожинает еще такое богатство, которым он может самостоятельно и свободно распоряжаться, богатство, *которого он не купил, но которое он продает*. Он является, таким образом, единственным источником богатств, оживляющих своим обращением все виды труда в обществе, *так как его труд является единственным трудом, производящим больше того, что составляет оплату труда*» (цит. соч., стр. 11).

В этой первой трактовке схвачена, во-первых, сущность прибавочной стоимости, схвачено именно то, что она есть такая стоимость, которая реализуется при продаже, но за которую продавец не дал никакого эквивалента, т. е. которую он не купил. *Неоплаченная стоимость*. Но, во-вторых, этот избыток над «платой за труд» рассматривается как «чистый дар природы», так как вообще даром природы, чем-то таким, что зависит от ее производительности, является то обстоятельство, что работник способен произвести в течение своего рабочего дня больше, чем необходимо для воспроизводства его рабочей силы, больше, чем составляет его заработная плата. Согласно этой первой трактовке, весь продукт присваивается еще самим работником. И весь этот продукт распадается на две части. Первая часть образует заработную плату работника, — он изображается по отношению к самому себе как наемный работник, выплачивающий себе ту часть продукта, которая необходима для воспроизводства его рабочей силы, для поддержания его жизни. Вторая часть, остающаяся сверх этого, есть *дар природы* и образует прибавочную стоимость. Но природа этой прибавочной стоимости, этого «чистого дара природы» обрисовывается более ясно, как только отбрасывается предпосылка о «земледельце-собственнике земли» и две части продукта, заработная плата и прибавочная стоимость, достаются различным классам, одна — наемному работнику, другая — земельному собственнику.

Для того чтобы образовался класс наемных работников, будь то в промышленности, будь то в самом земледелии (первоначально все занятые в промышленности выступают лишь как *stipendiés*, как наемные работники у «земледельца-собственника»), — условия труда должны отделиться от рабочей силы, а основой этого отделения служит то, что сама земля выступает как частная собственность одной части общества, так что другая его часть оказывается отстраненной от этого вещественного условия применения своего труда.

«Первоначально земельный собственник не отличался от земледельца... В то далекое время, когда каждый трудолюбивый человек находил столько земли, сколько [231] хотел, ни у кого не могло быть поощрения *работать на другого*... Но в конце концов каждый участок земли нашел себе хозяина, и те, которые не смогли добыть себе земельную собственность, не имели вначале другого выхода, как *обменивать труд своих рук*, осуществляемый в виде занятий *наемного класса*» (т. е. класса ремесленников, короче говоря — всех неземледельческих работников), «на излишек продуктов земледельца-собственника» (стр. 12). «Земледелец-собственник», имея в своем распоряжении тот «значительный избыток», который земля давала в награду за его труд, мог «оплачивать людей этим избытком, чтобы они обрабатывали его землю; ведь для тех, кто живет на заработную плату,

безразлично, за какой род труда получать ее. *Собственность на землю должна была поэтому отделяться от земледельческого труда, и это вскоре произошло...* Земельные собственники начинают... избавлять себя от труда по обработке земли, вваливая его на наемных земледельцев» (цит. соч., стр. 13).

Тем самым отношение капитала и наемного труда появляется в самом земледелии. Оно появляется лишь с того момента, когда известная масса людей оказывается лишенной собственности на условия труда — и прежде всего на землю — и когда им нечего продавать кроме своего собственного труда.

Теперь для наемного рабочего, который не может уже производить никакого товара, а вынужден продавать самый труд свой, *минимум* заработной платы, эквивалент необходимых жизненных средств, неизбежно становится законом при его обмене с собственником условий труда.

«Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и умения работать, имеет лишь столько, сколько ему удастся получить от продажи своего труда другим... Во всех отраслях труда должен иметь место и действительно имеет место тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни» (цит. соч., стр. 10).

И вот, как только появился наемный труд,

«продукт земли делится на две части: одна из них включает в себя средства существования и прибыль земледельца, вознаграждающие его труд и составляющие то условие, при котором он берет на себя обработку полей собственника; остаток представляет собой ту самостоятельную и свободную часть, которую земля дает тому, кто ее обрабатывает, в качестве чистого дара, сверх затраченных им средств и оплаты его труда, и это составляет долю собственника, или доход, на который собственник может жить, не работая, и с которым он может делать, что захочет» (цит. соч., стр. 14).

Однако этот «чистый дар земли» выступает теперь уже определенно как такой подарок, который земля делает «тому, кто ее обрабатывает», т. е. как ее подарок труду, как производительная сила приложенного к земле труда, как такая производительная сила, которой труд обладает вследствие использования производительной силы природы и которую он черпает, таким образом, из земли, но черпает из нее только как труд. В руках собственника земли избыток выступает поэтому уже не как «дар природы», а как присвоение — без эквивалента — чужого труда, который благодаря производительности природы оказывается в состоянии производить средства существования сверх своих собственных потребностей, но который — в силу того, что он есть наемный труд, — вынужден ограничиваться присвоением себе из всего продукта труда только «того, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни».

«Земледелец производит свою собственную заработную плату и, кроме того, доход, служащий для оплаты всего класса ремесленников и других наемных лиц. Собственник получает все то, что он имеет, только благодаря труду земледельца» (следовательно, не благодаря «чистому дару природы»); «он получает от земледельца [232] средства существования для себя и то, чем он оплачивает работы других наемных лиц... Земледелец нуждается в собственнике только в силу существующих соглашений и законов» (цит. соч., стр. 15).

Здесь, стало быть, прибавочная стоимость прямо изображается как та часть труда земледельца, которую собственник земли присваивает себе без эквивалента и продукт которой он поэтому продает, не купив его. Однако Тюрго имеет в виду не меновую стоимость как таковую, не само рабочее время, а избыток продуктов, который труд земледельца сверх его собственной заработной платы доставляет земельному собственнику; но этот избыток продуктов является лишь овеществлением того количества времени, в течение которого земледелец работает на собственника бесплатно, сверх того времени, в течение которого он работает для воспроизводства своей заработной платы.

Мы видим, таким образом, что *в пределах земледельческого труда* физиократы правильно понимают прибавочную стоимость, что они рассматривают ее как продукт труда наемного работника, хотя самый труд этот они опять-таки рассматривают в той конкретной форме, в которой он представлен в потребительных стоимостях.

Заметим мимоходом, что капиталистический способ эксплуатации земледелия — «сдачу земель в аренду» — Тюрго считает

«самым выгодным из всех способов, но этот способ применим только в такой стране, которая уже достаточно богата» (цит. соч., стр. 21).

{При рассмотрении прибавочной стоимости необходимо из сферы обращения перейти в сферу производства, т. е. выводить прибавочную стоимость не просто из обмена товара на товар, а из того обмена, который в пределах самого производства происходит между собственниками условий труда и рабочими. Также и они, собственники условий труда и рабочие, противостоят друг другу как товаровладельцы, и поэтому здесь отнюдь не предполагается производство, независимое от обмена.}

{В физиократической системе земельные собственники являются «нанимателями», а рабочие и предприниматели во всех других отраслях производства представляют собой «получателей заработной платы», или «наемных лиц». Отсюда также «управляющие» и «управляемые».)}

Тюрго следующим образом анализирует условия труда:

«В любой отрасли труда работник должен заранее иметь орудия труда и достаточное количество материалов, являющихся предметом его труда; затем он должен иметь возможность содержать себя до продажи своих изделий» (цит. соч., стр. 34).

Земля первоначально доставляет даром все эти «авансы», эти условия, при которых только и возможен труд, которые, следовательно, являются *предпосылками* процесса труда:

«Она доставила первый фонд авансов еще до всякой обработки земли в виде плодов, рыбы, животных и т. п., в виде орудий, — например, сучьев, камней, домашних животных, число которых возрастает благодаря процессу размножения и которые, кроме того, дают ежегодно такие продукты, как «молоко, шерсть, кожа и другие материалы, составившие, вместе с добытыми в лесу деревьями, первоначальный фонд для промышленного производства» (цит. соч., стр. 34).

И вот эти условия труда, эти «авансы» становятся *капиталом*, как только они должны авансироваться рабочему третьим лицом, а это наступает с того момента, когда у рабочего нет ничего кроме самой его рабочей силы.

«С тех пор как для значительной части членов общества их *собственные руки* стали *единственным источником существования*, те, которые таким образом жили на свою заработную плату, должны были получать кое-что *вперед* как для того, чтобы иметь сырье для переработки, так и для того, чтобы прожить до выплаты им заработной платы» (цит. соч., стр. 37—38).

[233] Тюрго определяет «*капиталы*» как

«накопленные движимые ценности» (цит. соч., стр. 38). Первоначально земельный собственник или земледелец каждый день прямо выдает, например прядильнице льна, заработную плату и материал. С развитием промышленности становится необходимым применять более значительные «авансы» и обеспечивать постоянство этого процесса производства. Это и берут на себя «владельцы капиталов». В цене своих продуктов такой «владелец капитала» должен возместить себе все сделанные им «авансы», а также прибыль, равную той, «какую приесли бы ему его деньги, если бы он употребил их на покупку участка» (земли), и свою «заработную плату», «ибо несомненно, что при одинаковой прибыли он предпочел бы жить, совершенно не трудясь, на доходы с земли, которую мог бы приобрести на тот же капитал» (стр. 38—39).

«Промышленный наемный класс», в свою очередь, подразделяется

«на предпринимателей-капиталистов и простых рабочих» и т. д. (стр. 39).

С «предпринимателями-фермерами» дело обстоит так же, как с этими предпринимателями-капиталистами. Они тоже должны получить обратно все «авансы» и, вместе с тем, прибыль, как в вышеуказанном случае.

«Все это должно быть предварительно вычтено из цены продуктов земли; *избыток* служит земледельцу для уплаты собственнику за разрешение пользоваться его землей, на которой земледелец основывает свое предприятие. Это — арендная плата, доход собственника, *чистый продукт*, ибо все то, что земля производит для возмещения авансов всякого рода и прибылей того, кто делает эти авансы, не может рассматриваться как доход, а должно рассматриваться лишь как *возмещение издержек по возделыванию земли*, ведь если бы земледелец не выручал этих издержек, он не стал бы затрачивать свои средства и свой труд на обработку чужих полей» (шт. соч., стр. 40).

Наконец:

«Хотя капиталы образуются отчасти из тех сбережений, которые делаются из прибылей работающих классов, но так как эти прибыли получаютс^я всегда из земли, ибо все они оплачиваются или из дохода или из издержек производства этого дохода, то очевидно, что и капиталы, совершенно так же, как и доход, проистекают из земли; или, точнее, они являются не чем иным, как накоплением той части производимых земель ценностей, которую владельцы дохода или же гз, с кем они делят свой доход, могут ежегодно откладывать, не затрачивая ее на удовлетворение своих потребностей» (стр. 66).

Вполне естественно, что раз земельная рента образует единственную форму прибавочной стоимости, то накопление капитала имеет своим источником одну только земельную ренту. То, что капиталисты накаплиют помимо нее, урезывается ими от их «заработной платы» (от их дохода, предназначенного для их потребления, ибо прибыль рассматривается именно как такого рода доход).

Так как прибыль, подобно заработной плате, причисляется к издержкам по обработке земли и только избыток образует доход земельного собственника, то на деле этот последний, несмотря на отводимое ему почетное место, отстраняется от всякого участия в издержках на обработку земли и тем самым перестает быть агентом производства, — совсем как у рикардянцев.

Возникновение физиократии было связано как с оппозицией против кольбертизма, так и, в особенности, со скандальным крахом системы Ло.

14) СМЕШЕНИЕ СТОИМОСТИ С ВЕЩЕСТВОМ ПРИРОДЫ (ПАОЛЕТТИ)

[234] Смешение, или, вернее, отождествление стоимости с веществом природы, а также связь этого взгляда со всей системой воззрений физиократов ясно выступают в следующих выдержках из сочинения *Фердинандо Паолетти* «*I veri mezzi di render felici le società*» (отчасти направлено против Верри,

который в своих «Meditazioni sulla Economia politica» (1771) выступил против физиократов). (Паолетти из Тосканы, указанное сочинение — в XX томе издания Кустоди, Parte Moderna.)

«Такое увеличение количества материи», каким являются «произведения земли», «несомненно не имеет и никогда не сможет иметь места в промышленности, которая дает материи только форму, только видоизменяет ее; поэтому промышленность ничего не создает. Но промышленность, возмражают мне, придает материи форму, следовательно она производительна; ибо она представляет собой производство если не материи, то формы. Хорошо, я этого не отрицаю; но это не создание богатства, а наоборот, не что иное, как расход... Политическая экономия предполагает и делает предметом своих изысканий физическое и реальное производство, каковое имеет место только в земледелии, потому что одно только земледелие увеличивает количество материальных предметов и продуктов, составляющих богатство... Промышленность покупает у земледелия сырье для того, чтобы его обработать. Промышленный труд, как уже было сказано, дает только форму этому сырью, но ничего к нему не прибавляет и не умножает его» (стр. 196—197). «Дайте повару некоторое количество гороха для приготовления обеда; он сварит его, как следует, и в готовом виде подаст вам на стол, но подаст он то же самое количество, которое получил; напротив, дайте такое же количество гороха огороднику, чтобы он вверил его земле, и он в свое время возвратит вам по меньшей мере вчетверо больше полученного. Это и есть настоящее и единственное производство» (стр. 197). «Вещи приобретают стоимость благодаря потребностям людей. Поэтому стоимость товаров — или увеличение этой стоимости — является следствием не промышленного труда, а расходов работающих» (стр. 198). «Лишь только появится какой-нибудь модный промышленный товар, он быстро распространяется как внутри страны, так и вне ее; и вот весьма скоро конкуренция других промышленников и купцов понижает его цену до надлежащего уровня, который... определяется стоимостью сырья и средств существования рабочих» (стр. 204—205).

[5) ЭЛЕМЕНТЫ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ У АДАМА СМИТА]

В земледелии раньше, чем во всех других отраслях производства, в крупных размерах применяются для процесса производства силы природы. Применение сил природы в промышленности бросается в глаза только на более высокой ступени развития промышленности. Из нижеследующей цитаты можно видеть, как А. Смит здесь еще отражает предысторию крупной промышленности и поэтому высказывает физиократические взгляды, между тем как Рикардо отвечает ему с точки зрения современной промышленности.

[235] А. Смит в пятой главе второй книги своего труда [Русский перевод: А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.—Л., 1935, том I, стр. 307—308] говорит относительно земельной ренты:

«Она есть произведение природы, которое остается за вычетом или возмещением всего того, что можно считать произведением человека. Она редко составляет меньше четверти всего продукта и часто превышает треть его. Равновеликое количество производительного труда, затраченного в мануфактурах, никогда не может дать столь большой массы вновь созданного продукта. *В мануфактурах природа не делает ничего, все делается человеком*; а полученный продукт всегда должен быть пропорционален силе агентов производства, создающих его».

В ответ на это Рикардо замечает в своих «Началах» (второе издание, 1819 год, примечание на стр. 61—62) [Русский перевод: *Рикардо, Давид*. Сочинения, том I. М., 1955, стр. 72, примечание]:

«Разве природа не делает ничего для человека в промышленности? Разве силы ветра и воды, которые приводят в движение наши машины и корабли, равняются нулю? Разве давление атмосферы и упругость пара, которые делают нас способными заставлять работать самые изумительные машины, не дары природы? Я уже не говорю о действии тепла при размягчении и расплавлении металлов, о действии атмосферы в процессах окрашивания и брожения. Нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, в которой природа не оказывала бы помощи человеку, притом помощи щедрой и даровой».

О том, что физиократы рассматривают прибыль лишь как вычет из ренты:

«Физиократы говорят, например, о цене куска кружева, что одна часть ее просто возмещает то, что потребил рабочий, а другая часть только переходит из кармана одного человека» {а именно, земельного собственника} «в карман другого» (*An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus*) etc. London, 1821, стр. 96).

Из воззрения физиократов, рассматривающих прибыль (включая процент) лишь как доход, идущий на потребление капиталиста, вытекает также тот взгляд А. Смита и последующих экономистов, что накопление капитала обязано своим происхождением личным лишениям капиталиста, его бережливости и воздержанию. Физиократы могли утверждать это потому, что одна только земельная рента рассматривалась ими как настоящий, экономический, так сказать законный источник накопления.

«Он», т. е. труд земледельца,— говорит Тюрго,— «является единственным трудом, производящим больше того, что составляет оплату труда» (Тюрго, цит. соч., стр. 11).

Таким образом, прибыль здесь полностью включена в «оплату труда».

[236] «Земледелец создает сверх этого возмещения» (своей собственной заработной платы) «доход земельного собственника, а ремесленник не создает никакого дохода ни для себя самого, ни для других» (цит. соч., стр. 16).

«Все то, что земля производит для возмещения авансов всякого рода и прибылей того, кто делает эти авансы, *не может рассматриваться как доход*, а должно рассматриваться лишь как *возмещение издержек по возделыванию земли*» (цит. соч., стр. 40).

А. Бланки в «*Histoire de l'économie politique*», Bruxelles, 1839, стр. 139, говорит о физиократах:

«Они считали, что труд, прилагаемый к обработке земли, производит не только то, что необходимо работнику для его собственного пропитания в течение всего времени работы, но еще и некоторый *избыток стоимости*» (прибавочную стоимость), «который может быть присоединен к массе уже существующего богатства. Они называли этот избыток *чистым продуктом*».

(Они рассматривают, следовательно, прибавочную стоимость в виде тех потребительных стоимостей, в которых она представлена.)

«Чистый продукт, с их точки зрения, должен был по необходимости принадлежать собственнику земли и составлял в его руках доход, которым он мог полностью располагать. А что было чистым продуктом других отраслей труда?.. Промышленники, торговцы, рабочие — все они рассматривались как служащие, *наемные работники* земледелия, этого верховного созидателя и распределителя всех благ. Согласно системе *экономистов*¹⁸, продукты труда всех этих людей представляли только эквивалент того, что потребовали эти люди за время своей работы, так что по окончании последней общая сумма богатств оставалась совершенно такою же, какой была до того, *если только рабочие или хозяева не откладывали, т. е. не сберегали чего-нибудь из того, что они имели право потребить*. Таким образом, только труд, приложенный к земле, признавался производящим богатство, а труд в других отраслях производства рассматривался как *бесплодный*, ибо он не приводит-де ни к какому увеличению *общественного капитала*».

{Итак, сущность капиталистического производства физиократы усматривали в производстве прибавочной стоимости. Именно это явление им надлежало объяснить. В этом и состояла проблема, после того как они отвергли «прибыль от отчуждения» меркантилистской системы.

«Чтобы иметь деньги», — говорит *Мерсье де ля Ривьер*, — «их надо купить, и после этой покупки человек не становится богаче, чем был раньше; он только получил деньгами ту же самую стоимость, какую отдал товарами» (*Mercier de la Rivière. Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*, том II, стр. 338).

Это относится как к [237] купле, так и к продаже, а равно и к результату всего метаморфоза товара, т. е. к результату продажи и купли, к обмену различных товаров по их стоимости, т. е. к обмену эквивалентов. Но откуда в таком случае берется прибавочная стоимость, т. е. откуда берется капитал? Такова была проблема, стоявшая перед физиократами. Их ошибка заключалась в том, что *прирост вещества*, который вследствие

естественного произрастания растений и естественного размножения животных отличает земледелие и скотоводство от промышленности, они смешивали с *приростом меновой стоимости*. Для них основой была потребительная стоимость. А потребительной стоимостью всех товаров, сведенной, если воспользоваться термином схоластиков, к универсальной сущности, было для них вещество природы как таковое, увеличение которого в данной его форме имеет место только в сельском хозяйстве.}

Переводчик А. Смита Ж. Гарнье, который сам был физиократом, правильно излагает физиократическую *теорию сбережения* и пр. Прежде всего он говорит нам, что промышленность, — как это меркантилисты утверждали о всяком производстве, — может создавать прибавочную стоимость *только* посредством «прибыли от отчуждения», продавая товары выше их стоимости, так что происходит только новое распределение уже созданных стоимостей, но не присоединение новой стоимости к созданным раньше.

«Труд ремесленников и промышленников, не открывающий никакого нового источника богатства, может быть *прибыльным только при выгодном обмене* и имеет лишь чисто относительную стоимость, — стоимость, которая больше не будет иметь места, если снова не представится случай *выиграть от обмена*» (том V, стр. 266 его перевода А. Смита «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations», Paris, 1802) ¹⁹.

Или же те сбережения, которые они делают, — та стоимость, которую они сохраняют у себя за вычетом расходуемой ими, — должны делаться за счет сокращения их собственного потребления.

«Хотя труд ремесленников и промышленников не может добавить к совокупной массе богатств общества ничего другого кроме сбережений, делаемых наемными рабочими и капиталистами, но путем такого рода сбережений он может способствовать обогащению общества» (там же, стр. 266).

И подробнее:

«Работники земледелия обогащают государство самим продуктом своего труда; напротив, работники промышленности и торговли могут обогащать его *только сбережениями за счет своего собственного потребления*. Это утверждение экономистов является следствием проводимого ими различия между земледельческим трудом и трудом промышленным и представляется столь же бесспорным, как и само это различие. В самом деле, труд ремесленников и промышленников может добавить к стоимости материи *только стоимость* их собственного труда, т. е. стоимость заработной платы и прибылей, которую должен был принести этот труд в соответствии с обычной в данной стране и в данное время нормой заработной платы [238] и прибыли. Эти заработные платы, каковы бы они ни были, малы ли они или велики, составляют вознаграждение за труд; это есть то,

что рабочий по праву может потребить и что он по предположению потребляет; ибо только путем потребления он в состоянии воспользоваться плодами своего труда, а в этом и состоит в действительности все его вознаграждение. Точно так же и прибыли, каковы бы они ни были, малы ли они или велики, рассматриваются как то, что изо дня в день потребляется капиталистом, причем естественно предполагается, что свои наслаждения он соразмеряет с величиной дохода, приносимого ему его капиталом. Итак, если бы рабочий не отказался от некоторой части удобств, на которые он имеет право соответственно обычной норме заработной платы, причитающейся за его труд; если бы капиталист не откладывал часть дохода, приносимого ему его капиталом, — то и тот и другой потребили бы к моменту завершения работы всю стоимость, получающуюся от этой работы. Таким образом, по окончании их труда вся масса богатств общества останется такой же, какой была до этого, *если только они не сберегут часть того, что они имели право потребить и что они могли бы потребить*, не рискуя быть обвиненными в расточительстве; в этом случае вся масса богатств общества увеличится на всю стоимость этих сбережений. Следовательно, можно с полным правом сказать, что лица, занятые в промышленности и торговле, могут *увеличивать совокупную массу имеющегося в данном обществе богатства только путем личных лишений* (там же, стр. 263—264).

Гарнье также совершенно правильно нащупывает, что теория А. Смита о накоплении посредством сбережения покоится на этой физиократической основе (А. Смит был сильно заражен физиократией, и нигде он не обнаруживает этого более разительно, чем в своей критике физиократии). Гарнье говорит:

«Наконец, если экономисты утверждали, что промышленность и торговля могут увеличивать национальное богатство только путем лишений, то Смит точно так же говорит, что промышленность работала бы впустую и капитал страны никогда не стал бы больше, если бы экономия не увеличивала его своими сбережениями (книга II, глава 3). Таким образом, Смит полностью согласен с экономистами» и т. д. (там же, стр. 270).

[6) ФИЗИОКРАТЫ КАК СТОРОННИКИ КРУПНОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ]

[239] Как одно из непосредственных исторических обстоятельств, содействовавших распространению физиократии и даже самому возникновению ее, А. Бланки в вышецитированном сочинении приводит следующее:

«От всех ценностей, распустившихся пышным цветом в лихорадочной атмосфере системы» (Ло), «не осталось ничего кроме разорения, опустошения и банкротства. *Одна лишь земельная собственность* уцелела в этой буре».

{Потому-то, очевидно, у господина Прудона в «Philosophie de la Misère» земельная собственность и появляется только вслед за кредитом.}

«Ее положение даже улучшилось, так как она, быть может впервые со времен феодализма, стала переходить из рук в руки и *дробиться в широком масштабе*» (цит. соч., стр. 138).

А именно:

«Бесчисленные переходы из рук в руки, происходившие под влиянием системы, положили начало дроблению земельной собственности... Земельная собственность впервые вышла из того состояния неподвижности, в котором так долго держала ее феодальная система. Это было поистине пробуждение земельной собственности для земледелия... Она» (земля) «из режима мертвой руки перешла в режим обращения» (стр. 137—138).

Тюрго и выступает — совершенно так же, как Кенэ и другие приверженцы этого последнего — за *капиталистическое* производство в земледелии. Так, Тюрго говорит:

«Сдача земель в аренду... Этот последний способ» (земледелие в крупном масштабе, основанное на современной системе аренды) «является самым выгодным из всех способов, но этот способ применим только в такой стране, которая уже достаточно богата» (см. *Тюрго*, цит. соч., стр. 24).

А Кенэ в своих «*Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole*» говорит:

«Земли, предназначенные для выращивания зерновых хлебов, следует, насколько это только возможно, соединять в крупные фермы, эксплуатируемые богатыми земледельцами» (т. е. капиталистами), «потому что в крупных земледельческих предприятиях — по сравнению с мелкими — расходы на содержание и ремонт построек уменьшаются, издержки производства здесь пропорционально гораздо меньше, а чистый продукт гораздо больше» [«*Physiocrates*», издание Дэра, часть I, стр. 96—97] [Русский перевод, стр. 436].

Вместе с тем Кенэ в указанном месте признаёт, что результаты роста производительности земледельческого труда приходятся на долю «чистого дохода» и, следовательно, в первую очередь достаются земельному собственнику, т. е. владельцу прибавочной стоимости, и что относительное возрастание этой последней происходит не из земли, а из общественных и тому подобных мероприятий по повышению производительности труда. [240] Ибо он говорит в указанном месте:

«Всякое выгодное» {т. е. выгодное для «чистого продукта»} «сбережение того труда, который может быть выполнен с помощью животных, машин, силы воды и т. п., идет на пользу населению [и государству, потому что более значительный чистый продукт обеспечивает больший заработок для людей, занятых в других профессиях и работах].»

В то же время Мерсье де ля Ривьер (цит. соч., том II, стр. 407) смутно догадывается, что прибавочная стоимость, по крайней мере в промышленности (Тюрго, как упомянуто выше, распространяет это на все отрасли производства), имеет какое-то

отношение к самим промышленным рабочим. В указанном месте он восклицает:

«Умерьте свой восторг, вы слепые поклонники обманчивых продуктов промышленности! Прежде чем восхвалять ее чудеса, откройте глаза и посмотрите, до какой степени бедны или, по крайней мере, стеснены в средствах те самые рабочие, которые владеют искусством превращать двадцать су в стоимость, равную тысяче экю! Кому же достается это громадное увеличение стоимости? Посмотрите: те, руками которых оно создается, не знают недостатка! Относитесь же с опаской к этому контрасту!»

7) ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ФИЗИОКРАТОВ. ФИЗИОКРАТЫ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Противоречия системы экономистов, взятой в целом. В числе сторонников абсолютной монархии был Кенэ.

«Власть должна быть единой... В деле правления система противодействующих друг другу сил губительна, она лишь свидетельствует о раздоре среди высших и об угнетении низших» (в цитированных выше «*Maximes générales*» etc. [*«Physiocrates»*, издание Дэра, часть I, стр. 81] [Русский перевод, стр. 432]).

Мерсье де ля Ривьер пишет:

«Уже тем самым, что человеку предназначено жить в обществе, ему предназначено жить под властью деспотизма» («*Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*», том I, стр. 281).

А тут еще и «друг народа»²⁰, маркиз де Мирабо, Миработец! И как раз эта школа своим *laissez faire, laissez aller* отвергает кольбертизм и вообще всякое вмешательство правительства в деятельность гражданского общества. Она позволяет государству жить только в порах этого общества, подобно тому как по учению Эпикура боги обитают в порах вселенной! Прославление земельной собственности превращается на практике в требование перенесения налогов исключительно на земельную ренту, а это таит в себе возможность конфискации земельной собственности государством, — совсем как у радикальной части рикардianцев²¹. Французская революция, вопреки возражениям Редерера и других, приняла эту налоговую теорию.

Сам Тюрго — радикальный буржуазный министр, деятельность которого была введением к французской революции. При всем своем мнимофеодалном облике физиократы работают рука об руку с энциклопедистами. [240]

[241] Тюрго пытался предвосхитить мероприятия французской революции. *Февральским* эдиктом 1776 года он упразднил цехи. (Этот эдикт был отменен через три месяца после его опубликования.) Точно так же Тюрго освободил крестьян от

дорожной повинности и пытался ввести единый налог на земельную ренту ²².

[241] Позже мы еще раз вернемся к крупной заслуге физиократов в деле анализа капитала ²³.

Здесь, стало быть, мы имеем пока что следующее. По мнению физиократов, прибавочная стоимость обязана своим происхождением производительности особого вида труда, земледелия. А эта особая производительность обязана своим существованием в общем и целом самой природе.

Согласно меркантилистской системе, прибавочная стоимость только относительна: что выигрывает один, то теряет другой. «Прибыль от отчуждения», или «колебание весов богатства между участвующими сторонами» *. Поэтому, если рассматривать совокупный капитал какой-нибудь страны, то внутри страны не происходит в действительности никакого образования прибавочной стоимости. Оно может иметь место только в сношениях одной нации с другими нациями. И тот излишек, который одна нация реализует по отношению к другой, выражается в деньгах (торговый баланс), так как именно деньги представляют собой непосредственную и самостоятельную форму меновой стоимости. В противоположность этому, — ибо меркантилистская система на деле отрицает образование абсолютной прибавочной стоимости, — физиократия желает объяснить последнюю: «чистый продукт». А так как внимание физиократов приковано к потребительной стоимости, то земледелие представляется им как *единственный создатель этого «чистого продукта»*.

[8] ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ У ПРУССКОГО РЕАКЦИОНЕРА ШМАЛЬЦА]

Одного из самых наивных представителей физиократии — как далеко ему до Тюрго! — мы встречаем в лице старого специалиста по выслеживанию демагогов ²⁴, прусского королевского тайного советника Шмальца. Шмальц говорит, например, следующее:

«Если природа платит ему» (земельному собственнику) «процент вдвое более высокий, чем установленный законом денежный процент, то на каком разумном основании можно было бы лишить его этого дохода?» («Economie politique», traduit par Henri Jouffroy etc., tome I, Paris, 1826, стр. 90) ²⁵.

Минимум заработной платы формулируется физиократами так, что потребление (или издержки) рабочих равно *получаемой*

* См. настоящее издание, часть I, стр. 9—11. Ред.

ими заработной плате. Или, как господин Шмальц выражает это в общей форме:

«Средняя заработная плата в той или иной профессии равна тому, что в среднем человек данной профессии потребляет за время своей работы» (цит. соч., стр. 120).

[Далее мы читаем у Шмальца:]

«Земельная рента является единственным элементом национального дохода; [242] как проценты на вложенный капитал, так и заработная плата за все виды труда лишь переносят из рук в руки продукт этой земельной ренты» (цит. соч., стр. 309—310).

«Богатство нации заключается только в способности почвы ежегодно производить земельную ренту» (цит. соч., стр. 310).

«Если обратиться к самым основам, к первичным элементам *стоимости* всех предметов, каковы бы ни были эти предметы, то придется признать, что эта стоимость есть не что иное, как стоимость простых продуктов природы. Это значит, что хотя труд и придает предметам новую стоимость и таким образом увеличивает их цену, но все-таки эта новая стоимость, или эта увеличенная цена, состоит только из суммы стоимостей всех тех продуктов природы, которые были потреблены рабочим или употреблены им так или иначе для того, чтобы придать данным предметам новую форму» (цит. соч., стр. 313).

«Этот вид труда» (земледелие в собственном смысле слова) «есть единственный, который до известной степени можно назвать производительным, так как только он содействует производству *новых т е л*... Труд в обрабатывающей промышленности только придает новую форму телам, произведенным природой» (цит. соч., стр. 15—16).

[9) РАННЯЯ КРИТИКА ФИЗИОКРАТИЧЕСКОГО ПРЕДРАССУДКА В ВОПРОСЕ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ (ВЕРРИ)]

Против предрассудка физиократов.

Верри (Пьетро), «*Meditazioni sull' Economia politica*» (впервые напечатано в 1771 году), XV том издания Кустоди, Parte Moderna.

«Все явления вселенной, созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном *сотворении* материи, а дают лишь идею о ее *видоизменении*. *Соединение и разделение* — вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею *производства*. *Производство стоимости и богатства* в одинаковой степени имеет место как в том случае, когда земля, воздух и вода превращаются на поле в пшеницу, так и в том случае, когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелковую ткань или когда отдельные кусочки металла соединяются вместе и образуют часовой механизм» (стр. 21—22).

Далее:

Физиократы называют «класс работников промышленности *бесплодным* потому, что, по их мнению, *стоимость промышленных изделий равна сырью плюс средства питания, потребляемые работниками промышленности во время обработки этого сырья*» (стр. 25).

[243] Верри, напротив, обращает внимание на постоянную бедность земледельцев в противоположность прогрессирующему обогащению работников промышленности и затем продолжает:

«Это показывает, что промышленник получает в выручаемой им цене не только возмещение того, что потреблено, но и некоторую сумму сверх этого, и эта сумма представляет собой новое количество стоимости, созданное в производстве в течение года» (стр. 26). «Произведенная стоимость есть та часть цены земледельческого или промышленного продукта, которая составляет избыток над первоначальной стоимостью материалов и необходимых при их обработке издержек потребления. В земледелии подлежат вычету семена и потребление земледельца; в промышленности равным образом вычитаются сырье и потребление работника, и новой стоимости создается ежегодно ровно столько, сколько остается после такого вычета» (стр. 26—27),

[ГЛАВА ТРЕТЬЯ]

АДАМ СМИТ

**[1) ДВА РАЗЛИЧНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ У СМИТА:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ КОЛИЧЕСТВОМ ЗАТРАЧЕННОГО
ТРУДА, СОДЕРЖАЩИМСЯ В ТОВАРЕ, И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕЕ
КОЛИЧЕСТВОМ ЖИВОГО ТРУДА, ПОКУПАЕМОМ В ОБМЕН
НА ЭТОТ ТОВАР]**

А. Смит, как и все заслуживающие внимания экономисты, воспринял от физиократов понятие средней заработной платы, получившей у него название «естественной цены заработной платы»:

«Человек всегда должен иметь возможность существовать своим трудом, и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она в большинстве случаев должна даже несколько превышать этот уровень, так как иначе рабочему было бы невозможно содержать семью, и раса этих рабочих вымерла бы в первом же поколении» ([перевод Гарнье] том I, книга I, глава 8, стр. 136) [Русский перевод, том I, стр. 63].

А. Смит констатирует с полной определенностью, что развитие производительных сил труда не идет на пользу самому рабочему. Так, мы у него читаем (книга I, глава 8, издание Мак-Куллоха, Лондон, 1828):

«Продукт труда составляет естественное вознаграждение за труд, или его заработную плату. В том первобытном состоянии общества, которое предшествует возникновению частной собственности на землю и накоплению капитала, весь продукт труда принадлежит работнику. Ему не приходится делиться ни с земельным собственником, ни с хозяином. Если бы такое состояние общества продолжало существовать, то плата за труд возрастала бы вместе с увеличением производительных сил труда, порождаемым разделением труда. Все предметы должны были бы постепенно становиться более дешевыми».

{Во всяком случае все те предметы, которые для своего воспроизводства требуют меньшего количества труда. Но они не только «должны были бы становиться более дешевыми», а и на самом деле стали дешевле.}

«На производство их требовалось бы все меньшее количество труда; а так как товары, на производство которых затрачено одинаковое количество труда, при таком положении вещей естественно обменивались бы один на другой, то их соответственно можно было бы покупать [244] на продукт меньшего количества труда... Однако такое первобытное состояние общества, при котором работник получает весь продукт своего труда, не могло сохраниться после возникновения частной собственности на землю и накопления капитала. Это положение вещей отошло, следовательно, в прошлое задолго до того, как были достигнуты наиболее значительные успехи в увеличении производительных сил труда, и поэтому было бы бесполезно исследовать дальше, какое влияние это положение вещей могло бы оказать на вознаграждение за труд, или на заработную плату» (том I, стр. 107—109) [Русский перевод, том I, стр. 60—61].

Здесь А. Смит очень тонко замечает, что развитие производительной силы труда начинается в действительно крупных размерах только с того момента, когда труд превращен в наемный труд и когда условия труда уже противостоят ему, с одной стороны, в виде земельной собственности, а с другой — в виде капитала. Развитие производительной силы труда начинается, следовательно, только при таких условиях, при которых сам работник уже не может присвоить себе результаты этого развития. Поэтому совершенно бесполезно исследовать, какие последствия это увеличение производительных сил имело бы (или должно было бы иметь) для «заработной платы», — которая здесь равна продукту труда, — при допущении, что продукт труда (или стоимость этого продукта) принадлежит самому работнику.

А. Смит очень сильно заражен физиократическими представлениями, и через его сочинение проходят подчас целые напластования, которые принадлежат физиократам и полностью противоречат взглядам, выдвинутым им самим. Например, в учении о земельной ренте и т. д. Для нашей цели могут быть оставлены совершенно без внимания эти, не характерные для Смита, составные части его труда, в которых он является просто физиократом ²⁶.

В первой части этого сочинения, в связи с анализом товара, я уже показал ²⁷, как А. Смит колеблется между различными определениями меновой стоимости, а именно — между определением стоимости *товаров* количеством необходимого для их производства труда и определением ее тем количеством живого труда, на которое может быть куплен товар, или, что сводится к тому же самому, тем количеством товара, на которое может быть куплено определенное количество живого труда; первое определение у него то смешивается со вторым, то вытесняется этим последним. Во втором из этих определений Смит делает мерой стоимости товаров

меновую стоимость труда, фактически — *заработную плату*; ибо заработная плата равна тому количеству товаров, которое приобретается взамен определенного количества живого труда, или равна тому количеству труда, которое может быть куплено на определенное количество товаров. Но стоимость труда, или, вернее, рабочей силы, как и стоимость всякого другого товара, подвержена изменениям и ничем специфически не отличается от стоимости других товаров. Здесь масштабом стоимости и основанием для ее объяснения объявляется сама стоимость, — получается, следовательно, порочный круг.

Однако из дальнейшего изложения будет видно, что эти колебания и это смешение совершенно разнородных определений не сбивают Смита с пути в его исследованиях о природе и происхождении прибавочной стоимости, потому что всюду, где Смит развивает свои положения, он на деле, даже не сознавая этого, придерживается правильного определения меновой стоимости товаров, а именно определения ее содержащимся в товарах количеством затраченного на них труда, или рабочим временем. [244]

[VII—283a] {На многих примерах можно показать, как часто А. Смит на протяжении своего сочинения, — там, где он объясняет действительные факты, — рассматривает содержащееся в продукте количество труда как стоимость и как фактор, определяющий стоимость. Часть этого материала цитирована у Рикардо ²⁸. На этом основано все учение Смита о влиянии разделения труда и усовершенствования машин на цену товаров. Здесь достаточно привести одно только место. В 11-й главе первой книги А. Смит говорит об удешевлении в его время многих промышленных товаров по сравнению с предыдущими столетиями, относительно которых он замечает:

«Требовалось гораздо большее количество труда [283b] для изготовления этих предметов, а потому, будучи доставлены на рынок, они должны были продаваться, или поступать в обмен, за цену большего количества труда» (перевод Гарнье] том II, стр. 156) [Русский перевод, том I, стр. 218—219].} [VII—283b]

[VI—245] А затем, указанное противоречие и переход от одного способа объяснения к другому имеют у А. Смита более глубокую основу. (Рикардо, вскрывая противоречие Смита, не заметил этой более глубокой основы, не дал правильной оценки вскрытому им противоречию, а потому и не разрешил его.) Предположим, что все работники являются товаропроизводителями, что они не только производят свои товары, но и продают их. Стоимость этих товаров определена содержащимся в них необходимым рабочим временем. Следовательно, если

товары продаются по их стоимости, то на товар, являющийся продуктом двенадцатичасового рабочего времени, работник покупает опять-таки двенадцатичасовое рабочее время в форме другого товара, т. е. двенадцатичасовое рабочее время, овеществленное в другой потребительной стоимости. Таким образом, стоимость его труда равна стоимости его товара, т. е. равна продукту двенадцатичасового рабочего времени. Продажа и следующая за ней покупка, одним словом, весь процесс обмена — метаморфоз товара — не вносит никаких изменений в положение дела. Он изменяет только вид той потребительной стоимости, в которой представлено это двенадцатичасовое рабочее время. Стало быть, стоимость труда равна стоимости продукта труда. Во-первых, в товарах, — поскольку обмен их производится в соответствии с их стоимостью, — обмениваются равные количества овеществленного труда. А во-вторых, определенное количество живого труда обменивается на равное количество овеществленного труда, потому что, с одной стороны, живой труд овеществляется в продукте, в товаре, принадлежащем работнику, а с другой стороны, товар этот в свою очередь обменивается на другой товар, в котором содержится равновеликое количество труда. Следовательно, на самом деле определенное количество живого труда обменивается на равновеликое количество овеществленного труда. Таким образом, не только товар обменивается на товар в том соотношении, в каком в них представлены, в овеществленном виде, равные количества рабочего времени, но и известное количество живого труда обменивается на товар, в котором представлено, в овеществленном виде, такое же количество труда.

При таком предположении стоимость труда (количество товара, которое может быть куплено на данное количество труда, или количество труда, которое может быть куплено на данное количество товара) могла бы приобрести значение меры стоимости товара совершенно так же, как и содержащееся в товаре количество труда. Это было бы возможно в силу того, что стоимость труда выражала бы, в овеществленном виде, такое его количество, которое всегда было бы равно количеству живого труда, необходимому для производства этого товара, — иными словами: определенное количество живого рабочего времени всегда получало бы в свое распоряжение такое количество товара, в котором было бы представлено, в овеществленном виде, столько же рабочего времени. Но при всех тех способах производства — особенно же при капиталистическом способе производства, — где вещественные условия труда принадлежат одному классу (или нескольким),

а другому классу, рабочему классу, принадлежит, напротив, одна лишь рабочая сила, имеет место прямо противоположное явление. Продукт труда, или стоимость продукта труда, не принадлежит рабочему. Определенное количество живого труда не получает в свое распоряжение равного ему количества овеществленного труда; другими словами, определенное количество овеществленного в товаре труда получает в свое распоряжение большее количество живого труда, чем то, которое содержится в самом товаре.

Но так как А. Смит совершенно правильно берет за исходную точку товар и обмен товаров и у него поэтому производители первоначально противостоят друг другу только как товаровладельцы — как продавцы товаров и покупатели товаров, — то он обнаруживает (так ему представляется дело), что в обмене между капиталом и наемным трудом, между [246] трудом овеществленным и трудом живым, общий закон тотчас же теряет силу и товары (потому что и труд является товаром, поскольку он покупается и продается) обмениваются уже не в соответствии с представленными в них количествами труда. Отсюда он делает вывод, что коль скоро условия труда уже противостоят наемному рабочему в форме земельной собственности и капитала, рабочее время перестает быть имманентной мерой, регулирующей меновую стоимость товаров. Смит скорее должен был бы, — как справедливо заметил по его адресу Рикардо, — сделать тот обратный вывод, что выражения «количество труда» и «стоимость труда» перестали быть тождественными и, следовательно, что относительная стоимость товаров, хотя она регулируется содержащимся в них рабочим временем, не регулируется уже больше стоимостью труда, так как это последнее выражение оставалось правильным лишь до тех пор, пока оно было тождественно с первым. В дальнейшем, в связи с Мальтусом ²⁹, можно будет показать, что даже в том случае, если бы работник присваивал свой собственный продукт, т. е. стоимость своего собственного продукта, само по себе неправильно и нелепо было бы принимать эту стоимость, или стоимость труда, за меру стоимостей в том же смысле, в каком мерой стоимостей и создающим стоимость элементом является рабочее время, или самый труд. Даже и в этом случае труд, покупаемый на какой-нибудь товар, не мог бы иметь значение меры в том же смысле, в каком это значение присуще труду, содержащемуся в данном товаре. Один был бы всего лишь показателем другого.

Как бы то ни было, А. Смит чувствует, что из закона, определяющего обмен товаров, трудно вывести обмен между капиталом и трудом, имеющий, очевидно, своей основой совершенно про-

тивоположные этому закону и противоречащие ему принципы. И противоречие это оставалось необъяснимым, пока капитал противопоставлялся прямо труду, а не рабочей силе. А. Смит хорошо знал, что рабочее время, затрачиваемое на воспроизводство и содержание рабочей силы, весьма отличается от того труда, который может выполнить она сама. По этому вопросу он даже ссылается на сочинение Кантильона «*Essai sur la nature du commerce*».

«Этот автор», — пишет Смит о Кантильоне, — «добавляет, что труд сильного раба признается имеющим вдвое большую стоимость, чем расход на его содержание, а труд самого слабого рабочего, как он полагает, не может стоять меньше, чем труд сильного раба» (книга I, глава 8, стр. 137. Перевод *Гарнье*, том I) [Русский перевод, том I, стр. 63].

С другой стороны, удивительно, что А. Смит не понял, как мало общего имеет смутившее его обстоятельство с тем законом, который регулирует обмен одного товара на другой. Обмен товаров *A* и *B* пропорционально содержащемуся в них рабочему времени нисколько не нарушается теми пропорциями, в которых производители этих товаров распределяют между собой продукты *A* и *B*, или, точнее, их стоимость. Если одна часть продукта *A* достается земельному собственнику, другая — капиталисту, третья — рабочему, то, каковы бы ни были получаемые ими доли, это нисколько не меняет того положения вещей, что само *A* обменивается на *B* соответственно своей стоимости. Соотношение рабочего времени, содержащегося в каждом из обоих товаров — *A* и *B*, совершенно не зависит от того, как содержащееся в *A* или *B* рабочее время присваивается различными лицами.

«Когда произойдет обмен сукна на холст, производители сукна будут иметь в холсте точно такие же доли, какие они раньше имели в сукне» («*Misère de la philosophie*», стр. 29) ³⁰.

Таков и тот довод, который рикардianцы с полным правом выдвигали впоследствии против [247] А. Смита. Точно так же мальтузианец Джон Кейзнов пишет:

«Обмен товаров и их распределение должны рассматриваться отдельно друг от друга... Обстоятельства, оказывающие влияние на одно, не всегда действуют на другое. Например, уменьшение издержек производства одного какого-нибудь товара изменит его отношение ко всем остальным; но оно вовсе не должно обязательно изменить распределение самого этого товара или каким бы то ни было образом повлиять на распределение других товаров. С другой стороны, общее уменьшение стоимости, *одинаково распространяющееся на все товары*, не изменит их соотношения между собой. Оно может отразиться, — но может и не отразиться, — на их распределении» и т. д. (*Джон Кейзнов*, в предисловии к его изданию книги *Мальтуса* «*Definitions in Political Economy*», London, 1853).

Но так как «распределение» стоимости продукта между капиталистом и рабочим само основывается на обмене товаров — обмене между товарами и рабочей силой, — то это, естественно, вызывает путаницу у А. Смита. То обстоятельство, что А. Смит за меру стоимости принимал еще и стоимость труда, или покупательную силу того или иного товара (или же денег) по отношению к труду, привело к нарушению хода его мысли там, где он дает теорию цен, исследует действие конкуренции на норму прибыли и т. д., лишило вообще его сочинение всякого единства и явилось даже причиной того, что большое количество существенных вопросов выпало из круга его исследования. Однако на *общий* ход его мысли относительно *прибавочной стоимости* это, как мы сейчас увидим, не повлияло, так как Смит здесь всегда придерживается правильного определения стоимости затраченным рабочим временем, содержащимся в различных товарах.

Итак, перейдем теперь к его трактовке вопроса.

Но предварительно следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. А. Смит смешивает различные вещи. Во-первых, в пятой главе первой книги он говорит:

«Человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он обладает средствами, чтобы обеспечить себя предметами необходимости, удобства и удовольствия. Но, после того как установилось разделение труда во всех отраслях, человек лишь очень небольшую часть этих предметов в состоянии добывать собственным трудом; значительно большую часть их он должен получать *от труда других людей*; и он будет богат или беден в зависимости от того, как велико количество того труда, которым он может распоряжаться, или которое он может купить. Поэтому стоимость всякого товара для того, кто, обладая им, имеет в виду обменять его на другие предметы, а не использовать его или лично потребить, равна количеству труда, которое этот товар может купить, или получить в свое распоряжение. Таким образом, труд представляет собой действительную меру меновой стоимости всех товаров» (том I, стр. 59—60) [Русский перевод, том I, стр. 30].

Далее:

«Они» (товары) «содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, [248] содержит в данное время стоимость такого же количества труда... Не золотом или серебром, а только трудом были приобретены первоначально все богатства мира; и стоимость их для того, кто владеет ими и кто хочет обменять их на какие-либо новые продукты, в точности равна количеству труда, которое он в состоянии купить на них, или получить в свое распоряжение» (книга I, глава 5, стр. 60—61) [Русский перевод, том I, стр. 30].

Наконец:

«Как говорит господин Гоббс, *богатство* — это *сила*; но человек, который приобретает или получает по наследству большое состояние,

не обязательно приобретает вместе с ним политическую власть, гражданскую или военную... Та сила, которую немедленно и прямо дает ему это богатство, есть не что иное, как покупательная сила; это — право распоряжаться *всяким трудом другого человека и л и всяким продуктом этого труда, находящимся на рынке*» (там же, стр. 61) [Русский перевод, том I, стр. 31].

Мы видим, что во всех этих местах Смит смешивает *«труд другого человека»* с *«продуктом этого труда»*. С тех пор как установилось разделение труда, меновая стоимость товара, принадлежащего тому или иному лицу, выражается в тех чужих товарах, которые данное лицо в состоянии купить, т. е. в количестве чужого труда, содержащемся в этих товарах, в количестве овеществленного чужого труда. И это количество чужого труда равняется тому количеству труда, которое содержится в его собственном товаре. Смит заявляет вполне определенно:

«Товары содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время *стоимость такого же количества труда*».

Ударение стоит здесь на порожденной *разделением труда* перемене, выражающейся в том, что богатство состоит уже не в продукте собственного труда, а в том количестве чужого труда, которое этот товар получает в свое распоряжение, — в том количестве общественного труда, которое он в состоянии купить и которое определяется количеством труда, содержащимся в нем самом. На самом деле здесь скрывается лишь понятие меновой стоимости — мысль о том, что мой труд только как общественный определяет мое богатство, что оно, следовательно, определяется продуктом моего труда, предоставляющим в мое распоряжение равное количество общественного труда. Мой товар, содержащий определенное количество необходимого рабочего времени, дает мне возможность распоряжаться всяким другим товаром равной стоимости, следовательно равным количеством чужого труда, овеществленного в других потребительных стоимостях. Ударение стоит здесь на вызванном разделением труда и меновой стоимостью приравнивании *моего труда к чужому труду*, иными словами, к общественному труду (от Адама ускользает, что и *мой труд*, или труд, содержащийся в моих товарах, определен уже *общественно* и что он существенно изменил свой характер), а отнюдь не на различии между *овеществленным* трудом и *живым* трудом и не на специфических законах их обмена. На самом деле А. Смит говорит здесь только то, что стоимость товаров определена содержащимся в них рабочим временем и что богатство

товаровладельца состоит в том количестве общественного труда, которым он распоряжается.

Однако отождествление *труда* и *продукта труда*, [249] действительно, дает уже здесь первый повод к тому, чтобы определение стоимости товаров содержащимся в них количеством труда было смешано с определением их стоимости тем количеством живого труда, которое может быть куплено на эти товары, т. е. с определением стоимости товаров стоимостью труда. Если А. Смит говорит:

«Богатство человека более велико или менее велико в точном соответствии с величиной этой силы, т. е. с количеством труда других людей, которым он, благодаря своему богатству, может распоряжаться, или, *что то же самое*» (вот оно, это ошибочное отождествление!), «с *продуктом труда других людей*, который он может купить» (там же, стр. 61) [Русский перевод, том I, стр. 31], —

то точно так же он мог бы сказать: богатство человека находится в соответствии с тем количеством общественного труда, которое содержится в его собственных товарах, составляющих его «богатство». Смит это и отмечает:

«Они» (товары) «содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время стоимость *такого же количества труда*». (Слово «*стоимость*» является здесь лишним и бессмысленным.)

Ложный вывод обнаруживается уже в этой же пятой главе, когда он, например, говорит:

«Таким образом, труд, никогда не изменяясь в своей *собственной стоимости*, является единственной действительной и окончательной мерой, которая во все времена и повсюду может служить для оценки и сравнения стоимости всех товаров» (там же, стр. 66) [Русский перевод, том I, стр. 32—33].

То, что верно по отношению к самому труду, а потому и к его мере, рабочему времени, — тот именно вывод, что стоимость товаров всегда пропорциональна овеществленному в них рабочему времени, как бы ни изменялась *стоимость труда*, — приписывается здесь самой этой изменчивой стоимости труда.

Здесь А. Смит рассматривает пока еще только товарный обмен вообще: природу меновой стоимости, разделения труда, а также природу денег. Участники обмена противостоят еще друг другу только как товаровладельцы. Они покупают чужой труд в форме товара, подобно тому как в форме товара выступает и их собственный труд. Поэтому количество общественного труда, которым они распоряжаются, равно количеству труда, содержащемуся в том товаре, посредством которого они сами покупают. Но когда А. Смит в следующих главах переходит

к обмену между трудом овеществленным и трудом живым, между капиталистом и рабочим, и при этом *подчеркивает*, что теперь стоимость товара определяется уже не тем количеством труда, которое содержится в нем самом, а отличающимся от этой величины количеством чужого живого труда, которое можно посредством этого товара получить в свое распоряжение, т. е. купить, — то это в действительности вовсе не означает, что сами товары обмениваются теперь уже не в соответствии с содержащимся в них рабочим временем. Это означает только то, что *обогащение*, увеличение содержащейся в товаре стоимости и степень этого увеличения зависят от большего или меньшего количества живого труда, приводимого в движение овеществленным трудом. И в таком именно смысле это правильно. Но у Смита здесь остается неясность.

[2) ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ У СМИТА. ВЗГЛЯД НА ПРИБЫЛЬ, ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ И ПРОЦЕНТ КАК НА ВЫЧЕТЫ ИЗ ПРОДУКТА ТРУДА РАБОЧЕГО]

[250] В шестой главе первой книги А. Смит переходит от тех отношений, при которых предполагается, что производители противостоят друг другу только как продавцы товаров и товаровладельцы, к отношениям обмена между владельцами условий труда и владельцами одной лишь рабочей силы.

«В том первобытном, неразвитом состоянии общества, которое *предшествует накоплению капиталов и возникновению частной собственности на землю*, единственным основанием, которое могло дать правило для обмена, было, по-видимому, количество труда, необходимое для приобретения различных предметов обмена... Вполне естественно, что продукт, на изготовление которого требуется обычно труд двух дней или двух часов, будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт, на изготовление которого требуется обычно труд одного дня или одного часа» (том I, книга I, глава 6, стр. 94—95. Перевод Гарнье) [Русский перевод, том I, стр. 45].

Итак, рабочее время, необходимое для производства различных товаров, определяет то соотношение, в котором они обмениваются друг на друга, другими словами — их *меновую стоимость*.

«При таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику, и количество труда, обычно затрачиваемое на приобретение или на производство какого-нибудь товара, представляет собой единственное обстоятельство, определяющее то количество труда, которое обычно может быть куплено, получено в распоряжение или обменено на этот товар» (там же, стр. 96) [Русский перевод, том I, стр. 45].

Следовательно: при такой предпосылке работник является простым продавцом товаров, и один человек распоряжается

трудом другого лишь тогда, когда он на свой товар покупает товар этого другого. Таким образом, он посредством своего товара получает в свое распоряжение лишь такое количество труда другого человека, какое содержится в его собственном товаре, так как оба они обменивают между собой только товары, а меновая стоимость товаров определяется содержащимся в них рабочим временем, или количеством труда.

Но, — продолжает Адам:

«Лишь только появляются запасы, накопленные в руках отдельных лиц, некоторые из них начинают, естественно, пользоваться этими запасами для того, чтобы дать работу трудолюбивым людям, снабжая их материалами и средствами существования, в расчете извлечь прибыль из продажи продуктов их труда, и л и из того, что труд этих рабочих присоединяет к стоимости обрабатываемых материалов» (там же, стр. 96) [Русский перевод, том I, стр. 46].

До того как перейти к дальнейшему, задержимся несколько на этой цитате. Прежде всего, откуда берутся «трудолюбивые люди», которые не имеют ни средств существования, ни материала для труда, — люди, у которых выбита почва из-под ног? Если освободить выражение Смита от его наивной формы, то смысл его сведется к следующему: капиталистическое производство берет свое начало с того момента, когда условия труда становятся собственностью одного класса, а в распоряжении другого класса остается одна только рабочая сила. Это отделение труда от условий труда и образует предпосылку капиталистического производства.

Но, во-вторых, что имеет в виду А. Смит, утверждая, что «работодатели» применяют рабочих «в расчете извлечь прибыль из продажи продуктов их труда; и л и из того, что труд [251] этих рабочих присоединяет к стоимости обрабатываемых материалов»? Хочет ли он этим сказать, что прибыль возникает из продажи, что товар продается выше его стоимости, что прибыль, следовательно, есть то, что Стюарт называет «прибылью от отчуждения», являющейся не чем иным, как «колебанием весов богатства между участвующими сторонами»? Вот какой ответ дает он сам:

«При обмене готового изделия на деньги или на труд» (здесь — источник новой ошибки) «или на другие товары, к оплате цены материалов и заработной платы рабочих должна быть прибавлена еще некоторая сумма, составляющая прибыль предпринимателя, рискующего своим капиталом в этом деле» (там же) [Русский перевод, том I, стр. 46].

К этому «риску» нужно будет вернуться в дальнейшем изложении, в главе об апологетических объяснениях прибыли (см.

* См. настоящее издание, часть I, стр. 9—11. Ред.

тетрадь VII, стр. 173)³¹. Возникает ли эта «некоторая сумма, составляющая *прибыль* предпринимателя при обмене готового изделия», из продажи товара выше его стоимости, является ли она стюартовской «прибылью от отчуждения»?

«Поэтому», — непосредственно вслед за этим продолжает Адам, — *эта стоимость, которую рабочие присоединяют к материалу, распадается теперь* (с тех пор как возникло капиталистическое производство) *на две части, из которых одна оплачивает их заработную плату, а другая оплачивает прибыль предпринимателя на всю сумму капитала, авансированного в виде заработной платы и материала, идущего в обработку* (там же, стр. 96—97) [Русский перевод, том I, стр. 46].

Итак, Смит заявляет здесь вполне определенно: *прибыль*, получаемая при продаже «готового изделия», возникает не из *самой продажи*, не из того, что товар продается *выше* его стоимости, — она не есть «прибыль от отчуждения». Дело обстоит как раз наоборот. Стоимость, т. е. количество труда, прибавляемое рабочими к материалу, распадается на две части. Одна часть оплачивает заработную плату рабочих или уже оплачена полученной рабочими заработной платой. Рабочие отдают в виде этой части только такое количество труда, какое они получили в форме заработной платы. Другая часть образует *прибыль* капиталиста, т. е. она представляет собой определенное количество труда, которое капиталист продает, хотя и не оплатил его. Следовательно, если капиталист продает товар по его стоимости, т. е. по количеству содержащегося в нем рабочего времени, иными словами, если обмен этого товара на другие товары происходит согласно закону стоимости, то *прибыль* капиталиста проистекает из того, что он, не *оплатив* часть содержащегося в товаре труда, тем не менее *продает* ее. Тем самым А. Смит сам опроверг ту свою мысль, что если рабочему уже не принадлежит весь продукт его труда и он принужден делить этот продукт — или его стоимость — с собственником капитала, то этим устраняется закон, по которому соотношение, в каком обмениваются друг на друга товары, — или их меновая стоимость, — определяется количеством овеществленного в них рабочего времени. Более того, он выводит *прибыль* капиталиста именно из того, что последний не оплатил часть присоединенного к товару труда, откуда и возникает *прибыль*, получаемая им при продаже товара. Мы увидим, как в дальнейшем Смит в еще более буквальном смысле выводит *прибыль* из труда, выполняемого рабочим сверх того количества труда, которым рабочий *оплачивает* — т. е. возмещает эквивалентом — свою заработную плату. Тем самым Смит уловил истинное происхождение прибавочной стоимости. Вместе с тем

он со всей определенностью отметил, что она возникает не из [252] авансированного фонда, стоимость которого, — как бы полезен он ни был в реальном процессе труда, — просто-напросто только вновь появляется в продукте, а возникает исключительно из нового труда, который «рабочие присоединяют к материалам» в новом процессе производства, где этот фонд фигурирует в качестве средств труда или орудий труда.

Напротив, неверно (и основано на упомянутом выше смешении) выражение: «при обмене готового изделия на деньги или на труд или на другие товары».

Когда капиталист обменивает товар на деньги или на товар, его прибыль возникает из того, что он продает большее количество труда, чем то, которое он оплатил, из того, что капиталист не обменивает определенное количество овеществленного труда на равное количество живого труда. А. Смит поэтому не вправе ставить на одну доску «обмен на деньги или на другие товары» с «обменом готового изделия на труд». Ибо в обмене первого рода прибавочная стоимость возникает из того, что товары обмениваются по их стоимости, по содержащемуся в них рабочему времени, которое, однако, частью *не оплачено*. Здесь предполагается, что капиталист не обменивает определенное количество прошлого труда на равное количество живого труда; что присвоенное им количество живого труда больше, чем количество оплаченного им живого труда. В противном случае заработная плата рабочего равнялась бы стоимости его продукта. Прибыль, получаемая при обмене «готового изделия» на деньги или на товар, — когда они обмениваются по их стоимости, — возникает, таким образом, оттого, что обмен «готового изделия» на живой труд подчиняется другим законам, оттого, что здесь обмениваются не эквиваленты. Следовательно, эти случаи нельзя смешивать.

Таким образом, прибыль есть не что иное, как вычет из той стоимости, которую рабочие присоединили к материалу труда. Но присоединяют они к материалу не что иное, как новое количество труда. Поэтому рабочее время рабочего распадается на две части: одна из них есть та, за которую он получает от капиталиста эквивалент, свою заработную плату; другая — это та, которую он безвозмездно отдает капиталисту и которая образует *прибыль*. А. Смит правильно подчеркивает, что распадается на заработную плату и прибыль только та часть труда (стоимости), которую рабочий вновь присоединяет к материалу; следовательно, вновь созданная прибавочная стоимость сама по себе не имеет ничего общего с той частью капитала, которая затрачена на материалы и инструменты.

После того как А. Смит свел таким образом прибыль к присвоению неоплаченного чужого труда, он непосредственно вслед за этим говорит:

«Но, может быть, скажут, что прибыль на капитал представляет собой лишь другое обозначение для заработной платы за особый вид труда, а именно, за труд по надзору и управлению» (стр. 97) [Русский перевод, том I, стр. 46].

И он опровергает этот ложный взгляд относительно «труда по надзору и управлению». К этому мы еще вернемся в одной из следующих глав³². Здесь важно лишь отметить, что А. Смит отчетливо видит и решительно подчеркивает противоположность своего взгляда на происхождение прибыли этому апологетическому взгляду. Подчеркнув эту противоположность, он продолжает:

[253] «При таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда. В большинстве случаев он должен делить продукт труда с *собственником капитала*, который нанимает его. В таком случае количество труда, обычно затрачиваемое на приобретение или на производство какого-либо товара, не является единственным обстоятельством, определяющим то количество труда, которое обычно может быть куплено, получено в распоряжение или обменено на этот товар. Очевидно, что здесь должно причитаться еще *добавочное количество* труда, которое идет на прибыль, получаемую капиталом, авансировавшим заработную плату и доставившим материалы для рабочего» (там же, стр. 99) [Русский перевод, том I, стр. 47].

Это совершенно верно. Если мы берем капиталистическое производство, то овеществленный труд, — представленный в деньгах или в товаре, — всегда покупает сверх количества труда, содержащегося в нем самом, еще «добавочное количество» живого труда, которое «идет на прибыль, получаемую капиталом», но это, другими словами, означает только то, что овеществленный труд безвозмездно присваивает себе часть живого труда, присваивает, не оплачивая его. Превосходство Смита над Рикардо состоит в энергичном подчеркивании того обстоятельства, что этот переворот наступает вместе с возникновением капиталистического производства. Наоборот, Смит уступает Рикардо в том отношении, что никак не может отделаться от им же самим опровергнутого в ходе исследования взгляда, будто это новое отношение, имеющее место при обмене между овеществленным трудом и живым трудом, вносит изменение в определение относительной стоимости товаров, представляющих по отношению друг к другу лишь материализованный труд, лишь данные количества овеществленного труда.

После того как прибавочная стоимость в одной из ее форм, в форме прибыли, была представлена Смитом как часть труда,

выполняемая рабочим сверх той части труда, которая идет на возмещение его заработной платы, Смит поступает точно так же и с другой формой прибавочной стоимости — с *земельной рентой*. Одним из вещественных условий труда, отнятых у труда и потому противостоящих ему в качестве чужой собственности, является *капитал*; другим является сама *земля*, земля как *земельная собственность*. Поэтому, покончив с «*собственником капитала*», А. Смит продолжает:

«С тех пор как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, земельные собственники, подобно *всем другим людям*, хотят пожинать там, где они не сеяли, и начинают требовать *ренту* даже за естественные плоды земли... Он (работник) «должен уступать собственнику земли *часть того, что он собирает или производит своим трудом*. Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет *земельную ренту*...» (там же, стр. 99—100) [Русский перевод, том I, стр. 47].

Таким образом, подобно промышленной прибыли в собственном смысле, земельная рента представляет собой лишь часть труда, присоединяемого рабочим к материалам, ту часть, которую «он уступает», предоставляет без оплаты собственнику земли; следовательно, она есть только часть прибавочного труда, превышающего ту часть рабочего времени, в течение которой рабочий возмещает свою заработную плату, или доставляет эквивалент содержащегося в этой заработной плате рабочего времени.

Итак, *прибавочную стоимость*, т. е. прибавочный труд, — избыток выполненного и овеществленного в товаре труда *над* оплаченным трудом, следовательно над трудом, получившим свой эквивалент в заработной плате, — А. Смит понимает как *всеобщую категорию*, [254] по отношению к которой прибыль в собственном смысле слова и земельная рента составляют только ее ответвления. При этом, однако, он прибавочную стоимость как таковую не отделил, в виде особой категории, от тех особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте. Отсюда у него — а еще больше у Рикардо — много ошибок и недостатков в исследовании.

Другая форма проявления прибавочной стоимости — это *процент с капитала*, ссудный процент (процент с денег). Но этот

«процент с денег» (говорит Смит в той же главе) «*всегда* представляет собой *производный доход*, который, — если он выплачивается не из *прибыли*, полученной от применения этих денег, — должен быть выплачен из какого-либо иного источника дохода»

(следовательно, или из земельной ренты или из заработной платы; в последнем случае — при данной средней заработной плате — процент проистекает не из прибавочной стоимости,

а из самой заработной платы, как вычит из нее, что является лишь другой формой прибыли, и в этой форме, как мы — в ходе исследования — увидим дальше, процент встречается при неразвитом капиталистическом производстве)³³,

«если только заемщик не является расточителем, делающим новый долг для уплаты процентов по первоначальному долгу» (там же, стр. 105—106) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Таким образом, процент есть или часть *прибыли*, приносимой полученным в ссуду капиталом; в этом случае он является, следовательно, производной формой самой прибыли, ее ответвлением, т. е. лишь дальнейшим распределением между различными лицами прибавочной стоимости, присвоенной в форме прибыли. Или же процент уплачивается из ренты. Тогда имеет место то же самое. Или же, наконец, заемщик уплачивает процент из своего собственного или чужого капитала. В таком случае процент вообще не является прибавочной стоимостью, а только иным распределением уже существующего богатства, «колебанием весов богатства между участвующими сторонами», как это имеет место при «прибыли от отчуждения». За исключением последнего случая, когда процент вообще не является формой прибавочной стоимости (и за исключением того случая, когда он представляет собой вычет из заработной платы, или сам по себе является одной из форм прибыли; об этом последнем случае Адам вовсе не говорит), процент составляет только производную форму прибавочной стоимости, только часть прибыли или ренты (что имеет отношение только к распределению прибыли и ренты); следовательно, также и процент выражает не что иное, как часть неоплаченного прибавочного труда.

«Денежные средства, ссужаемые под проценты, заимодавец всегда *считает* капиталом. Он ожидает, что в установленный срок они будут возвращены ему и что заемщик в течение всего этого времени будет уплачивать ему за пользование ими определенную ежегодную ренту. Заемщик может использовать их или как *капитал* или как *фонд, предназначенный для непосредственного потребления*. Если он использует их как капитал, он употребляет их на содержание производительных рабочих, *которые воспроизводят их стоимость и доставляют прибыль*. В этом случае он может вернуть капитал и уплатить проценты, не отчуждая и не затрагивая никаких других источников дохода. Если он употребляет их для непосредственного потребления, он ведет себя как расточитель, растрачивая на поддержание праздности то, что было предназначено для содержания трудолюбивых людей. В этом случае он уже не в состоянии ни вернуть капитал, ни уплатить проценты, не отчуждая или не затрагивая какого-либо другого источника дохода, как, например, земельной собственности или земельной ренты» (том II, книга II, глава 4, стр. 127, издание Мак-Куллоха) [Русский перевод, том I, стр. 296].

[255] Следовательно, тот, кто занимает деньги — т. е., в данном контексте, занимает капитал, — тот либо сам употребляет их в качестве капитала и получает прибыль с него. В этом случае процент, уплачиваемый им займодавцу, есть лишь часть прибыли, получившая здесь *особое название*. Либо же он растрачивает взятые в ссуду деньги. Тогда он увеличивает богатство займодавца, уменьшая свое собственное. Здесь имеет место только иное распределение богатства, которое из рук расточителя переходит в руки ростовщика, но мы не имеем здесь процесса создания прибавочной стоимости. Таким образом, поскольку процент вообще представляет прибавочную стоимость, он является не чем иным, как частью прибыли, которая в свою очередь есть не что иное, как определенная форма прибавочной стоимости, т. е. неоплаченного труда.

Наконец, А. Смит отмечает, что также и все доходы лиц, живущих за счет налогов, либо берутся из заработной платы, т. е. представляют собой вычет из самой заработной платы, либо же имеют своим источником прибыль и земельную ренту, следовательно означают лишь право различных социальных групп на участие в потреблении прибыли и земельной ренты, которые сами являются лишь различными формами прибавочной стоимости.

«Все налоги и всякий основанный на них доход — оклады, пенсии, ежегодные рентные доходы всякого рода — в конечном счете получают из того или другого из этих трех первичных источников дохода и выплачиваются прямо или косвенно из заработной платы, из прибыли с капитала или из ренты с земли» (перевод Гарнье, книга I, глава 6, стр. 106) [Русский перевод, том I, стр. 49—50].

Следовательно, процент с денег, как и налоги или получаемые из налогов доходы, — поскольку они не являются вычетами из самой заработной платы, — представляют собой только доли участия в прибыли и земельной ренте, а эти последние, в свою очередь, сводятся к прибавочной стоимости, т. е. к неоплаченному рабочему времени.

Такова общая теория прибавочной стоимости у А. Смита.

А. Смит еще раз резюмирует свою концепцию в целом. При этом становится особенно ясным, как мало попыток делает он, чтобы хоть как-нибудь доказать, что стоимость, присоединяемая рабочим к продукту (за вычетом издержек производства — стоимости сырья и орудий труда), уже не определяется-де содержащимся в продукте рабочим временем, так как рабочий не целиком присваивает себе эту стоимость, а вынужден делить эту стоимость — или продукт — с капиталистом и земельным собственником. Тот способ, каким стоимость товара распреде-

ляется между его производителями, нисколько, конечно, не изменяет ни природы этой стоимости, ни стоимостного соотношения между одним товаром и другим.

«Как только земля становится частной собственностью, земельный собственник требует определенную долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с нее. *Его рента составляет первый вычет из продукта того труда, который затрачен на обработку земли.* Только в редких случаях лицо, обрабатывающее землю, имеет средства для содержания себя до сбора урожая. Его содержание обычно авансируется ему из капитала его хозяина, фермера, который нанимает его и у которого не было бы никакого интереса нанимать его, если бы он, фермер, не получал долю продукта труда работника, или если бы его капитал не возмещался ему с некоторой прибылью. *Эта прибыль составляет второй вычет [256] из продукта того труда, который затрачен на обработку земли.* Такой же вычет для оплаты прибыли делается из продукта почти всякого другого труда. Во всех ремеслах и мануфактурах большинство работников нуждается в хозяине, который авансировал бы им материалы для их работы, а также заработную плату и средства существования до времени окончания работы. *Этот хозяин получает долю продукта их труда, или долю той стоимости, которую их труд присоединяет к обрабатываемому ими материалу: эта доля и составляет прибыль хозяина*» (издание Мак-Куллоха, том I, книга I, глава 8, стр. 109—110) [Русский перевод, том I, стр. 61].

Итак, А. Смит прямо, без обиняков, называет здесь земельную ренту и прибыль на капитал всего лишь *вычетами* из продукта рабочего или из стоимости его продукта, равной количеству труда, присоединенному им к сырью. Но этот вычет, как раньше доказывал сам А. Смит, может состоять только из той части труда, которую рабочий присоединяет к сырью сверх того количества труда, которое оплачивает только его заработную плату, или доставляет только эквивалент его заработной платы; следовательно, этот вычет состоит из прибавочного труда, из неоплаченной части труда рабочего. (Так что, заметим мимоходом, прибыль и рента, или капитал и земельная собственность, никогда не могут быть *«источником стоимости»*.)

[3] РАСПРОСТРАНЕНИЕ СМИТОМ ПОНЯТИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ НА ВСЕ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА]

Мы видим, какой большой шаг вперед сделал А. Смит по сравнению с физиократами в анализе прибавочной стоимости, а следовательно и капитала. У физиократов прибавочная стоимость создается только одним определенным видом реального труда — земледельческим трудом. Они рассматривают, таким образом, потребительную стоимость труда, а не рабочее время, не всеобщий общественный труд, этот единственный источник стоимости. Но при этом особом виде труда, действительно,

природа, земля создает прибавочную стоимость в смысле увеличения количества (органической) материи, в смысле избытка произведенного вещества над потребленным. Они рассматривают предмет в еще совершенно ограниченной, и потому искаженной фантастическими представлениями, форме. Напротив, у А. Смита стоимость создается всеобщим общественным трудом, — в каких бы потребительных стоимостях он ни был представлен, — создается исключительно только количеством необходимого труда. Прибавочная стоимость, — выступает ли она в форме прибыли, земельной ренты или в производной форме процента, — есть не что иное, как та часть этого труда, которую собственники вещественных условий труда присваивают себе в процессе обмена с живым трудом. Поэтому у физиократов прибавочная стоимость выступает только в форме земельной ренты, тогда как у А. Смита земельная рента, прибыль и процент — только различные формы прибавочной стоимости.

Если я называю прибавочную стоимость, отнесенную ко всей сумме авансированного капитала, *прибылью на капитал*, то я делаю это потому, что капиталист, непосредственно участвующий в производстве, *непосредственно* присваивает себе прибавочный труд, причем безразлично, под какими рубриками ему приходится потом делиться этой прибавочной стоимостью, будь то с земельным собственником, будь то с заимодавцем капитала. Так, арендатор платит непосредственно земельному собственнику. Так, фабрикант из присвоенной им прибавочной стоимости уплачивает земельную ренту собственнику земли, на которой стоит его фабрика, и процент — капиталисту, который предоставил ему в ссуду капитал.

[257] {Теперь еще предстоит рассмотреть: 1) смешение А. Смитом прибавочной стоимости и прибыли; 2) его взгляды на производительный труд; 3) как рента и прибыль превращаются у него в *источники стоимости* и насколько ошибочен его анализ «естественной цены» товаров, в которой, по его мнению, стоимость сырья и орудий труда не существует — и не идет в счет — отдельно от «цены» трех «источников дохода».

[4] НЕПОНИМАНИЕ СМИТОМ СПЕЦИФИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА СТОИМОСТИ В ОБМЕНЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И НАЕМНЫМ ТРУДОМ]

Заработной платой, — или тем эквивалентом, на который капиталист покупает на определенный срок распоряжение рабочей силой, — является не товар в его непосредственной форме, а товар, уже претерпевший метаморфоз, являются деньги —

товар в его самостоятельной форме, присущей ему как меновой стоимости, как непосредственной материализации общественного труда, всеобщего рабочего времени. На эти деньги рабочий, конечно, покупает товары {здесь должны быть оставлены в стороне такого рода частности, как, например, тот факт, что рабочий делает покупки при менее благоприятных для него условиях и обстоятельствах, и т. п.}, покупает их по той же цене, как и всякий другой владелец денег. Рабочий — подобно всякому другому владельцу денег — противостоит продавцам товаров как покупатель. В самом процессе товарного обращения он выступает не как рабочий, а как полюс-деньги против полюса-товара, как владелец товара в его всеобщей, всегда готовой к обмену форме. Его деньги снова превращаются в товары, которые должны служить ему как потребительные стоимости, и в этом процессе обмена он покупает товары по той цене, по которой они продаются на рынке, — говоря вообще, по их стоимости. Он проделывает здесь лишь акт $D-T$, означающий изменение формы, но отнюдь не изменение величины стоимости, если рассматривать этот акт в его общем виде. Однако так как рабочий своим материализованным в продукте трудом присоединил не только то количество рабочего времени, которое содержалось в полученных им деньгах, не только уплатил эквивалент, но и отдал безвозмездно прибавочный труд, который как раз и образует источник прибыли, — то *фактически* (опосредствующее движение, содержащееся в продаже рабочей силы, отпадает, когда мы имеем дело уже с результатом) он отдал стоимость, превышающую стоимость той суммы денег, которая составляет его заработную плату. Посредством большего количества рабочего времени он купил то количество труда, которое овеществлено в деньгах, притекающих к нему в качестве заработной платы. Можно поэтому сказать, что точно так же все те товары, в которые превращаются заработанные им деньги (представляющие собой лишь самостоятельное выражение определенного количества общественного рабочего времени), покупаются им — косвенно — посредством большего количества рабочего времени, чем то, которое в них содержится, хотя он и покупает их по той же цене, как и всякий другой покупатель, или владелец товара, проделавшего свое первое превращение. И наоборот: деньги, на которые капиталист покупает труд, содержат меньшее количество труда, меньше рабочего времени, чем то количество труда рабочего или его рабочего времени, которое содержится в произведенном им товаре. Сверх того количества труда, которое содержится в этой сумме денег, составляющей заработную плату, капиталист

покупает, не оплачивая ее, добавочную сумму труда — избыток над тем количеством труда, которое содержится в уплаченных им деньгах. И это-то добавочное количество труда и образует созданную капиталом прибавочную стоимость.

Но так как деньги, [258] на которые капиталист покупает труд (фактически, в результате, здесь покупается труд, хотя это и опосредствовано обменом на рабочую силу, а не прямо на труд), представляют собой не что иное, как превращенную форму *всех других товаров*, их самостоятельное бытие в качестве меновой стоимости, — то можно также сказать, что все товары, при обмене их на живой труд, покупают больше труда, чем содержится в них самих. Это добавочное количество и образует прибавочную стоимость.

Крупная заслуга А. Смита заключается в том, что именно в тех главах первой книги (главы 6, 7, 8), в которых он от простого обмена товаров и присущего этому последнему закона стоимости переходит к обмену между овеществленным и живым трудом, к обмену между капиталом и наемным трудом, к рассмотрению прибыли и земельной ренты в их общем виде, одним словом к вопросу о происхождении прибавочной стоимости, — что в этих главах он нащупывает наступивший разрыв; он чувствует, что, — каковы бы ни были посредствующие звенья, остающиеся для него непонятными, — закон, в порождаемых им результатах, фактически нарушается: большее количество труда обменивается на меньшее количество труда (со стороны рабочего), меньшее количество труда — на большее (со стороны капиталиста). Заслуга Смита состоит в том, что он подчеркивает, — но это-то как раз и сбивает его с толку, — что с *накоплением капитала и с возникновением собственности на землю*, следовательно вместе с обособлением условий труда, противостоящих теперь самому труду, происходит поворот, кажущееся (и фактическое по своему результату) превращение закона стоимости в его противоположность. Если теоретическая сила А. Смита заключается в том, что он чувствует и подчеркивает это противоречие, то его теоретическая слабость — в том, что это противоречие сбивает его с толку даже при рассмотрении общего закона в его применении к простому обмену товаров; что он не понимает, как возникает это противоречие, обусловленное тем, что сама рабочая сила становится товаром и что у этого специфического товара сама его потребительная стоимость, не имеющая, стало быть, ничего общего с его меновой стоимостью, представляет собой энергию, создающую меновую стоимость. Рикардо имеет то преимущество перед А. Смитом, что его не вводят в заблуждение эти кажущиеся —

а по своему результату и действительные — противоречия. Но он уступает А. Смиту в том отношении, что даже не подготавливает здесь наличия проблемы и что поэтому то *специфическое* развитие, которое претерпевает закон стоимости с возникновением капитала, ни на минуту не смущает его и даже несколько не интересует. В дальнейшем мы увидим, каким образом то, что гениально у А. Смита, становится реакционным у Мальтуса, ополчающегося против точки зрения Рикардо³⁴.

Но, конечно, этот именно взгляд А. Смита делает его в то же время колеблющимся, неуверенным, выбивает у него из-под ног твердую почву и — в противоположность Рикардо — не позволяет ему достичь связного теоретического воззрения, охватывающего абстрактную общую основу буржуазной системы.

[259] Приведенное выше положение А. Смита о том, что товар покупает больше труда, чем содержится в нем самом, или что рабочий уплачивает за товар большую стоимость, чем содержится в товаре, — это положение выражено у Годскина в его «Popular Political Economy» следующим образом:

«Естественная цена (или необходимая цена) означает то общее количество труда, которого природа требует от человека для производства какого-либо товара... Труд был первым и навсегда останется единственным покупательным средством в наших взаимоотношениях с природой. Какое бы ни было количество труда, необходимое для производства какого-либо товара, рабочий, — для того чтобы приобрести этот товар и владеть им, — всегда должен, при современном состоянии общества, отдавать значительно больше труда, чем это нужно при непосредственной покупке его у природы. Естественная цена, увеличенная таким образом для рабочего, есть *общественная цена*. Необходимо всегда проводить различие между ними» (Thomas Hodgskin. Popular Political Economy etc. London, 1827, стр. 219—220) [Русский перевод: Томас Годскин. Сочинения. М., 1938, стр. 184—185].

Этот взгляд Годскина воспроизводит как то, что было правильного в концепции А. Смита, так и то, что, будучи путаным у него, порождало путаницу и у других.

[5] СМЕШЕНИЕ У СМИТА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ С ПРИБЫЛЬЮ. ВУЛЬГАРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕОРИИ СМИТА]

Мы видели, как А. Смит рассматривает *прибавочную стоимость* вообще, по отношению к которой земельная рента и прибыль представляют собой лишь различные формы и составные части. Согласно его трактовке, та часть капитала, которая состоит из сырья и средств производства, не имеет никакого непосредственного отношения к созиданию прибавочной стоимости. Эта последняя возникает исключительно из добавочного

количества труда, отдаваемого рабочим *сверх* той части его труда, которая образует лишь эквивалент его заработной платы. Следовательно, прибавочная стоимость возникает непосредственно только из той части капитала, которая затрачена на заработную плату, ибо это единственная часть капитала, которая не только воспроизводит себя, но и производит «избыток». Напротив, в прибыли прибавочная стоимость исчисляется на всю сумму авансированного капитала, и, кроме того, к этому видоизменению присоединяются еще и новые видоизменения, обусловленные выравниванием прибылей в различных сферах капиталистического производства.

Так как Адам, хотя он по сути дела и рассматривает прибавочную стоимость, не представляет ее ясно выраженным образом в форме определенной категории, отличной от ее особых форм, — то в дальнейшем он уже прямо смешивает, не вводя никаких посредствующих звеньев, прибавочную стоимость с более развитой формой, с прибылью. Эта ошибка сохраняется у Рикардо и у всех последующих экономистов. Отсюда (в более резкой форме это имеет место у Рикардо, у которого основной закон стоимости проводится с большим систематическим единством и последовательностью, а потому у него резче выступают также непоследовательности и противоречия) возникает ряд непоследовательностей, неразрешенных противоречий и бессмыслиц, которые рикардянцы (как мы увидим ниже в отделе о прибыли) пытаются разрешить схоластическим путем, с помощью словесных ухищрений³⁵. Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон. Мы приведем один пример этого уже здесь, при анализе взглядов Смита на прибавочную стоимость, потому что начинается путаница у Смита не там, где он *ex professo* * трактует о прибыли и земельной ренте, этих особых формах прибавочной стоимости, а там, где он рассматривает прибыль и земельную ренту только как формы прибавочной стоимости вообще, как «*вычеты* из труда, присоединенного рабочим к материалам».

[260] После того как А. Смит в 6-й главе первой книги сказал:

«Поэтому та стоимость, которую рабочие *присоединяют* к материалу, распадается теперь на две части, из которых одна оплачивает их заработную плату, а другая оплачивает прибыль предпринимателя на всю сумму

* — специально. Ред.

капитала, авансированного в виде заработной платы и материала, идущего в обработку» [том I перевода Гарнье, стр. 96—97] [Русский перевод, том I, стр. 46], —

он продолжает:

«У него» (предпринимателя) «не было бы никакого интереса нанимать этих рабочих, если бы он не рассчитывал получить от продажи изготовленных ими изделий — сверх того, что необходимо для возмещения его капитала, — еще некоторый избыток; точно так же у него не было бы никакого интереса затрачивать большую сумму капитала, а не меньшую, если бы его прибыли не находились в известном соответствии с величиной употребленного в дело капитала» [там же, стр. 97] [Русский перевод, том I, стр. 46].

Прежде всего заметим следующее. Прибавочная стоимость — тот «избыток», который «предприниматель» получает сверх массы стоимости, необходимой «для возмещения его капитала», — сводится сначала А. Смитом к той части труда, которую рабочие присоединяют к материалу сверх труда, возмещающего их заработную плату; Смит выводит этот избыток, таким образом, исключительно из той части капитала, которая затрачена на заработную плату. Но тотчас же после этого он рассматривает этот избыток в форме прибыли, т. е. относит его не к той части капитала, из которой он возникает, а представляет его как избыток над совокупной стоимостью авансированного капитала, над «всею суммой капитала, авансированного в виде заработной платы и материала, идущего в обработку» (по недосмотру здесь пропущены орудия производства). Он рассматривает, следовательно, прибавочную стоимость непосредственно в форме прибыли. Отсюда немедленно же возникают затруднения.

У капиталиста, говорит А. Смит, «не было бы никакого интереса нанимать этих рабочих, если бы он не рассчитывал получить от продажи изготовленных ими изделий — сверх того, что необходимо для возмещения его капитала, — *еще некоторый избыток*». Раз предположено существование капиталистических отношений, то это совершенно правильно. Капиталист производит не для того, чтобы удовлетворять произведенным продуктом свои потребности, — потребление, вообще, не является для него непосредственной целью производства. Он производит для того, чтобы производить прибавочную стоимость. Но этой предпосылкой, имеющей только тот смысл, что при капиталистическом производстве капиталист производит ради прибавочной стоимости, А. Смит не *объясняет прибавочной стоимости* — как это впоследствии делали многие его бездарные преемники. Это значит: он не объясняет

существования прибавочной стоимости интересом капиталиста, его стремлением к прибавочной стоимости. Напротив, он уже вывел эту прибавочную стоимость из той стоимости, которую рабочие «присоединяют к материалу сверх стоимости, присоединенной ими в возмещение полученной заработной платы». Но вслед за этим он продолжает: у капиталиста не было бы никакого интереса применить больший капитал вместо меньшего, если бы его прибыли не стояли в определенном отношении к величине авансированного капитала. Здесь прибыль объясняется уже не природой прибавочной стоимости, а «интересом» капиталиста. А это пошло и нелепо.

А. Смит не чувствует, что, смешивая таким образом непосредственно прибавочную стоимость с прибылью и прибыль с прибавочной стоимостью, он опрокидывает только что установленный им закон происхождения прибавочной стоимости. [261] Если прибавочная стоимость есть лишь та «часть стоимости» (или количества труда), «которую рабочий *присоединяет сверх* того, что он присоединяет к материалу в возмещение своей заработной платы», — то почему эта вторая часть должна возрастать непосредственно оттого, что стоимость авансированного капитала в одном случае больше, чем в другом? Еще яснее выступает это противоречие в том примере, который А. Смит сам приводит сейчас же после этого с целью опровергнуть мнение, будто прибыль является заработной платой за так называемый «труд по надзору».

А именно, он говорит:

«Она» (прибыль на капитал) «коренным образом отличается, однако, от заработной платы; она устанавливается на совершенно иных началах и не находится ни в каком соответствии с количеством и характером этого предполагаемого труда по надзору и управлению. *Она в общем определяется стоимостью употребленного в дело капитала* и бывает большей или меньшей в зависимости от размера этого капитала. Предположим, например, что в каком-либо месте, где *прибыль на капитал*, применяемый в промышленности, *составляет обычно десять процентов в год*, имеются две различных мануфактуры, в каждой из которых работают по 20 рабочих за плату по 15 ф. ст. в год, так что каждая мануфактура расходует на заработную плату по 300 ф. ст. в год. Предположим далее, что на одной мануфактуре обрабатывается сырье низшего качества, которое обходится всего в 700 ф. ст. за год, тогда как на другой мануфактуре обрабатывается материал более высокого качества, который стоит 7 000 ф. ст. В таком случае капитал, ежегодно затрачиваемый на первой мануфактуре, составит всего лишь 1 000 ф. ст., тогда как капитал, затрачиваемый на второй, достигнет 7 300 ф. ст. При норме в 10% владелец первой мануфактуры будет рассчитывать на годовую прибыль лишь в размере около 100 ф. ст., а владелец второй — на прибыль в размере около 730 ф. ст. Но хотя размер их прибыли так различен, их труд по надзору и управлению может быть одинаков или почти одинаков» [том I французского перевода Гарнье, стр. 97—98] [Русский перевод, том I, стр. 46].

От прибавочной стоимости в ее общей форме мы здесь сразу же приходим к общей норме прибыли, которая непосредственно никак не относится к данному вопросу. Но пойдем дальше! На каждой из двух фабрик применяется труд двадцати рабочих; их заработная плата в обоих случаях одна и та же — 300 ф. ст. Следовательно, дело обстоит не так, что на одной из этих фабрик применяется труд более высокого качества, чем на другой, так что час труда, а значит и прибавочного труда, на одной из них равнялся бы нескольким часам прибавочного труда на другой. Напротив, в обоих случаях предполагается одинаковый средний труд, как это показывает равенство заработной платы на обеих фабриках. Как же в таком случае на одной фабрике прибавочный труд, присоединяемый рабочими сверх цены их заработной платы, может быть в семь раз больше чем на другой? Или почему на одной фабрике — только потому, что обрабатываемый на ней материал в семь раз дороже чем на другой, — рабочие должны доставить в семь раз больше прибавочного труда, хотя они в обоих случаях получают одинаковую заработную плату и, стало быть, работают одинаковое количество времени для того, чтобы ее [262] воспроизвести?

То обстоятельство, что прибыль, полученная на одной фабрике, в семь раз превышает прибыль, полученную на другой, — или, вообще, закон пропорциональности прибыли величине авансированного капитала — противоречит, таким образом, *prima facie* * закону прибавочной стоимости или прибыли (ведь А. Смит непосредственно отождествляет их), согласно которому прибавочная стоимость выражает лишь неоплаченный, прибавочный труд рабочих. А. Смит преподносит это с совершенной наивностью и нисколько над этим не задумываясь, не имея даже самого отдаленного представления о возникающем здесь противоречии. Все последующие экономисты, — поскольку ни один из них не рассматривает прибавочную стоимость в ее общем виде, отдельно от ее определенных форм, — остались верны ему в этом отношении. У Рикардо, как уже отмечено выше, это выступает лишь в еще более резкой форме.

Так как А. Смит сводит прибавочную стоимость не только к прибыли, но также и к земельной ренте, — к этим двум особым видам прибавочной стоимости, движение которых определяется совершенно различными законами, — то уже одно это обстоятельство должно было бы навести его на мысль, что нельзя смешивать, не вводя никаких посредствующих звеньев, всеобщую абстрактную форму с какой бы то ни было из ее

* — на первый взгляд. *Ред.*

особых форм. Как у него, так и у всех позднейших буржуазных экономистов недостаток теоретического понимания, необходимого для уяснения различия форм экономических отношений, остается правилом, — они грубо хватаются за эмпирически данный материал, который только и интересует их. Отсюда также их неспособность правильно понять сущность денег, где дело идет лишь о различных превращениях формы меновой стоимости при остающейся неизменной величине стоимости.

[6) ОШИБОЧНЫЙ ВЗГЛЯД СМИТА НА ПРИБЫЛЬ, ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ И ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ КАК НА ИСТОЧНИКИ СТОИМОСТИ]

Лодердель в «Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique» (traduit par Lagetie de Lavaïsse. Paris, 1808) выдвигает против смитовского понимания прибавочной стоимости, — о котором он говорит, что оно соответствует взглядам, высказанным уже Локком, — тот упрек, что согласно этому пониманию капитал является не первичным источником богатства, хотя Смит и выдает его за таковой, а только производным. Вот что Лодердель говорит по этому поводу:

«Более столетия тому назад Локк высказал почти такой же взгляд» (как и А. Смит)... «Деньги, — говорит Локк, — бесплодны и ничего не производят; вся польза, которая из них извлекается, заключается в том, что в силу взаимного соглашения они переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого» (*Лодердель*, стр. 116). «Если бы это понимание прибыли с капитала было в строгом смысле правильным, то из него вытекало бы, что прибыль является не первичным источником дохода, а только производным, и капитал нельзя было бы рассматривать как один из источников богатства, так как приносимая им прибыль была бы только перемещением дохода из кармана рабочего в карман капиталиста» (там же, стр. 116—117).

Поскольку стоимость капитала снова появляется в продукте, капитал не может быть назван «источником богатства». Капитал прибавляет здесь к продукту свою собственную стоимость просто как накопленный труд, как определенное количество овеществленного труда.

Капитал является производителем стоимости лишь как *отношение*, поскольку он, как принудительная сила, господствующая над наемным трудом, принуждает его к прибавочному труду или же подстегивает производительную силу труда, заставляя ее создавать относительную прибавочную стоимость. В обоих случаях капитал производит стоимость только [263] как отчужденная от труда и господствующая над ним сила его собственных вещественных условий, вообще только как одна из форм самого наемного труда, как условие наемного труда.

В принятом же у политико-экономов смысле, в качестве накопленного труда, существующего в виде денег или товаров, капитал — подобно всем условиям труда, в том числе и даровым силам природы, — действует производительно в процессе труда, при создании потребительных стоимостей, но он никогда не становится источником стоимости. Капитал не создает никакой новой стоимости, и вообще он прибавляет к продукту меновую стоимость лишь постольку, поскольку сам обладает меновой стоимостью, т. е. поскольку он сам сводится к овеществленному рабочему времени и поскольку, следовательно, источником его стоимости является труд.

Лодердель прав в том отношении, что А. Смит, после того как он исследовал природу прибавочной стоимости и стоимости, впадает в ошибку, изображая капитал и землю как самостоятельные источники меновой стоимости. Они — источники дохода для их владельцев, поскольку они служат основанием для получения известного количества прибавочного труда, которое рабочий вынужден выполнять сверх рабочего времени, необходимого для возмещения его заработной платы. Так, например, А. Смит говорит:

«Заработная плата, прибыль и рента представляют собой три первичных источника всякого дохода, точно так же как и всякой меновой стоимости» (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Насколько верно то, что они представляют собой «три первичных источника всякого дохода», настолько же ложно то, что они являются «точно так же тремя первичными источниками всякой меновой стоимости», ибо стоимость товара определяется исключительно содержащимся в нем рабочим временем. Ведь А. Смит только что представил земельную ренту и прибыль как простые «вычеты» из стоимости, или из труда, присоединяемого рабочим к сырью, — как может он после этого называть их «первичными источниками меновой стоимости»? (Они могут играть эту роль только в том смысле, что приводят в движение «первичный источник», т. е. заставляют рабочего выполнять прибавочный труд.) Поскольку они служат основаниями (условиями) для присвоения части стоимости, т. е. овеществленного в товаре труда, они представляют собой источники дохода для их собственников. Но ведь распределение стоимости, или ее присвоение, вовсе не является источником присваиваемой стоимости. Если бы это присвоение не имело места и рабочий получал бы в виде заработной платы весь продукт своего труда, то стоимость произведенного товара осталась бы прежней, хотя в ее дележе не участвовали бы земельный собственник и капиталист.

Земельная собственность и капитал, являющиеся источниками дохода для своих владельцев, т. е. дающие им власть присваивать часть созданных трудом стоимостей, не становятся в силу этого источниками той стоимости, которую присваивают их владельцы. Но точно так же неправильно будет сказать, что заработная плата образует первичный источник меновой стоимости, хотя заработная плата — или, вернее, постоянная продажа рабочей силы — и образует источник дохода для рабочего. Труд, а не заработная плата рабочего, — вот что создает стоимость. Заработная плата есть не более, как уже имеющаяся налицо стоимость или, — если рассматривать производство в целом, — та часть созданной рабочим стоимости, которая присваивается им самим. Но это присвоение не создает стоимости. Заработная плата рабочего может поэтому подниматься или падать, не затрагивая этим стоимости производимого им товара. [263]

[265] {К сказанному необходимо добавить следующую цитату, подтверждающую, что у А. Смита те рубрики, под которыми присваивается стоимость товара, объявляются источниками этой стоимости. После того как он опроверг тот взгляд, согласно которому прибыль есть только другое название для заработной платы капиталиста, или для «заработной платы за труд по надзору», он заключает:

«Итак, в цене товаров *прибыль на фонды, или на капитал, является источником стоимости, совершенно отличным от заработной платы, и регулируется она совершенно другими принципами*» (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 47].

Между тем, только что Смит доказал, что та стоимость, которую рабочие присоединяют к материалам, распределяется между ними и капиталистами в форме заработной платы и прибыли; труд представляет собой, таким образом, единственный *источник стоимости*, и из этого источника стоимости возникают «цена заработной платы» и «цена прибыли». Но сами эти «цены» — как заработная плата, так и прибыль — отнюдь не являются *источниками стоимости*.} [265]

[7] ДВОЙСТВЕННОСТЬ ВО ВЗГЛЯДАХ СМИТА НА СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СТОИМОСТЬЮ И ДОХОДАМИ. ПОРОЧНЫЙ КРУГ В СМИТОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЫ» КАК СУММЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПРИБЫЛИ И РЕНТЫ]

[263] Здесь мы совершенно не будем касаться того, в какой мере А. Смит рассматривает земельную ренту как конституирующий элемент цены товаров. Вопрос этот, в данной связи,

тем более безразличен для нашего исследования, что земельную ренту, совершенно так же как и прибыль, Смит считает просто частью прибавочной стоимости, «вычетом из труда, присоединенного рабочим к сырому материалу». Смит, следовательно, [264] понимает ее, по сути дела, и как «вычет из прибыли», поскольку весь неоплаченный, прибавочный труд *непосредственно* присваивается противостоящим труду капиталистом, под какими бы рубриками ни приходилось последнему делить впоследствии эту прибавочную стоимость с владельцами условий производства, будь то собственник земли или заимодавец капитала. Поэтому мы, для упрощения, будем говорить только о заработной плате и прибыли как о тех двух рубриках, по которым распределяется вновь созданная стоимость.

Предположим, что в каком-нибудь товаре материализовано (*оставляя в стороне* стоимость потребленного в нем сырья и орудий труда) двенадцатичасовое рабочее время. Стоимость данного товара как таковую мы можем выразить только в *деньгах*. Итак, предположим, что в 5 шилл. материализовано тоже двенадцатичасовое рабочее время. В таком случае стоимость товара равна 5 шилл. Под «естественной ценой товаров» А. Смит понимает не что иное, как их стоимость, выраженную в деньгах. (Рыночная цена товара, конечно, бывает выше или ниже его стоимости. Даже и средняя цена [*der Durchschnittspreis*] товаров, как я покажу это в дальнейшем, *всегда отличается* от их стоимости³⁶. Но А. Смицу, при рассмотрении «естественной цены», нет до этого никакого дела. Кроме того, ни рыночная цена, ни, тем более, колебания средней цены товаров не могут быть поняты до тех пор, пока в основу не будет положен правильный взгляд на природу стоимости.)

Если прибавочная стоимость, содержащаяся в товаре, составляет 20% всей его стоимости, или — что сводится к тому же — 25% содержащегося в нем необходимого труда, то эта стоимость в 5 шилл., «естественная цена» товара, может быть разложена на 4 шилл. заработной платы и 1 шилл. прибавочной стоимости (которую мы, следуя А. Смицу, назовем здесь прибылью). Правильно было бы сказать, что величина стоимости товара, которая определена независимо от заработной платы и прибыли, — или «естественная цена» товара, — может быть разложена на 4 шилл. заработной платы («цена труда») и 1 шилл. прибыли («цена прибыли»). Но было бы ошибочно сказать, что стоимость товара образуется из сложения или соединения цены заработной платы и цены прибыли, регулируемых независимо от стоимости товара. В последнем случае не существовало бы совершенно никакого основания, почему бы вся стоимость

товара не составляла 8, 10 и т. д. шилл., — смотря по тому, принимается ли заработная плата равной 5 шилл., а прибыль равной 3 шилл. и т. д.

Что же служит А. Смит у руководящей нитью при исследовании «естественной нормы» заработной платы, или «естественной цены» заработной платы? Естественная цена жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы. А чем определяет он естественную цену этих жизненных средств? Поскольку он вообще определяет эту цену, он снова обращается к правильному определению стоимости, а именно к определению ее рабочим временем, необходимым для производства этих жизненных средств. Но как только Смит сходит с этого правильного пути, он попадает в порочный круг. Чем определяет он естественную цену жизненных средств, определяющих естественную цену заработной платы? Естественной ценой «заработной платы», «прибыли», «земельной ренты», которые образуют естественную цену этих жизненных средств, как и всех товаров вообще. И так *in infinitum* *. Болтовня о законе спроса и предложения не помогает, конечно, выбраться из этого порочного круга. Ведь «естественная цена», или цена, соответствующая стоимости товара, тогда именно и должна иметь место, когда спрос и предложение покрывают друг друга, т. е. когда цена товара не отклоняется вверх или вниз от его стоимости вследствие колебаний спроса и предложения, — когда, другими словами, цена издержек ³⁷ товара (или стоимость предлагаемого продавцом товара) вместе с тем является и той ценой, которую платит спрос.

[265] Но, как уже сказано, при исследовании естественной цены заработной платы А. Смит снова обращается на деле — по крайней мере местами — к правильному определению стоимости товара. Напротив, в главе об естественной норме прибыли, или естественной цене прибыли, он запутывается — поскольку дело идет о той задаче, которая собственно подлежит разрешению, — в бессодержательных общих местах и тавтологиях. В самом деле, сначала заработная плата, прибыль и земельная рента регулируются у него стоимостью товара. Но затем он подходит к делу с противоположной стороны (что ближе к эмпирической видимости и к обыденному представлению) и пытается определить естественную цену товаров путем сложения естественных цен заработной платы, прибыли и земельной ренты. Одной из главных заслуг Рикардо является то, что он положил конец этой путанице. Когда мы

* — до бесконечности. Ред.

будем говорить о Рикардо, мы еще вернемся вкратце к этому пункту ³⁸.

Здесь заметим еще только следующее: *данная величина* стоимости товара — того фонда, из которого выплачивается заработная плата и прибыль, — эмпирически выступает перед промышленником в той форме, что определенная рыночная цена товара держится какое-то время на одном уровне, несмотря на все колебания заработной платы.

Итак, следует обратить внимание на странный ход мыслей в книге А. Смита: сперва он исследует стоимость товара и местами определяет ее правильно, до такой степени правильно, что перед ним в общих чертах вырисовывается источник прибавочной стоимости и ее особых форм, — из стоимости товара он и выводит заработную плату и прибыль. Но затем он вступает на противоположный путь и пытается, наоборот, вывести стоимость товаров (из которой он уже вывел заработную плату и прибыль) из сложения естественных цен заработной платы, прибыли и земельной ренты. Это последнее обстоятельство и повинно в том, что Смит, у которого не было самой основы, нигде не дал правильного анализа влияния колебаний заработной платы, прибыли и т. д. на цены товаров. [VI—265]

* * *

[VIII—364] {А. Смит. *Стоимость и ее составные части*. Ошибочное представление Смита, — смотри выше, — развиваемое им вопреки его первоначальному правильному взгляду, сказывается также и в следующем положении:

«Рента образует... составную часть цены товаров, но совершенно иначе, чем прибыль и заработная плата. Высокая или низкая прибыль и заработная плата являются *причиной высокой или низкой цены хлеба, а больший или меньший размер ренты является результатом этой цены*» («Wealth of Nations», книга I, глава 11) ³⁹ [Русский перевод, том I, стр. 131—132].} [VIII—364]

[8] ОШИБКА СМИТА, СВОДИВШЕГО ВСЮ СТОИМОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА К ДОХОДАМ. ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ СМИТА НА ВАЛОВОЙ И ЧИСТЫЙ ДОХОД]

[VI—265] Мы переходим теперь к другому пункту, который связан с разложением цены или стоимости товара (та и другая здесь еще предполагаются тождественными). Допустим, что А. Смит правильно вел расчет, т. е. предположим, что, взяв за исходный пункт стоимость товара, он разложил ее на те составные части, в виде которых эта стоимость распределяется между различными агентами производства. Допустим, что Смит

не пытался, наоборот, вывести стоимость из цены этих составных частей, — оставим это здесь в стороне. Оставим также в стороне тот его односторонний способ представления, в результате которого заработная плата и прибыль были взяты только как формы распределения, а потому обе они в одинаковом смысле были изображены как доходы, потребляемые их владельцами. Отвлекаясь от всего этого, следует заметить, что А. Смит сам высказывает некоторое сомнение [относительно сводимости всей стоимости продукта к доходам]; и здесь его преимущество перед Рикардо состоит опять-таки не в том, что он правильно разрешает появившееся у него сомнение, а в том, что он вообще высказывает его.

[266] А именно, А. Смит говорит следующее:

«Эти три части» (заработная плата, прибыль, рента земельного собственника) «непосредственно или в конечном счете составляют, по-видимому, *всю* цену хлеба» (вообще товара. А. Смит берет здесь хлеб потому, что в цену ряда товаров, по его мнению, земельная рента не входит в качестве конституирующей составной части). «Пожалуй, можно было бы думать, что к этим трем частям следует добавить еще и *четвертую часть*, необходимую для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения износа его рабочего скота и других орудий земледельческого хозяйства. Но надо принять во внимание, что цена всякого орудия в этом хозяйстве, например рабочей лошади, сама состоит из тех же трех частей: ренты с земли, на которой лошадь была вскормлена, *труда*, затраченного на уход за ней и содержание ее, и прибыли фермера, авансировавшего как эту ренту, так и заработную плату за этот труд». {Здесь прибыль выступает как первичная форма, включающая также и ренту.} «Поэтому, хотя цена хлеба и должна оплачивать цену и содержание лошади, тем не менее *полная* цена его разлагается, непосредственно или в конечном счете, на те же самые три части: ренту, труд и прибыль» (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 47—48]. (Совершенно нелепо здесь то, что вместо «заработной платы» Смит вдруг говорит «труд», в то время как у него фигурируют «рента» и «прибыль», а не «земельная собственность» и «капитал».)

Но не менее очевидно, что здесь надо было принять во внимание следующее: подобно тому как фермер включает цену лошади и плуга в цену пшеницы, так и коннозаводчик и фабрикант плугов, у которых фермер купил лошадь и плуг, включили в цену лошади и плуга цену орудий производства (в частности, коннозаводчик включил, быть может, цену другой лошади) и сырья (корма и железа), между тем как тот фонд, из которого коннозаводчик и фабрикант плугов *выплачивают* заработную плату и прибыль (и ренту), состоит только из нового труда, который они *присоединили* в своей сфере производства к наличной сумме стоимости их постоянного капитала. Следовательно, если А. Смит относительно фермера признаёт, что в цену его хлеба, кроме выплаченных им себе самому и другим лицам заработной платы, прибыли и ренты, входит еще также *четвертая*

и отличная от них составная часть — стоимость потребленного им постоянного капитала, как, например, стоимость лошадей, земледельческих орудий и т. д., — то это остается в силе также и по отношению к коннозаводчику и к фабриканту земледельческих орудий, и совершенно напрасно Смит отсылает нас от Понтия к Пилату. К тому же, пример с фермером выбран особенно неудачно в смысле отсылки от Понтия к Пилату, ибо в числе статей постоянного капитала имеется в данном случае такая, которая вовсе не обязательно должна быть куплена у кого-то, а именно семена, — и разве эта составная часть стоимости распадается для кого-нибудь на заработную плату, прибыль и ренту?

Но сначала пойдем дальше и посмотрим, проводит ли Смит последовательно свой взгляд, что стоимость всякого товара может быть сведена к какому-либо одному источнику дохода или же ко всем им вместе: к заработной плате, прибыли, земельной ренте, — тот, следовательно, взгляд, что все товары могут быть потреблены в качестве продуктов, предназначенных для потребления, или, во всяком случае, так или иначе могут быть использованы для личных нужд (а не для производственного потребления). Однако предварительно [267] еще одно замечание. Можно принять, что, например, при сборе ягод и т. д. их стоимость сводится только к заработной плате, хотя и здесь в большинстве случаев требуется, в качестве средств труда, кое-какая утварь, например корзины и т. п. Но в данной связи, где речь идет о капиталистическом производстве, подобные примеры вообще не имеют никакого отношения к делу.

Сначала идет опять повторение взгляда, высказанного в 6-й главе I книги.

Во 2-й главе II книги (том II перевода *Гарнье*, стр. 212—213) говорится:

«Было показано, ... что цена большей части товаров распадается на три части, из которых одна оплачивает заработную плату, вторая — прибыль с капитала, а третья — ренту с земли» [Русский перевод, том I, стр. 238].

Согласно этому, вся стоимость всякого товара распадается на доходы и достается, следовательно, в качестве фонда потребления тому или другому классу, живущему на данный доход. Но так как совокупная продукция той или иной страны, например годовая продукция, состоит лишь из суммы стоимостей произведенных товаров, а стоимость каждого из этих товаров, взятого в отдельности, распадается на доходы, то получается, что и сумма их — годовой продукт труда, валовой доход — может быть за год потреблена в этой форме. И вот Смит тотчас же возражает самому себе:

«Было высказано такого рода замечание: если так обстоит дело с каждым единичным товаром, взятым в отдельности, то это необходимо должно относиться и ко всей *совокупности* товаров, составляющих всю массу продукта земли и труда данной страны. *Совокупная цена и ли меновая стоимость* этого годового продукта должна распадаться на такие же три части и распределяться между различными жителями страны в виде платы за их труд, прибыли с их капитала или ренты с их земли» (там же, стр. 213) [Русский перевод, том I, стр. 238].

Это, действительно, необходимый вывод. Что верно для одного товара, необходимо остается в силе и для всей суммы товаров. Но это не так, говорит Адам. Он продолжает:

«Хотя вся стоимость годового продукта земли и труда данной страны распределяется, таким образом, между различными жителями страны и составляет их доход, однако, подобно тому как в доходе с частного имения мы различаем *валовой доход* и *чистый доход*, мы такое же различие можем проводить также и в доходе *всех жителей* большой страны» (там же, стр. 213) [Русский перевод, том I, стр. 238].

(Стой! Выше он нам сказал прямо противоположное: в продукте отдельного фермера — например, в его пшенице — мы различаем еще четвертую часть среди тех частей, на которые распадается стоимость этого продукта, а именно ту часть, которая лишь возмещает использованный постоянный капитал; это *непосредственно* верно для отдельного фермера, но если мы пойдем дальше, то увидим, что та часть, которая для фермера является постоянным капиталом, распадается на более ранней стадии — в других руках, до того как эта часть стала капиталом в руках фермера, — на заработную плату, прибыль и пр., одним словом на доходы. Поэтому, если и верно, что товары, рассматриваемые как находящиеся в руках отдельных производителей, содержат такую часть стоимости, которая не образует дохода, то это-де неверно по отношению ко «всем жителям большой страны», ибо то, что в руках одного служит постоянным капиталом, обязано своей стоимостью тому обстоятельству, что оно вышло из рук другого как совокупная цена заработной платы, прибыли и ренты. Теперь он говорит прямо противоположное.)

А. Смит продолжает:

[268] «*Валовой доход* с частного имения охватывает все, что уплачивает фермер; *чистый доход* — это все то, что остается у *собственника земли* за вычетом расходов по управлению и по ремонту и всех других *необходимых издержек*, или, другими словами, все то, что он может, не ухудшая состояния своего имения, включить в свой фонд, предназначенный для непосредственного потребления, т. е. затратить на свой стол и т. д. Действительное богатство земельного собственника пропорционально не *валовому*, а *чистому* доходу, получаемому им» [Русский перевод, том I, стр. 238—239].

(Во-первых, Смит говорит здесь о не относящихся к делу вещах. То, что фермер уплачивает земельному собственнику в качестве ренты, — совершенно так же, как и то, что он уплачивает рабочим в качестве заработной платы, — представляет собой, как и его собственная прибыль, ту часть стоимости или цены товаров, которая распадается на доходы. А вопрос заключается в том, содержит ли товар еще какую-нибудь другую составную часть стоимости. Здесь Смит допускает это, как он должен был это допустить по отношению к фермеру, хотя такое допущение не помешало Смицу заявить, что произведенный фермером хлеб (т. е. цена *или* меновая стоимость его хлеба) распадается лишь на доходы. Во-вторых, заметим мимоходом следующее. Реальное богатство, которым располагает отдельный фермер, *как фермер*, зависит от его прибыли. Но с другой стороны, как товаровладелец, он может продать свой участок или, если земля ему не принадлежит, весь находящийся на ней постоянный капитал, как-то: рабочий скот, земледельческие орудия и т. д. Стоимость, которую он может таким путем реализовать, а следовательно богатство, которым он может располагать, обуславливается стоимостью, а значит и размером, принадлежащего ему постоянного капитала. Однако он может продать это опять-таки только другому фермеру, в руках которого это является не богатством, которым можно свободно располагать, а постоянным капиталом. Итак, мы всё еще не сдвинулись с места.)

«*Валовой* доход всех жителей большой страны обнимает *всю массу* годового продукта их земли и их труда»

(прежде мы слышали, что вся эта масса — ее стоимость — распадается на заработную плату, прибыль и ренту, т. е. исключительно на различные формы чистого дохода);

«их *чистый* доход обнимает то, что остается в их распоряжении после вычета расходов на поддержание, во-первых, их *основного капитала*, во-вторых, их *оборотного капитала*»

(следовательно, Смит вычитает теперь орудия труда и сырье),

«т. е. чистый доход обнимает то, что они могут, не затрагивая своего капитала, обратить в *фонд непосредственного потребления...*» [Русский перевод, том I, стр. 239].

(Итак, теперь мы узнаём, что цена или меновая стоимость совокупной суммы товаров содержит в себе как у отдельного капиталиста, так и для всей страны, еще и четвертую часть, которая ни для кого не образует дохода и не может быть сведена ни к заработной плате, ни к прибыли, ни к ренте.)

«Очевидно, что все расходы на поддержание *основного капитала* подлежат вычету из чистого дохода общества. Ни *материалы, необходимые* для содержания в исправности полезных машин, промышленных орудий, зданий, приносящих доход, и пр., ни *продукт труда, необходимого* для придания этим материалам надлежащей формы, никогда не могут составить какую-либо часть *чистого* дохода. Правда, *цена этого труда* может составить часть чистого дохода, так как занятые этим трудом рабочие могут обратить *всю стоимость* [269] *своей заработной платы в фонд непосредственного потребления*. Но, в отличие от этого, в других отраслях труда и *цена труда и продукт его входят в фонд непосредственного потребления*: именно — цена труда входит в фонд рабочих, а продукт — в фонд других лиц, у которых средства существования, удобства и удовольствия увеличиваются благодаря труду этих рабочих» (там же, стр. 214—215) * [Русский перевод, том I, стр. 239].

Здесь А. Смит опять шарахается в сторону от того вопроса, на который он должен ответить, — от вопроса о четвертой части совокупной цены товара, о той части, которая не сводится ни к заработной плате, ни к прибыли, ни к ренте. Прежде всего отметим крупную ошибку. Ведь у фабриканта машин, как и у всякого другого промышленного капиталиста, труд, придающий надлежащую форму сырому материалу машин и т. д., распадается на необходимый труд и на прибавочный труд, следовательно не только на заработную плату рабочих, но и на прибыль капиталиста. Стоимость же материалов и стоимость тех инструментов, при помощи которых рабочие придают материалам надлежащую форму, не сводится ни к тому, ни к другому. Не имеет никакого отношения к делу то обстоятельство, что продукты, по самой природе своей предназначенные не для индивидуального, а для производственного потребления, не входят в фонд непосредственного потребления. Например, семена (та часть пшеницы, которая служит для посева) по природе своей могли бы войти также и в фонд потребления, но экономически они должны войти в фонд производства. А затем совершенно неверно, будто вся цена продуктов, предназначенных для индивидуального потребления, вместе с продуктом входит в *фонд потребления*. Например, холст, если он не идет на паруса и не используется для какой-либо другой производственной цели, входит в качестве продукта целиком в потребление; но этого нельзя сказать о его цене, ибо часть этой цены возмещает льняную пряжу, другая — ткацкие станки и т. д., и только часть цены холста сводится к доходу того или другого рода.

Адам только что сказал нам, что материалы, необходимые для постройки машин, зданий, приносящих доход, и т. д., — точно

* К этому месту рукой Маркса сделана приписка карандашом: «Это все же ближе к правильному взгляду, чем представления других экономистов». Ред.

так же, как и построенные из этих материалов машины и пр., — «никогда не могут составить какую-либо часть *чистого* дохода»; значит, они входят в валовой доход. Но вскоре после этого, в той же 2-й главе II книги, на стр. 220, он говорит обратное:

«Машины и рабочие инструменты и т. д., составляющие *основной капитал* отдельного лица или общества, не образуют никакой части *ни их валового дохода, ни их чистого дохода*, точно так же и *деньги*» и т. д. [Русский перевод, том I, стр. 241].

Эти блуждания Адама, его противоречия, его отклонения от предмета доказывают, что он здесь попал в тупик и что он неизбежно должен был запутаться, коль скоро заработная плата, прибыль и рента превратились у него в конститутивные составные части меновой стоимости или совокупной цены продукта.

[9] СЭЙ КАК ВУЛЬГАРИЗАТОР ТЕОРИИ СМИТА. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВАЛОВОГО ПРОДУКТА С ОБЩЕСТВЕННЫМ ДОХОДОМ У СЭЯ. ПОПЫТКИ ИХ РАЗЛИЧЕНИЯ У ШТОРХА И РАМСЕЯ]

У Сэя, который пытается скрыть свою пошлую поверхностность тем, что он непоследовательности и промахи А. Смита растворяет в совершенно общих фразах, мы читаем:

«Нация, взятая в целом, вовсе не имеет чистого продукта. Так как стоимость *продуктов* равняется *издержкам* их производства, то, вычитая эти *издержки*, мы вычитаем всю *стоимость продуктов*... *Годовой доход* есть *валовой доход*» («Traité d'économie politique», 3-е издание, Париж, 1817, том II, стр. 469).

Стоимость суммы продуктов, произведенных за год, равняется количеству материализованного в них [270] рабочего времени. Если вычесть эту совокупную стоимость из произведенного за год продукта, то, действительно, — поскольку речь идет о стоимости, — никакой стоимости не остается, и тем самым приходит конец как чистому, так и валовому доходу. Но Сэй полагает, что ежегодно производимые стоимости ежегодно и потребляются. Поэтому-де для нации в целом не существует вовсе чистого продукта, а существует только валовой продукт. Во-первых, неверно, что ежегодно производимые стоимости ежегодно и потребляются. Со значительной частью основного капитала дело обстоит не так. Значительная часть произведенных за год стоимостей входит в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости; это значит: не вся совокупная стоимость этих предметов потребляется в течение года. А во-вторых, определенную часть ежегодно потребляемых стоимостей образуют те стоимости, которые, не входя в фонд

потребления, потребляются как средства производства, возвращаемые — либо в их собственной натуральной форме, либо в виде эквивалентов — процессу производства, откуда они и вышли. Вторую часть образуют те стоимости, которые — после вычета указанной первой части — могут войти в индивидуальное потребление. Они составляют «чистый продукт».

Шторх говорит по поводу этой сеевской дребедени:

«Ясно, что стоимость годового продукта разлагается частью на капиталы и частью на прибыли и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, в которых нуждается нация как для поддержания в сохранности своего капитала, так и для возобновления своего фонда потребления» (*Storch. Cours d'économie politique*, том V: *Considérations sur la nature du revenu national*. Paris, 1824, стр. 134—135). «Поставим себе такой вопрос: равен ли доход семьи, которая удовлетворяет все свои потребности своим собственным трудом, чему много примеров мы имеем в России, ...равен ли доход такой семьи валовому продукту ее земли, ее капитала и ее труда? Может ли она жить в своих амбарах и хлевах, проедать свой семенной фонд и предназначенный для скота корм, одеваться в шкуры своего рабочего скота, пользоваться своими земледельческими орудиями для развлечения? Согласно тезису господина Сэя, пришлось бы ответить утвердительно на все эти вопросы» (там же, стр. 135—136). «Сэй рассматривает валовой продукт как доход общества и отсюда делает вывод, что общество может потребить стоимость, равную этому продукту» (там же, стр. 145). «Чистый доход нации состоит не из избытка произведенных стоимостей над всей суммой потребленных стоимостей, как это изображает Сэй, а только из избытка над стоимостями, потребленными в целях производства. Поэтому, если нация в течение года потребляет весь этот избыток, то она потребляет весь свой чистый доход» (там же, стр. 146). «Если допустить, что доход нации равен ее валовому продукту, т. е. что из этого продукта не пужно вычитать никакого капитала, то следовало бы также допустить, что нация может непродуманно израсходовать всю стоимость своего годового продукта, не нанося ни малейшего ущерба своему будущему доходу» (там же, стр. 147). «Продукты, составляющие капитал нации» (*постоянный капитал*), «не могут идти в потребление» (там же, стр. 150).

Рамсей (Джордж) в «*An Essay on the Distribution of Wealth*» (Edinburgh, 1836) делает следующее замечание о том же предмете, т. е. о том, что А. Смит называет «четвертой составной частью совокупной цены», а я — постоянным капиталом в отличие от капитала, затрачиваемого на заработную плату:

[271] «Рикардо», — говорит он, — «забывает, что весь продукт разлагается не только на заработную плату и прибыль, но что одна часть необходима еще для возмещения основного капитала» (стр. 174, примечание).

Под «основным капиталом» Рамсей понимает не только орудия производства и т. п., но также и сырье, короче — то, что я называю постоянным капиталом в пределах каждой сферы производства. Когда Рикардо говорит о разделении продукта на прибыль и заработную плату, он постоянно предполагает,

что авансированный самому производству и потребленный в нем капитал уже вычтен. И тем не менее Рамсей в основном прав. Не подвергая постоянную часть капитала какому бы то ни было дальнейшему анализу, пренебрегая ею, Рикардо делает грубые ошибки и, в частности, смешивает прибыль и прибавочную стоимость, затем делает ошибки при исследовании колебаний нормы прибыли и т. д.

Но послушаем, что говорит сам Рамсей:

«Каким образом возможно сравнение продукта с затраченным на него капиталом?.. Если иметь в виду нацию в целом.., то совершенно ясно, что все различные элементы затраченного капитала должны быть воспроизведены в той или другой отрасли хозяйства, так как в противном случае производство страны не могло бы дальше вестись в прежних размерах. Сырой материал промышленности, орудия, употребляемые в ней, а также и в сельском хозяйстве, многочисленные и сложные машины в промышленности, постройки, необходимые для производства или хранения продуктов, — все это, в качестве составных частей, должно входить как в совокупный продукт страны, так и во все авансы ее капиталистических предпринимателей. Количество совокупного продукта может быть поэтому сравнено с количеством авансов — благодаря тому, что каждый предмет можно себе представить стоящим как бы рядом с другим предметом того же рода» (там же, стр. 137—139). «Что же касается каждого капиталиста в отдельности, то — в силу того обстоятельства, что он не *возмещает* свои затраты в натуре, а большую часть их должен получить посредством обмена, для чего необходима определенная доля продукта, — в силу этого каждый отдельный капиталистический предприниматель вынужден обращать гораздо больше внимания на меновую стоимость своего продукта, чем на его количество» (там же, стр. 145—146). «Чем больше *стоимость* его *продукта* превышает *стоимость* авансированного *капитала*, тем большей будет его прибыль. Таким образом, капиталист будет исчислять прибыль, сравнивая стоимость со стоимостью, а не количество с количеством... Прибыль должна повышаться или понижаться в такой же точно степени, в какой понижается или повышается та доля валового продукта или его *стоимости*, которая требуется для *возмещения* *необходимых* авансов... Поэтому норма прибыли зависит от двух обстоятельств: во-первых, от той доли всего продукта, которая достается рабочим; во-вторых, от той доли, которая должна быть отложена для возмещения основного капитала в натуре или путем обмена» (там же, стр. 146—148).

{То, что Рамсей говорит здесь о норме прибыли, подлежит рассмотрению в главе III (о прибыли)⁴⁰. Важно то, что он правильно подчеркивает этот элемент. С одной стороны, прав Рикардо, когда он говорит, что удешевление товаров, образующих постоянный капитал (его-то и имеет в виду Рамсей, говоря об «основном капитале»), всегда понижает стоимость определенной части наличного капитала. Это относится в особенности к основному капиталу в собственном смысле — к машинам и т. д. Для отдельного капиталиста нет никакой выгоды в том, что прибавочная стоимость увеличивается по сравнению со всем его капиталом, если подобное повышение ее уровня вызвано

понижением совокупной стоимости его постоянного капитала (которым капиталист владел еще до понижения этой стоимости). Но это лишь в весьма незначительной мере применимо к той части капитала, которая состоит из сырья или из готовых товаров (не входящих в основной капитал). Эта наличная их масса, могущая претерпеть подобное уменьшение стоимости, всегда составляет лишь ничтожную величину по сравнению с совокупной продукцией. У каждого отдельного капиталиста это лишь в незначительной мере имеет силу для той части его капитала, которая вложена в оборотный капитал. С другой стороны, ясно, что так как прибыль равняется отношению прибавочной стоимости к совокупному авансированному капиталу и так как количество труда, которое может быть поглощено, зависит не от стоимости, а от массы сырья и от эффективности средств производства, не от их меновой стоимости, а от их потребительной стоимости, — то имеет место следующее: чем производительнее труд в тех отраслях, продукт которых [272] участвует в образовании постоянного капитала, чем меньше затраты на постоянный капитал, необходимый для производства определенного количества прибавочной стоимости, — тем больше отношение этой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу и, следовательно, тем выше, при данной массе прибавочной стоимости, норма прибыли.}

(То, что Рамсей рассматривает как два самостоятельных явления — возмещение продукта продуктом в процессе воспроизводства, когда речь идет о всей стране, и возмещение стоимости стоимостью, когда речь идет об отдельном капиталисте, — сводится к двум аспектам, которые оба, даже по отношению к отдельному капиталу, должны быть приняты во внимание при анализе *процесса обращения капитала, процесса, одновременно являющегося и процессом воспроизводства.*)

Рамсей не разрешил того действительного затруднения, которое занимало А. Смита и запутало его во всякого рода противоречиях. Чтобы представить это затруднение в наиболее резкой форме, сформулируем его следующим образом. Весь капитал (в качестве стоимости) сводится к труду, он — не что иное, как известное количество овеществленного труда. Но оплаченный труд равняется заработной плате рабочих, неоплаченный труд равняется прибыли капиталистов. Следовательно, весь капитал может быть сведен, прямо или косвенно, к заработной плате и прибыли. Или, может быть, где-нибудь выполняется такой труд, который не сводится ни к заработной плате, ни к прибыли и имеет целью лишь возмещение тех стоимостей, которые были потреблены в процессе производства и в то же

время являются условиями воспроизводства? Но кто же выполняет этот труд? Ведь всякий труд рабочего распадается на две части, из которых одна идет на восстановление его собственной рабочей силы, а другая образует прибыль на капитал.

[10] ИССЛЕДОВАНИЕ ТОГО, КАКИМ ОБРАЗОМ ВОЗМОЖНО, ЧТО ГОДОВАЯ ПРИБЫЛЬ И ГОДОВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ПОКУПАЮТ ПРОИЗВЕДЕННЫЕ ЗА ГОД ТОВАРЫ, КОТОРЫЕ, КРОМЕ ПРИБЫЛИ И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, СОДЕРЖАТ ЕЩЕ И ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ ⁴¹

[а] НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДМЕТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПУТЕМ ОБМЕНА СРЕДИ ЭТИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ]

Для того чтобы устранить из проблемы всякую обманчивую примесь, заметим предварительно еще следующее. Когда капиталист превращает часть своей прибыли, своего дохода, в капитал, в средства труда и материал труда, то он оплачивает то и другое той частью труда, которую рабочий выполнил для него бесплатно. Здесь налицо некоторое новое количество труда, образующее эквивалент для некоторого нового количества товаров — таких именно товаров, которые по своей потребительной стоимости представляют собой средства труда и материал труда. Этот случай относится, стало быть, к накоплению капитала и не содержит в себе никаких затруднений; мы имеем здесь дело с ростом постоянного капитала за его прежние границы, или с образованием нового постоянного капитала сверх той его массы, которая уже существует и подлежит возмещению. Затруднение относится к воспроизводству *уже существующего* постоянного капитала, а не к образованию нового постоянного капитала сверх той его массы, которая подлежит воспроизводству. Новый постоянный капитал явно ведет свое происхождение из прибыли; он существовал одно мгновение в форме дохода, превратившегося вслед за тем в капитал. Эта часть прибыли сводится к *тому прибавочному рабочему времени, которое общество и без существования капитала должно было бы постоянно затрачивать, чтобы иметь в своем распоряжении, так сказать, фонд дальнейшего развития — фонд, необходимость которого вызывается уже ростом населения.*

{Хорошее пояснение относительно постоянного капитала, но лишь со стороны его потребительной стоимости, мы находим у Рамсея на стр. 166 его книги, где он говорит:

«Как бы ни изменялась величина валового продукта» (например, у фермера), «то количество его, которое требуется для возмещения всего

того, что в различных формах было потреблено в процессе производства, не подлежит никакому изменению. Это количество должно рассматриваться как *постоянное*, пока производство ведется в прежних размерах».

Итак, прежде всего надо исходить из следующего факта: новообразование постоянного капитала, в отличие от воспроизводства уже существующего постоянного капитала, имеет своим источником прибыль; при этом предполагается, что, с одной стороны, заработной платы хватает лишь на воспроизводство рабочей силы и что, с другой стороны, вся прибавочная стоимость целиком входит в категорию «прибыли», так как *непосредственно присваивает* всю прибавочную стоимость не кто иной, как промышленный капиталист, независимо от того, кому и где ему приходится впоследствии отдавать часть ее.

{«Капиталистический предприниматель является всеобщим распределителем богатства: он выплачивает рабочим заработную плату, капиталисту (денежному) — ссудный процент, земельному собственнику — ренту» (Рамсей, стр. 218—219).

Называя всю прибавочную стоимость прибылью, мы рассматриваем капиталиста как то лицо, которое 1) непосредственно присваивает всю созданную прибавочную стоимость и 2) распределяет эту прибавочную стоимость так, что в этом дележе участвуют он сам, денежный капиталист и собственник земли.}

[VII—273] Однако то обстоятельство, что этот новый постоянный капитал возникает из прибыли, означает только, что он обязан своим происхождением определенной части прибавочного труда рабочих. Это аналогично тому, как дикарь — помимо времени, затрачиваемого на охоту, — должен затрачивать еще какое-то время на изготовление лука, а крестьянин, при патриархальном земледелии, — помимо времени, идущего на обработку земли, — должен затрачивать определенное количество рабочего времени на изготовление большей части своих орудий.

Но вопрос здесь в том, кто именно работает, чтобы возместить эквивалент постоянного, уже затраченного в производстве, капитала? Та часть труда, которую рабочий выполняет для самого себя, возмещает его заработную плату или, если рассматривать все производство в целом, создает его заработную плату. Напротив, его прибавочный труд, образующий прибыль, отчасти составляет фонд потребления для капиталиста, отчасти превращается в добавочный капитал. Но капиталист не этим прибавочным трудом, или прибылью, возмещает тот капитал, который уже затрачен в его собственном производстве. {Если бы дело обстояло так, то прибавочная стоимость служила бы не фондом для нового капиталобразования, а фондом для

сохранения старого капитала.} Однако необходимый труд, образующий заработную плату, и прибавочный труд, образующий прибыль, заполняет собой весь рабочий день, не оставляя места для какого бы то ни было другого труда. («Труд по надзору», выполняемый — предположительно — капиталистом, включен в заработную плату. С этой стороны капиталист является наемным рабочим, хотя и не другого капиталиста, а своего собственного капитала.) Откуда же берется тот источник, тот труд, который возмещает постоянный капитал?

Та часть капитала, которая израсходована на заработную плату, возмещается (не говоря уже о прибавочном труде) новым производством. Рабочий потребляет заработную плату, но он присоединяет столько же нового труда, сколько он уничтожил старого, а если мы будем рассматривать весь рабочий класс в целом, не допуская того, чтобы разделение труда сбивало нас с толку, то увидим, что рабочий воспроизводит не только ту же самую стоимость, но и те же самые потребительные стоимости, так что — в зависимости от производительности его труда — одна и та же стоимость, одно и то же количество труда воспроизводит себя в виде большей или меньшей массы тех же самых потребительных стоимостей.

В какой бы момент времени мы ни взяли общество, мы увидим, что одновременно во всех сферах производства существует, хотя и в весьма различных соотношениях, определенный постоянный капитал, который предполагается как условие производства, раз навсегда принадлежит производству и должен быть возвращен ему — подобно тому, как семена возвращаются почве. *Стоимость* этой постоянной части может, правда, понижаться или повышаться в зависимости от того, дешевле или дороже обходится воспроизводство тех товаров, из которых эта часть состоит. Однако такое *изменение стоимости* никогда не мешает тому, чтобы постоянная часть капитала, входящая в производственный процесс как условие производства, представляла собой в этом процессе заранее данную стоимость, которая должна снова появиться в стоимости продукта. Это изменение стоимости самого постоянного капитала можно, следовательно, оставить здесь без внимания. При всех обстоятельствах он фигурирует здесь как определенное количество *прошлого, овеянного* труда, которое переходит в стоимость продукта как один из определяющих ее факторов. Поэтому мы, — для того чтобы резче очертить проблему, — примем, что издержки производства ⁴², или стоимость, постоянной части капитала тоже не изменяются, остаются постоянными. Дело нисколько не меняется также и от того, что, например,

в течение одного года не вся стоимость постоянного капитала переходит в продукты, что она, — поскольку речь идет о стоимости основного капитала, — лишь в течение ряда лет переходит в произведенную за это время массу продуктов. Ибо речь идет здесь только о той части постоянного капитала, которая действительно потребляется в течение года и, следовательно, должна быть и возмещена в течение того же года.

Совершенно очевидно, что вопрос о воспроизводстве постоянного капитала относится к отделу о процессе воспроизводства или процессе обращения капитала, но это не мешает тому, чтобы основная проблема была разобрана уже здесь.

[274] Возьмем прежде всего заработную плату рабочего. Он получает определенную сумму денег, в которой материализовано, допустим, 10 часов труда, при рабочем дне в 12 часов, отдаваемых им капиталисту. Эта заработная плата превращается в жизненные средства. Все эти жизненные средства являются товарами. Предполагается, что цена этих товаров равна их стоимости. Однако в их стоимости имеется такая составная часть, которая покрывает собой стоимость содержащихся в них сырья и изношенных средств производства. Но все составные части стоимости этих товаров, взятые вместе, содержат в себе, как и израсходованная рабочим заработная плата, только 10 часов труда. Предположим, что $\frac{2}{3}$ стоимости этих товаров состоят из стоимости содержащегося в них постоянного капитала, а $\frac{1}{3}$, напротив, из труда, завершившего процесс производства и превратившего продукт в предмет потребления. Таким образом, рабочий своими 10-ю часами живого труда возмещает $\frac{2}{3}$ постоянного капитала и $\frac{1}{3}$ живого (в течение года присоединенного к предмету) труда. Если бы в жизненных средствах — в товарах, покупаемых рабочим, — вовсе не содержалось постоянного капитала; если бы необходимое для их производства сырье ничего не стоило и никаких орудий труда при этом не требовалось бы, — то возможно было бы одно из двух. Либо товары содержали бы в себе, как и прежде, 10 часов труда. В таком случае рабочий возместил бы 10 часов живого труда 10-ю же часами живого труда. Либо та же самая масса потребительных стоимостей, в которую превращается его заработная плата и которая необходима ему для воспроизводства его рабочей силы, стоила бы только $3\frac{1}{3}$ часа труда (предполагается отсутствие орудий труда и такого сырья, которое само было бы уже продуктом труда). В последнем случае необходимый труд рабочего составлял бы только $3\frac{1}{3}$ часа, и его заработная плата понизилась бы на самом деле до $3\frac{1}{3}$ часа овеществленного рабочего времени.

Предположим, что товаром является холст — 12 арш. холста (нас, конечно, совершенно не интересует здесь, какова действительная цена) = 36 шилл., или 1 ф. ст. 16 шилл. Пусть $\frac{1}{3}$ этой суммы составляет присоединенный труд, а $\frac{2}{3}$ приходится на сырье (пряжу) и износ машин. Допустим, что необходимое рабочее время равно 10 часам; следовательно, прибавочный труд равен 2 часам. Пусть один час труда, выраженный в деньгах, равняется 1 шилл. В таком случае 12 часов труда = 12 шилл., заработная плата = 10 шилл., прибыль = 2 шилл. Предположим, что всю заработную плату и всю прибыль, составляющие вместе 12 шилл., другими словами всю стоимость, присоединенную к сырью и машинам, все количество нового рабочего времени, материализованное в процессе превращения пряжи в холст, рабочий и капиталист израсходовали на покупку этого самого холста в качестве предмета потребления. (Возможно, что впоследствии на покупку продукта собственного производства будет затрачено более одного рабочего дня.) Аршин холста стоит 3 шилл. На 12 шилл., если сложить заработную плату и прибыль, рабочий и капиталист вместе могут купить только 4 арш. холста. В этих 4 арш. холста содержится 12 часов труда, из которых, однако, только 4 представляют вновь присоединенный труд, а 8 представляют труд, овеществленный в постоянном капитале. На 12 часов труда заработная плата и прибыль вместе покупают только одну треть своего совокупного продукта, так как две трети этого совокупного продукта состоят из постоянного капитала. 12 часов труда распадаются на 4 + 8, из которых 4 возмещают сами себя, а 8 возмещают тот труд, который, независимо от труда, присоединенного в процессе тканья, вошел в этот процесс в материализованной уже форме, в виде пряжи и машины.

Итак, что касается той части продукта, или товара, которая обменивается или покупается на заработную плату и прибыль в качестве предмета потребления (или для какой-либо цели, связанной с самим воспроизводством, ибо цель, ради которой покупается товар, несколько не меняет дела), — то ясно, что часть стоимости этого продукта, соответствующая постоянному капиталу, оплачивается из фонда вновь присоединенного труда, который распадается на заработную плату и прибыль. Много ли или мало постоянного капитала, много ли или мало труда, присоединенного в последнем процессе производства, покупается на заработную плату и прибыль, вместе взятые; в каких пропорциях оплачивается труд, присоединенный на последней стадии производства, и в каких пропорциях оплачивается труд, овеществленный в постоянном капитале, — все это зависит

от той первоначальной пропорции, в какой они, как составные части стоимости, вошли в готовый товар. Ради упрощения мы предполагаем отношение двух третей труда, овеществленного в постоянном капитале, к одной трети вновь присоединенного труда.

[275] В связи с этим выясняются следующие два момента:

Во-первых. Отношение, предположенное нами для холста, т. е. для того случая, когда рабочий и капиталист реализуют заработную плату и прибыль в товаре собственного производства, когда они покупают обратно часть своего собственного продукта, — это отношение не изменяется, если они ту же самую сумму стоимости расходуют на другие продукты. Согласно сделанному предположению, что в каждом товаре содержится $\frac{2}{3}$ постоянного капитала и $\frac{1}{3}$ вновь присоединенного труда, заработная плата и прибыль, вместе взятые, всегда могут купить только $\frac{1}{3}$ продукта. 12 часов труда = 4 арш. холста. Если эти 4 арш. холста превращаются в деньги, то они существуют в виде 12 шилл. Если эти 12 шилл. превращаются, в свою очередь, не в холст, а в другой товар, то они покупают товар стоимостью в 12 часов труда, из которых 4 часа составляют вновь присоединенный труд, а 8 — труд, овеществленный в постоянном капитале. Следовательно, это отношение является всеобщим при том предположении, что в других товарах так же, как и в холсте, существует то же первоначальное отношение между трудом, присоединенным на последней стадии производства, и тем трудом, который овеществлен в постоянном капитале.

Во-вторых. Если вновь присоединенный за день труд равен 12 часам, то из этих 12 часов только 4 возмещают сами себя, т. е. возмещают живой, вновь присоединенный труд, тогда как 8 оплачивают труд, овеществленный в постоянном капитале. Но кто же оплачивает эти 8 часов живого труда, не возмещаемые этим же самым живым трудом? Оплачивают их те именно 8 часов овеществленного труда, которые содержатся в постоянном капитале и обмениваются на 8 часов живого труда.

Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что та часть готового товара, которая покупается на всю сумму заработных плат и прибылей (взятые вместе, они представляют не что иное, как совокупное количество труда, вновь присоединенного к постоянному капиталу), возмещается во всех своих элементах. Возмещается вновь присоединенный труд, содержащийся в этой части, а равно и то количество труда, которое содержится в постоянном капитале. Не подлежит, далее, никакому сомнению, что содержащийся в постоянном капитале

труд получил при этом свой эквивалент из фонда живого, вновь присоединенного к нему труда.

Но здесь-то и начинается затруднение. *Совокупный продукт* 12-часового ткацкого труда, — а этот совокупный продукт весьма отличается от того, что произвел ткацкий труд сам по себе, — равен 12 арш. холста стоимостью в 36 часов труда или 36 шилл. Но заработная плата и прибыль, вместе взятые, или совокупное рабочее время в 12 часов, могут из этих 36 часов труда выкупить *только* 12; другими словами, из совокупного продукта они могут выкупить всего только 4 арш., ни на один аршин больше. Что же будет с остальными 8 арш.? (*Форкад, Прудон* ⁴³.)

Заметим прежде всего, что 8 арш. представляют не что иное, как затраченный постоянный капитал. Но этот последний получил измененную форму потребительной стоимости. Он существует в виде нового продукта, уже не в виде пряжи, ткацкого станка и т. д., а в виде холста. Эти 8 арш. холста, как и 4 остальных, купленных на заработную плату и прибыль, состоят, по стоимости, на одну треть — из труда, присоединенного в процессе тканья, и на две трети — из труда прошлого, материализованного в постоянном капитале. Но если раньше, при 4 арш., одна треть вновь присоединенного труда покрывала содержащийся в 4 арш. ткацкий труд, т. е. самоё себя, а остальные две трети ткацкого труда покрывали содержащийся в 4 арш. холста постоянный капитал, то теперь, наоборот, содержащийся в 8 арш. холста постоянный капитал покрывается двумя третями постоянного капитала, а содержащийся в них вновь присоединенный труд покрывается одной третью постоянного капитала.

Что же будет теперь с этими 8 арш. холста, содержащими в себе, впитавшими в себя стоимость всего постоянного капитала, — стоимость, которая в течение 12-часового ткацкого труда переносилась на продукт, входила в процесс его производства, а теперь существует в форме продукта, предназначенного для непосредственного, индивидуального (не производственного) потребления?

Эти 8 арш. принадлежат капиталисту. Если бы он захотел их сам потратить, — подобно тому, как он потратил те $\frac{2}{3}$ арш., которые представляют его прибыль, — [276] то он не мог бы воспроизвести постоянный капитал, участвующий в 12-часовом процессе тканья; он вообще не мог бы — поскольку речь идет о капитале, участвующем в этом двенадцатичасовом процессе, — продолжать функционировать как капиталист. Итак, он продает 8 арш. холста, превращает их в деньги на сумму в 24 шилл.,

или 24 часа труда. Но здесь-то мы и наталкиваемся на затруднение. Кому он продает их? В чьи деньги он превращает их? К этому мы скоро вернемся. Пока же проследим дальнейший ход процесса.

Как только капиталист превратил в деньги, продал, перевел в форму меновой стоимости 8 арш. холста, — т. е. ту часть стоимости своего продукта, которая равна авансированному им постоянному капиталу, — он на вырученные деньги снова покупает товары, однородные (по своим потребительным стоимостям) с теми товарами, из которых первоначально был составлен его постоянный капитал: он покупает пряжу, ткацкий станок и т. д. Он распределяет 24 шилл. на покупку сырья и орудий производства в такой пропорции, в какой они нужны для изготовления нового холста.

Таким образом, его постоянный капитал, в отношении потребительной стоимости, возмещен новыми продуктами такого же труда, что и те продукты, из которых он состоял первоначально. Капиталист воспроизвел постоянный капитал. Но эта новая пряжа, новый ткацкий станок и т. д. состоят точно так же (согласно предположению) на две трети из постоянного капитала и на одну треть из вновь присоединенного труда. Следовательно, если первые 4 арш. холста (вновь присоединенный труд и постоянный капитал) были оплачены исключительно вновь присоединенным трудом, то эти 8 арш. холста возмещаются необходимыми для данного производства вновь произведенными элементами, которые состоят частью из вновь присоединенного труда, частью из постоянного капитала. Таким образом, по крайней мере часть постоянного капитала обменивается, по-видимому, на постоянный же капитал в другой форме. Возмещение продуктов есть нечто реальное, так как — одновременно с переработкой пряжи в холст — лен перерабатывается в пряжу, а семена льна — в лен; точно так же одновременно с изнашиванием ткацкого станка изготавливается новый ткацкий станок, а во время изготовления этого последнего добываются вновь дерево и железо. Одновременно с тем, как определенные элементы производятся в данной сфере производства, в другой сфере происходит их переработка. И хотя каждый из всех этих *одновременных* процессов производства представляет более высокую стадию изготовления продукта, однако во всех них одновременно потребляется в различных пропорциях постоянный капитал.

Итак, стоимость готового продукта, холста, распадается на две части, из которых одна вновь покупает произведенные в это самое время элементы постоянного капитала, а другая

расходуется на предметы потребления. Для упрощения мы здесь совершенно не принимаем во внимание обратное превращение части прибыли в капитал, т. е. допускаем — как и во всем этом исследовании, — что заработная плата плюс прибыль, т. е. вся сумма труда, присоединенного к постоянному капиталу, потребляется как доход.

Остается только ответить на вопрос: кто именно покупает ту часть совокупного продукта, стоимость которой затрачивается на то, чтобы опять купить вновь произведенные за это время элементы постоянного капитала? Кто покупает 8 арш. холста? Чтобы отрезать путь каким бы то ни было уверткам, мы принимаем, что это такой сорт холста, который предназначен специально для индивидуального потребления, а не — как, например, парусный холст — для потребления производственного. Необходимо также оставить здесь в стороне чисто промежуточные торговые операции, поскольку они являются лишь посредническими. Например, если 8 арш. холста продаются купцу и проходят через руки не одного, а целых двадцати купцов, двадцать раз покупаются и снова продаются, то в двадцатый раз они, в конце концов, должны быть проданы купцом действительному потребителю, — этот последний, таким образом, на самом деле платит либо производителю, либо *последнему*, двадцатому купцу, представляющему по отношению к потребителю *первого купца*, т. е. действительного производителя. Эти промежуточные сделки отодвигают или, если угодно, спосредствуют заключительную сделку, но не объясняют ее. Вопрос остается тем же самым, спросим ли мы: кто покупает 8 арш. холста у фабриканта холста? — или же спросим: [277] кто покупает их у двадцатого купца, в руки которого они попали путем целого ряда меновых сделок?

Эти 8 арш. холста совершенно так же, как и первые 4 арш., должны перейти в фонд потребления. Это значит, что они могут быть оплачены только из заработной платы и прибыли, ибо заработная плата и прибыль являются единственными источниками дохода для производителей, которые одни только и фигурируют здесь как потребители. 8 арш. холста содержат 24 часа труда. Допустим (считая 12 часов труда за общепринятый нормальный рабочий день), что рабочий и капиталист двух других отраслей расходуют всю свою заработную плату и прибыль на холст, подобно тому, как в ткацкой промышленности рабочий и капиталист израсходовали на холст весь свой рабочий день (рабочий — свои 10 часов, капиталист — полученные им от рабочего 2 часа прибавочной стоимости, приходящиеся на эти 10 часов). В таком случае фабрикант холста

продал бы свои 8 арш.; тем самым была бы возмещена приходящаяся на 12 арш. *стоимость* его постоянного капитала, и эта стоимость могла бы быть снова затрачена на те определенные товары, из которых состоит постоянный капитал, *так как* эти находящиеся на рынке товары — пряжа, ткацкий станок и пр. — производились в то самое время, когда пряжа и ткацкий станок перерабатывались в холст. То обстоятельство, что *производство* пряжи и ткацкого станка как продуктов *совершается одновременно* с тем процессом производства, в который они входят как продукты, но из которого они выходят уже не в качестве самостоятельных продуктов, — это обстоятельство делает понятным, почему та часть *стоимости* холста, которая равняется стоимости переработанного в нем материала, ткацкого станка и пр., может быть снова превращена в пряжу, ткацкий станок и пр. Если бы это производство элементов холста не происходило одновременно с производством самого холста, то 8 арш. холста — даже в том случае, если бы они были проданы, превращены в деньги, — не могли бы быть обратно превращены из денег в постоянные элементы холста *.

Но, с другой стороны, хотя на рынке и имеется новая пряжа, новый ткацкий станок и т. д. и процесс производства новой пряжи, нового ткацкого станка происходил, следовательно, в то самое время, когда готовая пряжа и готовый ткацкий станок превращались в холст; хотя пряжа и ткацкий станок производились, таким образом, одновременно с холстом, — несмотря на это, 8 арш. холста не могут быть обратно превращены в эти вещественные элементы постоянного капитала ткацкого производства до тех пор, пока они не будут проданы, пока они не будут превращены в деньги. Стало быть, непрерывное реальное производство элементов холста, которое все время идет параллельно производству самого холста, еще не может объяснить нам воспроизводство постоянного капитала, пока мы не знаем, откуда берется фонд, необходимый для того, чтобы купить 8 арш. холста, для того, чтобы вернуть им форму денег, самостоятельной меновой стоимости.

Чтобы разрешить это последнее затруднение, мы приняли, что *B* и *C*, — скажем, сапожник и мясник, — целиком расходуют на холст всю сумму своей заработной платы и прибыли, т. е. 24 часа рабочего времени, которыми они располагают. Что касается *A*, ткача холста, то мы этим путем вышли из за-

* Как это происходит, например, в настоящее время, вследствие Гражданской войны в Америке, с пряжей и ситцем хлопчатобумажных фабрикантов. Одна лишь продажа их продукта не обеспечивает им указанного обратного превращения, так как на рынке нет хлопка.

труднения. Весь его продукт, 12 арш. холста, в которых ове­ществлены 36 часов труда, возмещен исключительно заработной платой и прибылью, т. е. всей суммой рабочего времени, вновь присоединенного к постоянному капиталу в сферах произ­водства *А*, *В* и *С*. Все содержащееся в холсте рабочее время, — как воплощенное уже раньше в его постоянном капитале, так и вновь присоединенное в процессе тканья, — теперь обменено на такое рабочее время, которое не существовало уже раньше, в виде постоянного капитала, в какой-либо сфере производства, а в одно и то же время было присоединено к постоянному капи­талу *на последней стадии производства* в трех указанных сферах — *А*, *В* и *С*.

Итак, если по-прежнему ошибочно было бы сказать, что первоначальная стоимость холста распадается только на зара­ботную плату и прибыль, — ибо она в действительности распа­дается на стоимость, равную сумме заработной платы и прибыли, т. е. 12 часам тканья, и на 24 часа труда, которые, независимо от процесса тканья, содержались в пряже, в ткацком станке, одним словом в постоянном капитале, — то, напротив, правиль­но было бы сказать, что эквивалент 12 арш. холста, т. е. 36 шилл., за которые они проданы, распадается только на зара­ботную плату и прибыль, что, следовательно, не только ткацкий труд, но также и труд, содержащийся в пряже и ткацком станке, возмещаются исключительно вновь присоединенным трудом, а именно: 12 часами труда в *А*, 12 часами в *В* и 12 часами в *С*.

Стоимость, которой обладает сам проданный товар, распа­дается [278] на вновь присоединенный труд (заработную плату и прибыль) и на прошлый труд (стоимость постоянного капи­тала); такова стоимость товара для продавца (а это и есть действительная стоимость товара). Напротив, стоимость, поку­пающая этот товар, — эквивалент, который покупатель дает продавцу, — свелась в нашем примере исключительно к вновь присоединенному труду, к заработной плате и прибыли. Но так как всякий товар до того, как он продан, есть товар, подле­жащий продаже, а в деньги он превращается лишь посредством простого изменения формы, то всякий товар, в качестве прода­ваемого товара, должен был бы в таком случае состоять из других составных частей стоимости, чем те, из которых он со­стоит в качестве товара покупающего (в качестве денег). А это нелепо. Далее: труд, выполненный обществом в течение, на­пример, одного года, не только покрывал бы сам себя, — так что если всю товарную массу разделить на две равные части, одна половина годового труда образовала бы эквивалент для другой половины, — но та одна треть труда, которую

в совокупном труде, содержащемся в годовом продукте, составляет труд текущего года, покрывала бы три трети труда, т. е. равнялась бы величине в три раза большей, чем она сама. А это еще более нелепо.

В вышеприведенном примере мы переместили затруднение, передвинув его от *A* к *B* и *C*. Но от этого оно только увеличилось, а отнюдь не стало более простым. *Во-первых*, пока мы имели дело только с *A*, у нас был тот выход, что 4 арш., содержащие столько же рабочего времени, сколько его было присоединено к пряже, — а это составляет сумму прибыли и заработной платы в сфере *A*, — что эти 4 арш. потребляются в виде самого же холста, в продукте собственного труда. Иначе обстоит дело с *B* и *C*, ибо сумму присоединенного ими рабочего времени — сумму заработной платы и прибыли — они потребляют в продукте сферы *A*, в холсте, следовательно не в продукте *B* и *C*. Они, стало быть, должны продавать не только ту часть своего продукта, которая представляет 24 часа труда, содержащиеся в постоянном капитале, но и ту часть своего продукта, которая представляет 12 часов рабочего времени, вновь присоединенного к постоянному капиталу. Сфера *B* должна продать 36 рабочих часов, а не только 24, как это было в сфере *A*. Точно так же обстоит дело и с *C*. *Во-вторых*, для того, чтобы продать постоянный капитал сферы *A*, чтобы сбыть его с рук, превратить в деньги, нужен весь вновь присоединенный труд не только сферы *B*, но также и сферы *C*. *В-третьих*, *B* и *C* не могут продать сфере *A* ни одной доли своего продукта, так как вся та часть продукта *A*, которая сводится к доходу, уже израсходована в самой сфере *A* производителями продукта *A*. *B* и *C* не могут также возместить постоянную часть *A* ни одной частью своего собственного продукта, так как, согласно предположению, их продукты представляют собой не элементы производства *A*, а товары, входящие в индивидуальное потребление. С каждым дальнейшим шагом трудность все возрастает.

Для того чтобы 36 часов, содержащихся в продукте *A* (а именно, $\frac{2}{3}$, или 24 часа, содержащиеся в постоянном капитале, и $\frac{1}{3}$, или 12 часов, вновь присоединенного труда), можно было обменять исключительно на тот труд, который присоединен к постоянному капиталу, — для этого нужно было, чтобы заработная плата и прибыль в *A*, т. е. 12 часов труда, присоединенного в *A*, сами потребили $\frac{1}{3}$ продукта этой же сферы. Остальные $\frac{2}{3}$ совокупного продукта, т. е. 24 часа, представляли стоимость, заключенную в постоянном капитале. Эта стоимость была обменена на всю сумму заработной платы и прибыли сфер *B* и *C*, т. е. на вновь присоединенный труд

в сферах *B* и *C*. Но для того чтобы *B* и *C* могли купить холст на те содержащиеся в их продуктах 24 часа, которые сводятся к заработной плате [и прибыли], они должны продать эти 24 часа в виде своих собственных продуктов. Кроме того, они 48 часов в продуктах своего собственного производства должны продать для возмещения постоянного капитала. Таким образом, им приходится продать продукты *B* и *C* в размере 72 часов в обмен на совокупную сумму прибыли и заработной платы других сфер производства — *D*, *E* и т. д.; при этом (предполагая нормальный рабочий день равным 12 часам) на покупку продуктов *B* и *C* должны быть израсходованы 12×6 , т. е. 72 часа, — т. е. труд, вновь присоединенный в шести других сферах производства; [279] следовательно, должна быть израсходована прибыль и заработная плата сфер *D*, *E*, *F*, *G*, *H*, *I*, иными словами — вся сумма труда, присоединенного к соответствующим постоянным капиталам в этих сферах.

При данных условиях стоимость совокупного продукта *B* + *C* была бы оплачена одним лишь вновь присоединенным трудом, т. е. суммой заработной платы и прибыли в шести сферах производства — *D*, *E*, *F*, *G*, *H*, *I*. Но в этих шести сферах весь совокупный продукт опять-таки должен быть продан (так как ни одна часть их продуктов не потребляется самими их производителями, которые весь свой доход поместили уже в продукты *B* и *C*), и ни одна часть этого совокупного продукта не может быть реализована внутри этих же сфер. Речь идет, стало быть, о продукте 6×36 часов труда, т. е. 216 часов труда, из которых 144 приходятся на постоянный капитал и 72 (т. е. 6×12) — на вновь присоединенный труд. Для того чтобы превратить теперь в свою очередь продукты *D* и т. д. подобным же образом в заработную плату и прибыль, т. е. во вновь присоединенный труд, нужно было бы, чтобы весь труд, вновь присоединенный в 18 сферах производства K^1 — K^{18} , т. е. совокупная сумма заработной платы и прибыли в этих 18 сферах, был целиком затрачен на продукты сфер *D*, *E*, *F*, *G*, *H*, *I*. Эти 18 сфер K^1 — K^{18} , которые сами не потребили ни малейшей доли своего продукта, а, наоборот, весь свой доход затратили уже в шести сферах *D* — *I*, должны, в свою очередь, продать 18×36 часов труда, т. е. 648 часов труда, из которых 18×12 (216 часов) представляли бы вновь присоединенный труд, а 432 — труд, содержащийся в постоянном капитале. Следовательно, для того чтобы свести этот совокупный продукт K^1 — K^{18} к вновь присоединенному в других сферах труду, иными словами к сумме заработной платы и прибыли, — для этого понадобился бы вновь присоединенный труд сфер L^1 — L^{54} ,

а именно $12 \times 54 = 648$ часов труда. Сферы $L^1 - L^{54}$, — для того чтобы обменять на вновь присоединенный труд свой совокупный продукт, равный 1 944 часам (из которых $648 = 12 \times 54$ равны вновь присоединенному труду, а 1 296 часов труда равны труду, содержащемуся в постоянном капитале), — должны были бы поглотить вновь присоединенный труд сфер $M^1 - M^{162}$, ибо $162 \times 12 = 1\,944$; эти последние сферы должны были бы, в свою очередь, поглотить вновь присоединенный труд сфер $N^1 - N^{486}$, и т. д.

Таков тот великолепный *progressus in infinitum* *, к которому нас приводит предположение, будто стоимость всех продуктов сводится к заработной плате и прибыли, т. е. к вновь присоединенному труду, и будто не только труд, вновь присоединенный к товару, но и постоянный капитал, содержащийся в этом товаре, должен быть оплачен трудом, вновь присоединенным в какой-либо другой сфере производства.

Для того чтобы свести содержащееся в продукте *A* рабочее время, 36 часов ($\frac{1}{3}$ — вновь присоединенный труд, $\frac{2}{3}$ — постоянный капитал), к вновь присоединенному труду, т. е. чтобы предположить, что оно оплачивается заработной платой и прибылью, мы, первым делом, приняли, что $\frac{1}{3}$ продукта (стоимость этой трети равна сумме заработной платы и прибыли) потребляется или, что то же самое, покупается самими производителями сферы *A*. Дальнейший ход рассуждения был таков ⁴⁴:

1) *Сфера производства A*. Продукт = 36 часам труда. 24 часа труда — постоянный капитал. 12 часов — вновь присоединенный труд. $\frac{1}{3}$ продукта потребляется участвующими в распределении этих 12 часов сторонами — заработной платой и прибылью, рабочими и капиталистами. Остается еще продать $\frac{2}{3}$ продукта *A*, равные 24 часам труда, которые содержатся в постоянном капитале.

2) *Сферы производства B¹ — B²*. Продукт = 72 часам труда; из них 24 — присоединенный труд, а 48 — постоянный капитал. Присоединенным трудом эти сферы покупают те две трети продукта *A*, которые возмещают стоимость постоянного капитала *A*. Но в целом сферы *B¹ — B²* должны продать 72 часа труда, из которых состоит стоимость их совокупного продукта.

3) *Сферы производства C¹ — C⁶*. Продукт = 216 часам труда, из них 72 — вновь присоединенный труд (заработная плата и прибыль). Присоединенным трудом они покупают весь про-

* — прогресс в бесконечность. Ред.

дукт $B^1 - B^2$. Но продать они должны 216, из которых 144 — постоянный капитал.

[280] 4) *Сферы производства $D^1 - D^{18}$* . Продукт = 648 часам труда; 216 — присоединенный труд и 432 — постоянный капитал. Присоединенным трудом они покупают совокупный продукт сфер производства $C^1 - C^6 = 216$. Но продать они должны 648.

5) *Сферы производства $E^1 - E^{54}$* . Продукт = 1 944 часам труда; 648 — присоединенный труд и 1 296 — постоянный капитал. Они покупают совокупный продукт сфер производства $D^1 - D^{18}$, но должны продать 1 944.

6) *Сферы производства $F^1 - F^{162}$* . Продукт = 5 832, из которых 1 944 — присоединенный труд и 3 888 — постоянный капитал. На 1 944 они покупают продукт $E^1 - E^{54}$. Продать они должны 5 832.

7) *Сферы производства $G^1 - G^{486}$* .

Ради упрощения, в каждой сфере производства предполагается всякий раз только один рабочий день — в двенадцать часов, — который делится между капиталистом и рабочим. Увеличение числа этих рабочих дней не решает вопроса, а без всякой надобности усложняет его.

Итак, чтобы яснее представить себе закон этого ряда:

1) *А*. Продукт = 36 часам; постоянный капитал = 24 часам. Сумма заработной платы и прибыли, или вновь присоединенный труд = 12 часам. Эти последние потребляются капиталом и трудом в виде продукта самой сферы *А*.

Подлежащий продаже продукт *А* = его постоянному капиталу = 24 часам.

2) $B^1 - B^2$. Нам нужны здесь 2 рабочих дня, следовательно 2 сферы производства, для того чтобы оплатить 24 часа сферы *А*.

Продукт = $2 \times 36 = 72$ часам, из которых 24 часа — присоединенный труд, а 48 — постоянный капитал.

Подлежащий продаже продукт B^1 и $B^2 = 72$ часам труда; ни одна его часть не потребляется в самих этих сферах.

6) $C^1 - C^6$. Нам нужны здесь 6 рабочих дней, так как $72 = 12 \times 6$ и весь продукт $B^1 - B^2$ должен быть потреблен трудом, присоединенным в $C^1 - C^6$. Продукт = $6 \times 36 = 216$ часам труда, из которых 72 — вновь присоединенный труд, а 144 — постоянный капитал.

18) $D^1 - D^{18}$. Нам нужны здесь 18 рабочих дней, ибо $216 = 12 \times 18$. А так как на рабочий день приходится $\frac{2}{3}$ постоянного капитала, то совокупный продукт = $18 \times 36 = 648$ (432 — постоянный капитал).

И т. д.

Поставленные в начале абзацев цифры 1, 2 и т. д. означают число рабочих дней или различных видов труда в различных сферах производства, так как для каждой сферы мы принимаем один рабочий день.

Итак: 1) *А. Продукт — 36 часов. Присоединенный труд — 12 часов. Подлежащий продаже продукт (постоянный капитал) = 24 часам.*

Или:

1) *А. Продукт, подлежащий продаже, или постоянный капитал = 24 часам. Совокупный продукт — 36 часов. Присоединенный труд — 12 часов. Последние потреблены в самой сфере А.*

2) $B^1 - B^2$. На присоединенный труд эти сферы покупают 24 часа *А. Постоянный капитал — 48 часов. Совокупный продукт — 72 часа.*

6) $C^1 - C^6$. На присоединенный труд они покупают 72 часа $B^1 - B^2 (= 12 \times 6)$. *Постоянный капитал — 144, совокупный продукт — 216. И т. д.*

[281] Итак:

1) *А. Продукт = 3 рабочим дням (36 часам). 12 часов — вновь присоединенный труд. 24 часа — постоянный капитал.*

2) B^{1-2} . *Продукт = $2 \times 3 = 6$ рабочим дням (72 часам). Присоединенный труд = $12 \times 2 = 24$ часам. Постоянный капитал = $48 = 2 \times 24$ часам.*

6) C^{1-6} . *Продукт = 3×6 рабочим дням = 3×72 часам = 216 часам труда. Присоединенный труд = 6×12 часам труда (= 72 часам труда). Постоянный капитал = $2 \times 72 = 144$.*

18) D^{1-18} . *Продукт = $3 \times 3 \times 6$ рабочим дням = 3×18 рабочим дням = 54 рабочим дням = 648 часам труда. Присоединенный труд = $12 \times 18 = 216$. Постоянный капитал = 432 часам труда.*

54) E^{1-54} . *Продукт = 3×54 рабочим дням = 162 рабочим дням = 1 944 часам труда. Присоединенный труд = 54 рабочим дням = 648 часам труда; постоянный капитал = 1 296 часам труда.*

162) $F^1 - F^{162}$. *Продукт = 3×162 рабочим дням = 486 рабочим дням = 5 832 часам труда, из которых 162 рабочих дня, т. е. 1 944 часа труда, — присоединенный труд, а 3 888 часов труда — постоянный капитал.*

486) G^{1-486} . *Продукт = 3×486 рабочим дням, из которых 486 рабочих дней, т. е. 5 832 часа труда, — присоединенный труд, а 11 664 часа труда — постоянный капитал.*

И т. д.

Здесь мы имели бы уже весьма изрядную сумму, состоящую из $1 + 2 + 6 + 18 + 54 + 162 + 486$ различных рабочих дней в различных сферах производства, в 729 различных сферах, что предполагает уже значительно расчлененное общество.

Для того чтобы из совокупного продукта сферы A , — в которой к постоянному капиталу в 2 рабочих дня присоединяются только 12 часов труда, т. е. 1 рабочий день, а заработная плата и прибыль потребляют свой собственный продукт, — продать только постоянный капитал в 24 часа, и притом опять только в обмен на вновь присоединенный труд, на заработную плату и прибыль, — для этого нам нужны:

2 рабочих дня в B^1 и B^2 . Но на эти 2 дня приходится 4 рабочих дня постоянного капитала, так что совокупный продукт B^{1-2} равен 6 рабочим дням. Эти последние должны быть проданы *полностью*, так как *начиная отсюда* предполагается, что каждая последующая сфера ничего не потребляет из своего собственного продукта, а свою прибыль и заработную плату затрачивает только на продукт предшествующей сферы. Для того чтобы возместить эти 6 рабочих дней, содержащиеся в продукте B^{1-2} , необходимы 6 рабочих дней, которые, в свою очередь, предполагают постоянный капитал в 12 рабочих дней. Поэтому совокупный продукт C^{1-6} равен 18 рабочим дням. Для того чтобы их возместить вновь присоединенным трудом, необходимы 18 рабочих дней (D^{1-18}), которые опять-таки предполагают постоянный капитал в 36 рабочих дней. Следовательно, предполагается продукт в 54 рабочих дня. Для возмещения этих последних нужны 54 рабочих дня E^{1-54} , предполагающие постоянный капитал в 108. Продукт равен 162 рабочим дням. Наконец, для возмещения этих последних нужны 162 рабочих дня, предполагающие, в свою очередь, постоянный капитал в 324 рабочих дня; следовательно, нужен совокупный продукт в 486 рабочих дней. Таким является продукт $F^1 - F^{162}$. Наконец, для того чтобы возместить этот продукт F^{1-162} , нужны 486 рабочих дней (G^{1-486}), предполагающих постоянный капитал в 972 рабочих дня. Следовательно, совокупный продукт $G^{1-486} = 972 + 486 = 1\ 458$ рабочим дням.

Но предположим теперь, что со сферой G мы достигли предела, дальше которого двигаться некуда, — [282] ведь во всяком обществе изображенный выше переход от одной сферы к другой скоро должен натолкнуться на предел. Как же в таком случае обстоит дело? Мы имеем продукт, в котором содержится 1 458 рабочих дней, причем из них 486 дней приходится на вновь присоединенный труд, а 972 — на труд, овеществленный в постоянном капитале. 486 дней вновь присоединенного труда

могут быть обменены в предыдущей сфере — F^{1-162} . Но на что могут быть куплены 972 рабочих дня, содержащиеся в постоянном капитале? За пределами G^{486} нет уже никакой новой сферы производства, а следовательно, и никакой новой сферы обмена. В предшествующих же ей сферах, за исключением F^{1-162} , ничего обменять нельзя. Да и сама сфера G^{1-486} всю содержащуюся в ней заработную плату и прибыль до последнего сантима израсходовала в сфере F^{1-162} . Таким образом, 972 рабочих дня, овеществленные в продукте G^{1-486} и равняющиеся стоимости содержащегося в нем постоянного капитала, не могут быть проданы. Следовательно, нам нисколько не помогло то, что затруднение, на которое мы натолкнулись, — 8 арш. холста в сфере A , или 24 часа труда, 2 рабочих дня, представляющие в продукте этой сферы стоимость постоянного капитала, — мы передвинули почти через 800 отраслей производства.

Нисколько не поможет делу предположение, будто расчет получился бы другой, если бы, скажем, сфера A затратила не всю свою прибыль и заработную плату на холст, а часть их израсходовала бы на продукты B и C . Пределом для расходов служит количество часов присоединенного труда, содержащихся в A , B , C , вследствие чего эти сферы при всех обстоятельствах могут распоряжаться лишь таким количеством рабочего времени, которое равно присоединенному ими труду. Если одного какого-нибудь продукта они покупают больше, то другого они покупают меньше. Это только запутало бы расчет, но никоим образом не изменило бы результата.

Итак, что же нам делать?

В вышеприведенном расчете мы имеем:

	Продукт в рабочих днях	Присое- диненный труд	Постоян- ный капитал
A)=	3	1	2
B)=	6	2	4
C)=	18	6	12
D)=	54	18	36
E)=	162	54	108
F)=	486	162	324
Итого:	729	243	486

($\frac{1}{3}$ продукта A потребляется в этой же сфере)

Если бы в этом расчете последние 324 рабочих дня (постоянный капитал в F) были сходны с тем постоянным капиталом, который земледелец возмещает себе сам, удерживая его из своего продукта и возвращая его земле, и который, следовательно, не должен оплачиваться новым трудом, — то расчет сошелся бы. Но загадка была бы разгадана только благодаря тому, что часть постоянного капитала возмещает самоё себя.

Итак, в нашем расчете, в самом деле, на потребление ушло 243 рабочих дня, соответствующие вновь присоединенному труду. Стоимость последнего продукта, равная 486 рабочим дням, равняется стоимости совокупного постоянного капитала, содержащегося в $A - F$, которая тоже равна 486 рабочим дням. Чтобы найти для них объяснение, мы допускаем, что в G имеется 486 дней нового труда. Но этим мы достигаем только того, что вместо разбора вопроса, касающегося 486 дней постоянного капитала, [283] нам предстоит теперь удовольствие оперировать постоянным капиталом в 972 рабочих дня, содержащихся в продукте G , равном 1 458 рабочим дням (972 постоянного капитала + 486 труда). Если бы мы захотели выпутаться из затруднения, предположив, что в сфере G процесс труда совершается без постоянного капитала, так что продукт равен только 486 дням вновь присоединенного труда, то наш расчет, конечно, был бы сведен без остатка, но тогда вопрос о том, кто оплачивает содержащуюся в продукте составную часть стоимости, образующую постоянный капитал, оказался бы разрешенным только потому, что мы допустили такой случай, когда постоянный капитал равен нулю, когда он, следовательно, не образует никакой составной части стоимости продукта.

Для того чтобы весь продукт A мог быть целиком продан в обмен на вновь присоединенный труд; для того чтобы можно было свести его к прибыли и заработной плате, — *весь присоединенный в A , B и C труд* ⁴⁵ должен был быть израсходован в виде продукта труда сферы A . Точно так же, для того чтобы был продан весь продукт $B + C$, в обмен на него должен быть отдан весь присоединенный в $D^1 - D^{18}$ труд ⁴⁶. Равным образом, для того чтобы купить весь продукт $D^1 - D^{18}$, нужен весь труд, присоединенный в E^{1-54} . Для покупки всего продукта E^{1-54} нужен весь труд, присоединенный в F^{1-162} . И, наконец, для того чтобы купить весь продукт F^{1-162} , требуется все рабочее время, присоединенное в G^{1-486} . В конце концов, в этих 486 сферах производства, представляемых сферой G^{1-486} , все присоединенное рабочее время равняется всему продукту 162 сфер F , причем весь этот продукт, возмещаемый трудом, равновелик постоянному капиталу сфер A , B^{1-2} , C^{1-6} , D^{1-18} , E^{1-54} , F^{1-162} . Но постоянный капитал сферы G , который в два раза больше постоянного капитала, примененного в $A - F^{162}$, остался невозмещенным, да и не может быть возмещен.

В самом деле, мы нашли, — поскольку, согласно нашему предположению, в каждой сфере производства отношение вновь присоединенного труда к прошлому труду равно 1 : 2, — что, для того чтобы купить продукт предыдущих сфер, требуется

каждый раз весь вновь присоединенный труд новых сфер, число которых вдвое больше [числа всех предыдущих сфер, вместе взятых] ⁴⁷: для покупки совокупного продукта A требуется присоединенный труд A и B^{1-2} , для покупки продукта C^{1-6} требуется присоединенный труд $18 D$, или D^{1-18} (т. е. 2×9) и т. д. Коротко говоря, всегда нужно [еще] двойное количество вновь присоединенного труда по сравнению с трудом, содержащимся в самом продукте, так что в отношении последней сферы производства, G , дело обстоит так, что, для того чтобы купить весь продукт этой сферы, потребовалось бы [еще] двойное количество вновь присоединенного труда в сравнении с тем, какое здесь дано. Одним словом, в конечном пункте, в G , мы сталкиваемся с тем же обстоятельством, которое уже имело место в исходном пункте A , — с тем именно обстоятельством, что вновь присоединенный труд никак не может купить из своего собственного продукта долю, превышающую величину самого этого вновь присоединенного труда, и что он *не может* купить содержащийся в постоянном капитале прошлый труд.

Следовательно, невозможно, чтобы стоимость дохода покрывала стоимость всего продукта. А так как помимо дохода *не существует никакого фонда, из которого мог бы быть оплачен продукт, продаваемый производителем (индивидуальному) потребителю*, то невозможно, чтобы стоимость всего продукта минус стоимость дохода была вообще продана, оплачена или (индивидуально) потреблена. Но, с другой стороны, всякий продукт должен быть продан и оплачен по своей цене (согласно предположению, цена здесь равна стоимости).

Впрочем, уже с самого начала можно было предвидеть, что включение промежуточных актов обмена — продаж и покупок различных товаров, или продуктов различных сфер производства, — не подвинет нас ни на шаг вперед. При рассмотрении сферы A , первого товара, холста, мы имели $\frac{1}{3}$, или [283а] 12 часов, вновь присоединенного труда и 2×12 (или 24) часа содержащегося в [постоянном] капитале прошлого труда. Заработная плата и прибыль могли выкупить только такую долю товара A , — стало быть, также и его эквивалента в каком-нибудь другом продукте, — которая равна 12 часам труда. Они не могли выкупить свой собственный постоянный капитал, содержащий 24 часа, а следовательно, не могли выкупить и эквивалент этого постоянного капитала в каком-либо другом товаре.

Возможно, что в товаре B мы имеем иное соотношение между присоединенным трудом и постоянным капиталом. Но как бы различно ни было в различных сферах производства соотношение

между постоянным капиталом и вновь присоединенным трудом, мы всегда можем вычислить среднюю величину этого соотношения. Мы можем сказать, что в продукте всего общества или всего класса капиталистов, в совокупном продукте капитала, вновь присоединенный труд равен a , прошлый же труд, существующий в виде постоянного капитала, равен b ; другими словами, отношение $1 : 2$, принятое нами для A , т. е. для холста, является лишь символическим выражением отношения $a : b$ и означает только то, что существует какое-то, так или иначе определенное и поддающееся определению соотношение между этими двумя элементами, между живым трудом, присоединенным в текущем году или в течение любого промежутка времени, и прошлым трудом, существующим в виде постоянного капитала. Если на присоединенные к пряже 12 часов покупается не один только холст, если холста покупается, например, лишь на 4 часа, то на остальные 8 часов можно купить любой другой продукт; но общая сумма купленного никогда не может быть больше 12 часов. И если на 8 часов труда будет куплен другой продукт, то A должен будет продать холста на 32 часа труда. Таким образом, пример, выбранный нами для A , имеет силу для совокупного капитала всего общества, а введение промежуточных актов обмена различных товаров может только запутать проблему, но нисколько не меняет сути дела.

Предположим, что A есть совокупный продукт общества; в таком случае одна треть этого совокупного продукта может быть куплена для собственного потребления производителями, которые оплачивают ее суммой своих заработных плат и прибылей, равной сумме вновь присоединенного труда, сумме их совокупного дохода. Но для оплаты, покупки и потребления остальных двух третей у них нет необходимого фонда. Следовательно, подобно тому как вновь присоединенный труд, — составляющий одну треть совокупного труда, распадающуюся целиком на прибыль и заработную плату, — покрывает себя сам своим продуктом, или удерживает лишь ту часть стоимости продукта, в которой содержится $\frac{1}{3}$ совокупного труда, т. е. вновь присоединенный труд или его эквивалент, — подобно этому и те две трети, которые приходятся на прошлый труд, должны быть покрыты собственным продуктом этого прошлого труда. Иными словами, постоянный капитал остается равен самому себе и сам себя возмещает из той части стоимости, которая представляет его в совокупном продукте. Обмен между различными товарами, ряд покупок и продаж между различными сферами производства, лишь в том смысле вносит некоторое различие формы, что постоянные капиталы различных

сфер производства взаимно покрывают друг друга в той пропорции, в какой они первоначально содержались в этих сферах производства.

Это мы теперь и должны рассмотреть подробнее. [283a]

(6) НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВСЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА ПУТЕМ ОБМЕНА
МЕЖДУ ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ ПРЕДМЕТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА]

[283b] Тот же самый взгляд, что годовой продукт страны распадается на заработную плату и прибыль (земельная рента, ссудный процент и т. д. включаются в прибыль), Адам Смит высказывает во 2-й главе II книги при рассмотрении денежного обращения и кредитной системы (в дальнейшем — сопоставить с формулировкой *Тука*), где он говорит следующее:

«Обращение каждой страны можно рассматривать как разделенное на две различные области: обращение, совершающееся только между деловыми людьми» (dealers) (здесь дается пояснение, что под dealers разумеются «все купцы, мануфактуристы, ремесленники и т. д. — одним словом, все агенты торговли и промышленности страны»), «и обращение, совершающееся между деловыми людьми и потребителями. Хотя одни и те же денежные знаки, бумажные или металлические, могут употребляться то в одной из этих двух областей обращения, то в другой, все же, поскольку оба эти процесса обращения происходят в одно и то же время, каждый из них требует для своего совершения определенной суммы денег того или иного рода. *Стоимость товаров, обращающихся между различными деловыми людьми, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между деловыми людьми и потребителями, поскольку все, что покупается первыми, в конечном счете предназначается для продажи потребителям*» (том II, книга II, глава 2, стр. 292—293) ⁴⁸ [Русский перевод, том I, стр. 270—271].

К этому, а также к Туку, вернуться в последующем изложении ⁴⁹.

Возвратимся к нашему примеру. Дневной продукт сферы А, превращающий льняную пряжу в холст, равен 12 арш. или 36 шилл. или 36 часам труда. Из этих 36 часов 12 часов вновь присоединенного труда распадутся на заработную плату и прибыль, а 24 часа, или 2 дня, равны стоимости постоянного капитала. Но последний существует теперь уже не в прежней форме пряжи и ткацкого станка, а в форме холста, и при этом — в таком количестве холста, которое равняется 24 часам или 24 шилл. Это количество холста содержит то же количество труда, которое содержалось в пряже и в ткацком станке, замещенных теперь холстом. В обмен на это количество холста можно, следовательно, снова купить то же самое количество пряжи

и ткацких станков (предполагается, что стоимость пряжи и ткацкого станка осталась прежней, что производительность труда в этих отраслях промышленности не изменилась). Прядильщик и фабрикант ткацкого станка весь свой продукт — годовой или дневной (это здесь, для нашей цели, безразлично) — должны продать ткачу, так как только для ткача их товар имеет потребительную стоимость. Ткач является единственным потребителем этого товара.

Если постоянный капитал ткача (ежедневно потребляемый им постоянный капитал) равняется 2 рабочим дням, то на один рабочий день ткача приходится 2 рабочих дня прядильщика и фабриканта машин, — 2 рабочих дня, которые, в свою очередь, опять распадаются, в весьма различных пропорциях, на вновь присоединенный труд и постоянный капитал. Но совокупный дневной продукт прядильщика и фабриканта машин, их обоих вместе (при том условии, что фабрикант машин производит только ткацкие станки), т. е. постоянный капитал и присоединенный труд, вместе взятые, не могут составлять больше двух рабочих дней, тогда как дневной продукт ткача — вследствие того, что ткачом вновь присоединено 12 часов труда, — составляет 3 рабочих дня. Возможно, что прядильщик и фабрикант машин потребляют столько же живого рабочего времени, сколько и ткач. В таком случае содержащееся в их постоянном капитале рабочее время должно быть меньше. Как бы то ни было, прядильщик и фабрикант машин ни в каком случае не могут применять такое же количество труда, овеществленного и живого (*summa summarum* *), какое применяет ткач. Возможно, что ткач применяет относительно меньше живого рабочего времени, нежели прядильщик (этот последний, например, — наверняка меньше, чем льновод); тем значительнее будет в таком случае перевес его постоянного капитала над переменной частью капитала.

[284] Итак, постоянный капитал ткача возмещает весь капитал прядильщика и фабриканта ткацких станков, возмещает не только их собственный постоянный капитал, но и труд, вновь присоединенный в процессе прядения и производства машин. Таким образом, новый постоянный капитал возмещает здесь полностью другие постоянные капиталы и, кроме того, весь вновь присоединенный к ним труд. Путем продажи своих товаров ткачу прядильщик и фабрикант ткацких станков не только возместили свой постоянный капитал, но и получили оплату своего вновь присоединенного труда. Постоянный

* — в общей сложности. Ред.

капитал ткача возмещает прядильщику и фабриканту ткацких станков их собственный постоянный капитал и реализует их доход (сумму заработной платы и прибыли). Поскольку постоянный капитал ткача возмещает им лишь их собственный постоянный капитал, который они передали ему в форме пряжи и ткацкого станка, постольку произошел лишь обмен постоянного капитала в одной форме на постоянный капитал в другой форме. В действительности никакого изменения стоимости постоянного капитала не произошло.

Но пойдем еще дальше назад. Продукт прядильщика распадается на две части: на лен, веретена, уголь и т. п. — словом, на постоянный капитал прядильщика — и на вновь присоединенный труд. Точно так же обстоит дело и с совокупным продуктом фабриканта машин. Когда прядильщик возмещает свой постоянный капитал, он оплачивает не только весь капитал фабриканта веретен и пр., но и весь капитал льновода. Постоянный капитал прядильщика оплачивает постоянную часть их капитала плюс присоединенный труд. Что же касается льновода, то его постоянный капитал — за вычетом земледельческих орудий и пр. — сводится к семенам, удобрениям и т. д. Примем, что эта часть постоянного капитала фермера — как это, в более или менее опосредствованном виде, всегда должно происходить в земледелии — образует ежегодный вычет из его собственного продукта, вычет, который ежегодно из собственного продукта фермера возвращается земле, т. е. самому производству. Здесь мы обнаруживаем такую часть постоянного капитала, которая сама себя возмещает и никогда не поступает в продажу, следовательно никогда не оплачивается, никогда также не потребляется, не входит в индивидуальное потребление. Семена и пр. равняются такому-то количеству рабочего времени. Стоимость семян и т. д. входит в стоимость совокупного продукта; но та же стоимость, — потому что речь идет о той же самой массе продуктов (при том предположении, что производительность труда не изменилась), — снова удерживается из совокупного продукта и возвращается производству, не поступая в обращение.

Тут мы видим, что по крайней мере часть постоянного капитала, — то, что можно рассматривать как сырье в земледелии, — возмещает самоё себя. Таким образом, здесь перед нами значительная — самая значительная по размерам и по вложенной в нее массе капитала — отрасль годового производства, в которой значительная часть постоянного капитала, состоящая из сырья (за исключением искусственных удобрений и т. д.), возмещает самоё себя и не входит в обращение, а значит

не возмещается ни одной из форм дохода. Таким образом, для возмещения этой (самим льноводом возмещенной и уплаченной им самому себе) части постоянного капитала прядильщик не должен выплачивать ее льноводу, точно так же как ткач не должен выплачивать ее прядильщику, а покупатель холста — ткачу.

Предположим, что все прямо или косвенно участвующие в производстве 12 арш. холста (= 36 шилл. = 3 рабочим дням, т. е. 36 часам труда) получают возмещение в виде самого же холста. Прежде всего ясно, что производители элементов холста, постоянного капитала холста, *не могут потребить свой собственный продукт*, так как этот продукт произведен для дальнейшего производства и не входит в непосредственное [285] потребление. Они, следовательно, должны обратить свои заработные платы и прибыли на покупку холста, того продукта, который входит, наконец, в индивидуальное потребление. А все то, что они потребляют не в виде холста, они должны потребить в виде другого пригодного для потребления продукта, полученного в обмен на холст. Следовательно, производители других продуктов потребляют холста ровно столько, сколько (по стоимости) производители элементов холста потребляют — вместо него — других предметов потребления. Получается тот же результат, как если бы производители элементов холста сами потребили это в виде холста, потому что столько же, сколько они потребляют в другом продукте, производители других продуктов потребляют в холсте. Следовательно, вся загадка должна разъясниться без всякого обращения к обмену; она должна получить свое разрешение посредством рассмотрения того, как 12 арш. холста распределяются между всеми производителями, участвовавшими в производстве самого холста или же его элементов.

В пряже и ткацком станке одну треть составляет труд, присоединенный прядильщиком и фабрикантом ткацкого станка, — пусть этот фабрикант будет одновременно и фабрикантом прядильной машины, — а две трети составляет их постоянный капитал. Следовательно, из 8 арш. холста (т. е. 24 часов) или из 24 шилл., возмещающих весь их продукт, они могут потребить $\frac{8}{3}$ арш. холста ($2\frac{2}{3}$), т. е. 8 часов труда или 8 шилл. Остается, стало быть, дать отчет относительно $5\frac{1}{3}$ арш. или 16 часов труда.

$5\frac{1}{3}$ арш. холста или 16 часов труда представляют постоянный капитал прядильщика и фабриканта ткацкого станка. Если мы предположим, что в постоянном капитале прядильщика сырье, состоящее здесь из льна, составляет $\frac{2}{3}$, то льновод

может полностью потребить эти $\frac{2}{3}$ в виде холста, потому что свой постоянный капитал {но при этом мы допускаем, что износ его орудий труда и т. д. = 0} он вообще не бросает в обращение; напротив, свой постоянный капитал он уже вычел из продукта и сохранил для воспроизводства. Таким образом, он может купить $\frac{2}{3}$ из $5\frac{1}{3}$ арш. холста ⁵⁰ или — что то же — из 16 часов труда; это составляет $3\frac{5}{9}$ арш. или $10\frac{2}{3}$ часа труда. Таким образом, остается дать отчет только относительно $5\frac{1}{3}$ арш. минус $3\frac{5}{9}$ арш. или 16 часов труда минус $10\frac{2}{3}$ часа, т. е. относительно $1\frac{7}{9}$ арш. или $5\frac{1}{3}$ часа труда. Эти $1\frac{7}{9}$ арш. или $5\frac{1}{3}$ часа труда распадаются на две части: на постоянный капитал фабриканта ткацкого станка и на совокупный продукт фабриканта прядильной машины, причем предполагается, что фабрикант станка и фабрикант машины — одно и то же лицо.

[286] Итак, еще раз:

Ткач	Совокупный продукт	Постоянный капитал	Присоединенный ткацкий труд	Потребление
	12 арш. холста (36 шилл.) (36 часов труда)	8 арш. (24 часа) (24 шилл.)	12 часов	12 часов = = 12 шилл. = = 4 арш.

Предположим, что в постоянном капитале ткача $\frac{3}{4}$ составляет пряжа, а $\frac{1}{4}$ — ткацкий станок (орудия производства вообще). Ткач, следовательно, платит 6 арш. или 18 часов прядильщику и 2 арш. или 6 часов машиностроителю и др.

Прядильщик				Машиностроитель			
Совокупный продукт	Постоянный капитал	Присоединенный труд	Потребление	Совокупный продукт	Постоянный капитал	Присоединенный труд	Потребление
6 арш.	4 арш.	2 арш.	2 арш.	2 арш.	$\frac{1}{3}$ арш.	$\frac{2}{3}$ арш.	$\frac{2}{3}$ арш.
18 шилл.	12 шилл.	6 шилл.	6 шилл.	6 шилл.			
18 часов	12 часов	6 часов		6 часов			

Таким образом, из 8 арш., возмещающих постоянный капитал ткача, 2 арш. (= 6 шилл. = 6 часам) потребляются пря-

дильщиком, а $2\frac{2}{3}$ арш. (2 шилл., 2 часа труда) — фабрикантом ткацкого станка и прочих орудий производства.

Следовательно, остается дать отчет относительно 8 минус $2\frac{2}{3}$, т. е. относительно $5\frac{1}{3}$ арш. (= 16 шилл. = 16 часам труда). Эти остающиеся $5\frac{1}{3}$ арш. (= 16 шилл. = 16 часам труда) распределяются следующим образом. Допустим, что в 4 арш., представляющих постоянный капитал прядильщика, — представляющих, следовательно, элементы его пряжи, — $\frac{3}{4}$ равны льну и $\frac{1}{4}$ равна прядильной машине. Элементы [287] прядильной машины мы будем исчислять после, — тогда именно, когда перейдем к рассмотрению постоянного капитала фабриканта ткацкого станка. Фабрикант прядильной машины и фабрикант ткацкого станка представлены в одном лице.

Из 4 арш., возмещающих постоянный капитал прядильщика, $\frac{3}{4}$, что составляет 3 арш., приходится, стало быть, на лен. Но значительная часть постоянного капитала, применяемого в производстве льна, не подлежит возмещению, так как она возвращена сельскохозяйственному производству уже самим льноводом в форме *семян, удобрений, корма для скота*, в форме *скота* и т. д. Поэтому в ту часть продукта льновода, которую этот последний продает, мы должны в нашем расчете занести в качестве постоянного капитала только износ его орудий труда и т. д. Присоединенный труд мы должны здесь считать равным по крайней мере двум третям, а подлежащий возмещению постоянный капитал равным — самое большее — одной трети.

Итак:

	Совокупный продукт	Постоянный капитал	Труд, присоеди- ненный в земле- делии	Подлежит потреблению
Лен	3 арш.	1 арш.	2 арш.	2 арш.
	9 шилл.	3 шилл.	6 шилл.	6 шилл.
	9 часов труда	3 часа труда	6 часов труда	6 часов труда

Нам остается еще, следовательно, учесть:

1 арш. (3 шилл., 3 часа труда) = постоянному капиталу льновода;

$1\frac{1}{3}$ арш. (4 шилл., 4 часа труда) = постоянному капиталу ткацкого станка;

наконец, 1 арш. (3 шилл., 3 часа труда), причитающийся машиностроителю за тот его *совокупный продукт*, который содержится в прядильной машине.

Прежде всего надо, стало быть, вычесть то, что может быть потреблено машиностроителем в обмен за изготовленную им прядильную машину:

	Совокупный продукт	Постоянный капитал	Труд, присоединенный в машиностроении	Подлежит потреблению
Прядильная машина	1 арш.	$\frac{2}{3}$ арш.	$\frac{1}{3}$ арш.	$\frac{1}{3}$ арш.
	3 шилл.	2 шилл.	1 шилл.	1 шилл.
	3 часа труда	2 часа труда	1 час труда	1 час труда

Далее разложим стоимость *земледельческой машины*, постоянный капитал льновода, на ту часть, которая подлежит потреблению, и на другие части.

	Совокупный продукт	Постоянный капитал	Труд, присоединенный в машиностроении	Подлежит потреблению
Земледельческая машина	1 арш.	$\frac{2}{3}$ арш.	$\frac{1}{3}$ арш.	$\frac{1}{3}$ арш.
	3 шилл.	2 шилл.	1 шилл.	1 шилл.
	3 часа труда	2 часа труда	1 час труда	1 час труда

Сводя воедино ту часть совокупного продукта ткача, которая приходится на долю машин, мы получим: 2 арш., приходящиеся на ткацкий станок, 1 арш., приходящийся на прядильную машину, и 1 арш. — на земледельческую машину; итого 4 арш. (12 шилл., 12 часов труда, или $\frac{1}{3}$ всего продукта, равного 12 арш. холста). Из этих 4 арш. может быть потреблено фабрикантом ткацкого станка $\frac{2}{3}$ арш., фабрикантом прядильной машины — $\frac{1}{3}$ и фабрикантом земледельческой машины — тоже $\frac{1}{3}$, итого $1\frac{1}{3}$ арш. Остается $2\frac{2}{3}$ арш., а именно: $\frac{4}{3}$ арш. приходится на постоянный капитал ткацкого станка, $\frac{2}{3}$ — на постоянный капитал прядильной машины и $\frac{2}{3}$ — на постоянный капитал земледельческой машины; итого $\frac{8}{3} = 2\frac{2}{3}$ арш. (=8 шилл. = 8 часам труда). Этот остаток составляет, таким образом, подлежащий возмещению постоянный капитал машиностроителя. На какие же части разлагается этот постоянный капитал? С одной стороны, на сырье — железо, дерево, ремни и т. д. С другой стороны, на подвергшуюся износу часть его рабочей машины (пусть эту последнюю машиностроитель соорудил сам), необходимой ему для производства машин. Предположим, что сырье составляет две трети постоянного

капитала, а износ машиностроительной машины — одну треть (эту треть мы рассмотрим позже). $\frac{2}{3}$, идущие на дерево и железо, [288] представляют собой две трети от $2\frac{2}{3}$ арш. ($2\frac{2}{3} = \frac{8}{3} = 2\frac{4}{9}$). Одна треть от $2\frac{2}{3}$ составляет $\frac{8}{9}$. Следовательно, две трети составляют $\frac{16}{9}$ арш.

Допустим, что здесь [в производстве дерева и железа] на машины приходится одна треть, а на присоединенный труд — две трети (так как на сырье здесь ничего не приходится). В таком случае две трети от $\frac{16}{9}$ арш. возмещают присоединенный труд, а одна треть от них возмещает машины. На возмещение машин приходится, следовательно, $\frac{16}{27}$ арш. Постоянный капитал производителя дерева и железа, словом, добывающей промышленности, состоит не из сырья, а исключительно из орудий производства, которые мы здесь называем вообще машинами.

Таким образом, $\frac{8}{9}$ арш. идут на возмещение машиностроительной машины, $\frac{16}{27}$ арш. — на возмещение машин, используемых производителем железа и дерева. Итак, $\frac{24}{27} + \frac{16}{27} = \frac{40}{27} = 1\frac{13}{27}$ арш. Это количество холста причитается, стало быть, опять-таки машиностроителю.

Машины. $\frac{24}{27}$ арш. составляют возмещение машиностроительной машины. Но эта последняя, в свою очередь, распадается на сырье (железо, дерево и пр.), на ту часть машинного оборудования, которая была изношена при производстве машиностроительной машины, и на присоединенный труд. Следовательно, при предположении, что каждый из этих элементов равен одной трети, $\frac{8}{27}$ арш. приходится на долю присоединенного труда, а $\frac{16}{27}$ арш. остаются на возмещение *постоянного капитала* машиностроительной машины, — стало быть, $\frac{8}{27}$ арш. приходится на сырье и $\frac{8}{27}$ арш. — на возмещение той составной части стоимости, которая представляет износ машин, употребленных при обработке этого сырья (всего $\frac{16}{27}$ арш.).

С другой стороны, те $\frac{16}{27}$ арш., которыми возмещаются машины производителей железа и дерева, также распадается на сырье, машины и присоединенный труд. Если последний составляет $\frac{1}{3}$, то он равняется $\frac{16}{27 \times 3} = \frac{16}{81}$ арш., а постоянный капитал в этой части машин выразится в $\frac{32}{81}$ арш., из которых $\frac{16}{81}$ арш. приходится на сырье, а $\frac{16}{81}$ арш. возмещают износ машин.

Таким образом, в руках машиностроителя — для возмещения износа его машин — остается в качестве постоянного капитала $\frac{8}{27}$ арш., которыми он возмещает износ своей машино-

строительной машины, и $\frac{16}{81}$ арш., приходящиеся на износ тех машин, которые должны быть возмещены производителями железа и дерева.

С другой стороны, машиностроитель должен из своего постоянного капитала возместить: посредством $\frac{8}{27}$ арш. — сырье, содержащееся в машиностроительной машине, посредством $\frac{16}{81}$ арш. — сырье, содержащееся в машинах производителей железа и дерева. Из этого количества холста $\frac{2}{3}$, в свою очередь, сводятся к присоединенному труду, а $\frac{1}{3}$ — к износу машин. Таким образом, из $\frac{24}{81} + \frac{16}{81} (= \frac{40}{81})$ две трети — следовательно, $\frac{26\frac{2}{3}}{81}$ — оплатят собой труд. Из этого сырья остается

[289] опять-таки для возмещения машин $\frac{13\frac{1}{3}}{81}$ арш. Эти $\frac{13\frac{1}{3}}{81}$ арш. холста возвращаются, стало быть, к машиностроителю.

Теперь в руках машиностроителя опять оказываются: $\frac{8}{27}$ арш. для возмещения износа машиностроительной машины, $\frac{16}{81}$ арш. для возмещения износа машин, применяемых производителями железа и дерева; $\frac{13\frac{1}{3}}{81}$ приходится на ту составную часть стоимости, которая в сырье машиностроителя (в железе и т. д.) идет на возмещение машин.

И мы могли бы продолжать так наш расчет до бесконечности, получая всё меньшие дроби, но никогда наши 12 арш. холста не будут размещены без остатка.

Резюмируем вкратце предыдущий ход нашего исследования.

Сначала мы сказали, что в различных сферах производства существует различное соотношение между вновь присоединенным трудом (который частью возмещает переменный капитал, затраченный на заработную плату, частью образует прибыль, неоплаченный, прибавочный труд) и постоянным капиталом, к которому этот труд присоединяется. Но мы можем принять среднее отношение между a — присоединенным трудом — и b — постоянным капиталом; можем, например, принять, что в среднем последний относится к первому как 2 : 1, как $\frac{2}{3} : \frac{1}{3}$. Если, сказали мы дальше, таково отношение в каждой сфере производства капитала, то в какой-нибудь определенной сфере производства присоединенный труд (заработная плата и прибыль, вместе взятые) может купить всегда только $\frac{1}{3}$ своего собственного продукта, потому что заработная плата и прибыль вместе образуют лишь $\frac{1}{3}$ совокупного рабочего времени, овеществленного в продукте. Принадлежат, конечно, капиталисту также и те $\frac{2}{3}$ продукта, которые возмещают его постоянный капитал. Но если капиталист хочет продолжать производство,

то он должен возместить свой постоянный капитал, должен, следовательно, превратить обратно $\frac{2}{3}$ своего продукта в постоянный капитал. Для этого ему необходимо продать эти $\frac{2}{3}$.

Но кому продать? Та треть продукта, которая может быть куплена на сумму прибыли и заработной платы, уже вычтена нами. Если эта сумма представляет 1 рабочий день, или 12 часов, то та часть продукта, стоимость которой равна постоянному капиталу, представляет 2 рабочих дня, или 24 часа. Мы поэтому приняли, что [вторая] треть продукта покупается на сумму прибыли и заработной платы другой отраслью производства, а последняя треть покупается третьей отраслью производства, опять-таки на сумму прибыли и заработной платы. Но в таком случае мы обменяли постоянный капитал продукта I исключительно на заработную плату и прибыль, т. е. на вновь присоединенный труд, тем путем, что мы заставили весь присоединенный труд, заключенный в продуктах II и III, потреблять продукт I. Из 6 рабочих дней, содержащихся в продуктах II и III как в виде вновь присоединенного труда, так и в виде прошлого труда, ни один не был возмещен, не был куплен ни трудом, содержащимся в продукте I, ни трудом, содержащимся в продуктах II и III. Поэтому мы снова должны были предположить, что производители других продуктов расходуют весь свой вновь присоединенный труд на покупку продуктов II и III, и т. д. В конце концов мы должны были остановиться на некотором продукте X, в котором присоединенный труд равен сумме постоянных капиталов всех предыдущих продуктов; но собственный постоянный капитал этого продукта, составляющий в нем две трети его, продать было некому. Таким образом, решение проблемы ни на шаг не сдвинулось с места. Для продукта X, как и для продукта I, остается в силе тот же вопрос: кому продается та часть продукта, которая возмещает постоянный капитал? Или, может быть, присоединенный новый труд, составляющий в продукте одну его треть, возмещает содержащуюся в продукте одну треть нового труда плюс две трети прошлого труда? Быть может, $\frac{1}{3} = \frac{3}{3}$?

Итак, здесь обнаружилось, что отодвигание затруднения от продукта I к продукту II и т. д., словом — введение посредствующего звена, заключающегося в одном только обмене товаров, ничего не объясняет.

[290] Пришлось поставить вопрос иначе.

Мы предположили, что 12 арш. холста (= 36 шилл. = 36 часам труда) являются таким продуктом, в котором содержатся 12 часов труда ткача, или один его рабочий день

(необходимый и прибавочный труд, вместе взятые, т. е. сумма прибыли и заработной платы), а $\frac{2}{3}$ представляют стоимость содержащегося в холсте постоянного капитала: пряжи, машин и т. д. Далее, — чтобы закрыть всякую лазейку уверткам и ссылкам на промежуточные сделки, — мы приняли, что наш холст такого именно сорта, что он пригоден лишь для индивидуального потребления и, стало быть, не может, например, служить, в свою очередь, сырьем для какого-нибудь нового продукта. Тем самым мы приняли, что это такой продукт, который должен оплачиваться заработной платой и прибылью, должен обмениваться на доход. Наконец, для упрощения мы предположили, что ни одна часть прибыли не превращается обратно в капитал, а вся прибыль расходуется в качестве дохода.

Что касается первых 4 арш., первой трети продукта, равной 12 часам труда, которые присоединил ткач, то с ними мы быстро покончили. Они распадаются на заработную плату и прибыль; их стоимость равна стоимости суммы прибыли и заработной платы ткача. Они потребляются, следовательно, самим владельцем ткацкого предприятия и его рабочими. Для 4 арш. это решение является окончательным. В самом деле, если прибыль и заработная плата потребляются не в виде холста, а в виде какого-нибудь другого продукта, то это только потому, что производители этого другого продукта ту часть его, которая предназначена для их собственного потребления, потребляют в виде холста, а не в виде своего собственного продукта. Если, например, из 4 арш. холста самим ткачом потребляется только 1 арш., а 3 арш. потребляются им в виде мяса, хлеба, сукна, то стоимость 4 арш. холста все-таки потреблена по-прежнему самими ткачами, с той только разницей, что они потребли $\frac{3}{4}$ этой стоимости в виде других товаров, тогда как производители этих других товаров потребили в виде холста то мясо, тот хлеб и то сукно, которые могут быть потреблены ими в качестве заработной платы и прибыли. {Конечно, здесь, как и во всем этом исследовании, всегда предполагается, что товар удастся продать, и притом — по его стоимости.}

Теперь мы и подошли к настоящей проблеме. Постоянный капитал ткача существует теперь в форме 8 арш. холста (= 24 часам труда = 24 шилл.). Если ткач желает продолжать производство, то он должен превратить эти 8 арш. холста в деньги, в 24 шилл., и на эти 24 шилл. купить те находящиеся на рынке вновь произведенные товары, из которых состоит его постоянный капитал. Ради упрощения вопроса допустим, что ткач возмещает свои машины не в один прием, по истечении опре-

деленного ряда лет, а что он ежедневно, на деньги, выручаемые от продажи своего продукта, должен возмещать *in natura* * такую часть машин, которая равна ежедневно уничтожаемой части стоимости этих машин. Ту часть продукта, которая равна стоимости постоянного капитала, потребленного в процессе производства данного продукта, ткач должен возместить элементами этого постоянного капитала, т. е. вещественными условиями производства, необходимыми для ткацкого труда. С другой стороны, продукт ткача, холст, не входит ни в какую другую сферу производства в качестве условия производства, а поступает лишь в индивидуальное потребление. Таким образом, ткач может возместить ту часть своего продукта, которая представляет его постоянный капитал, лишь путем обмена ее на доход, т. е. на ту часть стоимости продукта других производителей, которая сводится к заработной плате и прибыли, следовательно — к вновь присоединенному труду. В таком виде проблема поставлена правильно. Спрашивается только, при каких условиях она может быть решена.

Одно затруднение, возникшее при нашей первой постановке вопроса, теперь частично уже устранено. Хотя в каждой сфере производства присоединенный труд равен $\frac{1}{3}$, а постоянный капитал, согласно предположению, равен $\frac{2}{3}$, однако эта треть, состоящая из присоединенного труда, или сумма стоимости дохода (заработной платы и прибыли; как уже отмечено выше, мы отвлекаемся здесь от той части прибыли, которая превращается обратно в капитал), может быть потреблена только в продуктах тех отраслей производства, которые работают непосредственно для индивидуального потребления. Продукты всех остальных отраслей производства могут потребляться только в качестве капитала, могут входить только в производственное потребление.

[291] Постоянный капитал, представленный 8 арш. (= 24 часам = 24 шилл.), состоит из пряжи (сырья) и машин; он состоит, скажем, на $\frac{3}{4}$ из сырья и на $\frac{1}{4}$ из машин. (К сырию здесь могут быть причислены, кроме того, все вспомогательные материалы, как смазочное масло, уголь и т. д.; но для упрощения лучше совсем оставить их в стороне.) Пряжа стоила бы в этом случае 18 шилл. или 18 часов труда = 6 арш., а машины стоили бы 6 шилл. = 6 часам труда = 2 арш.

Стало быть, если ткач на свои 8 арш. покупает на 6 арш. — пряжу и на 2 арш. — машины, то своим постоянным капиталом в 8 арш. он оплачивает не только постоянный капитал

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

прядильщика и фабриканта ткацкого станка, но и вновь присоединенный ими труд. Таким образом, часть той стоимости, которая выступает как постоянный капитал ткача, на стороне прядильщика и фабриканта ткацкого станка выступает как вновь присоединенный труд и потому сводится для них не к капиталу, а к доходу.

Из 6 арш. холста прядильщик может потребить сам одну треть, т. е. 2 арш. (= вновь присоединенному труду — прибыли и заработной плате). А 4 арш. только возмещают ему лен и машины. Скажем, 3 арш. приходятся на лен и 1 арш. — на машины. Этими четырьмя аршинами он должен оплатить свои новые покупки. Из [полученных от ткача] 2 арш. машиностроитель может сам потребить $\frac{2}{3}$ арш., а остальные $\frac{4}{3}$ арш. только возмещают ему железо и дерево, короче сырье, а также машинное оборудование, использованное при производстве машины. Скажем, из $\frac{4}{3}$ арш. на сырье приходится 1 арш., а на машины — $\frac{1}{3}$ арш.

Из 12 арш. до сих пор потреблено: 1) 4 — ткачом, 2) 2 — прядильщиком и 3) $\frac{2}{3}$ — машиностроителем. Итого, $6\frac{2}{3}$ арш. Остаются, следовательно, еще $5\frac{1}{3}$ арш. Они распределяются следующим образом:

Прядильщик должен из стоимости 4 арш. возместить тремя аршинами лен и одним — машины.

Машиностроитель должен из стоимости $\frac{4}{3}$ арш. возместить одним аршином железо и пр., а одной третью аршина — машины (те, которые он сам использовал в машиностроении).

Таким образом, 3 арш. прядильщик платит за лен льноводу. Но для льновода характерна та особенность, что одна часть его постоянного капитала (а именно, семена, удобрения и т. д., словом, все те продукты земли, которые льновод обратно возвращает земле) совсем не поступает в обращение и, стало быть, не подлежит вычету из продаваемого им продукта; в последнем (за исключением той части его, которая возмещает машины, искусственные удобрения и т. д.) представлен только присоединенный труд, и потому этот продукт распадается лишь на заработную плату и прибыль. Если мы, следовательно, сделаем здесь то же допущение, какое мы делали до сих пор, а именно, что одну треть совокупного продукта составляет присоединенный труд, то к категории присоединенного труда будет отнесен один аршин из трех. Примем относительно остальных 2 арш., что — как и прежде — одна четверть их приходится на машины; это составит $\frac{2}{4}$ арш. Остающиеся $\frac{6}{4}$ арш., напротив, пришлось бы опять-таки на присоединенный труд, так как

в этой части продукта льновода не содержится постоянного капитала, — этот последний уже ранее был вычтен им. Следовательно, у льновода на заработную плату и прибыль пошли $2\frac{2}{4}$ арш. На возмещение машин остались $\frac{2}{4}$ арш. {Таким образом, из $5\frac{1}{3}$ арш., которые по нашим расчетам подлежали еще потреблению, использованы уже $2\frac{2}{4}$ ($5\frac{4}{12} - 2\frac{6}{12} = 2\frac{10}{12} = 2\frac{5}{6}$ арш.).} Эти последние $\frac{2}{4}$ арш. льновод должен был бы, следовательно, обратить на покупку машин.

Счет машиностроителя принял бы теперь такой вид: из постоянного капитала, приходящегося на ткацкий станок, он затратил 1 арш. на железо и т. д., $\frac{1}{3}$ арш. — на износ машиностроительной машины в процессе производства ткацкого станка.

Но, далее, у машиностроителя прядильщик покупает на 1 арш. прядильную машину, а льновод — на $\frac{2}{4}$ арш. земледельческие орудия. Из этих $\frac{6}{4}$ арш. машиностроитель должен $\frac{1}{3}$ потребить в возмещение присоединенного им труда, а $\frac{2}{3}$ израсходовать на возмещение постоянного капитала, вложенного в прядильную машину и земледельческие орудия. Но $\frac{6}{4} = \frac{18}{12}$. Таким образом, машиностроитель [292] снова должен потребить $\frac{6}{12}$ арш., а $\frac{12}{12}$, или 1 арш., превратить в постоянный капитал. (Следовательно, из $2\frac{5}{6}$ арш. еще не потребленного холста вычитается $\frac{1}{2}$ арш.; остается $\frac{14}{6}$ арш., т. е. $2\frac{2}{6}$, или $2\frac{1}{3}$ арш.)

Из одного аршина холста, оставшегося у машиностроителя для возмещения его постоянного капитала, машиностроитель должен затратить $\frac{3}{4}$ на сырье — железо, дерево и пр., — а $\frac{1}{4}$ уплатить самому себе в возмещение машиностроительной машины.

Весь расчет представляется теперь в таком виде:

Постоянный капитал машиностроителя	{	На долю ткацкого станка приходится: 1 арш. на сырье, $\frac{1}{3}$ арш. на возмещение износа его (машиностроителя) собственных машин
		На долю прядильной машины и земледельческих орудий приходится: $\frac{3}{4}$ арш. на сырье, $\frac{1}{4}$ арш. на возмещение износа его собственных машин

Следовательно: $1\frac{3}{4}$ арш. — на сырье, $\frac{1}{3} + \frac{1}{4}$ арш. — на возмещение износа его собственных машин

Итак, $1\frac{3}{4}$ арш. покупают на сумму этой стоимости у железоделателя и лесопромышленника железо и дерево. $\frac{7}{4} = 2\frac{1}{2}$.

Но здесь возникает новый вопрос. У льновода часть постоянного капитала — сырье — не входила в продаваемый им продукт, так как заранее была вычтена. В рассматриваемом теперь случае мы должны весь продукт [железо, дерево] разложить на присоединенный труд и машины. Даже при предположении, что присоединенный труд составляет здесь две трети продукта, а машины — одну треть, потреблению подлежали бы лишь $14/12$ арш., а $7/12$ арш. остались бы, в качестве постоянного капитала, на долю машин. Эти $7/12$ арш. вернулись бы к машиностроителю.

Следовательно, остаток от 12 арш. состоял бы из $1/3 + 1/4$ арш., которые машиностроитель должен был бы уплатить самому себе за износ своих собственных машин, и из $7/12$ арш., которые возвращают ему за машины железодельатель и лесопромышленник. Итак, $\frac{1}{3} + \frac{1}{4} = \frac{4}{12} + \frac{3}{12} = \frac{7}{12}$. К этому надо прибавить возвращаемые железодельателем и лесопромышленником $7/12$. (В общей сложности $14/12$, что составляет $12/12$, или $1^{1/6}$.)

Машины и рабочие инструменты железодельателя и лесопромышленника должны быть куплены у машиностроителя — совершенно так же, как у него же должны быть куплены машины и рабочие инструменты ткача, прядильщика и льновода. Пусть в $7/12$ арш. одну треть — $2/12$ арш. — составляет вновь присоединенный труд. Эти $2/12$ арш. тоже могут быть, следовательно, потреблены. В остальных же $5/12$ (собственно говоря, в $4/12$ и $2/12$, но такая точность в данном случае не нужна) представлен постоянный капитал, содержащийся в топоре дровосека и в машине железодельателя, причем $3/4$ приходится на чугун, дерево и пр. и $1/4$ — на возмещение износа машин. (Из $14/12$ арш. остается $12/12$ арш., или 1 арш. = 3 часам труда = 3 шилл.) Следовательно, из 1 арш. четверть аршина идет на возмещение машиностроительной машины и три четверти аршина — на дерево, железо и пр.

Итак, на возмещение износа машиностроительной машины приходится $\frac{7}{12}$ арш. + $\frac{1}{4}$ арш. = $\frac{7}{12} + \frac{3}{12} = \frac{10}{12}$ арш. С другой стороны, было бы совершенно бесполезно $3/4$ арш., приходящиеся на дерево и железо, опять разлагать на их составные части и снова возвращать одну из этих частей машиностроителю, который, в свою очередь, возвращает часть этой части железодельателю [293] и лесопромышленнику. Всегда получался бы остаток и *progressus in infinitum*.

[в] ОБМЕН КАПИТАЛА НА КАПИТАЛ СРЕДИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА. ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ЗА ГОД ПРОДУКТ
ТРУДА И ПРОДУКТ ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННОГО
В ДАННОМ ГОДУ ТРУДА]

Итак, рассмотрим вопрос в том виде, в каком он предстоит теперь перед нами.

Стоимость $^{10}/_{12}$ (или $^{5}/_{6}$) арш. машиностроитель оставляет себе для возмещения износа машин. В $^{3}/_{4}$ (или $^{9}/_{12}$) арш. представлена соответствующая стоимость дерева и железа. Машиностроитель отдал их железоделателю и лесопромышленнику, чтобы возместить свое сырье. Общий остаток холста [не подлежащий дальнейшему разложению на свои составные части] составляет у нас $^{19}/_{12}$ (или $^{17}/_{12}$) арш.

$^{5}/_{6}$ арш., которые машиностроитель удерживает у себя в виде остатка для возмещения износа своих машин, равны $^{15}/_{6}$ шилл. = $^{15}/_{6}$ часа труда; они, следовательно, равны $^{23}/_{6}$ = $^{21}/_{2}$ шилл. или $^{21}/_{2}$ часам труда. Эта стоимость не может быть возмещена машиностроителю в виде холста; ведь этот холст ему пришлось бы перепродать, для того чтобы возместить этими $^{21}/_{2}$ шилл. износ своих машин, одним словом, для того, чтобы произвести новую машиностроительную машину. Но кому же мог бы быть продан этот холст? Производителям других продуктов (помимо железа и дерева)? Но эти производители уже потребили в виде холста все, что они могут в этом виде потратить. Только те 4 арш., которые образуют заработную плату и прибыль в ткацком предприятии, могут быть обменены на другие продукты (кроме тех, которые входят в постоянный капитал ткацкого производства, или кроме того труда, к которому сводится этот постоянный капитал). А эти 4 арш. мы уже приняли в расчет. Или, может быть, машиностроитель должен оплачивать этим холстом рабочих? Но ведь мы уже вычли из его продукта все то, что присоединено к продукту трудом, и все это, по нашему предположению, потреблено в виде холста.

Представим дело в другом виде:

Ткач должен затратить на возмещение машин.....	2	арш. = 6	шилл. = 6	часам	труда
Прядильщик.....	1	» = 3	» = 3	»	»
Льновод.....	$^{2}/_{4}$	» = $^{11}/_{2}$	» = $^{11}/_{2}$	»	»
Производитель железа и дерева.....	$^{7}/_{12}$	» = $^{13}/_{4}$	» = $^{13}/_{4}$	»	»

Сумма аршин холста, затраченных на машины, т. е. та часть стоимости холста, в которой представлена стоимость машин..... $^{41}/_{12}$ арш. = $^{121}/_{4}$ шилл. = $^{121}/_{4}$ часам труда

Для упрощения расчетов примем: 4 арш. = 12 шилл. = 12 часам труда, из которых на труд (прибыль и заработную плату) идет одна треть, т. е. $\frac{4}{3}$ арш., или $1\frac{1}{3}$ арш.

На долю постоянного капитала остается $2\frac{2}{3}$ арш., из которых $\frac{3}{4}$ идут на сырье, а $\frac{1}{4}$ — на возмещение износа машин. $2\frac{2}{3} = \frac{8}{3} = \frac{32}{12}$. Одна четверть этого количества равна $\frac{8}{12}$ арш.

Эти $\frac{8}{12}$ арш., идущие на возмещение износа машин, — все, что остается в руках машиностроителя, так как $\frac{24}{12}$ арш. (2 арш.) он уплачивает за сырье производителям железа и дерева.

[294] Было бы ошибочно заставлять производителей железа и дерева вновь платить за машины, так как все, что они должны возместить в машинах, а именно $\frac{7}{12}$ арш., уже было занесено в счет машиностроителю. В данную статью уже занесены все машины, необходимые им для производства железа и дерева, а потому эти машины не могут быть поставлены в счет вторично. Таким образом, последние 2 арш., идущие на оплату железа и дерева (остаток от $2\frac{8}{12}$), сводятся, — так как здесь нет сырья, — целиком к труду и могут поэтому быть потреблены в виде холста.

Итак, весь получающийся остаток выражается в $\frac{8}{12}$ арш. ($\frac{2}{3}$ арш.), которые приходятся на износ машин, применяемых машиностроителем.

Проблема, взятая в целом, получила отчасти свое разрешение тем путем, что та часть *постоянного капитала* земледельца, которая не сводится ни к вновь присоединенному труду, ни к машинам, вовсе не вступает в обращение, а заранее вычитается: эта часть сама себя возмещает в своем собственном производстве, и, следовательно, весь *вступающий в обращение* продукт земледельца, за вычетом машин, распадается на заработную плату и прибыль и поэтому может быть потреблен в виде холста. В этом состояла одна часть решения.

Другая часть решения состояла в следующем: то, что в одной сфере производства выступает как постоянный капитал, в других сферах производства выступает как новый труд, присоединенный в течение того же самого года. То, что в руках ткача выступает как постоянный капитал, сводится в значительной своей части к доходу прядильщика, машиностроителя, льновода, железоделателя, лесопромышленника (углепромышленника и т. д.; но для упрощения вопроса мы последнего не вводим в наш расчет). (Это со всей ясностью обнаруживается в том, что когда, например, один и тот же фабрикант прядет и ткет, то его постоянный капитал меньше, чем постоянный капитал

ткача, а присоединенный им труд, т. е. та часть его продукта, которая сводится к присоединенному труду, к доходу — к прибыли и заработной плате, — больше, чем у ткача. Так, у ткача доход равнялся 4 арш. = 12 шилл.; постоянный капитал равнялся 8 арш. = 24 шилл. Если же он одновременно прядет и ткёт, то его доход = 6 арш., его постоянный капитал = тоже 6 арш., а именно: 2 арш. приходится на ткацкий станок, 3 арш. — на лен, 1 арш. — на прядильную машину.)

В-третьих, найденное до сих пор решение состояло в том, что все производители сырья или орудий труда, необходимых для производства того продукта, который входит, наконец, в индивидуальное потребление, потребляют свой доход — прибыль и заработную плату, представляющие вновь присоединенный труд, — не в виде своего собственного продукта. Ту часть их продукта, которая сводится к доходу, они могут потребить лишь в виде того пригодного для непосредственного потребления продукта, о котором здесь идет речь, или — что равносильно — в виде пригодного для непосредственного потребления продукта других производителей, полученного в обмен и имеющего ту же стоимость. Вновь присоединенный труд производителей сырья и орудий труда входит как составная часть стоимости в конечный продукт, в виде которого он только и служит потреблению, в то время как по своей потребительной стоимости этот вновь присоединенный труд содержится в конечном продукте в качестве сырья или в качестве потребленных машин.

Итак, та часть проблемы, которую остается еще решить, свелась к следующему: что будет с $\frac{2}{3}$ арш., приходящимися на износ машиностроительной машины машиностроителя? (Речь идет здесь об износе именно этой машины, а не об износе примененных ткачом, прядильщиком, льноводом, железоделателем, лесопромышленником рабочих машин, ибо эти последние сводятся к новому труду, а именно к новому труду, придающему форму новых машин такому сырью, которое как таковое само уже не имеет своего сырья, требующего издержек.) Или, иначе говоря: при каких условиях данный машиностроитель может потребить в виде холста эти $\frac{2}{3}$ арш., равные 2 шилл. или 2 часам труда, и в то же время возместить свои машины? В этом суть вопроса. Этот факт действительно имеет место. Он существует как нечто необходимое. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы объяснить это явление.

[295] Ту часть прибыли, которая превращается в новый капитал (стало быть, как в оборотный капитал, так и в основной; как в переменный капитал, так и в постоянный), мы здесь

оставляем совершенно без внимания. Она не имеет никакого отношения к нашей проблеме, ибо в этом случае новый переменный капитал, как и новый постоянный капитал, создается и возмещается *новым* трудом (той или иной частью прибавочного труда).

Итак, если оставить этот случай в стороне, то вся сумма присоединенного (например, за год) нового труда, равная сумме прибыли и заработной платы, т. е. сумме годового *дохода*, затрачивается на продукты, входящие в индивидуальное потребление, — на предметы питания, одежду, отопление, жилище, мебель и т. д.

Сумма этих входящих в потребление продуктов равна по своей стоимости сумме присоединенного за год труда (сумме стоимости дохода). Это количество труда должно равняться сумме содержащегося в этих продуктах труда, как вновь присоединенного, так и прошлого. При покупке этих продуктов необходимо оплатить не только содержащийся в них вновь присоединенный труд, но и заключенный в них постоянный капитал. Их стоимость равняется, как сказано, сумме прибылей и заработных плат. Когда мы в качестве примера берем холст, то он является для нас представителем суммы продуктов, вступающих в течение года в индивидуальное потребление. Этот холст не только должен равняться по своей стоимости всем своим стоимостным элементам, но и вся его потребительная стоимость должна быть пригодна для потребления различными производителями, получающими в нем свои доли. Необходимо, чтобы вся его стоимость распадалась на прибыль и заработную плату, т. е. на составные части вновь присоединенного за год труда, хотя состоит этот холст из присоединенного труда и постоянного капитала.

Это, как сказано, объясняется отчасти следующим:

Во-первых: часть постоянного капитала, необходимого для производства холста, не входит в холст ни в качестве потребительной стоимости, ни в качестве меновой стоимости. Это та часть льна, которая сводится к семенам и т. д., та часть постоянного капитала сельскохозяйственного продукта, которая не вступает в обращение, а прямо или косвенно возвращается производству, земле. Эта часть возмещает сама себя; она, следовательно, не нуждается для своего восстановления в оплате холстом. {Крестьянин может продать весь свой сбор хлеба, скажем, 120 кварталов. Но в таком случае он должен купить семена (например, 12 кварталов) у другого крестьянина. Этот последний должен, таким образом, из своего продукта (120 кварталов) обратить на семена не 12 кварталов, а 24, не одну десятую часть,

а одну пятую. Следовательно, также и в данном случае из 240 кварталов возвращаются земле в качестве семян 24 квартала. Но в сфере обращения здесь действительно имеется различие. В первом случае, когда каждый удерживает одну десятую часть, в обращение вступают 216 кварталов. Во втором случае в обращение вступают 120 кварталов первого крестьянина и 108 второго, т. е. 228 кварталов. На действительных потребителей приходится, как и прежде, только 216 кварталов. Здесь, следовательно, мы уже имеем пример того, что сумма стоимостей, обращающихся между одними «деловыми людьми» и другими, может быть больше суммы стоимостей, обращающихся между «деловыми людьми» и потребителями ⁵¹.} (Такая же разница, далее, существует во всех тех случаях, когда часть прибыли превращается в новый капитал; затем тогда, когда сделки между одними «деловыми людьми» и другими простираются на целый ряд лет, — и т. д.)

Таким образом, значительная часть постоянного капитала, требующегося для производства холста, т. е. продукта, пригодного для индивидуального потребления, не нуждается в возмещении холстом.

Во-вторых: значительная часть постоянного капитала, необходимого для холста, т. е. для произведенного за год предмета потребления, на одной ступени выступает как постоянный капитал, а на другой — как вновь присоединенный труд и поэтому действительно распадается на прибыль и заработную плату, составляющие доход для одних, тогда как та же сумма стоимости выступает для других как капитал. Так, часть постоянного капитала [ткача] сводится к [вновь присоединенному] труду прядильщика и т. д.

[296] *В-третьих:* на всех промежуточных стадиях производства, необходимых для изготовления продукта, пригодного для потребления, значительная часть продуктов — за исключением сырья и некоторых вспомогательных материалов — никогда не входит в потребительную стоимость предмета потребления, а входит в него только как составная часть его стоимости; это относится к машинам, углю, маслу, салу, ремням и т. д. На каждой из этих стадий, которые на деле всегда производят лишь постоянный капитал для следующей ступени, — поскольку они вследствие разделения общественного труда выступают как особые отрасли, — продукт каждой ступени распадается на две части: в одной представлен вновь присоединенный труд (эта часть сводится к прибыли и заработной плате, сводится, при указанном выше ограничительном условии ⁵², к доходу), а в другой части представлена стоимость потребленного

постоянного капитала. Таким образом, ясно, что в каждой из этих сфер производства своим собственным производителем может быть потреблена тоже только та часть продукта, которая распадается на заработную плату и прибыль, только та часть, которая остается после того, как вычтена масса продуктов, равная стоимости постоянного капитала, содержащегося в продукте данной сферы. Но никто из этих производителей не потребляет ни малейшей части продуктов предшествующей ступени, продуктов всех тех ступеней, которые на деле производят только постоянный капитал для дальнейшей ступени.

Итак, хотя конечный продукт (холст, который играет здесь роль представителя всех пригодных для потребления продуктов) состоит из вновь присоединенного труда и постоянного капитала, так что последние производители этого предмета потребления могут потребить лишь ту его часть, которая сводится к присоединенному на последней стадии труду, к сумме заработных плат и прибылей, к их доходу, — тем не менее все производители постоянного капитала также потребляют, реализуют свой вновь присоединенный труд только в продукте, пригодном для потребления. Несмотря на то, что этот последний состоит из присоединенного труда и постоянного капитала, его покупная цена выражает, — кроме той части продукта, которая равна количеству труда, вновь присоединенного на последней стадии, — все то совокупное количество труда, которое было присоединено в процессе производства постоянного капитала этого продукта. Производители постоянного капитала реализуют весь присоединенный ими труд не в своем собственном продукте, а в продукте, пригодном для потребления, — и постольку получается то же самое, как если бы этот последний состоял только из заработной платы и прибыли, из присоединенного труда.

Из предмета потребления, из холста, производители холста, выпускающие его из своей сферы производства в готовом виде, сами удерживают ту часть продукта, которая равна их доходу, равна труду, присоединенному на последней стадии производства, равна сумме заработных плат и прибылей (взаимный обмен предметов потребления и предварительное превращение товаров в деньги нисколько не меняют положения дела). Другой частью произведенного ими предмета потребления они оплачивают ту составную часть стоимости, которая приходится на непосредственных производителей применяемого ими постоянного капитала. Вся эта часть произведенного ими предмета потребления покрывает, следовательно, стоимость дохода и постоянного капитала ближайших производителей этого по-

стоянного капитала. Но эти последние удерживают у себя только ту часть пригодного для потребления продукта, стоимость которой равна их доходу. Другой частью они, в свою очередь, платят производителям их постоянного капитала, который опять-таки равняется доходу плюс постоянный капитал. Однако расчет может быть сведен без остатка лишь в том случае, если последней частью холста — продукта, пригодного для потребления, — подлежит возмещению только доход, вновь присоединенный труд, а не постоянный капитал. Ибо холст, согласно предположению, входит только в потребление и не образует, в свою очередь, постоянного капитала другой фазы производства.

Для одной части земледельческого продукта это уже доказано.

Вообще, только о продуктах, входящих в конечный продукт в качестве сырья, можно сказать, что они потребляются как продукты. Другие же входят в пригодный для потребления продукт только в качестве составных частей стоимости. Пригодный для потребления продукт покупается на доход, т. е. на заработную плату и прибыль. Следовательно, сумма его стоимости должна целиком распадаться на заработную плату и прибыль, т. е. на различные количества труда, присоединенного на всех пройденных этим продуктом ступенях. И вот спрашивается: существует ли, кроме той части земледельческого продукта, которая возвращается производству самим производителем [297] (семена, скот, навоз и т. д.), еще и какая-нибудь другая часть постоянного капитала, которая не входит как составная часть стоимости в пригодный для потребления продукт, а возмещает себя *in natura* в самом процессе производства?

Здесь, разумеется, об основном капитале во всех его формах речь может идти лишь постольку, поскольку его стоимость сама входит в производство и потребляется в нем.

Не только в земледелии (включая сюда скотоводство, рыбоводство, лесоводство, где процесс воспроизводства совершается искусственно), — следовательно, не только в производстве всякого рода сырья для одежды, предметов питания и значительной части таких продуктов, которые входят в промышленный основной капитал, каковы, например, паруса, канаты, ремни и т. п., — но и в горном деле происходит частичное возмещение постоянного капитала *in natura* из продукта собственного производства, так что эта часть постоянного капитала не должна быть возмещена той частью продукта, которая поступает в обращение. Так, например, в каменноугольном производстве часть угля употребляется на то, чтобы приводить в движение паровую машину, выкачивающую воду или поднимающую уголь на поверхность.

Стоимость произведенного за год продукта равняется, таким образом, частью тому прошлому труду, который содержался в угле, потребленном в процессе угледобычи, а частью — тому количеству труда, которое при этом вновь присоединено (износ машин и пр. не принимается во внимание). Но из этого совокупного продукта непосредственно удерживается и возвращается производству та часть постоянного капитала, которая сама состоит из угля. Никто не должен возмещать производителю эту часть, так как он сам ее себе возмещает. Если производительность труда не подверглась ни повышению, ни понижению, то и часть стоимости, представленная этой частью продукта, остается неизменной, равняясь определенной, соответствующей ей, части того количества труда, которое существует в продукте как в виде прошлого труда, так и в виде труда, вновь присоединенного в течение года. Также и в других отраслях горной промышленности происходит частичное возмещение постоянного капитала *in natura*.

Отходы продуктов, как, например, отходы хлопка и т. п., возвращаются почве в виде удобрения или используются в качестве сырья в других отраслях производства; так, превратившийся в тряпье холст используется в производстве бумаги. В первом из указанных случаев часть постоянного капитала одной отрасли производства может непосредственно обмениваться на постоянный капитал другой. Например: хлопок — на хлопковые отходы, употребляемые в качестве удобрения.

Вообще же главное различие существует между производством машин и производством сырья (угля, железа, дерева), с одной стороны, и другими фазами производства, с другой. В этих последних нет взаимодействия. Холст не может стать частью постоянного капитала прядильщика; пряжа (как таковая) не может стать частью постоянного капитала льновода или фабриканта машин. Но сырым материалом для машины служат не только такие полученные из сельскохозяйственного сырья продукты, как ремни, канаты и т. д., но еще и дерево, железо, уголь; а с другой стороны, машина, в свою очередь, входит в качестве средства производства в постоянный капитал производителя дерева, железа, угля и т. д. Таким образом, обе эти отрасли на деле возмещают друг другу часть своего постоянного капитала *in natura*. Здесь происходит обмен постоянного капитала на постоянный капитал.

Дело здесь не сводится к одним только бухгалтерским расчетам. Производитель железа ставит в счет машиностроителю износ использованных в производстве железа машин, а фабри-

кант машин ставит в счет производителю железа износ своих машин, использованных в машиностроении. Пусть производитель железа и производитель угля — одно и то же лицо. Во-первых, как мы уже видели, он сам возмещает себе уголь. Во-вторых, стоимость его совокупного продукта — железа и угля — равна стоимости, созданной вновь присоединенным трудом, плюс та стоимость, которая создана содержащимся в изношенной части машин прошлым трудом. После того как из этого совокупного продукта вычтено то количество железа, которое возмещает стоимость машин, остается то именно количество железа, которое сводится к присоединенному труду. Последняя часть образует сырой материал для фабриканта машин, производителя инструментов и т. д. Эту последнюю часть фабрикант машин оплачивает производителю железа холстом, а взамен первой части поставляет ему машину, возмещающую износ его оборудования.

С другой стороны, мы имеем такую часть постоянного капитала машиностроителя, которая соответствует износу его машиностроительной машины, инструментов и пр., которая, таким образом, не может быть сведена ни к сырью (мы оставляем здесь в стороне примененную [в производстве угля и железа] машину [298] и ту часть угля, которая возмещает себя самоё), ни к вновь присоединенному труду, следовательно — ни к заработной плате, ни к прибыли; этот износ возмещается фактически тем, что машиностроитель удерживает для себя самого из своих собственных машин одну или несколько в качестве машиностроительных машин. В отношении этой части его продукта дело сводится просто к тому, что для ее изготовления требуется добавочное количество сырья. В этой части продукта вновь присоединенный труд не представлен, так как в совокупном продукте труда определенное количество машин равняется стоимости, созданной присоединенным трудом, другое количество их — стоимости сырья, третье — той составной части стоимости, которая содержалась в машиностроительной машине. Правда, эта последняя составная часть содержит в себе на деле и присоединенный труд. Но со стороны стоимости труд этот равен нулю, так как в той части машин, в которой представлен присоединенный труд, не принимается в расчет труд, содержащийся в сырье и изношенных машинах; во второй части, возмещающей сырье, не принята в расчет та часть, которая возмещает новый труд и машины; следовательно, в третьей части, рассматриваемой со стороны стоимости, не содержится ни присоединенного труда, ни сырья; в этой части машин представлен только износ машин.

Машины, необходимые самому фабриканту машин, не идут в продажу. Они возмещаются им *in natura*, удерживаются из совокупного продукта. Таким образом, в продаваемых им машинах представлен лишь сырой материал (который сводится только к труду, коль скоро на счет фабриканта машин уже отнесен износ машин производителя сырья) и присоединенный труд; следовательно, эти машины сводятся к холсту как для него самого, так и для производителя сырья. Что же касается специально взаимоотношения между фабрикантом машин и производителем сырья, то этот последний для возмещения изношенной части своих машин удержал такое количество железа, которое соответствует стоимости изношенной части. Этим количеством железа он обменивается с фабрикантом машин, так что оба они расплачиваются друг с другом *in natura*, и этот процесс не имеет ничего общего с распределением дохода между ними.

Так обстоит дело с этим вопросом, к которому мы еще вернемся при рассмотрении обращения капитала ⁵³.

Постоянный капитал в действительности возмещается тем путем, что он постоянно вновь производится и частью воспроизводит себя сам. Но та часть постоянного капитала, которая входит в пригодный для потребления продукт, оплачивается тем живым трудом, который входит в продукты, не являющиеся предметами потребления. Именно потому, что этот труд оплачивается не своими собственными продуктами, весь пригодный для потребления продукт может быть сведен к доходу. Одна часть постоянного капитала, рассматриваемая как часть годового продукта, есть только кажущийся постоянный капитал. Другая часть, хотя и она входит в совокупный продукт, однако — ни в качестве составной части стоимости, ни в качестве потребительной стоимости — не входит в пригодный для потребления продукт, а возмещается *in natura*, оставаясь все время неотъемлемым элементом производства.

Здесь мы рассмотрели, как весь пригодный для потребления продукт распределяется и распадается на все входящие в него составные части стоимости и условия производства.

Но всегда существуют одновременно, одно рядом с другим: пригодный для потребления продукт (который, — в той мере, в какой одна из частей, на которые он распадается, есть заработная плата, — равен переменной части капитала), производство пригодного для потребления продукта и производство всех частей постоянного капитала, необходимого для производства этого продукта, независимо от того, входит ли этот постоянный капитал в пригодный для потребления продукт или же нет. Таким образом, всякий капитал всегда делится на

постоянный и переменный капитал, из которых он одновременно состоит, и, хотя постоянная его часть, подобно переменной, непрерывно возмещается новыми продуктами, она всегда продолжает существовать в одной и той же форме, пока производство продолжается в том же виде.

[299] Отношение между фабрикантом машин и производителем сырья — производителем железа, дерева и т. д. — таково, что каждый из них на деле обменивается с другим частью своего постоянного капитала (что ничего общего не имеет с превращением части постоянного капитала одного в доход другого ⁵⁴), и продукт каждого из этих двух взаимосвязанных производителей, хотя один из указанных продуктов и служит предварительной ступенью для другого продукта, входит как средство производства в постоянный капитал каждого другого из этих двух производителей. Производители железа, дерева и т. д. дают машиностроителю — в обмен на машины, в которых они нуждаются, — железо, дерево и т. д. в размере стоимости машины, подлежащей возмещению. Эта часть постоянного капитала машиностроителя является для этого последнего тем же, чем семена являются для крестьянина. Она составляет ту часть его годового продукта, которую он возмещает себе *in natura* и которая не является для него доходом. С другой стороны, путем этого обмена машиностроителю возмещается в форме сырого материала не только сырье, содержащееся в машине производителя железа, но и та часть стоимости этой машины, которая состоит из присоединенного труда и износа его собственных машин. Таким образом, машиностроителю возмещается не только то, что соответствует износу его собственных машин, но также и то, что может быть отнесено (в качестве возмещения) на счет части износа, содержащегося в другой машине.

Правда, также и эта, проданная производителю железа, машина содержит такие составные части стоимости, которые равны сырью и присоединенному труду. Но зато в другой машине должно быть засчитано соответственно меньше на возмещение износа. Стало быть, эта часть постоянного капитала производителей железа и т. д., т. е. эта часть продукта их годового труда, возмещающая только ту составную часть стоимости постоянного капитала, в которой представлен износ, не входит в машины, продаваемые машиностроителем другим промышленникам. Что же касается износа в этих других машинах, то он, конечно, возмещается машиностроителю упомянутыми выше $\frac{2}{3}$ арш. холста, равными 2 часам труда. Машиностроитель покупает на них чугун, дерево и т. д. в размере той же суммы

стоимости и возмещает себе износ в другой форме своего постоянного капитала, в форме чугуна. Таким образом, машиностроителю часть его сырья возмещает, кроме стоимости сырья, также и стоимость износа его машин. Но на стороне производителя чугуна и т. д. это сырье сводится к одному лишь присоединенному труду, так как машины этих производителей сырья (железа, дерева, угля и т. д.) были засчитаны уже раньше.

Таким образом, все элементы холста сводятся к такой сумме определенных количеств труда, которая равна сумме вновь присоединенного труда, но отнюдь не равна сумме совокупного труда, содержащегося в постоянном капитале и увековечиваемого воспроизводством.

К тому же тавтологией является положение, гласящее, что то количество труда — частью живого, частью прошлого, — которое образует сумму товаров, входящих на протяжении года в индивидуальное потребление, и которое, следовательно, потребляется как доход, не может превышать присоединенный в течение года труд. Ибо доход равен сумме прибыли и заработной платы, равен сумме вновь присоединенного труда, равен сумме товаров, содержащих такое же количество труда.

Пример с производителем железа и машиностроителем есть только отдельный пример. Также и между другими различными сферами производства, доставляющими друг другу средства производства в виде своих продуктов, происходит обмен их постоянных капиталов *in natura* (хотя бы и скрытый рядом денежных сделок). Поскольку это имеет место, постольку потребители конечного продукта, входящего в потребление, не должны возмещать этот постоянный капитал, так как он уже возмещен. [299]

[304] {Например, при производстве паровозов ежедневно остаются целые вагоны железных стружек. Их собирают и перепродают (или записывают в счет) тому же самому владельцу железодельного завода, который поставляет владельцу паровозостроительного завода его главное сырье. Владелец железодельного завода снова придает этим стружкам компактную форму, присоединяет к ним новый труд. И в этой форме, в которой он отправляет их обратно владельцу паровозостроительного завода, эти металлические стружки образуют ту часть стоимости продукта, которая возмещает сырье. Так странствуют они между этими двумя заводами, — конечно, не те же самые стружки, но всегда определенное количество их. Эта часть попеременно служит сырьем для обеих отраслей промышленности и, рассматриваемая со стороны стоимости, всегда

только кочует из одного предприятия в другое. Поэтому она не входит в окончательный продукт, а представляет собой возмещение постоянного капитала *in natura*.

В действительности каждая машина, которую поставляет владелец машиностроительного завода, распадается, — если рассматривать ее стоимость, — на сырье, присоединенный труд и износ машин. Но совокупная сумма этих машин, входящих в производство других сфер, может по своей стоимости равняться лишь совокупной стоимости машин минус та часть постоянного капитала, которая непрерывно перемещается — то туда, то обратно — между владельцем машиностроительного завода и владельцем железоделательного завода.

Любой квартал пшеницы, продаваемый крестьянином, стоит столько же, сколько и всякий другой. Проданный квартал пшеницы несколько не дешевле того квартала, который возвращен почве в виде семян. Тем не менее, если продукт равен шести кварталам, а квартал трем фунтам стерлингов, — причем каждый квартал содержит составные части стоимости, приходящиеся на присоединенный труд, сырье и машины, — и если крестьянин должен употребить один квартал на семена, то продает он потребителям только 5 кварталов, получая за них 15 ф. ст. Потребителям не приходится, следовательно, платить за ту составную часть стоимости, которая содержится в одном квартале семян. В этом-то и заключается соль вопроса: как это возможно, что стоимость проданного продукта равна всем содержащимся в нем элементам стоимости — вновь присоединенному труду и постоянному капиталу, — а потребитель, хотя он и не оплачивает постоянный капитал, все же покупает этот продукт ?} ⁵⁵ [304]

[300] {Добавление к предшествующему.

Как мало пошлый Сэй понимал даже самый вопрос, показывает следующая цитата:

«Для полного понимания этого вопроса о доходах следует принять во внимание, что вся стоимость продукта разделяется на доходы различных лиц, ибо *совокупная* стоимость всякого продукта складывается из прибылей тех земельных собственников, капиталистов и искусных в труде людей, которые содействовали его созданию. Вследствие этого доход общества равняется произведенной *валовой стоимости*, а не только *чистому продукту* земли, как полагала секта экономистов ⁵⁶... Если бы доходы нации сводились только к избытку произведенных стоимостей над потребленными, то отсюда вытекал бы тот поистине нелепый вывод, что нация, потребляющая в течение года столько же стоимостей, сколько она производит, не имеет никакого дохода» (цит. соч., том II, стр. 63—64).

Такая нация имела бы, в действительности, тот или иной доход в истекшем уже году, но в следующем году не имела бы

никакого. Неверно, будто *произведенный за год продукт труда*, в котором *продукт вновь присоединенного в данном году труда* образует только часть, сводится к доходу. Это верно только относительно той части продукта, которая входит в годовое индивидуальное потребление. Доход, состоящий исключительно из присоединенного труда, может оплатить этот продукт, состоящий отчасти из присоединенного труда, отчасти же из прошлого труда, — другими словами: присоединенный труд может оплатить в этих продуктах не только самого себя, но и прошлый труд, — благодаря тому, что другая часть продукта, тоже состоящая из труда присоединенного и труда прошлого, возмещает только прошлый труд, только постоянный капитал.}

**[11) ДОБАВЛЕНИЯ: ПУТАНИЦА У СМИТА ПО ВОПРОСУ
О МЕРЕ СТОИМОСТИ; ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПРОТИВОРЕЧИЙ СМИТА]**

{К рассмотренным здесь пунктам теории Адама Смита следует еще добавить, что к его колебаниям в определении стоимости — кроме явного противоречия в вопросе о заработной плате⁵⁷ — присоединяется еще следующее смешение понятий: мера стоимостей как имманентная мера, которая вместе с тем образует субстанцию стоимости, смешивается с мерой стоимостей в том смысле, в каком мерой стоимостей называются деньги. Отсюда попытка — своего рода квадратура круга — найти для меры во втором смысле товар неизменной стоимости, который служил бы постоянным измерителем других товаров. О том, как мера стоимостей, в смысле денег, относится к определению стоимости рабочим временем, — смотри первую часть моего сочинения⁵⁸. Это смешение местами встречается также и у Рикардо.} [300]

* * *

[299] Противоречия А. Смита важны в том смысле, что они заключают в себе проблемы, которых он, правда, не разрешает, но которые он ставит уже тем, что сам себе противоречит. Его верный инстинкт в этом отношении доказывается лучше всего тем обстоятельством, что последующие экономисты, споря друг с другом, воспринимают от Смита то одну, то другую сторону⁵⁹.

[ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ]

**ТЕОРИИ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ
И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ**

Мы переходим теперь к последнему спорному пункту, который мы должны рассмотреть при анализе взглядов А. Смита, — к [300] различению между *производительным* и *непроизводительным трудом*.

Таким же двойственным, каким мы видели до сих пор А. Смита во всем, он остается и при определении того, что он называет *производительным трудом* в отличие от *непроизводительного*. Мы находим у него постоянное смешение двух определений того, что он называет *производительным трудом*. Рассмотрим сначала первое, правильное определение.

**[1] ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ
КАК ТРУД, СОЗДАЮЩИЙ ПРИБАВОЧНУЮ СТОИМОСТЬ**

Производительным трудом, в смысле капиталистического производства, является тот наемный труд, который, будучи обременен на переменную часть капитала (на часть капитала, затрачиваемую на заработную плату), не только воспроизводит эту часть капитала (т. е. стоимость своей собственной рабочей силы), но, кроме того, производит прибавочную стоимость для капиталиста. Только благодаря этому товары или деньги превращаются в капитал, производятся в качестве капитала. Производительным является только тот наемный труд, который производит капитал. (Это значит, что израсходованную на этот труд сумму стоимостей он воспроизводит в увеличенном размере, другими словами — возвращает больше труда, чем получает в форме заработной платы. Следовательно,

производительна лишь та рабочая сила, применение которой дает бóльшую стоимость, чем та, которую имеет она сама.)

Само существование класса капиталистов, а значит и капитала, основывается на производительности труда, но не на абсолютной, а на относительной его производительности. Если бы рабочего дня хватало только на поддержание жизни работника, т. е. только на воспроизводство его рабочей силы, [301] то, абсолютно говоря, труд был бы производителен, так как он восспроизводил бы, т. е. постоянно возмещал бы, потребленные им стоимости (сумма которых равна стоимости его собственной рабочей силы). Но он не был бы производителен в капиталистическом смысле, так как не производил бы никакой прибавочной стоимости. (Он не производил бы на деле никакой новой стоимости, а лишь возмещал бы прежнюю; он потреблял бы стоимость в одной форме, чтобы воспроизводить ее в другой. В этом смысле и была высказана мысль, что производителен тот работник, чья продукция равна его собственному потреблению, и непроизводителен тот, который потребляет больше, чем воспроизводит.)

Эта производительность основывается на относительной производительности, на том, что рабочий не только возмещает прежнюю стоимость, но создает еще и новую; на том, что он овеществляет в своем продукте больше рабочего времени, чем овеществлено в том продукте, который поддерживает его существование как рабочего. Этот вид производительного наемного труда и служит основой существования капитала.

{Но предположим, что никакого капитала не существует и что рабочий сам присваивает себе свой прибавочный труд, избыток созданных им стоимостей над стоимостями, потребленными им. Лишь при этом положении вещей можно было бы сказать, что труд такого рабочего действительно производителен, т. е. создает новые стоимости.}

[2) ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ У ФИЗИОКРАТОВ И У МЕРКАНТИЛИСТОВ]

Это понимание производительного труда вытекает само собою из представления А. Смита о происхождении прибавочной стоимости, а следовательно — из его представления о сущности капитала. Поскольку он проводит этот взгляд на производительный труд, он движется в одном из взятых физиократами и даже меркантилистами направлений, освобождая его лишь от ложного способа представления и, следовательно, выявляя его внутреннее ядро. Физиократы, неправильно считавшие произ-

водительным только земледельческий труд, проводили, однако, правильный взгляд, что с капиталистической точки зрения производителен только тот труд, который создает прибавочную стоимость, и притом не для себя самого, а для собственника условий производства; только тот труд, который создает «чистый продукт», не для себя самого, а для земельного собственника. Ибо прибавочная стоимость, или прибавочное рабочее время, овеществляется в прибавочном продукте, или в «чистом продукте». (Этот последний физиократы опять-таки понимают неправильно. Они считают его чистым продуктом потому, что, например, пшеницы получается больше, чем съедают рабочий и фермер; но ведь и сукна тоже производится больше, чем его нужно на одежду производителям сукна — рабочему и предпринимателю.) Сама прибавочная стоимость понимается ими неправильно, так как они имеют неправильное представление о стоимости, которую они сводят к потребительной стоимости труда, а не к рабочему времени, не к общественному, качественно безразличному труду. Тем не менее у них за вычетом всего этого остается правильное определение, что только тот наемный труд производителен, который создает больше стоимости, чем стоит сам. А. Смит освобождает это определение от неправильного представления, с которым оно связано у физиократов.

Если от физиократов мы обратимся еще дальше назад — к меркантилистам, то и у них, в качестве одной из сторон их воззрений, мы найдем тот же взгляд на производительный труд, хотя это и осталось у них неосознанным. В основе воззрений меркантилистов лежало представление о том, что труд производителен лишь в тех отраслях производства, продукты которых, будучи отправлены за границу, приносят стране больше денег, чем они стоили (или чем нужно было в обмен на них вывезти за границу), — которые, следовательно, дают стране возможность в усиленной мере участвовать в присвоении продуктов недавно открытых тогда золотых и серебряных рудников. Они видели, что в таких странах происходил быстрый рост богатства и среднего класса. Чем же на самом деле обуславливалось это влияние золота? Рост заработной платы отставал от роста товарных цен; заработная плата, следовательно, понижалась, а тем самым возрастал относительный прибавочный труд, повышалась норма прибыли, но не потому, что рабочий стал более производителен, а потому, что абсолютная заработная плата (т. е. сумма жизненных средств, получаемых рабочим) понижалась, словом — потому, что ухудшилось положение рабочих. Таким образом, в этих странах труд действительно стал

производительнее для применяющих этот труд предпринимателей. Этот факт был связан с притоком благородных металлов, что и послужило мотивом, — хотя только смутно сознаваемым, — побудившим меркантилистов объявить единственно производительным трудом тот труд, который применяется в такого рода отраслях производства.

[302] «Поразительный рост населения, происходивший почти во всей Европе в течение последних 50 или 60 лет, вызывается, может быть, главным образом возросшей производительностью американских рудников. Увеличившийся избыток драгоценных металлов» (конечно, вследствие понижения их действительной стоимости) «повышает цену товаров в большей мере, чем цену труда; он ухудшает положение рабочего и в то же время увеличивает прибыли его нанимателя, который в результате этого применяет больше оборотного капитала для найма рабочих рук, а это способствует росту населения... Мальтус замечает, что открытие американских рудников, повысив хлебные цены в три-четыре раза, подняло цену труда только вдвое... Цена товаров, предназначенных для потребления внутри страны (например, цена хлеба), повышается в результате притока денег не сразу; а так как вследствие этого норма прибыли в земледелии понижается по сравнению с нормой прибыли в промышленности, то капитал переходит из земледелия в промышленность. И таким образом в конце концов все капиталы начинают приносить более высокие прибыли, чем прежде, а повышение прибылей всегда равносильно понижению заработной платы» (*John Barton. Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society. London, 1817, стр. 29 и следующие*).

Итак, во-первых, согласно Бартону, во второй половине XVIII столетия повторилось то самое явление, которое в последней трети XVI столетия и в XVII столетии дало толчок меркантилистской системе. Во-вторых, так как по понизившейся стоимости золота и серебра измеряются только экспортируемые товары, в то время как товары, предназначенные для потребления внутри страны, продолжают еще измеряться по прежней стоимости золота и серебра (до тех пор пока конкуренция между капиталистами не устранил этого измерения двумя различными мерами), то в отраслях производства, работающих на экспорт, труд выступает как непосредственно производительный, т. е. как создающий прибавочную стоимость, благодаря тому, что заработная плата снижается по сравнению с ее прежним уровнем.

[3) ДВОЙСТВЕННОСТЬ СМИТОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА. ПЕРВАЯ ТРАКТОВКА ВОПРОСА: ВЗГЛЯД НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК НА ТРУД, ОБМЕНИВАЕМЫЙ НА КАПИТАЛ]

Второй, неправильный взгляд на производительный труд, развиваемый Смитом, до такой степени переплетается с правильным, что оба эти взгляда шаг за шагом следуют друг за другом

на протяжении одного и того же отрывка. Поэтому для иллюстрации первого взгляда нам придется кое-где разрывать цитаты на части.

«Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, так как он производит стоимость, может быть назван *производительным трудом*, второй — *непроизводительным*. Так, труд мануфактурного рабочего обычно присоединяет к стоимости материала, который он подвергает обработке, стоимость своего собственного содержания и прибыль своего хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, не дает никакого увеличения стоимости. Хотя хозяин и авансирует мануфактурному рабочему его заработную плату, последний в действительности не стдит ему никаких издержек, так как стоимость этой заработной платы обычно возвращается к хозяину вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего. Напротив, расход на содержание домашнего слуги никогда не возвращается. Человек богатеет, нанимая много мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит много домашних слуг» (книга II, глава 3, стр. 93 и 94 во II томе издания Мак-Куллоха) [Русский перевод, том I, стр. 278].

В этом месте, — а в его продолжении, которое мы процитируем ниже, противоречащие друг другу определения еще больше переплетаются друг с другом, — под производительным трудом понимается главным образом такой труд, который производит прибавочную стоимость — «прибыль своего хозяина» — сверх воспроизводства стоимости «своего собственного» (т. е. наемного рабочего) «содержания». Ведь промышленник не мог бы *обогащаться*, «нанимая много мануфактурных рабочих», если бы последние, сверх стоимости своего собственного содержания, не создавали еще и прибавочной стоимости.

Но, во-вторых, А. Смит понимает здесь под производительным трудом такой труд, который вообще «производит стоимость». Оставляя пока в стороне эту [303] последнюю трактовку, процитируем сначала другие места, где первый взгляд Смита отчасти повторяется, отчасти резче формулируется, главным же образом получает вместе с тем дальнейшее развитие.

«Если бы то количество пищи и одежды, которое... потреблено непроизводительными работниками, было распределено между производительными работниками, последние воспроизвели бы с той или иной прибылью полную стоимость того, что ими было потреблено» (цит. соч., стр. 109; книга II, глава 3) [Русский перевод, том I, стр. 286].

Здесь производительным совершенно определенно назван такой работник, который не только воспроизводит капиталисту полную стоимость содержащихся в заработной плате жизненных средств, но и воспроизводит ему эту стоимость «с той или иной прибылью».

Только труд, производящий капитал, есть производительный труд. Но капиталом товары или деньги становятся

благодаря тому, что они непосредственно обмениваются на рабочую силу, и притом обмениваются только для того, чтобы быть возмещенными большим количеством труда, чем содержится в них самих. Ибо потребительная стоимость рабочей силы для капиталиста как такового состоит не в ее *действительной* потребительной стоимости, не в полезности данного вида конкретного труда, не в том, что это труд прядильщика, ткача и т. д., — совершенно так же, как не интересуется капиталиста потребительная стоимость продукта этого труда как таковая, так как продукт для него является товаром (и притом, до первого своего метаморфоза), а не предметом потребления. Капиталиста интересует в товаре только то, что товар обладает большей меновой стоимостью, чем капиталист за него заплатил, и таким образом потребительная стоимость труда для него состоит в том, что он получает обратно большее количество рабочего времени, чем то, которое он оплатил в форме заработной платы. К числу этих производительных работников принадлежат, разумеется, все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего в собственном смысле слова и кончая директором, инженером (в отличие от капиталиста). Поэтому-то и последний английский официальный фабричный отчет ^{59a} «*совершенно определенно*» зачисляет в категорию наемных работников всех лиц, занятых на фабриках и в фабричных конторах, за исключением самих фабрикантов (см. слова отчета перед заключительной частью этой дряни).

Производительный труд определяется здесь с точки зрения капиталистического производства, и А. Смит в данном случае проник в самую суть дела, попал прямо в точку. Одна из его крупнейших научных заслуг (как правильно отметил Мальтус ⁶⁰, это смитовское различие между производительным и непроизводительным трудом остается основой всей политической экономии буржуазного общества) состоит в том, что он определяет производительный труд как такой труд, *который обменивается непосредственно на капитал*, т. е. определяет его тем обменом, посредством которого производственные условия труда и стоимость вообще, деньги или товары, впервые только и превращаются в капитал (а труд — в наемный труд в научном смысле этого слова).

Этим самым абсолютно установлено также, что такое *непроизводительный труд*. Это — такой труд, который обменивается не на капитал, а *непосредственно* на доход, т. е. на заработную плату или прибыль (а также, конечно, и на те различные рубрики, которые существуют за счет прибыли капиталиста, каковы процент и рента). Там, где всякий труд отчасти еще сам себя

оплачивает (как, например, земледельческий труд барщинного крестьянина), отчасти же обменивается непосредственно на доход (как мануфактурный труд в городах Азии), там не существует капитала и наемного труда в смысле политической экономии буржуазного общества. Эти определения взяты, стало быть, не из вещественной характеристики труда (не из природы его продукта и не из тех определенных свойств, которые присущи труду как конкретному труду), а из определенной общественной формы, из тех общественных производственных отношений, в которых этот труд осуществляется. Актер, например, и даже клоун, является, в соответствии с этим, производительным работником, если он работает по найму у капиталиста (антрепренера), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы; между тем мелкий портной, который приходит к капиталисту на дом и чинит ему брюки, создавая для него только потребительную стоимость, является непроизводительным работником. Труд первого обменивается на капитал, труд второго — на доход. Первый род труда создает прибавочную стоимость; при втором потребляется доход.

Производительный и непроизводительный труд здесь различаются всегда *со стороны владельца денег, капиталиста*, а не со стороны *работника*, и отсюда нелепости у Ганиля и других, которые настолько далеки от понимания сути дела, что сводят ее к вопросу, приносит ли деньги работа — или услуга, или функция — проститутки, лакея и т. д. [303]

[304] Писатель является производительным работником не потому, что он производит идеи, а потому, что он обогащает книгопродавца, издающего его сочинения, т. е. он производителен постольку, поскольку является наемным работником какого-нибудь капиталиста.

Потребительная стоимость товара, в котором воплощается труд производительного рабочего, может быть совершенно ничтожной. Эта характеристика труда с его вещественной стороны нисколько не связана с его свойством быть производительным трудом, которое, напротив, выражает только определенное общественное производственное отношение. Здесь мы имеем такую характеристику труда, которая проистекает не из его содержания или его результата, а из его определенной общественной формы.

С другой стороны, если предположить, что капитал овладел всем производством, что, следовательно, *товар* (который нужно отличать от простой потребительной стоимости) уже не производится работником, владеющим условиями производства этого

товара, что, стало быть, только капиталист является производителем *товаров* (за исключением одного-единственного товара — рабочей силы), то в таком случае доход должен обмениваться *или* на товары, производимые и продаваемые исключительно капиталом, *или* на такие виды труда, которые так же, как и эти товары, покупаются для потребления, т. е. только из-за присущих им определенных вещественных свойств, из-за их потребительной стоимости, из-за тех *услуг*, которые они в своей вещественной определенности оказывают своим покупателям и потребителям. Для производителя этих услуг они — товары. Они имеют определенную потребительную стоимость (воображаемую или действительную) и определенную меновую стоимость. Но для покупателя эти услуги — лишь потребительные стоимости, предметы, в виде которых [305] он потребляет свой доход. Эти непроеизводительные работники не безвозмездно получают свою долю дохода (зарботной платы и прибыли), свою долю в товарах, созданных производительным трудом, — они должны ее купить, — но к производству этих товаров они не имеют никакого отношения.

Однако при всех обстоятельствах ясно: чем больше дохода (зарботной платы и прибыли) тратится на товары, произведенные капиталом, тем меньше может быть затрачено на покупку услуг непроеизводительных работников, и наоборот.

Вещественный характер того или другого труда, а следовательно и его продукта, сам по себе не имеет ничего общего с этим различием между производительным и непроеизводительным трудом. Например, повар и официанты в ресторане являются производительными работниками, поскольку их труд превращается в капитал для владельца ресторана. Эти же лица являются непроеизводительными работниками в качестве домашней прислуги, поскольку я не создаю себе капитала из их услуг, а трачу на них свой доход. Но фактически те же самые лица и в ресторане являются для меня, как потребителя, непроеизводительными работниками.

«Та часть годового продукта земли и труда какой-либо страны, которая *возмещает капитал*, всегда непосредственно употребляется на содержание только производительных работников. Она *оплачивает зарботную плату* только *производительного труда*. Та же часть, которая *непосредственно* предназначается на образование дохода, в виде ли прибыли или ренты, может одинаково идти на содержание как производительных, так и непроеизводительных работников. Какую бы часть своих фондов человек ни затрачивал в качестве капитала, он всегда ожидает, что она будет возмещена ему с прибылью. Поэтому он затрачивает ее исключительно на содержание *производительных работников*; выполнив для него свою функцию капитала, она образует доход для этих последних. Всякий же раз, когда он употребляет часть своих фондов на *содержание непроеизводитель-*

ных работников того или другого рода, она с этого момента изымается из его капитала и поступает в те его фонды, которые предназначены для непосредственного потребления» (цит. соч. [издание Мак-Куллоха, том II], стр. 98) [Русский перевод, том I, стр. 280].

Ясно, что по мере того, как капитал овладевает всем производством, как исчезает поэтому домашняя и мелкая форма промышленности, словом та промышленность, которая производит для собственного потребления и продукты которой не являются товарами, — непроизводительные работники, т. е. те работники, услуги которых непосредственно обмениваются на доход, по большей части выполняют уже только *личные* услуги, и только самая незначительная часть их (например, повар, швея, ~~портной~~, занимающийся починкой, и т. д.) производит вещественные потребительные стоимости. Что они не производят *товаров*, вытекает из самого существа дела. Ибо товар как таковой никогда не является непосредственно предметом потребления, а является носителем меновой стоимости. Поэтому лишь весьма незначительная часть этих непроизводительных работников может при развитии капиталистическом способе производства непосредственно участвовать в материальном производстве. Она принимает участие в последнем только путем обмена своих услуг на доход. Это, как отмечает А. Смит, не мешает тому, чтобы стоимость услуг этих непроизводительных работников определялась — и могла определяться — тем же (или аналогичным) способом, каким определяется стоимость производительных рабочих. А именно — издержками производства, необходимыми для их содержания или для их производства. К этому здесь присоединяются еще и другие обстоятельства, рассмотрение которых сюда не относится.

[306] Рабочая сила производительного работника является товаром для него самого. Точно так же обстоит дело и с рабочей силой непроизводительного работника. Но производительный работник производит для покупателя его рабочей силы товар. Непроизводительный же производит для него просто потребительную стоимость, воображаемую или действительную, а вовсе не товар. Для непроизводительного работника характерно то, что он для своего покупателя не производит товара, хотя и получает от него товар.

«Труд некоторых наиболее уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости... Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот являются непроизводительными работниками. Они — слуги общества и содержатся на часть годового продукта труда других людей... К этому же классу должны быть отнесены... священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т. д.» (там же, стр. 94—95) [Русский перевод, том I, стр. 279].

Само по себе это различие между производительным и непроизводительным трудом, как уже сказано, не имеет ничего общего ни с той или иной особой специальностью труда, ни с особой потребительной стоимостью, в которой этот специальный вид труда воплощается. В одном случае труд обменивается на капитал, в другом -- на доход. В одном случае труд превращается в капитал и создает капиталисту прибыль; в другом случае он является расходом, одним из тех объектов, на которые тратится доход. Например, рабочий фортепьянного фабриканта является производительным работником. Его труд не только возмещает потребленную им заработную плату, но в его продукте, в фортепьяно, в товаре, продаваемом фабрикантом, сверх стоимости заработной платы содержится еще и прибавочная стоимость. Предположим, наоборот, что я покупаю весь материал, необходимый для изготовления фортепьяно (или пусть даже сам рабочий имеет этот материал), и, вместо того чтобы купить фортепьяно в магазине, поручаю сделать его у меня на дому. В этом случае фортепьянный мастер является непроизводительным работником, так как его труд обменивается непосредственно на мой доход.

(4) ВТОРАЯ ТРАКТОВКА ВОПРОСА У СМИТА: ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК ТРУД, ОВЕЩЕСТВЛЯЮЩИЙСЯ В ТОВАРЕ]

Ясно, однако, что в той же мере, в какой капитал подчиняет себе все производство, — так что все товары производятся для продажи, а не для непосредственного потребления, и соответственно этому растет производительность труда, — появляется и все более усиливается также и вещественное различие между производительными и непроизводительными работниками, так как первые, за незначительными исключениями, будут производить только *товары*, а вторые, тоже за незначительными исключениями, будут выполнять только личные услуги. Класс первых будет поэтому производить непосредственное, материальное, из *товаров* состоящее богатство, все товары, поскольку они состоят не из самой рабочей силы. И в этом заключается одно из соображений, побудивших А. Смита к первой *differentia specifica* *, являющейся основным определением, присоединить еще и другие.

Так, в результате сплетения различных рядов мыслей у Смита получается следующее:

* — специфическая отличительная черта, специфическое различие. *Ред.*

«Труд домашнего слуги» (в отличие от труда мануфактурного рабочего) «...не дает никакого увеличения стоимости... Расход на содержание домашнего слуги никогда не возвращается. Человек богатеет, нанимая много мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит много домашних слуг. Тем не менее труд последних имеет свою стоимость и заслуживает вознаграждения так же, как и труд первых. Но труд мануфактурного рабочего фиксируется и овеществляется в каком-либо отдельном предмете, или товаре, который можно продать и который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как сам этот труд уже прекратился. Это есть, так сказать, определенное количество труда, скопленное в процессе его овеществления и хранящееся в резерве, чтобы быть использованным, если понадобится, при каком-либо другом случае. Этот предмет, или, что то же самое, цена этого предмета, может впоследствии, если понадобится, привести в движение количество труда, равное тому, какое первоначально было затрачено на его производство. Труд домашнего [307] слуги, напротив, не фиксируется или не овеществляется в каком-либо отдельном предмете, или пригодном для продажи товаре. Его услуги обычно исчезают в самый момент их выполнения и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь стоимость, за которую можно было бы впоследствии получить равное количество услуг. Труд некоторых наиболее уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости и не фиксируется или не овеществляется ни в каком длительно существующем предмете, или пригодном для продажи товаре» (там же, стр. 93—94) [Русский перевод, том I, стр. 278—279].

Для характеристики непроизводительного работника мы здесь имеем следующие определения, в которых вместе с тем обнаруживаются звенья внутреннего хода мыслей А. Смита:

Труд непроизводительного работника «не производит никакой стоимости», «не дает никакого увеличения стоимости», «расход на содержание» (непроизводительного работника) «никогда не возвращается», «он не фиксируется или не овеществляется в каком-либо отдельном предмете, или пригодном для продажи товаре». Напротив, «его услуги обычно исчезают в самый момент их выполнения и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь стоимость, за которую можно было бы впоследствии получить равное количество услуг». Наконец, «он не фиксируется или не овеществляется ни в каком длительно существующем предмете, или пригодном для продажи товаре».

Здесь термины «производительный» и «непроизводительный» берутся в другом смысле, чем тот, какой они имели первоначально. Речь идет уже не о производстве прибавочной стоимости, которое само по себе подразумевает воспроизводство эквивалента потребленной стоимости. Труд работника считается здесь производительным постольку, поскольку работник вместо потребленной стоимости дает эквивалент, присоединяя своим трудом к какому-нибудь материалу такое же количество стоимости, какое содержалось в его заработной плате. Здесь мы выходим за пределы того определения, которое относится

к общественной форме, за пределы определения производительных и непроизводительных работников их отношением к капиталистическому производству. Из 9-й главы IV книги (где А. Смит критикует учение физиократов) видно, что он пришел к этой аберрации, развивая свои взгляды отчасти в противовес физиократам, отчасти под их влиянием. Если рабочий в течение года только возмещает эквивалент своей заработной платы, то он не является производительным работником для капиталиста. Правда, он возмещает капиталисту свою заработную плату, покупную цену своего труда. Но это совершенно такая же сделка, как если бы капиталист купил товар, производимый этим работником. Капиталист оплачивает труд, содержащийся в постоянном капитале, примененном для производства данного товара, и в заработной плате. Он теперь владеет таким же количеством труда в форме товара, каким владел раньше в форме денег. Его деньги от этого не превращаются в капитал. В данном случае получается то же самое, как если бы рабочий сам был владельцем своих условий производства. Из стоимости своего годового продукта он должен ежегодно удерживать стоимость условий производства, чтобы возмещать их. В течение года он потребил или мог бы потребить ту часть стоимости своего продукта, которая равна новому труду, присоединенному им за год к своему постоянному капиталу. В этом случае мы, стало быть, не имели бы капиталистического производства.

Первое основание, в силу которого А. Смит называет этот вид труда «производительным», состоит в том, что физиократы называют его «бесплодным» и «непроизводительным».

Так, Смит говорит нам в указанной главе:

«Во-первых, [физиократы] признают, что этот класс (а именно, промышленные классы, не занимающиеся земледелием) воспроизводит ежегодно стоимость своего собственного годового потребления и сохраняет, по меньшей мере, тот фонд, или капитал, который предоставляет ему занятия и дает ему возможность существовать... Правда, фермеры и сельскохозяйственные рабочие сверх капитала, который предоставляет им работу и средства существования, воспроизводят ежегодно еще чистый продукт, чистую ренту для земельного собственника... Труд фермеров и сельскохозяйственных рабочих, несомненно, производительнее труда купцов, ремесленников и мануфактуристов. Но то обстоятельство, что продукт одного класса превосходит продукт другого класса, не делает еще другой класс бесплодным и непроизводительным» (цит. соч., том III, стр. 530 [французского перевода Гарнье]) [Русский перевод, том II, стр. 220—221].

Здесь, следовательно, А. Смит возвращается к физиократическому [308] взгляду. Собственно «производительным трудом», трудом, производящим прибавочную стоимость, а потому и «чистый продукт», оказывается труд земледельческий. Смит

отказывается от своего собственного взгляда на прибавочную стоимость и принимает взгляд физиократов. В то же время он выдвигает против физиократов то положение, что мануфактурный (у него также и торговый) труд все-таки тоже производителен, хотя и не в этом высшем смысле слова. Смит, стало быть, выходит за пределы того определения, которое относится к общественной форме, за пределы определения того, что представляет собой «производительный работник» с точки зрения капиталистического производства; он выдвигает против физиократов тот тезис, что неземледельческий, промышленный класс воспроизводит свою собственную заработную плату, следовательно все же производит стоимость, равную той, которую он потребляет, и тем самым «сохраняет, по меньшей мере, тот фонд, или капитал, который предоставляет ему занятие». Так под влиянием физиократов и в противовес им возникает его второе определение «производительного труда».

«Во-вторых», — говорит А. Смит, — «ввиду этого представляется вообще неправильным рассматривать ремесленников, мануфактуристов и купцов в таком же свете, как и домашнюю прислугу. *Труд домашнего слуги не сохраняет того фонда, который предоставляет ему занятие и средства существования. Этот слуга получает занятие и содержится всецело за счет издержек своего хозяина, и работа, которую он выполняет, не такого рода, чтобы возместить эти издержки.* Работа эта состоит в услугах, которые обычно исчезают в самый момент их выполнения; она не фиксируется и не овещается в каком-либо пригодном для продажи товаре, который мог бы возместить стоимость их заработной платы и содержания. В противоположность этому, труд ремесленников, мануфактуристов и купцов естественным образом фиксируется и овещается в таком предмете, который может быть продан или обменян. Вот почему в главе о производительном и непроизводительном труде я отнес ремесленников, мануфактуристов и купцов к производительным работникам, а домашнюю прислугу — к бесплодным и непроизводительным» (там же, стр. 531) [Русский перевод, том II, стр. 221].

Как только капитал овладевает всем производством, доход, поскольку он вообще обменивается на труд, обменивается не непосредственно на труд, производящий *товары*, а на одни лишь *услуги*. Он обменивается отчасти на такие *товары*, которые служат ему в качестве потребительных стоимостей, отчасти на *услуги*, которые, в качестве таковых, потребляются как потребительные стоимости.

Товар, в отличие от самой рабочей силы, есть противостоящий человеку в вещественной форме предмет, который обладает известной полезностью для человека и в котором фиксировано, материализовано определенное количество труда.

Таким образом, мы приходим к определению, которое по существу уже содержится в пункте первом: производительным

является тот рабочий, труд которого *производит товары*, причем этот рабочий потребляет товаров не больше, чем производит, не больше, чем стоит его труд. Его труд фиксируется и овеществляется *«в таком предмете, который может быть продан или обменен», «в каком-либо пригодном для продажи товаре, который мог бы возместить стоимость их»* (т. е. рабочих; изготовивших эти товары) *«заработной платы и содержания»*. Производя товары, производительный рабочий тем самым непрерывно воспроизводит переменный капитал, который он непрерывно потребляет в форме заработной платы. Он постоянно производит тот фонд, который его оплачивает, «который представляет ему занятие и средства существования».

Во-первых, к труду, «фиксирующемуся и овеществляющемуся в таком товаре, который может быть продан или обменен», А. Смит, естественно, причисляет все виды умственного труда, которые непосредственно потребляются в материальном производстве. Смит имеет здесь в виду не только труд рабочего, работающего непосредственно руками или же работающего у машин, но и труд надсмотрщика, инженера, директора, приказчика и т. д., словом, труд всего персонала, требующегося в определенной сфере материального производства для производства определенного товара, — персонала, совместный труд (кооперация) которого необходим для изготовления товаров. В самом деле, они присоединяют к постоянному капиталу свой совокупный труд и повышают стоимость продукта на эту величину. (В какой мере это верно в применении к банкирам ⁶¹ и т. д.?)

[309] *Во-вторых*, А. Смит говорит, что *обычно* этого не бывает с трудом непроизводительных работников. А. Смит прекрасно знает, что даже и в том случае, когда капитал овладел материальным производством, следовательно когда в основном исчезла домашняя промышленность, исчез труд мелкого ремесленника, непосредственно на дому у потребителя создающего ему потребительные стоимости, — даже в этом случае швея, которую я приглашаю на дом шить рубахи, или рабочие, которые ремонтируют мебель, или слуга, моющий, убирающий дом и т. д., или кухарка, придающая мясу и т. д. пригодную для потребления форму, фиксируют свой труд в той или иной вещи и действительно увеличивают стоимость этих вещей совершенно так же, как и швея, которая шьет на фабрике, как и механик, ремонтирующий машину, как и рабочие, чистящие машину, как и кухарка, готовящая в ресторане в качестве наемной работницы капиталиста. Произведенные ими потребительные стоимости потенциально также являются товарами: рубахи

могут быть заложены в ломбарде, дом может быть продан, мебель может пойти с молотка и т. д. Таким образом, перечисленные лица потенциально тоже произвели товары и присоединили стоимость к предметам своего труда. Но они составляют весьма незначительную категорию среди непроизводительных работников, и того, что сказано о них, нельзя сказать о массе домашних слуг, попов, правительственных чиновников, солдат, музыкантов и т. д.

Однако как бы велико или мало ни было число этих «непроизводительных работников», во всяком случае ясно то, — и Смит признаёт это своим ограничительным выражением: «услуги эти *обычно* исчезают в самый момент их выполнения» и т. д., — что не обязательно тот или иной специальный вид труда и не та или иная форма проявления его продукта делают его «производительным» или «непроизводительным». Один и тот же труд может быть производительным, когда я покупаю его как капиталист, как производитель, для того чтобы применение его принесло мне увеличенную стоимость, и непроизводительным, когда я покупаю его как потребитель, когда я трачу свой доход с целью потребления его (труда) потребительной стоимости, независимо от того, исчезает ли эта потребительная стоимость вместе с прекращением самого функционирования рабочей силы или же она материализуется, фиксируется в какой-нибудь вещи.

Для того, кто в качестве капиталиста купил труд кухарки, для владельца ресторана, кухарка производит в ресторане товар. Потребитель бараньих котлет должен оплатить ее труд, и этот труд возмещает владельцу ресторана (помимо прибыли) тот фонд, из которого он продолжает платить кухарке. Напротив, если труд кухарки, которая варит мне мясо и пр., покупается мной не для того, чтобы применять этот труд в качестве труда вообще ради получения прибавочной стоимости, а для пользования им в качестве именно этого определенного конкретного труда, то в этом случае ее труд непроизводителен, хотя он и фиксируется в материальном продукте и с таким же успехом мог бы стать (в своем результате) идущим в продажу товаром, каким он и в самом деле является для владельца ресторана. Остается, однако, большое различие (различие по самой сути дела): мне (частному лицу) кухарка не возмещает того фонда, из которого я ей плачу. Ибо я покупаю ее труд не как образующий стоимость элемент, а исключительно из-за его потребительной стоимости. Ее труд точно так же не возмещает мне того фонда, из которого я ей плачу, т. е. не возмещает мне ее заработной платы, как, например, съедаемый мной в ресторане обед

не дает, как таковой, мне возможности еще раз купить и съесть такой же обед. Но это же различие существует и между товарами. Товар, который капиталист покупает для возмещения своего постоянного капитала (например, хлопчатобумажная ткань, если он имеет ситцепечатную фабрику), возмещает ему свою стоимость в печатном ситце. Напротив, если капиталист покупает этот же товар, чтобы потреблять самый ситец, то товар не возмещает ему его расхода.

Наибольшая часть общества, — т. е. рабочий класс, — принуждена, впрочем, сама для себя выполнять этот непроеизводительный труд; но она может взяться за него лишь при условии, если она предварительно поработала «производительно». Рабочий может варить себе мясо только в том случае, если он произвел заработную плату, которою можно заплатить за мясо; он в состоянии содержать в чистоте свою мебель и свое жилище, чистить свою обувь только при том условии, если он предварительно произвел стоимость мебели, квартирной платы, обуви. Таким образом, у самого этого класса производительных рабочих «непроизводительным трудом» оказывается тот труд, который они выполняют для самих себя. Этот непроеизводительный труд никогда не дает им возможности [310] снова повторить тот же самый непроеизводительный труд, если они предварительно не поработали производительно.

В-третьих. С другой стороны: антрепренер театров, устроитель концертов, содержатель публичных домов и т. д. покупают временное распоряжение рабочей силой актеров, музыкантов, проституток и т. д. (в действительности — окольным путем, представляющим интерес лишь с точки зрения экономической формы и не влияющим на результаты процесса); они покупают этот так называемый «непроеизводительный труд», которого «услуги исчезают в самый момент их выполнения» и не фиксируются или не оведеществляются в каком-либо «длительно существующем» (или, иначе, в «особом») «предмете, или пригодном для продажи товаре» (помимо самих этих услуг). Продажа этих услуг публике возмещает антрепренеру заработную плату и дает прибыль. И эти услуги, купленные им таким образом, дают ему возможность купить их снова, т. е. сами возобновляют тот фонд, из которого они оплачиваются. То же самое относится, например, к труду писцов, работающих в конторе у адвоката, с той только разницей, что услуги писцов по большей части еще воплощаются в весьма объемистых «особых предметах», в форме огромных кип документов.

Верно, что самому антрепренеру эти услуги оплачиваются из доходов публики. Но не менее верно, что точно так же об-

стоит дело и со всеми продуктами, поскольку они идут в индивидуальное потребление. Страна, правда, не может экспортировать эти услуги как таковые; но она может экспортировать их исполнителей. Так, Франция экспортирует танцмейстеров, поваров и т. д., а Германия — школьных учителей. Конечно, вместе с экспортом танцмейстера и школьного учителя экспортируется также и их доход, между тем как экспорт танцевальной обуви и книг доставляет стране возмещающую их стоимость.

Таким образом, если, с одной стороны, часть так называемого непроизводительного труда воплощается в материальных потребительных стоимостях, которые с таким же успехом могли бы быть товарами («пригодными для продажи товарами»), то, с другой стороны, часть услуг, существующих в чистом виде, не принимающих предметной формы, не получающих в виде вещи самостоятельного бытия отдельно от исполнителя этих услуг и не входящих составной частью в стоимость какого-нибудь товара, — может быть куплена на капитал (*непосредственным* покупателем труда), может возмещать свою собственную заработную плату и доставлять прибыль. Словом, производство этих услуг может в известной своей части быть подчинено капиталу, — точно так же, как, с другой стороны, часть того труда, который воплощается в полезных предметах, покупается непосредственно на доход и не подчиняется капиталистическому производству.

В-четвертых. Весь мир «товаров» может быть разделен на две большие части. Во-первых, рабочая сила; во-вторых, товары, отличные от самой рабочей силы. Покупка же таких услуг, которые выражаются в обучении рабочей силы, которые сохраняют ее, видоизменяют и т. д., словом, дают ей специальность или же только служат ее сохранению, следовательно, например, услуг школьного учителя, поскольку он «промышленно-необходим» или полезен, услуг врача, поскольку он поддерживает здоровье, т. е. сохраняет источник всех стоимостей — самую рабочую силу, — все это есть покупка таких услуг, которые дают взамен себя «пригодный для продажи товар и т. д.», а именно самую рабочую силу, в издержки производства или воспроизводства которой эти услуги входят. Впрочем, А. Смит знал, какую ничтожную роль в издержках производства массы рабочих играют издержки на «образование». И при всех обстоятельствах услуги врача принадлежат к *faux frais* * производства. Их можно отнести к издержкам по ремонту рабочей силы. Допустим, что по той или иной причине одновременно

* — побочные издержки, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми. *Ред.*

уменьшаются заработная плата и прибыль, как по своей совокупной стоимости, — например, вследствие того, что нация стала более ленивой, — так и по своей потребительной стоимости, если труд стал менее производителен в результате плохого урожая и т. д.; словом, допустим, что та часть продукта, стоимость которой равна доходу, уменьшается по той причине, что за последний год присоединено меньше нового труда и что присоединенный труд менее производителен. Если бы капиталист и рабочий пожелали теперь потреблять в виде вещественных продуктов ту же сумму стоимостей, что и прежде, то им пришлось бы покупать меньше услуг врача, учителя и т. д. Если же они были бы вынуждены расходовать на врача и учителя столько же, сколько прежде, то им пришлось бы сократить потребление других вещей. Итак, ясно, что труд врача и учителя не создает непосредственно фонда, из которого они оплачиваются, хотя их труд входит в издержки производства того фонда, который вообще создает все стоимости, а именно в издержки производства рабочей силы.

[311] А. Смит продолжает:

«В-третьих, представляется со всех точек зрения неправильным утверждение, что труд ремесленников, мануфактуристов и купцов не увеличивает *действительного дохода* общества. Даже если предположить, например, как это предполагает рассматриваемая здесь теория, что стоимость дневного, месячного и годового потребления этого класса в точности равняется стоимости того, что он производит в течение данного дня, месяца и года, то все же отсюда отнюдь не следует, что его труд ничего не добавляет к действительному доходу общества, к действительной стоимости годового продукта земли и труда общества. Так, например, ремесленник, который в первые шесть месяцев после жатвы выполняет работу на 10 ф. ст., даже если он и потребляет за это время хлеба и других средств существования на 10 ф. ст., на деле добавляет к годовому продукту земли и труда общества стоимость в 10 ф. ст. Потребляя хлеб и другие средства существования на сумму полугодового дохода стоимостью в 10 ф. ст., он в то же время произвел своей работой равновеликую стоимость, на которую можно купить для него самого или для кого-либо другого точно такой же полугодовой доход. Поэтому стоимость того, что потреблено и произведено в течение этих шести месяцев, равняется не 10, а 20 ф. ст. Конечно, вполне возможно, что в каждый данный момент налицо было не более 10 ф. ст. этой стоимости. Но если бы хлеб и другие средства существования стоимостью в 10 ф. ст., потребленные ремесленником, были потреблены солдатом или домашним слугой, то стоимость той части годового продукта, которая существовала бы в конце шести месяцев, оказалась бы на 10 ф. ст. меньше по сравнению с тем, что имеется на самом деле в результате труда ремесленника. Таким образом, даже если допустить, что стоимость того, что производится ремесленником, никогда не превышает той стоимости, которую он потребляет, все же в каждый данный момент совокупная стоимость товаров, имеющих на рынке, будет в результате его труда больше той, какой она была бы, если бы он не работал» (цит. соч., книга IV, глава 9, стр. 531—533 [III тома французского перевода Гарнье]) [Русский перевод, том II, стр. 221—222].

А разве в каждый данный момент [совокупная] стоимость товаров, имеющих на рынке, не будет в результате «непроизводительного труда» больше той, какая была бы без наличия этого труда? Разве в любой момент, наряду с пшеницей, мясом и т. д., нет на рынке также проституток, адвокатов, проповедей, концертов, театров, солдат, политических деятелей и т. д.? Эта братия получает хлеб и другие средства существования или увеселения не даром. За это она отдает или навязывает свои услуги, которые, как таковые, имеют потребительную стоимость, а в результате их издержек производства — также и меновую стоимость. В каждый данный момент в числе предметов потребления, наряду с предметами потребления, существующими в виде товаров, имеется известное количество предметов потребления в виде услуг. Таким образом, общая сумма предметов потребления всегда оказывается больше той, какую она была при отсутствии пригодных для потребления услуг. А во-вторых, большей оказывается также и стоимость, ибо она равна стоимости товаров, поддерживающих эти услуги, и стоимости самих услуг. Ведь здесь, как и при всяком обмене товара на товар, эквивалент дается за эквивалент, следовательно одна и та же стоимость имеется в наличии вдвойне: один раз на стороне покупателя и один раз — на стороне продавца.

{А. Смит продолжает о физиократах:

«Когда сторонники этой системы утверждают, что *потребление ремесленников, мануфактуристов и купцов равняется стоимости того, что они производят*, они, вероятно, имеют в виду только то обстоятельство, что *доход этих работников, или фонд, предназначенный для их потребления, равен этой стоимости*» (т. е. стоимости того, что они производят) (там же, стр. 533) [Русский перевод, том II, стр. 222].

В этом физиократы были правы, если иметь в виду рабочих и предпринимателей, вместе взятых; прибыль этих последних включает ренту просто как свою особую рубрику.}

[312] {В той же связи, т. е. в связи со своей критикой физиократов, А. Смит — книга IV, глава 9 (перевод Гарнье, том III) — замечает:

«Годовой продукт земли и труда какого-либо общества может быть увеличен только двумя способами: либо, *во-первых*, путем *усовершенствования производительной способности полезного труда*, действующего в данное время в данном обществе; либо, *во-вторых*, путем *увеличения количества этого труда*. Для того чтобы произошло какое-либо усовершенствование или возрастание производительной способности полезного труда, необходимо или *усовершенствование ловкости рабочего или усовершенствование машин, при помощи которых он работает...* Увеличение количества полезного труда, употребляемого в данное время в обществе, зависит исключительно от *увеличения того капитала, который приводит его в действие*, а *увеличение этого капитала, в свою очередь, должно точно*

равняться сумме сбережений, которые делают из своего дохода управляющие этим капиталом лица или же какие-либо другие лица, ссужающие его им» (стр. 534—535) [Русский перевод, том II, стр. 222].

Здесь получается двойной порочный круг. *Во-первых*: годовой продукт увеличивается в результате увеличения производительности труда. Все средства увеличения этой производительности (поскольку это увеличение не вызывается случайностями природы, например особо благоприятной погодой и т. д.) требуют увеличения капитала. Но чтобы увеличить капитал, необходимо увеличить годовой продукт труда. Первый порочный круг. *Во-вторых*, годовой продукт может быть увеличен путем увеличения количества применяемого труда. Но количество применяемого труда может быть увеличено лишь в результате предварительного увеличения того капитала, который «приводит его (труд) в действие». Второй порочный круг. Смит пытается выпутаться из обоих этих порочных кругов с помощью «сбережений». Под этим выражением он понимает превращение дохода в капитал.

Уже само по себе неправильно рассматривать всю прибыль как «доход» капиталиста. Закон капиталистического производства, напротив, требует, чтобы часть прибавочного, неоплаченного труда, выполняемого рабочим, превращалась в капитал. Когда отдельный капиталист действует как капиталист, т. е. как исполнитель функций капитала, то это превращение прибыли в капитал, конечно, может ему самому казаться сбережением, но даже и для него самого оно выступает в виде необходимости иметь резервный фонд. Однако увеличение количества труда зависит не только от числа рабочих, но и от продолжительности рабочего дня. Количество труда, следовательно, может быть увеличено без увеличения той части капитала, которая превращается в заработную плату. При этом условии нет также необходимости в увеличении количества машин и т. д. (хотя изнашиваться они будут быстрее; но это дела не меняет). Необходимо было бы только увеличить ту часть сырья, которая идет на семена и т. д. При этом остается правильным, что в каждой данной стране (если отвлечься от внешней торговли) прибавочный труд сперва должен иметь место в земледелии, чтобы он стал возможен в тех отраслях промышленности, которые получают от земледелия сырье. Часть сырья, — уголь, железо, дерево, рыба и т. д. (последняя, например, в качестве удобрения), все удобрения не-животного происхождения, — может быть получена в результате простого увеличения труда (при прежнем числе рабочих). За этим дело, следовательно, не станет. С другой стороны, раньше уже было показано, что

увеличение производительности первоначально предполагает всегда только концентрацию капитала, а не накопление его ⁶². Но в дальнейшем оба эти процесса дополняют друг друга.}

{Причина, побуждавшая физиократов проповедовать *laissez faire, laissez passer* *, т. е. свободную конкуренцию, правильно указана Смитом в следующем отрывке:

«Торговля, ведущаяся между этими двумя различными группами населения» (городом и деревней), «состоит, в конечном счете, в обмене известного количества сырых продуктов на известное количество мануфактурных изделий. Поэтому, чем дороже последние, тем дешевле первые, и все то, что в какой-либо стране ведет к повышению цены мануфактурных изделий, тем самым ведет к понижению цены сырого продукта земли и этим замедляет развитие земледелия». Но все стеснения, ограничения, налагаемые на мануфактуры и внешнюю торговлю, удорожают мануфактурные изделия и т. д. Следовательно, и т. д. (Смит, цит. соч. [III том французского перевода Гарнье], стр. 554—556) [Русский перевод, том II, стр. 230].}

* * *

[313] Итак, второй (или, вернее, переплетающийся с выше-изложенным другим его взглядом) взгляд Смита на «производительный» и «непроизводительный труд» сводится к тому, что производительным является труд, производящий *товар*, а непроизводительным — труд, не производящий «никакого товара». Смит не отрицает того, что и тот и другой род труда *является товаром*. См. выше **: «Труд последних имеет свою стоимость и заслуживает вознаграждения так же, как и труд первых» (а именно, экономически. О моральной и т. п. точке зрения нет речи ни по отношению к одному, ни по отношению к другому роду труда). А понятие товара включает в себя, что труд воплощается, материализуется, овеществляется в своем продукте. Сам труд в его непосредственном бытии, в его живом существовании не может рассматриваться непосредственно как товар, — в качестве товара может рассматриваться только рабочая сила, временное проявление которой есть сам труд. Только такой взгляд выясняет нам как понятие наемного труда в собственном смысле, так и понятие «непроизводительного труда», который А. Смит всюду определяет издержками производства, необходимыми для производства «непроизводительного работника». Таким образом, *товар* должен рассматриваться как нечто такое, что обладает отличным от самого труда существованием. Но тогда мир товаров распадается на две большие категории:

* — требование полной свободы действий (буквально: «предоставьте действовать, предоставьте вещам идти своим ходом»). *Ред.*

** См. настоящее издание, часть I, стр. 143. *Ред.*

На одной стороне — рабочие силы.

На другой стороне — самые товары.

Однако материализацию и т. д. труда не следует понимать так по-шотландски, как ее понимает А. Смит. Если мы говорим о товаре как о материализованном выражении труда — в смысле меновой стоимости товара, — то речь идет только о воображаемом, т. е. исключительно социальном способе существования товара, не имеющем ничего общего с его телесной реальностью; товар представляется как определенное количество общественного труда или денег. Возможно, что конкретный труд, результатом которого он является, не оставляет на нем никакого следа. В мануфактурном товаре этот след сохраняется в такой форме, которая остается внешней для сырья. В земледелии же и т. д., — хотя форма, которую получил товар, например пшеница, бык и т. д., также является продуктом человеческого труда, и притом труда, наследуемого и дополняемого от поколения к поколению, — этого на продукте не видно. Есть и такая сфера промышленного труда, где целью труда является вовсе не изменение формы вещи, а только изменение ее пространственного положения. Например, если товар доставляется из Китая в Англию и т. д., то на самой вещи никто не заметит никаких следов труда, затраченного на перевозку (разве только кто-нибудь вспомнит, что данная вещь — не английского происхождения). Стало быть, вышеуказанным образом понимать материализацию труда в товаре нельзя. (Здесь вводит в заблуждение то обстоятельство, что общественное отношение выступает в форме вещи.)

Тем не менее остается верным, что товар выступает как прошлый, овеществленный труд и, следовательно, если он выступает не в форме вещи, то он может выступать только в форме самой рабочей силы, живой же труд как таковой никогда не может быть товаром непосредственно (а может стать им только на том или ином окольном пути, который кажется практически безразличным, но обнаруживает свое значение при установлении различных заработных плат). Таким образом, производительным трудом Смит должен был бы признать такой труд, который или производит товары или непосредственно производит, формирует, развивает, сохраняет, воспроизводит самую рабочую силу. Этот последний вид труда А. Смит исключает из своей рубрики производительного труда; он делает это произвольно, но руководствуется при этом некоторым верным инстинктом, подсказывающим ему, что если он включит сюда и этот труд, то настежь откроет двери для всякого рода необоснованных претензий на звание производительного труда.

Таким образом, поскольку мы отвлекаемся от самой рабочей силы, производительный труд сводится к такому труду, который производит товары, материальные продукты, изготовление которых стоило определенного количества труда или рабочего времени. В число этих материальных продуктов включены все произведения искусства и науки, книги, картины, статуи и т. п., поскольку они существуют как вещи. Но, далее, продукт труда должен быть *товаром* в смысле «пригодного для продажи товара», т. е. в смысле товара в его первой форме, которому еще предстоит проделать свой метаморфоз. (Положим, что фабрикант, не имея возможности купить готовую машину, строит ее сам, не для продажи, а для пользования ею как потребительной стоимостью. Но в таком случае он употребляет ее как часть своего постоянного капитала, следовательно продает ее по частям в форме того продукта, изготовлению которого она содействовала.)

[314] Итак, хотя известные виды труда домашней прислуги точно так же могут быть представлены в *товарах* (*potentia* *) и даже, если рассматривать их с вещественной стороны, в тех же самых потребительных стоимостях, но это не есть производительный труд, так как в действительности они производят не «товар», а непосредственно «*потребительные стоимости*». А что касается тех видов труда, которые производительны для их покупателя или нанимателя, как, например, труд актера для театрального антрепренера, то они потому оказались бы непроизводительными видами труда, что их покупатель может продавать их публике не в форме товара, а только в форме самой деятельности.

Если оставить это в стороне, то производительным трудом [согласно второму определению Смита] является труд, производящий *товары*, а *непроизводительным трудом* — труд, производящий личные услуги. Первый вид труда представлен в какой-нибудь пригодной для продажи вещи; второй вид труда должен быть потреблен во время своего выполнения. Первый вид труда (за исключением труда, создающего самую рабочую силу) охватывает все существующее в вещной форме материальное и интеллектуальное богатство — мясо точно так же, как и книги; второй охватывает все виды труда, которые удовлетворяют какую-нибудь воображаемую или действительную потребность индивидуума или даже навязываются индивидууму против его воли.

Товар есть самая элементарная форма буржуазного богатства. Поэтому и трактовка «производительного труда» как труда,

* — в возможности. Ред.

производящего «товар», соответствует гораздо более элементарной точке зрения, чем определение производительного труда как труда, производящего капитал.

Противники А. Смита оставили без внимания его первую, соответствующую сути дела, трактовку и ухватились за вторую, подчеркивая неизбежные здесь противоречия и непоследовательности. Но и тут они облегчили себе полемику тем, что сосредоточили свое внимание на вещественном содержании труда, в особенности на том определении, что труд должен фиксироваться в каком-нибудь более или менее *долговечном* продукте. Мы сейчас увидим, что именно вызвало особенно сильную полемику.

Предварительно еще одно замечание. А. Смит считает крупной заслугой физиократической системы то ее положение, что

«богатство народов состоит не в непригодных для потребления золоте и серебре, а в пригодных для потребления благах, ежегодно воспроизводимых трудом общества» (том III [французского перевода Гарнье], книга IV, глава 9, стр. 538) [Русский перевод, том II, стр. 223—224].

Здесь перед нами родословная его второго определения производительного труда. Определение прибавочной стоимости зависело, естественно, от той формы, в какой понималась сама стоимость. Поэтому в монетарной и меркантилистской системе прибавочная стоимость выступает как *деньги*; у физиократов — как продукт земли, как земледельческий продукт; наконец, у А. Смита — как *товар* вообще. У физиократов, в той мере, в какой они касаются субстанции стоимости, стоимость сводится просто к потребительной стоимости (к материи, к веществу), точно так же, как у меркантилистов она сводится просто к форме стоимости, — к той форме, в которой продукт *проявляется* как всеобщий общественный труд, как деньги. У А. Смита оба условия товара, потребительная стоимость и меновая стоимость, взяты вместе, и поэтому производительным у него является всякий труд, представленный в какой-либо потребительной стоимости, в полезном продукте. То обстоятельство, что в этом последнем представлен именно производительный труд, уже заключает в себе то, что этот продукт вместе с тем равняется определенному количеству всеобщего общественного труда. В противоположность физиократам А. Смит восстанавливает стоимость продукта как то, что составляет сущность буржуазного богатства; но с другой стороны, он освобождает ее от той чисто фантастической формы — формы золота и серебра, — в которой стоимость представляется меркантили-

стам. Всякий товар есть *an sich* * деньги. Нельзя не признать, что А. Смит здесь вместе с тем в большей или меньшей мере возвращается также и к представлению меркантилистов о «долговечности» (фактически — «непригодности для непосредственного потребления») тех или иных продуктов труда. Тут следует вспомнить то место у Петти (см. мой выпуск I, стр. 109 ⁶³, где цитируется «Political Arithmetick» Петти), где богатство оценивается в соответствии с тем, насколько оно является непреходящим, более или менее долговечным, и где, в конце концов, выше всего ставятся золото и серебро как «непреходящее богатство».

«Ограничив область *богатства*», — говорит А. Бланки, — «исключительно теми ценностями, которые фиксированы в материальных субстанциях, Смит вычеркнул из книги производства все безграничное множество нематериальных ценностей, дочерей *духовного капитала* цивилизованных наций» и т. д. («Histoire de l'économie politique», Bruxelles, 1839, стр. 152).

[5] ПРОЦЕСС ВУЛЬГАРИЗАЦИИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ВОПРОСЕ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ]

Полемику против выдвинутого А. Смитом различия между производительным и непроизводительным трудом вели преимущественно *dii minorum gentium* ** (среди которых Шторх еще самый выдающийся); этой полемики мы не находим ни у одного из значительных экономистов, [315] ни у кого, о ком можно было бы сказать, что он сделал какое-нибудь открытие в политической экономии; но зато она является коньком для второразрядной братии, в особенности же для пропитанных менторским духом компиляторов и составителей компендиумов, а также для пишущих на беллетристический манер дилетантов и вульгаризаторов в данной области. Эта полемика против Адама Смита была вызвана главным образом следующими обстоятельствами.

Громадной массе так называемых «высших» работников, — государственных чиновников, военных, виртуозов, врачей, попов, судей, адвокатов и т. д., труд которых отчасти не только не производителен, но по существу разрушителен и которые тем не менее умеют присваивать себе весьма крупную долю «материального» богатства либо продажей своих «нематериальных» товаров, либо насильственным навязыванием их, — всей

* — «в себе», в возможности, потенциально. *Ред.*

** — боги низшего разряда. *Ред.*

этой массе отнюдь не было приятно быть причисленной в *экономическом* отношении к одному классу со скоморохами и домашней прислугой и предстать просто в качестве прихлебателей, паразитов, живущих за счет подлинных производителей (или, точнее, за счет агентов производства). Это было своеобразным развенчанием как раз тех функций, которые до того были окружены ореолом святости и пользовались суеверным почитанием. В свой классический период политическая экономия точно так же, как и сама буржуазия того периода, когда ей еще приходилось выбиваться в люди, строго и критически относилась к государственной машине и т. д. Впоследствии она поняла, — и это обнаруживается также в ее практике, — убедилась на опыте, что из ее собственной организации вырастает необходимость в унаследованной общественной комбинации всех этих отчасти совершенно непроизводительных классов.

Если вышеупомянутые «непроизводительные работники» не производят наслаждений и поэтому спрос на их услуги не зависит целиком от того, как намерен израсходовать свою заработную плату или свою прибыль тот или иной агент производства; если они, напротив, становятся необходимыми или сами делают себя необходимыми отчасти по причине существования физических недугов (как врачи) или духовной немощи (как попы) или по причине столкновения интересов частных лиц и столкновения национальных интересов (как политические деятели, все юристы, полицейские, солдаты), — то они для А. Смита, как и для самого промышленного капиталиста и для рабочего класса, выступают как *faux frais* производства, которые, следовательно, нужно по возможности свести к самому необходимому минимуму и насколько возможно удешевить. Буржуазное общество вновь воспроизводит в присущей ему форме все то, против чего оно боролось, когда это было облечено в феодальную или абсолютистскую форму. И поэтому сикофанты * этого общества, особенно его высших сословий, главным своим занятием делают прежде всего теоретическую реставрацию даже чисто паразитической части этих «непроизводительных работников» или же обоснование непомерных претензий их необходимой части. На деле это было провозглашением *зависимости* идеологического и тому подобных классов от капиталистов.

Но, во-вторых, то теми, то другими экономистами объявлялась «непроизводительной» та или иная часть агентов производства (самого материального производства). Так, например,

* — подхалимы, прислужники. *Ред.*

той частью экономистов, которая представляет интересы промышленного капитала (Рикардо), был объявлен «непроизводительным» земельный собственник. Другие (например, Кэри) объявляют «непроизводительным» работником торговца. Затем появились даже такие, которые объявили непроизводительным уже самого «капиталиста» или, по меньшей мере, стремились свести его притязания на материальное богатство к «заработной плате», т. е. к плате, получаемой «производительным работником». Многие из работников умственного труда, по-видимому, склонялись к этому скептическому взгляду на производительность капиталиста. Поэтому пора уже было пойти на компромисс и признать «производительность» всех классов, не входящих прямо в категорию агентов материального производства. Рука руку моет, и, как в «Басне о пчелах»⁶⁴, надо было доказать, что и с «производительной», экономической точки зрения буржуазный мир со всеми его «непроизводительными работниками» есть лучший из миров; тем более, что сами «непроизводительные работники» со своей стороны выдвинули критические соображения относительно производительности тех классов, которые вообще «*fruges consumere nati*» *, или же относительно таких агентов производства, которые, как, например, земельные собственники, совсем ничего не делают, и т. д. Как *бездельники*, так и их *паразиты* должны были найти свое место в этом лучшем из миров.

В-третьих. По мере того как развивалось господство капитала, по мере того как все более и более зависимыми от него становились на деле также и те сферы производства, которые непосредственно не относятся к созданию материального богатства, — в особенности же когда на службу материальному производству были поставлены положительные (естественные) науки, — [316] сикофантствующие мелкие чиновники от политической экономии стали считать своей обязанностью возвеличивать и оправдывать любую сферу деятельности указанием на то, что она «связана» с производством материального богатства, что она служит средством для него; и каждому они оказывали честь тем, что объявляли его «производительным работником» в «первом» смысле, т. е. работником, работающим на службе у капитала, полезным в том или ином отношении для обогащения капиталиста, и т. д.

Тут уже заслуживают предпочтения такие люди, как Мальтус, которые прямо защищают необходимость и полезность «непроизводительных работников» и явных паразитов.

* — «рождены для вкушения плодов» (Гораций, «Послания»). Ред.

[6) СТОРОННИКИ ВЗГЛЯДОВ СМИТА ПО ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ. К ИСТОРИИ ВОПРОСА]

[а) СТОРОННИКИ ПЕРВОЙ ТРАКТОВКИ: РИКАРДО, СИСМОНДИ]

Не стоит тратить время на подробное рассмотрение пошлостей Ж. Гарнье (переводчика Смита), графа Лодерделя, Брума, Сэя, Шторха, а позже Сениора, Росси и т. д. по поводу этого пункта. Достаточно будет привести несколько характерных мест.

Предварительно еще отметим одно место из *Рикардо*, где он доказывает, что для «производительных рабочих» гораздо полезнее, когда собственники прибавочной стоимости (прибыли, земельной ренты) потребляют ее на «непроизводительных работников» (например, на домашнюю прислугу), чем когда они расходуют ее на создаваемые «производительными рабочими» предметы роскоши.

{*Сисмонди* в «*Nouveaux Principes*» (том I, стр. 148) принимает правильную трактовку смитовского различия (как это само собой разумеется и у Рикардо): действительное различие между производительным и непроизводительным классом состоит в том, что

«первый всегда обменивает свой труд на капитал нации, а второй всегда обменивает его на часть национального дохода» [Русский перевод: *Сисмонди, Ж. Сисмонд де. Новые начала политической экономии. М., 1937, том I, стр. 212—213*].

Прибавочную стоимость *Сисмонди* рассматривает также по А. Смигу:

«Хотя рабочий своим дневным трудом создает гораздо больше, чем составляет его дневной расход, все же после дележа с землевладельцем и капиталистом ему редко достается такая доля, которая значительно превысила бы самое необходимое для существования» (*Sismondi. Nouveaux Principes* и т. д., том I, стр. 87) [Русский перевод, том I, стр. 184].}

Рикардо говорит:

«Если землевладелец или капиталист тратит свой доход, по примеру барона старых времен, на содержание многочисленной свиты или домашних слуг, то он дает занятие гораздо большему числу людей, чем в том случае, если он тратит свой доход на роскошную одежду или дорогостоящую мебель, кареты, лошадей или иные предметы роскоши. В обоих случаях чистый доход, а также валовой, будет один и тот же, но в каждом из этих случаев чистый доход реализуется в различных товарах. Если мой доход составляет 10 000 ф. ст., то применяется приблизительно такое же количество производительного труда как в том случае, когда я реализую его в роскошной одежде, дорогой мебели и т. д., так и в том случае, когда я реализую его в определенном количестве продовольствия и обыкновенной одежды такой же стоимости. Но если я реализую свой доход в товарах первого рода, то *следствием этого* не будет новый спрос на труд: я буду пользоваться своей мебелью и одеждой, и этим дело будет исчер-

пано; если же, напротив, я реализую свой доход в продовольствии и обыкновенной одежде и нанимаю домашних слуг, то в этом случае к *прежнему спросу на рабочих прибавляется еще* спрос на всех тех, кому я в состоянии дать занятие посредством моего дохода в 10 000 ф. ст., или посредством покупаемого на него количества продовольствия и обыкновенной одежды, и такое увеличение спроса произошло бы только потому, что я избрал этот второй способ расходования моего дохода. А так как рабочие заинтересованы в *спросе на труд*, то они, естественно, должны желать, чтобы возможно больше дохода отвлекалось от приобретения предметов роскоши и направлялось на содержание домашних слуг» (Ricardo. Principles, 3rd edition, 1821, стр. 475—476) [Русский перевод, том I, стр. 323—324].

[6] РАННИЕ ПОПЫТКИ РАЗЛИЧЕНИЯ МЕЖДУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ ТРУДОМ (ДАВЕНАНТ, ПЕТТИ)

Давенант приводит таблицу одного старого статистика, Грегори Кинга, озаглавленную «Таблица доходов и расходов различных семейств в Англии в 1688 году». Ученый муж Кинг делит в ней весь народ на два главных класса: на класс, «*умножающий* богатство королевства», насчитывающий 2 675 520 душ, и класс, «*уменьшающий* богатство королевства», охватывающий 2 825 000 душ; первый класс, стало быть, «производителен», второй — «непроизводителен». «*Производительный*» класс состоит из лордов, баронетов, рыцарей, эсквайров, дворян, высших и низших чиновников, купцов, ведущих морскую торговлю, юристов, священников, землевладельцев, фермеров, людей свободных профессий, мелких и крупных торговцев, ремесленников, морских и армейских офицеров. Напротив, в «*непроизводительный*» класс входят: матросы (common seamen), земледельческие рабочие и поденщики мануфактур (labouring people and out servants), крестьяне [cottagers] (составлявшие во времена Давенанта еще $\frac{1}{5}$ всего населения Англии), [317] рядовые солдаты, пауперы, цыгане, воры, нищие и вообще бродяги. Давенант следующим образом поясняет этот табель о рангах ученейшего Кинга:

«Он этим хочет сказать, что первый из двух классов народа сам себя содержит с помощью земли, искусства и прилежания и ежегодно кое-что прибавляет к национальному капиталу и помимо этого уделает ежегодно определенную сумму из своих излишков на содержание других. Из тех же, кто принадлежит ко второму классу, некоторые отчасти сами себя содержат своим трудом, но остальные, а равно их жены и дети, содержатся за счет других; это — бремя для общества, так как они ежегодно потребляют то, что в противном случае было бы прибавлено к совокупному капиталу нации» (*D'Avenant. An Essay upon the Probable Methods of making a People Gainers in the Ballance of Trade. London, 1699, стр. 23 и 50*).

Кроме того, для представлений меркантилистов о прибавочной стоимости характерно следующее место из Давенанта:

«Вывоз нашего собственного продукта должен обогатить Англию; чтобы иметь благоприятный торговый баланс, мы должны вывозить наш собственный продукт, в обмен на который мы будем покупать производимые за границей предметы, необходимые для нашего собственного потребления, причем у нас должен оставаться *излишек* или в виде драгоценного металла или в виде товаров, которые мы могли бы продать в другие страны; *этот излишек составляет ту прибыль, которую нация извлекает из торговли.* Величина его находится в зависимости от естественной бережливости вывозящего народа» (бережливости, которой отличаются голландцы, но не англичане — см. стр. 46 и 47 цитируемого сочинения) «и от низкой цены его труда и его мануфактурных изделий, позволяющей ему *дешевле всех своих конкурентов продавать эти изделия на иностранных рынках*» (Давенант, цит. соч., стр. 45—46).

{«Когда продукты потребляются внутри страны, один выигрывает только то, что теряет другой, и нация в целом ничуть не становится богаче; но все, что потребляется за границей, представляет явную и верную прибыль» («An Essay on the East-India Trade» etc., London, 1697, [стр. 31]).}

{Эта работа, *напечатанная в виде приложения* к другому сочинению Давенанта, написанному в ее защиту⁶⁵, не та же самая, что «Considerations on the East-India Trade», 1701 года, приводимые Мак-Куллохом.}

Впрочем, не следует представлять себе этих меркантилистов такими глупцами, какими их изображали впоследствии вульгарные сторонники свободной торговли. Во втором томе своих «Discourses on the Publick Revenues and on the Trade of England» etc., London, 1698, Давенант между прочим говорит:

«Золото и серебро действительно служат мерилом торговли, но родником и первоисточником ее у всех народов являются естественные или искусственные произведения страны, т. е. то, что производят ее земля или труд и усердие населяющих ее людей. И это до такой степени верно, что тот или иной народ в силу какого-нибудь обстоятельства может даже совсем лишиться всякого рода денег, но если это — народ многочисленный, трудолюбивый, опытный в торговле, искусный в мореплавании, обладающий хорошими гаванями, владеющий такой землей, которая родит много разнообразных продуктов, то он все-таки будет в состоянии вести торговлю и в скором времени сделается обладателем большого количества серебра и золота. Так что истинное и действительное богатство страны — это ее собственные произведения» (стр. 15). «Золото и серебро так далеки от того, чтобы быть единственными вещами, заслуживающими названия сокровища или богатства данной нации, что деньги представляют собой поистине не более, как счетные марки, при помощи которых люди привыкли вести счет в своих деловых сношениях» (стр. 16). «Мы понимаем под богатством то, что дает государю и его народу достаток, благополучие и безопасность; сокровищем является равным образом и то, что для нужд людей, в обмен на золото и серебро, превращено в строения и в улучшение почвы, а также и в другие предметы, *которые могут быть обменены на эти металлы, как, например, плоды земли и произведения промышленности или иностранные товары и торговые корабли...* Даже преходящие блага могут считаться богатством нации, если их можно обменять, — хотя бы они и оставались *необменяемыми*, — на золото и серебро; и они, по нашему мнению, являются

богатством не только во взаимоотношениях между одним индивидуумом и другим, но и во взаимоотношениях между одной страной и другой» (стр. 60—61). «Простой народ * — это желудок государственного тела. В Испании этот желудок не принимал денег надлежащим образом, [318] не переваривал их... Торговля и промышленность являются единственными средствами, могущими обеспечить такое переваривание и распределение золота и серебра, которое будет доставлять государственному телу необходимые питательные вещества» (стр. 62—63).

Впрочем, уже и у Петти тоже имеется понятие *производительных работников* (только он относит к ним еще и солдат):

«Земледельцы, моряки, солдаты, ремесленники и купцы являются истинными устоями всякого общества; все другие крупные профессии *порождаются слабостями и неудачами этих людей*; моряк же один соединяет в своем лице троих из этой четверки» (мореплавателя, купца и солдата) («Political Arithmetick», London, 1699, стр. 177) [Русский перевод: *Петти, Вильям. Экономические и статистические работы. М., 1940, стр. 164*]. «Труд моряка и корабельный фрахт всегда являются по своей природе вывозимым товаром, *избыток* которого над ввозом приносит стране деньги и т. д.» (цит. соч., стр. 179) [Русский перевод, стр. 165].

По этому поводу Петти опять доказывает выгоды разделения труда:

«Те, которые господствуют в морской торговле, могут и при более дешевом фрахте работать с большей прибылью, чем другие при большем» (более дорогим фрахте); «ибо подобно тому, как платье обходится дешевле, если один выполняет одну операцию, другой — другую, и т. д., так и те, которые господствуют в морской торговле, могут строить различные виды судов, имеющие различные назначения: морские суда, речные, торговые, военные и т. д., — и это является одной из главных причин того, что голландцы могут перевозить грузы по более дешевой цене, чем их соседи, так как они в состоянии для каждой особой отрасли торговли предоставлять особый вид судов» (цит. соч., стр. 179—180) [Русский перевод, стр. 165—166].

К тому же у Петти здесь, в его последующих рассуждениях, слышатся совершенно смитовские нотки:

«Если налог берется с промышленников и т. д. для снабжения деньгами тех, кто вообще по роду своих занятий *не производит материальных предметов*, или *предметов*, действительно полезных и ценных для общества, то в этом случае богатство общества уменьшается. Иначе следует смотреть на те виды развлечения и освежения духа, которые, при умеренном пользовании ими, делают человека способным и склонным к вещам, имеющим сами по себе более важное значение» (цит. соч., стр. 198) [Русский перевод, стр. 173—174]. «Когда подсчитано, сколько людей требуется для труда в производстве, все остальные могут быть спокойно и без ущерба для общества использованы в искусствах и занятиях, которые служат удовольствию и украшению и *среди которых величайшим является усовершенствование естествознания*» (цит. соч., стр. 199) [Русский перевод, стр. 174].

* Выражение «простой народ» («common people») означает здесь то, что в дореволюционной Франции называлось «третьим сословием», т. е. все население, противопоставлявшееся духовенству и дворянству. *Ред.*

«Больше можно приобрести от промышленности, чем от сельского хозяйства, и больше от торговли, чем от промышленности» (стр. 172) [Русский перевод, стр. 162]. «Один моряк равноценен трем крестьянам» (стр. 178) [Русский перевод, стр. 164]. [VII—318]

* * *

[VIII—346] *Петти. Прибавочная стоимость.* В одном месте у Петти можно увидеть догадку о природе *прибавочной стоимости*, хотя он рассматривает ее только в форме земельной ренты. В особенности, если это место сопоставить со следующим местом, где он относительную стоимость серебра и хлеба определяет теми относительными количествами их, на производство которых требуется одно и то же рабочее время:

«Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с такой же затратой времени, какая необходима для производства одного бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добывать так же легко, как теперь одну, то *caeteris paribus* * хлеб будет так же дешев при цене в 10 шилл. за бушель, как теперь при цене в 5 шилл.»

«Допустим, что сто человек производят в течение десяти лет хлеб и что такое же число людей столько же времени затрачивает на добычу серебра; я говорю, что чистая добыча серебра будет ценой всего чистого сбора хлеба и одинаковые части первого составят цену одинаковых частей второго». «Хлеб будет вдвое дороже там, где 200 земледельцев выполняют ту самую работу, которую могли бы выполнить 100 человек» («On Taxes and Contributions», 1662) (в издании 1679 года стр. 32, 24, 67) [Русский перевод, стр. 40, 34, 73].

То место [о природе прибавочной стоимости], которое я имел в виду выше, гласит:

«Если торговля, промышленность и изящные искусства возрастают, то земледелие должно идти на убыль, — или же заработки земледельцев должны повыситься, а земельная рента, *вследствие этого*, понизиться... Если торговля и промышленность в Англии возросли, т. е. если ими занимается более значительная часть населения, чем это было прежде, и если цена зернового хлеба теперь не выше, чем она была в то время, когда больше людей занималось земледелием и меньше — промышленностью и торговлей, то уже по одному этому... земельная рента должна упасть. Предположим, например, что пшеница продается по 5 шилл., или по 60 пенсов, за бушель; если ренту с земли, на которой растет эта пшеница, составляет каждый третий сноп» (т. е. третья часть урожая, третья доля в нем), «то из 60 пенсов 20 приходится на землю и 40 на земледельца; но если заработок последнего поднимется на $\frac{1}{8}$, или с 8 до 9 пенсов в день, то доля земледельца в бушеле пшеницы поднимется с 40 до 45 пенсов, и вследствие этого земельная рента должна будет упасть с 20 до 15 пенсов. Ибо мы предполагаем, что *цена пшеницы все время остается неизменной*; это мы предполагаем с тем большим правом, что *мы не в состоянии ее повысить*, так

* — при прочих равных условиях. Ред.

как, при попытке сделать это, к нам [347] (как это имеет место в Голландии) стали бы ввозить хлеб из-за границы, где положение сельского хозяйства не изменилось» («Political Arithmetick» etc., London, 1699, стр. 193—194) [Русский перевод, стр. 171—172]. [VIII—347]

* * *

[VIII—364] {Петти. С приведенным выше местом из Петти надо сопоставить следующее, где рента выступает как прибавочная стоимость вообще, как «чистый продукт»:

«Допустим, что какой-нибудь человек своими собственными руками возделывает под зерновой хлеб определенный участок земли, т. е. вспахивает его, засеивает, боронит, снимает урожай, увозит снопы в ригу, обмолачивает их, одним словом делает все то, что требуется земледелием. Я утверждаю, что когда этот человек вычтет из полученного им урожая свои семена, а также все то, что он сам съел и что отдал другим в обмен на одежду и другие предметы, необходимые для удовлетворения насущных потребностей, то остаток хлеба составит истинную земельную ренту этого года; а среднее за семь лет или, вернее, за тот ряд лет, в течение которого недороды чередуются с хорошими урожаями, дает обычную ренту с земли, возделываемой под зерновой хлеб. Но здесь может возникнуть дальнейший, хотя и побочный, вопрос: какой суммы денег стоит этот хлеб, или эта рента? Я отвечаю: такой суммы денег, которая останется у другого индивидуума, все свое время использующего на то, чтобы отправиться в страну серебра, добыть там этот металл, очистить его, начеканить из него монеты и доставить их туда, где первый индивидуум сеял и собирал свой хлеб. Сумма, остающаяся у второго индивидуума после вычета всех его издержек, будет в точности равна по стоимости тому хлебу, который останется у земледельца» («Traité des taxes»⁶⁶, стр. 23) [Русский перевод, стр. 34].} [VIII—364]

[в] СТОРОННИК ВТОРОЙ СМИТОВСКОЙ ТРАКТОВКИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА — ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ

[VII—318] Господин *Джон Стюарт Милль*, в «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy», London, 1844, тоже бьется над проблемой производительного и непроизводительного труда; но на деле он ничего не прибавляет к смитовскому (второму) определению, кроме утверждения, что производительны также и те виды труда, которые производят самую рабочую силу.

«Накоплять и откладывать про запас можно источники наслаждения, но не само наслаждение. Богатство страны состоит из совокупной суммы имеющихся в ней длительно существующих источников наслаждения, все равно, материальны ли они или нет; а труд или расход, имеющий целью умножение или сохранение этих длительно существующих источников, следует называть *производительным*» (назв. соч., стр. 82). «То, что потребляют механик или прядильщик, обучаясь своему ремеслу, потребляется

производительно, другими словами, их потребление имеет целью не уменьшить, а увеличить в стране число длительно существующих источников наслаждения путем нового создания этих источников в таком количестве, которое превышает сумму потребленного» (там же, стр. 83).

* * *

Теперь мы вкратце рассмотрим направленную против А. Смита белиберду о производительном и непроизводительном труде.

[7)] ЖЕРМЕН ГАРНЬЕ [ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ ТЕОРИЙ СМИТА И ФИЗИОКРАТОВ]

[319] В V томе выполненного Жерменом Гарнье перевода «Богатства народов» Смита (Париж, 1802) напечатаны примечания переводчика к этому произведению.

По вопросу о «производительном труде» — в смысле сугубо производительного труда — Гарнье разделяет взгляд физиократов, лишь несколько ослабляя его. Он оспаривает взгляд Смита, согласно которому

«производителен тот труд, который, овеществляясь в каком-нибудь предмете, оставляет после себя следы своей деятельности и продукт которого может быть предметом продажи или обмена» (цит. соч., том V, стр. 169) ⁶⁷. [VII—319]

[а) СМЕШЕНИЕ ТРУДА, ОБМЕНИВАЕМОГО НА КАПИТАЛ, С ТРУДОМ, ОБМЕНИВАЕМОМ НА ДОХОД. ЛОЖНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВСЕГО КАПИТАЛА ДОХОДАМИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ]

[VIII—347] Гарнье выдвигает против А. Смита различные доводы (отчасти повторенные позднейшими авторами).

Во-первых, такой довод:

«Это различие ошибочно, так как оно покоится на несуществующем различии. *Всякий труд производителен* в том смысле, в каком автор понимает слово *производительный*. Труд как одного, так и другого рода одинаково производителен в смысле создания какого-либо наслаждения, какого-нибудь удобства или какой-нибудь пользы для того лица, которое оплачивает этот труд. Без этого никакой труд не оплачивался бы».

{Следовательно, труд производителен потому, что производит какую-нибудь потребительную стоимость и продается, обладает меновой стоимостью, т. е. сам является товаром.}

Но развивая эту мысль, Гарнье для ее иллюстрации приводит такие примеры, в которых «непроизводительные работники» делают *то же самое*, производят ту же самую или такого же рода потребительную стоимость, что и «производительные». Например,

«лакеей, который, находясь у меня в услужении, топит мои печи, завивает мне волосы, чистит и содержит в порядке мою одежду и мою мебель, приготовляет мне пищу и т. д., — этот лакей оказывает *услуги совершенно такого же рода*, как прачка или белошвейка, стирающие и содержащие в исправности белье своих клиентов,... как трактирщик или содержатель харчевни, специально занимающийся приготовлением пищи для тех, кому удобнее столоваться у него, чем у себя дома; как цирюльник, парикмахер и т. д.»

(но большинство этих лиц у А. Смита в такой же мере не относится к категории производительных работников, как и домашняя прислуга),

«которые оказывают непосредственные услуги; наконец, как каменщик, кровельщик, столяр, стекольщик, печник и т. д. и т. д. и все то множество строительных рабочих, которых приглашают для починки и ремонта и годовой доход которых получается в такой же мере от ремонтных работ и простых починки, как и от новых построек».

(А. Смит нигде не говорит, что труд по ремонту не может фиксироваться в более или менее длительно существующем предмете совершенно так же, как в нем фиксируется труд по производству новой вещи.)

«Этот род труда состоит не столько в производстве вещей, сколько в их сохранении; его цель — не столько в увеличении стоимости тех предметов, к которым он прилагается, сколько в предотвращении их разрушения. Все эти работники, включая домашнюю прислугу, *сберегают тому, кто их оплачивает, труд по уходу за его собственным имуществом*».

(Следовательно, их можно рассматривать как машины для сохранения стоимости или, точнее, потребительных стоимостей. Эту же точку зрения «сбережения» труда развивает дальше *Дестют де Траси*. Об этом позже. Непроизводительный труд одного не становится производительным в силу того, что он избавляет другого от *непроизводительного труда*. Он выполняется одним из них. Часть смитовского непроизводительного труда становится необходимой вследствие разделения труда, — однако лишь та часть его, которая абсолютно необходима для потребления вещей и относится, так сказать, к *издержкам потребления*, да и то она становится необходимой только тогда, когда сберегает это время производительному работнику. Но А. Смит не отрицает этого «разделения труда». Если бы каждый человек был вынужден выполнять как производительный труд, так и непроизводительный, а при разделении этих видов труда между двумя лицами и тот и другой вид труда выполнялся бы более успешно, то, согласно Смицу, это несколько не изменило бы того обстоятельства, что один из этих видов труда производительен, а другой непроизводителен.)

«В громадном большинстве случаев их для этого — и только для этого — и нанимают»

(оригинальный способ «сберегать» труд: для того, чтобы один сберегал труд по обслуживанию самого себя, его должны обслуживать десять человек; кроме того, «непроизводительным трудом» такого рода пользуются по большей части как раз те, кто ничего не делает);

«следовательно, или все они *производительны* или никто из них не производителен» (цит. соч., стр. 171—172).

[348] *Во-вторых.* Француз не может позабыть «*ponts et chaussées*» *. Почему, говорит он, следует называть производительным

«труд инспектора или директора частного торгового или промышленного предприятия, а *непроизводительным* — труд правительственного чиновника, который наблюдает за содержанием в надлежащем порядке общественных дорог, судоходных каналов, гаваней, денежной системы и других важных орудий оживления торговли; который следит за безопасностью транспорта и коммуникаций и за выполнением договоров и т. д. и которого с полным правом можно считать как бы *инспектором большой общественной мануфактуры*? Это — труд совершенно такого же рода, только выполняемый в более крупном масштабе» (стр. 172—173).

Поскольку такой парень участвует в производстве (или в сохранении и воспроизводстве) материальных вещей, которые *могли бы быть проданы*, если бы не находились в руках государства, Смит мог бы назвать его труд «производительным». «Инспектора большой общественной мануфактуры» — чисто французские создания.

В-третьих. Тут Гарнье ударяется в «мораль». Почему «парфюмер, ласкающий мое обоняние», должен считаться производительным работником, а музыкант, «чарующий мой слух», — непроизводительным? (стр. 173). Потому, ответил бы Смит, что один доставляет материальный продукт, а другой — нет. Мораль, как и «заслуга» того и другого, не имеет никакого отношения к этому различию.

В-четвертых. Разве это не противоречие, что «скрипичный и органый мастер, торговец музыкальными инструментами, механик и т. д.» производительны, а профессии, по отношению к которым их труд является лишь «подготовительной стадией», непроизводительны?

«И те и другие имеют конечной целью своего труда один и тот же род потребления. Если конечный результат труда одних не заслуживает того, чтобы отнести его к категории *продуктов* труда общества, то почему такое предпочтение отдается тому, что является лишь *средством для достижения этого результата*?» (цит. соч., стр. 173).

* — буквально: «мосты и шоссе-ные дороги». Так называлось во Франции ведомство путей сообщения. *Ред.*

Рассуждая так, придется заключить, что тот, кто ест хлеб, столь же производитель, как и тот, кто его производит. Ибо для чего производится хлеб? Для еды. Стало быть, если еда — непроизводительный труд, то почему же производительным является хлебопашество, которое служит лишь средством к достижению этой цели? Кроме того, тот, кто ест, производит мозг, мышцы и т. д., а разве это не такие же благородные продукты, как ячмень или пшеница? — мог бы спросить А. Смит какой-нибудь возмущенный друг человечества.

Во-первых, А. Смит не отрицает, что непроизводительный работник производит какой-либо продукт. В противном случае он вообще не был бы работником. Во-вторых, пусть и кажется странным, что врач, прописывающий пилюли, не является производительным работником, а аптекарь, приготавливающий их, — производительный работник. Подобным же образом производительным работником является инструментальный мастер, делающий скрипку, но не скрипач, играющий на ней. Это могло бы служить доказательством только того, что некоторые «производительные работники» доставляют такие продукты, единственное назначение которых — служить средством производства для непроизводительных работников. Но это не более странно, чем то, что, в конце концов, все производительные работники, во-первых, доставляют средства для оплаты непроизводительных работников, а во-вторых, доставляют продукты, потребляемые теми, кто *не выполняет никакого труда*.

Из этих критических замечаний второй пункт вполне в духе французов, которые никак не могут забыть свои «*ponts et chaussées*»; третий сводится к морали; четвертый — либо содержит ту нелепость, что потребление столь же производительно, как и производство (что неверно для буржуазного общества, где один производит, а другой потребляет), либо же означает, что часть производительного труда лишь доставляет материал для непроизводительных видов труда, чего А. Смит нигде не отрицает. Только первый пункт содержит ту правильную мысль, что А. Смит во втором своем определении называет производительными и непроизводительными *одни и те же* виды труда, [349] или, точнее, что он в соответствии со своим собственным определением должен был бы назвать *производительной* некоторую, сравнительно незначительную, часть своего «непроизводительного» труда, — но это говорит не против самого различия, а против *подведения* тех или иных видов труда под это различие, или против *применения* этого различия.

После всех этих замечаний ученийпий Гарнье подходит, наконец, к делу:

«Единственное общее различие, которое, по-видимому, можно найти между двумя придуманными Смитом классами, состоит в том, что у того класса, который он называет *производительным*, существует или *всегда может существовать посредник между изготовителем вещи и ее потребителем*; тогда как у того класса, который он называет *непроизводительным*, *не может быть никакого посредника, и отношение между работником и потребителем здесь по необходимости прямое и непосредственное*. Ясно, что тот, кто пользуется опытностью врача, искусством хирурга, знаниями адвоката, талантом музыканта или актера или, наконец, услугами домашней прислуги, *по необходимости становится в прямое и непосредственное отношение к каждому из этих различных работников в момент выполнения ими своего труда*; напротив, в профессиях, составляющих другой класс, *предназначенная для потребления вещь материальна и осязаема и поэтому может стать предметом целого ряда посреднических актов обмена*, прежде чем она от своего изготовителя попадет к потребителю» (стр. 174).

Этим последними словами Гарнье, сам того не замечая, показывает, какая скрытая связь идей существует между первым смитовским различием (труд, обменивающийся на капитал, и труд, обменивающийся на доход) и вторым (труд, фиксирующийся в материальном, пригодном для продажи товаре, и труд, в таком товаре не фиксирующийся). Те виды труда, которые не фиксируются в товаре, по природе своей в большинстве случаев *не могут* быть подчинены капиталистическому способу производства; другие же виды труда могут быть подчинены ему. Мы не говорим уже о том, что *на основе капиталистического производства*, при котором большая часть материальных товаров — «материальных и осязаемых вещей» — производится под властью капитала наемными рабочими, [непроизводительные] виды труда (или услуги, будь то услуги проститутки или римского папы) могут оплачиваться только из заработной платы производительных рабочих или из прибылей их нанимателей (и соучастников в дележе этих прибылей); не говорим мы также и о том обстоятельстве, что эти производительные рабочие создают материальный базис для пропитания непроизводительных работников и, следовательно, для существования этих последних. Но характерно для этого болтливого французского пса, что он, мнящий себя политико-экономом, а значит исследователем капиталистического производства, считает *несущественным* то, что делает это производство капиталистическим, а именно обмен капитала на наемный труд вместо прямого обмена дохода на наемный труд или прямой уплаты дохода работником самому себе. Тем самым само капиталистическое производство оказывается у Гарнье несущественной формой, вместо того чтобы быть необходимой, хотя только исто-

рически необходимой, т. е. преходяще необходимой формой для развития общественной производительной силы труда и для превращения труда в общественный труд.

«Из его *производительного* класса следовало бы, кроме того, исключить всех тех рабочих, труд которых состоит только в том, что они чистят, сохраняют или чинят готовые предметы, не вводя в обращение никакого нового продукта» (стр. 175).

(Смит нигде не утверждает, что труд или его продукт обязательно должен входить в оборотный капитал. Он может входить прямо в основной капитал, как, например, труд механика, ремонтирующего на фабрике машины. Но в этом случае *стоимость* такого рода труда входит в обращение продукта, товара. Если же работники, производящие ремонт и т. д., выполняют эту работу на дому у заказчика, то они обменивают [350] свой труд не на капитал, а на доход.)

«Именно вследствие этого различия *непроизводительный* класс существует, как это заметил Смит, только за счет доходов. В самом деле, так как у этого класса не может быть посредника между ним и потребителем его продуктов, т. е. тем, кто пользуется его трудом, то он оплачивается непосредственно потребителем, а этот последний платит только из своего дохода. Напротив, работники *производительного* класса обычно оплачиваются посредником, имеющим целью извлекать из их труда прибыль; поэтому они чаще всего оплачиваются из капитала. Но этот капитал в конечном итоге всегда возмещается доходом потребителя; иначе он не обращался бы и потому не приносил бы прибыли своему владельцу» [стр. 175].

Это последнее «но» совершенно ребяческое. Во-первых, часть капитала возмещается капиталом же, а не доходом — все равно, поступает ли эта часть в обращение или не поступает (последнее может иметь место, например, при возмещении семян).

[6] К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ОБМЕНА КАПИТАЛА НА КАПИТАЛ]

Когда каменноугольная шахта поставляет уголь железоделательному заводу и получает от него железо, которое в качестве средства производства входит в производственный процесс каменноугольной шахты, то уголь обменивается на капитал в размере стоимости этого железа и, обратно, железо, в размере своей собственной стоимости, обменивается как капитал на уголь. И уголь и железо (как потребительные стоимости) являются продуктами нового труда, хотя труд этот совершался с помощью уже существующих средств производства. Но стоимость произведенного за год продукта труда не есть то же самое, что продукт вновь присоединенного в этом году труда.

Она возмещает еще и стоимость прошлого труда, который был овеществлен в средствах производства. Следовательно, та часть совокупного продукта, которая равна этой стоимости, не есть часть продукта труда данного года, а является воспроизведением прошлого труда.

Возьмем для примера продукт дневного труда каменноугольной шахты, железоделательного завода, лесопромышленного предприятия и машиностроительного завода. Предположим, что постоянный капитал во всех этих предприятиях равен одной трети всех составных частей стоимости продукта, т. е. что отношение прошлого труда к живому равно 1 : 2. Пусть однодневный продукт этих предприятий будет x, x', x'', x''' . Эти продукты представляют собой определенные количества угля, железа, дерева и машин. В качестве таковых они являются продуктами однодневного труда (но также и продуктами потребленных в течение дня сырых материалов, топлива, машинного оборудования и т. д., содействовавших дневному производству). Пусть их стоимости будут z, z', z'', z''' . Стоимости эти не являются продуктом труда данного дня, так как $\frac{z}{3}, \frac{z'}{3}, \frac{z''}{3}, \frac{z'''}{3}$ просто равны той стоимости, которую имели постоянные элементы этих z, z', z'', z''' , прежде чем они вошли в процесс труда этого дня. Стало быть, также и $\frac{x}{3}, \frac{x'}{3}, \frac{x''}{3}, \frac{x'''}{3}$, или треть произведенных потребительных стоимостей, представляют лишь стоимость прошлого труда и постоянно возмещают ее. {Обмен, происходящий здесь между прошлым трудом и *продуктом* живого труда, по самой природе своей совершенно отличен от обмена между рабочей силой и существующими как капитал условиями труда.}

$x = z$; однако этот z есть стоимость всего x , ⁶⁸ а $\frac{1}{3} z$ есть стоимость содержащегося во всем x сырья и т. д. Таким образом, $\frac{x}{3}$ есть та часть дневного продукта труда {но отнюдь не продукт дневного труда, а, напротив, продукт связанного с ним труда предыдущего дня, вообще прошлого труда}, в которой снова выступает и возмещается связанный с дневным трудом прошлый труд. Правда, всякая данная доля этого x , обозначающего только количество действительных продуктов (железа, угля и т. д.), представляет собой по стоимости на одну треть прошлый труд и на две трети — труд, выполненный и присоединенный в течение данного дня. Прошлый труд и труд данного дня входят в одинаковой пропорции как в сумму продуктов, так и в каждый отдельный продукт, образующий составную часть этой

суммы. Но если я разделю весь продукт на две части, поместив на одну сторону $\frac{1}{3}$ его, а на другую — $\frac{2}{3}$, то получится то же самое, как если бы первая $\frac{1}{3}$ представляла только прошлый труд, а остальные $\frac{2}{3}$ — только труд данного дня. В самом деле, первая $\frac{1}{3}$ представляет весь прошлый труд, вошедший в совокупный продукт, всю стоимость потребленных средств производства. Следовательно, после вычета этой $\frac{1}{3}$, остающиеся $\frac{2}{3}$ могут представлять только продукт дневного труда. Они и в самом деле представляют все то количество труда, которое за день было присоединено к средствам производства.

Таким образом, последние $\frac{2}{3}$ равняются доходу производителя (заработной плате и прибыли). Производитель может потребить их, т. е. затратить на предметы своего индивидуального потребления. Предположим, что эти $\frac{2}{3}$ добываемого за день каменного угля, покупаются потребителями, или покупателями, не на деньги, а в обмен на те товары, которые они предварительно превращают в деньги с целью покупки угля. Часть угля из этих $\frac{2}{3}$ войдет в индивидуальное потребление самих производителей угля — для домашнего отопления и т. п. Следовательно, эта часть не поступает в обращение или, если она уже вошла в обращение, она извлекается из него обратно [351] ее собственными производителями. За вычетом из $\frac{2}{3}$ угля этой части, потребляемой самими производителями угля, все остальное количество (если они хотят потребить его) должно быть обменено ими на предметы индивидуального потребления.

При этом обмене для производителей угля совершенно безразлично, что именно обменивают на уголь продавцы предметов потребления: свой капитал или свой доход; другими словами, обменивает ли, например, фабрикант сукна свое сукно на уголь, чтобы отапливать свое жилище (в этом случае уголь, в свою очередь, является для него предметом потребления, и он оплачивает его доходом, некоторым количеством сукна, представляющим прибыль), или же Джемс, лакей фабриканта сукна, обменивает на уголь сукно, полученное им в качестве заработной платы (в этом случае уголь опять является предметом потребления и обменивается на доход фабриканта сукна, который, в свою очередь, обменял свой доход на непроизводительный труд лакея), или, наконец, фабрикант сукна обменивает сукно на уголь с целью возместить необходимый для его фабрики, но уже потребленный уголь. (В этом последнем случае сукно, даваемое в обмен фабрикантом сукна, представляет для него постоянный капитал, стоимость одного из его средств производства; уголь же является для него не только стоимостью, но и определенным средством производства in

natura *. А для углепромышленника сукно есть предмет потребления, причем как сукно, так и уголь представляют для него доход: уголь — доход в его нереализованной форме, сукно — доход в его реализованной форме.)

Что же касается последней $\frac{1}{3}$ угля, то углепромышленник не может затратить ее на предметы своего индивидуального потребления, не может затратить ее как доход. Она принадлежит процессу производства (или процессу воспроизводства) и должна быть превращена в железо, дерево, машины, в те предметы, которые образуют составные части его постоянного капитала и без которых не может быть возобновлено или продолжено производство угля. Конечно, он мог бы и эту $\frac{1}{3}$ обменять на предметы потребления (или, что то же самое, на деньги производителей этих предметов), однако лишь с тем, чтобы эти предметы потребления обменять обратно на железо, дерево, машины, так что они не войдут ни в его собственное потребление, ни в расходование его дохода, а войдут в потребление и расходование дохода производителей дерева, железа, машин, причем все эти производители дерева, железа и т. д., в свою очередь, сами находятся в таком положении, что $\frac{1}{3}$ своего продукта они не могут затратить на предметы индивидуального потребления.

Но предположим теперь, что уголь входит в постоянный капитал производителя железа, производителя дерева, машиностроителя. С другой стороны, железо, дерево, машины входят в постоянный капитал углепромышленника. Поскольку, таким образом, эти их продукты взаимно входят одинаковой суммой стоимости [в их постоянные капиталы], постольку они возмещают друг друга *in natura*, и одному из контрагентов остается лишь уплатить другому балансовую разницу в размере излишка того, что куплено, над тем, что продано. И действительно, деньги выступают здесь на практике (посредством векселей и т. д.) лишь как *средство платежа*, а не как монета, не как средство обращения, и служат только для уплаты балансовой разницы. Некоторая часть этой $\frac{1}{3}$ угля понадобится производителю угля для его собственного воспроизводства, совершенно так же, как некоторая часть от $\frac{2}{3}$ была удержана им для своего собственного потребления.

Все это количество угля, железа, дерева и машин, которые таким путем взаимно возмещают друг друга посредством обмена постоянного капитала на постоянный капитал, постоянного капитала в одной натуральной форме на постоянный капитал в другой натуральной форме, не имеет абсолютно ничего общего

* — в натуре, в своей натуральной форме. Ред.

ни с обменом дохода на постоянный капитал, ни с обменом дохода на доход. Эта часть продукта играет совершенно такую же роль, как семена в земледелии или основной фонд скота в животноводстве. Это та часть *произведенного за год продукта труда*, — речь идет не о продукте *вновь присоединенного в данном году труда*, а о продукте как этого труда, так и прошлого труда, — которая (при неизменных условиях производства) ежегодно возмещает самоё себя как средство производства, как постоянный капитал, — возмещает, не входя ни в какое другое обращение, кроме обращения между одними «деловыми людьми» и другими, и не оказывая влияния на *стоимость* той части продукта, которая входит в обращение между «деловыми людьми» и «потребителями» *.

Предположим, что вся эта $\frac{1}{3}$ угля обменивается указанным образом *in natura* на свои собственные элементы производства, на железо, дерево, машины. {Могло бы быть и так, что она непосредственно обменивается, например, только на машины, но машиностроитель, в свою очередь, обменивает ее как постоянный капитал не только на свой собственный постоянный капитал, но и на постоянный капитал производителя железа и лесопромышленника.} В таком случае каждый центнер каменного угля из тех двух третей продукта углепромышленника, [352] которые он обменял на предметы потребления, т. е. обменял как доход, состоял бы, правда, по своей стоимости — как и весь продукт — из двух частей: $\frac{1}{3}$ центн. была бы равна стоимости средств производства, потребленных на производство одного центнера угля, а $\frac{2}{3}$ центн. были бы равны труду, вновь присоединенному к этой $\frac{1}{3}$ производителями угля. Однако если весь продукт углепромышленника составляет, например, 30 000 центн., то в качестве дохода углепромышленник обменивает только 20 000 центн. Остальные 10 000 центн., согласно предположению, возмещаются железом, деревом, машинами и т. д. и т. д.; словом, вся стоимость вошедших в 30 000 центн. средств производства возмещается *in natura* средствами производства того же рода и той же стоимости.

Таким образом, покупатели 20 000 центн. на деле не платят ни одного фартинга за стоимость прошлого труда, содержащегося в 20 000 центн.; ибо 20 000 центн. представляют лишь те $\frac{2}{3}$ стоимости совокупного продукта, в которых овеществляется вновь присоединенный труд. Получается то же самое, как если бы эти 20 000 центн. представляли лишь вновь присоединенный (например, в течение года) труд и совсем не представляли бы

* См. настоящее издание, часть I, стр. 104, 122—123. *Ред.*

прошлого труда. Покупатель оплачивает, таким образом, всю стоимость каждого центнера: прошлый труд плюс вновь присоединенный труд, и тем не менее он оплачивает только вновь присоединенный труд; и это потому именно, что он покупает только 20 000 центн., т. е. только ту часть всего продукта, которая равна стоимости всего вновь присоединенного труда. Точно так же покупатель не оплачивает семена земледельца сверх той пшеницы, которую он ест. Производители железа, дерева, машин и т. д. возместили друг другу эту часть продукта; не надо, стало быть, возмещать ее им вторично. Они возместили ее той частью своего собственного продукта, которая, будучи годовым продуктом их труда, отнюдь не является продуктом труда, присоединенного ими в данном году, а, наоборот, является той частью их годового продукта, которая представляет прошлый труд. Без нового труда не было бы продукта; но его не было бы и без того труда, который овеществлен в средствах производства. Если бы он был продуктом только нового труда, то его стоимость была бы меньше, чем теперь, и тогда ни одной части продукта не нужно было бы возвращать производству. Однако если бы другой способ труда [т. е. тот способ, который основан на применении средств производства] не был производительнее и не давал большего количества продукта, — несмотря на то, что часть продукта должна быть возвращена производству, — то его никто бы и не применял.

Хотя ни одна составная часть стоимости этой $1\frac{1}{3}$ угля не входит в 20 000 центн. угля, продаваемых в качестве дохода, тем не менее всякое изменение стоимости постоянного капитала, представленного этой третью, или 10 000 центн., вызвало бы изменение стоимости остальных $2\frac{2}{3}$, продаваемых в качестве дохода. Допустим, что производство железа, дерева, машин и т. д., словом, тех элементов производства, к которым сводится указанная $1\frac{1}{3}$ продукта, становится дороже. Производительность же труда по добычанию угля остается прежней. При затрате того же самого количества железа, дерева, угля, машин и труда производится по-прежнему 30 000 центн. угля. Но так как железо, дерево и машины стали дороже, стоят большего рабочего времени, чем прежде, то за них приходится отдавать больше угля, чем прежде.

[353] Пусть, как и раньше, продукт составляет 30 000 центн. угля. Производительность труда в угольной шахте осталась такой же, какой она была раньше. С тем же количеством живого труда и с той же массой дерева, железа, машин и т. д. производится, как и прежде, 30 000 центн. угля. Живой труд, как и прежде, представлен в той же стоимости, скажем — в 20 000 ф. ст.

(в денежном выражении). Напротив, дерево, железо и т. д., короче постоянный капитал, стоят теперь 16 000 ф. ст. вместо 10 000, т. е. содержащееся в них рабочее время увеличилось на $\frac{6}{10}$, или на 60%.

Таким образом, стоимость всего продукта равняется теперь 36 000 ф. ст. вместо прежних 30 000 ф. ст.; она, следовательно, увеличилась на $\frac{1}{5}$, или на 20%. Стало быть, также и каждая данная часть продукта стоит теперь на $\frac{1}{5}$, или на 20%, больше прежнего. Если раньше центнер угля стоил 1 ф. ст., то теперь он стоит 1 ф. ст. + $\frac{1}{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 4 шилл. Раньше из совокупного продукта одна треть, или $\frac{3}{9}$, равнялась постоянному капиталу, а две трети равнялись присоединенному труду. Теперь постоянный капитал относится к стоимости совокупного продукта как $16\,000 : 36\,000 = \frac{4}{9}$. Постоянный капитал составляет сейчас, стало быть, на $\frac{1}{9}$ [стоимости совокупного продукта] больше, чем прежде. Та часть продукта, которая равна стоимости присоединенного труда, раньше составляла $\frac{2}{3}$, или $\frac{6}{9}$, продукта, теперь — $\frac{5}{9}$.

Таким образом, мы имеем:

	Постоянный капитал	Присоединенный труд
Стоимость = 36 000 ф. ст.	16 000 ф. ст. ($\frac{4}{9}$ продукта)	20 000 ф. ст. (та же стоимость, что и раньше; $\frac{5}{9}$ продукта)
Продукт = 30 000 центн.	13 333 $\frac{1}{3}$ центн.	16 666 $\frac{2}{3}$ центн.

Труд углекопов не сделался менее производительным, но совокупный труд, затраченный на угледобычу (труд углекопов плюс прошлый труд), стал менее производительным; а именно, для возмещения той составной части стоимости, которая приходится на [354] постоянный капитал, теперь требуется на $\frac{1}{9}$ совокупного продукта больше, а стоимость вновь присоединенного труда составляет на $\frac{1}{9}$ продукта меньше. Производители железа, дерева и т. д. будут теперь по-прежнему оплачивать только 10 000 центн. угля. Раньше это количество угля стоило им 10 000 ф. ст. Теперь оно будет им стоить 12 000 ф. ст. Часть издержек постоянного капитала возместилась бы, таким образом, в результате того, что за ту часть угля, которую они получают взамен железа и т. д., им пришлось бы уплачивать повышенную цену. Но производитель угля должен купить у них на 16 000 ф. ст. сырья и т. д. Он должен, следовательно, уплатить балансовую разницу в размере 4 000 ф. ст., т. е. 3 333 $\frac{1}{3}$ центн. угля. Следовательно, он, как и прежде, доставляет потребителям $16\,666\frac{2}{3} + 3\,333\frac{1}{3} = 20\,000$ центн. угля, т. е. $\frac{2}{3}$ продукта; но потребители должны теперь заплатить за них

вместо 20 000 ф. ст. 24 000 ф. ст. Этой суммой они должны возместить ему не только вновь присоединенный труд, но и часть постоянного капитала.

По отношению к потребителям дело будет обстоять очень просто. Если они захотят потреблять прежнее количество угля, то им придется уплатить за него на $\frac{1}{5}$ больше, и, стало быть, они должны будут в размере этой $\frac{1}{5}$ затратить меньше из своего дохода на покупку других продуктов, при предположении, что для каждой отрасли производства издержки производства остались прежними. Затруднение заключается лишь в следующем: каким образом производитель угля уплачивает 4 000 ф. ст. за то железо, то дерево и т. д., в обмен на которые производителям этих продуктов не требуется уголь? Свои 3 333 $\frac{1}{3}$ центн. угля, равные этим 4 000 ф. ст., он продал потребителям угля и получил за них всякого рода товары. Но они не могут войти ни в его личное потребление, ни в потребление его рабочих, а должны быть потреблены производителями железа, дерева и т. д., так как именно в виде этих предметов он должен возместить стоимость своих 3 333 $\frac{1}{3}$ центн. угля. Скажут: дело очень просто. Теперь все потребители угля должны потребить всех других товаров на $\frac{1}{5}$ меньше или же должны из каждого своего товара отдать за уголь на $\frac{1}{5}$ больше. Эта именно $\frac{1}{5}$ идет на увеличение потребления производителей дерева, железа и т. д. Однако непонятно *prima facie* *, каким образом уменьшение производительности на железоделательном заводе, в машиностроении, в лесной промышленности и т. д. дает производителям железа, машин, леса возможность потреблять больший по сравнению с прежним доход; ведь мы предполагаем, что цена их продуктов равна стоимости этих последних и, следовательно, повышается только пропорционально уменьшению производительности их труда.

Мы предположили, что стоимость железа, дерева, машин повысилась на $\frac{3}{5}$, на 60%. Это может быть вызвано только двумя причинами. Или производство железа, дерева и т. д. стало менее производительным потому, что уменьшилась производительность применяемого в этих отраслях производства живого труда, так что требуется применение большего количества труда для производства того же продукта. В этом случае производителям железа, дерева, машин пришлось бы применять на $\frac{3}{5}$ больше труда, чем прежде. Норма заработной платы осталась та же, потому что понижение производительности труда только временно коснулось отдельных продуктов. Следова-

* — на первый взгляд. Ред.

тельно, осталась неизменной и норма прибавочной стоимости. Производителю требуются теперь 24 рабочих дня там, где раньше ему требовалось 15, но рабочим он по-прежнему платит только за 10 рабочих часов каждого из этих 24 рабочих дней и по-прежнему заставляет их бесплатно работать по 2 часа ежедневно. Таким образом, если раньше 15 рабочих работали 150 часов на себя и 30 часов на предпринимателя, то теперь 24 рабочих работают 240 часов на себя и 48 часов на предпринимателя. (Норма прибыли нас здесь не интересует.) Заработная плата понизилась бы лишь постольку, поскольку она расходовалась бы на железо, дерево, машинное оборудование и т. д., что не имеет места. 24 рабочих потребляют теперь на $\frac{3}{5}$ больше, чем раньше потребляли 15. Следовательно, производители угля могут теперь сбыть им (это значит — их хозяину, который выплачивает им заработную плату) соответственно большую часть стоимости $3\ 333\frac{1}{3}$ центн.

Или же уменьшение производительности в железоделательной промышленности, в лесном деле и т. д. обусловливается тем, что вздорожали части их постоянного капитала, их средств производства. Тогда [перед другими отраслями производства] выступает опять та же самая альтернатива, и в конечном счете уменьшение производительности должно свестись к увеличению количества применяемого живого труда, а следовательно, и к увеличению заработной платы, которую потребители угля частично уплатили углепромышленнику в виде вышеупомянутых 4 000 ф. ст.

В тех отраслях производства, где применяется добавочное количество труда, возрастет и масса прибавочной стоимости, так как возросло число занятых рабочих. С другой стороны, норма прибыли понизится соответственно [увеличению стоимости] всех тех элементов их постоянного капитала, в которые входит их собственный продукт, как в том случае, когда они часть своего собственного продукта сами употребляют в качестве средства производства, так и в том случае — как, например, с углем, — когда их продукт входит, как средство производства, в их собственные средства производства. Но если их оборотный капитал, затраченный на заработную плату, увеличился больше, чем подлежащая возмещению часть постоянного капитала, то повысится также и их норма прибыли, и они [355] будут участвовать в потреблении некоторой части вышеупомянутых 4 000 ф. ст.

Повышение стоимости постоянного капитала (вследствие уменьшения производительности в отраслях труда, поставляющих этот постоянный капитал) повышает стоимость продукта,

в который входит этот постоянный капитал, и уменьшает ту часть продукта (*in natura*), которая возмещает вновь присоединенный труд, — оно, следовательно, делает этот труд менее производительным, если его выражать в его собственном продукте. Для той части постоянного капитала, которая обменивается *in natura*, все остается без изменения. По-прежнему то же самое количество железа, дерева, угля обменивается *in natura* для возмещения использованного железа, дерева, угля, и повышение цен здесь взаимно уравнивается. Но тот излишек угля, который теперь образует для углепромышленника часть его постоянного капитала и в этот натуральный обмен не входит, обменивается, как и прежде, на доход (в вышеупомянутом случае часть его обменивается не только на заработную плату, но и на прибыль), с той только разницей, что доход этот принадлежит уже не прежним потребителям, а тем производителям, которые работают в сферах производства, где было применено большее количество труда, т. е. возросло число рабочих.

Если какая-либо отрасль производства производит продукты, входящие только в индивидуальное потребление, но не входящие в качестве средств производства ни в какую-либо другую отрасль производства (под средствами производства здесь всегда надо понимать постоянный капитал), ни в свое собственное воспроизводство (что бывает, например, в земледелии, скотоводстве, угольной промышленности, где сам уголь входит в производство в качестве вспомогательного материала), то годовой продукт этой отрасли {возможный излишек сверх годового продукта не имеет значения для данного вопроса} всегда должен быть оплачен из дохода, т. е. из заработной платы или прибыли.

Возьмем приведенный выше * пример с холстом. 3 арш. холста состоят на $\frac{2}{3}$ из постоянного капитала и на $\frac{1}{3}$ из присоединенного труда. Следовательно, 1 арш. холста представляет присоединенный труд. Если прибавочная стоимость составляет 25%, то $\frac{1}{5}$ от 1 арш. представляет прибыль. Остальные $\frac{4}{5}$ арш. представляют воспроизведенную заработную плату. $\frac{1}{5}$ потребляет фабрикант сам или, что сводится к тому же, ее потребляют другие, оплачивая ему ее стоимость, которую он потребляет в их собственных или в каких-нибудь других товарах. {Для упрощения здесь вся прибыль неправильно рассматривается как доход.} А остальные $\frac{4}{5}$ арш. он снова выплачивает в виде заработной платы; его рабочие потребляют их как свой

* См. настоящее издание, часть I, стр. 87 и следующие. *Ред.*

доход — либо непосредственно, либо же в обмен на другие предметы потребления, владельцы которых потребляют холст.

Обе эти части вместе составляют всю ту долю в трех аршинах холста, — 1 арш. холста, — которую сами производители холста могут потребить как доход. Остальные 2 арш. представляют постоянный капитал фабриканта; они должны быть снова превращены в условия производства холста — в пряжу, машины и т. д. С его точки зрения обмен 2 арш. холста есть обмен постоянного капитала, но он может их обменивать только на доход других лиц. Итак, он платит за пряжу, скажем, $\frac{4}{5}$ от 2 арш., или $\frac{8}{5}$ арш., а за машины — $\frac{2}{5}$ арш. Прядильщик и машиностроитель могут, в свою очередь, потребить из этих количеств холста по $\frac{1}{3}$ каждый, т. е. один из $\frac{8}{5}$ арш. может потребить $\frac{8}{15}$ арш., а другой из $\frac{2}{5}$ — $\frac{2}{15}$. Вместе — $\frac{10}{15}$, или $\frac{2}{3}$ арш. А остальные $\frac{20}{15}$, или $\frac{4}{3}$ арш. должны возместить им сырье — лен, железо, уголь и т. д., и каждый из этих предметов, в свою очередь, сам распадается на часть, представляющую доход (вновь присоединенный труд), и на другую часть, представляющую постоянный капитал (сырье и основной капитал и т. д.).

Но эти последние $\frac{4}{3}$ арш. холста могут быть потреблены только как доход. Следовательно, то, что в конце концов выступает в пряже и в машине как постоянный капитал и чем прядильщик и машиностроитель возмещают лен, железо, уголь и т. д. (мы отвлекаемся от той части железа, угля и т. д., которую машиностроитель возмещает машинами), может представлять лишь ту часть льна, железа, угля, которая образует доход производителей льна, железа, угля и за которую, стало быть, не приходится возмещать постоянный капитал; другими словами, то, что в пряже и в машине выступает как постоянный капитал, должно принадлежать к той части продукта производителей льна, железа, угля и т. д., которая не содержит, как мы показали выше, ни одной доли постоянного капитала. Но свой доход, представленный в железе, угле, льне и т. д., производители железа, угля и т. д. потребляют в виде холста или других предметов потребления, так как их собственные продукты как таковые совершенно не входят или же входят лишь в незначительной части в их индивидуальное потребление. Таким образом, часть железа, льна и т. д. может обмениваться на продукт, входящий только в индивидуальное потребление, — на холст — и в обмен на этот продукт возмещать прядильщику полностью, а машиностроителю частично их постоянный капитал, в то время как прядильщик и машиностроитель,

в свою очередь, потребляют холст, отдавая в обмен на него ту часть своей пряжи и своих машин, в которой представлен их доход, и тем самым возмещают постоянный капитал ткача.

Итак, в действительности весь холст сводится к прибыли и заработной плате ткача, прядильщика, машиностроителя, льновода, производителя угля и железа; в то же время они возмещают фабриканту холста и прядильщику весь их постоянный капитал. Расчет не свелся бы без остатка, если бы последние производители сырья должны были возмещать свой собственный постоянный капитал путем обмена на холст, так как это предмет индивидуального потребления, который ни в какую сферу производства не входит в качестве средства производства, в качестве [356] части постоянного капитала. Расчет сводится без остатка потому, что холст, купленный льноводом, углепромышленником, железоделателем, машиностроителем и т. д. в обмен на их продукт, возмещает им лишь ту часть их продукта, которая для *них* составляет доход, а для их покупателей — постоянный капитал. Это возможно только потому, что ту часть их продуктов, которая не сводится к доходу и которая, следовательно, не может быть обменена на предметы потребления, они возмещают *in natura*, т. е. посредством обмена постоянного капитала на постоянный капитал.

В вышеприведенном примере может показаться странным предположение, что производительность труда в данной отрасли производства осталась неизменной и что тем не менее она понизилась, если производительность применяемого в этой отрасли производства живого труда выражать в его собственном продукте. Но дело объясняется очень просто.

Предположим, что продукт труда прядильщика составляет 5 фунтов пряжи. Допустим, что для его производства прядильщику нужно только 5 фунтов хлопка (значит, совсем нет отбросов); пусть фунт пряжи стоит один шиллинг (мы отвлекаемся от машинного оборудования, т. е. предполагаем, что его стоимость не понизилась и не повысилась; следовательно, для рассматриваемого случая оно равно нулю). Фунт хлопка стоит 8 пенсов. Из 5 шилл., выражающих стоимость 5 фунтов пряжи, 40 пенсов (5×8 пенсов), или 3 шилл. 4 пенса, приходится на хлопок, а 5×4 пенсов, т. е. 20 пенсов, или 1 шилл. 8 пенсов, — на вновь присоединенный труд. Из всего продукта $3\frac{1}{3}$ фунта пряжи (стоимостью в 3 шилл. 4 пенса) приходится, следовательно, на долю постоянного капитала, а $1\frac{2}{3}$ фунта пряжи — на долю труда. Стало быть, $\frac{2}{3}$ от 5 фунтов пряжи возмещают постоянный капитал, а $\frac{1}{3}$ от 5 фунтов пряжи, или

$1\frac{2}{3}$ фунта, составляет ту часть продукта, которая оплачивает труд.

Допустим теперь, что цена фунта хлопка поднялась на 50%, с 8 пенсов до 12 пенсов, т. е. до одного шиллинга. Тогда 5 фунтов пряжи стоят: 5 шилл. за 5 фунтов хлопка и 1 шилл. 8 пенсов за присоединенный труд, количество которого, а потому и стоимость, выраженная в деньгах, остаются прежними. Таким образом, 5 фунтов пряжи стоят теперь 5 шилл. + 1 шилл. 8 пенсов = 6 шилл. 8 пенсам. Из этих 6 шилл. 8 пенсов на сырье теперь приходится 5 шилл., а на труд — 1 шилл. 8 пенсов.

6 шилл. 8 пенсов = 80 пенсам, из которых 60 пенсов приходится на сырье, а 20 пенсов — на труд. Труд составляет теперь только 20 пенсов в общей стоимости 5 фунтов пряжи (80 пенсов), или $\frac{1}{4}$, т. е. 25%; прежде — $33\frac{1}{3}\%$. С другой стороны, сырье составляет 60 пенсов, т. е. $\frac{3}{4}$, или 75%, а раньше оно составляло только $66\frac{2}{3}\%$. Так как 5 фунтов пряжи стоят теперь 80 пенсов, то 1 фунт стоит $\frac{80}{5}$, т. е. 16 пенсов. Из 5 фунтов пряжи на 20 пенсов, выражающих стоимость, созданную [вновь присоединенным] трудом, приходится, таким образом, $1\frac{1}{4}$ фунта пряжи; остальные $3\frac{3}{4}$ фунта пряжи приходится на сырье. Раньше на [вновь присоединенный] труд (прибыль и заработную плату) приходилось $1\frac{2}{3}$ фунта, а на постоянный капитал — $3\frac{1}{3}$ фунта. Оцениваемый в его собственном продукте, труд стал, следовательно, менее производительным, хотя производительность его не изменилась, а вздорожало только сырье. Труд сохранил свою прежнюю производительность, так как тот же самый труд в течение того же времени превращает 5 фунтов хлопка в 5 фунтов пряжи и так как подлинным продуктом этого труда (по потребительной стоимости) является лишь приданная хлопку *форма пряжи*. 5 фунтов хлопка, как и прежде, приобрели форму пряжи в результате того же самого труда. Однако действительный продукт состоит не только из этой формы пряжи, но также и из хлопкового волокна — из того вещества, которому придана эта форма, а стоимость этого вещества составляет теперь по отношению к труду, придающему эту форму, большую, чем прежде, часть совокупного продукта. Поэтому то же самое количество труда прядильщика оплачивается теперь меньшим количеством пряжи, иными словами — уменьшается доля продукта, возмещающая этот труд.

Вот как обстоит дело с этим вопросом.

**[в) ВУЛЬГАРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛЕМИКИ ГАРНЬЕ
ПРОТИВ СМИТА. ВОЗВРАТ ГАРНЬЕ К ФИЗИОКРАТИЧЕСКИМ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ. ШАГ НАЗАД В СРАВНЕНИИ
С ФИЗИОКРАТАМИ: ВЗГЛЯД НА ПОТРЕБЛЕНИЕ
НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
КАК НА ИСТОЧНИК ПРОИЗВОДСТВА]**

Итак, во-первых, неверным является утверждение Гарнье, что весь капитал в конечном счете всегда возмещается доходом потребителя; ибо часть капитала может быть возмещена только капиталом, а не доходом. Во-вторых, это и само по себе нелепо, так как сам доход, поскольку он не является заработной платой (или же заработной платой, выплачиваемой из заработной платы, т. е. производным от нее доходом), представляет собой прибыль на капитал (или доход, производный от прибыли на капитал). Наконец, нелепо утверждение Гарнье *, что та часть капитала, которая не обращается (в том смысле, что она не возмещается доходом потребителя), «не приносила бы прибыли своему владельцу». Эта часть — при неизменных условиях производства — на самом деле не приносит прибыли (точнее — прибавочной стоимости). Но без этой части капитал вообще не мог бы производить свою прибыль.

[357] «Из этого различия можно вывести лишь то заключение, что для найма *производительных* работников нужен не только *доход того, кто пользуется их трудом*, но еще и *капитал, приносящий прибыль посредникам*, тогда как для найма *непроизводительных* работников в большинстве случаев достаточно дохода лица, оплачивающего их» (цит. соч., стр. 175).

Уже одна эта фраза представляет собой такое сплетение бессмыслицы, что из нее ясно: Гарнье, переводчик А. Смита, по сути дела ничего не понял у А. Смита и даже не имеет никакого представления о самом существенном в «Богатстве народов», а именно, о взгляде на капиталистический способ производства как на самый производительный (каким он безусловно и является в сравнении с предшествующими формами).

Прежде всего, в высшей степени глупо, когда против Смита, признающего непроизводительным тот труд, который оплачивается непосредственно доходом, выдвигается то возражение, что «для найма *непроизводительных* работников в большинстве случаев достаточно дохода лица, оплачивающего их». А затем — антитеза: «для найма *производительных* работников нужен не только *доход того, кто пользуется их трудом*, но еще и *капитал, приносящий прибыль посредникам*!» (Сколько производителей в таком случае у господина Гарнье земледельческий труд, для

* См. настоящее издание, часть I, стр. 171. Ред.

которого, помимо дохода потребителей продукта земли, нужен еще и капитал, приносящий не только прибыль посредникам, но и земельную ренту земельному собственнику!)

Неверно, что «для найма производительных работников» нужен, во-первых, капитал, применяющий их, и, во-вторых, доход, потребляющий их труд; для этого нужен только капитал, который создает доход, потребляющий плоды их труда. Если я в качестве портного-капиталиста затрачиваю 100 ф. ст. на заработную плату, то эти 100 ф. ст. приносят мне, скажем, 120 ф. ст. Они создают мне доход в 20 ф. ст., на который я при желании могу теперь потребить также и труд портного, придающий материалу форму «сюртука». Если же я, напротив, приобретаю на 20 ф. ст. разной одежды, чтобы носить ее, то совершенно очевидно, что не эта одежда создала для меня затраченные на ее покупку 20 ф. ст. И то же самое было бы, если бы я позвал к себе портного на дом и велел ему сшить мне одежду за 20 ф. ст. В первом случае я получил на 20 ф. ст. больше, чем имел до того, а во втором случае у меня после сделки — на 20 ф. ст. меньше, чем было до нее. Кроме того, я скоро заметил бы, что портной, которого я оплачиваю прямо из своего дохода, к тому же изготавливает сюртук не по такой дешевой цене, какую я уплатил бы при покупке сюртука у «посредника».

Гарнье воображает, что прибыль оплачивается потребителем. Потребитель оплачивает «стоимость» товара; и хотя товар включает в себя прибыль капиталиста, однако этот товар для него, потребителя, обходится дешевле, чем если бы он затратил свой доход непосредственно на покупку труда с тем, чтобы заставить нанятого работника производить в карликовом масштабе те или иные вещи для удовлетворения личных потребностей нанимателя. Здесь явно обнаруживается, что Гарнье не имеет ни малейшего представления о том, что такое капитал.

Он продолжает:

«Далее, разве многие *непроизводительные* работники, как, например, актеры, музыканты и т. д., не получают свою заработную плату в большинстве случаев через директора, который извлекает прибыль из капитала, вложенного в подобного рода предприятие?» (цит. соч., стр. 175—176).

Это замечание правильно. Но оно показывает только то, что часть работников, которых А. Смит согласно своему второму определению называет непроизводительными, являются согласно его первому определению производительными работниками.

«Ввиду этого следует предположить, что в обществе с очень многочисленным *производительным* классом существует большое накопление капиталов в руках посредников или предпринимателей» (цит. соч., стр. 176).

Действительно: массовое наличие наемного труда есть лишь другое выражение для массового наличия капитала.

«Следовательно, не отношение между массой капиталов и массой доходов, как полагает Смит, определяет отношение между *производительным* классом и *непроизводительным* классом. Это последнее отношение в гораздо большей степени зависит, по-видимому, от нравов и привычек народа, от более или менее высокого уровня развития его промышленности» (стр. 177).

Если производительными являются работники, которые оплачиваются капиталом, а непроизводительными — те, которые оплачиваются доходом, то совершенно очевидно, что производительный класс относится к непроизводительному, как капитал к доходу. Но пропорциональный рост обоих классов будет зависеть не только от существующего отношения между массой капиталов и массой доходов. Он будет зависеть от того, в какой пропорции растущий доход (прибыль) превращается в капитал и в какой он расходуется как доход. Хотя первоначально буржуазия очень бережлива, однако с ростом производительности капитала, т. е. производительности труда, она начинает подражать [358] феодалам и заводит себе целые свиты. Согласно последнему (1861 или 1862 год) фабричному отчету, общее число лиц (включая административный персонал), занятых на фабриках в собственном смысле слова, составляло в Соединенном Королевстве лишь 775 534*, тогда как число женской прислуги в одной только Англии составляло 1 миллион человек. Хорош, нечего сказать, тот порядок вещей, который заставляет молодую девушку по 12 часов в день до изнеможения работать на фабрике для того, чтобы на часть ее неоплаченного труда фабрикант мог взять себе на службу, для оказания ему личных услуг, ее сестру в качестве горничной, ее брата в качестве грума, а ее двоюродного брата в качестве солдата или полицейского!

Последнее добавление Гарнье — пошлая тавтология. Отношение между производительным классом и непроизводительным классом зависит, дескать, не от отношения между капиталом и доходом, или, выражаясь точнее, между массой наличных товаров, расходуемых в форме капитала, и массой товаров, расходуемых в форме дохода, — а (!?) от нравов и привычек народа, от уровня развития его промышленности. В самом деле, капиталистическое производство появляется только на известной ступени развития промышленности.

* «Return to an Address of the House of Commons» от 24 апреля 1861 года (напечатано 11 февраля 1862 года).

В качестве бонапартистского сенатора, Гарнье мечтает, разумеется, о лакеях и вообще о прислуге:

«При равном числе лиц ни один класс не содействует в такой мере, как домашняя прислуга, превращению в капиталы сумм, получающихся от *дохода*» (стр. 181).

На деле же ни один класс не поставляет более негодных элементов в мелкую буржуазию. Гарнье не понимает, как это Смит, «человек, обладающий такой проницательностью», не дает более высокой оценки

«этому посреднику, приставленному к богачу, чтобы *подбирать* остатки дохода, так беззаботно им расточаемого» и т. д. (цит. соч., стр. 183).

Но сам же Гарнье говорит здесь, что посредник только «подбирает» остатки «дохода». Из чего же состоит этот доход? Из неоплаченного труда производительных рабочих.

После всей этой никуда не годной полемики против Смита Гарнье, откатываясь назад к физиократии, объявляет земледельческий труд единственно производительным трудом! И почему? Потому, что он

«создает еще новую стоимость, стоимость, которая *не существовала* в обществе — даже в качестве эквивалента — в тот момент, когда началось действие указанного труда, и именно эта стоимость доставляет земельному собственнику ренту» (цит. соч., стр. 184).

Итак, что такое производительный труд? Это — труд, создающий прибавочную стоимость, новую стоимость сверх того эквивалента, который он получает в качестве заработной платы. И не Смит виноват, если Гарнье не понимает, что обмен *капитала на труд* означает *только то*, что товар данной стоимости, равной данному количеству труда, обменивается на количество труда большее, чем то, которое содержится в этом товаре, и таким путем «создается новая стоимость, которая не существовала в обществе — даже в качестве эквивалента — в тот момент, когда началось действие указанного труда». [VIII—358]

* * *

[IX—400] *Господин Ж. Гарнье* издал в 1796 году в Париже «Abrégé élémentaire des Principes de l'Economie Politique». Наряду с физиократическим воззрением, что только земледелие производительно, мы встречаем здесь и другое (которое хорошо объясняет его полемику против А. Смита), а именно, что потребление (пышно представленное «непроизводительными работниками») является источником производства и что величина последнего измеряется величиной первого. Непроизводительные

работники удовлетворяют «искусственные потребности» и потребляют материальные продукты, — таким образом, они-де во всех отношениях полезны. Поэтому он полемизирует также против экономии (бережливости). На стр. XIII его предисловия мы читаем:

«Богатство отдельного лица увеличивается посредством сбережений; общественное богатство, *напротив*, возрастает в результате увеличения потребления».

А на стр. 240, в главе о государственных долгах, Гарнье заявляет:

«Улучшение и расширение земледелия, а следовательно, и прогресс промышленности и торговли не имеют *другой причины* кроме расширения искусственных потребностей».

Он выводит отсюда, что государственные долги — хорошая вещь, так как они увеличивают эти потребности ⁶⁹. [IX—400]

* * *

[IX—421] *Шмальц*. В своей критике проводимого Смитом различения между производительным и непроизводительным трудом этот немецкий последыш физиократии говорит (немецкое издание его книги вышло в 1818 году):

«Я только замечу, ... что проводимое Смитом различение между *производительным* трудом и *непроизводительным* трудом не следует рассматривать как существенное и очень точное, если принять во внимание, что вообще труд других людей производит для нас всегда только экономию времени и что эта экономия времени есть все, что составляет *стоимость труда и его цену*».

{Здесь у него путаница: дело обстоит не так, что экономия времени, вызванная разделением труда, определяет стоимость и цену вещи, а так, что за ту же стоимость я получаю больше потребительной стоимости, труд становится производительнее, так как в одно и то же время создается большее количество продукта; но, будучи отголоском физиократов, он, конечно, не может найти стоимость в самом рабочем времени.}

«Столяр, например, изготовляющий для меня стол, и слуга, который относит мои письма на почту, чистит мою одежду и достает необходимые мне вещи, — оба они оказывают мне услуги, совершенно одинаковые по своей природе: и тот и другой сберегают мне как то время, которое я должен был бы сам потратить на эти занятия, так и то время, которое я потратил бы на приобретение навыка и способностей к такого рода делам» (*Schmalz. Economie Politique, traduit par Henri Jouffroy etc., 1826, том I, стр. 304*).

У этого же бумагомарателя Шмальца * мы находим еще и следующее замечание, важное для понимания того, каким

* В подлиннике непереводаемый каламбур с фамилией Шмальц: Schmalzschmier-topf (Schmalz — сало, Schmiertopf — мазила, пачкун, маратель). *Ред.*

образом — например, у Гарнье — его система потребления (и экономической полезности расточительства) увязывается с физиократией:

«Эта система» (система Кенэ) «ставит в заслугу ремесленникам и даже тем, кто только потребляет, их потребление на том основании, что оно содействует, хотя и косвенным образом, увеличению национального дохода, ибо без этого потребления потребленные предметы не были бы произведены землею и не могли бы быть присоединены к доходу земельного собственника» (там же, стр. 321) ¹⁰. [IX—421]

[8] ШАРЛЬ ГАНИЛЬ [МЕРКАНТИЛИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОБМЕН И МЕНОВУЮ СТОИМОСТЬ. ПОДВЕДЕНИЕ ВСЯКОГО ТРУДА, ПОЛУЧАЮЩЕГО ОПЛАТУ, ПОД ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА]

[VIII—358] Очень слабой и поверхностной стряпней является сочинение *Ш. Ганиля* «Des Systèmes d'économie politique». Первое издание вышло в Париже в 1809 году; второе — в 1821 году (цитирую по этому последнему). Его вздорные разглагольствования непосредственно примыкают к Гарнье, против которого он полемизирует.

{*Канар* в «Principes d'économie politique» определяет «богатство как накопление избыточного труда» ⁷¹. Если бы он сказал, что богатство есть труд, составляющий избыток сверх того, что нужно для поддержания существования рабочего как рабочего, то это определение было бы правильно.}

Исходной точкой служит господину Ганилю то элементарное положение, что товар является элементом буржуазного богатства, т. е. что для того, чтобы производить богатство, труд должен производить товар, должен *продавать* самого себя или свой продукт:

«При современном состоянии цивилизации труд известен нам только через посредство обмена» (назв. соч., том I, стр. 79). «Без обмена труд не может производить никакого богатства» (стр. 81).

Отсюда господин Ганиль тотчас перескакивает в меркантилистскую систему. Так как труд без обмена не создает буржуазного богатства, то «богатство проистекает исключительно из торговли» (стр. 84). Или, как он говорит дальше:

«Только обмен, или торговля, придает вещам стоимость» (стр. 98). На этом «принципе тождественности стоимости и богатства... основано учение о плодотворности всеобщего труда» (цит. соч., стр. 93).

Ганиль сам заявляет, что

[359] «торговая система», которую он называет простым «видоизменением» монетарной системы, «выводит частное и общее богатство из

меновых стоимостей труда, независимо от того, фиксированы ли эти стоимости в долговечных и неизменных материальных предметах или нет» (стр. 95).

Таким образом, он возвращается к представлениям меркантилистской системы, подобно тому как Гарнье возвращается к представлениям физиократической системы. Его ни на что другое не годная болтовня весьма пригодна поэтому для характеристики меркантилистской системы и ее воззрений на «прибавочную стоимость», в особенности потому, что он выдвигает эти воззрения против Смита, Рикардо и т. д.

Богатство есть меновая стоимость; поэтому всякий труд, производящий меновую стоимость или сам имеющий меновую стоимость, производит богатство. Единственное слово, которое показывает, что Ганиль смотрит несколько глубже, чем другие меркантилисты, это термин «*всеобщий труд*» [*travail général*]. Труд отдельного лица, или, вернее, продукт его труда, должен принять форму всеобщего труда. Только таким путем продукт труда становится меновой стоимостью, *деньгами*. Фактически Ганиль возвращается к тому взгляду, что богатство, это — деньги; однако для Ганиля богатством являются уже не только золото и серебро, но и сам товар, поскольку он представляет собой *деньги*. Ганиль говорит:

«*торговая система, или обмен стоимостей всеобщего труда*» (стр. 98).

Последнее выражение нелепо: продукт есть стоимость как наличное бытие всеобщего труда, как воплощение этого труда, а не как «*стоимость* всеобщего труда», что означало бы: стоимость стоимости. Но предположим, что товар конституирован как стоимость, пусть он принял даже, если угодно, форму денег, проделал свой метаморфоз. Теперь он — меновая стоимость. Но какова величина стоимости данного товара? Меновыми стоимостями являются все товары. Этим они не отличаются друг от друга. Но что определяет меновую стоимость данного товара? Тут Ганиль не идет дальше самой грубой внешней формы явлений. Товар *A* есть большая меновая стоимость, если он обменивается на большое количество товаров *B*, *C*, *D* и т. д.

Совершенно верно направленное против Рикардо и большинства политико-экономов замечание Ганиля, что они, рассматривая труд, оставляют без внимания обмен, хотя их система, как и вся буржуазная система, покоится на меновой стоимости. Но поступали они так единственно потому, что товарная *форма* продукта представлялась им чем-то само собой разумеющимся и они поэтому рассматривали только *величину стоимости*. В обмене продукты отдельных индивидуумов обнаруживают

себя как продукты всеобщего труда лишь благодаря тому, что они получают свое выражение в виде *денег*. А эта относительность коренится уже в том, что они должны проявлять себя как наличное бытие всеобщего труда и могут быть сведены к нему лишь как относительные, только количественно различные выражения общественного труда. Но самый обмен не дает им *величины стоимости*. В обмене они выступают как всеобщий общественный труд, а насколько они могут проявлять себя как таковой, это зависит от того, в какой мере они могут проявлять себя как общественный труд, т. е. зависит от числа тех товаров, на которые они могут обмениваться, следовательно от размеров рынка, торговли, от того ряда товаров, в котором они выражают себя в качестве меновой стоимости. Если бы, например, существовало только четыре различных отрасли производства, то каждый из четырех производителей значительную часть своих продуктов производил бы для самого себя. Если же существуют тысячи отраслей производства, то каждый может производить весь свой продукт как товар. Весь его продукт может полностью идти в обмен.

Но Ганиль вместе с меркантилистами воображает, что *сама величина стоимости есть продукт обмена*, между тем как в действительности продукты посредством обмена получают лишь форму стоимости, или форму *товара*.

«Обмен дает *вещам* стоимость, которой они без него не имели бы» (стр. 102).

Если это должно означать: *вещи*, потребительные стоимости, становятся стоимостью, получают эту форму только как относительные выражения общественного труда, то это тавтология. Если же это должно означать, что они получают посредством обмена большую стоимость, чем имели бы без него, то это явный вздор, потому что обмен может повысить величину стоимости товара *A*, лишь понизив величину стоимости товара *B*. Насколько он увеличивает стоимость товара *A* сравнительно с тем, какой она была до обмена, настолько же он уменьшает стоимость товара *B*. Следовательно, *A + B имеют, как до обмена, так и после него, одну и ту же стоимость*.

«Самые полезные продукты могут не иметь никакой стоимости, если обмен не дает ее им...»

(Прежде всего, если эти вещи — «продукты», то они с самого начала продукты труда, а не всеобщие дары природы, как воздух и т. п. Если они — «самые полезные», то они представляют собой потребительные стоимости в наивысшем смысле слова, такие потребительные стоимости, в которых нуждаются

все. Если обмен не дает им *никакой* стоимости, то это возможно только при том условии, что каждый производит их сам для себя; но это противоречит [360] предпосылке, что они производятся для обмена; таким образом, вся предпосылка нелепа.)

...«а самые бесполезные продукты могут иметь очень большую стоимость, если им благоприятствует обмен» (стр. 104).

«Обмен» представляется господину Ганилю некоей мистической личностью. Если «самые бесполезные продукты» ни на что не годны, если они не имеют никакой потребительной стоимости, то кто станет их покупать? Для покупателя они, стало быть, должны во всяком случае иметь какую-нибудь, хотя бы только воображаемую, «полезность». И если он не дурак, то с какой стати он будет за них платить дороже? Следовательно, их дороговизна должна вызываться таким обстоятельством, которое вытекает во всяком случае не из их «бесполезности». Не вызывается ли она их «редкостью»? Но Ганиль называет их «самыми бесполезными *продуктами*». А раз они — продукты, то почему же их не производят в более массовом масштабе, несмотря на их большую «меновую стоимость»? Если прежде дураком был покупатель, который давал много денег за нечто, не имеющее для него самого ни действительной, ни воображаемой потребительной стоимости, то теперь дураком оказывается продавец, не производящий этих безделушек, меновая стоимость которых велика, вместо полезных вещей, имеющих незначительную меновую стоимость. Таким образом, если их меновая стоимость так велика несмотря на незначительность их потребительной стоимости (при предположении, что потребительная стоимость определяется естественными потребностями людей), то это должно обуславливаться обстоятельством, исходящим не от господина обмена, а от самого продукта. *Его высокая меновая стоимость не есть, стало быть, продукт обмена, а лишь проявляется в обмене.*

«Та стоимость, по которой вещи уже обменены [*valeur échangée*], а не та, по которой они еще только могут быть обменены [*valeur échangeable*], составляет *истинную стоимость*, ту, которая тождественна с богатством» (цит. соч., стр. 104).

Но *valeur échangeable* является отношением данной вещи к другим вещам, на которые она может быть обменена. {То правильное, что лежит здесь в основе, состоит в следующем: превращение товара в деньги вынуждается тем, что товар вступает в обмен как *valeur échangeable*, как меновая стоимость, но таковой он является только в результате существования обмена.} Напротив, та стоимость, по которой *А* уже обменено,

есть определенное количество продуктов B , C , D и т. д. Следовательно, это уже (по господину Ганилю) не стоимость, а «вещь без обмена». B , C , D и т. д. до обмена их на A не были «стоимостями». A стало стоимостью благодаря тому, что его место (как обмененной стоимости) заняли эти не-стоимости. Получается, что эти «вещи» вдруг стали стоимостями в результате простой перемены места, после которой они выходят из обмена и оказываются в том же положении, что и прежде.

«Итак, не действительная полезность вещей и не их *внутренняя* стоимость делают их богатством: это обмен фиксирует и определяет их стоимость, и именно эта стоимость делает их тождественными с богатством» (цит. соч., стр. 105).

Господин обмен фиксирует и определяет либо нечто такое, что уже существовало, либо же нечто такое, что не существовало. Если он впервые создает стоимость вещей, то эта стоимость, этот продукт обмена, исчезает, как только прекращается сам обмен. Следовательно, то, что он создает, он в такой же мере и уничтожает. Я обмениваю A на $B + C + D$. В акте этого обмена A приобретает стоимость. Как только этот акт закончился, $B + C + D$ стоят на стороне A , а A стоит на стороне $B + C + D$. И стоят они, каждая сторона сама по себе, вне господина обмена, который заключался только в этой перемене мест. $B + C + D$ суть теперь «вещи», но не стоимость. Точно так же и A . Или же обмен «фиксирует и определяет» в собственном смысле этих слов, — в том смысле, в каком силомер определяет и фиксирует, но не создает, силу моих мышц. Но в таком случае стоимость создается не обменом.

«Для отдельных лиц и для народов богатство существует на деле только тогда, когда каждый работает на всех» —

(т. е. когда труд каждого выступает как *всеобщий общественный труд*. При другом толковании эта фраза нелепа, так как если отвлечься от этой формы всеобщего общественного труда, то надо будет сказать, что железодельатель работает не на всех, а *только* на потребителей железа) —

«и все работают на каждого»

(это опять-таки нелепость, если речь идет о потребительной стоимости, потому что продукты всех представляют собой исключительно только особые продукты и каждому нужны лишь определенные особые продукты; стало быть, смысл этого опять-таки лишь тот, что каждый особый продукт принимает такую форму, в которой он *существует для каждого*, а в этой форме он существует не поскольку он как особый продукт отличается от продукта «каждого», а лишь поскольку он

тождествен с ним; здесь перед нами опять та форма общественного труда, которая выступает на основе товарного производства) (цит. соч., стр. 108).

[361] От этого определения: меновая стоимость есть выражение труда изолированного индивидуума как всеобщего общественного труда, — Ганиль опять скатывается к самому грубому представлению: меновая стоимость есть то отношение, в котором товар *A* обменивается на товары *B*, *C*, *D* и т. д. Меновая стоимость товара *A* велика, если за него дают много *B*, *C*, *D*; но в таком случае дают мало *A* за *B*, *C*, *D*. Богатство состоит из меновой стоимости. Меновая стоимость есть то отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга. Общая сумма всех продуктов не имеет, стало быть, никакой меновой стоимости, потому что она ни на что не обменивается. Выходит, что общество, богатство которого состоит из меновых стоимостей, не имеет никакого богатства. А отсюда получается не только тот вывод, что, — как заключает сам Ганиль, — «национальное богатство, состоящее из меновых стоимостей труда» (стр. 108), никогда не может ни увеличиваться, ни уменьшаться по своей меновой стоимости (стало быть, *нет никакой прибавочной стоимости*), но также и тот вывод, что это богатство вообще не имеет меновой стоимости, а следовательно, и не является богатством, ибо богатство состоит лишь из меновых стоимостей.

«Если вследствие обилия хлеба *понижится его стоимость*, то уменьшится богатство земледельцев, так как у них будет теперь меньше меновых стоимостей для приобретения таких вещей, которые необходимы, полезны или приятны для жизни; но потребители хлеба ровно столько же выиграют, сколько земледельцы потеряют; потеря одних будет компенсирована выигрышем других, и общее богатство не подвергнется никакому изменению» (стр. 108—109).

Извините, пожалуйста! Потребители хлеба потребляют хлеб, а не меновую стоимость хлеба. Они стали богаче предметами питания, но не меновой стоимостью. Они обменивали на хлеб небольшое количество своих продуктов, имеющих высокую меновую стоимость вследствие того, что их относительно мало по сравнению с той массой хлеба, на которую они обмениваются. Земледельцы получили теперь *высокую меновую стоимость*, а потребители — много хлеба меньшей меновой стоимости, так что теперь они бедняки, а земледельцы богачи.

Далее, выходит, что сумма (общественная сумма меновых стоимостей) теряет свое свойство быть меновой стоимостью в той же степени, в какой она становится суммой меновых стоимостей. *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, *F* имеют меновую стоимость, поскольку они обмениваются друг на друга. Раз они уже обменены,

все они являются продуктами для своих потребителей, покупателей. В результате перехода из одних рук в другие они перестали быть меновыми стоимостями. Тем самым богатство общества, «состоящее из меновых стоимостей», исчезло. Стоимость товара A относительна; она есть его меновое отношение к B , C и т. д. $A + B$ имеют меньше меновой стоимости, так как их меновая стоимость состоит уже только в их отношении к C , D , E , F . А сумма A , B , C , D , E , F не имеет вовсе никакой меновой стоимости, так как она не выражает никакого отношения. Сумма товаров не обменивается на другой товар. Следовательно, богатство общества, состоящее из меновых стоимостей, не имеет никакой меновой стоимости и потому не есть богатство.

«Отсюда происходит, что трудно и, быть может, даже невозможно для страны обогащаться посредством внутренней торговли. В несколько ином положении находятся народы, ведущие торговлю с заграницей» (цит. соч., стр. 109).

Это — старый меркантилизм. Стоимость состоит, дескать, в том, что я получаю не просто эквивалент, а больше чем эквивалент. Но в то же время для Ганиля не существует никакого эквивалента, — ведь эквивалент предполагает, что стоимость товара A и стоимость товара B определяются не отношением A к B или B к A , а чем-то таким третьим, в чем A и B тождественны. Если же нет эквивалента, то нет и избытка над эквивалентом. Я получаю меньше золота за железо, чем железа за золото. Теперь у меня больше железа, за которое я получаю меньше золота. Следовательно, если я первоначально выигрывал вследствие того, что меньшее количество золота приравнивается к большему количеству железа, то теперь я столько же теряю, так как большее количество железа приравнивается к меньшему количеству золота.

* * *

«Всякий труд, какова бы ни была его природа, является производительным трудом, трудом, производящим богатство, если только он обладает меновой стоимостью» (цит. соч., стр. 119). «Обмен не считается ни с количеством продуктов, ни с их материальностью, ни с их долговечностью» (цит. соч., стр. 121). «Все» (виды труда) «одинаково производительны в том смысле, что они производят ту сумму, на которую они были обменены» (стр. 121—122).

Сперва они объявляются одинаково производительными в смысле возмещения упомянутой суммы, т. е. той цены, которую за них заплатили (стоимости их заработной платы). Но Ганиль сейчас же делает еще один шаг дальше. Нематериальный труд, заявляет он, производит тот материальный продукт,

на который он обменивается, так что кажется, что материальный труд произвел продукт нематериального труда.

[362] «Нет никакой разницы между трудом рабочего, изготовляющего шкаф и получающего в обмен на него четверик хлеба, и трудом страствующего музыканта, который получает четверик хлеба за свой труд. В одном случае имеется четверик хлеба, произведенный для оплаты шкафа, а в другом — четверик хлеба, произведенный для оплаты удовольствия, доставленного страствующим музыкантом. Правда, после потребления четверика хлеба столяром остается шкаф, а после того как музыкант потребил свой четверик хлеба, не остается ничего. Но сколько видов труда, считающихся производительными, находится в таком же положении!.. О производительности или бесплодности того или иного труда можно судить не по тому, что остается после потребления, а по обмену или по тому производству, которое вызывается к жизни этим трудом. А так как труд музыканта в такой же степени, как и труд столяра, является причиной производства четверика хлеба, то производительность труда их обоих одинаково измеряется одним четвериком хлеба, хотя труд одного из них, после того как он окончен, не фиксируется и не овеществляется в каком-либо долговечном предмете, а труд другого фиксируется и овеществляется в таковом» (цит. соч., стр. 122—123).

«А. Смит хотел бы уменьшить число работников, труд которых не приносит пользы, для того чтобы увеличить число работников, занятых полезным трудом; но сторонники такого рода воззрений упустили из виду, что если бы это желание могло осуществиться, то стало бы невозможно какое бы то ни было богатство, так как производителям не хватило бы потребителей и непотребленные излишки не могли бы быть воспроизведены вновь. Производительные классы не безвозмездно отдают продукты своего труда тем классам, труд которых не создает материальных продуктов».

(Таким образом, здесь он все-таки сам различает виды труда, производящие материальные продукты, и виды труда, не производящие их.)

«Они отдают им свои продукты в обмен на получаемые от них удобства, удовольствия, наслаждения, а для того чтобы иметь возможность отдавать им свои продукты, они вынуждены производить их. Если бы материальные продукты труда не шли на оплату тех видов труда, которые не создают материальных продуктов, то они не находили бы себе потребителей, и их воспроизводство прекратилось бы. Поэтому те виды труда, которые производят удовольствия, так же деятельно участвуют в производстве, как и труд, считающийся наиболее производительным» (цит. соч., стр. 123—124).

«Удобства, удовольствия или наслаждения, к которым они» (народы) «стремятся, почти всегда следуют за продуктами, необходимыми для их оплаты, а не предшествуют им» (цит. соч., стр. 125).

(Стало быть, они, по-видимому, являются скорее следствием, чем причиной продуктов, «необходимых для их оплаты».)

«Иначе обстоит дело, когда те виды труда, которые служат удовольствию, роскоши или пышности, не вызываются спросом со стороны производительных классов» (здесь, следовательно, Ганиль сам делает это различие), «но эти классы тем не менее принуждены оплачивать эти виды труда

и на соответствующую сумму урезать свои потребности. В этом случае может получиться, что подобный вынужденный платеж не вызывает никакого увеличения количества продуктов» (стр. 125). «За исключением этого случая... всякий труд по необходимости производителен и способствует в большей или меньшей степени образованию и росту общего богатства, так как он с необходимостью вызывает производство продуктов, которыми он оплачивается» (цит. соч., стр. 126).

{Таким образом, «непроизводительные виды труда», согласно этому, производительны не потому, что они чего-нибудь стоят, т. е. не вследствие их меновой стоимости, и не потому, что они производят определенное удовольствие, т. е. не вследствие их потребительной стоимости, а потому, что они производят производительный труд.}

{Если, по А. Смиту, производителен тот труд, который обменивается непосредственно на капитал, то при этом, кроме формы, имеют значение также и вещественные составные части капитала, обмениваемого на труд. Этот капитал сводится к необходимым средствам существования — следовательно, по большей части к товарам, к материальным вещам. То, что рабочему приходится из этой заработной платы выплачивать государству и церкви, составляет вычет за навязанные ему услуги; то, что он затрачивает на воспитание, совершенно ничтожно; в тех случаях, когда он делает эти затраты, они производительны, так как воспитание производит рабочую силу; то, что он расходует на услуги врачей, адвокатов, попов, — это его беда; остаются еще кое-какие другие виды непроизводительного труда или услуг, на которые расходуются заработная плата рабочего, но их очень мало, в особенности потому, что работы, связанные с потреблением (приготовление пищи, содержание в чистоте жилища, в большинстве случаев даже всякого рода ремонт), рабочий выполняет сам.}

В высшей степени характерно следующее место у Ганиля:

«Если обмен придает труду слуги стоимость в 1 000 франков, между тем как труду земледельца или промышленного рабочего он придает стоимость лишь в 500 франков, то отсюда следует заключить, что труд слуги способствует *производству богатства* вдвое больше, чем труд земледельца или промышленного рабочего; иначе и быть не может, пока труд слуги получает в оплату вдвое больше материальных продуктов, чем труд земледельца или промышленного рабочего. Как же можно говорить, что богатство происходит от труда, имеющего наименьшую меновую стоимость и потому наиболее низко оплачиваемого!» (цит. соч., стр. 293—294).

[363] Если заработная плата промышленного или земледельческого рабочего равна 500 франкам, а создаваемая им прибавочная стоимость (прибыль и рента) составляет 40%, то «чистый продукт» такого рабочего будет равняться 200 франкам,

и нужен труд 5 таких рабочих, чтобы произвести заработную плату слуги в 1 000 франков. Если бы господину обмену заблагорассудилось вместо слуги купить себе содержанку за 10 000 франков в год, то для этого потребовался бы «чистый продукт» 50 такого рода производительных рабочих. Но так как содержанке ее непроизводительный труд приносит меновую стоимость, плату, в двадцать раз большую, чем заработная плата производительных рабочих, то, по мнению Ганиля, эта особа в двадцать раз больше способствует «производству богатства», и страна производит тем больше богатства, чем выше она оплачивает своих слуг и содержанок. Господин Ганиль забывает, что только производительность промышленного и земледельческого труда, что вообще только тот избыток, который создают производительные рабочие, но за который им не платят, доставляет фонд для оплаты непроизводительных работников. Но расчет Ганиля таков: 1 000 франков заработной платы и ее эквивалент в форме труда слуги или содержанки составляют вместе 2 000 франков. В действительности же стоимость слуг и содержанок, т. е. издержки их производства, всецело зависят от *«чистого продукта»* производительных рабочих. От него зависит самое существование слуг и содержанок как особой категории людей. Между их ценой и их ценностью весьма мало общего.

Но допустим даже, что стоимость (издержки производства) слуги вдвое больше, чем стоимость, или издержки производства, производительного рабочего. Тогда следует заметить, что производительность рабочего (как и производительность машины) и его стоимость — совершенно различные вещи, находящиеся даже в обратном отношении друг к другу. Стоимость, в которую обходится та или иная машина, всегда является минусом по отношению к ее производительности.

«Напрасно тут выдвигают следующее возражение: если труд слуг столь же производителен, как и труд земледельцев и промышленных рабочих, то непонятно, почему нельзя было бы употребить общие сбережения страны на содержание слуг, не только не расточая эти сбережения, но и постоянно увеличивая их стоимость. Это возражение только потому кажется правильным, что оно основывается на предположении, будто плодотворность всякого труда является результатом его *соучастия в производстве материальных предметов, будто материальное производство создает богатство и будто производство и богатство совершенно тождественны*. Забывают, что *всякое производство каких бы то ни было продуктов является богатством только в той мере, в какой эти продукты потребляются*»*, «и что обмен определяет, в какой мере производство способст-

* {Поэтому тот же самый молодчик страницей ниже говорит: «Всякий труд производит богатство пропорционально своей меновой стоимости, определяемой пред-

вует образованию богатства. Если вспомнить, что во всякой стране все виды труда прямо или косвенно содействуют всему производству в целом, что обмен, устанавливая стоимость каждого вида труда, определяет долю его участия в производстве, что *потребление продукта* реализует стоимость, данную ему обменом, и что избыток или недостаток производства по сравнению с потреблением определяет степень богатства или бедности народов, — то тогда станет ясно, как непоследовательно брать в отдельности каждый вид труда и измерять его продуктивность и плодотворность степенью его участия в материальном производстве, не обращая внимания на [364] *потребление этого труда, которое одно только и придает ему стоимость*, ту стоимость, без которой не может существовать богатство» (цит. соч., стр. 294—295).

С одной стороны, у нашего молодчика богатство зависит от избытка производства над потреблением, а с другой — одно только потребление придает стоимость. И слуга, потребляющий 1 000 франков, согласно этому взгляду, вдвое больше содействует созданию стоимости, чем крестьянин, потребляющий 500 франков.

Ганиль, с одной стороны, признаёт, что эти непроизводительные виды труда непосредственно не участвуют в образовании материального богатства. Большого не утверждает и Смит. С другой стороны, он пытается доказать, что они, наоборот, создают материальное богатство, — в такой же мере, в какой они, по его собственному признанию, не делают этого.

У всех этих полемистов, выступавших против А. Смита, мы видим, с одной стороны, высокомерное отношение к материальному производству, а с другой, попытку оправдать нематериальное производство — или даже вовсе не производство, как, например, труд лакея, — под видом материального производства. Тратит ли владелец «чистого дохода» этот доход на лакеев, содержанок или на паштеты, — это совершенно безразлично. Но смешно воображать, будто избыток обязательно должен потребляться слугами и не может быть потреблен самим производительным рабочим без того, чтобы стоимость продукта не пошла к черту. Мальтус точно так же провозглашает необходимость существования непроизводительных потребителей, которая действительно имеет место, раз избыток находится в руках «праздных людей». [364]

ложением и спросом» (выходит, что труд производит богатство пропорционально не тому, сколько меновой стоимости он производит, а тому, сколько составляет его собственная меновая стоимость, т. е. пропорционально не тому, сколько он производит, а тому, сколько он стоит), «и его стоимость может способствовать накоплению капиталов только путем сбережения и воздержания от потребления тех продуктов, которые эта его стоимость дает право взять из общей суммы продукта».)

[9] ГАНИЛЬ И РИКАРДО О «ЧИСТОМ ДОХОДЕ». ГАНИЛЬ КАК СТОРОННИК УМЕНЬШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ; РИКАРДО КАК СТОРОННИК НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА И РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ]

[364] *Ганиль* утверждает, что в своей «Théorie de l'économie politique» (книге, мне неизвестной) он выдвинул теорию, которую вслед за ним воспроизвел Рикардо ⁷². Эта теория состоит в том, что богатство зависит не от валового, а от чистого продукта, т. е. от высоты прибыли и ренты. (Это безусловно не открытие Ганиля; однако та манера, как он высказывает это, в самом деле выделяет его среди других экономистов.)

Прибавочная стоимость представлена (имеет свое реальное существование) в прибавочном продукте, в избытке продукта над той массой его, которая возмещает лишь его первоначальные элементы и, следовательно, входит в издержки его производства; если сложить постоянный и переменный капитал, то эта часть продукта равна вообще тому капиталу, который был авансирован производству. Цель капиталистического производства — прибавочная стоимость, а не продукт. Необходимое рабочее время рабочего — и вместе с тем тот эквивалент в продукте, которым оно оплачивается, — необходимо лишь постольку, поскольку оно доставляет прибавочный труд. В противном случае оно *непроизводительно* для капиталиста.

Прибавочная стоимость равна норме прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$, помноженной на число одновременных рабочих дней или на число занятых рабочих, n . Следовательно, $M = \frac{m}{v} \times n$. Эта прибавочная стоимость может, стало быть, увеличиваться или уменьшаться двояким образом. Например: $\frac{m}{v} \times n$ равно

$\frac{2m}{v} \times n$, т. е. $2M$. Здесь M увеличилось [365] вдвое потому, что вдвое увеличилась норма прибавочной стоимости, ибо $\frac{m}{v}$ составляет $\frac{2m}{v}$, а это в два раза больше, чем $\frac{m}{v}$. С другой

стороны, $\frac{m}{v} \times 2n$ точно так же равнялось бы $\frac{2mn}{v}$, следовательно тоже $2M$. Переменный капитал, V , равен цене отдельного рабочего дня, помноженной на число занятых рабочих. Если занято 800 рабочих, из которых каждый обходится в 1 ф. ст., то $V = 800$ ф. ст., т. е. 1 ф. ст. $\times$ 800, где $n = 800$. Если прибавочная

стоимость составляет 160, то ее норма $= \frac{160}{1 \text{ ф. ст.} \times 800} = \frac{160}{800} = \frac{16}{80} = \frac{1}{5} = 20\%$. Но сама прибавочная стоимость составляет $\frac{160}{1 \text{ ф. ст.} \times 800} \times 800$, т. е. $\frac{M \text{ ф. ст.}}{1 \text{ ф. ст.} \times n} \times n$.

Эта прибавочная стоимость может увеличиться, при данной длине рабочего дня, лишь путем увеличения производительности или же, при данной производительности, лишь путем удлинения рабочего времени.

Но здесь важно следующее: $2M = \frac{m}{\frac{v}{2}} \times n$, и $2M = \frac{m}{v} \times \times 2n$. Прибавочная стоимость (валовая ее сумма) остается той же, когда число рабочих уменьшается вдвое, — вместо $2n$ составляет n , — но их ежедневный прибавочный труд вдвое больше, чем прежде. При этом предположении остались бы без изменения две вещи: во-первых, вся масса произведенных продуктов; во-вторых, вся масса прибавочного продукта, или «чистого продукта». Но изменилось бы следующее: во-первых, сумма переменного капитала, или расходуемая на заработную плату часть оборотного капитала, уменьшилась бы наполовину. Та часть постоянного капитала, которая состоит из сырья, осталась бы тоже неизменной, так как по-прежнему перерабатывается та же самая масса сырья, хотя и вдвое меньшим числом рабочих. Напротив, часть, состоящая из основного капитала, увеличилась бы.

Если капитал, израсходованный на заработную плату, составлял 300 ф. ст. (1 ф. ст. на 1 рабочего), то теперь он будет составлять 150 ф. ст. Если капитал, израсходованный на сырье, составлял 310 ф. ст., то и теперь он будет составлять 310 ф. ст. Если предположить, что стоимость машин в четыре раза больше остальной части капитала, то она составляет теперь 1 600 ф. ст.⁷³ Следовательно, если машины изнашиваются в 10 лет, то входящая ежегодно в продукт стоимость машин составляет 160 ф. ст. Допустим, что раньше на орудия производства ежегодно затрачивался капитал в 40 ф. ст., т. е. только $\frac{1}{4}$ теперешнего.

При этих условиях расчет получится следующий:

	Прежний капитал	Новый капитал
Машины	40	160
Сырье	310	310
Зарботная плата	300	150
Сумма	650	620
Прибавочная стоимость	150, или 50%	150, или 100%
Норма прибыли	$23\frac{1}{13}\%$	$24\frac{6}{31}\%$
Весь продукт	800	770

В этом случае норма прибыли увеличилась потому, что весь капитал в целом уменьшился: в то время как капитал, израсходованный на заработную плату, уменьшился на 150, сумма стоимости основного капитала увеличилась лишь на 120, т. е. всего было израсходовано на 30 ф. ст. меньше прежнего.

Если оставшиеся 30 ф. ст. будут израсходованы таким же образом, а именно $\frac{31}{62}$ этой суммы (или $\frac{1}{2}$) на сырье, $\frac{16}{62}$ на машины и $\frac{15}{62}$ на заработную плату, то получится:

Машины	7 ф. ст. 14 шилл. 6 пенсов
Сырье	15 » »
Зарботная плата.....	7 » » 5 шилл. 6 пенсов
Прибавочная стоимость.....	7 » » 5 » 6 »

Итого, следовательно:

Новый капитал:

Машины	167 ф. ст. 14 шилл. 6 пенсов
Сырье	325 » »
Зарботная плата.....	157 » » 5 шилл. 6 пенсов
Прибавочная стоимость	157 » » 5 » 6 »
Норма прибыли.....	24 $\frac{8}{31}$ %

Вся сумма затраченного капитала: 650 ф. ст., как и раньше.
Весь продукт — 807 ф. ст. 5 шилл. 6 пенсов.

Совокупная стоимость продукта увеличилась, совокупная стоимость израсходованного капитала осталась той же; при этом увеличилась не только стоимость, но и масса всего продукта, ибо сырьё превращено в продукт на 15 ф. ст. больше прежнего.

[366] У Ганиля мы читаем:

«Когда страна лишена помощи машин и труд ее совершается только силой рук, то трудящиеся классы потребляют почти всю массу своих продуктов. По мере того как промышленность делает успехи, совершенствуясь благодаря разделению труда, повышению квалификации рабочих и изобретению машин, издержки производства уменьшаются, или, другими словами, требуется меньшее число рабочих для получения большего количества продукции» (цит. соч. [«Des systèmes d'économie politique», 2-е изд., 1821], том I, стр. 211—212).

Это, стало быть, означает, что по мере того как труд становится производительнее, издержки производства, приходящиеся на заработную плату, уменьшаются. Количество рабочих по отношению к продукту уменьшается; следовательно, они и съедают меньшую часть этого продукта.

Если одному рабочему для производства своих собственных жизненных средств требуется 10 часов при работе без машины

и лишь 6 часов — при работе с помощью машины, то в первом случае он (при двенадцатичасовом рабочем дне) работает 10 часов на себя и 2 часа на капиталиста, и этот последний из всего продукта двенадцатичасового труда получает $\frac{1}{6}$. В первом случае 10 рабочих будут работать 100 часов на себя (производя продукт для 10 рабочих) и 20 часов на капиталиста. Из стоимости в 120 единиц капиталист получает шестую часть, т. е. 20. Во втором случае 5 рабочих будут работать 30 часов на себя (производя продукт для 5 рабочих) и 30 часов на капиталиста. Теперь из 60 часов капиталист получит 30, т. е. $\frac{1}{2}$, вдвое больше прежнего. Увеличится также и масса прибавочной стоимости, а именно с 20 до 30, на $\frac{1}{3}$. 60 дней, из которых я присваиваю $\frac{1}{2}$, дают прибавочной стоимости на одну треть больше, чем 120 дней, из которых я присваиваю $\frac{1}{6}$.

Далее, получаемая капиталистом половина совокупного продукта также и количественно возрастет сравнительно с тем, что он получал раньше. Ибо 6 часов дают теперь столько же продукта, сколько прежде давали 10 часов; следовательно, один час дает $\frac{10}{6}$ прежнего, или $1\frac{4}{6} = 1\frac{2}{3}$. Таким образом, 30 прибавочных часов выражаются теперь в таком же количестве продукта, в каком раньше выражались 30 $(1 + \frac{2}{3}) = 30 + \frac{60}{3} = 50$ часов. 6 часов доставляют столько же продукта, сколько прежде 10 часов; следовательно, 30 (или 5×6) — столько, сколько прежде 5×10 .

Итак, возрастет прибавочная стоимость капиталиста и его прибавочный продукт (если он сам потребляет этот продукт *in natura*, или в той мере, в какой он его потребляет *in natura*). Прибавочная стоимость может возрасти даже и без увеличения количества совокупного продукта. В самом деле, возрастание прибавочной стоимости означает, что рабочий способен производить свои жизненные средства в меньшее время, чем прежде; что, стало быть, стоимость потребляемых им товаров уменьшается, представляет меньше рабочего времени и что, следовательно, определенная стоимость, равная, например, 6 часам, представляет большее количество потребительных стоимостей, чем прежде. Рабочий получает то же количество продукта, что и прежде, но это количество составляет меньшую часть совокупного продукта, а стоимость этого количества выражает меньшую часть продукта рабочего дня. Несмотря на то, что никакое увеличение производительных сил в тех отраслях производства, продукты которых ни прямо, ни косвенно не входят в производство предметов потребления рабочего, не могло бы иметь такого результата, так как увеличение или уменьшение производительности в этих отраслях не изменяет соотношения

между необходимым и прибавочным трудом, — тем не менее для этих отраслей производства результат получился бы тот же самый, хотя он и проистекал бы не из изменения их собственной производительности. Относительная стоимость их продуктов (если их собственная производительность осталась неизменной) возросла бы в точно такой же мере, в какой понизилась бы относительная стоимость других товаров; следовательно, пропорционально меньшая часть этих продуктов, или материализованная в них меньшая часть рабочего времени, затраченного рабочим, давала бы ему прежнее количество жизненных средств. Значит, прибавочная стоимость повысилась бы в этих отраслях совершенно так же, как и в других.

Но что станет теперь с пятью уволенными рабочими? Скажут, что высвободился также и капитал, а именно тот, которым оплачивались 5 уволенных рабочих, получавших плату каждый в размере 10 часов, за которую они работали по 12 часов в день, т. е. высвободился капитал в размере 50 часов; это прежде давало возможность оплачивать 5 рабочих, а теперь, когда заработная плата понизилась до 6 часов, это позволяет оплатить $50/6$, т. е. $8\frac{1}{3}$ рабочих дней. Таким образом, на высвободившийся капитал в 50 рабочих часов теперь можно дать работу большему числу рабочих, чем их уволено.

Однако высвободился капитал не всех 50 рабочих часов. Ибо, даже если предположить, что материал подешевел во столько же раз, во сколько раз больше перерабатывается его теперь в течение того же самого рабочего времени, т. е. что и в этой отрасли производства произошло такое же увеличение производительной силы, то все же остается затрата на новые машины. Допустим, что они стоят ровно 50 рабочих часов; тогда их производство никак не могло дать работу такому же числу рабочих, какое было уволено. Ведь эти 50 рабочих часов целиком расходовались на заработную плату, на наем 5 рабочих. А в стоимости машины, равной 50 рабочим часам, содержатся прибыль и заработная плата, оплаченное и неоплаченное рабочее время. Кроме того, в стоимость машины входит постоянный капитал. К тому же те из машиностроительных рабочих, которые заняты изготовлением новой машины и число которых меньше числа уволенных, — это не те же самые рабочие, [367] которые были уволены. Увеличение спроса на рабочих в машиностроении может в лучшем случае повлиять на последующее распределение рабочей массы в том направлении, что к этой отрасли обратится более значительная часть поколения, начинающего работать, — более значительная, чем прежде. Это не отразится на уволенных рабочих. Да и помимо этого увели-

чение годового спроса на машиностроительных рабочих отнюдь не равно новому капиталу, затрачиваемому на машины. Машина служит, например, 10 лет. Значит, созданный ею постоянный спрос равен ежегодно $\frac{1}{10}$ содержащейся в ней заработной платы. К этой $\frac{1}{10}$ надо еще прибавить труд по ремонту в течение всех этих 10 лет и повседневное потребление угля, смазочного масла, вообще вспомогательных материалов; все это, вместе взятое, составит, быть может, еще $\frac{2}{10}$.

{Если бы высвободившийся капитал равнялся 60 часам, то эти последние представляли бы теперь 10 часов прибавочного труда и только 50 часов необходимого. Следовательно, если раньше эти 60 часов расходовались на заработную плату и на них были наняты 6 рабочих, то теперь — только 5.}

{Перемещение труда и капитала, вызываемое увеличением производительности в какой-нибудь отдельной отрасли производства благодаря введению машин и т. д., возможно всегда лишь впоследствии. Это значит, что по-иному будет распределяться *прирост; вновь притекающая рабочая масса*; состоящая, быть может, из детей тех, которые выброшены на улицу, но не из них самих. Сами же они долгое время прозябают в своей старой профессии, которою продолжают заниматься в самых неблагоприятных условиях, так как их необходимое рабочее время больше общественно-необходимого; они становятся пауперами или находят себе работу в таких отраслях, где применяется труд более низкого качества.}

{Паупер, совершенно так же как и капиталист (рантье), живет на доход страны и не входит в издержки производства продукта. Поэтому господин Ганиль должен был бы объявить его представителем меновой стоимости, точно так же как и преступника, которого кормят в тюрьме. Значительная часть «непроизводительных работников» — обладатели государственных синекур и т. д. — является не более чем исполненными важности пауперами.}

{Предположим, что производительность труда повысилась настолько, что если прежде в материальном производстве непосредственно участвовало $\frac{2}{3}$ населения, то теперь участвует лишь $\frac{1}{3}$. Прежде $\frac{2}{3}$ населения доставляли жизненные средства для $\frac{3}{3}$ населения; теперь $\frac{1}{3}$ — для $\frac{3}{3}$. Прежде «чистый доход» (в отличие от дохода работника) составлял $\frac{1}{3}$; теперь — $\frac{2}{3}$. Теперь нация — если отвлечься от [классовой] противоположности — должна была бы употреблять на непосредственное производство $\frac{1}{3}$ своего времени вместо прежних $\frac{2}{3}$. При равномерном распределении все имели бы больше времени — $\frac{2}{3}$ — для непроизводительного труда и досуга. Но при

капиталистическом производстве все представляется антагонистическим и на самом деле является таковым. Наше предположение не означает, что население остается застойным. Ибо если возрастают $\frac{3}{3}$, то возрастает и $\frac{1}{3}$, и таким образом по своей *массе* число людей, занятых производительным трудом, могло бы непрерывно увеличиваться. Но относительно, в пропорции ко всему населению, оно все же было бы на 50% меньше, чем прежде. Теперь $\frac{2}{3}$ населения состоят частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных работников (которые вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются), помогающих им проедать доход и дающих или, — если речь идет, например, о политических непроизводительных работниках, — навязывающих им взамен этого эквивалент в виде услуг. Можно предположить, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т. п., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные работники будут в общем стоять на более высокой ступени образования, чем прежде, и что увеличится в особенности число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т. д.

Внутри самого производительного класса возрастет число торговых посредников, в особенности же число лиц, занятых в машиностроении, на постройке железных дорог, в горной промышленности; затем — число рабочих, занятых в сельском хозяйстве скотоводством, занятых добыванием химических, минеральных удобрений и т. д. Далее, число земледельцев, производящих сырье для промышленности, возрастет сравнительно с числом тех земледельцев, которые производят предметы питания; а число тех, кто производит корм для скота, увеличится сравнительно с теми, кто производит продовольствие для людей. *При возрастании постоянного капитала увеличивается и относительная масса совокупного труда, занятого его воспроизводством.* Тем не менее та часть рабочих, которая непосредственно производит жизненные средства, производит теперь [368] больше продуктов, чем прежде, хотя число этих рабочих уменьшилось. Их труд стал производительнее. *Подобно тому как в отдельном капитале уменьшение его переменной части по отношению к постоянной* выступает непосредственно как уменьшение той части капитала, которая затрачивается на заработную плату, так и для совокупной массы капитала — при его *воспроизводстве* — уменьшение доли переменного капитала должно выражаться в том, что относительно большая часть применяемой массы рабочих занята воспроизводством

средств производства, а не воспроизводством самих продуктов, т. е. занята воспроизводством машинного оборудования (включая сюда средства сообщения и транспорта, а также и строения), вспомогательных материалов (угля, газа, смазочных масел, приводных ремней и т. д.) и растений, образующих сырье для промышленных продуктов. Количество сельскохозяйственных рабочих уменьшится по сравнению с количеством промышленных рабочих. Наконец, возрастет количество рабочих, занятых производством предметов роскоши, так как повысившийся доход потребляет теперь большее количество предметов роскоши.}

* * *

{Переменный капитал превращается в доход: во-первых — в заработную плату, во-вторых — в прибыль. Поэтому если брать капитал в его противоположности к доходу, то постоянный капитал выступает как капитал *в собственном смысле слова*, как та часть совокупного продукта, которая принадлежит производству и входит в издержки производства, не будучи никем индивидуально потребляема (исключение составляет рабочий скот). Пусть в отдельных случаях эта часть и возникает целиком из прибыли и заработной платы. В последнем счете она никогда не может проистекать из одного этого источника; она представляет собой продукт труда, но такого труда, который своим доходом считает, как дикарь свой лук, самые орудия производства. Однако раз превратившись в постоянный капитал, эта часть продукта уже не сводится к заработной плате и прибыли, хотя ее воспроизводство и доставляет заработную плату и прибыль. Этой части принадлежит известная доля продукта. Всякий последующий продукт является продуктом этого прошлого труда и труда настоящего. Последний может продолжаться лишь постольку, поскольку он возвращает производству некоторую часть совокупного продукта. Он должен возместить постоянный капитал *in natura*. Если труд становится более производительным, то он возмещает соответствующий продукт, но не его стоимость, которая в результате этого уменьшается. Если он становится менее производительным, то стоимость продукта повышается. В первом случае уменьшается та процентная доля совокупного продукта, которую прошлый труд требует для своего возмещения; во втором случае эта доля увеличивается. В первом случае живой труд становится более производительным, во втором — менее производительным.}

{К числу обстоятельств, понижающих издержки на *постоянный капитал*, относится также и улучшение сырья. Так,

например, в течение данного времени невозможно выработать одно и то же количество пряжи как из хорошего, так и из плохого хлопка, не говоря уже об относительной массе отбросов и т. д. Такое же значение имеет и качество семян и т. д.}

{Примеры *комбинации*, где фабрикант сам производит часть своего прежнего постоянного капитала или сам придает дальнейшую форму тому сырому продукту, который прежде переходил в качестве постоянного капитала из его сферы производства в другую (все это всегда сводится лишь к концентрации прибылей, как уже было показано выше *). *Пример первого*: объединение прядения и ткачества. *Пример второго*: владельцы рудников в окрестностях Бирмингема, взявшие на себя *весь* процесс производства железа, который прежде был разделен между различными предпринимателями и владельцами.}

* * *

Ганиль продолжает:

«Пока разделение труда введено не во всех отраслях, пока все классы трудящегося, искусного в ремеслах населения не достигли полного развития, до тех пор изобретение и применение машин в некоторых отраслях промышленности вызывает только отлив высвобожденных машинной капиталов и рабочих в другие отрасли труда, где они могут найти полезное применение. Но совершенно очевидно, что когда все отрасли труда располагают нужным для них капиталом и необходимыми рабочими, всякое дальнейшее усовершенствование, всякие новые машины, сокращающие труд, неизбежно уменьшают трудящееся население; а так как его уменьшение отнюдь не сокращает производства, то та часть продукта, которая в результате этого остается в распоряжении общества, увеличивает собой либо прибыли с капиталов, либо ренту с земли; поэтому введение машин имеет своим естественным и необходимым последствием уменьшение численности тех классов наемных людей, которые живут за счет валового продукта, и увеличение численности тех классов, которые живут за счет чистого продукта» (цит. соч., стр. 212).

[369] *«Изменение состава населения страны, неизбежно вызываемое прогрессом промышленности, является истинной причиной процветания, силы и цивилизации современных народов. Чем больше уменьшаются в числе низшие классы общества, тем меньше приходится обществу тревожиться из-за опасностей, которым его постоянно подвергают нужда, невежество, легковерие и суеверие этих злополучных классов; чем многочисленнее становятся высшие классы, тем значительнее число тех подданных, которыми может располагать государство, тем сильнее и могущественнее государство, тем больше просвещения, разума и цивилизации распространено во всем населении»* (цит. соч., стр. 213).

{Сэй следующим образом сводит к доходу совокупную стоимость продукта. В своем примечании к 26-й главе «Начал» Рикардо (французский перевод Констансио) Сэй говорит:

* См. настоящее издание, часть I, стр. 120—121, а также часть III, гл. XX, § 7 (стр. 332—334 рукописи Маркса), *Ред.*

«Чистый доход частного лица состоит из *стоимости продукта*, в производстве которого оно участвовало... минус его издержки. Но так как все его издержки представляют собой *части дохода*, которые оно уплатило другим лицам, то *вся сумма стоимости продукта идет на уплату доходов*. Совокупный доход нации состоит из ее валового продукта, т. е. из валовой стоимости всех ее продуктов, распределяющихся между производителями» ⁷⁴.

Последнее положение было бы правильно, если бы оно было выражено так: совокупный доход нации состоит из той части ее валового продукта, — т. е. из валовой стоимости той части всех продуктов, — которая распределяется между производителями в качестве дохода, иными словами, он равен валовому продукту за вычетом той части всех продуктов, которая в каждой отрасли производства возместила собой средства производства. Но формулированное таким образом сэевское положение уничтожает само себя.

Сэй продолжает:

«Стоимость эта, после ряда актов обмена, может быть целиком потреблена в течение года своего возникновения, не переставая все же составлять доход нации, подобно тому как частное лицо, обладающее годовым доходом в 20 000 франков, не перестает иметь 20 000 франков годового дохода, даже если бы оно целиком съедало весь этот доход в течение года. Его доход не составляется из одних только его сбережений».

Его доход никогда не составляется из его сбережений, хотя эти сбережения всегда составляют из его доходов. Чтобы доказать, что нация может в течение года съесть как свой капитал, так и свой доход, Сэй сравнивает ее с частным лицом, которое оставляет нетронутым свой капитал и в течение года потребляет только свой доход. Если бы это частное лицо за один год съедало как свой капитал в 200 000 франков, так и свой доход в 20 000 франков, то в следующем году ему нечего было бы есть. Если бы весь капитал нации, а следовательно, и вся валовая стоимость ее продуктов распадались на доходы, то Сэй был бы прав. Частное лицо съедает свои 20 000 франков дохода. Его капитал в 200 000 франков, не съедаемый им, составлялся бы из доходов других частных лиц, из которых каждое съедает свою часть, так что к концу года весь этот капитал был бы съеден. Сэй мог бы возразить: а разве этот капитал не воспроизводился бы одновременно с тем, как его потребляют, и не был бы таким образом возмещен? Но ведь наше частное лицо потому воспроизводит ежегодно свой доход в 20 000 франков, что не съедает своего капитала в 200 000 франков. Если этот капитал потребили другие лица, то они уже не имеют капитала для воспроизводства дохода.}

«Только чистый продукт», — говорит Ганиль, — «и те, кто его потребляет, составляют его» (государства) «богатство и силу и содействуют его процветанию, его славе и его величию» (цит. соч., стр. 218).

Далее Ганиль цитирует примечания Сэя к 26-й главе «Начал» Рикардо в переводе Констансио, где Рикардо говорит, что если население страны насчитывает 12 миллионов, то для ее богатства выгоднее, когда на эти 12 миллионов работают 5 миллионов производительных рабочих, чем когда работают 7 миллионов. В первом случае «чистый продукт» состоит из прибавочного продукта, за счет которого живут 7 миллионов непродуцируемого населения, а во втором случае — из прибавочного продукта для 5 миллионов. Сэй замечает по этому поводу:

«Это сильно напоминает учение экономистов XVIII века⁷⁵, утверждавших, что мануфактуры несколько не содействуют богатству государства, так как класс, состоящий на жалованье, потребляющий [370] столько же стоимости, сколько он производит, ничего не прибавляет к их (экономистов) знаменитому чистому продукту».

Ганиль замечает по этому поводу (стр. 219—220):

«Нелегко обнаружить связь между утверждением экономистов, что промышленный класс потребляет столько же стоимости, сколько он производит, и теорией господина Рикардо, по которой заработная плата рабочих не может быть причислена к доходу государства».

Ганиль и здесь не попал в точку. Экономисты ошибаются в том, что работников промышленности они рассматривают только как «класс, состоящий на жалованье». Это отличает их от Рикардо. Далее, они ошибаются, когда полагают, будто «состоящие на жалованье» производят только то, что потребляют. В противоположность им Рикардо правильно указывает, что «чистый продукт» производят именно наемные рабочие, но производят его как раз потому, что их потребление (т. е. их заработная плата) равно не всему их рабочему времени, а только тому рабочему времени, которое они затратили для производства своей заработной платы; или, иными словами, потому, что из своего продукта они получают только часть, равную их необходимому потреблению, т. е. из своего собственного продукта получают лишь эквивалент своего собственного необходимого потребления. Экономисты полагали, что в указанном ими положении находится весь промышленный класс (хозяева и рабочие). Одна только земельная рента рассматривалась ими как избыток произведенного продукта над заработной платой. Поэтому она им представлялась как единственное богатство. И если Рикардо говорит, что прибыли и ренты образуют этот избыток, а потому и единственное богатство, то, несмотря на свое расхождение с физиократами, он разделяет с ними

тот взгляд, что только «чистый продукт», тот продукт, в котором воплощена прибавочная стоимость, образует национальное богатство (хотя Рикардо лучше физиократов понимает природу этой прибавочной стоимости). Также и у него богатством является только та часть дохода, которая представляет собой избыток над заработной платой. От экономистов его отличает не объяснение «чистого продукта», а объяснение заработной платы, той категории, под которую экономисты неправильно подводили также и прибыль.

Сэй далее возражает Рикардо:

«У 7 миллионов полностью занятых рабочих получалось бы больше сбережений, чем у 5 миллионов».

Против этого Ганиль правильно замечает:

«Это значит предполагать, что сбережения из заработной платы предпочтительнее сбережений, возникающих из прекращения выплаты заработной платы»... «Было бы слишком нелепо выплачивать 400 миллионов франков заработной платы рабочим, которые не производят никакого чистого продукта, только ради того, чтобы дать им возможность и средства делать сбережения из своей заработной платы» (цит. соч., стр. 221).

«С каждым шагом цивилизации вперед труд становится менее тяжелым и более производительным; классы, обреченные на то, чтобы производить и потреблять, уменьшаются в своей численности, а те классы, которые управляют трудом, которые дают всему населению облегчение (!), утешение (!) и просвещение, увеличиваются, становятся более многочисленными и присваивают себе все выгоды, получающиеся от уменьшения издержек труда, от изобилия продуктов и дешевизны потребления. В этом направлении совершенствуется род человеческий. ...Благодаря этому непрерывному уменьшению численности низших классов общества и росту высших... гражданское общество становится счастливым, могущественнее» и т. д. (цит. соч., стр. 224). «Если... число занятых рабочих составляет 7 миллионов, то их заработная плата составит 1 400 миллионов франков; но если эти 1 400 миллионов франков... дают не больший чистый продукт, чем миллиард франков, получаемый 5 миллионами рабочих, то действительное сбережение будет состоять в прекращении выплаты 400 миллионов франков заработной платы тем двум миллионам рабочих, которые не доставляют никакого чистого продукта, а отнюдь не в тех сбережениях, которые эти два миллиона рабочих могут сделать из своей заработной платы, составляющей 400 миллионов франков» (стр. 221).

В главе 26-й Рикардо замечает:

«Адам Смит постоянно преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большого валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом... В чем же состоят выгоды, проистекающие для страны из применения большого количества производительного труда, если ее чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются теми же самыми независимо от того, применяет ли страна это количество труда или меньшее?.. Применяет ли нация 5 или 7 миллионов производительных рабочих [371] для производства чистого дохода, на который живут остальные 5 миллионов,.. пища и одежда для этих 5 миллионов человек

по-прежнему будут составлять чистый доход. Применение большего количества людей не доставило бы нам возможности ни увеличить хотя бы на одного человека нашу армию и наш флот, ни внести хотя бы одну добавочную гиней в виде налога» (цит. соч., стр. 215) ⁷⁶.

Это напоминает древних германцев, у которых попеременно одна часть населения отправлялась на войну, а другая обрабатывала поля. Чем меньше была часть населения, которую необходимо было оставить для обработки земли, тем больше была та часть, которая могла идти воевать. Они ничего не выиграли бы от возрастания народонаселения на $\frac{1}{3}$, скажем с 1 000 до 1 500, если бы при этом для обработки земли потребовалось 1 000 человек вместо прежних 500. Войско, которым они могли бы располагать, состояло бы по-прежнему только из 500 человек. Напротив, если бы возросла производительная сила их труда, так что для хлебопашества было бы достаточно 250 человек, то на войну могли бы отправляться 750 человек из 1 000, тогда как при уменьшении производительности труда из 1 500 человек могли бы воевать только 500.

Здесь, во-первых, следует заметить, что под «чистым доходом», или «чистым продуктом», Рикардо понимает не избыток всего продукта над той его частью, которая должна быть возвращена производству в качестве средств производства — сырья или орудий. Он, наоборот, разделяет тот ошибочный взгляд, что валовой продукт сводится к валовому доходу. Под «чистым продуктом», или «чистым доходом», он понимает прибавочную стоимость, избыток совокупного дохода над той его частью, которая состоит из заработной платы, из дохода рабочего. А этот доход рабочего равен переменному капиталу, той части оборотного капитала, которую рабочий постоянно потребляет и постоянно воспроизводит как потребляемую им самим часть его продукции.

Если Рикардо не считает капиталистов совершенно бесполезными, т. е. если он относит и их самих к числу агентов производства и поэтому часть их прибыли сводит к заработной плате, то из «чистого дохода» он должен вычесть часть их дохода и объявить, что и все эти лица способствуют увеличению богатства лишь постольку, поскольку их заработная плата образует возможно меньшую часть их прибыли. Но как бы там ни было, по крайней мере часть времени этих людей, как агентов производства, принадлежит в качестве неотъемлемой детали самому производству. И в той мере, в какой их время принадлежит производству, они не могут быть использованы для других целей общества или государства. Чем больше свободного времени остается у них от их занятий в качестве руководителей

производства, тем в большей степени их прибыль оказывается не зависящей от их заработной платы. В противоположность им те капиталисты, которые живут только на получаемые ими проценты, а также люди, живущие на земельную ренту, целиком могут быть использованы для целей общества и государства, и ни одна часть их дохода не входит в издержки производства, кроме той части, которая идет на воспроизводство их собственных драгоценных особ. Таким образом, в интересах *государства* Рикардо должен был бы также желать возрастания ренты (чистейшего «чистого дохода») за счет прибыли; но он был очень далек от этого. А почему? Потому, что это вредит накоплению капиталов, или, что отчасти то же самое, потому, что это увеличивает массу непроизводительных работников за счет производительных.

Рикардо целиком разделяет проводимое Смитом различие между производительным и непроизводительным трудом в том смысле, что первый обменивается непосредственно на капитал, [а второй] непосредственно на доход. Но у него уже нет смитовской нежности к производительным рабочим и смитовских иллюзий на их счет. Быть производительным рабочим, это — несчастье. Производительный рабочий, это — рабочий, производящий *чужое* богатство. Его существование имеет смысл лишь постольку, поскольку он служит таким орудием производства чужого богатства. Поэтому, если то же самое количество чужого богатства может быть создано меньшим числом производительных рабочих, то вполне уместно устранение излишних производительных рабочих. *Vos, non vobis* ⁷⁷. Впрочем, Рикардо понимает это *устранение* не так, как Ганиль; не в том смысле, что одно только устранение их увеличивает доход и позволяет потреблять *в виде дохода то, что раньше потреблялось как переменный капитал* (т. е. в форме заработной платы). С уменьшением числа производительных рабочих отпадает и то количество продукта, которое сами потребляли и сами производили эти вытесненные рабочие, отпадает эквивалент для этого числа рабочих. Рикардо не предполагает, как Ганиль, что по-прежнему производится та же самая масса продукта. Но неизменной останется масса «чистого продукта». Если рабочие потребляли 200, а производимый ими прибавочный продукт составлял 100, то совокупный продукт составлял 300, а прибавочный продукт был равен одной трети совокупного продукта. Если же рабочие потребляют 100, а производимый ими прибавочный продукт по-прежнему равен 100, то совокупный продукт будет составлять 200, а прибавочный продукт будет равен одной половине совокупного продукта. Совокупный продукт при этом

уменьшается на $\frac{1}{3}$, на то количество продуктов, какое раньше потреблялось сотней уволенных рабочих, а «чистый [372] продукт» остается неизменным, так как $\frac{200}{2}$ равно $\frac{300}{3}$. Рикардо поэтому относится безразлично к массе валового продукта, лишь бы только та часть валового продукта, которая составляет «чистый продукт», оставалась неизменной или же увеличивалась, но во всяком случае не уменьшалась.

Так, он говорит ⁷⁸:

«Человеку, имеющему капитал в 20 000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1 000 человек, продается ли произведенный товар за 10 000 или за 20 000 ф. ст., если только во всех этих случаях получаемая им прибыль не падает ниже 2 000 ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации?» ⁷⁹ [VIII—372]

* * *

[IX—377] Цитированное выше место из 26-й главы «Начал» Рикардо гласит:

«Адам Смит постоянно преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большого валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом» (так как, говорит Адам, «тем больше будет количество производительного труда, приводимого в движение капиталом»)... «В чем же состоят выгоды, проистекающие для страны из применения большого количества производительного труда, если ее чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются теми же самыми независимо от того, применяет ли страна это количество труда или меньшее?»...

{Это, следовательно, означает лишь то, что прибавочная стоимость, произведенная большим количеством труда, остается такой же, как и прибавочная стоимость, произведенная меньшим его количеством. А это опять-таки означает только то, что для страны безразлично, применяет ли она большое число рабочих при меньшей норме прибавочной стоимости или меньшее число рабочих при большей ее норме. $n \times \frac{1}{2}$ равно $2n \times \frac{1}{4}$, где n означает число рабочих, а $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ — прибавочный труд. «Производительный рабочий» сам по себе является лишь орудием производства для создания прибавочной стоимости, и при одинаковом результате большее число этих «производительных рабочих» было бы только обузой.}

...«Человеку, имеющему капитал в 20 000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1 000 человек, продается ли произведенный товар за 10 000 или за 20 000 ф. ст., если только во всех этих случаях получаемая им прибыль не падает ниже 2 000 ф. ст.».

{Это, как явствует из одного позднейшего места, имеет совершенно банальный смысл. Например, виноторговец, кото-

рый, вложив в дело 20 000 ф. ст., ежегодно оставляет в погребке вина на 12 000 ф. ст., а на 8 000 продает, получая за это количество вина 10 000 ф. ст., — такой виноторговец применяет мало людей и получает 10% прибыли. И т. д. А если взять еще банкиров!}

«Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или из 12 миллионов жителей. Ее способность содержать флот и армию и все виды непроизводительного труда»

(это место показывает между прочим, что Рикардо разделял взгляд А. Смита на производительный и непроизводительный труд, хотя и не разделял уже его, основанной на иллюзиях, нежности к производительному рабочему)

«должна быть пропорциональна ее чистому, а не ее валовому доходу. Если 5 миллионов человек могут производить столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 миллионов человек, то пища и одежда для 5 миллионов являются чистым доходом. Разве страна получила бы какую-нибудь выгоду от того, что для производства того же самого чистого дохода понадобилось бы 7 миллионов человек, или, иначе говоря, что труд 7 миллионов человек был бы применен для производства пищи и одежды в количестве, достаточном для 12 миллионов? Пища и одежда для 5 миллионов человек по-прежнему будут составлять чистый доход. Применение большего количества людей не доставило бы нам возможности ни увеличить хотя бы на одного человека нашу армию и наш флот, ни внести хотя бы одну добавочную гинею в виде налога» (*Ricardo. On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 415—417*) [Русский перевод, том I, стр. 284—285].

Страна тем богаче, чем меньше ее производительное население по отношению к совокупному продукту; совершенно так же, как и для отдельного капиталиста тем лучше, чем меньше нужно ему рабочих для того, чтобы произвести ту же самую прибавочную стоимость. Страна тем богаче, чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда.

С одной стороны, тенденция капитала заключается в том, чтобы сводить к все уменьшающемуся минимуму рабочее время, необходимое для производства товара, а следовательно, также и количество производительного населения по отношению к массе продукта. Но, с другой стороны, тенденция капиталистического способа производства заключается, наоборот, в том, чтобы накапливать, превращать прибыль в капитал, присваивать возможно большее количество чужого труда. Капиталистический

способ производства стремится понижать норму необходимого труда, но при данной норме применять возможно большее количество производительного труда. Отношение продуктов к населению при этом безразлично. Хлеб и хлопок могут обмениваться на вино, бриллианты и т. п. [378] или же рабочие могут применяться для такого производительного труда, который непосредственно ничего не прибавляет к предметам потребления (как, например, постройка железных дорог и т. п.).

Если бы вследствие какого-нибудь изобретения капиталист оказался в состоянии вкладывать в свое предприятие вместо прежних 20 000 ф. ст. только 10 000 ф. ст., потому что этих 10 000 ф. ст. было бы достаточно, и если бы они приносили 20 процентов вместо прежних 10, следовательно столько же, сколько прежде приносили 20 000 ф. ст., то это не могло бы служить для него основанием тратить 10 000 ф. ст. как доход, вместо того чтобы употреблять их, как и до этого, в качестве капитала. (О прямом превращении капитала в доход можно говорить собственно только при государственных займах.) Он вложил бы их в какое-нибудь другое предприятие; кроме того, он капитализировал бы еще и часть своей прибыли.

У политико-экономов (отчасти и у Рикардо в том числе) мы видим ту же антиномию, которая имеет место в самой действительности. Машины вытесняют труд и увеличивают «чистый доход» (в особенности они увеличивают всегда то, что Рикардо называет здесь «чистым доходом», т. е. массу тех продуктов, в виде которых потребляется доход); они уменьшают число рабочих и увеличивают количество продуктов (которые теперь частью потребляются непроизводительными работниками, частью обмениваются за пределами страны и т. д.). Как будто это и было желательно. Но нет. Ведь надо доказать, что они, машины, не лишают рабочих куска хлеба. А чем это доказывается? Тем, что машины после некоторого потрясения (которому, быть может, как раз пострадавший слой населения не в состоянии оказать сопротивления) снова дают занятие большему числу людей, чем было занято до их введения, так что масса «производительных рабочих» снова увеличивается и прежняя диспропорция опять восстанавливается.

Так это и бывает на самом деле. И таким образом, несмотря на возрастающую производительность труда, рабочее население могло бы постоянно расти, не по отношению к продукту, который возрастает вместе с ним и быстрее его, а относительно всего народонаселения, если, например, одновременно происходит концентрация капитала и, следовательно, прежние составные части производительных классов попадают в ряды пролетари-

ата. Небольшая часть пролетариата переходит в ряды среднего класса. Но непроизводительные классы заботятся о том, чтобы на долю пролетариата приходилось не слишком много средств существования. Постоянное обратное превращение прибыли в капитал неизменно восстанавливает тот же кругооборот на более широкой основе.

А у Рикардо забота о накоплении еще сильнее, чем забота о чистой прибыли, которой он ревностно восхищается как средством для накопления. Отсюда также и противоречивые увещания и утешения по адресу рабочих. Они, дескать, больше всего заинтересованы в накоплении капитала, ибо от этого зависит спрос на них. Если возрастает спрос, то возрастает и цена труда. Следовательно, они сами должны желать понижения заработной платы, чтобы отобранная у них прибавочная стоимость, профильтрованная опять через капитал, причиталась им за новый труд и повышала их заработную плату. Но это повышение заработной платы вредно, так как оно задерживает накопление. С одной стороны, они не должны плодить детей. Тем самым уменьшится предложение труда и, значит, повысится его цена. Но повышение цены труда уменьшает норму накопления, сокращает, следовательно, спрос на рабочих и понижает цену труда. Еще быстрее, чем уменьшается предложение труда, уменьшится вместе с ним и [накопление] капитала. Если же рабочие будут плодить детей, то этим они увеличат предложение труда и уменьшат цену труда, в результате чего возрастет норма прибыли и вместе с ней накопление капитала. Но рабочее население должно идти *pari passu* * с накоплением капитала; т. е. рабочему населению предписывается, чтобы оно имелось как раз в такой массе, в какой это требуется капиталисту, — что и без того происходит в действительности.

Господин Ганиль не совсем последователен в своем преклонении перед «чистым продуктом». Он цитирует Сэя:

«Я нисколько не сомневаюсь в том, что при рабском труде избыток продуктов над потреблением больше, чем при труде свободного человека... Труд раба не имеет другой границы, кроме истощения его рабочей силы... Раб» (и свободный рабочий тоже) «работает для удовлетворения безграничной потребности своего господина — его алчности» (Сэй, 1-е издание, стр. 215—216).

[379] По этому поводу Ганиль замечает:

«Свободный рабочий не может расходовать больше, а производить меньше, чем раб... Всякий расход предполагает эквивалент, произведенный для оплаты этого расхода. Если свободный рабочий расходует больше,

* — в ногу. *Ред.*

чем раб, то и продукты его труда должны быть значительнее, чем продукты рабского труда» (*Ганиль*, том I, стр. 234).

Как будто величина заработной платы зависит *только* от производительности работника, а не от распределения продукта — при данной производительности — между работником и хозяином.

«Я знаю», — продолжает Ганиль, — «что с некоторым основанием можно сказать, что *та экономия, которую хозяин проводит в отношении издержек своего раба*» (здесь, стало быть, все же «экономия в отношении вознаграждения раба»), «служит для увеличения его личных издержек» и т. д. ... «Но для общего богатства более выгодно, чтобы во всех классах общества царил благосостояние, чем чтобы небольшое число индивидуумов обладало чрезмерным изобилием» (стр. 234—235).

Как согласовать это с «чистым продуктом»? Впрочем, господин Ганиль сейчас же берет назад свои либеральные тирады (там же, стр. 236—237). Он — сторонник рабства темнокожих в колониях. Он либерален лишь настолько, что не высказывается за восстановление рабства в Европе, уразумев, что свободные рабочие являются здесь рабами, существующими только для того, чтобы производить «чистый продукт» для капиталистов, земельных собственников и их слуг.

«Он» (*Кенэ*) «решительно оспаривает, что сбережения классов, состоящих на жалованье, обладают способностью увеличивать капиталы; и он обосновывает это тем, что эти классы не должны иметь возможности делать сбережения и что если они имеют *излишек, избыток*, то он может получаться только вследствие ошибки или беспорядка в общественном хозяйстве» (там же, стр. 274).

В подтверждение этого Ганиль цитирует следующее место из *Кенэ*:

«Если бесплодный класс делает сбережения в целях увеличения количества своих наличных денег, ... то в той же пропорции уменьшаются его работа и его заработки, и он приходит в упадок» («*Physiocratie*», стр. 321).

Осел! Он не понял *Кенэ*.

Господин Ганиль кладет последний кирпич следующей фразой:

«Чем они» (заработные платы) «значительнее, тем меньше доход общества»

(фундаментом, на котором стоит «общество», являются наемные рабочие, но сами они не состоят в «обществе»),

«и все искусство правительств должно быть направлено на уменьшение суммы заработной платы... *Задача... достойная просвещенного века, в котором мы живем*» (цит. соч., том II, стр. 24).

* * *

По вопросу о производительном и непроизводительном труде следует еще кратко рассмотреть *Лодерделя* (плоские шутки Брума после этого не стоит разбирать), (Ферье?), *Токвиля*, *Шторха*, *Сениора* и *Росси*.

[10] ОБМЕН ДОХОДА И КАПИТАЛА [ВОЗМЕЩЕНИЕ ВСЕЙ МАССЫ ГОДОВОГО ПРОДУКТА ПРИ ПРОСТОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ:

а) ОБМЕН ДОХОДА НА ДОХОД; б) ОБМЕН ДОХОДА НА КАПИТАЛ; в) ОБМЕН КАПИТАЛА НА КАПИТАЛ]

{Следует различать: 1) Ту часть *дохода*, которая превращается в *новый капитал*; стало быть, ту часть прибыли, которая сама снова капитализируется. Эту часть мы здесь оставляем совершенно без внимания. Это относится к отделу о накоплении. 2) Доход, который обменивается на капитал, потребленный в производстве; так что посредством этого обмена происходит не образование нового капитала, а возмещение старого капитала, одним словом — сохранение старого капитала. Таким образом, ту часть дохода, которая превращается в новый капитал, мы можем для данного исследования приравнять к нулю и рассматривать дело так, как если бы всякий доход покрывал либо доход, либо потребленный капитал.

Вся масса годового продукта распадается, следовательно, на две части: одна часть потребляется как доход, другая возмещает *in natura* * потребленный постоянный капитал.

Доход обменивается на доход, когда, например, производители холста из той доли своего продукта, холста, в которой представлены их прибыли и заработные платы, их доход, обменивают ту или иную часть на хлеб, в котором представлена часть прибылей и [380] заработных плат земледельца. Здесь, следовательно, налицо обмен холста на хлеб, обмен двух товаров, из которых каждый входит в индивидуальное потребление, обмен дохода в форме холста на доход в форме хлеба. Здесь нет никакой трудности. Если продукты, пригодные для индивидуального потребления, произведены в пропорциях, соответствующих потребностям, если, следовательно, пропорционально распределены и соответственные массы общественного труда, необходимые для их производства {чего, конечно, никогда в точности не бывает; всегда имеют место отклонения, диспропорции, которые как таковые выравниваются, но так, что

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

постоянное движение выравнивания само предполагает постоянную диспропорцию}, — то доход, например в форме холста, существует в таком точно количестве, в каком он требуется в качестве предмета потребления, т. е. в каком он возмещается предметами потребления других производителей. То, что производитель холста потребляет в виде хлеба и т. д., крестьянин и т. д. потребляет в виде холста. Стало быть, та часть его представляющего доход продукта, которую он обменивает на другие товары (предметы потребления), принимается в обмен производителями этих других товаров как предмет потребления. То, что он потребляет в виде другого продукта, другие потребляют в виде его продукта.

Заметим мимоходом следующее: то обстоятельство, что на единицу продукта затрачивается не больше рабочего времени, чем это общественно необходимо, т. е. не больше времени, чем нужно в среднем для производства этого товара, — является результатом капиталистического производства, которое постоянно даже понижает минимум необходимого рабочего времени. Но для этого оно должно производить в постоянно возрастающем масштабе.

Если стоимость одного аршина холста равняется только одному часу и если это составляет необходимое рабочее время, какое должно затратить общество, чтобы удовлетворить свою потребность в одном аршине холста, то отсюда отнюдь еще не следует, что если произведены 12 миллионов аршин, следовательно затрачены 12 миллионов рабочих часов, или, что то же самое, 1 миллион рабочих дней, применен 1 миллион рабочих в качестве ткачей холста, то обществу «необходимо» затрачивать на ткань холста именно такую часть своего рабочего времени. Если дано необходимое рабочее время, т. е. дано, что определенное количество холста может быть произведено в течение одного дня, то спрашивается, сколько таких дней должно быть затрачено на производство холста. Рабочее время, затраченное на всю сумму определенных продуктов в течение, например, одного года, равно определенному количеству этой потребительной стоимости, например одному аршину холста (пусть это количество = 1 рабочему дню), помноженному на число затраченных вообще рабочих дней. Процентное отношение совокупного количества рабочего времени, затраченного в определенной отрасли производства, ко всему рабочему времени, находящемуся в распоряжении общества, может быть ниже или выше надлежащего отношения несмотря на то, что каждая доля продукта содержит лишь необходимое для ее изготовления рабочее время, или несмотря на то, что каждая

доля затраченного рабочего времени была необходима для создания соответствующей ей доли совокупного продукта.

С этой точки зрения необходимое рабочее время приобретает другой смысл. Спрашивается, в каких количествах само необходимое рабочее время распределяется по различным сферам производства. Конкуренция постоянно регулирует это распределение, точно так же, как она постоянно его нарушает. Если в какой-нибудь отрасли затрачено слишком большое количество общественного рабочего времени, то эквивалент может быть уплачен только в таком размере, как если бы было затрачено надлежащее количество. Совокупный продукт — т. е. стоимость совокупного продукта — равняется тогда уже, следовательно, не тому рабочему времени, какое содержится в нем, а тому, какое было бы пропорционально затрачено, если бы совокупный продукт данной сферы находился в надлежащем отношении к продукции других сфер. Но в той мере, в какой цена совокупного продукта данной сферы падает ниже его стоимости, падает и цена каждой отдельной его части. Если произведено 6 000 арш. холста вместо 4 000 и если 12 000 шилл. составляют стоимость 6 000 арш., то они будут проданы за 8 000 шилл. Цена каждого аршина будет $1\frac{1}{3}$ шилл. вместо 2, т. е. на $\frac{1}{3}$ ниже его стоимости. Это, стало быть, то же самое, как если бы на производство одного аршина было затрачено на $\frac{1}{3}$ рабочего времени больше, чем необходимо. При наличии у товара потребительной стоимости падение его цены ниже его стоимости свидетельствует, таким образом, о том, что, хотя на каждую часть продукта было затрачено лишь общественно-необходимое рабочее время {здесь предполагается, что условия производства остаются неизменными}, но на всю эту отрасль производства в целом затрачена излишняя, превышающая необходимую, совокупная масса общественного труда.

Нечто совсем иное представляет собой понижение относительной стоимости товара вследствие изменившихся [381] условий производства. Данный кусок холста, находящийся на рынке, стоил 2 шилл., что равняется, положим, 1 рабочему дню. Но он в любой день может быть воспроизведен за 1 шилл. Так как стоимость определяется общественно-необходимым рабочим временем, а не тем рабочим временем, какое требуется отдельному производителю, то день, понадобившийся производителю для производства 1 арш., равняется лишь половине общественно-определенного дня. Понижение цены аршина его холста с 2 шилл. до 1 шилл., т. е. падение цены аршина холста ниже той стоимости, в которую он ему обошелся, указывает лишь на изменение условий производства, т. е. указывает на

то, что само необходимое рабочее время изменилось. Если, с другой стороны, издержки производства холста остаются без изменения, а повышаются издержки производства всех других предметов за исключением золота, т. е. денежного материала, или же издержки производства только определенных предметов, например пшеницы, меди и т. д., одним словом предметов, не входящих в составные части холста, то 1 арш. холста по-прежнему будет равен 2 шилл. Его *цена* не понизилась бы, но понизилась бы его относительная стоимость, выраженная в пшенице, меди и т. д.

* * *

Относительно той части дохода (в какой-либо отрасли производства, производящей товары, пригодные для индивидуального потребления), которая потребляется в виде дохода какой-нибудь другой отрасли производства, можно утверждать, что спрос равняется ее собственному предложению (поскольку производство ведется в надлежащей *пропорциональности*). Это то же самое, как если бы каждая из данных отраслей производства сама потребляла эту часть своего дохода. Здесь налицо только формальный метаморфоз товара: $T - D - T'$. Холст — деньги — пшеница.

В обоих товарах, обмениваемых друг на друга, здесь представлена только часть присоединенного за год нового труда. Но ясно, во-первых, что этот обмен, при котором каждый из двух производителей потребляет в товаре другого часть своего продукта, представляющую доход, имеет место только в тех отраслях производства, где производятся предметы потребления, т. е. такие предметы, которые непосредственно входят в индивидуальное потребление и на которые поэтому доход может затрачиваться как доход. Во-вторых, столь же ясно и следующее: только для *этой части* обмена продуктов правильно, что предложение со стороны производителя равно его спросу на другие продукты, какие он хочет потребить. Здесь в действительности дело идет лишь о простом товарообмене. Вместо того чтобы самому производить свои жизненные средства, он производит жизненные средства для другого, а этот другой производит жизненные средства для него. Здесь не заключено никакого отношения дохода к капиталу. Доход в одной форме предметов потребления обменивается на доход в другой форме предметов потребления, т. е. на деле предметы потребления обмениваются на предметы потребления. Процесс их обмена определяется не тем, что оба они — доход, а тем, что оба они — предметы потребления. То обстоятельство, что со стороны своей

формы они являются доходом, здесь совсем не играет роли. Правда, это обстоятельство обнаруживается в потребительной стоимости взаимно обмениваемых товаров, в том, что оба они входят в индивидуальное потребление, но это, опять-таки, означает только то, что одна часть предметов потребления обменивается на другую часть предметов потребления.

Форма дохода может проявить себя или выступить на передний план только там, где ей противостоит форма капитала. Но даже и в рассматриваемом нами случае неверно то, что утверждают Сэй⁸⁰ и другие вульгарные экономисты, а именно, что если *A* не может продать свой холст, т. е. ту часть своего холста, которую он сам хочет потребить как доход, или если он может продать его только ниже его цены, то это происходит потому, что *B*, *C* и т. д. произвели слишком мало пшеницы, мяса и т. д. Это может произойти потому, что они их произвели в недостаточном количестве. Но это может произойти и потому, что *A* произвел слишком много холста; ибо даже если предположить, что *B*, *C* и т. д. имеют достаточно пшеницы и т. д., чтобы купить у *A* весь его холст, то всё же они не покупают его по той причине, что ими *потребляется* только определенное количество холста. Или же это может произойти еще и потому, что *A* произвел холст в количестве, превышающем ту часть их дохода, которая вообще может быть истрачена на материалы для одежды, потому вообще, стало быть, что каждый может тратить в качестве дохода только определенное количество своего продукта, а производство холста у *A* предполагает больший доход, чем тот, который вообще имеется налицо. Но там, где дело идет лишь об обмене дохода на доход, смешно предполагать, что предметом спроса является не потребительная стоимость продукта, а количество этой потребительной стоимости, т. е. опять забывать, что в *этом* обмене дело идет лишь об удовлетворении потребностей, а не о количестве, которое имеется в виду, когда речь идет о меновой стоимости.

Однако каждый предпочитает иметь побольше какого-нибудь продукта, а не поменьше! Если это соображение должно разрешить затруднение, то [382] абсолютно непонятно, почему производитель холста, вместо того чтобы обменивать свой холст на другие предметы потребления и нагромождать эти последние en masse *, не прибегает к более простому процессу — к потреблению части своего дохода в излишнем холсте. Почему он вообще превращает свой доход из формы холста в другие формы? Потому, что кроме потребности в холсте ему надо удовлетворить

* — в больших количествах. Ред.

и другие потребности. Почему он потребляет сам только определенную часть холста? Потому, что только количественно определенная часть холста имеет для него потребительную стоимость. Но то же самое относится также к *B*, *C* и т. д. Если *B* продает вино, *C* — книги, а *D* — зеркала, то каждый из них, может быть, предпочитает потребить излишек своего дохода в своем собственном продукте, в вине, книгах, зеркалах, а не в холсте. Стало быть, нельзя сказать, что если *A* свой доход, состоящий из холста, совсем не может превратить (или не может превратить соответственно его стоимости) в вино, книги, зеркала, то это с абсолютной необходимостью означает, что произведено слишком мало вина, книг, зеркал. Но еще более смешно изображать этот обмен дохода на доход — эту одну только часть товарного обмена — как весь товарный обмен в целом.

Итак, одну часть продукта мы разместили. Одна часть предметов потребления переходит из рук в руки в среде самих производителей этих предметов потребления. Каждый из этих производителей потребляет часть своего дохода (прибыли и заработной платы) не в своем собственном продукте, а в продукте другого, и он может это делать лишь постольку, поскольку другой тоже потребляет вместо своего собственного продукта чужой пригодный для потребления продукт. Это то же самое, как если бы каждый потребил ту часть своего пригодного для потребления продукта, в которой представлен его собственный доход.

Но что касается всех остальных продуктов, то здесь вступают в действие более сложные отношения, и только здесь обмениваемые товары противостоят друг другу как доход и капитал — стало быть, не только как доход.

Прежде всего нужно различать следующее. Во всех отраслях производства часть совокупного продукта представляет доход, т. е. присоединенный (в течение года) труд: прибыль и заработную плату. {Рента, процент и т. д. — это части прибыли; доход негодяя-чинуши составляет часть прибыли и заработной платы; доход других непроизводительных работников является той частью прибыли и заработной платы, которую они покупают на свой непроизводительный труд; он, стало быть, не увеличивает продукта, существующего в виде прибыли и заработной платы, а только определяет, какую долю этого продукта потребляют эти непроизводительные работники и какую — сами рабочие и капиталисты.} Но только в некоторых сферах производства доля продукта, представляющая доход, может непосредственно *in natura* стать составной частью дохода, т. е. может

по своей *потребительной стоимости* быть потреблена как доход. Все продукты, представляющие *только* средства производства, могут быть потреблены как доход не *in natura*, не в своей непосредственной форме, а только по своей *стоимости*. Но эта стоимость должна быть потреблена в тех отраслях производства, которые производят предметы непосредственного потребления. Часть средств производства может служить в качестве того или иного предмета непосредственного потребления в зависимости от применения: например, лошадь, телега и т. д. Часть предметов непосредственного потребления может служить в качестве средств производства, как, например, хлеб для производства водки, пшеница в качестве семян и т. д. Почти все предметы потребления сами могут снова входить в процесс производства в виде отбросов потребления, как, например, изношенные и полусгнившие тряпки холста, используемые в производстве бумаги. Но никто не производит холст для того, чтобы он в виде тряпок служил сырьем для бумаги. Эту форму он приобретает только после того, как продукт ткачества вошел как таковой в потребление. Лишь в виде отбросов этого потребления, в виде остатка и продукта процесса потребления он может затем снова войти в другую сферу производства как средство производства. Следовательно, этот случай сюда не относится.

Итак, существуют такие продукты, которые в своей представляющей доход части могут быть потреблены своими собственными производителями только по своей стоимости, а не по своей потребительной стоимости, так что эти производители, для того чтобы потратить ту часть своих продуктов, например машин, в которой представлена заработная плата и прибыль, должны ее продать, поскольку этими машинами как таковыми они не могут непосредственно удовлетворить ни одной индивидуальной потребности. Продукты эти равным образом не могут быть потреблены производителями других продуктов, не могут войти в их индивидуальное потребление, не могут, следовательно, принадлежать к числу тех продуктов, на которые они тратят свой доход, так как это противоречит потребительной стоимости этих товаров, по самой природе своей *исключающей* индивидуальное потребление. Таким образом, производители этих непригодных для непосредственного потребления продуктов могут потреблять только их *меновую стоимость*; т. е. они должны предварительно превратить их в деньги, чтобы затем обратно превратить эти деньги в товары, пригодные для непосредственного потребления. Но кому же они должны [383] продать эти продукты? Производителям других непригодных

для индивидуального потребления продуктов? В таком случае они лишь получают один непригодный для непосредственного потребления продукт вместо другого. Но ведь мы предположили, что эта часть продуктов образует их доход, что они продают их для того, чтобы потратить их стоимость в виде предметов потребления. Следовательно, они могут продать эти продукты только производителям продуктов, пригодных для индивидуального потребления.

Эта часть товарного обмена представляет обмен капитала одного лица на доход другого или дохода одного лица на капитал другого. Только одна часть совокупного продукта производителя предметов потребления представляет доход; другая часть представляет постоянный капитал. Эту последнюю часть он не может ни сам потратить, ни обменять на пригодные для непосредственного потребления продукты других производителей. Он не может ни потратить *in natura* потребительную стоимость этой части своего продукта, ни потратить ее стоимость, обменяв ее на другие предметы потребления. Напротив, он должен обратно превратить ее в натуральные элементы своего постоянного капитала. Он должен эту часть своего продукта *потратить производственно*, т. е. потратить как средство производства. Но его продукт по своей потребительной стоимости может войти только в индивидуальное потребление; поэтому производитель этого продукта не может обратно превратить его *in natura* в его собственные элементы производства. Природа потребительной стоимости этого продукта исключает *производственное потребление*. Поэтому производитель такого продукта может производственно потратить только *стоимость* своего продукта — путем продажи его производителям вышеупомянутых элементов производства этого продукта. Эту часть своего продукта он не может потратить *in natura*; не может он также потратить ее стоимость посредством обмена на другие индивидуально потребляемые продукты. Совершенно так же, как эта часть его продукта не может войти в его собственный доход, она не может быть возмещена и из дохода производителей других индивидуально потребляемых продуктов, ибо это было бы возможно только в том случае, если бы он обменял свой продукт на их продукт, т. е. если бы он *проел* стоимость своего продукта, что, по предположению, не имеет места. Но так как эта часть его продукта, подобно другой его части, которую он потребляет как доход, по своей потребительной стоимости может быть потреблена только как доход, должна войти в индивидуальное потребление и не может возместить постоянный капитал, то она должна войти в доход производителей продуктов, непри-

годных для непосредственного потребления, должна быть обменена на ту часть их продуктов, стоимость которой они могут потребить, или которая представляет их доход.

Если рассматривать этот обмен со стороны каждого его участника в отдельности, то для *A*, производителя предмета потребления, обмен этот представляет превращение капитала в капитал. Часть своего совокупного продукта, равную стоимости содержащегося в нем постоянного капитала, производитель *A* превращает путем этого обмена обратно в ту натуральную форму, в какой она может функционировать как постоянный капитал. Как до обмена, так и после него она по своей стоимости представляет только постоянный капитал. Наоборот, для *B*, производителя продукта, непригодного для непосредственного потребления, вышеуказанный обмен представляет только превращение дохода из одной формы в другую. Часть своего совокупного продукта, образующую его доход, т. е. ту часть совокупного продукта, в которой представлен вновь присоединенный труд этой сферы производства (необходимый и прибавочный), производитель *B* впервые превращает здесь в такую натуральную форму, в которой он может потребить ее как доход. Как до обмена, так и после него эта часть продукта по своей стоимости представляет только его доход.

Если рассматривать это отношение с обеих сторон одновременно, то *A* обменивает свой постоянный капитал на доход *B*, а *B* обменивает свой доход на постоянный капитал *A*. Доход *B* возмещает постоянный капитал *A*, а постоянный капитал *A* возмещает доход *B*.

В самом обмене {если не говорить о том, какие цели преследуют при этом участники обмена} противостоят друг другу только товары и происходит простой обмен товаров, которые относятся друг к другу только как товары и для которых обозначения «доход» и «капитал» безразличны. Только различный характер *потребительной стоимости* этих товаров показывает, что одни из них могут служить лишь для производственного потребления, а другие — лишь для индивидуального потребления и могут войти в него. Но различие способов применения различных потребительных стоимостей различных товаров относится к области потребления и не имеет никакого касательства к процессу обмена их как товаров. Совершенно иначе обстоит дело, когда капитал капиталиста превращается в заработную плату, а труд превращается в капитал. Здесь товары противостоят друг другу не как простые товары, но капитал выступает как капитал. В только что рассмотренном обмене продавец и покупатель противостоят друг другу лишь

как продавец и покупатель, лишь как простые товаровладельцы.

Далее, ясно: всякий продукт, предназначенный исключительно для индивидуального потребления, или всякий продукт, входящий в индивидуальное потребление, — в той мере, в какой он входит в это потребление, — может быть обменян только на доход. То обстоятельство, что он не может быть потреблен производственно, как раз и означает, что он может быть потреблен лишь как доход, т. е. только индивидуально. {Как было замечено выше, мы здесь отвлекаемся от превращения прибыли в капитал.}

Предположим, что *A* является производителем какого-нибудь продукта, потребляемого только индивидуально, и что его доход равняется одной трети его совокупного продукта, а его постоянный капитал — двум третям. Первую треть он, согласно предположению, потребляет сам, — безразлично, [384] целиком ли *in natura* или только частично или же совсем не потребляет ее *in natura*, а потребляет ее стоимость в виде других предметов потребления; в последнем случае продавцы этих предметов потребления потребляют свой собственный доход в виде продукта *A*. Таким образом, та часть предметов потребления, в которой представлен доход их производителей, потребляется ими либо непосредственно, либо косвенно, посредством взаимного обмена нужных им для потребления продуктов. В отношении этой части происходит, следовательно, *обмен дохода на доход*. Здесь имеет место то же самое, как если бы *A* представлял производителей всех предметов потребления. Одну треть всей массы этих продуктов, — т. е. часть, представляющую его доход, — он потребляет сам. Но эта часть представляет в точности то количество труда, которое категория *A* в течение года присоединила к своему постоянному капиталу, а это количество равно всей сумме заработных плат и прибылей, произведенных категорией *A* в течение года.

Остальные две трети совокупного продукта категории *A* равняются стоимости постоянного капитала; они, следовательно, должны быть возмещены продуктом годового труда категории *B*, которая доставляет продукты, непригодные для индивидуального потребления и входящие только в производственное потребление, входящие в процесс производства в качестве средств производства. Но так как эти две трети совокупного продукта *A* совершенно так же, как первая его треть, должны войти в индивидуальное потребление, то они вымениваются производителями категории *B* на ту часть их продукта, в которой представлен их доход. Таким образом, категория *A* постоянную

часть своего совокупного продукта обменивала на продукты, имеющие первоначальную натуральную форму этой постоянной части, обратно превратила ее во вновь созданные продукты категории *B*, а категория *B* уплатила лишь той частью своего продукта, в которой представлен ее доход, но которую она сама может потребить только в виде продуктов категории *A*. Она, следовательно, на деле уплатила своим вновь присоединенным трудом, полностью представленным в той части продукта *B*, которая обменивается на последние две трети продукта *A*. Таким образом, весь продукт *A* обменивается на доход, или целиком входит в индивидуальное потребление. С другой стороны (так как, согласно предположению, превращение дохода в капитал остается здесь вне рассмотрения, принимается равным нулю), *весь доход* общества расходуется на продукт *A*; ибо производители *A* потребляют свой доход в виде продуктов *A*, и то же самое делают производители категории *B*. Других же категорий кроме этих не существует.

Продукт *A* потребляется целиком несмотря на то, что две трети его содержат постоянный капитал и не могут быть потреблены производителями *A*, а должны быть обратно превращены в натуральную форму элементов производства этого продукта. Совокупный продукт *A* равен совокупному доходу общества. *A* совокупный доход общества представляет сумму рабочего времени, которую оно в течение года присоединило к имеющемуся постоянному капиталу. Итак, хотя совокупный продукт *A* только на $\frac{1}{3}$ состоит из вновь присоединенного труда, а на $\frac{2}{3}$ — из прошлого и подлежащего возмещению труда, он все же может быть целиком куплен на вновь присоединенный труд, так как $\frac{2}{3}$ этого совокупного годового труда должны быть потреблены не в виде их собственных продуктов, а в виде продуктов *A*. Продукт *A* возмещается вновь присоединенным трудом, на $\frac{2}{3}$ превышающим тот вновь присоединенный труд, который содержится в нем самом, потому что эти $\frac{2}{3}$ представляют собой присоединенный труд *B*, а *B* может потребить эти $\frac{2}{3}$ только индивидуально, в виде продуктов *A*, подобно тому как *A* может потребить эти же самые $\frac{2}{3}$ только производственно, в виде продуктов *B*. Таким образом, совокупный продукт *A*, во-первых, может быть целиком потреблен как доход, и вместе с тем может быть возмещен его постоянный капитал. Или, точнее, совокупный продукт *A* целиком потребляется как доход только потому, что $\frac{2}{3}$ его возмещаются производителями постоянного капитала, которые лишены возможности потреблять *in natura* представляющую их доход часть их продукта, а должны потреблять ее в виде продуктов *A*, т. е. посредством обмена на $\frac{2}{3}$ *A*.

Итак, мы разместили последние $\frac{2}{3}$ *A*.

Ясно, что дело нисколько не меняется, если существует третья категория *C*, продукты которой пригодны как для производственного, так и для индивидуального потребления, как, например, рожь, служащая пищей человеку или кормом для скота, либо же идущая на семена или на выпечку хлеба, а также телеги, лошади, скот и т. д. В той части, в какой эти продукты входят в индивидуальное потребление, они должны быть прямо или косвенно потреблены как доход их собственными производителями или производителями (прямо или косвенно) той части постоянного капитала, которая в них содержится. В этом случае они, следовательно, относятся к категории *A*. В той части, в какой они не входят в индивидуальное потребление, они относятся к категории *B*.

Процесс обмена этого второго рода, где обменивается не доход на доход, а капитал на доход и где весь постоянный капитал должен в конечном счете свестись к доходу, следовательно к вновь присоединенному труду, — может быть представлен двояко. Пусть продуктом *A* будет, например, холст. Две трети холста, равные постоянному капиталу *A*, — или их стоимость, — оплачивают пряжу, машины, вспомогательные материалы. Но фабрикант пряжи и фабрикант машин [385] могут потребить из этого продукта лишь такое количество, какое представляет их собственный доход. Фабрикант холста оплачивает полную цену пряжи и машин двумя третями своего продукта. Этим он возместил прядильщику и машиностроителю весь их продукт, вошедший в качестве постоянного капитала в холст. Но этот совокупный продукт прядильщика и машиностроителя сам равен постоянному капиталу и доходу, равен сумме двух частей: присоединенному прядильщиком и машиностроителем труду плюс другая часть, представляющая стоимость их собственных средств производства, т. е. для прядильщика — стоимость льна, смазочного масла, машин, угля и т. д., а для машиностроителя — стоимость угля, железа, машин и т. д. Таким образом, две трети холста, равные постоянному капиталу *A*, возместили совокупный продукт прядильщика и машиностроителя, их постоянный капитал плюс присоединенный ими труд, их капитал плюс их доход. Но прядильщик и машиностроитель могут потребить в виде продуктов *A* только свой доход. После вычета той части $\frac{2}{3}$ *A*, которая равняется их доходу, они остатком оплачивают свое сырье и свои машины. Но производителям этого сырья и этих машин, согласно предположению, уже не приходится возмещать никакого постоянного капитала. Из их продукта в продукт *A*, а следовательно и в продукты,

служащие средством для производства *A*, может войти лишь столько, сколько *A* в состоянии оплатить. Но *A* двумя третями своего продукта может оплатить лишь столько, сколько *B* может купить на свой доход, т. е. столько, сколько дохода, вновь присоединенного труда, представлено в продукте, обмениваемом *B*. Если бы производители последних элементов производства *A* должны были продавать прядильщику [и машиностроителю] такое количество своего продукта, которое представляло бы часть их собственного постоянного капитала, представляло бы больше чем труд, присоединенный ими к своему постоянному капиталу, то в уплату они не могли бы принять продукт *A*, потому что часть этого продукта они не могли бы потребить. Следовательно, здесь имеет место противоположный случай.

Пойдем теперь в обратном направлении. Предположим, что весь холст равен 12 дням. Продукт льновода, железодельца и т. д. равен 4 дням; продукт этот продается прядильщику и машиностроителю, которые присоединяют к нему еще 4 дня; они, в свою очередь, продают его ткачу, который присоединяет к нему еще 4 дня. Одну треть своего продукта ткач, изготовляющий холст, может потребить сам; 8 дней возмещают ему его постоянный капитал и оплачивают продукт прядильщика и машиностроителя; эти последние могут из 8 дней потребить 4, а остающимися 4 днями они платят льноводу и т. д. и возмещают таким путем свой постоянный капитал; льновод, железодельца и т. д. последними 4 днями, овеществленными в холсте, должны возместить себе только свой труд.

Несмотря на то, что доход во всех трех случаях предполагается одинаковым (равным 4 дням), он в различной пропорции входит в продукты трех классов производителей, участвующих в производстве продукта *A*. У ткача он составляет $\frac{1}{3}$ его продукта ($\frac{1}{3}$ от 12), у прядильщика и машиностроителя — $\frac{1}{2}$ его продукта ($\frac{1}{2}$ от 8), у льновода он равен его продукту, равен 4 дням. По отношению же к совокупному продукту доход всех этих производителей совершенно одинаков: он равен $\frac{1}{3}$ от 12, т. е. 4 дням. Но у ткача вновь присоединенный труд прядильщика, машиностроителя и льновода выступает как постоянный капитал; у прядильщика и машиностроителя вновь присоединенный ими самими и льноводом труд выступает как совокупный продукт, а рабочее время льновода — как постоянный капитал. Это явление, имеющее место в отношении постоянного капитала, прекращается у льновода. Поэтому, например, прядильщик может применять машины, вообще постоянный капитал, в такой же пропорции, как ткач. Например,

в пропорции $1\frac{1}{3} : 2\frac{2}{3}$. Но, во-первых, сумма (совокупная сумма) капитала, примененного в прядении, должна быть меньше, чем сумма капитала, примененного в ткачестве, потому что в ткачество входит как постоянный капитал весь продукт прядения. Во-вторых, если у прядильщика точно так же существует отношение $1\frac{1}{3} : 2\frac{2}{3}$, то его постоянный капитал будет равен $16\frac{2}{3}$, а его присоединенный труд — $8\frac{2}{3}$; первый будет равен $51\frac{1}{3}$ рабочего дня, а второй — $22\frac{2}{3}$ рабочего дня. В этом случае относительно больше рабочих дней будет содержаться в той отрасли, которая доставляет ему лен и т. д. Вместо 4 дней он должен будет здесь заплатить поэтому за вновь присоединенное рабочее время $51\frac{1}{3}$ дня.

Само собой понятно, что новым трудом должна быть возмещена только та часть постоянного капитала категории А, которая у А входит в процесс образования стоимости, т. е. потребляется во время процесса труда этого А. Целиком входят в процесс образования стоимости сырье, вспомогательные материалы и износ основного капитала. Остальная часть основного капитала не входит в этот процесс, а потому и не подлежит возмещению.

Значительная часть наличного постоянного капитала, — ее величина определяется отношением основного капитала к совокупному капиталу, — не подлежит, стало быть, ежегодному возмещению новым трудом. Поэтому масса [ежегодно возмещаемой стоимости основного капитала], хотя она и может быть большой (в абсолютных цифрах), все же не велика по отношению к совокупному (годовому) продукту. *Вся же* указанная выше *часть постоянного капитала* в категориях А и В, участвующая в определении нормы прибыли (при данной прибавочной стоимости), не входит в качестве определяющего элемента в фактическое воспроизводство основного капитала. Чем больше эта часть по отношению к совокупному капиталу, чем в большем масштабе применяется в производстве наличный, уже имеющийся основной капитал, — тем больше будет *фактическая масса воспроизводства*, идущая на возмещение изношенного основного капитала; но *по сравнению с* совокупным капиталом масса этого воспроизводства может быть относительно небольшой.

Предположим, что время воспроизводства (*среднее*) всех видов основного капитала равно 10 годам. [386] Допустим, что различные виды основного капитала оборачиваются в 20, 17, 15, 12, 11, 10, 8, 6 лет, в 4, 3, 2, 1, $\frac{4}{6}$ и $\frac{2}{6}$ года (всего 14 видов), — тогда основной капитал *в среднем* совершал бы один оборот в 10 лет ⁸¹.

Следовательно, в среднем основной капитал подлежал бы возмещению в 10 лет. Если весь основной капитал составляет $\frac{1}{10}$ совокупного капитала, то подлежащая ежегодному возмещению одна десятая часть основного капитала составляла бы только $\frac{1}{100}$ совокупного капитала.

Если основной капитал составляет $\frac{1}{3}$ совокупного капитала, то ежегодно подлежит возмещению $\frac{1}{30}$ совокупного капитала.

Но сравним теперь между собой основные капиталы, имеющие различные периоды воспроизводства, например основной капитал, требующий для своего воспроизводства 20 лет, в противоположность капиталу, требующему для этого $\frac{1}{3}$ года.

Из основного капитала, который воспроизводится в течение 20 лет, ежегодно подлежит возмещению только $\frac{1}{20}$. Поэтому, если он составляет $\frac{1}{2}$ совокупного капитала, то ежегодно должна быть возмещаемая только $\frac{1}{40}$ часть последнего, а если он составляет даже $\frac{4}{5}$ всего капитала, то ежегодно подлежит возмещению только $\frac{4}{100}$, т. е. $\frac{1}{25}$ всего капитала. Напротив, если основной капитал, требующий для своего воспроизводства $\frac{2}{6}$ года, т. е. оборачивающийся три раза в год, составляет только $\frac{1}{10}$ капитала, то основной капитал должен возмещаться три раза в год; тем самым ежегодно возмещаются $\frac{3}{10}$, т. е. почти $\frac{1}{3}$ совокупного капитала. В среднем, чем больше основной капитал по отношению к совокупному капиталу, тем больше его *относительное* (не абсолютное) время воспроизводства, а чем он меньше, тем короче его *относительное* время воспроизводства. При ручном производстве инструмент образует гораздо меньшую часть капитала, чем машины при машинном производстве. Но ремесленный инструмент изнашивается гораздо быстрее, чем машина.

Хотя с возрастанием абсолютной величины основного капитала возрастает абсолютная величина его воспроизводства — или его износ, — относительная величина его воспроизводства в большинстве случаев уменьшается, поскольку время оборота основного капитала, длительность его существования, в большинстве случаев возрастает пропорционально его размерам. Это доказывает, между прочим, что масса труда, воспроизводящего машины, или основной капитал, отнюдь не пропорциональна тому труду, который первоначально произвел эти машины (при неизменных условиях производства), так как возмещению подлежит только ежегодный износ. Если производительность труда увеличивается, как это постоянно происходит в этой отрасли, то еще больше уменьшается количество труда, необходимого для воспроизводства этой части постоянного капитала. Правда, сюда надо причислить также и то, что является для

машины ее ежедневными средствами потребления (которые, однако, непосредственно не имеют ничего общего с трудом, затрачиваемым в самом машиностроении). Но машина, потребляющая лишь уголь и немного смазочного масла или сала, живет на бесконечно более строгой диете, чем рабочий, — не только тот рабочий, которого она замещает, но и тот, который строит ее самоё.

* * *

Итак, мы разместили продукт всей категории *A* и часть продукта категории *B*. Продукт *A* потребляется полностью: $\frac{1}{3}$ потребляется его собственными производителями, $\frac{2}{3}$ — производителями *B*, которые не могут потребить свой собственный доход в виде своего собственного продукта. $\frac{2}{3}$ *A*, в виде которых производители *B* потребляют ту часть стоимости своего продукта, в которой представлен доход, возмещают вместе с тем производителям *A* *in natura* их постоянный капитал, т. е. доставляют им те товары, которые они *потребляют производственно*. Но тем самым, что продукт *A* съеден целиком и что $\frac{2}{3}$ *A* возмещены продуктом *B* в качестве постоянного капитала, — размещается также и *вся* та часть совокупного годового продукта, в которой представлен вновь присоединенный в течение года труд. Этот труд не может, следовательно, покупать никакой другой части совокупного продукта. В самом деле, весь присоединенный в течение года труд (если отвлечься от капитализации прибыли) равен *труду, содержащемуся в A*. Ибо $\frac{1}{3}$ продукта *A*, потребляемая его собственными производителями, представляет труд, вновь присоединенный ими за год к $\frac{2}{3}$ *A*, образующим постоянный капитал категории *A*. Кроме этого труда, потребляемого ими в виде их собственного продукта, они не выполнили никакого другого труда. Остальные же $\frac{2}{3}$ *A*, возмещаемые продуктом категории *B* и потребляемые производителями продукта *B*, представляют все то рабочее время, которое производители *B* присоединили к своему собственному постоянному капиталу. Больше они никакого труда не присоединили, и больше им нечего [387] потреблять.

По своей *потребительной стоимости* продукт *A* представляет всю ту часть совокупного годового продукта, которая ежегодно поступает в индивидуальное потребление. По своей *меново́й стоимости* он представляет совокупное количество труда, вновь присоединенного производителями в течение года.

Но после всего этого у нас все еще имеется в качестве *остатка* некоторая третья часть совокупного продукта, составные части которой при своем обмене не могут представлять ни обмена

дохода на доход, ни обмена капитала на доход или дохода на капитал. Это — та часть продуктов *B*, которая представляет постоянный капитал *B*. Эта часть не входит в доход *B*; она, стало быть, не может быть возмещена продуктами *A* или обменена на них, не может, следовательно, также войти как составная часть в постоянный капитал *A*. Эта часть тоже потребляется, потребляется производственно, в той мере, в какой она — внутри категории *B* — входит не только в процесс труда, но и в процесс образования стоимости. Таким образом, и эта часть совершенно так же, как и все другие части совокупного продукта, должна быть возмещена *в той пропорции, в какой она образует составную часть совокупного продукта*, и притом она должна быть возмещена *in natura* новыми продуктами того же самого рода. С другой стороны, она не возмещается никаким новым трудом. Ибо совокупное количество вновь присоединенного труда равно рабочему времени, содержащемуся в продукте *A* и возмещаемому полностью только потому, что *B* потребляет свой доход в двух третях продукта *A* и доставляет *A* — в процессе обмена — средства производства взамен всех тех, которые потреблены в сфере *A* и подлежат возмещению. Ведь первая треть продукта *A*, потребляемая его собственными производителями, состоит — по своей меновой стоимости — только из ими самими вновь присоединенного труда и не содержит никакого постоянного капитала.

Рассмотрим же этот остаток.

Он состоит, во-первых, из постоянного капитала, входящего в сырье, во-вторых, из постоянного капитала, входящего в процесс образования основного капитала, и, в-третьих, из постоянного капитала, входящего во вспомогательные материалы.

Во-первых, сырье. Затраченный на его производство постоянный капитал сводится, во-первых, к основному капиталу, машинам, рабочим инструментам, постройкам и к тем вспомогательным материалам, которые являются средствами потребления для применяемых машин. В отношении пригодной для непосредственного потребления части сырья (такого сырья, как, например, скот, зерновой хлеб, виноград и т. п.) указанного затруднения не возникает. С этой стороны они относятся к классу *A*. Содержащаяся в них часть постоянного капитала входит в $\frac{2}{3}$ постоянной части *A*, которая обменивается как капитал на непригодные для непосредственного потребления продукты *B*, или в виде которой *B* потребляет свой доход. Это вообще относится также и к таким непригодным для непосредственного потребления сырым материалам, которые *in natura* входят в самый предмет потребления, сколько бы промежуточных

ступеней производственных процессов они при этом ни проходили. Та часть льна, которая превращается в пряжу, а затем в холст, входит целиком в предмет потребления.

Но часть этого *органического сырья* (такого, как дерево, лен, конопля, кожа и т. п.) входит частично прямо в составные элементы самого основного капитала, частично же во вспомогательные материалы последнего. Например, в форме смазочного масла, сала и т. д.

А затем к постоянному капиталу, затрачиваемому на производство сырья, относятся *семена*. Растительные и животные вещества воспроизводят себя сами: произрастание растений и размножение животных. Под семенами следует понимать собственно семена, затем корм для скота, в виде навоза возвращаемый почве, племенной скот и т. д. Эта значительная часть годового продукта — или постоянной части годового продукта — непосредственно служит самой себе материалом для восстановления [Regeneration], сама себя воспроизводит.

Неорганическое сырье — металлы, камни и т. д. Его стоимость состоит лишь из двух частей, так как здесь отпадают семена, которые представляют сырье в земледелии. Стоимость неорганического сырья состоит только из присоединенного труда и потребленных машин (включая сюда и средства потребления для машин). Таким образом, кроме части продукта, представляющей вновь присоединенный труд и потому входящей в обмен между B и $2\frac{1}{3} A$, возмещению подлежат только износ основного капитала и его средства потребления (каковы уголь, смазочное масло и т. д.). Но из этого неорганического сырья создается главная составная часть постоянного капитала — основной капитал (машины, рабочие инструменты, постройки и т. д.). Поэтому неорганическое сырье возмещает свой постоянный капитал *in natura* посредством обмена [капитала на капитал].

[388] *Во-вторых, основной капитал (машины, постройки, рабочие инструменты, сосуды всякого рода).*

Их постоянный капитал состоит 1) из их сырья, металлов, камней, органического сырья (такого, как дерево, ремни, канаты и т. д.). Но если это их сырье образует их (машин, инструментов, построек и т. д.) сырой материал, то сами они, в качестве орудий труда, входят в процесс добывания этого сырого материала. Поэтому они возмещают друг друга *in natura*. Железоделатель должен возместить машину, машиностроитель — железо. В каменоломне происходит износ машин, а в фабричном здании — износ строительного камня и т. д. 2) *Износ машиностроительных машин*, которые сами должны быть возмещены в течение определенного периода времени

новым продуктом этого же рода. А продукт того же рода может, естественно, возместить сам себя. 3) *Средства потребления для машины* (вспомогательные материалы). Машины потребляют уголь, но и уголь потребляет машины и т. д. В форме сосудов, труб, рукавов и т. д. машины всякого рода входят в производство средств потребления для машин, как, например, в производство сала, мыла, газа {для освещения}. Следовательно, также и здесь продукты каждой из этих сфер взаимно входят в постоянный капитал каждой другой соответствующей сферы и поэтому возмещают друг друга *in natura*.

Если рабочий скот причислять к машинам, то у него подлeжит возмещению корм и, при известных условиях, стойло (здание). Но если корм входит в производство скота, то и скот входит в производство корма.

В-третьих, вспомогательные материалы. Часть из них, как, например, смазочное масло, мыло, сало, газ и т. д., нуждается в сырье. С другой стороны, в форме удобрений и т. п. они отчасти снова входят в процесс образования этого сырья. Уголь необходим для выработки газа, но газовое освещение, в свою очередь, употребляется при производстве угля, и т. д. Другие *вспомогательные материалы* состоят лишь из вновь присоединенного труда и основного капитала (машины, сосуды и т. п.). Уголь должен возмещать износ паровой машины, применяемой при его производстве. Но паровая машина потребляет уголь. Уголь сам входит в средства производства угля. Таким образом, он здесь сам возмещает себя *in natura*. Его перевозки по железной дороге входят в издержки производства угля, но уголь, в свою очередь, входит в издержки производства паровозов.

В дальнейшем следует еще кое-что добавить специально о химических заводах; которые все в той или иной мере готовят вспомогательные материалы, сырье для сосудов (например, стекло, фарфор), а также предметы, входящие непосредственно в потребление.

Все красящие вещества представляют собой вспомогательные материалы. Но они входят в продукт не только по своей стоимости, как, например, потребленный на фабрике уголь входит в хлопчатобумажную ткань, а воспроизводят себя в приобретаемой продуктом форме (в его окраске).

Вспомогательные материалы или являются *средствами потребления для машин*, — и тут они служат либо горючим для двигателя, либо средством, применяемым в целях уменьшения трения рабочей машины и т. д., как, например, сало, мыло, смазочное масло и т. д., — или же они представляют собой

вспомогательный материал при постройках, как, например, цемент и пр. Или, наконец, они служат вспомогательными материалами, необходимыми вообще для осуществления процессов производства, как, например, освещение, отопление и т. д. (в этом случае они — вспомогательные материалы, необходимые самим рабочим для того, чтобы рабочие могли работать).

Или это такие вспомогательные материалы, которые входят в процесс образования сырья, каковы удобрения всякого рода и все химические продукты, поглощаемые сырьем.

Или это такие вспомогательные материалы, которые входят в готовый продукт: краски, лаки и т. п.

* * *

Результат, стало быть, таков:

A возмещает свой собственный постоянный капитал, составляющий $\frac{2}{3}$ продукта, посредством обмена на ту часть непригодных для индивидуального потребления продуктов *B*, в которой представлен доход *B*, т. е. труд, вновь присоединенный в категории *B* в течение года. Но *A* не возмещает постоянного капитала *B*. Категория *B* должна со своей стороны возместить *in natura* этот постоянный капитал новыми продуктами того же самого рода. Но у нее не остается никакого рабочего времени для того, чтобы возместить их. Ибо все вновь присоединенное ею рабочее время образует ее доход и представлено, следовательно, той частью продукта *B*, которая входит в *A* как постоянный капитал. Как же возмещается постоянный капитал *B*?

Он возмещается отчасти посредством *собственного* (растительного или животного) *воспроизводства*, как это имеет место во всей области земледелия и скотоводства; отчасти — посредством *обмена in natura* частей одного постоянного капитала на части другого постоянного капитала, причем продукт одной сферы входит в другую в качестве сырья или средства производства, и наоборот. Здесь, стало быть, продукты различных сфер производства, [389] различные сорта постоянного капитала, входят взаимно друг в друга *in natura* в качестве условий производства.

Производители продуктов, непригодных для индивидуального потребления, являются производителями постоянного капитала для производителей индивидуально потребляемых продуктов. Но в то же время их продукты взаимно служат им элементами или факторами их собственного постоянного капитала. Это значит, что они *производственно* потребляют продукты друг друга.

Весь продукт A потребляется индивидуально. Следовательно, и весь содержащийся в нем постоянный капитал. $\frac{1}{3} A$ потребляют производители A , $\frac{2}{3} A$ — производители продуктов B , непригодных для индивидуального потребления. Постоянный капитал A возмещается продуктами B , образующими доход B . Это на деле единственная часть постоянного капитала, возмещаемая *вновь присоединенным трудом*, и она возмещается этим трудом потому, что то количество продуктов B , которое представляет труд, вновь присоединенный в категории B , не потребляется категорией B , а, напротив, потребляется производственно категорией A , в то время как категория B потребляет $\frac{2}{3} A$ индивидуально.

Пусть A будет равно 3 рабочим дням; тогда, согласно предположению, его постоянный капитал будет равен 2 рабочим дням. B возмещает $\frac{2}{3}$ продукта A , доставляет, следовательно, непригодные для индивидуального потребления продукты, равные 2 рабочим дням. Теперь у нас съедены 3 рабочих дня, остаются 2. Другими словами, два прошлых рабочих дня в A возмещены двумя рабочими днями, вновь присоединенными в B , но только потому, что два рабочих дня, вновь присоединенные в B , потребляются по стоимости в продукте A , а не в самом продукте B .

Постоянный капитал категории B в той мере, в какой он вошел в совокупный продукт B , также должен быть возмещен *in natura* новыми продуктами того же рода, следовательно продуктами, необходимыми для *производственного* потребления категории B . Но возмещается он не *новым* рабочим временем, хотя и *продуктами* рабочего времени, вновь затраченного в течение года.

Пусть в совокупном продукте B весь постоянный капитал составляет $\frac{2}{3}$. Тогда, если вновь присоединенный труд (равный сумме заработной платы и прибыли) равняется 1, прошлый труд, служивший ему материалом труда и средством труда, будет равен 2. Как же возмещаются эти 2? Отношение между переменным и постоянным капиталом может быть очень различным внутри различных сфер производства категории B . Но среднее отношение, согласно предположению, равно $\frac{1}{3} : \frac{2}{3}$, или 1 : 2. Каждый из производителей категории B имеет перед собой $\frac{2}{3}$ своего продукта — например, угля, железа, льна, машин, скота, пшеницы (а именно, той части скота и пшеницы, которая не входит в индивидуальное потребление) и т. д., — элементы производства которых должны быть возмещены, или которые должны быть обратно превращены в натуральную форму своих элементов производства. Но все эти

продукты сами входят опять в производственное потребление. Пшеница (в качестве семян) является вместе с тем снова своим собственным сырьем, часть выращенного скота возмещает потребленный скот, т. е. возмещает самое себя. Таким образом, в этих сферах производства категории *B* (в земледелии и скотоводстве) часть их продукта будет в своей собственной натуральной форме возмещать свой собственный постоянный капитал. Часть этого продукта не поступает, стало быть, в обращение (по крайней мере, она не обязательно должна поступить в обращение и может поступить в него лишь формально). Другие из этих продуктов, как, например, лен, конопля и т. д., уголь, железо, дерево, машины, входят частично как средства производства в свое собственное производство. Подобно семенам в земледелии, уголь входит в производство угля, а машина — в производство машины. Часть продукта, состоящего из машин и угля, и притом часть из той доли этого продукта, в которой представлен его постоянный капитал, возмещает, стало быть, самое себя и лишь меняет свое место в процессе производства. Она перестает быть продуктом и становится своим собственным средством производства.

Другие части этих и других продуктов взаимно входят друг в друга как элементы производства: машина — в железо и дерево, дерево и железо — в машину, смазочное масло — в машину, а машина — в смазочное масло, уголь — в железо, железо (в качестве рельсового пути и т. д.) — в уголь и т. д. Таким образом, в той мере, в какой $\frac{2}{3}$ этих продуктов категории *B* не возмещают себя сами, т. е. не входят в своей натуральной форме опять в свое собственное производство, — так что, следовательно, часть продуктов *B* непосредственно потребляется производственно своими собственными производителями, подобно тому как часть продуктов *A* непосредственно потребляется индивидуально своими собственными производителями, — в той мере, стало быть, в какой это здесь не имеет места, продукты производителей категории *B* взаимно возмещают друг друга в качестве средств производства. Продукт производителя *a* входит в производственное потребление производителя *b*, а продукт производителя *b* — в производственное потребление производителя *a*, или окольным путем: продукт производителя *a* входит в производственное потребление производителя *b*, продукт этого последнего — в производственное потребление производителя *c*, а продукт производителя *c* — в производственное потребление производителя *a*. Таким образом, то, что в одной сфере производства категории *B* потребляется как постоянный капитал, в другой сфере производится

вновь, а то, что потребляется в этой последней, производится в первой. То, что в одной сфере перешло из формы машины и угля в форму железа, перешло в другой сфере из формы железа и угля в форму машины, и т. д.

[390] Необходимо, чтобы постоянный капитал категории *B* был возмещен в своей натуральной форме. Если рассматривать совокупный продукт категории *B*, то он представляет как раз весь постоянный капитал во всех его натуральных формах. И в тех случаях, когда продукт какой-либо особой сферы категории *B* не может возместить *in natura* свой собственный постоянный капитал, покупка и продажа, переход из рук в руки ставит здесь все опять на свое место.

Итак, здесь происходит возмещение постоянного капитала постоянным капиталом; поскольку это не совершается непосредственно, без обмена, постольку здесь перед нами *обмен капитала на капитал*, т. е. — по потребительной стоимости — обмен продуктов на продукты, которые взаимно входят в их соответственные процессы производства, так что каждый из этих продуктов производственно потребляется производителями соответствующего другого продукта.

Эта часть капитала не сводится ни к прибыли, ни к заработной плате. Она не содержит никакого вновь присоединенного труда. Она не обменивается на доход. Она ни прямо, ни косвенно не оплачивается потребителями. Опосредствовано ли купцами (т. е. купеческими капиталами) это взаимное возмещение капиталов или не опосредствовано, — от этого дело ничуть не меняется.

Но раз эти продукты (машины, железо, уголь, дерево и т. д., взаимно возмещающие друг друга) являются новыми продуктами, раз они продукты труда последнего года, — ведь пшеница, служащая в качестве семян, совершенно так же является продуктом нового труда, как и пшеница, входящая в индивидуальное потребление, и т. д., — то как можно утверждать, что в этих продуктах не содержится никакого вновь присоединенного труда? И разве, кроме того, их форма не показывает весьма убедительно как раз обратное? Если этого не видно на пшенице или на скоте, то машина, ее форма, прямо свидетельствует о труде, превратившем ее из железа и т. д. в машину. И т. д.

Эта проблема разрешена раньше *. Нет надобности возвращаться здесь снова к этому вопросу.

{Неправилен, стало быть, тезис А. Смита, что размеры торговли между одними «деловыми людьми» и другими должны

* См. настоящее издание, часть I, стр. 83—132, 171—183 и 207. Ред.

быть равны размерам торговли между «деловыми людьми» и потребителями (под последними следует подразумевать непосредственных потребителей, а не производственных потребителей, которые сами причисляются Смитом к категории «деловых людей»). Этот тезис покоится на том его неверном положении, согласно которому весь продукт сводится к доходу, и на деле означает только то, что часть товарного обмена, образуемая обменом между капиталом и доходом, равняется совокупному обмену товаров. Поэтому столь же неправильны, как этот тезис, также и те практические выводы, которые делает из него Тук применительно к денежному обращению (в особенности применительно к соотношению денежной массы, обращающейся между «деловыми людьми», и денежной массы, обращающейся между «деловыми людьми» и потребителями).

Если в качестве последнего «делового человека», противостоящего потребителю, мы возьмем купца, покупающего продукты A , то продукты эти покупаются у него на доход производителей A (равный $\frac{1}{3} A$) и на доход производителей B (равный $\frac{2}{3} A$). Эти доходы возмещают ему его купеческий капитал. Сумма этих доходов должна покрыть его капитал. (Прибыль, выручаемая этой канальей, должна получаться в результате того, что часть A он удерживает для самого себя и меньшее количество A продает по стоимости всего A . Дело совершенно не меняется от того, считать ли эту каналью необходимым агентом производства или же паразитически вклинивающимся сибаритом.) Этот обмен, совершающийся между «деловым человеком», торгующим продуктом A , и потребителем этого продукта, покрывает по своей стоимости обмен между тем, кто торгует продуктом A , и всеми теми, кто участвовал в производстве продукта A , покрывает, следовательно, все сделки, имевшие место между этими производителями в их собственной среде.

Купец покупает холст. Это — последняя сделка между одним «деловым человеком» и другим. Ткач, изготавливающий холст, покупает пряжу, машины, уголь и т. д. Это — предпоследняя сделка между одним «деловым человеком» и другим. Прядильщик покупает лен, машины, уголь и т. д. Это — сделка между одним «деловым человеком» и другим, предшествующая предпоследней. Льновод и машиностроитель покупают машины, железо и т. д., и т. д. Но сделки между производителями льна, машин, железа, угля, совершаемые в целях возмещения их постоянного капитала, и стоимость этих сделок не входят в те сделки, через которые проходит продукт A , будь то для обмена дохода на доход или же для обмена дохода на постоянный

капитал. Эти сделки, — происходящие не между производителями *B* и производителями *A*, а между одними только производителями *B*, — совершенно так же ни в какой мере не подлежат возмещению со стороны покупателя продукта *A* в пользу продавца продукта *A*, как стоимость этой части продукта *B* ни в какой мере не входит в стоимость продукта *A*. Эти сделки также требуют денег, они также опосредствованы купцами. Но та часть денежного обращения, которая относится исключительно к этой сфере, совершенно отделена от денежного обращения, совершающегося между «деловыми людьми» и потребителями.}

[391] Остается решить еще два вопроса:

1) В предыдущем изложении мы рассматривали заработную плату как доход, не проводя различия между нею и прибылью. Спрашивается, в какой мере здесь имеет значение то обстоятельство, что она одновременно выступает как часть оборотного капитала капиталиста?

2) До сих пор мы принимали, что весь доход расходуется как доход. Следует поэтому рассмотреть то изменение, которое возникает в том случае, когда часть дохода, прибыли, капитализируется. Это на деле совпадает с рассмотрением процесса накопления, однако не с его формальной стороны. Что та часть продукта, в которой представлена прибавочная стоимость, превращается обратно отчасти в заработную плату, отчасти в постоянный капитал, это довольно просто. Но здесь нужно исследовать, как это влияет на обмен товаров в тех вышеперечисленных рубриках, под которыми он может рассматриваться по отношению к его носителям, а именно в рубриках: обмен дохода на доход, обмен дохода на капитал и, наконец, обмен капитала на капитал.

{Это интермеццо надо, стало быть, довести до конца в этой историко-критической части, возвращаясь к нему от случая к случаю ⁸².}

[11]) **ФЕРЬЕ [ПРОТЕКЦИОНИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ПОЛЕМИКИ ФЕРЬЕ ПРОТИВ ТЕОРИИ СМИТА О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ И НАКОПЛЕНИИ КАПИТАЛА. ПУТАНИЦА У СМИТА В ВОПРОСЕ О НАКОПЛЕНИИ. ВУЛЬГАРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВО ВЗГЛЯДАХ СМИТА НА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ»]**

Книга Ф. Л. О. Ферье (*таможенного субинспектора*) называется: «Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce», Paris, 1805. (Это — главный источник, откуда черпал Ф. Лист.) Этот субъект — панегирист *бонапартовской* запретительной системы и т. д. В самом деле, правительству

(следовательно, также и государственным чиновникам, этим непроизводительным работникам) он придает важное значение, объявляя его руководителем, непосредственно вмешивающимся в производство. Этот таможенный чиновник поэтому весьма озлоблен тем, что А. Смит называет государственных чиновников непроизводительными работниками.

«Принципы бережливости наций, установленные Смитом, имеют своим основанием различие между производительным и непроизводительным трудом...»

{а именно потому, что Смит желает, чтобы возможно большая часть продукта расходовалась как капитал, т. е. в обмене на производительный труд, и возможно меньшая часть — как доход, в обмене на непроизводительный труд}.

«Это различие неправильно по существу. *Непроизводительного труда вовсе не существует*» (стр. 141). «Таким образом, существует бережливость и расточительность наций; но расточительной или бережливой нация бывает только в своих отношениях к другим народам, и вопрос следовало бы рассматривать именно так» (цит. соч., стр. 143).

Мы сейчас сопоставим с этим те рассуждения А. Смита, которые приводят Ферье в ужас.

«Существует», — говорит Ферье, — «бережливость наций, но совершенно отличная от смитовской. Она состоит в том, чтобы покупать заграничные продукты лишь в таком количестве, какое можно оплатить своими продуктами. А иногда она состоит в том, чтобы совсем обходиться без заграничных продуктов» (там же, стр. 174—175).

{В 6-й главе I книги (том I перевода Гарнье, стр. 108—109), в конце этой главы, трактующей «о составных частях цены товаров», А. Смит говорит:

«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, вся меновая стоимость которых происходит исключительно из труда, и так как в меновую стоимость подавляющей части товаров значительной долей входят рента и прибыль, то годовой продукт труда этой страны всегда будет достаточен для того, чтобы купить и получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то, которое нужно было употребить на выращивание, обработку и доставку на рынок этого продукта. Если бы общество ежегодно применяло весь тот труд, который оно в состоянии ежегодно купить, то вследствие того, что количество этого труда с каждым годом значительно возрастало бы, продукт каждого следующего года имел бы несравненно большую стоимость, чем продукт предшествующего года. Но нет ни одной такой страны, где весь годовой продукт полностью употреблялся бы на содержание рабочих. Повсюду значительную часть продукта потребляют праздные люди, и в зависимости от различных пропорций, в каких этот продукт распределяется между этими двумя различными классами людей, его обычная, или средняя, стоимость с необходимостью должна возрастать, уменьшаться или оставаться из года в год неизменной» [Русский перевод, том I, стр. 50—51].

В этом месте, где Смит в сущности пытается разгадать загадку накопления, немало всякого рода путаницы.

Прежде всего, здесь перед нами опять та ложная предпосылка, что «меновая стоимость» годового продукта труда, а следовательно и «*годовой продукт труда*», целиком разлагается на заработные платы и прибыли (включая сюда и земельные ренты). Не будем возвращаться к этой бессмыслице. Заметим только следующее. Масса годового продукта — или фонды, запасы товаров, составляющие *годовой продукт труда*, — в значительной части [392] состоит по своей натуральной форме из таких товаров, которые могут войти только в постоянный капитал в качестве его элементов {всякого рода сырье, семена, машины и пр.}, т. е. которые могут быть потреблены *только* производственно. Относительно этих товаров (а это большая часть товаров, входящих в постоянный капитал) уже сама их *потребительная стоимость* показывает, что они непригодны для индивидуального потребления, что, следовательно, доход, будь то заработная плата, прибыль или рента, не может быть израсходован на них. Правда, часть сырых материалов (поскольку она не требуется для воспроизводства самих этих сырых материалов или не входит в основной капитал как вспомогательный материал или как непосредственная составная часть) впоследствии приобретет пригодную для потребления форму, но это может произойти только в результате труда текущего года. В качестве продукта прошлого года даже эти сырые материалы не составляют никакой части дохода. Только пригодная для потребления часть продукта может быть потреблена, может поступить в индивидуальное потребление и, следовательно, образовать доход. Но даже некоторая часть пригодного для потребления продукта не может быть потреблена без того, чтобы не сделать невозможным воспроизводство. Таким образом, даже от пригодной для потребления части товаров отходит такая часть, которая должна быть *потреблена производственно*, т. е. должна служить материалом для труда, семенами и т. д., а не жизненными средствами — будь то для рабочих или для капиталистов. Следовательно, эта часть продукта должна быть с самого начала вычтена из расчета А. Смита или, вернее, прибавлена к нему. Раз *производительность труда остается неизменной*, то ежегодно остается неизменной та часть *продукта*, которая не разлагается на доходы, — если только при неизменной производительности труда на производство затрачивается такое же количество рабочего времени, как и прежде.

Если предположить, что ежегодно применяется *большее количество* труда, чем прежде, то придется рассмотреть, как

в этом случае обстоит дело с постоянным капиталом. Одно несомненно: для того чтобы можно было применить большее количество труда, недостаточно иметь в своем распоряжении *большее количество труда и оплачивать это большее количество*, т. е. расходовать больше средств на заработную плату, — для этого необходимо еще сверх того располагать и средствами труда (сырьем и основным капиталом), которые могли бы поглотить это большее количество труда. Этот пункт, следовательно, подлежит еще разбору *после* выяснения тех пунктов, которые рассматривает А. Смит.

Итак, возьмем еще раз его первую фразу:

«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, вся меновая стоимость которых *происходит исключительно из труда*, и так как в меновую стоимость подавляющей части товаров *значительной долей входят рента и прибыль*, то *годовой продукт труда этой страны* всегда будет достаточен для того, чтобы *купить и получить в свое распоряжение* гораздо большее количество *труда*, чем то, которое нужно было употребить на *выращивание, обработку и доставку на рынок этого продукта*» (иными словами, на его производство).

Здесь явно смешаны и перепутаны различные вещи. В меновую стоимость совокупного годового продукта входит не только живой труд, не только затраченный в течение данного года живой труд, но и прошлый труд, продукт труда прошедших лет. Не только труд в живой форме, но и труд в овеществленной форме. Меновая стоимость продукта равна сумме содержащегося в нем рабочего времени, часть которого состояла из живого, а часть из овеществленного труда.

Предположим, что живой труд относится к овеществленному как $\frac{1}{3} : \frac{2}{3}$, т. е. как 1 : 2. Тогда стоимость всего продукта будет равна 3, из которых 2 — овеществленное рабочее время и 1 — живое. *Стоимость* всего продукта может, таким образом, купить больше живого труда, чем содержится в нем, если только исходить из предпосылки, что овеществленный и живой труд обмениваются друг на друга как эквиваленты, что определенное количество овеществленного труда получает в свое распоряжение только равное ему самому количество живого труда. Ибо продукт равняется 3 рабочим дням, а содержащееся в нем живое рабочее время равно 1 рабочему дню. Одного дня живого труда было достаточно, чтобы произвести продукт (в действительности — всего лишь для того, чтобы придать его элементам окончательную форму). Но в продукте содержатся 3 рабочих дня. Следовательно, если бы он целиком обменивался на живое рабочее время, если бы его употребили только на то, чтобы «купить и получить в свое распоряжение»

то или иное количество живого труда, то он мог бы получить в свое распоряжение, купить 3 рабочих дня.

А. Смит, однако, имеет в виду явным образом не это; да это и было бы для него совершенно бесполезной предпосылкой. Он хочет сказать следующее: значительная часть меновой стоимости продукта не разлагается (вместо «разлагается» Смит употребляет еще и другое, *ошибочное* выражение, проистекающее из того смешения понятий, которое мы отметили выше *) на заработные платы за труд, а разлагается на прибыли и ренты, или, как мы будем говорить для упрощения, на прибыли. Другими словами: та часть стоимости продукта, которая равна количеству труда, присоединенного в течение последнего года, — т. е. на деле та часть продукта, которая представляет собой в собственном смысле слова продукт труда последнего года, — оплачивает, во-первых, рабочих и, во-вторых, входит в доход капиталиста, в его фонд потребления. Вся эта часть совокупного продукта происходит от труда и притом исключительно от негс; но она состоит из оплаченного и неоплаченного труда. Заработные платы равны сумме оплаченного труда, а прибыли [393] — сумме неоплаченного труда. Поэтому если бы весь этот продукт был израсходован на заработную плату, то он, естественно, мог бы привести в движение большее количество труда, чем то количество труда, продуктом которого он является; и притом отношение большего рабочего времени, какое может быть приведено продуктом в движение, к тому количеству рабочего времени, которое содержится в самом продукте, будет в точности зависеть от того отношения, в каком рабочий день делится на оплаченное и неоплаченное рабочее время.

Пусть отношение между оплаченным и неоплаченным рабочим временем будет таким, при котором рабочий производит, или воспроизводит, свою заработную плату в 6 часов, т. е. в течение половины рабочего дня. Тогда остальные 6 часов, или половина рабочего дня, образуют прибавочное время. Следовательно, из продукта, содержащего, например, 100 рабочих дней [вновь присоединенного труда], равных 50 ф. ст. (если рабочий день равен 10 шилл., то 100 рабочих дней равны 1 000 шилл., или 50 ф. ст.), 25 ф. ст. составили бы заработную плату и 25 ф. ст. — прибыль (ренту). Посредством 25 ф. ст., равных 50 рабочим дням, были бы оплачены 100 рабочих, которые половину своего рабочего времени проработали бы даром, другими словами — на своих хозяев. Стало быть, если бы весь продукт (этих 100 рабочих дней) был затрачен на заработную

* См. настоящее издание, часть I, стр. 71—73. *Ред.*

плату, то на 50 ф. ст. можно было бы привести в движение 200 рабочих, из которых каждый, как и прежде, получал бы в виде заработной платы 5 шилл., или половину продукта своего труда. Продукт этих рабочих составил бы 100 ф. ст. (а именно, 200 рабочих дней равны 2 000 шилл., т. е. 100 ф. ст.), посредством которых можно было бы привести в движение 400 рабочих (каждый рабочий получает 5 шилл., 400 рабочих — 2 000 шилл.), продукт которых равен 200 ф. ст., и т. д.

Вот что имеет в виду А. Смит, говоря, что «годовой продукт труда» всегда будет достаточен «для того, чтобы купить и получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда», чем количество труда, употребленное на производство продукта. (Если бы рабочему выплачивался весь продукт его труда, т. е. если бы за 100 рабочих дней ему выплачивались 50 ф. ст., то эти 50 ф. ст. могли бы привести в движение также только 100 рабочих дней.) В этом же смысле А. Смит говорит далее:

«Если бы общество ежегодно применяло весь тот труд, который оно в состоянии ежегодно купить, то вследствие того, что количество этого труда с каждым годом значительно возрастало бы, продукт каждого следующего года имел бы несравненно бóльшую стоимость, чем продукт предшествующего года».

Но часть этого продукта съедается собственниками прибыли и ренты, а часть — их прихлебателями. Поэтому та часть продукта, которая может быть опять затрачена на труд (производительный), определяется той его частью, которая не съедается самими капиталистами, получателями ренты и их прихлебателями (являющимися вместе с тем непроизводительными работниками).

Но таким образом здесь так или иначе всегда оказывается налицо некоторый новый фонд (новый фонд заработной платы) — для того, чтобы продуктом прошлогодного труда привести в движение в данном году бóльшую массу рабочих. А так как стоимость годового продукта определяется количеством затраченного рабочего времени, то стоимость годового продукта будет с каждым годом возрастать.

Разумеется, было бы бесполезно обладать фондом, могущим *«купить и получить в свое распоряжение* гораздо большее количество труда», чем в предыдущем году, если бы большее количество труда не находилось на рынке. Мне нет никакой пользы от того, что у меня есть больше денег для покупки какого-нибудь товара, если на рынке не имеется большего количества этого товара. Предположим, что из 50 ф. ст. берется сумма, которая приводит в движение вместо прежних 100 рабочих (получавших 25 ф. ст.) не 200, а только 150 рабочих, тогда как

капиталисты проедают сами $12\frac{1}{2}$ ф. ст. вместо 25 ф. ст. В таком случае 150 рабочих (получающих $37\frac{1}{2}$ ф. ст.) дали бы 150 рабочих дней, что составляет 1 500 шилл., или 75 ф. ст. Однако если бы по-прежнему налицо была масса рабочих только в 100 человек, то эти 100 получили бы теперь в виде заработной платы вместо прежних 25 ф. ст. — $37\frac{1}{2}$ ф. ст., но их продукт по-прежнему составил бы только 50 ф. ст. Следовательно, доход капиталиста понизился бы с 25 ф. ст. до $12\frac{1}{2}$ ф. ст., так как заработная плата возросла бы на 50%. Но А. Смит знает, что увеличенное количество труда можно будет достать. Отчасти благодаря ежегодному приросту населения (прирост этот, правда, по мнению Смита, имеет своей предпосылкой прежнюю сумму заработной платы). Отчасти благодаря наличию безработных пауперов, полубезработных рабочих и т. д. Затем благодаря массе непроизводительных работников, которые частично, в результате иного применения прибавочного продукта, могут быть превращены в *производительных* рабочих. Наконец, та же самая рабочая масса может доставлять *большее количество* труда. Ведь совершенно безразлично, оплачиваю ли я 125 рабочих вместо 100 или же 100 рабочих работают ежедневно по 15 часов вместо 12.

Вдобавок то представление, что с ростом производительного капитала — или с ростом той части годового продукта, которая предназначается для воспроизводства, — в таком же отношении должен расти и *применяемый труд* (живой труд, затрачиваемая на заработную плату часть капитала), является ошибкой А. Смита, теснейшим образом связанной с его взглядом, будто весь продукт разлагается на доходы.

[394] Итак, Смит прежде всего утверждает, что имеется фонд пригодных для индивидуального потребления жизненных средств, который в данном году может «купить и получить в свое распоряжение» большее количество труда, чем в прошлом году. Имеется больше труда и вместе с тем больше жизненных средств для этого труда. Теперь надо посмотреть, как реализуется это добавочное количество труда.}

Если бы А. Смит вполне сознательно и последовательно придерживался того анализа прибавочной стоимости, который по существу у него имеется и согласно которому она создается лишь в обмене капитала на наемный труд, то производительным оказался бы только труд, обмениваемый на капитал, но ни в коем случае не труд, обмениваемый на доход как таковой. Для того чтобы быть обмененным на производительный труд, доход предварительно должен быть превращен в капитал.

Но так как Смит в то же время берет за исходный пункт одностороннее традиционное представление, что производительным является такой труд, который вообще непосредственно производит материальное богатство, и комбинирует с этим представлением свое различие, поскольку оно основывается на обмене между капиталом и трудом или же между доходом и трудом, — то у него оказываются возможными следующие определения: тот вид труда, на который обменивается капитал, всегда производителен (всегда создает материальное богатство и т. д.); а тот вид труда, на который обменивается доход, может быть как производительным, так и непроизводительным, но человек, тратящий свой доход, в большинстве случаев предпочитает применять, вместо производительного труда, тот или иной прямо непроизводительный труд. Здесь видно, как этим смешением обоих своих различий А. Смит весьма ослабляет и делает плоским главное из них.

Что А. Смит не сводит целиком фиксирование труда к чисто внешнему фиксированию, показывает следующая цитата, где среди различных составных частей основного капитала перечисляются:

«4) Полезные способности, приобретенные жителями, или членами общества. Приобретение этих способностей всегда сопряжено с реальной затратой на содержание того, кто их приобретает, во время его воспитания, его ученичества или его учебных занятий, и эта затрата есть капитал, фиксированный и овеществленный, так сказать, в его личности. Эти способности, составляя часть его достоинства, вместе с тем составляют и часть достоинства того общества, к которому он принадлежит. Повышенную ловкость рабочего можно рассматривать с такой же точки зрения, с какой рассматриваются машины или инструменты, которые облегчают и сокращают труд и, несмотря на затрату, произведенную на них, возмещают эту затрату с прибылью» (перевод Гарнье, том II, стр. 204—205) [Русский перевод, том I, стр. 234—235].

Странное происхождение накопления и его необходимости:

«В том первобытном состоянии общества, в котором не существует никакого разделения труда, в котором почти не происходит обмена и в котором каждый индивидуум своими собственными руками добывает все, в чем он нуждается, *нет необходимости в существовании накопленного или заранее собранного запаса для поддержания хозяйственной жизни общества*»

(ведь здесь уже с самого начала предположено, что никакого общества не существует).

«Каждый человек старается своей собственной деятельностью достать средства для удовлетворения своих текущих потребностей по мере того, как они дают себя чувствовать. Когда он испытывает голод, он отправляется в лес охотиться», и т. д. (там же, том II, стр. 191—192) (книга II, Введение) [Русский перевод, том I, стр. 229]. «Но как только повсеместно установилось разделение труда, отдельный человек может одним только

своим личным трудом удовлетворить лишь весьма небольшую часть появляющихся у него потребностей. Гораздо большую часть этих потребностей он удовлетворяет *предметами, произведенными трудом других и покупаемыми им на продукт своего собственного труда, или, что сводится к тому же самому, за цену своего собственного продукта*. Но такую *покупку* он может совершить лишь по истечении того времени, которое необходимо не только для *полного изготовления*, но *еще и для продажи продукта своего труда*.)

(Также и в первом случае он не мог съесть зайца, предварительно не убив его, и не мог убить его, предварительно не изготовив себе классический «лук» или что-нибудь подобное. Поэтому единственным новым условием во втором случае является не необходимость какого бы то ни было «запаса», а «время, необходимое... для *продажи* продукта своего труда».)

«Необходимо поэтому, чтобы по крайней мере до того момента, как он сможет закончить оба эти дела, существовал где-либо некоторый, *заранее собранный запас предметов различного рода* для содержания его и, кроме того, для снабжения его сырьем и орудиями, необходимыми для его работы. Ткач *не может заниматься целиком своей специальной работой*, если не существует где-либо, *будь то в его собственном владении, будь то во владении какого-либо другого лица, сделанный заранее запас*, в котором он находит средства для существования, а также орудия своего ремесла и материал для своей работы, до того момента, когда его холст будет не только изготовлен, но еще и продан. Совершенно очевидно, что *накопление должно предшествовать* тому моменту, когда он сможет приложить свой труд к этому делу и довести его до конца... По самой природе вещей, *накопление к а п и т а л а* является необходимым предварительным условием *разделения труда*» (там же, стр. 192—193) [Русский перевод, том I, стр. 229].

(С другой стороны, у Смита, согласно тому, что он утверждал в первой, вступительной фразе, как будто получается, что *до* разделения труда не существует никакого накопления капитала, — совершенно так же, как теперь он, наоборот, утверждает, что *до* накопления капитала не существует никакого разделения труда.)

Смит продолжает:

«Разделение труда может идти все дальше и дальше только по мере все большего предварительного накопления капиталов. По мере дальнейшего разделения труда *количество сырья, какое может быть переработано одним и тем же числом людей, увеличивается в очень значительной степени*; а так как работа каждого рабочего при этом сводится ко все более простым операциям, то изобретается масса новых машин для облегчения и [395] сокращения этих работ. Поэтому с ростом разделения труда, для того чтобы дать постоянное занятие прежнему числу рабочих, необходимо *предварительно накопить то же самое количество средств существования и большее количество сырых материалов и орудий труда*, чем это было бы необходимо при менее развитых условиях» (там же, стр. 193—194) [Русский перевод, том I, стр. 229—230]. «Подобно тому как значительный рост производительных сил труда не может происходить *без предварительного*

накопления капиталов, так и накопление капиталов естественно вызывает этот рост. *Тот, кто употребляет свой капитал на наем рабочих, естественно желает сделать это так, чтобы они выполнили возможно больше работы. Поэтому он старается возможно целесообразнее распределить труд между своими рабочими, а также снабдить их наилучшими машинами, какие он только может изобрести или какие он в состоянии купить. Его возможности в обоих этих отношениях зависят в общем от величины его капитала, или от числа людей, которым этот капитал может дать занятие. Поэтому не только количество труда возрастает в стране по мере увеличения капитала, приводящего его в движение, но кроме того, вследствие этого увеличения капитала, одно и то же количество труда производит гораздо большее количество продукта»* (там же, стр. 194—195) [Русский перевод, том I, стр. 230].

Предметы, уже находящиеся в фонде потребления, А. Смит трактует совершенно так же, как он трактует производительный и непроизводительный труд. Например:

«Жилой дом не приносит никакого дохода живущему в нем; и хотя этот дом, бесспорно, чрезвычайно полезен ему, но только в таком же смысле, в каком полезны его одежда и мебель, которые тоже очень полезны ему, но тем не менее составляют часть его расходов, а не доходов» (там же, том II, стр. 201—202) [Русский перевод, том I, стр. 233]. Напротив, к основному капиталу относятся «все постройки, предназначенные для какой-нибудь полезной цели и являющиеся средствами извлечения дохода не только для их собственника, который получает арендную плату, отдавая их в наем, но даже для их нанимателя, который платит за них; таковы торговые помещения, склады, мастерские, усадебные постройки со всеми их необходимыми службами, конюшнями, амбарами и т. д. Эти постройки сильно отличаются от помещений, предназначенных только для жилья; они представляют собой своего рода орудия производства» (там же, стр. 203—204) (книга II, глава 1) [Русский перевод, том I, стр. 234].

«Все успехи техники, дающие возможность с тем же числом рабочих выполнять то же количество работы при помощи более простых и менее дорогих машин, чем раньше, всегда считаются очень выгодными для общества. Известное количество сырых материалов и известное число рабочих, которые раньше употреблялись на поддержание в порядке более сложных и более дорогих машин, теперь могут быть применены для увеличения количества той работы, ради которой эти или другие машины были сделаны» (там же, том II, стр. 216—217) (книга II, глава 2) [Русский перевод, том I, стр. 239—240].

«Расход на поддержание основного капитала... необходимым образом вычитается из чистого дохода общества» (там же, том II, стр. 218) [Русский перевод, том I, стр. 240]. «Всякое сбережение в расходах по поддержанию основного капитала, не уменьшающее производительной силы труда, должно увеличивать фонд, приводящий предприятие в движение, а следовательно должно увеличивать и годовой продукт земли и труда, реальный доход всякого общества» (там же, том II, стр. 226—227) [Русский перевод, том I, стр. 244].

Золотые или серебряные деньги, вытесненные за границу банковскими билетами, вообще бумажными деньгами, — если они расходуются «на покупку иностранных товаров для потребления внутри страны», — идут либо на покупку предметов роскоши, каковы заграничные вина, шелковые ткани и т. д., словом, на покупку «товаров.., предназначенных для потребления праздных людей, ничего не производящих.., либо... на по-

купку добавочного фонда сырых материалов, орудий труда и средств существования для содержания и найма добавочного числа тех трудолюбивых людей, которые с прибылью воспроизводят стоимость своего годового потребления» (там же, том II, стр. 231—232) [Русский перевод, том I, стр. 246].

Первый способ употребления денег, говорит Смит, увеличивает расточительность, «увеличивает расходы и потребление, ничего не добавляя к производству и не создавая постоянного фонда для покрытия этих расходов, и он во всех отношениях вреден для общества» (там же, том II, стр. 232) [Русский перевод, том I, стр. 246]. Напротив, «будучи израсходованными вторым способом, деньги соответственно расширяют рамки производства; хотя они и увеличивают потребление общества, но они открывают постоянный источник для поддержания этого потребления, так как те люди, которые потребляют это добавочное количество средств существования, воспроизводят с прибылью всю стоимость своего годового потребления» (том II, стр. 232) [Русский перевод, том I, стр. 246].

«То количество производительного труда, которое может быть приведено в действие данным капиталом, должно, как это само собой очевидно, равняться числу рабочих, которых капитал этот может снабдить сырыми материалами, орудиями труда и средствами существования, соответствующими характеру их работы» (там же, том II, стр. 235) (книга II, глава 2) [Русский перевод, том I, стр. 247].

[396] В 3-й главе II книги (там же, том II, стр. 314 и следующие) мы читаем:

«Производительные и непроизводительные работники, а также и те, которые совсем не работают, все одинаково содержатся на годовой продукции земли и труда данной страны. Этот продукт... неизбежно имеет свои границы. Поэтому, в зависимости от того, меньшая или большая доля его затрачивается в течение года на содержание непроизводительных работников, для производительных останется в одном случае больше, в другом меньше, и соответственно этому продукт следующего года увеличится или сократится...

Хотя вся совокупность годового продукта земли и труда данной страны... предназначается в конечном счете для того, чтобы покрывать потребление ее жителей и приносить им доход, *однако в тот момент, когда он выходит из земли или из-под рук производительных рабочих, он делится естественным образом на две части. Одна из них — и часто наибольшая — предназначается в первую очередь на возмещение капитала, или на восстановление тех средств существования, сырых материалов или законченных изделий, которые были взяты из капитала; другая часть предназначена для образования дохода, причитающегося владельцу этого капитала (как прибыль) или некоторому другому лицу (как рента с его земли)...*

Та часть годового продукта земли и труда данной страны, которая возмещает капитал, никогда непосредственно не употребляется на содержание каких-либо других наемных лиц, кроме производительных рабочих; из нее оплачивается заработная плата только за производительный труд. Та часть продукта, которая предназначена для того, чтобы непосредственно образовать доход... может идти на содержание одинаково как производительных, так и непроизводительных работников...

Непроизводительные работники и те люди, которые совсем не работают, все они содержатся на доход: либо, во-первых, на ту часть годового продукта, которая с самого начала предназначена для образования

дохода каких-нибудь частных лиц, в виде ли ренты с земли или прибыли с капитала; либо, во-вторых, на ту часть годового продукта, которая, хотя и предназначена на возмещение капитала и на содержание одних только производительных рабочих, однако, попав однажды в руки этих последних, может в части своей, превышающей то, что необходимо для их существования, расходоваться на содержание как производительных, так и непроизводительных людей. Так, простой рабочий, если его заработная плата высока, может... держать прислугу для себя лично или пойти иногда на комедию или в кукольный театр, внося таким образом свою долю на содержание одного из классов непроизводительных работников, или он может, наконец, платить некоторые налоги, помогая этим содержать другой из этих классов... столь же непроизводительный. Однако из той части годового продукта, которая с самого начала предназначена для возмещения капитала, ни одна доля не идет на содержание непроизводительных работников раньше, чем она приведет в движение все соответствующее ей количество производительного труда... Рабочий должен заработать свою заработную плату, выполнив свою работу, прежде чем он сможет произвести хотя бы малейший расход на непроизводительный труд... Земельная рента и прибыль с капитала... повсюду являются главными источниками, из которых непроизводительные работники черпают свое содержание... Оба эти дохода могут содержать одинаково как производительных, так и непроизводительных работников; однако обладатели этих доходов оказывают, по-видимому, всегда некоторое предпочтительное последнее...

Итак, соотношение между количеством производительных и непроизводительных работников в каждой стране зависит главным образом от соотношения между той частью годового продукта, которая, по выходе из земли или из-под рук произведших ее рабочих, предназначается на возмещение капитала, и той, которая предназначается на образование дохода в виде ренты или прибыли. А это соотношение весьма различно в богатых и бедных странах».

Смит затем сравнивает то положение вещей, которое существует

«у богатых наций Европы», где теперь «очень большая, часто наибольшая часть продукта земли *предназначается на возмещение капитала богатого и независимого фермера*», с тем, прямо противоположным, положением вещей, которое существовало при «господстве феодального режима», когда «весьма малой доли продукта было достаточно для возмещения капитала, употребленного на обработку земли». То же самое в торговле и в промышленности. В настоящее время в них употребляются крупные капиталы; прежде капиталы были совсем незначительны, но они принесли очень большие прибыли. «Нигде процент не был ниже 10, и прибыли с капитала должны были быть достаточно велики, чтобы из них можно было оплатить столь высокие проценты. Ныне в более развитых странах Европы ссудный процент нигде не превышает 6, а в наиболее богатых странах он равняется 4, 3, 2. Если та часть дохода жителей, которая происходит из прибылей, в богатых странах всегда значительно больше, чем в бедных, то это оттого, что капитал там имеет гораздо более крупные размеры; по отношению же к капиталу прибыль там обычно гораздо ниже.

Таким образом, та часть годового продукта, которая, по выходе из земли или из-под рук производительных рабочих, предназначается на возмещение [397] капитала, в богатых странах не только гораздо больше, чем в бедных, но и гораздо значительнее в процентном отношении к той

части, которая непосредственно предназначена для образования дохода в виде ренты или прибыли. Фонд, предназначенный для содержания производительного труда, в богатых странах не только гораздо обильнее, чем в бедных, но и значительнее в процентном отношении к тому фонду, который, хотя и может служить для содержания одинаково как производительных, так и непроизводительных работников, однако обычно затрачивается преимущественно на содержание последних.

(Смит впадает в ту ошибку, что отождествляет величину производительного капитала с *величиной той его части*, которая предназначается на содержание производительного труда. Но это связано с тем, что крупная промышленность была ему фактически известна еще только в своем зачаточном состоянии.)

«Соотношение между этими двумя различными видами фондов с необходимостью определяет в каждой стране общий характер ее жителей в смысле трудолюбия или лениности». Так, например,— говорит Смит, — «в английских и голландских промышленных городах, где низшие классы народа живут главным образом за счет применяемых капиталов, они в общем трудолюбивы, воздержанны и бережливы. Напротив, в столичных городах, где находятся королевские дворы и пр. и где низшие классы народа живут за счет траты доходов высшими классами, они, по общему правилу, ленивы, распутны и бедны; пример этому — Рим, Версаль и т. д. ...»

«Таким образом, соотношение между суммой капиталов и суммой доходов повсюду определяет соотношение между трудолюбием и праздностью: везде, где преобладают капиталы, там господствует трудолюбие; везде, где преобладают доходы, там господствует праздность. Поэтому всякое увеличение или уменьшение массы капиталов, естественно, ведет к тому, что реально увеличиваются или уменьшаются сумма производственной деятельности, количество производительных рабочих, а следовательно и меновая стоимость годового продукта земли и труда данной страны, богатство и реальный доход всех ее жителей...»

То, что сберегается в течение года, потребляется столь же регулярно, как и то, что в течение года расходуется, и притом приблизительно в одно и то же время; но потребляется оно другим классом людей. Доля дохода, расходуемая в течение года, потребляется домашними слугами, бесполезными ртами и т. д., которые не оставляют после себя решительно ничего, что возмещало бы их потребление. А доля дохода, сберегаемая в течение года, потребляется рабочими, которые с прибылью воспроизводят стоимость своего годового потребления... Потребление такое же, но потребители разные...»

Отсюда проповеди Смита (далее, в той же главе, стр. 328, 329 и сл.) на тему о бережливом человеке, который своими ежегодными сбережениями как бы создает общественную мастерскую для добавочного числа производительных рабочих,

«учреждает своего рода вековечный фонд для содержания соответствующего числа производительных рабочих», тогда как «расточитель уменьшает массу фондов, предназначенных для содержания производительного труда... Если бы то количество пищи и одежды, какое таким образом» (вследствие мотовства расточителей) «потреблено непроизводительными людьми, было распределено между производительными рабочими, эти

последние *воспроизвели бы, да еще с прибылью*, всю стоимость того, что ими потреблено...»

Всю эту мораль Смит завершает утверждением, что это (бережливость и расточительность) уравнивается в среде частных лиц и что фактически преобладает «благоразумие». Великие нации

«никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, хотя иногда беднеют из-за расточительности и неблагоразумия своего правительства. В большинстве стран весь или почти весь национальный доход употребляется на содержание непроизводительных людей. Сюда относятся придворные, церковь, флоты, армия, которые в мирное время ничего не производят, а во время войны не приобретают ничего такого, что могло бы компенсировать издержки на их содержание хотя бы только в продолжение самой войны. *Люди этого рода, ничего сами не производящие, содержатся на продукт труда других.* Поэтому, когда их число увеличивается сверх необходимого, они могут за год потребить столь значительную часть этого продукта, что остающаяся часть окажется недостаточной для содержания производительных рабочих, которые должны были бы воспроизвести его в следующем году...» [там же, том II, стр. 314—336. Русский перевод, том I, стр. 279—289].

В 4-й главе II книги Смит пишет:

«Так как фонд, предназначенный для содержания производительного труда, возрастает со дня на день, то возрастает также с каждым днем и спрос на этот труд: рабочие [398] легко находят себе работу, а владельцы капиталов испытывают затруднения в приискании рабочих, которых они могли бы нанять. Конкуренция капиталистов повышает заработную плату и понижает прибыль» (там же, том II, стр. 359) [Русский перевод, том I, стр. 299].

В 5-й главе II книги «О разных способах применения капиталов» Смит классифицирует различные виды капиталов в зависимости от того, какому количеству производительного труда они дают занятие и, следовательно, в какой мере они увеличивают «меновую стоимость» годового продукта. На первом месте у Смита — *земледелие*. Затем *мануфактура*. Потом *торговля*. Наконец, *розничная торговля*. Таков тот последовательный ряд, в который Смит располагает эти виды применения капиталов сообразно количеству производительного труда, приводимого ими в движение. Мы получаем здесь вдобавок и совершенно новое определение «производительных работников»:

«Лица, капиталы которых употребляются одним из этих четырех способов, сами являются *производительными работниками*. Их труд, когда он надлежащим образом направлен, фиксируется и овеществляется в том предмете, или товаре, к которому он приложен, и обычно прибавляет к цене этого товара по крайней мере стоимость их личного содержания и потребления» (там же, том II, стр. 374) [Русский перевод, том I, стр. 306].

(В общем Смит сводит их производительность к тому, что они приводят в движение производительный труд.)

О фермере он говорит:

«Никакой капитал той же величины не приводит в движение большего количества *производительного труда*, чем капитал фермера. Не только его батраки, но также и *его рабочий скот являются производительными работниками*» [там же, том II, стр. 376. Русский перевод, том I, стр. 307].

Стало быть, в конце концов, и бык оказывается производительным работником.

[12] ГРАФ ЛОДЕРДЕЛЬ [АПОЛОГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГОСПОДСТВУЮЩИЕ КЛАССЫ КАК НА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА]

Lauderdale (Earl of). An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth etc., London. 1804 (французский перевод: *Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique etc.*, Paris, 1808).

Выдвигаемое Лодерделем апологетическое обоснование прибыли должно быть рассмотрено только в дальнейшем, в третьем отделе⁸³. Согласно этому апологетическому взгляду, прибыль возникает из самих капиталов, так как они *«замещают»* труд. Капиталы оплачиваются за то, что они выполняют либо ту работу, которую иначе должен был бы выполнить сам человек, либо же ту, которую человек вообще не мог бы выполнить без помощи капиталов:

«Теперь понятно, что прибыль с капиталов получается всегда или потому, что капиталы замещают такой труд, который человек должен был бы выполнить собственными руками; или же потому, что они выполняют такой труд, который превосходит личные силы человека и который человек не мог бы выполнить сам» (французский перевод, стр. 119).

Господин «граф» — заядлый враг учения Смита о накоплении и бережливости. Он также заядлый враг проводимого Смитом различения между *производительными и непроизводительными работниками*; но по его мнению и то, что Смит называет «производительными силами труда», есть лишь «производительная сила капитала». Он прямо отрицает выдвинутое Смитом объяснение прибавочной стоимости, и притом на следующем основании:

«Если бы это понимание прибыли с капитала было в строгом смысле правильным, то из него вытекало бы, что прибыль является не первичным источником дохода, а только производным, и капитал нельзя было бы рассматривать как один из источников богатства, так как приносимая

им прибыль была бы только перемещением дохода из кармана рабочего в карман капиталиста» (цит. соч., стр. 116—117).

Ясно, что при таких предпосылках Лодердель и в своей полемике против Смита хватается за самое плоское. Так, он говорит:

«Таким образом, один и тот же труд может оказаться производительным или непроизводительным в зависимости от последующего употребления того предмета, к которому его приложили. Например, если мой повар делает торт, который я сейчас же съедаю, он является непроизводительным работником, а его занятие бесплодным трудом, так как эта услуга исчезла сейчас же, как только была оказана. Но если тот же самый труд выполняется в кондитерской, то он становится производительным трудом» (цит. соч., стр. 110).

(Патент здесь принадлежит *Гарнье*, так как его издание труда Смита, снабженное его примечаниями, появилось в 1802 году, т. е. за два года до книги Лодерделя.)

«Это экстраординарное различие, основанное на одной лишь долгоречности оказываемых услуг, включает в число непроизводительных работников людей, выполняющих важнейшие функции в обществе. Государь, служители религии и правосудия, защитники государства, все эти люди, не исключая и тех, умелость которых... сохраняет здоровье граждан или образовывает их ум,— все они признаются непроизводительными работниками» (там же, стр. 110—111) (или, как эта милая иерархия приводится у А. Смита: «священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т. д.» *).

«Если признавать, что основой богатства является меновая стоимость, то нет необходимости пускаться в пространные рассуждения для того, чтобы показать ошибочность этой доктрины. Ничто [399] не доказывает лучше ее неправильность, чем то уважение, с каким люди относятся к этим услугам, если судить по тому, как эти услуги оплачиваются» [*Лодердель*, цит. соч., стр. 111].

Далее:

«Труд мануфактурного рабочего фиксируется и овеществляется в каком-нибудь пригодном для продажи товаре... Ни *труд слуги*, ни труд, «сберегаемый оборотным капиталом» {под «оборотным капиталом» Лодердель понимает здесь *деньги*}, «не образуют, конечно, накопления, не образуют такого фонда, который можно было бы передавать из рук в руки за определенную стоимость. Выгода, которую они доставляют, получается одинаково вследствие того, что они *сберегают труд хозяина* или владельца. Они дают настолько сходные результаты, что тот, кто объявил один из них непроизводительным, неизбежно должен был считать таковым же и другой» {и вслед за этим он цитирует Смита, книгу II, главу 2-ю ⁸⁴} (*Лодердель*, цит. соч., стр. 144—145).

* * *

Итак, можно было бы составить такой ряд: Ферье, Гарнье, Лодердель, Ганиль. Последняя фраза, толкующая о «*сбережении труда*», особенно заезжена *Токвилем*.

* Перевод Гарнье, том II, стр. 313 [Русский перевод, том I, стр. 279].

**[13] КОНЦЕПЦИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ПРОДУКТОВ» У СЭЯ.
ОПРАВДАНИЕ БЕЗУДЕРЖНОГО РОСТА
НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА]**

После Гарнье появился «*Traité d'Economie Politique*» пошлого Ж. Б. Сэя. Он упрекает Смита за то, что тот

«результатам таких видов деятельности, как деятельность врача, музыканта, актера, отказывает в названии *продуктов*. Труд, которому они посвящают себя, он называет *непроизводительным*» (3-е издание, том I, стр. 117).

Смит вовсе не отрицает, что «эти виды деятельности» производят тот или иной «результат», тот или иной «продукт». Он даже прямо упоминает о

«безопасности, спокойствии, охране государства» как о «результате годового труда» («служителей государства») (Смит, книга II, глава 3; перевод Гарнье, том II, стр. 313) [Русский перевод, том I, стр. 279].

Сэй, со своей стороны, придерживается того дополнительного определения Смита, согласно которому эти «услуги» и их продукт «обычно исчезают в момент их выполнения, в момент их производства» (Смит, в той же главе). Господин Сэй называет потребленные таким образом «услуги» или их продукты, их результаты — короче, их потребительную стоимость — «нематериальными продуктами, или стоимостями, потребляемыми в момент их производства». Вместо того чтобы называть тех работников, которые выполняют такого рода услуги, «непроизводительными», он называет их «производящими нематериальные продукты». Он дает другое название. Но в дальнейшем он заявляет,

«что они не служат для увеличения национального капитала» (том I, стр. 119). «Нация, у которой имеется большое количество музыкантов, священников, чиновников, может очень приятно развлекаться, прекрасно разбираться в религиозных вопросах и быть превосходно управляемой; но и только. Ее капитал не получил бы от труда всех занятых этим людей никакого непосредственного прироста, так как их продукты потребляются в момент их создания» (там же, стр. 119).

Таким образом, господин Сэй объявляет эти виды труда *непроизводительными* в самом ограниченном смысле смитовского определения. Но вместе с тем он хочет присвоить себе «шаг вперед», сделанный Гарнье. И потому он изобретает новое название для непроизводительных видов труда. В этом его особая оригинальность, производительность и манера делать открытия. При этом, со своей обычной логикой, он снова сам себя опровергает. Он говорит:

«Нельзя согласиться с мнением господина Гарнье, который из того, что труд врачей, юристов и других подобных лиц производителен, делает

тот вывод, что для нации столь же выгодно увеличивать его, как и всякий другой труд» (там же, стр. 120).

Но почему же нельзя согласиться с этим, если один вид труда столь же производитель, как и другой, и если увеличение количества производительного труда вообще «выгодно для нации»? Почему не так же выгодно увеличивать этот вид труда, как и всякий другой? Потому, — с характерным для него глубокомыслием отвечает Сэй, — что вообще невыгодно увеличивать количество какого бы то ни было вида производительного труда сверх потребности в этом труде. Но ведь тогда прав Гарнье. Тогда одинаково выгодно, — т. е. одинаково невыгодно, — увеличивать количество как тех, так и других видов труда сверх определенной меры.

«Тут происходит», — продолжает Сэй, — «то же самое, что и с физическим трудом, если бы его затрачивали на продукт в большем количестве, чем это необходимо для изготовления соответствующего продукта».

(На изготовление стола не следует затрачивать больше столярного труда, чем это необходимо для производства стола. Точно так же и при починке больного тела не следует затрачивать больше труда, чем необходимо для его излечения. Таким образом, адвокаты и врачи должны затрачивать только необходимый труд для изготовления своих «нематериальных продуктов».)

«Труд, производящий нематериальные продукты, как и всякий другой труд, производителен только до тех пор, пока он увеличивает полезность продукта и тем самым его стоимость»

(т. е. его потребительную стоимость, но Сэй смешивает полезность с меновой стоимостью);

«если он переступает эти границы, то он становится совершенно непроизводительным трудом» (там же, стр. 120).

Логика Сэя, стало быть, такова:

Для нации *не так полезно* увеличивать число «производителей нематериальных продуктов», как число производителей материальных продуктов. *Доказательство:* абсолютно бесполезно увеличивать сверх потребности число производителей какого бы то ни было продукта, материального или нематериального. *Следовательно,* полезнее увеличивать число бесполезных производителей материальных продуктов, чем число бесполезных производителей нематериальных продуктов. В обоих случаях делается не тот вывод, что бесполезно увеличивать число всех этих производителей вообще, а только тот, что бесполезно увеличивать число производителей какого-нибудь определенного рода продуктов в соответствующей отрасли.

По мнению Сэя, материальные продукты [400] никогда не могут быть произведены в слишком большом количестве, точно так же и нематериальные. Но *variatio delectat* *. Поэтому нужно производить в обоих подразделениях продукты различного рода. Кроме того, господин Сэй поучает:

«Задержка в сбыте некоторых продуктов вызывается редкостью некоторых других» [цит. соч., том I, стр. 438].

Значит, никогда не может быть произведено слишком много столов, а разве лишь слишком мало, скажем, мисок, которые можно было бы ставить на эти столы. Если слишком увеличилось число врачей, то беда не в том, что их услуги предлагаются в излишнем количестве, а, пожалуй, в том, что предлагается слишком мало услуг других производителей «нематериальных продуктов», например проституток (см. там же, стр. 123, где на одну доску ставится труд носильщиков, проституток и т. д. и где Сэй высказывает смелое утверждение, что «время обучения» для проститутки «сводится к нулю»).

В конце концов у Сэя перевес оказывается на стороне «непроизводительных работников». При данных условиях производства всегда точно известно, сколько нужно рабочих для того, чтобы сделать стол, как велико должно быть количество определенного вида труда, чтобы изготовить определенный продукт. Иначе обстоит дело с многими «нематериальными продуктами». Здесь определение количества труда, требующегося для получения определенного результата, является столь же гадательным, как и самый результат. Двадцать священников совместно сумеют, может быть, добиться обращения грешника, которое не удастся одному; шесть врачей, совещающихся между собой, найдут, может быть, целительное средство, которого один врач единолично не находит. В судебной коллегии производится, может быть, больше правосудия, чем отдельным судьей, который только сам себя контролирует. Сколько солдат требуется для защиты страны, сколько полицейских требуется для поддержания в ней порядка, сколько чиновников нужно для хорошего «управления» ею, и т. д., — все это вещи проблематичные, очень часто являющиеся предметом споров, например в английских парламентах, хотя в Англии весьма точно знают, какое количество труда прядильщиков необходимо для производства 1 000 фунтов пряжи. Что касается других «производительных» работников этого рода, то в самом понятии их заключено, что приносимая ими польза зависит как раз только от их числа, состоит в самом количестве их. Так обстоит дело,

* — разнообразие доставляет удовольствие. Ред.

например, с лакеями, которые должны служить свидетельством богатства и знатности своих господ. Чем больше их число, тем сильнее эффект, который они должны «производить». Поэтому господин Сэй так и остается при своем мнении: число «непроизводительных работников» никогда не может быть увеличено в достаточной степени. [400]

**[14)] ГРАФ ДЕСТИЮТ ДЕ ТРАСИ
[ВУЛЬГАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИБЫЛИ.
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ «ДЕЯТЕЛЬНЫХ КАПИТАЛИСТОВ»
ЕДИНСТВЕННЫМИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМИ РАБОТНИКАМИ
В ВЫСШЕМ СМЫСЛЕ СЛОВА]**

[400] *Le Comte Destutt de Tracy. Elémens d'idéologie. IV-e et V-e parties. Traité de la volonté et de ses effets. Paris, 1826* (первое издание вышло в 1815 году).

«Всякий полезный труд действительно производителен, и всякий трудящийся класс общества одинаково заслуживает названия *производительного*» (стр. 87).

Но в этом производительном классе Дестют де Траси различает

«тру, ящийся класс, непосредственно производящий все наши богатства» (стр. 88),

т. е. то, что Смит называет производительными рабочими.

Напротив, *бесплодный* класс состоит из богачей, потребляющих свою земельную или денежную ренту. Это — «*праздный класс*».

«Действительно *бесплодный* класс — это класс праздных людей, занятых исключительно тем, что они живут, как говорится, *по-благородному*, на продукты до них выполненного труда, которые либо овеществлены в земельном участке, сдаваемом ими в аренду, т. е. в *наем*, тому или иному работнику, либо же состоят из денег или вещей, отдаваемых ими взаймы за известное вознаграждение, что тоже представляет собой *сдачу в наем*. Это настоящие трутни пчелиного улья (*fruges consumere nati* *)» (стр. 87). Эти праздные люди «могут тратить только свой *доход*. Если они расходуют [401] свой капитал, то последний ничем уже не возмещается, и их потребление, — после того как оно на короткий срок далеко вышло за свои пределы, — совершенно прекращается» (стр. 237).

«*Доход* этот представляет собой... не что иное, как вычет из продуктов деятельности трудящихся граждан» (стр. 236).

Как же обстоит дело с теми работниками, которых непосредственно применяют эти «праздные люди»? Поскольку эти последние потребляют товары, они потребляют не прямо труд, а продукты труда производительных рабочих. Речь здесь, следовательно, идет о тех работниках, труд которых покупается

* — рожденные для вкушения плодов (Гораций, «Послания»). Ред.

праздными людьми в порядке непосредственного расходования их дохода; стало быть, о рабочих, получающих свою заработную плату непосредственно из дохода, а не из капитала.

«Так как люди, которым он» (доход) «принадлежит, праздны, то ясно, что они не *управляют никаким производительным трудом*. Все оплачиваемые ими работники имеют своим единственным назначением доставлять им наслаждения. Наслаждения эти, разумеется, различного рода... Расходы всего этого класса людей... кормят многочисленное население, существование которого они обеспечивают, но труд которого совершенно бесплоден... Некоторые из этих расходов могут быть более или менее полезны, как, например, постройка дома, мелиорация земель. Но это — исключения, благодаря которым праздные люди становятся на время руководителями производительного труда. За этими маловажными исключениями, все потребление этого рода капиталистов во всех отношениях является, с точки зрения воспроизводства, чистой потерей и представляет собой соответствующий вычет из произведенного богатства» (стр. 236).

{Политическая экономия в собственно смитовском духе рассматривает капиталиста только как персонифицированный капитал, как $D - T - D$, как агента производства. Но кто же должен потреблять производимые продукты? Рабочий? Нет, не рабочий. Сам капиталист? Но тогда он выступает как крупный потребитель, как «праздный человек», а не как капиталист. Владельцы земельной и денежной ренты? Но они не воспроизводят того, что ими потребляется, и этим они наносят ущерб богатству. — И тем не менее, есть два правильных пункта в этом противоречивом взгляде, который усматривает в капиталисте лишь реального собирателя сокровищ, в отличие от того иллюзорного собирателя сокровищ, каким является собиратель сокровищ в собственном смысле этого слова: 1) капитал (а отсюда и капиталист, его персонификация) рассматривается только как агент, содействующий развитию производительных сил и производства; 2) здесь сказывается точка зрения восходящего капиталистического общества, для которого имеет значение не потребительная стоимость, а меновая стоимость, не потребление, а богатство. Потребляющее богатство представлялось излишней роскошью восходящему капиталистическому обществу, пока это последнее само не научилось соединять эксплуатацию с потреблением и не подчинило себе потребляющее богатство.}

«Чтобы найти, как образуются эти доходы» (на которые живут праздные), «всегда нужно восходить к *деятельным капиталистам*» (стр. 237, примечание). «*Дейтельные капиталисты*» — второй род капиталистов — «включают всех предпринимателей любой отрасли хозяйства, т. е. всех тех людей, которые, *имея капиталы*,... употребляют свои способности и свой труд на то, чтобы самим использовать их, вместо того чтобы отдавать их взаимы другим людям, и которые поэтому живут не на заработную плату и не на доходы, а на *прибыли*» (стр. 237).

У Дестюта — как уже и у А. Смита — ясно обнаруживается, что кажущееся превознесение производительных рабочих на самом деле представляет собой лишь превознесение *«деятельных капиталистов»* в противоположность земельным собственникам и тем денежным капиталистам, которые просто живут на свой доход.

«Деятельные капиталисты держат... в своих руках почти все богатства общества... Эти люди расходуют в течение года не только ренту с этих богатств, но и самый капитал, а иногда они проделывают это и несколько раз в год, если дела идут достаточно быстро, чтобы это было возможно. Ибо, так как они в качестве деловых людей производят расходы только для того, чтобы эти расходы вернулись к ним с прибылью, их прибыли тем значительнее, чем больше они при этом условии могут расходовать» (стр. 237—238).

Что касается их личного потребления, то оно таково же, как и личное потребление праздных капиталистов. Но оно

«в общем умеренно, так как деловые люди обычно скромны» (стр. 238). Иное дело их производственное потребление. «Оно отнюдь не является окончательным; оно возвращается к ним с прибылью» (там же). Их прибыль должна быть достаточно велика не только для их личного потребления, но также и для оплаты «ренты с земель и с денег, которые они получили в пользование от праздных капиталистов» (стр. 238).

Здесь Дестют прав. Земельная рента и денежная рента представляют собой лишь *«вычеты»* из промышленной прибыли, те части последней, которые деятельный капиталист отдает из своей валовой прибыли земельным собственникам и денежным капиталистам.

«Доходы праздных богачей — это лишь ренты, взимаемые с производства; только производство и создает эти доходы» (стр. 248). Деятельные капиталисты «за ренту нанимают их» (т. е. праздных капиталистов) «земли, их дома, берут займы их деньги и пользуются всем этим таким образом, что *извлекают* отсюда *прибыли, превышающие размеры этой ренты»* [стр. 237], т. е. ренты, уплачиваемой ими бездельникам и составляющей, стало быть, только часть этих прибылей. Эта рента, уплачиваемая ими таким путем праздным капиталистам, является «единственным доходом этих праздных людей и единственным фондом их ежегодных расходов» (стр. 238).

До сих пор все идет хорошо. Но как же обстоит дело с *«наемными людьми»*? (с производительными рабочими, которых применяют деятельные капиталисты?).

«Они не обладают никаким другим сокровищем, кроме своего повседневного труда. Этот труд доставляет им заработную плату... Но откуда берется эта заработная плата? Ясно, что из имущества тех, [402] кому наемные рабочие *продают свой труд*, т. е. из фондов, заранее находящихся во владении нанимателей и представляющих собой не что иное, как *накопленные продукты прежде выполненных работ*. Отсюда следует, что хотя потребление, оплачиваемое этими богатствами, и является по-

треблением наемных рабочих в том смысле, что оно поддерживает именно их существование, но в сущности *оплачивают его не они*, или, во всяком случае, они оплачивают его только *из тех фондов, которые заранее находятся в руках их нанимателей*. Их потребление следует, таким образом, рассматривать как потребление, осуществляемое теми, кто их содержит на жалованье. Они только и делают, что одной рукой берут, а другой отдают обратно... Не только все то, что они» (наемные рабочие) «расходуют, но и все то, что они получают, следует рассматривать как действительный расход *тех, кто покупает их труд, и как собственное потребление этих последних*. Это настолько верно, что для решения вопроса о том, причиняет ли это потребление больший или меньший ущерб наличному богатству или, наоборот, способствует его увеличению,.. необходимо знать, *как капиталисты употребляют покупаемый ими труд*, ибо от этого зависит все» (стр. 234—235).

Превосходно. Но откуда берутся прибыли предпринимателей, дающие им возможность выплачивать доход самим себе и праздным капиталистам и т. д.?

«Меня спросят, каким образом эти предприниматели различных отраслей производства могут получать такие большие прибыли и откуда они могут извлекать их? Я отвечаю, что достигают они этого *тем, что всякий произведенный ими продукт они продают дороже, чем им обошлось его производство*» (стр. 239).

А кому они все это продают дороже, чем это стоит им самим?

«Они продают это:

1) друг другу на всю сумму их потребления, которая предназначена для удовлетворения их потребностей и которую они оплачивают некоторой частью своих прибылей;

2) наемным работникам — как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты, — причем таким способом *они получают обратно от всех этих наемных работников всю сумму заработных плат этих последних*, за исключением разве небольших сбережений, какие те могут сделать;

3) праздным капиталистам, *уплачивающим им той частью своего дохода*, которую они не отдали уже наемным работникам, непосредственно нанимаемым ими; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая праздным капиталистам деятельными капиталистами, тем или другим путем снова притекает к последним» (там же, стр. 239).

Рассмотрим поближе эти три рубрики, по которым здесь распределены продажи.

1) *Часть* своего продукта (или прибыли) деятельные капиталисты съедают сами. Они никак не могут обогатиться от того, что надувают друг друга и продают друг другу свои продукты *дороже, чем заплатили за них*. Да и никто не может надуть таким путем другого. Если *A* продает слишком дорого свой продукт, съедаемый деятельным капиталистом *B*, то *B* продает слишком дорого свой продукт, съедаемый деятельным капиталистом *A*. Это — то же самое, как если бы *A* и *B* продавали друг другу свои продукты по их действительной стоимости.

Рубрика 1-я показывает нам, как капиталисты расходуют одну часть своей прибыли; она нам не показывает, откуда они ее извлекают. Во всяком случае они не получают никакой прибыли от того, что «всякий произведенный ими продукт они *продают друг другу дороже*, чем им обошлось его производство».

2) Из той части продукта, которую они продают своим рабочим по цене, *превышающей издержки производства*, они точно так же не могут извлекать никакой прибыли. Согласно предположению, все потребление рабочих фактически представляет собой «собственное потребление тех, кто покупает их труд». Кроме того, Дестют еще добавляет, что капиталисты, продавая свои продукты наемным работникам (своим собственным и работникам праздных капиталистов), лишь «получают обратно всю сумму их заработных плат». И даже не всю целиком, а за вычетом сделанных рабочими сбережений. Продадут ли капиталисты рабочим продукты дешево или дорого, — это совершенно безразлично, ибо они всегда лишь получают обратно то, что дали рабочим: как сказано выше, наемные рабочие «только и делают, что одной рукой берут, а другой отдают обратно». Капиталист сперва платит рабочему *деньги* в качестве заработной платы. Затем он продает ему слишком «дорого» свои продукты и этим извлекает деньги обратно. Но так как рабочий не может вернуть капиталисту больше денег, чем получил от него, то капиталист *никогда* не может продать рабочему свои продукты *дороже*, чем *заплатил* ему за его труд. Он может при продаже своих продуктов получить от рабочего обратно всегда лишь столько денег, сколько дал ему за его труд. Ни гроша больше. Как же возможно, чтобы в результате этого «обращения» количество денег у капиталиста увеличивалось?

[403] Вдобавок у Дестюта получается еще другая нелепость. Капиталист *K* уплачивает рабочему *P* недельную заработную плату в размере 1 ф. ст. и затем извлекает этот фунт стерлингов обратно, продавая ему на 1 ф. ст. товара. Таким способом, полагает Траси, капиталист вернул себе обратно всю сумму заработной платы. Но сначала он дает рабочему 1 ф. ст. деньгами, а потом дает ему на 1 ф. ст. товара. Стало быть, то, что он на самом деле дал рабочему, составляет 2 ф. ст.: 1 ф. ст. товаром и 1 ф. ст. деньгами. Из этих 2 ф. ст. он 1 ф. ст. извлекает обратно в форме денег. Таким образом, из заработной платы в 1 ф. ст. он на самом деле не извлек обратно ни одного гроша. И если бы ему суждено было обогащаться посредством такого рода «обратного извлечения» заработной платы (а не посредством того, что рабочий ему обратно отдал трудом то, что он авансировал рабочему товаром), то он скоро сел бы на мель.

Благородный Дестют смешивает здесь денежное обращение с действительным обращением товаров. Так как капиталист, вместо того чтобы прямо дать рабочему на 1 ф. ст. товара, дает ему 1 ф. ст. деньгами, благодаря чему рабочий может теперь сам определить, какой ему купить товар, и так как рабочий, получив в собственность приходящийся на его долю товар, возвращает капиталисту в форме денег ассигновку, которую тот дал ему на свой товар, — то Дестют воображает, что капиталист «извлекает обратно» заработную плату, когда к нему обратно притекает та же самая монета. И на той же самой странице господин Дестют замечает, что феномен обращения «плохо понят» (стр. 239). Этот феномен, действительно, совершенно не понят им самим. Если бы Дестют не объяснял себе таким оригинальным способом «обратное извлечение всей суммы заработной платы», то эта нелепость была бы еще по крайней мере мыслима в том виде, в каком мы ее сейчас рассмотрим.

(Но предварительно еще следующее замечание для иллюстрации его премудрости. Если я захожу в лавку и лавочник дает мне 1 ф. ст., а я на этот 1 ф. ст. покупаю товара на 1 ф. ст. в его лавке, то он извлекает обратно этот 1 ф. ст. Никто не станет утверждать, что лавочник в результате такой операции обогатился. Вместо 1 ф. ст. деньгами и 1 ф. ст. товаром у него теперь только 1 ф. ст. деньгами. Даже если стоимость его товара составляла только 10 шилл., а он продал его мне за 1 ф. ст., то все же он стал на 10 шилл. беднее сравнительно с тем, чем был до продажи, хотя он и извлек обратно всю выданную им сумму — один фунт стерлингов.)

Если бы капиталист *K* дал рабочему 1 ф. ст. заработной платы и затем продал ему товар стоимостью в 10 шилл. за 1 ф. ст., то, конечно, он получил бы прибыль в 10 шилл., потому что продал бы рабочему товар на 10 шилл. дороже. Но с точки зрения господина Дестюта даже и в данном случае было бы непонятно, как от этого должна получиться прибыль для *K*. (Прибыль-де получается вследствие того, что капиталист платит рабочему пониженную заработную плату, что он дал рабочему в обмен на его труд на самом деле меньшую долю продукта, чем дает ему *номинально*.) Если бы он дал рабочему 10 шилл. и продал ему свой товар за 10 шилл., то он был бы столь же богат, как если бы дал ему 1 ф. ст. и продал ему за 1 ф. ст. свой товар стоимостью в 10 шилл. К тому же Дестют в своих рассуждениях исходит из предположения необходимой заработной платы. В лучшем случае все объяснение прибыли свелось бы здесь лишь к ссылке на мошенническую проделку с заработной платой.

Итак, этот случай 2-й показывает, что Дестют совершенно забыл, что такое производительный рабочий, и не имеет ни малейшего представления об источнике прибыли. Самое большее можно было бы сказать, что капиталист создает прибыль посредством продажи продуктов выше их стоимости, поскольку он продает их не своим собственным наемным рабочим, а наемным работникам праздных капиталистов. Но так как потребление непроизводительных работников на самом деле составляет лишь часть потребления праздных капиталистов, то мы приходим теперь к случаю 3-му.

3) В-третьих, деятельный капиталист продает свои продукты слишком «дорого», выше их стоимости,

«праздным капиталистам, уплачивающим ему той частью своего дохода, которую они не отдали уже наемным работникам, непосредственно нанимаемым ими; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая праздным капиталистам деятельными капиталистами, тем или другим путем снова притекает к последним».

Здесь опять ребяческое представление об обратном притоке ренты и т. д., как раньше — об обратном извлечении всей суммы заработной платы. Пусть, например, *K* платит 100 ф. ст. земельной или денежной ренты *П* (праздному капиталисту). 100 ф. ст. служат для *K* средством платежа. Они являются покупательным средством для *П*, который на эти деньги извлекает из склада *K* на 100 ф. ст. товаров. Тем самым эти 100 ф. ст. возвращаются к *K* обратно как превращенная форма его товара. Но он имеет теперь на 100 ф. ст. меньше товаров, чем прежде. Вместо того чтобы дать *П* прямо товары, он дал ему 100 ф. ст. деньгами, на которые тот покупает у него на 100 ф. ст. его товаров. Но этот товар на сумму 100 ф. ст. *П* покупает на деньги *K*, а не на средства из собственного фонда. И Траси воображает, что таким путем к *K* возвращается та рента, которую он уплатил *П*. Какое слабоеумие! Это — первая нелепость.

Во-вторых, Дестют нам сам сказал, что земельная и денежная ренты представляют собой лишь вычеты из прибыли деятельного капиталиста, следовательно лишь доли этой прибыли, отданные праздным капиталистам. Если теперь предположить, что *K* при помощи какого-нибудь фокуса вернул себе обратно всю эту долю [404], хотя это и не может быть сделано ни одним из тех двух путей, которые описаны у Траси, — другими словами, если предположить, что капиталист *K* не платит никакой ренты ни земельным собственникам, ни денежным капиталистам, что он удерживает у себя *всю* свою прибыль *целиком*, то как раз и надо будет объяснить, *откуда* он ее взял, как он создал ее, как она возникла. И если это не объясняется тем,

что он ее *имеет* или *удерживает у себя*, не отдавая доли ее земельному собственнику и денежному капиталисту, то столь же невозможно объяснить это и тем, что он, целиком или частично, тем или иным способом перетащил обратно из кармана праздного капиталиста в свой собственный ту долю прибыли, которую он раньше отдал ему под тем или иным названием. Вторая нелепость!

Но отвлечемся от этих нелепостей. *K* должен уплатить *П* (праздному капиталисту) ренту в размере 100 ф. ст. за землю или за капитал, занятый (*loué*) первым у второго. Он платит эти 100 ф. ст. из своей прибыли (откуда она возникла, мы еще не знаем). Затем он продает *П* свои продукты, которые съедаются или самим *П* непосредственно или его прихлебателями (непроизводительными наемными работниками); и при этом *K* продает ему эти продукты по *чрезмерно дорогой* цене, например на 25% выше их стоимости. Продукты стоимостью в 80 ф. ст. он продает *П* за 100 ф. ст. В данном случае *K*, безусловно, выручает прибыль в 20 ф. ст. Он дал *П* ассигновку на товар в 100 ф. ст. Но когда тот реализует полученную ассигновку, *K* отпускает ему товара лишь на 80 ф. ст., повысив номинальную цену своих товаров на 25% выше их стоимости. Если бы *П* примирился с таким положением вещей, при котором он потребляет товаров на 80 ф. ст., а уплачивает за них 100 ф. ст., то прибыли *K* никогда не могли бы превысить 25%. Эти цены, это надувательство повторялись бы из года в год. Но *П* желает есть на 100 ф. ст. Если он — землевладелец, то что остается ему делать? Он закладывает капиталисту *K* участок земли за 25 ф. ст., за которые тот доставляет ему товар стоимостью в 20 ф. ст., ибо он продает товар на 25% ($\frac{1}{4}$) выше его стоимости. Если *П* — владелец денег, дающий их в ссуду, то он уступает капиталисту *K* 25 ф. ст. из своего капитала, за что капиталист *K* доставляет ему на 20 ф. ст. товара.

Предположим, что капитал (или стоимость земли) был отдан в ссуду из 5 процентов. В таком случае он составлял 2 000 ф. ст. Теперь он составляет только 1 975 ф. ст. Рента этого *П* равна теперь $98\frac{3}{4}$ ф. ст. И так продолжалось бы дальше: *П* все время потреблял бы действительную товарную стоимость в 100 ф. ст., а его рента непрерывно уменьшалась бы, так как для того, чтобы иметь на 100 ф. ст. товара, он все время должен проедать все большую часть самого капитала, имеющегося у него. Так мало-помалу *K* получил бы в свои руки весь капитал *П* и присвоил бы себе, вместе с самим капиталом, также и его ренту, т. е. ту часть получаемой им на занятый капитал прибыли, которую он раньше отдавал праздному капиталисту *П*. Очевидно, этот

процесс и представляется воображению господина Дестюта, потому что он продолжает:

«Но, скажут, если это так и если предприниматели различных отраслей производства действительно *пожинают ежегодно больше, чем посеяли*, то в короткое время они должны завладеть *всеобщим общественным богатством*, и в государстве вскоре останутся одни только наемные работники, не имеющие собственности, и капиталистические предприниматели. Это верно, и дело обстоит бы так в действительности, если бы предприниматели или их наследники, обогатившись, не удалялись от дел и, таким образом, не пополняли непрерывно класс праздных капиталистов; и все же, несмотря на подобного рода эмиграцию, часто имеющую место, мы видим, что, когда производство в данной стране развивается в течение некоторого времени без слишком больших потрясений, капиталы предпринимателей всегда возрастают не только пропорционально росту общего богатства, но и в гораздо еще большей степени... К этому можно было бы добавить, что этот результат был бы еще гораздо ощутительнее, не будь тех громадных поборов, которыми в форме налогов все правительства из года в год отягощают деятельный в производстве класс» (стр. 240—241).

И господин Дестют до известного пункта совершенно прав, хотя совсем не в том, что он хочет объяснить. В эпоху гибнущего средневековья и поднимающегося капиталистического производства быстрое обогащение «деятельных капиталистов» отчасти объясняется тем, что они прямо надували земельных собственников. Когда стоимость денег в результате сделанных в Америке открытий понизилась, фермеры продолжали платить земельным собственникам номинально, но не реально, прежнюю ренту, тогда как промышленники продавали товары тем же земельным собственникам не только по повысившейся денежной стоимости, но даже просто выше их стоимости. Точно так же во всех тех странах, например азиатских, где главный доход страны в форме земельной ренты находится в руках земельных собственников, государей и т. д., *малочисленные* и потому не зависящие от конкуренции промышленники продают им свои товары по монопольным ценам и таким путем присваивают себе часть их дохода, обогащаются [405] не только тем, что продают им «неоплаченный» труд, но и тем, что продают товары за большее количество труда, нежели в них содержится. Только господин Дестют опять неправ, полагая, что капиталисты, ссужающие деньги, дают себя обманывать подобным же образом. Наоборот, взимая высокие проценты, они являются, прямо или косвенно, участниками этих высоких прибылей, участниками этого надувательства.

Что господину Дестюту рисовалось именно это явление, показывает следующая его фраза:

«Достаточно только бросить взгляд на то, как они» (деятельные капиталисты) «были слабы во всей Европе триста или четыреста лет тому назад

по сравнению с огромными богатствами всяких могущественных особ и как они теперь увеличили свою численность и окрепли, тогда как богатства тех уменьшились» (цит. соч., стр. 241).

Господин Дестют хотел объяснить нам *прибыли*, и притом *высокие прибыли*, деятельного капитала. Он объяснял это двояким образом. Во-первых, тем, что *деньги*, уплачиваемые этими капиталистами в форме заработных плат и рент, притекают к ним обратно, так как на эти заработные платы и ренты у них покупаются их продукты. На самом деле этим объяснено только то, почему они не уплачивают заработную плату и ренту *вдвойне* — сперва в форме денег, а затем в форме товаров на ту же сумму денег. Второе объяснение состоит в том, что они продают свои товары выше их цены, *слишком дорого*: во-первых, *самим себе*, надувая, стало быть, самих себя и друг друга; во-вторых — рабочим, опять надувая, следовательно, самих себя, потому что ведь господин Дестют сказал нам, что потребление наемных работников «следует рассматривать как потребление, осуществляемое теми, кто их содержит на жалованье» (стр. 235); наконец, в-третьих — *получателям ренты*, надувая также и их; и это, действительно, могло бы объяснить, почему деятельные капиталисты удерживают для самих себя все большую часть своей прибыли, вместо того чтобы отдавать ее праздным капиталистам. Это показало бы, почему *распределение совокупной прибыли* между деятельными и недейтельными капиталистами совершается все больше и больше к выгоде первых за счет вторых. Но это ни на йоту не приблизило бы нас к пониманию того, *откуда эта совокупная прибыль* происходит. Даже если допустить, что деятельные капиталисты целиком завладели ею, все-таки остается вопрос: откуда она берется?

Таким образом, Дестют ни на что не ответил, а только обнаружил, что принимает обратный приток денег за обратный приток самого товара. Этот *обратный приток денег* означает только то, что капиталисты сначала платят заработную плату и ренту деньгами, вместо того чтобы уплачивать их товарами; что на эти деньги у них затем покупаются их товары и таким образом получается, что они этим окольным путем уплатили товарами. Эти деньги непрерывно притекают, следовательно, к ним обратно, но лишь в той мере, в какой у них на ту же денежную стоимость окончательно отбираются товары, поступающие в потребление наемных рабочих и получателей ренты.

Господин Дестют (чисто по-французски, у Прудона мы тоже встречаем подобные возгласы изумления по своему собственному адресу) прямо поражен той

«ясностью», которую «этот способ рассмотрения потребления наших богатств... вносит в понимание всего хода общественной жизни. Откуда проистекают эта гармония и этот свет? Они проистекают из того обстоятельства, что мы открыли истину. Это напоминает действие тех зеркал, в которых предметы отражаются четко и в их правильных пропорциях, когда наблюдатель занял надлежащее место, и в которых все представляется спутанным и бессвязным, когда наблюдатель находится слишком близко или слишком далеко» (стр. 242—243).

В дальнейшем господин Дестют совершенно мимоходом вспоминает — из того, что он читал у А. Смита, — о действительном положении вещей, но по существу он повторяет лишь словесную формулировку этого действительного положения вещей, не поняв подлинного ее смысла; ибо в противном случае он, этот член Института Франции ⁸⁵, никак не мог бы изливать упомянутые выше «потоки света». Дестют пишет (стр. 246):

«Откуда получают эти праздные люди свои доходы? Разве не из ренты, которую им платят из своих *прибылей* те, кто *приводит в действие свои капиталы*, т. е. те, которые своими фондами *оплачивают труд, производящий больше, чем он стоит сам*, одним словом деловые люди?»

{Ага! Значит, ренты (а также и собственные прибыли), выплачиваемые деятельными капиталистами праздным капиталистам за занятые у последних фонды, получают оттого, что они этими фондами оплачивают труд, «*производящий больше, чем он стоит*», т. е. труд, продукт которого обладает большей стоимостью, чем уплаченная выполнившему этот труд рабочему; или прибыль получается, стало быть, из того, что наемными рабочими производится сверх издержек на их содержание, т. е. из прибавочного продукта, который присваивается деятельным капиталистом и из которого этот последний отдает только ту или иную часть получателям земельной и денежной ренты.}

Господин Дестют делает из этого не тот вывод, что нужно восходить к этим производительным рабочим, а тот, что следует восходить к капиталистам, использующим их:

«Именно эти деятельные капиталисты и кормят в действительности даже тех наемных работников, которые заняты у других» (стр. 246).

Разумеется. Поскольку они эксплуатируют труд непосредственно, а праздные капиталисты делают это лишь через их посредство. И в этом смысле правильно рассматривать деятельный капитал как источник богатства.

[406] «Поэтому всегда нужно восходить к ним» (к деятельным капиталистам), «если мы хотим найти источник всякого богатства» (стр. 246).

«С течением времени *богатства накопились в более или менее значительном количестве, так как результат прежнего труда не потреблялся целиком тотчас же после того, как был произведен. Из владельцев этих богатств одни довольствуются извлечением из них ренты и потребле-*

нием последней. Это те, которых мы назвали праздными капиталистами. Другие, более активные, пускают в дело свои собственные и занятые у других фонды. Они употребляют их на оплату труда, который воспроизводит эти фонды с прибылью».

{Следовательно, здесь мы имеем не только воспроизводство этих фондов, но и производство избытка, образующего *прибыль*.}

«Этой прибылью они оплачивают свое собственное потребление и платят за потребление других. И в результате самого этого потребления» (их собственного, а также и праздных капиталистов? — опять прежняя нелепость) «их фонды возвращаются к ним несколько увеличенными, и деятельные капиталисты начинают то же самое снова. Вот что представляет собой обращение» (стр. 246—247).

Исследование о «производительном рабочем» и результат этого исследования, гласящий, что производительным оказывается только тот рабочий, покупателем которого является деятельный капиталист, только тот рабочий, труд которого производит прибыль для непосредственного покупателя этого труда, — привели господина Дестюта к заключению, что *дейательные капиталисты* являются в действительности *единственными производительными работниками* в высшем смысле слова:

«Те, которые живут на прибыль» (дейательные капиталисты), «кормят всех остальных людей; только они увеличивают общественное богатство и создают все наши средства наслаждения. Так и должно быть, *потому что труд является источником всякого богатства* и потому что только они одни дают *полезное направление текущему труду, применяя с пользой накопленный труд*» (стр. 242).

То, что они «дают полезное направление текущему труду», означает на деле только то, что они применяют полезный труд, труд, имеющий своим результатом потребительные стоимости. Но то, что они «применяют с пользой накопленный труд», — если это не должно означать опять то же самое, а именно, что они используют накопленное богатство производственно, для производства потребительных стоимостей, — означает, что они применяют «с пользой накопленный труд» для того, чтобы покупать на него больше текущего труда, чем содержится в нем самом. В только что цитированной фразе Дестют наивно резюмирует противоречия, составляющие сущность капиталистического производства. Так как труд есть источник всякого богатства, то источником всякого богатства оказывается капитал; и настоящим творцом растущего богатства является не тот, кто трудится, а тот, кто извлекает прибыль из труда других. Производительные силы труда оказываются производительными силами капитала.

«Наши способности составляют наше единственное первоначальное богатство; наш труд производит всякое другое богатство, и всякий хорошо направленный труд производителен» (стр. 243).

Отсюда, по мнению Дестюта, само собой следует, что деятельные капиталисты «кормят всех остальных людей, что только они увеличивают общественное богатство и создают все средства наслаждения». Наши способности (*facultés*) — наше единственное первоначальное богатство, поэтому способность к труду (рабочая сила) не является богатством. Труд производит все другие богатства; это значит, что он производит богатства для всех остальных, кроме самого себя, и не он сам составляет богатство, а лишь его продукт. Всякий хорошо направленный труд производителен; это значит, что всякий производительный труд, всякий труд, приносящий капиталисту прибыль, хорошо направлен.

Ниже следующие замечания Дестюта, относящиеся не к различным классам потребителей, а к различной природе предметов потребления, очень хорошо передают взгляд А. Смита, высказанный им в книге II, глава 3, где он, в конце главы, исследует, какой род (непроизводительного) расхода, т. е. индивидуального потребления, потребления дохода, является более выгодным и какой род менее выгодным. Смит начинает это исследование следующими вступительными словами (перевод Гарнье, том II, стр. 345) [Русский перевод, том I, стр. 292]:

«Если бережливость увеличивает общую массу капиталов, а расточительность уменьшает ее, то образ действий тех, кто свои расходы в точности соразмеряет со своим доходом, ничего не накопляя и не затрагивая своих фондов, не увеличивает, равно как и не уменьшает, общую массу капиталов. Однако существуют некоторые способы расходования дохода, которые, по-видимому, больше других содействуют увеличению всеобщего благосостояния».

Дестют так резюмирует рассуждение Смита:

«Если потребление бывает весьма разнообразным в зависимости от характера потребителя, то оно изменяется также и в зависимости от природы потребляемых вещей. Правда, все вещи представляют труд, но стоимость его в одних вещах фиксирована более прочно, чем в других. Устройство фейерверка может стоить столько же труда, сколько добыча и шлифовка бриллианта, и потому первый может иметь такую же стоимость, как и второй. Но после того как я купил их, заплатил за них и использовал тот и другой, от первого через полчаса у меня ничего не останется, тогда как второй еще и через сто лет может служить для моих внуков источником богатства... Точно так же обстоит дело с теми продуктами, [407] которые называют» (т. е. называет господин Сэй) «нематериальными продуктами. Какое-нибудь открытие обладает вечной полезностью. Какое-нибудь литературное произведение, какая-нибудь картина тоже обладает более или менее длительной полезностью, тогда как полезность бала, концерта, спектакля мгновенна и тотчас же исчезает. То же самое можно сказать о личных услугах врачей, адвокатов, солдат, домашних слуг и вообще всех тех, кого называют *служащими*. Их полезность существует лишь в тот момент, когда в них нуждаются... Наиболее быстрое потребле-

ние является наиболее разорительным, так как именно оно за равный промежуток времени уничтожает наибольшее количество труда или в более короткое время уничтожает то же количество труда; в сравнении с этим всякое более медленное потребление есть своего рода образование *сокровищ*, так как оно дает возможность наслаждаться в будущем частью того, чем мы сегодня пожертвовали... Каждый знает, что гораздо экономнее иметь *за ту же цену* одежду, которая носится три года, чем одежду, изнашивающуюся уже за три месяца» (стр. 243—244).

**[15] ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЕМИКИ ПРОТИВ
СМИТОВСКОГО РАЗЛИЧЕНИЯ МЕЖДУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ
И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ ТРУДОМ. АПОЛОГЕТИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД НА НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
КАК НА НЕОБХОДИМЫЙ СТИМУЛ К ПРОИЗВОДСТВУ]**

Большинство писателей, полемизировавших против смитовского различия между производительным и непроизводительным трудом, рассматривают *потребление* как необходимый стимул к производству. *Поэтому* в их глазах те наемные работники, которые живут за счет дохода, т. е. непроизводительные работники, наем которых не производит богатства, а сам является новым потреблением богатства, оказываются столь же производительными *даже в смысле создания материального богатства*, как и производительные рабочие, потому что они расширяют область материального потребления, а тем самым и область производства. Большей частью это было, следовательно, апологией, с буржуазно-экономической точки зрения, отчасти праздных богачей и тех «непроизводительных работников», *услуги* которых они потребляют, отчасти «сильных правительств», делающих крупные затраты, апологией роста государственных долгов, апологией обладателей доходных местечек в церкви и государстве, всякого рода *синекур* и т. д. Ибо все эти «непроизводительные работники», — *услуги* которых фигурируют в числе расходов праздных богачей, — имеют между собой то общее, что, *производя «нематериальные продукты»*, они потребляют «материальные продукты», т. е. продукты труда производительных рабочих.

Другие политико-экономы, как, например, Мальтус, принимают различие между производительными и непроизводительными работниками, но доказывают «деятельному капиталисту», что последние столь же необходимы ему даже для производства материального богатства, как и первые.

Здесь ни к чему фразы о том, что производство и потребление тождественны или что потребление является целью всякого производства или что производство представляет собой

предпосылку всякого потребления. В основе всей полемики — помимо указанной тенденции — лежит скорее следующее:

Потребление рабочего равно в среднем лишь издержкам его производства, а не его продукту. Весь избыток рабочий, следовательно, производит для других, и таким образом вся эта часть его продукта оказывается *производством для других*. Далее, «деятельный капиталист», принуждающий рабочего к этому *перепроизводству* (т. е. к производству сверх собственных жизненных потребностей рабочего) и пускающий в ход все средства для того, чтобы возможно больше увеличить это относительное *перепроизводство* в противоположность необходимому производству, непосредственно присваивает себе прибавочный продукт. Но в качестве персонифицированного капитала он производит ради производства, стремится к обогащению ради обогащения. Поскольку он является простым исполнителем функций капитала, т. е. носителем капиталистического производства, его интересует меновая стоимость и ее увеличение, а не потребительная стоимость и увеличение ее количества. Его интересует увеличение абстрактного богатства, растущее присвоение чужого труда. Он охвачен совершенно таким же абсолютным стремлением к обогащению, как и собиратель сокровищ, с тем только различием, что он удовлетворяет это стремление не в иллюзорной форме образования золотых и серебряных сокровищ, а в форме образования капитала, которое является действительным производством. Если перепроизводство у рабочего есть *производство для других*, то производство у нормального капиталиста, у «деятельного капиталиста», каким он должен быть, является *производством ради производства*. Правда, чем больше возрастает его богатство, тем больше он изменяет этому идеалу и сам становится расточительным, хотя бы для того, чтобы выставлять напоказ свое богатство. Но это всегда — потребляющее богатство с нечистой совестью, с задней мыслью о бережливости и расчетливости. При всей своей расточительности «деятельный капиталист», как и собиратель сокровищ, остается по существу скрягой.

Если Сисмонди говорит, что развитие производительных сил труда дает рабочему возможность пользоваться все большими наслаждениями, но что сами эти наслаждения, если бы они были ему предоставлены, сделали бы его (как наемного рабочего) непригодным к труду *, то не менее верно и то, что

* Сисмонди говорит: «Благодаря прогрессу промышленности и науки каждый рабочий может ежедневно производить гораздо больше, чем требуется для его необходимого потребления. Но, в то время как его труд производит богатство, это богатство, если бы он был призван потреблять его сам, сделало бы его мало пригодным к труду» («Nouveaux Principes», том I, стр. 85) [Русский перевод, том I, стр. 183—184].

«деятельный капиталист» становится в большей или меньшей степени неспособным к выполнению своей функции, как только он сам делается представителем потребляющего богатства, как только он начинает стремиться к накоплению наслаждений вместо наслаждения накоплением.

Таким образом, «деятельный капиталист» тоже является производителем *перепроизводства, производства для других*. Этому перепроизводству на одной стороне должно противостоять перепотребление на другой стороне, производству ради производства — потребление ради потребления. То, что «деятельный капиталист» должен отдавать владельцам земельной ренты, государству, кредиторам государства, церкви и т. д., которые только потребляют доход [408], абсолютно уменьшает его богатство, но не дает застыть его жажде обогащения и таким путем сохраняет его капиталистическую душу. Если бы получатели земельной и денежной ренты и т. д. тоже стали тратить свой доход на производительный труд вместо непроизводительного, то цель осталась бы недостигнутой. Они сами стали бы «деятельными капиталистами», вместо того чтобы представлять функцию потребления как такового. В дальнейшем мы еще ознакомимся с чрезвычайно комической полемикой по этому вопросу между одним рикардянцем и одним мальтузианцем ⁸⁶.

Производство и потребление *внутренне [an sich]* нераздельны. Из этого следует, что так как они в системе капиталистического производства фактически отделены, то их единство восстанавливается посредством их противоположения, тем путем, что если *A* должен производить за *B*, то *B* должен потреблять за *A*. Подобно тому, как каждый отдельный капиталист, что касается его самого, желает, чтобы расточительность проявляли те, которые являются участниками его дохода, так и вся старая меркантилистская система основана на той идее, что нация должна быть скромной по отношению к себе самой, но должна производить предметы роскоши для чужих наций, предающихся наслаждению. Здесь мы имеем все ту же идею производства ради производства на одной стороне, а потому и потребления чужой продукции — на другой стороне. Эта идея меркантилистской системы выражена, между прочим, в «Moral Philosophy» доктора Пейли, том II, глава 11:

«Умеренный и трудолюбивый народ направляет свою деятельность на удовлетворение спроса, предъявляемого богатой, предающейся роскоши нацией» ⁸⁷,

* * *

«Они» («наши политики», т. е. Гарнье и др.), — говорит Дестют, — «выставляют тот общий принцип, что потребление есть причина производства и потому чем оно больше, тем лучше. Они утверждают, что именно это создает большое различие между общественной экономией и частной» (цит. соч., стр. 249—250).

Хороша также следующая фраза:

«Бедные нации — это те, где народу хорошо живется, а богатые нации — те, где народ обычно беден» (там же, стр. 231).

**[16] АНРИ ШТОРХ [АНТИИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАТЕРИАЛЬНЫМ
И ДУХОВНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ. КОНЦЕПЦИЯ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ТРУДА», ВЫПОЛНЯЕМОГО
ГОСПОДСТВУЮЩИМ КЛАССОМ]**

Henri Storch. Cours d'économie politique и т. д. Издание Ж. Б. Сэя. Париж, 1823. (Это — лекции, читанные великому князю Николаю и законченные в 1815 году.) *Том III.*

После Гарнье Шторх был по сути дела первым, кто в полемике против смитовского различия между производительным и непроизводительным трудом пытался стать на новую почву.

От материальных благ, составных частей материального производства, он отличает «внутренние блага, или элементы цивилизации», законы производства которых должна изучать «теория цивилизации» (назв. соч., том III, стр. 217). (В I томе, стр. 136, мы читаем:

«Ясно, что человек никогда не приступает к производству богатств, пока он не обладает внутренними благами, т. е. пока он не развил свои физические, умственные и моральные способности, а это предполагает средства для их развития, такие, как *общественные учреждения* и т. д. Следовательно, чем цивилизованнее данный народ, тем больше может возрасти его национальное богатство». Точно так же и наоборот.)

Против Смита:

«Смит... исключает из числа *производительных видов труда* все те, которые не участвуют *непосредственно* в производстве богатств; но при этом он имеет в виду только национальное богатство... Ошибка его в том, что он не провел должного различия между *нематериальными ценностями* и *богатствами*» (том III, стр. 218).

Этим дело собственно и кончается. Различение между производительными видами труда и непроизводительными имеет решающее значение для того, что рассматривает Смит, — для производства материального богатства, и притом для определенной формы этого производства, для капиталистического

способа производства. В духовном производстве в качестве производительного выступает другой вид труда. Но Смит не рассматривает его. Наконец, взаимодействие и внутренняя связь обоих видов производства тоже не входят в круг его рассмотрения; к тому же это может привести к чему-нибудь большему, чем пустые фразы, только тогда, когда материальное производство рассматривается *sub sua propria specie* *. Если Смит говорит о таких рабочих, которые являются производительными не непосредственно, то лишь постольку, поскольку они *непосредственно* участвуют в потреблении материального богатства, а не в его производстве.

У самого Шторха, — хотя в его *«теории цивилизации»* и попадаются некоторые остроумные замечания, например о том, что материальное разделение труда является предпосылкой разделения духовного труда, — *«теория цивилизации»* не идет дальше тривиальных общих фраз. В какой мере это и *должно было* иметь место у Шторха, насколько далек он был даже от того, чтобы хотя бы только *сформулировать* себе эту задачу, не говоря уже о ее решении, явствует из одного *единственного* обстоятельства. Чтобы исследовать связь между духовным [409] и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в *определенной исторической* форме. Так, например, капиталистическому способу производства соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство не брать в его *специфической исторической* форме, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих. Дальше пошлостей тогда не уйдешь. Это по поводу фразы о «цивилизации».

Далее: из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства.

Наконец: под духовным производством Шторх понимает вместе с тем различные виды профессиональной деятельности всех тех слоев господствующего класса, для которых выполнение социальных функций является промыслом. Существование этих сословий, равно как и их функции могут быть поняты

* — под своим собственным углом зрения. *Ред.*

только из определенного исторического строя их производственных отношений.

Так как Шторх рассматривает само материальное производство не *исторически*, рассматривает его как производство материальных благ вообще, а не как определенную, исторически развившуюся и специфическую форму этого производства, то этим он сам лишает себя той основы, на которой только и возможно понять как идеологические составные части господствующего класса, так и свободное духовное производство данной общественной формации. Он не в состоянии выйти за пределы общих, бессодержательных фраз. Да и само это отношение совсем не так просто, как он предполагает. Так, капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии. Не учитывая этого, можно прийти к иллюзии французов XVIII века, так хорошо высмеянной Лессингом⁸⁸. Так как в механике и т. д. мы ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и свой эпос? И вот взамен «Илиады» появляется «Генриада»⁸⁹.

Правильным, напротив, является то, что Шторх подчеркивает специально против Гарнье, который собственно и является отцом *этой* полемики против Смита. А именно, Шторх подчеркивает, что противники Смита подходят к вопросу не с того конца.

«Что делают критики Смита? Весьма далекие от того, чтобы установить это различие» (между «нематериальными ценностями» и «богатствами»), «они окончательно смешивают оба эти вида ценностей, которые столь явно различны». (Они утверждают, что производство духовных продуктов или производство услуг является *материальным* производством.) «Рассматривая нематериальный труд как *производительный*, они предполагают, что он *производит*» (т. е. непосредственно производит) «*богатства*, т. е. материальные и пригодные к обмену ценности; а между тем он производит только нематериальные и непосредственные ценности; критики Смита исходят из предположения, что продукты нематериального труда подчинены тем же законам, что и продукты материального труда, а между тем первые управляются иными принципами, чем вторые» (том III, стр. 218).

Отметим следующие положения Шторха, которые у него заимствовались позднейшими авторами:

«Так как внутренние блага являются отчасти продуктом услуг, то решили, что они не более долговечны, чем сами услуги, и что они необходимым образом потребляются по мере их производства» (том III, стр. 234). «Первичные внутренние блага, отнюдь не уничтожаясь от их употребления, возрастают и умножаются благодаря упражнению, так что само их *потребление* увеличивает их ценность» (там же, стр. 236). «Внутренние блага, как и богатства, могут быть накаплиемы и способны образовывать капиталы, которые можно применять для воспроизводства» и т. д. (там же, стр. 236). «Материальный труд должен быть разделен, и его продукты должны быть накоплены прежде, чем можно начать думать о разделении нематериального труда» (стр. 241).

Но все это лишь самые общие поверхностные аналогии и параллели между духовным и материальным богатством. Совершенно таково же, например, и то его замечание, что неразвитые нации *заимствуют* свои духовные капиталы из зарубежных стран; подобно тому как материально неразвитые нации заимствуют оттуда свои материальные капиталы (там же, стр. 306), что разделение нематериального труда зависит от спроса на него, короче говоря — от рынка, и т. д. (стр. 246).

А вот те места, которые прямо списывались:

[410] «Производство внутренних благ, далекое от того, чтобы уменьшать национальное богатство потреблением материальных продуктов, в которых оно нуждается, является, напротив, мощным средством его увеличения», как и наоборот, «производство богатств служит столь же мощным средством для роста цивилизации» (там же, стр. 517). «Национальное благосостояние растет благодаря равновесию этих двух видов производства» (стр. 521).

По Шторху, врач производит здоровье (но он производит также и болезнь), профессор и писатели — просвещение (но они производят также и обскурантизм), поэты, художники и т. д. — вкус (но они производят также и безвкусие), моралисты и т. п. — нравы, проповедники — религию, труд государя — безопасность, и т. д. (стр. 347—350). С таким же правом можно сказать, что болезнь производит врачей, глупость — профессоров и писателей, безвкусие — поэтов и художников, безнравственность — моралистов, суеверие — проповедников, а отсутствие всеобщей безопасности — государей. Эта манера утверждать, что все эти виды деятельности, эти «услуги», производят действительную или воображаемую потребительную стоимость, повторяется позднейшими авторами для доказательства того, что упомянутые выше лица являются производительными работниками в смитовском смысле, т. е. непосредственно производят не продукты *suī generis* *, а продукты материального труда и поэтому непосредственно — богатство. У Шторха еще нет этой нелепости, которая, впрочем, может быть полностью объяснена следующими моментами:

1) в буржуазном обществе различные функции взаимно предполагают друг друга;

2) антагонизмы в области материального производства делают необходимой надстройку из идеологических сословий, деятельность которых, — хороша ли она или дурна, — хороша потому, что необходима;

3) все функции состоят на службе у капиталиста, идут ему на «благо»;

* — особого рода. Ред.

4) даже высшие виды духовного производства получают признание и становятся *извинительными* в глазах буржуа только благодаря тому, что их изображают и ложно истолковывают как прямых производителей материального богатства.

**[17)] НАССАУ СЕНИОР [ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ВСЕХ
ПОЛЕЗНЫХ ДЛЯ БУРЖУАЗИИ ФУНКЦИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМИ.
РАБОЛЕПСТВО ПЕРЕД БУРЖУАЗИЕЙ
И БУРЖУАЗНЫМ ГОСУДАРСТВОМ]**

W. Nassau Senior. Principes fondamentaux de l'économie politique. Перевод Жана Арривабене. Париж, 1836.

Нассау Сениор напускает на себя важный вид.

«По Смиту, законодатель евреев был непроизводительным работником» (назв. соч., стр. 198).

Кто это: Моисей Египетский или Моисей Мендельсон? Очень поблагодарил бы Моисей господина Сениора за признание его смитовским «производительным работником». Эти люди до такой степени поработаны своими буржуазными навязчивыми идеями, что по их мнению Аристотель или Юлий Цезарь обиделись бы, если бы их назвали «непроизводительными работниками». А между тем Аристотель и Цезарь сочли бы оскорблением уже само название «работники».

«Разве врач, вылечивающий своим предписанием больного ребенка и таким образом сохраняющий ему жизнь на долгие годы, не производит длительного результата?» (там же).

Вздор! Если ребенок умирает, результат не менее длителен. А если ребенок остается больным, то *услуга* врача все же должна быть оплачена. По Нассау, врачам следовало бы платить лишь постольку, поскольку они излечивают, адвокатам — лишь постольку, поскольку они выигрывают процессы, а солдатам — лишь постольку, поскольку они одерживают победы.

Но теперь он становится поистине возвышенным:

«Разве голландцы, боровшиеся против тирании испанцев, или англичане, восставшие против тирании, грозившей стать еще более ужасной, произвели только мимолетные результаты?» (цит. соч., стр. 198).

Беллетристический хлам! Голландцы и англичане совершали восстания за свой собственный счет. Никто не платил им за то, что они трудились «в революции». А в вопросе о производительных или непроизводительных работниках речь всегда идет о покупателе труда и продавце его. Что за вздор!

Пошлая беллетристика этих молодчиков в их полемике против Смита показывает только, что они являются представи-

телями «образованного капиталиста», тогда как Смит был *истолкователем* откровенно грубого буржуа-выскачки. Образованный буржуа и его рупор, оба до такой степени тупоумны, что они значение всякой деятельности измеряют ее [411] воздействием на кошелек. С другой стороны, они являются настолько образованными, что *признают* также и такие функции и виды деятельности, которые не имеют ничего общего с производством богатства, и притом признают их потому, что и эти виды деятельности «косвенно» увеличивают и т. д. их богатство, словом, выполняют «полезную» для богатства функцию.

Человек сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства. Поэтому все те обстоятельства, которые воздействуют на человека, этого *субъекта* производства, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности, значит также и те его функции и виды деятельности, которые он выполняет как создатель материального богатства, товаров. В этом смысле можно действительно доказать, что *все* человеческие отношения и функции, в какой бы форме и в чем бы они ни проявлялись, влияют на материальное производство и более или менее определяющим образом воздействуют на него.

«Существуют страны, где совершенно невозможно обрабатывать землю без охраны со стороны солдат. И что же! По классификации Смита, собранный урожай не является продуктом совместного труда того человека, который ходит за плугом, и того, который рядом с ним шагает с оружием в руках; по мнению Смита, только земледелец является производительным работником, а деятельность солдата непроизводительна» (цит. соч., стр. 202).

Во-первых, это неверно. Смит сказал бы, что деятельность солдата производит защиту, но не хлеб. Если бы в стране установился порядок, то земледелец продолжал бы, как и прежде, производить хлеб, не будучи вынужденным производить в придачу к этому средства для содержания солдата, а стало быть и его жизнь. Солдат относится к *faux frais* * производства, как значительная часть непроизводительных работников, которые сами ничего не производят — ни в области духовного, ни в области материального производства — и только вследствие недостатков социальной структуры оказываются полезными и необходимыми, будучи обязаны своим существованием наличию социальных зол.

Но Нассау мог бы сказать, что при изобретении машины, делающей из 20 рабочих 19 человек излишними, эти 19 тоже становятся *faux frais* производства. Однако солдат может

* См. сноску на стр. 149. *Ред.*

оказаться излишним несмотря на то, что *материальные условия производства*, условия земледелия как такового, остаются те же. А 19 рабочих могут оказаться излишними только в том случае, если труд остающегося одного рабочего сделался в 20 раз более производительным, следовательно только в результате революции в данных материальных условиях производства. К тому же, уже *Бьюкенен* замечает:

«Если бы, например, солдата следовало называть производительным работником на том основании, что его труд содействует производству, то производительный рабочий с таким же правом мог бы претендовать на воинские почести, так как не подлежит сомнению, что без его содействия никакая армия не могла бы выступить в поход, чтобы сражаться и одерживать победы» (*D. Buchanan. Observations on the subjects treated of in Dr. Smith's Inquiry etc. Edinburgh, 1814, стр. 132*).

«Богатство нации зависит не от числового соотношения между теми, кто производит *услуги*, и теми, кто производит *стоимости*, а от такой пропорции между ними, которая наиболее способствует тому, чтобы сделать труд каждого возможно более плодотворным» (*Сениор*, цит. соч., стр. 204).

Этого Смит никогда не отрицал, так как он хочет, чтобы количество таких «необходимых» непроизводительных работников, как государственные чиновники, адвокаты, попы и т. п., было сокращено до тех *размеров*, в каких их услуги необходимы. А это, во всяком случае, и есть та «пропорция», при которой они делают возможно более плодотворным труд производительных рабочих. Что же касается других «непроизводительных работников», труд которых каждый покупает только *добровольно*, чтобы пользоваться их *услугами*, т. е. покупает как предмет потребления, предоставляемый его выбору, то тут могут быть различные случаи. Число этих живущих на доход работников может быть велико по сравнению с числом «производительных» рабочих, *во-первых*, потому, что богатство вообще невелико или носит односторонний характер, как, например, у средневековых баронов с их свитой. Вместо того чтобы потреблять в сколько-нибудь значительных количествах промышленные товары, они поедали вместе со своей свитой свои сельскохозяйственные продукты. Когда же вместо этого они стали потреблять промышленные товары, их свите пришлось взяться за труд. Число живущих на доход было велико только потому, что значительная часть годового продукта потреблялась не *в целях воспроизводства*. При всем том общее количество населения было невелико. *Во-вторых*, число живущих на доход может быть велико потому, что высока производительность производительных рабочих, т. е. велик их прибавочный продукт, которым кормятся прихлебатели. В этом случае труд

производительных рабочих не потому производителей, что существует так много прихлебателей, а наоборот, существует так много прихлебателей потому, что труд производительных рабочих столь производителен.

Если взять две страны с одинаковым народонаселением и одинаковым развитием производительных сил труда, то всегда с полным правом можно будет сказать вместе с А. Смитом, что богатство обеих стран следует измерять соотношением между производительными и непроизводительными работниками. Ибо это означает только то, что в стране, где имеется относительно большее число производительных рабочих, относительно большее количество годового дохода потребляется в целях воспроизводства и, стало быть, ежегодно производится большая масса стоимостей. Таким образом, господин Сениор только пересказывает положение [412] Адама, вместо того чтобы противопоставить ему какую-нибудь новую мысль. А затем он сам проводит здесь различие между «производителями услуг» и «производителями стоимостей», и таким образом с ним происходит то же самое, что и с большинством этих противников смитовского различия: они принимают и сами применяют то самое различие, которое они же отвергают.

Характерно, что все «непроизводительные» экономисты, которые решительно ничего не создают в своей собственной специальности, выступают против различия между производительным и непроизводительным трудом. Но по отношению к буржуа эта позиция «непроизводительных» экономистов выражает, с одной стороны, раболепство, стремление изобразить все функции состоящими на службе у производства богатства для буржуа; а с другой стороны, стремление доказать, что буржуазный мир — самый лучший из миров, все в нем полезно, а сам буржуа настолько образован, что видит и понимает это.

По отношению же к рабочим эта точка зрения сводится к утверждению, что потребление больших масс продуктов непроизводительными элементами вполне в порядке вещей, так как непроизводительные потребители в такой же мере содействуют производству богатства, как и рабочие, хотя и на свой особый манер.

Но в конце концов Нассау проговаривается и показывает, что он ни слова не понял в сделанном Смитом существенном различии. Он говорит:

«В самом деле, кажется, что в данном случае внимание Смита было целиком сосредоточено на положении *крупных земельных собственников*, к которым вообще только и могут быть применены его замечания о непроизводительных классах. Иначе я не могу объяснить себе его утверждение,

что капитал применяется только для содержания производительных работников, тогда как непроизводительные живут на доход. Наибольшая часть из тех, кого он преимущественно называет непроизводительными, — учителя, правители государства, — содержится за счет капитала, т. е. на средства, авансируемые на воспроизводство» (там же, стр. 204—205).

Здесь, действительно, немеешь от изумления. Открытие господина Нассау, что государство и школьный учитель живут за счет капитала, а не за счет дохода, не нуждается в дальнейших комментариях. Если господин Сениор хочет этим сказать нам, что они живут на прибыль с капитала, а значит в этом смысле за счет капитала, то он лишь забывает, что доход с капитала не есть сам капитал и что этот доход, результат капиталистического производства, не авансируется на воспроизводство, а напротив, сам является его результатом. Или он думает так потому, что некоторые налоги входят в издержки производства определенных товаров, следовательно в расходы определенных производств? Так пусть он знает, что это только одна из форм взимания налогов с дохода.

Относительно Шторха Нассау Сениор, этот умничающий пачкун, замечает еще:

«Господин Шторх, вне всякого сомнения, заблуждается, категорически утверждая, что эти *результаты*» (здоровье, вкус и т. д.) «составляют, подобно другим предметам, имеющим стоимость, часть *дохода* тех, кто ими обладает, и что они подобным же образом могут обмениваться» (а именно, поскольку они могут быть куплены у их производителей). «Если бы это было так, если бы вкус, нравственность, религия действительно были *предметами*, которые можно *покупать*, то богатство имело бы совсем иное значение, чем то, какое экономисты... ему приписывают. Мы покупаем вовсе не здоровье, не знания и не благочестие. Врач, священник, учитель... могут производить только средства, при помощи которых с большей или меньшей вероятностью и с большим или меньшим совершенством будут произведены эти дальнейшие результаты... Если в каждом данном случае были применены наиболее подходящие средства для достижения успеха, то производитель этих *средств* имеет право на вознаграждение даже в том случае, если он и не добился успеха, не достиг ожидаемых результатов. Обмен завершен, как только дан совет или же дан урок и за них получено вознаграждение» (цит. соч., стр. 288—289).

В конце концов великий Нассау сам снова принимает смитовское различие. А именно, он различает, вместо производительного и непроизводительного труда, «производительное потребление и непроизводительное потребление» (стр. 206). А предметом потребления является или товар, — но речь здесь идет не о нем, — или же непосредственно труд.

Производительно, согласно Сениору, то потребление, которое применяет труд, либо воспроизводящий самую рабочую силу (что может делать, например, труд школьного учителя или труд врача), либо *воспроизводящий* стоимость тех товаров, на

которые этот труд покупается. Непроизводительное потребление такого труда, который не совершает ни того, ни другого. Между тем Смит заявляет: труд, который может быть потреблен только производительно (т. е. производственно), я называю производительным трудом, а тот, который можно потреблять непроизводительно, потребление которого не является по природе своей производственным потреблением, я называю непроизводительным трудом. Здесь, стало быть, господин Сениор доказал свое остроумие посредством *nova vocabula rerum* *.

В общем Нассау списывает у Шторха.

**[18] П. РОССИ [ИГНОРИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ. ВУЛЬГАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ
«СБЕРЕЖЕНИЯ ТРУДА» НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМИ
РАБОТНИКАМИ]**

[413] *P. Rossi*. Cours d'économie politique (читан в 1836/37 году), брюссельское издание 1843 года.

Вот где мудрость!

«К *косвенным средствам*» (производства) «относится все то, что благоприятствует производству, все то, что способствует устранению препятствий, придает производству большую действенность, быстроту, легкость». (До этого у него сказано, стр. 268: «Существуют прямые средства производства и косвенные. Это значит: существуют такие средства, которые являются *необходимым* условием интересующего нас результата, силами, *совершающими* это производство; существуют и другие средства производства, которые способствуют производству, но не совершают его. Первые могут действовать даже *одни*, вторые могут лишь помогать первым в процессе производства».) ...«Всякий правительственный труд — косвенное средство производства... Тот, кто изготовил эту шляпу, должен признать, что жандарм, прохаживающийся по улице, судья, заседающий в суде, тюремщик, принимающий преступника в тюрьму и содержащий его в заключении, армия, защищающая границу от вторжений неприятеля, — что все они содействуют производству» (стр. 272).

Какое наслаждение для шляпника сознавать, что весь мир приходит в движение для того, чтобы он мог произвести и продать эту шляпу! Заставляя этого тюремщика и т. д. *косвенно* — а не *прямо* — содействовать материальному производству, Росси фактически делает то же различие, что и Адам (XII лекция).

В следующей, тринадцатой лекции Росси — по сути дела в том же примерно духе, как и его предшественники, — ополчается против Смита *ex professo* **.

* — новых наименований вещей. *Ред.*

** — специально. *Ред.*

Тремя причинами, говорит он, вызвано неправильное различение между производительными и непроизводительными работниками.

1) «Среди *покупателей* одни покупают продукты или *труд* с целью из *непосредственного личного потребления*; другие покупают их только для того, чтобы продавать новые продукты, которые они изготовляют при помощи приобретенных ими продуктов и купленного ими труда. Для первых определяющее значение имеет *потребительная стоимость*, для вторых — *меновая стоимость*. Когда во внимание принимают только меновую стоимость, то впадают в ошибку Смита. «Труд моего слуги непроизводителен для меня, — допустим это на минуту; но разве этот труд непроизводителен и для него?» (цит. соч., стр. 275—276).

Так как все капиталистическое производство основано на том, что труд покупается непосредственно с той целью, чтобы в процессе производства часть применяемого труда присвоить себе *без купли*, но затем и эту часть *продать* в продукте, — так как это составляет основу существования капитала, самую суть его, — то не является ли различие между трудом, производящим капитал, и трудом, его не производящим, базисом для понимания процесса капиталистического производства? Смит не отрицает, что труд слуги производителен для *него* самого. Всякая услуга производительна для ее продавца. Лжеприсяга производительна для того, кто получает за нее наличные деньги. Подделка документов производительна для того, кому за это платят. Убийство производительно для того, кому платят за убийство. Занятия сикофантов *, доносчиков, прихлебателей, паразитов, льстецов производительны для них, если они выполняют такого рода «услуги» не бесплатно. По России получается, что все они — «производительные работники», производители не только богатства, но и капитала. И мошенник, который оплачивает себя сам, — совершенно так же, как это делают суды и государство, — тоже «затрачивает некоторую силу, прилагает ее определенным образом, производит результат, удовлетворяющий потребность человека» [там же, стр. 275], а именно потребность вора и, быть может, сверх того еще его жены и детей. Выходит, что он — производительный работник, если все дело только в том, чтобы производить «результат», удовлетворяющий «потребность», или если для отнесения услуг к категории «производительных» нужно, как в вышеприведенных случаях, только то, чтобы человек продавал свои «услуги».

2) «Вторая ошибка заключалась в том, что не делали различия между прямым производством и косвенным производством. Вот почему государ-

* — подхалимов, прислужников. *Ред.*

ственный чиновник у А. Смита непроизводителен. Но если производство почти невозможно» (без труда государственного чиновника), «то ведь совершенно очевидно, что этот труд содействует производству если и не посредством прямой и материальной помощи, то все же посредством косвенного действия, которое нельзя не принимать в расчет» (цит. соч., стр. 276).

Этот косвенно участвующий в производстве труд (а он составляет только часть непроизводительного труда) мы и называем непроизводительным трудом. Иначе пришлось бы сказать, что так как государственный чиновник абсолютно не может существовать без крестьянина, то крестьянин является «косвенным производителем» юстиции и т. д. Вздор! Есть еще одна точка зрения — относящаяся к вопросу о разделении труда, но об этом после.

[3] «Недостаточно тщательно установлено различие между тремя главными фактами производства: между *силой*, или *производительным средством*, *применением* этой силы и *результатом*». Мы покупаем часы у часовщика; при этом нас интересует только *результат* труда. Или покупаем сюртук у портного; здесь имеет место то же самое. Однако «пахотятся еще люди старого закала, которые не так смотрят на вещи. Они зовут к себе рабочего и поручают емушить ту или другую одежду, снабжая его материей и всем необходимым для этой работы. Что они покупают, эти люди старого закала? Они покупают *силу*» {но также ведь и «применение этой силы»}, «средство, которое за их страх и риск произведет известные результаты... Объектом договора является покупка силы».

(Но в том-то и штука, что эти «люди старого закала» применяют такой способ производства, который не имеет ничего общего с капиталистическим и при котором невозможно все то развитие производительных сил труда, какое приносит с собой капиталистическое производство. Характерно, что такое специфическое различие для России и всех ему подобных является несущественным.)

«Нанимая слугу, я покупаю силу, которая может быть использована для выполнения сотен услуг и результаты деятельности которой зависят от того, как я эту силу использую» (стр. 276).

Все это не имеет никакого отношения к делу.

[414] В-третьих,

«можно покупать или нанимать... определенное применение какой-нибудь силы... В этом случае вы покупаете не продукт и не результат, который имеете в виду». Защитительная речь адвоката может привести или не привести к тому, что я выиграю процесс. «Во всяком случае сделка между вами и вашим адвокатом состоит в том, что за определенную стоимость он отправится в такой-то день в такое-то место, чтобы говорить там за вас и применять в ваших интересах свои интеллектуальные силы» (стр. 276).

{К этому еще одно замечание. В XII лекции, стр. 273, России говорит:

«Я далек от того, чтобы считать производителями лишь тех людей, которые проводят свою жизнь в изготовлении коленкора или сапог. Я уважаю труд, каков бы он ни был, .. но это уважение не должно быть исключительной привилегией *работника физического труда*».

Этого А. Смит не делает. Кто создает книгу, картину, музыкальное произведение, статую, тот у него «производительный работник» во втором смысле, хотя ни импровизатор, ни декламатор, ни виртуоз и т. д. не является таковым для Смита. А «услуги», поскольку они прямо входят в производство, А. Смит рассматривает как материализованные в продукте, будь то труд работника физического труда или же директора, приказчика, инженера и даже ученого, если он является изобретателем, работником мастерской, работающим в ее стенах или вне их. Говоря о разделении труда, Смит разъясняет, как эти операции распределяются между различными лицами, и показывает, что продукт, товар, является результатом их совместного труда, а не труда кого-либо одного из них. Но «духовные» работники вроде Росси озабочены тем, чтобы оправдать ту крупную долю, которую они получают из материального производства.}

После этого рассуждения Росси продолжает:

«Таким образом, в меновых сделках внимание сосредоточивается то на одном, то на другом из этих трех главных фактов производства. Но могут ли *эти различные формы обмена* отнять у известных *продуктов* характер *богатства*, а у *усилий определенного класса производителей* — качество *производительного труда*? Очевидно, что между этими идеями нет такой связи, которая оправдывала бы подобный вывод. Если я, вместо покупки определенного результата, покупаю силу, необходимую для его производства, то неужели вследствие этого *действие этой силы не будет производительным*, а *продукт не будет богатством*? Возьмем опять пример с портным. Покупают ли у портного одежду в совершенно готовом виде или же поручают сшить ее рабочему-портному, выдав ему материал и заработную плату, — в отношении результата в обоих случаях всегда получается одно и то же. Никто не скажет, что первый труд — *производительный труд*, а второй — *непроизводительный труд*; разница лишь та, что во втором случае тот, кто *хотел получить платье*, был своим *собственным предпринимателем*. Но в чем же, в отношении производительных сил, разница между рабочим-портным, которого вы взяли к себе на дом, и вашим слугой? Никакой разницы между ними нет» (цит. соч., стр. 277).

Здесь квинтэссенция всей ложной мудрости этого важничающего водолея. Поскольку А. Смит, в своем втором, менее глубоком определении, различает труд производительный и непроизводительный в зависимости от того, овеществляется ли труд прямо в таком товаре, который может быть продан покупателем труда, или не овеществляется, — постольку он назы-

вает портного в обоих случаях производительным работником. Но согласно его более глубокому определению портной, фигурирующий во втором из указанных случаев, — «непроизводительный работник». Росси показывает только, что он «очевидно» не понимает А. Смита.

То, что «*формы обмена*» кажутся Росси безразличными, равносильно тому, как если бы физиолог сказал, что ему безразличны определенные формы жизни, ибо все они — лишь формы органической материи. Но как раз только эти формы и важны для нас, когда речь идет о том, чтобы понять специфический характер какого-либо общественного способа производства. Сюртук есть сюртук. Но если он произведен при первой форме обмена, то перед вами капиталистическое производство и современное буржуазное общество; если же он произведен при второй форме обмена, то перед вами некоторая форма ручного труда, совместимая даже с азиатскими отношениями или со средневековыми и т. д. И эти *формы* являются определяющими для самого вещественного богатства.

Сюртук есть сюртук, в этом — вся премудрость Росси. Но в первом случае рабочий-портной производит не только сюртук, он производит капитал, а значит и прибыль; он производит своего хозяина как капиталиста и себя самого как наемного рабочего. Когда я поручаю рабочему-портному сшить для меня лично сюртук у меня на дому, то благодаря этому я столь же мало становлюсь своим собственным *предпринимателем* (в смысле определенной экономической категории), как мало *предприниматель-портной* становится предпринимателем оттого, что [415] он сам носит и потребляет сшитый его рабочими сюртук. В одном случае покупатель портняжного труда и рабочий-портной противостоят друг другу как простой покупатель и простой продавец. Один платит деньги, другой поставяет товар, в потребительную стоимость которого превращаются мои деньги. Это решительно ничем не отличается от того случая, когда я покупаю сюртук в магазине. Продавец и покупатель противостоят здесь друг другу просто как таковые. В другом случае, напротив, они противостоят друг другу как капитал и наемный труд. Что же касается слуги, то с рабочим-портным № 2, труд которого я сам покупаю ради его потребительной стоимости, он имеет то общее, что им обоим присуща одна и та же общественная форма. Оба — простые покупатели и продавцы. Разница только в том, что здесь, вследствие специфического способа пользования покупаемой потребительной стоимостью, имеет место еще некоторое патриархальное отношение, отношение господства и услужения, что видоизменяет и делает

отвратительным это отношение простой купли и продажи, если не по его экономической форме, то по его содержанию.

К тому же России лишь в других выражениях повторяет Гарнье.

«Когда Смит утверждает, что труд слуги не оставляет после себя никакого следа, то он,— скажем это прямо,— ошибается больше, чем это позволительно для Адама Смита. Допустим, что какой-нибудь фабрикант сам управляет большой фабрикой, требующей усиленного и внимательного надзора... Этот самый человек, не терпящий возле себя непроизводительных работников, не держит домашней прислуги. Он, следовательно, вынужден *сам себя обслуживать*... Что же будет с его производительным трудом в течение того времени, которое он должен посвящать этому якобы непроизводительному труду? Разве не ясно, что ваши слуги выполняют работу, которая дает вам возможность заниматься трудом, более соответствующим вашим способностям? Поэтому как же можно говорить, что от их услуг не остается никакого следа? Остается все то, что вы делаете и чего вы не могли бы делать, если бы в обслуживании вашей особы и вашего дома вас не заменяли слуги» (цит. соч., стр. 277).

Это опять то *сбережение труда*, о котором говорили Гарнье, Лодердель и Ганиль. Согласно этому взгляду, непроизводительные виды труда являются производительными лишь в той мере, в какой они сберегают труд и оставляют больше времени для собственного труда, будь то «деятельному капиталисту», будь то производительному рабочему, — оба они-де в состоянии выполнять более ценный труд благодаря тому, что в области менее ценного труда их заменяют другие. Этим самым исключается значительная часть непроизводительных работников — домашние слуги, в той мере, в какой они являются только предметом роскоши, и все те непроизводительные работники, которые производят только наслаждение и трудом которых я могу пользоваться лишь *тратя на пользование им ровно столько же времени, сколько требуется продавцу этого труда на то, чтобы произвести его*, выполнить его. В обоих случаях о «сбережении» труда не может быть и речи. Наконец, даже действительно сберегающие труд личные услуги были бы производительны лишь постольку, поскольку их потребитель является производительным работником. Если он праздный капиталист, то они сберегают ему труд только в том смысле, что избавляют его от необходимости вообще что-либо делать. Свински неопрятная барынька заставляет причесывать себя и стричь себе ногти, вместо того чтобы самой делать это; провинциальный дворянчик нанимает себе конюха, вместо того чтобы самому быть своим собственным конюхом; человек, единственным занятием которого является еда, держит повара, вместо того чтобы самому готовить себе пищу.

К числу этих работников принадлежали бы также и те, которые, по выражению Шторха (цит. соч.), производят «досу́г», благодаря чему кое-кто получает возможность заполнить свое свободное время наслаждениями, умственным трудом и т. д. Полицейский сберегает мне то время, которое понадобилось бы мне для того, чтобы быть своим собственным жандармом, солдат сберегает мне время, необходимое для самозащиты, правительственный чиновник сберегает время, нужное мне для управления самим собой, чистильщик сапог — время, необходимое мне на чистку сапог, поп сберегает время, необходимое для размышлений, и т. д.

Что в этом верно, так это мысль о *разделении труда*. Кроме своего производительного труда или эксплуатации производительного труда, каждому приходилось бы выполнять еще массу функций, которые были бы непроизводительны и которые отчасти входят в издержки потребления. (Собственно производительные рабочие должны сами нести эти издержки потребления и сами выполнять для себя непроизводительный труд.) Если это «услуги» приятного свойства, то господин нередко выполняет их за холопа, как это показывает *jus primaе noctis* * или труд по управлению и т. п., который господа издавна берут на себя. Но это отнюдь не уничтожает различия между производительным и непроизводительным трудом; напротив, само это различие выступает как результат *разделения труда* и в этом смысле способствует развитию общей производительности труда — в силу того, что разделение труда превращает непроизводительный труд в *исключительную* функцию одной части работников, а производительный труд — в *исключительную* функцию другой части.

Но Росси утверждает, что даже «*труд*» той массы домашних слуг, которая предназначена только для того, чтобы выставить напоказ богатство ее хозяина, чтобы удовлетворять его тщеславие, «не является непроизводительным трудом». Почему? Потому, что он производит *нечто*: удовлетворение тщеславия, возможность похвастаться, выставить напоказ богатство (цит. соч., стр. 277). Здесь мы опять наталкиваемся на ту чепуху, будто всякий вид услуг что-нибудь да производит: проститутка производит сладострастие, убийца — убийство и т. д. К тому же Смит-де сказал, что каждый вид этой дряни имеет свою *стоимость*. Недоставало [416] еще, чтобы эти «услуги» оказывались бесплатно. Об этом нет и речи. Но даже если бы они выполнялись бесплатно, они и тогда ни на грош не увеличили бы богатства (материального).

* — право первой ночи. Ред.

Затем идет беллетристическая белиберда:

«Певец, когда он кончил петь, ничего, как утверждают, нам не оставляет. — Нет, он оставляет воспоминание!» (очень мило!). «Когда вы выпили шампанского, что остается после этого?.. Экономические результаты могут быть различны в зависимости от того, следует ли потребление сейчас же за фактом производства или нет, совершается ли оно быстрее или медленнее, но самый факт потребления, каков бы он ни был, не может отнять у продукта характер богатства. Существуют нематериальные продукты, более долговечные, чем некоторые материальные. Дворец существует долго, но «Илиада» — еще более долговечный источник наслаждения» (стр. 277—278).

Какая чушь!

В том смысле, в каком Росси здесь понимает богатство, т. е. в смысле потребительной стоимости, дело обстоит даже так, что только *потребление* впервые и делает продукт богатством, все равно, как бы это потребление ни совершалось: медленно или быстро (продолжительность потребления зависит от его собственной природы и от природы предмета). Потребительная стоимость имеет значение только для потребления, и ее существование для потребления есть лишь существование в качестве предмета потребления, есть лишь ее существование в потреблении. Как питье шампанского не есть производительное потребление, хотя оно и производит «похмелье», так не является производительным потреблением и слушание музыки, хотя оно и оставляет после себя «воспоминание». Если музыка хороша и слушатель понимает музыку, то потребление музыки возвышеннее потребления шампанского, хотя производство последнего есть «производительный труд», а производство первой — *непроизводительный*.

* * *

Подводя итог всей галиматье, направленной против смитовского различения производительного и непроизводительного труда, можно сказать, что Гарнье и еще, пожалуй, Лодердель и Ганиль (последний, однако, не дал ничего нового) исчерпали все содержание этой полемики. Последующие авторы (за исключением неудавшейся попытки Шторха) дают лишь беллетристические рассуждения, просвещенную болтовню. Гарнье — экономист Директории и консульства, Ферье и Ганиль — экономисты империи. С другой стороны — Лодердель, его сиятельство граф, который скорее ставил себе целью *апологетически представить потребителей как производителей «непроизводительного труда»*. Превознесение прислужничества, лакейства, восхваление сборщиков налогов, паразитов проходит красной нитью через писания всех этих псов. В сравнении с этим тот

грубо циничный характер, который присущ классической политической экономии, выступает как критика существующих порядков.

[19] АПОЛОГИЯ РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ БОГАТЫХ У МАЛЬТУЗИАНЦА ЧАЛМЕРСА]

Одним из самых фанатических мальтузианцев является его преподобие Т. Чалмерс, профессор теологии, автор книги «On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society» (2nd edition, London, 1832). По мнению Чалмерса, нет другого средства против всех социальных неустойств, кроме религиозного воспитания рабочего класса (под этим он понимает христиански-приукрашенное, поповски-назидательное вдалбливание мальтусовской теории народонаселения). В то же время он ревностный защитник всякого рода злоупотреблений, расточительных расходов государства, крупных окладов для попов и безумного мотовства богатых. Он скорбит (стр. 260 и следующие) о «духе времени», скорбит о «суровой, граничащей с голоданием бережливости», требует больших налогов, обильной жратвы для «высших» и непроизводительных работников, попов и т. д. (там же) и, разумеется, поднимает шум по поводу смитовского различения. Этому различению он уделил целую главу (одиннадцатую), которая не содержит ничего нового, кроме утверждения, что бережливость и т. д. лишь вредит «производительным работникам». Тенденция этой главы характерным образом резюмирована в следующих словах:

«Это различение представляется вздорным и к тому же злонамеренным в его применении» (цит. соч., стр. 344).

В чем же состоит эта злонамеренность?

«Мы потому так подробно останавливались на этом вопросе, что считаем политическую экономию наших дней слишком строгой и враждебной по отношению к установленной церкви, и мы не сомневаемся, что этому сильно способствовало вредное смитовское различение» (стр. 346).

Под «установленной церковью» этот поп подразумевает свою собственную церковь, англиканскую церковь как «установленную» законом. К тому же он был одним из тех молодчиков, которые способствовали распространению этого «установления» на Ирландию. Поп этот, по крайней мере, отличается откровенностью.

[20) ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АДАМЕ СМИТЕ И ЕГО ВЗГЛЯДАХ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД]

[417] Прежде чем закончить раздел об Адаме Смите, процитируем из его книги еще два места: первое, в котором он дает волю своей ненависти к непроизводительному правительству; второе, в котором он старается доказать, почему прогресс промышленности и т. д. предполагает свободный труд. О *ненависти Смита к попам!*⁹⁰

Первое место гласит:

«Поэтому величайшей наглостью и самопадеянностью со стороны королей и министров являются их поползновения наблюдать за бережливостью частных лиц и ограничивать их расходы посредством законов против роскоши или путем запрещения ввоза заграничных предметов роскоши. Они сами всегда и без всяких исключений являются величайшими расточителями во всем обществе. Пусть они хорошенько следят за своими собственными расходами, а заботу о расходах частных лиц пусть предоставят этим последним. Если их собственная расточительность не разоряет государства, то его никогда не разорит расточительность их подданных» (книга II, глава 3, издание Мак-Куллоха, том II, стр. 122) [Русский перевод, том I, стр. 292].

И еще раз следующее место *:

«Труд некоторых наиболее уважаемых сословий общества, подобно *труду домашних слуг*, не производит никакой стоимости» {он имеет стоимость, стоит поэтому некоторого эквивалента, но он не производит никакой стоимости} «и не фиксируется или не овеществляется ни в каком длительно существующем предмете, или пригодном для продажи товаре... Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот являются *непроизводительными работниками*. Они — *слуги общества* и содержатся на часть годового продукта *труда других людей*... К *этому же классу* должны быть отнесены... священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т. д.» (там же, стр. 94—95) [Русский перевод, том I, стр. 279].

Это — язык еще революционной буржуазии, которая еще не подчинила себе все общество, государство и т. д. Все эти трансцендентные занятия, искони пользовавшиеся почетом, — государь, судьи, офицеры, попы и т. д., — вся совокупность порождаемых ими старых идеологических сословий, все принадлежащие к этим сословиям ученые, магистры и попы... *экономически* приравняются к толпе собственных лакеев и шутов буржуазии, которые содержатся ею и представителями праздного богатства — земельным дворянством и праздными капиталистами. Они просто *слуги общества*, подобно тому как другие — их слуги. Они живут на продукт *труда других*

* См. настоящее издание, часть I, стр. 141, 143 и 258. *Ред.*

людей. Поэтому их число должно быть сокращено до неизбежного минимума. Государство, церковь и т. п. правомерны лишь постольку, поскольку они являются комитетами для управления общими интересами производительных буржуа или для обслуживания этих общих интересов, и затраты на эти учреждения должны быть сведены к самому необходимому минимуму, так как сами по себе они относятся к *faux frais* * производства. Этот взгляд исторически интересен по своей резкой противоположности, с одной стороны, воззрениям античной древности, где материально производительный труд носит на себе клеймо рабства и рассматривается лишь как пьедестал для праздного гражданина, а с другой стороны — представлениям возникшей из разложения средневековья абсолютной или аристократически-конституционной монархии, представлениям, которые Монтескьё, сам еще находящийся в плену у них, столь наивно выражает в следующем тезисе («*Esprit des lois*», книга VII, глава 4):

«Если богатые не будут много расходовать, то бедняки умрут с голоду».

Напротив, с тех пор как буржуазия овладела положением и отчасти сама захватила в свои руки государство, отчасти пошла на компромисс с его прежними хозяевами; с тех пор как она признала идеологические сословия плотью от своей плоти и повсюду превратила их в своих приказчиков, преобразовав их сообразно своей собственной природе; с тех пор как сама она уже не противостоит им в качестве представителя производительного труда, а против нее поднимаются настоящие производительные рабочие и точно так же заявляют ей, что она живет за счет труда других людей; с тех пор как она достаточно просветилась для того, чтобы не отдаваться всецело производству, а стремиться также и к «просвещенному» потреблению; с тех пор как даже духовный труд все в большей и большей степени выполняется для ее *обслуживания*, поступает на службу к капиталистическому производству, — с тех пор дело принимает иной оборот, и буржуазия старается «экономически» со своей собственной точки зрения оправдать то, против чего она раньше боролась своей критикой. Ее рупорами и успокоителями ее совести в этом отношении являются Гарнье и др. К этому присоединяется еще ревностное стремление этих экономистов (которые сами являются попами, профессорами и т. д.) доказать свою «производительную» полезность, «экономически» оправдать свои оклады.

* См. сноску на стр. 149. *Ред.*

[418] Второе — относящееся к рабству — место гласит:

«Подобного рода профессии» (профессии ремесленника и работника мануфактуры) «считались» (во многих античных государствах) «подходящими только для рабов, и гражданам воспрещалось заниматься ими. Даже в тех государствах, где такого запрещения не существовало, как, например, в Афинах и в Риме, народ был фактически отстранен от всех тех профессий, какими ныне обычно занимаются низшие классы городского населения. Этими профессиями в Риме и в Афинах занимались рабы богачей, причем они занимались ими в пользу своих господ, богатство, могущество и покровительство которых делали для свободных бедняков почти невозможным находить сбыт для своих изделий, когда эти изделия конкурировали с изделиями рабов богача. Но рабы редко бывают изобретательны, и все важнейшие усовершенствования в промышленности, облегчающие и сокращающие труд, в виде ли машин или в виде лучшей организации и разделения труда, были изобретены свободными людьми. Даже если бы какой-нибудь раб придумал и предложил какое-либо усовершенствование такого рода, его хозяин был бы склонен усмотреть в этом проявление лени и желания сберечь свой труд за счет хозяина. Бедного раба вместо награды ожидали бы, по всей вероятности, лишь ругательства, а может быть, даже и побои. Поэтому в тех предприятиях, где применяется труд рабов, для выполнения одной и той же работы приходится, как правило, затрачивать больше труда, чем в предприятиях, применяющих труд свободных людей. Вследствие этого изделия предприятий первого рода должны были, как правило, быть дороже, чем изделия предприятий второго рода. Монтескье замечает, что рудники Венгрии, не будучи более богатыми, чем находящиеся по соседству с ними рудники Турции, всегда эксплуатировались с меньшими издержками и, следовательно, с большей прибылью. Турецкие рудники эксплуатируются при помощи рабов, и *руки этих рабов представляют собой единственные машины*, до которых додумались турки. Венгерские рудники эксплуатируются при помощи свободных людей, которые употребляют большое количество машин для облегчения и сокращения своего труда. Судя по тому немногому, что нам известно о ценах промышленных изделий во времена греков и римлян, изделия высокого качества были, по-видимому, чрезвычайно дороги» (цит. соч., книга IV, глава 9; перевод Гарнье, том III, стр. 549—551) [Русский перевод, том II, стр. 228—229].

* * *

А. Смит сам пишет в 1-й главе IV книги ⁹¹:

«Господин Локк отмечает различие между деньгами и всяким другим движимым имуществом. Все другие движимые предметы, говорит он, *столь непрочно по своей природе*, что нельзя особенно полагаться на богатство, состоящее из них... Деньги, напротив, — надежный друг» и т. д. (там же, том III, стр. 5) [Русский перевод, том II, стр. 10].

И далее там же, на стр. 24—25:

«Предметы потребления, говорят нам, быстро уничтожаются, тогда как золото и серебро *более долговечно по своей природе*, и если бы их не вывозили постоянно за границу, то эти металлы могли бы накапливаться из столетия в столетие, что невероятно увеличило бы действительное богатство страны» [Русский перевод, том II, стр. 17].

Приверженец монетарной системы мечтает о золоте и серебре потому, что они — *деньги*, самостоятельное бытие меновой стоимости, ее осязательное бытие, и притом неразрушимое, вечное бытие ее, поскольку им не позволяют стать средством обращения, всего лишь мимолетной формой меновой стоимости товаров. Накопление золота и серебра, нагромождение их, образование сокровищ являются поэтому тем способом обогащения, который проповедует монетарная система. И, как я показал при помощи цитаты из Петти ⁹², даже другие товары ценятся здесь только в той степени, в какой они более или менее долговечны, т. е. в какой они остаются меновыми стоимостями.

И вот, А. Смит, *во-первых*, повторяет то же самое соображение об относительно большей или меньшей долговечности товаров в том месте, где он говорит, что потребление может быть более полезным или менее полезным для образования богатства в зависимости от большей или меньшей продолжительности существования предметов потребления ⁹³. Таким образом, здесь у него проглядывают представления монетарной системы, и так оно и должно быть, ибо даже при непосредственном потреблении у обладателя товара остается задняя мысль о том, что [419] предмет потребления продолжает быть *богатством*, товаром, следовательно единством потребительной стоимости и меновой стоимости, а это зависит от степени долговечности потребительной стоимости, следовательно от того, что в ряде случаев потребление только постепенно и медленно лишает данную потребительную стоимость возможности быть *товаром*, или носителем меновой стоимости.

Во-вторых: В своем втором различении между производительным и непроизводительным трудом Смит целиком возвращается — в более широкой форме — к различению, проводимому монетарной системой.

Производительный труд «фиксируется и овеществляется в каком-либо отдельном предмете, или товаре, который можно продать и который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как сам этот труд уже прекратился. Это есть, так сказать, определенное количество труда, скопленное в процессе его овеществления и хранящееся в резерве, чтобы быть использованным, если понадобится, при каком-либо другом случае». Напротив, результаты непроизводительного труда, или выполняемые им услуги, «обычно исчезают в самый момент их выполнения и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь *стоимость*, за которую можно было бы впоследствии получить равное количество услуг» (книга II, глава 3, издание Мак-Куллоха, том II, стр. 94) [Русский перевод, том I, стр. 278—279].

Следовательно, Смит проводит то же различение между товарами и услугами, какое монетарная система проводит

между золотом и серебром, с одной стороны, и всеми другими товарами, с другой стороны. Также и у Смита различие проводится с точки зрения накопления, но накопление мыслится уже не в форме образования сокровищ, а в реальной форме воспроизводства. Товар уничтожается в потреблении, но при этом он вновь порождает товар более высокой стоимости или, при ином применении его, он сам является такой стоимостью, на которую могут быть куплены другие товары. Свойством самого продукта труда является то, что он существует в виде потребительной стоимости более или менее долговечной, а потому способной к повторному отчуждению, существует в виде такой потребительной стоимости, в которой он оказывается пригодным для продажи полезным предметом, носителем меновой стоимости, *товаром*, или, по сути дела, *деньгами*. Услуги непродуцированных работников не становятся вновь *деньгами*. Услугами, за которые я плачу адвокату, врачу, попу, музыканту и т. д., государственному деятелю, солдату и т. д., я не могу ни уплатить долги, ни купить товар, ни купить труд, создающий прибавочную стоимость. Эти услуги исчезли совершенно так же, как исчезают преходящие предметы потребления.

Итак, Смит утверждает в сущности то же самое, что и монетарная система. Последняя считает производительным только тот труд, который производит *деньги*, золото и серебро. У Смита производительным является только тот труд, который производит *деньги* своему покупателю; разница лишь в том, что Смит обнаруживает во всех товарах присущий им денежный характер, как бы он ни был в них прикрыт, тогда как монетарная система видит его только в том товаре, который представляет собой самостоятельное бытие меновой стоимости.

Это различие основывается на самой сущности буржуазного производства, так как богатство не равнозначно потребительной стоимости и богатством является только *товар*, потребительная стоимость как носительница меновой стоимости, как деньги. Монетарная система не понимала, что эти деньги создаются и умножаются посредством потребления товаров, а не посредством превращения их в золото и серебро, в которых товары кристаллизуются как самостоятельная меновая стоимость, но в которых не только утрачивается их потребительная стоимость, но и остается без изменения *величина их стоимости*.

[ГЛАВА ПЯТАЯ]

НЕККЕР

[ПОПЫТКА ИЗОБРАЗИТЬ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ КЛАССОВ
ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ КАК ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ
МЕЖДУ БЕДНОСТЬЮ И БОГАТСТВОМ]

Уже приведенные выше цитаты из Ленге показывают, что ему ясен характер капиталистического производства ⁹⁴. Тем не менее здесь, после Неккера, можно будет еще раз уделить место Ленге ⁹⁵.

В обоих своих сочинениях, в «Sur la Législation et le Commerce des Grains», вышедшем впервые в 1775 году, и в «De l'Administration des Finances de la France» и т. д., Неккер показывает, как развитие производительных сил труда способствует только тому, что рабочий затрачивает *меньше времени* на воспроизводство своей собственной заработной платы, что он, следовательно, *больше времени* работает на своего нанимателя *без оплаты*. При этом Неккер правильно берет за основу *среднюю заработную плату*, минимум заработной платы. Но его по существу интересует не само превращение труда в капитал и не накопление капитала посредством этого процесса, а скорее общее развитие противоположности между бедностью и богатством, между бедностью и роскошью, основанное на том, что в той самой мере, в какой уменьшается количество труда, требующегося для производства необходимых жизненных средств, часть труда становится во все возрастающей степени избыточной и поэтому может быть использована для производства предметов роскоши, может быть применена в другой сфере производства. Часть этих предметов роскоши обладает способностью сохраняться; таким образом, предметы роскоши накапливаются в руках тех, кто из столетия в столетие распоряжается прибавочным трудом, и указанная противоположность становится вследствие этого все более и более значительной.

Важно то, что богатство нетрудящихся сословий [420] — прибыль и ренту — Неккер вообще выводит из прибавочного труда. При рассмотрении же прибавочной стоимости он имеет в виду относительную прибавочную стоимость, проистекающую не из удлинения всего рабочего дня, а из сокращения *необходимого рабочего времени*. Производительная сила труда становится производительной силой владельцев условий труда. А сама эта производительная сила выражается в сокращении рабочего времени, необходимого для получения определенного результата. Главные места — следующие:

Во-первых, «De l'Administration des Finances de la France» и т. д. («Oeuvres», том II, Лозанна и Париж, 1789):

«Я вижу, что у одного из классов общества доход всегда остается почти неизменным; я замечаю, что у другого класса богатство неизбежно возрастает: так, роскошь, в основе которой лежит сопоставление и сравнение, должна была сопутствовать развитию этого несоответствия, становясь с течением времени все разительнее...» (назв. соч., стр. 285—286).

(Уже здесь хорошо подмечена противоположность *обоих классов как классов*.)

«Тот класс общества, судьба которого как бы *закреплена социальными законами*, состоит из всех тех, кто, *живя трудом своих рук*, поневоле подчиняется законам *собственников*» (собственников условий производства) «и вынужден довольствоваться *заработной платой, соответствующей лишь самым насущным потребностям жизни*; конкуренция между этими людьми и *гнет нужды* ставят их в *зависимое положение*; и эти обстоятельства не могут измениться» (там же, стр. 286).

«*Изобретение все новых и новых орудий, упростивших все механические работы, увеличило* таким образом *богатство и благосостояние собственников*; часть этих орудий, *уменьшившая издержки по обработке земли, увеличила доход*, которым могут располагать владельцы земли; другая часть изобретений человеческого гения *до такой степени облегчила труд в промышленности*, что *люди, работающие у тех, кто распределяет средства существования*» (т. е. у капиталистов), «могут в то же самое время и за то же вознаграждение производить большее количество изделий всякого рода» (цит. соч., стр. 287). «Предположим, что в минувшем столетии нужны были сто тысяч рабочих, чтобы сделать то, что в настоящее время выполняют восемьдесят тысяч; остальные двадцать тысяч человек вынуждены в таком случае, чтобы не остаться без заработной платы, обратиться к *другим занятиям*; и в результате создаются новые изделия ручного труда, которые увеличивают наслаждения и роскошь богатых» (стр. 287—288).

«Потому что», — продолжает Неккер, — «не следует упускать из виду, что оплата всех тех работ, которые не требуют особого искусства, всегда пропорциональна *цене необходимых для каждого рабочего средств существования*; поэтому *ускорение в изготовлении изделий*, когда знание дела становится распространенным явлением, *нисколько не идет на пользу людям труда, а лишь ведет к увеличению средств, служащих для удовлетворения вкусов и тщеславия тех, кто располагает продуктами земли*» (там же, стр. 288). «Среди различных благ природы, которые искусство человека формирует и видоизменяет, есть много таких, которые по своей

долговечности значительно превосходят обычную продолжительность человеческой жизни: каждое поколение наследует часть того, что создано трудом предыдущих поколений»

{Неккер рассматривает здесь лишь накопление того, что А. Смит называет фондом потребления},

«и постепенно во всех странах *накаплиется* все большее количество произведений искусного труда; а так как все это количество всегда распределяется среди собственников, то несоответствие между их условиями жизни и теми условиями, в каких находится многочисленный класс граждан, неизбежно становится все более значительным и все более заметным» (стр. 289).

Итак:

«*Ускорение работ в промышленности, увеличившее на земле число предметов роскоши и великолепия, длительность периода времени, в течение которого происходило их накопление, и законы собственности, сосредоточившие эти блага в руках одного только класса общества,.. все эти обильные источники роскоши все равно существовали бы, какова бы ни была при этом сумма денег, находящихся в обращении*» (стр. 291).

(Последнее замечание направлено полемически против тех, кто выводит роскошь из возросшей массы денег.)

Во-вторых, «*Sur la Législation et le Commerce des Grains*» и т. д. («*Oeuvres*», том IV):

«Как только ремесленник или земледелец *лишаются запасов*, они становятся незащитными; они должны *работать сегодня, чтобы завтра не умереть с голоду*; и в этой борьбе интересов между [421] собственником и рабочим один ставит на карту свою собственную жизнь и жизнь своей семьи, а для другого дело идет лишь о возможной задержке в возрастании его роскоши» (назв. соч., стр. 63).

Эта противоположность между богатством, которое не трудится, и бедностью, которая трудится, чтобы жить, порождает также и противоположность знания. Знание и труд отделяются друг от друга — и тогда первое противостоит второму уже как капитал или как предмет роскоши богатых:

«Способность знать и понимать есть общий дар природы, но развивается она только посредством обучения; если бы собственность была распределена равномерно, то каждый *работал бы умеренно*»

(таким образом, решающим является опять-таки количество рабочего времени),

«и каждый человек обладал бы некоторыми знаниями, потому что у каждого оставалось бы *известное количество времени*» (свободного времени) «для учебных занятий и для размышления; но при неравенстве имуществ, которое порождено общественным строем, *путь к образованию закрыт для всех тех, кто родился без собственности*. Так как все средства существования находятся в руках той части нации, которая владеет деньгами или землей, и так как никто не отдает ничего даром, то человек, который со дня своего рождения не имеет никакого другого запаса, кроме

собственной силы, вынужден отдавать эту последнюю, — лишь только она начинает развиваться, — на службу собственникам, и это — в течение всей жизни, изо дня в день, с восхода солнца до того момента, когда наступает полное истощение этой силы и когда для ее восстановления становится необходимым сон» (стр. 112). «И, наконец, разве не бесспорно, что такое неравенство знаний сделалось необходимым для поддержания всех тех общественных неравенств, *которые породили его?*» (там же, стр. 113; ср. стр. 118, 119).

Неккер высмеивает смешение экономических понятий, характерное для физиократов в отношении земли, а для всех позднейших экономистов в отношении вещественных элементов капитала, — смешение, в силу которого собственники условий производства возвеличиваются потому, что эти условия — но отнюдь не сами собственники — необходимы для процесса труда и для производства богатства:

«Начинают с того, что смешивают значение земельного собственника (функции, столь легко выполнимой) с тем значением, которое имеет земля» (там же, стр. 126). [IX — 421]

[ГЛАВА ШЕСТАЯ]

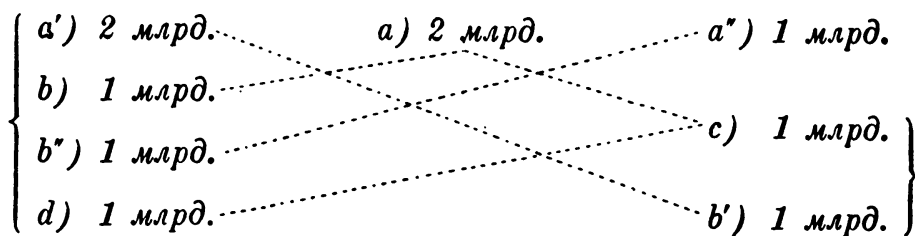
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КЕНЭ (ОТСТУПЛЕНИЕ)

[1) ПОПЫТКА КЕНЭ ПРЕДСТАВИТЬ ПРОЦЕСС ВОСПРОИЗВОДСТВА И ОБРАЩЕНИЯ СОВОКУПНОГО КАПИТАЛА]

[X—422] *Экономическая таблица по Кенэ* ⁹⁶.

5 млрд. ежегодного валового продукта (в турецких ливрах)

В качестве первоначальных и ежегодных авансов фермеры затрачивают	В качестве ренты земельные собственники получают	Бесплодный класс располагает фондом в размере
---	--	---

5 млрд.

2 млрд., из которых половина остается в качестве фонда, принадлежащего бесплодному классу.

Чтобы сделать таблицу более наглядной, я обозначаю то, что у Кенэ в каждом отдельном случае мыслится как исходный пункт обращения, через *a*, *a'*, *a''*, дальнейшие же звенья в данном обращении — через *b*, *c*, *d* и соответственно через *b'*, *b''* ⁹⁷.

То, что в этой таблице прежде всего заслуживает внимания и что не могло не произвести большое впечатление на современников, это — тот способ, каким денежное обращение

выступает здесь как всецело определенное товарным обращением и товарным воспроизводством, на деле — процессом обращения капитала.

[2) ОБРАЩЕНИЕ МЕЖДУ ФЕРМЕРАМИ И ЗЕМЕЛЬНЫМИ СОБСТВЕННИКАМИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ К ФЕРМЕРАМ, НЕ ВЫРАЖАЮЩЕЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА]

Фермер прежде всего уплачивает деньгами 2 млрд. земельному собственнику (*propriétaire*). Последний на 1 млрд. из этих денег покупает предметы питания у фермера. Таким образом, к фермеру притекает обратно 1 млрд. деньгами, причем реализованной оказывается $\frac{1}{5}$ валового продукта, которая окончательно переходит из сферы обращения в сферу потребления.

Затем земельный собственник на 1 млрд. деньгами покупает промышленные товары, неземледельческие продукты, стоимостью в 1 млрд. Тем самым еще одна пятая часть продукта (в преобразованном уже виде) переходит из сферы обращения в сферу потребления. Этот миллиард деньгами оказывается теперь в руках бесплодного класса, который покупает на него предметы питания у фермера. Вместе с тем второй миллиард, который фермер уплатил в форме ренты земельному собственнику, возвращается обратно к фермеру. С другой стороны, другая $\frac{1}{5}$ часть его продукта досталась бесплодному классу, перешла из сферы обращения в сферу потребления. К концу этого первого движения мы, следовательно, находим эти 2 млрд. денег опять в руках фермера. Они совершили четыре различных процесса обращения.

Во-первых, они послужили средством платежа, необходимым для уплаты ренты. В этой функции они являются не средством обращения для какой-либо части годового продукта, а только обращающейся ассигновкой на часть валового продукта, равную ренте.

Во-вторых. На половину 2 млрд., на 1 млрд., земельный собственник покупает предметы питания у фермера; земельный собственник реализует, следовательно, свой миллиард в предметах питания. В виде этого миллиарда денег фермер на деле лишь получает обратно половину той ассигновки на $\frac{2}{5}$ своего продукта, которую он выдал земельному собственнику. В данном случае этот миллиард, так как он служит покупательным средством, приводит в обращение — на такую же сумму — товар, переходящий окончательно в потребление. Этот миллиард служит здесь земельному собственнику только *покупательным средством*; земельный собственник превращает деньги

обратно в потребительную стоимость (в товар, который, однако, окончательно переходит в потребление, который покупается как потребительная стоимость).

Если мы рассматриваем только этот отдельный акт, то в нем деньги играют для фермера лишь ту роль, в которой они, в качестве покупательного средства, всегда выступают для продавца, а именно, представляя собой превращенную форму его товара. Земельный собственник превратил свой миллиард денег в хлеб, тогда как фермер превратил хлеб, ценой в 1 млрд., в деньги, реализовал его цену. Но если мы рассмотрим этот акт в связи с предыдущим актом обращения, то деньги выступают здесь не как простой метаморфоз товара фермера, не как золотой эквивалент его товара. Этот миллиард денег составляет ведь только половину тех 2 млрд. денег, которые фермер [423] уплатил земельному собственнику в форме ренты. За 1 млрд. в товаре фермер, правда, получает 1 млрд. деньгами, но *на деле он таким путем лишь выкупает те деньги, которыми он уплатил ренту земельному собственнику; другими словами: земельный собственник на миллиард, полученный им от фермера, покупает у этого последнего товар стоимостью в 1 млрд. Земельный собственник платит фермеру деньгами, которые он получил от фермера, не дав ему эквивалента.*

Это возвращение денег к фермеру обуславливает, прежде всего, то, что деньги здесь, в связи с первым актом, не являются для фермера простым средством обращения. А затем это возвращение существенно отличается от того возвратного движения денег к исходному пункту, которое выражает процесс воспроизводства.

Например: капиталист или, — чтобы совершенно оставить здесь в стороне то, что характерно только для капиталистического воспроизводства, — производитель затрачивает 100 ф. ст., приобретая необходимые на все время его работы сырье, орудия труда и жизненные средства. Предположим, что он присоединяет к средствам производства не больше труда, чем затратил на жизненные средства, на свою, выплаченную им самому себе, заработную плату. Если сырье и т. д. = 80 ф. ст., а присоединенный труд = 20 ф. ст. (стольким же фунтам стерлингов равняются и потребленные им жизненные средства), то продукт = 100 ф. ст. И если производитель, в свою очередь, этот продукт продает, то 100 ф. ст. опять притекают к нему в виде денег — и так все снова и снова. Этот обратный приток денег к их исходному пункту выражает здесь не что иное, как постоянное воспроизводство. Мы имеем здесь простой метаморфоз $D-T-D$, превращение денег в товар и обратное превращение

товара в деньги. Эта простая смена товарной и денежной форм представляет здесь вместе с тем процесс воспроизводства. Деньги превращаются в товары — в *средства производства* и жизненные средства; затем эти товары вступают в процесс труда в качестве его элементов и выходят из него в качестве продукта; таким образом, результатом процесса опять является товар, с того именно момента, когда готовый продукт опять вступает в процесс обращения и тем самым снова противостоит деньгам как товар; и, наконец, товар обратно превращается в деньги, так как готовый товар может быть снова обменен на элементы его производства только после того, как он предварительно превращен в деньги.

Постоянный обратный приток денег к их исходному пункту выражает здесь не только формальное превращение денег в товар и товара в деньги — в том виде, в каком это превращение выступает в простом процессе обращения, или в простом обмене товаров, — *но вместе с тем и постоянное воспроизводство товара на стороне того же производителя*. Меновая стоимость (деньги) превращается в товары, которые входят в потребление, используются как потребительные стоимости, и притом входят в воспроизводительное, или производственное, потребление, восстанавливают поэтому первоначальную стоимость и вследствие этого снова превращаются в *ту же* сумму денег (в вышеприведенном примере, где производитель работает только для поддержания своего существования). Формула $D - T - D$ обозначает здесь то, что D не только формально превращаются в T , но что T действительно потребляется как потребительная стоимость, переходит из сферы обращения в сферу потребления, но это — потребление производственное, так что в нем стоимость товара сохраняется и воспроизводится, вследствие чего D опять появляются в конце процесса и сохраняются в движении $D - T - D$.

Напротив, в упомянутом обратном притоке денег от земельного собственника к фермеру нет никакого процесса воспроизводства. Дело обстоит так, как если бы фермер дал земельному собственнику марки или талоны на 1 млрд. продукта. Когда земельный собственник расходует эти талоны, они притекают обратно к фермеру, последний их выкупает. Если бы земельный собственник согласился на уплату ему половины ренты сразу *in natura* *, то в данном случае не было бы никакого обращения денег. Все обращение ограничилось бы простой передачей из рук в руки, переходом продукта из рук фермера в руки

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

земельного собственника. Но сначала фермер выдает земельному собственнику вместо товара деньги, а затем земельный собственник отдает деньги обратно фермеру, чтобы получить самый товар. Деньги служат фермеру *средством платежа* в его сношениях с земельным собственником; они служат земельному собственнику *покупательным средством* в сношениях с фермером. В первой функции они удаляются от фермера, во второй — возвращаются к нему обратно.

Такого рода обратный приток денег к производителю должен иметь место всякий раз, когда производитель, вместо того чтобы отдать часть своего продукта, уплачивает своим кредиторам стоимость этого продукта деньгами; кредитором же выступает здесь всякий, кто является совладельцем его прибавочного продукта. Примером может служить следующее. Все налоги производители уплачивают деньгами. Деньги здесь являются для них средством платежа по отношению к государству. Государство покупает на эти деньги товары у производителей. В руках государства деньги становятся покупательным средством и притекают таким образом обратно к производителям по мере того, как от этих последних уходят их товары.

Этот момент обратного притока денег — этот своеобразный, не определяемый воспроизводством обратный приток денег — должен всегда иметь место при обмене дохода на капитал. Здесь обратный приток денег вызывается не воспроизводством, а потреблением. Доход выплачен деньгами, но потреблен он может быть только в виде товаров. Деньги, полученные от производителей в качестве дохода, должны, следовательно, обратно быть уплачены производителям для того, чтобы получить от них такую же стоимость в товарах, — для того, стало быть, чтобы иметь возможность потребить доход. Деньги, которыми выплачивается доход, — например, рента или проценты или налоги, — имеют всеобщую форму средства платежа. [424] {Промышленный капиталист выплачивает сам себе свой доход продуктом или же, продав продукт, выплачивает себе ту часть полученных за продукт денег, которая образует его доход.} Предполагается, что тот, кто выплачивает этот доход, получил раньше от своего кредитора часть своего собственного продукта, например фермер — те $\frac{2}{5}$ продукта, которые, по Кенэ, составляют ренту. Фермер является лишь номинальным собственником их, или владельцем лишь *de facto* *.

Итак, та часть продукта фермера, которая составляет уплачиваемую им ренту, требует для своего обращения между

* — фактически (в отличие от *de jure* — юридически, на основании закона). *Ред.*

фермером и земельным собственником лишь такой суммы денег, которая равняется стоимости продукта, хотя эта стоимость обращается дважды. Сперва фермер уплачивает ренту деньгами; затем земельный собственник на те же деньги покупает продукт. Первое представляет собой простую передачу денег, так как деньги функционируют здесь лишь как *средство платежа*; следовательно, предполагается, что товар, за который они уплачиваются, уже находится во владении плательщика и они не служат ему покупательным средством, он не получает за них эквивалента, — наоборот, этот эквивалент уже заранее находится в его руках. Во втором случае деньги, напротив, функционируют как покупательное средство, как средство обращения товара. Дело обстоит так, как если бы фермер на деньги, которыми он уплачивает ренту, выкупил у земельного собственника ту долю в продукте, которая принадлежит земельному собственнику. Последний на те самые деньги, которые он получил от фермера (отдавшего их на деле, однако, без эквивалента), обратно покупает для себя продукт у фермера.

Следовательно, та же сумма денег, которую производители выплачивают владельцам дохода в форме средства платежа, служит владельцам дохода покупательным средством для приобретения товаров у производителей. Это двукратное перемещение денег, из рук производителя в руки владельца дохода и из рук последнего обратно в руки производителя, выражает собою, таким образом, только однократное перемещение товара, а именно — из рук производителя в руки владельца дохода. Так как предполагается, что производитель — в отношении части своего продукта — является должником владельца дохода, то производитель в виде денежной ренты на деле лишь уплачивает владельцу дохода задним числом стоимость товара, которым он, производитель, уже владеет. Товар находится в его руках. Но товар ему не принадлежит. На деньги, выплачиваемые производителем в форме дохода, он, следовательно, выкупает этот товар в свою собственность. Товар поэтому не переходит из рук в руки. Переход денег из рук в руки выражает только *перемену права собственности* на товар, остающийся по-прежнему в руках производителя. Отсюда это двукратное перемещение денег при однократном только переходе товара из одних рук в другие. Деньги обращаются дважды, чтобы вызвать однократное обращение товара. Но и они только один раз обращаются в качестве средства обращения (покупательного средства), тогда как другой раз они совершили свое обращение в качестве средства платежа; при этом последнем обра-

щении, как я уже показал выше, не происходит одновременного перемещения товара и денег.

В самом деле, если у фермера нет денег, а есть только продукт, то фермер может оплатить свой продукт только после того, как он предварительно продал свой товар; следовательно, прежде чем фермер сможет оплатить земельному собственнику свой товар деньгами, этот товар должен уже проделать свой первый метаморфоз. Но даже и при таком положении вещей мы имеем больше перемещений на стороне денег, чем на стороне товара. Сперва мы имеем $T - D: \frac{2}{5}$ товара продаются и превращаются в деньги. Здесь происходит одновременное перемещение товара и денег. Но затем те же самые деньги, без перемещения товара, переходят из рук фермера в руки земельного собственника. Здесь происходит перемещение денег без перемещения товара. Дело обстоит так, как если бы фермер имел компаньона. Он выручил деньги, но должен делиться ими со своим компаньоном. Вернее будет сказать, что для рассматриваемых $\frac{2}{5}$ дело обстоит так, как если бы деньги выручил приказчик фермера. Этот приказчик должен передать их фермеру, он не имеет права оставить их у себя в кармане. Переход денег из одних рук в другие не выражает здесь никакого метаморфоза товара, а является лишь передачей денег из рук их непосредственного владельца в руки их собственника. Так, стало быть, может обстоять дело в том случае, когда первый получатель денег является только агентом, получающим деньги для своего хозяина. В этом случае деньги не являются даже средством платежа; происходит простой переход их из рук получателя, которому они не принадлежат, в руки их собственника.

Такого рода перемещение денег не имеет абсолютно ничего общего с метаморфозом товара, как не имеет с ним ничего общего и такое перемещение, которое происходит при простом размене одних денег на другие. Но когда деньги функционируют как средство платежа, то всегда предполагается, что плательщик раньше получил тот товар, за который он после расплачивается. Что же касается фермера и т. д., то он этого товара *не получал*: товар этот, — прежде чем он попадает в руки земельного собственника, — находится в руках фермера и представляет собой часть *его* продукта. Однако *юридически* фермер становится собственником этого товара лишь тогда, когда он передает земельному собственнику полученные за товар деньги. Изменение происходит в его праве на товар; самый же товар находится, как и прежде, в его руках. Но раньше товар находился в его руках в качестве того, чем он *владеет*, собственником же товара был земельный собственник. А теперь товар

находится в его руках как принадлежащая ему самому собственности. Перемена юридической формы, в которой находится товар, оставаясь при этом в одних и тех же руках, естественно не вызывает перехода самого товара из одних рук в другие.

[3] К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ МЕЖДУ КАПИТАЛИСТОМ И РАБОЧИМ]

[а) НЕЛЕПОСТЬ ВЗГЛЯДА НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ КАК НА АВАНС КАПИТАЛИСТА РАБОЧЕМУ. БУРЖУАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИБЫЛИ КАК О ПРЕМИИ ЗА РИСК]

[425] {Из сказанного вместе с тем видно, как нелепа фраза, «объясняющая» прибыль капиталиста тем, что он будто бы авансирует рабочему деньги раньше, чем превратил в деньги свой товар.

Во-первых. Когда я покупаю товар для своего потребления, то для меня никакой «прибыли» не возникает из того обстоятельства, что я являюсь покупателем, а владелец товара — «продавцом», что мой товар имеет форму денег, а его только еще должен превратиться в деньги. Капиталист оплачивает труд только после того, как потребил его, тогда как другие товары оплачиваются до того, как они потребляются. Это происходит из своеобразной природы покупаемого им товара, который на деле переходит к покупателю полностью только после того, как он потреблен. Деньги выступают здесь как средство платежа. Капиталист всегда присваивает себе товар «труд» *раньше*, чем оплачивает его. Но то обстоятельство, что он покупает его только с целью получения прибыли от продажи продукта этого труда, отнюдь не может служить *причиной* того, что он эту прибыль получает. Это только мотив. И все в таком случае свелось бы лишь к следующему: покупая наемный труд, капиталист-де получает прибыль *потому*, что он хочет извлечь прибыль из продажи продукта этого труда.

Во-вторых. Но, говорят нам, капиталист все же авансирует рабочему в форме денег ту часть продукта, которая приходится на его долю в качестве заработной платы, и таким образом избавляет рабочего от забот, риска и потери времени, которые были бы неизбежны для рабочего, если бы он сам должен был превратить в деньги часть товара, причитающуюся ему в качестве заработной платы. Не должен ли рабочий оплачивать капиталисту эти заботы, риск и потерю времени? Не должен ли, следовательно, рабочий получать меньшую долю продукта, чем та, которая, не будь этого, причиталась бы ему?

При такой постановке вопроса сводится на нет все отношение наемного труда и капитала и в корне уничтожается экономическое объяснение прибавочной стоимости. Правда, результат процесса состоит в том, что фонд, из которого капиталист оплачивает наемного рабочего, представляет собой в действительности только собственный продукт последнего и что таким образом капиталист и рабочий *фактически* делят продукт в определенной пропорции между собой. Но этот фактический результат не имеет абсолютно ничего общего со сделкой между капиталом и наемным трудом (сделкой, на которую опирается экономическое обоснование прибавочной стоимости, вытекающее из законов самого товарного обмена). Капиталист покупает не что иное, как временное распоряжение рабочей силой, и платит за это только после того, как рабочая сила действовала, овеществилась в продукте. Как и везде, где деньги выступают в роли средства платежа, так и здесь купля и продажа преобладают реальному отчуждению денег со стороны покупателя. Но после этой сделки, которая закончилась еще до начала действительного процесса производства, труд *принадлежит* уже капиталисту. Ему же целиком принадлежит и *товар*, выходящий как продукт из этого процесса. Капиталист произвел его принадлежащими ему средствами производства и купленным им, а следовательно, и принадлежащим ему — хотя еще и не оплаченным, — трудом. Дело обстоит так, как если бы он совсем не потребил чужого труда для производства товара.

Прибыль, получаемая капиталистом, прибавочная стоимость, реализуемая им, происходит именно из того, что рабочий продал ему как товар не труд, овеществленный в товаре, а самую свою рабочую силу. Если бы рабочий противостоял ему как товаровладелец в первом смысле ⁹⁸, то капиталист не мог бы получить никакой прибыли, не мог бы реализовать никакой прибавочной стоимости, так как согласно закону стоимости обмениваются эквиваленты, обменивается равное количество труда на равное количество труда. Прибавочная стоимость капиталиста происходит именно из того, что он покупает у рабочего не товар, а самую его рабочую силу, которая имеет меньшую стоимость, чем ее продукт, или, что то же самое, которая реализуется в большем количестве овеществленного труда, чем реализовано в ней самой. Но вот, для оправдания прибыли затрусовывается самый ее источник и отвергается вся сделка, из которой она возникает. Так как фактически, — поскольку процесс непрерывен, — капиталист платит рабочему только из собственного продукта этого последнего, так что рабочий оплачивается только частью своего собственного

продукта и, следовательно, авансирование является простой видимостью, — то теперь нам говорят: рабочий продал капиталисту свою долю продукта *раньше, чем этот продукт был превращен в деньги*. (Может быть, даже раньше, чем продукт получил способность превратиться в деньги, ибо может случиться, что хотя труд рабочего и получил свою материализацию в каком-нибудь продукте, но изготовлена в данный момент только часть пригодного для продажи товара, — например, только часть дома.) При таком взгляде на вещи капиталист перестает быть собственником продукта, и этим устраняется весь тот процесс, посредством которого он *безвозмездно* присваивал себе чужой труд. Выходит, что друг другу противостоят просто товаровладельцы. У капиталиста в руках деньги, а рабочий продает ему не свою рабочую силу, а товар, именно ту часть продукта, в которой овеществлен его собственный труд.

Рабочий может в таком случае сказать капиталисту: «Из этих 5 фунтов продукта (например, пряжи) $\frac{3}{5}$ представляют постоянный капитал. Они принадлежат тебе. $\frac{2}{5}$, т. е. 2 фунта, представляют мой вновь присоединенный труд. Следовательно, ты должен выдать мне плату в размере 2 фунтов пряжи. Вот и оплати мне стоимость этих двух фунтов». В данном случае рабочий положил бы себе в карман не только заработную плату, но и прибыль, короче говоря, всю сумму денег, равную количеству вновь присоединенного им, материализованного труда, существующего в форме 2 фунтов пряжи.

— «Но разве я», — говорит капиталист, — «не авансировал постоянный капитал?»

— «Пусть так», — отвечает рабочий, — «зато ты и берешь себе три фунта, а платишь мне только два».

— «Но ты ведь не мог бы», — настаивает капиталист, — «материализовать свой труд, не мог бы прясть без моего хлопка и без моих веретен. За это ты должен заплатить особо».

— «Полно!» — отвечает рабочий. — «Хлопок сгнил бы, а веретена заржавели бы, если бы я не употребил их для прядения. [426] Правда, те 3 фунта пряжи, которые ты удерживаешь в свою пользу, представляют только стоимость твоего хлопка и твоих веретен, потребленных в процессе производства пяти фунтов пряжи и, следовательно, содержащихся в этих последних. Но только мой труд, потребив эти средства производства как таковые, сохранил стоимость хлопка и веретен. За эту, сохраняющую стоимость, силу моего труда я ничего от тебя не требую, так как, — помимо самого прядения, за которое я получаю 2 фунта, — она не стоила мне никакого добавочного рабочего времени. Это природный дар, присущий моему труду, дар,

который мне ничего не стоит, но который сохраняет стоимость постоянного капитала. И если я ничего за это от тебя не требую, то и ты не имеешь никаких оснований требовать от меня вознаграждения за то, что *без веретен и хлопка* я не мог бы прясть. Ведь без прядения твои веретена и хлопок не стоили бы и ломаного гроша».

Прижатый к стене капиталист говорит: «2 фунта пряжи, действительно, стоят 2 шилл. Они представляют это именно количество твоего рабочего времени. Но ведь я должен платить тебе за них еще до того, как я их продал. Может быть, мне совсем не удастся продать их. Это — риск № 1. Во-вторых, возможно, что я их продам ниже их цены. Это — риск № 2. А, в-третьих, как бы там ни было, приходится еще тратить время на их продажу. Должен ли я ради тебя *даром* брать на себя оба эти риска и, сверх того, еще потерю времени? Даром ничего, кроме смерти, не получишь».

— «Постой-ка», — отвечает рабочий, — «каковы наши отношения? Мы стоим друг другу как *товаровладельцы*, ты — как *покупатель*, мы — как *продавцы*, потому что ты ведь хочешь купить у нас нашу долю в продукте, 2 фунта, а то, что в них содержится, — это на деле не что иное, как наше собственное овеществленное рабочее время. И вот ты заявляешь, что мы должны продать тебе свой товар *ниже* его стоимости, чтобы ты в результате этого получил больше стоимости в виде товара, чем имеешь теперь в виде денег. Стоимость нашего товара равна 2 шилл. Ты хочешь дать за него только 1 шилл., благодаря чему ты, — так как один шиллинг содержит столько же рабочего времени, сколько 1 фунт пряжи, — получишь в обмен стоимость вдвое большую, чем та, которую сам отдаешь в обмен. Напротив, мы получили бы вместо эквивалента только половину эквивалента, вместо эквивалента двух фунтов пряжи — лишь эквивалент одного фунта. И на чем основываешь ты это требование, противоречащее закону стоимости и обмена товаров в соответствии с их стоимостями? На чем? На том, что ты — покупатель, а мы — продавцы, что наша стоимость существует в форме пряжи, товара, а твоя стоимость — в форме денег, что определенная стоимость, оставаясь той же, противостоит, в форме пряжи, такой же стоимости в форме денег. Но, милейший! Ведь это — только смена формы, касающаяся того *выражения*, которое стоимость получает, но оставляющая неизменной *величину стоимости*. Или ты держишься того ребяческого взгляда, что всякий товар должен продаваться *ниже* своей цены, — т. е. ниже той суммы денег, в которой представлена его стоимость, — потому что в форме денег он-де приобретает *большую* стоимость?»

Но нет, милейший, он вовсе не приобретает большей стоимости; величина его стоимости не изменяется, она только представлена теперь в чистом виде меновой стоимости.

Подумай-ка, дружище, каким неприятностям ты сам себя подвергаешь! Твое утверждение сводится к тому, что продавец всегда должен продавать *покупателю* товар *ниже* его стоимости. Действительно, так дело и обстояло на твоей стороне, когда мы еще продавали тебе не товар, изготовленный нами, а самоё нашу рабочую силу. Ты, правда, покупал ее по ее стоимости, однако самый наш труд ты купил *ниже* той стоимости, в которой он находит свое выражение. Но оставим это неприятное воспоминание. Мы, слава богу, вышли из этого положения с тех пор, как ты сам соизволил вынести решение, что продавать тебе мы должны уже не нашу рабочую силу как товар, а самый товар, являющийся продуктом нашего труда. Вернемся к тем неприятностям, на которые ты себя этим самым обрекаешь. Ведь новый провозглашенный тобой закон, согласно которому продавец за превращение своего товара в деньги платит не просто своим товаром, не тем, что просто обменивает свой товар на деньги, а тем, что продает товар *ниже* его цены, — этот закон, по которому покупатель всегда обманывает, обсчитывает продавца, должен в одинаковой мере иметь силу для любого покупателя и продавца. Положим, что мы принимаем твое предложение — однако с тем лишь условием, что ты сам подчинишься тобой же измышленному закону, а именно тому закону, согласно которому продавец должен *даром* отдавать часть своего товара покупателю за то, что этот последний превращает для продавца его товар в деньги. Итак, ты покупаешь наши 2 фунта пряжи стоимостью в 2 шилл. за 1 шилл. и, следовательно, получаешь барыш в 1 шилл., т. е. в 100%. Но теперь, после того как ты купил у нас принадлежащие нам 2 фунта, у тебя в руках — 5 фунтов пряжи стоимостью в 5 шилл. Ты, конечно, рассчитываешь сделать выгодное дельце. 5 фунтов пряжи стоят тебе только 4 шилл., а ты хочешь продать их за 5 шилл. «Стой! — говорит *твой покупатель*. — Твои 5 фунтов пряжи — товар, а ты — продавец. Я обладаю такой же стоимостью в виде денег, я — покупатель. Следовательно, согласно признанному тобой закону, сделка с тобой должна принести мне 100% барыша. А потому ты должен продать мне 5 фунтов пряжи на 50% ниже их стоимости, т. е. за $2\frac{1}{2}$ шилл. Я даю тебе $2\frac{1}{2}$ шилл., получаю за них товар стоимостью в 5 шилл., и таким образом сделка с тобой приносит мне 100% барыша, — ведь что справедливо для одного, то справедливо и для другого».

Ты, приятель, видишь сам, — [продолжает рабочий], — к чему приводит твой новый закон; ты только надул бы сам себя, — ведь хотя ты и стал на минуту покупателем, но потом снова выступишь в роли продавца. В данном случае ты в качестве продавца потерял бы больше, чем выгадал бы в качестве покупателя. Ты подумай хорошенько! Разве до того, как были произведены 2 фунта пряжи, которые ты теперь хочешь купить у нас, ты не делал других покупок, без которых вообще не было бы тех 5 фунтов пряжи, о которых идет речь? [426а] Разве ты не купил предварительно хлопок и веретена, которые теперь представлены в 3 фунтах пряжи? При этих покупках оптовый торговец хлопком в Ливерпуле и фабрикант прядильных машин в Олдеме противостояли тебе в качестве *продавцов*, а ты им в качестве *покупателя*; они выступали как представители товара, ты как представитель денег — совершенно такое же отношение, в каком мы в данную минуту имеем честь или несчастье противостоять друг другу. Разве тебя не высмеяли бы плутоватый торговец хлопком и твой бойкий коллега из Олдема, если бы ты потребовал, чтобы они *даром* отпустили тебе часть хлопка и веретен, или, что то же самое, продали тебе эти товары ниже их цены (и их стоимости), на том основании, что ты для них превращаешь товар в деньги, а они для тебя превращают деньги в товар, что они — продавцы, а ты — покупатель? Они ведь ничем не рисковали, они получали наличные деньги, меновую стоимость в чистой самостоятельной форме. Зато с твоей стороны — какой риск! Сперва выработать из веретен и хлопка пряжу, нести весь риск процесса производства, а потом еще вдобавок нести риск, связанный с продажей пряжи, с обратным превращением ее в деньги. Риск — будет ли она продана по своей стоимости, выше или ниже стоимости. Риск — совсем не продать ее, совсем не превратить ее обратно в деньги. Что же касается пряжи как таковой, то она несколько тебя не интересует. Ты пряжу не ешь, не пьешь, ты не можешь использовать ее иначе, как только продав ее. И уж во всяком случае должна быть оплачена потеря времени, сопряженная с обратным превращением пряжи в деньги, в котором, в скрытом виде, содержится обратное превращение в деньги веретен и хлопка! — Старина! — возразили бы тебе твои коллеги. — Не валяй дурака! Не говори глупостей! Какое нам, черт побери, дело до того, как ты думаешь использовать наш хлопок и наши веретена, на что ты намерен их употребить! Сожги их, выброси, делай с ними что хочешь, но только заплати за них! Что за идея! Мы должны принести тебе в дар наши товары потому, что ты заделался хлопкопрядильным фабрикантом и, по-видимому,

плохо чувствуешь себя в этой отрасли деловой жизни, если уж так сильно преувеличиваешь связанные с нею риск и опасности! Брось свою хлопкопрядильню или не показывайся на рынке с такими нелепыми идеями!»

На эту речь рабочих капиталист отвечает с пренебрежительной улыбкой: «Видать, что вы, простофили, слышали звон, да не знаете, откуда он. Вы толкуете о вещах, в которых ничего не смыслите. Вы думаете, я заплатил ливерпульскому пройдохе и олдемскому молодчику наличными деньгами? Черта с два! Я заплатил им векселями, и хлопок ливерпульского пройдохи на самом деле был переработан в пряжу и продан еще до того, как наступил срок его векселя. С вами — совсем другое дело. Вы хотите получать наличными».

— «Прекрасно», — говорят рабочие, — «но что сделали ливерпульский пройдоха и олдемский молодчик с твоими векселями?»

— «Что они с ними сделали?!» — восклицает капиталист. — «Глупый вопрос! Они снесли их своим банкирам, и те учли их!»

— «Сколько они за это платят банкиру?»

— «Сколько? Деньги теперь весьма дешевы. Думаю, что они заплатили за учет примерно 3%, т. е. не три процента со всей суммы векселя, а столько, сколько, считая из 3% годовых, приходится на то время, которое остается до истечения срока векселя».

— «Тем лучше», — говорят рабочие. — «Плати нам по 2 шилл., какова и есть стоимость нашего товара, или же по 12 шилл., так как мы хотим понедельного расчета вместо ежедневного. И удержи из них проценты за 14 дней из расчета 3% годовых».

— «Но этот вексель слишком мал», — говорит капиталист. — «Ни один банкир не учтет его».

— «Прекрасно», — возражают рабочие, — «нас 100 человек. Ты, значит, должен заплатить нам 1 200 шилл. Выдай нам на них вексель. 60 ф. ст. вовсе уж не такая маленькая сумма, чтобы такой вексель нельзя было учесть. А кроме того, ты ведь учи- тываешь его сам, и эта сумма не должна быть слишком мала для тебя, потому что это как раз та самая сумма, из которой ты, по твоим словам, берешь выжимаемую из нас прибыль. Вычет был бы ничтожный. И так как мы получали бы в таком случае полностью большую часть нашего продукта, то мы скоро перестали бы нуждаться в твоём учете. Разумеется, мы откроем тебе не больший кредит, чем дает тебе биржевой маклер, — всего лишь на 14 дней».

Если выводить заработную плату (совершенно извращая действительные отношения) из дисконтирования принадлежа-

шей рабочим части стоимости совокупного продукта — из того, что капиталист оплачивает рабочим эту часть *деньгами* вперед, — то капиталист должен был бы выдавать им очень краткосрочные векселя, какие он выдает, например, торговцу, промышленяющему хлопком, и т. д. Рабочий получал бы большую часть своего продукта, а капиталист скоро перестал бы быть капиталистом. Из собственника продукта он превратился бы для рабочих просто в банкира.

К тому же, если капиталист стоит перед риском продать товар ниже его [427] стоимости, то он имеет также и шансы продать его выше его стоимости. Если продукт не удастся продать, то рабочего выбрасывают на улицу. Если цена продукта долгое время остается ниже рыночной, то заработная плата рабочего падает ниже среднего уровня, и фабрики работают неполное время. Наибольший риск несет, следовательно, рабочий.

В-третьих. Никому не приходит в голову, что фермер, уплачивая ренту деньгами, или промышленный капиталист, уплачивая проценты деньгами, могут удерживать часть причитающихся с них ренты или процента на том только основании, что они, — для того чтобы иметь возможность производить эти платежи, — должны предварительно превратить свой продукт в деньги.}

[6] ПОКУПКА РАБОЧИМ ТОВАРОВ У КАПИТАЛИСТА. ОБРАТНЫЙ ПРИТОК ДЕНЕГ, НЕ ВЫРАЖАЮЩИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА]

Возвращение денег к их исходному пункту имеет место также и в той части капитала, которая обращается между промышленным капиталистом и рабочим (следовательно, в той части оборотного капитала, которая составляет переменный капитал). Капиталист выплачивает рабочему заработную плату деньгами; рабочий покупает на эти деньги товары у капиталиста, и таким образом деньги притекают обратно к капиталисту. (На практике — к банкиру капиталиста. Но в действительности банкиры являются по отношению к отдельным капиталистам представителями совокупного капитала, капитала в целом, поскольку он принимает вид *денег*.) Этот обратный приток денег сам по себе вовсе не выражает воспроизводства. Капиталист покупает в обмен на деньги труд у рабочего, рабочий покупает на эти же деньги товар у капиталиста. Одни и те же деньги выступают сперва как средство для покупки труда, а потом — как средство для покупки товара. Обратный приток их к капиталисту обусловлен тем, что капиталист выступает по отношению

к одним и тем же лицам сперва в роли покупателя, а потом — в роли продавца. Деньги уходят от него как от покупателя и возвращаются к нему как к продавцу. Рабочий, напротив, выступает сначала как продавец, а затем — как покупатель, он сначала получает деньги, а затем расходует их, тогда как капиталист, в противоположность рабочему, сначала расходует деньги, а затем получает их обратно.

На стороне капиталиста здесь происходит движение $D - T - D$. Он на деньги покупает товар (рабочую силу); посредством продукта этой рабочей силы, посредством товара, он покупает деньги, или обратно продает этот продукт рабочему, противостоявшему ему раньше как продавец. Рабочий, напротив, представляет обращение $T - D - T$. Он продает свой товар (рабочую силу) и на полученные за него деньги выкупает часть своего собственного продукта, произведенного им товара. Конечно, можно было бы сказать: рабочий продает товар (рабочую силу) за деньги, затрачивает эти деньги на покупку товара и затем снова продает свою рабочую силу, так что процесс $D - T - D$ представлен также и на стороне рабочего; и так как деньги постоянно обращаются между рабочим и капиталистом взад и вперед, то, в зависимости от того, с чьей стороны рассматривается этот процесс, можно было бы с одинаковым правом сказать, что рабочий — так же, как и капиталист — представляет движение $D - T - D$. Однако покупателем является капиталист. Возобновление процесса исходит от него, а не от рабочего; обратный же приток денег к капиталисту обусловлен тем, что рабочий должен покупать жизненные средства. Здесь, как и во всех процессах, где $D - T - D$ является формой обращения на одной стороне, а $T - D - T$ — формой обращения на другой, обнаруживается, что целью процесса обмена для одной стороны является меновая стоимость, деньги, а потому и увеличение стоимости, а для другой стороны — потребительная стоимость, потребление. То же самое происходит и при обратном притоке денег в первом, упомянутом выше случае, где процесс $D - T - D$ совершается на стороне фермера, а $T - D - T$ — на стороне земельного собственника; это ясно, если принять во внимание, что D , на которые земельный собственник покупает товар у фермера, представляют собой денежную форму земельной ренты, а следовательно являются уже результатом $T - D$, превращенной формой той части продукта, которая по сути дела принадлежит земельному собственнику *in natura*.

Эта разновидность процесса $D - T - D$, — являющаяся в отношениях между рабочим и капиталистом лишь выраже-

нием обратного притока к капиталисту тех денег, которые он израсходовал на заработную плату, — сама по себе не выражает процесса воспроизводства, а выражает лишь то обстоятельство, что покупатель в свою очередь становится по отношению к тем же самым лицам продавцом. Не является она также и выражением денег как капитала, того именно процесса $D - T - D'$, где второе D есть большая сумма денег, чем первое D , и где D , следовательно, представляет самовозрастающую стоимость (капитал). Напротив, это лишь выражение формального обратного притока *той же* суммы денег (часто даже меньшей) к исходному пункту. (Под капиталистом здесь, конечно, разумеется класс капиталистов.) Следовательно, с моей стороны было неправильно, когда я в первой части ⁹⁹ сказал, что форма $D - T - D$ непременно должна иметь вид $D - T - D'$. Она может выражать просто форму обратного притока денег, на что я уже намекнул там же, объясняя круговое движение денег, возвращающихся к тому же исходному пункту, тем обстоятельством, что покупатель, в свою очередь, становится продавцом ¹⁰⁰.

Но не посредством *этого* обратного притока денег обогащается капиталист. Например, он уплатил 10 шилл. заработной платы. На эти 10 шилл. рабочий покупает у него товар. Капиталист дал рабочему на 10 шилл. товара за его рабочую силу. Если бы он дал рабочему жизненные средства, ценой в 10 шилл., *in natura*, то здесь не было бы никакого обращения денег, следовательно не было бы и обратного притока денег. Это явление обратного притока денег не имеет, стало быть, ничего общего с обогащением капиталиста, проистекающим только из того, что в самом процессе производства капиталист присваивает больше труда, чем израсходовал на заработную плату, и что его продукт превышает таким образом издержки производства этого продукта, — тогда как деньги, уплачиваемые капиталистом рабочему, ни в коем случае не могут быть меньше того количества денег, на которое рабочий покупает у капиталиста товар. Этот формальный обратный приток денег не имеет здесь ничего общего с обогащением, следовательно не выражает собой [428] D в качестве капитала, — совершенно так же, как в том случае, когда деньги, израсходованные на уплату ренты, процента и налога, обратно притекают к плательщику земельной ренты, процента и налога, этот обратный приток не содержит в себе увеличения стоимости или [хотя бы] ее возмещения.

$D - T - D$, поскольку это движение представляет формальный обратный приток денег к капиталисту, выражает лишь то

обстоятельство, что выданная капиталистом денежная ассигновка реализована в его собственном товаре.

Пример неправильного толкования этого денежного потока — этого возвращения денег к их исходному пункту — смотри выше, в разделе о Дестюте де Траси ¹⁰¹. В качестве второго примера — в особенности применительно к денежному обращению между рабочим и капиталистом — следует привести в дальнейшем Брея ¹⁰². Наконец, в отношении капиталиста, дающего деньги в ссуду, привести *Прудона* ¹⁰³.

Эта форма обратного притока $D - T - D$ имеет место везде, где покупатель в свою очередь становится продавцом; она, следовательно, имеет место на стороне всего торгового капитала, где все купцы покупают друг у друга для того, чтобы продавать, и продают для того, чтобы покупать. Возможно, что покупатель — D — не может продать товар, например рис, дороже, чем купил его; он, возможно, вынужден даже продать товар ниже его цены. В таком случае мы имели бы лишь простое возвращение денег, так как покупка переходит здесь в продажу без того, чтобы деньги проявили себя как сомовозрастающая стоимость, как капитал.

То же самое происходит, например, при обмене постоянного капитала. Машиностроитель покупает железо у производителя железа и продает ему машину. В этом случае деньги притекают обратно к машиностроителю. Они были затрачены в качестве покупательного средства для приобретения железа. После этого они служат производителю железа покупательным средством для приобретения машины и таким образом притекают обратно к машиностроителю. За отданные деньги машиностроитель получил железо, за полученные деньги он отдал машину. Одно и то же количество денег сделало здесь возможным обращение вдвое большей стоимости. Например, на 1 000 ф. ст. машиностроитель купил железо; на те же 1 000 ф. ст. производитель железа покупает машины. Стоимость железа и машин вместе = 2 000 ф. ст. Но таким образом в движении должны находиться 3 000 ф. ст.: на 1 000 ф. ст. — денег, на 1 000 ф. ст. — машин и на 1 000 ф. ст. — железа. Если бы капиталисты производили обмен *in natura*, товары переходили бы из рук в руки без того, чтобы хоть один фартинг находился при этом в обращении.

То же происходит и тогда, когда капиталисты производят взаимные расчеты друг с другом и деньги служат для них средством платежа. Если обращаются бумажные деньги или кредитные деньги (банкноты), то общее положение вещей меняется лишь в одном отношении. В этом случае имеются еще

1 000 ф. ст. в банкнотах, но они лишены «внутренней стоимости». Как бы то ни было, также и здесь имеются 3 000 ф. ст.: 1 000 ф. ст. в виде железа, 1 000 ф. ст. в виде машин и 1 000 ф. ст. в виде банкнот. Но эти 3 000 ф. ст. существуют, как и в первом случае, только потому, что машиностроитель имел в своих руках 2 000 ф. ст.: на 1 000 ф. ст. — машин и на 1 000 ф. ст. (золотом и серебром или банкнотами) — денег. В обоих случаях производитель железа лишь возвращает машиностроителю эти последние (т. е. деньги), так как производитель железа получил их вообще только потому, что машиностроитель в качестве покупателя не являлся — непосредственно тут же — в свою очередь продавцом: он оплатил первый товар, железо, не товаром, а деньгами. Когда же он платит товаром, т. е. продает свой товар производителю железа, последний возвращает ему деньги, так как оплата не производится дважды, один раз деньгами, второй раз товаром.

В обеих операциях золото или банкнота представляет превращенную форму того товара, который был куплен машиностроителем, или же того товара, который после этого был куплен у него его контрагентом; либо же они представляют такой товар, который, хотя он и не был куплен, все же был превращен в деньги, как это имеет место при получении дохода земельным собственником (его предки и т. д.) ¹⁰⁴. Здесь возвращение денег выражает, следовательно, лишь то обстоятельство, что тот, кто, уплатив за товар деньги, бросил их в обращение, извлекает их оттуда обратно путем продажи другого товара, бросаемого им в обращение.

Те же самые 1 000 ф. ст., о которых только что шла речь, могли, обращаясь между капиталистами, пройти в течение одного дня через сорок, пятьдесят рук, и это было бы только переходом капитала из одних рук в другие. Машина перешла бы к производителю железа, железо — к крестьянину, зерно — к фабриканту крахмала или спирта, и т. д. В конце концов 1 000 ф. ст. могли бы снова очутиться в руках машиностроителя, от последнего перейти к производителю железа и т. д. И таким образом с помощью этих 1 000 ф. ст. обращался бы капитал в 40 000 и более фунтов стерлингов, причем деньги могли бы постоянно возвращаться к тому, кто первый пустил их в обращение. Часть прибыли, полученной на эти 40 000 ф. ст., превращается в процент, уплачиваемый различными капиталистами, например машиностроителем — тому лицу, которое дало ему ссуду в 1 000 ф. ст., производителем железа — тому, кто дал ему займы 1 000 ф. ст., давно истраченных им на уголь и т. д. или же на заработную плату, и т. д. Отсюда господин

Прудон делает тот вывод, что эта тысяча фунтов стерлингов приносит *всю сумму процентов*, получаемую с 40 000 ф. ст. Если бы, таким образом, норма процента равнялась пяти, то проценты составили бы 2 000 ф. ст. Предположив это, он правильно исчисляет, что 1 000 ф. ст. принесли 200%. Таков этот прославленный критик политической экономии! *

Но хотя процесс $D - T - D$ в том виде, в каком он представляет денежное обращение между капиталистом и рабочим, сам по себе не выражает никакого акта воспроизводства, все же постоянное повторение этого процесса, непрерывность обратного притока денег, указывает на воспроизводство. Ни один покупатель не может вообще выступать постоянно как продавец, если он не воспроизводит продаваемых им товаров. Правда, это имеет силу по отношению ко всем, кто живет не на ренту, проценты или налоги. Но у одного контрагента при завершении процесса всегда происходит обратный приток денег $D - T - D$, как у капиталиста в его отношении к рабочему или же к земельному собственнику или к рантье (со стороны двух последних имеет место всего лишь обратный приток денег). У другого же контрагента процесс завершается покупкой товара, т. е. происходит процесс $T - D - T$, как это имеет место у рабочего. Этот процесс рабочий постоянно возобновляет. Инициатива принадлежит ему всегда как продавцу, а не как покупателю. То же самое относится ко всей совокупности того денежного обращения, [429] которое означает лишь трату дохода. Капиталист, например, сам потребляет за год известное количество продуктов. Он превратил свой товар в деньги, чтобы затратить эти деньги на покупку товаров, которые он намерен окончательно потребить. Здесь происходит $T - D - T$ и от-

* [437] То место у Прудона, которое имелось в виду выше, гласит:

«Сумма ипотечных долгов достигает, согласно наилучше осведомленным авторам, 12 млрд., согласно другим — 16 млрд.; сумма долгов по простым векселям составляет по меньшей мере 6 млрд., по командитным вкладам — около 2 млрд., государственный долг — 8 млрд.; итого 28 млрд. Необходимо иметь в виду, что все эти долги складываются из денежных сумм, которые взяты в ссуду, или считаются взятыми в ссуду, из 4, 5, 6, 8, 12 и даже 15 процентов. Для первых трех категорий этих долгов я принимаю среднюю норму в 6 процентов; на 20 млрд. это дает 1 200 млн. К этому следует добавить проценты на государственный долг, около 400 млн. Всего — 1 600 млн. годовых процентов на капитал в 1 млрд.» (стр. 152). Следовательно, 160%. Ибо «сумма наличных денег, — я не хочу сказать: вообще имеющихся во Франции, но сумма денег, находящихся в обращении, включая и кассовую наличность Банка, — не превышает, по наиболее распространенным оценкам, одного миллиарда» (стр. 151). «Когда обмен закончен, деньги опять свободны и, следовательно, могут снова быть отданы в ссуду... Капитал-деньги от одного обмена к другому постоянно все снова и снова возвращается к своему источнику, и отсюда следует, что всякая новая отдача этих денег в ссуду, совершаемая одними и теми же руками, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» (стр. 153—154). «*Gratuité du Crédit. Discussion entre M. F. Bastiat et M. Proudhon*». Paris, 1850. ¹⁰² [437]

существует обратный приток денег к капиталисту, но деньги притекают обратно к продавцу (например, к лавочнику), капитал которого возмещается благодаря тому, что капиталист тратит свой доход.

Но мы видели также, что существует обмен дохода на доход, обращение доходов. Мясник покупает хлеб у пекаря, пекарь покупает мясо у мясника; оба они потребляют свой доход. Мясо, которое съедает сам мясник, он не оплачивает; точно так же и пекарь не оплачивает тот хлеб, который он сам съедает. Эту часть дохода каждый из них потребляет *in natura*. Но возможно, что мясо, покупаемое пекарем у мясника, возмещает этому последнему не капитал, а доход, т. е. определенную часть проданного им мяса, представляющую не просто его прибыль, а ту именно часть его прибыли, которую он намерен сам потребить как доход. Хлеб, который мясник покупает у пекаря, тоже является для мясника расходом его дохода. При расчете тот или другой должен уплатить только балансовую разницу. Сбалансированная часть их взаимных покупок и продаж не входит в денежное обращение. Но предположим, что пекарю приходится платить балансовую разницу и что эта разница представляет для мясника доход. Тогда мясник затратит деньги пекаря на приобретение других предметов потребления. Предположим, что это будет 10 ф. ст., которые он уплачивает портному. Если эти 10 ф. ст. представляют для портного доход, то портной израсходует их подобным же образом. Он, в свою очередь, купит на них хлеб и т. д. Тем самым деньги притекают обратно к пекарю, но они возмещают ему уже не доход, а капитал.

Может быть поставлен еще следующий вопрос: в том процессе $D - T - D$, который продельвается капиталистом и который представляет самовозрастающую стоимость, капиталист извлекает из обращения больше денег, чем он бросил в обращение. (К этому собственно стремился собиратель сокровищ, но он этого не достиг. Ибо он извлекает из сферы обращения в форме золота и серебра не больше стоимости, чем он в нее бросил в форме товаров. Он обладает теперь большей стоимостью в форме денег, тогда как раньше он обладал большей стоимостью в форме товара.) Пусть у капиталиста все издержки производства его товара равны 1 000 ф. ст. Он продает свой товар за 1 200 ф. ст., ибо в этом товаре содержится теперь неоплаченного труда 20%, или $\frac{1}{5}$, — труда, который он продает, хотя и не оплатил его. Как же возможно, что все капиталисты, класс промышленных капиталистов, постоянно извлекают из обращения больше денег, чем бросают в обращение?

С другой стороны, можно сказать, что капиталист постоянно бросает в обращение больше, чем извлекает из него. Он должен был оплатить свой основной капитал. Но он продает этот последний только по мере того, как потребляет его, только частями. Входя целиком в процесс производства товара, основной капитал всегда входит в *стоимость* товара только гораздо меньшей частью. Если период обращения основного капитала равен 10 годам, то в товар входит ежегодно лишь одна десятая часть его, а остальные $\frac{9}{10}$ не входят в денежное обращение, так как эти $\frac{9}{10}$ вообще не поступают в обращение в форме товара. Таков один вопрос.

Эту проблему мы рассмотрим позже¹⁰⁶, а пока вернемся к Кенэ.

Но предварительно — еще об одном вопросе. Возвращение банкнот в банк, который производит учет векселей или также выдает ссуды банкнотами, представляет собой совершенно другое явление, чем рассмотренные до сих пор обратные приливы денег. В данном случае предвосхищается превращение товара в деньги. Товар получает форму денег еще до того, как он продан, быть может даже еще до того, как он произведен. Но возможно, что он уже и продан (под вексель). *Во всяком случае* он еще не *оплачен*, еще не превращен обратно в деньги. Таким образом, это превращение в деньги и в том и в другом случае предвосхищается. Как только товар продан (или *предполагается* проданным), деньги притекают обратно в банк — либо в виде его собственных банкнот, которые возвращаются тогда из обращения; либо в виде чужих банкнот, которые обмениваются тогда на его собственные банкноты (между банкирами), так что и те и другие банкноты изымаются из обращения, возвращаются к своему исходному пункту; либо же в виде золота и серебра. Если это золото и серебро идет на размен банкнот, находящихся в руках третьих лиц, то банкноты возвращаются в банк. Если банкноты не предъявляются к размену, то находящиеся в обращении золото и серебро уменьшаются на такое их количество, какое лежит теперь вместо банкнот в кладовых банка.

Во всех этих случаях процесс заключается в следующем:

Наличное бытие денег (превращение товара в деньги) было предвосхищено. Когда же товар действительно превращается в деньги, он превращается в них вторично. Но это второе денежное бытие товара возвращается к исходному пункту, оно погашает, замещает его первое денежное бытие, возвращается из обращения в банк. Возможно, что это второе денежное бытие товара выражается *в той же самой, совершенно идентичной*

массе банкнот, в которой выражалось его первое денежное бытие. Например, вексель был учтен фабриканту пряжи. Вексель получен им от ткача. Полученными 1 000 ф. ст. фабрикант пряжи заплатил за уголь, хлопок и т. д. Различные лица, через руки которых проходят эти банкноты при платежах за их товары, затрачивают их в конце концов на покупку холста, и таким образом банкноты попадают к ткачу, который в день истечения срока векселя оплачивает его прядильщику теми же самыми банкнотами, а прядильщик возвращает их банку. Вовсе нет необходимости в том, чтобы второе (посмертное) превращение товара в деньги — после его предвосхищенного превращения — [430] совершалось посредством других денег, чем первое. И таким образом кажется, будто прядильщик на деле ничего не получил, ибо вначале он занял банкноты, а заканчивается процесс тем, что прядильщик получает их обратно и возвращает выдавшему их банку. Но в действительности та же самая банкнота служила в течение этого времени средством обращения и средством платежа, и прядильщик частью уплачивал ею свои долги, частью покупал на нее товары, необходимые для воспроизводства пряжи, и таким образом выручал создаваемую посредством эксплуатации рабочего прибавочную стоимость, часть которой он может теперь выплатить банку. И притом — тоже деньгами, ибо к нему притекает обратно больше денег, чем он израсходовал, авансировал, затратил. Каким образом? Это опять-таки относится к тому вопросу, рассмотрение которого мы отложили ¹⁰⁷.

[4) ОБРАЩЕНИЕ МЕЖДУ ФЕРМЕРАМИ И ПРОМЫШЛЕННИКАМИ В «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ»]

Итак, мы возвращаемся к Кенэ. Мы переходим к третьему и четвертому актам обращения.

P — земельный собственник — покупает на 1 млрд. промышленных товаров у S ¹⁰⁸ («бесплодный» класс, занятый в промышленности; в таблице — линия $a - c$ ¹⁰⁹). Здесь деньги, 1 млрд., приводят в обращение товар на такую же сумму. {Это потому, что в данном случае происходит однократный обмен. Если бы P покупал товар у S частями и точно так же частями получал свою ренту от F (фермера), то промышленные товары на сумму в 1 млрд. могли бы быть куплены, скажем, посредством 100 млн. Ибо P покупает при этом на 100 млн. промышленные товары у S , S покупает на 100 млн. предметы питания у F , а F платит 100 млн. ренты P ; и если бы это повторилось 10 раз, то от S к P и от F к S перешло бы товаров на 100 млн. $\times$

× 10, а от F к P перешла бы рента в 100 млн. × 10. Все обращение совершилось бы посредством 100 млн. Но если F платит всю ренту сразу, то из 1 млрд., находящегося в руках S , и из 1 млрд., возвращающегося к F , часть могла бы храниться в сундуке, а часть — обращаться.} Товар на 1 млрд. перешел теперь от S к P , и, наоборот, деньги на сумму в 1 млрд. перешли от P к S . Это — простое обращение. Деньги и товар только переходят из одних рук в другие во взаимно противоположных направлениях. Но кроме предметов питания на 1 млрд., которые фермер продал P и которые таким образом перешли в сферу потребления, перешло в потребление еще на 1 млрд. фабричных товаров, которые S продал P . Необходимо отметить, что эти товары существовали уже до нового урожая (иначе P не мог бы купить их в обмен на продукт нового урожая).

S , со своей стороны, покупает у F предметы питания на 1 млрд. Таким образом, теперь из обращения перешла в потребление *еще одна пятая часть валового продукта*. Этот один миллиард выполняет в сношениях между S и F функцию средства обращения. Но в то же время здесь имеют место два явления, которых мы не встречаем в процессе между S и P . В этом последнем процессе S снова превратил в деньги часть своего продукта, а именно промышленные товары на 1 млрд. В обмене же с F он превращает деньги снова в предметы питания, — что у Кенэ означает: в заработную плату, — следовательно, возмещает ими свой затраченный на заработную плату и потребленный капитал. Это обратное превращение 1 млрд. в жизненные средства выражает у P просто потребление, а у S — производственное потребление, воспроизводство, потому что S снова превращает часть своего товара в один из его элементов производства — в жизненные средства. Таким образом, один из этих метаморфозов товара, его обратное превращение из денег в товар, выражает здесь вместе с тем начало его *действительного*, а не только *формального*, метаморфоза, начало его воспроизводства, начало его обратного превращения в его собственные элементы производства. Здесь совершается вместе с тем и метаморфоз капитала. Напротив, на стороне P имеет место только превращение дохода из формы денег в форму товара. Это выражает только потребление.

Во-вторых, когда S покупает у F на 1 млрд. предметы питания, к F возвращается второй миллиард, которым он уплатил P ренту в денежной форме. Но возвращаются они к нему только потому, что он снова извлекает их из обращения, выкупает их посредством эквивалента в товарах стоимостью в 1 млрд. Это то же самое, как если бы земельный собственник купил у него

на 1 млрд. (кроме первого миллиарда) предметы питания, т. е. принял бы вторую половину своей денежной ренты от фермера в виде товара, и затем обменял бы этот товар на товар, принадлежащий S . Последний только взыскивает вместо P в товарах вторую половину тех двух миллиардов, которые F уплатил P деньгами. Если бы уплата производилась в натуральной форме, то F дал бы P на 2 млрд. предметов питания, из которых 1 млрд. P потребил бы сам, а другой миллиард обменял бы с S на его промышленные товары. В этом случае произошло бы только следующее: 1) перемещение предметов питания на 2 млрд. от F к P ; 2) меновая торговля между P и S , из которых первый обменивает 1 млрд. предметов питания на 1 млрд. промышленных товаров, а второй — наоборот.

Вместо этого имели место четыре следующих акта: [431] 1) перемещение 2 млрд. денег от F к P ; 2) P покупает на 1 млрд. предметы питания у F . Деньги возвращаются к F , служат средством обращения; 3) P покупает на 1 млрд. деньгами промышленные товары у S . Деньги функционируют как средство обращения, переходят из одних рук в другие в направлении, противоположном движению товара; 4) S покупает на этот миллиард деньгами предметы питания у F . Деньги функционируют как средство обращения. Вместе с тем для S они обращаются как капитал. Они притекают обратно к F , потому что теперь с него взыскан второй миллиард предметов питания, на который земельный собственник имел от него ассигновку. Но деньги притекают к F обратно не прямо от земельного собственника, а лишь после того, как они послужили средством обращения между P и S , после того, как они, не взыскав еще с F на 1 млрд. предметов питания, унесли с собой на своем пути на 1 млрд. промышленных товаров и передали их от промышленника земельному собственнику. Превращение этого товара в деньги (в обмене с земельным собственником), как и последующее превращение денег в предметы питания (в обмене с фермером), является на стороне S метаморфозом его капитала, принимающего сперва форму денег, а затем форму составных элементов, необходимых для воспроизводства капитала.

Результат предыдущих четырех актов обращения, следовательно, таков: земельный собственник израсходовал свой доход, истратив одну половину его на предметы питания, а другую половину — на промышленные товары. Тем самым израсходованы 2 млрд., которые он получил в качестве денежной ренты. Половина этой суммы вернулась от него к фермеру прямым путем, другая половина — окольным путем, через S . Но S освободился от части своего готового товара и возместил ее

предметами питания, следовательно одним из элементов воспроизводства. Этими процессами заканчивается обращение, поскольку в нем фигурирует земельный собственник. Но из обращения перешли в потребление (частично в непроизводительное, частично в производственное, поскольку земельный собственник своим доходом возместил частично капитал S): 1) на 1 млрд. предметов питания (продукт нового урожая); 2) на 1 млрд. промышленных товаров (продукт урожая предыдущего года); 3) на 1 млрд. предметов питания, входящих в воспроизводство, т. е. в производство тех товаров, которые S в следующем году должен будет обменять на половину ренты земельного собственника.

2 млрд. денег находятся опять в руках фермера. Теперь он покупает у S на 1 млрд. товаров для возмещения своих «ежегодных и первоначальных авансов», поскольку они состоят частично из орудий труда и т. д., частично — из других промышленных товаров, потребляемых во время производства. Это — простой процесс обращения. Тем самым 1 млрд. переходит в руки S , и таким образом превращается в деньги вторая половина его продукта, существующего в форме товара. На обеих сторонах имеет место метаморфоз капитала. 1 млрд. фермера превращается обратно в элементы производства, необходимые для процесса воспроизводства. Готовый товар S превращается обратно в деньги, прodelывает тот *формальный* метаморфоз из товара в деньги, без которого капитал не может превратиться обратно в свои элементы производства, а следовательно не может воспроизводиться. Это пятый процесс обращения. Из обращения переходит в воспроизводительное потребление на 1 млрд. *промышленных товаров* (продукт урожая предыдущего года) ($a' - b'$) ¹¹⁰.

Наконец, S обратно превращает 1 млрд. денег, в виде которых теперь существует половина его товара, в другую половину условий производства этого товара — в сырье и т. д. ($a'' - b''$). Это — простое обращение. Для S это вместе с тем — метаморфоз его капитала в пригодную для воспроизводства форму, а для F — обратное превращение его продукта в деньги. Теперь из обращения переходит в потребление последняя пятая часть «валового продукта».

Итак: $\frac{1}{5}$ входит у фермера в процесс воспроизводства и не поступает в обращение; $\frac{1}{5}$ потребляется земельным собственником; итого — $\frac{2}{5}$; $\frac{2}{5}$ получает S ; в общей сложности — $\frac{4}{5}$ ¹¹¹.

Здесь в расчете явный пробел. Кенэ, по-видимому, строит расчет следующим образом. F отдает P на 1 млрд. предметов питания (линия $a - b$). Сырьем на 1 млрд. он возмещает капи-

тал S ($a'' - b''$). Предметы питания на 1 млрд. образуют для S заработную плату, стоимость которой, присоединяемая им к товарам, сводится к стоимости предметов, потребляемых им в процессе этого присоединения ($c - d$). А 1 млрд. остается в процессе воспроизводства (a') и не поступает в обращение. Наконец, 1 млрд. продукта возмещает «авансы» ($a' - b'$). Но Кенэ упускает из виду, что S на эти промышленные товары стоимостью в 1 млрд. не покупает у фермера ни предметов питания, ни сырья: S , в своих денежных расчетах с фермером, только возвращает фермеру его собственные деньги. Ведь Кенэ с самого начала исходит из того предположения, что фермер, кроме своего валового продукта, имеет еще 2 млрд. деньгами и что это вообще есть тот фонд, из которого черпаются деньги для обращения.

Кроме того, Кенэ забывает, что сверх этих 5 млрд. валового продукта существуют еще 2 млрд. валового продукта в промышленных товарах, которые были произведены до нового урожая. Ибо 5 млрд. представляют только всю годовую продукцию фермеров, [432] весь урожай, полученный фермерами, но никоим образом не валовой продукт промышленности, которая должна возместить из этого урожая необходимые ей для воспроизводства элементы.

Таким образом, налицо имеются: 1) 2 млрд. денег на стороне фермера; 2) 5 млрд. валового продукта земли; 3) 2 млрд. стоимости в промышленных товарах. Следовательно, 2 млрд. деньгами и 7 млрд. продуктами (земледельческими и промышленными). Процесс обращения может быть представлен в сжатом виде следующим образом (F — фермер, P — земельный собственник, S — промышленник, бесплодный класс):

F уплачивает P 2 млрд. ренты в денежной форме, а P покупает у F на 1 млрд. предметы питания. Этим путем реализуется $\frac{1}{5}$ часть валового продукта фермера. Вместе с тем к нему притекает обратно 1 млрд. денег. Далее P покупает товара на 1 млрд. у S . Тем самым реализуется $\frac{1}{2}$ валового продукта S . Взамен этого S получает 1 млрд. деньгами. На эти деньги он покупает у F предметы питания стоимостью в 1 млрд. Тем самым S возмещает $\frac{1}{2}$ элементов воспроизводства своего капитала. Этим путем реализуется еще $\frac{1}{5}$ часть валового продукта фермера. Вместе с тем в руках фермера опять оказываются 2 млрд. денег, что составляет цену 2 млрд. предметов питания, проданных им P и S . Затем F покупает у S на 1 млрд. товаров для возмещения половины своих «авансов». Тем самым реализована вторая половина валового продукта промышленника. Наконец, S на последний миллиард деньгами покупает сырье

у фермера, — этим реализуется третья $\frac{1}{5}$ часть валового продукта фермера, возмещается вторая половина элементов воспроизводства капитала S , а 1 млрд. притекает обратно к фермеру. В распоряжении этого последнего опять оказываются 2 млрд., что в порядке вещей, потому что Кенэ рассматривает фермера как капиталиста, по отношению к которому P является лишь получателем дохода, а S — только получателем заработной платы. Если бы фермер платил P и S непосредственно своим продуктом, то он совсем не расходовал бы денег. Но так как он их расходует, то P и S покупают его продукт на эти деньги, и деньги притекают к нему обратно. Это — то формальное возвращение денег, которое имеет место у промышленного капиталиста, начинающего всю операцию в качестве покупателя и затем завершающего ее. Далее, та $\frac{1}{5}$ валового продукта фермера, которая возмещает его «авансы», принадлежит воспроизводству. Остается реализовать ту $\frac{1}{5}$, которая состоит из предметов питания, не поступающих в обращение.

[5) ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ И ОБРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ». РАЗЛИЧНЫЕ СЛУЧАИ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДЕНЕГ К ИСХОДНОМУ ПУНКТУ]

S покупает у фермера на 1 млрд. предметов питания и на 1 млрд. сырья, а F , наоборот, покупает у S только на 1 млрд. товара для возмещения своих «авансов». Таким образом, S должен уплатить балансовую разницу в 1 млрд., уплачиваемую в конечном счете тем миллиардом, который S получил от P . Эту уплату 1 млрд. фермеру Кенэ, по-видимому, смешивает с покупкой у него продукта на сумму в 1 млрд. О том, как это представлял себе Кенэ, следует посмотреть замечания Бодо ¹¹².

В самом деле (согласно нашему расчету), 2 млрд. послужили лишь для следующего: 1) для уплаты ренты в размере 2 млрд. деньгами, 2) для обращения валового продукта фермера на сумму в 3 млрд. (а именно, на 1 млрд. предметов питания, переходящих к P , и на 2 млрд. предметов питания и сырья, переходящих к S) и для обращения на 2 млрд. валового продукта S (из них на 1 млрд. — для P , для его потребления, и на 1 млрд. — для F , который потребляет эти продукты в целях воспроизводства).

При последней покупке ($a'' - b''$) S , покупающий сырье у F , платит ему за товар деньгами.

[433] Итак, еще раз:

S получил от P 1 млрд. деньгами. На этот миллиард денег он покупает у F предметы питания стоимостью в 1 млрд. На

этот же миллиард денег F покупает у S товары. На тот же миллиард денег S покупает у F сырье.

Либо же дело обстоит так: S покупает у F на 1 млрд. деньгами сырье и на 1 млрд. деньгами предметы питания. F покупает у S товары на 1 млрд. деньгами. В этом последнем случае 1 млрд. вернулся обратно к S , но только потому, что S , по предположению, кроме 1 млрд. денег, полученного им от земельного собственника, и товара на 1 млрд., остающегося у него для продажи, располагал еще одним миллиардом денег, который он сам бросил в обращение. По этому предположению, для обращения товаров между S и фермером вместо 1 млрд. денег потребовалось 2 млрд. В результате 1 млрд. вернулся к S . Это потому, что последний покупает у фермера на 2 млрд. деньгами. А фермер покупает у S на 1 млрд., выплачивая ему половину полученных от него же денег.

В первом случае S покупает в два приема. Сперва он затрачивает 1 млрд.; этот миллиард обратно притекает к нему от F , а затем он еще раз затрачивает этот же миллиард — уже окончательно, — уплачивая его F , и таким образом к нему уже ничего не притекает обратно.

Напротив, во втором случае S покупает сразу на 2 млрд. И когда F , в свою очередь, покупает на 1 млрд. у S , то этот миллиард остается у S . Обращение потребовало бы в этом случае 2 млрд. вместо одного. В первом случае 1 млрд. денег реализовал посредством двух оборотов товары на 2 млрд. Во втором случае 2 млрд. денег реализовали товары также на 2 млрд. посредством одного оборота. И когда фермер уплачивает теперь обратно 1 млрд. промышленнику S , последний получает от этого не больше, чем в первом случае. Ибо, кроме товаров на 1 млрд., он бросил в обращение еще 1 млрд. денег из своего собственного фонда, существовавшего еще до начала этого процесса обращения. Он отдал их для нужд обращения, и деньги поэтому притекают к нему обратно.

В первом случае: S посредством 1 млрд. денег покупает у F на 1 млрд. товара. F посредством 1 млрд. денег покупает на 1 млрд. товара у S . Посредством 1 млрд. денег S покупает у F на 1 млрд. товара, так что у F остается 1 млрд. денег.

Во втором случае: S посредством 2 млрд. денег покупает на 2 млрд. товара у F . Последний посредством 1 млрд. денег покупает у S на 1 млрд. товара. Как и в первом случае, фермер удерживает у себя 1 млрд. денег. А S получает обратно тот миллиард, который был капиталом, авансированным с его стороны обращению, и который теперь возвращается к нему из обращения. S покупает на 2 млрд. товара у F . F покупает на

1 млрд. товара у S . Следовательно, при всех обстоятельствах S должен уплатить балансовую разницу в 1 млрд., но не больше. Так как S , в порядке уплаты указанной балансовой разницы, благодаря особенностям этого вида обращения уплатил фермеру 2 млрд., то фермер возвращает ему 1 млрд., тогда как в первом случае он никаких денег ему не возвращает.

А именно, в первом случае S покупает на 2 млрд. у F , а F — на 1 млрд. у S . Следовательно, балансовая разница по-прежнему составляет 1 млрд. в пользу F . Но эта разница выплачивается ему так, что к нему притекают обратно его собственные деньги, так как сначала S покупает на 1 млрд. у F , затем F покупает на 1 млрд. у S и, наконец, S покупает на 1 млрд. у F . Один миллиард привел здесь в обращение 3 млрд. Но в общей сложности в обращении находилась стоимость (если деньгами служили реальные деньги), равная 4 млрд.: 3 — в товарах и 1 — в деньгах. Обращающаяся и первоначально (для уплаты фермеру) брошенная в обращение сумма денег ни разу не превышала 1 млрд., т. е. ни разу не превышала той балансовой разницы, которую S должен был уплатить F . Благодаря тому, что F покупает на 1 млрд. у S раньше, чем последний вторично покупает у F на 1 млрд., S может уплатить следуемую с него балансовую разницу этим миллиардом.

Во втором случае S бросает в обращение 2 млрд. Он, правда, покупает на них у F товар стоимостью в 2 млрд. Здесь эти 2 млрд. требуются в качестве средства обращения, и они отдаются в обмен на эквивалент в виде товара. Но F , в свою очередь, покупает у S на 1 млрд. Следовательно, к S возвращается 1 млрд., так как балансовая разница, которую он должен уплатить фермеру, составляет не два миллиарда, а только один. S возместил теперь фермеру один миллиард товаром, а потому F должен вернуть S тот миллиард, который S , как *теперь* оказалось, переплатил ему деньгами. Случай этот достаточно примечателен, чтобы коротко остановиться на нем.

При предположенном выше обращении товаров на 3 млрд., из которых 2 млрд. составляют предметы питания [и сырье], а 1 млрд. — промышленные изделия, возможны различные случаи; но здесь следует принять во внимание, *во-первых*, что по предположению Кенэ к началу процесса обращения между S и F 1 млрд. денег находится в руках S и 1 млрд. денег — в руках F ; *во-вторых*, в порядке иллюстрации, предположим, что у S , кроме 1 млрд. денег, полученного от P , имеется еще 1 млрд. денег в кассе.

[434] I) *Во-первых*, случай, представленный у Кенэ. S на 1 млрд. денег покупает у F 1 млрд. товара; F на 1 млрд. денег, полученный от S , покупает у последнего 1 млрд. товара; наконец, S на вернувшийся к нему таким образом 1 млрд. денег покупает у F 1 млрд. товара. Следовательно, у F остается тот миллиард денег, который представляет для него капитал (фактически этот миллиард, вместе с другим миллиардом денег, полученным им обратно от P , образует доход, которым он в следующем году снова уплачивает ренту деньгами, — а именно, 2 млрд. денег). Здесь 1 млрд. денег обращался трижды: от S к F , от F к S , от S к F , — и каждый раз в уплату за 1 млрд. товара, следовательно всего за 3 млрд. товара. Если сами деньги обладают стоимостью, то в обращении находится стоимостей на 4 млрд. Деньги функционируют здесь только как средство обращения, но для F , — в чьих руках они в конечном счете остаются, — они превращаются в деньги и *eventualiter* * — в капитал.

II) *Во-вторых*. Деньги функционируют только как средство платежа. В этом случае подводится баланс между S , покупающим у F на 2 млрд. товара, и F , покупающим у S на 1 млрд. товара. Балансовую разницу в 1 млрд. S должен уплатить, по окончании сделки, деньгами. Как и в предыдущем случае, 1 млрд. денег попадает в кассу F , с той, однако, разницей, что до этого они не служили здесь средством обращения. Эти деньги представляют для F передачу капитала, так как они лишь возмещают ему капитал, состоявший из 1 млрд. товара. Таким образом, в обращение вошло, как и в первом случае, на 4 млрд. стоимостей. Но вместо трех движений одного миллиарда денег произошло только одно, и деньги оплатили только равную им самим сумму товарных стоимостей. А в первом случае они оплатили стоимость, в три раза большую, чем их собственная стоимость. По сравнению с первым случаем дело обходится без двух излишних актов обращения.

III) *В-третьих*. F , располагая одним миллиардом денег (полученным им от P), выступает сначала как покупатель, покупает на 1 млрд. товара у S . Этот миллиард денег — вместо того чтобы праздно лежать у F , в качестве сокровища, до взноса ренты за следующий год — вступает таким путем в обращение. Итак, у S — 2 млрд. денег (1 млрд. денег, полученный от P , и 1 млрд. денег, полученный от F). На эти 2 млрд. денег он покупает у F товар стоимостью в 2 млрд. Теперь в обращении оказалось стоимостей на 5 млрд. (3 млрд. товара и 2 млрд.

* — в возможности, при определенных условиях. *Ред.*

денег). Произошло обращение 1 млрд. денег и 1 млрд. товара и обращение 2 млрд. денег и 2 млрд. товара. Из этих 2 млрд. денег тот миллиард, который исходит от фермера, обращается дважды, а тот миллиард, который исходит от S , только один раз. Теперь к F притекают 2 млрд. денег, но из них только 1 млрд. денег сальдирует его баланс, другой же миллиард денег, — брошенный в обращение им самим, так как он первый выступил как покупатель, — возвращается к нему через процесс обращения.

IV) *В-четвертых*. S на 2 млрд. денег (1 млрд. денег, полученный им от P , и 1 млрд., который он сам бросает в обращение из своей кассы) покупает в один прием у F товар стоимостью в 2 млрд. В свою очередь, F покупает на 1 млрд. товара у S , следовательно возвращает ему 1 млрд. денег, удерживая, как и в предыдущем случае, 1 млрд. денег в порядке сальдирования баланса между ним и S . Тут обращалось стоимостей на 5 млрд. Актов же обращения — два.

В случае III — из 2 млрд. денег, которые S отдает F , 1 млрд. представляет те деньги, которые F сам бросил в обращение, и только 1 млрд. представляет те деньги, которые в обращение бросил S . Здесь к F притекают 2 млрд. денег вместо 1 млрд., но фактически он получает только 1 млрд., так как другой миллиард он сам бросил в обращение. В случае IV — к S возвращается 1 млрд. денег, но это тот миллиард денег, который он бросил в обращение сам, из своей кассы, а не выручил от продажи своего товара земельному собственнику.

Если в случае I, как и в случае II, денег в обращении ни разу не бывает больше 1 млрд., но при этом в случае I они обращаются три раза, три раза переходят из рук в руки, а в случае II только один раз, — то объясняется это просто тем, что в случае II предполагается развитый кредит, а следовательно экономия в количестве платежей, тогда как в случае I имеет место быстрое движение, но каждый раз деньги выступают при этом как средство обращения, так что всякий раз стоимость должна появляться на обоих полюсах в двояком виде: на одном полюсе — в виде денег, на другом — в виде товара. Если в случаях III и IV обращаются 2 млрд. денег — вместо 1 млрд., как было в случаях I и II, — то это потому, что в обоих случаях в обращение вступает сразу товарная стоимость в 2 млрд. (в случае III мы имеем дело с S как покупателем, замыкающим процесс обращения, а в случае IV — с S как покупателем, открывающим процесс обращения); короче говоря, в обращение сразу вступает на 2 млрд. товаров, и притом предполагается, что они покупаются немедленно, а не оплачиваются лишь после подведения баланса.

Но как бы то ни было, наибольший интерес представляет в этом движении тот миллиард денег, который в случае III оставляет у себя фермер, а в случае IV — промышленник, хотя в обоих случаях балансовая разница в 1 млрд. уплачивается фермеру и этот последний в случае III не получает ни на грош больше, а в случае IV — ни на грош меньше. Здесь, разумеется, все время обмениваются эквиваленты, и когда мы говорим о балансовой разнице, то под этим следует понимать только эквивалент стоимости, уплачиваемый деньгами, а не товаром.

В случае III *F* бросает в обращение 1 млрд. денег и получает взамен от *S* товарный эквивалент, т. е. получает на 1 млрд. товара. Но затем *S* покупает у него товар на 2 млрд. денег. Таким образом, первый миллиард денег, который *F* бросил в обращение, возвращается к нему, но зато от него уходит 1 млрд. в товарах. Этот миллиард товара оплачивается ему теми деньгами, которые он же израсходовал. Второй миллиард денег *F* получает в уплату за второй миллиард товара. Эта денежная балансовая разница в его пользу получается потому, что он в общем покупает товара только на 1 млрд. денег, а у него покупают товар стоимостью в 2 млрд.

[435] В случае IV *S* в один прием бросает в обращение 2 млрд. денег и получает взамен от *F* на 2 млрд. товара. *F* в свою очередь покупает у него 1 млрд. товара на деньги, израсходованные самим *S*, и таким образом 1 млрд. денег возвращается к *S*.

В случае IV *S* фактически дает фермеру в виде товара — на 1 млрд. товара, равняющийся 1 млрд. денег, и в виде денег — 2 млрд. денег, всего, следовательно, 3 млрд. денег. Получает же он от *F* только на 2 млрд. товара. Поэтому *F* должен вернуть ему 1 млрд. денег.

В случае III *F* дает *S*, в виде товара, на 2 млрд. товара (= 2 млрд. денег) и в виде денег — 1 млрд. денег, всего, следовательно, 3 млрд. денег, а получает от него только на 1 млрд. товара = 1 млрд. денег. Поэтому *S* должен вернуть ему 2 млрд. денег; 1 млрд. он выплачивает теми деньгами, которые бросил в обращение *F*, а 1 млрд. он сам бросает в обращение. *F* оставляет у себя в качестве балансовой разницы 1 млрд. денег; оставить у себя оба миллиарда он не может.

В обоих случаях *S* получает на 2 млрд. товара, а *F* — на 1 млрд. товара плюс 1 млрд. денег, т. е. денежную балансовую разницу. Если в случае III к *F* притекает, кроме того, еще 1 млрд. денег, то это только те деньги, которые он бросил в обращение сверх того, что он извлекает из обращения путем продажи товаров. Так же обстоит дело и с *S* в случае IV.

В обоих случаях S приходится уплачивать балансовую разницу в 1 млрд. деньгами, потому что он извлекает из обращения на 2 млрд. товара, а бросает в обращение товара только на 1 млрд. В обоих случаях F должен получить деньгами балансовую разницу в 1 млрд. денег, потому что он бросает в обращение на 2 млрд. товара, а извлекает из обращения товара только на 1 млрд., так что второй миллиард товара должен быть сальдирован ему деньгами. В конечном счете только этот миллиард денег и может в обоих случаях переходить из рук в руки. Но так как в обращении находятся 2 млрд. денег, то этот миллиард должен вернуться к тому, кто бросил его в обращение, будь то F , который получил из обращения балансовую разницу в 1 млрд. денег и, помимо того, бросил в обращение еще другой миллиард деньгами, или же S , который должен уплатить в качестве балансовой разницы только 1 млрд. денег и, кроме того, бросил в обращение деньгами еще 1 млрд.

В случае III в обращение поступает на 1 млрд. денег больше, чем это необходимо для обращения товарной массы при других обстоятельствах, так как F , выступая первым в роли покупателя, должен бросить деньги в обращение независимо от того, как сложатся окончательные расчеты. В случае IV в обращение поступают тоже 2 млрд. денег — вместо одного лишь миллиарда, как в случае II, — ибо в случае IV, во-первых, в самом же начале S выступает как покупатель, и, во-вторых, он покупает на 2 млрд. товара в один прием. В случаях III и IV денежная масса, *обращающаяся* между этими покупателями и продавцами, в конечном счете может равняться лишь балансовой разнице, какую должна уплатить одна из сторон. Ибо те деньги, которые S или F отдал сверх этой суммы, выплачиваются тому или другому из них обратно.

Предположим, что F покупает у S на 2 млрд. товара. В таком случае дело складывалось бы следующим образом. F отдает S 1 млрд. денег за товар. S покупает товара на 2 млрд. денег у F , благодаря чему к последнему возвращается первый миллиард и сверх того еще один миллиард денег. F снова покупает у S на 1 млрд. деньгами, благодаря чему эта сумма возвращается к S . К концу процесса F имел бы товара на 2 млрд. денег и тот миллиард денег, которым он располагал первоначально, еще до начала процесса обращения; а S имел бы на 2 млрд. товара и 1 млрд. денег, которым он точно так же располагал с самого начала. Тот миллиард денег, который принадлежит F , и тот миллиард денег, который принадлежит S , сыграли бы роль только средства обращения, чтобы потом вернуться к обоим пустившим их в обращение сторонам в качестве денег

или, в данном случае, также и в качестве капитала. Если бы обе эти стороны применили деньги в качестве средства платежа, то они товаром в 2 млрд. рассчитались бы за товар также в 2 млрд.; их счета покрыли бы друг друга; ни один грош не обращался бы между ними.

Следовательно, деньги, циркулирующие в качестве средства обращения между обеими этими сторонами, из которых каждая противостоит другой двояким образом — и как покупатель и как продавец, — эти деньги возвращаются обратно; причем возможны три случая их обращения.

[Во-первых.] Введенные в обращение товарные стоимости уравнивают друг друга. В этом случае деньги возвращаются к тому, кто авансировал их процессу обращения и таким образом своим капиталом покрыл издержки обращения. Так, например, если F и S , каждый на 2 млрд., покупают товар друг у друга, причем первым выступает на сцену S , то этот последний покупает товара у F сразу на 2 млрд. денег. F возвращает ему эти 2 млрд. денег, покупая у него на 2 млрд. товара. Таким образом S — как перед сделкой, так и после нее — имеет 2 млрд. товарами и 2 млрд. деньгами. Или, если оба они — как в вышеприведенном случае — авансируют средства обращения в размере одной и той же части покупаемого ими товара, то на обеих сторонах к каждому возвращается та сумма, которую он авансировал процессу обращения; так, например, выше мы видели, что 1 млрд. денег возвращается к F и 1 млрд. денег к S .

Во-вторых. Товарные стоимости, которые обе стороны обменяли между собой, не уравнивают друг друга. Образуется балансовая разница, которая должна быть уплачена деньгами. И если, как это имело место выше в случае I, товарное обращение складывалось так, что в результате количество денег, поступившее в обращение, не превысило суммы, необходимой для уплаты балансовой разницы, — так как только эта сумма все время перемещалась взад и вперед между обеими сторонами, — то в конце концов она попадает в руки последнего продавца, в пользу которого получилась балансовая разница.

В-третьих. Товарные стоимости, которые обе стороны обменяли между собой, не уравнивают друг друга; должна быть уплачена балансовая разница; но товарное обращение происходит в такой форме, что обращается больше денег, чем необходимо для уплаты балансовой разницы; в этом случае деньги, превышающие эту балансовую разницу, возвращаются к той стороне, которая их авансировала. В случае III они возвращаются к тому, кто получает разницу, в случае IV — к тому, кто должен ее уплатить.

В случаях, объединенных под рубрикой «во-вторых», деньги *возвращаются* к получателю балансовой разницы только при том условии, если он первым выступает в роли покупателя, как это было в примере с рабочим и капиталистом. Если же первой в роли покупателя выступает другая сторона, то деньги уходят от нее к ее контрагенту, как это имеет место в случае II.

[436] {Все это, разумеется, имеет место только при предположении, что купля и продажа определенного количества товаров происходят между одними и теми же лицами, так что каждое из них выступает по отношению к другой стороне попеременно то как покупатель, то как продавец. Предположим, напротив, что товар на сумму в 3 тысячи распределен равными частями между товаровладельцами-продавцами A , A' и A'' и что им противостоят покупатели B , B' и B'' . Если три акта купли совершаются здесь одновременно, следовательно совершаются один рядом с другим в пространстве, то должны обращаться 3 тысячи денег, так что в руки каждого A попадает 1 тысяча денег и в руки каждого B — 1 тысяча товара. Если же акты купли совершаются один за другим, последовательно во времени, то это создает возможность обращения одной и той же тысячи денег лишь в том случае, если метаморфозы товаров переплетаются друг с другом, т. е. если часть действующих лиц выступает как в роли покупателей, так и в роли продавцов, хотя и не по отношению к одним и тем же лицам, как в вышеприведенном случае, а по отношению к одним — в роли покупателей, по отношению же к другим — в роли продавцов. Так, например: 1) A продает B на 1 тысячу; 2) A покупает на эту тысячу у B' ; 3) B' покупает на эту тысячу у A' ; 4) A' — на эту тысячу у B'' ; 5) B'' на эту тысячу — у A'' . Деньги в данном случае пять раз переходили бы из рук в руки, перемещаясь между шестью лицами, но и товара обращалось бы при этом на 5 тысяч. Если бы товара обращалось только на 3 тысячи, то мы имели бы следующее: 1) A покупает на 1 тысячу у B ; 2) B покупает на 1 тысячу у A' ; 3) A' покупает на 1 тысячу у B' . Три перемещения между четырьмя лицами. Это — процесс $D - T$.}

Разобранные выше случаи не противоречат ранее развитому закону,

«по которому при данной скорости обращения денег и при данной сумме товарных цен количество обращающихся средств представляет собой определенную величину» (I, стр. 85) ¹¹³.

В приведенном выше примере — случай I — 1 000 денег ¹¹⁴ обращаются трижды и при этом приводят в движение товаров на

3 000. Поэтому масса обращающихся денег = $\frac{3\,000 \text{ (сумма цен)}}{3 \text{ (скорость обращения)}}$,
или $\frac{3\,000 \text{ (сумма цен)}}{3 \text{ оборота}} = 1\,000$ денег.

В случае III или IV сумма цен обращающихся товаров, правда, та же самая (3 000 денег); но скорость обращения другая. 2 000 денег обращаются один раз, т. е. 1 000 денег плюс 1 000 денег. Но из этих 2 000 денег одна тысяча делает еще один оборот. 2 000 денег служат для обращения двух третей товара, имеющего стоимость в 3 000, а половина этих денег приводит в обращение товар на 1 000, т. е. оставшуюся треть; одна тысяча денег делает два оборота, а другая тысяча денег — только один оборот. Двукратный оборот 1 000 денег реализует товарную цену в 2 000 денег, а однократный оборот 1 000 денег реализует товарную цену в 1 000 денег; итого 3 000 товара. Итак, какова же скорость обращения денег по отношению к тем товарам, которые они здесь приводят в обращение? 2 000 денег делают $1\frac{1}{2}$ оборота (это равнозначно тому, что *сперва* вся сумма совершает один оборот, а затем половина ее — еще один) = $\frac{3\,000 \text{ (сумма цен)}}{3\frac{1}{2} \text{ оборота}} = 2\,000$ денег.

Но чем же определяется здесь *различная скорость обращения денег*?

Как в III, так и в IV случае различие вызывается, в противоположность случаю I, следующим обстоятельством. В случае I сумма цен обращающихся в каждый данный момент товаров никогда не бывает ни больше, ни меньше, чем $\frac{1}{3}$ суммы цен всей товарной массы, вообще поступающей в обращение. Товара в обращении все время находится только на 1 000. В случаях же III и IV, напротив, один раз обращается на 2 000 товара и один раз — на 1 000; следовательно, один раз обращаются $\frac{2}{3}$ имеющейся товарной массы, а один раз — $\frac{1}{3}$. По той же причине в оптовой торговле должны обращаться более крупные монеты, чем в розничной торговле.

Как я уже заметил (I, «Обращение денег»), обратный приток денег указывает прежде всего на то, что *покупатель, в свою очередь, стал продавцом* ¹¹⁵, причем по сути дела безразлично, продает ли он тем же самым лицам, у которых он купил, или другим. Однако когда это происходит между одними и теми же лицами, то имеют место явления, породившие такое множество заблуждений (Дестют де Траси) ¹¹⁶. То обстоятельство, что покупатель становится продавцом, показывает, что продаже подлежит новый товар. Непрерывность товарного обращения равнозначна его постоянному возобновлению (I, стр. 78) ¹¹⁷, — следовательно, мы здесь имеем процесс воспроизводства. Покупатель

может стать, в свою очередь, продавцом — как фабрикант по отношению к рабочему — и без того, чтобы это выражало какой-нибудь акт воспроизводства. Только непрерывность этого обратного притока денег, его повторение, указывает здесь на процесс воспроизводства.

Тот обратный приток денег, который представляет обратное превращение капитала в его денежную форму, свидетельствует необходимым образом об окончании одного оборота и о возобновлении воспроизводства, если капитал продолжает свое движение как таковой. Также и здесь, как и во всех других случаях, капиталист был продавцом, $T — Д$, а затем становится покупателем, $Д — T$, но только в $Д$ его капитал снова обладает той формой, в которой он может быть обменен на свои элементы воспроизводства, и T представляет здесь эти элементы воспроизводства. $Д — T$ представляет здесь превращение денежного капитала в производительный, или промышленный, капитал.

Далее, обратный приток денег к их исходному пункту может, как мы видели, указывать на то, что в результате ряда покупок и продаж денежная балансовая разница получается в пользу того покупателя, который открывает ряд этих процессов. F покупает у S на 1 000 деньгами. S покупает у F на 2 000 деньгами. Здесь 1 000 денег притекает обратно к F . Что же касается другой тысячи, то здесь происходит только простое перемещение денег между S и F .

[437] Наконец, обратный приток денег к исходному пункту может происходить и без того, чтобы это выражало уплату балансовой разницы; это может иметь место как 1) в том случае, когда баланс платежей уравнивается, т. е. когда не приходится уплачивать деньгами никакой балансовой разницы, так 2) и в том случае, когда баланс *не* уравновешен и приходится уплачивать балансовую разницу деньгами. Смотри разобранные выше случаи. Во всех этих случаях безразлично, вступает ли, например, в отношение к F один и тот же S или не один и тот же. Здесь S представляет по отношению к F и F по отношению к S всю совокупность тех, кто продает ему и покупает у него (совершенно так же, как в том примере, где уплата балансовой разницы проявляется в обратном притоке денег). Во всех этих случаях деньги притекают обратно к тому, кто, так сказать, авансировал их процессу обращения. Они, подобно банкнотам, сделали в обращении свое дело и возвращаются к лицу, пустившему их в обращение. *Здесь деньги служат только средством обращения. Те капиталисты, которые выступают последними, расплачиваются друг с другом, и деньги*

возвращаются таким образом к тому, кто первый пустил их в обращение.

Остается еще отложенный для дальнейшего рассмотрения вопрос: капиталист извлекает из обращения больше денег, чем он бросил в обращение ¹¹⁸.

[6] ЗНАЧЕНИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ» В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ]

Вернемся к Кенэ.

А. Смит не без иронии цитирует гиперболическое высказывание маркиза Мирабо:

«Со времени возникновения мира были сделаны три великих открытия... Первое из них, это — изобретение письменности... Второе, это — изобретение» (!) «денег... Третье, это — «Экономическая таблица», которая является результатом первых двух изобретений и завершает их» (перевод Гарнье, том III, книга IV, глава 9, стр. 540) [Русский перевод, том II, стр. 224—225].

На самом же деле это была попытка представить весь процесс производства капитала как *процесс воспроизводства*, а обращение — только как форму этого процесса воспроизводства; денежное обращение — только как момент обращения капитала; вместе с тем это была попытка включить в этот процесс воспроизводства происхождение дохода, обмен между капиталом и доходом, отношение между воспроизводительным и окончательным потреблением, а в обращение капитала включить обращение между производителями и потребителями (в действительности — между капиталом и доходом); наконец, это была попытка представить в качестве моментов процесса воспроизводства обращение между двумя большими подразделениями производительного труда — между производством сырья и промышленностью, — и все это в одной «Таблице», которая фактически состоит всего лишь из пяти линий, связывающих шесть исходных точек или же точек возврата. Эта попытка, сделанная во второй трети XVIII века, в период детства политической экономии, была в высшей степени гениальной идеей, бесспорно самой гениальной из всех, какие только выдвинула до сего времени политическая экономия.

Что касается обращения капитала, процесса его воспроизводства, различных форм, которые капитал принимает в этом процессе воспроизводства, той связи, которая существует между обращением капитала и общим обращением, следовательно, что касается не только обмена капитала на капитал, но и обмена между капиталом и доходом, — то Смит на деле лишь

воспринял наследие физиократов и дал более строгую классификацию и детальное описание отдельных статей инвентаря, но едва ли изобразил и истолковал процесс в целом так правильно, как он был — по общему замыслу — намечен в «Экономической таблице», несмотря на ошибочные предпосылки Кенэ.

И если, далее, Смит говорит о физиократах:

«Их труды, без сомнения, оказали известную услугу их стране» (там же, стр. 538) [Русский перевод, том II, стр. 224],

то это до нескромности скромная оценка значения такого, например, человека, как Тюрго, который — в смысле прямого влияния — является одним из отцов французской революции. [437]

[ГЛАВА СЕДЬМАЯ]

ЛЕНГЕ

[РАННЯЯ КРИТИКА БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА
НА «СВОБОДУ» РАБОЧЕГО]

[438] *Linguet. Théorie des Loix Civiles etc. Londres, 1767.*

Согласно плану моего сочинения, социалистические и коммунистические писатели вообще не включаются в исторические обзоры. Эти обзоры должны лишь показать, с одной стороны, в какой форме политико-экономы критикуют самих себя, а с другой стороны, в каких формах, явившихся историческими веками, были впервые высказаны и развиты далее законы политической экономии. Поэтому при рассмотрении прибавочной стоимости я оставляю в стороне таких писателей XVIII века, как Бриссо, Годвин и т. д., и точно так же социалистов и коммунистов XIX века. Те немногие социалистические писатели, о которых я, в дальнейшем, буду говорить в этом обзоре ¹¹⁹, либо сами становятся на точку зрения буржуазной политической экономии, либо исходят в своей борьбе против нее из ее же собственной точки зрения.

Ленге, однако, не социалист. Его полемика против буржуазно-либеральных идеалов современных ему просветителей, против начинающегося господства буржуазии облекается — наполовину всерьез, наполовину иронически — в реакционную оболочку. Он защищает азиатский деспотизм, выступая против цивилизованных европейских форм деспотизма, отстаивает рабство, выступая против наемного труда.

Том I. Уже одно его замечание против Монтескье:

«Собственность — вот дух законов» ¹²⁰ —

показывает глубину его взгляда.

Единственные политико-экономы, с которыми Ленге пришлось иметь дело, были физиократы.

Богачи, доказывает Ленге, завладели всеми условиями производства; это — *отчуждение условий производства*, какими в их простейшей форме являются сами стихии природы.

«В наших цивилизованных странах все стихии природы стали рабами» (стр. 188).

Для того чтобы получить часть этих присвоенных богачами сокровищ, их надо купить тяжелым трудом, увеличивающим богатство этих богачей.

«Таким образом, захваченная в плен природа перестала предоставлять своим детям легко доступные источники для поддержания их жизни. Ее благодеяния приходится оплачивать чрезвычайными усилиями, а ее дары — упорным трудом».

(Здесь — в «дарах природы» — проглядывает физиократическое воззрение.)

«Богач, захвативший их в свое исключительное владение, только за эту цену соглашается вернуть для общего пользования самую незначительную их часть. Чтобы получить доступ к его сокровищам, необходимо трудиться над их умножением» (стр. 189). «Приходится, таким образом, отказаться от химер свободы» (стр. 190). Законы существуют для «санкционирования первоначальной узурпации» (частной собственности) и для «предотвращения новых узурпаций» (стр. 192). «Они представляют собой своего рода заговор против наиболее многочисленной части рода человеческого» (а именно, против неимущих — цит. соч. [стр. 195]). «Общество создало законы, а не законы — общество» (стр. 230). «Собственность появилась раньше законов» (стр. 236).

Само «общество» — тот факт, что человек живет в обществе, а не как независимый самостоятельный индивидуум, — является корнем собственности, основанных на ней законов и неизбежно возникшего из нее рабства.

С одной стороны, жили мирно и разрозненно земледельцы и пастухи. С другой стороны, существовали «охотники, привыкшие добывать средства к жизни кровопролитием и соединяться в банды, для того чтобы иметь возможность легче совершать облавы на животных, мясом которых они питались, и сговариваться о дележе добычи» (стр. 279). «Именно у охотников должны были появиться первые признаки общества» (стр. 278). «Настоящее общество образовалось в ущерб интересам пастухов и хлебопашцев, и основой ему послужило их порабощение» бандой объединившихся охотников (стр. 289). Все обязанности в обществе сводятся к командованию и повиновению. «Эта деградация части рода человеческого сначала явилась причиной возникновения общества, а затем породила законы» (стр. 294).

Нужда заставляет рабочих, лишенных условий производства, — для того чтобы иметь возможность жить, — трудиться над увеличением чужого богатства.

«Только невозможность прожить иначе заставляет наших поденщиков пахать землю, плодами которой им не придется воспользоваться»,

а наших каменщиков — воздвигать дома, в которых им не придется жить. Нищета гонит их на рынок, где они поджидают господ, которые соблаговолили бы их купить. *Нищета вынуждает их на коленях умолять богача, чтобы тот позволил им обогащать его*» (стр. 274).

«Итак, порабощение было первой причиной возникновения общества, а насилие — его первым связующим началом» (стр. 302). «Их» (людей) «первой заботой было, без сомнения, добыть себе пищу... Вторая забота должна была заключаться в изыскании средств, позволяющих *добывать себе пищу не трудясь*» (стр. 307—308). «Этого они могли достичь только присвоением плодов чужого труда» (стр. 308). «Первые завоеватели только для того стали властвовать, чтобы безнаказанно вести праздную жизнь; они сделались королями, чтобы иметь в своем распоряжении средства существования. Этим весьма суживается и упрощается... идея господства» (стр. 309). «Общество порождено насилием, а собственность — узурпацией» (стр. 347). «Как только появились господа и рабы, образовалось общество» (стр. 343). «С самого начала двумя [439] устоями гражданского общества являлись, с одной стороны, рабство большей части мужчин, а с другой — рабство всех женщин... За счет трех четвертей общего числа своих членов общество обеспечило счастье, богатство, досуг небольшого числа собственников, о которых оно только и заботилось» (стр. 365).

Том II.

«Следовательно, дело идет не о выяснении того, противоречит ли рабство природе как таковой, а о том, противоречит ли оно природе общества... Рабство неразрывно связано с существованием общества» (стр. 256). «Общество и гражданское порабощение возникли вместе» (стр. 257). «Пожизненное рабство... такова необходимая основа обществ» (стр. 347).

«Люди, вынужденные получать свои средства существования от щедрот какого-нибудь другого человека, появились только тогда, когда этот человек достаточно обогатился отнятым у них же добром, чтобы иметь возможность вернуть им небольшую часть его. Мнимое великодушие этого человека могло быть лишь возвращением некоторой части плодов их труда, которые он себе присвоил» (стр. 242). «Разве не в том именно, что человек принужден сеять без того, чтобы самому пользоваться жатвой, жертвовать своим благополучием ради благополучия другого, принужден работать, не имея надежды впереди, — разве не в этом и состоит рабство? И не берет ли свое начало действительная история рабства с того момента, когда появились люди, которых можно было принудить к работе под ударами бича, давая им, при их возвращении в конюшню, некоторое количество овса? Только в развитом обществе средства существования кажутся голодному бедняку достаточным эквивалентом за его свободу; в обществе же, находящемся в самом начале своего развития, свободным людям показался бы чем-то чудовищным такой неравный обмен. Его можно предлагать только пленникам. Лишь после того как у последних было отнято пользование каким бы то ни было имуществом, можно сделать необходимостью для них подобного рода обмен» (стр. 244—245).

«Сущность общества... состоит в том, чтобы извлекать богатого от труда; в том, чтобы предоставлять в его распоряжение новые органы, неутомимые члены, на долю которых приходятся все тяжелые работы, между тем как плоды работ присваивает себе богатый. Такова цель, которую рабство делало легко достижимой для богатого. Он покупал людей, которые должны были служить ему» (стр. 461). «Отменяя рабство, вовсе не имели в виду уничтожить ни богатство, ни его преимущества... А потому все, кроме названия, должно было остаться по-прежнему. Наибольшая часть людей всегда должна была жить на заработную плату,

находясь в зависимости от ничтожного меньшинства, присвоившего себе все блага. Таким образом, рабство было увековечено на земле, но под более мягким названием. Оно фигурирует теперь среди нас, приукрашенное названием domesticité * (стр. 462).

Под этими «слугами», говорит Ленге, он подразумевает не лакеев и т. п.:

«Города и деревни густо населены другого рода слугами, более многочисленными, более полезными, более трудолюбивыми, — они известны под именем *«journaliers»* (поденщиков), *«людей ручного труда»* и т. д. Они не позорят себя мишурой роскоши; они стонут под отвратительными лохмотьями, этой *ливреей нищеты*. Они никогда не имеют доли в том изобилии, источником которого служит их труд. Богатство как будто оказывает им милость, когда оно соизволяет принимать приносимые ими дары. Они должны еще быть признательны за те услуги, которые они же оказывают богатству. Оно награждает их самым оскорбительным пренебрежением, когда они обнимают его колени, выпрашивая у него разрешение быть ему полезными. Оно заставляет людей умолять о подобном разрешении, и при этом единственном в своем роде обмене действительной щедрости на мнимое благодеяние высокомерие и презрение имеют место на стороне получающих, а покорность, заботливость, усердие — на стороне дающих. Именно этот род слуг на самом деле заменил у нас рабов» (стр. 463—464).

«Необходимо выяснить, какова в действительности та выгода, которую принесло им уничтожение рабства. Говорю с горечью и вполне откровенно: вся выгода состоит для них в том, что их вечно преследует страх голодной смерти, — несчастье, от которого, по крайней мере, их предшественники в этом низшем слое человеческого общества были избавлены» (стр. 464). «Он [рабочий] свободен, говорите вы. Увы! В этом-то и состоит его несчастье. Ему ни до кого нет дела, но и никому нет дела до него. Когда в нем нуждаются, его нанимают по самой дешевой цене. Ничтожная плата, которую ему обещают, едва достигает цены тех средств существования, которые необходимы ему в течение рабочего дня, отдаваемого им в обмен. Над ним ставят надсмотрщиков (overlookers), «заставляющих его работать как можно быстрее; его понукают, его подгоняют, опасаясь, как бы изобретательная на отговорки лень не помогла ему утаить половину его силы; боятся, как бы желание растянуть занятое данной работой время не уменьшило проворство его рук и не притупило его инструменты. Скарредная экономия, с беспокойством следящая за ним, осыпает его упреками при малейшем перерыве, который он готов себе позволить, и если он предается минутному отдыху, начинает утверждать, что он ее обкрадывает. А когда работа окончена, его отпускают с тем же холодным безразличием, с каким его приняли, — отпускают, не задумываясь над тем, хватит ли ему на жизнь, — [440] если он на другой же день не найдет себе работы, — тех 20 или 30 су, которые он получил за изнурительный рабочий день» (стр. 466—467).

«Да, он свободен! Именно поэтому я и жалею его. Потому-то его и щадят гораздо меньше на тех работах, на которых его применяют. Потому-то и проявляют еще большую беззастенчивость, расхищая его жизнь. Раб представлял для своего хозяина известную ценность, потому что хозяин уплатил за него деньги. А за рабочего богатый прожигатель жизни, нанявший его, не заплатил ничего. Во времена рабства кровь человеческая имела некоторую цену. Люди имели стоимость по меньшей мере

* — прислуга, совокупность слуг. Ред.

равную той сумме, за которую их продавали на рынке. С тех пор как прекратилась продажа людей, они в действительности не имеют никакой внутренней стоимости. В армии сапер ценится гораздо меньше, чем обозная лошадь, потому что лошадь стоит очень дорого, а сапер достается даром. Уничтожение рабства привело к перенесению такой оценки из военной жизни в гражданскую; и с тех пор нет ни одного зажиточного буржуа, который не расценивал бы людей так, как это делают доблестные воители» (стр. 467).

«Поденщики родятся, растут и воспитываются» (*züchten sich heran*) «для служения богатству, и это, — подобно той дичи, которую богатство убивает в своих владениях, — не требует от него ни малейших издержек. Кажется, будто богатство действительно владеет той тайной, знанием которой — без всяких на то оснований — похвалялся злополучный Помпей. Стоит только богатству топнуть ногой о землю, как из земли появляются легионы трудолюбивых людей, оспаривающих друг у друга честь служить ему. И если исчезает один из толпы этих наемников, которые строят ему дома или ухаживают за его садами, то пустого места и не видно — оно тотчас же заполняется без всякого вмешательства с чьей-либо стороны. Не жаль потерять каплю воды из большой реки, потому что непрестанно прибывают новые потоки. Так обстоит дело и с рабочими; легкость, с какой одни замещаются другими, питает бесчувственное отношение к ним со стороны богатых»

(таков способ выражения Ленге; он еще не говорит о капиталистах) (стр. 468).

«У них, говорят, нет господ... Но это явное злоупотребление словом. Что это означает: у них нет господ? У них есть господин, и притом самый ужасный, самый деспотичный из всех господ: *нужда*. Она отвергает их в самое жестокое рабство. *Им приходится повиноваться не какому-либо отдельному человеку, а всем вообще*. Над ними властвует не какой-нибудь единственный тиран, капризам которого они должны угождать и благоволения которого должны добиваться, — это поставило бы известные границы их рабству и сделало бы его более сносным. *Они становятся слугами всякого, у кого есть деньги*, и в силу этого их рабство приобретает неограниченный характер и неумолимую суровость. Говорят, если им плохо живется у одного хозяина, то у них, по крайней мере, имеется то утешение, что они могут заявить ему об этом и искать себе другого, — рабы же не могут делать ни того, ни другого. Рабы, следовательно, еще более несчастны. — Какой софизм! Подумайте-ка о том, что число *тех*, кто заставляет работать других, очень незначительно, а число тех, кто работает, напротив, огромно» (стр. 470—471). «К чему сводится для них та призрачная свобода, которую вы им пожаловали? *Они живут лишь отдачей в наем своих рук. Следовательно, они должны найти кого-нибудь, кто нанял бы их, или же умереть с голоду. Разве это значит быть свободным?*» (стр. 472).

«Ужаснее всего то, что сама незначительность этого заработка служит причиной его дальнейшего понижения. Чем бедственнее положение поденщика, тем дешевле вынужден он продавать себя. Чем сильнее его нужда, тем ниже оплачивается его труд. Люди, противостоящие ему как деспоты в тот момент, когда он со слезами на глазах умоляет принять его услуги, не краснеют от стыда, щупая, так сказать, его пульс, чтобы удостовериться, много ли у него осталось еще сил. В соответствии с тем, насколько он ослабел, они и устанавливают предлагаемую ему плату. Чем ближе кажется он им к смерти от истощения, тем больше урезают они то, что

могло бы его еще спасти. То, что дают ему эти варвары, способно не столько продлить его жизнь, сколько отсрочить его смерть» (стр. 482—483). «Независимость» (поденщика)... «это — одно из самых пагубных бедствий, порожденных присущей нашему времени изощренностью. Она увеличивает изобилие у богача и нужду у бедняка. Богач сберегает все то, что бедняк сам затрачивает на поддержание своей жизни; а этот последний вынужден экономить не на излишнем, а на самом необходимом» (стр. 483).

«Если в настоящее время так легко содержать громадные армии, которые, в соединении с роскошью, ведут к истреблению рода человеческого, то этим мы обязаны только отмене рабства... Только с тех пор как нет больше рабов, разврат и нищенство поставляют воителей за пять су в день» (стр. 484—485).

«Я нахожу, что оно» (азиатское рабство) «во сто раз предпочтительнее, чем всякое иное состояние, для тех людей, которые вынуждены зарабатывать себе на жизнь ежедневным трудом» (стр. 496).

«Их» (рабов и наемных рабочих) «цепи сделаны из одного и того же материала, и различаются они только по окраске. Цепи одних окрашены в черный цвет и кажутся более массивными; цепи других — менее мрачного цвета и кажутся более легкими; но взвесьте их беспристрастно, и вы не обнаружите между ними ни малейшей разницы: и те и другие в равной мере выкованы нуждой. Они совершенно одинакового веса, и даже больше того: если одни несколько тяжелее, то как раз те, которые с виду кажутся более легкими» (стр. 510).

Ленге восклицает по поводу рабочих, обращаясь к французским просветителям:

«Разве вы не видите, что покорность и, надо прямо сказать, полное смирение этой столь многочисленной части стада создает богатство пастырей?.. Поверьте мне, в его» (пастыря) «интересах, в ваших интересах и даже в интересах их самих» (овец) — «оставить их в том укоренившемся в них убеждении, будто собака, лающая на них, одна сильнее всех овец, вместо взятых. Пусть они бессмысленно убегают при одном виде ее тени. Выиграют от этого все... Тем легче будет вам согнать их для стрижки. Тем меньше будет угрожать им опасность, что их пожрут волки. [441] Правда, они избавляются от этой опасности только для того, чтобы доставаться в пищу людям. Но такое уж их участие с того момента, как они вошли в хлев. Прежде чем говорить о том, чтобы выволить их отсюда, вам следовало бы начать с разрушения хлева, т. е. общества» (стр. 512—513). [X—441]

ПРИЛОЖЕНИЯ

[1) ГОББС О ТРУДЕ, О СТОИМОСТИ И ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ НАУКИ]

[XX—1291a] Гоббс считает науку, а не труд исполнителя, матерью искусств:

«Искусства, имеющие значение для общества, как, например, фортификация, создание машин и других орудий войны, представляют собой силу, ибо они способствуют обороне и победе; и хотя истинной матерью их является наука, а именно математика, всё же, так как они производятся на свет рукой ремесленника, они рассматриваются как его порождение, подобно тому как у простонародья повивальная бабка именуется матерью» («Leviathan», в книге «English Works of Th. Hobbes», edit. by Molesworth, London, 1839—1844, том III, стр. 75) [Русский перевод: Гоббс, Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936, стр. 90].

Продукт умственного труда — наука — всегда ценится далеко ниже ее стоимости, потому что рабочее время, необходимое для ее воспроизведения, не идет ни в какое сравнение с тем рабочим временем, которое требуется для того, чтобы первоначально ее произвести. Так, например, теорему о биноме школьник может выучить в течение одного часа.

Рабочая сила:

«Стоимость, или ценность, человека, как и всех других вещей, — это его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой» (там же, стр. 76) [Русский перевод, стр. 90]. «Труд человека» (стало быть, «пользование его рабочей силой») «тоже является товаром, который можно с пользой обменять точно так же, как и всякую другую вещь» (там же, стр. 233) [Русский перевод, стр. 196].

Производительный и непроизводительный труд:

«Недостаточно, чтобы человек только трудился для поддержания своего существования: он должен также сражаться, в случае необходимости, для защиты своего труда. Люди должны либо поступать так, как поступали, возвратившись из плена, евреи, когда они при восстановлении храма одной рукой строили, а в другой держали меч; либо же должны нанимать других, чтобы те сражались за них» (там же, стр. 333) [Русский перевод, стр. 262]. [XX—1291a]

[2)] ИЗ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ: ПЕТТИ

[ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ ПРОФЕССИЯМ. ЗАЧАТКИ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ. ПОПЫТКА ОБЪЯСНИТЬ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ, ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ, ЦЕНУ ЗЕМЛИ И ПРОЦЕНТ]

[XXII—1346] *Petty. A Treatise of Taxes and Contributions.* London, 1667.

У нашего приятеля Петти ¹²¹ «теория народонаселения» совершенно другая, чем у Мальтуса. По мнению Петти, следовало бы поставить препятствие для «размножения» пасторов и восстановить безбрачие духовенства.

Все это относится к разделу о *производительном и непроизводительном труде* ¹²².

а) Пасторы:

«Так как в Англии больше мужчин, чем женщин..., то было бы хорошо, если бы священники *вернулись к безбрачию*, другими словами, если бы никто, будучи женатым, не мог получить духовный сан... И тогда наш *неженатый пастор* мог бы жить на *половину* церковного дохода так же хорошо, как он теперь живет на весь свой церковный доход» (стр. 7—8) [Русский перевод, стр. 20].

б) Кушцы и лавочники:

«Из числа их также можно было бы сократить значительную часть; ведь они *по сути дела не заслуживают того, чтобы получать что-либо от общества*, являясь лишь своего рода игроками, которые *ведут между собой [1347] азартную игру за счет труда бедняков*, сами же не доставляют никакого продукта и только *распределяют* по разным направлениям, подобно венам и артериям, кровь и питательные соки общественного тела, т. е. *продукцию сельского хозяйства и промышленности*» (стр. 10) [Русский перевод, стр. 22].

с) Адвокаты, врачи, чиновники и т. д.:

«Если бы были сокращены многочисленные должности и жалованья, связанные с *управлением, судом и церковью*, а также число духовных лиц, адвокатов, врачей, кушцов и лавочников, которые все получают *крупные*

вознаграждения за незначительную работу, совершаемую ими для общества, то насколько легче было бы покрывать общественные расходы!» (стр. 11) [Русский перевод, стр. 22].

d) Пауперы: «избыточные люди» [supernumeraries]:

«Кто должен оплачивать этих людей? Я отвечаю: все... Для меня ясно, что они не должны ни умереть с голоду, ни быть повешены, ни быть отданы за границу», и т. д. (стр. 12) [Русский перевод, стр. 23—24]. Необходимо либо дать им «избыточные продукты», либо же, если таковых не имеется, «если излишка нет,... немного сократить изысканность питания других в количественном или в качественном отношении» (стр. 12—13) [Русский перевод, стр. 24]. Какую работу возлагать на этих «избыточных людей», это безразлично, лишь бы только она «не требовала расходования иностранных товаров». Главное заключается в том, чтобы «приучать сознание этих людей к дисциплине и повиновению, а их тела — к выносливости, которая потребуется от них при более полезной работе, когда в ней появится нужда» (стр. 13) [Русский перевод, стр. 24]. «Лучше всего использовать их для постройки дорог, мостов, для разработки рудников и т. д.» (стр. 12) [Русский перевод, стр. 23].

Население — богатство:

«Малочисленность населения — это действительная бедность. Народ, насчитывающий 8 миллионов, более чем вдвое богаче того народа, который на такой же территории насчитывает только 4 миллиона» (стр. 16) [Русский перевод, стр. 27].

К пункту *a* выше (*Пасторы*). О попах Петти говорит с утонченной иронией:

«Религия лучше всего процветает там, где священники больше всего умерщвляют свою плоть, подобно тому как... право... лучше всего процветает там, где адвокаты имеют наименьшие заработки» (стр. 57) [Русский перевод, стр. 64]. При всех обстоятельствах он советует пасторам «не плодить духовных лиц больше, чем могут поглотить существующие в настоящее время церковные приходы». Например, допустим, что в Англии и Уэльсе имеется 12 000 церковных приходов. В таком случае «будет неблагоприятно наплодить 24 000 священников». Ибо тогда 12 000 необеспеченных вступят в конкурентную борьбу с теми, которые имеют приходы, «а это им легче всего сделать, убеждая людей в том, что 12 000 обладателей приходов отравляют или иссушают их души» (намек на английскую религиозную войну) «и сбивают их с пути, ведущего в царство небесное» (стр. 57) [Русский перевод, стр. 64].

Происхождение прибавочной стоимости и ее исчисление. Изложение этой темы идет несколько беспорядочно, мысль напряженно борется в поисках подходящего выражения, но при всем этом разбросанные там и сям меткие замечания образуют некоторое связное целое.

Петти различает «естественную цену», «политическую цену» и «истинную рыночную цену» (стр. 67) [Русский перевод, стр. 73]. Под «естественной ценой» он понимает по сути дела *стоимость*, и это только и интересует нас здесь, так как [1348]

от определения стоимости зависит и определение прибавочной стоимости.

В рассматриваемом нами произведении Петти по сути дела определяет *стоимость товаров* сравнительным *количеством* содержащегося в них *труда*.

«Но прежде чем распространяться о *рентах*, мы должны попытаться объяснить таинственную природу их, с одной стороны, в отношении *денег*, *рента с которых называется процентом*, а с другой стороны — в отношении *ренты с земель и домов*» (стр. 23) [Русский перевод, стр. 33].

Прежде всего спрашивается: что такое *стоимость* товара, в частности хлеба?

а) «Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с *такой же затратой времени*, какая необходима для производства одного бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добывать так же легко, как теперь одну, то *caeteris paribus* * хлеб будет так же дешев при цене в 10 шилл. за бушель, как теперь при цене в 5 шилл.» (стр. 31) [Русский перевод, стр. 40]. «Допустим, что производство одного бушеля хлеба и *производство одной унции серебра* требуют *равного труда*» (стр. 66) [Русский перевод, стр. 72]. Это прежде всего и есть «действительный, а не мнимый путь исчисления цен товаров» (стр. 66) [Русский перевод, стр. 72].

б) Вторым пунктом, подлежащим исследованию, является *стоимость труда*.

«Закон... должен обеспечивать рабочему только самое необходимое для жизни; ибо если рабочему давать вдвое больше необходимого, то он будет работать только наполовину по сравнению с тем, сколько он мог бы работать и фактически работал бы без такого удвоения заработной платы, а это для общества означает потерю продукта соответствующего количества труда» (стр. 64) [Русский перевод, стр. 70—71].

Стоимость труда определяется, стало быть, необходимыми жизненными средствами. Рабочий только потому обречен на производство прибавочного продукта и на прибавочный труд, что его вынуждают употреблять всю свою годную к делу рабочую силу [Arbeitskraft] для того, чтобы сам он получил *только самое необходимое для жизни*. А дешевизна или дороговизна его труда определяется двумя обстоятельствами: природным плодородием почвы и размерами издержек (потребностей), обусловленных климатом.

«Естественная дороговизна или дешевизна зависит от того, больше или меньше требуется рук для удовлетворения естественных потребностей (так, хлеб дешевле там, где один человек производит его для десятих, чем там, где один в состоянии делать это только для шестерых); а кроме

* — при прочих равных условиях. Ред.

того, от климата, поскольку он принуждает людей в одних случаях к большим издержкам, в других случаях — к меньшим» (стр. 67) [Русский перевод, стр. 73].

γ) Для Петти *прибавочная стоимость* существует только в двух формах: *рента с земли* и *рента с денег* (процент). Последнюю он выводит из первой. Первая для него, как позднее для физиократов, является *истинной формой* прибавочной стоимости. (Но Петти тут же заявляет, что под хлебом он подразумевает

«все необходимое для жизни, как это понимается под словом «хлеб» в молитве «Отче наш»».)

В своем изложении он не только изображает ренту (прибавочную стоимость) как избыток, извлекаемый предпринимателем сверх необходимого рабочего времени, но и трактует этот избыток как избыток прибавочного труда самого производителя над причитающейся ему заработной платой и возмещением его собственного капитала.

«Допустим, что какой-нибудь человек своими собственными руками возделывает под зерновой хлеб определенный участок земли, т. е. вскапывает или вспахивает его, боронит, очищает от сорняков, снимает урожай, увозит снопы домой, молотит и веет, как этого требует земледелие в данной стране, и что он, к тому же, обладает *семенами*, чтобы засеять этот участок земли. Я утверждаю, что когда этот человек *вычтет из полученного им урожая свои семена*» (т. е., во-первых, вычтет из продукта эквивалент постоянного капитала), [1349] «а также все то, что он сам съел и что он отдал другим в обмен на одежду и другие предметы, необходимые для удовлетворения насущных потребностей, то *остаток хлеба* составит *естественную и истинную ренту с земли за этот год*; а среднее за семь лет или, вернее, за тот ряд лет, в течение которого недороды чередуются с хорошими урожаями, дает обычную ренту с земли, выраженную в хлебе» (стр. 23—24) [Русский перевод, стр. 34].

Стало быть, так как стоимость хлеба определяется у Петти содержащимся в нем рабочим временем и так как рента есть у него то, что остается от совокупного продукта после того, как из этого продукта будут вычтены заработная плата и семена, то эта рента равняется прибавочному продукту, в котором овещается прибавочный труд. Рента здесь включает в себя прибыль; прибыль еще не отделена от ренты.

С такой же остротой ума Петти затем ставит следующий вопрос:

«Но здесь может возникнуть дальнейший, хотя и побочный, вопрос: *какому количеству английских денег равняется по своей стоимости этот хлеб, или эта рента?* Я отвечаю: такому количеству денег, которое в течение одинакового времени может сберечь другой индивидуум, за вычетом всех его издержек, если он целиком займется производством денег. А именно, предположим, что другой человек отправляется в такую страну, где имеется серебро, выкапывает его там из земли, очищает его, доставляет

его в ту же местность, где первый возделывает свой зерновой хлеб, čekанит из него монеты, и т. д., и при этом в течение всего времени своей работы над серебром приобретает себе необходимую пищу, одежду и т. д. Тогда серебро одного должно признаваться равным по своей стоимости зерновому хлебу другого. Если серебра имеется, например, 20 унций, а зернового хлеба 20 бушелей, то унция серебра будет представлять собой цену бушеля этого хлеба» (стр. 24) [Русский перевод, стр. 34].

При этом Петти определенно указывает на то, что различие видов труда не имеет здесь никакого значения — все зависит только от *рабочего времени*:

«Хотя, быть может, производство серебра требует большего искусства и связано с большим риском, чем производство хлеба, но в общем итоге все сводится к одному и тому же. Допустим, что сто человек производят в течение десяти лет хлеб и что такое же число людей столько же времени затрачивает на добычу серебра; я говорю, что чистая добыча серебра будет ценой всего чистого сбора хлеба и одинаковые части первого составят цену одинаковых частей второго» (стр. 24) [Русский перевод, стр. 34].

После того как Петти таким путем определил *ренту*, которая здесь равна всей *прибавочной стоимости* (включая сюда и прибыль), и нашел ее денежное выражение, он приступает к определению *денежной стоимости земли*, что опять весьма гениально.

«Итак, мы были бы рады определить *естественную стоимость* свободно продаваемой земли, хотя бы и не лучше, чем мы определили стоимость *ususfructus*'а *, о которой говорилось выше... После того как мы определили *ренту*, или стоимость *ususfructus*'а за год, возникает вопрос, какой сумме *годовых рент* естественно равно по своей стоимости свободно продаваемая земля. Если мы скажем: бесконечному числу, то стоимость одного акра земли (так как бесконечность единиц равна бесконечности тысяч) будет равна стоимости тысячи акров такой же самой земли, что нелепо. Поэтому мы должны взять какое-нибудь *ограниченное число лет*, и я полагаю, что таким числом будет то число лет, которое могут рассчитывать еще прожить живущие одновременно представители трех поколений, из коих одному 50 лет, второму 28, третьему 7, т. е. дед, отец и сын. Ведь мало кто имеет основание заботиться о более отдаленном потомстве... Вот почему я принимаю, что число *годовых рент*, составляющих *естественную стоимость* какого-нибудь участка земли, равняется обычной [1350] продолжительности совместной жизни трех таких лиц. У нас в Англии эта продолжительность считается равной двадцати одному году. Следовательно, стоимость земли равна приблизительно такому же числу *годовых рент*» (стр. 25—26) [Русский перевод, стр. 35—36].

После того как Петти свел *ренту* к *прибавочному труду* и, следовательно, к *прибавочной стоимости*, он заявляет, что земля — это не что иное, как капитализированная рента, т. е. *определенная сумма годовых рент*, или сумма рент в продолжение определенного числа лет.

* — пользование чужой собственностью (главным образом земельной); здесь — в смысле чистого дохода с земли. Ред.

Рента капитализируется, т. е. исчисляется как *стоимость земли*, в действительности *следующим образом*:

Пусть акр земли припосит ежегодно 10 ф. ст. ренты. Если процентная ставка равна 5, то 10 ф. ст. представляют проценты с капитала в 200 ф. ст., и так как при 5% проценты возмещают капитал в 20 лет, то стоимость акра земли была бы равна 200 ф. ст. (20×10). Капитализация ренты зависит, стало быть, от высоты процентной ставки. Если бы процентная ставка была равна 10, то 10 ф. ст. представляли бы проценты с капитала в 100 ф. ст., другими словами — с суммы дохода за десять лет.

Однако Петти,— так как он исходит из *земельной ренты* как всеобщей формы прибавочной стоимости, включающей в себя прибыль,— не может предполагать процент с капитала как нечто данное, а должен, наоборот, выводить его из ренты как ее *особую форму* (как это делает также и Тюрго, что вполне последовательно с его точки зрения). Но как же в таком случае определить то число лет, т. е. то число годовых рент, которое образует *стоимость земли*? Для человека [рассуждает Петти] представляет интерес купить лишь столько годовых рент, сколько лет ему надо «заботиться» о себе и своем ближайшем потомстве, т. е. сколько лет живет *средний человек* — дед, отец и ребенок. А это составляет 21 год по «английской» оценке. Следовательно, для него не имеет значения то, что лежит за пределами 21-летнего «*ususfructus*’а». Поэтому он оплачивает «*ususfructus*» двадцати одного года, что и образует *стоимость земли*.

Этим остроумным способом Петти выручает себя из затруднения; но важно при этом то,

что, во-первых, *рента*, как выражение совокупной *сельскохозяйственной прибавочной стоимости*, выводится не из земли, а из труда и определяется как созданный трудом избыток над тем, что необходимо для поддержания жизни работника;

что, во-вторых, *стоимость земли* оказывается не чем иным, как наперед закупленной на определенное число лет рентой, такой *превращенной* формой самой ренты, в которой прибавочная стоимость (или прибавочный труд) стольких-то лет (например, 21 года) выступает как *стоимость земли*; короче говоря, *стоимость земли* оказывается не чем иным, как *капитализированной рентой*.

Так глубоко проникает Петти в сущность вопроса. С точки зрения *покупателя* ренты (т. е. покупателя земли) *рента* выступает, таким образом, просто как *процент с его капитала*, с того капитала, на который он ее купил, а в этой форме рента

становится совершенно неузнаваемой и выступает как *приносимый капиталом процент*.

Определив таким путем *стоимость земли* и *стоимость годичной ренты*, Петти может теперь вывести «ренту с денег», или ссудный процент, как вторичную форму:

«Что касается *ссудного процента*, то он по меньшей мере должен быть равен *ренте с такого количества земли, которое можно купить за отдаваемые в ссуду деньги*, если при этом обеспеченность возвращения ссуды не вызывает сомнений» (стр. 28) [Русский перевод, стр. 38].

Здесь процент определяется *ценой ренты*, между тем как в действительности, наоборот, *цена ренты*, или *покупная стоимость земли*, определяется уровнем процента. Но это вполне последовательно, так как *рента* изображается у Петти как всеобщая форма прибавочной стоимости и вследствие этого *процент с денег* должен выводиться им из ренты как вторичная форма.

Дифференциальная рента. У Петти мы находим также и первое понятие о дифференциальной ренте. Он выводит ее не из различного плодородия земельных участков одинаковой величины, а из *различного местоположения*, из различного расстояния от рынка при *одинаковом плодородии земельных участков*, что, как известно, является одним из элементов дифференциальной ренты. Он говорит:

[1351] «Подобно тому как большой спрос на деньги повышает денежный курс, так большой спрос на хлеб повышает *цену хлеба*, а вследствие этого и *ренту с земли, на которой растет хлеб*»

(здесь, стало быть, прямо сказано, что ренту определяет *цена хлеба*, подобно тому как уже из предыдущего изложения следует, что *стоимость хлеба* рентой не определяется),

«и, в конце концов, *цену самой земли*. Если, например, хлеб, которым питается Лондон или какая-нибудь армия, доставляется туда из мест, отстоящих на 40 миль, то *хлеб, растущий на расстоянии только одной мили от Лондона* или от места расквартирования армии, *принесет столько сверх своей естественной цены*, сколько составляют издержки перевозки на 39 миль... Отсюда получается, что поблизости от населенных мест, для пропитания которых нужны большие районы, *земли не только приносят по этой причине более высокую ренту*, но и стоят большей суммой *годовых рент, чем земли совершенно такого же качества, но находящиеся в более отдаленных местах*», и т. д. (стр. 29) [Русский перевод, стр. 38—39].

Петти упоминает также и о второй причине дифференциальной ренты, о *различном плодородии* земли и, следовательно, о *различной производительности* труда на землях одинакового размера:

«Богатство или скудость земли, или ее ценность, зависит от *отношения той, большей или меньшей, доли приносимого ею продукта,*

которая уплачивается за пользование ею, к простому труду, затраченному на выражение указанного продукта» (стр. 67) [Русский перевод, стр. 73].

Таким образом, Петти объяснил дифференциальную ренту лучше, чем Адам Смит. [XXII—1351]

* * *

[XXII—1397] Дополнения из «*A Treatise of Taxes and Contributions*» (издание 1667 года).

1) О массе находящихся в обращении денег, необходимой для данной страны, стр. 16—17 [Русский перевод, стр. 27—28].

Взгляд Петти на производство, взятое в целом, проявляется в следующей фразе:

«Если на данной территории живет 1 000 человек и 100 из них в состоянии производить необходимую пищу и одежду для всей тысячи; если следующие 200 производят столько товаров, сколько другие страны готовы брать в обмен на свои товары или на деньги, и если следующие 400 заняты созданием украшений, удовольствий и великолепия для всей страны в целом; если, наконец, 200 человек являются правителями, духовными лицами, юристами, врачами, купцами и лавочниками — всего, стало быть, 900 человек, — то возникает вопрос» и т. д. — относительно пауперов («*supernumeraries*» *) (стр. 12) [Русский перевод, стр. 24].

При исследовании ренты и ее денежного выражения, где Петти берет за основу «равный труд» ** (равные количества труда), он замечает:

«Я утверждаю, что это является основой для уравнивания и взвешивания стоимостей; однако я должен сознаться, что в надстройках, возвышающихся на этой основе, и в практических ее применениях имеет место большое разнообразие и большая сложность» (стр. 25) [Русский перевод, стр. 35].

[1398] 2) Что очень занимало Петти, это — «естественное отношение равенства между землей и трудом».

«Наши серебряные и золотые монеты имеют различные названия, таковы в Англии: фунты, шиллинги, пенсы, и каждая из этих монет может быть выражена как сумма или часть любой другой. Но по этому поводу мне хочется сказать вот что: оценку всех вещей следовало бы привести к двум естественным знаменателям — к земле и к труду; т. е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли плюс такое-то и такое-то количество труда, так как оба они — и корабль и сюртук — произведены землей и человеческим трудом. А раз это так, то нам было бы весьма желательно найти естественное отношение равенства между землей и трудом, чтобы быть в состоянии выражать стоимость при помощи какого-нибудь

* — «избыточных людей». Ред.

** См. настоящее издание, часть I, стр. 358. Ред.

одного из этих двух факторов несколько не хуже (или даже еще лучше), чем при помощи обоих вместе, и чтобы можно было так же легко и надежно сводить один из них к другому, как пенса к фунтам».

Поэтому он и ищет *«естественную стоимость»* свободно продаваемой земли», после того как он нашел денежное выражение ренты (стр. 25) [Русский перевод, стр. 35].

У Петти беспорядочно переплетаются троякого рода определения:

а) *Величина стоимости*, которая определяется равным рабочим временем, причем *труд* рассматривается как *источник стоимости*.

б) *Стоимость* как форма общественного труда. Поэтому деньги выступают как *истинная форма стоимости*, хотя в других местах Петти опрокидывает все иллюзии монетарной системы. Здесь у него, стало быть, намечается *определение понятия*.

с) Смешение труда как источника меновой стоимости с трудом как источником потребительной стоимости, где труд предполагает вещество природы (землю). По сути дела у Петти, когда он устанавливает «отношение равенства» между трудом и землей, свободно продаваемая земля изображается как *капитализированная рента* — стало быть, Петти говорит здесь не о земле как веществе природы, с которым имеет дело реальный труд.

3) По вопросу о *процентной ставке* Петти говорит:

«Я высказался в другом месте относительно того, насколько тщетно и бесплодно издавать *положительные гражданские законы*, противоречащие *законам природы*»

(т. е. законам, проистекающим из природы буржуазного производства) (стр. 29) [Русский перевод, стр. 38].

4) Относительно *ренты*: *прибавочная стоимость* как следствие *возросшей производительности труда*:

«Если бы можно было сделать названные графства более плодородными путем приложения большего, чем теперь, количества труда (например, посредством того, чтобы вспахивание земли заменить ее вскапыванием, сеяние заменить посадкой, употребление семян без разбора — их сортировкой и отбором лучших, применение семян без всякой предварительной обработки — их размачиванием, удобрение почвы гнилой соломой — удобрением ее солями, и т. д.), то *рента* возросла бы тем больше, чем больше *увеличившийся доход* превзошел бы *увеличенный труд*» (стр. 32) [Русский перевод, стр. 41].

(Под увеличенным трудом здесь подразумевается возросшая *«цена труда»*, или *заработная плата*.)

5) *Повышение государством достоинства денег* (глава XIV) [Русский перевод, стр. 68—74].

6) Цитированное выше * место: «если рабочему давать вдвое больше необходимого, то он будет работать только наполовину...» — следует понимать так: если бы рабочий за 6 часов труда получал стоимость, создаваемую за эти 6 часов, то он получал бы *вдвое больше* того, что он получает теперь, когда ему за 12 часов платят стоимость, создаваемую за 6 часов. В таком случае он стал бы работать только 6 часов, что «для общества означает потерю» и т. д.

* * *

Petty. An Essay concerning the Multiplication of Mankind (1682 год). Разделение труда (стр. 35—36) [Русский перевод, стр. 231].

* * *

Petty. Political Anatomy of Ireland (1672 год) и «*Verbum Sapienti*» (лондонское издание 1691 года).

1) «Это приводит меня к важнейшему вопросу *политической экономии*, к вопросу о том, как составить *отношение равенства и уравнение* между землей и трудом, чтобы выражать стоимость любой вещи посредством только одного из этих двух факторов» (стр. 63) [Русский перевод, стр. 122].

По сути дела в основе такой постановки вопроса лежит лишь задача свести *стоимость* самой земли к *труду*.

[1399] 2) Эта работа написана позже, чем та, которая рассматривалась выше ¹²³.

«Общей мерой стоимости является среднее *дневное пропитание* взрослого человека, а не его *дневной труд*; эта мера представляется столь же регулярной и постоянной, как стоимость чистого серебра... Поэтому я определил стоимость ирландской хижины *числом дневных пайков, израсходованных строителем при ее постройке*» (стр. 65) [Русский перевод, стр. 123].

Последнее звучит совсем физиократически.

«Дело не меняется от того, что одни едят больше других, так как под дневным пайком мы понимаем сотую часть того количества пищи, которое потребляется сотней людей самого разнообразного телосложения и которое дает им возможность жить, работать и размножаться» (стр. 64) [Русский перевод, стр. 122].

* См. настоящее издание, часть I, стр. 358, *Ред.*

Но то, что Петти здесь ищет в *статистике* Ирландии, есть не «общая мера» стоимости, а мера *стоимостей* в том смысле, в каком мерой стоимостей являются *деньги*.

3) *Масса денег и богатство нации* («Verbum Sapienti», стр. 13) [Русский перевод, стр. 84—85].

4) *Капитал*:

«То, что мы называем *богатством, капиталом или запасом нации* и что является результатом *прежнего, или прошлого, труда*, не должно мыслиться как нечто *отличное от действующих в настоящее время сил*» (стр. 9) [Русский перевод, стр. 82].

5) *Производительная сила труда*:

«Мы сказали, что половина населения могла бы путем затраты весьма небольшого количества труда значительно обогатить королевство... Производством каких товаров должны эти люди заняться? На этот вопрос я отвечаю в общей форме: производством пищи и предметов необходимости для всего населения страны *посредством затраты труда небольшого числа людей*; этого можно достигнуть либо путем *большого напряжения труда*, либо путем *применения средств, сокращающих и облегчающих труд*, что равносильно тому результату, который люди тщетно надеялись получить от *полигамии*. Ибо тот, кто может выполнить один работу пяти человек, достигает такого же результата, как если бы он произвел на свет четырех взрослых работников» (стр. 22) [Русский перевод, стр. 88—89]. «*Пища будет наиболее дешева... в том случае, когда она производится при помощи меньшего, чем где бы то ни было, количества рабочих рук*» (стр. 23) [Русский перевод, стр. 89].

6) *Цель и назначение человека* (стр. 24).

7) О *деньгах* см. также «Quantulumcunque» (1682 год). [XII—1399]

[3)] ПЕТТИ, СЭР ДАДЛИ НОРС, ЛОКК

[XXII—1397] Сравнение произведений Норса и Локка с работами Петти «*Quantulumcunque*» (1682), «*A Treatise of Taxes and Contributions*» (1662) и «*The Political Anatomy of Ireland*» (1672) показывает зависимость их от Петти 1) в вопросе о *снижении процентной ставки*, 2) в вопросе о *повышении и снижении достоинства денег государством*, 3) в том, что *Норс* называет процент «*рентой с денег*», и т. д.

Норс и *Локк* писали свои работы ¹²⁴ одновременно, по одному и тому же поводу: *снижение процентной ставки и повышение достоинства денег государством*. Но развивают они самые противоположные взгляды. По Локку, *недостаток денег* в обращении является причиной высокой процентной ставки и вообще причиной того, что вещи не продаются по их действительным ценам и что они не приносят всех тех доходов, которые должны получаться из выручки, доставляемой этими вещами. Норс, наоборот, показывает, что причиной этого является не недостаток денег в обращении, а недостаток капитала или дохода. У него впервые появляется определенное понятие о *stock* *, или *капитале*, или вернее о *деньгах* в качестве всего лишь *формы капитала*, поскольку они не служат средством обращения. У сэра Дадли Норса мы имеем первое правильное понятие о проценте в противоположность представлению Локка.

[XXII—1397]

* — запас, фонд, капитал. *Ред.*

[4)] ЛОКК

[ТРАКТОВКА РЕНТЫ И ПРОЦЕНТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
БУРЖУАЗНОЙ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА]

[XX—1291a] Если общее воззрение Локка на труд сопоставить с его воззрением на *происхождение процента и ренты*, — ибо прибавочная стоимость выступает у него только в этих определенных формах, — то прибавочная стоимость оказывается не чем иным, как *чужим трудом*, прибавочным трудом, присваивать который дают возможность своим собственникам земля и капитал, эти условия труда. А собственность на большее количество условий труда, чем то количество их, которое человек может использовать своим собственным трудом, представляет собой, по Локку, *политическое* изобретение, [1292a] находящееся в противоречии с естественноправовой основой частной собственности.

{У Гоббса труд тоже — единственный источник всякого богатства, если не считать тех даров природы, которые существуют в годной для немедленного потребления форме. Бог (природа)

«или *безвозмездно* дает роду человеческому необходимые для него вещи или же *продает* их ему *за труд*» («Leviathan», [стр. 232]) [Русский перевод, стр. 196].

Но у Гоббса собственность на землю распределяет по своему усмотрению суверен.}

Вот относящиеся сюда места из работ Локка:

«Хотя *земля* и все низшие твари принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем с полным основанием сказать, что труд его тела и произведения его рук по самой природе вещей принадлежат

ему. То, что человек извлек из предметов, созданных и предоставленных ему природой, он слил со своим трудом, с чем-то таким, что ему неотъемлемо принадлежит; и тем самым он делает это своей собственностью» («Of Government», книга II, глава 5; «Works», 7th edition, 1768, том II, стр. 229).

«Труд человека взял необходимые ему предметы из рук природы, где они были общей собственностью и принадлежали одинаково всем ее детям, и тем самым присвоил их себе» (там же, стр. 230).

«Тот же закон природы, который таким путем дает нам собственность, точно так же и ограничивает размеры этой собственности... Человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни прежде, чем этот предмет подвергнется порче. А то, что выходит за эти пределы, превышает его долю и принадлежит другим» (там же).

«Но главным предметом собственности являются теперь не *плоды земли* и т. д., а сама *земля*... Участок земли, имеющий такие размеры, что один человек может вспахать, засеять, удобрить, сделать его и потребить его произведения, составляет собственность этого человека. Человек как бы отгораживает его своим трудом от общего достояния» (там же).

«Как мы видим, подчинение земли человеческому труду, или ее возделывание, и владение ею — связаны друг с другом. Одно дало право на другое» (там же, стр. 231).

«Меру собственности природа правильно установила *в соответствии с тем, как далеко простираются труд человека* и его жизненные удобства: никто не мог бы подчинить себе своим трудом, или присвоить себе, все, и никто не мог бы потребить для удовлетворения своих потребностей больше, чем только незначительную часть всего этого; так что этим путем ни одному человеку невозможно было нарушить права другого или приобрести себе собственность в ущерб своему соседу... Первоначально эта мера ставила владению каждого человека очень скромные пределы и ограничивала это владение тем, что он мог себе присвоить, не нанося ущерба другому... *Еще и теперь*, хотя мир кажется переполненным, можно было бы наделить каждого собственностью в этом размере без ущерба для кого бы то ни было» (стр. 231—232).

Труд дает вещам почти всю их стоимость {value * означает у Локка потребительную стоимость, и труд берется как конкретный труд, а не с количественной его стороны; но измерение меновой стоимости трудом действительно основывается на том, что работник создает потребительную стоимость}. Тот остаток потребительной стоимости, который не может быть сведен к труду, есть, по Локку, дар природы, а потому, сам по себе, *общая собственность*. Поэтому Локк старается доказать не то положение, что собственность может быть приобретена еще и другими путями, кроме труда,— это противоречило бы его исходной точке зрения,— а то, каким образом индивидуальный труд, вопреки общей собственности на предметы природы, может создать индивидуальную собственность.

«В самом деле, именно *труд создает различия в стоимости всех вещей*... В продуктах земли, полезных для человеческой жизни, ... девяносто девять сотых следует отнести всецело на счет труда» (стр. 234).

* — стоимость, ценность, Ред.

«Таким образом, большую часть стоимости земли создает труд» (стр. 235).

«Хотя предметы природы даны всем сообща, но человек есть *господин над самим собой и владелец своей собственной личности*, ее действий и ее труда, и в качестве такового он в себе самом заключает великую основу собственности» (там же).

Итак, одним пределом собственности является *предел личного труда*; другой состоит в том, чтобы человек не накапливал предметов больше, чем он может использовать. Этот второй предел собственности расширяется (помимо прочего обмена) благодаря обмену недолговечных продуктов на *деньги*:

«Человек может накапливать этих *долговечных* вещей столько, сколько ему угодно, потому что выход за пределы его правомерной собственности {если отвлечься от того *предела*, который ставится его личным трудом} «состоит не в том, что у него много имущества, а в том, что часть этого имущества портится, не принося ему никакой пользы. Поэтому и было введено употребление денег, этой долговечной вещи, которая может оставаться у человека, не подвергаясь порче, и которую люди принимают, по взаимному соглашению, в [1293а] обмен на действительно полезные, но недолговечные средства существования» (стр. 236).

Так возникает неравенство индивидуальной собственности, но *та мера, которая состоит в личном труде*, остается в силе.

«Этому неравенству в распределении вещей между частными собственниками люди придали такие размеры, которые — без посредства какого-либо особого договора — выходят за пределы, устанавливаемые обществом. Люди сделали все это возможным единственно только потому, что приписали стоимость золоту и серебру и молчаливо согласились на употребление денег» (стр. 237).

С этим надо сопоставить следующее место из сочинения Локка о проценте ¹²⁵, не забывая притом, что, по его мнению, естественное право делает пределом собственности *личный труд*:

«Теперь мы посмотрим, каким образом деньги приобретают такую же природу, как и земля, принося определенный ежегодный доход, который мы называем процентом или лихвой. Ведь земля естественным образом производит нечто новое и полезное, ценное для человечества. Напротив, деньги бесплодны и ничего не производят, но зато они, в силу взаимного соглашения, *переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого*. Это вызывается неравенством в распределении денег, неравенством, которое в области земельных отношений ведет к таким же последствиям, какие оно имеет в области денежных отношений... Если у тебя больше земли, чем ты можешь или хочешь обработать, а у другого ее меньше, то вследствие этого неравенства у тебя появляется арендатор твоей земли; и такое же неравенство в распределении денег... доставляет мне арендатора для моих денег; таким образом, *мои деньги приобретают, благодаря приложению заемщика, способность производить для него в его предприятии более шести процентов, совершенно так же, как твоя земля имеет способность, благодаря труду твоего арендатора, родить плоды в количестве большем того,*

которое составляет уплачиваемую им ренту» (folio edition of Locke's Works, 1740, vol. II [стр. 19])¹²⁶.

Тут у Локка отчасти был полемический интерес: он хотел показать земельным собственникам, что их рента ничем не отличается от процентов, взимаемых ростовщиком. Вследствие неравномерного распределения условий производства, и рента и процент «переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого».

Взгляды Локка имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений. [XX—1293а]

[5] НОРС

[ДЕНЬГИ КАК КАПИТАЛ. РОСТ ТОРГОВЛИ
КАК ПРИЧИНА ПОНИЖЕНИЯ ПРОЦЕНТА]

[XXIII—1418] *Sir Dudley North. Discourses upon Trade.* London, 1691 (Добавочная тетрадь С) ¹²⁷.

Это сочинение, совершенно так же, как и экономические работы Локка, находится в непосредственной связи с сочинениями Петти и прямо опирается на них.

Сочинение Норса трактует главным образом о *торговом капитале* и постольку относится не сюда. В пределах рассматриваемого им круга вопросов Норс проявляет находчивость и мастерство.

В высшей степени замечательно, что со времени реставрации Карла II до середины XVIII века со стороны лендлордов беспрестанно раздаются жалобы на падение ренты (чему ведь и соответствует то, что цены на пшеницу, особенно с ? года ¹²⁸, постоянно идут вниз). Хотя (со времен Калпепера и сэра Джозая Чайлда) класс промышленных капиталистов принимал большое участие в насильственном снижении процентной ставки, однако настоящими вдохновителями этого мероприятия были *земельные собственники*. «Стоимость земли» и «способы увеличения этой стоимости» выставляются на передний план в качестве национального интереса (совершенно так же, как, наоборот, начиная примерно с 1760 года возрастание рент, повышение стоимости земли, рост цен на хлеб, как и на другие продукты питания, и жалобы промышленных капиталистов по этому поводу образуют основу экономических исследований этого предмета).

Борьба между денежными людьми и земельными собственниками заполняет — за небольшими исключениями — все сто-

летие от 1650 до 1750 года, так как дворяне, которые жили на широкую ногу, к своему крайнему недовольству видели, как ростовщики забирают их в свои руки, а возникновение в конце XVII века новейшей системы кредита и государственного долга дало этим ростовщикам возможность успешно бороться с дворянами в области законодательства и т. д.

Уже *Петти* говорит о жалобах лендлордов на понижение рент и о их оппозиции против сельскохозяйственных улучшений (посмотреть соответствующее место) ¹²⁹. Он защищает ростовщика от лендлорда и ставит на одну доску ренту с денег и ренту с земли.

Локк сводит и ту и другую ренту к эксплуатации труда. Он занимает такую же позицию, как и *Петти*. Оба выступают против насильственного регулирования процента. Земельные собственники заметили, что с понижением процента *стоимость земли* возрастает. При данной величине ренты ее *капитализированное выражение*, т. е. стоимость земли, падает или возрастает в обратном отношении к величине процентной ставки.

Сэр Дадли Норс, в указанном выше сочинении, является третьим представителем этого направления, начало которому положил *Петти*.

Это первый вид восстания *капитала* против *земельной собственности*. Да и на самом деле *ростовщичество*, т. е. переход в руки ростовщика части доходов земельного собственника, было одним из главных средств для накопления капитала. Но против этой старомодной формы капитала промышленный капитал и капитал торговый выступают более или менее рука об руку с земельными собственниками.

«Как земельный собственник отдает внаем свою землю, так отдают внаем свой *капитал* [*stock*] те, которые владеют необходимым для торговли *капиталом*, но не обладают достаточным умением для употребления его в торговле или не любят беспокойств, связанных с этим делом. То, что они при этом получают, называется *процентом*, но это только *рента* с капитала»

{тут, как и у *Петти*, мы видим, что людям, только что вышедшим из средневековья, рента [1419] представляется первичной формой прибавочной стоимости},

«подобно тому как доход земельного собственника есть рента с земли. На некоторых языках выражения «наем земли» и «наем денег» являются общепотребительными выражениями; так обстоит дело также и в некоторых графствах Англии. Таким образом, быть *земельным собственником* [*landlord*] — это то же, что быть *капиталистом* [*stocklord*]. Первый имеет только то преимущество, что арендатор его земли не может ее унести, между тем как арендатору капитала легко это сделать. И поэтому земля должна давать *меньше прибыли*, чем капитал, который отдается внаем с большим риском» (стр. 4).

Процент. Норс, по-видимому, первый правильно понял процент, ибо, как это видно будет из нижеследующих цитат, он под словом *stock* понимает не просто деньги, а капитал (подобно тому как ведь и Петти различает *stock* и *деньги*. У Локка уровень процента определяется исключительно количеством находящихся в обращении денег. То же самое у Петти. *Посмотреть у Масси об этом*):

«Если будет больше заимодавцев чем заемщиков, то процентная ставка понизится... Дело обстоит не так, что низкий процент оживляет торговлю, а так, что с *ростом торговли капитал нации* понижает уровень процента» (стр. 4).

«Золото и серебро и делаемые из них монеты — не что иное, как меры и веса, при помощи которых торговля совершается с большим удобством, чем это было бы возможно без них; а кроме того они служат фондом, пригодным для того, чтобы *в этом виде откладывать излишек капитала*» (стр. 16).

Цена и деньги. Так как цена есть не что иное, как *эквивалент* товара, выраженный в *деньгах* и — когда речь идет о *продаже* — реализованный в них, т. е. так как в цене *товар* выражается как *меновая стоимость* с тем, чтобы потом быть превращенным снова в потребительные стоимости, то одним из первых шагов экономической мысли явилось усмотрение того, что золото и серебро фигурируют здесь не как таковые, а только как *форма существования меновой стоимости* самих товаров, как *момент их метаморфоза*. Норс выражает это очень хорошо для своего времени:

«Так как деньги... служат всеобщей мерой для купли и продажи, то всякий, кто имеет что-либо для продажи, но не находит покупателя, склонен думать, что причиной, по которой его товары не находят сбыта, является *недостаток денег в королевстве*. И вот повсюду раздаются жалобы на недостаток денег. Но это большая ошибка...

Что нужно тем людям, которые жалуются на недостаток денег? Начну с *нищего*... Ему нужны не деньги, а хлеб и другие предметы первой необходимости... На недостаток денег жалуется и фермер... Он думает, что если бы в стране было больше денег, то ему удалось бы получить лучшую цену за свои товары. Следовательно, не деньги нужны ему, а хорошая цена за его хлеб и скот, которые ему хотелось бы, но не удается продать... А почему ему не удается получить за них хорошую цену?.. 1) Либо потому, что в стране имеется слишком много хлеба и скота, так что большинство из тех людей, которые приходят на рынок, нуждается, подобно ему самому, в том, чтобы продать эти продукты, и только немногие нуждаются в том, чтобы купить их. 2) Либо потому, что прекращается обычная продажа этих продуктов за границу, вывоз их за границу, как это бывает во время войн, когда торговля небезопасна или запрещена. 3) Либо потому, что сокращается потребление, как это бывает тогда, когда люди из-за бедности тратят на жизнь меньше прежнего. Поэтому не увеличение количества звонкой монеты облегчило бы фермеру сбыт его товаров, а устранение этих трех причин, которые в действительности вызывают спад на рынке.

В таком же точно смысле нуждаются в деньгах купец и лавочник, а именно — они нуждаются в том, чтобы продать те товары, которыми они торгуют, и это — в результате того, что рынки не предъявляют достаточного спроса» (стр. 11—12) ¹³⁰.

Далее, *капитал есть самовозрастающая стоимость*, между тем как при образовании *сокровищ* целью служит *кристаллизованная форма меновой стоимости* как таковая. Поэтому одно из самых первых открытий классической политической экономии состоит в том, что она усматривает противоположность между образованием *сокровищ* и *самовозрастанием денег*, т. е. трактует *деньги как капитал*:

«Ни один человек не становится богаче оттого, что он держит у себя все свое имущество в форме денег, золотой и серебряной посуды и т. д.; наоборот, он от этого беднеет. Богаче всех тот, чье имущество находится в *состоянии роста*, будь это сданная в аренду земля или отданные взаймы за проценты деньги или пущенные в торговлю товары» (стр. 11).

{Вот как говорит об этом Джон Беллерс в своих «Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality» etc., London, 1699:

«Деньги *возрастают* и приносят пользу только тогда, когда с ними расстаются; и подобно тому как для частного лица деньги бесполезны, если оно не отдает их в обмен на что-нибудь более ценное, так и вся масса денег, превышающая то, что абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капитал для королевства или нации и не приносит никакой прибыли той стране, которая их удерживает» (стр. 13).}

«Хотя всякий желает иметь их» (деньги), «однако никто не желает — или только очень немногие желают — держать их у себя, а все стараются немедленно избавиться от них, зная, что от всех тех денег, которые лежат мертвыми, надо ожидать не прибыли, а только верного убытка» (Норс, цит. соч., стр. 21).

[1420] *Деньги как мировые деньги:*

«Что касается торговли, то отдельная страна занимает в мире во всех отношениях такое же положение, какое город занимает в государстве и семья в городе» (стр. 14). «В этих торговых сношениях золото и серебро ничем не отличаются от других товаров: они берутся у тех, которые имеют их в избытке, и перевозятся туда, где замечается в них недостаток или предъявляется требование на них» (стр. 13).

Количество денег, которое может находиться в обращении, определяется товарным обменом:

«Сколько бы денег ни было доставлено из-за границы и сколько бы ни начеканили их внутри страны, все то, что превышает потребность в них, испытываемую национальной торговлей, является *просто-напросто драгоценным металлом* и будет рассматриваться только как таковой; и начеканенные деньги, подобно поддержанным серебряным изделиям, будут продаваться только по их металлическому содержанию» (стр. 17—18).

Превращение денег в слитки, и наоборот (стр. 18) (Добавочная тетрадь С, стр. 13). *Оценка и взвешивание денег*. Колебательное движение (Добавочная тетрадь С, стр. 14) ¹³¹.

Ростовщичество, земельные собственники и торговля:

«Из тех денег, которые в нашей стране отдаются под проценты, едва ли одна десятая часть *размещена среди торговых людей*, использующих эти ссуды в своих предприятиях; в большинстве случаев деньги даются *взаимы* для поддержания роскоши, для покрытия расходов тех людей, которые хотя и владеют крупными имениями, однако тратят приносимые их имениями доходы быстрее, чем эти доходы к ним поступают, и, не желая продавать что-либо из своего имущества, предпочитают закладывать свои имения» (Норс, цит. соч., стр. 6—7). [XXIII—1420]

[6) БЕРКЛИ О ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИКЕ БОГАТСТВА]

[XIII—670a] «Разве не было бы ошибочным думать, что *земля сама по себе* есть *богатство*? И разве мы не должны рассматривать прежде всего трудовую деятельность народа как то, что образует богатство и делает богатством даже землю и серебро, которые не имели бы никакой стоимости, если бы они не были *средствами и стимулами* к трудовой деятельности?» (The Querist. By Dr. G. Berkley. London, 1750. Вопрос 38). [XIII—670a]

[7)] ЮМ И МАССИ

[а) ВОПРОС О ПРОЦЕНТЕ У МАССИ И ЮМА]

[XX—1293a] Анонимное сочинение Масси «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest» появилось в 1750 году; вторая часть «Essays» Юма, в которой находится очерк «Of Interest», вышла в 1752 году, т. е. двумя годами позже. Таким образом, приоритет принадлежит Масси. Юм выступает против Локка, а Масси против Петти и Локка, которые оба еще придерживались того взгляда, что высота процентной ставки зависит от количества находящихся в обращении денег и что на самом деле настоящим предметом займа являются деньги (а не капитал).

Масси решительнее, чем Юм, объявляет *процент* всего лишь частью прибыли. Юм занимается главным образом доказательством того, что стоимость денег не имеет значения для высоты процентной ставки, так как при данной пропорции между процентом и денежным капиталом (например, при 6%) 6 ф. ст. повышаются или понижаются в стоимости, вместе с повышением или понижением стоимости 100 ф. ст. (значит — вместе с изменениями стоимости одного фунта стерлингов), но сама пропорция, выражаемая в данном случае числом 6, нисколько этим не затрагивается.

[б) ЮМ. ПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ И ПРОЦЕНТА В СВЯЗИ С РОСТОМ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ]

Начнем с Юма.

«Все в мире покупается на труд» («Essays», vol. 1, part II, London, 1764 [«Of Commerce»], стр. 289).

Высота процентной ставки зависит, по Юму, от спроса со стороны заемщиков и от предложения со стороны займодавцев, — она зависит, стало быть, от спроса и предложения. А затем она существенным образом зависит от высоты

«прибылей, проистекающих из торговли» (там же [«Of Interest»], стр. 329). «Большой или меньший запас труда и товаров должен иметь большое влияние на уровень процента, так как на самом деле и фактически мы берем взаймы труд и товары, когда занимаем деньги под проценты» (там же, стр. 337). «Ни один человек не удовольствуется низкой прибылью там, где он может получить высокий процент; и ни один человек не удовольствуется низким процентом там, где он может получить высокую прибыль» (там же, стр. 335).

Высокий процент и высокая прибыль, оба являются выражением

«незначительного развития торговли и промышленности, а не недостатка золота и серебра. Низкий же процент указывает на обратное» (стр. 329).

[1294а] «Поэтому в таком государстве, где имеются одни только земельные собственники» (или, как Юм говорит дальше, «помещики и крестьяне»), «всегда должно быть много заемщиков, и процентная ставка должна быть высока» (стр. 330),

так как представители только наслаждающегося богатства со скуки гоняются за удовольствиями, а с другой стороны, производство, за исключением земледелия, имеет очень ограниченные размеры. Обратное происходит, как только получает развитие торговля. Купец всецело охвачен страстью к наживе. Для него

«нет большего удовольствия, чем видеть ежедневный рост своего состояния».

(Здесь в погоне за потребительными стоимостями сильно перевешивает погоня за меновой стоимостью, за абстрактным богатством.)

«И это является причиной того, почему торговля способствует росту бережливости и почему среди купцов скряги так же преобладают над мотами, как — в противоположность этому — моты преобладают над скрягами в среде земельных собственников» (стр. 333).

{Непроизводительный труд:

«Адвокаты и врачи не вызывают к жизни никакой производственной деятельности; больше того, они приобретают свои богатства только за счет других, так что они непременно уменьшают имущество кого-нибудь из своих сограждан в такой же степени, в какой они увеличивают свое собственное имущество» (стр. 333—334).}

«Итак, рост торговли влечет за собой увеличение количества займодавцев и благодаря этому *вызывает понижение процентной ставки*» (стр. 334).

«Низкий процент и низкая прибыль в торговле — это две вещи, взаимно содействующие одна другой. Обе они проистекают из развития торговли, которое создает богатых купцов и увеличивает количество денежных людей. Там, где купцы владеют большими капиталами, — безразлично, представлены ли эти капиталы большим или небольшим количеством монет, — часто случается, что, когда они устают от торговых дел или когда их наследники не расположены или неспособны заниматься торговлей, значительная часть капиталов естественным образом ищет спокойного годового дохода. Большое предложение вызывает падение цены и заставляет заимодавцев соглашаться на низкую процентную ставку. Это соображение побуждает многих оставлять свои капиталы в торговле и скорее довольствоваться низкими прибылями, чем отдавать свои деньги в ссуду по еще более низким процентам. С другой стороны, когда торговля достигает значительного развития и начинает применять весьма крупные капиталы, то неизбежно возникает соперничество среди купцов, которое уменьшает прибыли от торговли, но в то же время увеличивает объем самой торговли. Падение прибыли в торговле заставляет купцов охотнее соглашаться на низкий процент, когда они оставляют торговые дела и начинают предаваться спокойному безделью. Поэтому бесполезно исследовать, какое из этих обстоятельств — *низкий процент или низкая прибыль* — является *причиной* и какое *следствием*. Оба они проистекают из сильно развитой торговли и взаимно содействуют друг другу... Сильно развитая торговля, создавая крупные капиталы, понижает как процент, так и прибыль, и всякий раз как она понижает процент, ей в этом понижении помогает соответственное падение прибыли, и наоборот. Я могу добавить, что подобно тому как низкие прибыли проистекают из *роста торговли и промышленности*, так они в свою очередь способствуют дальнейшему росту торговли, удешевляя товары, увеличивая потребление и стимулируя промышленность. И таким образом... *процент является истинным барометром состояния государства, и низкая процентная ставка есть почти безошибочный признак процветания народа*» (там же, стр. 334—336).

[в) МАССИ. ПРОЦЕНТ КАК ЧАСТЬ ПРИБЫЛИ. ОБЪЯСНЕНИЕ ВЫСОТЫ ПРОЦЕНТА УРОВНЕМ ПРИБЫЛИ]

[J. Massie.] An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein the Sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered. London, 1750.

«Из приведенных выдержек¹³² видно следующее: господин Локк полагает, что естественный *уровень процента* определяется отношением имеющегося в стране количества денег к задолженности ее жителей друг другу, с одной стороны, и к ее торговле, с другой стороны; а сэр Уильям Петти ставит этот уровень процента в зависимость только от количества имеющихся в стране денег; так что они расходятся только по вопросу о роли задолженности» (стр. 14—15). [XX—1294a]

[XXI—1300] Богатые люди, «вместо того чтобы самим употреблять в дело свои деньги, отдают их займы другим для того, чтобы те извлекали из них прибыль и некоторую *часть этой прибыли* предоставляли владельцам денег. Но если богатство страны равномерно распределено между большим числом лиц, так что в ней мало таких людей, которые могли бы прокормить две семьи посредством помещения денег в торговлю, то *денежные займы не могут получить большого распространения*; ибо если

2 000 ф. ст. принадлежат одному лицу, то оно может отдать их займы, так как на проценты с них можно содержать семью; если же они принадлежат десяти лицам, то эти последние не в состоянии отдавать их займы, так как проценты с них не могут прокормить десять семей» (стр. 23—24).

«Всякая попытка определить естественную норму процента, исходя из той процентной ставки, которую правительство платит за ссужаемые ему деньги, неизбежно обречена на неудачу. Опыт показывает, что между этой процентной ставкой и естественной нормой процента не бывает ни совпадения, ни соответствия, а разум говорит нам, что этого никогда и не может быть, потому что естественная норма процента имеет свое основание в прибыли, а высота процента по государственным займам определяется нуждой, причем прибыль имеет границы, а нужда их не имеет. Для дворянина, который берет займы деньги на улучшение своей земли, и для купца или промышленника, который занимает их для ведения своего предприятия, существуют определенные границы, дальше которых они не идут: если с помощью взятых займы денег они в состоянии получить 10 процентов прибыли, то 5 процентов они могут отдать за полученную ссуду займодавцу, но они не дадут ему 10 процентов. Напротив, у того, кто занимает из нужды, все определяется только степенью его нужды, а нужда не подчиняется никаким нормам» (стр. 31—32).

«Правомерность взимания процента зависит не от того, получает ли заемщик в самом деле *прибыль* с занятых им денег, а от того, могут ли эти деньги принести прибыль, если им дать правильное применение» (стр. 49). «Если то, что заемщики платят за качество процента за занятые деньги, есть часть той прибыли, которую способны принести занятые деньги, то уровень процента всегда должен определяться этой *прибылью*» (стр. 49).

«Какая часть этой прибыли принадлежит по праву заемщику и какая займодавцу? Определить это вообще могут только мнения тех, которые берут ссуды, и тех, которые дают их. Ибо определение того, что здесь правильно и что неправильно, является лишь результатом соглашения между людьми» (стр. 49).

«Однако это правило *дележа прибыли* применимо не к каждому отдельному займодавцу и заемщику, а только к займодавцам и заемщикам вообще... Исключительно большие и исключительно малые прибыли являются наградой за предприимчивость и расплатой за непредусмотрительность, до которых *займодавцам нет решительно никакого дела*; ибо подобно тому как эти последние не несут убытка от указанной непредусмотрительности, так они не должны пользоваться выгодой от указанной предприимчивости. И то, что здесь сказано об отдельных людях в одной и той же отрасли торговли или промышленности, верно и в применении к отдельным отраслям торговли или промышленности» (стр. 50).

«Естественная норма процента определяется *прибылью торговых и промышленных предприятий*» (стр. 51).

Почему в Англии процентная ставка составляет теперь 4% вместо 8, как это было прежде? Потому, что тогда английские купцы

«получали прибыль вдвое большую, чем теперь».

Почему процентная ставка в Голландии равна 3, во Франции, Германии, Португалии — 5 и 6, в Вест-Индии и Ост-Индии — 9, в Турции — 12?

«Для всех этих случаев достаточно дать один общий ответ, состоящий в том, что торговая прибыль в этих различных странах отличается от той, которая получается у нас, и притом отличается так сильно, что этим вызываются все указанные различия в норме процента» (стр. 51).

А чем обусловливается падение прибыли? Внешней и внутренней конкуренцией:

«уменьшением внешней торговли» (в результате иностранной конкуренции) «или же тем, что *торговые люди один перед другим всё больше понижают цены своих товаров...* как потому, что им вообще необходимо продать что-нибудь, так и потому, что они, охваченные жадностью, стремятся продать возможно больше» (стр. 52—53).

«Торговая прибыль вообще определяется соотношением между *числом торговцев и размерами торговли*» (стр. 55). В Голландии, где отношение числа «людей, занятых в торговле, ко всему населению наибольшее... *норма процента самая низкая*»; в Турции, где в наибольшей степени имеет место противоположное отношение, норма процента самая высокая (стр. 55—56).

[1301] «Чем определяется *соотношение между размерами торговли и числом торговцев?*» (стр. 57). «Стимулами к торговле»: вытекающей из природных условий необходимостью, свободой, соблюдением частных прав людей, общественной безопасностью (стр. 58).

«Нет двух таких стран, которые доставляли бы одинаковое число предметов необходимости в одинаковом изобилии и с *затратой на их производство одинакового количества труда*. Потребности людей возрастают и уменьшаются в зависимости от суровости или мягкости климата, в котором они живут. Поэтому *размеры торговли*, которую в силу необходимости вынуждены вести обитатели различных стран, не могут не быть различными, и степень этих различий нельзя определить иначе, чем степенью тепла или холода; из чего можно вывести то общее заключение, что *количество труда*, требующееся для содержания определенного количества населения, больше всего в странах с холодным климатом и меньше всего в странах с жарким климатом; ибо в холодных странах не только нужно больше одежды людям, но и земля нуждается в большей обработке, чем в жарких странах» (стр. 59). «Особого рода необходимость развивать торговлю присуща Голландии... Она проистекает из перенаселенности страны. Это обстоятельство, вместе с *необходимостью затрачивать много труда на постройку плотин и осушение почвы*, приводит к тому, что необходимость вести торговлю оказывается в Голландии более настоятельной, чем в какой бы то ни было другой части обитаемого мира» (стр. 60).

[г] ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Масси еще определеннее, чем Юм, изображает процент как всего лишь *часть прибыли*. Оба они объясняют падение процентной ставки накоплением капиталов (Масси говорит специально о конкуренции) и проистекающим отсюда падением прибыли. Оба одинаково мало занимаются вопросом об *источнике* самой «*торговой прибыли*». [XXI—1301]

[8] ДОБАВЛЕНИЯ К ГЛАВАМ О ФИЗИОКРАТАХ]

[а) ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ», ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КЕНЭ]

[XXIII—1433]

Производительный класс	Класс собственников	Бесплодный класс
2 млрд.	2 млрд.	1 млрд.
1 млрд.		1 млрд.
1 млрд.		1 млрд.
1 млрд.		1 млрд.
Затраты на ежегодные авансы — 2 млрд.		
Итого 5 млрд.		Итого 2 млрд.

Это — простейшая форма «Экономической таблицы» ¹³³.

1) *Обращение денег* (предполагается, что платежи производятся только раз в год). Отправной точкой обращения денег является класс, производящий расходы, класс собственников, который не имеет никаких *товаров* для продажи, который покупает, ничего не продавая.

Собственники покупают на 1 млрд. у производительного класса, возвращая ему тот миллиард денег, которым он выплатил им ренту. (Тем самым реализуется $\frac{1}{5}$ сельскохозяйственного продукта.) На 1 млрд. они покупают у бесплодного класса, к которому таким образом притекает 1 млрд. деньгами. (Вместе с тем реализуется $\frac{1}{2}$ продукта промышленности.) Бесплодный

класс покупает на этот миллиард предметы питания у производительного класса, к которому таким образом притекает обратно еще 1 млрд. деньгами. (Тем самым реализуется вторая $\frac{1}{5}$ сельскохозяйственного продукта.) На этот же миллиард денег производительный класс покупает промышленные изделия стоимостью в 1 млрд., и этим он возмещает половину своих «авансов». (Вместе с тем реализуется вторая $\frac{1}{2}$ промышленной продукции.) Бесплодный класс покупает [1434] на этот самый миллиард денег сырье. (Тем самым реализуется еще $\frac{1}{5}$ сельскохозяйственного продукта.) Два миллиарда денег таким образом притекают обратно к производительному классу.

Остаются еще, следовательно, $\frac{2}{5}$ сельскохозяйственного продукта. $\frac{1}{5}$ потребляется в натуральной форме. В какой же форме происходит накопление второй $\frac{1}{5}$? Это следует разобрать в дальнейшем ¹³⁴.

2) Даже с точки зрения самого Кенэ, согласно которой все принадлежащее к бесплодному классу являются на деле только наемными работниками, можно обнаружить в «Таблице» ошибочность предпосылок.

У производительного класса «первоначальные авансы» (основной капитал) предполагаются в размере, превышающем в пять раз «ежегодные авансы». Для бесплодного класса эта статья вовсе не упоминается, что, конечно, не мешает ей существовать.

Далее, неверно, что воспроизводство равняется 5 млрд. Согласно самой «Таблице», оно равняется 7 млрд.: 5 — на стороне производительного класса, 2 — на стороне бесплодного.

[6] ЧАСТИЧНЫЙ ВОЗВРАТ ОТДЕЛЬНЫХ ФИЗИОКРАТОВ К МЕРКАНТИЛИСТСКИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ. ТРЕБОВАНИЕ СВОБОДЫ КОНКУРЕНЦИИ У ФИЗИОКРАТОВ]

Продукт бесплодного класса равен 2 млрд. Этот продукт представляет собой результат сложения сырых материалов на 1 млрд. (материалов, которые таким образом частью входят в продукт, частью возмещают износ машин, вошедший в стоимость продукта) и предметов питания на 1 млрд., потребленных при обработке этого сырья

Весь этот продукт бесплодный класс продает классу собственников и производительному классу, чтобы, *во-первых*, возместить «авансы» (в виде сырья), а *во-вторых*, получить сельскохозяйственные жизненные средства. У бесплодного класса не остается, следовательно, для собственного потребления ни на грош промышленных изделий, а о проценте или прибыли

и говорить не приходится. Бодо (или Ле Трон) замечает это и объясняет дело тем, что бесплодный класс продает свой продукт *выше его стоимости*; то, что он продает за 2 млрд., равняется, таким образом, 2 млрд. минус x . Стало быть, прибыль и даже то, что этот класс *сам* потребляет в виде промышленных изделий, относящихся к числу необходимых ему жизненных средств, — все это сводится, согласно указанному объяснению, только к тому, что этот класс *поднимает цену своих товаров выше их стоимости* ¹³⁵. Следовательно, тут физиократы неизбежным образом возвращаются к меркантилистской системе, к понятию «*прибыли от отчуждения*».

Поэтому они и полагают, что свободная конкуренция между промышленниками совершенно необходима для того, чтобы последние не слишком уж надували производительный класс, сельских хозяев. С другой стороны, эта свободная конкуренция нужна для того, чтобы сельскохозяйственный продукт продавался по «*хорошей цене*», т. е. чтобы его цена, благодаря вывозу его за границу, поднималась *выше* его первоначальной местной цены, так как предполагается страна, вывозящая пшеницу и т. д.

[в) ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ФОРМУЛИРОВКА НЕВОЗМОЖНОСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ В ОБМЕНЕ]

«Всякая купля есть продажа, и всякая продажа есть купля» (*Question. Dialogue sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans* и т. д., издание Дэра ¹³⁶, стр. 170) [Русский перевод, стр. 414]. «Покупать — значит продавать, а продавать — значит покупать» (*Кенэ у Дюпон де Немура, «Origine»* и т. д., стр. 392) ¹³⁷.

«Цена всегда предшествует покупкам и продажам. Если конкуренция продавцов и покупателей не приносит каких-либо изменений, цена остается такой же, какой она установилась в силу других причин, не зависящих от торговли» (стр. 148) [Русский перевод, стр. 384—385] ¹³⁸.

«Всегда можно предположить, что он» (обмен) «выгоден для обоих» (контрагентов), «так как обе стороны обеспечивают себе возможность пользоваться такими богатствами, которые они могут получить лишь посредством обмена. Но при этом всегда имеет место только обмен богатств *одной определенной стоимости* на другие богатства *равной стоимости*, и, следовательно, тут не может быть никакого действительного увеличения богатств» (надо было бы сказать: никакого действительного увеличения стоимости) (там же, стр. 197) [Русский перевод, стр. 482—483] ¹³⁹.

«Авансы» и «капитал» определенно отождествляются. Накопление капиталов как главное условие:

«Увеличение капиталов является, таким образом, *главным средством для приумножения труда и приносит наибольшую пользу обществу*» — и т. д. (*Кенэ у Дюпон де Немура*, там же, стр. 391) ¹⁴⁰, [XIII—1434]

[9] ВОСХВАЛЕНИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ АРИСТОКРАТИИ У ЭПИГОНА ФИЗИОКРАТОВ ГРАФА ДЮ БЮА]

[XXII—1399] *Buat (comte du)*. *Eléments de la politique, ou Recherche des vrais principes de l'économie sociale* (6 томов). Лондон, 1773.

Этого слабого и многословного писателя, который внешнюю видимость физиократии принимает за ее сущность и всячески превозносит землевладельческую аристократию, — он примет физиократию фактически лишь постольку, поскольку она соответствует подобной цели, — этого автора можно было бы и вовсе не упоминать, если бы грубо-буржуазный характер не обнаруживался у него так же резко, как впоследствии, скажем, у Рикардо. Ошибочный взгляд, будто «чистый продукт» ограничивается одной только рентой, нисколько не меняет дела.

Дю Бюа говорит то, что Рикардо затем повторяет относительно «чистого продукта» вообще ¹⁴¹. Рабочие принадлежат к *faux frais* * и существуют только для того, чтобы владельцы «чистого продукта» «составляли общество» (см. относящиеся сюда места) ¹⁴². Положение свободных рабочих рассматривается им как всего лишь измененная форма рабства, которая, однако, необходима, по его мнению, для того, чтобы высшие слои составляли «общество». {Также и у *Артура Юнга* «чистый продукт», прибавочная стоимость, трактуется как цель производства ¹⁴³.}

[1400] В этой связи можно вспомнить то место у Рикардо, где он спорит со Смитом, считавшим наиболее производительным тот капитал, который применяет наибольшее количество рабочих ¹⁴⁴. Ср. у Бюа — том VI, стр. 51—52, 68—70; далее, отно-

* См. сноску на стр. 149, *Ред.*

сительно рабочего класса и рабства — том II, стр. 288, 297, 309; том III, стр. 74, 95—96, 103; том VI, стр. 43, 51; о том, что эти рабочие вынуждены выполнять прибавочный труд, а также о том, что означают «необходимейшие средства существования» — том VI, стр. 52—53.

Мы приведем здесь одно-единственное место, так как оно содержит неплохое возражение против болтовни о *риске*, которому-де вообще подвергается капиталист:

«Они» (купцы) «многим-де рисковали, чтобы много заработать. Но рисковали они либо людьми, либо товарами и деньгами. Если они ради наживы подвергали явной опасности людей, то они делали весьма дурное дело. Что же касается товаров, то определенную заслугу имеет тот человек, который их производит; но не может быть никакой заслуги в том, что эти товары подвергаются риску ради обогащения какого-нибудь одного человека», и т. д. (том II, стр. 297). [XXII—1400]

**[10] ПОЛЕМИКА ПРОТИВ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ
АРИСТОКРАТИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЗИОКРАТОВ
(АНОНИМНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ АВТОР) ^{145]}**

[XXIII—1449] «The Essential Principles of the Wealth of Nations, illustrated, in opposition to some False Doctrines of Dr. Adam Smith, and others». London, 1797.

Автор этого сочинения знал работы Андерсона, так как в Приложении к своей книге он перепечатывает отрывок из сельскохозяйственного отчета Андерсона относительно графства Абердин.

Это — *единственное значительное* английское сочинение, прямо примыкающее к учению физиократов. Книжка *Уильяма Спенса* «Britain independent of commerce» (1807 год) — просто карикатура. Тот же самый Спенс выступал в 1814—1815 годах одним из самых фанатических защитников земельных собственников, отстаивавшим их интересы на основе физиократического учения, проповедующего... свободу торговли. Не нужно смешивать этого молодчика с *Томасом Спенсом*, смертельным врагом *частной собственности на землю*.

Сочинение «The Essential Principles» содержит прежде всего превосходное сжатое резюме физиократического учения.

Автор правильно прослеживает происхождение физиократических взглядов из взглядов *Локка* и *Вандерлинта*. Физиократов он изображает как таких авторов, которые

«весьма систематически, *хотя и не совсем правильно*, развивали» свое учение (стр. 4). См. об этом еще стр. 6 (выписки в *тетради Н*, стр. 32—33)¹⁴⁶.

Из даваемого анонимным автором резюме физиократического учения очень хорошо видно, как *теория о воздержании*, которое позднейшие апологеты, а отчасти уже и Смит, изображают как основу образования капитала, прямым образом воз-

ника из того взгляда физиократов, что в промышленности и т. д. не создается *никакой прибавочной стоимости*:

«Затраты, идущие на применение и содержание ремесленников, мануфактуристов¹⁴⁷ и купцов, имеют своим результатом только *сохранение стоимости затраченных сумм* и поэтому непроизводительны» (ибо они не производят прибавочной стоимости). «Богатство общества ни в малейшей степени не может быть *увеличено* ремесленниками, мануфактуристами и купцами иначе как путем *сбережения и накопления ими части того, что предназначено на их ежедневное содержание*. Следовательно, *только путем воздержания и бережливости*» (теория воздержания Сениора и теория сбережения Адама Смита) «они могут прибавить что-нибудь к совокупному капиталу. Напротив, земледельцы могут потреблять весь свой доход и тем не менее обогащать в то же время государство; ибо их деятельность приносит прибавочный продукт, называемый рентой» (стр. 6).

«Класс людей, труд которых хотя и производит кое-что, но не больше того, что было издержано для поддержания этого труда, по всей справедливости может быть назван *непроизводительным классом*» (стр. 10).

Производство прибавочной стоимости надо строго отличать от ее «перемещения из рук в руки».

«Увеличение дохода» (т. е. *накопление*) «только косвенным образом является предметом изучения для экономистов¹⁴⁸... Предметом их изучения является *производство и воспроизводство дохода*» (стр. 18).

И в этом-то и состоит большая заслуга физиократии. Физиократы ставят перед собой вопрос, как производится и воспроизводится *прибавочная стоимость* (у анонимного автора прибавочная стоимость называется «*доходом*»). Вопрос о том, как эта прибавочная стоимость *воспроизводится в более крупном масштабе*, т. е. как она увеличивается, возникает только во вторую очередь. Прежде всего необходимо вскрыть *категорию прибавочной стоимости*, [1450] раскрыть тайну ее производства.

Прибавочная стоимость и торговый капитал:

«Когда речь идет о *производстве дохода*, то совершенно нелогично подменять этот вопрос вопросом о *перемещении дохода из рук в руки*, к чему только и сводятся *все торговые сделки*» (стр. 22). «Слово *commerce* * означает не что иное, как *commutatio mercium* **... Иногда этот обмен более выгоден для одной стороны, чем для другой; но всегда то, что выигрывается одним, теряется другим, и торговая сделка между ними в действительности *не производит никакого увеличения богатства*» (стр. 23). «Если бы какой-нибудь еврей продал корону за 10 шилл. или фаринг королевы Анны за гиней¹⁴⁹, то он, несомненно, увеличил бы свой собственный доход, но он не увеличил бы этим *имеющегося количества драгоценных металлов*; и природа этой торговой сделки была бы одной и той же независимо от того, живет ли любящий редкости покупатель на одной улице с продавцом старинных монет или же во Франции или в Китае» (стр. 23).

* — торговля. Ред.

** — обмен товарами, Ред.

У физиократов промышленная прибыль рассматривается как «прибыль от отчуждения», т. е. она объясняется меркантилистически. Поэтому наш англичанин делает правильный вывод, что эта прибыль только тогда является действительной прибылью, когда промышленные товары продаются за границей. Из меркантилистической предпосылки он делает правильный меркантилистический вывод.

«Ни один мануфактурист, как бы он сам ни обогащался, ничего не прибавляет к национальному доходу, если его товары продаются и потребляются внутри страны; ибо покупатель его товаров теряет... ровно столько, сколько приобретает мануфактурист... Здесь имеет место обмен между продавцом и покупателем, а не увеличение богатства» (стр. 26). «Чтобы компенсировать себя за отсутствие избытка,... хозяин-предприниматель набавляет 50% прибыли на свои издержки по заработной плате, или 6 пенсов на каждый шиллинг, выплачиваемый им мануфактурным рабочим... Если товар продается за границей, то это «будет национальная прибыль» с такого-то и такого-то числа «искусных в ремеслах рабочих» (стр. 27).

Автор очень хорошо излагает причины богатства Голландии. Рыбная ловля (следовало бы указать также и скотоводство). Монополия на восточные пряности. Фрахтовое дело. Одалживание денег иностранцам (Добавочная тетрадь Н, стр. 36—37)¹⁵⁰.

Мануфактуристы, — пишет наш автор, — «являются необходимым классом», но они не являются «производительным классом» (цит. соч., стр. 35). Они «вызывают только замену или перемещение того дохода, который был предварительно добыт земледельцем, и достигают они этого тем, что придают долговечность этому доходу в некоторой новой форме» (стр. 38).

Существует только четыре необходимых класса: 1) производительный класс, или земледельцы; 2) мануфактуристы; 3) защитники страны; 4) «класс учителей», которых он ставит на место фигурирующих у физиократов «получателей десятины», т. е. попов.

«Ведь всякое гражданское общество нуждается в питании, одежде, защите и образовании» (стр. 50—51).

Ошибка «экономистов» состоит в том, что «получателей земельной ренты, как всего лишь получателей ренты, они считали производительным классом общества... До некоторой степени они исправили свою ошибку, намекнув на то, что церковь и король должны содержаться за счет тех рент, которые получают земельными собственниками. Д-р Смит..., у которого она» (указанная ошибка «экономистов») «проходит через все его сочинение» (это верно), «направляет свою критику как раз против здоровой части системы экономистов» (стр. 8).

[1451] Земельные собственники как таковые не только не являются *производительным* классом, но они даже не являются *необходимым* классом общества:

«Земельные собственники как всего лишь получатели земельной ренты не составляют необходимого класса общества... Поскольку земельная рента отделяется от предназначенной ей конституцией цели — служить делу защиты государства, получатели этой ренты, вместо того чтобы быть необходимым классом, становятся одним из самых ненужных и наиболее обременительных для общества классов» (стр. 51). См. дальнейшее об этом в Добавочной тетради Н, стр. 38—39¹⁵¹.

Все это очень хорошо, и эта полемика против получателей земельной ренты, развиваемая с физиократической точки зрения, *очень важна как завершение учения физиократов.*

Автор отмечает, что реальный налог на землю характерен для турок (цит. соч., стр. 59).

Земельный собственник облагает налогом не только наличные «улучшения земли», но часто также «предположения о будущих улучшениях» (стр. 63—64). Налог на ренту (стр. 65).

В отношении налогового обложения физиократическая доктрина осуществлялась *в старину* в Англии, Ирландии, феодальной Европе, империи Могола (стр. 93—94).

Земельный собственник как тот, кто облагает налогом (стр. 118).

Физиократическая ограниченность обнаруживается в следующем рассуждении (нет понимания разделения труда):

Предположим, что какой-нибудь часовщик или ситцевый фабрикант не может продать свои часы или свой ситец; тогда он попадает в самое затруднительное положение. Это показывает, «что мануфактурист обогащается только благодаря тому, что является *продавцом*»

(в действительности это показывает только то, что он свой продукт производит как *товар*),

«и что когда он перестает быть *продавцом*, его прибыли немедленно прекращаются»

(а как обстоит дело с прибылями фермера, не являющегося *продавцом?*),

«потому что они не естественные, а искусственные прибыли. Земледелец же... *может существовать*, преуспевать и увеличивать свое богатство, не *продавая* ничего» (стр. 38—39)

(но в таком случае он должен вместе с тем быть мануфактуристом).

Почему автор говорит только о часовщике или ситцевом фабриканте? С таким же правом можно предположить, что производитель угля, железа, льна, индиго и т. д. не в состоянии продать эти продукты или что даже производитель пшеницы не может продать свою пшеницу. Об этом очень хорошо говорит упомянутый выше Беарде де л'Аббеи¹⁵². Анонимному автору приходится выдвигать против *производства товаров*

производство для *непосредственного* потребления, в резком противоречии с тем обстоятельством, что самым главным для физиократов является, наоборот, *меновая стоимость*. Но этот последний момент проходит красной нитью и у нашего парня: *буржуазный* взгляд на вещи в рамках добуржуазного *способа представления* ¹⁵³.

Наш аноним выступает против Артура Юнга, считавшего, что *высокие цены важны для процветания земледелия*; но эти возражения Юнгу являются вместе с тем *полемикой против физиократии* (цит. соч., стр. 65—78 и 118).

Прибавочная стоимость не может быть выведена из номинального повышения цены продавцами:

«Увеличение *номинальной стоимости продукта...* не может обогатить продавцов,... так как все то, что они выигрывают в качестве продавцов, они теряют в качестве покупателей» (стр. 66).

В духе *Вандерлинта* написано следующее место:

«Пока для каждого безработного может быть найден участок земли, годный для обработки, ни один безработный не должен оставаться без земельного участка. Дома трудолюбия — хорошая вещь; но поля трудолюбия гораздо лучше» (стр. 47).

Будучи вообще противником арендной системы, аноним все же отдает предпочтение аренде на длительный срок перед краткосрочной арендой, при которой собственность на землю только мешает производству и препятствует улучшению почвы (стр. 118—123). (*Ирландское арендное право.*) ¹⁵⁴ [XXIII—1451]

[11) АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ВСЕХ ПРОФЕССИЙ]

[V—182] Философ производит идеи, поэт — стихи, пастор — проповеди, профессор — руководства, и т. д. Преступник производит преступления. Если мы ближе присмотримся к той связи, которая существует между этой последней отраслью производства и обществом в целом, то освободимся от многих предрассудков. Преступник производит не только преступления, но и уголовное право, а потому и профессора, читающего курс уголовного права, и, вместе с этим, также и то неизбежное руководство, в форме которого этот самый профессор выбрасывает свои лекции, в качестве «товара», на всеобщий рынок товаров. Этим достигается-де увеличение национального богатства, не говоря уже о том личном наслаждении, которое рукопись такого руководства, — по заверению компетентного свидетеля, господина профессора Рошера, — доставляет самому автору.

Преступник производит, далее, всю полицию и всю уголовную юстицию, сыщиков, судей, палачей, присяжных и т. д., и все эти различные профессии, каждая из которых представляет собой определенную категорию общественного разделения труда, развивают различные способности человеческого духа, создают новые потребности и новые способы их удовлетворения. Уже одни только пытки дали толчок к остроумнейшим механическим изобретениям и обеспечили работой множество почтенных ремесленников, обратившихся к производству орудий пыток.

Преступник производит впечатление — то морально-назидательное, то трагическое, смотря по обстоятельствам, и тем самым оказывает определенную «услугу» в смысле возбуждения

моральных и эстетических чувств публики. Он производит не только руководства по уголовному праву, не только уголовные кодексы, а стало быть и законодателей в этой области, но также и искусство, художественную литературу — романы и даже трагедии; доказательством этого служат не только «Вина» Мюльнера и «Разбойники» Шиллера, но даже «Эдип» и «Ричард III». Преступник нарушает однообразие буржуазной жизни, ее спокойное повседневное течение. Тем самым он предохраняет ее от застоя и порождает ту беспокойную напряженность и подвижность, без которой притупилось бы даже жало конкуренции. Этим он дает толчок производительным силам. В то время как преступления освобождают рынок труда от некоторой части избыточного населения и, ослабляя тем самым конкуренцию между рабочими, до известной степени препятствуют падению заработной платы ниже определенного минимума, — в это самое время борьба против преступлений поглощает некоторую другую часть избыточного населения. Выходит, таким образом, что преступник осуществляет одно из тех естественных «уравновешиваний», которые устанавливают надлежащий уровень и открывают поприще для целой вереницы «полезных» профессий.

Влияние преступника на развитие производительных сил можно было бы проследить до мелочей. Достигли ли бы замки их теперешнего совершенства, если бы не было воров? Получило ли бы изготовление банкнот такое усовершенствование, если бы не существовало [183] подделывателей денег? Проник ли бы микроскоп в обыкновенные торговые сферы (смотри Баббеджа), не будь в торговле обмана? Не обязана ли практическая химия своими успехами в такой же мере фальсификации товаров и стремлению ее обнаружить, в какой она ими обязана рвению честных производителей? Изобретая всё новые средства покушения на собственность, преступление вызывает к жизни всё новые средства защиты собственности и этим самым в такой же мере стимулирует производство, в какой забастовки стимулируют изобретение машин. И, — если покинуть сферу преступлений частных лиц, — мог ли бы без национальных преступлений возникнуть мировой рынок? Могли ли бы без них возникнуть сами нации? И разве древо греха не является со времен Адама вместе с тем и древом познания?

Уже Мандевиль в своей «Басне о пчелах» (1705) доказывал производительность всех возможных профессий и т. д., и у него уже видна общая тенденция всего этого рассуждения:

«То, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социаль-

ными существами, — является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем»¹⁵⁵.

Только Мандевиль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества. [V—183]

[12)] ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

[а) ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА КАК КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА]

[XXI—1317] Мы видели не только, как капитал производит, но и как его самого производят и как он в качестве существенно измененного отношения возникает из процесса производства, как в этом последнем он получает свое развитие¹⁵⁶. С одной стороны, капитал видоизменяет способ производства, а с другой стороны, это видоизменение способа производства и эта особая ступень в развитии материальных производительных сил представляют собой основу и условие самого капитала, предпосылку его собственного формирования.

Так как живой труд — в результате обмена между капиталом и рабочим — превращен в составную часть капитала и с первого же момента процесса труда выступает как деятельность, принадлежащая капиталу, то все производительные силы общественного труда принимают вид производительных сил капитала, совершенно так же, как всеобщая общественная форма труда выступает в деньгах в виде свойства некоторой вещи. Точно так же производительная сила общественного труда и его особые формы получают теперь свое выражение в виде производительных сил и форм капитала, т. е. *овеществленного* труда, вещественных условий труда, которые, в качестве такого обособившегося элемента, противостоят живому труду, персонифицированные в капиталисте. Здесь мы опять сталкиваемся с той извращенной формой отношения, которая выражается в том, что мы уже при рассмотрении денег обозначили как *фетишизм*¹⁵⁷.

Сам капиталист является властителем лишь в качестве *персонификации капитала*. (В итальянской бухгалтерии эта

его роль *капиталиста*, персонифицированного капитала, неизменно противопоставляется ему просто как отдельному лицу, фигурирующему всего лишь в качестве частного потребителя и должника своего собственного капитала.)

Производительность капитала, — даже если рассматривать одно только *формальное* подчинение труда капиталу, — состоит прежде всего в *принуждении к прибавочному труду*, к большему количеству труда, чем то, которое необходимо для удовлетворения непосредственных потребностей. Капиталистический способ производства разделяет это принуждение с предшествующим способом производства, но осуществляет, применяет его в такой форме, которая в большей степени благоприятствует производству.

Даже если рассматривать это всего лишь *формальное* отношение, *всеобщую* форму капиталистического производства, которая является общей как для менее развитой его стадии, так и для более развитой, — даже в этом случае *средства производства*, вещественные условия труда — материал труда, средства труда (а также и жизненные средства) — выступают не как подчиненные рабочему; наоборот, рабочий подчинен им. Не он применяет их, а они применяют его. В силу этого они и являются капиталом. «Капитал *применяет* труд». По отношению к рабочему они выступают не как средства для производства продуктов — в виде ли непосредственных средств существования или же в виде средств обмена, в виде товаров. Наоборот, рабочий является для них таким средством, благодаря которому они и сохраняют свою стоимость и превращают ее в капитал, т. е. увеличивают ее, впитывая в себя прибавочный труд.

Уже в своем простом виде это вывернутое наизнанку отношение является олицетворением вещей и овеществлением лиц; ибо эта форма отличается от всех предшествующих тем, что капиталист господствует над рабочим не как носитель того или иного личного качества, а лишь поскольку он представляет «капитал». Его господство есть не что иное, как господство овеществленного труда над живым, как власть созданного рабочим продукта над самим рабочим.

Это отношение становится еще более сложным и кажется еще более мистическим вследствие того, что с развитием специфически капиталистического способа производства против рабочего выступают, противостоя ему в качестве «капитала», не только эти, непосредственно материальные вещи {все они — продукты труда; рассматриваемые со стороны потребительной стоимости, они, будучи продуктами труда, являются вещественными условиями труда; рассматриваемые со стороны меновой

стоимости, они — овеществленное всеобщее рабочее время, или деньги}; также и формы общественно развитого труда — кооперация, мануфактура (как форма разделения труда), фабрика (как такая форма общественного труда, которая имеет своей материальной основой систему машин) — получают свое выражение в виде *форм развития капитала*, и поэтому производительные силы труда, развившиеся из этих форм общественного труда, а стало быть также наука и силы природы, принимают вид *производительных сил капитала*. И действительно, объединение одинаковых видов труда, осуществляемое в кооперации, сочетание различных видов труда, имеющее место при разделении труда, применение в машинной промышленности, в производственных целях, природных сил и науки, а также продуктов труда — все это противостоит рабочим, каждому в отдельности, как нечто *чуждое* им самим и как нечто *вещное*, как всего лишь форма бытия независимых от них и господствующих над ними средств труда, — подобно тому как сами эти средства труда, в их простой осязаемой форме, в качестве материала, инструмента и т. д., противостоят рабочим как функции *капитала*, а следовательно и *капиталиста*.

Общественные формы собственного труда рабочих — или формы их собственного [1318] общественного труда — представляют собой такие отношения, которые образовались совершенно независимо от рабочих, взятых отдельно друг от друга; рабочие, находясь в подчинении у капитала, становятся элементами этих общественных образований, но принадлежат эти общественные образования не им. Рабочим они противостоят поэтому как *образы*, принимаемые самим капиталом, как такие сочетания, которые — в отличие от рабочей силы каждого из этих рабочих в отдельности — составляют принадлежность капитала, возникают из него и включены в его состав. И это принимает все более реальную форму по мере того как, с одной стороны, сама рабочая сила этих рабочих претерпевает под воздействием указанных форм такие видоизменения, что она, в своем самостоятельном существовании, т. е. *вне* этой капиталистической связи, становится бессильной и ее самостоятельная способность к производству уничтожается; а с другой стороны, с развитием машинного производства условия труда все более выступают как силы, господствующие над трудом также и технологически, одновременно с этим заменяя труд, угнетая его, делая его излишним в его самостоятельных формах.

В этом процессе, в котором *общественные* черты труда рабочих противостоят им как нечто, в известном смысле, *капитализированное* (так, например, в машинном производстве осязае-

мые продукты труда выступают как властители труда), то же самое, естественно, происходит с силами природы и с наукой, этим продуктом всеобщего исторического процесса развития, абстрактно выражающим его квинтэссенцию: силы природы и наука противостоят рабочим как *силы* капитала. Наука и ее применение действительно отделяются от мастерства отдельного рабочего и его знания дела, и хотя они, — если их проследить до самого их источника, — представляют собой опять-таки продукты труда, всё же они всюду, где они входят в процесс труда, выступают как *включенные в состав капитала*. Капиталист, применяющий машину, не должен обязательно понимать ее устройство (см. Юра) ¹⁵⁸. Но в *машине* сама реализованная наука противостоит рабочим в качестве *капитала*. И в самом деле, все эти основанные на *общественном труде* применения науки, сил природы и огромных масс продуктов труда выступают только как *средства эксплуатации* труда, как средства присвоения прибавочного труда, а следовательно как *силы*, принадлежащие капиталу и противостоящие труду. Капитал, конечно, применяет все эти средства лишь для того, чтобы эксплуатировать труд, но для эксплуатации труда капиталу неизбежно приходится применять эти средства в процессе производства. И таким образом развитие *общественных* производительных сил труда и условия этого развития выступают как такое *деяние капитала*, которое не только совершается помимо воли отдельного рабочего, но и прямо направлено против него.

Сам капитал имеет двойственный характер, так как он состоит из товаров:

1) *Меновая стоимость* (деньги); но это — *самовозрастающая стоимость*, такая стоимость, которая — благодаря тому, что она есть *стоимость*, — создает стоимость, *возрастает как стоимость*, получает приращение. Это возрастание стоимости сводится к обмену данного количества овеществленного труда на большее количество живого труда.

2) *Потребительная стоимость*. Здесь капитал проявляется со стороны тех определенных отношений, которые присущи ему в процессе труда. Но именно здесь капитал не остается таким материалом труда и таким средством труда, которым принадлежит просто лишь *труд*, включенный ими в свой состав: вместе с трудом капитал включил в свой состав также и *общественные сочетания* труда и ту ступень развития средств труда, которая соответствует этим его общественным сочетаниям. Капиталистическое производство впервые в крупном масштабе развивает как вещные, так и субъективные условия процесса труда, отрывая их от отдельного самостоятельного работника, но развивает

их как такие силы, которые господствуют над *отдельным рабочим* и являются *чуждыми* для него.

Все это делает капитал каким-то весьма мистическим существом. [1318] ¹⁵⁹

* * *

[1320] Капитал, таким образом, производителен: 1) как сила, *принуждающая* к прибавочному труду, 2) как сила, поглощающая и присваивающая себе (в качестве их персонификации) производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы, например науку.

Спрашивается: как или почему труд, противостоящий капиталу, выступает в качестве производительного; выступает как *производительный труд*, хотя производительные силы труда перешли к капиталу и хотя одну и ту же производительную силу нельзя считать дважды, один раз — как производительную силу труда, а другой раз — как производительную силу капитала? {Производительная сила труда составляет производительную силу капитала. А *рабочая сила* производительна вследствие различия между ее *стоимостью* и *той стоимостью, которую эта рабочая сила создает.*}

[6] ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СИСТЕМЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА]

Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными его формами, а следовательно вечными естественными формами производства, может смешивать вопрос о том, что такое *производительный труд* с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще; только она может поэтому кичиться, как проявлением особой мудрости, своим ответом, гласящим, что всякий труд, производящий вообще что-либо, имеющий что-либо своим результатом, тем самым есть уже производительный труд.

Производительным является лишь такой труд, который *прямо превращается в капитал*, т. е. только такой труд, который делает переменный капитал переменной величиной, а весь капитал K делает равным $K + \Delta$ ¹⁶⁰. Если переменный капитал до его обмена на труд равен x , — так что мы имеем уравнение $y = x$, — то производительным трудом является тот труд, который превращает x в $x + h$, а уравнение $y = x$ превращает в уравнение $y' = x + h$. Таков *первый* пункт, требующий выяснения. Речь идет о труде, создающем прибавочную стоимость, или служащем капиталу тем фактором, который дает ему воз-

возможность образовать прибавочную стоимость и, следовательно, проявить себя в качестве капитала, в качестве самовозрастающей стоимости.

Во-вторых: общественные и всеобщие производительные силы труда выступают как производительные силы капитала; но эти производительные силы касаются только процесса труда, затрагивают только потребительную стоимость. Они принимают вид свойств, присущих капиталу как вещи, представляются в виде его потребительной стоимости. Они не затрагивают непосредственно *меново́й стоимости*. Работают ли сто рабочих вместе или же каждый из них работает в одиночку, — стоимость произведенной ими массы продуктов равна ста рабочим дням, независимо от того, в большом или малом количестве продуктов представлены эти рабочие дни; другими словами, стоимость этой массы продуктов не зависит от производительности труда.

[1321] В одном только отношении различие в производительности труда затрагивает меновую стоимость.

Если, например, производительность труда развивается в какой-нибудь отдельной отрасли производства, — если, скажем, производство ткани с помощью механических ткацких станков, вместо ручных, перестает быть исключением и если при этом для изготовления одного аршина на механическом станке требуется только половина того рабочего времени, которое затрачивается при работе на ручном, — то 12 часов ручного ткача выражаются уже не в двенадцатичасовой стоимости, а только в шестичасовой, так как *необходимое* рабочее время сократилось теперь до 6 часов. 12 часов ручного ткача теперь равны уже только 6 часам общественного рабочего времени, несмотря на то, что этот ткач по-прежнему работает 12 часов.

Но не об этом здесь идет речь. Если мы, напротив, возьмем какую-нибудь другую отрасль производства, например в типографском деле — работу наборщика, где машины еще не применяются, то 12 часов труда в этой отрасли будут создавать совершенно такое же количество *стоимости*, какое создают 12 часов в тех отраслях производства, где машины и т. д. достигли самой высокой степени развития. Стало быть, как создатель *стоимости* труд всегда остается трудом *отдельного рабочего*, только выраженным в виде *всеобщего труда*. Поэтому производительный труд в качестве труда, производящего стоимость, всегда противостоит капиталу как труд отдельной рабочей силы, как труд *изолированного рабочего*, в какие бы общественные сочетания эти рабочие ни вступали в процессе производства. Значит,

в то время как противостоящий рабочему капитал представляет общественную производительную силу труда, — противостоящий капиталу производительный труд рабочего всегда представляет только труд *отдельного рабочего*.

В-третьих: если свойство капитала — вынуждать у рабочего прибавочный труд и присваивать себе общественные производительные силы труда — принимает видимость такого свойства, которое присуще капиталу от природы, следовательно видимость свойства, вытекающего из его потребительной стоимости, — то также и наоборот: представляется, будто труду от природы присуще проявлять свои собственные общественные производительные силы как производительные силы капитала, а произведенный трудом прибавочный продукт — как произведенную капиталом прибавочную стоимость, как самовозрастание капитала.

Эти три пункта должны быть теперь рассмотрены в развернутом виде, и отсюда надлежит вывести различие между трудом производительным и непроизводительным.

К пункту 1-му. Производительность капитала состоит в том, что он противопоставляет себе труд как наемный труд, а производительность труда состоит в том, что он противопоставляет себе средства труда как капитал.

Мы видели, что деньги превращаются в капитал, т. е. определенная меновая стоимость превращается в самовозрастающую меновую стоимость, в стоимость плюс прибавочная стоимость, благодаря тому, что одна часть этой меновой стоимости превращается в такие товары, которые являются для процесса труда необходимыми ему средствами труда (сырые материалы, инструменты, словом — вещественные условия труда), а другая часть идет на покупку рабочей силы. Однако не этот первоначальный обмен денег на рабочую силу, не самый факт покупки этой последней превращает деньги в капитал. Эта покупка превращает применяемую рабочую силу на определенный срок в составную часть капитала; другими словами, определенное количество живого труда становится одной из форм бытия самого капитала, его, так сказать, *энтелехией* *.

В действительном процессе производства живой труд превращается в капитал вследствие того, что этот труд, с одной стороны, воспроизводит заработную плату, — следовательно, воспроизводит стоимость переменного капитала, — а с другой стороны, создает прибавочную стоимость; в результате этого процесса превращения вся [авансированная] сумма денег

* — деятельностью, действительностью, действительностью. *Ред.*

превращается в капитал, хотя та ее часть, которая непосредственно функционирует как переменная, затрачивается лишь на заработную плату. Если раньше стоимость равнялась $c + v$, то теперь она равна $c + (v + x)$, или, что то же самое, $(c + v) + x$ ¹⁶¹; другими словами: первоначальная сумма денег, первоначальная величина стоимости, возросла в процессе труда, проявила себя в качестве такой стоимости, которая одновременно и сохраняет и увеличивает себя.

{Необходимо отметить следующее: то обстоятельство, что только *переменная часть* капитала создает его приращение, ни в какой мере не меняет того факта, что посредством этого процесса увеличивается совокупная первоначальная стоимость, возрастая на величину прибавочной стоимости; остается, стало быть, в силе, что вся первоначальная сумма денег превращается в капитал. Ведь первоначальная стоимость равна $c + v$ (постоянный капитал и переменный капитал). В указанном процессе она превращается в $c + (v + x)$; выражение $v + x$ представляет собой вновь созданную часть, возникшую путем превращения живого труда в труд овеществленный, превращения, которое обусловлено обменом v на рабочую силу и которое ведет свое начало от этого обмена, от превращения переменного капитала в заработную плату. Но $c + (v + x) = (c + v) + x$ (первоначальный капитал) $+ x$. Кроме того, превращение v в $v + x$, а стало быть и превращение $(c + v)$ в $(c + v) + x$, могло осуществиться только благодаря тому, что часть денег превратилась в c . Одна часть денег может превратиться в *переменный* капитал лишь при том условии, что другая часть их превращается в постоянный капитал.}

В действительном процессе производства труд *realiter* * превращается в капитал, но это превращение обусловлено первоначальным обменом денег на рабочую силу. Только благодаря этому *непосредственному* превращению труда в овеществленный труд, принадлежащий не рабочему, а капиталисту, деньги и превращаются в капитал, включая и ту часть денег, которая приняла форму средств производства, условий труда. До этого деньги лишь *an sich* ** являются капиталом, все равно, существуют ли они в своей собственной форме или же в виде таких товаров (продуктов), которые по своей натуральной форме могут служить средствами производства, необходимыми для создания новых товаров.

[1322] Только это определенное *отношение* к труду превращает деньги или товары в капитал, и только труд, превращающий

* — реально, на самом деле. *Ред.*

** — «в себе», в возможности, потенциально. *Ред.*

деньги или товар в капитал, — в силу указанного отношения труда к условиям производства, которому соответствует определенный характер отношений в действительном процессе производства, — только этот *труд* и является *производительным*; иными словами, производительным является лишь тот труд, который сохраняет и увеличивает стоимость *овеществленного* труда, противостоящего рабочей силе как обособившийся от нее. Производительный труд — это лишь сокращенное выражение, обозначающее всю полноту и особый характер того отношения, в котором рабочая сила фигурирует в капиталистическом процессе производства. Но различие между производительным трудом и *другими* видами труда является в высшей степени важным, так как оно выражает как раз ту определенную форму труда, на которой основан весь капиталистический способ производства и сам капитал.

Итак, *производительный труд* в системе капиталистического производства — это такой труд, который производит для того, кто его применяет, *прибавочную стоимость*, или, иначе, это — труд, превращающий объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста; это, стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в качестве капитала.

Поэтому когда мы говорим о *производительном труде*, то мы говорим об *общественно-определенном* труде, о труде, который включает совершенно определенное отношение между покупателем труда и его продавцом.

И хотя деньги, находящиеся в руках покупателя рабочей силы, или имеющиеся у него товары — как средства производства, так и жизненные средства для рабочих — становятся капиталом только в силу указанного процесса, в котором они и претерпевают это превращение в капитал (до вступления же в процесс эти вещи не капитал, а только еще должны стать им), — тем не менее они *«в себе»* являются капиталом. Этим они обязаны тому факту, что они противостоят рабочей силе как нечто самостоятельное и что точно так же противостоит им рабочая сила, — мы имеем здесь то отношение, которое обуславливает и обеспечивает обмен на рабочую силу и последующий процесс действительного превращения труда в капитал. Средствам производства и жизненным средствам в их отношении к рабочим здесь с самого начала присущ тот *определенный общественный характер*, который делает их капиталом и дает им власть над трудом. По отношению к труду они являются поэтому *предпосылкой*, противостоя ему в качестве капитала.

Производительный труд может быть поэтому определен как такой труд, который прямо обменивается на *деньги как на*

капитал, или — что является лишь сокращенным выражением того же самого — как труд, непосредственно обменивающийся на *капитал*, т. е. на деньги, которые «в себе» являются капиталом, которые предназначены функционировать как капитал, другими словами, которые противостоят рабочей силе в качестве *капитала*. Выражение: «труд, обменивающийся *непосредственно* на *капитал*», подразумевает, что труд обменивается на деньги как на *капитал* и *actu* * превращает эти деньги в капитал. Какие следствия вытекают из характеристики «*непосредственно*», — это будет сейчас выяснено точнее.

Производительным трудом является, следовательно, тот труд, который для рабочего лишь воспроизводит заранее определенную стоимость его рабочей силы, но вместе с этим, как созидаящая стоимость деятельность, увеличивает стоимость капитала, иными словами: тот труд, который противопоставляет самому рабочему в виде капитала созданные этим трудом стоимости.

[в) ДВА СУЩЕСТВЕННО РАЗЛИЧНЫХ МОМЕНТА В ОБМЕНЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ]

В обмене между капиталом и трудом следует различать, как мы видели при рассмотрении процесса производства ¹⁶², два существенно различных, хотя и обусловливающих друг друга, момента.

Во-первых: Первоначальный обмен между трудом и капиталом есть *формальный процесс*, в котором капитал фигурирует как *деньги*, а рабочая сила — как *товар*. Продажа рабочей силы имеет место идеально, или юридически, в этом первом процессе, несмотря на то, что *оплачивается* труд только после того, как он выполнен, т. е. к концу дня, недели и т. д. Это ничего не меняет в сделке, посредством которой совершается *продажа* рабочей силы. В данном случае *непосредственно* продается не товар, содержащий овеществленный уже труд, а *употребление самдой рабочей силы*, стало быть фактически *самый труд*, так как употребление рабочей силы выражается в ее действии — в труде. Значит, здесь мы имеем дело не с тем обменом труда на труд, который совершается через посредство обмена товара на товар. Если *A* продает *B* сапоги, то оба они обменивают труд: один обменивает труд, овеществленный в сапогах, а другой — труд, овеществленный в деньгах. Здесь же вступают в обмен, с одной стороны, *овеществленный труд*

* — действительно, на деле. *Ред.*

в его всеобщей общественной форме, т. е. в виде *денег*, а с другой стороны — *труд, существующий еще только в качестве рабочей силы*; предметом же купли и продажи служит употребление этой рабочей силы, т. е. самый труд, хотя *стоимость* продаваемого в данном случае товара представляет собой не стоимость труда (иррациональное выражение), а *стоимость рабочей силы*. Таким образом, здесь имеет место непосредственный обмен между *овеществленным трудом и рабочей силой*, которая *de facto* * превращается в живой труд, — т. е. здесь имеет место обмен между овеществленным и живым трудом. Поэтому заработная плата, — стоимость рабочей силы, — как это было развито выше, получает свое выражение в виде *цены труда* ¹⁶³, его непосредственной покупной цены.

В пределах этого первого момента отношение между рабочим и капиталистом есть отношение между продавцом и покупателем товара. Капиталист уплачивает *стоимость рабочей силы*, т. е. *стоимость* покупаемого им товара.

Но в то же время рабочая сила покупается только потому, что то количество труда, которое она может и обязывается выполнить, больше того количества труда, которое требуется для воспроизводства рабочей силы; поэтому выполняемый ею труд и выражается в стоимости большей, чем стоимость рабочей силы.

[1323] *Во-вторых*: Второй момент *обмена* между капиталом и трудом не имеет на деле ничего общего с первым моментом, — строго говоря, он вовсе не является *обменом*.

Для первого момента характерен обмен денег на товар — обмен эквивалентов; рабочий и капиталист противостоят здесь друг другу только как товаровладельцы. Происходит обмен эквивалентов (а это значит: данное отношение не меняется от того, *когда* именно обмен фактически осуществляется; и стоит ли цена труда *выше* или *ниже стоимости* рабочей силы или же *равна* ей, — от этого характер сделки несколько не меняется. Эта сделка *может*, следовательно, осуществляться в соответствии с общим законом товарного обмена).

Для второго момента характерно то, что здесь совсем нет обмена. Владелец денег перестал быть покупателем товара, а рабочий перестал быть его продавцом. Владелец денег действует теперь как капиталист. Он потребляет купленный им товар; поставляет же этот товар рабочий, так как употребление его рабочей силы есть не что иное, как самый труд его. В результате предшествующей сделки *труд* сам стал частью вещественного

* — на самом деле, фактически. *Ред.*

богатства. Рабочий выполняет этот труд, но *принадлежит* этот его труд капиталу, являясь отныне лишь функцией капитала. Он совершается поэтому под непосредственным контролем и управлением капитала, а продукт, в котором этот труд овеществляется, представляет собой ту новую форму, в которой выступает капитал, или, точнее, в которой он *actu* себя *осуществляет* в качестве капитала. Вот почему в этом процессе труд прямым образом *овеществляется*, *непосредственно* превращается в капитал, после того как в результате первой сделки труд *формально* уже превращен в составную часть капитала. При этом количество труда, превратившееся здесь в капитал, *превышает* то количество капитала, которое прежде было затрачено на покупку рабочей силы. В рассматриваемом процессе присваивается определенное количество неоплаченного труда, и только вследствие этого деньги превращаются в капитал.

Но хотя здесь в действительности и нет обмена, однако, отвлекаясь от посредствующих звеньев, мы видим, что в этом процессе — в качестве его результата, охватывающего оба момента в их единстве, — определенное количество овеществленного труда обменялось на большее количество живого труда. В итоге всего процесса это получает следующее выражение: труд, овеществившийся в своем продукте, больше того труда, который овеществлен в рабочей силе, и поэтому больше того овеществленного труда, который достается рабочему в качестве выплачиваемой ему заработной платы; иными словами: действительный результат процесса состоит в том, что капиталист не только получает обратно ту часть капитала, которую он израсходовал на заработную плату, но получает еще и прибавочную стоимость, которая достается ему совершенно безвозмездно. *Непосредственный* обмен между трудом и капиталом означает здесь: 1) непосредственное превращение труда в капитал, в вещественную составную часть капитала, — превращение, совершающееся в процессе производства; 2) обмен определенного количества овеществленного труда на такое же количество живого труда плюс добавочное количество живого труда, которое присваивается *без обмена*.

Выражение: «*производительный труд* есть такой труд, который *непосредственно* обменивается на *капитал*», охватывает все указанные моменты и представляет собой лишь производную формулировку того положения, что это — *труд*, превращающий деньги в капитал, труд, обменивающийся на условия производства как на *капитал*; следовательно, к этим условиям производства, фигурирующим здесь не просто лишь как условия производства, труд вступает в определенное отношение

отнодь не как *труд* просто, отнодь не как лишенный специфического общественного характера.

Это заключает в себе: 1) взаимоотношение между деньгами и рабочей силой как отношение между товарами, куплю и продажу, происходящую между владельцем денег и владельцем рабочей силы; 2) прямое подчинение труда капиталу; 3) реальное превращение труда в капитал, совершающееся в процессе производства, или, что одно и то же, создание прибавочной стоимости для капитала. Происходит *двоякого рода обмен между трудом и капиталом*. Первый обмен выражает только покупку рабочей силы, стало быть, — если иметь в виду фактический результат, — покупку труда, а следовательно и его продукта. Второй обмен есть прямое превращение *живого* труда в капитал, или овеществление живого труда как осуществление капитала.

[г) СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ДЛЯ КАПИТАЛА]

Результатом капиталистического процесса производства является не просто продукт (потребительная стоимость) и не *товар*, т. е. потребительная стоимость, имеющая определенную меновую стоимость. Его результат, его продукт, состоит в создании *прибавочной стоимости* для капитала, а потому — в действительном *превращении* денег или товара в капитал, тогда как до процесса производства деньги и товары являются капиталом лишь в смысле своей общей направленности, лишь «в себе», лишь по своему назначению. Процесс производства поглощает большее количество труда, чем то, которое куплено. Это поглощение, [1324] это *присвоение* чужого неоплаченного труда, совершающееся в процессе производства, является *непосредственной целью* процесса капиталистического производства, ибо в задачи капитала как такового (а стало быть, и капиталиста как такового) не входит ни производство потребительных стоимостей, непосредственно предназначенных для собственного потребления, ни производство товаров для последующего превращения их в деньги, а затем — в потребительные стоимости. Цель капиталистического производства — *обогащение, приумножение стоимости*, ее *увеличение*, следовательно — сохранение прежней стоимости и создание прибавочной стоимости. И этот *специфический продукт*, производимый в процессе капиталистического производства, достается капиталу только в результате обмена на труд, называемый поэтому *производительным трудом*.

Для того чтобы производить *товар*, труд должен быть полезным трудом, должен производить какую-нибудь *потребительную стоимость*, выражать себя в какой-нибудь *потребительной стоимости*. И только труд, выражающий себя в *товаре*, следовательно — в потребительных стоимостях, является поэтому таким трудом, который обменивается на капитал. Эта предпосылка есть нечто само собою разумеющееся. Однако не этот конкретный характер труда, не его потребительная стоимость как таковая, не то, следовательно, обстоятельство, что он является, например, трудом портного, сапожника, прядильщика, ткача и т. д., — не это составляет специфическую потребительную стоимость труда для капитала, не это налагает на него в системе капиталистического производства печать *производительного труда*. Его *специфическую потребительную стоимость* для капитала образует не его определенный полезный характер, а также и не особые полезные свойства того продукта, в котором он овеществляется. Потребительная стоимость труда для капитала обусловлена характером этого труда как фактора, создающего меновую стоимость, обусловлена присущим ему характером абстрактного труда; однако дело не в том, что он представляет вообще определенное количество этого всеобщего труда, а в том, что он представляет *большее* количество абстрактного труда, чем то, которое *содержится* в цене труда, т. е. в *стоимости рабочей силы*.

Для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется поэтому для ее воспроизводства. Труд доставляется, конечно, в той *определенной форме*, которая присуща ему как особому полезному труду — как прядению, ткачеству и т. д. Но этот конкретный характер труда, который вообще делает его способным выражать себя в товаре, не составляет его *специфическую потребительную стоимость* для капитала. Для капитала эта потребительная стоимость труда состоит в том его количестве, которое он доставляет как труд вообще, и в избытке количества выполняемого труда *над* тем его количеством, которое составляет его оплату.

Определенная сумма денег x становится капиталом в силу того, что в своем продукте она выражается как $x + h$, т. е. в силу того, что то количество труда, которое содержится в ней как продукте, больше того количества труда, которое содержалось в ней первоначально. И это есть результат обмена между деньгами и производительным трудом; иными словами: только

тот труд является *производительным*, который, обмениваясь на овеществленный труд, делает возможным, что этот последний получает свое выражение в виде увеличенного количества овеществленного труда.

Поэтому-то процесс капиталистического производства не есть просто производство товаров. Это — процесс, поглощающий неоплаченный труд, процесс, превращающий средства производства — материалы и средства труда — в средства поглощения неоплаченного труда.

Из всего вышеизложенного следует, что «производительный труд» — это такая характеристика труда, которая непосредственно не имеет абсолютно ничего общего с *определенным содержанием* труда, с его особой полезностью или со специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается.

Один и тот же вид труда может быть как *производительным*, так и *непроизводительным*.

Например, Мильтон, написавший «Потерянный рай» и получивший за него 5 ф. ст., был *непроизводительным работником*. Напротив, писатель, работающий для своего книготорговца на фабричный манер, является *производительным работником*. Мильтон создавал «Потерянный рай» с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк. Это было действительное проявление *его* натуры. Потом он продал свое произведение за 5 ф. ст. А лейпцигский литератор-пролетарий, фабрикующий по указке своего издателя те или иные книги (например, руководства по политической экономии), является *производительным работником*, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала. Певица, продающая свое пение на свой страх и риск, — *непроизводительный работник*. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который, чтобы загребать деньги, заставляет ее цеть, — *производительный работник*, ибо она производит капитал.

**[д) НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК ТРУД,
ДОСТАВЛЯЮЩИЙ УСЛУГИ. ПОКУПКА УСЛУГ В УСЛОВИЯХ
КАПИТАЛИЗМА. ВУЛЬГАРНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОТНОШЕНИЕ
МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ КАК НА ОБМЕН УСЛУГ]**

[1325] Здесь возникают различные вопросы, которые нельзя смешивать.

Покупаю ли я брюки в готовом виде или же покупаю сукно и нанимаю портного для работы у меня на дому, оплачивая ему его *услугу* (т. е. его портняжную работу), состоящую в пре-

вращении сукна в брюки, — это для меня совершенно безразлично, поскольку для меня имеют значение самые брюки. Вместо того чтобы брать портного на дом, я покупаю брюки у владельца портняжной мастерской, и я это делаю потому, что первый способ связан с большими издержками, — ведь брюки стоят меньше труда, следовательно обходятся дешевле, когда их производит портной-капиталист, нежели тогда, когда их производит портной у меня на дому. Но в обоих случаях я превращаю деньги, на которые я покупаю брюки, не в капитал, а в брюки; и в обоих случаях дело идет для меня о том, чтобы употребить деньги просто как средство обращения, т. е. превратить их в данную определенную потребительную стоимость. Таким образом, здесь деньги функционируют не в качестве капитала, несмотря на то, что в одном случае они обмениваются на *товар*, в другом же случае покупают самый *труд* как *товар*. Они функционируют только как деньги, выражаясь более определенно — как средство обращения.

С другой стороны, работающий у меня на дому портной не есть *производительный рабочий*, хотя его труд доставляет мне продукт, брюки, а ему — цену его труда, деньги. Возможно, что количество труда, доставляемое этим портным, превышает то количество труда, которое заключается в получаемой им от меня плате; это даже весьма вероятно, так как цена его труда определяется ценой, получаемой теми портными, которые являются *производительными рабочими*. Но для меня это абсолютно безразлично. Раз цена установлена, то мне совершенно все равно, работает ли этот портной 8 или 10 часов. Для меня имеет значение только *потребительная стоимость*, брюки, причем — независимо от того, приобретаю ли я их первым или вторым способом, — я заинтересован, конечно, в том, чтобы заплатить за них как можно меньше; в этом я одинаково заинтересован как в первом, так и во втором случае: *уплаченная мною цена в обоих случаях не должна быть выше нормальной*. Это — *расход* на мое потребление: не прирост моих денег, а наоборот, их убыль. Это — отнюдь не средство обогащения, как и вообще ни одна затрата денег для моего *личного потребления* не является средством обогащения.

Какой-нибудь «ученый», из персонажей Поль де Кока, пожалуй, скажет мне, что без этой покупки, так же как и без покупки хлеба, я не могу жить, а стало быть не могу и *обогащаться*; что эта покупка является, таким образом, косвенным средством — или по крайней мере условием — моего обогащения. На том же основании можно было бы считать мое кровообращение и процесс моего дыхания условиями моего обогащения.

Однако ни мое кровообращение, ни процесс моего дыхания сами по себе меня нисколько не обогащают, а наоборот, и то и другое предполагает наличие дорогостоящего обмена веществ, и если бы этот последний не был совершенно необходим, то на свете и бедняков не было бы. Поэтому простой, *непосредственный* обмен денег на труд не превращает ни деньги в капитал, ни труд — в производительный труд.

Что же является наиболее характерным в этом обмене? Чем отличается он от обмена денег на производительный труд? С одной стороны — тем, что *деньги* расходуются в данном случае *как деньги*, как самостоятельная форма меновой стоимости, которая должна быть превращена в какую-нибудь *потребительную стоимость*, в жизненные средства, в предмет личного потребления. Деньги не становятся здесь капиталом, а наоборот, они перестают существовать в качестве меновой стоимости — для того чтобы быть истраченными, потребленными в виде потребительной стоимости. С другой стороны, труд интересует меня здесь только как потребительная стоимость, как *услуга*, благодаря которой сукно превращается в брюки, — как такая услуга, которую труд оказывает мне вследствие присущего ему определенного полезного характера.

Напротив, та услуга, которую этот же наемный портной оказывает нанявшему его портному-капиталисту, состоит вовсе не в том, что он превращает сукно в брюки, а в том, что необходимое рабочее время, овеществляемое в брюках, равно 12 часам, получаемая же наемным портным заработная плата равна всего лишь 6 часам. Услуга, которую он оказывает капиталисту, состоит, стало быть, в том, что он работает 6 часов безвозмездно. То обстоятельство, что это совершается в форме шитья брюк, только *прикрывает* действительное отношение. Поэтому при первой же возможности портной-капиталист старается превратить брюки обратно в деньги, т. е. в такую форму, в которой определенный характер портняжного труда бесследно исчезает, а оказанная услуга получает свое выражение в том, что — вместо рабочего времени в 6 часов, [1326] представленного в определенной сумме денег, — налицо оказывается рабочее время в 12 часов, выраженное в сумме денег вдвое большей.

Я покупаю портняжный труд ради той услуги, которую он оказывает именно в качестве *портняжного труда*, удовлетворяя мою нужду в одежде, обслуживая, следовательно, одну из моих *потребностей*. Портной-капиталист покупает его как средство, позволяющее из одного талера сделать два. Я покупаю портняжный труд потому, что он производит определенную потребительную стоимость, оказывает определенную услугу.

Капиталист покупает этот труд потому, что последний доставляет такую сумму меновой стоимости, которая больше затраченных на него издержек, т. е. потому, что он для капиталиста всего лишь средство обменять меньшее количество труда на большее его количество.

В тех случаях, когда деньги непосредственно обмениваются на такой труд, который не производит капитала, т. е. на *непроизводительный* труд, этот труд покупается как *услуга*. Это выражение означает вообще не что иное, как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому товару; но особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название «услуги» потому, что труд оказывает услуги не в качестве *вещи*, а в качестве *деятельности*, — что, однако, нисколько не отличает его, скажем, от какой-нибудь машины, например от часов. *Do ut facias, facio ut facias, tacio ut des, do ut des*¹⁶⁴ являются здесь совершенно одинаковыми по своему значению формами одного и того же отношения, в то время как в капиталистическом производстве форма *do ut facias* выражает собой весьма специфическое отношение между отдаваемой стоимостью, имеющей вещную форму, и присваиваемой живой деятельностью. Поэтому, так как в покупке *услуг* совершенно не содержится специфического отношения труда и капитала, — здесь оно либо полностью изгладилось, либо вовсе отсутствует, — то покупка услуг естественно является для Сэя, Бастиа и всей их компании излюбленной формой для выражения *отношения между капиталом и трудом*.

Как устанавливается *стоимость* этих услуг и как сама эта *стоимость* определяется законами заработной платы, — это вопрос, который совершенно не относится к исследованию изучаемого нами здесь отношения и который подлежит рассмотрению в главе о заработной плате.

Из сказанного вытекает, что один лишь обмен денег на труд еще не превращает этого последнего в *производительный труд* и что, с другой стороны, *содержание* этого труда, при первом подходе к вопросу, есть нечто безразличное.

Рабочий сам может покупать труд, т. е. товары, доставляемые в форме услуг, и расходование его заработной платы на такие услуги ничем не отличается от расходования ее на покупку каких бы то ни было других товаров. Услуги, покупаемые рабочим, могут быть более необходимыми или менее необходимыми: он может купить, например, услугу врача или услугу попа, совершенно так же, как он может купить себе хлеба или водки. Как покупатель, — т. е. как представитель денег, против-

стоящих товару, — рабочий принадлежит к той же самой категории, к которой капиталист принадлежит в тех случаях, когда он выступает только в роли покупателя, т. е. когда дело сводится только к тому, чтобы перевести деньги в форму товара. Как определяется цена этих услуг и каково отношение ее к заработной плате в собственном смысле слова, в какой мере она регулируется законами заработной платы, в какой мере отклоняется от них, — все эти вопросы подлежат рассмотрению в исследовании о заработной плате и к настоящему исследованию совершенно не относятся.

Если, таким образом, один лишь обмен денег на труд еще не превращает этого последнего в *производительный труд*, или, что то же, не превращает денег в капитал, — то, с другой стороны, и *содержание* труда, его конкретный характер, его особая полезность выступает, при первом подходе к вопросу, как нечто безразличное: выше мы видели, что тот же труд того же портного в одном случае фигурирует как производительный труд, а в другом — как непроизводительный.

Известного рода *услуги*, иными словами: *потребительные стоимости*, представляющие собой результат известных видов деятельности или труда, воплощаются в *товарах*, другие же услуги, напротив, не оставляют осязательных результатов, *существующих отдельно* от исполнителей этих услуг; иначе говоря, результат их не есть *пригодный для продажи товар*. Так, например, услуга, оказываемая мне певцом, удовлетворяет мою эстетическую потребность; но то, чем я наслаждаюсь, существует только в виде деятельности, неотделимой от самого певца, и как только прекращается его труд, т. е. пение, так прекращается и наслаждение, испытываемое мной; я наслаждаюсь самой деятельностью — ее воздействием на мой слух. Сами по себе эти услуги, подобно покупаемым мной товарам, могут быть действительно необходимыми или же только казаться таковыми — как, например, услуги солдата, врача, адвоката, — либо же они могут быть такими услугами, значение которых ограничивается доставляемым ими наслаждением. Но от этого нисколько не меняется их экономический характер. Если я здоров и не нуждаюсь в помощи врача или если я имею счастье не вести судебных процессов, то я буду избегать, как чумы, траты денег на услуги врачей и юристов.

[1328]¹⁶⁵ Услуги могут быть также навязанными, например *услуги чиновников* и т. п.

Если я покупаю услугу учителя — или другие покупают ее для меня — не с той целью, чтобы развить мои способности, а с той целью, чтобы приобрести известную сноровку, дающую

мне возможность зарабатывать деньги, и если я при этом действительно что-нибудь усваиваю, — что само по себе несколько не зависит от оплаты учителю выполняемой им услуги, — то издержки на это обучение, подобно издержкам на мое содержание, входят в издержки производства моей рабочей силы. Но особая полезность этой услуги *несколько не изменяет данного экономического отношения*; деньги не превращаются здесь в капитал, другими словами: я не становлюсь по отношению к исполнителю услуги, к учителю, *капиталистом*, не превращаюсь в его хозяина. И потому *экономический характер* этого отношения несколько не зависит от того, излечивает ли меня врач, успешно ли обучает меня учитель, выигрывает ли мое дело адвокат. Оплачивается здесь услуга как таковая, но по самой ее природе ее результат не может быть гарантирован исполнителем услуги. Оплата значительной части *услуг* принадлежит к издержкам, связанным с *потреблением* товаров; таковы, например, услуги кухарки, горничной и т. д.

Характерным для всех видов *непроизводительного труда* является то, что я могу пользоваться ими, — как это имеет место и при покупке всех остальных товаров с целью потребления, — только в той мере, в какой я эксплуатирую *производительных рабочих*. Поэтому *производительный рабочий* меньше всех имеет возможность располагать *услугами* непроизводительных работников, хотя ему и приходится больше всех платить за *навязанные* ему услуги (государство, налоги). Наоборот, возможность применять труд *производительных рабочих* отнюдь не увеличивается для меня пропорционально тому, в какой мере я применяю труд *непроизводительных работников*; здесь, напротив, имеет место отношение обратной пропорциональности.

Даже *производительные рабочие* могут быть по отношению ко мне *непроизводительными работниками*. Если я, например, обиваю комнаты своего дома матерчатыми обоями, причем обойщики являются наемными рабочими того предпринимателя, который выполняет этот мой заказ, то для меня дело обстоит точно так же, как если бы я купил обитый уже дом, т. е. затратил бы деньги на товар, служащий мне предметом потребления. Но для предпринимателя, заставляющего этих рабочих производить обивку, они являются *производительными рабочими*, так как производят для него прибавочную стоимость. [1328]

* * *

[1333] Насколько с точки зрения капиталистического производства *непроизводителен* тот рабочий, который, хотя и производит пригодные для продажи товары, но лишь в размере

стоимости его собственной рабочей силы, — тот рабочий, который, следовательно, не создает прибавочной стоимости для капитала, — это видно уже из тех мест у Рикардо, где говорится, что самое существование такого рода людей является обузой¹⁶⁶. Такова теория и практика капитала:

«Как теория капитала, так и практика, состоящая в том, что труд применяется только в тех пределах, где он, сверх издержек на содержание рабочего, может прозвести еще и прибыль для капиталиста, противоречат, по-видимому, естественным законам, регулирующим производство» (*Th. Hodgskin. Popular Political Economy, London, 1827, стр. 238*) [Русское издание, стр. 196]. [1333]

* * *

[1336] Мы видели: процесс капиталистического производства — это не только процесс производства *товаров*, но и процесс производства *прибавочной стоимости*, поглощение прибавочного труда и, следовательно, процесс производства капитала. Первый, формальный акт обмена между деньгами и трудом — или между капиталом и трудом — лишь *в возможности* является присвоением чужого живого труда посредством труда овеществленного. Действительный процесс присвоения совершается только в действительном процессе производства, для которого пройденным уже этапом является указанная первая, формальная сделка, где капиталист и рабочий противостоят друг другу *просто как товаровладельцы*, относятся друг к другу как покупатель и продавец. Поэтому-то все вульгарные экономисты, например Бастиа, не идут дальше этой первой, формальной сделки, — для того именно, чтобы мошеннически отделаться от специфически капиталистического отношения. В обмене между деньгами и непроизводительным трудом это различие обнаруживается с полной ясностью. Здесь деньги и труд обмениваются друг на друга *только* в качестве товаров. Этот обмен, стало быть, не образует капитала, а представляет собой *трату дохода*. [1336]

[e] ТРУД РЕМЕСЛЕННИКОВ И КРЕСТЬЯН В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ]

[1328] Как же обстоит дело с теми самостоятельными ремесленниками или крестьянами, которые не имеют наемных рабочих и производят, стало быть, не как капиталисты? Они, — что является типичным для крестьянина {но не относится, скажем, к садовнику, которого я нанимаю лично для себя}, — могут быть *товаропроизводителями*, и я покупаю тогда у них *товар*, причем дело нисколько не меняется, например, от того,

что ремесленник изготавливает свой товар по заказу, а крестьянин поставляет свой товар в меру имеющихся у него средств. В данном случае они вступают в определенное отношение ко мне в качестве продавцов товаров, а не в качестве продавцов труда, и, стало быть, это отношение не имеет ровно ничего общего с обменом капитала на труд, а следовательно сюда неприменимо различие между *производительным трудом* и *непроизводительным*, — различие, которое основано на том, обменивается ли труд на деньги как на таковые или же он обменивается на деньги как на капитал. Поэтому крестьяне и ремесленники не принадлежат ни к категории *производительных рабочих*, ни к категории *непроизводительных работников*, хотя и являются товаропроизводителями. Но это такие товаропроизводители, производство которых не подчинено капиталистическому способу производства.

Возможно, что эти производители, работающие с помощью собственных средств производства, не только воспроизводят свою рабочую силу, но и создают прибавочную стоимость, причем их положение позволяет им присваивать себе свой собственный прибавочный труд или же часть его (так как остальная часть отнимается у них в форме налогов и т. д.). Здесь перед нами выступает одна особенность, характерная для такого общества, в котором определенный способ производства является преобладающим, хотя еще не все производственные отношения данного общества подчинены этому способу производства. Так, в феодальном обществе приобрели феодальный облик даже и такие отношения, которые весьма далеки от существа феодализма (лучше всего можно изучать это на примере Англии, потому что феодальная система была перенесена туда из Нормандии в готовом виде и ее формы наложили свою печать на существовавший там общественный уклад, отличавшийся от нее во многих отношениях). Например, феодальный облик приобрели чисто-денежные отношения, где дело идет вовсе не о взаимных личных услугах сюзерена и вассала. Иллюстрацией может служить также фикция, состоящая в том, что мелкий крестьянин владеет своим участком земли на правах лена.

Точно так же обстоит дело при капиталистическом способе производства. Независимый крестьянин или ремесленник подвергается раздваиванию *. В качестве владельца средств производства он является капиталистом, в качестве работника — своим собственным наемным рабочим. Он, таким образом, как

* «В мелких предприятиях... предприниматель часто является своим собственным рабочим» (Шторх [*Cours d'économie politique*], том I, стр. 242. Петербургское издание).

капиталист, уплачивает самому себе заработную плату и извлекает прибыль из своего капитала, т. е. эксплуатирует себя самого как наемного рабочего и, в виде прибавочной стоимости, платит себе самому ту дань, которую труд вынужден отдавать капиталу. Равным образом может случиться, что он, в качестве землевладельца, уплачивает себе еще и некоторую третью часть (ренту), подобно тому, — мы в дальнейшем увидим это ¹⁶⁷, — как промышленный капиталист, применяющий в своем предприятии свой собственный [1329] капитал, уплачивает себе самому процент и притом считает, что это причитается ему не как промышленному капиталисту, а как капиталисту просто.

Тот *определенный общественный характер*, который средства производства, выражая определенное *производственное отношение*, приобретают при капиталистическом производстве, в такой мере сросся с материальным бытием этих средств производства как таковых, а в представлении буржуазного общества в такой степени неотделим от этого материального бытия, что указанный общественный характер (выражаемый как определенная категория) приписывается даже таким отношениям, которые прямо противоречат ему. Средства производства становятся капиталом лишь постольку, поскольку они, обособившись, выступают против труда как самостоятельная сила. В рассматриваемом же случае производитель — работник — является владельцем своих средств производства, их собственником. Стало быть, они — не капитал, и работник ни в какой мере не противостоит им как наемный рабочий. Тем не менее они рассматриваются как капитал, а сам работник раздваивается, — выходит, что *он* в качестве капиталиста нанимает самого себя как рабочего.

Такой способ представления, каким бы иррациональным он ни казался на первый взгляд, выражает все же на деле нечто правильное в следующем смысле. В рассматриваемом случае производитель создает, правда, свою собственную прибавочную стоимость {предполагается, что производитель продает свой товар по его стоимости}, иными словами: во всем его продукте овеществлен только его собственный труд. Но тот факт, что он может присваивать *самому себе* весь продукт своего собственного труда, что третьим лицом, *хозяином*, не присваивается избыток стоимости его продукта над средней ценой его труда в течение, скажем, одного дня, — этот факт должен быть отнесен не за счет его труда (в данном отношении он ничем не отличается от других рабочих), а только за счет того обстоятельства, что он владеет средствами производства. Значит, только благодаря тому, что он является собственником средств производ-

ства, ему достается его собственный прибавочный труд, и в этом смысле он относится как свой собственный капиталист к самому себе как к наемному рабочему.

Разъединение выступает в нынешнем обществе как нормальное отношение. Поэтому там, где это разъединение не имеет места в действительности, оно предполагается, и, как только что было показано, это в известном смысле правильно; ибо (в отличие, например, от общественных отношений Древнего Рима, Норвегии, а также Америки — на северо-западе Соединенных Штатов) *соединение* фигурирует здесь как нечто случайное, а *разъединение* — как нечто нормальное, и потому разъединение кладется в основу как определенное отношение даже и там, где в одном лице соединяются различные функции. Здесь совершенно разительно обнаруживается тот факт, что капиталист как таковой есть лишь функция капитала, а рабочий — функция рабочей силы. К тому же законом является то, что в процессе экономического развития эти функции разделяются между различными лицами и что ремесленник — или крестьянин, — производящий при помощи своих собственных средств производства, либо мало-помалу превращается в мелкого капиталиста, уже эксплуатирующего чужой труд, либо лишается своих средств производства {чаще всего бывает последнее, хотя бы он даже и оставался *номинальным* собственником средств производства, как, например, крестьянин при ипотечной задолженности} и превращается в наемного рабочего. Такова тенденция развития в той общественной формации, в которой преобладает капиталистический способ производства.

[ж) ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА КАК ТРУДА, ОВЕЩЕСТВЛЯЮЩЕГОСЯ В МАТЕРИАЛЬНОМ БОГАТСТВЕ]

При изучении существенных отношений капиталистического производства можно, таким образом, допустить {так как капиталистическое производство к этому все более и более приближается; так как это — основное направление процесса и так как только при этом условии развитие производительных сил труда достигает наиболее высокой точки}, что весь мир товаров, все сферы материального производства — производства материального богатства — подчинены (формально или реально) капиталистическому способу производства. При этом предположении, которое выражает предел указанного процесса и которое, следовательно, все больше приближается к тому, чтобы стать точным изображением действительности, все рабочие,

занятые в производстве товаров, являются наемными рабочими, а средства производства противостоят им во всех сферах материального производства как капитал. Согласно этому, можно признать характерным для *производительных рабочих*, т. е. для рабочих, производящих капитал, то обстоятельство, что их труд овеществляется в *товарах*, в материальном богатстве. И таким образом *производительный труд*, — кроме своей, имеющей решающее значение, характерной черты, которая относится совершенно безразлично к *содержанию труда* и которая от этого содержания не зависит, — кроме этой черты, *производительный труд* приобретает отличающуюся от нее вторую, дополнительную характеристику.

[з) ПРОЯВЛЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА В ОБЛАСТИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА]

В нематериальном производстве, — даже если оно ведется исключительно для обмена и, следовательно, производит *товары*, — возможны два случая:

1) Оно имеет своим результатом такие *товары*, такие потребительные стоимости, которые обладают самостоятельной формой, обособленной как по отношению к производителю, так и по отношению к потребителю, — которые, следовательно, способны сохранять свое существование в промежутке времени между производством и потреблением и, стало быть, могут обращаться в течение этого времени как *пригодные для продажи товары*; таковы, например, книги, картины и вообще все произведения искусства, существующие отдельно от художественной деятельности создающего их художника. Здесь капиталистическое производство применимо только в очень ограниченном масштабе, — например, в том случае, когда какой-нибудь литератор эксплуатирует для какого-нибудь коллективного произведения, скажем для энциклопедии, многих других авторов в качестве подручных работников. [1330] В большинстве случаев здесь дело ограничивается *переходной к капиталистическому производству формой*, заключающейся в том, что люди, занятые различными видами научного и художественного производства, ремесленники или же мастера своего дела, работают на совокупный торговый капитал книготорговцев, — отношение, не имеющее ничего общего с капиталистическим способом производства в собственном смысле слова и еще не подчиненное ему даже формально. То обстоятельство, что именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени, нисколько не меняет существа дела.

2) Производимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится, как это имеет место у всех художников-исполнителей, ораторов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д. Капиталистический способ производства также и здесь находит себе применение только в небольшом объеме и по самой природе вещей может здесь применяться только в некоторых сферах. Например, учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными работниками для предпринимателя, владельца учебного заведения; подобного рода фабрики для обучения весьма многочисленны в Англии. Хотя по отношению к своим ученикам эти учителя вовсе не являются *производительными рабочими*, но они являются таковыми по отношению к нанявшему их предпринимателю. Последний обменивает свой капитал на их рабочую силу и обогащается путем этого процесса. Таким же путем обогащаются также и антрепренеры театров, увеселительных заведений и т. д. По отношению к публике актер выступает здесь как художник, но для своего предпринимателя он — *производительный рабочий*. Все эти проявления капиталистического производства в данной области так незначительны в сравнении со всем производством в целом, что могут быть оставлены совершенно без внимания.

[II] ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ ПРОЦЕССА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЦЕЛОМ]

С развитием специфически капиталистического способа производства, при котором значительное число рабочих сообща производит один и тот же товар, неизбежно становится весьма различным, конечно, то отношение, которое непосредственно существует между трудом тех или иных рабочих и предметом производства. Например, упомянутые выше чернорабочие на фабрике ¹⁶³ совсем не имеют прямого отношения к обработке сырья. Рабочие, состоящие надсмотрщиками над теми рабочими, которые непосредственно имеют дело с этой обработкой, стоят еще несколько дальше. Отношение инженера опять-таки другое, и работает он преимущественно только головой — и т. д. Но *совокупность всех этих работников*, обладающих рабочими силами различной стоимости (хотя вся масса применяемого труда находится примерно на одном и том же уровне), производит такой результат, который, — если рассматривать *результат* процесса труда, взятого просто как процесс труда, — получает свое выражение в *товаре*, в каком-нибудь *материальном продукте*. Все эти работники вместе, в качестве одного производственного коллектива, представляют собой живую

машину для производства этих *продуктов*, — подобно тому как они, если рассматривать весь процесс производства в целом, обменивают свой труд на капитал и воспроизводят деньги капиталиста как капитал, т. е. в качестве самовозрастающей, увеличивающейся стоимости.

Характерную черту капиталистического способа производства составляет как раз то, что он отрывает друг от друга различные виды труда, а стало быть разъединяет также умственный и физический труд — или те виды труда, в которых преобладает та или другая сторона, — и распределяет их между различными людьми. Это, однако, не мешает материальному продукту быть *продуктом совместного труда* всех этих людей, или — что то же — не мешает продукту их совместного труда овеществляться в материальном богатстве; с другой стороны, это — разъединение несколько не мешает также и тому, что отношение каждого из этих людей в отдельности к капиталу неизменно остается отношением наемного работника, отношением *производительного рабочего* в этом специфическом смысле. Все эти люди не только *непосредственно* участвуют в производстве материального богатства, но и обменивают свой труд *непосредственно* на деньги как на капитал и поэтому не только воспроизводят свою заработную плату, но непосредственно создают еще прибавочную стоимость для капиталиста. Их труд состоит из оплаченного труда плюс неоплаченный, прибавочный труд.

[к) ТРАНСПОРТНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК ОДНА ИЗ СФЕР МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ТРАНСПОРТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ]

Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности существует еще четвертая сфера материального производства, которая в своем развитии тоже проходит различные ступени производства: ремесленную, мануфактурную и машинную. Это — *транспортная промышленность*, все равно, перевозит ли она людей или товары. Отношение *производительного труда*, т. е. наемного рабочего, к капиталу здесь совершенно такое же, как и в других сферах материального производства. Далее, здесь предмет труда подвергается известному материальному изменению — в смысле *пространственной* перемены, перемены места. Когда речь идет о перевозке людей, эта перемена места является только *услугой*, выполняемой для них предпринимателем. Но отношение между покупателями этой *услуги* и ее продавцами имеет так же мало общего с отношением производительных рабочих к капиталу,

как и отношение между продавцами пряжи и ее покупателями.

Если же рассматривать этот процесс по отношению к товарам, то [1331] здесь в процессе труда предмет труда, *товар*, действительно претерпевает известное изменение. Изменяется его пространственное бытие и тем самым подвергается изменению его потребительная стоимость, так как изменяется пространственное бытие этой последней. Меновая стоимость товара возрастает при этом в размере того количества труда, которое требуется для того, чтобы произвести данное изменение потребительной стоимости товара, — в размере той суммы труда, которая определяется, с одной стороны, потреблением постоянного капитала, т. е. суммой овеществленного труда, входящего в товар, а с другой стороны, суммой живого труда, — как это имеет место в процессе увеличения стоимости всех других товаров.

Как только товар дошел до места назначения, перемена, которую претерпевала его потребительная стоимость, исчезла, и выражается эта перемена еще только в повысившейся меновой стоимости товара, в его вздорожании. И хотя реальный труд не оставил при этом никакого следа в потребительной стоимости, тем не менее этот труд реализовался в меновой стоимости данного материального продукта. Для транспортной промышленности, стало быть, имеет силу то же, что и для всех других сфер материального производства: труд также и в этой сфере воплощается в *товаре*, хотя он и не оставляет на потребительной стоимости товара никакого заметного следа.

* * *

Здесь мы имеем дело пока только с *производительным капиталом*, т. е. с капиталом, занятым в *непосредственном процессе производства*. В дальнейшем мы перейдем к капиталу в *процессе обращения*, и только потом, при рассмотрении той особой формы, которую капитал принимает в качестве *торгового капитала*, можно будет ответить на вопрос, в какой мере занятые им рабочие являются производительными или непроизводительными ¹⁶⁹. [XVI—1331]

[13) НАБРОСКИ ПЛАНОВ I и III ЧАСТЕЙ «КАПИТАЛА» ¹⁷⁰]

[a) ПЛАН I ЧАСТИ, или I ОТДЕЛА, «КАПИТАЛА»]

[XVIII—1140] Первый отдел ¹⁷¹ — «Процесс производства капитала» — разделить следующим образом:

- 1) Введение: Товар, Деньги.
 - 2) Превращение денег в капитал.
 - 3) Абсолютная прибавочная стоимость: а) Процесс труда и процесс увеличения стоимости; б) Постоянный капитал и переменный капитал; в) Абсолютная прибавочная стоимость; д) Борьба за нормальный рабочий день; е) Одновременные рабочие дни (число одновременно применяемых рабочих). Сумма прибавочной стоимости и норма прибавочной стоимости (величина и высота?).
 - 4) Относительная прибавочная стоимость: а) Простая кооперация; б) Разделение труда; в) Машины и т. д.
 - 5) Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Соотношения (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд.
 - 6) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление. Теория колонизации Уэйкфилда.
 - 7) Результат процесса производства.
(Переворот в проявлении закона присвоения может быть рассмотрен либо в пункте 6-м, либо в пункте 7-м.)
 - 8) Теории прибавочной стоимости.
 - 9) Теории о производительном и непроизводительном труде.
- [XVIII—1140]

[б) ПЛАН III ЧАСТИ, или III ОТДЕЛА, «КАПИТАЛА»]

[XVIII—1139] Третий отдел — *«Капитал и прибыль»* — разделить следующим образом:

1) Превращение прибавочной стоимости в прибыль. Норма прибыли в ее отличии от нормы прибавочной стоимости.

2) Превращение прибыли в среднюю прибыль. Образование общей нормы прибыли. Превращение стоимостей в цены производства.

3) Теории прибыли и цен производства у А. Смита и Рикардо.

4) Земельная рента (Иллюстрация различия между стоимостью и ценой производства).

5) История так называемого рикардовского закона земельной ренты.

6) Закон падения нормы прибыли. А. Смит, Рикардо, Кэри.

7) Теории прибыли.

(Вопрос, не следует ли включить Сисмонди и Мальтуса уже в «Теории прибавочной стоимости».)

8) Распадение прибыли на промышленную прибыль и процент. Торговый капитал. Денежный капитал.

9) Доход и его источники. Сюда же включить и вопрос об отношении между процессом производства и процессом распределения.

10) Возвратные движения денег в совокупном процессе капиталистического производства.

11) Вульгарная политическая экономия.

12) Заключение. Капитал и наемный труд. [XVIII — 1139]

[в) ПЛАН 2-й ГЛАВЫ ¹⁷² III ЧАСТИ «КАПИТАЛА»]

[XVIII—1109] Вторая глава третьей части, исследующей *«Капитал и прибыль»*, трактует об образовании общей нормы прибыли. Здесь надо рассмотреть следующие вопросы:

1) Различное органическое строение капиталов. Оно обусловлено отчасти различием [соотношения] между переменным и постоянным капиталом, поскольку это различие проистекает из определенной *ступени развития производства*, из абсолютных количественных соотношений между машинами и сырьем, с одной стороны, и той массой труда, которая приводит их в движение. Эти различия относятся к процессу труда. Равным образом здесь необходимо рассмотреть и те проистекающие из процесса обращения различия основного и оборотного капитала, которые вносят изменения в увеличение стоимости капитала за данный период времени в различных сферах.

2) Различия в соотношении стоимостей составных частей различных капиталов, не проистекающие из их органического строения. Это возникает в таком случае преимущественно из различия в стоимости сырья, даже при предположении, что в двух различных сферах сырье поглощает одинаковое количество труда.

3) Неодинаковость норм прибыли в различных сферах капиталистического производства, возникающая в результате упомянутых выше различий. Только для капиталов одинакового строения и т. д. верно то, что норма прибыли у них одна и та же и что масса прибыли прямо пропорциональна величине применяемого капитала.

4) Для совокупного же капитала имеет силу то, что изложено в первой главе. В капиталистическом производстве каждый капитал выступает как частица совокупного капитала, как некоторая его доля. Образование общей нормы прибыли (Конкуренция).

5) Превращение стоимостей в цены производства. Различие между стоимостью, издержками производства и ценой производства.

6) Чтобы включить еще разбор рикардовских представлений об этом предмете, добавить такой пункт: Влияние общих колебаний заработной платы на общую норму прибыли, а отсюда на цены производства. [XVIII—1109]

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Это оглавление рукописи «Теорий прибавочной стоимости» написано Марксом на обложках тетрадей VI—XV рукописи 1861—1863 годов. В некоторых из этих тетрадей оглавление было написано раньше самого текста, что видно из тех поправок и зачеркиваний, которые были сделаны в записях оглавления впоследствии, когда соответствующая тетрадь была уже заполнена текстом. В тетради XIV набросанное на обложке оглавление осталось не приведенным в соответствие с фактическим содержанием тетради: оно является тем планом, который был выполнен в тетрадях XIV, XV и XVIII. — 3.

- ² Перед заголовком «Теории прибавочной стоимости» у Маркса стоит арабская цифра 5. Она означает пятый, заключительный раздел первой главы того исследования о капитале, которое Маркс предполагал опубликовать как непосредственное продолжение первого выпуска «К критике политической экономии», трактующего о товаре и деньгах. Этому пятому разделу предшествовали в тетрадях I—V три набросанных в общих чертах раздела: 1) Превращение денег в капитал, 2) Абсолютная прибавочная стоимость и 3) Относительная прибавочная стоимость. В V тетради, на стр. 184, Маркс указывает, что «после относительной прибавочной стоимости надо рассмотреть абсолютную и относительную прибавочную стоимость в их сочетании». Это рассмотрение и должно было составить раздел 4-й, который, однако, остался тогда ненаписанным. От оставшегося незаконченным 3-го раздела Маркс сразу перешел к 5-му разделу — к «Теориям прибавочной стоимости». — 3.

- ³ Фактически получилось, что это не «окончание», а только «продолжение» раздела о Смите. Окончание этого раздела дано в следующей, IX тетради. — 3.

- ⁴ Глава о противниках политико-экономов в XIV тетради только начата. Продолжение этой главы дано в первой половине XV тетради. — 5.

- 5 Выписки из книги Брея «Labour's Wrongs and Labour's Remedy» («Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению»), с немногочисленными замечаниями Маркса, содержатся в X тетради. — 5.
- 6 Главы о Рамсее, Шербюлье и Р. Джонсе содержатся в XVIII тетради. — 5.
- 7 О доходах и их источниках Маркс трактует во второй половине XV тетради, вскрывая в этой связи классовые и гносеологические корни вульгарной политической экономии. Этот «эпизод» (т. е. экскурс) в дальнейшем предназначался Марксом для третьей части «Капитала», как это видно из составленного им в январе 1863 года плана этой части, согласно которому девятая глава должна была иметь заголовок «Доход и его источники» (см. настоящее издание, часть I, стр. 425). — 5.
- 8 Раздел о Рейвнстоне начинается на стр. 861 предыдущей (XIV) тетради. Этому разделу в XIV тетради предшествует под номером 1 раздел об анонимной брошюре «The Source and Remedy of the National Difficulties» («Источник и разрешение национальных трудностей»). — 5.
- 9 Окончание раздела о Годскине содержится в XVIII тетради (стр. 1084—1086). — 5.
- 10 Анализ вульгарной политической экономии Маркс дает в XV тетради в связи с разработкой вопроса о доходах и их источниках. На стр. 935 этой тетради он отсылает к «разделу о вульгарных экономистах», как к той не написанной еще главе своего труда, в которой он «вернется» к затронутой мимоходом полемике между Прудовом и Бастиа. Эта ссылка показывает, что Маркс предполагал посвятить критике вульгарной политической экономии специальную главу, которая, однако, не была написана. В XVIII тетради, заканчивая разбор взглядов Годскина и упомянув о его полемике против теорий буржуазных апологетов, Маркс замечает, обращаясь к самому себе: «Привести это в главе о вульгарных экономистах» (стр. 1086). Это замечание также свидетельствует о намерении Маркса написать в дальнейшем специальную главу о вульгарной политической экономии. В составленном в январе 1863 года плане третьей части «Капитала» предпоследняя, 11-я глава носит заголовок «Вульгарная политическая экономия» (см. настоящее издание, часть I, стр. 425). — 5.
- 11 На обложке XV тетради, на которой Марксом записано оглавление этой тетради, некоторые из входящих в него заголовков написаны сбоку или сверху. В печатаемом в настоящем томе тексте оглавления эти заголовки расположены в том порядке, который соответствует фактическому содержанию тетради. — 5.
- 12 Под «третьей главой» Маркс понимает здесь третью часть своего исследования о «капитале вообще». Эта глава должна была иметь такой заголовок: «Единство процесса производства и процесса обращения капитала, или Капитал и прибыль». В дальнейшем (см., например, тетрадь IX, стр. 398, и тетрадь XI, стр. 526) Маркс вместо «третьей главы» употребляет выражение «третий отдел» («dritter Abschnitt»). Еще позднее он стал называть эту третью главу «третьей книгой» (например, в письме к Энгельсу от 31 июля 1865 года). Начало «третьей главы» исследования о «капитале вообще» изложено Марксом в XVI тетради.

Как видно из наброска плана этой «третьей главы», или «третьего отдела» (см. настоящее издание, часть I, стр. 425), Маркс предполагал дать там два специальных исторических экскурса о теориях прибыли. Но в ходе своей работы над «Теориями прибавочной стоимости» Маркс уже в пределах этого своего историко-критического исследования подверг обстоятельному критическому анализу также и взгляды различных буржуазных экономистов на прибыль. Поэтому и дальнейшее, более полное раскрытие теоретических заблуждений, проистекающих из смешения прибавочной стоимости с прибылью, осуществлено Марксом уже на страницах «Теорий прибавочной стоимости», особенно во второй и в третьей части этого произведения. — 6.

- 13 В оригинале: «Arbeitsvermögen». В рукописи 1861—1863 годов Маркс в громадном большинстве случаев употребляет вместо термина «Arbeitskraft» термин «Arbeitsvermögen». В I томе «Капитала» эти два термина употребляются Марксом как равнозначные: «Unter Arbeitskraft oder Arbeitsvermögen verstehen wir den Inbegriff der physischen und geistigen Fähigkeiten, die in der Leiblichkeit, der lebendigen Persönlichkeit eines Menschen existieren und die er in Bewegung setzt, so oft er Gebrauchswerte irgend einer Art produziert» (4-е нем. изд., стр. 130). Русский перевод этого места гласит: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 178).

Русское выражение «способность к труду» не передает с достаточной точностью немецкий термин «Arbeitsvermögen». Немецкое слово «Vermögen» переводится на русский язык также и словом «сила». Термин «рабочая сила» вообще более точно, чем выражение «способность к труду», передает смысл слова «Arbeitsvermögen». Поэтому в настоящем томе термин «Arbeitsvermögen» всюду переводится термином «рабочая сила», а там, где Маркс употребляет термин «Arbeitskraft», этот термин дается в квадратных скобках вслед за русским термином «рабочая сила». — 11.

- 14 Имеется в виду вторая глава исследования о «капитале вообще», которая в конце концов выросла во II том «Капитала». Десятая глава II тома «Капитала» («Теории основного и оборотного капитала. Физиократы и Адам Смит») содержит анализ взглядов физиократов на основной и оборотный капитал. А в отделе «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала» имеется специальный параграф о физиократах в главе девятнадцатой «Прежние представления о предмете». — 13.

- 15 Маркс имеет в виду страницы 58—60 и 68—69 второй тетради своей рукописи 1861—1863 годов, раздел «Две составные части, на которые распадается процесс превращения денег в капитал» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, стр. 111, 119—125 и 143—144). — 13.

- 16 Маркс имеет в виду III тетрадь своей рукописи 1861—1863 годов, стр. 105—106, где он мимоходом упоминает и о физиократах (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, стр. 213—214). — 19.

- 17 Маркс имеет в виду радикальных рикардianцев, делавших из теории Рикардо практические выводы против существования частной земельной

собственности, которую они предлагали превратить (полностью или частично) в собственность буржуазного государства. К числу этих радикальных рикардianцев принадлежали Джеймс Милль, Джон Стюарт Милль, Хильдич, а также до известной степени Шербюлье. См. об этом настоящее издание, часть II, стр. 458 рукописи Маркса; часть III, стр. 791, 1120 и 1139 рукописи Маркса; а также «Нищету философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 174) и письмо Маркса к Зорге от 20 июня 1881 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 163—165). — 24.

18 «Экономистами» во Франции второй половины XVIII и первой половины XIX века называли физиократов. — 34.

19 V том выполненного Жерменом Гарнье французского перевода «Богатства народов» Адама Смита (издание 1802 года) содержит «Примечания переводчика», т. е. Жермена Гарнье. — 35.

20 Мирабо-отца называли при его жизни «L'Ami des hommes» («друг людей», «друг человечества») по названию одного из его произведений. — 38.

21 См. примечание 17. — 38.

22 В рукописи этот абзац находится тремя абзацами ниже (на той же 241-й странице). От предыдущего и от последующего текста он отделен горизонтальной разделительной чертой, как не связанный непосредственно ни с предшествующим, ни с последующим абзацем. Поэтому в настоящем издании абзац этот и перенесен к концу 240-й страницы, куда он непосредственно относится по своему содержанию. — 39.

23 Ср. выше стр. 12—13 текста и примечание 14 к этому месту. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс возвращается к физиократам в X тетради, где имеется большое «отступление», озаглавленное «Экономическая таблица Кенэ» (см. стр. 305—346 в I части настоящего издания). — 39.

24 Демагогами называли в Германии в 20-х годах XIX века участников оппозиционного движения среди немецкой интеллигенции. Слово вошло в обиход после Карлсбадской конференции министров немецких государств в августе 1819 г., принявшей специальные постановления для борьбы против «происков демагогов». — 39.

25 Немецкий оригинал книги Шмальца вышел в Берлине в 1818 году под заголовком: «Staatswirthschaftslehre in Briefen an einen teutschen Erbprinzen», Erster und zweiter Theil («Политическая экономия в письмах к одному немецкому наследному принцу», часть I и II). — 39.

26 Физиократический элемент во взглядах Смита на земельную ренту Маркс подвергает критическому анализу во II части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 628—632 рукописи, глава «Теория ренты А. Смита»). Ср. выше главу «Физиократы», стр. 32—36. — 43.

27 Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 45—46. — 43.

28 Речь идет о «Началах политической экономии и налогового обложения» Рикардо, глава 1-я, отдел 1. — 44.

- ²⁹ В III части «Теорий прибавочной стоимости», в главе «Т. Р. Мальтус» (стр. 753—781 рукописи), Маркс дает развернутую критику взглядов Мальтуса на стоимость и прибавочную стоимость (стр. 753—767 рукописи). — 46.
- ³⁰ Маркс цитирует первое французское издание своей книги «Нищета философии» (Париж — Брюссель, 1847). См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 88. — 47.
- ³¹ Маркс ссылается на одну из своих «записных тетрадей», т. е. тех тетрадей, в которых он делал выписки из читаемой им литературы. На 173-й странице VII записной тетради 1859—1862 годов (судя по газетным выпискам, имеющимся в этой части VII тетради, 173-я страница написана в январе 1860 года) Маркс приводит цитаты из 6-й главы I книги «Богатства народов» Смита и снабжает их своими критическими замечаниями, в которых указывает на нелепость попытки вывести прибыль из «риска предпринимателя». Что касается «главы об апологетических объяснениях прибыли», то Маркс предполагал ее написать для третьей части своего исследования о «капитале вообще». В III части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 777 рукописи) Маркс в том же смысле упоминает о подлежащем написанию разделе «Апологетическая трактовка отношения капитала и наемного труда».
- Буржуазное представление о прибыли как о «премии за риск» подвергается Марксом критике также в X тетради рукописи 1861—1863 годов при анализе «Экономической таблицы» Кенэ (см. настоящее издание, часть I, стр. 314—321). — 53.
- ³² Апологетический взгляд на предпринимательский доход как на заработную плату, получаемую капиталистом за «труд по надзору и управлению», Маркс подвергает критике в III части «Теорий прибавочной стоимости» (глава о Рамсее и экскурс «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия»). См. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 342—344, и т. 25, ч. I, стр. 420—429. — 55.
- ³³ Вопрос о «более старых формах» капитала Маркс рассматривает в экскурсе «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» (стр. 899—901 рукописи). См. также «Капитал», том III, глава 36: «Докапиталистические отношения». — 57.
- ³⁴ См. примечание 29. — 63.
- ³⁵ См. примечание 12. В ходе своей дальнейшей работы над «Теориями прибавочной стоимости» Маркс подверг в них критике также и воззрения рикардianцев на прибыль. В III части «Теорий прибавочной стоимости», в главе «Разложение рикардianской школы», Маркс специально останавливается на схоластических приемах, с помощью которых рикардianец Джеймс Милль стремился разрешить противоречия рикардовской теории прибыли, и на бесплодных попытках Джона Стюарта Милля вывести непосредственно из теории стоимости рикардовское положение об обратной пропорциональности между нормой прибыли и величиной заработной платы. — 64.
- ³⁶ Под термином «средняя цена» («Durchschnittspreis») Маркс понимает здесь то же самое, что под термином «цена производства», т. е. издержки производства ($c + v$) плюс средняя прибыль. Вопрос о соотношении

между стоимостью товаров и их «средней ценой» Маркс рассматривает во II части «Теорий прибавочной стоимости» — в главе о Родбертусе и в главе «Теория цены издержек у Рикардо и Адама Смита». Самый термин «средняя цена» указывает на то, что здесь имеется в виду «средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена», как Маркс разъясняет на стр. 605 своей рукописи (глава «Теория ренты Рикардо [окончание]»). — 71.

- 37 Термин «цена издержек» («Kostenpreis» или «Kostpreis», «cost price») употребляется Марксом в трех различных смыслах: 1) в смысле издержек производства для капиталиста ($c + v$), 2) в смысле «имманентных издержек производства» товара ($c + v + m$), которые совпадают со стоимостью товара, и 3) в смысле цены производства ($c + v +$ средняя прибыль). В данном месте этот термин взят во втором его смысле, т. е. в смысле имманентных издержек производства. Во II части «Теорий прибавочной стоимости» термин «цена издержек» употребляется Марксом в его третьем смысле, т. е. в смысле цены производства, или «средней цены». Маркс там прямо отождествляет эти термины. Так, на стр. 529 рукописи Маркс пишет: «...отличающиеся от самих стоимостей средние цены, или, как мы будем говорить, *цены издержек*, которые определяются не прямо стоимостями товаров, а авансированным на эти товары капиталом плюс средняя прибыль». А на стр. 624 Маркс указывает: «Цена, которая является необходимым условием для предложения товара, которая необходима для того, чтобы он вообще производился, появлялся на рынке как товар, есть, конечно, его *цена производства*, или *цена издержек*».

В III части «Теорий прибавочной стоимости» термин «Kostenpreis» употребляется Марксом то в смысле цены производства (в этих случаях он переводится словами «цена издержек»), то в смысле издержек производства для капиталиста, т. е. в смысле $c + v$ (в этих случаях он переводится словами «издержки производства»).

Тройное употребление термина «Kostenpreis» объясняется тем, что слово «Kosten» («издержки», «издержки производства») в экономической науке употреблялось в трех значениях, как это специально отмечает Маркс в III части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 788—790 и 928 рукописи 1861—1863 годов): 1) в смысле того, что авансировано капиталистом, 2) в смысле цены авансированного капитала плюс средняя прибыль и 3) в смысле реальных (или имманентных) издержек производства для самого товара.

Кроме этих трех значений, встречающихся у классиков буржуазной политической экономии, имеется еще четвертое, вульгарное значение термина «издержки производства», в котором его употребляет Ж. Б. Сэй, определяющий «издержки производства» как «то, что уплачивается за производительные услуги труда, капитала и земли» (J. B. Say. «Traité d'économie politique». Seconde édition. Tome II, Paris, 1814, p. 453). Это вульгарное понимание «издержек производства» Маркс решительно отвергает (см., например, стр. 506 и 693—694 рукописи во II части «Теорий прибавочной стоимости»). — 72.

- 38 Во II части «Теорий прибавочной стоимости», в обширном разделе о Рикардо, занимающем в рукописи Маркса тетради XI, XII и XIII, имеется глава «Теория цены издержек у Рикардо и А. Смита (опровержение)», в которой Маркс возвращается к анализу смитовской концепции «естественной цены» (стр. 549—560 рукописи). — 73.

³⁹ Критический анализ положения Смита о том, что рента входит в состав цены продукта иначе, чем прибыль и заработная плата, дается Марксом во II части «Теорий прибавочной стоимости», в главе «Теория ренты А. Смита» (стр. 620—625 рукописи). Цитата из «Богатства народов» Смита приведена Марксом по книге Гавиля «Des systèmes d'économie politique» (Париж, 1821, том II, стр. 3). — 73.

⁴⁰ См. примечание 12. — 81.

⁴¹ Поставленной здесь проблеме Маркс в III томе «Капитала», глава 49, дает следующую формулировку: «Каким образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли, ренты, следовательно трех источников дохода, вместе взятых, могла купить товары, составляющие все потребление получателей этих доходов, товары, которые, сверх этих трех составных частей стоимости, содержат в себе еще одну составную часть стоимости, а именно постоянный капитал? Каким образом могут они на стоимость трех частей купить стоимость четырех?» (К. Маркс. «Капитал», том III, М., 1955, стр. 857).

Вслед за этим Маркс пишет: «Анализ мы дали в книге II, отдел III» (там же, стр. 858). Речь идет об отделе «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 394—596). — 83.

⁴² Термин «издержки производства» («Produktionskosten») употреблен здесь в смысле «имманентных издержек производства», т. е. в смысле $c + v + m$. Ср. примечание 37. — 85.

⁴³ Слова «(Форкад, Прудон)» представляют собой приписку, которую Маркс сделал в рукописи карандашом. Маркс имеет здесь в виду выписанное им в записной тетради XVI место из статьи французского буржуазного публициста, вульгарного экономиста Форкада «Война социализма» (статья вторая), напечатанной в журнале «Revue des deux Mondes» за 1848 год (том 24, стр. 998—999). В этом месте своей статьи Форкад критикует тезис Прудона о том, что «рабочий не может выкупить свой собственный продукт, потому что в него входит процент, присоединяющийся к себестоимости продукта» (тезис этот фигурирует в книге Прудона «Qu' est-ce que la propriété», Paris, 1840, chapitre IV, § 5). Форкад обобщает то затруднение, которое Прудон выставил в такой узкоограниченной форме, и отмечает, что цена товара содержит в себе избыток не только над заработной платой, но также и над прибылью, поскольку она содержит в себе еще и стоимость сырья и т. д. Пытаясь разрешить вопрос в этой обобщенной форме, Форкад ссылается на «непрерывный рост национального капитала» как на то, что якобы объясняет указанный «выкуп». В III томе «Капитала», глава 49, примечание 53, Маркс показывает нелепость этой ссылки Форкада на рост капитала и клеймит ее как «образчик оптимизма буржуазного скудоумия».

«Revue des deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издается в Париже с 1829 года. — 89.

⁴⁴ В дальнейшем Маркс, сохраняя приведенные выше цифровые данные, меняет буквенные обозначения сфер производства (кроме A). Вместо

обозначений B и C Маркс пользуется теперь обозначениями $B^1 — B^2$ (или B^{1-2}); вместо обозначений D, E, F, G, H, I — обозначениями $C^1 — C^6$ (или C^{1-6}); вместо обозначений $K^1 — K^{18}$ — обозначениями $D^1 — D^{18}$ (или D^{1-18}); вместо обозначений $L^1 — L^{54}$ — обозначениями $E^1 — E^{54}$ (или E^{1-54}); вместо обозначений $M^1 — M^{162}$ — обозначениями $F^1 — F^{162}$ (или F^{1-162}); вместо обозначений $N^1 — N^{486}$ — обозначениями $G^1 — G^{486}$ (или G^{1-486}). — 96.

- 45 Обозначения B и C берутся здесь Марксом в том же смысле, в каком Маркс употребляет их до стр. 96 (см. примечание 44). Маркс имеет здесь в виду две сферы производства, в каждой из которых вновь присоединенный труд составляет один рабочий день. Сумма вновь присоединенного труда в сферах A, B и C равняется трем рабочим дням, т. е. равняется труду, овеществленному в продукте сферы A . — 101.
- 46 Маркс употребляет здесь буквенные обозначения B и C уже не в смысле двух сфер производства: в этом случае их продукт составлял бы всего лишь 6 рабочих дней, между тем как у Маркса здесь идет речь о 18 рабочих днях. Но Маркс берет эти обозначения также и не в смысле $B^1 — B^2$ и $C^1 — C^6$ ($B^1 — B^2$ означает у Маркса группу из двух сфер производства; $C^1 — C^6$ означает группу из шести сфер производства; совокупный продукт этих восьми сфер составляет 24 рабочих дня). Здесь Маркс имеет в виду группу, состоящую из шести сфер производства. Их совокупный продукт составляет 18 рабочих дней и, следовательно, может быть отдан в обмен на вновь присоединенный труд в $D^1 — D^{18}$, также равняющийся 18 рабочим дням. — 101.
- 47 Вставка в квадратных скобках вытекает из всего хода мысли Маркса. Согласно расчетам Маркса, в каждой последующей группе сфер производства число этих последних вдвое больше общего числа всех предыдущих сфер. Так, в группе D^{1-18} , охватывающей 18 сфер производства, в два раза больше сфер, чем во всех предыдущих группах, вместе взятых (A — одна сфера, B^{1-2} — две сферы, C^{1-6} — шесть сфер; в общей сложности — девять сфер). Поэтому Маркс после обозначения D^{1-18} пишет в скобках: 2×9 . — 102.
- 48 Маркс цитирует здесь Смита в переводе Гарнье. Пояснение относительно термина «dealers», на которое в скобках указывает Маркс, принадлежит Гарнье. — 104.
- 49 Отдельные критические замечания об этом ошибочном положении Смита и Тука Маркс делает ниже на стр. 122—123 и 241—243.
Во II томе «Капитала», глава 20, Маркс показывает, что взгляд Смита и Тука, будто «денег, требующихся для обращения годового дохода, достаточно также и для обращения всего годового продукта», тесно связан с догмой Смита, сводившего всю стоимость общественного продукта к доходам (Н. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 540—541). См. также К. Маркс. «Капитал», том III, М., 1955, глава 49, стр. 856—857. — 104.
- 50 Согласно предыдущему расчету, $5\frac{1}{3}$ арш. холста представляют совокупный постоянный капитал прядильщика и фабриканта ткацкого станка. Поэтому для определения доли льновода надо брать за исходную величину не $5\frac{1}{3}$ арш., а меньшее количество холста. В дальнейшем Маркс исправляет эту неточность и предполагает, что постоянный капитал прядильщика представлен всего лишь в 4 арш. холста, — 108.

- 51 Маркс критикует здесь положение Смита (воспринятое Туком) о том, что «стоимость товаров, обращающихся между различными деловыми людьми, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между деловыми людьми и потребителями». См. выше стр. 104. — 123.
- 52 Маркс имеет в виду сделанное им на стр. 121—122 пояснение, что он оставляет здесь в стороне «ту часть прибыли, которая превращается в новый капитал». — 123.
- 53 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 478—481. — 128.
- 54 Критику буржуазной концепции, согласно которой все «то, что является для одного капиталом, для другого есть доход, и наоборот», Маркс дает во II томе «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 497—499). Ср. там же стр. 425—433, 438—440 и «Капитал», том III, М., 1955, стр. 856. — 129.
- 55 Заключение в фигурные скобки отрывок находится в рукописи на странице 304-й, относящейся к главе IV. В III главу этот отрывок перенесен в соответствии с пометкой Маркса, стоящей в самом его начале: «К стр. 300». На 300-й странице рукописи находится отрывок о Сэе, начинающийся словами: «Добавление к предшествующему». При сопоставлении этих отрывков обращает на себя внимание следующее обстоятельство: отрывок, находящийся на стр. 304, заканчивается вопросом: «как это возможно, что стоимость проданного продукта» и т. д. В конце отрывка о Сэе содержится ответ на этот вопрос: «Доход, состоящий исключительно из присоединенного труда, может оплатить этот продукт» и т. д. В соответствии с этим отрывок, находящийся на стр. 304 рукописи, дается до отрывка о Сэе, помещаемого в качестве заключительной части всего десятого параграфа III главы. — 131.
- 56 См. примечание 18. — 131.
- 57 Маркс имеет в виду тот порочный круг в смитовской концепции «естественной» цены заработной платы, о котором он писал выше (см. стр. 72). — 132.
- 58 Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 49—60. — 132.
- 59 Отрывок, выясняющий общий характер противоречий Смита, в настоящем издании дается, в качестве заключительного замечания, в самом конце III главы. Это соответствует тому месту, которое данный отрывок занимает в рукописи Маркса, где непосредственно за этим отрывком находятся начальные строки следующей главы. — 132.
- 59^a Маркс имеет в виду официальное парламентское издание, на которое он ссылается в дальнейшем тексте (см. стр. 186) и полное название которого гласит: «Factories. Return to an address of the Honorable. The House of Commons, dated 24 April 1861. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 11 February 1862». — 138.
- 60 Маркс имеет в виду слова Мальтуса о том, что различие между производительным и непроизводительным трудом является краеугольным камнем в произведении Адама Смита и той основой, на которой

покоются главная нить его рассуждений (Malthus. «Principles of Political Economy», 2nd edition, London, 1836, p. 44). — 138.

⁶¹ О банкирах и их паразитической роли в капиталистическом обществе см. К. Маркс. «Капитал», том III, М., 1955, стр. 492—493, 520, 525—526 и 559—560. — 146.

⁶² О концентрации капитала как первоначальном условии для увеличения производительности труда Маркс говорит в IV тетради своей рукописи 1861—1863 годов, на стр. 171—172 (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, стр. 328—330). — 153.

⁶³ Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». В 13-м томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса упоминаемая Марксом цитата из Петти находится на стр. 112. — 157.

⁶⁴ Речь идет о сатире английского писателя Мандевиля «The Fable of the Bees, or Private Vices Publick Benefits», вышедшей первым изданием в 1705 году, пятым изданием — в 1728 году. — 159.

⁶⁵ Имеется в виду вышедшее анонимно сочинение Давенанта «Discourses on the Publick Revenues, and on the Trade of England», part II, London, 1698, к которому приложена перепечатка появившегося годом раньше трактата Давенанта «An Essay on the East-India Trade».

Данный в тексте перевод этого места приведен в соответствие с тем, что Маркс говорит о Давенанте в своей записной тетради, откуда он взял все приведенные в тексте цитаты из работ Давенанта (тетрадь эта имеет на обложке пометку Маркса: «Манчестер. Июль 1845»). — 162.

⁶⁶ «Трактат о налогах и сборах» Уильяма Петти Маркс цитирует здесь по книге Шарля Ганиля «Des systèmes d'économie politique», tome II, p. 36—37 (Paris, 1821), где это место приведено во французском переводе Ганиля. Текст французского перевода данного отрывка несколько отличается от текста английского оригинала, который приводится Марксом по-английски в XXII тетради его рукописи (см. настоящее издание, часть I, стр. 359—360). — 165.

⁶⁷ После этой цитаты из Гарнье в рукописи идет обширное отступление о Джоне Стюарте Милле (стр. 319—345 рукописи), небольшая заметка о Мальтусе (стр. 345—346) и небольшой экскурс о Петти (стр. 346—347). Отступление о Дж. Ст. Милле начинается следующими словами: «Прежде чем разбирать взгляды Гарнье, изложим здесь эпизодически [т. е. в виде экскурса] кое-что о вышецитированном Милле младшем. То, что мы имеем в виду здесь сказать, относится, собственно, к дальнейшему, где речь будет идти о рикардовской теории прибавочной стоимости, а не к данному месту, где мы рассматриваем пока еще А. Смита». В оглавлении XIV тетради (см. настоящее издание, часть I, стр. 4), а также в самом тексте этой тетради, раздел о Дж. Ст. Милле включен в состав главы «Разложение рикардианской школы». На основании всего этого экскурс о Дж. Ст. Милле в настоящем издании перенесен в указанную главу, входящую в состав третьей части «Теории прибавочной стоимости». Заметка о Мальтусе перенесена в главу о Мальтусе, а экскурс о Петти помещен выше на стр. 164—165. После всех этих отступлений в рукописи (тетрадь VIII, стр. 347) написано: «Теперь мы возвращаемся к вопросу о производительном и непроду-

водительном труде. *Гарнье*. См. тетрадь VII, стр. 319». И далее следует разбор взглядов *Гарнье*, печатаемый на стр. 166—187. — 166.

⁶⁸ До сих пор Маркс буквой *x* обозначал продукт, рассматриваемый как потребительная стоимость, а буквой *z* — стоимость продукта. Начиная с этого места Маркс меняет буквенные обозначения: через *x* он обозначает стоимость, а через *z* — потребительную стоимость. В настоящем издании везде даны буквенные обозначения, первоначально принятые Марксом. — 172.

⁶⁹ Этот отрывок, представляющий собой добавление к параграфу о Жермене *Гарнье*, взят из IX тетради, где он записан между параграфом о Сэе и параграфом о Дестюте де Траси. Книгу *Гарнье* «*Abrégé élémentaire des principes de l'économie politique*» Маркс цитирует по книге Дестюта де Траси «*Eléments d'idéologie. IV-e et V-e parties*», Paris, 1826, p. 250—251. — 188.

⁷⁰ Несколько абзацев под общим заголовком «*Шмальц*» представляют собой приписку в самом конце IX тетради. По своему содержанию они являются добавлением к дополнительной заметке о *Гарнье*, находящейся в той же тетради на стр. 400 (см. настоящее издание, часть I, стр. 187—188). — 189.

⁷¹ Даваемое Канаром определение богатства Маркс цитирует по книге Ганиля «*Des systèmes d'économie politique*» (издание 2-е, том I, стр. 75). В книге Канара оно находится на стр. 4. — 189.

⁷² Это утверждение Ганиля находится в первом томе его сочинения «*Des systèmes d'économie politique*» (seconde édition, Paris, 1821), p. 213.

Книга Ганиля «*Théorie de l'économie politique*» вышла в 1815 году, за два года до первого издания «*Начал*» Рикардо. — 200.

⁷³ Строго говоря, стоимость машин при предположении, что она в 4 раза больше остальной части капитала, равняющейся 460 ф. ст. (150 + 310), должна была бы составить 1 840 ф. ст. Но это число значительно усложнило бы расчеты. Поэтому Маркс, для упрощения расчетов, принимает стоимость машин равной 1 600 ф. ст. — 201.

⁷⁴ Примечание Сэя к 26-й главе «*Начал*» Рикардо Маркс цитирует здесь по книге Ганиля (том I, стр. 216). — 209.

⁷⁵ См. примечание 18. — 210.

⁷⁶ Маркс указывает страницу первого тома книги Ганиля, по которой он здесь цитирует (во французском переводе Констансио) отрывки из 26-й главы «*Начал*» Рикардо. В дальнейшем, на стр. 377 своей рукописи, Маркс снова приводит это же место из «*Начал*» Рикардо, но уже на английском языке (по 3-му английскому изданию) и в более полном виде (см. настоящее издание, часть I, стр. 214—215). — 212.

⁷⁷ *Vos, non vobis* (вы, не для вас) — слова из эпиграммы Вергилия, гласящей: «Так вы, птицы, вьете гнезда не для вас самих; так вы, овцы, носите шерсть не для вас самих; так вы, пчелы, делаете мед не для вас самих; так вы, волю, тащите плуг не для вас самих». — 213.

- ⁷⁸ Маркс приводит здесь цитату из 26-й главы «Начал» Рикардо сперва во французском переводе Констансио (по книге Ганиля, том I, стр. 214), а затем в английском оригинале (по 3-му изданию, стр. 416). — 214.
- ⁷⁹ Далее в рукописи идут перечеркнутые карандашом $4\frac{1}{2}$ страницы (стр. 372—376), на которых Маркс подвергает подробному разбору числовые данные, содержащиеся в приводимом у Рикардо примере с «человеком, имеющим капитал в 20 000 ф. ст.». Маркс показывает несообразность этих числовых данных. В одном случае владелец капитала в 20 000 ф. ст. применяет 100 рабочих и продает произведенный товар за 10 000 ф. ст. В другом случае он применяет 1 000 рабочих и продает произведенный товар за 20 000 ф. ст. Рикардо утверждает, что в обоих этих случаях прибыль на капитал в 20 000 ф. ст. может быть одна и та же — 2 000 ф. ст. Маркс производит детальные расчеты, показывающие, что при данных предпосылках этот результат невозможен. В связи с этим Маркс высказывает следующее общее положение: «Предпосылки в иллюстративных примерах не имеют права противоречить самим себе. Они должны быть так сформулированы, чтобы быть *реальными* предпосылками, реальными гипотезами, а не предпосылаемыми нелепостями, не гипотетическими нереальностями и невозможностями» (стр. 373). Неудовлетворительность приводимого у Рикардо примера обнаруживается также и в том, что в этом примере указаны только количества применяемых рабочих, но не указаны количества производимого в обоих случаях валового продукта. В целях более глубокого анализа этих двух случаев Маркс подбирает более подходящие числа для количества рабочих и для количества произведенного продукта и делает соответствующие расчеты. Но когда Маркс доходит до вычисления тех количеств продукта, которые в каждом из двух случаев достаются рабочим в виде заработной платы, он обнаруживает ошибку в своих вычислениях и решает прекратить свои выкладки. Перечеркнутое в рукописи место заканчивается (на стр. 376) такими словами: «Этот расчет надо прекратить. Нет оснований для того, чтобы терять время на конструирование этой рикардовской чепухи». — 214.
- ⁸⁰ Маркс имеет в виду рассуждения Сэя (в его «Lettres à Malthus», Paris, 1820, p. 15) о том, что если, например, в Италии наблюдается переполнение рынка английскими товарами, то причиной этого является недостаточное производство тех итальянских товаров, которые могли бы быть обменены на английские товары. Эти рассуждения Сэя цитируются в анонимном трактате «An Inquiry into those Principles...» (London, 1821, p. 15) и фигурируют в сделанных Марксом выписках из «An Inquiry into those Principles...» в его записной тетради XII, стр. 12. Ср. также тезис Сэя о том, что «задержка в сбыте некоторых продуктов вызывается редкостью некоторых других», который Маркс разбирает на стр. 261 первой части настоящего издания. — 223.
- ⁸¹ Маркс берет круглую цифру 10, чтобы не усложнять дальнейших расчетов. При взятых в тексте цифрах (110 лет как общая сумма периодов оборота для 14 различных видов основного капитала) точное исчисление среднего оборота основного капитала (если допустить, что все 14 различных видов его одинаковы по своим размерам) дает не 10 лет, а только 7,86 года. — 232.
- ⁸² К некоторым из вопросов, затронутых в этом «интермеццо», Маркс возвращается в X тетради своей рукописи в связи с разбором «Экономи-

ческой таблицы» Кенэ (см. настоящее издание, часть I, глава VI). А подробный систематический ответ на поставленные выше два вопроса дается во II томе «Капитала» (особенно в главе 20-й, раздел X: «Капитал и доход: переменный капитал и заработная плата», и в главе 21-й: «Накопление и расширенное воспроизводство»).

Во II части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс возвращается к вопросам, разбираемым в этом «интермеццо», в главе о теории накопления Рикардо.

В III части «Теорий» Маркс возвращается к вопросу об обмене между капиталом и доходом в главе о «пролетарских противниках политико-экономов» (в связи с критическим анализом анонимного памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties») и в главе о Шербюлье (в связи с вопросом о накоплении как расширенном воспроизводстве). — 243.

⁸³ См. примечание 12. — 257.

⁸⁴ Речь идет о следующем месте: «Золото и серебро, находящиеся в обращении какой-либо страны и служащие средством для обращения и распределения между надлежащими потребителями годового продукта ее земли и труда, представляют собой, как и наличные деньги отдельного коммерсанта, мертвый капитал. Эта весьма ценная часть капитала страны ничего не производит для нее» (Адам Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». М.—Л., 1935, том I, стр. 270). — 258.

⁸⁵ *Институт Франции* — высшее научное учреждение, состоящее из нескольких отделений, или академий; существует с 1795 года. Дестют де Траси был членом Академии моральных и политических наук. — 272.

⁸⁶ В XIV тетради своей рукописи (эта тетрадь входит в III часть настоящего тома) Маркс, после разбора взглядов Мальтуса, останавливается на двух анонимных произведениях, из которых одно выступает с рикардianских позиций против Мальтуса, а другое защищает взгляды Мальтуса против рикардианцев. Первое озаглавлено: «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that Taxation and the Maintenance of Unproductive Consumers can be conducive to the Progress of Wealth». London, 1821. Второе называется: «Outlines of Political Economy». London, 1832. — 277.

⁸⁷ Эту цитату из книги Уильяма Пейли «The Principles of Moral and Political Philosophy» (London, 1785) Маркс приводит на французском языке из книги: T. R. Malthus. «Essai sur le principe de population». Traduit de l'anglais sur la cinquième édition par P. Prévost et G. Prévost. 3-e édition française. Tome IV, Paris — Genève, 1836, p. 109. — 277.

⁸⁸ Маркс имеет в виду полемику Лессинга против Вольтера в «Гамбургской драматургии» (1767—1768) Лессинга. — 280.

⁸⁹ «Генриада» — поэма Вольтера о французском короле Генрихе IV; впервые издана в 1723 году. — 280.

⁹⁰ О враждебном отношении Адама Смита к попам см. К. Маркс. «Капитал», том I, глава 23, примечание 75. — 296.

- ⁹¹ В этой главе Смит рассматривает общие теоретические представления меркантилизма. — 298.
- ⁹² Маркс имеет в виду параграф «Образование сокровищ» в первом выпуске «К критике политической экономии», где он приводит цитату из «Политической арифметики» Петти. На эту же цитату Маркс ссылается выше, на стр. 157, где он отмечает у Смита частичный возврат к представлениям меркантилистов. — 299.
- ⁹³ Маркс имеет в виду последние шесть абзацев 3-й главы II книги «Богатства народов» Смита, где Смит исследует, какой вид расходования дохода в большей степени содействует росту общественного богатства и какой — в меньшей. Смит полагает, что это зависит от различной природы предметов потребления, от степени их долговечности. Об этом взгляде Смита Маркс упоминает выше — в параграфе о Дестюте де Траси, на стр. 274—275. — 299.
- ⁹⁴ В V тетради, на стр. 181 рукописи 1861—1863 годов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, стр. 341), Маркс приводит следующую цитату из Ленге:
 «Скарденная экономия, с беспокойством следящая за ним» (поденным рабочим), «осыпает его упреками при малейшем перерыве, который он готов себе позволить, и если он предается минутному отдыху, начинаеа утверждать, что он ее обкрадывает» ([Linguet.] «Théorie des Loix Civiles». Tome II, Londres, 1767, p. 466).
 Это же самое место приводится Марксом в X тетради, на стр. 439 рукописи, в главе о Ленге (см. настоящее издание, часть I, стр. 350). В I томе «Капитала» оно — в сокращенном виде — дано в виде примечания 39 к главе 8 (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 244). — 301.
- ⁹⁵ Маркс помещает главу о Ленге после главы о Неккере несмотря на то, что, по времени опубликования, сочинение Ленге «Théorie des Loix Civiles» (1767 г.) предшествовало обоим сочинениям Неккера, которые здесь рассматриваются Марксом: «Sur la Législation et le Commerce des Grains» (1775 г.) и «De l'Administration des Finances de la France» (1784 г.). Такое расположение материала обусловлено у Маркса тем, что в смысле понимания характера капиталистического производства сочинение Ленге представляет собой более высокую ступень, чем указанные работы Неккера. — 301.
- ⁹⁶ Маркс воспользовался здесь тем изображением «Экономической таблицы», которое дано в книге: Schmalz. «Economie politique». Ouvrage traduit de l'allemand par Henri Jouffroy. Tome I, Paris, 1826, p. 329. Критика взглядов Шмальца дана Марксом в тетради VI, стр. 241—242 (см. настоящее издание, часть I, стр. 39—40).
 Дополнительные замечания о Шмальце с цитатами из его книги содержатся в самом конце тетради IX, стр. 421 (см. настоящее издание, часть I, стр. 188—189). На следующей же странице рукописи (тетрадь X, стр. 422) Маркс переходит к «Отступлению», посвященному критическому разбору «Экономической таблицы» Кенэ, которую он и дает здесь по книге Шмальца.
 Характерно, что на протяжении почти всего «Отступления» (стр. 422—437 рукописи) Маркс совершенно не приводит цитат из произведений упоминаемых им авторов. Только на последней странице «Отступления» (стр. 437) приведены цитаты из Смита и дана

выписка из Прудона с указанием, что она относится к тому месту в рукописи (стр. 428), где речь идет о Прудоне (в соответствии с этим указанием Маркса выписка из Прудона и помещена в I части настоящего издания на стр. 326). Все это приводит к выводу, что у Маркса, когда он писал «Отступление», не было под рукой произведений Кенэ и других упоминаемых здесь авторов. Весьма вероятно, что почти все «Отступление» (до приведенных на стр. 437 цитат из Смита и Прудона) было написано Марксом в апреле 1862 года, во время его пребывания у Энгельса в Манчестере.

В тех дополнительных замечаниях о физиократах, которые содержатся в тетради XXIII, стр. 1433—1434, Маркс приводит «Экономическую таблицу» в том виде, в каком она дана у Кенэ в его «Analyse du Tableau Economique» (см. настоящее издание, часть I, стр. 383). В таком же виде «Экономическая таблица» приводится Марксом и в его письме к Энгельсу от 6 июля 1863 года. — 305.

- 97 Буквенные обозначения (и значки к ним), вводимые здесь Марксом, придают «Таблице» наглядность, которой она лишена как у Шмальца, так и у Кенэ.

Обозначение каждой линии двумя буквами (*ab*, *ac*, *cd* и т. д.) позволяет определить ее направление — от какого класса к какому идет эта линия (направление определяется последовательностью букв в алфавите: *ab*, *ac*, *cd*...). Так, линия *ab* указывает на то, что обращение между классом земельных собственников и производительным классом (фермерами) имеет своим исходным пунктом класс собственников (покупка последними предметов питания у фермеров).

Обозначение каждой линии двумя буквами — в начале линии и в конце ее — выражает одновременно движение денег и движение товаров. Так, линия *ab* изображает движение денег (класс земельных собственников уплачивает 1 млрд. денег производительному классу); по эта же линия, рассматриваемая в противоположном направлении (*ba*), показывает движение товаров (производительный класс передает классу собственников на 1 млрд. предметов питания).

Ломаная линия *abcd* складывается из следующих звеньев: 1) отрезок *ab*, изображающий обращение между земельными собственниками и производительным классом (собственники покупают на 1 млрд. предметы питания у фермеров); 2) отрезок *ac*, изображающий обращение между собственниками и бесплодным классом — промышленниками (собственники покупают у промышленников на 1 млрд. промышленные изделия); 3) отрезок *cd*, изображающий обращение между бесплодным классом и производительным классом (промышленники покупают у фермеров предметы питания на 1 млрд.).

Линия *a'b'* изображает обращение между производительным классом и бесплодным классом (фермеры покупают у промышленников на 1 млрд. промышленные изделия).

Линия *a''b''* изображает заключительное обращение между бесплодным классом и производительным классом (промышленники покупают у фермеров на 1 млрд. необходимое для промышленного производства сырье). — 305.

- 98 Маркс противопоставляет рабочего, единственным товаром которого является его рабочая сила, «товаровладельцу в первом смысле», т. е. такому товаровладельцу, который имеет для продажи «товары, отличные от самой рабочей силы» (ср. выше, стр. 149 и 153—154). — 315.

- ⁹⁰ Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии», глава вторая, раздел третий — «Деньги», первые два абзаца (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 105—106). — 323.
- ¹⁰⁰ Маркс имеет в виду следующее место в первом выпуске «К критике политической экономии»: «Деньги, которые они [товаровладельцы] израсходовали как покупатели, возвращаются обратно в их руки, как только они выступают снова в качестве продавцов товаров. Постоянное возобновление товарного обращения отражается, таким образом, в том, что деньги не только постоянно перекачиваются из одних рук в другие по всей поверхности буржуазного общества, но вместе с тем описывают множество различных маленьких кругооборотов, выходя из бесконечно различных точек и возвращаясь к тем же самым точкам, чтобы снова повторить то же самое движение» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 83). — 323.
- ¹⁰¹ См. настоящее издание, часть I, стр. 262—275. См. также К. Маркс. «Капитал», том II, глава 20-я, раздел XIII: «Теория воспроизводства Дестюта де Траси». — 324.
- ¹⁰² Раздел о Брее находится в X тетради, на стр. 441—444 рукописи. Этот раздел остался незаконченным, и взгляды Брея по вопросу о денежном обращении между рабочим и капиталистом не были в нем затронуты.
О взглядах Брея на сущность и роль денег см. у Маркса: рукопись 1847 года «Заработная плата» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 584); Соч., т. 46, ч. I, стр. 77; ч. II, стр. 320, 383; письмо Маркса к Энгельсу от 2 апреля 1858 года; «К критике политической экономии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 70). — 324.
- ¹⁰³ В дальнейшем, на стр. 428 и 437 тетради X, Маркс дает краткую характеристику взглядов Прудона по данному вопросу (см. настоящее издание, часть I, стр. 325—326). — 324.
- ¹⁰⁴ Поставленные в скобки слова носят характер записи мысли, которую Маркс предполагал развить позднее. Маркс, по всей вероятности, имел в виду апологетическую концепцию Кенэ по вопросу о частной собственности на землю: по этой концепции, право земельных собственников на землю основано на том, что их предки сделали девственную землю пригодной для земледелия. В X главе второго отдела «Анти-Дюринга», написанной Марксом, этот взгляд физиократов получил следующую характеристику: «...Настоящая функция земельных собственников, согласно «естественному праву», и заключается, по мнению Кенэ, именно «в заботе о хорошем управлении и в производстве затрат на поддержание их вотчин», или... в *avances foncières*, т. е. в затратах на подготовку почвы и снабжении ферм всем необходимым инвентарем, что позволяет фермеру употреблять весь свой капитал исключительно на ведение действительного сельскохозяйственного производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 260). — 325.
- ¹⁰⁵ В III части «Теорий прибавочной стоимости», в экскурсе «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» (стр. 935—937 рукописи), Маркс подвергает критике вульгарный взгляд Прудона на роль денежного капитала и на сущность процента, развитый Прудонам в «*Gratuité du Crédit*». См. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 379—381). — 326.

- ¹⁰⁶ Эту проблему Маркс подверг всестороннему рассмотрению во II томе «Капитала» — глава 17; глава 20, разделы V и XII; глава 21 (в особенности раздел I, параграф 1: «Образование сокровища»). — 328.
- ¹⁰⁷ См. предыдущее примечание. — 329.
- ¹⁰⁸ Маркс употребляет здесь следующие обозначения для трех классов, фигурирующих у Кенэ: *P* — *classe des Propriétaires* (класс земельных собственников), *S* — *classe Stérile* (бесплодный класс — промышленники), *F* — *Fermiers, classe productive* (фермеры, производительный класс). — 329.
- ¹⁰⁹ См. примечание 97. — 329.
- ¹¹⁰ См. примечание 97. — 332.
- ¹¹¹ Маркс принимает здесь и в дальнейшем, что, по Кенэ, *только одна пятая* часть валового сельскохозяйственного продукта не вступает в обращение, а используется производительным классом в натуральной форме.
- Маркс возвращается к этому вопросу в XXIII тетради, стр. 1433—1434 рукописи (см. настоящее издание, часть I, стр. 383—384), и в написанной им X главе второго отдела «Анти-Дюринга». В этой главе дана следующая уточненная характеристика взглядов Кенэ на возмещение оборотного капитала в сельском хозяйстве: «Весь валовой продукт, стоимостью в пять миллиардов, находится, таким образом, в руках производительного класса, т. е. прежде всего фермеров, которые произвели его путем израсходования годового оборотного капитала в два миллиарда, соответствующего основному капиталу в десять миллиардов. Сельскохозяйственные продукты, жизненные средства, сырые материалы и т. д., которые требуются для возмещения оборотного капитала, стало быть, в том числе и для поддержания жизни всех непосредственно занятых в земледелии лиц, изымаются *in natura* из совокупного урожая и расходуются для нового сельскохозяйственного производства. Так как предполагаются, как уже было сказано выше, постоянные цены и простое воспроизводство в однажды установленном масштабе, то денежная стоимость этой заранее изымаемой из валового продукта части равна двум миллиардам ливров. Следовательно, эта часть не вступает в общее обращение, ибо, как уже было замечено, из таблицы исключено обращение, происходящее *в пределах* каждого отдельного класса, а не между различными классами» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 257).
- Отсюда следует, что, по Кенэ, надо говорить о *двух пятых* всего валового продукта фермеров как о той части их продукта, которая в натуральной форме идет на возмещение их оборотного капитала. — 332.
- ¹¹² Маркс имеет в виду комментарий Бодо «Explication du Tableau Economique» (в книге: «Physiocrates». Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Deuxième partie. Paris, 1846, p. 822—867). — 334.
- ¹¹³ Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 89). — 342.
- ¹¹⁴ Вместо фигурирующих в «Экономической таблице» Кенэ *тысяч миллионов* (т. е. миллиардов) турецких ливров Маркс говорит здесь просто о *тысячах* денежных единиц, что несколько не меняет сути дела. — 342.

- 115 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 83. — 343.
- 116 См. примечание 101. — 343.
- 117 Маркс ссылается на первый выпуск «К критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 83). Ср. примечание 100. — 343.
- 118 См. примечание 106. — 345.
- 119 В III части «Теорий прибавочной стоимости» (в тетрадах XIV и XV, стр. 852—890 рукописи) имеется глава: «Пролетарские противники политико-экономов, исходившие из рикардовской теории». К этой же главе относятся оставшийся незаконченным раздел о Брее в X тетради (стр. 441—444) и окончание раздела о Годскине в XVIII тетради (стр. 1084—1086). — 347.
- 120 [Linguet, N.] «Théorie des Loix Civiles, ou Principes fondamentaux de la Société». Tome I, Londres, 1767, p. 236. — 347.
- 121 О некоторых взглядах Петти Маркс говорил уже выше, в главе «Теории о производительном и непроизводительном труде», а именно в той ее части, где речь идет о ранних попытках различения между производительным и непроизводительным трудом (см. стр. 163—165 в части I настоящего издания). — 356.
- 122 Имеется в виду последний, 9-й раздел первой части «Капитала», как он намечался планом Маркса, набросанным на стр. 1140 в XVIII тетради (см. план первой части «Капитала» в части I настоящего издания, стр. 424). — 356.
- 123 Имеется в виду «Трактат о налогах и сборах», впервые напечатанный в 1662 году. — 365.
- 124 Речь идет о «Discourses upon Trade» Норса и о «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money» Локка. Обе работы были написаны в 1691 году и вышли в Лондоне: первая — в 1691, вторая — в 1692 году. — 367.
- 125 Сочинение это называется «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money» (1691). — 370.
- 126 Маркс цитирует здесь Локка по книге Масси «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest», p. 10—11. В издании сочинений Локка 1768 года это место находится на стр. 24 второго тома. — 371.
- 127 Маркс имеет в виду одну из своих «Добавочных тетрадей» (Beihefte) к рукописи 1861—1863 годов, в которых он весной 1863 года «делал выписки по истории литературы политической экономии в связи с написанной уже частью» своего труда, как он писал об этом Энгельсу 29 мая 1863 года. До нас дошли Beihefte A, B, C, D, E, F, G, H. В Добавочной тетради C выписки из сочинения Норса занимают страницы 12—14. — 372.

- ¹²⁸ В рукописи здесь первоначально было написано «с 1688 года», а затем цифра 1688 была зачеркнута и заменена вопросительным знаком. В XI тетради своей рукописи 1861—1863 годов, на стр. 507—508, Маркс приводит данные о движении цен на пшеницу с 1641 года. Если в 1641—1649 годах средняя цена на пшеницу составляла 60 шилл. 5³/₄ пенса за 1 квартал, то во второй половине XVII века средняя цена упала до 44 шилл. 2¹/₂ пенса, а в первой половине XVIII века — до 35 шилл. 9²⁹/₁₀₀ пенса за 1 квартал. — 372.
- ¹²⁹ Маркс, по-видимому, имеет в виду то место из IV главы «Политической арифметики» (1676) Петти, которое он приводит во II части «Теорий прибавочной стоимости», в главе о Родбертусе (стр. 494 рукописи). Ср. «Капитал», том III, М., 1955, стр. 673: «В эпоху Петти и Давенанта жалобы сельского населения и землевладельцев на улучшения и распашки; понижение ренты с лучших земель...». — 373.
- ¹³⁰ Эта цитата (начиная со слов «Начну с *нищего*») дана по Добавочной тетради C, стр. 12—13, в соответствии с указанием Маркса на 1419-й странице XXIII тетради рукописи 1861—1863 годов. — 375.
- ¹³¹ На стр. 14 Добавочной тетради C даны выписки из сочинения Норса, в которых Норс говорит о «приливах и отливах» в денежном обращении страны. Одну из этих выписок Маркс приводит в 95-м примечании к 3-й главе I тома «Капитала». — 376.
- ¹³² Перед этим Масси приводит выдержки из «Политической арифметики» Петти и из трактата Локка «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег государством». — 380.
- ¹³³ Маркс приводит здесь (с некоторыми сокращениями) «Экономическую таблицу» в том виде, в каком она дана у Кенэ в «Analyse du Tableau Economique» (издание Дэра, часть I, стр. 65). — 383.
- ¹³⁴ См. примечание 111. — 384.
- ¹³⁵ Эта точка зрения развивалась физиократом Бодо в его «Explication du Tableau Economique», глава III, параграф 12 (издание Дэра, часть II, стр. 852—854). — 385.
- ¹³⁶ Под этим заголовком в издании Дэра, часть I, объединены два диалога, принадлежащие Кенэ: «Du commerce. Premier dialogue entre M. H. et M. N.» и «Sur les travaux des artisans. Second dialogue». Цитата, приведенная Марксом, взята из первого диалога. — 385.
- ¹³⁷ Приведенная Марксом цитата находится не в самом тексте книги Дюпон де Немура «De l'origine et des progrès d'une science nouvelle», а в примыкающих к ней по содержанию «Maximes du docteur Quesnay, ou Résumé de ses principes d'économie sociale». — 385.
- ¹³⁸ Цитата взята из «Dialogue sur le commerce» Кенэ. — 385.
- ¹³⁹ Из «Dialogue sur les travaux des artisans». — 385.
- ¹⁴⁰ Из «Maximes du docteur Quesnay». — 385.

- 141 Маркс имеет в виду главу 26-ю («О валовом и чистом доходе») в «Началах политической экономии» Рикардо. — 386.
- 142 Маркс имеет в виду свои выписки из сочинения д-ра Бюа, содержащиеся в Добавочной тетради А (см. примечание 127), на стр. 27—32. В дальнейших ссылках Маркса указания на страницы Добавочной тетради заменены в самом тексте указаниями на страницы сочинения д-ра Бюа. — 386.
- 143 О Юнге, как «фанатике прибавочного продукта», см. примечание 34 к 7-й главе I тома «Капитала». — 386.
- 144 См. примечание 141. — 386.
- 145 Впоследствии было выяснено, что автором анонимного сочинения, разбираемого здесь Марксом, является некий Джон Грей (John Gray), годы жизни которого не установлены. В 1802 году этот автор выпустил в Лондоне еще книгу о подоходном налоге. — 388.
- 146 Маркс имеет в виду свою Добавочную тетрадь Н (см. примечание 127). Почти все выписки с 6-й страницы разбираемого анонимного сочинения, находящиеся на 32—33-й страницах Добавочной тетради Н, приводятся в дальнейшем тексте. — 388.
- 147 Под «мануфактуристами» («manufacturers») анонимный английский автор понимает как мануфактурных рабочих (которых он иногда называет «labouring manufacturers» — «работающими мануфактуристами»), так и промышленников-предпринимателей (которые иногда фигурируют у него под термином «masters employers» — «хозяева-предприниматели»). А термин «ремесленники» («artificers») охватывает у этого автора как наемных рабочих, так и ремесленников в собственном смысле слова. — 389.
- 148 См. примечание 18. — 389.
- 149 Крона — монета в 5 шилл., фартинг — четвертая часть пенса, гинея равна 21 шилл. — 389.
- 150 На страницах 36—37 Добавочной тетради Н находятся выписки со страниц 31—33 анонимного сочинения. — 390.
- 151 На страницах 38—39 Добавочной тетради Н находятся выписки со страниц 51—54 анонимного сочинения. В дальнейших ссылках Маркса указания на страницы Добавочной тетради Н заменены в самом тексте указаниями на страницы анонимного сочинения. — 391.
- 152 На стр. 1446 своей рукописи 1861—1863 годов (тетрадь XXIII) Маркс упоминает о направленной против физиократов книге Беарде де л'Аббеи «Recherches sur les moyens de supprimer les impôts». Amsterdam, 1770. Выписки из этой книги находятся на страницах 10—11 Добавочной тетради Н. То место из книги Беарде де л'Аббеи, которое имеет в виду Маркс, находится в ней на стр. 43. — 391.
- 153 При переводе на русский язык последних абзацев, трактующих о «физиократической ограниченности» анонимного автора, пришлось

- песколько изменить расположение отдельных вставок Маркса, вкрапленных им в текст цитаты из разбираемой книги (со страниц 38—39 этой книги). Цитата приводится Марксом в сокращенном виде. Опущенные слова восстановлены по цитируемой книге, поскольку без них невозможно полное понимание той критики, которой Маркс подвергает приводимое им рассуждение анонимного автора. — 392.
- 454 Об «ирландском арендном праве» см. статью Маркса в газете «New-York Daily Tribune» от 11 июля 1853 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 161—167). — 392.
- 455 [Mandeville, B.] «The Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits». The 5th edition. London, 1728, p. 428. Первое издание этой книги вышло в 1705 году. — 395.
- 456 Маркс имеет в виду раздел «Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Переходные формы» (XXI тетрадь, стр. 1306—1316), непосредственно предшествующий разделу «Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд». О формальном и реальном подчинении труда капиталу см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 518—519 и 748. — 396.
- 457 Уже в первом выпуске «К критике политической экономии» (1859 г.) Маркс показал, что в буржуазном обществе мистификация общественных отношений выступает особенно резко в деньгах, что буржуазному производству присуща кристаллизация богатства как фетиша в виде благородных металлов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 35—36 и 136—137). Процесс фетишизации буржуазных отношений Маркс подверг анализу в III части «Теорий прибавочной стоимости», в эскирсе «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» (стр. 891—899 и 910—919 рукописи). — 396.
- 458 В примечании 108 к 13-й главе I тома «Капитала» Маркс пишет: «Наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что нисколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал присваивает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд. Но «капиталистическое» присвоение и «личное» присвоение науки или материального богатства — это совершенно различные вещи. Сам д-р Юр жаловался на поразительное незнание дорогих ему фабрикантов, эксплуатирующих машины, с механикой...». — 399.
- 459 Страницу 1318 своей рукописи 1861—1863 годов Маркс вырезал (за исключением последних 9 строк) из XXI тетради и наклеил на страницу 490 рукописи предпоследнего варианта I тома «Капитала» (дошедшая до нас 6-я глава этого предпоследнего варианта опубликована в Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 49, стр. 1—119). Дальнейший текст 1318-й, 1319-й и первой половины 1320-й страницы Маркс предполагал использовать для раздела о прибыли, как это явствует из пометки «Прибыль», дважды сделанной им на полях рукописи (в конце 1318-й страницы и в начале 1320-й). — 400.
- 460 Греческую букву Δ, применяемую в математике для обозначения приращения, Маркс употребляет здесь для обозначения прибавочной стоимости. Дальше в тексте Маркс в том же смысле употребляет латинскую букву *h*. — 400.

- ¹⁶¹ Здесь, а также в последующем, Маркс пользуется латинской буквой *x* для обозначения прибавочной стоимости. — 403.
- ¹⁶² Маркс имеет в виду I тетрадь рукописи 1861—1863 годов, в особенности страницу А (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, стр. 53—54). — 405.
- ¹⁶³ О «цене труда» Маркс говорил в I тетради рукописи 1861—1863 годов (подраздел «Обмен между деньгами и рабочей силой» — см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, стр. 49—53) и в XXI тетради, стр. 1312—1314. — 406.
- ¹⁶⁴ Четыре формулы договорных отношений по римскому праву: «даю, чтобы ты сделал»; «делаю, чтобы ты сделал»; «делаю, чтобы ты дал»; «даю, чтобы ты дал». Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 550—551. — 413.
- ¹⁶⁵ В нумерации страниц рукописи здесь у Маркса описка: вместо «1327» проставлено «1328». — 414.
- ¹⁶⁶ См. примечание 141. — 416.
- ¹⁶⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 406—420. — 418.
- ¹⁶⁸ О труде чернорабочих на фабрике Маркс писал в той же (XXI) тетради, стр. 1308. — 421.
- ¹⁶⁹ См. К. Маркс. «Капитал», том II, глава 6, и том III, глава 17. — 423.
- ¹⁷⁰ Эти наброски планов написаны Марксом в январе 1863 года. Они находятся в XVIII тетради рукописи 1861—1863 годов посреди текста глав о Шербюлье и Ричарде Джонсе (от текста этих глав они отделены в рукописи жирными квадратными скобками). — 424.
- ¹⁷¹ Три теоретические части «Капитала» Маркс сперва называл «главами», потом «отделами», наконец «книгами». Ср. примечание 12. — 424.
- ¹⁷² К моменту написания этого плана 1-я глава III части «Капитала» была уже набросана в XVI тетради рукописи 1861—1863 годов. Тема 1-й главы III части сформулирована в XVI тетради следующим образом: «Прибавочная стоимость и прибыль». — 425.

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ]
ГОСПОДИН РОДБЕРТУС.
НОВАЯ ТЕОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ
(ОТСТУПЛЕНИЕ) ¹

[1) ИЗБЫТОК ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ.
 БОЛЕЕ МЕДЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ПО СРАВНЕНИЮ
 С ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА]

[X—445] *Herr Rodbertus*. Dritter Brief an von Kirchmann von Rodbertus: Widerlegung der Ricardoschen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie. Berlin, 1851.

Предварительно надлежит сделать следующее замечание. Когда мы говорим, что необходимая заработная плата равна 10 часам, то проще всего разъяснить это так: если труд в течение 10 часов (т. е. сумма денег, равная 10 часам) дает в среднем возможность сельскохозяйственному поденному рабочему покупать все необходимые ему жизненные средства — продукты земледелия, промышленности и т. д., — то это и есть средняя заработная плата за неквалифицированный труд. Здесь, следовательно, речь идет о *стоимости* того ежедневного продукта рабочего, который должен достаться ему. Эта стоимость существует сперва в форме того *товара*, который он производит, т. е. в виде определенного *количества этого товара*, в обмен на которое он — после вычета потребляемой им самим части этого товара (если он потребляет этот товар) — может приобрести нужные ему жизненные средства. Таким образом, здесь для его необходимого «дохода» имеют значение промышленность, земледелие и т. д., а не только та *потребительная стоимость*, которую он сам производит. Но это содержится в самом понятии *товара*. Рабочий производит товар, а не просто продукт. Об этом, следовательно, нет нужды распространяться.

Г-н Родбертус в первую очередь исследует, как обстоит дело в стране, где владение землей и владение капиталом *не отделены* друг от друга, и приходит здесь к тому важному выводу, что рента (под которой он понимает всю *прибавочную стоимость*)

просто равна неоплаченному труду или тому количеству продуктов, в котором этот неоплаченный труд выражается.

Прежде всего следует заметить, что Родбертус имеет в виду только возрастание *относительной* прибавочной стоимости, т. е. возрастание прибавочной стоимости, поскольку оно обуславливается возрастающей производительностью труда, а не возрастание прибавочной стоимости, поскольку оно проистекает из удлинения самого рабочего дня. Всякая абсолютная прибавочная стоимость, разумеется, в известном смысле относительна. Труд должен быть достаточно производителен для того, чтобы рабочему не приходилось затрачивать все свое время на поддержание своей собственной жизни. Но тут-то и начинается различие. Впрочем, если первоначально труд мало производителен, то и потребности в высшей степени просты (как у раба), и сами господа живут не намного лучше, чем слуги. Относительная производительность труда, необходимая для того, чтобы мог появиться загребаящий прибыль паразит, очень невелика. И если мы встречаем высокую норму прибыли там, где труд еще очень непроизводителен, где не применяются машины, разделение труда и т. д., то это объясняется только следующими обстоятельствами: либо, как это имеет место в Индии, потребности рабочего абсолютно малы и сам он придавлен настолько, что опускается еще ниже этого жалкого уровня потребностей, а с другой стороны, низкая производительность труда тождественна с малыми размерами основного капитала по отношению к той части капитала, которая затрачивается на заработную плату, или, что равносильно, с большими размерами затрачиваемой на труд части капитала по отношению к совокупному капиталу, — либо же рабочее время чрезвычайно удлинено. Последнее имеет место в таких странах (например, Австрия и др.), в которых уже существует капиталистический способ производства, но которым приходится конкурировать со странами, достигшими гораздо более высокой ступени развития. Заработная плата здесь может быть очень мала — отчасти потому, что потребности рабочего менее развиты, отчасти потому, что земледельческие продукты продаются по более дешевой цене, или, что для капиталиста означает то же самое, обладают меньшей денежной стоимостью. При низкой производительности труда незначительно и то количество продукта, которое уходит на заработную плату рабочего и производится в течение, скажем, 10 часов необходимого рабочего времени. Но если — вместо 12 часов — он работает 17, то это может компенсировать [для капиталиста] низкую производительность труда. Вообще не следует представлять себе дело так, будто вследствие того,

2) Второй листок из второй части рукописи Маркса 1861-1863
изданный в 1861-1863

Второй листок из второй части рукописи Маркса 1861-1863 годов. Этот листок содержит продолжение текста, посвященного теории прибавочной стоимости. В нем рассматриваются различные формы прибавочной стоимости, ее зависимость от продолжительности рабочего дня и от производительности труда. Автор анализирует, как изменение этих факторов влияет на величину прибавочной стоимости и, следовательно, на распределение общественного продукта между рабочими и капиталистами. В тексте также затрагиваются вопросы заработной платы и ее связи с стоимостью рабочей силы. Маркс использует свой характерный для того времени диалектический метод, рассматривая различные аспекты проблемы и выявляя их внутренние противоречия. В конце документа есть пометка о том, что этот листок является первой страницей второй части рукописи.

Первая страница второй части рукописи К. Маркса
«Теории прибавочной стоимости»
(страница 445 в X тетради рукописи 1861—1863 годов)

что в какой-либо данной стране относительная стоимость труда падает по мере роста производительности труда в этой стране, заработная плата в различных странах обратно пропорциональна производительности труда. Дело обстоит как раз наоборот. Чем производительнее страна сравнительно с другой на мировом рынке, тем выше в ней заработная плата по сравнению с другими странами. Не только номинальная, но и реальная заработная плата в Англии выше, чем на континенте. Рабочий ест больше мяса, удовлетворяет большее количество потребностей. Однако это имеет силу только по отношению к промышленному рабочему, а не по отношению к сельскохозяйственному. Но заработная плата в Англии выше не в такой степени, в какой производительность английских рабочих превышает производительность рабочих других стран.

Земельная рента вообще (т. е. современная форма земельной собственности) — самый факт ее существования, помимо различия земельной ренты, обусловленного различием в плодородии земельных участков, — была бы возможна уже потому, что средняя заработная плата сельскохозяйственных рабочих ниже средней заработной платы промышленных рабочих. Так как здесь капиталист, сперва по традиции (ведь арендатор старых времен становится капиталистом раньше, чем капиталисты становятся арендаторами), отдавал с самого начала часть своей выручки земельному собственнику, то он вознаграждает себя понижением заработной платы ниже ее уровня. С бегством рабочих из деревни заработная плата должна была повыситься, и она действительно повысилась. Но едва только такого рода давление начинает давать себя знать, как вводятся машины и т. д., и в деревне снова создается перенаселение (относительное) (ср. Англию). Прибавочная стоимость может быть повышена без удлинения рабочего времени и без увеличения производительной силы труда, а именно — путем понижения заработной платы ниже ее традиционного уровня. И это действительно происходит повсюду, где сельскохозяйственное производство ведется капиталистическим способом. Где этого нельзя достигнуть при помощи машин, там это достигается посредством превращения пахотных земель в пастбища для овец. Здесь, следовательно, была бы уже налицо *возможность* [446] земельной ренты, потому что *фактически* заработная плата сельскохозяйственных рабочих не равна средней заработной плате. Эта возможность существования земельной ренты совершенно не зависела бы от *цены* продукта, которая предполагается равной его стоимости.

Второго рода повышение земельной ренты — получение ее с большего количества продуктов, продаваемых по той же цене, — знает и Рикардо, но не принимает его в расчет, так как земельную ренту он исчисляет на квартал, а не на акр. Он не сказал бы, что земельная рента повысилась потому, что 20 кварталов по 2 шилл. составляют больше, чем 10 кварталов по 2 шилл. или 10 кварталов по 3 шилл. (*таким способом земельная рента может повыситься и при понижении цены*).

К тому же, как ни объяснять самую земельную ренту, у нее остается *то значительное различие* по сравнению с промышленностью, что в промышленности избыточная прибавочная стоимость получается благодаря более дешевому производству продуктов, а в земледелии — благодаря более дорогому производству. Если средняя цена фунта пряжи составляет 2 шилл., а я могу производить ее по 1 шилл., то я, чтобы завоевать рынок, неизбежно буду продавать ее по $1\frac{1}{2}$ шилл. или, во всяком случае, несколько ниже 2 шилл. Это даже абсолютно необходимо. Ибо более дешевое производство предполагает производство в более широких масштабах. Таким образом, я вызываю переполнение рынка сравнительно с тем, что было до этого. Я должен продавать *больше*, чем прежде. Если 1 фунт пряжи обходится мне только в 1 шилл., то это обусловлено тем, что я произвожу, скажем, 10 000 фунтов вместо прежних 8 000. Дешевизна получается только в результате того, что основной капитал распределяется на 10 000 фунтов. Если бы я продал только 8 000 фунтов, то износ машин уже повысил бы цену каждого фунта на одну пятую, или на 20%. Поэтому, чтобы иметь возможность продать 10 000 фунтов, я продаю свою пряжу по цене, меньшей двух шиллингов [скажем, по $1\frac{1}{2}$ шилл.]. При этом я все еще получаю сверхприбыль в $\frac{1}{2}$ шилл., т. е. в 50% на стоимость моего продукта, равную одному шиллингу, куда уже включена обычная прибыль. Во всяком случае я этим понижаю рыночную цену, и результатом является то, что потребитель вообще получает продукт по более дешевой цене. В земледелии же я продаю в аналогичном случае по 2 шилл., так как, если бы моей плодородной земли было достаточно, то в обработку не поступила бы менее плодородная земля. Если бы количество плодородной земли или плодородие худшей земли настолько увеличилось, что я мог бы удовлетворить спрос, то всей этой истории пришел бы конец. Рикардо не только не отрицает этого положения, но с полной определенностью подчеркивает его.

Итак, даже если мы признаем, что различием в плодородии почвы объясняется не сама земельная рента, а только различие

земельных рент, то остается в силе тот закон, что, в то время как в промышленности сверхприбыль получается, как правило, от удешевления продукта, в земледелии относительная величина ренты возникает не только в результате относительного вздорожания (поднятия цены продукта плодородной земли выше его стоимости), но и в результате того, что дешевый продукт продается по издержкам производства более дорогого продукта. Но это, как я уже показал (Прудон)², — только закон конкуренции, проистекающий не из «земли», а из самого «капиталистического производства».

Далее, Рикардо был бы прав и в другом еще пункте, только он, по обыкновению политико-экономов, превращает историческое явление в вечный закон. Это историческое явление состоит в относительно более быстром развитии промышленности (собственно буржуазной отрасли производства) в противоположность земледелию. Последнее стало производительнее, но не в такой степени, как промышленность. Там, где производительность промышленности увеличилась в 10 раз, производительность земледелия увеличилась, быть может, в 2 раза. Земледелие, следовательно, сделалось *относительно* менее производительным, хотя абсолютно оно стало более производительным. Это только доказывает в высшей степени причудливое развитие буржуазного производства и присущие ему противоречия. Но из-за этого не перестает быть правильным то положение, что земледелие становится относительно менее производительным, т. е. что по отношению к продукту промышленности стоимость земледельческого продукта, а вместе с тем и земельная рента, повышается. Что земледельческий труд по мере развития капиталистического производства становился относительно менее производительным, чем промышленный труд, означает только то, что производительность земледелия развивалась не с такой быстротой и не в такой степени.

Предположим, что отношение отрасли производства *A* к отрасли *B* равняется 1 : 1. А ведь первоначально земледелие было производительнее, так как здесь в производстве участвует созданная самой природой машина, а не просто силы природы; при помощи этой машины отдельный работник работает здесь с самого же начала. Поэтому в древности и в средние века земледельческие продукты были относительно гораздо дешевле, чем промышленные, что явствует уже из того (см. *Уэйда*)³, в какой пропорции те и другие входят в среднюю заработную плату.

Пусть отношение 1 : 1 вместе с тем показывает производительность обеих отраслей производства. Если теперь отрасль *A* = 10, т. е. в десять раз увеличила свою производительность,

тогда как отрасль $B = 3$, т. е. только утроила ее, то обе отрасли производства, относившиеся раньше как 1 к 1, будут относиться как 10 к 3, или как 1 к $\frac{3}{10}$. Относительно производительность отрасли B уменьшилась на $\frac{7}{10}$, хотя абсолютно она возросла втрое. Для самой высокой ренты это — по отношению к промышленности — равносильно тому, как если бы самая высокая рента повысилась оттого, что самая плохая почва стала на $\frac{7}{10}$ менее плодородной.

Отсюда, правда, никоим образом не следует, как думает Рикардо, что норма прибыли понизилась потому, что заработная плата повысилась в результате относительного вздорожания земледельческих продуктов [447] — ведь средняя заработная плата определяется не относительной, а абсолютной стоимостью продуктов, входящих в нее. Но отсюда действительно следует, что норма прибыли (собственно говоря, норма прибавочной стоимости) повысилась не в такой степени, в какой повысилась производительная сила обрабатывающей промышленности, и что причиной этому является относительно меньшая производительность земледелия (а не почвы). И это не подлежит никакому сомнению. Уменьшение необходимого рабочего времени является незначительным в сравнении с прогрессом промышленности. Это проявляется в том, что такие страны, как Россия и др., в состоянии побить Англию на рынке земледельческих продуктов. Меньшая стоимость денег в более богатых странах (т. е. относительная незначительность издержек производства денег для более богатых стран) не играет здесь никакой роли. Ибо вопрос заключается как раз в том, почему в конкуренции более богатых стран с более бедными это обстоятельство не оказывает влияния на их промышленные продукты, а влияет только на их земледельческие продукты. (Впрочем, это не доказывает, что бедные страны производят дешевле, что их земледельческий труд производительнее. Даже в Соединенных Штатах, как недавно доказано было статистическими исследованиями, увеличилось, правда, общее количество пшеницы, продаваемой по данной цене, но это произошло не потому, что с каждого акра получается больше, а потому, что обрабатывается большее количество акров. Нельзя говорить, что почва более производительна в тех странах, где имеются крупные массивы земли и где большие участки ее, слегка обработанные, дают при затрате одного и того же труда абсолютно большее количество продуктов, чем гораздо меньшие участки земли в более развитых странах.)

Переход к обработке *менее производительной* почвы не является бесспорным доказательством того, что земледелие стало

менее производительным. Наоборот, это может свидетельствовать о том, что земледелие стало более производительным. Непогодородная почва обрабатывается не только потому, что цены сельскохозяйственных продуктов поднялись до того уровня, при котором возмещается вложенный в землю капитал, но также и потому, что средства производства достигли такого развития, что непроизводительная почва сделалась «производительной» и что она способна уже оплачивать не только обычную прибыль, но также и земельную ренту. Та почва, которая оказывается плодородной для данной ступени развития производительных сил, является неплодородной для более низкой ступени.

В земледелии абсолютное удлинение рабочего времени — а значит и увеличение абсолютной прибавочной стоимости — возможно только в незначительной степени. В земледелии нельзя работать при газовом освещении и т. п. Конечно, летом и весной можно рано начинать работу. Но это уравнивается более короткими днями в зимнее время, когда вообще может выполняться лишь относительно небольшое количество работы. Следовательно, в этом отношении *абсолютная прибавочная стоимость больше в промышленности*, если только нормальный рабочий день не регулируется в порядке законодательного принуждения. Длительность периода, в течение которого сельскохозяйственный продукт пребывает в процессе производства без приложения к нему нового труда, является второй причиной того, что в земледелии создается меньшая масса *прибавочной стоимости*. Но, с другой стороны, за исключением некоторых отраслей сельского хозяйства, как скотоводство, пастбищное овцеводство и т. д., где население абсолютно вытесняется, отношение массы занятых людей к вложенному постоянному капиталу — даже в наиболее прогрессивном крупном сельском хозяйстве — все еще гораздо выше, чем в промышленности, по крайней мере, чем в господствующих отраслях промышленности. Таким образом, с этой стороны норма прибыли в сельском хозяйстве может быть выше, чем в промышленности, даже если, вследствие указанных причин, масса прибавочной стоимости здесь относительно меньше, чем она была бы в промышленности при применении *такого же* количества людей, причем это последнее обстоятельство отчасти опять-таки парализуется падением заработной платы сельскохозяйственных рабочих ниже ее среднего уровня. А если бы в земледелии были налицо какие-нибудь причины (вышесказанное намечено нами лишь в самых общих чертах) для повышения нормы прибыли (не временного, а такого, которое имеет место в среднем сравнительно с промышленностью), то уже самый факт существования

земельных собственников привел бы к тому, что эта добавочная прибыль, вместо того чтобы войти в процесс выравнивания общей нормы прибыли, консолидировалась бы и доставалась бы земельному собственнику.

**[2) НОРМА ПРИБЫЛИ В ЕЕ СООТНОШЕНИИ
С НОРМОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ.
СТОИМОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СЫРЬЯ
КАК ЭЛЕМЕНТ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ]**

В общей постановке вопрос, на который надо дать ответ при рассмотрении теории Родбертуса, сводится к следующему.

Общая форма авансированного капитала такова:

Постоянный капитал	Переменный капитал
Машины. Сырой материал	Рабочая сила

Два элемента постоянного капитала в их наиболее общей форме, это — средства труда и предмет труда. Последний не обязательно должен быть товаром, продуктом труда. Он, следовательно, может и не существовать как *элемент капитала*, хотя всегда существует как *элемент процесса труда*. Земля является предметом труда ⁴ для земледельца, залежи угля — для углекопа, вода — для рыбака, и даже лес — для охотника. Но наиболее полная форма капитала имеет место тогда, когда все указанные три элемента процесса труда выступают и как три элемента капитала, т. е. когда все они — товары, потребительные стоимости, имеющие меновую стоимость и представляющие собой продукт труда. В этом случае все эти три элемента входят также и в процесс образования стоимости, хотя машины входят в него не в том размере, в каком они входят в процесс труда, а только в той мере, в какой они потребляются процессом труда.

Итак, вопрос, о котором идет речь, заключается в следующем: может ли отсутствие одного из этих элементов увеличивать *норму прибыли* (не норму прибавочной стоимости) в той отрасли производства, в которой этот элемент отсутствует? Ответ на этот вопрос дает в общем виде сама формула:

Норма прибыли равна отношению прибавочной стоимости ко всей сумме авансированного капитала.

Все исследование ведется при предположении, что *норма прибавочной стоимости*, т. е. распределение стоимости продукта между капиталистом и наемным рабочим, остается неизменной.

[448] Норма прибавочной стоимости = $\frac{m}{v}$; норма прибыли = $\frac{m}{c+v}$. Так как m' — норма прибавочной стоимости — дано,

то дано и v , а $\frac{m}{v}$ предполагается как постоянная величина.

Следовательно, величина $\frac{m}{c+v}$ может изменяться только в том случае, если изменяется $c + v$, а так как v дано, то $\frac{m}{c+v}$ может возрастать или уменьшаться только при уменьшении или возрастании c . И притом $\frac{m}{c+v}$ будет возрастать или уменьшаться не в отношении c к v , а в отношении c к сумме $c + v$. Если бы c было равно 0, то $\frac{m}{c+v}$ было бы равно $\frac{m}{v}$. Другими словами, норма прибыли в данном случае была бы равна норме прибавочной стоимости, и этот случай выражает тот предел, выше которого норма прибыли подняться не может, так как никакой способ исчисления не может изменить величины v и m . Если $v = 100$, а $m = 50$, то $\frac{m}{v} = \frac{50}{100} = \frac{1}{2} = 50\%$. Если бы к этому был добавлен еще постоянный капитал в 100, то норма прибыли составила бы $\frac{50}{100+100} = \frac{50}{200} = \frac{1}{4} = 25\%$. Норма прибыли уменьшилась бы наполовину. Если бы к 100 было добавлено 150, то норма прибыли составила бы $\frac{50}{150+100} = \frac{50}{250} = \frac{1}{5} = 20\%$.

В первом случае весь капитал равен v , равен переменному капиталу, поэтому и норма прибыли равна норме прибавочной стоимости. Во втором случае весь капитал равняется $2 \times v$, а потому норма прибыли составляет уже только половину нормы прибавочной стоимости. В третьем случае весь капитал $= 2\frac{1}{2} \times 100 = 2\frac{1}{2} \times v = \frac{5}{2} \times v$. Здесь v составляет лишь $\frac{2}{5}$ всего капитала. Прибавочная стоимость составляет $\frac{1}{2}$ от v , $\frac{1}{2}$ от 100, а потому — лишь $\frac{1}{2}$ от $\frac{2}{5}$ всего капитала, т. е. лишь $\frac{2}{10}$ всего капитала. ($\frac{250}{10} = 25$, а $\frac{2}{10}$ от 250 = 50.) А $\frac{2}{10}$ представляют собой 20% [т. е. норму прибыли, в $2\frac{1}{2}$ раза меньшую, чем норма прибавочной стоимости].

Таков, следовательно, твердо установленный исходный пункт. Если v и $\frac{m}{v}$ остаются без изменения, то совершенно безразлично, из каких частей складывается величина c . При определенной величине c — например, 100 — совершенно безразлично, распадается ли c на 50 сырого материала и 50 в виде машин, либо на 10 сырого материала и 90 в виде машин, либо же на 0 сырого материала и 100 в виде машин или наоборот, — потому что именно отношение $\frac{m}{c+v}$ определяет норму прибыли; как относятся, в качестве стоимостных частей, ко всему c те элементы

производства, из которых *с* состоит, — это здесь безразлично. Например, в производстве угля можно сырой материал (за вычетом того угля, который, в свою очередь, сам служит вспомогательным материалом) принять равным 0 и предположить, что весь постоянный капитал состоит из машин (включая постройки, рабочие инструменты). С другой стороны, можно принять, что у портного машины равны 0 (а именно там, где крупные портные еще не применяют швейных машин и, с другой стороны, — как это в настоящее время отчасти практикуется в Лондоне, — экономят даже на помещении, заставляя своих рабочих работать на дому; это — такое *новшество*, при котором второе *разделение труда* выступает снова *в форме* первого⁵⁾, — так что весь постоянный капитал сводится у такого портного к сырому материалу. Если углепромышленник затрачивает 1 000 на машины и 1 000 на наемный труд, а портной — 1 000 на сырой материал и 1 000 на наемный труд, то при равной норме прибавочной стоимости будет равна в обоих случаях и норма прибыли. Если мы предположим, что прибавочная стоимость составляет 20%, то норма прибыли будет составлять в обоих случаях 10% , а именно $-\frac{200}{2000} = \frac{2}{20} = \frac{1}{10} = 10\%$. Следовательно, если соотношение между составными частями *с* — сырым материалом и машинами — оказывает влияние на норму прибыли, то это возможно только в двух случаях: 1) если в результате того, что это соотношение изменилось, видоизменяется абсолютная величина *с*; 2) если благодаря этому соотношению составных частей *с* видоизменяется величина *v*. Здесь должны были бы произойти органические изменения в самом производстве; дело тут не сводится к простой тавтологии, что если определенная часть *с* составляет теперь меньшую долю всей суммы, то другая часть *с* должна составлять большую долю.

В действительном бюджете английского фермера *заработная плата* = 1 690 ф. ст., *удобрения* = 686 ф. ст., *семена* = 150 ф. ст., *корм для коров* = 100 ф. ст. Таким образом, на «сырой материал» приходится 936 ф. ст., больше половины того, что затрачивается на заработную плату. (См. *Newman, F. W. Lectures on Political Economy. London, 1851, стр. 166.*)

«Во Фландрии» (бельгийской) *удобрения* и сено ввозятся в эти местности из Голландии» (для льноводства и т. д.; взамен этого вывозятся лен, *льняное семя* и пр.)... «Отбросы в голландских городах сделались предметом торговли и регулярно продаются по высоким ценам в Бельгию... Милых в двадцати от Антверпена вверх по Шельде можно видеть резервуары для удобрений, привозимых из Голландии. Торговля удобрениями ведется капиталистической компанией на голландских судах» и т. д. (*Банфилд*)⁶⁾.

Таким образом, даже такое удобрение, как обыкновенный навоз, стало предметом торговли, а тем более костяная мука, гуано, поташ и т. п. Здесь перед нами не только формальное изменение в производстве, состоящее в том, что элемент производства *оценивается* в деньгах. Из соображений *производительности* в почву привносятся новые вещества, а ее старые вещества продаются. Это также и не просто формальное различие между капиталистическим и предшествовавшим ему способом производства. Даже торговля семенами приобрела большее значение лишь в той мере, в какой начали понимать важность смены семян. Относительно земледелия в собственном смысле было бы поэтому смешно говорить, что в него не входит «сырой материал», и притом сырой материал как товар, все равно, воспроизводит ли его само земледелие или же он покупается, получается как товар извне. Столь же смехотворным было бы утверждение, что у машиностроителя [449] та машина, которую он сам применяет, не входит в его капитал как элемент стоимости.

Немецкий крестьянин, который из года в год сам производит элементы своего производства (семена, удобрения и т. д.) и сам вместе со своей семьей съедает часть своего хлеба, расходует (для самого производства) деньги лишь на приобретение немногих сельскохозяйственных орудий и на заработную плату. Предположим, что стоимость всех его затрат равна 100 [причем 50 из них уплачиваются деньгами]. Половину продукта он потребляет *in natura* * ([сюда входят и] издержки производства [в натуральной форме]). Другую половину он продает и выручает, скажем, 100. Его валовой [денежный] доход в таком случае равен 100. И если [свой чистый доход в деньгах] он исчисляет на капитал в 50, то это составляет 100% [прибыли]. Если теперь треть от [полученных в качестве прибыли] 50 уходит на ренту и треть на уплату налогов (вместе — $33\frac{1}{3}$), то у него остается $16\frac{2}{3}$, что составляет $33\frac{1}{3}\%$ на 50. На деле же он получил только $16\frac{2}{3}\%$ [на затраченные 100]. Крестьянин просто неправильно произвел расчет и сам себя надул. У капиталистического фермера подобного рода ошибок в расчете не бывает.

По договору *испольной* аренды (например, в провинции Берри), — как говорит *Матье де Домбаль*, «*Annales agricoles*» etc., выпуск 4-й, Париж, 1828, —

«земельный собственник дает землю, постройки и обычно, полностью или частью, скот и сельскохозяйственные орудия, необходимые для производства; арендатор, со своей стороны, дает свой труд и больше ничего или почти ничего; продукты же земли делятся пополам» (стр. 301). «Арендаторы-испольщики, как правило, являются людьми, погрязшими

* — в натуре, в натуральной форме. Ред.

в нищете» (стр. 302). «Если исполнитель, авансируя 1 000 фр., добывается возрастания валового продукта на 1 500 фр.» (так что 500 фр. составляют валовую прибыль), «то он должен делить этот валовой продукт пополам с земельным собственником и, следовательно, получает только 750 фр., т. е. теряет 250 фр. из своего авансированного капитала» (стр. 304). «При прежней системе земледелия расходы, или издержки производства, делались почти исключительно натурой, из самих продуктов, которые шли на корм для скота, на потребление земледельца и его семьи; расходов в деньгах почти не производилось. Только это обстоятельство могло дать повод думать, что земельный собственник и арендатор имеют возможность делить между собой всю ту часть урожая, которая не была потреблена во время производства; однако такой способ действий возможен лишь в сельском хозяйстве данного типа, т. е. лишь при *жалком состоянии земледелия*; когда же хотят ввести в земледелие какое-либо улучшение, то сразу замечают, что это может быть достигнуто только путем известных предварительных затрат, которые в своей совокупности должны быть удержаны из валового продукта, чтобы можно было их употребить на производство следующего года. Поэтому всякий дележ валового продукта между земельным собственником и арендатором становится непреодолимым препятствием для какого бы то ни было улучшения» (стр. 307).

[3) СТОИМОСТЬ И СРЕДНЯЯ ЦЕНА ? В ЗЕМЛЕДЕЛИИ. АБСОЛЮТНАЯ РЕНТА]

[а) ВЫРАВНИВАНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ]

Г-н Родбертус, по-видимому, вообще представляет себе происходящее путем конкуренции регулирование нормальной прибыли, или средней прибыли, или общей нормы прибыли, таким образом, будто конкуренция сводит товары к их *действительным стоимостям*, т. е. так регулирует отношения между ценами товаров, что в деньгах или в каком-либо ином мериле стоимости получают свое выражение соотносительные количества рабочего времени, овеществленные в различных товарах. Это происходит, конечно, не тем путем, что цена того или иного товара когда-нибудь, в какой-либо данный момент, равняется его стоимости или должна ей равняться. [Дело, по Родбертусу, происходит следующим образом.] Цена, например, товара А поднимается выше его стоимости и притом так, что некоторое время цена прочно держится на этом высоком уровне или даже продолжает повышаться. Вместе с этим прибыль капиталиста А поднимается выше средней прибыли, так как А присваивает не только свое собственное «неоплаченное» рабочее время, но также и часть неоплаченного рабочего времени, «произведенного» другими капиталистами. Этому необходимо соответствует понижение прибыли — при неизменяющейся денежной цене остальных товаров — в той или другой сфере производства. Если данный товар, в качестве всеобщего жизненного средства,

входит в потребление рабочих, то это вызовет понижение нормы прибыли во всех других отраслях; если он входит составной частью в постоянный капитал, то этим будет вызвано понижение нормы прибыли в тех отраслях производства, где данный товар составляет элемент постоянного капитала.

Наконец, возможен еще один, последний случай, состоящий в том, что этот товар не входит составным элементом в какой-нибудь постоянный капитал и не является *необходимым* жизненным средством для рабочих (ибо те товары, которые рабочий может по своему усмотрению покупать или не покупать, он потребляет в качестве потребителя вообще, а не в качестве рабочего), а представляет собой предмет потребления, предмет индивидуального потребления вообще. Если этот товар, в качестве предмета потребления, входит в потребление самих промышленных капиталистов, то повышение его цены никак не затронуло бы сумму прибавочной стоимости или норму прибавочной стоимости. Но если бы капиталист захотел сохранить свой прежний уровень потребления, то та часть прибыли (прибавочной стоимости), которую он затрачивает на индивидуальное потребление, увеличилась бы по отношению к той части, которую он затрачивает на промышленное воспроизводство. Последняя, стало быть, уменьшилась бы. Следовательно, в результате повышения цен в *A*, или повышения прибыли в *A* над ее средней нормой, через определенный промежуток времени (который также определяется воспроизводством) понизилась бы масса прибыли в *B*, *C* и т. д. Если бы предмет *A* входил исключительно в потребление непромышленных капиталистов, то, по сравнению с прежним, они стали бы теперь потреблять больше в товаре *A*, чем в товарах *B*, *C* и т. д. Спрос на товары *B*, *C* и т. д. уменьшился бы; их цена упала бы, и в этом случае повышение цены *A*, или повышение прибыли *A* над средней нормой, обусловило бы в *B*, *C* и т. д. падение прибыли ниже средней нормы (в отличие от предыдущих случаев, где денежные цены *B*, *C* и т. д. [450] оставались без изменения) тем путем, что повышение цены *A* вызвало понижение денежных цен *B*, *C* и т. д. Капиталы, занятые в *B*, *C* и т. д., где норма прибыли упала ниже обычного уровня, стали бы уходить из своей сферы производства и переходить в сферу производства *A*; это в особенности относится к части капитала, постоянно вновь появляющегося на рынке: этот капитал, естественно, с особенной силой устремлялся бы в более прибыльную сферу *A*. Вследствие этого цена предмета *A* спустя некоторое время упала бы ниже его стоимости и в течение большего или меньшего промежутка времени продолжала бы падать, пока снова не вступило

бы в силу противоположное движение. В сферах *B*, *C* и т. д. имело бы место обратное явление — отчасти вследствие того, что предложение товаров *B*, *C* и т. д. из-за отлива капитала уменьшилось, т. е. отчасти вследствие органических изменений, происходящих в самих этих сферах, отчасти же вследствие тех изменений, которые произошли в *A* и теперь воздействуют на *B*, *C* и т. д. в противоположном направлении.

Заметим мимоходом: возможно, что при только что обрисованном движении денежные цены товаров *B*, *C* и т. д. (стоимость денег предполагается при этом постоянной) никогда уже не достигнут снова своего прежнего уровня, хотя они и поднимаются выше стоимости товаров *B*, *C* и т. д. и, следовательно, поднимается выше общей нормы прибыли также и норма прибыли в *B*, *C* и т. д. Улучшения, изобретения, большая экономия в средствах производства и т. п. применяются не в те времена, когда цены поднимаются выше своего среднего уровня, а в те именно, когда цены падают ниже этого уровня и когда, стало быть, и прибыль падает ниже своей обычной нормы. Таким образом, в течение того периода, когда цены товаров *B*, *C* и т. д. падают, может падать их *действительная стоимость*, другими словами, может уменьшаться минимум требующегося для производства этих товаров рабочего времени. В этом случае товар может вернуться к своей прежней денежной цене только тогда, когда избыток цены товара над его стоимостью равняется разности между ценой, выражавшей его прежнюю, более высокую стоимость, и ценой, выражающей его новую стоимость. В данном случае *цена* товара изменила бы его стоимость — путем воздействия на предложение, на издержки производства.

Результат же вышеописанного движения таков: если взять среднюю величину повышений и понижений цен товаров по отношению к их стоимости, или, иначе говоря, если взять периоды, в течение которых происходит выравнивание повышений и понижений — периоды, которые постоянно повторяются, — то *средняя цена* равна *стоимости*, а значит и средняя прибыль определенной сферы производства равна общей норме прибыли; ибо, хотя в этой сфере вместе с повышением или падением цен — или же вместе с увеличением или уменьшением издержек производства при неизменяющейся цене — прибыль повышалась или падала по отношению к своей прежней норме, все же товар продавался, в среднем для данного периода, по своей *стоимости*; следовательно, полученная прибыль равна общей норме прибыли. Таково представление А. Смита, а еще более — *Рикардо*, так как последний более определенно придерживается подлинного понятия стоимости. От них воспринял это представление

также и г-н Родбертус. Но тем не менее это — неверное представление.

Что получается в результате конкуренции капиталов? Средняя цена товаров в течение какого-либо из периодов выравнивания такова, что эти цены в каждой сфере дают товаропроизводителям одну и ту же норму прибыли, например 10%. Что это, далее, означает? То, что цена каждого товара на одну десятую превышает те издержки производства, которых он стоил капиталисту, которые капиталист затрачивает, чтобы производить этот товар. Если это выразить в общей форме, это означает только то, что капиталы равной величины приносят равные прибыли, что цена каждого товара на одну десятую превышает цену того капитала, который в нем авансирован, потреблен, или представлен. Но совершенно ошибочно утверждать, будто капиталы в различных сферах производят соответственно их величине одинаковую прибавочную стоимость {здесь мы совершенно отвлекаемся от того обстоятельства, заставляет ли один капиталист работать дольше, чем другой; мы предполагаем здесь для всех сфер одинаковый абсолютный рабочий день; различие абсолютных рабочих дней отчасти уравнено в рабочих днях различной продолжительности посредством интенсивности труда и т. д., отчасти эти различия выражаются лишь в произвольных сверхприбылях, исключениях и т. п.}. Это — ошибочное утверждение, даже если исходить из предположения, что абсолютный рабочий день во всех сферах одинаков, т. е. даже если норма прибавочной стоимости предполагается данной.

При равной величине капиталов — и при указанном только что предположении — масса прибавочной стоимости, производимая этими капиталами, различна, *во-первых*, в зависимости от соотношения их органических составных частей, т. е. переменного и постоянного капитала; *во-вторых*, в зависимости от времени их обращения, поскольку это время определяется соотношением между основным и оборотным капиталом и различными периодами воспроизводства различных видов основного капитала; *в-третьих*, в зависимости от продолжительности периода производства в собственном смысле слова, в отличие от продолжительности самого рабочего времени⁸, что опять-таки обуславливает существенное различие в соотношении периодов производства и обращения. (Первое из указанных соотношений, а именно соотношение между постоянным и переменным капиталом, само может проистекать из весьма различных причин. Например, оно может быть только формальным — в том случае, когда обрабатываемый в одной сфере

производства сырой материал является более дорогим, чем обрабатываемый в другой сфере производства, — или же это соотношение может проистекать из различной производительности труда и т. д.)

Итак, если бы товары продавались по их стоимостям, или если бы *средние цены* товаров были равны их стоимостям, то норма прибыли должна была бы быть совершенно различной в различных сферах производства; в одном случае она составляла бы 50%, в другом — 40, 30, 20, 10% и т. д. Если взять, например, совокупную массу товаров сферы *A* в течение года, то ее стоимость была бы равна авансированному в ней капиталу плюс содержащийся в ней неоплаченный труд. То же самое — в сферах *B* и *C*. Но так как содержащаяся в *A*, *B*, *C* масса неоплаченного труда различна, — например, в *A* больше, чем в *B*, а в *B* больше, чем в *C*, — то товары *A* давали бы своим производителям, положим, $3M$ (M — это прибавочная стоимость), товары *B* — $2M$, товары *C* — M . И так как норма прибыли определяется отношением прибавочной стоимости к авансированному капиталу, а последний, согласно предположению, одинаков в сферах *A*, *B*, *C* и т. д., то, [451] — если обозначить авансированный капитал через K , — различные нормы прибыли составят в этих сферах $\frac{3M}{K}$, $\frac{2M}{K}$, $\frac{M}{K}$. Конкуренция капиталов может, стало быть, выравнить нормы прибыли только тем путем, что она в приведенном, например, случае установит для сфер *A*, *B*, *C* нормы прибыли, равные $\frac{2M}{K}$, $\frac{2M}{K}$, $\frac{2M}{K}$. Тогда *A* продавал бы свой товар на $1M$ дешевле его стоимости, а *C* — на $1M$ дороже. Средняя цена в сфере *A* была бы ниже, а в сфере *C* — выше стоимости товаров *A*, *C*.

Как показывает случай *B*, *может*, конечно, иметь место и совпадение средней цены и стоимости товара. Это происходит тогда, когда произведенная в самой сфере *B* прибавочная стоимость равна средней прибыли, когда, следовательно, в этой сфере различные части капитала стоят друг к другу в таком отношении, в каком они находятся, когда совокупная сумма капиталов, весь капитал класса капиталистов, берется как единая *величина*, на которую и исчисляется совокупная прибавочная стоимость, независимо от того, в какой сфере совокупного капитала она была произведена. В этом совокупном капитале выравниваются периоды оборота и т. д.; весь этот капитал исчисляется, например, как оборачивающийся в течение одного года и т. д. Тогда в самом деле оказалось бы, что любая доля этого *совокупного капитала* участвует в совокупной прибавоч-

ной стоимости пропорционально своей величине, получает соответственную часть прибавочной стоимости. И так как каждый единичный капитал приходилось бы рассматривать как пайщика в этом совокупном капитале, то отсюда следовало бы, что, *во-первых*, норма прибыли у этого единичного капитала такая же, как у всякого другого капитала, что равные по величине капиталы приносят равные прибыли, и, *во-вторых*, что масса прибыли — как это само собой вытекает отсюда — зависит от величины капитала, от того количества паев в этом совокупном капитале, которым владеет капиталист. Конкуренция капиталов стремится обращаться с каждым капиталом как с частью совокупного капитала и соответственно этому регулировать его участие в прибавочной стоимости, а значит, регулировать и прибыль. В большей или меньшей степени это удастся сделать конкуренции путем производимых ею выравниваний. (Здесь не подлежат исследованию те причины, в силу которых в отдельных сферах конкуренция наталкивается на особые препятствия.) Это означает, попросту говоря, не что иное, как то, что капиталисты стремятся (а это стремление и есть конкуренция) распределять между собою все то количество неоплаченного труда, которое выжимается ими из рабочего класса, — или продукты этого количества труда, — не соответственно тому, сколько прибавочного труда непосредственно производит каждый *особый* капитал, а соответственно, *во-первых*, тому, какую часть совокупного капитала составляет этот особый капитал, и, *во-вторых*, соответственно тому общему количеству прибавочного труда, которое производит весь капитал, взятый в целом. Капиталисты, как собратья-враги, делят между собой добычу — присвоенный чужой труд, так что каждый из них присваивает себе в среднем такую же долю неоплаченного труда, какую присваивает и всякий другой капиталист⁹.

Это выравнивание осуществляется конкуренцией путем регулирования средних цен. Но сами эти средние цены оказываются выше или ниже стоимости товара — настолько именно, что данный товар приносит не более высокую норму прибыли, чем любой другой товар. Ошибочным, следовательно, является утверждение, будто конкуренция капиталов устанавливает общую норму прибыли посредством сведения цен товаров к их стоимостям. Напротив, конкуренция устанавливает общую норму прибыли как раз тем путем, что *превращает стоимости товаров в средние цены, в которых часть прибавочной стоимости одного товара перенесена на другой товар, и т. д.* Стоимость товара равна количеству содержащегося в нем труда, оплаченного и неоплаченного. *Средняя цена* товара равна количеству

содержащегося в нем оплаченного труда (овеществленного или живого) плюс некоторая средняя доля неоплаченного труда, не зависящая от того, содержалась ли она в самом этом товаре в таком же размере или нет, иными словами — содержалось ли в стоимости данного товара неоплаченного труда больше или меньше.

16) ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ

Возможно — я оставляю это для дальнейшего исследования, не относящегося к предмету этой книги ¹⁰, — что известные сферы производства работают при таких обстоятельствах, которые препятствуют тому, чтобы их стоимости были сведены к средним ценам в *вышеуказанном* смысле, т. е. при обстоятельствах, не позволяющих конкуренции одержать эту победу. Если бы так дело обстояло, например, с земледельческой рентой или с рентой с рудников (существуют такие ренты, которые следует объяснять исключительно только монополией, как, например, рента за пользование водой в Ломбардии, в некоторых частях Азии; также и рента с домов в той мере, в какой она есть рента земельной собственности), то в результате получалось бы, что, в то время как цена продукта всех промышленных капиталов повышена или понижена до уровня средней цены, цена продукта земледелия оставалась бы равной его стоимости, которая превышала бы среднюю цену. Существуют ли здесь такие препятствия, в силу которых из *произведенной* в этой сфере производства *прибавочной стоимости* присваивалось бы, в качестве собственности самой этой сферы, больше, чем должно было бы иметь место по законам конкуренции, больше того, что должно было бы соответствовать доле капитала, вложенного в эту отрасль производства?

Представим себе такие промышленные капиталы, которые не временно, а по самой природе *своих* сфер производства производят на 10 или 20 или 30% больше прибавочной стоимости, [452] чем промышленные капиталы такой же величины в других сферах производства. Если бы такие капиталы, говорю я, были в состоянии, наперекор конкуренции, удержать за собой эту избыточную прибавочную стоимость и сделать невозможным, чтобы она вошла в общий расчет (в распределение), определяющий общую норму прибыли, то в таком случае в сферах производства, где действуют эти капиталы, мы имели бы двух различных получателей дохода: одного, который получал бы общую норму прибыли, и другого, который получал бы избыток, присущий исключительно данной сфере. Этому при-

вилегированному загребателю дохода каждый капиталист, — чтобы иметь возможность вложить свой капитал в данную сферу, — должен был бы уплачивать, отдавать этот избыток, а для себя самого он, как и всякий другой капиталист, с которым он имеет совершенно одинаковые шансы, удерживал бы общую норму прибыли. Если бы таково было положение вещей в земледелии, то распадение здесь *прибавочной стоимости* на *прибыль* и *ренту* отнюдь не являлось бы доказательством того, что труд здесь сам по себе «производительнее» (в смысле производства прибавочной стоимости), чем в обрабатывающей промышленности; не было бы, следовательно, никакого основания приписывать земле какую-либо чудодейственную силу, что, впрочем, уже само по себе смешно, так как *стоимость равна труду и прибавочная стоимость, следовательно, никак не может быть равна земле*. (Правда, относительная прибавочная стоимость может зависеть от естественного плодородия почвы, однако это никоим образом не могло бы иметь своим следствием *более высокую цену* продуктов земли. Скорее наоборот.) Не было бы необходимости прибегать и к теории Рикардо, которая, будучи сама по себе неприятным образом связана с мальтусовской дрянью, приводит к гнусным выводам и, в частности, если и не противоречит теоретически моему учению об относительной прибавочной стоимости, то практически все же отнимает у него немалую долю его значения.

У Рикардо вся соль вопроса состоит в следующем:

Земельная рента (например, в земледелии), там, где — как предполагает Рикардо — обработка земли ведется капиталистически, где налицо имеется *арендатор*, не может быть чем-либо иным, как только избытком над общей прибылью. Совершенно безразлично, является ли то, что получает земельный собственник, действительно этой рентой в буржуазно-экономическом смысле. Это может быть и простым вычетом из заработной платы (сравни Ирландию) или же это отчасти представляет собой вычет из прибыли арендатора, падающей в этом случае ниже среднего уровня прибыли. Все эти возможные случаи здесь абсолютно безразличны. Особую характерную форму прибавочной стоимости в буржуазной системе *рента* образует лишь постольку, поскольку она есть избыток над прибылью (общее).

Но как это возможно? Пшеница как товар продается, подобно всякому другому товару, по своей *стоимости*, т. е. этот товар обменивается на другие товары в соответствии с содержащимся в нем рабочим временем. {Это — первая неверная предпосылка, искусственно усугубляющая трудность проблемы,

Товары обмениваются по своим стоимостям только в виде исключения. Их *средние цены* определяются иначе. Vide supra *.) Арендатор, возделывающий пшеницу, получает такую же прибыль, как и все другие капиталисты. Это доказывает, что он, как и все другие, присваивает себе неоплаченное рабочее время своих рабочих. Откуда же в таком случае возникает еще и рента? Она не выражает ничего другого, кроме рабочего времени. Почему же в земледелии прибавочный труд должен распадаться на прибыль и ренту, тогда как в промышленности он равен лишь прибыли? И как это вообще возможно, если прибыль в земледелии равна прибыли во всякой другой сфере производства? {Неверные представления Рикардо о прибыли и непосредственное смешение ее с прибавочной стоимостью оказываются и здесь вредными. Они затрудняют ему рассмотрение вопроса.}

Рикардо разрешает *затруднение* тем, что предполагает его *в принципе* не существующим. {И это, действительно, *единственный способ* принципиально разрешить затруднение. Но сделать это можно двояким образом. Либо доказывают, что противоречащие данному принципу явления суть лишь нечто *кажущееся*, лишь видимость, проистекающая из развития самой вещи. Либо же, как это делает Рикардо, затруднение *отбрасывается в одном пункте*, принимаемом затем за исходный пункт, из которого можно объяснить существование вызывающего затруднение явления в другом пункте.}

Рикардо предполагает такой случай, когда капитал арендатора, подобно капиталу всякого другого капиталиста, приносит только прибыль {идет ли речь о не платящей ренты доле капитала отдельной фермы или же о той части земли фермера, которая не платит ренты; следовательно, здесь речь идет вообще о таком вложенном в земледелие капитале, который не платит ренты}. Это предположение является даже исходным пунктом для Рикардо, и оно может быть выражено также и следующим образом:

Первоначально капитал арендатора приносит только прибыль {однако эта *лжеисторическая* форма является здесь чем-то несущественным, и она представляет собой нечто общее для всех буржуазных экономистов при конструировании и других таких же «законов»}, земельной же ренты этот капитал не платит. Капитал арендатора не отличается от всякого другого капитала, занятого в производстве. Рента появляется только потому, что возрастает спрос на хлеб, в результате чего, в отличие от других отраслей производства, приходится прибегать

* — Смотри выше. Ред.

к «менее» плодородной почве. От вздорожания жизненных средств арендатор (предположенный первоначальный арендатор) страдает так же, как и всякий другой капиталистический предприниматель, поскольку также и арендатор вынужден больше платить своим рабочим. Но он выигрывает благодаря тому, что цена его товара поднялась выше стоимости этого последнего. Он выигрывает от этого, во-первых, постольку, поскольку другие товары, входящие в постоянный капитал арендатора, падают в относительной стоимости по сравнению с его товаром, и арендатор, стало быть, покупает их по более дешевой цене; во-вторых, постольку, поскольку он обладает своей прибавочной стоимостью в более дорогом товаре. Таким образом, прибыль этого арендатора поднимается выше средней нормы прибыли, которая, однако, упала. Тогда другой капиталист переходит к худшему участку II, который, при этой меньшей норме прибыли, может доставлять продукт по цене продукта участка I или даже, может быть, несколько дешевле. Как бы то ни было, теперь у нас на участке II снова установилось [453] нормальное отношение, при котором прибавочная стоимость сводится только к прибыли, но зато мы объяснили ренту для участка I, и именно тем, что существует двоякая цена производства [Produktionspreis], причем цена производства для II есть вместе с тем рыночная цена для I. Дело обстоит совершенно так же, как и с тем фабричным товаром, который производится при более благоприятных условиях и дает временную сверхприбыль. Хотя цена пшеницы, заключающая в себе, кроме прибыли, еще и ренту, тоже состоит только из овеществленного труда, хотя она и равна стоимости этой пшеницы, но равна она не той стоимости, которая содержится в ней самой, а стоимости той пшеницы, которая выращена на участке II. Ибо существование двух рыночных цен невозможно. {В то время как Рикардо вводит арендатора II в связи с падением нормы прибыли, Стирлинг заставляет его выступить на сцену вследствие того, что заработная плата *упала*, а не повысилась из-за хлебных цен. Эта понизившаяся заработная плата позволяет арендатору II возделывать почву № 2 с прежней нормой прибыли, хотя эта почва и менее плодородна¹¹.} Раз существование земельной ренты таким путем объяснено, остальное выводится уже без труда. *Различие земельных рент*, соответствующее различию в плодородии и т. д., остается, естественно, в силе. Но различие плодородия само по себе не служит доказательством того, что необходимо переходить ко все худшей почве.

Такова, следовательно, теория Рикардо. Так как повысившаяся цена пшеницы, дающая арендатору I добавочную

прибыль, доставляет арендатору II даже не прежнюю норму прибыли, а менее высокую, то ясно, что продукт № II содержит больше стоимости, чем продукт № I, или что он — продукт большего рабочего времени, что в нем содержится большее количество труда; стало быть, для производства того же продукта, например одного квартера пшеницы, требуется большая затрата рабочего времени. Возрастание ренты будет соответствовать этому возрастанию неплодородия земли, или увеличению тех количеств труда, которые необходимо затратить для того, чтобы произвести, например, один квартал пшеницы. Рикардо, разумеется, не стал бы говорить о «возрастании» ренты, если бы увеличилось только число кварталов, с которых уплачивается рента, — для Рикардо рента возрастает в том случае, если возрастает цена того же самого, *одного* квартера, поднимаясь, например, с 30 до 60 шиллингов. Рикардо, правда, забывает подчас о том, что *абсолютная величина ренты может возрасть при понижении нормы ренты, подобно тому как абсолютная масса прибыли может возрасть при понижении нормы прибыли.*

Другие (например, Кэри) пытаются обойти затруднение, отрицая его существование прямо противоположным образом. Земельная рента — это, мол, просто процент на тот капитал, который раньше был вложен в землю¹². Стало быть, земельная рента тоже представляет собой лишь одну из форм прибыли. Здесь, следовательно, отрицается *существование земельной ренты*, и тем самым от нее, действительно, *ничего не остается в результате такого ее объяснения.*

Другие, например Бьюкенен, рассматривают ренту просто как следствие монополии. Смотри также Гопкинса¹³. Здесь рента целиком сводится к *надбавке над стоимостью.*

У г-на Опдайка земельная собственность, или земельная рента, становится *«легализованным отражением стоимости капитала»*¹⁴. Это характерно для янки*.

У Рикардо исследование вопроса затрудняется двумя ошибочными предположениями. {Рикардо, правда, не является тем, кто открыл теорию ренты. Уэст и Мальтус опубликовали свои работы по теории ренты до него. Но источник — это Андерсон. Что, однако, отличает Рикардо (хотя и у Уэста не совсем отсутствует понимание действительной связи), так это — взаимосвязь между его теорией земельной ренты и его теорией стоимости. Мальтус, как показывает его позднейшая полемика

* [486] {Подобно тому как Опдайн называет земельную собственность «легализованным отражением стоимости капитала», так капитал является «легализованным отражением чужого труда».} [486]

с Рикардо по вопросу о земельной ренте, даже не понял заимствованной им у Андерсона теории.) Если исходить из правильного принципа, что стоимость товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем (и что стоимость вообще есть не что иное, как овеществленное общественное рабочее время), то напрашивается тот вывод, что *средняя цена* товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем. Этот вывод был бы верен, если бы было доказано, что *средняя цена равна стоимости*. Но я доказываю как раз обратное: именно *потому*, что стоимость товаров определяется *рабочим временем*, средняя цена товаров (исключая тот *единственный* случай, когда, так сказать, индивидуальная *норма прибыли* в какой-нибудь отдельной сфере производства, т. е. прибыль, определяемая прибавочной стоимостью, произведенной в самой этой сфере производства, равна средней норме прибыли совокупного капитала) *никогда не может* быть равна их стоимости, хотя это определение средней цены является лишь производным от стоимости, определяемой рабочим временем.

Из этого вытекает, прежде всего, тот вывод, что выше или ниже своей собственной стоимости могут продаваться также и такие товары, средняя цена которых (если отвлечься от стоимости постоянного капитала) распадается лишь на заработную плату и прибыль, причем и заработная плата и прибыль стоят на своем нормальном уровне, являются средней заработной платой и средней прибылью. И, следовательно, подобно тому как то обстоятельство, что прибавочная стоимость какого-либо товара выражается лишь в рубрике нормальной прибыли, отнюдь не доказывает, что этот товар продан по своей стоимости, — подобно этому то обстоятельство, что товар приносит, кроме прибыли, еще и [454] земельную ренту, вовсе не доказывает, что этот товар продан *выше* своей имманентной стоимости. Раз установлено, что *средняя норма прибыли*, или *общая норма прибыли на капитал*, реализуемая данным товаром, может стоять *ниже* его собственной нормы прибыли, определяемой действительно содержащейся в этом товаре прибавочной стоимостью, то отсюда вытекает следующее: если товары какой-нибудь *особой сферы производства* дают, кроме этой средней нормы прибыли, еще дополнительное количество прибавочной стоимости, которое носит особое название, скажем, *земельной ренты*, — то это не делает необходимым, чтобы прибыль плюс земельная рента, сумма прибыли и земельной ренты была больше *прибавочной стоимости*, содержащейся в самом этом товаре. Так как [достающаяся капиталисту] прибыль может быть меньше прибавочной стоимости, имманентной данному товару,

т. е. меньше того количества неоплаченного труда, которое содержится в данном товаре, то прибыль плюс земельная рента вовсе не обязательно должны быть больше имманентной прибавочной стоимости товара.

Правда, оставалось бы еще объяснить, почему такого рода явление имеет место в некоторой *особой* сфере производства в отличие от других сфер производства. Но разрешение проблемы было бы уже весьма облегчено. Товар, приносящий ренту, отличался бы этим от всех остальных товаров. У одной части этих остальных товаров их средняя цена стоит *выше* их имманентной стоимости, но лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы их норма прибыли *поднялась* до общей нормы прибыли; у другой части остальных товаров их средняя цена стоит *ниже* их имманентной стоимости, но лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы *понижить* их норму прибыли до общей нормы прибыли; наконец, у третьей части этих остальных товаров их средняя цена равна их имманентной стоимости, но только *потому*, что эти товары дают общую норму прибыли, когда они продаются по своей *имманентной* стоимости. Товар, приносящий земельную ренту, отличается от всех этих трех случаев. При всех обстоятельствах цена, по которой он продается, такова, что он приносит *прибыль ббльшую, чем средняя*, определяемая общей нормой прибыли на капитал.

И вот возникает вопрос: какой из этих трех случаев — или же сколько из них — может тут иметь место? *Реализуется* ли в цене приносящего ренту товара *вся содержащаяся в нем прибавочная стоимость*? Раз дело обстоит так, то этим исключается случай 3, где речь идет о таких товарах, вся прибавочная стоимость которых потому реализуется в их средней цене, что только при этом условии они дают обычную прибыль. Следовательно, этот случай сюда не относится. Не относится сюда, при *этом* предположении, и случай 1, где прибавочная стоимость, реализованная в цене товара, *выше* его имманентной прибавочной стоимости. Ибо у нас как раз предположено, что в цене товара, приносящего ренту, «реализуется содержащаяся в нем прибавочная стоимость». Таким образом, случай этот аналогичен случаю 2, где фигурируют товары, у которых их имманентная прибавочная стоимость превышает прибавочную стоимость, реализованную в их средней цене. Как и у этих последних товаров, та имманентная товарам *особой* сферы производства прибавочная стоимость, которая выступает в форме прибыли и понижается до уровня общей нормы прибыли, образует здесь прибыль на затраченный капитал. Однако, в отличие от *товара № 2*, в цене рассматриваемых нами исклю-

чительных товаров реализован также и *избыток имманентной им прибавочной стоимости над этой прибылью*, но достается этот избыток не владельцу капитала, а другому собственнику, а именно — собственнику земли, природного фактора, рудника и т. д.

Или, быть может, цена этих товаров взвинчивается настолько, что она дает больше, чем *среднюю норму прибыли*? Это происходит, например, при монопольных (в собственном смысле слова) ценах. *Такое допущение* — относительно любой сферы производства, где капитал и труд могут применяться свободно, а производство, поскольку дело касается массы применяемого капитала, подчинено общим законам, — не только представляло бы собой *petitio principii* *, но и *прямо противоречило бы* основам науки и капиталистического производства, теоретическим выражением которого и является эта наука. Ибо такое допущение уже предполагало бы как раз то, что требуется объяснить, а именно, что в некоторой особой сфере производства цена товара *неизбежно должна* давать больше, чем общую норму прибыли, больше, чем среднюю прибыль, и что для этого товар *неизбежно должен продаваться выше* его стоимости. Предполагалось бы, следовательно, что земледельческие продукты *не подчиняются* действию общих законов товарной стоимости и капиталистического производства. И все это предполагалось бы потому, что особое существование ренты рядом с прибылью *prima facie* ** создает такую видимость. Стало быть, указанное допущение нелепо.

Поэтому не остается ничего другого как предположить, что в этой особой сфере производства существуют особые условия, такие влияния, в силу которых цены товаров реализуют [всю] имманентную им прибавочную стоимость, — в отличие от фигурирующих в случае 2-м товаров, которые в своей цене реализуют лишь столько из содержащейся в них прибавочной стоимости, сколько им оставляет общая норма прибыли. В рассматриваемой же особой сфере производства средние цены товаров не падают ниже их прибавочной стоимости — настолько именно ниже, чтобы они давали лишь общую норму прибыли, или чтобы их средняя прибыль была не больше, чем во всех других сферах приложения капитала.

Этим проблема уже весьма упростилась. Дело идет уже не о том, чтобы объяснить, как это происходит, что цена

* — логическая ошибка, состоящая в доказывании какого-нибудь тезиса при помощи такого аргумента, который сам имеет силу только при допущении истинности доказываемого тезиса. *Ред.*

** — на первый взгляд. *Ред.*

определенного товара дает, кроме прибыли, еще и ренту, — стало быть, *по видимости* нарушает общий закон стоимости и путем поднятия цены данного товара выше его *имманентной прибавочной стоимости* приносит на капитал данной величины *больше, чем приходится соответственно общей норме прибыли*. Напротив, дело идет об объяснении того, как это происходит, что в процессе выравнивания цен товаров и приведения их к средним ценам этот товар не должен отдавать другим товарам из своей *имманентной прибавочной стоимости* столько, чтобы у него оставалась лишь *средняя прибыль*; каким образом получается, что этот товар реализует также еще и ту часть своей собственной прибавочной стоимости, которая образует избыток *над* средней прибылью. Речь идет, следовательно, о том, как это возможно, что арендатор, вкладывающий капитал в эту сферу производства, продает свой товар по таким ценам, что товар этот приносит ему обычную прибыль и вместе с тем дает ему возможность уплачивать третьему лицу, земельному собственнику, реализованный избыток прибавочной стоимости товаров *над* этой прибылью.

[455] Сформулированная таким образом проблема сама собой приводит к своему собственному разрешению.

(в) ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ
АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ. РАСПАДЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ
СТОИМОСТИ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ НА ПРИБЫЛЬ И РЕНТУ]

Дело обстоит совсем просто: *частная собственность* определенных лиц на землю, рудники, воды и т. д. дает этим лицам возможность подхватывать, захватывать, перехватывать содержащийся в товарах этой особой сферы производства, этой особой сферы приложения капитала, *избыток прибавочной стоимости над прибылью* (средней прибылью, прибылью, определяемую общей нормой прибыли) и препятствовать тому, чтобы этот избыток вошел в тот общий процесс, посредством которого образуется общая норма прибыли. Часть этой прибавочной стоимости захватывается даже во всяком промышленном предприятии, так как за используемый земельный участок (отведенный под фабричное здание и т. д., под рабочий дом и т. д.) везде уплачивается рента, — ведь даже там, где располагать землей можно совершенно свободно, фабрики строятся только в местностях, уже более или менее густонаселенных и богатых путями сообщения.

Если бы товары, получаемые с самой плохой почвы, принадлежали к 3-й категории товаров, средняя цена которых равна их стоимости, т. е. к категории тех товаров, которые реализуют в своей цене всю свою имманентную прибавочную стоимость, так как только при этом условии они приносят обычную прибыль, — то эта земля не платила бы ренты, и собственность на землю была бы здесь лишь номинальной. Если бы здесь уплачивалась *аренда*, то это доказывало бы только то, что мелкие капиталисты, как это отчасти имеет место в Англии (см. *Ньюмена*)¹⁵, довольствуются такой прибылью, которая ниже средней. То же самое имеет место всегда в том случае, когда норма ренты больше разности между *имманентной* прибавочной стоимостью товара и *средней прибылью*. Имеется даже такая земля, обработка которой возмещает самое большее заработную плату, ибо хотя работник в течение всего своего рабочего дня работает здесь на самого себя, его рабочее время превышает общественно *необходимое* рабочее время. Его труд так мало производителен — по отношению к господствующей производительности в *этой* отрасли труда, — что, хотя человек работает на себя двенадцать часов, он едва производит такое количество продукта, какое при более благоприятных условиях производства рабочий производит за восемь часов. Это — то же самое отношение, которое имело место у ручного ткача, конкурировавшего с механическим ткацким станком. Продукт этого ручного ткача содержал, конечно, двенадцать рабочих часов, но он был равен только восьми — или и того меньше — общественно *необходимым* рабочим часам и потому обладал стоимостью всего лишь восьми необходимых рабочих часов. Если в подобном случае бедняк-арендатор платит аренду, то она есть просто вычет из его *необходимой* заработной платы и не представляет никакой прибавочной стоимости, а тем более — никакого избытка над средней прибылью.

Предположим, что в какой-либо стране, например в Соединенных Штатах, число конкурирующих фермеров еще настолько незначительно и присвоение земли в собственность имеет еще настолько формальный характер, что каждый находит свободный участок для того, чтобы вложить свой капитал в обработку земли без разрешения со стороны тех собственников или арендаторов, которые уже до него обрабатывали землю. При таких обстоятельствах в течение более или менее продолжительного времени возможно, — исключение составляют те земли, которые, находясь в густонаселенных местностях, занимают монопольное положение, — что прибавочная стоимость, производимая арендатором сверх средней прибыли, не реализуется в цене

его продукта, что арендатор оказывается вынужденным делить полученную им прибавочную стоимость с собратьями-капиталистами, как это происходит с прибавочной стоимостью всех тех товаров, которые давали бы добавочную прибыль, т. е. прибыль, превышающую общую норму прибыли, если бы в их цене реализовалась вся содержащаяся в них прибавочная стоимость. В таком случае общая норма прибыли повысилась бы, потому что пшеница и т. д. продавалась бы, подобно другим — промышленным — товарам, *ниже* своей стоимости. Такая продажа *ниже* стоимости не составляла бы исключения, а, напротив, помешала бы пшенице составлять исключение из других товаров той же категории.

Предположим, во-вторых, что в какой-либо стране вся земля — одного только качества, но такого именно, что если бы вся содержащаяся в товаре прибавочная стоимость реализовалась в его цене, товар приносил бы капиталу обычную прибыль. В этом случае не уплачивалось бы никакой земельной ренты. Это отпадение земельной ренты ни малейшим образом не повлияло бы на общую норму прибыли, не повысило бы ее и не понизило бы, точно так же как не влияет на норму прибыли то обстоятельство, что к той же категории принадлежат и другие — несельскохозяйственные — продукты. Ведь эти товары потому и принадлежат к данной категории, что их *имманентная прибавочная стоимость* равняется *средней прибыли*; они, следовательно, не могут изменить высоту этой прибыли, а, напротив, находятся в соответствии с нею и совсем не оказывают влияния на нее, хотя она и влияет на них.

Предположим, в-третьих, что во всей стране земля — одного только рода, причем она так неплодородна и капитал, вложенный в нее, так мало производителен, что его продукт принадлежит к той категории товаров, у которой прибавочная стоимость — ниже средней прибыли. Прибавочная стоимость (так как заработная плата, вследствие малой производительности земледелия, повсеместно повысилась бы) могла бы в данном случае стоять на более высоком уровне, конечно, только там, где возможно было бы удлинение абсолютного рабочего времени; далее, там, где сырой материал, например железо и т. д., не являлся бы продуктом земледелия или же представлял бы собой — как, например, хлопок, шелк и т. д. — предмет импорта и продукт более плодородной почвы. В этом случае цена [земледельческого] товара, чтобы приносить обычную прибыль, должна была бы включать более высокую прибавочную стоимость, чем та, которая имманентна товару. В результате этого общая норма прибыли упала бы, хотя ренты и не существовало бы.

Или же предположим, что в случае 2 земля очень непроизводительна. Тогда то обстоятельство, что прибавочная стоимость этого земледельческого продукта равна средней прибыли, показывало бы, что средняя прибыль здесь вообще низка, так как в земледелии из двенадцати рабочих часов одиннадцать, быть может, нужны для того только, чтобы произвести заработную плату, прибавочная же стоимость составляет всего лишь один час или еще меньше.

[456] Эти различные случаи иллюстрируют следующее:

В первом случае *отпадение или отсутствие земельной ренты* связано и сосуществует с *повышенной нормой прибыли* по сравнению с другими странами, где земельная рента уже развилась.

Во втором случае отпадение или отсутствие земельной ренты совершенно не влияет на норму прибыли.

В третьем случае оно — по сравнению с другими странами, где земельная рента существует, — связано с *низкой, относительно более низкой* общей нормой прибыли и служит показателем этого ее низкого уровня.

Таким образом, из этого следует, что само по себе развитие особой земельной ренты не имеет абсолютно ничего общего с *производительностью земледельческого труда*, так как отсутствие или отпадение ренты может быть связано и с повышающейся, и с остающейся неизменной, и с понижающейся нормой прибыли.

Вопрос здесь не в том, почему в земледелии и т. д. захватывается *избыток прибавочной стоимости над средней прибылью*; наоборот, следует скорее задать такой вопрос: в силу каких причин здесь должно было бы иметь место противоположное явление?

Прибавочная стоимость есть не что иное, как неоплаченный труд; средняя прибыль, или нормальная прибыль, есть не что иное, как то количество неоплаченного труда, которое, согласно предположению, реализуется каждым капиталом данной величины. Когда говорят, что средняя прибыль составляет 10 процентов, то это означает только то, что на капитал в 100 единиц приходится 10 единиц неоплаченного труда, или что овеществленный труд, равный 100, распоряжается *неоплаченным трудом* в размере $\frac{1}{10}$ своей собственной величины. *Избыток прибавочной стоимости над средней прибылью* означает, следовательно, что в товаре (в его цене или в той части его цены, которая состоит из прибавочной стоимости) содержится большее количество неоплаченного труда, чем то, которое образует среднюю прибыль и которое, стало быть, в средней цене товаров *составляет избыток цены товара над издержками его производства*.

Издержки производства выражают в каждом отдельном товаре авансированный капитал, а избыток над этими издержками производства выражает тот *неоплаченный труд*, которым распоряжается авансированный капитал; стало быть, отношение этого избытка цены к издержкам производства выражает ту *норму*, соответственно которой капитал данной величины, применяемый в процессе производства товаров, распоряжается неоплаченным трудом, независимо от того, равен ли этой *норме* или же не равен ей содержащийся в товаре данной *особой* сферы производства неоплаченный труд.

Что же заставляет отдельного капиталиста продавать, например, свой товар по средней цене? (Эта средняя цена *навязывается* капиталисту как нечто уже сложившееся, это отнюдь не является его свободным действием: капиталист предпочел бы продавать свой товар *выше* его стоимости.) Итак, что заставляет капиталиста продавать по такой цене, которая приносит ему только среднюю прибыль и при которой он реализует меньше неоплаченного труда, чем фактически содержится в его собственном товаре? — К этому его принуждает давление других капиталов, осуществляемое посредством конкуренции. Ведь любой капитал такой же величины мог бы тоже устремиться в отрасль производства *A*, где отношение неоплаченного труда к авансированному капиталу, например к 100 ф. ст., больше, чем в сферах производства *B*, *C* и т. д., продукты которых своей потребительной стоимостью совершенно так же удовлетворяют какую-либо общественную потребность, как и товар сферы производства *A*.

Стало быть, раз существуют такие сферы производства, где известные природные условия производства, как, например, пахотная земля, залежи угля, железные рудники, водопад и т. д., — условия, без которых не может совершаться процесс производства, без которых не может быть произведен товар данной сферы, — находятся не в руках собственников или владельцев овеществленного труда, капиталистов, а в других руках, то эта вторая группа *собственников условий производства* заявляет капиталисту:

Если я предоставляю тебе в пользование эти условия производства, то ты будешь выручать свою среднюю прибыль, присваивать себе нормальное количество неоплаченного труда. Но твое производство дает избыток прибавочной стоимости, неоплаченного труда, над нормой прибыли. Этот избыток ты не должен бросать в общую кассу, как вы, капиталисты, это обычно делаете. Этот избыток присваиваю себе я, он принадлежит мне. Такого рода сделка может тебя вполне устроить, ибо в этой сфере

производства твой капитал приносит тебе столько же, сколько и во всякой другой сфере, да к тому же это очень солидная отрасль производства. Сверх 10% неоплаченного труда, составляющих среднюю прибыль, твой капитал дает тебе здесь еще 20% *избыточного* неоплаченного труда. Их ты уплатишь мне, а для того чтобы ты был в состоянии это сделать, ты к цене товара присчитаешь эти 20% неоплаченного труда, но не внесешь их в общий счет с другими капиталистами. Подобно тому как принадлежащая тебе собственность на одно из условий труда — на капитал, овеществленный труд — делает для тебя возможным присваивать определенное количество неоплаченного труда рабочих, так и принадлежащая мне собственность на другое условие производства — на землю и т. д. — дает мне возможность перехватывать у тебя и у всего класса капиталистов ту часть неоплаченного труда, которая составляет избыток над твоей средней прибылью. Ваш закон требует, чтобы при нормальных условиях равный капитал присваивал себе равное количество неоплаченного труда, и вы, капиталисты, можете [457] друг друга принуждать к этому посредством конкуренции. Прекрасно! Этот закон я как раз и применяю к тебе. Из неоплаченного труда твоих рабочих присваивай себе не больше, чем ты, применяя тот же капитал, мог бы присвоить во всякой другой сфере производства. Но закон этот не имеет ни малейшего отношения к избытку неоплаченного труда, «произведенному» тобой сверх его нормального количества. Кто мне может помешать присвоить себе этот «избыток»? С какой стати должен был бы я, как это принято у вас, бросать его в общий котел капитала для распределения среди класса капиталистов, чтобы каждый из них получил определенную долю этого избытка, соразмерно тому паю, которым он владеет в совокупном капитале? Я не капиталист. То условие производства, пользование которым я тебе предоставляю, есть дар природы, а не овеществленный труд. Можете ли вы фабриковать землю, или воду, или рудники, или угольные залежи? Нет, не можете. Следовательно, по отношению ко мне не существует того средства принуждения, которое может быть применено по отношению к тебе, чтобы заставить тебя выплунуть часть захваченного лично тобой прибавочного труда. А потому, подавай-ка ее сюда! Единственное, что могут сделать твои собратья-капиталисты, это — вступить в конкуренцию не со мной, а с тобой. Если ты станешь уплачивать мне добавочную прибыль в размере меньшем, чем разность между присвоенным тобой *прибавочным рабочим временем* и той долей прибавочного труда, которая приходится тебе согласно закону капитала, — то на сцене

появятся твои собратья-капиталисты и своей конкуренцией принудят тебя честно выплачивать мне *полную сумму* того, что я в состоянии выжать из тебя.

Теперь надо было бы исследовать: 1) переход от феодальной земельной собственности к другой, коммерческой земельной ренте, регулируемой капиталистическим производством; или, с другой стороны, переход этой феодальной земельной собственности в свободную крестьянскую земельную собственность; 2) как возникает земельная рента в таких странах, как Соединенные Штаты, где земля первоначально не являлась частной собственностью и где, по крайней мере формально, с самого начала господствует буржуазный способ производства; 3) азиатские формы земельной собственности, которые продолжают еще существовать. Все это сюда не относится.

Итак, согласно развиваемой нами теории, частная собственность на объекты природы, каковы земля, вода, рудники и т. д., собственность на эти условия производства, на то или иное данное природой условие производства — не является тем источником, откуда происходит стоимость, ибо стоимость равна лишь овеществленному рабочему времени; не является эта собственность также и тем источником, откуда происходит избыточная прибавочная стоимость, т. е. избыток неоплаченного труда над тем неоплаченным трудом, который содержится в прибыли. Но эта собственность есть источник дохода. Она есть титул, средство, дающее собственнику этого условия производства возможность присваивать себе в той сфере производства, куда предмет его собственности входит как условие производства, ту часть выжатого капиталистом неоплаченного труда, которая в противном случае была бы брошена, как избыток над обычной прибылью, в общую кассу капитала. Эта собственность служит средством к тому, чтобы поставить преграду вышеуказанному процессу, происходящему в остальных сферах капиталистического производства, и удержать произведенную в этой особой сфере производства прибавочную стоимость в пределах этой же сферы, так что прибавочная стоимость делится теперь между капиталистом и земельным собственником. Этим путем земельная собственность становится ассигновкой на неоплаченный труд, на даровой труд, такой же ассигновкой, какой является и капитал. И подобно тому как в капитале овеществленный труд рабочего выступает как господствующая над рабочим сила, точно так же в земельной собственности то обстоятельство, что она дает своему собственнику возможность отнимать у капиталиста часть неоплаченного труда, принимает такой вид, будто земельная собственность есть источник стоимости.

Это объясняет современную земельную ренту, ее существование. Различную величину земельной ренты *при одинаковом вложении капитала* можно объяснить только неодинаковым плодородием земельных участков. Различная величина ренты *при одинаковом плодородии* может быть объяснена только *различной величиной вложенных капиталов*. В первом случае земельная рента возрастает потому, что повышается ее норма по отношению к затраченному капиталу (а также и по отношению к земельной площади). Во втором случае она возрастает потому, что при одинаковой норме — или даже при норме, содержащей в себе различия (если вторая доза вкладываемого в землю капитала менее производительна) — возрастает масса ренты.

Согласно этой теории, нет необходимости ни в том, чтобы самая плохая почва не давала совсем земельной ренты, ни в том, чтобы она давала ренту. Далее, отнюдь не необходимо, чтобы производительность земледелия уменьшалась, хотя разница в производительности, если она не устранена искусственно (что возможно), гораздо больше в земледелии, чем в пределах одной и той же сферы промышленного производства. Когда мы говорим о большей или меньшей производительности, речь идет о продукте *одного и того же рода*. Как относятся друг к другу различные продукты, — это другой вопрос.

Земельная рента, исчисляемая на самое землю, есть общая сумма ренты, ее масса. Она может повышаться и без возрастания нормы ренты. При неизменяющейся стоимости денег относительная стоимость земледельческих продуктов может возрасти не потому, что земледелие становится менее *производительным*, а потому, что хотя оно и становится *производительнее*, но не в той же мере, как промышленность. Напротив, повышение денежных цен земледельческих продуктов, при неизменной стоимости денег, возможно только в том случае, если сама *их* стоимость повышается, т. е. если земледелие становится менее *производительным* (мы не говорим здесь о временном давлении спроса на предложение, как это бывает и с другими товарами).

В хлопчатобумажной промышленности, по мере того как развивалась сама промышленность, сырой материал все время падал в цене; то же самое происходило в железоделательной промышленности и т. д., в угольной и т. д. Возрастание ренты здесь было возможно не потому, что повышалась ее норма, а только потому, что применялось больше капитала.

Рикардо полагает, что такие силы природы, как воздух, свет, электричество, пар, вода, являются даровыми, а земля — вследствие ее ограниченности — не является даровой.

Следовательно, уже только поэтому земледелие, по мнению Рикардо, менее производительно, чем другие отрасли производства. Если бы земля была таким же общим, не превращенным в собственность, достоянием и если бы ее можно было иметь в любом количестве так же, как и другие элементы и силы природы, то производство, по Рикардо, было бы гораздо производительнее.

[458] Прежде всего необходимо отметить, что если бы земля, как элемент природы, находилась в свободном распоряжении всех и каждого, то отсутствовал бы один из главных элементов *для образования капитала*. Одно из самых существенных условий производства и — если не считать самого человека и его труд — единственно первичное условие производства не могло бы подвергаться отчуждению и присвоению и, следовательно, не могло бы противостоять рабочему как чужая собственность и в результате этого превращать его в наемного рабочего. Производительность труда в рикардовском смысле, т. е. в капиталистическом смысле, «производство» чужого неоплаченного труда было бы, следовательно, невозможно. Тем самым пришел бы конец капиталистическому производству вообще.

Что касается тех сил природы, на которые указывает Рикардо, то их, конечно, можно отчасти иметь даром, и капиталисту они ничего не стоят. Уголь стоит ему, но пар не стоит ему ничего, если капиталист имеет воду даром. Возьмем, однако, например пар. Свойства пара существовали всегда. Но производственное использование пара есть новое научное открытие, которое капиталист себе присвоил. В результате этого открытия возросла производительность труда, а тем самым и относительная прибавочная стоимость. Это значит: количество неоплаченного труда, присваиваемое капиталистом в течение одного рабочего дня, возросло благодаря пару. Таким образом, различие между производительной силой пара и производительной силой земли заключается только в том, что первая приносит неоплаченный труд капиталисту, а вторая — земельному собственнику, отнимая неоплаченный труд рабочего не [непосредственно] у этого последнего, а у капиталиста. Отсюда мечтания капиталиста об «отмене собственности» на этот элемент природы.

В рикардовском подходе к вопросу верно лишь следующее:

При капиталистическом способе производства капиталист — не только необходимый, но и господствующий агент производства. Напротив, земельный собственник при этом способе производства совершенно излишен. Все, что требуется для капиталистического способа производства, это — то, чтобы земля *не* была общей собственностью, чтобы она противостояла

рабочему классу как *не принадлежащее* ему условие производства, и эта цель достигается полностью тогда, когда земля становится государственной собственностью и земельную ренту получает, стало быть, государство. Земельный собственник, исполнявший в древнем и в средневековом мире столь существенные функции в производстве, является в промышленном мире бесполезным наростом. Поэтому радикальный буржуа (имея, кроме того, в виду отмену всех других налогов) теоретически приходит к отрицанию частной земельной собственности, которую ему хотелось бы превратить в форме государственной собственности в общую собственность класса буржуазии, капитала. Однако на практике у него не хватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности — на одну форму частной собственности на условия труда — было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам себя территориализировал *.

14) НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛОЖЕНИЯ РОДБЕРТУСА ОБ ОТСУТСТВИИ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ СТОИМОСТИ СЫРОГО МАТЕРИАЛА]

Теперь обратимся к г-ну Родбертусу.

По мнению Родбертуса, в земледелии совсем не входит в счет сырой материал, потому что немецкий крестьянин, как уверяет Родбертус, не считает затратой для самого себя семени, корм и т. д., не принимает в расчет этих издержек производства, т. е. считает *неправильно*. Выходит, что в Англии, где фермер уже больше 150 лет производит расчет правильно, *никакой* земельной ренты *не* должно было бы существовать. Стало быть, Родбертусу следовало бы сделать отсюда не тот вывод, что арендатор уплачивает ренту потому, что его норма прибыли выше, чем в промышленности, а совсем другой вывод: арендатор выплачивает-де ренту потому, что, в результате *неправильного* расчета, он довольствуется *более низкой* нормой прибыли. Доктору Кенэ, который сам был сыном арендатора и хорошо был знаком с французскими арендными отношениями, Родбертус не пришелся бы по душе. Ведь Кенэ под рубрикой «авансов», среди «ежегодных авансов», определяет в один миллиард стоимость того «сырого материала», который арендатор применяет в своем хозяйстве, хотя и воспроизводит его *in natura*.

Если в одной части промышленности почти совершенно отсутствует основной капитал, или машинное оборудование, то

* — обзавелся землей. Ред.

в другой части, во всей транспортной промышленности — той промышленности, которая производит перемещение (при помощи повозок, железных дорог, кораблей и т. д.), — совсем не применяется сырой материал, а применяются только орудия производства. Приносят ли эти отрасли промышленности, кроме прибыли, еще и земельную ренту? Чем отличается эта отрасль промышленности, скажем, от горной промышленности? В обоих случаях имеются налицо лишь машинное оборудование и вспомогательные материалы, как, например, уголь для паровозов и локомотивов, а также и для рудников, корм для лошадей и т. д. Почему норма прибыли должна для одного рода производства исчисляться иначе, чем для другого? Предположим, что те затраты, которые крестьянин делает для своего производства *in natura*, составляют $\frac{1}{5}$ всего авансированного им капитала; к этому надо добавить $\frac{4}{5}$, составляющих затраты на покупаемые им машины и на заработную плату; пусть весь этот расход равняется [по стоимости] 150 квартерам. Если, далее, крестьянин получает 10% прибыли, то это составляет 15 квартеров. Валовой продукт, следовательно, был бы равен 165 квартерам. Если бы крестьянин вычел из затраченного им капитала $\frac{1}{5}$, т. е. 30 квартеров, и считал бы 15 квартеров только на 120, то прибыль его составила бы $12\frac{1}{2}\%$.

Мы могли бы это выразить еще и так. Стоимость продукта крестьянина, или его продукт, равняется 165 квартерам (330 ф. ст.). Крестьянин оценивает свои затраты в 120 квартеров (240 ф. ст.). 10% с них составляют 12 квартеров (24 ф. ст.). Но его валовой продукт равен 165 квартерам, из которых, таким образом, [на возмещение денежных затрат и на 10% прибыли с них] уходит всего 132 квартера; остается 33 квартера. Но из этих 33 квартеров 30 квартеров расходуются *in natura*. Остается, значит, в виде сверхприбыли 3 квартера (= 6 ф. ст.). Совокупная прибыль этого крестьянина равна 15 квартерам (30 ф. ст.) вместо 12 квартеров (24 ф. ст.). Следовательно, он в состоянии платить ренту в 3 квартера, или в 6 ф. ст., и *вообразать* при этом, что получил, как и всякий другой капиталист, 10% прибыли. Но эти 10% существуют только в воображении. На самом деле он авансировал не 120 квартеров, а 150, и 10% с них составляют 15 квартеров, или 30 ф. ст. На самом деле он недополучил 3 квартера, т. е. $\frac{1}{4}$ от полученных им 12 квартеров, [459] иными словами, он недополучил $\frac{1}{5}$ от всей той прибыли, которую должен был бы получить, — и это потому, что он $\frac{1}{5}$ своих затрат не принял в расчет в качестве затрат. Получается, что стоило бы крестьянину научиться вести счет капиталистически, как он сразу же перестал бы платить земельную ренту, которая

равнялась бы только разности между его нормой прибыли и обычной ее нормой.

Иначе говоря, заключающийся в 165 квартерах продукт неоплаченного труда равен 15 квартерам, или 30 ф. ст., или 30 рабочим неделям. Если эти 30 рабочих недель, или 15 кварталов, или 30 ф. ст., относить к совокупной затрате, равной 150 квартерам, то они составили бы только 10%; если относить их только к 120 квартерам, то они составят более высокую норму прибыли. Ибо 12 кварталов на 120 кварталов дают 10%, а 15 кварталов составят на 120 кварталов не 10%, а 12½%. Это означало бы: хотя крестьянин и сделал указанные натуральные затраты, но так как он их не учел на капиталистический лад, то сбереженный им прибавочный труд он отнес не ко всей сумме своих затрат; при таком положении вещей этот прибавочный труд представлял бы более высокую норму прибыли по сравнению с другими отраслями производства и мог бы приносить ренту, которая покоилась бы, следовательно, только на ошибке в расчете. Если бы крестьянин знал, что, для того чтобы оценивать в деньгах производимые им затраты и рассматривать их поэтому как товар, ему совсем нет необходимости превращать их предварительно в *действительные деньги*, т. е. *продавать* их, то всей этой истории пришел бы конец.

Без этой ошибки в расчете (которую могут делать в своей массе немецкие крестьяне, но которой не сделает ни один капиталистический арендатор) была бы невозможна родбертусовская рента. Она возможна только там, где сырой материал входит в издержки производства, но невозможна там, где он в эти издержки *не входит*. Она возможна только там, где сырой материал входит в производство, однако *не* учитывается производителем. Но она невозможна там, где сырой материал не входит в производство, — хотя г-н Родбертус и хочет вывести ренту *не из ошибки в расчете*, а из *отсутствия* одной действительной статьи в авансируемых затратах.

Возьмем горную промышленность или рыболовство. Здесь сырой материал входит в производство только в качестве вспомогательного материала, а это мы можем оставить в стороне, ибо применение машин всегда (за весьма немногими исключениями) предполагает также и потребление вспомогательных материалов, являющихся для машины своего рода жизненными средствами. Предположим, что общая норма прибыли составляет 10%. 100 ф. ст. затрачены на машины и заработную плату. Почему прибыль на 100 должна превышать 10 в том случае, если эти 100 затрачены, скажем, не на сырой материал, машины и заработную плату [а только на машины и заработную плату]?

Или же в том случае, если эти 100 затрачены только на сырой материал и заработную плату? Если здесь имеет место какое-нибудь различие, то оно могло бы происходить лишь из того, что в *различных случаях* соотношение стоимостей постоянного капитала и переменного капитала вообще *складывалось бы различным образом*. Это различное соотношение давало бы различную прибавочную стоимость даже в том случае, если норма прибавочной стоимости предположена как постоянная. А отношение различной прибавочной стоимости к *равным по величине* капиталам должно было бы, разумеется, давать неодинаковые прибыли. Но, с другой стороны, общая норма прибыли означает ведь не что иное, как выравнивание этих различий, абстрагирование от органических составных частей капитала и такое распределение прибавочной стоимости, при котором равные по величине капиталы приносят равные прибыли.

То обстоятельство, что масса прибавочной стоимости зависит *от величины затраченного капитала*, относится — согласно общим законам прибавочной стоимости — отнюдь не к капиталам в *различных* сферах производства, а к *различным капиталам* в *одной и той же* сфере производства, где предполагается одинаковое соотношение *органических* составных частей капитала. Если я, например, говорю: масса прибыли соответствует, положим, в *прядельной промышленности* величине затраченных капиталов (что тоже не совсем верно, если к этому не добавить: предполагая производительность *постоянной*), — то я, в сущности, только говорю, что при данной норме эксплуатации прядельщиков сумма эксплуатации зависит от числа эксплуатируемых прядельщиков. Если же я, напротив, говорю, что масса прибыли в различных отраслях производства соответствует величине затраченных капиталов, то это значит, что норма прибыли для каждого капитала данной величины одна и та же, т. е. что масса прибыли может изменяться только вместе с изменением величины этого капитала, а это, другими словами, опять-таки означает, что норма прибыли не зависит от органического соотношения составных частей капитала в какой-нибудь отдельной сфере производства, что она вообще не зависит от величины прибавочной стоимости, создаваемой в этих отдельных сферах производства.

Горное дело следовало бы с самого начала отнести к промышленности, а не к земледелию. На каком основании? На том именно основании, что ни один продукт рудника *in natura* — в том виде, в каком он выходит из рудника, — не входит снова, как элемент производства, в постоянный капитал, применяемый на руднике (то же самое имеет место в рыболовстве, в охотни-

чем промысле, где затраты в еще гораздо большей степени сводятся только к средствам труда и к заработной плате или к самому труду). [460] Другими словами, это происходит из того, что здесь каждый элемент производства — даже если его сырой материал получается из рудника — предварительно, прежде чем снова войти в качестве элемента в горное производство, не только видоизменяет свою форму, но и превращается в товар, т. е. должен быть *куплен*. Единственное исключение составляет уголь. Но в качестве средства производства уголь появляется только на той стадии развития, когда горнопромышленник уже представляет собой образованного капиталиста, ведущего итальянскую бухгалтерию, согласно которой не только он записывает в долг самому себе свои затраты, не только он является дебитором по отношению к своей собственной кассе, но и его собственная касса становится дебитором по отношению к самой себе. Таким образом, как раз здесь, где сырой материал действительно не входит в затраты, должно с самого начала преобладать капиталистическое счетоводство, а значит невозможно и то заблуждение, в какое может впасть крестьянин.

Возьмем даже обрабатывающую промышленность, и именно ту часть ее, где все элементы процесса труда фигурируют также и в качестве элементов процесса образования стоимости, где, стало быть, все элементы производства входят в производство нового товара вместе с тем и как затраты, как такие потребительные стоимости, которые обладают стоимостью, т. е. как *товары*. Здесь имеется существенная разница между промышленником, производящим первый полуфабрикат, и вторым и всеми дальнейшими промышленниками (соответственно последовательности фаз производства), у которых сырой материал не только входит в производство как товар, но и представляет собой уже товар второй степени, т. е. такой товар, который получил уже форму, отличную от натуральной формы первого товара, сырого продукта, и прошел уже вторую фазу процесса производства. Например; прядильщик. Сырым материалом служит ему хлопок, но это — сырой продукт уже в качестве товара. Для ткача же сырым материалом является пряжа — продукт прядильщика; сырым материалом для печатника или красильщика является ткань, продукт ткача, и все эти продукты, каждый из которых в какой-нибудь дальнейшей фазе процесса вновь выступает в качестве сырого материала, представляют собой вместе с тем товары ¹⁶. [460]

[461] Мы здесь, очевидно, вновь натолкнулись на тот вопрос, который нас занимал уже дважды: один раз при рассмотрении взглядов Джона Стюарта Милля ¹⁷, затем — при общем

рассмотрении соотношения между постоянным капиталом и доходом *. То, что этот вопрос возникает все вновь и вновь, показывает, что здесь еще есть какая-то заковычка. Этот вопрос относится, собственно говоря, к главе III — о прибыли¹⁸. Однако лучше рассмотреть его здесь.

Итак, возьмем пример:

4 000 фунтов хлопка = 100 ф. ст.;
 4 000 фунтов пряжи = 200 ф. ст.;
 4 000 ярдов ситца = 400 ф. ст.

Согласно этому предположению, 1 фунт хлопка = 6 пенсам, 1 фунт пряжи = 1 шилл., 1 ярд ситца = 2 шилл.

Предположим, что норма прибыли равна 10%. Тогда:

А) в 100 ф. ст. — затрата = 90^{10}_{11} , прибыль = 9^1_{11} .
 В) в 200 ф. ст. — затрата = 181^9_{11} , прибыль = 18^2_{11} .
 С) в 400 ф. ст. — затрата = 363^7_{11} , прибыль = 36^4_{11} .

А — это хлопок, продукт крестьянина (I), В — пряжа, продукт прядильщика (II), С — ткань, продукт ткача (III).

При этом предположении совершенно безразлично, включают ли сами 90^{10}_{11} ф. ст. продукта А прибыль или же нет. Они не включают прибыли, если они являются таким постоянным капиталом, который сам себя возмещает. Точно так же для В безразлично, содержат ли [представляющие стоимость продукта А] 100 ф. ст. прибыль или же не содержат ее, и таким же образом обстоит дело с С в отношении продукта В.

Положение вещей у возделывателя хлопка (I), у прядильщика (II) и у ткача (III) представляется в следующем виде:

I) Затрата — 90^{10}_{11} , прибыль — 9^1_{11} . Сумма — 100.
 II) Затрата — $(100 \text{ (I)} + 81^9_{11})$, прибыль — 18^2_{11} . Сумма — 200.
 III) Затрата — $(200 \text{ (II)} + 163^7_{11})$, прибыль — 36^4_{11} . Сумма — 400.

Вся сумма равна 700.

Прибыль равна $9^1_{11} + 18^2_{11} + 36^4_{11} = 63^7_{11}$.

Авансированный во всех трех отраслях капитал равен $90^{10}_{11} + 181^9_{11} + 363^7_{11} = 636^4_{11}$.

Избыток 700 над 636^4_{11} равен 63^7_{11} . Но $63^7_{11} : 636^4_{11} = 10 : 100$.

Продолжая анализ этой дребедени, мы получим следующее:

I) Затрата — 90^{10}_{11} , прибыль — 9^1_{11} . Сумма — 100.
 II) Затрата — $(100 \text{ (I)} + 81^9_{11})$, прибыль — $(10 + 8^2_{11})$. Сумма — 200.
 III) Затрата — $(200 \text{ (II)} + 163^7_{11})$, прибыль — $(20 + 16^4_{11})$. Сумма — 400.

Возделыватель хлопка (I) никому не должен уплачивать прибыль, потому что предполагается, что его постоянный капитал, равный 90^{10}_{11} , не включает прибыли, а выражает только постоянный капитал. В затрату прядильщика (II) входит весь

* См. настоящее издание, часть I, стр. 120—121 и 208. Ред.

продукт возделывателя хлопка (I) в качестве постоянного капитала. Часть [продукта II, выражающая] постоянный капитал, равный 100, возмещает возделывателю хлопка $9^{1/11}$ прибыли. В затрату ткача (III) входит весь продукт прядильщика (II), равный 200; [постоянный капитал ткача] возмещает, следовательно, прибыль в $18^2/_{11}$. Это, однако, не препятствует тому, что прибыль возделывателя хлопка ничуть не больше прибыли прядильщика и ткача, так как в такой же самой пропорции меньше тот капитал, который должен быть возмещен возделывателем хлопка, а прибыль соответствует величине капитала, совершенно независимо от того, из каких частей складывается этот капитал.

Предположим теперь, что ткач (III) производит всё сам. Тогда дело *по видимости* меняется. [Но в действительности норма прибыли при этом не изменяется.] Затраты ткача принимают теперь следующий вид: $90^{10}/_{11}$ вложены в производство хлопка; $181^9/_{11}$ — в производство пряжи и $363^7/_{11}$ — в производство ткани. Он покупает все три отрасли производства, он должен, следовательно, в каждую из этих отраслей вложить определенный постоянный капитал. Сложим эти капиталы в одну сумму: $90^{10}/_{11} + 181^9/_{11} + 363^7/_{11} = 636^4/_{11}$. Исчисленные на эту сумму 10% дают ровно $63^7/_{11}$, как и выше, — только теперь все это целиком кладет в карман одно лицо, тогда как прежде эти $63^7/_{11}$ распределялись между I, II и III.

[462] Откуда же возникает обманчивая видимость [будто при этом изменяется норма прибыли]?

Но предварительно еще одно замечание.

Если мы из 400, из которых $36^4/_{11}$ составляют прибыль ткача, вычтем эту прибыль, то останется $363^7/_{11}$, что составляет его затрату. Из этой затраты 200 заплачено за пряжу. Из этих 200 приходится на прибыль прядильщика $18^2/_{11}$. Если мы вычтем эти $18^2/_{11}$ из затраты в $363^7/_{11}$, то останется $345^5/_{11}$. Но в 200, возмещенных прядильщику, заключается, сверх того, еще $9^{1/11}$ — прибыль возделывателя хлопка. Если мы ее вычтем из $345^5/_{11}$, то останется $336^4/_{11}$. Если же мы эти $336^4/_{11}$ вычтем из 400, т. е. из совокупной стоимости ткани, то окажется, что в ней заключена прибыль, равная $63^7/_{11}$.

Но прибыль в $63^7/_{11}$ на $336^4/_{11}$ равна $18^{34}/_{37}\%$.

Раньше эти $63^7/_{11}$ исчислялись на $636^4/_{11}$, и это составляло прибыль в 10%. Избыток совокупной стоимости в 700 над $636^4/_{11}$ составлял как раз $63^7/_{11}$.

Итак, согласно нашему новому расчету, на 100 того же капитала приходилось бы $18^{34}/_{37}\%$, тогда как по предыдущему расчету — только 10%.

Как это согласуется одно с другим?

Предположим, что I, II и III — один и тот же человек, который, однако, свои три капитала применяет не одновременно (один капитал — в хлопководстве, другой — в прядении, третий — в ткацком деле), а следующим образом: лишь после того как он закончил возделывание хлопка, он начинает прясть, и лишь закончив прядение, он принимается за ткачество.

Тогда расчет получился бы такой:

$90^{10}/_{11}$ ф. ст. затрачивает этот капиталист на возделывание хлопка и получает 4 000 фунтов хлопка. Чтобы выпрясть все это количество, он должен сделать дальнейшую затрату на машины, вспомогательные материалы и заработную плату — всего $81^9/_{11}$ ф. ст. При помощи этого он производит 4 000 фунтов пряжи. Наконец, он превращает их в 4 000 ярдов ткани, что обходится ему в новую затрату в $163^7/_{11}$ ф. ст. Если теперь сложить все его затраты, то его авансированный капитал составит $90^{10}/_{11}$ ф. ст. + $81^9/_{11}$ ф. ст. + $163^7/_{11}$ ф. ст., т. е. $336^4/_{11}$ ф. ст. 10% от этой суммы составят $33^7/_{11}$, так как $336^4/_{11} : 33^7/_{11} = 100 : 10$. Но $336^4/_{11}$ ф. ст. + $33^7/_{11}$ ф. ст. = 370 ф. ст. Стало быть, он продал бы 4 000 ярдов ткани за 370 ф. ст. вместо 400 ф. ст., на 30 ф. ст. дешевле, т. е. на $7\frac{1}{2}\%$ дешевле прежнего. Следовательно, если бы стоимость ткани была действительно равна 400 ф. ст., то он мог бы продавать свой товар, получая обычную прибыль в 10%, и платить еще ренту в 30 ф. ст., ибо его норма прибыли равнялась бы отношению не $33^7/_{11}$, а $63^7/_{11}$ к затратам в $336^4/_{11}$, — т. е. она составляла бы $18^{34}/_{37}\%$, как мы это видели выше.

И это, по-видимому, и есть на деле тот прием, при помощи которого г-н Родбертус исчисляет земельную ренту.

В чем же состоит ошибка? Прежде всего видно, что прядение и ткачество, если бы они были соединены друг с другом, должны были бы [согласно Родбертусу] давать земельную ренту точно так же, как и в том случае, когда прядение соединено с земледелием или же когда земледелие ведется отдельно.

Здесь, очевидно, двоякого рода история.

Во-первых, мы исчисляли $63^7/_{11}$ ф. ст. только на капитал в $336^4/_{11}$ ф. ст., тогда как мы должны их исчислять на три капитала совокупной стоимостью в $636^4/_{11}$ ф. ст.

Во-вторых, в последнем капитале (III) мы брали затрату в $336^4/_{11}$ ф. ст. вместо $363^7/_{11}$ ф. ст.

Эти два пункта надо разобрать отдельно.

Во-первых, если капиталист, объединяющий в одном лице возделывателя хлопка, прядильщика и ткача, превратит в пряжу весь продукт своего урожая хлопка, то он не употребит

абсолютно никакой части этого урожая на возмещение своего земледельческого капитала. Он не применяет [одновременно] одну часть своего капитала на [463] возделывание хлопка — на издержки по возделыванию хлопка, на семена, заработную плату, машины — и другую часть на прядение, а сначала он вкладывает часть своего капитала в возделывание хлопка, потом эту часть с добавлением второй — в прядение, а затем обе первые части, уже содержащиеся в пряже, с добавлением еще третьей части он вкладывает в ткачество. Когда, наконец, ткань готова, в размере 4 000 ярдов, то как может он возместить их элементы? Пока он ткал, он не занимался прядением и не имел также и материала, необходимого для этого, а пока он пряд, он не возделывал хлопка. Его элементы производства, стало быть, *не могут быть им возмещены*. Облегчим себе задачу и скажем: да, наш паренек продает эти 4 000 ярдов и затем на часть вырученных за них 400 ф. ст. «покупает» пряжу и элементы хлопка. Но к чему это сводится? К тому только, что мы на деле принимаем наличие трех капиталов, которые одновременно заняты, вложены в дело, авансированы на производство. Чтобы можно было купить пряжу, она должна быть налицо, а чтобы иметь возможность купить хлопок, последний также должен быть в наличии, а для того чтобы и хлопок и пряжа имелись на рынке и могли бы, стало быть, заменить сотканную пряжу и выпряденный хлопок, производящие их капиталы должны быть вложены в дело одновременно с вложенным в ткачество капиталом и должны превращаться в хлопок и пряжу в то самое время, когда пряжа превращается в ткань.

Следовательно, объединяет ли III все три отрасли производства или же они разделены между тремя производителями, — три капитала должны быть налицо одновременно. Капиталист не может с тем же капиталом, с которым он вел ткацкое дело, вести также и прядение и возделывание хлопка, если он хочет производить в *том же* масштабе. Каждый из этих капиталов занят в производстве, и то обстоятельство, что они взаимно друг друга возмещают, не имеет никакого отношения к интересующему нас вопросу. Капиталы, возмещающие друг друга, представляют собой постоянный капитал, и каждый из них должен быть вложен в ту или иную из трех отраслей и должен находиться в действии одновременно с другими. Если в 400 ф. ст. заключается прибыль в $63\frac{7}{11}$ ф. ст., то это лишь потому, что III, кроме своей собственной прибыли в $36\frac{4}{11}$ ф. ст., получает еще — в нашем расчете — и ту прибыль, которую он должен платить производителям II и I и которая, согласно предположению, реализуется в его товаре. Однако эту прибыль они

получили не с его $363\frac{7}{11}$ ф. ст., а дело обстоит так: земледелец получил ее особо со своих $90\frac{10}{11}$ ф. ст., а прядильщик — со своих $181\frac{9}{11}$. Если III забирает себе всю прибыль, то он получил ее опять-таки не с $363\frac{7}{11}$ ф. ст., которые вложены им в ткачество, а с этого капитала плюс два других капитала, которые вложены им в прядение и возделывание хлопка.

Во-вторых, если мы у III исчисляем затрату в $336\frac{4}{11}$ ф. ст., а не в $363\frac{7}{11}$ ф. ст., то получается это вот почему:

Сделанную им затрату на возделывание хлопка мы исчисляем только в $90\frac{10}{11}$ ф. ст., а не в 100. Но ведь ему нужен весь продукт хлопководства, а последний составляет 100 ф. ст., а не $90\frac{10}{11}$. Прибыль в $9\frac{1}{11}$ уже содержится в этом продукте. Иначе III применил бы такой капитал в $90\frac{10}{11}$ ф. ст., который не давал бы ему *никакой прибыли*. Возделывание хлопка не принесло бы ему прибыли, а возместило бы лишь затрату в $90\frac{10}{11}$ ф. ст. Точно так же и прядение не принесло бы ему прибыли, и весь продукт прядения возместил бы лишь затраты.

В этом случае его затраты действительно сводятся к $90\frac{10}{11} + 81\frac{9}{11} + 163\frac{7}{11} = 336\frac{4}{11}$. Это, таким образом, составляло бы его авансированный капитал. 10% с этого капитала выразились бы в $33\frac{7}{11}$ ф. ст. Стоимость продукта равнялась бы тогда 370 ф. ст. Стоимость эта не была бы ни на грош выше, потому что, согласно предположению, обе первые части — I и II — *никакой прибыли* не принесли. Поэтому III поступил бы гораздо лучше, если бы он не пустился в отрасли I и II и оставался при старом методе производства. Ибо вместо $63\frac{7}{11}$ ф. ст., которые I, II и III могли проесть прежде, III имеет теперь сам только $33\frac{7}{11}$ ф. ст., тогда как прежде, когда его собратья проедали свою прибыль вместе с ним, он имел $36\frac{4}{11}$ ф. ст. прибыли. Он был бы действительно никудышным дельцом. Он сэкономил бы затрату $9\frac{1}{11}$ ф. ст. в отрасли II только потому, что в отрасли I он не получил бы прибыли, и он сэкономил бы затрату $18\frac{2}{11}$ ф. ст. в отрасли III только потому, что не получил бы прибыли в отрасли II. Вырученные им $90\frac{10}{11}$ ф. ст. в возделывании хлопка и $81\frac{9}{11} + 90\frac{10}{11}$ в прядении возместили бы только сами себя. И только третий, вложенный в ткачество, капитал в $90\frac{10}{11} + 81\frac{9}{11} + 163\frac{7}{11}$ принес бы прибыль в 10%. Это значило бы, следовательно, что 100 ф. ст. дают 10% прибыли в ткацком деле, но ни гроша не дают в прядении и возделывании хлопка. Правда, это было бы очень приятно для III в том случае, если I или II — отличные от него лица, но отнюдь не тогда, когда он объединяет все три отрасли в своей драгоценной особе, рассчитывая *присвоить себе самому эту экономию на столь милой его сердцу прибыли*. Экономия в затратах на

оплату прибыли (т. е. на оплату той составной части [464] постоянного капитала одной из этих трех отраслей, которая для других является прибылью) произошла бы, стало быть, вследствие того, что на деле в продуктах отраслей I и II не содержалось бы никакой прибыли и в этих отраслях не было бы выполнено никакого прибавочного труда; эти отрасли рассматривали бы себя лишь как наемных рабочих, возмеща себе только свои издержки производства, т. е. свои затраты на постоянный капитал и заработную плату. Но в этих случаях — если бы только I и II не захотели работать, скажем, на III, в результате чего, однако, прибыль входила бы в счет *этого последнего* — было бы, следовательно, выполнено вообще меньше труда, и для III дело обстояло бы совершенно одинаково, затрачивался ли тот труд, который он должен оплатить, только на заработную плату или же на заработную плату и прибыль. Это было бы для него одно и то же, поскольку он покупает и оплачивает продукт, *товар*.

Возмещается ли постоянный капитал целиком или частично *in natura*, т. е. возмещается ли он производителями того товара, для которого он служит постоянным капиталом, — совершенно безразлично. Прежде всего, всякий постоянный капитал должен быть в конечном счете возмещен *in natura*: машина возмещается машиной, сырье — сырьем, вспомогательные материалы — вспомогательными материалами. В земледелии постоянный капитал может входить в производство также и в качестве *товара*, т. е. может быть прямо опосредствован покупкой и продажей. Он должен, конечно, — поскольку в воспроизводство входят органические вещества — быть возмещен продуктами этой же сферы производства. Но вовсе не обязательно, чтобы его возместили те же самые отдельные производители внутри этой сферы производства. Чем большего развития достигло земледелие, тем в большей степени все его элементы входят в него в качестве товаров не только формально, но и реально, т. е. эти элементы приходят извне, будучи продуктами других производителей (семена, удобрения, скот, продукты животноводства и т. д.). В промышленности непрерывное перемещение, например, железа на машиностроительный завод, а машин — в железный рудник имеет столь же постоянный характер, как и перемещение пшеницы из амбара в землю и из земли — в амбар фермера. В земледелии продукты возмещают себя непосредственно. Железо не может возместить машины. Но железо в количестве, имеющем такую же стоимость, как и машина, возмещает [в обмене между железоделателем и машиностроителем] одному — машину, а другому — железо, поскольку машина

[проданная машиностроителем железозаготовителю] сама возмещается — по стоимости — железом.

Совершенно нельзя понять, какая разница получится для нормы прибыли, если земледelec те $90^{10}/_{11}$ ф. ст., которые он затрачивает на продукт в 100 ф. ст., станет исчислять, скажем, так, что 20 ф. ст. он будет относить за счет семян и т. д., 20 — за счет машин и т. д., а $50^{10}/_{11}$ — за счет заработной платы. Ведь 10% прибыли он требует со всей этой суммы в целом. Те 20 ф. ст. продукта, которые он приравнивает к семенам, не содержат прибыли. Тем не менее они точно так же составляют 20 ф. ст., как и те 20 ф. ст. в виде машин, в которых заключена прибыль, скажем, в 10%. Правда, это может быть чем-то только формальным. Эти 20 ф. ст. в виде машин могут на деле точно так же не представлять ни гроша прибыли, как и 20 ф. ст. в виде семян. Это, например, имеет место в том случае, если указанные 20 ф. ст. являются лишь возмещением составных частей постоянного капитала машиностроителя — тех составных частей, которые машиностроитель извлекает, скажем, из сферы земледелия.

Подобно тому как неверно, что вся совокупность машин входит в земледелие как его постоянный капитал, точно так же ошибочно и то, что весь сырой материал в его совокупности входит в обрабатывающую промышленность. Весьма значительная часть его остается в земледелии, являясь лишь воспроизводством постоянного капитала. Другая часть входит в доход непосредственно как жизненное средство и отчасти — как, например, фрукты, рыба, скот и т. д. — не проходит через «промышленный процесс». Следовательно, было бы неправильно заставлять промышленность расплачиваться за весь «сфабрикованный» земледелием сырой материал. Конечно, в тех отраслях обрабатывающей промышленности, в которые, в виде затрат, входит, наряду с заработной платой и машинами, сырой материал, — в этих отраслях авансированный капитал должен быть больше, чем в тех отраслях земледелия, которые доставляют этот сырой материал, указанным образом входящий в производство. Можно было бы также предположить, что если бы в этих отраслях обрабатывающей промышленности имела место *собственная* норма прибыли (отличная от общей), то она была бы здесь меньше, чем в земледелии, и именно вследствие того, что здесь применяется меньше труда. Стало быть, больший постоянный капитал и меньший переменный капитал при одинаковой норме прибавочной стоимости обязательно дают меньшую норму прибыли. Но это относится также и к определенным отраслям обрабатывающей промышленности в их отношении к другим ее отраслям, а также к определенным отраслям

земледелия (в экономическом смысле) в их отношении к другим его отраслям. Меньше всего это как раз имело бы место в земледелии в собственном смысле, потому что оно, хотя и доставляет промышленности сырой материал, но все же внутри своей собственной сферы охватывает, как различные части своих затрат, сырой материал, машины и заработную плату; промышленность же ни в коем случае не оплачивает земледелию *сырой материал*, ту часть постоянного капитала, которую земледелие возмещает из собственного производства, а не путем обмена на продукты промышленности.

[5] ЛОЖНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ РОДБЕРТУСА]

[465] Дадим теперь краткое резюме хода мыслей г-на Родбертуса.

Сначала он изображает то положение вещей, — как он его себе представляет, — когда земельный собственник (самостоятельно хозяйничающий) вместе с тем является и капиталистом и рабовладельцем. Затем наступает разделение. Отнятая у рабочих часть «продукта труда» — «единая натуральная рента» — делится теперь на «земельную ренту и прибыль с капитала» (стр. 81—82) [Русский перевод: *К. Родбертус*. Экономические сочинения. Ленинград, 1936, стр. 285]. (Г-н *Гопкинс* — см. тетрадь ¹⁹ — объясняет это еще гораздо проще и грубее.) Затем г-н Родбертус делит «сырой продукт» и «промышленный продукт» (стр. 89) [Русский перевод, стр. 291] между земельным собственником и капиталистом — *petitio principii*. [В действительности же] один капиталист производит сырые продукты, а другой — промышленные продукты. Напротив, земельный собственник не производит *ничего*, он даже и не «владелец сырых продуктов». Это представление [будто земельный собственник есть «владелец сырых продуктов»] характерно для немецкого «владельца поместья», каким и является г-н Родбертус. В Англии капиталистическое производство началось одновременно в промышленности и в земледелии.

Способ, каким образуется «ставка прибыли на капитал» (норма прибыли), г-н Родбертус выводит просто из того, что теперь в виде денег имеется «масштаб» прибыли для «выражения отношения прибыли к капиталу», чем и «дается надлежащее мерило для уравнивания прибылей на капитал» (стр. 94) [Русский перевод, стр. 295]. Родбертус не имеет никакого представления о том, что это *равенство прибыли противоречит* в каждой отрасли производства равенству между «рентой» и неоплаченным

трудом, что стоимости товаров и их средние цены должны поэтому расходиться. Эта норма прибыли становится регулирующей также и для земледелия, так как *«доход с имущества может исчисляться только на капитал»*, а в промышленности *«применяется значительно большая часть национального капитала»* (стр. 95) [Русский перевод, стр. 295]. Ни слова о том, что с развитием капиталистического производства само земледелие претерпевает переворот — не только формально, но и материально — и что земельный собственник низводится до роли простого получателя денег, перестает исполнять какие-либо функции в производстве. По мнению Родбертуса,

«в промышленности фигурирует в составе капитала — как материал — еще и стоимость совокупного продукта сельского хозяйства, чего не может быть в производстве сырья» (стр. 95) [Русский перевод, стр. 295].

Что касается совокупного продукта, то это *неверно*.

Вслед за тем Родбертус задает себе вопрос, остается ли, после вычета промышленной прибыли, прибыли на капитал, еще *«часть ренты, приходящаяся на сырой продукт»*, и *«если остается, то по каким причинам»* (стр. 96) [Русский перевод, стр. 297].

Ведь Родбертус предполагает,

«что сырой продукт, как и продукт промышленности, обменивается соответственно затраченному труду, что стоимость сырого продукта равна только затраченному на него труду» (стр. 96) [Русский перевод, стр. 297].

Правда, как замечает Родбертус, это предполагает также и Рикардо. Но это неверно, по крайней мере *prima facie*; ибо товары обмениваются не по их стоимостям, а по отличающимся от этих стоимостей средним ценам, причем это вытекает из определения стоимости товаров *«рабочим временем»*, из этого закона, противоречащего по видимости данному явлению. Если сырой продукт приносит, сверх средней прибыли, еще и отличную от нее земельную ренту, то это возможно только при том условии, что сырой продукт продается *не* по средней цене; почему дело обстоит именно так — это-то как раз и следовало бы объяснить. Но посмотрим, как рассуждает Родбертус.

«Я предположил, что рента» (прибавочная стоимость, неоплаченное рабочее время) «делится пропорционально с т о и м о с т и сырого продукта и промышленного продукта и что эта стоимость определяется затраченным трудом» (рабочим временем) (стр. 96—97) [Русский перевод, стр. 297].

Подвергнем испытанию прежде всего это первое *предположение*. Оно выражает в иных словах лишь то, что содержащиеся в товарах *прибавочные стоимости* относятся как *стоимости* этих товаров, или, иначе говоря, что *содержащиеся* в товарах

количества *неоплаченного* труда относятся как количества *содержащегося* в них *труда* вообще. Если количества труда, содержащиеся в товарах *A* и *B*, относятся как 3 к 1, то и содержащиеся в них количества неоплаченного труда — или прибавочные стоимости — тоже относятся как 3 к 1. Ничего не может быть ошибочнее этого. Допустим, что при данном необходимом рабочем времени, равном, положим, 10 часам, один товар (*A*) является продуктом 30 рабочих, а другой (*B*) — продуктом 10 рабочих. Если 30 рабочих работают лишь по 12 часов в день, то произведенная ими прибавочная стоимость равна 60 часам, или 5 дням (5×12); если 10 рабочих работают по 16 часов в день, то произведенная ими прибавочная стоимость также равна 60 часам. При этом стоимость товара *A* будет равна 30×12 , т. е. 360 рабочим часам, или 30 рабочим дням {12 часов = рабочему дню}, а стоимость товара *B* будет равна 160 рабочим часам, или $13\frac{1}{3}$ рабочего дня. *Стоимости* товаров *A* и *B* относятся как 360 к 160, или как 9 к 4. Содержащиеся же в этих товарах прибавочные стоимости относятся как 60 к 60, или как 1 к 1. Прибавочные стоимости были бы в таком случае равны, хотя стоимости относились бы как 9 к 4.

[466] Следовательно, прибавочные стоимости товаров не относятся друг к другу как стоимости этих товаров прежде всего тогда, когда различны абсолютные прибавочные стоимости, т. е. неодинаково удлинение рабочего времени за пределы необходимого труда, — стало быть, когда различны *нормы прибавочной стоимости*.

Во-вторых, если предположить, что нормы прибавочной стоимости одни и те же, то прибавочные стоимости — оставляя в стороне другие обстоятельства, связанные с обращением и с процессом воспроизводства, — зависят не от относительных количеств труда, содержащихся в двух товарах, а от отношения затраченной на заработную плату части капитала к той части, которая затрачена на постоянный капитал — на сырье и машины; а это отношение может быть совершенно различным у товаров одинаковой стоимости, будут ли эти товары «земледельческими продуктами» или «продуктами промышленности», что вообще не имеет никакого отношения к делу, по крайней мере *prima facie*.

Поэтому в корне ошибочно первое предположение г-на Родбертуса, будто из определения стоимости товаров рабочим временем вытекает, что *содержащиеся* в различных товарах количества неоплаченного труда — или их прибавочные стоимости — прямо пропорциональны стоимостям. Неверно, следовательно, и то, что

«рента делится пропорционально стоимости сырого продукта и промышленного продукта», если «эта стоимость определяется *затраченным трудом*» (стр. 96—97) [Русский перевод, стр. 297].

«Этим, разумеется, сказано также, что величина этих частей ренты определяется не *величиной того капитала, на который исчисляется прибыль, а непосредственно затраченным трудом*, будь то труд сельскохозяйственный или промышленный, плюс тот труд, который должен быть присчитан вследствие износа орудий и машин» (стр. 97) [Русский перевод, стр. 297].

Это опять-таки неверно. Величина прибавочной стоимости (а это и имеется в виду в словах «*части ренты*», так как рента понимается Родбертусом как нечто всеобщее, в отличие от прибыли и земельной ренты) зависит только от непосредственно затраченного труда, а не от износа основного капитала, а также и не от стоимости сырья, вообще не от какой бы то ни было части постоянного капитала.

Конечно, этот износ определяет то отношение, в каком должен быть воспроизведен основной капитал (его производство зависит вместе с тем от новообразования капитала, от его накопления). Но прибавочный труд, выполняемый при производстве основного капитала, так же не имеет отношения к той сфере производства, в которую этот основной капитал входит в качестве основного капитала, как не имеет к ней отношения, например, тот прибавочный труд, который входит в производство сырого материала. Напротив, для всех этих отраслей производства — для земледелия, машиностроения и обрабатывающей промышленности — одинаково имеет силу то положение, что у всех них прибавочная стоимость определяется только массой применяемого труда, если дана норма прибавочной стоимости, и только нормой прибавочной стоимости, если дана масса применяемого труда. Г-н Родбертус пытается «протолкнуть» износ, чтобы вытолкнуть «сырой материал».

Напротив, — полагает г-н Родбертус, — «та часть капитала, которая заключается в стоимости материала», никогда не может иметь влияния на величину частей ренты, потому что, «например, в тот труд, который затрачен на особый продукт, каким является пряжа или ткань, не может входить затрата труда, приходящаяся на долю шерсти как сырого продукта» (стр. 97) [Русский перевод, стр. 298].

Рабочее время, требующееся для прядения или тканья, совершенно в такой же степени зависит, или, вернее, совершенно в такой же степени не зависит, от рабочего времени, необходимого для производства машины, т. е. от ее *стоимости*, как и от рабочего времени, какого стоит сырой материал. Как машина, так и сырой материал входят в процесс труда, но ни машина, ни сырье не входят в процесс увеличения стоимости.

«Напротив, стоимость сырого продукта, или стоимость материала, все же фигурирует как *затрата капитала* в составе той суммы капитала, на которую владелец исчисляет, в качестве прибыли, часть ренты, приходящуюся на промышленный продукт. В *сельскохозяйственном же капитале эта часть капитала отсутствует*. Сельское хозяйство не нуждается в продукте предшествующего ему производства в качестве материала — ведь только с сельского хозяйства и начинается вообще производство; такой частью имущества, которая аналогична материалу, в сельском хозяйстве могла бы быть сама земля, но предполагается, что она не стоит никаких издержек» (стр. 97—98) [Русский перевод, стр. 298].

Это — представление немецкого крестьянина. В сельском хозяйстве (за исключением рудников, рыболовства, охотничьего промысла, но *отнюдь не скотоводства*) семена, корм, скот, минеральные удобрения и т. д. составляют тот материал, [467] из которого производится продукт, и этот материал есть продукт *труда*. В соответствии с развитием предпринимательского земледелия развиваются и эти *затраты*. Всякое производство — с того момента, когда речь идет уже не о простом захвате и присвоении, — есть воспроизводство и поэтому нуждается «в продукте предшествующего ему производства в качестве материала». Все, что в производстве является результатом, есть вместе с тем и предпосылка. И чем выше уровень развития крупного земледелия, тем больше покупает оно продуктов «предшествующего ему производства» и тем больше продает своих собственных продуктов. В форме товаров эти затраты — они превращены в товар при помощи счетных денег — входят в земледелие с того самого времени, когда фермер становится вообще зависимым от продажи своего продукта и начинают фиксироваться цены различных сельскохозяйственных продуктов (например, сена), так как и в земледелии возникает разделение сфер производства. Даже у крестьянина должно было бы все перепутаться в голове, если бы квартал пшеницы, который он продает, он считал *доходом*, а квартал пшеницы, отдаваемый им земле, не считал бы при этом *затратой*. Впрочем, пусть г-н Родбертус попытается вообще «начать» где-нибудь «производство», например, льна или шелка без «продуктов предшествующего производства». Это — чистейшая нелепость.

Такой же нелепостью являются и все дальнейшие выводы Родбертуса:

«Таким образом, для сельского хозяйства и промышленности являются общими те две части капитала, которые влияют на определение *величины* частей ренты; не является, однако, общей для них та часть капитала, которая такого влияния не оказывает, но на которую вместе с другими частями исчисляется, в качестве прибыли, часть ренты, определяемая указанными выше частями капитала; эта третья часть капитала имеется

только в промышленном капитале. Мы предположили, что стоимость сырого продукта, как и продукта промышленного, определяется затраченным трудом и что рента делится пропорционально этой стоимости между владельцами сырого и промышленного продуктов. Так вот, *если, поэтому, получающиеся в производстве сырого и промышленного продуктов части ренты и пропорциональны тем количествам труда, которых стоил соответствующий продукт, то всё же примененные в сельском хозяйстве и промышленности капиталы, на которые распределяются, в качестве прибыли, эти части ренты (притом в промышленности — самостоятельно, а в сельском хозяйстве — по ставке прибыли, установившейся в промышленности), не стоят в том же отношении друг к другу, в каком находятся указанные количества труда и определяемые ими части ренты. Напротив, при равной величине частей ренты, приходящихся на сырой и промышленный продукты, промышленный капитал будет больше сельскохозяйственного капитала на всю величину содержащейся в нем стоимости материала. А так как эта стоимость материала увеличивает промышленный капитал, на который исчисляется, в качестве прибыли, приходящаяся на него часть ренты, но не увеличивает самой прибыли, что ведет еще к понижению ставки прибыли, регулирующей также и прибыль в сельском хозяйстве, — то из той части ренты, которая приходится на сельское хозяйство, необходимо должен получаться остаток, не поглощаемый исчислением прибыли по этой ставке»* (стр. 98—99) [Русский перевод, стр. 298—299].

Первая ложная предпосылка: если промышленный продукт и продукт земледельческий обмениваются по их стоимостям (т. е. в соответствии с требующимся для их производства рабочим временем), то они приносят своим владельцам равновеликие *прибавочные стоимости*, или равновеликие количества неоплаченного труда. Прибавочные стоимости не относятся друг к другу как стоимости соответствующих товаров.

Вторая ложная предпосылка: так как Родбертус уже предполагает *норму прибыли* (которую он окрестил «ставкой прибыли на капитал»), то неверна его предпосылка, будто товары *обмениваются соответственно и с т о и м о с т я м*. Одна предпосылка исключает другую. *Стоимости* товаров должны уже *видоизмениться, превратиться в средние цены* или же находиться в непрерывном процессе такого видоизменения, чтобы могла установиться *норма прибыли* (общая). В этой общей норме выравниваются те *особые нормы прибыли*, которые в каждой сфере производства определяются отношением *прибавочной стоимости к авансированному капиталу*. Почему же, в таком случае, этого не бывает в земледелии? В этом-то и заключается вопрос. Но у Родбертуса даже постановка вопроса неправильна, так как он, *во-первых*, предполагает, что *общая норма прибыли* уже имеется налицо, а *во-вторых*, предполагает, что *особые нормы прибыли* (а следовательно, и различия между ними) *не выравнены*, т. е. что товары обмениваются по их *стоимостям*.

Третья ложная предпосылка: стоимость сырого материала не входит в земледелие. В действительности же затраты в виде семян и т. д. являются здесь составными частями постоянного капитала и учитываются фермером как таковые. В той мере, в какой земледелие становится просто одной из отраслей предпринимательства и капиталистическое производство водворяется в деревне, [468] в той мере, в какой земледелие производит на рынок, производит *товары*, предметы для продажи, а не для собственного потребления, — в такой же самой мере земледелие учитывает свои затраты и каждую их статью рассматривает как товар, независимо от того, покупает ли оно данный предмет у себя самого (т. е. в своем *производстве*) или у третьего лица. В той же самой мере, в какой товарами становятся *продукты*, становятся, естественно, товарами также и *элементы производства*, так как эти элементы представляют собой совершенно такие же продукты. Стало быть, так как пшеница, сено, скот, всякого рода семена и т. д. *продаются* как товары, причем существенное значение имеет именно продажа этих продуктов, а не использование их для непосредственного потребления, — то и в производство они тоже входят как *товары*; и фермер был бы круглым дураком, если бы не умел пользоваться деньгами как счетными деньгами. Однако первоначально это — всего лишь формальная сторона исчисления. Но в такой же мере *развиваются* и те условия, при которых тот или иной фермер покупает *затрачиваемые им в производстве продукты* — семена, чужой скот, удобрения, минеральные вещества и т. д., в то время как свой *доход* он продает; так что для отдельного фермера эти затраты входят в производство как затраты [не только по сути дела, но] и по форме, ибо они — *купленные товары*. (Теперь они уже всегда являются для фермера товарами, составными частями его капитала, и фермер считает их *проданными* самому себе как производителю, когда отдает их обратно производству *in naturali* *.) И это положение вещей все больше вступает в силу по мере того, как земледелие развивается и конечный продукт все больше и больше производится на фабричный лад, соответственно капиталистическому способу производства.

Итак, неверно, будто здесь в промышленность входит такая часть капитала, которая не входит в земледелие.

Если, стало быть, согласно (*ложной*) предпосылке Родбертуса, «части ренты» (т. е. доли участия в прибавочной стоимости), приносимые земледельческим продуктом и промышленным

* — в натуральном виде. Ред.

продуктом, пропорциональны *стоимостям* этих продуктов; если, другими словами, промышленный продукт и продукт земледельческий, имеющие *равновеликие стоимости*, приносят своим владельцам равновеликую *прибавочную стоимость*, т. е. содержат *равные количества неоплаченного труда*, — то [даже при этой предпосылке] отнюдь не возникает какой-либо диспропорции из-за того, что в промышленность входит *такая* составная часть капитала (затрачиваемая на сырой материал), которая будто бы не входит в земледелие, так что, например, одинаковая прибавочная стоимость исчисляется-де в промышленности на капитал, *увеличенный* на эту составную часть, и потому дает уменьшенную норму прибыли. Ведь такая же *составная часть* капитала входит также и в земледелие. Следовательно, оставалось бы только решить вопрос: входит ли она *в той же самой пропорции*? Но тогда мы имели бы дело с *чисто количественными различиями*, тогда как г-н Родбертус пытается найти здесь «*качественное*» различие. Такие же *количественные различия* имеют место в различных *промышленных* сферах производства. Они выравниваются в общей норме прибыли. Почему же, в таком случае, не выравниваются различия между промышленностью и земледелием (если такие различия существуют)? Так как г-н Родбертус допускает участие земледелия в получении *общей нормы прибыли*, то почему же он не допускает участия земледелия в образовании этой общей нормы прибыли? Но тогда всей его теории пришел бы, разумеется, конец.

Четвертая ложная предпосылка: неверной и произвольной предпосылкой является то, что Родбертус *износ машин* и т. д., — эту одну из частей *постоянного капитала*, — включает в *переменный капитал*, т. е. в ту часть капитала, которая создает прибавочную стоимость и, в частности, определяет норму прибавочной стоимости, а сырой материал он куда *не* включает. Эта *ошибка в исчислении* делается для того, чтобы можно было получить желаемый с самого начала результат исчисления.

Пятая ложная предпосылка: г-н Родбертус, коль скоро он хочет провести различие между земледелием и промышленностью, должен был бы знать, что тот *элемент капитала*, который состоит из машин, орудий, т. е. из основного капитала, целиком принадлежит *промышленности*. Этот элемент капитала, поскольку он в качестве элемента входит в тот или иной капитал, всегда входит только в *постоянный капитал* и не может увеличить *прибавочную стоимость* ни на грош. С другой стороны, он, как *продукт промышленности*, представляет собой результат определенной сферы производства. Его цена, или та часть стоимости, которую он составляет во всем капитале общества,

выражает, следовательно, вместе с тем *определенное количество прибавочной стоимости* (совершенно так же, как это имеет силу для сырого материала). Этот элемент входит, правда, в земельный продукт, но получается он из промышленности. Если г-н Родбертус в своих расчетах рассматривает сырой материал как такой элемент капитала, который приходит в промышленность извне, то машины, орудия, сосуды, строения и т. д. он должен рассматривать как такой элемент капитала, который извне приходит в земледелие. И он должен был бы сказать: в промышленность входят только заработная плата и сырой материал (ибо основной капитал, поскольку он не состоит из сырого материала, есть продукт промышленности, ее собственный продукт); в земледелие же входят только заработная плата [469] и машины и т. д., т. е. основной капитал, ибо *сырой материал*, поскольку он не содержится в орудиях и т. д., есть продукт земледелия. В таком случае пришлось бы исследовать, какой получился бы расчет в промышленности после того, как в ней отпала одна «статья» издержек производства.

В-шестых. Совершенно верно, что в горную промышленность, рыболовство, охотничий промысел, лесное хозяйство (в той мере, в какой леса растут сами собой) и т. д. — одним словом, в *добывающую промышленность* (в добывание сырых продуктов, при котором не происходит *воспроизводства in naturali*) — *сырой материал не входит*, если не считать *вспомогательных материалов*. К земледелию это не относится.

Но не менее верно, что *то же самое* происходит в весьма крупной части *промышленности*, в *транспортной промышленности*. Здесь производятся *затраты* только на машины, вспомогательные материалы и заработную плату.

Наконец, не подлежит сомнению, что в других *отраслях промышленности*, говоря относительно, входят в производство только сырой материал и заработная плата, но не входят машины, основной капитал и т. д., — как это, например, имеет место в портняжном деле и т. д.

Во всех этих случаях величина *прибыли*, т. е. *отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу*, зависела бы не от того, состоит ли авансированный капитал — за вычетом *переменной, или затраченной на заработную плату, части капитала* — из машин или сырого материала или из обоих элементов вместе, а зависела бы от того, как велика эта часть капитала сравнительно с той его частью, которая *затрачивается на заработную плату*. В результате этого в различных сферах производства должны были бы существовать (независимо от модификаций, вызываемых обращением) различные нормы

прибыли, выравнивание которых как раз и образует общую норму прибыли.

О чем г-н Родбертус смутно догадывается, так это об отличии прибавочной стоимости от ее специальных форм, в особенности от прибыли. Но он бьет мимо цели, потому что у него речь идет с самого начала только об истолковании *одного определенного* явления (земельной ренты), а не о раскрытии всеобщего закона.

Во всех отраслях производства имеет место *воспроизводство*; однако это связанное с производством воспроизводство совпадает с естественным воспроизводством только в земледелии, но не в *добывающей промышленности*. Поэтому в последней продукт в своей натуральной форме не становится снова элементом своего собственного воспроизводства {исключая те случаи, когда он фигурирует в виде вспомогательных материалов}.

Земледелие, скотоводство и т. д. отличается от других отраслей производства, *во-первых, не то*, что продукт становится здесь средством производства, ибо так дело обстоит и со всеми промышленными продуктами, не обладающими окончательной формой индивидуальных жизненных средств, а также и с обладающими этой формой, поскольку они становятся средствами производства самого *производителя*, который воспроизводит себя и сохраняет свою рабочую силу тем, что он их потребляет.

Во-вторых, продукты сельского хозяйства отличает и *не то*, что они входят в производство как *товары*, т. е. как составные части капитала; они входят в производство в том же виде, в каком выходят из него: они выходят из него как товары и входят в него снова как товары, — товар есть как предпосылка, так и результат капиталистического производства.

Таким образом, остается *только третье* отличие: они входят как средства своего собственного производства в тот процесс производства, продуктами которого они являются. Это имеет место также и у машин. Машина производит машину. Уголь помогает поднимать уголь из шахты, уголь перевозит уголь, и т. д. В земледелии это выступает как процесс природы, который направляется человеком, хотя этот процесс «немножечко» создает и самого человека. В других отраслях производства это выступает прямо как действие производства.

Но если г-н Родбертус на этом основании полагает, что *земледельческие продукты* не могут входить в воспроизводство как «*товары*» — ввиду той своеобразной формы, в какой они (технологически) входят в него в качестве «потребительных стоимостей», — то он находится на совершенно ложном пути и опирается, очевидно, на воспоминания о том вре-

мени, когда земледелие еще не было капиталистическим предприятием, когда только *излишек* продуктов земледелия над тем, что потреблялось самим производителем, становился *товаром* и когда эти продукты, поскольку они входили в производство, не являлись для земледелия *товарами*. Это — коренное непонимание того влияния, которое капиталистический способ производства оказывает на весь процесс производства. Для капиталистического производства всякий продукт, который имеет стоимость — который, стало быть, *an sich** есть *товар*, — также и учитывается как товар.

[6) НЕПОНИМАНИЕ РОДБЕРТУСОМ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СРЕДНЕЙ ЦЕНОЙ И СТОИМОСТЬЮ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И В ЗЕМЛЕДЕЛИИ. ЗАКОН СРЕДНИХ ЦЕН]

Предположим, что, например, в горной промышленности постоянный капитал, состоящий только из машин, равен 500 ф. ст., а капитал, затрачиваемый на заработную плату, тоже равен 500 ф. ст.; тогда, если прибавочная стоимость составляет 40%, т. е. 200 ф. ст., прибыль составляла бы 20%.

Итак, в этом случае мы имеем:

Постоянный капитал (машины)	Переменный капитал	Прибавочная стоимость
500	500	200

Если бы в отраслях обрабатывающей промышленности (или также в отраслях земледелия), куда входит сырой материал, был затрачен такой же переменный капитал; если бы, далее, применение последнего (т. е. использование этого определенного числа рабочих) требовало машин и т. д. на 500 ф. ст., то здесь действительно прибавилась бы, в качестве третьего элемента, стоимость материала, скажем, тоже в 500 ф. ст. В этом случае мы имеем:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость
Машины..... 500	500	200
Сырой материал..... 500		
Итого..... 1000		

Эти 200 ф. ст. прибавочной стоимости пришлось бы теперь исчислить на 1500 ф. ст., и это составило бы только $13\frac{1}{3}\%$. Приведенный пример остается в силе, если в первом случае берется транспортная промышленность. Если же, напротив, во втором случае соотношение было бы таким, что машины

* — «в себе», в возможности, потенциально. Ред.

стоят 100, а сырой материал — 400, то норма прибыли осталась бы той же.

[470] Г-н Родбертус воображает, следовательно, что, в то время как в земледелии затрачивается 100 на заработную плату плюс 100 на машины, в промышленности затрачивается 100 на машины, 100 на заработную плату и x на сырой материал. Схема имела бы такой вид:

I. Земледелие

Постоянный капитал (машины)	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибыли
100	100	50	$\frac{50}{200} = \frac{1}{4}$

II. Промышленность

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибыли
Сырой материал x			$\frac{50}{200 + x}$
Машины 100	100	50	
Итого $x + 100$			

Норма прибыли, следовательно, во всяком случае меньше, чем $\frac{1}{4}$. Отсюда-де и возникает земельная рента в I.

Во-первых, это различие между земледелием и обрабатывающей промышленностью является *воображаемым*, не существующим; стало быть, оно не имеет *никакого значения* для той формы земельной ренты, которая определяет все другие ее формы.

Во-вторых, г-н Родбертус мог бы найти такое же различие между нормами прибыли в любых двух отдельных отраслях промышленности; это различие зависит от *соотношения между величиной постоянного капитала и величиной переменного капитала*, — от соотношения, которое, в свою очередь, опять-таки может определяться, но может и не определяться, вхождением сырого материала. В тех отраслях промышленности, куда входят и сырой материал и машины, стоимость сырого материала — стало быть, та относительная величина, которую он составляет во всем капитале, — естественно, имеет, как я показал раньше, очень важное значение²⁰. К земельной ренте это не имеет ни малейшего отношения.

«Только в том случае, если стоимость сырого продукта падает ниже затраченного труда, возможно, что и в сельском хозяйстве вся *часть ренты, приходящаяся на сырой продукт, поглощается прибылью, исчисляемой на капитал*; ибо тогда эта часть ренты может настолько уменьшиться, что между ней и сельскохозяйственным капиталом, хотя в нем и отсутствует стоимость материала, все же создается такое же процентное отношение, какое существует между частью ренты, приходящейся на промышленный продукт, и промышленным капиталом, хотя в этом

последнем и содержится стоимость материала; только в этом случае, следовательно, оказывается возможным, чтобы и в сельском хозяйстве не оставалось никакой ренты, кроме прибыли на капитал. Но поскольку существующий обмен, как правило, по крайней мере тяготеет к тому закону, согласно которому стоимость равняется затраченному труду, постольку и земельная рента, как правило, оказывается налицо; если же никакой земельной ренты не получается, а получается только прибыль на капитал, то это — не первоначальное состояние, как полагает Рикардо, а только ненормальность» (стр. 100) [Русский перевод, стр. 301—303].

Стало быть, если оставаться при вышеприведенном примере, то картина будет следующая (для большей наглядности мы лишь предположим, что сырой материал равен 100 ф. ст.):

I. Земледелие

Постоянный капитал (машины)	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Цена продукта	Прибыль
100	100	50	250	233 $\frac{1}{3}$	16 $\frac{2}{3}$ %

II. Промышленность

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Цена продукта	Прибыль
Сырой материал 100 Машины.....100	100	50	350	350	16 $\frac{2}{3}$ %

Здесь норма прибыли в земледелии и промышленности уравнилась бы, ничего не оставляя для земельной ренты, потому, что земледельческий продукт продается на 16 $\frac{2}{3}$ ф. ст. *ниже* своей *стоимости*. Даже если бы пример этот был настолько же верен, насколько он ошибочен *для земледелия*, то и в таком случае то обстоятельство, что стоимость сырого продукта падает *«ниже* затраченного труда», лишь соответствовало бы целиком и полностью закону *средних цен*. В действительности же следует объяснить, *почему «в виде исключения»* это отчасти *не* имеет места в земледелии и почему здесь вся прибавочная стоимость (или, по крайней мере, более крупная ее доля, чем в других отраслях производства; *избыток* над средней нормой прибыли) *остается* в цене продукта этой особой отрасли производства, а не идет в общий расчет при образовании общей нормы прибыли. Здесь видно, что Родбертус не знает, что такое норма прибыли (общая) и что такое средняя цена.

Чтобы выяснить этот *закон средних цен*, — что гораздо важнее, чем разбор взглядов Родбертуса, — возьмем пять примеров. Норму прибавочной стоимости мы принимаем везде одинаковой.

Нет никакой необходимости сравнивать товары, имеющие *равновеликую* стоимость; товары следует сравнивать лишь по

их стоимости. Ради упрощения здесь сравниваются товары, произведенные равновеликими капиталами.

[471]

	Постоянный капитал		Пере- менный капитал (зара- ботная плата)	Приба- вочная стои- мость	Норма приба- вочной стои- мости	При- быль	Норма при- были	Стои- мость про- дукта
	машины	сырой материал						
I	100	700	200	100	50%	100	10%	1 100
II	500	100	400	200	50%	200	20%	1 200
III	50	350	600	300	50%	300	30%	1 300
IV	700	отсутствует	300	150	50%	150	15%	1 150
V	отсутствуют	500	500	250	50%	250	25%	1 250

Здесь мы имеем в категориях I, II, III, IV и V (это — пять различных сфер производства) товары, *стоимости* которых составляют соответственно 1 100, 1 200, 1 300, 1 150 и 1 250 ф. ст. Таковы были бы те денежные цены, по которым эти товары обменивались бы в том случае, если бы они обменивались по своим *стоимостям*. Во всех этих сферах производства авансированный капитал имеет *одинаковую* величину — 1 000 ф. ст. Если бы эти товары обменивались по их стоимостям, то норма прибыли была бы для I лишь 10%, для II вдвое выше — 20%, для III — 30%, для IV — 15%, для V — 25%. Если сложить эти отдельные нормы прибыли, то их сумма будет равна 10% + 20% + 30% + 15% + 25%, стало быть, будет равна 100%.

Если рассматривать весь авансированный капитал во всех пяти сферах производства, то одна часть его (I) даст 10%, другая часть (II) — 20% и т. д. Прибыль, которую весь капитал дает в среднем, равна той средней величине, которую дают эти пять частей. А это составляет:

$$\frac{100 \text{ (совокупная сумма норм прибыли)}}{5 \text{ (число различных норм прибыли)}},$$

т. е. 20%. И, действительно, мы находим, что 5 000 ф. ст. капитала, авансированного в пяти сферах, дают прибыль, равную $100 + 200 + 300 + 150 + 250 = 1\,000$, т. е. дают 1 000 на 5 000, что составляет $\frac{1}{5}$, или 20%. Точно так же, если мы считаем *стоимость совокупного продукта*, то она составит 6 000 ф. ст.; избыток же над 5 000 ф. ст. авансированного капитала равен 1 000 ф. ст., или 20% по отношению к *авансированному капиталу*; по отношению же ко *всему продукту* это составит $\frac{1}{6}$, или $16\frac{2}{3}\%$. (Это опять-таки еще другой расчет.)

Так вот, для того чтобы каждый из авансированных капиталов (I, II, III и т. д.), или, что то же самое, *равновеликие капиталы*, либо же *капиталы*, рассматриваемые лишь в отношении их величины, т. е. только под углом зрения той пропорции, в какой они представляют собой части авансированного совокупного капитала, — чтобы каждый из этих капиталов действительно получал свою долю из прибавочной стоимости, приходящейся на совокупный капитал, — для этого на каждый из них может выпасть только 20% прибыли, но именно столько и должно с необходимостью [472] выпадать на его долю. А для того чтобы это было возможно, продукты различных сфер должны продаваться то *выше* своей стоимости, то в большей или меньшей степени *ниже* своей стоимости. Другими словами, совокупная прибавочная стоимость должна быть распределена между ними не пропорционально тому, сколько производится прибавочной стоимости в *каждой отдельной* сфере производства, а пропорционально *величине* авансированных капиталов. Все сферы производства должны продавать свой продукт за 1 200 ф. ст., чтобы таким образом избыток стоимости продукта над авансированным капиталом был равен $\frac{1}{5}$ последнего, т. е. 20%.

В результате этого распределения у нас получается следующее [см. таблицу на стр. 66].

Здесь мы видим, что лишь в одном случае (II) средняя цена равна стоимости товара, так как *прибавочная стоимость* случайно равна здесь *нормальной средней прибыли в 200*. Во всех других случаях от одного товара отнимается и к другому добавляется то больше, то меньше прибавочной стоимости, и т. д.

Если г-н Родбертус должен был что-либо показать, так именно то, почему в *сельском хозяйстве* этого не происходит, почему там товар должен продаваться по своей *стоимости*, а не по *средней цене*.

Действие конкуренции состоит в выравнивании прибылей, т. е. в сведении *стоимостей* товаров к *средним ценам*. Подобно тому как отдельный капиталист, по словам г-на Мальтуса, ожидает получения прибыли в равной мере от каждой части *своего* капитала²¹, — а это, другими словами, означает только то, что каждую часть капитала (независимо от ее *органической функции*) капиталист рассматривает как самостоятельный источник прибыли, что таким источником ему *представляется* каждая часть капитала, — точно так же каждый капиталист, по отношению к классу капиталистов, рассматривает свой *капитал* как источник такой же по величине прибыли, какую приносит

	Стоимость продукта	Прибавочная стоимость	Средняя цена	Соотношение между средней ценой и стоимостью	Соотношение между прибылью и прибавоч- ной стоимостью в процентах	Исчисленная прибыль
I	1 100	100	1 200	Избыток средней цены над стоимостью 100	Избыток прибыли над прибавочной стоимостью 100%	200
II	1 200	200	1 200	0 Стоимость = цене	0	200
III	1 300	300	1 200	Падение средней цены ниже стоимости 100	Падение прибыли ниже прибавочной стоимости 33 $\frac{1}{3}$ %	200
IV	1 150	150	1 200	Избыток цены над стоимостью 50	Избыток прибыли над прибавочной стоимостью 33 $\frac{1}{3}$ %	200
V	1 250	250	1 200	Избыток стоимости над ценой 50	Избыток приба- вочной стоимости над прибылью 25% Падение прибыли ниже прибавоч- ной стоимости 20%	200

всякий другой капитал *равной величины*; т. е. каждый капитал в отдельной сфере производства рассматривается лишь как *часть совокупного капитала, авансированного на совокупное производство*; каждый капитал притязает на свою долю в совокупной прибавочной стоимости — в совокупной массе неоплаченного труда или продуктов неоплаченного труда — пропорционально своей величине, своей акции, пропорционально той доле, которую он составляет в совокупном капитале. Эта *видимость* укрепляет у капиталиста, которому вообще все в кон-

курении *представляется* в превратном виде, — и не только у него, но и у некоторых из его преданнейших фарисеев и книжников — то представление, будто капитал есть *не зависящий* от труда источник дохода, поскольку действительно прибыль на капитал в каждой отдельной сфере производства отнюдь не определяется тем лишь количеством неоплаченного труда, которое данный капитал сам *«производит»*; эта прибыль попадает в общий котел массы прибыли, откуда отдельные капиталисты получают свои доли пропорционально своим долям участия в совокупном капитале.

Итак, у Родбертуса — нелепость. Мимоходом надо еще заметить, что в некоторых отраслях сельского хозяйства — как, например, в самостоятельном скотоводстве — переменный капитал, т. е. капитал, затрачиваемый на заработную плату, чрезвычайно незначителен по сравнению с постоянной частью капитала.

[Родбертус говорит:]

«Арендная плата по своей природе всегда есть земельная рента» (цит. соч., стр. 113).

Неверно. Аренда всегда уплачивается земельному собственнику; вот и всё. Но если, как это очень часто бывает на практике, она представляет собой, частью или целиком, вычет из нормальной прибыли или из нормальной заработной платы {действительная прибавочная стоимость, т. е. прибыль плюс рента, никогда не является *вычетом* и з заработной платы, она есть та часть продукта труда рабочего, которая остается *после вычета* заработной платы из этого продукта}, — то, с экономической точки зрения, она не есть земельная рента, и это тотчас же доказывается практикой, как только [473] условия конкуренции восстанавливают нормальную заработную плату и нормальную прибыль.

Итак, в *средних ценах*, к которым конкуренция постоянно стремится свести *стоимости* товаров, имеет место, за исключением случая II в вышеприведенной таблице, постоянное *добавление к стоимости*, по отношению к продукту одной сферы производства, и постоянный *вычет из стоимости*, по отношению к продукту другой, и только этим путем и получается *общая норма прибыли*. У товаров той отдельной сферы производства, где отношение переменного капитала к совокупной сумме авансированного капитала {норма прибавочного труда предположена данной, одинаковой} соответствует среднему отношению общественного капитала, стоимость равна средней цене — здесь, стало быть, не имеет места ни *добавление*

к стоимости, ни вычет из стоимости. Если же вследствие особых условий, которые не подлежат здесь разбору, в рамках определенных сфер производства стоимость товаров, — несмотря на то, что она *превышает* среднюю цену, — не претерпевает *вычета* (в среднем, а не в виде временного явления), то это удерживание *всей прибавочной стоимости* в той или иной особой сфере производства, — имеющее место несмотря на то, что оно повышает [реализованную] *стоимость* товара над *средней ценой* и поэтому дает большую, нежели средняя, норму прибыли, — следует рассматривать как привилегию таких сфер производства. Как *особенность*, как *исключение* здесь приходится рассматривать и объяснять не то, что *средняя цена* товаров опускается *ниже* их стоимости — это есть общее явление и необходимая предпосылка выравнивания, — а то, почему данные товары, в отличие от других товаров, продаются как раз *по* их стоимости, превышающей среднюю цену.

Средняя цена товара равна его *издержкам производства* (авансированному в нем капиталу, будь то в форме заработной платы, сырого материала, машин или чего-нибудь иного) плюс средняя прибыль. Стало быть, если [дана средняя норма прибыли] (в вышеприведенном примере средняя прибыль составляет 20%, т. е. $\frac{1}{5}$), то средняя цена каждого товара равна K (авансированному капиталу) плюс $\frac{\Pi}{K}$ (средняя норма прибыли).

Если $K + \frac{\Pi}{K}$ равно *стоимости* этого товара, т. е. если произведенная в этой сфере производства прибавочная стоимость M равна Π , то стоимость товара равна его средней цене. Если $K + \frac{\Pi}{K}$ меньше, чем *стоимость* товара, если, стало быть, произведенная в этой сфере прибавочная стоимость M больше Π , то [реализованная] стоимость товара *опускается* до его средней цены, и часть его прибавочной стоимости добавляется к стоимости других товаров. Наконец, если $K + \frac{\Pi}{K}$ больше, чем *стоимость* товара, т. е. если M меньше Π , то [реализованная] *стоимость* товара поднимается до его средней цены, и к [имманентной] стоимости данного товара добавляется прибавочная стоимость, произведенная в других сферах производства.

Наконец, если существуют такие товары, которые продаются по их стоимости, хотя их стоимость больше, чем $K + \frac{\Pi}{K}$, или такие товары, [реализованная] стоимость которых опускается по крайней мере не в такой степени, чтобы они могли быть

сведены к их нормальной средней цене $K + \frac{\Pi}{K}$, то здесь должны действовать особые условия, обеспечивающие этим товарам исключительное положение. В этом случае реализованная в таких сферах производства прибыль стоит *выше* общей нормы прибыли. Если капиталист получает здесь общую норму прибыли, то *земельный собственник* может получить добавочную прибыль в форме земельной ренты.

[7) ОШИБКИ РОДБЕРТУСА В ВОПРОСЕ О ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ НОРМУ ПРИБЫЛИ И НОРМУ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ]

То, что я называю нормой прибыли, нормой процента и нормой земельной ренты, Родбертус называет «*высотой прибыли на капитал и высотой ссудного процента*» (стр. 113) [и «высотой земельной ренты»].

«Высота прибыли на капитал и высота ссудного процента определяется их отношением к капиталу... У всех цивилизованных народов сумма капитала в 100 принята за единицу измерения, которая и служит масштабом для исчисления высоты. Чем больше, следовательно, относительное число, выражающее ту величину прибыли или ссудного процента, которая приходится на капитал в 100, другими словами, чем «больше процентов» приносит капитал, тем *выше* стоят прибыль и ссудный процент» (стр. 113—114) [Русский перевод, стр. 305].

«Высота *земельной ренты и арендной платы* определяется их отношением к данному земельному участку» (стр. 114) [Русский перевод, стр. 305].

Это никуда не годится. Норму земельной ренты следует, прежде всего, исчислять на капитал, исчислять, стало быть, как *избыток цены товара над издержками его производства* и над той частью *цены*, которая образует *прибыль*. Г-н Родбертус ведет счет на акры и моргены, при котором внутренняя связь пропадает, он берет [474] *внешнюю видимость* вещи, потому что она объясняет ему некоторые явления. Рента, которую дает акр, — это сумма ренты, абсолютная масса ренты. Она может *повышаться, когда норма ренты остается неизменной или даже падает*.

«Высота *стоимости земли* определяется капитализацией земельной ренты, получаемой с данного земельного участка. Чем больше сумма капитала, какую дает капитализация земельной ренты с участка определенной площади, тем *выше* стоимость земли» (стр. 114) [Русский перевод, стр. 306].

Слово «высота» здесь представляет собой нелепость. В самом деле, какое отношение выражает это слово — отношение к чему?

Что капитализация из 10% дает бóльшую сумму, чем капитализация из 20%, — это ясно, но единицей измерения служит при этом 100. Все выражение *«высота стоимости земли»* — такая же общая фраза, как *высокий* или *низкий уровень* товарных цен вообще.

Г-н Родбертус хочет исследовать:

«Что же определяет высоту прибыли на капитал и высоту земельной ренты?» (стр. 115) [Русский перевод, стр. 306].

[а) ПЕРВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОДБЕРТУСА]

Сперва он исследует: что определяет *«высоту ренты вообще»*, т. е. что определяет *норму прибавочной стоимости?*

«I) При данной стоимости продукта, или при продукте данного количества труда, или, что опять-таки то же самое, при данном национальном продукте, высота ренты вообще находится в обратном отношении к высоте заработной платы и в прямом отношении к высоте производительности труда вообще. Чем ниже заработная плата, тем выше рента; чем выше производительность труда вообще, тем ниже заработная плата и тем выше рента» (стр. 115—116) [Русский перевод, стр. 306—307].

«Высота» ренты, — норма прибавочной стоимости, — зависит, говорит Родбертус, от *«величины этой остающейся для ренты части»*, — т. е. части, остающейся после вычета заработной платы из совокупного продукта, причем здесь *«может быть оставлена в стороне та часть стоимости продукта, которая служит для возмещения капитала»* (стр. 117) [Русский перевод, стр. 307].

Это верно (я имею в виду то, что при указанном рассмотрении прибавочной стоимости постоянная часть капитала «оставляется в стороне»).

Несколько странным является тот взгляд Родбертуса, что

«если заработная плата падает, т. е. если она отныне составляет менее значительную долю всей стоимости продукта, то и *совокупный капитал*, на который должна исчисляться в виде прибыли *другая часть ренты»* {т. е. промышленная прибыль}, «становится меньше. Однако *высоту* прибыли и земельной ренты устанавливает одно только соотношение между стоимостью, превращающейся в прибыль на капитал или в земельную ренту, и тем капиталом или, соответственно, той площадью земли, на которые указанная стоимость *исчисляется* в качестве прибыли или земельной ренты. Поэтому, если заработная плата оставляет для ренты бóльшую стоимость, то даже на *уменьшившийся капитал* и остающуюся неизменной площадь земли должна исчисляться бóльшая стоимость в качестве прибыли на капитал и земельной ренты; проистекающая отсюда относительная величина их обеих становится больше и, следовательно, обе, вместе взятые, — или рента вообще — становятся выше... Предполагается, что стоимость продукта вообще остается неизменной... *От того только, что становится меньше заработная плата, затрачиваемая на труд, еще не становится меньшим труд, затрачиваемый на продукт»* (стр. 117—118) [Русский перевод, стр. 308].

Последнее верно. Но неверно, что, когда уменьшается переменный капитал, т. е. капитал, затрачиваемый на заработную плату, то обязательно должен уменьшиться и *постоянный капитал*; другими словами, неверно, что *норма прибыли* {оставляя здесь в стороне совершенно неуместное указание на соотношение между прибавочной стоимостью и площадью земли и т. д.} должна повышаться потому, что повышается *норма прибавочной стоимости*. Заработная плата падает, например, вследствие того, что труд становится более производительным, и это повышение производительности во всех случаях выражается в том, что в одно и то же время одним и тем же рабочим перерабатывается больше сырого материала, — стало быть, возрастает эта часть постоянного капитала; то же самое относится и к машинам и их стоимости. Таким образом, норма прибыли может понижаться и при уменьшении заработной платы. *Норма прибыли* зависит от *величины прибавочной стоимости*, которая определяется не только нормой прибавочной стоимости, но также и числом занятых рабочих.

Родбертус правильно определяет необходимую заработную плату как равную

«сумме необходимого содержания рабочего, составляющей для определенной страны и определенного периода времени приблизительно одинаковое, определенное реальное количество продукта» (стр. 118) [Русский перевод, стр. 308—309].

[475] Однако те положения об обратном отношении прибыли и заработной платы и об определении этого отношения производительностью труда, которые выдвинул Рикардо, г-н Родбертус излагает в высшей степени *запутанно, сбивчиво*, крайне беспомощно. Проистекает эта сбивчивость отчасти из того, что он, вместо того чтобы взять за меру рабочее время, ни к селу ни к городу берет *количества продукта* и проводит нелепые разграничения между *«высотой стоимости продукта»* и *«величиной стоимости продукта»*.

Наш молодец понимает под *«высотой стоимости продукта»* не что иное, как отношение продукта к рабочему времени. Если за *одно и то же* рабочее время производится большое количество продуктов, то *стоимость продукта*, т. е. стоимость каждой отдельной части этого количества, низка; в противном случае дело обстоит наоборот. Если бы один рабочий день давал сперва 100 фунтов пряжи, а потом 200 фунтов, то во втором случае стоимость пряжи была бы вдвое меньше, чем в первом. В первом случае стоимость фунта пряжи была бы равна $\frac{1}{100}$ рабочего дня; во втором случае — $\frac{1}{200}$ рабочего дня. Так как рабочий

получает одно и то же количество продукта, независимо от того, *высока или низка стоимость* последнего, т. е. содержит ли продукт больше или меньше труда, то заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу, и заработная плата, в зависимости от производительности труда, составляет более значительную или менее значительную часть совокупного продукта. Родбертус выражает это в следующих запутанных положениях:

«...Если заработная плата, как необходимое содержание рабочего, представляет собой определенное реальное количество продукта, то она должна составлять при высокой стоимости продукта большую стоимость, а при низкой стоимости его — небольшую стоимость; поэтому заработная плата, так как предполагается, что в распределение поступает одинаковая стоимость продукта, должна поглощать при высокой стоимости продукта значительную часть ее, а при низкой стоимости продукта — небольшую часть и в результате этого оставлять, таким образом, для ренты значительную или, соответственно, незначительную долю стоимости продукта. Но если имеет силу то правило, что стоимость продукта равна количеству труда, затраченного на него, то, опять-таки, *высоту стоимости продукта* определяет *исключительно производительность труда*, или отношение массы продукта к количеству труда, затраченному на его производство... Если одно и то же количество труда производит больше продукта, другими словами, если производительность повышается, то в том же самом количестве продукта содержится меньше труда; и, наоборот, если одно и то же количество труда производит меньше продукта, другими словами, если производительность понижается, то в том же самом количестве продукта содержится больше труда. Но *количество труда* определяет *стоимость продукта*, а *относительная стоимость определенного количества продукта* определяет *высоту стоимости продукта*... Следовательно, рента вообще должна быть... *тем выше, чем выше производительность труда вообще*» (стр. 119—120) [Русский перевод, стр. 309—310].

Однако это верно только в том случае, если продукт, производимый рабочим, принадлежит к категории тех продуктов, которые входят, как жизненные средства, в потребление рабочего — по традиции или в силу необходимости. Если производимый рабочим продукт не принадлежит к этой категории продуктов, то производительность труда рабочего совершенно безразлична для относительной высоты заработной платы и прибыли, равно как и для *величины прибавочной стоимости* вообще. На долю рабочего в виде заработной платы приходится [тогда] *одна и та же часть стоимости* всего продукта, все равно, будет ли велико или мало то число продуктов или то количество продукта, в котором выражается эта часть стоимости. В *распределении стоимости* продукта не произойдет в этом случае никаких изменений, какие бы изменения ни произошли в производительности труда.

[6] ВТОРОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОДБЕРТУСА]

«II) Если при данной стоимости продукта дана высота ренты вообще, то высота земельной ренты и, соответственно, высота прибыли на капитал находятся в обратном отношении как друг к другу, так и к соответственной производительности труда в производстве сырья и в производстве промышленных изделий. Чем выше или ниже земельная рента, тем ниже или выше прибыль на капитал, и наоборот; чем выше или ниже производительность труда в производстве сырья или промышленных изделий, тем ниже или выше земельная рента или прибыль на капитал, и, следовательно, — если поменять местами прибыль на капитал и земельную ренту — тем выше или ниже прибыль на капитал или земельная рента» (стр. 116) [Русский перевод, стр. 307].

Сперва мы имели (в пункте I) рикардовское положение о том, что заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу.

Теперь мы имеем второе рикардовское положение — иначе сплетенное, или, вернее, спутанное Родбертусом, — что прибыль и рента находятся друг к другу в обратном отношении.

Совершенно ясно, что, если *данная прибавочная стоимость* делится между капиталистом и земельным собственником, то доля одного тем больше, чем меньше доля другого, и *vice versa* *. Но г-н Родбертус вносит сюда еще и кое-что от себя, и это кое-что следует разобрать подробнее.

Прежде всего, г-н Родбертус рассматривает, как некое новое открытие, то положение, что *прибавочная стоимость вообще* {«та стоимость продукта труда, которая подлежит разделу в качестве ренты вообще»}, т. е. совокупная выжатая капиталистами *прибавочная стоимость*, «состоит из стоимости сырого продукта плюс стоимость промышленного продукта» (стр. 120) [Русский перевод, стр. 310].

Сперва г-н Родбертус повторяет нам снова свое «открытие» относительно отсутствия «стоимости материала» в [476] земледелии. На сей раз это дается в виде следующего словесного потока:

«Та часть ренты, которая приходится на промышленный продукт и которая определяет ставку прибыли на капитал, исчисляется в качестве прибыли не только на капитал, действительно затраченный на изготовление этого продукта, но также и на всю стоимость сырого продукта, тоже фигурирующую, в виде *стоимости материала*, в предпринимательском фонде фабриканта; но такая стоимость материала *отсутствует* для той части ренты, которая приходится на сырой продукт и из которой *вычитается* прибыль на затраченный в производстве сырья капитал, исчисленная соответственно данной в промышленности ставке прибыли» (конечно!

* — наоборот. Ред.

соответственно *данной* ставке прибыли), «а остаток образует земельную ренту» (стр. 121) [Русский перевод, стр. 311].

Мы повторяем: нет, не отсутствует!

Допустим, — чего г-н Родбертус *не доказал* и при своем ходе мысли доказать не может, — что *существует земельная рента*, что, следовательно, определенная часть прибавочной стоимости сырого продукта достается земельному собственнику.

Далее, допустим, что

«при данной стоимости продукта высота ренты вообще» (*норма прибавочной стоимости*) «тоже дана» (стр. 121) [Русский перевод, стр. 310].

Это означает, что, например, в товаре стоимостью в 100 ф. ст. определенная часть, скажем половина, т. е. 50 ф. ст., составляет неоплаченный труд; эта половина образует, следовательно, тот фонд, из которого оплачиваются все подразделения прибавочной стоимости — рента, прибыль и т. д. В таком случае совершенно очевидно, что при дележе этих 50 ф. ст. один из участников дележа получает тем больше, чем меньше получает другой, и *vice versa*, или что прибыль и земельная рента находятся в обратном отношении друг к другу. Спрашивается теперь, что же определяет разделение прибавочной стоимости на эти две части?

Во всяком случае остается верным, что доход предпринимателя (будь он сельский хозяин или фабрикант) равен той прибавочной стоимости, которую предприниматель извлек из продажи произведенного продукта (выжав эту прибавочную стоимость из рабочих в своей сфере производства), и что земельная рента (там, где она не получается прямо из *промышленного продукта*, как в случае с *водопадом*, продаваемым промышленнику; последнее относится также и к ренте с *жилых домов* и т. д., ибо дома не являются ведь *сырым продуктом*), — что земельная рента проистекает только из добавочной прибыли (из той части прибавочной стоимости, которая не входит в общую норму прибыли), содержащейся в сырых продуктах и уплачиваемой арендатором земельному собственнику.

Совершенно верно, что, если стоимость сырого продукта повышается [или понижается], то в отраслях промышленности, применяющих сырой материал, норма прибыли будет падать или повышаться в обратном отношении к стоимости сырого продукта. Если стоимость хлопка удваивается, то при данной заработной плате и данной норме прибавочной стоимости норма прибыли понизится, как это показано мною раньше на одном конкретном примере²². Но то же самое имеет место

и в земледелии. Если урожай плох, а производство должно продолжаться в прежних размерах (мы здесь принимаем, что товары продаются по их *стоимости*), то более значительная часть совокупного продукта или его стоимости должна была бы быть возвращена земле, и после вычета заработной платы — при условии, что последняя остается неизменной, — менее значительная часть продукта составила бы прибавочную стоимость арендатора; следовательно, и меньшее количество стоимости останется для распределения между ним и земельным собственником. Хотя единица продукта и имела бы более высокую стоимость, чем прежде, все же не только остающееся количество продукта, но и остающаяся *доля стоимости* была бы меньше. Нечто иное происходит тогда, когда вследствие [возросшего] спроса продукт продается *выше* его стоимости и притом настолько выше, что меньшее количество продукта имеет теперь более высокую *цену*, чем прежде имело большее количество его. Однако это *противоречит* принятому нами предположению, что продукты продаются по их стоимости.

Допустим противоположный случай. Сбор хлопка удвоился, и та часть его, которая непосредственно возвращается земле, — например, в виде удобрения и семян, — стоит меньше, чем прежде. В этом случае та часть стоимости, которая, после вычета заработной платы, остается у возделывателя хлопка, — больше, чем она была прежде. Норма прибыли повысилась бы в хлопководстве так же, как она повысилась бы в хлопчатобумажной промышленности. Конечно, совершенно верно, что та содержащаяся в одном аршине ситца часть стоимости, которая приходится на сырой продукт, была бы теперь меньше, чем прежде, а та часть, которая приходится на стоимость обработки этого сырья, была бы больше, чем прежде. Предположим, что аршин ситца стоит 2 шилл., если стоимость содержащегося в нем хлопка равна 1 шилл. Если теперь цена хлопка падает с 1 шилл. до 6 пенсов (а это, при предположении, что *стоимость* хлопка равна его цене, возможно только потому, что хлопководство стало производительнее), то стоимость аршина ситца равняется 18 пенсам. Она упала на $\frac{1}{4}$, т. е. на 25%. Но там, где возделыватель хлопка продавал прежде 100 фунтов по 1 шилл., он теперь должен продавать 200 фунтов по 6 пенсов. Прежде стоимость всего хлопка была равна 100 шилл.; теперь она тоже равна 100 шилл. Хотя хлопок составлял прежде более значительную часть стоимости продукта, производитель хлопка за свой хлопок, приносящий ему 100 шилл. при цене 1 шилл. за фунт, получал прежде только 50 арш. ситца; теперь он (даже если бы одновременно с этим в хлопководстве

понижилась норма прибавочной стоимости) получает за свои 100 шилл., продавая фунт хлопка по 6 пенсов, $66\frac{2}{3}$ арш.

Если предположить, что товары продаются по их *стоимостям*, то неверно, что доход производителей, участвующих в производстве продукта, находится в *необходимой* зависимости от того, какие составные части стоимости [477] образуют их продукты в *совокупной стоимости* продукта.

Предположим, что стоимость совокупного продукта в одной отрасли составляет 300 ф. ст., в другой — 900 ф. ст., в третьей — 1 800 ф. ст.; при этом берутся всякого рода промышленные товары, включая и машины.

Если бы было верно, что пропорция, в которой стоимость всего продукта делится между стоимостью сырого продукта и стоимостью промышленного продукта, определяет ту пропорцию, в которой прибавочная стоимость — рента, как говорит Родбертус, — делится на прибыль и земельную ренту, то это должно было бы быть верно также и для тех продуктов различных сфер производства, в которых сырой материал и промышленный продукт участвуют в различных пропорциях.

Если из стоимости в 900 ф. ст. на промышленный продукт приходится 300 ф. ст. и на сырой продукт — 600 ф. ст.; если 1 ф. ст. = 1 рабочему дню; если, далее, дана *норма прибавочной стоимости*, например 2 часа на 10 при 12-часовом нормальном рабочем дне, — то в 300 ф. ст. [промышленного продукта] содержится 300 рабочих дней, а в 600 ф. ст. [сырого продукта] — вдвое больше (2×300). Сумма прибавочной стоимости в первом продукте равна 600 часам, во втором — 1 200 часам. Это означает только то — и ничего больше, — что при данной норме прибавочной стоимости *величина* последней зависит от числа рабочих, т. е. от числа одновременно занятых рабочих. Так как, далее, *предположено* (но не доказано), что из прибавочной стоимости, входящей в стоимость сельскохозяйственных продуктов, одна часть достается земельному собственнику в качестве земельной ренты, то из этого должно было бы следовать, далее, что, действительно, *величина земельной ренты* возрастает в такой же пропорции, в какой возрастает стоимость сельскохозяйственного продукта сравнительно с «промышленным продуктом».

В вышеприведенном примере сельскохозяйственный продукт относится к промышленному продукту как 2 : 1, как 600 : 300. Предположим теперь, что это отношение равно 300 : 600. Так как земельная рента зависит от прибавочной стоимости, содержащейся в сельскохозяйственном продукте, то ясно, что если *прибавочная стоимость* в первом случае равна 1 200 часам, а во

втором случае — только 600 часам, то земельная рента, раз она составляет *определенную* часть этой прибавочной стоимости, в первом случае должна быть больше, чем во втором. Другими словами: чем *большую часть стоимости* земледельческий продукт составляет в стоимости всего продукта, тем больше приходящаяся на земледельческий продукт доля *прибавочной стоимости всего продукта*, так как в каждой части стоимости продукта содержится определенная доля прибавочной стоимости, и чем больше та *доля прибавочной стоимости всего продукта*, которая приходится на земледельческий продукт, тем больше земельная рента, так как в *земельной ренте* представлена определенная пропорциональная часть *прибавочной стоимости* земледельческого продукта.

Предположим, что земельная рента равна $\frac{1}{10}$ прибавочной стоимости, произведенной в земледелии; тогда земельная рента равна 120 часам, если стоимость земледельческого продукта составляет 600 ф. ст. (из совокупной стоимости в 900 ф. ст.), и только 60 часам, если она составляет 300 ф. ст. Таким образом, *величина* земельной ренты, действительно, изменялась бы вместе с величиной стоимости земледельческого продукта, а стало быть, также и вместе с относительной величиной стоимости земледельческого продукта *по сравнению* с продуктом промышленности. Но «*высота*» земельной ренты и прибыли, — т. е. их норма, — не имела бы к этому *абсолютно никакого отношения*. В первом случае стоимость продукта равна 900 ф. ст., из которых 300 ф. ст. — продукт промышленности и 600 ф. ст. — земледельческий продукт. Из этой суммы 600 часов прибавочной стоимости приходятся на продукт промышленности и 1 200 часов — на земледельческий продукт. Всего 1 800 часов. Из них на земельную ренту падает 120 часов, на прибыль — 1 680 часов. Во втором случае стоимость продукта равна 900 ф. ст.; из них 600 ф. ст. — продукт промышленности и 300 ф. ст. — земледельческий продукт. Следовательно, на промышленность приходится прибавочная стоимость в 1 200 часов, а на земледелие — в 600 часов. Всего 1 800 часов. Из этой суммы на земельную ренту приходится 60 часов; на прибыль же падает — 1 200 часов в промышленности и 540 часов в земледелии, всего — 1 740 часов. Во втором случае продукт промышленности (по стоимости) вдвое больше земледельческого продукта, в первом случае — наоборот. Во втором случае земельная рента равна 60 часам; в первом — 120 часам: она просто возросла в той же пропорции, в какой возросла стоимость земледельческого продукта. Во сколько раз возросла эта последняя величина, во столько же раз возросла и величина

земельной ренты. По отношению к совокупной прибавочной стоимости (равной 1 800 часам) земельная рента в первом случае составляет $\frac{1}{15}$, а во втором $\frac{1}{30}$.

Если здесь вместе с величиной приходящейся на земледельческий продукт *части стоимости* повышается и *величина земельной ренты*, а вместе с этой ее величиной также и ее пропорциональная доля в совокупной прибавочной стоимости; если, стало быть, доля прибавочной стоимости, достающаяся земельной ренте, повышается также и по сравнению с той ее долей, которая достается прибыли, — то это имеет место только *потому*, что Родбертус предполагает, будто земельная рента свою долю из прибавочной стоимости земледельческого продукта получает в виде *определенной пропорции*. Так оно, конечно, и должно получиться, раз этот факт дан или *предположен*. Но само по себе это отнюдь не вытекает из того вздора, который Родбертус снова преподносит нам относительно «стоимости материала» и который я привел выше, на странице 476, в самом ее начале *.

Что же касается *высоты* земельной ренты, то она и не возрастает *по отношению* к [прибавочной стоимости, содержащейся в том] продукте, откуда земельная рента получает свою долю, ибо это отношение составляет по-прежнему $\frac{1}{10}$. *Величина* земельной ренты возрастает потому, что *возрастает* этот продукт, а так как при отсутствии роста «высоты» земельной ренты ее величина все же возрастает, то — в сравнении с количеством [совокупной] прибыли или с той долей, которую эта прибыль составляет в [478] стоимости всего совокупного продукта, — возрастает и «высота» ренты. Так как *предположено*, что *ренту* теперь приносит более значительная часть стоимости совокупного продукта, что более значительная часть *прибавочной стоимости* стала способной к превращению в ренту, то естественно, что та часть прибавочной стоимости, которая превращена в ренту, увеличилась. Все это не имеет абсолютно никакого отношения к «стоимости материала». А утверждение Родбертуса, что

«большая рента» оказывается вместе с тем и «более высокой», «так как площадь земли, — или число моргенов, на какое исчисляется эта увеличившаяся земельная рента, — осталась без изменения и, следовательно, на каждый морген приходится большая сумма стоимости» (стр. 122) [Русский перевод, стр. 312], —

такое утверждение нелепо. Это значит — измерять «высоту» ренты с помощью такого «масштаба», при котором трудность самого вопроса обходится.

* См. настоящее издание, часть II, стр. 73—74. *Ред.*

Нам следовало бы несколько видоизменить приведенный выше пример — ведь мы еще не знаем, что такое рента. Если бы для земледельческого продукта мы оставили такую же *норму прибыли*, как и для продукта промышленного, прибавив только $\frac{1}{10}$ для земельной ренты, то дело приняло бы иной вид, и яснее стало бы, что собственно требуется [для разрешения проблемы], так как предпосылкой служит наличие *одной и той же нормы прибыли*.

	Промышленный продукт	Земледельческий продукт	[Прибавочная стоимость и ее распределение]
I	600 ф. ст. [7 200 часов]	300 ф. ст. [3 600 часов]	1 200 часов прибавочной стоимости достаются промышленности, 600 часов — земледелию, 60 часов приходятся на земельную ренту. Всего—1 860 часов, из них 1 800 составляют прибыль.
II	300 ф. ст. [3 600 часов]	600 ф. ст. [7 200 часов]	600 часов прибавочной стоимости достаются промышленности, 1 200 часов — земледелию, 120 часов приходятся на земельную ренту. Всего—1 920 часов, из них 1 800 составляют прибыль.

Земельная рента в случае II вдвое больше, чем в I, так как та часть стоимости [совокупного] продукта, к которой она присосалась, как вошь, — а именно, земледельческий продукт, — здесь больше по сравнению с промышленным продуктом. Масса прибыли в обоих случаях остается одной и той же — 1 800 часов. [Земельная же рента составляет] в первом случае $\frac{1}{31}$, во втором — $\frac{1}{16}$ совокупной прибавочной стоимости.

Если Родбертус во что бы то ни стало хочет «стоимость материала» поставить в счет исключительно только промышленности, то ему прежде всего надлежало бы взвалить исключительно на земледелие ту часть постоянного капитала, которая состоит из машин и т. д. Эта часть капитала входит в земледелие как доставленный ему промышленностью продукт, как «промышленный продукт», который служит средством производства для выращивания «сырого продукта».

Что касается промышленности, то та часть стоимости машин, которая состоит из «сырого материала», уже *дебитована* промышленности под рубрикой «сырье», или «стоимость материала», ибо здесь идет речь о расчете между двумя фирмами. Эта часть, следовательно, не может быть записана дважды. Другая часть стоимости машин, применяемых в промышленности,

состоит из присоединенного «промышленного труда» — прошлого и настоящего, а этот последний распадается на заработную плату и прибыль (оплаченный труд и неоплаченный труд). Таким образом, авансированная здесь часть капитала (кроме той его части, которая содержится в сыром материале машин) состоит [как это может показаться] *только* из заработной платы и, следовательно, увеличивает не только сумму авансированного капитала, но и массу прибавочной стоимости, которая должна исчисляться на этот авансированный капитал, — стало быть, увеличивает прибыль.

(Неправильность, допускаемая при подобного рода расчете, состоит всегда [в непонимании того], что, хотя, например, износ машин или инструментов, содержащийся в самой машине, в ее стоимости, и может быть в конечном счете сведен к *труду*, — будь то труд, содержащийся в сыром материале, или труд, превративший сырой материал в машину и т. д., — все же этот *прошлый труд* никогда больше не входит ни в прибыль, ни в заработную плату, а функционирует, — поскольку необходимое для воспроизводства рабочее время не изменилось, — уже только как произведенное условие *производства*; какова бы ни была потребительная стоимость этого условия производства в процессе труда, оно в процессе образования стоимости фигурирует лишь как стоимость постоянного капитала. Это очень важно и уже выяснено мною при исследовании вопроса об обмене постоянного капитала и дохода *. Но, кроме того, это следует еще подробнее развить в отделе о накоплении капитала.)

Что же касается, напротив, земледелия, т. е. простого производства сырья, или так называемой первичной отрасли производства, то *при взаимном расчете между фирмой «первичная отрасль производства» и фирмой «обрабатывающая промышленность»* та входящая в земледелие часть стоимости капитала, которая представляет машины, орудия и т. д. и является частью постоянного капитала, никоим образом не может рассматриваться иначе, как в качестве такой статьи, которая входит в земельный капитал, но не увеличивает производимой последним *прибавочной стоимости*. Если земельный труд, вследствие применения машин и т. д., становится производительнее, то возрастание его производительности будет тем меньше, чем выше цена этих машин и т. д. Потребительная стоимость машин, а не их *стоимость*, — вот что увеличивает производительность земледельческого труда, как и

* См. настоящее издание, часть I, стр. 234—241. Ред.

всякого другого труда. Кроме того, можно было бы точно так же сказать, что производительность промышленного труда обусловлена прежде всего наличием сырья и его свойствами. Но здесь опять-таки потребительная стоимость сырья, а не его стоимость, является условием производства для промышленности. Стоимость представляет собой скорее отрицательную сторону. Следовательно, [479] *mutatis mutandis* *, к [применяемым в земледелии] машинам и т. д. относится буквально то же самое, что г-н Родбертус говорит о «стоимости материала» по отношению к промышленному капиталу:

«Например, в тот *труд*, который *затрачен* на особый продукт, каким является пшеница или хлопок, не может входить затрата труда, приходящаяся на долю плуга или джина ** как машин» (а также затраты труда, приходящиеся на водосточную канаву или на конюшню). «Напротив, стоимость машины, или машинная стоимость, все же фигурирует в составе той суммы капитала, на которую владелец исчисляет, в качестве прибыли, часть ренты, приходящуюся на сырой продукт» (ср. у Родбертуса стр. 97) [Русский перевод, стр. 298] ²³.

Другими словами: та часть стоимости пшеницы и хлопка, которая представляет стоимость изношенного плуга или джина, не есть результат труда по вспашке земли или по отделению волокон хлопка от его семян, а есть результат того труда, которым были произведены плуг или джин. Эта составная часть стоимости входит в земледельческий продукт, хотя она и не произведена в земледелии. Земледелие для нее — только промежуточная стадия, ибо посредством этой части стоимости земледелие лишь возмещает изношенные плуги и джины новыми, которые оно покупает у машиностроителя.

Эти применяемые в земледелии машины, орудия, постройки и другие промышленные продукты состоят из двух частей: 1) из сырья для этих промышленных продуктов (и 2) из труда, приложенного к сырью].

Хотя это сырье составляет продукт земледелия, однако оно является той частью земледельческого продукта, которая никогда не входит ни в заработную плату, ни в прибыль. Даже если бы в земледелии никаких капиталистов не существовало, все же земледелец, как и прежде, не мог бы записать на свой счет эту часть своего продукта в качестве заработной платы. В самом деле, он должен был бы *даром* отдать ее фабриканту машин, чтобы тот изготовил для него из нее машину, и, кроме того, должен был бы оплатить присоединенный к этому сырью

* — с соответствующими изменениями. Ред.

** — машина для очистки хлопка. Ред.

труд (= заработной плате + прибыль). В действительности так оно и происходит. Машиностроитель покупает сырье, но это сырье приходится обратно выкупать сельскому хозяину при покупке им машины. Следовательно, это то же самое, как если бы сельский хозяин ничего не продал машиностроителю, а только одолжил бы ему сырье, чтобы тот придал сырью форму машины. Таким образом, та часть стоимости применяемых в земледелии машин, которая сводится к сырью, — хотя она и представляет собой продукт земледельческого труда и является частью созданной этим трудом стоимости, — принадлежит все же производству, а не производителю, и потому фигурирует у последнего в числе его издержек, как и семена. Другая же часть, представляющая вложенный в машины промышленный труд, есть «промышленный продукт», который в качестве средства производства входит в земледелие совершенно так же, как сырье в качестве средства производства входит в обрабатывающую промышленность.

Итак, если верно, что фирма «производство сырья» доставляет фирме «обрабатывающая промышленность» «стоимость материала», которая входит как отдельная статья в сумму капитала фабриканта, то не менее верно и то, что фирма «обрабатывающая промышленность» доставляет фирме «производство сырья» стоимость машин, которая целиком (*включая часть, состоящую из сырья*) входит в сумму капитала фермера, хотя эта «составная часть стоимости» и не приносит фермеру прибавочной стоимости. Именно по этой причине в *high agriculture* *, как это называют англичане, норма прибыли *оказывается* менее высокой, чем в примитивном земледелии, хотя в первом норма прибавочной стоимости выше.

Одновременно с этим г-н Родбертус мог бы почерпнуть здесь разительное доказательство того, как безразлично для существа *затраты капитала* то обстоятельство, возмещается ли часть стоимости продукта, вкладываемая в постоянный капитал, *in natura* и только учитывается как товар — как денежная стоимость, — или же она действительно была отчуждена и прошла через процесс купли и продажи. Если бы, например, производитель сырья отдал даром машиностроителю содержащиеся в покупаемой у него машине железо, медь, дерево и т. д., так что машиностроитель поставил бы ему в счет при продаже машины только присоединенный труд и износ своей собственной машины, то покупаемая машина обошлась бы сельскому хозяину как раз в такую же сумму, в какую она

* — усовершенствованном земледелии, интенсивном земледелии. *Ред.*

обходится ему теперь, и та же *составная часть стоимости* фигурировала бы в его производстве как постоянный капитал, как затрата, — подобно тому как совершенно безразлично, продает ли крестьянин свой урожай целиком и на ту часть его стоимости, которая представляет семена (сырой материал), покупает семена на стороне, — скажем, для того чтобы произвести столь полезную смену сорта семян и таким путем избежать вырождения растений в результате постоянного размножения одного и того же сорта, — или же он непосредственно удерживает из своего продукта ту долю, в которой представлена эта составная часть стоимости, и возвращает ее земле.

Но г-н Родбертус, чтобы сконструировать свой расчет, неверно характеризует состоящую из машин часть постоянного капитала.

Второй пункт, подлежащий рассмотрению при разборе второго положения г-на Родбертуса, состоит в следующем:

У г-на Родбертуса речь идет о тех промышленных и земледельческих продуктах, из которых состоит *доход*, а это означает нечто совсем иное, чем те промышленные и земледельческие продукты, из которых состоит *совокупный годовой продукт*. Даже если бы по отношению к совокупному годовому продукту и было правильно сказать, что, после того как из него вычтена вся та часть земледельческого капитала, которая состоит из машин и т. д., [480] а также та часть земледельческого продукта, которая непосредственно возвращается земледельческому производству, — что после вычета обеих этих частей распределение *прибавочной стоимости* между фермером и промышленником (а стало быть, также и распределение достаемой фермеру прибавочной стоимости между самим фермером и земельным собственником) должно определяться *величиной* тех долей, которые имеют в совокупной стоимости продуктов промышленности и земледелие; даже если бы все это и было правильно, то еще большой вопрос, верно ли это тогда, когда речь идет о продуктах, составляющих *общественный фонд дохода*. Доход (здесь исключается та его часть, которая, в свою очередь, превращается в *новый капитал*) состоит из продуктов, входящих в индивидуальное потребление, и тут-то возникает вопрос, сколько из этого общего котла извлекают промышленники, фермеры и земельные собственники. Определяется ли каждая из этих частей той долей, которую промышленность и производство сырья имеют в *стоимости* продуктов, составляющих доход? Другими словами, определяется ли она теми долями, на которые делится между земледельческим трудом

и промышленным трудом стоимость всего продукта, составляющего доход?

Та масса продуктов, из которой состоит доход, исключает, как я показал раньше *, все те продукты, которые входят в производство в качестве орудий труда (машин), вспомогательных материалов, полуфабрикатов и сырья для этих последних и которые составляют часть годового продукта труда. Она исключает не только *постоянный капитал*, применяемый в производстве сырья, но также и постоянный капитал машиностроителей и весь тот постоянный капитал фермеров и [промышленных] капиталистов, который, хотя он и входит в процесс труда, *не входит* в процесс образования стоимости. Затем она исключает не только постоянный капитал, но также и те не входящие в индивидуальное потребление продукты, которые представляют *доход* их производителей и которые, для возмещения использованного постоянного капитала, входят в капитал производителей продуктов, потребляемых как доход.

Масса продуктов, потребляемая как доход и образующая на деле ту часть богатства, которая составляет доход как по своей *потребительной стоимости*, так и по *меновый стоимости*, — эта масса продуктов, как я показал раньше **, может рассматриваться как состоящая только из *вновь присоединенного* (в течение года) *труда*, почему она и сводится только к доходу, т. е. к заработной плате и прибыли (последняя, в свою очередь, распадается на [остающуюся у капиталиста] *прибыль, ренту, налоги* и т. д.), причем ни одна частица этой массы не содержит ни стоимости входящего в производство сырья, ни стоимости входящего в производство износа машин или вообще средств труда. Стало быть, если мы (оставляя совершенно без внимания производные формы дохода, ибо они показывают только, что владелец дохода уступает свою долю в упомянутой массе продуктов другому, будь то за услуги и т. д. или в уплату долга и т. д.) рассмотрим этот доход и предположим, что заработная плата составляет $\frac{1}{3}$ дохода, прибыль — $\frac{1}{3}$ и земельная рента — $\frac{1}{3}$, а продукт по своей стоимости равен 90 ф. ст., то каждый из представителей этих видов дохода сможет из общей массы извлекать продуктов на 30 ф. ст.

Так как масса продуктов, образующая доход, состоит только из *вновь присоединенного* (присоединенного в течение года) труда, то кажется, что дело обстоит весьма просто: если земледельческий труд входит в эту массу продуктов в размере $\frac{2}{3}$,

* См. настоящее издание, часть I, стр. 234—241. Ред.

** См. там же, стр. 224—234. Ред.

а промышленный труд — в размере $\frac{1}{3}$, то промышленники и сельские хозяева делят между собой данную стоимость соответственно этому отношению. Одна треть стоимости указанной массы продуктов пришлась бы на долю промышленников, две трети — на долю сельских хозяев, и пропорциональная величина прибавочной стоимости, реализованной в промышленности и сельском хозяйстве (предполагая и там и тут одну и ту же норму прибавочной стоимости), соответствовала бы тем долям, которые промышленность и сельское хозяйство имеют в стоимости совокупного продукта; земельная же рента возрасла бы в соответствии с тем, как возрастает масса прибыли фермера, к которой рента присосалась, как вошь. И все же такая трактовка вопроса неверна. Дело в том, что одна из частей стоимости, состоящей из [продуктов] земледельческого труда, образует *доход* тех фабрикантов, которые производят основной капитал, возмещающий изношенную в земледелии часть этого капитала. Таким образом, соотношение между земледельческим и промышленным трудом, как *составными частями стоимости продуктов, образующих доход*, отнюдь не показывает той *пропорции*, в которой стоимость образующей доход массы продуктов или сама эта масса продуктов распределяется между промышленниками и фермерами, а также не показывает и того *соотношения*, в котором промышленность и сельское хозяйство принимают участие в совокупном производстве.

Родбертус говорит далее:

«Но опять-таки только производительность труда в производстве сырья и в промышленности определяет соответственную высоту стоимости сырого продукта и промышленного продукта, или те доли, которые они составляют в общей стоимости всего продукта. Стоимость сырого продукта будет тем выше, чем ниже производительность труда в производстве сырья, и наоборот. Точно так же стоимость промышленного продукта будет тем выше, чем ниже производительность промышленного труда, и наоборот. Поэтому, если нам дана высота ренты вообще, то, так как высокая стоимость сырого продукта обуславливает высокую земельную ренту и низкую прибыль на капитал, а высокая стоимость промышленного продукта обуславливает высокую прибыль на капитал и низкую земельную ренту, — высота земельной ренты и высота прибыли на капитал должны находиться в обратном отношении не только друг к другу, но и к производительности соответствующего труда, т. е. труда в производстве сырья и труда в промышленности» (стр. 123) [Русский перевод, стр. 312—313].

Если сравнивать производительность двух *различных* сфер производства, то это может быть сделано только в относительном смысле. Это значит: берется, в качестве исходного, какой-нибудь любой пункт, где, например, стоимости пеньки

и холста — следовательно, соотносительные количества содержащегося в них рабочего времени — относятся как 1 к 3. Если это отношение изменяется, то будет правильным сказать, что изменилась производительность этих различных видов труда. Но неправильно будет утверждать, что производство золота «менее производительно», чем производство железа, на том основании, что требующееся для производства унции золота [481] рабочее время равно 3, а время, требующееся для производства тонны железа, тоже равно 3.

Стоимостное отношение двух товаров показывает, что один из них производится с большей затратой рабочего времени, чем другой; нельзя, однако, на этом основании утверждать, что одна отрасль производства «производительнее» другой. Это было бы верно только при том условии, если бы рабочее время затрачивалось в обоих случаях на производство *одних и тех же* потребительных стоимостей.

Стало быть, если стоимость сырого продукта относится к стоимости промышленного продукта как 3 к 1, то отсюда вовсе не следует, что промышленность в три раза производительнее земледелия. Только в том случае, если бы отношение это изменилось, например стало 4 : 1 или 3 : 2 или 2 : 1 и т. д., можно было бы сказать, что относительная производительность в этих двух отраслях изменилась. Следовательно, это утверждение возможно только в случае повышения или понижения производительности.

[В) ТРЕТЬЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОДБЕРТУСА]

«III) *Высота прибыли на капитал* определяется исключительно *высотой стоимости продукта* вообще и *высотой стоимости сырого продукта* и *промышленного продукта* в частности, или степенью производительности труда вообще и труда в производстве сырья и в промышленности в частности; *высота земельной ренты* зависит, кроме того, также и от *величины стоимости продукта*, т. е. от *количества труда*, или *производительной силы*, применяемого в производстве при *данной степени производительности*» (стр. 116—117) [Русский перевод, стр. 307].

Другими словами: *норма прибыли* зависит исключительно от *нормы прибавочной стоимости*, а последняя определяется исключительно *производительностью труда*; напротив, *норма земельной ренты* зависит также и от *массы* применяемого труда (от количества рабочих) при *данной производительности труда*.

В этом утверждении содержится почти столько же ошибок, сколько и слов.

Во-первых, *норма прибыли* отнюдь не определяется одной лишь *нормой прибавочной стоимости*, — об этом мы сейчас

скажем. Но прежде всего неверно то, будто *норма прибавочной стоимости* зависит только от производительности труда. При *данной производительности труда* норма прибавочной стоимости изменяется в зависимости от *продолжительности прибавочного рабочего времени*. Следовательно, норма прибавочной стоимости зависит не только от производительности труда, но также и от *количества* примененного труда, так как количество *неоплаченного* труда может возрастать (при неизменной производительности) без того, чтобы при этом возрастало количество *оплаченного* труда, т. е. без того, чтобы возрастала затрачиваемая на заработную плату часть капитала. Прибавочная стоимость — как абсолютная, так и относительная (а Родбертус, следуя за Рикардо, знает только последнюю) — невозможна, если труд не настолько, по крайней мере, производителен, чтобы от рабочего дня после вычета того времени, которое необходимо для собственного воспроизводства рабочего, оставалось еще прибавочное рабочее время. Но раз наличие прибавочного рабочего времени предположено, то — *при данном минимуме производительности* — норма прибавочной стоимости изменяется вместе с изменением продолжительности прибавочного рабочего времени.

Следовательно, *во-первых, неверно, будто норма прибыли, или «высота прибыли на капитал», — так как это-де имеет силу для нормы прибавочной стоимости, — определяется лишь производительностью эксплуатируемого капиталом труда. Во-вторых, предположим, как данную уже, норму прибавочной стоимости, изменяющуюся при данной производительности труда в зависимости от изменения продолжительности рабочего дня, а при данном нормальном рабочем дне — в зависимости от производительности труда. Тогда сама прибавочная стоимость будет различна в зависимости от числа рабочих, из каждого рабочего дня которых выжимается определенное количество прибавочной стоимости, иными словами — в зависимости от величины переменного капитала, затрачиваемого на заработную плату. Но норма прибыли зависит от отношения этой прибавочной стоимости к переменному капиталу плюс постоянный капитал. Величина прибавочной стоимости, при данной норме прибавочной стоимости, зависит, конечно, от величины переменного капитала, но высота прибыли, т. е. норма прибыли, зависит от отношения этой прибавочной стоимости к совокупному авансированному капиталу. Здесь, следовательно, норма прибыли будет, конечно, определяться ценой сырья (если таковое применяется в данной отрасли промышленности) и стоимостью машин известной эффективности.*

Поэтому в корне ошибочно то, что утверждает Родбертус:

«В той же самой пропорции, в какой увеличивается, вследствие *увеличения стоимости продукта*, сумма прибыли на капитал, увеличивается, стало быть, и та совокупная стоимость капитала, на которую должна исчисляться прибыль, и прежняя пропорция между прибылью и капиталом совершенно не изменяется вследствие этого увеличения прибыли на капитал» (стр. 125) [Русский перевод, стр. 314].

Это утверждение верно только в том случае, если оно означает *тавтологию*: при *данной норме прибыли* {а норма прибыли весьма отличается от нормы прибавочной стоимости и от самой прибавочной стоимости} *величина применяемого капитала безразлична* именно потому, что норма прибыли предположена *постоянной*. Вообще же норма прибыли может возрастать невзирая на то, что *производительность* труда остается *постоянной*, или может *падать* невзирая на то, что производительность труда возрастает, и притом возрастает в каждой сфере.

А затем снова появляется аляповатый фокус с земельной рентой (стр. 125—126) [Русский перевод, стр. 314—315], простое увеличение которой повышает-де ее норму, так как она в каждой стране исчисляется на «неизменное число моргенов» (стр. 126) [Русский перевод, стр. 315]. Если возрастает масса прибыли (при данной норме прибыли), то возрастает и *масса* капитала, с которого она получается; если же возрастает земельная рента, то изменяется-де только один фактор — сама рента, тогда как ее масштаб, «число моргенов», остается фиксированным, неизменным.

[482] «Земельная рента может поэтому повышаться вследствие причины, повсюду возникающей в ходе экономического развития общества, — вследствие увеличения применяемого в производстве труда, другими словами, вследствие *возрастания населения*, без одновременного *повышения* стоимости сырого продукта, так как уже то обстоятельство, что земельная рента получается с *большого количества* сырого продукта, должно иметь такой результат» (стр. 127) [Русский перевод, стр. 315—316].

На стр. 128 Родбертус делает странное открытие, что даже если бы земельная рента и совсем исчезла вследствие падения цены сырого продукта *ниже* его нормальной стоимости, то невозможно было бы,

«чтобы *прибыль на капитал* когда-либо могла составлять 100 процентов» (при том именно условии, что товар продается по его стоимости); «как бы прибыль ни была высока, она всегда должна быть значительно меньше» (стр. 128) [Русский перевод, стр. 316].

А почему?

«Потому что она» (прибыль на капитал) «получается исключительно в результате деления стоимости продукта. Поэтому она может составлять всегда только *дробную часть* этой единицы» (стр. 127—128) [Русский перевод, стр. 316].

Это, г-н Родбертус, целиком зависит от способа *Вашего* исчисления.

Предположим, что авансированный постоянный капитал равен 100, авансированная заработная плата равна 50, а избыток продукта труда над этими 50 составляет 150. Мы имели бы тогда такой расчет:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость	Издержки производства	Прибыль
100	50	150	300	150	150, т. е. 100%

Для того чтобы этот случай был возможен, требуется только одно — предположить, что рабочий работает $\frac{3}{4}$ рабочего дня на своего хозяина, т. е. что для собственного воспроизводства рабочего достаточно одной четверти рабочего времени. Конечно, если г-н Родбертус берет стоимость продукта, равную 300, как единое целое, если он не выделяет содержащийся в ней избыток над издержками производства, а говорит: этот *продукт* подлежит распределению между капиталистом и рабочим, — то доля капиталиста, действительно, может составить только часть этого продукта, даже если бы она равнялась $\frac{999}{1000}$ всего продукта. Но этот расчет ошибочен или, по меньшей мере, почти во всех отношениях бесплоден. Когда кто-либо затрачивает 150 и выручает 300, то он обычно не говорит, что получает 50% прибыли, если только он не считает 150 на 300 (вместо того чтобы считать их на 150).

Предположим, что в приведенном выше примере рабочий работал 12 часов: 3 часа — на себя, 9 часов — на капиталиста. Предположим затем, что он работает 15 часов: следовательно, 3 часа он работает на себя и 12 — на капиталиста. В соответствии с прежним соотношением в производстве [между средствами производства и количеством живого труда] к постоянному капиталу должна была бы прибавиться дополнительная затрата в 25 (в действительности меньше, так как затраты на машины возросли бы не в том же отношении, в каком увеличивается количество труда). Итак:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость	Издержки производства	Прибыль
125	50	200	375	175	200, т. е. 114 $\frac{2}{3}$ %

Затем Родбертус вновь преподносит нам свои рассуждения относительно возрастания «*земельной ренты до бесконечности*», потому что он, во-первых, принимает простое возрастание величины земельной ренты за ее повышение, т. е. о повышении он говорит и в том случае, когда та же самая норма земельной

ренды уплачивается с большей массы продуктов. Далее, потому, что ренту он исчисляет на «морген» в качестве масштаба, — две вещи, не имеющие ничего общего между собой.

* * *

Следующие пункты можно отметить совсем кратко, так как они не имеют никакого отношения к моей задаче.

«Стоимость земли» есть *«капитализированная земельная рента»*. Для этого ее денежного выражения определяющее значение имеет поэтому высота господствующей процентной ставки. При капитализации из 4%, земельная рента должна быть умножена на 25, ибо $4\% = \frac{1}{25}$ от 100; при капитализации из 5% — на 20, ибо $5\% = \frac{1}{20}$ от 100. В стоимости земли это составило бы разницу в 20% (стр. 131). Даже вследствие понижения стоимости денег *земельная рента*, а поэтому и *стоимость земли*, номинально повысилась бы, ибо здесь нет-де того, что имеет место по отношению к капиталу. Когда ссудный процент или прибыль выражается в большем количестве денег, то одновременно с этим одинаково повышается в своем денежном выражении и капитал. Напротив, выраженная в большем количестве денег земельная рента должна-де распределяться «на неизменное количество моргенов земельного участка» (стр. 132).

Свою премудрость относительно экономического развития Европы г-н Родбертус резюмирует следующим образом:

1) «...У европейских наций производительность труда вообще — труда в производстве сырья и в промышленности — возросла... Вследствие этого та доля национального продукта, которая идет на заработную плату, уменьшилась, а доля, остающаяся в качестве ренты, увеличилась... Следовательно, *рента вообще повысилась*» (стр. 138—139) [Русский перевод, стр. 322—323].

2) «...Производительность в промышленности увеличилась в *большей степени*, чем в производстве сырья... Вследствие этого в настоящее время при равной величине стоимости национального продукта доля ренты, приходящаяся на сырой продукт, больше той, которая приходится на промышленный продукт; следовательно, несмотря на повышение ренты вообще, *повысилась все же только земельная рента, а прибыль на капитал, напротив, упала*» (стр. 139) [Русский перевод, стр. 323].

Таким образом, здесь г-н Родбертус совершенно так же, как и Рикардо, объясняет повышение земельной ренты и падение нормы прибыли одно из другого; падение одной равносильно повышению другой, а повышение земельной ренты объясняется *относительной непроизводительностью* [483] *земледелия*. Рикардо где-то даже определенно говорит, что дело идет не об

абсолютной, а об «относительной» непроизводительности *. Но даже если бы он и сказал противоположное, то это не вытекало бы из выдвигаемого им принципа, так как действительный автор отстаиваемого Рикардо воззрения, *Андерсон*, определенно говорит об абсолютной способности любой почвы к улучшению.

Если «прибавочная стоимость» вообще (прибыль и рента) повысилась, то норма всей ренты по отношению к постоянному капиталу не только может упасть, но она обязательно упадет, потому что повысилась производительность труда. Несмотря на то, что увеличилось число занятых рабочих и возросла степень их эксплуатации, затраченный вообще на заработную плату капитал — хотя он абсолютно и возрос — все же *относительно* упал; ибо все возрастающую часть совокупного капитала составляет приводимый в движение этими рабочими [постоянный] капитал, который, в качестве авансированного продукта прошлого труда, входит в производство как его *предпосылка*. Поэтому норма прибыли и земельной ренты, вместе взятых, упала, несмотря на то, что повысилась не только их сумма (их абсолютная величина), но и норма эксплуатации труда. Этого г-н Родбертус не в состоянии увидеть, так как для него постоянный капитал есть изобретение промышленности, о котором земледелие ничего не знает.

Что же касается *относительной* величины прибыли и земельной ренты, то из того, что земледелие относительно менее производительно, чем обрабатывающая промышленность, отнюдь не следует, что поэтому *норма прибыли* должна абсолютно упасть. Если ее отношение к земельной ренте равнялось раньше 2 : 3, а теперь оно равно только 1 : 3, то раньше она составляла $\frac{2}{3}$ земельной ренты, а теперь — только $\frac{1}{3}$; другими словами, если раньше прибыль составляла $\frac{2}{5}$ совокупной прибавочной стоимости ($\frac{8}{20}$), а теперь — только $\frac{1}{4}$ ($\frac{5}{20}$), то она упала, следовательно, на $\frac{3}{20}$, т. е. с 40% до 25%.

Предположим, что стоимость фунта хлопка была равна 2 шилл. Она падает до 1 шилл. 100 рабочих, раньше превращавших за один день в пряжу 100 фунтов хлопка, теперь превращают в пряжу 300 фунтов хлопка. Затрата капитала на 300 фунтов хлопка раньше составляла 600 шилл.; теперь она составляет лишь 300 шилл. Предположим, далее, что стоимость машин в обоих случаях равна $\frac{1}{10}$ [суммы, затраченной на хлопок в первом случае], т. е. 60 шилл. Наконец, заработная плата для превращения в пряжу 300 фунтов хлопка прежде

* См.* настоящее издание, часть II, стр. 369—370. Ред.

затрачивалась на 300 рабочих и составляла 300 шилл., а теперь затрачивается лишь на 100 рабочих и составляет 100 шилл. Так как производительность труда рабочих «увеличилась» и мы должны предположить, что они оплачиваются здесь продуктом своего собственного труда, то допустим, что раньше прибавочная стоимость составляла 20% заработной платы, а теперь 40%.

Итак, 300 фунтов пряжи стоят:

I) в первом случае — сырье 600, машины 60, заработная плата 300, прибавочная стоимость 60, итого — 1 020 шилл.;

II) во втором случае — сырье 300, машины 60, заработная плата 100, прибавочная стоимость 40, итого — 500 шилл.

Издержки производства в первом случае 960 шилл., прибыль 60 шилл., норма прибыли $6\frac{1}{4}\%$.

Издержки производства во втором случае 460 шилл., прибыль 40 шилл., норма прибыли $8\frac{16}{23}\%$.

Если рента составляла, положим, $\frac{1}{3}$ от каждого фунта хлопка, то в первом случае она равнялась 200 шилл., или 10 ф. ст., а во втором — 100 шилл., или 5 ф. ст. Рента здесь упала, так как сырой продукт подешевел на 50%. Но весь продукт подешевел больше чем на 50%. Вновь присоединенный промышленный труд относился к стоимости сырья в первом случае — как 360 : 600, или 6 : 10, или 1 : $1\frac{2}{3}$; во втором случае — как 140 : 300, или 1 : $2\frac{1}{7}$. Производительность промышленного труда возросла в большей степени, чем производительность земледельческого труда; тем не менее, в первом случае норма прибыли ниже, а рента выше, чем во втором случае. В обоих случаях рента составляет $\frac{1}{3}$ сырья.

Предположим, что масса сырья в случае II удвоилась и что в пряжу превратились 600 фунтов хлопка; тогда соотношение было бы таким:

II) 600 фунтов хлопка (сырье) — 600 шилл., 120 шилл. — машины, 200 шилл. — заработная плата, 80 шилл. — прибавочная стоимость; итого 920 шилл. — издержки производства. Прибыль — 80 шилл., норма прибыли — $8\frac{16}{23}\%$.

Норма прибыли возросла бы сравнительно с I. Величина ренты была бы точно такой же, как в I. 600 фунтов пряжи стоили бы только 1 000, тогда как раньше они стоили 2 040 шилл.

[484] Из относительной дороговизны земледельческого продукта отнюдь не следует, что он приносит ренту. Но коль скоро сделано допущение, что рента прирастает, как процент, к каждой части стоимости земледельческого продукта, — как это

допускает Родбертус, ибо его мнимое доказательство есть вздор, — то из такого допущения, конечно, следует, что рента повышается вместе с возрастанием дороговизны земледельческого продукта.

«...Вследствие роста народонаселения чрезвычайно увеличилась также и сумма стоимости национального продукта... Поэтому теперь в нации получается *больше* заработной платы, *больше* прибыли, *больше* земельной ренты... Это *увеличение* суммы земельной ренты повлекло за собой еще и повышение уровня земельной ренты, тогда как по отношению к заработной плате и прибыли *увеличение* общей суммы каждой из них не могло оказать такого действия» (стр. 139) [Русский перевод, стр. 323].

[8] ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СМЫСЛ ЗАКОНА, ИЗВРАЩЕННОГО РОДБЕРТУСОМ]

Отбросим теперь у г-на Родбертуса все его нелепости (не говоря уже о тех недостатках в его воззрениях, о которых я подробно говорил выше, например, будто норма прибавочной стоимости (*«высота ренты»*) может повышаться только *при увеличении производительности труда*, что, стало быть, означает *непонимание абсолютной прибавочной стоимости*, и. т. д.).

А именно, отбросим:

[*первую*] нелепость, будто в земледелии в собственном смысле слова (в капиталистическом земледелии) в число затрат совсем не входит *«стоимость материала»*;

вторую нелепость, состоящую в том, что вторую часть постоянного капитала, входящую в земледелие и в промышленность (*машины* и т. д.), Родбертус не рассматривает как такую «составную часть стоимости», которая — совершенно так же, как «стоимость материала», — не есть результат труда той сферы производства, куда она входит в виде машин, и на которую, стало быть, тоже должна исчисляться полученная в каждой сфере производства прибыль, хотя *стоимость* машин точно так же ни гроша не прибавляет к этой прибыли, как и «стоимость» материала, — несмотря на то, что и машины и сырой материал являются средствами производства и как таковые входят в процесс труда;

третью нелепость, заключающуюся в том, что Родбертус не ставит земледелию в счет — как затрату — *всю* «составную часть стоимости», образуемую входящими в земледелие «машинами» и т. д., и что он ту долю этой «составной части стоимости», которая не сводится к сырому материалу, не рассматривает как такой дебет земледелия по отношению к промышленности, в оплату которого земледелие должно *даром* доставлять промышленности часть сырого материала, не входящую,

следовательно, в затраты промышленности, рассматриваемой как единое целое;

четвертую нелепость, будто во все отрасли промышленности входит, кроме машин и необходимых для них вспомогательных материалов, также еще и «стоимость материала», тогда как это совершенно не имеет места ни в транспортной промышленности, ни в добывающей промышленности;

пятую нелепость, заключающуюся в непонимании того обстоятельства, что во многих отраслях обрабатывающей промышленности (и тем в большей степени, чем с большим правом о них можно сказать, что они доставляют готовые изделия для потребления), хотя в них и входит, кроме переменного капитала, также и «сырой материал», но зато другая составная часть постоянного капитала почти совсем отпадает или же является минимальной, несравненно меньшей, чем в крупной промышленности и земледелии;

шестую нелепость, состоящую в том, что он смешивает средние цены товаров с их стоимостями.

Если отбросить все эти нелепости, позволяющие Родбертусу выводить *свое* объяснение земельной ренты из *неверного расчета*, который делает фермер и сам г-н Родбертус, — так что земельная рента должна была бы исчезать по мере того, как фермер начинает *действительно учитывать* производимые им *затраты*, — то, в качестве скрытого под этими нелепостями зерна, остается лишь следующее утверждение:

Когда сырые продукты продаются по их *стоимостям*, то их стоимость стоит выше *средних цен* других товаров, или выше их *собственной средней цены*, т. е. она превышает издержки производства плюс средняя прибыль, и, следовательно, дает *добавочную прибыль*, которая и образует *земельную ренту*. Это означает, далее, что переменный капитал (при предположении одинаковой *нормы прибавочной стоимости*) больше — по сравнению с постоянным капиталом — в производстве сырых продуктов, нежели — в среднем — в тех сферах производства, которые относятся к промышленности (что не мешает тому, что в некоторых отраслях промышленности переменный капитал выше, чем в земледелии). Или, в еще более общей форме: земледелие принадлежит к тому же разряду, к которому принадлежат те промышленные сферы производства, где отношение переменного капитала к постоянному выше, чем в сферах промышленности, взятых в среднем. Поэтому прибавочная стоимость в земледелии, исчисляемая на затрачиваемые здесь издержки производства, должна стоять выше, чем — в среднем — в сферах промышленности. Это, в свою очередь, означает, что *особая*

норма прибыли в земледелии превышает *среднюю*, или *общую*, *норму прибыли*. А это опять-таки означает, что особая норма прибыли в каждой сфере производства — если норма прибавочной стоимости одинакова, а сама прибавочная стоимость дана — зависит от отношения переменного капитала к постоянному капиталу в отдельных сферах.

Таким образом, мы имели бы здесь лишь применение к особой отрасли производства того закона, который мною развит в его *общей* форме *.

[485] Затем —

1) следовало бы доказать, что земледелие принадлежит к числу тех особых сфер производства, где *стоимости товаров* превышают их *средние цены* и где, стало быть, прибыль, если эти сферы сами присваивают ее, а не отдают для выравнивания общей нормы прибыли, превышает *среднюю прибыль*, так что после вычета этой последней у них остается еще и *добавочная прибыль*. Это положение, по-видимому, правильно, в среднем, для земледелия, так как в нем относительно еще преобладает ручной труд, а буржуазному способу производства свойственно развивать промышленность быстрее, чем земледелие. Это, впрочем, различие *историческое*, которое может исчезнуть. В этом коренится также причина того явления, что стоимость средств производства, доставляемых промышленностью земледелию, в общем понижается, тогда как стоимость сырого материала, доставляемого земледелием промышленностью, в общем повышается; вследствие этого постоянный капитал в значительной части обрабатывающей промышленности относительно больше по стоимости, чем в земледелии. К добывающей промышленности это в большинстве случаев не относится.

2) Нельзя, как это делает Родбертус, утверждать: если земледельческий продукт — согласно всеобщему закону — продается в среднем по его *стоимости*, то он должен давать добавочную прибыль, *alias* ** земельную ренту, — как если бы подобная продажа товара по его *стоимости*, но *выше* его средней цены составляла всеобщий закон капиталистического производства. *Напротив*, надо показать, почему в производстве сырья — *в виде исключения и в отличие* от того разряда *промышленных продуктов*, *стоимость которых точно так же стоит выше их средней цены*, — стоимости не понижаются до средних цен и вследствие этого дают добавочную прибыль, *alias* земельную ренту. Это объясняется просто существованием *собственности на землю*. Выравнивание происходит только

* См. настоящее издание, часть II, стр. 63—69. *Ред.*

** — иначе говоря. *Ред.*

тем путем, что капитал действует против капитала, так как только воздействующие друг на друга капиталы имеют силу осуществлять имманентные законы капитала. Постольку правы те, кто выводит земельную ренту из *монополии*; совершенно так же как *монополия* капитала одна только дает капиталисту возможность выжимать из рабочего прибавочный труд, так и монополия собственности на землю дает возможность земельному собственнику выжимать у капиталиста ту часть прибавочного труда, которая могла бы образовать постоянную *добавочную прибыль*. Те, кто выводит земельную ренту из монополии, ошибаются в том отношении, что полагают, будто монополия дает земельному собственнику возможность взвинчивать *цену товара выше его стоимости*. Напротив, действие монополии состоит здесь в том, чтобы удерживать *стоимость товара на таком уровне, который выше его средней цены*, — в том, чтобы делать возможной продажу товара не *выше* его стоимости, а именно *по* его стоимости.

Если взгляды Родбертуса подвергнуть такого рода изменениям, то перед нами будет правильное понимание дела. Тогда получит свое объяснение *существование земельной ренты*, в то время как Рикардо объясняет только *существование различных земельных рент* и фактически лишает *земельную собственность* всякого *экономического* значения. Далее, при таком понимании дела устраняется — у самого Рикардо, впрочем, только произвольная и для его хода мыслей ненужная — надстройка в виде утверждения, будто земледельческое производство становится все менее производительным, и в противоположность этому утверждению признаётся возрастание производительности в земледелии. Дело лишь в том, что на буржуазной основе земледелие является *относительно менее производительным* — другими словами, медленнее развивает производительные силы труда, — чем промышленность. Рикардо прав, когда он выводит «избыточную прибавочную стоимость» в земледелии не из большего плодородия, а из большего неплодородия.

[9) ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА И АБСОЛЮТНАЯ РЕНТА В ИХ СООТНОШЕНИИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ. К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У СМИТА И РИКАРДО]

Что касается *различия земельных рент*, то при одинаковом вложении капитала на равновеликих участках земли оно объясняется *различием в естественном плодородии*, в особенности, прежде всего, для тех продуктов, из которых получается хлеб,

этот главный предмет питания; при равных же земельных участках одинакового плодородия различие рент объясняется *неодинаковым вложением капитала*. Первое, *естественное* различие обуславливает различие не только в величине земельной ренты, но и в ее высоте, или норме, сравнительно с затраченным капиталом; второе, *промышленное* различие обуславливает только *увеличение* земельной ренты пропорционально величине затраченного капитала. Различие в результате *может* получиться также и при последовательных вложениях капитала на одном и том же участке земли. Существование *различных добавочных прибылей*, или *различных земельных рент*, на земельных участках различного плодородия не есть еще то, что отличает земледелие от промышленности. Что отличает земледелие от промышленности, так это — *фиксированность* этих добавочных прибылей, которые здесь покоятся на базисе, данном природой (этот базис, правда, *может* быть более или менее выравнен), тогда как в промышленности — при одинаковой средней прибыли — они имеют всегда лишь *милолетный характер* и всегда возникают *только* потому, что совершается переход к более производительным машинам и к более эффективным комбинациям труда. В промышленности добавочную прибыль, получаемую путем *понижения* средних цен, всегда приносит приходящий последним, *наиболее производительный* капитал. В земледелии же причиной добавочной прибыли *может* являться — и *очень часто необходимо является* — не абсолютное увеличение плодородия лучших участков, а относительное увеличение их плодородия, обусловленное тем, что в обработку вводится *менее плодородная* земля. В промышленности более высокая *относительная* производительность, добавочная прибыль (которая быстро исчезает) *всегда* должна быть результатом абсолютного увеличения производительности вновь вложенного капитала по сравнению с прежним. В промышленности никакой капитал (мы не говорим здесь о кратковременном увеличении спроса) не может давать такую *добавочную прибыль*, которая была бы *обусловлена* тем, что в данную отрасль промышленности *вновь* вступают менее производительные капиталы.

[486] Но и в земледелии (как это допускает и Рикардо) более плодородная почва — почва, которая либо плодороднее от природы, либо, благодаря новейшим успехам техники, становится плодороднее, чем старая почва при прежней технике, — *может* вступить в обработку на более поздней стадии, *может* даже явиться причиной того, что (как это имеет место в горной промышленности и в производстве колониальных продуктов) часть старой почвы будет *изъята из обработки*

или что на старой почве будет введен другой *вид* земледельческого производства, доставляющий *другой* продукт.

То обстоятельство, что *различия* земельных рент (добавочных прибылей) более или менее *фиксируются*, отличает земледелие от промышленности. Однако отнюдь не почва, а *конкуренция, капиталистическое производство* является причиной того, что средние условия производства определяют *рыночную цену* и таким образом поднимают ту цену продукта, которая стоит ниже этого среднего уровня, выше *цены* данного продукта и даже выше его *стоимости*; это, стало быть, не закон природы, а общественный закон.

Согласно этой теории, нет необходимости ни в том, чтобы с самой худшей земли уплачивалась *земельная рента*, ни в том, чтобы с такой земли *никакой* ренты не уплачивалось. Равным образом возможно и то, что там, где *не* получается *никакой* *земельной ренты*, а получается только обычная прибыль, или даже там, где *отсутствует и эта последняя*, — все же уплачивается *аренда*, т. е. земельный собственник получает *земельную ренту*, хотя с *экономической точки зрения* *никакой* *земельной ренты* *здесь нет*.

Возьмем *первый* случай: *земельная рента (добавочная прибыль)* *уплачивается только с лучшей (более плодородной) почвы*. Здесь *земельная рента «как таковая»* не существует. В подобных случаях *добавочная прибыль* по большей части и не выступает как фиксированная в виде *земельной ренты*, подобно тому как не фиксируется *добавочная прибыль* в промышленности (это имеет место, например, на *Западе Соединенных Штатов* *Северной Америки*)²⁴. [486]

[486] Так бывает там, где, с одной стороны, относительно большая масса имеющих в распоряжении земель *еще не обращена в частную собственность* и где, с другой стороны, естественное плодородие достаточно велико для того, чтобы, несмотря на *незначительное развитие* капиталистического производства, — следовательно, несмотря на большие размеры переменного капитала по отношению к постоянному, — *стоимости* *земледельческих продуктов* были равны их *средним ценам* (а иногда были бы и *ниже* их). Если бы они были выше этих последних, то конкуренция понизила бы их до этого уровня. Напротив, нелепо говорить, как это делает, например, Родбертус, что [*земельной рентой* является] тот, скажем, доллар, та незначительная, почти номинальная цена, которую государство взимает с каждого акра *. С таким же правом можно

* См. настоящее издание, часть II, стр. 167. Ред.

было бы ссылаться на то, что государство взимает «промысловый налог» с каждой отрасли промышленности [и делать отсюда вывод, что промышленность приносит «промысловую ренту»]. В *рассматриваемом здесь случае* действует закон Рикардо [о том, что земельная рента уплачивается только с лучших земель]. Земельная рента существует здесь только для относительно более плодородных земель, да и то большей частью еще не фиксированная, а находящаяся в текучем состоянии, подобно сверхприбыли в промышленности. Почва, *не платящая* земельной ренты, *не платит* ее не вследствие своего неплодородия, а напротив, *вследствие своего плодородия*. Лучшие виды почвы платят ренту потому, что, будучи *относительно более* плодородными, они отличаются таким плодородием, которое *выше* среднего.

Но в тех странах, где *существует собственность на землю*, такой же случай, — а именно, что почва, поступившая в обработку последней, *не платит земельной ренты*, — был бы возможен в силу *противоположной* причины [т. е. вследствие относительного неплодородия этой почвы]. Это имело бы место, если бы *стоимость*, например, зерна стояла на таком низком уровне (а этот низкий уровень не имел бы никакого отношения к тому, что уплачивается *земельная рента*), что для почвы, поступившей в обработку последней, эта стоимость была бы всего лишь равна *средней цене*. Это было бы следствием относительно малого плодородия этой почвы, в результате чего здесь, при затрате такого же количества труда, как и на почве, приносящей ренту, *число*, скажем, *квартиров* (приходящееся на затраченный капитал) было бы настолько мало, что при реализации средней стоимости хлебных продуктов получалась бы только *средняя цена*, например, пшеницы.

[487] Предположим, например, что последняя почва, приносящая *ренту* (а почва, приносящая *наименьшую* ренту, представляет *чистую* ренту, другие — уже дифференцированную ренту), производит, при затрате капитала в 100 ф. ст., продукт, равный 120 ф. ст. или 360 квартирам пшеницы, по $\frac{1}{3}$ ф. ст. за квартал. В таком случае 3 квартала пшеницы стоят 1 ф. ст. Пусть 1 ф. ст. будет равен недельному труду, 100 ф. ст. = 100 рабочим неделям, а 120 ф. ст. = 120 рабочим неделям. Следовательно, 1 квартал пшеницы равен $\frac{1}{3}$ недельного труда, или 2 рабочим дням. Пусть из этих 2 дней, или из 24 часов (если нормальный рабочий день равен 12 часам), одна пятая часть, или $\frac{4}{5}$ часа, составляет неоплаченный труд, равный прибавочной стоимости, содержащейся в одном квартале. 1 квартал = $\frac{1}{3}$ ф. ст. = $6\frac{2}{3}$ шилл. = $6\frac{6}{9}$ шилл.

Если средняя прибыль равна 10%, то *средняя цена* 360 кварталов будет равна 110 ф. ст., а средняя цена одного квартала = $6\frac{1}{9}$ шилл. Таким образом, если бы квартал пшеницы продавался по его стоимости, то стоимость всего продукта была бы на 10 ф. ст. выше средней цены. А так как средняя прибыль составляет 10%, то земельная рента была бы равна половине прибавочной стоимости, т. е. 10 ф. ст., или $5\frac{1}{9}$ шилл. на квартал. Более высокие разряды почвы, приносящие, при затрате тех же 120 недель труда (из которых, однако, только 100 представляют собой оплаченный труд, безразлично, овеществленный или живой), большее количество кварталов, давали бы, при цене $6\frac{8}{9}$ шилл. за квартал, более высокую ренту. А наихудшая из обрабатываемых земель давала бы ренту в 10 ф. ст. на 100 ф. ст. капитала, или $5\frac{1}{9}$ шилл. на квартал пшеницы.

Предположим, что в обработку вводится новая почва, которая при затрате 120 недель труда дает только 330 кварталов. Если стоимость 3 кварталов [раньше была] равна 1 ф. ст., то стоимость 330 кварталов равнялась 110 ф. ст. Теперь же один квартал был бы равен 2 дням и $2\frac{2}{11}$ часа, тогда как раньше он равнялся только 2 дням. Стоимость квартала раньше составляла $6\frac{8}{9}$ шилл., или 6 шилл. 8 пенсов, а теперь (так как фунт стерлингов равен 6 дням) стоимость квартала составляет 7 шилл. 3 пенса $1\frac{1}{11}$ фартинга. Теперь квартал должен был бы продаваться на 7 пенсов $1\frac{1}{11}$ фартинга дороже, чтобы быть проданным по его *стоимости*, при реализации которой он тоже приносил бы ренту в $5\frac{1}{9}$ шилл. *Стоимость* пшеницы, произведенной на лучшей почве, оказывается здесь *ниже стоимости* пшеницы, произведенной на самой худшей почве; если эта наихудшая почва продает свой продукт по цене квартала ближайшей лучшей, или приносящей ренту, почвы, то она продает его *ниже* его стоимости, но по его *средней цене*, т. е. по такой цене, при которой наихудшая почва дает обычную прибыль в 10%. Следовательно, почва эта может обрабатываться и приносить капиталисту обычную среднюю прибыль.

В двух случаях наихудшая почва приносила бы здесь, кроме прибыли, еще и ренту.

Во-первых, в том случае, если бы *стоимость* квартала пшеницы превышала $6\frac{8}{9}$ шилл. (*цена* квартала могла бы превышать $6\frac{8}{9}$ шилл., — т. е. его стоимость, — вследствие повышения спроса, но этого случая мы не исследуем; $6\frac{8}{9}$ шилл., цена квартала, дававшая ренту в 10 ф. ст. для наихудшей из обрабатывавшихся ранее земель, была равна *стоимости* пшеницы, выращенной на *этой* почве, приносящей недифференцированную земельную ренту), т. е. в том случае, если бы наихудшая из

обрабатывавшихся ранее земель и все другие почвы — для того чтобы приносить *такую же* ренту — были относительно менее плодородны, так что стоимость их продуктов в большей степени *превышала бы* их среднюю цену и среднюю цену других товаров. Таким образом, то обстоятельство, что *новая* наихудшая почва *не* дает земельной ренты, является следствием не ее неплодородия, а *относительного плодородия других земельных участков*. Приносящая ренту наихудшая из обрабатываемых земель представляет по отношению к новому разряду почвы, в который вкладывается новый капитал, *ренту вообще, недифференцированную ренту*. И рента, получаемая с наихудшей приносящей ренту почвы, не выше данного ее уровня именно по причине *плодородия* этой приносящей ренту почвы.

Предположим, что, кроме последней приносящей ренту почвы, существует еще три разряда. Разряд II (стоящий выше разряда I, последней приносящей ренту почвы) приносит на $\frac{1}{5}$ больше ренты, так как эта почва на $\frac{1}{5}$ плодороднее разряда I, разряд III опять-таки — на $\frac{1}{5}$ больше, чем разряд II, ибо он на $\frac{1}{5}$ плодороднее последнего; то же самое и разряд IV, потому что он на $\frac{1}{5}$ плодороднее разряда III. Так как рента в разряде I равняется 10 ф. ст., то в разряде II она равна $10 + \frac{1}{5}$ = 10 + пятая часть = 10 + 2 = 12 ф. ст., в разряде III — $12 + \frac{1}{5}$ = 12 + пятая часть = $12\frac{2}{5}$ ф. ст., а в разряде IV — $12\frac{2}{5} + \frac{1}{5}$ = $12\frac{3}{5}$ ф. ст.²⁵.

Если бы плодородие разряда IV было меньшим, то рента разрядов III—I включительно была бы [488] больше, и рента разряда IV была бы тоже абсолютно больше (но осталось ли бы отношение между ними тем же?). Это можно понимать двояким образом. *Если бы разряд I был более плодороден, то рента в разрядах II, III, IV была бы соответственно меньшей*. С другой стороны, разряд I относится к II, разряд II — к III и разряд III — к IV так, как вновь вводимый, не дающий ренты, разряд почвы относится к разряду I. Новый разряд почвы не приносит ренты потому, что *стоимость* пшеницы разряда I не превышает среднюю цену продукта новой почвы. Она превышала бы эту среднюю цену в том случае, если бы разряд I был менее плодороден. Тогда новая почва тоже давала бы ренту. Но то же самое имеет место и по отношению к I. Если бы разряд II был более плодороден, то почва I не давала бы ренты или давала бы меньшую ренту; так же обстоит дело и с разрядом II по отношению к III и с разрядом III по отношению к IV. Таким образом, в конце концов здесь имеет место обратная последовательность: абсолютное плодородие разряда IV определяет ренту разряда III; если бы разряд IV был еще более

плодороден, то разряды III, II и I давали бы меньшую ренту или совсем не давали бы ренты. Таким образом, рента, которую дает разряд I, недифференцированная рента, определяется плодородием разряда IV, подобно тому как то обстоятельство, что новая почва совсем не дает ренты, определяется плодородием разряда I. Здесь, следовательно, действует закон *Шторха*, заключающийся в том, что рента *самой плодородной* почвы определяет ренту последней почвы, вообще дающей ренту ²⁶, а значит, определяет также и разность между почвой, приносящей недифференцированную ренту, и почвой, совсем не приносящей ренты.

Стало быть, то явление, что здесь пятый разряд, вновь введенная в обработку почва I', *не дает* (в отличие от I) *ренты*, обуславливается не ее *собственным неплодородием*, а ее *относительным* неплодородием по сравнению с разрядом I, т. е. *относительным* плодородием разряда I по сравнению с I'.

[Во-вторых.] Стоимость продукта разрядов почвы, дающих ренту — I, II, III, IV, — составляющая $6\frac{6}{9}$ шилл., или 6 шилл. 8 пенсов, за квартал (в целях большей правдоподобности можно вместо квартала поставить *бушель*), равна *средней цене* разряда I' и стоит *ниже* собственной стоимости этого разряда. Но здесь возможно существование множества промежуточных ступеней. Если бы разряд почвы I' на затрату капитала в 100 ф. ст. приносил то или иное количество бушелей, находящееся в границах между его действительным урожаем в 330 бушелей и урожаем разряда I, равным 360 бушелям, — например, 333, 340, 350, *вплоть до* (360 — x) бушелей, — то стоимость бушеля, равная 6 шилл. 8 пенсам, была бы выше средней цены (за бушель) в разряде I', и эта почва, введенная в обработку последней, давала бы ренту. Что она вообще приносит *среднюю прибыль*, это обуславливается *относительным* неплодородием разряда I, а значит, и всех разрядов I—IV. Что она *не* приносит ренты, это обуславливается *относительным* плодородием разряда I и ее *собственным* *относительным* неплодородием. Последняя поступившая в обработку почва I' могла бы давать ренту, если бы стоимость бушеля *превышала* 6 шилл. 8 пенсов, т. е. если бы почвы I, II, III, IV были менее плодородны, так как в этом случае стоимость пшеницы стояла бы выше. Но последняя поступившая в обработку почва могла бы давать ренту также и в том случае, если бы стоимость бушеля была равна 6 шилл. 8 пенсам, т. е. если бы плодородие почв I, II, III, IV оставалось *прежним, данным*, но почва I' сама была бы плодороднее, давала бы больше 330 бушелей и, *следовательно*, стоимость в 6 шилл. 8 пенсов за бушель была бы выше *средней*

цены бушеля на этой почве, другими словами, если бы его средняя цена была теперь *ниже* 6 шилл. 8 пенсов, т. е. *ниже* стоимости пшеницы, возделываемой на почвах I, II, III, IV. Если стоимость превышает среднюю цену, то имеет место добавочная прибыль сверх средней прибыли, а следовательно, и возможность *ренты*.

Итак, мы видим:

При сравнении *различных* сфер производства, — например, промышленности и земледелия, — тот факт, что стоимость превышает среднюю цену, свидетельствует о большем *неплодородии* той сферы производства, которая дает добавочную прибыль, избыток стоимости над средней ценой. Напротив, в пределах *одной и той же* сферы этот факт свидетельствует о *большей производительности* данного капитала по сравнению с другими капиталами той же сферы производства. В вышеприведенном примере разряд I дает земельную ренту, вообще говоря, потому, что в земледелии отношение переменного капитала к постоянному больше, чем в промышленности, — т. е. в земледелии приходится присоединять больше нового труда к овеществленному, — и потому, что, вследствие существования собственности на землю, этот избыток стоимости *над* средней ценой не выравнивается конкуренцией капиталов. Но [в частности] почва разряда I дает вообще земельную ренту еще и потому, что стоимость бушеля в 6 шилл. 8 пенсов не оказывается *ниже* средней цены продукта этой почвы, т. е. потому, что эта почва не настолько уж неплодородна, чтобы стоимость ее собственного продукта была выше 6 шилл. 8 пенсов за бушель, *цену* же продукта определяет *не стоимость собственного продукта этой почвы*, а стоимость пшеницы, возделываемой на почвах II, III, IV, или, точнее, на почве II. Будет ли теперь эта *рыночная цена* лишь равна *средней цене собственного продукта* этой почвы или она будет превышать эту среднюю цену, другими словами, будет ли *стоимость* продукта почвы I *превышать его среднюю цену*, — это зависит от собственной производительности этой почвы.

Поэтому-то и ошибочен взгляд Родбертуса, будто всякий капитал, приносящий в земледелии среднюю прибыль, *обязательно* приносит земельную ренту. Этот ложный вывод вытекает у Родбертуса из [489] ложной основы его теории. Родбертус рассуждает так: капитал приносит в земледелии, скажем, 10 ф. ст., но так как в земледелие, в отличие от промышленности, *не входит сырой материал*, то 10 ф. ст. исчисляются здесь на меньшую сумму, — получается, следовательно, больше 10 процентов. Но соль вопроса в следующем: дело не в том, что здесь

будто бы не входит в производство сырой материал (последний, напротив, входит в земледелие в собственном смысле; но даже если бы он и не входил в земледелие, то это обстоятельство не имело бы ни малейшего значения, коль скоро в земледелии было бы относительно больше *машин* и т. д.); не этим обусловлено то, что стоимость земледельческих продуктов превышает *среднюю цену* (их собственную и среднюю цену других товаров). Причиной этого является более высокое отношение переменного капитала к постоянному, чем то, которое существует не в тех или других *особых сферах производства* в промышленности, а *в среднем* во всей промышленности. Это *общее* различие определяет своей величиной размер и существование земельной ренты на почве I — абсолютной, недифференцированной, а потому и *наименьшей* земельной ренты. А цена пшеницы на почве I', — вновь введенной в обработку почве, которая совсем не дает земельной ренты, — определяется *не стоимостью* собственного продукта этой почвы, а стоимостью продукта почвы I, следовательно — *средней рыночной ценой* пшеницы, доставляемой разрядами I, II, III, IV.

Привилегия земледелия (обусловленная собственностью на землю), выражающаяся в том, что земледелие продает свой продукт не по *средней цене*, а по *стоимости* продукта, когда эта стоимость *превышает* среднюю цену, — эта привилегия отнюдь не распространяется на возделанные на различных землях продукты в их отношении друг к другу, на различные по стоимости продукты, произведенные внутри *одной и той же* сферы производства. По отношению к промышленным продуктам их притязание состоит лишь в том, чтобы продаваться по своим стоимостям. По отношению к другим продуктам той же сферы они определяются рыночной ценой; и от плодородия почвы разряда I зависит то, будет ли стоимость — она здесь равна средней рыночной цене — достаточно высокой или низкой, т. е. является ли это плодородие почвы I достаточно высоким или низким для того, чтобы разряд I', если его продукт продается по *этой* стоимости, имел незначительную долю, большую долю или же совсем не имел никакой доли в общей разности между стоимостью и средней ценой пшеницы. Но так как г-н Родбертус вообще не проводит различия между стоимостями и средними ценами, так как он считает, будто всеобщим законом для всех товаров является то, что они продаются по *их* стоимостям, — Родбертус не понимает, что это есть привилегия земледельческих продуктов, — то он, естественно, должен думать, что и продукт самой худшей почвы тоже должен продаваться по *его* индивидуальной стоимости. Однако

данный продукт лишается этой привилегии в конкуренции с продуктами *того же* рода.

Но может оказаться, что средняя цена продукта I' превышает стоимость продукта I — 6 шилл. 8 пенсов за бушель. Можно принять (хотя это и не совсем верно), что для того, чтобы почва I' вообще поступила в обработку, должен повыситься спрос. Вследствие этого цена пшеницы почвы I обязательно поднялась бы *выше* ее *стоимости*, т. е. выше 6 шилл. 8 пенсов, и притом повышение это было бы устойчивым. В таком случае почва I' вводится в обработку. Если она может при цене продукта в 6 шилл. 8 пенсов давать среднюю прибыль — хотя стоимость ее продукта *превышает* эту цену — и удовлетворять спрос, то цена пшеницы будет сведена к 6 шилл. 8 пенсам, так как спрос теперь снова соответствует предложению; таким образом, разряд I опять вынужден продавать свой продукт по 6 шилл. 8 пенсов, равно как и разряды II, III, IV, а следовательно также и I'. Но если бы *средняя цена* продукта разряда I' составляла 7 шилл. 8 пенсов, так что этот разряд только при такой цене (которая стояла бы значительно ниже его индивидуальной стоимости) давал бы обычную прибыль, то, при невозможности удовлетворить спрос иным образом, стоимость бушеля установилась бы на уровне 7 шилл. 8 пенсов, а соответствующая спросу цена бушеля в разряде I поднялась бы выше его [индивидуальной] стоимости. Цена бушеля в разрядах II, III, IV уже превышает *их* индивидуальную стоимость. Она повысилась бы еще больше. Но если бы предвиделся ввоз хлеба, который ни при каких условиях не допустил бы такой фиксации цены бушеля на уровне 7 шилл. 8 пенсов, то все же почва разряда I' могла бы быть введена в обработку, если бы нашлись мелкие фермеры, которые удовольствовались бы прибылью меньшей, чем средняя. Это постоянно имеет место в земледелии, как и в промышленности. И в этом случае, — так же как и в том, когда почва I' дает среднюю прибыль, — могла бы уплачиваться земельная рента, но последняя была бы просто вычетом из прибыли фермера. Если бы и этого нельзя было сделать, то земельный собственник мог бы сдать землю в аренду беднякам, которые — как и ручной ткач — заботятся главным образом о том, как бы выручить свою заработную плату, а остающийся избыток, большой или малый, уплачивают земельному собственнику в форме ренты. Этот избыток может даже, как у ручного ткача, быть просто вычетом не только из продукта труда, но и из *платы за труд*. Во всех этих случаях могла бы уплачиваться земельная рента. В одном случае она была бы вычетом из прибыли капиталиста. В другом — земельный

собственник присваивал бы себе прибавочный труд рабочего, обычно присваиваемый капиталистом. А в последнем случае земельный собственник жил бы за счет сокращения заработной платы рабочего, как это часто делают также и капиталисты. Но *капиталистическое производство* в крупном масштабе возможно лишь там, где последняя введенная в обработку земля дает, по меньшей мере, среднюю прибыль, т. е. лишь там, где стоимость продукта разряда I обеспечивает разряду I', по меньшей мере, среднюю цену.

Мы видим здесь, как различие *стоимости и средней цены* поразительно разрешает вопрос и показывает, что правы и Рикардо и его противники ²⁷.

{XI—490} Если бы разряд I — почва, дающая абсолютную земельную ренту, — представлял собой единственный сорт обрабатываемой почвы, то он продавал бы бушель пшеницы по его *стоимости*, т. е. по 6 шилл. 8 пенсов, или по $6\frac{8}{9}$ шилл., и не понижал бы его цену до средней цены, выражающейся в $6\frac{1}{9}$ шилл., или в 6 шилл. $1\frac{1}{3}$ пенса. Если бы спрос возрос, если бы вся почва страны была одного и того же сорта и если бы площадь обрабатываемой почвы увеличилась в десять раз, то, при предположении, что разряд I дает ренту в 10 ф. ст. на 100 ф. ст., рента возросла бы до 100 ф. ст., хотя и существовал бы только *один-единственный разряд почвы*. Однако по своей норме, или высоте, рента не возросла бы ни по отношению к *авансированному капиталу*, ни по отношению к площади *обрабатываемой земли*. Было бы обработано в десять раз больше акров и авансировано в десять раз больше капитала. Мы имели бы здесь, следовательно, простое увеличение *общей суммы ренты*, массы ренты, а не ее высоты. Норма прибыли не понизилась бы, ибо стоимость и цена земледельческих продуктов остались бы те же. В десять раз больший капитал может, естественно, давать в десять раз большую ренту, чем капитал в десять раз меньший. С другой стороны, если бы на одной и той же земельной площади было применено в десять раз больше капитала с тем же результатом, то норма ренты, по сравнению с затраченным капиталом, осталась бы *той же самой*; она поднялась бы по отношению к площади земли, но тоже не внесла бы никаких изменений в норму прибыли.

Но предположим теперь, что обрабатываемая почва I стала более плодородной не потому, что изменилось качество почвы, а потому, что было затрачено больше постоянного и меньше переменного капитала, больше капитала в виде машин, лошадей, минеральных удобрений и т. д., и меньше — в виде заработной платы; тогда стоимость пшеницы приблизилась бы к ее средней

цене и к средней цене продуктов промышленности, ибо уменьшилась бы доля переменного капитала в сравнении с постоянным. В этом случае рента упала бы, а норма прибыли осталась бы неизменной. Если бы здесь произошло такое изменение в способе производства, что отношение переменного капитала к постоянному уравнилось бы со средним отношением их в промышленности, то избыток стоимости пшеницы над ее средней ценой отпал бы, а вместе с этим отпала бы и рента, добавочная прибыль. Разряд I уже не платил бы ренты, и собственность на землю стала бы номинальной (если бы изменение в способе производства не сопровождалось добавочным вложением капитала в землю, так что земельный собственник по окончании срока аренды получал бы проценты с капитала, которого он не авансировал, что и является одним из главных средств обогащения земельных собственников и из-за чего в Ирландии и происходит борьба вокруг арендного права). Если бы кроме почвы I существовали еще почвы II, III, IV, на которые тоже распространился бы этот новый способ производства, то они все же давали бы земельные ренты вследствие своего большего естественного плодородия сравнительно с I и в меру этого большего плодородия. Разряд I в этом случае перестал бы давать земельную ренту, а ренты с разрядов II, III, IV соответственно упали бы, так как общее соотношение производительности в земледелии уравнилось бы с тем соотношением, которое имеет место в промышленности. Рента с разрядов II, III, IV соответствовала бы закону Рикардо; она была бы равна лишь добавочной прибыли с более плодородной почвы в сравнении с менее плодородной и *существовала бы* только в качестве такой добавочной прибыли — так же как подобные добавочные прибыли существуют и в промышленности, с той лишь разницей, что в промышленности они не имеют такого базиса для фиксирования, который был бы дан природой.

Закон Рикардо точно так же господствовал бы и в том случае, если бы *совсем не существовало собственности на землю*. С отменой собственности на землю и при сохранении капиталистического производства эта добавочная прибыль, проистекающая из разницы в плодородии, не исчезла бы. Если бы государство присвоило себе собственность на землю, а капиталистическое производство продолжало бы существовать, то рента с разрядов II, III, IV уплачивалась бы государству, но сама рента сохранилась бы. Если бы собственность на землю превратилась в *народную собственность*, то перестал бы существовать вообще базис капиталистического производства, та основа, на

которой покоится превращение условий труда в обособленную от рабочего и противостоящую ему силу.

Позднее, при рассмотрении земельной ренты, надо будет разобрать вопрос о том, каким образом земельная рента может возрастать по *стоимости* и *массе* при более интенсивной культуре, хотя норма земельной ренты по отношению к авансированному капиталу при этом понижается. Это, очевидно, возможно только потому, что увеличивается *масса авансированного капитала*. Если земельная рента составляет $\frac{1}{5}$, а затем становится равной $\frac{1}{10}$, то $20 \times \frac{1}{5} = 4$, а $50 \times \frac{1}{10} = 5$. К этому все дело и сводится. Но если бы при более интенсивной культуре в земледелии установилось то соотношение между элементами производства, которое является средним соотношением в промышленности, — вместо того чтобы только *приближаться* к этому соотношению, — то рента с наименее плодородной почвы совсем отпала бы, а для почвы более плодородной она свелась бы всего лишь к дифференциации почв. *Абсолютная рента* отпала бы.

Допустим теперь, что вследствие повышения спроса совершился переход от разряда I к разряду II. Разряд I платит абсолютную ренту, II платил бы дифференцированную ренту, но *цена* пшеницы {стоимость для I, избыточная стоимость для II} осталась бы той же самой. Точно так же не изменилась бы и норма прибыли. Так дело шло бы вплоть до разряда IV. Следовательно, если бы мы сложили весь затраченный в разрядах I, II, III, IV капитал, то поднялась бы и *высота* ренты, ее норма. Но средняя норма прибыли в разрядах II, III, IV осталась бы равной норме прибыли в разряде I, которая равна норме прибыли в промышленности, общей норме прибыли. Итак, при [491] переходе к более плодородной почве рента по своей массе и норме может возрастать, хотя норма прибыли и цена пшеницы остаются неизменными. Увеличение высоты и массы ренты здесь было бы вызвано возрастанием производительности капитала в разрядах II, III, IV, а не уменьшением его производительности в разряде I. Однако возросшая производительность не вызвала бы, как это обязательно происходит в промышленности, повышения прибыли и понижения как цены товара, так и заработной платы.

Но если бы переход совершался в противоположном направлении — от IV разряда к III, II и I, — то цена бушеля поднялась бы до уровня 6 шилл. 8 пенсов, при котором пшеница в разряде I дает еще ренту в 10 ф. ст. на 100 ф. ст. [затраченного капитала]. А именно, рента с пшеницы в разряде IV

равна $177\frac{7}{25}$ ф. ст. на 100 ф. ст. [затраченного капитала], из которых, однако, $77\frac{7}{25}$ ф. ст. составляют избыток [рыночной] цены [всего продукта, полученного в разряде IV] над стоимостью [всего] продукта разряда I. Разряд I давал бы на капитал в 100 ф. ст. (при ренте в 10 ф. ст. и при стоимости бушеля в 6 шилл. 8 пенсов) 360 бушелей пшеницы, II разряд — 432 бушеля, III разряд — $518\frac{2}{5}$ бушеля и IV разряд — $622\frac{2}{25}$ бушеля. Но цена бушеля в 6 шилл. 8 пенсов давала бы разряду IV $77\frac{7}{25}$ ф. ст. добавочной ренты на 100 ф. ст. IV разряд продает 3 бушеля за 1 ф. ст., или $622\frac{2}{25}$ бушеля за $207\frac{8}{25}$ ф. ст. Но [индивидуальная] стоимость его продукта составляет только 120 ф. ст., как и в разряде I; то, что превышает эту цифру, составляет избыток его [рыночной] цены над его [индивидуальной] стоимостью²⁸. IV продавал бы бушель по его стоимости, если бы продавал его по 3 шилл. $108\frac{8}{27}$ пенса, и при этой цене он получал бы ренту в 10 ф. ст. на 100 ф. ст. [затраченного капитала]. Если же теперь совершается переход от IV к III, от III к II и от II к I, то цена бушеля (а вместе с тем и рента) повышается, пока она в конце концов не достигнет уровня 6 шилл. 8 пенсов в разряде I, где эта цена дает теперь такую же земельную ренту, какая раньше получалась в разряде IV. С повышением цены [земледельческого продукта] норма прибыли упала бы, отчасти потому, что повысилась бы стоимость жизненных средств и сырья. Переход от IV к III мог бы происходить следующим образом. Вследствие увеличения спроса цена в разряде IV поднимается выше его стоимости, и, стало быть, этот разряд дает не только ренту, но и добавочную ренту. Вследствие этого вводится в обработку разряд III, который, продавая свои продукты по этой цене, не должен давать никакой ренты при обычной средней прибыли. Если вследствие повышения цены продукта разряда IV понизилась не норма прибыли, а заработная плата, то разряд III будет давать [прежнюю] среднюю прибыль. Но вследствие добавочного предложения со стороны разряда III заработная плата должна снова подняться до нормального уровня; тогда в разряде III падает норма прибыли — и т. д.

Следовательно, в случае этого нисходящего движения норма прибыли падает при наличии *допущенных предпосылок*, а именно, — что разряд III не может давать ренты при цене разряда IV и что он может обрабатываться, давая прежнюю норму прибыли, только потому, что заработная плата временно упала ниже своего уровня.

При этих предпосылках мы снова имеем дело с рикардовским законом. Но даже если принять концепцию Рикардо, закон

этот не выражает чего-то необходимого. Он всего лишь *возможен* при определенных сочетаниях условий. В действительности же движения перекрещиваются.

* * *

Сказанным теория ренты по сути дела исчерпана.

Г-н Родбертус, вследствие своей концепции «стоимости материала», мыслит земельную ренту как заложенную в вечной природе вещей, по крайней мере — в вечной природе капиталистического производства. В нашем понимании земельная рента является следствием *исторического различия* в соотношении между органическими составными частями капитала, — различия, которое может быть отчасти сглажено и может даже совсем исчезнуть с развитием земледелия. Правда, то различие, которое проистекает только из разницы в естественном плодородии почвы, остается, даже если бы отпала *абсолютная* рента. Но — совершенно отвлекаясь от возможного выравнивания природных различий — эта *дифференциальная рента* связана с регулированием рыночной цены и, стало быть, отпадает вместе с ценой и капиталистическим производством. Оставалось бы в силе лишь то обстоятельство, что *общественный труд обрабатывает почву различного плодородия*, причем, несмотря на различие в количестве применяемого труда, этот труд может становиться более производительным на всех почвах. Но бо́льшая масса труда, которой стоит продукт худшей почвы, отнюдь не будет порождать того следствия, которое имеет место при буржуазном строе, а именно, что также и продукт лучшей почвы должен оплачиваться бо́льшим количеством труда. Напротив, труд, сбереженный на почве IV, был бы использован для улучшения почвы III, труд, сбереженный на почве III, — для улучшения почвы II, а труд, сбереженный на почве II, — для улучшения почвы I; стало быть, весь капитал, пожираемый теперь земельными собственниками, послужил бы тогда для того, чтобы уравнивать труд на различных почвах и уменьшить общее количество труда, затрачиваемого в земледелии.

* * *

[492] {Если А. Смит, как мы видели выше *, вначале высказывает правильный взгляд на стоимость и на соотношение между прибылью, заработной платой и т. д. как составными частями стоимости, а затем вступает на противоположный путь и,

* См. настоящее издание, часть I, стр. 42—59 и 68—73. Ред.

предполагая как нечто данное цены заработной платы, прибыли и земельной ренты, пытается определить их как самостоятельные величины и получить из их сложения *цену товара*, то этот переход на противоположную точку зрения означает вот что: сперва Смит берет вещи в их *внутренней связи*, а затем — *в той превратной форме, в которой они проявляются в конкуренции*. Оба эти способа рассмотрения у него наивным образом перекрещиваются, причем он не замечает противоречия между ними. Рикардо, наоборот, сознательно *абстрагируется* от формы конкуренции, от видимости, создаваемой конкуренцией, чтобы рассмотреть *законы как таковые*. Его следует упрекнуть, с одной стороны, в том, что он проводит абстракцию недостаточно далеко, недостаточно полно, так что, когда он, например, рассматривает *стоимость* товара, он уже с самого начала поддается определяющему влиянию также и всякого рода конкретных отношений; с другой стороны — в том, что он форму проявления понимает как *непосредственное, прямое* подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает *развития* этой формы. В отношении первого из этих моментов его абстракция является весьма неполной, в отношении второго она — абстракция формальная, ложная сама по себе.}

**[10) НОРМА РЕНТЫ И НОРМА ПРИБЫЛИ. СООТНОШЕНИЕ
МЕЖДУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
НА РАЗЛИЧНЫХ СТУПЕНЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ]**

Теперь вернемся коротко к тому, что осталось еще разобрать у Родбертуса.

«Проистекающее из *увеличения* стоимости национального продукта *увеличение* заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты не может *повысить* в нации ни заработной платы, ни прибыли на капитал, ибо большая заработная плата теперь распределяется между большим количеством рабочих, а возросшая прибыль падает на увеличившийся в такой же пропорции капитал; земельная же рента во всяком случае должна *повыситься*, ибо она всегда приходится на *не изменяющиеся по величине* земельные участки. Таким образом, развиваемая мною теория способна удовлетворительно объяснить значительное *увеличение стоимости земли*, — эта стоимость есть не что иное, как капитализированная по обычной процентной ставке земельная рента, — не прибегая при этом к допущению возрастающей непроизводительности сельскохозяйственного труда, которое прямо противоречит идее о способности человеческого общества к совершенствованию, равно как и всем сельскохозяйственным и статистическим фактам» (стр. 160—161) [Русский перевод, стр. 340—341].

Прежде всего надо заметить, что Рикардо [против которого направлено это рассуждение Родбертуса] *нигде* и не старается

объяснить *«значительное увеличение стоимости земли»*. Это не составляет для него *никакой проблемы*. Далее, Рикардо (см. в последующем, при разборе взглядов Рикардо) сам определенно говорит о том, что при неизменяющейся стоимости хлеба или [вообще] земледельческого продукта, при данной норме земельной ренты, рента может *увеличиваться* *. Но это увеличение опять-таки не составляет проблемы для Рикардо. Для него проблемой является не увеличение общей суммы ренты при остающейся неизменной норме ренты, а повышение *нормы ренты*, т. е. ренты, взятой в ее отношении к авансированному земледельческому капиталу; а потому также и не повышение стоимости *всей массы* земледельческого продукта, а повышение стоимости того же самого количества земледельческого продукта, например квартера пшеницы, — повышение, вместе с которым возрастает избыток стоимости продукта над его средней ценой, а вследствие этого и избыток ренты над нормой прибыли. Г-н Родбертус отбрасывает здесь рикардовскую проблему (не говоря уже о ложной родбертусовской концепции «стоимости материала»).

Конечно, может повышаться и *норма ренты* по отношению к авансированному капиталу, т. е. относительная стоимость земледельческого продукта по сравнению с промышленным продуктом, хотя земледелие и становится все *более производительным*. И притом это может происходить по двум причинам.

Во-первых, возьмем *вышеприведенный пример*, где имеет место переход от почвы разряда I к разрядам II, III, IV, т. е. ко все более плодородной почве (причем, однако, количество продукта, поставляемого более плодородной почвой, недостаточно велико для того, чтобы была прекращена обработка разряда I, или для того, чтобы уменьшить разность между стоимостью и средней ценой до такой величины, при которой разряды IV, III, II приносили бы пропорционально более низкие ренты, а разряд I совсем не приносил бы ренты). Если разряд I приносит 10 ф. ст. ренты, разряд II — 20 ф. ст., разряд III — 30 ф. ст., разряд IV — 40 ф. ст. и если во все четыре разряда вложено по 100 ф. ст., то рента у I составляет $\frac{1}{10}$, или 10% на авансированный капитал, у II — $\frac{2}{10}$, или 20%, у III — $\frac{3}{10}$, или 30%, и у IV — $\frac{4}{10}$, или 40%. Всего 100 ф. ст. на 400 ф. ст. авансированного капитала, что дает среднюю норму ренты в $\frac{100}{4}$, т. е. в 25%. Если взять весь вложенный в земледелие капитал, то рента составляет теперь 25%. Если

* См. настоящее издание, часть II, стр. 346—347. Ред.

бы продолжалась обработка только почвы I (самой неплодородной почвы), то рента составляла бы 40 ф. ст. на 400 ф. ст., т. е. по-прежнему 10%, и не возросла бы до 25%. Но в первом случае (если на затрату 100 ф. ст. в разряде I приходится 330 бушелей) было бы произведено только 1 320 бушелей по цене 6 шилл. 8 пенсов за бушель; во втором случае [когда обрабатывается почва всех четырех разрядов] производится 1 500 бушелей по той же цене. В обоих случаях авансирован один и тот же капитал ²⁹.

Однако увеличение *высоты* ренты здесь только кажущееся ³⁰. В самом деле, если мы вычислим затрату капитала по отношению к продукту, то окажется, что в разряде I нужно затратить 100 ф. ст., чтобы произвести 330 бушелей, и 400 ф. ст., чтобы произвести 1 320 бушелей. А теперь нужно затратить лишь $100 + 90 + 80 + 70$, т. е. всего 340 ф. ст.³¹, чтобы произвести 1 320 бушелей. 90 ф. ст. производят в разряде II столько же, сколько 100 в I; 80 в III — столько же, сколько 90 во II; 70 в IV — столько же, сколько 80 в III. Норма земельной ренты в разрядах II, III, IV повысилась в сравнении с разрядом I.

Если рассматривать все общество в целом, то теперь для производства *того же самого* продукта применен капитал в 340 ф. ст. вместо 400 ф. ст., т. е. только 85% [прежнего] капитала.

[493] 1 320 бушелей были бы только иначе распределены, чем в первом случае. Арендатор должен теперь на 90 ф. ст. [авансированного капитала] отдавать столько же [ренты], сколько прежде на 100 ф. ст., на 80 ф. ст. — столько же, сколько прежде на 90 ф. ст., и на 70 ф. ст. — столько же, сколько прежде на 80 ф. ст. Но затраты капитала в 90, 80, 70 ф. ст. дают ему как раз столько же продукта, сколько прежде давала затрата в 100 ф. ст. Он отдает больше не потому, что должен затрачивать больший капитал, чтобы получить тот же продукт, а потому, что он затрачивает меньше капитала; не потому, что его капитал стал менее производительным, а потому, что этот капитал стал более производительным, арендатор же продает свой продукт по-прежнему по цене продукта разряда I, как если бы для производства того же количества продукта ему был нужен тот же капитал, что и прежде.

[Во-вторых.] Кроме этого повышения *нормы ренты*, — совпадающего с неодинаковым повышением сверхприбыли в отдельных отраслях промышленности, хотя в промышленности это повышение не фиксируется, — возможен только еще второй случай, когда *норма ренты* может повыситься несмотря на то, что стоимость продукта земледелия остается той же, т. е. что

труд не становится здесь менее производительным. Этот случай имеет место либо тогда, когда производительность в земледелии остается *той же самой*, как и прежде, но повышается производительность в промышленности, причем это повышение выражается в понижении нормы прибыли; т. е. тогда, когда в промышленности отношение переменного капитала к постоянному уменьшилось. Либо же это бывает тогда, когда производительность повышается также и в земледелии, но не в таком отношении, как в промышленности, а в меньшем. Если производительность в земледелии повышается как 1 : 2, а в промышленности как 1 : 4, то это *относительно* то же самое, как если бы в земледелии производительность осталась прежней, а в промышленности удвоилась бы. В этом случае уменьшение переменного капитала по отношению к постоянному происходило бы в промышленности в два раза быстрее, чем в земледелии.

В обоих этих случаях упала бы норма прибыли в промышленности, а вследствие ее *падения* повысилась бы *норма* земельной ренты. В других случаях норма прибыли падает не абсолютно (она скорее остается *постоянной*), но она падает по отношению к земельной ренте, не потому, что она падает *сама по себе*, а потому, что повышается земельная рента, норма земельной ренты по отношению к авансированному капиталу.

Рикардо этих случаев не различает. За исключением приведенных случаев (т. е. когда норма прибыли (хотя она и постоянна) относительно падает из-за дифференциальных рент, приходящихся на долю капитала, применяемого на более плодородных почвах, — или когда вследствие увеличения производительности промышленности изменяется общее соотношение между постоянным и переменным капиталом и *поэтому* увеличивается избыток стоимости земледельческого продукта над его средней ценой) норма земельной ренты может повышаться только при том условии, что норма прибыли падает без увеличения производительности промышленности. А это возможно только в том случае, если в результате увеличившейся непроизводительности земледелия повышается заработная плата или увеличивается стоимость сырого материала. В этом случае падение нормы прибыли и увеличение высоты земельной ренты представляют собой результат одной и той же причины — уменьшения производительности земледелия, применяемого в земледелии капитала. Таково представление Рикардо. При *неизменяющейся* стоимости денег это должно тогда проявиться в повышении *цен* сырых продуктов. Если повышение *цен относительно*, как это было рассмотрено выше, то никакое изменение цены денег не может абсолютно повысить денежные

цены сельскохозяйственных продуктов по сравнению с продуктами промышленности. При понижении стоимости денег на 50% один квартал пшеницы, стоивший 3 ф. ст., будет стоить 6 ф. ст., но и один фунт пряжи, стоивший 1 шилл., будет стоить 2 шилл. Таким образом, изменением стоимости денег никогда нельзя объяснить *абсолютное* повышение денежных цен сельскохозяйственных продуктов по сравнению с продуктами промышленности.

В общем следует признать, что при примитивном, докапиталистическом способе производства земледелие *производительнее*, чем промышленность, так как природа здесь участвует в работе человека как машина и организм, в то время как в промышленности силы природы еще почти целиком замещаются человеческой силой (как, например, в ремесленной промышленности и т. д.). В бурный период капиталистического производства развитие производительности в промышленности, по сравнению с земледелием, происходит очень быстро, хотя развитие промышленности и *предполагает*, что в земледелии *произошло* уже значительное изменение в соотношении между переменным и постоянным капиталом, т. е. предполагает, что масса людей согнана с земли. В дальнейшем производительность возрастает и в промышленности и в земледелии, хотя и неодинаковым темпом. Но на известной ступени развития промышленности эта диспропорция должна начать убывать, т. е. производительность земледелия должна увеличиваться относительно быстрее, чем производительность промышленности. Сюда относятся: 1) Замена фермера-лежебоки промышленником, сельскохозяйственным капиталистом, превращение земледельцев в чисто наемных рабочих, ведение земледелия в крупном масштабе, т. е. с помощью концентрированных капиталов. 2) В особенности же следующее: собственно научную основу крупной промышленности составляет механика, которая в XVIII веке до известной степени достигла своего завершения; лишь в XIX веке, в особенности в более поздние его десятилетия *, развиваются те науки, которые *непосредственно* являются для земледелия специфическими основами в большей степени, чем для промышленности, [494] — химия, геология и физиология.

Нелепо говорить о большей или меньшей производительности двух *различных* отраслей производства на основании простого сравнения стоимости их товаров. Если фунт хлопка стоил в 1800 году 2 шилл., а фунт пряжи — 4 шилл. и если стоимость хлопка в 1830 году равна 2 шилл. или, скажем, 18 пенсам, а стоимость пряжи равна 3 шилл. или же 1 шилл. 8 пенсам,

* — т. е. в 40-е и 50-е годы. Ред.

то можно было бы сравнивать то отношение, в каком производительность возросла в этих двух отраслях. Но это возможно только потому, что уровень 1800 года принимается за исходный пункт. На основании же того, что фунт хлопка стоит 2 шилл., а фунт пряжи — 3 шилл., т. е. на основании того, что труд, производящий хлопок, в два раза больше [вновь присоединенного] труда прядильщика, было бы нелепо делать вывод, будто один вид труда вдвое производительнее, чем другой, — подобно тому как нелепым было бы следующее утверждение: так как изготовление холста обходится дешевле, чем картина, написанная на этом холсте художником, то труд художника менее производителен, чем труд по изготовлению холста.

Верно здесь лишь следующее (если при этом понятие «производительный труд» брать также и в его капиталистическом смысле, т. е. в смысле труда, производящего прибавочную стоимость, и учитывать вместе с тем относительные массы продукта):

Если в среднем, для того чтобы дать в хлопчатобумажной промышленности занятие 100 рабочим, которые обходятся в 100 ф. ст., нужно, в соответствии с условиями производства, затратить 500 ф. ст. на сырье, машины и т. д. {при данной стоимости последних} и если, с другой стороны, для того чтобы дать в производстве пшеницы занятие 100 рабочим, которые тоже обходятся в 100 ф. ст., нужно затратить 150 ф. ст. на сырье и машины, — то в первом случае переменный капитал составлял бы $\frac{1}{6}$ совокупного капитала, равного 600 ф. ст., и $\frac{1}{5}$ постоянного капитала; во втором случае переменный капитал составлял бы $\frac{2}{5}$ совокупного капитала, равного 250 ф. ст., и $\frac{2}{3}$ постоянного капитала. Таким образом, каждые 100 ф. ст., вложенные в хлопчатобумажную промышленность, могут заключать в себе только $16\frac{2}{3}$ ф. ст. переменного капитала и обязательно заключают в себе $83\frac{1}{3}$ ф. ст. постоянного капитала; во втором же случае — 40 ф. ст. переменного капитала и 60 ф. ст. постоянного. В первом случае переменный капитал составляет $\frac{1}{6}$ совокупного капитала, т. е. $16\frac{2}{3}\%$, во втором — 40% . В каком жалком состоянии находятся нынешние работы по истории цен, это ясно. Да они и не могут не быть жалкими, пока теория не покажет им, что именно надо исследовать. При данной норме прибавочной стоимости, равной, например, 20% , прибавочная стоимость составляла бы в первом случае $3\frac{1}{3}$ ф. ст. (стало быть, прибыль равнялась бы $3\frac{1}{3}\%$); во втором же случае — 8 ф. ст. (стало быть, прибыль равнялась бы 8%). Труд в хлопчатобумажной промышленности был бы не так производителен, как в производстве зерна, но именно потому,

что он был бы более производителен (т. е. этот труд был бы не так производителен в смысле производства прибавочной стоимости, потому что он был бы более производителен в смысле производства продукта). Ясно — заметим мимоходом — что, например, в хлопчатобумажной промышленности соотношение $1 : \frac{1}{6}$ [между совокупным капиталом и переменным капиталом] возможно только в том случае, если постоянный капитал (это зависит от машин и т. д.) затрачен, скажем, в размере 10 000 ф. ст., а заработная плата — в размере 2 000 ф. ст., так что совокупный капитал составляет 12 000. Если бы затрачено было только 6 000, причем заработная плата составляла бы 1 000, то машины были бы менее производительны и т. д. На 100 ф. ст. совсем нельзя было бы вести дело. С другой стороны, возможно, что при затрате в 23 000 ф. ст. происходит такое увеличение эффективности машин, достигается такая экономия в других отношениях и т. д., что, быть может, не все 19 166 $\frac{2}{3}$ ф. ст. придутся целиком на постоянный капитал, а большее количество сырья и та же самая масса труда потребуют *меньше* машин и т. д. (по стоимости), причем на них будет сбережено 1 000 ф. ст. Тогда, следовательно, снова возрастает отношение переменного капитала к постоянному, но только потому, что капитал увеличился абсолютно. Это один из факторов, препятствующих падению нормы прибыли. Два капитала по 12 000 ф. ст. произведут то же самое количество товара, какое производит один капитал в 23 000 ф. ст., но при этом, во-первых, товары были бы дороже, так как на них было затрачено на 1 000 ф. ст. больше, а во-вторых, норма прибыли была бы меньше, так как в капитале в 23 000 ф. ст. переменный капитал составляет бóльшую долю, чем $\frac{1}{6}$ совокупного капитала, и, следовательно, бóльшую, чем та, какую он составляет в сумме двух капиталов по 12 000 ф. ст. каждый. [494]

[494] (С одной стороны, с прогрессом промышленности машины становятся эффективнее и дешевле, и, стало быть, эта часть постоянного капитала земледелия уменьшается — в том случае, если машины применяются здесь лишь в *таком же количестве*, как и прежде; однако количество машин растет быстрее, чем их удешевление, ибо этот элемент еще слабо развит в земледелии. С другой стороны, с увеличением производительности земледелия падает цена сырья — примером может служить хлопок, — так что сырье как составная часть процесса образования стоимости увеличивается не в такой же пропорции, в какой оно увеличивается как составная часть процесса труда.) ³²

* * *

[494] Уже *Петти* говорил, что лендлорды в его время боялись улучшений в земледелии, так как в результате этих улучшений падают цены сельскохозяйственных продуктов и земельная рента (по ее высоте); что по той же причине они боялись и *увеличения площади земель* и обработки ранее не использованной земли, что равносильно увеличению площади земли. (В Голландии такое увеличение земельной площади следует понимать в еще более прямом смысле слова.) Петти говорит:

«Лендлорды ворчат и жалуются на осушение болот, расчистку лесов, огораживание общинных земель для превращения их в пашню, на разведение эспарцета и клевера — как на то, что ведет к понижению цены съестных припасов» («Political Arithmetick», London, 1699, стр. 230) [Русский перевод: *Петти, Вильям*. Экономические и статистические работы. Москва, 1940, стр. 186]. «Рента со всей Англии, с Уэльса и равнинной части Шотландии составляет примерно 9 млн. ф. ст. в год» (там же, стр. 231) [Русский перевод, стр. 187].

Петти борется против этих взглядов лендлордов, а Давенант развивает [495] дальше ту мысль, что *высота ренты* может уменьшаться, тогда как масса ренты, или общая сумма ренты, может при этом увеличиваться. Давенант говорит:

«Ренты могут падать в некоторых местностях и в некоторых графствах, и все же в целом земля нации» (он имеет в виду стоимость земли) «может все время улучшаться; например, если расчищаются парки и леса и огораживаются общинные земли, если осушаются болота и многие земельные участки улучшаются посредством обработки и удобрения, то это, конечно, должно уменьшать стоимость той земли, которая уже раньше была в полной мере улучшена и не поддается уже дальнейшему улучшению; но хотя в результате этого рентный доход отдельных частных лиц понижается, тем не менее одновременно с этим повышается благодаря таким улучшениям общая рента королевства» (*D'Avenant. Discourses on the Publick Revenues etc.*, Part II. London, 1698, стр. 26—27). «В промежуток времени между 1666 и 1688 годами частные ренты упали, но повышение общей суммы ренты в королевстве было в течение этого времени сравнительно большим, чем в предыдущие годы, потому что в этот промежуток времени улучшения почвы были более значительными и имели более всеобщий характер, чем когда-либо прежде» (там же, стр. 28).

Здесь мы видим также и то, что англичанин под высотой ренты понимает всегда отношение ренты к капиталу, а отнюдь не отношение ренты к *совокупной земельной площади* королевства (или вообще к акру, как это имеет место у г-на Родбертуса).

[Г Л А В А Д Е В Я Т А Я]

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ
ТАК НАЗЫВАЕМОГО РИКАРДОВСКОГО
ЗАКОНА ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ.[ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
О РОДБЕРТУСЕ] (ОТСТУПЛЕНИЕ)[1] ОТКРЫТИЕ ЗАКОНА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ
АНДЕРСОНОМ. ИЗВРАЩЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ АНДЕРСОНА
В ИНТЕРЕСАХ ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ
У ЕГО ПЛАГИАТОРА — МАЛЬТУСА]

Андерсон был практиком-арендатором. Его первое сочинение, в котором *мимоходом* рассматривается природа ренты, появилось в 1777 г.³³, в ту пору, когда сэр Джемс Стюарт для значительной части публики был еще самым авторитетным экономистом, но всеобщее внимание было вместе с тем направлено на «Wealth of Nations», вышедшее за год до этого³⁴. Напротив, сочинение шотландского арендатора, написанное по поводу одного непосредственно практического вопроса, дебатировавшегося в то время, — сочинение, в котором автор говорил о ренте не *ex professo* *, а выяснял ее природу только между прочим, — не могло возбудить внимания. Андерсон рассматривает в этом сочинении ренту лишь в связи с другими вопросами, а не *ex professo*. Так же мимоходом касается он этой своей теории в одном или двух из своих очерков, изданных им самим в виде трехтомного собрания очерков под заглавием «Essays relating to Agriculture and Rural Affairs», 3 vols., Edinburgh, 1775—1796. То же относится и к издававшимся в 1799—1802 гг. «Recreations in Agriculture, Natural-History, Arts» etc., London. (Посмотреть в Британском музее³⁵.) Всё это — сочинения, которые непосредственно были предназначены для арендаторов и специалистов по сельскому хозяйству. Если бы Андерсон имел представление о важности сделанного им открытия и преподнес его публике отдельно, как «Inquiry into the Nature of Rent» **, или если бы он хотя бы в минимальной степени обладал талантом промышлять собственными идеями столь же успешно, как

* — специально. *Ред.*** — «Исследование о природе земельной ренты». *Ред.*

его земляк Мак-Куллох промышлял чужими, — то дело обстояло бы иначе.

Репродукции его теории появились в 1815 г. сразу же в виде отдельных *теоретических* исследований о природе ренты, как это показывают уже заглавия соответствующих сочинений Уэста и Мальтуса:

Мальтус — «Inquiry into the Nature and Progress of Rent».

Уэст — «Essay on the Application of Capital to Land».

Мальтус воспользовался, далее, андерсоновской теорией ренты для того, чтобы впервые дать своему закону народонаселения одновременно и политико-экономическое и реальное (естественноисторическое) обоснование, тогда как заимствованная им у предшествовавших писателей нелепость насчет геометрической и арифметической прогрессии была чисто химерической гипотезой. Г-н Мальтус сразу же «уцепился» за предоставившуюся ему возможность. А Рикардо сделал это учение о ренте, как он сам говорит в предисловии³⁶, одним из важнейших звеньев в общей системе политической экономии и придал ему, — не говоря уже о практической стороне дела, — совершенно новую теоретическую важность.

Рикардо бесспорно не знал Андерсона, так как в предисловии к своей политической экономии он называет в качестве родоначальников теории ренты Уэста и Мальтуса. Уэст, судя по оригинальной манере, в которой он излагает закон, тоже, вероятно, не знал Андерсона, — подобно тому как Тук не знал Стюарта. Иначе обстоит дело с г-ном Мальтусом. Детальное сравнение его сочинения с работами Андерсона показывает, что Мальтус знает Андерсона и пользуется им. Мальтус вообще был профессиональным *плагиатором*. [496] Достаточно лишь сравнить *первое издание* его сочинения о народонаселении³⁷ с цитированным мною раньше сочинением его преподобия Таунсенда³⁸, чтобы убедиться, что Мальтус не перерабатывает сочинение Таунсенда как человек свободной творческой мысли, а списывает и пересказывает как рабский плагиатор, хотя *нигде не называет его, утаивая* его существование.

Характерен тот способ, каким Мальтус использовал взгляды Андерсона. Андерсон защищал вывозные премии, поощряющие вывоз хлеба, и ввозные пошлины, сокращающие ввоз хлеба, — исходя отнюдь не из интересов лендлордов, а из предположения, будто такого рода законодательство *«понижает среднюю цену хлеба»* и обеспечивает равномерное развитие производительных сил земледелия. Мальтус воспринял этот практический вывод Андерсона потому, что Мальтус — как истый член англиканской государственной церкви — был профессиональным

сикофантом * земельной аристократии, чьи ренты, синекуры, расточительность, бессердечие и т. д. он *экономически* оправдывал. Мальтус защищает интересы промышленной буржуазии только в той мере, в какой они тождественны с интересами земельной собственности, аристократии, т. е. защищает их *против* массы народа, *против* пролетариата; но там, где интересы земельной аристократии и промышленной буржуазии расходятся и враждебно противостоят друг другу, Мальтус становится на сторону аристократии против буржуазии. Отсюда его защита «непроизводительных работников», перепотребления и т. д.

Напротив, Андерсон объяснял различие между землей, платящей ренту, и землей, не платящей ренты, или между землями, платящими неодинаковые ренты, *относительным* неплодородием той почвы, которая *не* приносит ренты или же приносит *меньшую* ренту, сравнительно с почвой, приносящей ренту, или почвой, приносящей *большую* ренту. Но он определенно говорил, что эта степень относительного плодородия *различных* сортов почвы, а следовательно и относительное неплодородие худших сортов почвы по сравнению с лучшими, абсолютно ничего общего не имеет с *абсолютной* производительностью земледелия. *Наоборот*, он подчеркивал, что не только абсолютное плодородие *всех* сортов почвы может постоянно увеличиваться и с ростом населения должно увеличиваться, но он шел дальше и утверждал, что *неравенство* в плодородии различных сортов почвы может все более и более *выравниваться*. Он говорил, что нынешняя степень развития земледелия в Англии не дает ни малейшего представления о *возможном* его развитии. Он говорил в связи с этим, что в одной стране цена хлеба может быть высока, а рента — низка, а в другой стране цена хлеба может быть низка, а рента — высока; и это вытекало из его основного положения, ибо в обеих странах высота рент и само их существование определяются *различием* между плодородной и неплодородной почвой, но ни в одной из этих стран ренты не определяются абсолютным плодородием; в каждой из этих стран они определяются лишь различием в степени плодородия существующих сортов почвы, но ни в одной из них они не определяются средним плодородием этих сортов почвы. Отсюда он делал вывод, что абсолютная производительность земледелия не имеет абсолютно ничего общего с рентой. Поэтому он объявил себя впоследствии, как мы увидим ниже **, решительным врагом мальтусовской теории народонаселения

* — подхалимом, прислужником. *Ред.*

** См. настоящее издание, часть II, стр. 154—155. *Ред.*

и не подозревал, что его собственной теории ренты суждено будет послужить обоснованием для этого чудовищного измышления. Андерсон объяснял повышение хлебных цен в Англии в период от 1750 до 1801 г. в сравнении с периодом от 1700 до 1750 г. отнюдь не тем, что в обработку вводились всё менее плодородные сорта почвы, а влиянием законодательства на земледелие в течение этих двух периодов.

Что же делает Мальтус?

Вместо своей (тоже украденной) химеры насчет геометрической и арифметической прогрессии, которую он сохранил как «фразу», он для подтверждения своей теории народонаселения использовал теорию Андерсона. Он сохранил практические выводы теории Андерсона, поскольку они соответствовали интересам лендлордов, — один уже этот факт доказывает, что Мальтус столь же мало, как и сам Андерсон, понимал связь этой теории с системой политической экономии буржуазного общества; — он повернул эту теорию против пролетариата, не входя в рассмотрение контраргументов ее автора. На долю Рикардо выпало сделать тот теоретический и практический шаг вперед, который вытекал из этой теории: теоретически — для определения *стоимости* товара и т. д. и для уяснения природы земельной собственности; практически — против необходимости частной собственности на землю *на основе буржуазного производства* и, более непосредственно, против всех тех мероприятий государства, вроде хлебных законов, которые содействовали росту этой земельной собственности. Единственный практический вывод, сделанный Мальтусом, состоял в защите покровительственных пошлин, которых требовали в 1815 г. лендлорды, — сикофантская услуга аристократам, — и в новом *оправдании* нищеты производителей богатства, в новой апологии эксплуататоров труда. С этой стороны — сикофантская услуга капиталистам-предпринимателям.

Для Мальтуса характерна *глубокая низость* мысли, — низость, какую может себе позволить только поп, [497] который в людской нищете видит наказание за грехопадение и вообще не может обойтись без «земной юдоли скорби», но вместе с тем, имея в виду получаемые им церковные доходы и используя догму о предопределении, находит весьма для себя выгодным «услужить» господствующим классам пребывание в этой юдоли скорби. Эта низость мысли проявляется и в его занятиях наукой. *Во-первых*, в бесстыдно и как ремесло практикуемом им *плагиаторстве*. *Во-вторых*, в тех *полных оглядок*, а не *безоглядно смелых*, выводах, которые он делает из научных предпосылок.

**[2) ТРЕБОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП РИКАРДО В ОЦЕНКЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ. АПОЛОГЕТИКА НАИБОЛЕЕ
РЕАКЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ
У МАЛЬТУСА. ФАКТИЧЕСКОЕ ОПОВЕРЖЕНИЕ
МАЛЬТУСОВСКОЙ ТЕОРИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ДАРВИНОМ]**

Рикардо рассматривает капиталистический способ производства как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства, и Рикардо вполне прав для своей эпохи. Он хочет *производства для производства*, и он *прав*. Возражать на это, как делали сентиментальные противники Рикардо, указанием на то, что целью не является производство как таковое, значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель*. Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть *задержано* ради обеспечения блага отдельных индивидов, что, следовательно, нельзя вести, к примеру скажем, никакой войны, ибо война во всяком случае ведет к гибели отдельных лиц. (Сисмонди прав лишь против таких экономистов, которые *затушевывают* этот антагонизм, отрицают его.) При таком подходе к вопросу остается непонятным то, что это развитие способностей рода «человек», хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида; что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву. Мы не говорим уже о бесплодности подобных назидательных рассуждений, ибо в мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов*, в чем и состоит сила этих последних, их преимущество.

Прямолинейность Рикардо была, следовательно, не только *научно честной*, но и *научно обязательной* для его позиции. Но поэтому для Рикардо и совершенно безразлично, поражает ли насмерть дальнейшее развитие производительных сил земельную собственность или рабочих. Когда этот прогресс обесценивает капитал промышленной буржуазии, то Рикардо это тоже

приветствует. Если развитие производительной силы труда обесценивает наполовину *наличный* основной капитал, то что из этого? — говорит Рикардо, — зато ведь производительность человеческого труда удвоилась. Здесь, таким образом, — *научная честность*. Если точка зрения Рикардо и соответствует в целом интересам *промышленной буржуазии*, то это лишь *потому*, что ее интересы совпадают — и лишь *в той мере, в какой* они совпадают, — с интересами производства, или с интересами развития производительности человеческого труда. Там, где буржуазия вступает в противоречие с этим развитием, Рикардо столь же *беспощадно* выступает против буржуазии, как в других случаях — против пролетариата и аристократии.

Но *Мальтус*! Этот негодяй извлекает из добытых уже наукой (и всякий раз им *украденных*) предпосылок только такие выводы, которые «приятны» (полезны) аристократии против буржуазии и им обоим — *против* пролетариата. Он поэтому хочет не *производства ради производства*, а лишь производства в той мере, в какой оно поддерживает или укрепляет *существующий строй* и служит выгоде господствующих классов.

Уже его первое сочинение ³⁹, один из самых примечательных литературных примеров успеха плагиата за счет оригинальных работ, преследовало *практическую* цель — «экономически» доказать, в интересах *существующего* английского правительства и *землевладельческой аристократии*, утопичность преобразовательных стремлений французской революции и *ее сторонников в Англии*. Словом, это был панегирический памфлет в защиту существующего строя против исторического развития; к тому же это было и оправданием войны против революционной Франции.

Его сочинения 1815 г. о покровительственных пошлинах и земельной ренте ⁴⁰ отчасти должны были подтвердить прежнюю апологию нищеты производителей, но в первую очередь — защитить реакционную земельную собственность против «просвещенного», «либерального» и «прогрессивного» капитала, в особенности же оправдать тот *шаг назад* английского законодательства, который проектировался тогда в интересах аристократии против промышленной буржуазии ⁴¹. Наконец, [498] его «Principles of Political Economy», направленные *против* Рикардо, имели в сущности целью свести абсолютные требования «промышленного капитала» и тех законов, по которым развивается его производительность, к таким «пределам», которые были бы «выгодны» и «желательны» с точки зрения существующих интересов землевладельческой аристократии, «государственной церкви» (к которой принадлежал Мальтус), получа-

телей правительственных пенсий и пожирателей налогов. Но человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами, — такого человека я называю «*низким*».

Со стороны Рикардо нет ничего низкого в том, что он приравнивает пролетариев к машинам, вьючному скоту или товару, так как «производству» (с его точки зрения) способствует то, что они лишь машины или вьючный скот, или так как они в буржуазном производстве действительно только товары. Это — стоицизм, это объективно, это научно. Поскольку это возможно без *греха* против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он и был в *практической жизни*.

Совершенно иначе обстоит дело у попа Мальтуса. Он [тоже] ради производства низводит рабочих до положения вьючного скота, обрекает их даже на голодную смерть и безбрачие. [Однако] там, где те же самые требования производства сокращают лендлорду его «ренту», где они угрожают «десятине» государственной церкви или интересам «пожирателей налогов», или также в тех случаях, когда та часть промышленной буржуазии, интересы которой тормозят прогресс производства, приносится в жертву той части буржуазии, которая является представительницей этого прогресса, — словом там, где какой-либо интерес аристократии противостоит интересам буржуазии, или там, где какой-либо интерес консервативных и застойных слоев буржуазии противостоит интересам прогрессивной буржуазии, — во всех этих случаях «поп» Мальтус не жертвует особым интересом во имя производства, а *изо всех сил старается* требования производства принести в жертву особым интересам господствующих классов или классовых групп в существующем обществе. И ради этой цели он *фальсифицирует* свои выводы в области науки. В этом его низость *в отношении науки*; его грех против науки, не говоря уже о его бесстыдном плагиаторстве, практикуемом им в качестве ремесла. Выводы Мальтуса по научным вопросам сфабрикованы «с *оглядкой*» на господствующие классы вообще и на реакционные элементы этих господствующих классов в особенности; а это значит: Мальтус *фальсифицирует* науку в угоду интересам этих классов. Наоборот, его выводы *безоглядно-решительны, беспощадны*, поскольку дело касается угнетенных классов. Он не только *беспощаден*, но и *выставляет напоказ* свою беспощадность, цинически кичится ею и *доводит* свои выводы, поскольку они направлены против «отверженных», *до крайности*, даже

превышая ту меру, которая с его точки зрения еще могла бы быть как-то научно оправдана *.

Ненависть английского рабочего класса к Мальтусу — «попу-шарлатану», как его грубо называет Коббет (Коббет, правда, крупнейший *политический* писатель Англии нынешнего века; однако ему недоставало лейпцигского профессорского образования ⁴², и он был открытым врагом «ученого языка»), — эта ненависть к Мальтусу, следовательно, вполне оправдана; народ верным инстинктом почувствовал, что против него выступает здесь не *человек науки*, а купленный его врагами адвокат господствующих классов, их бесстыдный сикофант.

Человек, впервые открывший какую-нибудь идею, может, добросовестно заблуждаясь, доводить ее до крайности; плагиатор же, доводящий ее до крайности, всегда делает из этого «выгодное дельце».

Сочинение Мальтуса о народонаселении — первое издание — не содержит ни одного *нового* научного слова; это сочинение следует рассматривать лишь как назойливую капуцинскую проповедь, как написанный в стиле Абраама а Санта Клара ⁴³ вариант рассуждений Таунсенда, Стюарта, Уоллеса, Эрбера и т. д. И так как оно в действительности рассчитано на то, чтобы производить впечатление только своей *популярной* формой, то и *народная* ** ненависть обращается против него с полным правом.

Единственная заслуга Мальтуса, по сравнению с жалкими проповедниками гармонии интересов, подвизающимися в буржуазной политической экономии, состоит именно в усиленном подчеркивании дисгармоний, которых он, правда, *отнюдь не открыл*, но которые он во всяком случае с поповски-самодовольным цинизмом фиксирует, размалевывает и выставляет напоказ.

* * *

[499] Чарлз Дарвин говорит во введении к своей книге «On the Origin of Species by means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life» (5th thousand), London, 1860 [стр. 4—5]:

«В следующем отделе будет рассмотрена *борьба за существование* между органическими существами всего мира, которая неизбежно происходит из их способности к размножению в высокой геометрической прогрес-

* [499] Рикардо (см. выше), когда его теория приводит его, например, к тому выводу, что рост заработной платы выше ее минимума не повышает *стоимости* товаров, прямо высказывает это. Мальтус же отстаивает низкий уровень заработной платы с той целью, чтобы на этом наживался буржуа. [499]

** Игра слов: «populär» означает «популярный», а также «народный». Ред.

спи. Это — учение Мальтуса, примененное ко всему царству животных и растений».

Дарвин в своем превосходном сочинении не видел, что он опрокинул теорию Мальтуса, открыв «геометрическую» прогрессию в царстве животных и растений. Теория Мальтуса основывается как раз на том, что он геометрическую прогрессию Уоллеса относительно размножения людей противопоставил химерической «арифметической» прогрессии животных и растений. В произведении Дарвина, например там, где речь идет о вымирании видов, имеется и детальное (не говоря уже об основном принципе Дарвина) естественноисторическое опровержение мальтусовской теории. А поскольку теория Мальтуса опирается на теорию ренты Андерсона, она была опровергнута самим Андерсоном ⁴⁴. [499]

[3] ИСКАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ВЗГЛЯДОВ НА ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ РОШЕРОМ.

ПРИМЕРЫ НАУЧНОГО БЕСПРИСТРАСТИЯ РИКАРДО.

РЕНТА ПРИ ВЛОЖЕНИИ КАПИТАЛА В ЗЕМЛЮ И РЕНТА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДРУГИХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИРОДЫ. ДВОЙКОЕ ДЕЙСТВИЕ КОНКУРЕНЦИИ]

[499] Первое сочинение Андерсона, в котором он мимоходом развивает теорию ренты, имело *практический* характер полемиического сочинения, трактующего не о ренте, а о протекционизме. Оно появилось в 1777 г., и уже его заглавие указывает на то, что оно, во-первых, преследует практическую цель и, во-вторых, имеет в виду непосредственно подготовлявшийся тогда законодательный акт по вопросу, в котором интересы промышленников и земельных собственников противоположны: «An Inquiry into the Nature of the Corn Laws; with a view to the new Corn-Bill proposed for Scotland», Edinburgh, 1777.

Закон 1773 г. (в Англии; об этом надо посмотреть в каталоге *Мак-Куллоха* ⁴⁵) в 1777 г. должен был быть (как будто) введен в Шотландии (посмотреть в Британском музее).

«Закон 1773 г.», — говорит Андерсон, — «был вызван *открыто* выраженным намерением понизить для наших промышленников цену хлеба, чтобы поощрением ввоза из-за границы обеспечить нашему собственному народу более дешевое пропитание» («A Calm Investigation of the Circumstances that have led to the Present Scarcity of Grain in Britain», London, 1801, стр. 50).

Сочинение Андерсона было, таким образом, полемическим произведением в защиту интересов сельских хозяев, включая

лендлордов (протекционизм), против интересов промышленников. Андерсон опубликовал свою работу в качестве такого сочинения, которое «открыто» отстаивает интересы определенной партии. Теория ренты затрагивается здесь лишь между прочим. Да и в его более поздних сочинениях, которые постоянно, в большей или меньшей степени, касаются указанной *борьбы интересов*, теория ренты вновь упоминается, один или два раза, только мимоходом, нигде не претендуя на научный интерес или хотя бы на то, чтобы быть *самостоятельным* предметом изложения. После этого можно судить о правильности следующего замечания Вильгельма Фукидида Рошера ⁴⁶, который, очевидно, не знает сочинений Андерсона:

«Удивительно, что учение, которое в 1777 г. осталось *почти* незамеченным, в 1815 и в последующих годах стало вдруг с величайшим интересом защищаться одними и оспариваться другими, ибо это учение касалось столь обострившегося за это время антагонизма между денежными людьми и земельными собственниками» («Die Grundlagen der Nationalökonomie», 3-te Auflage, 1858, стр. 297—298).

В этой фразе столько же искажений, сколько слов. *Во-первых*, Андерсон выдвинул свой взгляд не в качестве «*учения*», как это сделали Уэст, Мальтус и Рикардо. *Во-вторых*, этот взгляд остался не «*почти*», а «*совершенно*» незамеченным. *В-третьих*, он был мимоходом высказан впервые в сочинении, которое *специально* вращалось *т о л ь к о* вокруг значительно развившейся к 1777 г. противоположности интересов промышленников и лендлордов, «касалось» только этой практической борьбы интересов, но совсем «не касалось» общей [500] теории политической экономии. *В-четвертых*, в 1815 г. теория эта проповедовалась одним из тех, кто ее воспроизвел, Мальтусом, совершенно так же в интересах хлебных законов, как это делал Андерсон. *Одно и то же* учение было обращено его автором и Мальтусом *в защиту* земельной собственности, а Давидом Рикардо — *против* нее. Таким образом, самое большее можно было бы сказать, что одни из приверженцев этой теории *защищали* интересы земельной собственности, тогда как другие *боролись против этих же* интересов, но нельзя сказать, что в 1815 г. против этой теории боролись защитники земельной собственности (ибо Мальтус защищал эту теорию *до Рикардо*) или что ее *защищали* противники земельной собственности (ибо Давиду Рикардо не приходилось «защищать» эту теорию против Мальтуса, потому что он сам рассматривал Мальтуса как одного из ее авторов и как своего собственного предшественника; ему приходилось «оспаривать» только лишь мальтусовские практические выводы из этой теории). *В-пятых*, тот антагонизм между

«денежными людьми» и «земельными собственниками», которого «касается» Вильгельм Фукидид Рошер, до сих пор не имел абсолютно никакого отношения ни к теории ренты Андерсона, ни к ее воспроизведению, ни к ее защите, ни к борьбе против нее. Вильгельм Фукидид мог бы узнать из книги Джона Стюарта Милля («Essays on some Unsettled Questions of Political Economy», London, 1844, стр. 109—110), что 1) под выражением «денежный класс» англичанин понимает лиц, ссужающих деньги; что 2) эти ссужающие деньги лица либо вообще живут на проценты, либо же являются *заимодавцами по профессии*, каковы банкиры, биржевые маклеры и т. д. Все эти люди, в качестве «денежного класса», по замечанию того же Милля, противостоят «*производящему классу*» (под которым Милль понимает «промышленных капиталистов», оставляя в стороне рабочих) или, по меньшей мере, отличаются от него. Следовательно, Вильгельм Фукидид должен был бы видеть, что интересы «производящего класса», т. е. промышленников, промышленных капиталистов, и интересы денежного класса — это две весьма различные вещи и что классы эти — различные классы. И далее, Вильгельм Фукидид должен был бы видеть, что борьба между промышленными капиталистами и лендлордами отнюдь не была, следовательно, борьбой между «денежными людьми» и «земельными собственниками». Если бы Вильгельм Фукидид знал историю хлебных законов 1815 г. и борьбу, которая велась вокруг них, то он знал бы уже из работ Коббета, что помещики (земельные собственники) и заимодавцы (денежные люди) шли вместе против промышленных капиталистов. Но Коббет «груб». Наконец, из истории периода с 1815 по 1847 г. Вильгельм Фукидид должен был бы знать, что денежные люди в своем большинстве и отчасти даже торговцы (например, в Ливерпуле) в борьбе вокруг хлебных законов находились среди *союзников* земельных собственников против промышленных капиталистов. [500]

[502] (Г-на Рошера могло бы удивить, самое большее, то обстоятельство, что *одно и то же* «учение» в 1777 г. служило в защиту «земельных собственников», а в 1815 г. явилось оружием *против* них и только *тогда* впервые обратило на себя внимание ⁴⁷.) [502]

[500] Если бы я хотел столь же подробно осветить все подобные грубые искажения истории, имеющие место у Вильгельма Фукидида в его историко-литературных справках, то мне пришлось бы написать труд, столь же объемистый, как его «Grundlagen», и такой труд, поистине, «не стоил бы той бумаги, на которой он был бы написан». Но какое вредное воздействие ученое невежество какого-нибудь Вильгельма Фукидида может

оказать, в свою очередь, на исследователей в других областях науки, видно на примере г-на *А. Бастуана*, который в своем сочинении «*Der Mensch in der Geschichte*», 1860, том I, стр. 374, примечание, приводит указанный выше отрывок из Вильгельма Фукидида, чтобы подтвердить одно «психологическое» положение. О Бастуане, между прочим, нельзя сказать: «*materiam superabat opus*» *. Скорее «*opus*» ** не справляется здесь со своим собственным сырым материалом. Кроме того, что касается тех немногих наук, которые я «знаю», то я обнаружил, что г-н *Бастуан*, знающий «*все*» науки, очень часто полагается на авторитеты вроде Вильгельма Фукидида, что для «универсального ученого» вообще неизбежно.

[501] Я надеюсь, что меня не упрекнут в «безжалостности» по отношению к Вильгельму Фукидиду. С какой «безжалостностью» этот школьный педант обращается с самой наукой! О «полном отсутствии истины» у него я могу говорить, во всяком случае, с таким же правом, с каким он осмеливается в самодовольно снисходительном тоне говорить о «полуистинах» Рикардо ⁴⁸. Притом Вильгельм Фукидид отнюдь не «добросовестен» в своих указаниях литературы предмета. Кто не «респектабелен», тот для него не существует и исторически; так, например, Родбертус не существует для него как теоретик земельной ренты, потому что он «коммунист». Кроме того, Вильгельм Фукидид не точен и по отношению к «респектабельным писателям». Например, для Мак-Куллоха Бейли существует и даже расценивается им как человек, сделавший эпоху. Для Вильгельма Фукидида Бейли не существует. Для того чтобы в Германии развивать и популяризировать науку [502] политической экономии, такие люди, как Родбертус, должны были бы основать журнал, страницы которого были бы открыты для всех исследователей (но не для школьных педантов и вульгаризаторов) и который ставил бы себе главной целью изобличать невежество профессиональных ученых — как в области самой науки, так и в области ее истории. [502]

* * *

[501] Андерсон был далек от какого бы то ни было исследования вопроса о том, как относится его теория ренты к системе политической экономии, и это тем меньше может вызвать удивление, что его первая книга появилась через год после «*Wealth of Nations*» А. Смита, т. е. в такое время, когда «система политической экономии» вообще еще только складывалась, ибо

* — «материал превзошло мастерство» (Овидий, «Метаморфозы»). *Ред.*

** — «мастерство» автора. *Ред.*

система Стюарта появилась тоже всего лишь за несколько лет перед тем. Но что касается того материала, которым Андерсон располагал в пределах рассматриваемого им специального предмета, то материал этот был безусловно обширнее, чем у Рикардо. Подобно тому как Рикардо в своей теории денег, которая воспроизвела теорию Юма, имел перед своим взором главным образом лишь события за период с 1797 по 1809 г., так в учении о ренте, воспроизводившем теорию Андерсона, у него перед глазами были только экономические явления повышения хлебных цен с 1800 по 1815 год.

* * *

Для характеристики Рикардо весьма показательны следующие его высказывания:

«Я буду очень сожалеть, если соображения о выгодах какого-либо отдельного класса приведут к задержке роста богатства и населения страны» (Ricardo. An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock etc. 2nd edition. London, 1815, стр. 49) [Русский перевод: Рикардо, Давид. Сочинения, том III. Москва, 1955, стр. 40].

При свободном ввозе хлеба *«земля изымается из обработки»* (там же, стр. 46) [Русский перевод, том III, стр. 39]. Следовательно, земельная собственность приносится в жертву развитию производства.

Но при том же свободном ввозе хлеба имело бы место следующее:

«Нельзя отрицать, что некоторое количество капитала было бы потеряно. Но что представляет собой обладание капиталом или сохранение его — цель или средство? Без сомнения, средство. В чем мы нуждаемся, так это в изобилии товаров» (в богатстве вообще), «и если бы можно было доказать, что, пожертвовав частью нашего капитала, мы могли бы увеличить годовое производство» (die jährliche Produktion) «тех предметов, которые служат для нашего наслаждения и нашего счастья, то нам не следовало бы роптать по поводу потери части нашего капитала» («On Protection to Agriculture». 4th edition. London, 1822, стр. 60) [Русский перевод, том III, стр. 74].

«Нашим капиталом» Рикардо называет капитал, который принадлежит не нам или ему, а который вложен в землю капиталистами. Но кто это мы? — Это нация, как некоторое среднее. Увеличение *«нашего»* богатства есть увеличение общественного богатства, являющегося целью именно как общественное богатство, независимо от тех, кто имеет долю в этом богатстве!

«Человеку, имеющему капитал в 20 000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1 000 человек, продается ли произведенный товар за 10 000 или за 20 000 ф. ст., если только во всех этих

случаях получаемая им прибыль не падает ниже 2 000 ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или из 12 миллионов жителей» («Principles of Political Economy», 3rd edition, стр. 416) [Русский перевод: Рикардо; Давид. Сочинения, том I. Москва, 1955, стр. 285].

Здесь «пролетариат» приносится в жертву богатству. В той мере, в какой пролетариат безразличен для существования богатства, богатство безразлично для его существования. Масса сама по себе — человеческая масса — здесь «ничего не стоит».

Эти три примера [502] иллюстрируют научное беспристрастие Рикардо.

* * *

{Земля (природа) и т. д. — это тот элемент, в который вкладывается применяемый в земледелии капитал. Поэтому земельная рента равна здесь избытку *стоимости* продукта труда, создаваемого в этом элементе, *над* средней ценой этого продукта. Если же какой-нибудь находящийся в частной собственности отдельного индивида элемент природы (или вещество) входит в какое-нибудь другое производство, (физическую) основу которого он не составляет, то земельная рента — если она возникает только благодаря тому, что данный элемент просто входит в производство, — не может состоять в избытке *стоимости* этого продукта над средней ценой, а состоит только в избытке *общей* средней цены этого продукта над его *собственной средней ценой*. Например, водопад может заменить фабриканту паровую машину и дать ему возможность сэкономить уголь. Располагая этим водопадом, фабрикант будет все время продавать, скажем, пряжу дороже ее [индивидуальной] *средней цены* и получать добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль достается земельному собственнику в виде ренты, если водопад находится в его владении, и г-н Гопкинс в своей книге, трактующей о «ренте», замечает, что в Ланкашире водопады дают не только ренту, но даже, в зависимости от размеров их естественной силы падения, и *дифференциальную ренту*⁴⁹. Здесь рента есть не что иное, как избыток *рыночной средней цены* продукта над его *индивидуальной средней ценой*.} [502]

* * *

[502] {В конкуренции надо различать двоякое движение выравнивания. Капиталы *внутри* одной и той же сферы производства выравнивают цены товаров, произведенных *внутри* этой сферы, в одну и ту же *рыночную цену*, как бы ни относились

[индивидуальные] стоимости этих товаров к этой рыночной цене. *Средняя рыночная цена* должна была бы *равняться* [рыночной] *стоимости* товара, если бы не происходило выравнивания между *различными* сферами производства. Между этими различными сферами конкуренция выравнивает [рыночные] стоимости в *средние цены*, поскольку воздействие капиталов друг на друга не тормозится, не нарушается третьей силой — земельной собственностью и т. д.}

[4] ОШИБКА РОДБЕРТУСА ПО ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ СТОИМОСТЬЮ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ В СЛУЧАЕ ВЗДОРОЖАНИЯ ПРОДУКТА]

Совершенно ошибочен взгляд Родбертуса, что если один товар *дороже* другого (если, следовательно, в первом овеществлено больше рабочего времени, чем во втором), то он должен поэтому содержать в себе также и больше *неоплаченного рабочего времени*, *прибавочного рабочего времени* — при равной *норме прибавочной стоимости*, или при *одинаковой эксплуатации рабочих в различных сферах*.

Если *один и тот же* труд на неплодородной почве (или в неурожайный год) дает 1 квартал пшеницы, а на плодородной почве (или в урожайный год) — 3 квартера; если один и тот же труд на очень богатой золотом земле дает 1 унцию золота, а на менее богатой золотом или уже истощенной земле — только $\frac{1}{3}$ унции; если одинаковое рабочее время требуется как для производства 1 фунта шерсти, так и для превращения 3 фунтов шерсти в пряжу, — то, прежде всего, стоимости 1 квартера пшеницы и 3 кварталов, 1 унции золота и $\frac{1}{3}$ унции, 1 фунта шерсти и 3 фунтов шерстяной пряжи (за вычетом стоимости содержащейся в них шерсти) равны по величине. Они содержат в себе одинаковое количество рабочего времени — следовательно, согласно предположению [о равенстве нормы прибавочной стоимости], *одинаковое количество* также и прибавочного рабочего времени. Конечно, количество прибавочного труда, содержащееся в одном квартере [пшеницы, выращенной на неплодородной почве], больше [чем в одном квартере пшеницы, выращенной на плодородной почве], но зато в первом случае мы и имеем только 1 квартал пшеницы, тогда как во втором случае имеется 3 квартера, или же в первом случае мы имеем 1 фунт шерсти, тогда как во втором случае — 3 фунта пряжи (минус стоимость материала). Следовательно, *массы* [прибавочной стоимости] в обоих случаях равны. Но равны также и *пропорциональные величины прибавочной стоимости*, если

сравнивать единицу одного товара с единицей другого товара. В 1 квартере [пшеницы, выращенной на плохой почве] или в 1 фунте шерсти содержится, по предположению, столько же труда, сколько в 3 квартерах [пшеницы, выращенной на хорошей почве] или в 3 фунтах пряжи. Поэтому капитал, затраченный на заработную плату, в обоих случаях находится в одинаковом отношении к прибавочной стоимости. В 1 фунте шерсти содержится в три раза больше рабочего времени, чем в 1 фунте пряжи. Если прибавочная стоимость втрое больше, то и приходится она на втрое больший капитал, затраченный на заработную плату. Таким образом, отношение остается *тем же самым*.

Родбертус же применяет здесь совершенно неверный расчет, он совершенно ошибочно сравнивает затраченный на *заработную плату* капитал с [503] *большим или меньшим количеством* товаров, в котором овеществляется выполненный за эту заработную плату труд. Но это совершенно неверный расчет, если, как Родбертус *предполагает*, *заработная плата* (или *норма прибавочной стоимости*) дана. Одно и то же *количество труда*, например 12 часов, может выразиться в x или в $3x$ товара. В одном случае $1x$ товара содержало бы в себе столько же труда и прибавочного труда, сколько их содержит в себе $3x$ в другом случае; но *ни в одном* из этих случаев не было бы затрачено больше одного рабочего дня, и ни в одном из них норма прибавочной стоимости не была бы больше, например, $\frac{1}{5}$. В первом случае $\frac{1}{5}$ от одного x относилась бы к x так, как во втором случае $\frac{1}{5}$ от $3x$ относится к $3x$, и если мы каждый из трех x назовем x' , x'' , x''' , то в каждом x' , x'' , x''' содержалось бы $\frac{4}{5}$ оплаченного и $\frac{1}{5}$ неоплаченного труда. С другой стороны, совершенно верно, что если в условиях меньшей производительности должно быть произведено *столько же товара*, сколько его производится при *большей производительности*, то в товаре будет содержаться больше труда, а стало быть, и больше прибавочного труда. Но тогда и затрачивается соответственно больший капитал. Для того чтобы произвести $3x$, надо затратить (на заработную плату) втрое больше капитала, чем для производства $1x$.

Не подлежит, конечно, сомнению, что промышленность не может переработать больше сырья, чем его поставляет земледелие, — следовательно, не может, например, переработать в пряжу больше фунтов шерсти, чем их произведено. Поэтому, если производительность прядения шерсти утраивается, то приходится — при предположении, что условия производства шерсти остаются *неизменными*, — затрачивать на

труд в производстве шерсти в три раза больше времени, чем прежде, применять для производства шерсти в три раза больше капитала, тогда как для переработки в пряжу этого утроенного количества шерсти потребуется лишь *прежнее* рабочее время прядильщика. Но *норма* [прибавочной стоимости] останется та же. Одно и то же количество труда прядильщика создавало бы такую же стоимость, как и прежде, и содержало бы в себе такую же прибавочную стоимость. Труд, производящий шерсть, заключал бы в себе втрое бóльшую прибавочную стоимость, но соответственно этому *утроился бы* и весь содержащийся в шерсти труд или авансированный на заработную плату капитал. Таким образом, втрое бóльшая прибавочная стоимость исчислялась бы на втрое больший капитал. Нельзя, следовательно, *на этом основании* сказать, что в прядильном производстве норма прибавочной стоимости стоит ниже, чем в производстве шерсти. Можно было бы только сказать, что затрачиваемый на заработную плату капитал в три раза больше в последней отрасли, чем в первой (ибо здесь предполагается, что изменения в прядении и в производстве шерсти не происходят из какого-либо изменения в их постоянном капитале).

Здесь необходимо различать следующее. Один и тот же труд плюс постоянный капитал дают меньше *продукта* в неурожайный год, чем в урожайный, на неплодородной почве, чем на плодородной, в менее богатом металлом руднике, чем в более богатом. Следовательно, первый *продукт* дороже, т. е. в *той же* количестве продуктов здесь содержится *больше* труда и *больше прибавочного труда*; зато во втором случае больше *количество* этих продуктов. Далее: *отношение* между оплаченным и неоплаченным трудом в каждой единице продукта обеих категорий этим нисколько не затрагивается, ибо если единица продукта содержит в себе меньше неоплаченного труда, то, согласно предположению, она в такой же пропорции содержит в себе меньше и оплаченного труда. Ведь здесь предполагается, что соотношение между органическими составными частями капитала — между переменным и постоянным капиталом — не подверглось никаким изменениям. Предположено, что *одна и та же сумма* переменного и постоянного капитала дает при различных условиях *различные, бóльшие или меньшие, количества продукта*.

Г-н Родбертус, по-видимому, постоянно смешивает эти вещи и из простого вздорожания продукта делает вывод — как будто это само собой разумеется — о *большей прибавочной стоимости*. Что касается *нормы* прибавочной стоимости, то такой вывод неверен уже согласно сделанному предположению, а что

касается ее суммы, то это верно только при том условии, если в одном случае авансировано больше капитала, чем в другом, т. е. если более дорогого продукта производится столько же, сколько раньше производилось более дешевого, или если увеличение количества более дешевого продукта (как в вышеприведенном примере с прядением) предполагает соответствующее увеличение количества более дорогого продукта.

[5) ОТРИЦАНИЕ АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ У РИКАРДО КАК СЛЕДСТВИЕ ЕГО ОШИБОК В ТЕОРИИ СТОИМОСТИ]

[504] Что рента, а следовательно и стоимость земли, может увеличиваться, хотя *норма ренты* остается той же самой или даже уменьшается, что увеличивается, стало быть, и производительность земледелия, — об этом Рикардо иногда забывает, однако он это знает. Во всяком случае это знает Андерсон и знали уже Петти и Давенант. Вопрос не в этом.

Рикардо оставляет в стороне *вопрос об абсолютной ренте*, которую он *во имя теории отрицает*, так как исходит из *ошибочной* предпосылки, будто, *если стоимость товаров определяется рабочим временем, средние цены товаров должны быть равны их стоимостям* (поэтому он делает также и тот противоречащий практике вывод, что конкуренция более плодородных сортов почвы должна вытеснять из обработки менее плодородные земли даже в том случае, когда последние приносили раньше ренту). Если бы *стоимости* товаров и их *средние цены* были тождественны, то абсолютная земельная рента, — т. е. рента с наихудшей из обрабатываемых земель или же с той земли, которая обрабатывалась *первоначально*, — была бы в обоих этих случаях невозможна. Что такое *средняя цена* товара? Затраченный на его производство совокупный капитал (постоянный капитал плюс переменный) плюс то рабочее время, которое содержится в средней прибыли, составляющей, скажем, 10%. Следовательно, если бы капитал, функционирующий в каком-нибудь элементе, производил — только потому, что это *особый* элемент природы, например земля, — *более высокую стоимость*, чем *средняя цена*, то стоимость этого товара *превышала бы его стоимость*, и эта *избыточная стоимость* противоречила бы понятию стоимости, согласно которому стоимость равняется определенному количеству рабочего времени. Получилось бы, что элемент природы, — нечто специфически отличное от общественного рабочего времени, — *создавал бы стоимость*. Но этого быть не может. Следовательно, капитал, вложенный в землю просто как землю, не может давать *никакой*

ренты. Наихудшая почва есть *просто почва* *. Если *лучшая почва* приносит ренту, то это доказывает только то, что в земледелии разность между *общественно необходимым* трудом и трудом *индивидуально необходимым* фиксируется, так как она имеет здесь данный природой базис, в то время как в промышленности она постоянно исчезает.

Получается, что *абсолютная земельная рента* не имеет права на существование и что существовать может только *дифференциальная земельная рента*. Ибо допустить существование абсолютной ренты значило бы допустить, что *одно и то же количество труда* (овеществленного труда, вложенного в постоянный капитал, и труда, купленного на заработную плату) создает *различные стоимости* в зависимости от того, в какой элемент этот труд вкладывается, или от того, какой материал он обрабатывает. Но допустить, что это *различие стоимости* имеет место, хотя в каждой из сфер производства в продукте материализуется *одно и то же* рабочее время, — значит допустить, что *не рабочее время определяет стоимость*, а нечто специфически отличное от него. Это различие *величин стоимости* уничтожило бы понятие стоимости, опрокинуло бы положение о том, что ее субстанцию составляет общественное рабочее время, что, стало быть, различие в стоимости может быть только количественным и что это количественное различие может быть равно лишь различию в количестве затраченного общественного рабочего времени.

Таким образом, с этой точки зрения, для того чтобы сохранить категорию *стоимости* — не только определение величины стоимости различной величиной рабочего времени, но и определение субстанции стоимости общественным трудом, — требуется *отрицание абсолютной земельной ренты*. А отрицание абсолютной земельной ренты может быть выражено двояким образом.

Во-первых. Не может-де приносить ренту *наихудшая почва*. В отношении лучших сортов почвы рента объясняется тем, что рыночная цена одинакова как для продуктов, производимых на более плодородных почвах, так и для продуктов, производимых на менее плодородных почвах. А *наихудшая почва есть просто почва*. Она в пределах своего разряда не является дифференцированной. Она отличается от промышленного приложения капитала лишь как *особая сфера приложения капитала*. Если бы она приносила ренту, то последняя проистекала бы из того, что *одно и то же количество труда*, прилагаемое

* Игра слов: «der schlechteste Boden» — «наихудшая почва», «Boden schlecht» — «просто почва», «почва вообще». Ред.

в различных сферах производства, выражалось бы в различных стоимостях, так что не количество труда само по себе определяло бы стоимость, и продукты, в которых содержатся одинаковые количества труда, не были бы равны друг другу [по стоимости].

[505] Или же *[во-вторых]* не может-де приносить земельную ренту *та земля, которая обрабатывалась первоначально*. Ибо что такое первоначально обрабатывавшаяся земля? «Первоначально» обрабатывавшаяся почва не является ни лучшей, ни худшей почвой. Это — просто почва, недифференцированная почва. Первоначально вложение капитала в земледелие может отличаться от вложения его в промышленность только в отношении тех сфер, в которые вложены эти капиталы. Но так как равные количества труда выражаются в *равных стоимостях*, то не существует абсолютно никакого основания для того, чтобы вложенный в землю капитал давал, кроме прибыли, еще и ренту, если только *то же* количество труда, вложенное в эту сферу, не производит *большую* стоимость, так что избыток этой стоимости над стоимостью, производимой в промышленности, составляет добавочную прибыль, равную ренте. Но это значило бы утверждать, что земля, как таковая, создает стоимость, т. е. значило бы уничтожить само понятие стоимости.

Следовательно, *первоначально* обрабатывавшаяся земля не может давать *первоначально* никакой ренты; иначе вся теория стоимости оказалась бы опрокинутой. С этим, далее, легко сочетается (*хотя отнюдь не обязательно*, как это видно у Андерсона) представление о том, что люди *первоначально* выбирают себе для возделывания, естественно, не наихудшую, а наилучшую землю, — что, следовательно, земля, первоначально не приносившая ренты, впоследствии начинает приносить ее, так как люди вынуждены переходить ко все худшим сортам почвы, и что таким образом при этом нисхождении в преисподнюю, при переходе ко все худшим почвам, с развитием цивилизации и с ростом населения, рента должна возникать на *первоначально обрабатывавшейся самой плодородной почве* и затем, ступень за ступенью, на следующих по качеству почвах, тогда как *наихудшая почва*, которая всегда представляет просто почву — особую сферу приложения капитала, — *никогда* никакой ренты не приносит. Все эти положения логически более или менее связаны друг с другом.

Если, наоборот, известно, что средние цены и стоимости не тождественны, что средняя цена товара может быть равна его стоимости, но может быть также больше или меньше ее, то вопрос отпадает, отпадает сама проблема, а вместе с тем

отпадают и те *гипотезы*, которые выдвигаются для ее разрешения. Остается лишь следующий вопрос: почему в земледелии *стоимость товара* (или, во всяком случае, его *цена*) *превышает* — не его *стоимость*, а — его *среднюю цену*? Но этот вопрос уже совершенно не затрагивает основу теории, определение стоимости как таковое.

Рикардо, конечно, знает, что «*относительные стоимости*» товаров модифицируются в зависимости от различного соотношения между входящими в их производство основным капиталом и капиталом, затрачиваемым на заработную плату. {Эти два капитала, однако, не составляют противоположности; противоположны друг другу основной капитал и оборотный капитал; а последний охватывает не только заработную плату, но и сырье и вспомогательные материалы. Например, в горной промышленности и рыболовстве могло бы существовать такое же соотношение между капиталом, затрачиваемым на заработную плату, и основным капиталом, какое существует в портняжном деле между тем капиталом, который затрачивается на заработную плату, и тем, который затрачивается на сырой материал.} Но Рикардо вместе с тем знает, что эти относительные стоимости выравниваются конкуренцией. Более того: указанные модификации он вводит только для того, чтобы при этих различных вложениях капитала получалась *одна и та же средняя прибыль*. Это значит: те *относительные стоимости*, о которых он говорит, представляют собой не что иное, как *средние цены*. У него даже не возникает мысли о том, что *стоимость* и *средняя цена* различны. Он берет как исходный пункт только их *тождество*. Но так как при различном соотношении органических составных частей капитала такое тождество *не существует*, то он предполагает его как необъясненный, вызванный конкуренцией факт. Поэтому у него и не возникает вопроса: почему стоимости земледельческих продуктов не выравниваются в средние [506] цены? Напротив, он предполагает, что *они выравниваются*, и с этой именно точки зрения ставит проблему.

Абсолютно нельзя понять, почему молодцы вроде Вильгельма Фукидида * ратуют за теорию земельной ренты Рикардо. С их точки зрения «полуистины» Рикардо, как снисходительно выражается Фукидид, утрачивают *всю* свою ценность.

Для Рикардо проблема существует только потому, что стоимость определена рабочим временем. У этих молодцов дело обстоит иначе. По Рощеру природа, *как таковая*, имеет стоимость. См. об этом в дальнейшем ⁵⁰. Это значит: Рощер абсолютно

* — Рощера. Ред.

не знает, что такое стоимость. Что же может помешать ему допустить, что *стоимость земли* с самого же начала входит в издержки производства и образует ренту, — сделать стоимость земли, т. е. ренту, предпосылкой для объяснения ренты?

Фраза об «издержках производства» у этих молодцов ровно ничего не означает. Мы видим это у Сэя. Стоимость товара определяется издержками производства — капиталом, землей, трудом. А эти издержки он определяет спросом и предложением. Это значит: здесь вообще нет никакого определения стоимости. Так как земля оказывает «производительные услуги», то почему бы цене этих «услуг» не определяться спросом и предложением — так же, как Сэй определяет цену услуг, оказываемых трудом или капиталом? А так как «услуги земли» находятся во владении определенной группы продавцов, то почему бы их товару не иметь рыночной цены и, стало быть, почему бы земельной ренте не существовать в качестве элемента цены?

Мы видим, что у Вильгельма Фукидида не было ни малейшего основания столь усердно «ратовать» за теорию Рикардо.

[6) ПОЛОЖЕНИЕ РИКАРДО О ПОСТОЯННОМ ПОВЫШЕНИИ ЦЕН НА ХЛЕБ. ТАБЛИЦА СРЕДНЕГОДОВЫХ ЦЕН НА ХЛЕБ С 1641 ГОДА ПО 1859 ГОД]

Если оставить в стороне абсолютную земельную ренту, то у Рикардо остается следующий вопрос:

Население и вместе с ним спрос на сельскохозяйственные продукты возрастают, в результате чего эти продукты повышаются в цене, как это происходит в подобных случаях в промышленности. Но в промышленности такое повышение цен прекращается, как только спрос оказал свое действие и вызвал увеличенное предложение товаров. Продукт теперь понижается до прежней своей стоимости или даже падает ниже ее. Но в земледелии этот *добавочный продукт* выбрасывается на рынок не по прежней цене и не по более низкой цене. *Он стоит больше*, и этим вызывается здесь постоянное повышение рыночных цен, а вместе с тем и повышение ренты. Как объяснить это, если не тем обстоятельством, что приходится прибегать ко все менее плодородным сортам почвы, что требуется все большая затрата труда для производства того же продукта, что производительность земледелия падает во все возрастающей степени? Почему — оставляя в стороне влияние обесценения денег — в Англии с 1797 по 1815 г. вместе с быстрым ростом населения повышались цены на сельскохозяйственные продукты? Ничего не доказывает тот факт, что они затем снова упали. Ничего не доказывает и то обстоя-

тельство, что был отрезан подвоз с заграничных рынков. Как раз наоборот. Это лишь создало *надлежащие* условия для того, чтобы закон земельной ренты мог обнаружиться *в своем чистом виде*. Ибо как раз отрезанность от заграницы вынуждала прибегать внутри страны к обработке *все менее плодородной почвы*. Нельзя объяснять это *абсолютным увеличением* ренты, ибо возросла не только общая сумма ренты, но и норма ренты. Поднялась цена квартера пшеницы и т. д. Нельзя также объяснять это и *обесценением денег*, ибо такое обесценение могло бы лишь объяснить, почему — при высокой степени развития производительности в промышленности — промышленные продукты упали в цене и, значит, относительно поднялись в цене земледельческие продукты. Обесценение денег не могло бы объяснить, почему цены земледельческих продуктов все время абсолютно повышались *помимо* этого *относительного повышения*.

Столь же мало можно считать это *следствием* падения нормы прибыли. Падение нормы прибыли *никогда* не могло бы объяснить изменение в *ценах*, а только *изменение* в распределении стоимости или *цены* между лендлордом, промышленником и рабочим.

Что касается *обесценения денег*, то предположим, что прежний 1 ф. ст. теперь равен 2 ф. ст. Квартер пшеницы, стоивший раньше 2 ф. ст., теперь стоит 4 ф. ст. Допустим, что промышленный продукт подешевел в 10 раз, что раньше его стоимость выражалась в 20 шилл., а теперь — в 2 шилл. Но теперь эти 2 шилл. равны 4 шилл. Обесценение денег — точно так же как и неурожай — могло бы, конечно, оказать здесь свое влияние.

[507] Но, оставляя все это в стороне, можно принять, что при *тогдашнем состоянии земледелия* (в отношении пшеницы) была введена в обработку *неплодородная* земля. Впоследствии эта же земля стала плодородной, так как дифференциальные ренты — по своей норме — понизились, как показывает лучший барометр — *цены пшеницы*.

Из самых высоких цен 1800 и 1801 гг. и 1811 и 1812 гг. первые приходятся на неурожайные годы, вторые — на годы максимального обесценения денег. Точно так же 1817 и 1818 гг. были годами обесценения денег. Но если исключить эти годы, то, надо думать (посмотреть после), останется средняя за тот или другой период цена.

При сравнении цен пшеницы и т. д. в различные периоды необходимо вместе с тем сопоставлять *произведенные массы* продукта с ценой за один квартал, ибо именно этим путем обнаруживается то влияние, которое оказывает на цены добавочное количество произведенного хлеба.

Среднегодовые цены на пшеницу

I

	Среднегодовая цена	Высшая цена	Низшая цена
1641—1649.....	60 ш. $5\frac{2}{3}$ п.	75 ш. 6 п. (1645)	42 ш. 8 п. (1646)
1650—1659.....	45 ш. $8\frac{9}{10}$ п.	68 ш. 1 п. (1650)	23 ш. 1 п. (1651)
1660—1669.....	44 ш. 9 п.	65 ш. 9 п. (1662)	32 ш. 0 п. (1666 и 1667)
1670—1679.....	44 ш. $8\frac{9}{10}$ п.	61 ш. 0 п. (1674)	33 ш. 0 п. (1676)
1680—1689.....	35 ш. $7\frac{8}{10}$ п.	41 ш. 5 п. (1681)	22 ш. 4 п. (1687)
1690—1699.....	50 ш. $4\frac{4}{10}$ п.	63 ш. 1 п. (1695)	30 ш. 2 п. (1691)

Таким образом, за 50 лет с 1650 по 1699 г. среднегодовая цена составляет 44 шилл. $2\frac{1}{5}$ пенса.

В течение периода (9 лет) с 1641 по 1649 г. высшая среднегодовая цена — 75 шилл. 6 пенсов — приходится на год революции — 1645 г., затем 71 шилл. 1 пенс — на 1649 г., 65 шилл. 5 пенсов — на 1647 г., а низшая цена — 42 шилл. 8 пенсов — на 1646 год.

II

	Среднегодовая цена	Высшая цена (за каждый десятилетний период)	Низшая цена
1700—1709.....	35 ш. $1\frac{1}{10}$ п.	69 ш. 9 п. (1709)	25 ш. 4 п. (1707)
1710—1719.....	43 ш. $6\frac{7}{10}$ п.	69 ш. 4 п. (1710)	31 ш. 1 п. (1719)
1720—1729.....	37 ш. $3\frac{7}{10}$ п.	48 ш. 5 п. (1728)	30 ш. 10 п. (1723)
1730—1739.....	31 ш. $5\frac{5}{10}$ п.	58 ш. 2 п. (1735)	23 ш. 8 п. (1732)
1740—1749.....	31 ш. $7\frac{9}{10}$ п.	45 ш. 1 п. (1740)	22 ш. 1 п. (1743 и 1744)

Среднегодовая цена за 50 лет с 1700 по 1749 г. — 35 шилл. $9\frac{29}{53}$ пенса.

[508]

III

	Среднегодовая цена	Высшая цена (за каждый десятилетний период)	Низшая цена
1750—1759.....	36 ш. $4\frac{5}{10}$ п.	53 ш. 4 п. (1757)	28 ш. 10 п. (1750)
1760—1769.....	40 ш. $4\frac{9}{10}$ п.	53 ш. 9 п. (1768)	26 ш. 9 п. (1761)
1770—1779.....	45 ш. $3\frac{3}{10}$ п.	52 ш. 8 п. (1774)	33 ш. 8 п. (1779)
1780—1789.....	46 ш. $9\frac{3}{10}$ п.	52 ш. 8 п. (1783)	35 ш. 8 п. (1780)
1790—1799.....	57 ш. $6\frac{5}{10}$ п.	78 ш. 7 п. (1796)	43 ш. 0 п. (1792)

Среднегодовая цена за 50 лет с 1750 по 1799 г. — 45 шилл. $3\frac{13}{53}$ пенса.

IV

	Среднегодовая цена	Высшая цена (за каждый десятилетний период)	Низшая цена
1800—1809.....	84 ш. 8 ⁵ / ₁₀ п.	119 ш. 6 п. (1801) 113 ш. 10 п. (1800)	58 ш. 10 п. (1803)
1810—1819.....	91 ш. 4 ⁸ / ₁₀ п.	126 ш. 6 п. (1812) 109 ш. 9 п. (1813) 106 ш. 5 п. (1810)	65 ш. 7 п. (1815) 74 ш. 4 п. (1814) 74 ш. 6 п. (1819)
1820—1829.....	58 ш. 9 ⁷ / ₁₀ п.	68 ш. 6 п. (1825)	44 ш. 7 п. (1822)
1830—1839.....	56 ш. 8 ⁵ / ₁₀ п.	66 ш. 4 п. (1831)	39 ш. 4 п. (1835)
1840—1849.....	55 ш. 11 ⁴ / ₁₀ п.	69 ш. 5 п. (1847)	44 ш. 6 п. (1849)
1850—1859.....	53 ш. 4 ⁷ / ₁₀ п.	74 ш. 9 п. (1855)	40 ш. 4 п. (1850)

Среднегодовая цена за 50 лет с 1800 по 1849 г. — 69 шилл. 6⁹/₅₀ пенса.

Среднегодовая цена за 60 лет с 1800 по 1859 г. — 66 шилл. 9¹⁴/₁₅ пенса.

Итак, мы имеем следующие среднегодовые цены:

Период	шилл.	пенсы
1641—1649.....	60	5 ² / ₃
1650—1699.....	44	2 ¹ / ₅
1700—1749.....	35	9 ²⁹ / ₅₀
1750—1799.....	45	3 ¹³ / ₅₀
1800—1849.....	69	6 ⁹ / ₅₀
1850—1859.....	53	4 ⁷ / ₁₀

* * *

Даже Уэст говорит:

«При улучшенном состоянии земледелия можно на земле второстепенного или третьестепенного качества вести производство со столь же небольшими издержками, как на земле самого лучшего качества при старой системе» (*Sir Edw. West. Price of Corn and Wages of Labour. London, 1826, стр. 98*).

7) ДОГАДКА ГОПКИНСА О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ АБСОЛЮТНОЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТОЙ; ОБЪЯСНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ НА ЗЕМЛЮ

Гопкинс правильно улавливает различие между абсолютной и дифференциальной рентой:

«Принцип конкуренции делает невозможным существование в одной п той же стране двух норм прибыли; но этим определяются относительные земельные ренты, однако же не общая средняя рента» (*Th. Hopkins. On Rent of Land, and its Influence on Subsistence and Population. London, 1828, стр. 30*).

[508а] *Гопкинс* проводит следующее различие между производительным и непроизводительным трудом, или, как он выражается, между трудом первичным и вторичным:

«Если бы *все* работники использовались в таких же целях, в каких используются гранильщики алмазов и оперные певцы, то в скором времени исчезло бы необходимое для их существования *богатство*, потому что *ни одна часть произведенного богатства не становилась бы капиталом*. Если бы значительная часть рабочих была занята подобного рода трудом, то заработная плата стояла бы на низком уровне, ибо лишь сравнительно небольшая часть произведенного была бы использована в качестве капитала; но если бы подобного рода трудом были заняты лишь немногие работники и, стало быть, почти все были бы пахарями, сапожниками, ткачами и т. д., то капитала было бы произведено много, и заработная плата *могла бы быть* соответственно высокой» (там же, стр. 84—85). «В один ряд с гранильщиком алмазов и певцом надо поставить всех тех, кто работает на лендлордов или на рантье и кто получает часть их дохода в виде заработной платы, т. е. всех тех, чьи работы *сводятся* всего лишь к производству таких вещей, которые доставляют удовольствие лендлордам и рантье; в обмен на свой труд эти работники и получают часть ренты лендлорда или часть дохода рантье. Все они — производительные работники, но весь их труд направлен на то, чтобы превращать богатство, существующее в форме земельной ренты и дохода с денежного капитала, в какую-нибудь другую форму, которая больше будет удовлетворять лендлорда и рантье; эти работники являются поэтому *вторичными* производителями. Все другие работники — *первичные* производители» (там же, стр. 85).

Алмаз и пение — оба они рассматриваются здесь как овеществленный труд — могут быть, как и все товары, превращены в *деньги*, а в качестве денег — в капитал. Но при этом превращении денег в капитал нужно различать две вещи. Все товары могут быть превращены в деньги, а в качестве денег — в капитал потому, что в принимаемой ими *денежной* форме погашены их потребительная стоимость и особая натуральная форма этой последней. Они — овеществленный труд в той общественной форме, в которой этот самый труд может быть обменян на любой реальный труд, может, следовательно, быть превращен в любую форму реального труда. Напротив, могут ли товары, продукты труда, снова в качестве именно этих продуктов войти в производительный капитал как его элементы, — это зависит от того, позволяет ли данным товарам природа их потребительных стоимостей снова войти в процесс производства — в качестве ли объективных условий труда (орудие производства и материал) или же в качестве субъективных условий труда (жизненные средства для рабочих), — стало быть, в качестве элементов постоянного капитала или переменного капитала.

«В Ирландии, по умеренному подсчету, согласно переписи 1821 г., весь чистый продукт, достигающийся лендлордам, государству и получателям десятины, составляет 20³/₄ млн. ф. ст., а вся заработная плата — лишь 14 114 000 ф. ст.» (*Гопкинс*, там же, стр. 94).

509

Wien. die 2. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 1. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 2. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 3. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 4. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 5. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 6. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 7. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 8. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 9. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)
 10. Hälfte des 17. Jhdts. ist die 2. Hälfte des 16. Jhdts. (16. Jhdts.)

I		Average calculation.		Average calculation.	
1641 - 49.	34. 60	1650 - 59.	44. 10	1660 - 69.	44. 10
1650 - 59.	44. 10	1670 - 79.	44. 10	1680 - 89.	35. 10
1660 - 69.	44. 10	1690 - 99.	50. 10		
1670 - 79.	44. 10				
1680 - 89.	35. 10				
1690 - 99.	50. 10				

II		Average calculation.		Average calculation.	
1700 - 1709.	35. 10	1710 - 1719.	44. 10	1720 - 1729.	44. 10
1710 - 1719.	44. 10	1730 - 1739.	34. 10	1740 - 1749.	30. 10
1720 - 1729.	37. 10				
1730 - 1739.	34. 10				
1740 - 1749.	30. 10				

III

(verla)

«Земледельцы в Италии платят в общем половину, и даже более чем половину, продукта в качестве ренты земельному собственнику, и это — при невысокой культуре земледелия и при крайней незначительности их основного капитала. Большая часть населения состоит из вторичных производителей и земельных собственников, а первичные производители, как правило, представляют собой бедный и униженный класс» (стр. 101—102).

«То же самое имело место во Франции при Людовике XIV [и при его преемниках Людовике XV и Людовике XVI]. Согласно [Артуру] Юнгу, ренты, десятины и налоги выражались в сумме 140 905 304 ф. ст. При этом земледелие находилось в жалком состоянии. Население Франции составляло тогда 26 363 074 человека. Если бы трудовое население насчитывало даже шесть миллионов семей, — что явно преувеличено, — то и тогда каждая трудовая семья ежегодно, прямо или косвенно, должна была бы доставлять в среднем около 23 ф. ст. чистого богатства земельным собственникам, церкви и правительству. По данным Юнга, — если принять в расчет еще всякие другие соображения, — на трудовую семью приходится ежегодно 42 ф. ст. 10 шилл. продукта, причем 23 ф. ст. из этой суммы она отдает другим лицам, а 19 ф. ст. 10 шилл. остаются у нее самой для поддержания ее собственного существования» (там же, стр. 102—104).

Зависимость народонаселения от капитала:

«Ошибку г-на Мальтуса и его последователей надо искать в предположении, что уменьшение рабочего населения *не повлечет за собой соответствующего уменьшения капитала*» (там же, стр. 118). «Г-н Мальтус забывает, что спрос [на рабочих] лимитируется количеством *тех средств, которые служат заработной платой*, и что эти средства не возникают сами собой, а всегда *предварительно создаются трудом*» (там же, стр. 122).

Это — правильный взгляд на *накопление капитала*. Но [Гопкинс не видит, что] создаваемые трудом средства могут увеличиться, — а значит, может увеличиться количество прибавочного продукта или прибавочного труда, — без того, чтобы масса применяемого труда увеличилась в равной мере.

«Странной представляется эта сильная склонность изображать *чистое богатство* как нечто *благотворное* для рабочего класса, ибо оно дает-де *работу*. Между тем, совершенно очевидно, [509] что оно может давать работу не потому, что оно *чистое*, а потому, что оно — *богатство*, т. е. нечто такое, *что было создано трудом*. А, с другой стороны, в то же самое время добавочное количество рабочего населения изображается как *вредное* для рабочего класса, хотя эти рабочие производят в три раза больше того, что они потребляют» (там же, стр. 126).

«Если бы путем применения лучших машин вся первичная продукция могла быть увеличена с 200 до 250 или 300, тогда как на долю *чистого богатства* и прибыли по-прежнему приходилось бы только 140, то ясно, что в качестве фонда заработной платы для первичных производителей осталось бы 110 или 160, вместо 60» (там же, стр. 128).

«Положение рабочих *ухудшается* либо вследствие того, что их производительной силе наносится урон, либо вследствие того, что у них отбирают то, что они произвели» (стр. 129).

«Нет, говорит г-н Мальтус, отнюдь не *тяжестью вашего бремени* объясняется ваша нищета, а происходит она исключительно из того обстоятельства, что имеется *слишком много лиц, несущих* это бремя» (там же, стр. 134).

«Первоначальные материалы [земля, вода, минералы] не включены в тот общий принцип, что меновую стоимость всех товаров определяют издержки производства; однако притязание собственников этих материалов на продукт [получаемый в результате пользования этими первоначальными материалами] приводит к тому, что в стоимость входит *земельная рента*» (*Th. Hopkins. Economical Enquiries relative to the Laws which Regulate Rent, Profit, Wages, and the Value of Money. London, 1822, стр. 11*).

«*Земельная рента*, или налог за пользование [землей], естественно происходит из собственности [на землю], или из установления *п р а в а ч а с т н о й с о б с т в е н н о с т и*» (там же, стр. 13).

«Ренту может приносить все то, что обладает следующими свойствами: во-первых, редкостью в той или иной степени; во-вторых, способностью содействовать труду в великом деле производства» (там же, стр. 14). «Не следует, конечно, предполагать тот случай, когда земля имеется в таком изобилии *сравнительно с тем трудом и тем капиталом, которые могли бы быть приложены к ней* {изобилие или редкость земли, разумеется, *относительны*, они определяются по отношению к тому количеству труда и капитала, которым можно располагать}, «что было бы невозможно вводить налог в виде *земельной ренты* — из-за того, что земля не была бы редкостью» (стр. 21).

«В некоторых странах земельный собственник может выжимать 50%, а в других не может выжать и 10%. В плодородных местностях Востока человек может жить на $\frac{1}{3}$ продукта своего труда, приложенного к земле; напротив, в некоторых районах Швейцарии и Норвегии взимание 10% могло бы обезлюдить страну... Мы не видим никаких других *естественных* границ для ренты, которую можно было бы выжать, кроме ограниченных возможностей плательщиков» (стр. 31) и «кроме конкуренции худшей почвы с лучшей, — там, где имеется земля худшего качества» (стр. 33—34).

«В Англии много пустующей земли, естественное плодородие которой такое же, каким обладала значительная часть *обрабатываемой теперь земли, прежде чем она была введена в обработку*; и тем не менее издержки, необходимые для превращения такой пустующей земли в обработанную, настолько велики, что она не сможет оплачивать обычные проценты на деньги, затраченные на улучшение земли, а на уплату ренты за естественное плодородие почвы уже вообще ничего не останется. И это — несмотря на все преимущества немедленного применения такого труда, который пользуется помощью искусно применяемого капитала и обеспечивается дешевыми промышленными товарами, и несмотря на наличие вдобавок хороших дорог, проходящих поблизости, и т. д. Современных земельных собственников можно рассматривать как *владельцев всего накопленного труда, который в течение столетий затрачивался для того, чтобы довести землю до современного состояния ее производительности*» (там же, стр. 35).

Последнее обстоятельство имеет очень важное значение для *земельной ренты* — особенно тогда, когда население внезапно получает значительный прирост, как это имело место в 1780—1815 гг. вследствие развития промышленности, и когда в результате этого *внезапно* вводится в обработку большое количество ранее не возделывавшихся земель. Вновь обрабатываемая земля может быть столь же плодородной, как старая, и даже более плодородной, чем была эта последняя *до тех пор, пока* в ней не накопилась *культура столетий*. Но что требуется от новой

земли — для того чтобы она продавала свой продукт по цене *не более дорогой*, — так это то, чтобы ее плодородие равнялось сумме, *во-первых*, естественного плодородия обработанной [510] почвы и, *во-вторых*, ее *искусственного*, созданного культурой, но теперь *ставшего естественным, плодородия*. Таким образом, вновь обрабатываемая почва должна быть гораздо плодороднее, чем была старая почва *до* ее обработки.

Но могут сказать:

Плодородие обработанной почвы зависит в первую очередь от ее естественного плодородия. Стало быть, от естественных свойств вновь обрабатываемой почвы зависит, обладает ли она, или нет, этим плодородием, проистекающим из природы и обусловленным природными факторами. В обоих случаях плодородие это ничего не стоит. Другая же часть плодородия обработанной земли есть искусственный продукт, обязанный своим существованием культуре, вложению капитала. Но эта часть производительности стоила издержек производства; последние оплачиваются в виде процента на вложенный в землю основной капитал. Эта часть земельной ренты есть просто процент на присоединенный к земле основной капитал. Она поэтому входит в издержки производства продукта давно уже введенной в обработку земли. Следовательно, надо только вложить такой же капитал во вновь обрабатываемую землю, и она тоже приобретет эту вторую часть плодородия; подобно тому как это имеет место в отношении давно уже введенной в обработку земли, проценты на капитал, затраченный на создание этого плодородия, войдут в цену продукта. Почему же в таком случае новая земля, — не будучи гораздо более плодородной, — не могла бы быть введена в обработку без повышения цены продукта? Если естественное плодородие одинаково, то разница обуславливается лишь вложением капитала, и процент на этот капитал в обоих случаях в равной мере входит в издержки производства.

Это рассуждение, однако, ошибочно. Часть *издержек* по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли и т. д. в дальнейшем не оплачивается по той причине, что созданное таким путем плодородие, как это заметил уже *Рикардо*, частично срослось с *природными качествами* земли (например, издержки по выкорчевыванию пней, по мелиорации, осушению, планировке, химическому изменению состава почвы в результате многократно повторенных химических процессов и т. д.). Таким образом, — для того чтобы быть в состоянии продавать свой продукт по той же цене, что и последняя из уже введенных в обработку почв, — вновь обрабатываемая почва должна быть достаточно плодородна, чтобы эта *цена*

покрывала для нее ту часть издержек по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли, которая входит в издержки производства у вновь обрабатываемой почвы, но которая перестала уже входить в *издержки* у ранее освоенной почвы и срослась здесь с естественным плодородием почвы.

«Выгодно расположенный *водопад* дает нам пример такой ренты, которая уплачивается за обращенный в частную собственность дар природы, обладающий таким исключительным свойством, какое только можно себе представить. Это хорошо понимают в промышленных районах, где значительные ренты выплачиваются за небольшие водопады — особенно, если высота падения воды велика. Сила, получаемая от таких водопадов, равна силе, даваемой большими паровыми машинами; поэтому пользоваться этими водопадами, даже при условии уплаты большой ренты, столь же выгодно, как и затрачивать большие суммы на сооружение и эксплуатацию паровых машин. Среди водопадов одни — больше, другие — меньше. Близость к местонахождению промышленных предприятий также является преимуществом, доставляющим более высокую ренту. В графствах Йорк и Ланкастер между рентой, уплачиваемой за самый маленький водопад, и рентой, уплачиваемой за самый большой водопад, существует, по-видимому, гораздо большая разница, чем та, какая существует между рентой за 50 акров наименее плодородной земли и рентой за 50 акров наиболее плодородной земли, используемой как обычная пашня» (Гопкинс, там же, стр. 37—38).

(8) ИЗДЕРЖКИ ПО РАСЧИСТКЕ ПОД ПАШНЮ НЕ ПОДВЕРГАВШЕЙСЯ ОБРАБОТКЕ ЗЕМЛИ. ПЕРИОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕН НА ХЛЕБ И ПЕРИОДЫ ИХ Понижения (1641—1859 гг.)]

Если мы сравним приведенные выше среднегодовые цены на хлеб * и исключим то, что обусловлено, во-первых, обесценением денег (1809—1813 гг.) и, во-вторых, особенно неурожайными годами — как, например, годы 1800 и 1801, — мы увидим, какое важное значение имеет то обстоятельство, *сколько новой земли* было введено в обработку в данный момент или в течение данного периода. Повышение цены на обработанных землях указывает здесь на *рост населения* и, вследствие этого, на избыток цены хлеба [над стоимостью]; с другой стороны, это же самое увеличение спроса вызывает введение в обработку новой земли. Если масса обрабатываемой земли *относительно* очень увеличилась, то повышающаяся цена, *более высокая цена* по сравнению с предшествующим периодом, доказывает только то, что значительная часть *издержек по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли* входит в цену добавочного количества произведенных предметов питания. Если бы цена хлеба не поднялась, то увеличение производства не имело бы места. Резуль-

* См. настоящее издание, часть II, стр. 142—143. Ред.

тат этого увеличения, падение цены, может проявиться лишь впоследствии, так как в цену предметов питания, произведенных недавно вложенными капиталами, входит такой элемент издержек производства или цены, который в прежних вложениях капитала в землю и на прежних частях обрабатываемой почвы давно уже погашен. Разность была бы даже еще большей, если бы издержки по введению в обработку новой почвы, вследствие повышения производительности труда, не упали бы в значительной степени по сравнению с тем, какими они были в прежние времена.

[511] Преобразование новой земли, будет ли она более плодородной, чем старая, одинаково плодородной или менее плодородной, приведение ее в такое состояние (а это состояние определяется общей, господствующей на возделываемой уже земле, нормой освоения для земледельческой культуры), которое *делает ее пригодной* для приложения капитала и труда при *тех же условиях*, при каких капитал и труд прилагаются в среднем на уже находящейся под обработкой земле, — это освоение должно быть оплачено издержками по превращению не подвергавшейся обработке земли в возделанную землю. Эта разность в издержках производства должна быть покрыта вновь введенной в обработку землей. Если указанная разность не входит в цену продукта вновь введенной в обработку земли, то возможны лишь два случая осуществления этого результата. *Либо* продукт вновь введенной в обработку земли не продается *по его действительной стоимости*. Его цена стоит ниже его стоимости, что действительно происходит с большей частью земли, не приносящей ренты, так как цена ее продукта определяется не *его собственной стоимостью*, а стоимостью того продукта, который произведен на более плодородной почве. *Либо* вновь введенная в обработку земля должна быть *настолько плодородной*, что ее продукт при продаже его по его собственной, имманентной ему стоимости, в соответствии с овеществленным в нем количеством труда, продавался бы по более низкой цене, чем продукт уже ранее обрабатывавшейся земли.

Если бы разность между *рыночной ценой*, регулируемой стоимостью продукта давно уже обрабатывавшейся почвы, и *внутренней стоимостью* продукта вновь введенной в обработку почвы *была равна, например, 5%* и если бы, с другой стороны, размер *процента*, входящего в издержки производства этого продукта и исчисляемого на капитал, затраченный для поднятия новой почвы на ту же ступень производительной способности, какая является обычной для старой почвы, тоже равнялся 5%, — то вновь возделанная земля давала бы продукт, который

мог бы при прежней рыночной цене оплачивать обычные заработные платы, прибыли и земельные ренты. Если бы на затраченный капитал приходилось уплачивать только 4%, тогда как плодородие новой земли превосходило бы плодородие старой больше чем на 4%, то рыночная цена, — после вычета из нее того, что по четырехпроцентной ставке причитается капиталу, затраченному для приведения новой земли в «пригодное для обработки» состояние, — давала бы избыток, или же продукт мог бы продаваться ниже *рыночной цены, регулируемой с т о и м о с т ь ю* продукта наименее плодородной почвы. Вследствие этого вместе с рыночной ценой продукта понизились бы и все ренты.

Абсолютная рента есть избыток *стоимости* над *средней ценой* сырого продукта. *Дифференциальная рента* есть избыток *рыночной цены* продукта, произведенного на более плодородной почве, над *стоимостью* собственного продукта этой более плодородной почвы.

Поэтому, если в известный промежуток времени относительно значительная часть добавочных предметов питания, которых требует увеличивающееся население, производится на почве, впервые введенной в обработку, и одновременно с этим повышается или же остается неизменной *цена сырого продукта*, то это еще не доказывает, что плодородие почвы в стране уменьшилось. Это доказывает только, что плодородие увеличилось не в такой степени, чтобы покрыть новый элемент издержек производства, заключающийся в процентах на капитал, затраченный на то, чтобы поднять неводеланную землю до уровня обычных условий производства, при которых на данной стадии развития обрабатываются старые земли.

Таким образом, даже *неизменная или повышающаяся цена*, — если относительное количество вновь обрабатываемой почвы различно в различные периоды, — не доказывает, что новая почва неплодородна или что она дает *меньше продукта*, а доказывает лишь то, что в стоимость ее продуктов входит такой элемент издержек, который уже погашен на ранее освоенных почвах, и что этот новый элемент издержек остается в силе, хотя при новых условиях производства издержки по расчистке под пашню не подвергавшейся обработке земли значительно понизились сравнительно с теми издержками, которые были необходимы для того, чтобы привести старую почву из *первоначального, естественного* состояния плодородия в ее теперешнее состояние. Надо было бы, следовательно, [512] установить *относительную долю* огораживаний [общинной земли и ее расчистки под пашню] в различные периоды⁵¹.

Вообще же приведенная выше таблица (стр. 507—508) показывает нам следующее:

Если рассматривать *десятилетние периоды*, то оказывается, что *период 1641—1649 гг.* стоит выше, чем какой-либо другой десятилетний период до 1860 г., за исключением десятилетних периодов 1800—1809 и 1810—1819 годов.

Если рассматривать *пятидесятилетние периоды*, то оказывается, что период 1650—1699 гг. стоит выше, чем период 1700—1749 гг., а период 1750—1799 гг. стоит выше периода 1700—1749 гг. и ниже периода 1800—1849 гг. (или 1800—1859 гг.).

Падение цен происходит регулярно в период 1810—1859 гг., тогда как в период 1750—1799 гг., хотя средняя цена этого пятидесятилетия ниже, имеет место движение по восходящей линии; оно является столь же регулярно повышающимся, как движение за 1810—1859 гг. — понижающимся.

Действительно, по сравнению с периодом 1641—1649 гг. происходит в общем непрекращающееся понижение средних за десятилетие цен, пока это понижение в два последних десятилетия первой половины XVIII века не достигает своего *предельного пункта (самого низкого пункта)*.

С *середины XVIII века* происходит повышение, начинающееся с такой цены (36 шилл. $4\frac{5}{10}$ пенса в 1750—1759 гг.), которая ниже средней цены за вторую половину XVII века и приблизительно соответствует, с некоторым превышением, средней цене периода 1700—1749 гг. — 35 шилл. $9\frac{29}{50}$ пенса (цене *первой* половины XVIII века). Это движение по восходящей линии продолжается неуклонно и в течение двух десятилетних периодов 1800—1809 и 1810—1819 годов. В последний из этих периодов оно достигает своего наивысшего пункта. С этого времени снова происходит регулярное движение по нисходящей линии. Если мы возьмем среднюю за период повышения 1750—1819 гг., то его средняя цена (несколько больше 57 шилл. за квартал) [приблизительно] равна исходному пункту периода понижения, который начинается с 1820 г. (а именно, несколько больше 58 шилл. для десятилетнего периода 1820—1829 гг.), — совершенно так же, как исходный пункт для второй половины XVIII века [приблизительно] равен средней цене его первой половины.

Какое сильное влияние на среднюю цифру могут оказывать отдельные обстоятельства — неурожай, обесценение денег и т. д., — показывает любой арифметический пример. Так, например, $30 + 20 + 5 + 5 + 5 = 65$, среднее = 13, хотя здесь все три последних числа — всего лишь пятерки. Напротив, $12 + 11 + 10 + 9 + 8 [= 50]$, среднее = 10, хотя, если

в первом ряду вычеркнуть составляющие исключение числа 30 и 20, среднее любых трех годов во втором ряду было бы выше.

Если вычесть дифференциальные издержки на оплату капитала, последовательно применявшегося для расчистки под пашню новых земель и входящего в течение известного периода, как особая статья, в издержки производства, то цены 1820—1859 гг., быть может, окажутся ниже, чем все прежние. И это отчасти, надо думать, как-то носилось перед глазами тех болванов, которые объясняют ренту процентом на вложенный в землю основной капитал.

**[9) АНДЕРСОН ПРОТИВ МАЛЬТУСА. ЗЕМЕЛЬНАЯ
РЕНТА В ПОНИМАНИИ АНДЕРСОНА. ПОЛОЖЕНИЕ АНДЕРСОНА
О ПОВЫШАЮЩЕЙСЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНУЮ РЕНТУ]**

Андерсон говорит в «A Calm Investigation of the Circumstances that have led to the Present Scarcity of Grain in Britain» (London, 1801):

«С 1700 по 1750 г. мы имеем постоянное понижение цен за квартал пшеницы с 2 ф. ст. 18 шилл. 1 пенс до 1 ф. ст. 12 шилл. 6 пенсов; с 1750 по 1800 г. — постоянное повышение цен с 1 ф. ст. 12 шилл. 6 пенсов до 5 ф. ст. 10 шилл. за квартал» (стр. 11).

Следовательно, Андерсон, в отличие от Уэста, Мальтуса, Рикардо, имел перед своими глазами не одностороннее явление повышающейся шкалы цен на хлеб (за 1750—1813 гг.), а, напротив, двойное явление: целое столетие, первая половина которого демонстрирует постоянно понижающуюся, а вторая — постоянно повышающуюся шкалу хлебных цен. При этом Андерсон в категорической форме замечает:

«Население одинаково возрастало как в первой, так и во второй половине XVIII столетия» (там же, стр. 12).

Андерсон — решительный враг теории народонаселения⁵², и он со всей определенностью подчеркивает возрастающую и всегдашнюю способность земли к улучшению:

«Землю можно *все более улучшать* при помощи химических воздействий и обработки» (там же, стр. 38)⁵³.

[513] «При рациональной системе хозяйства производительность почвы может повышаться из года в год в течение неограниченного периода времени, пока, наконец, она не достигнет такой высоты, о которой мы сейчас едва можем составить себе представление» (стр. 35—36).

«С уверенностью можно сказать, что нынешнее народонаселение так незначительно по сравнению с тем, какое мог бы прокормить этот остров, что очень еще далеко до того, чтобы оно могло вызвать хотя бы сколь-нибудь серьезные опасения» (стр. 37).

«Везде, где увеличивается народонаселение, вместе с ним испременно увеличивается и производство страны, *если только люди не позволяют каким-нибудь моральным влияниям расстраивать экономику природы*» (стр. 41).

«Теория народонаселения» представляет собой «опаснейший предрассудок» (стр. 54). Андерсон стремится доказать при помощи исторических примеров, что «производительность земледелия» повышается с возрастанием народонаселения и понижается с его уменьшением (стр. 55, 56, 60, 61 и следующие).

При правильном понимании *ренты* прежде всего должна была, естественно, возникнуть та мысль, что рента проистекает не из почвы, а из *продукта земледелия*, т. е. из труда, из *цены продукта труда*, например пшеницы, — из *стоимости* земледельческого продукта, из вложенного в землю труда, а не из самой земли, — и это правильно подчеркивает Андерсон:

«Не рента, получаемая с земли, определяет цену ее продукта, а цена этого продукта определяет земельную ренту, хотя цена этого продукта часто бывает выше всего в тех странах, где земельная рента стоит на самом низком уровне».

{Стало быть, рента не имеет никакого отношения к *абсолютной* производительности земледелия.}

«Это кажется парадоксом, требующим объяснения.

В каждой стране существуют различные сорта почвы, которые по степени своего плодородия значительно отличаются друг от друга. Мы их разделим на различные разряды, которые обозначим буквами *A, B, C, D, E, F* и т. д. Разряд *A* охватывает почвы с наибольшим плодородием, а все последующие буквы обозначают различные разряды почвы, каждый из которых тем ниже по своему плодородию, чем дальше он отстоит от первого разряда. А так как *издержки по обработке наименее плодородной почвы столь же велики, как и издержки по обработке наиболее плодородной почвы, или даже превышают их*, то отсюда с необходимостью следует, что *если одно и то же количество хлеба, все равно, с какого поля оно ни получается, может продаваться по одной и той же цене*, — то прибыль от возделывания самой плодородной почвы должна быть гораздо выше, чем прибыль от возделывания других почв»

{речь идет об избытке цены [продукта] над издержками, или над ценой авансированного капитала},

«и так как эта прибыль продолжает уменьшаться по мере уменьшения плодородия, то в конце концов должно получиться так, что в некоторых низших разрядах почвы *издержки по возделыванию земли сравняются со стоимостью всего продукта*» (стр. 45—48).

Последняя почва не платит никакой ренты (цитата приведена по книге Мак-Куллоха «The Literature of Political Economy», London, 1845, — Мак-Куллох здесь цитирует из «An Inquiry

into the Nature of the Corn Laws» или из «Recreations in Agriculture, Natural-History, Arts» etc., London, 1799—1802. Проверить это в Британском музее ⁵⁴).

То, что Андерсон называет здесь «*стоимостью*» всего продукта», есть в его представлении, очевидно, не что иное, как *рыночная цена*, по которой продается продукт, произрастает ли он на лучшей почве или на худшей. Эта «цена» (стоимость) дает для более плодородных сортов почвы больший или меньший избыток над издержками. Последний продукт не дает такого избытка. Для этого продукта *средняя цена*, т. е. цена, определяемая издержками производства плюс средняя прибыль, совпадает с рыночной ценой продукта, — следовательно, здесь не существует никакой добавочной прибыли, которая, по мнению Андерсона, одна лишь и может образовать ренту. У Андерсона рента равна избытку *рыночной цены* продукта над его *средней ценой*. (Теория стоимости еще совершенно не беспокоит Андерсона.) Таким образом, если вследствие особого неплодородия почвы *средняя цена* продукта этой почвы совпадает с *рыночной ценой* продукта, то этот избыток отпадает, т. е. не оказывается фонда для образования ренты. Андерсон не говорит, что последняя введенная в обработку почва *не может приносить никакой ренты*. Он говорит только, что в том случае, когда затраты (издержки производства плюс средняя прибыль) настолько велики, что разность между рыночной ценой продукта и его средней ценой отпадает, то отпадает также и рента и что это неизбежно происходит, если все ниже спускаться по шкале. Андерсон прямо заявляет, что предпосылкой для такого образования ренты является определенная *одинаковая рыночная цена* для равных количеств продуктов, произведенных при неодинаково благоприятных условиях производства. Добавочная прибыль, или избыток прибыли, на лучших сортах почвы сравнительно с худшими, говорит он, необходимо имеет место, «если одно и то же количество хлеба, все равно, с какого поля оно ни получается, может продаваться по одной и той же цене», — если, следовательно, предполагается общая рыночная цена.

[514] Андерсон отнюдь не считает, — как это могло бы показаться по приведенному выше отрывку, — что различные *степени плодородия* являются просто продуктом природы. Напротив, по его мнению,

«бесконечное разнообразие почв» происходит отчасти от того, что «эти почвы из своего первоначального состояния были приведены в совершенно другое посредством различных способов обработки, которым они подвергались, посредством удобрений» и т. д. («An Inquiry into the Causes that have hitherto retarded the Advancement of Agriculture in Europe», Edinburgh, 1779, стр. 5).

С одной стороны, развитие производительности общественного труда делает более легкой расчистку под пашню новых земель; однако, с другой стороны, возделывание земли увеличивает различия между почвами, ибо вполне возможно, что возделанная почва *A* и неводеланная почва *B* первоначально обладали одинаковым плодородием, если мы из плодородия почвы *A* вычтем ту долю плодородия, которая для этой почвы теперь является, правда, естественной, но раньше была придана ей *искусственно*. Таким образом, само возделывание почвы увеличивает различие в естественном плодородии между возделанной и неводеланной землей.

Андерсон определенно заявляет, что та почва, для продукта которой средняя цена и рыночная цена совпадают, *не может платить никакой ренты*:

«Возьмем два поля, продуктивность которых приблизительно соответствует вышеприведенному примеру, а именно: с одного поля получается 12 бушелей, что покрывает издержки, а с другого — 20 бушелей; если они не требуют никаких *немедленных затрат на мелиорацию*, то за второе поле арендатор может уплачивать земельной ренты даже больше чем, например, 6 бушелей, тогда как за первое поле никакой ренты он платить не может. Если 12 бушелей хватает как раз лишь на то, чтобы покрыть издержки обработки, то за *обработанную* землю, дающую только 12 бушелей, никакой ренты уплачиваться не может» («Essays relating to Agriculture and Rural Affairs», Edinburgh and London, 1775—1796, том III, стр. 107—109).

Непосредственно вслед за этим он продолжает:

«Однако нельзя ожидать, что арендатор в том случае, когда большее количество продукта получилось *непосредственно благодаря* произведенной им затрате капитала и благодаря его усилиям, *сможет* уплачивать в качестве ренты приблизительно такую же *долю* продукта. Но если в течение определенного времени плодородие земли постоянно оставалось на том же высоком уровне, то арендатор будет готов платить ренту в указанном выше размере, хотя бы первоначально почва была обязана повышением своего плодородия его собственным усилиям» (там же, стр. 109—110).

Итак, пусть продукт наилучшей обработанной земли будет равен, например, 20 бушелям с акра; из них 12 бушелей, согласно предположению, оплачивают издержки (авансированный капитал плюс средняя прибыль). В таком случае 8 бушелей *могут* быть уплачены в качестве ренты. Предположим, что бушель стоит 5 шилл. Тогда 8 бушелей, или 1 кварталер, стоят 40 шилл., или 2 ф. ст., а 20 бушелей (2½ кварталера) — 5 ф. ст. Из этих 5 ф. ст. отходят, в качестве издержек, 12 бушелей, или 60 шилл., т. е. 3 ф. ст. Тогда на уплату ренты остаются 2 ф. ст., или 8 бушелей. Из 3 ф. ст., составляющих издержки, — при норме прибыли, равной 10%, — приходится на затраты 54⁶/₁₁ шилл., а на прибыль — 5⁵/₁₁ шилл. (54⁶/₁₁ : 5⁵/₁₁ = 100 : 10).

Предположим теперь, что арендатор должен произвести на необработанной земле, — плодородие которой равно *первоначальному* плодородию земли, приносящей 20 бушелей, — всякого рода улучшения, чтобы привести ее в такое состояние, которое соответствует среднему уровню земледельческой культуры. Пусть это стоит арендатору, кроме затрат в $54\frac{8}{11}$ шилл., — или, если мы в издержки включим также и прибыль, кроме 60 шилл., — еще дополнительной затраты в $36\frac{4}{11}$ шилл.; 10% на них составят $3\frac{7}{11}$ шилл., и только через 10 лет, если арендатор будет все время продавать 20 бушелей по 5 шилл. за бушель, он сможет начать платить ренту, — лишь после того как будет воспроизведен его капитал. С этого момента искусственно созданное плодородие почвы учитывалось бы как первоначальное, и его выгоды доставались бы лендлорду.

Хотя вновь обрабатываемая почва является столь же плодородной, какой первоначально была наилучшая из уже освоенных почв, все же для продукта вновь обрабатываемой почвы рыночная цена и средняя цена теперь совпадают, потому что в последнюю входит статья издержек, уже погашенная для наилучшей почвы, у которой искусственно созданное и естественное плодородие до известной степени совпадают. А у вновь обрабатываемой почвы та часть плодородия, которая создана искусственно, путем вложения капитала, еще совершенно отлична от естественного плодородия почвы. Вновь обрабатываемая почва, хотя бы она обладала таким же первоначальным плодородием, как и лучшая из уже освоенных почв, *не могла бы*, следовательно, платить *никакой ренты*. Однако спустя десять лет она могла бы не только вообще платить ренту, но даже платить столько же ренты, как и ранее *обработанный* наилучший разряд почвы.

Таким образом, Андерсон охватывает здесь своим взглядом оба явления:

1) что дифференциальная рента, получаемая лендлордом, является отчасти результатом того плодородия, которое арендатор искусственно придал почве;

2) что это искусственно созданное плодородие по истечении определенного промежутка времени начинает выступать как первоначальная производительность самой почвы, так как преобразовалась сама почва, а тот процесс, при помощи которого было осуществлено это преобразование, исчез, стал незаметным.

[515] Если я сегодня устраиваю бумагопрядильню и затрачиваю на это 100 000 ф. ст., то у меня будет более производительная прядильня, чем та, которая была устроена моим предшественником десять лет тому назад. Я не оплачиваю разность между производительностью, которая в настоящее время су-

ществует в машиностроении, в строительном деле вообще и т. д., и той производительностью, которая существовала десять лет тому назад. Напротив, эта разность позволяет мне заплатить *меньшую сумму* за фабрику с той же производительностью или лишь *ту же самую сумму* за фабрику с большей производительностью. Иначе обстоит дело в земледелии. Различие между первоначальными степенями плодородия почв увеличивается на ту часть так называемого естественного плодородия почвы, которая на самом деле когда-то была *создана* людьми, а теперь органически слилась с самой землей и уже не может быть отличена от ее первоначального плодородия. Для того чтобы поднять необработанную почву одинакового естественного плодородия до этого *повышенного* уровня плодородия, необходимы, вследствие развития производительной силы общественного труда, уже не те издержки, какие были необходимы для поднятия первоначального плодородия обработанной почвы на высоту ее нынешнего плодородия, кажущегося теперь первоначальным; но все же для достижения этого одинакового уровня необходимы также и теперь большие или меньшие издержки. Поэтому средняя цена нового продукта оказывается выше средней цены старого продукта, а разность между рыночной ценой и средней ценой уменьшается и может даже совсем исчезнуть. Но допустим, что в приведенном случае вновь обрабатываемая почва так плодородна, что после добавочной затраты в 40 шилл. (включая прибыль) она дает не 20, а 28 бушелей. В этом случае арендатор мог бы уплачивать ренту в размере 8 бушелей, или 2 ф. ст. Но почему? Потому, что вновь обрабатываемая почва дает на 8 бушелей больше, чем старая, так что она, несмотря на более высокую среднюю цену, дает, при одинаковой рыночной цене, такой же избыток выручки, как и старая почва. Плодородие вновь обрабатываемой почвы, если бы оно не стоило никаких дополнительных затрат, было бы вдвое больше, чем плодородие старой почвы⁵⁵. Принимая во внимание наличие дополнительных затрат, можно сказать, что плодородие новой почвы точно такое же, как плодородие старой.

[10] НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РОДБЕРТУСОВСКОЙ КРИТИКИ ТЕОРИИ РЕНТЫ РИКАРДО.

НЕПОНИМАНИЕ РОДБЕРТУСОМ ОСОБЕННОСТЕЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ]

Теперь окончательно и в последний раз вернемся к Родбертусу.

«Она» (теория ренты Родбертуса) «объясняет... все явления заработной платы, ренты и т. д. из *разделения продукта труда*, которое неизбежно

наступает, если даны два предварительных условия: достаточная производительность труда и собственность на землю и на капитал. Она доказывает, что только достаточная производительность труда обуславливает *экономическую возможность такого разделения*, так как благодаря этой производительности стоимость продукта приобретает столь большое реальное содержание, что на него могут жить еще и другие лица, которые сами не работают; она также доказывает, что только собственность на землю и на капитал обуславливает *правовую действительность такого разделения*, вынуждая рабочих *делить свой продукт* с неработающими владельцами земли и капитала в таком соотношении, что как раз они, рабочие, получают из этого продукта лишь столько, чтобы быть в состоянии прожить» (Родбертус, цит. соч., стр. 156—157) [Русский перевод, стр. 337—338].

А. Смит дает двойственную трактовку вопроса. [Первая трактовка:] *Разделение продукта труда*, причем этот продукт рассматривается как данный и речь идет по сути дела о *доле в потребительной стоимости*. Такого же взгляда придерживается и г-н Родбертус. Встречается этот взгляд также у Рикардо, и это тем более надо поставить ему в упрек, что он не ограничивается общей фразой об *определении стоимости рабочим временем*, а берет это определение всерьез. Указанный взгляд применим более или менее, *mutatis mutandis* *, ко всем тем способам производства, при которых работники и те, кто владеет объективными условиями труда, составляют различные классы.

Напротив, во второй своей трактовке Смит подмечает то, что характерно для капиталистического способа производства. Поэтому только она и является теоретически плодотворной формулой. А именно, здесь Смит рассматривает прибыль и ренту как *проистекающие из прибавочного труда*, присоединяемого рабочим к предмету труда сверх той части труда, которою рабочий лишь воспроизводит свою собственную заработную плату. Там, где производство покоится исключительно на меновой стоимости, эта точка зрения является единственно правильной. В ней заложена основа для понимания процесса развития, тогда как при первой трактовке *рабочее время* предполагается неизменным.

У Рикардо односторонность проистекает также из следующего: он вообще хочет доказать, что различные экономические категории или отношения *не противоречат теории стоимости*, вместо того чтобы, наоборот, проследить их *развитие*, со всеми их кажущимися противоречиями, из этой основы, или раскрыть развитие самой этой основы.

[516] «Как Вам ** известно, все экономисты уже со времени А. Смита признают, что *стоимость продукта распадается на заработную плату*,

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

** — фон Кирхману. *Ред.*

земельную ренту и прибыль на капитал; следовательно, идея о том, что доходы различных классов и, в особенности, части ренты основаны на разделении продукта, не нова» (что и говорить, не нова!). «Но тотчас же все экономисты сбиваются с правильного пути. Все, — не исключая даже и школы Рикардо, — делают прежде всего ту ошибку, что не рассматривают *весь* продукт, законченное благо, *весь национальный продукт*, как одно целое, в котором имеют свои доли рабочие, землевладельцы и капиталисты: они рассматривают *разделение сырого продукта* как *особое разделение*, при котором свои доли получают *три участника*, а разделение промышленного продукта — опять-таки как *особое разделение*, при котором свои доли получают *только два участника*. Таким образом, эти системы рассматривают уже сам по себе сырой продукт и сам по себе промышленный продукт, каждый из них в отдельности — как некое особое благо, составляющее доход» (стр. 162) [Русский перевод, стр. 342].

Прежде всего, А. Смит, действительно, сбил «с *правильного пути*» *всех* позднейших экономистов, включая Рикардо, а также и г-на Родбертуса, тем, что он разлагает «*всю* стоимость продукта на заработную плату, земельную ренту и прибыль на капитал» и таким образом забывает о постоянном капитале, который тоже составляет часть стоимости. Отсутствие этого различия [между совокупным продуктом труда и продуктом вновь присоединенного труда] делало всякую научную трактовку вопроса прямо-таки невозможной, как это доказывается в моем анализе этой проблемы *. Физиократы в этом отношении были ближе к истине. «Авансы первоначальные и ежегодные» выделены ими как та часть стоимости годового продукта или как та часть самого годового продукта, которая ни для нации, ни для отдельного лица не распадается снова на заработную плату, прибыль или ренту. По представлению физиократов, сельские хозяева возмещают бесплодному классу в виде сырья его авансы (превращение этого сырья в машины выпадает на долю самих «бесплодных»), тогда как, с другой стороны, сельские хозяева возмещают сами себе из своего продукта часть своих авансов (семена, племенной и рабочий скот, удобрения и т. д.), другую же часть (машины и т. д.) они возмещают, получая ее от «бесплодных» в обмен на сырье.

Во-вторых, г-н Родбертус ошибается, когда он отождествляет *разделение стоимости* и *разделение продукта*. «Благо, составляющее доход», не имеет никакого прямого отношения к этому *разделению стоимости* продукта. Экономисты так же хорошо, как и Родбертус, знают, что те части стоимости, которые достаются, например, производителям пряжи и которые выражаются в определенных количествах золота, *реализуются* в продуктах всякого рода — земледельческих или промышленных.

* См. настоящее издание, часть I, стр. 73—132. *Ред.*

Это предполагается заранее, ибо производят эти производители *товары*, а не продукты для своего непосредственного потребления. Так как подвергающаяся разделу стоимость, т. е. та составная часть стоимости, которая вообще сводится к доходу, создается внутри каждой отдельной сферы производства независимо от других сфер, — хотя каждая сфера производства, вследствие разделения труда, и предполагает другие сферы, — то Родбертус делает шаг назад и вносит путаницу, когда он, вместо того чтобы рассматривать это созидание стоимости в чистом виде, с самого начала запутывает дело вопросом: какую долю в имеющемся совокупном продукте нации обеспечивают своим владельцам эти составные части стоимости? У Родбертуса разделение *стоимости продукта* тотчас же превращается в *разделение потребительных стоимостей*. Так как он эту путаницу подсовывает другим экономистам, то становится необходимым предлагаемый им корректив, требующий рассмотрения промышленных и сырых продуктов *en bloc* *, т. е. требующий такого способа рассмотрения, который не имеет отношения к созиданию стоимости и, стало быть, неправилен, если при этом ставится задача объяснить, как стоимость создается.

В *стоимости* промышленного продукта, поскольку она сводится к доходу и поскольку промышленник не платит земельной ренты — будь то за землю под постройками, будь то за водопады и т. д., — имеют долю только *капиталист и наемный рабочий*. В *стоимости земледельческого продукта* имеют долю по большей части трое. Это признаёт и г-н Родбертус. То объяснение, которое он дает этому явлению, ничего не изменяет в самом факте. Но если другие экономисты, в особенности Рикардо, исходят из *разделения на две части* — между капиталистом и наемным рабочим — и вводят получателя земельной ренты лишь позднее, как особого рода нарос, то это вполне соответствует существу капиталистического производства. Овеществленный труд и живой труд — это те два [517] фактора, на противопоставлении которых покоится капиталистическое производство. Капиталист и наемный рабочий являются единственными носителями функций производства и теми его агентами, взаимоотношение и противоположность между которыми проистекают из сущности капиталистического способа производства.

Обстоятельства, при которых капиталист, в свою очередь, вынужден разделить часть присвоенного им прибавочного

* — вместе, скопом. Ред.

труда или прибавочной стоимости с третьими, не работающими лицами, появляются только во второй инстанции. Точно так же фактом производства является то, что — после вычета той части стоимости продукта, которая уплачивается как заработная плата, и той части стоимости, которая равна постоянному капиталу, — *вся прибавочная стоимость переходит прямо из рук рабочего в руки капиталиста*. По отношению к рабочему капиталист — *непосредственный* владелец всей прибавочной стоимости, как бы он ни делился затем ею с капиталистом, ссужающим деньги, с земельным собственником и т. д. Производство, как замечает Джемс Милль ⁵⁶, могло бы поэтому продолжаться бесперебойно, если бы исчез получатель земельной ренты и его место заняло бы государство. Он — частный земельный собственник — отнюдь не является необходимым агентом производства для капиталистического способа производства, хотя для последнего необходимо, чтобы земля составляла чью-либо собственность — но только не рабочего; стало быть, например, собственность государства. Из самой сущности капиталистического способа производства — в отличие от феодального, античного и т. д. — проистекает то, что те классы, которые непосредственно участвуют в производстве, а следовательно являются и непосредственными участниками в дележе произведенной стоимости (стало быть, и продукта, в котором эта стоимость реализуется), — что эти классы сводятся к *капиталистам и наемным рабочим* и что здесь *исключается земельный собственник*, появляющийся лишь *post festum* *, вследствие тех отношений собственности на силы природы, которые *не выросли* из капиталистического способа производства, а *унаследованы* им. Это сведение [непосредственных участников производства к двум классам] ни в какой мере не является у Рикардо и др. ошибкой, а наоборот, оно представляет собой адекватное теоретическое выражение капиталистического способа производства, выражает его *differentia specifica* **. Г-н Родбертус еще слишком «помещик» старопрусского покроя, чтобы понять это. Все это становится понятным и само бросается в глаза только тогда, когда капиталист овладевает земледелием и всюду, как это большей частью имеет место в Англии, превращается в руководителя земледелия — совершенно так же, как и промышленности, — *отстранив земельного собственника* от всякого непосредственного участия в процессе производства. Таким образом, то, что г-н Родбертус считает здесь «отклонением от

* — после праздника, т. е. после того, как событие уже произошло; с запозданием. *Ред.*

** — специфическое отличие. *Ред.*

правильного пути», есть лишь непонятый им правильный путь; все дело в том, что Родбертус находится еще в плену воззрений, истекающих из докапиталистического способа производства.

«Он» (Рикардо) «тоже не делит *готовый* продукт между участниками дележа, а подобно остальным экономистам рассматривает каждый из обоих продуктов — и сельскохозяйственный и промышленный — как некий особый, подлежащий разделению продукт» (цит. соч., стр. 167) [Русский перевод, стр. 346].

Рикардо рассматривает здесь не продукт, г-н Родбертус, а *стоимость* продукта, и это совершенно правильно. Ваш «готовый» продукт и его разделение не имеют абсолютно ничего общего с этим разделением стоимости.

«Собственность на капитал является для него» (для Рикардо) «чем-то данным, и *притом еще раньше*, чем земельная собственность... Таким образом, он начинает не с оснований, а с *факта* разделения продукта, и вся его теория ограничивается рассмотрением тех причин, которые определяют и видоизменяют *отношение разделения* продукта... Разделение продукта только на *заработную плату* и *прибыль на капитал* он рассматривает как *первоначальное* и как первоначально единственное» (стр. 167) [Русский перевод, стр. 346].

Этого Вы, г-н Родбертус, опять-таки не понимаете. С точки зрения капиталистического производства *собственность на капитал* действительно фигурирует как «первоначальная», ибо она есть тот род собственности, на котором покоится капиталистическое производство и который *в этой системе производства* выступает как агент производства и носитель его функций, что не имеет места в отношении земельной собственности. Последняя *оказывается* здесь чем-то производным, ибо современная земельная собственность, будучи на деле *феодальной*, была видоизменена тем воздействием, которое оказал на нее капитал; следовательно, в той форме, какая присуща ей как современной земельной собственности, она является *производной*, представляет собой результат капиталистического способа производства. То обстоятельство, что этот факт, как он есть и как он проявляется в современном обществе, рассматривается у Рикардо также и как нечто *исторически* первоначальное (между тем как Вы, г-н Родбертус, вместо того чтобы исследовать современную форму, не можете выйти из-под власти помещичьих воспоминаний), составляет одно из проявлений того заблуждения, в которое впадают буржуазные экономисты при рассмотрении всех экономических законов буржуазного общества, представляющихся им как «законы природы», а потому также и как историческое *prius* *.

* — первичное, предшествующее. Ред.

[518] Но что там, где речь идет не о *стоимости* продукта, а о *самом продукте*, Рикардо имеет в виду разделение *всего* «готового» продукта, — это г-н Родбертус мог бы увидеть уже из первой фразы его предисловия:

«Продукт земли, — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно, между собственником земли, владельцем того фонда, или капитала, который необходим для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается» («Principles of Political Economy», предисловие, 3-е издание, Лондон, 1821) [Русский перевод, том I, стр. 30].

Непосредственно за этим Рикардо продолжает:

«Но на разных стадиях развития общества весьма различны доли всего продукта земли, достающиеся каждому из этих классов под именем ренты, прибыли и заработной платы» (там же).

Здесь речь идет о распределении *«всего продукта»*, а не промышленного продукта или сырого продукта. Но эти доли «всего продукта», если этот последний предполагается данным, определяются исключительно теми долями, которые внутри каждой сферы производства каждый из участников дележа имеет в *«стоимости»* своего собственного продукта. Эта «стоимость» способна к превращению в определенную, соответственную долю *«всего продукта»* и может быть выражена в ней. Рикардо ошибается здесь, следуя за А. Смитом, только в том, что забывает, что на ренту, прибыль и заработную плату распадается не «весь продукт», так как часть его «достаётся» одному или несколькими из этих трех классов в виде капитала.

«Быть может, Вы захотели бы утверждать, что, подобно тому как первоначально закон равенства прибыли на капитал должен был понижать цены сырых продуктов до тех пор, пока земельная рента не исчезла, а затем, вследствие повышения цен, эта земельная рента должна была снова возникнуть из различия в урожайности между более плодородной и менее плодородной почвой, — точно так же и в настоящее время выгоды получения земельной ренты сверх обычной прибыли на капитал должны были бы побуждать капиталистов затрачивать капитал на расчистку под пашню новых земель и на улучшение старых до тех пор, пока вызванное этим переполнение рынка не понизит снова цены в такой степени, что при наименее выгодных вложениях капитала земельная рента исчезнет. Иными словами, это было бы равносильно утверждению, что закон равенства прибылей на капитал упраздняет для сырого продукта другой закон, согласно которому стоимость продуктов определяется затраченным трудом, тогда как именно Рикардо в первой главе своего труда пользуется первым законом в качестве доказательства для второго» (Родбертус, цит. соч., стр. 174) [Русский перевод, стр. 351—352].

Конечно, г-н Родбертус, закон *«равенства прибылей на капитал»* не упраздняет того закона, что *«стоимость»* продуктов

определяется «затраченным трудом»; но он действительно упраздняет ту предпосылку Рикардо, что *средняя цена* продуктов равна их «стоимости». Однако дело опять-таки не в том, что стоимость «сырого продукта» понижается до средней цены. Как раз *наоборот*: «сырой продукт» — вследствие существования собственности на землю — отличается той привилегией, что его стоимость *не* понижается до средней цены. Если бы его *стоимость* на самом деле понизилась, — а это было бы возможно несмотря на наличие в ней того, что Вы называете «стоимостью материала», — до одного уровня со средней ценой товаров, то земельная рента исчезла бы. Те сорта почвы, которые теперь, быть может, не дают никакой земельной ренты, оказываются в таком положении потому, что *рыночная цена* сырых продуктов равна собственной *средней цене* продуктов этих сортов почвы, так что они — вследствие конкуренции более плодородных сортов почвы — *утрачивают* привилегию продавать свой продукт по его «стоимости».

«Возможно ли, что еще *до того*, как люди вообще перешли к земледелию, уже существовали капиталисты, получающие прибыль и вкладывающие свои капиталы в соответствии с законом равенства прибыли?» (Какая глупость!) «...Я допускаю, что если в настоящее время из цивилизованных стран [519] предпринимается экспедиция в новую, девственную страну, причем более богатые участники экспедиции снабжены запасами и орудиями уже старой культуры — капиталом, а более бедные присоединяются к более богатым в надежде получать на службе у них высокую заработную плату, — то в этом случае капиталисты будут рассматривать избыток, остающийся у них после вычета платы рабочим, как свою прибыль, ибо они привезли с собой из метрополии издавна существующие вещи и понятия» (стр. 174—175) [Русский перевод, стр. 352].

Вот именно, г-н Родбертус! Вся концепция Рикардо имеет смысл лишь при предпосылке, что капиталистический способ производства является господствующим. В какой форме выражает Рикардо эту *предпосылку*, совершает ли он при этом в области истории *hysteron proteron* *, — это для существа дела безразлично. Допустить эту *предпосылку* — необходимо; стало быть, нельзя, как это делаете Вы, вводить здесь крестьянское хозяйство, которое не знает капиталистической бухгалтерии и потому не причисляет семена и т. д. к авансированному капиталу! В «бессмыслице» повинен не Рикардо, а Родбертус, приписывающий Рикардо тот взгляд, что капиталисты и рабочие существуют «до возделывания почвы» (стр. 176) [Русский перевод, стр. 353].

* — ошибку, состоящую в принятии последующего и позднейшего (*hysteron*) за первичное и предшествующее (*proteron*); извращение действительной последовательности. *Ред.*

«Только тогда, когда... в обществе возник капитал, когда стала известна и начала уплачиваться прибыль на капитал, началось, согласно воззрению Рикардо, возделывание почвы» (стр. 178) [Русский перевод, стр. 354].

Какой вздор! Только тогда, когда капиталист в качестве арендатора вклинился между земледельцем и земельным собственником — происходит ли это так, что прежний ленник мошенническим путем превращается в капиталистического арендатора, или же так, что промышленник вкладывает свой капитал не в промышленность, а в земледелие, — только тогда начинается, конечно, не вообще «возделывание почвы», а «капиталистическое» возделывание ее, которое по форме и по содержанию весьма отличается от прежних форм земледелия.

«В каждой стране бóльшая часть земли стала частной собственностью уже задолго до того, как она была возделана, — во всяком случае, задолго до того, как в промышленности сложилась ставка прибыли на капитал» (стр. 179) [Русский перевод, стр. 355].

Для того чтобы понять в этом вопросе концепцию Рикардо, Родбертусу надо было бы быть англичанином, а не померанским помещиком, и знать историю огораживания общинных земель и пустошей. Г-н Родбертус приводит пример Америки. Государство продает здесь землю

«отдельными участками поселенцам, правда, по незначительной цене, которая, однако, должна во всяком случае уже представлять земельную ренту» (стр. 179—180) [Русский перевод, стр. 356].

Отнюдь нет. Эта цена так же не образует земельную ренту, как, скажем, всеобщий промысловый налог не мог бы образовать *промысловую ренту* или вообще какой-либо налог — какую бы то ни было «ренту».

«Приведенная в пункте *b* причина повышения ренты» {вследствие роста населения, или увеличения *применяемого количества труда*} «составляет, утверждаю я, преимущество земельной ренты перед прибылью на капитал. Эта причина *никогда* не может повысить прибыль на капитал. Правда, вследствие увеличения стоимости всего национального продукта при *одинаковой производительности*, но при возросшей [по численности] производительной силе (при возросшем населении) нация получает *больше* прибыли на капитал, но эта *увеличившаяся* прибыль на капитал всегда приходится на *увеличившийся* в такой же пропорции капитал; следовательно, ставка прибыли остается на прежнем уровне» (стр. 184—185) [Русский перевод, стр. 359—360].

Это неверно. Количество неоплаченного, прибавочного труда повышается, если, например, вместо 2 часов, прибавочное рабочее время составляет 3, 4, 5 часов. С увеличением массы этого *неоплаченного*, прибавочного труда масса авансированного капитала не возрастает [в той же пропорции], во-первых, потому,

что этот новый избыток прибавочного труда *не* оплачивается, т. е. не вызывает никаких затрат капитала; во-вторых, потому, что затраты на основной капитал возрастают не в той пропорции, в какой здесь возрастает его использование. Не увеличивается количество веретен и т. д. Конечно, веретена быстрее изнашиваются, однако не пропорционально тому, как *увеличивается* их использование. Следовательно, при одинаковой производительности прибыль здесь возрастает, так как возросла не только прибавочная стоимость, но и *норма прибавочной стоимости*. В земледелии это невозможно из-за природных условий. С другой стороны, *производительность* быстро изменяется с увеличением вложенного капитала. Хотя затрачиваемый капитал абсолютно и велик, но вследствие экономии в условиях производства он не является относительно столь большим, — не говоря уже о разделении труда и о машинах. Таким образом, *норма прибыли* могла бы повыситься, даже если бы прибавочная стоимость (не только *ее норма*) осталась той же.

[520] Совершенно неверным и померански-помещичьим является следующее утверждение Родбертуса:

«Возможно, что в течение этих тридцати лет» (с 1800 до 1830 г.) «благодаря парцеллированию или *даже распашке новых земель* возникло много новых владений и увеличившаяся земельная рента стала, таким образом, делиться между *большим числом* владельцев, но в 1830 г. она *распределялась не на большее число моргенов, чем в 1800 г.*; эти новые, вновь выделенные или же вновь введенные в обработку земельные участки всей своей площадью *входили прежде в ранее существовавшие земельные участки*, и, таким образом, меньшая земельная рента 1800 г. так же *распределялась* между ними и так же оказывала свое влияние на высоту английской земельной ренты вообще, как большая рента — в 1830 году» (стр. 186).

Милейший померанин! Зачем самоуверенно то и дело переносить в Англию Ваши прусские отношения? Англичанин совсем не считает, что если, как это было фактически (это надо проверить), с 1800 по 1830 г. было «огорожено» от 3 до 4 миллионов акров ⁵⁷, то рента распределялась на эти 4 миллиона акров также и до 1830 г., также и в 1800 году. Эти 4 миллиона акров были, напротив, необработанной или общинной землей, не приносящей никакой ренты и никому не принадлежавшей.

Если Родбертус, как и Кэри (но на другой манер), пытается доказать Рикардо, что «самая плодородная» почва большей частью, по физическим и иным причинам, обрабатывалась не в первую очередь, то это не имеет никакого отношения к Рикардо. «Самая плодородная» почва — это каждый раз почва «наиболее плодородная» при данных условиях производства.

Весьма значительная часть возражений, выдвигаемых Родбертусом против Рикардо, проистекает из того, что Родбертус

наивным образом отождествляет «померанские» и «английские» производственные отношения. Рикардо предполагает капиталистическое производство, при котором — там, где оно существует в развитом виде, как в Англии, — капиталистический арендатор отделяется от земельного собственника. Родбертус же берет такие отношения, которые сами по себе чужды капиталистическому способу производства и для которых этот последний является только надстройкой. Так, например, то, что г-н Родбертус говорит о положении хозяйственных центров в хозяйственных комплексах, вполне подходит для Померании, но не для Англии, где капиталистический способ производства, все больше и больше входивший в силу с последней трети XVI века, ассимилировал себе все имевшиеся условия и в различные периоды снес до основания, одну за другой, созданные историей предпосылки — деревни, постройки и людей, — чтобы обеспечить «наиболее производительное» приложение капитала.

Неверно также и то, что Родбертус говорит о «приложении капитала»:

«Рикардо ограничивает земельную ренту той суммой, которая уплачивается землевладельцу за пользование *первоначальными, природными и неразрушимыми силами почвы*. Тем самым он вычитает из земельной ренты все то, что на введенных уже в обработку земельных участках должно было бы быть отнесено за счет капитала. Однако ясно, что из дохода, получаемого с участка земли, Рикардо не вправе относить на долю капитала больше того, что *полностью составляет обычный в стране процент*. Ибо в противном случае он должен был бы допустить в экономическом развитии страны две различные ставки прибыли — сельскохозяйственную, которая приносила бы большую прибыль, чем прибыль, господствующая в промышленности, и другую, имеющую место в промышленности, — допущение, которое, однако, опрокинуло бы всю его систему, основанную как раз на равенстве ставки прибыли» (стр. 215—216) [Русский перевод, стр. 371—372].

Это — опять-таки представление померанского помещика, который берет в ссуду капитал, чтобы сделать свою земельную собственность более доходной, а потому хочет, по теоретическим и практическим соображениям, платить займодавцу лишь «обычный в стране процент». Однако в Англии дело обстоит иначе. Там капитал, идущий на улучшение почвы, затрачивается арендатором, капиталистическим фермером. От этого капитала, совершенно так же как и от капитала, вкладываемого им непосредственно в производство, арендатор требует не обычного в стране процента, а *обычной в стране прибыли*. Он не ссужает помещику капитал, который тот должен был бы оплачивать «обычным в стране» процентом. Он, может быть, сам берет в ссуду капитал или же применяет свой собственный добавочный капитал с тем, чтобы последний приносил ему по «обычной

в стране» норме прибыль, получаемую промышленным капиталистом и превышающую, по меньшей мере вдвое, обычный в стране процент.

К тому же Рикардо знает то, что знал уже Андерсон. Более того: Рикардо определенно заявляет, что [521] созданная таким образом благодаря капиталу производительная сила почвы позднее сливается с ее «природной» производительной силой и поэтому повышает ренту. Родбертус ничего не знает об этом, а потому болтает вздор.

Я уже дал вполне правильное определение современной земельной собственности:

«Рента, в рикардовском смысле, есть земельная собственность в буржуазном состоянии, т. е. феодальная собственность, подчинившаяся условиям буржуазного производства» («*Misère de la Philosophie*», Paris, 1847, стр. 156) ⁵⁸.

Уже там я сделал правильное замечание:

«Предположив буржуазное производство как необходимое условие существования ренты, Рикардо тем не менее применяет свое понятие о ренте к земельной собственности всех времен и народов. Это — общее заблуждение всех экономистов, которые выдают отношения буржуазного производства за вечные категории» (там же, стр. 160) ⁵⁹.

Я равным образом сделал правильное замечание, что «земли-капиталы» могут увеличиваться, как и все другие капиталы:

«Количество земли-капитала может *увеличиваться* точно так же, как и количество всех других орудий производства. Мы ничего не прибавляем к ее материи, употребляя выражение г-на Прудона, но *увеличиваем количество земель, служащих орудием производства*. Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, люди увеличивают землю-капитал без всякого увеличения земли-материи, т. е. пространства земли» (там же, стр. 165) ⁶⁰.

Все еще остается правильным то различие между промышленностью и земледелием, которое я тогда подчеркнул:

«Прежде всего, здесь нельзя, как в промышленном производстве, *увеличивать по желанию количество орудий производства одинаковой степени производительности*, т. е. количество земель одинаковой степени плодородия. Затем постепенный рост народонаселения приводит здесь к эксплуатации земель более низкого качества или к новым капиталовложениям в прежние участки, соответственно менее производительным, чем первоначальные капиталовложения» (там же, стр. 157) ⁶¹.

Родбертус говорит:

«Но я должен обратить внимание еще на другое обстоятельство, которое, правда, гораздо более постепенно, но зато и гораздо более часто делает из плохих сельскохозяйственных машин лучшие ⁶². Это — *непрерывное возделывание* земельного участка, которое, если только оно ведется по рациональной системе, уже само по себе улучшает землю даже и без

малейшего чрезвычайного вложения капитала» (стр. 222) [Русский перевод, стр. 376].

Это говорил уже Андерсон. Возделывание улучшает землю.
[Далее Родбертус говорит:]

«Вы должны были бы доказать, что занятое в земледелии трудящееся население с течением времени возросло в большей пропорции, чем производство предметов питания, или хотя бы чем остальная часть населения страны. Только из этого можно было бы сделать неопровержимый вывод, что с увеличением сельскохозяйственного производства в нем приходилось затрачивать и все больше труда. Но как раз в этом отношении Вам противоречит статистика» (стр. 274) [Русский перевод, стр. 416—417]. «Да, Вы даже можете убедиться в повсеместном господстве того правила, что чем плотнее население страны, тем в меньшей пропорции занимаются люди земледелием... Такое же явление наблюдается при увеличении населения в одной и той же стране; та часть населения, которая *не* занимается земледелием, почти везде будет увеличиваться в большей пропорции» (стр. 275) [Русский перевод, стр. 417].

Но это происходит отчасти потому, что больше пахотной земли превращается в пастбища для скота, для овец, отчасти потому, что при большем масштабе производства — при крупном земледелии — труд становится более производительным. *А также и потому* — и этого обстоятельства г-н Родбертус совсем не замечает, — что значительная часть *неземледельческого населения* выполняет труд по обслуживанию земледелия, доставляя земледелию постоянный капитал (а этот последний возрастает вместе с прогрессом земледельческой культуры) — как, например, минеральные удобрения, заграничные семена, всякого рода машины.

По словам г-на Родбертуса,

«в настоящее время» (в Померании) «сельский хозяин не рассматривает производимый в его собственном хозяйстве корм для рабочего скота как капитал» (стр. 78) [Русский перевод, стр. 282].

[522] «Капитал сам по себе, или в народнохозяйственном смысле, есть продукт, используемый для дальнейшего производства... Но по отношению к той особой «прибыли», которую он должен приносить, — другими словами, в том смысле, в каком понимают капитал *нынешние предприниматели*, — он, для того чтобы быть капиталом, непременно должен выступать в виде «затраты»» (стр. 77) [Русский перевод, стр. 281].

Однако это понятие «затраты» не требует, как полагает Родбертус, чтобы продукт, в качестве товара, покупался у других. Если та или иная часть продукта, вместо того чтобы быть *проданной* как товар, снова входит в производство, то входит она в него как *товар*. Она сперва оценивается как «деньги», и это сознаётся тем отчетливее, что все эти «затраты», в том числе и те, которые имеют место в земледелии, одновременно с тем фигурируют в качестве «товаров» на рынке —

скот, корм, удобрения, зерно, идущее на семена, вообще всякого рода семена. Но в «Померании», по-видимому, всего этого не зачисляют в рубрику «затрат».

«*Стоимость* особых результатов этих различных видов труда» (в промышленности и в производстве сырья) «составляет еще не самый доход, достоящийся их владельцу, а только мерило для вычисления этого дохода. Сам этот доход, получаемый теми или иными лицами, есть часть общественного дохода, который создается только лишь совместным трудом — сельскохозяйственным и промышленным — и *части* которого, следовательно, тоже создаются только этим совместным трудом» (стр. 36) [Русский перевод, стр. 249].

Что мне от этого? Реализация этой *стоимости* может быть лишь ее реализацией в потребительной стоимости. Но речь идет совсем не об этом. Кроме того, в понятии *необходимой заработной платы* уже заключено то, сколько стоимости представлено в тех жизненных средствах — в сельскохозяйственных и промышленных продуктах, — которые необходимы для содержания рабочего.

С этим покончено.

[Г Л А В А Д Е С Я Т А Я]

ТЕОРИЯ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК ⁶³ У РИКАРДО
И АДАМА СМИТА (ОПРОВЕРЖЕНИЕ)

[А . Т Е О Р И Я Ц Е Н Ы И З Д Е Р Ж Е К У Р И К А Р Д О]

[1) КРУШЕНИЕ ТЕОРИИ ФИЗИОКРАТОВ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ
РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ]

Положением Андерсона (которое отчасти встречается также и у А. Смита) — о том, что «не рента, получаемая с земли, определяет *цену* ее продукта, а *цена* этого продукта определяет земельную ренту» *, — было совершенно опрокинуто учение физиократов. Источником ренты была признана таким образом *цена* земледельческого продукта, а не сам этот продукт и не земля. Тем самым был опровергнут тот взгляд, что рента есть результат исключительной производительности земледелия, которая, в свою очередь, является будто бы результатом особого плодородия, присущего почве. Ведь если бы *то же количество труда* прилагалось в особо производительной области и потому исключительно производителен был бы и самый труд, то это могло бы выразиться лишь в том, что он был бы представлен в сравнительно *большой* массе *продуктов* и потому цена единицы продукта была бы относительно низкой, но это никак не могло бы выразиться в противоположном результате, т. е. в том, что *цена* продукта этого труда была бы *выше*, чем цена других продуктов, в которых овеществлено то же количество труда, и что вследствие этого его *цена*, в отличие от других товаров, приносила бы, кроме прибыли и заработной платы, *еще и ренту*. (При рассмотрении ренты А. Смит отчасти снова возвращается к физиократическому взгляду, после того как он ранее опроверг или, по меньшей мере, отверг его своей первоначальной трактовкой ренты как части прибавочного труда.)

Это отрицание физиократического взгляда Бьюкенен резюмирует в следующих словах:

* См. настоящее издание, часть II, стр. 155. Ред.

«Тот взгляд, будто земледелие дает продукт и проистекающую из него ренту потому, что в процессе обработки земли природа участвует совместно с человеческим трудом, — этот взгляд является просто-напросто фантазией. Земельная рента проистекает не из продукта, а из цены, по которой продается продукт; и эту цену земледельческий продукт получает не потому, что природа помогает производить его, а потому, что это — та цена, которая приводит потребление в соответствие с предложением» ⁶⁴.

Когда был отвергнут этот взгляд физиократов, — который, однако, был вполне правомерен в своем более глубоком смысле, так как физиократы рассматривали ренту как единственную форму прибавочной стоимости, а капиталистов и рабочих, вместе взятых, только как наемных работников земельного собственника, — оставались возможными лишь следующие взгляды:

[523] [Во-первых:] Взгляд, что *рента* происходит из *монопольной цены* земледельческих продуктов, а монопольная цена — из того, что земельные собственники обладают *монопольей* на землю *. Согласно этому взгляду, *цена* земледельческого продукта всегда *превышает* его *стоимость*. Здесь имеет место *надбавка к цене*, и закон стоимости товаров нарушается *монопольей* земельной собственности.

Рента происходит из *монопольной цены* земледельческих продуктов потому, что их предложение, согласно этому взгляду, всегда стоит *ниже* уровня спроса, или спрос всегда стоит *выше* уровня предложения. Но почему же предложение не поднимается до *уровня* спроса? Почему *добавочное* предложение не выравнивает это соотношение и не уничтожает тем самым, согласно этой теории, *всякую* ренту? Для объяснения этого Мальтус прибегает, с одной стороны, к той фикции, будто земледельческие продукты непосредственно создают для себя потребителей (об этом — позже, при разборе его полемики с Рикардо), а с другой стороны — к теории Андерсона, [из которой Мальтус делает тот вывод, что] так как *добавочное предложение* стоит большего количества труда, то земледелие становится менее производительным. Таким образом, этот взгляд — в той мере, в какой он не основывается на простой фикции, — совпадает с теорией Рикардо. Здесь тоже *цена превышает* стоимость, имеет место надбавка.

[Во-вторых:] *Теория Рикардо: не существует абсолютной земельной ренты*, есть только *дифференциальная рента*. Здесь тоже *цена* земледельческих продуктов, приносящих ренту, *превышает* их индивидуальную стоимость, и если рента вообще существует, то существует она благодаря *избытку цены* земледель-

* См. настоящее издание, часть II, стр. 26. Ред.

ческих продуктов над их стоимостью. Но здесь этот избыток цены над стоимостью не противоречит общей теории стоимости (хотя самый факт и остается в силе), так как внутри каждой сферы производства *стоимость* относящихся к ней товаров определяется не индивидуальной стоимостью товара, а той *его стоимостью*, которую он имеет при *общих* условиях производства данной сферы. Также и здесь цена продуктов, приносящих ренту, есть *монопольная цена*, но это та же монополия, которая встречается во всех сферах производства и которая лишь в данной сфере фиксируется и поэтому принимает отличную от сверхприбыли форму ренты. Также и здесь этот избыток *спроса над предложением*, или, что то же самое, добавочный спрос, не может быть удовлетворен добавочным предложением по *ценам*, существовавшим при первоначальном предложении, до того как цены возросли вследствие превышения спроса над предложением. Также и здесь *рента* (дифференциальная рента) *возникает* вследствие *избытка цены над стоимостью*, вследствие того, что цены продуктов, получаемых с лучшей земли, поднимаются *выше* их стоимости, чем и вызывается добавочное предложение.

[В-третьих:] *Рента — это лишь процент на вложенный в землю капитал* *. Этот взгляд имеет со взглядом Рикардо то общее, что он отрицает *абсолютную земельную ренту*. *Дифференциальную ренту* он вынужден признавать в тех случаях, когда земельные участки, в которые вложены одинаковые капиталы, приносят ренты различной величины. На деле он сводится поэтому к взгляду Рикардо, что земля известного рода не приносит *ренты* и что там, где получается рента в *собственном* смысле слова, это — дифференциальная рента. Но этот взгляд абсолютно не в состоянии объяснить ренту, получаемую с такой земли, в которую *не* вложено *никакого* капитала, ренту с водопадов, рудников и т. д. На деле этот взгляд был не чем иным, как попыткой с *капиталистической позиции* спасти ренту — под названием *процента* — от нападков Рикардо.

Наконец [в-четвертых]: Рикардо полагает, что на земле, не приносящей ренты, цена продукта равна его стоимости, так как она равна *средней цене*, т. е. авансированному капиталу плюс средняя прибыль. Следовательно, Рикардо ошибочно полагает, что стоимость товара равна средней цене товара. Если эта ошибочная предпосылка отпадает, то оказывается возможной абсолютная рента, так как *стоимость* земледельческих

* См. настоящее издание, часть II, стр. 26, 149—150 и 154. Ред.

продуктов, как и стоимость большой группы всех других товаров, *превышает* их среднюю цену, но вследствие существования земельной собственности не выравнивается в среднюю цену, как это имеет место у указанных других товаров. Таким образом, это последнее воззрение признаёт вместе с теорией монополии, что земельная собственность, как таковая, имеет к ренте непосредственное отношение; вместе с Рикардо оно признаёт дифференциальную ренту; наконец, оно считает, что наличие абсолютной ренты отнюдь не нарушает закона стоимости.

[2) ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ РАБОЧИМ ВРЕМЕНЕМ, КАК ОСНОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ РИКАРДО.

РИКАРДОВСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ, КАК НЕОБХОДИМАЯ СТУПЕНЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ, И ЕГО НЕДОСТАТКИ. НЕПРАВИЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА КНИГИ РИКАРДО]

Рикардо исходит из положения о том, что относительные стоимости (или меновые стоимости) товаров определяются *«количеством труда»*. (В дальнейшем мы проследим различные значения, в которых Рикардо употребляет слово «стоимость». На этом основана та критика, которой Бейли подвергает теорию Рикардо, и в этом, вместе с тем, заключаются *недостатки* рикардовской трактовки стоимости.) Характер «труда», определяющего стоимость, не подвергается у Рикардо дальнейшему исследованию. Если два товара являются эквивалентами, или эквивалентами в *определенной пропорции*, или, что то же самое, если они *неодинаковы по своей величине*, смотря по тому [524] *количеству «труда»*, которое в них содержится, то ясно, вместе с тем, что по своей *субстанции* — поскольку они меновые стоимости — они одинаковы. Их субстанция есть труд. Поэтому они суть «стоимости». Их величина различна в зависимости от того, содержат ли они больше или меньше этой субстанции. Форма же — особое определение труда, как создающего меновую стоимость, или выражающегося в меновых стоимостях, — *характер* этого труда, у Рикардо не исследуется. Рикардо поэтому не понимает связи *этого труда с деньгами*, т. е. не понимает того, что этот труд непременно должен получить свое выражение в виде *денег*. Поэтому он совершенно не понимает, что с определением меновой стоимости товара рабочим временем связано то, что товары в своем развитии неизбежно должны дойти до образования денег. Отсюда его ошибочная теория денег. У него с самого начала речь идет только о *величине стои-*

мости, т. е. о том, что величины товарных стоимостей относятся друг к другу как количества труда, необходимые для производства этих товаров. Из этого исходит Рикардо. Он определенно указывает на А. Смита как на свой исходный пункт (глава 1-я, отдел I)⁶⁵.

Метод Рикардо состоит в следующем: Рикардо исходит из определения величины стоимости товара рабочим временем и затем *исследует, противоречат ли* прочие экономические отношения (прочие экономические категории) этому определению стоимости, или в какой мере они модифицируют его. С первого же взгляда очевидна как историческая правомерность такого метода, его научная необходимость в истории политической экономии, так и, вместе с тем, его научная недостаточность, — недостаточность, которая не только проявляется в способе изложения (со стороны формы), но и ведет к ошибочным выводам, так как этот метод перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается *непосредственным* образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом.

Исторически этот способ исследования был правомерен и необходим. У А. Смита политическая экономия развилась в некоторую целостность, охватываемая ею область получила до известной степени законченные очертания, так что Сэй мог изложить ее плоско-систематически в школьном учебнике. В период между Смитом и Рикардо появляются лишь исследования по отдельным вопросам — о производительном и непроизводительном труде, о деньгах, о теории народонаселения, о земельной собственности и о налогах. Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, — оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат. У Смита это имеет свое

оправдание (за исключением отдельных специальных исследований — о деньгах), так как его задача была в действительности двоякой. С одной стороны, это была попытка проникнуть во внутреннюю физиологи буржуазного общества; с другой же стороны, Смит стремился: отчасти — впервые описать проявляющиеся внешним образом жизненные формы этого общества, изобразить его внешне проявляющуюся связь, а отчасти — найти еще для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т. е. отчасти — впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления. Одна работа интересует его в такой же степени, как и другая, и так как обе они протекают независимо друг от друга, то здесь получается совершенно противоречивый способ представления: один взгляд более или менее правильно выражает внутреннюю связь, другой же, — выступающий как столь же правомерный и без всякого внутреннего взаимоотношения с первым способом понимания, без всякой внутренней связи с ним, — выражает *внешне проявляющуюся* связь.

Преемники Смита, в той мере, в какой их взгляды не являются реакцией против него с позиций более старых, уже преодоленных способов понимания, могут беспрепятственно продвигаться вперед в своих специальных исследованиях и рассуждениях и всякий раз рассматривать А. Смита как свою основу, независимо от того, примыкают ли они к эзотерической или к экзотерической части его произведения или же, как это имеет место почти всегда, смешивают ту и другую. Но вот, наконец, среди них появляется Рикардо и кричит науке: «Стой!». Основа, исходный пункт для физиологии буржуазной системы — для понимания ее внутренней органической связи и ее жизненного процесса — есть определение *стоимости рабочим временем*. Из этого Рикардо исходит и заставляет затем науку оставить прежнюю рутину и дать себе отчет в том, насколько остальные категории, развиваемые и выдвигаемые ею, — отношения производства и обмена, — соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; вообще, насколько наука, отражающая, воспроизводящая внешнюю форму проявления процесса, а, стало быть, также и сами эти проявления — соответствуют той основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, и которая образует исходный пункт науки; дать себе отчет в том, как вообще обстоит дело с этим противоречием между видимым движением системы и ее действительным движением. В этом именно и состоит великое [525] историческое значение Рикардо для науки, и вот почему пошлый Сэй, у ко-

торого он выбил из-под ног почву, излил свое раздражение в фразе:

«Под предлогом расширения ее (науки) «пределов, ее столкнули в пустоту»⁶⁶.

С этой научной заслугой тесно связано то, что Рикардо вскрывает и формулирует экономическую противоположность классов — так, как ее показывает внутренняя связь, — и что в результате этого в политической экономии ухватывается и вскрывается самый корень исторической борьбы и исторического процесса развития. Поэтому *Кэри* — посмотреть позднее соответствующее место — доносит на Рикардо, как на отца коммунизма:

«Система г-на Рикардо — это система раздора... Вся она имеет тенденцию порождать *вражду между классами* и нациями... Его книга — настоящее руководство для демагога, стремящегося к власти посредством аграрных реформ, войны и грабежа» (*H. Carey. The Past, the Present, and the Future. Philadelphia, 1848, стр. 74—75*).

Если, таким образом, с одной стороны, налицо научная правомерность и великая историческая ценность рикардовского способа исследования, то, с другой стороны, ясна и его научная недостаточность, как это будет в деталях показано в дальнейшем.

Отсюда и чрезвычайно странная и по необходимости превратная архитектоника его произведения. Все произведение состоит (в третьем издании) из 32 глав. Из них 14 глав трактуют о *налогах*, стало быть, содержат лишь *применение* теоретических принципов⁶⁷. Глава 20-я — «Стоимость и богатство, их отличительные свойства» — есть не что иное, как исследование различия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью; она, стало быть, является дополнением к главе 1-й — «О стоимости». Глава 24-я — «Учение А. Смита о земельной ренте», а также глава 28-я — «О сравнительной стоимости золота, хлеба и труда» и т. д. и глава 32-я — «Взгляды г-на Мальтуса на ренту» — представляют собой лишь дополнение к рикардовской теории земельной ренты и отчасти защиту этой теории, т. е. всего лишь приложение к главам 2 и 3-й, трактующим о ренте. Глава 30-я — «О влиянии спроса и предложения на цены» — является только приложением к главе 4-й — «О естественной и рыночной цене». Второе приложение к этой же главе составляет глава 19-я — «О внезапных переменах в ходе торговли». Глава 31-я — «О машинах» — есть просто приложение к главам 5 и 6-й: «О заработной плате» и «О прибыли». Глава 7-я — «О внешней торговле» — и глава 25-я —

«О колониальной торговле» — представляют собой, как и главы о налогах, всего лишь применение принципов, выдвинутых в предшествующих главах. Глава 24-я — «Влияние накопления на прибыль и процент» — является приложением к главам о земельной ренте, прибыли и заработной плате. Глава 26-я — «О валовом и чистом доходе» — является приложением к главам о заработной плате, прибыли и ренте. Наконец, глава 27-я — «О денежном обращении и банках» — стоит в книге совершенно изолированно и представляет собой всего лишь дальнейшее развитие, а отчасти модификацию тех взглядов Рикардо, которые были высказаны в его более ранних сочинениях о деньгах.

Таким образом, теория Рикардо содержится исключительно в первых шести главах его книги. Говоря о неправильной архитектонике последней, я имею в виду именно эту часть. Другая часть (за исключением раздела о деньгах) состоит из практических применений, разъяснений и дополнений, которые по самому характеру своего содержания разбросаны беспорядочным образом и отнюдь не претендуют на какую-либо архитектонику. Что же касается неправильной архитектоники теоретической части (первых шести глав), то она не случайна, а обусловлена самим способом исследования Рикардо и той определенной задачей, которую он поставил перед собой в своем исследовании. Эта архитектоника выражает научную недостаточность самого этого способа исследования.

Первая глава трактует «о стоимости». Она распадается в свою очередь на семь отделов. В отделе первом исследуется собственно следующее: *противоречит ли заработная плата определению стоимостей товаров содержащимся в них рабочим временем?* В отделе третьем доказывается, что вхождение в стоимость товара того, что я называю постоянным капиталом, *не* противоречит определению стоимости и что повышение или падение заработной платы равным образом не влияет на стоимости товаров. В четвертом отделе исследуется, в какой мере применение машин и другого основного и длительно существующего капитала, — поскольку в различных сферах производства он в разных пропорциях входит в совокупный капитал, — изменяет определение меновых стоимостей рабочим временем. В пятом отделе исследуется, в какой мере повышение или падение заработной платы видоизменяет определение стоимостей рабочим временем, если в различных сферах производства применяются капиталы неодинаковой долговечности и с различным временем оборота. Итак, мы видим, что в этой первой главе предполагается существование не только *товаров*, — а ведь

никаких дальнейших предпосылок не должно быть при рассмотрении стоимости как таковой, — но предполагаются как нечто данное еще и заработная плата, капитал, прибыль, даже, как мы увидим, общая норма прибыли, различные формы капитала в том виде, в каком они проистекают из процесса обращения, а также и различие между «естественной и рыночной ценой», которое в двух следующих главах («О ренте» и «О ренте с рудников») играет даже решающую роль.

Эта глава 2-я («О ренте»), [526] — глава 3-я («О ренте с рудников») является всего лишь дополнением к ней, — в полном соответствии с ходом исследования у Рикардо, открывается опять-таки вопросом: *противоречат* ли земельная собственность и земельная рента определению стоимостей товаров рабочим временем?

«Остается, однако, еще рассмотреть», — так начинает Рикардо главу 2-ю («О ренте»), — «вызывает ли обращение земли в собственность и возникновение вследствие этого ренты какое-либо изменение в относительной стоимости товаров, независимо от необходимого для их производства количества труда» («Principles of Political Economy», 3rd edition, London, 1821, стр. 53) [Русский перевод, том I, стр. 65].

Чтобы выполнить это исследование, Рикардо не только вводит *en passant* * соотношение между «рыночной ценой» и «действительной ценой» (денежным выражением стоимости), но и предполагает, как нечто данное, все капиталистическое производство и всю свою концепцию соотношения между заработной платой и прибылью. Поэтому и получилось, что то, о чем говорится в главе 4-й («О естественной и рыночной цене»), в главе 5-й («О заработной плате») и в главе 6-й («О прибыли»), не только уже предположено, но и подробно развито в первых двух главах («О стоимости» и «О ренте»), а также в главе 3-й, представляющей собой приложение к главе 2-й. В следующих трех главах, поскольку они вообще дают что-нибудь *теоретически* новое, лишь там и сям восполняются пробелы, вводятся дополнительно более точные определения, которые большей частью должны были бы по праву найти себе место уже в 1 и 2-й главах.

Таким образом, все произведение Рикардо содержится в его первых двух главах. В них развитые буржуазные производственные отношения, а стало быть также и развитые категории политической экономии, поставлены на очную ставку с их принципом, с определением стоимости, и подвергнуты допросу на предмет выяснения того, в какой мере они непосредственно соответствуют этому принципу, или для выяснения того, как обстоит дело с теми кажущимися отклонениями, которые они

* — мимоходом. Ред.

вносят в стоимостное отношение товаров. Эти две главы книги Рикардо содержат всю его критику предшествующей политической экономии, решительный разрыв с присущим А. Смиту и пронизывающим все его произведение противоречием между эзотерическим и экзотерическим способом рассмотрения и благодаря этой критике дают вместе с тем некоторые совершенно новые и поразительные результаты. Отсюда то высокое теоретическое наслаждение, которое доставляют эти две первые главы, так как они кратко и сжато дают критику старых представлений, растекавшихся вширь и заводивших в тупики, и изображают всю буржуазную экономическую систему как подчиненную одному основному закону, выделяя и концентрируя самое существенное в разрозненных и многообразных явлениях. Но то теоретическое удовлетворение, которое доставляют эти две первые главы благодаря их оригинальности, единству основного воззрения, простоте, концентрированности, глубине, новизне и многообъемлющей сжатости изложения, неизбежно исчезает при дальнейшем чтении книги. Местами и здесь нас пленяет оригинальность отдельных рассуждений. Но в целом изложение вызывает утомление и скуку. Дальнейший ход изложения уже не является дальнейшим развитием мысли. Там, где изложение не заключается в монотонном формальном применении одних и тех же принципов к разнородному, по внешним признакам притяннутому материалу или в полемическом отстаивании этих принципов, оно только содержит либо повторения, либо дополнения; в лучшем случае в последних частях книги там и сям делается тот или иной поразительный вывод.

В нашей критике Рикардо мы должны различать то, чего сам он не различал. [Во-первых,] его *теорию прибавочной стоимости*, — эта теория, конечно, имеется у Рикардо, хотя он и не фиксирует *прибавочную стоимость* в ее отличии от ее особых форм: прибыли, ренты, процента. Во-вторых, его *теорию прибыли*. Мы начнем с анализа рикардовской трактовки прибыли, хотя место ему не в этом отделе, а в историческом приложении к *отделу III*⁶⁸.

[3) ПУТАНИЦА У РИКАРДО В ВОПРОСЕ ОБ АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ. НЕПОНИМАНИЕ ИМ ФОРМЫ СТОИМОСТИ]

Предварительно еще несколько замечаний о том, как Рикардо беспорядочно смешивает друг с другом [различные] определения «стоимости». На этом основывается полемика Бейли против Рикардо. Но это важно и для нас.

Сначала Рикардо называет стоимость *«меновою стоимостью»* и вместе с А. Смитом определяет ее как *«способность покупать другие блага»* («Principles», стр. 1) [Русский перевод, том I, стр. 33]. Это — меновая стоимость в том виде, в каком она прежде всего *выступает в явлении*. Но затем он переходит к действительному определению стоимости:

«Относительная стоимость товаров, существующая в настоящем или же прошедшая, определяется тем сравнительным количеством товаров, которое производится трудом» (там же, стр. 9) [Русский перевод, том I, стр. 38].

«Относительной стоимостью» здесь называется не что иное, как меновая стоимость, определяемая рабочим временем. Но *относительная стоимость* может иметь также и другой смысл, а именно — поскольку меновую стоимость одного товара я выражаю в потребительной стоимости другого, например меновую стоимость сахара — в потребительной стоимости кофе.

«Относительная стоимость двух товаров изменяется, и мы хотим знать, в каком из них произошло изменение» (там же, стр. 9) [Русский перевод, том I, стр. 38].

Какое изменение? Эту «относительную стоимость» Рикардо в дальнейшем называет также *«сравнительной стоимостью»* (там же, стр. 448 и сл.) [Русский перевод, том I, стр. 306 и сл.]. Мы хотим знать, в каком товаре произошло «изменение», т. е. мы хотим определить изменение той «стоимости», которая выше именовалась относительной стоимостью. Например, 1 фунт сахара = 2 фунтам кофе. Позже 1 фунт сахара = 4 фунтам кофе. «Изменение», которое мы хотим узнать, заключается в следующем: изменяется ли *«необходимое рабочее время»* для сахара или же для кофе, стоит ли теперь сахар вдвое большего количества рабочего времени, чем прежде, или же кофе стоит вдвое меньшего его количества, чем прежде, и какое из этих «изменений» в рабочем времени, соответственно необходимом для производства этих товаров, вызвало это изменение в их *меновом соотношении*. Таким образом, эта «относительная, или сравнительная, стоимость» сахара или кофе, — то соотношение, в котором они обмениваются, — отличается от относительной стоимости в первом смысле. Относительная стоимость сахара в ее первом смысле определяется той массой сахара, которая [527] может быть произведена в течение определенного рабочего времени. Во втором случае относительная стоимость сахара [и кофе] выражает то соотношение, в котором они обмениваются друг на друга, а изменения в этом соотношении могут проистекать из того, что «относительная стоимость» в первом

смысле изменилась для кофе или для сахара. То соотношение, в котором они обмениваются друг на друга, может остаться *тем же самым*, хотя их «относительные стоимости» в первом смысле изменились. 1 фунт сахара по-прежнему может равняться 2 фунтам кофе, хотя рабочее время, необходимое для производства сахара и кофе, увеличилось вдвое или уменьшилось наполовину. *Изменения в их сравнительной стоимости*, т. е. в том случае, когда меновая стоимость сахара выражается в кофе и наоборот, обнаружатся только тогда, если их *относительные стоимости* в первом смысле, т. е. стоимости, определяемые количеством труда, *изменились не в одинаковой мере* — следовательно, если произошло изменение в их *соотношении*. Абсолютные изменения, если они не меняют первоначального соотношения, т. е. если они одинаковы по своей величине и происходят в одном и том же направлении, не вызовут никакого изменения в сравнительных стоимостях этих товаров, а также и в их *денежных ценах*, так как стоимость денег, если она изменяется, изменяется в одинаковой мере для них обоих. Поэтому, выражаю ли я стоимость каждого из двух товаров в потребительной стоимости другого из них или в их денежной цене, представляя обе стоимости в потребительной стоимости третьего товара, — эти *относительные*, или *сравнительные*, стоимости, или цены, остаются теми же, и их изменения следует отличать от изменений их *относительных стоимостей* в первом смысле, т. е. поскольку они выражают исключительно лишь изменение количества рабочего времени, необходимого для их *собственного* производства, т. е. *овеществленного в них самих*. Эта последняя *относительная стоимость* выступает, стало быть, как «*абсолютная стоимость*» в сравнении с относительными стоимостями во втором смысле, в смысле реального выражения меновой стоимости одного товара в потребительной стоимости другого или в деньгах. Поэтому-то у Рикардо для обозначения «относительной стоимости» в первом смысле и встречается выражение «*абсолютная стоимость*».

Если в вышеприведенном примере 1 фунт сахара по-прежнему стоит такого же количества рабочего времени, как и раньше, то его «относительная стоимость» в первом смысле не изменилась. Если же кофе стоит вдвое меньшего количества труда, то стоимость сахара, выраженная в кофе, изменилась, так как изменилась «относительная стоимость» кофе в первом ее смысле. Таким образом, относительные стоимости сахара и кофе выступают как отличающиеся от их «абсолютных стоимостей», и это различие обнаруживается потому, что и сравнительная стоимость, например, сахара не изменилась по сравне-

нию с теми товарами, абсолютные стоимости которых остались без изменения.

«Исследование, к которому я хочу привлечь внимание читателя, касается влияния *изменений относительной*, а не *абсолютной стоимости товаров*» (там же, стр. 15) [Русский перевод, том I, стр. 41].

Эту «абсолютную» стоимость Рикардо в других случаях называет также «действительной стоимостью» или просто «*стоимостью*» (например, на стр. 16) [Русский перевод, том I, стр. 42].

Смотри полемику Бейли против Рикардо в книге: «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the Writings of Mr. Ricardo and his Followers. By the Author of Essays on the Formation and Publication of Opinions», London, 1825 (см. также того же автора: «A Letter to a Political Economist; occasioned by an article in the Westminster Review» etc., London, 1826). Вся полемика Бейли вращается частью вокруг этих различных моментов в определении понятия стоимости, которые у Рикардо не развиты, а только фактически наличествуют и смешиваются друг с другом и в которых Бейли находит лишь «противоречия». Во-вторых, она направлена против «абсолютной стоимости», или «действительной стоимости», в отличие от *сравнительной стоимости* (или *относительной стоимости* во втором смысле).

«Вместо того чтобы рассматривать стоимость как отношение между двумя вещами», — говорит Бейли в первом из названных произведений, — «они» (Рикардо и его последователи) «смотрят на нее как на положительный результат, произведенный определенным количеством труда» (назв. соч., стр. 30). Они рассматривают «стоимость как нечто внутреннее и абсолютное» (там же, стр. 8).

Последний упрек вызван недостатками в трактовке проблемы у Рикардо, так как он совсем не исследует стоимость со стороны формы, — той определенной формы, которую принимает труд как субстанция стоимости, — а исследует только величины стоимости, т. е. те или иные количества этого абстрактно-всеобщего и, в этой форме, общественного труда, которые обуславливают различие в *величинах стоимости* товаров. В противном случае Бейли увидел бы, что относительность понятия стоимости отнюдь не уничтожается тем, что все товары, поскольку они меновые стоимости, суть не что иное, как *относительные* выражения общественного труда, общественного рабочего времени, и ему стало бы ясно, что их относительность состоит отнюдь не только в том соотношении, в котором товары обмениваются друг на друга, но и в отношении всех меновых

стоимостей к этому общественному труду как к своей субстанции.

Наоборот, как мы увидим дальше, Рикардо следует упрекнуть скорее в том, что он очень часто забывает эту «действительную стоимость», или «абсолютную стоимость», и имеет в виду только «относительную стоимость», или «сравнительную стоимость».

[528] Итак:

[4)] ТРАКТОВКА ПРИБЫЛИ, НОРМЫ ПРИБЫЛИ, СРЕДНИХ ЦЕН И Т. Д. У РИКАРДО

[а) СМЕШЕНИЕ У РИКАРДО ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА С ОСНОВНЫМ И ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА С ОБОРОТНЫМ. НЕПРАВИЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОБ ИЗМЕНЕНИИ «ОТНОСИТЕЛЬНЫХ СТОИМОСТЕЙ» И ЕГО ФАКТОРАХ]

В III отделе 1-й главы Рикардо развивает следующую мысль: если мы говорим, что стоимость товара определяется рабочим временем, то это распространяется как на тот труд, который был затрачен в последнем процессе труда непосредственно на производство данного товара, так и на то рабочее время, которое было затрачено на сырой материал и средства труда, необходимые для производства этого товара; это распространяется, следовательно, не только на рабочее время, содержащееся во вновь присоединенном, оплаченном заработной платой, купленном труде, но также и на рабочее время, содержащееся в той части товара, которую я называю постоянным капиталом. Недостатки рикардовской трактовки этого вопроса обнаруживаются уже в заголовке этого отдела III главы 1-й. Он гласит:

«На стоимость товара влияет не только труд, непосредственно затраченный на производство товара, но также и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду» (стр. 16) [Русский перевод, том I, стр. 42].

Здесь пропущен сырой материал, а между тем труд, затраченный на сырой материал, точно так же отличается от «труда, непосредственно затраченного на производство товара», как и труд, затраченный на средства труда — «орудия, инструменты и здания». Но у Рикардо в голове уже следующий отдел. В III отделе он предполагает, что примененные средства труда входят в производство различных товаров *одинаковыми составными частями стоимости*. В следующем же отделе рассматривается различие, проистекающее из того, что основной капитал входит в производство в *различных пропорциях*. Поэтому Ри-

кардо и не приходит к понятию *постоянного капитала*, одна часть которого состоит из основного капитала, а другая — сырье и вспомогательные материалы — из оборотного капитала, точно так же как *оборотный капитал* не только включает в себя переменный капитал, но охватывает и сырье и пр., а также все те жизненные средства, которые входят в *потребление вообще* ⁶⁹ (а не только в потребление рабочих).

Та пропорция, в которой постоянный капитал входит в товар, влияет не на *стоимости* товаров, не на относительные количества труда, содержащиеся в товарах, а непосредственно влияет на различные количества *прибавочной стоимости* или *прибавочного труда*, заключающиеся в товарах, содержащих одинаковое количество рабочего времени. Эта различная пропорция приводит поэтому к отличающимся от стоимостей *средним ценам*.

Относительно отделов IV и V главы 1-й следует прежде всего заметить, что вместо того чтобы заняться в высшей степени важным и влияющим на *непосредственное производство прибавочной стоимости* различием в пропорции, в какой постоянный и переменный капитал образуют составные части одинаковой массы капитала в различных сферах производства, Рикардо занимается исключительно только теми различиями в форме капитала и в пропорциональных долях, приходящихся на ту или иную форму в составе капиталов одинаковой величины, — *теми различиями формы*, которые проистекают из *процесса обращения капитала*: основной и оборотный капитал, капитал в большей или меньшей мере основной (т. е. основной капитал различной долговечности) и неодинаковая быстрота обращения или оборотов капитала. И при этом Рикардо ведет свое исследование таким способом: он предполагает как нечто данное *общую норму прибыли*, или *среднюю прибыль одинаковой величины* для различных равновеликих вложений капитала или для различных сфер производства, в которых применяются равновеликие капиталы, или, что то же самое, он предполагает заранее, что прибыль пропорциональна *величине* применяемых в различных сферах производства капиталов. Вместо того чтобы *заранее предполагать* эту *общую норму прибыли*, Рикардо, наоборот, должен был бы исследовать, в какой мере вообще ее *существование* соответствует определению стоимостей рабочим временем, и тогда он нашел бы, что, вместо того чтобы соответствовать этому определению, она *prima facie* * ему *противоречит*, что, следовательно, ее существование надлежит еще вывести [entwickeln] при помощи целого ряда посредствующих

* — на первый взгляд. Ред.

звеньев, — выведение, весьма отличное от простого подведения под закон стоимости. Рикардо тогда получил бы вообще совсем иное представление о природе прибыли и не отождествил бы последнюю непосредственно с прибавочной стоимостью.

Сделав заранее *это предположение*, Рикардо задает себе затем вопрос: как повлияет на *относительные стоимости* повышение или падение заработной платы, если основной и оборотный капиталы входят в производство в различных пропорциях? Или, вернее сказать, *он воображает*, что рассматривает вопрос именно так. На деле же он рассматривает его совершенно иначе. Он рассматривает вопрос следующим образом: он спрашивает себя, как будет действовать повышение или падение заработной платы на *прибыль*, получаемую *соответственно* с таких капиталов, время оборота которых различно и в которых различные формы капитала содержатся в различных пропорциях. И тут он, естественно, находит, что в зависимости от того, входит ли много или мало основного капитала и т. д., повышение или падение заработной платы должно весьма различно влиять на капиталы, смотря по тому, состоит ли большая или меньшая часть последних из переменного капитала, т. е. из капитала, непосредственно затрачиваемого на заработную плату. Следовательно, для того чтобы снова выравнить прибыли в различных [529] сферах производства, иными словами, чтобы восстановить *общую норму прибыли*, цены товаров — в отличие от их *стоимостей* — должны регулироваться по-разному. *Значит*, — заключает он далее, — при повышении или падении заработной платы указанные различия влияют на *относительные стоимости*. Он должен был бы сказать наоборот: хотя эти различия несколько не касаются стоимостей самих по себе, они, благодаря своему неодинаковому влиянию на прибыли в различных сферах, создают отличающиеся от самих стоимостей средние цены, или, как мы будем говорить, *цены издержек*, которые определяются не прямо стоимостями товаров, а авансированным на эти товары капиталом плюс средняя прибыль. Следовательно, Рикардо должен был бы сказать: эти средние *цены издержек* отличны от *стоимостей* товаров. Вместо этого он заключает, что они *тождественны*, и с этой *ошибочной* предпосылкой переходит к рассмотрению земельной ренты.

Точно так же Рикардо заблуждается, полагая, что только исследуемые им три случая впервые приводят его к таким «изменениям» в *относительных стоимостях*, которые происходят независимо от содержащегося в товарах рабочего времени, следовательно, на деле к различию между ценами издержек

и стоимостями товаров. Это различие он уже допустил, предположив *общую норму прибыли*, т. е. предположив, что, несмотря на различные соотношения между органическими составными частями капиталов, последние приносят прибыль, пропорциональную их *величине*, тогда как приносимая ими прибавочная стоимость полностью определяется количеством неоплаченного рабочего времени, которое они поглощают и которое, при данной заработной плате, всецело зависит от размеров затраченной на заработную плату части капитала, а не от абсолютной величины капитала.

На деле мы имеем у Рикардо следующее: предположив *отличающиеся* от стоимостей товаров цены издержек, — а с допущением *общей нормы прибыли* это различие уже предположено, — Рикардо исследует, как эти цены издержек (которые теперь для разнообразия называются «относительными стоимостями») сами в свою очередь взаимно, в отношении друг к другу, модифицируются в результате повышения или падения заработной платы и при различных соотношениях между органическими составными частями капитала. При более глубоком проникновении в дело Рикардо нашел бы, что одно уже существование *общей нормы прибыли*, — при различиях в органических составных частях капитала, которые сперва, в непосредственном процессе производства, выступают как различие между переменным и постоянным капиталом, а затем еще больше увеличиваются благодаря различиям, проистекающим из процесса обращения, — обуславливает отличающиеся от *стоимостей цены издержек*, даже если предположить, что *заработная плата остается неизменной*. Другими словами, Рикардо нашел бы, что одно уже существование *общей нормы прибыли* обуславливает различие, *совершенно не зависящее* от повышения или падения заработной платы, и новое определение формы. Рикардо увидел бы также, что понимание этого различия имеет для теории в целом несравненно более важное и решающее значение, чем его анализ тех изменений в *ценах издержек* товаров, которые вызываются повышением или падением заработной платы. Вывод, которым он удовлетворяется, — а удовлетворенность этим выводом соответствует всему характеру его исследования, — состоит в следующем: если оговорить и учесть те *изменения в ценах издержек* (или, как он выражается, в «относительных стоимостях») товаров, которые, при различном органическом строении капиталов, вложенных в различные сферы, вытекают из изменений заработной платы, из ее повышения или падения, — то закон остается верным: здесь нет *противоречия* закону определения «относительных стоимостей» товаров

рабочим временем, ибо все другие более чем мимолетные изменения в ценах издержек товаров могут быть объяснены лишь изменением в количестве рабочего времени, соответственно необходимым для производства этих товаров.

Напротив, как большую заслугу следует рассматривать то, что различия между основным и оборотным капиталом Рикардо сопоставляет с различиями во времени оборота капитала и все эти различия выводит из различного времени обращения — следовательно, на деле из *времени обращения капитала, или времени воспроизводства капитала*.

Мы рассмотрим сперва самые эти различия в той мере, в какой Рикардо изображает их прежде всего в отделе IV (главы 1-й), а затем уже тот способ, каким они в его изображении действуют, вызывая изменения в «относительных стоимостях».

1) «В любом состоянии общества орудия, инструменты, здания и машины, употребляемые в различных отраслях, могут иметь *различную степень долговечности* и требовать *для своего производства различных количества труда*» (цит. соч., стр. 25) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Что касается «различных количеств труда, требуемых для их производства», то это может означать, — и, по-видимому, только это имеет в виду здесь Рикардо, — что менее долговечные орудия требуют отчасти для своего ремонта, отчасти для своего воспроизводства *большого количества* труда (повторяющегося непосредственного труда), или же это может также означать, что машины и т. д. *одинаковой степени долговечности* могут быть более или менее дороги, могут быть продуктом большего или меньшего количества труда. Эта последняя точка зрения, важная для понимания соотношения между переменным и постоянным капиталом, не имеет никакого отношения к рассматриваемому у Рикардо вопросу, а потому нигде и не принимается им как самостоятельная точка зрения.

[530] 2) «Точно так же капитал, предназначенный для содержания труда» (переменный капитал), «и капитал, вложенный в орудия, машины и здания» (основной капитал), «могут *комбинироваться в различных соотношениях между собой*». Мы имеем, таким образом, «различие в *степени долговечности основного капитала* и разнообразие соотношений, в каких могут комбинироваться оба вида капитала» (стр. 25) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Сразу видно, почему Рикардо не интересуется та часть постоянного капитала, которая существует в качестве сырого материала. Последний сам принадлежит к оборотному капиталу. Если заработная плата повышается, то это не вызывает *увеличения расходов* для той части капитала, которая состоит из машин и не требует *замещения*, а продолжает существовать,

но это вызывает увеличение расходов для той части, которая состоит из *сырого материала*, так как последний должен постоянно пополняться, а значит, и постоянно воспроизводиться.

«Пища и одежда, потребляемые рабочим, здание, в котором он работает, орудия, содействующие его труду, — все это имеет *преходящий характер*. Но существует большая разница в том времени, в продолжение которого все эти различные капиталы будут служить... В зависимости от того, быстро ли уничтожается капитал и *часто* ли он требует *воспроизведения* или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному или к основному капиталу» (стр. 26) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Таким образом, здесь различие между основным и оборотным капиталом сводится к различию во *времени воспроизводства* (совпадающем с временем обращения).

3) «Следует также отметить, что *оборотный капитал может оборачиваться, или возвращаться к своему хозяину, в весьма неодинаковые промежутки времени*. Пшеница, купленная фермером для посева *, представляет собой основной капитал по сравнению с пшеницей, купленной булочником для изготовления хлеба. Один оставляет ее в земле и не может получить обратно раньше чем через год; другой может перемолоть ее в муку и продать в виде хлеба своим покупателям, в результате чего спустя неделю его капитал высвободится для возобновления того же самого дела или для того, чтобы начать какое-нибудь новое дело» (стр. 26—27) [Русский перевод, том I, стр. 50].

Отчего происходит *это* различие во времени обращения различных оборотных капиталов? Оттого, что один и тот же капитал в одном случае дольше задерживается в *сфере производства в собственном смысле*, хотя *процесс труда* не продолжается в течение всего этого времени. Так обстоит дело с вином, которое оставляется в погребе, чтобы оно достигло зрелости, с известными химическими процессами при дублении кож, при окрашивании и т. д.

«Так, две отрасли хозяйства могут применять *капитал одинаковой величины*; но капитал этот может самым различным образом подразделяться на основной и оборотный капитал» (стр. 27) [Русский перевод, том I, стр. 50].

4) «Далее, два фабриканта могут применять основной и оборотный капитал одной и той же величины; но *долговечность их основных капиталов* (следовательно, и время их воспроизводства) «может быть весьма различной. Один может иметь паровые машины стоимостью в 10 000 ф. ст., другой — корабли такой же стоимости» (стр. 27—28) [Русский перевод, том I, стр. 50].

«Различные степени долговечности... капиталов, или, что то же самое, ...различия во времени, которое должно пройти, прежде чем на рынок

* Здесь г-н Родбертус может убедиться, что семена в Англии «покупаются».

сможет поступить партия тех или иных товаров» (стр. 30) [Русский перевод, том I, стр. 51].

5) «Едва ли нужно говорить о том, что товары, на производство которых затрачено одинаковое количество труда, будут отличаться друг от друга по меновой стоимости, если они не могут поступить на рынок в одинаковый промежуток времени» (стр. 34) [Русский перевод, том I, стр. 54].

Итак, мы имеем: 1) различие в соотношении между основным и оборотным капиталом; 2) различие в обращении *оборотного* капитала вследствие перерыва в процессе труда, в то время как процесс производства продолжается; 3) различие в *долговечности* основного капитала; 4) различие в отношении того, сколько времени вообще (без учета перерывов в рабочем времени, независимо от различия между временем производства и рабочим временем⁷⁰) товар подвергается процессу труда, прежде чем он может вступить в процесс обращения в собственном смысле. Последний случай Рикардо изображает так:

«Предположим, что я занимаю в продолжение года для производства какого-нибудь товара 20 рабочих с затратой на них 1 000 ф. ст. и по истечении года снова занимаю 20 рабочих в продолжение следующего года, вновь затрачивая на них 1 000 ф. ст., для окончательной отделки или более совершенной обработки того же товара — и в конце второго года доставляю товар на рынок. Если *прибыль составляет 10%*, мой товар должен быть продан за 2 310 ф. ст., потому что в течение первого года я применял 1 000 ф. ст. капитала, а в течение следующего года — 2 100 ф. ст. капитала. Другой человек применяет точно такое же количество труда, но он применяет его целиком в течение первого года; он занимает 40 рабочих, затрачивая на них 2 000 ф. ст., и в конце первого года продает свой товар с 10%-й прибылью, т. е. за 2 200 ф. ст. Таким образом, здесь мы имеем два товара, на которые *затрачено совершенно одинаковое количество труда* и из которых один продается за 2 310, а другой — за 2 200 ф. ст.» (стр. 34) [Русский перевод, том I, стр. 54].

[531] Но как же это различие — в степени ли долговечности основного капитала или во времени обращения оборотного капитала или в тех соотношениях, в которых комбинируются между собой оба эти вида капитала, или, наконец, во времени, какое требуется [для поступления на рынок] различным товарам, на которые затрачено одинаковое количество труда, — как же это различие вызывает изменение в *относительных стоимостях* этих товаров? Рикардо сначала говорит, что это происходит вследствие того, что

«это различие... и разнообразие соотношений» и т. д. «*вводят другую причину изменения относительных стоимостей товаров помимо большего или меньшего количества труда, необходимого для их производства: эта причина есть повышение или падение стоимости труда*» (стр. 25—26) [Русский перевод, том I, стр. 49].

А как это доказывается?

«Повышение заработной платы по необходимости должно оказывать неодинаковое воздействие на *товары*, производимые при столь различных условиях» (стр. 27) [Русский перевод, том I, стр. 50],

а именно, там, где — при применении капиталов *одинаковых размеров* в *различных* отраслях хозяйства — один капитал состоит главным образом из основного капитала и только в незначительной части из капитала, «затрачиваемого на содержание труда», в то время как у другого капитала дело обстоит как раз наоборот. Прежде всего, нелепо говорить о воздействии на «товары». Рикардо имеет в виду их *стоимости*. Но в какой мере стоимости подвергаются воздействию со стороны этих обстоятельств? Ни в какой! Что подвергается воздействию, так это в обоих случаях — прибыль. Например, человек, затрачивающий в виде переменного капитала только $\frac{1}{5}$ своего капитала, при одинаковой заработной плате и одинаковой норме прибавочного труда, может произвести на 100, — если норма прибавочной стоимости равна 20%, — только 4 единицы прибавочной стоимости; другой же, затративший в виде переменного капитала $\frac{4}{5}$ своего капитала, произведет 16 единиц прибавочной стоимости. Ибо в первом случае капитал, затраченный на заработную плату, равен $\frac{100}{5}$, т. е. 20, а $\frac{1}{5}$ (или 20%) от двадцати будет 4. Во втором же случае капитал, затраченный на заработную плату, равен $\frac{4}{5} \times 100$, т. е. 80. А $\frac{1}{5}$ (или 20%) от восьмидесяти будет 16. В первом случае прибыль была бы равна 4, а во втором 16. Средняя прибыль для обоих капиталов была бы $\frac{16+4}{2}$, или $\frac{20}{2}$, т. е. 10%. Это, собственно, и есть тот случай, о котором говорит Рикардо. Таким образом, если бы оба предпринимателя продавали по ценам издержек, — а это и *предполагает* Рикардо, — то каждый из них продавал бы свой товар за 110. Предположим теперь, что заработная плата повышается, например, на 20% своей прежней суммы. Раньше один рабочий обходился предпринимателю в 1 ф. ст., а теперь он обходится в 1 ф. ст. 4 шилл., или 24 шилл. Первый из этих двух предпринимателей по-прежнему должен затрачивать в виде постоянного капитала 80 ф. ст. (так как Рикардо здесь отвлекается от материала труда, то и мы можем сделать то же), а на оплату 20 рабочих, которых он применяет, он затратит сверх 20 ф. ст. еще 80 шилл., т. е. на 4 ф. ст. больше. Таким образом,

его капитал должен теперь равняться 104 ф. ст. И на его долю из 110 ф. ст. достанется только 6 ф. ст. прибыли, так как рабочие произвели для него вместо большей прибавочной стоимости меньшую прибавочную стоимость. 6 ф. ст. на 104 составляют $5\frac{10}{13}\%$. Напротив, другой предприниматель, который применяет 80 рабочих, должен был бы платить на 320 шилл., т. е. на 16 ф. ст., больше. Ему пришлось бы, следовательно, затратить 116 ф. ст. И если бы он был вынужден продавать свой товар за 110, то он имел бы, вместо прибыли, убыток в 6 ф. ст. Но этот случай имеет место только потому, что средняя прибыль уже модифицировала отношение между затратой данного предпринимателя на труд и произведенной в его собственном предприятии прибавочной стоимостью.

Таким образом, вместо исследования важного вопроса о том, какие должны произойти изменения, чтобы один предприниматель, затрачивающий на заработную плату 80 ф. ст. из 100, не получал прибыли в четыре раза большей, чем другой, затрачивающий на заработную плату только 20 ф. ст. из 100, Рикардо исследует побочный вопрос о том, как это происходит, что после того как была выравнена эта значительная разница, — стало быть, при данной норме прибыли, — всякое изменение этой нормы прибыли, например вследствие повышения заработной платы, гораздо больше затрагивает того предпринимателя, который при капитале в 100 ф. ст. применяет много рабочих, чем другого, который при капитале в 100 ф. ст. применяет мало рабочих, и что поэтому — при одинаковой норме прибыли — цены товаров, или *цены издержек*, у одного должны повышаться, а у другого — падать, чтобы норма прибыли и дальше оставалась одинаковой.

Первая иллюстрация, которую дает Рикардо, не имеет абсолютно никакого отношения к *«повышению стоимости труда»*, хотя он предварительно и возвестил нам, что именно от этой причины должно происходить все изменение в *«относительных стоимостях»*. Иллюстрация эта такова:

«Предположим, что два лица применяют в течение года по сто рабочих для сооружения двух машин, а третье лицо применяет такое же количество рабочих для производства хлеба; в конце года каждая из машин будет иметь такую же стоимость, как и хлеб, потому что каждый из всех этих трех товаров будет произведен одним и тем же количеством труда. Предположим теперь, что один из владельцев машин употребит свою машину в следующем году на производство сукна с помощью ста рабочих, а другой использует свою машину для изготовления ситца, тоже с помощью ста рабочих, тогда как фермер продолжает по-прежнему применять 100 рабочих для производства хлеба. Во втором году все они будут применять одинаковое количество труда»

{т. е. они затратят одинаковый капитал на заработную плату, но отнюдь не будут применять *одинакового количества труда*},

«но продукты фабриканта сукна вместе с его машиной [532] и продукты фабриканта ситца, также вместе с его машиной, будут результатом годового труда двухсот рабочих, или, вернее, труда ста рабочих в течение двух лет, тогда как хлеб будет результатом труда ста рабочих в течение одного года; следовательно, если хлеб имеет стоимость в 500 ф. ст., то машина и сукно фабриканта сукна должны стоить вместе 1 000 ф. ст.; и точно так же машина и ситец фабриканта ситца должны иметь стоимость, вдвое превышающую стоимость хлеба. Но они будут превышать стоимость хлеба более чем вдвое, ибо прибыль на капитал фабриканта сукна и фабриканта ситца за первый год была присоединена к их капиталам, тогда как фермер свою прибыль израсходовал на свои личные нужды и удовольствия. Таким образом, вследствие различной степени долговечности их капиталов, или, что то же самое, вследствие различия во времени, которое должно пройти, прежде чем на рынок сможет поступить партия тех или иных товаров, стоимости этих товаров будут не вполне точно пропорциональны затраченным на них количествам труда. В данном случае отношение стоимостей будет не 2 : 1, а несколько больше, чтобы получилась компенсация за более продолжительное время, которое должно пройти, прежде чем более дорогой из товаров сможет поступить на рынок. Предположим, что за труд каждого рабочего уплачивается 50 ф. ст. в год, или что употреблен капитал в 5 000 ф. ст., а прибыль составляет 10%; тогда стоимость каждой из машин, а также и стоимость хлеба, составит в конце первого года 5 500 ф. ст. В течение второго года как фабриканты, так и фермер опять затратят каждый по 5 000 ф. ст. на содержание труда и поэтому они снова продадут свои продукты за 5 500 ф. ст. Но для того, чтобы остаться в равных условиях с фермером, оба фабриканта, применяющие машины, должны получить не только 5 500 ф. ст. за одинаковый с фермером капитал в 5 000 ф. ст., затраченный ими на труд, но еще добавочную сумму в 550 ф. ст. как прибыль на те 5 500 ф. ст., которые они вложили в машины, и, следовательно» (потому именно, что одинаковая годовая норма прибыли в 10% предполагается как необходимость и закон), «их продукты должны быть проданы за 6 050 ф. ст.».

{Таким образом, в результате средней прибыли — той общей нормы прибыли, которую Рикардо заранее предполагает, — возникают отличающиеся от стоимостей товаров средние цены, или цены издержек.}

«Здесь, следовательно, мы имеем перед собой капиталистов, применяющих в течение года совершенно одинаковое количество труда для производства своих товаров, и тем не менее производимые ими товары различаются по своей стоимости вследствие того, что неодинаковы количества применяемого каждым из них основного капитала, или накопленного труда».

{Не вследствие этого, а вследствие того, что все эти негодяи одержимы навязчивой идеей *, что каждый из них должен

* Игра слов: «fixed capital» — «основной капитал», «fixed idea» — «навязчивая идея». Ред.

получить одинаковую добычу в результате той «поддержки, которую они оказали труду», или что их товары, какова бы ни была их *стоимость*, должны продаваться по *средним ценам*, которые каждому из них доставляют одинаковую норму прибыли.}

«Сукно и ситец имеют одинаковую стоимость, так как они — продукты одинаковых количеств труда и одинаковых количеств основного капитала; но хлеб не имеет *одинаковой стоимости*» {надо было сказать: *цены издержек*} «с этими товарами, потому что, поскольку дело касается *основного капитала*, хлеб производится при *иных условиях*» (стр. 29—31) [Русский перевод, том I, стр. 51—52].

Этот в высшей степени неуклюжий и столь запутанный пример Рикардо дает для иллюстрации в высшей степени простой вещи — вместо того чтобы сказать просто: так как равновеликие капиталы, каково бы ни было соотношение между их органическими частями или каково бы ни было время их обращения, приносят *равновеликие прибыли*, что невозможно, если товары продаются по *их стоимостям* и т. д., то существуют отличающиеся от этих стоимостей *цены издержек* товаров. И притом это уже содержится в понятии *общей нормы прибыли*.

Разберем этот сложный пример и сведем его к его отнюдь не «сложным» истинным размерам. Начнем при этом с конца и сразу же, для более ясного понимания вопроса, отметим, что, согласно «предположениям» Рикардо, фермеру и хлопчатобумажному молодчику сырой материал ничего не стоит; что фермер, далее, не затрачивает никакого капитала на орудия труда; что, наконец, ни одна часть основного капитала, вложенного хлопчатобумажным псом, не входит в его продукт в качестве возмещения износа. Хотя все эти предположения нелепы, однако сами по себе они нисколько не мешают иллюстрации.

При всех этих предположениях пример, приводимый Рикардо, если начать с конца, таков: фермер затрачивает 5 000 ф. ст. на заработную плату; хлопчатобумажная каналья затрачивает 5 000 на заработную плату и 5 500 — на машины. Следовательно, первый затрачивает 5 000 ф. ст., а второй — 10 500, т. е. [533] вдвое больше первого. Если тот и другой должны получать 10% прибыли, то фермер должен продать свой товар за 5 500, а хлопчатобумажный молодчик — за 6 050 ф. ст. (так как предполагается, что из 5 500, вложенных в машины, ни одна доля не образует составной части стоимости продукта в качестве возмещения износа машин). Абсолютно нельзя понять, что Рикардо уяснил себе этим кроме того, что цены издержек товаров, поскольку они определяются стоимостью содержащихся в товарах авансов плюс один и тот же

годовой процент прибыли, *отличаются* от стоимостей товаров и что это различие проистекает из факта продажи товаров по таким ценам, которые приносят одну и ту же *норму прибыли* на авансированный капитал; что это различие между *ценами издержек* и *стоимостями*, короче говоря, тождественно с *общей нормой прибыли*. Даже различие между основным и оборотным капиталом, которое Рикардо здесь вводит, является в этом примере чистой уверткой. Ведь если бы, например, те добавочные 5 500 ф. ст., которые применяет фабрикант ситца, заключались в сыром материале, тогда как фермеру не нужны были бы семена и пр., то получился бы совершенно такой же результат.

Пример этот точно так же не показывает, вопреки утверждению Рикардо, что

«производимые ими» (фабрикантом ситца и фермером) «товары различаются по своей стоимости *вследствие того, что неодинаковы количества* применяемого каждым из них *основного капитала*, или накопленного труда» (стр. 31) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Ибо, согласно предположению Рикардо, у хлопчатобумажного фабриканта основной капитал равен 5 500 ф. ст., у фермера же он равен нулю; один применяет основной капитал, а другой не применяет. Следовательно, они отнюдь не применяют его «в неодинаковых количествах», совершенно так же, как нельзя сказать о двух людях, из которых один потребляет мясо, а другой не потребляет его, что оба они потребляют мясо «в неодинаковых количествах». Напротив, верным (хотя здесь это совершенно неправильно введено контрабандой при помощи словечка «или») является то, что фабрикант ситца и фермер «в неодинаковых количествах» применяют «накопленный труд», т. е. овеществленный труд, а именно — один на 10 500 ф. ст., а другой только на 5 000. Но применение ими «неодинаковых количеств накопленного труда» ничего иного не означает, как только то, что они вкладывают в свои предприятия «неодинаковые количества капитала», что масса прибыли находится в зависимости от этого различия в величине примененных ими капиталов, так как предполагается *одна и та же норма прибыли*, и что, наконец, это различие в массе прибыли, пропорциональной величине капиталов, получает свое выражение, свое проявление в соответствующих ценах издержек товаров.

Откуда же проистекает неуклюжесть приводимой Рикардо иллюстрации?

«Здесь, следовательно, мы имеем перед собой капиталистов, применяющих *в течение года* совершенно *одинаковое количество труда* для производства своих товаров, и тем не менее производимые ими товары различаются по своей стоимости» (стр. 30—31) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Это значит, что они применяют не вообще одинаковое количество труда — непосредственного труда и накопленного труда, вместе взятых, — а применяют одинаковое количество переменного, затрачиваемого на заработную плату, капитала, одинаковое количество живого труда. И так как деньги обмениваются на накопленный труд, т. е. на товары, существующие в форме машин и т. д., только в соответствии с законом обмена товаров; так как *прибавочная стоимость* возникает только из того, что часть применяемого живого труда присваивается без оплаты, — то ясно (ибо, согласно предположению, ни одна часть машин не входит в товар в качестве износа), что оба капиталиста могут получать одну и ту же прибыль только в том случае, когда прибыль и прибавочная стоимость тождественны. Хлопчатобумажный фабрикант должен был бы продавать свой товар, как и фермер, за 5 500 ф. ст., хотя он затрачивает в два с лишним раза больший капитал. И даже если бы машины целиком входили в стоимость товара, фабрикант ситца мог бы продавать свой товар только за 11 000 ф. ст., т. е. он не получал бы и 5% прибыли, тогда как фермер получает 10%. Но при таких *неравных* прибылях фермер и фабрикант продавали бы свои товары по их *стоимостям*, если предположить, что 10%, получаемые фермером, представляют действительный, содержащийся в его товаре неоплаченный труд. Значит, если они продают свои товары с одинаковой прибылью, то необходимо одно из двух: или фабрикант произвольно набавляет 5% на свои товары, и тогда товары фабриканта и фермера, вместе взятые, продаются *выше* их стоимости; или действительная прибавочная стоимость, которую извлекает фермер, составляет приблизительно 15%, и оба они получают на свои товары среднюю прибыль в 10%. В этом последнем случае, хотя цена издержек соответствующего товара каждый раз стоит выше или ниже его стоимости, *сумма* товаров *продается по их стоимости*, а само выравнивание прибылей определяется суммой, содержащейся в товарах прибавочной стоимости. Здесь, в вышеприведенной фразе Рикардо, если ее надлежащим образом видоизменить, содержится та правильная мысль, что различие в соотношении между переменным и постоянным капиталом неизбежно приводит к тому, что при одинаковой величине затраченного капитала должны производиться товары, имеющие различную стоимость и приносящие поэтому различную прибыль; что выравнивание этих прибылей должно вследствие этого порождать *отличающиеся* от стоимостей товаров *цены издержек*. «Здесь, следовательно, мы имеем перед собой капиталистов, применяющих в течение года совершенно одинаковое количество» (непо-

средственного, живого) «труда для производства своих товаров, и тем не менее производимые ими товары различаются по своей стоимости» (т. е. имеют цены издержек, отличающиеся от их стоимостей) «вследствие того, что неодинаковы количества применяемого каждым из них... накопленного труда». Однако эта догадка остается у Рикардо невысказанной. Она только объясняет сбивчивость и явную ошибочность приводимой им иллюстрации, которая до сих пор не имела никакого отношения к «неодинаковым количествам применяемого капиталистами *основного капитала*».

Продолжим теперь наш анализ дальше. Фабрикант сооружает в первом году машину, наняв для этого 100 рабочих; фермер в это же время производит хлеб, наняв также 100 рабочих; во втором году фабрикант пускает в дело машину и производит с ее помощью ситец, для чего он снова применяет 100 рабочих. Фермер, напротив, снова применяет 100 рабочих для возделывания хлеба. Предположим, говорит Рикардо, что стоимость хлеба ежегодно составляет 500 ф. ст. Предположим, что неоплаченный труд составляет 25% оплаченного, т. е. что на 400 единиц оплаченного труда приходится 100 единиц неоплаченного. Тогда машина имела бы в конце первого года стоимость тоже в 500 ф. ст., из которых 400 ф. ст. равны оплаченному труду, а 100 ф. ст. представляют неоплаченный труд. Примем, [534] что к концу второго года вся машина полностью изношена и вошла в стоимость ситца. На деле Рикардо это и предполагает, так как в конце второго года он сравнивает со «стоимостью хлеба» не одну только стоимость ситца, а «стоимость ситца и машины».

Прекрасно! Стоимость ситца должна в таком случае равняться в конце второго года 1 000 ф. ст., а именно 500 ф. ст. составят стоимость машины и 500 — стоимость, вновь присоединенную трудом. Напротив, стоимость хлеба равняется 500 ф. ст., а именно 400 ф. ст. заработной платы и 100 ф. ст. неоплаченного труда. До сих пор в этом случае нет еще ничего такого, что *противоречило бы закону стоимости*. Хлопчатобумажный фабрикант получает 25% прибыли совершенно так же, как и фабрикант хлеба; но товар первого равен 1 000 ф. ст., а товар второго равен 500 ф. ст., так как в товаре первого содержится труд 200 рабочих, а в товаре второго ежегодно содержится труд только 100 рабочих. Далее: те 100 ф. ст. прибыли (прибавочной стоимости), которые фабрикант ситца получил в первом году в результате сооружения машины, всосавшей в себя без оплаты $\frac{1}{5}$ рабочего времени строивших ее рабочих, — эти 100 ф. ст. реализуются для него лишь во втором году, ибо он

только теперь реализует в стоимости ситца также и стоимость машины. Но тут-то и возникает загвоздка. Фабрикант ситца продает свой товар за сумму денег, превышающую 1 000 ф. ст., т. е. по более высокой стоимости, чем содержится в его товаре, между тем как фермер продает хлеб за 500 ф. ст., т. е., согласно предположению, по стоимости хлеба. Таким образом, если бы обмен должен был происходить только между этими двумя лицами, т. е. если бы фабрикант выменивал хлеб у фермера, а фермер — ситец у фабриканта, то получилось бы то же самое, как если бы фермер продавал свой товар *ниже* его стоимости, выручая меньше 25% прибыли, а фабрикант продавал ситец *выше* его стоимости. Отбросим здесь двух капиталистов (фабриканта сукна и фабриканта ситца), которых Рикардо вводит в свой пример без всякой надобности, и видоизменим этот пример так, что речь будет идти только об одном фабриканте ситца. Для рассматриваемой нами иллюстрации этот двойной счет пока что совершенно бесполезен. Итак:

«Но они» (хлопчатобумажные товары) «будут превышать стоимость хлеба более чем вдвое, ибо прибыль на капитал... фабриканта ситца за первый год была присоединена к его капиталу, тогда как фермер свою прибыль израсходовал на свои личные нужды и удовольствия».

(Эта последняя, в буржуазном духе прикрашивающая фраза здесь теоретически совершенно лишена смысла. Моральные соображения не имеют никакого отношения к рассматриваемому вопросу.)

«Таким образом, вследствие различной степени долговечности их капиталов, и а и, что то же самое, вследствие различия во времени, которое должно пройти, прежде чем на рынок сможет поступить партия тех или иных товаров, стоимости этих товаров будут не вполне точно пропорциональны затраченным на них количествам труда. В данном случае отношение стоимостей будет не 2 : 1, а несколько больше, чтобы получилась компенсация за более продолжительное время, которое должно пройти, прежде чем более дорогой из товаров сможет поступить на рынок» (стр. 30) [Русский перевод, том I, стр. 51].

Если бы фабрикант продавал товар по его стоимости, он продавал бы его за 1 000 ф. ст., вдвое дороже хлеба, так как в его товаре содержится вдвое больше труда: 500 ф. ст. накопленного труда в виде машин (из этих 500 ф. ст. он 100 не оплатил) и 500 ф. ст. в виде труда по производству ситца, из которых фабрикант опять-таки 100 не оплатил. Но он считает следующим образом. В первый год я затратил 400 ф. ст. и благодаря этому создал путем эксплуатации рабочих машину, которая стоит 500 ф. ст. Следовательно, я получил прибыль в 25%. Во второй год я затрачиваю 900 ф. ст., а именно 500 в виде упомянутой машины и 400 снова в виде труда. Чтобы получить снова 25%

прибыли, я должен продать ситец за 1 125 ф. ст., т. е. на 125 ф. ст. *выше* его стоимости. Ибо эти 125 ф. ст. не представляют никакого содержащегося в ситце труда, ни накопленного в первом году, ни вновь присоединенного во втором. Общая сумма труда, заключающегося в ситце, составляет лишь 1 000 ф. ст. Предположим, с другой стороны, что оба они обмениваются друг с другом своими товарами, или что половина капиталистов находится в положении хлопчатобумажного фабриканта, а другая половина — в положении фермера. Откуда первая половина капиталистов получит те 125 ф. ст., которые должны быть ей уплачены? Из какого фонда? Очевидно, она получит их только от второй половины капиталистов. Но тогда ясно, что эта вторая половина капиталистов не получает 25% прибыли. Таким образом, первая половина капиталистов надувала бы вторую под предлогом *общей нормы прибыли*, тогда как в действительности норма прибыли составляла бы для фабриканта 25%, а для фермера — меньше 25%. Следовательно, дело должно обстоять иначе.

Чтобы сделать иллюстрацию более правильной и более наглядной, предположим, что фермер затрачивает во втором году 900 ф. ст. Тогда, при норме прибыли в 25%, он получит в *первом году* 100 ф. ст. прибыли на затраченные им 400 ф. ст., во *втором году* — 225, а всего 325 ф. ст. Напротив, фабрикант получает в первом году 25% на 400 ф. ст., а во втором году — только 100 ф. ст. на 900 ф. ст. (так как вложенные в машины 500 ф. ст. не приносят прибавочной стоимости, а приносят ее только 400 ф. ст., затраченные на заработную плату), что составляет только $11\frac{1}{9}\%$. Или пусть фермер опять затратит 400 ф. ст.; тогда он как в первом, так и во втором году получит 25%; всего за оба года вместе — 200 ф. ст. на затраченные 800 ф. ст., т. е. также 25%. Напротив, фабрикант получает в первом году 25%, во втором — $11\frac{1}{9}\%$, в два года — 200 ф. ст. на затраченные 1 300 ф. ст., т. е. $15\frac{5}{13}\%$. Таким образом, при выравнивании прибылей фабрикант выручил бы $20\frac{5}{26}\%$ и столько же выручил бы и фермер ⁷¹. Это была бы средняя прибыль. Это дало бы [во втором году] для товара фермера цену издержек меньше 500 ф. ст., а для товара фабриканта — больше 1 000 ф. ст.

[535] Во всяком случае фабрикант затрачивает здесь в первом году 400 ф. ст., во втором — 900 ф. ст., между тем как фермер затрачивает каждый раз только 400 ф. ст. Если бы фабрикант вместо производства хлопчатобумажных товаров строил дом (т. е. если бы он был строителем), то к концу первого года 500 ф. ст. заключались бы в недостроенном доме, и ему надо

было бы затратить еще 400 ф. ст. на труд, чтобы достроить дом. Фермер, капитал которого обернулся за год, может из 100 ф. ст. прибыли снова капитализировать некоторую часть, например 50 ф. ст., вновь затратить ее на труд, чего фабрикант в предположенном случае сделать не может. И для того чтобы норма прибыли в обоих случаях была *одна и та же*, товар одного должен быть продан *выше* его стоимости, а товар другого — *ниже* его стоимости. Так как конкуренция стремится выравнить стоимости в цены издержек, то это и происходит на самом деле.

Но Рикардо ошибается, когда он говорит, что изменение в относительных стоимостях имеет здесь место «вследствие различной степени долговечности капиталов», или «вследствие различия во времени, которое должно пройти, прежде чем на рынок сможет поступить партия тех или иных товаров». Напротив, именно заранее предположенная *общая норма прибыли* создает, несмотря на то различие стоимостей, которое обусловлено процессом обращения, одинаковые *цены издержек*, *отличающиеся* от этих стоимостей, определяемых лишь рабочим временем.

Иллюстрация Рикардо распадается на два примера. В последнем из них не играет никакой роли *долговечность* капитала, или характер его как основного капитала. Речь идет только о капиталах разной величины, у которых, однако, на заработную плату затрачивается одинаковая сумма капитала, одинаковый переменный капитал, а прибыли должны быть одинаковы, хотя прибавочные стоимости и стоимости у них по необходимости — разные.

В первый пример *долговечность* капитала опять-таки не входит. Речь идет о *более продолжительном процессе труда* — о более продолжительном пребывании товара в сфере производства до того, как он может вступить в обращение, до того, как он *изготовлен*. Здесь у Рикардо фабрикант тоже применяет во втором году больший капитал, чем фермер, хотя в течение обоих лет он затрачивает одинаковый с фермером переменный капитал. Но фермер вследствие более кратковременного пребывания его товара в процессе труда, вследствие более быстрого превращения товара в деньги, может применить во втором году больший переменный капитал. Кроме того, та часть прибыли, которая потребляется в виде дохода, у фермера может пойти в потребление в конце первого года, а у фабриканта — только в конце второго года. Фабрикант должен, стало быть, расходовать на свое содержание добавочный капитал, *авансировать* его себе. Впрочем, это всецело зависит здесь от того, в какой мере обращающиеся в течение года капиталы вновь капитали-

зируют свои прибыли, стало быть от действительной величины созданных прибылей, чтобы возможно было компенсировать второй случай, *выравнить* прибыли. Там, где ничего нет, нечего и выравнивать. Здесь капиталы опять-таки производят стоимости, а значит прибавочные стоимости, значит и прибыли, не пропорционально своей величине. Чтобы имела место эта пропорциональность, должны существовать *цены издержек*, отличающиеся от стоимостей.

Рикардо приводит еще третью иллюстрацию, но она *точно* совпадает с первым примером первой иллюстрации и не содержит ни одного нового слова.

«Предположим, что я занимаю в продолжение года для производства какого-нибудь товара 20 рабочих с затратой на них 1 000 ф. ст. и по истечении года снова занимаю 20 рабочих в продолжение следующего года, вновь затрачивая на них 1 000 ф. ст., для окончательной отделки или более совершенной обработки того же товара — и в конце второго года доставляю товар на рынок. Если прибыль составляет 10%, мой товар должен быть продан за 2 310 ф. ст., *потому что* в течение первого года я применял 1 000 ф. ст. капитала, а в течение следующего года — 2 100 ф. ст. капитала. Другой человек применяет точно такое же количество труда, но он применяет его целиком в течение первого года; он занимает 40 рабочих, затрачивая на них 2 000 ф. ст., и в конце первого года продает свой товар с 10%-й *прибылью*, т. е. за 2 200 ф. ст. Таким образом, здесь мы имеем два товара, на которые затрачено совершенно одинаковое количество труда и из которых один продается за 2 310, а другой — за 2 200 ф. ст. Этот случай *по видимости* отличается от предыдущего, но *по сути дела* одинаков с ним» (стр. 34—35) [Русский перевод, том I, стр. 54].

Он одинаков с предыдущим не только «по сути дела», но и «по видимости», с той только разницей, что в предыдущем случае товар именуется «машиной», а здесь — просто «товаром». В первом примере фабрикант затрачивал в первом году 400 ф. ст. и во втором году — 900 ф. ст., а на этот раз в первом году затрачивается 1 000 и во втором году — 2 100 ф. ст. Фермер в прежнем примере затрачивал в первом году 400 ф. ст. и во втором — тоже 400 ф. ст. На этот раз второй предприниматель затрачивает в первом году 2 000 ф. ст., а во втором — совсем ничего. В этом вся разница. Но «fabula docet» * относится в обоих случаях к тому обстоятельству, что один из предпринимателей во втором году затрачивает весь продукт первого года (включая прибавочную стоимость) плюс добавочная сумма.

Неуклюжесть этих примеров показывает, что Рикардо борется с такой трудностью, которая ему самому не ясна и которую он ни в какой мере не преодолевает. Неуклюжесть состоит в следующем. Первый пример первой иллюстрации должен

* — буквально: «басня учит»; в переносном смысле: делаемый из чего-нибудь (нравоучительный) вывод, «мораль басни». Ред.

ввести *долговечность* капитала; но ничего подобного не получается; Рикардо сделал это для себя *невозможным*, потому что он не вводит в стоимость товара, в качестве износа, ни малейшей части основного капитала, т. е. опускает как раз тот момент, в котором проявляется *своеобразный способ обращения основного капитала*. Рикардо показывает только то, что вследствие большей продолжительности процесса труда применяется *больший* капитал, чем там, где процесс труда менее продолжителен. Третий пример должен иллюстрировать нечто отличное от этого, но в действительности иллюстрирует то же самое. Второй же пример первой [536] иллюстрации должен был показать, какие различия возникают вследствие различных пропорций основного капитала. Вместо этого он показывает лишь ту разницу, какая получается при затрате двух капиталов *неравной* величины, когда на заработную плату тем не менее в обоих случаях затрачивается одинаковая сумма капитала. И притом здесь фигурирует фабрикант, действующий без хлопка и пряжи, и фермер, действующий без семян и орудий! Полная несостоятельность, даже нелепость этой иллюстрации необходимо вытекает из ее внутренней неясности.

[6] СМЕШЕНИЕ У РИКАРДО ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК СО СТОИМОСТЬЮ И ПРОИСТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЕГО ТЕОРИИ СТОИМОСТИ. НЕПОНИМАНИЕ ИМ ПРОЦЕССА ВЫРАВНИВАНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ И ПРЕВРАЩЕНИЯ СТОИМОСТЕЙ В ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК]

Под конец Рикардо так формулирует мораль всех разобранных выше иллюстраций:

«Различие в стоимости в обоих случаях происходит оттого, что *прибыли* накапливаются как капитал, и оно является лишь *справедливой компенсацией*» (как будто дело идет здесь о справедливости) *«за то время, в течение которого прибыль не могла быть использована»* (стр. 35) [Русский перевод, том I, стр. 54].

Это означает не что иное, как то, что *в определенный период обращения, например в один год*, капитал должен принести 10% независимо от того, каково его специфическое время обращения, и совершенно независимо от *различия прибавочных стоимостей*, которые *равновеликие капиталы* должны производить в различных отраслях производства соответственно соотношению их органических составных частей, даже если оставить в стороне процесс обращения.

Из своих иллюстраций Рикардо должен был бы сделать следующий вывод:

[Во-первых,] равновеликие капиталы производят товары *неравных стоимостей* и приносят поэтому *неравные прибавочные стоимости* или *прибыли*, так как стоимость определяется рабочим временем, а масса рабочего времени, реализуемая капиталом, зависит не от его абсолютной величины, а от величины переменного капитала, — капитала, затрачиваемого на заработную плату. Во-вторых, даже если предположить, что равновеликие капиталы производят *равные стоимости* (хотя в большинстве случаев с неодинаковостью в сфере обращения сочетается также и неодинаковость в сфере производства), то все же в зависимости от их *процесса обращения* различен тот *промежуток времени*, в течение которого они могут *присвоить* и *превратить в деньги одинаковые количества неоплаченного труда*. Это создает, стало быть, второе различие в стоимостях, прибавочных стоимостях и прибылях, которые *равновеликие* капиталы должны приносить в различных отраслях производства за определенный *промежуток времени*.

Поэтому, если *прибыли* должны быть равны в своем процентном отношении к капиталу — например за год, — в результате чего равновеликие капиталы должны приносить равные прибыли в равные промежутки времени, то *цены* товаров неизбежно отличаются от их *стоимостей*. Эти *цены издержек* всех товаров, вместе взятых, будут в своей сумме *равны их стоимости*. Точно так же совокупная прибыль будет равна совокупной прибавочной стоимости, которую эти капиталы, вместе взятые, приносят в течение, например, года. *Средняя прибыль*, а следовательно также и *цены издержек* были бы чем-то только воображаемым и лишенным опоры, если бы мы не взяли определения стоимости в качестве основы. Выравнивание прибавочных стоимостей в различных отраслях производства ничего не изменяет в абсолютной величине этой совокупной прибавочной стоимости, оно изменяет только *распределение* ее по различным отраслям производства. Но *определение* самой этой *прибавочной стоимости* происходит только из определения стоимости рабочим временем. Без этого определения средняя прибыль представляет собой среднее *из ничего*, чистую фантазию. И она тогда могла бы составлять одинаково как 1 000%, так и 10%.

Все иллюстрации Рикардо служат ему только для того, чтобы ввести контрабандным путем *предпосылку общей нормы прибыли*. И это имеет место в главе 1-й («О стоимости»), тогда как к рассмотрению заработной платы Рикардо приступает якобы лишь в главе 5-й, а к рассмотрению прибыли — лишь в главе 6-й. Каким образом из одного только определения «*стоимости*» товаров происходит содержащаяся в них

прибавочная стоимость, прибыль, а затем даже и *общая норма прибыли*, — это остается для Рикардо скрытым во мраке. Единственное, что он действительно показывает в вышеприведенных иллюстрациях, это то, что *цены* товаров, поскольку они определяются общей нормой прибыли, совершенно отличны от *стоимостей* товаров. И к этому различию он приходит потому, что заранее предполагает *норму прибыли* как закон. Мы видим, что если Рикардо упрекают в слишком большой абстрактности, то справедливым был бы противоположный упрек, а именно — в недостаточной силе абстракции, в неспособности при рассмотрении стоимостей товаров забыть прибыли — факт, встающий перед ним из сферы конкуренции.

Так как Рикардо, вместо того чтобы из самого определения стоимости развить отличие цен издержек от стоимостей, допускает, что не зависящие от рабочего времени влияния определяют самые «стоимости» (здесь ему было бы уместно придерживаться понятия «абсолютной», или «действительной стоимости», или просто «стоимости») и иногда нарушают их закон, то за это ухватились его противники — такие, как Мальтус, — чтобы напасть на всю его [537] теорию стоимости. При этом Мальтус справедливо замечает, что различия между органическими составными частями капитала и различия во времени оборота капиталов в различных отраслях развиваются вместе с прогрессом производства, так что надо было бы прийти к точке зрения А. Смита, согласно которой определение стоимости рабочим временем во все возрастающей мере не подходит уже больше для «цивилизованных» времен. (См. также *Торренса*.) С другой стороны, ученики Рикардо прибегали к самым жалким схоластическим измышлениям, чтобы сделать эти явления адекватными основному принципу (см. [Джемса] *Милля* и жалкого болтуна *Мак-Куллоха*)⁷².

Не останавливаясь на том *выводе, который вытекает из его собственных иллюстраций*, — а именно, что совершенно независимо от повышения или падения заработной платы, при предположении неизменной заработной платы, цены издержек товаров должны отличаться от их стоимостей, если цены издержек определяются одним и тем же процентом прибыли, — Рикардо в этом отделе переходит к рассмотрению влияния, оказываемого повышением или падением заработной платы на *цены издержек*, в которые уже выравнены стоимости.

Суть дела сама по себе чрезвычайно проста.

Фермер затрачивает 5 000 ф. ст. при прибыли в 10%; денежная цена его товара — 5 500 ф. ст. Если прибыль понижается на 1%, с 10% до 9%, в результате того, что повысилась зара-

ботная плата и ее повышение вызвало понижение прибыли, то фермер продает свой товар по-прежнему за 5 500 ф. ст. (ибо предположено, что он весь свой капитал затратил на заработную плату). Но из этих 5 500 ф. ст. его прибыль составляла бы уже не 500, а только $454\frac{14}{109}$. Капитал фабриканта состоит из 5 500 ф. ст. на машины и 5 000 ф. ст. на труд. Эти последние 5 000 ф. ст. получают свое выражение по-прежнему в 5 500 ф. ст., но он теперь затрачивает не 5 000 ф. ст., а $5\,045\frac{95}{109}$ и получает с этой суммы только $454\frac{14}{109}$ ф. ст. прибыли, как и фермер. На основной же капитал в 5 500 ф. ст. он не может уже начислять 10%, или 550 ф. ст., а только 9%, или 495 ф. ст. Следовательно, он продаст свой товар за 5 995 ф. ст. вместо 6 050 ф. ст.; таким образом, в результате повышения заработной платы денежная цена товара фермера осталась та же, а денежная цена товара фабриканта упала; следовательно, стоимость товара фермера в сравнении со стоимостью товара фабриканта повысилась. Вся штука в том, что если бы фабрикант продавал свой товар по той же стоимости, как и прежде, он получил бы прибыль выше средней, так как повышение заработной платы непосредственно затрагивает только ту часть капитала, которая затрачивается на заработную плату. В этой иллюстрации уже заранее *предполагаются* цены издержек, регулируемые 10%-й средней прибылью и *отличающиеся от стоимостей товаров*. Вопрос сводится у Рикардо к тому, как повышение или падение прибыли действует на цены издержек в зависимости от различного соотношения между основным и оборотным капиталом во всем затрачиваемом капитале. К коренному вопросу, к *превращению стоимостей в цены издержек*, эта иллюстрация (у Рикардо стр. 31—32) [Русский перевод, том I, стр. 52—53] не имеет никакого отношения. Она недурна, так как Рикардо здесь показывает вообще, что повышение заработной платы, которое при одинаковом строении капиталов вызвало бы только понижение прибыли без воздействия — вопреки вульгарному взгляду — на стоимости товаров, при неодинаковом строении их вызывает лишь *падение* цен некоторых товаров, а не повышение *цен всех товаров*, как полагает вульгарное воззрение. В рикардовском примере падение товарных цен имеет место вследствие падения нормы прибыли, или, что [для Рикардо] то же самое, повышения заработной платы. Значительная часть *цены издержек* товара в случае с фабрикантом определяется той средней прибылью, которую он начисляет на основной капитал. Стало быть, если эта норма прибыли падает или повышается вследствие *повышения* или *падения* заработной платы, то *цена этих* товаров соответственно упадет (соответственно

той части цены, которая возникает из прибыли, начисленной на основной капитал) или повысится. То же самое имеет силу для тех «оборотных капиталов, которые *притекают обратно* через *более продолжительные* периоды, и наоборот» (Мак-Куллох) [«The Principles of Political Economy», Edinburgh, 1825, стр. 300]. Если бы капиталисты, применяющие меньше переменного капитала, продолжали начислять на цену товара свой основной капитал по прежней норме прибыли, то их норма прибыли повысилась бы, и притом настолько, насколько они применяют основного капитала больше, чем те капиталисты, капитал которых в большей мере состоит из переменного капитала. Конкуренция уравнила бы это.

«Рикардо», — говорит болтун Мак, — «был первым, кто исследовал влияние колебаний заработной платы на стоимость товаров, когда занятые в их производстве капиталы обладают неодинаковой долговечностью». «Рикардо не только показал, что повышение заработной платы не может повысить цены *всех* товаров, но он установил также, что во многих случаях *повышение заработной платы необходимо ведет к падению цен, а падение заработной платы — к повышению цен*» (MacCulloch. The Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 298—299).

Рикардо доказывает свое положение тем, что, во-первых, предполагает *цены издержек, регулируемые общей нормой прибыли*.

Во-вторых, указанием на то, что «*повышение стоимости труда невозможно без падения прибыли*» (стр. 31) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Таким образом, уже в главе 1-й («О стоимости») предполагаются такие законы, которые в главах 5 и 6-й («О заработной плате» и «О прибыли») должны быть выведены из главы «О стоимости». Заметим мимоходом, что [538] Рикардо делает совершенно ошибочный вывод, что, так как «повышение стоимости труда невозможно без падения прибыли», то невозможно и повышение прибыли без падения стоимости труда. Первый закон относится к прибавочной стоимости. Однако так как прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, то прибыль может повышаться при той же стоимости труда, если стоимость постоянного капитала падает. Рикардо вообще смешивает прибавочную стоимость и прибыль. Отсюда его неправильные законы относительно прибыли и нормы прибыли.

Общая мораль последней иллюстрации такова:

«Степень изменения относительной стоимости товаров, вызываемого повышением или падением стоимости труда» (или, что то же самое, падением или повышением нормы прибыли), «будет зависеть от того, какую

долю всего затраченного капитала составляет основной капитал. Упадет относительная стоимость всех тех товаров, которые производятся очень дорогими машинами или в очень дорогостоящих зданиях или которые требуют значительного времени, прежде чем они могут поступить на рынок, тогда как относительная стоимость всех тех товаров, которые производятся главным образом трудом или которые быстро поступают на рынок, повысится» (стр. 32) [Русский перевод, том I, стр. 52—53].

Рикардо опять возвращается к тому, что собственно только и занимает его в этом исследовании. Он говорит, что эти изменения в ценах издержек товаров, вызываемые повышением или падением заработной платы, незначительны по сравнению с теми изменениями, которые в этих же ценах издержек происходят из изменений в стоимостях товаров {Рикардо далек от того, чтобы выразить эту истину в таких адекватных терминах}, т. е. из изменений в количестве труда, употребляемого для их производства. Поэтому можно, дескать, в общем и целом «абстрагироваться» от этого, и тогда закон стоимости остается также и практически верным. (Рикардо должен был бы добавить, что сами цены издержек остаются необъяснимыми без стоимостей, определяемых рабочим временем.) Таков действительный ход его исследования. И в самом деле, ясно, что, несмотря на превращение стоимостей товаров в *цены издержек*, раз уж мы предположили *цены издержек* {а эти *цены издержек* следует отличать от *рыночных цен*; они представляют собой средние рыночные цены товаров в различных отраслях. Сама *рыночная цена* уже постольку включает в себе нечто среднее, поскольку *цены товаров одной и той же сферы производства* определяются ценами тех товаров, которые произведены *при средних условиях производства этой сферы*. Отнюдь не *при самых худших условиях*, как Рикардо допускает при рассмотрении ренты. Ибо средний спрос зависит от определенной цены, даже в отношении хлеба. Стало быть, известное количество товаров, поступающее на рынок, продается не *выше* этой цены. Иначе упал бы спрос. Поэтому те, кто производит товары не *при средних условиях*, а в *условиях ниже средних*, часто бывают вынуждены продавать свой товар не только ниже его стоимости, но и ниже его *цены издержек*}, — что, несмотря на превращение стоимостей товаров в *цены издержек*, всякое такое *изменение* этих *цен издержек*, которое не является результатом какого-нибудь постоянного падения или повышения, постоянного изменения нормы прибыли, могущего установиться только в течение многих лет, может быть обусловлено единственно и исключительно *изменением стоимостей* этих товаров, изменением количества необходимого для их производства рабочего времени.

«Читатель должен, однако, заметить, что эта причина изменений товаров» (т. е. изменений цен издержек, или, как *полагает* Рикардо, относительных стоимостей товаров) «действует сравнительно слабо... Иначе обстоит дело с другой важной причиной изменения стоимости товаров, а именно — с увеличением или уменьшением количества труда, необходимого для их производства... Сколько-нибудь значительное изменение в постоянной норме прибыли является результатом причин, осуществляющих свое действие только в течение ряда лет, между тем как изменения в количестве труда, необходимого для производства товаров, совершаются повседневно. Каждое улучшение в машинах, в инструментах, в зданиях, в добывании или выращивании сырья сберегает труд и позволяет нам с большей легкостью изготовлять товар, при производстве которого применяются эти улучшения, вследствие чего изменяется его *стоимость*. Таким образом, хотя при исследовании причин изменений в стоимости товаров было бы неправильно совершенно упускать из виду действие повышения или падения стоимости труда, но столь же неправильно было бы приписывать ему большое значение» (стр. 32—33) [Русский перевод, том I, стр. 53].

Поэтому он, Рикардо, будет отвлекаться от изменений в стоимости труда.

Весь этот отдел IV главы 1-й («О *стоимости*») до такой степени запутан, что, хотя Рикардо во вступительном абзаце заявляет о своем желании *рассмотреть* влияние *тех изменений, которые повышение или падение заработной платы вызывает* в стоимости товаров вследствие различного строения капитала, он на деле иллюстрирует это лишь мимоходом и, напротив, главную часть отдела IV фактически заполняет иллюстрациями, показывающими, что *совершенно независимо от повышения или падения заработной платы — при предположенной им самим постоянной заработной плате — допущение* [539] *общей нормы прибыли* должно привести к ценам издержек, отличающимся от стоимостей товаров, и притом опять-таки даже независимо от различий в соотношении между основным и оборотным капиталом. Об этом он снова забывает в конце отдела.

Исследованию в отделе IV он предпосылает следующие слова:

«Это различие в степени *долговечности* основного капитала и это *разнообразие соотношений*, в каких могут комбинироваться оба вида капитала, вводят *другую причину* изменения относительных стоимостей товаров помимо большего или меньшего количества труда, необходимого для их производства: *эта причина есть повышение или падение стоимости труда*» (стр. 25—26) [Русский перевод, том I, стр. 49].

В действительности же он своими иллюстрациями показывает прежде всего то, что только лишь *общая норма прибыли* позволяет различной комбинации видов капитала (а именно — переменного и постоянного, и т. д.) оказывать такое влияние, которое делает цены товаров отличными от их стоимостей;

стало быть, что именно общая норма прибыли, а не стоимость труда, которая здесь предполагается постоянной, есть *причина* этих изменений. Затем, лишь во вторую очередь, он предполагает данными цены издержек, уже отличающиеся — вследствие общей нормы прибыли — от стоимостей, и исследует, как влияют на них изменения в стоимости труда. Первого, главного вопроса он не исследует, совершенно забывает его и заканчивает этот отдел тем же, с чего он его начал:

«В этом отделе было показано, что при отсутствии каких-либо изменений в количестве труда одно *повышение стоимости труда* вызовет падение меновой стоимости тех товаров, в производстве которых применяется *основной капитал*, и чем большую долю составляет основной капитал, тем значительнее будет это падение» (стр. 35) [Русский перевод, том I, стр. 54].

А в следующем отделе V (главы 1-й) он продолжает ту же линию, т. е. он исследует только, какие изменения могут претерпевать *цены издержек* товаров вследствие *изменения стоимости труда, или заработной платы*, не в том случае, когда соотношение между основным и оборотным капиталом различно у двух равновеликих капиталов в двух различных отраслях производства, а в том случае, когда имеется налицо «*неодинаковая долговечность* основного капитала» или же «*неодинаковая быстрота обратного притока* капиталов к их *собственникам*». Правильная догадка, содержавшаяся еще в отделе IV, о *различии между ценами издержек и стоимостями* вследствие общей нормы прибыли, здесь больше не проглядывает. Рассматривается лишь *вторичный вопрос об изменении самих цен издержек*. Поэтому отдел этот в сущности почти не представляет теоретического интереса, за исключением случайно затронутого здесь вопроса о тех различиях формы капиталов, которые вытекают из процесса обращения.

«Чем менее долговечен основной капитал, тем более он приближается по своему характеру к оборотному капиталу. Он будет потребляться и его *стоимость* будет, для сохранения капитала фабриканта, *воспроизводиться в более короткий срок*» (стр. 36) [Русский перевод, том I, стр. 55].

Таким образом, и меньшую долговечность капитала и вообще различие между основным и оборотным капиталом Рикардо сводит к различию во *времени воспроизводства*. Это, бесспорно, — крайне важное определение, но отнюдь не единственное. Основной капитал входит целиком в процесс труда и лишь постепенно и по частям — в процесс образования стоимости. В этом — другое основное различие в форме обращения основного и оборотного капитала. Далее: основной капитал *по необходимости* только своей *меновой стоимостью* входит в процесс обращения,

тогда как его *потребительная стоимость* потребляется в процессе труда и никуда оттуда не переходит. В этом еще одно важное различие *формы обращения*. Оба эти различия формы обращения касаются также и времени обращения, но они отнюдь не тождественны со степенями [долговечности капиталов] и различиями во времени обращения.

Менее долговечный капитал требует большего количества *постоянно затрачиваемого труда*

«для сохранения своей первоначальной эффективности, но употребленный на это труд можно рассматривать как действительно затраченный на изготовленный товар, на который должна поэтому переходить пропорциональная этому труду стоимость» (стр. 36—37) [Русский перевод, том I, стр. 55]. «Если бы износ машины был велик, если бы в течение года нужен был труд пятидесяти рабочих для поддержания ее в исправном виде, я потребовал бы за свои товары добавочной цены, равной той, которую получал бы за свои товары любой другой фабрикант, занимающий пятьдесят рабочих для производства других товаров и совсем не применяющий машин. Но повышение заработной платы отразилось бы неодинаково на товарах, производимых с помощью быстро изнашивающейся машины, и на товарах, производимых с помощью машины, изнашивающейся медленно. При производстве первых на производимый *товар непрерывно переносилось бы большое количество труда*»

{со своей общей нормой прибыли в качестве предпосылки Рикардо не замечает, что вместе с тем на товар непрерывно переносилось бы также и сравнительно большое количество прибавочного труда},

«а при производстве вторых — его переносилось бы очень немного»

{а потому, и очень немного прибавочного труда, т. е. гораздо меньше [прибавочной] стоимости, если товары обмениваются по своим стоимостям}.

«Поэтому всякое повышение заработной платы, или, что то же самое, [540] всякое падение прибылей, понизит относительную стоимость тех товаров, которые производятся с помощью капитала, отличающегося большой долговечностью, и соответственно повысит стоимость тех товаров, которые производятся с помощью капитала, более быстро изнашивающегося. Падение заработной платы имело бы прямо противоположное действие» (стр. 37—38) [Русский перевод, том I, стр. 55—56].

Иными словами: фабрикант, применяющий основной капитал меньшей долговечности, применяет соответственно меньше основного и соответственно больше затрачиваемого на заработную плату капитала, чем тот, кто применяет капитал большей долговечности. Случай этот совпадает, следовательно, с предыдущим, где речь шла о том, как действует изменение заработной платы на такие капиталы, из которых один применяет относительно, пропорционально больше основного капитала, чем другой. Здесь нет ничего нового.

Разбор того, что Рикардо говорит еще о *машинах* (стр. 38—40) [Русский перевод, том I, стр. 56—57], следует отложить до рассмотрения главы 31-й («О *машинах*»)*.

Замечательно, как Рикардо в заключительной части V отдела приближается к верному взгляду на вещи, — вплоть до того, что почти находит соответствующее *слово*, — чтобы тут же оставить правильный путь, и вслед за этим приближением к верному взгляду, которое мы сейчас проиллюстрируем его словами, снова возвращается к господствующей над ним идее о влиянии изменения стоимости труда на цены издержек — и заканчивает свое исследование выводами по этому *побочному вопросу*.

Соответствующее место гласит:

«Итак, мы видим, что на ранних ступенях общественного развития, когда еще не применяется много машин, или долговечного капитала, товары, произведенные *равными капиталами*, будут иметь приблизительно *равную стоимость* и будут подниматься или падать в отношении друг к другу только в зависимости от того, больше или меньше труда необходимо для их производства»

{последняя часть фразы плохо сформулирована; да и относится она не к стоимости, а к *товарам*, и потому лишена смысла, если только не иметь в виду их *цены*; в самом деле, сказать, что *стоимости* падают пропорционально рабочему времени, равносильно утверждению, что *стоимости* поднимаются или падают в той мере, в какой они поднимаются или падают};

«но после введения этих дорогих и долговечных орудий *товары, производимые с затратой равных капиталов, будут иметь весьма неравную стоимость*, и хотя они по-прежнему будут подниматься или падать в стоимости по отношению друг к другу в зависимости от того, больше или меньше труда требуется теперь для их производства, они вместе с тем будут подвергаться еще и другому, правда меньшему, изменению, вызываемому повышением или падением заработной платы и прибыли. Так как товары, продающиеся за 5 000 ф. ст., могут быть продуктом капитала, равного по величине тому капиталу, с помощью которого произведены другие товары, продающиеся за 10 000 ф. ст., то *прибыли от их производства будут одни и те же*; но эти *прибыли были бы неравны*, если бы *цены товаров* не изменялись вместе с повышением или падением *нормы прибыли*» (стр. 40—41) [Русский перевод, том I, стр. 57—58].

Фактически Рикардо говорит здесь следующее:

Равновеликие капиталы производят товары равных стоимостей, если соотношение между их органическими составными частями *одно и то же*, если они затратили одинаковые доли на заработную плату и на условия труда. Тогда в производимых

* См. настоящее издание, часть II, стр. 611—613. Ред.

ими товарах воплощаются одинаковые количества труда, а значит и равные стоимости {если оставить в стороне то различие, которое может быть привнесено процессом обращения}. Напротив, *равные по величине* капиталы производят товары *весьма неравной стоимости*, если их органическое строение различно, в особенности — если та их часть, которая существует как основной капитал, находится в весьма различном отношении к части, затрачиваемой на заработную плату. Во-первых, только часть основного капитала входит в товар как составная часть стоимости, в результате чего, следовательно, *величины стоимости* должны быть весьма различны уже в зависимости от того, много или мало основного капитала было применено при производстве товара. Во-вторых, часть, затрачиваемая на заработную плату, — считая на 100, на равновеликую массу капитала, — [при большом основном капитале] будет гораздо меньше, стало быть гораздо меньше будет и весь [вновь присоединенный] труд, воплощенный в товаре, а значит и прибавочный труд {при данном рабочем дне одинаковой длины}, образующий прибавочную стоимость. Поэтому, если эти равновеликие капиталы, производящие товары с *неравными стоимостями*, заключающими в себе *неравные прибавочные стоимости*, а потому и *неравные прибыли*, — если такие капиталы должны, ввиду того что они равны по величине, приносить равные прибыли, то *цены товаров* (поскольку эти цены определяются общей нормой прибыли на данные издержки) неизбежно должны сильно отличаться от *стоимостей товаров*. Отсюда вытекает не тот вывод, что стоимости изменили свою природу, а тот, что *цены издержек* отличаются от *стоимостей*. Что Рикардо не пришел к этому выводу, это тем более поразительно, что он ведь видит, что даже при предположении цен издержек, — которые определяются общей нормой прибыли, — изменение нормы прибыли (или нормы заработной платы) неизбежно должно вызвать изменение в этих ценах издержек, чтобы норма прибыли [541] в различных отраслях производства оставалась одной и той же. Насколько же, следовательно, должно быть сильнее то изменение неравных стоимостей, которое вызывается установлением общей нормы прибыли, так как эта *общая норма прибыли* является ведь вообще не чем иным, как выравниванием различных количеств прибавочной стоимости, содержащихся в различных товарах, произведенных равновеликими капиталами.

После того как Рикардо, если не развил и не понял различия между издержками и стоимостью, между ценами издержек и стоимостями товаров, то во всяком случае сам фактически

констатировал это различие указанным образом, — после этого он заканчивает свои рассуждения следующей фразой:

«Г-н Мальтус, по-видимому, полагает, что составной частью моей теории является отождествление *издержек* и *стоимости* той или иной вещи. Это верно, если под издержками он подразумевает «*издержки производства*», включая *прибыль*» (стр. 46, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 61] (следовательно — затраты плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли).

С этим ошибочным смешением цены издержек и стоимости, которое он сам же и опроверг, Рикардо переходит затем к рассмотрению ренты.

То, что Рикардо говорит в отделе VI главы 1-й относительно влияния изменений стоимости труда на цену издержек золота, а именно:

«Разве нельзя смотреть на золото как на товар, производимый при таком соотношении двух родов капитала, которое всего ближе к среднему соотношению, взятому для производства большинства товаров? Разве мы не можем рассматривать это соотношение как одинаково далекое от обеих крайностей, когда в одном случае употребляется мало основного капитала, а в другом применяется мало труда, и разве оно не занимает среднее место между ними?» (стр. 44) [Русский перевод, том I, стр. 60], —

эти слова Рикардо относятся скорее к тем товарам, у которых соотношение между различными органическими составными частями стоимости является средним, причем их время обращения и воспроизводства тоже среднее. Для этих товаров цена издержек и стоимость совпадают, так как у них средняя прибыль совпадает с их действительной прибавочной стоимостью, но это имеет место только у них.

Насколько неудовлетворительным является в отделах IV и V главы 1-й исследование влияния изменений стоимости труда на «относительные стоимости», — этого (теоретически) второстепенного вопроса, сравнительно с вопросом о превращении стоимостей в цены издержек, обусловленном средней нормой прибыли, — настолько же важным является вывод, который делает из этого Рикардо, опрокидывая одну из главных, постоянно подхватываемых со времени А. Смита ошибок, будто повышение заработной платы, вместо того чтобы вести к падению прибыли, повышает цены товаров. Правда, это заложено уже в самом понятии *стоимостей* и несколько не модифицируется превращением их в цены издержек, так как последнее вообще касается только *распределения произведенной совокупным капиталом прибавочной стоимости* между различными отраслями или между различными капиталами в различных сферах производства. Но все же имело важное значение, что

Рикардо подчеркнул этот вопрос и показал, что дело обстоит даже наоборот. Поэтому он справедливо говорит в отделе VI главы 1-й:

«Прежде чем расстаться с этой темой, будет уместно заметить, что Адам Смит и все последующие писатели, без единого, насколько мне известно, исключения, утверждали, что повышение цены труда обязательно повлекло бы за собой повышение цен всех товаров».

{Это соответствует второму смитовскому определению стоимости, согласно которому стоимость равняется тому количеству труда, которое может быть куплено на данный товар.}

«Надеюсь, мне удалось показать, что для такого мнения нет никаких оснований и что повысятся в цене только товары, производимые с меньшим количеством основного капитала по сравнению с *тем выполняющим роль посредника товаром, в котором выражена цена*» (здесь «относительная стоимость» приравнивается к выражению стоимости в деньгах), «и что все те товары, которые производятся с большим количеством основного капитала, обязательно упадут в цене, если повысится заработная плата. Наоборот, если заработная плата упадет, то упадут в цене лишь те товары, которые производятся с меньшим количеством основного капитала, чем тот выполняющий роль посредника товар, в котором выражена цена; все те товары, которые производятся с большим количеством основного капитала, обязательно повысятся в цене» (стр. 45) [Русский перевод, том I, стр. 60—61].

По отношению к *денежным* ценам это представляется *неверным*. Если золото по каким бы то ни было причинам повышается или падает в своей стоимости, то оно [повышается или] падает одинаково по отношению ко всем товарам, которые оцениваются в нем. Поэтому, несмотря на свою изменчивость, золото фигурирует как относительно неизменный посредник между товарами. А раз это так, то абсолютно нельзя понять, каким образом та или иная относительная комбинация основного и оборотного капитала, имеющая место в производстве золота, по сравнению с товарами, может вызвать какое-либо различие. Но здесь-то и проявляется *ошибочная предпосылка* Рикардо о том, что деньги, поскольку они служат средством обращения, обмениваются как товар на товары. Товары оценены в деньгах до того, как деньги приводят их в обращение. Предположим, что, вместо золота, посредником служит пшеница. Если бы, например, вследствие повышения заработной платы пшеница — как такой товар, в который переменный капитал, в его соотношении с постоянным, входит в размерах, превышающих средний уровень этого соотношения, — повысилась относительно в своей цене производства [Produktionspreis], то все товары оценивались бы в пшенице, имеющей более высокую «относительную стоимость». Те товары, в которые входит

больше основного капитала, выражались бы в меньшем количестве пшеницы, чем прежде, не потому, что их специфическая цена упала по отношению к пшенице, а потому, что цена вообще упала. Товар, содержащий ровно столько же [живого] труда, — в противоположность накопленному труду, — как и пшеница, обнаружил бы повышение своей цены тем, что он выражался бы в большем количестве пшеницы, [542] чем такой товар, цена которого по отношению к пшенице упала. Если те же причины, какие вызывают повышение цены пшеницы, повышают цену, например, готового платья, то хотя готовое платье не будет выражаться в большем количестве пшеницы, чем прежде, но те товары, цена которых упала по сравнению с пшеницей, например ситец, будут выражаться в меньшем количестве пшеницы. Ситец и готовое платье выражали бы разницу своих цен в пшенице как в своем посреднике.

Но Рикардо имеет в виду нечто иное. Он имеет в виду следующее: в результате повышения заработной платы пшеница повысилась бы в цене по отношению к ситцу, но не по отношению к готовому платью; следовательно, готовое платье обменивалось бы на пшеницу по ее старой цене, а ситец обменивался бы на пшеницу по ее повысившейся цене. В высшей степени нелепо само по себе предположение, что изменения в цене заработной платы в Англии поведут, например, к изменению цены издержек золота в Калифорнии, где заработная плата не повысилась. Выравнивание *стоимостей* рабочим временем, а тем более выравнивание *цен издержек* общей нормой прибыли не происходит между различными странами в такой непосредственной форме. Но возьмем даже пшеницу, отечественный продукт. Цена квартера пшеницы повысилась, положим, с 40 до 50 шилл., т. е. на 25%. Если цена готового платья тоже повысилась на 25%, то оно по-прежнему будет стоить 1 квартал пшеницы. Если цена ситца упала на 25%, то такое же самое количество ситца, которое раньше стоило 1 квартал пшеницы, будет стоить теперь только 6 бушелей пшеницы⁷³. И это выражение в пшенице точно представляет соотношение цен ситца и готового платья, так как они измеряются *одной и той же* мерой, 1 кварталом пшеницы.

К тому же, взгляд Рикардо еще более нелеп. *Цены* товара, служащего мерой стоимостей, а потому деньгами, вообще не существует; ибо в противном случае я должен был бы иметь, кроме товара, служащего деньгами, еще второй товар, служащий деньгами, — двойную меру стоимостей. Относительная стоимость денег выражена в бесчисленных ценах всех товаров; ибо в каждой из этих цен, в которых меновая стоимость товара

выражена в деньгах, меновая стоимость денег выражена в потребительной стоимости данного товара. Поэтому нельзя говорить о повышении или падении *цены* [*des Preises*] денег. Я могу сказать: цена денег в пшенице, или их цена в готовом платье, осталась той же самой; а их цена в ситце повысилась, что равносильно тому, что денежная цена ситца упала. Но я не могу сказать, что *цена* денег повысилась или упала. Однако Рикардо в самом деле думает, что цена денег, например в ситце, повысилась, или денежная цена ситца упала, потому именно, что повысилась, мол, относительная стоимость денег по отношению к ситцу, тогда как по отношению к готовому платью или к пшенице деньги сохранили ту же самую стоимость. Таким образом, эти две стоимости измеряются *неодинаковой* мерой.

Этот отдел VI (*«О неизменной мере стоимости»*) трактует о *«мере стоимостей»*, но в нем нет ничего значительного. Связь между стоимостью, ее имманентной мерой — рабочим временем, — и необходимостью *внешней* меры товарных стоимостей совершенно не понята, вопрос о ней даже не поставлен.

Уже самое начало VI отдела обнаруживает поверхностную трактовку проблемы:

«Если товары изменились в своей относительной стоимости, то *было бы желательно* иметь средство для установления того, какой из них упал и какой повысился в своей действительной стоимости, а этого можно было бы достигнуть только путем сравнения их, одного за другим, с какой-нибудь неизменной стандартной мерой, которая не была бы сама подвержена ни одному из тех колебаний, какие испытывают другие товары». Но «нет ни одного такого товара, который сам не был бы подвержен этим самым колебаниям...», т. е. нет ни одного такого товара, который не требовал бы для своего производства то больше, то меньше труда» (стр. 41—42) [Русский перевод, том I, стр. 58].

Но даже если бы такой товар и существовал, то влияния повышения или падения заработной платы и влияния различных комбинаций основного и оборотного капитала, различных степеней долговечности основного капитала, неодинаковых промежутков времени, какие должны пройти, прежде чем товар может поступить на рынок, и т. д., частично помешали бы ему

«быть совершенной мерой стоимости, с помощью которой мы могли бы точно установить изменения стоимости всех остальных вещей». Такой товар «был бы совершенной мерой стоимости для всех вещей, произведенных при точно таких же условиях, как и он сам, но он не мог бы быть такой мерой ни для каких других вещей» (стр. 43) [Русский перевод, том I, стр. 59].

Иначе говоря, при изменении цен первой из этих двух групп «остальных вещей» мы могли бы (если бы стоимость денег не повысилась и не упала) сказать, что изменение происходит от

повышения или падения «в их *стоимостях*», т. е. в требующемся для их производства рабочем времени. Относительно же других вещей мы не могли бы знать, не происходят ли «изменения» их денежных цен от *других причин* и т. д. К этим весьма неудачным рассуждениям надо будет вернуться позже (при последующем пересмотре теории денег).

Глава 1-я, отдел VII. Кроме важного учения об «*относительных*» заработных платах, прибылях и рентах, к чему надо вернуться позже *, этот отдел содержит только положение о том, что при падении или повышении стоимости денег соответствующее повышение или падение заработной платы, прибыли и ренты ничего не изменяет в соотношении между ними, а изменяет лишь их денежное выражение. Если стоимость того же товара выражается в двойном количестве фунтов стерлингов, то удваивается также и та часть этой стоимости, которая превращается в прибыль, заработную плату или ренту. Но соотношение этих трех частей между собой и действительные стоимости, которые они представляют, остаются теми же самыми. Точно так же, если прибыль составляет вдвое большее количество фунтов стерлингов, то ведь и 100 ф. ст. выражаются теперь в 200 ф. ст.; стало быть, соотношение между прибылью и капиталом, норма прибыли, тоже остается без изменения. Изменения монетарного выражения отражаются одновременно на прибыли и капитале, равно как на прибыли, заработной плате и ренте. Это относится и к последней, поскольку она исчисляется не на акр, а на затраченный на обработку земли и т. д. капитал. Короче говоря, в этом случае изменение имеет место не в товарах и т. д.:

«Повышение заработной платы по этой причине, конечно, будет неизбежно сопровождаться повышением цен на товары; но в таких случаях можно установить, что стоимость труда и стоимости всех товаров не изменились по отношению друг к другу и что изменилась стоимость одних только денег» (стр. 47) [Русский перевод, том I, стр. 61—62].

[5)] СРЕДНИЕ ЦЕНЫ, ИЛИ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК, И РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ

[а) ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ:

**ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И РЫНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ;
РЫНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И РЫНОЧНАЯ ЦЕНА]**

[543] Для того чтобы развить теорию дифференциальной ренты, Рикардо выдвигает в главе 2-й («*О ренте*») следующее положение:

* См. настоящее издание, часть II, стр. 463—469. Ред.

«*Меновая стоимость всех товаров, будь то промышленные изделия, продукты рудников или продукты сельского хозяйства, никогда не определяется наименьшим количеством труда, какое достаточно для их производства при наиболее благоприятных условиях, доступных лишь для тех, кто пользуется особенно выгодными обстоятельствами; наоборот, она определяется наибольшим количеством труда, какое по необходимости затрачивается на их производство теми, кто таких преимуществ не имеет, кто продолжает производство при самых неблагоприятных условиях; а под самыми неблагоприятными условиями следует понимать наиболее неблагоприятные из тех, при которых необходимо продолжать производство для того, чтобы было произведено требуемое количество продукта*» (стр. 60—61) [Русский перевод, том I, стр. 69].

Последнее замечание не совсем правильно. «Требуемое количество продукта» не есть какая-то неизменная величина. Следовало бы сказать: определенное количество продукта, требуемое в пределах определенных цен. Если цена возрастает выше этих пределов, то вместе со спросом падает и «требуемое количество».

Вышеприведенное положение можно в общем виде выразить так: стоимость товара, — который есть продукт какой-нибудь особой сферы производства, — определяется трудом, требующимся для того, чтобы произвести *всю массу, общую сумму* товаров этой сферы производства, а не тем особым рабочим временем, которое требуется для каждого отдельного капиталиста или предпринимателя внутри этой сферы производства. Общие условия производства и общая производительность труда в этой особой сфере производства, например в хлопчатобумажной промышленности, это — средние условия производства и средняя производительность труда в этой сфере, в хлопчатобумажной промышленности. Стало быть, количество труда, определяющее стоимость, например, аршина ситца, это — не то количество труда, которое заключается в нем, которое затратил на него данный фабрикант, а среднее количество, которое затрачивают на производство аршина ситца все выступающие на рынке хлопчатобумажные фабриканты. Особые же условия, при которых производят отдельные капиталисты, например, в хлопчатобумажной промышленности, необходимым образом распадаются на три группы. Одни производят при *средних* условиях; это значит, что индивидуальные условия производства, при которых они производят, совпадают с *общими* условиями производства этой сферы. Среднее соотношение есть их *действительное* соотношение. Производительность их труда стоит на среднем уровне. *Индивидуальная* стоимость их товаров совпадает с *общей* стоимостью этих товаров. Если они, например, продают аршин ситца за 2 шилл., т. е. по его средней стоимости, то они продают его по той *стоимости*, которую

представляют *in natura* * произведенные ими аршины ситца. Вторая группа предпринимателей производит при условиях *лучших*, чем средние. *Индивидуальная* стоимость их товаров стоит *ниже* общей стоимости товаров данного рода. И если они продают свои товары по этой общей стоимости, то они продают их *выше* их индивидуальной стоимости. Наконец, третья группа предпринимателей производит при таких условиях производства, которые *ниже* средних.

Как сказано, «требуемое количество продукта» данной особой сферы производства не есть какая-то неизменная величина. Если стоимость товаров выходит за определенные пределы средней стоимости, то «требуемое количество продукта» падает или это количество требуется только по данной цене — или, по крайней мере, в пределах определенных цен. Поэтому *возможно* также и то, что последняя группа предпринимателей вынуждена продавать свои товары *ниже* их индивидуальной стоимости, подобно тому как находящаяся в наилучших условиях группа предпринимателей всегда продает свои товары *выше* их индивидуальной стоимости. Именно от численности или от пропорционального соотношения величин этих групп ⁷⁴ будет зависеть, какая из них окончательно установит среднюю стоимость. Если средняя группа значительно преобладает по численности, то она и установит среднюю стоимость. Если эта группа численно мала, а группа, производящая *при условиях ниже средних*, численно велика и преобладает над остальными, то она и устанавливает общую стоимость продукта данной сферы, хотя этим еще отнюдь не сказано и даже является весьма невероятным, что решает дело как раз тот отдельный капиталист внутри этой группы, который, в свою очередь, поставлен здесь *в наименее благоприятные условия* (см. Корбета) ⁷⁵.

Но оставим это в стороне. Общий результат таков: *общая* стоимость, которую имеют продукты данного рода, *одинакова* для всех них, как бы она ни относилась к индивидуальной стоимости каждого отдельного товара. Эта *общая* товарам данного рода стоимость есть их *рыночная стоимость*, та стоимость, с которой они выступают на рынке. Выраженная в деньгах, эта рыночная стоимость есть *рыночная цена*, подобно тому как вообще стоимость, выраженная в деньгах, есть цена. Действительная рыночная цена стоит то выше, то ниже этой рыночной стоимости и совпадает с ней лишь случайно. Но в течение известного периода колебания выравниваются, и поэтому можно сказать, что средняя действительных рыночных цен и есть та

* — в натуре, в своей натуральной форме. Ред.

рыночная цена, которая выражает *рыночную стоимость*. Совпадает ли в данный момент действительная рыночная цена по своей величине, *количественно*, с этой рыночной стоимостью или же нет, во всяком случае рыночная цена имеет то общее с рыночной стоимостью *качественное* определение, что все находящиеся на рынке товары одной и той же сферы производства (качество их, конечно, предполагается одинаковым) имеют *одну и ту же* цену, или являются фактически представителями *общей* стоимости товаров этой сферы.

[544] Поэтому приведенное выше положение Рикардо, выдвинутое им в связи с теорией ренты, было его учениками формулировано в том смысле, что на одном и том же рынке не могут существовать одновременно *две различные рыночные цены*, или что одновременно находящиеся на рынке продукты *одного и того же* рода имеют *одну и ту же* цену, или, — так как мы можем здесь отвлечься от случайности этой цены, — *одну и ту же рыночную стоимость*.

Итак, конкуренция — отчасти капиталистов между собой, отчасти покупателей товаров с капиталистами и между собой — приводит здесь к тому, что стоимость каждого отдельного товара в какой-нибудь особой сфере производства определяется *совокупной массой общественного рабочего времени*, которой требует *совокупная масса товаров этой особой сферы общественного производства*, а не *индивидуальными стоимостями отдельных товаров*, другими словами — не тем рабочим временем, которого стоил отдельный товар его *особым* производителям и продавцам.

Но отсюда само собой следует, что капиталисты, принадлежащие к первой группе, у которой условия производства более благоприятны, чем средние условия производства, при всех обстоятельствах получают некоторую сверхприбыль, т. е. что их прибыль *превышает* общую норму прибыли этой сферы. Следовательно, конкуренция устанавливает *рыночную стоимость*, или *рыночную цену*, не путем *выравнивания прибылей внутри* отдельной сферы производства. (Для данного исследования различие между рыночной стоимостью и рыночной ценой не имеет значения, так как различия в условиях производства и проистекающие отсюда различные нормы прибыли остаются в силе для отдельных капиталистов *одной и той же* сферы, каково бы ни было отношение рыночной цены к рыночной стоимости.) *Наоборот*: конкуренция выравнивает здесь *различные индивидуальные стоимости* в одинаковую, *равную, лишенную различий рыночную стоимость* тем именно путем, что она допускает различия между *индивидуальными прибылями*, при-

былями отдельных капиталистов, и их отклонения от средней нормы прибыли данной сферы. Она даже создает эти отклонения путем установления *одной и той же рыночной стоимости* для таких товаров, которые произведены при неодинаково благоприятных условиях производства — стало быть, при неодинаковой производительности труда — и которые, следовательно, представляют индивидуальные, *неравновеликие количества рабочего времени*. Товар, произведенный при более благоприятных условиях, *содержит* меньшее количество рабочего времени, чем товар, произведенный при менее благоприятных условиях, однако он продается по той же цене, имеет ту же стоимость, как если бы он содержал то самое рабочее время, которого он в действительности не содержит.

[6) СМЕШЕНИЕ У РИКАРДО ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ
РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ ВНУТРИ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ СФЕРЫ
ПРОИЗВОДСТВА И ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК
В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ПРОИЗВОДСТВА]

Для построения своей теории ренты Рикардо нуждается, между тем, в двух положениях, которые выражают не только *не одно и то же* действие конкуренции, но как раз *противоположные* ее действия. Первое положение гласит, что продукты одной и той же сферы продаются по *одной и той же рыночной стоимости*, что конкуренция, стало быть, принудительным образом вызывает *различные нормы прибыли*, т. е. отклонения от общей нормы прибыли. Второе положение гласит, что *норма прибыли* должна быть *одна и та же* для всякой затраты капитала, или что конкуренция создает *общую норму прибыли*. Первый закон имеет силу для различных самостоятельных капиталов, вложенных в *одну и ту же сферу производства*. Второй имеет силу для капиталов, поскольку они вложены в *различные сферы производства*. Своим первым действием конкуренция создает *рыночную стоимость*, т. е. *одну и ту же стоимость* для товаров одной и той же сферы производства, хотя эта *тождественная стоимость* должна порождать *различные прибыли*; стало быть, своим первым действием конкуренция создает *одну и ту же стоимость несмотря на наличие, или, лучше сказать, в силу наличия неодинаковых норм прибыли*. Своим вторым действием (которое, впрочем, и осуществляется иначе; это — конкуренция капиталистов в *различных сферах*, перебрасывающая капитал из одной сферы в другую, тогда как указанная выше конкуренция, поскольку она происходит

не среди покупателей, имеет место между капиталами *одной и той же сферы*) конкуренция создает *цену издержек*, т. е. *одну и ту же норму прибыли* в различных сферах производства, хотя эта *тождественная норма прибыли* противоречит неравенству стоимостей и, следовательно, может быть создана только посредством *цен, отличающихся* от стоимостей.

Так как самому Рикардо для его теории земельной ренты нужно и то и другое — *равная стоимость*, или *цена*, при *неравной норме прибыли* и *равная норма прибыли* при *неравных стоимостях*, — то в высшей степени странно, что он не нащупал этого двоякого определения и что даже в том разделе, где он *ex professo* * говорит о *рыночной цене*, в главе 4-й («О естественной и рыночной цене»), он совсем не трактует о *рыночной цене*, или *рыночной стоимости*, хотя в вышеприведенном месте ** он все же кладет последнюю в основу, чтобы объяснить *дифференциальную ренту* как добавочную прибыль, кристаллизующуюся в ренту. [545] Напротив, в 4-й главе он трактует лишь о сведении *цен в различных сферах производства* к *ценам издержек*, или *средним ценам*, т. е. о рыночных стоимостях различных сфер производства в их взаимоотношении, но не о процессе образования рыночной стоимости в каждой особой сфере, а ведь без этого процесса не существует вообще никаких рыночных стоимостей.

Рыночные стоимости каждой особой сферы производства, стало быть и *рыночные цены* каждой особой сферы (если рыночная цена соответствует «естественной цене», т. е. просто выражает стоимость в деньгах), приносили бы весьма различные нормы прибыли, так как равновеликие капиталы в *различных сферах производства* (совершенно отвлекаясь от различий, протекающих из их различных процессов обращения) применяют постоянный и переменный капитал в весьма неодинаковых пропорциях и потому приносят весьма неодинаковые прибавочные стоимости, а значит и прибыли. Поэтому такое выравнивание различных рыночных стоимостей, в результате которого в различных сферах устанавливается *одинаковая норма прибыли* и равновеликие капиталы приносят равную среднюю прибыль, становится возможным лишь тем путем, что *рыночные стоимости* превращаются в *цены издержек*, отличающиеся от действительных стоимостей ***.

* — специально. Ред.

** См. настоящее издание, часть II, стр. 220. Ред.

*** Возможно, что *норма прибавочной стоимости* не выравнивается в различных сферах производства (например, вследствие неодинаковой продолжительности рабочего времени). Выравнивание *нормы прибавочной стоимости* потому не является необходимым, что выравниваются сами прибавочные стоимости.

То, что осуществляется конкуренцией в *одной и той же* сфере производства, это — определение *стоимости товара, произведенного в этой сфере*, средним требующимся в ней рабочим временем; стало быть, установление *рыночной стоимости*. То, что осуществляется конкуренцией между *различными* сферами производства, это — *установление одной и той же общей нормы прибыли в различных сферах* путем выравнивания различных рыночных стоимостей в такие рыночные цены, которые представляют *цены издержек*, отличающиеся от действительных рыночных стоимостей. Таким образом, конкуренция в этом втором случае отнюдь не стремится подогнать цены товаров к их стоимостям, а, напротив, стремится свести их стоимости к отличающимся от них ценам издержек, снять различия между их стоимостями и ценами издержек.

Только это последнее движение Рикардо и рассматривает в 4-й главе; при этом он, как это ни странно, рассматривает его как сведение цен товаров — путем конкуренции — к их стоимостям, как сведение «рыночной цены» (цены, отличающейся от стоимости) к «естественной цене» (стоимости, выраженной в деньгах). Этот промах вызван, впрочем, сделанным уже в главе 1-й («О стоимости») ошибочным отождествлением цены издержек и стоимости *, что, в свою очередь, произошло оттого, что Рикардо в том месте, где ему надо было развить лишь «стоимость», т. е. где он имеет перед собой еще только «товар», приплел *общую норму прибыли* и все предпосылки, проистекающие из более развитых капиталистических производственных отношений.

Поэтому и весь ход мысли, которому Рикардо следует в главе 4-й, крайне поверхностен. Он исходит из «случайных и временных изменений цены» (стр. 80) товаров вследствие изменяющихся соотношений спроса и предложения.

«С повышением или же с падением цен *прибыль* поднимается выше или же опускается ниже *общего ее уровня*, и капитал или поощряется к перемещению в ту *отдельную отрасль его приложения*, где наступило такое изменение, или предупреждается о необходимости уйти из этой отрасли» (стр. 80) [Русский перевод, том I, стр. 81].

Здесь уже предположено существование «*общего уровня прибыли*» между различными сферами производства, между «отдельными отраслями приложения капитала». А между тем сперва следовало рассмотреть, как устанавливается *общий уровень цен* в одной и той же отрасли приложения капитала и *общий уровень прибыли* между различными отраслями его

* См. настоящее издание, часть II, стр. 215. Ред.

приложения. Рикардо увидел бы тогда, что последняя операция уже предполагает непрерывные странствования капитала, или определяемое конкуренцией *распределение всего общественного капитала между различными сферами его приложения*. Раз предположено, что в различных сферах рыночные стоимости, или средние рыночные цены, сведены к *ценам издержек*, приносящим одну и ту же среднюю норму прибыли {однако это имеет место лишь в таких сферах производства, где нет вмешательства земельной собственности; в тех сферах, где это вмешательство налицо, конкуренция внутри этих сфер может привести цены к стоимости и стоимость к рыночной стоимости, но не может снизить последнюю до цены издержек}, — раз это предположено, то более или менее постоянные отклонения рыночной цены — вверх или вниз — от цены издержек, происходящие в тех или иных особых сферах, будут вызывать новое перемещение и новое распределение общественного капитала. Первое перемещение происходит для установления отличающихся от *стоимостей цен издержек*; второе — для уравнивания *действительных рыночных цен* с ценами издержек, поскольку рыночные цены поднимаются выше или падают ниже цен издержек. Первое перемещение есть превращение стоимостей в цены издержек. Второе есть вращение действительных, [546] случайных рыночных цен в различных сферах вокруг цены издержек, которая выступает теперь как *естественная цена*, хотя она отличается от стоимости и представляет собой всего лишь результат общественного действия.

Именно это последнее, более поверхностное движение и рассматривает Рикардо, бессознательно смешивая его подчас с другим движением. Оба эти движения вызываются, конечно, «одним и тем же принципом», а именно тем принципом, что

«каждый человек волен вкладывать свой капитал куда ему угодно... Он, естественно, будет искать для своего капитала наиболее выгодного помещения; он, само собой разумеется, не удовлетворится прибылью в 10%, если, вложив свой капитал в другое дело, он может получить прибыль в 15%. Это *неутолимое стремление всех капиталистов оставлять менее прибыльное дело ради более выгодного* создает сильную тенденцию к выравниванию нормы прибыли у всех или к фиксации их в таких пропорциях, которые, по мнению заинтересованных сторон, уравнивают действительные или кажущиеся преимущества одних перед другими» (стр. 81) [Русский перевод, том I, стр. 81].

Тенденция эта приводит к тому, что совокупная масса общественного рабочего времени, соответственно общественной потребности, распределяется *между различными сферами производства*. Вместе с тем стоимости в различных сферах превращаются благодаря этому в цены издержек, а с другой стороны,

в отдельных сферах выравниваются отклонения действительных цен от цен издержек.

Все это ведет свое начало от А. Смита. Рикардо сам говорит:

«Ни один писатель не показал так удовлетворительно и дельно, как д-р Смит, тенденцию капитала покидать те отрасли приложения, в которых произведенные товары не покрывают *своими ценами всех издержек по их производству и доставке на рынок, включая и обычную прибыль*» (следовательно, не покрывают *цен издержек*) (стр. 342, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 240].

Заслуга Рикардо, промах которого вообще проистекает из того, что он здесь *некритичен* по отношению к А. Смигу, состоит в том, что он точнее определяет эту миграцию капитала из одной сферы в другую, или, лучше сказать, самый способ этого перемещения. Но это он мог сделать только потому, что в его время кредитная система была более развита, чем во времена Смита. Рикардо говорит:

«Очень трудно, быть может, проследить *те пути*, какими совершается эта перемена; по всей вероятности, она совершается таким образом, что тот или иной фабрикант не абсолютно меняет свое дело, а только *уменьшает размеры капитала, вложенного им в свое предприятие*. Во всех богатых странах существует известное число людей, образующих так называемый *класс денежных людей* *; эти люди не занимаются *никакой промышленной или торговой деятельностью*, а живут на проценты со своих денег, которые они употребляют на учет векселей или на выдачу ссуд более *предприимчивой* части общества. Банкиры тоже применяют большой капитал для подобного рода операций. Применяемый таким способом капитал образует оборотный капитал больших размеров, которым в большей или меньшей степени пользуются все отрасли промышленности и торговли страны. Нет, пожалуй, такого фабриканта, как бы богат он ни был, который ограничивал бы свое дело теми размерами, какие допускают одни его собственные средства: он постоянно пользуется той или иной частью этого оборотного капитала, которая увеличивается или уменьшается в зависимости от интенсивности спроса на его товары. Когда увеличивается спрос на шелк и уменьшается спрос на сукно, фабрикант сукна не переходит со своим капиталом в шелковую промышленность, а увольняет часть своих рабочих и перестает делать займы у банкиров и у денежных людей; между тем как у фабриканта шелка происходит обратное: он теперь *занимает больше денег, и таким способом капитал перемещается из одной отрасли в другую без необходимости для фабриканта прекращать свое обычное дело*. Когда мы посмотрим на рынки большого города, мы увидим, как регулярно они снабжаются отечественными и иностранными товарами в требуемом количестве при всех условиях меняющегося спроса, зависящего от прихотей вкуса или от изменения в численности населения, и как редко происходит переполнение рынка от слишком пзобильного предложения или возникает непомерная дороговизна от недостаточности предложения по сравнению со спросом, и мы должны будем

* Здесь Рошер опять-таки мог бы увидеть, что англичанин понимает под «классом денежных людей»: «Класс денежных людей» прямо противопоставляется здесь «предприимчивой части общества» ⁷⁰.

признать, что принцип, регулирующий распределение капитала между всеми отраслями промышленности и торговли в требуемых размерах, является более действенным, чем это обыкновенно полагают» (стр. 81—82) [Русский перевод, том I, стр. 81—82].

Таким образом, *кредит* и есть тот фактор, который предоставляет капитал всего класса капиталистов в распоряжение каждой сферы производства не в соответствии с суммой собственного капитала капиталистов этой сферы, а в соответствии с потребностями их производства, — тогда как в конкуренции отдельный капитал выступает самостоятельно по отношению к другому. Этот кредит является как результатом, так и условием капиталистического производства, и это дает нам прекрасный переход от конкуренции капиталов к капиталу как кредиту.

[в) ДВА РАЗЛИЧНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЫ» У РИКАРДО. ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕН ИЗДЕРЖЕК В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА]

В начале главы 4-й Рикардо говорит, что под «естественной ценой» он понимает «стоимость» товаров, т. е. цену, определяемую их относительным рабочим временем, а под «рыночной ценой» — случайные и временные отклонения от этой «естественной цены», отождествляемой со «стоимостью». [547] Но на всем дальнейшем протяжении главы — и притом даже в совершенно определенных выражениях — он под «естественной ценой» понимает нечто совсем другое, а именно цену издержек, отличающуюся от стоимости. Поэтому, вместо того чтобы показать, как конкуренция превращает стоимости в цены издержек и, следовательно, создает постоянные отклонения от стоимостей, он излагает по А. Смиту, как конкуренция сводит к ценам издержек существующие в различных, взаимодействующих друг с другом, отраслях производства рыночные цены.

Так, в начале главы 4-й говорится следующее:

«Если мы принимаем труд за основу стоимости товаров, а сравнительное количество труда, необходимое для их производства, за меру, определяющую соответственные количества товаров, которые должны быть даны в обмен друг на друга, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения фактической, или рыночной, цены товаров от этой их первичной и естественной цены» (стр. 80) [Русский перевод, том I, стр. 81].

Здесь, следовательно, «естественная цена» отождествляется со стоимостью, а рыночная цена выражает не что иное, как отклонение фактической цены от стоимости.

Напротив:

«Предположим, что все товары продаются по своей *естественной цене* и, следовательно, что *нормы прибыли на капитал* во всех отраслях совершенно *одинаковы* или же разнятся между собой лишь настолько, насколько эта разница, по мнению заинтересованных сторон, уравнивается какой-либо действительной или воображаемой выгодой, которой они обладают или от которой они отказываются» (стр. 83) [Русский перевод, том I, стр. 83].

Здесь, следовательно, *«естественная цена»* отождествляется с *ценой издержек*, т. е. с той ценой, при которой отношение прибыли к затратам, заключающимся в товаре, одно и то же несмотря на то, что равные *стоимости* товаров, произведенных капиталами в различных отраслях, содержат весьма *неравные* прибавочные стоимости, а значит и *неравные прибыли*. Для того чтобы приносить одну и ту же прибыль, цена, следовательно, должна отличаться от стоимости товара. С другой стороны, равновеликие капиталы производят *товары весьма неравной стоимости* в зависимости от того, большая или меньшая часть основного капитала входит в товар. Но об этом — при рассмотрении обращения капиталов.

Вот почему под выравнивающим действием конкуренции Рикардо понимает всего лишь колебание фактических цен, или фактических рыночных цен, вокруг *цены издержек*, или *«естественной цены»*, как отличающейся от *стоимости*, — сведение рыночных цен в различных отраслях к общим ценам издержек, т. е. именно к тем ценам, которые отличаются от действительных стоимостей в той или другой отрасли производства:

«Таким образом, стремление каждого капиталиста извлекать свои фонды из менее прибыльного дела и помещать их в более прибыльное дело не позволяет *рыночной цене* товаров надолго оставаться или много выше или много ниже их *естественной цены*. Как раз эта конкуренция так регулирует *меновые стоимости*» {а также и *различные действительные стоимости*} «товаров, что после выдачи заработной платы за труд, необходимый для их производства, и покрытия всех прочих издержек, требующихся для того, чтобы применяемый капитал восстановил свою первоначальную эффективность, *остаток стоимости, или избыток ее*, будет в каждой отрасли пропорционален *стоимости затраченного капитала*» (стр. 84) [Русский перевод, том I, стр. 83].

Это совершенно верно. Конкуренция регулирует цены в различных отраслях таким образом, что *остаток стоимости, или избыток ее*, т. е. прибыль, соответствует *стоимости затраченного капитала*, а не действительной стоимости товара, не действительному избытку стоимости, который содержится в товаре после вычета издержек. Для осуществления этого регулирования цена одного товара должна подняться выше, а цена

другого — опуститься ниже их соответственных действительных стоимостей. Конкуренция заставляет рыночные цены в различных отраслях производства вращаться не вокруг стоимости товаров, а вокруг их цены издержек, т. е. вокруг содержащихся в товарах издержек плюс общая норма прибыли.

Рикардо продолжает:

«В 7-й главе «Богатства народов» превосходно исследовано все относящееся к этому вопросу» (стр. 84) [Русский перевод, том I, стр. 84].

Действительно. Некритическая вера в смитовскую традицию и сбивает здесь Рикардо с пути.

Рикардо заключает главу, как обычно, заявлением, что в дальнейшем исследовании он будет «оставлять совершенно без рассмотрения» (стр. 85) [Русский перевод, том I, стр. 84] случайные отклонения рыночных цен от цены издержек, но он упускает из виду, что совсем не принял во внимание *постоянных* отклонений рыночных цен, поскольку они соответствуют ценам издержек, от действительных стоимостей товаров и подменил стоимость ценой издержек.

Глава 30-я называется «О влиянии спроса и предложения на цены».

Здесь Рикардо защищает то положение, что действующая на протяжении более или менее длительного периода цена определяется *ценой издержек*, а не *спросом и предложением*, — стало быть, определяется *стоимостью* товаров лишь постольку, поскольку эта стоимость определяет цену издержек. Если предположить, что цены товаров так отрегулированы, что все они приносят 10% прибыли, то всякое устойчивое их изменение будет определяться изменением в стоимостях этих товаров, в требующемся для их производства рабочем времени. Подобно тому как эта стоимость продолжает определять общую норму прибыли, так и ее изменения продолжают определять изменения цен издержек, хотя этим, конечно, *не уничтожается разница между этими ценами издержек и стоимостями*. Уничтожается лишь то, что выходит за пределы этой разницы, ибо разница между стоимостью и фактической ценой не должна быть [548] больше, чем *вызванная общей нормой прибыли разница между ценами издержек и стоимостями*. Вместе с изменениями стоимостей товаров изменяются и их цены издержек. Образуется «новая естественная цена» (стр. 460) [Русский перевод, том I, стр. 314]. Если, например, рабочий может произвести 20 шляп в то же время, в какое он прежде производил 10 шляп, и если заработная плата составляла половину издержек производства шляпы, то для 20 шляп затраты, издержки производства,

поскольку они состоят из заработной платы, уменьшились наполовину. Ибо теперь для производства 20 шляп выплачивается такая же заработная плата, какая раньше выплачивалась для производства 10. В каждой шляпе, следовательно, теперь заключается лишь половина прежних расходов на заработную плату. Если бы фабрикант шляп продал свои шляпы по прежней цене, то он продал бы их выше цены издержек. Если прибыль равнялась раньше 10% (при предположении, что расход, необходимый для изготовления определенного количества шляп, первоначально составлял 50 на сырье и т. д. и 50 — на труд), то теперь она равнялась бы $46\frac{2}{3}\%$, так как издержки производства того же количества шляп составляют теперь 50 на сырье и т. д. и 25 — на заработную плату. Итак, если товар продается по прежней цене, то прибыль составит теперь $\frac{35}{75}$, или $46\frac{2}{3}\%$. Новая «естественная цена» понизится, стало быть, вследствие понижения стоимости настолько, что цена будет давать только 10% прибыли. Уменьшение стоимости, или рабочего времени, необходимого для производства товара, обнаруживается в том, что на *то же количество* товара затрачивается меньше рабочего времени, а значит и меньше *оплаченного рабочего времени*, меньше *заработной платы*, и что поэтому уменьшается также и та сумма заработной платы (*по абсолютной величине*; это не предполагает понижения нормы заработной платы), которая выплачивается пропорционально за производство *каждой единицы* товара.

Это имеет место в том случае, если изменение стоимости произошло в самом производстве шляп. Если бы оно произошло в производстве сырья или орудий труда, то в этих сферах это выразилось бы точно так же в виде сокращения расхода на заработную плату, необходимую для производства определенного количества продукта, а для фабриканта шляп это получило бы свое выражение в том, что его постоянный капитал стоил бы ему меньше.

Цены издержек, или «естественные цены» (которые решительно ничего общего не имеют с «естеством», с природой), могут двояким образом изменяться вследствие изменения — в данном случае уменьшения — *стоимостей* товаров:

во-первых, когда уменьшается заработная плата, расходуемая на производство данного количества товаров, в результате уменьшения всей абсолютной массы труда, затрачиваемого на это количество товаров, — как оплаченного, так и неоплаченного;

во-вторых, когда вследствие увеличившейся или уменьшившейся производительности труда (как то, так и другое может

иметь место: первое, когда переменный капитал уменьшается по сравнению с постоянным; второе, когда заработная плата повышается вследствие вздорожания жизненных средств) изменяется отношение прибавочной стоимости к стоимости товара или к стоимости, созданной содержащимся в нем [вновь присоединенным] трудом; когда, следовательно, повышается или падает норма прибыли; когда изменяется то соотношение, в котором вся масса [вновь присоединенного] труда делится на оплаченный и неоплаченный труд.

Это последнее обстоятельство могло бы вызывать изменения в ценах производства, или ценах издержек, только в той мере, в какой на них влияют изменения в стоимости труда. В первом случае стоимость труда остается та же. В последнем же случае изменяются не *стоимости* товаров, а только распределение между [необходимым] трудом и прибавочным трудом. Однако в этом случае все же имело бы место изменение производительности [труда], а стало быть и стоимости *каждой единицы* товара. Один и тот же капитал будет в одном случае производить больше товаров, в другом — меньше, чем прежде. Масса товаров, в которой он представлен, имела бы *ту же самую стоимость*, но *единица товара* имела бы стоимость, отличную от прежней. Хотя стоимость заработной платы не определяет стоимости товаров, но стоимость товаров (входящих в потребление рабочих) определяет стоимость заработной платы.

Раз даны цены издержек товаров в различных отраслях, они повышаются или падают относительно друг друга с изменением стоимостей товаров. Если повышается производительность труда, т. е. уменьшается рабочее время, требующееся для производства *определенного товара*, и, стало быть, *падает* его *стоимость* — безразлично, происходит ли это изменение производительности в труде, затрачиваемом на последней стадии, или в труде, содержащемся в постоянном капитале, необходимом для производства данного товара, — то и цена издержек этого товара должна соответственно упасть. *Абсолютная масса затраченного на него труда* уменьшилась, а значит уменьшилась также и масса содержащегося в этом товаре оплаченного труда, масса израсходованной на него заработной платы, хотя бы даже норма заработной платы осталась прежней. Если бы товар продавался по своей старой цене издержек, то он приносил бы прибыль более высокую, чем общая норма прибыли, потому что прежде эта прибыль равнялась 10% на более высокие затраты. Следовательно, теперь на уменьшившиеся затраты прибыль составила бы больше 10%. Наоборот, когда производительность труда уменьшается, действительные стоимости това-

ров повышаются. Если норма прибыли дана, или, что то же самое, если даны цены издержек, то относительное повышение или падение этих цен зависит от повышения или падения, от изменения действительных стоимостей товаров. Вследствие этого изменения на место старых цен выступают новые цены издержек, или, как выражается Рикардо, следуя за Смитом, «новые естественные цены».

В только что цитированной 30-й главе Рикардо даже и по названию отождествляет «естественную цену», т. е. цену издержек, с «естественной стоимостью», т. е. со стоимостью, определяемой рабочим временем:

«Их цена» (цена монополизированных товаров) «не имеет никакой необходимой связи с их *естественной стоимостью*; но *цены* тех товаров, которые подчинены действию конкуренции..., в конечном счете будут зависеть... от... *издержек их производства*» (стр. 465) [Русский перевод, том I, стр. 317].

Здесь, следовательно, цены издержек, или «естественные цены», прямо [549] отождествляются с «*естественной стоимостью*», т. е. со «*стоимостью*».

Этой путаницей объясняется то, почему после Рикардо многие позднейшие молодчики, подобно самому Сэю, могли принимать «издержки производства» за последний регулятор цен, не имея ни малейшего понятия об определении стоимости рабочим временем, более того, даже прямо отрицая это определение при одновременном отстаивании «издержек производства».

Весь этот промах Рикардо и вытекающая отсюда неправильная трактовка земельной ренты и т. д., а также неправильные законы относительно *нормы прибыли* и т. д. проистекают из того, что Рикардо не отличает *прибавочную стоимость* от *прибыли* и вообще, подобно остальным политико-экономам, грубо и без понимания обращается с *определениями формы*. Каким образом он оказался в плену у Смита, видно будет из дальнейшего. [549]

* * *

[XII—636] (К вышесказанному надо добавить еще следующее замечание:

Рикардо не знает никакого другого различия между *стоимостью* и *естественной ценой*, кроме того различия, что естественная цена представляет собой денежное выражение стоимости и, следовательно, может изменяться в результате изменения в стоимости драгоценных металлов при отсутствии изменений в стоимости самого товара. Но такого рода изменение

естественной цены касается только оценки, только выражения стоимости в деньгах. Так, например, Рикардо говорит:

«Она» (внешняя торговля) «может регулироваться только путем изменения *естественной цены*, а не *естественной стоимости*, по которой товары могут производиться в тех или других странах, а это изменение естественной цены вызывается изменением в распределении драгоценных металлов» (цит. соч., стр. 409) [Русский перевод, том I, стр. 281.] [XII—636]

[Б. ТЕОРИЯ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК У СМИТА]

[1) ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРИИ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК У СМИТА. НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РИКАРДО, СОХРАНИВШЕГО СМИТОВСКОЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ СТОИМОСТИ И ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК]

[XI—549] Относительно А. Смита следует прежде всего заметить, что и по его мнению

«всегда существуют некоторые товары.., цена которых распадается лишь на *две* части, на заработную плату и прибыль на капитал» (книга I, глава 6, том I [франц. издания 1802 года], стр. 103) [Русский перевод: А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.—Л., 1935, том I, стр. 48].

Различие между Смитом и Рикардо в *этом* вопросе можно, следовательно, оставить здесь совсем без внимания.

После того как Смит вначале развил тот взгляд, что меновая стоимость сводится к определенному количеству труда и что стоимость, содержащаяся в меновой стоимости, за вычетом сырья и т. д., распадается на ту часть труда, которая оплачивается рабочему, и ту его часть, которая ему не оплачивается, причем эта неоплачиваемая часть распадается на прибыль и ренту (а прибыль, в свою очередь, может распадаться на прибыль и процент), — после этого он вдруг делает крутой поворот и, вместо того чтобы разлагать меновую стоимость на заработную плату, прибыль и ренту, объявляет их, наоборот, теми факторами, которые образуют меновую стоимость, заставляет их, в качестве самостоятельных меновых стоимостей, образовывать меновую стоимость продукта, складывает меновую стоимость товара из определяемых самостоятельно и независимо от нее стоимостей заработной платы, прибыли и ренты. Вместо того чтобы стоимость была их источником, они становятся источником стоимости.

«Заработная плата, прибыль и рента представляют собой *три* первичных источника всякого дохода, точно так же как и *всякой* меновой стоимости» (там же, стр. 105) [Русский перевод, том I, стр. 49].

После того как Смит изобразил внутреннюю связь исследуемого им предмета, он вдруг снова подпадает под власть видимости явления, под власть *связи вещей, как она проявляется в конкуренции*, а в конкуренции все представляется всегда в возвращенном, поставленном на голову виде.

Именно исходя из этого превратного отправного пункта, Смит устанавливает различие между *«естественной ценой товаров»* и их *«рыночной ценой»*. Рикардо перенимает это у Смита, но при этом забывает, что смитовская «естественная цена», в соответствии с предпосылками Смита, есть не что иное, как проистекающая из конкуренции *цена издержек* и что эта цена издержек у самого Смита лишь постольку тождественна со *«стоимостью»* товара, поскольку Смит забывает свой более глубокий взгляд и остается при ошибочном взгляде, почерпнутом из поверхностной *видимости*, будто меновая стоимость товаров образуется путем сложения самостоятельно определяемых стоимостей заработной платы, прибыли и ренты. Повсюду борясь против этого взгляда, Рикардо, однако, принимает основанное на нем смешение или отождествление *меново́й стоимости и цены издержек*, или *«естественной цены»*, имеющее место у А. Смита. Это смешение у Смита может быть оправдано, так как все его исследование о *«естественной цене»* исходит из его второго, ошибочного взгляда на *стоимость*. У Рикардо же оно ничем не оправдано, так как он нигде не принимает этого ошибочного взгляда Смита, а напротив, ex professo опровергает его как непоследовательность. Смиту удалось, однако, снова поймать его на удочку при помощи *«естественной цены»*.

После того как Смит *сложил* стоимость товара из независимо от нее и самостоятельно определяемых *стоимостей заработной платы, прибыли и ренты*, он затем задает себе вопрос, как же определяются эти элементарные стоимости. И Смит исходит здесь из явления, рассматривая его в том виде, какой оно имеет в конкуренции.

7-я глава I книги называется *«О естественной цене товаров и их рыночной цене»*.

«В каждом обществе или в каждой местности *существует обычная, или средняя, норма* для заработной платы — прибыли — ренты». Эта «средняя норма может быть названа *естественной нормой* заработной платы, прибыли и ренты для того времени и места, когда и где эта норма в общем господствует». «Если *цена* какого-нибудь товара как раз такова, что ее хватает на оплату ренты, заработной платы и прибыли соответственно их *естественным* нормам, то товар этот продается по его *естественной цене (natural price)*» (стр. 110—111) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Эта естественная цена есть тогда *цена издержек* товара, а цена издержек отождествляется со *стоимостью* товара, так как ведь предположено, что стоимость товара образуется из стоимостей заработной платы, прибыли и ренты.

«Товар [550] в таком случае *продается как раз за то, чего он стоит*» (товар тогда продается по своей *стоимости*), «или» (или!) «за то, во что он действительно обходится тому, кто доставляет его на рынок» (по его *стоимости* или по его *цене издержек* для того, кто доставляет этот товар на рынок), «ибо, хотя при обычном словоупотреблении, когда говорят об *издержках производства* товара, в них не включается *прибыль* того человека, который продает произведенный им товар, тем не менее этот человек, несомненно, терпел бы убыток в своем деле, если бы он продавал свой товар *по цене, не дающей ему обычной в его местности прибыли*, потому что *эту прибыль* он мог бы получить, *применив свой капитал каким-нибудь иным способом*» (стр. 111) [Русский перевод, том I, стр. 52].

Здесь перед нами вся история возникновения «естественной цены», и к тому же еще выраженная вполне соответствующим языком и построенная при помощи вполне соответствующей логики. Так как, по Смиту, стоимость товара образуется ценами заработной платы, прибыли и ренты, а истинная стоимость последних, в свою очередь, образуется точно таким же образом, то ясно, что в тех случаях, когда они стоят на своем *естественном уровне*, стоимость *товара* тождественна с его *ценой издержек*, а последняя — с «естественной ценой» товара. Уровень прибыли, т. е. норма прибыли, равно как и норма заработной платы, предполагается как нечто заранее *данное*. Для образования цены издержек они, действительно, даны. Они служат ей *предпосылками*. Поэтому они и отдельному капиталисту представляются данными. Его совершенно не интересует, как, где и почему они возникают. Смит становится здесь на точку зрения отдельного капиталиста, агента капиталистического производства, который устанавливает цену издержек своего товара. Столько-то идет на заработную плату и т. д., столько-то составляет общая норма прибыли. *Ergo* *... Так *представляется* этому капиталисту та операция, посредством которой устанавливается *цена издержек* товара, или, как это ему далее представляется, *стоимость* товара, ибо он знает также, что рыночная цена стоит то выше, то ниже этой цены издержек, которая поэтому представляется капиталисту идеальной ценой товара, его абсолютной ценой в отличие от колебаний его цены, короче — его *стоимостью*, — поскольку капиталист имеет вообще время

* — Следовательно (этим словом обычно начинается вывод, делаемый из тех или иных данных предпосылок). Ред.

размышлять о подобных вещах. И, переносясь в самую гущу конкуренции, Смит тотчас же начинает строить свои рассуждения вкривь и вкось, в соответствии со своеобразной логикой захваченного этой сферой капиталиста. Он выдвигает возражение: в обыденной жизни под *издержками* не подразумевают *прибыль*, которую получает продавец (и которая необходимым образом составляет избыток над его затратами); почему же ты включаешь прибыль в цену издержек? Вместе с глубокомысленным капиталистом, которому ставится этот вопрос, А. Смит отвечает так:

Прибыль вообще должна входить в цену издержек, так как я был бы обманут даже и в том случае, если бы в цену издержек входила прибыль *всего лишь* в 9% вместо 10%⁷⁷.

Эта наивность, с какою Смит, с одной стороны, смотрит на вещи глазами агента капиталистического производства и изображает их совершенно так, как они представляются этому последнему и им мыслятся, как они определяют его практическую деятельность и как они по видимости происходят на деле, в то время как Смит, с другой стороны, местами вскрывает более глубокую связь явлений, — эта наивность придает его книге немалую прелесть.

Здесь также видно, почему Смит — несмотря на большие внутренние сомнения по этому вопросу — разлагает стоимость товара только на ренту, прибыль, заработную плату и опускает постоянный капитал, хотя и признаёт его, конечно, у каждого «отдельного» капиталиста. Ведь в противном случае надо было бы сказать, что стоимость товара состоит из заработной платы, прибыли, ренты и такой части стоимости товара, которая не состоит из заработной платы, прибыли, ренты. Таким образом, было бы необходимо устанавливать стоимость независимо от заработной платы, прибыли и ренты.

Если, кроме возмещения затраты на среднюю заработную плату и т. д., цена товара доставляет еще среднюю прибыль и — в тех случаях, когда в число затрат входит и земельная рента — также и среднюю ренту, то товар продается по своей «естественной цене», или по *цене издержек*, и притом цена издержек товара равна его *стоимости*, так как его стоимость и есть, по Смицу, не что иное, как сумма естественных стоимостей заработной платы, прибыли и ренты.

[551] В остальном, став уже на точку зрения конкуренции и *предположив* норму прибыли и т. д. как нечто *данное*; Смит правильно развивает «естественную цену», или *цену издержек*, а именно — эту цену издержек в отличие от рыночной цены.

«Естественная цена, и *л* и полная стоимость ренты, прибыли и заработной платы, которые должны быть оплачены для того, чтобы он» (товар) «доступал на рынок».

Эта цена издержек товара отличается от его «фактической цены», или «рыночной цены» (стр. 112) [Русский перевод, том I, стр. 53]. Последняя зависит от спроса и предложения.

Издержки производства товара, или его *цена издержек*, как раз и есть «полная стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые должны быть оплачены для того, чтобы этот товар поступал на рынок». Если спрос и предложение находятся в соответствии друг с другом, то «рыночная цена» равна «естественной цене».

«Если поступившее на рынок количество как раз достаточно для удовлетворения действительного спроса и не выходит за эти пределы, то рыночная цена будет, конечно, в точности соответствовать... естественной цене» (стр. 114) [Русский перевод, том I, стр. 54]. «Таким образом, естественная цена есть, так сказать, та центральная точка, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их некоторое время выше естественной цены, а иногда опускать их несколько ниже ее» (стр. 116) [Русский перевод, том I, стр. 55].

Отсюда Смит заключает затем, что в целом

«вся сумма производственной деятельности, употребляемой в течение года для того, чтобы тот или иной товар поступил на рынок», будет соответствовать потребностям общества, или «действительному спросу» (стр. 117) [Русский перевод, том I, стр. 55].

То, что Рикардо рассматривает как распределение совокупного капитала между различными отраслями производства, здесь еще выступает в более наивной форме «производственной деятельности», необходимой для того, чтобы произвести «тот или иной определенный товар». Выравнивание цен у продавцов *одного и того же* товара в рыночную цену и выравнивание рыночных цен *различных* товаров в цену издержек здесь еще хаотически перекрещиваются друг с другом.

Лишь совершенно мимоходом Смит затрагивает здесь вопрос о влиянии колебания действительных стоимостей товаров на «естественные цены», или цены издержек.

А именно, он говорит:

В земледелии «одно и то же количество труда будет производить в различные годы весьма различные количества товаров, тогда как в других отраслях производства оно всегда будет производить одно и то же или почти одно и то же количество. Одно и то же количество рабочих будет производить в земледелии в различные годы весьма различные количества хлеба, вина, растительного масла, хмеля и т. д. Но одно и то же число пряильщиков и ткачей будет производить каждый год одно и то же или почти одно и то же количество холста или сукна... В других отраслях

производства» (не в земледелии), «где продукт одинаковых количеств труда всегда остается одинаковым или почти одинаковым» (т. е. пока условия производства остаются одними и теми же), «он может более точно сообразоваться с действительным спросом» (стр. 117—118) [Русский перевод, том I, стр. 55].

Здесь Смит видит, что простое изменение производительности «одинаковых количеств труда» — следовательно, изменение действительных стоимостей товаров — изменяет цены издержек. Он опошляет это снова, сводя все дело к соотношению между предложением и спросом. Согласно его же собственным рассуждениям, эта его трактовка вопроса неправильна. Ибо если в земледелии «одинаковые количества труда» вследствие условий погоды и т. д. доставляют различные массы продуктов, то Смит сам показал, как благодаря машинам, разделению труда и т. д. «одинаковые количества труда» доставляют весьма различные массы продукта также и в промышленности и т. д. Таким образом, не в этом различие между земледелием и прочими отраслями производства. Различие это состоит в том, что в одном случае «производительная сила» применяется «в заранее определенной степени», а в другом она зависит от случайностей природы. Но остается как результат то, что *стоимость товаров*, или то количество труда, которое, в зависимости от производительности труда, приходится затрачивать на производство тех или иных данных товаров, изменяет их цены издержек.

В приводимом ниже положении А. Смита уже содержится также мысль о том, что перемещение капиталов из одной отрасли производства в другую устанавливает цену издержек в различных отраслях. Но у Смита это выражено не так ясно, как у Рикардо. Ибо если [552] цена товара падает *ниже* его «естественной цены», то это происходит, согласно рассуждению Смита, потому, что один из элементов этой цены падает *ниже* естественного уровня, или естественной нормы. Поэтому [такое падение цены товара устраняется] не отливом *одних только капиталов*, или их перемещением, а тем, что либо труд, либо капитал, либо земля переходит из одной отрасли в другую. Здесь взгляд Смита более последователен, чем взгляд Рикардо, но ошибочен.

«Какая бы из частей этой цены» (естественной цены) «ни оплачивалась ниже своей *естественной* нормы, те люди, интересы которых затронуты этим, вскоре заметили бы понесенный ими ущерб и немедленно *извлекли бы из данной отрасли производства столько земли или труда или капитала*, что поступающее на рынок количество этого товара вскоре оказалось бы всего лишь достаточным для удовлетворения действительного спроса. Следовательно, *рыночная цена* этого товара вскоре повысится до уровня его *естественной цены*; по крайней мере это произойдет там, где господствует полная свобода» (стр. 125) [Русский перевод, том I, стр. 58].

Здесь между Смитом и Рикардо имеется существенное различие в том, как они понимают приведение к *«естественной цене»*. Понимание Смита покоится на его ошибочном предположении, будто три указанных элемента самостоятельно определяют стоимость товара, тогда как понимание Рикардо основывается на правильном предположении, что одна лишь *средняя норма прибыли* (при данной заработной плате) устанавливает цены издержек.

[2) ТЕОРИЯ СМИТА О «ЕСТЕСТВЕННОЙ НОРМЕ» ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПРИБЫЛИ И РЕНТЫ]

«Естественная цена сама изменяется с изменением естественной нормы каждой из составляющих ее частей — заработной платы, прибыли и ренты» (стр. 127) [Русский перевод, том I, стр. 59].

И вот Смит пытается в главах 8, 9, 10 и 11-й книги I определить «естественную норму» этих «составляющих цену частей» — заработной платы, прибыли, ренты — и изменения этой нормы.

Глава 8-я называется *«О заработной плате»*.

В начале главы о заработной плате Смит, покидая иллюзорную точку зрения конкуренции, анализирует прежде всего истинную природу прибавочной стоимости, рассматривая прибыль и ренту как всего лишь формы прибавочной стоимости.

При рассмотрении заработной платы у Смита есть прочный исходный пункт для определения ее «естественной нормы», а именно — стоимость самой рабочей силы: *необходимая заработная плата*.

«Человек всегда должен пмечь возможность существовать своим трудом, и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она в большинстве случаев должна даже несколько превышать этот уровень, так как иначе рабочему было бы невозможно содержать семью, и раса этих рабочих вымерла бы в первом же поколении» (стр. 136) [Русский перевод, том I, стр. 63].

Но это положение, с другой стороны, теряет у Смита всякое значение, потому что он здесь ни разу не задает себе вопроса, чем же определяется стоимость необходимых жизненных средств, т. е. он не ставит вопроса о том, чем же вообще определяется стоимость *товара*. И так как Смит отошел от своего основного воззрения, то он вынужден здесь сказать: цена заработной платы определяется ценой жизненных средств, а цена жизненных средств определяется ценой заработной платы. Предположив заранее, что *стоимость* заработной платы фиксирована, он затем точно описывает ее колебания в том виде, в каком они

обнаруживаются в конкуренции, и те обстоятельства, которыми эти колебания вызываются. Это относится к экзотерической части [воззрений Смита] и нас здесь нисколько не касается.

{В особенности Смит описывает влияние [на заработную плату] «возрастания» (*накопления*) капитала, но не говорит нам, чем это последнее определяется. Ведь это «возрастание» может совершаться быстро только в двух случаях: или в том случае, если норма заработной платы относительно низка, а производительность труда велика (в этом случае повышение заработной платы всегда является лишь следствием ее низкого уровня в течение всего предшествовавшего времени), или в том случае, если норма накопления низка [т. е. низка норма прибыли], но производительность труда велика. В первом случае Смит должен был бы, со своей точки зрения, норму заработной платы выводить из нормы прибыли (т. е. из нормы заработной платы), а во втором случае — из массы прибыли. Это, однако, опять-таки сделало бы необходимым исследовать *стоимость* товара.}

Смит хочет вывести стоимость товара из стоимости труда как одного из составляющих ее элементов. А высоту заработной платы он выводит, с другой стороны, из того, что

«заработные платы... не следуют за колебаниями цен на съестные продукты» (стр. 149) и что «заработные платы в разных местностях различаются между собой больше, чем цены на съестные продукты» (стр. 150) [Русский перевод, том I, стр. 68].

Фактически вся эта глава не содержит ничего, относящегося к делу, кроме определения *минимума заработной платы*, alias * стоимости рабочей силы. Здесь Смит инстинктивно снова выдвигает свое более глубокое воззрение, а затем опять оставляет его, так что даже вышеупомянутое определение ни к чему у него не приводит. В самом деле, чем определяется *стоимость* необходимых жизненных средств, а значит и вообще стоимость товаров? Отчасти «естественной ценой труда». А чем определяется эта последняя? Стоимостью жизненных средств или товаров вообще. Жалкое вращение в кругу, из которого нет выхода. В остальном глава не содержит ни слова о самом предмете, о «естественной цене труда», [553] а содержит только исследования о повышении заработной платы выше уровня «естественной нормы», а именно — в соответствии с быстротой накопления капитала, с его прогрессирующим накоплением. Затем исследуются различные состояния общества, где это имеет место, а под конец Смит наносит прямой удар определению

* — иначе говоря. Ред.

стоимости товара заработной платой, а заработной платы — стоимостью необходимых жизненных средств, доказывая, что в Англии это, по-видимому, не имеет места. Сюда же — так как заработная плата определяется количеством средств, необходимым не только для жизни наличного населения, но и для его воспроизводства, — входит и кое-что похожее на мальтусовскую теорию народонаселения.

А именно, после того как А. Смит сделал попытку доказать, что заработная плата в XVIII столетии, особенно в Англии, *повысилась*, он ставит вопрос, следует ли это рассматривать «как выгоду или как невыгоду для общества» (стр. 159) [Русский перевод, том I, стр. 72]. В этой связи он затем снова возвращается мимоходом к своему более глубокому воззрению, согласно которому прибыль и рента — всего лишь доли, получаемые *из продукта* труда рабочего. Рабочие, говорит он,

«во-первых, составляют преобладающую часть общества. Ну а разве можно когда-либо рассматривать как невыгоду для целого то, что улучшает участь большей части этого целого? Общество, без сомнения, не может рассматриваться как счастливое и преуспевающее, если преобладающая часть членов общества остается бедной и несчастной. Кроме того, простая справедливость требует, чтобы те, кто кормит, одевает и обеспечивает жилищами *всю нацию*, имели *такую долю в продукте своего собственного труда*, которая по крайней мере была бы *достаточна* для того, чтобы у них самих имелась сносная пища, одежда и квартира» (стр. 159—160) [Русский перевод, том I, стр. 72].

В этой связи Смит и касается теории народонаселения:

«Хотя, вне всякого сомнения, бедность отпугивает от заключения брака, она все же не всегда делает его невозможным; она как будто даже способствует размножению... Бесплодие, столь частое явление у женщин высшего света, крайне редко встречается у женщин низшего положения... Но если бедность не препятствует рождению детей, она очень сильно затрудняет их воспитание. Нежное растение порождено на свет, но на такой холодной почве и в таком суровом климате, что оно скоро увядает и погибает... Всякий вид животных естественно размножается в соответствии с количеством имеющихся для него средств существования, и ни один вид не может размножиться за эти пределы. Но в цивилизованных обществах только у низших классов народа недостаток средств существования может ставить предел дальнейшему размножению рода человеческого... *Спрос на людей с необходимостью регулирует производство людей* точно так же, как это имеет место со всяким другим товаром; этот спрос ускоряет производство людей, когда оно происходит слишком медленно, и задерживает его, когда оно идет слишком быстро...» (стр. 160—163) [Русский перевод, том I, стр. 72—73].

Связь минимума заработной платы с различными состояниями общества такова:

«Заработная плата, которую уплачивают поденщикам и прислуге всякого рода, должна быть достаточна для того, чтобы они могли, в общем

и целом, *размножаться* соответственно усиливающемуся или уменьшающемуся или же остающемуся неизменным спросу на них со стороны общества» (стр. 164) [Русский перевод, том I, стр. 74] (со стороны общества, т. е. капитала).

Смит показывает далее, что раб обходится «дороже» свободного рабочего, потому что последний *сам предусмотрительно следит за своим «износом»*, тогда как у первого забота о возмещении этого «износа» лежит на «недостаточно внимательном хозяине или нерадивом надсмотрщике» (стр. 163 и сл.) [Русский перевод, том I, стр. 74]. «Фонд» для возмещения «износа» расходуется свободным рабочим «экономно», тогда как у раба он расточается в результате беспорядочного управления:

«Фонд, предназначенный для возмещения и компенсирования того, так сказать, *износа* силы раба, который является следствием его долголетней службы, обычно находится в управлении недостаточно внимательного хозяина или нерадивого надсмотрщика. Напротив, фонд, который служит для той же цели у свободного рабочего, экономно управляется самим рабочим. В управлении первым фондом естественно сказывается беспорядочность, господствующая обычно в хозяйстве богатых людей; строгая воздержанность и расчетливая бережливость бедняка столь же естественно имеют место в управлении вторым фондом» (стр. 164) [Русский перевод, том I, стр. 74].

В определение минимума заработной платы, или «естественной цены труда», входит то, что эта цена ниже у свободного наемного рабочего, чем у раба. Эта мысль проскальзывает у Смита:

«Труд свободных людей обходится в конечном счете дешевле, чем труд рабов» (стр. 165). «Если щедрая оплата труда является следствием роста национального богатства, то она становится также и причиной роста населения. Сетовать на щедрость оплаты труда [554] — значит быть недовольным тем, что представляет собой одновременно и следствие и причину наибольшего общественного благосостояния» (стр. 165) [Русский перевод, том I, стр. 74].

Смит аргументирует далее в пользу высокой заработной платы:

Она «не только стимулирует рост населения», но и «повышает трудолюбие простого народа. Заработная плата является поощрением трудолюбия, а это последнее, как и всякое другое человеческое свойство, совершенствуется в соответствии с поощрением, оказываемым ему. Обильное питание увеличивает физическую силу рабочего, а ободряющая его надежда на улучшение своего положения... побуждает его напрягать до крайних пределов свои силы. Поэтому мы и видим, что везде, где заработная плата высока, рабочие бывают энергичнее, старательнее и проворнее, чем там, где заработная плата стоит на низком уровне» (стр. 166) [Русский перевод, том I, стр. 74—75].

Но высокая заработная плата побуждает рабочих также и к перенапряжению и преждевременному разрушению своей рабочей силы:

«Рабочие, получающие высокую поштучную плату, очень склонны работать сверх меры и разрушать свое здоровье и силу в течение немногих лет» (стр. 166—167). «Если бы хозяева всегда прислушивались к велениям разума и человечности, они часто имели бы основания скорее умерять, чем возбуждать усердие многих из своих рабочих» (стр. 168). Далее Смит возражает против утверждения, что «увеличение благосостояния могло бы сделать рабочих ленивыми» (стр. 169) [Русский перевод, том I, стр. 75—76].

Смит исследует затем, правда ли это, что в урожайные годы рабочие более ленивы, чем в неурожайные, а также выясняет, какое вообще существует соотношение между заработной платой и ценой товаров. Здесь он снова впадает в непоследовательность:

«Денежная цена труда с необходимостью определяется двумя обстоятельствами: спросом на труд и *ценами* на предметы необходимости и жизненного удобства... Денежная цена труда определяется суммой денег, требующейся для покупки определенного количества предметов» (необходимости и жизненного удобства) (стр. 175) [Русский перевод, том I, стр. 78].

Затем Смит исследует, почему — в связи со спросом на труд — заработная плата может повышаться в урожайные годы и падать в годы неурожайные (стр. 176 и следующие) [Русский перевод, том I, стр. 78—79].

В хорошие и плохие годы причины [повышения и понижения заработной платы] взаимно парализуют друг друга:

«Скудость в годы дороговизны, уменьшая спрос на труд, имеет тенденцию понижать цену труда, тогда как высокая цена предметов продовольствия имеет тенденцию повышать ее. Наоборот, в годы дешевизны изобилие, увеличивая спрос на труд, имеет тенденцию повышать цену труда, тогда как дешевизна предметов продовольствия ведет к ее понижению. При обычных колебаниях цен на предметы продовольствия эти две противоположные причины, по-видимому, уравнивают друг друга; это, вероятно, отчасти и объясняет, почему заработная плата повсюду гораздо более устойчива и постоянна, чем цена предметов продовольствия» (стр. 177) [Русский перевод, том I, стр. 79].

В заключение, после всех этих зигзагов, Смит снова противопоставляет взгляду на заработную плату, как на источник стоимости товаров, свое первоначальное, более глубокое воззрение, что стоимость товаров определяется количеством труда и что если в хорошие годы или при возрастании капитала рабочий получает *больше* товаров, то он и производит гораздо большее их количество, или что единица товара содержит в таком случае меньшее количество труда. Стало быть, рабочий может получать большее количество товаров при меньшей

стоимости последних и таким образом, — это логический вывод, — прибыль может возрастать несмотря на повышение абсолютной заработной платы:

«Увеличение заработной платы с необходимостью повышает цену многих товаров посредством увеличения той части их цены, которая сводится к заработной плате, и постольку оно имеет тенденцию сократить потребление этих товаров внутри страны и за границей. Однако та же причина, которая ведет к повышению заработной платы, а именно возрастание капиталов, имеет тенденцию повышать производительную силу труда, так что меньшее количество труда может производить большее количество продукта»... Разделение труда, применение машин, изобретения и т. д. ... «Вследствие всех этих улучшений теперь оказывается возможным производить весьма многие товары с применением гораздо меньшего труда, чем прежде, так что повышение цены этого труда более чем уравнивается уменьшением его количества» (стр. 177—178) [Русский перевод, том I, стр. 79].

Труд оплачивается лучше, но в каждой единице товара содержится меньше труда; следовательно, оплате подлежит меньшее количество труда. Так Смит оставляет свою ошибочную теорию, по которой заработная плата определяет стоимость товара как один из составляющих стоимость элементов, или, вернее, Смит здесь парализует эту ошибочную теорию, уравнивает ее своей правильной теорией, согласно которой стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда.

[555] Глава 9-я называется *«О прибыли на капитал»*.

Здесь, следовательно, должна быть определена «естественная норма» второго элемента, определяющего и конституирующего «естественную цену», или стоимость, товаров. То, что Смит говорит о причине *падения нормы прибыли* (стр. 179, 189, 190, 193, 196, 197 и т. д.) [Русский перевод, том I, стр. 80, 84, 85, 87], подлежит рассмотрению в дальнейшем *.

Здесь Смит оказывается в большом затруднении. Он говорит, что уже определение «средней нормы» заработной платы сводится всего лишь к тому, что это — «обычный уровень заработной платы» (стр. 179), фактически данный уровень заработной платы.

«Но даже и это едва ли возможно сделать в отношении прибыли на капитал» (стр. 179). Помимо удачи или неудачи предпринимателя, «прибыль эта зависит от каждого изменения цены товаров» (стр. 180) [Русский перевод, том I, стр. 80].

Между тем, «естественную цену» этих товаров мы как раз и должны определить при помощи «естественной нормы прибыли» как одного из составляющих «стоимость» элементов.

* См. настоящее издание, часть II, стр. 484 и 519—520. Ред.

Определить среднюю норму прибыли трудно уже в отдельной отрасли для отдельного капиталиста.

«Еще труднее должно быть определение средней прибыли во всех разнообразных отраслях хозяйства, существующих в обширном королевстве» (стр. 180) [Русский перевод, том I, стр. 80].

Но о «средней прибыли на капитал» можно составить себе некоторое представление «по высоте *денежного процента*»:

«Можно установить тот принцип, что там, где от вложения денег в какое-нибудь дело можно получать большую прибыль, обычно уплачивают много и за пользование деньгами, а там, где можно получать лишь небольшую прибыль, за пользование деньгами уплачивается обычно меньше» (стр. 180—181) [Русский перевод, том I, стр. 80—81].

Смит не говорит, что норма процента определяет норму прибыли. Он со всей определенностью говорит обратное. Но относительно нормы процента в различные эпохи и т. д. мы обладаем записями, каких не существует для нормы прибыли. Таким образом, нормы процента — это симптомы, по которым можно приблизительно судить о состоянии нормы прибыли. Задача, однако, заключалась не в сравнении данных различных норм прибыли, а в определении *естественной нормы прибыли*. Смит спасается бегством в побочное исследование уровня процентной ставки в различные эпохи, что не имеет совершенно никакого касательства к той проблеме, которую он перед собой поставил. Он изображает в грубых чертах различные эпохи в Англии, сравнивает затем Англию с Шотландией, Францией, Голландией и находит, что, за исключением американских колоний,

«высокая заработная плата и высокая прибыль, естественно, суть такие вещи, которые редко встречаются вместе, разве только в своеобразных условиях какой-нибудь новой колонии» (стр. 187) [Русский перевод, том I, стр. 83].

Здесь А. Смит уже пытается, приблизительно в том же духе, как и Рикардо, но до некоторой степени удачнее, объяснить высокие прибыли:

«Новая колония всегда должна в течение некоторого времени обладать — по сравнению с большинством других стран — меньшим капиталом по отношению к размерам своей территории и меньшим населением по отношению к размерам своего капитала. Колонисты имеют больше земли, чем капиталов для ее обработки; поэтому имеющийся у них капитал употребляется на *возделывание только самых плодородных и удобнее всего расположенных земель*, а именно на морском побережье и по берегам судоходных рек. Притом такая земля часто покупается по цене, не достигающей даже стоимости продуктов, естественно произрастающих на этой земле». (Таким образом, на деле она *ничего не стоит*.) «Капитал, затраченный на покупку и улучшение таких земель, должен приносить очень

высокую прибыль и, следовательно, давать возможность уплачивать очень высокий процент за пользование им. Быстрое накопление этого капитала в столь прибыльном предприятии позволяет плантатору увеличивать число своих рабочих быстрее, чем он может найти их в новом поселении; и потому те, кого он может найти, получают щедрое вознаграждение. По мере увеличения колонии прибыль на капитал понижается. Когда самые плодородные и удобнее всего расположенные земли уже заняты, возделывание менее благоприятных, как по плодородию, так и по местоположению, участков может принести лишь меньшую прибыль, а за употребленный в дело капитал оказывается возможным платить меньший процент. Вот почему норма процента... в большей части наших колоний значительно упала в течение этого столетия» (стр. 187—189) [Русский перевод, том I, стр. 83—84].

Это, хотя и с иной мотивировкой, составляет одну из основ рикардовского объяснения падения прибыли. В целом, Смит объясняет здесь все конкуренцией капиталов, с ростом которых прибыль падает и с уменьшением которых она повышается, тогда как заработная плата при этом, наоборот, в первом случае повышается, а во втором падает.

[556] «Уменьшение капитала общества, или фонда, предназначенного для производственных целей, понижая заработную плату рабочих, повышает прибыль на капитал и, следовательно, норму процента. Так как заработная плата понижается, то владельцы капитала, остающегося у общества, могут поставлять на рынок свои товары с меньшими издержками, чем прежде, а так как снабжение рынка товарами теперь осуществляется меньшим количеством капиталов, то капиталисты могут продавать свои товары дороже» (стр. 191—192) [Русский перевод, том I, стр. 85].

Далее Смит говорит о возможно более высокой и возможно более низкой норме прибыли.

«Наивысшая норма прибыли» — это та, «которая из цены большей части товаров поглощает все, что должно было бы достаться на долю земельной ренты, и оставляет лишь столько, сколько нужно для оплаты труда, затраченного на изготовление товара и доставку его на рынок, по самой низкой норме заработной платы, какая только где-либо может уплачиваться, т. е. по такой ее норме, которая достаточна всего лишь для того, чтобы поддерживать существование рабочего» (стр. 197—198) [Русский перевод, том I, стр. 87—88].

«Наименьшая норма обычной прибыли должна всегда быть несколько больше того, что достаточно для покрытия случайных потерь, возможных при любом помещении капитала. Только этот избыток и составляет чистую прибыль» (стр. 196) [Русский перевод, том I, стр. 87].

Фактически Смит сам дает характеристику своему взгляду на *«естественную норму прибыли»*:

«В Великобритании удвоенный размер процента считается тем, что купцы называют *справедливой, умеренной, приемлемой прибылью*; выражения эти, по моему мнению, означают не что иное, как *обыденную и обычную прибыль*» (стр. 198) [Русский перевод, том I, стр. 88].

И действительно, хотя Смит не называет эту «обыденную и обычную прибыль» ни умеренной, ни справедливой, он все же дает ей название *«естественной нормы прибыли»*; однако он ровным счетом ничего не говорит нам о том, что это такое, или чем эта норма прибыли определяется, а между тем посредством этой именно *«естественной нормы прибыли»* мы, по Смиту, и должны определять *«естественную цену»* товара.

«В быстро богатеющих странах высокая заработная плата может быть уравновешена в цене многих товаров низкой нормой прибыли, что и дает возможность этим странам продавать свои товары столь же дешево, как это делают их менее преуспевающие соседи, у которых заработная плата ниже» (стр. 199) [Русский перевод, том I, стр. 88].

Низкие прибыли и высокая заработная плата здесь друг другу не противопоставляются как находящиеся во взаимодействии друг с другом, а одна и та же причина — быстрый рост, или накопление, капитала — порождает и то и другое. И прибыль и заработная плата входят в цену, *конституируют* ее. Поэтому, если одна высока, в то время как другая низка, то цена остается без изменения, и т. д.

Смит понимает здесь прибыль исключительно как надбавку [к цене], ибо он говорит в конце главы:

«На деле высокие прибыли в гораздо большей мере, чем высокая заработная плата, ведут к повышению *цены* изделия» (стр. 199) [Русский перевод, том I, стр. 88]. Например, если бы заработная плата всех рабочих, занятых в производстве холста, повысилась на 2 пенса в день, то это повысило бы цену «куска холста» не больше чем на 2 пенса, взятых столько раз, сколько рабочих было занято изготовлением его, и «умноженных на число дней, в течение которых рабочие были заняты этим делом. Та часть цены товара, которая сводится к заработной плате, увеличивалась бы в результате повышения заработной платы на каждой из различных стадий производства товара лишь в арифметической пропорции к этому повышению заработной платы. Но если бы прибыли всех различных предпринимателей, нанимающих этих рабочих, увеличились на 5%, то та часть цены товара, которая сводится к прибыли, в результате повышения нормы прибыли возрастала бы от одной стадии производства к другой в *геометрической пропорции* к этому повышению нормы прибыли... Повышение заработной платы повышает цену товара так, как простые проценты повышают сумму долга. Повышение прибыли действует как сложные проценты» (стр. 200—201) [Русский перевод, том I, стр. 88—89].

В конце этой главы Смит говорит нам также, *откуда* он воспринял все свое воззрение, согласно которому цена товара — или его стоимость — образуется стоимостями заработной платы и прибыли; а именно — от *«amis du commerce»* *, от практических фанатиков конкуренции.

* — «друзей торговли» (выражение Фурье). Ред.

«Наши купцы и промышленники постоянно жалуются на вредное действие высоких заработных плат, удорожающих их товары и вследствие этого сокращающих сбыт этих товаров как внутри страны, так и за границей; они ничего не говорят о вредном действии высоких прибылей; они хранят молчание [557] относительно пагубного действия их собственных доходов. Они жалуются только на доходы других» (стр. 201) [Русский перевод, том I, стр. 89].

Глава 10-я называется «О заработной плате и прибыли в различных отраслях приложения труда и капитала». Она касается только деталей, — стало быть, представляет собой главу о конкуренции и в своем роде очень хороша. Она носит совершенно экзотерический характер.

Производительный и непроизводительный труд:

«Потеря юридической профессии весьма далека от того, чтобы быть совершенно справедливой, и это сословие, как и большинство других свободных и почетных профессий, в отношении денежного дохода получает, несомненно, недостаточное вознаграждение» (стр. 216—217) [Русский перевод, том I, стр. 96].

То же самое он говорит о *солдатах*:

«Их жалованье меньше заработной платы простого поденщика, а между тем во время действительной службы напряжение их сил гораздо значительнее» (стр. 223) [Русский перевод, том I, стр. 98].

О матросах военного флота:

«Хотя их занятие требует гораздо больше умения и сноровки, чем почти всякое другое ремесло, и хотя вся жизнь матроса представляет собой непрерывную цепь лишений и опасностей,.. их заработная плата не выше заработка простых рабочих в гавани, который регулирует норму заработной платы моряков» (стр. 224) [Русский перевод, том I, стр. 99].

Иронически:

«Было бы, без сомнения, непристойно сравнивать священника или капеллана с поденщиком. Тем не менее можно с полным правом признать, что жалованье священника или капеллана — той же природы, как и заработная плата поденщика» (стр. 271) [Русский перевод, том I, стр. 117].

Что касается «литераторов», то Смит определенно считает, что они слишком низко оплачиваются вследствие слишком большого их числа, и напоминает, что до изобретения книгопечатания «студент и нищий» (стр. 276—277) [Русский перевод, том I, стр. 119] означали одно и то же, и Смит, по-видимому, распространяет это в известном смысле также и на литераторов.}

Глава эта полна тонких наблюдений и важных замечаний.

«В одном и том же обществе или в одной и той же местности средние и обычные нормы прибыли в различных отраслях приложения капитала гораздо ближе к одному и тому же уровню, чем денежные оплаты различных видов труда» (стр. 228) [Русский перевод, том I, стр. 100—101].

«Обширность рынка, допуская вложение более крупных капиталов, уменьшает *видимую* прибыль; но вместе с тем, требуя подвоза товаров с более далеких расстояний, она увеличивает себестоимость. Это уменьшение прибыли и увеличение себестоимости во многих случаях, по-видимому, приблизительно уравнивают друг друга» (речь идет о цене таких товаров, как хлеб, мясо и т. д.) (стр. 232) [Русский перевод, том I, стр. 102].

«В небольших городах и деревнях вследствие ограниченности рынка торговлю не всегда возможно расширять в соответствии с возрастанием капитала. Поэтому, хотя в таких местах норма прибыли отдельного лица может быть очень высока, общая сумма, или масса, прибыли никогда не может быть очень значительна, а следовательно не может быть велико у него и ежегодное накопление. Наоборот, в больших городах предприятие можно расширять в соответствии с возрастанием капитала, а кредит бережливого и преуспевающего человека увеличивается еще быстрее, чем его капитал. Его предприятие расширяется в соответствии с ростом того и другого» (стр. 233) [Русский перевод, том I, стр. 102].

Относительно *неправильных статистических* выкладок об уровне заработной платы, например, в XVI, XVII и др. столетиях Смит очень верно замечает, что это были лишь заработные платы, например, коттеров *, которые в те дни, когда они не работали в своих коттеджах или же на своих хозяев (предоставлявших им «домик, небольшой огород, столько сенокоса, сколько необходимо для прокормления одной коровы и, быть может, еще акр или два плохой пахотной земли» и уплачивавших им очень низкую заработную плату, когда давали им работу),

«свое свободное время охотно отдавали каждому, кто хотел их нанять, и работали за меньшую заработную плату, чем другие рабочие» (стр. 241). «Между тем, многие писатели, собиравшие сведения о ценах на труд и на съестные припасы в прежние времена и находившие удовольствие в том, чтобы изображать изумительно низкими и те и другие цены, рассматривали, по-видимому, *этот случайный приработок как полный заработок этих рабочих*» (стр. 242) [Русский перевод, том I, стр. 105—106].

Выше Смит делает верное общее замечание:

«Равенство в общей сумме выгод и невыгод различных видов применения труда и капитала может иметь место только в тех областях деятельности, которые составляют единственную или главную работу тех, кто занимается ими» (стр. 240) [Русский перевод, том I, стр. 105].

Впрочем, эта мысль уже неплохо развита Стюартом, особенно относительно заработной платы в сельском хозяйстве — с того момента, как только «люди начинают ценить время» ⁷⁸:

[558] Относительно *накопления городского капитала в средние века* Смит очень правильно замечает в этой главе, что оно было

* — батраков, получавших от земельного собственника или фермера-арендатора, на которого они работали, небольшой деревенский домик (коттедж) и клочок земли возле него. *Ред.*

обусловлено главным образом эксплуатацией деревни (как купцами, так и ремесленниками). (Сюда присоединились ростовщики, а также уже и *haute finance* *; одним словом, торговцы деньгами.)

«Каждый класс торгово-промышленного населения города» (*внутри городов с цеховым строем*) «в результате этих регламентаций оказывался, конечно, вынужденным платить за товары, которые ему приходилось покупать в городе у торговцев и ремесленников других классов, несколько дороже, чем в том случае, если бы таких регламентаций не существовало. Но зато он имел возможность продавать свои собственные товары настолько же дороже, и в силу этого он выигрывал столько же, сколько и терял. В сделках между отдельными классами внутри города ни один из них ничего не терял от этих регламентаций. Но в сделках с деревней все они получали большую выгоду, а ведь именно в сделках этого последнего рода и состоит та торговля, какою держатся и богатеют города. Всякий город получает все свое продовольствие и все сырье для своей промышленности из деревни. Платит он за них главным образом двумя способами: во-первых, тем, что возвращает деревне часть этого сырья в переработанном виде, — в этом случае цена сырья увеличивается на сумму заработной платы рабочих и прибылей их хозяев, или непосредственных нанимателей; во-вторых, тем, что город отправляет в деревню продукт — как в виде сырья, так и в переработанном виде, привезен ли этот продукт из других стран или же из отдаленных местностей той же страны, причем в этом случае первоначальная цена данных товаров увеличивается опять-таки на сумму заработной платы перевозчиков или матросов и прибыли тех купцов, которые нанимают их. Выручка, получаемая от первой отрасли торговли, составляет всю выгоду, которую город извлекает из своей промышленности. Выручка от второй отрасли составляет всю выгоду, которую дает городу его внутренняя и внешняя торговля. Заработные платы рабочих и прибыли тех, кто этих рабочих нанимает, составляют в совокупности всю выручку, получаемую в той и другой отрасли. Таким образом, все регламентации, имеющие целью повысить эти заработные платы и эти прибыли выше их естественного уровня, действуют в том направлении, чтобы дать городу возможность при помощи меньшего количества своего труда покупать продукт большего количества труда, выполняемого деревней».

{В последней фразе Смит, следовательно, возвращается к правильному определению стоимости. Она находится на стр. 259 [Русский перевод, том I, стр. 113]. Стоимость определяется количеством труда. Это следует привести в качестве примера при рассмотрении смитовской трактовки прибавочной стоимости. Если цены товаров, которыми обмениваются город и деревня, таковы, что они представляют равные количества труда, то они равны их стоимостям. Следовательно, прибыль и заработная плата, имеющие место у той и другой стороны, не могут определять эти стоимости, — наоборот, разделение этих стоимостей определяет прибыль и заработную плату. Поэтому Смит и находит, что город, который меньшее количество

* — финансовая аристократия, денежные тузы, банкиры. Ред.

труда обменивает на большее количество труда деревни, извлекает в своих отношениях с деревней избыточную прибыль и избыточную заработную плату. Этого не было бы в том случае, если бы город не продавал свои товары деревне *выше* их стоимости. В этом последнем случае «прибыль и заработная плата» не поднимались бы «*выше их естественного уровня*». Следовательно, если прибыль и заработная плата находятся на «их естественном уровне», то не они определяют стоимость товаров, а, наоборот, сами они определяются ею. Тогда прибыль и заработная плата могут возникнуть лишь из разделения *данной*, им предпосланной *стоимости* товара; но эта стоимость не может определяться ими, не может выводиться из — ей самой предпосланных — прибыли и заработной платы.}

«Эти регламентации ставят купцов и ремесленников города в преимущественное положение по отношению к земельным собственникам, фермерам и рабочим в деревне и разрушают то естественное равенство, которое при отсутствии таких регламентаций существовало бы в торговле между городом и деревней. *Весь годовой продукт труда данного общества* ежегодно делится между этими двумя различными частями населения. В результате этих (городских) «регламентаций жители городов получают *более значительную часть* продукта, чем получали бы при отсутствии регламентаций, а на долю жителей деревень достается менее значительная часть. *Цена*, которую фактически уплачивает город за ежегодно ввозимые им продовольствие и сырье, это — та масса промышленных изделий и других товаров, которую город ежегодно вывозит. *Чем дороже продаются последние*, тем дешевле покупаются первые. Промысловая деятельность города становится в результате этого более выгодной, а промысловая деятельность деревни — менее выгодной» (стр. 258—260) [Русский перевод, том I, стр. 112—113].

Итак, согласно трактовке вопроса у самого Смита, если бы городские и деревенские товары продавались пропорционально *количеству труда*, которое они соответственно содержат, то они продавались бы по своим *стоимостям*, и, стало быть, прибыль и заработная плата, имеющие место у той и другой стороны, не могли бы определять *этих стоимостей*, а, наоборот, они определялись бы стоимостями товаров. Выравнивание прибылей, различных вследствие различного органического строения капиталов, нас здесь не касается; ибо оно не только не создает различия прибылей, но, наоборот, сводит прибыли к одинаковой норме.

[559] «Жители города, будучи *собранны в одном месте*, могут легко общаться и вступать в соглашения друг с другом. Поэтому даже самые незначительные промыслы, существовавшие в городах, почти везде были организованы в цехи...» (стр. 261) [Русский перевод, том I, стр. 113]. «Жители деревни, живущие разбросанно и на большом расстоянии друг от друга, не могут так легко объединяться в союзы. Они не только никогда не образовывали цехов, но даже и дух цеховщины никогда не господствовал среди них. Никогда не признавалось необходимым устанавливать

ученичество для допущения к занятию земледелием, этим основным промыслом деревни» (стр. 262) [Русский перевод, том I, стр. 114].

В этой связи Смит подходит к вопросу об отрицательных сторонах «разделения труда». Труд крестьянина имеет умственный характер в большей степени, чем труд рабочего мануфактуры, подчиненного разделению труда:

«Выполнение работ, которые с необходимостью меняются в зависимости от каждой перемены погоды и от множества других обстоятельств, требует гораздо больше сообразительности и предусмотрительности, чем выполнение одних и тех же или почти одних и тех же операций» (стр. 263) [Русский перевод, том I, стр. 114].

Разделение труда развивает *общественную* производительную силу труда, или производительную силу *общественного* труда, однако оно это делает за счет *общей производительной способности* рабочего. Поэтому повышение *общественной производительной силы* противостоит рабочему как повысившаяся производительная сила *не его* труда, а господствующей над ним власти — *капитала*. Если городской рабочий более развит, чем сельский, то это обусловлено лишь тем обстоятельством, что характер его труда заставляет его жить в *обществе*, тогда как труд земледельца заставляет его общаться непосредственно с *природой*.

«То преобладание, какого повсюду в Европе городская промысловая деятельность достигла над сельской, следует приписывать не одним только цехам и их регламентациям. Оно основывается также на многочисленных других установлениях: *высокие пошлины*, налагаемые на все заграничные промышленные изделия и на все товары, ввозимые иностранными купцами, служат той же цели» (стр. 265) [Русский перевод, том I, стр. 115]. «Эти установления защищают их (городя) от конкуренции иностранцев» (там же).

Это является делом уже не буржуазии отдельных городов, а такой буржуазии, которая законодательствует в национальном масштабе, как *corps de nation* * или хотя бы как третье сословие генеральных штатов или как нижняя палата. Специфические для городской буржуазии мероприятия, направленные против деревни, это — акцизы и сборы у застав, вообще — косвенные налоги, городские по своему происхождению (см. Хьюльмана)⁷⁹, тогда как прямые налоги — сельского происхождения. Могло бы показаться, что, например, акциз представляет собой такой налог, которым город косвенно облагает самого себя. Деревенский житель вынужден, мол, авансировать этот налог, но заставляет возратить его себе в цене продукта. Однако в средние века дело обстояло не так. Спрос на продукты труда деревенского жителя, — поскольку последний вообще

* — главная часть нации. Ред.

превращал их в товар и в деньги, — был в большинстве случаев насильственно ограничен пределами городской территории, так что деревня не имела возможности повышать цену своего продукта на всю сумму городского налога.

«В Великобритании промысловая деятельность города в прежние времена имела, по-видимому, в сравнении с промысловой деятельностью деревни еще большие преимущества, чем теперь. В настоящее время заработная плата сельских рабочих больше приближается к оплате труда в промышленности, а прибыль на капитал, применяемый в сельском хозяйстве, больше приближается к прибыли на капитал, применяемый в торговле и промышленности, чем это было, по-видимому, в истекшем» (семнадцатом) «и в начале текущего» (восемнадцатого) «столетия. Эту перемену можно рассматривать как необходимое, хотя и весьма запоздалое последствие того чрезвычайного поощрения, которое получала промысловая деятельность городов. Накапливаемый в городах капитал становится с течением времени столь значительным, что уже оказывается невозможным применять его с прежней прибылью в свойственных городам промыслах. Эти последние, как и вообще все промыслы, имеют свои границы, и *возрастание капиталов, усиливая конкуренцию, должно с необходимостью понизить прибыли. Понижение прибыли в городах вызывает отлив капитала в деревню*, где он создает добавочный спрос на сельскохозяйственный труд и этим повышает оплату этого труда. *И тогда капитал растекается, если можно так выразиться, по всей поверхности страны и, находя приложение в сельском хозяйстве, частично возвращается деревне, за счет которой в значительной степени он был первоначально накоплен в городах*» (стр. 266—267) [Русский перевод, том I, стр. 115—116].

В главе 11-й Смит пытается определить *«естественную норму земельной ренты»*, — третьего элемента, конституирующего стоимость товара. Мы рассмотрим это после того, как снова возвратимся к Рикардо.

Из предшествующего ясно следующее: если А. Смит отождествляет *«естественную цену»* товара, или его *цену издержек*, со *стоимостью* товара, то это происходит после того, как он предварительно оставил свой правильный взгляд на *стоимость* и заменил его тем взглядом, который навязывается явлениями конкуренции и проистекает из них. В конкуренции не *стоимость*, а *цена издержек* выступает как регулятор *рыночных цен*, так сказать, как *имманентная цена* — как стоимость товаров. А сама эта цена издержек выступает в конкуренции, в свою очередь, как нечто данное, как определяемая данной средней нормой заработной платы, прибыли и ренты. Поэтому Смит и пытается установить эти последние самостоятельно, независимо от *стоимости* товара, рассматривая их, наоборот, как элементы *«естественной цены»*. Рикардо, главным делом которого было опровержение этой смитовской [560] аберрации, перенимает тем не менее ее *необходимое*, но у него, если быть последовательным, *невозможное* следствие — *отождествление стоимостей и цен издержек*.

[ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ] ТЕОРИЯ РЕНТЫ РИКАРДО

[1) ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ РЕНТЫ У АНДЕРСОНА И РИКАРДО]

Главное выяснено при рассмотрении теории Родбертуса. Здесь еще только некоторые дополнения.

Сначала отметим историческую обстановку.

Рикардо имеет перед собой прежде всего тот период, живым свидетелем которого он до известной степени был сам, период 1770—1815 годов, когда цены на пшеницу непрерывно повышались; у Андерсона же перед глазами — XVIII столетие, в конце которого он писал. С начала этого столетия до середины его происходило падение цен на пшеницу, а с середины до конца — их повышение. Поэтому Андерсон нигде не связывает открытый им закон с уменьшающейся производительностью земледелия, или с нормальным вздорожанием продукта {по Андерсону, это вздорожание является чем-то неестественным}. Рикардо же определенно связывает их между собой. Андерсон полагал, что отмена хлебных законов (в то время это были экспортные премии) послужила причиной повышения цен во второй половине XVIII столетия. Рикардо знал, что введение хлебных законов (в 1815 году) имело своей целью помешать падению цен и, до известной степени, неизбежно должно было помешать этому падению. В связи с этим Рикардо и подчеркивал, что предоставленный самому себе закон земельной ренты неизбежно должен — *в пределах определенной территории* — вести к возделыванию менее плодородной земли, стало быть к вздорожанию земледельческих продуктов, к росту ренты за счет промышленности и массы населения. И Рикардо был здесь прав в практическом и историческом отношениях. Андерсон, напротив, считал, что хлебные законы — он высказывается также и за ввозные

пошлины — с необходимостью должны содействовать равномерному развитию земледелия в пределах *определенной территории*, что земледелие для своего равномерного развития нуждается в гарантиях и что, следовательно, этот *поступательный ход развития сам по себе*, в силу открытого Андерсоном закона земельной ренты, с необходимостью должен вести к увеличению производительности земледелия, а в результате этого и к падению средних цен земледельческих продуктов.

Но оба исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте, а именно, что: 1) не существует вовсе земельной собственности как помехи любому применению капитала к земле; 2) что земледельцы переходят от лучших земель к худшим (у Рикардо эта предпосылка имеет абсолютное значение, если не считать тех перерывов в этом ходе развития, которые происходят от вмешательства науки и промышленности; у Андерсона эта предпосылка — относительна, ибо худшая почва снова превращается в лучшую); 3) что всегда есть в наличности капитал, есть достаточная масса капитала, чтобы быть примененной к земледелию.

Что касается 1 и 2-го пунктов, то жителям континента неизбежно должно казаться крайне странным, что в такой стране, в которой, по их представлению, феодальная земельная собственность сохранилась в наиболее косном виде, экономисты — и Андерсон и Рикардо — исходят из предположения о *несуществовании* собственности на землю. Это обстоятельство объясняется:

во-первых, из особенности английского «law of enclosures» *, не имеющего решительно ничего общего с континентальным разделом общих земель;

во-вторых, нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с *традиционными* земледельческими порядками, нигде оно не создавало для себя таких адекватных условий, нигде не подчиняло себе эти условия до такой степени. Англия в этом отношении — самая революционная страна в мире. Все исторически унаследованные распоряжки, там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены сами эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельскохозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства,

* — «закона об огораживании общинных земель». Ред.

но и само это хозяйство. У немцев, например, экономические распоряжки определяются традиционными отношениями различных земельных владений, расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распоряжки земледелия были постепенно *созданы* капиталом, начиная с конца XV века. Обычное в Соединенном Королевстве техническое выражение «*clearing of estates*» * не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это «*clearing of estates*»? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли, — ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей, — ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом, — ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, например, пахотные поля в выгон для скота; — одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*; эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — свободу хозяйничанья, так как ее интересуется исключительно получение денежного дохода. Какой-нибудь померанский помещик **, у которого в голове только и есть, что стародедовские [angestammte] земельные владения, центры хозяйства, сельскохозяйственная коллегия и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на [561] развитие земледельческих распоряжков. Но этим он показывает только, что он наивно смешивает померанские и английские условия. С другой стороны, отнюдь нельзя сказать, что Рикардо, исходящий в данном случае из английских условий, столь же ограничен, как и померанский помещик, мыслящий в пределах померанских отношений. Ибо английские условия — единственные условия, в которых адекватно развилась *современная собственность на землю*, т. е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством. Английская теория является в этом пункте классической для современного, т. е. капиталистического, способа производства. Померанская же теория, наоборот, обсуждает развитые условия с точки зрения исторически более низкой, еще не адекватной формы отношений.

Более того, бóльшая часть континентальных критиков Рикардо исходит даже из таких отношений, при которых вообще

* — «очистка имений». Ред.

** Намек на Родбертуса. Ред.

капиталистический способ производства совсем еще не существует, ни в адекватной, ни в неадекватной форме. Это то же самое, как если бы какой-нибудь цеховой мастер захотел выдвинутые А. Смитом законы, предполагающие свободную конкуренцию, целиком и полностью применить к своему цеховому хозяйству.

Предпосылка перехода от лучшей земли к худшей — относительно, для каждой данной ступени развития производительной силы труда, как это мы находим у Андерсона, а не абсолютно, как у Рикардо, — могла возникнуть только в такой стране, как Англия, где в пределах сравнительно очень небольшой территории капитал так беспощадно хозяйничал и распоряжался, безжалостно стараясь на протяжении столетий полностью приспособить к себе все традиционные условия земледелия. Стало быть, предпосылка эта могла возникнуть лишь там, где капиталистическое производство в земледелии существует не со вчерашнего дня, как на континенте, и где оно уже не борется со старой традицией.

Вторым обстоятельством было у англичан воззрение, почерпнутое из их колоний. Мы видели *, что уже у Смита имеется налицо — с прямой ссылкой на колонии — основа всего воззрения Рикардо. В этих колониях — и в особенности в тех из них, где производились только продукты для торговли, как, например, табак, хлопок, сахар и т. п., а не обычные предметы питания, где колонисты с самого начала не пропитания искали, а основывали коммерческие предприятия, — решающее значение имело, естественно, *при данном местоположении* — плодородие, а *при данном плодородии* — *местоположение* земли. Колонисты поступали здесь не как германцы, которые осели в Германии для того, чтобы устроить там свое местожительство, а как люди, которые руководствовались мотивами *буржуазного производства* и хотели производить *товары*, исходя из точек зрения, с самого начала определявших не продуктом, а продажей продукта. То обстоятельство, что *Рикардо* и другие английские писатели перенесли из колоний этот взгляд, исходивший от людей, которые сами были уже продуктом капиталистического способа производства, на весь ход мировой истории, что они вообще рассматривали *капиталистический способ производства* как нечто предшествующее по отношению к земледелию, каковым он и был для *этих* колонистов, — это объясняется тем, что в указанных колониях они вообще нашли, лишь в более наглядном виде, *без борьбы с традиционными отношениями*, стало быть *в незатемненной форме*, то же самое господство капиталистического производства в земледелии, которое

* См. настоящее издание, часть II, стр. 246—247. *Ред.*

в их собственной стране бросается в глаза на каждом шагу. Поэтому, если немецкий профессор или немецкий помещик, выросший в стране, отличающейся от всех других народов абсолютным отсутствием у нее колоний, находит такой взгляд «ошибочным», то это вполне понятно.

Наконец, предпосылка постоянного перелива капитала из одной отрасли производства в другую, эта *основная предпосылка Рикардо*, означает не что иное, как предпосылку господства развитого капиталистического производства. Там, где последнее еще не утвердилось, не существует и этой предпосылки. Померанскому помещику покажется, например, странным, что Рикардо и другие английские писатели не допускают даже мысли о том, что земледелие может испытывать *недостаток в капитале*. Англичанин может, конечно, жаловаться на недостаток земли по сравнению с капиталом, но он *никогда* не жалуется на недостаток капитала по сравнению с землей. Первым из этих обстоятельств *Уэйкфилд*, *Чалмерс* и другие пытаются объяснить падение нормы прибыли. Второе из указанных обстоятельств не упоминается ни у одного из писателей Англии, где (что Корбет отмечает как само собой разумеющийся факт) *капитал всегда имеется в избытке во всех отраслях*. Если же представить себе немецкие условия, те затруднения, которые испытывает здесь земельный собственник при займе денег — потому что земледелием занимается большей частью он сам, а не совершенно независимый от него класс капиталистов, — то становится понятным, почему, например, г-н Родбертус выражает удивление по поводу «рикардовской фикции, будто *запас* капитала соотнобразуется с *желанием* прилагать его» (цит. соч., стр. 211). Если англичанину чего и недостает, так это именно «поля деятельности», места для приложения наличного запаса капитала. Но «тоски по капиталу», который желательно было бы «приложить», в Англии не существует для того единственного класса, который должен прилагать капитал, — для класса капиталистов.

[562] Эта «тоска по капиталу» отдает Померанией.

Английские писатели выдвигали против Рикардо не то возражение, что капитал имеется не в любом количестве, необходимом для приложения в каждом особом случае, а то, что отлив капитала из земледелия наталкивается на специфические технические и тому подобные затруднения.

Указанный способ критически-континентального охаиванья Рикардо свидетельствует, следовательно, лишь о более низкой степени развития условий производства, из которой исходят эти «мудрецы».

[2) СВЯЗЬ ТЕОРИИ РЕНТЫ РИКАРДО С ЕГО ТРАКТОВКОЙ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК]

Теперь — к существу вопроса.

Прежде всего, чтобы представить проблему в чистом виде, мы должны *дифференциальную ренту*, которая *одна только* и существует у Рикардо, совершенно оставить в стороне. Под *дифференциальной рентой* я понимаю *разницу в размерах* ренты — *большую или меньшую ренту, возникающую из-за различия в плодородии различных разрядов почвы*. (Если налицо одинаковое плодородие, то дифференциальная рента может возникнуть из различной величины вложенного капитала. Этот случай не существует для нашей проблемы, не затрагивает ее.) Эта дифференциальная рента соответствует просто тем *сверхприбылям*, которые извлекает при данной *рыночной цене*, или, правильнее, *рыночной стоимости*, в каждой отрасли промышленности — например, в хлопкопрядильной — *тот* капиталист, у которого условия производства *лучше*, чем средние условия производства этой определенной отрасли. Ибо *стоимость* товара определенной сферы производства определяется не тем *количеством труда*, которого стоит тот или иной единичный товар, а количеством труда, затраченным на *тот* товар, который производится при *средних* условиях данной сферы. Здесь различие между промышленностью и земледелием состоит лишь в том, что в промышленности сверхприбыли попадают в карман самого капиталиста, тогда как в земледелии они попадают в карман земельного собственника; далее, в том, что в промышленности они отличаются *текучестью*, не приобретают устойчивости, загибаются то одним, то другим капиталистом и постоянно вновь исчезают, тогда как в земледелии они *фиксируются* благодаря своей устойчивой (по крайней мере на более или менее продолжительное время) природной основе, заключающейся в *различиях почвы*.

Итак, мы должны отвлечься от этой дифференциальной ренты, но при этом мы должны отметить, что она одинаково возможна как при переходе от лучшей почвы к худшей, так и при переходе от худшей почвы к лучшей. В обоих случаях предполагается только, что вновь обрабатываемая земля необходима для удовлетворения добавочного спроса, но что ее хватает лишь на то, чтобы удовлетворить этот добавочный спрос. Если бы вновь обрабатываемая лучшая земля давала *больше*, чем необходимо для удовлетворения этого добавочного спроса, то часть плохой земли или, в зависимости от размеров добавочного спроса, вся плохая земля была бы *изъята из обработки*,

на этой земле прекратилось бы, по крайней мере, *возделывание того продукта*, который составляет базис земледельческой ренты, т. е. возделывание пшеницы в Англии, риса — в Индии. Таким образом, дифференциальная рента не предполагает *прогрессирующего ухудшения земледелия*, она может проистекать также и из *прогрессирующего улучшения* его. Даже там, где она предполагает переход к худшим разрядам почвы, такой *переход по нисходящей линии* может, во-первых, быть обусловлен улучшением производительных сил земледелия, потому что *только* более высокая производительная сила делает возможной обработку худшей почвы при *цене*, допускаемой спросом. Во-вторых, *худшая почва* может быть улучшена, и всё же различия при этом остаются, хотя они и сглаживаются в более значительной степени, так что в результате имеет место лишь *относительное, сравнительное* уменьшение производительности, тогда как *абсолютная производительность увеличивается*. У Андерсона, первого автора рикардовского закона, это составляет даже предпосылку.

Далее, здесь следует иметь в виду лишь *собственно земледельческую ренту*, т. е. ренту с той земли, которая доставляет главный растительный предмет питания. Уже Смит выяснил, что ренты с земли, доставляющей другие продукты (продукты скотоводства и т. п.), определяются *вышеуказанной рентой* и, стало быть, являются уже рентами *производными*, такими, которые определяются законом ренты, а не определяют его; следовательно, если они рассматриваются сами по себе, то они не дают материала для понимания закона ренты в его первоначальных чистых условиях. В них нет ничего первичного.

После всего сказанного вопрос сводится к следующему: существует ли *абсолютная рента*, т. е. такая рента, которая происходит из того, что капитал вложен в земледелие, а не в промышленность, и которая совершенно не зависит от *дифференциальной ренты*, или *добавочных прибылей*, доставляемых капиталом, вложенным в лучшую землю?

Ясно, что Рикардо совершенно последовательно дает *отрицательный* ответ на этот вопрос, после того как он уже взяв за исходный пункт *ошибочную* предпосылку, будто *стоимости и средние цены товаров тождественны*. Примем на минуту эту предпосылку. Тавтологией является утверждение, что если [563] постоянная цена земледельческих продуктов дает сверх средней прибыли *еще и ренту*, дает постоянный избыток над этой средней прибылью, то цена земледельческих продуктов *превышает их цену издержек*, ибо эта цена издержек равна затратам капитала плюс средняя прибыль, и ничему больше.

Если бы цены сельскохозяйственных продуктов *превышали* их цены издержек, если бы они с необходимостью давали добавочную прибыль, то они — при допущении вышеуказанной предпосылки — *превышали* бы их стоимость. Не оставалось бы ничего другого, как предположить, что сельскохозяйственные продукты постоянно продаются *выше* своей стоимости, а это, в свою очередь, предполагает, что все другие продукты продаются *ниже* своей стоимости, или что стоимость вообще есть нечто совершенно отличное от того, что мы с необходимостью понимаем под ней в теории. *Одно и то же количество труда* (непосредственного и накопленного) — с учетом всех выравниваний, которые имеют место между различными капиталами вследствие их различий, вытекающих из процесса обращения, — создавало бы в земледелии *более высокую* стоимость, чем в промышленности. Стоимость товара, стало быть, *не* определялась бы содержащимся в нем количеством труда. Этим была бы разрушена вся основа политической экономии. Следовательно, правильно заключает Рикардо, нет никаких абсолютных рент. Возможна только дифференциальная рента; другими словами, стоимость произведенного на самой худшей почве сельскохозяйственного продукта, как и стоимость всякого другого товара, равна *цене издержек* продукта. Капитал, вложенный в самую худшую почву, это — такой капитал, который отличается от вложенного в промышленность лишь *способом приложения*, отличается лишь как особый вид приложения капитала. Здесь, следовательно, проявляется общезначимость закона стоимости. *Дифференциальная рента* (а это, согласно Рикардо, единственная рента) — на лучшей земле — есть не что иное, как добавочная прибыль, приносимая, вследствие существования в *каждой* сфере производства *единой тождественной рыночной стоимости*, теми капиталами, которые работают при условиях лучших, чем средние. Эта добавочная прибыль фиксируется только в земледелии — благодаря *природной основе* последнего; кроме того, так как представителем этой природной основы является *земельный собственник*, указанная добавочная прибыль попадает в карман не капиталиста, а земельного собственника.

Все это рассуждение Рикардо падает вместе с его предпосылкой о том, что *цена издержек* равна *стоимости*. Отпадает тот *теоретический интерес*, который заставляет Рикардо отрицать существование абсолютной земельной ренты. Если стоимость товара отличается от его цены издержек, если все товары необходимым образом распадаются на три категории, так что цена издержек одних товаров равна их стоимости, стоимость других товаров стоит *ниже* их цены издержек, а стоимость

третьей группы товаров стоит *выше* их цены издержек, — тогда то обстоятельство, что *цена* земледельческих продуктов дает земельную ренту, доказывало бы лишь то, что земледельческий продукт принадлежит к тем товарам, стоимость которых *превышает* их цену издержек. Единственная проблема, которую оставалось бы еще разрешить, была бы следующая: почему, в отличие от других товаров, стоимость которых также *превышает* их цену издержек, стоимость земледельческих продуктов не сводится конкуренцией капиталов к *цене издержек*, стоящей ниже их стоимости? Ответ заключается уже в самом вопросе. Потому, что, согласно предположению, это имеет место лишь постольку, поскольку конкуренция капиталов может осуществить это выравнивание, а это, в свою очередь, может иметь место лишь постольку, поскольку все условия производства либо создаются самим капиталом, либо в одинаковой мере находятся в его распоряжении как элементарные силы природы. В отношении земли это не имеет места, так как существует *земельная собственность*, и капиталистическое производство начинает свое движение при *предпосылке* наличия *земельной собственности*, которая не возникла из капиталистического производства, а существовала уже *до* него. Таким образом, ответ на вопрос дается самим фактом существования *земельной собственности*. Все, что может сделать капитал, это подчинить земледелие условиям капиталистического производства. Но он не в состоянии отнять у *земельной собственности* возможность захватывать ту часть земледельческого продукта, которую капитал мог бы присваивать себе *лишь* при условии *отсутствия* *земельной собственности*, а не в силу своей собственной деятельности. При условии же существования *земельной собственности* капитал вынужден оставлять земельному собственнику избыток стоимости над ценой издержек. Но сама эта разница между стоимостью и ценой издержек проистекает лишь из различия в соотношении между *органическими* составными частями капитала. Все те товары, стоимость которых, соответственно этому органическому строению, *превышает* цену издержек, этим самым показывают, что они созданы *относительно* менее производительным трудом, чем те, стоимость которых равна цене издержек, и еще менее производительным, чем те, стоимость которых *ниже* цены издержек; ибо они требуют большего количества *непосредственного* труда в сравнении с содержащимся в постоянном капитале *прошлым трудом*, требуют большего количества труда, чтобы привести в движение *определенный* капитал. Это различие — *историческое*; оно, стало быть, может исчезнуть. Та самая аргументация, которая

показывает, что существование *абсолютной земельной ренты* возможно, показывает также, что ее действительность, ее существование есть всего лишь исторический факт, который свойствен *известной* ступени развития земледелия, а на более высокой ступени может исчезнуть.

Рикардо объясняет дифференциальную ренту *абсолютным уменьшением производительности* земледелия, что вовсе не является предпосылкой дифференциальной ренты и не выдвигалось в качестве такой предпосылки Андерсоном. Абсолютную же земельную ренту Рикардо отрицает потому, что он [564] предполагает одинаковым *органическое строение* капитала в промышленности и земледелии; тем самым он отрицает существующее только как исторический факт *более низкое развитие* производительной силы труда в земледелии сравнительно с промышленностью. Поэтому Рикардо впадает в двойную историческую ошибку. С одной стороны, он признаёт *абсолютно одинаковой* производительность труда в земледелии и в промышленности, стало быть отрицает имеющее лишь *исторический* характер различие между данными ступенями их развития, а с другой стороны — предполагает *абсолютное уменьшение производительности земледелия* и объявляет это законом его развития. Первое он делает для того, чтобы приравнять *цену издержек* на худшей земле к *стоимости*; второе — для того, чтобы объяснить существующие различия между *ценами*, по которым продаются продукты лучших земель, и *стоимостью* этих продуктов. Вся ошибка в целом проистекает из смешения *цены издержек* и *стоимости*.

Тем самым, стало быть, теория Рикардо устраняется. Об остальном сказано выше при рассмотрении теории Родбертуса.

[3] НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РИКАРДОВСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕНТЫ]

Как я уже отметил *, Рикардо начинает главу о земельной ренте указанием, что надлежит исследовать, согласуются ли «*обращение земли в собственность и возникновение вследствие этого ренты*» (стр. 53) [Русский перевод, том I, стр. 65] с определением стоимости рабочим временем. И далее:

«Адам Смит... не может быть прав, предполагая, что *первоначальное правило, регулирующее меновую стоимость товаров*, — а именно, сравнительное количество труда, которым они произведены, — может *вообще измениться вследствие обращения земли в собственность и уплаты ренты*» (стр. 67) [Русский перевод, том I, стр. 73].

* См. настоящее издание, часть II, стр. 181. Ред.

Эта прямая и осознанная связь, в которой у Рикардо теория ренты находится с определением *стоимости*, составляет теоретическую заслугу Рикардо. В остальном эта глава 2-я («О ренте»), пожалуй, хуже изложения Уэста. В ней много сомнительного, имеет место *petitio principii* * и пристрастный подход к проблеме.

В случае *собственно земледельческой ренты*, которую Рикардо справедливо рассматривает здесь как ренту *κατ' ἐξοχήν* **, рента есть то, что уплачивается за разрешение вложить капитал в тот элемент производства, которым является земля, капиталистически производить в нем. Земля здесь — элемент производства. Иначе обстоит дело, например, в случае ренты за строения, водопады и т. п. Те силы природы, за пользование которыми здесь уплачивается рента, входят в производство как его условие, будь то в виде производительной силы или же в виде *conditio sine qua non* ***, но они не являются элементом самой этой определенной сферы производства. Далее, в случае ренты за рудники, каменноугольные копи и т. д. земля фигурирует как резервуар потребительных стоимостей, которые должны быть извлечены из ее недр. Здесь платят за землю не потому, что она является, как это имеет место в земледелии, тем элементом, в котором должно осуществляться производство, и не потому, что она входит в процесс производства в качестве одного из условий производства, как в случае с водопадом или со строительным участком, а потому, что она, как резервуар, содержит в себе те потребительные стоимости, которыми надлежит овладеть посредством производственной деятельности.

Рикардовское определение:

«Рента — это та доля продукта земли, которая уплачивается земельному собственнику за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы» (стр. 53) [Русский перевод, том I, стр. 65],

— неудовлетворительно. Во-первых, почва не обладает «неразрушимыми силами». (Об этом сделать примечание в конце данного раздела.) Во-вторых, она не обладает также и «первоначальными» силами, поскольку почва не представляет собой вообще ничего «первоначального», а является продуктом естественноисторического процесса. Но оставим это. Под «первоначальными» силами почвы здесь следует понимать такие силы,

* — логическая ошибка, состоящая в доказывании какого-нибудь тезиса при помощи такого аргумента, который сам имеет силу только при допущении истинности доказываемого тезиса. *Ред.*

** — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

*** — условия, без которого что-либо невозможно; непременно условия. *Ред.*

какими она обладает независимо от воздействия человеческой производственной деятельности, хотя, с другой стороны, придаваемые ей человеческой производственной деятельностью силы совершенно так же становятся первоначальными силами почвы, как и те, какие ей придали происходящие в природе процессы. В остальном остается верным то, что рента уплачивается за «пользование» предметами природы — совершенно независимо от того, идет ли речь о пользовании «первоначальными силами» почвы, или силой падения водопада, или строительным участком, или же подлежащими извлечению сокровищами, содержащимися в воде или в недрах земли.

В отличие от собственно *земледельческой ренты* А. Смит (указывает Рикардо) говорит о ренте, уплачиваемой за древесину из девственных лесов, о ренте с каменноугольных копей и с каменоломен. Способ, каким Рикардо это отбрасывает, несколько странен.

Рикардо начинает с того, что с земельной рентой не следует смешивать процент и прибыль на капитал (стр. 53), а именно на тот капитал,

«который был употреблен на улучшение качества почвы и на сооружение построек, необходимых для хранения продукта и предохранения его от порчи» (стр. 54) [Русский перевод, том I, стр. 65].

Отсюда Рикардо тотчас же переходит к приведенным выше случаям ренты, на которые указывает А. Смит. Относительно девственных лесов Рикардо говорит:

«Разве, однако, не ясно, что лицо, уплатившее то, что он» (Смит) «называет рентой, уплатило ее, имея в виду тот *ценный товар* на корню, который тогда находился на данном участке, и что это лицо, действительно, *возместило себе с прибыли свои деньги путем продажи древесины?*» (стр. 54) [Русский перевод, том I, стр. 66].

Точно так же обстоит дело с каменоломнями и каменноугольными копиями:

«Вознаграждение, даваемое за [565] копи или каменоломни, уплачивается за стоимость угля или камня, которые могут быть извлечены из них, и не находится ни в какой связи с первоначальными и неразрушимыми силами почвы. Это различие имеет большое значение при исследовании ренты и прибыли. Ибо оказывается, что законы, регулирующие движение ренты, сильно отличаются от законов, регулирующих движение прибыли, и что эти законы редко действуют в одном и том же направлении» (стр. 54—55) [Русский перевод, том I, стр. 66].

Это весьма странная логика. Различие, говорит Рикардо, надо делать между *рентой*, уплачиваемой собственнику земли за *пользование «первоначальными и неразрушимыми силами почвы»*, и *процентом и прибылью*, уплачиваемыми ему за тот

капитал, который он затратил на *улучшение* почвы и т. д. «Вознаграждение», уплачиваемое собственнику естественно растущих лесов за право «извлекать» из них древесину или владельцу каменоломен и каменноугольных копей за право «извлекать» из них камни и уголь, не является *рентой*, так как оно уплачивается не за «пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы». Прекрасно! Однако Рикардо ведет свое рассуждение так, как будто это «вознаграждение» тождественно с прибылью и процентом, уплачиваемыми за капитал, вложенный в улучшение земли! Но это совершенно неверно! Разве владелец «девственного леса» вложил в него «капитал», чтобы этот девственный лес давал древесину? Или разве владелец каменоломен и каменноугольных копей вложил в них «капитал», чтобы они могли содержать в себе «камни» и «уголь»? Так откуда же происходит получаемое им «вознаграждение»? Оно ни в коем случае не является прибылью или процентом на капитал, как это хочет протащить Рикардо. Значит, это — *рента*, а не что-нибудь иное, хотя и не рента в том смысле, в каком Рикардо определил *ренту*. Но это только показывает, что его определение ренты исключает те формы, где «вознаграждение» уплачивается исключительно за *предметы природы*; в которых не воплощен никакой человеческий труд, и притом уплачивается *собственнику* этих предметов природы и только потому, что он — «собственник», *земельный собственник*, безразлично, представляет ли собой эта земля пашню, лес, пруд для рыбы, водопад, строительный участок и т. п. Но, говорит Рикардо, человек, *уплачивающий деньги* за право рубить деревья в девственном лесу, платит, «имея в виду тот *ценный товар на корню*, который тогда находился на данном участке; и этот человек, действительно, *возмещает себе с прибылью свои деньги* путем продажи древесины». Стой! Если Рикардо называет здесь «*ценным товаром на корню*» деревья, растущие в девственном лесу, то это означает всего лишь то, что они *обладают* * являются *потребительной стоимостью*. И эта потребительная стоимость выражена здесь в слове «ценный». Но это вовсе не «*товар*». Ибо для этого указанные деревья должны были бы вместе с тем быть и меновой стоимостью, т. е. овеществлением определенного количества затраченного на них труда. Товаром они становятся только благодаря тому, что их отделяют от девственного леса, рубят, выволакивают, перевозят, из стволов превращают в лесоматериалы. Или, быть может, они становятся товаром только благодаря тому, что их *продают?*

* — потенциально, в возможности. Ред.

Тогда и пахотная земля тоже становится товаром в силу одного только акта *продажи!*

Мы должны были бы, следовательно, сказать так: *рента* это — *цена, уплачиваемая собственнику сил природы или просто продуктов природы* за право пользования этими силами или за право присвоения (путем приложения труда) этих продуктов. Такова и в самом деле та форма, в которой первоначально *выступает* всякая рента. Но тогда как раз остается разрешить вопрос о том, как это возможно, что *цену* имеют вещи, не имеющие *стоимости*, и как это согласуется с общей теорией *стоимости*. Вопрос, *с какой целью* уплачивает человек «вознаграждение» за право вырубать лес с земли, на которой этот лес растет, не имеет никакого отношения к действительному вопросу. Вопрос стоит так: из какого *фонда* этот человек платит? Рикардо говорит: *«из выручки от продажи древесины»*. Следовательно, из *цены* древесины. И притом цена ее была такова, что человек этот, как говорит Рикардо, «действительно, возместил себе *с прибылью* свои деньги». Итак, теперь мы знаем, в чем дело. Цена древесины должна по меньшей мере равняться сумме денег, представляющей количество труда, необходимое для того, чтобы срубить деревья, выволочь, перевезти их, доставить на рынок. Так вот, представляет ли собой прибыль, с которой человек «возмещает себе свои деньги», надбавку к этой *стоимости*, к меновой стоимости, только теперь приданной вырубленному лесу затраченным на него трудом? Если бы Рикардо сказал это, то он тем самым скатился бы к самому грубому представлению, стоящему ниже уровня его собственной теории. Нет. Прибыль, если предположить, что человек этот был капиталистом, представляет собой ту часть примененного им в производстве «древесины» труда, которую он *не оплатил*, и он, могли бы мы сказать, получил бы такую же прибыль, если бы привел в движение то же самое количество труда на хлопкопрядильной фабрике. (Если человек этот не капиталист, то прибыль равна тому количеству его труда, которое образует избыток над возмещением его заработной платы и которое составило бы прибыль капиталиста в том случае, если бы капиталист нанял этого человека, но которое теперь составляет собственную прибыль последнего, потому что он является своим собственным наемным рабочим и своим собственным капиталистом в *одном и том же* лице.) Но здесь употреблено *несуразное выражение*, что этот лесопромышленник, «действительно, *возмещает* себе с прибылью свои деньги». Это придает всему делу очень плоский характер и соответствует тому грубому представлению, которое может иметь об источнике своей прибыли

сам капиталист, сводящий лес. Сперва он платит владельцу девственного леса за потребительную стоимость деревьев, которые, однако, не обладают никакой «стоимостью» (меновая стоимость) и, пока они «еще на корню», не имеют даже и потребительной стоимости. Он уплачивает лесовладельцу, положим, 5 ф. ст. за тонну. А затем он продает публике ту же древесину (не считая других его издержек) за 6 ф. ст. и таким образом, действительно, возмещает себе 5 ф. ст. с прибылью в 20%. «Он, действительно, возместил себе с прибылью свои деньги». Если бы владелец леса потребовал «вознаграждения» всего лишь в 2 ф. ст. (40 шилл.), то лесопромышленник продавал бы тонну древесины за 2 ф. ст. 8 шилл. вместо 6 ф. ст. [566] Так как лесопромышленник всегда набавляет один и тот же процент прибыли, то здесь, следовательно, цена древесины была бы выше или ниже в зависимости от того, высока или низка рента. Последняя входила бы в цену как конституирующий ее элемент и отнюдь не была бы результатом цены. Уплачивается ли «рента» («вознаграждение») владельцу земли за пользование «силами» земли или же за «пользование» «естественными продуктами» земли, это не вносит абсолютно никакого изменения в экономическое отношение, ничего не меняет в том, что производится уплата за «нечто, данное природой», за силы или продукты земли, на которые до этого не было затрачено никакого человеческого труда. И таким образом Рикардо на второй странице своей главы «О ренте» — с целью обойти возникшую трудность — опрокидывает всю свою теорию. А. Смит, по-видимому, был здесь гораздо проницательнее.

Точно так же обстоит дело с каменоломнями и каменноугольными копиями.

«Вознаграждение, *даваемое* за копи или каменоломни, уплачивается за *стоимость* угля или камня, которые могут быть извлечены из них, и не находится ни в какой связи с *первоначальными* и *неразрушимыми силами* почвы» (стр. 54—55) [Русский перевод, том I, стр. 66].

Ни в какой! Но это вознаграждение находится в очень существенной связи с «*первоначальными* и *поддающимися разрушению продуктами* земли». Слово «*стоимость*» здесь так же несуразно, как выше слова «*возмещает с прибылью*».

Рикардо никогда не употребляет слово *стоимость* для обозначения полезности, или пригодности, или «потребительной стоимости». Не хочет ли он, следовательно, сказать, что «вознаграждение» уплачивается собственнику каменоломен и каменноугольных копей за «*стоимость*», которой уголь и камень обладают до того, как они извлечены из каменоломен и копей, т. е. в своем первоначальном состоянии? В таком случае он

ниспровергает все свое учение о стоимости. Или же *стоимость*, как и следовало бы сказать, означает здесь *возможную* потребительную стоимость, а потому также и *ожидаемую меновую* стоимость угля и камня? Тогда это означает только то, что их собственнику *рента* уплачивается за разрешение использовать «первоначальные компоненты земли» для добычи угля и камней. И абсолютно нельзя понять, почему это не следует так же называть «рентой», как и в том случае, когда дается разрешение использовать «силы» земли для производства пшеницы. Ведь иначе мы снова придем к ниспровержению всей теории ренты, как это выяснено на примере с лесом. При правильной теории вопрос не представляет решительно никаких трудностей. Затраченные на «производство» {не на воспроизводство} леса, угля, камня труд (который, правда, не создает этих продуктов природы, но разрывает их первоначальную связь с землей и таким образом «производит» их как годные к употреблению лес, уголь, камень) и капитал принадлежат, очевидно, к тем сферам производства, где затрачиваемая на заработную плату часть капитала больше, чем затрачиваемая на постоянный капитал; непосредственный труд здесь больше, чем тот «прошлый» труд, результат которого служит средством производства. Следовательно, если товар продается здесь по своей стоимости, то эта стоимость превышает его *цену издержек*, т. е. износ орудий, заработную плату и среднюю прибыль. *Избыток может*, следовательно, быть уплачен в виде ренты собственнику леса, каменоломни или каменноугольной копи.

Но чем объясняются эти неуклюжие маневры Рикардо, неправильное употребление слова «стоимость» и т. д.? Почему он так цепляется за определение ренты как платы за пользование «первоначальными и неразрушимыми силами почвы»? Ответ, быть может, мы получим в дальнейшем. Во всяком случае, Рикардо хочет выделить собственно земледельческую ренту, подчеркнуть ее специфические черты и вместе с тем уже заложить основу для теории дифференциальной ренты посредством указания на то, что эти первоначальные силы могут оплачиваться лишь постольку, поскольку они достигают различных ступеней развития.

[ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ]
ТАБЛИЦЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ
РЕНТЫ С ПОЯСНЕНИЯМИ

[1) ИЗМЕНЕНИЯ В МАССЕ И НОРМЕ РЕНТЫ]

К вышеизложенному надо добавить еще следующее:

Предположим, что были бы открыты более продуктивные или лучше расположенные каменноугольные копи и каменоломни, так что при том же количестве труда они давали бы больше продукта, чем старые, и притом *такое количество продукта*, что весь спрос был бы удовлетворен. Тогда цена угля, камня, древесины понизилась бы, потому что понизилась бы их стоимость, и вследствие этого пришлось бы закрыть старые каменноугольные копи и каменоломни. Они не давали бы ни прибыли, ни заработной платы, ни ренты. Тем не менее *новые* копи должны были бы давать ренту, как раньше старые, хотя и *меньшую* (по своей норме). Ведь всякое увеличение производительности труда уменьшает затрачиваемый на заработную плату капитал в его отношении к постоянному капиталу, здесь — к капиталу, вложенному в орудия производства. Верно ли это? Верно ли и в данном случае, когда изменение производительности труда происходит в результате изменения не самого *способа производства*, а естественной продуктивности каменноугольной копи или каменоломни или же их местоположения? Единственное, что мы можем здесь сказать, это то, что *то же самое* количество капитала в этом случае дает больше тонн угля или камня, что, следовательно, в каждой отдельной тонне содержится меньше труда, но во всех тоннах, вместе взятых, содержится столько же труда или даже больше, если новые копи или каменоломни, кроме прежнего спроса, который удовлетворяли старые копи или каменоломни, удовлетворяют еще и добавочный спрос, а именно такой добавочный спрос,

который превышает разницу в продуктивности старых и новых копей и каменоломен. Однако *органическое строение применяемого* капитала от этого не изменилось бы. Правда, в цене одной тонны, каждой отдельной тонны, содержалось бы меньше ренты, но только потому, что в каждой тонне содержалось бы вообще меньше труда, а значит и меньше заработной платы и меньше прибыли. *Отношение нормы ренты к прибыли* этим, однако, не было бы затронуто. Итак, мы можем [567] сказать лишь следующее:

Если спрос остается тем же, если, следовательно, надлежит производить *такое же*, как прежде, количество угля и камня, — то для того, чтобы произвести *ту же* массу товаров, в новых, более продуктивных коях и каменоломнях применяется теперь *меньше капитала*, чем применялось прежде в старых. Вместе с этим падает совокупная стоимость всей массы товаров; следовательно, уменьшается и вся сумма ренты, прибыли, заработной платы и применяемого постоянного капитала. Но соотношения между рентой и прибылью не изменяются, точно так же как не изменяются и соотношения между прибылью и заработной платой или между прибылью и затраченным капиталом, так как не произошло никакого *органического* изменения в применяемом капитале. Изменилась только *величина*, но не *строение* применяемого капитала, следовательно и не способ производства.

Если нужно удовлетворить *добавочный спрос*, но такой добавочный спрос, который равняется разности в продуктивности новых и старых копей и каменоломен, — то по-прежнему применяется *капитал той же величины*. Стоимость каждой отдельной тонны падает. Но совокупное количество тонн имеет ту же стоимость, что и прежде. Если рассматривать каждую отдельную тонну, то вместе с содержащейся в ней стоимостью уменьшилась и величина тех частей стоимости, которые превращаются в прибыль и ренту. Но так как величина *капитала* и вместе с тем совокупная стоимость его продукта остались без изменения, а также не произошло и *органического* изменения в его строении, то *абсолютная масса ренты и прибыли* осталась той же.

Если *добавочный спрос* настолько велик, что, при прежнем капиталовложении, разница в продуктивности новых и старых копей и каменоломен не может покрыть этот спрос, то в новых коях необходимо применить добавочный капитал. В этом случае, — если с увеличением совокупного вложенного капитала не происходит изменения в разделении труда, применении машин, если, следовательно, не происходит *никакого* изменения

в органическом строении капитала, — возрастает *масса ренты и прибыли*, так как возросла стоимость совокупного продукта, стоимость совокупного количества тонн, хотя стоимость каждой отдельной тонны упала, а значит упала и та часть стоимости одной тонны, которая превращается в ренту и прибыль.

Во всех этих случаях не происходит *никакого изменения* в норме ренты, так как не происходит *изменения* в органическом строении применяемого капитала (как бы ни *изменялась* его *величина*). Если бы, напротив, изменение произошло вследствие изменения в органическом строении капитала, вследствие уменьшения затраченного на заработную плату капитала по сравнению с капиталом, затраченным на машины и т. п., — так что, следовательно, изменился бы самый способ производства, — то *норма ренты* упала бы, так как уменьшилась бы разность между стоимостью товара и ценой издержек. В рассмотренных выше трех случаях эта разность не становится меньше. Ибо если падает стоимость, то точно так же падает и цена издержек единицы товара, так как на единицу товара затрачивается меньше труда, оплаченного и неоплаченного.

Итак, согласно изложенному, если увеличение производительности труда — или уменьшение стоимости определенного количества произведенных товаров — вызывается лишь изменением продуктивности природных элементов, различием в природном уровне плодородия почвы, богатства копей, каменоломен и т. п., то масса ренты может упасть вследствие того, что при изменившихся условиях применяется меньшее количество капитала; она может остаться неизменной при наличии добавочного спроса; она может возрасти, если добавочный спрос превышает разницу в продуктивности старых, эксплуатировавшихся раньше, и эксплуатируемых теперь природных факторов производства. Но норма ренты могла бы возрасти только с изменением в органическом строении применяемого капитала.

Таким образом, нет необходимости в том, чтобы *масса ренты* падала, когда прекращается обработка худшей земли, худшей каменоломни, худшей шахты и т. д. Больше того, *норма ренты* даже никогда не может упасть в тех случаях, когда прекращение обработки худших участков является всего лишь следствием *меньшей* природной продуктивности их.

Рикардо непозволительным образом смешивает правильное положение, что в этом случае *масса ренты* при определенном состоянии спроса может падать, — т. е. что она зависит от того, уменьшается ли, остается неизменной или возрастает

величина применяемого капитала, — с совершенно ошибочным положением, будто здесь должна падать норма ренты, что при данной предпосылке невозможно, так как предполагается, что не произошло никакого изменения в органическом строении капитала, т. е. не произошло такого изменения, которое затрагивало бы соотношение между стоимостью и ценой издержек — единственное соотношение, определяющее норму [абсолютной] ренты.

12) РАЗЛИЧНЫЕ СОЧЕТАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ. ТАБЛИЦЫ А, В, С, D, E]

А как в указанном выше случае обстоит дело с *дифференциальными рентами*?

Предположим, что эксплуатируются каменноугольные копи трех разрядов, I, II, III, причем разряд I приносит абсолютную ренту, II дает ренту вдвое большую, чем I, а III — ренту, вдвое большую, чем II, или в четыре раза большую, чем I. В таком случае разряд I дает абсолютную ренту P , разряд II дает ренту $2P$ и разряд III — $4P$. Пусть теперь открывается новый разряд IV, более продуктивный, чем I, II и III, и настолько большой по размерам, что в него может быть вложен такой же капитал, какой вложен в I. В этом случае, *при неизменившемся спросе*, в IV разряд вкладывается тот самый капитал, который раньше вкладывался в I. В результате этого I был бы закрыт. Пришлось бы изъять и часть капитала, вложенного во II разряд. IV разряда было бы достаточно, чтобы заменить I и часть II, но оба высших разряда, III и IV, не могли бы удовлетворить весь спрос без оставления в эксплуатации части II разряда. Чтобы иллюстрировать все это на конкретном примере, предположим, что IV разряд в состоянии с таким капиталом, какой был вложен в I, дать всю добычу I разряда и половину добычи II. Следовательно, если бы во II разряд была вложена половина прежнего капитала, в III — прежний капитал, а в IV — новый капитал, то рынок был бы снабжен полностью.

[568] Каковы же были бы происшедшие в этом случае изменения или как отразились бы они на общей сумме ренты, на рентах разрядов I, II, III и IV?

Абсолютная рента, получаемая с IV разряда, была бы по своей массе и норме совершенно тождественна той, какая получалась раньше с I; действительно, *абсолютная рента* и прежде была бы по своей массе и норме одна и та же в I, II и III, если все время исходить из предположения, что в этих различных разрядах применены *капиталы одинаковых размеров*. Стои-

мость продукта IV в точности равнялась бы стоимости прежнего продукта I, потому что это был бы продукт капитала *одинаковой величины и одинакового органического строения*. Поэтому и разность между стоимостью и ценой издержек, а следовательно и норма ренты, должна остаться той же. Сверх того, масса ренты тоже должна остаться той же, так как — при *данной норме* ренты — были бы применены капиталы одинаковой величины. Но так как [рыночная] стоимость угля определяется не [индивидуальной] стоимостью угля, добываемого в IV, то последний принес бы добавочную ренту, или некоторый излишек над его *абсолютной рентой*, — ренту, получающуюся не из разности между стоимостью и ценой издержек, а из разности между *рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью* продукта разряда IV.

Когда мы говорим, что абсолютная рента, или разность между стоимостью и ценой издержек, *одна и та же* у I, II, III, IV при условии, что *величина* вложенного в них капитала, а значит и масса ренты при данной норме ренты, одна и та же, то это следует понимать таким образом: стоимость (индивидуальная) угля I выше стоимости угля II, а стоимость угля II выше стоимости угля III, так как в *одной* тонне угля I содержится больше труда, чем в одной тонне угля II, и в одной тонне II больше, чем в одной тонне III. Но так как *органическое строение* капитала во всех трех случаях одно и то же, то эта разница не отражается на *индивидуальной абсолютной ренте*, приносимой разрядами I, II, III. Ибо если стоимость тонны I больше, то больше и ее цена издержек; она больше лишь в соответствии с тем, насколько *большой капитал* одинакового органического строения применяется для производства *одной* тонны в I разряде, сравнительно со II, а во II — сравнительно с III. Следовательно, эта разница между их стоимостями в точности равна разнице между их *ценами издержек*, т. е. разнице между *относительными* капиталами, затраченными на производство одной тонны угля в I, II и III разрядах. Различие между величинами стоимости в трех разрядах не отражается, следовательно, на *разности между стоимостью и ценой издержек* в различных разрядах. Если стоимость больше, то *соответственно больше и цена издержек*; ибо стоимость увеличивается лишь в той пропорции, в какой увеличивается затрата *капитала* или труда; следовательно, остается то же соотношение между стоимостью и ценой издержек, а значит, и *абсолютная рента* остается без изменения.

Но посмотрим, далее, как обстоит дело с *дифференциальной рентой*.

Во-первых, во всем производстве угля — в разрядах II, III и IV — теперь применяется *меньше* капитала. Ибо капитал в IV по своей величине равен капиталу в I, а кроме того, изъята половина капитала, применявшегося во II; следовательно, масса ренты во II разряде, во всяком случае, уменьшается наполовину. Что же касается капиталовложений, то изменение произошло только во II разряде, потому что в IV вкладывается столько же капитала, сколько раньше вкладывалось в I. Мы предположили, далее, что в I, II и III были вложены равновеликие капиталы, например по 100 ф. ст. в каждый, а всего 300 ф. ст. Теперь, следовательно, во II, III и IV осталось всего лишь 250 ф. ст.; другими словами, одна шестая часть капитала была изъята из производства угля.

Но, далее, упала *рыночная стоимость* угля. Мы видели, что I разряд приносит P , II — $2P$ и III — $4P$. Если принять, что стоимость продукта, произведенного при затрате 100 ф. ст. в I разряде, равняется 120 ф. ст., из которых 10 составляют ренту и 10 — прибыль, то рыночная стоимость II составит 130 ф. ст. (10 — прибыль и 20 — рента), а рыночная стоимость III составит 150 ф. ст. (10 — прибыль и 40 — рента). Если продукт I равнялся 60 тоннам (тонна = 2 ф. ст.), то продукт II равен 65 тоннам, продукт III — 75 тоннам, а совокупная продукция равна $60 + 65 + 75 = 200$ тоннам. А так как теперь в IV разряде 100 ф. ст. производят столько же, сколько составляла вся продукция I разряда и половина продукции II, т. е. $60 + 32\frac{1}{2} = 92\frac{1}{2}$ тонны, то эти $92\frac{1}{2}$ тонны по прежней рыночной стоимости стоили бы 185 ф. ст. и, значит, давали бы ренту в 75 ф. ст., так как прибыль = 10 ф. ст.; и, следовательно, так как абсолютная рента = 10 ф. ст., то величина ренты в IV разряде равнялась бы $7\frac{1}{2}P$.

Как и прежде, II, III, IV дают те же 200 тонн угля, потому что $32\frac{1}{2} + 75 + 92\frac{1}{2} = 200$ тоннам. Но как обстоит теперь дело с рыночной стоимостью и дифференциальными рентами?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо посмотреть, какова величина *абсолютной индивидуальной ренты* в разряде II. Мы предполагаем, что абсолютная разность между *стоимостью и ценой издержек* в этой сфере производства равна 10 ф. ст., т. е. равна той ренте, которую приносила наихудшая шахта, хотя в этом предположении и нет необходимости, за исключением того случая, когда разряд I своей стоимостью абсолютно определял бы *рыночную стоимость*. [569] Если это действительно имело место, то рента в I разряде (при продаже угля I по его стоимости) представляла вообще избыток стоимости

в этой сфере производства над его [угля I] собственной ценой издержек и над общей ценой издержек товаров. Следовательно, II продает свои продукты по их стоимости, если он продает свои 65 тонн за 120 ф. ст., т. е. каждую тонну за $1^{11}/_{13}$ ф. ст. То обстоятельство, что он продавал тонну вместо этого по 2 ф. ст., обуславливалось лишь избытком рыночной стоимости, определяемой разрядом I, над его [угля II] индивидуальной стоимостью, избытком не его [угля II] стоимости, а его рыночной стоимости над его ценой издержек.

Далее, II продает теперь, согласно предположению, вместо 65 только $32^{1}/_{2}$ тонны, так как он вкладывает в шахту вместо капитала в 100 ф. ст. лишь капитал в 50 ф. ст.

Следовательно, II продает теперь $32^{1}/_{2}$ тонны за 60 ф. ст. По отношению к 50 ф. ст. [авансированного капитала] 10 ф. ст. составляют 20%. Из 60 ф. ст. 5 ф. ст. приходится на прибыль и 5 ф. ст. на ренту.

Таким образом, мы имеем для II: стоимость одной тонны продукта — $1^{11}/_{13}$ ф. ст.; число тонн — $32^{1}/_{2}$; стоимость совокупного продукта — 60 ф. ст.; рента — 5 ф. ст. Рента с 20 ф. ст. упала до 5 ф. ст. Если бы все еще применялся капитал прежних размеров, рента упала бы только до 10 ф. ст. Следовательно, по своей норме рента упала лишь наполовину. Другими словами, она уменьшилась на всю ту разность, на какую рыночная стоимость, определявшаяся разрядом I, превышала собственную стоимость угля II, или на величину избытка над той разностью, которая вытекает из различия между собственной стоимостью угля II и его ценой издержек. Его дифференциальная рента равнялась 10 ф. ст.; теперь вся его рента равна 10 ф. ст., т. е. его абсолютной ренте. Таким образом, во II разряде с понижением рыночной стоимости до стоимости (угля II) дифференциальная рента исчезла, а следовательно, исчезла и вздутая, удвоенная благодаря этой дифференциальной ренте, норма ренты. Она упала с 20 до 10. И далее, рента снизилась с 10 до 5, так как при данной норме ренты наполовину уменьшился вложенный в шахты II разряда капитал.

Так как рыночная стоимость определяется теперь стоимостью угля II, равной $1^{11}/_{13}$ ф. ст. за тонну, то рыночная стоимость 75 тонн, которые производит разряд III, равняется теперь $138^{6}/_{13}$ ф. ст.; из них рента составляет $28^{6}/_{13}$ ф. ст. Раньше рента составляла 40 ф. ст.; следовательно, она уменьшилась на $11^{7}/_{13}$ ф. ст. Раньше она превышала абсолютную ренту на 30, а теперь всего лишь на $18^{6}/_{13}$ ф. ст. (ибо $18^{6}/_{13} + 10 = 28^{6}/_{13}$). Раньше она равнялась 4 P , а теперь она равна лишь 2 $P + 8^{6}/_{13}$ ф. ст. Так как величина вложенного в разряд III

капитала осталась неизменной, то это уменьшение ренты обусловлено исключительно падением нормы дифференциальной ренты, т. е. уменьшением избытка рыночной стоимости угля III над его индивидуальной стоимостью. Раньше вся сумма ренты в разряде III была равна избытку *более высокой рыночной стоимости* над ценой издержек; теперь же она равняется лишь избытку *более низкой рыночной стоимости* над ценой издержек⁸⁰. Таким образом, разница эта приближается к абсолютной ренте разряда III. Разряд III при капитале в 100 ф. ст. производит 75 тонн угля, [индивидуальная] стоимость которых равна 120 ф. ст.; следовательно, 1 тонна стоит $1\frac{3}{5}$ ф. ст. Вместо этого III продавал при прежней рыночной цене одну тонну за 2 ф. ст., т. е. на $\frac{2}{5}$ ф. ст. дороже. На 75 тонн это составляло $\frac{2}{5} \times 75$, т. е. 30 ф. ст., — и такова, действительно, была дифференциальная рента в общей сумме его ренты; ибо его рента равнялась 40 ф. ст. (10 — абсолютная рента и 30 — дифференциальная рента). Теперь III продает тонну по новой рыночной стоимости, лишь за $1\frac{11}{13}$ ф. ст. Насколько эта цена тонны угля III превышает ее [индивидуальную] стоимость? $\frac{3}{5} = \frac{39}{65}$ и $\frac{11}{13} = \frac{55}{65}$. Следовательно, III продает тонну угля на $\frac{16}{65}$ ф. ст. дороже ее [индивидуальной] стоимости⁸¹. На 75 тонн это составит $18\frac{6}{13}$ ф. ст., и это как раз и есть дифференциальная рента, которая, следовательно, всегда равна количеству тонн, умноженному на избыток рыночной стоимости тонны над [индивидуальной] стоимостью тонны. Теперь остается еще вычислить, как получается уменьшение ренты на $11\frac{7}{13}$ ф. ст. Избыток рыночной стоимости над стоимостью угля III уменьшился с $\frac{2}{5}$ ф. ст. на тонну (когда она продавалась по 2 ф. ст.) до $\frac{16}{65}$ ф. ст. на тонну (при продаже тонны угля по $1\frac{11}{13}$ ф. ст.), следовательно с $\frac{26}{65}$ до $\frac{16}{65}$, т. е. на $\frac{10}{65}$ ф. ст. На 75 тонн это составит $\frac{750}{65} = \frac{150}{13} = 11\frac{7}{13}$, и такова в точности та сумма, на которую уменьшилась рента в разряде III.

[570] $92\frac{1}{2}$ тонны разряда IV стоят при цене $1\frac{11}{13}$ ф. ст. $170\frac{10}{13}$ ф. ст. Здесь рента составляет $60\frac{10}{13}$, а дифференциальная рента — $50\frac{10}{13}$ ф. ст. Если бы $92\frac{1}{2}$ тонны были проданы по своей стоимости, т. е. за 120 ф. ст., то 1 тонна стоила бы $1\frac{11}{37}$ ф. ст. Вместо этого она продается по $1\frac{11}{13}$. Но $\frac{11}{13} = \frac{407}{481}$, а $\frac{11}{37} = \frac{143}{481}$. Это дает $\frac{264}{481}$ ф. ст. избытка рыночной стоимости угля IV над его стоимостью. На $92\frac{1}{2}$ тонны это составит ровно $50\frac{10}{13}$ ф. ст., дифференциальную ренту разряда IV.

Сопоставим теперь оба рассмотренные случая в виде таблиц А и В.

А

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Число тонн	Рыночная стоимость тонны	Индивидуальная стоимость тонны	Рыночная стоимость совокупного продукта	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
I	100	10	60	2	2	120	0
II	100	10	65	2	$1^{11}/_{13}$	130	10
III	100	10	75	2	$1^3/_5$	150	30
Итого.....	300	30	200			400	40

Общее количество тонн — 200. Вся абсолютная рента — 30 ф. ст. Вся дифференциальная рента — 40 ф. ст. Совокупная рента — 70 ф. ст.

В

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Число тонн	Рыночная стоимость тонны	Индивидуальная стоимость тонны	Рыночная стоимость совокупного продукта	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
II	50	5	$32^{1}/_2$	$1^{11}/_{13}$	$1^{11}/_{13}$	60	0
III	100	10	75	$1^{11}/_{13}$	$1^3/_5$	$138^6/_{13}$	$18^6/_{13}$
IV	100	10	$92^{1}/_2$	$1^{11}/_{13}$	$1^{11}/_{37}$	$170^{10}/_{13}$	$50^{10}/_{13}$
Итого.....	250	25	200			$369^3/_{13}$	$69^3/_{13}$

Весь капитал — 250 ф. ст. Абсолютная рента — 25 ф. ст. Дифференциальная рента — $69^3/_{13}$ ф. ст. Совокупная рента — $94^3/_{13}$ ф. ст. Совокупная стоимость 200 тонн понизилась с 400 до $369^3/_{13}$ ф. ст.

Эти две таблицы дают повод к весьма важным соображениям.

Прежде всего мы видим, что по своей сумме абсолютная рента увеличивается или уменьшается соответственно вложенному в земледелие ⁸² капиталу, соответственно совокупным массам капитала, вложенным в разряды I, II, III. Норма этой абсолютной ренты совершенно не зависит от величины вложенных капиталов, так как она совершенно не зависит от разницы в категориях почвы, а напротив, проистекает из разности между стоимостью и ценой издержек, причем сама эта разность определяется органическим строением земледельческого капитала, способом производства, а не почвой. Во II разряде сумма

абсолютной ренты уменьшается с 10 до 5 по той причине, что капитал уменьшился со 100 до 50, что половина [571] капитала была изъята.

Прежде чем высказывать дальнейшие соображения по поводу этих двух таблиц, приведем еще другие таблицы. Мы видели, что в *B* рыночная стоимость упала до $1^{11}/_{13}$ ф. ст. за тонну. Но при этой *стоимости* еще не будет необходимости в том, чтобы продукт *I A* совершенно исчез с рынка и чтобы разряд *II B* был вынужден применять лишь половину прежнего капитала. Так как в *I* разряде при совокупной стоимости товара в 120 ф. ст. рента равна 10 ф. ст., т. е. $1/_{12}$ совокупной стоимости, то это относится и к стоимости отдельной тонны, которая равна 2 ф. ст. Но $2^{1}/_{12}$ ф. ст. = $1/_{6}$ ф. ст., или $3^{1}/_{3}$ шилл. (ибо $3^{1}/_{3}$ шилл. $\times \times 60 = 10$ ф. ст.). *Цена издержек* тонны в *I* разряде составляет, следовательно, [2 ф. ст. — $3^{1}/_{3}$ шилл., т. е.] 1 ф. ст. $16^{2}/_{3}$ шилл. [Новая] рыночная стоимость составляет $1^{11}/_{13}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. Но $16^{2}/_{3}$ шилл. равны 16 шилл. 8 пенсам, или $16^{26}/_{39}$ шилл. В сравнении с этим $16^{12}/_{13}$ (или $16^{36}/_{39}$) шилл. на $10/_{39}$ шилл. больше. Это было бы рентой, получаемой при новой рыночной стоимости на одну тонну, а на 60 тонн это составило бы $15^{5}/_{13}$ шилл. Следовательно, рента не составила бы у меня и 1% на капитал в 100 ф. ст. Для того чтобы разряд *I A* совсем не давал ренты, рыночная стоимость должна была бы упасть до уровня *его* [этого разряда] цены издержек, т. е. до 1 ф. ст. $16^{2}/_{3}$ шилл., или $1^{5}/_{6}$ ф. ст. (или $1^{10}/_{12}$ ф. ст.). В этом случае рента в разряде *I A* исчезла бы. Но он мог бы по-прежнему эксплуатироваться, принося прибыль в 10%. Это прекратилось бы лишь при дальнейшем падении рыночной стоимости ниже $1^{5}/_{6}$ ф. ст.

Что же касается *II B*, то в таблице *B* предполагается, что половина капитала изымается из производства. Но так как рыночная стоимость, установившаяся в размере $1^{11}/_{13}$ ф. ст., дает еще ренту в 10%, то она дает эту ренту одинаково как на 100 ф. ст., так и на 50 ф. ст. Если, следовательно, предполагается, что половина капитала изъята, то это предполагается только потому, что при этих условиях разряд *II B* все еще приносит абсолютную ренту в 10%. В самом деле, если бы *II B* продолжал производить 65 тонн вместо $32^{1}/_{2}$, то рынок оказался бы перегруженным, и рыночная стоимость, при господстве на рынке угля *IV*, упала бы настолько, что стало бы необходимым уменьшить вложение капитала в разряд *II B*, чтобы он давал абсолютную ренту. Между тем ясно, что когда весь капитал в 100 ф. ст. дает ренту в 9%, то общая сумма ренты больше, чем в том случае, когда капитал в 50 ф. ст. дает ренту в 10%.

Следовательно, если бы по состоянию рынка для удовлетворения существующего спроса необходимо было применять во II разряде только 50 ф. ст. капитала, то рента должна была бы снизиться до 5 ф. ст. Но на самом деле она упала бы еще ниже, если предположить, что добавочные $32\frac{1}{2}$ тонны не могут найти постоянного сбыта и, следовательно, были бы вытеснены с рынка. Рыночная стоимость упала бы так низко, что в разряде II B не только исчезла бы рента, но была бы затронута и прибыль. Тогда последовало бы изъятие капитала, чтобы уменьшить предложение, — пока капитал не сократился бы до надлежащего размера, до 50 ф. ст., и тогда установилась бы рыночная стоимость в размере $1\frac{11}{13}$ ф. ст., при котором она опять давала бы абсолютную ренту в разряде II B, однако только для половины ранее вложенного в него капитала. Также и в этом случае решающую роль играли бы разряды IV и III, которые господствуют на рынке.

Однако, если при цене в $1\frac{11}{13}$ ф. ст. за тонну рынок поглощает только 200 тонн, то отсюда вовсе не следует, что он не может поглотить еще $32\frac{1}{2}$ тонны, когда рыночная стоимость падает, когда, стало быть, вследствие давления, которое оказывают на рынок $32\frac{1}{2}$ добавочных тонны, рыночная стоимость $232\frac{1}{2}$ тонн снижается. Цена издержек одной тонны в разряде II B составляет $[110 : 65, \text{ т. е.}] 1\frac{9}{13}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ шилл., а рыночная стоимость — $1\frac{11}{13}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ шилл. Если бы рыночная стоимость упала настолько, что разряд I A не давал бы уже никакой ренты, т. е. если бы она упала до уровня цены издержек в разряде I A, до 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ шилл., или до $1\frac{5}{6}$ ф. ст., или $1\frac{10}{12}$ ф. ст., то для того, чтобы II B применял весь свой капитал, спрос должен был бы уже значительно возрасти, ибо в разряде I A можно было бы продолжать эксплуатацию шахт, так как он давал бы обычную прибыль. Рынок должен был бы поглотить уже не на $32\frac{1}{2}$ тонны больше, а на $92\frac{1}{2}$ тонны, вместо 200 — $292\frac{1}{2}$ тонны, следовательно [почти] наполовину больше. Это предполагает уже весьма значительное увеличение спроса. Значит, чтобы предположенное нами увеличение спроса было умеренным, рыночная стоимость должна упасть так низко, что I A был бы вытеснен с рынка. Другими словами, рыночная цена должна была бы упасть ниже цены издержек в разряде I A, т. е. ниже $1\frac{10}{12}$ ф. ст., скажем, до $1\frac{9}{12}$, или 1 ф. ст. 15 шилл. Она и после этого все еще значительно превышала бы цену издержек в разряде II B.

Итак, к таблицам A и B мы добавим еще три таблицы — C, D и E. Для таблицы C мы предположим, что спрос возрастает в такой мере, что все разряды таблиц A и B могут продолжать

производство, но по рыночной стоимости *B*, причем разряд I *A* еще дает ренту. Для таблицы *D* мы предположим, что спрос достаточно велик для того, чтобы разряд I *A*, не давая уже ренты, все еще приносил обычную прибыль. А для таблицы *E* мы примем, что цена понижается настолько, что разряд I *A* вытесняется с рынка, [572] но вместе с тем понижение цены приводит к поглощению рынком $32\frac{1}{2}$ добавочных тонн разряда II *B*.

Случай, представленный в таблицах *A* и *B*, возможен. Возможно, что I *A* при уменьшении ренты с 10 ф. ст. до неполных 16 шилл. прекращает данного рода эксплуатацию своей земли и сдает ее в аренду для иного использования, при котором она может давать более высокую земельную ренту. Но в этом случае II *B* был бы вынужден, в результате вышеописанного процесса, изъять половину своего капитала, если бы с установлением новой рыночной стоимости не произошло расширения рынка.

C

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Число тонн	Рыночная стоимость тонны	Индивидуальная стоимость тонны	Рыночная стоимость совокупн. продукта	Рента	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
I	100	$10\frac{1}{13}$	60	$11\frac{1}{13}$	2	$110\frac{10}{13}$	$10\frac{1}{13}$	— $9\frac{3}{13}$
II	100	10	65	$11\frac{1}{13}$	$11\frac{1}{13}$	120		0
III	100	10	75	$11\frac{1}{13}$	$1\frac{3}{5}$	$138\frac{6}{13}$		+ $18\frac{6}{13}$
IV	100	10	$92\frac{1}{2}$	$11\frac{1}{13}$	$11\frac{1}{37}$	$170\frac{10}{13}$		+ $50\frac{10}{13}$
Итого	400	$30\frac{10}{13}$	$292\frac{1}{2}$			540		$69\frac{3}{13}$

D

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Рыночная стоимость тонны	Цена издержек	Число тонн	Рыночная стоимость совокупн. продукта	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.
I	100	0	$1\frac{5}{6}$	$1\frac{5}{6}$	60	110	0 (—)
II	100	$9\frac{1}{6}$	$1\frac{5}{6}$		65	$119\frac{1}{6}$	—
III	100	10	$1\frac{5}{6}$		75	$137\frac{1}{2}$	(скрыта) + $17\frac{1}{2}$
IV	100	10	$1\frac{5}{6}$		$92\frac{1}{2}$	$169\frac{7}{12}$	+ $49\frac{7}{12}$
Итого.....	400	$29\frac{1}{6}$			$292\frac{1}{2}$	$536\frac{1}{4}$	$67\frac{1}{12}$

Е

Разряд	Капитал	Абсол. рента	Рыночная стоимость тонны	Цена издержек	Число тонн	Рыночная стоимость совокупн. продукта	Диффер. рента
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.
II	100	$3\frac{3}{4}$	$1\frac{3}{4}$	$1\frac{9}{13}$	65	$113\frac{3}{4}$	— (отсутствует)
III	100	10	$1\frac{3}{4}$		75	$131\frac{1}{4}$	+ $11\frac{1}{4}$
IV	100	10	$1\frac{3}{4}$		$92\frac{1}{2}$	$161\frac{7}{8}$	+ $41\frac{7}{8}$
Итого.....	300	$23\frac{3}{4}$			$232\frac{1}{2}$	$406\frac{7}{8}$	$53\frac{1}{8}$

[573] Сопоставим теперь таблицы *A*, *B*, *C*, *D* и *E* в виде одной сводной таблицы; но так, как это следовало сделать с самого начала: *Капитал*, *Совокупная стоимость*, *Совокупный продукт*, *Рыночная стоимость тонны*, *Индивидуальная стоимость*, *Дифференциальная стоимость*⁸³, *Цена издержек*, *Абсолютная рента*, *Абсолютная рента в тоннах*, *Дифференциальная рента*, *Дифференциальная рента в тоннах*, *Совокупная рента*. А затем итоги по всем разрядам в каждой таблице⁸⁴.

[См. вклейку между страницами 292—293.]

[575] *Пояснение к таблице*

Предполагается, что затрачен капитал в 100 (постоянный и переменный капитал) и что приводимый им в движение труд дает прибавочный труд (неоплаченный труд), равный $\frac{1}{5}$ всего авансированного капитала, или прибавочную стоимость, равную $100\frac{1}{5}$. Если, следовательно, авансированный капитал равен 100 ф. ст., то *стоимость* совокупного продукта должна была бы равняться 120 ф. ст. Далее предполагается, что средняя прибыль равна 10%; в таком случае 110 ф. ст. составляют *цену издержек* совокупного продукта, в вышеприведенном примере — угля. 100 ф. ст. капитала превращаются при данной норме прибавочной стоимости или прибавочного труда в *стоимость* в 120 ф. ст., независимо от того, эксплуатируются ли богатые или бедные шахты; одним словом, *различная производительность* труда, является ли она следствием различных природных условий труда или различных общественных условий его или же различных технологических условий, не изменяет ничего в том положении, что стоимость товаров равна материализованному в них количеству труда.

Итак, когда говорят, что *стоимость продукта*, произведенного капиталом в 100 ф. ст., равна 120 ф. ст., то это означает не что иное, как то, что в *продукте* содержится рабочее время, материализованное в 100 ф. ст. капитала, плюс не оплаченное, но присвоенное капиталистом рабочее время, составляющее $\frac{1}{6}$ всего затраченного рабочего времени. Совокупная стоимость продукта равна 120 ф. ст., независимо от того, производит ли капитал в 100 ф. ст. в одном разряде шахт 60 тонн, в другом разряде — 65, или 75, или $92\frac{1}{2}$. Но ясно, что стоимость единицы продукта, измеряется ли он тоннами, как в данном случае, или квартерами, аршинами и т. д., совершенно различна в зависимости от производительности труда. Если мы возьмем нашу таблицу (то же самое относится ко всякой другой товарной массе, являющейся результатом капиталистического производства), то стоимость одной тонны будет 2 ф. ст., когда совокупный продукт капитала составляет 60 тонн; следовательно, 60 тонн стоят 120 ф. ст.; другими словами, в них представлено рабочее время, равное тому, которое материализовано в 120 ф. ст. Если совокупный продукт составляет 65 тонн, то стоимость каждой отдельной тонны равна 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ шилл., или $1\frac{11}{13}$ ф. ст.; если он составляет 75 тонн, то стоимость каждой отдельной тонны равна $1\frac{3}{5}$ ф. ст., или 1 ф. ст. 12 шилл.; наконец, если он составляет $92\frac{1}{2}$ тонны, то стоимость тонны равна $1\frac{11}{37}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ шилл. Так как совокупная масса товаров или тонн, произведенных капиталом в 100 ф. ст., всегда имеет одну и ту же *стоимость*, равную 120 ф. ст., так как в ней всегда представлено одно и то же *совокупное количество труда*, содержащееся в 120 ф. ст., то именно поэтому *стоимость* каждой отдельной тонны различна в зависимости от того, выражается ли *одна и та же* стоимость в 60, 65, 75 или $92\frac{1}{2}$ тоннах, т. е. в зависимости от различия в производительности труда. Это различие в производительности труда как раз и обуславливает то, что *одно и то же количество труда* выражается то в меньшей, то в большей совокупной массе товаров и, следовательно, *каждая отдельная часть* этой совокупной массы содержит в себе то большее, то меньшее абсолютное количество затраченного труда, т. е. имеет, в соответствии с этим, то большую, то меньшую стоимость. Эта различная стоимость отдельных тонн, зависящая от того, вложен ли капитал в 100 ф. ст. в более богатые или в менее богатые шахты, т. е. зависящая от различной производительности труда, и есть то, что в таблице фигурирует как *индивидуальная стоимость* отдельной тонны.

Поэтому нет ничего более ошибочного, чем представление, что если стоимость единицы товара при повышающейся произ-

водительности труда падает, то *совокупная стоимость* продукта, произведенного определенным капиталом, — например, в 100 ф. ст., — повышается из-за того, что увеличилась масса товаров, в которых эта совокупная стоимость представлена. Ведь стоимость единицы товара падает только потому, что *совокупная стоимость* — совокупное количество затраченного труда — выражается в большей массе потребительных стоимостей, продуктов, а потому на единицу продукта падает меньшая пропорциональная доля совокупной стоимости (или затраченного труда), и притом лишь *в той мере*, в какой единица продукта поглощает меньшее количество труда, или в какой на нее приходится меньшая доля совокупной стоимости.

Первоначально мы рассматривали *отдельный товар* как результат и непосредственный продукт определенного количества труда. Теперь, когда товар выступает как *продукт капиталистического производства*, дело формально изменяется следующим образом:

В произведенной массе потребительных стоимостей представлено некоторое *количество рабочего времени*, равное количеству рабочего времени, содержащемуся в потребленном при ее производстве капитале (постоянном и переменном) плюс неоплаченное рабочее время, присвоенное капиталистом. Если содержащееся в капитале рабочее время, выраженное в деньгах, равно 100 ф. ст., если в этих 100 ф. ст. капитала содержатся 40 ф. ст. капитала, затраченного на заработную плату, и если прибавочное рабочее время составляет 50% переменного капитала, т. е. если норма прибавочной стоимости равна 50%, то стоимость совокупной массы товаров, произведенных капиталом в 100 ф. ст., будет равна 120 ф. ст. Чтобы товары могли обращаться, их меновая стоимость, как мы видели это в первой части настоящего сочинения ⁸⁵, должна предварительно превратиться в *цену*, т. е. должна быть выражена в деньгах. Следовательно, [576] если совокупный продукт не есть какой-нибудь один неделимый предмет (например, дом), в котором представлен весь капитал, не есть какой-нибудь *единственный товар*, цена которого тогда будет, согласно предположению, равна 120 ф. ст., т. е. совокупной стоимости, выраженной в деньгах, то капиталист, прежде чем выбросить товары на рынок, должен сперва вычислить *цену* единицы товара. *Цена* означает здесь денежное выражение стоимости.

В зависимости от различной производительности труда совокупная стоимость в 120 ф. ст. будет распределяться между большим или меньшим количеством продуктов, и, следовательно, стоимость *единицы* продукта будет сообразно этому —

пропорционально — равняться меньшей или большей соответственной части 120 ф. ст. Расчет здесь очень простой. Если весь продукт составляет, например, 60 тонн угля, то 60 тонн равны 120 ф. ст., а 1 тонна равна $\frac{120}{60}$, т. е. 2 ф. ст.; если продукт составляет 65 тонн, то стоимость одной тонны будет $\frac{120}{65}$, т. е. $1\frac{11}{13}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ шилл. (1 ф. ст. 16 шилл. $11\frac{1}{13}$ пенса); если продукт составляет 75 тонн, то стоимость одной тонны будет $\frac{120}{75}$ ф. ст., т. е. 1 ф. ст. 12 шилл.; если продукт составляет $92\frac{1}{2}$ тонны, то стоимость одной тонны будет $1\frac{11}{37}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ шилл. Таким образом, стоимость (цена) единицы товара равна *совокупной стоимости* продукта, деленной на совокупное количество продуктов, которое измеряется соответствующими им, как потребительным стоимостям, мерами: тоннами (как, например, в приведенном выше случае) или квантерами, аршинами и т. д.

Если, таким образом, цена единицы товара равна совокупной стоимости произведенной капиталом в 100 ф. ст. товарной массы, деленной на совокупное количество товаров, то совокупная стоимость равняется цене отдельного товара, помноженной на совокупное количество этих товаров, или цене определенного, принятого за единицу, количества товара, помноженной на всю товарную массу, измеренную этой единицей. Далее, совокупная стоимость состоит из стоимости капитала, авансированного в производстве, плюс прибавочная стоимость; из рабочего времени, содержащегося в авансированном капитале, плюс присвоенное капиталом прибавочное рабочее время, или неоплаченное рабочее время. Следовательно, каждая отдельная часть товарной массы содержит прибавочную стоимость в такой же пропорции, в какой эта часть содержит стоимость. В зависимости от того, распределяются ли 120 ф. ст. на 60, 65, 75 или $92\frac{1}{2}$ тонны, на них распределяются также и 20 ф. ст. прибавочной стоимости. Если число тонн равно 60 и, следовательно, стоимость одной тонны равна $\frac{120}{60}$, т. е. 2 ф. ст., или 40 шилл., то $\frac{1}{6}$ от этих 40 шилл., или от 2 ф. ст., т. е. $6\frac{2}{3}$ шилл., есть та доля прибавочной стоимости, которая приходится на одну тонну. Относительная доля прибавочной стоимости в одной тонне, стоящей 2 ф. ст., такова же, как и в 60 тоннах, стоящих 120 ф. ст. Отношение прибавочной стоимости к стоимости остается в цене единицы товара таким же, как и в совокупной стоимости всей товарной массы. В вышеприведенном случае в каждой отдельной тонне содержится из совокупной прибавочной стоимости $\frac{20}{60} = \frac{2}{6} = \frac{1}{3}$ ф. ст., или $\frac{1}{6}$ от 40 шилл., как указано выше. Поэтому прибавочная стоимость одной тонны, умноженная на 60, равна совокупной прибавочной стоимости, про-

изведенной капиталом. Если часть стоимости, приходящаяся на единицу продукта, пропорциональная часть совокупной стоимости, становится меньше вследствие того, что большим стало количество произведенных продуктов, т. е. вследствие увеличения производительности труда, то меньше будет также и та часть прибавочной стоимости, которая приходится на каждую единицу продукта, та соответственная часть совокупной прибавочной стоимости, которая содержится в единице продукта. Этим, однако, не затрагивается отношение прибавочной стоимости, заново созданной стоимости, к авансированной и лишь воспроизведенной стоимости. Правда, мы видели*, что хотя производительность труда не влияет на совокупную стоимость продукта, однако она может увеличивать прибавочную стоимость, если продукт входит в потребление рабочего, если, следовательно, уменьшается *нормальная заработная плата*; или, что то же самое, уменьшается *стоимость рабочей силы*, в результате понижения цены отдельных товаров, или, что то же самое, данного количества товаров. Поскольку большая производительность труда создает относительную прибавочную стоимость, она увеличивает не совокупную стоимость продукта, а ту часть этой совокупной стоимости, которая представляет прибавочную стоимость, т. е. неоплаченный труд. Таким образом, если при большей производительности труда на единицу продукта приходится меньшая доля стоимости — так как увеличилась совокупная масса товаров, в которых стоимость представлена, — если, следовательно, цена единицы продукта понижается, то все же, при вышеупомянутых условиях, увеличится та часть этой цены, в которой представлена *прибавочная стоимость*, т. е. возрастет отношение прибавочной стоимости к воспроизведенной стоимости {здесь, где еще нет речи о прибыли, следует собственно все еще говорить об отношении прежде всего к переменному капиталу}. Однако это имеет место только потому, что в *совокупной стоимости* продукта вследствие увеличения производительности труда возросла прибавочная стоимость. Та самая причина — возросшая производительность труда, — в силу которой одно и то же количество труда выражается в большей массе продуктов, а следовательно, понижается стоимость любой части этой массы или *цена* единицы товара, — эта самая причина уменьшает стоимость рабочей силы, а потому увеличивает прибавочный, или неоплаченный, труд, содержащийся в *стоимости совокупного продукта*, а стало быть, и в *цене* единицы товара. Поэтому, хотя *цена*

* См. настоящее издание, часть I, стр. 202—204. Ред.

единицы товара понижается, хотя *совокупное количество содержащегося в ней труда*, а потому и ее стоимость, уменьшается, все же та пропорциональная составная часть этой стоимости, которая состоит из *прибавочной стоимости*, увеличивается; другими словами, в меньшем совокупном [577] количестве труда, содержащемся в единице товара, заключено *большее количество неоплаченного труда*, чем раньше, когда труд был менее производителен и потому цена единицы товара была выше, а совокупное количество труда, содержащегося в единице товара, было больше. Хотя одна тонна в этом случае содержит меньше труда и потому оказывается дешевле, она заключает в себе больше прибавочного труда и потому дает больше прибавочной стоимости.

Так как в условиях конкуренции все выступает в ложном, превратном виде, то отдельный капиталист воображает: 1) что он имеет дело с понижением прибыли, получаемой им на единицу товара в результате уменьшения ее цены, но что он выручает *большую прибыль вследствие увеличения* массы товаров (здесь это смешивается еще вдобавок с увеличением массы прибыли, которое вследствие увеличения применяемого капитала получается даже при более низкой норме прибыли); 2) что он устанавливает цену единицы товара и посредством умножения определяет совокупную стоимость продукта, тогда как первоначальный процесс есть деление, а умножение имеет место лишь во вторую очередь и основывается на этом делении как на своей предпосылке. Вульгарный экономист ограничивается фактически лишь тем, что причудливые представления капиталистов, погрязших в конкуренции, он переводит на якобы более теоретический язык и своими конструкциями пытается обосновать правильность этих представлений.

Теперь вернемся к нашей таблице.

Совокупная стоимость созданного капиталом в 100 ф. ст. продукта, или созданной им товарной массы, равна 120 ф. ст.; товарная масса может быть велика или мала в зависимости от различной степени производительности труда. *Цена издержек* этого совокупного продукта, какова бы ни была его величина, равна 110 ф. ст., если, как мы предположили, средняя прибыль составляет 10%. Избыток *стоимости* совокупного продукта, какова бы ни была его величина, над ценой издержек равен 10 ф. ст., т. е. $\frac{1}{12}$ совокупной стоимости, или $\frac{1}{10}$ авансированного капитала. Этот избыток *стоимости* над ценой издержек совокупного продукта, эти 10 ф. ст. образуют *ренду*. Она, очевидно, совершенно не зависит от разницы в производительности труда, являющейся следствием различной степени природной

продуктивности угольных копей, плодородия почв, — одним словом, следствием продуктивности того элемента природы, к которому прилагается капитал в 100 ф. ст., — так как эти различные степени производительности примененного труда, обусловленные неодинаковой продуктивностью природного фактора, не препятствуют тому, чтобы совокупный продукт имел стоимость в 120 ф. ст., а цену издержек — в 110 ф. ст., следовательно имел избыток стоимости над ценой издержек, равный 10 ф. ст. Все, что может сделать *конкуренция капиталов*, это добиться того, чтобы *цена издержек* товаров, создаваемых капиталистом с капиталом в 100 ф. ст. в угольном производстве, в этой особой сфере производства, была равна 110 ф. ст. Но конкуренция не может принудить к тому, чтобы этот капиталист продавал свой продукт за 110 ф. ст., хотя последний стоит 120 ф. ст., — принуждение, осуществляемое в остальных отраслях производства. Ибо тут вмешивается земельный собственник и накладывает руку на 10 ф. ст. Эту ренту я называю поэтому *абсолютной рентой*. Поэтому она остается в таблице постоянно *одной и той же*, как бы ни изменялась продуктивность угольных копей, а вследствие этого и производительность труда. Но она выражается не в *одном и том же количестве тонн* при различной степени продуктивности копей, а вследствие этого и производительности труда. Ибо в зависимости от различной производительности труда содержащееся в 10 ф. ст. количество труда выражается в большем или в меньшем количестве потребительных стоимостей, в большем или в меньшем количестве тонн. Уплачивается ли эта *абсолютная рента*, при различных степенях продуктивности, всегда целиком или [иногда только] частично, обнаружится при дальнейшем анализе таблицы.

Но, далее, на рынке находится уголь, добытый в шахтах неодинаковой продуктивности, которые я обозначил цифрами I, II, III, IV, начиная с наименьшей степени продуктивности. Так, например: первый разряд, где продукт капитала в 100 ф. ст. составляет 60 тонн; второй разряд, где он составляет 65 тонн; и т. д. Таким образом, равновеликий капитал — 100 ф. ст., одинакового органического строения, в одной и той же сфере производства — обладает здесь неодинаковой производительностью, потому что степень производительности труда различна в зависимости от степени продуктивности шахты, почвы, короче — природного фактора. Но конкуренция устанавливает *единую рыночную стоимость* для этих продуктов, имеющих различную *индивидуальную стоимость*. Сама эта рыночная стоимость *никогда* не может быть *больше* индивидуальной стоимости продукта *наименее продуктивного* разряда. Если

бы она была выше, это доказывало бы лишь то, что *рыночная цена* превышает *рыночную стоимость*. Но рыночная стоимость должна выражать действительную *стоимость*. Что касается продуктов отдельных разрядов, то, конечно, возможно, что их [индивидуальная] *стоимость* стоит выше или ниже рыночной стоимости. Если она *выше* рыночной стоимости, то разность между рыночной стоимостью и их ценой издержек *меньше* разности между их индивидуальной стоимостью и их ценой издержек. Но так как абсолютная рента равна разности между их индивидуальной [578] стоимостью и их ценой издержек, то в этом случае рыночная стоимость производимых при таких условиях продуктов не может давать *абсолютную ренту полностью*. Если бы рыночная стоимость понизилась до их цены издержек, то она *совсем не давала бы ренты* с продуктов данного разряда. Производители этих продуктов не могли бы платить никакой ренты, так как [совокупная] рента есть лишь разность между [рыночной] стоимостью и ценой издержек, а для них, индивидуально, при данной рыночной стоимости эта разность отпала бы. В данном случае разность между их рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью будет *отрицательной*, т. е. рыночная стоимость будет разниться от их индивидуальной стоимости на *отрицательную величину*. Разность между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью я вообще называю *дифференциальной стоимостью*. Для товаров, находящихся в указанных условиях, я поставил перед дифференциальной стоимостью знак минус.

Напротив, если *индивидуальная стоимость* продуктов какого-либо разряда угольных копей (разряда земли) стоит *ниже* рыночной стоимости, то это значит, что *рыночная стоимость* стоит *выше* их индивидуальной стоимости. Господствующая в сфере производства этих продуктов стоимость, или рыночная стоимость, дает, следовательно, некоторый *избыток над* их индивидуальной стоимостью. Если, например, рыночная стоимость тонны равна 2 ф. ст., то дифференциальная стоимость той тонны, индивидуальная стоимость которой равна 1 ф. ст. 12 шилл., составляет 8 шилл. А так как в том разряде, где индивидуальная стоимость тонны равна 1 ф. ст. 12 шилл., капитал в 100 ф. ст. производит 75 тонн, то совокупная дифференциальная стоимость для этих 75 тонн составит 8 шилл. $\times$ 75, т. е. 30 ф. ст. Этот избыток рыночной стоимости совокупного продукта данного разряда *над* его индивидуальной стоимостью, обусловленный относительно большим плодородием земли или относительно большей продуктивностью шахты, образует *диффе-*

ренциальную ренту, так как цена издержек остается для капитала той же, что и раньше. Эта дифференциальная рента бывает больше или меньше смотря по тому, больше или меньше избыток *рыночной стоимости* над *индивидуальной стоимостью*, избыток, который, в свою очередь, бывает больше или меньше в зависимости от *относительно большей или меньшей продуктивности* того разряда копей или земли, где произведен данный продукт, в сравнении с тем менее продуктивным разрядом, продукт которого оказывает решающее влияние на рыночную стоимость.

Наконец, необходимо еще заметить, что *индивидуальные цены издержек* продуктов различных разрядов различны. Например, для того разряда, в котором капитал в 100 ф. ст. дает 75 тонн, цена издержек единицы товара составила бы 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ шилл., так как совокупная стоимость равна 120 ф. ст., а совокупная *цена издержек* — 110 ф. ст., и если бы рыночная стоимость была равна индивидуальной стоимости тонны в этом разряде, т. е. 1 ф. ст. 12 шилл., то 75 тонн, проданные за 120 ф. ст., дали бы ренту в 10 ф. ст., тогда как 110 ф. ст. выражали бы их цену издержек.

Но *индивидуальная цена издержек* отдельной тонны, разумеется, различна в зависимости от количества тонн, в котором выражается капитал в 100 ф. ст., или в зависимости от *индивидуальной стоимости* единицы продукта в различных разрядах. Например, если капитал в 100 ф. ст. производит 60 тонн, то стоимость тонны равна 2 ф. ст., а ее цена издержек — 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ шилл.; 55 тонн равнялись бы 110 ф. ст., или цене издержек совокупного продукта. Если же капитал в 100 ф. ст. производит 75 тонн, то стоимость тонны равна 1 ф. ст. 12 шилл., ее цена издержек — 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ шилл., и из совокупного продукта $68\frac{3}{4}$ тонны стоили бы 110 ф. ст., т. е. возмещали бы цену издержек. В той же пропорции, в какой различна *индивидуальная стоимость*, различна и *индивидуальная цена издержек*, т. е. *цена издержек каждой отдельной тонны* в различных разрядах.

Все пять таблиц показывают, что *абсолютная рента* всегда равна избытку [индивидуальной] стоимости товара над его собственной ценой издержек; а *дифференциальная рента* равна избытку рыночной стоимости товара над его индивидуальной стоимостью; совокупная же рента, когда сверх абсолютной ренты имеется еще и дифференциальная, равна избытку рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью плюс избыток индивидуальной стоимости над ценой издержек, или избытку рыночной стоимости над индивидуальной ценой издержек.

Так как здесь речь идет лишь о том, чтобы развить общий закон ренты в качестве иллюстрации моей теории о стоимостях и ценах издержек, тогда как детальную трактовку земельной ренты я дал бы только там, [579] где я *ex professo* * занялся бы рассмотрением земельной собственности, — то я устранил все моменты, усложняющие дело: *влияние местоположения* шахт или различных земель; различную степень продуктивности применяемых на *одной и той же* шахте или на *одной и той же* земле доз капитала; соотношение между рентами, получаемыми в различных подразделениях одной и той же сферы производства, например в различных отраслях земледелия; соотношение между рентами, получаемыми в различных, но превратимых одна в другую сферах производства, как, например, когда земля изымается из земледелия с целью использования ее под постройку домов и т. д. Все это сюда не относится.

[3) АНАЛИЗ ТАБЛИЦ]

Теперь перейдем к рассмотрению таблиц. Они показывают, как общий закон объясняет большое разнообразие комбинаций, тогда как Рикардо, вследствие того что общий закон ренты ему неизвестен, лишь односторонне понимает также и сущность дифференциальной ренты и потому хочет при помощи насильственной абстракции свести большое многообразие явлений к одному-единственному случаю. Сами таблицы должны показать не все вообще возможные комбинации, а только важнейшие, особенно для нашей специальной цели.

[a)] К ТАБЛИЦЕ А [СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СТОИМОСТЬЮ В РАЗЛИЧНЫХ РАЗРЯДАХ И РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ]

В таблице А рыночная стоимость тонны угля определяется индивидуальной стоимостью тонны в разряде I, где шахты наименее продуктивны, где, следовательно, производительность труда самая низкая, а, стало быть, масса продуктов, доставляемых вложенным капиталом в 100 ф. ст., — наименьшая, и где поэтому цена единицы продукта (цена, определяемая его стоимостью) является наивысшей.

Предполагается, что рынок поглощает 200 тонн, не больше и не меньше.

Рыночная стоимость не может стоять *выше* стоимости тонны в разряде I, т. е. выше стоимости товара, производимого при

* — специально. Ред.

самых неблагоприятных условиях производства. То обстоятельство, что разряды II и III продают тонну выше ее *индивидуальной стоимости*, объясняется тем, что здесь условия производства благоприятнее, чем у других товаров, производимых в *этой же* сфере (отрасли) производства; следовательно, это не нарушает закона стоимости. Напротив, если бы рыночная стоимость превышала стоимость тонны в разряде I, то это было бы возможно только потому, что продукт разряда I, вне *всякой* зависимости от рыночной стоимости, продавался бы *выше* своей стоимости. Вообще различие между рыночной стоимостью и [индивидуальной] стоимостью имеет место не потому, что продукты продаются абсолютно *выше* своей стоимости, а только потому, что та стоимость, какую имеет продукт всей сферы производства, может отличаться от стоимости отдельного продукта, т. е. потому, что *рабочее время, необходимое* для производства совокупного продукта — в данном случае 200 тонн, — может отличаться от того рабочего времени, в течение которого производится часть этих тонн (в данном случае речь идет о тоннах, добываемых в разрядах II и III); одним словом, потому, что полученный *совокупный продукт* является продуктом труда различных степеней производительности. Поэтому различие между рыночной стоимостью продукта и его индивидуальной стоимостью может быть связано только с различием *степеней производительности*, при которых определенное количество труда создает различные доли совокупного продукта. Это различие никогда не может означать того, что стоимость определяется *независимо* от количества труда, применяемого вообще в данной сфере производства. Если бы рыночная стоимость тонны превышала 2 ф. ст., то это было бы возможно только потому, что разряд I, независимо от его соотношений с разрядами II и III, вообще продавал бы свой продукт *выше* его стоимости. В этом случае вследствие положения вещей на рынке, т. е. в силу соотношения спроса и предложения, *рыночная цена* превышала бы *рыночную стоимость*. Но та рыночная стоимость, о которой здесь идет речь и которой здесь, согласно предположению, равна рыночная цена, не может быть *выше самой себя*.

В рассматриваемом случае рыночная стоимость *равна* стоимости продукта разряда I, который к тому же доставляет $\frac{3}{10}$ всего находящегося на рынке продукта, так как разряды II и III дают лишь столько продукта, сколько необходимо, чтобы покрыть спрос полностью, т. е. чтобы удовлетворить добавочный спрос, сверх того спроса, который покрывается продуктом разряда I. Разряды II и III не имеют поэтому никаких оснований продавать свой продукт дешевле 2 ф. ст., так

как весь продукт может быть продан по 2 ф. ст. Они не могут продавать свой продукт и [580] *дороже* 2 ф. ст., так как I продает тонну за 2 ф. ст.

Этот закон, в силу которого *рыночная стоимость* не может быть *выше индивидуальной стоимости* продукта, произведенного при *наихудших условиях производства*, но составляющего часть необходимого предложения, Рикардо перетолковывает в том смысле, что рыночная стоимость не может упасть *ниже* стоимости этого продукта, т. е. всегда должна определяться ею. В дальнейшем мы увидим, насколько это ошибочно.

Так как в разряде I рыночная стоимость тонны и индивидуальная стоимость тонны совпадают, то *рента*, даваемая им, представляет собой абсолютный избыток стоимости продукта над его ценой издержек, *абсолютную ренту*, равную 10 ф. ст. Разряд II дает дифференциальную ренту в 10 ф. ст., а разряд III — дифференциальную ренту в 30 ф. ст., так как определяемая разрядом I рыночная стоимость доставляет разряду II избыток в 10 ф. ст., а разряду III — избыток в 30 ф. ст. над *индивидуальной стоимостью* их продуктов, а потому и над абсолютной рентой в 10 ф. ст., в которой представлен избыток индивидуальной стоимости над ценой издержек. Поэтому разряд II приносит совокупную ренту в 20 ф. ст., а разряд III — совокупную ренту в 40 ф. ст.; ибо рыночная стоимость доставляет избыток в 20 ф. ст., соответственно в 40 ф. ст., над их ценой издержек.

Мы предполагаем, что происходит переход от I, наименее продуктивного разряда шахт, к более продуктивному разряду II и от последнего — к еще более продуктивному разряду III. Хотя разряды II и III продуктивнее, чем I, но они удовлетворяют лишь $\frac{7}{10}$ всего спроса и потому, как это только что было разъяснено, могут продавать свой продукт по 2 ф. ст., хотя стоимость его составляет соответственно лишь 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ шилл. и 1 ф. ст. 12 шилл. Ясно, что когда доставляется определенное количество продукта, требуемое для удовлетворения спроса, и имеется налицо градация в производительности труда, удовлетворяющего различные доли этого спроса, то, происходит ли при этом переход в одном направлении или другом, в обоих случаях рыночная стоимость более продуктивных разрядов поднимается *выше их индивидуальной стоимости*: в одном случае потому, что они *застают* рыночную стоимость, *определяемую* малопродуктивным разрядом, а добавочное предложение с их стороны недостаточно велико для того, чтобы дать какой бы то ни было повод к изменению рыночной стоимости, определяемой разрядом I; в другом случае потому, что рыночная стоимость, которую первоначально определяли они, т. е. которая

определялась разрядом III или II, теперь определяется разрядом I, который доставляет добавочное предложение, требуемое рынком, и который может доставлять его лишь по более высокой стоимости, определяющей теперь рыночную стоимость.

(6) СВЯЗЬ ТЕОРИИ РЕНТЫ РИКАРДО С КОНЦЕПЦИЕЙ
УБЫВАЮЩЕЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ.
ИЗМЕНЕНИЯ НОРМЫ АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ В ИХ СООТНОШЕНИИ
С ИЗМЕНЕНИЯМИ НОРМЫ ПРИБЫЛИ]

Рикардо сказал бы, например, в представленном таблицей А случае: Исходным пунктом является разряд III; добавочное предложение доставляется сперва разрядом II; наконец, последнее добавочное предложение, требуемое рынком, доставляется разрядом I; и так как разряд I может доставлять добавочные 60 тонн только за 120 ф. ст., по 2 ф. ст. за тонну, а это предложение рынком требуется, то рыночная стоимость тонны, составлявшая первоначально 1 ф. ст. 12 шилл., а затем 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл., поднимается теперь до 2 ф. ст. Но столь же правильно и то, что в том случае, когда, наоборот, исходным пунктом берется разряд I, удовлетворявший спрос на 60 тонн по 2 ф. ст., а затем добавочное предложение доставляется разрядом II, продукт разряда II будет продаваться по рыночной стоимости в 2 ф. ст., хотя его индивидуальная стоимость составляет лишь 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл.; ибо требуемые рынком 125 тонн могут быть, как и прежде, доставлены только при том условии, что разряд I доставит свои 60 тонн, стоимость которых — 2 ф. ст. за тонну. То же самое получится и в том случае, если оказывается необходимым новое добавочное предложение в 75 тонн, а разряд III доставляет *только* 75 тонн, удовлетворяет только этот добавочный спрос, так что по-прежнему требуются еще 60 тонн разряда I по 2 ф. ст. Если бы разряд I удовлетворял весь спрос в 200 тонн, то они были бы проданы за 400 ф. ст. По этой цене они и продаются теперь, ибо разряды II и III продают свои продукты не по той цене, по какой они могли бы удовлетворить добавочный спрос в 140 тонн, [XII — 581] а по той цене, по какой его мог бы удовлетворить разряд I, доставляющий лишь $3/_{10}$ продукта. Вся масса требуемого рынком продукта, равная 200 тоннам, продается здесь по 2 ф. ст. за тонну, потому что $3/_{10}$ этого количества могут быть произведены лишь по 2 ф. ст. за тонну, независимо от того, в каком порядке происходило производство добавочных порций продукта, необходимых для удовлетворения спроса: начиная с III через II к I или же начиная с I через II к III.

Рикардо говорит: Если исходной точкой являются продукты разрядов III и II, то их рыночная стоимость должна подняться до стоимости (у Рикардо — до цены издержек) продукта разряда I, так как те $\frac{3}{10}$, которые доставляет разряд I, необходимы для удовлетворения спроса; другими словами, так как здесь речь идет обо всей *требующейся массе продукта*, а не об индивидуальной стоимости особых частей этой массы. Но столь же верно и то, что когда исходной точкой является разряд I, а разряды II и III доставляют *лишь* добавочное предложение, $\frac{3}{10}$, доставляемые разрядом I, остаются по-прежнему одинаково необходимыми; таким образом, если разряд I определяет рыночную стоимость при нисходящей линии, то он *в силу тех же причин* определяет ее и при восходящей линии. Следовательно, таблица A показывает нам ошибочность взгляда Рикардо, будто дифференциальная рента обусловлена переходом от более продуктивной шахты или почвы к менее продуктивным, т. е. будто она обусловлена уменьшением производительности труда. Дифференциальная рента совершенно так же совместима и с *обратным* движением, а значит и с возрастающей производительностью труда. Какое из этих двух движений имеет место в том или ином случае, — это не имеет никакого отношения ни к сущности дифференциальной ренты, ни к факту ее существования, а представляет собой *исторический* вопрос. В реальной действительности восходящая и нисходящая линии будут перекрещиваться, добавочный спрос будет удовлетворяться путем перехода то к более продуктивному, то к менее продуктивному разряду земли, угольных залежей и тому подобных природных факторов. При этом всегда предполагается, что предложение, осуществляемое в природных условиях нового, отличающегося от других разряда — будет ли он более продуктивным или менее продуктивным, — всего лишь равняется добавочному спросу, т. е. не вызывает никакого изменения в *соотношении между спросом и предложением* и, следовательно, приводит к *изменению в самой рыночной стоимости* не тогда, когда предложение может быть осуществлено с меньшими издержками, а лишь тогда, когда оно может быть осуществлено только с большими издержками.

Итак, таблица A с самого же начала вскрывает перед нами ложность этой основной предпосылки Рикардо, которая, как это видно на примере Андерсона, не была необходимой даже при неправильной концепции по вопросу об абсолютной ренте.

Если имеет место переход от III к II и от II к I, — т. е. по нисходящей линии, при обращении ко все менее и менее продуктивным природным условиям производства, — то вначале

III разряд, где вложен капитал в 100 ф. ст., продает свои товары по их стоимости, за 120 ф. ст. Это составляет 1 ф. ст. 12 шилл. за тонну, так как III разряд производит 75 тонн. Если возникает необходимость в удовлетворении добавочного спроса в 65 тонн, то II разряд, применяющий капитал в 100 ф. ст., тоже продает свой продукт по его стоимости, за 120 ф. ст. Это составляет 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. за тонну. Если, наконец, необходимым оказывается добавочное предложение в 60 тонн, которое может быть доставлено только разрядом I, то этот последний тоже продает свой продукт по его стоимости, равной 120 ф. ст., что составляет 2 ф. ст. за тонну. При таком ходе вещей III разряд стал бы давать дифференциальную ренту в $18^{6}/_{13}$ ф. ст. с момента появления на рынке продуктов разряда II, тогда как раньше он давал только абсолютную ренту в 10 ф. ст. Разряд II стал бы давать дифференциальную ренту в 10 ф. ст., как только на сцене появился бы I, а дифференциальная рента разряда III повысилась бы до 30 ф. ст.

Если Рикардо, спускаясь от III разряда к I, у I уже не находит ренты, то это потому, что при рассмотрении III разряда он исходил из того, что никакой абсолютной ренты не существует.

Конечно, между восходящей и нисходящей линиями имеется определенное различие. Если происходит переход от I разряда к III, так что разряды II и III доставляют лишь добавочное предложение, то рыночная стоимость остается равной индивидуальной стоимости продукта I разряда, т. е. 2 ф. ст. И если средняя прибыль, как здесь предположено, составляет 10%, то можно принять, что в ее исчисление вошла цена угля (соответственно, цена пшеницы; можно везде заменить тонну угля кварталом пшеницы и т. д.), ибо уголь входит как в потребление рабочего в качестве жизненного средства, так значительной долей и в постоянный капитал в качестве вспомогательного материала. Следовательно, можно точно так же принять, что норма прибавочной стоимости была бы выше, а вместе с тем и сама прибавочная стоимость больше, а значит и *норма прибыли* была бы выше 10%, если бы I разряд был производительнее, или если бы стоимость тонны угля была *ниже* 2 ф. ст. Но последнее как раз и имело место, когда исходной точкой был III разряд. [Рыночная] стоимость тонны угля, равная тогда лишь 1 ф. ст. 12 шилл., повысилась при [582] появлении на рынке продукта II разряда до 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл. и, наконец, до 2 ф. ст. — при появлении продукта I разряда. Можно, следовательно, принять, — предполагая все остальные обстоятельства: продолжительность прибавочного труда, прочие условия производства и т. д. постоянными и неизменными, — что, когда

разрабатывался лишь III разряд, норма прибыли была выше (*норма прибавочной стоимости* была выше, так как один из элементов заработной платы был дешевле; уже в результате более высокой нормы прибавочной стоимости была выше масса прибавочной стоимости, а значит и норма прибыли; но помимо этого, при видоизмененной таким образом прибавочной стоимости, норма прибыли была выше еще и потому, что один из элементов издержек на постоянный капитал был дешевле), что норма прибыли понизилась при появлении на рынке продукта II разряда и опустилась, наконец, до 10%, как до самого низкого уровня, при появлении продукта I разряда. Таким образом, в этом случае следовало бы предположить, что норма прибыли равнялась (без учета всего того, что было принято в качестве исходных данных), например, 12%, когда разрабатывался лишь III разряд, что она понизилась до 11%, когда на сцене появился II, и, наконец, до 10%, когда на рынке появился I. В этом случае абсолютная рента у III составляла бы 8 ф. ст., так как цена издержек была бы 112 ф. ст.; она составила бы 9 ф. ст. после появления на рынке продукта II разряда, так как цена издержек была бы теперь 111 ф. ст., и поднялась бы, наконец, до 10 ф. ст., так как цена издержек упала бы до 110 ф. ст. Здесь, следовательно, произошло бы изменение в самой *норме абсолютной ренты*, и притом в обратном отношении к изменению *нормы прибыли*. Норма ренты прогрессивно возрастала бы, *так как* норма прибыли прогрессивно падала бы. А последняя падала бы вследствие падения производительности труда в шахтах, в земледелии и т. п. и соответствующего этому все большего вздорожания жизненных средств и вспомогательных материалов.

[в)] РАССМОТРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СТОИМОСТИ
ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ И СЫРЬЯ (СЛЕДОВАТЕЛЬНО,
ТАКЖЕ И СТОИМОСТИ МАШИН)
НА ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА

В указанном выше случае *норма ренты* повысилась *потому*, что *норма прибыли* упала. Упала ли здесь норма прибыли потому, что произошло изменение в органическом строении капитала? Если среднее строение капитала было $80c + 20v$, то осталось ли это строение таким же? Предполагается, что нормальный рабочий день остается без изменения. В противном случае влияние вздорожания жизненных средств может оказаться парализованным. Здесь следует различать два момента. Во-первых, вздорожание жизненных средств, ведущее к умень-

шению прибавочного труда и прибавочной стоимости. Во-вторых, вздорожание постоянного капитала: так, может повыситься в стоимости вспомогательный материал, например уголь; если речь идет о пшенице, то может повыситься в стоимости другая составная часть постоянного капитала, семена, или же, вследствие вздорожания пшеницы, может возрасти цена издержек какого-нибудь другого сырого продукта (сырого материала). Если, наконец, вздорожавшим продуктом было железо, медь и т. д., то повысилась стоимость сырья, необходимого для некоторых отраслей промышленности, и того сырья, из которого изготавливается оборудование (включая сюда и разного рода сосуды) для всех отраслей производства.

С одной стороны предполагается, что не произошло изменения в органическом строении капитала; т. е. что не произошло такого изменения в способе производства, которое бы увеличило или уменьшило, по отношению к массе применяемого постоянного капитала, то количество живого труда, какое приходится применять. Как и прежде, требуется *то же самое число рабочих* (при неизменных границах нормального рабочего дня) для переработки той же самой массы сырья с помощью того же самого количества машин и т. д. или — там, где сырье отсутствует, — для приведения в движение того же самого количества машин, инструментов и т. д. Но эта первая точка зрения, которую надо иметь в виду, когда речь идет об органическом строении капитала, должна быть дополнена еще и другой, а именно — рассмотрением изменения *стоимости* элементов капитала, хотя последние, в качестве потребительных стоимостей, и применяются в таких же количествах, как и прежде. Здесь, в свою очередь, надлежит различать следующие случаи.

Во-первых: изменение стоимости затрагивает оба элемента — переменный и постоянный капитал — *в одинаковой мере*. Практически этого, по-видимому, *никогда* не бывает. Повышение стоимости таких земледельческих продуктов, как пшеница и т. д., удорожает заработную плату (необходимую) и сырье (например, семена). Вздорожание угля повышает необходимую заработную плату и стоимость вспомогательного материала большинства отраслей промышленности. Однако в первом случае повышение заработной платы происходит во всех отраслях производства, а вздорожание сырья — только в некоторых. Что касается угля, то в заработную плату он входит меньшей долей, чем в производство. Следовательно, в *совокупном капитале* изменение стоимости угля и пшеницы едва ли могло затронуть оба элемента капитала *в одинаковой мере*. Но допустим, что такой случай возможен.

Пусть стоимость продукта, произведенного капиталом $80c + 20v$, равна 120. Для *совокупного капитала стоимость* продукта совпадает с *ценой издержек* продукта. Различие между стоимостью и ценой издержек как раз выравнено для совокупного капитала. Пусть повышение стоимости такого предмета, как уголь, который, согласно предположению, входит *пропорционально в одинаковой мере* в обе составные части капитала, вызывает для обоих элементов увеличение издержек на $\frac{1}{10}$. В таком случае на $80c$ можно купить лишь столько товаров, сколько раньше можно было купить [примерно] на $70c$, а посредством $20v$ — оплатить лишь такое число рабочих, какое раньше можно было оплатить [примерно] посредством $18v$. Или, чтобы продолжать производство в прежних масштабах, теперь приходится затратить [примерно] $90c$ и $22v$. Стоимость продукта, как и раньше, составляет 120, но затрата теперь — 112 (90 — постоянный капитал и 22 — переменный). Следовательно, прибыль равна 8, и это на 112 составляет $\frac{1}{14}$, т. е. $7\frac{1}{7}\%$. Стоимость же продукта, на производство которого затрачен капитал в 100, равна теперь, следовательно, $107\frac{1}{7}$.

В каком соотношении c и v входят теперь в этот новый капитал? Раньше v и c относились как $20 : 80$, т. е. как $1 : 4$, теперь — как $22 : 90$, или как $11 : 45$. $\frac{1}{4} = \frac{45}{180}$; $\frac{11}{45} = \frac{44}{180}$. Таким образом, переменный капитал, [583] по отношению к постоянному, уменьшился на $\frac{1}{180}$. Следовательно, чтобы принять, согласно предположению, что вздорожание угля и т. д. влияет *пропорционально в одинаковой мере* на обе части капитала, мы должны взять $88c + 22v$. Ибо стоимость продукта равна 120; затрачено $88 + 22 = 110$. Остается 10 в качестве прибыли. $22 : 88 = 20 : 80$. *Отношение c к v осталось таким же*, как в прежнем капитале. Как и раньше, соотношение $v : c = 1 : 4$. Но 10 прибыли на 110 составляют $\frac{1}{11}$, т. е. $9\frac{1}{11}\%$. Если, следовательно, производство должно продолжаться в прежних масштабах, то нужно вложить 110 капитала, как раньше нужно было вложить 100, а стоимость продукта, как и раньше, равна 120^{86} . Для капитала же в 100 единиц получилось бы органическое строение $80c + 20v$ при стоимости продукта в $109\frac{1}{11}$.

[Во-вторых:] если бы в приведенном выше примере стоимость $80c$ осталась неизменной, а изменилась бы только стоимость v , так что мы вместо $20v$ имели бы $22v$, то прежнее соотношение $20 : 80$, или $10 : 40$, превратилось бы теперь в $22 : 80$, или $11 : 40$. Так вот, если бы произошло такого рода изменение, то капитал составлял бы $80c + 22v$, а стоимость продукта 120; следовательно, затрата 102, а прибыль 18, т. е. $17\frac{33}{51}\%$. $22 : 18 = 21\frac{29}{51} : 17\frac{33}{51}$. Если $22v$ составляют капитал, который необ-

ходимо затратить на заработную плату, чтобы привести в движение постоянный капитал стоимостью в 80, то $21^{29}/_{51}$ необходимы для того, чтобы привести в движение постоянный капитал стоимостью в $78^{22}/_{51}$. При таком соотношении из капитала в 100 единиц только $78^{22}/_{51}$ могли бы прийти на машины и сырье, а $21^{29}/_{51}$ должны были бы прийти на заработную плату, тогда как раньше приходилось 80 на сырье и т. д. и только 20 на заработную плату. Стоимость продукта теперь равна $117^{33}/_{51}$, а строение капитала будет $78^{22}/_{51}c + 21^{29}/_{51}v$. Но $21^{29}/_{51} + 17^{33}/_{51} = 39^{11}/_{51}$. Весь присоединенный труд при прежнем строении капитала был равен 40; теперь он равен $39^{11}/_{51}$, или на $40/_{51}$ меньше, чем прежде; это изменение произошло *потому*, что теперь, хотя стоимость постоянного капитала не изменилась, приходится применять меньше постоянного капитала и, стало быть, капиталом в 100 единиц может быть приведено в движение несколько меньше труда, чем прежде, хотя и дороже оплачиваемого.

Итак, если изменение в каком-нибудь элементе издержек — здесь вздорожание, повышение стоимости — вызывает изменение лишь заработной платы (необходимой), то происходит следующее: во-первых, понижается норма прибавочной стоимости; во-вторых, при данном капитале может быть применено меньше постоянного капитала, меньше сырья и машин. Абсолютная масса постоянной части капитала уменьшается по сравнению с переменным капиталом, что при *неизменных* прочих условиях всегда должно вызывать повышение нормы прибыли (если стоимость постоянного капитала остается неизменной). *Масса* постоянного капитала уменьшается, хотя его *стоимость* остается *неизменной*. Но *норма прибавочной стоимости* и сама *прибавочная стоимость* уменьшаются, так как при понижающейся норме прибавочной стоимости число занятых рабочих не возрастает. Норма прибавочной стоимости — прибавочного труда — падает в большей мере, чем норма отношения между постоянным и переменным капиталом. Теперь для того чтобы привести в движение *ту же самую массу постоянного капитала*, необходимо занимать *такое же число рабочих*, как и прежде, т. е. применять такое же абсолютное количество труда. Но из этого абсолютного количества труда больше приходится на необходимый и меньше на прибавочный труд. Следовательно, *то же количество труда* должно оплачиваться дороже. Поэтому *тот же самый* капитал — например, 100 — меньше затрачивает на постоянный капитал, так как ему приходится больше затрачивать на переменный капитал, чтобы привести в движение меньший постоянный капитал. Падение нормы

прибавочной стоимости не связано здесь с увеличением абсолютного количества труда, применяемого определенным капиталом, или с увеличением числа занимаемых им рабочих. Следовательно, сама прибавочная стоимость не может здесь возрасти при понижении нормы прибавочной стоимости.

Итак, если органическое строение капитала постольку остается неизменным, поскольку его составные части рассматриваются с их материальной стороны, как потребительные стоимости; если, следовательно, изменение в строении капитала обусловлено не изменением *способа производства* внутри той сферы производства, в которую вложен этот капитал, а только повышением *стоимости рабочей силы* и потому повышением необходимой заработной платы, что равнозначно уменьшению прибавочного труда, или понижению нормы прибавочной стоимости, которое в данном случае ни целиком, ни частично не может быть парализовано увеличением числа рабочих, применяемых капиталом данной величины, например в 100 единиц, — то падение нормы прибыли обусловлено просто-напросто падением самой прибавочной стоимости. Той же самой причиной обуславливается тогда изменение в органическом строении капитала. Это изменение — при неизменном способе производства и при неизменном соотношении между применяемыми массами непосредственного и накопленного труда — вызывается лишь тем, что *стоимость (пропорциональная стоимость) применяемых масс* непосредственного и накопленного труда изменилась. Тот же самый капитал применяет [584] меньше непосредственного труда, пропорционально меньшему количеству применяемого им постоянного капитала, но оплачивает он это меньшее количество труда дороже. Поэтому он может применять лишь меньшее количество постоянного капитала, так как то меньшее количество труда, которое приводит в движение это меньшее количество постоянного капитала, поглощает более крупную долю совокупного капитала. Чтобы привести в движение 78 единиц постоянного капитала, капиталист должен теперь затратить на переменный капитал, скажем, 22 единицы, тогда как раньше для приведения в движение 80с было достаточно затратить всего лишь 20v.

Таков, следовательно, тот случай, когда вздорожание продукта, производство которого зависит от земельной собственности, затрагивает только заработную плату. Противоположный результат имел бы место при удешевлении этого продукта.

Но возьмем предположенный выше [в рубрике «во-первых»] случай. Пусть вздорожание земледельческого продукта затрагивает постоянный и переменный капитал *пропорционально*

в одинаковой мере. Здесь, следовательно, согласно предположению, не происходит никакого изменения в *органическом строении капитала*. Во-первых, нет *изменения в способе производства*. То же абсолютное количество непосредственного труда приводит в движение такое же, как прежде, количество *накопленного труда*. Соотношения между этими массами труда остаются прежними. Во-вторых, нет *изменения в стоимостном соотношении* накопленного и непосредственного труда. Если стоимость одного из них повышается или падает, то *пропорционально* этому происходит соответствующее изменение стоимости другого, и, следовательно, соотношение между ними остается неизменным. Но раньше мы имели $80c + 20v$. *Стоимость продукта* = 120. Теперь мы имеем $88c + 22v$. Стоимость продукта = 120. Это дает 10 на 110, или $9\frac{1}{11}\%$ прибыли. Следовательно, на капитал $80c + 20v$ стоимость продукта составит $109\frac{1}{11}$.

Раньше мы имели:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибыли	Норма прибав. стоимости
80	20	20	20%	100%

Теперь мы имеем:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибыли	Норма прибав. стоимости
80	20	$9\frac{1}{11}$	$9\frac{1}{11}\%$	$45\frac{5}{11}\%$

$80c$ представляют здесь меньшее количество сырья и т. д.; $20v$ — соответственно меньшее абсолютное количество труда. Сырье и т. д. стало дороже; поэтому количество сырья и т. д., купленного на 80, уменьшилось; следовательно, оно требует, так как *способ производства* остался без изменения, меньшего количества непосредственного труда. Но это меньшее количество непосредственного труда стоит столько же, сколько раньше стоило большее количество его, и вздорожало оно как раз в такой же мере, — а следовательно, в такой же мере и уменьшилось, — как и сырье и т. д. Стало быть, если бы прибавочная стоимость осталась без изменения, то норма прибыли понизилась бы в такой же мере, в какой вздорожало сырье и т. д., в какой изменилось отношение стоимости переменного капитала к стоимости постоянного. Но норма прибавочной стоимости не осталась прежней, а изменилась в соответствии с тем, как возросла стоимость переменного капитала.

Возьмем [другой] пример.

Стоимость фунта хлопка поднялась с 1 шилл. до 2 шилл. На 80 ф. ст. {предположим здесь, что машины и т. д. равны 0}

раньше можно было купить 1 600 фунтов хлопка. Теперь же на 80 ф. ст. можно купить только 800 фунтов хлопка. Для переработки в пряжу 1 600 фунтов хлопка раньше требовалось затратить на заработную плату 20 ф. ст., что соответствует, допустим, 20 рабочим. Для переработки 800 фунтов требуется только 10 рабочих, так как способ производства остался *без изменения*. 10 рабочих стоили бы раньше 10 ф. ст., теперь они стоят 20 ф. ст., совершенно так же как 800 фунтов хлопка, которые раньше стоили бы 40 ф. ст., теперь стоят 80. Предположим, что прибыль составляла раньше 20%. Таким образом, предположено следующее:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
I	80 ф. ст. = 1 600 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 20 рабочим	20 ф. ст.
II	80 ф. ст. = 800 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 10 рабочим	10 ф. ст.

	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
I	100%	20%	1 600 фунтов пряжи	1 шилл. 6 пенсов
II	50%	10%	800 фунтов пряжи	2 шилл. 9 пенсов

И в самом деле, если прибавочная стоимость, которую создают 20 рабочих, равна 20 ф. ст., то прибавочная стоимость, создаваемая 10 рабочими, равна 10 ф. ст.; но для того чтобы произвести ее, надо уплатить, как и прежде, 20 ф. ст., тогда как при прежних условиях уплачивалось бы только 10. Стоимость продукта, [585] фунта пряжи, должна здесь во всяком случае повыситься, так как продукт содержит больше труда, накопленного труда (в хлопке, который входит в фунт пряжи) и непосредственного труда.

Если бы в стоимости повысился лишь хлопок, а заработная плата осталась без изменения, то для переработки в пряжу 800 фунтов хлопка требовалось бы по-прежнему лишь 10 рабочих. Но эти 10 рабочих и стоили бы лишь 10 ф. ст. Следовательно, норма прибавочной стоимости составляла бы по-прежнему 100%. Чтобы превратить в пряжу 800 фунтов хлопка, нужны 10 рабочих с затратой на них капитала в 10 ф. ст. Следовательно, совокупная затрата капитала равна 90 ф. ст. При этом

все время предполагалось бы, что на 80 фунтов хлопка приходится 1 рабочий. Поэтому на 800 фунтов — 10 рабочих и на 1 600 фунтов — 20 рабочих. Сколько фунтов хлопка мог бы, следовательно, превратить теперь в пряжу весь капитал в 100 ф. ст.? На $88\frac{8}{9}$ ф. ст. можно было бы купить хлопок, а $11\frac{1}{9}$ ф. ст. можно было бы затратить на заработную плату.

Соотношение было бы такое:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
III	$88\frac{8}{9}$ ф. ст. = $888\frac{8}{9}$ фунта хлопка	$11\frac{1}{9}$ ф. ст. = $11\frac{1}{9}$ рабочим	$11\frac{1}{9}$ ф. ст.

	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
III	100%	$11\frac{1}{9}\%$	$888\frac{8}{9}$ фунта пряжи	2 шплл. 6 пенсов

В этом случае не происходит *изменения в стоимости переменного капитала*, и норма прибавочной стоимости остается, следовательно, без изменения.

В случае I переменный капитал относится к постоянному как 20 : 80, или как 1 : 4. В случае III он относится к постоянному капиталу как $11\frac{1}{9}$: $88\frac{8}{9}$, или как 1 : 8; следовательно, переменный капитал здесь относительно уменьшился вдвое, потому что *стоимость* постоянного капитала удвоилась. То же число рабочих перерабатывает в пряжу то же количество хлопка, но капитал в 100 ф. ст. теперь может занять лишь $11\frac{1}{9}$ рабочих, тогда как на остающиеся $88\frac{8}{9}$ ф. ст. можно купить только $888\frac{8}{9}$ фунта хлопка вместо 1 600 фунтов, как в случае I. *Норма прибавочной стоимости* осталась той же. Однако вследствие изменения стоимости постоянного капитала нельзя уже при капитале в 100 ф. ст. занимать прежнее количество рабочих; соотношение между переменным и постоянным капиталом изменилось. В результате этого уменьшается масса прибавочной стоимости, а вместе с ней и прибыль, так как эта прибавочная стоимость по-прежнему исчисляется на ту же самую затрату капитала. В первом случае переменный капитал (равный 20 ф. ст.) составлял $\frac{1}{4}$ постоянного (20 : 80) и $\frac{1}{5}$ совокупного капитала. Теперь он ($11\frac{1}{9}$ ф. ст.) составляет всего лишь $\frac{1}{8}$ постоянного капитала ($11\frac{1}{9}$: $88\frac{8}{9}$) и $\frac{1}{9}$ от 100 ф. ст., от совокупного капитала. Но 100% на $\frac{100}{5}$ ф. ст., или на 20 ф. ст., составляют 20 ф. ст., а 100%

на 100% ф. ст., или на $11\frac{1}{9}\%$ ф. ст., — только $11\frac{1}{9}\%$ ф. ст. При неизменной заработной плате, или неизменной стоимости переменного капитала, абсолютная величина переменного капитала здесь уменьшается, потому что повысилась *стоимость постоянного капитала*. Поэтому уменьшается процентная доля переменного капитала, а вместе с тем и сама прибавочная стоимость, ее абсолютная величина, а потому и норма прибыли.

Изменение [в данном случае — повышение] *стоимости постоянного капитала* при *неизменяющейся стоимости переменного капитала* и *неизменяющемся способе производства* (следовательно, при сохранении прежнего соотношения между применяемыми массами труда, сырья и машин) вызывает такое же изменение в строении капитала, как если бы *стоимость постоянного капитала* не изменилась, а была бы применена *большая масса* не изменившегося в стоимости [постоянного] капитала (*следовательно, и большая сумма его по стоимости*); сравнительно с капиталом, затраченным на труд. Необходимое следствие этого — падение прибыли. (Обратное происходит, когда стоимость постоянного капитала понижается.)

Напротив, *изменение* (в данном случае — повышение) *стоимости переменного капитала* увеличивает *переменный капитал* по отношению к *постоянному*, а следовательно увеличивает и процентную долю переменного капитала, или ту пропорциональную долю, которую он образует в совокупном капитале. Тем не менее *норма прибыли* здесь не повышается, а падает. Это происходит потому, что *способ производства* остался *тем же самым*. Применяется то же, что и раньше, количество живого труда для превращения в продукт той же самой массы сырья, машин и т. д. Здесь, как и в вышеприведенном случае, тем же капиталом, в 100 ф. ст., можно [586] привести в движение лишь меньшую массу непосредственного и накопленного труда, но это уменьшившееся количество непосредственного труда стоит больше. Необходимая заработная плата повысилась. Более крупная часть этого уменьшившегося количества непосредственного труда возмещает необходимый труд, и, следовательно, менее крупная его часть образует прибавочный труд. Норма прибавочной стоимости упала, и одновременно с этим уменьшилось число рабочих, или совокупное количество труда, находящееся под командой того же самого капитала. Переменный капитал увеличился по отношению к постоянному капиталу, а потому и к совокупному капиталу, хотя *масса труда*, применяемого пропорционально массе постоянного капитала, уменьшилась. Поэтому падает прибавочная стоимость, а вместе с ней и

норма прибыли. В предыдущем случае норма прибыли упала потому, что при *неизменной норме прибавочной стоимости* переменный капитал *уменьшился* по отношению к постоянному капиталу, а следовательно и по отношению к совокупному капиталу; другими словами, прибавочная стоимость упала потому, что при *неизменной норме прибавочной стоимости* сократилось число рабочих, уменьшился ее множитель. На этот раз норма прибыли падает потому, что переменный капитал *возрастает* по отношению к постоянному капиталу, а следовательно и по отношению к совокупному капиталу, но это возрастание переменного капитала сопровождается уменьшением количества применяемого труда (труда, применяемого *тем же самым* капиталом); другими словами, прибавочная стоимость падает здесь потому, что *понижение ее нормы* связано с уменьшением количества применяемого труда. *Оплаченный труд* увеличился по отношению к постоянному капиталу, но совокупное количество применяемого труда уменьшилось.

Следовательно, эти изменения в стоимости всегда действуют на самую прибавочную стоимость, абсолютная масса которой в обоих случаях уменьшается, так как уменьшается один из двух ее факторов или же оба эти фактора уменьшаются одновременно; в одном случае она уменьшается потому, что при той же норме прибавочной стоимости уменьшается число рабочих; в другом случае она уменьшается потому, что уменьшаются и норма прибавочной стоимости и число рабочих, занятых на 100 единиц капитала.

Мы приходим, наконец, к тому случаю II, где изменение в стоимости земледельческого продукта действует *пропорционально в одинаковой мере* на обе части капитала и где, следовательно, это *изменение стоимости* не сопровождается изменением органического строения капитала.

Стоимость фунта пряжи повышается в этом случае (см. стр. 584) * с 1 шилл. 6 пенсов до 2 шилл. 9 пенсов, так как теперь он представляет собой продукт большего рабочего времени, чем прежде. Хотя теперь фунт пряжи содержит столько же непосредственного труда, как и прежде (при этом, однако, больше оплаченного и меньше неоплаченного труда), но накопленного труда в нем теперь больше, чем прежде. Изменение стоимости хлопка с 1 шилл. до 2 шилл. приводит к тому, что в стоимость фунта пряжи теперь вместо 1 шилл. входят 2 шилл.

Однако пример II на стр. 584 составлен неправильно.

* См. настоящее издание, часть II, стр. 304. Ред.

Мы имели:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
I	80 ф. ст. = 1 600 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 20 рабочим	20 ф. ст.

	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
I	100%	20%	1 600 фунтов пряжи	1 шилл. 6 пенсов

Труд 20 рабочих выражается в 40 ф. ст. Половина этой суммы здесь — неоплаченный труд, поэтому прибавочная стоимость составляет 20 ф. ст. Согласно этому соотношению, 10 рабочих произведут 20 ф. ст., из которых 10 ф. ст. будут составлять заработную плату и 10 ф. ст. — прибавочную стоимость.

Если бы, следовательно, стоимость рабочей силы повысилась в той же пропорции, как и стоимость сырья, т. е. если бы она удвоилась, то она равнялась бы 20 ф. ст. для 10 рабочих, подобно тому как прежде она равнялась 20 ф. ст. для 20 рабочих. В этом случае никакого прибавочного труда не было бы. Ибо если стоимость, доставляемая 20 рабочими, равняется в денежном выражении 40 ф. ст., то стоимость, доставляемая 10 рабочими, равняется в денежном выражении 20 ф. ст. [т. е. стоимости всего переменного капитала в случае II]. Это невозможно. В таком случае исчез бы базис капиталистического производства.

Но так как, согласно предположению, изменение стоимости постоянного и переменного капитала должно быть *одинаковым* (пропорционально), то нам придется представить этот случай иначе. Так вот, если предположить, что стоимость хлопка повысилась на $\frac{1}{3}$, то на 80 ф. ст. можно теперь купить 1 200 фунтов хлопка, тогда как раньше на эти деньги можно было купить 1 600 фунтов. Раньше 1 ф. ст. был равен 20 фунтам хлопка, или 1 фунт хлопка был равен $\frac{1}{20}$ ф. ст., т. е. 1 шилл. Теперь 1 ф. ст. равен 15 фунтам хлопка, или 1 фунт хлопка равен $\frac{1}{15}$ ф. ст., т. е. $1\frac{1}{3}$ шилл., или 1 шилл. 4 пенсам. Раньше 1 рабочий обходился в 1 ф. ст., теперь он обходится в $1\frac{1}{3}$ ф. ст., т. е. в 1 ф. ст. $6\frac{2}{3}$ шилл., или в 1 ф. ст. 6 шилл. 8 пенсов. На 15 рабочих это составляет 20 ф. ст. (15 ф. ст. + $15\frac{1}{3}$ ф. ст.). [587] Так как 20 рабочих производят стоимость в 40 ф. ст., то 15 рабочих производят стоимость в 30 ф. ст. Из этой стоимо-

сти 20 ф. ст. составляют теперь их заработную плату, а 10 ф. ст. составляют прибавочную стоимость, или неоплаченный труд.

Мы имеем, следовательно:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
IV	80 ф. ст. = 1 200 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 15 рабочим	10 ф. ст.

	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фута пряжи
IV	50%	10%	1 200 фунтов пряжи	1 шилл. 10 пенсов

В этих 1 шилл. 10 пенсах на хлопок приходится 1 шилл. 4 пенса, а на труд — 6 пенсов.

Продукт вздорожал потому, что хлопок стал дороже на $\frac{1}{3}$. Но продукт вздорожал не на $\frac{1}{3}$. Раньше, в случае I, он стоил 18 пенсов; следовательно, если бы он вздорожал на $\frac{1}{3}$, он теперь стоил бы $18 + 6$, т. е. 24 пенса. Между тем он стоит только 22 пенса. Раньше в 1 600 фунтах пряжи содержалось труда на 40 ф. ст., в 1 фунте пряжи, следовательно, — на $\frac{1}{40}$ ф. ст., т. е. на $\frac{20}{40}$, или $\frac{1}{2}$ шилл., т. е. на 6 пенсов. Теперь в 1 200 фунтах пряжи содержится труда на 30 ф. ст.; следовательно, труд, приходящийся на 1 фунт пряжи, составляет тоже $\frac{1}{40}$ ф. ст., т. е. $\frac{1}{2}$ шилл., или 6 пенсов. Хотя труд вздорожал в такой же мере, как и сырье, количество непосредственного труда, содержащееся в 1 фунте пряжи, осталось *прежним*; однако в этом количестве содержится теперь оплаченного труда больше, а неоплаченного — меньше. Поэтому такое изменение стоимости заработной платы ничего не меняет в стоимости фута пряжи, продукта. Здесь на труд по-прежнему приходится только 6 пенсов, тогда как на хлопок теперь приходится 1 шилл. 4 пенса вместо 1 шилл., как это было раньше. И вообще, если товар продается *по его стоимости*, изменение стоимости заработной платы не может вызвать изменения в цене продукта. Но раньше из 6 пенсов на заработную плату приходилось 3 пенса и на прибавочную стоимость тоже 3 пенса. Теперь из 6 пенсов 4 пенса составляют заработную плату и 2 пенса — прибавочную стоимость. В самом деле, 3 пенса заработной платы на 1 фунт пряжи составляют для 1 600 фунтов пряжи $3 \times 1\,600$ пенсов, т. е. 20 ф. ст., а 4 пенса на 1 фунт составляют для 1 200 фунтов

пряжи $4 \times 1\ 200$ пенсов, т. е. 20 ф. ст. Но 3 пенса по отношению к 15 пенсам (1 шилл. хлопка плюс 3 пенса заработной платы) составляют в первом случае $\frac{1}{5}$ прибыли, т. е. 20% прибыли. Напротив, 2 пенса по отношению к 20 пенсам (16 пенсов хлопка плюс 4 пенса заработной платы) составляют $\frac{1}{10}$, или 10% прибыли.

Если бы в вышеприведенном примере цена хлопка осталась прежней, то мы имели бы следующее. 1 рабочий перерабатывает в пряжу, — так как способ производства во всех примерах остается *тем же самым*, — 80 фунтов хлопка, а фунт хлопка опять = 1 шилл.

Капитал теперь распадается таким образом ⁸⁷:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибав. стоимость
$73\frac{1}{3}$ ф. ст. = $1\ 466\frac{2}{3}$ фунта хлопка	$26\frac{2}{3}$ ф. ст. (20 рабочих)	$13\frac{1}{3}$ ф. ст.

Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
50%	$13\frac{1}{3}\%$	$1\ 466\frac{2}{3}$ фунта пряжи	$1\frac{6}{11}$ шилл.

Этот расчет невозможен; ибо если один рабочий перерабатывает в пряжу 80 фунтов хлопка, то 20 рабочих перерабатывают 1 600 фунтов, а не 1 466, так как предположено, что *способ производства* остался без изменения. Различная оплата рабочего не может ничего изменить в этом факте. Пример, следовательно, надо составить иначе:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
II	75 ф. ст. = = 1 500 фунтам хлопка	25 ф. ст. ($18\frac{3}{4}$ рабочих)	$12\frac{1}{2}$ ф. ст.	50%	$12\frac{1}{2}\%$	1 500 фунтов пряжи	1 шилл. 6 пенсов

Из этих 6 пенсов на заработную плату приходятся 4 пенса, а на прибыль приходятся 2 пенса. 2 пенса по отношению к 16 пенсам [1 шилл. хлопка плюс 4 пенса заработной платы] составляют $\frac{1}{8}$, т. е. $12\frac{1}{2}\%$.

Если бы, наконец, стоимость переменного капитала осталась без изменения (1 рабочий = 1 ф. ст.), в то время как стоимость постоянного капитала изменилась бы, так что 1 фунт хлопка вместо 1 шилл. стоил бы 1 шилл. 4 пенса, или 16 пенсов, то мы имели бы следующее:

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи
III	$84\frac{4}{19}$ ф. ст. = 1 263 $\frac{3}{19}$ фунта хлопка	$15\frac{15}{19}$ ф. ст. (= 15 $\frac{15}{19}$ рабочим)	$15\frac{15}{19}$	100%	$15\frac{15}{19}\%$	1 263 $\frac{3}{19}$ фунта пряжи	1 шилл. 10 пенсов

[588] Прибыль = 3 пенсам. Это составляет по отношению к 19 пенсам [16 пенсов хлопка плюс 3 пенса заработной платы] ровно $15\frac{15}{19}\%$.

Теперь сопоставим все четыре случая, начиная с I, где еще не произошло изменения стоимости.

	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Продукт	Цена фунта пряжи	Прибыль
I	80 ф. ст. = = 1 600 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 20 рабочим	20 ф. ст.	100%	20%	1 600 ф. пряжи	1 ш. 6 п.	3 п.
II	75 ф. ст. = = 1 500 фунтам хлопка	25 ф. ст. = 18 $\frac{3}{4}$ рабочим	12 $\frac{1}{2}$ ф. ст.	50%	12 $\frac{1}{2}\%$	1 500 ф. пряжи	1 ш. 6 п.	2 п.
III	$84\frac{4}{19}$ ф. ст. = 1 263 $\frac{3}{19}$ фунта хлопка	$15\frac{15}{19}$ ф. ст. = = 15 $\frac{15}{19}$ рабочим	$15\frac{15}{19}$ ф. ст.	100%	$15\frac{15}{19}\%$	1 263 $\frac{3}{19}$ ф. пряжи	1 ш. 10 п.	3 п.
IV	80 ф. ст. = = 1 200 фунтам хлопка	20 ф. ст. = 15 рабочим	10 ф. ст.	50%	10%	1 200 ф. пряжи	1 ш. 10 п.	2 п.

Цена продукта изменяется в III и IV потому, что изменилась стоимость постоянного капитала. Напротив, изменение стоимости переменного капитала не вызывает никакого изменения

в цене продукта, так как абсолютное количество непосредственного труда остается неизменным и только различным образом делится на необходимый и прибавочный труд.

Но как обстоит дело в случае IV, где изменение стоимости затронуло постоянный и переменный капитал *пропорционально в одинаковой мере*, где оба возросли по своей стоимости на $\frac{1}{3}$?

Если бы повысилась только заработная плата (случай II), то прибыль упала бы с 20% до $12\frac{1}{2}\%$, т. е. на $7\frac{1}{2}$ единиц. Если бы повысился в стоимости только постоянный капитал (случай III), то прибыль упала бы с 20% до $15\frac{15}{19}\%$, т. е. на $\frac{4}{19}$ единицы. Так как в рассматриваемом нами случае IV повышаются в одинаковой мере и заработная плата и стоимость постоянного капитала, то прибыль падает с 20% до 10%, т. е. на 10 единиц. Но почему не на $7\frac{1}{2} + \frac{4}{19}$, т. е. не на $11\frac{27}{38}$, что составляет *сумму* разниц II и III? Необходимо отдать себе отчет относительно этих $1\frac{27}{38}$, вследствие которых прибыль должна была бы упасть (в случае IV) не до 10%, а до $8\frac{11}{38}\%$. Масса прибыли определяется суммой прибавочной стоимости, а эта сумма, при данной норме прибавочного труда, определяется *количеством* рабочих. В случае I имеется 20 рабочих, и половина их рабочего времени не оплачена. Во II случае только $\frac{1}{3}$ совокупного труда составляет неоплаченный труд; отсюда падение нормы прибавочной стоимости; кроме того, рабочих применяется на $1\frac{1}{4}$ меньше, чем в случае I, так что налицо имеется также и уменьшение *числа* рабочих, или уменьшение совокупного труда. В случае III норма прибавочной стоимости опять та же, что в I, половина рабочего дня не оплачена, но вследствие повышения стоимости постоянного капитала число рабочих уменьшается с 20 до $15\frac{15}{19}$, или на $\frac{4}{19}$. В IV случае количество рабочих уменьшается (после того как и норма прибавочной стоимости опять упала до такого же уровня, как во II случае, а именно до $\frac{1}{3}$ рабочего дня) на 5 человек, а именно с 20 до 15 человек. По сравнению с I случаем число рабочих в IV случае уменьшилось на 5 человек, по сравнению со II — на $\frac{3}{4}$, а по сравнению с III — на $\frac{15}{19}$; но оно не уменьшилось по сравнению с I на $1\frac{1}{4} + \frac{4}{19}$, т. е. на $\frac{535}{76}$. Иначе число занятых рабочих в IV случае было бы равно $14\frac{41}{76}$.

Из всего изложенного получаются следующие выводы:

Изменения в стоимости товаров, входящих в постоянный или переменный капитал — при неизменном способе производства, или при неизменном вещественном строении капитала (т. е. при неизменном соотношении между применяемым непосредственным и накопленным трудом), — не приводят к изменению в органическом строении капитала, если они пропорцио-

нально в одинаковой мере затрагивают переменный и постоянный капитал, как в случае IV (где, например, хлопок становится дороже в такой же степени, как и потребляемая рабочими пшеница). Норма прибыли здесь падает (при повышении стоимости постоянного и переменного капитала), во-первых, потому, что вследствие повышения заработной платы падает норма прибавочной стоимости, и, во-вторых, потому, что уменьшается число рабочих.

Когда изменение стоимости затрагивает только постоянный или только переменный капитал, оно действует как изменение в органическом строении капитала и вызывает такого же рода изменение в *стоимостном соотношении* составных частей капитала, хотя способ производства остается неизменным.

Если изменение стоимости затрагивает только переменный капитал, то он возрастает по отношению к постоянному капиталу [589] и к совокупному капиталу. Однако в этом случае уменьшается не только норма прибавочной стоимости, но и число занятых рабочих. Вот почему в этом случае (в случае II) применяется также и меньше постоянного капитала (стоимость которого осталась неизменной).

Если изменение стоимости затрагивает только постоянный капитал, то переменный капитал уменьшается по отношению к постоянному капиталу и совокупному капиталу. Хотя норма прибавочной стоимости остается той же, масса прибавочной стоимости уменьшается, так как уменьшается число занятых рабочих (случай III).

Наконец, может случиться, что изменение стоимости затрагивает и постоянный и переменный капитал, но не в одинаковой степени. Этот случай надлежит свести к вышеприведенным. Пусть, например, изменение стоимости оказывает такое воздействие на постоянный и переменный капитал, что первый повышается в стоимости на 10%, а второй — на 5%. Тогда, поскольку оба они подорожали на 5%, один на $5 + 5$, другой — на 5, мы имели бы случай IV. Но поскольку постоянный капитал сверх этого изменился бы еще на 5%, мы имели бы случай III.

Выше мы предполагали только повышение стоимости. При падении ее имеет место противоположный результат. Например, при переходе от IV случая к I был бы рассмотрен тот случай, когда происходит *пропорциональное* падение стоимости, *одинаково* затрагивающее обе составные части капитала. Для иллюстрации того, к какому результату приводит падение стоимости только одной составной части капитала, надо было бы соответственно видоизменить случаи II и III. [589]

* * *

[600] К тому, что сказано выше о влиянии изменения стоимости [сырья, машин и жизненных средств] на органическое строение капитала, я добавлю еще следующее замечание: у капиталов, вложенных в *различные отрасли производства*, при одинаковом в других отношениях вещественном строении этих капиталов, разницу в их органическом строении может, следовательно, вызвать более высокая *стоимость* применяемых ими машин или материалов. Например, если бы хлопчатобумажная, шелковая, льняная и шерстяная промышленность имели совершенно одинаковое вещественное строение капитала, то одно лишь различие в стоимости применяемых ими материалов обусловило бы неодинаковость органического строения соответствующих капиталов. [600]

[г) ИЗМЕНЕНИЯ СОВОКУПНОЙ РЕНТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

[589] Вернемся к таблице А. Как мы видели *, предположение, что норма прибыли в 10% образовалась в результате падения прибыли (так что первоначально, когда в обработке находился один только III разряд, норма прибыли стояла выше, затем, при появлении II разряда, сделалась ниже, чем тогда, когда разрабатывался только III, но все еще превышала 10%), — что это предположение при известных условиях может оказаться правильным, а именно в том случае, если перед нами, действительно, нисходящая линия развития, но оно отнюдь не вытекает с необходимостью из различия рент, из одного только существования дифференциальных рент; при восходящей линии это различие рент, напротив, предполагает, что норма прибыли все время остается неизменной.

Таблица В. Здесь, как уже разъяснено выше **, конкуренция III и IV разрядов заставляет II разряд изъять половину своего капитала. При нисходящей линии это, наоборот, выступало бы в таком виде, что добавочное предложение требуется лишь в размере $32\frac{1}{2}$ тонны, а потому во II разряд следует вложить капитал только в 50 ф. ст.

Но интереснее всего в этой таблице следующее: раньше вложено было 300 ф. ст. капитала, а теперь только 250 ф. ст., т. е. на $\frac{1}{6}$ меньше; количество же продукта осталось прежним — 200 тонн. Следовательно, производительность труда повыси-

* См. настоящее издание, часть II, стр. 297—298. *Ред.*

** Там же, стр. 274 и следующие. *Ред.*

лась, а стоимость единицы товара упала. Точно так же и *совокупная стоимость* товара упала с 400 ф. ст. до $369\frac{3}{13}$ ф. ст. По сравнению с *A* рыночная стоимость тонны упала с 2 ф. ст. до 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ шилл., так как новая рыночная стоимость определяется *индивидуальной стоимостью* продукта II разряда, а не более высокой индивидуальной стоимостью продукта I разряда, как это было прежде. Несмотря на все эти обстоятельства — уменьшение вложенного капитала, уменьшение совокупной стоимости продукта при неизменившейся массе продукции, падение рыночной стоимости, эксплуатация более продуктивных разрядов, — рента в *B*, по сравнению с *A*, повысилась в абсолютном выражении на $24\frac{3}{13}$ ф. ст. ($94\frac{3}{13}$ ф. ст. против 70 ф. ст.). Если мы посмотрим, в какой мере отдельные разряды участвуют в увеличении совокупной суммы ренты, то мы найдем, что во II разряде абсолютная рента по своей норме осталась прежней, так как 5 ф. ст. на 50 ф. ст. составляют 10%, но *масса* ренты уменьшилась наполовину, с 10 ф. ст. до 5 ф. ст., так как капиталовложение во II *B* уменьшилось наполовину, со 100 ф. ст. до 50 ф. ст. Вместо увеличения общей суммы ренты, в разряде II *B* происходит уменьшение ее на 5 ф. ст. Далее, дифференциальная рента для II *B* совсем отпадает, так как рыночная стоимость теперь равняется индивидуальной стоимости продукта II разряда. Это дает вторичное уменьшение общей суммы ренты на 10 ф. ст. Таким образом, в общем итоге уменьшение ренты для II разряда составляет 15 ф. ст.

В III разряде сумма абсолютной ренты осталась прежней, но вследствие понижения рыночной стоимости продукта уменьшилась также и его дифференциальная стоимость, а в результате этого уменьшилась и дифференциальная рента. Она составляла 30 ф. ст. Теперь она составляет лишь $18\frac{6}{13}$ ф. ст., т. е. на $11\frac{7}{13}$ ф. ст. меньше. Следовательно, для II и III разрядов, вместе взятых, рента упала на $26\frac{7}{13}$ ф. ст. Итак, остается дать отчет относительно увеличения общей суммы ренты не на $24\frac{3}{13}$ ф. ст., как это кажется с первого взгляда, а на $[24\frac{3}{13} + 26\frac{7}{13}]$, т. е. на $50\frac{10}{13}$ ф. ст. Но, далее, для *B*, по сравнению с *A*, абсолютная рента I *A* отпала вместе с отпадением самого разряда I. Это составляет, следовательно, дальнейшее уменьшение общей суммы ренты на 10 ф. ст. Таким образом, надлежит в общем итоге дать отчет относительно $60\frac{10}{13}$ ф. ст. Но такова как раз общая сумма ренты нового разряда IV *B*. Следовательно, увеличение общей суммы ренты в *B* можно объяснить только рентой разряда IV *B*. Абсолютная рента разряда IV *B*, как и всех других разрядов, равна 10 ф. ст. А дифференциальная рента в размере $50\frac{10}{13}$ ф. ст. получается [590] оттого, что дифференциальная

стоимость продукта IV разряда составляет $10^{470/481}$ шилл. на тонну и должна быть умножена на $92^{1/2}$, ибо таково число тонн, добываемых в этом разряде. Продуктивность II и III разрядов осталась неизменной; наименее продуктивный разряд совершенно устранен, и тем не менее общая сумма ренты возрастает, так как дифференциальная рента одного лишь IV разряда, вследствие его относительно высокой продуктивности, больше, чем была совокупная дифференциальная рента в А. Дифференциальная рента не зависит от абсолютной продуктивности разрабатываемых разрядов, от того, что $1/2$ II, III, IV продуктивнее, чем I, II, III; тем не менее дифференциальная рента для $1/2$ II, III, IV больше, чем она была для I, II, III в А. Это происходит потому, что наибольшая часть поставляемого продукта — $92^{1/2}$ тонны — получается от такого разряда, у которого дифференциальная стоимость больше, чем вообще в каком бы то ни было разряде таблицы А. Если для того или иного разряда дифференциальная стоимость дана, то абсолютная сумма его дифференциальной ренты зависит, естественно, от количества продукта этого разряда. Но само это количество уже учтено при вычислении дифференциальной стоимости и рассмотрении процесса ее образования. Так как IV разряд при капитале в 100 ф. ст. производит $92^{1/2}$ тонны — ни больше, ни меньше, — то его дифференциальная стоимость в таблице В, где рыночная стоимость тонны равна 1 ф. ст. $16^{12/13}$ шилл., составляет $10^{470/481}$ шилл. на тонну.

Вся сумма ренты в таблице А составляет 70 ф. ст. на капитал в 300 ф. ст., т. е. $23^{1/3}\%$. Напротив, в таблице В, если отбросить $3/13$, она составляет 94 на 250, т. е. $37^{3/5}\%$.

Таблица С. Здесь предположено, что после того как прибавился разряд IV и рыночную стоимость начал определять разряд II, спрос не остается неизменным, как в таблице В, а возрастает с понижением цены, так что все добавочное количество в $92^{1/2}$ тонны, доставляемое разрядом IV, поглощается рынком. При цене в 2 ф. ст. за тонну поглощалось бы только 200 тонн; при цене в $1^{11/13}$ ф. ст. спрос возрастает до $292^{1/2}$ тонны. Было бы ошибкой предполагать, что границы рынка при цене в $1^{11/13}$ ф. ст. за тонну обязательно остаются теми же, как и при цене в 2 ф. ст. за тонну. Напротив, с понижением цены рынок всегда до известной степени расширяется — даже если речь идет о таком всеобщем жизненном средстве, как пшеница.

Таков тот единственный пункт, который мы *прежде всего* хотим отметить по поводу таблицы С.

Таблица D. Здесь предположено, что $292^{1/2}$ тонны поглощаются рынком только в том случае, когда рыночная стоимость

падает до $1\frac{5}{8}$ ф. ст., что составляет *цену издержек* для тонны разряда I, который, следовательно, не приносит никакой ренты, а дает только обычную прибыль в 10%. Это тот случай, который Рикардо принимает за нормальный, и на нем поэтому следует остановиться подробнее.

Здесь сначала берется, как и в предыдущих таблицах, восходящая линия; позже мы рассмотрим тот же процесс при нисходящей линии.

Если бы разряды II, III и IV доставляли лишь добавочное предложение в 140 тонн *, т. е. лишь такое добавочное предложение, которое поглощается рынком по 2 ф. ст. за тонну, то разряд I продолжал бы определять рыночную стоимость.

Однако дело обстоит не так. На рынке имеется еще излишек в $92\frac{1}{2}$ тонны, произведенный разрядом IV. Если бы это количество являлось вообще избыточной продукцией, абсолютно превышающей потребности рынка, то разряд I оказался бы совсем вытесненным с рынка, а II разряд должен был бы изъять половину своего капитала, как это имеет место в таблице B. Тогда рыночную стоимость стал бы определять II разряд, как в таблице B. Однако теперь у нас предположено, что при дальнейшем понижении рыночной стоимости рынок в состоянии поглотить эти $92\frac{1}{2}$ тонны. Как же будет происходить этот процесс? Разряды IV, III и $\frac{1}{2}$ II абсолютно господствуют на рынке. Это значит, что, если бы рынок мог поглотить абсолютно только 200 тонн, эти разряды вытеснили бы с рынка разряд I.

Но возьмем сперва фактическое положение вещей. На рынке имеется $292\frac{1}{2}$ тонны, тогда как раньше на нем имелось лишь 200 тонн. Разряд II продавал бы товар по его индивидуальной стоимости, по $1\frac{11}{13}$ ф. ст., чтобы утвердиться на рынке и вытеснить из него продукты I разряда, индивидуальная стоимость которых равна 2 ф. ст. Но так как и при такой рыночной стоимости нет места для $292\frac{1}{2}$ тонн, то разряды IV и III давят на II до тех пор, пока рыночная цена не упадет до $1\frac{5}{8}$ ф. ст.; при этой цене разряды IV, III, II и I находят для своих продуктов сбыт на рынке, который по *этой* [591] рыночной цене поглощает *весь* продукт. Благодаря такому понижению цены предложение и спрос уравниваются. Как только добавочное предложение начинает превышать ту емкость рынка, которая имеет место при прежней рыночной стоимости, каждый разряд, естественно, старается протолкнуть на рынок весь свой продукт, вытесняя продукт других разрядов. Это может произойти лишь путем понижения цены, а именно путем понижения цены до такого

* — добавочное к предложению в 60 тонн, производимых I разрядом. *Ред.*

уровня, при котором *все* находят сбыт. Если это понижение цены так велико, что разрядам I, II и т. д. приходится продавать товар *ниже* цены издержек⁸⁸, то они, естественно, вынуждены будут изъять свой капитал из производства. Если же оказывается, что для того, чтобы привести продукт в соответствие с состоянием рынка, понижение цены не должно быть столь значительным, то весь капитал может и впредь продолжать работать в данной сфере производства при этой новой рыночной стоимости продукта.

Но, далее, ясно, что при этих условиях рыночную стоимость продукта определяют не худшие участки земли разрядов I и II, а лучшие участки разрядов III и IV, и что, следовательно, рента с *лучших участков* земли определяет ренту с менее плодородных участков, как это правильно понял для данного случая *Шторх*⁸⁹.

IV разряд продает по той цене, при которой он может протолкнуть на рынок весь свой продукт, устранив всякое противодействие, оказываемое другими разрядами. Цена эта составляет $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Если бы IV разряд продавал по более высокой цене, то емкость рынка уменьшилась бы, и процесс взаимного вытеснения начался бы сызнова.

Разряд I определяет рыночную стоимость только при том предположении, что добавочное предложение других, более продуктивных разрядов составляет лишь то добавочное предложение, какое рынок поглощает по этой, определяемой продуктом I разряда, рыночной стоимости. Если добавочное предложение выходит за эти пределы, то I разряд играет совершенно пассивную роль и занимаемым им на рынке местом вызывает лишь соответствующую реакцию со стороны разрядов II, III, IV, пока цена не уменьшится настолько, что рынок окажется достаточно емким, чтобы поглотить весь произведенный продукт. Тогда оказывается, что при такой, определяемой фактически разрядом IV, рыночной стоимости, этот разряд сверх абсолютной ренты платит еще дифференциальную ренту в размере $49\frac{7}{12}$ ф. ст., III разряд сверх абсолютной ренты — еще дифференциальную ренту в размере $17\frac{1}{2}$ ф. ст., а II разряд не платит никакой дифференциальной ренты, а платит лишь часть абсолютной ренты, $9\frac{1}{6}$ ф. ст. вместо 10 ф. ст., т. е. не всю сумму абсолютной ренты. Почему? Потому, что новая рыночная стоимость в $1\frac{5}{6}$ ф. ст., хотя она и превышает цену издержек продукта II разряда, все же *ниже* его индивидуальной стоимости. Если бы она была *равна* его индивидуальной стоимости, то II разряд платил бы абсолютную ренту в 10 ф. ст., которая равна разности между индивидуальной стоимостью и ценой издержек. Но так как новая рыночная стоимость

стоит ниже индивидуальной стоимости продукта II разряда, — фактическая рента, которую он платит, равна разности между рыночной стоимостью и ценой издержек, а эта разность меньше разности между его индивидуальной стоимостью и его ценой издержек, — то он платит только часть своей абсолютной ренты, $9\frac{1}{6}$ ф. ст. вместо 10 ф. ст.

{Фактическая рента равна разности между рыночной стоимостью и [индивидуальной] ценой издержек.}

Абсолютная рента равна разности между индивидуальной стоимостью и ценой издержек.

Дифференциальная рента равна разности между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью.

Фактическая, или совокупная, рента равна абсолютной ренте плюс дифференциальная рента; иначе говоря, она равна избытку рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью плюс избыток индивидуальной стоимости над ценой издержек, т. е. она равна разности между рыночной стоимостью и ценой издержек.

Следовательно, если рыночная стоимость равна индивидуальной стоимости, то дифференциальная рента равна нулю, а совокупная рента равна разности между индивидуальной стоимостью и ценой издержек.

Если рыночная стоимость больше индивидуальной стоимости, то дифференциальная рента равна избытку рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью, а совокупная рента равна этой дифференциальной ренте плюс абсолютная рента.

Если рыночная стоимость меньше индивидуальной стоимости, но больше цены издержек, то дифференциальная рента есть отрицательная величина; следовательно, совокупная рента равна абсолютной ренте плюс эта отрицательная дифференциальная рента, т. е. минус избыток индивидуальной стоимости над рыночной стоимостью.

Если рыночная стоимость равна цене издержек, то рента вообще равна нулю.

Чтобы представить все это в уравнениях, обозначим абсолютную ренту буквами А. р., дифференциальную ренту буквами Д. р., совокупную ренту буквами С. р., рыночную стоимость буквами Р. ст., индивидуальную стоимость буквами И. ст. и цену издержек буквами Ц. и. Тогда мы получим следующие уравнения:

$$[592] \ 1) \text{ А. р. } = \text{ И. ст. } - \text{ Ц. и. } = +y$$

$$2) \text{ Д. р. } = \text{ Р. ст. } - \text{ И. ст. } = x$$

$$3) \text{ С. р. } = \text{ А. р. } + \text{ Д. р. } = \text{ Р. ст. } - \text{ И. ст. } + \text{ И. ст. } - \text{ Ц. и. } = y + x = \text{ Р. ст. } - \text{ Ц. и. }$$

Если $R. ст. > И. ст.$, то $R. ст. - И. ст. = +x$. Тогда Д. р. есть положительная величина, и $C. р. = y + x$.

И тогда $R. ст. - Ц. и. = y + x$. Или: $R. ст. - y - x = Ц. и.$
Или: $R. ст. = y + x + Ц. и.$

Если $R. ст. < И. ст.$, то $R. ст. - И. ст. = -x$. Тогда Д. р. есть отрицательная величина, и $C. р. = y - x$.

И тогда $R. ст. - Ц. и. = y - x$. Или: $R. ст. + x = И. ст.$
Или: $R. ст. + x - y = Ц. и.$ Или: $R. ст. = y - x + Ц. и.$

Если $R. ст. = И. ст.$, то $Д. р. = 0$; $x = 0$; ибо $R. ст. - И. ст. = 0$.

Следовательно, в этом случае $C. р. = A. р. + Д. р. = A. р. + 0 = R. ст. - И. ст. + И. ст. - Ц. и. = 0 + И. ст. - Ц. и. = И. ст. - Ц. и. = R. ст. - Ц. и. = +y$.

Если $R. ст. = Ц. и.$, то $C. р. (или R. ст. - Ц. и.) = 0$.

При предположенных выше [в таблице D] условиях I разряд не платит никакой ренты. Почему? Потому, что абсолютная рента равна разности между индивидуальной стоимостью и ценой издержек, а дифференциальная рента равна разности между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью; между тем как рыночная стоимость равна здесь цене издержек продукта I разряда. Индивидуальная стоимость в разряде I равна 2 ф. ст. за тонну; рыночная стоимость равна $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Следовательно, дифференциальная рента в разряде I равна $1\frac{5}{6}$ ф. ст. минус 2 ф. ст., т. е. она равна $-\frac{1}{6}$ ф. ст. Абсолютная же рента в разряде I равна 2 ф. ст. минус $1\frac{5}{6}$ ф. ст., т. е. она равна разности между его индивидуальной стоимостью и его ценой издержек ($+\frac{1}{6}$ ф. ст.). Стало быть, так как фактическая рента в разряде I равна абсолютной ренте ($+\frac{1}{6}$ ф. ст.) плюс дифференциальная рента ($-\frac{1}{6}$ ф. ст.), то она равна нулю. Таким образом, продукт I разряда не оплачивает ни дифференциальной, ни абсолютной ренты, а оплачивает только цену издержек. Стоимость этого продукта равна 2 ф. ст., но продается он по $1\frac{5}{6}$ ф. ст., т. е. на $\frac{1}{12}$, или на $8\frac{1}{3}\%$, ниже своей стоимости. Разряд I не может продавать дороже, потому что не он определяет рынок, а это делают, против него, разряды IV, III, II. Все, что может делать I разряд, это — доставлять добавочное предложение по цене в $1\frac{5}{6}$ ф. ст. за тонну.

Тот факт, что I разряд не платит ренты, объясняется тем, что рыночная стоимость равна его цене издержек.

Но этот факт является следствием:

Во-первых, относительного неплодородия разряда I. Он должен доставить 60 добавочных тонн по $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Предположим, что вместо того чтобы на капитал в 100 ф. ст. давать только 60 тонн, он дает 64 тонны, на 1 тонну меньше, чем разряд II.

В таком случае достаточно вложить в этот разряд только $93\frac{3}{4}$ ф. ст. капитала, чтобы доставить 60 тонн. Индивидуальная стоимость тонны в I разряде составила бы тогда $17\frac{7}{8}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $17\frac{1}{2}$ шилл., а ее цена издержек — 1 ф. ст. $14\frac{3}{8}$ шилл. А так как рыночная стоимость равна $15\frac{5}{8}$ ф. ст., или 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ шилл., то разность между рыночной стоимостью и ценой издержек была бы равна $27\frac{1}{24}$ шилл. И это на 60 тонн составило бы [593] ренту в 6 ф. ст. $17\frac{1}{2}$ шилл.

Таким образом, если бы все условия остались неизменными и I разряд стал бы плодороднее на $\frac{1}{15}$ (ибо $\frac{60}{15} = 4$) сравнительно с теперешним его плодородием, то он еще платил бы часть абсолютной ренты, так как существовала бы разность между рыночной стоимостью и его ценой издержек, хотя и меньшая, чем разность между его индивидуальной стоимостью и его ценой издержек. Здесь, следовательно, самая худшая земля, если бы она была плодороднее, чем в предположенном нами случае, приносила бы еще ренту. Если бы I разряд был абсолютно плодороднее, чем он есть, то разряды II, III, IV были бы *относительно менее плодородны* в сравнении с ним. Разница между его и их индивидуальными стоимостями была бы меньше. Таким образом, то, что разряд I *не приносит никакой ренты*, обуславливается в одинаковой мере как тем обстоятельством, что он сам не является абсолютно более плодородным, так и тем, что разряды II, III, IV не являются *относительно менее плодородными*.

Но во-вторых: Пусть дана продуктивность I разряда, 60 тонн на 100 ф. ст. капитала. Если бы разряды II, III, IV, в особенности же IV, который появляется на рынке в качестве нового конкурента, были не только относительно, по сравнению с I, но и *абсолютно* менее плодородны, то I разряд мог бы приносить ренту, хотя эта последняя составляла бы лишь часть абсолютной ренты. В самом деле, так как рынок поглощает $292\frac{1}{2}$ тонны по $15\frac{5}{8}$ ф. ст., то меньшее количество тонн, например 280 тонн, он поглотил бы по более высокой рыночной стоимости, чем $15\frac{5}{8}$ ф. ст. Но всякая рыночная стоимость, превышающая $15\frac{5}{8}$ ф. ст., т. е. цену издержек I разряда, дает для I разряда ренту, равную рыночной стоимости минус цена издержек продукта I разряда.

Можно, следовательно, также сказать, что I разряд не дает ренты в результате абсолютного плодородия IV разряда, потому что, пока на рынке конкурентами были только II и III, он приносил ренту, и он продолжал бы приносить ренту, хотя и меньше прежней, даже несмотря на появление IV разряда, т. е. несмотря на добавочное предложение, если бы IV разряд при

затрате капитала в 100 ф. ст. производил не $92\frac{1}{2}$ тонны, а только 80 тонн.

В-третьих: Мы предположили, что абсолютная рента при затрате капитала в 100 ф. ст. составляет 10 ф. ст., т. е. 10% на капитал, или $\frac{1}{11}$ цены издержек, что, следовательно, в земледелии стоимость продукта, произведенного капиталом в 100 ф. ст., равна 120 ф. ст., из которых 10 ф. ст. составляют прибыль.

Не следует, однако, думать, что если мы говорим: «в земледелии затрачен капитал в 100 ф. ст.», и если один рабочий день равен 1 ф. ст., то и затрачивается в земледелии 100 рабочих дней. Вообще, если капитал в 100 ф. ст. равен 100 рабочим дням, то никогда [продукт этого капитала не сводится к 100 рабочим дням], в какой бы отрасли производства ни был затрачен этот капитал. Предположим, что 1 ф. ст. золотом равен одному двенадцатичасовому рабочему дню, и пусть это будет нормальный рабочий день. Первый вопрос, который тут возникает, состоит в следующем: какова норма эксплуатации труда? Т. е. сколько часов из 12 рабочий работает на себя, для воспроизводства (в качестве эквивалента) своей заработной платы, и сколько часов он работает на капиталиста *даром*? Как велико, следовательно, то рабочее время, которое капиталист *продает*, не *заплатив* за него, и которое поэтому образует источник прибавочной стоимости, источник увеличения капитала? Если эта норма равна 50%, то рабочий работает 8 часов на себя и 4 часа даром на капиталиста. Продукт равен 12 часам, или 1 ф. ст. (так как, согласно предположению, в 1 ф. ст. золотом содержатся 12 часов рабочего времени). Из этих 12 часов, равных 1 ф. ст., 8 часов возмещают капиталисту выплаченную рабочему заработную плату, а 4 часа образуют его, капиталиста, прибавочную стоимость. Таким образом, на заработную плату в $13\frac{1}{3}$ шилл. приходится прибавочная стоимость в $6\frac{2}{3}$ шилл. Или на затрату капитала в 1 ф. ст. приходится прибавочная стоимость в размере 10 шилл., а на 100 ф. ст. — в размере 50 ф. ст. В этом случае стоимость товара, произведенного при помощи капитала в 100 ф. ст., была бы равна 150 ф. ст. Прибыль капиталиста состоит вообще в продаже содержащегося в продукте неоплаченного труда. Из продажи того, что не оплачено, и проистекает нормальная прибыль.

[594] Второй же вопрос состоит в следующем: каково *органическое строение* капитала? Та часть стоимости капитала, которая состоит из машин и т. п. и сырья, *просто-напросто воспроизводится* в продукте, появляется вновь, остается неизменной. Эту составную часть капитала капиталист должен

оплачивать по ее *стоимости*. Она, следовательно, входит в продукт как данная, *предпосланная* стоимость. Только применяемый капиталистом труд, хотя он и входит *целиком* в стоимость продукта и целиком покупается капиталистом, оплачивается им всего лишь частично. Следовательно, при предположении вышеуказанной нормы эксплуатации труда, величина прибавочной стоимости для *равновеликих* капиталов будет зависеть от их органического строения. Если капитал *a* имеет строение $80c + 20v$, то стоимость продукта равна 110, а прибыль составляет 10% (хотя неоплаченного труда содержится в продукте 50%). Если капитал *b* имеет строение $40c + 60v$, то стоимость продукта равна 130, а прибыль составляет 30%, хотя в продукте опять-таки содержится только 50% неоплаченного труда. Если капитал *c* имеет строение $60c + 40v$, то стоимость продукта равна 120, а прибыль составляет 20%, хотя здесь тоже неоплаченного труда содержится 50%. Мы имеем, следовательно, для этих трех капиталов, равных 300, совокупную прибыль, равную $10 + 30 + 20 = 60$, что на 100 составляет в среднем 20%. И эту среднюю прибыль приносит каждый из указанных капиталов, если он продает произведенный им товар за 120 ф. ст. Капитал *a*, имеющий строение $80c + 20v$, продает свой продукт на 10 ф. ст. *выше* его стоимости, капитал *b*, имеющий строение $40c + 60v$, продает свой продукт на 10 ф. ст. *ниже* его стоимости, и капитал *c*, имеющий строение $60c + 40v$, продает свой продукт *по* его стоимости. В общем итоге товары продаются по их стоимости, равной $120 + 120 + 120 = 360$ ф. ст. И действительно, стоимость продуктов $a + b + c = 110 + 130 + 120 = 360$ ф. ст. Но цены продуктов отдельных капиталов стоят частью *выше*, частью *ниже*, частью *на уровне* их стоимости, в результате чего каждый из этих капиталов приносит прибыль в 20%. Видоизмененные таким способом стоимости товаров и суть их *цены издержек*, которые конкуренция постоянно делает центрами притяжения рыночных цен.

Для 100 ф. ст., вложенных в земледелие, мы предположим строение капитала $60c + 40v$ (что, впрочем, для *v*, быть может, еще слишком мало); тогда стоимость продукта равна 120. Но такая стоимость была бы равна [предположенной в предыдущем абзаце] *цене издержек* продуктов промышленности. Поэтому предположим для вышеприведенного примера, что средняя цена продукта, произведенного капиталом в 100 ф. ст., равна [не 120, а] 110 ф. ст. Мы скажем теперь: если земледельческий продукт продается по своей стоимости, то стоимость его на 10 ф. ст. *выше* его цены издержек. Он дает тогда ренту

в 10%, и мы считаем *нормальным* при капиталистическом производстве, что земледельческий продукт, в отличие от других продуктов, продается не по своей *цене издержек*, а по своей *стоимости*. Это — следствие *собственности на землю*. Строение совокупного капитала будет $80c + 20v$, если средняя прибыль равна 10%. Мы предполагаем, что земледельческий капитал имеет строение $60c + 40v$, т. е. предполагаем такое строение этого капитала, при котором на заработную плату — на непосредственный труд — затрачивается больше, чем в совокупной сумме капитала, применяемого в остальных отраслях производства. Это свидетельствует об *относительно более низком* развитии производительности труда в этой отрасли. Правда, в некоторых отраслях сельского хозяйства, например в скотоводстве, строение капитала может быть $90c + 10v$, т. е. отношение $v : c$ может быть меньше, чем в совокупном промышленном капитале. Но не эта отрасль определяет ренту, а собственно земледелие, и именно та его часть, которая производит главное *жизненное средство*, например пшеницу и т. п. Рента в других отраслях сельского хозяйства определяется не строением [595] вложенного в них самих капитала, а строением того капитала, который применяется в производстве главного жизненного средства. Само существование капиталистического производства предполагает, что главнейшим элементом жизненных средств является растительная пища, а не животная. Соотношение между рентами, существующими в различных отраслях сельского хозяйства, есть второстепенный вопрос, который нас здесь не интересует и который остается вне рассмотрения.

Итак, для того чтобы абсолютная рента составляла 10%, предположим, что общее среднее строение

неземледельческого капитала есть $80c + 20v$,

земледельческого капитала $60c + 40v$.

Теперь спрашивается, оказало ли бы влияние на предположенный в таблице *D* случай, где разряд I не дает никакой ренты, другое строение земледельческого капитала, например $50c + 50v$ или $70c + 30v$? В первом случае стоимость продукта была бы равна 125 ф. ст.; во втором случае — 115 ф. ст. В первом случае разность, возникающая из различия между строением земледельческого капитала и строением неземледельческого капитала, была бы 15 ф. ст., а во втором — 5 ф. ст. Другими словами, разность между стоимостью земледельческого продукта и его ценой издержек была бы в первом случае на 50% выше, чем предположено нами, а во втором — на 50% ниже.

Если бы имел место первый случай, т. е. если бы стоимость продукта, произведенного капиталом в 100 ф. ст., была равна 125 ф. ст., то в таблице *A* стоимость тонны для I разряда была бы равна $2\frac{1}{12}$ ф. ст. И это было бы рыночной стоимостью для *A*, так как рыночную стоимость определяет здесь I разряд. Напротив, цена издержек для I *A* была бы по-прежнему $1\frac{5}{6}$ ф. ст. А так как, согласно предположению, $292\frac{1}{2}$ тонны [в таблице *D*] могут быть проданы только по $1\frac{5}{6}$ ф. ст., то рассматриваемое изменение в органическом строении земледельческого капитала не оказало бы никакого влияния на то обстоятельство, что разряд I *D* не дает никакой ренты; точно так же ничего в этом отношении не изменилось бы и в том случае, если бы земледельческий капитал имел строение $70c + 30v$, другими словами, если бы разность между стоимостью земледельческого продукта и его ценой издержек составляла только 5 ф. ст., т. е. только половину того, что было предположено нами. Таким образом, если *цена издержек*, а значит, и среднее органическое строение неземледельческого капитала ($80c + 20v$) предполагаются неизменными, то для данного случая [для разряда I *D*] не имело бы значения, выше или ниже строение земледельческого капитала, хотя это различие имело бы значение для таблицы *A* и хотя оно [во всех таблицах] изменило бы абсолютную ренту на 50%.

Но предположим теперь обратное: земледельческий капитал по-прежнему имеет строение $60c + 40v$, а строение неземледельческого капитала изменяется. Вместо $80c + 20v$ он имеет строение $70c + 30v$ или же $90c + 10v$. В первом из двух последних случаев средняя прибыль будет 15 ф. ст., или на 50% выше, чем в ранее предположенном случае; во втором случае она будет 5 ф. ст., или на 50% ниже. В первом случае абсолютная рента составила бы 5 ф. ст. Это, следовательно, опять не дало бы разницы для I *D*. Во втором случае абсолютная рента равнялась бы 15 ф. ст. Это тоже не внесло бы никакого изменения в случай I *D*. Для случая I *D*, следовательно, все это является безразличным, хотя и сохраняет свое важное значение для таблиц *A*, *B*, *C* и *E*, т. е. для определения абсолютной величины абсолютной и дифференциальной ренты каждый раз, когда новый разряд — все равно, по восходящей или по нисходящей линии — доставляет по прежней рыночной стоимости лишь необходимое добавочное предложение.

* * *

Теперь возникает следующий вопрос:

Возможен ли практически этот *случай D*? И, прежде всего, есть ли это, как предполагает Рикардо, *нормальный* случай?

Нормальным этот случай может быть только при двух условиях:

Или когда земледельческий капитал имеет строение $80c + 20v$, т. е. такое же, как и среднее строение неземледельческого капитала, так что *стоимость* земледельческого продукта была бы равна *цене издержек неземледельческого продукта*. Пока что это статистически неверно. Предположение, что производительность труда в земледелии *относительно* ниже, во всяком случае больше соответствует действительности, чем предположение Рикардо о *прогрессирующем* абсолютном понижении производительности земледельческого труда.

[596] В главе 1-й («О стоимости») Рикардо предполагает, что в золотых и серебряных рудниках имеет место среднее строение капитала (правда, он говорит здесь лишь об основном и оборотном капитале, но мы это «подправим»). При таком предположении на этих рудниках могла бы существовать всегда лишь дифференциальная рента, и никогда не существовало бы абсолютной ренты. А сама эта предпосылка основывается, в свою очередь, на другой предпосылке, что добавочное предложение, доставляемое более продуктивными рудниками, всегда больше того добавочного предложения, которое требуется при прежней рыночной стоимости. Но абсолютно непонятно, почему с таким же успехом не может иметь места обратное. Уже одно только наличие дифференциальной ренты доказывает, что возможно добавочное предложение без изменения *данной рыночной стоимости*. Ибо разряды IV или III или II не давали бы дифференциальных рент, если бы они не продавали свои продукты по рыночной стоимости продукта I разряда, как бы она ни определялась, следовательно — по такой рыночной стоимости, которая определяется *независимо* от абсолютной величины предложения этих разрядов.

Или же *случай D* всегда должен был бы быть нормальным, если бы предположенные в нем обстоятельства всегда были нормальны, т. е. если бы из-за конкуренции разрядов IV, III и II, в особенности IV, разряд I всегда вынужден был продавать свой продукт *ниже* его стоимости на всю сумму абсолютной ренты, продавать его по *цене издержек*. Само существование дифференциальной ренты в разрядах IV, III и II доказывает, что они продают свои продукты по рыночной стоимости, *превышающей* их индивидуальную стоимость. Если Рикардо полагает, что в отношении I разряда это не может иметь места, то только потому, что он *заранее предполагает* невозможность абсолютной ренты, а это последнее обусловлено у него тем, что он исходит из предпосылки о *тождестве стоимости и цены издержек*.

Возьмем случай *C*, где $92\frac{1}{2}$ тонны находят сбыт по рыночной стоимости в 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ шилл. И будем исходить, как это делает Рикардо, из разряда IV. Пока рынок требует только $92\frac{1}{2}$ тонны, IV разряд продает тонну по 1 ф. ст. $5\frac{25}{37}$ шилл., т. е. он продает товар, произведенный с капиталом в 100 ф. ст., по его стоимости в 120 ф. ст., что дает абсолютную ренту в 10 ф. ст. Почему IV разряд должен продавать свой товар *ниже* его стоимости, по *цене издержек*? Пока на рынке имеется один только IV разряд, разряды III, II, I не могут создать ему конкуренцию. Даже *цена издержек* продукта III разряда *превышает* ту стоимость, которая дает IV разряду ренту в 10 ф. ст., и еще в большей степени превышает эту стоимость цена издержек в разрядах II и I. Поэтому разряды III, II и I не могли бы создать конкуренцию разряду IV, даже если бы они продавали свои тонны хотя бы только по цене издержек.

Предположим, что существует всего только один разряд, лучший или худший сорт земли IV или I, или III, или II, — это не имеет никакого значения для теории; предположим, что он существует как *элемент природы*, т. е. как элемент природы *по отношению к* той массе данного капитала и труда, которая вообще имеется в распоряжении и может быть поглощена в этой отрасли производства; так что существующий сорт земли не ставит никаких границ, а является относительно неограниченным полем деятельности для наличной массы труда и капитала; предположим, следовательно, что не существует дифференциальной ренты, ибо в обработке нет земель *различного* естественного плодородия. Итак, не существует никакой дифференциальной ренты (или же она здесь совершенно ничтожна). Предположим, далее, что не существует *никакой земельной собственности*; тогда ясно, что не существует абсолютной ренты. Следовательно, вообще не существует *никакой* ренты (потому что, согласно предположению, не существует и дифференциальной ренты). Это — тавтология. Ибо существование *абсолютной земельной ренты* не только предполагает собственность на землю, но это и есть *предположенная земельная собственность*, т. е. земельная собственность, обусловленная и видоизмененная действием капиталистического производства. Эта тавтология *ничего* не дает для решения вопроса, ибо образование абсолютной земельной ренты мы объясняем как раз тем *сопротивлением*, которое земельная собственность в земледелии оказывает капиталистическому выравниванию стоимостей товаров в средние цены. Если мы устраняем это действие земельной собственности, это сопротивление, специфическое сопротивление, на которое конкуренция капиталов наталкивается в этой сфере приложения,

то мы, конечно, устраняем самую предпосылку существования земельной ренты. К тому же здесь перед нами такое допущение, которое само себе противоречит (как это очень хорошо видит г-н Уэйкфилд в своей теории колонизации ⁹⁰): с одной стороны, развитое капиталистическое производство, а с другой — отсутствие собственности на землю. Откуда могли бы в таком случае появиться наемные рабочие?

Нечто *приближающееся* к такому положению вещей имеет место в колониях, даже если *юридически* собственность на землю и существует, — поскольку правительство раздает земельные участки даром, как это первоначально происходило при колонизации заморских стран из Англии, — и даже если [597] правительство фактически насаждает земельную собственность, продавая землю, но за бесценок, как в Соединенных Штатах (1 доллар или что-то в этом роде за акр).

Здесь следует различать два типа колоний.

Во-первых, речь идет о колониях в собственном смысле, как, например, о колониях в Соединенных Штатах, в Австралии и т. д. Здесь основная масса занимающихся земледелием колонистов, хотя они и привозят с собой из метрополии более или менее значительный капитал, не является *капиталистическим классом*, и их производство не является *капиталистическим* производством. Это — крестьяне, которые в большей или меньшей степени работают сами и которые стремятся главным образом к тому, чтобы обеспечить *свое собственное содержание*, производить для себя средства существования. Поэтому их главный продукт не становится *товаром* и не предназначается для торговли. Избыток своих продуктов над тем, что они потребляют сами, они продают, обменивают на ввозимые в колонию промышленные товары и т. п. Другая, меньшая часть колонистов на берегу моря, у судоходных рек и т. п. образует торговые города. Здесь тоже еще не может быть речи о капиталистическом производстве. Но даже когда это последнее постепенно начинает развиваться, так что для фермера, который сам работает на земле и является ее владельцем, начинает играть решающую роль продажа им своих продуктов и выручка, получаемая от этой продажи, — даже и при таком положении вещей оказывается, что, пока земля противостоит еще капиталу и труду в первобытном изобилии, пока она, следовательно, остается практически неограниченным полем деятельности, до тех пор продолжает существовать также и первая форма колонизации, и поэтому производство *никогда* не регулируется сообразно потребностям рынка — применительно к той или иной данной рыночной стоимости. Все, что колонисты первого

рода производят *сверх* того, что потребляется непосредственно ими самими, они выбрасывают на рынок и продают по любой цене, лишь бы она давала им больше, чем заработную плату. Они являются и на долгое время еще остаются конкурентами тех фермеров, которые уже производят свои продукты на более или менее капиталистический лад, и в результате этого они постоянно держат рыночную цену земледельческого продукта на уровне *ниже* его стоимости. Поэтому фермер, обрабатывающий землю худшего сорта, будет очень доволен, если он получит среднюю прибыль, а при продаже своей фермы — если он возместит себе вложенный им капитал, что в огромном количестве случаев не имеет места. Здесь, следовательно, совместно действуют два существенных обстоятельства: во-первых, капиталистическое производство еще не господствует в земледелии; во-вторых, земельная собственность, хотя она и существует юридически, в действительности проявляет себя еще только спорадически; это в собственном смысле еще только владение землей. Другими словами, хотя земельная собственность юридически существует, она еще не способна — вследствие *первобытного* отношения земли к труду и капиталу — оказывать сопротивление капиталу, не в состоянии превратить земледелие в такое поле деятельности, которое, в отличие от неземледельческих отраслей производства, оказывает специфическое сопротивление *вложению капитала*.

В колониях второго типа — плантациях, — которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка, — существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами *капиталисты*, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему. В этом случае капиталист и земельный собственник — одно лицо. И существование земли как *элемента природы* в его отношении к капиталу и труду не оказывает никакого сопротивления вложению капитала, а следовательно и конкуренции капиталов. Не создается здесь и отличного от земельных собственников класса арендаторов. Пока сохраняется такое положение вещей, ничто не мешает тому, чтобы цена издержек регулировала рыночную стоимость.

Все эти предпосылки не имеют ничего общего с теми предпосылками, при которых существует *абсолютная земельная рента*, а именно с развитым капиталистическим производством на одной стороне, а на другой — с земельной собственностью, которая

не только юридически существует, но и фактически оказывает сопротивление капиталу, защищает это поле деятельности от вторжений капитала и предоставляет последнему место только на известных условиях.

При наличии этих предпосылок абсолютная земельная рента будет существовать даже и в том случае, если обрабатывается только разряд IV или III, или II, или I. Капитал может захватить себе новое место в единственно существующем разряде земли только тогда, когда он уплачивает земельную ренту, т. е. продает земледельческий продукт по его *стоимости*. И только при наличии указанных предпосылок можно сравнивать и различать капитал, вложенный в земледелие (т. е. в некоторый природный элемент как таковой, в первичную отрасль производства), и капитал, вложенный в неземледельческое производство.

А следующий вопрос таков:

В том случае, когда исходной точкой берут разряд I, ясно, что если разряды II, III, IV доставляют только такое добавочное предложение, которое возможно при прежней рыночной стоимости, то они продают свои продукты по рыночной стоимости, определяемой разрядом I; они, следовательно, кроме абсолютной ренты, будут давать еще и дифференциальную ренту в соответствии с их относительным плодородием. Напротив, когда исходной точкой берут разряд IV, то здесь, по-видимому, [598] возможны некоторые возражения.

Мы видели, что [в таблицах *B* и *C*] разряд II получает абсолютную ренту, если он продает свой продукт по его стоимости, т. е. по $1^{11}/_{13}$ ф. ст., или по 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ шилл.

В таблице *D* *цена издержек* в разряде III, ближайшем следующем разряде (по нисходящей линии), — выше, чем *стоимость* продукта IV разряда, дающая ренту в размере 10 ф. ст. Поэтому здесь не может быть речи о конкуренции, или предложении по более низкой цене, — даже если бы III разряд продавал свой продукт по его цене издержек. Но если разряд IV уже не удовлетворяет всего спроса, если рынок требует больше, чем $92\frac{1}{2}$ тонны, то цена продукта повысится. В вышеприведенном случае она должна была бы повыситься уже на $3^{43}/_{111}$ шилл. с тонны, прежде чем III разряд мог бы выступить в качестве конкурента, продающего свой продукт хотя бы по его *цене издержек*. Спрашивается, выступит ли он в качестве такого конкурента? Этот случай мы сейчас представим в ином виде. Спросу не надо было бы увеличиваться обязательно на 75 тонн для того, чтобы цена продукта IV разряда возросла до 1 ф. ст. 12 шилл., т. е. до индивидуальной стоимости продукта III раз-

ряда; и меньше всего это является обязательным для *господствующего земледельческого продукта*, недостаточное предложение которого вызывает гораздо большее повышение *цены*, чем это соответствует *арифметическому* отставанию предложения. Но если бы цена продукта IV разряда повысилась до 1 ф. ст. 12 шилл., то продукт III разряда при этой рыночной стоимости, равной его индивидуальной стоимости, приносил бы абсолютную ренту, а IV разряд — дифференциальную ренту. Вообще, если имеется добавочный спрос, то III разряд может продавать свой продукт по его индивидуальной стоимости, так как этот именно разряд определяет тогда рыночную стоимость, и при такой ситуации не существовало бы никаких оснований, которые могли бы заставить *земельного собственника* отказаться от ренты.

Но предположим, что рыночная цена продукта IV разряда поднимается только до 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ шилл., т. е. до *цены издержек* продукта III разряда. Или — для того чтобы сделать этот случай еще более разительным — пусть цена издержек продукта III разряда составит только 1 ф. ст. 5 шилл., т. е. пусть она будет только на $1\frac{8}{37}$ шилл. выше *цены издержек* продукта IV разряда. Выше этой последней она должна быть, так как плодородие земель III разряда ниже, чем плодородие земель IV разряда. Может ли теперь III разряд быть введен в обработку и начать конкурировать с IV разрядом, который продает свой продукт выше цены издержек продукта III разряда, а именно по 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ шилл.? Это зависит от того, имеет ли здесь место добавочный спрос или нет. Если имеет место добавочный спрос, то рыночная цена продукта IV разряда поднимается выше его стоимости, т. е. выше 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ шилл. И тогда III разряд при всех условиях стал бы продавать свой продукт *выше* его цены издержек, хотя и не настолько выше, чтобы можно было получить всю сумму его абсолютной ренты.

Или же добавочный спрос *не* имеет места. Здесь опять возможны два случая. Конкуренция земель III разряда могла бы выступить на сцену лишь при том условии, что фермер, обрабатывающий землю III разряда, был бы вместе с тем и *собственником* этой земли: такому фермеру, как капиталисту, земельная собственность не ставила бы препятствий, не оказывала бы сопротивления, так как он распоряжается ею не как капиталист, а как земельный собственник. Его конкуренция заставила бы разряд IV продавать свой продукт ниже прежней цены, т. е. ниже 1 ф. ст. $5\frac{35}{37}$ шилл., и даже ниже цены издержек продукта III разряда, составляющей 1 ф. ст. 5 шилл. Тем самым III разряд был бы сбит с позиции. И IV разряд всегда был бы в состоянии

сбить с позиции III разряд: для этого ему достаточно было бы понизить цену до своей собственной цены издержек, которая ниже, чем у III разряда. Но если бы вследствие *понижения цены*, вызванного появлением на рынке продуктов III разряда, емкость рынка увеличилась, то что произошло бы тогда? Либо рынок расширился бы настолько, что IV разряд мог бы, как и прежде, сбывать свои $92\frac{1}{2}$ тонны, несмотря на появление новых 75 тонн, либо же рынок расширился бы не в такой степени, так что часть продукта IV и III разрядов оказалась бы излишней. В этом случае IV разряд, господствуя на рынке, снижал бы цену до тех пор, пока капитал в III разряде не был бы введен в надлежащие рамки, т. е. пока в III разряд не было бы вложено лишь столько капитала, сколько как раз достаточно для того, чтобы был поглощен весь продукт IV разряда. Но по цене 1 ф. ст. 5 шилл. можно было бы продать весь продукт, и так как III разряд часть этого продукта продал бы по этой цене, то и IV разряд не мог бы продавать дороже. Это был бы, однако, единственно возможный случай такого временного перепроизводства, которое, не будучи вызвано добавочным спросом, ведет к увеличению емкости рынка. И этот случай возможен лишь тогда, когда капиталист и земельный собственник в III разряде соединены в одном лице, — следовательно, когда опять-таки предполагается, что земельная собственность не существует как сила, противостоящая капиталу, ибо капиталист сам является земельным собственником и жертвует интересами земельного собственника ради интересов капиталиста. Если же в III разряде земельная собственность противостоит капиталу как таковая, то нет никаких оснований для того, чтобы земельный собственник предоставил свои акры для обработки, не получая за это ренту, т. е. чтобы он предоставил их для обработки до того, как цена продукта IV разряда поднимется по крайней мере *выше* цены издержек продукта III разряда. Если это повышение лишь [599] незначительно, то во всякой стране с капиталистическим производством зéмли III разряда останутся изъятими из сферы деятельности капитала, за исключением того случая, когда это такие земли, которые ни в какой другой форме не могут давать ренту. Но они никогда не поступят в обработку прежде, чем начнут давать ренту, прежде, чем цена продукта IV разряда поднимется *выше* цены издержек продукта III разряда и, значит, IV разряд начнет давать, кроме своей прежней ренты, еще и дифференциальную ренту. При дальнейшем росте спроса цена продукта III разряда поднялась бы до уровня его стоимости, так как *цена издержек* продукта II разряда *превышает* индивидуальную стоимость продукта III раз-

ряда. Земли II разряда стали бы возделываться, как только цена продукта III разряда превысила бы 1 ф. ст. $13^{11}/_{13}$ шилл., т. е. как только она начала бы давать какую-нибудь ренту для II разряда.

Но вот в таблице *D* предположено, что I разряд *не* дает *никакой* ренты. Однако этот разряд не дает ренты только потому, что он, представляя собой, согласно предположению, уже находящуюся в обработке землю, вынужден из-за изменения рыночной стоимости, вызванного появлением разряда IV, продавать свой продукт *ниже* его стоимости, по его *цене издержек*. Сельскохозяйственная эксплуатация такой земли будет продолжаться только тогда, когда земельный собственник сам является фермером и, следовательно, в этом *индивидуальном случае* земельная собственность *исчезает* по отношению к капиталу; или же тогда, когда эксплуатирующий землю фермер является мелким капиталистом, довольствующимся менее чем 10% прибыли, или таким рабочим, который хочет выручить несколько больше своей заработной платы или же только последнюю и который свой прибавочный труд, равный 10 ф. ст. или меньше (например, 9 ф. ст.), отдает не капиталисту, а земельному собственнику. Хотя в обоих последних случаях земельному собственнику уплачивается арендная плата, но, говоря экономически, это — не рента, а у нас ведь речь идет только о ренте. В одном случае фермер — просто сельскохозяйственный рабочий, а в другом — нечто среднее между сельскохозяйственным рабочим и капиталистом.

Нет ничего более нелепого, чем утверждение, будто земельный собственник не может так же легко *изъять* с рынка свои акры земли, как капиталист свой капитал из какой-либо отрасли производства. Лучшим опровержением этого взгляда служат: большое количество плодородной земли, остающейся без обработки в самых развитых странах Европы, как, например, в Англии; земля, изымаемая из земледелия и отводимая под постройку железных дорог или домов, либо же резервируемая для этих целей; земля, предназначаемая земельным собственником для стрельбищ или охоты, как, например, в горной Шотландии, и т. д. Лучшим опровержением служит также безуспешная борьба английских рабочих за получение в свои руки необрабатываемых земель.

Необходимо отметить следующее: во всех тех случаях, когда сумма абсолютной ренты падает ниже своей нормальной величины либо в результате того, что рыночная стоимость стоит ниже индивидуальной стоимости продукта данного разряда (как это имеет место во II *D*), либо в результате того, что

некоторую часть капитала, вследствие конкуренции лучшей земли, приходится изымать из худшей земли (как это имеет место во II B), а также в тех случаях, когда рента целиком отпадает (как это имеет место в I D), — во всех этих случаях предполагается,

1) что там, где рента отпадает целиком, земельный собственник и капиталист — *одно и то же* лицо, т. е. что здесь в индивидуальном масштабе и в виде исключения исчезает то сопротивление, которое земельная собственность оказывает капиталу, и то ограничение поля деятельности, которому капитал подвергается со стороны земельной собственности. Здесь мы имеем тот же случай, что и в колониях, только в индивидуальном масштабе: отпадает предпосылка земельной собственности;

2) что конкуренция более плодородных земель или также конкуренция менее плодородных земель (при нисходящей линии) создает перепроизводство и насильственно увеличивает емкость рынка, создает добавочный спрос посредством насильственного снижения цены. Но здесь мы полностью имеем как раз тот случай, которого не предполагает Рикардо, ибо в своих рассуждениях он всегда исходит из предпосылки, что удовлетворяется лишь необходимый добавочный спрос;

3) что разряды II и I в таблицах B, C и D совсем не дают ренты или же дают не всю сумму абсолютной ренты, так как конкуренция более плодородных земель заставляет их продавать свой продукт *ниже* его стоимости [или, как в случае II B, изымать часть капитала из производства]. Рикардо, наоборот, предполагает, что они продают продукт по *его стоимости* и что рыночную стоимость определяет всегда *наихудшая земля*, тогда как именно в случае I D, который он считает нормальным, имеет место прямо противоположное. Кроме того, его рассуждения всегда исходят из предпосылки нисходящей линии производства.

Когда среднее строение неземледельческого капитала составляет $80c + 20v$, а норма прибавочной стоимости равна 50%, то *абсолютной земельной ренты* не было бы, если бы строение земледельческого капитала равнялось $90c + 10v$, т. е. если бы оно стояло выше строения промышленного капитала, что [600] для капиталистического производства исторически неверно; если земледельческий капитал имеет строение $80c + 20v$, чего до сих пор никогда еще не бывало, то абсолютной ренты тоже *не будет*; если строение земледельческого капитала ниже, чем строение промышленного капитала, например если оно равно $60c + 40v$, то будет получаться *абсолютная земельная рента*.

Если исходить из этой теории, то могут иметь место следующие случаи в зависимости от плодородия различных разрядов в их отношении к рынку, т. е. в зависимости от того, в какой мере тот или другой разряд господствует на рынке:

А) Последний разряд платит абсолютную ренту. Он определяет рыночную стоимость потому, что все разряды доставляют по этой рыночной стоимости лишь необходимое предложение;

В) Рыночную стоимость определяет последний разряд; он платит абсолютную ренту, всю ее норму, но не всю ее прежнюю сумму, потому что конкуренция III и IV разрядов вынуждает его изъять часть капитала из производства;

С) Избыточное предложение, доставляемое разрядами I, II, III и IV по прежней рыночной стоимости, вызывает с необходимостью падение последней, а понизившаяся рыночная стоимость, регулируемая высшими разрядами, вызывает увеличение емкости рынка. I разряд платит лишь часть абсолютной ренты, II — только абсолютную ренту;

Д) То же самое регулирование рыночной стоимости лучшими разрядами, или господство лучших разрядов над худшими посредством избыточного предложения, полностью уничтожает ренту в I разряде, а во II разряде опускает ее ниже уровня абсолютной ренты; и, наконец,

Е) Лучшие разряды, вызывая падение рыночной стоимости ниже цены издержек продукта I разряда, вытесняют с рынка I разряд. Теперь рыночную стоимость регулирует II разряд, потому что при этой новой рыночной стоимости все три разряда доставляют лишь необходимое предложение. [600]

[600] Теперь вернемся к Рикардо.

* * *

Само собой разумеется, что когда мы говорим о строении земледельческого капитала, то сюда не входит стоимость земли, или цена ее. Последняя есть не что иное, как капитализированная земельная рента.

[ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ]

ТЕОРИЯ РЕНТЫ РИКАРДО [ОКОНЧАНИЕ]

[1) РИКАРДОВСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ОТСУТСТВИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ. ПЕРЕХОД К НОВЫМ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКАМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ И ПЛОДОРОДИЯ]

Вернемся к *Рикардо*, к главе 2-й («О ренте»). Сперва мы встречаем у него ту самую «теорию колонизации», которая фигурирует уже у *Смита* *. Здесь достаточно будет вкратце отметить лишь логическую связь всего этого хода мыслей.

«При первом заселении страны, где имеется в изобилии богатая и плодородная земля, лишь незначительную долю которой нужно обрабатывать для прокормления наличного населения или действительно можно обрабатывать при капитале, имеющемся у этого населения, — ренты не существует. Ведь никто не станет платить за пользование землей, раз есть налицо большое количество еще не обращенной в собственность земли, которою поэтому» (так как она не обращена в собственность, что *Рикардо* потом совершенно забывает) «может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее» (стр. 55) [Русский перевод, том I, стр. 66].

{Здесь, следовательно, предполагается отсутствие земельной собственности. Хотя эта трактовка процесса приблизительно верна для колоний современных народов, однако она, во-первых, неприложима к развитому капиталистическому производству, а во-вторых, было бы ошибкой представлять себе это как исторический ход развития в старой Европе.}

«В силу общих законов предложения и спроса, за такую землю не может уплачиваться рента по той вышеуказанной причине, по какой ничего не платят за пользование воздухом, водой или каким-либо другим даром природы, существующим в неограниченном количестве... Никакой платы не взимается за пользование этими [601] силами природы потому, что они неисчерпаемы и располагать ими может каждый человек... Если бы вся земля обладала одинаковыми свойствами, если бы она имелась в неограниченном количестве и была однородна по качеству, то за пользование ею

* См. настоящее издание, часть II, стр. 246—247 и 258—259. Ред.

нельзя было бы взимать плату» (так как ее вообще *нельзя* было бы превратить в частную собственность) «за исключением тех случаев, когда она отличается особенно *выгодным местоположением*» (и — должен был бы добавить Рикардо — когда она находится в распоряжении собственника). «Следовательно, *рента за пользование землей уплачивается* всегда только потому, что количество земли не является неограниченным, а качество ее не является одинаковым, с ростом же населения в обработку поступает земля *худшего качества* или *менее благоприятно расположенная*. Когда с развитием общества в обработку поступает земля второго разряда по плодородию, на земле *лучшего качества немедленно возникает рента*, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков земли» (стр. 56—57) [Русский перевод, том I, стр. 66—67].

Именно на этом нам следует остановиться. Логическая связь здесь такова:

Если земля, — и это *предполагает* Рикардо, говоря о *первом заселении страны* (теория колонизации *Смита*), — если богатая и плодородная земля существует по отношению к наличному населению и капиталу так, как существует всякий *элемент природы*, практически — в неограниченном количестве; если, далее, «большое количество» этой земли *еще не обращено в собственность* и *поэтому*, так как она *еще не обращена в собственность*, «ею может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее», — то в этом случае, естественно, ничего не платят за пользование землей, и никакой ренты не существует. Если бы земля представляла собой неограниченный элемент не только по отношению к капиталу и к населению, но и *фактически*, т. е. была бы «неограниченна», как воздух и вода, была бы «в наличности в неограниченном количестве», то тогда присвоение земли одним лицом не могло бы на деле несколько исключать присвоения земли другим лицом. Тогда не могло бы существовать никакой частной собственности на землю (и не только частной, но и «общественной» и государственной собственности не могло бы быть). В этом случае, если бы к тому же вся земля была повсюду *одинакового* качества, за землю не могла бы быть взимаема никакая рента. Самое большее, платили бы ренту владельцу такой земли, которая «отличается особенно *выгодным местоположением*».

Если, следовательно, при условиях, предполагаемых у Рикардо, — а именно, когда земля *«не обращена в собственность»* и *«поэтому»* невозделанной землей «может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее», — уплачивается рента, то это возможно лишь потому, что «земля не является неограниченной по количеству и однородной по качеству», т. е. потому, что существуют различные сорта земли и один и тот же сорт земли имеется «в ограниченном количестве». Мы говорим, что тогда, при предпосылках Рикардо, может уплачиваться только

дифференциальная рента. Но вместо того чтобы иметь в виду это ограничение, Рикардо сразу перескакивает к выводу, что — независимо от его предпосылки об *отсутствии земельной собственности* — за пользование землей никогда не уплачивается абсолютная рента, а уплачивается лишь дифференциальная рента.

Вся соль вопроса состоит в следующем: если бы земля по отношению к капиталу существовала так, как всякий *элемент природы*, то капитал в области сельского хозяйства действовал бы *совершенно так же*, как и во всякой другой отрасли производства. Тогда не было бы никакой *земельной собственности* и никакой ренты. Самое большее, могли бы существовать, если одна часть земли плодороднее другой, сверхприбыли, как в промышленности. В земледелии они фиксируются в виде дифференциальной ренты благодаря той природной основе, которой для них являются различия в степени плодородия почвы.

Наоборот, если земля 1) ограничена, 2) захвачена в собственность; если капитал встречает, в виде условия своего возникновения, *собственность на землю* — именно так обстоит дело в странах, где развивается капиталистическое производство; а в таких странах, где раньше не было налицо этого условия (как оно было налицо в старой Европе), капиталистическое производство само создает для себя эти условия (примером могут служить Соединенные Штаты), — то тогда земля уже с самого начала не представляет собою элементарно доступного капиталу поприща деятельности. Поэтому существует земельная рента независимо от дифференциальной ренты. Но тогда и переходы от одного разряда земли к другим, будь это по восходящей линии (I, II, III, IV) или по нисходящей линии (IV, III, II, I), совершаются иначе, чем это имеет место при *рикардовской предпосылке*. Ибо применение капитала наталкивается на сопротивление земельной собственности как в I разряде, так и во II, в III и в IV, и точно так же при обратном переходе от IV разряда к III и т. д. При переходе от IV разряда к III и т. д. недостаточно, чтобы цена продукта IV разряда поднялась настолько, чтобы в III разряде капитал мог быть применен со средней прибылью: она должна подняться настолько, чтобы на землях III разряда могла уплачиваться рента. Если совершается переход от I разряда ко II и т. д., то уже само собой разумеется, что цена, дававшая ренту для I разряда, дает для II разряда не только эту ренту, но, кроме того, еще и дифференциальную ренту. Своей предпосылкой об *отсутствии земельной собственности* Рикардо, конечно, не устранил наличия того закона, который обусловлен *существованием земельной собственности* и неразрывно с ним связан.

Показав, каким образом *при его предпосылке* могла бы возникнуть дифференциальная рента, Рикардо продолжает:

«Когда в обработку поступает земля третьего по качеству сорта, на земле второго сорта тотчас же возникает рента, и эта рента, как и прежде, определяется различием в их производительной силе. В то же время рента с земли первого сорта повысится, потому что она всегда должна быть выше ренты с земли второго сорта на всю разницу в продукте, который они доставляют при затрате данного количества капитала и труда. С каждым дальнейшим приростом населения, который заставит страну прибегать к земле худшего качества»

(но это отнюдь не означает, что каждый дальнейший прирост населения будет заставлять страну прибегать к обработке земли худшего качества),

«чтобы быть в состоянии добывать необходимое количество [602] пищи, — рента со всех более плодородных земель будет повышаться» (стр. 57) [Русский перевод, том I, стр. 67].

Это — совершенно верно.

Рикардо переходит затем к примеру. Но этот пример, — отвлекаясь от того, о чем надлежит сказать позже, — предполагает *нисходящую линию*. Однако это — не более чем *предположение*. Чтобы незаметно протащить это, Рикардо говорит о

«первом заселении страны, где имеется *в изобилии богатая и плодородная земля, еще не обращенная в собственность*» (стр. 55) [Русский перевод, том I, стр. 66].

Но получилось бы то же самое, если бы там имелась «в изобилии», по отношению к числу колонистов, «бедная и неплодородная земля, еще не обращенная в собственность». Не богатство или плодородие земли являются предпосылкой того, что не уплачивается *никаких рент*, а то обстоятельство, что земля имеется в неограниченном количестве, не обращена в собственность и однородна по качеству, каково бы ни было *это* качество в отношении степени ее плодородия. Поэтому Рикардо сам так формулирует в дальнейшем изложении свою *предпосылку*:

«Если бы *вся земля* обладала *одинаковыми* свойствами, если бы она имелась *в неограниченном количестве* и была *однородна по качеству*, то за пользование ею нельзя было бы взимать плату» (стр. 56) [Русский перевод, том I, стр. 67].

Рикардо не говорит и не может сказать: если бы земля «*была богата и плодородна*», потому что такого рода условие не имело бы *абсолютно никакого отношения* к этому закону. Если бы земля, вместо того чтобы быть богатой и плодородной, была бедна и неплодородна, то каждому из колонистов пришлось бы обрабатывать большую долю всей земли, и в результате

этого они, с возрастанием населения, даже при отсутствии собственности на землю быстрее приблизились бы к тому моменту, когда наступил бы конец практическому изобилию земли, ее фактической неограниченности по отношению к населению и капиталу.

Правда, не подлежит никакому сомнению, что колонисты, конечно, будут выбирать не наименее, а наиболее плодородную землю, а именно — самую плодородную при тех средствах обработки, какие имеются в их распоряжении. Но это — не единственное ограничивающее условие для их выбора. Что для них в первую очередь имеет решающее значение, так это — *местоположение*, расположение у моря, у больших рек и т. д. Земля в Западной Америке и т. д. могла быть как угодно плодородна, но поселенцы, естественно, оседали в Новой Англии, Пенсильвании, Северной Каролине, Виргинии и т. д., короче говоря — на восточном побережье Атлантического океана. И если они выбирали себе самую плодородную землю, то они выбирали лишь *самую плодородную землю в этом районе*. Это не мешало им перейти позднее к обработке *более плодородной* земли на Западе, как только рост населения, образование капиталов, развитие средств сообщения, возникновение городов сделали для них доступной *более плодородную землю* в этом *более отдаленном* районе. Они ищут не *самый плодородный район*, а *лучше всего расположенный район*, в пределах же этого последнего, естественно, — при прочих *равных* условиях местоположения — ту землю, которая является *наиболее плодородной*. Но это доказывает, конечно, не то, что от более плодородного района переходят к менее плодородному району, а только то, что в *одном и том же* районе — при одинаковом местоположении — более плодородная земля, естественно, раньше поступает в обработку, чем менее плодородная.

Между тем Рикардо, — после того как он формулировку «изобилие богатой и плодородной земли» правильно заменил *улучшенной* формулировкой: земля, обладающая *«одинаковыми»* свойствами, неограниченная по количеству и однородная по качеству», — переходит к своему примеру, а затем делает скачок назад к своей первоначальной ошибочной предпосылке:

«*Наиболее плодородная и наиболее благоприятно расположенная земля поступит в обработку первой...*» (стр. 60) [Русский перевод, том I, стр. 69].

Рикардо чувствует шаткость и ошибочность этого утверждения и потому к словам «наиболее плодородная земля» добавляет еще *новое* условие — «и наиболее благоприятно расположенная», которое в исходном пункте его рассуждения отсут-

ствовало. Между тем он должен был бы, очевидно, сказать: «наиболее плодородная земля *в пределах* наиболее благоприятно расположенного района»; ведь нелепость не может же доходить до того, чтобы часть страны, случайно наиболее благоприятно расположенную для новоселов, так как она дает им возможность поддерживать связь с метрополией, со своими прежними земляками и внешним миром, — чтобы эту часть считать «наиболее плодородной областью» во всей стране, которая еще не исследована колонистами и не может быть сразу исследована ими.

Итак, предположение о нисходящей линии, о переходе от более плодородного района к менее плодородному введено у Рикардо совершенно неправоммерно. Можно сказать только следующее: в районе, первым поступившем в обработку, потому что он расположен наиболее благоприятно, *не платят никакой ренты* до тех пор, пока *в пределах* этого района не перейдут от более плодородной земли к менее плодородной. Если же теперь переходят в другой район, *более плодородный*, чем первый, то он, согласно предположению, *расположен менее благоприятно*. Возможно поэтому, что большее плодородие земли этого района более чем уравнивается невыгодами его местоположения; и в этом случае земля I района будет продолжать платить ренту. Но так как «местоположение» является таким обстоятельством, которое исторически изменяется вместе с экономическим развитием, и так как оно непрерывно *должно улучшаться* с проведением путей сообщения, с возникновением новых городов, с ростом населения и т. д., то ясно, что продукт, произведенный во II районе, постепенно начинает доставляться на рынок по такой цене, которая должна, наоборот, понизить ренту (с того же самого продукта) в I районе, и что II район постепенно начинает выступать как более плодородная земля, по мере того как исчезают невыгоды его местоположения.

[603] Поэтому ясно,

что там, где Рикардо сам дает правильную и общую формулировку условия, необходимого для возникновения дифференциальной ренты («будь вся земля... *одинакового свойства... неограниченной по количеству... однородной по качеству*»), — эта формулировка *не* включает в себя того обстоятельства, что переход совершается от более плодородной земли к менее плодородной;

что это и исторически неверно для колонизации Соединенных Штатов, которую вместе с А. Смитом имеет в виду Рикардо (правоммерные в данном пункте возражения Кэри как раз и вызваны этим);

что Рикардо сам снова опрокидывает свое построение добавлением насчет «местоположения» («наиболее плодородная и наиболее благоприятно расположенная земля поступит в обработку первой»);

что Рикардо свою произвольную предпосылку доказывает при помощи такого примера, в котором предполагается данным то, что подлежит доказательству, а именно — переход от лучшей земли ко все худшей и худшей; наконец,

что Рикардо {несомненно, уже с намерением использовать это для объяснения тенденции общей нормы прибыли к понижению} предполагает это потому, что иначе он не может объяснить себе дифференциальную ренту, хотя она совершенно не зависит от того, переходят ли от I ко II, III, IV или от IV к III, II, I.

[2) РИКАРДОВСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ РЕНТЫ НА ЦЕНУ ХЛЕБА. АБСОЛЮТНАЯ РЕНТА КАК ПРИЧИНА ПОВЫШЕНИЯ ЦЕНЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОДУКТА]

В рикардовском примере предположены три сорта земли, №№ 1, 2, 3, которые при одинаковом вложении капитала дают 100, 90, 80 кварталов зерна «чистого продукта». № 1 поступает в обработку первым

«в новой стране, где плодородная земля имеется в изобилии сравнительно с населением и где поэтому необходимо возделывать только № 1» (стр. 57) [Русский перевод, том I, стр. 67—68].

В этом случае «весь чистый продукт» принадлежит «земледельцу» и «составляет прибыль на авансированный им капитал» (стр. 57). Здесь {мы говорим не о плантациях} никуда не годится также и то, что этот «чистый продукт» сразу же рассматривается как прибыль на капитал, хотя здесь не предполагается *никакого капиталистического производства*. Но допустим, что колонист, вышедший из «старой страны», сам рассматривает свой «чистый продукт» таким образом. Если теперь население возрастет настолько, что необходимо будет возделывать № 2, то № 1 станет приносить ренту в 10 кварталов. Здесь, конечно, предполагается, что земли №№ 2 и 3 «не обращены в собственность» и, по отношению к населению и капиталу, остались практически «в неограниченном количестве». В противном случае дело могло бы принять другой оборот. Итак, при этой предпосылке земля № 1 будет приносить ренту в 10 кварталов.

«Ибо одно из двух: либо должны существовать две нормы прибыли на земледельческий капитал, либо 10 кварталов (или стоимость 10 кварталов)

должны быть изъяты из продукта № 1 для какой-нибудь иной цели. Кто бы ни возделывал № 1, *собственник земли* или какое-либо другое лицо, эти 10 кварталов одинаково составят ренту, — потому что тот, кто обрабатывает № 2, получил бы одинаковый результат от своего капитала, будет ли он обрабатывать № 1, уплачивая при этом 10 кварталов в качестве ренты, или будет продолжать обрабатывать № 2, не платя никакой ренты» (стр. 58) [Русский перевод, том I, стр. 68].

Действительно, [при наличии двух различных сортов земли] существовали бы две нормы прибыли на земледельческий капитал, т. е. № 1 давал бы *добавочную прибыль* (которая в этом случае *может* консолидироваться в виде ренты) в размере 10 кварталов. Но что в *одной и той же сфере производства* на капитал одного и того же рода, а значит и на земледельческий капитал, не только возможны, но и неизбежны не две, а много весьма различных норм прибыли, — об этом говорит сам Рикардо тут же двумя страницами ниже:

«Наиболее плодородная и наиболее благоприятно расположенная земля поступит в обработку первой, и меновая стоимость ее продукта будет определяться, точно так же как и меновая стоимость всех других товаров, совокупным количеством труда, необходимого — в различных его формах от начала до конца процесса производства — для изготовления продукта и доставки его на рынок. Когда в обработку поступит земля худшего качества, меновая стоимость сырого продукта повысится, потому что на производство его потребуются больше труда. *Меновая стоимость всех товаров, будь то промышленные изделия, продукты рудников или продукты сельского хозяйства, никогда не определяется наименьшим количеством труда, какое достаточно для их производства при наиболее благоприятных условиях, доступных лишь для тех, кто пользуется особенно выгодными обстоятельствами; наоборот, она определяется наибольшим количеством труда, какое по необходимости затрачивается на их производство теми, кто таких преимуществ не имеет, кто продолжает производство при самых неблагоприятных условиях; а под самыми неблагоприятными условиями следует понимать наиболее неблагоприятные из тех, при которых необходимо продолжать производство для того, чтобы было произведено требуемое*» (при прежней цене) *«количество продукта»* (стр. 60—61) [Русский перевод, том I, стр. 69].

Следовательно, в каждой *особой* отрасли производства имеется не только две, а *много норм* прибыли, т. е. много отклонений от общей нормы прибыли.

Здесь нет необходимости останавливаться на дальнейшем варианте рикардовского примера, где речь идет об эффективности различных [применяемых одна за другой] доз капитала на одной и той же земле (стр. 58—59) [Русский перевод, том I, стр. 68—69]. Необходимо отметить лишь следующие два положения:

1) «Рента всегда является разностью между продукцией, полученной при затрате двух [604] одинаковых количеств капитала и труда» (стр. 59) [Русский перевод, том I, стр. 68];

это значит, что существует только дифференциальная рента (согласно предположению, что не существует *земельной собственности*).

2) «Не может быть двух норм прибыли» (стр. 59) [Русский перевод, том I, стр. 68].

«Правда, на самой лучшей земле тот же продукт будет все еще получаться при прежней затрате труда, но стоимость его повысится вследствие того, что те, кто применяет новый труд и капитал на менее плодородной земле, получают меньше продукта. Таким образом, хотя преимущества более плодородных земель сравнительно с менее плодородными ни в коем случае не утрачиваются, а только *переходят* от земледельца или от потребителя к земельному собственнику, однако, раз для обработки худших земель требуется больше труда и *раз т о л ь к о* обработка таких земель *дает возможность получать необходимое нам добавочное количество* сырого продукта, сравнительная стоимость этого продукта будет *постоянно* держаться выше ее прежнего уровня и сделает возможным обмен его на большее количество шляп, сукна, обуви и т. д. и т. п., при производстве которых не требуется такого добавочного количества труда» (стр. 62—63) [Русский перевод, том I, стр. 70].

«Итак, причина *повышения сравнительной стоимости сырого продукта* состоит в том, что на производство последней добытой доли его затрачивается больше труда, а *не в том, что земельному собственнику уплачивается рента. Стоимость хлеба определяется* количеством труда, затрачиваемого на его производство на земле того качества или с той долей капитала, при которых не платят ренты. *Не потому хлеб дорог, что у н л а ч и в а е т с я* рента, а рента уплачивается потому, что хлеб дорог; и справедливо было замечено, что *цена хлеба нисколько не понизилась бы, даже если бы земельные собственники отказались от всей своей ренты.* Это только позволило бы некоторым фермерам жить по-барски, но не уменьшило бы количества труда, необходимого для получения сырого продукта на наименее производительной из обрабатываемых земель» (стр. 63) [Русский перевод, том I, стр. 70—71].

После данного мною выше исследования вопроса нет необходимости подробно выяснять ошибочность положения, будто «стоимость хлеба определяется количеством труда, затрачиваемого на его производство на земле того качества., при котором не платят ренты». Я показал, что — платит ли последний [по качеству] сорт земли ренту или не платит никакой ренты, платит ли он абсолютную ренту полностью или только часть ее, или же, кроме абсолютной ренты, он платит еще и дифференциальную ренту (при восходящей линии), — это зависит от части от направления развития, от того, происходит ли оно по восходящей или по нисходящей линии, и при всех условиях зависит от отношения строения земледельческого капитала к строению неземледельческого капитала. Я показал далее, что, если уж предположить наличие абсолютной ренты вследствие этой разницы в строении капиталов, указанные выше случаи зависят от состояния рынка, но что как раз тот случай, который

приводится у Рикардо, может наступить лишь при двух условиях (причем, однако, и тогда еще может уплачиваться арендная плата, хотя и не земельная рента): или если земельная собственность не существует — юридически или фактически, или если лучшая земля доставляет такое добавочное предложение, которое может найти сбыт на рынке только при понижении рыночной стоимости.

Но и помимо этого, в вышеприведенном отрывке еще немало ошибочного или одностороннего. Сырой продукт может повыситься в своей «сравнительной стоимости», означающей здесь не что иное, как рыночную стоимость, не только по указанной у Рикардо причине, но также и в том случае, если до того он продавался ниже своей стоимости, быть может даже ниже цены издержек, что всегда имеет место при определенном состоянии общества, когда производство сырого продукта служит еще главным образом для поддержания существования земледельца (а также — когда городской продукт обеспечивает себе монопольную цену, как это было в средние века); во-вторых, это может иметь место и тогда, когда еще не создано такого положения, при котором сырой продукт, *в отличие* от других товаров, продающихся по цене издержек, продается по своей стоимости.

Наконец, относительно дифференциальной ренты верно, что цена хлеба останется такой же, если земельный собственник откажется от ренты и арендатор положит эту последнюю себе в карман. По отношению к абсолютной ренте это неверно. Неверно, что здесь земельная собственность *не* повышает цену сырого продукта. Напротив, в этом случае имеет место повышение цены, так как вмешательство земельной собственности приводит к тому, что сырой продукт продается по своей *стоимости*, которая превышает его *цену издержек*. Предположим, как и раньше, что средний неземледельческий капитал равен $80c + 20v$, а прибавочная стоимость составляет 50%; тогда норма прибыли будет 10%, а стоимость продукта будет 110. Пусть, напротив, земледельческий [605] капитал равен $60c + 40v$; тогда стоимость продукта будет 120. Сырой продукт будет продаваться по этой стоимости. Если бы земельная собственность не существовала юридически — или фактически, ввиду относительного изобилия земли, как это имеет место в колониях, — то земледельческий продукт продавался бы по 115. А именно: совокупная прибыль с первого и второго капиталов (с 200) равна 30, значит средняя прибыль равна 15. Неземледельческий продукт продавался бы по 115 вместо 110, а земледельческий — по 115 вместо 120. Следовательно,

земледельческий продукт упал бы на $1/12$ в своей относительной стоимости по сравнению с неземледельческим продуктом; но для обоих капиталов, для совокупного капитала — для земледельческого и промышленного капиталов, вместе взятых, — *средняя прибыль* возросла бы на 50%, с 10 до 15. [605]

* * *

[636] *Рикардо* говорит о своем собственном понимании ренты:

«Я всегда рассматриваю ее как такой результат *частичной монополии*, который в действительности никогда не регулирует цену»

(следовательно, никогда не действует как *монополия*, а значит и не является *результатом* монополии. Результатом монополии могло бы быть для Рикардо только то, что ренту кладет себе в карман не арендатор, а собственник лучших сортов земли);

«напротив, я рассматриваю ренту скорее как следствие цены. Я придерживаюсь того мнения, что если бы *земельные собственники отказались от всякой ренты*, то товары, производимые в земледелии, не стали бы дешевле, так как всегда часть этих товаров получается с такой земли, за которую *рента не уплачивается* или не может уплачиваться, потому что *прибавочный продукт* достаточен там только для оплаты прибыли на капитал» (*Ricardo. Principles*, стр. 332—333) [Русский перевод, том I, стр. 233].

Здесь «прибавочный продукт» [*surplus produce*] представляет собой избыток над той частью продукта, которая идет на заработную плату. Утверждение Рикардо правильно только в том случае — при том именно предположении, что определенный разряд земли не платит никакой ренты, — если эта не платящая ренты земля или, вернее, ее продукт регулирует рыночную стоимость. Если же продукт этой земли не платит ренты по той причине, что рыночная стоимость регулируется более плодородной землей, то отсутствие ренты никак не может служить доказательством в пользу утверждения Рикардо.

В самом деле, если бы «земельные собственники отказались» от дифференциальной ренты, то она досталась бы арендаторам. Напротив, отказ от абсолютной ренты понизил бы цену земледельческих продуктов, а цену промышленных продуктов повысил бы настолько, насколько возросла бы в результате этого процесса средняя прибыль. [636]

* * *

[605] «Повышение ренты *всегда* является результатом роста богатства страны и *трудности снабжения* пищей ее *возросшего населения*» (стр. 65—66) [Русский перевод, том I, стр. 72].

Последняя часть этого утверждения неверна.

«Богатство быстрее всего возрастает в тех странах, где имеющаяся в распоряжении земля наиболее плодородна, где ввоз наименее ограничен, где благодаря усовершенствованиям в земледелии количество продуктов может быть умножено без увеличения приходящегося на единицу продукции количества труда и где, следовательно, рента растет медленно» (стр. 66—67) [Русский перевод, том I, стр. 72—73].

Абсолютная сумма ренты может возрастать также тогда, когда норма ренты остается без изменения, а возрастает — вместе с ростом населения — лишь вложенный в земледелие капитал; она может возрастать, когда I разряд не дает ренты, когда со II разряда уплачивается только часть абсолютной ренты, но дифференциальная рента, вследствие относительно высокого плодородия лучших разрядов земли, значительно увеличилась, и т. д. (см. таблицу *).

[3) КОНЦЕПЦИЯ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЫ» ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОДУКТА У СМИТА И РИКАРДО]

«Если бы высокая цена хлеба была следствием ренты, а не ее причиной, то цена изменялась бы пропорционально повышению или понижению ренты, и рента была бы конститутивной составной частью цены. Но регулятором цены хлеба является тот хлеб, который производится при наибольшей затрате труда, и рента не входит и ни в какой степени не может входить конститутивной составной частью в его цену... Сырой материал входит в состав большинства товаров, но стоимость этого сырого материала, как и стоимость хлеба, регулируется производительностью той доли капитала, которая, будучи приложена к земле последней, не платит никакой ренты; поэтому-то рента и не есть конститутивная составная часть цены товаров» (стр. 67) [Русский перевод, том I, стр. 73].

Здесь много путаницы вследствие смешения «естественной цены» (ибо об этой цене идет тут речь) и стоимости. Рикардо заимствовал эту путаницу у Смита. У последнего она была относительно оправдана, так как Смит отказывается — и поскольку он отказывается — от собственного правильного определения стоимости. Ни рента, ни прибыль, ни заработная плата не образуют конститутивных составных частей стоимости товара. Наоборот: при данной стоимости товара те различные части, на которые может быть разложена эта стоимость, принадлежат к категории либо накопленного труда (постоянный капитал), либо заработной платы, либо прибыли, либо ренты. Напротив, в отношении «естественной цены», или цены издержек, Смит может говорить о ее конститутивных составных

* См. вклейку между страницами 292—293. Ред.

частях как о заранее данных предпосылках. Только в результате смещения «естественной цены» и стоимости он переносит это на стоимость товара.

Кроме цены сырья и машин — короче говоря, постоянного капитала, который капиталисту в каждой особой сфере производства представляется извне данной величиной и который у каждого капиталиста входит в производство с *определенной* ценой, — капиталист должен при установлении цены своего товара учесть еще две вещи. [Во-первых] он должен прибавить *цену заработной платы*, которая также представляется ему (в известных пределах) заранее данной. Под «естественной ценой» товара подразумевается не *рыночная цена*, а средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена. Следовательно, здесь *цена заработной платы* в общем дана стоимостью рабочей силы. Что же касается [во-вторых] *нормы прибыли* — «естественной нормы прибыли», — то она дана *стоимостью* всей совокупности товаров, которую создает совокупность капиталов, применяемых в неземледельческом производстве. А именно, это — избыток совокупной стоимости всех товаров над стоимостью содержащегося в товарах постоянного капитала и стоимостью заработной платы. Совокупная прибавочная стоимость, создаваемая этим совокупным капиталом, образует абсолютную массу прибыли. Отношение этой абсолютной массы прибыли ко всему авансированному капиталу определяет общую норму прибыли. Таким образом, и эта общая норма прибыли тоже выступает — не только по отношению к отдельному капиталисту, но и по отношению к капиталу в каждой особой сфере производства — как нечто данное извне. К цене затрат на сырье и т. д., [606] которые содержатся в продукте, и к «естественной цене» заработной платы ему, следовательно, нужно прибавить общую прибыль, скажем — в 10%, чтобы в результате — как это ему неизбежно представляется — путем сложения конститутивных составных частей, или их соединения, получить «естественную цену» товара. Уплачивается ли при продаже товара его «естественная цена» или же больше или меньше ее, это зависит от существующего в данный момент уровня рыночной цены. В *цену издержек*, поскольку она отличается от *стоимости*, входят лишь заработная плата и прибыль, а рента входит лишь в той мере, в какой она уже вошла в цену затрат на сырье, машины и т. д., следовательно, не как рента с точки зрения капиталиста, которому вообще цена сырья, машин, короче — постоянного капитала, представляется как *некое целое*, предпосланное заранее.

Рента не входит, как конститутивная составная часть, в *цену издержек*. Если при особых обстоятельствах земледельческий продукт продается по своей цене издержек, то *никакой ренты не существует*. Тогда земельная собственность *экономически* не существует для капитала; а именно, она не существует в том случае, если продукт того разряда земли, который продает по цене издержек, регулирует [в смысле теории Рикардо] рыночную стоимость продукта данной сферы. (У разряда I в таблице D дело обстоит иначе ⁹¹.)

Или же (абсолютная) *рента существует*. В этом случае земледельческий продукт продается *выше* своей *цены издержек*. Он продается по своей *стоимости*, которая превышает его *цену издержек*. А в *рыночную стоимость* продукта рента входит, или, вернее, образует часть ее. Однако арендатору рента представляется заранее данной совершенно так же, как прибыль — промышленнику. Она дана в виде избытка *стоимости* земледельческого продукта над его *ценой издержек*. Но арендатор калькулирует совершенно так же, как капиталист: во-первых — затраты на постоянный капитал, во-вторых — заработная плата, в-третьих — средняя прибыль, наконец — рента, которая тоже представляется ему заранее данной. Это и есть *для него* «естественная цена», например, пшеницы. Будет ли она ему уплачена, это опять-таки зависит от состояния рынка в каждый данный момент.

Если — в соответствии с тем, как дело обстоит в действительности, — не упускать из виду *различие* между *ценой издержек* и *стоимостью*, то ясно, что рента *никогда* не может входить в цену издержек в качестве *конститутивной части* и что о конститутивных частях *речь* может идти только тогда, когда мы говорим о цене издержек в отличие от стоимости товара. (Дифференциальная рента, как и сверхприбыль, *никогда* не входит в [индивидуальную] *цену издержек*, так как она всегда есть только избыток рыночной цены издержек ⁹² над индивидуальной ценой издержек, или избыток рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью.)

Следовательно, Рикардо по существу прав, утверждая в противоположность А. Смиту, что рента *никогда* не входит в цену издержек. Но, с другой стороны, он неправ, так как доказывает это не путем различения между ценой издержек и стоимостью, а тем путем, что, вместе с А. Смитом, отождествляет их; ведь ни рента, ни прибыль, ни заработная плата не образуют *конститутивных частей стоимости*, хотя стоимость может быть разложена на заработную плату, прибыль и ренту, и притом с одинаковым правом на все эти три части, *если* они все три

существуют. Рассуждение Рикардо таково: рента не образует конститутивной части «естественной цены» земледельческого продукта, *так как* цена продукта самой худшей земли, равная *цене издержек* этого продукта и тождественная *стоимости этого продукта*, определяет рыночную стоимость земледельческого продукта; следовательно, рента не образует никакой части стоимости, потому что она не образует никакой части «естественной цены», а эта «естественная цена» равна *стоимости*. Но именно это неверно. Цена продукта, выращенного на самой худшей земле, бывает равна его *цене издержек* или тогда, когда этот продукт продается *ниже* своей стоимости, т. е. совсем не потому, что он, как говорит Рикардо, продается *по своей стоимости*; или же тогда, когда земледельческий продукт принадлежит к тому роду товаров, к тому их разряду, где, *в виде исключения*, стоимость и цена издержек *тождественны*. Это — тот случай, когда прибавочная стоимость, создаваемая в какой-нибудь особой сфере производства при затрате данного капитала, например в 100 денежных единиц, случайно совпадает с той прибавочной стоимостью, которая в среднем счете приходится на *такую же* соответственную часть совокупного капитала (например, на 100 денежных единиц). В этом, следовательно, и состоит путаница у Рикардо.

Что касается А. Смита, то, поскольку он отождествляет цену издержек и стоимость, он, исходя из этой ошибочной предпосылки, имеет право сказать, что рента, а равно и прибыль и заработная плата образуют «конститутивные части естественной цены». Напротив, непоследовательностью с его стороны является то, что в дальнейшем изложении он тем не менее утверждает, что рента не входит таким же образом в «естественную цену», как заработная плата и прибыль. В эту непоследовательность он впадает потому, что наблюдение и правильный анализ приводят его все же к признанию того, что существует некоторое различие в определении «естественной цены» неземледельческого продукта и рыночной стоимости земледельческого продукта. Но подробнее об этом будет сказано тогда, когда мы будем говорить о теории ренты Смита.

[4] ВЗГЛЯДЫ РИКАРДО НА УЛУЧШЕНИЯ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ. НЕПОНИМАНИЕ ИМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗМЕНЕНИЙ В ОРГАНИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО КАПИТАЛА]

[607] «Мы видели, что с каждой долей добавочного капитала, которую становится необходимым приложить к земле в условиях, дающих на ту же затрату меньшее количество продукта, рента повышается».

(Но не каждая доля добавочного капитала дает на ту же затрату меньшее количество продукта.)

«Из тех же самых принципов следует, что все те обстоятельства в жизни общества, которые делают ненужным приложение к земле прежнего количества капитала и которые поэтому делают более производительной последнюю вложенную долю капитала, будут понижать ренту» (стр. 68) [Русский перевод, том I, стр. 73].

Т. е. они будут понижать абсолютную ренту, но не обязательно дифференциальную ренту (см. таблицу В).

Таковыми обстоятельствами могут быть «уменьшение капитала страны», сопровождаемое уменьшением населения, но также и более высокое развитие производительных сил земледельческого труда:

«Однако такие же результаты могут получиться при увеличении богатства и населения страны, если это увеличение сопровождается такими явными усовершенствованиями в земледелии, которые вызывают тот же самый результат — уменьшение необходимости возделывать более бедные земли или затрачивать прежнее количество капитала на возделывание более плодородных участков» (стр. 68—69) [Русский перевод, том I, стр. 74].

(Странным образом Рикардо забывает здесь о таких усовершенствованиях, которые имеют своим результатом улучшение качества более бедных земель и превращение их в более богатые земли — точка зрения, преобладающая у Андерсона.)

Весьма неправильно следующее положение Рикардо:

«Если население не увеличивается, то не может быть спроса на добавочное количество хлеба» (стр. 69) [Русский перевод, том I, стр. 74].

Не говоря уже о том, что с падением цены хлеба возникает добавочный спрос на другие сырые продукты: овощи, мясо и пр., и что из хлеба можно делать водку и пр., — Рикардо здесь исходит из предположения, что все население потребляет столько хлеба, сколько ему хочется. Это неверно.

{«Громадное увеличение нашего потребления в 1848, 1849, 1850 гг. показывает, что до этого у нас было *недоедание* и что цены удерживались на высоком уровне вследствие недостаточного предложения» (*Newman, F. W. Lectures on Political Economy. London, 1851, стр. 158*).

Тот же Ньюмен говорит:

«Аргумент Рикардо, что рента не может повышать цену, основывается на предположении, что обладание возможностью требовать ренту в действительности никогда не может *уменьшить предложение*. Но почему же не может? Имеются обширные пространства земли, которые тотчас же были бы взяты под обработку, если бы за них не требовали ренты, и которые *искусственно оставляются невозделанными* либо потому, что земельные собственники могут выгодно сдавать их в аренду как место для охоты, либо

потому, что они предпочитают романтическую дикость незначительной номинальной ренте, которую они только и могли бы получать, разрешая возделывать эти земли» (стр. 159).}

Ведь вообще неверно, будто земельный собственник, в случае изъятия своей земли из производства хлеба, не может получать за нее ренту: он может получать ренту, превратив свою землю в пастбище или строительные участки или, как это имеет место в некоторых районах горной Шотландии, в искусственные леса для охоты.

Рикардо различает двоякого рода улучшения в земледелии. *Один род улучшений*

«увеличивает производительные силы земли... Таков, например, более рациональный севооборот или лучший подбор удобрений. Эти улучшения безусловно позволяют нам получать то же самое количество продуктов с меньшей площади земли» (стр. 70) [Русский перевод, том I, стр. 74—75].

В этом случае, по мнению Рикардо, рента *должна падать*.

«Если, например, вкладываемые одна за другой доли капитала дают 100, 90, 80, 70 кварталов, то, пока я затрачиваю эти чегыре доль, моя рента будет составлять 60 кварталов, или разность между

$$\left. \begin{array}{r} 70 \text{ и } 100 = 30 \\ 70 \text{ и } 90 = 20 \\ 70 \text{ и } 80 = 10 \\ \hline 60 \end{array} \right\} , \text{ а продукт составит } \left\{ \begin{array}{r} 100 \\ 90 \\ 80 \\ 70 \\ \hline 340 \text{ кварталов;} \end{array} \right.$$

и пока я затрачиваю эти доли, *рента останется прежней*, даже если бы продукт каждой доли капитала увеличился на *одинаковое* количество кварталов».

(Если бы продукт увеличился на *неодинаковое* количество кварталов, то рента, *несмотря на возросшее* плодородие, могла бы *возрасти*.)

«Если бы продукт увеличился до 125, 115, 105 и 95 кварталов — вместо 100, 90, 80, 70, — то рента по-прежнему равнялась бы 60 квартерам, или разности между

$$\left. \begin{array}{r} [608] \text{ 95 и } 125 = 30 \\ \text{95 и } 115 = 20 \\ \text{95 и } 105 = 10 \\ \hline 60 \end{array} \right\} , \text{ тогда как продукт } \left\{ \begin{array}{r} 125 \\ 115 \\ 105 \\ 95 \\ \hline 440. \end{array} \right.$$

увеличился бы до
440 кварталов:

Однако при таком возрастании продукта, *без возрастания* спроса, не было бы побуждения прилагать столько капитала к земле; одна доля капитала была бы изъята, и, следовательно, последняя доля его давала

бы 105 кварталов, а не 95, и рента упала бы до 30 кварталов, или до разности между

$$\begin{array}{rcl}
 105 \text{ и } 125 = 20 & & \\
 105 \text{ и } 115 = 10 & & \\
 \hline
 30 & \left. \begin{array}{l} \text{, тогда как продукта все} \\ \text{еще было бы достаточно} \\ \text{для нужд населения, по-} \\ \text{тому что он составлял бы} \\ \text{345 кварталов:} \end{array} \right\} & \begin{array}{r} 125 \\ 115 \\ 105 \\ \hline 345 \end{array}
 \end{array}$$

(стр. 71—72) [Русский перевод, том I, стр. 75—76].

Не говоря уже о том, что при падающей цене спрос может увеличиваться и *без роста* населения (Рикардо сам предполагает, что в приводимом им примере спрос увеличился на 5 кварталов), — Рикардо потому ведь и исходит из предпосылки о постоянном переходе к менее плодородным землям, что население ежегодно возрастает, т. е. возрастает та часть населения, которая потребляет зерно, питается хлебом, и эта часть растет быстрее, чем все население в целом, так как хлеб является главным средством питания для большей части населения. Поэтому совсем не *обязательно* предполагать, что рост производительности [земледельческого] капитала не сопровождается возрастанием спроса и что рента, следовательно, при этом падает. Рента может увеличиться, если улучшение земледелия неодинаково отразилось на разнице в степени плодородия различных разрядов земли.

В остальном не подлежит сомнению (таблицы *B* и *E*), что увеличение плодородия — при неизменном спросе — может не только вытеснить с рынка наихудшую землю, но даже заставить изъять из производства хлеба и часть того капитала, который вложен в более плодородную землю (таблица *B*). В этом случае *хлебная рента падает*, если увеличение продукта в различных разрядах земли является *одинаковым*.

Затем Рикардо переходит ко второму роду *улучшений в земледелии*:

«Но бывают улучшения, которые могут понизить относительную стоимость продукта, не понижая *хлебной ренты*, хотя они и понижают *денежную земельную ренту*. Такие улучшения не увеличивают производительных сил земли, но позволяют нам получать ее продукт с *меньшей затратой труда*. Они направлены скорее на *то, из чего состоит капитал, прилагаемый к земле*, чем на *самые методы возделывания земли*. Такой характер носят *усовершенствования земледельческих орудий*, например плуга и молотилки, экономия в использовании лошадей в сельском хозяйстве и лучшее знание ветеринарного искусства. Благодаря этому к земле прилагается *меньше капитала*, или, что то же самое, *меньше труда*; но для получения того же количества продуктов нужно обрабатывать *то же самое, а не меньшее количество земли*. Отражаются ли, тем не менее, этого рода улучшения на *хлебной ренте*, зависит от того, возрастает ли, остается ли без

изменений или же уменьшается разница в продукте, получаемом при применении различных долей капитала».

{Это Рикардо должен был бы признать и при *естественном плодородии земель*. Уменьшает ли переход к новым разрядам земель дифференциальную ренту, оставляет ли он ее без изменений или же повышает, — зависит от того, возрастает ли, остается ли без изменений или же уменьшается разница в продукте капитала, применяемого на этих землях различного плодородия.}

«Если к земле прилагаются четыре доли капитала — 50, 60, 70, 80, каждая из которых дает *одинаковые результаты*, и если какое-нибудь улучшение в составе такого капитала дает мне возможность изъять 5 из каждой доли, так что они будут составлять лишь 45, 55, 65 и 75, то в хлебной ренте не произойдет никакого изменения. Но если эти улучшения таковы, что дают мне возможность все сбережения произвести только в той доле капитала, которая прилагается наименее производительно, то хлебная рента сейчас же упадет, так как уменьшится разница между наиболее производительным и [609] наименее производительным капиталами, а *эта-то разница и образует ренту*» (стр. 73—74) [Русский перевод, том I, стр. 76].

Это верно для *дифференциальной ренты*, которая одна только и существует у Рикардо.

Напротив, действительного вопроса Рикардо совсем не затрагивает. При решении этого вопроса речь идет не о том, что понижается стоимость отдельного квартера, а также и не о том, нужно ли обрабатывать то же *количество земли*, то же количество тех же самых разрядов земли, как и прежде; а о том, связано ли с *удешевлением постоянного капитала*, — который, согласно предположению, стоит теперь меньшего труда, — *уменьшение, увеличение или сохранение прежнего размера* применяемого в земледелии количества непосредственного труда. Коротче, происходит ли в капитале органическое изменение или нет.

Возьмем наш пример, представленный таблицей А (стр. 574, тетрадь XI) *, и вместо тонн угля поставим кварталы пшеницы.

Здесь предполагается, что строение неземледельческого капитала = $80c + 20v$, строение земледельческого капитала = $60c + 40v$ и что норма прибавочной стоимости в обоих случаях = 50%. Поэтому [абсолютная] рента с земледельческого капитала, или избыток стоимости его продукта над его ценой издержек, составляет 10 ф. ст. Таким образом, мы имели бы следующее:

* См. вклейку между страницами 292—293. Ред.

Разряд	Капитал ф. ст.	Квартеры хлеба	Рыночная стоимость со- вокупн. про- дукта ф. ст.	Рыночная стоимость квартира ф. ст.	Индивиду- альная стоимость квартира	Дифферен- циальная стоимость квартира
I	100	60	120	2	2 ф. ст. $\approx$ 40 ш.	0
II	100	65	130	2	$1^{11}/_{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16^{12}/_{13}$ ш.	$2^{1}/_{13}$ ф. ст. = $3^{1}/_{13}$ ш.
III	100	75	150	2	$1^{3}/_{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 12 ш.	$2^{2}/_{5}$ ф. ст. = 8 ш.
Итого	300	200	400			

	Цена издержек на квартиру	Абсол. рента ф. ст.	Диффер. рента ф. ст.	Абсол. рента в квартирах	Диффер. рента в квар- терах	Общая сум- ма ренты ф. ст.	Общая сум- ма ренты в квартирах
I	$1^{5}/_{6}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $16^{2}/_{3}$ ш.	10	0	5	0	10	5
II	$1^{9}/_{13}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $13^{11}/_{13}$ ш.	10	10	5	5	20	10
III	$1^{7}/_{15}$ ф. ст. = 1 ф. ст. $9^{1}/_{3}$ ш.	10	30	5	15	40	20
Итого		30	40	15	20	70	35

Для исследования проблемы в чистом виде необходимо предположить, что удешевление *постоянной [части земледельческого] капитала* (100 ф. ст.) во всех трех разрядах оказывает *одинаковое* влияние на *величину капитала, применяемого в разрядах I, II, III*; ибо *неодинаковое* влияние затрагивает лишь дифференциальную ренту и не имеет никакого отношения к занимающему нас вопросу. Итак, предположим, что благодаря *улучшениям* та же масса капитала, которая прежде стоила 100 ф. ст., теперь стоит лишь 90 ф. ст., т. е. что ее стоимость уменьшилась на $1^{1}/_{10}$, или на 10%. Тогда спрашивается, как отразились эти улучшения на строении земледельческого капитала?

Если соотношение между капиталом, затрачиваемым на заработную плату, [и постоянным капиталом] остается прежним и если 100 ф. ст. распадаются на $60c + 40v$, то 90 ф. ст. распадаются на $54c + 36v$, и в этом случае стоимость 60 квартир, произведенных на земле I разряда, составит 108 ф. ст. Если же *удешевление* выразилось в том, что постоянный капитал, стоивший прежде 60 ф. ст., теперь стоит всего только 54, а v (или капитал, затрачиваемый на заработную плату), вместо 36, стоит всего лишь $32^{2}/_{5}$ ф. ст. (уменьшение еще на $1^{1}/_{10}$), то вместо 100 ф. ст. затрачено было бы $86^{2}/_{5}$. Строение этого капитала было бы $54c + 32^{2}/_{5}v$, а при расчете на 100 строение было бы

Разряд	Капитал ф. ст.	Квартеры хлеба	Рыночная со- стоимость про- дукта ф. ст.	Рыночная стоимость квартира	Индиви- дуальная стоимость квартира	Дифферен- циальная стоимость квартира	Цена издержек на квартал
A							
I	100	60	120	2 ф. ст. = = 40 ш.	2 ф. ст. = = 40 ш.	0	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.
II	100	65	130	2 ф. ст. = = 40 ш.	$1\frac{11}{13}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $16\frac{12}{13}$ ш.	$\frac{2}{13}$ ф. ст. = = $3\frac{1}{13}$ ш.	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ ш.
III	100	75	150	2 ф. ст. = = 40 ш.	$1\frac{3}{5}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. 12 ш.	$\frac{2}{5}$ ф. ст. = = 8 ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.
Итого	300	200	400				
B							
I	90	60	108	$1\frac{4}{5}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. 16 ш.	$1\frac{4}{5}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. 16 ш.	0	$1\frac{39}{60}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. 13 ш.
II	90	65	117	$1\frac{4}{5}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. 16 ш.	$1\frac{43}{65}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $13\frac{3}{13}$ ш.	$\frac{9}{65}$ ф. ст. = = $2\frac{10}{13}$ ш.	$1\frac{34}{65}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $10\frac{6}{13}$ ш.
III	90	75	135	$1\frac{4}{5}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. 16 ш.	$1\frac{11}{25}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $8\frac{4}{5}$ ш.	$\frac{9}{25}$ ф. ст. = = $7\frac{1}{5}$ ш.	$1\frac{8}{25}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $6\frac{2}{5}$ ш.
Итого	270	200	360				
C							
I	$86\frac{2}{5}$	60	$102\frac{3}{5}$	$1\frac{71}{100}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $14\frac{1}{5}$ ш.	$1\frac{71}{100}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $14\frac{1}{5}$ ш.	0	$1\frac{73}{125}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $11\frac{17}{25}$ ш.
II	$86\frac{2}{5}$	65	$111\frac{13}{20}$	$1\frac{71}{100}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $14\frac{1}{5}$ ш.	$1\frac{188}{325}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $11\frac{37}{65}$ ш.	$\frac{171}{1300}$ ф. ст. = = $2\frac{41}{65}$ ш.	$1\frac{751}{1625}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $9\frac{79}{325}$ ш.
III	$86\frac{2}{5}$	75	$128\frac{1}{4}$	$1\frac{71}{100}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $14\frac{1}{5}$ ш.	$1\frac{146}{125}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $7\frac{9}{25}$ ш.	$\frac{171}{500}$ ф. ст. = = $6\frac{21}{25}$ ш.	$1\frac{167}{625}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $5\frac{43}{125}$ ш.
Итого	$259\frac{1}{5}$	200	342				
D							
I	90	60	110	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	0	$1\frac{13}{20}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. 13 ш.
II	90	65	$119\frac{1}{6}$	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{9}{13}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $13\frac{11}{13}$ ш.	$\frac{11}{78}$ ф. ст. = = $2\frac{32}{39}$ ш.	$1\frac{34}{65}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $10\frac{6}{13}$ ш.
III	90	75	$137\frac{1}{2}$	$1\frac{5}{6}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $16\frac{2}{3}$ ш.	$1\frac{7}{15}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $9\frac{1}{3}$ ш.	$\frac{11}{30}$ ф. ст. = = $7\frac{1}{3}$ ш.	$1\frac{8}{25}$ ф. ст. = = 1 ф. ст. $6\frac{2}{5}$ ш.
Итого	270	200	$366\frac{2}{3}$				

Абсол. рента ф. ст.	Диффер. рента ф. ст.	Абсол. рента в квартарах	Диффер. рента в квар- терах	Общая сумма ренты ф. ст.	Общая сумма ренты в квар- терах	[Строение капитала и норма абсолютной ренты]
10	0	5	0	10	5	$60c + 40v$ для сельскохозяйственного капитала в 100 ф. ст.
10	10	5	5	20	10	$80c + 20v$ для промышленного капитала в 100 ф. ст.
10	30	5	15	40	20	Абсолютная рента — 10%
30	40	15	20	70	35	
9	0	5	0	9	5	$54c + 36v$ для сельскохозяйственного капитала в 90 ф. ст.
9	9	5	5	18	10	$60c + 40v$ для сельскохозяйственного капитала в 100 ф. ст.
9	27	5	15	36	20	Абсолютная рента — 10%
27	36	15	20	63	35	
$7^{14}/_{25}$	0	$4^{8}/_{19}$	0	$7^{14}/_{25}$	$4^{8}/_{19}$	$54c + 32^{2}/_{5}v$ для сельскохозяйственного капитала в $86^{2}/_{5}$ ф. ст.
$7^{14}/_{25}$	$8^{11}/_{20}$	$4^{8}/_{19}$	5	$16^{11}/_{100}$	$9^{8}/_{19}$	$62^{1}/_{2}c + 37^{1}/_{2}v$ для сельскохозяйственного капитала в 100 ф. ст.
$7^{14}/_{25}$	$25^{13}/_{20}$	$4^{8}/_{19}$	15	$33^{21}/_{100}$	$19^{3}/_{19}$	Стоимость продукта капитала в 100 ф. ст. — $118^{3}/_{4}$ ф. ст.
						Следовательно, абсолютная рента — $8^{3}/_{4}\%$
$22^{17}/_{25}$	$34^{1}/_{5}$	$13^{5}/_{19}$	20	$56^{22}/_{25}$	$33^{5}/_{19}$	
11	0	6	0	11	6	$50c + 40v$ для сельскохозяйственного капитала в 90 ф. ст.
11	$9^{1}/_{6}$	6	5	$20^{1}/_{6}$	11	$55^{5}/_{9}c + 44^{4}/_{9}v$ для сельскохозяйственного капитала в 100 ф. ст.
11	$27^{1}/_{2}$	6	15	$38^{1}/_{2}$	21	Стоимость продукта капитала в 100 ф. ст. — $122^{2}/_{9}$ ф. ст.
						Абсолютная рента — $12^{2}/_{9}\%$
33	$36^{2}/_{3}$	18	20	$69^{2}/_{3}$	38	

$62\frac{1}{2}s + 37\frac{1}{2}v$. При этих условиях стоимость 60 кварталов в I разряде составила бы $102\frac{3}{5}$ ф. ст. Предположим, наконец, что, хотя стоимость постоянного капитала уменьшилась, капитал, затрачиваемый на заработную плату, остался по своей абсолютной величине *неизменным*, следовательно — возрос *по отношению* к постоянному капиталу, так что затраченный капитал в 90 ф. ст. распадается на $50s + 40v$, а строение его при расчете на 100 будет $55\frac{5}{9}s + 44\frac{4}{9}v$.

Посмотрим теперь, как во всех этих трех случаях обстоит дело с хлебной и денежной рентой. В случае *B* соотношение между *s* и *v* остается без изменения, хотя стоимость обоих уменьшается. В случае *C* [610] стоимость *s* уменьшается, но относительно в еще большей степени уменьшается стоимость *v*. В случае *D* уменьшается только стоимость *s*, а стоимость *v* остается без изменения.

Сперва мы повторим [под буквой *A*] первоначальную таблицу, изображенную на предыдущей странице * [а затем сопоставим с ней новые таблицы *B*, *C* и *D*, иллюстрирующие указанные выше случаи изменений в стоимости органических составных частей земледельческого капитала] **.

* * *

[611] Из приведенной [на стр. 356—357 сводной] таблицы мы видим:

Первоначально, в случае *A*, соотношение [между органическими составными частями земледельческого капитала] было $60s + 40v$; капитал, вложенный в каждый разряд, составлял 100 ф. ст. Рента, выраженная в деньгах, равнялась 70 ф. ст., а рента, выраженная в хлебе, — 35 квартерам.

В случае *B* постоянный капитал подешевел, так что в каждый разряд вкладывается лишь 90 ф. ст., но соответственно подешевел и переменный капитал, так что *соотношение* остается тем же самым. Здесь *денежная рента* понижается, *хлебная рента* остается той же самой; *абсолютная рента* ⁹³ *остается той же*. Денежная рента уменьшается потому, что уменьшается вложенный капитал. Хлебная рента остается той же самой потому, что при затрате меньшего количества денег на каждую денежную единицу производится большее количество хлеба с прежним распределением его по разрядам.

* См. настоящее издание, часть II, стр. 355. Ред.

** Далее в рукописи идут помещенные одна под другой таблицы *A*, *B*, *C*, *D*, которые во второй части настоящего издания напечатаны на стр. 356—357. Некоторые графы в таблицах *C* и *D* остались в рукописи незаполненными. Недостающие в них цифры проставлены редакцией. Отсутствующий в рукописи заголовок последней графы («Строение капитала и норма абсолютной ренты») добавлен редакцией на основании содержания этой графы. Ред.

В случае *C* мы имеем удешевление постоянного капитала; но в еще большей степени уменьшается v , так что постоянный капитал относительно дорожает. Абсолютная рента падает. Падает и хлебная рента и денежная рента. Денежная рента падает потому, что капитал вообще значительно уменьшился, а хлебная рента падает потому, что абсолютная рента упала, тогда как различия между разрядами остались без изменения, так что все [хлебные ренты всех разрядов] падают одинаково.

А в таблице *D* имеет место совершенно противоположный случай. Падает только постоянный капитал, тогда как переменный капитал остается тем же самым. Такова была предпосылка Рикардо. В этом случае, вследствие уменьшения капитала, денежная рента падает совершенно незначительно по своей абсолютной величине (только на $\frac{1}{3}$ ф. ст.), но значительно возрастает по отношению к затраченному капиталу. Напротив, хлебная рента возрастает по своей абсолютной величине. Почему? Потому, что абсолютная рента увеличилась с 10 до $12\frac{2}{9}\%$, а это произошло в результате возрастания v по отношению к c .

Итак, мы имеем следующее:

	Капитал	Норма абсол. rentы	Абсол. рен- та ф. ст.	Диффер. рента ф. ст.	Абсол. рен- та в кварте- рах	Диффер. рента в квар- терах	Общая сум- ма ренты ф. ст.	Общая сум- ма ренты в квартерах
A	$60c + 40v$	10%	30	40	15	20	70	35
B	$54c + 36v$ ($60c + 40v$)	10%	27	36	15	20	63	35
C	$54c + 32\frac{2}{5}v$ ($62\frac{1}{2}c +$ $+ 37\frac{1}{2}v$)	$8\frac{3}{4}\%$	$22\frac{17}{25}$	$34\frac{1}{5}$	$13\frac{5}{19}$	20	$56\frac{22}{25}$	$33\frac{5}{19}$
D	$50c + 40v$ ($55\frac{5}{9}c +$ $+ 44\frac{1}{9}v$)	$12\frac{2}{9}\%$	33	$36\frac{2}{3}$	18	20	$69\frac{2}{3}$	38

* * *

Рикардо продолжает:

«Все, что уменьшает разницу в продукте, получаемом от последовательных долей капитала, прилагаемых к той же или новой земле, имеет тенденцию понижать ренту, а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию повышать ее» (стр. 74) [Русский перевод, том I, стр. 77].

Эта разница может увеличиться и тогда, когда капитал изымается из земледелия, когда плохая земля становится более плодородной или даже когда менее плодородная земля вытесняется с рынка.

{*Земельный собственник и капиталист.* Газета «Morning Star»⁹⁴ от 15 июля 1862 г. — в передовой статье, посвященной вопросу о том, чьей обязанностью является (добровольно или по принуждению) поддерживать рабочих хлопчатобумажной промышленности Ланкашира и т. д., находящихся в бедственном положении вследствие хлопкового голода и Гражданской войны в Америке, — пишет:

«Эти люди имеют законное право на поддержку за счет той собственности, которую они создали, главным образом, своим трудом... Говорят, что те люди, которые благодаря хлопчатобумажной промышленности приобрели большие состояния, в первую очередь обязаны выступить с щедрой помощью. Нет никакого сомнения, что это верно... Та часть из них, которая занимается торговлей и промышленностью, так и делает... Но является ли она единственным классом, нажившим состояние на хлопчатобумажной промышленности? Конечно, нет. Земельные собственники Ланкашира и Северного Чешира получили огромную долю в созданном таким путем богатстве. И у этих собственников было то особое преимущество, что они получили долю в богатстве, не оказывая — ни своими руками, ни своей мыслью — никакого содействия той промышленности, которая создала это богатство... Фабрикант отдал свой капитал, свое умение, свою неусыпную бдительность для [612] создания этой большой промышленности, испытывающей ныне такие тяжелые потрясения; фабричный рабочий отдал свое умение, свое время и свой физический труд; а что дали земельные собственники Ланкашира? Решительно ничего, в буквальном смысле ничего; и тем не менее они получили от всего этого больше существенных выгод, чем какой-либо другой класс... Не подлежит никакому сомнению, что увеличение годового дохода этих крупных лендлордов, обусловленное одной только этой причиной, огромно: их доход увеличился, по всей вероятности, не менее чем в три раза».

Капиталист является прямым эксплуататором рабочих, он не только прямым образом присваивает *прибавочный труд*, но и прямо-таки вызывает его к жизни. Но так как для капиталиста-промышленника это может происходить лишь посредством производства и в процессе производства, то он сам является носителем функций этого производства, его руководителем. Напротив, лендлорд обладает в земельной собственности (для абсолютной ренты) и в природном различии разрядов земель (дифференциальная рента) такой привилегией, которая дает ему возможность класть в карман часть этого прибавочного труда или прибавочной стоимости, хотя он не принимает никакого участия в деле руководства этим прибавочным трудом, в деле создания этой прибавочной стоимости. Поэтому, когда происходят коллизии, капиталист рассматривает земельного собственника просто как излишний и вредный нарост, как сибаритствующего паразита капиталистического производства, как вошь, гнездящуюся в его, капиталиста, шкуре.}

Глава 3-я называется «О ренте с рудников».

Здесь опять говорится:

«Эта рента» (рента с рудников), «подобно ренте с земли, есть следствие, а никак не причина, *высокой стоимости* их продукта» (стр. 76) [Русский перевод, том I, стр. 78].

Что касается абсолютной ренты, то она не является ни следствием, ни причиной «*высокой стоимости*» — она есть следствие избытка стоимости над ценой издержек. То обстоятельство, что этот избыток уплачивается за продукт рудника или земли и что таким образом получается абсолютная рента, есть следствие не этого *избытка*, — потому что такого рода избыток имеется налицо в целом ряде отраслей производства, где он не входит в цену продукта этих отраслей, — а есть следствие *собственности на землю*.

Относительно *дифференциальной ренты* можно сказать, что она является следствием «*высокой стоимости*», если под «высокой стоимостью» понимать тот избыток рыночной стоимости продукта над его действительной, или индивидуальной, стоимостью, который имеет место у относительно более продуктивных разрядов земель или рудников.

Что под «меновой стоимостью», регулирующей цену продукта самой бедной земли или самого бедного рудника, Рикардо понимает не что иное, как *цену издержек*, а под последней не что иное, как затраты плюс обычная прибыль, и что он ошибочно отождествляет эту цену издержек с действительной стоимостью, — это явствует также и из следующего места:

«Металл, добываемый из самого бедного рудника, находящегося в разработке, должен по меньшей мере иметь такую меновую стоимость, которая не только покрывала бы все издержки по снабжению одеждой, пищей и другими предметами жизненной необходимости всех, занятых его добыванием и доставкой на рынок, *но, кроме того, давала бы обычную среднюю прибыль* тому, кто авансирует капитал, необходимый для ведения предприятия. Выручка на капитал, получаемая с беднейшего рудника, не платящего ренты, будет регулировать ренту всех других, более производительных рудников. *Предполагается, что этот рудник дает обычную прибыль на капитал. Все, что другие рудники производят сверх нее*, необходимым образом будет уплачиваться их собственникам в качестве ренты» (стр. 76—77) [Русский перевод, том I, стр. 78].

Здесь, стало быть, сказано прямо: рента есть *избыток цены* («меновая стоимость» здесь *то же самое, что цена*) *земледельческого продукта над его ценой издержек*, т. е. над стоимостью авансированного капитала плюс обычная (средняя) прибыль на капитал. Следовательно, если *стоимость* земледельческого продукта выше его цены издержек, то он может оплачивать ренту вне всякой зависимости от различия земель, и тогда

самая бедная земля и самый бедный рудник могут уплачивать такую же абсолютную ренту, как и самые богатые. Если бы *стоимость* земледельческого продукта не превышала его цену издержек, то рента могла бы проистекать только из избытка рыночной стоимости над действительной стоимостью продукта, получаемого с относительно более плодородных земель и т. д.

«Если бы с помощью равных количеств труда, при равных количествах основного капитала, из рудника, не платящего ренты, всегда добывались равные количества золота, .. то количество» (добываемого золота) «увеличивалось бы вместе со спросом, но стоимость его оставалась бы неизменной» (стр. 79) [Русский перевод, том I, стр. 79—80].

То, что имеет силу для золота и рудников, имеет силу также для хлеба и земли. Следовательно, если бы всегда эксплуатировались одинаковые разряды земли и если бы они при одинаковых затратах труда всегда давали одинаковый продукт, [613] то *стоимость* фунта золота или квартера пшеницы оставалась бы неизменной, хотя количество их увеличивалось бы вместе со *спросом*. Значит, *возросла бы и их рента* (сумма, а не норма ренты) без какого-либо изменения в цене продукта. Применялось бы больше капитала, однако все время с неизменной производительностью. Это — одна из важных причин возрастания абсолютной суммы ренты, совершенно независимо от повышения цены продукта, а потому и без соответственного изменения в рентах, уплачиваемых продуктом различных земель и рудников.

[5) РИКАРДОВСКАЯ КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ СМИТА НА РЕНТУ И НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ МАЛЬТУСА]

Глава 24-я книги Рикардо называется «Учение Адама Смита о земельной ренте».

Эта глава очень важна для понимания различия между Рикардо и А. Смитом. Более глубокое выяснение этого различия (в отношении А. Смита) мы отложим, поскольку *ex professo* * учение Смита мы рассмотрим после учения Рикардо.

Рикардо начинает с того, что цитирует одно место из А. Смита, где тот, по мнению Рикардо, правильно определяет, когда цена земледельческого продукта дает ренту и когда она ренты не дает. Но затем Смит, как указывает Рикардо, снова утверждает, что некоторые продукты земли, например предметы питания, должны всегда давать ренту.

По этому поводу Рикардо делает следующее замечание, и это важно для него, для Рикардо:

* — специально. Ред.

«Я полагаю, что во всякой стране, от наименее культурной до самой цивилизованной, существует пока еще земля такого качества, что она не в состоянии *давать продукт, стоимость которого была бы более чем достаточна* для возмещения затраченного на него капитала и для оплаты *средней и обычной* в данной стране *прибыли*. Все мы знаем, что так обстоит дело в *Америке*, и тем не менее никто не утверждает, что принципы, регулирующие ренту, в Америке иные, чем в Европе» (стр. 389—390) [Русский перевод, том I, стр. 269].

Принципы эти, без сомнения, очень существенно «иные». Там, где *не существует земельной собственности* — фактически или юридически, — не может быть абсолютной земельной ренты. Абсолютная рента, а не дифференциальная, есть адекватное выражение земельной собственности. Сказать, что *одни и те же* принципы регулируют земельную ренту там, где существует земельная собственность, и там, где ее нет, — значит утверждать, что *экономическая форма земельной собственности* не зависит от того, существует ли земельная собственность или не существует.

Что, далее, должно означать, что «существует земля такого качества, что она не в состоянии давать продукт, *стоимость* которого была бы более чем *достаточна* для возмещения капитала... и для оплаты *обычной прибыли*»? Если то же самое количество труда производит 4 квартера, то продукт не имеет большей стоимости, чем тогда, когда оно производит 2 квартера, хотя стоимость одного квартера в одном случае вдвое больше, чем в другом. Дает ли продукт ренту или нет, абсолютно не зависит, следовательно, от величины этой «стоимости» продукта, как таковой. Продукт может давать ренту только тогда, когда его стоимость выше его цены издержек, которая регулируется ценой издержек всех других продуктов, или, другими словами, регулируется тем количеством неоплаченного труда, которое капитал размером в 100 денежных единиц присваивает в среднем в каждой отрасли производства. Но превышает ли стоимость продукта его цену издержек, это зависит вовсе не от абсолютной величины его стоимости, а от строения применяемого при его производстве капитала в сравнении со средним строением капитала, применяемого в неземледельческом производстве.

«Но даже если бы было верно, что земледелие в Англии достигло такой высокой ступени развития, при которой уже совсем не имеется больше земель, не приносящих ренты, то не менее верно, что прежде такие земли должны были существовать. Впрочем, вопрос о том, существуют ли такие земли или нет, в данном случае не имеет никакого значения; ибо если в Великобритании имеется какой-либо капитал, который, будучи вложен в землю, лишь возмещает затраченную сумму плюс *обычная прибыль* на капитал, то решительно все равно, затрачивается ли он на старой или на новой земле. Арендую участок земли на 7 или 14 лет, фермер намерен

вложить в него капитал в 10 000 ф. ст., так как он знает, что при существующих ценах на зерно и сырье он в состоянии возместить себе подлежащий израсходованному капитал, уплатить ренту и получить обычную норму прибыли. Но он не вложит 11 000 ф. ст., если не может применить последнюю тысячу фунтов стерлингов так производительно, чтобы она дала ему обычную прибыль на капитал. *Подсчитывая, стоит ли ему затратить дополнительный капитал или нет, он обращает внимание только на то, достаточно ли цена сырого продукта для возмещения с прибылью его расходов, так как он знает, что ему не придется платить дополнительную ренту.* Даже по окончании срока аренды его рента не будет повышена; ибо если бы земельный собственник захотел повысить ренту на том основании, что фермером вложен дополнительный капитал в 1000 ф. ст., то фермер изъясил бы этот капитал, так как, согласно предположению, фермер, вложив этот капитал, получит только обычную среднюю прибыль, которую он может получить и при всяком другом употреблении капитала. Поэтому фермер *не может согласиться платить за него ренту, пока цена сырого продукта не повысится, или, что сводится к тому же, пока не понизится обычная общая норма прибыли*» (стр. 390—391) [Русский перевод, том I, стр. 269—270].

Здесь Рикардо признаёт, что и наихудшая земля *может* приносить ренту. Как объясняет он это? Вторая доза капитала, примененная на наихудшей земле для создания добавочного предложения, которое становится необходимым вследствие [614] добавочного спроса, дает возможность возместить цену издержек только при повышении цены хлеба. Следовательно, первая доза капитала будет теперь давать избыток над этой ценой издержек, т. е. ренту. Дело обстоит, стало быть, так: уже до применения второй дозы *первая доза на наихудшей земле* дает ренту, потому что рыночная стоимость превышает цену издержек. Следовательно, вопрос заключается лишь в том, должна ли рыночная стоимость *превышать* к тому же и стоимость продукта наихудшей земли или же, напротив, не имеем ли мы здесь такого положения, что *стоимость* продукта *превышает* его *цену издержек* и что повышение цены только сделало возможной продажу этого продукта по *его стоимости*.

Далее: почему *цена* должна стоять на таком уровне, что она оказывается равной цене издержек, т. е. авансированному капиталу плюс средняя прибыль? Это получается в результате конкуренции капиталов в различных отраслях производства, в результате перенесения капитала из одной отрасли производства в другую, следовательно — в результате воздействия капитала на капитал. Но посредством какого воздействия может капитал принудить земельную собственность к тому, чтобы продукт продавался не по его стоимости, а ниже ее — по цене издержек? Изъятие капитала из земледелия не может дать такого эффекта, если оно не сопровождается падением спроса на сельскохозяйственные продукты. Изъятие капитала привело бы тогда к противо-

положному результату, взвинтило бы рыночную цену сельскохозяйственных продуктов выше их стоимости. Перенесение нового капитала в земледелие точно так же ничего не может сделать в этом отношении. Ибо взаимная конкуренция капиталов как раз и дает возможность земельному собственнику требовать от отдельного капиталиста, чтобы последний довольствовался «средней прибылью» и уплачивал ему избыток стоимости над той ценой, которая доставляет эту прибыль.

Но можно было бы спросить: если земельная собственность дает такую власть продавать продукт *по* его стоимости, *выше* его цены издержек, то почему она не дает точно так же и власть продавать продукт *выше* его стоимости, т. е. по любой монополюсной цене? На небольшом острове, где не существует внешней торговли хлебом, хлеб, предметы питания, как и всякий другой продукт, безусловно могли бы продаваться по монополюсной цене, т. е. по такой цене, которая ограничена лишь состоянием спроса, т. е. *платежеспособного спроса*, а этот платежеспособный спрос обладает весьма различными величиной и диапазоном в зависимости от уровня цены предлагаемого продукта.

Оставляя в стороне такие исключительные случаи, — о чем-либо подобном не может быть и речи в европейских странах; даже в Англии значительная часть плодородной земли изъята из земледелия, вообще с рынка, *искусственно*, чтобы повысить стоимость остальной части, — земельная собственность может затрагивать и парализовать действие капиталов, их конкуренцию, лишь постольку, поскольку конкуренция капиталов модифицирует определение *стоимостей товаров*. Превращение стоимостей в цены издержек есть лишь следствие и результат развития капиталистического производства. Первоначально товары продаются (в среднем) по своим стоимостям. Отклонению от этого препятствует в земледелии существование земельной собственности.

Когда фермер арендует землю на 7 или 14 лет, говорит Рикардо, он рассчитывает, что при вложении капитала, например в 10 000 ф. ст., *стоимость хлеба* (средняя рыночная стоимость) позволит ему возместить затраты плюс средняя прибыль плюс установленная в арендном договоре рента. Таким образом, поскольку он «арендует» землю, *исходным пунктом [Prius]* для него является средняя рыночная стоимость, т. е. стоимость продукта, а прибыль и рента — это лишь те части, на которые эта стоимость *разлагается*, но которые не образуют ее. *Данная рыночная цена* является для капиталиста тем же, чем *стоимость продукта*, взятая в качестве предпосылки, является для теории

и для внутренней связи производства. А вот какой вывод делает из этого Рикардо. Если фермер добавляет 1000 ф. ст., то его занимает только вопрос, принесут ли они ему при *данной рыночной цене* обычную прибыль. Следовательно, — таков, по-видимому, ход мысли Рикардо, — определяющая роль принадлежит *цене издержек*, а в эту цену издержек регулирующим элементом входит именно *прибыль*, но не *рента*.

Во-первых, и прибыль не входит в цену издержек как конституирующий элемент. Ведь фермер, согласно предположению, рассматривает *рыночную цену* как исходный пункт [Prius] и подсчитывает, принесет ли ему добавочная тысяча фунтов стерлингов при этой *данной рыночной цене* обычную прибыль. Следовательно, эта прибыль является не причиной, а результатом этой цены. Но, рассуждает далее Рикардо, само вложение 1000 ф. ст. определяется ведь расчетом, даст ли цена обычную прибыль или нет. Следовательно, прибыль является определяющим моментом для вложения 1000 ф. ст., для цены производства [Produktionspreis].

Далее: если бы капиталист нашел, что 1000 ф. ст. не дадут обычной прибыли, то он, говорит Рикардо, не вложил бы их. Производство добавочного количества предметов питания не имело бы места. Если бы оно было необходимо для удовлетворения добавочного спроса, то спрос должен был бы повысить цену, т. е. рыночную цену, до того уровня, при котором она будет давать прибыль. Следовательно, прибыль — в отличие от ренты — входит сюда как конституирующий элемент, но не тем путем, что она создает *стоимость* продукта, а тем, что самый продукт [615] не создается, если его цена не поднимается так высоко, чтобы, сверх затрат, оплачивать также и обычную норму прибыли. Напротив, в *этом* случае нет необходимости в том, чтобы цена поднялась так высоко, чтобы оплачивать ренту. Следовательно, здесь имеется существенное различие между рентой и прибылью, и в известном смысле можно сказать, что прибыль есть конституирующий элемент цены, тогда как рента не является таковым. (Такова, очевидно, и скрытая мысль А. Смита.)

Для данного случая это верно.

Но почему?

Потому, что в *этом* случае земельная собственность *не может* противостоять капиталу как земельная собственность и, следовательно, уже согласно предположению, здесь *не имеет* места как раз та комбинация, при которой образуется рента, абсолютная рента. Добавочный хлеб, произведенный второй дозой капитала в 1000 ф. ст., произведенный при *неизменной*

рыночной стоимости, следовательно при таком добавочном спросе, который имеет место лишь при предположении, что цена остается неизменной, должен продаваться ниже своей стоимости, по цене издержек. Таким образом, этот добавочный продукт одной тысячи фунтов стерлингов находится в таких же условиях, как если бы поступила в обработку новая, менее плодородная земля, которая не определяет рыночную стоимость и может доставлять свое добавочное предложение только при условии, что доставляет его по существующей прежней рыночной стоимости, т. е. по цене, определяемой независимо от этого нового производства. При этих условиях исключительно от относительного плодородия этой добавочной земли зависит то, дает ли она ренту или нет, и это происходит как раз потому, что она не определяет рыночную стоимость. Совершенно так же обстоит дело с добавочной 1000 ф. ст. на старой земле. И как раз отсюда Рикардо делает противоположный вывод, что добавочная земля или добавочная доза капитала определяет рыночную стоимость, так как цена их продукта при данной, установившейся независимо от них, рыночной стоимости не дает ренты, а дает только прибыль, покрывает не стоимость, а лишь цену издержек этого продукта! Разве это не *contradictio in adjecto* *!

Однако продукт здесь все же производится, хотя он и не дает ренты! Конечно! На земле, арендованной фермером, для него, для капиталиста, земельная собственность, как самостоятельный, оказывающий сопротивление элемент, не существует в течение всего того времени, когда он, в силу арендного договора, фактически сам является земельным собственником. Следовательно, теперь капитал движется в этом элементе, не наталкиваясь на сопротивление, а для капитала достаточно цены издержек продукта. Точно так же и по истечении срока аренды фермер, естественно, будет регулировать ренту сообразно тому, в каких пределах вложение капитала в землю дает такой продукт, который может быть продан по своей стоимости и, значит, может давать ренту. Такое вложение капитала, которое при данной рыночной стоимости не дает избытка над ценой издержек, при определении размера ренты не принимается в расчет точно так же, как не уплачивалась бы капиталом, или не обуславливалась бы договором, рента с такой земли, относительное неплодородие которой приводит к тому, что рыночная цена оплачивает только цену издержек продукта этой земли.

* — буквально: «противоречие в эпитете», или «противоречие в определении», т. е. абсурдное противоречие такого типа, как в выражениях «круглый квадрат», «деревянное железо», «нерегулирующий регулятор». Ред.

На практике дело обстоит не совсем по-рикардовски. Если арендатор обладает свободным капиталом или приобретает его в течение первых лет арендного договора, заключенного на 14 лет, то он не требует при этом *обычной прибыли*. Так было бы лишь в том случае, если бы дополнительный капитал он получил взаймы. В самом деле, что ему делать со свободным капиталом? Приарендовать новую землю? Земледельческое производство в гораздо большей степени допускает более интенсивное вложение капитала, чем более экстенсивную обработку земли с большим капиталом. Или же, если в непосредственном соседстве со старой землей нет земли, сдаваемой в аренду, то — при наличии у арендатора двух отдельных ферм — его деятельность по управлению и надзору была бы раздроблена в гораздо большей степени, чем это бывает в обрабатывающей промышленности при наличии у фабриканта шести фабрик. Или арендатору остается отдать деньги под проценты банкиру, вложить их в государственные бумаги, железнодорожные акции и т. п.? Тогда он уже с самого начала отказывается по меньшей мере от половины или одной трети обычной прибыли. Следовательно, если он может вложить эти деньги в виде дополнительного капитала в старую ферму, получая на них хотя бы и меньше, чем среднюю прибыль, например 10% при средней прибыли в 12%, то он все еще выгадывает 100%, когда процентная ставка равна 5%. Следовательно, для него все еще будет выгодной операцией вложить добавочную 1 000 ф. ст. в [616] старую ферму.

Поэтому совершенно ошибочным является у Рикардо то, что он отождествляет вложение дополнительного капитала [в ту же землю] с применением дополнительного капитала к новой земле. В первом случае даже при капиталистическом производстве нет необходимости в том, чтобы продукт давал хотя бы обычную прибыль. Он должен давать лишь настолько больше обычной нормы процента, чтобы для фермера имело смысл предпочесть заботы и риск, связанные с применением его свободного капитала в производстве, применению его в качестве денежного капитала.

Но уже совершенно нелеп, как показано, тот вывод, который Рикардо делает из этого рассуждения:

«Если бы Адам Смит, с его проникательным умом, обратил внимание на этот факт, он не утверждал бы, что рента образует *одну из конститутивных составных частей цены продуктов земли*; ибо цена всюду регулируется выручкой от той последней доли капитала, за которую не платится никакой ренты» (стр. 391) [Русский перевод, том I, стр. 270].

Даваемая у Рикардо иллюстрация доказывает как раз *наоборот*, что приложение к земле этой последней доли капитала

регулируется рыночной ценой, не зависящей от этого приложения, существующей еще до того, как оно было произведено, и потому доставляющей на эту последнюю долю капитала только прибыль, а не ренту. Что прибыль является единственным регулятором для капиталистического производства, это совершенно верно. И поэтому верно, что не существовало бы абсолютной ренты, если бы производство регулировалось исключительно капиталом. Абсолютная рента возникает как раз там, где условия производства дают земельному собственнику власть ставить границы исключительному регулированию производства капиталом.

Во-вторых, Рикардо (стр. 391 и следующие) [Русский перевод, том I, стр. 270—272] упрекает А. Смита в том, что тот развивает правильный принцип ренты [только] для каменноугольных шахт. Рикардо говорит даже так:

«Весь принцип ренты разъяснен здесь превосходно и недвусмысленно, но каждое слово может быть отнесено с таким же основанием к земле, как и к каменноугольным шахтам; однако Смит утверждает, что «иначе обстоит дело с земельными владениями на поверхности земли» (стр. 392) [Русский перевод, том I, стр. 271].

А. Смит чувствует, что при известных обстоятельствах земельный собственник обладает властью оказать капиталу эффективное сопротивление, дать почувствовать силу земельной собственности и потому потребовать абсолютную ренту и что при других обстоятельствах у него такой власти нет; но что именно производство предметов питания устанавливает закон ренты, тогда как рента при других приложениях капитала к земле определяется земледельческой рентой.

«У земельных владений на поверхности земли» (говорит А. Смит) «стоимость их продукта и размер приносимой ими ренты пропорциональны не их относительному, а их абсолютному плодородию» (стр. 392) [Русский перевод, том I, стр. 271].

В своем возражении Смигу Рикардо приближается, насколько это вообще для него возможно, к действительному принципу ренты. Он говорит:

«Но предположим, что нет ни одного участка земли, который не приносил бы ренты. В этом случае величина ренты с наихудшей земли была бы пропорциональна избытку с т о и м о с т и п р о д у к т а над затратой капитала и обычной прибылью на капитал. Тот же самый принцип будет определять ренту с земель несколько лучшего качества или лучше расположенных, и поэтому рента с этих земель, вследствие их преимуществ, была бы выше ренты с земель наихудшего качества. То же самое можно сказать о землях третьего, еще более высокого качества, и т. д. до самых лучших. Не очевидно ли после этого, что именно относительное плодородие земли определяет ту часть продукта, которая уплачивается в виде

земельной ренты, точно так же как *относительная продуктивность рудников* определяет ту часть их продукта, которая уплачивается в виде ренты с рудников?» (стр. 392—393) [Русский перевод, том I, стр. 271].

Здесь Рикардо высказывает правильный принцип ренты. Если наихудшая земля уплачивает ренту, если, следовательно, рента уплачивается независимо от различия в естественном плодородии земель и является абсолютной рентой, то эта рента должна равняться *«избытку стоимости продукта над затратой капитала и обычной прибылью на капитал»*, т. е. *избытку стоимости продукта над его ценой издержек*. Рикардо предполагает, что такого избытка не может быть, потому что он, в противоречии со своим собственным принципом, ошибочно принимает смитовскую догму [617] о том, что стоимость равна цене издержек продукта.

В остальном Рикардо опять впадает в заблуждение.

Дифференциальная рента, конечно, определялась бы «относительным плодородием». Но абсолютная рента не имела бы с «естественным плодородием» ничего общего.

А с другой стороны, Смит оказался бы прав в том, что *фактическая* рента, которую уплачивает наихудшая земля, *может* зависеть от абсолютного плодородия других земель и от относительного плодородия наихудшей земли или же от абсолютного плодородия наихудшей земли и от относительного плодородия других разрядов земли.

Дело в том, что фактическая величина ренты, которую платит наихудшая земля, зависит не от избытка *стоимости* ее собственного продукта над его ценой издержек, как полагает Рикардо, а от избытка *рыночной стоимости* над ценой издержек продукта. Но это весьма различные вещи. Если *продукт наихудшей земли сам определяет* рыночную цену, то рыночная стоимость равна его действительной стоимости, и, следовательно, избыток его рыночной стоимости над его ценой издержек равен избытку его собственной индивидуальной (его действительной) стоимости над его ценой издержек. Если же рыночная цена определяется независимо от продукта наихудшей земли другими разрядами земли, то дело обстоит иначе. Рикардо исходит из предположения о нисходящей линии. Он предполагает, что наихудшая земля поступает в обработку *в последнюю очередь* и что она обрабатывается (в предположенном случае) только тогда, когда добавочный спрос сделал необходимым добавочное предложение по стоимости продукта, получаемого с наихудшей и в последнюю очередь поступившей в обработку земли. В этом случае стоимость продукта наихудшей земли регулирует рыночную стоимость. При восходящей линии это

происходит (даже с точки зрения Рикардо) лишь в том случае, когда добавочное предложение лучших разрядов земли только равняется добавочному спросу по прежней рыночной стоимости. Если добавочное предложение больше этого, то Рикардо всегда предполагает, что старая земля должна быть изъята из *обработки*, тогда как отсюда следует только то, что старая земля будет давать *более низкую ренту*, чем прежде, или совсем не будет давать ренты. При нисходящей линии происходит то же самое. Если добавочное предложение таково, что оно может быть доставлено только по *прежней рыночной стоимости*, то от того, насколько эта рыночная стоимость превышает цену издержек продукта новой, худшей земли, зависит, будет ли — и в какой мере — худшая земля давать ренту или совсем не будет давать ренты. В обоих случаях [т. е. как при восходящей линии, так и при нисходящей] ее рента определяется *абсолютным плодородием*, а не относительным. От абсолютного плодородия новой земли зависит, насколько рыночная стоимость, определяемая давлением продукта лучших разрядов земли, *превышает* собственную действительную, индивидуальную стоимость продукта новой земли.

А. Смит правильно проводит здесь различие между землей и рудниками, так как относительно последних он предполагает, что *никогда* не бывает перехода к худшим разрядам, а всегда к *лучшим* и что они всегда доставляют больше, чем необходимое добавочное предложение. Рента с наихудшей земли зависит тогда от ее абсолютного плодородия.

«После того как А. Смит заявил, что имеются такие шахты, *которые могут разрабатываться только их собственниками*, потому что эти шахты покрывают лишь издержки по разработке вместе с обычной прибылью на вложенный капитал, мы были бы вправе ожидать, что, по его мнению, именно эти шахты регулируют цену продукта в *с е х шахт*. Если старые шахты не могут доставить всего требуемого количества угля, то *цена угля* начнет повышаться и будет повышаться до тех пор, пока собственник новой, более бедной шахты не найдет, что он может, разрабатывая ее, получить обычную прибыль на капитал... Таким образом, выходит, что *цена угля всегда регулируется наименее продуктивными шахтами*. Однако А. Смит другого мнения. Он считает, что «наиболее продуктивные угольные шахты регулируют цену угля всех других соседних шахт. Оба, и собственник шахты и предприниматель, занятый разработкой ее, находят, что первый может получить большую ренту, а второй — большую прибыль, если станут продавать уголь по несколько более дешевой цене, чем все их соседи. Последние вскоре вынуждены будут продавать свой уголь *по той же цене*, хотя им не так легко сделать это и хотя это всегда уменьшает их ренту и прибыль, а иногда вовсе лишает их и ренты и прибыли. В результате этого некоторые шахты совершенно забрасываются, а другие перестают приносить ренту и *могут разрабатываться только их собственником*». Если спрос на уголь [617a] уменьшается или если благодаря применению новых методов увеличивается его количество, то его *цена должна*

упасть, и разработка некоторых шахт должна прекратиться. Но во всяком случае цена угля должна быть достаточна для того, чтобы оплатить издержки и прибыль той шахты, которая разрабатывается, не будучи обременена рентой. Следовательно, цену регулируют наименее продуктивные шахты. Да и сам Адам Смит констатирует это в другом месте, ибо он говорит: «Самая низкая цена, по которой уголь может продаваться в течение сколько-нибудь продолжительного времени, это, как и для всех других товаров, та цена, которая всего лишь достаточна для возмещения, вместе с обычной прибылью, капитала, затрачиваемого на производство товара и доставку его на рынок. На каменноугольной шахте, с которой земельный собственник не может получать ренты и которую он должен или разрабатывать сам или совсем забросить, цена угля должна, как правило, находиться приблизительно на уровне этой цены» (стр. 393—395) [Русский перевод, том I, стр. 271—272].

А. Смит ошибается в том отношении, что он особую конъюнктуру рынка, при которой на рынке господствует наиболее продуктивная шахта (или земля), объявляет *всеобщим* случаем. Но если предположить этот случай, то он рассуждает (в общем) правильно, а Рикардо неправильно. Смит предполагает, что при данном состоянии спроса и при относительно большой продуктивности наилучшей шахты последняя может протолкнуть на рынок весь свой продукт только тогда, когда она продает уголь дешевле, чем конкуренты, когда цена ее продукта *ниже* прежней рыночной стоимости. В результате этого падает цена продукта и для худших шахт. Рыночная цена падает. Это падение во всех случаях *понижает ренту* на худших шахтах и может даже привести к полному ее исчезновению. Ибо рента равна избытку рыночной стоимости над ценой издержек продукта независимо от того, равна ли эта рыночная стоимость индивидуальной стоимости продукта определенного разряда земли (или шахт) или нет. Прибыль, чего не замечает Смит, может в результате этого уменьшиться лишь в том случае, если станет необходимым изъять часть капитала и сократить размер производства. Если рыночная цена, регулируемая при данных условиях продуктом лучших шахт, падает так низко, что совсем не дает для продукта наихудшей шахты никакого избытка над ценой издержек, то наихудшую шахту может разрабатывать только сам собственник. При этой рыночной цене ни один капиталист не будет платить ему ренту. Его собственность на землю не дает ему в этом случае власти над капиталом, но она устраняет для него то сопротивление, какое встречают другие капиталисты при вложении капитала в землю. Для него земельная собственность *не существует*, так как он сам является земельным собственником. Следовательно, он может использовать свою землю для добычи угля, как и для любой другой отрасли производства, т. е. может использовать

ее в том случае, если рыночная цена продукта, которую он сам не определяет, а *находит уже* установленной, дает ему среднюю прибыль, покрывает его *цену издержек*.

И отсюда Рикардо заключает, что Смит противоречит самому себе! Из того, что прежняя рыночная цена определяет, в какой мере новые шахты могут быть пущены в ход самими собственниками их, т. е. могут разрабатываться в условиях фактического исчезновения земельной собственности, так как при прежней рыночной цене они обеспечивают предпринимателю *цену издержек*, — он заключает, что эта цена издержек определяет рыночную цену! Но тут он снова прибегает к нисходящей линии и заявляет, что менее продуктивная шахта может разрабатываться только в том случае, если рыночная цена продукта поднимается выше стоимости продукта лучших шахт; между тем необходимо только то, чтобы она *превышала* цену издержек или даже всего лишь оплачивала ее для худших шахт, эксплуатируемых самими собственниками их.

К тому же, если Рикардо полагает, что, «когда количество» (добываемого угля) «благодаря применению новых методов увеличивается, его *цена должна упасть*, и *разработка некоторых шахт должна прекратиться*», — то ведь это зависит лишь от степени падения цены и от состояния спроса. В том случае, когда при таком падении цен рынок может поглотить весь продукт, плохие шахты всё еще будут давать ренту, если при падении рыночной цены всё еще остается некоторый избыток рыночной стоимости над ценой издержек более бедных шахт; если же рыночная цена всего лишь покрывает эту цену издержек, т. е. совпадает с ней, то более бедные шахты будут разрабатываться их собственниками. Но в обоих случаях нелепо говорить, что цена издержек наихудшей шахты регулирует рыночную цену. Конечно, цена издержек наихудшей шахты определяет соотношение между ценой ее продукта и регулирующей рыночной ценой и решает *поэтому* вопрос о том, [618] может ли разрабатываться эта шахта или не может. Но вопрос о том, может ли при *данной рыночной цене* эксплуатироваться земля — или шахта — определенной степени продуктивности, не имеет, очевидно, ничего общего и отнюдь не совпадает с тем обстоятельством, регулирует ли рыночную цену цена издержек продукта этой земли или этой шахты. Если бы при *возросшей рыночной стоимости* было необходимо или возможно *добавочное предложение*, то рыночную стоимость регулировала бы наихудшая земля, но тогда она и давала бы абсолютную ренту. Это как раз тот случай, который *противоположен* случаю, предполагаемому у Смита.

В-третьих, Рикардо (стр. 395—396) [Русский перевод, том I, стр. 272—273] упрекает Смита по поводу того, что по мнению последнего дешевизна сырых продуктов, например замена хлеба картофелем, вызывающая падение заработной платы и уменьшение издержек производства, приводит к тому, что земельному собственнику достается большая доля — а также и большее количество — продукта. Рикардо возражает против этого:

«Ни одна часть добавочного чистого продукта не пошла бы на увеличение ренты; вся добавка неизменно пошла бы целиком на увеличение прибыли... Пока обрабатываются земли одного и того же качества и пока не произошло никакого изменения в их относительном плодородии или других преимуществах, *рента всегда будет сохранять свое прежнее отношение к валовому продукту*» (стр. 396) [Русский перевод, том I, стр. 273].

Это безусловно неверно. Доля земельной ренты, а потому и ее *относительная* величина, упадет. Картофель, введенный в качестве главного предмета питания, снизил бы стоимость рабочей силы, необходимое рабочее время сократилось бы, прибавочное рабочее время, а потому и *норма* прибавочной стоимости увеличились бы; следовательно, при прочих равных условиях, строение капитала изменилось бы, стоимость переменной части уменьшилась бы по отношению к стоимости постоянной части, хотя *масса* применяемого живого труда осталась бы прежней. *Норма прибыли* поэтому повысилась бы. В этом случае мы имели бы падение абсолютной ренты и относительное падение дифференциальной ренты (см. стр. 610, таблицу С *). Эта причина оказала бы одинаковое действие на земледельческий и неземледельческий капитал. Общая норма прибыли повысилась бы, и рента *поэтому* упала бы.

В главе 28-й («*О сравнительной стоимости золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах*») Рикардо пишет:

«Ошибка д-ра Смита, проходящая красной нитью через весь его труд, заключается в предположении, что стоимость хлеба постоянна и что, хотя стоимость всех других вещей может повыситься, со стоимостью хлеба это никогда не может произойти. По его мнению, хлеб всегда имеет одинаковую стоимость потому, что он всегда может прокормить одинаковое число людей. Точно таким же образом можно было бы сказать, что сукно всегда имеет одну и ту же стоимость, потому что из него всегда можно сделать одно и то же количество сюртуков. Что общего имеет стоимость со способностью вещи служить пищей или одеждой?» (стр. 449—450) [Русский перевод, том I, стр. 307].

«...Д-р Смит... так искусно защищал теорию о том, что рыночная цена товаров в конечном счете регулируется их естественной ценой» (стр. 451) [Русский перевод, том I, стр. 308].

* См. настоящее издание, часть II, стр. 356—357. Ред.

«...Если стоимость золота выражать в хлебе, то золото может иметь весьма различную стоимость в двух различных странах. Я старался показать, что эта стоимость будет низка в богатых странах и высока в бедных. Адам Смит держится другого мнения: он думает, что стоимость золота, выраженная в хлебе, выше всего в богатых странах» (стр. 454) [Русский перевод, том I, стр. 310].

* * *

В главе 32-й (*«Взгляды г-на Мальтуса на ренту»*) Рикардо пишет:

«Рента есть создание стоимости, но не создание богатства» ⁹⁵ (стр. 485—486) [Русский перевод, том I, стр. 330].

«Говоря о высокой цене хлеба, г-н Мальтус, очевидно, подразумевает под этим не цену квартера или бушеля, а скорее избыток цены, по которой продается весь продукт, над издержками его производства, включая всегда в термин «издержки производства» как заработную плату, так и прибыль. 150 кварталов хлеба по 3 ф. ст. 10 шилл. за квартал принесли бы земельному собственнику большую ренту, чем 100 кварталов по 4 ф. ст., если только издержки производства в обоих случаях одинаковы» (стр. 487) [Русский перевод, том I, стр. 330]. «Каковы бы ни были свойства данной земли, высокая рента зависит от высокой цены продукта; но раз высокая цена дана, высота ренты пропорциональна не скудости продукта, а его изобилию» (стр. 492) [Русский перевод, том I, стр. 334].

«Так как рента есть следствие высокой цены хлеба, то исчезновение ренты есть следствие низкой цены. Иностранный хлеб никогда не вступает в конкуренцию с таким хлебом внутреннего производства, который приносит ренту. Падение цены всегда бьет по земельному собственнику, пока не будет поглощена вся его рента; если цена все еще продолжает понижаться, то она перестанет доставлять даже обычную прибыль на капитал; в этом случае капитал оставит землю, чтобы искать какого-либо другого применения, и хлеб, который прежде производился на этой земле, будет тогда, но не раньше, замещен импортным хлебом. Исчезновение ренты повлечет за собой потерю в стоимости, а именно в стоимости, выраженной в деньгах, но зато это будет выигрыш в богатстве. Количество сырых материалов и других продуктов, вместе взятых, возрастет, но вследствие большей легкости, с которой они производятся, увеличение их количества будет сопровождаться уменьшением их стоимости» (стр. 519) [Русский перевод, том I, стр. 351].

[ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ]

ТЕОРИЯ РЕНТЫ А. СМИТА

(1) ПРОТИВОРЕЧИЯ У СМИТА
В ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ РЕНТЫ]

[619] Мы здесь не останавливаемся на интересной смитовской трактовке вопроса о том, каким образом рента, получаемая с главного растительного предмета питания, определяет все остальные в строгом смысле слова сельскохозяйственные ренты (в скотоводстве, в лесном хозяйстве, в культуре технических растений), поскольку эти отрасли производства могут быть взаимно превращены одна в другую. Смит выделяет, в виде исключения, культуру риса там, где рис служит основным растительным предметом питания, так как рисовые болота не могут быть превращены в луга, в засеянные пшеницей поля и т. п., а также и наоборот.

Смит правильно определяет *ренту* как «цену, уплачиваемую за пользование землей» ([франц. издание 1802 г.] том I, стр. 299) [Русский перевод, том I, стр. 130], где под землей следует понимать всякую силу природы как таковую, следовательно также воду и т. д.

В противоположность странному представлению Родбертуса ⁹⁶, Смит уже во введении [к главе 11-й] перечисляет составные части земледельческого капитала: «капитал, доставляющий семена» (сырье), «оплачивающий труд, покупающий и содержащий скот и другие земледельческие *орудия*» (там же) [Русский перевод, том I, стр. 130].

Но что же представляет собой эта «цена, уплачиваемая за пользование землей»?

«Все то, что остается от продукта или от его цены сверх этой части» {той части, которая возмещает авансированный капитал «и, сверх того, обычную прибыль»}, «каков бы ни был этот остаток, *собственник* стремится

удержать у себя в качестве *ренты* за свою землю» (там же, стр. 300) [Русский перевод, том I, стр. 130].

«Этот *избыток* всегда можно рассматривать как *естественную* земельную *ренту*» (стр. 300) [Русский перевод, том I, стр. 130].

Смит возражает против смешения ренты с процентом на вложенный в землю капитал:

«Собственник требует ренту даже за такую землю, которая не подверглась улучшению» (стр. 300—301) [Русский перевод, том I, стр. 130],

и даже эта вторая форма ренты *, добавляет он, имеет ту особенность, что процент на использованный для улучшения земли капитал представляет собой процент на капитал, вложенный не собственником, а арендатором.

«Он» (собственник) «требует иногда ренту за то, что вообще не может быть улучшено человеком» (стр. 301) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Смит с полной определенностью подчеркивает, что «ренту требует» *земельная собственность, земельный собственник* как *собственник*. Рассматривая, таким образом, ренту как простое следствие *земельной собственности*, Смит признаёт ренту *монопольной ценой*, что совершенно верно, так как только в результате вмешательства *земельной собственности* продукт продается по цене большей, чем цена издержек, продается по своей стоимости.

«Земельная рента, рассматриваемая как цена, уплачиваемая за пользование землей, естественно, представляет собой *монопольную цену*» (стр. 302) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Это, действительно, такая цена, уплачивать которую вынуждает только монополия собственности на землю и которая, являясь в этом отношении *монопольной ценой*, отличается от цены промышленных продуктов.

С точки зрения капитала — а капитал господствует в производстве — *цена издержек* требует лишь того, чтобы продукт оплачивал, кроме авансированных затрат, также и среднюю прибыль. В этом случае продукт, — безразлично, будет ли это продукт земли или какой-нибудь другой продукт, — *может*

«поступать на рынок». «Если обычная цена превышает достаточную, то *избыток* ее, естественно, идет на земельную ренту. Если она является всего лишь достаточной, то товар вполне *может* поступать на рынок, но не может давать ренту земельному собственнику. Будет ли цена выше достаточной или нет? Это зависит от спроса» (том I, стр. 302—303) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Переходим к вопросу: почему, по мнению Смита, рента входит в цену иначе, чем заработная плата и прибыль? Вначале

* — рента за улучшенную землю. *Ред.*

Смит правильно разложил стоимость на заработную плату, прибыль и ренту (если оставить в стороне постоянный капитал). Но он тотчас же сбивается на противоположный путь — он отождествляет стоимость и «естественную цену» (т. е. определяемую конкуренцией среднюю цену товаров, или их цену издержек) и составляет последнюю из заработной платы, прибыли и ренты.

«Эти три части образуют, по-видимому, непосредственно или в конечном счете всю цену» (том I, стр. 101) (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 47].

«Тем не менее в наиболее развитых обществах всегда встречаются, хотя и в небольшом количестве, такие товары, *цена которых разлагается только на две части: на заработную плату и прибыль на капитал*, и еще меньшее количество таких товаров, *у которых цена состоит исключительно из заработной платы*. В цене морской рыбы, например, одна часть оплачивает труд рыбаков, а другая часть — прибыль на капитал, вложенный в рыболовный промысел. *Рента* редко составляет часть [620] этой цены... В некоторых местностях Шотландии живут бедняки, промышляющие собиранием на морском берегу пестрых камешков, известных в народе под названием *шотландских голийшей*. Цена, которую платит им за эти камешки *гранильщик*, состоит целиком из *платы за их труд*; в нее не входят ни *рента*, ни *прибыль*. Но вся цена любого товара всегда в конечном счете разлагается на какую-нибудь из этих частей или на все три части» (том I, стр. 103—104) (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 48—49].

В приведенных местах (да и вообще в этой 6-й главе, трактующей о «*составных частях цены товаров*») свалены в одну кучу разложение стоимости на заработную плату и т. д. и составление цены из заработной платы и т. д. (И только глава 7-я впервые трактует о «естественной цене» и «рыночной цене».)

Главы 1-я, 2-я и 3-я первой книги трактуют о «разделении труда», глава 4-я — о деньгах. Как в этих, так и в следующих главах попутно дается определение *стоимости*. Глава 5-я трактует о *действительной цене* товаров и их *номинальной цене*; о превращении *стоимости* в *цену*. Глава 6-я — «о составных частях цены товаров». Глава 7-я — о *естественной цене* и *рыночной цене*. Затем глава 8-я — о заработной плате. Глава 9-я — о прибыли на капитал. Глава 10-я — о *заработной плате* и *прибыли* в различных отраслях приложения труда и капитала. Наконец, глава 11-я — о *земельной ренте*.

Но мы здесь хотим обратить внимание в первую очередь на следующее: согласно только что приведенным положениям, существуют товары, *цена которых* состоит из одной лишь заработной платы, равно как и другие, *цена которых* состоит лишь из заработной платы и прибыли, и, наконец, третьи, *цена которых* состоит из заработной платы, прибыли и ренты. Поэтому:

«Вся цена любого товара всегда... разлагается на какую-нибудь из этих частей или на все три части».

Согласно этому, не было бы, следовательно, основания говорить, что рента входит в цену иначе, чем прибыль и заработная плата; но нужно было бы сказать, что рента и прибыль иначе входят в цену, чем заработная плата, ибо последняя входит всегда, а рента и прибыль — не всегда. *Откуда же это различие?*

Далее, Смит должен был бы исследовать вопрос: возможно ли, чтобы те немногие товары, в которые *входит* только *заработная плата*, продавались по их *стоимости*? Или, не являются ли те бедняки, которые собирают шотландские голыши, скорее наемными рабочими *границыщиков*, которые платят этим беднякам за доставляемый ими товар лишь обычную заработную плату, т. е. платят им за *весь, на первый взгляд целиком им принадлежащий, рабочий день* лишь столько, сколько получает рабочий в других отраслях, где *часть его рабочего дня* образует прибыль и принадлежит не ему, а капиталисту? Смит должен был бы либо подтвердить это, либо, напротив, заявить, что в данном случае прибыль лишь *по внешней видимости* выступает как нечто не отличающееся от заработной платы. Он сам говорит:

«Когда эти три различных вида дохода принадлежат различным лицам, их легко отличить друг от друга; но когда они принадлежат одному и тому же лицу, их иногда смешивают друг с другом, по крайней мере в обыденной речи» (том I, стр. 106) (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 50].

Между тем у Смита дело принимает следующий вид:

Если независимый работник (подобно шотландским беднякам, о которых шла речь выше) применяет только труд (не нуждаясь при этом в капитале), вообще применяет только свой труд и данные природой элементы, — то цена, при ее разложении, сводится к одной лишь заработной плате. Если работник применяет также и небольшой капитал, то он в одном лице соединяет того, кто получает заработную плату, и того, кто получает прибыль. Если, наконец, он применяет свой труд, свой капитал и свою земельную собственность, то в нем соединяются все три лица — земельный собственник, арендатор и рабочий.

{Вся нелепость постановки вопроса у Смита обнаруживается в одной из заключительных фраз 6-й главы I книги:

«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, *вся меновая стоимость* которых происходит *исключительно из труда*» (здесь труд и заработная плата отождествляются), «и так как в меновую стоимость подавляющей части товаров значительной долей

входят рента и прибыль, то *годовой продукт труда этой страны* (здесь, стало быть, товары всё же равняются *продукту труда*, хотя не «вся стоимость этого продукта происходит исключительно из труда») «всегда будет достаточен для того, чтобы *купить и получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то, которое нужно было употребить на выращивание, обработку и доставку на рынок этого продукта*» (там же, том I, стр. 108—109) [Русский перевод, том I, стр. 50—51].

Выходит, что продукт *труда* не равняется *стоимости* этого продукта. Скорее (так можно понять мысль Смита), эта стоимость *повышена* добавлением прибыли и ренты. Поэтому продукт труда может получить в свое распоряжение, купить большее количество труда, т. е. он может купить в виде труда большую стоимость, чем та, которую составляет содержащееся в продукте количество труда. Это положение было бы верно, если бы оно было сформулировано так:

[621] *Смит говорит:*

Следовало бы сказать с его же собственной точки зрения:

«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, *вся меновая стоимость* которых происходит *исключительно из труда*, и так как в меновую стоимость подавляющей части товаров значительной долей *входят* рента и прибыль, то *годовой продукт труда этой страны* всегда будет достаточен для того, чтобы *купить и получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то, которое нужно было употребить на выращивание, обработку и доставку на рынок этого продукта*».

«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, *вся меновая стоимость* которых сводится, при ее разложении, исключительно к *заработной плате*, и так как у подавляющей части товаров *значительная доля их стоимости разлагается* на ренту и прибыль, то *годовой продукт труда этой страны* всегда будет достаточен для того, чтобы *купить и получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то, которое нужно было оплатить* (а значит, и употребить) при выращивании, обработке и доставке на рынок этого продукта».

(Смит здесь опять возвращается к своему второму представлению о стоимости; относительно последней он в этой же главе говорит:

«Следует помнить в виду, что действительная стоимость всех различных составных частей цены измеряется *количеством труда, которое каждая из них может купить, или получить в свое распоряжение*. Труд» (в этом смысле) «измеряет стоимость не только той части цены, которая *сводится к труду*» (следовало сказать: к заработной плате), «но и той ее части, которая *сводится к ренте*, и той, которая *сводится к прибыли*» (том I, книга I, глава 6, стр. 100) [Русский перевод, том I, стр. 47].

В главе 6-й преобладает еще «разложение *стоимости* на заработную плату, прибыль и ренту». Только в главе 7-й,

трактующей о естественной цене и рыночной цене, уже берет верх тот взгляд, что цена складывается из этих конститутивных элементов.)

Итак: *меновая стоимость годового продукта труда* состоит не только из заработной платы за труд, примененный в производстве этого продукта, но также из прибыли и ренты. Но *распоряжение* этим трудом, или *купля* его, осуществляется посредством той лишь части стоимости, которая сводится к заработной плате. Таким образом, можно привести в движение гораздо большую массу труда в том случае, если часть прибыли и ренты употребить на то, чтобы получить в свое распоряжение, или купить, труд, т. е. если превратить эту часть в заработную плату. Получается, стало быть, следующее: меновая стоимость годового продукта труда разлагается на *оплаченный труд* (заработную плату) и *неоплаченный труд* (прибыль и ренту). И вот, если из той части стоимости, которая сводится к неоплаченному труду, некоторую долю превратить в заработную плату, то можно купить большее количество труда, чем в том случае, когда для новой купли труда предназначается только та часть этой стоимости, которая состоит из заработной платы.}

Теперь вернемся к нашему предмету.

«Независимый работник, обладающий *небольшим капиталом*, достаточным для того, чтобы приобрести материалы и просуществовать до тех пор, пока он сможет вынести на рынок свой продукт, получит одновременно как *заработную плату поденщика*, который работает у *хозяина*, так и прибыль, какую этот хозяин извлек бы из труда поденщика. Тем не менее совокупную выручку этого работника называют *прибылью*, и заработная плата здесь смешивается с прибылью. Садовник, который своими руками обрабатывает свой собственный сад, соединяет в себе *три различных лица* — *земельного собственника, арендатора и рабочего*. Продукт его сада должен поэтому оплатить ему ренту первого, прибыль второго и заработную плату третьего. Тем не менее все это обычно рассматривается как *продукт его труда*. Как рента, так и прибыль смешиваются здесь с заработной платой» (том I, книга I, глава 6, стр. 108) [Русский перевод, том I, стр. 50].

У Смита здесь, действительно, смешение всех понятий. Разве *«все это»* не есть «продукт его труда»? И разве отношения капиталистического производства, — где, с отделением труда от его объективных условий, рабочий, капиталист и земельный собственник противостоят друг другу как три различных лица, — не переносятся здесь, наоборот, на этого садовника, когда продукт его труда или, вернее, стоимость этого продукта рассматривается частью как заработная плата, служащая оплатой его труда, частью как прибыль на примененный капитал и частью как рента, которая приходится на долю земли или, вернее,

собственника земли? В рамках капиталистического производства совершенно правильно и для таких трудовых отношений, при которых указанные элементы (фактически) *не* отделены друг от друга, предполагать их отделенными друг от друга и, таким образом, рассматривать этого садовника как своего собственного [622] поденщика и своего собственного земельного собственника, соединенных *in una persona* *. Но здесь у Смита уже определенно проскальзывает вульгарное представление, будто заработная плата возникает из труда, а прибыль и рента возникают — независимо от труда рабочего — из капитала и земли как из самостоятельных источников, из которых проистекает не присвоение чужого труда, а само богатство. Таким причудливым образом переплетаются у Смита самые глубокие взгляды с самыми несуразными представлениями, какие создает себе вульгарное сознание, выхватывая путем абстрагирования отдельные явления конкуренции.

После того как Смит сперва *разложил* стоимость на заработную плату, прибыль и ренту, он затем, наоборот, *составляет* стоимость из заработной платы, прибыли и ренты, определяемых независимо от стоимости. Позабыв таким образом свои же собственные правильные выводы относительно происхождения прибыли и ренты, Смит может теперь сказать:

«Заработная плата, прибыль и рента представляют собой *три первичных источника* всякого дохода, *т о ч н о т а к ж е* как и *всякой меновой стоимости*» (том I, стр. 105) (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 49].

В соответствии со своей собственной аргументацией он должен был бы сказать:

«*Стоимость* товара проистекает исключительно из труда (количества труда), заключенного в этом товаре. Эта стоимость разлагается на заработную плату, прибыль и ренту. Заработная плата, прибыль и рента являются теми первичными формами, в которых наемный рабочий, капиталист и земельный собственник получают свои доли из созданной трудом рабочего стоимости. В этом смысле заработная плата, прибыль и рента представляют собой *три первичных источника* всякого дохода, хотя ни один из этих так называемых источников не участвует в создании стоимости».

Из приведенных мест мы видим, как Смит в главе 6-й, трактующей о «*составных частях цены товаров*», приходит к тому, что сводит цену к заработной плате, когда в производство входит только труд (непосредственный), разлагает ее на заработную плату и прибыль, когда, вместо независимого работника, имеется работающий на капиталиста поденщик (т. е.

* — в одном лице. Ред.

имеется капитал), и, наконец, — на заработную плату, прибыль и ренту, когда, кроме капитала и труда, в производство входит «земля»; причем, однако, заранее предполагается, что земля обращена в собственность, т. е. что рядом с рабочим и капиталистом выступает также и земельный собственник (хотя Смит замечает, что все эти три характерные фигуры — или две из них — могут быть соединены в одном лице).

А в главе 7-й, трактующей о *естественной цене и рыночной цене*, рента совершенно так же, как и заработная плата и прибыль, представлена в качестве конституирующей части естественной цены (в том случае, когда в производство входит земля).

Доказательством этого служат следующие места (*книга I, глава 7*):

«Когда цена товара не выше и не ниже того, что необходимо для оплаты по их *естественным* нормам и *земельной ренты*, и *заработной платы*, и *прибыли на капитал*, употребленный на то, чтобы произвести товар, обработать его и доставить на рынок, тогда товар этот продается по цене, которую можно назвать его *естественной ценой*. Товар тогда продается *в точности за столько, сколько он стдид*» (том I, стр. 111) [Русский перевод, том I, стр. 52]. (Здесь вместе с тем «естественная цена» объявляется тождественной со стоимостью товара.)

«*Рыночная цена* каждого отдельного товара определяется соотношением между количеством этого товара, находящимся в данное время на рынке, и спросом на него со стороны тех, кто готов заплатить его *естественную цену*, или *полную стоимость ренты*, *прибыли* и *заработной платы*, которые должны быть оплачены для того, чтобы товар поступал на рынок» (том I, стр. 112) [Русский перевод, том I, стр. 53].

«Если количество какого-нибудь товара, поступившее на рынок, *отстает* от действительного спроса на него, то невозможно, чтобы все те, кто готов заплатить *полную стоимость ренты*, *заработной платы* и *прибыли*, необходимых для поступления его на рынок, получили нужное им количество этого товара... Тогда *рыночная цена* в большей или меньшей степени *превысит естественную цену*, в зависимости от того, насколько *размеры дефицита* в этом товаре, либо *богатство конкурентов*, либо же их *прихоть*, усилят конкуренцию между ними» (том I, стр. 113) [Русский перевод, том I, стр. 53].

«Если поступившее на рынок количество товара превышает действительный спрос на него, то не все это количество может быть продано тем, кто готов заплатить полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, необходимых для поступления его на рынок... *Рыночная цена* упадет тогда ниже *естественной цены* в большей или меньшей степени, в зависимости от того, насколько имеющийся избыток товара усилит конкуренцию между продавцами, или же в зависимости от того, насколько для них важно немедленно сбыть с рук свой товар» (том I, стр. 114) [Русский перевод, том I, стр. 53—54].

«Если поступившее на рынок количество как раз достаточно для удовлетворения действительного спроса, то *рыночная цена* будет, конечно, в точности соответствовать... *естественной цене*... Конкуренция между различными продавцами заставляет их принять эту цену, но она не вынуждает их принять цену более низкую» (том I, стр. 114—115) [Русский перевод, том I, стр. 54].

[623] По Смиту, земельный собственник *изымает* свою землю из производства или переходит от производства одного товара (например, пшеницы) к производству *другого* (например, к пастбищному хозяйству) [или же, напротив, расширяет производство своего товара], когда вследствие состояния рынка его рента падает ниже или поднимается выше своей естественной нормы.

«Если это» (поступившее на рынок) «количество превышает в течение некоторого времени действительный спрос, то какая-нибудь из составных частей цены товара должна быть оплачена ниже своей *естественной нормы*. *Если в таком положении окажется рента*, то интересы земельных собственников тотчас же побудят их *изъять из этого производства часть своей земли*» (том I, стр. 115) [Русский перевод, том I, стр. 54].

«Если, напротив, поступившее на рынок количество товара *отстает* в течение некоторого времени *от действительного спроса*, то какие-нибудь из составных частей цены товара необходимо поднимутся выше своей *естественной нормы*. *Если в таком положении окажется рента*, то интересы всех остальных земельных собственников, естественно, побудят их использовать большую площадь земли для производства этого товара» (том I, стр. 116) [Русский перевод, том I, стр. 54].

«Случайные и временные колебания *рыночной цены* товара влияют главным образом на те части его цены, которые сводятся к заработной плате и прибыли. На той части цены, которая сводится к ренте, это отражается в меньшей степени» (том I, стр. 118—119) [Русский перевод, том I, стр. 55].

«*Монопольная цена* представляет собой во всех случаях самую высокую цену, какая только может быть получена. Напротив, *естественная цена*, или цена, устанавливающаяся в результате свободной конкуренции, является самой низкой ценой, на какую можно согласиться, не в любой, правда, момент, но на протяжении сравнительно продолжительного отрезка времени» (том I, стр. 124) [Русский перевод, том I, стр. 58].

«Хотя *рыночная цена* отдельного товара может длительное время держаться выше *естественной цены*, все же трудно предположить, чтобы длительное время она стояла ниже последней. *Какая бы из частей этой цены ни оплачивалась ниже своей естественной нормы*, те люди, интересы которых затронуты этим, вскоре заметили бы понесенный ими ущерб и немедленно извлекли бы из данной отрасли производства столько земли или труда или капитала, что поступающее на рынок количество этого товара вскоре оказалось бы всего лишь достаточным для удовлетворения действительного спроса. Следовательно, *рыночная цена* этого товара вскоре повысится до уровня его *естественной цены*; по крайней мере это произойдет там, где господствует полная свобода» (том I, стр. 125) [Русский перевод, том I, стр. 58].

После такой трактовки вопроса в главе 7-й очень трудно понять, на каком основании Смит в главе 11-й «О земельной ренте» (книга I) утверждает, что рента не всегда входит в цену там, где в производство входит обращенная в собственность земля; очень трудно понять, как может Смит проводить различие между тем способом, каким в цену входит рента, и тем способом, каким в нее входят прибыль и заработная плата, — после того как в главах 6-й и 7-й он представил ренту, совершенно

так же как и прибыль и заработную плату, в виде конституирующей части *«естественной цены»*. Но вернемся к главе 11-й (книги I).

Мы видели, что в главах 6-й и 7-й рента определяется как *избыток*, остающийся от *цены продукта* после того, как были оплачены авансированные капиталистом (арендатором) затраты и средняя прибыль.

В главе 11-й Смит абсолютно все переворачивает. Рента уже не входит в *естественную цену*. Или, вернее, А. Смит прибегает здесь к *обычной цене*, которая, как правило, отличается от естественной цены, хотя в главе 7-й мы слышали, что обычная цена никогда не стоит в течение сколько-нибудь длительного времени *ниже* естественной цены и никогда не может в течение длительного времени оплачивать какую-либо из конституирующих частей естественной цены ниже ее естественной нормы, а тем более не может совсем не оплачивать ее, как это теперь утверждается относительно ренты. Смит ничего не говорит нам также и о том, продается ли продукт *ниже своей стоимости*, когда он не оплачивает ренты, или же он продается *выше* своей стоимости, когда он оплачивает ренту.

Раньше *естественная цена* товара определялась как

«полная стоимость ренты, прибыли и заработной платы, которые должны быть оплачены для того, чтобы товар поступал на рынок» (том I, стр. 112) [Русский перевод, том I, стр. 53].

Теперь мы слышим:

«На рынок обычно могут поступать лишь те продукты земли, обычная цена которых достаточна для возмещения капитала, употребляемого на то, чтобы они поступали на рынок, доставляя обычную прибыль на этот капитал» (стр. 302—303) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Следовательно, *обычная цена* не есть *естественная цена*, и для того, чтобы товар поступал на рынок, нет необходимости уплачивать его естественную цену.

[624] Раньше мы слышали, что когда *обычная цена* (в 7-й главе говорилось: *рыночная цена*) недостаточна для оплаты *всей ренты* (полной стоимости ренты и т. д.), земля будет изыматься из производства до тех пор, пока рыночная цена не поднимется до уровня естественной цены и не станет оплачивать всю ренту. Теперь, напротив, мы слышим:

«Если обычная цена превышает ту, которая достаточна» (для возмещения капитала и оплаты обычной прибыли на этот капитал), *«то избыток»* ее, естественно, идет на земельную ренту. Если она является всего лишь достаточной, то товар вполне может поступать на рынок, но не может давать ренту земельному собственнику. Будет ли цена выше

достаточной или нет? Это зависит от спроса» (том I, стр. 303) (книга I, глава 11) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Из конституирующей части *естественной цены* рента вдруг превращается в *избыток* над *достаточной ценой*, наличие или отсутствие которого зависит от состояния спроса. Но *достаточная цена* — это цена, необходимая для того, чтобы товар поступал на рынок, а значит, чтобы он был произведен, т. е. это — *цена производства* [*Produktionspreis*] товара. Ибо цена, которая является необходимым условием для предложения товара, которая необходима для того, чтобы он вообще производился, появлялся на рынке как товар, есть, конечно, его *цена производства*, или *цена издержек*. Это *sine qua non* * его существования. С другой стороны, спрос на некоторые продукты земли всегда по необходимости оказывается таким, что их *обычная цена* дает избыток над ценой производства и, следовательно, приносит ренту. В отношении других продуктов земли спрос может быть таким, но может быть и иным.

«На некоторую часть продуктов земли спрос всегда по необходимости таков, что они продаются по цене, превышающей ту, которая достаточна для поступления их на рынок. Существуют и другие продукты земли, спрос на которые может быть таким, что за них дают цену, которая превышает *достаточную цену*, но может быть и таким, что за них подобной цены не дают. Первые всегда должны доставлять ренту земельному собственнику, последние иногда будут доставлять ее, а иногда — нет, в зависимости от различных обстоятельств» (том I, стр. 303) [Русский перевод, том I, стр. 131].

Итак, вместо *естественной цены* мы имеем здесь *достаточную цену*. *Обычная цена*, опять-таки, отлична от этой *достаточной цены*. Обычная цена, когда она *включает* ренту, *превышает* достаточную цену. Обычная цена, когда она *исключает* ренту, *равна* достаточной цене. А для *достаточной цены* даже характерно то, что она *исключает ренту*. Обычная цена стоит *ниже* достаточной цены, если она только возмещает капитал и не оплачивает средней прибыли. Следовательно, *достаточная цена* представляет собой на самом деле *цену производства*, или *цену издержек*, в том виде, в каком Рикардо, путем абстрагирования, извлек ее из учения А. Смита и в каком она действительно выступает с точки зрения капиталистического производства, т. е. это — цена, оплачивающая, сверх авансированных капиталистом затрат, среднюю прибыль; это — средняя цена, создаваемая конкуренцией между капиталистами в различных сферах приложения капитала. Именно это абстрагирование отдельных явлений конкуренции приводит Смита к тому, что

* — необходимое, обязательное условие. Ред.

выдвигаемой им же *естественной цене* он противопоставляет *достаточную цену*, хотя в смитовской трактовке естественной цены, напротив, достаточной для более или менее длительного периода объявляется только та обычная цена, которая оплачивает конституирующие части естественной цены — ренту, прибыль, заработную плату. Так как производством товаров управляет капиталист, то достаточной ценой является та, которая достаточна для капиталистического производства, достаточна с точки зрения капитала, а эта достаточная для капитала цена не включает ренту, а, напротив, исключает ее.

С другой стороны: эта *достаточная цена* оказывается, однако, недостаточной для некоторых продуктов земли. Для этих последних *обычная цена* должна быть настолько высокой, чтобы давать некоторый избыток над «достаточной ценой» и таким образом приносить ренту земельному собственнику. У других продуктов земли это зависит-де от обстоятельств. Противоречие, заключающееся в том, что достаточная цена оказывается недостаточной, что цена, достаточная для того, чтобы продукт поступал на рынок, недостаточна для того, чтобы он поступал туда, — это противоречие не смущает Смита.

Хотя Смит ни на минуту не оглядывается назад, на то, что им было развито в главах 5-й, 6-й и 7-й, он все же сознает (усматривая, однако, в этом не противоречие, а некое новое открытие, на которое он неожиданно натолкнулся), что этой «достаточной ценой» он опрокинул все свое учение о «естественной цене».

«Следует, стало быть, *заметить*» (в такой чрезвычайно наивной форме Смит переходит от одного утверждения к прямо противоположному), «что *рента и нынче образом входит в состав цены товаров, чем заработная плата и прибыли являются причиной высокой или низкой цены* [625] товаров; а *высокий или низкий уровень ренты является результатом этой цены*. Цена отдельного товара высока или низка по той причине, что необходимо оплатить высокие или низкие заработные платы и прибыли для того, чтобы он поступал на рынок. Но товар приносит избыток, который может быть уплачен в качестве высокой или низкой ренты, или же товар не приносит никакого избытка для уплаты ренты — *в зависимости от того, высока или низка цена товара, превышает ли она намного или незначительно или совсем не превышает ту цену, которая достаточна для оплаты этих заработных плат и прибылей*» (том I, стр. 303—304) [Русский перевод, том I, стр. 131—132].

Прежде всего обратим внимание на заключительную фразу. Получается, что *достаточная цена*, цена издержек, оплачивающая лишь заработную плату и прибыль, *исключает ренту*. Если продукт продается по цене, *значительно превышающей достаточную цену*, то он оплачивает высокую ренту. Если он продается по цене, лишь немного превышающей достаточную

цену, то он оплачивает небольшую ренту. Если продукт продается *как раз по достаточной цене*, то он *никакой* ренты не приносит. Если действительная цена продукта совпадает с его *достаточной ценой*, оплачивающей прибыль и заработную плату, то он не оплачивает *никакой* ренты. Рента всегда представляет собой *избыток* над достаточной ценой. Достаточная цена по природе своей исключает ренту. Это — *рикардовская теория*. Рикардо перенимает идею *достаточной цены*, цены издержек, от А. Смита; он избегает непоследовательности А. Смита, заключающейся в допущении различия между достаточной ценой и естественной ценой, и последовательно проводит идею достаточной цены. Смит, допустив все указанные непоследовательности, продолжает быть настолько непоследовательным, что для некоторых продуктов земли требует такой цены, которая *превышает их достаточную цену*. Но сама эта непоследовательность является опять-таки результатом некоторого *более правильного «наблюдения»* *.

Однако начало приведенного отрывка поистине поразительно по своей наивности. В главе 7-й Смит доказывал, что рента, прибыль и заработная плата одинаковым образом входят в *состав естественной цены*, — после того как *разложение стоимости* на ренту, прибыль и заработную плату он недозволенным образом превратил в *сложение* стоимости из естественных цен ренты, прибыли и заработной платы. Теперь он говорит, что рента входит в «состав цены товаров» *иначе*, чем прибыль и заработная плата. Но в чем же состоит тот *иной* способ, каким рента входит в *состав цены*? В том именно, что рента *совсем не входит* в состав цены. Здесь мы впервые получаем настоящее объяснение «достаточной цены». *Цена товаров* дорога или дешева, высока или низка, по той причине, что заработная плата и прибыль — естественные нормы этих последних — высоки или низки. Товар не поступает на рынок, не производится, если не оплачиваются эти высокие или низкие прибыли и заработные платы. Они образуют *цену производства* товара, его *цену издержек*; значит, они действительно являются *конституирующими элементами его стоимости или цены*. Напротив, *рента не входит в цену издержек, в цену производства*. Рента не является конституирующим элементом меновой стоимости товара. Она уплачивается *только* тогда, когда *обычная цена* товара *превышает его достаточную цену*. Прибыль и заработная плата, в качестве *конституирующих элементов*

* Игра слов: «observation» означает как «наблюдение», так и «замечание»; тем самым Маркс намекает на слова, с которых начинается разбираемое место у Смита: «Следует, стало быть, *заметить*» («Il faut donc *observer*»). *Ред.*

цены, являются *причинами* цены; рента, наоборот, представляет собой лишь *результат* цены, лишь *следствие* ее. Рента, стало быть, не входит, как элемент, в состав цены, в отличие от прибыли и заработной платы. И это на языке Смита означает, что рента *иначе* входит в состав цены, чем прибыль и заработная плата. Смит, по-видимому, совершенно не чувствует, что опрокинул все свое учение о «естественной цене». Ибо что означала у него «естественная цена»? Она означала тот центр, к которому тяготеет рыночная цена, ту «*достаточную цену*», ниже которой продукт не может продаваться, если он на протяжении сколько-нибудь длительного времени должен поступать на рынок, производиться.

Таким образом, рента рассматривается теперь как *избыток над «естественной ценой»*, между тем как прежде она рассматривалась как *конституирующий элемент «естественной цены»*; теперь она объявляется следствием цены, прежде она объявлялась ее причиной.

Напротив, нет никакого противоречия в смитовском утверждении, что для определенных продуктов земли условия рынка всегда таковы, что их обычная цена должна превышать их достаточную цену, другими словами, таковы, что *земельная собственность* обладает властью взвинчивать цену выше того уровня, который был бы достаточен для капиталиста, если бы он не встречал никакого противодействующего влияния.

[626] После того как Смит таким образом в главе 11-й опрокинул все сказанное в главах 5, 6 и 7-й, он преспокойно продолжает: теперь он-де приступит вплотную к делу и рассмотрит 1) продукты земли, которые всегда доставляют ренту, 2) продукты земли, которые иногда доставляют ее, иногда нет, и, наконец, 3) те изменения, которые в различные периоды развития общества происходят в относительной стоимости этих двух видов продуктов как в их отношении друг к другу, так и в их отношении к промышленным товарам.

[2) ПОЛОЖЕНИЕ СМИТА ОБ ОСОБОМ ХАРАКТЕРЕ СПРОСА НА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ПРОДУКТ. ФИЗИОКРАТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕОРИИ РЕНТЫ СМИТА]

Первый отдел: о продуктах, всегда доставляющих избыток для уплаты ренты.

Смит начинает с теории народонаселения. *Предметы питания* всегда создают-де для себя *спрос*. Когда возрастает количество предметов питания, то возрастает и число людей, потребителей

предметов питания. Предложение этих товаров *создает*, следовательно, спрос на них.

«Так как люди, подобно всем другим живым существам, *естественно размножаются в соответствии с имеющимися средствами их существования*, то на предметы питания всегда бывает больший или меньший спрос. Предметы питания всегда могут купить, или получить в свое распоряжение, большее или меньшее количество труда, и всегда найдется кто-нибудь, готовый сделать что-либо, чтобы получить их» (том I, стр. 305) (книга I, глава 11) [Русский перевод, том I, стр. 132].

«Так вот» {почему?} *«земля, почти при всех возможных обстоятельствах, производит большее количество предметов питания, чем нужно для содержания всего того труда, который участвует в том, чтобы эти предметы питания поступали на рынок, хотя бы этот труд содержался на самых щедрых условиях, какие когда-либо имели место для данного рода труда. Избыток этих предметов питания точно так же всегда превышает то их количество, которое достаточно для того, чтобы с прибылью возместить капитал, приводящий в движение этот труд. Поэтому здесь всегда имеет место какой-то остаток для уплаты ренты земельному собственнику»* (там же, стр. 305—306) [Русский перевод, том I, стр. 132].

Это звучит совсем *физиократически* и не содержит ни доказательства, ни объяснения того, почему *«цена»* этого особого товара доставляет избыток *над «достаточной ценой»*, т. е. ренту.

В качестве примера Смит тут же приводит *пастбища и пустоши*. Затем следует фраза о *дифференциальной ренте*:

«Рента изменяется в зависимости от плодородия земли, каков бы ни был ее продукт, и в зависимости от местоположения земли, каково бы ни было ее плодородие» (том I, стр. 306) [Русский перевод, том I, стр. 133].

Здесь мы видим, что рента и прибыль выступают у Смита как простой *избыток продукта*, остающийся после того, как вычтена та часть продукта, которая *in natura* * *кормит рабочего*. (Это — собственно физиократическое воззрение, которое в действительности основывается на том, что при господстве земледелия человек живет почти исключительно земледельческими продуктами и что сама промышленность, мануфактура, выступает как деревенский побочный труд, употребляемый на обработку *местных продуктов* природы.)

«Этот последний продукт ** должен обеспечивать содержание большего количества труда, и, следовательно, соответственно должен уменьшиться тот *избыток, из которого получается как прибыль арендатора, так и рента земельного собственника*» (том I, стр. 307) [Русский перевод, том I, стр. 133].

Поэтому-де возделывание пшеницы должно давать *большую прибыль, чем пастбищное хозяйство*:

* — в натуре, в натуральной форме. Ред.

** — т. е. продукт участка, более отдаленного от рынка. Ред.

«Пашня умеренного плодородия, засеянная пшеницей, производит гораздо большее количество предметов питания для человека, чем самое лучшее пастбище таких же размеров».

(Здесь, стало быть, речь идет не о цене, а об абсолютной массе предметов питания для человека в их натуральной форме.)

«Хотя обработка пашни требует большего количества труда, однако тот избыток, который остается после возмещения семян и издержек по содержанию всего этого труда, еще гораздо более значителен».

(Хотя пшеница стоит большего количества труда, однако избыток питательных веществ, даваемый — сверх оплаты труда — засеянным пшеницей полем, превышает тот избыток, который дает пастбище, служащее для скотоводства. И избыток этот обладает большей стоимостью не потому, что пшеница стоит большего количества труда, а потому-де, что избыток в пшенице содержит больше питательных веществ.)

«Поэтому, если бы мы предположили, что фунт мяса никогда не стоил больше, чем фунт хлеба, то этот больший» (для пшеницы) «избыток» (ибо одна и та же земельная площадь дает больше фунтов пшеницы, чем мяса) «всюду представлял бы собой большую стоимость» {ибо предположено, что 1 фунт хлеба равняется 1 фунту мяса (по стоимости) и что с одной и той же земельной площади, после прокормления рабочих, остается большее количество фунтов хлеба, чем фунтов мяса} «и составил бы более обильный фонд как для прибыли арендатора, так и для ренты земельного собственника» (том I, стр. 308—309) [Русский перевод, том I, стр. 133—134].

Поставив на место естественной цены достаточную цену и установив, что рента есть избыток над достаточной ценой, Смит забывает потом, что здесь вообще речь идет о цене, и выводит ренту из соотношения между количеством предметов питания, доставляемым земледелием, и тем количеством предметов питания, которое потребляет земледelec.

Фактически, — если оставить в стороне этот физиократический способ объяснения, — Смит предполагает, что цена того сельскохозяйственного продукта, который служит главным предметом питания, приносит, кроме прибыли, еще и ренту. Исходя из этой основы, он рассуждает дальше. С развитием земледельческой культуры площадь естественных пастбищ становится недостаточной для скотоводства, для удовлетворения спроса на мясо домашних животных. Для этой цели приходится использовать обработанную землю. [627] Следовательно, цена мяса должна повыситься настолько, чтобы она могла оплачивать не только труд, примененный в скотоводстве, но также

«прибыль и ренту, которые эта земля, будучи использована как пашня, могла бы приносить арендатору и земельному собственнику. Скот, выращенный на совершенно необрабатываемых пустошах, имеет, — если он

доставлен на тот же рынок, — соответственно своему весу и качеству, такую же цену, как и скот, выращенный на отлично возделанной земле. Собственники таких пустошей пользуются этим и повышают ренту со своих земель *соответственно цене скота, который на них выращивается*».

(Здесь Смит правильно выводит дифференциальную ренту из избытка рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью. Но рыночная стоимость повышается в этом случае не по той причине, что совершается переход от лучшей земли к худшей, а по той причине, что имеет место переход от менее плодородной земли к более плодородной.)

«Таким образом, с прогрессом в обработке земли *рента и прибыль с естественных пастбищ* определяются в известной мере рентой и прибылью с возделываемой земли, а эти последние, в свою очередь, определяются *рентой и прибылью с хлебных полей*» (том I, стр. 310—311) [Русский перевод, том I, стр. 134—135].

«Повсюду, где не существует местных преимуществ..., рента и прибыль, доставляемые хлебом или любым другим растительным продуктом, который служит главным предметом питания для народа, должны естественно определять ренту и прибыль с земли, пригодной для возделывания этого продукта, но используемой как пастбище.

Использование искусственных лугов, возделывание турнепса, моркови, капусты и т. д. и *все другие средства, применяемые для того, чтобы на данной земельной площади прокормить больше скота, чем это возможно на естественных пастбищах*, — все это должно было, по-видимому, способствовать некоторому снижению того высокого, по сравнению с ценой на хлеб, уровня цены на мясо, который естественным образом имеет место в странах с развитым земледелием. Такой результат, по-видимому, и был произведен всеми этими средствами и т. д. (стр. 315) [Русский перевод, том I, стр. 136].

Определив указанным образом *соотношение между рентой в скотоводстве и рентой в земледелии*, Смит продолжает:

«Во всех крупных странах большая часть возделываемой земли отводится под производство предметов питания для людей или кормов для скота. Рента и прибыль с этих земель определяют ренту и прибыль со всех других возделываемых земель. Если бы какой-нибудь отдельный продукт давал меньше, то земля, на которой он возделывается, вскоре была бы обращена под возделывание хлеба или использована в качестве луга, а если бы продукт давал больше, то вскоре под возделывание этого продукта была бы обращена некоторая часть земли, находящейся под культурой хлеба или используемой в качестве луга» (том I, стр. 318) [Русский перевод, том I, стр. 137].

Дальше Смит говорит о виноградарстве, садоводстве, огородничестве и т. д.:

«Хотя в этих производствах, требующих или более значительных первоначальных затрат для того, чтобы сделать землю пригодной для них, или более значительных ежегодных издержек по обработке земли, ренты и прибыли часто значительно превосходят те ренты и прибыли, которые получают с хлебов и луговых трав, — однако во всех тех случаях, когда они

лишь компенсируют эти авансы или чрезвычайные затраты, они на самом деле определяются рентами и прибылями с этих двух обычных продуктов земледелия» (том I, стр. 323—324) [Русский перевод, том I, стр. 140].

После этого Смит упоминает о возделывании сахарного тростника и табака в колониях [а затем говорит:]

«Таким образом, рента с той возделываемой земли, которая производит предметы питания для людей, определяет ренту с большей части других возделываемых земель» (том I, стр. 331) [Русский перевод, том I, стр. 143]. «В Европе пшеница является главным продуктом земли, который служит непосредственно пищей для человека. Поэтому, если не считать некоторых особых обстоятельств, рента с земель, на которых возделывается пшеница, определяет в Европе ренту со всех других возделываемых земель» (том I, стр. 331—332) [Русский перевод, том I, стр. 143].

Вслед за этим Смит снова возвращается к физиократической теории в том виде, какой он ей придал, а именно — к положению о том, что предметы питания сами создают себе потребителей. Если культура пшеницы сменяется другой, которая на самой обыкновенной земле при такой же обработке ее дает гораздо большее количество предметов питания,

«то рента земельного собственника, и л и избыток предметов питания, остающийся у него после оплаты труда и возмещения с обычной прибылью капитала арендатора, с необходимостью будет значительно больше. Каковы бы ни были в этой стране обычные расходы на содержание труда, этот большой избыток предметов питания всегда даст возможность содержать большее количество труда и, следовательно, позволит земельному собственнику покупать, или получать в свое распоряжение, большее количество труда» (том I, стр. 332) [Русский перевод, том I, стр. 143—144].

В качестве примера Смит приводит рис.

«В Каролине, как и в других английских колониях, плантаторы, как правило, являются в одно и то же время и фермерами и земельными собственниками, и там рента сливается вследствие этого с прибылью» (том I, стр. 333) [Русский перевод, том I, стр. 144].

[628] Однако рисовое поле

«не пригодно ни для возделывания хлеба, ни для пастбища, ни для виноградарства, ни для разведения какого-либо другого полезного для человека растения, а все земли, пригодные для этих различных культур, не годятся для культуры риса. Поэтому даже в тех странах, где рис является главной пищей, рента с находящейся под рисом земли не может определять ренту с других возделываемых земель, которые невозможно использовать для культуры риса» (том I, стр. 334) [Русский перевод, том I, стр. 144].

Второй пример — картофель (рикاردовская критика этого взгляда Смита приведена выше *). Если бы вместо хлеба главным предметом питания стал картофель,

* См. настоящее издание, часть II, стр. 374. Ред.

«то в результате этого *та же самая площадь возделываемых земель прокормила бы гораздо большее количество людей*; и так как рабочие питались бы, как правило, картофелем, то после возмещения капитала и прокормления всех занятых возделыванием картофеля рабочих оставался бы гораздо больший *избыток*. И земельному собственнику доставалась бы более значительная доля этого избытка. Население увеличилось бы, и ренты поднялись бы гораздо выше того уровня, на котором стоят теперь» (том I, стр. 335) [Русский перевод, том I, стр. 145].

Немногими дальнейшими замечаниями о пшеничном хлебе, об овсяном хлебе и о картофеле заканчивается затем первый отдел главы 11-й.

Мы видим, что этот первый отдел, трактующий о тех продуктах земли, которые *всегда дают ренту*, можно резюмировать следующим образом: *при предположении*, что рента с главного растительного продукта заранее дана, здесь объясняется, как она регулирует ренту в скотоводстве, виноградарстве, садоводстве и т. д. О природе самой ренты здесь *ничего не сказано* кроме общей фразы о том, что — если опять-таки *предположить* наличие ренты — плодородие земли и ее местоположение определяют высоту ренты. Однако это относится только к различию рент, к различию в их величине. Но почему рассматриваемый здесь продукт всегда дает ренту? Почему его *обычная цена* всегда превышает его *достаточную цену*? Смит отвлекается здесь от цены и опять впадает в физиократизм. Но повсюду у него проходит при этом следующая мысль: *спрос* на земледельческий продукт всегда так велик по той причине, что этот продукт сам создает тех, кто предъявляет на него спрос, создает своих собственных потребителей. Но даже при этом предположении остается непонятным, почему спрос должен превысить предложение и в силу этого поднять цену *выше* достаточной цены. Однако здесь снова незаметно всплывает воспоминание о *естественной цене*, которая включает ренту так же, как и прибыль и заработную плату, и которая уплачивается в том случае, когда предложение и спрос соответствуют друг другу:

«Если поступившее на рынок количество как раз достаточно для удовлетворения действительного спроса, то *рыночная цена* будет, конечно, в точности соответствовать... *естественной цене*» (том I, стр. 114) [Русский перевод, том I, стр. 54].

Характерно, однако, что Смит нигде в первом отделе главы 11-й не высказывает этого взгляда. Ведь как раз в самом начале главы 11-й он сказал, что рента не входит в цену в качестве ее конституирующей части. Противоречие было слишком очевидным.

**[3] СМИТОВСКАЯ ТРАКТОВКА СООТНОШЕНИЯ
МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ И СПРОСОМ
У РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПРОДУКТОВ ЗЕМЛИ.
ВЫВОДЫ СМИТА ДЛЯ ТЕОРИИ РЕНТЫ]**

Второй отдел: о продуктах, иногда дающих ренту, а иногда ее не дающих.

Только в этом отделе собственно и исследуется общая природа ренты.

«*Пища человека является, по-видимому, единственным продуктом земли, который всегда и необходимо приносит какую-нибудь ренту земельному собственнику*» (почему «всегда» и «необходимо», не показано). «Другие виды продуктов, смотря по обстоятельствам, могут иногда давать ренту, а иногда могут и не давать ее» (том I, стр. 337) [Русский перевод, том I, стр. 146].

«*После предметов питания двумя наиболее значительными потребностями человека являются одежда и жилище*» (том I, стр. 338) [Русский перевод, том I, стр. 146]. «В своем первобытном и необработанном состоянии» земля доставляет материалы для одежды и жилища *большему количеству людей, «чем она может прокормить»*. Вследствие такого «избытка этих материалов» в сравнении с числом людей, какое земля может прокормить, т. е. в сравнении с населением, материалы эти имеют небольшую «цену» или даже не имеют никакой «цены». Значительная часть этих «материалов» остается неиспользованной и бесполезной, «а цена тех из них, которые используются, *рассматривается только как эквивалент за труд и издержки, необходимые для того, чтобы сделать их пригодными для употребления*». Но эта цена не приносит «никакой ренты земельному собственнику». Когда же земля находится в обработанном состоянии, число лиц, «которое она в состоянии прокормить», т. е. численность населения, превышает массу этих доставляемых землей материалов, по крайней мере массу «тех материалов, которые эти лица желали бы получить и за которые они готовы заплатить». Возникает относительный «недостаток» в этих материалах, «а это с необходимостью повышает их стоимость». «Часто имеет место спрос на большее их количество, чем то, какое может быть получено». Тогда за них платят такую цену, которая превышает «издержки, необходимые для того, чтобы они поступали на рынок; таким образом, их цена всегда может дать некоторый избыток для уплаты ренты земельному собственнику» (том I, стр. 338—339) [Русский перевод, том I, стр. 146].

[629] Итак, рента объясняется здесь у Смита тем, что *спрос превышает то предложение товара, которое может быть доставлено по достаточной цене*.

Материалами для одежды вначале служили шкуры и кожи «самых крупных животных». У охотничьих и пастушеских народов, которые употребляют главным образом животную пищу, «каждый человек, добывая себе пищу, добывает в то же время и материалы для одежды, причем в большем количестве, чем он в состоянии носить». Не будь внешней торговли, большая часть их выбрасывалась бы как ненужная. Внешняя торговля, предъявляя спрос на этот излишек материалов, поднимает цену их *«выше издержек по доставке их на рынок*. Эта цена приносит, следовательно, некоторую ренту собственнику земли... Английская шерсть, благодаря сбыту во Фландрию, несколько повысила ренту с земли,

на которой эта шерсть получалась» (том I, стр. 339—340) [Русский перевод, том I, стр. 146—147].

Внешняя торговля в этом случае настолько повышает *цену* побочного продукта сельского хозяйства, что земля, на которой он производится, оказывается в состоянии давать некоторую ренту.

«Строительные материалы не всегда могут перевозиться на такое же большое расстояние, на какое перевозятся материалы для одежды, и не так легко становятся предметом внешней торговли. Если в стране, которая их производит, они имеются *в избытке*, то часто бывает, даже при теперешнем состоянии мировой торговли, что они не представляют *никакой стоимости для собственника земли*». Так, каменоломня может давать ренту вблизи Лондона, но не дает ее во многих местностях Шотландии и Уэльса. Так же обстоит дело со строевым лесом. Последний приносит ренту «в густо населенной и цивилизованной стране», но гниет на месте «во многих районах Северной Америки». Собственник был бы счастлив избавиться от него. «Если строительные материалы имеются в таком изобилии, то стоимость той их части, которая употребляется в дело, соответствует только труду и издержкам, необходимым для того, чтобы сделать эти материалы пригодными для употребления. Они не приносят никакой ренты земельному собственнику, который обычно разрешает пользоваться ими всякому, кто дает себе труд просить об этом. Однако иногда земельный собственник может извлечь из них ренту, когда более богатые народы предъявляют спрос на такого рода материалы» (том I, стр. 340—341) [Русский перевод, том I, стр. 147].

Численность населения той или другой страны соответствует не тому «количеству людей, которому продукты данной страны *могут обеспечить одежду и жилище*, а тому количеству людей, которое *продукты данной страны могут прокормить*. Когда нет недостатка в предметах питания, тогда нетрудно найти материалы, необходимые для одежды и жилища. Но часто можно иметь последние под рукой и все же испытывать значительные затруднения в добывании предметов питания. В некоторых местностях, даже в Английском королевстве, достаточно одного рабочего дня одного человека, чтобы построить то, что в этих местах называется домом... У диких и варварских народов достаточно $\frac{1}{100}$ годового труда, чтобы получить необходимую им одежду и жилище. Остальные $\frac{99}{100}$ годового труда часто оказываются необходимыми для того, чтобы добыть нужную им пищу. Но если благодаря обработке и улучшению земли *труд одной семьи может дать пропитание для двух семей*, то труда одной половины общества достаточно для прокормления всего общества. Тогда другая половина может удовлетворять другие потребности и прихоти людей. Главными объектами этих потребностей и прихотей являются *одежда, жилище, домашняя обстановка* и то, что называют *утварью*». Потребность в пище ограничена. Указанные выше потребности безграничны. Те, у кого есть излишек предметов питания, «всегда бывают готовы обменять этот излишек». «Бедняки, чтобы *добыть себе кусок хлеба*», заняты удовлетворением этих «прихотей» богачей и к тому же еще соперничают в этом друг с другом. Число рабочих возрастает с увеличением количества предметов питания, т. е. возрастает соответственно развитию земледелия. Их «занятия» позволяют проводить «очень далеко идущее разделение труда»; поэтому еще гораздо быстрее, чем число рабочих, увеличивается количество обрабатываемого ими сырья. «Вследствие этого возникает спрос на всякого рода

материалы, которые человеческая изобретательность может использовать для усовершенствования или украшения жилищ, одежды, утвари, домашней обстановки; усиливается спрос на минералы и другие ископаемые, скрытые в недрах земли, на благородные металлы и драгоценные камни.

Таким образом, предметы питания не только служат первоначальным источником ренты, но если в дальнейшем какой-нибудь другой продукт земли приносит ренту, то этим прибавлением стоимости он обязан тому увеличению производительной силы труда в производстве предметов питания, которое достигается благодаря обработке и улучшению почвы» (том I, стр. 342—345) [Русский перевод, том I, стр. 147—149].

То, что говорит здесь Смит, есть тот правильный взгляд на данную природой основу, из которого исходит физиократия, а именно, что всякое созидание прибавочной стоимости (включая ренту) базируется на относительной производительности земледелия. Первая реальная форма прибавочной стоимости — это избыток сельскохозяйственных продуктов (предметов питания); а первая реальная форма прибавочного труда выражается в том, что труда одного человека достаточно для производства предметов питания на двоих. Во всем остальном это не имеет никакого отношения к анализу этой специфической формы прибавочной стоимости — ренты, — формы, предполагающей капиталистическое производство.

Смит продолжает:

«Другие продукты земли» (кроме предметов питания), «в дальнейшем доставляющие ренту, дают ее не всегда. Спрос на них, даже в странах с наилучшей обработкой земли, не всегда бывает достаточно велик для того, чтобы их цена превысила ту цену, которая необходима для оплаты труда, затраченного на их производство и доставку на рынок, и для возмещения с обычной прибылью примененного при этом капитала. [630] От различных обстоятельств зависит, будет ли спрос достаточно велик для этого или нет» (том I, стр. 345) [Русский перевод, том I, стр. 149].

Значит, здесь мы опять имеем следующее: рента проистекает из того, что спрос на продукты земли превышает их предложение по достаточной цене, которая не включает ренту, а включает только заработную плату и прибыль. Что же это может означать кроме того, что [рента отсутствует там, где] предложение продуктов земли по достаточной цене настолько велико, что земельная собственность не может оказать никакого сопротивления выравниванию капиталов или труда, так что земельная собственность, даже если она юридически и существует, не существует здесь фактически, или фактически не может действовать в качестве таковой? Ошибка Смита состоит в непонимании того, что земельная собственность, продавая свои продукты по цене, превышающей достаточную цену, продает их по их стоимости. Что у Смита хорошо по сравнению с Рикардо, так это — понимание того, что только от обстоятельств зависит,

может ли или не может земельная собственность выявить свое экономическое значение. Эту часть его анализа надлежит поэтому проследить шаг за шагом. Смит начинает с угольных копей, переходит затем к лесу, потом возвращается к угольным копям и т. д. Начнем поэтому с того места, где он говорит о *лесе*:

В зависимости от состояния земледелия *цена леса* изменяется по тем же причинам, что и цена скота. Когда земледелие находится еще в младенческом состоянии, всюду преобладают леса, представляющие собой помеху для собственника, который охотно готов отдать лес тому, кто его вырубил бы. Прогресс земледелия сопровождается обезлесением — отчасти в результате расширения пахотных земель, отчасти вследствие увеличения поголовья скота, который пожирает или обгладывает корни и молодые деревья. «Хотя количество этих животных увеличивается не в такой степени, как количество хлеба, который *целиком является продуктом человеческого труда*, однако размножению их способствуют заботы и покровительство человека». Лес, таким образом, становится редкостью, и это повышает его *цену*. Поэтому лес может давать настолько высокую ренту, что пахотная земля (или земля, пригодная для пашни) отводится под лесонасаждение. Так обстоит дело в Великобритании. Рента с лесов никогда не может в течение длительного времени превышать ренту с пахотной земли или лугов. Но она может достигать такого же уровня (том I, стр. 347—349) [Русский перевод, том I, стр. 150].

Стало быть, рента, получаемая с лесов, по природе своей действительно тождественна с рентой, получаемой с лугов. Она относится к той же категории, хотя лес и не является предметом питания. Экономическая категория определяется не *потребительной стоимостью* продукта; она определяется здесь тем, может ли данная земля быть превращена в пашню или нет, и наоборот.

Угольные копи. Продуктивность или непродуктивность копей вообще, как правильно замечает Смит, зависит от того, много или мало минералов можно извлечь из различных копей при затрате одинакового количества труда. *Низкая продуктивность* копей может парализовать их *благоприятное* местоположение, так что окажется совершенно невозможным эксплуатировать подобные копи. С другой стороны, *неблагоприятное* местоположение может парализовать *высокую продуктивность* копей, так что эти копи, несмотря на свою природную продуктивность, окажутся непригодными для эксплуатации. Так бывает в особенности там, где нет ни хороших дорог, ни судоходства (том I, стр. 346—347) [Русский перевод, том I, стр. 149—150].

Существуют такие копи, продукта которых хватает лишь на то, чтобы покрывать *достаточную цену*. Они поэтому приносят прибыль предпринимателю, но не приносят никакой земельной ренты. Вследствие этого земельный собственник вынужден

их эксплуатировать сам. Он получает таким путем «обычную прибыль на примененный им капитал». Такого рода угольных копей много в Шотландии. Эксплуатировать их каким-либо иным способом было бы невозможно:

«Земельный собственник никому другому не разрешил бы эксплуатировать их без уплаты ренты, а платить ренту никто не был бы в состоянии» (том I, стр. 346) [Русский перевод, том I, стр. 149].

Здесь Смит правильно определил те условия, при которых — там, где земля *обращена в собственность*, — рента не уплачивается. Это бывает там, где земельный собственник и предприниматель соединены в *одном* лице. Раньше Смит уже сказал нам, что это имеет место в колониях. Арендатор не может здесь возделывать землю, потому что не может платить ренту. Но собственник земли может возделывать ее с прибылью, хотя никакой ренты земля ему и не дает. Так обстоит дело, например, в колониях Западной Америки, потому что здесь всегда возможно присвоение новой земли. Земля, как таковая, не есть противодействующий элемент, и конкуренция земельных собственников, которые сами обрабатывают свою землю, здесь в действительности является конкуренцией между работниками или между капиталистами. Что касается каменноугольных копей или рудников вообще, то в предположенном случае дело обстоит иначе. Рыночная стоимость, определяемая теми рудниками, которые доставляют предлагаемые ими товары как раз по этой стоимости, дает для менее продуктивных или хуже расположенных рудников меньшую ренту или совсем не дает никакой ренты, а лишь покрывает цену издержек. Эти рудники могут здесь разрабатываться только такими людьми, для которых не существует сопротивления, оказываемого земельной собственностью и исключающего свободное распоряжение землей, т. е. людьми, соединяющими в одном лице земельного собственника и капиталиста; эти рудники могут разрабатываться только в тех случаях, когда земельная *собственность*, как самостоятельный элемент, противостоящий капиталу, фактически исчезает. Случай этот отличается от того, который имеет место в колониях, в том отношении, что там земельный собственник никому не может запретить эксплуатировать *новую* землю. Здесь же он может это делать. Только самому себе он разрешает эксплуатировать рудник. Это не дает земельному собственнику возможности получать ренту, но позволяет ему, устранив других лиц, получать прибыль от вложения своего капитала в рудник.

То, что сказано здесь Смитом о регулировании ренты самой продуктивной шахтой, я уже рассмотрел выше, когда говорил

о Рикардо и о его полемике против Смита *. Здесь надо отметить лишь следующее место:

«Самая низкая цена» (раньше Смит говорил: достаточная цена), «по которой уголь может продаваться в течение сколько-нибудь продолжительного времени, это, как и для всех других товаров, та цена, которая всего лишь достаточна для возмещения, вместе с обычной прибылью, капитала, затрачиваемого на производство товара и доставку его на рынок» (том I, стр. 350) [Русский перевод, том I, стр. 151].

Мы видим, что *достаточная цена* заняла место *естественной цены*. Рикардо отождествляет их, и с полным основанием.

[631] Смит утверждает, что

рента с угольных копей гораздо меньше ренты, получаемой с сельскохозяйственных продуктов: в сельском хозяйстве рента обычно достигает $\frac{1}{3}$ валового продукта, для угольных же копей $\frac{1}{5}$ представляет собой очень высокую ренту, $\frac{1}{10}$ — обычную ренту. *Металлорудные копи* в меньшей степени зависят от местоположения, так как их продукты более транспортабельны; мировой рынок для них более доступен. Их стоимость поэтому больше зависит от продуктивности, чем от местоположения, тогда как для угольных копей дело обстоит как раз наоборот. Продукты самых отдаленных (друг от друга) металлорудных копей конкурируют между собой. «Поэтому цена даже неблагородных и — в еще большей степени — цена благородных металлов *наипродуктивнейших рудников* необходимо должна влиять на цену тех же металлов, добытых из всякого другого рудника на земном шаре» (том I, стр. 351—352) [Русский перевод, том I, стр. 151—152].

«Таким образом, поскольку цена любого металла, добытого из любого рудника, регулируется в известной мере ценою этого металла, доставляемого *наипродуктивнейшим* из эксплуатируемых в данное время на земном шаре рудников, — постольку в значительном большинстве рудников эта цена почти не превышает того, что необходимо для покрытия издержек по эксплуатации, и редко может доставить очень высокую ренту земельному собственнику. Поэтому для большинства рудников рента составляет лишь небольшую часть цены металлов, и еще гораздо меньшую часть она составляет в цене благородных металлов. Труд и прибыль составляют большую часть этой цены» (том I, стр. 353—354) [Русский перевод, том I, стр. 152].

Смит здесь правильно разъясняет случай, представленный таблицей С **.

Говоря о благородных металлах, Смит снова повторяет свое определение достаточной цены, которую он ставит на место естественной цены, когда трактует о *ренте*. Там, где он говорит о неземледельческом производстве, у него в этом нет необходимости, так как здесь, согласно его первоначальному определению, достаточная цена и естественная цена совпадают; это именно та цена, которая оплачивает авансированный капитал и среднюю прибыль.

«Самая низкая цена, по которой, в течение сколько-нибудь продолжительного времени, могут продаваться драгоценные металлы, .. регули-

* См. настоящее издание, часть II, стр. 371—373. *Ред.*

** См. вклейку между страницами 292—293. *Ред.*

руется теми же правилами, которые определяют самую низкую обычную цену всех других товаров. Эту цену определяет тот капитал, который обычно нужно затратить, чтобы драгоценные металлы поступили из рудника на рынок, т. е. ее определяют предметы питания, одежда и жилище, которые обычно потребляются во время этой работы. Необходимо, чтобы цена была по крайней мере достаточна для возмещения этого капитала с обычной прибылью» (том I, стр. 359) [Русский перевод, том I, стр. 155].

Относительно *драгоценных камней* Смит замечает:

«Спрос на драгоценные камни вызывается исключительно их красотой. Они служат только для украшения, и красота их оценивается *еще значительно выше вследствие их редкости, или вследствие тех трудностей и издержек, с которыми связана их добыча из рудников*. Поэтому заработная плата и прибыль в большинстве случаев и составляют почти всю их — весьма высокую — цену. Рента входит в эту цену лишь весьма небольшой долей, а очень часто и совсем не входит в нее, и только самые продуктивные рудники могут давать сколько-нибудь значительную ренту» (том I, стр. 361) [Русский перевод, том I, стр. 156].

Здесь возможна лишь дифференциальная рента:

«Так как цена драгоценных металлов и драгоценных камней во всем мире регулируется их ценой на самом продуктивном руднике, то из этого следует, что рента, которую какой-либо из этих рудников может давать земельному собственнику, находится в соответствии не с *абсолютной* продуктивностью рудника, а с тем, что можно назвать *относительной* продуктивностью его, т. е. в соответствии с его превосходством над другими рудниками подобного рода. Если бы были открыты новые рудники, превосходящие рудники Потоси в такой же мере, в какой эти последние превосходят европейские рудники, то стоимость серебра могла бы вследствие этого понизиться до такого уровня, что не стоило бы затрачивать труд на разработку даже рудников Потоси» (том I, стр. 362) [Русский перевод, том I, стр. 156].

Продукты менее продуктивных рудников благородных металлов и драгоценных камней не приносят никакой ренты по той причине, что рыночную стоимость *всегда* определяет самый продуктивный рудник и с течением времени открываются всё более продуктивные новые рудники, так что движение происходит постоянно по восходящей линии. Продукты менее продуктивных рудников продаются, следовательно, *ниже* их стоимости, всего лишь по их цене издержек.

«Изобилие с необходимостью снижает стоимость продукта, если стоимость последнего обусловлена главным образом редкостью» (том I, стр. 363) [Русский перевод, том I, стр. 156].

Вслед за этим Смит снова приходит к более или менее общему выводу.

«Иначе обстоит дело с земельными владениями на поверхности земли. Стоимость их продукта и размер приносимой ими ренты пропорциональны не их *относительному*, а их *абсолютному* плодородию. Земля, которая

производит известное количество предметов питания или материалов для одежды или для жилища, всегда может прокормить, одеть и снабдить жилищем известное количество людей; и *какова бы ни была доля земельного собственника в этом продукте*» (вопрос как раз в том и состоит, получает ли земельный собственник долю в продукте и какую именно), «эта доля [632] всегда предоставит в его распоряжение соответствующее количество труда этих людей и тех товаров, которые их труд может ему доставить» (том I, стр. 363—364) [Русский перевод, том I, стр. 157].

«Стоимость самой неплодородной земли не уменьшается от соседства самой плодородной земли. Напротив, ее стоимость обычно от этого повышается. Большое количество людей, которых кормят плодородные земли, *создает рынок для целого ряда продуктов неплодородных земель*; такого рынка эти продукты никогда не нашли бы у тех людей, которых мог бы прокормить собственный продукт этих неплодородных земель».

(Однако это бывает лишь тогда, когда эти неплодородные земли производят *не тот же продукт*, что плодородные земли, находящиеся по соседству; лишь тогда, когда продукт неплодородных земель *не конкурирует* с продуктом более плодородных земель. В отношении такого случая Смит прав, и это, действительно, имеет важное значение для понимания того, как благодаря плодородию земли, производящей пищу, может возрастать общая сумма ренты с различного рода продуктов земли.)

«Все, что ведет к увеличению плодородия земли, дающей предметы питания, увеличивает не только стоимость тех земель, которые подверглись улучшению» {все это может уменьшить эту стоимость, даже свести ее на нет}, «но еще и способствует равным образом увеличению стоимости многих других земель, создавая новый спрос на их продукты» (или же, *вернее*, спрос на *новые продукты*) (том I, стр. 364) [Русский перевод, том I, стр. 157].

Что во всем этом остается у Смита необъясненным, так это абсолютная рента, существование которой он допускает для земли, производящей пищу. Смит справедливо замечает, что абсолютная рента может и не существовать для других земель, например для рудников, потому что последние всегда имеются в столь *относительно* неограниченном количестве (по сравнению со спросом), что земельная собственность не может здесь оказывать никакого сопротивления капиталу; она экономически не существует, даже если и существует юридически.

(См. стр. 641 о ренте с домов.) ⁹⁷ [632]

* * *

[641] (См. стр. 632.) О ренте с домов А. Смит говорит:

«Вся та часть ренты с домов, которая остается *после вычета* того, что *достаточно* для получения этой умеренной *прибыли*» (собственником дома, построившим этот дом), «приходится, естественно, на ренту с застроенных участков земли; и когда собственник земли и собственник дома — два различных лица, эта часть в большинстве случаев полностью уплачивается

первому. Дома, находящиеся на значительном расстоянии от больших городов, в сельских местностях, где возможен широчайший выбор свободной земли, дают крайне незначительную земельную ренту — не больше того, что приносила бы земля, на которой стоит дом, если бы эта земля была использована для земледелия» (книга V, глава 2) [Русский перевод, том II, стр. 354—355].

При земельной ренте с домов *местоположение* имеет такое же решающее значение для дифференциальной ренты, какое имеет для нее — при ренте в земледелии — плодородие (и местоположение) земли.

А. Смит, отдавая, вместе с физиократами, особое предпочтение земледелию и земельному собственнику, разделяет физиократическое воззрение, что они являются наиболее подходящим объектом для налогового обложения. Он говорит:

«Как рента с застроенных участков земли, так и обыкновенная земельная рента представляют собой такой вид дохода, которым собственник земли во многих случаях пользуется без всяких забот и усилий с его стороны. И если часть этого дохода будет отнята у него для покрытия расходов государства, то от этого никакой вид труда не потерпит никакого ущерба. Годовой продукт земли и труда общества, действительное богатство и доход основной массы населения могут, после введения такого налога, остаться без изменений. Вот почему рента с застроенных участков земли и обыкновенная земельная рента являются, пожалуй, тем видом дохода, который лучше всего может вынести обложение его особым налогом» (книга V, глава 2) ⁹⁸ [Русский перевод, том II, стр. 358].

Против этого Рикардо (стр. 230) ⁹⁹ выдвигает совершенно обывательские возражения. [641]

[4) СМИТОВСКИЙ АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ЦЕН НА ПРОДУКТЫ ЗЕМЛИ]

[632] *Третий отдел: об изменениях в соотношении между стоимостями тех продуктов, которые всегда дают ренту, и тех, которые иногда дают ренту, а иногда не дают ее* (глава 11, книга I, том II).

«В стране, которая отличается естественным плодородием, но в которой преобладающая часть земли совсем не обработана, скот, птица, дичь всякого рода могут быть получены при весьма малой затрате труда; поэтому на них можно купить, или получить в свое распоряжение, лишь весьма малое количество труда» (том II, стр. 25) [Русский перевод, том I, стр. 167].

Каким причудливым образом измерение стоимости количеством труда смешивается у Смита с «ценой труда», или с тем количеством труда, которым тот или иной товар может распоряжаться, — это видно из вышеприведенной цитаты, но в особенности

из нижеследующего отрывка, который показывает также, как Смит пришел к тому, что местами возводит хлеб в мерилу стоимости.

«При любом состоянии общества, на любой ступени развития его цивилизации *хлеб всегда является продуктом человеческого труда*. Но среднее количество продукта любой отрасли труда всегда более или менее точно соответствует среднему потреблению, среднее предложение соответствует среднему спросу. Кроме того, *на различных ступенях цивилизации для выращивания одинаковых количеств хлеба на той же самой земле и при том же климате всегда требуется в среднем почти одинаковое количество труда, и а и, что сводится к тому же самому, цена почти одинакового количества труда*. Ибо непрерывное увеличение производительных сил труда при повышении культуры земледелия более или менее уравновешивается непрерывным возрастанием цен на скот, служащий главным орудием в земледелии. Ввиду всего этого мы можем быть уверены, что *при любом возможном состоянии общества, на любой ступени цивилизации одинаковые количества хлеба будут более верными представителями и а и эквивалентами одинаковых количеств труда, чем одинаковые количества какого-либо другого сырого продукта земли*. Поэтому хлеб... на всех различных ступенях развития богатства и цивилизации общества является более точной мерой стоимости, чем какой-либо другой товар или какая-либо другая группа товаров... Кроме того, *хлеб или вообще то растение, которое является обычной и излюбленной пищей народа, составляет во всякой цивилизованной стране основную часть средств существования рабочего*... Поэтому денежная цена труда в гораздо большей степени зависит от средней цены хлеба, являющегося средством существования рабочего, чем от цены мяса или какого-нибудь другого сырого продукта земли. Вследствие этого действительная стоимость золота и серебра, действительное количество труда, какое они могут купить, или получить в свое распоряжение, зависит в гораздо большей степени от количества хлеба, какое они могут купить или представить, чем от количества мяса или другого продукта земли, которым они могут располагать» (том II, стр. 26—28) [Русский перевод, том I, стр. 167—168].

При сравнении стоимости золота и серебра Смит еще раз развивает свой взгляд на «достаточную цену» и [633] определенно указывает, что *она исключает ренту*:

«Товар можно назвать *дорогим* или *дешевым* не только в зависимости от того, составляет ли его обычная цена большую или малую сумму, но и в зависимости от того, превышает ли эта обычная цена в большей или меньшей мере самую низкую цену, по которой товар может поступать на рынок в течение сколько-нибудь продолжительного времени. *Этой самой низкой ценой является та цена, которая как раз достаточна для того, чтобы с умеренной прибылью возместить капитал, необходимый для поступления товара на рынок. Это — такая цена, которая ничего не дает земельному собственнику, цена, в которую рента не входит составной частью и которая разлагается лишь на заработную плату и прибыль*» (том II, стр. 81) [Русский перевод, том I, стр. 189].

«Цена бриллиантов и других драгоценных камней, вероятно, еще в большей мере, чем цена золота, приближается к той самой низкой цене, по которой они могут поступать на рынок» (том II, стр. 83) [Русский перевод, том I, стр. 190].

По Смиуту, существуют три группы сырых продуктов (том II, стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 192]. *Первая* состоит из тех продуктов, умножение которых почти не зависит — или совсем не зависит — от человеческого труда; *вторая* — из продуктов, количество которых может быть увеличено соответственно спросу; к *третьей* группе относятся те продукты, на увеличение количества которых человеческий труд «оказывает лишь ограниченное или непостоянное воздействие».

Первая группа: рыба, редко встречающиеся птицы, всякого рода дичь, почти все дикие птицы, в особенности перелетные птицы, и т. п. Спрос на эти продукты сильно возрастает вместе с ростом богатства и роскоши.

«Так как количество этих товаров остается неизменным или почти неизменным, между тем как конкуренция между покупателями все увеличивается, то цена их может подняться до любой высоты» (том II, стр. 91) [Русский перевод, том I, стр. 193].

Вторая группа. «Она состоит из тех полезных растений и животных, которые на необрабатываемых землях создаются природой в таком изобилии, что они имеют лишь небольшую стоимость или совсем не имеют стоимости, и которые по мере распространения земледельческой культуры вынуждены уступать место другим, более выгодным продуктам. В течение длительного времени, вместе с прогрессом цивилизации, количество продуктов этой группы непрерывно уменьшается, тогда как одновременно с этим спрос на них непрерывно возрастает. Таким образом, их действительная стоимость, действительное количество труда, какое они могут купить, или получить в свое распоряжение, все больше возрастает, пока в конце концов не достигает такой высоты, что делает их продуктами столь же выгодными, как и всякий другой продукт, полученный при помощи человеческого труда на самой плодородной и лучше всего возделанной земле. Если стоимость этих продуктов уже достигла такого уровня, то она уже не может дальше повышаться. В противном случае вскоре стали бы применять большее количество земли и труда, чтобы увеличить количество этого продукта» (том II, стр. 94—95) [Русский перевод, том I, стр. 194]. Так обстоит дело, например, со скотом.

«Из всех различных товаров, составляющих эту вторую группу сырых продуктов, домашний скот, пожалуй, является тем товаром, цена которого с развитием цивилизации в первую очередь достигает такой высоты» (том II, стр. 96—97) [Русский перевод, том I, стр. 195]. «Если домашний скот одним из первых достигает этой цены» {т. е. той цены, которая оправдывает обработку земли с целью получения корма для скота}, «то дичь, вероятно, достигает этой цены одной из последних. Какой бы чрезмерно высокой ни казалась цена крупной дичи в Англии, эта цена еще недостаточна для покрытия расходов по содержанию охотничьего парка, где водятся эти животные, как хорошо известно всем, кто занят разведением дичи этого рода» (том II, стр. 104) [Русский перевод, том I, стр. 198].

«На каждой ферме отбросами из амбара и хлева можно прокормить некоторое количество *домашней птицы*. Так как домашняя птица ест то, что иначе пропало бы без пользы, то ее разводят просто потому, что из всего хотя бы извлечь выгоду; и так как домашняя птица почти ничего не стоит фермеру, то ему выгодно продавать ее даже по весьма невысокой цене». Пока имеющееся предложение является достаточным, домашняя

птица так же дешева, как и мясо домашнего скота. С возрастом богатства увеличивается спрос, а в результате этого цена домашней птицы поднимается *выше* цены говядины или баранины, до тех пор пока «не становится выгодным обрабатывать землю специально для откармливания домашней птицы». Так происходит во *Франции* и т. д. (том II, стр. 105—106) [Русский перевод, том I, стр. 199].

Свинью, как и птицу, «сначала разводят потому, что из всего хотят извлечь выгоду». Она питается отбросами. Но в конце концов цена ее поднимается настолько, что становится необходимым возделывать землю специально для откармливания свиней (том II, стр. 108—109) [Русский перевод, том I, стр. 200].

Молоко, молочная ферма (том II, стр. 110 и следующие) [Русский перевод, том I, стр. 200 и следующие]. (Масло, сыр; там же.)

Постепенное возрастание *цены* этих сырых продуктов доказывает, по мнению Смита, только то, что они постепенно становятся *продуктами человеческого труда*, тогда как раньше они были почти исключительно *продуктами природы*. Их превращение из продуктов природы в продукты труда само является результатом развития культуры, которое все более и более ограничивает простор для продуктов, создаваемых стихийными силами природы. С другой стороны, значительная часть указанных *выше* продуктов при менее развитых условиях производства продавалась *ниже своей стоимости*. Они начинают продаваться *по* своей стоимости, как только из побочного продукта они превращаются в самостоятельный продукт какой-либо отрасли сельского хозяйства (отсюда и возрастание цен).

«Очевидно, что земли какой-либо страны никогда не могут быть полностью возделаны и улучшены раньше, чем *цена* любого продукта, который предполагается вырастить на них при помощи человеческого труда, не достигнет высоты, достаточной для *покрытия издержек по такому возделыванию и улучшению земли*. Чтобы это было возможно, цена каждого отдельного продукта должна быть достаточна, во-первых, для уплаты ренты, получаемой с хорошей земли под хлебом, так как именно эта земля определяет ренту с большей части остальных возделываемых земель; во-вторых, для того, чтобы оплатить труд и издержки арендатора не хуже, чем они обычно оплачиваются на хорошей земле под хлебом, другими словами, чтобы *возместить с обычной прибылью затраченный арендатором капитал*. Такое *повышение цены* каждого отдельного продукта должно, очевидно, [634] *предшествовать* улучшению и возделыванию земли, предназначенной для выращивания этого продукта... Теперь эти различные виды сырых продуктов *стоят* не только большего количества серебра, чем прежде, но и большего количества труда и средств существования. Так как приходится затрачивать *большее количество труда и средств существования, чтобы эти продукты поступали на рынок*, то поэтому они, *поступив на рынок, представляют большее количество труда и средств существования, и л и стоят этого большего количества*» (том II, стр. 113—115) [Русский перевод, том I, стр. 202—203].

Здесь мы опять видим, что понятие стоимости, определяемой тем количеством труда, которое она может купить, применяется

Смитом лишь в той мере, в какой он эту стоимость смешивает со стоимостью, определяемой количеством труда, требующегося для производства данного товара.

Третья группа. Эта группа состоит, по определению Смита, из таких сырых продуктов,

«на увеличение количества которых человеческий труд оказывает лишь ограниченное или непостоянное воздействие» (том II, стр. 115) [Русский перевод, том I, стр. 203].

Количество *шерсти и кож* ограничено количеством имеющегося крупного и мелкого скота. Но эти самые ранние *побочные продукты* имеют *широкий рынок сбыта* уже тогда, когда сам скот еще не имеет его. Рынок для мяса домашних животных почти всегда ограничен пределами данной страны. А шерсть и невыделанные кожи даже на первых ступенях цивилизации в большинстве случаев имеют уже внешние рынки. Они весьма транспортабельны и доставляют сырье для многочисленных промышленных изделий. Поэтому более развитые в промышленном отношении страны могут служить для них рынком уже тогда, когда отечественная промышленность еще не нуждается в них.

«В малокультурных и потому весьма слабо заселенных странах цена *шерсти и кож* всегда составляет гораздо большую долю цены всего животного, чем в странах, где благодаря большому богатству и более многочисленному населению существует больший спрос на мясо». То же самое относится и к салу. С развитием промышленности и с ростом населения повышение цены скота приходится больше на его *тушу*, чем на *шерсть и кожу*. Ибо с ростом промышленности и населения в стране расширяется рынок для мяса, тогда как рынок для указанных побочных продуктов уже раньше вышел за пределы страны. Но с развитием отечественной промышленности цена на шерсть и т. п. все-таки тоже несколько повышается (том II, стр. 115—119) [Русский перевод, том I, стр. 203—205].

Рыба (том II, стр. 129—130) [Русский перевод, том I, стр. 208—209]. Если спрос на рыбу возрастает, то для удовлетворения его требуется большее количество труда. «Рыбу приходится тогда обычно отыскивать в более отдаленных местах, приходится употреблять суда более значительных размеров, пользоваться более дорогим оборудованием всякого рода». Спрос на рыбу «не сможет быть тогда удовлетворен без затраты труда», превышающей затрату того «труда, который был необходим, чтобы снабдить рынок рыбой при прежнем его состоянии». «Поэтому *действительная цена* этого товара должна естественно повыситься с развитием цивилизации» (том II, стр. 130) [Русский перевод, том I, стр. 209].

Здесь, следовательно, Смит определяет *действительную цену* количеством труда, необходимого для производства товара.

По Смицу, *действительная цена растительных продуктов* (хлеба и т. п.) с развитием цивилизации необходимо *падает*:

«Если распространение земледельческих улучшений *необходимо повышает цену всякого рода животной пищи* по сравнению с ценой хлеба, то, с другой стороны, оно столь же необходимо *понижает* цену всякого, как я полагаю, рода *растительной пищи*. Оно повышает цену животной пищи по той причине, что значительная часть земли, доставляющей животную пищу, теперь, после того как она сделалась пригодной для производства хлеба, должна давать земельному собственнику и арендатору ренту и прибыль, обычные для земли под хлебом. Оно *понижает цену растительной пищи* потому, что, *увеличивая плодородие земли*, увеличивает вместе с тем обилие этого вида пищи. Земледельческие улучшения вводят также много новых видов растительной пищи, которые требуют меньше земли и не больше труда, чем хлеб, а потому поступают на рынок по гораздо более дешевой цене, чем хлеб. Таковы картофель и кукуруза... Кроме того, разведение многих видов растительной пищи при низком уровне развития земледелия не выходит за пределы огорода и осуществляется с помощью одной лишь лопаты; с развитием же земледельческой культуры их начинают сеять в открытом поле и возделывать с помощью плуга. Таковы репа, морковь, капуста и т. п.» (глава 11, том II, стр. 145—146) [Русский перевод, том I, стр. 214—215].

Смит видит, что *цены промышленных товаров*, как правило, понизились всюду, где

«действительная цена *сырья* не повышается или не очень сильно повышается» (том II, стр. 149) [Русский перевод, том I, стр. 216].

С другой стороны, Смит утверждает, что действительная цена труда, т. е. заработная плата, повысилась с развитием производства. Стало быть, цены товаров, также и по его мнению, не обязательно повышаются вследствие повышения заработной платы, или цен труда, хотя заработная плата и представляет собой, по его мнению, «конституирующую часть естественной цены» и даже «достаточной цены», или, другими словами, «самой низкой цены, по которой товары могут поступать на рынок». Как же Смит объясняет это? Падением прибыли? Нет (хотя он и допускает, что общая норма прибыли с развитием цивилизации понижается). Падением ренты? Тоже нет. Он говорит:

«Более совершенные машины, [635] возросшее искусство в работе и более целесообразное разделение и распределение труда (все это является естественным следствием развития страны) приводят к тому, что *требуется гораздо меньшее количество труда*, чтобы произвести какой-нибудь предмет; и хотя в результате *цветущего состояния общества действительная цена труда должна значительно повыситься*, все же *резкое уменьшение количества труда, требующегося для производства каждой вещи*, с избытком компенсирует, как правило, любое повышение, которое может произойти в цене этого труда» (том II, стр. 148) [Русский перевод, том I, стр. 215—216].

Итак, *стоимость* товаров понижается по той причине, что уменьшается количество труда, необходимое для их производства, и понижается она несмотря на то, что *действительная*

цена труда повышается. Если здесь под *действительной ценой* труда подразумевается его *стоимость*, то прибыль с необходимостью при этом падает, когда цена товаров уменьшается вследствие уменьшения их стоимости. Если же под этим подразумевается та сумма жизненных средств, которую получает рабочий, то положение Смита правильно даже тогда, когда прибыль повышается.

Всюду, где Смит дает действительный анализ, он применяет правильное определение стоимости; это видно также в конце главы, где он исследует вопрос, почему *шерстяные ткани* были дороже в XVI столетии [чем в XVIII]:

«Требовалось гораздо большее количество труда для изготовления этих предметов, а потому, будучи доставлены на рынок, они должны были продаваться или поступать в обмен за цену большего количества труда» (том II, стр. 156) [Русский перевод, том I, стр. 218—219].

Ошибка здесь только в слове *цена*.

[5) ВЗГЛЯД СМИТА НА ДВИЖЕНИЕ РЕНТЫ И ЕГО ОЦЕНКА ИНТЕРЕСОВ РАЗЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ]

Заключение главы. А. Смит кончает свою главу о ренте замечанием, что

«всякое улучшение в состоянии общества имеет тенденцию прямо или косвенно повышать действительную земельную ренту». «Расширение и улучшение обрабатываемой земли приводят к этому непосредственно. Доля земельного собственника в продукте необходимо увеличивается вместе с увеличением количества этого продукта» (том II, стр. 157—158) [Русский перевод, том I, стр. 219]. Повышение «действительной цены тех сырых продуктов, вздорожание которых первоначально является следствием распространения земледельческих улучшений, а затем становится причиной их дальнейшего развития» — например, повышение цены скота — повышает, во-первых, действительную стоимость доли земельного собственника, а, во-вторых, также и относительную величину этой доли; ибо «после того как действительная цена такого продукта повысилась, для его производства требуется не больше труда, чем прежде. Следовательно, меньшая доля продукта, чем прежде, окажется достаточной для того, чтобы с обычной прибылью возместить капитал, приводящий в движение этот труд. Остающаяся после этого часть продукта, являющаяся долей земельного собственника, будет поэтому составлять большую, чем прежде, часть всего продукта» (том II, стр. 158—159) [Русский перевод, том I, стр. 219—220].

Точно таким же способом Рикардо объясняет увеличение доли ренты при вздорожании хлеба, получаемого с более плодородных полей. Но вызывается это вздорожание не земледельческими улучшениями, и поэтому Рикардо приходит к выводу, противоположному тому, какой делает Смит.

Смит указывает затем на то, что всякое развитие производительной силы труда в промышленности приносит выгоду земельному собственнику:

«Все, что понижает действительную цену продуктов первого рода *, повышает действительную цену продуктов второго рода **». Далее, при каждом увеличении действительного богатства общества возрастает и население, с ростом населения возрастает спрос на сельскохозяйственные продукты, а тем самым и вложенный в сельское хозяйство капитал, а «с увеличением продукта возрастает и рента». Наоборот, все противоположные обстоятельства, задерживающие рост богатства общества, приводят к падению ренты, а потому и к уменьшению действительного богатства земельного собственника (том II, стр. 159—160) [Русский перевод, том I, стр. 220].

Отсюда Смит заключает, что интересы лендлордов (земельных собственников) всегда гармонируют с «интересами всего общества». С интересами всего общества гармонируют, по Смицу, также и интересы *рабочих* (том II, стр. 161—162) [Русский перевод, том I, стр. 221]. Но Смит настолько честен, что проводит здесь определенное различие:

«Класс земельных собственников может, пожалуй, больше выигрывать от процветания общества, чем они» (рабочие), «но ни один класс не страдает так жестоко от упадка общества, как класс рабочих» (том II, стр. 162) [Русский перевод, том I, стр. 221].

Напротив, интересы капиталистов (промышленников и торговцев) не тождественны с

«интересами всего общества» (том II, стр. 163) [Русский перевод, том I, стр. 222]. «Частные интересы тех, кто применяет свой капитал в какой-либо отрасли торговли или промышленности, *всегда* в каком-нибудь отношении *отличны* от интересов общества и даже *противоположны* им» (том II, стр. 164—165) [Русский перевод, том I, стр. 222]. «...[Это] класс людей, интересы которых [636] никогда не совпадают в точности с интересами общества, — людей, которые обычно заинтересованы в том, чтобы обманывать общество и даже угнетать его, и которые поэтому весьма часто и обманывали его и угнетали» (том II, стр. 165) [Русский перевод, том I, стр. 222]¹⁰⁰, [636]

* — промышленных продуктов. Ред.

** — сельскохозяйственных продуктов. Ред.

[ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ]
**РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ
 ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ**

**[А. СВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РИКАРДО
 О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ С ЕГО ВЗГЛЯДАМИ
 НА ПРИБЫЛЬ И РЕНТУ]**

**[1) СМЕШЕНИЕ ЗАКОНОВ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ
 С ЗАКОНАМИ ПРИБЫЛИ У РИКАРДО]**

[636] Рикардо нигде не рассматривает *прибавочную стоимость* обособленно и отдельно от ее особых форм — прибыли (процента) и ренты. Поэтому его рассуждения об органическом строении капитала, имеющем столь фундаментальное значение, ограничиваются перешедшими от А. Смита (собственно — от физиократов) различиями в органическом строении капитала в том виде, в каком эти различия проистекают из процесса обращения (основной капитал и оборотный капитал), — причем Рикардо нигде не касается различий в органическом строении капитала внутри самого процесса производства, или он этих различий даже и не знает. Отсюда у него смешение *стоимости* и *цены издержек*, ошибочная теория ренты, ошибочные законы относительно причин повышения и понижения нормы прибыли и т. д.

Прибыль и прибавочная стоимость тождественны лишь постольку, поскольку авансированный капитал тождествен с капиталом, непосредственно затраченным на заработную плату. (Рента здесь не фигурирует, ибо прибавочная стоимость сперва полностью присваивается капиталистом, какие бы ее доли ни приходилось ему потом отдавать своим компаньонам. Ведь и у самого Рикардо рента представлена как обособившаяся, выделившаяся часть прибыли.) Так вот, Рикардо и отвлекается в своих рассуждениях о прибыли и заработной плате от не затрачиваемой на заработную плату постоянной части капитала. Он рассматривает дело таким образом, будто весь капитал затрачивается непосредственно на заработную плату. *Постольку*, следовательно, он делает предметом своего

рассмотрения *прибавочную стоимость*, а не *прибыль*, и постольку можно говорить поэтому о теории прибавочной стоимости у Рикардо. Но, с другой стороны, он полагает, что имеет дело с прибылью как таковой, и, действительно, всюду у него проявляются такие точки зрения, которые исходят из предпосылки прибыли, а не прибавочной стоимости. Там, где Рикардо правильно излагает законы прибавочной стоимости, он искажает их тем, что формулирует их непосредственно как законы прибыли. С другой стороны, он хочет законы прибыли непосредственно, без промежуточных звеньев, представить как законы прибавочной стоимости.

Когда мы говорим о теории прибавочной стоимости у Рикардо, то мы, стало быть, говорим о его теории прибыли, поскольку он прибыль смешивает с прибавочной стоимостью, т. е. рассматривает прибыль лишь по отношению к переменному капиталу, к той части капитала, которая затрачивается на заработную плату. То, что Рикардо говорит о прибыли в ее отличии от прибавочной стоимости, мы разберем позже.

То обстоятельство, что прибавочную стоимость можно рассматривать только по отношению к переменному капиталу, к капиталу, непосредственно затрачиваемому на заработную плату, — а без знания прибавочной стоимости никакая теория прибыли невозможна, — это обстоятельство настолько соответствует самой сути дела, что Рикардо рассматривает весь капитал как переменный и *отвлекается* от постоянного капитала, хотя этот последний местами и упоминается им в форме авансированных затрат.

[637] Рикардо говорит (глава 26-я — «О валовом и чистом доходе») о таких

«отраслях торговли и промышленности, в которых *прибыли пропорциональны капиталу*, а не *количеству* применяемого труда» (цит. соч., стр. 418) [Русский перевод, том I, стр. 286].

К чему сводится все учение Рикардо о средней прибыли (на котором основывается его теория ренты), как не к утверждению, что прибыли «пропорциональны *капиталу*, а не *количеству* применяемого труда»? Если бы они были «пропорциональны количеству применяемого труда», то равные капиталы приносили бы весьма *неравные* прибыли, так как их прибыль равнялась бы произведенной в их собственной отрасли прибавочной стоимости, а последняя зависит не от величины капитала вообще, а от величины переменного капитала, или от «количества применяемого труда». Итак, как же можно утверждать, будто только некоторому особому применению капитала, *особым*

отраслям производства, присуще в виде исключения то, что в них прибыли пропорциональны величине вложенного капитала, а не количеству применяемого труда? При данной норме прибавочной стоимости масса прибавочной стоимости для определенного капитала всегда должна зависеть не от абсолютной величины капитала, а от количества применяемого труда. С другой стороны, при данной средней норме прибыли масса прибыли всегда должна зависеть от величины применяемого капитала, а не от количества применяемого труда.

Рикардо определенно говорит о таких отраслях, как

«водный транспорт, внешняя торговля с отдаленными странами и те отрасли, в которых требуется дорогое машинное оборудование» (стр. 418) [Русский перевод, том I, стр. 286].

Это значит: он говорит об отраслях, применяющих относительно много постоянного и относительно мало переменного капитала. Это вместе с тем такие отрасли, в которых, по сравнению с другими, велика *общая масса* авансированного капитала, другими словами — такие отрасли, в которых можно вести дело только с помощью *крупных капиталов*. При данной норме прибыли масса прибыли зависит вообще от *величины* авансированных капиталов. Но это отнюдь не является отличительной чертой тех отраслей, в которых применяются большие капиталы и много постоянного капитала (одно всегда связано с другим), по сравнению с теми отраслями, где применяются небольшие капиталы, а представляет собой лишь частный случай того положения, что равновеликие капиталы приносят равновеликие прибыли и что, следовательно, больший капитал приносит больше прибыли, чем меньший капитал. Это не имеет никакого отношения к «количеству применяемого труда». Но велика ли вообще норма прибыли или мала, — это, действительно, зависит от совокупного количества труда, применяемого капиталом всего класса капиталистов, от относительного количества применяемого *неоплаченного* труда и, наконец, от соотношения между капиталом, затраченным на труд, и тем капиталом, который всего лишь воспроизводится как условие производства.

Рикардо сам полемизирует против того взгляда А. Смита, что более высокая норма прибыли во внешней торговле, «большие прибыли, получаемые иногда отдельными купцами во внешней торговле, повышают общую норму прибыли в стране». Рикардо говорит:

«Утверждают, что равенство прибылей установится путем общего повышения прибылей; я же держусь того мнения, что прибыли той

отрасли, которая находится в особо благоприятных условиях, быстро опустятся до общего уровня» (глава 7-я — «О внешней торговле», стр. 132—133) [Русский перевод, том I, стр. 113].

В какой мере правилен взгляд Рикардо, что чрезвычайные прибыли (если они вызваны не тем, что рыночная цена поднялась выше стоимости), *несмотря на выравнивание*, не повышают общей нормы прибыли; в какой мере правилен, далее, его взгляд, что внешняя торговля и расширение рынка *не* могут повысить норму прибыли, — это мы увидим позже *. Но если признать правильность его взгляда, если признать вообще «равенство прибылей», то как может он проводить различие между одними отраслями, «где прибыли *пропорциональны капиталу*», и другими, где прибыли «пропорциональны количеству применяемого труда»?

В цитированной выше главе 26-й — «О валовом и чистом доходе» — Рикардо говорит:

«Я допускаю, что в силу самой природы ренты любой данный капитал, примененный в земледелии на любой земле, кроме поступившей в обработку в последнюю очередь, приводит в движение большее количество труда, чем капитал равной величины, примененный в промышленности и в торговле» (стр. 419) [Русский перевод, том I, стр. 286].

Вся эта фраза — бессмыслица. Во-первых, ведь на земле, поступившей в обработку в последнюю очередь, применяется — согласно Рикардо — большее количество труда, чем на всех других участках земли. Поэтому-то и возникает, по его мнению, рента на других участках. Как же в таком случае возможно, что данный капитал должен на всех других землях, *кроме* той, которая поступила в обработку в последнюю очередь, приводить в движение большее количество труда, чем в промышленности и в торговле? То обстоятельство, что продукт лучших земель имеет *рыночную стоимость, превышающую его индивидуальную* стоимость, обусловленную тем количеством труда, которое применено занятым в возделывании этих земель капиталом, — это обстоятельство не тождественно ведь с тем, что данный капитал «приводит в движение большее количество труда, чем капитал равной величины, примененный в промышленности и в торговле»? Но, конечно, было бы правильно, если бы Рикардо сказал, что — помимо различия в плодородии земель — рента вообще проистекает из того, что земледельческий капитал приводит в движение большее по отношению

* См. настоящее издание, часть II, стр. 482—484 и 521—522. Ред.

к постоянной части капитала количество труда, чем средний капитал в неземледельческом производстве.

[638] Рикардо упускает из виду, что существуют такие причины, которые повышают или понижают прибыль, вообще оказывают на нее влияние — *при данной прибавочной стоимости*. Так как Рикардо отождествляет прибавочную стоимость с прибылью, то он последователен, когда хочет теперь доказать, что повышение и падение нормы прибыли обусловливается только теми обстоятельствами, которые вызывают повышение или падение нормы прибавочной стоимости. Далее, он упускает из виду, что, если отвлечься от тех обстоятельств, которые при данной массе прибавочной стоимости влияют на *норму прибыли*, хотя они и не влияют на *массу прибыли*, то норма прибыли зависит от *м а с с ы п р и б а в о ч н о й с т о и м о с т и*, а отнюдь не от *нормы прибавочной стоимости*. Масса прибавочной стоимости, если норма прибавочной стоимости, прибавочного труда, дана, зависит от органического строения капитала, т. е. от того числа рабочих, какое занимает капитал определенной стоимости, например в 100 ф. ст. При данном органическом строении капитала масса прибавочной стоимости зависит от нормы прибавочной стоимости. Она определяется, следовательно, обоими факторами: числом одновременно занятых рабочих и нормой прибавочного труда. Если капитал увеличивается, то, каково бы ни было его органическое строение, — при предположении, что несмотря на увеличение капитала его органическое строение остается неизменным, — масса прибавочной стоимости увеличивается. Но это ничего не меняет в том, что для капитала определенной стоимости, например в 100 единиц, масса прибавочной стоимости остается без изменения. Если она в данном случае равна 10, то для 1 000 она будет 100, но пропорция от этого не изменяется.

{Рикардо пишет:

«В одной и той же отрасли хозяйства не может быть двух норм прибыли; поэтому, если стоимость продукта находится в различном отношении к капиталу, то различна будет земельная рента, а не прибыль» (стр. 212—213) (глава 12-я — *«Земельный налог»*) [Русский перевод, том I, стр. 159].

Это относится только к нормальному уровню прибыли «в одной и той же отрасли хозяйства». Вообще же это находится в прямом противоречии с цитированным ранее * положением:

«Меновая стоимость всех товаров, будь то промышленные изделия, продукты рудников или продукты сельского хозяйства, никогда

* См настоящее издание, часть II, стр. 220 и 343. *Ред.*

не определяется наименьшим количеством труда, какое достаточно для их производства при наиболее благоприятных условиях, доступных лишь для тех, кто пользуется особенно выгодными обстоятельствами; наоборот, она определяется наибольшим количеством труда, какое по необходимости затрачивается на их производство теми, кто таких преимуществ не имеет, кто продолжает производство при самых неблагоприятных условиях; а под *самыми неблагоприятными условиями* следует понимать *наиболее неблагоприятные из тех, при которых необходимо продолжать производство для того, чтобы было произведено требуемое количество продукта* (глава 2-я — «О ренте», стр. 60—61) [Русский перевод, том I, стр. 69].}

В главе 12-й — «Земельный налог» — Рикардо, между прочим, выдвигает против Сэя следующее возражение, — и тут мы видим, как англичанин всегда остро воспринимает экономические различия, тогда как житель континента постоянно забывает про них:

«Согласно предположению г-на Сэя, [в приведенном им примере] *земельный собственник благодаря своему трудолюбию, бережливости и искусству* увеличивает свой годовой доход на 5 000 франков». Но ведь земельный собственник не имеет возможности применять на принадлежащей ему земле свое трудолюбие, бережливость и искусство, если он сам не ведет на ней хозяйство; если же земельный собственник сам ведет свое хозяйство, то он производит улучшения как капиталист и фермер, а не как земельный собственник. Нельзя представить себе, что он мог до такой степени увеличить продукт своей фермы посредством какого-то своего *особого искусства* {следовательно, также и с «искусством» дело обстоит так, что это более или менее пустая болтовня}, «не увеличив предварительно количество применяемого на этой ферме капитала» (стр. 209) [Русский перевод, том I, стр. 157].

В главе 13-й — «Налоги на золото» (эта глава важна для рикардовской теории денег) — Рикардо дает некоторые дополнения или дальнейшие определения относительно *рыночной цены и естественной цены*. Они сводятся к тому, что выравнивание обеих цен происходит быстрее или медленнее в зависимости от того, допускает ли данная отрасль хозяйства быстрое или медленное увеличение или уменьшение предложения, а это, в свою очередь, означает то же самое, что и *быстрый или медленный приток* капиталов в рассматриваемую отрасль или их *отлив* из нее. По поводу рассуждений Рикардо о земельной ренте выдвигались с разных сторон (Сисмонди и др.) упреки в том, что он упускает из виду трудности, которые представляет *изъятие капитала* для арендатора, применяющего много основного капитала и т. д. (История Англии за 1815—1830 гг. доказывает это в *высокой мере*.) Как ни справедлив этот упрек, он *совсем не* относится к теории, *совершенно ее не затрагивает*, ибо здесь речь идет всегда только о большей или меньшей степени, о более быстром или более медленном действии экономи-

ческого закона. Совсем иначе, однако, обстоит дело с *противоположным* упреком относительно вложения нового капитала в новые земли. Рикардо предполагает, что последнее может происходить *без вмешательства* земельного собственника, что капитал здесь действует в такой среде, [639] в которой его движение не наталкивается на сопротивление. Это, однако, *в корне ошибочно*. Чтобы доказать эту предпосылку, чтобы доказать, что она имеет место там, где капиталистическое производство и земельная собственность уже развились, Рикардо всегда предполагает такие случаи, при которых земельная собственность — либо фактически, либо юридически — *не существует* и капиталистическое производство, по крайней мере в самом земледелии, *тоже еще не развилось*.

Что же касается упомянутых только что положений Рикардо относительно рыночной и естественной цены, то они гласят:

«Вследствие налогов на товары или увеличивающейся трудности их производства всегда происходит в конце концов повышение их цен; *по сколько пройдет времени, пока рыночная цена придет в соответствие с естественной ценой, по необходимости зависит от природы данного товара и от степени легкости, с какой может быть уменьшено его количество*. Если бы нельзя было уменьшить количество обложенного налогом товара, если бы нельзя было изъять для помещения в другие отрасли капитал, например, фермера или фабриканта шляп, то падение их прибылей ниже общего уровня, вызванное налогом, не повлекло бы за собой никаких последствий. Если только спрос на их товары не возрастет, фермер и фабрикант шляп никогда не смогут повысить рыночную цену хлеба и шляп до уровня возросшей естественной цены этих товаров. Их угрозы бросить свое занятие и перевести свои капиталы в отрасли, находящиеся в более благоприятных условиях, рассматривались бы как пустые угрозы, которых нельзя было бы осуществить; поэтому цену такого рода товара нельзя было бы повысить путем сокращения производства. Однако фактически *всякий товар может быть уменьшен в своем количестве, и капитал может быть перемещен из менее прибыльных отраслей в более прибыльные, хотя и не с одинаковой быстротой*. Чем легче поддается ограничению, без ущерба для производителя, предложение определенного товара, тем быстрее повысится его цена после того, как трудность его производства возросла вследствие обложения налогом или по какой-либо другой причине» (стр. 214—215) [Русский перевод, том I, стр. 160].

«Установление соответствия между рыночной и естественной ценой у всех товаров находится всегда в зависимости от степени легкости, с какой может быть увеличено или уменьшено предложение того или другого товара. В том случае, когда мы имеем дело с золотом, домами и трудом, равно как и со многими другими предметами, этот результат, при известных обстоятельствах, не может быть получен в короткий срок. Но иначе обстоит дело с такими товарами, которые потребляются и вновь производятся из года в год, как, например, шляпы, обувь, хлеб и одежда. Предложение таких товаров может быть, в случае необходимости, уменьшено, и не требуется большого промежутка времени, чтобы оно сократилось соответственно возрастанию издержек их производства» (стр. 220—221) [Русский перевод, том I, стр. 164].

(2) РАЗЛИЧНЫЕ СЛУЧАИ ИЗМЕНЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ]

В той же главе 13-й — «Налоги на золото» — Рикардо говорит:

«Рента не есть создание богатства, а лишь перемещение его» (стр. 221) [Русский перевод, том I, стр. 165].

А разве прибыль есть *создание* богатства, и не является ли она скорее *перемещением* прибавочного труда от рабочего к капиталисту? Что касается *заработной платы*, то также и она не есть, в действительности, *создание* богатства, но она не есть и перемещение богатства. Она представляет собой присвоение части продукта труда теми, кто этот продукт произвел.

В той же главе Рикардо говорит:

«Налог на сырые продукты, получаемые с поверхности земли, падает... на потребителя и нисколько не затрагивает ренту. Последняя может претерпеть изменения лишь в том случае, если этот налог, уменьшая фонды, идущие на содержание труда, понизит заработную плату, сократит народонаселение и уменьшит спрос на хлеб» (стр. 221) [Русский перевод, том I, стр. 164].

Прав ли Рикардо, утверждая, что «налог на сырые продукты, получаемые с поверхности земли», падает не на земельного собственника и не на арендатора, а на *потребителя*, — это нас здесь не интересует. Но я утверждаю, что если он прав, такой налог может *повысить ренту*, тогда как Рикардо полагает, что этот налог не затрагивает ее, кроме того случая, когда он, удорожая жизненные средства и т. д., уменьшает капитал, народонаселение и спрос на хлеб. Дело в том, что Рикардо воображает, будто вздорожание сырого продукта лишь постольку затрагивает *норму прибыли*, поскольку оно удорожает *жизненные средства*, потребляемые рабочими. Здесь правильно то, что вздорожание *сырых продуктов* лишь этим путем может затронуть *норму прибавочной стоимости*, а потому и самую *прибавочную стоимость*, а значит, *вследствие этого* и *норму прибыли*. Но при данной *прибавочной стоимости* вздорожание «сырых продуктов, получаемых с поверхности земли», *повысило бы* стоимость постоянного капитала в сравнении с переменным, *увеличило бы* отношение постоянного капитала к переменному и *поэтому* *понижило бы норму прибыли* и, следовательно, *повысило бы ренту*. Рикардо исходит из того воззрения, [640] что, поскольку вздорожание или удешевление *сырого продукта* не затрагивает заработную плату, оно не затрагивает и *прибыль*; ибо, — рассуждает он {за исключением одного места, к которому мы вернемся позже *}, — *норма прибыли* остается

* См. настоящее издание, часть II, стр. 477—478. Ред.

прежней, падает ли или же повышается стоимость авансированного капитала. Таким образом, если авансированный капитал возрастает в стоимости, то возрастает в стоимости также и продукт, а равным образом и та часть продукта, которая образует прибавочный продукт, т. е. прибыль. Обратное происходит при падении стоимости авансированного капитала. Это верно только в том случае, когда, вследствие ли вздорожания сырья, вследствие ли налогов или других причин, стоимость переменного капитала и постоянного капитала изменяется в *одинаковой пропорции*. В этом случае норма прибыли остается прежней, так как в органическом строении капитала никакого изменения не произошло. И даже в этом случае необходимо *предположить* то, что имеет место при изменениях временного характера, а именно — что заработная плата остается без изменения, хотя сырой продукт мог вздорожать или подешеветь (заработная плата, таким образом, остается без изменения, независимо от того, повышается ли или падает ее потребительная стоимость при данной, неизменной стоимости).

Возможны следующие случаи.

Прежде всего, два главных различия.

А) Вследствие *изменения в способе производства* изменяется *соотношение* между массами применяемого постоянного и переменного капитала. В этом случае норма прибавочной стоимости остается прежней, если заработная плата предполагается постоянной по своей стоимости. Но сама прибавочная стоимость подвергается изменениям, когда изменяется число рабочих, применяемых одним и тем же капиталом, т. е. когда величина переменного капитала изменяется. Если в результате изменений в способе производства относительно падает величина постоянного капитала, то возрастает прибавочная стоимость, следовательно и норма прибыли. В противоположном случае и результат будет противоположный.

Здесь все время предполагается, что стоимость [приходящаяся] *pro tanto* *, например на 100 [натуральных] единиц постоянного и переменного капитала, остается *одной и той же*.

В данном случае невозможно, чтобы изменение в способе производства в одинаковой мере затрагивало и постоянный и переменный капитал, т. е. чтобы постоянный капитал и переменный капитал — без изменения стоимости [входящих в них товаров] — должны были, например, в одинаковой мере увеличиваться или уменьшаться. Ибо необходимость уменьшения и увеличения постоянного и переменного капитала здесь всегда

* — на такое-то количество, соответственно. *Ред.*

связана с изменением производительности труда. Изменение в способе производства оказывает *различное*, а не одинаковое, воздействие на постоянный и переменный капитал, что не находится ни в какой связи с тем, должен ли — при данном *органическом строении капитала* — применяться большой или небольшой капитал.

В) Способ производства остается без изменения. Изменение в соотношении между постоянным и переменным капиталом, при неизменных относительных массах их (так что и тот и другой составляет такую же, как и прежде, долю совокупного капитала), происходит вследствие *изменения стоимости* товаров, входящих в постоянный или переменный капитал.

Здесь возможно следующее:

[1] Стоимость постоянного капитала не изменяется; стоимость переменного капитала повышается или падает. Это всегда отражалось бы на прибавочной стоимости, а вследствие этого и на норме прибыли.

[2] Стоимость переменного капитала не изменяется; стоимость постоянного капитала повышается или падает. Тогда норма прибыли в первом случае упала бы, во втором — повысилась бы.

[3] Если стоимость постоянного капитала и стоимость переменного капитала падают одновременно, но в неодинаковой пропорции, то стоимость одного по отношению к стоимости другого всегда либо повышается, либо падает.

[4] Стоимость постоянного капитала и стоимость переменного капитала — как в случае повышения обеих, так и в случае их падения — изменяются в *одинаковой* пропорции. Если обе стоимости повышаются, то норма прибыли падает, но не по той причине, что повышается стоимость постоянного капитала, а по той, что *повышается* стоимость переменного капитала и вследствие этого падает прибавочная стоимость (ведь повышается-то лишь стоимость переменного капитала, хотя капитал этот приводит в движение такое же, как и прежде, или, быть может, даже меньшее количество рабочих). Если стоимости обеих органических составных частей капитала падают, то норма прибыли повышается, но не по той причине, что падает стоимость постоянного капитала, а по той, что падает (в своей стоимости) переменный капитал и, следовательно, возрастает прибавочная стоимость.

С) Изменение в способе производства и изменение в стоимости элементов, образующих постоянный или переменный капитал.

Здесь одно изменение может парализовать другое, если, например, масса постоянного капитала возрастает, тогда как

его стоимость либо падает, либо остается без изменения (стало быть, тоже падает *pro tanto*, на каждые 100 [натуральных] единиц), или если масса постоянного капитала падает, а его стоимость либо остается без изменения (стало быть, повышается *pro tanto*), либо повышается — [например] в той же пропорции. В этом последнем случае не произошло бы никакого изменения в органическом строении капитала. Норма прибыли осталась бы неизменной. Но, за исключением земледельческого капитала, нигде не возможен такой случай, чтобы масса постоянного капитала уменьшилась по отношению к переменному капиталу, в то время как его стоимость *возросла*.

Такое парализующее действие одного изменения на другое невозможно для переменного капитала (при неизменной реальной заработной плате).

За исключением вышеуказанного одного случая возможно, стало быть, только то, что стоимость и масса постоянного капитала одновременно падают или повышаются по отношению к переменному капиталу; что, следовательно, стоимость постоянного капитала безусловно повышается или падает по отношению к переменному капиталу. Этот случай уже рассмотрен. Если они падают или повышаются, хотя и одновременно, [641] но в различной пропорции, то это — согласно предпосылке — всегда сводится к тому, что стоимость постоянного капитала повышается или падает по отношению к переменному капиталу.

Это включает в себя также и другой случай. Ибо если увеличивается масса постоянного капитала, то масса переменного капитала относительно уменьшается, и наоборот. Точно так же обстоит дело и в отношении стоимости. [641]

[3) ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ДРУГ ДРУГУ ИЗМЕНЕНИЯ В СТОИМОСТИ ПОСТОЯННОГО И ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ]

[642] По поводу случая С (стр. 640) необходимо заметить еще следующее:

Возможно такое положение, что заработная плата повышается, а постоянный капитал понижается *в стоимости*, не в *массе*. Если бы повышение и понижение соответствовали друг другу на обоих концах, то норма прибыли могла бы остаться неизменной. Если, например, постоянный капитал = 60 ф. ст., заработная плата = 40 ф. ст. и норма прибавочной стоимости = 50%, то продукт = 120 ф. ст., а норма прибыли = 20%. Если бы постоянный капитал, при сохранении его

массы без всяких изменений, упал до 40 ф. ст. и если бы заработная плата повысилась до 60 ф. ст., а прибавочная стоимость понизилась бы с 50 до $33\frac{1}{3}\%$, то продукт по-прежнему был бы равен 120 ф. ст., а норма прибыли была бы равна 20%. Это неверно.

Согласно предпосылке, общая стоимость, созданная примененным количеством [живого] труда, равна 60 ф. ст. Поэтому если бы заработная плата повысилась до 60 ф. ст., то прибавочная стоимость, а следовательно и норма прибыли, была бы равна нулю. Если бы заработная плата и не повысилась так значительно, то все же каждое повышение ее вызывало бы падение прибавочной стоимости. Если бы заработная плата повысилась до 50 ф. ст., то прибавочная стоимость была бы равна 10 ф. ст.; если бы она повысилась до 45 ф. ст., то прибавочная стоимость была бы равна 15 ф. ст. и т. д. Следовательно, при всех обстоятельствах прибавочная стоимость и норма прибыли падают в одинаковой степени. Ибо прибавочная стоимость и норма прибыли исчисляются здесь на остающийся без изменения совокупный капитал. При капиталах равной величины (имеется в виду совокупный капитал) норма прибыли обязательно должна повышаться и падать не с повышением и падением нормы прибавочной стоимости, а с повышением и падением абсолютной массы прибавочной стоимости.

Если в вышеприведенном примере [постоянный капитал состоит из льна и если] цена этого льна падает настолько, что масса его, превращаемая в пряжу тем же самым количеством рабочих, может быть куплена за 40 ф. ст., то мы имели бы следующее:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
40	50	10	100	90	$11\frac{1}{9}\%$

Здесь норма прибыли упала бы ниже 20%.

Если же стоимость постоянного капитала упала бы до 30 ф. ст., то мы имели бы:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
30	50	10	90	80	$12\frac{1}{2}\%$

При падении стоимости постоянного капитала до 20 ф. ст. мы имели бы:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
20	50	10	80	70	$14\frac{2}{7}\%$

При допущенной нами предпосылке падение стоимости постоянного капитала парализует повышение стоимости переменного капитала всегда лишь частично. При этой предпосылке падение стоимости постоянного капитала не может полностью парализовать повышение стоимости переменного капитала, ибо для того, чтобы норма прибыли равнялась 20%, 10 ф. ст. прибавочной стоимости должны были бы составить $\frac{1}{5}$ всего авансированного капитала. Но в данном случае, когда переменный капитал равен 50 ф. ст., это было бы возможно лишь тогда, если бы постоянный капитал равнялся 0. Если же мы примем, что переменный капитал повышается только до 45 ф. ст., то прибавочная стоимость будет составлять 15 ф. ст. И если при этом предположить, что постоянный капитал падает до 30 ф. ст., то мы будем иметь следующее:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
30	45	15	90	75	20%

В этом случае, следовательно, оба движения полностью парализовали бы друг друга.

[643] Возьмем, далее, такой случай:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
20	45	15	80	65	$23\frac{1}{13}\%$

Следовательно, в этом случае, даже при падении прибавочной стоимости *, норма прибыли могла бы *повыситься* в силу значительно большего падения стоимости постоянного капитала. При том же самом капитале в 100 ф. ст. можно было бы применять больше рабочих, несмотря на повысившуюся заработную плату и падение нормы прибавочной стоимости. Несмотря на падение нормы прибавочной стоимости, сама прибавочная стоимость, а поэтому и прибыль, возросла бы, так как возросло бы число рабочих. Ведь вышеприведенное соотношение $20c + 45v$ дает нам при затрате капитала в 100 ф. ст. следующее соотношение:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Авансированный капитал	Норма прибыли
$30\frac{10}{13}$	$69\frac{3}{13}$	$23\frac{1}{13}$	$123\frac{1}{13}$	100	$23\frac{1}{13}\%$

Соотношение между нормой прибавочной стоимости и числом рабочих приобретает здесь очень важное значение. Рикардо нигде не рассматривает этого соотношения. [643]

* — по сравнению с исходным случаем $60c + 40v + 20m$. Ред.

* * *

[641] То, что было рассмотрено выше как *изменение* внутри *органического строения* одного капитала, может, само собой разумеется, иметь силу также и как различие *органического строения* между *различными капиталами*, между капиталами в различных отраслях производства.

Во-первых: вместо изменения в органическом строении *одного* капитала мы будем иметь различие в *органическом строении различных* капиталов.

Во-вторых: [вместо] изменения органического строения, вызванного *изменением стоимости* в двух частях одного капитала, мы будем иметь точно такое же различие между различными капиталами в отношении *стоимости применяемых ими сырья и машин*. Для переменного капитала это не имеет силы, так как предположена равная заработная плата в различных отраслях производства. Различие в *стоимости* различных рабочих дней в различных отраслях не имеет к этому никакого отношения. Если труд ювелира дороже труда чернорабочего, то и прибавочное рабочее время ювелира в такой же пропорции дороже, чем прибавочное рабочее время чернорабочего ¹⁰¹. [641]

[4] СМЕШЕНИЕ ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК СО СТОИМОСТЬЮ В РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИИ ПРИБЫЛИ]

[641] В *главе 15-й — «Налоги на прибыль»* — Рикардо говорит:

«Налоги на те товары, которые носят общее название предметов роскоши, падают исключительно на потребителей этих товаров... Но налоги на предметы необходимости часто падают на потребителей в пропорции гораздо более высокой, чем количество потребляемых ими предметов». Например, налог на хлеб [падает на фабриканта не только в той мере, в какой он потребляет хлеб, но и в той мере, в какой вздорожание хлеба повышает заработную плату]. «Это изменяет норму прибыли на капитал. Все, что увеличивает заработную плату, уменьшает прибыль на капитал; поэтому всякий налог на товары, потребляемые рабочим, имеет тенденцию понижать норму прибыли» (стр. 231) [Русский перевод, том I, стр. 172].

Налоги на потребителей являются в то же время налогами на производителей, если объект налога входит не только в индивидуальное потребление, но и в производственное потребление, или если он входит только в последнее. Но в таком случае это относится не только к предметам необходимости, потребляемым рабочими. Это относится ко всем материалам, производственно потребляемым капиталистами. Каждый такой налог уменьшает норму прибыли потому, что он повышает стоимость постоянного капитала по отношению к переменному.

Возьмем, например, налог, который был бы введен на лен или на шерсть. [642] Лен повышается тогда в цене. Вследствие этого льнопрядильщик с капиталом в 100 не может уже закупить для переработки в пряжу такое же количество льна, как прежде. Так как способ производства не изменился, то льнопрядильщику требуется такое же, как и прежде, количество рабочих, чтобы переработать в пряжу прежнее количество льна. Но лен по отношению к капиталу, затрачиваемому на заработную плату, имеет теперь большую стоимость, чем прежде. Следовательно, норма прибыли падает. Повышение цены льняной пряжи не идет ему при этом на пользу. Абсолютная высота этой цены вообще безразлична для льнопрядильщика. Все дело только в избытке цены продукта над ценой авансированного капитала. Если же льнопрядильщик захотел бы повысить цену всего продукта не только в том размере, в каком повысилась цена льна, но и в таком размере, чтобы то же самое количество пряжи приносило ему такую же прибыль, как и прежде, то спрос, упавший уже вследствие повышения цены сырья для пряжи, упал бы еще больше вследствие того, что цена продукта была искусственно поднята ради повышения прибыли. Несмотря на то, что норма прибыли в среднем дана, сделать эту надбавку к цене в таких случаях не удастся¹⁰². [642]

[643] В той же главе 15-й — «Налоги на прибыль» — Рикардо говорит:

«В одной из предыдущих частей этой работы мы уже рассматривали то влияние, которое оказывает на цены товаров разделение капитала на *основной и оборотный*, или, точнее, на *долговечный и преходящий капитал*. Мы показали, что два фабриканта могут применять совершенно одинаковую сумму капитала и могут получать с него совершенно одинаковую сумму прибыли, но что они будут продавать свои товары за весьма различные суммы денег, в зависимости от того, быстро или медленно потребляются и воспроизводятся применяемые ими капиталы. Один из них может продавать свои товары за 4 000 ф. ст., а другой — за 10 000 ф. ст., хотя каждый из них применяет капитал в 10 000 ф. ст. и получает 20% прибыли, т. е. 2 000 ф. ст. Капитал одного может состоять, например, из 2 000 ф. ст. оборотного капитала, который должен быть воспроизведен, и из 8 000 ф. ст. основного — в зданиях и машинах; напротив, капитал второго может состоять из 8 000 ф. ст. оборотного капитала и всего лишь из 2 000 основного капитала — в машинах и зданиях. Если бы теперь каждый из этих капиталистов был обложен налогом, составляющим 10% его дохода, или 200 ф. ст., то один для получения *общей нормы прибыли* должен был бы повысить цену своих товаров с 10 000 ф. ст. до 10 200 ф. ст.; другой тоже должен был бы повысить цену своих товаров с 4 000 ф. ст. до 4 200 ф. ст. До введения налога товары, продаваемые одним из этих фабрикантов, стоили в $2\frac{1}{2}$ раза дороже, чем товары другого; после введения налога они будут дороже в 2,42 раза. Товары одного рода повысились в цене на 2%, а товары другого рода — на 5%. Следовательно, налог на доход, если деньги сохраняют свою прежнюю стоимость, изменил бы

относительные цены и стоимость товаров» (стр. 234—235) [Русский перевод, том I, стр. 174].

В этом последнем «и» — «цены и стоимость» — и содержится ошибка. Такое изменение цен доказывало бы только — совершенно так же, как и в случае с неодинаковым делением капитала на основной и оборотный, — что для того, чтобы установилась *общая норма прибыли*, определяемые, регулируемые ею цены, или цены издержек, должны быть весьма отличны от *стоимостей* товаров, а эта важнейшая точка зрения для Рикардо совершенно не существует.

В той же главе Рикардо говорит:

«Если бы в стране не было налогов и при этом деньги упали бы в стоимости, то их изобилие на каждом рынке» {здесь у Рикардо смехотворное представление, будто падение стоимости денег должно сопровождаться их изобилием на каждом рынке} [644] «оказало бы одинаковое действие на каждый товар. Если бы мясо повысилось в цене на 20%, то хлеб, пиво, обувь, труд и *всякий другой товар* тоже повысились бы в цене на 20%. Это необходимо должно произойти, чтобы обеспечить одинаковую норму прибыли во всех отраслях производства. Но иначе обстоит дело, когда какой-нибудь из этих товаров обложен налогом; если бы в этом случае цены на все товары повысились пропорционально падению стоимости денег, то *прибыли оказались бы неодинаковыми*; для товаров, обложенных налогами, *прибыли поднялись бы выше общего уровня*, и капитал *стал бы переходить из одной отрасли в другую, пока не восстановилось бы равновесие прибылей*, а это могло бы произойти только после *изменения относительных цен*» (стр. 236—237) [Русский перевод, том I, стр. 175].

И это равновесие прибылей устанавливается вообще тем путем, что относительные *стоимости*, *действительные стоимости* товаров подвергаются изменению и так приспосабливаются друг к другу, что соответствуют не своей действительной стоимости, а той средней прибыли, которую они должны приносить.

[5) ОБЩАЯ НОРМА ПРИБЫЛИ И НОРМА АБСОЛЮТНОЙ РЕНТЫ В ИХ СООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СОБОЙ. ВЛИЯНИЕ ПОНИЖЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ЦЕНЫ ИЗДЕРЖЕК]

В главе 17-й — «*Налоги на другие товары, кроме сырых продуктов*» — Рикардо говорит:

«Г-н Бьюкенен полагает, что хлеб и сырые продукты продаются по монопольной цене, потому что они дают ренту. Он исходит из предположения, что все товары, дающие ренту, должны продаваться по монопольной цене; и отсюда он делает тот вывод, что все налоги на сырые продукты падают на земельного собственника, а не на потребителя. «Так как *на цену хлеба*, который всегда дает ренту, — говорит Бьюкенен, — *ни в каком отношении не влияют издержки его производства*, то эти издержки

должны оплачиваться за счет ренты; когда они повышаются или падают, следствием этого является, таким образом, не повышение или понижение цены, а повышение или понижение ренты. С этой точки зрения все налоги на сельскохозяйственных рабочих, на лошадей или на земледельческие орудия являются, в действительности, налогами на землю, бремя которых ложится на фермера в продолжение всего срока аренды, а затем, при возобновлении арендного договора, — на земельного собственника. Подобным же образом все усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, дающие фермеру возможность сократить издержки производства, — например молотилки и жатвенные машины, а также все то, что облегчает фермеру сообщение с рынком, как, например, хорошие дороги, каналы и мосты, — все это, хотя и уменьшает действительные издержки производства хлеба, но не уменьшает его рыночной цены. Следовательно, все, что сберегается путем этих усовершенствований, достается земельному собственнику как часть его ренты».

Очевидно (говорит Рикардо), «что если мы признаем правильной основу, на которой г-н Бьюкенен строит свою аргументацию, а именно, что цена хлеба всегда дает ренту, то отсюда, конечно, получатся все те выводы, которые он отстаивает» (стр. 292—293) [Русский перевод, том I, стр. 208—209].

Это отнюдь не очевидно. Свою аргументацию Бьюкенен основывает не на том, что всякий хлеб дает ренту, а на том, что всякий хлеб, дающий ренту, продается по *монопольной цене* и что монопольная цена в том смысле, в каком ее понимает А. Смит, а также и Рикардо, означает «наивысшую цену, по которой потребители согласны покупать товар»¹⁰³.

Но это как раз и неверно. Хлеб, который дает ренту (оставляя в стороне дифференциальную ренту), продается не по монопольной цене в том смысле, в каком об этом говорит Бьюкенен. Хлеб продается по монопольной цене лишь постольку, поскольку он продается выше своей *цены издержек, по своей стоимости*. Его цена определяется количеством овеществленного в нем труда, а не издержками его производства, а рента есть избыток стоимости над ценой издержек и, следовательно, определяется последней: рента тем больше, чем меньше цена издержек по отношению к стоимости, и тем меньше, чем больше цена издержек по отношению к стоимости. Все улучшения понижают стоимость хлеба, потому что они уменьшают требующееся для его производства количество труда. Но приводят ли они к падению ренты, это зависит от различных обстоятельств. Если хлеб дешевеет и вследствие этого падает заработная плата, то норма прибавочной стоимости повышается. В этом случае упали бы, далее, издержки арендатора на семена, на корм для скота и т. п. В связи с этим повысилась бы норма прибыли во всех других, неземледельческих, отраслях производства, а потому *также и* в земледелии. В неземледельческих отраслях производства относительные массы непосредственного

и накопленного труда остались бы неизменными; число рабочих осталось бы прежним (по отношению к постоянному капиталу), но стоимость переменного капитала понизилась бы, и, следовательно, прибавочная стоимость [645] повысилась бы, а значит, повысилась бы и норма прибыли. *Вследствие этого* прибавочная стоимость и норма прибыли повысились бы и в земледелии. Рента здесь падает, потому что повышается норма прибыли. *Хлеб становится дешевле, но его цена издержек возрастает. Поэтому разность между его стоимостью и его ценой издержек уменьшается.*

Согласно нашему предположению, соотношение для среднего неземледельческого капитала $= 80c + 20v$, норма прибавочной стоимости $= 50\%$; поэтому прибавочная стоимость $= 10$, а норма прибыли $= 10\%$. Следовательно, стоимость продукта капитала в 100, со средним строением, равна 110.

Предположим теперь, что вследствие понижения хлебных цен заработная плата упала на $\frac{1}{4}$; тогда *то же самое число рабочих*, которое работает с постоянным капиталом в 80 ф. ст., т. е. с тем же количеством сырья и машин, обойдется всего лишь в 15 ф. ст. И прежнее количество товаров будет иметь стоимость $80c + 15v + 15m$, так как количество выполняемого этими рабочими труда, согласно предположению, равно 30 ф. ст. Следовательно, стоимость того же самого количества товаров по-прежнему равняется 110 ф. ст. Но затраченный капитал составляет уже только 95 ф. ст., а 15 ф. ст. на 95 ф. ст. составляют $15\frac{15}{19}\%$. При затрате прежней массы капитала, или при расчете на капитал в 100 ф. ст., соотношение получилось бы $84\frac{4}{19}c + 15\frac{15}{19}v$. А прибыль равнялась бы $15\frac{15}{19}$ ф. ст. Стоимость продукта $= 115\frac{15}{19}$ ф. ст. Но, согласно нашему предположению, земледельческий капитал $= 60c + 40v$, а стоимость его продукта равна 120 ф. ст. Рента была равна 10 ф. ст., пока цена издержек была 110 ф. ст. Теперь рента была бы равна всего лишь $4\frac{4}{19}$ ф. ст., потому что $115\frac{15}{19}$ ф. ст. $+ 4\frac{4}{19}$ ф. ст. $= 120$ ф. ст.

Мы видим здесь следующее: капитал в 100 ф. ст., со средним строением, произвел товары, цена издержек которых составляет $115\frac{15}{19}$ ф. ст., вместо прежних 110 ф. ст. Повысилась бы вследствие этого средняя цена [единицы] товара?

Стоимость товара осталась бы прежней, так как требуется то же количество труда для превращения в продукт того же самого количества сырья и машин. Однако тот же капитал в 100 ф. ст. привел в движение большее количество труда и, вместо прежних 80 ф. ст., превратил теперь в продукт $84\frac{4}{19}$ ф. ст. постоянного капитала. Но в той же самой массе

[вновь присоединенного] труда неоплаченный труд составляет большую долю, чем прежде. Отсюда рост прибыли и *совокупной стоимости* всей товарной массы, произведенной капиталом в 100 ф. ст. Стоимость единицы товара осталась той же самой, но с помощью капитала в 100 ф. ст. произведено большее количество единиц товара, имеющих *ту же самую стоимость*. Но как обстояло бы дело с ценой издержек в различных отраслях производства?

Предположим, что неземледельческий капитал состоит из следующих капиталов:

		продукт должен иметь цену:	Разность между ценой издержек и стоимостью
1) $80c + 20v$	Чтобы	110 (стоимость = 110)	0
2) $60c + 40v$	они могли	110 (стоимость = 120)	-10
3) $85c + 15v$	продавать	110 (стоимость = $107\frac{1}{2}$)	+ $2\frac{1}{2}$
4) $95c + 5v$	по одним	110 (стоимость = $102\frac{1}{2}$)	+ $7\frac{1}{2}$
Таким образом, капитал среднего строения = $80c + 20v$	и тем же ценам издержек,		

Для случая 2) разность = -10, для 3) и 4), вместе взятых, = +10. Для всего капитала в 400 эта разность составляет: $0 - 10 + 10 = 0$. Если продукт капитала в 400 продается за 440, то произведенные этим капиталом товары продаются по *их стоимости*. Это составляет 10% прибыли. Но в 2) товары были бы проданы на 10 ф. ст. ниже их стоимости, в 3) они были бы проданы на $2\frac{1}{2}$ ф. ст. выше их стоимости, а в 4) на $7\frac{1}{2}$ ф. ст. выше их стоимости. Только в 1) товар продается по своей стоимости, когда он продается по своей цене издержек, равняющейся 100 ф. ст. капитала плюс 10 ф. ст. прибыли.

[646] Но какое соотношение установилось бы вследствие того, что заработная плата понизилась на $\frac{1}{4}$?

Для капитала 1). Вместо $80c + 20v$ мы имеем теперь $84\frac{4}{19}c + 15\frac{15}{19}v$, прибыль — $15\frac{15}{19}$, стоимость продукта — $115\frac{15}{19}$.

Для капитала 2). На заработную плату затрачивается всего лишь 30 ф. ст., ибо $\frac{1}{4}$ от 40 = 10, а $40 - 10 = 30$. Стоимость продукта: $60c + 30v +$ прибавочная стоимость,

равная 30 (ибо стоимость, созданная примененным трудом, равна здесь 60 ф. ст.). Это — на капитал в 90 ф. ст. Заработная плата составляет $33\frac{1}{3}\%$. Для капитала в 100 соотношение получится $66\frac{2}{3}c + 33\frac{1}{3}v$; стоимость продукта = $133\frac{1}{3}$. Норма прибыли = $33\frac{1}{3}\%$.

Для капитала 3). На заработную плату затрачивается всего лишь $11\frac{1}{4}$ ф. ст., ибо $\frac{1}{4}$ от 15 = $3\frac{3}{4}$, а $15 - 3\frac{3}{4} = 11\frac{1}{4}$. Стоимость продукта: $85c + 11\frac{1}{4}v$ + прибавочная стоимость, равная $11\frac{1}{4}$ (стоимость, созданная примененным трудом, равна здесь $22\frac{1}{2}$). Это — на капитал в $96\frac{1}{4}$ ф. ст. Заработная плата составляет $11\frac{53}{77}\%$. Для капитала в 100 соотношение получится $88\frac{24}{77}c + 11\frac{53}{77}v$, норма прибыли = $11\frac{53}{77}\%$, а стоимость продукта = $111\frac{53}{77}$.

Для капитала 4). На заработную плату затрачивается всего лишь $3\frac{3}{4}$ ф. ст., ибо $\frac{1}{4}$ от 5 = $1\frac{1}{4}$, а $5 - 1\frac{1}{4} = 3\frac{3}{4}$. Стоимость продукта: $95c + 3\frac{3}{4}v$ + прибавочная стоимость, равная $3\frac{3}{4}$ (ибо стоимость, созданная совокупным [вновь присоединенным] трудом, равна здесь $7\frac{1}{2}$). Это — на капитал в $98\frac{3}{4}$ ф. ст. Заработная плата составляет $3\frac{63}{79}\%$. Для капитала в 100 соотношение получится $96\frac{16}{79}c + 3\frac{63}{79}v$. Норма прибыли = $3\frac{63}{79}\%$. Стоимость продукта = $103\frac{63}{79}$.

Итак, мы имели бы:

	Норма прибыли	Чтобы они могли про- давать по одним и тем же ценам издержек,	продукт должен иметь цену: 116 (стоимость = = $115\frac{15}{19}$) 116 (стоимость = = $133\frac{1}{3}$) 116 (стоимость = = $111\frac{53}{77}$) 116 (стоимость = = $103\frac{63}{79}$)	Разность между це- ной издер- жек и стои- мостью + $\frac{4}{19}$ — $17\frac{1}{3}$ + $4\frac{24}{77}$ + $12\frac{16}{79}$
1) $84\frac{4}{19}c + 15\frac{15}{19}v$	$15\frac{15}{19}$			
2) $66\frac{2}{3}c + 33\frac{1}{3}v$	$33\frac{1}{3}$			
3) $88\frac{24}{77}c + 11\frac{53}{77}v$	$11\frac{53}{77}$			
4) $96\frac{16}{79}c + 3\frac{63}{79}v$	$3\frac{63}{79}$			
Всего.... 400	64 (если отбросить дробь)			

Прибыль составляет 16%, точнее — несколько больше чем $16\frac{1}{7}\%$. Расчет не вполне сходится потому, что мы отбросили дробь при вычислении средней прибыли и не ввели эту дробь в дальнейшие выкладки, в результате чего для 2) несколько большей получилась отрицательная разность, а для 1), 3) и 4) несколько меньшей получилась [положительная разность].

Мы видим, однако, что, не будь этих неточностей в расчете, положительные и отрицательные разности взаимно уничтожили бы друг друга. Но мы видим также, что значительно возросла бы продажа товаров, с одной стороны, в 2) *ниже* их стоимости, а [с другой стороны] в 3) и особенно в 4) — *выше* их стоимости. Правда, для единицы продукта это повышение или понижение не столь велико, как это кажется по приведенным в таблице цифрам, ибо во всех четырех категориях применяется большее [чем прежде] количество труда, а поэтому и большее количество постоянного капитала (сырья и машин) превращается в продукт; так что указанные повышение и понижение распределились бы на большую товарную массу. Однако они все же были бы значительными.

Таким образом, оказалось, что понижение заработной платы вызвало повышение цены издержек [по сравнению со стоимостью] для 1) и 3) и весьма значительное повышение для 4). Это тот самый закон, который вывел Рикардо при рассмотрении различия между оборотным и основным капиталом ¹⁰⁴, но относительно которого он ни в какой мере не доказал — и доказать не мог, — что закон этот совместим с законом стоимости и что стоимость продуктов для совокупного капитала остается той же [как бы она ни распределялась между отдельными отраслями производства].

[647] Гораздо сложнее будет вычисление и выравнивание, если мы примем во внимание еще и те различия в органическом строении капитала, которые проистекают из процесса обращения. В самом деле, при нашем вычислении мы предположили, что весь авансированный *постоянный капитал* входит в продукт, т. е. что он включает в себя только *износ* основного капитала — например, в течение года (так как мы должны исчислять прибыль за год). Если бы мы не сделали этого предположения, то стоимости масс продуктов оказались бы весьма различны, тогда как при этом предположении они изменяются лишь вместе с переменным капиталом. Во-вторых, при одной и той же норме прибавочной стоимости, но при различном времени обращения, получились бы значительные различия в *массе произведенной прибавочной стоимости* по отношению к авансированному капиталу. В этом случае, при отсутствии различий в переменном капитале, массы прибавочных стоимостей относились бы друг к другу как массы различных стоимостей, производимых равновеликими капиталами. Норма прибыли стояла бы на еще гораздо более низком уровне там, где относительно большая доля постоянного капитала состоит из основного капитала, и на гораздо более высоком там, где относительно большая доля

капитала состоит из оборотного капитала, а на самом высоком уровне там, где переменный капитал относительно велик по сравнению с постоянным капиталом, в котором вместе с тем доля основного капитала относительно невелика. Если бы соотношение между оборотной и основной частью постоянного капитала было *одинаково* у различных капиталов, то решающим было бы только различие между переменным капиталом и постоянным. Если бы одинаковым было отношение переменного капитала к постоянному, то решающим было бы лишь различие между основным и оборотным капиталом, различие внутри самого постоянного капитала.

Норма прибыли арендатора, как мы видели, при всех обстоятельствах повысилась бы, если бы, вследствие удешевления хлеба, возросла общая норма прибыли неземледельческого капитала. Повысилась ли бы его норма прибыли непосредственно, это еще вопрос, и зависит это, по-видимому, от характера введенных улучшений. Если введенные улучшения такого рода, что капитал, затрачиваемый на заработную плату, значительно уменьшился бы по сравнению с капиталом, затрачиваемым на машины и т. п., то нет необходимости в том, чтобы норма прибыли арендатора непосредственно повысилась. Если они, например, такого рода, что арендатору требуется рабочих на $1\frac{1}{4}$ меньше, то ему приходилось бы затрачивать на заработную плату, вместо прежних 40 ф. ст., теперь только 30. Следовательно, его капитал будет теперь составлять $60c + 30v$, или — при расчете на $100 = 66\frac{2}{3}c + 33\frac{1}{3}v$. И так как труд, оплачиваемый 40 единицами, дает 20 прибавочной стоимости, то труд, оплачиваемый 30, дает 15, а труд, оплачиваемый $33\frac{1}{3}$, дает $16\frac{2}{3}$. Таким образом, органическое строение земледельческого капитала стало бы приближаться к строению неземледельческого капитала. А в вышеприведенном случае, при одновременном падении заработной платы на одну четверть, оно могло бы даже стать *частным случаем* строения неземледельческого капитала ¹⁰⁵. При таком положении вещей рента (абсолютная рента) исчезла бы.

После вышеприведенного замечания о Бьюкенене Рикардо продолжает:

«Надеюсь, я достаточно ясно показал, что пока в стране еще не вся земля обработана и, притом, не самым интенсивным образом, в ней всегда существует *такая часть прилагаемого к земле капитала*, которая не приносит никакой ренты, и» (1) «что именно эта часть капитала (продукт которой, как и в промышленности, делится на прибыль и заработную плату) *регулирует цену хлеба*. А так как на цену хлеба, не дающую ренты, влияют издержки его производства, то эти издержки не могут оплачиваться за счет ренты. Поэтому следствием роста этих издержек будет более высокая цена,

а не более низкая рента» (цит. соч., стр. 293) [Русский перевод, том I, стр. 209].

Так как абсолютная рента равна избытку стоимости земледельческого продукта над его ценой производства [Produktionspreis], то ясно, что все, что уменьшает *совокупное количество* труда, требующегося для производства хлеба и т. п., уменьшает и ренту, потому что уменьшает стоимость, а значит и избыток стоимости над ценой производства. Поскольку цена производства состоит из оплаченных издержек, ее падение тождественно с падением стоимости и идет рука об руку с ним. Но поскольку цена производства (или «издержки») равняется авансированному капиталу плюс средняя прибыль, дело происходит как раз наоборот. Рыночная стоимость продукта падает, но та часть ее, которая равна цене производства, повышается, когда, вследствие падения рыночной стоимости хлеба, повышается общая норма прибыли. Рента, следовательно, падает здесь потому, что «издержки» в этом смысле — а Рикардо так и понимает их обычно, когда говорит об издержках производства, — повышаются. Улучшения в земледелии, вызывающие рост постоянного капитала по сравнению с капиталом переменным, значительно понизили бы ренту даже в том случае, если бы совокупное количество затраченного труда [живого и овеществленного] уменьшилось лишь незначительно, или если бы оно уменьшилось в столь слабой степени, что это не оказало бы никакого влияния на заработную плату (никакого непосредственного влияния на прибавочную стоимость). Если вследствие этих улучшений капитал $60c + 40v$ превращается в $66\frac{2}{3}c + 33\frac{1}{3}v$ (это могло бы произойти в результате, например, повышения заработной платы, вызванного эмиграцией, войной, открытием новых рынков, процветанием неземледельческих отраслей производства, или же в результате конкуренции заграничного хлеба: в этих случаях арендатор мог бы оказаться вынужденным изыскивать средства для того, чтобы применять больше постоянного капитала и меньше переменного; эти же обстоятельства могли бы продолжать действовать и после введения улучшений, и потому заработная плата не упала бы, несмотря на улучшения), — [648] то стоимость земледельческого продукта понизилась бы с 120 до $116\frac{2}{3}$, т. е. на $3\frac{1}{3}$. Норма прибыли осталась бы по-прежнему равной 10%. Рента упала бы с 10 до $6\frac{2}{3}$, и притом это падение ренты имело бы место без какого бы то ни было падения заработной платы.

Абсолютная рента может повыситься по той причине, что вследствие дальнейшего прогресса в промышленности падает общая норма прибыли. Норма прибыли может понизиться

потому, что имеет место повышение ренты, вызванное возрастанием стоимости земледельческого продукта, а значит и возрастанием разности между его стоимостью и его ценой издержек. (Вместе с тем норма прибыли падает здесь и потому еще, что повышается заработная плата.)

Абсолютная рента может упасть в результате того, что стоимость земледельческого продукта падает, а общая норма прибыли повышается. Она может упасть и потому, что стоимость земледельческого продукта падает вследствие переворота в органическом строении капитала, хотя норма прибыли при этом не повышается. Она может совершенно исчезнуть, как только *стоимость земледельческого продукта и его цена издержек* становятся равны друг другу, так что земледельческий капитал имел бы то же строение, какое в среднем имеет неземледельческий капитал.

Положение Рикардо было бы верно лишь в том случае, если бы оно было выражено таким образом: когда стоимость земледельческого продукта равна его цене издержек, то никакой абсолютной ренты не существует. Но у Рикардо это положение ошибочно, так как он говорит: не существует абсолютной ренты, *потому что* стоимость и цена издержек вообще тождественны — как в промышленности, так и в земледелии *. В действительности дело обстоит как раз наоборот: земледелие являлось бы каким-то составляющим исключение видом производства, если бы в нем стоимость и цена издержек были тождественны.

Признавая возможность такого положения вещей, при котором не существует земли, не платящей никакой ренты, Рикардо полагает, что даже и в этом случае достаточной опорой служит для него то обстоятельство, что, по крайней мере, существуют такие дозы прилагаемого к земле капитала, которые никакой ренты не платят. Первое обстоятельство столь же безразлично для теории, как и второе. Действительный вопрос заключается в следующем: регулируют ли рыночную стоимость продукты таких земель или таких капиталов? Или же, напротив, не вынуждены ли они продавать свои продукты *ниже* их стоимости, потому что их добавочное предложение может быть продано только *по* рыночной стоимости, регулируемой помимо них, а не *выше* этой рыночной стоимости? В отношении дальнейших

* [663] (Что Рикардо сознательно отождествляет *стоимость и издержки производства*, показывает следующее место: «Г-н Мальтус, по-видимому, полагает, что составной частью моей теории является отождествление *издержек и стоимости* той или иной вещи. Это верно, если под издержками он подразумевает *«издержки производства», включая прибыль»* (цит. соч., стр. 46) [Русский перевод, том I, стр. 61].) [663]

доз капитала дело обстоит просто, так как здесь при вложении *добавочных доз земельная собственность* для фермера не существует и его, как капиталиста, интересует лишь цена издержек; даже в том случае, когда он сам является владельцем добавочного капитала, для него выгоднее вложить этот капитал в арендуемую им землю с прибылью даже *ниже* средней, чем *отдать* его *в ссуду* и, следовательно, получить только процент, а не прибыль. Что касается земельных участков, то земли, не платящие ренты, образуют составные части таких земельных владений, которые платят ренту; от этих последних они неотделимы, вместе с ними они сдаются в аренду, хотя отдельно их нельзя сдать ни одному капиталистическому фермеру (но вполне можно сдать бедняку-арендатору, а также мелкому капиталисту). Эти клочки земли тоже не противостоят арендатору в качестве «земельной собственности». Или же собственник вынужден обрабатывать их сам. Фермер не может платить за них ренту, а *даром* земельный собственник не сдаст их в аренду, за исключением того случая, когда он хочет таким способом, без каких бы то ни было издержек со своей стороны, превратить свою землю в возделанную.

Иначе обстояло бы дело, если бы в какой-либо стране строение земледельческого капитала было равно среднему строению неземледельческого капитала, что предполагает высокое развитие земледелия или низкое развитие промышленности. В этом случае стоимость земледельческого продукта была бы равна его цене издержек. Тогда уплачиваться могла бы лишь дифференциальная рента. Те земельные участки, которые не дают дифференциальной ренты и могли бы приносить *только* [собственно] земледельческую ренту, тогда совсем не имели бы возможности платить какую бы то ни было ренту. Ибо, когда продукты этих земель продаются арендатором по их стоимости, то они лишь покрывают его цену издержек. *Арендатор*, следовательно, не платит никакой ренты. Собственнику приходится тогда самому возделывать эти земли, или же он забирает себе под названием арендной платы часть прибыли или даже заработной платы своего арендатора. То обстоятельство, что этот случай мог бы иметь место в одной стране, не мешало бы тому, чтобы в другой стране происходило прямо противоположное. Но там, где промышленность — следовательно, капиталистическое производство — развита слабо, там не существует капиталистических арендаторов, ибо предпосылкой их существования является капиталистическое производство в сельском хозяйстве. Тогда мы имеем дело с совершенно иными отношениями, чем та экономическая организация, при которой земельная

собственность экономически существует только как земельная рента.

В той же главе 17-й Рикардо говорит:

«Сырые продукты не имеют монопольной цены, так как рыночная цена ячменя и пшеницы регулируется *издержками их производства* точно так же, как и рыночная цена сукна и холста. Единственное различие состоит в том, что цену хлеба регулирует *одна часть* применяемого в земледелии *капитала*, а именно, та часть, которая не платит никакой ренты, тогда как в производстве *промышленных товаров* каждая часть применяемого *капитала* дает *одинаковые результаты*; а так как ни одна из *этих частей* не платит ренты, то каждая из них в *одинаковой мере* является *регулятором цены*» (цит. соч., стр. 290—291) [Русский перевод, том I, стр. 207].

Это утверждение, согласно которому в промышленности каждая часть применяемого капитала дает одинаковые результаты и ни одна из этих частей не приносит ренты (которая, однако, в промышленности называется сверхприбылью), не только ошибочно, но и [650] ¹⁰⁶ опровергнуто, как мы ранее видели *, самим Рикардо.

Теперь мы подходим к рассмотрению теории прибавочной стоимости Рикардо.

[Б. ПРОБЛЕМА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ У РИКАРДО]

1) КОЛИЧЕСТВО ТРУДА И СТОИМОСТЬ ТРУДА.

[НЕРАЗРЕШИМОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ОБМЕНА ТРУДА НА КАПИТАЛ В ЕЕ РИКАРДОВСКОЙ ПОСТАНОВКЕ]

Глава 1-я — «О стоимости» — сразу же открывается у Рикардо *отделом I*, носящим заголовок:

«Стоимость товара, или то количество любого другого товара, на которое он обменивается, зависит от *относительного количества труда*, необходимого для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, уплачиваемого за *этот труд*» [Русский перевод, том I, стр. 33].

Соответственно манере, проходящей через все его исследование, Рикардо начинает здесь свою книгу положением о том, что определение стоимости товаров рабочим временем *не противоречит заработной плате*, или различному вознаграждению за это рабочее время, т. е. за это количество труда. Рикардо с самого же начала подвергает критике А. Смита, у которого определение стоимости товаров соответственным *количеством труда*, требующимся для их производства, смешивается со *стоимостью труда* (или с вознаграждением за труд).

* См. настоящее издание, часть II, стр. 220, 343 и 415—416. *Ред.*

Ясно, что соответственные количества труда, содержащиеся в двух товарах *A* и *B*, абсолютно не затрагиваются тем, много или мало из продукта своего труда получают рабочие, производящие товары *A* и *B*. Стоимость товаров *A* и *B* определяется *количеством труда*, которого стоит их производство, а не *издержками на труд* для владельцев товаров *A* и *B*. Количество труда и стоимость труда — две различные вещи. Количество труда, которое соответственно содержится в товарах *A* и *B*, не находится ни в какой связи с тем, какая часть труда, содержащегося в *A* и *B*, *оплачена* владельцами *A* и *B* или даже *ими самими выполнена*. Товары *A* и *B* обмениваются пропорционально не содержащемуся в них *оплаченному* труду, а пропорционально содержащемуся в них совокупному количеству труда, как оплаченного, так и неоплаченного.

«Адам Смит, который так правильно определил подлинный источник меновой стоимости и который последовательности ради обязан был держаться того взгляда, что все вещи обладают большей или меньшей стоимостью соответственно тому, больше или меньше труда затрачено на их производство, тем не менее выдвинул еще другую стандартную меру стоимости и утверждает, что вещи стоят больше или меньше в соответствии с тем, *обмениваются ли они на большее или меньшее количество этой стандартной меры...* Как будто это два равнозначащих выражения и как будто человек, труд которого стал бы вдвое производительнее и который поэтому мог бы производить вдвое большее количество товара, необходимо получал бы вдвое больше прежнего в обмен на него» (т. е. на свой труд). «Если бы это действительно было верно, *если бы вознаграждение рабочего всегда было пропорционально тому, что он произвел, то количество труда, затраченное на изготовление какого-либо товара, и количество труда, которое можно купить на этот товар, были бы равны*, и любое из них могло бы с точностью измерять изменения в стоимости других предметов. Но они не равны» (стр. 5) [Русский перевод, том I, стр. 35].

А. Смит нигде не утверждает, что «это два равнозначащих выражения». Наоборот, он говорит: так как в капиталистическом производстве заработная плата рабочего уже не равняется произведенному им продукту и, следовательно, количество труда, какого стоит товар, и количество товара, какое рабочий может купить этим трудом, представляют собой две различные вещи, — то *именно в силу этого* относительное количество труда, содержащееся в товарах, перестает определять их стоимость; последняя определяется скорее *стоимостью труда*, количеством труда, какое я посредством определенной массы товаров могу купить, получить в свое распоряжение. Поэтому мерой стоимостей — вместо *относительного количества* труда — становится, по Смицу, *стоимость труда*. Рикардо правильно отвечает А. Смицу, что *относительное количество труда*, содержащееся в двух товарах, ни в какой

мере не затрагивается тем, какая доля из того, что произведено этим трудом, достается самим рабочим, не зависит от того, как этот труд вознаграждается; что, следовательно, если *относительное количество труда* было мерой товарных стоимостей до появления заработной платы (заработной платы, отличающейся от стоимости самого продукта), то нет никакого основания, почему бы это относительное количество труда не оставалось такой же мерой стоимости и *после* появления заработной платы. Рикардо верно отмечает, что А. Смит мог употреблять оба выражения, пока они были равнозначными, но что это не является основанием для того, чтобы употреблять неправильное выражение вместо правильного, когда они перестали быть равнозначными.

Однако этим Рикардо отнюдь не разрешил той проблемы, которая составляет внутреннюю основу противоречия А. Смита. *Стоимость труда и количество труда* остаются «равнозначными выражениями», поскольку мы имеем дело с *овеществленным трудом*. [651] Они перестают быть таковыми, как только мы переходим к обмену между *овеществленным трудом и трудом живым*.

Два товара обмениваются в соответствии с *овеществленным в них трудом*. Равные количества овеществленного труда обмениваются друг на друга. Рабочее время является «стандартной мерой» их стоимости, но именно поэтому они и «стоят больше или меньше в соответствии с тем, обмениваются ли они на большее или меньшее количество этой стандартной меры». Если в товаре А содержится один рабочий день, то этот товар обменивается на любое количество другого товара, содержащее также один рабочий день; товар «стоит больше или меньше» в зависимости от того соотношения, в каком он обменивается на большее или меньшее количество овеществленного труда в других товарах, потому что это меновое отношение служит выражением относительного количества труда, содержащегося в самом товаре, тождественно с этим относительным количеством труда.

Но ведь наемный труд есть *товар*. Он даже представляет собой ту основу, на которой совершается производство *продуктов как товаров*. И вот оказывается, что на наемный труд *закон стоимости* не распространяется. Значит, этот закон вообще не господствует над капиталистическим производством. Здесь — противоречие. Это — одна проблема для А. Смита. Вторая проблема, которую мы позднее встретим в более развернутом виде у Мальтуса, заключается в том, что *капиталистическое использование* товара определяется не той пропорцией,

в какой в товаре содержится труд, а той пропорцией, в какой товар распоряжается *чужим трудом*, дает господство над *большим* количеством чужого труда, чем то количество труда, которое содержится в нем самом. Это по сути дела второй тайный мотив для смитовского утверждения, что-де со времени возникновения капиталистического производства стоимость товаров определяется не тем трудом, который в них содержится, а тем живым трудом, которым они распоряжаются, — определяется, стало быть, *стоимостью труда*.

Рикардо просто-напросто отвечает, что так уж обстоит дело в капиталистическом производстве. Он не только не разрешает проблему, но даже и не улавливает ее у А. Смита. В соответствии со всем характером своего исследования он ограничивается доказательством того, что изменяющаяся стоимость труда — короче, заработная плата — *не опровергает* положения о том, что стоимость *товаров*, отличных от самого труда, определяется относительным количеством заключающегося в них труда. *«Они не равны»*, а именно — «количество труда, затраченное на изготовление какого-либо товара, и количество труда, которое можно купить на этот товар». Рикардо удовлетворяется констатированием этого факта. Но чем отличается товар-труд от других товаров? В первом случае это — *живой труд*, во втором — *овеществленный труд*. Следовательно, это лишь две различные формы труда. Почему для одной из них имеет силу закон, который недействителен для другой, если различие здесь лишь формальное? Рикардо не отвечает на этот вопрос, он даже не ставит его.

Нисколько не помогает делу, когда он говорит:

«Разве стоимость труда не... изменяется? Ведь на нее влияет не только, как и на все другие предметы» (следовало сказать: товары), «соотношение между предложением и спросом, постоянно меняющееся с каждой переменой в состоянии общества, но также и изменение цен на пищу и другие предметы необходимости, на которые расходуется *заработная плата*» (стр. 7) [Русский перевод, том I, стр. 36].

Что цена труда, подобно цене других товаров, изменяется вместе с изменением спроса и предложения, это, по мнению самого Рикардо, ничего не доказывает там, где речь идет о *стоимости* труда, — так же как такое изменение цен других товаров вместе с изменением спроса и предложения ничего не доказывает относительно стоимости этих товаров. Однако и тот факт, что на «заработную плату», — а это только другое выражение для стоимости труда, — влияет «изменение цен на пищу и другие предметы необходимости, на которые расходуется заработная плата», также не дает объяснения того, почему

стоимость труда определяется (или кажется определяемой) иначе, чем стоимость других товаров. Ибо и на эти последние влияет изменение цен других товаров, которые входят в их производство, на которые они *обмениваются*. А *расходование* заработной платы на пищу и предметы необходимости не означает ведь ничего другого, кроме *обмена* стоимости труда на пищу и предметы необходимости. Вопрос именно в том и состоит, почему *труд* и те *товары, на которые он обменивается*, обмениваются не согласно закону стоимости, не по относительным количествам труда?

Вопрос, так поставленный, по самой сути своей неразрешим, — *поскольку предпосылкой признаётся закон стоимости*, — и неразрешим он по той причине, что здесь *труд*, как таковой, противопоставляется *товару*, определенное количество непосредственного труда, как такового, противопоставляется определенному количеству овеществленного труда.

Эта слабая сторона рикардовской трактовки вопроса содействовала, как мы увидим позже, разложению рикардианской школы и привела к нелепым гипотезам.

[652] *Уэйкфилд* справедливо говорит:

«Если рассматривать *труд* как *товар*, а *капитал*, продукт труда, как другой товар и если *стоимости этих двух товаров регулируются одинаковыми количествами труда*, то данное количество труда при всех обстоятельствах обменивалось бы на такое количество капитала, какое было произведено тем же количеством труда; *прошлый труд всегда обменивался бы на то же самое количество настоящего труда*. Но стоимость труда по отношению к другим товарам — по крайней мере, поскольку заработная плата зависит от дележа [продукта между капиталистом и рабочим], — определяется *не одинаковыми количествами труда*, а соотношением между предложением и спросом» (*Э. Г. Уэйкфилд*, примечание к стр. 230 в I томе его издания «Богатства народов» А. Смита, Лондон, 1835).

Это также один из коньков у *Бейли*; посмотреть его рассуждения позднее. Также и у *Сэя*, который очень радуется по поводу того, что здесь вдруг за предложенцем и спросом признаётся решающая роль ¹⁰⁷.

* * *

[652] *К 1*). Надлежит отметить еще следующее. *Отдел III* главы 1-й имеет у Рикардо такой заголовок:

«На стоимость товаров влияет не только *труд, непосредственно примененный к данным товарам*, но также и *труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, способствующие этому труду*» [Русский перевод, том I, стр. 42].

Следовательно, стоимость товара в одинаковой мере определяется как количеством *овеществленного (прошлого)* труда, требующегося для его производства, так и количеством *живого (теперь затрачиваемого)* труда, требующегося для его производства. Другими словами: на те или другие количества труда отнюдь не влияет *формальное различие*, является ли труд овеществленным или живым, прошлым или настоящим (непосредственным). Если это различие не имеет значения при определении стоимости товаров, то почему же оно приобретает столь решающее значение, когда прошлый труд (капитал) обменивается на живой труд? Почему оно должно было бы упразднить здесь закон стоимости, если это различие, *как таковое*, — как это обнаруживается по отношению к товару, — не имеет значения для определения стоимости? Рикардо не дает ответа на этот вопрос и даже не ставит его. [652]

**2) СТОИМОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. СТОИМОСТЬ ТРУДА.
[СМЕШЕНИЕ У РИКАРДО ТРУДА И РАБОЧЕЙ СИЛЫ.
КОНЦЕПЦИЯ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЫ ТРУДА»]**

Для того чтобы определить прибавочную стоимость, Рикардо, подобно физиократам, А. Смиту и др., должен прежде всего определить *стоимость рабочей силы*, или, как он говорит вслед за Смитом и его предшественниками, *стоимость труда*. [652]

[652] Как же определяется *стоимость*, или *естественная цена*, труда? Ведь, по мнению *Рикардо*, *естественная цена* есть не что иное, как *денежное выражение стоимости*.

«Труд, подобно всем другим предметам, которые покупаются и продаются и количество которых может быть увеличено или уменьшено» (т. е. подобно всем другим товарам), «имеет свою естественную и свою рыночную цену. *Естественная цена труда* — это та цена, которая необходима, чтобы рабочие имели, в среднем, возможность существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их числа» (следовало бы сказать: с такой нормой увеличения, которая требуется для среднего роста производства). «Способность рабочего содержать себя самого и свою семью так, чтобы число рабочих не уменьшалось... зависит от *цен на пищу, на предметы необходимости и удобства, требующиеся для содержания рабочего и его семьи*. С повышением цен на пищу и другие предметы необходимости повысится также и естественная цена труда; с падением их цен естественная цена труда упадет» (стр. 86) [Русский перевод, том I, стр. 85].

«Не следует думать, что естественная цена труда, даже выраженная в пище и предметах необходимости, абсолютно неподвижна и постоянна. Она изменяется с течением времени в одной и той же стране и очень значительно различается в разных странах. Она существенным образом зависит от обычаев и привычек народа» (стр. 91) [Русский перевод, том I, стр. 88].

Итак, *стоимость труда* определяется теми *жизненными средствами*, которые по традиции являются *необходимыми* в данном обществе для содержания рабочих и продолжения их рода.

Но почему? В силу какого закона *стоимость труда* определяется именно таким образом?

У Рикардо на этот вопрос нет фактически никакого другого ответа, кроме утверждения, что закон предложения и спроса сводит среднюю цену труда к средствам существования, необходимым (физически или социально необходимым в том или ином определенном обществе) для содержания рабочего. [653] Здесь, в одном из основных пунктов всей своей системы, Рикардо определяет *стоимость* посредством *спроса и предложения*, как не без злорадства замечает Сэй (см. перевод Кон-стансио)¹⁰⁸.

Рикардо должен был бы говорить не о *труде*, а о *рабочей силе*. А тогда и *капитал* был бы представлен как такие вещные условия труда, которые противостоят рабочему в качестве обособившейся самостоятельной силы, и капитал сразу же предстал бы как *определенное общественное отношение*. Для Рикардо же капитал является лишь «накопленным трудом» в отличие от «непосредственного труда» и берется лишь как нечто просто вещное, просто как элемент в *процессе труда*, из чего никак нельзя вывести отношение труда и капитала, заработной платы и прибыли.

«Капитал — это та часть богатства страны, которая применяется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырья, машин и т. д., необходимых для того, чтобы привести в действие труд» (стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 86]. «Меньшее количество капитала — это то же самое, что меньшее количество труда» (стр. 73) [Русский перевод, том I, стр. 76]. «Труд и капитал, т. е. накопленный труд» (стр. 499) [Русский перевод, том I, стр. 338].

Скачок, который здесь [в вопросе о стоимости труда] делает Рикардо, правильно почувствовал Бейли:

«Г-н Рикардо довольно искусно обходит ту трудность, которая на первый взгляд грозит опрокинуть его учение о том, что стоимость зависит от количества труда, употребленного в производстве. Если проводить этот принцип со всей строгостью, то из него вытекает, что *стоимость труда* зависит от количества труда, употребленного в процессе его производства, — что, очевидно, нелепо. Поэтому г-н Рикардо ловким маневром ставит стоимость труда в зависимость от количества труда, требующегося для производства заработной платы, или, говоря его собственными словами, он утверждает, что *стоимость труда* надо определять количеством труда, требующимся для того, чтобы произвести заработную плату; а под этим он подразумевает количество труда, требующегося для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это то же, как если бы мы сказали,

что стоимость сукна надо определять не тем количеством труда, какое затрачено на его производство, а тем, какое затрачено на производство того серебра, на которое обменивается сукно» (*A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value* etc., London, 1825, стр. 50—51).

Это возражение, если брать слова Рикардо, правильно. Рикардо различает *номинальную и действительную заработную плату*. Номинальная заработная плата — это заработная плата, выраженная в деньгах, денежная заработная плата:

«*Номинальная заработная плата* — это «количество фунтов стерлингов, уплачиваемое рабочему в течение года», а *действительная заработная плата* — это «число рабочих дней, необходимое для того, чтобы добыть эти фунты стерлингов» (Рикардо, цит. соч., стр. 152) [Русский перевод, том I, стр. 123].

Так как заработная плата равна предметам необходимости, потребляемым рабочими, а стоимость этой заработной платы («действительной заработной платы») равняется стоимости этих предметов необходимости, то очевидно, что и стоимость этих последних равна «действительной заработной плате», равна тому труду, которым эта заработная плата может распоряжаться. Если изменяется стоимость предметов необходимости, то изменяется и стоимость «действительной заработной платы». Предположим, что предметы необходимости, потребляемые рабочим, состоят только из хлеба и что необходимое для него количество жизненных средств составляет 1 квартал хлеба в месяц. Тогда стоимость его заработной платы [за месяц] равна стоимости 1 квартала хлеба; если повышается или падает стоимость квартала хлеба, то повышается или падает стоимость месячного труда. Но как бы ни повышалась или как бы ни падала стоимость квартала хлеба (как бы много или мало труда ни содержалось в квартале хлеба), она всегда равняется стоимости месячного труда.

Здесь мы имеем *скрытое основание* того, почему А. Смит говорит, что как только появляется капитал, а следовательно и наемный труд, стоимость продукта регулируется уже не количеством затраченного на него труда, а тем количеством труда, которым данный продукт может распоряжаться. Определяемая рабочим временем стоимость хлеба (и других предметов необходимости) изменяется; но до тех пор, пока уплачивается естественная цена труда, остается без изменения то количество труда, которым может распоряжаться квартал хлеба. Следовательно, труд имеет *постоянную относительную стоимость при сравнении с хлебом*. Поэтому-то у Смита стоимость труда и стоимость хлеба (хлеб фигурирует здесь вместо *пищи* вообще; см. у Дикона Юма¹⁰⁹) являются стандартными мерами

стоимости, так как определенное количество хлеба, если оно оплачивает естественную цену труда, распоряжается определенным количеством труда, независимо от того количества труда, которое затрачивается на производство одного квартера хлеба. Одно и то же количество труда всегда распоряжается одной и той же *потребительной стоимостью*, или, вернее, одна и та же потребительная стоимость всегда распоряжается *одним и тем же количеством труда*.

Этим путем сам Рикардо определяет стоимость труда, его естественную цену. Рикардо говорит: квартал хлеба имеет весьма различную стоимость, хотя он всегда распоряжается одним и тем же [654] количеством труда, или одно и то же количество труда всегда распоряжается этим кварталом. Да, говорит А. Смит, как бы ни изменялась определяемая рабочим временем стоимость квартера хлеба, рабочий всегда должен уплачивать (приносить в жертву) одно и то же количество труда, чтобы купить этот квартал хлеба. Следовательно, стоимость хлеба изменяется, но стоимость труда не изменяется, потому что 1 месяц труда = 1 кварталу хлеба. Да и стоимость хлеба изменяется лишь постольку, поскольку мы рассматриваем тот труд, который требуется для его производства. Если же мы рассматриваем то количество труда, на которое этот квартал хлеба обменивается, которое он приводит в движение, то стоимость его не изменяется. И именно поэтому то количество труда, на которое обменивается квартал хлеба, служит *стандартной мерой стоимости*. А стоимости других товаров относятся к труду так, как они относятся к хлебу. Данное количество хлеба распоряжается данным количеством труда. Данное количество всякого другого товара распоряжается известным количеством хлеба. Следовательно, всякий другой товар — или, вернее, стоимость всякого другого товара — выражается тем количеством труда, которым он распоряжается, так как стоимость этого товара получает свое выражение в количестве хлеба, каким данный товар распоряжается, а это количество хлеба выражается количеством труда, какое хлеб получает в свое распоряжение.

Но чем определяется стоимостное отношение других товаров к хлебу (к предметам необходимости)? Количеством труда, которым эти товары распоряжаются. А чем определяется количество труда, которым они распоряжаются? Количеством хлеба, которым распоряжается этот труд. Тут Смит неизбежно попадает в порочный круг. (Однако, заметим мимоходом, он *никогда* не применяет этой меры стоимости там, где он дает действительный анализ.) Кроме того, Смит смешивает здесь, что часто делает

и Рикардо, труд, о котором он, как и Рикардо, говорит, что он есть

«основа стоимости товаров», причем «сравнительное количество труда, необходимое для их производства», есть «мера, определяющая соответственные количества товаров, которые должны быть даны в обмен друг на друга» (Рикардо, цит. соч., стр. 80) [Русский перевод, том I, стр. 81], —

эту *имманентную* меру стоимости Смит смешивает с *внешней мерой*, с *деньгами*, которые уже предполагают определение стоимости.

А. Смит ошибается, когда он из того обстоятельства, что определенное количество труда может быть обменено на определенное количество потребительных стоимостей, заключает, что это *определенное количество труда* служит мерой стоимости, всегда имеет *одну и ту же стоимость*, тогда как одно и то же количество потребительных стоимостей может представлять весьма различную меновую стоимость. Но Рикардо ошибается вдвойне, поскольку он, во-первых, не понимает проблемы, вызвавшей ошибку Смита, и, во-вторых, поскольку сам он, совершенно забывая о законе стоимости товаров и прибегая к закону предложения и спроса, определяет *стоимость труда* не тем количеством труда, какое затрачивается на производство *рабочей силы* [*force of labour*], а тем, какое затрачивается на производство достаемойся рабочему заработной платы, т. е. он по сути дела говорит: стоимость труда определяется стоимостью тех денег, которые за него уплачиваются! А чем определяется эта последняя? Чем определяется масса денег, уплачиваемая за труд? Количеством потребительных стоимостей, которое распоряжается определенным количеством труда, или которым распоряжается определенное количество труда. В результате этого Рикардо впадает *буквально* в ту самую непоследовательность, за которую он порицал А. Смита.

Вместе с тем, как мы видели, это мешает ему понять специфическое различие между *товаром* и *капиталом*, между обменом товара на товар и обменом капитала на товар — соответственно закону товарного обмена.

Вышеприведенный пример был таков: 1 квартал хлеба = 1 месяцу труда. Предположим, что месяц труда равняется 30 рабочим дням. (Рабочий день — 12 часов.) В таком случае стоимость 1 квартала хлеба меньше 30 рабочих дней. Если бы 1 квартал хлеба был продуктом 30 рабочих дней, то стоимость труда была бы равна его продукту. Следовательно, не было бы никакой прибавочной стоимости, а потому и никакой прибыли. Не было бы никакого капитала. Значит, в действительности стоимость 1 квартала хлеба всегда меньше 30 рабочих дней,

если он служит платой за 30 рабочих дней. Прибавочная стоимость зависит от того, насколько эта стоимость квартера хлеба меньше 30 дней. Пусть, например, 1 квартал хлеба есть продукт 25 рабочих дней. Тогда прибавочная стоимость = 5 рабочим дням, = $\frac{1}{6}$ совокупного рабочего времени. Если 1 квартал (8 бушелей) = 25 рабочим дням, то 30 рабочих дней = 1 кварталу $1\frac{3}{5}$ бушеля. Таким образом, *стоимость* 30 рабочих дней (т. е. заработная плата, выплачиваемая за 30 рабочих дней) всегда меньше, чем стоимость того продукта, в котором содержатся 30 рабочих дней. Стоимость хлеба определяется, следовательно, не тем [655] трудом, которым он распоряжается, на который он обменивается, а тем трудом, который в нем содержится. Напротив, *стоимость 30 дней труда* [т. е. заработная плата, выплачиваемая за 30 рабочих дней] всегда определяется 1 кварталом хлеба, какова бы ни была стоимость последнего.

3) ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ. [ОТСУТСТВИЕ У РИКАРДО АНАЛИЗА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ. РИКАРДОВСКИЙ ВЗГЛЯД НА РАБОЧИЙ ДЕНЬ КАК НА ПОСТОЯННУЮ ВЕЛИЧИНУ]

Если отвлечься от смешения труда и рабочей силы, то Рикардо в остальном правильно определяет среднюю заработную плату, или стоимость труда. А именно, она не определяется, говорит Рикардо, ни деньгами, ни жизненными средствами, получаемыми рабочими, а определяется тем *рабочим временем, которого стоит производство этих последних*, тем *количеством труда*, какое овеществлено в жизненных средствах, достигающих рабочему. Это Рикардо называет *действительной* заработной платой. (См. ниже.)

Это определение получается у него к тому же с необходимостью. Так как стоимость труда определяется *стоимостью необходимых жизненных средств*, на которые эта стоимость труда должна быть израсходована, а *стоимость необходимых жизненных средств*, как и всех других товаров, определяется *затраченным на их производство количеством труда*, то отсюда само собой следует, что стоимость труда равняется стоимости необходимых жизненных средств, равняется *количеству труда, затраченного на производство этих необходимых жизненных средств*.

Но как ни правильна эта формула (если отвлечься от того, что здесь непосредственно сопоставляются друг с другом труд и капитал), она все же недостаточна. Отдельный рабочий в возмещение своей заработной платы *воспроизводит* — а следовательно, если иметь в виду непрерывность этого процесса, —

производит, хотя и не непосредственно те продукты, которые служат для поддержания его жизни {он может производить такие продукты, которые вовсе не входят в его потребление; и даже если он производит необходимые жизненные средства, то, вследствие разделения труда, он производит только один вид их, например хлеб в зерне, и придает ему лишь одну форму (например, хлеба в зерне, а не печеного хлеба)}, но он *производит* товар, обладающий *стоимостью* его жизненных средств, или производит *стоимость* своих жизненных средств. А это — если рассматривать ежедневное среднее потребление рабочего — означает, стало быть, следующее: рабочее время, содержащееся в необходимых жизненных средствах, потребляемых им за день, составляет часть *его рабочего дня*. Часть дня он работает, чтобы воспроизвести *стоимость* своих необходимых жизненных средств; товар, произведенный в течение этой части рабочего дня, имеет ту же стоимость, или содержит *столько же* рабочего времени, сколько содержится в потребляемых рабочим за день необходимых жизненных средствах. *От стоимости этих необходимых жизненных средств* (следовательно, от общественной производительности труда, а не от производительности той отдельной отрасли производства, в которой он работает) *зависит, какая часть его рабочего дня* посвящается воспроизводству или производству *стоимости* его жизненных средств, т. е. их эквивалента.

Рикардо, естественно, предполагает, что рабочее время, содержащееся в ежедневных необходимых жизненных средствах, равняется тому рабочему времени, в течение которого рабочий вынужден ежедневно работать, чтобы воспроизвести стоимость этих необходимых жизненных средств. Но этим Рикардо, — поскольку в его трактовке вопроса та или иная *часть рабочего дня* каждого рабочего не выступает *непосредственно* как предназначенная для воспроизводства стоимости его собственной рабочей силы, — затрудняет исследование этого вопроса и затемняет понимание имеющегося здесь отношения. Отсюда проистекает двойная путаница. Становится неясным *происхождение прибавочной стоимости*, и поэтому послерикардовские экономисты упрекали Рикардо в том, что он не понял, не развил природы прибавочной стоимости. Отчасти отсюда проистекают их схоластические попытки объяснить прибавочную стоимость. Но так как в таком виде происхождение и природа прибавочной стоимости не получают ясной формулировки, то прибавочный труд плюс необходимый труд — короче, *совокупный рабочий день* — рассматривается как некоторая фиксированная величина, упускаются из виду различия в величине прибавочной

стоимости, остаются непонятыми производительность капитала, осуществляемое им *принуждение к прибавочному труду* — с одной стороны, в смысле производства абсолютной прибавочной стоимости, а затем — присущее капиталу внутреннее стремление сократить необходимое рабочее время; следовательно, не выясняется *историческая* правомерность капитала. Напротив, А. Смит уже дал правильную формулу. Насколько важно было свести стоимость к труду, настолько же важно было свести прибавочную стоимость к прибавочному труду, и притом в совершенно определенных выражениях.

Рикардо исходит из имеющегося налицо факта капиталистического производства. Стоимость труда меньше стоимости того продукта, который создается этим трудом. Стоимость продукта поэтому больше стоимости того труда, который производит этот продукт, или больше стоимости заработной платы. Избыток стоимости продукта *над* стоимостью заработной платы составляет прибавочную стоимость. (Рикардо ошибочно говорит о *прибыли*, но он отождествляет здесь, как уже раньше было отмечено, прибыль с прибавочной стоимостью и говорит в действительности об этой последней.) Для Рикардо является фактом, что стоимость продукта больше стоимости заработной платы. Как возникает этот факт, остается неясным. Рабочий день, взятый в целом, *превышает* ту часть рабочего дня, которая требуется для производства заработной платы. Почему? Это у Рикардо остается невыясненным. Поэтому *величина совокупного рабочего дня* ошибочно предполагается у Рикардо *фиксированной*, а отсюда непосредственно следуют неправильные выводы. В результате этого увеличение или уменьшение прибавочной стоимости Рикардо может объяснять *только* возрастанием или падением производительности того общественного труда, который производит необходимые жизненные средства. Иначе говоря, Рикардо знает только относительную прибавочную стоимость.

[656] Ясно, что если бы у рабочего весь его день уходил на то, чтобы производить свои собственные жизненные средства (т. е. товары, равные по стоимости его собственным жизненным средствам), то невозможна была бы никакая прибавочная стоимость, а следовательно, невозможны были бы капиталистическое производство и наемный труд. Для того чтобы капиталистическое производство существовало, производительность общественного труда должна быть достаточно развитой, чтобы имел место избыток совокупного рабочего дня над рабочим временем, необходимым для воспроизводства заработной платы, т. е. чтобы существовал *прибавочный труд* той или иной ве-

личины. Но столь же ясно, что, если при данном рабочем времени (при данной величине рабочего дня) может быть весьма различна производительность труда, то, с другой стороны, при данной производительности труда может быть весьма различно рабочее время, величина рабочего дня. Далее, ясно, что если необходимо предположить известный уровень развития производительности труда, чтобы мог существовать *прибавочный труд*, то одна только *возможность* этого прибавочного труда (т. е. наличие этого необходимого минимума производительности труда) еще не создает его *действительности*. Для этого необходимо предварительно *вынудить* рабочего работать сверх вышеуказанного предела, а вынуждает рабочего к этому капитал. Всего этого у Рикардо нет, а между тем отсюда-то и происходит вся борьба за определение нормального рабочего дня.

На низкой ступени развития общественной производительности труда — следовательно, на той ее ступени, когда прибавочный труд относительно мал, — класс живущих чужим трудом бывает вообще мал по сравнению с числом работников. Класс этот может возрасти весьма значительно (относительно) по мере того, как возрастает производительность труда, как возрастает, следовательно, и относительная прибавочная стоимость.

Далее, подразумевается, что *стоимость труда* в различные периоды в одной стране и в один и тот же период в разных странах сильно меняется. Однако родиной капиталистического производства являются умеренные пояса. *Общественная* производительная сила труда может быть очень слабо развита, и тем не менее именно в производстве необходимых жизненных средств это может компенсироваться, с одной стороны, плодородием естественных факторов (как, например, почвы), а с другой — крайне низким уровнем потребностей жителей (вследствие климата и т. п.); то и другое имеет место, например, в Индии. При грубом, примитивном состоянии общества минимум заработной платы может быть, вследствие еще не развитых социальных потребностей, очень незначителен (количественно в отношении потребительных стоимостей), и тем не менее этот минимум стоит большого труда. Но даже если бы необходимый для его производства труд был всего лишь средней величины, все же произведенная прибавочная стоимость, хотя и высокая по отношению к заработной плате (к необходимому рабочему времени), т. е. даже при высокой норме прибавочной стоимости, была бы, будучи выражена в потребительных стоимостях, столь же скудна (относительно), как и сама заработная плата.

Пусть необходимое рабочее время = 10 часам, прибавочный труд = 2 часам, весь рабочий день = 12 часам. Если бы необходимое рабочее время равнялось 12 часам, прибавочный труд $2\frac{2}{5}$, а весь рабочий день составлял бы $14\frac{2}{5}$ часа, то произведенные стоимости были бы весьма различны. В первом случае произведенные стоимости = 12 часам, во втором они равны $14\frac{2}{5}$ часа. Точно так же различны были бы и абсолютные величины прибавочных стоимостей. В одном случае прибавочная стоимость равна 2 часам, в другом — $2\frac{2}{5}$ часа. Тем не менее *норма прибавочной стоимости*, или *прибавочного труда*, была бы одна и та же, ибо $2 : 10 = 2\frac{2}{5} : 12$. Если бы во втором случае затраченный переменный капитал был больше, то больше была бы и присваиваемая им прибавочная стоимость, или прибавочный труд. Если бы в последнем случае прибавочный труд увеличился не на $\frac{2}{5}$, а на $\frac{5}{5}$ часа, так что он стал бы равен 3 часам, а совокупный рабочий день — 15 часам, то *норма прибавочной стоимости* повысилась бы несмотря на то, что *необходимое рабочее время* — или минимум заработной платы — возросло бы (ибо $2 : 10 = \frac{1}{5}$, а $3 : 12 = \frac{1}{4}$). И то и другое одновременно могло бы произойти в том случае, если бы вследствие вздорожания хлеба и т. д. минимум заработной платы возрос с 10 до 12 часов. Таким образом, даже в этом случае норма прибавочной стоимости не только могла бы остаться без изменения, но она, а вместе с нею и масса прибавочной стоимости могли бы еще возрасти.

Но предположим, что необходимая заработная плата по-прежнему равна 10 часам, прибавочный труд равен 2 часам, все другие условия остаются прежними (здесь, следовательно, совсем не принимается во внимание уменьшение издержек производства на постоянный капитал). Если рабочий работает теперь на $2\frac{2}{5}$ часа больше, из которых 2 часа он присваивает себе, а $\frac{2}{5}$ часа составляют прибавочный труд, то в этом случае одинаково возрастут и заработная плата и прибавочная стоимость, но первая будет представлять большую величину, чем необходимая заработная плата, или необходимое рабочее время.

Если взять какую-нибудь *данную* величину и разделить ее на две части, то очевидно, что одна из них может увеличиваться лишь постольку, поскольку другая уменьшается, и наоборот. Но при возрастающих (переменных) величинах дело обстоит отнюдь не так. Рабочий день (пока не завоеван нормальный рабочий день) как раз и представляет собой такую возрастающую величину. У таких величин могут возрастать обе части, одинаково или неодинаково. Увеличение одной не обус-

ловлено уменьшением другой, и наоборот. Это и есть тот единственный случай, когда заработная плата и прибавочная стоимость могут по своей *меновой стоимости возрасть* одновременно, а при известных условиях даже *в одинаковой мере*. Что касается их потребительной стоимости, то это само собой разумеется; она может увеличиваться, [657] хотя стоимость труда, скажем, уменьшается. В период 1797—1815 гг., когда в Англии значительно повысились цена хлеба и номинальная заработная плата, — в этот самый период вместе с тем сильно увеличилась продолжительность рабочего дня в главных отраслях промышленности, переживавших тогда фазу безудержного развития, и я думаю, что это задержало падение нормы прибыли (так как задержало падение нормы прибавочной стоимости). Но в подобных случаях нормальный рабочий день удлиняется при всех обстоятельствах, и в соответствии с этим сокращается нормальный период жизни рабочего, а значит, и нормальная продолжительность существования его рабочей силы. Это неизбежно наступает тогда, когда удлинение рабочего дня является постоянным. Если же оно носит лишь временный характер, будучи направлено на то, чтобы компенсировать временное вздорожание заработной платы, то (за исключением тех случаев, когда речь идет о женском и детском труде) оно может и не иметь никаких других последствий, кроме приостановки падения нормы прибыли в тех предприятиях, где удлинение рабочего времени возможно по самому их характеру. (Меньше всего это имеет место в сельском хозяйстве.)

Рикардо этого совершенно не принял во внимание, так как он не исследует ни происхождения прибавочной стоимости, ни абсолютной прибавочной стоимости, а потому рассматривает рабочий день как некую данную величину. Следовательно, для указанного выше случая *неверен его закон*, что прибавочная стоимость и заработная плата (он ошибочно говорит: прибыль и заработная плата), — если рассматривать их со стороны меновой стоимости, — могут увеличиваться или уменьшаться только в *обратном* отношении друг к другу.

Предположим в качестве исходного пункта, что необходимое рабочее время остается без изменения, а также остается без изменения и прибавочный труд. Следовательно, мы имеем $10 + 2$; рабочий день = 12 часам, прибавочная стоимость = 2 часам; норма прибавочной стоимости = $\frac{1}{5}$.

Пусть теперь необходимое рабочее время останется тем же, а прибавочный труд возрастет с 2 до 4 часов. Тогда рабочий день будет $10 + 4$, т. е. 14 часов; прибавочная стоимость = 4 часам; норма прибавочной стоимости = $4 : 10 = \frac{4}{10} = \frac{2}{5}$.

В обоих случаях необходимое рабочее время одно и то же; но прибавочная стоимость в одном случае вдвое больше, чем в другом, а рабочий день во втором случае на одну шестую больше, чем в первом. Далее, произведенные стоимости, в соответствии с затраченными на них количествами труда, были бы весьма различны, хотя заработная плата одна и та же; в первом случае произведенные стоимости равны 12 часам, во втором $= 12 + \frac{12}{6} = 14$. Таким образом, неверно, будто при предположении *одной и той же заработной платы* (по стоимости, по необходимому рабочему времени) содержащиеся в двух товарах прибавочные стоимости относятся одна к другой как содержащиеся в этих товарах количества труда. Это верно только в том случае, если *нормальный рабочий день* остается без изменения.

Предположим далее, что вследствие повышения производительной силы труда необходимая заработная плата уменьшается с 10 до 9 часов (хотя она, будучи выражена в тех потребительных стоимостях, на которые она расходуется, остается неизменной) и что время прибавочного труда тоже уменьшается с 2 до $1\frac{4}{5}$ часа ($\frac{9}{5}$). В этом случае $10 : 9 = 2 : 1\frac{4}{5}$. Следовательно, время прибавочного труда уменьшилось бы в той же пропорции, как и необходимое время. Норма прибавочной стоимости в обоих случаях была бы одна и та же: так как $2 = \frac{10}{5}$ и $1\frac{4}{5} = \frac{9}{5}$, то $1\frac{4}{5} : 9 = 2 : 10$. Количество потребительных стоимостей, какое можно купить на прибавочную стоимость, осталось бы, согласно предположению, тоже без изменения. (Но это относилось бы только к тем потребительным стоимостям, которые являются необходимыми жизненными средствами.) Рабочий день уменьшился бы с 12 до $10\frac{4}{5}$ часа. Масса стоимостей, которые производятся во втором случае, была бы меньше, чем в первом. И несмотря на эти неравные количества труда, норма прибавочной стоимости в обоих случаях была бы одна и та же.

При рассмотрении прибавочной стоимости мы различали: прибавочную стоимость и норму прибавочной стоимости. Рассматриваемая для одного рабочего дня, прибавочная стоимость равняется абсолютному числу часов, которое она представляет: двум, трем и т. д. Норма прибавочной стоимости равна отношению этого числа часов к тому числу часов, которое составляет необходимое рабочее время. Это различие уже потому очень важно, что оно указывает на различную продолжительность рабочего дня. Если прибавочная стоимость равна 2 часам, то она составляет одну пятую при необходимом рабочем времени в 10 часов и одну шестую при необходимом рабочем времени в 12 часов. В одном случае рабочий день составляет 12 часов,

в другом — 14 часов. В первом случае норма прибавочной стоимости больше, и при этом рабочий в течение дня работает меньшее число часов. Во втором случае норма прибавочной стоимости меньше, стоимость рабочей силы больше, и при этом рабочий в течение дня работает большее число часов. Здесь мы видим, как при неизменной прибавочной стоимости (но при неодинаковом рабочем дне) норма прибавочной стоимости может быть различной. А в ранее приведенном случае ($10 : 2$ и $9 : 1\frac{4}{5}$) мы видели, как при неизменяющейся норме прибавочной стоимости (но при неодинаковом рабочем дне) может быть различной сама прибавочная стоимость (в одном случае — 2, в другом — $1\frac{4}{5}$).

Выше (глава 2-я) я показал, что, при данном рабочем дне (при данной его продолжительности), а также при данном необходимом рабочем времени, — следовательно, при данной норме прибавочной стоимости, — масса прибавочной стоимости зависит от *числа* одновременно занятых тем же капиталом рабочих ¹¹⁰. Это положение было тавтологией. Ибо если 1 рабочий день дает мне 2 часа прибавочного труда, то 12 рабочих дней дают мне 24 часа — или 2 дня — прибавочного труда. Однако это положение приобретает весьма важное значение при определении прибыли, которая равна отношению прибавочной стоимости к авансированному капиталу и, стало быть, зависит от абсолютной величины прибавочной стоимости. Это приобретает важное значение потому, что капиталы равной величины, но различного органического строения применяют неодинаковое количество рабочих и, следовательно, должны производить неравную прибавочную стоимость, а значит и неравную прибыль. При падающей норме прибавочной стоимости прибыль может повышаться, а при повышающейся норме прибавочной стоимости прибыль может падать или оставаться неизменной, если повышение или падение нормы прибавочной стоимости уравновешивается обратным движением числа занятых рабочих. Здесь мы с самого же начала видим, как глубоко неправильно отождествлять законы [658] повышения и падения прибавочной стоимости с законами повышения и падения прибыли. Если рассматривать только простой закон прибавочной стоимости, то покажется тавтологией положение, что при данной норме прибавочной стоимости (и при данном рабочем дне) абсолютная масса прибавочной стоимости зависит от массы применяемого капитала, — ибо возрастание этой массы капитала и возрастание числа одновременно занятых рабочих, согласно предположению, тождественны, или представляют собой всего лишь выражения одного и того же факта. Но если перейти

к рассмотрению прибыли, где масса применяемого совокупного капитала и масса применяемого количества рабочих весьма различны для капиталов одинаковой величины, то важность указанного закона станет понятной.

Рикардо исходит из рассмотрения *товаров* данной стоимости, т. е. товаров, представляющих *данное* количество труда. А при таком исходном пункте кажется, что абсолютная прибавочная стоимость и относительная прибавочная стоимость всегда совпадают. (Это, во всяком случае, объясняет односторонность его способа рассмотрения и соответствует всему его методу исследования — брать исходной точкой *стоимость* товаров, которая определена содержащимся в товарах рабочим временем, а затем исследовать, в какой мере на нее влияют заработная плата, прибыль и т. д.) Между тем, это — ложная видимость, так как здесь речь идет не просто о товаре, а о капиталистическом производстве, о товарах как продуктах капитала.

Пусть капитал применяет определенную массу рабочих, например 20 человек, и пусть заработная плата равняется 20 ф. ст. Для упрощения мы примем основной капитал равным 0, т. е. не будем вовсе принимать его в расчет. Предположим, что эти 20 рабочих перерабатывают в пряжу на 80 ф. ст. хлопка, если они работают по 12 часов в день. Если фунт хлопка стоит 1 шилл., то 20 фунтов хлопка стоят 1 ф. ст., а 80 ф. ст. = 1 600 фунтам хлопка. Если 20 рабочих перерабатывают в 12 часов 1 600 фунтов хлопка, то в 1 час они перерабатывают $1600/12$ фунтов = $133\frac{1}{3}$ фунта. Таким образом, если необходимое рабочее время равно 10 часам, то прибавочное рабочее время составляет 2 часа и дает $266\frac{2}{3}$ фунта пряжи. Стоимость 1 600 фунтов пряжи составит 104 ф. ст.; ибо если 10 рабочих часов = 20 ф. ст., то 1 рабочий час = 2 ф. ст., а 2 рабочих часа = 4 ф. ст.; следовательно, 12 рабочих часов = 24 ф. ст. (80 ф. ст. [стоимость сырья] + 24 ф. ст. [стоимость, созданная вновь присоединенным трудом] = 104 ф. ст.).

Но если предположить, что время прибавочного труда рабочих равняется 4 часам, то их продукт составит 8 ф. ст. (я имею в виду прибавочную стоимость, создаваемую рабочими; в действительности их продукт = 28 ф. ст.¹¹¹). Совокупный продукт будет иметь стоимость в $121\frac{1}{3}$ ф. ст.¹¹², и эти $121\frac{1}{3}$ ф. ст. равняются $1866\frac{2}{3}$ фунта пряжи. Так как условия производства не изменились, то 1 фунт пряжи имел бы такую же стоимость, как и прежде; в нем содержалось бы столько же рабочего времени. Согласно предположению, оставалась бы без изменения и необходимая заработная плата (ее стоимость, содержащееся в ней рабочее время).

Производятся ли эти $1\ 866\frac{2}{3}$ фунта пряжи при первых условиях или при вторых, т. е. при двух часах прибавочного труда или же четырех, — в обоих случаях они имели бы одну и ту же стоимость. А именно, $266\frac{2}{3}$ фунта хлопка, превращаемые в пряжу сверх прежних 1 600 фунтов хлопка, стоят $13\frac{1}{3}$ ф. ст. Если прибавить их к 80 ф. ст., уплаченным за 1 600 фунтов хлопка, то это составит $93\frac{1}{3}$ ф. ст., и в обоих случаях 4 добавочных рабочих часа 20 человек равны 8 ф. ст. Для всего [вновь присоединенного] труда это составит 28 ф. ст. Следовательно, стоимость $1\ 866\frac{2}{3}$ фунта пряжи равна $121\frac{1}{3}$ ф. ст. В обоих случаях заработная плата та же. Фунт пряжи стоит в обоих случаях $1\frac{3}{10}$ шилл. Так как стоимость 1 фунта хлопка = 1 шилл., то для вновь присоединенного труда, содержащегося в 1 фунте пряжи, в обоих случаях остается $\frac{3}{10}$ шилл., или $3\frac{3}{5}$ пенса (или $18\frac{3}{5}$ пенса).

И тем не менее при предположенных условиях соотношение между стоимостью и прибавочной стоимостью в каждом фунте пряжи было бы весьма различно. В первом случае, — так как необходимый труд = 20 ф. ст., а прибавочный труд = 4 ф. ст., или первый = 10 часам, а второй = 2 часам, — прибавочный труд относится к необходимому, как 2 : 10, или 1 : 5. (Точно так же 4 ф. ст. : 20 ф. ст. = $\frac{4}{20}$ = $\frac{1}{5}$.) В $3\frac{3}{5}$ пенса [вновь присоединенного труда, овеществленного] в 1 фунте пряжи, содержится, следовательно, в этом случае $\frac{1}{5}$ неоплаченного труда = $\frac{18}{25}$ пенса, или $\frac{72}{25}$ фартинга, т. е. $2\frac{22}{25}$ фартинга. Во втором же случае необходимый труд составляет 20 ф. ст. (10 рабочих часов), прибавочный труд = 8 ф. ст. (4 рабочих часа). Прибавочный труд относился бы к необходимому, как 8 : 20 = $\frac{8}{20}$ = $\frac{4}{10}$ = $\frac{2}{5}$. Таким образом, в $3\frac{3}{5}$ пенса [вновь присоединенного труда, овеществленного] в 1 фунте пряжи, неоплаченный труд составляет $\frac{2}{5}$ этой суммы, т. е. $5\frac{19}{25}$ фартинга, или 1 пенс $1\frac{19}{25}$ фартинга. Прибавочная стоимость, содержащаяся в одном фунте пряжи, — [659] хотя в обоих случаях он имеет одну и ту же стоимость и хотя в обоих случаях уплачивается одинаковая заработная плата, — в одном случае вдвое больше, чем в другом. В единице товара, как определенной части продукта, должно, само собой разумеется, иметь место то же самое соотношение между стоимостью труда и прибавочной стоимостью, как и во всем продукте.

В одном случае [когда $1\ 866\frac{2}{3}$ фунта хлопка перерабатываются в пряжу при 12-часовом рабочем дне] капитал, авансированный на хлопок, составляет $93\frac{1}{3}$ ф. ст., а сколько составляет капитал, авансированный на заработную плату? Заработная плата, затраченная здесь на превращение в пряжу 1 600 фунтов

хлопка, равняется 20 ф. ст.; стало быть, на превращение в пряжу добавочных $266\frac{2}{3}$ фунта хлопка она составит $3\frac{1}{3}$ ф. ст. Следовательно, всего на заработную плату будет затрачено $23\frac{1}{3}$ ф. ст. Совокупная же затрата = [постоянному] капиталу в $93\frac{1}{3}$ ф. ст. + $23\frac{1}{3}$ ф. ст. = $116\frac{2}{3}$ ф. ст. Продукт = $121\frac{1}{3}$ ф. ст. Добавочная затрата [переменного] капитала в $3\frac{1}{3}$ ф. ст. дала бы здесь всего лишь $13\frac{1}{3}$ шилл. (или $\frac{2}{3}$ ф. ст.) прибавочной стоимости (20 ф. ст. : 4 ф. ст. = $3\frac{1}{3}$ ф. ст. : $\frac{2}{3}$ ф. ст.).

Наоборот, в другом случае [когда те же $1\ 866\frac{2}{3}$ фунта хлопка перерабатываются в пряжу при 14-часовом рабочем дне] авансированный капитал составлял бы только $93\frac{1}{3}$ ф. ст. + 20 ф. ст. = $113\frac{1}{3}$ ф. ст., и к 4 ф. ст. прибавочной стоимости прибавилось бы еще 4 ф. ст. В обоих случаях произведены одинаковые количества пряжи, и стоимость того и другого количества одинакова, т. е. они представляют равные совокупные количества труда; но эти равные совокупные количества труда приведены в движение неравновеликими капиталами, хотя заработная плата та же самая; напротив, рабочие дни неравны по величине, и *поэтому* количества неоплаченного труда различны. Если рассматривать отдельный фунт пряжи, то затраченное на него количество заработной платы, или содержащееся в нем количество *оплаченного* труда, неодинаково. Та же самая заработная плата распределяется здесь на большую массу товаров не потому, что труд в одном случае производительнее, чем в другом, а потому, что совокупная масса неоплаченного прибавочного труда, приводимого в движение, в одном случае больше, чем в другом. Поэтому при посредстве *того же самого* количества *оплаченного* труда в одном случае производится больше фунтов пряжи, чем в другом, хотя всего в обоих случаях производятся одинаковые количества пряжи и они представляют равные количества совокупного труда (оплаченного и неоплаченного). Если бы, наоборот, производительность труда во втором случае увеличилась, то при всех обстоятельствах (как бы ни складывалось отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу) стоимость фунта пряжи упала бы.

Следовательно, в подобном случае было бы ошибкой утверждать, что так как дана *стоимость* фунта пряжи, составляющая 1 шилл. $3\frac{3}{5}$ пенса, дана, далее, стоимость присоединенного труда, равная $3\frac{3}{5}$ пенса, и так как заработная плата, согласно предположению, *та же самая*, т. е. *необходимое рабочее время* остается без изменения, — то поэтому прибавочная стоимость должна быть та же самая, и два капитала, при прочих равных условиях, производили бы пряжу с одинаковой прибылью. Это было бы верно, если бы речь шла об одном фунте пряжи, но здесь

речь идет о таком капитале, который произвел $1\ 866\frac{2}{3}$ фунта пряжи. А чтобы знать, как велика получаемая этим капиталом прибыль от одного фунта (т. е., собственно, прибавочная стоимость), мы должны знать, как велик рабочий день, или какое количество неоплаченного труда (при данной производительности) капитал этот приводит в движение. Но этого нельзя видеть по единице товара.

Итак, Рикардо исследует лишь то, что я назвал *относительной прибавочной стоимостью*. Он исходит из предпосылки (из которой, по-видимому, исходили также Смит и его предшественники), что *величина рабочего дня дана*. (У Смита, самое большее, упоминаются такие различия в величине рабочего дня в *различных* отраслях труда, которые сводятся на нет — или компенсируются — относительно большей интенсивностью труда, его трудностью, отталкивающим характером и т. п.) Исходя из этой предпосылки, Рикардо в общем правильно трактует относительную прибавочную стоимость. Но прежде чем говорить об основных пунктах его исследования, мы приведем еще несколько цитат, характеризующих рикардовскую концепцию.

«Труд одного миллиона человек в промышленности всегда произведет *одну и ту же стоимость*, но не всегда он произведет одно и то же богатство» (цит. соч., стр. 320) [Русский перевод, том I, стр. 226].

Это значит, что продукт их однодневного труда всегда будет продуктом одного миллиона рабочих дней, будет содержать *одно и то же* рабочее время, а это неверно или же могло бы оказаться верным лишь в том случае, если бы повсюду был установлен *один и тот же* нормальный рабочий день, с учетом различных степеней трудности и т. п. в различных отраслях труда.

Однако даже и тогда это положение в той всеобщей форме, в какой оно здесь высказано, является неверным. Предположим, что нормальный рабочий день равен 12 часам. Предположим, что годовой продукт труда одного человека, выраженный в деньгах, равняется 50 ф. ст. и что стоимость денег остается без изменения. В этом случае продукт труда 1 миллиона человек будет всегда равняться 50 миллионам ф. ст. в год. Предположим, что необходимый труд равняется 6 часам. Тогда затрачиваемый на этот 1 миллион человек капитал составляет за год 25 миллионов ф. ст. Прибавочная стоимость также равняется 25 миллионам ф. ст. Продукт всегда был бы равен 50 миллионам, независимо от того, получают ли рабочие 25, 30 или 40 миллионов. Но прибавочная стоимость в первом случае была бы равна 25 миллионам, во втором — 20 миллионам, а в третьем — 10 миллионам. Если бы авансированный капитал состоял из

одного лишь *переменного* капитала, т. е. только из капитала, затрачиваемого на *заработную плату* этого миллиона человек, то Рикардо был бы прав. Он был бы прав, следовательно, только в *одном* случае, а именно: если бы весь капитал был равен *переменному* капиталу, — эта предпосылка и проходит через все исследование как у Рикардо, так и у А. Смита, [660] поскольку этот последний говорит о капитале всего общества; но в условиях капиталистического производства такого положения вещей не существует ни в какой-либо отдельной его отрасли, ни, тем более, во всем общественном производстве в целом.

Та *часть постоянного капитала*, которая входит в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости, не входит в продукт (в *стоимость продукта*), а потому совершенно не интересует нас здесь, где речь идет о *стоимости годового продукта*, как ни важно учитывать эту часть постоянного капитала при определении общей нормы прибыли. Иначе обстоит дело с той частью постоянного капитала, которая входит в *годовой продукт*. Мы видели, что одна часть этой части постоянного капитала — или то, что в одной сфере производства выступает как *постоянный капитал*, — в другой сфере, на протяжении *одного и того же* годового периода производства, выступает как *непосредственный продукт труда*; что, следовательно, *значительная часть* ежегодно затрачиваемого капитала, которая с точки зрения отдельного капиталиста или особой сферы производства *выступает* как *постоянный капитал*, с точки зрения всего общества или всего класса капиталистов сводится к *переменному* капиталу. Следовательно, эта часть содержится в упомянутых 50 миллионах, в той части этих 50 миллионов, которая образует *переменный капитал*, или затрачивается на *заработную плату*.

Но иначе обстоит дело с той *частью постоянного капитала*, которая потребляется для возмещения потребленного в промышленности и в земледелии постоянного капитала, с потребленной частью постоянного капитала, занятого в тех отраслях производства, которые производят *постоянный капитал* — сырье в его первичной форме, основной капитал и вспомогательные материалы. Стоимость этой части постоянного капитала появляется вновь, воспроизводится в продукте. И от имеющейся налицо величины этой стоимости (предполагается, что производительность труда осталась без изменений; однако, как бы она ни изменялась, стоимость эта всегда имеет ту или иную *определенную величину*) зависит целиком и полностью то, в каких пропорциях она входит в стоимость всего продукта. (В среднем, если оставить в стороне некоторые исключения в сель-

ском хозяйстве, от величины этого постоянного капитала, представляющего собой предпосылку производства, будет, конечно, зависеть также и масса продуктов, т. е. масса произведенного одним миллионом человек *богатства*, в том смысле, в каком Рикардо отличает богатство от *стоимости*.) Эта часть стоимости продукта не существовала бы без нового годового труда одного миллиона человек. С другой стороны, труд одного миллиона человек не дал бы той же массы продукта без этого постоянного капитала, существующего независимо от их годового труда. Указанный постоянный капитал, в качестве условия производства, входит в процесс труда, но для воспроизводства этой части стоимости всего годового продукта не затрачивается труда ни на один час больше. Таким образом, как стоимость, эта часть не является результатом годового труда, хотя без этого годового труда ее стоимость не могла бы быть воспроизведена в продукте.

Предположим, что та часть постоянного капитала, которая входит в продукт, равна 25 миллионам. Тогда стоимость продукта одного миллиона человек будет равна 75 миллионам. Если бы входящая в продукт часть постоянного капитала была равна 10 миллионам, то стоимость этого продукта равнялась бы только 60 миллионам, и т. д. А так как в процессе капиталистического развития отношение постоянного капитала к переменному растет, то стоимость годового продукта одного миллиона человек имеет тенденцию постоянно возрастать пропорционально возрастанию прошлого труда, участвующего в качестве фактора в годовой производственной деятельности этого миллиона человек. Уже из этого видно, что Рикардо не мог понять ни сущности накопления, ни природы прибыли.

С возрастанием отношения постоянного капитала к переменному растет также и производительность труда, растут произведенные людьми производительные силы, при помощи которых действует общественный труд. Правда, вследствие этого же увеличения производительности труда часть имеющегося в наличии постоянного капитала все время обесценивается, поскольку его стоимость определяется не тем рабочим временем, какого он первоначально стоил, а тем рабочим временем, какое должно быть затрачено на его воспроизводство, а это рабочее время постоянно уменьшается с увеличением производительности труда. Хотя поэтому стоимость постоянного капитала возрастает не пропорционально его массе, все же она растет, ибо масса постоянного капитала растет еще быстрее, чем падает его стоимость. Однако к взглядам Рикардо на накопление мы вернемся позже.

Во всяком случае, уже здесь ясно, что, при данном рабочем дне, стоимость всего продукта годового труда одного миллиона человек окажется весьма различной в зависимости от различий в массе постоянного капитала, входящего в продукт, и что, несмотря на рост производительности труда, эта стоимость будет больше там, где постоянный капитал составляет значительную долю совокупного капитала, чем при таких общественных условиях, где он составляет относительно небольшую долю совокупного капитала. С прогрессом производительности общественного труда, сопровождающимся — как это происходит в действительности — ростом постоянного капитала, относительно все большая часть всего годового продукта труда будет поэтому приходиться на долю капитала, как такового, и, следовательно, капиталистическая собственность (не говоря уже о доходе капиталистов) будет все время увеличиваться, а доля той части стоимости, которую создает [вновь присоединенный труд] отдельного рабочего и даже всего рабочего класса, будет все более понижаться [661] по отношению к противостоящему им в качестве капитала продукту их прошлого труда. Поэтому постоянно возрастают отчуждение и противоположность между рабочей силой и объективными условиями труда, получившими в капитале обособленное самостоятельное существование. (Мы не говорим здесь о переменном капитале, о той части продукта годового труда, которая требуется для воспроизводства рабочего класса; но даже и эти средства существования рабочего класса противостоят ему как капитал.)

Взгляд Рикардо, что рабочий день есть *величина данная, ограниченная, фиксированная*, высказывается им также и в других местах его книги, например:

«Они» (заработная плата и прибыль на капитал) *«вместе всегда имеют одну и ту же стоимость»* (цит. соч., стр. 499, глава 32-я: «Взгляды г-на Мальтуса на ренту») [Русский перевод, том I, стр. 338].

Это означает другими словами только следующее: рабочее время (рабочий день), продукт которого *делится* между заработной платой и прибылью на капитал, всегда *одно и то же*, является *постоянной* величиной.

«Заработная плата и прибыль, вместе взятые, имеют *одну и ту же стоимость»* (стр. 491, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 332].

Мне незачем повторять здесь, что вместо прибыли здесь всегда следует читать: прибавочная стоимость.

«Заработная плата и прибыль, взятые вместе, *всегда* будут составлять одну и ту же стоимость» (стр. 490—491) [Русский перевод, том I, стр. 332].

«Заработная плата должна оцениваться по ее *действительной стоимости*, т. е. по количеству труда и капитала, употребленному на ее производство, а не по ее *номинальной стоимости*, будет ли она выражена в сюртуках, в шляпах, в деньгах или в хлебе» (глава 1-я: «О стоимости», стр. 50) [Русский перевод, том I, стр. 63].

Стоимость жизненных средств, которые получает рабочий (которые он покупает на свою заработную плату), — хлеба, одежды и т. д. — определяется совокупным рабочим временем, требующимся для их производства: как количеством непосредственного труда, так и количеством овеществленного труда, необходимого для их производства. Но Рикардо запутывает вопрос тем, что не формулирует его в чистом виде и не говорит: «ее (заработной платы) *действительная стоимость*, т. е. та часть рабочего дня, которая требуется для воспроизводства стоимости его (рабочего) собственных необходимых жизненных средств, для воспроизводства эквивалента необходимых жизненных средств, уплаченных ему в виде заработной платы, или обмененных на его труд». «Действительную заработную плату» следовало бы определять тем средним временем, в течение которого рабочий должен ежедневно затрачивать свой труд, чтобы произвести или воспроизвести свою собственную заработную плату. [Рикардо же дает такую формулировку:]

«Рабочий только тогда получает действительно высокую цену за свой труд, когда на свою заработную плату он может купить продукт большого количества труда» (стр. 322) [Русский перевод, том I, стр. 227, примечание].

4) ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ. [АНАЛИЗ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ КАК НАУЧНАЯ ЗАСЛУГА РИКАРДО]

Относительная прибавочная стоимость — это, фактически, единственная форма прибавочной стоимости, которую, под названием *прибыли*, исследует Рикардо.

Количество труда, требующееся для производства товара и содержащееся в нем, определяет стоимость товара, которая в силу этого является *величиной данной, определенной*. Величина эта делится между наемным рабочим и капиталистом. (Рикардо, как и Смит, не учитывает здесь постоянного капитала.) Ясно, что доля одного может расти или падать только в той мере, в какой падает или растет доля другого. Так как стоимость товаров обязана своим происхождением труду рабочих, то при всех условиях предпосылкой является сам этот труд, а он невозможен без того, чтобы рабочий жил и поддерживал свое существование, следовательно — получал необходимую заработную

плату (минимум заработной платы, которая отождествляется со стоимостью рабочей силы). Таким образом, заработная плата и прибавочная стоимость — эти две категории, на которые, по Рикардо, распадается стоимость товара или сам продукт, — не только находятся в обратном отношении друг к другу, но первичным, определяющим моментом оказывается движение заработной платы. Ее повышение или падение вызывает обратное движение на стороне прибыли (прибавочной стоимости). Заработная плата повышается или падает не потому, что падает или повышается прибыль (прибавочная стоимость), а наоборот, прибавочная стоимость (прибыль) падает или повышается потому, что повышается или падает заработная плата. *Прибавочный продукт* (следовало бы, собственно говоря, сказать: *прибавочная стоимость*), остающийся после того как рабочий класс получил свою долю в созданной его собственным трудом годовой продукции, образуя ту субстанцию, за счет которой живет класс капиталистов.

Так как стоимость товаров определяется количеством содержащегося в них труда, а заработная плата и прибавочная стоимость (прибыль) представляют собой лишь *доли*, пропорции, в каких два класса производителей распределяют между собою стоимость товара, то ясно, что хотя повышение или падение заработной платы определяет норму прибавочной стоимости (у Рикардо — норму прибыли), но оно не оказывает влияния на стоимость товара или на его цену (представляющую собой денежное выражение стоимости товара). Та пропорция, в какой целое делится между двумя участниками дележа, не делает само это целое ни большим, ни меньшим. Следовательно, это — ложный предрассудок, будто *повышение заработной платы повышает цены товаров*; оно приводит лишь к падению прибыли (следовало бы сказать: прибавочной стоимости). Даже приводимые у Рикардо исключения, при которых повышение заработной платы будто бы влечет за собой падение меновых стоимостей одних товаров и повышение меновых стоимостей других, не соответствуют действительности, если говорить о *стоимостях*, и верны лишь для *цен издержек*.

[662] Так как норма прибавочной стоимости (прибыли) определяется относительной высотой заработной платы, то чем же определяется эта последняя? Если отвлечься от конкуренции, заработная плата определяется ценой необходимых жизненных средств. А эта цена, в свою очередь, зависит от производительности труда, которая тем выше, чем плодороднее почва (при этом Рикардо предполагает капиталистическое производство). Каждое «усовершенствование» уменьшает цену

товаров, жизненных средств. Таким образом, заработная плата, или «стоимость труда», повышается или падает в обратном отношении к развитию производительной силы труда, поскольку последний производит необходимые жизненные средства, входящие в обычное потребление рабочего класса. Следовательно, норма прибавочной стоимости (прибыли) падает или повышается в прямом отношении к развитию производительной силы труда, так как это развитие понижает или повышает заработную плату.

Норма прибыли (прибавочной стоимости) не может падать без повышения заработной платы и не может повышаться без падения заработной платы.

Стоимость заработной платы следует расценивать не по количеству жизненных средств, какое получает рабочий, а по количеству труда, какого стоят эти жизненные средства (в действительности, по той доле рабочего дня, которую рабочий присваивает себе), по *пропорциональной доле*, какую рабочий получает из совокупного продукта или, вернее, из совокупной стоимости этого продукта. Возможно, что заработная плата рабочего, оцениваемая в потребительных стоимостях (в определенном количестве товара или денег), повышается (при увеличивающейся производительности труда) и тем не менее по стоимости — падает, и наоборот. Одной из больших заслуг Рикардо является анализ относительной, или пропорциональной, заработной платы и установление ее как категории. До Рикардо заработная плата всегда рассматривалась лишь безотносительно, а рабочий рассматривался поэтому как животное. Здесь же он рассматривается в его общественном отношении. Положение классов по отношению друг к другу обуславливается в большей мере относительной заработной платой, чем ее абсолютной величиной.

В подтверждение формулированных выше положений приведем теперь цитаты из Рикардо.

«Стоимость оленя, продукта однодневного труда охотника, будет в точности равна стоимости рыбы, продукта однодневного труда рыбака. Сравнительная стоимость рыбы и дичи всецело будет регулироваться количеством труда, содержащегося в той и другой, каково бы ни было количество продукции или как бы высока или низка ни была обычная заработная плата или прибыль. Если... рыболов... нанимает десять человек, годовой труд которых стоит 100 ф. ст. и которые за один день добывают своим трудом двадцать лососей; если... охотник тоже нанимает десять человек, годовой труд которых стоит 100 ф. ст. и которые за один день доставляют ему десять оленей, то естественная цена оленя составляла бы два лосося, как бы ни была велика или мала доля всего продукта, достигающая людям, которые добывают его. Доля, уплачиваемая в качестве заработной платы, имеет величайшее значение для вопроса о прибыли; ибо с самого

начала очевидно, что прибыль высока или низка в точном соответствии с тем, низка или высока заработная плата. Но на относительную стоимость рыбы и дичи это не могло бы повлиять ни в малейшей степени, так как заработная плата будет высока или низка одновременно в обоих этих промыслах» (глава 1-я: «О стоимости», стр. 20—21) [Русский перевод, том I, стр. 45—46].

Мы видим, что Рикардо всю стоимость товара выводит из *труда* людей, занятых в производстве. Их собственный труд, или продукт этого труда, или стоимость этого продукта и есть то, что распределяется между ними и капиталом.

«Никакое изменение в заработной плате не вызвало бы изменения в относительной стоимости этих товаров. Ибо если мы предположим, что заработная плата повысилась, то ни в одном из этих промыслов не потребуются *большее количество труда*, хотя за этот труд будет *уплачиваться более высокая цена*... Заработная плата может повыситься на двадцать процентов, а прибыль может вследствие этого упасть в большей или меньшей степени, не вызывая ни малейшего изменения в относительной стоимости этих товаров» (там же, стр. 23) [Русский перевод, том I, стр. 47—48].

«Повышение *стоимости труда* невозможно без падения прибыли. Если хлеб подлежит *разделу* между фермером и рабочим, то чем *больше доля*, достаемая последнему, тем меньше остается для первого. Точно так же, если сукно или хлопчатобумажные товары *делятся между рабочим и его нанимателем*, то чем *больше доля* первого, тем *меньше остается для последнего*» (там же, стр. 31) [Русский перевод, том I, стр. 52].

[663] «Адам Смит и все последующие писатели, без единого, насколько мне известно, исключения, утверждали, что *повышение цены труда* обязательно повлекло бы за собой *повышение цен всех товаров*. Надеюсь, мне удалось показать, что для такого мнения нет никаких оснований» (там же, стр. 45) [Русский перевод, том I, стр. 60].

«Повышение заработной платы вследствие того обстоятельства, что рабочий получает более щедрое вознаграждение или вследствие затруднений в производстве предметов необходимости, на которые расходуется заработная плата, не влечет за собой, за исключением некоторых случаев, повышения цен, но оказывает большое влияние на прибыль в сторону ее понижения». Иначе обстоит дело, когда повышение заработной платы происходит вследствие «изменения в стоимости денег». «В одном случае» {а именно, в последнем из упомянутых случаев} «на *содержание рабочих* не затрачивается *более значительная доля годового труда страны*; в другом случае — *затрачивается*» (там же, стр. 48) [Русский перевод, том I, стр. 62].

[663] «С повышением цен на пищу и другие предметы необходимости повысится также и естественная цена труда; с падением их цен естественная цена труда упадет» (цит. соч., стр. 86) [Русский перевод, том I, стр. 85].

«*Прибавочный продукт*, остающийся после того как удовлетворены потребности наличного населения, необходимо должен быть пропорционален *легкости производства*, т. е. он тем больше, чем *меньше число лиц, занятых в производстве*» (стр. 93) [Русский перевод, том I, стр. 89].

«Ни фермер, обрабатывающий землю того разряда, который регулирует цену, ни промышленник, производящий промышленные товары, не жертвуют ни одной частью своего продукта на уплату ренты. *Вся стоимость их товаров делится только на две части*: одна образует прибыль на капитал, другая — заработную плату» (стр. 107) [Русский перевод, том I, стр. 98].

«Предположим, что цена шелка, бархата, мебели и любых других товаров, на которые рабочий не предъявляет спроса, повысилась вследствие того, что на них приходится затрачивать больше труда. Не повлияет ли это на прибыль? Конечно, нет, ибо, кроме повышения заработной платы, ничто на прибыль влиять не может; шелк и бархат не потребляются рабочими, и поэтому повышение их цены не может повысить заработную плату» (стр. 118) [Русский перевод, том I, стр. 105].

«Если труд десяти рабочих на земле определенного качества дает 180 кварталов пшеницы, стоимостью в 4 ф. ст. за квартал, или всего 720 ф. ст. (стр. 110) [Русский перевод, том I, стр. 100],... то во всех случаях одна и та же сумма в 720 ф. ст. должна быть разделена между заработной платой и прибылью... Повышается ли или падает заработная плата или прибыль, и та и другая должны быть взяты именно из этой суммы в 720 ф. ст. С одной стороны, прибыль никогда не может подняться так высоко, чтобы поглотить из этих 720 ф. ст. столь большую долю, что оставшегося количества будет недостаточно для обеспечения рабочих предметами абсолютной необходимости; с другой стороны, заработная плата никогда не может подняться так высоко, чтобы из этой суммы ничего не осталось для прибыли» (стр. 113) [Русский перевод, том I, стр. 101—102].

«Прибыль зависит от высокой или низкой заработной платы, заработная плата — от цены необходимых жизненных средств, а цена необходимых жизненных средств зависит главным образом от цен на пищу, так как количество всех других необходимых предметов может быть увеличено почти беспредельно» (стр. 119) [Русский перевод, том I, стр. 105].

«Хотя производится большая стоимость» (при ухудшении почвы), «но зато и большая доля того, что остается от этой стоимости после уплаты ренты, потребляется производителями» {Рикардо отождествляет здесь рабочих и производителей}, «а это, и только это, и определяет размеры прибыли» (стр. 127) [Русский перевод, том I, стр. 110].

«Существенное свойство усовершенствований — это уменьшать количество труда, требовавшееся раньше для производства товара; а такое уменьшение не может иметь места без падения цены товара, или его относительной стоимости» (стр. 70) [Русский перевод, том I, стр. 74—75].

«Уменьшите издержки производства шляп, и цена их в конце концов упадет до уровня их новой естественной цены, хотя бы спрос на них удвоился, утроился или учетверился. Уменьшите издержки производства необходимых для людей средств существования путем понижения естественной цены пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, и заработная плата в конце концов упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих [664] может очень сильно возрасти» (стр. 460) [Русский перевод, том I, стр. 314].

«Чем меньше приходится на долю заработной платы, тем больше приходится на долю прибыли, и наоборот» (стр. 500) [Русский перевод, том I, стр. 338].

«Одной из задач этого сочинения было показать, что вместе с каждым падением действительной стоимости предметов необходимости падает заработная плата и повышается прибыль на капитал, — другими словами, что в этом случае из каждой данной годовой стоимости менее значительная доля достается рабочему классу и более значительная доля тем, чьи фонды доставляют занятие этому классу, применяют его».

{Только в этом последнем выражении, всецело вошедшем в общедоступный язык, Рикардо, если и не угадывает, то все же высказывает природу капитала. Не накопленный труд применяется

рабочим классом, самими рабочими, а «фонды», «накопленный труд», «применяют этот класс», применяют настоящий, непосредственный труд.}

«Предположим, что *стоимость* товаров, производимых на какой-нибудь фабрике, составляет 1000 ф. ст. и что она *делится* между *хозяином* и *его рабочими*» {в этом выражении опять-таки отразилась природа капитала: капиталист — *хозяин*, рабочие — *его рабочие*} «так, что рабочие получают 800 ф. ст., а хозяин — 200 ф. ст. Если бы стоимость этих товаров упала до 900 ф. ст. и 100 ф. ст. были сбережены на заработной плате вследствие понижения цен на предметы необходимости, то чистый доход хозяина несколько не уменьшился бы» (стр. 511—512) [Русский перевод, том I, стр. 345—346].

«Если бы обувь и одежду рабочих можно было производить благодаря усовершенствованию машин с затратой труда вчетверо меньшей, чем требуется для их производства теперь, то они, вероятно, упали бы в цене на 75%; но из этого еще вовсе не следует, что рабочий благодаря этому имел бы возможность постоянно потреблять четыре куртки и четыре пары обуви вместо одной; под влиянием конкуренции и стимула к усиленному росту населения его *заработная плата в непродолжительном времени пришла бы, вероятно, в соответствие с новой стоимостью предметов необходимости*, на которые она расходуется. Если бы такие усовершенствования распространились на все предметы потребления рабочего, то уже через очень небольшое число лет, вероятно, оказалось бы, что размер его потребления увеличился лишь незначительно (если вообще увеличился), хотя меновая стоимость этих товаров, по сравнению с любыми другими товарами, значительно понизилась и хотя они теперь представляют продукт сильно уменьшившегося количества труда» (стр. 8) [Русский перевод, том I, стр. 37].

«Когда заработная плата повышается, то это всегда происходит за счет прибыли, а когда она падает, прибыль всегда повышается» (стр. 491, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 332].

«На протяжении всего этого сочинения я старался показать, что норма прибыли может повышаться только вследствие падения заработной платы и что длительное падение последней возможно лишь в результате падения цены предметов необходимости, на которые расходуется заработная плата. Если поэтому, благодаря *расширению внешней торговли или усовершенствованию машин*, пища и другие предметы необходимости, потребляемые рабочими, смогут поступать на рынок по более низкой цене, то прибыль повысится. Если, вместо того чтобы самим возделывать хлеб и самим изготовлять одежду и другие предметы необходимости, потребляемые рабочими, мы откроем новый рынок, откуда сможем получать эти товары по более дешевой цене, то заработная плата упадет, а прибыль повысится; но если товары, получаемые — благодаря расширению внешней торговли или усовершенствованию машин — по более дешевой цене, потребляются исключительно только богатыми, то в норме прибыли не произойдет никаких изменений. Если вино, бархат, шелк и прочие дорогие товары упадут в цене на 50%, то на норме заработной платы это не отразится, и, следовательно, прибыль останется без изменения.

Итак, хотя внешняя торговля в высшей степени выгодна для страны, так как она увеличивает количество и разнообразие тех предметов, на которые может затрачиваться доход, и благодаря обилию и дешевизне товаров создает побуждение к сбережению» {а почему не побуждение к тратам?} «и к *накоплению капитала*, но она вовсе не имеет тенденции

повышать прибыль на капитал, если ввозимые товары не принадлежат к разряду тех, на которые расходуется заработная плата рабочих.

Замечания, сделанные относительно внешней торговли, одинаково приложимы и к внутренней торговле. Норма прибыли никогда не повышается»

{только что Рикардо сказал прямо противоположное; он, очевидно, имеет в виду, что норма прибыли никогда не повышается, за исключением тех случаев, когда благодаря упомянутым усовершенствованиям уменьшается стоимость труда}

«вследствие лучшего распределения труда, изобретения машин, проведения дорог и каналов или вследствие других способов сокращать труд, затрачиваемый при изготовлении товаров или при их перевозке. Все эти причины влияют на цены товаров и всегда приносят большую выгоду потребителю, так как они дают потребителям возможность в обмен на то же количество труда получать большее количество такого товара, в производстве которого применяются усовершенствования, но они, эти причины, не оказывают решительно никакого влияния на прибыль. С другой стороны, всякое [665] уменьшение заработной платы рабочих повышает прибыль, но не оказывает никакого действия на цену товаров. Одно выгодно для всех классов, потому что все классы являются потребителями»

{но как это может быть выгодно для рабочего класса, когда, по предположению Рикардо, эти товары, если они входят в число тех предметов, на которые расходуется заработная плата, уменьшают ее, а если они не уменьшают заработную плату своим удешевлением, то и не входят в число покупаемых на заработную плату предметов?};

«другое выгодно одним только производителям. Они получают больше прибыли, но цены на все предметы остаются прежние»

{опять-таки, как это возможно, если, по предположению Рикардо, уменьшение заработной платы рабочих, повышающее прибыль, происходит именно потому, что цена необходимых жизненных средств упала, и, значит, никоим образом нельзя сказать, что «цены на все предметы остаются прежние»}.

«В первом случае они получают столько же прибыли, сколько и прежде, но меновая стоимость *всех предметов*» {это снова неверно; следовало бы сказать: *всех предметов кроме необходимых жизненных средств*}, «на которые расходуется их прибыль, уменьшается» (стр. 137—138) [Русский перевод, том I, стр. 115—116].

Мы видим, что весь этот отрывок написан в высшей степени небрежно. Но помимо этих формальных недостатков все это правильно только в том случае, если вместо «нормы прибыли» читать «норма прибавочной стоимости», как и во всем этом исследовании об относительной прибавочной стоимости. Даже для предметов роскоши указанные усовершенствования могут повышать общую норму прибыли, так как норма прибыли в этих

сферах производства, как и во всех других, участвует в выравнивании всех особых норм прибыли в среднюю норму прибыли. Если в подобных случаях, благодаря упомянутым влияниям, падает стоимость постоянного капитала по отношению к переменному капиталу или же сокращается продолжительность времени оборота (т. е. происходит изменение в процессе обращения), то норма прибыли повышается. Далее, влияние внешней торговли получило здесь у Рикардо совершенно одностороннюю трактовку. Существенным для капиталистического производства является развитие продукта в товар, а это существенным образом связано с расширением рынка, с созданием мирового рынка и, следовательно, с внешней торговлей.

Но если оставить это в стороне, Рикардо выдвигает правильное положение, что все усовершенствования, обусловлены ли они разделением труда, улучшением машин, усовершенствованием средств транспорта или внешней торговлей, короче говоря, все средства, сокращающие в промышленности или в перевозке товаров необходимое рабочее время, увеличивают прибавочную стоимость (а значит, и прибыль) и, следовательно, обогащают класс капиталистов, так как эти «усовершенствования» понижают — и в той мере, в какой они понижают, — стоимость труда.

В заключение мы должны в этом отделе привести еще несколько мест, в которых Рикардо исследует природу *относительной* заработной платы.

«Если мне надо нанять рабочего на неделю, и я, вместо десяти шиллингов, плачу ему восемь, причем никакого изменения в стоимости денег не произошло, то возможно, что на восемь шиллингов рабочий получит теперь больше пищи и других предметов необходимости, чем раньше на десять шиллингов. Но это происходит не вследствие повышения *действительной стоимости его заработной платы*, как утверждал А. Смит и недавно г-н Мальтус, а вследствие падения стоимости тех предметов, на которые рабочий расходует свою заработную плату, — а это совершенно различные вещи. И тем не менее, *когда я называю это падением действительной стоимости заработной платы*, мне говорят, что я употребляю новую и необычную терминологию, несовместимую с истинными принципами науки» (цит. соч., стр. 11—12) [Русский перевод, том I, стр. 39].

«Правильно судить о норме прибыли, ренты и заработной платы можно не по *абсолютному количеству продукта*, получаемому тем или другим классом, а по количеству труда, требующемуся для производства этого продукта. Благодаря усовершенствованиям в машинах и в земледелии весь продукт может быть удвоен; но если заработная плата, рента и прибыль тоже возрастут вдвое, то *соотношение* между всеми тремя *останется прежним*, и ни об одной из них нельзя будет сказать, что она *относительно изменилась*. Но если заработная плата не участвует в полной мере в этом росте, если она, вместо того чтобы удвоиться, увеличивается только наполовину, то в таком случае, по моему мнению, было бы правильным сказать, что ... заработная плата упала, тогда как прибыль повысилась;

ибо, если бы мы обладали неизменным масштабом для измерения *стоимости* продукта, то мы нашли бы, что на долю рабочего класса теперь достается менее значительная стоимость..., а на долю класса капиталистов более значительная, чем прежде» (стр. 49) [Русский перевод, том I, стр. 62—63].

«Падение заработной платы было бы действительным падением несмотря на то, что она» (заработная плата) «в состоянии доставить теперь рабочему большее количество дешевых товаров, чем его прежняя заработная плата» (стр. 51) [Русский перевод, том I, стр. 63—64].

* * *

Де Квинси отмечает некоторые из развитых Рикардо положений, противопоставляя их взглядам других экономистов:

«У дорикардовских экономистов дело обстоит так: когда их спрашивали, чем определяется стоимость всех товаров, то ответ гласил, что она определяется главным образом заработной платой; когда, далее, спрашивали: чем определяется заработная плата? — то указывалось, что заработная плата должна сообразоваться со стоимостью тех товаров, на которые она затрачивается; ответ сводился по существу к тому, что заработная плата определяется стоимостью товаров» («Dialogues of Three Templars on Political Economy, chiefly in relation to the Principles of Mr. Ricardo», [666] «London Magazine», Vol. IX, 1824, стр. 560).

В этих же «Диалогах» говорится о законе измерения стоимости *количеством труда* и о законе измерения ее *стоимостью труда*:

«Эти две формулы настолько далеки от того, чтобы представлять собой всего лишь два различные выражения одного и того же закона, что закон г-на Рикардо (а именно, положение о том, что стоимость *A* относится к стоимости *B* как *количества* производящего их труда) можно было бы в отрицательной формулировке лучше всего выразить так: стоимость *A* не относится к стоимости *B* как *стоимости* производящего их труда» [там же, стр. 348].

(Если бы органическое строение капитала в отраслях *A* и *B* было одно и то же, то, действительно, можно было бы сказать, что стоимости продуктов этих капиталов *относятся* друг к другу как *стоимости* производящего их труда. Ибо в этом случае количества накопленного труда, содержащиеся в продуктах *A* и *B*, относились бы друг к другу как содержащиеся в них количества непосредственного труда. Количества же оплаченного труда в *A* и *B* относились бы как совокупные количества непосредственного труда, примененного обоими капиталами. Предположим, что строение обоих капиталов составляет $80\ c + 20\ v$, а норма прибавочной стоимости — 50%. Если бы один капитал был равен 500, а другой — 300, то продукт в одном случае составлял бы 550, а в другом — 330. Продукты относились бы тогда как заработная плата 5×20 (т. е. 100) относится к заработной плате 3×20 (т. е. 60). Ибо

$100 : 60 = 10 : 6 = 5 : 3$. Стоимости продуктов *A* и *B* относились бы друг к другу как 550 к 330, или как 55 к 33, или как $\frac{55}{11}$ к $\frac{33}{11}$ (ибо $5 \times 11 = 55$ и $3 \times 11 = 33$); следовательно, как 5 к 3. Но даже и в этом случае было бы известно лишь их соотношение, а не действительные стоимости рассматриваемых продуктов, так как отношению 5 : 3 могут соответствовать весьма различные количества стоимости.)

«Если цена продукта равна 10 шиллингам, то заработная плата и прибыль, вместе взятые, не могут превышать 10 шиллингов. Не обстоит ли, однако, дело наоборот, не определяют ли цену заработная плата и прибыль, взятые вместе? Нет, это — старое, отжившее учение» (*Th. De Quincey. The Logic of Political Economy. Edinburgh and London, 1844, стр. 204*).

«Новая политическая экономия показала, что цена всякого товара определяется относительным количеством производящего его труда, и только им. Раз сама цена уже определена, она *ipso facto* * определяет тот фонд, из которого должны черпать свои особые доли и заработная плата и прибыль» (там же). «Всякое изменение, которым может быть нарушено существующее соотношение между заработной платой и прибылью, должно исходить от заработной платы» (там же, стр. 205).

«В учение о земельной ренте Рикардо внес то новое, что свел его к вопросу, действительно ли рента отменяет закон стоимости» (там же, стр. 158).

[ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ]

РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИБЫЛИ

[1] ОТДЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ РАЗЛИЧЕНИЯ МЕЖДУ ПРИБЫЛЬЮ И ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ У РИКАРДО]

Уже подробно было доказано, что законы прибавочной стоимости или, точнее, законы нормы прибавочной стоимости (предполагая рабочий день данным) не так непосредственно и просто совпадают с законами прибыли, или не так непосредственно и просто применимы к ним, как это трактует Рикардо; что Рикардо ошибочно отождествляет прибавочную стоимость и прибыль; что они тождественны лишь в том случае, когда весь капитал состоит из переменного капитала, или непосредственно затрачивается на заработную плату; что поэтому то, что Рикардо рассматривает под названием «прибыли», вообще представляет собой лишь прибавочную стоимость. Точно так же только в указанном случае совокупный продукт целиком сводился бы к заработной плате и прибавочной стоимости. Рикардо явно разделяет взгляд Смита, что *совокупная стоимость* годового продукта сводится к доходам. Отсюда и смешение у него стоимости и цены издержек.

Здесь нет необходимости повторять, что норма прибыли не подчиняется непосредственно тем же самым законам, каким подчиняется норма прибавочной стоимости.

Во-первых, мы видели, что норма прибыли может повышаться или падать вследствие падения или повышения ренты, независимо от каких бы то ни было изменений в стоимости труда.

Во-вторых, абсолютная масса прибыли равняется абсолютной массе прибавочной стоимости. Однако последняя определяется не только нормой прибавочной стоимости, но также и числом занятых рабочих. Поэтому масса прибыли может

оставаться той же, если норма прибавочной стоимости падает, но одновременно с этим возрастает число рабочих, и наоборот.

В-третьих, норма прибыли при данной норме прибавочной стоимости зависит от органического строения капитала.

В-четвертых, норма прибыли при данной прибавочной стоимости (тем самым предполагается, что дано также и органическое строение капитала на каждые 100 единиц) зависит от стоимостного соотношения различных частей капитала, которые могут различным образом изменяться, частью благодаря экономии силы и т. п. при использовании условий производства, частью в результате таких изменений стоимости, которые могут затронуть какую-либо одну часть капитала, не затрагивая других его частей.

Наконец, следовало бы еще принять в расчет те различия в строении капитала, которые проистекают из процесса обращения.

[667] Некоторые соображения, проскальзывающие у самого Рикардо, должны были бы привести его к различению между прибавочной стоимостью и прибылью. В результате того, что он этого различения не проводит, он, по-видимому, — как это вскользь было указано уже при анализе главы 1-й (*«О стоимости»*), — местами скатывается к вульгарному воззрению, будто прибыль есть просто надбавка над стоимостью товара; например, когда он говорит о том, как определяется прибыль на такой капитал, в котором преобладает основной капитал, и т. д. * Отсюда большие нелепости у его эпигонов. Вульгарное воззрение должно появиться с необходимостью, если практически правильное положение о том, что в среднем *капиталы равной величины приносят равную прибыль*, или что прибыль зависит от величины применяемого капитала, — если это положение не связывается посредством целого ряда промежуточных звеньев с общими законами, относящимися к стоимостям и т. д., короче говоря, если прибыль и прибавочная стоимость отождествляются, что правильно только в отношении совокупного капитала. Поэтому-то для Рикардо и закрыты все пути к определению *общей нормы прибыли*.

Рикардо понимает, что на *норме прибыли* не отражаются такие изменения стоимости товаров, которые в *одинаковой мере* влияют на все части капитала, каковы, например, изменения в стоимости денег. Ему следовало бы сделать отсюда тот вывод, что на *норме прибыли* *отражаются* такие изменения в стоимости товаров, которые на различные части капитала влияют

* См. настоящее издание, часть II, стр. 195—196, *Ред.*

не в одинаковой мере; что, стало быть, возможны изменения нормы прибыли при остающейся без изменения стоимости труда и что они могут происходить даже в направлении, противоположном изменениям в стоимости труда. Но прежде всего другого Рикардо должен был бы остановить свое внимание на том, что *прибавочный продукт*, или, что у него означает то же самое, *прибавочная стоимость*, или, что опять-таки есть то же самое, *прибавочный труд*, поскольку он рассматривает все это *sub specie* * прибыли, исчисляется здесь у него не по отношению к одному только переменному капиталу, а по отношению ко *всему авансированному капиталу*.

Относительно изменения стоимости денег Рикардо говорит:

«Как бы велико ни было изменение стоимости денег, оно не вызывает никаких изменений в *норме прибыли*. Предположим, что товары фабриканта повысились в цене с 1 000 ф. ст. до 2 000 ф. ст., или на 100%. Тогда его *норма прибыли* останется той же, если его *капитал*, на который изменения в стоимости денег оказывают такое же влияние, как и на стоимость продукта, т. е. если его машины, здания и запасы товаров также повысятся в цене на 100%... Если при капитале данной стоимости фабрикант, путем экономии в труде, может увеличить вдвое количество продукта, так что прежняя цена единицы продукта понизится наполовину, то *останется* *прежнее соотношение между продуктом и капиталом, который его произвел*, а следовательно и норма прибыли останется той же. Если же одновременно с тем, как фабрикант, применяя тот же капитал, удваивает количество продукта, наполовину понизится, в силу какой-нибудь причины, стоимость денег, то продукт будет продан за вдвое большую, чем прежде, денежную стоимость, но зато и капитал, примененный при его производстве, тоже будет иметь вдвое большую, чем прежде, денежную стоимость; следовательно, и в этом случае *стоимость продукта будет находиться в том же отношении к стоимости капитала, что и прежде*» (цит. соч., стр. 51—52) [Русский перевод, том I, стр. 64].

Если под *продуктом* Рикардо понимает здесь *прибавочный продукт*, то это верно. Ибо норма прибыли равняется прибавочному продукту (прибавочной стоимости), деленному на капитал. Так, если прибавочный продукт = 10, а капитал = 100, то норма прибыли = $\frac{10}{100} = \frac{1}{10} = 10\%$. Но если Рикардо под продуктом понимает продукт, взятый в целом, то дело изложено неточно. Тогда под отношением стоимости продукта к стоимости капитала Рикардо явно имеет в виду не что иное, как избыток стоимости товара над стоимостью авансированного капитала. Во всяком случае ясно, что *здесь* Рикардо не отождествляет прибыль с прибавочной стоимостью, а норму прибыли — с нормой прибавочной стоимости, равную

$$\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{стоимость труда}}, \text{ или } \frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}}.$$

* — под углом зрения. Ред.

Рикардо говорит:

«Мы предположили, что упала цена того сырья, из которого изготовляются товары; отсюда можно сделать тот вывод, что это вызовет падение цен на эти товары. Цены этих товаров, действительно, упадут, но их падение не будет сопровождаться каким-либо уменьшением денежного дохода производителя. Если он продает свой товар за меньшее количество денег, то лишь потому, что *один из материалов, из которых изготовлен товар, упал в стоимости*. Если фабрикант сукна продаст свое сукно за 900 ф. ст. вместо 1 000 ф. ст., то его доход не станет от этого меньше при условии, что шерсть, из которой оно изготовляется, уменьшилась в стоимости на 100 ф. ст.» (цит. соч., глава 32-я, стр. 518) [Русский перевод, том I, стр. 350].

(То, о чем, собственно говоря, идет здесь речь у Рикардо, — влияние понижения стоимости сырья в том или ином данном на практике случае, — нас здесь не интересует. Внезапное понижение стоимости шерсти, без сомнения, отразилось бы (убыточно) на денежном доходе тех фабрикантов сукна, которые имели бы на складе большой запас готового товара, — товара, который был произведен в то время, когда шерсть была дороже, а продан должен быть после того, как стоимость шерсти [668] понизилась.)

Если, как предполагает здесь Рикардо, фабриканты сукна приводят в движение ту же массу труда, что и раньше {между тем, они могли бы привести в движение большее количество труда, так как часть высвободившегося капитала, которая раньше затрачивалась *только* на сырье, может теперь затрачиваться на сырье плюс труд}, то ясно, что «денежный доход» этих фабрикантов, если иметь в виду его абсолютную величину, «не станет меньше», а их *норма прибыли возрастет* по сравнению с прежней; ибо те же самые, скажем, 10%, что и раньше, т. е. 100 ф. ст., следовало бы теперь исчислять не на 1 000 ф. ст., а на 900 ф. ст. В первом случае норма прибыли составляет 10%, во втором она равнялась бы $\frac{1}{9}$, что составляет $11\frac{1}{9}\%$. Но так как Рикардо к тому же предполагает, что цена упала вообще на сырье, из которого изготовляются товары, то повысится общая норма прибыли, а не только норма прибыли в какой-нибудь отдельной отрасли производства. Рикардо этого не понимает, и это тем более удивительно, что противоположный случай ему ясен.

А именно, в главе 6-й («О прибыли») Рикардо рассматривает тот случай, когда вследствие вздорожания предметов необходимости, — вздорожания, обусловленного вводом в обработку худших земель и, следовательно, повышением дифференциальной ренты, — повышается, во-первых, заработная плата, а во-вторых, повышаются в цене все сырые продукты,

получаемые с поверхности земли. (Последнее предположение отнюдь не является необходимым. Хлопок, шелк, даже шерсть и лен могут преспокойным образом падать в цене несмотря на повышение цены хлеба.)

Рикардо говорит, во-первых, что *прибавочная стоимость* (у Рикардо сказано: *прибыль*), получаемая фермером, упадет, так как стоимость продукта труда 10 рабочих, которых он нанимает, составляет по-прежнему 720 ф. ст., а из этого фонда в 720 ф. ст. он должен теперь отдавать более значительную долю в качестве заработной платы. И Рикардо продолжает:

«Но *норма прибыли* упадет еще больше, потому что *капитал* фермера... состоит в значительной мере из сырых продуктов — таких, как, например, его хлеб и запасы сена, необмолоченная пшеница и ячмень, лошади и коровы, — которые все повысятся в цене вследствие *повышения цен на продукты*. Его *абсолютная прибыль* упала бы с 480 ф. ст. до 445 ф. ст. 15 шилл.; но если бы, ввиду только что указанной мною причины, его капитал возрос с 3 000 до 3 200 ф. ст., то *норма его прибыли* при цене хлеба в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенсов упала бы ниже 14%. Если бы фабрикант вложил в свое предприятие тоже 3 000 ф. ст., то, вследствие повышения заработной платы, он был бы вынужден увеличить свой капитал, чтобы иметь возможность вести дело в прежних размерах. Если раньше его товары продавались за 720 ф. ст., то они и впредь будут продаваться по той же самой цене, но заработная плата рабочих, составлявшая раньше 240 ф. ст., повысилась бы при цене хлеба в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенсов до 274 ф. ст. 5 шилл. В первом случае у фабриканта оставалось бы 480 ф. ст. в качестве прибыли на 3 000 ф. ст., во втором — он получил бы только 445 ф. ст. 15 шилл. прибыли на увеличенный капитал, и потому его прибыль соответствовала бы изменившейся норме прибыли фермера» (цит. соч., стр. 116—117) [Русский перевод, том I, стр. 103].

Здесь, следовательно, Рикардо различает *абсолютную прибыль* (т. е. *прибавочную стоимость*) и *норму прибыли* и показывает также, что в результате изменения стоимости авансированного капитала норма прибыли падает в большей мере, чем падает абсолютная прибыль (*прибавочная стоимость*), уменьшающаяся вследствие повышения стоимости труда. Норма прибыли упала бы здесь и в том случае, если бы стоимость труда осталась без изменения, так как *ту же самую* абсолютную прибыль пришлось бы исчислять на больший капитал. Противоположный случай — повышение нормы прибыли (отличное от повышения *прибавочной стоимости*, или *абсолютной прибыли*) — имел бы, таким образом, место в том его вышецитированном примере, где стоимость сырья падает. Оказывается, стало быть, что повышение и падение нормы прибыли определяются еще и другими обстоятельствами, кроме повышения и падения абсолютной прибыли и повышения и падения ее нормы, исчисляемой на капитал, затрачиваемый на заработную плату.

В только что цитированном месте Рикардо продолжает:

«Ювелирные изделия, изделия из железа, серебра и меди не *повысились бы* в цене, потому что в их состав не входят сырые продукты, получаемые с поверхности земли» (цит. соч., стр. 117) [Русский перевод, том I, стр. 104].

Цены этих товаров не повысятся, но норма прибыли в этих отраслях превысила бы норму прибыли в других отраслях. Ибо в последних уменьшившаяся (вследствие повышения заработной платы) прибавочная стоимость приходилась бы на авансированный капитал, возросший в стоимости сразу по двум причинам: во-первых, потому, что увеличились затраты на заработную плату, а во-вторых, потому, что увеличились затраты на сырье. Во втором же случае [т. е. в случае с ювелирными изделиями и т. д.] [669] уменьшившаяся прибавочная стоимость приходилась бы на такой авансированный капитал, который, в результате повышения заработной платы, возрос только в своей переменной части.

В этих местах Рикардо сам опрокидывает всю свою теорию прибыли, основанную на ошибочном отождествлении нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли.

«Прибыль — как в земледелии, так и в промышленности — всегда понижается при повышении *цены сырых продуктов*, если оно сопровождается повышением заработной платы» (стр. 113—114) [Русский перевод, том I, стр. 102].

Из сказанного самим Рикардо следует, что, даже если бы повышение цены сырых продуктов не сопровождалось повышением заработной платы, *норма прибыли* понизилась бы вследствие повышения цены той части авансированного капитала, которая состоит из сырья.

«Предположим, что цена шелка, бархата, мебели и любых других товаров, на которые рабочий не предъявляет спроса, повысилась вследствие того, что *на них* приходится *затрачивать* больше труда. *Не повлияет ли это на прибыль?* Конечно, нет, ибо, *кроме повышения заработной платы, ничто на прибыль влиять не может*; шелк и бархат не потребляются рабочими, и поэтому повышение их цены не может повысить заработную плату» (цит. соч., стр. 118) [Русский перевод, том I, стр. 105].

Норма прибыли в этих особых отраслях, конечно, упала бы, хотя стоимость труда — заработная плата — осталась без изменения. Сырой материал, применяемый фабрикантами шелка, роялей, мебели и т. п., вздорожал бы; следовательно, отношение прибавочной стоимости, оставшейся без изменения, к затраченному капиталу уменьшилось бы, а потому норма прибыли упала бы. А *общая норма прибыли* получается как средняя отдельных норм прибыли во всех отраслях промышленности.

Или же упомянутые выше фабриканты, чтобы получать, как и раньше, среднюю норму прибыли, повысили бы цену своих товаров. Такое номинальное повышение цен непосредственно не затронуло бы норму прибыли, но отразилось бы на расходовании прибыли.

Рикардо еще раз возвращается к рассмотренному выше случаю, когда прибавочная стоимость (абсолютная прибыль) падает потому, что цена необходимых жизненных средств (а вместе с тем и земельная рента) повышается:

«Я должен еще раз отметить, что норма прибыли будет падать гораздо быстрее, чем я предположил в своем вычислении; ибо, если стоимость продукта будет так высока, как я принимал ее при предположенных условиях, то стоимость капитала фермера значительно увеличится, так как он обязательно состоит из многих таких товаров, стоимость которых возросла. Прежде чем цена хлеба могла бы повыситься с 4 до 12 ф. ст., меновая стоимость капитала фермера, вероятно, удвоилась бы и равнялась бы 6 000 ф. ст. вместо 3 000. Если, стало быть, прибыль фермера составляла 180 ф. ст., или 6% от его первоначального капитала, то теперь ее действительная норма не будет превышать 3%, потому что 3% с 6 000 ф. ст. дают 180 ф. ст., и только на этих условиях какой-нибудь новый фермер, имеющий в кармане 6 000 ф. ст., мог бы стать сельскохозяйственным предпринимателем. Многие отрасли хозяйства извлекли бы из того же источника некоторую выгоду, в большей или меньшей степени. Пивовар, винокур, фабрикант сукна, фабрикант холста были бы частично вознаграждены за уменьшение их прибыли повышением стоимости имеющихся у них запасов сырья и готового товара. Но фабриканты металлических изделий, ювелирных изделий и многих других товаров, а также и те, чьи капиталы состоят только из денег, испытали бы на себе в полной мере падение нормы прибыли, без какой бы то ни было компенсации» (цит. соч., стр. 123—124) [Русский перевод, том I, стр. 108].

Здесь важно только то, чего Рикардо не замечает, а именно — что он опрокидывает свое отождествление прибыли и прибавочной стоимости и констатирует, что, независимо от стоимости труда, на норму прибыли может влиять изменение в стоимости постоянного капитала. В остальном его иллюстрация верна только отчасти. Та выгода, которую фермер, фабрикант сукна и т. д. извлекли бы из повышения цены их наличного и находящегося на рынке запаса товаров, естественно, перестала бы иметь место, как только они сбыли эти товары. Повышение стоимости их капитала тоже перестало бы приносить им какую бы то ни было выгоду, как только капитал этот был бы потреблен и его необходимо было бы воспроизвести. Все они оказываются тогда в положении упоминаемого самим Рикардо нового фермера, который должен был бы авансировать капитал в 6 000 ф. ст., чтобы получать прибыль в 3%. Напротив, [XIII — 670] ювелир, фабрикант металлических изделий, денежный капиталист и т. д., хотя они вначале и не получили никакой

компенсации за свои потери, реализовали бы более высокую норму прибыли, чем в 3%, так как возрос бы в стоимости только затрачиваемый ими на заработную плату капитал, а не их постоянный капитал.

В упоминаемом здесь у Рикардо случае, когда падение прибыли компенсируется повышением стоимости капитала, важно еще то, что в отношении капиталистов — и вообще в отношении распределения продукта годового труда — речь идет не только о распределении продукта между различными соучастниками в дележе дохода, но также и о разделении этого продукта на капитал и доход.

[2] ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ НОРМЫ ПРИБЫЛИ («СРЕДНЕЙ ПРИБЫЛИ», ИЛИ «ОБЫЧНОЙ ПРИБЫЛИ»)

[а] ЗАРАНЕЕ ДАННАЯ СРЕДНЯЯ НОРМА ПРИБЫЛИ КАК ИСХОДНЫЙ ПУНКТ РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИИ ПРИБЫЛИ]

Теоретические воззрения Рикардо здесь отнюдь не ясны.

«Я уже заметил, что рыночная цена какого-нибудь товара может превысить его естественную, или необходимую, цену, потому что он может быть произведен не в таком изобилии, какого требует новый спрос на него. Это, однако, только временное явление. Высокая прибыль на капитал, вложенный в производство этого товара, будет, естественно, привлекать капитал в эту отрасль производства; и как только будут доставлены необходимые фонды и количество товара увеличится в должной степени, цена его упадет, и прибыль, получаемая в этой отрасли производства, придет в соответствие с общим уровнем. Падение общей нормы прибыли отнюдь не является несовместимым с частичным повышением прибылей в отдельных отраслях. Именно в результате неравенства прибылей капитал перемещается из одной отрасли в другую. Таким образом, в то время как общая прибыль падает и постепенно устанавливается на более низком уровне вследствие повышения заработной платы и возросшей трудности снабжения увеличившегося населения предметами необходимости, прибыли фермера могут в течение непродолжительного промежутка времени стоять выше прежнего уровня. Точно так же отдельная отрасль внешней и колониальной торговли может получить на некоторое время необычайный толчок для развития» (стр. 118—119) [Русский перевод, том I, стр. 105].

«Следует помнить, что цены на рынке постоянно испытывают колебания, прежде всего в зависимости от соотношения между спросом и предложением. Хотя сукно могло бы быть доставлено по 40 шилл. за ярд, принося при этом обычную прибыль на капитал, оно может, вследствие общей перемены моды., повыситься в цене до 60 или 80 шилл. Фабриканты сукна будут в течение некоторого времени получать необычную прибыль, но капитал, естественно, будет притекать в эту отрасль промышленности, пока предложение и спрос снова не придут в состояние равновесия, и тогда цена сукна понизится опять до 40 шилл., до его естественной, или необходимой, цены. Точно таким же образом и хлеб может с каждым увеличением спроса на него так высоко подниматься в цене, что будет давать

фермеру прибыль больше обычной. Если плодородная земля имеется в изобилии, то цена хлеба снова упадет до своего прежнего уровня, после того как в производстве его будет применено необходимое количество капитала, и тогда прибыль вернется к прежнему уровню. Но если нет изобилия плодородной земли, если для производства этого добавочного количества хлеба требуется большее, чем обычно, количество капитала и труда, то цена хлеба не упадет до своего прежнего уровня. Его естественная цена повысится, и фермер, вместо того чтобы получать все время более высокую прибыль, окажется вынужденным довольствоваться уменьшившейся ее нормой, которая является неизбежным следствием увеличения заработной платы, вызванного повышением цен на предметы необходимости» (стр. 119—120) [Русский перевод, том I, стр. 105—106].

Если *рабочий день* дан (или если в различных отраслях производства существуют только такие различия в продолжительности рабочего дня, которые уравниваются особенностями различных видов труда), то дана и *общая норма прибавочной стоимости*, т. е. *прибавочного труда*, так как заработная плата в среднем одна и та же. С этой мыслью, засевшей у него в голове, Рикардо и подходит к вопросу. И он смешивает эту *общую норму прибавочной стоимости* с *общей нормой прибыли*. Я уже показал, что при одной и той же *общей норме прибавочной стоимости* все же *нормы прибыли* в различных отраслях производства с необходимостью были бы совершенно различны, если бы товары продавались по их *стоимостям*.

Общая норма прибыли возникает тем путем, что произведенная совокупная прибавочная стоимость исчисляется на совокупный капитал общества (класса капиталистов); поэтому каждый капитал в каждой отдельной отрасли производства выступает как *соответственная часть* совокупного капитала с одним и тем же [671] *органическим строением*, в смысле разделения капитала как на переменный и постоянный, так и на оборотный и основной. В качестве такой соответственной части, данный капитал получает, пропорционально своей величине, свои дивиденды из прибавочной стоимости, произведенной общей суммой капитала. Разделенная таким образом прибавочная стоимость, доля прибавочной стоимости, приходящаяся в течение данного промежутка времени, например в течение одного года, на порцию капитала данной величины, например на 100, образует *среднюю прибыль*, или *общую норму прибыли*, входящую в цену издержек каждой отрасли. Если эта доля равняется 15, то обычная прибыль составляет 15%, а цена издержек = 115. Последняя может быть меньше, если, например, только часть авансированного капитала входит как износ в процесс образования стоимости. Но она всегда равна потребленному капиталу плюс 15, т. е. плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Если бы в одном случае в продукт входило 100,

а в другом — только 50, то в одном случае цена издержек равнялась бы $100 + 15 = 115$, а в другом равнялась бы $50 + 15 = 65$; оба капитала при этом продавали бы свои товары по *одной и той же цене издержек*, т. е. по цене, приносящей им обоим одну и ту же норму прибыли. Ясно, что появление, осуществление, установление *общей нормы прибыли* делает необходимым *превращение стоимостей* в *отличные от них цены издержек*. Рикардо, наоборот, предполагает тождество стоимостей и цен издержек, так как он смешивает норму прибыли и норму прибавочной стоимости. Он поэтому не имеет ни малейшего представления о том всеобщем изменении, которое процесс установления общей нормы прибыли вызывает в *ценах* товаров, еще до того как может идти речь о той или иной общей норме прибыли. Он принимает эту норму прибыли как нечто первичное, которое у него поэтому входит даже в определение *стоимости* (см. главу 1-ю: «О стоимости»). *Исходя из предпосылки общей нормы прибыли*, Рикардо рассматривает только те трактуемые им как исключения изменения в ценах, которые необходимы для *сохранения этой общей нормы прибыли*, для ее дальнейшего существования. Он не имеет никакого представления о том, что для *создания* общей нормы прибыли предварительно должно произойти превращение стоимостей в цены издержек; что, следовательно, взяв за основу общую норму прибыли, он уже не имеет более дела непосредственно со *стоимостями* товаров.

Также и в вышеприведенном отрывке дается *лишь* смитовское представление, но даже и оно развито односторонне, так как у Рикардо все время чувствуется задняя мысль об *общей норме прибавочной стоимости*. Норма прибыли, по его представлению, поднимается в отдельных отраслях выше *среднего уровня* только потому, что в отдельных отраслях производства рыночная цена товаров, вследствие соотношения между предложением и спросом, вследствие недопроизводства или перепроизводства, поднимается выше естественной цены. Конкуренция, приток нового капитала в одну отрасль производства или изъятие старого капитала из другой отрасли, уравнивает тогда рыночную цену с естественной ценой и *сводит* прибыль отдельной отрасли производства к общему уровню. Здесь действительный уровень прибыли предполагается *постоянным*, берется как нечто данное, и речь идет лишь о том, чтобы *свести* к нему такие прибыли отдельных отраслей производства, которые, вследствие соотношения между предложением и спросом, поднимаются выше этого уровня или опускаются ниже его. При этом Рикардо даже всегда исходит из предположения, что те товары, цены которых приносят прибыль большую чем сред-

няя, продаются *выше* их стоимости, а те товары, цены которых приносят прибыль меньшую чем средняя, продаются *ниже* их стоимости. Если *рыночная стоимость* товаров приводится посредством конкуренции в соответствие с их *стоимостью*, то устанавливается средний уровень прибыли.

Самый уровень, по мнению Рикардо, может повышаться или падать только в том случае, если падает или повышается (относительно устойчиво) заработная плата, т. е. *норма относительной прибавочной стоимости*, что происходит без изменения цен (хотя сам же Рикардо признаёт здесь весьма значительное изменение цен в различных отраслях производства в зависимости от соотношения между оборотным и основным капиталом в этих отраслях).

Но даже когда *общая норма прибыли* установилась, а следовательно установились и *цены издержек*, все же *норма прибыли* может повыситься в отдельных отраслях производства потому, что в них *рабочий день более продолжителен*, т. е. потому, что здесь повышается *норма абсолютной прибавочной стоимости*. Что конкуренция рабочих не в состоянии уравнивать эти различия, — доказательством этому служит *вмешательство государства*. Норма прибыли здесь, в таких отдельных отраслях производства, повысится без того, чтобы рыночная цена превысила «естественную цену». Правда, конкуренция капиталов может привести к тому, — к чему она в конце концов, действительно, и приводит, — что эта сверхприбыль не целиком достанется капиталистам этих отдельных отраслей производства. Они вынуждены будут понизить цены своих товаров по сравнению с их «естественными ценами», или же другие отрасли производства несколько повысят *свои цены* (во всяком случае, если фактически не повысят, — такое повышение может быть парализовано понижением *стоимости* этих товаров, — то всё же [672] понизят их не так сильно, как этого требовало бы развитие производительной силы труда в их собственных отраслях производства). Общий уровень прибыли повысится, и цены издержек изменятся.

Далее: если возникает такая новая отрасль производства, в которой применяется непропорционально много живого труда в сравнении с накопленным, в которой, следовательно, строение капитала гораздо ниже среднего строения, определяющего среднюю прибыль, то соотношение между предложением и спросом в этой новой отрасли может позволить продавать ее продукт выше его *цены издержек*, с большим приближением к его *действительной стоимости*. Если конкуренция выравнивает эти различия, то это возможно только посредством повышения

общего уровня прибыли, которое обусловлено тем, что капитал вообще реализует, приводит в движение большее количество неоплаченного, прибавочного труда. Соотношение между предложением и спросом в указанном выше случае приводит не к тому, что товар продается *выше его стоимости*, как полагает Рикардо, а лишь к тому, что он продается по цене, приближающейся к *его стоимости* и превышающей его цену издержек. Выравнивание, стало быть, не может иметь своим результатом сведение прибыли к прежнему уровню, а приводит к тому, что устанавливается *новый уровень*.

16) ОШИБКИ РИКАРДО В ВОПРОСЕ О ВЛИЯНИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ И ВООБЩЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ

Точно так же, как в приведенном выше случае, дело обстоит, например, в *торговле с колониями*, где стоимость труда стоит ниже, чем в метрополии, вследствие рабства и естественного плодородия земли (или же вследствие фактической или юридической неразвитости земельной собственности). Если капиталы метрополии могут свободно перемещаться в эту новую отрасль, то они, правда, понизят получаемую в этой последней специфическую сверхприбыль, но повысят общий уровень прибыли (как совершенно правильно замечает А. Смит).

Рикардо постоянно прибегает здесь к такого рода фразе: ведь в старых отраслях производства количество применяемого труда, а также и заработная плата остались-де без изменения. Но дело в том, что общая норма прибыли определяется отношением неоплаченного труда к оплаченному и к авансированному капиталу не в той или другой отрасли производства, а во всех отраслях, в которые капитал может быть свободно перенесен. Соотношение это может в девяти десятых остаться без изменения; но если оно изменяется в одной десятой, то общая норма прибыли должна измениться во всех десяти десятых. Всякий раз, когда возрастает масса неоплаченного труда, приводимого в движение капиталом данной величины, конкуренция может привести всего лишь к тому, что капиталы одинаковой величины будут получать одинаковые дивиденды, одинаковые доли в этом увеличенном прибавочном труде; но конкуренция не может привести к тому, чтобы, несмотря на возросший прибавочный труд по отношению к совокупному авансированному капиталу, дивиденд каждого отдельного капитала оставался без изменения, сводился к прежней доле в прибавочном труде. Раз Рикардо допускает это последнее, то у него совершенно нет основания

оспаривать воззрение А. Смита, что одна лишь возросшая конкуренция капиталов, вследствие их накопления, понижает норму прибыли. Ибо он сам допускает здесь, что норма прибыли понижается благодаря одной лишь конкуренции, хотя норма прибавочной стоимости и возрастает. Этот взгляд Рикардо связан, конечно, с его второй ошибочной предпосылкой, будто норма прибыли (если оставить в стороне понижение или повышение заработной платы) может повышаться или падать только в результате временных отклонений рыночной цены от естественной цены. В самом деле, что такое естественная цена? Цена, равная авансированному капиталу плюс средняя прибыль. Это, следовательно, опять сводится к предпосылке, что средняя прибыль никогда не может падать или повышаться иначе, чем падает или повышается относительная прибавочная стоимость.

Поэтому Рикардо ошибается, когда он, в противоположность Смиту, говорит:

«Никакой переход от одной отрасли внешней торговли к другой или от внутренней торговли к внешней не может, по моему мнению, влиять на норму прибыли» (цит. соч., стр. 413) [Русский перевод, том I, стр. 283].

Точно так же Рикардо ошибается, когда он полагает, что норма прибыли не влияет на цены издержек, раз прибыль не влияет на стоимости.

Рикардо ошибается, когда он полагает, что если какая-нибудь отрасль внешней торговли оказывается в особо благоприятных условиях, то установление общего уровня прибыли всегда должно происходить путем низведения получаемой там прибыли до прежнего уровня прибыли, а не путем его повышения:

«Утверждают, что равенство прибылей установится путем общего повышения прибылей; я же держусь того мнения, что прибыли той отрасли, которая находится в особо благоприятных условиях, быстро опустятся до общего уровня» (стр. 132—133) [Русский перевод, том I, стр. 113].

Вследствие своего всецело ошибочного взгляда на норму прибыли Рикардо совершенно не понимает влияния внешней торговли в тех случаях, когда она не понижает непосредственно цену предметов питания рабочих. Он не видит, какое громадное значение имеет, например, для Англии получение [673] более дешевого сырья для промышленности, и не понимает, что в этом случае, как я показал раньше ¹¹³, *хотя цены* [на изделия из подешевевшего сырья] *и понижаются, норма прибыли* повышается, в противоположном же случае, при *повышающихся ценах* [на изделия из вздорожавшего сырья], норма прибыли может падать — и что это имеет место даже тогда, когда в обоих случаях заработная плата остается без изменения.

«Итак, норма прибыли повышается не вследствие расширения рынка» (стр. 136) [Русский перевод, том I, стр. 115].

Норма прибыли зависит не от цены единицы товара, а от той массы прибавочного труда, которая может быть реализована данным капиталом. Рикардо и в других случаях недоучитывает важное значение *рынка*, потому что не понимает сущности денег.

* * *

[673] (В дополнение к тому, что сказано выше, необходимо заметить еще следующее:

Рикардо совершает все эти промахи потому, что свою предпосылку о тождественности нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли он стремится провести при помощи насильственных абстракций. Вульгарные экономисты сделали отсюда тот вывод, что теоретические истины представляют собой абстракции, противоречащие действительному положению вещей. Они не видят того, что Рикардо, наоборот, недостаточно далеко идет по пути правильной абстракции и что это и приводит его к абстракции ошибочной ¹¹⁴.) [673]

[3] ЗАКОН ПАДЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ

[а) ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РИКАРДОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПАДЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ]

Закон падения нормы прибыли — один из важнейших пунктов в системе Рикардо.

Норма прибыли имеет тенденцию падать. Почему? А. Смит говорит: вследствие растущего накопления и сопровождающего его роста конкуренции капиталов. Рикардо возражает: конкуренция может уравнивать прибыли в различных отраслях производства (выше мы видели, что он здесь непоследователен), но она не может понизить общую норму прибыли. Такое понижение, по Рикардо, было бы возможно только в том случае, если бы, вследствие накопления капитала, увеличение капиталов происходило настолько быстрее роста населения, что спрос на труд *постоянно* превышал бы предложение труда, а потому заработная плата постоянно повышалась бы номинально, действительно и по потребительной стоимости, — повышалась бы как по стоимости, так и по потребительной стоимости. Но этого не бывает. Рикардо — не оптимист, верящий в подобного рода басни.

Так как *норма прибыли* и *норма прибавочной стоимости* — относительной прибавочной стоимости, поскольку у Рикардо

рабочий день предполагается неизменным, — для Рикардо тождественны, то постоянное падение нормы прибыли или тенденцию нормы прибыли к падению он может объяснить лишь *теми же причинами*, какие обуславливают постоянное падение или тенденцию к падению *нормы прибавочной стоимости*, т. е. той части рабочего дня, в течение которой рабочий работает не на себя, а на капиталиста. Но каковы эти причины? Если предположить рабочий день данным, то та его часть, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста, может падать, уменьшаться только при условии, если возрастает та часть рабочего дня, в течение которой он работает на себя. А это (при предположении, что оплачивается *стоимость* труда) возможно лишь в том случае, если увеличивается *стоимость* предметов необходимости, жизненных средств, на которые расходуется заработная плата рабочего. Но стоимость промышленных товаров, вследствие развития производительных сил труда, постоянно уменьшается. Следовательно, падение нормы прибыли может, по мнению Рикардо, быть объяснено лишь тем, что главная составная часть жизненных средств — предметы питания — постоянно повышается в своей стоимости. Происходит это-де потому, что продуктивность земледелия постоянно уменьшается. Это — та же самая предпосылка, с помощью которой Рикардо в своем анализе земельной ренты объясняет ее существование и ее рост. Непрерывное падение нормы прибыли связано поэтому у Рикардо с непрерывным повышением нормы земельной ренты. Я уже показал, что рикардовское понимание земельной ренты ошибочно. Тем самым, следовательно, рушится одна из основ его объяснения падения нормы прибыли. А во-вторых, его взгляд на падение нормы прибыли основан на ошибочной предпосылке, будто *норма прибавочной стоимости* и *норма прибыли* тождественны, так что падение нормы прибыли оказывается тождественным с падением нормы прибавочной стоимости, которое, действительно, могло бы быть объяснено только по-рикардовски. Этим его теория опровергнута.

Норма прибыли падает — хотя норма прибавочной стоимости при этом остается неизменной или повышается — по той причине, что переменный капитал по мере развития производительных сил труда уменьшается по отношению к постоянному капиталу. Таким образом, норма прибыли падает не потому, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным. Она падает не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что он больше эксплуатируется, в результате ли того, что возрастает

абсолютное прибавочное время, или же, — когда этому противодействует государство, — в результате того, что из самой сущности капиталистического производства проистекает падение относительной стоимости труда и, следовательно, увеличение относительного прибавочного времени.

Итак, теория Рикардо основана на двух ошибочных предположениях:

1) на ошибочной предпосылке, будто существование и рост земельной ренты обусловлены уменьшающейся продуктивностью земледелия;

2) на ошибочной предпосылке, будто норма прибыли, отождествляемая у Рикардо с нормой относительной прибавочной стоимости, может повышаться или падать только в обратном отношении к повышению или падению заработной платы.

[674] Теперь я прежде всего соберу воедино те места, где Рикардо развивает только что изложенное воззрение.

[6) АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ РИКАРДО О ПОСТЕПЕННОМ ПОГЛОЩЕНИИ ПРИБЫЛИ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ РЕНТОЙ]

Предварительно сделаем еще некоторые замечания по поводу того, как Рикардо, исходя из своего воззрения на земельную ренту, развивает тот взгляд, что рента постепенно поглощает норму прибыли.

Воспользуемся для этой цели таблицами, приведенными на стр. 574 *, но с необходимыми изменениями.

В этих таблицах предполагается, что применяемый капитал равен $60с + 40v$, норма прибавочной стоимости равна 50% и, следовательно, [индивидуальная] стоимость продукта, какова бы ни была производительность труда, равна 120 ф. ст. Из них 10 ф. ст. составляли прибыль, 10 ф. ст. — абсолютную ренту. Предположим, что 40 ф. ст. переменного капитала приходятся на 20 рабочих (за их труд, например, в течение недели или, лучше, поскольку речь идет о норме прибыли, в течение года; впрочем, здесь это совершенно безразлично). Согласно таблице А, где рыночную стоимость определяет земля I, число тонн [угля или число кварталов хлеба] равно 60; следовательно, 60 тонн стоят 120 ф. ст., а 1 тонна [или 1 квартал] стоит $\frac{120}{60}$, т. е. 2 ф. ст. Заработная плата составляет 40 ф. ст., т. е. она равна 20 тоннам [угля] или 20 квартерам хлеба. Следовательно, такова необходимая заработная плата для того

* См. вклейку между страницами 292—293. Ред.

количества рабочих, которое занято капиталом в 100 ф. ст. Если бы теперь оказалось необходимым перейти к худшему сорту земли, где понадобился бы капитал в 110 ф. ст. (60 ф. ст. постоянного капитала и переменный капитал на 20 рабочих, приводимых им в движение, — т. е. 60 ф. ст. постоянного капитала и 50 ф. ст. переменного капитала), чтобы произвести 48 тонн, то в этом случае прибавочная стоимость составила бы 10 ф. ст., а цена тонны была бы равна $2\frac{1}{2}$ ф. ст. Если бы мы перешли к еще худшему сорту земли, где 120 ф. ст. дают 40 тонн, то цена тонны была бы равна $\frac{120}{40}$, т. е. 3 ф. ст. Здесь, на наихудшей земле, исчезла бы какая бы то ни было прибавочная стоимость. Во всех этих случаях стоимость, вновь создаваемая трудом 20 рабочих, всегда равна 60 ф. ст. (3 ф. ст. = 1 рабочему дню какой угодно величины). Если, следовательно, заработная плата возрастает с 40 ф. ст. до 60 ф. ст., то исчезает всякая прибавочная стоимость. При этом все время предполагается, что 1 квартал хлеба составляет необходимую заработную плату одного рабочего.

Предположим, что в обоих указанных выше случаях [перехода к худшей земле] должен быть затрачен капитал только в 100 ф. ст. То же самое можно выразить и так: какой бы капитал в каждом данном случае ни затрачивался, каково будет соотношение для капитала в 100 ф. ст.? А именно, вместо того чтобы предполагать, что затрачивается капитал в 110 ф. ст. или в 120 ф. ст. при том же количестве рабочих и при той же величине постоянного капитала, мы подсчитаем, предполагая то же органическое строение (не по стоимости, а по количеству применяемого труда и количеству постоянного капитала), какое количество постоянного капитала и какое число рабочих приходится на капитал в 100 (чтобы возможно было сравнение этих 100 единиц с другими [стоимостными] строениями капитала).

110 относится к 60 как 100 к $54\frac{6}{11}$, и 110 относится к 50 как 100 к $45\frac{5}{11}$. 20 человек приводят в движение 60 единиц постоянного капитала; сколько человек приведут в движение $54\frac{6}{11}$ единицы?

Дело обстоит так. 60 ф. ст. представляют собой стоимость, создаваемую данным числом занятых рабочих (скажем, 20 рабочими). При этом данному числу занятых рабочих выплачивается 20 кварталов или тонн = 40 ф. ст., если тонна или квартал = 2 ф. ст. Если стоимость тонны возрастает до 3 ф. ст., то прибавочная стоимость исчезает. Если стоимость тонны возрастает до $2\frac{1}{2}$ ф. ст., то исчезает половина прибавочной стоимости, составлявшая абсолютную ренту.

В первом случае при затрате капитала в 120 ф. ст. ($60c + 60v$) продукт = 120 ф. ст. = 40 тоннам (40×3). Во втором случае при затрате капитала в 110 ф. ст. ($60c + 50v$) продукт = 120 ф. ст. = 48 тоннам ($48 \times 2\frac{1}{2}$).

В первом случае при затрате капитала в 100 ф. ст. ($50c + 50v$) продукт = 100 ф. ст. = $33\frac{1}{3}$ тонны ($3 \text{ ф. ст.} \times 33\frac{1}{3} = 100 \text{ ф. ст.}$). При этом, поскольку здесь имеет место лишь переход к худшей земле, а в капитале никаких изменений не произошло, постоянный капитал в 50 ф. ст. приводится в движение пропорционально таким же количеством рабочих, как раньше капитал в 60 ф. ст. Следовательно, если последний приводился в движение 20 рабочими (которые получали 40 ф. ст., когда стоимость тонны равнялась 2 ф. ст.), то теперь капитал в 50 ф. ст. приводится в движение $16\frac{2}{3}$ рабочими, получающими 50 ф. ст., с тех пор как стоимость тонны повысилась до 3 ф. ст. Один человек получает по-прежнему 1 тонну или 1 квартал = 3 ф. ст., ибо $16\frac{2}{3} \times 3 = 50$. Если стоимость, созданная $16\frac{2}{3}$ рабочими, = 50 ф. ст., то стоимость, созданная 20 рабочими, = 60 ф. ст. Остается, следовательно, в силе прежняя предпосылка, что однодневный труд 20 рабочих создает стоимость в 60 ф. ст.

Возьмем теперь второй случай. При затрате капитала в 100 ф. ст. продукт = $109\frac{1}{11}$ ф. ст. = $43\frac{7}{11}$ тонны ($2\frac{1}{2} \times 43\frac{7}{11} = 109\frac{1}{11}$). Постоянный капитал = $54\frac{6}{11}$ ф. ст., а переменный = $45\frac{5}{11}$ ф. ст. Сколько рабочих нанято на эти $45\frac{5}{11}$ ф. ст.? $18\frac{2}{11}$ рабочих. [675] При этом, если стоимость, создаваемая однодневным трудом 20 рабочих, = 60 ф. ст., то стоимость, создаваемая однодневным трудом $18\frac{2}{11}$ рабочих, = $54\frac{6}{11}$ ф. ст., а потому стоимость продукта = $109\frac{1}{11}$ ф. ст.

Мы видим, таким образом, что в обоих случаях тот же капитал [в 100 ф. ст.] приводит в движение меньшее, чем прежде, количество рабочих, которые, однако, обходятся теперь дороже. Они работают столько же времени, но отдаваемое ими прибавочное время стало меньше или его совсем нет, так как они при той же затрате труда производят меньше продукта (и продукт этот состоит из потребляемых ими *предметов необходимости*); следовательно, хотя они работают *столько же* времени, как и раньше, рабочее время, затрачиваемое ими на производство 1 тонны или 1 квартала, возросло.

Рикардо в своих выкладках всегда предполагает, что капиталом приводится в движение *больше труда* и что поэтому необходимо затратить *больше* капитала, т. е. 120 или 110 ф. ст. вместо прежних 100. Это верно лишь постольку, поскольку предполагается, что произведено должно быть *то же самое количество*

продукта, т. е. в вышеприведенных случаях 60 тонн, а не 40 тонн в I случае (при затрате 120 ф. ст.) и 48 тонн во II случае (при затрате 110 ф. ст.). Поэтому при затрате 100 ф. ст. в первом случае производится $33\frac{1}{3}$ тонны, а во втором — $43\frac{7}{11}$ тонны. Исходя из указанного предположения, Рикардо тем самым отбрасывает правильную точку зрения, которая состоит не в том, что [при понижении производительности труда] необходимо применять больше рабочих для производства того же самого количества продукта, а в том, что данным количеством рабочих производится меньше продукта, из которого, в свою очередь, более значительная, чем раньше, доля образует заработную плату.

Сопоставим теперь обе таблицы: таблицу А на стр. 574 и новую таблицу, вытекающую из сделанных выше допущений.

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоим. тонны ф. ст.	Индикс- дуальн. стои- мость тонны ф. ст.	Диффер. стоимость тонны ф. ст.	Цена издер- жек на тонну ф. ст.	Абсолютная рента ф. ст.	Диффер. рента ф. ст.	Абсол. рента в тоннах
А										
I	100	60	120	2	2	0	$1\frac{5}{8}$	10	0	5
II	100	65	130	2	$1\frac{11}{13}$	$\frac{2}{13}$	$1\frac{9}{13}$	10	10	5
III	100	75	150	2	$1\frac{3}{5}$	$\frac{2}{5}$	$1\frac{7}{15}$	10	30	5
Итого	300	200	400					30	40	15

	Диффер. рента в тон- нах	Общая сумма ренты ф. ст.	Общая сумма ренты в тон- нах	Строение капитала	Норма при- бав. стоимо- сти	Число ра- бочих	Заработная плата ф. ст.	Заработная плата в тон- нах	Норма при- были
I	0	10	5	$60c + 40v$	50%	20	40	20	10%
II	5	20	10	$60c + 40v$	50%	20	40	20	10%
III	15	40	20	$60c + 40v$	50%	20	40	20	10%
Итого	20	70	35						

Если бы теперь эта таблица была представлена в обратном порядке, по рикардовской нисходящей линии, т. е. если бы мы начали с III разряда и вместе с тем приняли, что ранее всех поступившая в обработку наиболее плодородная земля [пока она является единственным разрядом обрабатываемой земли] не приносит никакой ренты, то в этом III разряде мы сначала

имели бы капитал в 100 ф. ст., создающий стоимость в 120 ф. ст., из которых 60 ф. ст. приходится на постоянный капитал и 60 ф. ст. — на вновь присоединенный труд. Далее, следуя Рикардо, надо было бы предположить, что норма прибыли была бы выше, чем указано в таблице А, так как при падении цены тонны угля (или квартера пшеницы) имеет место следующее: те 20 рабочих, которые получают 20 тонн = 40 ф. ст., когда тонна стоит 2 ф. ст., теперь, когда она стоит лишь $1\frac{1}{5}$ ф. ст., или 1 ф. ст. 12 шилл., получают всего лишь 32 ф. ст. (= 20 тоннам). Капитал, затраченный при том же числе рабочих, составил бы $60c + 32v = 92$ ф. ст., стоимость всего продукта была бы 120 ф. ст., так как стоимость, созданная трудом 20 рабочих, по-прежнему равна 60 ф. ст. При таком соотношении [между c и v] капитал в 100 ф. ст. должен был бы создать стоимость в $130^{10/23}$ ф. ст. (ибо $92 : 120 = 100 : 130^{10/23}$, или $23 : 30 = 100 : 130^{10/23}$), причем этот капитал в 100 ф. ст. имел бы такое строение: $65^{5/23}c + 34^{18/23}v$. Следовательно, капитал был бы равен $65^{5/23}c + 34^{18/23}v$; стоимость продукта была бы $130^{10/23}$ ф. ст.; число рабочих было бы $21^{17/23}$; норма прибавочной стоимости составляла бы $87\frac{1}{2}\%$.

1) Итак, мы имели бы следующее:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Рыночная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальн. стоимость тонны ф. ст.	Дифференц. стоимость тонны ф. ст.	Рента	Прибыль ф. ст.	Норма прибыли	Строение капитала	Норма прибав. стоимости	Число рабочих
III	100	$81^{12/23}$	$130^{10/23}$	$1\frac{1}{5}$	$1\frac{1}{5}$	0	0	$30^{10/23}$	$30^{10/23}\%$	$65^{5/23}c + 34^{18/23}v$	$87\frac{1}{2}\%$	$21^{17/23}$

Выраженная в тоннах, заработная плата равна $21^{17/23}$ тонны, а прибыль составляет $19\frac{1}{46}$ тонны.

[676] Предположим теперь, оставаясь все время на почве рикардовских предпосылок, что вследствие возрастания населения рыночная цена поднимается так высоко, что приходится обрабатывать разряд II, где стоимость тонны равна $1\frac{11}{13}$ ф. ст.

Здесь отнюдь не получается, как это представляет себе Рикардо, что $21^{17/23}$ рабочих будут все время производить ту же стоимость, а именно $65^{5/23}$ ф. ст. (считая и заработную плату и прибавочную стоимость). Ведь [в результате вздорожания продукта] число рабочих, какое могут нанимать и, следовательно, эксплуатировать капиталисты в III разряде, уменьшится со-

гласно его же собственной предпосылке, а значит, уменьшится и совокупная сумма прибавочной стоимости.

При этом [органическое] строение земледельческого капитала остается все время без изменений. Для того чтобы привести в движение 60 с, всегда нужны 20 рабочих (при данном рабочем дне), какой бы ни была заработная плата.

Так как эти 20 рабочих получают 20 тонн, а тонна стоит теперь $1^{11}/_{13}$ ф. ст., то 20 рабочих обходятся в $20 \times 1^{11}/_{13}$ ф. ст. = 20 ф. ст. + $16^{12}/_{13}$ ф. ст. = $36^{12}/_{13}$ ф. ст.

Стоимость, производимая этими 20 рабочими, какова бы ни была производительность их труда, равна 60 ф. ст. Таким образом, авансированный капитал равен $96^{12}/_{13}$ ф. ст., а стоимость продукта равна 120 ф. ст.; следовательно, прибыль составляет $23^{1}/_{13}$ ф. ст. Поэтому прибыль, приносимая капиталом в 100, будет равна $23^{17}/_{21}$, а строение капитала будет $61^{19}/_{21}с + 38^{2}/_{21}v$, при $20^{40}/_{63}$ занятых рабочих.

Если совокупная стоимость продукта [при затрате капитала в 100 ф. ст.] = $123^{17}/_{21}$ ф. ст., а индивидуальная стоимость тонны в разряде III = $1^3/_5$ ф. ст., то сколько тонн составит теперь продукт в этом разряде? — $77^8/_{21}$ тонны. Норма прибавочной стоимости будет $62^{1}/_2\%$.

Но разряд III продает тонну по $1^{11}/_{13}$ ф. ст. Это дает на тонну дифференциальную стоимость в $4^{12}/_{13}$ шилл., или в $1^6/_{65}$ ф. ст., а на $77^8/_{21}$ тонны это составит $77^8/_{21} \times 1^6/_{65}$, т. е. $19^1/_{21}$ ф. ст.

Вместо того чтобы продавать продукт за $123^{17}/_{21}$ ф. ст., III продает его за $123^{17}/_{21}$ ф. ст. + $19^1/_{21}$ ф. ст. = $142^6/_7$ ф. ст. Это-то $19^1/_{21}$ ф. ст. и составляют ренту.

Итак, для III разряда мы имели бы теперь следующее:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоим. совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоим. тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференциальная стоимость тонны ф. ст.
III	100	$77^8/_{21}$	$123^{17}/_{21}$	$142^6/_7$	$1^{11}/_{13}$	$1^3/_5$	$+1^6/_{65}$

	Рента ф. ст.	Рента в тоннах	Норма прибыли	Строение капитала	Норма прибав. стоимости	Число рабочих
III	$19^1/_{21}$	$10^{20}/_{63}$	$23^{17}/_{21}\%$	$61^{19}/_{21}с + 38^{2}/_{21}v$	$62^{1}/_2\%$	$20^{40}/_{63}$

Заработная плата в тоннах = $20^{40}/_{63}$ тонны, а прибыль = $12^{113}/_{126}$ тонны.

Перейдем теперь к разряду II. Здесь [согласно рикардовской предпосылке] ренты совсем нет. Рыночная стоимость и индивидуальная стоимость совпадают. Количество тонн, производимых разрядом II, составляет $67\frac{4}{63}$ тонны.

Для II разряда мы, следовательно, имеем:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоим. тонны ф. ст.	Индивидуаль- ная стои- мость тонны ф. ст.	Дифферен- циальная стоим. тонны ф. ст.	Рента	Норма при- были	Строение капитала	Норма при- бав стоимо- сти	Число ра- бочих
II	100	$67\frac{4}{63}$	$123\frac{17}{21}$	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{11}{13}$	0	0	$23\frac{17}{21}\%$	$61\frac{19}{21}c + 38\frac{2}{21}v$	$62\frac{1}{2}\%$	$20\frac{40}{63}$

Заработная плата в тоннах = $20\frac{40}{63}$ тонны, а прибыль = $12\frac{113}{126}$ тонны.

[677] 2) Итак, для второго случая, когда появляется разряд II и возникает рента, мы имеем следующее:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференциальная стоимость тонны ф. ст.	Строение капитала
III	100	$77\frac{8}{21}$	$123\frac{17}{21}$	$142\frac{6}{7}$	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{3}{5}$	$+1\frac{6}{65}$	$61\frac{19}{21}c + 38\frac{2}{21}v$
II	100	$67\frac{4}{63}$	$123\frac{17}{21}$	$123\frac{17}{21}$	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{11}{13}$	0	$61\frac{19}{21}c + 38\frac{2}{21}v$

	Число рабочих	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Заработная плата в тоннах	Прибыль в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
III	$20\frac{40}{63}$	$62\frac{1}{2}\%$	$23\frac{17}{21}\%$	$20\frac{40}{63}$	$12\frac{113}{126}$	$19\frac{1}{21}$	$10\frac{20}{63}$
II	$20\frac{40}{63}$	$62\frac{1}{2}\%$	$23\frac{17}{21}\%$	$20\frac{40}{63}$	$12\frac{113}{126}$	0	0

Перейдем теперь к третьему случаю и предположим вместе с Рикардо, что должен и может поступить в разработку худший

сорт угольных залежей (разряд I), потому что рыночная стоимость продукта повысилась до 2 ф. ст. за тонну. Так как при постоянном капитале в 60 ф. ст. требуется 20 рабочих и эти последние обходятся теперь в 40 ф. ст., то мы имеем такое же [стоимостное] строение капитала, как в таблице А на стр. 574, а именно $60c + 40v$. Стоимость, производимая 20 рабочими, всегда равна 60 ф. ст. Следовательно, совокупная [индивидуальная, действительная] стоимость продукта, производимого капиталом в 100 ф. ст., составит 120 ф. ст., какова бы ни была его производительность. Норма прибыли здесь = 20%, прибавочная стоимость = 50%. Прибыль в тоннах = 10 тонн. Теперь нам надлежит посмотреть, какие изменения происходят в разрядах III и II вследствие этого изменения рыночной стоимости и появления разряда I, который определяет норму прибыли.

Хотя III обрабатывает самую плодородную землю, он может с капиталом в 100 ф. ст. применять только 20 рабочих, обходящихся ему в 40 ф. ст., так как при постоянном капитале в 60 ф. ст. требуется 20 рабочих. Поэтому число рабочих, применяемых капиталом в 100 ф. ст., падает до 20. А действительная совокупная стоимость его продукта равна теперь 120 ф. ст. Но так как индивидуальная стоимость тонны, производимой III разрядом, равна $1\frac{3}{5}$ ф. ст. (или $\frac{8}{5}$ ф. ст.), то сколько тонн он производит? 75 тонн, так как 120 при делении на $\frac{8}{5}$ дают 75. Производимое III разрядом количество тонн уменьшается, так как с тем же капиталом он может применять *меньше* труда, а не *больше* (как это всегда ошибочно изображается у Рикардо, потому что он постоянно имеет в виду только то, сколько труда требуется, чтобы произвести *то же самое* количество продукта, а не то, *сколько живого труда* может быть применено при новом [стоимостном] строении капитала; а между тем это-то и есть здесь единственно важный вопрос). Но эти 75 тонн III разряд продает за 150 ф. ст. (вместо 120 ф. ст., что составляет их [действительную] стоимость), и таким образом рента в III разряде повышается до 30 ф. ст.

Что касается II разряда, то [действительная] стоимость продукта здесь тоже равняется 120 ф. ст., и т. д. Но так как индивидуальная стоимость тонны равна $1\frac{11}{13}$ ф. ст. (или $\frac{24}{13}$ ф. ст.), то этот разряд производит 65 тонн (ибо 120 при делении на $\frac{24}{13}$ дают 65). Короче говоря, мы получаем здесь таблицу А, приведенную на стр. 574. Но так как здесь нам для нашей цели нужны новые рубрики, то мы составим новую таблицу для этого третьего случая, когда у нас появляется I разряд и рыночная стоимость продукта повышается до 2 ф. ст.

3) Третий случай:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокуп- ного про- дукта ф. ст.	Рыноч- ная стои- мость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Диф- фер. стои- мость тонны ф. ст.	Строение капитала
III	100	75	120	150	2	$1\frac{3}{5}$	$\frac{2}{5}$	$60c + 40s$
II	100	65	120	130	2	$1\frac{11}{13}$	$\frac{2}{13}$	$60c + 40v$
I	100	60	120	120	2	2	0	$60c + 40v$

	Число рабочих	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Заработ- ная плата в тоннах	Прибыль в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
III	20	50%	20%	20	10	30	15
II	20	50 %	20%	20	10	10	5
I	20	50 %	20%	20	10	0	0
Итого						40	20

[678] Итак, этот третий случай соответствует таблице А на стр. 574 (если не считать абсолютной ренты, которая выступает здесь как часть прибыли), и только происходит все в обратном порядке.

Перейдем теперь к новым предположенным нами случаям *.

Возьмем прежде всего такой разряд, который еще дает прибыль; назовем его Ib. При капитале в 100 ф. ст. он дает лишь $43\frac{7}{11}$ тонны.

Стоимость тонны повысилась до $2\frac{1}{2}$ ф. ст. Строение капитала — $54\frac{6}{11}c + 45\frac{5}{11}v$. Стоимость продукта будет $109\frac{1}{11}$ ф. ст. Переменный капитал в $45\frac{5}{11}$ ф. ст. идет на заработную плату для $18\frac{2}{11}$ рабочих. А так как стоимость, создаваемая однодневным трудом 20 рабочих, равна 60 ф. ст., то $18\frac{2}{11}$ рабочих создают стоимость в $54\frac{6}{11}$ ф. ст. Поэтому стоимость продукта равна $109\frac{1}{11}$ ф. ст. *Норма прибыли* = $9\frac{1}{11}\%$. *Прибыль* = $3\frac{7}{11}$ тонны. *Норма прибавочной стоимости* = 20%.

Так как органическое строение капитала в разрядах III, II, I такое же, как и в разряде Ib, и они должны платить такую же заработную плату, как этот последний, то при капитале в 100 ф. ст. они тоже могут применять лишь $18\frac{2}{11}$ рабочих, ко-

* См. настоящее издание, часть II, стр. 487—489. Ред.

торые производят совокупную стоимость в $54^6/_{11}$ ф. ст. и, следовательно, — как и в разряде Ib, — прибавочную стоимость в размере 20% и норму прибыли в $9^1/_{11}\%$. Совокупная [действительная] стоимость продукта здесь, как и в разряде Ib, равна $109^1/_{11}$ ф. ст.

Но так как индивидуальная стоимость тонны в III разряде равна $1^3/5$ ф. ст. (или $8/5$ ф. ст.), то разряд этот производит $109^1/_{11} : 8/5$, т. е. $68^2/_{11}$ тонны (другими словами, здесь $109^1/_{11}$ ф. ст. равны $68^2/_{11}$ тонны). Далее, разность между рыночной стоимостью тонны и ее индивидуальной стоимостью составляет теперь $2^1/2$ ф. ст. минус $1^3/5$ ф. ст., или 2 ф. ст. 10 шилл. минус 1 ф. ст. 12 шилл., т. е. 18 шилл. А на $68^2/_{11}$ тонны это составляет $68^2/_{11} \times 18$ шилл. = $1\ 227^3/_{11}$ шилл. = $61^4/_{11}$ ф. ст. Вместо того чтобы продавать свой продукт за $109^1/_{11}$ ф. ст., III продает его за $170^5/_{11}$ ф. ст. И этот избыток составляет ренту III разряда. Выраженная в тоннах, эта рента = $24^6/_{11}$ тонны.

Так как индивидуальная стоимость тонны во II разряде равна $1^{11}/_{13}$ ф. ст. (или $2^4/_{13}$ ф. ст.), то он производит $109^1/_{11} : 2^4/_{13}$, т. е. $59^1/_{11}$ тонны. Во II разряде разность между рыночной стоимостью тонны и ее [индивидуальной] стоимостью составляет $2^1/2$ ф. ст. минус $1^{11}/_{13}$ ф. ст., т. е. $1^7/_{26}$ ф. ст. На $59^1/_{11}$ тонны это составляет $38^7/_{11}$ ф. ст. Это и есть рента. Рыночная стоимость совокупного продукта = $147^8/_{11}$ ф. ст. Рента, выраженная в тоннах, равна $15^5/_{11}$ тонны.

Наконец, так как в I разряде индивидуальная стоимость тонны равна 2 ф. ст., то $109^1/_{11}$ ф. ст. равны здесь $54^6/_{11}$ тонны. Разность между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью равна $2^1/2$ ф. ст. минус 2 ф. ст., т. е. $1/2$ ф. ст. А на $54^6/_{11}$ тонны это составит $27^3/_{11}$ ф. ст. Следовательно, рыночная стоимость совокупного продукта = $136^4/_{11}$ ф. ст. А стоимость ренты, выраженная в тоннах, равна $10^{10}/_{11}$ тонны.

Если мы теперь все это сведем в таблицу для четвертого случая, то будем иметь:

[679] 4) Четвертый случай:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференциальная стоимость тонны ф. ст.
III	100	$68^2/_{11}$	$109^1/_{11}$	$170^5/_{11}$	$2^1/2$	$1^3/5$	$9/_{10}$
II	100	$59^1/_{11}$	$109^1/_{11}$	$147^8/_{11}$	$2^1/2$	$1^{11}/_{13}$	$1^7/_{26}$
I	100	$54^6/_{11}$	$109^1/_{11}$	$136^4/_{11}$	$2^1/2$	2	$1/2$
Ib	100	$43^7/_{11}$	$109^1/_{11}$	$109^1/_{11}$	$2^1/2$	$2^1/2$	0

Продолжение

	Строение капитала	Число рабочих	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли	Заработная плата в тоннах	Прибыль в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
III	$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$9^1/_{11}\%$	$18^2/_{11}$	$3^7/_{11}$	$61^4/_{11}$	$24^6/_{11}$
II	$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$9^1/_{11}\%$	$18^2/_{11}$	$3^7/_{11}$	$38^7/_{11}$	$15^5/_{11}$
I	$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$9^1/_{11}\%$	$18^2/_{11}$	$3^7/_{11}$	$27^3/_{11}$	$10^{10}/_{11}$
Ib	$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$9^1/_{11}\%$	$18^2/_{11}$	$3^7/_{11}$	0	0

Рассмотрим, наконец, последний случай, где, по Рикардо, отпадает *вся прибыль*, где совсем не остается прибавочной стоимости.

Здесь стоимость продукта повышается до 3 ф. ст. за тонну, так что при применении 20 рабочих их заработная плата равна 60 ф. ст., равна произведенной ими стоимости. Строение капитала будет $50c + 50v$. В таком случае применяется $16^{2/3}$ рабочих. Если 20 рабочих производят стоимость в 60 ф. ст., то $16^{2/3}$ рабочих производят стоимость в 50 ф. ст. Следовательно, заработная плата поглощает всю эту стоимость. Один рабочий получает, как и прежде, одну тонну. Стоимость продукта = 100 ф. ст. Таким образом, число произведенных тонн = $33^{1/3}$. Из них половина возмещает всего лишь стоимость постоянного капитала, а другая половина — всего лишь стоимость переменного капитала.

Так как в III разряде индивидуальная стоимость тонны равна $1^{3/5}$ ф. ст. (или $8/5$ ф. ст.), то сколько тонн он производит? 100, деленное на $8/5$, т. е. $62^{1/2}$ тонны, стоимость которых = 100 ф. ст. Разность между рыночной стоимостью тонны и ее индивидуальной стоимостью равна 3 ф. ст. минус $1^{3/5}$ ф. ст., т. е. $1^{2/5}$ ф. ст. На $62^{1/2}$ тонны это составит $87^{1/2}$ ф. ст. Следовательно, рыночная стоимость совокупного продукта равна здесь $187^{1/2}$ ф. ст. А рента, выраженная в тоннах, равна $29^{1/6}$ тонны.

Во II разряде индивидуальная стоимость тонны равна $1^{11/13}$ ф. ст. Следовательно, дифференциальная стоимость тонны равна 3 ф. ст. минус $1^{11/13}$ ф. ст., т. е. $1^{2/13}$ ф. ст. Так как индивидуальная стоимость тонны здесь равна $1^{11/13}$ ф. ст., или $^{24}/_{13}$ ф. ст., то капитал в 100 ф. ст. производит $100 : ^{24}/_{13}$, т. е. $54^{1/6}$ тонны. На это количество тонн указанная разность составит $62^{1/2}$ ф. ст.

Рыночная стоимость продукта = $162\frac{1}{2}$ ф. ст. Выраженная в тоннах, рента равна $20\frac{5}{6}$ тонны.

В I разряде индивидуальная стоимость тонны = 2 ф. ст. Следовательно, дифференциальная стоимость тонны равна 3 ф. ст. минус 2 ф. ст., т. е. 1 ф. ст. Так как индивидуальная стоимость тонны здесь = 2 ф. ст., то капитал в 100 ф. ст. производит 50 тонн. Это дает разность [между рыночной и индивидуальной стоимостью продукта] в 50 ф. ст. Рыночная стоимость продукта = 150 ф. ст., а рента в тоннах = $16\frac{2}{3}$ тонны.

Теперь мы переходим к разряду Ib, который до сих пор не давал никакой ренты. Здесь индивидуальная стоимость тонны = $2\frac{1}{2}$ ф. ст. Следовательно, дифференциальная стоимость тонны равна 3 ф. ст. минус $2\frac{1}{2}$ ф. ст., т. е. $\frac{1}{2}$ ф. ст. А так как индивидуальная стоимость тонны здесь = $2\frac{1}{2}$ (или $\frac{5}{2}$) ф. ст., то капитал в 100 ф. ст. производит 40 тонн. На это количество тонн дифференциальная стоимость составит 20 ф. ст., так что рыночная стоимость совокупного продукта = 120 ф. ст., а рента в тоннах = $6\frac{2}{3}$ тонны.

Итак, этот пятый случай, где прибыль, по Рикардо, исчезает, мы представим теперь в виде единой таблицы.

[680] 5) Пятый случай:

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действительная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупного продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индивидуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифференциальная стоимость тонны ф. ст.
III	100	$62\frac{1}{3}$	100	$187\frac{1}{3}$	3	$1\frac{3}{5}$	$1\frac{2}{5}$
II	100	$54\frac{1}{6}$	100	$162\frac{1}{2}$	3	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{2}{13}$
I	100	50	100	150	3	2	1
Ib	100	40	100	120	3	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
Ia	100	$33\frac{1}{3}$	100	100	3	3	0

	Строение капитала	Число рабочих	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Заработная плата в тоннах	Рента ф. ст.	Рента в тоннах
III	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	$16\frac{2}{3}$	$87\frac{1}{2}$	$29\frac{1}{6}$
II	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	$16\frac{2}{3}$	$62\frac{1}{2}$	$20\frac{5}{6}$
I	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	$16\frac{2}{3}$	50	$16\frac{2}{3}$
Ib	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	$16\frac{2}{3}$	20	$6\frac{2}{3}$
Ia	$50c + 50v$	$16\frac{2}{3}$	0	0	$16\frac{2}{3}$	0	0

На следующей странице я сопоставлю в одной сводной таблице все пять случаев *. [680]

**[в) ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧАСТИ ПРИБЫЛИ И ЧАСТИ КАПИТАЛА
В РЕНТУ. ИЗМЕНЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ РЕНТЫ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ИЗМЕНЕНИЙ КОЛИЧЕСТВА ТРУДА, ПРИМЕНЯЕМОГО
В ЗЕМЛЕДЕЛИИ]**

[683] Если мы из приведенных на предыдущей странице таблиц * рассмотрим прежде всего *таблицу Е*, то мы увидим, что здесь в последнем разряде Ia дело обстоит очень ясно. Заработная плата поглощает здесь весь продукт [вновь присоединенного] труда и всю созданную им стоимость. Никакой прибавочной стоимости нет, а потому нет ни прибыли, ни ренты. Стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала, так что работники, которые здесь владеют своим собственным капиталом, могут постоянно воспроизводить свою заработную плату и условия своего труда, но не больше. Об этом последнем разряде нельзя сказать, что в нем рента поглощает прибыль. Здесь нет ни ренты, ни прибыли, потому что нет никакой прибавочной стоимости. Заработная плата поглощает прибавочную стоимость, а потому и прибыль.

Что касается четырех других разрядов, то дело там *prima facie* ** отнюдь не ясно. Если нет прибавочной стоимости, то как может существовать рента? К тому же производительность труда на землях Ib, I, II и III отнюдь не изменилась. Следовательно, *отсутствии* прибавочной стоимости должно представлять собой одну лишь видимость.

Затем обнаруживается другое, *prima facie* не менее непонятное явление. Рента, выраженная в тоннах [угля] или квартерах хлеба, составляет для III разряда $29\frac{1}{6}$ тонны (или квартера), в то время как в таблице A, где обрабатывается лишь земля III, нет никакой ренты. Кроме того, число рабочих там составляло $21\frac{17}{23}$, тогда как теперь, в таблице E, оно составляет всего лишь $16\frac{2}{3}$; прибыль же (поглощавшая там всю прибавочную стоимость) составляла в таблице A лишь $19\frac{1}{46}$ тонны.

То же самое противоречие обнаруживается во II разряде, где рента в *таблице Е* составляет $20\frac{5}{6}$ тонны (или квартера), между тем как в таблице B прибыль, поглощавшая всю прибавочную стоимость (причем число рабочих составляло тогда $20\frac{40}{63}$, в то время как теперь оно равно $16\frac{2}{3}$), составляла лишь $12\frac{113}{126}$ тонны (или квартера).

* См. таблицу на стр. 500—501. *Ред.*

** — на первый взгляд. *Ред.*

Точно такое же противоречие обнаруживается и в I разряде, где рента в *таблице E* равняется $16\frac{2}{3}$ тонны или квартера, тогда как в *таблице C* прибыль I разряда, поглощавшая всю прибавочную стоимость, равняется лишь 10 тоннам (причем тогда занято было 20 рабочих, теперь же их занято $16\frac{2}{3}$).

Наконец, то же самое явление имеет место в разряде Ib, где рента в *таблице E* составляет $6\frac{2}{3}$ тонны (или квартера), тогда как прибыль разряда Ib в *таблице D*, где прибыль поглощала всю прибавочную стоимость, равна лишь $3\frac{7}{11}$ тонны или квартера (причем тогда занято было $18\frac{2}{11}$ рабочих, в то время как теперь их занято $16\frac{2}{3}$).

Однако ясно, что, хотя повышение рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью продуктов разрядов III, II, I, Ib и может изменить распределение продукта и вызвать переход его от одной группы участников дележа к другой, но это повышение рыночной стоимости отнюдь не может увеличить самого продукта, в котором представлена прибавочная стоимость, остающаяся по возмещении заработной платы. Так как производительность земель всех фигурирующих у нас разрядов, а также и производительность капитала, осталась неизменной, то каким образом разряды III—Ib могут стать более плодородными, т. е. доставлять большее число тонн или кварталов, только в силу того, что на рынке появляются продукты менее плодородной земли или менее продуктивной шахты Ia?

Загадка разрешается следующим образом.

Если однодневный труд 20 рабочих равен 60 ф. ст., то $16\frac{2}{3}$ рабочих производят 50 ф. ст. А так как в разряде III содержащееся в $1\frac{3}{5}$ ф. ст. (или в $\frac{8}{5}$ ф. ст.) рабочее время выражается в 1 тонне или 1 квартере, то 50 ф. ст. выражаются в $31\frac{1}{4}$ тонны или квартера. Из этого количества $16\frac{2}{3}$ тонны или квартера идут на заработную плату; в качестве *прибавочной стоимости* остается, следовательно, $14\frac{7}{12}$ тонны.

Далее, так как рыночная стоимость тонны повысилась с $1\frac{3}{5}$ ф. ст. до 3 ф. ст., то из продукта, составляющего $62\frac{1}{2}$ тонны или квартера, достаточно взять $16\frac{2}{3}$ тонны или квартера для того, чтобы возместить стоимость постоянного капитала [50 ф. ст.]. Между тем, в тех условиях, когда тонна (или квартал), производимая III разрядом, сама определяла рыночную стоимость и последняя вследствие этого равнялась ее индивидуальной стоимости, для возмещения постоянного капитала в 50 ф. ст. требовалось $31\frac{1}{4}$ тонны или квартера. Из этого количества тонн или кварталов, представлявшего собой ту долю продукта, которая при стоимости тонны в $1\frac{3}{5}$ ф. ст. была необходима для возмещения [постоянного] капитала, теперь

[681—682] Движение ренты по Рикардо

Разряд	Капитал ф. ст.	Число тонн	Действи- тельная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость совокупн. продукта ф. ст.	Рыночная стоимость тонны ф. ст.	Индиви- дуальная стоимость тонны ф. ст.	Дифферен- циальная стоимость тонны ф. ст.
--------	-------------------	---------------	---	--	--	---	---

А. (Обрабатывается лишь самый лучший разряд III.) Ренты

III	100	81^{12}_{23}	130^{10}_{23}	130^{10}_{23}	1^{3}_{5}	1^{3}_{5}	0
-----	-----	----------------	-----------------	-----------------	-------------	-------------	---

В. Появляется второй разряд (разряд II).

III	100	77^{8}_{21}	123^{17}_{21}	142^{8}_{7}	1^{11}_{13}	1^{3}_{5}	1^{6}_{65}
II	100	67^{4}_{63}	123^{17}_{21}	123^{17}_{21}	1^{11}_{13}	1^{11}_{13}	0
Итого	200	144^{4}_{9}	247^{13}_{21}	266^{2}_{3}			

С. Появляется третий разряд (разряд I).

III	100	75	120	150	2	1^{3}_{5}	2^{2}_{5}
II	100	65	120	130	2	1^{11}_{13}	2^{2}_{13}
I	100	60	120	120	2	2	0
Итого	300	200	360	400			

D. Появляется четвертый разряд (разряд Ib).

III	100	68^{2}_{11}	109^{1}_{11}	170^{5}_{11}	2^{1}_{2}	1^{3}_{5}	2^{2}_{10}
II	100	59^{1}_{11}	109^{1}_{11}	147^{8}_{11}	2^{1}_{2}	1^{11}_{13}	1^{7}_{26}
I	100	54^{6}_{11}	109^{1}_{11}	136^{4}_{11}	2^{1}_{2}	2	1^{1}_{2}
Ib	100	43^{7}_{11}	109^{1}_{11}	109^{1}_{11}	2^{1}_{2}	2^{1}_{2}	0
Итого	400	225^{5}_{11}	436^{4}_{11}	563^{7}_{11}			

Е. Появляется пятый разряд (разряд Ia). Исчезновение

III	100	62^{1}_{2}	100	187^{1}_{2}	3	1^{3}_{5}	1^{3}_{5}
II	100	54^{1}_{6}	100	162^{1}_{2}	3	1^{11}_{13}	1^{3}_{13}
I	100	50	100	150	3	2	1
Ib	100	40	100	120	3	2^{1}_{2}	1^{1}_{2}
Ia	100	33^{1}_{3}	100	100	3	3	0
Итого	500	240	500	720			

(с необходимыми поправками)

Строение капитала [стоимостное]	Число рабочих	Норма прибав. стоимости	При- быль ф. ст.	Прибыль в тоннах	Зара- ботн. плата в тон- нах	Рента ф. ст.	Рента в тон- нах
------------------------------------	------------------	-------------------------------	------------------------	---------------------	--	-----------------	------------------------

нет. Используется лишь самая плодородная земля или шахта

$65^5/_{23}c + 34^{18}/_{23}v$	$21^{17}/_{23}$	$87^{1/2}\%$	$30^{10}/_{23}$	$19^{1/46}$	$21^{17}/_{23}$	0	0
--------------------------------	-----------------	--------------	-----------------	-------------	-----------------	---	---

Возникновение ренты на земле (шахте) III

$61^{19}/_{21}c + 38^2/_{21}v$	$20^{40}/_{63}$	$62^{1/2}\%$	$23^{17}/_{21}$	$12^{113}/_{126}$	$20^{40}/_{63}$	$19^{1/21}$	$10^{20}/_{63}$
$61^{19}/_{21}c + 38^2/_{21}v$	$20^{40}/_{63}$	$62^{1/2}\%$	$23^{17}/_{21}$	$12^{113}/_{126}$	$20^{40}/_{63}$	0	0
	$41^{17}/_{63}$		$47^{13}/_{21}$	$25^{60}/_{63}$	$41^{17}/_{63}$	$19^{1/21}$	$10^{20}/_{63}$

Возникновение ренты на земле (шахте) II

$60c + 40v$	20	50%	20	10	20	30	15
$60c + 40v$	20	50%	20	10	20	10	5
$60c + 40v$	20	50%	20	10	20	0	0
	60		60	30	60	40	20

Возникновение ренты на земле (шахте) I

$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$9^1/_{11}$	$3^7/_{11}$	$18^2/_{11}$	$61^4/_{11}$	$24^6/_{11}$
$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$9^1/_{11}$	$3^7/_{11}$	$18^2/_{11}$	$38^7/_{11}$	$15^5/_{11}$
$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$9^1/_{11}$	$3^7/_{11}$	$18^2/_{11}$	$27^3/_{11}$	$10^{10}/_{11}$
$54^6/_{11}c + 45^5/_{11}v$	$18^2/_{11}$	20%	$9^1/_{11}$	$3^7/_{11}$	$18^2/_{11}$	0	0
	$72^8/_{11}$		$36^4/_{11}$	$14^6/_{11}$	$72^8/_{11}$	$127^8/_{11}$	$50^{10}/_{11}$

прибавочной стоимости и прибыли во всех разрядах

$50c + 50v$	$16^2/_{3}$	0	0	0	$16^2/_{3}$	$87^{1/2}$	$29^{1/6}$
$50c + 50v$	$16^2/_{3}$	0	0	0	$16^2/_{3}$	$62^{1/2}$	$20^5/_{6}$
$50c + 50v$	$16^2/_{3}$	0	0	0	$16^2/_{3}$	50	$16^2/_{3}$
$50c + 50v$	$16^2/_{3}$	0	0	0	$16^2/_{3}$	20	$6^2/_{3}$
$50c + 50v$	$16^2/_{3}$	0	0	0	$16^2/_{3}$	0	0
	$83^{1/3}$		0	0	$83^{1/3}$	220	$73^{1/3}$

для той же цели требуется всего лишь $16\frac{2}{3}$ тонны. Тем самым высвобождаются и достаются на долю ренты [684] $31\frac{1}{4}$ тонны минус $16\frac{2}{3}$ тонны, т. е. $14\frac{7}{12}$ тонны (или квартера).

Если прибавочную стоимость, произведенную в III разряде $16\frac{2}{3}$ рабочими при постоянном капитале в 50 ф. ст. и составляющую $14\frac{7}{12}$ тонны или квартера, мы сложим с той частью продукта, которая теперь, вместо того чтобы возмещать постоянный капитал, выступает в форме прибавочного продукта и которая тоже равна $14\frac{7}{12}$ тонны или квартера, то совокупный прибавочный продукт составит $28\frac{14}{12} = 29\frac{2}{12} = 29\frac{1}{6}$ тонны или квартера. Это и есть в точности рента III разряда в *таблице Е*, выраженная в тоннах [угля] или квартерах хлеба. Совершенно таким же образом разрешается кажущееся противоречие в величине ренты, выраженной в тоннах [угля] или квартерах хлеба, в разрядах II, I, Ib *таблицы Е*.

Итак, мы видим, что *дифференциальная рента*, возникающая на лучших разрядах земли вследствие разницы между рыночной и индивидуальной стоимостью произведенных на них продуктов, в своем *реальном виде*, в качестве *продуктовой ренты*, *прибавочного продукта*, или — в вышеприведенном примере — в качестве *ренты, выраженной в тоннах [угля] или квартерах хлеба*, — состоит из *двух элементов* и обусловлена двумя *превращениями*. [Во-первых,] прибавочный продукт, в котором выражается прибавочный труд рабочих, прибавочная стоимость, претерпевает превращение из формы прибыли в форму ренты и потому достается земельному собственнику, а не капиталисту. Во-вторых, кое-что из той части продукта, которая раньше, когда продукт лучшего сорта земли или лучшей шахты продавался по своей собственной стоимости, была необходима для *возмещения стоимости постоянного капитала*, теперь, когда любая доля продукта обладает более высокой рыночной стоимостью, высвобождается и тоже выступает в форме прибавочного продукта, а потому достается земельному собственнику, а не капиталисту.

Превращение прибавочного продукта в ренту, вместо прибыли, и превращение некоторой *соответственной* части продукта, ранее предназначавшейся для возмещения стоимости постоянного капитала, в прибавочный продукт, а потому в ренту, — оба эти процесса конституируют *продуктовую ренту*, поскольку она является дифференциальной рентой. Последнее обстоятельство, — то, что часть продукта, вместо того чтобы превратиться в капитал, превращается в ренту, — не было замечено Рикардо и всеми последующими экономистами. Они видят лишь превращение прибавочного продукта в ренту, но

не превращение в прибавочный продукт некоторого количества той части продукта, которая раньше приходилась на долю не прибыли, а капитала.

Номинальная стоимость образовавшегося таким путем *прибавочного продукта*, или *дифференциальной ренты*, определяется (согласно сделанному предположению) стоимостью продукта, произведенного на наихудшей земле или на наихудшей шахте. Но эта рыночная стоимость приводит лишь к иному распределению этого продукта, а не создает его.

Эти же два элемента имеются налицо при всякой сверхприбыли; они имеются, например, в том случае, когда вследствие введения новых машин и т. д. продукт, который производится теперь дешевле, продается по рыночной стоимости, превышающей его собственную стоимость. Часть прибавочного труда рабочих выступает не как прибыль, а как такой прибавочный продукт, который представляет собой сверхприбыль. И часть той массы продукта, которая при продаже фабриката по его собственной, более низкой стоимости была бы необходима для того, чтобы возместить капиталисту стоимость его постоянного капитала, — эта часть теперь высвобождается, так как ничего не должна возмещать; она становится прибавочным продуктом и потому вздувает прибыль. [684]

* * *

[688] {Впрочем, когда мы говорим о законе *падения нормы прибыли* в ходе развития капиталистического производства, то под прибылью мы понимаем здесь всю сумму прибавочной стоимости, которой в первую очередь завладевает занятый в производстве капитал, как бы ему ни приходилось потом делить ее с капиталистом, ссужающим деньги (с получателем ссудного процента), и с земельным собственником (получателем ренты). Следовательно, здесь норма прибыли = $\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{авансированный капитал}}$.

Норма прибыли, в этом ее понимании, может падать, хотя, например, промышленная прибыль повышается по отношению к ссудному проценту, или наоборот; точно так же норма прибыли может падать, хотя рента повышается по отношению к промышленной прибыли, или наоборот. Если прибыль = P , промышленная прибыль = P^1 , ссудный процент = Z и рента = R , то $P = P^1 + Z + R$. И ясно, что, каково бы ни было P по своей абсолютной величине, P^1 , Z и R могут по отношению друг к другу расти или падать независимо от величины P , независимо от повышения и падения P . Увеличение P^1 , Z и R по отношению друг к другу означает лишь

различное распределение P между различными лицами. Дальнейшее рассмотрение обстоятельств, приводящих к тому или другому распределению P между различными лицами, — распределению, которое, однако, отнюдь не тождественно с повышением или падением самого P , — относится не сюда, а к анализу конкуренции капиталов. Но если R может достигнуть такой величины, какой не имело бы само P , делись оно лишь на P^1 и Z , то это, как показано, является *видимостью* и проистекает из того обстоятельства, что часть продукта, при возрастании его [рыночной] стоимости, — вместо того чтобы обратно превращаться в постоянный капитал, — высвобождается и превращается в ренту.} [688]

* * *

[684] Во всей изложенной выше трактовке проблемы предполагается, что вздорожавший (по рыночной стоимости) продукт не входит *naturaliter* * в состав постоянного капитала, а входит лишь в заработную плату, лишь в переменный капитал. Если бы вздорожавший продукт входил в постоянный капитал, то, по мнению Рикардо, в результате этого норма прибыли упала бы еще больше, а рента повысилась бы еще сильнее. Это необходимо исследовать.

До сих пор мы предполагали, что стоимость постоянного капитала, т. е. в вышеприведенном случае 50 ф. ст., должна быть возмещена *стоимостью* продукта. Следовательно, если 1 тонна или 1 кварталер стоит 3 ф. ст., то, разумеется, для возмещения указанной стоимости требуется меньше тонн или кварталеров, чем в том случае, когда тонна или кварталер стоит лишь $1\frac{3}{5}$ ф. ст., и т. д. Но предположим теперь, что уголь или хлеб, или какой-нибудь другой продукт земли, — продукт, производимый земледельческим капиталом, — сам входит *naturaliter* в образование постоянного капитала, например, наполовину. В этом случае ясно, что, какова бы ни была цена угля или хлеба, [685] постоянный капитал определенной величины, т. е. приводимый в движение определенным числом рабочих, всегда требует для своего возмещения определенной, взятой *in natura* доли совокупного продукта, так как строение земледельческого капитала, выражающееся в соотношении масс накопленного труда и труда живого, остается, согласно предположению, *неизменным*.

Если, например, постоянный капитал состоит наполовину из угля или хлеба, а наполовину — из других товаров, то

* — в натуральном виде. *Ред.*

постоянный капитал в 50 ф. ст. состоит на 25 ф. ст. из других товаров и на 25 ф. ст. [из угля или хлеба], т. е. из $15\frac{5}{8}$ тонны [угля] или квартера [хлеба], когда тонна [угля] стоит $1\frac{3}{5}$ (или $\frac{8}{5}$) ф. ст. И как бы ни изменялась рыночная стоимость тонны [угля] или квартера [хлеба], $16\frac{2}{3}$ рабочим всегда требуется постоянный капитал в 25 ф. ст. [в других товарах] плюс $15\frac{5}{8}$ квартера [хлеба] или тонны [угля], так как вещественный состав постоянного капитала остается без изменения, а также без изменения остается и соответственное число рабочих, требующееся для того, чтобы приводить этот капитал в движение.

Если бы теперь [рыночная] стоимость тонны [угля] или квартера [хлеба] повысилась, как в *таблице E*, до 3 ф. ст., то для $16\frac{2}{3}$ рабочих потребовался бы постоянный капитал, равный 25 ф. ст. + $15\frac{5}{8} \times 3$ ф. ст. = 25 ф. ст. + 45 ф. ст. + $1\frac{5}{8}$ ф. ст. = $71\frac{7}{8}$ ф. ст. А так как $16\frac{2}{3}$ рабочих обходятся здесь в 50 ф. ст., то требующаяся в данном случае затрата совокупного капитала составляла бы $71\frac{7}{8}$ ф. ст. + 50 ф. ст. = $121\frac{7}{8}$ ф. ст.

При одинаковом органическом строении земледельческий капитал изменился бы по своим *стоимостным соотношениям*.

Мы получили бы $71\frac{7}{8}c + 50v$ (для количества рабочих в $16\frac{2}{3}$). Капитал в 100 ф. ст. имел бы строение $58\frac{38}{39}c + 41\frac{1}{39}v$. Количество рабочих составляло бы $13\frac{79}{117}$ (на $\frac{1}{117}$ больше $13\frac{2}{3}$). Так как $16\frac{2}{3}$ рабочих приводят в движение $15\frac{5}{8}$ квартера или тонны постоянного капитала, то $13\frac{79}{117}$ рабочих приводят в движение $12\frac{32}{39}$ тонны или квартера, стоимостью в $38\frac{6}{13}$ ф. ст. А остальная часть постоянного капитала, равная $20\frac{20}{39}$ ф. ст., состояла бы из других товаров. При всех обстоятельствах из продукта всегда надлежало бы вычитать $12\frac{32}{39}$ тонны или квартера, чтобы возместить ту часть постоянного капитала, в которую они входят *in natura*. Так как стоимость, производимая 20 рабочими, равняется 60 ф. ст., то стоимость, производимая $13\frac{79}{117}$ рабочими, была бы равна $41\frac{1}{39}$ ф. ст. Но в *таблице E* заработная плата для $13\frac{79}{117}$ рабочих тоже составляла бы $41\frac{1}{39}$ ф. ст. Таким образом, никакой прибавочной стоимости здесь нет.

Совокупное число тонн составило бы [в этом случае в разряде III таблицы *E* $51\frac{11}{39}$ тонны 115 , из которых] $12\frac{32}{39}$ тонны вновь воспроизводятся [для возмещения той части постоянного капитала, в которую они входят в натуральной форме], $13\frac{79}{117}$ тонны идут на заработную плату рабочих и $6\frac{98}{117}$ тонны приходятся на другую часть постоянного капитала (по 3 ф. ст. за тонну). Эти три величины, вместе взятые, составляют

$33\frac{1}{3}$ тонны. На долю ренты остается, следовательно, $178\frac{7}{39}$ тонны.

Для упрощения расчетов возьмем наиболее благоприятный для Рикардо крайний случай, т. е. предположим, что постоянный капитал совершенно так же, как и переменный, состоит из одного лишь земледельческого продукта, стоимость которого повышается до 3 ф. ст. за квартал или тонну вследствие того, что разряд Ia господствует на рынке.

Технологическое строение капитала остается прежним, т. е. остается неизменным *соотношение* между живым трудом, который представлен переменным капиталом, — т. е. между числом рабочих (так как предположен неизменный нормальный рабочий день), — и *массой средств труда*, которые требуются при данном числе рабочих и которые теперь, согласно нашему предположению, состоят из тонн угля или кварталов хлеба.

Так как при первоначальном строении капитала $60c + 40v$, когда цена тонны равнялась 2 ф. ст., $40v$ представляли 20 рабочих или 20 кварталов или тонн, то $60c$ представляли 30 тонн; а так как эти 20 рабочих в III разряде производили 75 тонн, то $13\frac{1}{3}$ рабочих ($40v$ при цене тонны в 3 ф. ст. соответствуют $13\frac{1}{3}$ тонны или $13\frac{1}{3}$ рабочим) производят 50 тонн и приводят в движение постоянный капитал [686] в $60\frac{2}{3}$, т. е. в 20 тонн или кварталов.

Далее, так как 20 рабочих производят стоимость в 60 ф. ст., то $13\frac{1}{3}$ рабочих производят стоимость в 40 ф. ст.

Так как капиталист должен платить за 20 тонн [постоянного капитала] 60 ф. ст. и за $13\frac{1}{3}$ рабочих — 40 ф. ст., а эти рабочие производят лишь стоимость в 40 ф. ст., то стоимость продукта = 100 ф. ст.; затраты также составляют 100 ф. ст. Прибавочная стоимость и прибыль = 0.

Но так как производительность III разряда осталась без изменения, то $13\frac{1}{3}$ рабочих производят, как сказано, 50 тонн или кварталов. Однако натуральная затрата в тоннах или кварталах составляет лишь $33\frac{1}{3}$ тонны: 20 тонн на постоянный капитал и $13\frac{1}{3}$ тонны на заработную плату. Следовательно, произведенные в III разряде 50 тонн содержат прибавочный продукт в $16\frac{2}{3}$ тонны, который и образует ренту.

Но что представляют собой эти $16\frac{2}{3}$ тонны?

Так как *стоимость* продукта = 100 ф. ст., а сам продукт = 50 тоннам, то стоимость производимой здесь тонны в действительности составляла бы $\frac{100}{50}$, т. е. 2 ф. ст. И до тех пор, пока продукт *in natura* получается в большем количестве, чем необходимо для возмещения капитала в натуральной форме,

индивидуальная стоимость тонны должна, даже при таком [уменьшившемся] масштабе производства, быть меньше ее рыночной стоимости.

Арендатор должен затратить 60 ф. ст., чтобы возместить 20 тонн [постоянного капитала]. Он считает каждую из этих 20 тонн по 3 ф. ст., так как такова ее рыночная стоимость и продается тонна по этой цене. Точно так же он должен затратить 40 ф. ст. на оплату $13\frac{1}{3}$ рабочих или на оплату того количества тонн или кварталов, которое он выдает рабочим. Последние получают, таким образом, только $13\frac{1}{3}$ тонны.

Но в действительности, если иметь в виду разряд III, 20 тонн стоят лишь 40 ф. ст., а $13\frac{1}{3}$ тонны — лишь $26\frac{2}{3}$ ф. ст. Между тем, $13\frac{1}{3}$ рабочих производят стоимость в 40 ф. ст. — следовательно, создают прибавочную стоимость в $13\frac{1}{3}$ ф. ст. Это составляет, считая тонну по 2 ф. ст., $6\frac{4}{6}$ (или $6\frac{2}{3}$) тонны.

А так как в III разряде 20 тонн [постоянного капитала] стоят лишь 40 ф. ст., то остается избыток в 20 ф. ст., равный 10 тоннам.

Таким образом, $16\frac{2}{3}$ тонны, составляющие ренту, распадутся на $6\frac{2}{3}$ тонны превратившейся в ренту прибавочной стоимости и на 10 тонн превратившегося в ренту капитала. Но в результате того, что рыночная стоимость тонны повысилась до 3 ф. ст., 20 тонн [постоянного капитала] стоят арендатору 60 ф. ст., а $13\frac{1}{3}$ тонны [заработной платы] стоят 40 ф. ст., тогда как $16\frac{2}{3}$ тонны, представляющие собой избыток рыночной стоимости над [индивидуальной] стоимостью продукта арендатора, выступают в качестве ренты, равной 50 ф. ст.

Сколько тонн доставляют $13\frac{1}{3}$ рабочих в разряде II? 20 рабочих доставляют здесь 65 тонн — следовательно, $13\frac{1}{3}$ рабочих доставляют $43\frac{1}{3}$ тонны. Стоимость продукта, как и выше, равняется 100 ф. ст. Но из $43\frac{1}{3}$ тонны для возмещения капитала необходимы $33\frac{1}{3}$ тонны. В качестве прибавочного продукта, или ренты, остается $43\frac{1}{3} - 33\frac{1}{3} = 10$ тонн.

Эта рента в 10 тонн объясняется следующим образом:

Стоимость продукта во II разряде равна 100 ф. ст., продукт составляет $43\frac{1}{3}$ тонны, следовательно стоимость тонны = $= 2\frac{4}{13}$ ф. ст. Значит, $13\frac{1}{3}$ рабочих обходятся в $30\frac{10}{13}$ ф. ст., и [от 40 ф. ст., оплачивающих рыночную стоимость $13\frac{1}{3}$ тонны] в качестве прибавочной стоимости остается $9\frac{3}{13}$ ф. ст. Далее, 20 тонн постоянного капитала обходятся в $46\frac{2}{13}$ ф. ст., и от 60 ф. ст., оплачивающих их [рыночную стоимость], остается $13\frac{11}{13}$ ф. ст. Вместе с прибавочной стоимостью получается $23\frac{1}{13}$ ф. ст., что как раз и соответствует [действительной] стоимости 10 тонн [считая тонну по $2\frac{4}{13}$ ф. ст.].

Только в разряде Ia, где для возмещения постоянного капитала и заработной платы действительно необходимы *in natura* 33 $\frac{1}{3}$ тонны или квартера, т. е. необходим весь совокупный продукт, на самом деле нет ни прибавочной стоимости, ни прибавочного продукта, ни прибыли, ни ренты. Пока дело обстоит иначе, пока продукта получается больше, чем необходимо для возмещения капитала *in natura*, до тех пор происходит превращение прибыли (прибавочной стоимости) и капитала в ренту. Это превращение имеет здесь место постольку, поскольку некоторая доля той части продукта, которая раньше, при более низкой стоимости, должна была бы возмещать капитал, теперь высвобождается или постольку часть продукта, которая должна была бы превратиться в капитал и прибавочную стоимость, достается на долю ренты.

Но вместе с тем мы видим, что вздорожание постоянного капитала, если оно является следствием вздорожания земледельческих продуктов, чрезвычайно понижает ренту. Например, рента III и II разрядов падает с 50 тонн [в таблице E], — что при рыночной стоимости тонны в 3 ф. ст. составляет 150 ф. ст., — до 26 $\frac{2}{3}$ тонны, т. е. почти наполовину. Такое падение неизбежно, [687] так как здесь количество рабочих, применяемых тем же капиталом в 100 ф. ст., уменьшается по двум причинам: во-первых, потому, что повышается заработная плата, т. е. увеличивается стоимость переменного капитала; во-вторых, потому, что повышаются в стоимости средства производства, постоянный капитал. Само по себе повышение заработной платы имеет своим следствием то, что на 100 ф. ст. приходится меньше труда, а стало быть (при неизменной стоимости товаров, входящих в постоянный капитал) соответственно меньше и постоянного капитала, так что все эти 100 ф. ст. в их совокупности представляют меньше накопленного и меньше живого труда. Но, кроме того, повышение стоимости товаров, входящих в постоянный капитал, ведет к тому, что, — так как технологическое соотношение между накопленным и живым трудом остается неизменным, — на те же деньги теперь может быть применено меньшее количество накопленного труда, а вследствие этого и меньшее количество живого труда. А так как при одинаковой производительности земли и при данном технологическом строении капитала количество совокупного продукта зависит от количества применяемого труда, то с уменьшением последнего должна уменьшиться также и рента.

Это обнаруживается лишь тогда, когда исчезает *прибыль*. Пока последняя еще существует, рента может увеличиваться, несмотря на абсолютное уменьшение продукта во *всех* разрядах,

как это показывает таблица на стр. 681 *. Вообще ясно, что, когда существует одна лишь рента, с уменьшением продукта, а следовательно и прибавочного продукта, должна уменьшаться и сама рента. Это происходило бы быстрее с самого же начала, если бы вместе с ростом переменного капитала возрастала и стоимость постоянного капитала.

Но и помимо этого, таблица на стр. 681 показывает, что рост дифференциальной ренты, при уменьшении производительности земледелия, *также и на лучших разрядах земли* всегда сопровождается уменьшением массы совокупного продукта, приходящейся на авансированный капитал определенной величины, например в 100 ф. ст. Рикардо не имеет об этом никакого представления. Норма прибыли уменьшается потому, что тот же капитал, например в 100 ф. ст., приводит в движение все *меньшее количество* труда и оплачивает этот труд дороже, а следовательно накапливает все меньший избыток. Но при данной производительности количество действительно полученного продукта зависит, как и прибавочная стоимость, от числа рабочих, применяемых капиталом. Это Рикардо упускает из виду, точно так же как он упускает из виду и то обстоятельство, что рента образуется не только путем превращения прибавочной стоимости в ренту, но и путем превращения капитала в прибавочную стоимость. Разумеется, это превращение капитала в прибавочную стоимость — лишь кажущееся. Если бы рыночная стоимость определялась стоимостью продукта в III разряде и т. д., то в каждой частице прибавочного продукта была бы представлена прибавочная стоимость, был бы представлен прибавочный труд. Далее, Рикардо всегда имеет в виду только то обстоятельство, что для производства такого же количества продукта необходимо применить больше труда, но он упускает из виду то, что является решающим для определения как нормы прибыли, так и массы произведенного продукта, а именно, что при том же капитале применяется непрерывно уменьшающееся количество живого труда, из которого [при допущении нисходящей линии] все большая часть приходится на необходимый труд и все меньшая — на прибавочный труд.

Все это приводит к выводу, что Рикардо, даже если рассматривать ренту только как дифференциальную ренту, не сделал в этом вопросе ни малейшего шага вперед по сравнению со своими предшественниками. Его значительной заслугой в этой области является то, на что указал Де Квинси, а именно — *научная формулировка вопроса*. Но при решении вопроса

* См. настоящее издание, часть II, стр. 500—501, Ред.

Рикардо принимает взгляды своих предшественников. Де Квинси говорит следующее:

«В учение о земельной ренте Рикардо внес то новое, что свел его к вопросу, действительно ли рента отменяет закон стоимости» (*Th. De Quincey. The Logic of Political Economy. Edinburgh and London, 1844, стр. 158*).

Далее, на стр. 163 того же сочинения, Де Квинси говорит:

«Рента — это та часть продукта земли (или *какого-либо другого фактора производства*), которая уплачивается собственнику земли за *пользование ее дифференцированными силами*, измеряемыми посредством сравнения с силами подобных же факторов, выступающих на том же рынке».

В дальнейшем, на стр. 176, Де Квинси пишет:

«Против Рикардо возражают, что собственники земли № 1 не станут отдавать ее даром. Но в тот период» {в этот *мифологический период!*}, «когда возделывается только № 1, не мог еще образоваться особый класс арендаторов и сьемщиков, отличный от класса собственников земли».

[688] Таким образом, по Де Квинси, этот закон «земельной собственности» имеет силу только до тех пор, пока не существует *никакой* земельной собственности в современном смысле слова.

Перейдем теперь к цитатам из Рикардо.

(г) ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПОВЫШЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ ПОВЫШЕНИИ ЦЕН НА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ. ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ]

(Предварительно еще следующее замечание о *дифференциальной ренте*: в реальной действительности восходящая и нисходящая линии сменяются одна другой, перекрещиваются и переплетаются друг с другом.

Но это отнюдь не значит, что если в отдельные короткие периоды (как, например, с 1797 по 1813 г.) значительно преобладает движение по нисходящей линии, то *в силу этого* должна падать норма прибыли (в той мере, в какой норма прибыли определяется нормой прибавочной стоимости). Напротив, я думаю, что в период 1797—1813 гг. норма прибыли в Англии необычайно повысилась, несмотря на сильное повышение цен на пшеницу и вообще на сельскохозяйственные продукты. Я не знаю ни одного английского статистика, который не разделял бы мнения о том, что за упомянутый период норма прибыли повысилась. Отдельные экономисты, как, например, Чалмерс, Блейк и др., ссылались на этот факт для подтверждения своих собственных теорий. Предварительно я должен еще заметить,

что совершенно нелепой является попытка объяснить повышение цен на пшеницу, имевшее место в течение этого периода, обесценением денег. Никто из изучавших историю товарных цен за этот период не может разделять подобный взгляд. Кроме того, цены начинают расти, — и этот их рост достигает значительной высоты, — задолго до того, как наступает какое бы то ни было обесценение денег. С того момента, как оно наступает, следует просто делать соответствующий вычет из цен. Если же спросить, почему, несмотря на повышение хлебных цен, норма прибыли возросла, то это может быть объяснено следующими обстоятельствами: удлинением рабочего дня, что является непосредственным следствием введения новых машин; удешевлением фабричных и колониальных товаров, входящих в потребление рабочих; падением заработной платы (хотя номинальная заработная плата и повысилась) ниже ее обычного среднего уровня {этот факт для рассматриваемого периода является общепризнанным; *П. Дж. Стирлинг* (в «*The Philosophy of Trade*» etc., Edinburgh, 1846), в общем принимающий теорию земельной ренты Рикардо, пытается, тем не менее, доказать, что *непосредственным* следствием постоянного (т. е. такого, которое не определяется случайными неурожаями) вздорожания хлеба всегда бывает понижение средней заработной платы ¹¹⁶}; наконец, возрастание нормы прибыли объясняется и тем, что вследствие займов и государственных расходов спрос на капиталы увеличивался еще сильнее, чем их предложение, а это вызвало повышение *номинальной* цены товаров, благодаря чему фабриканты отнимают обратно у заготовителей земельной ренты и у других лиц, получающих фиксированный доход, часть той доли продукта, которая была уплачена в форме ренты и т. д. Подобного рода операции не относятся к предмету нашего исследования здесь, где мы рассматриваем основные отношения и, следовательно, имеем перед собой только три класса — земельных собственников, капиталистов и рабочих. Однако эти операции — при соответствующих обстоятельствах — играют значительную роль на практике, как это показал *Блейк* ¹¹⁷.) [688]

* * *

[689] {Г-н *Халлетт* из Брайтона экспонировал на выставке 1862 года ¹¹⁸ «породистую семенную пшеницу». «Г-н *Халлетт* утверждает, что колосья зернового хлеба, подобно скаковым лошадям, нуждаются в тщательном уходе, тогда как обычно их выращивают кое-как, не принимая во внимание теорию естественного отбора. Для иллюстрации того, что может сделать — даже с пшеницей — хороший уход, приводятся некоторые замечательные примеры. В 1857 г. г-н *Халлетт* высеял один колос красной пшеницы

наилучшего качества, который был длиною в $4\frac{3}{8}$ дюйма и содержал 47 зерен. Из полученного г-ном Халлеттом небольшого урожая он снова отобрал в 1858 г. наилучший колос длиною в $6\frac{1}{2}$ дюймов и с 79 зернами; это было повторено в 1859 г. опять-таки с наилучшим колосом, который на этот раз был длиною в $7\frac{3}{4}$ дюйма и содержал 91 зерно. Следующий год, 1860-й, был неблагоприятен для опытов по агрокультуре, и колосья пшеницы не становились ни лучше, ни больше; но уже годом позже, в 1861 г., наилучший колос был длиною в $8\frac{3}{4}$ дюйма, и на одном стебле находилось 123 зерна. Таким образом, за пять лет длина колоса пшеницы удвоилась, а количество зерен почти утроилось. Эти результаты были достигнуты благодаря такой системе, которую г-н Халлетт называет «естественной системой» выращивания пшеницы, т. е. благодаря тому, что отдельные зерна были рассажены на таком расстоянии одно от другого — около 9 дюймов по всем направлениям, — чтобы каждое зерно имело достаточно места для полного развития... Г-н Халлетт утверждает, что производство хлеба в Англии могло бы быть удвоено, если бы сеяли «породистую пшеницу» и применяли «естественную систему» выращивания. Он заявляет, что от отдельных зерен, посаженных в надлежащее время, по одному только зерну на каждый квадратный фут земли, он получал растения, состоящие в среднем из 23 колосьев, с 36 приблизительно зернами в каждом колосе. Соответственно этому продукт одного акра земли, по точному подсчету, составлял 1 001 880 колосьев, тогда как акр, засеянный обычным способом, при затрате в двадцать с лишним раз большего количества семян давал только 934 120 колосьев пшеницы, т. е. на 67 760 колосьев меньше...}

(д) ТРАКТОВКА ПАДЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ У РИКАРДО И ЕЕ СВЯЗЬ С ЕГО ТЕОРИЕЙ РЕНТЫ]

[Падение нормы прибыли доказывается у Рикардо следующим образом:]

«С прогрессом общества *естественная цена труда* всегда имеет тенденцию повышаться, потому что один из главных товаров, регулирующих естественную цену труда, имеет тенденцию становиться дороже вследствие возрастающей трудности его производства. Так как, однако, улучшения в земледелии и открытие новых рынков, откуда можно ввозить продовольствие, могут на протяжении некоторого времени противодействовать тенденции к повышению цен на предметы необходимости и даже вызывать падение их естественной цены, то эти же причины будут оказывать соответствующее действие и на естественную цену труда.

Естественная цена всех товаров, кроме сырых продуктов и труда, имеет тенденцию падать по мере роста богатства и населения; ибо, хотя, с одной стороны, их действительная стоимость повышается вследствие повышения естественной цены того сырья, из которого они сделаны, но это повышение более чем уравнивается улучшениями в машинах, лучшим разделением и распределением труда и *растущим совершенствованием производителей в науках и ремеслах* (цит. соч., стр. 86—87) [Русский перевод, том I, стр. 85—86].

«С ростом населения цены на предметы необходимости будут постоянно повышаться, так как для их производства будет требоваться больше труда... Поэтому денежная заработная плата рабочих будет не падать, а повышаться, но не в такой мере, которая была бы достаточна для того, чтобы рабочий имел возможность покупать столько же предметов комфорта

и необходимости, сколько он покупал до повышения цены этих товаров... Несмотря на то, что рабочий на самом деле оплачивался бы хуже, все же *этот рост его заработной платы необходимо уменьшил бы прибыль фабриканта*, ибо последний продавал бы свои товары по цене не более высокой, тогда как издержки их производства возросли бы...

Итак, оказывается, что *та же причина, которая повышает ренту, а именно возрастающая трудность производства добавочного количества предметов питания с помощью пропорционально такого же количества труда, повышает также и заработную плату*. А потому, при неизменной стоимости денег, и рента и заработная плата будут иметь тенденцию повышаться с ростом богатства и населения.

Но между ростом ренты и ростом заработной платы есть существенная разница. Повышение денежной стоимости ренты сопровождается [690] увеличением ее доли в продукте: увеличивается не только денежная рента земельного собственника, но и его рента, выраженная в хлебе... Судьба рабочего будет менее счастливой: правда, он будет получать более высокую заработную плату в деньгах, но его заработная плата, выраженная в хлебе, уменьшится; и он не только будет теперь распоряжаться меньшим количеством хлеба, но ухудшится также и его общее положение, потому что ему труднее будет поддерживать рыночную норму заработной платы выше ее естественной нормы» (цит. соч., стр. 96—98) [Русский перевод, том I, стр. 91—92].

«Если предположить, что хлеб и промышленные товары продаются всегда по одной и той же цене, то прибыль будет высока или низка в зависимости от того, низка или высока заработная плата. Но предположим, что хлеб повышается в цене, потому что требуется большее количество труда для его производства; эта причина не повысит цены промышленных товаров, для производства которых не требуется добавочного количества труда... Если вместе с повышением цены хлеба повысится заработная плата, — а это безусловно произойдет, — то их [фабрикантов] прибыли необходимо упадут» (цит. соч., стр. 108) [Русский перевод, том I, стр. 98].

«Но могут спросить, не будет ли *по крайней мере фермер* получать прежнюю норму прибыли, хотя он и должен платить добавочную сумму в качестве заработной платы. Конечно, нет: ведь ему придется не только платить более высокую заработную плату каждому занятому у него рабочему (как это приходится делать и фабриканту), но и *платить ренту или же применять добавочное число рабочих для получения того же количества продукта*. А повышение цены сырых продуктов будет лишь соответствовать этой ренте или этому добавочному числу рабочих, и оно не компенсирует фермеру повышения заработной платы» (цит. соч., стр. 108) [Русский перевод, том I, стр. 99].

«Мы показали, что на *ранних стадиях общественного развития* как доля земельного собственника, так и доля рабочего в *стоимости* продукта земли была невелика и что она возрастает пропорционально возрастанию богатства общества и трудности производства пищи» (стр. 109) [Русский перевод, том I, стр. 99].

Это — странная буржуазная фантазия относительно «ранних стадий общественного развития». На этих ранних стадиях работник является либо рабом, либо крестьянином, живущим своим собственным трудом, и т. д. В первом случае он вместе с землей принадлежит земельному собственнику; во втором — он сам для себя и земельный собственник. В обоих случаях

нет капиталиста, стоящего между земельным собственником и сельским рабочим. То, что является лишь последним результатом капиталистического производства — подчинение ему земледелия, вытекающее *отсюда* превращение рабов или крестьян в наемных рабочих и вклинивание капиталиста между земельным собственником и рабочим, — все это Рикардо представляет себе как такое явление, которое присуще «ранним стадиям общественного развития».

«Таким образом, прибыль имеет естественную тенденцию падать, ибо с ростом общества и богатства приходится затрачивать все больше и больше труда для производства требующегося добавочного количества предметов питания. К счастью, эта тенденция прибыли, это, так сказать, ее тяготение, время от времени задерживается улучшениями в машинах, применяемых в производстве предметов необходимости, а также открытиями в агрономической науке, которые дают нам возможность обходиться меньшим количеством труда, чем требовалось раньше, и таким путем понижать цену предметов первой необходимости для рабочего» (цит. соч., стр. 120—121) [Русский перевод, том I, стр. 106].

Следующая фраза Рикардо прямо говорит о том, что под *нормой прибыли* он понимает *норму прибавочной стоимости*:

«Хотя производится бóльшая стоимость, но зато и бóльшая доля того, что остается от этой стоимости после уплаты ренты, потребляется производителями, а это, и только это, и определяет размеры прибыли» (цит. соч., стр. 127) [Русский перевод, том I, стр. 110].

Это значит: если оставить в стороне ренту, норма прибыли равняется избытку стоимости товара над стоимостью труда, оплаченного в период производства этого товара, или над той частью стоимости товара, которую потребляют *производители*. Здесь Рикардо называет производителями только рабочих¹¹⁹. Он принимает, что *произведенная стоимость* произведена ими. Следовательно, он определяет здесь прибавочную стоимость как ту часть самими рабочими произведенной стоимости, которую они производят для капиталиста*.

Но если Рикардо отождествляет норму прибавочной стоимости с нормой прибыли и если он вместе с тем предполагает, — а он так и делает, — что продолжительность рабочего дня заранее дана, то тенденция нормы прибыли к падению может

* [691] Относительно происхождения прибавочной стоимости Рикардо говорит:

«В форме денег... капитал не производит никакой прибыли; в форме материалов, машин и предметов питания, на которые его можно обменять, он *произвел бы доход*» (цит. соч., стр. 267) [Русский перевод, том I, стр. 193—194]. «Капитал владельца ценных бумаг [692] никогда не может быть сделан производительным — это, в действительности, *вовсе не капитал*. Если бы владелец ценных бумаг захотел продать их и употребить полученный за них капитал производительно, он мог бы это сделать, только отвлекая капитал покупателя его ценных бумаг от какого-нибудь производительного употребления» (стр. 289, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 207]. [692]

быть объяснена лишь теми причинами, которые вызывают падение нормы прибавочной стоимости. Падение нормы прибавочной стоимости — при данной величине рабочего дня — возможно лишь при том условии, что норма заработной платы все время повышается. А это может иметь место лишь в том случае, если стоимость предметов необходимости все время повышается, что, в свою очередь, возможно лишь при непрерывном ухудшении условий производства в земледелии, т. е. при допущении правильности рикардовской теории земельной ренты. Так как Рикардо отождествляет норму прибавочной стоимости и норму прибыли [691] и так как норма прибавочной стоимости исчисляется лишь по отношению к переменному капиталу, затрачиваемому на заработную плату, то Рикардо, как и А. Смит, предполагает, что *стоимость всего продукта* — после вычета ренты — делится между рабочим и капиталистом, т. е. делится на заработную плату и прибыль. Иначе говоря, Рикардо делает то ошибочное предположение, будто весь авансированный капитал состоит только из переменного капитала. Так, например, после цитированного выше места он продолжает:

«Когда в обработку поступает худшая земля или на старой земле затрачивается добавочное количество капитала и труда с меньшим результатом, указанные выше последствия будут иметь место постоянно: более значительная часть той доли продукта, которая остается после уплаты ренты и подлежит разделу между собственниками капитала и рабочими, будет доставаться последним» (цит. соч., стр. 127—128) [Русский перевод, том I, стр. 110].

Непосредственно вслед за этим Рикардо продолжает:

«Каждый рабочий, возможно и даже вероятно, будет иметь меньшее абсолютное количество продукта; но так как по отношению ко всему продукту, удерживаемому фермером, будет занято больше рабочих, то заработная плата будет поглощать стоимость более значительной доли всего продукта, и, следовательно, на оплату прибыли пойдет стоимость менее значительной доли продукта» (стр. 128) [Русский перевод, том I, стр. 110].

А немного выше Рикардо пишет:

«То количество продукта земли, которое остается после того, как произведена уплата земельному собственнику и рабочему, необходимым образом принадлежит фермеру и *составляет прибыль на его капитал*» (стр. 110) [Русский перевод, том I, стр. 99—100].

В конце раздела «*О прибыли*» (глава 6-я) Рикардо говорит, что его анализ падения нормы прибыли остается верным даже в том случае, если бы сделано было — неправильное — предположение, что *цены товаров* повышаются вместе с повышением денежной заработной платы рабочих:

«В главе о заработной плате мы старались показать, что *денежная цена товаров не повышается при повышении заработной платы...* Но даже если бы дело обстояло иначе, даже если бы высокая заработная плата вызывала постоянное повышение товарных цен, то все же осталось бы верным утверждение, что высокая заработная плата неизменно отражается на тех, кто применяет наемный труд, что она лишает их части их действительной прибыли. Предположим, что шляпник, чулочник и сапожник платят каждый на 10 ф. ст. больше заработной платы при производстве определенного количества своих товаров и что цена шляп, чулок и башмаков поднялась на сумму, достаточную для возмещения каждому из них этих 10 ф. ст. В этом случае *их положение было бы не лучше, чем в том случае, если бы такое повышение товарных цен не имело места.* Если бы чулочник продал свои чулки за 110 ф. ст. вместо 100, то его прибыль была бы в точности равна такой же сумме денег, что и раньше; но так как в обмен на эту одинаковую сумму денег он получил бы на одну десятую меньшее количество шляп, башмаков и всякого другого товара и так как *при прежнем размере своих сбережений*» (т. е. при том же капитале) *«он мог бы применять меньше рабочих вследствие повышения заработной платы и покупать меньше сырых материалов вследствие повышения их цен, то он был бы не в лучшем положении, чем если бы общая сумма его денежной прибыли действительно уменьшилась, а цены всех промышленных товаров остались без изменения»* (стр. 129) [Русский перевод, том I, стр. 111].

Рикардо, который в других местах всегда подчеркивал в своей аргументации лишь то, что на худшей земле приходится для производства *того же количества продуктов* оплачивать *большее число рабочих*; здесь, наконец, выдвигает тот момент, который имеет решающее значение для нормы прибыли, а именно, что при той же сумме капитала *применяется меньше рабочих вследствие повышения заработной платы.* В остальном он не совсем прав. Если цена шляп и т. д. повышается на 10%, то положение капиталиста не меняется, но земельный собственник был бы вынужден при покупке всех этих товаров отдавать большую сумму из своей ренты. Например, его рента увеличилась с 10 ф. ст. до 20. Но на эти 20 ф. ст. он получает пропорционально меньшее количество шляп и т. д., чем раньше на 10 ф. ст.

Рикардо совершенно верно говорит:

«При прогрессирующем состоянии общества чистый продукт земли, по отношению к ее валовому продукту, постоянно уменьшается» (стр. 198) [Русский перевод, том I, стр. 150].

Это положение имеет у Рикардо тот смысл, что при прогрессирующем состоянии общества рента не повышается. Действительная причина [уменьшения чистого продукта по отношению к валовому продукту] состоит в том, что при прогрессирующем состоянии общества переменный капитал уменьшается по отношению к постоянному капиталу. [691]

[692] Что с прогрессом производства постоянный капитал возрастает по отношению к переменному, это признаёт сам Рикардо, но только в форме возрастания основного капитала по отношению к оборотному:

«В богатых и могущественных странах, где большие капиталы вложены в машины, внезапные перемены в торговле и промышленности вызывают больше бедствий, чем в странах более бедных, *где имеется пропорционально гораздо меньше основного капитала и гораздо больше оборотного* и где, следовательно, *более значительная часть работы производится человеческим трудом*. Оборотный капитал не так трудно, как основной капитал, извлечь из той отрасли, в которой он занят. Машины, изготовленные для одной отрасли промышленности, часто совершенно не могут быть приспособлены для другой; напротив, одежда, пища и жилище рабочего одной отрасли могут служить для поддержания жизни рабочего и в другой отрасли»

(здесь, следовательно, под оборотным капиталом понимается лишь переменный капитал, затрачиваемый на заработную плату),

«или тот же самый рабочий может получить ту же пищу, одежду и жилище, хотя бы он и переменял свое занятие. Это, однако, такое зло, с которым богатая нация должна мириться; и жаловаться на это было бы столь же неразумно, как если бы богатый купец стал горевать по поводу того, что его корабль подвергается всем опасностям на море, тогда как хижине его бедного соседа подобного рода опасности совершенно не угрожают» (цит. соч., стр. 311) [Русский перевод, том I, стр. 220].

Рикардо сам указывает на такую причину повышения ренты, которая совершенно не зависит от повышения цен земледельческих продуктов:

«Всякий капитал, закрепленный в земле, необходимо превращается по окончании срока аренды в нечто принадлежащее *земельному собственнику*, а не арендатору. Всякое вознаграждение, какое земельный собственник может получить за этот капитал, сдавая снова в аренду свою землю, *примет форму ренты*; но никто не стал бы платить ренту, если бы при помощи капитала определенной величины можно было получить из-за границы большее количество хлеба, чем то, какое может быть выращено на этой земле внутри страны» (цит. соч., стр. 315, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 223].

О том же предмете Рикардо говорит:

«В одной из предыдущих частей этого сочинения я отметил разницу между рентой в собственном смысле этого слова и тем вознаграждением, которое под этим названием уплачивается земельному собственнику за те или другие выгоды, которые он, благодаря затрате своего капитала, доставил арендатору. Но я, быть может, недостаточно ясно указал различие, происходящее из различных способов приложения этого капитала. Так как часть этого капитала, однажды затраченная на улучшение фермы, неразрывно срастается с землей и приводит к увеличению ее производительных сил, то *вознаграждение, уплачиваемое земельному собственнику за пользование землей, имеет полностью характер ренты* и подчиняется

всем законам ренты. Делается ли улучшение за счет земельного собственника или арендатора, оно и в том и в другом случае не было бы первоначально предпринято, если бы не было весьма вероятным, что доход от улучшенной земли будет по меньшей мере равен той *прибыли*, которая может быть получена при вложении любого другого капитала равной величины. Но раз это улучшение сделано, то в дальнейшем доход, получаемый от улучшенной земли, *будет уже полностью иметь характер ренты* и будет подчиняться всем тем изменениям, которым подвергается рента. Однако некоторые из этих издержек улучшают землю только на ограниченный период и не приводят к длительному повышению ее производительных сил: так, если они затрачены на здания или на другие улучшения преходящего характера, то их необходимо постоянно возобновлять, и поэтому они не дают земельному собственнику какой-нибудь постоянной прибавки к его действительной ренте» (стр. 306, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 216—217].

Рикардо говорит:

«Во всех странах и во все времена *прибыль зависит* от количества труда, требующегося для снабжения рабочих предметами необходимости, производимыми на той земле или с тем капиталом, которые не дают никакой ренты» (стр. 128) [Русский перевод, том I, стр. 110].

Согласно этому взгляду, прибыль арендатора на той земле, которая, по Рикардо, не платит ренты, — т. е. на наихудшей земле — регулировала бы общую норму прибыли. Ход рассуждения у Рикардо таков: продукт наихудшей земли продается по его *стоимости* и не приносит никакой ренты; здесь, следовательно, отчетливо видно, сколько прибавочной стоимости остается капиталисту после вычета той части стоимости продукта, которая представляет собой лишь эквивалент для рабочего; и эта прибавочная стоимость есть прибыль. В основе этого рассуждения лежит предпосылка, что *цена издержек* и *стоимость* тождественны, что, так как данный продукт продается по цене издержек, то он продается по стоимости.

Исторически и теоретически это неверно. Я показал *, что там, где существуют капиталистическое производство и земельная собственность, там земля или шахта наихудшего разряда может не давать ренты только потому, что в этом случае ее продукт продается *ниже его* [индивидуальной] *стоимости*, когда его продают по рыночной стоимости (регулируемой не им самим). Ибо рыночная стоимость продукта покрывает здесь как раз только его *цену издержек*. Но чем регулируется эта цена издержек? Нормой прибыли *неземледельческого капитала*, в определение которой, естественно, входит также и цена хлеба, хотя относительно последней отнюдь нельзя сказать, что единственно она определяет норму прибыли. Утверждение

* См. настоящее издание, часть II, стр. 320. *Ред.*

Рикардо было бы правильно только в том случае, если бы стоимости и цены издержек были тождественны. [693] Да и исторически, — в связи с тем, что капиталистическое производство появляется в земледелии позднее, чем в промышленности, — земледельческая прибыль определяется промышленной прибылью, а не наоборот. Верно только то, что на наихудшей земле, приносящей прибыль, но не ренту, и продающей свой продукт по цене издержек, *проявляется*, явственно выступает средняя норма прибыли, но отнюдь не верно, что средняя прибыль этим *регулируется*, что означало бы нечто совсем другое.

Норма прибыли может падать без того, чтобы повышались норма процента и норма ренты.

«Из анализа прибыли на капитал, данного нами, явствует, что *никакое накопление капитала не может постоянно понижать прибыль* *, если нет какой-нибудь постоянной причины, вызывающей повышение заработной платы... Если бы количество предметов необходимости, потребляемых рабочими, всегда можно было увеличивать с одинаковой легкостью, то не было бы *постоянных изменений нормы прибыли или заработной платы*» (следовало бы сказать: нормы прибавочной стоимости и стоимости труда), «каких бы размеров ни достигало накопление капитала. Адам Смит, однако, неизменно *относит падение прибыли за счет накопления капитала и возникающей отсюда конкуренции*, никогда не обращая при этом внимания на возрастающую трудность добывания предметов питания для добавочного числа рабочих, применяемых добавочным капиталом» (цит. соч., стр. 338—339) [Русский перевод, том I, стр. 238].

Все это было бы верно только в том случае, если бы прибыль была тождественна прибавочной стоимости.

Итак, А. Смит говорит, что с накоплением капитала норма прибыли падает вследствие возрастающей конкуренции между капиталистами; Рикардо же говорит, что норма прибыли падает вследствие растущего ухудшения условий производства в земледелии (вздорожание предметов необходимости). Мы опровергли его взгляд, который был бы правилен лишь в том случае, если бы норма прибавочной стоимости и норма прибыли были тождественны, т. е. если бы норма прибыли могла падать только вследствие повышения нормы заработной платы (предполагая рабочий день неизменным). Воззрение Смита основано на том, что он (в его неправильном и им же самим опровергнутом понимании стоимости) рассматривает стоимость как результат сложения заработной платы, прибыли и ренты. По его мнению, накопление капиталов *вынуждает понижать произвольно*

* Под *прибылью* Рикардо понимает здесь ту часть прибавочной стоимости, которую забирает себе капиталист, но отнюдь не прибавочную стоимость в целом. Насколько неверно утверждение, что прибавочная стоимость может падать в результате накопления капитала, настолько же это верно относительно [нормы] прибыли.

установленные прибыли, не имеющие для себя никакой имманентной меры, путем понижения товарных цен, по отношению к которым, согласно этому взгляду, прибыли образуют чисто номинальную надбавку.

Рикардо, разумеется, теоретически прав, выдвигая против Смита тот довод, что накопление капиталов не вносит изменений в определение стоимости товаров; но Рикардо глубоко ошибается, пытаясь опровергнуть Смита указанием на то, что в стране не может-де быть *перепроизводства*. Рикардо отрицает возможность чрезмерного изобилия капитала, признание которой в последующий период утвердилось в английской политической экономии как общепринятая аксиома.

Во-первых, Рикардо упускает из виду, что в реальной действительности, где друг другу противостоят не две только стороны — капиталист и рабочий, а [промышленный] капиталист, рабочий, земельный собственник, денежный капиталист, получатели фиксированных доходов от государства и т. д., — что в этих условиях падение товарных цен, которое бьет по обоим, и по промышленному капиталисту и по рабочему, оказывается выгодным для других классов.

Во-вторых, Рикардо упускает из виду, что капиталистическое производство ведется отнюдь не в произвольно устанавливаемых размерах, но что чем больше оно развивается, тем в большей степени вынуждено оно производить в таких размерах, которые не находятся ни в какой связи с непосредственным спросом, а зависят от непрерывного расширения мирового рынка. Рикардо прибегает к нелепой предпосылке Сэя, будто капиталист производит не ради прибыли, не ради прибавочной стоимости, а непосредственно для потребления, ради потребительной стоимости — ради своего собственного потребления. Рикардо упускает из виду, что товар должен быть превращен в деньги. Спрос со стороны рабочих недостаточен, ибо прибыль как раз потому и существует, что спрос, который могут предъявить рабочие, меньше стоимости их продукта, и она, прибыль, тем больше, чем относительно меньше этот спрос. Точно так же недостаточен и спрос со стороны капиталистов, предъявляемый ими друг к другу. Перепроизводство не вызывает *постоянного* падения прибыли, но оно постоянно повторяется *через определенные периоды*. За перепроизводством следует недопроизводство и т. д. Перепроизводство проистекает как раз из того, что масса населения никогда не имеет возможности потреблять больше среднего количества необходимых жизненных средств и, следовательно, ее потребление не возрастает соответственно увеличению производительности труда. Впрочем,

весь этот отдел относится к конкуренции капиталов. Все, что говорит об этом Рикардо, не стоит и ломаного гроша. (Это — глава 21-я, озаглавленная «Влияние накопления на прибыль и процент».)

«Возможен только один случай, — да и тот носит временный характер, — когда накопление капитала при низких ценах на продовольствие сопровождается падением нормы прибыли. И это имеет место тогда, когда фонд на содержание труда увеличивается гораздо быстрее, чем население; в этом случае заработная плата будет высока, а норма прибыли низка» (стр. 343) [Русский перевод, том I, стр. 241].

Возражая Сэю, Рикардо [в той же главе «Влияние накопления на прибыль и процент»] иронически замечает по поводу соотношения между прибылью и процентом:

«Г-н Сэй допускает, что норма процента зависит от нормы прибыли, по из этого не следует, что норма прибыли зависит от нормы процента. Первая является причиной, вторая — следствием, и никакие обстоятельства не могут заставить их поменяться местами» (цит. соч., стр. 353, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 247].

Однако те же причины, которые приводят к падению прибыли, могут вызывать повышение процента, и наоборот¹²⁰.

* * *

[В главе «О колониальной торговле» Рикардо пишет:]

«Г-н Сэй признаёт, что издержки производства составляют основу цены, и тем не менее он утверждает в различных частях своей книги, что цены регулируются соотношением между спросом и предложением» (цит. соч., стр. 411) [Русский перевод, том I, стр. 281—282].

Как раз Рикардо [отрицающий определяющую роль спроса и предложения] должен был бы видеть из этого [сочетания у Сэя концепции издержек производства с концепцией спроса и предложения], что [694] издержки производства [в сэевском смысле] весьма отличны от количества труда, затраченного на производство товара. Вместо этого он продолжает:

«Действительным и решающим регулятором относительной стоимости двух каких-либо товаров являются издержки их производства» (там же).

[В той же главе «О колониальной торговле» Рикардо пишет:]

«И разве Адам Смит не разделяет этого взгляда» {что цены не регулируются ни заработной платой, ни прибылью}, «когда он говорит, что цены товаров, или стоимость золота и серебра в сравнении с товарами, зависят от соотношения между количеством труда, необходимым для того, чтобы на рынок поступало определенное количество золота и серебра, и количеством труда, необходимым для того, чтобы на рынок поступало

определенное количество какого-нибудь другого товара?» Это количество труда не изменяется в зависимости от того, будет ли прибыль или заработная плата высока или низка. *Каким же образом высокие прибыли могут повысить цены товаров?»* (стр. 413—414) [Русский перевод, том I, стр. 283].

В приведенном месте А. Смит понимает под *ценами* не что иное, как денежное выражение *стоимостей* товаров. Тот факт, что стоимости товаров, а также стоимость золота и серебра, на которые товары обмениваются, определяются относительными количествами труда, требующимися для производства этих двух видов товаров {товаров с одной стороны, золота и серебра — с другой}, — этот факт отнюдь не противоречит тому, что «высокие прибыли могут повысить» *действительные* цены товаров, т. е. их цены издержек. Правда, не все вдруг, как это думает Смит. Но высокие прибыли, действительно, приводят к тому, что цены одной части товарной массы поднимаются над стоимостью этих товаров выше, чем это бывает при низком уровне средней прибыли, тогда как цены другой части товаров опускаются ниже их стоимости в меньшей степени, чем при низких прибылях ¹²¹.

[ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ]

РИКАРДОВСКАЯ ТЕОРИЯ НАКОПЛЕНИЯ. КРИТИКА ЕЕ. ВЫВЕДЕНИЕ КРИЗИСОВ ИЗ ОСНОВНОЙ ФОРМЫ КАПИТАЛА

1) ОШИБКА СМИТА И РИКАРДО, УПУСКАВШИХ ИЗ ВИДУ ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ. ВОСПРОИЗВОДСТВО РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА]

Прежде всего мы сведем воедино положения Рикардо, разбросанные по всей его книге.

«...Все продукты страны потребляются; но величайшая разница, какую только можно себе представить, заключается в том, потребляются ли они теми, кто взамен этого производит другую стоимость, или же теми, кто такой стоимости не производит. Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та часть дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется теперь производительными рабочими, а не непроизводительными». (Рикардо проводит здесь то же различие, что и А. Смит.) «Ничего не может быть ошибочнее предположения, что капитал растет от неpotребления. Если бы цена труда поднялась так высоко, что, несмотря на прирост капитала, нельзя было бы применить больше труда, чем прежде, то я сказал бы, что такой прирост капитала был бы все еще потреблен непроизводительно» (стр. 163, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 129—130].

Здесь, стало быть, все сводится лишь к тому, потребляют ли продукт рабочие или же не они. Как у Адама Смита и у других. В действительности же речь должна здесь идти вместе с тем и о производственном потреблении тех товаров, которые составляют постоянный капитал и потребляются в качестве орудий труда или материала труда или же потребляются таким образом, что путем этого потребления превращаются в орудия труда и материал труда. С самого же начала ошибочным, т. е. односторонним, является представление, будто накопление капитала есть превращение дохода в заработную плату, будто оно сводится к накоплению переменного капитала. Весь вопрос о накоплении получает тем самым ложное освещение.

Прежде всего другого необходимо уяснить себе *воспроизводство постоянного капитала*. Мы рассматриваем здесь *годовое* воспроизводство, т. е. берем год как меру времени для процесса воспроизводства.

Значительная часть постоянного капитала — *основной капитал* — входит в годовой процесс труда, хотя она не входит [целиком] в годовой процесс образования стоимости. Основной капитал [в той его части, которая не входит в процесс образования стоимости] не потребляется. Стало быть, эта его часть и не должна воспроизводиться. Она *сохраняется*, а вместе с ее потребительной стоимостью сохраняется и ее меновая стоимость — благодаря тому, что вообще входит в процесс производства и остается в соприкосновении с живым трудом. Чем больше в стране в данном году эта часть капитала, тем относительно больше чисто формальное воспроизводство (сохранение) ее в следующем году; это имеет место при предположении, что процесс производства возобновляется, продолжается, поддерживается в движении хотя бы лишь в прежнем масштабе. Ремонт и все остальное, необходимое для сохранения основного капитала, мы прибавляем к первоначально затраченным на него трудовым издержкам. С сохранением в вышеуказанном смысле это не имеет ничего общего.

Вторая часть постоянного капитала ежегодно потребляется в производстве товаров и поэтому должна воспроизводиться. Сюда относится как вся та часть основного капитала, которая ежегодно входит в процесс образования стоимости, так и вся та часть постоянного капитала, которая состоит из оборотного капитала, — сырье и вспомогательные материалы.

Что касается этой второй части постоянного капитала, то в ней следует проводить дальнейшие различия.

[695] Значительная часть того, что в одной сфере производства *выступает* как постоянный капитал — как средства труда и материал труда, — является *одновременно* продуктом в какой-нибудь параллельной сфере производства. Например, пряжа составляет часть постоянного капитала ткача; она — продукт прядильщика, еще, быть может, только за день до этого находившийся в процессе становления. Говоря здесь об *одновременности*, мы имеем в виду то, что произведено в течение *того же* года. Одни и те же товары, на различных своих фазах, проходят в течение одного и того же года через различные сферы производства. Из одной сферы они выходят как продукт, в другую входят как такой товар, который образует постоянный капитал. И в качестве постоянного капитала все они потребляются в течение данного года: либо таким об-

разом, что в товар входит только их стоимость — как это имеет место у основного капитала, — либо таким образом, что в товар входит также и их потребительная стоимость — как это имеет место у оборотного капитала. В то время как произведенный в одной сфере производства товар входит в другую сферу производства, чтобы быть потребленным здесь в качестве постоянного капитала, — наряду с этой *последовательностью* тех сфер производства, в которые вступает один и тот же товар, различные элементы этого товара, или различные фазы его, производятся *одновременно*, рядом друг с другом. В течение одного и того же года он непрерывно потребляется в одной сфере как постоянный капитал и непрерывно производится как товар в другой, параллельной сфере. Те же самые товары, которые таким путем потребляются в течение года как постоянный капитал, столь же непрерывно производятся на протяжении того же года. Машина изнашивается в сфере А. Одновременно с этим она производится в сфере В. Постоянный капитал, потребляемый в течение года в тех сферах производства, которые производят жизненные средства, *одновременно* производится в других сферах производства, так что *в течение* года или *в конце года* он вновь возмещен *in natura* *. И то и другое — и жизненные средства и эта часть постоянного капитала — суть продукты нового, в течение года действующего труда.

Выше я показал **, каким образом *часть стоимости* продукта тех сфер производства, в которых производятся жизненные средства, а именно часть стоимости, возмещающая постоянный капитал этих сфер производства, образует доход для *производителей* этого постоянного капитала.

Но существует, далее, еще одна часть постоянного капитала, которая *ежегодно потребляется*, не входя составной частью в сферы производства, производящие жизненные средства (товары, пригодные для [индивидуального] потребления). Эта часть, стало быть, не может и возмещаться из этих сфер. Мы имеем в виду ту часть постоянного капитала — орудий труда, сырья, вспомогательных материалов, — которая производственно потребляется в процессе образования, производства самого постоянного капитала — машин, сырья и вспомогательных материалов. Эта часть, как мы видели ***, возмещается *in natura* либо непосредственно из продукта самих этих сфер производства (как, например, семена, скот, отчасти уголь), либо тем путем, что часть тех продуктов различных сфер производства,

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

** См. настоящее издание, часть I, стр. 104—118 и 224—234. *Ред.*

*** Там же, стр. 119—132, 171—183 и 234—243. *Ред.*

которые образуют постоянный капитал, обменивается [среди производителей средств производства]. Здесь имеет место обмен капитала на капитал.

Благодаря существованию и потреблению этой части постоянного капитала увеличивается не только масса продуктов, но и *стоимость* годового продукта. Та *часть стоимости годового* продукта, которая равна стоимости этой части потребленного постоянного капитала, покупает обратно *in natura* или извлекает обратно из годового продукта ту часть последнего, которая должна возместить *in natura* потребленный постоянный капитал. Так, например, та часть стоимости посева, которую составляют семена, определяет ту часть стоимости урожая (и вместе с тем количество зерна), которая в качестве постоянного капитала должна быть возвращена земле, производству. Без вновь присоединенного в течение года труда эта часть не была бы воспроизведена; но на деле она *произведена* прошлым трудом, и — если производительность труда не изменяется — та *стоимость*, которую эта часть присоединяет к годовому продукту, есть результат труда не текущего года, а прошлого. Чем больше, *пропорционально*, применяемый в данной стране постоянный капитал, тем больше будет и та часть постоянного капитала, которая потребляется в производстве постоянного капитала и которая не только выражается в большей массе продуктов, но и повышает стоимость этой массы продуктов. Таким образом, эта *стоимость* есть не только результат нынешнего труда, труда текущего года, но точно так же и результат прошлого, прошлого труда, хотя *без* непосредственного труда данного года она так же не могла бы появиться вновь, как не мог бы появиться и тот продукт, в который она входит. Если эта часть постоянного капитала возрастает, то возрастает не только масса годового продукта, но и *стоимость* последнего, даже если бы количество годового труда оставалось неизменным. Это возрастание представляет собой форму *накопления капитала*, понять которую очень важно. И не может быть ничего более далекого от понимания этой стороны дела, чем положение Рикардо:

«Труд одного миллиона человек в промышленности всегда произведет одну и ту же стоимость, но не всегда он произведет одно и то же богатство» (цит. соч., стр. 320) [Русский перевод, том I, стр. 226].

Этот миллион человек, предполагая рабочий день данным, не только будет производить, в зависимости от производительности труда, весьма различные массы товаров, но и стоимость

этой массы будет весьма различна в зависимости от того, произведена ли она с затратой большего или меньшего постоянного капитала, присоединена ли к ней, следовательно, бóльшая или меньшая стоимость, созданная *прошлогодним, прошлым* трудом.

[2) СТОИМОСТЬ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА И СТОИМОСТЬ ПРОДУКТА]

Мы здесь повсюду, где речь идет о воспроизводстве постоянного капитала, простоты ради предполагаем сперва, что производительность труда, а следовательно и способ производства остаются неизменными. При данном масштабе производства подлежит возмещению в качестве постоянного капитала определенное количество продукта *in natura*. При неизменяющейся производительности остается без изменений также и [696] стоимость этого количества. Если наступают изменения в производительности труда, благодаря чему то же самое количество продукта может быть вновь воспроизведено дороже или дешевле, с затратой большего или меньшего труда, то наступают также изменения в стоимости постоянного капитала, которые влияют на величину избытка продукта над постоянным капиталом.

Положим, например, что для посева требуется 20 кварталов [пшеницы] по 3 ф. ст. = 60 ф. ст. Если на воспроизводство одного квартера затрачивается на одну треть труда меньше, то квартал стоит всего лишь 2 ф. ст. Из продукта надо по-прежнему вычесть, в качестве затраты на посев, 20 кварталов, но та часть, которую они составляют в стоимости всего продукта, теперь равна лишь 40 ф. ст. Для возмещения того же самого постоянного капитала потребуется тогда меньшая часть стоимости совокупного продукта и меньшая часть его в натуре, хотя в качестве семян должны быть по-прежнему возвращены земле 20 кварталов¹²².

Если бы ежегодно потребляемый постоянный капитал составлял у одной нации 10 миллионов ф. ст., а у другой только 1 миллион, и вновь присоединенный в течение года труд одного миллиона человек выражался бы в 100 миллионах ф. ст., то стоимость продукта у первой нации составляла бы 110, а у другой — только 101 миллион. При этом не только возможно, но и несомненно, что единица товара была бы у нации I дешевле, чем у нации II, так как последняя при затрате того же количества [непосредственного] труда производила бы гораздо меньшую массу товаров, гораздо меньше того, что соответствовало бы разности между 10 и 1. Правда, у нации I по сравнению

со II более значительная часть стоимости продукта, а стало быть и более значительная часть совокупного продукта, идет на возмещение капитала. Но зато и совокупный продукт у нации I гораздо больше.

Относительно фабричных товаров известно, что 1 миллион человек в Англии производит не только гораздо большее количество продукта, но и продукт гораздо большей стоимости, чем, например, в России, хотя единица товара в Англии гораздо дешевле. Однако, что касается земледелия, то кажется, что там не существует такого же соотношения между капиталистически развитыми и сравнительно неразвитыми нациями. Продукт отсталой нации дешевле, чем продукт капиталистически развитой нации. Речь идет о *денежной цене*. И тем не менее кажется, что продукт развитой нации есть продукт гораздо меньшего количества труда (затраченного в течение года), чем продукт отсталой нации. В Англии, например, земледелием занимается меньше трети, а в России четыре пятых населения — там $\frac{5}{15}$, здесь $\frac{12}{15}$. Числа эти не следует понимать *à la lettre* *. Так, в Англии масса людей в *неземледельческих отраслях хозяйства* — в машиностроении, в торговле, на транспорте и т. д. — занята изготовлением и доставкой элементов сельскохозяйственного производства, чего нет в России. Таким образом, относительное количество людей, занятых в земледелии, нельзя просто определять числом непосредственно занятых в земледелии индивидов. В странах капиталистического производства в этом сельскохозяйственном производстве *косвенно* принимают участие много таких индивидов, которые в менее развитых странах подчинены ему непосредственно. Поэтому разница кажется большей, чем она есть. Но для общего уровня цивилизации страны разница эта очень важна, даже поскольку она состоит лишь в том, что значительная часть причастных к земледелию производителей не участвует в нем непосредственно и, вырванная из идиотизма деревенской жизни, принадлежит к промышленному населению.

Итак, оставим в стороне прежде всего это. Далее, оставим в стороне также и то, что большинство земледельческих народов вынуждено продавать свой продукт *ниже* его стоимости, тогда как в странах с развитым капиталистическим производством земледельческий продукт поднимается в цене до своей стоимости. Во всяком случае, в стоимость продукта английского земледельца входит такая часть стоимости постоянного капитала, которая не входит в стоимость продукта русского земледельца.

* — в буквальном смысле. *Ред.*

Предположим, что эта часть стоимости равна дневному труду 10 человек. Предположим далее, что этот постоянный капитал приводится в движение одним английским рабочим. Я говорю о той части постоянного капитала земледельческого продукта, возмещение которой — как, например, возмещение земледельческих орудий — происходит не путем затраты нового труда [земледельцев]. Если требуется 5 русских рабочих для производства того же продукта, какой производит 1 англичанин при помощи постоянного капитала [равного 10 рабочим дням], и если постоянный капитал, применяемый русским, равен 1 рабочему дню, то продукт англичанина будет равен $10 + 1 = 11$ рабочим дням, а продукт русского будет равен $1 + 5 = 6$. Если русская земля настолько плодороднее английской, что она без применения постоянного капитала или с помощью в 10 раз меньшего постоянного капитала производит столько же хлеба, сколько англичанин производит с капиталом в 10 раз большим, то *стоимости* одинаковых количеств английского и русского хлеба относятся как $11 : 6$. Если бы квартал русского хлеба продавался по 2 ф. ст., то английский хлеб продавался бы по $3\frac{2}{3}$ ф. ст. за квартал, ибо $2 : 3\frac{2}{3} = 6 : 11$. Таким образом, денежная цена и стоимость английского хлеба были бы гораздо выше, чем денежная цена и стоимость русского хлеба, но тем не менее английский хлеб был бы произведен с затратой меньшего количества [непосредственного] труда, ибо для того, чтобы *прошлый* труд вновь появился как в массе продукта, так и в его стоимости, не требуется никакой дополнительной затраты нового труда. Более высокая цена и стоимость английского хлеба всегда имела бы место в том случае, если бы англичанин, применяя меньше непосредственного труда, чем русский, в то же время применял больший постоянный капитал и если бы этот постоянный капитал, — который ему [в смысле затраты нового труда] *ничего* не стоит, хотя он в свое время стоил [определенных затрат] и должен быть оплачен, — повышал производительность труда не в такой степени, чтобы этим было компенсировано естественное плодородие русской почвы. Денежные цены земледельческого продукта могут, следовательно, в странах капиталистического производства находиться на более высоком уровне, чем в [697] странах менее развитых, хотя на деле продукт этот стоит меньшего количества труда. Он содержит больше совокупного труда — непосредственный труд плюс прошлый труд, — но вновь появляющийся в этом продукте прошлый труд не требует никаких [новых] затрат. Продукт был бы дешевле, если бы этому не препятствовало различие в естественном плодородии. Этим можно

объяснить также и более высокие денежные ставки заработной платы [в развитых капиталистических странах].

До сих пор мы говорили только о воспроизводстве имеющегося капитала. Рабочий возмещает свою заработную плату вместе с прибавочным продуктом или прибавочной стоимостью, которая образует прибыль капиталиста (включая ренту). Он возмещает ту часть годового продукта, которая ему вновь служит в качестве заработной платы. Капиталист проел свою прибыль в течение года, но рабочий произвел такую часть продукта, которая снова может быть проедена в качестве прибыли. Часть постоянного капитала, потребленная в производстве жизненных средств, возмещается тем постоянным капиталом, который в течение года произведен новым трудом. Производители этой новой части постоянного капитала реализуют свой доход (прибыль и заработную плату) в той части жизненных средств, стоимость которой равна стоимости постоянного капитала, потребленного в производстве этих жизненных средств. Наконец, постоянный капитал, потребляемый в производстве постоянного капитала, в производстве машин, сырья и вспомогательных материалов, возмещается — *in natura* или путем обмена капитала на капитал — из совокупного продукта различных сфер производства, производящих постоянный капитал.

[3) НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА. АМОРТИЗАЦИЯ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА И ЕЕ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ НАКОПЛЕНИЯ]

Как же обстоит дело с *увеличением* капитала, с его *накоплением*, в отличие от воспроизводства, с *превращением дохода* в капитал?

Для упрощения вопроса предположим, что производительность труда остается той же, что не происходит никаких изменений в способе производства, что, следовательно, требуется такое же количество труда для производства того же количества товаров, что, стало быть, *увеличение* капитала стоит такого же количества труда, как и прошлогоднее производство капитала того же размера.

Часть прибавочной стоимости должна превратиться в капитал, вместо того чтобы быть потребленной как доход. Она должна быть превращена частью в постоянный, частью в переменный капитал. А та пропорция, в которой она делится на эти две различные части капитала, зависит от данного органического строения капитала, — ибо способ производства и стоимостное соотношение обеих частей остаются неизменными:

Чем выше развито производство, тем больше будет та часть прибавочной стоимости, которая превращается в постоянный капитал, по сравнению с той частью ее, которая превращается в переменный капитал.

Итак, прежде всего часть прибавочной стоимости (и та соответствующая ей часть прибавочного продукта, которая состоит из жизненных средств) должна быть превращена в переменный капитал, т. е. на нее должен быть куплен новый труд. Это возможно лишь в том случае, если возрастает число рабочих или если удлиняется рабочее время, в течение которого они работают. Последнее происходит, когда, например, часть рабочего населения была занята лишь наполовину либо на две трети или, для более или менее продолжительных периодов, также путем абсолютного удлинения рабочего дня, которое тогда, однако, должно быть оплачено. Но это нельзя считать постоянным средством накопления. Рабочее население может увеличиться, если непроизводительные ранее работники превращаются в производительных или если в процесс производства вовлекаются те части населения, которые раньше не работали, как, например, женщины и дети, пауперы. Последний пункт мы здесь оставляем в стороне. Наконец, [увеличение числа нанимаемых рабочих может иметь место] в результате того, что рабочее население абсолютно возрастает вместе с ростом всего населения. Накопление может быть постоянным, непрерывным процессом только при условии этого абсолютного возрастания населения (хотя относительно, по сравнению с применяемым капиталом, население и уменьшается). *Увеличение населения* выступает в качестве основы для накопления как постоянного процесса. Но это предполагает такую среднюю заработную плату, которая делает возможным непрерывное возрастание рабочего населения, а не только воспроизводство его. Для экстренных случаев капиталистическое производство обеспечивает себя уже тем, что оно часть рабочего населения заставляет работать чрезмерно, а другую держит *in petto* *, в качестве резервной армии, на положении нищих или полунящих.

Но как же обстоит дело с другой частью прибавочной стоимости, которая должна быть превращена в постоянный капитал? Для простоты мы абстрагируемся от внешней торговли и рассматриваем изолированную нацию. Возьмем пример. Пусть прибавочная стоимость, произведенная фабрикантом холста,

* — буквально: «в груди»; в переносном смысле; «в скрытом виде», «в тайнике», «в запасе». *Ред.*

равна 10 000 ф. ст., половину которых, т. е. 5 000 ф. ст., он хочет превратить в капитал. Из этой суммы, соответственно органическому строению капитала в механическом ткацком производстве, одна пятая должна быть затрачена на заработную плату. Мы абстрагируемся здесь от оборота капитала, при котором фабриканту, может быть, достаточно иметь сумму, рассчитанную на пять недель, по истечении которых он продает свой продукт и таким путем получает обратно из сферы обращения капитал для заработной платы. Мы предполагаем, что он должен держать в резерве у банкира 1 000 ф. ст. на заработную плату (для 20 рабочих) и постепенно затрачивать их, в виде заработной платы, в течение года. Затем 4 000 ф. ст. должны быть превращены в постоянный капитал. Во-первых, фабрикант должен купить столько пряжи, сколько могут переработать в холст в течение года 20 рабочих. (Мы все время абстрагируемся от обращения оборотной части капитала.) Далее, фабрикант должен увеличить количество ткацких станков на своей фабрике, а также, быть может, добавить новую паровую машину или увеличить мощность старой машины и т. д. Но для того чтобы купить все это, он должен найти в готовом виде на рынке пряжу, ткацкие станки и т. д. Он должен превратить свои 4 000 ф. ст. в пряжу, ткацкие станки, уголь и т. д., [698] т. е. купить все эти вещи. Но для того чтобы их можно было купить, они должны быть налицо. Так как мы предположили, что воспроизводство старого капитала происходило при прежних условиях, то прядильщик должен был затратить весь свой капитал, чтобы доставить то количество пряжи, которое требовалось ткачам в предыдущем году. Как же сможет он удовлетворить добавочный спрос, для которого требуется добавочное предложение пряжи?

Точно так же обстоит дело с владельцем машиностроительного завода, который доставляет ткацкие станки и т. д. Он произвел лишь такое количество новых ткацких станков, которое достаточно для возмещения среднего износа станков в ткацкой промышленности. Но охваченный жаждой накопления владелец ткацкой фабрики заказывает на 3 000 ф. ст. пряжи и на 1 000 ф. ст. ткацких станков, угля (так как с углепромышленником дело обстоит точно так же) и т. д. Или же он дает владельцу прядильной фабрики 3 000 ф. ст., машиностроителю и углепромышленнику и т. д. — 1 000 ф. ст., чтобы они превратили для него эти деньги в пряжу, станки и уголь. Следовательно, ему пришлось бы подождать окончания этого процесса, прежде чем он мог бы начать свое накопление, свое производство нового холста. Это — первый перерыв.

Но владелец прядильной фабрики с полученными им 3 000 ф. ст. оказывается, в свою очередь, в таком же положении, как и владелец ткацкой фабрики с 4 000 ф. ст., с той только разницей, что он из полученных им 3 000 ф. ст. сейчас же вычитает свою прибыль. Он может найти добавочное количество прядильщиков, но ему нужны лен, веретена, уголь и т. д. Точно так же углепромышленнику нужны, кроме новых рабочих, новые машины или орудия. А владельцу машиностроительного завода, который должен доставить новые ткацкие станки, веретена и т. д., требуется, кроме добавочных рабочих, еще железо и т. д. Но хуже всего обстоит дело с производителем льна, который добавочное количество льна может доставить только в следующем году, и т. д.

Следовательно, для того чтобы владелец ткацкой фабрики имел возможность без проволочек и перерывов ежегодно превращать часть своей прибыли в постоянный капитал — и чтобы накопление было непрерывным процессом, — необходимо, чтобы он находил в готовом виде на рынке добавочное количество пряжи, ткацких станков и т. д. Если он, а также владелец прядильной фабрики, углепромышленник и т. д. найдут на рынке в готовом виде лен, веретена и машины, то им надо будет только нанять больше рабочих.

Та часть постоянного капитала, которая ежегодно учитывается как изношенная и входит в качестве износа в стоимость продукта, на деле *не* выходит из употребления. Возьмем, например, машину, которая функционирует в течение 12 лет и стоит 12 000 ф. ст.; средний износ такой машины, который следует учитывать каждый год, равен 1 000 ф. ст. Тогда к концу двенадцати лет, поскольку ежегодно в продукт входит 1 000 ф. ст., будет воспроизведена стоимость в 12 000 ф. ст., и можно будет купить новую машину такого же рода за эту цену. Ремонт и текущие починки, которые необходимы в течение 12 лет, мы причисляем к издержкам производства машины, и они не имеют никакого отношения к нашему вопросу. Но на самом деле действительность отличается от такого среднего расчета. Возможно, что во втором году машина работает лучше, чем в первом. И все же по истечении 12 лет ею уже нельзя пользоваться. Тут происходит то же, что и с домашним животным, средняя продолжительность жизни которого составляет 10 лет, но которое тем не менее в силу этого не отмирает ежегодно на одну десятую, хотя по истечении десяти лет оно должно быть заменено новым экземпляром того же рода. Конечно, в течение *одного и того же* года определенное число машин и т. д. всегда вступает в такую стадию, когда они действительно должны быть

заменены новыми машинами. Следовательно, ежегодно приходится определенное количество старых машин и т. д. действительно, *in natura*, заменять новыми. И этому соответствует среднее ежегодное производство машин и т. д. Стоимость для их оплаты берется из выручки за товары в соответствии с периодом их (машин) воспроизводства. Но остается в силе тот факт, что хотя значительная часть стоимости годового продукта (той стоимости, которая ежегодно уплачивается за этот продукт) необходима для замены, например через 12 лет, старых машин новыми, — но она отнюдь не требуется в действительности для того, чтобы ежегодно была заменена *in natura* двенадцатая часть их, что на деле было бы даже невыполнимо. Этот фонд может быть отчасти использован для выдачи заработной платы или для покупки сырья — до того, как продан или оплачен товар, который все время выбрасывается в сферу обращения, но не тотчас же возвращается из нее. Однако невозможно, чтобы использование этого фонда в каждом данном случае длилось целый год напролет, ибо товары, совершающие свой оборот в течение года, должны полностью реализовать свою стоимость, т. е. должны оплатить, реализовать содержащиеся в них заработную плату, сырье, износ машин и прибавочную стоимость.

Итак, там, где применяется много постоянного капитала, а следовательно, также и много основного капитала, эта часть стоимости продукта, возмещающая износ основного капитала, представляет собой *фонд накопления*, который может быть использован тем, кто его применяет, для вложения в дело нового основного капитала (или же оборотного капитала), причем для этой части накопления не производится никакого вычета из прибавочной стоимости. (Смотри *Мак-Куллоха*.) ¹²³ Такого фонда накопления не существует на тех ступенях производства и у тех наций, где нет большого основного капитала. Это важный пункт. Мы имеем здесь фонд для постоянных затрат на улучшения, расширения и т. д.

[4) СВЯЗЬ МЕЖДУ ОТРАСЛЯМИ ПРОИЗВОДСТВА В ПРОЦЕССЕ НАКОПЛЕНИЯ. НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧАСТИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСОБЕННОСТЬ НАКОПЛЕНИЯ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ И В МАШИНОСТРОЕНИИ]

Однако тот вопрос, который мы хотим здесь разобрать, состоит в следующем. Даже если бы весь вложенный в машиностроение капитал был достаточен только для возмещения ежегодного износа машин, то и в этом случае он производил бы

гораздо больше машин, чем ежегодно требовалось бы, ибо износ отчасти существует лишь идеально, а реально должен быть возмещен *in natura* только по истечении известного ряда лет. Стало быть, применяемый указанным образом капитал доставляет ежегодно массу машин, которые могут быть использованы для новых капиталовложений и предвосхищают эти новые капиталовложения. Например, владелец машиностроительного завода начинает свое производство в данном году. Пусть он в течение этого года доставляет машин на 12 000 ф. ст. В таком случае в течение каждого из следующих одиннадцати лет ему нужно было бы при простом воспроизводстве производимых им машин производить лишь на 1 000 ф. ст., и даже эта годовая продукция потреблялась бы не ежегодно. Еще меньшая часть его продукции была бы потреблена в том случае, если бы он применял весь свой капитал. Для того чтобы его капитал оставался в движении и осуществлял [699] ежегодно всего лишь свое простое воспроизводство, необходимо новое непрерывное расширение производства в отраслях, нуждающихся в этих машинах. (Тем более, если он сам накапливает.)

Следовательно, *даже в том случае, если в этой сфере производства вложенный в нее капитал только воспроизводится*, необходимо постоянное накопление в остальных сферах производства. А с другой стороны, благодаря уже одному только простому воспроизводству в машиностроении постоянное накопление в остальных сферах производства столь же постоянно находит на рынке в готовом виде один из своих элементов. Здесь, в одной из сфер производства, имеется налицо постоянный запас товаров для накопления, для нового, добавочного производственного потребления в других сферах, даже если в самой этой сфере происходит всего лишь простое воспроизводство наличного капитала.

В отношении тех 5 000 ф. ст. прибыли или прибавочной стоимости, которые капиталистом, например владельцем ткацкой фабрики, превращаются в капитал, возможны два случая, предполагая всегда, что он на рынке *находит труд*, который он должен купить на 1 000 ф. ст., взятых из этих 5 000 ф. ст., чтобы соответственно условиям своей сферы производства превратить эти 5 000 ф. ст. в капитал. Эта часть [капитализируемой прибавочной стоимости] превращается в переменный капитал и затрачивается на заработную плату. Но чтобы применить этот труд, фабриканту нужны пряжа, добавочные машины и добавочные вспомогательные материалы. {Добавочные машины необходимы только в том случае, если не происходит удлинения рабочего дня. А при удлинении рабочего дня машины лишь

быстрее изнашиваются, время их воспроизводства сокращается, но вместе с тем производится больше прибавочной стоимости; и хотя стоимость машин должна быть распределена между произведенными товарами в течение более короткого промежутка времени, но зато товаров производится несравненно больше; так что, несмотря на этот более быстрый износ, в стоимость или цену единицы товара входит меньшая часть стоимости машин. В этом случае непосредственно затрачивать *новый* капитал на самые машины не приходится. Приходится лишь несколько быстрее возмещать стоимость машин. Но вспомогательные материалы требуют в этом случае авансирования добавочного капитала.} Владелец ткацкой фабрики либо находит на рынке эти условия своего производства в готовом виде, — тогда закупка этих товаров отличается от закупки других товаров только тем, что он покупает товары для *производственного* потребления, а не для *индивидуального* потребления. Либо он их не находит готовыми на рынке, — тогда ему приходится заказывать их (как это происходит, например, с машинами новой конструкции) совершенно так же, как ему приходится заказывать те предметы личного потребления, которых он не находит в готовом виде на рынке. Если бы сырье (лен) должно было быть произведено лишь по заказу {примерно как производится индиго, джут и т. п. индийскими райятами * по заказу авансирующих их английских купцов}, то накопление владельца ткацкой фабрики в его собственном предприятии было бы в этом году невозможно. С другой стороны, если предположить, что владелец прядильной фабрики капитализирует свои 5 000 ф. ст., а владелец ткацкой фабрики не накапливает, то пряжу невозможно будет продать, — хотя на рынке были налицо все условия ее производства, — и эти 5 000 ф. ст. превращены, правда, в пряжу, но не в капитал.

(*Кредит*, о котором нам здесь нет необходимости распространяться, делает возможным то, что накопленный капитал применяется не в той именно сфере, где он произведен, а там, где он имеет больше всего шансов увеличить свою стоимость. Однако каждый капиталист предпочтет вкладывать свой накопленный капитал по возможности в своей собственной отрасли. Если он вкладывает свой капитал в других отраслях, то он становится денежным капиталистом и вместо прибыли получает лишь процент; или же ему пришлось бы пуститься в спекуляцию. Но мы говорим здесь о накоплении в среднем и лишь в качестве примера предполагаем, что накопленный капитал вкладывается в той или иной особой отрасли.)

* — крестьянами. Ред.

С другой стороны, если бы льновод расширил свое производство, т. е. если бы он накапливал, а владельцы прядельной и ткацкой фабрик, владелец машиностроительного завода и т. д. не накапливали, — то у него на складе оказался бы излишний лен, и в следующем году льновод, вероятно, сократил бы свое производство.

{Здесь мы пока совершенно отвлекаемся от индивидуального потребления и рассматриваем только связь производителей между собой. Если эта связь существует, то производители, во-первых, образуют по отношению друг к другу рынок для таких капиталов, которые они должны друг другу возместить; для части жизненных средств образуют рынок вновь занятые или лучше занятые рабочие; а так как прибавочная стоимость в следующем году возрастает, то капиталисты могут потреблять возрастающую часть своего дохода и, следовательно, до известной степени также образуют рынок друг для друга. И все же значительная часть продукта данного года может остаться нереализованной.}

Вопрос теперь надлежит формулировать так: *если предположить всеобщее накопление*, т. е. предположить, что во всех отраслях происходит большее или меньшее накопление капитала, — а это действительно является условием капиталистического производства и к этому капиталист как капиталист стремится с такой же страстью, с какой собиратель сокровищ стремится к накоплению денег (но это и необходимо для того, чтобы капиталистическое производство двигалось вперед), — то каковы *условия* этого всеобщего накопления, к чему оно сводится? Или, так как владелец ткацкой фабрики может рассматриваться как представитель капиталиста вообще, каковы *условия*, необходимые для того, чтобы он мог беспрепятственно превращать обратно в капитал 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости и из года в год непрерывно продолжать процесс накопления? Накопить 5 000 ф. ст. значит не что иное, как превратить эти деньги, эту сумму стоимости, в капитал. *Условия для накопления капитала, следовательно, совершенно те же, что и вообще для его первоначального производства или воспроизводства.*

Но условия эти заключались в том, что на одну часть денег покупался труд, а на другую часть — такие товары (сырье, машины и т. д.), которые могли бы быть *производственно потреблены* этим трудом. {Некоторые товары, как, например, машины, сырье, полуфабрикаты и т. д., пригодны только для производственного потребления. Другие, как, например, дома, лошади, пшеница, рожь (из которой делается водка или крахмал и пр.) и т. д., пригодны и для производственного и для

индивидуального потребления.} Для того чтобы можно было купить эти товары, они должны находиться на [700] *рынке* как товары — на промежуточной стадии между закончившимся производством и еще не начавшимся потреблением, в руках продавцов, в стадии обращения — или же должна существовать возможность того, чтобы они были доставлены по заказу (произведены по заказу, как, например, при постройке новых фабрик и т. д.). Так дело и обстояло — это служило предпосылкой при производстве и воспроизводстве капитала — в силу осуществленного при капиталистическом производстве разделения труда в общественном масштабе (распределение труда и капитала между различными отраслями), в силу происходящего *одновременно* на всей поверхности *параллельного* производства, воспроизводства. Это было условием *рынка*, производства и воспроизводства капитала. Чем больше капитал, чем выше производительность труда, вообще чем крупнее масштаб капиталистического производства, — *тем больше также и масса тех товаров, которые находятся в стадии перехода из производства в потребление* (индивидуальное и производственное), *в обращении, на рынке*, и тем больше гарантия для каждого отдельного капитала, что он найдет на рынке в готовом виде условия своего воспроизводства. Это тем более верно, что, соответственно самой сущности капиталистического производства, каждый отдельный капитал, во-первых, работает в таком масштабе, который обусловлен не индивидуальным спросом (заказы и т. д., частные потребности), а стремлением реализовать возможно больше труда, а потому и прибавочного труда, и доставлять при данном капитале возможно большее количество товаров; во-вторых, каждый отдельный капитал стремится занять на рынке возможно большее место и вытеснить, устранить своих конкурентов. *Конкуренция капиталов.*

{Чем большего развития достигают средства сообщения, тем больше может сокращаться запас на рынке.

«Где производство и потребление относительно велики, там, конечно, *сравнительно большой излишек* всегда будет находиться в промежуточной стадии, на рынке, на пути от производителя к потребителю, если только быстрота, с которой продаются вещи, не возрастет в такой степени, чтобы свести на нет те последствия, которые без этого имело бы возросшее производство» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, стр. 6—7).}

Итак, накопление нового капитала может происходить лишь при тех же условиях, как и воспроизводство уже имеющегося *налицо* капитала.

{Мы здесь совершенно не останавливаемся на том случае, когда накоплено больше капитала, чем можно разместить в производстве, когда он, например, в форме денег лежит без употребления у банкиров. Отсюда займы за границу и т. д., короче — спекуляция с инвестированием капитала. Мы не рассматриваем также и тот случай, когда невозможно продать всю массу произведенных товаров, кризисы и т. д. Это относится к разделу о конкуренции. Здесь же нам надлежит исследовать лишь формы капитала в различных фазах его движения, причем все время предполагается, что товары продаются по их стоимости.}

Владелец ткацкой фабрики может обратно превратить в капитал 5 000 ф. ст. прибавочной стоимости в том случае, если он, кроме труда на сумму в 1 000 ф. ст., находит на рынке пряжу и т. д. в готовом виде или может получить это по заказу, для чего, следовательно, должен быть произведен *добавочный продукт*, состоящий из тех товаров, которые входят в его постоянный капитал, в особенности из таких, для производства которых требуется более продолжительное время и количество которых не может быть увеличено быстро или вообще не может быть увеличено в течение данного года; так обстоит дело с сырьем, например льном.

{Здесь выступает на сцену купеческий капитал, который держит на складах в готовом виде запасы товаров для возрастающего потребления, индивидуального или производственного; но это *лишь одна из форм опосредствования* и потому относится не сюда, а к рассмотрению конкуренции капиталов.}

Подобно тому как производство и воспроизводство наличного капитала в одной *сфере* предполагает *параллельное* производство и воспроизводство в других сферах, так и накопление, или образование добавочного капитала, в одной отрасли предполагает *одновременное, или параллельное*, производство добавочной продукции в других отраслях. Таким образом, одновременно должен расти масштаб производства во всех сферах, доставляющих постоянный капитал (соответственно той определяемой спросом средней доле в общем росте производства, которая приходится на каждую особую сферу); доставляют же постоянный капитал все те сферы, которые не дают готового продукта для индивидуального потребления. Важнее всего при этом увеличение количества машин (орудий), *сырья*, вспомогательных материалов, так как все другие отрасли производства, куда они входят, — доставляют ли эти отрасли полуфабрикаты или же готовые изделия, — должны лишь привести в движение больше труда, когда эти условия имеются налицо.

Итак, для того чтобы имело место накопление, во всех, по-видимому, сферах необходимо постоянное *добавочное производство*.

Это надлежит выяснить еще несколько подробнее.

Затем второй существенный вопрос:

Та часть *прибавочной стоимости*, или, так как здесь речь идет о прибыли, та часть *прибыли* (включая ренту; если земельный собственник хочет накапливать, превращать ренту в капитал, то прибавочная стоимость попадает всегда в руки *капиталистического предпринимателя*; это происходит даже и тогда, когда рабочий превращает часть своего дохода в капитал), которая обратно превращается в капитал, состоит лишь из *труда*, *вновь присоединенного* в течение [701] последнего года. Спрашивается, целиком ли расходуется этот новый капитал на заработную плату, обменивается ли он только на новый труд?

В пользу этого говорит следующее. Всякая стоимость возникает первоначально из труда. Всякий постоянный капитал первоначально в такой же мере продукт труда, как и переменный капитал. И здесь мы, по-видимому, опять являемся свидетелями непосредственного возникновения капитала из труда.

Против этого говорит следующее. Разве образование добавочного капитала должно происходить при худших условиях производства, чем воспроизводство старого капитала? Разве оно должно вернуться к более низкой ступени способа производства? Но так именно обстоит бы дело, если бы новая стоимость затрачивалась только на непосредственный труд, который, следовательно, и без *основного капитала* и т. д. должен был бы сам сперва произвести этот капитал, совершенно так же, как первоначально труду сперва приходится самому создавать свой постоянный капитал. Это чистая бессмыслица. Но такова *предпосылка Рикардо и других*. На этом следует остановиться подробнее.

Первый возникающий здесь вопрос заключается в следующем:

Может ли часть прибавочной стоимости быть превращена в капитал тем путем, что капиталист, вместо того чтобы *продать* эту часть или, точнее, тот прибавочный продукт, в котором она представлена, употребляет ее, напротив, *непосредственно* как капитал? Утвердительный ответ на этот вопрос содержал бы уже в себе тот вывод, что *не* вся сумма прибавочной стоимости, подлежащей превращению в капитал, превращается в переменный капитал, или затрачивается на заработную плату.

Относительно той части сельскохозяйственных продуктов, которая состоит из зерна и скота, это ясно с самого начала.

Часть зерна, принадлежащая к той части урожая, которая представляет для фермера прибавочный продукт или прибавочную стоимость, — а также и часть скота, — вместо того чтобы поступать в продажу, может сейчас же опять служить условием производства в качестве семян или рабочего скота. Точно так же обстоит дело с частью производимых на самой земле удобрений, которые вместе с тем могут как товар обращаться в торговле, т. е. могут продаваться. Эту [не вступающую в обращение] часть прибавочного продукта, достаемого фермеру в качестве прибавочной стоимости, в качестве прибыли, фермер может сейчас же снова превратить в условие производства внутри своей собственной сферы производства, т. е. превратить *непосредственно* в капитал. Эта часть не расходуется на заработную плату, не превращается в переменный капитал. Она изымается из индивидуального потребления и в то же время не потребляется *производительно* в смысле Смита и Рикардо. Она потребляется *производственно*, но потребляется как сырье, а не как жизненные средства для производительных или непроизводительных работников. Зерно служит не только жизненным средством для производительных рабочих и т. д., но и кормом для скота, сырьем для производства водки, крахмала и т. д. Скот со своей стороны (мясной или рабочий скот) не только служит жизненным средством, но и доставляет сырье для многих отраслей промышленности, а именно: шкуры, кожи, сало, кости, рога и т. д., и двигательную силу отчасти для самого сельского хозяйства, отчасти для транспортной промышленности.

Во всех тех отраслях производства, в которых *время воспроизводства* выходит за пределы одного года (как, например, в значительной части скотоводства, в лесном хозяйстве и т. д.), но продукты которых вместе с тем должны непрерывно воспроизводиться, т. е. непрерывно требуют приложения определенного количества труда, — в этих отраслях накопление и воспроизводство совпадают постольку, поскольку *вновь присоединенный* труд, представляющий не только оплаченный, но также и неоплаченный труд, должен накапливаться *in natura* до тех пор, пока продукт не будет готов для продажи.

(Здесь речь идет не о накоплении прибыли, которая ежегодно присовокупляется [к капиталу] соответственно общей норме прибыли; это не *действительное* накопление, а лишь способ исчисления. Здесь речь идет о накоплении совокупного труда, повторяющегося в течение нескольких лет, о таком накоплении, при котором, следовательно, не только оплаченный, но также и неоплаченный труд накапливается *in natura* и тотчас же снова

превращается в капитал. Что же касается накопления прибыли в таких случаях, то оно, напротив, не зависит [прямым образом] от количества вновь присоединенного здесь труда.)

Точно так же обстоит дело и с *техническими растениями* (доставляют ли они сырье или же вспомогательные материалы). Их семена, а также та часть этих растений, которая может быть снова употреблена как удобрение и т. д., представляют часть совокупного продукта. Если бы они *не могли поступать в продажу*, это нисколько не изменило бы того, что, коль скоро они снова входят в производство как условие производства, они образуют часть совокупной стоимости [нового продукта] и в качестве [702] таковой составляют постоянный капитал для нового производства.

Тем самым уже выяснен один основной вопрос — относительно сырья и жизненных средств (предметов питания), поскольку они являются собственно сельскохозяйственным продуктом. Здесь, следовательно, накопление *прямо* совпадает с воспроизводством в увеличенном масштабе, так что часть прибавочного продукта снова служит средством производства непосредственно в своей собственной сфере производства, *не проходя через обмен на заработную плату или на другие товары*.

Второй основной вопрос — это *машины*. Речь идет не о тех машинах, которые производят товары, а о тех, которые производят машины, о *постоянном капитале* машиностроительной промышленности. Если эти машины даны, то нужен только труд, затрачиваемый в добывающей промышленности и доставляющий сырье (железо и т. д.) для всякого рода сосудов и машин. Вместе с машиностроительными машинами даны также и машины для обработки самого сырья. Трудность, на которую мы здесь наталкиваемся, состоит в том, чтобы не попасть в порочный круг предпосылок. А именно, для того чтобы произвести больше машин, необходимо больше материала (железа и т. д., угля и т. д.), а чтобы произвести этот добавочный материал, нужно больше машин. Примем ли мы, что промышленники, производящие машиностроительные машины, и промышленники, производящие машины (создаваемые с помощью машиностроительных машин), принадлежат к одной и той же группе капиталистов или нет, это нисколько не меняет дела. Ясно одно. Часть прибавочного продукта представлена в машиностроительных машинах (по крайней мере, от фабриканта машин зависит придать прибавочному продукту такую форму). Эти машиностроительные машины не должны быть обязательно проданы, они могут опять войти в новое производство *in natura* как постоянный капитал. Здесь, следовательно, перед нами

вторая категория такого прибавочного продукта, который непосредственно (или посредством обмена в той же самой сфере производства) входит в новое производство (накопление) как постоянный капитал, не проходя через процесс предварительного превращения в переменный капитал.

Вопрос о том, может ли часть *прибавочной стоимости* быть непосредственно превращена в постоянный капитал, сводится прежде всего к вопросу, может ли часть того *прибавочного продукта*, в котором представлена прибавочная стоимость, непосредственно снова входить в свою собственную сферу производства в качестве условия производства, не будучи предварительно отчуждена.

Общий закон таков:

Там, где часть продукта, а стало быть, также и *прибавочного продукта* (т. е. той потребительной стоимости, в которой представлена прибавочная стоимость), может прямо, без опосредствования, снова войти в качестве условия производства, в качестве средства труда или материала труда, в ту сферу производства, из которой этот продукт вышел, — там накопление внутри этой сферы производства может и должно принять такую форму, что часть прибавочного продукта не продается, а вместо этого непосредственно (или путем обмена с капиталистами других отраслей в этой же сфере производства, накапливающими подобным же образом) снова включается в процесс производства как условие воспроизводства, так что накопление и воспроизводство в увеличенном масштабе здесь *прямо* совпадают. Они неизбежно совпадают везде, но не обязательно таким непосредственным образом.

Это относится также и к части вспомогательных материалов. Например, к углю, произведенному за год. Часть прибавочного продукта может быть использована для того, чтобы снова производить уголь, может, следовательно, быть прямо, без какого-либо опосредствования, использована углепромышленником как постоянный капитал для производства в увеличенном масштабе.

В промышленных округах встречаются такие машиностроители, которые сооружают для фабрикантов целые фабрики. Положим, что $\frac{1}{10}$ [их продукции] есть прибавочный продукт, или неоплаченный труд. Очевидно, решительно ничего не меняется от того, представлена ли эта $\frac{1}{10}$, т. е. прибавочный продукт, в фабричных зданиях, построенных для третьих лиц и им проданных, или же в фабричном здании, выстроенном машиностроителем для самого себя, проданном им самому себе. Здесь дело лишь в *характере той потребительной стоимости*, в которой представлен прибавочный труд, лишь в том, может

ли эта потребительная стоимость как условие производства снова войти в сферу производства [703] того капиталиста, которому принадлежит прибавочный продукт. Перед нами опять пример того, какое важное значение имеет категория *потребительной стоимости для определения экономических форм*.

Итак, здесь мы уже имеем значительную часть прибавочного продукта (а следовательно, и прибавочной стоимости), которая может и должна быть превращена непосредственно в постоянный капитал, чтобы быть *накопленной* в качестве *капитала*, и без которой вообще не может иметь места какое бы то ни было накопление капитала.

Мы видели, *во-вторых*, что там, где высок уровень развития капиталистического производства, следовательно и производительности труда, а стало быть, значителен и постоянный капитал, в особенности же та часть его, которая состоит из основного капитала, — что там уже *простое воспроизводство основного капитала для всех сфер*, — а также и происходящее параллельно с этим воспроизводство того наличного капитала, который производит основной капитал, — образует фонд накопления, т. е. доставляет машины, постоянный капитал для производства в расширенном масштабе.

В-третьих, остается следующий вопрос:

Может ли часть *прибавочного продукта* быть превращена обратно в капитал (постоянный капитал) путем (опосредствованного) обмена между производителями, например, машин, рабочих инструментов и т. д., и производителями сырья — железа, угля, металлов, леса и т. д., — т. е. путем обмена различных составных частей постоянного капитала? Например, если фабрикант железа, угля, леса и т. д. покупает машины или инструменты у машиностроителя, а машиностроитель покупает металл, лес, уголь и т. д. у производителей этого сырья, то путем такого обмена они возмещают друг другу взаимосвязанные составные части своего постоянного капитала или образуют новый постоянный капитал. Вопрос здесь в том, в какой мере это относится к *прибавочному продукту*.

[5) ПРЕВРАЩЕНИЕ КАПИТАЛИЗИРУЕМОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ]

Выше * мы видели, что при простом воспроизводстве *данного* капитала часть постоянного капитала, использованная при воспроизводстве *постоянного капитала*, возмещается или непо-

* См. настоящее издание, часть I, стр. 119—132, 171—183 и 234—243. Ред.

средственно *in natura* или путем обмена между производителями постоянного капитала; это — обмен капитала на капитал, а не обмен дохода на доход или дохода на капитал. Далее, тот постоянный капитал, который используется, или производственно потребляется, в производстве предметов потребления — предметов, входящих в индивидуальное потребление, — возмещается теми новыми продуктами того же рода, которые являются результатом *вновь присоединенного* труда и, следовательно, сводятся к доходу (заработной плате и прибыли). В соответствии с этим в сферах, производящих предметы потребления, та часть продукции, стоимость которой возмещает постоянный капитал, применяемый в этих сферах, представляет доход производителей постоянного капитала, тогда как, наоборот, та часть продукции в сферах, производящих постоянный капитал, которая представляет *вновь присоединенный* труд и потому образует доход производителей этого постоянного капитала, представляет для производителей жизненных средств постоянный капитал (служащий для возмещения [потребленного в производстве жизненных средств постоянного] капитала). Следовательно, это предполагает, что производители постоянного капитала обменивают свой прибавочный продукт (т. е. в данном случае избыток их продукта над той частью последнего, которая равна *их* постоянному капиталу) на жизненные средства, потребляют его стоимость индивидуально. Между тем этот прибавочный продукт

1) содержит заработную плату (или воспроизведенный фонд для заработной платы), и эта часть должна оставаться предназначенной (со стороны капиталиста) для расходования на заработную плату, т. е. для индивидуального потребления (а если предполагается минимум заработной платы, то и рабочий полученную им заработную плату может реализовать только в жизненных средствах);

2) содержит прибыль капиталиста (включая ренту). Эта часть, если она достаточно велика, может быть потреблена отчасти индивидуально, отчасти производственно. А в этом последнем случае происходит обмен продуктами между производителями постоянного капитала; однако здесь мы имеем перед собой уже не обмен той части продукта, которая представляет *их* постоянный капитал, подлежащий взаимному возмещению, а имеем перед собой часть прибавочного продукта, доход (*вновь присоединенный* труд), который непосредственно превращается в постоянный капитал, благодаря чему увеличивается масса постоянного капитала и расширяется масштаб воспроизводства.

Следовательно, также и в этом случае часть наличного прибавочного продукта, т. е. часть вновь присоединенного в течение года труда, непосредственно превращается в постоянный капитал, не будучи до этого превращена в переменный капитал. Стало быть, также и здесь видно, что производственное потребление прибавочного продукта — или накопление — отнюдь не тождественно с расходом всего прибавочного продукта на заработную плату производительных рабочих.

Можно представить себе такой случай: машиностроитель продает свой товар (часть его) производителю, например, тканей; последний платит ему деньги; на эти деньги машиностроитель покупает железо, уголь и т. д., а не жизненные средства. Однако при рассмотрении всего процесса в целом ясно, что производители жизненных средств не могут купить для возмещения своего постоянного капитала машины или сырье, если производители элементов, служащих для возмещения постоянного капитала, не купят у них произведенных ими жизненных средств, если, следовательно, этот процесс обращения не представляет собой по существу обмен между жизненными средствами и постоянным капиталом. Вследствие отделения друг от друга актов покупки и продажи могут, естественно, возникать очень существенные нарушения и осложнения в этих процессах сальдирования.

[704] Если страна не может сама произвести то количество машин, иметь которое ей позволяет накопление капитала, то она покупает их за границей. То же самое происходит, если она не может сама произвести нужное количество жизненных средств (для заработной платы) и сырья. Тут, с появлением на сцене международной торговли, становится ясно как день, что часть прибавочного продукта страны, — поскольку он предназначен для накопления, — превращается не в заработную плату, а непосредственно в постоянный капитал. Но тогда создается представление, будто там, за границей, авансируемые в этих целях деньги целиком затрачиваются на заработную плату. Мы видели, что этого нет и не может быть, даже при абстрагировании от внешней торговли.

В какой пропорции прибавочный продукт делится между переменным и постоянным капиталом, это зависит от среднего строения капитала, и чем более развито капиталистическое производство, тем *относительно* меньше будет часть, непосредственно затрачиваемая на заработную плату. Тот взгляд, что прибавочный продукт, так как он есть продукт лишь вновь присоединенного в течение года труда, превращается [при накоплении] также лишь в переменный капитал, затрачивается

лишь на заработную плату, — этот взгляд вообще соответствует тому ошибочному представлению, что так как продукт есть лишь результат или материализация труда, то стоимость продукта целиком сводится к доходам: заработной плате, прибыли и ренте, — как это ошибочно думали Смит и Рикардо.

Значительная часть постоянного капитала, а именно основной капитал, может состоять из того, что непосредственно входит в процесс производства жизненных средств, сырья и т. д., или же из того, что служит либо для сокращения процесса обращения, как, например, железные дороги, шоссейные дороги, судоходные каналы, телеграфные линии и т. д., либо для сохранения товаров и для образования товарных запасов, как, например, пакгаузы, склады и т. д., или же, наконец, из того, что увеличивает плодородие земли лишь после продолжительного периода воспроизводства, как, например, работы по нивелированию земельных участков, водоотводные каналы и пр. В зависимости от того, более значительная или менее значительная часть прибавочного продукта затрачивается на тот или иной из этих видов основного капитала, будут весьма различны непосредственные, ближайшие последствия всего этого для воспроизводства жизненных средств и т. д.

[6] ПРОБЛЕМА КРИЗИСОВ (ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ). РАЗРУШЕНИЕ КАПИТАЛА ПРИ КРИЗИСАХ]

Если в качестве предпосылки дано *добавочное производство* постоянного капитала, — т. е. большее производство, чем необходимо для возмещения старого капитала, а значит и для производства прежнего количества жизненных средств, — то никаких дальнейших трудностей не представляет добавочное производство, или накопление, в тех сферах, где машины, сырые материалы и т. д. используются [для производства предметов индивидуального потребления]. Если имеется налицо нужный добавочный труд, то капиталисты указанных сфер находят на рынке все средства для нового капиталообразования, для превращения в новый капитал тех своих денег, в которых представлена прибавочная стоимость.

Но весь процесс накопления сводится прежде всего к такому *добавочному производству*, которое, с одной стороны, соответствует естественному росту населения, а с другой — образует имманентную основу для явлений, обнаруживающихся в *кризисах*. Мерой этого добавочного производства является сам *капитал*, наличный масштаб условий производства и безмерное стремление капиталистов к обогащению, к увеличению

своего капитала, а отнюдь не *потребление*, которое заранее подорвано, ибо наибольшая часть населения, рабочее население, может расширять свое потребление лишь в очень тесных границах, а с другой стороны, по мере развития капитализма, спрос на труд *относительно* уменьшается, хотя *абсолютно* этот спрос и возрастает. Сюда присоединяется еще и то, что все выравнивания диспропорций имеют *случайный* характер и что, хотя те соотношения, в которых капиталы применяются в отдельных сферах, и выравниваются посредством некоторого постоянного процесса, но само постоянство этого процесса предполагает точно так же и постоянные диспропорции, которые ему приходится постоянно, часто насильственным путем, выравнивать.

Мы должны здесь рассматривать только те формы, которые капитал проходит на различных стадиях своего дальнейшего развития. Следовательно, здесь не дается анализа тех реальных отношений, в рамках которых происходит действительный процесс производства. Все время предполагается, что товар продается по его стоимости. Конкуренция капиталов остается вне рассмотрения, равно как и кредит. Вне рассмотрения остается также и действительная структура общества, которое отнюдь не состоит только из класса рабочих и класса промышленных капиталистов и в котором, стало быть, потребители и производители не тождественны: первая категория, категория потребителей (чьи доходы отчасти являются не первичными, а вторичными, производными от прибыли и заработной платы), значительно шире второй [т. е. категории производителей], и поэтому тот способ, каким она расходует свой доход, и размеры последнего вызывают весьма большие видоизменения в экономическом ходе дел и особенно в процессе обращения и воспроизводства капитала. Однако если уже при рассмотрении денег ¹²⁴ мы нашли, что они заключают в себе возможность кризисов, как поскольку они вообще представляют собой форму, отличную от натуральной формы товара, так и в своей форме средства платежа, то это в еще большей степени обнаруживается при рассмотрении общей природы капитала, еще до выяснения дальнейших реальных отношений, образующих все предпосылки действительного процесса производства.

[705] Усвоенный Давидом Рикардо (принадлежащий, собственно говоря, Джемсу Миллю) взгляд пошлого Сэя (к чему мы еще вернемся, когда будем говорить об этом ничтожестве), будто невозможно *перепроизводство* или, по крайней мере, *всеобщее переполнение рынка*, — этот взгляд покоится на положении о том, что *продукты* обмениваются на *продукты* ¹²⁵,

или, как это представлял себе Милль, на «метафизическом равновесии продавцов и покупателей»¹²⁶, откуда был сделан дальнейший вывод, что спрос определяется только самим производством, или что спрос и предложение тождественны. То же самое положение встречается и в той форме, особенно излюбленной у Рикардо, что любая сумма капитала во всякой стране может быть применена производительно.

«Г-н Сэй», — говорит Рикардо в главе 21-й («Влияние накопления на прибыль и процент»), — «в высшей степени убедительно показал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти применения в стране, ибо спрос ограничен только производством. Каждый человек производит только с целью потребления или продажи, и он продает только с целью купить какой-либо другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы служить для будущего производства. Таким образом, производя, он необходимо становится либо потребителем своих собственных продуктов, либо покупателем и потребителем продуктов какого-либо другого лица. Нельзя предполагать, что он в течение долгого времени будет плохо осведомлен относительно того, какие товары он с наибольшей выгодой может производить, чтобы достигнуть преследуемой им цели, а именно — приобрести другие продукты. И поэтому маловероятно, что он постоянно» (здесь речь идет вообще не о вечной жизни) «будет производить такой товар, на который нет спроса» (стр. 339—340) [Русский перевод, том I, стр. 239].

Рикардо, который повсюду стремится быть последовательным, видит, что его авторитет, Сэй, сыграл здесь с ним шутку. В примечании к вышеприведенному месту он замечает:

«Вполне ли согласуется с изложенным г-ном Сэем принципом следующее его утверждение: «Чем в большем изобилии имеются свободные капиталы по сравнению с возможностью их применения, тем больше должна упасть норма процента на ссужаемые капиталы» (Сэй [Traité d'économie politique. Seconde édition. Paris, 1814], том II, стр. 108)? Если в данной стране капитал может находить для себя применение в любых размерах, то как можно говорить, что он имеется в чрезмерном изобилии по сравнению с возможностью его применения?» (стр. 340, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 239].

Так как Рикардо ссылается на Сэя, то в дальнейшем мы займемся критикой положений Сэя, когда дело дойдет до рассмотрения взглядов самого этого шарлатана.

Пока заметим здесь лишь следующее:

При воспроизводстве, совершенно так же как и при накоплении капитала, дело не только в том, чтобы возместить *ту же самую* массу потребительных стоимостей, из которых состоит капитал, в ее прежнем масштабе или в расширенном (при накоплении), но и в том, чтобы возместить *стоимость* авансированного капитала с обычной нормой прибыли (с обычной прибавочной стоимостью). Стало быть, если в силу какого-либо обстоятельства или сочетания обстоятельств рыночные цены товаров

(совершенно безразлично, всех ли или большинства) упадут значительно ниже их цен издержек, то, с одной стороны, воспроизводство капитала сократится, насколько это вообще возможно. Но еще больше будет затруднено накопление. Прибавочная стоимость, накопленная в форме денег (золота или банковских билетов), превращалась бы в капитал лишь с убытком. Поэтому она праздно лежит в банке в виде сокровища или же в форме кредитных денег, что решительно ничего не меняет в существе дела. Такое же затруднение могло бы наступить и в силу противоположных причин, если бы отсутствовали *реальные предпосылки* воспроизводства (как, например, при вздорожании хлеба или из-за того, что не накоплено достаточного количества постоянного капитала *in natura*). Наступает задержка в воспроизводстве, а потому и в потоке обращения. Покупка и продажа антагонистически противостоят друг другу; и незанятый капитал выступает в форме праздно лежащих денег. Такое же явление (и это большей частью предшествует кризисам) может иметь место и тогда, когда производство добавочного капитала происходит очень быстро и его обратное превращение в производительный капитал так повышает спрос на все элементы последнего, что действительное производство не может поспевать за ним, а потому возрастают цены на все те товары, которые входят в процесс образования капитала. В этом случае сильно понижается процентная ставка, как бы ни возросла прибыль, и это понижение процентной ставки ведет тогда к самым рискованным спекулятивным предприятиям. Задержка в воспроизводстве ведет к уменьшению переменного капитала, к падению заработной платы и к уменьшению массы применяемого труда. Это, в свою очередь, оказывает новое воздействие на цены и вызывает новое их падение.

Никогда не следует забывать, что при капиталистическом производстве дело идет не непосредственно о потребительной стоимости, а о меновой стоимости и особенно об увеличении прибавочной стоимости. Это есть движущий мотив капиталистического производства, и недурно выглядит та концепция, которая, чтобы посредством рассуждений отмахнуться от противоречий капиталистического производства, отвлекается от его основы и изображает его как производство, имеющее целью обеспечить непосредственное потребление производителей.

Далее: так как процесс обращения капитала длится не один день, а, напротив, охватывает более или менее продолжительный период, пока капитал не вернется к себе [в сферу производства]; так как этот период совпадает с тем периодом, в течение которого рыночные цены [706] выравниваются в цены издержек; так как

в течение этого периода происходят крупные перевероты и изменения на *рынке*, происходят крупные изменения в производительности труда, а потому также и в *реальной стоимости* товаров, — то совершенно ясно, что от исходного пункта — первоначально данного капитала — до его возвращения к себе по окончании одного из таких периодов должны происходить крупные катастрофы и должны накапливаться и развиваться элементы кризиса, которые ни в какой мере не устраняются жалкой фразой, что продукты обмениваются на продукты. *Сравнивание* стоимости товаров в один период со стоимостью тех же самых товаров в более поздний период, что г-н Бейли считает схоластической выдумкой¹²⁷, составляет, напротив, основной принцип процесса обращения капитала.

Когда речь идет о *разрушении капитала*, производимом кризисами, то следует различать две вещи.

Поскольку происходят затруднения в процессе воспроизводства и сокращается, а местами и совсем останавливается, процесс труда, уничтожению подвергается *действительный* капитал. Машины, которые не употребляются, — не капитал. Труд, который не эксплуатируется, есть потерянное производство. Сырье, которое лежит неиспользованным, — не капитал. Здания (а также вновь сооружаемые машины), которые либо оказываются неиспользованными, либо остаются незаконченными, товары, гниющие на складе, — все это представляет собой разрушение капитала. Все это выражает не что иное, как задержку в процессе воспроизводства, выражает то, что *наличные* условия производства фактически не действуют как условия производства, не вводятся в действие как таковые. При этом их потребительная стоимость и их меновая стоимость идут прахом.

А во-вторых, *разрушение капитала*, производимое кризисами, означает обесценение *масс стоимостей*, которое в дальнейшем служит препятствием к тому, чтобы они возобновили в том же масштабе процесс своего воспроизводства в качестве капитала. Это — разрушительное падение товарных цен. При этом потребительные стоимости не разрушаются. То, что теряет один, выигрывает другой. Действующие в качестве капиталов массы стоимостей не могут в тех же руках возобновлять себя как *капитал*. Старые капиталисты терпят банкротства. Если стоимость товаров какого-нибудь капиталиста, путем продажи которых он воспроизводит свой капитал, была равна 12 000 ф. ст., из коих, скажем, 2 000 ф. ст. составляли прибыль, и если цена этих товаров падает до 6 000 ф. ст., то капиталист этот не может ни оплатить своих договорных обязательств, ни,

даже если бы у него и не было долгов, снова начать дело в прежнем масштабе, имея в руках 6 000 ф. ст., ибо цены товаров опять поднимаются до уровня их цен издержек. Таким образом, уничтожен капитал в 6 000 ф. ст., хотя тот, кто купил эти товары, поскольку он приобрел их за половину их цены издержек, может при новом оживлении дел весьма преуспевать и даже нажиться на этом. Значительная часть номинального капитала общества, т. е. *меново́й стоимо́сти* существующего капитала, уничтожена раз навсегда, хотя как раз это уничтожение, поскольку оно не задевает потребительной стоимости, может весьма способствовать новому воспроизводству. Это вместе с тем тот период, когда денежные люди обогащаются за счет промышленников. Что же касается падения чисто фиктивного капитала — государственных процентных бумаг, акций и т. д., — в тех случаях, когда оно не ведет к банкротству государства и акционерных обществ и не тормозит этим вообще воспроизводства, подрывая кредит промышленных капиталистов, владеющих подобными бумагами, — то оно является лишь перенесением богатства из одних рук в другие и в общем оказывает на воспроизводство благоприятное действие, ибо те выскочки, в руки которых попадают по дешевой цене эти акции или бумаги, в большинстве случаев более предприимчивы, чем прежние их владельцы.

[7) НЕЛЕПОСТЬ ОТРИЦАНИЯ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ ПРИЗНАНИИ ИЗБЫТКА КАПИТАЛА]

Рикардо всегда последователен в тех своих положениях, которые он разрабатывает самостоятельно. Поэтому у него положение о невозможности *перепроизводства* (товаров) тождественно с положением о невозможности чрезмерного изобилия, или избытка, капитала *.

«В стране не может быть накоплено такое количество капитала, которое нельзя было бы применить производительно, если вследствие повышения цен на предметы необходимости не будет очень значительного повышения заработной платы, в результате чего для прибыли на капитал останется так мало, что исчезнет стимул к накоплению» (стр. 340) [Русский перевод, том I, стр. 239].

«Из всего сказанного следует, что нет границ для спроса, нет границ для применения капитала, пока он приносит какую-нибудь прибыль, и что, *в каком бы изобилии ни имелся капитал*, нет другой достаточной причины для *падения прибыли*, кроме повышения заработной платы, и к этому можно

*. Здесь надо различать следующее: когда Смит объясняет падение нормы прибыли избытком капитала, накоплением капитала, то речь идет о *перманентном* действии, и это неверно; напротив, переходящий избыток капитала, перепроизводство, кризис — это нечто другое. Перманентных кризисов не бывает.

далее добавить, что единственной достаточной и постоянной причиной повышения заработной платы является возрастающая трудность добычи пищи и предметов необходимости [707] для возрастающего числа рабочих» (стр. 347—348) [Русский перевод, том I, стр. 244].

Что сказал бы в таком случае Рикардо по поводу тупоумия последующих экономистов, которые отрицают перепроизводство в одной форме (в виде общего переполнения рынка товарами) и в то же время не только допускают его в другой форме, как перепроизводство капитала, чрезмерное изобилие капитала, избыток капитала, но и объявляют это существенным пунктом своих учений?

Ни один здравомыслящий экономист послерикардовского периода не отрицает чрезмерного изобилия капитала. Напротив, изобилием капитала все они и объясняют кризисы (поскольку не выводят их из явлений кредита). Таким образом, все они признают перепроизводство в одной форме, но отрицают его в другой. Остается, следовательно, лишь вопрос о том, как относятся друг к другу обе формы перепроизводства, как относится форма, в которой оно отрицается, к форме, в которой оно утверждается?

Сам Рикардо ничего не знал о кризисах в собственном смысле слова, о всеобщих, проистекающих из самого процесса производства кризисах мирового рынка. Кризисы 1800—1815 гг. Рикардо мог объяснять вздорожанием хлеба из-за неурожая, обесценением бумажных денег, обесценением колониальных товаров и т. д., так как вследствие континентальной блокады рынок был насильственно сужен по политическим, а не по экономическим причинам. Кризисы после 1815 г. он также мог объяснять себе отчасти неурожайным годом, вызвавшим недостаток хлеба, отчасти падением хлебных цен, так как перестали действовать те причины, которые, согласно его собственной теории, должны были привести к вздутию хлебных цен во время войны и отрезанности Англии от континента, отчасти переходом от войны к миру и возникшими в связи с этим «внезапными переменами в ходе торговли» (см. в его «Principles» главу 19-ю: «О внезапных переменах в ходе торговли»).

Позднейшие исторические явления, в особенности почти правильная периодичность кризисов мирового рынка, уже не позволяли послерикардовским экономистам отрицать факты или истолковывать их как случайные явления. Вместо этого они, — не говоря уже о тех, кто объясняет все кредитом, чтобы вслед за этим объявить, что и сами они вынуждены будут предположить избыток капитала, — выдумали великолепную разницу между *чрезмерным изобилием капитала и перепроизводством*.

Против перепроизводства они выдвигают сохраняемые ими фразы и доводы Рикардо и Смита, тогда как из чрезмерного изобилия капитала они пытаются вывести необъяснимые для них в противном случае явления. Так, например, Уилсон объясняет одни кризисы чрезмерным изобилием основного капитала, а другие — чрезмерным изобилием оборотного капитала. Само чрезмерное изобилие капитала признаётся лучшими экономистами (как, например, Фуллартоном) и стало уже настолько общепринятым предрассудком, что эта фраза фигурирует как нечто само собою разумеющееся даже в компендиуме ученого господина Рошера¹²⁸.

Итак, спрашивается, что такое чрезмерное изобилие капитала и чем оно отличается от перепроизводства?

(Впрочем, справедливость требует заметить, что другие экономисты, как, например, Юр, Корбет и т. д., объявляют перепроизводство *нормальным состоянием крупной промышленности*, поскольку речь идет о внутреннем рынке. Получается, стало быть, что это перепроизводство ведет к кризисам только при известных условиях, когда сокращается также и внешний рынок.)

Согласно тем же самым экономистам, капитал — это деньги или товары. Перепроизводство капитала есть, следовательно, перепроизводство денег или товаров. И тем не менее оба эти явления не имеют будто бы ничего общего между собой. У этих экономистов не может быть речи даже о перепроизводстве денег, ибо деньги рассматриваются ими как товар, так что все явление сводится к перепроизводству товаров, которое они под одним названием признают, а под другим отрицают. Если в дальнейшем говорится, что имеется перепроизводство основного капитала или оборотного капитала, то в основе этого утверждения лежит то, что товары рассматриваются здесь уже не в этом простом определении, а в том их определении, в котором они выступают как капитал. Но этим, с другой стороны, в свою очередь признаётся, что при капиталистическом [708] производстве и его явлениях, — например, при перепроизводстве, — дело идет не только о том простом отношении, в котором продукт выступает как *товар*, приобретает определение товара, а о тех общественных определениях его, в силу которых он есть нечто *большее*, чем товар, и отличается от простого товара.

Вообще, можно до некоторой степени признать, что в выражении «*чрезмерное изобилие капитала*», вместо выражения «*перепроизводство товаров*», заключается не одна только чисто словесная увертка или не одно только бессовестное скудоумие, которое одно и то же явление признаёт существующим и необ-

ходимым, когда оно называется *а*, но отрицает его, коль скоро оно именуется *б*, так что сомнения и неуверенность имеются здесь фактически только относительно *наименования* явления, но не относительно самого явления, — бессовестное скудоумие, стремящееся от трудной задачи объяснения явления уклониться на том пути, что явление это отрицается в одной форме (под одним названием), а именно в той форме, в какой оно противоречит предрассудкам этих экономистов, и признаётся лишь в такой форме, под которой у них не содержится никакой мысли. Если все это оставить в стороне, то в переходе от выражения *«перепроизводство товаров»* к выражению *«чрезмерное изобилие капитала»* заключается, действительно, некоторый шаг вперед. В чем состоит он? В признании того, что производители товаров противостоят друг другу не как простые товаровладельцы, а как капиталисты.

[8] ОТРИЦАНИЕ ВСЕОБЩЕГО ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА У РИКАРДО. ВОЗМОЖНОСТЬ КРИЗИСА, ЗАЛОЖЕННАЯ ВО ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ ТОВАРА И ДЕНЕГ]

Вот еще несколько положений Рикардо:

«Можно подумать, ... что Адам Смит утверждает, будто мы *некоторым образом вынуждены*» (так оно и есть на деле) *«производить избыток хлеба, шерстяных и металлических изделий и будто капитал, производящий эти товары, не мог бы найти себе другое применение. Между тем способ применения того или другого капитала есть всегда дело свободного выбора, и поэтому никогда не может быть избытка какого-либо товара в течение сколько-нибудь продолжительного времени; ибо, если бы такой избыток имел место, цена товара упала бы ниже его естественной цены, и капитал был бы перемещен в какое-нибудь более выгодное занятие»* (стр. 341—342, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 240].

«Продукты всегда покупаются на продукты или на услуги; деньги — лишь посредник, при помощи которого совершается обмен»

(это имеет тот смысл, что деньги являются лишь средством обращения, а сама меновая стоимость — лишь мимолетной формой обмена продукта на продукт, что неверно).

«Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и на рынке может оказаться такой избыток его, что затраченный на него капитал не будет возмещен; *но это не может случиться со всеми товарами*» (стр. 341—342) [Русский перевод, том I, стр. 240].

«Понизится ли прибыль вследствие *роста производства и вызванного этим увеличения спроса* или нет, — это зависит исключительно от повышения заработной платы, а повышение последней, за исключением кратковременных повышений, в свою очередь зависит от легкости производства пищи и предметов необходимости для рабочих» (стр. 343) [Русский перевод, том I, стр. 241].

«Если купцы вкладывают свои капиталы во внешнюю торговлю или в судоходство, то они всегда делают это по своему свободному выбору, а не под давлением необходимости; они делают это потому, что их прибыль в этих отраслях будет несколько выше, чем во внутренней торговле» (стр. 344) [Русский перевод, том I, стр. 241].

Что касается кризисов, то все авторы, которые описывают действительное движение цен, или все практики, которые пишут в определенные моменты кризиса, справедливо игнорировали мнимо теоретическую болтовню и удовлетворялись заявлением о том, что учение о невозможности переполнения рынка и т. д. в абстрактной теории верно, но на практике ошибочно. Самим фактом регулярного повторения кризисов галиматъя Сэя и других была на деле низведена до уровня такой фразеологии, которая употребляется лишь во времена процветания, а во времена кризисов выбрасывается за борт.

[709] В кризисах мирового рынка бурно прорываются наружу противоречия и антагонизмы буржуазного производства. Но, вместо того чтобы исследовать, в чем состоят те антагонистические элементы, которые поражаются катастрофой, апологеты удовлетворяются тем, что отрицают самую катастрофу и вопреки ее закономерной периодичности упрямо утверждают, что если бы производство направлялось по учебникам, то дело никогда не доходило бы до кризиса. Апологетика состоит здесь, далее, в фальсификации простейших экономических отношений и особенно в том, что вопреки противоположности фиксируется единство.

Если, например, покупка и продажа, или движение метаморфоза товара, представляют единство двух процессов или, вернее, прохождение одного процесса через две противоположные фазы, если это движение, стало быть, существенным образом есть единство обеих фаз, то это есть столь же существенным образом также и разделение этих фаз и обособление их друг против друга, превращение их в нечто самостоятельное по отношению друг к другу. А так как они всё же внутренне связаны друг с другом, то обособление внутренне связанных моментов может проявиться лишь насильственно, как разрушительный процесс. Именно в кризисе обнаруживается действенная сила их единства, единства различных моментов. Та самостоятельность по отношению друг к другу, которую приобретают взаимно связанные и друг друга дополняющие моменты, насильственно уничтожается. Кризис обнаруживает, стало быть, единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов. Без этого внутреннего единства кажущихся безразличными по отношению друг к другу моментов не было бы и кризиса. Но

нет, говорит экономист-апологет. Так как имеет место единство, то кризис *не* может иметь места. А это, в свою очередь, означает не что иное, как утверждать, что единство противоположных моментов исключает их противоположность.

Чтобы доказать, что капиталистическое производство не может приводить к всеобщим кризисам, отрицаются все его условия и все определения его общественной формы, все его принципы и *differentiae specificae* *, словом, отрицается само *капиталистическое производство*, и в сущности доказывается, что если бы капиталистический способ производства был не специфически развитой, своеобразной формой общественного производства, а таким способом производства, который предшествует самым ранним зачаткам капитализма, то свойственные ему антагонизмы, противоречия, а потому также и их бурное проявление в кризисах не существовали бы.

«Продукты», — говорит Рикардо вслед за Сэем, — «всегда покупаются на продукты или на услуги; деньги — лишь посредник, при помощи которого совершается обмен» [Русский перевод, том I, стр. 240].

Следовательно, здесь, во-первых, *товар*, в котором существует противоположность между меновой и потребительной стоимостью, превращается просто в продукт (потребительную стоимость), а обмен товаров превращается, стало быть, просто в меновую торговлю продуктами, всего лишь потребительными стоимостями. Нас отодвигают назад, к тому, что имело место не только до капиталистического производства, но даже и до простого товарного производства, и от сложнейшего явления капиталистического производства — от кризиса мирового рынка — отделяются тем, что просто отрицают первое условие капиталистического производства, а именно, то условие, что продукт должен быть товаром, должен поэтому быть представлен как деньги и проделать процесс метаморфоза. Вместо того чтобы говорить о наемном труде, говорят об «услугах», — слово, в котором опять-таки отброшена специфическая определенность наемного труда и его потребления, а именно, свойство увеличивать стоимость тех товаров, на которые он обменивается, порождать прибавочную стоимость, — а тем самым отброшено и то специфическое отношение, благодаря которому деньги и товар превращаются в капитал. «Услуга» — это труд, взятый лишь как *потребительная стоимость* (а это является чем-то второстепенным в капиталистическом производстве), совершенно так же, как в слове «продукт» сущность *товара* и заложенное в нем противоречие оказываются скрытыми. Вполне последовательно,

* — специфические отличия. Ред.

что *деньги* в таком случае рассматриваются как всего лишь посредник обмена продуктами, а не как существенная и необходимая форма существования товара, который неизбежно должен проявить себя в качестве меновой стоимости, в качестве всеобщего общественного труда. Так как подобным превращением товара всего лишь в потребительную стоимость (в продукт) зачеркивается сущность [710] меновой стоимости, то столь же легко становится возможным — или, вернее, необходимым — отрицать *деньги* как существенную форму товара, являющуюся в процессе метаморфоза *самостоятельной* по отношению к первоначальной форме товара.

Следовательно, здесь от кризисов отмахиваются в своих рассуждениях тем, что забывают или отрицают исходные предпосылки капиталистического производства — наличие продукта как товара, раздвоение товара на товар и деньги, проистекающие отсюда моменты разделения в товарном обмене, наконец, то отношение, в котором деньги или товар находятся к наемному труду.

Не лучше, впрочем, обстоит дело и у тех экономистов (как, например, у Дж. Ст. Милля), которые хотят объяснить кризисы этими простыми, содержащимися в метаморфозе товаров *возможностями* кризиса — например, разделением покупки и продажи. Эти определения, объясняющие возможность кризиса, далеко еще не объясняют его действительности, не объясняют того, *почему* фазы процесса [воспроизводства] вступают в такой конфликт, что лишь путем кризиса, путем насильственного процесса может дать себя знать их внутреннее единство. Это *разделение* покупки и продажи и проявляется в кризисе; оно есть элементарная форма последнего. *Объяснять* кризис этой его элементарной формой — значит объяснять его существование тем, что выражает его бытие в его абстрактнейшей форме; т. е. объяснять кризис кризисом.

«Каждый человек», — говорит Рикардо *, — «производит только с целью потребления *или продажи*, и он продает только с целью *купить* какой-либо другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы служить для *будущего производства*. Таким образом, производя, он необходимо становится либо потребителем своих собственных продуктов (goods), либо покупателем и потребителем продуктов какого-либо другого лица. Нельзя предполагать, что он в течение *долгого времени* будет плохо осведомлен относительно того, какие товары он с наибольшей выгодой может производить, чтобы достигнуть преследуемой им цели, а именно — *приобрести другие продукты*. И поэтому маловероятно, что он *постоянно* (continually) будет производить такой товар, на который нет спроса» [Русский перевод, том I, стр. 239].

* См. настоящее издание, часть II, стр. 549. *Ред.*

Эта ребяческая болтовня достойна какого-нибудь Сэя, но не Рикардо. Прежде всего, ни один капиталист не производит для того, чтобы потреблять свой продукт. И когда мы говорим о капиталистическом производстве, мы можем с полным основанием сказать: «ни один человек не производит с целью потребления своего продукта», даже если он какие-то части своего продукта применяет вновь для производственного потребления. Но у Рикардо речь идет о частном потреблении. Рикардо забыл раньше, что продукт есть товар. Теперь им забыто даже общественное разделение труда. При тех общественных условиях, когда люди производят для самих себя, действительно не бывает кризисов, но нет также и капиталистического производства. Мы никогда и не слышали, чтобы древние с их основанным на рабстве производством знали когда-нибудь кризисы, хотя отдельные производители и у древних терпели банкротства. Первая часть альтернативы [«с целью потребления *или* продажи»] — бессмыслица. Нелепа и вторая часть. Человек, который произвел продукт, не имеет [в условиях капиталистического производства] выбора: продавать или нет. Он вынужден *продавать*. И вот при кризисах возникает как раз такое положение вещей, что он не может продать или же может продать лишь ниже цены издержек или даже вынужден продать прямо с убытком. Какая же польза ему, а также и нам, от того, что он произвел свой продукт для продажи? Дело именно в том, чтобы выяснить, что мешает этому его благому намерению осуществиться.

Далее:

«Каждый *продает* только с целью *купить* какой-либо другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы служить для будущего производства» [там же].

Какое идиллическое изображение буржуазных отношений! Рикардо забывает даже о том, что кто-нибудь может *продавать*, чтобы *платить*, и что эти вынужденные продажи играют очень значительную роль в кризисах. Ближайшая цель капиталиста при продаже состоит в том, чтобы обратно превратить свой товар или, вернее, свой товарный капитал в *денежный капитал* и таким путем *реализовать* свою прибыль. Потребление — доход — отнюдь не служит направляющим моментом этого процесса, каким оно, действительно, является для человека, продающего *товары* только для того, чтобы превратить их в жизненные средства. При капиталистическом же производстве доход [потребление] выступает как результат, а не как определяющая цель. Каждый *продает* прежде всего для того, чтобы продать, т. е. чтобы превратить товар в деньги.

[711] Во время кризиса человек может быть весьма доволен, если он *продал*, а о покупке он может пока и не помышлять. Конечно, для того чтобы реализованная стоимость могла снова действовать как капитал, она должна проделать процесс воспроизводства, т. е. должна снова быть обменена на труд и товары. Но кризис как раз и есть момент нарушения и перерыва процесса воспроизводства. И это нарушение не может быть объяснено указанием на то, что оно не имеет места в периоды, когда нет кризиса. Не подлежит никакому сомнению, что никто не «будет постоянно производить такой товар, на который нет спроса» (стр. 339—340), но такой нелепой гипотезы никто и не высказывает. Да она и вообще совершенно не относится к делу. Цель капиталистического производства — это прежде всего не «приобретение других продуктов», а присвоение стоимости, денег, абстрактного богатства.

В основе рассуждений Рикардо здесь лежит также и рассмотренное мною раньше ¹²⁹ положение Джемса Милля о «метафизическом равновесии покупок и продаж» — положение, которое в процессах покупки и продажи видит *только* единство, но не разделение. Отсюда и такое утверждение Рикардо (вслед за Джемсом Миллем):

«Какой-нибудь *отдельный* товар может быть произведен в излишнем количестве, и на рынке может оказаться такой избыток его, что затраченный на него капитал не будет возмещен; но это не может случиться со *всеми* товарами» (стр. 341—342) [Русский перевод, том I, стр. 240].

Деньги не только такой «посредник, при помощи которого совершается обмен» (стр. 341), но вместе с тем также и такой посредник, благодаря которому обмен продукта на продукт распадается на два акта, не зависящие один от другого и разделенные во времени и пространстве. А приведенное неправильное понимание денег покоится у Рикардо на том, что он вообще рассматривает лишь *количественное определение* меновой стоимости, а именно, то, что она равна определенному количеству рабочего времени, и забывает, напротив, о *качественном* определении ее, а именно, о том, что индивидуальный труд выражает себя как *абстрактно всеобщий, общественный* труд только путем своего отчуждения (alienation) *.

Положение о том, что не *все* виды товаров, а только *отдельные* их виды могут оказаться в «избытке на рынке», что перепроиз-

* [718] (Что Рикардо рассматривает деньги только как *средство обращения*, совершенно тому, что он *меновую стоимость* рассматривает только как мимолетную форму, вообще как нечто лишь формальное для буржуазного, или капиталистического, производства; поэтому последнее и фигурирует у него не как специфически определен-
ный способ производства, а как *единственный* способ производства вообще.) [718]

водство поэтому всегда может быть лишь частичным, представляет собой жалкую увертку. Прежде всего, если иметь в виду только природу товара, ничто не мешает тому, чтобы *все товары* были на рынке в избытке и чтобы поэтому все они упали ниже своей цены ¹³⁰. Ведь здесь речь идет как раз лишь о моменте кризиса. Именно все товары, кроме *денег*. То, что *данный* товар необходимо должен быть представлен в деньгах, означает лишь, что эта необходимость существует для *всех* товаров. И в той же мере, в какой отдельному товару трудно проделать этот метаморфоз, это может быть трудно и для всех товаров. Общая природа метаморфоза товаров, — который включает отделение покупки и продажи друг от друга, так же как и их единство, — не только не исключает *возможность* всеобщего переполнения рынка, а, наоборот, как раз и есть сама эта возможность всеобщего переполнения.

Далее, рикардовские и другие подобные рассуждения исходят, конечно, из отношения не только между *покупкой и продажей*, но и между *спросом и предложением*, что мы должны разобрать лишь при рассмотрении конкуренции капиталов. По Миллю, покупка есть продажа и т. д., отсюда получается, что и спрос есть предложение, а предложение — спрос. Но ведь они также и отделяются друг от друга и могут приобрести самостоятельность по отношению друг к другу. Предложение всех товаров может в данный момент быть больше спроса на все товары благодаря тому, что спрос на *всеобщий товар*, на деньги, на меновую стоимость, больше спроса на все особые товары, другими словами, благодаря тому, что момент выражения товара в деньгах, реализации его меновой стоимости, берет верх над моментом обратного превращения товара в потребительную стоимость.

Если отношение между спросом и предложением понимать в более широком и более конкретном смысле, то сюда войдет отношение между *производством и потреблением*. Здесь опять-таки следовало бы не упускать из виду существующее в скрытом состоянии и как раз в кризисе насильственно прорывающееся наружу *единство* обоих этих моментов в его отношении к тоже существующему и даже характерному для буржуазного производства *разделению и противоположности* их.

Что касается противопоставления частичного перепроизводства всеобщему, поскольку дело сводится к тому, чтобы признать первый вид перепроизводства с целью увильнуть от признания второго, то относительно этого надлежит заметить следующее:

Во-первых: кризисам чаще всего предшествует всеобщее вздутие цен на все предметы, являющиеся продуктами капиталистического производства. Поэтому все эти товары участвуют в последующем крахе, и при тех ценах, которые существовали на них до краха, все они создают перегрузку рынка. По падающим ценам, по ценам, упавшим ниже цен издержек, рынок может поглотить такую массу товаров, какой он не мог бы поглотить по их прежним рыночным ценам. Избыток товаров всегда относителен, т. е. это есть избыток товаров при данных ценах. Те цены, по которым в этом случае поглощаются товары, разорительны для производителя или купца.

[712] *Во-вторых:* для того чтобы кризис (стало быть, также и перепроизводство) был всеобщим, достаточно, чтобы он охватил ведущие предметы торговли.

[9) ОШИБОЧНЫЙ ВЗГЛЯД РИКАРДО НА СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРОИЗВОДСТВОМ И ПОТРЕБЛЕНИЕМ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ]

Рассмотрим подробнее, как Рикардо пытается отмахнуться в своих рассуждениях от всеобщего переполнения рынка:

«Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и на рынке может оказаться такой избыток его, что затраченный на него капитал не будет возмещен; но это не может случиться со всеми товарами. Спрос на хлеб ограничивается числом ртов, которые будут потреблять его, спрос на обувь и одежду — числом лиц, которые будут их носить. Но даже если общество или часть общества может иметь столько хлеба, шляп и обуви, сколько оно может или хочет потребить, то *этого нельзя сказать о всех продуктах, производимых природой или промышленностью*. Некоторые люди потребляли бы больше вина, если бы имели возможность приобрести его. У других вина достаточно, но они хотели бы увеличить количество своей мебели или улучшить ее качество. Третьи желали бы украсить свои парки или расширить свои дома. Стремление сделать все это или что-нибудь из этого заложено в груди каждого человека; для этого требуются лишь необходимые средства, и ничто другое не может предоставить эти средства, кроме как увеличение производства» (стр. 341—342) [Русский перевод, том I, стр. 240—241].

Возможно ли более ребяческое рассуждение? Оно означает следующее. Отдельный товар может быть произведен в большем количестве, чем то, которое может быть потреблено. Но это не может относиться одновременно ко *всем* товарам. Ибо потребности, удовлетворяемые товарами, безграничны, и все эти потребности не удовлетворяются одновременно. Напротив. Процесс удовлетворения одной потребности заставляет другую перейти, так сказать, в скрытое состояние. Выходит, что ничего не требуется, кроме средств для удовлетворения этих потребностей, а эти средства могут быть добыты лишь путем увеличения производства. Значит, всеобщее перепроизводство невозможно.

К чему все это? В моменты перепроизводства значительная часть нации (в особенности рабочий класс) в меньшей степени, чем когда-либо в другое время, обеспечена хлебом, обувью и т. д., не говоря уже о вине и мебели. Если бы перепроизводство могло возникать только после того, как все члены нации удовлетворили хотя бы самые насущные потребности, то в истории буржуазного общества до наших дней ни разу не могло бы иметь место не только всеобщее, но даже и частичное перепроизводство. Если, например, рынок переполнен обувью или ситцем, вином или колониальными продуктами, то разве это значит, что хотя бы только две трети нации до пресыщения удовлетворили свою потребность в обуви, ситце и т. д.? Какая вообще существует связь между перепроизводством и абсолютными потребностями? Перепроизводство связано только с платежеспособными потребностями. Речь идет не об абсолютном перепроизводстве — не о перепроизводстве самом по себе, взятом по отношению к абсолютной потребности или желанию обладать товарами. В этом смысле не существует ни частичного, ни всеобщего перепроизводства, и они вовсе не противостоят друг другу.

Но, скажет Рикардо, если имеется масса людей, которым нужны обувь и ситец, то почему же они не добывают себе средств для покупки их, почему они не займутся производством чего-нибудь такого, на что они могли бы купить обувь и ситец? Не будет ли еще проще сказать: почему они не производят для себя обувь и ситец? И что еще поразительнее в перепроизводстве — это то, что подлинные производители тех самых товаров, которые переполняют рынок, — рабочие — терпят нужду в них. Здесь нельзя сказать, что они должны были бы произвести эти вещи, чтобы получить их, ибо они их произвели и все-таки не имеют их. Нельзя также сказать, что определенный товар потому переполняет рынок, что нет потребности в этом товаре. Если, следовательно, даже *частичное* перепроизводство нельзя объяснить тем, что количество переполняющих рынок товаров превосходит потребность в них, то от *всеобщего* перепроизводства уже никак не удастся отмахнуться при помощи рассуждений о том, что существует потребность во многих из тех товаров, которые имеются на рынке, — потребность, остающаяся неудовлетворенной.

Вернемся к примеру с фабрикантом ситца *. Пока воспроизводство протекало без перебоев, — а значит без перебоев

* См. настоящее издание, часть II, стр. 531 и следующие (там вместо «фабриканта ситца» фигурирует «фабрикант холста», что несколько не меняет сути дела). *Ред.*

протекала и та фаза этого воспроизводства, в которой ситец, продукт, существующий как товар, как товар для продажи, обратно превращался в деньги по своей стоимости, — до тех пор и рабочие, производящие ситец, тоже потребляли, допустим, часть этого ситца, а с расширением производства, т. е. с накоплением, они потребляли его соответственно больше, или в производстве ситца было занято больше рабочих, которые вместе с тем являлись отчасти и его потребителями.

[10] ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КРИЗИСА В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. КРИЗИС КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВСЕХ ПРОТИВОРЕЧИЙ БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИКИ]

Прежде чем идти дальше, отметим следующее.

Отделение друг от друга процесса производства (непосредственного) и процесса обращения представляет собой опять-таки — и в более развитом виде — *возможность* кризиса, которая обнаружилась уже при рассмотрении *простого метаморфоза* товара ¹⁸¹. Лишь только эти процессы, вместо того чтобы плавно переходить один в другой, [713] приобретают самостоятельность как обособленные и противостоящие друг другу моменты, — кризис налицо.

При метаморфозе товара возможность кризиса выражается в следующем:

Во-первых, товар, существующий реально как потребительная стоимость, а идеально, в цене, как меновая стоимость, должен быть превращен в деньги: $T — Д$. Если эта трудность — продажа — разрешена, то покупка, $Д — Т$, уже не представляет затруднения, так как деньги обладают способностью непосредственно обмениваться на всё. Необходимой предпосылкой является при этом наличие потребительной стоимости товара, полезность содержащегося в нем труда; в противном случае это вообще не товар. Далее предполагается, что индивидуальная стоимость товара равна его общественной стоимости, т. е. что материализованное в нем рабочее время равно рабочему времени, общественно *необходимому* для производства этого товара. Поэтому возможность кризиса в том смысле, в каком она обнаруживается в простой форме метаморфоза, проистекает лишь из того, что те различия формы — те фазы, через которые метаморфоз товара проходит в своем движении, — во-первых, суть необходимо дополняющие друг друга формы и фазы, а во-вторых, несмотря на эту внутреннюю необходимую взаимосвязь, представляют собой существующие безразлично друг к другу, не совпадающие во времени и про-

странстве, отделимые и отделенные друг от друга и друг от друга не зависящие части и формы процесса. Следовательно, возможность кризиса заключается здесь исключительно в отделении друг от друга продажи и покупки. Только в форме товара приходится товару преодолевать здесь стоящую перед ним трудность. Как только он приобрел форму денег, эта трудность уже позади. Далее, однако, также и это сводится к отделению друг от друга продажи и покупки. Если бы товар не имел возможности в форме денег покидать сферу обращения, или, другими словами, отсрочивать свое обратное превращение в товар, если бы — как это имеет место при непосредственной меновой торговле — покупка и продажа совпадали, то при сделанных предположениях *возможность* кризиса отпала бы. Ибо предположено, что товар есть *потребительная стоимость* для других товаровладельцев. В форме непосредственной меновой торговли товар только тогда не может быть обменян, когда он не является потребительной стоимостью или же когда на другой стороне нет других потребительных стоимостей, которые могли бы быть обменены на него; стало быть, лишь при двух условиях: или когда одна сторона произвела нечто *бесполезное*, или когда у другой стороны нет ничего *полезного*, что можно было бы обменивать, в качестве эквивалента, на потребительную стоимость, имеющуюся у первой стороны. Но в обоих случаях обмен вообще не имел бы места. *Однако если бы обмен имел место*, то его моменты не были бы отделены друг от друга. Покупатель был бы продавцом, продавец — покупателем. Таким образом, отпал бы *критический* момент, проистекающий из формы обмена, поскольку обмен является обращением, — и если мы говорим, что простая форма метаморфоза включает в себе возможность кризиса, то мы лишь говорим, что в самой этой форме заложена возможность разрыва и отделения друг от друга существенно дополняющих друг друга моментов.

Но это касается также и содержания. При непосредственной меновой торговле главная масса продукции у производителя тех или других продуктов предназначена для удовлетворения его собственной потребности или, при несколько более развитом разделении труда, для удовлетворения известных ему потребностей его сотоварищей по производственной деятельности. То, что подлежит обмену как товар, это — излишек, и остается несущественным, будет ли этот излишек обменян или нет. При *товарном производстве* превращение продукта в деньги, продажа, представляет собой *conditio sine qua non* *. Непосредственное

* — необходимое, обязательное условие, *Ред.*

производство для удовлетворения собственных потребностей отпадает. Если товары остаются непроданными, то кризис налицо. Трудность превращения *товара* — особого продукта индивидуального труда — в деньги, его противоположность, в абстрактно всеобщий, общественный труд, заключается в том, что *деньги* не выступают как особый продукт индивидуального труда, что тот, кто продал, т. е. тот, кто теперь владеет товаром в форме денег, не вынужден сейчас же покупать снова, снова превращать деньги в особый продукт индивидуального труда. В меновой торговле этой противоположности не существует. Здесь никто не может быть продавцом, не будучи покупателем, и покупателем, не будучи продавцом. Трудность, испытываемая продавцом, — при предположении, что его товар имеет потребительную стоимость, — проистекает исключительно из того, что покупатель легко может отложить обратное превращение денег в товар. Эта трудность превращения товара в деньги, продажи его, проистекает исключительно из того, что товар должен быть превращен в деньги, деньги же отнюдь не должны быть немедленно превращены в товар, так что *продажа* и *покупка* могут оторваться друг от друга. Мы сказали, что эта *форма* заключает в себе *возможность кризиса*, т. е. возможность того, что моменты, взаимно и неразрывно связанные друг с другом, отрываются один от другого, вследствие чего их соединение осуществляется насильственным путем, так что их взаимная связь пробивает себе дорогу посредством насилия, учиняемого над той самостоятельностью, которую они приобрели по отношению друг к другу. [714] А *кризис* есть не что иное, как насильственное осуществление единства фаз процесса производства, обособившихся и ставших самостоятельными по отношению друг к другу.

Общая, абстрактная возможность кризиса означает не что иное, как *наиболее абстрактную форму* кризиса, без содержания, без содержательной побудительной причины кризиса. Продажа и покупка могут оторваться друг от друга. Они, следовательно, суть *кризис potentia* *, и их совпадение всегда остается критическим моментом для товара. Но они могут и плавно переходить одна в другую. Стало быть, остается в силе, что *наиболее абстрактной формой кризиса* (и потому формальной возможностью кризиса) является сам *метаморфоз товара*, в котором, как развернутое движение, содержится лишь заключенное в единстве товара противоречие меновой и потребительной стоимости, далее — денег и товара. Но то, благодаря чему

* — в возможности. Ред.

эта возможность кризиса становится кризисом, не содержится в самой этой форме; в ней содержится лишь то, что *форма* для кризисов налицо.

И это-то и важно при рассмотрении буржуазной экономики. Кризисы мирового рынка должны рассматриваться как реальное сведение воедино и насильственное выравнивание всех противоречий буржуазной экономики. Поэтому те отдельные моменты, которые таким образом сводятся воедино в этих кризисах, должны выступать и прослеживаться в каждой сфере буржуазной экономики, и по мере того, как мы всё дальше и дальше проникаем в эту экономику, мы должны, с одной стороны, раскрывать всё новые и новые определения этого противоречия, а с другой стороны, показывать, как в более конкретных формах его повторяются и содержатся его более абстрактные формы.

Итак, можно сказать: кризис в его первой форме есть сам метаморфоз товара, отделение друг от друга покупки и продажи. Кризис в его второй форме связан с функцией денег как средства платежа. Здесь деньги в два различных, отделенных друг от друга момента времени фигурируют в двух различных функциях.

Обе эти формы еще совершенно абстрактны, хотя вторая и конкретнее первой.

Таким образом, при рассмотрении *процесса воспроизводства* капитала (который совпадает с его обращением) прежде всего надлежит показать, что упомянутые выше формы здесь просто повторяются, или, вернее, впервые здесь получают содержание, основу, на которой они могут себя проявить.

Рассмотрим то движение, которое продельывает капитал с того момента, когда он, как товар, покидает процесс производства, чтобы затем снова возникнуть из него в форме товара. Если мы отвлечемся здесь от всех дальнейших определений содержания, то мы будем иметь перед собой следующее: совокупный товарный капитал, как и каждый отдельный товар, входящий в него, должен проделать процесс $T - D - T$, метаморфоз товара. Таким образом, общая возможность кризиса, содержащаяся в этой форме, — отделение друг от друга покупки и продажи, — содержится и в движении капитала, поскольку капитал *тоже* есть товар и представляет собой не что иное, как товар. Кроме того, из взаимосвязанности метаморфозов различных товаров вытекает, что один товар превращается в деньги потому, что другой товар обратно превращается из формы денег в товар. Следовательно, отделение друг от друга покупки и продажи здесь выступает, далее, в таком виде, что

превращению одного капитала из формы товара в форму денег должно соответствовать обратное превращение другого капитала из формы денег в форму товара, первый метаморфоз одного капитала должен соответствовать второму метаморфозу другого капитала, оставление процесса производства одним капиталом должно соответствовать возвращению в процесс производства другого капитала. Такое взаимное сращение и переплетение процессов воспроизводства или обращения различных капиталов является, с одной стороны, необходимым вследствие разделения труда, а с другой стороны — случайным, и уже в силу этого расширяется определение содержания кризиса.

А во-вторых, что касается возможности кризиса, происходящей из формы денег как *средства платежа*, то при рассмотрении капитала обнаруживается уже гораздо более реальная основа для превращения этой возможности в действительность. Например, владелец ткацкой фабрики должен оплатить весь постоянный капитал, элементы которого были доставлены владельцем прядильной фабрики, льноводом, владельцами машиностроительного и железоделательного заводов, лесопромышленником, углепромышленником и т. д. Поскольку последние производят такой постоянный капитал, который входит только в производство постоянного капитала, не входя в конечный товар, в ткань, постольку они путем обмена капитала на капитал возмещают друг другу свои условия производства. Предположим [715] теперь, что владелец ткацкой фабрики продает свою ткань за 1000 ф. ст. *купцу*, но под вексель, так что деньги фигурируют в качестве *средства платежа*. Этот вексель владелец ткацкой фабрики в свою очередь продает *банкиру*, у которого он производит этим путем уплату, скажем, какого-нибудь долга или который учитывает ему этот вексель. Точно так же под вексель продал льновод владельцу прядильной фабрики, а последний — владельцу ткацкой фабрики, точно так же машиностроитель — владельцу ткацкой фабрики, металлург и лесопромышленник — машиностроителю, углепромышленник — владельцам прядильной и ткацкой фабрик, машиностроителю, металлургу и лесопромышленнику. Кроме того, металлург, углепромышленник, лесопромышленник, льновод уплатили друг другу векселями. И вот, если теперь купец не платит, то владелец ткацкой фабрики не может оплатить свой вексель банкиру.

Льновод выдал вексель на владельца прядильной фабрики, машиностроитель — на владельцев ткацкой и прядильной фабрик. Владелец прядильной фабрики не может платить, так как не в состоянии заплатить владелец ткацкой фабрики; оба они

не платят машиностроителю, а этот последний не платит металлургу, лесопромышленнику, углепромышленнику. И все они в свою очередь, не реализуя стоимости своего товара, не могут возместить ту часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал. Так возникает всеобщий кризис. Это не что иное, как *возможность кризиса*, отмеченная при рассмотрении денег как средства платежа, но мы видим здесь, в капиталистическом производстве, уже такую связь взаимных долговых требований и обязательств, покупок и продаж, при наличии которой *возможность кризиса* может развиваться в действительность.

При всех обстоятельствах мы имеем следующее:

Если покупка и продажа не застывают в напряженном положении друг против друга и потому не возникает необходимости в их насильственном выравнивании; если, с другой стороны, деньги в качестве средства платежа функционируют так, что долговые обязательства взаимно погашают друг друга и, значит, не воплощается в действительность то противоречие, которое потенциально имеется в деньгах как средстве платежа; если, следовательно, обе эти абстрактные формы кризиса не проявляются реально как таковые, — то кризиса не существует. Не может быть кризиса без того, чтобы покупка и продажа не оторвались друг от друга и не вступили в противоречие, или без того, чтобы не проявились те противоречия, которые содержатся в деньгах как средстве платежа, стало быть, без того, чтобы кризис не выступил вместе с тем в своей простой форме — в форме противоречия покупки и продажи и в форме противоречия денег как средства платежа. Но это всё же лишь *формы*, общие возможности кризисов, а потому и формы, абстрактные формы действительного кризиса. Бытие кризиса выступает в них как в своих простейших формах, а также в своем простейшем содержании, поскольку сама эта форма есть его простейшее содержание. Но это еще не есть *обоснованное* содержание. Простое денежное обращение и даже обращение денег как средства платежа, — и то и другое возникает задолго до капиталистического производства, не порождая кризисов, — возможны и действительны без кризисов. Стало быть, одними этими формами нельзя объяснить, почему они оборачиваются своей критической стороной, почему содержащееся в них *potentia* * противоречие проявляется *actu* ** как таковое.

Отсюда видна безмерная пошлость тех экономистов, которые, не будучи уже в состоянии отмахнуться посредством

* — потенциально, в возможности. *Ред.*

** — действительно, реально, на деле. *Ред.*

рассуждений от явления перепроизводства и кризисов, успокаиваются на том, что в вышеозначенных формах дана [лишь] возможность наступления *кризисов*, так что *случайным* является и то, что они не наступают, и само их наступление представляется всего лишь *случайностью*.

Развившиеся в товарном обращении и далее в денежном обращении противоречия — а значит, и возможности кризиса — сами собою воспроизводятся в капитале, так как развитое товарное и денежное обращение имеет место в действительности только на основе капитала.

Но теперь речь идет о том, чтобы проследить дальнейшее развитие потенциального кризиса, — реальный кризис может быть выведен лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита, — о том, чтобы показать дальнейшее развитие потенциального кризиса, поскольку он происходит из тех определений формы капитала, которые *присущи* капиталу как капиталу и не заключены просто в его бытии как товара и денег.

[716] Сам по себе один лишь (непосредственный) *процесс производства* капитала не может прибавить здесь ничего нового. Для того чтобы процесс производства капитала вообще существовал, его условия предполагаются данными. Поэтому в первом разделе о капитале — в разделе о *непосредственном* процессе производства — не прибавляется ни одного нового элемента кризиса. *Потенциально* элемент кризиса здесь содержится, ибо процесс производства есть присвоение прибавочной стоимости, а потому и ее производство. Но в самом процессе производства это не может проявиться, так как в нем еще не идет речь о *реализации* не только воспроизведенной стоимости, но и прибавочной стоимости.

Обнаружиться это может впервые лишь в *процессе обращения*, который сам по себе является в то же время и *процессом воспроизводства*.

Далее здесь следует заметить, что мы должны изобразить процесс обращения или процесс воспроизводства *до* того, как мы изобразим готовый капитал — *капитал и прибыль*; ибо нам надлежит выяснить не только то, как капитал производит, но и то, как капитал производится. Действительное же движение исходит из имеющегося уже налицо капитала, — речь идет о действительном движении на основе развитого, с самого себя начинающего, самого себя предполагающего капиталистического производства. Поэтому процесс воспроизводства и получившие в нем дальнейшее развитие зародыши кризисов могут быть в самом разделе, трактующем о воспроизводстве, выяснены лишь

неполно и требуют дополнительного рассмотрения в главе «Капитал и прибыль»¹³².

Совокупный процесс обращения или совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обращения, т. е. такой процесс, который проходит через оба указанные процесса как через свои фазы. Здесь заложена получившая дальнейшее развитие возможность кризиса, или его получившая дальнейшее развитие абстрактная форма. Поэтому экономисты, отрицающие кризисы, отстаивают лишь единство обеих этих фаз. Если бы эти фазы были лишь отделены друг от друга, не будучи чем-то единым, то было бы невозможно насильственное восстановление их единства, невозможен был бы кризис. Если бы они были лишь едины, не будучи отделимы друг от друга, то было бы невозможно насильственное отделение их, что опять-таки представляет собой кризис. Кризис есть насильственное восстановление единства моментов, ставших самостоятельными, и насильственное превращение в нечто самостоятельное таких моментов, которые по существу составляют нечто единое. [716]

[11] К ВОПРОСУ О ФОРМАХ КРИЗИСА]

[770a] К стр. 716.

Итак:

1) Общая *возможность* кризисов дана в самом процессе *метаморфоза капитала* и притом вдвойне. Поскольку деньги функционируют в качестве *средства обращения*, возможность кризисов содержится в отделении друг от друга *покупки и продажи*. Поскольку деньги функционируют в качестве *средства платежа*, где они действуют в два различных момента времени как *мера стоимостей* и как *реализация стоимости*, — возможность кризисов содержится в отделении друг от друга этих двух моментов. Если стоимость *в промежуток* между этими двумя моментами изменилась и товар в момент его продажи не *стоит* столько, сколько он *стоил* в тот момент, когда деньги функционировали в качестве меры стоимостей, а поэтому и взаимных обязательств, то долговое обязательство не может быть оплачено из *вырученных за товар денег*, и потому не может быть сальдирован весь ряд сделок, которые, в свою очередь, зависят от этого обязательства. Раз товар не мог быть продан в течение *определенного промежутка времени*, — даже если не изменилась его стоимость, — то одного этого обстоятельства уже достаточно для того, чтобы *деньги* не могли выполнить

свою функцию *средства платежа*, ибо они должны функционировать как средство платежа в *определенный, заранее установленный срок*. А так как одна и та же сумма денег функционирует для ряда взаимных сделок и обязательств, то *невозможность уплаты* возникает здесь не в одном только, а во многих пунктах, и отсюда проистекает *кризис*.

Таковы *формальные возможности* кризиса. Первая возможна без последней, т. е. кризисы возможны без кредита, без того, чтобы деньги функционировали как средство платежа. Но вторая невозможна *без первой*, т. е. без отделения покупки и продажи друг от друга. Однако в последнем случае кризис наступает не только потому, что товар вообще не может быть продан, но и потому, что он не может быть продан в течение *определенного промежутка времени*, и кризис возникает и получает здесь свой характер не только от того, что товар *не может быть продан*, но и от того, что *не реализуется целый ряд платежей*, которые основаны на продаже этого определенного товара в этот определенный срок. Такова *форма денежных кризисов в собственном смысле слова*.

Таким образом, если *кризис* наступает вследствие отделения друг от друга покупки и продажи, то он развивается как *денежный кризис*, когда деньги уже функционируют как *средство платежа*, и эта *вторая форма* кризисов в таком случае возникает в качестве чего-то само собой разумеющегося, как только *наступает первая*. Стало быть, при исследовании того, почему *общая возможность кризиса* становится *действительностью*, при исследовании *условий* кризиса, совершенно излишне уделять особое внимание *форме* тех кризисов, которые возникают из развития денег как *средства платежа*. Именно поэтому экономисты и любят ссылаться на эту *само собой разумеющуюся форму* как на *причину* кризисов. (Поскольку развитие денег как средства платежа связано с развитием кредита и его *разбуханием*, следует, конечно, выяснить причины этих явлений, но здесь еще не место для этого.)

2) В той мере, в какой кризисы вызываются *изменениями и революциями цен*, не совпадающими с *изменениями стоимости* товаров, они, естественно, не могут быть разобраны при рассмотрении капитала вообще, где предполагаются *цены, тождественные со стоимостями* товаров.

3) *Общая возможность* кризисов есть сам *формальный метаморфоз* капитала, отделение друг от друга покупки и продажи во времени и пространстве. Но это никогда не является *причиной* кризиса. Ибо это не что иное, как *наиболее общая форма кризиса*, т. е. сам кризис в его *наиболее общем выражении*.

Но нельзя сказать, что *абстрактная форма кризиса* есть *причина кризиса*. Если спрашивают о его причине, то хотят именно знать, почему *его абстрактная форма*, форма его возможности, превращается из возможности в *действительность*.

4) *Общие условия* кризисов, поскольку они не зависят от *колебаний цен* (все равно, связаны ли эти колебания цен с кредитом или нет), отличающихся от колебаний стоимостей, надлежит выводить из общих условий капиталистического производства. [770a]

[716] (*Кризис* может наступить: 1) при *обратном превращении* [денег] в *производительный капитал* — в результате *изменений стоимости* элементов производительного капитала, особенно *сырья*; например, когда объем урожая хлопка уменьшается и его *стоимость* тем самым возрастает. Мы здесь имеем дело еще не с ценами, а со *стоимостями*.) [716]

[770a] *Первый момент. Обратное превращение денег в капитал*. Предполагается определенная ступень *производства или воспроизводства*. Основной капитал может рассматриваться здесь как нечто данное, неизменное, не входящее в *процесс образования стоимости*. Так как воспроизводство сырья зависит не только от затраченного на него труда, но и от производительности этого труда, связанной с *природными условиями*, то масса продукта — даже [XIV—771a] *масса* продукта, произведенная *тем же самым* количеством труда, — может уменьшиться (при *плохих урожаях*). Следовательно, *стоимость сырья повышается*, а *масса* его уменьшается. Тем самым нарушено то *соотношение*, в котором деньги должны обратно превратиться в *различные составные части* капитала для того, чтобы производство продолжалось в прежнем масштабе. Больше должно быть затрачено на *сырье*, меньше остается для затраты на *труд*; поэтому не может быть поглощено такое же количество труда, как прежде. Во-первых, это *невозможно физически*, так как уменьшилось количество сырья; во-вторых, это невозможно потому, что на сырье должна быть затрачена более значительная, чем прежде, *часть стоимости продукта* и, следовательно, в *переменный капитал* может быть превращена менее значительная часть ее. Воспроизводство не может быть *повторено* в прежнем масштабе. Часть *основного капитала* бездействует, часть рабочих оказывается выброшенной на улицу. *Норма прибыли* падает, так как стоимость постоянного капитала увеличилась по сравнению с переменным и применяется меньше переменного капитала. Заранее фиксированные отчисления — процент, рента, — установленные в расчете на *неизменную* норму прибыли и эксплуатации труда, остаются прежними и частью *не могут*

быть оплачены. Отсюда кризис. Кризис труда и кризис капитала. Это, следовательно, такое *нарушение процесса воспроизводства*, которое вызвано тем, что повысилась стоимость одной из частей постоянного капитала, подлежащих возмещению из стоимости продукта. Далее, несмотря на понижение *нормы прибыли*, здесь имеет место *вздорожание продукта*. Если этот продукт в качестве средства производства входит в другие сферы производства, то его вздорожание вызывает в них такое же нарушение *воспроизводства*. Если он входит в качестве жизненного средства в общее потребление, то он или входит вместе с тем в *потребление рабочих*, или не входит. В первом случае последствия будут те же, что и при нарушениях в *переменном капитале*, о чем речь будет впереди. Но если продукт вообще входит в *общее потребление*, то в результате его вздорожания (если его потребление не сокращается) может уменьшиться *спрос* на другие продукты, а потому станет *невозможным их обратное превращение* в сумму денег, соответствующую их стоимости; таким образом нарушается *другая сторона их воспроизводства*: не *обратное превращение денег* в производительный капитал, а *обратное превращение товара* в деньги. Во всяком случае, в рассматриваемой нами отрасли производства уменьшается *масса прибыли* и *масса заработной платы*, а тем самым уменьшается и *часть необходимой выручки* от продажи товаров других отраслей.

Но такого рода *недостаток сырья* может получиться также и *независимо от урожая*, или от обусловленной *природными факторами производительности* труда, доставляющего сырье. А именно, если в какой-либо отдельной отрасли производства на машины и т. д. затрачена *непомерно большая часть прибавочной стоимости*, *добавочного капитала*, то, при *новом масштабе* производства, сырья будет недостаточно, хотя его было бы достаточно при производстве в *прежнем масштабе*. Следовательно, это происходит в результате *непропорционального превращения* добавочного капитала в его различные элементы. В данном случае перед нами *перепроизводство основного капитала*, которое порождает здесь точно такие же явления, как и те, которые порождаются в первом случае [т. е. при плохом урожае сырья].

[861a] [.....] *
.....] *

Или же они [кризисы] покоятся на *перепроизводстве основного капитала* и, следовательно, на относительном недопроизводстве оборотного капитала.

* В рукописи здесь оборван левый верхний угол страницы, вследствие чего от первых девяти строк текста сохранились только правые концы шести строк,

Так как *основной капитал*, как и оборотный, состоит из товаров, то нет ничего более смешного, чем позиция тех экономистов, которые отрицают *перепроизводство товаров*, но в то же время признают *перепроизводство основного капитала*.

5) *Кризисы, возникающие из нарушений первой фазы воспроизводства*, т. е. из затруднений в превращении товаров в деньги, или *затруднений в продаже*. При кризисах первого рода [происходящих в результате вздорожания сырья] кризис возникает из затруднений в *обратной покупке* элементов производительного капитала. [XIV — 861a]

**[12] ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ПРОИЗВОДСТВОМ
И ПОТРЕБЛЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА.
ПРЕВРАЩЕНИЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА ВЕДУЩИХ ПРЕДМЕТОВ
ПОТРЕБЛЕНИЯ ВО ВСЕОБЩЕЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО]**

[XIII—716] Прежде чем перейти к новым формам кризиса ¹³³, вернемся опять к Рикардо и к вышеприведенному примеру*.

[716] Пока у фабриканта ситца имеет место воспроизводство и накопление, его рабочие также являются покупателями части принадлежащего ему продукта, они часть своей заработной платы расходуют на ситец. Именно потому, что у фабриканта идет производство, рабочие имеют средства для покупки некоторой доли его продукта, а значит они частично дают ему возможность продать продукт. Выступать как покупатель — как представитель спроса — рабочий может по отношению к тем только товарам, которые входят в индивидуальное потребление, так как он не сам распоряжается своим собственным трудом, а значит и не сам владеет условиями осуществления своего труда — средствами труда и материалом труда. Следовательно, уже это обстоятельство исключает наибольшую часть производителей (там, где развито капиталистическое производство, —

не дающие возможности полностью восстановить весь текст, но позволяющие догадываться, что Маркс говорит здесь о кризисах, возникающих «из революции в стоимости переменного капитала». «Вздорожание необходимых жизненных средств», вызванное, например, плохим урожаем, ведет к увеличению затраты на рабочих, «приводимых в движение переменным капиталом, и одновременно с этим — к уменьшению» спроса «на все другие товары, на все те товары, которые не входят в потребление» рабочих. Поэтому становится невозможной «продажа этих товаров по их стоимости», нарушается «первая фаза их воспроизводства, превращение» товаров в деньги. Следовательно, вздорожание жизненных средств «ведет к наступлению кризиса в других отраслях производства».

В двух последних строках поврежденной части страницы содержится подытоживающая все это рассуждение мысль о том, что кризисы могут возникать в результате вздорожания сырья, «входит ли это сырье в качестве материала в постоянный капитал или в качестве жизненных средств» в потребление рабочих. *Ред.*

* См. настоящее издание, часть II, стр. 531 и следующие (там вместо «фабриканта ситца» фигурирует «фабрикант холста», что нисколько не меняет сути дела), а также стр. 563. *Ред.*

самих рабочих) из числа потребителей, покупателей. Они не покупают сырья и средств труда, они покупают только жизненные средства (товары, непосредственно входящие в индивидуальное потребление). Поэтому нет ничего более смехотворного, чем разговоры о тождестве производителей и потребителей; ибо для чрезвычайно большого количества отраслей производства — для всех тех отраслей, которые не производят предметов непосредственного потребления, — основная масса участвующих в производстве абсолютно отстранена от *покупки* ими самими произведенных продуктов. Они никогда не являются *непосредственными* потребителями или покупателями этой значительной части своих собственных продуктов, хотя они оплачивают ту часть стоимости последних, которая содержится в покупаемых ими предметах потребления. Здесь обнаруживается также двусмысленность слова «потребитель» и ошибочность отождествления его со словом «покупатель». В смысле производственного потребления именно рабочие потребляют машины и сырье, используют их в процессе труда. Но рабочие используют их не для себя и поэтому-то и не являются их *покупателями*. Для рабочих машины и сырье не потребительные стоимости, не товары, а объективные условия того процесса, субъективными условиями которого являются сами рабочие.

[717] Но могут сказать, что нанимающий рабочих предприниматель является их представителем при покупке средств труда и материала труда. Однако представляет он их — речь идет о представительстве на рынке — при других условиях, чем те, при которых они представляли бы себя сами. Он должен продать массу товаров, заключающую в себе прибавочную стоимость, неоплаченный труд. А рабочие должны были бы продать лишь такую массу товаров, в которой была бы воспроизведена стоимость, авансированная в производстве — в виде стоимости средств труда, материала труда и заработной платы. Капиталисту, следовательно, нужен более обширный рынок, чем тот, который потребовался бы рабочим. Далее, от него, а не от них зависит, считает ли он условия рынка достаточно благоприятными для того, чтобы начать воспроизводство.

Итак, рабочие являются производителями, не будучи потребителями — даже когда процесс воспроизводства не нарушается — по отношению ко всем тем предметам, которые должны потребляться в смысле не индивидуального потребления, а производственного.

Следовательно, нет более нелепого способа отрицать кризисы, чем утверждение, будто потребители (покупатели) и

производители (продавцы) при капиталистическом производстве тождественны. Они совершенно не совпадают друг с другом. В тех случаях, когда процесс воспроизводства идет своим ходом, эту тождественность можно утверждать только по отношению к одному из 3 000 производителей, т. е. по отношению к капиталисту. Столь же ошибочно обратное утверждение, будто потребители являются производителями. Земельный собственник (получатель земельной ренты) не производит, но тем не менее он потребляет. Точно так же обстоит дело и со всеми представителями денежного капитала.

Апологетические фразы, пускаемые в ход в целях отрицания кризисов, важны постольку, поскольку они всегда доказывают противоположное тому, что хотят доказать. В целях отрицания кризисов они говорят о единстве там, где существуют противоположность и противоречие. Стало быть, они важны постольку, поскольку можно сказать: они доказывают, что если бы в действительности не существовало тех противоречий, которые изобретатели этих фраз устранили в своем воображении, то не было бы и кризиса. Но в действительности кризис существует, ибо существуют эти противоречия. Всякое основание, приводимое апологетами против существования кризиса, представляет собой противоречие, устраненное лишь в их воображении, стало быть реальное противоречие, стало быть основание кризиса. Стремление устранить противоречия при помощи фантазирования есть вместе с тем подтверждение того, что в действительности имеются налицо те противоречия, которые, согласно благочестивому желанию, *не должны* существовать.

То, что рабочие по сути дела производят, есть прибавочная стоимость. Пока они ее производят, у них есть что потреблять. Как только производство прибавочной стоимости прекращается, прекращается и их потребление, так как они перестали производить. Но они могут потреблять отнюдь не потому, что производят эквивалент для своего потребления. Напротив, когда они производят только такой эквивалент, их потребление прекращается, они не имеют эквивалента для потребления. Их труд либо приостанавливается, либо сокращается, либо, при всех обстоятельствах, их заработная плата понижается. В последнем случае — если уровень производства остается неизменным — они не потребляют произведенного ими эквивалента. Но тогда у них не хватает средств не потому, что они недостаточно производят, а потому, что им достается слишком малая доля произведенного ими продукта.

Итак, когда рассматриваемое отношение сводят просто к отношению между потребителями и производителями, то

забывают, что производящий наемный рабочий и производящий капиталист суть два производителя совершенно различного рода, не говоря уже о таких потребителях, которые вообще не занимаются производственной деятельностью. Здесь опять-таки *противоположность* отрицается тем, что абстрагируются от действительно существующей в производстве противоположности. Уже само отношение наемного рабочего и капиталиста заключает в себе:

1) то, что наибольшая часть производителей (рабочие) не являются потребителями (покупателями) весьма значительной части своего продукта, а именно средств труда и материала труда;

2) то, что наибольшая часть производителей, рабочие, могут потреблять эквивалент своего продукта лишь до тех пор, пока они производят больше, чем этот эквивалент, т. е. прибавочную стоимость, или прибавочный продукт. Они всегда должны быть *перепроизводителями*, должны производить сверх своих [платежеспособных] потребностей, чтобы иметь возможность быть потребителями или покупателями в [718] пределах этих своих потребностей ¹³⁴.

Таким образом, по отношению к этому классу производителей утверждение о единстве между производством и потреблением во всяком случае выступает как *prima facie* * ошибочное.

Когда Рикардо говорит, что единственная граница *спроса*, это — само производство, а последнее ограничено только капиталом ¹³⁵, то, если отбросить неверные предпосылки, это на деле имеет лишь тот смысл, что капиталистическое производство находит свою меру только в капитале, причем под капиталом понимается также и рабочая сила, превращенная в составную часть капитала (купленная им) как одно из условий его производства. Между тем, как раз и спрашивается, является ли капитал как таковой также границей и для потребления. Во всяком случае он служит такой границей в отрицательном смысле, т. е. не может быть потреблено больше, чем произведено. Но вопрос заключается в том, служит ли он этой границей в положительном смысле, может ли и должно ли быть потреблено — на основе капиталистического производства — столько же, сколько производится. Если правильно проанализировать положение Рикардо, то оно утверждает как раз противоположное тому, что он хотел этим сказать, — а именно, что производству ведется без учета существующих границ потребления и что оно ограничено лишь самим капиталом. И это, действительно, характерно для этого способа производства.

* — на первый взгляд; здесь — с первого же взгляда. *Ред.*

Итак, согласно предположению, рынок переполнен, например, хлопчатобумажными тканями, так что они или отчасти или совсем не могут быть проданы, или же могут быть проданы лишь значительно ниже своей цены. (Скажем пока: *стоимости*, так как при рассмотрении процесса обращения или воспроизводства нам еще приходится иметь дело со стоимостью, а не с ценой издержек и тем более не с рыночной ценой.)

Впрочем, во всем этом анализе само собой разумеется следующее: нельзя отрицать, что в отдельных отраслях может быть произведено слишком много и *потому* в других отраслях — слишком мало, что, следовательно, частичные кризисы могут проистекать из *диспропорциональности производства* (пропорциональность же производства является всегда лишь результатом диспропорциональности производства на основе конкуренции) и что одной из общих форм этой диспропорциональности производства может быть перепроизводство основного или, с другой стороны, перепроизводство оборотного капитала *. Подобно тому как условием продажи товаров по их стоимости является то, чтобы в них содержалось лишь общественно необходимое рабочее время, так и для целой сферы производства капитала таким условием является то, чтобы на эту особую сферу была затрачена лишь необходимая часть совокупного рабочего времени общества, — лишь то рабочее время, которое требуется для удовлетворения общественной потребности (спроса). Если на эту сферу затрачено больше, то, хотя бы даже каждая единица товара содержала только необходимое рабочее время, сумма этих единиц содержит больше, чем общественно необходимое рабочее время, и точно так же: хотя единица товара и обладает потребительной стоимостью, сумма этих единиц, при данных предпосылках, часть своей потребительной стоимостью теряет.

Однако здесь мы говорим не о кризисе в той мере, в какой он основан на диспропорциональности производства, т. е. на диспропорции в распределении общественного труда между отдельными сферами производства. Об этом речь может идти лишь постольку, поскольку речь идет о конкуренции капиталов. Там было уже сказано **, что повышение или понижение рыночной стоимости вследствие этой диспропорции имеет своим результатом изъятие капитала из одной сферы производства

* [720] (Когда были изобретены прядильные машины, имело место перепроизводство пряжи в сравнении с производительностью ткацких предприятий. Эта диспропорция была устранена, как только в ткачестве были введены механические станки.) [720]

** См. настоящее издание, часть II, стр. 223—228. *Ред.*

и перенесение его в другую, миграцию капитала из одной отрасли в другую. Однако в самом этом выравнивании уже заложено то, что оно предполагает противоположность выравнивания и, следовательно, может заключать в себе *кризис*; самый кризис может быть формой выравнивания. Но такого рода кризис признают Рикардо и другие.

При рассмотрении процесса производства ¹³⁶ мы видели, что капиталистическое производство только к тому и стремится, чтобы захватить возможно больше прибавочного труда, т. е. чтобы при помощи данного капитала материализовать возможно больше непосредственного рабочего времени — путем ли удлинения рабочего дня или путем сокращения необходимого рабочего времени, путем развития производительных сил труда, применения кооперации, разделения труда, машин и т. д., словом, путем производства в крупном масштабе, т. е. массового производства. В самой сущности капиталистического производства заложено, стало быть, производство без учета границ рынка.

При рассмотрении воспроизводства предполагается вначале, что способ производства остается неизменным, и таковым при расширении производства он, действительно, остается в течение некоторого времени. Масса произведенных товаров увеличивается здесь потому, что применяется больше капитала, а не потому, что капитал применяется более производительно. Но уже одно только количественное увеличение [719] капитала включает в себя вместе с тем и то, что увеличивается его производительная сила. Если количественное увеличение капитала есть следствие развития производительной силы, то и наоборот — развитие этой производительной силы в свою очередь имеет своей предпосылкой более широкую, расширенную капиталистическую основу. Здесь имеет место взаимодействие. Поэтому воспроизводство на более широкой основе, т. е. накопление, — хотя первоначально оно является лишь количественным расширением производства, связанным с тем, что при тех же самых условиях производства был вложен больший капитал, — на известной точке всегда получает также и качественное выражение, выступая как большая продуктивность тех условий, при которых совершается воспроизводство. Отсюда увеличение массы продуктов в большей пропорции, чем та, в которой возрос капитал при расширенном воспроизводстве, т. е. при накоплении.

Но вернемся снова к нашему примеру с ситцем.

Застой на рынке, переполненном ситцем, нарушает воспроизводство у владельца ткацкой фабрики. Это нарушение бьет прежде всего по его рабочим. Последние, следовательно,

теперь в меньшей степени являются — или вовсе уже не являются — потребителями его товара, ситца, и других товаров, входивших в их потребление. У них есть, конечно, потребность в ситце, но они не могут покупать его, так как не имеют средств, а не имеют они средств потому, что не могут продолжать производство, продолжать же производство они не могут вследствие того, что произведено слишком много, что рынок переполнен ситцем. Им не может помочь ни совет Рикардо «увеличить свое производство», ни совет «производить что-нибудь другое»¹³⁷. Они теперь представляют часть временного перенаселения, перепроизводства рабочих, в данном случае — производителей ситца, так как на рынке имеет место перепроизводство ситца.

Но кроме тех рабочих, которые непосредственно нанимаются капиталом, вложенным в ситцеткацкое производство, этот застой в воспроизводстве ситца отразится на массе других производителей — прядильщиков, возделывателей хлопка, производителей веретен и ткацких станков, железа, угля и т. д. У всех этих групп тоже нарушится их воспроизводство, так как воспроизводство ситца есть условие их собственного воспроизводства. Это произошло бы даже и в том случае, если бы в их собственных сферах не было *перепроизводства*, т. е. если бы там было произведено не больше того количества, которое обуславливается и оправдывается бесперебойно работающей ситцеткацкой промышленностью. Все эти отрасли производства имеют между собой то общее, что свой доход (заработную плату и прибыль, поскольку последняя потребляется как доход, а не накапливается) они потребляют не в своем собственном продукте, а в продукте тех сфер, которые производят предметы потребления, в том числе и ситец. Таким образом, потребление ситца и спрос на него падают именно потому, что слишком много ситца имеется на рынке. Но падает также спрос и на все те другие товары, на которые, как на предметы потребления, расходуется доход этих *косвенных* производителей ситца. У этих последних средства для покупки ситца и других предметов потребления ограничиваются, сокращаются потому, что на рынке имеется слишком много ситца. Это касается также и других товаров (предметов потребления). Теперь внезапно обнаруживается *относительное* перепроизводство их, так как сократились средства для их покупки, а тем самым сократился и спрос на них. Даже если в этих отраслях не было произведено слишком много, теперь в них — перепроизводство.

Если имеет место перепроизводство не только ситца, но также льняных, шелковых и шерстяных тканей, то нетрудно понять, что перепроизводство этих немногих, но ведущих

предметов вызывает более или менее всеобщее (*относительное*) перепроизводство на всем рынке. На одной стороне — избыток всех условий воспроизводства и переполнение рынка непроданными товарами всех видов. На другой стороне — обанкротившиеся капиталисты и лишенные всяких средств, терпящие жестокую нужду рабочие массы.

Этот довод представляет собой, однако, палку о двух концах. Если легко понять, каким образом перепроизводство некоторых ведущих предметов потребления должно повлечь за собой явление более или менее всеобщего перепроизводства, то это еще отнюдь не делает понятным, как может возникнуть перепроизводство указанных ведущих предметов. Ведь явление всеобщего перепроизводства выводится из взаимозависимости между работниками, занятыми непосредственно в этих отраслях промышленности, и работниками всех тех отраслей хозяйства, которые производят предшествующие элементы их продуктов, различные фазы применяемого там постоянного капитала. Для последних перепроизводство является результатом. Но откуда возникает оно у первых? Ибо последние расширяют производство, пока расширяют производство первые, а вместе с этим расширением производства обеспечивается как будто и всеобщее возрастание дохода, а стало быть и их собственного потребления¹³⁸. [719]

[13) НЕСООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ РАСШИРЕНИЕМ ПРОИЗВОДСТВА И РАСШИРЕНИЕМ РЫНКА. РИКАРДОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НЕОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ РОСТА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА]

[720] Если мы скажем, что непрерывно расширяющееся производство {которое ежегодно расширяется по двум причинам: во-первых, потому, что вложенный в производство капитал непрерывно возрастает, а во-вторых, потому, что он применяется все более и более производительнее; во время воспроизводства и накопления непрерывно накапливаются мелкие улучшения, которые в конце концов совершенно изменяют весь масштаб производства; происходит накопление улучшений, накапливающееся развитие производительных сил}, — что это непрерывно расширяющееся производство нуждается в непрерывно расширяющемся рынке и что производство расширяется быстрее, чем рынок, то этим будет лишь иначе выражено то явление, которое подлежит объяснению: оно будет выражено не в своей абстрактной, а в своей реальной форме. Рынок расширяется медленнее, чем производство; другими словами, в том

цикле, который проходит капитал во время своего воспроизводства, — а в этом цикле он воспроизводится не просто в прежних размерах, а в расширенном масштабе, описывает не круг, а спираль, — наступает такой момент, когда рынок оказывается слишком узким для произведенной продукции. Это имеет место в конце цикла. Но это означает лишь то, что рынок переполнен. Перепроизводство теперь — очевидный факт. Если бы расширение рынка шло в ногу с расширением производства, то не было бы переполнения рынка, не было бы перепроизводства.

Однако одно лишь признание того, что рынок должен расширяться вместе с производством, опять-таки уже означало бы, с другой стороны, также и признание возможности перепроизводства, ибо рынок имеет внешние географические пределы, внутренний рынок выступает как ограниченный по сравнению с таким рынком, который является одновременно и внутренним и внешним, а последний, в свою очередь, — по сравнению с мировым рынком, который в каждый данный момент опять-таки ограничен, но потенциально способен к расширению. Поэтому, если признаётся, что рынок должен расшириться для того, чтобы не наступило перепроизводство, то признаётся также и то, что перепроизводство может иметь место, ибо тогда возможно, — поскольку рынок и производство представляют собой два безразличных по отношению друг к другу момента, — что расширение одного *не* соответствует расширению другого, что пределы рынка расширяются недостаточно быстро для производства или что новые рынки — новые расширения рынка — могут быть быстро превзойдены производством, так что расширенный рынок теперь точно так же выступает в качестве предела, как прежде в качестве предела выступал более узкий рынок.

Поэтому Рикардо последователен, когда он отвергает то положение, что вместе с расширением производства и возрастанием капитала необходимо и *расширение рынка*. По мнению Рикардо, весь капитал, имеющийся в какой-нибудь стране, может быть с выгодой применен в этой же стране. Рикардо полемизирует поэтому против А. Смита, который, с одной стороны, выдвинул тот же взгляд, что и *он* (Рикардо), а с другой стороны, со своим обычным разумным чутьем высказался также и против этого взгляда. Смит еще не знает явления перепроизводства, кризисов, проистекающих из перепроизводства. Он знает только кредитные и денежные кризисы, которые появляются сами собой вместе с системой кредита и банков. В накоплении капитала он, действительно, видит безусловное увеличение всеобщего народного богатства и благосостояния. С другой

стороны, уже одно лишь развитие внутреннего рынка во внешний, в колониальный и мировой рынок, рассматривается им как доказательство, так сказать, относительного (потенциального) перепроизводства на внутреннем рынке.

Стоит привести здесь полемику Рикардо против Смита:

«Если купцы вкладывают свои капиталы во внешнюю торговлю или в судоходство, то они всегда делают это по своему свободному выбору, а не под давлением необходимости; они делают это потому, что их прибыль в этих отраслях будет несколько выше, чем во внутренней торговле.

Адам Смит справедливо заметил, что «стремление к пище ограничивается у каждого человека небольшой вместимостью человеческого желудка»

{А. Смит здесь сильно ошибается, так как он не относит к пище производимые в сельском хозяйстве предметы роскоши},

«но стремление к комфорту и украшениям, стремление иметь хорошее жилище, одежду, утварь и домашнюю обстановку, по-видимому, совсем не знает предела или каких-либо границ».

Природа, следовательно, — продолжает Рикардо, — «необходимым образом ограничила величину того капитала, который в какое-либо данное время может быть с выгодой применен в сельском хозяйстве»

{уж не потому ли существуют народы, вывозящие сельскохозяйственные продукты? Как будто нельзя было бы, вопреки природе, вложить в сельское хозяйство весь возможный капитал, чтобы в Англии, например, производить дыни, винные ягоды, виноград и т. д., выращивать цветы и т. д., разводить птицу, дичь и т. д.? (Укажем, например, на те капиталы, которые римляне затрачивали на одно только искусственное разведение рыб.) И разве сырье для промышленности производится не сельскохозяйственным капиталом?},

«но она не поставила никаких границ» (как будто природа вообще имеет какое-нибудь отношение к этому делу!) «размерам того капитала, который может быть применен в производстве «предметов комфорта и украшения» жизни. Доставлять себе максимальное количество этих предметов — вот цель, которая имеется в виду. И только потому, что внешняя торговля или судоходство достигают этого лучше, люди предпочитают обращаться к ним, вместо того чтобы самим производить внутри страны нужные товары или же товары, способные их заменить. Но если бы вследствие особых обстоятельств мы не могли вкладывать капитал во внешнюю торговлю или в судоходство, то мы стали бы применять его, хотя и с меньшей выгодой, внутри страны. А так как не существует границ «стремлению к комфорту и украшениям, стремлению иметь хорошее жилище, одежду, утварь и [721] домашнюю обстановку», то и для капитала, затрачиваемого на их производство, не может быть никаких других пределов, кроме тех, которые ограничивают наши возможности содержать рабочих, изготавливающих эти предметы.

Адам Смит говорит, однако, о морской торговле так, как будто ею занимаются не по свободному выбору, а под давлением необходимости; как будто капитал остался бы без применения, если бы не был вложен

в нее; как будто капитал во внутренних промыслах может оказаться избыточным, если он не ограничен известными пределами. Смит говорит: «Если капитал какой-либо страны возрос до такой степени, что он уже не может быть весь употреблен на производство средств потребления и на содержание производительного труда в данной стране» {эта часть цитаты подчеркнута самим Рикардо}, «то излишек капитала, естественно, направится в морскую торговлю и будет употреблен на выполнение подобных же функций в других странах»... Но разве эта часть производительного труда Великобритании не может быть применена в производстве другого рода товаров, на которые можно было бы купить что-нибудь такое, на что в стране имеется больший спрос? А если бы это было невозможно, то разве мы не могли бы употребить этот производительный труд, хотя бы и с меньшей выгодой, на производство внутри страны этих товаров, на которые имеется спрос, или, по крайней мере, товаров, способных их заменить? Если нам нужен бархат, то разве мы не могли бы попробовать выделять его сами? А если бы нам это не удалось, то разве мы не могли бы производить больше сукна или какого-нибудь другого нужного нам предмета?

Мы производим промышленные товары и покупаем на них товары за границей потому, что этим путем мы можем получать большее количество товаров {качественного различия не существует!}, «чем если бы мы производили их внутри страны. Отнимите у нас возможность такой торговли, и мы немедленно снова начнем изготавливать эти товары для самих себя. Но приведенное мнение Адама Смита противоречит всем его общим положениям по этому вопросу. «Если чужая страна» {цитирует Рикардо из Смита} «может снабжать нас каким-нибудь товаром дешевле, чем мы можем его производить сами, то лучше покупать его в этой чужой стране на часть продукта нашего собственного труда, применяемого в той области, в которой мы пользуемся известным преимуществом. Общая сумма труда страны, находясь всегда в пропорции к применяемому его капиталу» {в весьма различной пропорции!} (подчеркивание в цитате принадлежит опять-таки самому Рикардо), «от этого нисколько не уменьшится, и ему только нужно будет найти ту область, в которой он может быть применен наиболее выгодным образом».

И снова: «Поэтому те, кто имеет в своем распоряжении больше предметов питания, чем они могут потребить сами, всегда готовы обменять этот излишек, или, что то же самое, цену его, на блага другого рода. Все, что остается после удовлетворения потребностей, ограниченных в их размерах, затрачивается на удовлетворение тех потребностей, которые никогда не могут быть удовлетворены полностью и, по-видимому, не имеют никаких границ. Чтобы добыть себе кусок хлеба, бедняки напрягают свои силы, выполняя прихоти богачей, и они стараются превзойти друг друга по части дешевизны и совершенства своей работы, чтобы обеспечить себе этот кусок хлеба. Число рабочих возрастает вместе с увеличением количества предметов питания, или вместе с усовершенствованием и расширением земледелия. А так как природа их занятий допускает очень далеко идущее разделение труда, то в еще гораздо большей степени, чем численность рабочих, увеличивается количество того материала, который они могут обработать. Вследствие этого возникает спрос на всякого рода материалы, которые человеческая изобретательность может использовать для усовершенствования или украшения жилищ, одежды, утвари, домашней обстановки; усиливается спрос на минералы и другие ископаемые, скрытые в недрах земли, на благородные металлы и драгоценные камни».

Из всего сказанного следует, что нет границ для спроса, нет границ для применения капитала, пока он приносит какую-нибудь прибыль, и что, в каком бы изобилии ни имелся капитал, нет другой достаточной

причины для падения прибыли, кроме повышения заработной платы, и к этому можно далее добавить, что единственной достаточной и постоянной причиной повышения заработной платы является возрастающая трудность добывания пищи и предметов необходимости для возрастающего числа рабочих» (цит. соч., стр. 344—348) [Русский перевод, том I, стр. 241—244].

**[14] ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ БЕЗУДЕРЖНЫМ РАЗВИТИЕМ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ОГРАНИЧЕННОСТЬЮ
ПОТРЕБЛЕНИЯ МАСС КАК ОСНОВА ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА.
АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ О НЕВОЗМОЖНОСТИ
ВСЕОБЩЕГО ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА]**

Слово *перепроизводство* само по себе вводит в заблуждение. До тех пор, пока не удовлетворены самые насущные потребности значительной части общества или хотя бы *только* самые непосредственные ее потребности, разумеется, абсолютно не может быть речи о *перепроизводстве продуктов* — в том смысле, что масса продуктов была бы избыточна по сравнению с потребностью в них. Наоборот, следует сказать, что на основе капиталистического производства в этом смысле постоянно имеется *недопроизводство*. Пределом для производства служит прибыль капиталистов, а отнюдь не потребности производителей. Но перепроизводство продуктов и перепроизводство *товаров* — две совершенно различные вещи. Если Рикардо полагает, что форма *товара* безразлична для продукта и, далее, что *товарное обращение* лишь формально отличается от меновой торговли, что меновая стоимость является здесь лишь мимолетной формой обмена веществ, а деньги поэтому представляют собой лишь формальное средство обращения, то все это в сущности вытекает из его предпосылки о том, что буржуазный способ производства есть абсолютный способ производства, т. е. способ производства без более точного специфического определения, и что все его определения представляют собой, следовательно, лишь нечто формальное. Поэтому-то Рикардо и не может признать, что буржуазный способ производства включает в себя границу для свободного развития производительных сил, границу, которая обнаруживается в кризисах и — среди всего прочего — в *перепроизводстве*, этом основном явлении кризисов.

[722] Рикардо видел из цитируемых, одобряемых и потому повторяемых им положений Смита, что удовлетворение безграничного «стремления» ко всякого рода потребительным стоимостям всегда происходит на основе такого состояния общества, при котором массе производителей приходится более или менее ограничиваться удовлетворением потребности в «пище и предметах необходимости», т. е. довольствоваться тем, без чего

никак нельзя обойтись. Рикардо видел, что, стало быть, это громадное большинство производителей более или менее отстранено от участия в потреблении богатства — в той мере, в какой богатство выходит за круг предметов необходимости.

Конечно, последнее обстоятельство имеет место, и притом в еще большей степени, также при античном производстве, строившемся на рабстве. Но древние и не помышляли о том, чтобы превращать прибавочный продукт в капитал. Во всяком случае, если и делали это, то только в незначительной степени. (Широко практиковавшееся ими собирание сокровищ в собственном смысле слова показывает, как много прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления.) Значительную часть прибавочного продукта они обращали на непроеизводительные затраты — на произведения искусства, на религиозные и общественные сооружения. В еще меньшей степени строилось их производство на развязывании и развертывании материальных производительных сил — на разделении труда, машинах, применении сил природы и науки в частном производстве. Фактически они в общем и целом так и не пошли дальше ремесленного труда. Поэтому то богатство, которое они создавали для частного потребления, было относительно невелико, и кажется оно большим только потому, что скопилось в руках немногих, которые к тому же не знали, что с ним делать. Если поэтому у древних не было *перепроизводства*, то было *перепотребление* у богачей, которое в последнюю эпоху Рима и Греции выливается в безумную расточительность. Немногие торговые народы, имевшиеся среди древних, жили отчасти за счет всех этих в сущности бедных наций. Между тем, именно безудержное развитие производительных сил и проистекающее отсюда массовое производство, происходящее в тех условиях, что, с одной стороны, у массы производителей потребление ограничено кругом предметов необходимости, а с другой стороны, пределом для производства служит прибыль капиталистов, — вот что составляет основу современного перепроизводства.

Все возражения, какие Рикардо и другие выдвигают против перепроизводства и т. д., покоятся на том, что они рассматривают буржуазное производство либо как такой способ производства, в котором не существует различия между покупкой и продажей, а имеет место непосредственная меновая торговля, — либо как *общественное* производство, при котором общество как бы по плану распределяет свои средства производства и производительные силы в той степени и той мере, как это необходимо для удовлетворения его различных потребностей, так

чтобы на каждую сферу производства приходилась такая доля общественного капитала, какая требуется для удовлетворения соответствующей потребности. Эта фикция проистекает вообще из неспособности понять специфическую форму буржуазного производства, а эта неспособность, в свою очередь, проистекает из погруженности в буржуазное производство, представляемое как производство вообще [schlechthin]. Совершенно так же человек, исповедующий определенную религию, видит в ней религию вообще [schlechthin], а вне ее усматривает одни только лжерелигии.

Между тем следовало бы, наоборот, спросить: каким образом на основе капиталистического производства, где каждый работает за свой страх и риск и где особенный труд вынужден вместе с тем выражать себя как свою противоположность, как абстрактно всеобщий и в этой форме общественный труд, — каким образом на этой основе необходимые выравнивание и взаимосвязь различных сфер производства, установление соразмерности и пропорции между ними возможны иначе, чем путем постоянного уничтожения постоянной дисгармонии? Это еще признаётся тогда, когда речь идет о выравниваниях, производимых конкуренцией, ибо эти выравнивания всегда предполагают, что что-то должно быть выравнено, т. е. что гармония всегда является лишь результатом движения, уничтожающего существующую дисгармонию.

Поэтому Рикардо и признаёт возможность переполнения рынка для отдельных товаров. *Невозможно*, по его мнению, только одновременное всеобщее переполнение рынка. Поэтому возможность перепроизводства в какой-либо особой сфере производства не отрицается. Невозможность [всеобщего] перепроизводства и вытекающего отсюда всеобщего переполнения рынка состоит, дескать, в *одновременности* этого явления для *всех* сфер производства. Выражение «всеобщее переполнение рынка» всегда следует брать *cum grano salis* *, потому что в моменты всеобщего перепроизводства перепроизводство в некоторых сферах всегда есть лишь *результат, следствие* перепроизводства ведущих предметов торговли, являясь всегда лишь *относительным* и представляя собой перепроизводство лишь потому, что перепроизводство существует в других сферах.

Апологетика переворачивает это вверх дном. Перепроизводство ведущих предметов торговли, в сфере которых только и проявляется активное перепроизводство, — а это вообще

* — дословно: «с крупинкой соли»; в переносном смысле: «с оговоркой», «не вполне буквально». *Ред.*

такие предметы, которые могут производиться лишь в массовом масштабе и фабричным способом (также и в земледелии), — представляет собой, по утверждению этих апологетов, перепроизводство только потому, что существует перепроизводство таких предметов, в сфере которых обнаруживается относительное, или пассивное, перепроизводство. Перепроизводство, согласно этому мнению, существует только потому, что перепроизводство не универсально. *Относительность* перепроизводства — тот факт, что действительное перепроизводство в одних сферах вызывает его в других, — формулируется следующим образом: не существует *универсального* перепроизводства, так как в том случае, если бы перепроизводство было универсальным, все сферы производства сохраняли бы то же самое соотношение между собой; значит, *универсальное* перепроизводство равнозначно пропорциональному производству, что исключает перепроизводство. И это говорит, дескать, против универсального перепроизводства. [723] А именно, так как *универсальное перепроизводство* в абсолютном смысле было бы не перепроизводством, а лишь большим, чем обычно, развитием производительной силы во всех сферах производства, то *не существует, дескать, действительного перепроизводства*, которое как раз и не является этим не имеющим бытия, само себя уничтожающим перепроизводством. Между тем, только потому, что оно таким не является, оно и существует.

При более детальном рассмотрении этой жалкой софистики дело сводится к следующему:

Допустим, что имеет место перепроизводство железа, хлопчатобумажных тканей, полотна, шелка, сукна и т. д.; тогда нельзя сказать, что произведено, например, слишком мало угля и что это-то и является причиной указанного перепроизводства; ибо это перепроизводство железа и т. д. точно так же включает в себя перепроизводство угля, как, скажем, перепроизводство ткани включает в себя перепроизводство пряжи. {Возможно было бы перепроизводство пряжи по сравнению с тканями, железа — по сравнению с машинами и т. д. Это всегда было бы относительным перепроизводством постоянного капитала.} Итак, не может быть речи о недопроизводстве тех предметов, перепроизводство которых уже подразумевается, так как они *входят* составным элементом — как сырье, вспомогательные материалы или средства производства — в те предметы, положительное перепроизводство которых именно и есть подлежащий объяснению факт (*входят* в «отдельный товар, который произведен в излишнем количестве и который может оказаться в таком избытке на рынке, что затраченный на него

капитал не будет возмещен» *). Стало быть, речь идет о других предметах, принадлежащих непосредственно к таким сферам производства, которые не стносятся ни к ведущим предметам торговли, где, согласно предположению, имеется перепроизводство, ни к тем сферам, где, так как они образуют *посредствующее производство* для ведущих предметов торговли, производство должно было достигнуть по меньшей мере такого же масштаба, как и в заключительных фазах продукта, — хотя ничто не мешает тому, чтобы производство здесь пошло еще дальше и таким путем возникло бы перепроизводство внутри перепроизводства. Так, например, хотя уголь должен быть произведен в таком количестве, чтобы могли работать все те отрасли промышленности, в которые уголь входит в качестве необходимого условия производства, и, стало быть, *перепроизводство* угля включено в *перепроизводство* железа, пряжи и т. д. (даже при условии, что уголь произведен лишь в таком количестве, которое находится в пропорции к производству железа и пряжи), все же возможно *также*, что угля было произведено еще больше, чем этого требовало перепроизводство железа, пряжи и т. д. Это не только возможно, но и весьма вероятно. Ибо *производство угля и пряжи* и производство во всякой другой сфере, доставляющей лишь условие или служащей лишь подготовительной фазой для такого продукта, который должен быть завершен в другой сфере, руководствуется не непосредственным спросом, не непосредственным производством или воспроизводством, а *степенью, мерой, отношением* (пропорцией), в которых они расширяются. А что при подобном расчете можно попасть дальше цели, это само собой ясно. Выходит, таким образом, что недостаточно произведено было [не указанных выше продуктов, а] других предметов, например роялей, драгоценных камней и т. д., что *недопроизводство* произошло в области этих других предметов. {Бывают, конечно, также и такие случаи перепроизводства, где перепроизводство предметов, не принадлежащих к категории ведущих, не является следствием и где причиной перепроизводства является, наоборот, *недопроизводство*, как, например, при неурожае хлебов, при неурожае хлопка и т. д.}

Нелепость этой фразы [насчет недопроизводства] выступает особенно резко тогда, когда она применяется в международном плане, как это делали Сэй¹³⁹ и другие экономисты вслед за ним. Утверждается, например, что надо говорить не о *перепроизводстве* в Англии, а о *недопроизводстве* в Италии. Если бы Италия,

* См. настоящее издание, часть II, стр. 555, 560 и 562, где эта цитата из Рикардо приведена полностью. *Ред.*

во-первых, имела достаточно капитала для возмещения английского капитала, вывезенного в Италию в форме товаров; во-вторых, если бы она применяла этот свой капитал таким образом, что он производил бы те особые предметы, в которых нуждается английский капитал отчасти для возмещения самого себя, отчасти для возмещения приносимого им дохода, то не было бы никакого перепроизводства. Следовательно, не существовал бы факт действительно — по отношению к *действительному* производству в Италии — существующего *перепроизводства в Англии*, а только факт *воображаемого недопроизводства в Италии*; воображаемого потому, что оно предполагает в Италии такой [724] капитал и такое развитие производительной силы, каких там нет, а во-вторых, потому, что здесь делается вдобавок столь же утопическое предположение, что этот *не существующий* в Италии капитал употребляется как раз так, как это было бы необходимо для того, чтобы английское предложение и итальянский спрос, английское и итальянское производство дополняли друг друга. Другими словами, это означает не что иное, как следующее: не было бы перепроизводства, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу, если бы капитал был распределен между всеми сферами производства в такой пропорции, что производство одного предмета включало бы потребление другого и, стало быть, свое собственное потребление. Не было бы перепроизводства, если бы перепроизводства не было. Но так как при существующих в тот или иной момент условиях капиталистическое производство может дать себе волю для безудержного развития лишь в некоторых отдельных сферах, то всякое капиталистическое производство было бы вообще невозможно, если бы оно должно было развиваться во всех сферах *одновременно и равномерно*. Так как в указанных отдельных сферах перепроизводство имеет место абсолютно, то относительно оно имеет место также и в тех сферах, где [абсолютного] перепроизводства нет.

Итак, такого рода объяснение перепроизводства на одной стороне недопроизводством на другой означает лишь следующее: если бы производство было пропорциональным, перепроизводства не было бы. То же самое, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу. То же самое, если бы все сферы обладали одинаковыми возможностями капиталистического производства и его расширения — такими, как разделение труда, машины, вывоз на отдаленные рынки, массовое производство и т. д., — если бы все страны, торгующие друг с другом, обладали одинаковой способностью производства, и притом производство этих стран было бы различным и взаимно

дополняющим. Стало быть, если имеет место перепроизводство, то потому, что не исполняются все эти благочестивые желания. Или еще абстрактнее: не было бы перепроизводства в одном месте, если бы везде имело место равномерное перепроизводство; но капитал недостаточно велик для того, чтобы перепроизводство имело такой универсальный характер, а потому и происходит лишь частичное перепроизводство.

При ближайшем рассмотрении эта фантазия сводится к следующему:

Признаётся, что в каждой *отдельной отрасли производства* возможно перепроизводство. Единственное обстоятельство, которое могло бы помешать одновременному перепроизводству во *всех* отраслях, состоит, согласно указанному объяснению, в том, что товар обменивается на товар, т. е. сторонники этого взгляда прибегают к предположению условий меновой торговли. Но путь для этой увертки отрезан именно тем, что товарное обращение [trade] не есть меновая торговля и поэтому продавец товара вовсе не является по необходимости в то же время и покупателем какого-нибудь другого товара. Вся эта увертка покоится, следовательно, на том, что абстрагируются от *денег*, абстрагируются от того, что речь идет не об обмене продуктами, а о товарном обращении, для которого отделение друг от друга покупки и продажи имеет существенное значение.

{Обращение капитала содержит в себе *возможности* нарушений. Так, например, при обратном превращении денег в условия производства капитала дело идет не только о том, чтобы снова превратить деньги в те же самые (по своему роду) потребительные стоимости: для повторения процесса воспроизводства существенно, чтобы эти потребительные стоимости можно было снова иметь по их прежней стоимости (или по более низкой стоимости, что, разумеется, еще лучше). Но весьма значительная часть этих элементов воспроизводства, состоящая из сырья, может вздорять в силу двух причин. *Во-первых*, если количество орудий производства увеличивается быстрее, чем то количество сырья, которое может быть произведено в данный промежуток времени. *Во-вторых*, вследствие изменчивого характера урожаев. Поэтому погода, как правильно заметил Тук¹⁴⁰, играет такую большую роль в современной промышленности. (То же самое имеет силу для предметов питания в их отношении к заработной плате.) Таким образом, обратное превращение денег в товар может наталкиваться на затруднения и создавать возможности кризиса совершенно так же, как и превращение товара в деньги. В тех случаях, когда речь идет о простом обращении, а не об обращении капитала, эти затруднения

пе имеют места.} (Существует еще масса моментов, условий, возможностей кризиса, которые могут быть рассмотрены лишь при анализе более конкретных отношений, в особенности — конкуренции капиталов и кредита.)

[725] *Перепроизводство товаров* отрицается, а *перепроизводство капитала*, напротив, признаётся. Но капитал сам состоит из товаров или, поскольку он состоит из денег, он должен быть обратно превращен в товары того или другого рода, чтобы он мог функционировать как капитал. Что такое, следовательно, *перепроизводство капитала*? Перепроизводство таких масс стоимости, которые предназначены к тому, чтобы производить прибавочную стоимость (или, рассматривая капитал со стороны его вещественного содержания, перепроизводство товаров, предназначенных для воспроизводства), — стало быть, *воспроизводство в слишком большом масштабе*, а это то же самое, что просто перепроизводство.

Говоря более определенно, перепроизводство капитала означает не что иное, как то, что слишком много производится с целью *обогащения*, или что слишком большая доля продукта предназначена не к тому, чтобы быть потребленной в виде дохода, а к тому, чтобы *давать барыш*, чтобы быть накопленной; не к тому, чтобы удовлетворять частные потребности своего владельца, а к тому, чтобы доставлять ему абстрактное общественное богатство, деньги, и больше власти над чужим трудом — капитала, — или чтобы эту власть усиливать. Это говорят представители одной стороны. (Рикардо отрицает это *.) А чем объясняют перепроизводство товаров представители другой стороны? Тем, что производство является недостаточно разнообразным, что определенные предметы потребления не произведены в достаточно массовом количестве. Что здесь речь не может идти о производственном потреблении, это ясно; ибо фабрикант, производящий слишком много холста, необходимо увеличивает этим свой спрос на пряжу, машины, труд и т. д. Речь идет, стало быть, о частном потреблении. Произведено слишком много холста, но, быть может, слишком мало апельсинов. Сперва отрицались деньги, чтобы представить [несуществующим или несущественным] отделение друг от друга покупки и продажи. Теперь отрицается капитал, чтобы изобразить капиталистов в виде таких людей, которые выполняют простую операцию $T - D - T$ и производят для индивидуального потребления, не *в качестве* капиталистов, преследующих цель обогащения, обратного превращения части прибавочной стоимости

* См. настоящее издание, часть II, стр. 552—553, Ред.

в капитал. А фраза, что налицо имеется *слишком много капитала*, означает ведь не что иное, как то, что слишком мало продуктов потребляется — и при данных условиях может потребляться — как *доход*. (*Сисмонди*¹⁴¹.) Почему же производитель холста предъявляет производителю хлеба требование, чтобы тот потреблял больше холста, или производитель хлеба предъявляет требование производителю холста, чтобы тот потреблял больше хлеба? Почему производитель холста не реализует сам более значительную часть своего дохода (прибавочной стоимости) в холсте, а фермер — в хлебе? Относительно каждого в отдельности признаётся, что (не говоря уже о том, что каждая потребность имеет определенную границу) этому препятствует их потребность в капитализации. Относительно всех, вместе взятых, это не признаётся.

(Мы здесь совершенно отвлекаемся от элемента кризисов, проистекающего из того, что товары воспроизводятся дешевле, чем они были произведены. Отсюда обесценение товаров, находящихся на рынке.)

Во всеобщих кризисах мирового рынка все противоречия буржуазного производства бурно прорываются наружу в своей совокупности, в частных же кризисах (*частных* по содержанию и по охвату) — лишь разрозненно, изолированно, односторонне.

Что касается специально *перепроизводства*, то оно имеет своим условием всеобщий закон производства капитала — производить в меру развития производительных сил (т. е. в меру возможности при данной массе капитала эксплуатировать максимальную массу труда), не считаясь с существующими границами рынка или платежеспособных потребностей. И происходит это путем постоянного расширения воспроизводства и накопления, а потому и постоянного обратного превращения дохода в капитал, тогда как, [726] с другой стороны, у массы производителей спрос ограничивается и, в соответствии с природой капиталистического производства, вынужден ограничиваться средним уровнем потребностей.

[15) ВЗГЛЯДЫ РИКАРДО НА РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА И НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАКОПЛЕНИЯ]

В главе 8-й («О налогах») Рикардо говорит:

«Когда годовой продукт какой-либо страны с превышением возмещает ее годовое потребление, то говорят, что ее капитал увеличивается; когда ее годовое потребление даже не покрывается ее годовым производством, то говорят, что ее капитал уменьшается. Таким образом, капитал может

увеличиваться или вследствие увеличения производства, или вследствие уменьшения непроизводительного потребления» (стр. 162—163) [Русский перевод, том I, стр. 129].

Под «непроизводительным потреблением» Рикардо здесь понимает, как он говорит в примечании к цитируемому месту (стр. 163), потребление продуктов непроизводительными работниками, «которые взамен потребленного ими не производят никакой другой стоимости». Следовательно, под увеличением годового производства понимается увеличение годового производственного потребления. Последнее может быть увеличено либо путем прямого его увеличения при неизменном или даже возрастающем непроизводственном потреблении, либо путем уменьшения непроизводственного потребления.

«Когда мы говорим», — сказано в том же примечании, — «что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та часть дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется теперь производительными рабочими, а не непроизводительными».

Я показал *, что превращение дохода в капитал отнюдь не равнозначно превращению дохода в переменный капитал, или расходованию его на заработную плату. Однако так именно думает Рикардо.

В том же примечании он говорит:

«Если бы цена труда поднялась так высоко, что, несмотря на прирост капитала, нельзя было бы применить больше труда, чем прежде, то я сказал бы, что такой прирост капитала был бы все еще потреблен непроизводительно».

Стало быть, не просто потребление дохода производительными рабочими делает это потребление «производительным», а потребление его рабочими, производящими прибавочную стоимость. Согласно этому взгляду, капитал увеличивается только в том случае, если он получает в свое распоряжение *больше труда* [чем прежде].

В главе 7-й («О внешней торговле») Рикардо пишет:

«Существуют два пути накопления капитала: он может сберегаться или вследствие увеличения дохода, или вследствие уменьшения потребления. Если моя прибыль повысилась с 1 000 ф. ст. до 1 200 ф. ст., а мои расходы останутся без изменения, то я накоплю ежегодно на 200 ф. ст. больше, чем прежде. Если я сберегаю 200 ф. ст. на своих расходах, а прибыль моя остается прежней, то получится такой же результат: к моему капиталу ежегодно будет дополнительно прибавляться по 200 ф. ст.» (стр. 135) [Русский перевод, том I, стр. 114].

«Если вследствие введения машин стоимость *всех тех товаров, на которые затрачивается доход*, упадет на 20%, то я смогу благодаря этому сберегать столько же, как если бы мой доход повысился на 20%. Но норма

* См. настоящее издание, часть II, стр. 523—547, Ред.

прибыли в одном случае остается без изменения, в другом она повысилась на 20%. Если ввоз дешевых товаров из-за границы позволяет мне сберечь 20% на моих расходах, то результат будет совершенно такой же, как если бы машины понизили издержки производства этих товаров, но *прибыль* не повысится» (стр. 136) [Русский перевод, том I, стр. 114—115].

(То есть она не повысилась бы, если бы более дешевые продукты не входили ни в переменный, ни в постоянный капитал.)

Итак, при *неизменном расходовании дохода* накопление оказывается следствием повышения нормы *прибыли* {но накопление зависит не только от высоты, а и от массы *прибыли*}; при *неизменной норме прибыли* накопление есть следствие уменьшения расходов, которое, как принимает здесь Рикардо, имеет место в результате удешевления «товаров, на которые затрачивается доход» (вызываемого либо введением машин, либо внешней торговлей).

В главе 20-й («Стоимость и богатство, их отличительные свойства») говорится:

«Богатство» (под богатством Рикардо понимает *потребительные стоимости*) «страны может быть увеличено двумя способами: во-первых, путем *употребления большей доли дохода на содержание производительного труда*, благодаря чему увеличивается не только количество, но и стоимость всей массы товаров; во-вторых, оно может быть увеличено и без применения *добавочного количества труда* — благодаря тому, что *прежнее количество труда становится более производительным*, вследствие чего увеличивается количество, но не стоимость произведенных товаров.

В первом случае возрастает не только богатство страны, но и стоимость ее богатства. Страна становится *богатой благодаря бережливости*, благодаря уменьшению своих расходов на предметы роскоши и комфорта и *употреблению полученных таким путем сбережений на воспроизводство*.

[727] Во втором случае не обязательно имеет место *уменьшение расходов на предметы роскоши и комфорта или увеличение количества применяемого производительного труда*; но тот же труд будет здесь *производить больше продуктов*: будет возрастать богатство, хотя и не стоимость. Из этих двух способов увеличения богатства следует предпочесть последний, так как он дает тот же результат без всяких лишений и сокращения комфорта, которые необходимо связаны с первым способом. *Капитал есть та часть богатства страны, которая используется в целях будущего производства*, и он может быть увеличен теми же способами, что и богатство. *Добавочный капитал* будет одинаково эффективным при производстве будущего богатства независимо от того, *получен ли он путем усовершенствований в методах труда и в машинах или путем употребления более значительной части дохода на цели воспроизводства*. Ибо богатство всегда зависит от количества произведенных товаров безотносительно к легкости, с какой произведены те средства, которые были применены при производстве: Определенное количество одежды и предметов питания будет поддерживать существование и давать занятие для одного и того же числа людей и будет поэтому обеспечивать выполнение одного и того же количества работы, все равно, произведены ли эти предметы питания и одежды трудом 100 или 200 человек; но они будут обладать вдвое большей стоимостью, если при их производстве было занято 200 человек» (стр. 327—328) [Русский перевод, том I, стр. 230—231].

Первая постановка вопроса у Рикардо гласила:

Накопление возрастает, при неизменных расходах, когда повышается норма прибыли, или, при неизменной норме прибыли, когда расходы (по стоимости) уменьшаются вследствие того, что дешевеют товары, на которые затрачивается доход.

Теперь Рикардо устанавливает другую противоположность:

Накопление возрастает, капитал накапливается по своей массе и стоимости, когда более значительная часть дохода изымается из сферы индивидуального потребления и обращается на производственное потребление, когда посредством сбереженной таким путем части дохода приводится в движение больше производительного труда. В этом случае накопление имеет место благодаря *бережливости*.

Или же расходы [на индивидуальное потребление] остаются неизменными, никакого добавочного количества производительного труда не применяется, но тот же самый труд производит больше продуктов, чем прежде, его производительная сила повышается. Те элементы, из которых состоит производительный капитал, — сырье, машины и т. д. {раньше Рикардо говорил о тех товарах, на которые затрачивается доход, теперь же речь идет о тех товарах, которые применяются в качестве средств производства}, — при той же затрате труда производятся в большем количестве, лучше, а потому и дешевле. В этом случае накопление не зависит ни от того, что повышается норма прибыли, ни от того, что более значительная часть дохода, благодаря бережливости, превращается в капитал, ни от того, что — вследствие удешевления тех товаров, на которые тратится доход, — на непроизводительные цели уходит менее значительная часть дохода. Накопление зависит здесь от того, что труд становится более производительным в сферах производства, доставляющих элементы самого капитала, т. е. от того, что удешевляются те товары, которые в качестве сырья, орудий и т. д. входят в процесс производства.

Если производительная сила труда увеличилась благодаря возросшему производству основного капитала по сравнению с переменным, то возрастает не только масса, но и *стоимость* воспроизводства, вследствие того что часть стоимости основного капитала входит в годовое воспроизводство. Это может происходить одновременно с ростом населения и увеличением числа применяемых рабочих, хотя *относительно*, по сравнению с постоянным капиталом, приводимым ими в движение, число применяемых рабочих постоянно уменьшается. Таким образом, происходит увеличение не только богатства, но и стоимости, и в движение приводится большая масса живого труда, хотя

труд стал более производительным и масса труда по сравнению с массой произведенных товаров уменьшилась. Наконец, и при неизменной производительности труда переменный капитал и постоянный капитал могут в одинаковой мере увеличиваться вместе с естественным ежегодным приростом населения. Также и в этом случае капитал накапливается как по своей массе, так и по стоимости. Все эти последние пункты Рикардо оставляет без внимания.

В той же главе Рикардо говорит:

«Труд одного миллиона человек в промышленности всегда произведет одну и ту же стоимость, но не всегда он произведет одно и то же богатство».

(Это совершенно неверно. Стоимость продукта миллиона человек зависит не только от их труда, но также и от стоимости капитала, при помощи которого они работают; следовательно, она будет очень различна в зависимости от массы произведенных ранее производительных сил, при помощи которых они работают.)

«Изобретение машин, усовершенствования в методах труда, лучшее разделение труда или открытие новых рынков, где возможен более выгодный обмен, — все это дает возможность одному миллиону человек производить при одном состоянии общества вдвое или втрое больше богатства, «предметов необходимости, комфорта или удовольствия», чем они могли производить при ином состоянии общества. Но по этой причине они не прибавили бы ничего к стоимости»

(непреренно прибавили бы, ибо их прошлый [728] труд входит в новое воспроизводство в гораздо большем объеме),

«так как стоимость каждого предмета повышается или падает в зависимости от легкости или трудности его производства, или, другими словами, в зависимости от количества труда, затраченного на его производство».

(Каждая единица товара может подешеветь, но стоимость возросшей совокупной массы товаров увеличится.)

«Предположим, что труд определенного количества людей производит с данным капиталом 1 000 пар чулок и что в результате изобретения машин то же самое число людей может произвести 2 000 пар или, продолжая производить 1 000 пар, они могут сверх того произвести 500 шляп. Тогда стоимость 2 000 пар чулок или 1 000 пар чулок и 500 шляп будет не больше и не меньше, чем стоимость 1 000 пар чулок до введения машин, так как они будут продуктом того же самого количества труда».

(Нотабене! если вновь введенные машины *ничего* не стоят.)

«Однако стоимость всей массы товаров все же уменьшится; ибо, хотя стоимость возросшего вследствие технических улучшений количества продуктов будет точно такая же, какой была стоимость меньшего количества, производившегося до того, как были введены технические улучшения, все

же это изменение окажет свое действие также и на ту часть еще не потребленной товарной массы, которая была изготовлена до технических улучшений. Стоимость этих товаров уменьшится, так как она должна упасть до уровня стоимости товаров, произведенных при всех преимуществах новой техники, и общество, несмотря на возросшее количество товаров, несмотря на увеличившееся богатство и несмотря на возросшее количество предметов потребления, *будет иметь меньшую сумму стоимости. Постоянно увеличивая легкость производства, мы постоянно уменьшаем стоимость некоторых из прежде произведенных товаров*, хотя этим же способом мы увеличиваем не только национальное богатство, но также и возможности для будущего производства» (стр. 320—322) [Русский перевод, том I, стр. 226—227].

Рикардо говорит здесь о том обесценении, которое вследствие прогрессивного развития производительных сил претерпевают товары, произведенные при менее благоприятных условиях, все равно, находятся ли эти товары еще на рынке или же действуют в процессе производства в качестве капитала. Но отсюда отнюдь не следует, что «стоимость всей массы товаров уменьшится», хотя стоимость некоторой части этой массы и станет меньше. Указанный результат наступил бы лишь, во-первых, в том случае, если бы стоимость вновь присоединенных вследствие технического прогресса машин и товаров была меньше, чем происшедшее обесценение ранее имевшихся товаров того же рода; во-вторых, в том случае, если бы мы оставили без внимания, что с развитием производительных сил постоянно увеличивается также и число сфер производства, т. е. что для приложения капитала открываются новые отрасли, которые раньше совсем не существовали. Производство в ходе развития не только удешевляется, но и становится *более многообразным*.

В главе 9-й («Налоги на сырые материалы») Рикардо пишет:

«Что касается третьего возражения против налогов на сырые материалы, а именно, что эти налоги, повышая заработную плату и уменьшая прибыль, ослабляют побуждение к накоплению и действуют таким же образом, как и природная бедность почвы, то я пытался показать в другой части этого сочинения, что *сбережения можно делать с таким же успехом из расходов, как и из производства; в результате уменьшения стоимости товаров, как и в результате повышения нормы прибыли*. Когда я увеличиваю свою прибыль с 1 000 до 1 200 ф. ст., в то время как цены остаются неизменными, моя способность увеличивать свой капитал путем сбережений увеличится, но она увеличится не настолько, насколько она увеличилась бы, если бы *моя прибыль оставалась без изменения*, а цены товаров понизились так сильно, что на 800 ф. ст. я мог бы купить столько же, сколько раньше на 1 000 ф. ст.» (стр. 183—184) [Русский перевод, том I, стр. 141].

Вся стоимость продукта (или, вернее, той части продукта, которая распределяется между капиталистом и рабочим) может уменьшиться без того, чтобы чистый доход уменьшился по сумме своей стоимости. (По своей пропорциональной доле он

может даже возрасти.) Об этом говорится в главе 32-й («Взгляды г-на Мальтуса на ренту»):

«Впрочем, вся аргументация г-на Мальтуса построена на шатком основании: она предполагает, что раз уменьшается *валовой доход* страны, то вследствие этого должен в такой же пропорции уменьшиться и чистый доход. Одной из задач этого сочинения было показать, что вместе с каждым падением действительной стоимости предметов необходимости падает заработная плата и повышается прибыль на капитал, — другими словами, что в этом случае из каждой данной годовой стоимости менее значительная доля достается рабочему классу и более значительная доля тем, чьи фонды доставляют занятие этому классу, применяют его. Предположим, что стоимость товаров, производимых на какой-нибудь фабрике, составляет 1 000 ф. ст. и что она делится между хозяином и его рабочими так, что рабочие получают 800 ф. ст., а хозяин — 200 ф. ст. [729] Если бы стоимость этих товаров упала до 900 ф. ст. и 100 ф. ст. были сбережены на заработной плате вследствие понижения цен на предметы необходимости, то чистый доход хозяина несколько не уменьшился бы, и последний поэтому мог бы с такой же легкостью, как и до понижения цены, уплачивать ту же сумму налогов» (стр. 511—512) [Русский перевод, том I, стр. 345—346].

В главе 5-й («О заработной плате») говорится:

«Несмотря на тенденцию заработной платы сообразоваться с ее естественной нормой, ее рыночная норма может в прогрессирующем обществе в течение неопределенного периода стоять постоянно выше ее естественной нормы, потому что тот импульс, который увеличение капитала дает новому спросу на труд, не успеет еще исчерпать свое действие, как уже новое увеличение капитала начинает производить такое же действие. Таким образом, если возрастание капитала происходит постепенно и постоянно, то спрос на труд может давать непрерывно действующий стимул к росту населения» (стр. 88) [Русский перевод, том I, стр. 86].

С капиталистической точки зрения все представляется наоборот. Масса рабочего населения и степень производительности труда определяют как воспроизводство капитала, так и воспроизводство населения. Здесь же выходит наоборот — что население определяется *капиталом*.

В главе 9-й («Налоги на сырые материалы») Рикардо пишет:

«Накопление капитала естественно порождает усиленную конкуренцию между нанимателями труда и вследствие этого вызывает повышение цены труда» (стр. 178) [Русский перевод, том I, стр. 138].

Это зависит от того, в какой пропорции при накоплении капитала возрастают его различные составные части. Может происходить накопление капитала, а спрос на труд может абсолютно или относительно сокращаться.

Так как, согласно теории ренты Рикардо, с накоплением капитала и с ростом населения норма прибыли, в результате повышения стоимости предметов необходимости, или уменьшения производительности земледелия, имеет тенденцию к пони-

жению, то получается, что накопление имеет тенденцию задерживать накопление, и закон *уменьшения нормы прибыли*, — поскольку по мере развития промышленности земледелие становится менее производительным, — витает, как злой рок, над буржуазным производством. Напротив, А. Смит взирает на уменьшение нормы прибыли с удовлетворением. Образцовой страной является для него Голландия. Уменьшение нормы прибыли, указывает А. Смит, вынуждает большинство капиталистов, за исключением самых крупных, вместо того чтобы жить на проценты, применять свой капитал в производстве; оно служит, таким образом, стимулом для производства. У учеников Рикардо ужас перед роковой тенденцией принимает трагикомические формы.

Приведем здесь все те места из Рикардо, которые относятся к этому предмету.

В главе 5-й (*«О заработной плате»*):

«На различных стадиях развития общества накопление капитала, или средств для применения труда, идет с большей или меньшей быстротой и *должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда*. Производительные силы труда, по общему правилу, больше всего тогда, когда имеется в изобилии плодородная земля: в такие периоды накопление часто идет с такой быстротой, что предложение рабочих не поспевает за темпом возрастания капитала.

Было вычислено, что при благоприятных условиях население может удвоиться в течение 25 лет; но при таких же благоприятных условиях весь капитал страны может удвоиться в более короткий период. В этом случае заработная плата в течение всего периода будет иметь тенденцию повышаться, так как спрос на труд будет возрастать еще быстрее, чем предложение его.

В новых колониях, в которых вводятся ремесла и знания, позаимствованные у стран, ушедших далеко вперед, капитал может иметь тенденцию возрастать быстрее, чем происходит размножение людей, и если бы недостаток в рабочих не покрывался притоком их из более густонаселенных стран, то эта тенденция очень сильно повышала бы цену труда. По мере того как население новых стран увеличивается и в обработку поступает земля худшего качества, уменьшается тенденция капитала к возрастанию; *ибо прибавочный продукт, остающийся после того как удовлетворены потребности наличного населения, необходимо должен быть пропорционален легкости производства, т. е. он тем больше, чем меньше число лиц, занятых в производстве*. Поэтому, хотя и вероятно, что при наиболее благоприятных условиях производительные силы все еще возрастают быстрее населения, но все же долго это продолжаться не будет, ибо вследствие ограниченности количества земли и неодинаковости ее качества всякое увеличение прилагаемого к ней капитала будет сопровождаться понижением нормы получаемой продукции, тогда как *способность населения к размножению всегда остается неизменной*» (стр. 92—93) [Русский перевод, том I, стр. 89].

(Последнее утверждение представляет собой поповскую выдумку. Способность населения к размножению уменьшается вместе с уменьшением производительной силы труда.)

Здесь — и это следует отметить прежде всего — Рикардо признаёт, что «накопление капитала... должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда», так что *prius*'ом * оказывается труд, а не капитал.

Далее, согласно рассуждению Рикардо получается, что в давно заселенных, промышленно развитых странах земледелием занимается больше людей, чем в колониях, тогда как дело обстоит как раз наоборот. Для производства того же количества продукта [730] Англия, например, применяет меньше сельскохозяйственных рабочих, чем любая другая страна, новая или старая. Правда, здесь косвенно участвует в сельскохозяйственном производстве более значительная часть неземледельческого населения. Но даже и это имеет место далеко не в такой пропорции, в какой непосредственно земледельческое население в менее развитых странах превышает земледельческое население в странах более развитых. Допустим даже, что в Англии хлеб дороже, издержки производства больше. Применяется больше капитала. В сельскохозяйственное производство входит больше прошлого, хотя и меньше живого труда. Но воспроизводство сельскохозяйственного капитала, вследствие уже имеющейся производственной базы, стоит меньшего количества труда, хотя стоимость этого капитала и возмещается в продукте.

Глава 6-я («О прибыли»).

Предварительно еще несколько замечаний. Прибавочная стоимость, как мы видели, зависит не только от нормы прибавочной стоимости, но и от количества одновременно занятых рабочих, стало быть, от величины переменного капитала.

Накопление, со своей стороны, определяется — непосредственно — не *нормой прибавочной стоимости*, а отношением прибавочной стоимости ко всей массе авансированного капитала, т. е. *нормой прибыли*; и не столько еще *нормой прибыли*, сколько *общей массой прибыли*, которая, как мы видели, для совокупного капитала общества тождественна с общей массой прибавочной стоимости, для отдельных же капиталов, применяемых в различных отраслях, может весьма значительно отличаться от произведенной ими массы прибавочной стоимости. Если рассматривать накопление капитала *en bloc* **, то прибыль равна прибавочной стоимости, а норма прибыли равна прибавочной стоимости, деленной на капитал, или, точнее, прибавочной стоимости, исчисленной на каждые 100 единиц капитала.

Если норма прибыли (в процентах) дана, то общая масса прибыли зависит от величины авансированного капитала; стало

* — первичным, предшествующим. *Ред.*

** — в целом. *Ред.*

быть, от этого зависит и накопление, поскольку оно определяется прибылью.

Если сумма капитала дана, то общая масса прибыли зависит от высоты нормы прибыли.

Поэтому небольшой капитал при высокой норме прибыли может давать большую массу прибыли, чем больший капитал при низкой норме прибыли.

Возьмем примеры:

1		
Капитал	Норма прибыли	Масса прибыли
100	10%	10
(100 × 2), т. е. 200	$\frac{10}{2}$, или 5%	10
(100 × 3), т. е. 300	$\frac{10}{2}$, или 5%	15
(100 × 1½), т. е. 150	5%	$7\frac{1}{2}$

2		
Капитал	Норма прибыли	Масса прибыли
100	10%	10
(2 × 100), т. е. 200	$\frac{10}{2\frac{1}{2}} = 4\%$	8
(2½ × 100), т. е. 250	4%	10
(3 × 100), т. е. 300	4%	12

3		
Капитал	Норма прибыли	Масса прибыли
500	10%	50
5 000	1%	50
3 000	1%	30
10 000	1%	100

Если множитель капитала и делитель нормы прибыли равны, т. е. если величина капитала увеличивается в той же пропорции, в какой норма прибыли падает, то сумма массы прибыли остается неизменной. 100 при 10% дает 10, и 2×100 при $10/2\%$, т. е. при 5%, дает также 10. Иными словами это, стало быть, означает: если норма прибыли падает в такой же пропорции, в какой накапливается (возрастает) капитал, то масса прибыли остается неизменной.

Если норма прибыли падает быстрее, чем возрастает капитал, то масса прибыли в своей сумме уменьшается. 500 при 10% дает массу прибыли в 50. Шестикратная же сумма 6×500 , или 3 000, при $10/6\%$, или 1⅙%, дает только 30.

Наконец, если капитал возрастает быстрее, чем уменьшается норма прибыли, то масса прибыли увеличивается, несмотря на то, что норма прибыли падает. Так, 100 при 10% прибыли дает массу прибыли в 10. А 300 (т. е. 3×100) при 4% (стало быть, когда норма прибыли уменьшилась в $2\frac{1}{2}$ раза) дает массу прибыли в 12.

Теперь обратимся к положениям Рикардо.

В главе 6-й («О прибыли») Рикардо пишет:

«Таким образом, прибыль имеет естественную тенденцию падать, ибо с ростом общества и богатства приходится затрачивать все больше и больше труда для производства требующегося добавочного количества предметов питания. К счастью, эта тенденция прибыли, это, так сказать, ее тяготение, время от времени задерживается улучшениями в машинах, применяемых в производстве предметов необходимости, а также открытиями в агрономической науке, которые дают нам возможность обходиться меньшим количеством труда, чем требовалось раньше, и [731] таким путем понижать цену предметов первой необходимости для рабочего. Повышение цены предметов необходимости и заработной платы имеет, однако, свой предел; ибо, как только заработная плата будет равна... 720 ф. ст., т. е. всей выручке фермера, накоплению должен прийти конец, так как тогда никакой капитал не может давать прибыли и не может быть никакого спроса на добавочный труд, а значит и рост населения прекратится. В действительности, уже задолго до этого момента очень низкая норма прибыли остановит всякое накопление, и почти весь продукт страны, остающийся после оплаты рабочих, будет принадлежать собственникам земли и получателям десятины и налогов» (стр. 120—121) [Русский перевод, том I, стр. 106].

Это — буржуазные «сумерки богов» в представлении Рикардо, день страшного суда.

«Задолго до того, как такой уровень цен станет постоянным, исчезнет всякое побуждение к накоплению, ибо никто не накапливает иначе, как с целью производительного применения накопленного капитала... Поэтому такой уровень цен никогда не может иметь места. Фермер и фабрикант так же не могут жить без прибыли, как рабочий не может жить без заработной платы. Их стремление к накоплению будет уменьшаться с каждым уменьшением прибыли и совершенно исчезнет, когда их прибыль будет настолько низка, что не будет давать им достаточного вознаграждения за их усилия и за тот риск, которому они необходимо подвергаются при производительном применении своего капитала.

Я должен еще раз отметить, что норма прибыли будет падать гораздо быстрее...; ибо если стоимость продукта будет так высока, как я принимал ее при предположенных условиях, то стоимость капитала фермера значительно увеличится, так как он обязательно состоит из многих таких товаров, стоимость которых возросла. Прежде чем цена хлеба могла бы повыситься с 4 до 12 ф. ст., меновая стоимость капитала фермера, вероятно, удвоилась бы и равнялась бы 6 000 ф. ст. вместо 3 000. Если, стало быть, прибыль фермера составляла 180 ф. ст., или 6% от его первоначального капитала, то теперь ее действительная норма не будет превышать 3%, потому что 3% с 6 000 ф. ст. дают 180 ф. ст., и только на этих условиях какой-нибудь новый фермер, имеющий в кармане 6 000 ф. ст., мог бы стать

сельскохозяйственным предпринимателем» (стр. 123—124) [Русский перевод, том I, стр. 107—108].

«Мы могли бы также ожидать, что, хотя норма прибыли на капитал уменьшается вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы, все же общая сумма прибыли будет возрастать. Так, если мы предположим, что при повторных накоплениях, каждый раз в размере 100 000 ф. ст., норма прибыли падает с 20 до 19, 18, 17%, т. е. непрерывно понижается, то мы могли бы ожидать, что вся сумма прибыли, которую получают все следующие друг за другом владельцы капитала, будет все возрастать: что она больше, когда капитал достигает 200 000 ф. ст., чем когда он составляет 100 000 ф. ст., еще больше, когда он возрастает до 300 000 ф. ст. и т. д., что, следовательно, она увеличивается при каждом увеличении капитала, хотя бы норма прибыли все время понижалась. Однако такая прогрессия имеет силу только в течение определенного времени. Так, 19% с 200 000 ф. ст. составляют больше, чем 20% с 100 000 ф. ст., а 18% с 300 000 ф. ст. — больше, чем 19% с 200 000 ф. ст., но когда капитал будет накоплен в очень больших размерах, а норма прибыли упадет, тогда дальнейшее накопление будет уменьшать совокупную массу прибыли. Предположим, например, что накопление достигло 1 000 000 ф. ст., а норма прибыли составляет 7%, тогда вся сумма прибыли составит 70 000 ф. ст. Если теперь к миллиону прибавить еще 100 000 ф. ст. капитала, а норма прибыли упадет до 6%, то владельцы капитала получают уже только 66 000 ф. ст., или на 4 000 ф. ст. меньше, хотя общая сумма капитала возросла с 1 000 000 до 1 100 000 ф. ст.

Однако, пока капитал вообще приносит какую-либо прибыль, не может быть такого накопления капитала, которое не давало бы как увеличения продукта, так и увеличения стоимости. При затрате добавочного капитала в 100 000 ф. ст. ни одна часть прежнего капитала не становится менее производительной. Продукт земли и труда страны должен увеличиться, а стоимость его возрастет не только на всю величину стоимости продуктов, прибавленных к прежнему количеству продуктов, но и на величину той новой стоимости, которая добавлена ко всему продукту земли в результате того, что увеличилась трудность производства последней доли его. Однако, когда накопление капитала достигает очень больших размеров, стоимость продукта, несмотря на ее увеличение, будет распределяться таким образом, что на долю прибыли будет доставаться меньшая, чем прежде, часть ее, тогда как часть, приходящаяся на долю ренты и заработной платы, будет увеличиваться» (стр. 124—126) [Русский перевод, том I, стр. 108—109].

«Хотя производится большая стоимость, но зато и большая доля того, что остается от этой стоимости после уплаты ренты, потребляется производителями, а это, и только это, и определяет размеры прибыли. Пока земля дает обильные урожаи, заработная плата может временно повышаться, и производители могут потреблять в размерах, превышающих их обычную долю; но стимул, который тем самым дается увеличению населения, скоро возвращает рабочих к обычному уровню их потребления. Но когда в обработку поступает худшая земля или на старой земле затрачивается добавочное количество капитала и труда с меньшим результатом, указанные выше последствия будут иметь место постоянно» (стр. 127) [Русский перевод, том I, стр. 110].

[732] «Итак, последствия накопления в различных странах будут различны в зависимости главным образом от плодородия почвы. Как бы обширна ни была страна, в которой земля неплодородна, а ввоз продовольствия запрещен, даже самое умеренное накопление капитала будет сопровождаться значительным уменьшением нормы прибыли и быстрым повышением ренты; и наоборот, небольшая, но плодородная страна,

в особенности если она допускает свободный ввоз продовольствия, может накапливать очень большие капиталы, не вызывая этим значительного уменьшения нормы прибыли или значительного увеличения земельной ренты» (стр. 128—129) [Русский перевод, том I, стр. 110—111].

Налоги (говорится в главе 12-й — «Земельный налог») тоже могут привести к тому, что «оставшийся прибавочный продукт не будет достаточен для поощрения усилий тех, кто обычно своими сбережениями увеличивает капитал в государстве» (стр. 206) [Русский перевод, том I, стр. 155].

«Возможен только один случай» {говорится в главе 21-й — «Влияние накопления на прибыль и процент»}, — «да и тот носит временный характер, — когда накопление капитала при низких ценах на продовольствие сопровождается падением нормы прибыли. И это имеет место тогда, когда фонд на содержание труда увеличивается гораздо быстрее, чем население; в этом случае заработная плата будет высока, а норма прибыли низка. Если бы все люди отказались от употребления предметов роскоши и стремились только к накоплению, то могло бы быть произведено такое количество предметов необходимости, для которого не оказалось бы непосредственных потребителей. Для этих немногочисленных видов товаров, без сомнения, могло бы получиться общее переполнение рынка, и, следовательно, не было бы спроса на добавочное количество этих товаров, а применение добавочного капитала не давало бы прибыли. Если бы люди перестали потреблять, они перестали бы производить» (стр. 343) [Русский перевод, том I, стр. 241].

Таковы мысли Рикардо о накоплении и о законе падения нормы прибыли.

[ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ] РАЗНОЕ У РИКАРДО. ДЖОН БАРТОН

[А.] ВАЛОВОЙ И ЧИСТЫЙ ДОХОД

Чистый доход, в противоположность валовому доходу (который отождествлялся с совокупным продуктом или со стоимостью совокупного продукта), является той формой, в которой физиократы первоначально фиксируют прибавочную стоимость. Земельную ренту они рассматривают как единственную форму прибавочной стоимости, потому что промышленная прибыль понимается ими лишь как своего рода заработная плата; физиократам, в их взглядах на этот вопрос, суждено было найти единомышленников в лице тех позднейших экономистов, которые затушевывают прибыль, смешивая ее с заработной платой за надзор над трудом.

Таким образом, чистым доходом в действительности является избыток продукта (или его стоимости) над той его частью, которая возмещает авансированный капитал — как постоянный, так и переменный. Следовательно, чистый доход состоит просто-напросто из прибыли и ренты, причем эта последняя сама представляет собой, в свою очередь, всего лишь часть прибыли, выделенную из прибыли и достающуюся классу, отличному от класса капиталистов.

Непосредственной целью капиталистического производства является не производство товара, а производство прибавочной стоимости или прибыли (в ее развитой форме); не продукт, а прибавочный продукт. Самый труд с этой точки зрения производителен лишь постольку, поскольку он создает для капитала прибыль или прибавочный продукт. Если рабочий этого не создает, труд его непроизводителен. Следовательно, масса применяемого производительного труда представляет для капитала

интерес лишь постольку, поскольку благодаря ей — или пропорционально ей — возрастает масса прибавочного труда. Лишь постольку оказывается необходимым то, что мы называли необходимым рабочим временем. Если труд не дает этого результата, он является излишним и должен быть прекращен.

Постоянная цель капиталистического производства состоит в том, чтобы при минимуме авансированного капитала производить максимум прибавочной стоимости или прибавочного продукта; и в той мере, в какой этот результат достигается не чрезмерным трудом рабочих, это представляет собой такую тенденцию капитала, которая выражается в стремлении производить данный продукт с возможно меньшими затратами сил и средств, т. е. такую экономическую тенденцию капитала, которая учит человечество экономно расходовать свои силы и достигать производственной цели с наименьшей затратой средств.

Сами рабочие при таком понимании представляются тем, чем они и являются в капиталистическом производстве, — простыми средствами производства, а не самоцелью и не целью производства.

Чистый доход определяется не стоимостью совокупного продукта, а избытком стоимости совокупного продукта над стоимостью авансированного капитала, или величиной прибавочного продукта по сравнению с совокупным продуктом. Если этот избыток возрастает, хотя бы и при уменьшении стоимости [733] продукта или даже при уменьшении, вместе со стоимостью, также и совокупного количества продукта, то цель капиталистического производства достигнута.

Рикардо формулировал эти тенденции со всей последовательностью и без всяких прикрас. Отсюда столько воплей против него со стороны мещанских филантропов.

При рассмотрении чистого дохода Рикардо опять впадает в ту ошибку, что сводит совокупный продукт к доходу — к заработной плате, прибыли и ренте — и абстрагируется от подлежащего возмещению постоянного капитала. Но на этом мы здесь не будем останавливаться.

В главе 32-й (*«Взгляды г-на Мальтуса на ренту»*) Рикардо пишет:

«Очень важно проводить отчетливое различие между валовым и чистым доходом, потому что все налоги должны уплачиваться из чистого дохода общества. Предположим, что все товары в стране — весь хлеб, сырые продукты, промышленные изделия и т. д., — которые могут быть доставлены на рынок в течение года, имеют стоимость в 20 млн., что для получения этой стоимости необходим труд известного числа людей и что предметы насущной необходимости для этих рабочих требуют расхода в 10 млн.

Я сказал бы тогда, что валовой доход такого общества составляет 20 млн., а чистый доход — 10 млн. Из этого предположения вовсе не следует, что рабочие получили бы за свой труд только 10 млн.; они могли бы получить 12, 14 или 15 млн., и в этом случае им досталось бы из чистого дохода 2,4 или 5 млн. Остаток был бы разделен между земельными собственниками и капиталистами, но весь чистый доход не превышал бы 10 млн. Предположим, что такое общество платит 2 млн. в виде налогов; тогда его чистый доход уменьшится до 8 млн.» (стр. 512—513) [Русский перевод, том I, стр. 346].

[А в 26-й главе («О валовом и чистом доходе») мы читаем:]

«В чем же состоят выгоды, проистекающие для страны из применения большого количества производительного труда, если ее чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются без изменения, независимо от того, применяет ли страна это количество труда или меньшее? *Весь продукт земли и труда каждой страны делится на три части; из них одна идет на заработную плату, другая — на прибыль, третья — на ренту.*

{Это неверно, так как здесь забыта та часть, которая идет на возмещение капитала (исключая заработную плату), примененного в производстве.}

«Только из двух последних частей можно производить какие-нибудь вычеты на налоги или на сбережения; *первая из них, если она является умеренной, всегда составляет необходимые издержки производства.*

{Рикардо сам указывает в примечании к этой фразе:

«Это сказано, быть может, слишком сильно, так как рабочему под наименованием заработной платы обычно достается больше, чем абсолютно необходимые издержки производства. В этом случае рабочий получает часть чистого продукта страны, и он может ее сберечь или израсходовать; или же она может дать ему возможность содействовать защите страны.»}

«Человеку, имеющему капитал в 20 000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1 000 человек, продается ли произведенный товар за 10 000 или за 20 000 ф. ст., если только во всех этих случаях получаемая им прибыль не падает ниже 2 000 ф. ст. *Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или из 12 миллионов жителей.* Ее способность содержать флот и армию и все виды непроизводительного труда должна быть пропорциональна ее чистому, а не ее валовому доходу. Если 5 миллионов человек могут производить столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 миллионов человек, то пища и одежда для 5 миллионов являлись чистым доходом. Разве страна получила бы какую-нибудь выгоду от того, что для производства того же самого чистого дохода понадобилось бы 7 миллионов человек, или, иначе говоря, что труд 7 миллионов человек был бы применен для производства пищи и одежды в количестве, достаточном для 12 миллионов? Пища и одежда для 5 миллионов человек по-прежнему будут составлять чистый доход. Применение большего количества людей не доставило бы нам возможности ни увеличить хотя бы на одного человека нашу армию и наш флот, ни внести хотя бы одну добавочную гиней в виде налога» (стр. 416—417) [Русский перевод, том I, стр. 284—285].

В дополнение к этому, для лучшего уяснения точки зрения Рикардо, приведем еще следующие места:

«Относительно низкая цена хлеба всегда приносит ту выгоду, что при такой цене распределение наличного продукта имеет больше шансов привести к увеличению *фонда на содержание труда*, так как более значительная доля, под наименованием прибыли, достанется производительному классу и менее значительная, под наименованием ренты, — *непроизводительному классу*» (стр. 317) [Русский перевод, том I, стр. 224].

В качестве производительного класса здесь имеются в виду только капиталисты-предприниматели.

«Рента есть создание стоимости,.. но не создание богатства. Если цена хлеба, вследствие трудности производства какой-нибудь части его, повысится с 4 ф. ст. до 5 ф. ст. за кварталер, то 1 млн. кварталеров будет иметь стоимость в 5 млн. ф. ст. вместо 4 млн. ф. ст. ...Общество в целом будет обладать большей стоимостью, и в этом смысле рента есть создание стоимости. Но стоимость эта является номинальной постольку, поскольку она ничего не прибавляет к богатству, т. е. к сумме предметов необходимости, комфорта и удовольствия, имеющихся у общества. Мы будем иметь точно такое же, а не большее, количество товаров и тот же 1 млн. кварталеров хлеба, что и прежде; но результатом более высокой цены кварталера — 5 ф. ст. вместо 4 ф. ст. — *будет перенос части стоимости хлеба и товаров* от их прежних владельцев к земельным собственникам. Поэтому рента есть создание стоимости, но не создание богатства; *она ничего не прибавляет к ресурсам страны*» (стр. 485—486) [Русский перевод, том I, стр. 329—330].

[734] Предположим, что благодаря [большей легкости производства или благодаря] импорту хлеба цена хлеба упадет так, что рента уменьшится на 1 миллион. Рикардо говорит, что денежные доходы капиталистов вследствие этого возрастут, и затем продолжает:

«Но мне могут возразить, что доход капиталиста не увеличится, что тот миллион, который был вычтен из ренты земельного собственника, будет уплачен в виде добавочной заработной платы рабочим. Пусть так... Положение общества также и в этом случае улучшилось бы, и люди были бы в состоянии нести то же самое налоговое бремя с большей легкостью, чем прежде. Это только доказывало бы, что в результате нового распределения главным образом улучшилось бы — а это является еще более желательным — положение другого класса, и притом наиболее важного класса общества. Все то, что этот класс получил бы сверх 9 млн. [заработной платы, определяемой необходимыми средствами существования], *составляет часть чистого дохода страны* и не может быть израсходовано, не увеличивая в то же время ее потребление, благосостояние или могущество. Вы можете поэтому распределить чистый доход как вам угодно. Дайте немного больше одному классу и немного меньше другому — вы этим не уменьшаете сумму чистого дохода. Будет ли иметь место такое перераспределение чистого дохода или нет, — все равно при помощи того же самого количества труда теперь будет производиться большее количество товаров, хотя величина валовой денежной стоимости этих товаров уменьшится. Но чистый денежный доход страны, тот фонд, из которого уплачиваются налоги и получают средства на предметы удовольствия,

будет гораздо более приспособлен, чем прежде, для содержания существующего населения, для доставления ему предметов роскоши и удовольствия и для уплаты налогов любых данных размеров» (стр. 515—516) [Русский перевод, том I, стр. 348].

[Б.] МАШИНЫ [ВОПРОС О ВЛИЯНИИ МАШИН НА ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА У РИКАРДО И У БАРТОНА]

[1] ВЗГЛЯДЫ РИКАРДО]

[а) ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ДОГАДКА РИКАРДО О ВЫТЕСНЕНИИ ЧАСТИ РАБОЧИХ МАШИНАМИ]

В отделе V главы 1-й («О стоимости») Рикардо пишет:

«Предположим.., что перед нами машина, которая может применяться в какой-нибудь отрасли промышленности для выполнения работы ста рабочих в течение года, и что она может продержаться только один год. Предположим также, что эта машина стоит 5 000 ф. ст. и что заработная плата, ежегодно уплачиваемая ста рабочим, составляет 5 000 ф. ст. Очевидно, что в этом случае для фабриканта все равно, купить ли машину или нанять рабочих. Но пусть стоимость труда повысится, и в результате этого годовая заработная плата ста рабочих составит 5 500 ф. ст. Очевидно, что теперь фабриканту нечего колебаться: в его интересах купить машину, которая выполнит для него ту же работу за 5 000 ф. ст. Но не повысится ли также и цена машины, не будет ли и она тоже стоить 5 500 ф. ст. вследствие повышения стоимости труда? Ее цена поднялась бы в том случае, если бы *при ее сооружении не применялось никакого капитала и машиностроителю не причиталось бы никакой прибыли*. Если бы, например, машина была продуктом труда ста рабочих, изготовляющих ее в течение одного года и получающих заработную плату в 50 ф. ст. каждый, и цена ее была, следовательно, 5 000 ф. ст., то, в случае повышения заработной платы до 55 ф. ст., ее цена была бы 5 500 ф. ст. Но это невозможно. Приходится допустить, что было занято менее ста рабочих, — иначе машина не могла бы быть продана за 5 000 ф. ст., так как из этих 5 000 ф. ст. должна быть уплачена прибыль на капитал, затраченный на рабочих. Итак, предположим, что было занято только восемьдесят пять рабочих с затратой в 50 ф. ст. на каждого, или 4 250 ф. ст. в год, и что те 750 ф. ст., которые при продаже машины были получены сверх заработной платы, уплаченной рабочим, составляли прибыль на капитал машиностроителя. При повышении заработной платы на 10% машиностроитель будет вынужден применить *добавочный капитал* в 425 ф. ст. и поэтому вместо 4 250 ф. ст. будет затрачивать 4 675 ф. ст. — капитал, на который он получит только 325 ф. ст. прибыли, если по-прежнему продаст машину за 5 000 ф. ст. Но точно в таком же положении находятся все фабриканты и капиталисты: повышение заработной платы затрагивает их всех. Поэтому, если бы машиностроитель поднял цену машины вследствие повышения заработной платы, то в ту отрасль промышленности, которая производит такие машины, капитал стал бы притекать в столь необычных размерах, что цены машин скоро стали бы давать машиностроителю только обычную норму прибыли. Мы видим, стало быть, что цены машин не повысятся вследствие повышения заработной платы.

Однако тот фабрикант, который при общем повышении заработной платы располагает машиной, не увеличивающей издержек производства его товара, был бы в особо выгодном положении, если бы мог продавать свои товары по прежней цене; но он, как мы уже видели, будет вынужден понизить цену своих товаров; в противном случае в его отрасль производства будет притекать капитал до тех пор, пока его прибыль не упадет до общего уровня. *Таким образом, в выигрыше от введения машин оказывается публика: эти немые агенты всегда являются продуктом гораздо меньшего количества труда, чем то, которое они вытесняют, хотя бы они имели ту же денежную стоимость»* (стр. 38—40) [Русский перевод, том I, стр. 56—57]¹⁴².

Этот пункт подмечен совершенно правильно. В то же время это является ответом тем, кто полагает, что рабочие, вытесняемые машинами, находят себе работу в самом машиностроении, — представление, свойственное, впрочем, той эпохе, когда мастерская, изготовлявшая машины, еще всецело основана была на разделении труда и когда для производства машин еще и не применялись машины.

Предположим, что годовая заработная плата одного рабочего составляет 50 ф. ст., тогда заработная плата 100 рабочих равна 5 000 ф. ст. Если эти 100 рабочих заменяются машиной, которая стоит тоже 5 000 ф. ст., то машина эта обязательно является продуктом труда менее чем 100 рабочих. Ибо она содержит, кроме оплаченного труда, также и неоплаченный труд, который как раз и образует прибыль фабриканта машин. Если бы машина, стоящая 5 000 ф. ст., была продуктом труда 100 рабочих, то она содержала бы только оплаченный труд. Из 5 000 ф. ст. — при норме прибыли в 10% — около 4 545 ф. ст. составляли бы авансированный капитал и около 455 ф. ст. — прибыль. 4 545 ф. ст. — при заработной плате одного рабочего в 50 ф. ст. — представляли бы лишь $90\frac{9}{10}$ рабочих.

[735] Но капитал в 4 545 ф. ст. отнюдь не представляет собой один лишь переменный капитал (капитал, затраченный непосредственно на заработную плату). В нем представлены также износ основного капитала, примененного машиностроителем, и сырье. Таким образом, машина, стоящая 5 000 ф. ст. и заменяющая 100 рабочих, заработная плата которых составляет 5 000 ф. ст., является продуктом значительно меньшего количества рабочих, чем 90. Да и применяться с выгодой машина может только в том случае, если она {по крайней мере, та часть ее, которая ежегодно входит вместе с процентами в продукт, т. е. в его стоимость} является продуктом значительно меньшего количества занятых в течение года рабочих, чем то количество рабочих, которое она заменяет.

Всякое повышение заработной платы увеличивает подлежащий авансированию переменный капитал, хотя *стоимость*

продукта; — в той мере, в какой эта стоимость равна переменному капиталу плюс прибавочный труд, — остается без изменения (так как остается без изменения количество рабочих, приводимых в движение переменным капиталом).

16) РИКАРДО О ВЛИЯНИИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ НА СТОИМОСТЬ ТОВАРОВ.

ОШИБОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫСВОБОЖДЕНИИ ФОНДА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ДЛЯ УВОЛЕННЫХ РАБОЧИХ]

В главе 20-й (*«Стоимость и богатство, их отличительные свойства»*) Рикардо отмечает, что *силы природы* ничего не добавляют к стоимости *товаров*, что они, напротив, уменьшают ее. Как раз этим они увеличивают *прибавочную стоимость*, которая одна только интересуется капиталиста.

«В противоположность мнению Адама Смита, г-н Сэй в четвертой главе говорит о стоимости, придаваемой товарам *силами природы*, например солнцем, ветром, давлением атмосферы и т. д., которые иногда заменяют труд человека, а иногда помогают ему в производстве. Но, хотя эти силы природы значительно увеличивают *потребительную стоимость*, они никогда не добавляют к *товару* меновой стоимости, о которой идет речь у г-на Сэя. Как только с помощью машин и *ли естествознания* мы заставляем силы природы выполнять такую работу, которая раньше выполнялась человеком, меновая стоимость этой работы соответственно падает» (стр. 335—336) [Русский перевод, том I, стр. 235—236].

Машина имеет стоимость. Силы природы, как таковые, ничего не стоят. Они, следовательно, и не могут прибавить никакой стоимости к продукту, а, напротив, уменьшают его стоимость в той мере, в какой они заменяют капитал или труд, непосредственный труд или же накопленный. В той мере, в какой естествознание учит тому, как без помощи машин или же с помощью только тех машин, что и раньше (быть может, еще дешевле, чем раньше, как это имеет место, например, при использовании парового котла, различных химических процессов и т. д.), заменять труд человека силами природы, — оно ничего не стоит капиталисту (а также и обществу) и абсолютно удешевляет товары.

После вышеприведенного места Рикардо продолжает:

«Если десять человек приводили в движение мельницу, а затем было открыто, что при помощи ветра или воды труд этих десяти человек может быть сбережен, то мука, которая отчасти является продуктом работы мельницы, сейчас же упала бы в своей стоимости соответственно количеству сбереженного труда; и *общество стало бы богаче на всю сумму тех товаров, которые могли бы быть произведены трудом десяти человек, так как фонд, предназначенный на их содержание, ни в какой степени не уменьшился бы*» (стр. 336) [Русский перевод, том I, стр. 236].

Общество стало бы богаче прежде всего на ту сумму, на которую упала цена муки. Оно или стало бы потреблять больше муки, или потратило бы те деньги, которые раньше *предназначались на муку*, на какой-либо другой товар, уже имеющийся налицо или впервые появившийся в связи с тем, что высвободился новый фонд потребления.

Об этой части дохода, которая раньше расходовалась на муку, а теперь, вследствие понижения цены муки, высвобождается для любого другого применения, можно сказать, что всей экономикой общества она *«предназначалась»* для определенной вещи и что теперь она освобождена от этого «предназначения». Это то же самое, как если бы был накоплен новый капитал. Таким способом применение машин и сил природы высвобождает капитал и создает возможности для удовлетворения тех потребностей, которые раньше находились в «скрытом состоянии».

Напротив, ошибочно говорить о «фонде, *предназначенном на содержание*» тех десяти человек, которые потеряли работу в результате нового открытия. Дело в том, что первый фонд, сберегаемый или создаваемый новым открытием, это — та часть дохода, которую общество платило раньше за муку и которую оно теперь сберегает благодаря понижению цены муки. А второй сберегаемый фонд, это — тот, который мельник ранее уплачивал десяти рабочим, ныне уволенным. Этот «фонд», действительно, как замечает Рикардо, ни в какой степени не уменьшился в результате сделанного открытия и увольнения десяти рабочих. Но фонд этот не находится решительно ни в какой естественной связи с указанными десятью рабочими. Они могут стать пауперами, умереть с голоду и т. д. Несомненно лишь то, что десять человек нового поколения, которые должны были бы занять место этих десяти рабочих, чтобы приводить в движение мельницу, теперь должны искать себе применения в каком-нибудь другом деле и что таким путем население относительно [по сравнению со спросом на труд] увеличилось (независимо от среднего прироста населения), поскольку мельница приводится теперь в движение [без помощи людей], а те десять рабочих, которые, не будь этого открытия, должны были бы приводить ее в движение, заняты в производстве какого-нибудь другого товара. Таким образом, изобретение машин и использование сил природы высвобождают капитал и людей (рабочих) и создают вместе с высвободившимся капиталом высвободившиеся руки («свободные руки», как выражается Стюарт ¹⁴³), а это приводит к тому, [736] что создаются новые сферы производства или же происходит расширение старых сфер производства, увеличение в них масштаба производства.

Мельник на свой высвободившийся капитал будет строить новые мельницы или отдаст этот капитал в ссуду, если сам он не сможет затратить его в качестве капитала.

Но при всех обстоятельствах здесь нет налицо никакого фонда, «предназначенного» для десяти уволенных рабочих. Мы еще вернемся * к выступающей тут перед нами нелепой предпосылке о том, что если введение машин (или использование сил природы) не уменьшает массы жизненных средств, могущих служить заработной платой (как это отчасти имеет место в сельском хозяйстве, когда лошади вытесняют людей или когда скотоводство вытесняет хлебопашество), то высвободившийся указанным выше образом фонд необходимо должен быть израсходован в виде переменного капитала (как будто невозможен вывоз жизненных средств за границу или они не могут быть затрачены на непроизводительных работников, или заработная плата не может повыситься в тех или иных сферах производства, и т. п.) и должен быть затрачен как раз на уволенных рабочих. Машины постоянно создают относительное перенаселение, резервную армию рабочих, что весьма увеличивает власть капитала.

В примечании к стр. 335 [Русский перевод, том I, стр. 235—236] Рикардо делает еще следующее замечание против Сэя:

«Хотя А. Смит, определивший богатство как обилие предметов необходимости, комфорта и удовольствия, потребляемых человеком, согласился бы, что *машины и силы природы* могут в весьма значительной мере увеличивать богатство страны, но он не согласился бы, что они прибавляют *что-нибудь к стоимости этого богатства*».

Силы природы, действительно, ничего не прибавляют к *стоимости*, если нет налицо таких обстоятельств, при которых они дают возможность для создания *ренты*. Но машины всегда прибавляют к имеющейся стоимости *свою собственную стоимость*; и поскольку их наличие, во-первых, облегчает дальнейшее превращение [части] оборотного капитала в основной капитал и позволяет производить такое превращение во все возрастающем масштабе, постольку они увеличивают не только богатство, но и ту *стоимость*, которая к продукту годового труда прибавляется прошлым трудом; а во-вторых, так как наличие машин делает возможным абсолютный рост населения, а вместе с ним и рост массы годового труда, то они и этим вторым способом увеличивают стоимость годового продукта. [736]

* См. настоящее издание, часть II, стр. 618—626. *Ред.*

**(в) НАУЧНАЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ РИКАРДО,
ПЕРЕСМОТРЕВШЕГО СВОИ ВЗГЛЯДЫ ПО ВОПРОСУ О МАШИНАХ,
ПРЕЖНИЕ ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, СОХРАНИВШИЕСЯ
У РИКАРДО В ЕГО НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА]**

[736] Глава 31-я называется «О машинах».

Этот раздел, который Рикардо добавил в третьем издании своего сочинения, свидетельствует о его *добросовестности*, которая так существенно отличает его от вульгарных экономистов.

«Я тем более считаю себя обязанным изложить свои взгляды на этот вопрос {а именно, о «влиянии машин на интересы различных классов общества», «что в результате дальнейших размышлений они подверглись значительным изменениям. И хотя я не могу припомнить, чтобы я когда-либо публиковал по вопросу о машинах что-нибудь такое, от чего мне нужно было бы отказаться, однако я другим путем» {как член парламента?} ¹⁴⁴ «оказал поддержку учениям, которые теперь признаю ошибочными. Я считаю поэтому своим долгом представить на рассмотрение читателя мои теперешние взгляды вместе с теми доводами, которые у меня имеются для них.

С тех пор как я впервые обратил свое внимание на вопросы политической экономии, я придерживался того взгляда, что такое применение машин в любой отрасли производства, которое имело бы своим следствием сбережение труда, является благом для всех и сопровождается только теми неудобствами, которые в большинстве случаев связаны с перемещением капитала и труда из одного занятия в другое».

{Эти «неудобства» достаточно велики для рабочего, если они, как это имеет место в современном производстве, происходят непрерывно.}

«Мне казалось, что земельные собственники, при условии, что они получают ту же самую денежную ренту, выиграли бы от понижения цен некоторых из тех товаров, на которые они расходуют эту ренту, — от понижения цен, являющегося необходимым следствием применения машин. Капиталист, думал я, в конечном счете выиграл бы совершенно таким же образом. Правда, тот, кто изобрел машину или первый применил ее, извлекал бы добавочную выгоду, так как в течение некоторого времени получал бы большие прибыли. Но, по мере того как машина входила бы в общее употребление, цена производимого ею товара понизилась бы, вследствие конкуренции, до его издержек производства, и тогда капиталист получал бы такую же денежную прибыль, как и прежде, и он только участвовал бы в общих выгодах [737] как потребитель, ибо при том же денежном доходе он имел бы возможность распоряжаться добавочным количеством предметов комфорта и удовольствия. *Класс рабочих*, думал я, *тоже в одинаковой мере выиграл бы от введения машин*, так как при той же самой денежной заработной плате рабочие имели бы возможность покупать больше товаров. И я полагал, что *никакого сокращения заработной платы при этом не произойдет, так как капиталист был бы в состоянии предъявлять такой же спрос на труд, как и прежде, и применять прежнее количество труда*, хотя, быть может, ему и пришлось бы приме-

нять его в производстве какого-нибудь нового или, во всяком случае, другого товара. Если бы в результате усовершенствования машин можно было при применении того же количества труда увеличить вчетверо количество производимых этим трудом чулок, а спрос на них увеличился бы только вдвое, то некоторое число рабочих чулочной промышленности пришлось бы уволить; но *так как капитал, применявший их, продолжал бы существовать и так как его владельцы были бы заинтересованы в его производительном употреблении*, то мне казалось, что он будет применен в производстве каких-либо других полезных для общества товаров, на которые существовал бы твердо обеспеченный спрос... Так как мне, стало быть, казалось, что *спрос на труд останется таким же, как и прежде*, а заработная плата не понизится, то я полагал, что рабочий класс в такой же степени, как и другие классы, воспользуется выгодами общего удешевления товаров, вызванного применением машин.

Таковы были мои взгляды, и, поскольку речь идет о земельном собственности и капиталисте, они не изменились; но я убедился, что *замена человеческого труда машинами часто приносит большой ущерб классу рабочих*» (стр. 466—468) [Русский перевод, том I, стр. 318—319].

Прежде всего надо отметить, что Рикардо исходит из ошибочной предпосылки, будто машины всегда вводятся в таких сферах производства, где уже существует капиталистический способ производства. Между тем известно, что механический ткацкий станок первоначально заменяет ручного ткача, дженни — ручного прядильщика, а косилка, молотилка, сеялка заменяют, быть может, мелкого самостоятельного крестьянина и т. д. Здесь не только вытесняется работник, но и его орудие производства перестает быть капиталом (в рикардовском смысле). Это полное или окончательное обесценение старого капитала наступает и тогда, когда машины революционизируют существовавшую до их введения мануфактуру, покоившуюся лишь на разделении труда. Здесь нелепо говорить, что «старый капитал» продолжает предъявлять такой же спрос на труд, как и прежде.

«Капитал», применявшийся ручным ткачом, ручным прядильщиком и т. д., уже не «продолжал бы существовать».

Но предположим, ради упрощения исследования, что машины {мы здесь, разумеется, не говорим о применении машин в *новых* отраслях производства} введены лишь в тех сферах, где уже господствует капиталистическое производство (мануфактура), или даже в мастерских, основанных уже на машинном производстве, так что речь идет о том, что повышается их автоматический характер или вводятся улучшенные машины, которые позволяют либо уволить часть занятых до тех пор рабочих, либо применять *то же*, что и прежде, число рабочих, но так, что доставляемый ими продукт при этом возрастает. Последнее, конечно, представляет собой наиболее благоприятный случай.

Для уменьшения путаницы необходимо различать две вещи: 1) фонд капиталиста, применяющего машины и увольняющего рабочих; 2) фонд общества — потребителей товаров этого капиталиста.

К пункту 1-му. Что касается капиталиста, вводящего машины, то ошибочно и нелепо говорить, будто он может затрачивать на заработную плату ту же сумму капитала, что и прежде. (Даже тогда, когда он прибегает к займу, это остается столь же неверным, если не по отношению к нему самому, то по отношению ко всему обществу.) Одну часть своего капитала он превращает в машины и иной основной капитал, другую часть — в такие вспомогательные материалы, в которых он раньше не нуждался, и более значительную, чем прежде, часть капитала он превращает в сырье, поскольку мы предполагаем, что с меньшим числом рабочих он производит больше товара и, следовательно, нуждается для этого в большем количестве сырья. Отношение переменного капитала, т. е. капитала, затрачиваемого на заработную плату, к постоянному капиталу уменьшилось в его отрасли производства. И это уменьшившееся *отношение останется в силе* (уменьшение переменного капитала по отношению к постоянному даже еще *усилится* вследствие того, что вместе с накоплением развивается производительная сила труда) даже и в том случае, если предприятие этого капиталиста так расширится на новой ступени производства, что он сможет снова дать работу всем уволенным рабочим или даже еще большему числу рабочих, чем прежде. {Спрос на труд в его предприятии будет расти вместе с накоплением его капитала, но в гораздо меньшей степени, чем накапливается его капитал, и этот последний, по своей абсолютной величине, никогда уже не будет представлять такого же источника спроса на труд, как прежде. А это имеет своим ближайшим результатом то, что часть рабочих оказывается выброшенной на улицу.}

Но, скажут нам, косвенным образом спрос на рабочих останется тем же, ибо возрастет спрос на рабочих для машиностроения. Однако Рикардо сам уже показал раньше *, что машины никогда не стоят такого количества труда, какое они заменяют. Возможно, что в машиностроительных предприятиях рабочий день временно будет удлинен [738] и что в связи с этим на первых порах нельзя будет занять в них ни одного добавочного рабочего. Сырье — например, хлопок — может получаться из Америки и Китая, а для выброшенных на улицу английских рабочих весьма безразлично, возрастает ли при этом спрос на

* См. настоящее издание, часть II, стр. 611—612. Ред.

американских негров или китайских кули. Но предположим даже, что сырье производится внутри страны. Тогда в земледелии будет занято больше женщин и детей, будет применяться больше лошадей и т. д., будет произведено, быть может, больше именно этого продукта и меньше какого-нибудь другого продукта. Но спроса на уволенных промышленных рабочих здесь не возникнет, так как и здесь, в земледелии, происходит тот же процесс, создающий постоянное относительное перенаселение.

Prima facie * представляется невероятным, что введение машин высвобождает капитал у фабриканта при первоначальном вложении им капитала в предприятие. Введение машин только дает его капиталу другое приложение, ближайшим результатом которого, согласно самой же этой предпосылке, является увольнение рабочих и превращение части переменного капитала в постоянный капитал.

К пункту 2-му. Что касается публики, то у нее в результате удешевления товаров, производимых при помощи машины, высвободится прежде всего *доход*; *капитал* высвободится — непосредственно — лишь в той мере, в какой производимый при помощи машины предмет входит в качестве элемента производства в постоянный капитал. {Если он входит в обычное потребление рабочих, то, согласно взглядам самого Рикардо, это должно повлечь за собой понижение *действительной заработной платы* ¹⁴⁵ также и в других отраслях производства.} Одна часть высвободившегося дохода будет потреблена в виде того же предмета либо потому, что удешевление этого предмета сделает его доступным для новых слоев потребителей (впрочем, в последнем случае доход, затрачиваемый на этот предмет, не является высвободившимся доходом), либо потому, что прежние потребители будут потреблять теперь большее количество подешевевшего предмета, например четыре пары хлопчатобумажных чулок вместо одной пары. Другая часть высвободившегося указанным образом дохода может служить для расширения той отрасли производства, в которой введены машины, или же для создания новой отрасли, производящей другой товар, или, наконец, для расширения какой-нибудь ранее существовавшей отрасли производства. Как бы то ни было, высвободившийся таким образом и превращенный обратно в капитал доход едва ли будет достаточен хотя бы для того, чтобы поглотить ту часть прироста населения, ежегодно вновь притекающего во все отрасли производства, для которой старая

* — На первый взгляд; здесь — с первого же взгляда. *Ред.*

отрасль производства в первую очередь оказалась теперь закрытой. Но возможно также, что часть высвободившегося дохода будет обменена на заграничные продукты или потреблена непроизводительными работниками. Во всяком случае, *не существует никакой необходимой связи между высвободившимся доходом и освобожденными от дохода рабочими.*

В-третьих. Та нелепое представление, которое лежит в основе аргументации Рикардо, заключается, однако, в ниже-следующем.

[Как мы видели,] капитал фабриканта, вводящего машины, не высвобождается. Он только получает *другое* назначение, а именно такое назначение, при котором он не превращается, как прежде, в заработную плату для уволенных ныне рабочих. Он частично превращается из переменного капитала в постоянный. Даже если бы часть его высвободилась, то она была бы поглощена теми сферами производства, в которых уволенные рабочие *работать* не могут и которые в лучшем случае дали бы приют только тем, кто должен был бы занять их место.

А высвободившийся доход, — если его высвобождение не парализуется увеличившимся потреблением подешевевшего предмета или если он не обменивается на получаемые из-за границы жизненные средства, — лишь открывает, благодаря расширению старых или созданию новых отраслей производства, необходимый клапан (если высвободившийся доход вообще открывает его!) для той части ежегодно притекающего прироста населения, перед которой в первую очередь оказывается закрытой старая отрасль производства, где были введены машины.

Так вот, та нелепость, которая в скрытом виде образует основу аргументации Рикардо, сводится не более и не менее, как к следующему:

Те жизненные средства, которые раньше потреблялись уволенными ныне рабочими, продолжают ведь существовать и по-прежнему находятся на рынке. С другой стороны, эти рабочие руки тоже находятся на рынке. Следовательно, на одной стороне имеются жизненные средства (а значит, и средства оплаты) рабочих, являющиеся *données* * переменным капиталом, а на другой стороне — незанятые рабочие. Стало быть, палицо имеется фонд для того, чтобы привести этих последних в движение. И, следовательно, они найдут себе работу.

Возможно ли, чтобы даже такой экономист, как Рикардо, болтал подобного рода вздор, от которого волосы становятся дыбом?

* — потенциально, в возможности. Ред.

Согласно этой концепции, в буржуазном обществе ни один работоспособный и желающий работать человек не мог бы голодать, когда на рынке, в обществе, имеются жизненные средства, которыми можно уплатить ему за ту или иную работу.

Прежде всего надо сказать, что эти жизненные средства отнюдь не противостоят уволенным рабочим в качестве капитала.

Предположим, что в результате введения машин оказались внезапно выброшенными на улицу 100 000 рабочих. Тогда прежде всего не подлежит никакому сомнению, [739] что находящиеся на рынке земледельческие продукты, которых в среднем хватает на весь год и которые раньше потреблялись этими рабочими, останутся по-прежнему на рынке. Что получилось бы, если бы на них не оказалось спроса и если бы вместе с тем их нельзя было вывезти за границу? Так как относительно, по сравнению со спросом, предложение возросло бы, то эти продукты упали бы в цене, а вследствие этого падения цен повысилось бы их потребление, хотя бы уволенные 100 000 рабочих и умирали с голоду. Нет даже необходимости в том, чтобы цена предметов питания упала: возможно, что их будет меньше ввезено из-за границы или больше вывезено за границу.

Рикардо исходит из фантастического представления, будто весь механизм буржуазного общества устроен так тонко, что если уволены, например, десять рабочих, то их жизненные средства, ставшие теперь свободными, обязательно должны быть так или иначе потреблены теми же самыми десятью рабочими, а в противном случае совсем не могут найти себе сбыт, — как если бы на дне этого общества не было массы полузанятых или совсем не занятых людей, барахтающихся в непрерывных поисках работы, и как если бы капитал, существующий в виде жизненных средств, представлял собой некоторую фиксированную величину.

Если бы вследствие уменьшения спроса рыночная цена хлеба упала, то имеющийся в виде хлеба капитал (в его денежном выражении) *уменьшился бы* и, поскольку его нельзя вывезти за границу, был бы обменен на менее значительную часть денежного дохода общества. И это тем более справедливо относительно капитала, имеющегося в виде продуктов промышленности. В течение того ряда лет, когда ткачи, работавшие на ручных станках, постепенно погибали от голода, производство и экспорт английских хлопчатобумажных тканей чрезвычайно увеличились. Одновременно с этим (в период 1838—1841 гг.) повысились цены на предметы питания. И у ткачей не было ни единой целой тряпки, чтобы одеться, и не имелось

пищи хотя бы настолько, чтобы душа держалась в теле. Постоянное искусственное производство перенаселения, поглощаемого только во времена лихорадочного процветания, является одним из необходимых условий производства для современной промышленности. И ничто не мешает тому, чтобы в одно и то же время часть денежного капитала лежала праздной, без употребления, цены на жизненные средства, вследствие относительного перепроизводства последних, падали, а вытесненные машинами рабочие умирали с голоду.

Конечно, в конце концов, высвободившийся труд, вместе с высвободившейся частью дохода или капитала, должен найти себе то или иное применение в какой-нибудь новой отрасли производства или в старых отраслях производства в случае их расширения, но это больше идет на пользу *тем, кто должен был бы занять место вытесненных рабочих*, чем им самим. Постоянно возникают новые ответвления более или менее непроизводительных отраслей труда, в которых непосредственно расходуется доход. К этому присоединяются: образование основного капитала (железные дороги и т. д.) и открываемая этим возможность работы по надзору; производство предметов роскоши и т. д.; внешняя торговля, вносящая все большее и большее разнообразие в те предметы, на которые расходуется доход.

Исходя из своей нелепой точки зрения, Рикардо поэтому предполагает, что введение машин только тогда вредит рабочим, когда оно уменьшает валовой продукт (а потому и валовой доход). Такого рода случай возможен, конечно, в крупном сельском хозяйстве, когда там начинают применять лошадей, потребляющих зерновой хлеб, до этого потреблявшийся рабочими, или когда хлебные поля превращают в пастбища для овец и т. д. Но в высшей степени абсурдно распространять этот случай на промышленность в собственном смысле слова, у которой рынок для ее валового продукта отнюдь не ограничивается рамками внутреннего рынка. (К тому же, если одна часть рабочих умирает с голоду, то другая часть их может лучше питаться, лучше одеваться; точно так же могут лучше питаться и одеваться непроизводительные работники и промежуточные слои, стоящие между рабочим и капиталистом.)

Само по себе ошибочно мнение, что увеличенное количество (или вообще количество) предметов, входящих в доход, само по себе является фондом для рабочих, или образует для них капитал. Часть этих предметов потребляется непроизводительными работниками или людьми, вообще не работающими. Другая часть может быть превращена посредством внешней торговли из той формы, в которой она служит в качестве зара-

ботной платы, — из своей грубой формы, — в такую форму, в которой она входит в доход богатых или же служит производственным элементом постоянного капитала. Наконец, некоторая часть потребляется самими уволенными рабочими в работном доме, в тюрьме, в виде милостыни или в виде украденного имущества, или же в виде платы за проституцию их дочерей.

В дальнейшем я коротко сведу воедино те положения, в которых Рикардо развивает свою нелёпую аргументацию. Толчок для этой аргументации, как он сам говорит, он получил из книги *Бартона*, на которой поэтому надо будет коротко остановиться после приведения упомянутых цитат.

[740] Само собой разумеется, что для того, чтобы ежегодно было занято определенное число рабочих, необходимо ежегодно производить определенное количество продуктов питания и других предметов необходимости. В крупном земледелии, в скотоводстве и т. д. является возможным тот случай, что чистый доход (прибыль и рента) увеличивается, тогда как валовой доход, масса предметов необходимости, предназначенных для содержания рабочих, уменьшается. Но вопрос здесь не в этом. Масса предметов, входящих в потребление, или — пользуясь выражением Рикардо — масса предметов, входящих в валовой доход, может быть увеличена без того, чтобы благодаря этому увеличилась та часть этой массы, которая превращается в переменный капитал. Эта часть может даже уменьшиться. Тогда больше потребляется в качестве дохода капиталистами, земельными собственниками, их слугами, непроизводительными классами, государством, промежуточными классами (торговцами) и т. д.

Скрытой основой рассуждений Рикардо (и Бартона) служит то, что он исходил первоначально из предположения, будто всякое накопление капитала представляет собой увеличение переменного капитала и потому спрос на труд непосредственно увеличивается в той же пропорции, в какой происходит накопление капитала. Это оказалось неверным, так как вместе с накоплением капитала происходит изменение в его органическом строении и постоянная часть капитала возрастает в большей прогрессии, чем его переменная часть. Но это не препятствует тому, чтобы доход постоянно возрастал по стоимости и по количеству. Этот рост дохода не ведет, однако, к тому, чтобы на заработную плату расходовалась соответственно увеличивающаяся часть совокупного продукта. Те классы и подклассы, которые не живут непосредственно своим трудом, возрастают в численности и живут лучше, чем прежде, и точно так же увеличивается число непроизводительных работников.

Доход такого капиталиста, который превращает часть своего переменного капитала в машины (и который поэтому во всех тех сферах производства, где сырье образует один из элементов стоимости продукта, должен, по сравнению с количеством применяемого им труда, более значительную долю капитала затрачивать также и на сырье), — доход этого капиталиста мы оставим в стороне как не имеющий непосредственного отношения к занимающему нас вопросу. Его капитал, действительно вошедший в процесс производства, а также и его доход, существует сперва в форме тех *продуктов* или, вернее, тех *товаров*, которые он сам производит, например — в виде пряжи, если он прядильный фабрикант. Некоторую часть этих товаров — или тех денег, за которые данный капиталист их продает, — он, после введения машин, превращает в машины, вспомогательные материалы и сырье, вместо того чтобы, как прежде, выплачивать эту часть денег рабочим в виде заработной платы, т. е. косвенно превращать ее в жизненные средства для рабочих. За некоторыми исключениями, имеющими место в земледелии, капиталист будет производить этих товаров больше, чем прежде, хотя *уволенные* им рабочие и перестали быть потребителями, а значит и покупателями его собственных изделий, каковыми они были раньше. Теперь на рынке существует больше товаров этого рода, хотя они и перестали существовать для выброшенных на улицу рабочих или перестали существовать для них в таком объеме, как раньше. Следовательно, что касается прежде всего продукта, произведенного этим самым капиталистом, то даже в том случае, если продукт этот входит в потребление рабочих, увеличению его количества нисколько не противоречит то, что часть его перестала существовать для рабочих в качестве капитала. Напротив, ту часть постоянного капитала, которая сводится к машинам, вспомогательным материалам и сырью, теперь должна возмещать более значительная часть совокупного продукта, т. е. более значительная часть совокупного продукта должна теперь быть обменена на большее, чем прежде, количество этих элементов воспроизводства. Если бы вызываемое введением машин увеличение количества товаров находилось в противоречии с уменьшением существовавшего раньше спроса на производимые с помощью этих машин товары (*а именно, спроса со стороны уволенных рабочих*), то в большинстве случаев введение машин было бы вообще невозможно. Таким образом, масса производимых товаров и та доля этих товаров, которая превращается обратно в заработную плату, непосредственно не имеют между собой никакого определенного соотношения или никакой необходимой связи, если рассматри-

вать тот самый капитал, часть которого теперь обратно превращается не в наемный труд, а в машины.

Что же касается общества в целом, то у него происходит замещение или, вернее, расширение границ его дохода, в первую очередь в отношении того предмета, который стал дешевле благодаря машинам. Этот доход может быть по-прежнему затрачен как доход, а если сколько-нибудь значительная часть его превращается в капитал, то налицо всегда уже имеется, кроме искусственно созданного перенаселения, также и естественный прирост населения, способный поглотить ту часть дохода, которая превращается в переменный капитал.

Итак, остается *prima facie* лишь следующее: производство всех других предметов, в частности также и в тех сферах, которые производят предметы, входящие в потребление рабочих, происходит — несмотря на увольнение, скажем, 100 рабочих — в тех же размерах, что и прежде; вне всякого сомнения это имеет место в момент их увольнения. Поэтому, поскольку уволенные рабочие предъявляли спрос на указанные предметы, спрос этот уменьшился, хотя предложение осталось без изменения. Следовательно, если это уменьшение спроса не будет чем-нибудь компенсировано, произойдет понижение цены соответствующего товара (или же, вместо понижения цены, большее количество товара может остаться на рынке в виде запаса на будущий год). Если соответствующий товар вместе с тем не является предметом экспорта и если спрос на него продолжает стоять ниже прежнего уровня, то воспроизводство данного предмета уменьшится, но отнюдь не обязательно уменьшится [741] применяемый в этой сфере капитал. Быть может, будет произведено больше мяса или больше технических растений или деликатесов и меньше пшеницы, или больше овса для лошадей и т. д., или меньше бумажных курток и больше курток для буржуазии и т. п. Однако если бы благодаря удешевлению, например, хлопчатобумажных тканей занятые в производстве рабочие могли тратить больше на пищу и т. д., то не было бы никакой необходимости в том, чтобы имело место какое-либо из указанных следствий. Может производиться прежнее, и даже большее, количество товаров, — в том числе и таких, которые входят в потребление рабочих, — несмотря на то, что теперь меньше капитала, менее значительная часть совокупного продукта превращается в переменный капитал, затрачивается на заработную плату.

Здесь нет также и того, чтобы для производителей этих товаров высвобождалась часть их капитала. В худшем случае спрос на их товары уменьшится, и потому воспроизводство их

капитала будет происходить с затруднениями, при понизившихся ценах на их товары. Поэтому их собственный доход сразу уменьшился бы, как это имеет место при всяком падении товарных цен. Но нельзя сказать, что какая-либо часть их товаров ранее противостояла уволенным рабочим в качестве капитала, а теперь «высвободилась» одновременно с ними. То, что противостояло рабочим в качестве капитала, это — часть товара, производимого теперь при помощи машин; причем эта часть притекала к ним в виде денег и обменивалась ими на другие товары (жизненные средства), которые по отношению к рабочим не выступали в качестве капитала, а противостояли их деньгам просто как товары. Это, следовательно, — отношение совершенно иного рода. Фермер или какой-нибудь другой капиталист, товары которого рабочие покупали на свою заработную плату, не противостоял им как капиталист и не использовал их в производстве как рабочих. Теперь они *только перестали быть для него покупателями*, что, пожалуй, если это не уравнивается другими обстоятельствами, может вызвать временное обесценение его капитала, но не высвобождает никакого капитала для найма уволенных рабочих. Тот капитал, который использовал их в производстве, все еще «продолжает существовать», но уже не в той форме, в какой он сводится к заработной плате (или же он сводится к заработной плате лишь косвенно и в меньшей степени).

В противном случае всякий, кто имел несчастье каким-нибудь образом потерять свои деньги, высвобождал бы тем самым такой капитал, который ему же самому давал бы работу.

(Г) ПРАВИЛЬНОЕ КОНСТАТИРОВАНИЕ У РИКАРДО НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВВЕДЕНИЯ МАШИН ДЛЯ РАБОЧЕГО КЛАССА.

НАЛИЧИЕ АПОЛОГЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РИКАРДОВСКОЙ ТРАКТОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Под *валовым доходом* Рикардо понимает ту часть продукта, которая возмещает заработную плату и прибавочную стоимость (прибыль и ренту); под чистым доходом он понимает прибавочный продукт, прибавочную стоимость. Рикардо здесь, как и во всей своей экономической теории, забывает, что часть валового продукта должна возмещать стоимость машин и сырья, короче говоря — стоимость постоянного капитала.

* * *

Приводимые ниже рассуждения Рикардо представляют интерес отчасти благодаря некоторым попутно делаемым заме-

чаниям, отчасти же потому, что они, *mutatis mutandis* *, практически важны для крупного сельского хозяйства, в особенности для овцеводства. Здесь, таким образом, снова обнаруживается граница капиталистического производства. Его определяющей целью отнюдь не является производство *для* производителей (рабочих), более того: его исключительной целью здесь признаётся *чистый доход* (прибыль и рента), даже когда эта цель достигается за счет размеров производства — за счет производимой массы товаров.

«Моя ошибка вытекала из предположения, что при всяком возрастании *чистого дохода* общества должен возрастать также и его *валовой доход*. Но теперь у меня имеются все основания быть убежденным в том, что *тот фонд, из которого получают свой доход земельные собственники и капиталисты, может возрастать*, в то время как другой фонд — *тот, от которого главным образом зависит рабочий класс, может уменьшаться*. Отсюда следует, если я не ошибаюсь, что *та же самая причина, которая может увеличивать чистый доход страны, может одновременно с этим создавать избыточное население и ухудшать положение рабочего*» (стр. 469) [Русский перевод, том I, стр. 319—320].

Тут прежде всего нужно отметить следующее: Рикардо признаёт здесь, что те причины, которые увеличивают богатство капиталистов и земельных собственников, «могут... *создавать избыточное население*», так что избыточное население, или перенаселение, изображается здесь как результат самого процесса обогащения и обуславливающего его развития производительной силы.

Что касается фонда, из которого получают свои доходы капиталисты и земельные собственники, и, с другой стороны, фонда, из которого получают свой доход рабочие, то этим общим фондом является прежде всего совокупный продукт. Значительная часть продуктов, входящих в потребление капиталистов и земельных собственников, не входит в потребление рабочих. Но, с другой стороны, почти все продукты, входящие в потребление рабочих, — фактически все эти продукты, но в большей или меньшей степени, — входят также и в потребление земельных собственников и капиталистов, включая их слуг, прихлебателей, собак и кошек. Нельзя представлять себе дело так, будто здесь существуют обособленно друг от друга два различных по своей природе фонда, имеющих фиксированную величину. Важно то, какие доли получает из этого общего фонда каждая из сторон. Цель капиталистического производства состоит в том, чтобы с помощью данной массы богатства получать возможно больше прибавочного продукта

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

или прибавочной стоимости. Эта цель достигается тем, что постоянный капитал возрастает относительно быстрее, чем переменный, т. е. тем, что с возможно меньшим переменным капиталом приводится в движение возможно больший [742] постоянный капитал. Таким образом, в гораздо более общем смысле, чем это имеет здесь в виду Рикардо, верно то, что одна и та же причина, вызывая увеличение фонда, из которого получают свои доходы капиталисты и земельные собственники, порождает этот результат посредством уменьшения того фонда, из которого получают свой доход рабочие.

Отсюда не следует, что фонд, из которого получают свой доход рабочие, уменьшается *абсолютно*. Он уменьшается лишь *относительно*, в сравнении с совокупным продуктом, производимым ими. И это является единственно важным для определения той доли, которую они себе присваивают из богатства, созданного ими же самими.

«Предположим, что капиталист применяет капитал стоимостью в 20 000 ф. ст. и что он одновременно является и фермером и фабрикантом, производящим предметы необходимости. Предположим, далее, что 7 000 ф. ст. из этого капитала вложены в основной капитал, т. е. в постройки, орудия труда и т. д., а остающиеся 13 000 ф. ст. применяются как оборотный капитал на содержание труда. Предположим также, что прибыль составляет 10% и что, следовательно, капитал нашего капиталиста ежегодно приводится в состояние своей первоначальной эффективности и приносит прибыль в 2 000 ф. ст.

Ежегодно капиталист начинает свои операции, обладая продуктами питания и другими предметами необходимости стоимостью в 13 000 ф. ст., которые он в течение года полностью продает своим собственным рабочим за эту сумму денег; и в течение того же периода он выплачивает им такую же сумму денег в виде заработной платы. *В конце года* они возмещают капиталисту продукты питания и другие предметы необходимости стоимостью в 15 000 ф. ст., из которых 2 000 ф. ст. он потребляет сам или распоряжается ими соответственно своим вкусам и желаниям».

{Здесь *природа прибавочной стоимости* выражена весьма наглядно. Место это находится на стр. 469—470 книги Рикардо [Русский перевод, том I, стр. 320].}

«Поскольку речь идет об этих продуктах, *валовой продукт* данного года составит 15 000 ф. ст., а чистый продукт 2 000 ф. ст. Предположим теперь, что в следующем году капиталист применяет половину своих рабочих на сооружение машины, а другую половину — как и раньше — на производство продуктов питания и других предметов необходимости. В течение этого года он затратил бы на заработную плату, как обычно, 13 000 ф. ст. и продал бы на такую же сумму продуктов питания и других предметов необходимости своим рабочим. Но каково было бы положение в следующем году?

Пока строилась бы машина, получалась бы только половина обычного количества продуктов питания и других предметов необходимости, и они представляли бы собой лишь половину стоимости того количества, которое

производилось раньше. Машина стоила бы 7 500 ф. ст., а продукты питания и другие предметы необходимости тоже 7 500 ф. ст., так что капитал нашего капиталиста был бы так же велик, как и прежде; ибо, сверх этих двух стоимостей, он обладал бы еще основным капиталом стоимостью в 7 000 ф. ст., что в целом составило бы 20 000 ф. ст. капитала и 2 000 ф. ст. прибыли. После вычета этой последней суммы, идущей на его личные расходы, он имел бы для ведения дальнейших операций оборотный капитал всего лишь в 5 500 ф. ст.; поэтому его средства, идущие на содержание труда, уменьшились бы с 13 000 до 5 500 ф. ст. и, следовательно, *весь тот труд, который раньше применялся при помощи 7 500 ф. ст., теперь оказался бы избыточным*».

{Но это имело бы место и в том случае, если бы теперь с помощью машины стоимостью в 7 500 ф. ст. [при переменном капитале в 5 500 ф. ст.] производилось точно такое же количество продуктов, какое раньше производилось при переменном капитале в 13 000 ф. ст. Если предположить, что износ машины составляет за год одну десятую, т. е. 750 ф. ст., то стоимость продукта, составлявшая раньше 15 000 ф. ст., будет теперь равняться 8 250 ф. ст. (оставляя в стороне износ первоначального основного капитала в 7 000 ф. ст., о возмещении которого Рикардо вообще ничего не говорит). Из этих 8 250 ф. ст. 2 000 ф. ст. составляли бы прибыль, подобно тому как раньше 2 000 ф. ст. составляли прибыль из 15 000 ф. ст. Фермер выиграл бы, поскольку он сам потребляет, в качестве дохода, продукты питания и другие предметы необходимости. Поскольку он в результате удешевления предметов необходимости мог бы понизить заработную плату нанимаемых им рабочих, он опять-таки выиграл бы, и часть его переменного капитала высвободилась бы. Это и есть та часть, которая до известной степени могла бы применить новый труд, однако только потому, что *действительная заработная плата* оставшихся неуволненными рабочих упала бы. Таким образом, небольшая часть уволенных рабочих могла бы снова получить работу — за счет тех, кто продолжал бы работать. Но само то обстоятельство, что количество продукта останется точно таким же, как и раньше, несколько не пойдет на пользу уволенным рабочим. Если бы заработная плата оставалась неизменной, то не высвободилось бы ни малейшей доли переменного капитала. Стоимость продукта — 8 250 ф. ст. — не повысилась бы от того, что она представляет такое же количество продуктов питания и других предметов необходимости, какое раньше стоило 15 000 ф. ст. Чтобы возместить, с одной стороны, износ машин, а с другой стороны, свой переменный капитал, фермер должен был бы продать свой продукт за 8 250 ф. ст. Если бы такое удешевление продуктов питания и других предметов необходимости

не вызвало общего понижения заработной платы или понижения цены составных частей, входящих в воспроизводство постоянного капитала, то мы имели бы лишь увеличение дохода общества в той мере, в какой он тратится на продукты питания и другие предметы необходимости. Часть непроизводительных работников, производительных рабочих и т. д. стала бы жить лучше. *Voilà tout* *. (Эта часть населения могла бы даже откладывать сбережения, но это всегда такое дело, которое направлено в будущее.) Уволенные рабочие по-прежнему не имели бы куска хлеба; хотя *физическая* возможность содержать их продолжала бы существовать совершенно так же, как и раньше. И в воспроизводстве был бы применен такой же капитал, как и прежде. Но *часть продукта* (стоимость которого понизилась), существовавшая раньше в качестве *капитала*, существует теперь в качестве *дохода*.}

«Уменьшенное количество труда, которое может теперь применить капиталист, должно, конечно, при помощи машины и после вычета издержек по ее ремонту произвести стоимость, равную 7 500 ф. ст., оно должно возместить оборотный капитал с прибылью в 2 000 ф. ст. на весь капитал. Но если это сделано, [743] если чистый доход не уменьшился, то разве для капиталиста не безразлично, составляет ли валовой доход стоимость в 3 000 ф. ст., в 10 000 ф. ст. или в 15 000 ф. ст.?»

{Это абсолютно верно. Валовой доход совершенно безразличен для капитала. Единственно, что его интересует, это чистый доход.}

«Итак, в рассматриваемом нами случае, хотя стоимость чистого продукта не уменьшилась бы и хотя его покупательная способность по отношению к товарам могла значительно увеличиться, валовой продукт вместо стоимости в 15 000 ф. ст. составлял бы всего лишь стоимость в 7 500 ф. ст. А так как *способность содержать население и применять труд зависит всегда от валового продукта нации, а не от ее чистого продукта*»

{отсюда пристрастие А. Смита к валовому продукту, против чего возражает Рикардо. См. главу 26-ю («О валовом и чистом доходе»), которую Рикардо начинает словами:

«Адам Смит постоянно преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большого валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом» (цит. соч., стр. 415) [Русский перевод, том I, стр. 284]},

«то в результате уменьшения валового продукта неизбежно уменьшится спрос на труд, часть населения станет избыточным населением, и положение рабочего класса будет представлять картину нужды и бедствий».

* — Вот и всё. Ред.

{Таким образом, труд становится избыточным потому, что спрос на него уменьшается, а спрос уменьшается вследствие развития производительной силы труда. Место это находится на стр. 471 книги Рикардо [Русский перевод, том I, стр. 321].}

«Так как, однако, способность сберегать часть дохода для превращения его в капитал необходимым образом зависит от способности чистого дохода удовлетворять потребности капиталиста, то последний, вследствие понижения цен товаров, вызванного введением машин, может увеличить, — если его потребности останутся такими же самыми» {но его потребности возрастают}, — «свои сбережения, и это облегчает превращение дохода в капитал».

{Согласно этому рассуждению, часть капитала — не по своей стоимости, а по потребительным стоимостям, в смысле тех вещественных элементов, из которых эта часть капитала состоит, — превращается сперва в доход, чтобы впоследствии часть дохода снова можно было превратить в капитал. Например, часть продукта на сумму в 7 500 ф. ст., когда на переменный капитал затрачивалось 13 000 ф. ст., входила в потребление рабочих, которых нанимал фермер, и эта часть продукта составляла часть капитала фермера. В результате введения машин производится, согласно нашему предположению, столько же продукта, как и раньше, но стоимость его составляет уже только 8 250 ф. ст. вместо прежних 15 000. И этот подешевевший продукт входит теперь более значительной своей частью как в доход фермера, так и в доход покупателей продуктов питания и других предметов необходимости. Они потребляют теперь в качестве дохода такую часть продукта, которая раньше, правда, тоже потреблялась как доход рабочими фермера (с тех пор уволенными), но которая их нанимателем потреблялась производственно как капитал. В результате такого рода возрастания дохода, обусловленного тем, что в качестве дохода теперь потребляется часть продукта, раньше потреблявшаяся в качестве капитала, мы имеем образование нового капитала и обратное превращение дохода в капитал.}

«Но с каждым увеличением капитала капиталист будет применять больше рабочих»

{во всяком случае не в такой мере больше, в какой возрастает его капитал в целом. Фермер купит, быть может, больше лошадей или гуано или новых орудий},

«а потому часть тех людей, которые на первых порах лишились работы, впоследствии найдет себе работу; и если увеличение производства, вызванное применением машин, будет так значительно, что оно доставит, в виде чистого продукта, такое же количество продуктов питания и других предметов необходимости, какое прежде имелось в форме валового продукта,

то налицо будет *возможность давать, как и прежде, работу всему населению, а потому не обязательным* {но возможным и вероятным!} *«будет появление избыточного населения»* (стр. 469—472) [Русский перевод, том I, стр. 320—321].

В последних строках Рикардо, таким образом, прямо высказывает то, что я отметил у него выше. Для того чтобы доход указанным путем превратился в капитал, капитал перед этим превращается в доход. Или, как это выражает Рикардо: сперва чистый продукт увеличивают за счет валового продукта, чтобы затем некоторую часть чистого продукта можно было обратно превратить в валовой продукт. Продукт есть продукт. Наименования «чистый» и «валовой» ничего в этом деле не меняют (хотя их противопоставление может также означать, что *избыток над затратами*, т. е. чистый продукт, возрастает несмотря на то, что совокупная масса продукта, т. е. валовой продукт, уменьшается). Продукт становится чистым или валовым в зависимости от той определенной формы, которую он принимает в процессе производства.

«Я хочу доказать только то, что изобретение и применение машин может сопровождаться уменьшением валового продукта; и всякий раз, когда такое уменьшение валового продукта имеет место, оно приносит ущерб рабочему классу, так как некоторое число рабочих лишается работы и часть населения становится *избыточным по сравнению с фондами для его использования в производстве»* (стр. 472) [Русский перевод, том I, стр. 321—322].

Но то же самое может иметь место — и в большинстве случаев [744] будет иметь место — даже и тогда, когда количество валового продукта остается без изменения или когда валовой продукт увеличивается и разница состоит только в том, что часть его, раньше функционировавшая как переменный капитал, теперь потребляется как доход.

На приводимом вслед за этим (на страницах 472—474) [Русский перевод, том I, стр. 322] нелепом рикардовском примере с фабрикантом сукна, который в результате введения машин сокращает свое производство, здесь останавливаться излишне.

«Если изложенные взгляды правильны, то из них вытекают следующие выводы:

1) Изобретение и полезное применение машин *всегда приводят к увеличению чистого продукта страны*, хотя они могут и не увеличивать и, по истечении небольшого промежутка времени, действительно не увеличивают *стоимости этого чистого продукта»*.

Они всегда увеличивают стоимость чистого продукта, если они уменьшают стоимость труда.

«2) Увеличение чистого продукта страны совместимо с уменьшением валового продукта. Стимулы к применению машин всегда будут достаточ-

ными для того, чтобы обеспечить их применение, если благодаря введению машин увеличивается чистый продукт, хотя при этом как количество валового продукта, так и его стоимость могут — а зачастую и должны — уменьшиться.

3) Мнение, которого придерживается рабочий класс, что применение машин часто наносит ущерб интересам рабочих, не основано на предрассудках и заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии.

4) Если усовершенствованные благодаря введению машин средства производства увеличат чистый продукт страны в такой большой степени, что валовой продукт (я здесь всегда имею в виду количество товаров, а не их стоимость) при этом не уменьшится, то улучшится положение всех классов. Земельный собственник и капиталист выиграют не вследствие увеличения ренты и прибыли, а вследствие выгод, проистекающих из того, что ту же самую ренту и ту же самую прибыль они будут расходовать на товары, стоимость которых значительно понизилась»

{это положение противоречит всему учению Рикардо, согласно которому удешевление предметов необходимости, а следовательно и заработной платы, повышает прибыль, тогда как машины, позволяющие с меньшей затратой труда получать на той же земле больше продукта, должны, по Рикардо, уменьшать ренту};

«в то же время положение рабочего класса также значительно улучшится, во-первых, *благодаря увеличению спроса на домашнюю прислугу*»

{поистине великолепный результат введения машин — превращение значительной части рабочего класса, женщин и мужчин, в слуг},

«во-вторых, благодаря тому стимулу к сбережениям из дохода, который порождается столь изобильным чистым продуктом, и, в-третьих, благодаря низкой цене всех предметов потребления, на которые расходуется получаемая рабочими заработная плата» {эта низкая цена вызывает падение их заработной платы} (цит. соч., стр. 474—475) [Русский перевод, том I, стр. 322—323].

Апологетическая буржуазная трактовка вопроса о машинах не отрицает вообще,

1) что машины постоянно — то здесь, то там — делают избыточным часть населения, выбрасывают часть рабочих на улицу. Перенаселение (а отсюда и снижение — то здесь, то там — заработной платы в тех или иных сферах производства) получается не потому, что население увеличивается быстрее, чем жизненные средства, а потому, что быстрое возрастание количества жизненных средств, вызванное введением машин, позволяет вводить еще больше машин и *вследствие этого уменьшает непосредственный спрос на труд*. Таким образом, перенаселение возникает не потому, что уменьшается общественный

фонд, а потому, что в результате возрастания этого фонда относительно уменьшается та часть его, которая расходуется на заработную плату.

2) Еще меньше эта апологетика отрицает порабощение самих рабочих машинного труда и нищету вытесненных машинами и гибнущих рабочих ручного труда или ремесленников.

Апологетика эта утверждает — и отчасти правильно — */во-первых/*, что благодаря машинам (вообще благодаря развитию производительной силы труда) чистый доход (прибыль и рента) так возрастает, что у буржуа появляется потребность в большем количестве *домашней прислуги*, чем раньше; если раньше ему из своего продукта приходилось больше затрачивать на производительный труд, то теперь он может больше расходовать на непроизводительный труд, и в результате этого число слуг и других работников, живущих на средства непроизводительного класса, увеличивается. Нечего сказать, великолепная перспектива — это прогрессирующее превращение части рабочих в слуг. Столь же утешительно для рабочих и то, что в результате возрастания чистого продукта для непроизводительного труда открывается больше сфер деятельности, представители которых потребляют продукт производительных рабочих и более или менее одинаково с непосредственно эксплуатирующими классами заинтересованы в эксплуатации этих производительных рабочих.

Во-вторых, буржуазная апологетика утверждает, что в результате того стимула к накоплению, который порождается новыми условиями производства, требующими меньше живого труда в сравнении с прошлым трудом, в производство втягиваются также и вытесненные, пауперизированные рабочие или, по крайней мере, та часть прироста населения, [745] которая должна была бы занять их место; это происходит вследствие расширения производства либо на самих машиностроительных предприятиях, либо в тех связанных с машиностроением отраслях производства, которые сделались необходимыми и возникли благодаря машиностроению, либо в новых областях применения труда, открываемых новым капиталом и удовлетворяющих новые потребности. Такова вторая великолепная перспектива: рабочий класс вынужден терпеть все «временные неудобства» — безработицу, перемещение труда и капитала из одной сферы производства в другую, — *но при всем том наемному труду конца не наступает; напротив, наемный труд воспроизводится в постоянно увеличивающихся размерах, абсолютно возрастая, хотя и уменьшаясь относительно, в сравнении с возрастающим совокупным капиталом, который его применяет.*

В-третьих, буржуазная апологетика утверждает, что благодаря машинам потребление *становится более утонченным*. Удешевление предметов, удовлетворяющих непосредственные жизненные потребности, позволяет расширить круг производства предметов роскоши. И таким образом перед рабочими открывается третья великолепная перспектива: для того чтобы получать необходимые им жизненные средства, прежнее количество этих средств, — то же самое число рабочих должно создавать возможность для высших классов расширять круг своих удовольствий, делать эти удовольствия более утонченными и более разнообразными и тем самым углублять экономическую, социальную и политическую пропасть, отделяющую рабочих от тех, кто стоит над ними. Таковы те чудесные перспективы и весьма завидные результаты, которые сулит рабочему развитие производительной силы его труда.

Затем Рикардо показывает еще, что интересы трудящихся классов требуют того,

«чтобы возможно больше дохода отвлекалось от приобретения предметов роскоши и направлялось на содержание домашних слуг». Ибо, покупая ли я дорогую мебель или содержу домашних слуг, я тем самым предъявляю спрос на определенное [по стоимости] количество товаров и привожу в движение в одном случае приблизительно столько же производительного труда, как и в другом; но в последнем случае я прибавляю новый спрос «к прежнему спросу на рабочих, и такое увеличение спроса произошло бы только потому, что я избрал этот второй способ расходования моего дохода» (стр. 475—476) [Русский перевод, том I, стр. 323—324].

То же самое получается и тогда, когда страна содержит большие флоты и армии:

«Будет ли он» (доход) «затрачен одним способом или другим, *в производстве будет занято одинаковое количество труда*; ибо производство пищи и одежды для солдат и матросов потребует такого же количества труда, как и производство более роскошных товаров. Но в случае войны мы имели бы добавочный спрос на людей для службы в качестве солдат и матросов, и, следовательно, такая война, которая ведется за счет дохода, а не за счет капитала страны, благоприятствует росту населения» (стр. 477) [Русский перевод, том I, стр. 324].

[Далее Рикардо пишет:]

«Следует отметить еще и другой случай, при котором возможно *увеличение количества чистого дохода страны и даже ее валового дохода*, сопровождающееся уменьшением спроса на труд, а именно тот случай, когда труд людей заменяется трудом лошадей. Если бы я применял на своей ферме сто рабочих и если бы я нашел, что предметы питания, затрачиваемые на пятьдесят из этих людей, могли бы пойти на содержание лошадей и принесли мне, после оплаты процентов на капитал, израсходованный на покупку лошадей, большее количество сырых продуктов, то мне было бы выгодно заменить людей лошадьми, и я так и поступил бы. Но это было бы невыгодно рабочим, и если получаемый мной доход не возрастет

до такой степени, чтобы я мог одновременно применять и людей и лошадей, то *часть населения, несомненно, станет избыточным населением*, и положение рабочего в общем ухудшится. Ясно, что он ни при каких обстоятельствах не сможет найти себе занятия в земледелии» {почему нет? А при расширении площади обрабатываемой земли?}, «но если в результате замены людей лошадьми количество продукта земли увеличится, то уволенный рабочий сможет найти себе занятие в промышленности или в качестве домашнего слуги» (стр. 477—478) [Русский перевод, том I, стр. 325].

Существуют две постоянно перекрещивающиеся тенденции: [во-первых,] применять возможно меньше труда для производства того же самого или большего количества товаров, того же самого или большего количества чистого продукта, прибавочной стоимости, чистого дохода; во-вторых, применять возможно больше рабочих (хотя и возможно меньше по сравнению с количеством производимых ими товаров), так как — на данной ступени развития производительных сил — с увеличением массы применяемого труда растет и масса прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Одна тенденция выбрасывает рабочих на улицу и создает избыточное население; другая снова поглощает их и абсолютно расширяет рабство наемного труда. Таким образом, судьба рабочего бросает его то туда, то сюда, но все же от этой судьбы он так и не избавляется. Поэтому рабочий рассматривает, и вполне правильно, развитие производительных сил своего собственного труда как нечто ему враждебное; с другой стороны, капиталист обращается с ним как с таким элементом, который постоянно подлежит удалению из производства.

Таковы те противоречия, в которых Рикардо бьется в этой главе. Что он забывает отметить, [746] так это — постоянное увеличение средних классов, стоящих посредине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой, — средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч.

Увековечение наемного рабства посредством применения машин буржуа преподносят как «апологию» машин.

«Я, кроме того, отметил выше, что *возрастание чистого дохода, выраженного в товарах, которое всегда имеет место в результате усовершенствования машин*, приведет к новым сбережениям и накоплениям. Следует помнить, что эти сбережения делаются ежегодно и должны вскоре создать фонд гораздо более значительный, чем тот валовой доход, который первоначально был потерян в результате изобретения машин. Тогда спрос на труд будет так же велик, как и прежде, и положение народа будет и

дальше улучшаться благодаря увеличению тех сбережений, которые позволит делать возросший чистый доход» (стр. 480) [Русский перевод, том I, стр. 326].

Сначала теряют на валовом доходе и выигрывают на чистом доходе. Затем часть возросшего чистого дохода снова превращается в капитал, а потому и в валовой доход. Так рабочий вынужден постоянно увеличивать власть капитала, чтобы после весьма серьезных пертурбаций получить разрешение на повторение того же процесса в более широком масштабе.

«При всяком возрастании капитала и населения цена предметов питания будет, как правило, возрастать вследствие увеличившейся трудности их производства» (стр. 478—479) [Русский перевод, том I, стр. 325].

Непосредственно вслед за этим Рикардо продолжает:

«Повышение цены предметов питания повлечет за собой повышение заработной платы, а всякое повышение заработной платы будет иметь тенденцию обращать сбереженный капитал в большей пропорции, чем прежде, на применение машин. Машин и труд находятся в постоянной конкуренции между собой, и первые часто могут быть применены только тогда, когда поднимается цена труда» (стр. 479) [Русский перевод, том I, стр. 325].

Машины являются, таким образом, средством против повышения цены труда.

«Чтобы выяснить основной принцип, я предположил, что усовершенствованные машины изобретаются внезапно и сразу же получают широкое распространение. Но в действительности такие изобретения делаются постепенно, и их действие состоит скорее в том, что они *определяют то или иное применение сберегаемого и накапливаемого капитала, чем в том, что они отвлекают капитал от его нынешнего применения*» (стр. 478) [Русский перевод, том I, стр. 325].

В действительности дело обстоит так, что не столько вытесненный труд, сколько новое предложение труда — та часть возросшего населения, которая должна была бы занять место вытесненных рабочих, — получает для себя, в результате новых накоплений капитала, доступ в новые сферы приложения труда.

«В Америке и многих других странах, где пища для человека добывается легко, далеко нет такого большого соблазна применять машины» {нигде, кроме Америки, их не применяют в столь массовом масштабе и, так сказать, также и для домашнего обихода}, «как в Англии, где цена предметов питания высока и производство их стоит большого труда».

{Как раз Америка, применяющая относительно гораздо больше машин, чем Англия, в которой постоянно имеется избыточное население, показывает, как мало применение машин зависит от цены предметов питания, хотя оно *может* зависеть от относительного недостатка в рабочих, как это имеет место в Америке, где относительно небольшое население разбросано

на огромных территориях. Так, мы читаем в газете «Standard»¹⁴⁶ от 19 сентября 1862 г. в одной статье о выставке¹⁴⁷:

«Человек есть животное, производящее машины... Если рассматривать американца как образец человека, то это определение... безупречно. Один из главных пунктов в системе взглядов американца состоит в том, чтобы не делать руками ничего такого, что можно сделать при помощи машины. От качания люльки и до изготовления гроба, от доения коровы и до порубки леса, от пришивания пуговицы и до голосования за президента — почти для всего этого у него имеются машины. Он изобрел машину, чтобы избавить себя от труда жевания пищи... *Чрезвычайный недостаток рабочей силы* и проистекающая отсюда высокая стоимость труда» {несмотря на низкую стоимость предметов питания}, «а также и известная прирожденная сообразительность поощряли его изобретательский дух... Производимые в Америке машины, вообще говоря, менее ценны, чем машины, сделанные в Англии... Они в общем представляют собой скорее *приспособления для сбережения труда*, чем изобретения, позволяющие выполнять то, что до сих пор было невозможно». {А пароходы?}... «В отведенном для Соединенных Штатов отделе выставки имеется *хлопкоочистительная машина Эмери*. В течение многих лет после того, как в Америке начали разводить хлопок, его сбор был очень незначителен, не только потому, что спрос на него был невелик, но и потому, что трудность очистки хлопка ручным трудом делала невыгодным его разведение. Однако когда Илай Уитни изобрел пыльный [747] джин для очистки хлопка, *сейчас же увеличилась засеваемая хлопком площадь*, и это увеличение до настоящего времени происходило почти в арифметической прогрессии. Действительно, не будет преувеличением сказать, что Уитни создал коммерческое хлопководство. С более или менее значительными и полезными усовершенствованиями хлопкоочистительная машина Уитни все время продолжала применяться, и до изобретения нынешнего усовершенствования и дополнения первоначальный джин Уитни был ничем не хуже большинства тех машин, которые претендовали на то, чтобы вытеснить его. Нынешняя машина, носящая марку господ Эмери из Олбани (штат Нью-Йорк), совершенно вытеснит, мы в этом не сомневаемся, машину Уитни, которая лежит в ее основе. Она столь же проста и более производительна; из нее хлопок выходит не только более чистым, но слоями, как вата, так что пласты хлопка, выходя из машины, сразу же оказываются пригодными для прессования и для складывания в кипы... В американском отделе выставки кроме машин почти ничего нет... *Доильная машина... Устройство для перевода приводного ремня с одного шкива на другой... Машина для чесания и прядения пеньки*, которая одним махом наматывает пряжи прямо из тюков... *Машина для изготовления бумажных пакетов*, которая вырезает бумагу из листа, склеивает, складывает ее и изготовляет 300 пакетов в минуту... Машина Хоуза для *выжимания белья*, выжимающая между двумя каучуковыми валами воду из белья, так что последнее делается почти сухим; она сберегает время и не прищипает ткани никакого вреда... *Переплетные машины... Машины для производства обуви*. Хорошо известно, что в Англии уже давно при помощи машин делают передки, но здесь демонстрируются машины для прикрепления подошвы, другие машины для вырезания подошвы и еще машины для отделки каблуков... *Камнедробильная машина* большой мощности, очень остроумной конструкции; она, без сомнения, найдет себе широкое применение для замощения дорог щебнем и для размельчения руды... Система морских сигналов г-на У. Г. Уорда из Оберна (штат Нью-Йорк)... *Жатвенные машины и косилки* являются американским изобретением; они всё больше и больше находят себе при-

знание в Англии. Машина Мак-Кормика — лучшая... *Нагнетательный насос* г-на Хансбрау, премированный Калифорнийской медалью, по простоте и производительности наилучший на выставке... Он способен выкачивать, при той же затрате силы, больше воды, чем какой бы то ни было насос в мире... *Швейные машины...* }

«Та причина, которая повышает стоимость труда, не повышает стоимости машин, а потому с каждым увеличением капитала все большая часть его употребляется на машины. Спрос на труд будет возрастать вместе с возрастанием капитала, но не в такой же пропорции; отношение, в котором будет возрастать спрос на труд, будет неизбежно уменьшаться» (цит. соч., стр. 479) [Русский перевод, том I, стр. 325—326].

В последней фразе Рикардо формулирует правильный закон возрастания капитала, хотя те соображения, которые он приводит в обоснование этого закона, очень односторонни. К этому месту своей книги Рикардо делает примечание, показывающее, что он следует здесь за *Бартоном*, на сочинении которого мы поэтому еще коротко остановимся.

Предварительно еще одно замечание. Перед этим, рассматривая вопрос о том, расходуется ли доход на домашних слуг или на предметы роскоши, Рикардо говорит:

«В обоих случаях чистый доход, а также валовой, будет один и тот же, но в каждом из этих случаев чистый доход реализуется в различных товарах» (стр. 476) [Русский перевод, том I, стр. 324].

Подобным же образом и валовой продукт может быть тем же самым по стоимости, но «реализоваться» он может — что весьма чувствительно для рабочих — «в различных товарах», в зависимости от того, должен ли он возмещать больше переменного капитала или больше постоянного капитала.

[2] ВЗГЛЯДЫ БАРТОНА]

[а) ПОЛОЖЕНИЕ БАРТОНА]

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОМ УМЕНЬШЕНИИ СПРОСА НА ТРУД В ХОДЕ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА.

НЕПОНИМАНИЕ БАРТОНОМ И РИКАРДО ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ С ГОСПОДСТВОМ КАПИТАЛА НАД ТРУДОМ]

Сочинение Бартона называется:

John Barton. Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society. London, 1817.

Приведем прежде всего те немногие теоретические положения, которые имеются у Бартона.

«Спрос на труд зависит от увеличения оборотного, а не основного капитала. Если бы было верно, что отношение между этими двумя видами

капитала во все времена и во всех странах одно и то же, то отсюда, действительно, следовало бы, что число занятых рабочих пропорционально богатству государства. Но такое предположение не имеет и подобия вероятности. По мере развития техники и распространения цивилизации основной капитал становится все большим и большим по отношению к оборотному капиталу. Количество основного капитала, применяемого при производстве куска английского муслина, по меньшей мере в сто, а может быть и в тысячу раз больше основного капитала, применяемого при производстве такого же куска индийского муслина, тогда как [748] доля применяемого при этом оборотного капитала — в сто или в тысячу раз меньше. Легко себе представить, что при известных обстоятельствах вся сумма годовых сбережений какого-нибудь промышленного народа может быть присоединена к основному капиталу; в таком случае эти сбережения не вызвали бы никакого увеличения спроса на труд» (Бартон, назв. соч., стр. 16—17).

{По поводу этих слов Бартона Рикардо в примечании на стр. 480 своей книги [Русский перевод, том I, стр. 326] заявляет:

«По моему мнению, трудно себе представить, чтобы при каких бы то ни было обстоятельствах увеличение капитала не сопровождалось увеличением спроса на труд: самое большее, что можно сказать, это то, что спрос на труд будет расти в уменьшающейся пропорции. Мне кажется, что г-н Бартон в вышеназванном сочинении придерживается правильного взгляда на некоторые последствия увеличения размеров основного капитала для положения рабочих классов. Его работа содержит много ценных сведений».

К приведенному выше положению Бартона необходимо присоединить еще следующее место:

«Основной капитал, когда он уже создан, перестает вызывать спрос на труд» {это неверно, так как необходимо воспроизводство основного капитала, хотя оно и происходит только через известные промежутки времени и лишь постепенно}, «но во время его созидания он дает занятие точно такому же количеству рабочих рук, какое занимал бы таких же размеров оборотный капитал или доход» (стр. 56).

И еще это:

«Спрос на труд целиком зависит от общей суммы дохода и оборотного капитала» (стр. 34—35).

Бартону бесспорно принадлежит очень большая заслуга.

А. Смит полагает, что спрос на труд возрастает прямо пропорционально накоплению капитала. Мальтус выводит перенаселение из того, что капитал не накапливается (не воспроизводится в возрастающем масштабе) так же быстро, как население. Бартон впервые отметил, что различные органические составные части капитала не возрастают в одинаковой мере вместе с накоплением и развитием производительных сил; что, напротив, в процессе возрастания производительных сил та часть капитала, которая превращается в заработную плату,

относительно уменьшается по сравнению с той частью (Бартон называет ее основным капиталом), которая в сравнении со своей величиной лишь незначительно изменяет спрос на труд. Поэтому Бартон впервые выдвигает то важное положение, что «число занятых рабочих» *не* «пропорционально богатству государства», что оно относительно больше в промышленно неразвитой стране, чем в промышленно развитой.

В третьем издании своих «Principles», в главе 31-й («О машинах»), Рикардо, который в предыдущих изданиях своей книги еще всецело следовал в этом пункте за Смитом, принимает поправку Бартона, и притом в той *односторонней* формулировке, которую дает ей Бартон. Единственный пункт, в котором Рикардо идет дальше, — и этот пункт имеет важное значение, — состоит в том, что он не только, подобно Бартону, устанавливает положение, что спрос на труд *не* растет *пропорционально* развитию машин, но еще утверждает, что сама машина «делает часть населения избыточным населением» *, т. е. порождает перенаселение. Рикардо только ошибочно ограничивает этот результат введения машин тем случаем, который встречается лишь в земледелии и который он распространяет также и на промышленность, а именно тем случаем, когда чистый продукт увеличивается за счет валового продукта. Но этим самым *in* *p*усе ** дано опровержение всей нелепой теории народонаселения, в особенности же болтовни вульгарных экономистов о том, что рабочие должны стараться удерживать свое размножение на таком уровне, который был бы ниже уровня накопления капитала. Наоборот, из даваемой Бартоном и Рикардо трактовки вопроса следует, что такое ограничение размножения рабочего населения, уменьшающее предложение труда и, следовательно, повышающее его цену, лишь *ускорило* бы введение машин, превращение оборотного капитала [затрачиваемого на заработную плату] в основной и таким путем искусственно создало бы «избыточное» население; ибо избыток населения существует, как правило, не по отношению к количеству средств существования, а по отношению к количеству средств найма труда, к действительному спросу на труд.

[749] Ошибка или недостаток состоит у Бартона в том, что он органическую дифференциацию капитала, или органическое строение его, берет лишь в той форме, в какой это строение выступает в *процессе обращения*, — в виде основного и оборотного капитала, — различие, открытое уже физиократами, развитое дальше А. Смитом, а после него ставшее предрассудком

* См. настоящее издание, часть II, стр. 627, 629, 630, 632 и 636. *Ред.*

** — буквально: «в орехе», т. е. в самом сжатом виде, вкратце, в зародыше, *Ред.*

экономистов, предрассудком постольку, поскольку в органическом строении капитала они — по традиции — видят *только* это различие. Это проистекающее из процесса обращения различие оказывает значительное влияние на воспроизводство богатства вообще, а, следовательно, также и на ту его часть, которая образует «рабочий фонд». Но здесь не это является решающим. В качестве основного капитала машины, постройки, племенной скот и т. д. отличаются от оборотного капитала *непосредственно* не каким бы то ни было отношением к заработной плате, а только способом своего обращения и воспроизводства.

Непосредственное отношение различных составных частей капитала к живому труду связано не с явлениями процесса обращения, проистекает не из него, а из *непосредственного процесса производства* и представляет собой отношение *постоянного и переменного капитала*, различие между которыми основывается *лишь* на их отношении к живому труду.

Так, например, Бартон говорит: спрос на труд зависит не от *основного капитала*, а только от *оборотного* капитала. Но часть оборотного капитала — *сырье и вспомогательные материалы* — точно так же не обменивается на живой труд, как и машины и т. п. Во всех тех отраслях производства, в которых сырье, в качестве элемента, входит в процесс образования стоимости, оно, — поскольку мы при этом рассматриваем лишь ту часть основного капитала, которая входит в товар, — составляет *наиболее значительную* часть той доли капитала, которая не затрачивается на заработную плату. Другая часть [того, что Бартон называет] оборотным капиталом, а именно часть товарного капитала, состоит из таких предметов потребления, которые входят в доход непроизводительного класса (т. е. не входят в доход рабочего класса). Следовательно, возрастание обеих этих частей *оборотного* капитала затрагивает спрос на труд ничуть не больше, чем возрастание основного капитала. К тому же та часть оборотного капитала, которая состоит из сырья и вспомогательных материалов, увеличивается не в меньшей или даже в еще большей пропорции, чем та часть капитала, которая, как основной капитал, вкладывается в машины и т. п.

Рамсей развил дальше то различие, которое было намечено Бартоном. Он подправляет Бартона, но не выходит за пределы его способа представления. Фактически он сводит бартоновское различие к различию между постоянным и переменным капиталом, но по-прежнему называет постоянный капитал *основным* капиталом, хотя относит сюда также сырье и т. д., а переменный капитал называет *оборотным* капиталом, хотя

исключает из него весь тот оборотный капитал, который не затрачивается непосредственно на заработную плату. Об этом — после, когда мы дойдем до Рамсея. Но это доказывает необходимость внутренне обусловленного дальнейшего движения вперед.

Стоит только однажды уяснить себе различие между постоянным и переменным капиталом, проистекающее исключительно из непосредственного процесса производства, из отношения различных составных частей капитала к живому труду, чтобы обнаружилось также, что само по себе это различие не имеет никакого отношения к абсолютной массе произведенных предметов потребления, хотя оно и имеет большое отношение к тому, в каких именно предметах реализуется данная масса валового дохода. Однако этот способ реализации валового дохода в различных товарах является не *причиной*, как это выходит у Рикардо и подразумевается у Бартона, а *результатом* имманентных законов капиталистического производства, ведущих к тому, что все более уменьшается, по сравнению со всей суммой продукта, та часть его, которая образует фонд для воспроизводства рабочего класса. Если значительная часть капитала состоит из машин, сырья, вспомогательных материалов и т. д., то из всей массы рабочего класса лишь незначительная часть будет занята воспроизводством жизненных средств, [750] входящих в потребление рабочих. Но это относительное уменьшение воспроизводства переменного капитала представляет собой не причину относительного уменьшения спроса на труд, а, наоборот, его следствие. Точно так же более значительная часть рабочих, занятых производством предметов потребления, вообще входящих в доход, будет производить предметы, входящие в потребление — в расходование дохода — капиталистов, земельных собственников и их слуг (государства, церкви и т. д.), и менее значительная часть будет производить предметы, предназначенные для дохода рабочих. Но это опять-таки — следствие, а не причина. С изменением социального отношения рабочих и капиталистов, с революционизированием отношений, господствующих в капиталистическом производстве, это немедленно изменилось бы. Доход, употребляя выражение Рикардо, «реализовался бы в других товарах».

В, так сказать, физических условиях производства нет ничего такого, что вынуждало бы к тому или другому способу реализации дохода. Если бы рабочие господствовали, если бы они имели возможность производить для самих себя, то они очень скоро и без больших усилий подтянули бы капитал (употребляя выражение вульгарных экономистов) до уровня своих потребностей. Огромная разница заключается в том,

противостоят ли наличные средства производства рабочим как капитал, так что они *лишь* постольку могут применяться рабочими, поскольку это необходимо в интересах увеличения прибавочной стоимости и прибавочного продукта для их нанимателей, применяют ли эти средства производства *их*, рабочих, — или же рабочие, в качестве субъектов, применяют средства производства как объект, чтобы производить богатство для самих себя. Разумеется, при этом предполагается, что капиталистическое производство уже вообще развило производительные силы труда до той необходимой высоты, на которой может наступить эта революция.

{Возьмем для примера 1862 год (нынешнюю осень). Бедственное положение ланкаширских безработных. С другой стороны, на лондонском денежном рынке — «трудность найти применение для денег», в результате чего почти необходимостью стало образование спекулятивных обществ, так как за ссужаемые деньги трудно получить даже 2%. По теории Рикардо получалось бы, что так как, с одной стороны, в Лондоне имеется налицо капитал, а, с другой стороны, в Манчестере имеется незанятая рабочая сила, то для незанятых рабочих «обязательно открылся бы доступ в какую-нибудь другую отрасль приложения труда».

(6) ВЗГЛЯДЫ БАРТОНА НА ДВИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И РОСТ РАБОЧЕГО НАСЕЛЕНИЯ]

Бартон далее доказывает, что накопление капитала лишь медленно приводит к повышению спроса на труд, если только *еще до того* население не возросло так сильно, что заработная плата стоит на низком уровне.

«Отношение, в котором заработная плата находится в какое-либо данное время ко всему продукту труда, определяет, происходит ли ассигнование капитала в одном направлении» (основной капитал) «или в другом» (оборотный капитал).

«Если заработная плата падает, тогда как цена товаров остается без изменения, или если повышается цена товаров, тогда как заработная плата не изменяется, то прибыль предпринимателя растет, и это побуждает его нанимать больше рабочих рук. Если, напротив, заработная плата повышается в сравнении с товарами, то фабрикант применяет как можно меньше рабочих рук и старается делать все с помощью машин» (цит. соч., стр. 17—18).

«Мы имеем достоверные данные, свидетельствующие о том, что при постепенном повышении заработной платы в первую половину минувшего [т. е. XVIII] столетия население возрастало гораздо медленнее, чем во вторую половину его, когда реальная цена труда быстро падала» (стр. 25).

«Итак, само по себе повышение заработной платы никогда не вызывает увеличения рабочего населения; падение заработной платы может вызвать

очень быстрое возрастание его. Например, если бы потребности англичанина понизились до уровня потребностей ирландца, то фабрикант стал бы применять больше рабочих, соответственно уменьшению издержек на их содержание» (стр. 26).

«Трудность найти работу гораздо больше удерживает от браков, чем низкий уровень заработной платы» (стр. 27).

«Считается, что всякое увеличение богатства имеет тенденцию создавать новый спрос на труд. Но так как труд, по сравнению со всеми другими товарами, требует для своего производства наиболее длительного времени»

{по той же причине величина заработной платы может долго держаться ниже среднего уровня, ибо труд, по сравнению со всеми другими товарами, труднее всего изъять с рынка, чтобы этим путем сократить его предложение до уровня существующего в данный момент спроса},

«то из всех товаров труд [751] в наибольшей степени повышается в цене при происшедшем увеличении спроса; а так как всякое повышение заработной платы вызывает в десять раз большее уменьшение прибыли, то ясно, что *увеличение капитала может оказывать лишь медленное воздействие на увеличение действительного спроса на труд, если этому не предшествует такое увеличение населения, которое удерживает заработную плату на низком уровне*» (стр. 28).

Бартон выдвигает здесь различные положения.

Во-первых: повышение заработной платы само по себе не увеличивает рабочего населения; но зато падение заработной платы может очень легко и быстро вызвать его возрастание. Доказательство: в первой половине XVIII столетия — постепенное повышение заработной платы и медленный прирост населения; наоборот, во второй половине XVIII столетия — большое понижение реальной заработной платы и быстрый прирост рабочего населения. Причина: заключению браков препятствует не низкий уровень заработной платы, а трудность найти работу.

Во-вторых: но найти работу тем легче, чем ниже уровень заработной платы. Ибо превращение капитала в оборотный или основной, т. е. в такой, который применяет труд, или в такой, который его не применяет, находится в обратном отношении к высокому или низкому уровню заработной платы. Если заработная плата низка, то спрос на труд велик, так как тогда для предпринимателя выгодно применять много труда и с тем же самым оборотным капиталом он может применять *больше рабочих*. Если заработная плата высока, то фабрикант применяет возможно меньше рабочих и старается делать все с помощью машин.

В-третьих: накопление капитала само по себе лишь медленно повышает спрос на труд, так как всякое повышение

этого спроса, если предложение труда меньше спроса на него, вызывает быстрое повышение цены труда и в десять раз большее падение прибыли. Накопление может быстро отразиться на спросе на труд только тогда, когда *накоплению предшествовало значительное увеличение рабочего населения*, в результате чего заработная плата стоит на очень низком уровне и даже при повышении она остается низкой, так как [новый] спрос больше поглощает незанятые рабочие руки, чем порождает конкуренцию из-за рабочих, занятых полностью.

Все это, *cum grano salis* *, верно для вполне развитого капиталистического производства. Но это не объясняет самого процесса его развития.

А поэтому и приводимое Бартоном историческое доказательство противоречит тому, что оно должно было бы доказать.

В первой половине XVIII столетия заработная плата постепенно повышалась, население возрастало медленно, и не было никаких машин, а также, сравнительно со следующей половиной столетия, применялось мало иного основного капитала.

Во второй половине XVIII столетия, напротив, заработная плата непрерывно падает, население поразительно возрастает, — и появляется много машин. Но как раз машины, с одной стороны, сделали наличное население избыточным и этим путем понизили заработную плату, а с другой стороны, вследствие быстрого развития мирового рынка, снова поглотили это население, потом вновь сделали его избыточным и опять поглотили; одновременно с этим они чрезвычайно ускорили накопление капитала и увеличили *массу* переменного капитала, хотя этот переменный капитал относительно уменьшился как по сравнению с совокупной стоимостью продукта, так и по отношению к массе применяемых им рабочих.

Наоборот, в первой половине XVIII столетия еще не было крупной промышленности, а была *мануфактура, основанная на разделении труда*. Главной составной частью капитала оставался переменный капитал, затрачиваемый на заработную плату. Производительная сила труда развивалась медленно по сравнению со второй половиной XVIII столетия. Спрос на труд, а следовательно и заработная плата повышались вместе с накоплением капитала и почти пропорционально этому накоплению. Англия была еще по существу земледельческой страной, и там еще была широко распространена (и даже продолжала развиваться) домашняя (прядельная и ткацкая) промышлен-

* — дословно: «с крупинкой соли»; в переносном смысле; «с оговоркой», «не вполне буквально», *Ред.*

ность, которой занималось земледельческое население. Пролетариат в строгом смысле этого слова не мог еще возникнуть, так же как еще не было и промышленных миллионеров.

В первой половине XVIII столетия относительно преобладал переменный капитал, во второй половине — основной капитал; но для последнего необходима большая масса человеческого материала. Его введению в больших размерах должен предшествовать рост населения. Однако весь действительный ход развития противоречит трактовке его у Бартона, поскольку при этом обнаруживается, что здесь вообще произошло изменение в способе производства: законы, соответствующие крупной промышленности, не тождественны с теми законами, которые соответствуют [752] мануфактуре. Последняя образует лишь фазу развития на пути к первой.

Но здесь интересны некоторые исторические данные, приводимые Бартоном как относительно движения заработной платы, так и относительно движения хлебных цен в Англии, поскольку Бартон сопоставляет первую половину XVIII столетия со второй.

«Приводимая ниже таблица показывает» (а «с середины XVII до середины XVIII века [реальная] заработная плата повышалась, ибо цена хлеба упала за этот период не меньше чем на 35%»), «каково было отношение заработной платы сельскохозяйственных рабочих к хлебным ценам в течение последних 70 лет.

Периоды	Недельная заработная плата	Цена квартера пшеницы	Заработная плата в пинтах пшеницы
1742—1752.....	6 ш. 0 п.	30 ш. 0 п.	102
1761—1770.....	7 „ 6 „	42 „ 6 „	90
1780—1790.....	8 „ 0 „	51 „ 2 „	80
1795—1799.....	9 „ 0 „	70 „ 8 „	65
1800—1808.....	11 „ 0 „	86 „ 8 „	60»

(Бартон, цит. соч., стр. 25—26).

«В докладе [комиссии] палаты лордов по поводу законов о бедных» (1816 год?) «приводится таблица, показывающая число биллей относительно огораживания земли, принятых на каждой из сессий парламента со времени революции [1688 года]. Из этой таблицы видно, что за 66 лет, с 1688 до 1754 г., таких биллей было принято 123, тогда как за 69 лет *, с 1754 до 1813 г., их было 3 315. В течение последнего периода развитие хлебопашества шло приблизительно в 25 раз быстрее, чем в течение первого. Но в первые 66 лет все больше и больше хлеба постоянно производилось для вывоза за границу, тогда как в течение большей части

* Так у Бартона, В действительности, с 1754 до 1813 г., прошло только 59 лет. Ред.

последних 69 лет потреблялось все, что раньше вывозилось, и вместе с тем для нашего собственного потребления ввозилось все увеличивающееся, а под конец — весьма значительное количество хлеба... Рост населения в течение первого периода в сравнении с последним происходил, следовательно, еще медленнее, чем это, по-видимому, показывает развитие хлебопашества» (там же, стр. 11—12).

«В 1688 г. население Англии и Уэльса составляло 5 500 000 человек, согласно Грегори Кингу, который определил его по числу домов. В 1780 г. оно составляло, по Мальтусу, 7 700 000 человек. Оно, следовательно, увеличилось за 92 года на 2 200 000 человек. За следующие 30 лет оно увеличилось больше чем на 2 700 000 человек. Но что касается первого возрастания населения, то, по всей вероятности, оно произошло главным образом за время с 1750 до 1780 г.» (стр. 13).

Бартон исчисляет на основании надежных источников, что

«в 1750 г. число жителей составляло 5 946 000, что означает увеличение со времени революции [1688 года] на 446 000 человек, или на 7 200 человек в год» (стр. 13—14).

«Таким образом получается, что, по самой низкой оценке, рост населения в последние годы происходил в десять раз быстрее, чем сто лет тому назад. Но невероятно, чтобы накопление капитала стало в десять раз больше» (стр. 14).

Вопрос не в том, какое количество жизненных средств производится в течение года, а в том, какая часть живого труда в течение года входит в производство основного и оборотного капитала. Этим определяется величина переменного капитала по сравнению с постоянным.

Бартон объясняет себе поразительный рост населения почти во всей Европе за последние 50—60 лет возросшей производительностью американских рудников, поскольку этот избыток драгоценных металлов повысил цены товаров в большей степени, чем заработную плату, т. е. фактически понизил заработную плату, вследствие чего повысилась норма прибыли (стр. 29—35). [XIII—752]

ПРИЛОЖЕНИЯ ¹⁴⁸

[4) РАННЯЯ ФОРМУЛИРОВКА ТЕЗИСА О ПОСТОЯННОМ СООТВЕТСТВИИ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ И СПРОСОМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ. РОДБЕРТУС И ЭКОНОМИСТЫ-ПРАКТИКИ XVIII ВЕКА]

[XII—580b] «Мимоходом выдвигаемая» Смитом теория о том, что хлеб создает для себя свой собственный спрос и т. д.*, — теория, с важным видом повторенная затем *Мальтусом* в его теории ренты и отчасти ставшая основой его теории народонаселения, — высказана [до Смита] очень *выразительно* в следующем отрывке:

«Хлеба имеется много или мало в соответствии с его потреблением. Если налицо *больше р т о в*, то будет *больше и хлеба*, потому что будет *больше рук* для обработки земли; а если налицо *больше хлеба*, то окажется *больше и ртов*, так как *изобилие увеличивает население*» (*Arbuthnot, John.* / An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions, and the Size of Farms etc. By a Farmer. London, 1773, стр. 125).

Поэтому

«в сельском хозяйстве не может быть перепроизводства» (там же, стр. 62).

Фантазия Родбертуса, будто *семена* и т. д. не входят [в затраты фермера] как статья капитала **, [опровергается] сотнями сочинений, написанных отчасти самими фермерами в XVIII столетии (в особенности начиная с 60-х годов). Между тем было бы, наоборот, правильным утверждение, что у фермера *рента* входит в его затраты как статья расхода. Фермер причисляет ее к *издержкам производства* (и она, действительно, относится к его издержкам производства).

* См. настоящее издание, часть II, стр. 389 и следующие. *Ред.*

** См. там же, стр. 39—51. *Ред.*

«Если... *цена хлеба* приблизительно такова, какой она должна была бы быть, то это может определяться только тем отношением, в котором *стоимость земли* находится к *стоимости денег*» (там же, стр. 132).

Нижеследующее место показывает, что с того момента, когда капитал овладевает земледелием, рента в представлении самого капиталистического фермера становится всего лишь вычетом из прибыли и что вся прибавочная стоимость начинает рассматриваться по существу как прибыль:

«Старый метод состоял в том, что *прибыль* фермера [его доля в валовом продукте] исчислялась *тремя рентами*» (издолящина). «В *младенческий период земледелия* это было добросовестным и справедливым разделом собственности. В менее просвещенных странах этот метод применяется еще и теперь... Один доставляет землю и капитал, другой — знание и труд. Но на хорошо обработанной и плодородной почве рента имеет теперь наименьшее значение. Процент на свои деньги, или свой доход, человек должен исчислять на ту *сумму, которую он может вложить в виде капитала и годовой затраты своего труда*» (там же, стр. 34). [XII—580b]

**[2) НАТАНИЕЛ ФОРСТЕР О ВРАЖДЕ МЕЖДУ
ЗЕМЕЛЬНЫМИ СОБСТВЕННИКАМИ
И ПРОМЫШЛЕННИКАМИ]**

[XIII—670a] «Земельные собственники и промышленники вечно враждуют между собой и завидуют выгодам друг друга» (/ Forster, Nathaniel.) An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions etc. London, 1767, стр. 22, примечание), [XIII—670a]

[3] ВЗГЛЯД ГОПКИНСА НА СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ РЕНТОЙ И ПРИБЫЛЬЮ]

[XIII — 669b] У Гопкинса (посмотреть то место, где говорится об этом *) *земельная рента* наивно рассматривается как первоначальная форма прибавочной стоимости, а прибыль — как нечто производное от нее.

Гопкинс пишет:

«Когда... производители были одновременно и земледельцами и мануфактуристами, земельный собственник получал в качестве *земельной ренты* стоимость, равную 10 ф. ст. Предположим, что одна половина этой ренты уплачивалась в сырых продуктах, а другая половина — в промышленных изделиях. После *разделения* производителей на два класса (земледельцев и мануфактуристов) это могло бы так продолжаться и дальше. Однако на практике для земледельцев оказалось бы более удобным *вносить* земельным собственникам *всю ренту* и начислять ее на свой продукт при обмене его на продукт труда мануфактуристов с тем, чтобы справедливо распределить этот платеж между обоими классами и чтобы заработная плата и прибыль оставались на одном уровне и там и тут» (*Th. Hopkins. Enquiries relative to the Laws which Regulate Rent, Profit etc, London, 1822, стр. 26*). [XIII—669b]

* См. настоящее издание, часть II, стр. 51. *Ред.*

[4] КЭРИ, МАЛЬТУС И ДЖЕМС ДИКОН ЮМ ОБ УЛУЧШЕНИЯХ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ]

[XI—490a] «Надо отметить, что собственника земли и фермера мы всегда рассматриваем как *одно и то же лицо*... Так обстоит дело в Соединенных Штатах» (H. C. Carey. *The Past, the Present, and the Future Philadelphia*, 1848, стр. 97).

«Человек всегда переходит от бедной почвы к лучшей, а затем возвращается назад к первоначальной бедной почве и перепахивает мергель или известь, и такие переходы постоянно повторяются... И на каждом этапе этого пути человек создает все лучшую и лучшую машину *... Капитал может вкладываться в земледелие с *большой* выгодой, чем в *машины*, потому что машины одного и того же рода обладают *всего лишь одинаковой* эффективностью, тогда как продуктивность земли все больше *повышается*... Выигрыш от применения паровой машины состоит в том, что она сберегает заработную плату за труд по превращению, скажем, шерсти в сукно — *минус* убыток от изнашивания машины. Между тем труд, прилагаемый к обработке почвы, производит заработную плату *плюс* выгоды от улучшения земли-машины... Поэтому участок земли, приносящий ежегодно 100 ф. ст. дохода, продается дороже, чем паровая машина, приносящая такой же доход... Покупатель земельного участка знает, что земля эта оплатит ему заработную плату и процент плюс увеличение стоимости этого участка земли в результате его использования. А покупатель паровой машины знает, что она оплатит ему заработную плату и процент минус уменьшение стоимости этой паровой машины в результате ее использования. Первый покупает такую машину, которая улучшается по мере пользования ею; второй — такую машину, которая ухудшается по мере пользования ею... Земля представляет собой такую машину, на которую новый капитал и труд могут затрачиваться со все возрастающей выгодой, тогда как на паровую машину такого рода затраты, приносящие всё возрастающий доход, сделаны быть не могут» (там же, стр. 129—131).

* Имеется в виду земля, подвергшаяся обработке и мелиорации, Ред.

* * *

Даже те улучшения в земледелии, которые приводят к уменьшению издержек производства и в конечном счете к падению цен, а на первых порах — пока цены еще не упали — вызывают временное повышение сельскохозяйственной *прибыли*,

«почти всегда *увеличивают в конце концов ренту*. Тот *увеличенный капитал*, который вкладывается в земледелие в результате представившейся возможности получать большие временные прибыли, *в большинстве случаев не может быть целиком извлечен из арендованной земли по истечении срока аренды*, а при возобновлении арендного договора земельный собственник получает от этих капиталовложений выгоду в виде *увеличения своей ренты*» (*Malthus. An Inquiry into the Nature and Progress of Rent etc. London, 1815 [стр. 25—26]*).

* * *

«Если до высоких цен на хлеб, преобладавших в последние годы, пахотная земля, как правило, приносила лишь *небольшую ренту* главным образом по причине *общепризнанной необходимости частых паров*, то теперь следует опять уменьшить размер ренты, чтобы можно было вернуться к той же системе парования» (*J. D. Hume. Thoughts on the Corn-Laws etc. London, 1815, стр. 72*). [X1—490a]

**[5) ГОДСКИН И АНДЕРСОН
О РОСТЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ТРУДА]**

[XIII—670a] «По мере того как народонаселение увеличивается, для снабжения человека предметами питания оказывается достаточной все меньшая и меньшая земельная площадь» (*[Hodgskin, Thomas.] The Natural and Artificial Right of Property Contrasted etc. London, 1832, стр. 69).* (Это сочинение Годскина вышло анонимно.)

То же самое до Годскина говорил *Андерсон* *. [XIII—670a]

* См. настоящее издание, часть II, стр. 154—155. *Ред.*

[6)] УМЕНЬШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ

[XIII — 670a] Прибыль более крупного капитала, применяющего больший постоянный капитал (машины, сырье), — так как она распределяется на такой совокупный капитал, в котором применяемый живой труд составляет пропорционально менее значительную часть совокупного капитала, — является [по своей норме] меньшей, чем меньшая [по своей массе] прибыль, создаваемая живым трудом, составляющим пропорционально более значительную часть менее крупного совокупного капитала. [Относительное] уменьшение переменного капитала и относительное увеличение постоянного капитала, хотя обе эти части капитала возрастают, представляют собой лишь иное выражение для увеличившейся производительности труда. [XIII—670a]

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

•

•

•

•

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Закончив обширную главу «Теории о производительном и непроизводительном труде», входящую в раздел о Смита, и написав еще три главы, имеющие характер дополнений к разделу о физиократах (о Неккере, об «Экономической таблице» Кенэ и о Ленге), — Маркс, согласно своему плану, должен был перейти к работе над разделом о Рикардо. Однако к этой работе Маркс перешел не сразу. После главы о Ленге он начал писать главу о Брее, — очевидно, в связи с упоминанием в главе «Ленге» о «немногих социалистических писателях», о которых Маркс намеревался говорить «в дальнейшем» (см. настоящее издание, часть I, стр. 347). В соответствии с этим Маркс в оглавлении-плане X тетради зачеркивает в заголовке главы «f» (этот заголовок непосредственно следует за заголовком главы «e» Ленге) первоначально написанное слово «Рикардо» и пишет вместо него — «Брей» (см. там же, стр. 4). Однако глава о Брее осталась незаконченной. Впоследствии Маркс решил перенести разбор взглядов Брея в главу о пролетарских противниках политико-экономов (см. третью часть настоящего издания).

Приступив к работе над главой о Брее, Маркс намеревался начать раздел о Рикардо со следующей главы — «g». Но и на этот раз имя Рикардо в оглавлении было зачеркнуто, и в качестве главы «g» появилось «Отступление»; озаглавленное «Господин Родбертус. Новая теория земельной ренты».

Над главой о Родбертусе Маркс работал в июне 1862 г. В письме Лассалья к Марксу от 9 июня 1862 г. Лассаль просил в ближайшее время вернуть ему одолженную им Марксу книгу Родбертуса о земельной ренте. Это обстоятельство, очевидно, послужило для Маркса внешним поводом к тому, чтобы немедленно приняться за работу над главой о Родбертусе. Но имелись и серьезные внутренние основания, из которых вытекала необходимость дать прежде всего критический анализ родбертусовской теории земельной ренты.

Как видно из переписки Маркса, он к этому времени достиг уже полной ясности в вопросе о том, в чем именно состоит ошибочность рикардовской теории земельной ренты. Маркс считал одним из коренных недостатков теории ренты Рикардо отсутствие в ней понятия

- абсолютной ренты. С попыткой развить это понятие выступил Родбертус в своем третьем «Социальном письме» к фон Кирхману. Прежде чем приступить к специальному разбору рикардовской теории ренты, Маркс подверг в настоящем «Отступлении» развернутому критическому анализу эту попытку Родбертуса. — 3.
- 2 Маркс имеет в виду свою направленную против Прудона работу «Ниццета философии» (§ IV второй главы, озаглавленный «Земельная собственность или земельная рента»). См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 168—178, особенно стр. 171—173 и 177. — 9.
- 3 Имеется в виду книга: J. Wade. «History of the Middle and Working Classes». London, 1833. — 9.
- 4 В рукописи здесь стоит слово «Rohmaterial» («сырой материал»). Во всех остальных случаях Маркс в своей рукописи 1861—1863 годов употребляет термин «сырой материал» в том более узком его значении, которое сформулировано в 5-й главе I тома «Капитала», — в смысле такого предмета труда, который «уже претерпел известное изменение при посредстве труда» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 190). Так как в данном месте, судя по всему контексту, речь идет о предмете труда в самом широком смысле слова, т. е. в первую очередь о таком предмете труда, который не является продуктом труда, а дан природой, то можно предположить, что слово «Rohmaterial» является опиской, и вместо него должно стоять слово «Arbeitsgegenstand» («предмет труда»). Соответственно этому и сделан перевод данной фразы. — 12.
- 5 В IV тетради своей рукописи 1861—1863 годов (стр. 149 и следующие) Маркс называет «*первым разделением труда*» разделение труда внутри общества между независимыми друг от друга товаропроизводителями, а «*вторым разделением труда*» — разделение труда внутри капиталистического предприятия, в особенности внутри мануфактурной мастерской. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, стр. 295—308 и следующие. Ср. т. 23, стр. 363—372. — 14.
- 6 Маркс цитирует здесь книгу: T. C. Banfield. «The Organization of Industry». Second edition, London, 1848, p. 40, 42. — 14.
- 7 Под термином «*средняя цена*» («Durchschnittspreis») Маркс понимает здесь то же самое, что под термином «цена производства», т. е. издержки производства ($c + v$) плюс средняя прибыль. Самый термин «средняя цена» указывает на то, что здесь имеется в виду «средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена», как Маркс разъясняет в дальнейшем, на стр. 348 второй части настоящего издания. Впервые этот термин встречается у Маркса на стр. 71 первой части настоящего издания. — 16.
- 8 О том различии между *временем производства* и *рабочим временем*, которое имеет место, в частности, в земледелии, и о связанных с этим особенностях развития капитализма в земледелии Маркс писал в своей рукописи 1857—1858 годов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 175—177). Понятие периода производства (в смысле периода, охватывающего, кроме рабочего времени, также и то время, в течение которого предмет труда подвергается воздействию только

естественных процессов природы) подробно развито Марксом во втором томе «Капитала», отдел второй, глава 13. — 19.

- 9 Эта характеристика капиталистов как конкурентов-врагов и вместе с тем и «собратьев» получила у Маркса свое обоснование в III томе «Капитала». Исследовав процесс выравнивания нормы прибыли, при котором «каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность всех капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и обуславливает своим участием определенную степень этой эксплуатации» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 215), Маркс пишет: «...мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» (там же, стр. 217). — 21.
- 10 Под «этой книгой» Маркс подразумевает книгу «О капитале» — первую и самую основную из тех шести книг, на которые он в 1858—1862 годах предполагал расчленить весь свой экономический труд (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 5 и 11). — 22.
- 11 P. J. Stirling. «The Philosophy of Trade; or, Outlines of a Theory of Profits and Prices». Edinburgh, 1846, p. 209—210. — 25.
- 12 О вульгарной концепции Кэри, рассматривавшего земельную ренту как процент на вложенный в земледелие капитал, Маркс пишет в последующем (см. настоящее издание, часть II, стр. 149—150, 154 и 175), а также в III томе «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 171 и 335). — 26.
- 13 О концепции монопольной цены сельскохозяйственных продуктов у Бьюкенена Маркс говорит ниже, на стр. 174, 365 и 426—427 второй части настоящего тома. Анализ взглядов Гопкинса на земельную ренту Маркс дает на стр. 143—150 второй части настоящего издания. — 26.
- 14 Маркс цитирует книгу: G. Opdyke. «A Treatise on Political Economy». New York, 1851, p. 60. — 26.
- 15 Имеется в виду книга: F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 155. — 31.
- 16 Далее в рукописи содержится набросок, в котором Маркс приводит пример с возделывателем хлопка, прядильщиком и ткачом. От вопроса о прибыли, получаемой каждым из них в отдельности, Маркс переходит к рассмотрению вопроса о размерах прибыли при предположении, что ткач является вместе с тем также и возделывателем хлопка и прядильщиком. Однако написанное не удовлетворило Маркса, он прервал начатый набросок, перечеркнул его и вслед за этим дал приводимую в тексте уточненную формулировку своей мысли. — 43.
- 17 Маркс имеет в виду обширный экскурс о Дж. Ст. Милле, содержащийся в VII и VIII тетрадах (стр. 319—345 рукописи). В соответствии с оглавлением «Теорий прибавочной стоимости», составленным Марксом, и с его указанием в тексте VII тетради рукописи (стр. 319) раздел о Дж. Ст. Милле перенесен в настоящем издании в третью часть

«Теорий», в главу о разложении рикардианской школы. В отведенном для Дж. Ст. Милля 7-м параграфе этой главы страницы 332—334 рукописи Маркса посвящены выяснению вопроса о том, влияет ли на норму прибыли соединение в руках одного капиталиста производства готового продукта с производством постоянного капитала для этого продукта. — 43.

- 18 Маркс имеет в виду ту часть своего исследования, которая впоследствии выросла в третий том «Капитала». — 44.
- 19 Маркс ссылается на свою XII тетрадь выписок по политической экономии. На обложке тетради рукой Маркса написано: «Лондон, 1851 г., июль». На стр. 14 этой тетради выписано то место из книги Гопкинса «Economical Enquiries relative to the Laws which Regulate Rent, Profit, Wages, and the Value of Money» (London, 1822), которое имеет здесь в виду Маркс и которое он в дальнейшем приводит на обложке XIII тетради рукописи «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 669b). В настоящем издании это место дапо в «Приложениях» ко второй части (см. стр. 654). — 51.
- 20 О «важности дешевизны или дороговизны сырья для промышленности, обрабатывающей это сырье», Маркс говорит в упомянутом в примечании 17 обширном экскурсе о Дж. Ст. Милле (стр. 335—339 рукописи), который, в соответствии с указаниями Маркса, перенесен в настоящем издании в третью часть «Теорий прибавочной стоимости», в главу о разложении рикардианской школы. — 62.
- 21 T. R. Malthus. «Principles of Political Economy». 2nd edition, London, 1836, p. 268. Это высказывание Мальтуса Маркс приводит и разбирает в главе «Т. Р. Мальтус» в третьей части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 765—766 рукописи). — 65.
- 22 Маркс имеет в виду пример, приведенный им на страницах 335—336 его рукописи, в обширном экскурсе о Дж. Ст. Милле, о котором говорилось в примечаниях 17 и 20. — 74.
- 23 В эту цитату из Родбертуса Маркс внес те «соответствующие изменения», которые вытекают из того — упускаемого из виду Родбертусом — обстоятельства, что стоимость машин и других средств производства с такой же необходимостью входит в продукт земледелия, с какой в продукт промышленности, обрабатывающей сельскохозяйственное сырье, входит стоимость этого сырья. В том виде, в каком это место дано у Родбертуса, оно приведено Марксом выше (см. настоящее издание, часть II, стр. 54 и 55). Термин «машинная стоимость» («Maschinenwert») не без иронии составлен Марксом по аналогии с родбертусовским термином «Materialwert» («стоимость материала»). Все принадлежащие Марксу слова напечатаны в тексте цитаты р а з р ы д к о й. — 81.
- 24 В рукописи далее следует коротенькая вставка о капитале как «легализованном отражении чужого труда», которая заключена у Маркса в квадратные скобки и снабжена указанием на то, что ее надлежит перенести в другое место, как нарушающую непосредственную связь

изложения. В настоящем издании эта вставка помещена выше, на стр. 26 второй части в виде подстрочной сноски. — 98.

- ²⁵ В этом абзаце, где Маркс еще только приступает к исследованию вопроса о зависимости суммы ренты (абсолютной и дифференциальной) от относительного плодородия почвы, он пользуется предварительным допущением, что сумма ренты прямо пропорциональна плодородию почвы (в том смысле, что если какой-нибудь разряд почвы на $\frac{1}{5}$ плодороднее другого, то и сумма ренты с этого разряда тоже на $\frac{1}{5}$ больше суммы ренты, получаемой с менее плодородного разряда). В дальнейшем исследовании Маркс уже не пользуется этим допущением и дает уточненную формулировку зависимости суммы ренты от относительного плодородия почвы.

Если в соответствии с этими последующими разъяснениями Маркса подсчитать сумму ренты для разрядов II, III и IV, исходя из количества кварталов, приносимых этими разрядами и продаваемых по общей для всех разрядов цене в $\frac{1}{3}$ ф. ст. за квартал, то для II разряда мы получим 34 ф. ст., для III — $62\frac{4}{5}$ ф. ст., для IV — $97\frac{7}{25}$ ф. ст. Расчет производится следующим образом: так как II разряд на $\frac{1}{5}$ плодороднее чем I, то он приносит $360 + 72$, т. е. 432 квартала, продаваемые за $\frac{432}{3}$ ф. ст., т. е. за 144 ф. ст.; из них 110 ф. ст. составляют из-

держки производства плюс средняя прибыль; на земельную ренту (абсолютную и дифференциальную) остается 34 ф. ст. И точно так же производится расчет для разрядов III и IV.

Уточненный метод исчисления суммы ренты широко применен Марксом в главе XII («Таблицы дифференциальной ренты с пояснениями»), но этот метод намечен уже и в настоящей, VIII главе. Так, на стр. 109, где Маркс сперва повторяет приводимую на стр. 101 цифру $17\frac{7}{25}$ ф. ст. для суммы ренты с разряда IV и дает цифру $7\frac{7}{25}$ ф. ст. для дифференциальной ренты с того же разряда, он затем намечает и правильный путь для определения дифференциальной ренты с разряда IV, а именно — $207\frac{9}{25}$ ф. ст. минус 120 ф. ст., т. е. $87\frac{9}{25}$ ф. ст. Если к этой величине прибавить 10 ф. ст. абсолютной ренты, то для совокупной ренты с разряда IV получится величина $97\frac{9}{25}$ ф. ст., полностью соответствующая последующим выводам Маркса. — 101.

- ²⁶ На страницах 78—79 второго тома своего труда «Cours d'économie politique», St.-Petersbourg, 1815, Шторх пишет: «Рента самых плодородных земель определяет размер ренты всех других земель, находящихся в конкуренции с самыми плодородными землями. До тех пор пока продукта самых плодородных земель достаточно для удовлетворения спроса, менее плодородные земли, конкурирующие с самыми плодородными, не могут обрабатываться или, по крайней мере, не дают ренты. Но как только спрос начинает превышать то количество продукта, которое могут доставлять плодородные земли, цена продукта повышается, и становится возможным обрабатывать менее плодородные земли и получать с них ренту». Об этом взгляде Шторха Маркс говорит также в III томе «Капитала» (в главах 10 и 39). — 102.

- ²⁷ О том, что в вопросе о рыночной стоимости сельскохозяйственных продуктов был прав и Рикардо и Шторх и что в то же время оба они были неправы, так как «совершенно упустили из виду средний случай», Маркс пишет в примечании 30-м к 10-й главе III тома «Капитала». — 106.

- 28 О двоякого рода расчетах в этом примере см. примечание 25. — 109.
- 29 Маркс здесь отвлекается от прибыли, приходящейся на авансированный в разрядах I, II, III и IV сельскохозяйственный капитал. Если в разряде I капитал в 100 ф. ст. производит 330 бушелей по 6 шилл. 8 пенсов (или по $\frac{1}{3}$ ф. ст.) за бушель, то стоимость совокупного продукта этого разряда равна 110 ф. ст., а так как из них 10 ф. ст. приходятся на ренту, то для прибыли ничего уже не остается. Точно так же и для стоимости совокупного продукта всех четырех разрядов при затрате в каждом из них 100 ф. ст. получается сумма в 500 ф. ст., состоящая только из возмещения затраченного капитала (400 ф. ст.) и суммы земельных рент в разрядах I, II, III и IV, составляющей 100 ф. ст. (10 + 20 + 30 + 40). — 113.
- 30 Увеличение *высоты* (нормы) ренты в результате появления дифференциальных рент, уплачиваемых капиталами, применяемыми на более плодородных почвах, является «только кажущимся» в том смысле, что оно основано на «ложной социальной стоимости», о которой более подробно Маркс говорит в 39-й главе III тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 212—213). Как Маркс поясняет в дальнейшем тексте, капиталист, арендующий более плодородную землю, продает свой продукт по цене продукта менее плодородной земли, «как если бы для производства того же количества продукта ему был нужен тот же капитал», что и на менее плодородной земле. — 113.
- 31 Числа 90, 80 и 70 Маркс, по-видимому, берет как разности между капиталами, вложенными в разрядах II, III и IV, и приносимыми ими дифференциальными рентами (во II разряде капитал в 100 ф. ст. приносит 10 ф. ст. дифференциальной ренты, в III разряде — 20 ф. ст., в IV разряде — 30 ф. ст.). Если произвести точный расчет, исходя из того, что продукт разряда II равен 360 бушелям, продукт разряда III — 390 бушелям и продукт разряда IV — 420 бушелям, то числа получатся такие: $91\frac{2}{3}$ ф. ст., $84\frac{8}{13}$ ф. ст. и $78\frac{4}{7}$ ф. ст. — 113.
- 32 В рукописи этот абзац, заключенный Марксом в скобки, находится двумя абзацами ниже (на той же 494-й странице), вклиниваясь в небольшой исторический экскурс о взглядах Петти и Давенанта на изменение величины земельной ренты. По своему содержанию заключенный в скобки абзац примыкает к предыдущим рассуждениям Маркса о соотношении между производительностью земледелия и производительностью промышленности. — 117.
- 33 Маркс имеет в виду работу Андерсона «An Inquiry into the Nature of the Corn Laws; with a view to the new Corn-Bill proposed for Scotland», Edinburgh, 1777. — 119.
- 34 Речь идет о сочинении Адама Смита «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», London, 1776. — 119.
- 35 *Британский музей* — английский национальный музей (учрежден в 1753 г.), находится в Лондоне. Важнейшую часть музея составляет его библиотека, которая является одной из самых крупных в мире. В библиотеке Британского музея работали Маркс и Энгельс. В мае — июне 1908 г. в ней работал В. И. Ленин. — 119.

- 36 Речь идет о предисловии Рикардо к первому изданию его книги «On the Principles of Political Economy, and Taxation». См. D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. VI—VII. — 120.
- 37 [Th. R. Malthus.] «An Essay on the Principle of Population». London, 1798. — 120.
- 38 Маркс имеет в виду книгу Таунсенда «A Dissertation on the Poor Laws» (London, 1786), которую он цитирует в III тетради своей рукописи 1861—1863 годов (стр. 112—113), в разделе «Абсолютная прибавочная стоимость». Все три цитаты, приведенные там Марксом, даются также в 23-й главе I тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 661). — 120.
- 39 См. примечание 37. — 124.
- 40 Имеются в виду брошюры Мальтуса «The Grounds of an Opinion on the Policy of Restricting the Importation of Foreign Corn» и «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent». — 124.
- 41 Имеется в виду хлебный закон 1815 года, запрещавший импорт хлеба в Англию до тех пор, пока цена хлеба в самой Англии оставалась ниже 80 шилл. за кварталер. — 124.
- 42 Намек на немецкого вульгарного экономиста Рошера, профессора Лейпцигского университета. — 126.
- 43 Под именем *Абрагама а Санта Клара* известен австрийский проповедник и литератор Ульрих Мегерле (1644—1709), стремившийся пропагандировать католицизм в доходчивой для широкой публике форме и выступавший с «душеспасительными» проповедями и нравоучительными сочинениями, составленными в якобы народном стиле. — 126.
- 44 В рукописи далее следует коротенькая вставка, в которой Маркс противопоставляет взгляд Рикардо на уровень заработной платы взгляду Мальтуса по этому вопросу. Эта вставка помещена выше, на стр. 126 второй части настоящего издания, в виде подстрочной сноски. — 127.
- 45 Маркс имеет в виду работу Мак-Куллоха «The Literature of Political Economy: a Classified Catalogue of Select Publications in the Different Departments of that Science, with Historical, Critical, and Biographical Notices», London, 1845. — 127.
- 46 Маркс называет Рошера именем крупнейшего древнегреческого историка Фукидида в связи с тем, что «господин профессор Рошер скромно объявил себя Фукидидом политической экономии», как пишет Маркс в III части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 922 рукописи Маркса).

Нескромная ссылка Рошера на Фукидида содержится в предисловии к его «Grundlagen der Nationalökonomie».

Наименование «Фукидид Рошер» имеет сугубо иронический характер: Рошер, как показывает Маркс в настоящей главе и в ряде других мест, грубо искажал как историю экономических отношений, так и историю экономических теорий. — 128.

- 47 Имеются в виду вышедшие в 1815 году в Лондоне работы Уэста «Essay on the Application of Capital to Land, with Observations shewing the Impolicy of any great Restriction of the Importation of Corn» и Рикардо «An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock; shewing the Inexpediency of Restrictions on Importation». — 129.
- 48 W. Roscher. «System der Volkswirtschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 191. — 130.
- 49 Маркс имеет в виду книгу Гопкинса «Economical Enquiries relative to the Laws which Regulate Rent, Profit, Wages, and the Value of Money», London, 1822. Соответствующее место из этой книги приводится Марксом ниже (см. настоящее издание, часть II, стр. 150). — 132.
- 50 В дальнейшем тексте «Теорий прибавочной стоимости» Маркс к разбору этих взглядов Рошера не вернулся. Но в третьей части «Теорий», в главе «Разложение рикардianской школы», Маркс дает развернутую критику аналогичных вульгарных взглядов Мак-Куллоха, сложившихся — так же как и взгляды Рошера — под сильным влиянием той апологетической концепции «производительных услуг», которую выдвинул Ж. Б. Сэй и о которой Маркс говорит в следующем абзаце. В I томе «Капитала» Маркс касается взгляда Рошера на природу, как на один из источников стоимости, в примечании 22-м к 6-й главе. См. также III том «Капитала», глава 48 (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 393—394). — 139.
- 51 Об «огораживании» общинных земель в Англии Маркс говорит более подробно в 24-й главе I тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 736—739). — 152.
- 52 Речь идет о мальтусовской теории народонаселения. — 154.
- 53 Приводимые здесь слова принадлежат итальянцу Камилло Тарелло де Леонато (XVI в.), к мнению которого по данному вопросу Андерсон полностью присоединяется. — 154.
- 54 Приведенное Марксом место из Андерсона представляет собой часть цитируемого Мак-Куллохом большого отрывка из книги Андерсона «An Inquiry into the Nature of the Corn Laws» (Edinburgh, 1777), где весь этот отрывок занимает страницы 45—48. — 156.
- 55 Под «плодородием почвы» Маркс понимает здесь общую сумму ренты, получаемой с этой почвы. — 159.
- 56 J. Mill. «Elements of Political Economy». London, 1821, p. 198. — 163.

⁵⁷ В I томе «Капитала», в главе 24-й, Маркс пишет о том, что между 1801 и 1831 гг. у сельского населения Англии были отняты и «подарены» лендлордам парламентом, состоящим из лендлордов», 3 511 770 акров общинной земли (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 739). — 168.

⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 170. — 170.

⁵⁹ Там же, стр. 173. — 170.

⁶⁰ Там же, стр. 176. — 170.

⁶¹ Там же, стр. 170—171. — 170.

⁶² Под «сельскохозяйственными машинами» Родбертус понимает здесь различные по своему плодородию разряды почвы. Сравнение почв с машинами различной эффективности Родбертус заимствовал у Мальтуса. — 170.

⁶³ Во II части «Теорий прибавочной стоимости» термин «цена издержек» («Kostenpreis» или «Kostpreis», «cost price») употребляется Марксом в смысле *цены производства*, или «средней цены» ($c + v + \text{средняя}$ » прибыль). О термине «средняя цена» см. примечание 7.

Впервые термин «Kostenpreis» встречается у Маркса на стр. 72 первой части настоящего издания, но там он употреблен в смысле «иммалентных издержек производства» товара ($c + v + m$), которые совпадают со стоимостью товара.

В III части «Теорий прибавочной стоимости» термин «Kostenpreis» употребляется Марксом то в смысле цены производства (в этих случаях он переводится словами «цена издержек»), то в смысле издержек производства для капиталиста, т. е. в смысле $c + v$ (в этих случаях он переводится словами «издержки производства»).

Тройное употребление термина «Kostenpreis» объясняется тем, что слово «Kosten» («издержки», «издержки производства») в экономической науке употреблялось в трех различных значениях, как это специально отмечает Маркс в III части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 788—790 и 928 рукописи 1861—1863 годов): 1) в смысле того, что авансировано капиталистом, 2) в смысле цены авансированного капитала плюс средняя прибыль и 3) в смысле реальных (или имманентных) издержек производства для самого товара.

Кроме этих трех значений, встречающихся у классиков буржуазной политической экономии, имеется еще четвертое, вульгарное значение термина «издержки производства», в котором его употребляет Ж. Б. Сэй, определяющий «издержки производства» как «то, что уплачивается за производительные услуги труда, капитала и земли» (J. B. Say. «Traité d'économie politique». Seconde édition. Tome II, Paris, 1814, p. 453). Это вульгарное понимание «издержек производства» Маркс решительно отвергает (см., например, настоящее издание, часть II, стр. 140, 233 и 521). — 173.

⁶⁴ Цитата взята из одного из подстрочных примечаний Бьюкенена к его изданию «Богатства народов» А. Смита (Adam Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». In three volumes. With notes, and additional volume, by David Buchanan. Vol. II, Edinburgh, 1814, p. 55). Это рассуждение Бьюкенена приводится во 2-й главе «Principles» Рикардо (в сноске). — 174.

- ⁶⁵ D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 1—12. — 177.
- ⁶⁶ J. B. Say. «Traité d'économie politique». Cinquième édition. Tome I, Paris, 1826, p. LXXXIII—LXXXIV. Или J. B. Say. «Traité d'économie politique». Sixième édition. Paris, 1841, p. 41. — 179.
- ⁶⁷ Маркс относит в книге Рикардо к числу глав, трактующих о налогах, кроме 12 глав (VII—XVIII и XXIX), где речь идет о налогах в собственном смысле слова, еще две главы — XXII и XXIII («Премии за вывоз и запрещение ввоза» и «Премии за производство»), в которых также затрагиваются вопросы обложения: по теории Рикардо, премии выплачиваются из фонда, образуемого теми или иными налогами с населения. — 179.
- ⁶⁸ См. примечание 18. — 182.
- ⁶⁹ Под «жизненными средствами, которые входят в потребление вообще», Маркс имеет здесь в виду, с одной стороны, все средства индивидуального потребления, а с другой — те вспомогательные материалы, которые являются средствами производственного потребления для машин (уголь, смазочное масло и т. д.). — 187.
- ⁷⁰ О понятиях «время производства» и «рабочее время» см. примечание 8. — 192.
- ⁷¹ Средняя прибыль составит $20\frac{5}{28}\%$ в том случае, если затраченные фермером и фабрикантом капиталы равны. Если же учесть различие в величине затраченных капиталов — 800 ф. ст. у фермера и 1 300 ф. ст. у фабриканта (всего 2 100 ф. ст.), — то при совокупной прибыли обоих, равной 400 ф. ст., средняя прибыль составит $\frac{400 \times 100}{2100} = 19\frac{1}{21}\%$. — 201.
- ⁷² О взглядах Мальтуса, Торренса, Джемса Милля и Мак-Куллоха см. соответствующие разделы третьей части настоящего издания. — 206.
- ⁷³ В английском *квартере* (мера сыпучих тел, равная 290,9 литра) 8 *бушелей*. — 217.
- ⁷⁴ Под «численностью или пропорциональным соотношением величин» различных групп предпринимателей Маркс понимает здесь количество продукции, доставляемое на рынок каждой из этих групп. — 221.
- ⁷⁵ Маркс имеет в виду книгу Корбета «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained» (London, 1841), в которой Корбет утверждает, что в промышленности цена регулируется товарами, производимыми при наилучших условиях, причем, по его мнению, именно эти товары и составляют преобладающую массу всех товаров данного рода (стр. 42—44). — 221.
- ⁷⁶ Выше, на стр. 128 второй части настоящего издания, Маркс привел цитату из книги Рошера «Die Grundlagen der Nationalökonomie», свидетельствующую о полнейшей путанице во взглядах Рошера на борьбу вокруг

андерсоновской теории земельной ренты и на «антагонизм между денежными людьми и земельными собственниками». — 227.

- 77 Предполагается, что 10% представляют собой среднюю норму прибыли в данной местности. — 237.
- 78 Маркс имеет в виду книгу Джемса Стюарта «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy», vol. I, Dublin, 1770, где изображается процесс перехода от натурального, в основном, хозяйства английской деревни к товарному и капиталистическому хозяйству, сопровождавшийся превращением земледелия в одну из отраслей капиталистического предпринимательства, интенсификацией труда в сельском хозяйстве и экспроприацией сельского населения. Выражение Стюарта «люди начинают ценить время» содержится на стр. 171 первого тома указанной книги. Оно, вместе с другими цитатами из Стюарта, приводится Марксом также в его экономической рукописи 1857—1858 годов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 294 и 373). — 250.
- 79 Маркс имеет в виду книгу Хюльмана «Städtewesen des Mittelalters», Theile 1—4, Bonn, 1826—1829. — 253.
- 80 Положение о том, что вся сумма ренты (абсолютная рента и дифференциальная рента, вместе взятые) равна разности между рыночной стоимостью и ценой издержек, более подробно рассматривается Марксом в дальнейшем (см. настоящее издание, часть II, стр. 319). — 278.
- 81 Величина $16\frac{1}{65}$ ф. ст. получается в результате вычитания индивидуальной стоимости тонны угля III, составляющей $13\frac{1}{5}$ ф. ст., из новой рыночной стоимости тонны угля, равной $11\frac{1}{13}$ ф. ст. — 278.
- 82 Предыдущие примеры Маркса касались не земледелия, а эксплуатации угольных шахт различной продуктивности. Но все сказанное об этих шахтах применимо также и к земледелию на землях различного плодородия. — 279.
- 83 Дифференциальной стоимостью (Differentialwert) Маркс, как он поясняет это ниже (см. настоящее издание, часть II, стр. 290), называет разность между рыночной стоимостью и индивидуальной стоимостью. Дифференциальную стоимость Маркс определяет по отношению к единице продукта, дифференциальную ренту — по отношению ко всему произведенному в данном разряде продукту. Если рыночная стоимость единицы продукта больше, чем индивидуальная стоимость последней, то разность будет положительной величиной; если же она меньше, чем индивидуальная стоимость, то эта разность будет величиной отрицательной. Отсюда знаки + и — в сводной таблице, даваемой Марксом на стр. 574 рукописи (см. вклейку между страницами 292—293 второй части настоящего издания).
- В таблицах C, D и E на стр. 572 рукописи (стр. 282—283 второй части настоящего издания) Маркс ставит знаки + и — перед числами, выражающими (в фунтах стерлингов) величину дифференциальной репты. Например, в таблице C, в графе «Дифференциальная рента», стоит отрицательная величина « $-9\frac{3}{13}$ ф. ст.». Это означает, что в данном случае плодородие разряда I так невелико, что земли этого разряда при существующей рыночной стоимости не только не приносят

никакой дифференциальной ренты, но даже и абсолютная рента падает здесь значительно ниже ее нормальной величины. В случае I *C* абсолютная рента равна всего лишь $10/13$ ф. ст., т. е. она на $9^3/13$ ф. ст. ниже ее нормальной величины, составляющей в данном примере 10 ф. ст.

В сводной таблице на стр. 574 рукописи Маркс это же явление отрицательной дифференциальной ренты выражает при помощи отрицательной дифференциальной стоимости, а в графе «Дифференциальная рента» ставит в этих случаях просто цифру «0», означающую здесь отсутствие *положительной* дифференциальной ренты (при наличии в ряде случаев *отрицательной* дифференциальной ренты, которая проявляет себя соответственным уменьшением величины абсолютной ренты, что отражено в графе «Абсолютная рента»). Перенесение отрицательных величин в графу «Дифференциальная стоимость» устраняет то неудобство, которое возникло в таблице *C* на стр. 572 рукописи, когда надо было сложить дифференциальные ренты различных порядков: в сумму вошли только положительные, со знаком +, дифференциальные ренты, а отрицательная величина «— $9^3/13$ ф. ст.» при суммировании дифференциальных рент, во избежание двойного счета, рассматривалась просто как нуль. Поэтому для исчисления отрицательных дифференциальных рент Маркс ввел в свою сводную таблицу особую рубрику: «Дифференциальная стоимость тонны», в которую входят также и отрицательные дифференциальные стоимости. — 283.

⁸⁴ Вслед за этими словами Маркс дает на 573-й странице рукописи сопоставление таблиц *A*, *B*, *C* и *D* в их развернутой по всем только что перечисленным рубрикам форме. На следующей, 574-й, странице рукописи Маркс еще раз переписывает, в более стройном виде, все данные таблиц *A*, *B*, *C* и *D* и добавляет к ним соответствующие данные таблицы *E*. Получается единая сводная таблица, которая помещена на вклейке между страницами 292—293 второй части настоящего издания. Набросанное Марксом на стр. 573 рукописи сопоставление тех же данных для таблиц *A*, *B*, *C* и *D* целиком вошло в сводную таблицу и поэтому в тексте отдельно не воспроизводится. — 283.

⁸⁵ Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 51. — 285.

⁸⁶ В приводимом Марксом примере в обе составные части авансированного капитала пропорционально в одинаковой мере входит продукт, производство которого зависит от земельной собственности. Маркс допускает здесь, что, несмотря на увеличение постоянного капитала (88с вместо 80с, вследствие вздорожания сырья) и переменного капитала (22v вместо 20v, вследствие вздорожания предметов потребления рабочих), рыночная стоимость совокупного продукта осталась по-прежнему равной 120 (в другом примере, рассматриваемом на стр. 303—313 второй части настоящего издания, Маркс, напротив, исходит из изменения рыночной стоимости). В результате этого вздорожания постоянного и переменного капитала при сохранении прежней рыночной стоимости совокупного продукта присваиваемая капиталистом прибавочная стоимость уменьшилась с 20 до 10 и соответственно — на 10 единиц — увеличилась дифференциальная рента, возросшая на более продуктивных участках в связи с переходом к эксплуатации менее продуктивных участков. Таким образом, вновь созданная стоимость, равная по-преж-

нему 40 (так как способ производства остался прежним), подвергается здесь следующему перераспределению: 10 единиц образуют теперь прибавочную стоимость, достоящуюся капиталисту, 20 единиц идут на возмещение переменного капитала, а 10 единиц — на увеличение дифференциальной ренты, происшедшее путем увеличения стоимости постоянного капитала на восемь единиц и стоимости переменного капитала — на две единицы.

В дальнейшем, на стр. 684—686 рукописи (стр. 504—508 второй части настоящего издания), Маркс рассматривает аналогичный случай на примере такого земледельческого капитала, продукт которого в своей натуральной форме входит в образование элементов постоянной и переменной части этого капитала. — 300.

- 87 При составлении этого расчета, который сам Маркс в непосредственно следующем абзаце называет «невозможным», Маркс исходил из того, что вновь присоединенный в хлопкопрядении труд равен 40 ф. ст., и ограничился тем, что разбил это количество фунтов стерлингов на необходимый и прибавочный труд в соответствии с предположением о повышении необходимой заработной платы на $\frac{1}{3}$. Расчет получился невозможным потому, что в этом случае — при капитале в 100 ф. ст. — нельзя оставлять без изменения прежнее число рабочих (20 человек) и прежнюю сумму вновь присоединяемого ими труда (40 ф. ст.). Раз необходимая заработная плата, согласно предположению, повысилась на $\frac{1}{3}$, капитал в 100 ф. ст. уже не может нанимать 20 рабочих, а вынужден сократить их число до $18\frac{3}{4}$, как это и принимает Маркс в своих дальнейших выкладках. А изменение в числе рабочих влечет за собой и все другие изменения в расчете, относящемся к случаю II. Расчет этот получается следующим образом. Если раньше 1 рабочий обходился в 1 ф. ст., то теперь он обходится в $1\frac{1}{3}$ ф. ст., а 20 рабочих обходятся теперь в $26\frac{2}{3}$ ф. ст. Стало быть, чтобы продолжать производство пряжи в прежнем масштабе, требуется капитал в $106\frac{2}{3}$ ф. ст., имеющий строение $80c + 26\frac{2}{3}v$. В пересчете на 100 ф. ст. строение капитала будет $75c + 25v$. — 310.

- 88 Маркс употребляет здесь, а также иногда в дальнейшем, термин «Produktionskosten» в смысле издержек производства плюс средняя прибыль, т. е. в смысле цены издержек (цены производства). Аналогичное употребление термина «Produktionskosten» встречается и в отдельных местах III тома «Капитала». См. К. Маркс. «Das Kapital». 3-ter Band, 2-ter Theil, Hamburg, 1894, S. 192, 213, 271—273 (Русский перевод — см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 203, 226, 295—297). — 318.

- 89 См. примечание 26. — 318.

- 90 О теории колонизации Уэйкфилда см. К. Маркс. «Капитал». Том I, глава 25. — 328.

- 91 В предыдущей главе Маркс показал, что I разряд в таблице D «играет совершенно пассивную роль» (стр. 318): «не он определяет рынок, а это делают, против него, разряды IV, III, II» (стр. 320), которые своим давлением на рынок держат рыночную стоимость продукта на уровне индивидуальной цены издержек продукта I разряда, т. е. на уровне значительно более низком, чем индивидуальная стоимость этого продукта. — 349.

- ⁹² Под *рыночной ценой издержек* (the market cost-price) Маркс понимает общую цену издержек, регулирующую рыночные цены товаров в определенной сфере производства. Ср. настоящее издание, часть II, стр. 132, где рыночная цена издержек фигурирует под названиями «общая средняя цена», «рыночная средняя цена». — 349.
- ⁹³ В последней графе сводной таблицы, напечатанной на стр. 356—357, а также в тексте на стр. 358—359 под «абсолютной рентой» Маркс подразумевает норму абсолютной ренты. — 358.
- ⁹⁴ «The Morning Star» («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров; выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — 360.
- ⁹⁵ Рикардо называет ренту «созданием стоимости» («a creation of value») в том смысле, что она дает возможность земельным собственникам получать в свое распоряжение тот *прирост стоимости* всего общественного продукта, который, по Рикардо, имеет место в результате возросшей трудности производства той или иной части хлеба и который Рикардо называет «номинальным», поскольку реальное богатство общества от этого ничуть не увеличивается. В 32-й главе своей книги Рикардо подвергает критике взгляд Мальтуса на ренту как на «чистый выигрыш и новое создание богатства» и выдвигает положение о том, что рента ничего не прибавляет к богатству общества в целом, а представляет собой только «перенос части стоимости хлеба и товаров от их прежних владельцев к земельным собственникам».
- В более полном виде это место из рикардовских «Principles» цитируется Марксом в дальнейшем — на стр. 610 второй части настоящего издания. Оно послужило отправным пунктом для учения Маркса о «ложной социальной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 212—213). Ср. также примечание 30. — 375.
- ⁹⁶ Маркс имеет в виду родбертусовское положение о том, что в издержки производства земледельческого продукта не входит стоимость сырья. См. настоящее издание, часть II, глава VIII, § 4. — 376.
- ⁹⁷ Эта строка была вписана Марксом уже после того, как он написал отрывок, касающийся взглядов Смита на ренту с домов (стр. 641 рукописи Маркса). — 402.
- ⁹⁸ Обе цитаты из Смита, содержащиеся в этом отрывке, приводятся Марксом не по французскому переводу Гарнье, по которому Маркс цитирует Смита во второй части настоящего издания, а на английском языке, по книге Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation» (издание третье, глава 14-я). — 403.
- ⁹⁹ Маркс имеет в виду стр. 230 книги Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation», third edition, London, 1821. Русский перевод — том I, стр. 170—171. — 403.
- ¹⁰⁰ Далее в рукописи идет отрывок, в котором анализируются высказывания Рикардо о его собственном понимании ренты. Этот отрывок, отделенный от предшествующего ему текста чертой, является добавлением к тем главам, в которых рассматривается теория ренты Рикардо; по своему содержанию он относится к главе тринадцатой, где и помещен в настоящем издании (см. стр. 346).

За этим отрывком в рукописи идет заключенное в круглые скобки добавление к тому анализу рикардовской теории цены издержек, который Маркс дает в главе десятой, куда это добавление и перенесено в настоящем издании (см. стр. 233—234). — 410.

401 Далее в рукописи (стр. 641) находится отрывок, касающийся взглядов Смита на ренту с домов. Этот отрывок перенесен в настоящем издании в главу четырнадцатую (см. стр. 402—403). — 424.

402 Затем в рукописи (конец стр. 642 и начало стр. 643) идет отрывок, касающийся противоположных друг другу изменений в стоимости постоянного и переменного капитала. Этот отрывок, являющийся добавлением к стр. 640—641 рукописи Маркса, помещен на стр. 421—423 второй части настоящего издания. — 425.

403 Это определение монопольной цены Рикардо дает в 17-й главе своих «Principles» (издание третье, стр. 289—290; русский перевод — том I, стр. 207). Аналогичное определение монопольной цены, даваемое А. Смитом, приведено Марксом выше, на стр. 384 второй части настоящего издания. — 427.

404 Маркс имеет в виду отделы IV и V первой главы книги Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation» (third edition), где Рикардо исследует вопрос о влиянии повышения или понижения заработной платы на «относительные стоимости» товаров, производимых капиталами неодинакового органического строения. Подробный критический разбор этих двух отделов Маркс дал на стр. 187—216 второй части настоящего издания. — 431.

405 Маркс намечает здесь, в качестве примера, одно из направлений, в каком может происходить процесс приближения органического строения земледельческого капитала к органическому строению промышленного капитала. Исходным пунктом Маркс берет

60с + 40v — для земледельческого капитала,

80с + 20v — для неземледельческого капитала.

Маркс допускает, что вследствие повышения производительности земледельческого труда число рабочих в земледелии сокращается на одну четверть. Изменяется, следовательно, органическое строение земледельческого капитала: на продукт, который раньше требовал затраты капитала в 100 единиц — 60с + 40v, — теперь требуется затрата всего лишь в 90 единиц капитала — 60с + 30v, что при пересчете на 100 дает $66\frac{2}{3}с + 33\frac{1}{3}v$. Таким образом, органическое строение капитала в земледелии приблизилось бы к органическому строению капитала в промышленности.

Маркс делает дальнейшее допущение, что одновременно с сокращением числа земледельческих рабочих происходит еще и понижение заработной платы на одну четверть, обусловленное удешевлением хлеба. В таком случае необходимо допустить, что заработная плата в такой же пропорции понизилась бы также и в промышленности. Однако на земледельческом капитале, имеющем более низкое строение, понижение заработной платы должно отразиться в большей степени, чем на капитале неземледельческом. Это привело бы к новому уменьшению разности между строением капитала в земледелии и строением его в промышленности.

Земледельческий капитал $66\frac{2}{3}c + 33\frac{1}{3}v$ при понижении заработной платы на $\frac{1}{4}$ превращается в капитал $66\frac{2}{3}c + 25v$, что при пересчете на 100 дает $72\frac{8}{11}c + 27\frac{3}{11}v$.

Неземледельческий капитал $80c + 20v$ при понижении заработной платы на $\frac{1}{4}$ превращается в капитал $80c + 15v$, что при пересчете на 100 дает $84\frac{4}{10}c + 15\frac{15}{10}v$.

При дальнейшем сокращении числа рабочих в земледелии и дальнейшем понижении заработной платы органическое строение земельного капитала все больше приближалось бы к органическому строению неземледельческого капитала.

Рассматривая этот гипотетический случай, Маркс — чтобы выявить то влияние, какое рост производительности труда в земледелии оказывает на органическое строение земельного капитала, — отвлекается здесь от одновременного, нередко еще более быстрого роста производительности труда в промышленности, который выражается в дальнейшем повышении органического строения промышленного капитала по сравнению с земледельческим. О соотношении между органическим строением капитала в промышленности и в земледелии см. выше, стр. 9—12, 94—95, 106—107, 110, 115—117, 263—264. — 432.

¹⁰⁶ В нумерации страниц рукописи у Маркса пропущена цифра 649. — 436.

¹⁰⁷ На следующей (653-й) странице своей рукописи Маркс возвращается к «элорадству» Сэя по поводу ссылки Рикардо на закон предложения и спроса при определении «стоимости труда» средствами существования, необходимыми для содержания рабочего. При этом Маркс ссылается на французский перевод книги Рикардо, сделанный Констансио и снабженный примечаниями Сэя. У Маркса здесь неточность. Сэй в своих примечаниях к тексту Рикардо «элорадствует» по поводу того, что при помощи предложения и спроса Рикардо определяет стоимость *денег*. Соответствующее место из примечаний Сэя Маркс приводит в «Нищете философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 116). Оно взято из книги: D. Ricardo. «Des principes de l'économie politique et de l'impôt». Traduit de l'anglais par Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tome II, Paris, 1835, p. 206—207. — 440.

¹⁰⁸ См. примечание 107. — 442.

¹⁰⁹ Маркс ссылается на брошюру Джемса Дикона Юма «Thoughts on the Corn-Laws» (London, 1815). Говоря о положении Адама Смита, что «цена труда определяется ценой хлеба», Юм пишет: «Когда д-р Смит говорит о хлебе, он имеет в виду пищу вообще, все сельскохозяйственные продукты» (стр. 59). — 443.

¹¹⁰ Маркс имеет в виду тот раздел своей рукописи, который начинается в III тетради на стр. 95 и озаглавлен «2) Абсолютная прибавочная стоимость». То место, на которое ссылается Маркс, находится в подразделе d) этого раздела, озаглавленном «Одновременные рабочие дни» (стр. 102—104 рукописи Маркса). См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 47, стр. 205—211. — 453.

¹¹¹ Маркс имеет в виду вновь созданную двадцатью рабочими стоимость: один рабочий час этих двадцати рабочих создает стоимость в 2 ф. ст., а рабочий день в 14 часов создает стоимость в 28 ф. ст. — 454.

- ¹¹² Стоимость совокупного продукта содержит перенесенную на продукт стоимость (*c*) и вновь созданную стоимость (*v + m*). Так как Маркс отвлекается в данном случае от основного капитала, то перенесенная стоимость сводится к стоимости сырья. В рассматриваемом примере стоимость сырья равняется $93\frac{1}{3}$ ф. ст. (в один час перерабатывается в пряжу $133\frac{1}{3}$ фунта хлопка, в 14 часов — $1866\frac{2}{3}$ фунта; 1 фунт хлопка стоит 1 шилл.). Вместе со вновь созданной стоимостью (28 ф. ст.) это составляет $121\frac{1}{3}$ ф. ст. — 454.
- ¹¹³ См. примечание 20. — 483.
- ¹¹⁴ Маркс имеет здесь в виду таких критиков Рикардо, как Ж. Б. Сэй, упрекавший Рикардо в том, что тот кладет в основу своих рассуждений «абстрактные принципы, которым приписывается слишком всеобщее значение», в результате чего получаются-де выводы, не соответствующие реальной действительности (J. B. Say. «Traité d'économie politique». Sixième édition, Paris, 1841, p. 40—41). — 484.
- ¹¹⁵ Цифра $51\frac{11}{39}$ тонны получается в результате следующего расчета: если $16\frac{2}{3}$ рабочих в разряде III таблицы E производят $62\frac{1}{2}$ тонны, то $137\frac{9}{117}$ рабочих при той же самой производительности труда произведут $\frac{137\frac{9}{117} \times 62\frac{1}{2}}{16\frac{2}{3}}$, т. е. $51\frac{11}{39}$ тонны. — 505.
- ¹¹⁶ См. примечание 11. — 511.
- ¹¹⁷ Маркс имеет в виду книгу: W. Blake. «Observations on the Effects produced by the Expenditure of Government during the Restriction of Cash Payments». London, 1823. Выписки из этой книги по затронутому в тексте вопросу с замечаниями Маркса находятся в его экономической рукописи 1857—1858 годов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 300—302). — 511.
- ¹¹⁸ Имеется в виду Всемирная выставка в Лондоне, открывшаяся 1 мая 1862 г., на которой демонстрировались образцы промышленной и сельскохозяйственной продукции, произведения искусства и новейшие достижения науки. — 511.
- ¹¹⁹ Маркс здесь вторично отмечает то место в рикардовских «Principles», где слово «производитель» («producer») употреблено в смысле «рабочий» (впервые это отождествление у Рикардо понятий «производитель» и «рабочий» отмечено Марксом выше, на стр. 465). В других местах своей книги Рикардо употребляет слово «производитель» в смысле «капиталист-предприниматель» (см., например, цитаты из книги Рикардо, приводимые в тексте на стр. 467, 474 и 610). — 514.
- ¹²⁰ Цитируемое здесь замечание Рикардо по поводу взглядов Сэя на соотношение между прибылью и процентом Маркс повторно приводит на стр. 736 своей рукописи, поставив его, как не относящееся к тому, о чем идет речь на стр. 736, в квадратные скобки и сопроводив заключительные слова Рикардо («никакие обстоятельства не могут заставить их помянуться местами») репликой: «Последнее «при известных обстоятельствах» положительно неверно».
- В III томе «Капитала» (глава 22-я) Маркс показывает возможность противоположных друг другу движений нормы прибыли и ставки

процента в различных фазах капиталистического цикла. Маркс пишет: «Если мы рассмотрим те циклы оборотов, в которых движется современная промышленность,.. то мы увидим, что низкая ставка процента в большинстве случаев соответствует периодам процветания или сверхприбыли, повышение процента — переходу от процветания к следующей фазе цикла, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 395—396). — 521.

121 Здесь Маркс возвращается к вопросу, затронутому на стр. 413—414 и 482—484 второй части настоящего издания, к вопросу о том влиянии, которое оказывают на среднюю норму прибыли и соответственно на цены издержек более высокие, чем в метрополии, прибыли, получаемые от колониальной и вообще внешней торговли. В этом вопросе, как показывает Маркс, Адам Смит придерживался более правильных взглядов, чем Рикардо. Ср. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 259—261. — 522.

122 Этот пример основан на предположении, что при возросшей производительности труда из 20 кварталов пшеницы, затрачиваемых в качестве семян, получается урожай на 50% больший, чем прежде. Если прежде урожай составлял, скажем, 100 кварталов, то теперь, при затрате прежнего количества труда, он составляет 150 кварталов, но стоят эти 150 кварталов столько же, сколько прежде стоили 100 кварталов, т. е. 300 ф. ст. Прежде семена составляли 20% урожая (как по количеству кварталов, так и по стоимости), теперь они составляют только $13\frac{1}{3}\%$. — 527.

123 Заключенные в скобки слова «Смотри Мак-Куллоха» вписаны Марксом позже (карандашом). В письме к Энгельсу от 24 августа 1867 г. Маркс, ссылаясь на свое письмо к нему от 20 августа 1862 г., в котором он впервые высказал мысль об использовании *амортизационного фонда* для целей накопления, сообщает Энгельсу, что *позднее* он нашел некоторые намеки на этот счет у Мак-Куллоха. Маркс имеет в виду книгу Мак-Куллоха «The Principles of Political Economy», Edinburgh, 1825, р. 181—182. В третьей части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс возвращается к этому вопросу на стр. 777 и 781 своей рукописи. — 534.

124 Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 80—81, 123 и 127—128. — 548.

125 J. B. Say. «Traité d'économie politique». Seconde édition. Tome II, Paris, 1814, р. 382: «Продукты покупаются лишь на продукты». Эта формула Сэя почти дословно воспроизводится у Рикардо в цитируемом дальше (на стр. 555) месте из его «Principles» (third edition, London, 1821, р. 341). Маркс подвергает ее критике в дальнейшем тексте «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть II, стр. 555—558 и часть III, глава «Разложение рикардианской школы», стр. 811 рукописи Маркса). — 548.

126 Маркс имеет в виду рассуждения Джемса Милля о постоянном и необходимом равенстве между производством и потреблением, между предложением и спросом, между суммой покупок и суммой продаж, содержащиеся в 3-м разделе 4-й главы его книги «Elements of Political Economy». London, 1821, р. 186—195. Подробнее этот взгляд

- Джемса Милля (впервые высказанный им в его брошюре «Commerce Defended», London, 1808) разбирается Марксом в первом выпуске «К критике политической экономии», в разделе о метаморфозе товаров (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 80—81). — 549.
- 127 [S. Bailey.] «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value». London, 1825, p. 71—93. — 551.
- 128 W. Roscher. «System der Volkswirtschaft». Erster Band: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 368—370. — 554.
- 129 См. примечание 126. — 560.
- 130 В первой части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс следующим образом поясняет выражение «ниже своей цены»: «ниже своей цены, — т. е. ниже той суммы денег, в которой представлена его [товара] стоимость» (см. настоящее издание, часть I, стр. 317). — 561.
- 131 Маркс имеет в виду раздел «Метаморфоз товаров» в первом выпуске «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 71—81, особенно стр. 79—81. — 564.
- 132 Маркс имеет в виду ту часть своего исследования, которая впоследствии выросла в третий том «Капитала». — 571.
- 133 Краткие замечания о формах кризиса Маркс вскоре после этого набросал на обложках XIII тетради (страница 770а рукописи) и XIV тетради (страницы 771а и 861а). Текст этих страниц помещен выше (в параграфе 11-м: «К вопросу о формах кризиса») согласно пометке Маркса: «К стр. 716». — 575.
- 134 В рукописи далее следует небольшая вставка о взглядах Рикардо на деньги и меновую стоимость. Вставка эта заключена у Маркса в скобки и снабжена указанием на то, что ее надлежит перенести в другое место, как нарушающую непосредственную связь изложения. В настоящем издании эта вставка помещена выше, на стр. 560, в виде подстрочной сноски. — 578.
- 135 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 339: «...спрос ограничен только производством» (это место в более широком контексте цитируется у Маркса выше, на стр. 549), и p. 347: «...нет границ для спроса, нет границ для применения капитала...» (это место в более широком контексте цитируется у Маркса выше, на стр. 552). — 578.
- 136 Маркс имеет в виду тетради I—V своей рукописи 1861—1863 годов, непосредственно предшествующие в этой рукописи «Теориям прибавочной стоимости», особенно разделы о производстве абсолютной прибавочной стоимости и о производстве относительной прибавочной стоимости. — 580.
- 137 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 342: «...ничто другое не может представить эти средства, кроме как увеличение производства» (это место

- в более широком контексте цитируется у Маркса выше, на стр. 562), и р. 339—340: «...маловероятно, что он постоянно будет производить такой товар, на который нет спроса» (это место в более широком контексте цитируется у Маркса выше, на стр. 549 и 558). — 581.
- 138 В рукописи далее следует заключенная в скобки коротенькая вставка, содержащая пример частичного кризиса — перепроизводство пряжи, вызванное введением прядильных машин. В настоящем издании эта вставка помещена выше, на стр. 579, в виде подстрочной сноски. — 582.
- 139 Маркс имеет в виду рассуждения Сэя (в его «Lettres à Malthus», Paris, 1820, р. 15) о том, что если, например, в Италии наблюдается переполнение рынка английскими товарами, то причиной этого является недостаточное производство тех итальянских товаров, которые могли бы быть обменены на английские товары. Эти рассуждения Сэя цитируются в анонимном трактате «An Inquiry into those Principles...» (London, 1821, р. 15) и фигурируют в сделанных Марксом выписках из «An Inquiry into those Principles...» в его записной тетради XII, стр. 12. Ср. также тезис Сэя о том, что «задержка в сбыте некоторых продуктов вызывается редкостью некоторых других», который Маркс разбирает на стр. 261 первой части настоящего издания. — 590.
- 140 Th. Tooke. «A History of Prices, and of the State of the Circulation». Volumes I—VI, London, 1838—1857. О влиянии условий погоды на цены Тук говорит в ряде мест этого шеститомного труда, в частности в начале IV тома, вышедшего в 1848 году. — 592.
- 141 Сисмонди объяснял кризисы «растущей диспропорцией между производством и потреблением» (J. C. L. Simonde de Sismondi. «Nouveaux Principes d'Economie politique». Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, р. 371). В «Анти-Дюринге» Энгельс отметил, что «объяснение кризисов недопотреблением ведет свое начало от Сисмонди, у которого оно имеет еще некоторый смысл» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 298), а в предисловии ко II тому «Капитала» Энгельс привел из «Nouveaux Principes» Сисмонди следующее место для иллюстрации точки зрения Сисмонди: «Итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, внутренний рынок все более и более сокращается, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие потрясения» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 22). К вопросу о взглядах Сисмонди на кризисы Маркс возвращается в третьей части «Теории прибавочной стоимости», отмечая как ценные элементы в концепции Сисмонди, так и присущие ей коренные недостатки (см., в особенности, в главе о Мальтусе страницу 775 рукописи Маркса). — 594.
- 142 Это место имеется уже в первом издании «Principles» Рикардо, вышедшем в 1817 году. — 612.
- 143 J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, р. 396. Это место приводится Марксом в его экономической рукописи 1857—1858 годов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 295). Ср. также настоящее издание, часть I, стр. 19 и том 25, ч. II, стр. 348. — 614.

- ¹⁴⁴ По всей вероятности, Рикардо имеет здесь в виду речь, произнесенную им в английской палате общин 16 декабря 1819 г. по поводу предложения Уильяма Де Креспиньи создать комиссию для изучения выдвинутого Робертом Оуэном плана ликвидации безработицы и улучшения положения рабочих классов.
- В своей речи Рикардо утверждал, что «машины не уменьшают спроса на труд» (*The Works and Correspondence of David Ricardo*. Edited by P. Sraffa, Vol. V, Cambridge, 1952, p. 30). — 616.
- ¹⁴⁵ О понятии «действительной заработной платы» («real wages») у Рикардо см. во второй части настоящего издания, стр. 443, 446, 461, 468—469 и 484. — 619.
- ¹⁴⁶ «*The Standard*» («Знамя») — ежедневная английская консервативная газета, основана в Лондоне в 1827 году. — 638.
- ¹⁴⁷ Речь идет о статье «Америка на выставке», напечатанной (без указания имени автора) на стр. 5—6 номера газеты «*Standard*» от 19 сентября 1862 года. О Всемирной выставке 1862 года см. примечание 118. — 638.
- ¹⁴⁸ Печатаемые в виде приложений ко второй части «Теорий прибавочной стоимости» краткие заметки Маркса написаны им на обложках тетрадей XI, XII и XIII. Они содержат дополнительный материал по некоторым из вопросов, рассматриваемых в основном тексте второй части «Теорий», — 649.

[ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ]

Т. Р. МАЛЬТУС¹[1) СМЕШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ТОВАРА И КАПИТАЛА
У МАЛЬТУСА]

[XIII—753] Здесь подлежат рассмотрению следующие сочинения Мальтуса:

1) «The Measure of Value Stated and Illustrated». London, 1823.

2) «Definitions in Political Economy» etc. London, 1827 (посмотреть также это сочинение в издании *Джона Кейзно*, Лондон, 1853 г., с «примечаниями и дополнительными замечаниями Кейзно»).

3) «Principles of Political Economy» etc. 2nd edition. London, 1836 (первое издание вышло в 1820 г. или около этого, — посмотреть).

4) Надо еще принять во внимание следующее сочинение одного мальтузианца² (т. е. приверженца тех мальтусовских воззрений, которые были направлены против рикардианцев): «Outlines of Political Economy» etc. London, 1832.

В своем сочинении «Observations on the Effects of the Corn Laws» (1814 год) Мальтус по поводу А. Смита еще говорил:

«Д-ра Смита, очевидно, привело к этому ходу мысли [т. е. к утверждению, что действительная цена хлеба всегда остается неизменной] его обыкновенное рассматривать *труд*» (а именно, стоимость труда) «как *стандартную меру стоимости*, а хлеб — как меру труда... Теперь одним из наиболее бесспорных положений политической экономии считается то, что ни труд, ни какой-нибудь другой товар не может служить точной мерой действительной меновой стоимости. И это, действительно, вытекает уже из самого определения меновой стоимости» [стр. 11—12].

Но в своем сочинении 1820 года — «Principles of Political Economy» — Мальтус, выступая против Рикардо, подхватил эту смитовскую «стандартную меру стоимости», которую сам Смит

никогда не применяет там, где он действительно двигает науку вперед³. В только что цитированной работе о *хлебных законах* Мальтус сам придерживался другого смитовского определения стоимости — определения ее тем количеством капитала (накопленного труда) и труда (непосредственного), которое необходимо для производства того или другого предмета.

Вообще нельзя не признать, что как «Principles» Мальтуса, так и два других названных выше сочинения, которые должны были в отдельных пунктах подробнее развить эти «Principles», в значительной мере обязаны своим возникновением тому, что Мальтус завидовал успеху книги Рикардо⁴ и пытался снова выдвинуться на первое место, которое Мальтус, как искусный плагиатор, мошенническим путем захватил до появления книги Рикардо. К тому же в книге Рикардо проведение определения стоимости, хотя еще и абстрактное, было направлено против интересов лендлордов и их прихлебателей, которые Мальтус защищал еще более непосредственно, чем интересы промышленной буржуазии. При этом нельзя отрицать, что у Мальтуса имелся известный интерес к мудрствованиям в области теории. Однако все его выступления против Рикардо — и самый характер этих выступлений — были возможны только потому, что Рикардо запутался во всякого рода непоследовательностях.

В своих выступлениях против Рикардо Мальтус использовал в качестве отправных пунктов, с одной стороны, вопрос о возникновении прибавочной стоимости⁵, а с другой стороны — ту трактовку, которая дана у Рикардо выравниванию цен издержек⁶ в различных сферах применения капитала, рассматриваемому в качестве модификации самого закона стоимости, и проходящее через всю книгу Рикардо смешение прибыли и прибавочной стоимости (прямое отождествление их). Мальтус не распутывает эти противоречия и *quidproquo* *, а перенимает их от Рикардо, чтобы, опираясь на эту путаницу, опрокинуть рикардовский основной закон стоимости и т. д. и преподнести своим покровителям приятные для них выводы.

Заслуга Мальтуса в указанных трех его сочинениях состоит, собственно говоря, в том, что он делает ударение на *неравном* обмене между капиталом и наемным трудом, тогда как Рикардо по сути дела не объясняет, каким образом из обмена товаров по закону стоимости — по содержащемуся в них рабочему времени — проистекает неравный обмен между капиталом и живым трудом, между определенным количеством накопленного труда и определенным количеством непосредственного

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

труда, т. е. в сущности оставляет невыясненным происхождение прибавочной стоимости (потому что у Рикардо капитал обменивается непосредственно на труд, а не на рабочую силу). [754] Один из немногих позднейших приверженцев Мальтуса, Кейзнов, в предисловии к вышеупомянутому сочинению Мальтуса «Definitions» etc. чувствует это и потому говорит:

«Обмен товаров и их распределение» (заработная плата, рента, прибыль) «должны рассматриваться отдельно друг от друга... Законы распределения не целиком зависят от тех законов, которые относятся к обмену» (*Предисловие*, стр. VI, VII).

В данном случае это означает не что иное, как то, что соотношение заработной платы и прибыли, — обмен капитала и наемного труда, накопленного труда и непосредственного труда, — не совпадает *непосредственно* с законом обмена товаров.

Если рассматривать *использование стоимости* денег или товара в качестве капитала, т. е. рассматривать не их стоимость, а капиталистическое *использование* их стоимости, то ясно, что *прибавочная стоимость* есть не что иное, как избыток того труда, которым распоряжается капитал — товар или деньги, — над количеством труда, содержащимся в самом этом товаре, не что иное, как неоплаченный труд. Кроме содержащегося в самом товаре количества труда (которое равно сумме труда, заключенного в содержащихся в товаре элементах производства, плюс присоединенный к последним непосредственный труд), товар покупает еще и избыток труда, который в товаре не содержался. Этот избыток образует прибавочную стоимость; от его величины зависит степень увеличения стоимости капитала. И это избыточное количество живого труда, на который обменивается товар, составляет источник прибыли. Прибыль (точнее — прибавочная стоимость) возникает не из овеществленного труда, который якобы обменивается на свой эквивалент — на равное количество живого труда, а из той части живого труда, которая в этом обмене присваивается без уплаты за нее эквивалента, из неоплаченного труда, присваиваемого капиталом в этом мнимом обмене. Следовательно, если отвлечься от посредствующих звеньев этого процесса, — а Мальтус тем более имеет право отвлечься от них, что у Рикардо эти посредствующие звенья отсутствуют, — если рассматривать лишь фактическое содержание и результат процесса, то увеличение стоимости, прибыль, превращение денег или товара в капитал получаются не оттого, что товары обмениваются соответственно закону стоимости, т. е. пропорционально тому рабочему времени, которого они стоят, а скорее наоборот, оттого, что товары или деньги (овеществленный труд) обмениваются на *большее*

количество живого труда, чем то, которое в них содержится, или на них затрачено.

Единственной заслугой Мальтуса в вышеупомянутых его сочинениях является заострение этого пункта, выступающего у Рикардо тем менее отчетливо, что Рикардо всегда предполагает готовый продукт, подлежащий дележу между капиталистом и рабочим, не останавливаясь на том обмене — на том опосредствующем процессе, — который приводит к этому дележу. Заслуга эта сводится затем на нет вследствие того, что *использование стоимости* денег или товара в качестве капитала, а потому и их *стоимость* в специфической функции капитала, Мальтус смешивает со *стоимостью товара* как такового. Поэтому, как мы увидим, он в дальнейшем изложении возвращается к нелепым представлениям монетарной системы — *profit upon expropriation* ⁷ — и вообще впадает в самую безотрадную путаницу. Таким образом, вместо того чтобы пойти дальше Рикардо, Мальтус в своем изложении пытается отбросить политическую экономию назад не только по сравнению с Рикардо, но даже по сравнению со Смитом и физиократами.

«В одной и той же стране и в одно и то же время меновая стоимость тех товаров, которые сводятся только к труду и прибыли, точно измеряется количеством труда, получающимся в результате того, что накопленный и непосредственный труд, действительно затраченный на их производство, складывается с изменяющейся суммой прибылей на все авансы, выраженные в труде. Но это с необходимостью будет тем же самым, что и количество того труда, которым может распоряжаться данный товар» («The Measure of Value Stated and Illustrated», London, 1823, стр. 15—16).

«Труд, которым может распоряжаться товар, есть стандартная мера стоимости» (там же, стр. 61).

«Нигде» (до собственного произведения Мальтуса «The Measure of Value» etc.) «я не встречал такой формулировки, что то *количество труда*, которым обычно распоряжается какой-нибудь товар, должно представлять и измерять *затраченное на производство этого товара количество труда* вместе с прибылью» («Definitions in Political Economy», London, 1827, стр. 196).

Г-н Мальтус хочет сразу же включить в определение *стоимости* «прибыль», дабы она непосредственно вытекала из этого определения, чего нет у Рикардо. Отсюда видно, что Мальтус чувствует, в чем заключалась трудность.

Помимо всего прочего, у него в высшей степени нелепо то, что он отождествляет *стоимость товара* и *использование его стоимости* в качестве капитала. Когда товар или деньги (короче, овеществленный труд) в качестве капитала обмениваются на живой труд, то всегда имеет место обмен на [755] большее количество труда, чем содержится в них самих; и если сравнить, с одной стороны, товар до этого обмена, а с другой стороны —

продукт, получающийся в результате обмена товара на живой труд, то оказывается, что товар был обменен на свою собственную стоимость (эквивалент) плюс избыток над его собственной стоимостью, прибавочная стоимость. Но нелепо говорить на этом основании, что стоимость товара равна его стоимости плюс избыток над этой стоимостью. Поэтому, если товар обменивается на другой товар в качестве товара, а не в качестве капитала, обмениваемого на живой труд, то он обменивается, — поскольку здесь имеет место обмен на эквивалент, — на такое же количество овеществленного труда, какое содержится в самом этом товаре.

Таким образом, заслуживает внимания только то, что по Мальтусу прибыль непосредственно в готовом виде дана уже в стоимости товара и что Мальтусу ясно одно — что товар всегда распоряжается большим количеством труда, чем в нем содержится.

«Именно потому, что труд, которым обычно распоряжается тот или иной товар, равняется труду, действительно затраченному на производство этого товара, с добавлением прибыли, именно поэтому мы вправе считать его» (труд) «мерой стоимости. Если, следовательно, считать, что *обычная стоимость товара определяется естественными и необходимыми условиями его поступления на рынок*, то представляется несомненным, что труд, которым он обычно может распоряжаться, один только и служит мерой этих условий» («Definitions in Political Economy», London, 1827, стр. 214).

«*Элементарные издержки производства*, это — в точности эквивалентное выражение для условий поступления товара на рынок» («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, London, 1853, стр. 14).

«*Мера условий поступления товара на рынок*, это — то количество труда, на которое обменивается товар, когда он находится в своем естественном и обычном состоянии» (там же).

«Количество труда, которым распоряжается товар, представляет в точности то количество труда, которое затрачено на его производство, плюс прибыль на авансированный капитал; оно поэтому действительно представляет и измеряет те естественные и необходимые условия поступления товара на рынок, те элементарные издержки производства, которые определяют стоимость» (там же, стр. 125).

«Хотя спрос на какой-нибудь товар и не находится в соответствии с количеством какого-нибудь другого товара, которое покупатель первого товара склонен и способен отдать за него, он действительно соответствует тому *количеству труда*, которое покупатель дает за товар, и это по следующей причине: *количество труда, которым обычно распоряжается товар*, представляет в точности действительный спрос на него, так как оно в точности представляет *то совокупное количество труда и прибыли, какое необходимо для поступления этого товара на рынок*, тогда как *фактическое* количество труда, каким в тот или иной момент будет распоряжаться товар, если оно отклоняется от *обычного* количества, представляет избыток или недостаток спроса, вызываемые преходящими причинами» (там же, стр. 135).

Мальтус прав и в этом. *Условия поступления на рынок*, т. е. условия производства или, точнее, воспроизводства товара

на основе капиталистического производства состоят в том, что товар или его стоимость (деньги, в которые он превращен) обменивается в процессе его производства или воспроизводства на большее количество труда, чем в нем содержится; ибо товар производится только для того, чтобы реализовать прибыль.

Например, фабрикант ситца продал свой ситец. Условие поступления на рынок нового ситца состоит в том, что в процессе воспроизводства ситца фабрикант обменивает деньги — меновую стоимость ситца — на большее количество труда, чем содержалось в ситце или представлено в деньгах. Ибо фабрикант ситца производит ситец как капиталист. Что он хочет произвести, — это не ситец, а прибыль. Производство ситца служит лишь средством для производства прибыли. Но что из этого следует? В произведенном ситце содержится больше рабочего времени, больше труда, чем в авансированном ситце. Это прибавочное рабочее время — прибавочная стоимость — представлено также в прибавочном продукте, в *большем* количестве ситца сравнительно с тем, какое было обменено на труд. Таким образом, часть продукта не является возмещением того ситца, который был обменен на труд, а образует принадлежащий фабриканту прибавочный продукт. Иными словами, если рассматривать весь продукт в целом, то каждый аршин ситца содержит определенную часть (или стоимость каждого аршина содержит определенную часть), за которую не уплачено никакого эквивалента и которая представляет *неоплаченный* труд. Следовательно, если фабрикант продает аршин ситца по его стоимости, т. е. обменивает его на деньги или товары, содержащие такое же количество рабочего времени, то он реализует определенную сумму денег или получает определенное количество товара, которые ему ничего не стоят. Ибо он продает ситец соответственно не тому рабочему времени, которое он оплатил, а соответственно тому рабочему времени, которое в этом ситце содержится и часть которого [756] фабрикантом не была оплачена. Ситец содержит рабочее время, равное, например, 12 шилл. Из них фабрикант оплатил только 8 шилл. Он продает товар за 12 шилл., если продает его по стоимости, — и, следовательно, выигрывает 4 шилл.

**[2) ВУЛЬГАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ПРИБЫЛИ ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ»
В ЕЕ МАЛЬТУСОВСКОЙ ТРАКТОВКЕ. НЕЛЕПОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
МАЛЬТУСА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ]**

Что касается покупателя, то он оплачивает, согласно предположению, при всех обстоятельствах *только* стоимость ситца, т. е. он дает такую сумму денег, в которой содержится столько же

рабочего времени, сколько и в ситце. Здесь возможны три случая. 1) Покупатель является капиталистом. Деньги (т. е. стоимость товара), которыми он платит за ситец, тоже содержат некоторую часть неоплаченного труда. Если, следовательно, один продает неоплаченный труд, то другой покупает на неоплаченный труд. Каждый из них реализует неоплаченный труд, один — как продавец, другой — как покупатель. 2) Или покупатель является самостоятельным производителем. В таком случае он получает эквивалент за эквивалент. Оплачен ли труд, который продавец продает ему в товаре, или же не оплачен — это покупателя нисколько не касается. Он получает столько овеществленного труда, сколько он дает. 3) Или, наконец, покупатель является наемным рабочим. Также и в этом случае — при предположении, что товары продаются по своей стоимости, — он, как и всякий другой покупатель, получает за свои деньги эквивалент в виде товара. Он получает в виде товара столько же овеществленного труда, сколько дает в виде денег. Но за те деньги, которые составляют его заработную плату, он дал больше труда, чем содержится в этих деньгах. Он возместил содержащийся в них труд и затратил вдобавок прибавочный труд, который он отдает бесплатно. Он, следовательно, оплатил деньги выше их стоимости, а стало быть, оплачивает выше стоимости также и эквивалент денег — ситец и т. д. Следовательно, для него как покупателя издержки являются большими, чем для продавца любого товара, хотя в товаре он за свои деньги получает эквивалент; но в этих деньгах он не получил эквивалента за свой труд: напротив, в виде труда он отдал больше, чем только эквивалент. Таким образом, рабочий — единственный покупатель, оплачивающий все товары выше их стоимости, даже в том случае, когда он покупает их по их стоимости, потому что он купил всеобщий эквивалент, деньги, таким количеством труда, которое превышает их стоимость. Для того, кто продает товар рабочему, никакого выигрыша отсюда не получается. Рабочий платит ему не больше, чем всякий другой покупатель, — он оплачивает стоимость, созданную трудом. Капиталист, обративший продаваемый рабочему произведенный последним товар, реализует, правда, при такой продаже прибыль, но это всего лишь такая же прибыль, какую он реализует при продаже своего товара всякому другому покупателю. Прибыль такого капиталиста — при продаже товара своему рабочему — происходит не из того, что он продает рабочему товар *выше* его стоимости, а из того, что он в действительности перед этим, в процессе производства, купил этот товар у рабочего *ниже* его стоимости.

И вот г-н Мальтус, у которого использование стоимости товара в качестве капитала превращается в стоимость товара, вполне последовательно превращает всех покупателей в наемных рабочих, т. е. Мальтус заставляет всех покупателей обменивать с капиталистом не товар, а непосредственный труд, и отдавать капиталисту взамен больше труда, чем *содержится* в товаре, тогда как в действительности прибыль капиталиста получается, наоборот, оттого, что последний *продает* весь содержащийся в товаре труд, в то время как он *оплатил* только часть содержащегося в товаре труда. Следовательно, если у Рикардо трудность возникает оттого, что закон обмена товаров не объясняет непосредственно обмена между капиталом и наемным трудом, а, напротив, по видимости противоречит ему, то Мальтус разрешает эту трудность тем, что покупку (обмен) товаров он превращает в обмен между капиталом и наемным трудом. Чего Мальтус не понимает, так это разницы между всей суммой труда, содержащегося в товаре, и суммой оплаченного труда, содержащегося в нем. Именно эта разница и образует источник прибыли. Но в дальнейшем Мальтус неизбежно приходит к выведению прибыли из того, что продавец продает товар не только *выше* того, что он *ему* стоит (это делает капиталист), но и выше того, что *он стоит*, т. е. Мальтус возвращается к вульгарному взгляду на прибыль как на «прибыль от отчуждения», выводящему прибавочную стоимость из того, что продавец продает товар *выше* его стоимости (т. е. за большее количество рабочего времени, чем в нем содержится). Таким образом, то, что человек выигрывает в качестве продавца одного товара, он теряет в качестве покупателя другого, и совершенно непонятно, как путем такого всеобщего номинального повышения цен может у кого бы то ни было получиться какой бы то ни было реальный «выигрыш». [757] В особенности непонятно то, как общество *en masse* * может от этого разбогатеть, как это может привести к образованию действительной прибавочной стоимости или действительного прибавочного продукта. Нелепое, бессмысленное представление.

Как мы видели **, А. Смит наивно высказывает все противоречащие друг другу элементы, и таким образом его учение становится источником, исходным пунктом для диаметрально противоположных воззрений. Опираясь на положения Смита, г-н Мальтус делает путаную, но покоящуюся на правильном чутье и сознании неразрешенной трудности попытку противо-

* — в целом. *Ред.*

** См. настоящее издание, часть I, главы третья и четвертая. *Ред.*

поставить теории Рикардо новую теорию и закрепить за собой «первое место». Переход от этой попытки к нелепому вульгарному взгляду совершается следующим образом:

Если рассматривать капиталистическое использование стоимости товара, т. е. если рассматривать товар в его обмене на живой производительный труд, то товар распоряжается, кроме содержащегося в нем самом рабочего времени, — в виде того эквивалента, который воспроизводит рабочий, — еще и прибавочным рабочим временем, образующим источник прибыли. Если мы теперь перенесем это *использование стоимости товара* на его *стоимость*, то каждый покупатель товара должен относиться к последнему как рабочий, т. е. кроме содержащегося в товаре количества труда должен при покупке давать взамен еще некоторое добавочное количество труда. Так как остальные покупатели, *кроме рабочих*, не относятся к товару как рабочие {даже там, где рабочий выступает просто как покупатель товара, косвенно сохраняется, как мы видели, прежнее коренное различие}, то приходится допустить, что хотя они непосредственно и не дают большего количества труда, чем то, которое содержится в товаре, но, что одно и то же, они отдают стоимость, содержащую большее количество труда. Посредством этого «большого количества труда, или, что одно и то же, посредством стоимости, содержащей большее количество труда», и совершается упомянутый переход. Итак, дело сводится в сущности к следующему: стоимость товара заключается в той стоимости, которую платит за него покупатель, а эта стоимость равна эквиваленту (стоимости) товара плюс избыток над этой стоимостью, прибавочная стоимость. Следовательно — вульгарный взгляд: прибыль состоит, дескать, в том, что *товар продается дороже, чем покупается*. Покупатель покупает его за большее количество труда или овеществленного труда, чем он стоит продавцу.

Но если покупатель сам является капиталистом, продавцом товара, и те деньги, на которые он покупает, представляют только проданный им товар, то дело сводится лишь к тому, что оба продают друг другу свои товары слишком дорого и таким образом взаимно надувают друг друга, и притом в одинаковой мере, если оба они реализуют лишь общую норму прибыли. Итак, откуда должны взяться такие покупатели, которые оплачивают капиталисту количество труда, равное труду, содержащемуся в его товаре, плюс прибыль капиталиста? Возьмем пример. Товар стоит продавцу 10 шилл. Продавец продает его за 12 шилл. Тем самым он распоряжается трудом не только на 10 шилл., но еще на 2 шилл. больше. Но покупатель тоже

продает свой товар, стоящий 10 шилл., за 12 шилл. Таким образом, каждый теряет в качестве покупателя то, что выгадал в качестве продавца. Единственное исключение составляет рабочий класс. Ибо, поскольку цена продукта превышает его издержки, рабочие могут выкупить только часть продукта, и таким образом другая часть продукта (или цена этой другой части) образует прибыль для капиталиста. Но так как прибыль получается именно оттого, что рабочие могут выкупить только часть продукта, то капиталист (класс капиталистов) никогда не может реализовать свою прибыль посредством спроса [одних только] рабочих, никогда не может реализовать ее путем обмена всего продукта на заработную плату, а, напротив, реализует ее только благодаря тому, что *вся* заработная плата рабочих обменивается всего лишь на *часть* продукта. Следовательно, кроме самих рабочих, необходимы еще другой спрос и другие покупатели, — иначе никакой прибыли не могло бы возникнуть. Откуда берутся эти покупатели? Если они сами являются капиталистами, сами являются продавцами, то происходит указанное выше самонадувательство класса капиталистов, поскольку последние номинально взаимно повышают друг для друга цену своих товаров и каждый в качестве продавца выгадывает то, что он теряет в качестве покупателя. Следовательно, *нужны покупатели, не являющиеся продавцами*, дабы капиталист мог реализовать свою прибыль, продавать товары «по их стоимости». Отсюда необходимость в лендлордах, получателях пенсий, обладателях синекур, цопах и т. п., включая их лакеев и прихлебателей. Каким образом эти «покупатели» получают в свое обладание [758] покупательные средства, — каким образом они сперва должны отобрать (без эквивалента) у капиталиста часть его продукта, чтобы на таким путем отобранное купить обратно меньше, чем эквивалент этого количества, — этого г-н Мальтус не объясняет. Во всяком случае, отсюда вытекает его аргументация в защиту возможно большего увеличения непроизводительных классов, чтобы продавцы товаров находили рынок, спрос для своего предложения. И таким образом получается далее, что автор памфлета о народонаселении⁸ проповедует, как условие производства, постоянное перепотребление и присвоение бездельниками возможно большей части годового продукта. К этой аргументации, с необходимостью вытекающей из его теории, присоединяется в качестве дальнейшего довода указание на то, что капитал является представителем *стремления к абстрактному богатству, к увеличению стоимости*, — стремления, которое, однако, может быть реализовано только благодаря тому, что имеется класс покупателей,

являющихся представителями *стремления к расходованию, потребности, расточительству*, — т. е. именно благодаря тому, что имеются непроизводительные классы, которые выступают как покупатели, не будучи продавцами.

[3) СПОР МЕЖДУ МАЛЬТУЗИАНЦАМИ И РИКАРДИАНЦАМИ В 20-х ГОДАХ XIX ВЕКА. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В ИХ ПОЗИЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РАБОЧЕМУ КЛАССУ]

На этой почве в 20-х годах (период от 1820 до 1830 г. вообще является большой метафизической эпохой в истории английской политической экономии) завязался великолепный спор между мальтузианцами и рикардianцами. Последние так же, как и мальтузианцы, считают необходимым, чтобы рабочий не присваивал сам своего продукта и чтобы часть этого продукта доставалась капиталисту, что должно служить ему, рабочему, *стимулом к производству* и обеспечивать таким путем рост богатства. Но рикардianцы неистовствуют по поводу взгляда мальтузианцев, что лендлорды, обладатели государственных и церковных sinecur и целая орава праздної челяди должны сперва забрать себе без всякого эквивалента часть продукта капиталиста (совсем так же, как капиталист поступает с рабочими), чтобы затем купить у капиталистов с прибылью для последних их собственные товары. Рикардianцы, однако, утверждают то же самое относительно рабочих. Для того чтобы возрастало накопление, а вместе с ним и спрос на труд, рабочий — по учению рикардianцев — должен возможно большее количество своего собственного продукта уступать безвозмездно капиталисту, дабы этот последний превращал обратно в капитал возросший таким путем чистый доход. Точно так же аргументирует и мальтузианец. У промышленных капиталистов, по мнению мальтузианца, надо безвозмездно отбирать возможно больше в виде ренты, налогов и т. д., чтобы остающееся у них они могли с прибылью для себя продать навязанным им «участникам дележа». Рабочий не должен присваивать свой собственный продукт, чтобы не утратить стимула к труду, твердят рикардianцы вместе с мальтузианцами. Промышленный капиталист [утверждают мальтузианцы] должен часть своего продукта уступать таким классам, которые только потребляют — «*fruges consumere nati*» *, дабы последние снова обменяли с промышленным капиталистом на невыгодных для себя условиях то, что он уступил им. В противном случае капиталист

* — «рождены для вкушения плодов» (Гораций, «Послания»). *Ред.*

утратил бы стимул к производству, который как раз и состоит в том, что капиталист получает высокую прибыль, продает свой товар гораздо выше его стоимости. В дальнейшем мы еще вернемся к этой комической полемике.

[4) ОДНОСТОРОННЯЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМИТОВСКОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ У МАЛЬТУСА. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМ В ПОЛЕМИКЕ ПРОТИВ РИКАРДО ОШИБОЧНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СМИТА]

Перейдем теперь прежде всего к доказательству того, что Мальтус скатывается к совершенно тривиальному представлению.

«Как бы ни было велико число промежуточных меновых актов, через которые должны проходить товары, — отправляют ли производители свои товары в Китай или продают их на месте производства, — вопрос о том, является ли достаточной уплачиваемая за товар цена, зависит исключительно от того, *могут ли производители возместить свои капиталы с обычной прибылью*, так чтобы быть в состоянии успешно продолжать свое дело. Но что представляют собой их капиталы? Как указывает А. Смит, это — орудия, с помощью которых работают, материалы, которые подвергаются обработке, и средства для распоряжения необходимым количеством труда».

(И это, полагает Мальтус, есть весь труд, затраченный на производство товара. Прибыль есть *избыток* над тем трудом, который указанным образом был затрачен на производство товара. Следовательно, на деле это лишь номинальная надбавка к издержкам производства товара.) И чтобы не оставалось никакого сомнения насчет его мнения, Мальтус с одобрением приводит в подтверждение своего собственного взгляда следующие слова полковника Торренса из его книги «On the Production of Wealth», глава VI, стр. 349:

«Действительный спрос состоит в способности и склонности *потребителей*» {противоположность между покупателями и продавцами превращается здесь в противоположность между потребителями и производителями}, [759] «путем ли непосредственного или опосредствованного обмена, давать за товар некоторое большее количество всех составных частей капитала, чем стоило его производство» («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, стр. 70—71).

А сам г-н Кейзнов, издатель, апологет и комментатор мальтусовских «Definitions», говорит:

«Прибыль не зависит от *того соотношения, в котором товары обмениваются друг на друга*»

{дело в том, что если бы рассматривался лишь обмен товаров между капиталистами, то, поскольку здесь нет обмена между капиталистом и рабочими, не имеющими, кроме труда, *никакого*

другого товара для обмена, теория Мальтуса предстала бы как абсурдный тезис о простой взаимной надбавке к цене, о номинальной накидке на цены их товаров. Поэтому приходится отвлекаться от обмена товаров и говорить об обмене денег со стороны таких людей, которые не производят *никаких* товаров},

«так как одно и то же соотношение обмена может существовать при любой высоте прибыли; но она зависит от того соотношения, в котором *цена товара находится к заработной плате*, или к сумме денег, необходимой для покрытия издержек производства; от соотношения, которое во всех случаях определяется тем, насколько *жертва, приносимая покупателем* (или *количество труда, отдаваемое им*) для того, чтобы приобрести товар, *превышает жертву, приносимую производителем, чтобы доставить товар на рынок*» (там же, стр. 46).

Чтобы достичь этих прелестных результатов, Мальтусу приходится проделать очень большие теоретические манипуляции. Прежде всего, принимая одну сторону учения А. Смита, согласно которой стоимость товара равняется количеству труда, которым товар распоряжается, или которое распоряжается им (или на которое он обменивается), надо было устранить возражения, сделанные самим А. Смитом и последующими экономистами, в том числе и Мальтусом, против того положения, что *стоимость* товара — стоимость — может быть мерой стоимости.

Сочинение Мальтуса «The Measure of Value Stated and Illustrated», London, 1823, является настоящим образцом слабоумия, которое, одурманивая само себя казуистикой, лавирует среди собственной внутренней путаницы понятий; его тяжеловесное и беспомощное изложение оставляет у наивного и некомпетентного читателя впечатление, что если читателю трудно внести ясность в эту путаницу, то причина этой трудности заключается не в противоречии между путаницей и ясностью, а в недостаточном понимании со стороны читателя.

Прежде всего другого Мальтусу необходимо снова стереть проведенное Давидом Рикардо разграничение между «стоимостью труда» и «количеством труда»⁹ и свести к одной, ошибочной стороне то переплетение [различных определений стоимости], которое имело место у Смита.

«Любое данное *количество труда* должно иметь *такую же стоимость*, как и та *заработная плата*, которая распоряжается им, или на которую оно фактически обменивается» («The Measure of Value Stated and Illustrated», London, 1823, стр. 5).

Цель этой фразы — отождествить выражения *количество труда* и *стоимость труда*.

Сама по себе эта фраза выражает простую тавтологию, нелепый трюизм. Так как *заработная плата*, или то, «на что оно» (данное количество труда) «обменивается», составляет *стоимость* этого количества труда, то тавтологией является утверждение: *стоимость* определенного количества труда равняется той *заработной плате*, или той массе денег или товаров, на которую обменивается этот труд. Другими словами, это означает не что иное, как то, что меновая стоимость определенного количества труда равняется меновой стоимости этого количества труда, которую иначе называют заработной платой. Но {не говоря уже о том, что на заработную плату обменивается непосредственно не труд, а рабочая сила, каковое смешение и делает возможной нелепую конструкцию} из указанной тавтологии отнюдь не следует, что определенное количество труда равно тому количеству труда, которое содержится в заработной плате, или в деньгах или товарах, составляющих заработную плату. Если рабочий работает 12 часов и получает в качестве заработной платы продукт 6 часов, то этот продукт 6-часового труда составляет *стоимость*, даваемую за 12 часов труда (ибо он составляет заработную плату, товар, обмениваемый на 12 часов труда). Отсюда не следует, что 6 часов труда равны 12 часам, или что товар, в котором представлено 6 часов, равен товару, в котором представлено 12 часов; не следует, что стоимость заработной платы равна стоимости того продукта, в котором представлен [обмененный на эту заработную плату] труд. Отсюда следует только то, что стоимость труда (так как она измеряется стоимостью рабочей силы, а не выполненным ею трудом), [760] стоимость определенного количества труда содержит меньше труда, чем она покупает; что поэтому *стоимость того товара*, в котором представлен купленный труд, весьма отлична от стоимости тех товаров, на которые данное количество труда было куплено, или которые распоряжаются этим трудом.

Вывод, который делает г-н Мальтус, прямо противоположен. Так как *стоимость* данного количества труда равна его стоимости, то отсюда, по мнению Мальтуса, следует, что та стоимость, в которой представлено это количество труда, равняется стоимости заработной платы. По Мальтусу, отсюда, далее, следует, что непосредственный труд (т. е. труд, остающийся после вычета средств производства), который поглощен каким-либо товаром и содержится в нем, не создает стоимости большей, чем та, которая была уплачена за этот труд; последний лишь воспроизводит стоимость заработной платы. Уже из этого само собой вытекает, что прибыль не может быть объяснена, если

стоимость товаров определяется содержащимся в них трудом; что, напротив, ее приходится выводить тогда из какого-то другого источника, — если при этом вообще исходить из предположения, что стоимость товара должна включать прибыль, которую он реализует. Ибо затраченный на производство товара труд состоит 1) из труда, который содержится в изношенной, а потому вновь появляющейся в стоимости продукта, машине и т. п., 2) из труда, содержащегося в использованном сырье. Оба эти элемента, становясь элементами производства нового товара, не увеличивают, конечно, в силу этого количество того труда, который содержался в них до производства нового товара. Следовательно, остается 3) труд, содержащийся в заработной плате, который был обменен на живой труд. Но последний, по Мальтусу, не больше того овеществленного труда, на который он обменивается. Стало быть, товар не содержит никакой доли неоплаченного труда, а содержит лишь труд, возмещающий эквивалент. Отсюда следует, что, если бы стоимость товара определялась содержащимся в нем трудом, товар не давал бы никакой прибыли. Если же он дает прибыль, то это, по Мальтусу, есть *избыток* цены товара над содержащимся в нем трудом. Выходит, что для того чтобы быть проданным по своей стоимости (которая включает прибыль), товар должен распоряжаться таким количеством труда, которое равно труду, затраченному на его производство, плюс избыток труда, который и представляет прибыль, реализуемую при продаже товара.

[5) СМИТОВСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О НЕИЗМЕННОЙ СТОИМОСТИ ТРУДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАЛЬТУСА]

Для того чтобы доказать, что труд, — не количество труда, требующееся для производства, а труд как товар, — служит мерой стоимостей, Мальтус, далее, утверждает, что

«стоимость труда постоянна» («The Measure of Value» etc., стр. 29, примечание).

{В этом нет ничего оригинального, это пересказ и дальнейшее развитие следующего положения А. Смита из 5-й главы I книги «Богатства народов» (франц. перевод Гарнье, том I, стр. 65—66):

«Во все времена и повсюду одинаковые количества труда должны иметь одинаковую стоимость для рабочего, выполняющего этот труд. При обычном состоянии своего здоровья, силы и бодрости и при обычной степени искусства и ловкости, которыми он может обладать, он всегда должен отдавать одну и ту же долю своего досуга, своей свободы, своего счастья. Цена, которую он уплачивает, всегда остается неизменной, каково бы ни

было то количество товаров, которое он получает в обмен на эту цену. Правда, за эту цену он может купить иногда большее количество этих товаров, иногда меньшее, но изменяется здесь стоимость этих товаров, а не стоимость покупающего их труда. Во все времена и повсюду *дорого* то, что трудно достать, или приобретение чего стоит большого труда, а *дешево* то, что легко достать, или что можно получить при незначительной затрате труда. Таким образом, труд, никогда не изменяясь в своей собственной стоимости, является единственной действительной и окончательной мерой, которая во все времена и повсюду может служить для оценки и сравнения стоимости всех товаров» [Русский перевод: А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. — Л., 1935, том I, стр. 32—33].}

{Далее, то открытие Мальтуса, которым он так кичится и относительно которого он утверждает, что оно сделано впервые им (а именно, положение о том, что стоимость равна количеству труда, содержащемуся в товаре, плюс количество труда, представляющее прибыль), это открытие, по-видимому, тоже является просто-напросто сведением воедино двух нижеследующих фраз Смита (Мальтус никогда не перестает быть плагиатором):

«Действительная стоимость всех различных составных частей цены измеряется количеством труда, которое каждая из них может купить, или получить в свое распоряжение. Труд измеряет стоимость не только той части цены, которая сводится к *труду*, но и той ее части, которая сводится к *rente*, и той, которая сводится к *прибыли*» (книга I, глава 6, перевод Гарнье, том I, стр. 100) [Русский перевод, том I, стр. 47].}

[761] В соответствии с этим Мальтус говорит:

«Если повышается спрос на труд, то более высокий заработок рабочего вызван не повышением стоимости труда, а понижением стоимости того продукта, на который труд обменивается. В случае же избытка труда низкий заработок рабочего вызван повышением стоимости продукта, а не понижением стоимости труда» («The Measure of Value» etc., стр. 35; ср. также стр. 33—34).

Очень удачно высмеивает Бейли мальтусовское обоснование положения о том, что *стоимость труда* постоянна (дальнейшую аргументацию Мальтуса, не Смита; а также вообще положение о неизменной стоимости труда):

«Точно таким же образом можно было бы доказать относительно любого предмета, что он имеет неизменную стоимость, — например, относительно 10 аршин сукна. Ибо, даем ли мы за 10 аршин сукна 5 ф. ст. или 10 ф. ст., даваемая сумма всегда будет равняться по стоимости тому сукну, за которое она уплачивается, или, другими словами, по отношению к сукну она будет иметь неизменную стоимость. Но то, что дается за вещь, обладающую неизменной стоимостью, само должно быть неизменным; следовательно, 10 аршин сукна должны обладать неизменной стоимостью... Если мы говорим, что заработная плата имеет неизменную стоимость, потому что она, хотя и изменяется в величине, но распоряжается одним и тем же количеством труда, то такое утверждение не более обосновано, чем утверждение, что *сумма*, даваемая за шляпу, обладает неизменной

стоимостью, потому что эта сумма, хотя она бывает то больше, то меньше, всегда покупает шляпу» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» etc., London, 1825, стр. 145—147).

В том же сочинении Бейли очень едко высмеивает нелепые, претендующие на глубокомыслие, таблицы, которыми Мальтус «иллюстрирует» свою меру стоимости.

В своих «Definitions in Political Economy» (London, 1827), где Мальтус изливает свой гнев по поводу сарказмов Бейли, он, между прочим, пытается следующим образом доказать *неизменность стоимости труда*:

«Значительная группа товаров, как например сырые продукты, с прогрессом общества повышается в цене по сравнению с трудом, тогда как продукты промышленности понижаются в цене. Поэтому не далеко от истины будет утверждение, что в среднем та масса товаров, которой в одной и той же стране распоряжается данное количество труда, не может на протяжении нескольких столетий существенно изменяться» («Definitions» etc., London, 1827, стр. 206).

Столь же великолепно, как Мальтус доказывает «неизменность стоимости труда», он доказывает и то, что повышение денежных цен заработной платы должно вызвать общее повышение денежных цен товаров:

«Когда происходит общее повышение заработной платы, выраженной в деньгах, то стоимость денег соответственно понижается; а когда стоимость денег понижается, ...всегда повышаются цены товаров» (там же, стр. 34).

Если стоимость денег в сравнении с трудом понизилась, то нужно как раз доказать, что повысилась стоимость всех товаров в сравнении с деньгами, или что понизилась стоимость денег, выраженная не в труде, а в других товарах. А доказательство Мальтуса состоит в том, что он заранее принимает это в качестве предпосылки.

[6] ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАЛЬТУСОМ, В ЕГО БОРЬБЕ ПРОТИВ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ, РИКАРДОВСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ О МОДИФИКАЦИЯХ ЗАКОНА СТОИМОСТИ]

Свою полемику против рикардовского определения стоимости Мальтус всецело черпает из впервые самим Рикардо выдвинутых положений о тех изменениях в меновых стоимостях товаров, которые, независимо от количества труда, затраченного на производство этих товаров, вызываются различиями в строении капитала, вытекающими из процесса обращения, — различные соотношения между оборотным и основным капиталом, различная степень долговечности применяемого основного капитала, различные периоды оборота оборотного капитала. Короче

говоря, свою полемику против Рикардо Мальтус черпает из рикардовского смешения цены издержек со стоимостью, поскольку у Рикардо выравнивания цен издержек, независимых от количества труда, применяемого в отдельных сферах производства, рассматриваются как модификации самой стоимости и тем самым опрокидывается весь принцип. Мальтус подхватывает эти самым Рикардо выдвинутые против определения стоимости рабочим временем и им впервые открытые противоречия не для того, чтобы их разрешить, а для того, чтобы вернуться назад к совершенно бессмысленным представлениям и чтобы *высказывание* противоречащих друг другу явлений, их передачу словами, выдать за разрешение противоречий. Применение такого же метода мы увидим при рассмотрении разложения рикардианской школы — у [Джемса] Милля и Мак-Куллоха, которые пытаются чисто словесным путем, при помощи схоластически-нелепых определений и различий, непосредственно привести в согласие с всеобщим законом противоречащие ему явления, чтобы отделаться от них в своих рассуждениях, причем, однако, в результате таких попыток у этих авторов исчезает сама всеобщая основа.

Приведем те места из работ Мальтуса, где он обращает против Рикардо тот материал, который сам Рикардо выдвинул против закона стоимости:

«Смит замечает, что хлеб созревает в один год, тогда как для выращивания скота на убой требуется 4—5 лет; поэтому, если мы имеем перед собой определенное количество хлеба и определенное количество мяса одинаковой меновой стоимости, то несомненно, что разница в сумме прибыли, получаемой за 3 или 4 добавочных года из расчета пятнадцати процентов на затраченный в производстве мяса капитал, — что эта разница, помимо всех других соображений, компенсирует в стоимости мяса то обстоятельство, что в нем содержится гораздо меньшее количество [762] труда. Таким образом, мы можем иметь два товара одинаковой меновой стоимости, тогда как накопленный и непосредственный труд в одном из них на сорок или пятьдесят процентов меньше, чем в другом. Это — обычное явление в отношении огромного количества самых важных товаров всякой данной страны; и если бы прибыль понизилась с 15 до 8%, то стоимость мяса по сравнению с хлебом понизилась бы более чем на 20%» («The Measure of Value» etc., стр. 10—11).

А так как капитал состоит из товаров и значительная часть входящих в него или образующих его товаров имеет такую цену (следовательно, меновую стоимость в обыденном смысле), которая состоит не только из накопленного и непосредственного труда, но еще и — поскольку мы рассматриваем только данный отдельный товар — из чисто номинальной накладки на стоимость, обусловленной тем, что прибавляется средняя прибыль, то Мальтус говорит:

«Труд — не единственный элемент, затраченный на производство капитала» («Definitions», edited by Cazenove, стр. 29).

«Что такое *издержки производства?*.. Это — то количество *труда*, в его натуральной форме, которое требуется для производства товара и для получения потребляемых при его производстве орудий и материалов, плюс то добавочное количество *труда*, которое соответствует обычной прибыли на авансированный капитал за все время его авансирования» (там же, стр. 74—75).

«По той же причине совершенно неправ г-н Милль, называя капитал накопленным трудом. Капитал можно было бы, пожалуй, назвать *накопленным трудом плюс прибыль*, но его безусловно нельзя определять как один лишь накопленный труд, если только мы не решимся назвать прибыль трудом» (там же, стр. 60—61).

«Совершенно ошибочно говорить, что стоимости товаров регулируются или определяются необходимым для их производства количеством труда и капитала. Совершенно правильно будет сказать, что они регулируются *количеством труда и прибыли*, необходимым для их производства» (там же, стр. 129).

По этому поводу Кейнзов говорит в примечании на стр. 130:

«Против выражения «труд и прибыль» можно возразить, что это не соотносительные понятия, так как труд есть деятельность, а прибыль — результат, первый есть причина, а вторая — следствие. Поэтому г-н Сениор заменил это выражение выражением «*труд и воздержание*» (а именно, по Сениору: «Кто превращает свой доход в капитал, тот *воздерживается от тех удовольствий*, которые доставило бы ему расходование этого капитала») ... Надо признать, однако, что не воздержание, а производительное применение капитала является причиной прибыли».

Великолепное объяснение! Стоимость товара состоит из содержащегося в нем труда плюс прибыль; из труда, который содержится в нем, и из труда, который в нем не содержится, но подлежит оплате при покупке товара.

Дальнейшая полемика Мальтуса против Рикардо:

«Утверждение Рикардо, что в той же самой мере, в какой повышается стоимость заработной платы, прибыль понижается, и наоборот, верно лишь при предположении, что товары, на производство которых затрачено одно и то же количество труда, всегда имеют одинаковую стоимость, — предположение, которое оказывается верным едва ли в одном случае из 500, как это необходимо происходит вследствие того, что с развитием цивилизации и техники количество применяемого основного капитала все время возрастает, а периоды оборота оборотного капитала становятся все более различными и неравными» («Definitions», London, 1827, стр. 31—32). (То же самое место — на стр. 53—54 издания Кейнзова, где Мальтус дословно говорит следующее: «Естественное положение вещей» искажает рикардовскую меру стоимости, так как это положение вещей «с развитием цивилизации и техники имеет тенденцию непрерывно увеличивать количество применяемого основного капитала и делать периоды оборота оборотного капитала все более различными и неравными».)

«Сам г-н Рикардо признаёт значительные исключения из своего правила; но если рассмотреть случаи, относящиеся к его исключениям, т. е. те случаи, где количества применяемого основного капитала неодинаковы

и обладают различной долговечностью и где периоды оборота применяемого оборотного капитала различны, то мы найдем, что случаи эти столь многочисленны, что правило можно считать исключением, а исключения — правилом» («Definitions», edited by Cazenove, стр. 50).

**[7) ВУЛЬГАРНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ У МАЛЬТУСА.
ВЗГЛЯД НА ПРИБЫЛЬ КАК НА НАДБАВКУ К СТОИМОСТИ ТОВАРОВ.
ПОЛЕМИКА МАЛЬТУСА ПРОТИВ РИКАРДОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ]**

В соответствии со сказанным раньше, Мальтус дает еще и такое определение стоимости¹⁰:

«Стоимость — это даваемая товару оценка, основанная на его *издержках для покупателя*, или на той *жертве*, которую должен принести покупатель, чтобы приобрести товар, и которая измеряется *количеством труда, даваемым им в обмен на этот товар, и л и, что сводится к тому же самому, тем трудом*, которым товар распоряжается» (там же, стр. 8—9).

В качестве различия между Мальтусом и Рикардо Кейнзов отмечает также следующее:

[763] «Г-н Рикардо вместе с А. Смитом принимал труд за правильную меру издержек, но он применял эту меру лишь к издержкам для *производителя*... Она одинаково применима и как мера *издержек для покупателя*» (там же, стр. 56—57).

Другими словами: стоимость товара равна сумме денег, которую должен заплатить покупатель, а эта сумма денег лучше всего оценивается той массой простого труда, которая может быть куплена на эти деньги *. Но чем определяется эта сумма денег, об этом здесь, конечно, не сказано ни слова. Перед нами совершенно вульгарное представление, какое люди имеют об этом предмете в обыденной жизни, — простая тривиальность, высокопарно выраженная. Другими словами, это означает не что иное, как отождествление *цены издержек* и *стоимости*, — смешение, которое у А. Смита и еще более у Рикардо противоречит их действительному анализу, но которое Мальтус возводит в закон. Тем самым здесь перед нами то представление о стоимости, которое свойственно погрязшему в конкуренции и знающему только создаваемую ею видимость филистеру мира конкуренции. Чем же определяется цена издержек? Величиной авансированного капитала плюс прибыль. А чем определяется прибыль? Откуда берется фонд для нее, откуда берется прибавочный продукт, в котором представлена эта прибавочная стоимость? Если речь идет лишь о номинальном повышении

* Мальтус заранее предполагает существование прибыли, чтобы затем измерять ее стоимостную массу внешней мерой. Он не затрагивает вопроса о возникновении и внутренней возможности прибыли.

денежной цены, то повысить стоимость товаров — самое легкое дело. А чем определяется стоимость авансированного капитала? *Стоимостью* содержащегося в нем труда, говорит Мальтус. А чем определяется последняя? *Стоимостью* тех товаров, на которые расходуется заработная плата. А стоимость этих товаров? *Стоимостью* труда плюс прибыль. Мы так и не перестаем вращаться в порочном кругу. Предположим, что рабочему действительно уплачивается стоимость его труда, т. е. что товары (или сумма денег), составляющие его заработную плату, равны стоимости товаров (сумме денег), в которых овеществляется его труд, так что, получая 100 талеров заработной платы, он присоединяет к сырью и т. д., — короче, к авансированному [постоянному] капиталу, — также всего лишь стоимость в 100 талеров. В таком случае прибыль может вообще состоять лишь из делаемой при продаже продавцом надбавки к *действительной* стоимости товара. Это делают все продавцы. Поскольку, следовательно, капиталисты обмениваются товарами друг с другом, никто из них ничего не реализует путем такой надбавки, и меньше всего таким путем образуется добавочный фонд, из которого они могли бы черпать свои доходы. Только те капиталисты, товары которых входят в потребление рабочего класса, будут получать действительную, а не воображаемую прибыль, ибо они продают обратно рабочим товар дороже, чем купили его у них. Товар, купленный ими у рабочих за 100 талеров, они продадут обратно рабочим за 110 талеров, т. е. они продадут им обратно только $\frac{10}{11}$ продукта, а $\frac{1}{11}$ оставят себе. Но это означает лишь то, что из тех, например, 11 часов, в течение которых работал рабочий, ему оплачивается только 10 часов, ему дается лишь продукт 10 часов, тогда как один час, или продукт одного часа, достается без эквивалента капиталисту. А ведь это, в свою очередь, означает, что — во взаимоотношениях с рабочим классом — прибыль получается оттого, что рабочий класс часть своего труда отдает капиталистам *даром*, что, следовательно, «количество труда» не сводится к тому же самому, что и «стоимость труда». Но все другие капиталисты получали бы прибыль только в воображении, так как у них не было бы указанного выхода.

Как мало понял Мальтус исходные положения Рикардо, как он абсолютно не понимает того, что получение прибыли возможно иным путем, чем путем надбавки к стоимости, разительно показывает, между прочим, следующее место:

«Можно признать, что первоначально товары, если их сразу же изготовляли и сразу же пускали в употребление, были результатом одного лишь труда и что поэтому их стоимость определялась количеством этого

труда; но совершенно невозможно думать, что такие товары *применялись в качестве капитала* при производстве других товаров без того, чтобы капиталист на определенное время не лишился возможности пользоваться авансированным им капиталом и чтобы он не требовал за это вознаграждения в виде прибыли. На ранних стадиях развития общества, когда капиталов, авансируемых на производство товаров, было сравнительно мало, это вознаграждение было высоким и вследствие высокой нормы прибыли оказывало значительное влияние на стоимость таких товаров. На позднейших стадиях развития общества прибыль оказывает сильное влияние на стоимость капитала и товаров вследствие значительно возросшего количества применяемого основного капитала и вследствие удлинения того срока, на который авансируется значительная часть оборотного капитала, пока он возмещается капиталисту из выручки. В обоих случаях на то соотношение, в каком товары обмениваются друг на друга, существенное влияние оказывает различное количество прибыли» («Definitions», edited by Cazenove, стр. 60).

Установление понятия *относительной* заработной платы — одна из крупнейших заслуг Рикардо. Суть дела заключается в том, что *стоимость заработной платы* (а потому также и *прибыли*) всецело зависит от отношения той части рабочего дня, в течение которой *рабочий работает на самого себя* (для производства или воспроизводства своей заработной платы), к той части его рабочего времени, которая принадлежит капиталисту. Экономически это очень важно; в сущности, это — лишь другое выражение для правильной теории прибавочной стоимости ¹¹. Далее, это важно для понимания социального отношения обоих [764] классов. Мальтус чует здесь что-то неладное, что и заставляет его выступить со своими возражениями:

«До г-на Рикардо я не встречал ни одного автора, который употреблял бы когда-либо термин *заработная плата*, или действительная заработная плата, в таком смысле, который подразумевает некоторую *пропорцию*».

(Рикардо говорит о *стоимостном* выражении заработной платы, которое, действительно, выявляет себя и как приходящаяся на долю рабочего часть продукта ¹².)

«*Прибыль*, действительно, подразумевает некоторую пропорцию; и норма прибыли всегда справедливо выражалась в процентах по отношению к стоимости авансированного капитала».

{Что Мальтус понимает под *стоимостью авансированного капитала*, сказать очень трудно, а для него самого даже и невозможно. По Мальтусу, стоимость товара равна содержащемуся в товаре авансированному капиталу плюс прибыль. Но так как авансированный капитал состоит, кроме непосредственного труда, еще и из товаров, то стоимость авансированного капитала равна содержащемуся в нем авансированному капиталу плюс прибыль. Таким образом, прибыль равняется

прибыли на авансированный капитал плюс прибыль на прибыль. И так in infinitum *.)

«Но что касается заработной платы, то ее повышение или понижение всегда рассматривали не в зависимости от той *пропорции*, в какой она может находиться ко всему продукту, получаемому благодаря определенному количеству труда, а в зависимости от большего или меньшего количества определенного продукта, получаемого рабочим, или в зависимости от того, дает ли этот продукт больше или меньше власти распоряжаться предметами необходимости и удобства» («Definitions», London, 1827, стр. 29—30).

Так как при капиталистическом производстве непосредственной целью является *меновая стоимость* — увеличение меновой стоимости, — то важно знать, как ее измерять. Так как стоимость авансированного капитала выражается в деньгах (действительных или же счетных), то степень этого увеличения измеряется по отношению к денежной величине самого капитала, и за масштаб берется капитал (сумма денег) определенной величины — 100.

«Прибыль на капитал», — говорит Мальтус, — «состоит в разнице между стоимостью авансированного капитала и той стоимостью, которую имеет товар, когда его продают или потребляют» («Definitions», London, 1827, стр. 240—241).

[8] НЕСООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ ВЗГЛЯДАМИ МАЛЬТУСА НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД И НАКОПЛЕНИЕ И ЕГО ТЕОРИЕЙ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ]

[a)] ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

«Доход расходуется в целях непосредственного поддержания жизни и получения наслаждений, а капитал расходуется в целях получения прибыли» («Definitions», London, 1827, стр. 86).

«Рабочий и домашний слуга представляют собой два орудия, которыми пользуются для совершенно различных целей: первый должен помогать приобретать богатство, второй должен помогать потреблять его» (там же, стр. 94)¹³.

Удачно следующее определение производительного рабочего:

«Производительный рабочий — это такой рабочий, который *непосредственно увеличивает богатство своего хозяина*» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 47 [примечание]).

С этим надо сопоставить еще следующее место:

«Единственное производительное потребление в собственном смысле слова, это — потребление и уничтожение богатства капиталистами с целью

* — до бесконечности. Ред.

воспроизводства... Рабочий, работающий у капиталиста, ту часть своей заработной платы, которую он не сберегает, потребляет, конечно, как доход для поддержания своей жизни и для получения наслаждений, а не как капитал в целях производства. Он является производительным потребителем для лица, применяющего его труд, и для государства, но, строго говоря, не для самого себя» («Definitions», edited by Cazenove, стр. 30).

[6] НАКОПЛЕНИЕ

«Ни один политико-эконом нашего времени не может под *сбережением* подразумевать простое накапливание ценностей; а если не говорить об этой ограниченной и бесплодной операции, то термин «сбережение» в отношении к национальному богатству может употребляться только в том смысле, который проистекает из различного применения того, что сберегается, на основе реального различия, существующего между разными видами труда, нанимаемого на сберегаемые средства» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 38—39).

«Накопление капитала есть применение части дохода в качестве капитала. Капитал может поэтому возрастать без возрастания наличного имущества, или богатства» («Definitions», edited by Cazenove, стр. 11).

«Если среди рабочего класса страны, зависящей главным образом от промышленности и торговли, значительное распространение приобретают благоразумные привычки в отношении брака, то это *может повредить такой стране*» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 215).

И это говорит проповедник предупредительных мер против перенаселения!

«Нужда в предметах необходимости — вот что главным образом побуждает рабочий класс производить предметы роскоши; если бы этот стимул был устранен или значительно ослаблен, так что предметы необходимости можно было бы получать при очень небольшой затрате труда, то мы имели бы все основания полагать, что производству предметов комфорта уделялось бы не больше времени, а меньше» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 334).

Но важнее всего в устах теоретика перенаселения следующее высказывание:

«Так как из природы народонаселения вытекает, что прирост рабочего населения не может быть доставлен на рынок, для удовлетворения возросшего спроса, раньше, чем через 16—18 лет, тогда как превращение дохода в капитал путем сбережений может совершаться гораздо быстрее, то страна постоянно подвержена риску, что фонды для содержания труда будут возрастать быстрее, чем население» (там же, стр. 319—320).

[765] Кейзнов правильно замечает:

«Когда капитал употребляется на *авансирование рабочим их заработной платы*, это ничего не прибавляет к фондам для содержания труда, а просто сводится к применению определенной части этих уже существующих фондов для целей производства» («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, стр. 22, примечание).

[9] ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ [В МАЛЬТУСОВСКОМ ИХ ПОНИМАНИИ]

«Накопленный труд» (следовало бы, собственно, сказать: материализованный труд, овеществленный труд) «есть труд, затраченный на производство сырья и орудий, применяемых при производстве других товаров» («Definitions in Political Economy», edited by Cazenove, стр. 13).

«Говоря о труде, затраченном на производство товаров, труд, затраченный на производство необходимого для их производства капитала, следовало бы называть *накопленным трудом* — в отличие от *непосредственного труда, применяемого последним капиталистом*» [т. е. на последней стадии производства товара] (там же, стр. 28—29).

Конечно, очень существенно проводить это различие. Но у Мальтуса оно остается совершенно бесплодным.

Мальтус делает попытку прибавочную стоимость или, по крайней мере, ее норму (что он, впрочем, всегда смешивает с прибылью и нормой прибыли) трактовать как отношение к переменному капиталу, к той части капитала, которая затрачивается на *непосредственный труд*. Но у Мальтуса попытка эта — совершенно ребяческая, да иной она и не могла быть при его взгляде на стоимость. В своих «Principles of Political Economy» [2nd edition] он говорит:

«Предположим, что капитал затрачен только на заработную плату. 100 ф. ст. затрачено на непосредственный труд. Если выручка к концу года составляет 110, 120 или 130 ф. ст., то очевидно, что в каждом из этих случаев прибыль будет *определяться величиной той части стоимости совокупного продукта, которая требуется для оплаты применяемого труда*. Если стоимость продукта на рынке равна 110, то часть, требующаяся для оплаты рабочих, будет равна $\frac{10}{11}$ стоимости продукта, а прибыль составит 10%. Если стоимость продукта 120, то приходящаяся на оплату труда доля будет равна $\frac{10}{12}$, а прибыль составит 20%; если стоимость продукта 130, то часть, требующаяся для оплаты авансированного труда, равна $\frac{10}{13}$, а прибыль составляет 30%. Теперь предположим, что капитал, авансированный капиталистом, состоит не только из труда. *Капиталист ожидает одинаковой выгоды от всех авансируемых им частей капитала*. Предположим, что $\frac{1}{4}$ авансируемой суммы затрачивается на оплату труда (непосредственного); $\frac{3}{4}$ состоит из накопленного труда и прибыли, а также тех добавлений к ней, которые вызваны существованием рент, налогов и прочих выплат. В таком случае совершенно правильным будет утверждение, что *прибыль капиталиста изменяется вместе с изменением стоимости этой $\frac{1}{4}$ его продукта в сравнении с количеством применяемого труда*. Например, фермер затрачивает в земледелии 2 000 ф. ст., в том числе 1 500 на семена, содержание лошадей, износ своего основного капитала, проценты на свой основной и оборотный капитал, ренту, десятину, налоги и т. д. — и 500 на непосредственный труд, а его выручка в конце года составляет 2 400 ф. ст. Прибыль такого фермера составит 400 на 2 000 ф. ст., т. е. 20%. И столь же ясно, что *если мы возьмем $\frac{1}{4}$ стоимости продукта, т. е. 600 ф. ст., и сравним ее с суммой, выплаченной в виде заработной платы за непосредственный труд, то в результате получится точно такая же норма прибыли*» (стр. 267—268).

Мальтус впадает здесь в лорд-дендриеризм ¹⁴. Он хочет (смутное чутье ему подсказывает, что прибавочная стоимость, а потому и прибыль, находится в определенном отношении к переменному, затрачиваемому на заработную плату капиталу) доказать, что «прибыль определяется величиной той части стоимости совокупного продукта, которая требуется для оплаты применяемого труда». Вначале он рассуждает постольку правильно, поскольку предполагает, что весь капитал состоит из переменного капитала, из капитала, затрачиваемого на заработную плату. В этом случае прибыль и прибавочная стоимость, действительно, тождественны. Но и в этом случае Мальтус ограничивается совершенно нелепым замечанием. Если затраченный капитал равняется 100, а прибыль — 10%, то стоимость продукта равна 110, прибыль составляет $\frac{1}{10}$ затраченного капитала (следовательно, 10% по отношению к нему) и $\frac{1}{11}$ стоимости совокупного продукта, куда Мальтус включил уже стоимость самой прибыли. Итак, прибыль составляет $\frac{1}{11}$ стоимости совокупного продукта, а авансированный капитал составляет $\frac{10}{11}$ этой стоимости. То обстоятельство, что 10% прибыли могут быть по отношению к стоимости совокупного продукта выражены таким образом, что не состоящая из прибыли часть стоимости совокупного продукта равна $\frac{10}{11}$ совокупного продукта, или что продукт, имеющий стоимость в 110 ф. ст. и включающий 10% прибыли, содержит затраты в размере $\frac{10}{11}$ своей стоимости, на которые и получена эта прибыль, — это блестящее математическое рассуждение так забавляет Мальтуса, что он повторяет такое же вычисление на примерах с прибылью в 20, 30 и т. д. процентов. До сих пор мы по-прежнему имеем всего лишь тавтологию. Прибыль, это — процентное отношение к затраченному капиталу; стоимость совокупного продукта содержит стоимость прибыли, а затраченный [766] капитал есть стоимость совокупного продукта минус стоимость прибыли. Следовательно, $110 - 10 = 100$. Но 100 составляет $\frac{10}{11}$ от 110. Однако пойдем дальше.

Возьмем капитал, состоящий не только из переменного, но также из постоянного капитала. «Капиталист ожидает одинаковой выгоды от всех авансируемых им частей капитала». Правда, это противоречит только что выставленному утверждению, что прибыль (следовало сказать: прибавочная стоимость) определяется отношением к затраченному на заработную плату капиталу. Но какое это имеет значение? Мальтус не такой человек, который стал бы противоречить «ожиданиям» или представлениям «капиталиста». Но здесь он побивает рекорд. Возьмем капитал в 2 000 ф. ст., причем $\frac{3}{4}$ его, или 1 500 ф. ст.,

составляют постоянный капитал, а $\frac{1}{4}$, или 500 ф. ст., — переменный капитал. Прибыль = 20%. Тогда прибыль составит 400, а стоимость продукта $2\,000 + 400 = 2\,400$ ф. ст.¹⁵. Возьмем [продолжает Мальтус] $\frac{1}{4}$ совокупного продукта. Стоимость этой четверти равна 600 ф. ст. Одна четверть затраченного капитала равна 500 ф. ст., т. е. той части всего авансированного капитала, которая затрачена на заработную плату, а 100 ф. ст. составляют одну четверть прибыли и равны той части совокупной прибыли, которая приходится на всю сумму выплаченной капиталистом заработной платы. И это, по мнению Мальтуса, должно доказывать, «что прибыль капиталиста изменяется вместе с изменением стоимости этой $\frac{1}{4}$ его продукта в сравнении с количеством применяемого труда». В действительности это доказывает лишь то, что прибыль определенной процентной нормы, например в 20%, на данный капитал, например в 4 000 ф. ст., образует прибыль в 20% на каждую отдельную часть этого капитала, что представляет собой тавтологию. Но это абсолютно не является доказательством наличия какого-нибудь определенного, *особого*, специфического отношения этой прибыли к той части капитала, которая затрачивается на заработную плату. Если я возьму вместо $\frac{1}{4}$, как это сделал г-н Мальтус, $\frac{1}{24}$ совокупного продукта, т. е. 100 ф. ст. (из 2 400 ф. ст.), то эти 100 ф. ст. также содержат 20% прибыли, иными словами: $\frac{1}{6}$ этой суммы составляет прибыль. Капитал в таком случае составлял бы $83\frac{1}{3}$ ф. ст., а прибыль — $16\frac{2}{3}$ ф. ст. И если бы эти $83\frac{1}{3}$ ф. ст. были равны, например, стоимости одной лошади, применяемой в производстве, то по Мальтусу было бы доказано, что прибыль изменяется вместе с изменением стоимости лошади, или вместе с такой частью совокупного продукта, которая в $28\frac{4}{5}$ раза меньше целого.

Такое убожество Мальтус проявляет там, где он становится на собственные ноги и не имеет возможности совершать плагиат у Таунсенда, Андерсона или у кого-нибудь еще. Заслуживает внимания, по существу (оставляя в стороне то, что характерно для этого субъекта), его смутная догадка о том, что прибавочную стоимость следует исчислять на ту часть капитала, которая затрачивается на заработную плату.

{При данной норме прибыли *совокупная прибыль*, масса прибыли, всегда зависит от величины авансированного капитала. А накопление определяется тогда той частью этой массы, которая обратно превращается в капитал. Но эта часть, так как она равна совокупной прибыли минус потребленный капиталистом доход, будет зависеть не только от стоимости этой массы, но и от дешевизны тех товаров, которые капиталист может

на нее купить, — отчасти от дешевизны товаров, входящих в его потребление, в его доход, отчасти от дешевизны товаров, входящих в постоянный капитал. Так как норма прибыли предполагается здесь данной, то точно так же предполагается данной и заработная плата.}

[10] МАЛЬТУСОВСКАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ [ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ]

По Мальтусу, стоимость труда никогда не изменяется (это перешло от Адама Смита), изменяется лишь стоимость того товара, который я получаю за труд *. Пусть в одном случае заработная плата составляет 2 шилл. за рабочий день, в другом — 1 шилл. В первом случае за то же самое рабочее время капиталист дает вдвое больше шиллингов, чем во втором. Но во втором случае за тот же самый продукт рабочий отдает вдвое больше труда, чем в первом случае, потому что во втором случае он отдает целый рабочий день за 1 шилл., а в первом — только половину рабочего дня. Г-н Мальтус видит только то, что капиталист дает за один и тот же труд то больше, то меньше шиллингов. Он не видит, что и рабочий в полном соответствии с этим отдает за определенный продукт то больше, то меньше труда.

«Давать больше продукта за определенное количество труда или получать больше труда за определенное количество продукта, — с его» (Мальтуса) «точки зрения одно и то же. А между тем всякий подумал бы, что это как раз противоположные вещи» («Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821, стр. 52).

Очень правильно в этом же сочинении («Observations on certain Verbal Disputes» etc. London, 1821) отмечено, что труд как мера стоимости — в том смысле, в каком его здесь берет Мальтус, придерживаясь одной из концепций А. Смита, — мог бы точно таким же образом служить мерой стоимости, как и всякий другой товар, и что он, труд, не был бы в этом смысле такой хорошей мерой, какой в действительности являются деньги. Здесь вообще речь могла бы идти только о мере стоимостей в том смысле, в каком мерой стоимости являются деньги.

[767] Вообще надо иметь в виду, что *мера стоимостей* (в смысле денег) никогда не бывает тем, что делает товары соизмеримыми друг с другом, — см. первую часть моего сочинения, стр. 45¹⁶.

«Наоборот, только соизмеримость товаров как овеществленного рабочего времени делает золото деньгами».

* См. настоящее издание, часть III, стр. 19—21. *Ред.*

Как стоимости, товары представляют собой нечто *единое*, они — всего лишь выражения одной и той же единой субстанции — общественного труда. *Мера стоимости* (деньги) уже предполагает их как стоимости и относится лишь к выражению и величине этой стоимости. *Мера стоимости* товаров всегда относится к превращению стоимостей в цены, она уже предполагает стоимость.

То место в «Observations», которое имелось в виду выше, гласит:

«Г-н Мальтус говорит: «В *одном и том же* месте и в *одно и то же* время те различные количества поденного труда, которыми могут распоряжаться различные товары, будут в точности соответствовать относительным меновым стоимостям этих товаров, и наоборот»¹⁷. Если это верно в отношении труда, то это точно так же верно и в отношении любой другой вещи» («Observations on certain Verbal Disputes», стр. 49). «Деньги в одно и то же время и в одном и том же месте очень хорошо функционируют в качестве меры стоимостей... Но это» (т. е. положение Мальтуса), «по-видимому, *не* верно в отношении труда. Труд не есть мера даже в одно и то же время и в одном и том же месте. Возьмем такое количество хлеба, которое в одно и то же время и в одном и том же месте равняется по стоимости определенному бриллианту; будут ли хлеб и бриллиант, если они уплачиваются за труд в их натуральной форме, распоряжаться одинаковым количеством труда? Могут сказать: не будут, но бриллиант покупает *деньги*, при помощи которых можно получить в свое распоряжение такое же количество труда... Такого рода метод определения стоимости бесполезен, ибо его можно применять только при условии, что его *поправляют* при помощи другого метода, который он якобы заменил. Мы можем лишь заключить, что хлеб и бриллиант распоряжаются одинаковым количеством труда *потому*, что они обладают одинаковой стоимостью в деньгах. А нам предлагали сделать тот вывод, что две вещи обладают одинаковой стоимостью потому, что они распоряжаются одинаковыми количествами труда» (там же, стр. 49—50).

**[11] ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО, «НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ
ПОТРЕБИТЕЛИ» И Т. Д. [ЗАЩИТА МАЛЬТУСОМ
РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ «НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ»
КАК СРЕДСТВА ПРОТИВ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА]**

Из теории стоимости Мальтуса вытекает все его учение о необходимости постоянно растущего непроизводительного потребления, которое с такой назойливостью излагал сей проповедник теории перенаселения (перенаселения, проистекающего из недостатка жизненных средств). Стоимость товара равна стоимости авансированных материалов, машин и т. д. плюс количество содержащегося в нем непосредственного труда, что у Мальтуса объявляется равным *стоимости* содержащейся в товаре заработной платы плюс надбавка прибыли ко всем этим авансам соответственно уровню общей нормы прибыли.

Эта включаемая в цену товара номинальная надбавка и образует, по Мальтусу, прибыль и является условием предложения, т. е. воспроизводства товара. Все эти элементы образуют *цену для покупателя* в отличие от *цены для производителя*, а цена для покупателя и есть действительная стоимость товара. Теперь спрашивается, каким образом реализуется эта цена? Кто должен ее платить? И из какого фонда она должна быть уплачена?

При рассмотрении взглядов Мальтуса мы должны проводить следующее разграничение (чего сам он не сделал). Одна часть капиталистов производит такие товары, которые *непосредственно* входят в потребление рабочего; другая часть производит такие товары, которые входят в это потребление либо *только косвенно* (поскольку они, как сырье, машины и т. д., входят в капитал, необходимый для производства предметов необходимости), либо же *совсем не входят в потребление* рабочего, так как они входят лишь в доход нерабочих.

Итак, рассмотрим сперва тех капиталистов, которые производят предметы, входящие в потребление рабочих. Эти капиталисты не только покупают труд рабочих, но и продают рабочим произведенный последними продукт. Если присоединяемое рабочим количество труда стоит 100 талеров, то капиталист уплачивает рабочему 100 талеров. И это [по Мальтусу] есть единственная стоимость, которую купленный капиталистом труд присоединяет к сырью и т. д. Таким образом, рабочий получает стоимость своего труда и отдает капиталисту взамен лишь эквивалент этой стоимости. Но хотя номинально рабочий получает эту стоимость, в действительности он получает меньшую массу товаров, чем он произвел. В действительности он получает обратно только часть своего труда, овеществленного в продукте. А именно, предположим ради упрощения, как это часто делает сам Мальтус, что капитал состоит лишь из затраченного на заработную плату капитала. Если 100 талеров авансированы рабочему, чтобы произвести товар, и эти 100 талеров представляют собой *стоимость* купленного труда и единственную стоимость, которую этот труд присоединяет к продукту, то капиталист, тем не менее, продает этот товар за 110 талеров, и рабочий на 100 талеров может выкупить только $\frac{10}{11}$ продукта; $\frac{1}{11}$ продукта — стоимость в 10 талеров или масса прибавочного продукта, в котором представлена эта прибавочная стоимость в 10 талеров, — достается капиталисту. Если капиталист продает товар за 120 талеров, то рабочий получает только $\frac{10}{12}$, а капиталист $\frac{2}{12}$ продукта и его стоимости. Если капиталист продает товар за 130 талеров (30%), то рабочий получает лишь $\frac{10}{13}$, а капиталист $\frac{3}{13}$ продукта. Если капиталист продает с над-

бавкой в 50%, т. е. за 150 талеров, то рабочий получает $\frac{2}{3}$, а [768] капиталист $\frac{1}{3}$ продукта. Чем выше цена, по которой капиталист продает свой товар, тем меньше доля рабочего, тем больше собственная доля капиталиста в стоимости продукта, а следовательно также и в количестве продукта, тем меньшую часть стоимости продукта или самого продукта может рабочий выкупить за стоимость своего труда. Дело нисколько не меняется в том случае, если кроме переменного капитала авансируется еще и постоянный капитал, например, кроме 100 талеров на заработную плату авансируется еще 100 талеров на сырье и т. д. В этом случае, при норме прибыли в 10%, капиталист продает товар не за 210 талеров, а за 220 (из которых постоянный капитал составляет 100 талеров, а продукт [непосредственного] труда — 120 талеров).

{«Nouveaux Principes» etc. Сисмонди впервые появились в 1819 году *.)}

В рассматриваемом случае, у категории капиталистов А, которая производит предметы, непосредственно входящие в потребление рабочих, т. е. предметы необходимости, мы имеем, следовательно, такое положение вещей, когда путем включаемой в цену товара номинальной надбавки, — нормальной надбавки прибыли к цене авансированного капитала, — действительно создается прибавочный фонд для капиталиста, так как этим окольным путем капиталист возвращает рабочему только часть продукта последнего, а другую часть присваивает себе. Но такой результат получается не благодаря тому, что капиталист продает рабочему весь продукт по повышенной стоимости, а благодаря тому, что именно повышение стоимости продукта лишает рабочего возможности выкупить на свою заработную плату весь продукт, позволяя ему выкупить лишь часть этого продукта. Отсюда понятно, что спрос рабочего никогда не может быть достаточным для того, чтобы реализовать избыток покупной цены над издержками производства [cost price]¹⁸, — т. е. прибыль и «стоимость» товара. Напротив, фонд прибыли имеется лишь потому, что рабочий не в состоянии на свою заработную плату выкупить весь свой продукт, т. е. потому, что его спрос не соответствует предложению. Таким образом, капиталист категории А располагает определенным количеством товара определенной стоимости (в данном случае — в 20 талеров), которое ему не нужно для возмещения капитала и которое он может частью истратить как доход, частью употребить для накопления. Нотабене: в каком объеме капиталист располагает таким

* См. настоящее издание, часть III, стр. 48—49. Ред.

фондом, зависит от стоимостной надбавки к издержкам производства, которую он сделал и которая определяет пропорцию, в какой совокупный продукт делится между капиталистом и рабочим.

Перейдем теперь к категории капиталистов *B*, которая составляет категории *A* сырье, машины и т. д. — короче, постоянный капитал. Категория *B* может продавать свои продукты только категории *A*, ибо она не может продавать свои собственные товары ни рабочим, которым нечего делать с капиталом (сырьем, машинами и т. д.), ни капиталистам, производящим предметы роскоши (т. е. все то, что не является предметами необходимости, не входит в обычное потребление рабочего класса), ни таким капиталистам, которые производят постоянный капитал, требующийся для производства предметов роскоши.

Выше мы видели, что в капитале, авансированном категорией *A*, имеется 100 талеров для постоянного капитала. Фабрикант этого постоянного капитала, если норма прибыли составляет 10%, произвел его при издержках производства в $90^{10}/_{11}$ талера, а продает за 100 талеров ($90^{10}/_{11} : 9^1/_{11} = 100 : 10$). Следовательно, он получает свою прибыль за счет категории *A*. И поэтому он получает из продукта категории *A*, продаваемого за 220 талеров, свои 100 талеров, а не только $90^{10}/_{11}$, на которые он, предположим, покупает непосредственный труд. *B* получает свою прибыль отнюдь не от своих рабочих, продукт которых стоимостью в $90^{10}/_{11}$ талера он не может обратно продать им за 100 талеров, так как они вообще ничего у него не покупают. Тем не менее у рабочих категории *B* дело обстоит точно так же, как и у рабочих категории *A*. За $90^{10}/_{11}$ талера они получают такое количество товара, которое имеет стоимость в $90^{10}/_{11}$ талера лишь номинально, ибо каждая часть продукта *A* одинаково повышена в цене, или каждая часть его стоимости представляет, соответственно надбавке прибыли, уменьшенную часть продукта.

{Однако такое взвинчивание цен может продолжаться лишь до известного пункта, ибо рабочий должен получать достаточно товара, чтобы иметь возможность жить и воспроизводить свою рабочую силу. Если бы капиталист *A* накинул 100 процентов и продавал товар, который ему обходится в 200 талеров, за 400 талеров, то рабочий мог бы выкупить только $1/4$ продукта (если он получает 100 талеров). И если бы рабочему, для того чтобы существовать, нужна была половина продукта, то капиталист должен был бы платить ему 200 талеров. Таким образом, капиталист удерживал бы за собой только 100 талеров (100 та-

леров составляют постоянный капитал и 200 — заработную плату). Следовательно, получалось бы то же самое, как если бы капиталист продал товар, который ему обходится в 200 талеров, за 300 талеров и уплатил рабочему 100 талеров заработной платы.}

Свой фонд прибыли капиталист категории *B* получает не (непосредственно) благодаря своим рабочим, а благодаря продаже своего товара капиталисту категории *A*. Продукт *A* не только служит капиталисту категории *B* для реализации его прибыли, но и образует его собственный фонд прибыли. Между тем ясно, что капиталист *A* полученную благодаря рабочим прибыль не может реализовать путем продажи своего товара капиталисту *B* и что капиталист *B*, точно так же как и собственные рабочие капиталиста *A*, не может предъявлять достаточный спрос на его продукт (чтобы обеспечить его сбыт по его стоимости). Здесь, наоборот, вступает в силу уже обратное действие. [769] Чем более высокую надбавку прибыли делает капиталист *A*, тем больше, в ущерб его рабочим, та часть совокупного продукта, которую он присваивает себе и которая отсутствует у капиталиста *B*.

Капиталист *B* делает надбавку в той же мере, как и капиталист *A*. Капиталист *B* платит своим рабочим по-прежнему $90^{10}/_{11}$ талера, хотя они за эти деньги получают меньше товара. Но если *A* берет 20% вместо 10, то *B* тоже берет 20% вместо 10 и продает свой товар за $109^{1}/_{11}$ талера вместо 100. Тем самым увеличивается эта часть затрат для *A*.

A и *B* можно даже с полным правом рассматривать как одну категорию (*B* относится к издержкам *A*, и чем больше капиталист *A* должен из совокупного продукта уплачивать капиталисту *B*, тем меньше остается ему самому). Из капитала в $290^{10}/_{11}$ талера *B* владеет $90^{10}/_{11}$ и *A* — 200. Оба вместе затрачивают $290^{10}/_{11}$ талера и получают $29^{1}/_{11}$ талера прибыли. *B* ни при каких условиях не может выкупить у *A* больше, чем на 100 талеров, причем в эту сумму включена его прибыль в $9^{1}/_{11}$ талера. Оба вместе, как сказано, имеют доход в $29^{1}/_{11}$ талера.

Что касается теперь *категорий C* и *D*, где *C* обозначает капиталистов, производящих постоянный капитал, необходимый для производства предметов роскоши, а *D* — капиталистов, непосредственно производящих предметы роскоши, то прежде всего ясно, что непосредственный спрос для *C* создает только *D*. Капиталист категории *D* является покупателем товаров капиталиста *C*. А капиталист *C* может реализовать прибыль только путем продажи своих товаров капиталисту *D* по повышенной цене, включающей номинальную надбавку к издержкам

производства этих товаров. Капиталист *D* должен платить капиталисту *C* больше, чем необходимо для того, чтобы *C* возместил все составные части [издержек производства] своих товаров. Капиталист *D* в свою очередь накидывает прибыль отчасти на постоянный капитал, произведенный для него капиталистом *C*, отчасти на капитал, авансированный на заработную плату непосредственно самим *D*. На прибыль, которую *C* получает от *D*, он может купить часть товаров *D*, хотя он и не может этим способом израсходовать всю свою прибыль, потому что ему нужны также предметы необходимости для себя самого, а не только для рабочих, для которых он обменивает реализуемый у *D* капитал. Во-первых, реализация товара *C* зависит непосредственно от продажи его капиталисту *D*; во-вторых, если эта продажа осуществилась, то спрос, создаваемый прибылью капиталиста *C*, в такой же мере не может реализовать всю стоимость товара, продаваемого капиталистом *D*, как спрос капиталиста *B* не может реализовать всю стоимость товаров *A*. Ведь прибыль, вырученная капиталистом *C*, получена от капиталиста *D*, и если *C* в свою очередь затрачивает ее на товары *D*, а не на другие товары, то все же его спрос никогда не может превышать прибыль, полученную от *D*. Прибыль капиталиста *C* всегда должна быть гораздо меньше, чем капитал *D*, гораздо меньше, чем весь его спрос, и она никогда не образует источника прибыли для *D* (самое большее, здесь имеет место лишь то, что *D* несколько надувает *C*, делая накидку на те товары, которые он обратно ему продает), — так как прибыль, получаемая капиталистом *C*, притекает непосредственно из кармана капиталиста *D*.

Ясно, далее, что если капиталисты внутри каждой категории, будь то категория *C* или категория *D*, взаимно продают друг другу свои товары, то ни один из них ничего при этом не выгадывает и никакой прибыли не реализует. Капиталист *m* продает капиталисту *n* за 110 талеров товар, стоящий только 100 талеров, но то же самое делает и *n* по отношению к *m*. После обмена, как и до обмена, каждый владеет таким количеством товара, издержки производства которого составляют 100 талеров. Каждый получает за 110 талеров только такой товар, который обходится в 100 талеров. Надбавка не дает ему большего господства над товаром другого, чем она дает другому над его товаром. А что касается стоимости, то совершенно одинаковый результат получился бы и в том случае, если бы каждый, *m* и *n*, не обменивая своего товара, доставил бы себе удовольствие тем, что назвал бы его не 100 талерами, а 110 талерами.

Далее ясно, что [по Мальтусу] номинальная прибавочная стоимость в категории *D* (ибо категория *C* заключена в категории *D*) не представляет действительного прибавочного продукта. То обстоятельство, что рабочий вследствие надбавки, делаемой капиталистом *A*, получает за 100 талеров уменьшенное количество предметов необходимости, непосредственно может быть безразличным для капиталиста *D*. Капиталист *D* по-прежнему должен затратить 100 талеров для найма определенного числа рабочих. Он уплачивает рабочим стоимость их труда, и кроме этого они [по Мальтусу] ничего не присоединяют к продукту, они дают своему нанимателю лишь эквивалент полученной ими заработной платы. Избыток над этим эквивалентом капиталист *D* может получить только путем продажи товара третьим лицам, поскольку он продает им свой товар выше издержек производства.

В действительности фабрикант [предметов роскоши, например] зеркал имеет в своем продукте такую же прибавочную стоимость и такой же прибавочный продукт, как и фермер. Ибо продукт содержит неоплаченный труд (прибавочную стоимость), и этот неоплаченный труд точно так же представлен в продукте, как и оплаченный труд. Неоплаченный труд представлен в прибавочном продукте. Часть зеркал не стоит фабриканту ничего, хотя она имеет стоимость, ибо в ней точно так же содержится труд, как и в той части зеркал, которая возмещает авансированный капитал. Эта прибавочная стоимость в прибавочном продукте существует до продажи зеркал, а не возникает впервые только в результате этой продажи. Напротив, если бы рабочий в своем непосредственном труде давал лишь эквивалент за тот накопленный труд, который он получает в виде заработной платы, то не существовало бы ни [770] прибавочного продукта, ни соответствующей ему прибавочной стоимости. Однако у Мальтуса, у которого рабочий возвращает капиталисту лишь эквивалент заработной платы, дело происходит иначе.

Ясно, что категория *D* (включая *C*) не может искусственно создать себе прибавочный фонд таким же путем, как категория *A*, а именно, продавая свой товар обратно рабочим дороже, чем она купила его у них, и таким образом присваивая себе, после возмещения затраченного капитала, часть совокупного продукта. Ибо рабочие не являются покупателями товара категории *D*. Ее прибавочный фонд не может возникнуть и тем путем, что капиталисты категории *D* продают свои товары друг другу, иными словами, путем такого обмена, который происходит внутри этой же категории. Следовательно, это осуществимо лишь тем путем, что категория *D* продает свой продукт

категориям *A* и *B*. Так как капиталисты категории *D* продают товар стоимостью в 100 талеров за 110 талеров, то капиталист категории *A* может купить на 100 талеров только $\frac{10}{11}$ их продукта, а $\frac{1}{11}$ они оставляют себе, и эту часть своих собственных товаров они могут потребить сами или обменять на другие товары своей собственной категории *D*.

У всех тех капиталистов, которые непосредственно не производят предметов необходимости и которые, следовательно, не продают обратно рабочим наибольшей или значительной части своих товаров, дело обстоит [с точки зрения Мальтуса] следующим образом:

Предположим, что их постоянный капитал равен 100 талерам. Если, далее, капиталист уплачивает 100 талеров в виде заработной платы, то он уплачивает рабочим стоимость их труда. Рабочие присоединяют к стоимости в 100 талеров еще 100 талеров, и таким образом совокупная стоимость (издержки производства) продукта составляет 200 талеров. Откуда же берется прибыль? Капиталист продает товар, который стоит 200 талеров, за 220 талеров, если средняя норма прибыли равна 10%. Если он действительно продает товар за 220 талеров, то ясно, что для воспроизводства этого товара достаточно 200 талеров: 100 — на сырье и т. д., 100 — на заработную плату; а 20 талеров капиталист кладет себе в карман и может их израсходовать как доход или употребить на накопление капитала.

Но кому продает он товар на 10% выше его «производственной стоимости», которая, по Мальтусу, отличается от «продажной стоимости», или действительной стоимости, так что на самом деле прибыль равняется разности между продажной стоимостью и производственной стоимостью, или продажной стоимости минус производственная стоимость? Путем обмена или продажи друг другу эти капиталисты не могут реализовать никакой прибыли. Если *A* продает *B* товар стоимостью в 200 талеров за 220 талеров, то *B* продельывает с *A* точно такую же штуку. Оттого, что эти товары переходят из одних рук в другие, не изменяется ни их стоимость, ни их количество. То количество товара, которое раньше находилось в руках *A*, находится теперь в руках *B*, и наоборот. То обстоятельство, что теперь 110 означает то, что раньше означало 100, нисколько не меняет дела. Покупательная способность нисколько не изменилась ни у *A*, ни у *B*.

Но рабочим эти капиталисты, согласно предположению, продать свои товары не могут.

Следовательно, они должны продать свои товары капиталистам, и именно тем, которые производят предметы необхо-

димости. У этих последних капиталистов благодаря обмену с рабочими в самом деле имеется действительный прибавочный фонд. Образование номинальной прибавочной стоимости действительно дало им в руки прибавочный продукт. И это есть единственный прибавочный фонд, который пока существует. Прибавочный фонд для других капиталистов должен возникнуть только благодаря тому, что они продают этим владельцам прибавочного фонда свои товары выше их производственной стоимости.

Что касается капиталистов, производящих постоянный капитал, требующийся для производства предметов необходимости, то мы уже видели, что производитель предметов необходимости обязательно должен покупать у них. Эти покупки входят в его издержки производства. Чем выше его прибыль, тем дороже обходятся ему его авансы, на которые накладывается та же норма прибыли. Если производитель предметов необходимости продает с надбавкой в 20% вместо 10, то производитель его постоянного капитала тоже накладывается 20% вместо 10. И он требует за $90^{10/11}$ уже не 100, а $109^{1/11}$, или, в круглых цифрах, 110, так что [производственная] стоимость продукта составляет теперь 240, а 20% с этой суммы равняется 48, так что [продажная] стоимость всего продукта равна теперь 288. Из этой суммы рабочий получает 100. Капиталист получает теперь в качестве прибыли больше $1/11$ совокупного продукта; раньше, когда он продавал этот продукт за 220, он получал лишь $1/11$. Масса продукта осталась та же, но часть, достоящаяся капиталисту, увеличилась по стоимости и по количеству.

Что же касается других капиталистов, которые не производят ни предметов необходимости, ни капитала, входящего в производство этих предметов необходимости, то они [могут] * получать прибыль только путем продажи своих товаров двум первым категориям капиталистов. Если эти две первые категории берут себе 20%, то и вышеуказанные капиталисты берут себе [столько же].

Но [обмен] первой категории капиталистов [с рабочими] очень отличается от обмена между обеими категориями капиталистов. Первая [благодаря обмену] с рабочими образовала действительный прибавочный фонд предметов необходимости, прибавочный продукт, [который, в качестве прироста] капитала, находится в их распоряжении, так что они частью могут

* Здесь в рукописи вырван нижний левый край страницы, на котором находились начальные слова нескольких строк текста. Эти недостающие слова восстановлены редакцией по смыслу и даются в квадратных скобках. *Ред.*

использовать этот фонд для накопления, а частью [затрачивают] его [как доход], будь то на покупку своих собственных предметов необходимости, будь то на покупку предметов роскоши. Здесь прибавочная стоимость действительно [представляет] [XIV—771] прибавочный труд и прибавочный продукт, хотя [у Мальтуса] этот результат достигается неуклюже, окольным путем, посредством включаемой в цену товара надбавки. Допустим, что стоимость продукта рабочих, производящих предметы необходимости, действительно равна лишь 100 талерам. Но так как для уплаты заработной платы достаточно $\frac{10}{11}$ продукта, то капиталист может затратить всего лишь $90\frac{10}{11}$ талера, на которые он получает прибыль в $9\frac{1}{11}$ талера. Если же он, воображая, что стоимость труда и количество труда тождественны, уплатит рабочим 100 талеров, а продаст им товар за 110, то он по-прежнему получит $\frac{1}{11}$ продукта. То обстоятельство, что эта $\frac{1}{11}$ продукта стоит теперь 10 талеров вместо $9\frac{1}{11}$, не является выгодой для капиталиста, так как теперь вместо $90\frac{10}{11}$ талера капитала он авансировал 100 талеров капитала.

Но что касается других категорий капиталистов, то у них [по Мальтусу] нет никакого реального прибавочного продукта, нет ничего такого, в чем было бы представлено прибавочное рабочее время. Продукт труда в 100 талеров они продают за 110 и только благодаря такой включаемой в цену товара надбавке этот капитал должен-де превратиться в капитал плюс доход.

Как же теперь обстоит дело, с точки зрения нашего лорда Дендриери *, между этими двумя категориями капиталистов?

Продукт вновь присоединенного труда ¹⁹ стоимостью в 100 талеров производители предметов необходимости продают за 110 талеров (потому что они уплатили в качестве заработной платы не $90\frac{10}{11}$ талера, а 100 талеров). Но они являются единственными обладателями прибавочного продукта. Если другие капиталисты продают им продукт стоимостью в 100 талеров тоже за 110 талеров, то они, эти другие капиталисты, действительно возмещают свой капитал с прибылью. Почему? Потому, что предметов необходимости стоимостью в 100 талеров им достаточно, чтобы оплатить своих рабочих, — стало быть, 10 талеров они удерживают для себя. Или, точнее, потому, что они в действительности получают предметы необходимости стоимостью в 100 талеров, в то время как $\frac{10}{11}$ этих предметов необходимости достаточно, чтобы они могли оплатить своих рабочих, ибо они оказываются тогда в таком же положении, в каком находятся капиталисты категорий А и В. Последние, напротив,

* — Мальтуса. Ред.

получают взамен лишь такое количество продукта, в котором представлена стоимость в 100 талеров. Что номинально продукт стоит 110 талеров, это не дает им ни гроша, ибо ни количественно, как потребительная стоимость, он не представляет большую массу, чем та, которая доставляется содержащимся в 100 талерах рабочим временем, ни [по стоимости] они не могут возместить этим продуктом, сверх капитала в 100 талеров, еще и капитал в 10 талеров. Это было бы возможно только при обратной продаже товаров с их стороны.

Хотя капиталисты и той и другой категории продают друг другу за 110 то, что стоит 100, однако при этом обмене только в руках второй категории 100 действительно имеет значение 110. Капиталисты первой категории за стоимость в 110 получили на самом деле лишь стоимость в 100. И свой прибавочный продукт капиталисты этой первой категории продают по более высокой цене только потому, что оплачивают *выше* стоимости предметы [роскоши], входящие в их доход. Но в действительности прибавочная стоимость, реализуемая капиталистами второй категории, ограничивается лишь получаемой ими долей в том прибавочном продукте, который реализован первой категорией, так как сами они никакого прибавочного продукта не создают.

В связи с этим удорожанием предметов роскоши Мальтус весьма кстати вспоминает, что ближайшей целью капиталистического производства является не расточительство, а накопление. Следовательно, категория капиталистов А в результате такой невыгодной для нее торговли, — при которой она снова теряет некоторую часть захваченных ею у рабочих плодов, — сократит свой спрос на предметы роскоши. Но если она это сделает и начнет больше накапливать, то сократится платежеспособный спрос на производимые ею предметы необходимости, для этих последних сократится рынок, который в полном объеме не может быть создан спросом рабочих и производителей постоянного капитала. Вследствие этого понизилась бы цена предметов необходимости, а между тем только благодаря повышению этой цены, благодаря включаемой в нее номинальной надбавке и пропорционально величине этой надбавки — категория капиталистов А выжимает из рабочих свой прибавочный продукт. Если бы цена предметов необходимости понизилась со 120 до 110, то прибавочный продукт этой категории и ее прибавочная стоимость понизились бы с $\frac{2}{12}$ до $\frac{1}{11}$. А вместе с этим в еще гораздо большей степени сократился бы также и рынок для производителей предметов роскоши, сократился бы спрос на эти предметы.

Первая категория капиталистов продает при обмене со второй действительный прибавочный продукт, после того как капитал этой первой категории уже возмещен. Напротив, вторая категория продает лишь свой капитал, чтобы путем этой продажи превратить его из капитала в капитал плюс доход. Таким образом, все производство (и особенно его прирост) поддерживается в движении лишь благодаря удорожанию предметов необходимости, которому, однако, с другой стороны, должна была бы соответствовать такая цена предметов роскоши, которая была бы обратно пропорциональна действительной массе этих последних. Капиталисты второй категории, продавая за 110 то, что стоит 100, тоже ничего не выгадывают при этом обмене, ибо в действительности они получают обратно такие 110, которые тоже стоят лишь 100. Но эти 100 (в виде предметов необходимости) возмещают капитал плюс прибыль, тогда как те 100 [в виде предметов роскоши] только по названию фигурируют как 110. Выходит, следовательно, что при этом обмене капиталисты первой категории получают предметы роскоши стоимостью в 100. Они на 110 покупают предметы роскоши стоимостью в 100. Но для второй категории капиталистов эти 110 имеют стоимость 110, потому что она уплачивает 100 за труд (возмещает свой капитал) и удерживает 10 как избыток.

[772] Трудно понять, как вообще прибыль может проистекать из того, что обменивающиеся стороны продают друг другу свои товары с одинаковой надбавкой, в одинаковой степени надуют друг друга.

Это затруднение было бы устранено, если бы, кроме обмена одной категории капиталистов с их рабочими и обмена различных категорий капиталистов между собой, на сцену выступила еще третья категория покупателей — своего рода *deus ex machina* *, — которая оплачивает товары по их номинальной стоимости, но в свою очередь никому никаких товаров не продает, не повторяет со своей стороны эту игру, т. е. такая категория, которая проделывает процесс $D-T$, но не $D-T-D$, которая покупает не с целью возмещения с прибылью своего капитала, а с целью потребления товаров, категория, которая покупает, но не продает. В этом случае капиталисты реализовали бы прибыль не благодаря обмену своими товарами между собой, а 1) благодаря обмену с рабочими, продавая им обратно часть совокупного продукта за те самые деньги, на которые купили у них весь совокупный продукт (после вычета постоян-

* — буквально: «бог из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. *Ред.*

ного капитала); 2) благодаря той части предметов необходимости и предметов роскоши, которая продается покупателям третьей категории. Так как эта категория покупателей уплачивает 110 за 100, не продавая обратно 100 за 110, то этим путем действительно, а не только номинально, капиталисты реализовали бы прибыль в 10%. Прибыль выручалась бы двояким способом: тем, что из совокупного продукта возможно меньше продавалось бы обратно рабочим и возможно больше продавалось бы третьей категории, которая платит наличными деньгами, сама ничего не продавая, покупает, чтобы потреблять.

Но такие покупатели, которые не являются вместе с тем продавцами, должны быть такими потребителями, которые не являются вместе с тем производителями, — они должны быть *непроизводительными потребителями*, и именно эта категория непроизводительных потребителей и разрешает у Мальтуса коллизию. Но эти непроизводительные потребители должны быть вместе с тем платежеспособными потребителями, должны создавать действительный спрос, и к тому же находящиеся в их обладании и ежегодно расходуемые ими суммы стоимости должны быть достаточны не только для оплаты производственной стоимости тех товаров, которые они покупают и потребляют, но и, кроме того, для оплаты номинальной надбавки прибыли, прибавочной стоимости, разности между продажной стоимостью и производственной стоимостью. Эта категория будет представлять в обществе потребление ради потребления, как класс капиталистов представляет производство ради производства; одни выступают как представители «страсти к расточительству», а другие — как представители «страсти к накоплению» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 326). Стремление к накоплению поддерживается у класса капиталистов тем, что их выручка постоянно превышает их затраты, а ведь прибыль и служит стимулом к накоплению. Несмотря на это их пристрастие к накоплению, дело не доходит до перепроизводства или же возникновение перепроизводства очень затруднено, так как *непроизводительные потребители* не только образуют огромный отводный канал для выбрасываемых на рынок продуктов, но и со своей стороны не выбрасывают на рынок никаких продуктов; так что, как бы много их ни было, они не создают конкуренцию для капиталистов, а наоборот, все они являются представителями только спроса без предложения и поэтому уравнивают перевес предложения над спросом, имеющий место на стороне капиталистов.

Но откуда берутся ежегодные платежные средства этого класса? Это прежде всего *земельные собственники*, присваивающие

себе, под титулом ренты, значительную часть стоимости годового продукта и расходующие отнятые таким путем у капиталистов деньги на потребление произведенных капиталистами товаров, при покупке которых капиталисты их надувают. Сами эти земельные собственники не должны заниматься производством и, как правило, не занимаются им. Существенно то, что, поскольку они расходуют деньги на покупку труда, они держат не производительных рабочих, а только нахлебников, помогающих им проедать их богатство, *домашних слуг*, которые поддерживают на высоком уровне цену предметов необходимости, так как они только покупают эти предметы необходимости, но сами не содействуют тому, чтобы предложение этих или каких-либо других товаров увеличивалось. Однако этих получателей земельной ренты недостаточно для того, чтобы создать «достаточный спрос». Необходимо прибегнуть к искусственным средствам. Эти последние заключаются в высоких *налогах*, в наличии большого количества обладателей государственных и церковных sinecur, в содержании больших армий, в выплате крупных пенсий, в десятинах в пользу попов, в значительном государственном долге и — время от времени — в дорогостоящих войнах. Таковы «целительные средства» по Мальтусу («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 408 и следующие).

Итак, третья категория покупателей, привлеченная Мальтусом в качестве «целительного средства», — которая покупает, не продавая, и потребляет, не производя, — с самого начала получает значительную часть стоимости годового продукта, *не платя за нее*, и обогащает производителей тем, что последние сперва вынуждены даром отпустить этой категории покупателей деньги на покупку их товаров, а затем [773] возвращают себе эти деньги, продавая ей свои товары выше их стоимости, или получая от нее обратно большую стоимость в деньгах, чем доставляют ей в товарах. И это повторяется из года в год.

**[12) СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ПОЛЕМИКИ МАЛЬТУСА
ПРОТИВ РИКАРДО. ИЗВРАЩЕННОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
МАЛЬТУСОМ ВЗГЛЯДОВ СИСМОНДИ НА ПРОТИВОРЕЧИЯ
БУРЖУАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА. АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ
ПОДОПЛЕКА МАЛЬТУСОВСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛОЖЕНИЯ
О ВОЗМОЖНОСТИ ВСЕОБЩЕГО ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА]**

Выводы Мальтуса сделаны совершенно правильно из его основной теории стоимости; но эта теория в свою очередь достопримечательным образом была приспособлена к его цели —

апологии существующего в Англии положения вещей, лендлордизма, «государства и церкви», получателей пенсий, сборщиков налогов, церковной десятины, государственного долга, биржевых маклеров, церковных надзирателей, попов и лакеев («национальные издержки»), с которыми рикардянцы боролись как с бесполезными и устарелыми наростами буржуазного производства, являющимися обузой для него. Рикардо отстаивал буржуазное производство *quand même* *, поскольку оно является максимально беспрепятственным развертыванием общественных производительных сил, и при этом не заботился о судьбе носителей производства, будь то капиталисты или рабочие. Он признавал *историческую* правомерность и необходимость этой ступени развития. Насколько у него отсутствует историческое чутье по отношению к прошлому, настолько он живет в историческом фокусе своего времени. Мальтус тоже хочет возможно более свободного развития капиталистического производства, поскольку именно нищета его главных носителей, трудящихся классов, является условием этого развития; но в то же время оно, по Мальтусу, должно приспособиться к «потребностям потребления» аристократии и ее разветвлений в государстве и церкви, должно вместе с тем служить материальной основой для устарелых притязаний, предъявляемых представителями таких интересов, которые унаследованы от феодализма и абсолютной монархии. Мальтус приемлет буржуазное производство, поскольку оно не революционно, поскольку оно образует не момент исторического развития, а всего лишь более широкую и более удобную материальную основу для «старого» общества.

Итак, с одной стороны, мы имеем рабочий класс, который в силу закона народонаселения всегда оказывается избыточным в сравнении с предназначенными для него жизненными средствами, — перенаселение в результате недопроизводства; далее, мы имеем класс капиталистов, который благодаря этому закону народонаселения всегда бывает в состоянии продавать обратно рабочим их собственный продукт по таким ценам, что рабочие получают из него лишь столько, сколько необходимо, чтобы душа держалась в теле; и, наконец, мы имеем немалую часть общества, состоящую из паразитов, сибаритствующих трутней, частью господ, частью слуг, которые — частью под титулом ренты, частью под политическими титулами — безвозмездно забирают у класса капиталистов значительную долю богатства, но деньгами, отнятыми у капиталистов, оплачивают покупаемые

* — во что бы то ни стало, несмотря ни на что. *Ред.*

у этих же капиталистов товары выше их стоимости. Класс капиталистов подстегивается к производству стремлением к накоплению, непроеизводительные же группы являются в экономическом отношении представителями лишь стремления к потреблению, представителями расточительства. И притом это изображается как единственное средство избежать перепроизводства, которое существует одновременно с перенаселением — перенаселением именно по сравнению с производством. Наилучшим целительным средством от того и другого объявляется чрезмерное потребление классов, стоящих вне производства. Диспропорция между рабочим населением и производством устраняется тем, что часть продукта съедается бездельниками, не принимающими никакого участия в производстве. Диспропорция перепроизводства, вызываемого капиталистами, устраняется перепотреблением, практикуемым представителями наслаждающегося богатства.

Мы видели, как ребячески слаб, тривиален и бессодержателен Мальтус там, где он, опираясь на слабую сторону воззрений А. Смита, пытается построить контртеорию в противовес той теории, которую построил Рикардо, опираясь на сильную сторону воззрений А. Смита. Едва ли можно встретить более комические потуги немогущности, чем сочинение Мальтуса о стоимости. Но лишь только он переходит к практическим выводам и тем самым снова вступает в ту область, в которой он подвизался как своего рода экономический Абрагам а Санта Клара²⁰, он оказывается вполне в своей стихии. Однако он и здесь не изменяет своей натуре прирожденного плагиатора. Кто с первого взгляда поверил бы, что «Principles of Political Economy» Мальтуса представляют собой лишь мальтузианизированный перевод книги Сисмонди «Nouveaux Principes d'économie politique»? И все же это так. Книга Сисмонди появилась в 1819 году. Год спустя увидела свет Мальтусова английская карикатура этой книги. Как раньше у Таунсенда и Андерсона, так теперь у Сисмонди Мальтус снова нашел теоретическую точку опоры для одного из своих многословных экономических памфлетов, причем ему наряду с этим пригодились еще и почерпнутые из рикардовских «Principles» новые теории.

[774] Если, выступая против Рикардо, Мальтус боролся с той тенденцией капиталистического производства, которая является революционной по отношению к старому обществу, то у Сисмонди он с непогрешимым поповским инстинктом заимствовал только то, что реакционно по отношению к капиталистическому производству, по отношению к современному буржуазному обществу.

Я исключаю здесь Сисмонди из моего исторического обзора, потому что критика его взглядов относится к той части, которой я смогу заняться только после этого моего сочинения, — к рассмотрению реального движения капитала (конкуренция и кредит).

Что Мальтус приспособил к своим целям взгляды Сисмонди, видно уже из заголовка одной главы его «Principles of Political Economy». Она называется так:

«Необходимость соединения производительных сил со средствами распределения для обеспечения непрерывного роста богатства» (2nd edition) стр. 361).

[Там сказано:]

«Одни лишь производительные силы еще не обеспечивают создания соответствующей степени богатства. Необходимо еще кое-что другое, чтобы в полной мере привести эти силы в действие. Это другое есть действительный и не встречающий препятствия спрос на все, что производится. И больше всего содействует, по-видимому, достижению этой цели такое *распределение продуктов* и такое приспособление этих продуктов к потребностям тех, кто их потребляет, при котором меновая стоимость всей массы продуктов постоянно увеличивается» («Principles of Political Economy», 2nd edition, стр. 361).

Далее, в таком же сисмондистском и антирикардовском духе написано следующее место:

«*Богатство* страны зависит, с одной стороны, от *количества продуктов*, получаемых благодаря ее труду, а с другой стороны, от такого приспособления этого количества к потребностям и покупательной способности наличного населения, которое, как можно думать на основании расчетов, должно придать этому количеству продуктов *стоимость*. Нет более достоверного положения, чем то, что богатство не определяется одним только из этих факторов» (цит. соч., стр. 301). «Но, быть может, теснее всего богатство и стоимость связаны тем обстоятельством, что *стоимость необходима для производства богатства*» (там же).

Это специально направлено против Рикардо, против 20-й главы его сочинения, озаглавленной «*Стоимость и богатство, их отличительные свойства*». Рикардо говорит там, в частности, следующее:

«Итак, стоимость существенно отличается от богатства, ибо она зависит не от изобилия, а от трудности или легкости производства» (Ricardo. Principles, 3rd edition, стр. 320) [Русский перевод: Рикардо, Давид. Сочинения, том I. Москва, 1955, стр. 226].

{Впрочем, стоимость может увеличиваться также и при увеличении «легкости производства». Предположим, что в какой-либо стране население возрастает с 1 миллиона человек до 6 миллионов. Один миллион работал по 12 часов в день. 6 миллионов так развили производительные силы, что каждый производит

за 6 часов столько, сколько раньше производилось за 12 часов. Тогда, согласно собственному взгляду Рикардо, богатство увеличилось бы в шесть раз, а стоимость увеличилась бы в три раза.}

«Богатство не зависит от стоимости. Человек богат или беден в зависимости от изобилия предметов необходимости и роскоши, которыми он может располагать... Только в результате смещения понятий стоимости и богатства, или благосостояния, можно было прийти к утверждению, что богатство может быть увеличено путем уменьшения количества товаров, т. е. предметов необходимости, комфорта и удовольствия. Если бы мерой богатства была стоимость, тогда этого нельзя было бы отрицать, так как стоимость товаров возрастает вследствие их редкости; но... если богатство заключается в предметах необходимости и роскоши, то оно не может быть увеличено путем уменьшения их количества» (там же, стр. 323—324) [Русский перевод, том I, стр. 228].

Другими словами, Рикардо здесь говорит: богатство состоит только из *потребительных стоимостей*. Он превращает буржуазное производство просто-напросто в производство ради потребительной стоимости: весьма недурное представление о таком способе производства, в котором господствует *меновая стоимость*. Специфическую форму буржуазного богатства он рассматривает как нечто лишь формальное, не затрагивающее содержания этого богатства. Поэтому он и отрицает те противоречия буржуазного производства, которые бурно прорываются наружу в кризисах. Отсюда его совершенно неправильное понимание денег. По той же причине при рассмотрении процесса производства капитала он совершенно не принимает во внимание процесс обращения, поскольку последний включает в себя метаморфоз товаров, необходимость превращения капитала в деньги. Во всяком случае никто не выяснил лучше и определеннее, чем сам Рикардо, что буржуазное производство не является производством богатства для *производителей* (как он неоднократно называет рабочих)²¹, что, следовательно, производство буржуазного богатства отнюдь не есть производство «изобилия», предметов необходимости и роскоши для людей, которые их производят, — а между тем дело должно было бы обстоит именно так, если бы производство являлось лишь средством для удовлетворения потребностей производителей, таким производством, в котором господствовала бы только потребительная стоимость. Однако тот же *Рикардо* говорит:

«Если бы мы жили в одном из параллелограммов г-на Оуэна²² и пользовались всеми нашими продуктами сообща, то никто не мог бы страдать от их изобилия; но пока общество устроено так, как оно устроено в настоящее время, изобилие часто будет вредным для производителей, а недоста-

ток — благодетельным для них» («On Protection to Agriculture», 4th edition, London, 1822, стр. 21) [Русский перевод: *Рикардо, Давид*. Сочинения, том III. Москва, 1955, стр. 53].

[775] Рикардо рассматривает буржуазное, еще точнее — капиталистическое производство как *абсолютную форму* производства. Это значит, что, по его мнению, определенные формы производственных отношений капиталистического производства нигде не могут вступать в противоречие с целью производства как такового, или сковывать эту цель, состоящую в создании изобилия, которое включает в себе как количество потребительных стоимостей, так и многообразие их, что, в свою очередь, обуславливает высокое развитие человека как производителя, всестороннее развитие его производительных способностей. И тут Рикардо попадает в смешное противоречие с самим собой. Когда мы говорим о стоимости и богатстве, мы должны, согласно разъяснениям Рикардо, иметь в виду лишь общество в целом. А когда мы говорим о капитале и труде, то Рикардо считает чем-то само собой разумеющимся, что «валовой доход» существует только для того, чтобы создавать «чистый доход». В буржуазном производстве Рикардо восхищается фактически именно тем, что его определенные формы дают простор свободному — по сравнению с более ранними формами производства — развитию производительных сил. В тех случаях, когда эти формы перестают это делать или когда выступают наружу те противоречия, в рамках которых они это делают, Рикардо отрицает противоречия, или, вернее, он сам выражает противоречие в другой форме, выставляя в качестве *ultima Thule* * *богатство как таковое*, массу потребительных стоимостей самой по себе, безотносительно к производителям.

Сисмонди глубоко чувствует, что капиталистическое производство само себе противоречит, что его формы — его производственные отношения — с одной стороны, подстегивают к необузданному развитию производительной силы и богатства, но что, с другой стороны, отношения эти ограничены определенными условиями и что свойственные им противоречия потребительной и меновой стоимости, товара и денег, покупки и продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда и т. д. принимают тем большие размеры, чем дальше развивается производительная сила. Особенно он чувствует основное противоречие: с одной стороны, неограниченное развитие производительной силы и увеличение богатства, которое вместе

* — нечто последнее, крайняя точка, крайний предел, конечная цель (буквально: крайняя Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы). *Ред.*

с тем состоит из товаров и должно быть превращено в деньги; с другой стороны, как основа этого, ограничение массы производителей предметами первой необходимости. Поэтому для Сисмонди кризисы являются не случайностью, как это получается у Рикардо, а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающимися в бурной форме, охватывающими широкую область и повторяющимися через определенные периоды. И вот он все время колеблется: что должно быть обуздано государством — производительные ли силы, чтобы привести их в соответствие с производственными отношениями, или производственные отношения, чтобы привести их в соответствие с производительными силами? При этом он часто ищет спасения в прошлом; он становится «*laudator temporis acti*» * или же пытается укротить противоречия при помощи также и другого рода регулирования отношений между доходом и капиталом, между распределением и производством, не понимая, что отношения распределения суть лишь отношения производства *sub alia specie* **. Он метко *критикует* противоречия буржуазного производства, но он их *не понимает*, а потому не понимает и процесса их разрешения. Однако в основе у него действительно имеется смутная догадка о том, что развившимся в недрах капиталистического общества производительным силам, материальным и социальным условиям создания богатства, должны соответствовать *новые* формы присвоения этого богатства; что буржуазные формы являются лишь преходящими и полными противоречий формами, в которых богатство получает всегда лишь противоречивое существование, повсюду выступая вместе с тем как своя собственная противоположность. Это — такое богатство, которое всегда имеет своей предпосылкой бедность и которое развивается лишь за счет того, что оно развивает бедность.

Мы видели, в какой восхитительной форме Мальтус присваивает себе взгляды Сисмонди. В утрированном и еще гораздо более отвратительном виде теория Мальтуса содержится в сочинении *Томаса Чалмерса (профессора теологии)* «On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society» (2nd edition, London, 1832). Здесь перед нами не только в теоретическом плане еще сильнее выступает поповский элемент, но и в практическом плане еще сильнее чувствуется член «установленной церкви» ²³, «экономически» защищающий ее «земные блага» и всю систему установлений, с которыми эта церковь стоит и падает.

* — «хвалителем минувшего времени» (Гораций, «Наука поэзии»). *Ред.*

** — под другим углом зрения. *Ред.*

Вот те положения Мальтуса относительно рабочих, которые имелись в виду выше:

«Потребление и спрос, имеющие место у рабочих, занятых производительным трудом, совершенно *недостаточны* для того, чтобы давать стимул к накоплению и применению капитала» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 315).

«Ни один фермер не возьмет на себя труд надзора за работой десяти добавочных рабочих только потому, что весь его продукт будет тогда продан на рынке за цену, повышенную ровно на столько, сколько он уплатил добавочным рабочим. В предшествовавшем состоянии спроса и предложения того товара, о котором идет речь, или в его цене, должно было наступить — еще до того как новыми рабочими был создан добавочный спрос и независимо от этого спроса — нечто такое, что оправдывает применение добавочного количества рабочих в производстве этого товара» (там же, стр. 312).

«Спрос, создаваемый самим производительным рабочим, никогда не может быть *достаточным* спросом, [776] ибо он не распространяется на *все то количество продукта, которое рабочий производит. Если бы имело место последнее, то не было бы прибыли*, а следовательно и мотива для применения труда рабочего. Само *существование прибыли, приносимой каким-либо товаром*, предполагает спрос, *выходящий за пределы* того спроса, который предъявляется рабочими, создавшими этот товар» (стр. 405, примечание).

«Так как сильное увеличение потребления рабочего класса должно значительно повысить издержки производства, то оно должно понизить прибыль и ослабить или уничтожить мотив к накоплению» (там же, стр. 405).

«*Нужда в предметах необходимости* — вот что главным образом побуждает рабочий класс производить предметы роскоши; если бы этот стимул был устранен или значительно ослаблен, так что предметы необходимости можно было бы получать при очень небольшой затрате труда, то мы имели бы все основания полагать, что производству предметов комфорта уделялось бы не больше времени, а меньше» (там же, стр. 334).

Мальтус не заинтересован в том, чтобы скрывать противоречия буржуазного производства; наоборот, он заинтересован в выпячивании этих противоречий, — с одной стороны, чтобы доказывать необходимость нищеты рабочего класса (она действительно необходима для этого способа производства); с другой стороны, чтобы доказывать капиталистам, что откормленные духовенство и чиновничество необходимы для создания достаточного спроса на продаваемые капиталистами продукты. Поэтому Мальтус и доказывает, что для «непрерывного увеличения богатства» не достаточно ни роста населения, ни накопления капитала (там же, стр. 319—320), ни плодородия почвы (стр. 331 и следующие), ни «сберегающих труд изобретений», ни расширения «внешних рынков» (стр. 352, 359).

«Как рабочие, так и капитал могут оказаться в избытке по сравнению с возможностью их прибыльного применения» (там же, стр. 414).

Поэтому, в противовес рикардianцам, Мальтус выпячивает возможность всеобщего перепроизводства (там же, стр. 326 и в других местах).

Главные положения, которые он выдвигает в этой связи, таковы:

«Спрос всегда определяется *стоимостью*, а предложение — *количеством*» («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 316).

«Товары обмениваются не только на товары, но также на производительный труд и личные услуги, а по сравнению с ними, как и по сравнению с деньгами, может иметь место всеобщее переполнение рынка товарами» (там же).

«Предложение всегда должно быть пропорционально *количеству*, а спрос — *стоимости*» («Definitions in Political Economy», edited by Caze-
pove, стр. 65).

«Ясно», — говорит Джемс Милль, — «что все то, что человек произвел и не желает оставить для своего собственного потребления, составляет запас, который он может отдать в обмен на другие товары. Поэтому его желание покупать и его средства для покупки товаров — другими словами, его спрос — в точности равны количеству произведенных им продуктов, которые он не намерен потребить сам» *... «Совершенно очевидно» [возражает Мальтус Джемсу Миллю], «что его средства для покупки других товаров пропорциональны не *количеству* его собственных товаров, которые он произвел и хочет сбыть, а их *меновой стоимости*; и если только меновая стоимость товара случайно не окажется пропорциональной его количеству, то не может быть верным утверждение, что спрос и предложение каждого индивида всегда равны друг другу» (там же, стр. 64—65).

«Если бы спрос каждого индивида равнялся его предложению в точном смысле слова, то это доказывало бы, что каждый индивид всегда может продать свой товар по цене, равной издержкам производства, включая справедливую прибыль. Тогда даже *частичное* переполнение рынка было бы невозможно. Этот аргумент доказывает слишком много... Предложение всегда должно быть пропорционально *количеству*, а спрос — *стоимости*» («Definitions in Political Economy», London, 1827, стр. 48, примечание).

«Милль здесь понимает под спросом его» (покупателя) «средства для покупки. Но эти средства для покупки других товаров пропорциональны не *количеству* его собственных товаров, которые он произвел и хочет сбыть, а их *меновой стоимости*; и если только меновая стоимость товара случайно не окажется пропорциональной его количеству, то не может быть верным утверждение, что спрос и предложение каждого индивида всегда равны друг другу» (там же, стр. 48—49).

«Ошибочно утверждение Торренса, что «рост предложения есть единственная причина увеличения действительного спроса» **. Если бы это было так, то как трудно было бы человечеству снова оправиться при временном уменьшении количества пищи и одежды. Но когда уменьшается количество пищи и одежды, возрастает их стоимость; денежная цена остающегося количества пищи и одежды будет в течение некоторого времени возрастать сильнее, чем уменьшается их количество, тогда как денежная цена труда может оставаться неизменной. Необходимым следствием этого

* Ср. настоящее издание, часть III, стр. 99. *Ред.*

** Ср. там же, стр. 74. *Ред.*

является возможность приводить в движение большее, чем прежде, количество производительного труда» (стр. 59—60).

«Все товары у какой-нибудь нации могут одновременно понизиться в цене по сравнению с деньгами или трудом» (стр. 64 и следующие). «Таким образом, возможно всеобщее переполнение рынка товарами» (там же). «Все цены товаров могут упасть ниже издержек производства» (там же).

* * *

[777] Остается еще отметить лишь то, что Мальтус говорит о процессе обращения:

«Если мы считаем стоимость примененного основного капитала частью авансируемого капитала, то остающуюся в конце года стоимость основного капитала мы должны считать частью годовой выручки... В действительности *авансируемый* им» (капиталистом) *«ежегодно капитал состоит лишь из его оборотного капитала, износа его основного капитала вместе с процентами на основной капитал и процентов на ту часть его оборотного капитала, которая состоит из денег, употребляемых для производства его годовых платежей по мере наступления их сроков»* («Principles of Political Economy» [2nd edition], стр. 269).

Я утверждаю, что *амортизационный фонд*, т. е. фонд для возмещения износа основного капитала, является вместе с тем и фондом для накопления.

[13] КРИТИКА РИКАРДИАНЦАМИ МАЛЬТУСОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ»]

Я хочу еще привести несколько выдержек из одного рикардианского сочинения, направленного против теории Мальтуса. Что касается содержащихся в том же сочинении выпадов, с капиталистической точки зрения, против мальтусовских непродительных потребителей вообще и лендлордов в частности, то я в другом месте покажу, что с точки зрения рабочих они дословно имеют силу и против капиталистов (это следует отнести к разделу об «апологетической трактовке отношения капитала и наемного труда»²⁴).

[Анонимный рикардианец пишет:]

«Исходя из того, что применение капитала возрастает лишь при условии, если может быть обеспечена прежняя или более высокая норма прибыли, и что одно лишь увеличение капитала само по себе не гарантирует такую норму прибыли, а действует в обратном направлении, г-н Мальтус и те, кто рассуждает, как он, хотя бы найти такой источник, который не зависел бы от самого производства, который находился бы вне последнего, — источник, прогрессивный рост которого мог бы идти в ногу с прогрессивным ростом капитала и из которого можно было бы получать постоянные добавочные количества прибыли требующейся величины» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, стр. 33—34).

Таким источником, по Мальтусу, являются «непроизводительные потребители» (там же, стр. 35).

«Г-н Мальтус говорит иногда так, как будто имеются два *различных фонда*, капитал и доход, предложение и спрос, производство и потребление, которые должны следить за тем, чтобы идти в ногу друг с другом и не опережать друг друга. Как будто *помимо всей массы произведенных товаров* требуется еще другая масса, падающая, надо думать, с неба, для того чтобы купить эти произведенные товары... Такой фонд потребления, которого требует г-н Мальтус, может быть получен лишь за счет производства» (стр. 49—50).

«Его» (Мальтуса) «рассуждения постоянно оставляют нас в недоумении, следует ли расширять производство или ограничивать его. Когда человек нуждается в *спросе*, неужели г-н Мальтус будет рекомендовать этому человеку дать кому-нибудь денег, чтобы тот купил его товары? Вероятно, не будет» (стр. 55). Конечно, будет!

«Продавая свои товары, вы ставите себе целью получить определенную сумму денег; нет никакого смысла в том, чтобы отдать кому-нибудь даром эту сумму денег с тем, чтобы он затем мог вернуть вам эти деньги, купив на них ваши товары. С таким же успехом вы могли бы сразу сжечь свои товары, и вы оказались бы тогда в таком же положении» (стр. 63).

В отношении Мальтуса анонимный автор прав. Но из того, что «вся масса произведенных товаров» представляет собой один и тот же фонд — фонд производства и фонд потребления, фонд предложения и фонд спроса, фонд капитала и фонд дохода, — отнюдь не следует, что безразлично, как весь этот совокупный фонд распределяется между этими различными категориями.

Анонимный автор не понимает, что именно подразумевает Мальтус под «недостаточностью» «спроса» рабочих для капиталиста.

«Что касается *спроса* со стороны труда, то это есть предоставление труда в обмен на товары, или... предоставление будущей добавочной стоимости, присоединяемой к стоимости материала, в обмен на наличные, готовые продукты... Это — действительный спрос, увеличение которого имеет для производителя существенное значение» и т. д. (цит. соч., стр. 57).

Мальтус имеет в виду не *предложение труда* (что наш автор называет «*спросом со стороны труда*»), а тот спрос на товары, который рабочий может предъявлять благодаря полученной им заработной плате; это те деньги, с которыми рабочий, в качестве покупателя, появляется на товарном рынке. И относительно этого спроса Мальтус правильно замечает, что он никогда не может быть достаточным для предложения товаров со стороны капиталиста. В противном случае рабочий мог бы купить на свою заработную плату весь свой продукт.

[778] Тот же автор говорит:

«Увеличенный спрос [на получение работы] с их» (рабочих) «сторон означает их готовность брать себе менее значительную долю продукта и оставлять более значительную долю его тем, кто их, рабочих, нанимает; и если говорят, что это сокращает потребление и тем самым увеличивает

переполнение рынка, то я могу лишь ответить, что в таком случае переполнение рынка оказывается синонимом высокой прибыли» (цит. соч., стр. 59).

По мысли автора, это замечание должно было звучать как насмешка, но фактически оно содержит в себе основную тайну «переполнения рынка».

Относительно «*Essay on Rent*» Мальтуса²⁵ наш автор говорит:

«Публикуя свой «*Essay on Rent*», г-н Мальтус, вероятно, отчасти имел в виду выступить против лозунга «Долой лендлордов!», который тогда «красными буквами был написан на стенах», встать на защиту этого класса и доказать, что они не похожи на *монополистов*. Что земельная рента не может быть упразднена, что ее рост представляет собой естественное явление, сопутствующее, как правило, росту богатства и населения, — это он показал; но народный клич «Долой лендлордов!» вовсе и не означал обязательно, что *не должно быть такой вещи*, как рента, а скорее означал только то, что она должна равномерно распределяться среди всего населения, в соответствии с так называемым «планом Спенса»²⁶. Когда г-н Мальтус переходит к тому, чтобы взять земельных собственников под защиту от ненавистного названия монополистов и от замечания Адама Смита, что «они любят пожинать там, где не сеяли», то кажется, что он ратует всего лишь за другое *название*... Во всех этих его рассуждениях слишком много от *адвоката*» (цит. соч., стр. 108—109).

[14] РЕАКЦИОННАЯ РОЛЬ СОЧИНЕНИЙ МАЛЬТУСА И ИХ ПЛАГИАТОРСКИЙ ХАРАКТЕР. МАЛЬТУСОВСКАЯ АПОЛОГЕТИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ «ВЫСШИХ» И «НИЗШИХ» КЛАССОВ]

Книга Мальтуса «*On Population*» была памфлетом против французской революции и современных ей идей о реформах в Англии (Годвин и др.). Она представляла собой апологию нищеты рабочего класса. *Теория* была плагиатом у Таунсенда и других.

Его «*Essay on Rent*» представлял собой памфлет в защиту лендлордов против промышленного капитала. *Теория* была плагиатом у Андерсона.

Его «*Principles of Political Economy*» были памфлетом в защиту интересов капиталистов против рабочих и в защиту интересов аристократии, церкви, пожирателей налогов, всякого рода лизоблюдов и т. д. против капиталистов. *Теория* позаимствована у А. Смита. Там, где теория — собственного изобретения, она плачевна. При дальнейшем изложении теории основой служит Сисмонди. [XIV—778]

* * *

[VIII—345] {В своем «*Essai sur la Population*» (5th edition, traduction de P. Prévost. Genève, 1836. Troisième édition. Tome IV, стр. 104—105) Мальтус со своей обычной «глубокой

философией» делает следующее замечание против некоего плана подарить коров английским коттерам *:

«Указывалось на то, что *коттеры*, имеющие коров, более трудолюбивы и ведут более правильную жизнь, чем те, которые не имеют коров... Большинство из тех, которые теперь имеют коров, купили их на средства, полученные своим трудом. Поэтому правильнее будет сказать, что труд дал им коров, чем сказать, будто коровы дали им вкус к труду».

Ну что ж, верно, что выскочкам среди буржуазии их усердие в труде (вместе с эксплуатацией чужого труда) дало коров, так же как их сыновьям коровы дают вкус к праздности. Если бы у их коров отняли — не способность давать молоко, а — способность распоряжаться неоплаченным чужим трудом, то это было бы весьма полезно для поддержания у этих выскочек вкуса к труду.

Тот же «глубокий философ» замечает:

«Ясно, что все люди не могут принадлежать к средним классам. Необходимы высшие и низшие классы» (конечно, без крайних не было бы и средних), «и они, кроме того, очень полезны. Если бы никто в обществе не мог надеяться на повышение и не должен был бы бояться понижения и если бы труд не приносил вознаграждения, а лень не влекла за собой наказания, то нигде не видно было бы того усердия, того рвения, с каким каждый стремится улучшить свое положение, что составляет важнейшую пружину [346] общественного благополучия» (там же, стр. 112).

Низшие должны существовать для того, чтобы высшие боялись понижения, а высшие — для того, чтобы низшие надеялись на повышение. Чтобы лень влекла за собой наказание, рабочий должен быть беден, а рантье и столь любимый Мальтусом земельный собственник должны быть богаты. А что подразумевает Мальтус под вознаграждением труда? Как мы увидим дальше **, Мальтус имеет в виду то, что рабочий должен отдавать часть своего труда без эквивалента. Прекрасный стимул, если бы только стимулом служило «вознаграждение», а не голод. В лучшем случае все сводится к тому, что тот или иной рабочий может питать надежду на то, что и он когда-нибудь будет эксплуатировать рабочих.

«Чем больше распространяется монополия», — говорит Руссо, — «тем тяжелее цепь для эксплуатируемых» ²⁷.

Иначе думает «глубокий мыслитель» Мальтус. В лучшем случае он надеется на то, что численность среднего класса будет возрастать, а пролетариат (работающий пролетариат) будет

* — батракам, получавшим от земельного собственника или фермера-арендатора, на которого они работали, небольшой деревенский домик (коттедж) и клочок земли возле него. *Ред.*

** См. настоящее издание, часть III, стр. 25, 29, 34—37 и др. *Ред.*

составлять относительно все уменьшающуюся часть всего населения (хотя он и возрастает абсолютно). Сам Мальтус считает эту свою надежду более или менее утопической. Но таков и в самом деле *ход развития* буржуазного общества.

«Мы должны питать надежду», — говорит Мальтус, — «что когда-нибудь в будущем те методы, которые сокращают труд и которые уже сделали столь быстрое развитие, в конце концов удовлетворят все потребности самого богатого общества с меньшим количеством человеческого труда, чем требуется теперь для этой цели; и если тогда рабочий и не будет избавлен от части того тяжелого бремени, которое тяготеет над ним в настоящее время» (он по-прежнему должен будет работать в поте лица своего столько же, сколько и раньше, и относительно все больше для других и все меньше для самого себя), «то все же число тех, на чьи плечи общество взваливает столь тяжелое бремя, уменьшится» (там же, стр. 113).} [VIII — 346]

[15) ИЗЛОЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАЛЬТУСА В АНОНИМНОМ СОЧИНЕНИИ «OUTLINES OF POLITICAL ECONOMY»]

[XIV—778] Сочинением, излагающим мальтусовские принципы, являются анонимные «*Outlines of Political Economy; being a plain and short view of the Laws relating to the Production, Distribution, and Consumption of Wealth*». London, 1832.

Автор этого сочинения * с самого начала указывает на тот практический мотив, в силу которого мальтузианцы выступают против определения стоимости рабочим временем:

«Учение, что труд есть единственный источник богатства, является, надо полагать, столь же опасным, как и ошибочным, ибо оно пагубным образом дает опору тем, кто утверждает, что вся собственность принадлежит рабочим классам и что доля, которую получают другие, будто бы отпята у рабочих грабительским или мошенническим путем» (назв. соч., стр. 22, примечание).

В следующей фразе у анонимного автора яснее, чем у Мальтуса, выступает смешение *стоимости* товара с *использованием стоимости* товара или денег в качестве капитала. В последнем смысле происхождение прибавочной стоимости выражено правильно:

«*Стоимость капитала*, т. е. количество труда, которого он стоит, или которым он может распоряжаться, всегда больше того количества труда, которое было на него затрачено, и эта разность образует прибыль, или вознаграждение, получаемое владельцем капитала» (там же, стр. 32).

Правильно также и следующее, взятое у Мальтуса, соображение относительно того, почему в условиях капиталистического

* — Джон Кейзнов. Ред.

производства прибыль следует относить к *издержкам производства*:

«Прибыль на примененный капитал» {а «без получения этой прибыли не было бы достаточного мотива для того, чтобы производить товар»} «есть существенное условие предложения, и в качестве такого условия она образует одну из составных частей *издержек производства*» (там же, стр. 33).

В следующем отрывке содержится, с одной стороны, правильная мысль о том, что прибыль на капитал проистекает непосредственно из обмена капитала на труд, а с другой стороны — здесь излагается мальтусовское учение о прибыли, которая создается будто бы при *продаже*:

«Прибыль человека зависит не от того, что он распоряжается *продуктом* труда других людей, а от того, что он распоряжается *самим трудом*» (здесь намечено правильное разграничение между обменом товара на товар и обменом товара, в качестве капитала, на труд). «Если человек может продать свои товары» [779] (при понижении *стоимости денег*) «по более высокой цене, *в то время как заработная плата его рабочих остается без изменения*, то он, несомненно, *выгадывает от повышения цены, независимо от того, повышаются ли цены других товаров или нет*. Менее значительная доля того, что он производит, достаточна теперь для того, чтобы привести в движение этот труд, и потому более значительная доля остается для него самого» (там же, стр. 49—50).

То же самое происходит и в том случае, когда, например вследствие введения новых машин, химических процессов и т. д., капиталист производит товар ниже его прежней стоимости, а продает его или по прежней стоимости или, во всяком случае, выше той его индивидуальной стоимости, до которой он теперь спустился. В этом случае рабочий, правда, не работает непосредственно меньше времени на самого себя и больше на капиталиста. Но теперь менее значительная доля того, что он производит, достаточна для того, чтобы при воспроизводстве «привести в движение этот труд». Фактически, следовательно, рабочий в обмен на получаемый им овеществленный труд дает больше, чем прежде, часть своего непосредственного труда. Он получает, например, по-прежнему 10 ф. ст. Но эти 10 ф. ст., — хотя по отношению к обществу они представляют то же самое количество труда, — тут являются продуктом не *такого же количества рабочего времени*, как прежде, а, может быть, на один час меньшего. Следовательно, рабочий фактически работает более продолжительное время на капиталиста и менее продолжительное время на самого себя. Результат был бы тот же самый, если бы рабочий получал теперь всего лишь 8 ф. ст., но эти 8 ф. ст. вследствие возросшей производительности его труда представляли бы ту же массу потребительных стоимостей, какую раньше представляли 10 ф. ст.

По поводу упомянутых выше рассуждений [Джемса] Милля о тождестве спроса и предложения * анонимный автор замечает:

«Предложение каждого человека зависит от *количества*, которое он доставляет на рынок; его спрос на другие предметы зависит от *стоимости* его предложения. Предложение есть нечто определенное, оно зависит от него самого; спрос является чем-то неопределенным, он зависит от других. Предложение может оставаться неизменным, в то время как спрос изменяется. Сто кварталов зерна, доставляемые данным лицом на рынок, могут в один период времени стоить 30 шилл. за квартал, а в другой период — 60 шилл. *Количество, или предложение*, в обоих случаях одинаково, но спрос данного лица, или его способность покупать другие вещи, в последнем случае вдвое больше, чем в первом» (там же, стр. 111—112).

Об отношении между трудом и машинами анонимный автор говорит следующее:

«Когда количество производимых товаров увеличивается в результате более рационального распределения труда, то не требуется большего спроса, чем прежде, чтобы содержать весь тот труд, который применялся раньше»

(как так? Если труд распределен более рационально, то с затратой того же количества труда будет произведено больше товаров; поэтому предложение будет возрастать, и разве для поглощения его не потребуются увеличения спроса? Разве не прав А. Смит, когда он говорит, что разделение труда зависит от размеров рынка? В действительности, что касается [необходимости увеличения] спроса извне, то в этом отношении нет никакой разницы [между тем, что имеет место при введении более рационального распределения труда, и тем, что имеет место при введении машин], — только при введении машин [увеличение спроса необходимо] в больших размерах. Но «более рациональное распределение труда» может потребовать того же или даже большего числа рабочих, чем прежде, тогда как введение машин при всех обстоятельствах должно уменьшить ту долю капитала, которая затрачивается на непосредственный труд), —

«между тем как с введением машин *часть рабочих несомненно лишится работы*, если не произойдет увеличения спроса или падения заработной платы или прибыли.

Предположим, что имеется товар стоимостью в 1 200 ф. ст., из которых 1 000 ф. ст. составляют заработную плату 100 рабочих (по 10 ф. ст. на каждого рабочего), а 200 ф. ст. составляют прибыль при норме в 20%. Представим себе теперь, что этот же товар может быть произведен с помощью труда 50 рабочих, применяющих машину, стоившую труда других 50 рабочих и нуждающуюся в труде 10 рабочих для сохранения ее в надлежащем

* См. настоящее издание, часть II, стр. 548—549, 560 и 561 и часть III, стр. 54 и 99—102. *Ред.*

состоянии; производитель будет тогда в состоянии понизить цену производимого им товара до 800 ф. ст. и все же будет получать по-прежнему такое же вознаграждение за применение своего капитала.

Заработная плата 50 рабочих составляет 500 ф. ст.

Заработная плата 10 рабочих для сохранения машины в надлежащем состоянии 100 ф. ст.

Прибыль в 20%:

на оборотный капитал в 500 ф. ст. } 200 ф. ст.
на основной капитал в 500 ф. ст. }

Итого 800 ф. ст.»

{(Заработная плата 10 рабочих для сохранения машины в надлежащем состоянии» представляет здесь годичный износ машины. В противном случае расчет неправилен, так как труд по ремонту прибавляется к первоначальным издержкам производства машины.) Раньше предприниматель должен был ежегодно затрачивать 1 000 ф. ст., но зато и продукт имел тогда стоимость в 1 200 ф. ст. Теперь он раз навсегда затратил на машину 500 ф. ст.; эту сумму ему, следовательно, не придется больше затрачивать каким-либо другим образом. Ему придется затрачивать ежегодно 100 ф. ст. на «сохранение машины в надлежащем состоянии» и 500 ф. ст. на заработную плату (ибо в этом примере нет сырья). Ему приходится ежегодно затрачивать лишь 600 ф. ст., но на свой совокупный капитал он по-прежнему получает 200 ф. ст. прибыли. Масса и норма прибыли остались прежние. Но его годовой продукт составляет теперь всего только 800 ф. ст.}

«Те люди, которые раньше должны были платить за товар 1 200 ф. ст., могут теперь сэкономить 400 ф. ст., которые они могут затратить на что-нибудь другое или на покупку большего количества того же товара. Если эти 400 ф. ст. будут затрачены на [780] продукт непосредственного труда, то они дадут работу не больше чем 33,4 рабочим, тогда как число рабочих, которые в результате введения машины лишились работы, составит 40. Ибо

Заработная плата 33,4 рабочих по 10 ф. ст. на каждого составляет 334 ф. ст.

Прибыль при норме в 20% 66 ф. ст.

Итого 400 ф. ст.»

{Это означает, иными словами, следующее: если 400 ф. ст. затрачиваются на товары, являющиеся продуктом непосредственного труда, и если заработная плата составляет 10 ф. ст. на одного рабочего, то товары, стоящие 400 ф. ст., должны быть продуктом труда менее чем 40 рабочих. Будь эти товары продуктом труда 40 рабочих, они содержали бы только *оплаченный труд*. Стоимость труда (или овеществленное в заработной плате количество труда) была бы равна стоимости продукта

(количеству труда, овеществленного в товаре). Но товары на 400 ф. ст. содержат *неоплаченный* труд, который как раз и образует прибыль. Следовательно, они должны быть продуктом труда менее чем 40 рабочих. Если прибыль равна 20%, то только $\frac{5}{6}$ продукта могут состоять из оплаченного труда, т. е. приблизительно 334 ф. ст., что соответствует 33,4 рабочим по 10 ф. ст. на каждого. Шестая часть, т. е. приблизительно 66 ф. ст., представляет неоплаченный труд. Совершенно таким же способом Рикардо доказал, что машины, даже если их денежная цена столь же высока, как и цена того непосредственного труда, который они заменяют, никогда не могут быть продуктом такого же количества труда *.)

«Если бы они» (т. е. указанные 400 ф. ст.) «были затрачены на покупку большего количества того же товара или на покупку какого-либо другого товара, для изготовления которого употреблен основной капитал того же рода и в том же количестве, то они дали бы работу лишь 30 рабочим. Ибо

Заработная плата 25 рабочих по 10 ф. ст. на каждого составляет	250 ф. ст.
Заработная плата 5 рабочих для сохранения машины в надлежащем состоянии	50 ф. ст.
Прибыль на 250 ф. ст. оборотного и 250 ф. ст. основного капитала	100 ф. ст.
Итого	400 ф. ст.»

{Дело в том, что в случае применения машин производство товара стоимостью в 800 ф. ст. требует такой затраты на машину, которая составляет 500 ф. ст.; следовательно, для производства товара стоимостью в 400 ф. ст. затрата на машину составит лишь 250 ф. ст. Затем, для обслуживания машины стоимостью в 500 ф. ст. требуется 50 рабочих; следовательно, для обслуживания машины стоимостью в 250 ф. ст. требуется 25 рабочих (250 ф. ст.). Далее, «сохранение машины в надлежащем состоянии» — воспроизводство машины стоимостью в 500 ф. ст. — требует 10 рабочих; следовательно, для воспроизводства машины стоимостью в 250 ф. ст. требуется 5 рабочих (50 ф. ст.). Таким образом, мы получаем 250 ф. ст. основного и 250 ф. ст. оборотного капитала — итого 500 ф. ст. Прибыль на этот капитал при норме в 20% составляет 100 ф. ст. Итак, продукт содержит в себе 300 ф. ст. заработной платы и 100 ф. ст. прибыли — итого 400 ф. ст. При этом занято 30 рабочих. Здесь во всех случаях предполагается, что капиталист (занятый производством) или заимствует капитал из сбережений (400 ф. ст.), помещенных потребителями у банкира, или сам владеет

* См. настоящее издание, часть II, стр. 611—612. *Ред.*

капиталом сверх тех 400 ф. ст., которые равны сумме, сбереженной из дохода потребителей. Ибо при капитале в 400 ф. ст. он не может затратить 250 ф. ст. на машину и 300 ф. ст. на заработную плату.}

«Когда вся сумма в 1 200 ф. ст. затрачивалась на продукт непосредственного труда, то стоимость продукта распадалась на 1 000 ф. ст. заработной платы и 200 ф. ст. прибыли» (число рабочих — 100, заработная плата — 1 000 ф. ст.). «Когда та же сумма затрачивалась частью одним, частью другим способом, .. то стоимость продукта распадалась на 934 ф. ст. заработной платы и 266 ф. ст. прибыли» (а именно, 60 рабочих в предприятии, применяющем машины, и 33,4 рабочих, работающих без машин, т. е. общее число рабочих равно 93,4 и получают они в общей сложности 934 ф. ст.). «Накопел, при третьем предположении, когда вся сумма затрачена на совместный продукт машины и труда, стоимость продукта распадается на 900 ф. ст. заработной платы» (ибо в этом случае число рабочих — 90) «и 300 ф. ст. прибыли» (там же, стр. 114—117).

[781] «Капиталист не может после введения машины применять столько же труда, как и прежде, без дальнейшего накопления капитала. Однако доход, который сберегают потребители данного предмета после того, как цена последнего упала, создаст, благодаря росту их потребления этого или какого-нибудь другого предмета, спрос на *часть* того труда, который был вытеснен машиной, хотя и не на *весь* этот труд» (там же, стр. 119).

«Г-н Мак-Куллох полагает, что введение машин в одной отрасли производства с *необходимостью* создает такой же или еще больший спрос на уволенных рабочих в какой-нибудь другой отрасли производства. Чтобы доказать это, он предполагает, что те ежегодные отчисления, которые необходимы для возмещения стоимости машины к тому времени, когда она будет полностью изношена, создают каждый год все возрастающий спрос на труд²⁸. Но так как эти ежегодные отчисления в общей сложности могут к концу определенного срока равняться лишь первоначальной стоимости машины вместе с процентами на нее за весь период действия машины, то нелегко понять, каким образом они когда бы то ни было могут создать спрос на труд, превышающий тот, который имел бы место, если бы машина не применялась» (там же, стр. 119—120).

Амортизационный фонд, конечно, сам в свою очередь может служить для накопления в тот промежуток времени, когда износ машины только исчисляется, но фактически не дает о себе знать. Но во всяком случае этот созданный таким путем спрос на труд гораздо меньше, чем он был бы в том случае, если бы на заработную плату затрачивался весь вложенный в машины капитал, а не только то ежегодное отчисление, которое необходимо для возмещения ежегодного изнашивания машин. Мак Петер *, как всегда, осел. Место это только потому заслуживает внимания, что здесь высказывается мысль, что амортизационный фонд сам является фондом накопления.

* — насмешливо вместо Мак-Куллоха (по-немецки «dummer Peter» означает «дурак», «болван»). Ред.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ РАЗЛОЖЕНИЕ РИКАРДИАНСКОЙ ШКОЛЫ

1) Р. ТОРРЕНС

[а) ВОПРОС О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ СРЕДНЕЙ НОРМОЙ ПРИБЫЛИ И ЗАКОНОМ СТОИМОСТИ У СМИТА И РИКАРДО]

[782] *R. Torrens. An Essay on the Production of Wealth. London, 1821.*

Наблюдение конкуренции — внешних проявлений производства — показывает, что равновеликие капиталы приносят в среднем равную прибыль, или что при данной средней норме прибыли масса прибыли зависит от величины авансированного капитала (а только это и означает средняя норма прибыли).

А. Смит зарегистрировал этот факт. У него не вызывал каких-либо мучительных сомнений вопрос о связи этого факта с выдвинутой им теорией стоимости; этот вопрос тем менее его тревожил, что наряду со своей, так сказать, эзотерической теорией стоимости он выдвинул еще различные другие теории и мог по своему усмотрению придерживаться той или другой из них. Единственное соображение, на которое его натолкнуло указанное положение вещей, было им высказано в полемике против того взгляда, который стремится свести прибыль к заработной плате за труд по надзору: ведь, помимо всех других обстоятельств, труд по надзору не возрастает в такой же мере, в какой растет масштаб производства, и к тому же стоимость авансированного капитала (вследствие, например, дороговизны сырья) может возрастать и без увеличения масштаба производства²⁹. Имманентный закон для определения *средней прибыли* и самой величины ее отсутствует в концепции Смита. Смит ограничивается утверждением, что конкуренция уменьшает этот *x*.

Рикардо везде (если не считать немногочисленных и лишь случайных отдельных замечаний) непосредственно отождествляет

прибыль с прибавочной стоимостью. Поэтому согласно Рикардо товары продаются с *прибылью* не потому, что они продаются *выше* своей стоимости, а потому, что они продаются *по своей стоимости*. Однако при рассмотрении *стоимости* (в главе 1-й его «Principles») он является первым, кто вообще задумался над отношением *определения стоимости* товаров к тому явлению, что равновеликие капиталы приносят равную прибыль. Это возможно для них лишь постольку, поскольку товары, производимые ими, хотя и *не продаются по одинаковым ценам* (впрочем, можно сказать, что в итоге получается одинаковая цена, если мы стоимость непотребленной части основного капитала прибавим к стоимости продукта), но тем не менее приносят *одинаковую прибавочную стоимость*, одинаковый избыток цены над ценой авансированного капитала. И вот Рикардо первый обратил внимание на то, что капиталы одинаковой величины отнюдь не имеют одинакового органического строения. Различие в этом строении он воспринял в том виде, в каком он нашел его у А. Смита, — оборотный и основной капитал, — т. е. он знает лишь различия, проистекающие из процесса обращения.

Рикардо отнюдь не говорит прямо о том, что закону стоимости *prima facie* * противоречит тот факт, что капиталы неодинакового органического строения, приводящие, стало быть, в движение неодинаковые массы непосредственного труда, производят товары одной и той же стоимости и приносят одну и ту же прибавочную стоимость (которую он отождествляет с прибылью). Напротив, приступая к исследованию стоимости, он уже предполагает существование капитала и общей нормы прибыли. Рикардо с самого начала отождествляет *цены издержек* и *стоимости* и не видит, что эта предпосылка с самого же начала противоречит *prima facie* закону стоимости. Лишь на основе этой предпосылки, включающей в себя главное противоречие и основную трудность, он приходит к рассмотрению частного случая — *изменения заработной платы*, повышения или падения ее. Чтобы норма прибыли оставалась при этом одинаковой, повышение или падение заработной платы, чему соответствует падение или повышение прибыли, должно неодинаково действовать на капиталы различного органического строения. Если заработная плата повышается, а прибыль, следовательно, уменьшается, то падают цены тех товаров, для производства которых требуется относительно больший основной капитал. В обратном случае имеет место обратное. Выхо-

* — на первый взгляд. Ред.

дит, что «*меновые стоимости*» товаров не определяются в этом случае рабочим временем, требующимся для производства каждого из этих товаров. Иными словами: эта категория одинаковой нормы прибыли, получаемой капиталами различного органического строения (однако Рикардо приходит к этому выводу только в отдельном случае и только таким окольным путем), *противоречит* закону стоимости, или, как говорит Рикардо, образует *исключение* из него, по поводу чего Мальтус справедливо замечает, что с развитием [783] промышленности рикардовское правило становится исключением, а исключение — правилом *. Само противоречие не получает у Рикардо ясного выражения — в форме: хотя один товар содержит больше неоплаченного труда, чем другой, — ибо при одинаковой норме эксплуатации рабочих количество неоплаченного труда зависит от количества оплаченного труда, т. е. от количества применяемого непосредственного труда, — товары тем не менее доставляют одинаковые стоимости, или одинаковый избыток неоплаченного труда над оплаченным. Напротив, у Рикардо противоречие фигурирует лишь в частной форме: в некоторых случаях *заработная плата* — изменение заработной платы — оказывает влияние на цены издержек товаров (Рикардо говорит: на их меновые стоимости).

Различия в периодах оборота капитала, — вследствие которых, остается ли капитал в течение более длительного срока в процессе производства (хотя и не в процессе труда) ³⁰ или в процессе обращения, он для своего оборота требует не больше труда, а больше времени, — эти различия точно так же не влияют на равенство прибылей. И это опять-таки противоречит закону стоимости, — по Рикардо, это опять-таки *исключение* из закона стоимости.

Таким образом, Рикардо изобразил дело очень односторонне. Если бы он выразил его в общей форме, то он получил бы также и общее решение вопроса.

Но за ним остается большая заслуга: Рикардо догадывается о существовании различия между стоимостями и ценами издержек, и он формулирует для определенных случаев, — хотя и лишь в виде *исключений* из закона, — то противоречие, что капиталы неодинакового органического строения, т. е. в конечном счете всегда капиталы, эксплуатирующие неодинаковые количества живого труда, доставляют одинаковые прибавочные стоимости (прибыли) и, — если не учитывать того обстоятельства, что часть основного капитала входит в процесс труда,

* См. настоящее издание, часть III, стр. 23—24. Ред.

не входя в процесс образования стоимости, — одинаковые стоимости, товары одинаковых стоимостей (точнее, *цен издержек*, но Рикардо смешивает это).

[6] ПУТАНИЦА У ТОРРЕНСА В ВОПРОСЕ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ
СТОИМОСТИ ТРУДОМ И В ВОПРОСЕ ОБ ИСТОЧНИКЕ ПРИБЫЛИ.
ЧАСТИЧНЫЙ ВОЗВРАТ К А. СМИТУ И К КОНЦЕПЦИИ
«ПРИБЫЛИ ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ»]

Как мы видели выше *, *Мальтус* использует это [открытое Давидом Рикардо противоречие между законом стоимости и одинаковой прибылью у неодинаковых по своему строению капиталов] для отрицания рикардовского закона стоимости.

Торренс уже в самом начале своего сочинения исходит из этого открытия Рикардо, — но отнюдь не для того, чтобы разрешить проблему, а для того, чтобы само это «явление» представить как закон явления:

«Предположим, что применяются капиталы различной долговечности. Пусть, например, фабрикант сукна и фабрикант шелка применяют капиталы в 2 000 ф. ст. каждый, причем первый затрачивает 1 500 ф. ст. на долговечные машины и 500 ф. ст. на заработную плату и материалы, тогда как второй затрачивает на долговечные машины только 500 ф. ст., а на заработную плату и материалы — 1 500 ф. ст. Предположим, что ежегодно потребляется $\frac{1}{10}$ этого основного капитала и что норма прибыли составляет 10%. Так как в таком случае капитал в 2 000 ф. ст., чтобы принести фабриканту сукна 10% прибыли, должен дать ему выручку в 2 200 ф. ст. и так как стоимость основного капитала в результате процесса производства уменьшилась с 1 500 до 1 350 ф. ст., то произведенные фабрикантом сукна товары должны быть проданы за 850 ф. ст. И точно таким же образом, так как основной капитал фабриканта шелка уменьшился в результате процесса производства на $\frac{1}{10}$, или с 500 до 450 ф. ст., то произведенный шелк, для того чтобы принести фабриканту шелка *обычную норму прибыли* на весь его капитал в 2 000 ф. ст., должен быть продан за 1 750 ф. ст.... Когда применяются капиталы одинаковой величины, но разной долговечности, то произведенные в одной отрасли производства товары вместе с оставшимся в этой отрасли капиталом будут равны по меновой стоимости продуктам и оставшемуся капиталу в другой отрасли производства» (*Torrens. An Essay on the Production of Wealth. London, 1821, стр. 28—29*).

Явление, обнаруживающееся в сфере конкуренции, здесь только отмечается, регистрируется. Равным образом здесь просто *предполагается «обычная норма прибыли»*, но не объяснено, откуда она берется, и нет даже смутного представления о том, что это нуждается в объяснении.

«Равновеликие капиталы, или, другими словами, одинаковые количества накопленного труда, нередко приводят в движение различные количества непосредственного труда, но это нисколько не меняет дела» (стр. 29—30),

* См. настоящее издание, часть III, стр. 4 и 21—24. Ред.

— а именно, не меняет того положения вещей, что стоимость продукта плюс оставшийся непотребленным капитал доставляют равные стоимости — или, что одно и то же, равные прибыли.

Заслуга этого положения Торренса состоит не в том, что он и здесь снова лишь регистрирует явление, не объясняя его, а в том, что различие между капиталами он определяет в том смысле, что одинаковые по своей величине капиталы приводят в движение неодинаковые количества живого труда, хотя он опять портит дело тем, что изображает это как «особый» случай. Если стоимость равна труду, затраченному на производство товара и овеществленному в нем, то ясно, что — при продаже товаров по их стоимости — содержащаяся в товарах прибавочная стоимость может быть равна лишь содержащемуся в них неоплаченному труду, или прибавочному труду. Но количество этого прибавочного труда — при одной и той же норме эксплуатации рабочих — не может быть одинаковым у капиталов, «приводящих в движение различные количества непосредственного труда», все равно, обусловливается ли это различие непосредственным процессом производства или периодом обращения. Итак, заслуга Торренса в том, что у него имеется эта формулировка. Какой же вывод делает он отсюда? Тот вывод, что здесь [784] при капиталистическом производстве происходит переворот в законе стоимости, т. е. что закон стоимости, абстрагированный из капиталистического производства, противоречит явлениям капиталистического производства. А что ставит Торренс на место этого закона? Абсолютно ничего, кроме грубого, бездумного словесного выражения того явления, которое подлежит объяснению.

«В ранний период развития общества»

(т. е. как раз в тот период, когда вообще меновая стоимость — продукт в качестве товара — едва развита, а потому не развит и закон стоимости)

«относительную стоимость товаров определяет совокупное количество затраченного на их производство труда, накопленного и непосредственного. Но начиная с того времени, когда возникает накопление капитала и устанавливается различие между классом капиталистов и классом рабочих, когда тот, кто выступает как предприниматель в какой-нибудь отрасли производства, не сам выполняет работу в своем предприятии, а авансирует другим средства существования и материалы, — начиная с этого времени меновую стоимость товаров определяет количество затраченного в производстве капитала, или накопленного труда» (цит. соч., стр. 33—34). «Если два капитала равны, то стоимости их продуктов будут равны, как бы ни было различно количество непосредственного труда, какое они приводят в движение, или какого требуют их продукты. Если эти капиталы неравны, то их

продукты будут иметь неравную стоимость, хотя бы совокупное количество труда, затраченного на продукт каждого из них, было совершенно одинаковым» (стр. 39). «Итак, после указанного обособления капиталистов и рабочих меновую стоимость начинает определять величина капитала, количество накопленного труда, а не — как до этого обособления — сумма накопленного и непосредственного труда, затраченного на производство товара» (стр. 39—40).

Здесь опять нет ничего, кроме констатирования того явления, что равновеликие капиталы приносят равновеликие прибыли, или что цена издержек товара равняется цене авансированного капитала плюс средняя прибыль, — и кроме намека на то, что это явление, поскольку «равновеликие капиталы приводят в движение различные количества непосредственного труда», prima facie несовместимо с определением стоимости товара содержащимся в нем рабочим временем. Замечание Торренса, что это явление капиталистического производства обнаруживается впервые лишь тогда, когда существует капитал, — существуют классы капиталистов и рабочих, — когда объективные условия труда обособляются как нечто самостоятельное, как капитал, — это замечание представляет собой тавтологию.

Но каким образом обособление [необходимых] для производства товара [факторов] — в качестве капиталистов и рабочих, капитала и наемного труда — ниспровергает закон стоимости товара, это у Торренса просто «выводится» из непонятого явления.

Рикардо пытался доказать, что обособление капитала и наемного труда — за некоторыми исключениями — ничего не меняет в определении стоимости товаров. Опираясь на рикардовские исключения, Торренс отрицает самый закон. Он возвращается назад к А. Смиту, против которого направлена аргументация Рикардо и по которому, правда, «в ранний период развития общества», когда люди противостоят еще друг другу лишь как товаровладельцы, обменивающиеся товарами, стоимость товара определяется содержащимся в нем рабочим временем, но это не имеет места тогда, когда образовались капитал и земельная собственность. Это значит (как я уже заметил в первой части ³¹), что закон, действительный для товаров как товаров, недействителен для них, лишь только они начинают фигурировать в качестве капитала или в качестве продуктов капитала, лишь только вообще совершается переход от товара к капиталу. С другой стороны, продукт всесторонне принимает форму товара только в результате того, что весь продукт должен превращаться в меновую стоимость, а все составные элементы его производства сами входят в него в ка-

честве товаров, — т. е. продукт всесторонне становится товаром только с развитием капиталистического производства и на основе последнего. Выходит, следовательно, что закон товара должен существовать в таком производстве, которое не производит товаров (или только отчасти производит товары), и не должен существовать на основе такого производства, базисом которого является существование продукта как товара. Сам закон, точно так же как и товар в качестве всеобщей формы продукта, выведен из условий капиталистического производства, а тут получается, что как раз для капиталистического производства этот закон недействителен.

К тому же разговоры о влиянии обособления «капитала и труда» на определение стоимости, — оставляя в стороне тавтологию, что, пока не существует капитала, капитал не может определять цен, — являются опять-таки совершенно плоской передачей факта, обнаруживающегося на поверхности капиталистического производства. Пока каждый сам работает при помощи своих орудий и сам продает производимый им продукт {однако в действительности необходимость продажи продукта в [785] масштабе всего общества никогда не совпадает с производством при помощи своих собственных условий труда}, к его издержкам относятся как издержки на орудия, так и *труд*, который он сам выполняет. *Издержки же капиталиста состоят из авансированного капитала*, из той суммы стоимости, которую он затрачивает на производство, *а не из труда, которого он не выполняет* и который ему стоит только то, что он за него заплатил. С точки зрения капиталистов это является очень хорошим основанием для того, чтобы прибавочную стоимость (в масштабе всего общества) исчислять и распределять между собой не по количеству того непосредственного труда, который данный капитал приводит в движение, а по величине авансированного капиталистами капитала. Но это отнюдь не является основанием для объяснения того, откуда получается эта подлежащая такому распределению и распределяемая указанным образом прибавочная стоимость.

Торренс еще настолько придерживается рикардовской теории, что по его мнению стоимость товара определяется количеством труда, но он утверждает, что только «*количество накопленного труда*», затраченное на производство товаров, есть то, что определяет их стоимость. Здесь, однако, Торренс совсем запутывается.

Так, например, стоимость сукна определяется *трудом, накопленным* в ткацком станке, в шерсти и т. д. и в заработной плате. Все это образует составные элементы того накопленного

труда, который требуется для производства сукна. Выражение «накопленный труд» означает здесь не что иное, как *овеществленный труд*, овеществленное рабочее время. Но когда сукно готово, когда производство его закончено, то затраченный на сукно непосредственный труд тоже превратился в накопленный, или овеществленный труд. Почему же стоимость ткацкого станка и шерсти должна определяться содержащимся в них овеществленным трудом (который есть не что иное, как непосредственный труд, овеществленный в каком-нибудь предмете, в каком-нибудь продукте, в какой-нибудь полезной вещи), а стоимость сукна — не должна? Если сукно в свою очередь входит составным элементом в новое производство, например в красильне или в портновской мастерской, то оно представляет собой «накопленный труд», и стоимость сюртука определяется стоимостью заработной платы рабочих, их орудий и сукна, стоимость которого сама определяется «накопленным» в нем трудом. Если я рассматриваю товар как *капитал*, т. е. в данном случае вместе с тем как условие производства, то его стоимость сводится к непосредственному труду, который называется «накопленным трудом», так как он существует в овеществленной форме. Напротив, если я рассматриваю этот же товар как товар, как продукт и результат процесса производства, то его стоимость определяется не тем трудом, который накоплен в нем самом, а трудом, накопленным в его условиях производства.

Действительно, недурной порочный круг — пытаться определить стоимость товара стоимостью капитала: ведь стоимость капитала равна стоимости тех товаров, из которых он состоит. Против этого молодца прав *Джеймс Милль*, когда он говорит:

«Капитал — это товары, и сказать, что стоимость товаров определяется стоимостью капитала, значит сказать, что стоимость товара определяется стоимостью товара» ³².

Здесь надо заметить еще следующее. Так как [у Торренса] стоимость товара определяется стоимостью того капитала, который производит его, или, другими словами, массой труда, накопленного и овеществленного в этом капитале, то возможны лишь два случая.

[По Торренсу] товар содержит, во-первых, стоимость потребленного основного капитала, во-вторых, стоимость сырья, содержит, другими словами, то количество труда, которое заключено в [потребленном] основном капитале и сырье; в-третьих, он содержит еще то количество труда, которое овеществлено в деньгах или товарах, функционирующих в качестве заработной платы.

Так вот, здесь возможны лишь два случая.

Количество «накопленного» труда, содержащегося в основном капитале и сырье, остается после процесса производства таким же, каким оно было до этого процесса. Что же касается третьей части авансированного «накопленного труда», то рабочий возмещает ее своим непосредственным трудом, — т. е. в этом случае присоединенный к сырью и т. д. «непосредственный труд» представляет в товаре, в продукте, ровно столько накопленного труда, сколько его содержалось в заработной плате. Или же он представляет большее количество труда. Если он представляет большее количество труда, то товар содержит больше накопленного труда, чем авансированный капитал. Тогда прибыль проистекает как раз из избытка накопленного труда, содержащегося в товаре, над накопленным трудом, содержащимся в авансированном капитале. И тогда *стоимость* [786] товара по-прежнему определяется содержащимся в нем количеством труда (накопленного плюс непосредственный, причем последний существует теперь в товаре тоже как накопленный, а не как непосредственный труд. Непосредственным он является в процессе производства, накопленным — в продукте).

Или же [т. е. в первом случае] непосредственный труд представляет лишь авансированное в заработной плате количество труда, есть лишь эквивалент этого количества. (Если бы он был меньше этого, то надо было бы объяснять не то, почему капиталист получает прибыль, а то, как это происходит, что он не терпит убытка.) Откуда получается прибыль в данном случае? Откуда проистекает прибавочная стоимость, избыток стоимости товара над стоимостью составных элементов его производства, или над стоимостью авансированного капитала? Не из самого процесса производства (так что он, этот избыток, лишь реализовался бы в обмене, или в процессе обращения), а из обмена, из процесса обращения. Тем самым мы возвращаемся к Мальтусу и к грубому меркантилистскому представлению о «прибыли от отчуждения». К этому последовательно приходит также и г-н Торренс, хотя он опять-таки настолько непоследователен, что эту *оплачиваемую стоимость* он не объясняет неким необъяснимым, с неба упавшим фондом, — а именно, фондом, образующим не только эквивалент за товар, но и избыток над этим эквивалентом и состоящим из средств такого покупателя, который всегда в состоянии оплачивать товар выше его стоимости, не продавая сам товаров выше их стоимости, что сводило бы все дело к нулю. Торренс не так последователен, как Мальтус, чтобы прибегнуть к такого рода

фикции; наоборот, он утверждает, что «действительный спрос», т. е. сумма стоимости, уплачиваемая за продукт, проистекает только из *предложения* и, следовательно, тоже является товаром; при этом абсолютно нельзя понять, как обе стороны, выступающие и в качестве продавца, и в качестве покупателя, могут в одинаковой мере взаимно надуть друг друга.

«Действительный спрос на какой-нибудь товар всегда определяется и всегда измеряется, при любой данной норме прибыли, тем количеством составных элементов капитала, или необходимых для производства товара вещей, которое потребители могут и хотят предложить в обмен на этот товар» (Торренс, цит. соч., стр. 344).

«Рост предложения есть единственная причина увеличения действительного спроса» (там же, стр. 348).

Мальтус, цитирующий это положение из книги Торренса, не без основания заявляет протест против такого взгляда («Definitions in Political Economy». London, 1827, стр. 59) *.

А что Торренс, действительно, приходит к вышеупомянутому нелепому выводу, показывают следующие его высказывания об *издержках производства* и т. д.:

«Рыночная цена» (у Мальтуса — «стоимость для покупателя») «всегда включает в себя обычную для данного времени норму прибыли. *Естественная цена*, состоящая из *издержек производства*, или, другими словами, из *капитала, затраченного* при производстве или изготовлении товара, не может включать норму прибыли» (Торренс, цит. соч., стр. 51).

«Если фермер, затратив 100 кварталов зерна, получает обратно в качестве выручки 120 кварталов, то 20 кварталов зерна составляют прибыль, и было бы абсурдно этот избыток, или эту прибыль, называть частью затрат... Точно так же фабрикант в результате процесса производства получает такое количество готовых изделий, *меновая стоимость* которого превышает стоимость затраченных им материалов и т. д.» (стр. 51—53).

«Действительный спрос состоит в способности и склонности *потребителей*, путем ли непосредственного или опосредствованного обмена, давать за товар *некоторое большее количество* всех составных частей капитала, чем стоило его производство» (стр. 349).

120 кварталов зерна безусловно больше 100 кварталов. Но если рассматривать, как в данном случае, лишь потребительную стоимость и проделываемый ею процесс, т. е., собственно говоря, вегетативный или физиологический [787] процесс, то было бы неверно утверждать, — если и не о самих 20 кварталах, то об элементах, их образующих, — что они не входят в *процесс производства*. Ведь иначе они не могли бы из него получиться. Кроме 100 кварталов зерна — семян³³, — в процесс, превращающий 100 кварталов зерна в 120 кварталов, входят еще доставляемые удобрением химические составные

* См. настоящее издание, часть III, стр. 54. Ред.

части, содержащиеся в земле соли, а также вода, воздух, свет. Преобразование и усвоение этих элементов, составных частей, условий — затрат природы, превращающих 100 кварталов зерна в 120 кварталов, — происходит в самом *процессе производства*, и элементы этих 20 кварталов входят, как физиологическая «затрата», в самый этот процесс, результатом которого является превращение 100 кварталов в 120 кварталов.

Если эти 20 кварталов рассматривать только с точки зрения потребительной стоимости, то они не являются просто прибылью. Здесь мы имеем только то, что органической частью ассимилированы и превращены в органическое вещество неорганические элементы. Без добавления того вещества, которое составляет физиологическую затрату, никогда и ни при каких условиях из 100 кварталов не получилось бы 120 кварталов. Таким образом, по сути дела можно сказать — даже с точки зрения одной только потребительной стоимости, с точки зрения зерна как зерна, — что в него вошло как *«затрата»* в неорганической форме то, что в *органической* форме выступает как наличный результат, состоящий из 20 кварталов зерна, представляющих собой избыток собранного зерна над посеянным.

Но этот способ рассмотрения сам по себе так же не имеет ничего общего с вопросом о прибыли, как если бы мы сказали, что проволока, ставшая в процессе труда в тысячу раз длиннее, чем тот кусок металла, из которого она сделана, представляет тысячекратную *прибыль*, так как длина ее увеличилась в тысячу раз. В случае с проволокой увеличилась длина; в случае с зерном увеличилось число кварталов. Но ни избыток в длине, ни избыток в числе не образуют *прибыли*, которая имеет отношение лишь к меновой стоимости, хотя эта меновая стоимость и представлена в прибавочном продукте.

Что же касается меновой стоимости, то вряд ли надо еще пояснять, что 90 кварталов зерна могут стоить несколько не меньше (и даже больше), чем 100 кварталов, 100 — больше, чем 120, и 120 — больше, чем 500.

Итак, на основании такого примера, который не имеет *ничего общего* с прибылью, с избытком *стоимости* продукта над *стоимостью* авансированного капитала, Торренс делает вывод относительно прибыли. И даже физиологически — с точки зрения потребительной стоимости — его пример ошибочен, так как в действительности те 20 кварталов зерна, которые у него фигурируют как прибавочный продукт, так или иначе, хотя и в другой форме, уже имеются налицо в самом процессе производства.

Впрочем, в конце концов у Торренса прямо так и высказывает старое гениальное представление о прибыли как о «прибыли от отчуждения».

[в) ТОРРЕНС И ПОНЯТИЕ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА]

Заслуга Торренса в том, что он вообще возбуждает спорный вопрос о том, что такое *издержки производства*. Рикардо постоянно смешивает *стоимость* товара с *издержками производства* (поскольку они равны цене издержек) и отсюда его удивление по поводу того, что *Сэй*, хотя он и определяет цену издержками производства, делает из этого определения другие выводы *. Мальтус, как и Рикардо, утверждает, что цена товара определяется издержками производства, и, подобно Рикардо, включает прибыль в издержки производства. Тем не менее стоимость он определяет совершенно иначе — не количеством труда, содержащимся в товаре, а тем количеством труда, которым товар может распоряжаться.

Двусмысленности в понятии *издержек производства* происходят из самой природы капиталистического производства.

Во-первых. Для капиталиста *издержки* производимого им товара — это, естественно, то, чего *стоит капиталисту* товар. Кроме стоимости *авансированного капитала*, ему товар ничего не стоит, т. е. никакой иной стоимости капиталист на товар не затрачивает. Если он, чтобы произвести товар, затрачивает 100 ф. ст. на сырье, орудия труда, заработную плату и т. д., то ему товар стоит 100 ф. ст. — не больше и не меньше. Кроме труда, содержащегося в этих затратах, — т. е. кроме *накопленного труда*, который, будучи заключен в авансированном капитале, определяет стоимость товаров, авансированных для процесса производства, — товар не стоит капиталисту никакого труда. То, чего ему стоит *непосредственный труд*, есть заработная плата, которую капиталист за него платит. Кроме заработной платы, непосредственный труд капиталисту ничего не стоит, а кроме непосредственного труда, капиталист вообще авансировал только стоимость постоянного капитала.

[788] В этом смысле понимает издержки производства Торренс, и в таком смысле понимает их каждый капиталист, когда он исчисляет прибыль, какова бы ни была ее норма.

Здесь издержки производства равны *затратам* капиталиста, равны стоимости авансированного капитала, т. е. тому количеству труда, которое содержится в авансированных для про-

* См. настоящее издание, часть II, стр. 521. Ред.

цесса производства товарах. И ни один экономист, в том числе и Рикардо, не может обойтись без *этого* определения издержек производства в смысле *авансированных затрат, произведенных издержек* и т. д. Это — то, что Мальтус называет *ценой для производителя* в противоположность цене для покупателя. Этому определению *авансированных затрат* соответствует превращение прибавочной стоимости в форму *прибыли*.

Во-вторых. Издержки производства в их первом определении — это цена, которой капиталист *оплачивает* изготовление товара в процессе производства, следовательно, то, чего *ему*, капиталисту, стоит товар. Но то, чего производство товара *стоит* капиталисту, и то, чего *стоит само это производство товара*, — это две совершенно различные вещи. Труд (овеществленный и непосредственный), который капиталист *оплачивает* при производстве товара, и труд, который необходим, чтобы *произвести* товар, совершенно различны по своей величине. Разность между ними и образует разность между авансированной и полученной стоимостью, между покупной ценой товара для капиталиста и продажной ценой товара (если товар продается по его стоимости). Если бы этого различия не существовало, то деньги или товар никогда не превращались бы в капитал. Вместе с прибавочной стоимостью исчез бы источник прибыли. *Издержки самого производства товара* состоят из стоимости потребленного в процессе его производства капитала, т. е. из того количества овеществленного труда, которое входит в товар, плюс то *количество непосредственного труда*, которое затрачено на производство товара. *Общая сумма* потребленного в товаре труда — «овеществленного» и «непосредственного» — образует *издержки самого производства товара*. Товар может быть создан только посредством производственного потребления этого количества овеществленного и непосредственного труда. Это и есть условие, необходимое для того, чтобы он вышел из процесса производства как *продукт*, как *товар* и как потребительная стоимость. И как бы ни изменялись прибыль и заработная плата, эти имманентные издержки производства товара остаются теми же самыми, пока технологические условия реального процесса труда остаются неизменными, или, что одно и то же, пока не происходит никакого изменения в данном уровне развития производительной силы труда. В этом смысле *издержки производства товара* равны его *стоимости*. Живой труд, затраченный на товар, и живой труд, оплаченный капиталистом, — это различные вещи. Поэтому с самого начала издержки производства товара для капиталиста (произведенные им затраты) отличны от *издержек самого производства товара*,

от его стоимости. Избыток стоимости (т. е. того, чего стоит сам товар) над стоимостью авансированного капитала (т. е. над тем, чего товар стоит капиталисту) образует прибыль, которая, следовательно, происходит не из того, что товар продается выше своей стоимости, а из того, что он продается выше стоимости оплаченных капиталистом затрат.

Это определение издержек производства, имманентных издержек производства товара, равных его стоимости, т. е. равных требующейся для производства товара общей сумме рабочего времени (овеществленного и непосредственного), выражает основное условие производства товара и остается неизменным, пока неизменной остается производительная сила труда.

В-третьих. Однако я уже показал раньше *, что в каждой отдельной отрасли или в каждом отдельном производстве капиталист продает товар, представляющий собой продукт особой отрасли или особого производства или особой сферы производства, отнюдь не по той стоимости, которая содержится в самом этом товаре, что, следовательно, масса прибыли, получаемой этим капиталистом, не тождественна с массой прибавочной стоимости, прибавочного труда, или неоплаченного труда, овеществленного в продаваемых им товарах. Напротив, он может в среднем реализовать в своем товаре лишь столько прибавочной стоимости, сколько ее приходится на долю этого товара как продукта определенной части общественного капитала. Если общественный капитал равен 1 000, а капитал в каком-нибудь отдельном [789] производстве равен 100, и если общая сумма прибавочной стоимости (стало быть, и прибавочного продукта, в котором овеществлена эта прибавочная стоимость) равна 200 и, следовательно, составляет 20%, то капитал в 100, вложенный в это отдельное производство, будет продавать свой товар по цене в 120, какова бы ни была стоимость этого товара, — равна ли она 120, больше ли она этой суммы или же меньше ее, т. е. независимо от того, составляет ли неоплаченный труд, содержащийся в данном товаре, $\frac{1}{5}$ авансированного на него труда или же не составляет.

Это — цена издержек, и когда речь идет об издержках производства в собственном смысле (экономическом, капиталистическом), то это есть стоимость авансированного капитала плюс стоимость средней прибыли.

Ясно, что как бы эта цена издержек отдельного товара ни отклонялась от его стоимости, она определяется стоимостью совокупного продукта общественного капитала. Отдельные

* См. настоящее издание, часть II, стр. 19—22, 27, 63—69, 188—254. Ред.

капиталы, благодаря выравниванию их прибылей, относятся друг к другу как определенные доли совокупного общественного капитала, и в качестве таких определенных долей они получают дивиденды из общего фонда прибавочной стоимости (прибавочного продукта), или прибавочного труда, или неоплаченного труда. Это ничего не меняет в стоимости товара, ничего не меняет в том, что независимо от того, равна ли цена издержек этого товара его стоимости или она больше или же меньше этой последней, он никогда не может быть произведен *без того*, чтобы не была произведена *его стоимость*, т. е. без затраты на него всего количества необходимого для его производства овеществленного и непосредственного труда. Это количество труда, не только оплаченного, но и неоплаченного, должно быть затрачено на товар, и в общем отношении между капиталом и трудом ничего не меняется от того, что в некоторых отраслях производства часть неоплаченного труда присваивается «собратьями-капиталистами»³⁴, а не тем капиталистом, который приводит в движение труд в этой особой отрасли производства. Ясно далее, что, каково бы ни было отношение между стоимостью товара и его ценой издержек, последняя всегда будет изменяться, повышаться или понижаться, в зависимости от изменения стоимости, т. е. в зависимости от изменения количества труда, необходимого для производства товара. Кроме того, ясно: часть прибыли всегда должна представлять прибавочную стоимость, неоплаченный труд, овеществленный в самом этом товаре, ибо на основе капиталистического производства в каждом товаре содержится больше затраченного на него труда, чем оплачено капиталистом, приведшим в движение этот труд. Некоторая часть прибыли может состоять из труда, не затраченного на тот товар, который доставляет определенная отрасль промышленности или который получается в данной сфере производства; но тогда имеется какой-нибудь другой товар, получаемый в какой-нибудь другой сфере производства, цена издержек которого падает ниже его стоимости, или в цене издержек которого учтено и оплачено меньшее количество неоплаченного труда, чем то, какое в нем содержится.

Ясно поэтому, что, хотя цены издержек большинства товаров должны отклоняться от их стоимостей, т. е. хотя их «издержки производства» должны отклоняться от совокупного количества содержащегося в них труда, тем не менее эти издержки производства и эти цены издержек не только определяются стоимостями товаров и соответствуют закону стоимости (а не противоречат ему), но, более того, лишь на основе стоимости и ее закона может быть понято само существование

издержек производства и цен издержек, тогда как без этой предпосылки оно становится бессмысленной нелепостью.

Вместе с тем становится понятным, почему те экономисты, которые, с одной стороны, видят фактическое явление, имеющее место в сфере конкуренции, а с другой стороны, не понимают опосредствования между законом стоимости и законом цены издержек, прибегают к фикции, что капитал, а не труд определяет стоимость товаров, или, точнее, что стоимости вообще не существует.

[790] Прибыль входит в *издержки производства товара*; она справедливо включается А. Смитом, как составной элемент, в «естественную цену» товара, потому что на основе капиталистического производства товар — в конечном счете, как правило — не выносится на рынок, если он не дает цены издержек, которая равна стоимости авансированного капитала плюс средняя прибыль. Или, как выражается Мальтус, хотя он и не понимает происхождения прибыли, ее настоящей причины, — потому что прибыль, а значит и цена издержек, включающая эту прибыль, есть условие *предложения* товара (на базе капиталистического производства). Чтобы товар производился, чтобы он поступал на рынок, он должен давать продавцу, по меньшей мере, эту рыночную цену, эту цену издержек, независимо от того, будет ли собственная стоимость товара больше или же меньше этой цены издержек. Капиталисту безразлично, содержит ли его товар больше неоплаченного труда, чем другие товары, или же меньше, если только в цену этого товара из общего фонда неоплаченного труда, или прибавочного продукта, в котором фиксируется неоплаченный труд, входит столько же, сколько из этого общего фонда получает всякий другой капитал той же величины. В этом смысле *капиталисты являются «коммунистами»*. В конкуренции каждый, естественно, стремится *получить больше, чем средняя прибыль, что возможно только в том случае, если другой получает меньше, чем средняя прибыль*. Именно в результате этой борьбы и устанавливается средняя прибыль.

В форме процента на авансированный капитал (получен ли он взаймы или нет) часть реализованной в прибыли прибавочной стоимости выступает также и для капиталиста как *затрата*, как статья *издержек производства*, имеющаяся у него как *капиталиста*, подобно тому как ведь и вообще прибыль является непосредственной целью капиталистического производства. А в проценте (особенно при полученном взаймы капитале) это выступает и как фактическая предпосылка его, капиталиста, производственной деятельности.

Это вместе с тем показывает, как обстоит дело с различием между формами производства и формами распределения. Прибыль, форма распределения, является здесь вместе с тем формой производства, условием производства, необходимым составным элементом процесса производства. Как неумны, следовательно, — к этому надо вернуться позднее, — Дж. Ст. Милль и другие, которые считают буржуазные формы производства абсолютными, а буржуазные формы распределения относительными, историческими и потому преходящими. Форма распределения есть лишь форма производства *sub alia specie* *. Та *differentia specifica* **, — а значит, и специфическая ограниченность, — которая составляет предел буржуазного распределения, входит в само производство как охватывающая его и господствующая над ним определенность. Но то обстоятельство, что вследствие своих собственных имманентных законов буржуазное производство вынуждено, с одной стороны, так развивать производительные силы, как будто оно не является производством на ограниченной общественной основе, а с другой стороны, что оно может развивать их всё же только в пределах этой ограниченности, — это обстоятельство есть самая глубокая и самая сокровенная причина кризисов, прорывающихся в буржуазном производстве противоречий, в рамках которых оно движется и которые даже при грубом, поверхностном взгляде характеризуют его лишь как исторически преходящую форму.

Это, далее, хотя и грубовато, но, с другой стороны, довольно правильно Сисмонди, например, рассматривает как противоречие между производством ради производства и таким распределением, которое *eo ipso* *** исключает абсолютное развитие производительности.

2) ДЖЕМС МИЛЛЬ [НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ РАЗРЕШИТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ РИКАРДОВСКОЙ СИСТЕМЫ]

[791] *James Mill. Elements of Political Economy. London, 1821* (второе издание — London, 1824).

Милль был первым, кто изложил теорию Рикардо в систематической форме, хотя лишь в довольно абстрактных очертаниях. То, к чему он стремится, — это формально логическая последовательность. С него «поэтому» и начинается *разложение*

* — под другим углом зрения. *Ред.*

** — специфическая отличительная черта. *Ред.*

*** — тем самым, именно в силу этого [т. е. в силу того, что производство ведется ради производства, а не ради производителей-рабочих]. *Ред.*

рикардианской школы. У учителя [у Рикардо] новое и значительное — среди «навоза» противоречий — насильственно выводится из противоречивых явлений. Сами противоречия, лежащие в основе его теории, свидетельствуют о богатстве того жизненного фундамента, из которого, выкручиваясь, вырастает теория. Иначе обстоит дело у ученика [у Милля]. Тем сырьем, над которым он работает, является уже не сама действительность, а та новая теоретическая форма, в которую ее, путем сублимации, превратил учитель. Отчасти *теоретические возражения противников новой теории*, отчасти *парадоксальное нередко отношение этой теории к реальности* побуждают его к попытке *опровергнуть* первых и *отделаться* путем *чисто словесного «объяснения»* от последнего. При этой попытке он сам запутывается в противоречиях и своей попыткой разрешить их представляет вместе с тем начинающееся *разложение той теории*, которую он догматически защищает. Милль хочет, с одной стороны, изобразить буржуазное производство как абсолютную форму производства и пытается поэтому доказать, что его действительные противоречия представляют собой лишь кажущиеся противоречия. С другой стороны, он старается изобразить теорию Рикардо как абсолютную теоретическую форму этого способа производства, а также устранить формальными доводами те теоретические противоречия, которые отчасти были указаны другими, отчасти бросались в глаза ему самому. Однако у Милля мы еще находим в известной степени и дальнейшее развитие точки зрения Рикардо за те пределы, в которых она излагалась у самого Рикардо. Милль еще защищает те же исторические интересы, что и Рикардо, — *интересы промышленного капитала против земельной собственности*, — и он более решительно делает практические выводы из теории — например, из теории земельной ренты — против существования частной земельной собственности, которую он более или менее непосредственно хотел бы превратить в государственную собственность. На последнем выводе и на этой стороне взглядов Милля мы здесь останавливаться не будем.

[а) СМЕШЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И ПРИБЫЛИ.
СХОЛАСТИКА ПО ВОПРОСУ О ВЫРАВНИВАНИИ НОРМЫ
ПРИБЫЛИ. СВЕДЕНИЕ ЕДИНСТВА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ
К ИХ НЕПОСРЕДСТВЕННОМУ ТОЖДЕСТВУ]

. Различие между *прибавочной стоимостью* и *прибылью* у учеников Рикардо так же не отмечается, как и у него самого. Сам Рикардо замечает его лишь в том различном влиянии, которое

изменение заработной платы может оказать на капиталы различного органического строения (а это последнее берется у Рикардо лишь в отношении к процессу обращения). Ни самому Рикардо, ни его ученикам не приходит в голову, что даже если мы рассматриваем не капиталы в различных отраслях, а *каждый* капитал в отдельности, — поскольку он не состоит исключительно из переменного капитала, не является капиталом, затраченным лишь на заработную плату, — норма прибыли и норма прибавочной стоимости различны, и, следовательно, прибыль должна представлять собой некоторую далее развитую, специфически модифицированную форму прибавочной стоимости. Различие между прибавочной стоимостью и прибылью они замечают лишь постольку, поскольку речь идет о равной прибыли — средней норме прибыли — для капиталов в различных сферах производства и с различным соотношением в них основного и оборотного капитала. Милль в этом отношении лишь повторяет, популяризирует то, что приводится у Рикардо в главе 1-й «О стоимости». Единственное новое сомнение, которое у него возникает в связи с этим вопросом, заключается в следующем.

Милль замечает, что *«время как таковое»* (следовательно, не рабочее время, а просто *время*) ничего не производит, а значит не производит и «стоимости». Как же, в таком случае, согласуется с законом стоимости тот факт, что определенный капитал, на том основании, как говорит Рикардо, что для его оборота требуется более продолжительное время, приносит такую же прибыль, как и тот капитал, который применяет больше непосредственного труда, но оборачивается быстрее? Мы видим, что Милль здесь берет лишь совершенно единичный случай, который в обобщенном виде можно было бы формулировать следующим образом: как согласуется цена издержек и предполагаемая ею [792] средняя норма прибыли (следовательно, равноценность товаров, содержащих весьма неодинаковые количества труда) с тем обстоятельством, что прибыль есть не что иное, как часть содержащегося в товаре рабочего времени, и именно та часть его, которая присваивается капиталистом без эквивалента? В противоположность этому, при рассмотрении средней нормы прибыли и цены издержек выдвигаются такие точки зрения, которые совершенно чужды определению стоимости и являются совершенно внешними по отношению к нему, — например, та точка зрения, что если капиталу какого-нибудь капиталиста приходится проделывать более продолжительные обороты, так как капитал этот, как это имеет место, например, с вином, вынужден дольше оставаться

в процессе производства (или, в других случаях, дольше оставаться в процессе обращения), то капиталист должен быть компенсирован за то время, в течение которого он не может увеличивать стоимость своего капитала. Но как может то время, в течение которого не происходит увеличения стоимости, создавать стоимость?

Положение Милля о *«времени»* гласит:

«Время не может ничего делать... Как же в таком случае оно может увеличивать стоимость? Время есть лишь абстрактный термин. Оно — слово, звук. И получается один и тот же логический абсурд, говорят ли об абстрактной единице как мере стоимости или о времени как создателе стоимости» («Elements of Political Economy». Second edition, стр. 99) ³⁵.

В действительности при определении оснований для компенсации капиталов в различных сферах производства дело идет не о производстве прибавочной стоимости, а о ее *распределении между различными категориями капиталистов*. Поэтому здесь приобретают значение такие точки зрения, которые не имеют абсолютно никакого отношения к *определению стоимости как таковой*. При этом *основанием для компенсации* служит все, что заставляет капитал в какой-нибудь особой сфере производства отказываться от тех условий, при которых он в других сферах мог бы произвести *большую прибавочную стоимость*. Так, например, когда применяется больше основного капитала и меньше оборотного; когда постоянного капитала применяется больше, чем переменного; когда капитал вынужден дольше оставаться в процессе обращения; когда, наконец, он вынужден дольше оставаться в процессе производства, не подвергаясь процессу труда, что имеет место там, где процесс производства по своей технологической природе требует перерывов, чтобы создаваемый продукт подвергался действию естественных сил природы (например, вино в погребе). Во всех этих случаях, — последний из них есть тот, который выделяет Милль, представляющий себе, следовательно, встретившуюся ему трудность очень узко и только как нечто единичное, — имеет место компенсация. Из прибавочной стоимости, произведенной в других сферах, некоторая часть переносится на эти капиталы, находящиеся в менее благоприятных условиях для непосредственной эксплуатации труда, соответственно только лишь их величине (это выравнивание, при котором каждый отдельный капитал выступает лишь как определенная часть общественного капитала, осуществляется конкуренцией). Явление это оказывается весьма простым, раз понято отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и, далее, выравнивание прибылей в общую норму прибыли. Но если хотят понять его, без

какого бы то ни было опосредствования, прямо из закона стоимости, т. е. если хотят объяснить прибыль, получаемую отдельным капиталом в отдельной отрасли, из той прибавочной стоимости (или *неоплаченного труда*), которая содержится в произведенных этим капиталом товарах (а значит и вообще из труда, овеществленного непосредственно в самих этих товарах), то это представляет собой проблему, еще гораздо более неразрешимую, чем квадратура круга, которая может быть найдена алгебраически. Это просто попытка представить существующим то, чего нет. Но именно в этой *непосредственной* форме Милль и пытается разрешить проблему. Поэтому решение вопроса по существу здесь невозможно, а возможно только софистическое устранение трудности на словах, т. е. только *схоластика*. Это начинается у Милля. А у такого *бессовестного пошляка*, как *Мак-Куллох*, эта манера принимает форму важничающего бесстыдства.

Решение вопроса, предложенное Миллем, лучше всего может быть охарактеризовано словами *Бейли*:

«Г-н Милль сделал своеобразную попытку свести *действие времени к затрате труда*. «Если», говорит он («Elements», second edition, 1824, стр. 97), «вино, которое выдерживается в погребе, благодаря этому возрастает в стоимости за год на $\frac{1}{10}$, то было бы правильно считать, что на него затрачено на $\frac{1}{10}$ больше труда»... Какой-либо факт было бы правильно считать имевшим [793] место лишь тогда, когда он действительно имел место. В приведенном примере, согласно предположению, ни одно человеческое существо не приблизилось к вину, не затратило на него ни одной секунды, ни малейшего движения мускулов» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» etc. London, 1825, стр. 219—220).

Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И этого хотят достигнуть с помощью *словесной фикции*, путем изменения *vera regum vocabula* *. (Перед нами, действительно, «спор о словах» ³⁶, но он является спором «о словах» потому, что реальные противоречия, не получившие реального разрешения, здесь пытаются разрешить с помощью фраз.) Что эта манера, которая у Милля выступает еще только в зародыше, гораздо больше разрушила всю основу теории Рикардо, чем все нападки противников, обнаружится при рассмотрении взглядов Мак-Куллоха.

* — правильных наименований вещей. Ред.

Милль прибегает к этому методу только в тех случаях, когда он абсолютно не находит другого выхода. Но основной его метод иной. Где экономическое отношение, — а значит и категории, его выражающие, — включает в себе противоположности, является противоречием и именно единством противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей.

Например, товар таит в себе противоположность потребительной и меновой стоимости. Эта противоположность развивается дальше, проявляется, реализуется как раздвоение товара на товар и деньги. Это его раздвоение выступает, как процесс, в метаморфозе товара, где продажа и покупка представляют собой различные моменты одного процесса, но каждый акт этого процесса вместе с тем включает в себе свою противоположность. В первой части настоящего сочинения я отмечал, как Милль разделяется с противоположностью тем, что фиксирует лишь *единство* покупки и продажи, превращает поэтому обращение в меновую торговлю, а в меновую торговлю опять контрабандным путем вводит категории, взятые из обращения ³⁷. Смотри еще сказанное мною там о его *теории денег*, в которой он применяет аналогичный подход к делу ³⁸.

У Джемса Милля проводится негодное разделение: «О производстве», «О распределении», «Об обмене», «О потреблении».

[6] БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ МИЛЛЯ СОГЛАСОВАТЬ ОБМЕН МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ С ЗАКОНОМ СТОИМОСТИ. ЧАСТИЧНЫЙ ВОЗВРАТ К ТЕОРИИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ]

О *заработной плате* Милль пишет:

«Вместо того чтобы дожидаться, пока продукты будут произведены и их стоимость будет реализована, нашли *более удобным* для рабочих выплачивать им их долю *авансом* (à l'avance). Заработная плата является той формой, которую нашли подходящей для получения ими их доли. После того как та доля продуктов, которая причитается рабочему, полностью им получена в форме заработной платы, продукты эти принадлежат исключительно капиталисту, так как он фактически *купил долю рабочего* и уплатил ему за нее авансом» («*Eléments d'économie politique*», французский перевод Паризо, Париж, 1823, стр. 33—34).

Для Милля в высшей степени характерно, что, подобно тому как *деньги* являются для него лишь ухищрением, изобретенным ради удобства, так и само *капиталистическое отношение*, по его мнению, придумано для удобства. Эти специфические

общественные производственные отношения изобретены ради «удобства». Товар и деньги превращаются в капитал в результате того, что рабочий перестал участвовать в обмене в качестве товаропроизводителя и товаровладельца и, напротив, вынужден вместо товара продавать самый свой труд (непосредственно свою рабочую силу), как товар, владельцу объективных условий труда. Это отделение рабочего от объективных условий труда является предпосылкой отношения капитала и наемного труда, точно так же как оно служит предпосылкой для превращения денег (или представляющего деньги товара) в капитал. Милль предполагает это *разделение*, это *разообщение*, он предслагает отношение капиталиста и наемного рабочего, чтобы затем представить делом удобства то, что рабочий продает *не продукт*, не товар, а свою долю в продукте (производство которого им ни в какой мере не определяется и происходит *независимо* от него), до того как рабочий его произвел, [794] — или, точнее, что доля рабочего в продукте выплачивается капиталистом, превращается в деньги, до того как капиталист продал, сбыл с рук тот продукт, в котором имеет долю рабочий.

При помощи такого понимания заработной платы Милль хочет обойти специфическую трудность, связанную со специфической формой рассматриваемого отношения. Для рикардовской системы, согласно которой рабочий продает прямо свой *труд* (а не свою рабочую силу), трудность состоит в следующем: стоимость товара определяется рабочим временем, которого стоит производство этого товара; чем же объясняется то, что этот закон стоимости не осуществляется в самом большом из всех обменов, составляющем основу капиталистического производства, — в обмене между капиталистом и наемным рабочим? Почему то количество овеществленного труда, какое рабочий получает в качестве заработной платы, не равняется тому количеству непосредственного труда, каксе он отдает в обмен на заработную плату? Для устранения этого затруднения Милль превращает наемного рабочего в товаровладельца, который продает капиталисту свой *продукт*, свой *товар*, — ибо его *доля* в продукте, в товаре является его продуктом, его *товаром*, стоимостью, производимой им в форме особого товара. Трудность Милль разрешает тем, что сделку между капиталистом и наемным рабочим, которая включает противоположность овеществленного и непосредственного труда, он изображает как обыкновенную сделку между владельцами овеществленного труда, между товаровладельцами.

Хотя Милль вследствие этой уловки сделал для себя невозможным понимание специфической природы, *differentia*

specifica * того процесса, который происходит между капиталистом и наемным рабочим, но он отнюдь не уменьшил себе трудность, а увеличил ее, ибо своеобразие результата теперь уже нельзя понять из своеобразия того товара, который продает рабочий (и который обладает тем специфическим свойством, что сама его потребительная стоимость есть элемент, образующий меновую стоимость, вследствие чего потребление этого товара создает большую меновую стоимость, чем содержалось в нем самом).

Рабочий у Милля такой же продавец товаров, как и всякий другой товаровладелец. Он производит, например, 6 аршин холста. Из этих 6 аршин 2 представляют стоимость, равную присоединенному им труду. Он, следовательно, является продавцом 2 аршин холста капиталисту. Почему же рабочему не получить от капиталиста полностью стоимость 2 аршин холста, как получает всякий другой продавец 2 аршин холста, раз рабочий является теперь таким же продавцом холста, как и всякий другой владелец холста? Напротив, противоречие с законом стоимости выступает теперь гораздо резче. Рабочий продает теперь отнюдь не специфический товар, отличный от всех других товаров. Он продает труд, овеществленный в продукте, т. е. такой товар, который, как товар, не отличается чем-либо специфическим от любого другого товара. Так вот, если цена аршина холста, — т. е. количество денег, содержащее заключенное в одном аршине холста рабочее время, — равна 2 шилл., то почему рабочий получает 1 шилл. вместо 2? Если же он получает 2 шилл., то капиталист не реализует прибавочной стоимости, и вся система Рикардо была бы опрокинута. Мы были бы отброшены назад к «прибыли от отчуждения». Шесть аршин холста стоили бы капиталисту их стоимости, т. е. 12 шилл. Капиталист продавал бы их, однако, за 13 шилл.

Или же дело обстояло бы так, что холст, как и всякий другой товар, продается по своей стоимости, когда его продает капиталист, но он продается *ниже* своей стоимости, когда его продает рабочий. Таким образом, закон стоимости был бы нарушен сделкой между рабочим и капиталистом. А между тем, как раз для того чтобы избежать этого, Милль и прибегает к своей фикции. Он хочет превратить отношение между рабочим и капиталистом в обычное отношение между продавцами и покупателями товаров. Почему же тогда обычный закон стоимости товаров не должен здесь определять эту сделку? Но, говорят нам, рабочий оплачивается *авансом*. Следовательно, здесь перед нами все

* — специфической отличительной черты. Ред.

же не обычное отношение купли и продажи товара. Что должно означать здесь это «авансирование»? Рабочий, которому платят, например, понедельно, *«авансировал»* свой труд и создал принадлежащую ему долю недельного продукта, — овеществил свой недельный труд в продукте, — (по предположению Милля и согласно практике) до того, как он получил от капиталиста «плату» за эту долю. Капиталист *«авансировал»* сырье и орудия труда, рабочий — «труд», и когда в конце недели выплачивается заработная плата, рабочий *продает* капиталисту товар, свой товар — свою долю в совокупном товаре. Но капиталист, скажет Милль, платит рабочему, т. е. превращает для него в серебро, в деньги 2 аршина [795] холста, еще до того, как сам превратил в деньги, продал 6 аршин холста! Ну, а если капиталист работал на заказ, если он продал товар еще до того, как произвел его? И в более общей форме: какое дело рабочему — в данном случае продавцу 2 аршин холста, что капиталист покупает у него эти 2 аршина для того, чтобы их снова продать, а не для того, чтобы их потребить? Какое дело продавцу до мотивов покупателя? И как это возможно, чтобы мотивы покупателя модифицировали к тому же еще и закон стоимости? Если быть последовательным, то пришлось бы тогда признать, что каждый продавец должен продавать свой товар ниже его стоимости, ибо он дает покупателю продукт в форме потребительной стоимости, между тем как покупатель дает ему стоимость в форме денег, превращенную в серебро форму продукта. В этом случае фабрикант холста должен был бы *недоплачивать* также и торговцу льняной пряжей, фабриканту машин, производителю угля и т. д. Ибо они продают ему товары, которые он только еще собирается превратить в деньги, тогда как он им «авансом» уплачивает *стоимость* составных частей своего товара не только до того, как товар этот продан, но и до того, как он произведен. Рабочий доставляет ему холст, товар в его готовой, годной для продажи форме; напротив, те продавцы товаров доставляют ему машины, сырье и т. д., которые должны еще проделать определенный процесс для того, чтобы получить свою годную для продажи форму. Для такого абсолютного рикардianца, как Милль, у которого покупка и продажа, предложение и спрос просто-напросто тождественны, а деньги являются всего лишь формальностью, самое великолепное заключается в представлении, будто превращение товара в деньги, — а ведь ничего другого не происходит при продаже 2 аршин холста капиталисту, — предполагает, что продавец вынужден продавать свой товар ниже его стоимости, а покупатель на свои деньги покупает большую стоимость, чем стоимость его денег.

Таким образом, у Милля дело сводится к абсурдному утверждению, что в этой сделке покупатель покупает для того, чтобы снова продать с прибылью, а потому продавец вынужден продавать свой товар *ниже* его стоимости, чем опрокидывается вся теория стоимости. Эта вторая попытка Милля разрешить одно из противоречий Рикардо в действительности уничтожает всю основу рикардовской системы и, в особенности, то ее преимущество, что она отношение капитала и наемного труда рассматривает как прямой обмен между накопленным и непосредственным трудом, т. е. берет его в его специфической определенности.

Чтобы как-то выбраться из затруднения, Милль должен был бы пойти дальше и сказать, что речь идет здесь не о простой сделке купли и продажи товаров. Отношение между рабочим и капиталистом является-де скорее отношением ссужающего деньги или занимающегося учетными операциями капиталиста (денежного капиталиста) к промышленному капиталисту, поскольку здесь дело идет о платеже, о превращении в деньги продукта рабочего, равного его доле в совокупном продукте. Это было бы недурное объяснение: предположить наличие капитала, приносящего проценты, — особой формы капитала, — чтобы объяснить капитал, производящий прибыль (общую форму капитала); производную форму прибавочной стоимости (уже предполагающую капитал) изобразить как причину возникновения прибавочной стоимости. Кроме того, Миллю пришлось бы тогда соблюсти последовательность и вместо всех определенных законов относительно заработной платы и ее уровня, развитых Рикардо, выводить ее, наоборот, из нормы процента; при этом опять-таки нельзя было бы на самом деле сказать, чем следует определять норму процента, так как она, согласно рикардianцам и всем другим заслуживающим упоминания экономистам, определяется нормой прибыли.

Фраза о «доле» рабочего в его собственном продукте основана по сути дела на следующем: если рассматривать не отдельную сделку между капиталистом и рабочим, а обмен между ними в общем ходе воспроизводства и обращать внимание на действительное содержание этого процесса, а не на форму его проявления, то на самом деле обнаружится, что то, чем капиталист оплачивает рабочего (а также и та часть капитала, которая противостоит рабочему как постоянный капитал), есть не что иное, как часть продукта самого рабочего, и при том не та часть продукта, которая еще только должна быть превращена в деньги, а та, которая уже продана, уже превращена в деньги, так как заработная плата выплачивается деньгами, а не *in natura*—

libus *. При рабстве и т. д., где нет ложной видимости, порождаемой предварительным превращением в деньги той части продукта, которая затрачивается на заработную плату, ясно видно, что то, что раб получает в качестве платы за работу, в действительности есть не «аванс» со стороны рабовладельца, а лишь часть овеществленного труда раба, притекающая к нему обратно в форме жизненных средств. Так обстоит дело и у капиталиста. Он «авансирует» только по видимости. То, что он авансирует рабочему как заработную плату, или, точнее, то, что он ему [796] *оплачивает*, — так как работа оплачивается им лишь после того, как она выполнена, — есть часть продукта, произведенного рабочим и уже превращенного в деньги. Часть продукта рабочего, присвоенного капиталистом, *отнятого* у рабочего, притекает к рабочему в форме заработной платы, — как аванс, если угодно, за новый продукт.

Совсем недостойно Милля (это скорее приличествует Мак-Куллоху, Сэю или Бастиа) хвататься за эту *видимость*, присущую сделке между капиталистом и рабочим, чтобы объяснить самую сделку. У капиталиста нет ничего, что он мог бы авансировать рабочему, кроме того, что он раньше отнял у рабочего, что было авансировано ему трудом других людей. Ведь даже Мальтус говорит, что то, что капиталист авансирует, состоит не «из сукна» и «других товаров», а *«из труда»* ³⁹, т. е. как раз из того, чего капиталист не выполняет. Капиталист авансирует рабочему собственный труд рабочего.

Однако вся эта перифразировка нисколько не помогает Миллю, а именно, нисколько не помогает ему обойти решение вопроса о том, каким образом обмен между накопленным и непосредственным трудом (так понимает Рикардо, а вслед за ним Милль и другие, процесс обмена между капиталом и трудом) согласуется с законом стоимости, которому он прямо противоречит. Что указанная перифразировка нисколько не помогает Миллю, видно из следующих его положений:

«В какой пропорции продукты делятся между рабочим и капиталистом, или какая пропорция регулирует уровень заработной платы?» (*Mill. Eléments d'économie politique. Traduits par Parisot*, стр. 34). «Определение долей рабочего и капиталиста есть предмет торговой сделки, *торга* между ними. Всякая свободная торговая сделка регулируется конкуренцией, и условия торгова меняются в зависимости от изменения *соотношения между спросом и предложением*» (там же, стр. 34—35).

Рабочему уплачивается его «доля» в продукте. Это было сказано Миллем для того, чтобы превратить рабочего, в его взаимо-

* — в натуре. Ред.

отношениях с капиталом, в обыкновенного продавца *товара* (продукта) и затушевывать специфический характер этих взаимоотношений. Доля рабочего в продукте есть, надо полагать, *его* продукт, т. е. та часть продукта, в которой овеществлен вновь присоединенный труд рабочего. Не так ли? Оказывается, не так. Напротив, когда теперь мы спрашиваем, какова «доля» рабочего в продукте, т. е. *каков его* продукт (ибо та часть продукта, которая принадлежит рабочему, и есть продаваемый им *его* продукт), то мы слышим, что *его* продукт и *его продукт* — две совершенно различные вещи. И нам надлежит еще установить, что такое продукт рабочего (т. е. его доля в продукте, — стало быть, та часть продукта, которая ему принадлежит). «Его продукт» был, следовательно, просто фразой, так как та доля стоимости, которую рабочий получает от капиталиста, определяется не его собственной продукцией. Таким образом, Милль лишь отодвинул трудность на один шаг дальше. В деле ее разрешения он не ушел дальше того места, где он был в начале исследования.

Здесь налицо *quidproquo* *. Если считать обмен между капиталом и наемным трудом непрерывным актом, каким он и является для всякого, кто не ограничивается фиксированием, изолированием отдельного акта, отдельного момента капиталистического производства, — то рабочий получает ту часть стоимости своего продукта, которую он возместил, прибавив к ней ту часть стоимости, которую он даром отдал капиталисту. Это повторяется постоянно. Следовательно, на самом деле рабочий постоянно получает часть стоимости своего собственного продукта, часть или долю созданной им стоимости. Насколько велика или мала его заработная плата, это не определяется его долей в продукте, а, наоборот, его доля в продукте определяется величиной его заработной платы. Фактически рабочий получает долю стоимости продукта. Но та доля, которую он получает, определяется стоимостью труда, а не наоборот, стоимость труда — долей в продукте. Стоимость труда, т. е. рабочее время, требующееся рабочему для воспроизводства самого себя, есть величина фиксированная; она фиксирована продажей его рабочей силы капиталисту. Фактически этим фиксируется также и его доля в продукте. Но не наоборот, не так, что сначала фиксируется его доля в продукте и уже этой долей определяется высота или стоимость его заработной платы. Ведь в этом и состоит одно из важнейших и чаще всего подчеркиваемых положений Рикардо, ибо иначе цена труда определяла бы цену

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). Ред.

производимого им товара, между тем как по Рикардо цена труда определяет лишь *норму прибыли*.

Как же Милль устанавливает теперь «долю» продукта, получаемую рабочим? Он определяет ее спросом и предложением, конкуренцией между рабочими и капиталистами. Даваемая здесь Миллем формулировка применима ко всем товарам:

«Определение долей» (читай: в стоимости товара) «рабочего и капиталиста» (продавца и покупателя) «есть предмет торговой сделки, торга между [797] ними. Всякая свободная торговая сделка регулируется конкуренцией, и условия торга меняются в зависимости от изменения соотношения между спросом и предложением» [цит. соч., стр. 34—35].

Итак, вот где зарыта собака! И это говорит Милль, который, как ревностный рикардианец, доказывает, что спрос и предложение могут, правда, определять колебания рыночной цены выше или ниже *стоимости* товара, но не могут определять самую эту стоимость; что спрос и предложение, это — бессмысленные слова, если их применять для определения стоимости, так как определение их самих уже предполагает определение стоимости! А теперь, — в чем Сэй упрекал уже Рикардо ⁴⁰, — Милль, чтобы определить стоимость труда, т. е. *стоимость* одного из товаров, прибегает к определению ее спросом и предложением!

Но более того.

Милль не говорит, — что, по сути дела, в данном случае и безразлично, — какая из обеих сторон представляет предложение и какая — спрос. Однако так как капиталист дает деньги, а рабочий, напротив, предлагает нечто в обмен на деньги, то мы предположим спрос на стороне капиталиста, а предложение — на стороне рабочего. Но что тогда «продает» рабочий? Что он предлагает? Свою «долю», в продукте, который еще не существует? Но ведь его доля в будущем продукте как раз и должна еще быть определена конкуренцией между ним и капиталистом, отношением «спроса и предложения»! Одна сторона отношения, предложение, не может состоять из чего-то такого, что само есть лишь результат борьбы между спросом и предложением. Итак, что же предлагает рабочий для продажи? Свой *труд*? Но в таком случае Милль снова приходит к первоначальной трудности, которую он хотел обойти, к *обмену между накопленным и непосредственным трудом*. И когда он говорит, что здесь не происходит обмена эквивалентами или что стоимость продаваемого товара, труда, измеряется не самим «рабочим временем», а определяется конкуренцией, спросом и предложением, то он признаёт, что теория Рикардо терпит крах, что противники Рикардо правы, утверждая, что определение

стоимости товара рабочим временем ошибочно, так как стоимость важнейшего товара, самого труда, противоречит этому закону стоимости товаров. В дальнейшем мы увидим, что *Уэйкфилд* прямо высказывает это *.

Милль может изворачиваться и изловчаться, как ему угодно. Он не находит выхода из указанной дилеммы. В лучшем случае, употребляя его собственный способ выражения, конкуренция рабочих приводит к тому, что *определенную массу труда* они предлагают за такую цену, которая, сообразно отношению спроса и предложения, равна большей или меньшей части продукта, который они произведут при помощи этой массы труда. Но то обстоятельство, что эта *цена*, эта *сумма денег*, получаемая ими за свой труд, равняется большей или меньшей части стоимости подлежащего изготовлению продукта, никоим образом не препятствует с самого же начала тому, что *определенная масса живого труда* (непосредственного труда) обменивается здесь на большую или меньшую массу *денег* (накопленного труда, и притом труда, существующего в форме меновой стоимости). Оно, следовательно, не препятствует тому, что здесь друг на друга обмениваются неравные количества труда, что меньшее количество накопленного труда обменивается на большее количество непосредственного труда. Это как раз и было тем явлением, которое должен был объяснить Милль и от которого он хотел отделаться своим объяснением, чтобы избежать нарушения закона стоимости. Явление это ничуть не меняет своей природы и ни в малейшей степени не получает объяснения в результате того, что в конце процесса производства то отношение, в котором рабочий обменял свой непосредственный труд на деньги, *выступает* в виде пропорции между уплаченной рабочему стоимостью и стоимостью созданного им продукта. Первоначальный *неравный* обмен между капиталом и трудом *проявляется* здесь лишь в другой форме.

Как упорно Милль отмахивается от прямого обмена между трудом и капиталом, из которого Рикардо исходит еще без всякого стеснения, показывает также и его переход к дальнейшему изложению. А именно, Милль говорит:

[798] «Предположим, что имеется определенное число капиталистов и определенное число рабочих. *Пропорция, в какой они делят продукт, допустим, каким-либо образом определена.* Если возросло число рабочих без увеличения *массы капиталов*, то прибавившаяся часть рабочих должна попытаться вытеснить ранее занятую часть. Она может добиться этого только предложением своего труда за более низкое вознаграждение. Уровень заработной платы в этом случае с необходимостью понижается... В проти-

* См. настоящее издание, часть II, стр. 440 и часть III, стр. 192. *Ред.*

воположном случае происходит обратное... Если соотношение между массой капиталов и населением остается неизменным, то остается прежним также и уровень заработной платы» (цит. соч., стр. 35 и следующие).

То, что Миллю надлежало определить, как раз и была та «пропорция, в какой они» (капиталисты и рабочие) «делят продукт». Чтобы определить ее конкуренцией, Милль *предполагает*, что эта пропорция «*каким-либо образом определена*». Чтобы определить «долю» рабочего конкуренцией, он *предполагает*, что она «*каким-либо образом*» определена *до* конкуренции. Этого мало. Чтобы показать, как конкуренция изменяет *определенное* «каким-либо образом» разделение продукта, он предполагает, что рабочие, когда их число возрастает быстрее массы капиталов, «*предлагают свой труд за более низкое вознаграждение*». Таким образом, здесь Милль прямо высказывает, что предложение рабочих состоит из «*т р у д а*» и что этот труд они предлагают за «*вознаграждение*», т. е. за деньги, за определенную сумму «накопленного труда». Чтобы обойти прямой обмен между трудом и капиталом, прямую *продажу труда*, он прибегает к теории «разделения продукта». А чтобы объяснить ту пропорцию, в какой делится продукт, он предполагает *непосредственную продажу* труда за деньги, так что этот первоначальный обмен между капиталом и трудом впоследствии получает свое *выражение* в доле рабочего в его продукте, а не его доля в продукте определяет указанный первоначальный обмен. И, наконец, когда число рабочих и масса капиталов не изменяются, остается *неизменным* и «уровень заработной платы». Но каков этот уровень заработной платы, когда спрос и предложение соответствуют друг другу? Это как раз и надлежит объяснить. Тут ничего не объясняет ссылка на то, что уровень заработной платы *изменяется*, когда нарушается указанное равновесие между спросом и предложением. Тавтологические обороты Милля доказывают только то, что он здесь чувствует в теории Рикардо какой-то камень преткновения, который он преодолевает лишь благодаря тому, что вообще оказывается вне теории.

* * *

Против Мальтуса, Торренса и других. Против определения стоимости товаров стоимостью капитала Милль правильно замечает:

«Капитал — это товары, и сказать, что стоимость товаров определяется стоимостью капитала, значит сказать, что стоимость товара определяется стоимостью товара, что стоимость товаров определяется ею самой» («Elements of Political Economy», издание первое, Лондон, 1821, стр. 74).

* * *

{Милль не затушевывает противоположности между капиталом и трудом. Необходимо, мол, чтобы *норма прибыли* была велика, — дабы был значителен общественный класс, не зависящий от непосредственного труда; для этого, следовательно, заработная плата должна быть относительно мала. Необходимо, чтобы рабочая масса не была господином своего времени, а была рабом своих потребностей, — дабы человеческие (общественные) способности могли свободно развиваться в тех классах, для которых этот рабочий класс служит лишь фундаментом. Рабочий класс представляет отсутствие развития, — дабы другие классы могли представлять человеческое развитие. Это, действительно, та противоположность, в которой развивается буржуазное [799! общество и развивалось всякое прежнее общество, противоположность, провозглашенная как *необходимый закон*, т. е. это есть существующее положение вещей, провозглашенное как абсолютно разумное.

«Человеческая способность к совершенствованию, или способность постоянно переходить от одной ступени науки и счастья к другой, более высокой, зависит, по-видимому, в значительной степени от класса людей, которые являются *господами своего времени*, т. е. которые достаточно богаты для того, чтобы быть избавленными от всяких забот о средствах к более или менее обеспеченной жизни. Людьми этого класса культивируется и расширяется область науки; они распространяют свет; их дети получают лучшее воспитание и подготовляются для выполнения важнейших и деликатнейших функций общества; они становятся законодателями, судьями, администраторами, учителями, изобретателями в области различных искусств, руководителями всех больших и полезных работ, благодаря которым расширяется господство рода человеческого над силами природы» («*Eléments d'économie politique*». Traduits par Parisot. Paris, 1823, стр. 65).

«*Доход с капиталов* должен быть *достаточно велик*, чтобы значительная часть общества была в состоянии пользоваться теми преимуществами, какие дает *досуг*» (там же, стр. 67).}

* * *

Еще к тому, о чем говорилось выше.

Для Милля, как рикардianца, различие между трудом и капиталом есть всего лишь различие между *различными формами* труда:

«Труд и капитал означают: первый — *непосредственный труд*, второй — *накопленный труд*» («*Elements of Political Economy*», первое английское издание, Лондон, 1821, стр. 75).

А в другом месте он говорит:

«Относительно этих двух *видов труда* следует заметить, что они не всегда оплачиваются по одной и той же *норме*» («*Eléments d'économie politique*». Traduits par Parisot. Paris, 1823, стр. 100).

Таким образом, здесь он подходит к существу дела. Так как то, чем оплачивается непосредственный труд, всегда есть накопленный труд, капитал, то оплата не по *одинаковой норме* означает здесь лишь то, что большее количество непосредственного труда обменивается на меньшее количество накопленного труда, и притом *«всегда»*, ибо в противном случае накопленный труд не обменивался бы на непосредственный труд в качестве «капитала» и не только не приносил бы, как того желает Милль, *достаточно большого дохода*, но и вообще не приносил бы никакого дохода. Здесь, стало быть, признаётся, — поскольку Милль, как и Рикардо, рассматривает обмен капитала на труд как прямой обмен накопленного труда на непосредственный труд, — что эти два вида труда обмениваются в *неравных пропорциях* и при этом обмене закон стоимости, гласящий, что друг на друга обмениваются равные количества труда, терпит крушение.

[в) НЕПОНИМАНИЕ МИЛЛЕМ РЕГУЛИРУЮЩЕЙ РОЛИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРИБЫЛИ]

Милль выдвигает как некий основной закон то, что фактически предполагает для построения своей теории ренты Рикардо *:

«Норма прибыли в земледелии регулирует норму других прибылей» («Elements of Political Economy». Second edition. London, 1824, стр. 78).

Это в корне неверно, так как капиталистическое производство начинается в промышленности, а не в земледелии, и овладевает последним лишь постепенно, так что лишь с развитием капиталистического производства земледельческие прибыли выравниваются с промышленными и только вследствие такого выравнивания начинают оказывать влияние на промышленные прибыли. Итак, вышеприведенное положение, во-первых, исторически неверно. А во-вторых, раз имеется такое выравнивание, т. е. если предположено такое состояние развития земледелия, при котором капитал в зависимости от нормы прибыли перебрасывается из промышленности в земледелие и *vice versa* **, то столь же неверно будет сказать, что с этого момента *земледельческая прибыль* становится регулирующей, вместо того чтобы сказать, что здесь имеет место взаимодействие между прибылями. Впрочем, для объяснения ренты Рикардо и сам предполагает обратное. Цена хлеба повышается; в результате этого *падают прибыли* — не в земледелии (пока нет нового предложения с худших земель или от вторых, менее производительных

* См. настоящее издание, часть II, стр. 518—519. *Ред.*

** — наоборот. *Ред.*

доз капитала), — ибо повышение цены хлеба с избытком компенсирует арендатору повышение заработной платы, вызванное повышением цены хлеба, — а в промышленности, где не имеет места такая компенсация или сверхкомпенсация. Тем самым падает *норма промышленной прибыли*, а потому капитал, приносящий эту более низкую норму прибыли, может быть применен на худших участках земли. При прежней норме прибыли это не имело бы места. И только вследствие этого обратного воздействия понижения промышленной прибыли на земледельческую на худших участках земли падает земледельческая прибыль вообще, [800] и часть ее на лучших участках земли отделяется от прибыли в форме ренты. Такова рикардовская трактовка этого процесса, согласно которой, следовательно, промышленная прибыль регулирует земледельческую.

Если бы теперь, вследствие усовершенствований в земледелии, прибыль там снова повысилась, то повысилась бы также и промышленная прибыль. Но это отнюдь не исключает того, что, подобно тому как *уменьшение промышленной прибыли* первоначально обуславливает уменьшение земледельческой прибыли, так и *повышение* ее влечет за собой повышение земледельческой прибыли. Это происходит всякий раз, когда промышленная прибыль повышается *независимо от цены хлеба* и других производимых в сельском хозяйстве предметов необходимости, входящих в заработную плату рабочих, т. е. когда промышленная прибыль повышается вследствие падения стоимости тех товаров, которые образуют постоянный капитал, и т. д. Напротив, ренту абсолютно нельзя было бы объяснить, если бы промышленная прибыль не регулировала земледельческую. *Средняя норма прибыли* дана в промышленности благодаря выравниванию прибылей с капиталов и превращению вследствие этого стоимостей в *цены издержек*. Эта цена издержек — стоимость авансированного капитала плюс средняя прибыль — образует ту *предпосылку*, которую земледелие получает от промышленности, так как в земледелии, вследствие собственности на землю, указанное выравнивание не может иметь места. Если затем стоимость земледельческого продукта выше, чем была бы цена издержек, определяемая *средней прибылью в промышленности*, то избыток этой стоимости над ценой издержек образует абсолютную ренту. Но для того чтобы этот избыток стоимости над ценой издержек можно было измерить, *цена издержек* должна представлять собой *plus **, т. е. она должна быть навязана земледелию промышленностью в качестве закона.

* — первичное, предшествующее. Ред.

* * *

Надлежит отметить следующее положение Милля:

«То, что потребляется *производительно*, всегда есть капитал. Это — особенно замечательное свойство производительного потребления. Все то, что потребляется *производительно*, *есть* капитал, и оно *становится* капиталом именно благодаря такому потреблению» («*Eléments d'économie politique*». Traduits par Parisot. Paris, 1823, стр. 241—242).

[г] СПРОС, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО
[МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО
ТОЖДЕСТВА СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ]

«Спрос означает *желание покупать и средства для покупки*... Эквивалентный предмет» (средства для покупки), «приносимый человеком, есть *орудие* спроса. Размеры его спроса измеряются стоимостью этого предмета. Спрос и эквивалентный предмет суть выражения, могущие заменять друг друга... Его» (человека) «*желание покупать и его средства для покупки товаров* — другими словами, его спрос — в точности равны количеству произведенных им продуктов, которые он не намерен потребить сам» (там же, стр. 252—253).

Мы видим здесь, как доказывается непосредственное тождество спроса и предложения (а следовательно, и невозможность всеобщего переполнения рынка). Спрос состоит-де в продукте, и притом величина этого спроса измеряется стоимостью этого продукта. Это тот же абстрактный «способ доказательства», посредством которого Милль доказывает, что покупка и продажа только тождественны, а не отличны друг от друга; это те же тавтологические фразы, посредством которых он доказывает, что цены зависят от массы обращающихся денег; эту же самую манеру он применяет и для доказывания того, что предложение и спрос (которые являются лишь дальнейшей формой развития отношения между покупателями и продавцами) с необходимостью должны покрывать друг друга. Это все та же логика. Если какое-либо отношение включает в себе противоположности, то оно есть не только противоположность, но и *единство* противоположностей. Следовательно, включает Милль, это — *единство без противоположности*. Такова логика Милля, при помощи которой он устраняет «противоречия».

Возьмем сначала за исходный пункт *предложение*. То, что я предлагаю, есть *товар*, единство потребительной и меновой стоимости — например, определенное количество железа, равное 3 ф. ст. (а эти деньги равны определенному количеству рабочего времени). Согласно предположению, я — фабрикант железа. Я предлагаю известную потребительную стоимость, железо, и предлагаю известную стоимость, а именно стоимость,

выраженную в цене железа, в 3 ф. ст. Однако здесь имеется следующее небольшое различие. Определенное количество железа *действительно* выброшено мною на рынок. Напротив, *стоимость* железа существует только как его *цена*, которая еще должна быть реализована покупателем железа, представляющим для меня *спрос* на железо. Спрос продавца железа состоит в спросе на *меновую стоимость* железа, которая, правда, заключена в железе, но еще не реализована. Одна и та же *меновая стоимость* может быть представлена в весьма различных количествах железа. Таким образом, предложение потребительной стоимости и предложение стоимости, еще только подлежащей реализации, отнюдь не тождественны, так как одну и ту же величину меновой стоимости могут представлять совершенно различные количества потребительной стоимости.

[801] Одна и та же стоимость в 3 ф. ст. может выражаться в 1, 3 или 10 тоннах. Таким образом, количество железа (потребительной стоимости), которое я предлагаю, и предлагаемое мною количество стоимости отнюдь не пропорциональны друг другу, так как последнее количество может оставаться неизменным, как бы ни изменялось первое. Как бы велико или мало ни было количество предлагаемого мною железа, я всегда хочу, согласно нашему предположению, реализовать стоимость железа, *не зависящую* от этого его собственного количества и вообще от его бытия как потребительной стоимости. Таким образом, предлагаемая (но еще не реализованная) стоимость и предлагаемое количество железа, которое реализовано, отнюдь не пропорциональны друг другу. Поэтому нет никакого основания для того, чтобы способность того или другого товара быть проданным по своей стоимости была пропорциональна предлагаемой мною массе товара. Для покупателя мой товар существует, прежде всего, как потребительная стоимость. Покупатель покупает его как потребительную стоимость. Но что ему нужно, это — определенное количество железа. Его потребность в железе точно так же не определяется произведенным мною количеством железа, как сама стоимость моего железа не пропорциональна этому количеству.

Конечно, тот, кто покупает, имеет в своих руках *превращенную форму* товара, деньги, товар в форме меновой стоимости, и может выступать в качестве покупателя только потому, что он или другие выступали раньше в качестве продавцов того товара, который теперь существует в форме денег. Но это отнюдь не является основанием для того, чтобы он обратно превратил свои деньги в мой товар или чтобы его потребность в моем товаре определялась тем количеством, в каком я его произвел.

Поскольку он предъявляет спрос на мой товар, он может требовать или меньшее количество, чем я предлагаю, или все это количество, но *ниже* его стоимости. Его спрос точно так же может не соответствовать моему предложению, как не тождественны друг другу предлагаемое мною количество той или иной потребительной стоимости и та стоимость, по какой я его предлагаю.

Однако все исследование о спросе и предложении сюда не относится.

Поскольку я предлагаю железо, я предъявляю спрос не на железо, а на деньги. Я предлагаю некоторую особую потребительную стоимость и предъявляю спрос на ее стоимость. Мои предложение и спрос, следовательно, столь же различны, как потребительная стоимость и меновая стоимость. Поскольку в самом железе я предлагаю некоторую *стоимость*, я предъявляю спрос на *реализацию этой стоимости*. Следовательно, мои предложение и спрос так же различны, как идеальное и реальное. Далее, количество, которое я предлагаю, и его стоимость отнюдь не пропорциональны друг другу. Между тем спрос на предлагаемое мною количество той или иной потребительной стоимости определяется не той стоимостью, которую я хочу реализовать, а тем количеством, в приобретении которого, по определенной цене, нуждается покупатель.

Приведем еще следующие положения Милля:

«Ясно, что каждый человек добавляет к общей массе продуктов, составляющих предложение, совокупность всего того, что он произвел и не намерен потребить сам. В какой бы форме та или иная часть годового продукта ни попала в руки данного человека, если он решает сам ничего из нее не потреблять, то он захочет освободиться от всей этой части продукта; поэтому она целиком идет на увеличение предложения. Если же он сам потребляет часть этого количества продукта, то он хочет освободиться от всего остатка, и весь остаток прибавляется к предложению» (там же, стр. 253).

Другими словами, это означает лишь то, что все выброшенные на рынок товары образуют предложение.

«Так как, следовательно, спрос каждого человека равен той части годового продукта, или, выражаясь иначе, той части богатства, от которой он хочет освободиться»

{стой! Его спрос равен *стоимости* (как только она будет реализована) той части продуктов, от которой он хочет освободиться; то, от чего он хочет освободиться, есть определенное количество потребительной стоимости; то, что он хочет получить, есть *стоимость* этой потребительной стоимости. Эти две вещи отнюдь не тождественны},

«и так как предложение каждого человека представляет собой в точности то же самое»

{отнюдь нет; его спрос состоит не в том, от чего он хочет освободиться, т. е. не в продукте, а в стоимости этого продукта; напротив, его предложение *realiter* * состоит в этом продукте, тогда как стоимость этого продукта предлагается лишь *idealiter* **},

«то предложение и спрос каждого индивидуума по необходимости равны» (стр. 253—254).

{Т. е. *стоимость* предлагаемого им товара и та *стоимость*, которую он требует за него, но не имеет, равны между собой. Если он продает товар по его стоимости, то предлагаемая стоимость (в форме товара) и получаемая стоимость (в форме денег) равны. Но из того, что человек хочет продать товар по его стоимости, не следует, что это и происходит на деле. Определенное количество товара предлагается им, находится на рынке. Стоимость за предлагаемый им товар он ищет.}

«Предложение и спрос находятся в [802] своеобразном соотношении друг с другом. Каждый предлагаемый, выносимый на рынок, продаваемый товар всегда является в то же время *объектом* спроса, а товар, являющийся объектом спроса, всегда составляет в то же время часть общей массы продуктов, образующих предложение. Каждый товар всегда есть *одновременно* предмет спроса и предложения. Когда два человека производят обмен, то один из них приходит не для того, чтобы создать только предложение, а другой — не для того, чтобы создать только спрос; *объект, предмет его предложения* должен доставить ему предмет его спроса, и, следовательно, его спрос и его предложение совершенно равны между собой. Но если предложение и спрос каждого индивидуума всегда равны между собой, то это же относится и к предложению и спросу всех индивидуумов нации, вместе взятых. Поэтому, как бы велика ни была сумма годового продукта, она никогда не может превысить сумму годового спроса. Вся совокупность годового продукта распадается на то или иное число частей, равное числу тех индивидуумов, между которыми распределен годовой продукт. Вся совокупность спроса равна сумме того, что из всех этих частей их владельцы не удерживают для своего собственного потребления. Но совокупность всех этих частей как раз и равна всему годовому продукту» (там же, стр. 254—255).

Раз Милль *предположил*, что предложение и спрос каждого индивидуума равны между собой, то все его пространственные глубокомысленные рассуждения о том, что тогда равны между собой также предложение и спрос *всех* индивидуумов, совершенно излишни.

* — реально. *Ред.*

** — идеально. *Ред.*

* * *

Как понимали Милля современные ему рикардианцы, видно, например, из следующего:

«Тут, следовательно» {это говорится по поводу определения стоимости труда у Милля}, «мы имеем, по крайней мере, один такой случай, где цена (цена труда) постоянно определяется соотношением между предложением и спросом» (*Прево* в своих «*Réflexions sur le système de Ricardo*», приложенных к книге Мак-Куллоха «*Discours sur l'économie politique*», traduit de l'anglois par G-me Prevost, Genève — Paris, 1825, стр. 187).

В упомянутом здесь «*Discours*» Мак-Куллох говорит, что цель Милля —

«дать логическую дедукцию принципов политической экономии» (стр. 88). «Милль излагает почти все вопросы, являющиеся предметом обсуждения. Он сумел распутать и упростить самые сложные и самые трудные вопросы и привести в естественный порядок различные принципы науки» (там же).

Из логики Милля можно сделать тот вывод, что совершенно нелогичное построение книги Рикардо, разобранные нами выше*, он в целом наивно сохраняет как «естественный порядок».

[д)] ПРЕВО [ОТКАЗ ОТ НЕКОТОРЫХ ВЫВОДОВ РИКАРДО И ДЖЕМСА МИЛЛЯ. ПОПЫТКИ ДОКАЗАТЬ, ЧТО НЕПРЕРЫВНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ПРИБЫЛИ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НЕИЗБЕЖНЫМ]

Что касается цитированного выше *Прево*, который в основу своих «*Réflexions sur le système de Ricardo*» кладет миллевское изложение системы Рикардо, то некоторые из его возражений покоятся на чисто ученическом непонимании Рикардо.

Но надо отметить следующее о ренте:

«Можно выдвинуть сомнение относительно влияния худших земель на определение цены, если, как это надлежит, принять во внимание их относительные размеры» (*Прево*, цит. соч., стр. 177).

Прево приводит следующее место из *Милля*, важное также и для моего анализа, так как Милль здесь сам представляет себе такой случай, где дифференциальная рента возникает благодаря тому, что новый спрос — добавочный спрос — удовлетворяется посредством перехода к лучшей, а не к худшей земле, т. е. посредством движения по восходящей линии:

«Г-н Милль пользуется таким примером: «Предположим, что все обрабатываемые участки в данной стране — одинакового качества и приносят

* См. настоящее издание, часть II — особенно стр. 176—182. *Ред.*

на прилагаемые к ним капиталы одинаковые количества продукта, за исключением одного-единственного акра, который доставляет в шесть раз больше продукта, чем всякий другой» (*Mill. Elements of Political Economy*, 2nd edition, стр. 71). Не подлежит сомнению, что, как доказывает это г-н Милль, арендатор этого последнего акра не мог бы повысить свой арендаторский доход» (т. е. не мог бы получать более высокую прибыль, чем другие арендаторы; мысль выражена у Прево очень плохо ⁴¹⁾) «и что пять шестых продукта принадлежали бы земельному собственнику».

{Здесь, следовательно, мы имеем дифференциальную ренту без понижения нормы прибыли и без повышения цены земледельческого продукта. Это должно происходить тем чаще, что [803] вместе с промышленным развитием страны, с развитием средств сообщения и ростом населения должно постоянно *улучшаться местоположение* земельных участков, как бы ни обстояло дело с естественным плодородием, а местоположение (относительно лучшее) действует так же, как естественное плодородие.}

«Но если бы остроумный автор вздумал сделать такое же предположение для противоположного случая, он убедился бы, что результат получился бы другой. Действительно, предположим, что все земельные участки — одинакового качества, кроме одного акра худшей земли. Пусть на этом единственном акре выручка на затраченный капитал составляет лишь одну шестую часть выручки на всяком другом акре. Можно ли думать, что прибыль с нескольких миллионов акров понизится в результате этого до одной шестой части обычной прибыли? По всей вероятности, этот единственный акр не окажет совершенно никакого влияния на цены, так как на любых продуктах, поступающих на рынок (в особенности, на хлебе), не могла бы заметно отразиться конкуренция столь *ничтожного* количества. Поэтому мы и говорим, что в утверждение Рикардо о влиянии худших земель следует внести поправку об *относительных размерах* земель различного плодородия» (*Прево*, цит. соч., стр. 177—178).

* * *

{У Сэя в его примечаниях к переводу книги Рикардо, сделанному Констансио, имеется только *одно* правильное замечание о *внешней торговле* ⁴²⁾. Прибыль может быть получена также и путем надувательства, благодаря тому, что один приобретает то, что другой теряет. Внутри одной страны потеря и выигрыш выравниваются. Не так обстоит дело во взаимоотношениях между различными странами. И даже с точки зрения теории Рикардо, — чего Сэй *не* замечает, — три рабочих дня одной страны могут обмениваться на один рабочий день другой страны. Закон стоимости претерпевает здесь существенную модификацию. Или рабочие дни различных стран могут относиться друг к другу так, как внутри одной страны квалифицированный, сложный труд относится к неквалифицированному, простому

труду. В этом случае более богатая страна эксплуатирует более бедную даже тогда, когда последняя выгадывает от обмена, как это показал и Дж. Ст. Милль в своих «Some Unsettled Questions of Political Economy»⁴³.}

* * *

[По вопросу о соотношении между земледельческой и промышленной прибылью Прево говорит:]

«Мы признаём, что в общем норма земледельческих прибылей определяет норму промышленных прибылей. Но в то же время мы должны заметить, что последние с необходимостью оказывают обратное действие на первые. Если цена хлеба достигла известной высоты, то промышленные капиталы притекают в земледелие и неизбежно понижают земледельческие прибыли» (Прево, цит. соч., стр. 179).

Возражение правильно, но сформулировано весьма узко. Смотри выше *.

Рикардианцы утверждают, что прибыль может падать только в результате роста заработной платы, так как с ростом населения повышаются в цене предметы необходимости, а это является следствием накопления капитала, поскольку по мере этого накопления в обработку вводятся худшие земли. Но сам Рикардо признаёт, что прибыли могут понижаться также и тогда, когда капиталы растут быстрее населения, т. е. когда к повышению заработной платы приводит конкуренция капиталов друг с другом. Это — точка зрения А. Смита. Прево говорит:

«Если растущий спрос со стороны капиталов повышает цену рабочих, т. е. *заработную плату*, то разве не будет правильным утверждать, что растущее предложение этих же капиталов может понизить цену капиталов, т. е. *прибыль*?» (цит. соч., стр. 188).

Исходя из ошибочной точки зрения Рикардо, — согласно которой понижение прибыли можно объяснить только уменьшением прибавочной стоимости, следовательно уменьшением прибавочного труда, следовательно *вздорожанием потребляемых рабочими предметов необходимости*, следовательно повышением стоимости труда, хотя реальное вознаграждение рабочего, вместо того чтобы повышаться, может при этом понижаться, — исходя из этой основы, Прево пытается доказать, что непрерывное уменьшение прибыли не является неизбежным.

Во-первых, он говорит:

«Состояние процветания начинается с того, что прибыли повышаются»

* См. настоящее издание, часть III, стр. 97—98. Ред.

(а именно, земледельческие прибыли: с наступлением состояния процветания растет население, растет, следовательно, спрос на земледельческие продукты, растут, следовательно, сверхприбыли фермеров),

«и притом задолго до того, как в обработку вводятся новые земли, так что, когда эти новые земли начинают оказывать влияние на ренту путем уменьшения прибылей, прибыли, хотя они сразу и уменьшаются, всё еще остаются такими же высокими, какими они были до этого процветания... Почему в тот или иной момент переходят к обработке земли худшего качества? Это можно делать лишь в ожидании получения такой прибыли, которая *по меньшей мере равна обычной*. А какое обстоятельство может создать эту норму прибыли на землях худшего качества? Рост [804] населения... Оказывая давление на имеющиеся средства существования, возросшее население приводит к повышению цен на съестные припасы (в особенности на хлеб), в результате чего земледельческие капиталы получают высокие прибыли. Другие капиталы притекают в земледелие; но так как площадь земли ограничена, то у этой конкуренции есть предел, и в конце концов получается, что при обработке худших земель всё еще имеют место *более высокие прибыли, чем в торговле или промышленности*. Начиная с этого времени (при предположении, что эти худшие земли достаточно велики по своим размерам) земледельческие прибыли вынуждены определяться прибылями с последних капиталов, вложенных в землю. Если исходить из нормы прибыли, существовавшей в начале возрастания богатства» (в начале разделения прибыли на прибыль и ренту), «то окажется, что прибыли отнюдь не имеют тенденции к понижению. Они повышаются вместе с ростом населения, пока земледельческие прибыли не возросли настолько, что (в результате обработки новых, худших земель) они могут значительно уменьшиться, никогда не падая ниже своей первоначальной нормы, или (говоря точнее) ниже той средней нормы, которая определяется различными обстоятельствами» (цит. соч., стр. 190—192).

Прево явно неправильно понимает точку зрения Рикардо. У Прево получается, что в результате процветания увеличивается население, а это повышает цену земледельческих продуктов, вследствие чего повышаются земледельческие прибыли (хотя непонятно, — если это повышение земледельческих прибылей носит постоянный характер, — почему по истечении срока аренды не могла бы быть повышена рента и эти земледельческие сверхприбыли не могли бы быть присвоены в форме ренты даже до введения в обработку худших земель). Но то же возрастание цены земледельческого продукта, которое ведет к повышению земледельческих прибылей, повышает заработную плату во всех отраслях промышленности и потому вызывает падение промышленных прибылей. Этим путем в промышленности образуется новая норма прибыли. И если земли худшего качества при существующей рыночной цене земледельческих продуктов приносят хотя бы только эту *пониженную норму прибыли*, то капиталы могут устремиться на земли худшего качества. Их привлекают туда высокие земледельческие при-

были и высокая рыночная цена хлеба. Они даже могут, пока в земледелие не перекочевало достаточное количество капиталов, всё еще приносить, как говорит Прево, более высокие прибыли, чем понизившаяся промышленная прибыль. Но как только добавочное предложение становится достаточным, рыночная цена падает, давая на худших землях лишь обычную промышленную прибыль. То, что продукт на лучших землях приносит сверх этого, превращается в ренту. Таково представление Рикардо, основу которого *Прево* принимает и из которого он исходит в своих рассуждениях. Хлеб теперь дороже, чем до повышения земледельческой прибыли. Но та сверхприбыль, которую он давал арендатору, превратилась в ренту. Этим путем до уровня более низкой нормы промышленной прибыли, упавшей вследствие вздорожания земледельческого продукта, понижается также и прибыль на лучших землях. Нельзя понять, почему в результате этого прибыли не должны будут упасть ниже своей «первоначальной нормы», если только не наступят какие-нибудь другие обстоятельства, модифицирующие этот процесс. Конечно, другие обстоятельства *могут* наступить. При всех обстоятельствах, согласно предположению, земледельческая прибыль после вздорожания предметов необходимости поднимется выше промышленной прибыли. Но если бы при этом та часть потребляемых рабочими предметов необходимости, которая производится промышленностью, благодаря развитию производительной силы подешевела в такой степени, что заработная плата рабочих (даже при оплате ее по ее средней стоимости) повысилась бы в связи с вздорожанием продуктов сельского хозяйства не в той мере, в какой она должна была бы повыситься без этих парализующих обстоятельств, и если бы, далее, благодаря тому же развитию производительной силы понизилась и цена продуктов, доставляемых добывающей промышленностью, а также цена сельскохозяйственного сырья, не входящего в предметы питания (правда, такое предположение маловероятно), то промышленная прибыль могла бы не падать, хотя она и была бы ниже земледельческой прибыли. Понижение последней в результате перемещения капитала в земледелие и в результате образования ренты [805] лишь восстановило бы тогда прежнюю норму прибыли.

[Во-вторых,] Прево пытается применить еще и другую аргументацию:

«Земли худшего качества... вводятся в обработку лишь в том случае, если они приносят такую же прибыль, как промышленные капиталы, или прибыль более высокую. В этом случае цена хлеба и других продуктов сельского хозяйства, несмотря на введение в обработку новых земель, часто

остается еще очень высокой. Эти высокие цены ставят в стесненное положение рабочее население, так как повышение заработной платы не поспевает за повышением цены тех предметов, которые потребляются наемными рабочими. Высокие цены сельскохозяйственных продуктов ложатся большим или меньшим бременем на все население, так как почти на всех товарах отражается повышение заработной платы и повышение цены предметов первой необходимости. Это всеобщее стесненное положение в соединении с увеличением смертности, вызываемым слишком многочисленным населением, приводит к уменьшению числа наемных рабочих и вследствие этого — к повышению заработной платы и падению земледельческой прибыли. С этого момента дальнейшее развитие происходит в направлении, противоположном прежнему. Капиталы отливают от худших земель и притекают обратно к промышленности. Но закон народонаселения скоро опять оказывает свое действие: как только прекращается нищета, число рабочих возрастает, их заработная плата понижается, и вследствие этого прибыли повышаются. Такого рода колебания в ту и другую сторону должны чередоваться, не затрагивая средней прибыли. Прибыли могут повышаться или понижаться по другим причинам или по этой самой причине, могут попеременно изменяться то в одном, то в другом направлении — без того, чтобы их повышение или понижение в среднем можно было бы приписать необходимости вводить в обработку новые земли. Народонаселение есть тот регулятор, который восстанавливает естественный порядок и удерживает прибыль в определенных пределах» (цит. соч., стр. 194—196).

Несмотря на путаную форму изложения, это правильно с точки зрения «закона народонаселения». Только это не согласуется с предположением о том, что земледельческие прибыли возрастают до тех пор, пока не создано соответствующее росту населения добавочное предложение. Если здесь имеет место постоянное повышение цены земледельческого продукта, то отсюда следует не уменьшение населения, а общее понижение нормы прибыли, что влечет за собой уменьшение накопления и только в результате этого уменьшение населения. Население, согласно взглядам Рикардо — Мальтуса, возрастало бы медленнее. А в основе рассуждений Прево лежит такой ход мыслей: указанный процесс опустил бы заработную плату ниже ее среднего уровня; с этим падением заработной платы и нищетой рабочих наступает падение хлебных цен, а отсюда — опять повышение прибыли.

Однако этот последний ход мыслей уводит нас в сторону такого исследования, которое сюда не относится, ибо у нас здесь предполагается, что стоимость труда всегда оплачивается полностью, т. е. что рабочий получает необходимые для его воспроизводства жизненные средства.

Эти рассуждения Прево важны потому, что они показывают, что взгляд Рикардо, — вместе с принятым им взглядом Мальтуса, — хотя и может объяснить колебания нормы прибыли, но не объясняет постоянного ее падения, которое не переменилось бы периодами ее повышения: ведь при известной вы-

соте хлебных цен и при известном падении прибылей заработная плата опустилась бы ниже своего уровня, и это вызвало бы насильственное уменьшение населения, а потому и понижение хлебных цен и вообще цен предметов необходимости, что должно было бы повлечь за собой опять повышение прибыли.

3) ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

[806] Время между 1820 и 1830 гг. представляет собой в метафизическом отношении самый значительный период в истории английской политической экономии. Перед нами проходит теоретическое сражение за и против теории Рикардо, ряд анонимных полемических сочинений. Важнейшие из них здесь приводятся, и в особенности касательно тех лишь пунктов, которые относятся к нашей теме. Но вместе с тем и для самих этих полемических сочинений характерно то, что все они фактически вращаются лишь вокруг определения понятия стоимости и ее отношения к капиталу.

а) «OBSERVATIONS ON CERTAIN VERBAL DISPUTES...»

[СКЕПТИЦИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ;
СВЕДЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СПОРОВ К СПОРУ О СЛОВАХ]

«Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821.

Сочинение это не лишено известной остроты. Характерно его заглавие — «Verbal Disputes»*.

Отчасти оно направлено против Смита, Мальтуса, но также и против Рикардо.

Основная мысль этого сочинения сводится к утверждению, что

«споры... проистекают исключительно из того, что различные лица употребляют слова в разных смыслах, т. е. из того, что спорящие, подобно рыцарям в сказке, смотрят на разные стороны щита» (стр. 59—60).

Подобного рода скептицизм всегда является предвестником разложения той или иной теории, непосредственным предшественником бездумного и бессовестного эклектизма, приспособленного для домашнего обихода.

По поводу рикардовской теории стоимости анонимный автор говорит прежде всего следующее:

* — «Споры о словах». Ред.

«Имеется явная трудность в предположении, что когда мы говорим о стоимости, или действительной цене в противоположность номинальной цене, то мы имеем в виду *труд*; ибо часто нам приходится говорить о *стоимости, или цене, самого труда*. Если под трудом, как действительной ценой вещи, мы понимаем тот труд, которым эта вещь *произведена*, то при этом возникает еще и другая трудность; ибо часто нам приходится говорить о *стоимости, или цене, земли*, а между тем земля не произведена трудом. Таким образом, это определение применимо только к *товарам*» (цит. соч., стр. 8).

Что касается труда, то возражение против Рикардо верно постольку, поскольку согласно Рикардо капитал покупает непосредственно труд, т. е. поскольку Рикардо говорит непосредственно о стоимости труда, тогда как в действительности тем, временное потребление чего здесь покупается и продается, является рабочая сила, которая сама представляет собой некоторый продукт. Вместо того чтобы разрешить проблему, анонимный автор тут только подчеркивает, что проблема не разрешена.

Совершенно верно и то, что «*стоимость, или цена, земли*», которая не есть продукт труда, по видимости непосредственно противоречит понятию стоимости и не может быть непосредственно выведена из него. Эта фраза имеет тем меньшее значение как возражение против Рикардо, что анонимный автор не выступает против рикардовской теории ренты, где Рикардо как раз объясняет, как на основе капиталистического производства образуется номинальная стоимость земли, и показывает, что она не противоречит определению стоимости. Стоимость земли есть не что иное, как цена, уплачиваемая за капитализированную земельную ренту. Здесь, следовательно, предполагаются гораздо более развитые отношения, чем те, которые *prima facie* * вытекают из простого рассмотрения товара и его стоимости, — подобно тому как фиктивный капитал⁴⁴, являющийся объектом биржевой игры и представляющий собой фактически не что иное, как продажу и покупку известных прав на части ежегодных налогов, не может быть выведен из простого понятия производительного капитала.

Второе возражение, — что Рикардо превращает стоимость, которая есть нечто *относительное*, в нечто *абсолютное*, — в другом, позже появившемся полемическом сочинении (Самюэла Бейли) сделано отправным пунктом для нападения на всю систему Рикардо. При рассмотрении сочинения Бейли мы приведем также и то, что в «*Observations on certain Verbal Disputes*» относится к этой теме.

* — на первый взгляд; здесь — с первого же взгляда, сразу же. Ред.

В одном мимоходом сделанном замечании мы находим, — правда, это осталось не осознанным для автора (автор, напротив, хочет этим доказать то, что у него сказано в следующей, не подчеркнутой мною фразе, а именно, что предложение труда само является препятствием для осуществления тенденции к понижению высокой цены труда до уровня его «естественной цены»), — меткую формулировку относительно того источника, из которого проистекает капитал, оплачивающий труд:

«Увеличившееся предложение труда есть увеличившееся предложение того, на что труд покупается. Поэтому, если мы говорим, вместе с г-ном Рикардо, что цена труда всегда имеет тенденцию к понижению до уровня того, что он называет естественной ценой труда, то нам следует лишь вспомнить, что увеличение предложения труда, долженствующее осуществлять эту тенденцию, само является одной из противодействующих причин, препятствующих действию этой тенденции» (цит. соч., стр. 72—73).

Если за исходный пункт не взять среднюю цену труда, т. е. стоимость труда, то невозможно никакое дальнейшее развитие теории, точно так же как оно невозможно в том случае, если не исходить из *стоимости* товаров вообще. Только на этой основе можно понять действительные явления колебаний цен.

[807] «Не следует думать, будто он» (Рикардо) «утверждает, что два отдельных экземпляра двух различных товаров, например шляпа и пара башмаков, обмениваются друг на друга в том случае, если именно *эти два отдельных экземпляра* были произведены одинаковыми количествами труда. Под *«товаром»* здесь следует понимать *«род товара»*, а не отдельную индивидуальную шляпу, пару башмаков и т. д. Весь труд, производящий в Англии все шляпы, следует с этой целью рассматривать как распределяющийся между всеми этими шляпами. Это, как мне кажется, было недостаточно ясно выражено в начале и в общих положениях учения Рикардо». «Так, Рикардо говорит о содержащейся, например, в паре чулок «части труда машиностроителя, затраченного на производство машины». Между тем весь труд, который производит каждую отдельную пару чулок, если мы говорим об отдельной паре, включает *весь* труд машиностроителя, а не часть его; ибо одна машина производит много пар чулок, и ни одна из этих пар не могла бы быть произведена без любой части машины» (цит. соч., стр. 53—54).

Последняя фраза основана на недоразумении. Вся машина входит в процесс труда, но лишь часть ее входит в процесс образования стоимости.

В остальном приведенное замечание анонимного автора содержит кое-что правильное.

Мы исходим из *товара* — из этой специфической общественной формы продукта — как основы и предпосылки капиталистического производства. Мы берем отдельные продукты и анализируем те определенности формы, которые они имеют как товары, т. е. которые накладывают на них печать товара.

До капиталистического производства — при прежних способах производства — значительная часть продукта не поступает в обращение, не выбрасывается на рынок, производится не как товар, не становится товаром. С другой стороны, в это время значительная часть продуктов, входящих в производство, не является товаром и не входит в процесс в качестве товара. Превращение продуктов в товары происходит лишь в отдельных случаях, распространяется только на излишки продукции и т. д. или лишь на отдельные сферы производства (продукты обрабатывающей промышленности) и т. д. Продукты не во всем своем объеме входят в процесс как предметы торговли и не всей своей массой выходят из него в качестве предметов торговли. Тем не менее развитие продукта в товар, товарное обращение, а потому и денежное обращение в определенных границах, а значит и развитая до известной степени торговля — являются *предпосылкой, исходным пунктом* образования капитала и капиталистического производства. В качестве такой предпосылки мы и рассматриваем товар, исходя из него как из простейшего элемента капиталистического производства. Но, с другой стороны, товаром является продукт, результат капиталистического производства. То, что выступает как элемент капиталистического производства, потом являет себя как его собственный продукт. Лишь на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта, и чем больше оно развивается, тем в большей мере в процесс капиталистического производства продукты входят, как ингредиенты, тоже в форме товаров. Товар, как он выходит из капиталистического производства, отличается от того товара, из которого мы исходим как из элемента капиталистического производства. Перед нами уже не отдельный товар, не отдельный продукт. Отдельный товар, отдельный продукт не только реально, в качестве продукта, но и в качестве товара выступает как *часть* совокупной продукции, часть не только реальная, но и идеальная. Каждый отдельный товар выступает как носитель определенной части капитала и созданной им прибавочной стоимости.

В стоимости совокупного продукта, например 1 200 аршин ситца, содержится стоимость авансированного капитала плюс присвоенный капиталистом прибавочный труд — например, стоимость в 120 ф. ст. (если 100 ф. ст. составляют авансированный капитал, а прибавочный труд равен 20 ф. ст.). Каждый аршин ситца равен $\frac{120}{1200}$ ф. ст., т. е. $\frac{1}{10}$ ф. ст., или 2 шилл. В качестве результата процесса выступает не отдельный товар,

а вся масса товаров, в которых воспроизведена стоимость совокупного капитала с добавлением к ней прибавочной стоимости. Стоимость отдельного продукта определяется всей произведенной стоимостью, деленной на число продуктов, и только в качестве такой соответственной части совокупной стоимости отдельный продукт становится товаром. Теперь уже не затраченный на отдельный особый товар труд, который в большинстве случаев совсем нельзя было бы исчислить и который в одном товаре может быть бóльшим по количеству, чем в другом, а совокупный труд, соответственная часть этого совокупного труда, среднее, получающееся от деления совокупной стоимости на число продуктов, определяет стоимость отдельного продукта и конституирует его как товар. Поэтому и для возмещения совокупного капитала с прибавочной стоимостью необходимо, чтобы каждый товар из совокупной массы товаров был продан по своей указанным образом определенной стоимости. Если бы из 1 200 аршин было продано только 800, то капитал не был бы возмещен и тем более не была бы получена прибыль. Но и отдельный аршин *тоже* был бы продан ниже своей стоимости, так как его стоимость определяется не изолированно, а как определенная часть совокупного продукта.

[808] «Если вы труд называете товаром, то он не похож на такой товар, который сначала производится с целью обмена, а затем выносится на рынок, где он должен быть обменен на другие товары соответственно относительным количествам каждого из них, имеющимся в данное время на рынке; труд *производится* в тот момент, когда он выносится на рынок, — более того, он выносится на рынок раньше, чем он производится» (цит. соч., стр. 75—76).

В действительности на рынок выносится не труд, а рабочий. И капиталисту рабочий продает не свой труд, а временное использование самого себя как рабочей силы [working power]. В договоре, который заключают капиталист и рабочий, в покупке и продаже, относительно которой они договариваются, именно это и является непосредственным предметом сделки.

Когда имеет место сдельщина и рабочий оплачивается поштучно, а не по времени, в течение которого рабочая сила отдается в распоряжение капиталиста, то это есть лишь другой способ определять это время. Оно измеряется продуктом, причем определенное количество продукта считается выражением общественно необходимого рабочего времени. Во многих отраслях промышленности Лондона, где господствует сдельщина, оплата производится именно таким способом, исходя из часов [общественно необходимого рабочего времени], но часто

возникают споры по поводу того, представляет ли тот или другой продукт труда «час» или нет.

Независимо от отдельных форм оплаты рабочих, не только при сдельщине, но и вообще, несмотря на то, что рабочая сила продается на определенных условиях до ее потребления, она *оплачивается* после выполнения труда, будь это в конце каждого дня, каждой недели и т. д. Деньги становятся здесь *средством платежа*, после того как они перед тем служили идеально средством покупки, так как номинальный переход товара к покупателю отличается от реального. Продажа товара — рабочей силы, — юридическая передача потребительной стоимости и ее действительная передача не совпадают здесь по времени. Реализация цены происходит поэтому позже продажи товара (см. *первую часть* моего сочинения, стр. 122) ⁴⁵. Здесь обнаруживается также, что авансирует не капиталист, а рабочий, — подобно тому как при сдаче дома внаем авансирует потребительную стоимость не наниматель, а сдающий внаем. Рабочий, правда, получает плату (или, по крайней мере, может получать плату, если товар не заказан предварительно и т. д.) еще до того, как произведенный им товар продан. Но *его* товар, *его* рабочая сила подверглась производственному потреблению, перешла в руки покупателя, капиталиста, до того, как он, рабочий, получил плату. И речь идет не о том, что покупатель товара намерен с ним делать, покупает ли он его для того, чтобы держать его у себя в качестве потребительной стоимости, или же для того, чтобы в свою очередь его продать. Речь идет о *прямой* сделке между первым покупателем и продавцом.

[Рикардо говорит в своих «Principles»:]

«На различных стадиях развития общества накопление *капитала*, или *средств для применения труда*, идет с большей или меньшей быстротой и должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда. Производительные силы труда, по общему правилу, больше всего тогда, когда имеется в изобилии плодородная земля» (*Ricardo. On the Principles of Political Economy. Third edition. London, 1821, стр. 92*) [Русский перевод, том I, стр. 89].

По поводу этого положения Рикардо автор анонимного сочинения замечает:

«Если в первой фразе *производительные силы труда означают незначительность той доли какого-либо продукта, которая достается тем, кто его произвел трудом своих рук*, то эта фраза является почти тавтологией, так как *остающаяся доля продукта образует тот фонд, из которого может накапливаться капитал*, если это угодно его владельцу».

(Таким образом, признаётся само собой разумеющимся, что, с точки зрения капиталиста, *«производительные силы труда*

означают незначительность той доли какого-либо продукта, которая достается тем, кто его произвел трудом своих рук». Это место великолепно.)

«Но в таком случае это не всегда бывает там, где имеется больше всего плодородной земли».

(Это возражение глупо. Рикардо предполагает капиталистическое производство. Он не исследует вопроса о том, легче ли оно развивается при плодородной или при относительно неплодородной земле. Там, где оно существует, оно наиболее производительно в тех местах, где земля наиболее плодородна. Как общественные, так и природные производительные силы труда, т. е. те, которые труд находит в окружающей его природе, выступают в виде производительной силы капитала. Сам Рикардо в приведенном выше месте отождествляет — и это правильно — производительные силы труда с трудом, производящим капитал, производящим то богатство, которое распоряжается трудом, а не то богатство, которое принадлежит труду. *Его выражение «капитал, или средства для применения труда»*, в сущности является единственным, где он схватывает действительную природу капитала. Сам он настолько во власти [809] капиталистической точки зрения, что это извращение, это *quidproquo* * представляется ему чем-то само собой разумеющимся. Объективные условия труда, — к тому же созданные самим этим трудом, — сырье и орудия труда, — не являются такими *средствами, которые труд применяет в качестве своих средств*, а наоборот, они являются *средствами для применения труда*. Не труд их применяет, а они применяют труд. Труд является тем средством для этих вещей, при помощи которого они накапливаются в качестве капитала, а не тем средством, которое обеспечивало бы рабочему продукты, богатство.)

«Так обстоит дело в Северной Америке, но это — искусственное состояние»

(т. е. капиталистическое состояние).

«Не так дело обстоит в Мексике и в Новой Голландии **. Производительные силы труда в *другом* смысле, действительно, всего больше там, где имеется много плодородной земли, — в этом случае речь идет о способности человека, если он этого хочет, выращивать большое количество *сырого продукта*, большое по сравнению со всем выполняемым им трудом. В действительности, это *дар природы, что люди могут выращивать больше предметов питания, чем тот минимум, какой необходим для содержания существующего населения*».

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

** — старое название Австралии. *Ред.*

(Это основа учения *физиократов*. Физической основой прибавочной стоимости является этот «дар природы», который нагляднее всего выступает в земледельческом труде, удовлетворяющем первоначально почти все потребности. В промышленном труде это не так ясно, ибо его продукт сперва должен быть продан как товар. Физиократы, которые впервые дают анализ прибавочной стоимости, рассматривают ее в ее натуральной форме.)

«Но *«прибавочный продукт»* (выражение, употребляемое г-ном Рикардо на стр. 93) обычно означает избыток всей цены какой-нибудь вещи над той ее частью, которая достается рабочим, сделавшим эту вещь»

(осел не видит, что там, где земля плодородна и где, следовательно, на достающуюся рабочему, хотя бы и небольшую, долю цены продукта можно купить достаточное количество предметов необходимости, — доля капиталиста бывает наибольшей), —

«отношение, которое регулируется соглашением людей, а не определяется природой» (*Observations on certain Verbal Disputes*, стр. 74—75).

Если последняя, заключительная фраза имеет какой-нибудь смысл, то он состоит в том, что «прибавочный продукт» в капиталистическом смысле следует строго отличать от производительности труда как таковой. Последняя интересует капиталиста лишь постольку, поскольку она для него реализуется как прибыль. В этом заключается ограниченность, предел капиталистического производства.

«Когда спрос на какой-нибудь предмет превышает то, что является действительным спросом по отношению к данному состоянию предложения, и когда поэтому цена повысилась, то или размеры предложения могут быть увеличены при сохранении прежней нормы издержек производства, — в этом случае размеры предложения будут увеличиваться до тех пор, пока данный предмет не станет обмениваться на другие предметы в таком же отношении, как прежде. Или, во-вторых, увеличить предложение сверх прежних его размеров *невозможно*, и тогда повысившаяся цена не начнет понижаться, а будет продолжать давать, как говорит Смит, более высокую земельную ренту или более высокую прибыль или более высокую заработную плату (или все три) на те особые виды земли, капитала или труда, которые были применены при производстве рассматриваемого предмета. Или, в-третьих, возможное увеличение предложения требует соответственно *больше* земли или капитала или труда или всех трех этих факторов, чем было необходимо для периодического производства» (*следует отметить это выражение!*) «прежнего количества товара. В этом случае предложение увеличится не раньше, чем спрос будет достаточно силен для того, чтобы 1) оплачивать по этой повышенной цене добавочное предложение, 2) оплачивать по этой же повышенной цене прежнее количество предложения. Ибо для получения высокой цены за товар производитель добавочного количества товара будет иметь не большую возможность, чем те, кто произвел прежнее его количество... Таким образом, в этой отрасли будет получаться *сверхприбыль*... *Сверхприбыль* или будет доставаться только некоторым особым производителям... или, если *добавочный* продукт нельзя отличить

от остального, в сверхприбыли будут участвовать все... Люди согласны будут давать кое-что за то, чтобы участвовать в такой отрасли, где можно получать такую *сверхприбыль*... То, что они с этой целью дают, есть *рента*» (цит. соч., стр. 79—81).

Здесь следует отметить только то, что в этом сочинении рента впервые рассматривается как общая форма консолидированной *сверхприбыли*.

[810] «Выражение «превращение дохода в капитал» представляет собой еще один источник этих споров *о словах*. Один человек хочет этим сказать, что капиталист часть прибыли, полученной им в результате применения своего капитала, затрачивает на увеличение своего капитала, вместо того чтобы расходовать ее для личного потребления, как он мог бы сделать это в противном случае. Другой хочет этим сказать, что кто-то затрачивает как капитал нечто такое, чего он никогда не получал в качестве прибыли на какой бы то ни было принадлежащий ему капитал и что ему досталось в качестве ренты, заработной платы, жалованья» (цит. соч., стр. 83—84).

Эти последние обороты — «еще один *источник* споров *о словах*», «один человек хочет этим сказать», «другой хочет этим сказать» — показывают манеру этого умничающего пачкуна.

б) «AN INQUIRY INTO THOSE PRINCIPLES...»

[БУРЖУАЗНАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ АНОНИМНОГО АВТОРА.
ЕГО ТРАКТОВКА РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИИ НАКОПЛЕНИЯ.
НЕПОНИМАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОИЗВОДСТВА, ПОРОЖДАЮЩИХ КРИЗИСЫ]

«An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821.

Сочинение рикардианского направления. Неплохо выступает против Мальтуса. Показывает бесконечную ограниченность этих молодцов. Здесь обнаруживается, во что превращается их проницательность, когда они вместо земельной собственности рассматривают капитал. Тем не менее это — одно из лучших полемических сочинений упомянутого выше десятилетия.

«Если применяемый в производстве ножей капитал увеличивается на 1% и если это может увеличить их производство только в такой же пропорции, то, при предположении, что производство *других вещей* не возросло, производители ножей *увеличат в меньшей степени* имеющуюся у них возможность распоряжаться вещами вообще; но именно такая возможность распоряжаться вещами вообще, а не увеличение количества ножей, образует прибыль предпринимателя, или увеличение его богатства. Однако если бы такое же увеличение на 1% *произошло одновременно в капиталах всех других отраслей производства* и если бы это *вызвало точно такое же увеличение продукта*, то результат получился бы другой, потому что отношение, в каком обменивается один продукт на другой, осталось бы

без изменения и поэтому определенная часть каждого продукта давала бы возможность распоряжаться таким же количеством других вещей, как и прежде» (назв. соч., стр. 9).

Прежде всего, если, как предположено, увеличение производства (и увеличение применяемого в производстве капитала) имеет место только в производстве ножей, то доход производителя ножей будет не повышаться *«в меньшей степени»*, а вообще не будет повышаться, и у производителя ножей получится абсолютный убыток. Для производителя ножей будут тогда открыты только три пути. Или он должен будет обменять свой увеличенный продукт точно так же, как он обменял бы меньшее количество его; тогда его увеличенное производство приведет к прямому убытку. Или он должен будет стараться найти новых потребителей; притом если он ограничен прежним кругом потребителей, то это может быть достигнуто только тем, что он отвлекает покупателей от другой отрасли производства и перекладывает свой убыток на ее плечи; или же он должен расширить свой рынок за его прежние границы, — но ни та, ни другая из этих операций не зависит ни от его доброй воли, ни от одного лишь существования увеличенного количества ножей. Или, наконец, он должен будет перенести излишек своей продукции на следующий год и соответственно уменьшить свое новое предложение для этого следующего года, что тоже ведет к убытку, если его добавление к прежнему капиталу состояло не только в добавочной заработной плате, но и в добавочном основном капитале.

Далее, если накопление всех других капиталов происходило в том же самом размере, то отсюда отнюдь не следует, что их производство увеличится в такой же степени. Но даже если бы это было и так, то отсюда не следовало бы, что им требуется на один процент больше ножей, так как их спрос на ножи не находится ни в какой связи ни с увеличением их собственного продукта, ни с увеличением их способности покупать ножи. Получается всего-навсего тавтология: если увеличение капитала, применяемого в каждой отдельной отрасли производства, пропорционально той степени, в какой потребности общества увеличивают спрос на каждый отдельный товар, то увеличение количества одного товара обеспечивает рынок для увеличенного предложения других товаров.

Таким образом, здесь предполагается: 1) *капиталистическое производство*, при котором производство в каждой отдельной отрасли — и его увеличение — регулируется не *непосредственно* потребностями общества и совершается не [811] *под контролем* последнего, а регулируется производительными силами, кото-

рыми каждый отдельный капиталист распоряжается независимо от потребностей общества; и 2) предполагается, что, тем не менее, производство ведется так *пропорционально*, как будто капитал в различных отраслях производства применяется непосредственно обществом в соответствии с потребностями общества.

При таком предположении, представляющем собой *contradictio in adjecto* *, т. е. в том случае, если бы капиталистическое производство было абсолютно социалистическим, никакое перепроизводство действительно не могло бы иметь места.

К тому же, в различных отраслях производства, где происходит *одинаковое накопление* капитала (а это опять-таки — нигде не годное предположение, будто капитал в различных отраслях накапливается в *одинаковой степени*), масса продукта, соответствующая этому увеличению применяемого капитала, весьма различна, так как производительная сила в различных отраслях, или масса производимых потребительных стоимостей по отношению к применяемому труду, очень различна. И тут и там производится одна и та же стоимость, но количество товаров, в каком она представлена, очень различно. Если в отрасли *A* стоимость увеличилась на 1%, в то время как масса товаров возросла на 20%, то абсолютно нельзя понять, почему в таком случае эта масса товаров должна найти себе рынок в отрасли *B*, где стоимость увеличилась тоже на 1%, но масса товаров возросла только на 5%. Здесь упускается из виду разница между потребительной и меновой стоимостью.

Великое открытие Сэя, что «товары покупаются лишь на товары» ⁴⁶, означает только то, что деньги сами представляют собой превращенную форму товара. Это отнюдь не доказывает, что так как я могу купить только на товар, то я могу купить на *свой* товар, или что моя покупательная способность находится в соответствии с *количеством* произведенных мною товаров. Одна и та же *стоимость* может быть представлена в весьма различных количествах товара. Но потребительная стоимость — потребление — имеет дело не со стоимостью, а с количеством продукта. Абсолютно нельзя понять, почему я должен купить шесть ножей на том основании, что я могу получить их так же дешево, как раньше один нож. Не говоря уже о том, что рабочие продают не товары, а труд, существует масса людей, не производящих товары, но покупающих на деньги. Покупатель и продавец товара не тождественны. Земельный собственник, денежный капиталист и т. д. получают товар других произво-

* — буквально: «противоречие в эпитете», или «противоречие в определении», т. е. абсурдное противоречие такого типа, как в выражениях «круглый квадрат», «деревянное железо». *Ред.*

дителей в виде *денег*. Они являются покупателями, не будучи продавцами «товара». Происходит не только покупка и продажа между промышленными капиталистами, но и продажа ими своих товаров рабочим, а также владельцам доходов, не являющимся фабрикантами товаров. Наконец, их покупки и продажи, совершаемые ими как капиталистами, весьма отличны от их покупок, совершаемых ими при расходовании своего дохода.

«Г-н Рикардо (издание второе, стр. 359) [Русский перевод, том I, стр. 239], приведя взгляд Смита на причину падения прибыли, присовокупляет: «Однако г-н Сэй в высшей степени убедительно показал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти применения в стране, ибо спрос *ограничен* только производством».

(Какая премудрость! Конечно, спрос *ограничен* производством. Не может быть спроса на то, чего *нельзя* произвести по заказу или чего спрос не находит готовым на рынке. Но из того, что спрос *ограничен* производством, отнюдь не следует, что *производство ограничено спросом* или было им ограничено и что оно никогда не может превысить спрос, в особенности спрос по существующей рыночной цене. Такова сэевская острота мысли.)

«В стране не может быть накоплено такое количество капитала, которое нельзя было бы применить *производительно*» (это означает, полагаю я), — добавляет от себя в скобках анонимный автор, — «с прибылью для владельца), «если *вследствие* повышения цен на предметы необходимости не будет очень значительного повышения заработной платы, в результате чего для прибыли на капитал останется так мало, что исчезнет стимул к накоплению» (там же, стр. 360) [Русский перевод, том I, стр. 239].

(Рикардо отождествляет здесь «*производительно*» и «*прибыльно*», тогда как именно в том, что при капиталистическом производстве «*производительно*» только то, что «*прибыльно*», заключается его отличие от абсолютного производства и его предел. Чтобы производить «*производительно*», надо производить так, чтобы масса производителей была исключена из части спроса на продукт; надо производить в антагонизме к тому классу, [812] потребление которого не идет ни в какое сравнение с его производством, — так как именно в избытке его производства над его потреблением и состоит прибыль капитала. С другой стороны, надо производить для таких классов, которые потребляют, но не производят. Надо не только придать прибавочному продукту такую форму, в которой он становится предметом спроса для этих классов: сам капиталист, если он хочет накапливать, не должен, с другой стороны, предъявлять спрос на свои продукты, поскольку они входят в доход, в тех размерах, в каких он их производит. Иначе он не может на-

копить. Поэтому Мальтус противопоставляет капиталисту такие классы, задача которых — не накопление, а расходование. И в то время как с одной стороны предполагаются все эти противоречия, с другой стороны предполагается, что производство совершается без всяких трений, как будто эти противоречия не существуют. Покупка и продажа отделены друг от друга, товар отделен от денег, потребительная стоимость отделена от меновой стоимости. Предполагается, наоборот, что это отделение не имеет места, а происходит меновая торговля. Потребление и производство отделены друг от друга; существуют производители, которые не потребляют, и потребители, которые не производят. Предполагается, наоборот, что потребление и производство тождественны. Капиталист производит непосредственно для того, чтобы увеличить свою прибыль, ради меновой стоимости, а не ради потребления. Предполагается, наоборот, что он производит непосредственно — и только — ради потребления. Если предположить, что существующие в буржуазном производстве противоречия, — которые, правда, выравниваются, но так, что этот процесс выравнивания выступает вместе с тем как кризис, как насильственное соединение разъединенных, безразлично противостоящих друг другу и тем не менее взаимно связанных моментов, — не существуют, то, конечно, они не могут и проявить себя. В каждой отрасли каждый отдельный капиталист производит соответственно *своему* капиталу, не считаясь с потребностями общества и, в особенности, не считаясь с конкурирующим предложением со стороны других капиталов в той же отрасли. Предполагается, наоборот, что он производит так, как если бы он производил по заказу общества. Если бы не было внешней торговли, то предметы роскоши, говорят нам, можно было бы производить, при любых издержках производства, внутри страны. В этом случае, за исключением производства предметов необходимости, труд действительно был бы очень непроемчив. Поэтому и накопление капитала было бы невелико. При этих условиях каждая страна могла бы применять весь накопленный в ней капитал, так как, согласно предположению, в ней накаплилось бы лишь немного капитала.)

«Вторая фраза Рикардо ограничивает первую (чтобы не сказать: противоречит ей), если выражение «не могла бы найти применения» означает в первой фразе «не могла бы быть применена производительно», или, точнее, «прибыльно». А если это выражение означает просто «не могла бы быть применена», то это утверждение бесполезно, потому что ни Адам Смит, ни кто-либо другой, думается мне, не оспаривал, что капитал может быть «применен» в том случае, если его владельцу безразлично, какую прибыль он приносит» («An Inquiry into those Principles...», стр. 18—19).

В действительности Рикардо говорит, что весь капитал в стране, в каких бы размерах он ни был накоплен, может быть применен прибыльно, но что, с другой стороны, сам факт накопления капитала препятствует его «прибыльному» применению, так как накопление должно вести к уменьшению прибыли, а следовательно и нормы накопления.

«Увеличенный спрос [на получение работы] * с их» (рабочих) «стороны означает их готовность брать себе менее значительную долю продукта и оставлять более значительную долю его тем, кто их, рабочих, нанимает; и если говорят, что это сокращает потребление и тем самым увеличивает переполнение рынка, то я могу лишь ответить, что в таком случае переполнение рынка оказывается синонимом высокой прибыли» (цит. соч., стр. 59).

Такова, действительно, сокровенная основа переполнения рынка.

«В качестве потребителей, рабочие, в периоды процветания, не имеют никакой выгоды от машин (вопреки утверждению г-на Сэя, «*Traité d'économie politique*», издание четвертое, том I, стр. 60), если только предмет, удешевляемый машиной, не принадлежит к числу таких вещей, которые, благодаря удешевлению, могут стать доступными для потребления их рабочими. Молотилки, ветряные мельницы могут в этом отношении иметь для рабочих большое значение, но изобретение машины, вырезающей фанеру для дорогой мебели, машины для изготовления блоков или станка для вязания кружев мало улучшает их положение» (цит. соч., стр. 74—75).

«При детально развитом разделении труда сноровка рабочих может найти себе применение только в той особой сфере, в которой они получили выучку; рабочие являются своего рода машинами. При таком положении вещей бывают продолжительные периоды безработицы, т. е. потерянного труда, — богатства, подрезанного у своего корня. Совершенно бесполезно повторять, как попугай, что вещам свойственна тенденция находить свой уровень. Стоит посмотреть вокруг себя, и мы увидим, что они [813] в течение долгого времени не могут найти своего уровня и что, когда они находят его, то он оказывается значительно ниже, чем уровень в начале процесса» (цит. соч., стр. 72).

Этот рикардианец, по примеру Рикардо, правильно признаёт те кризисы, которые происходят от внезапных перемен в ходе торговли ⁴⁷. Это имело место в Англии после войны 1815 года. И точно так же все позднейшие экономисты признавали каждый раз единственно возможной причиной кризисов то, что было наиболее осязательным поводом каждого данного кризиса.

Причиной кризиса он признаёт также и кредитную систему (стр. 81 и следующие). (Как будто сама кредитная система не возникла из трудности применить капитал «производительно», т. е. «прибыльно».) Англичане вынуждены, например, ссужать свой собственный капитал за границу, чтобы создать себе рынок.

* См. настоящее издание, часть III, стр. 56. Ред.

В перепроизводстве, в кредитной системе и т. д. капиталистическое производство старается прорвать свои собственные границы и производить сверх своей *меры*. Оно, с одной стороны, имеет такое стремление. С другой стороны, оно выдерживает лишь такое производство, которое соответствует прибыльному применению существующего капитала. Отсюда — кризисы, которые вместе с тем всегда гонят его за его собственные границы и в семимильных сапогах заставляют достигать того, — в отношении развития производительных сил, — что оно внутри своих границ осуществило бы лишь очень медленно.

О Сэе анонимный автор судит очень правильно. Это следует привести при разборе взглядов Сэя. (См. *тетрадь VII*, стр. 134 ⁴⁸.)

«Он» (рабочий) «согласен *часть своего времени работать на капиталиста*, или, что сводится к одному и тому же, часть совокупного продукта, когда он готов и обменян, согласен считать принадлежащей капиталисту. Он вынужден на это соглашаться, иначе капиталист не предоставит ему своей помощи»

(т. е. своего капитала. Совсем недурно, что по мнению анонимного автора «сводится к одному и тому же», владеет ли капиталист совокупным продуктом и часть его уплачивает рабочему в качестве заработной платы — или же рабочий оставляет, передает капиталисту *часть своего продукта*).

«Но так как *побудительным стимулом* для капиталиста является *прибыль* и так как преимущества, доставляемые капиталом, всегда до известной степени зависят столько же от *желания* делать сбережения, сколько и от *возможности* делать их, то капиталист будет склонен предложить добавочное количество этой своей помощи; а так как он найдет меньше людей, нуждающихся в этом добавочном количестве помощи со стороны капитала, чем было число тех, кто нуждался в первоначальном ее количестве, то он должен будет ожидать, что ему достанется меньшая доля выгод, и вынужден будет согласиться сделать рабочему своего рода *подарок*» (!!!), «уступив ему часть выгод, создаваемых предоставленной им, капиталистом, помощью; в противном случае он не получит остальной части. Таким образом, конкуренция понижает прибыль» (цит. соч., стр. 102—103).

Это великолепно! Если капитал вследствие развития производительной силы труда накапливается так быстро, что спрос на труд повышает заработную плату, и рабочий меньше времени даром работает на капиталиста и до известной степени участвует в выгодах своего более производительного труда, — то капиталист делает ему *«подарок»!*

Тот же самый автор подробно доказывает, что высокая заработная плата является плохим стимулом для рабочих, хотя когда речь заходит о земельных собственниках, он считает

низкую прибыль обескураживанием капиталистов. (См. тетрадь XII, стр. 13 ⁴⁹.)

«А. Смит полагал, что вообще накопление или увеличение капитала понижает общую норму прибыли в силу того же закона, который приводит к тому, что увеличение капитала в одной какой-либо отдельной отрасли понижает в ней прибыль. Но в действительности такое увеличение капитала в отдельной отрасли означает его увеличение в большей пропорции, чем та пропорция, в которой в это же время увеличивается капитал в других отраслях» (цит. соч., стр. 9).

Против Сэя. (См. тетрадь XII, стр. 12 ⁵⁰.)

«Непосредственный рынок или непосредственное поле деятельности для капитала, можно сказать, есть труд. Масса капитала, которая в данное время в данной стране или во всем мире может быть вложена так, чтобы давать не меньше определенной нормы прибыли, зависит, по-видимому, главным образом от того количества труда, к выполнению которого, в результате затраты этого капитала, можно побудить имеющееся в данный момент число людей» (цит. соч., стр. 20).

[814] «Прибыль зависит не от цены, а от цены по сравнению с издержками» (цит. соч., стр. 28).

«Положение г-на Сэя ⁵¹ отнюдь не доказывает, что капитал открывает рынок для самого себя; оно доказывает только то, что капитал и труд взаимно открывают рынок друг для друга» (цит. соч., стр. 111).

с) ТОМАС ДЕ КВИНСИ [НЕСПОСОБНОСТЬ ПРЕОДОЛЕТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ НЕДОСТАТКИ РИКАРДОВСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ]

[De Quincey, Thomas.] «Dialogues of Three Templars on Political Economy, chiefly in relation to the Principles of Mr. Ricardo» («London Magazine», vol. IX, 1824).

Попытка опровергнуть все выдвинутые против Рикардо возражения. Что автор знает, о чем идет речь, видно из этой одной фразы:

«Все трудности политической экономии можно свести к вопросу о том, что является основой меновой стоимости» (назв. соч., стр. 347).

В этом сочинении часто не без остроты вскрывается недостаточность рикардовской точки зрения, хотя это делается больше с аффектацией диалектической глубины, чем с действительной диалектической глубиной. Действительные трудности, — которые проистекают не из определения стоимости, а из того, что Рикардо недостаточно развил на этой основе дальнейшие определения и пытался насильственно и непосредственно приспособить к простому отношению стоимости более конкретные отношения, — отнюдь не разрешены и даже как следует не почувствованы. Но сочинение это характерно для того периода, когда оно появилось. Видно, что в ту пору в политической

экономии еще серьезно относились к последовательности и к мышлению.

(Слабее позднейшее произведение того же автора: «The Logic of Political Economy», Edinburgh, 1844.)

Де Квинси остро формулирует отличие взглядов Рикардо от прежних воззрений и не пытается путем перетолкования ослабить или отбросить в проблемах все специфическое, сохранив его лишь в виде фразы, — это делалось впоследствии и широко раскрыло двери беззаботному и беспринципному эклектизму.

Один пункт рикардовского учения, который Де Квинси особенно подчеркивает и который следует здесь отметить, так как он играет роль в подлежащей сейчас нашему рассмотрению полемике против Рикардо, это положение о том, что способность одного товара распоряжаться другими товарами (его покупательная сила, т. е. его стоимость, рассматриваемая как реализованная в каком-нибудь другом товаре) совершенно отлична от его *действительной стоимости*.

«Совершенно ошибочно заключать, что действительная стоимость велика потому, что велико то количество, которое она покупает, или мала потому, что мало то количество, которое она покупает... Если товар А удваивает свою стоимость, то он не будет на этом основании распоряжаться двойным, сравнительно с прежним, количеством товара В. Это может иметь место, но может случиться и так, что он будет распоряжаться в 500 раз большим или в 500 раз меньшим количеством... Никто не станет отрицать, что товар А при удвоении своей собственной стоимости будет распоряжаться двойным количеством всех тех предметов, стоимость которых осталась неизменной... Но вопрос состоит в том, будет ли товар А всегда и повсюду при удвоении своей стоимости распоряжаться двойным количеством» («Dialogues of Three Templars», стр. 552—554, в разных местах).

д) САМЮЭЛ БЕЙЛИ

[α] ПОВЕРХНОСТНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ В ТРАКТОВКЕ КАТЕГОРИИ СТОИМОСТИ У АВТОРА «OBSERVATIONS ON CERTAIN VERBAL DISPUTES...» И У БЕЙЛИ. ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТА. ОТКАЗ ОТ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ КАК ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ]

[Bailey, Samuel.] A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the Writings of Mr. Ricardo and his Followers. By the Author of Essays on the Formation and Publication of Opinions. London, 1825.

Это — главное сочинение против Рикардо (оно направлено также и против Мальтуса). Пытается опрокинуть основу доктрины — *стоимость*. В положительном смысле не представляет никакой ценности, за исключением определения «*меры стоимости*», или, точнее, денег в этой их функции. (Ср. также того же автора «A Letter to a Political Economist; occasioned by an

article in the «Westminster Review» on the subject of Value». London, 1826.)

Так как указанное сочинение, как уже отмечено выше *, по своей основной мысли примыкает к «Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy», то здесь следует вернуться к этим «Observations» и привести из них соответствующие места.

Автор «Observations» упрекает Рикардо в том, что он *стоимость* из относительного свойства товаров в их отношении друг к другу превращает в нечто абсолютное.

В этом отношении Рикардо следует упрекнуть только в том, что он не проводит строгого разделения между различными моментами в развитии понятия стоимости, — между меновой стоимостью товара, как она *выступает* или *проявляется* в процессе обмена товаров, и бытием товара как *стоимости* в отличие от его бытия как вещи, продукта, потребительной стоимости.

[815] В «Observations» сказано:

«Если абсолютное количество труда, которым производится бóльшая часть товаров или все товары за исключением одного, увеличивается, то можно ли сказать, что стоимость этого одного товара остается неизменной? Ведь он будет обмениваться на меньшее количество каждого другого товара. Если в действительности утверждается, что под увеличением или уменьшением стоимости надо *понимать* увеличение или уменьшение количества труда, которое произвело данный товар, тогда те выводы, против которых я только что возражал, могли бы быть в известной мере правильными. Но сказать, как это говорит г-н Рикардо, что сравнительные количества труда, которыми произведены два товара, являются причиной того отношения, в котором оба товара обмениваются друг на друга, т. е. причиной меновой стоимости того и другого, — это нечто совсем другое, чем сказать, что *меновая стоимость каждого товара означает* то количество труда, которое его произвело, взятое вне всякого отношения к другим товарам или к существованию других товаров» («Observations on certain Verbal Disputes», стр. 13).

«Действительно, г-н Рикардо говорит нам, что «исследование, к которому он хочет привлечь внимание читателя, касается влияния изменений *относительной*, а не *абсолютной* стоимости товаров» **, как будто он полагает, что *существует* такая вещь, как меновая стоимость, не являющаяся относительной» (там же, стр. 9—10).

«Тот факт, что г-н Рикардо отклонился от своего первоначального употребления слова «стоимость» и *сделал из стоимости нечто абсолютное вместо относительного*, еще яснее выступает в его главе «Стоимость и богатство, их отличительные свойства». Дискутируемый там вопрос обсуждался также другими экономистами и является лишь бесполезным спором о словах» (там же, стр. 15—16).

Прежде чем говорить об этом человеке, сделаем еще одно замечание о Рикардо. В своей главе «Стоимость и богатство»

* См. настоящее издание, часть III, стр. 110. *Ред.*

** См. настоящее издание, часть II, стр. 185. *Ред.*

он доказывает, что общественное богатство не зависит от стоимости произведенных товаров, хотя последнее обстоятельство имеет решающее значение для каждого индивидуального производителя. Тем более ему следовало бы понять, что такая форма производства, которая имеет в виду только прибавочную стоимость, т. е. которая основывается на относительной бедности массы производителей, никак не может быть абсолютной формой производства богатства, какой он ее постоянно изображает.

А теперь обратимся к «observations» * умничающего противника «споров о словах».

Если все товары за исключением одного возрастают в стоимости, потому что они стоят больше рабочего времени, чем раньше, то тот товар, рабочее время которого не подверглось изменению, обменивается на меньшее количество всех других товаров. Его *меновая стоимость*, поскольку она реализуется в других товарах, т. е. его меновая стоимость, выраженная в *потребительных стоимостях* всех других товаров, уменьшилась. «Можно ли, тем не менее, сказать, что его меновая стоимость осталась *неизменной*?» Это только постановка вопроса, о котором идет речь, здесь не дается ни утвердительного, ни отрицательного ответа на него. Тот же результат получился бы и в том случае, если бы рабочее время, требующееся для производства одного товара, уменьшилось, а рабочее время всех других товаров осталось без изменения: определенное количество этого одного товара стало бы обмениваться на меньшее количество всех других товаров. В обоих случаях мы имеем здесь одно и то же явление, хотя оно и происходит в силу прямо противоположных причин. Наоборот, если бы рабочее время, требующееся для производства товара А, осталось неизменным, тогда как рабочее время всех других товаров уменьшилось, то товар А стал бы обмениваться на большее количество всех других товаров. То же самое произошло бы в силу противоположной причины, если бы рабочее время, требующееся для производства товара А, увеличилось, а рабочее время всех других товаров осталось неизменным. Итак, в первом случае товар А обменивается на меньшее количество всех других товаров, и притом это может иметь место по двум противоположным причинам. Во втором случае он обменивается на большее количество всех других товаров, и опять-таки это может иметь место по двум противоположным причинам. Но, *nota bene* **, каждый раз он обменивается, согласно предположению, по

* — «замечаниям» (иронический намек на заглавие сочинения этого автора: «Observations on certain Verbal Disputes»). *Ред.*

** — заметьте себе. *Ред.*

своей стоимости, а потому на эквивалент. Каждый раз товар А реализует свою стоимость в определенном количестве других потребительных стоимостей, на которые он обменивается, как бы ни изменялось количество этих потребительных стоимостей.

Отсюда с очевидностью следует, что то количественное отношение, в котором товары обмениваются друг на друга как потребительные стоимости, есть, правда, *выражение* их стоимости, их *реализованная* стоимость, но не сама их стоимость, так как одно и то же стоимостное отношение выражается в совершенно различных количествах потребительных стоимостей. Бытие товара как стоимости не выражено в его собственной потребительной стоимости — в его бытии как потребительной стоимости. Стоимость товара *проявляется* в его выражении в других потребительных стоимостях, т. е. в том отношении, в каком эти другие потребительные стоимости обмениваются на данный товар. Если 1 унция золота = 1 тонне железа, т. е. если небольшое количество золота обменивается на большое количество железа, то разве в силу этого стоимость унции золота, выраженная в железе, больше стоимости железа, выраженной в золоте? То, что товары обмениваются соответственно содержащемуся в них труду, означает, что они равны, что они суть одно и то же, поскольку представляют одно и то же количество труда. Это, следовательно, вместе с тем означает, что каждый товар, рассматриваемый отдельно, есть нечто [816] *отличное* от его собственной потребительной стоимости, от его собственного бытия как потребительной стоимости.

Стоимость одного и того же товара, не изменяясь, может быть представлена в бесконечно *различных* количествах потребительных стоимостей, сообразно с тем, выражаю ли я ее в потребительной стоимости того или другого товара. Это не изменяет стоимости, хотя и изменяет ее выражение. Точно так же и все те различные количества различных потребительных стоимостей, в которых можно выразить стоимость товара А, суть эквиваленты и относятся друг к другу не только как стоимости, но и как равновеликие стоимости, так что, когда эти весьма различные количества потребительных стоимостей замещают друг друга, стоимость остается столь же неизменной, как если бы она не получала выражения в совершенно различных потребительных стоимостях.

Если товары обмениваются в том отношении, в каком они представляют одинаковые количества рабочего времени, то их бытие как овеществленного рабочего времени, их бытие как воплощенного рабочего времени, есть то, что их *объединяет*, то, что составляет их *тождественный элемент*. Как такие

продукты труда, товары *качественно* суть одно и то же и различаются между собой лишь *количественно*, в зависимости от того, представляют ли они больше или меньше *одного и того же*, — а именно, рабочего времени. *Стоимостями* они являются как выражения этого тождественного элемента, а равновеликими стоимостями, *эквивалентами*, они являются постольку, поскольку они представляют одинаковые количества рабочего времени. Чтобы их в качестве величин можно было сравнивать между собой, они уже должны быть одноименными величинами, качественно тождественными.

Именно в качестве выражений этого единого начала эти различные вещи суть *стоимости* и относятся друг к другу как стоимости, а этим самым дана и разница в *величине их стоимостей*, их имманентная мера стоимости. И только *поэтому* стоимость одного товара может быть представлена, выражена в потребительных стоимостях других товаров как в ее эквивалентах. Таким образом, и сам *отдельный товар* как *стоимость*, как *бытие этого единого начала*, отличен от самого себя как потребительной стоимости, как вещи, — совершенно независимо от выражения его стоимости в других товарах. Как бытие рабочего времени товар есть *стоимость* вообще, как бытие количественно определенного рабочего времени он есть определенная *величина стоимости*.

Для нашего умничающего пачкуна характерны такие обороты, как: «если мы *понимаем* под этим то-то, то мы *не понимаем* под этим того-то», и *vice versa* *. Наше «понимание» не имеет ни малейшего отношения к существенным признакам той вещи, о которой мы говорим. Когда мы говорим о *меново́й стоимости* какой-нибудь вещи, мы *понимаем* под этим прежде всего, конечно, те *относительные количества* всякого другого товара, которые могут быть обменены на первый товар. Но при более близком рассмотрении мы найдем следующее: чтобы то отношение, в каком данная вещь обменивается на несчетное количество других вещей, не имеющих с ней решительно ничего общего, — и даже если между ними имеется природное или другое сходство, оно при обмене не принимается во внимание, — чтобы это отношение было *устойчивым отношением*, все эти различные, разнородные вещи должны рассматриваться как соответственные выражения *одного и того же общего им всем единого элемента*, элемента, совершенно отличного от их природного существования или внешнего вида. Далее, мы еще найдем, что если наше «понимание» имеет какой-либо

* — наоборот. Ред.

смысл, то стоимость какого-нибудь товара есть не только нечто такое, что роднит его с другими товарами и отличает его от других товаров, но что она есть такое качество, которым товар отличается от своего собственного существования как вещи, как потребительной стоимости.

«Повышение стоимости предмета *A* означает только *стоимость*, измеряемую в предметах *B*, *C* и т. д., т. е. стоимость в обмене на предметы *B*, *C* и т. д.» (цит. соч., стр. 16).

Чтобы можно было стоимость предмета *A*, например книги, измерять в предмете *B*, в угле, и в предмете *C*, в вине, *A*, *B*, *C* как *стоимости* должны быть чем-то отличным от их существования как книги, угля и вина. Чтобы можно было стоимость *A* измерять в *B*, *A* должно иметь стоимость, не зависящую от измерения этой стоимости в *B*, и оба они должны быть [качественно] равны третьей вещи, которая выражается в них обоих.

Совершенно ошибочно говорить, что в результате этого стоимость товара превращается из чего-то *относительного* в нечто *абсолютное*. Наоборот. В качестве потребительной стоимости товар выступает как нечто самостоятельное. В качестве стоимости, напротив, он выступает как нечто лишь *положенное*⁵², определяемое лишь его отношением к общественно необходимому, одинаковому, простому рабочему времени. Это настолько относительно, что при изменении требующегося для его воспроизводства рабочего времени изменяется и его стоимость, хотя действительно содержащееся в нем рабочее время осталось неизменным.

[817] В каком глубоком *фетишизме* погряз наш умничающий пачкун и как он относительное превращает в нечто положительное, разительнее всего показывает следующая фраза:

«*Стоимость* есть *свойство вещей*, *богатство* — *свойство людей*. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство — нет» (цит. соч., стр. 16).

Богатство здесь — потребительные стоимости. Конечно, богатством они являются по отношению к людям, или для людей, однако та или иная вещь является потребительной стоимостью, а потому и элементом богатства для людей, именно благодаря своим *собственным свойствам*. Если отнять у винограда те свойства, которые делают его виноградом, то исчезает та потребительная стоимость, которую он как виноград имеет для людей; и он перестает как виноград быть элементом богатства. Богатство как тождественное с потребительными стоимостями, это — те *свойства вещей*, которыми пользуются люди и которые выражают отношение к их потребностям. А по мнению нашего автора, напротив, «*свойством вещей*» является «*стоимость*»!

Как стоимости товары суть *общественные* величины, — следовательно, нечто абсолютно отличное от их «свойств» как «вещей». В качестве стоимостей они представляют лишь отношения людей в их производственной деятельности. Стоимость, действительно, «предполагает обмен», но обмен этот есть обмен вещами между людьми, обмен, не имеющий абсолютно никакого отношения к вещам как к таковым. Вещь сохраняет те же «свойства», независимо от того, находится ли она в руках *А* или *В*. Понятие «стоимости», действительно, предполагает «обмен» продуктов. При обобществленном труде отношения людей в их общественном производстве не представлены как «стоимости» «вещей». Обмен продуктами как товарами есть определенная форма обмена трудом и зависимости труда каждого человека от труда других, определенный способ общественного труда, или общественного производства.

В первой части моего сочинения ⁵³ я показал, как покоящийся на частном обмене труд характеризуется тем, что общественный характер труда «представляется» в превратном виде как «свойство» вещей, что общественное отношение выступает как отношение вещей между собой (как отношение продуктов, потребительных стоимостей, товаров). Эту *видимость* наш фетишист принимает за нечто действительное и на самом деле думает, что меновая стоимость вещей определяется их свойствами как вещей и вообще есть их природное свойство. До сих пор еще ни один естествоиспытатель не открыл, благодаря каким природным свойствам нюхательный табак и картины становятся в определенной пропорции «эквивалентами» друг для друга.

Таким образом, именно он, этот премудрый дуралей, превращает стоимость в нечто абсолютное, в «свойство вещей», вместо того чтобы видеть в ней лишь нечто относительное, отношение вещей к общественному труду, к покоящемуся на частном обмене общественному труду, в сфере которого вещи определены не как нечто самостоятельное, а как всего лишь выражения общественного производства.

Но то обстоятельство, что «стоимость» не есть нечто абсолютное, что ее нельзя рассматривать как нечто самостоятельно существующее, совершенно отлично от того, что товары с необходимостью должны давать своей меновой стоимости *самостоятельное* выражение, *отличное* от их потребительной стоимости, или от их бытия как реального продукта, и *независимо* от этого бытия существующее, т. е. что товарное обращение с необходимостью должно прийти к образованию денег. Товары дают своей меновой стоимости это выражение в деньгах, прежде всего в *цене*, в которой все они представлены как материализация

одного и того же труда, как всего лишь количественно различные выражения *одной и той же* субстанции. *Приобретение самостоятельности меновой стоимостью* товара в деньгах само есть продукт процесса обмена, результат развития содержащихся в товаре противоречий потребительной стоимости и меновой стоимости и того не в меньшей мере содержащегося в нем противоречия, что определенный, особый труд частного индивида с необходимостью должен выявить себя как свою противоположность, как одинаковый, необходимый, всеобщий и в этой форме общественный труд. В том, что товар выражается в деньгах, содержится не только то, что различные величины стоимости товаров измеряются путем выражения их стоимости в потребительной стоимости одного исключительного товара, но вместе с тем и то, что все они выражают себя в такой форме, в которой они существуют как воплощение *общественного труда* и потому могут обмениваться на всякий другой товар, могут быть по желанию превращены в любую потребительную стоимость. Поэтому их выражение в деньгах — в цене — сперва выступает лишь идеально, и они его реализуют лишь путем действительной продажи.

Ошибка *Рикардо* состоит в том, что он занимается лишь *величиной стоимости*. Поэтому он обращает свое внимание только на то [818] *относительное количество труда*, которое представляют различные товары, которое они как стоимости содержат в себе в воплощенном виде. Но содержащийся в товарах труд должен быть представлен как *общественный труд*, как отчужденный индивидуальный труд. В цене это выражено идеально. Реализуется это лишь в продаже. Это превращение содержащихся в товарах работ отдельных индивидов в *одинаковый общественный труд*, который поэтому может быть представлен во всех потребительных стоимостях, может обмениваться на все потребительные стоимости, эта *качественная* сторона дела, содержащаяся в выражении меновой стоимости в деньгах, у *Рикардо* не развита. Это обстоятельство — необходимость *представить* содержащийся в товарах труд как *одинаковый общественный труд*, т. е. как деньги — *Рикардо* упускает из виду.

Развитие капитала, со своей стороны, уже *предполагает* полное развитие меновой стоимости товара, а потому и приобретение ею самостоятельного существования в деньгах. В процессе производства и обращения капитала исходным пунктом является стоимость как самостоятельная форма; эта стоимость сохраняется, увеличивается, посредством сравнения со своей первоначальной величиной измеряет свое увеличение во всех

превращениях, претерпеваемых теми товарами, в которых она представлена, и, не говоря уже о том, что сама она бывает представлена в самых различных потребительных стоимостях, меняет товары, служащие ей телесной оболочкой. Отношение стоимости, предпосланной производству, к стоимости, получающейся в результате производства, — а в качестве предпосланной производству стоимости капитал есть капитал в противоположность прибыли, — образует всеохватывающий и определяющий момент всего процесса капиталистического производства. Здесь перед нами не только самостоятельное выражение стоимости, как это имеет место в деньгах, а стоимость в процессе движения, стоимость, сохраняющая себя в таком процессе, в котором потребительные стоимости проходят через самые различные формы. В капитале, таким образом, приобретение стоимостью самостоятельности выступает в гораздо большей степени, чем в деньгах.

На основании сказанного можно судить о мудрости нашего умничающего противника «споров о словах», который приобретение меновой стоимостью самостоятельности рассматривает как пустую фразу, манеру выражаться, схоластическую выдумку.

«Слово «стоимость», или *valeur* по-французски, не только употребляется в абсолютном смысле, вместо того чтобы употребляться в относительном, как свойство вещей, но даже употребляется некоторыми авторами в смысле некоего измеримого товара. «Владение стоимостью», «перенесение части стоимости» (столь важный момент для основного капитала), «сумма, или совокупность, стоимостей» и т. п. Я не знаю, что все это означает (цит. соч., стр. 57).

То обстоятельство, что ставшая чем-то самостоятельным стоимостью сама обладает в деньгах опять-таки лишь относительным выражением, так как сами деньги суть товар, а потому обладают изменчивой стоимостью, нисколько не меняет дела, а является таким несовершенством, которое проистекает из природы товара и из того, что меновой стоимости товара необходимо дать выражение, отличное от его потребительной стоимости. Свое «я не знаю» наш автор продемонстрировал в полной мере. Это мы видим по всему характеру его критики, которая хочет при помощи болтовни отделаться от трудностей, заключающихся в противоречивых определениях самих вещей, и объявляет эти трудности продуктами рефлексии или спором о словесных определениях.

«Под выражением *относительная стоимость двух вещей* люди имеют в виду либо то отношение, в котором две вещи обмениваются или будут обмениваться *друг на друга*, либо относительные количества *третьей* вещи, на которые каждая из них обменивается или будет обмениваться» (цит. соч., стр. 53).

Нечего сказать, великолепное определение! Если 3 фунта кофе обмениваются сегодня или будут обмениваться завтра на 1 фунт чая, то это отнюдь не значит, что здесь имеет место обмен эквивалентов. На этом основании каждый товар мог бы обмениваться всегда только по своей стоимости, ибо его стоимостью было бы любое количество другого товара, на которое он случайно был обменен. Однако обычно не это *«имеют в виду»*, когда говорят, что 3 фунта кофе были обменены на их эквивалент в чае. Предполагается, что после обмена, как и до него, в руках каждого из участников обмена находится *товар одинаковой стоимости*. Не отношение, в каком обмениваются два товара, определяет их стоимость, а их стоимость определяет то отношение, в каком они обмениваются. Если стоимость есть не что иное, как то количество товара, на которое случайно обменивается товар *A*, то как тогда выразить стоимость *A* в товаре *B*, *C* и т. д.? Ведь [819] в этом случае, раз нет *имманентной* меры для обоих, стоимость товара *A* не могла бы быть выражена в товаре *B* до тех пор, пока товар *A* не обменен на *B*.

Относительная стоимость означает, во-первых, *величину стоимости* в отличие от качества быть вообще *стоимостью*. Поэтому последняя тоже не есть нечто абсолютное. Во-вторых, *относительная стоимость* означает стоимость одного товара, выраженную в потребительной стоимости другого товара. Это есть *только относительное* выражение его стоимости, — а именно, в ее отношении к тому товару, в котором она выражена. Стоимость одного фунта кофе лишь относительно выражена в чае. Чтобы выразить ее абсолютно — даже в относительной форме, т. е. в ее отношении не к рабочему времени, а к другим товарам, — ее надо было бы выразить в бесконечном ряде уравнений *со всеми другими товарами*. Это было бы *абсолютным* выражением [в относительной форме] его *относительной стоимости*. Абсолютным выражением стоимости было бы ее выражение *в рабочем времени*, и посредством этого абсолютного выражения она была бы выражена как нечто относительное, но в рамках того абсолютного отношения, в силу которого она *есть* стоимость.

* * *

Обратимся теперь к Бейли.

Положительной заслугой его сочинения является только одно — а именно то, что он первый более правильно определяет *меру стоимости*, т. е. в действительности одну из функций денег, или деньги в особой определенности формы. Для измерения *стоимостей* товаров — для *внешней* меры стоимостей —

нет необходимости, чтобы стоимость того товара, в котором измеряются другие товары, была неизменной (напротив, как я доказал в первой части ⁵⁴, она должна быть способной к изменению, так как сама мера стоимостей есть товар и должна быть товаром, ибо иначе она не имела бы общей *имманентной* меры с другими товарами). Если, например, изменяется стоимость денег, то она изменяется одинаково по отношению ко всем другим товарам. Поэтому их относительные стоимости выражаются в деньгах так же правильно, как если бы деньги оставались неизменными.

Этим была устранена проблема найти «неизменную меру стоимостей». Однако сама эта проблема (интерес к сравнительной стоимости товаров в различные периоды истории представляет собой интерес в сущности не *экономический* сам по себе, а *академический* *) возникла из недоразумения и таила в себе гораздо более глубокий и важный вопрос. «Неизменная мера стоимостей» означала прежде всего такую меру стоимостей, которая сама должна была бы иметь неизменную стоимость, т. е., так как сама стоимость есть определение товара, «неизменная мера стоимостей» означала товар с неизменной стоимостью. Если бы, например, золото и серебро или хлеб, или также труд, были такими товарами, то при помощи сравнения с ними, при помощи того отношения, в каком другие товары обмениваются на них, можно было бы точно измерять изменения в стоимости этих других товаров их ценой в золоте, в серебре, в хлебе или их отношением к заработной плате. Следовательно, в проблеме, так поставленной, с самого начала предполагается, что в «мере стоимостей» речь идет только о таком товаре, в котором все другие товары выражают свою стоимость, — будь это товар, в котором они ее действительно выражают, т. е. деньги, товар, функционирующий в качестве денег, или же такой товар, который благодаря своей неизменной стоимости был бы теми деньгами, при помощи которых считает теоретик. Ясно, однако, что при всех обстоятельствах здесь дело идет только о таких деньгах, которые в качестве меры стоимостей — теоретически или практически — сами не подвергались бы изменениям в стоимости.

Но для того чтобы товары могли выражать свою меновую стоимость, как нечто самостоятельное, в деньгах, в третьем товаре, в исключительном товаре, — предпосылкой для этого уже являются *товарные стоимости*. Речь идет только о том еще, чтобы их можно было сравнивать друг с другом количе-

* Ср. настоящее издание, часть III, стр. 157. *Ред.*

ственно. Для того чтобы стоимости товаров и различия их стоимостей могли получить такого рода выражение, уже дано в виде предпосылки то *единое начало*, которое делает все товары одним и тем же — стоимостями, качественно унифицирует их как стоимость. Если, например, все товары выражают свои стоимости в золоте, то это их выражение в золоте, их цена в золоте, их уравнение с золотом есть то уравнение, из которого можно выяснить, вычислить их стоимостное отношение друг к другу, ибо они выражены теперь как *различные количества золота* и таким способом товары представлены в своих *ценах* как [820] одноименные и сравнимые величины.

Но чтобы товары можно было представить таким образом, они *уже* должны быть *тождественны* как *стоимости*. Проблема, как стоимость каждого товара выразить в золоте, была бы неразрешима, если бы товар и золото или любые два товара не могли бы быть выражены друг в друге как стоимости, как представители одного и того же единого начала. Иначе говоря, уже в самой проблеме содержится эта предпосылка. Товары уже предположены как стоимости, как отличные от своих потребительных стоимостей *стоимости*, прежде чем может идти речь о выражении этой стоимости в каком-нибудь особом товаре. Для того чтобы два количества различных потребительных стоимостей могли быть приравнены друг к другу как эквиваленты, уже предполагается, что в некоем третьем они *равны*, *качественно* одинаковы и являются лишь различными количественными выражениями этого качественно одинакового.

Таким образом, проблема «неизменного масштаба стоимости» была в действительности только неправильным выражением для поисков понятия, природы самой *стоимости*, такого определения стоимости, которое само не было бы, в свою очередь, стоимостью и, следовательно, не подвергалось бы и изменениям как стоимость. Таким определением стоимости было *рабочее время* — *общественный труд*, как он специфически представлен в товарном производстве. То или иное количество труда не имеет стоимости, не есть товар, а есть то, что превращает товары в стоимости, то *единое* в них, в качестве выражения чего они *качественно* одинаковы и лишь *количественно* различны. Это — товары как выражение определенных количеств общественного рабочего времени.

Допустим, что золото имеет неизменную стоимость. Если бы в этом случае стоимости всех товаров были выражены в золоте, то я мог бы изменения стоимости товаров измерять по их ценам в золоте. Но для того чтобы стоимости товаров можно было выражать в золоте, товары и золото должны быть тождественны

как *стоимости*. Только как определенные количественные выражения этой стоимости, как определенные величины стоимости, золото и товар могли бы быть отождествлены друг с другом. Неизменная стоимость золота и изменяющаяся стоимость остальных товаров не мешала бы тому, чтобы, как *стоимость*, они были одним и тем же, состояли бы из одной и той же субстанции. Сперва стоимость товаров надо было бы выразить, оценить в золоте, — т. е. представить золото и товары как выражения *одного и того же единого начала*, как эквиваленты, — прежде чем неизменная стоимость золота подвинула бы нас хоть на шаг вперед.

{Чтобы товары могли измеряться содержащимся в них количеством труда, — а мерой количества труда является время, — разнородные виды труда, содержащиеся в товарах, должны быть сведены к одинаковому простому труду, к среднему труду, к обычному, необученному труду. Только тогда возможно измерять временем, одинаковой мерой, количество содержащегося в них труда. Труд этот должен быть качественно одинаков, чтобы его различия стали лишь количественными различиями, представляли бы лишь разницу в величине. Однако это сведение к простому среднему труду не есть единственное определение *качества* этого труда, к которому, как к единому началу, сводятся стоимости товаров. То обстоятельство, что количество содержащегося в каком-либо товаре труда есть *общественно необходимое* для его производства количество, что рабочее время есть, следовательно, *необходимое рабочее время*, — это — такое определение, которое касается только *величины стоимости*. Но труд, образующий единое начало стоимостей, не есть только одинаковый, простой, средний труд. Труд есть труд частного индивидуума, представленный в определенном продукте. Однако как стоимость продукт должен быть воплощением *общественного* труда и в этом своем качестве он должен обладать способностью непосредственно превращаться из одной потребительной стоимости в любую другую (та определенная потребительная стоимость, в которой труд непосредственно представлен, должна быть чем-то безразличным для него, так чтобы продукт можно было из одной формы потребительной стоимости переводить в другую). *Частный труд* должен, следовательно, выявить себя непосредственно как свою противоположность, как *общественный труд*; этот превращенный труд, как непосредственная противоположность частного труда, есть *абстрактно всеобщий труд*, который поэтому и выражает себя в некотором всеобщем эквиваленте. Только посредством своего отчуждения [Veräusserung] индивидуальный труд действительно

выражает себя как свою противоположность. Но товар должен обладать этим всеобщим выражением, прежде чем он отчужден. Эта необходимость выражения индивидуального труда как всеобщего труда есть необходимость выражения товара в деньгах. Поскольку эти деньги служат мерой и выражением стоимости товара в *цене*, товар получает это выражение. Но лишь посредством своего действительного превращения в деньги, посредством продажи он получает это свое адекватное выражение как меновая стоимость. Первое превращение есть лишь теоретический, второе — действительный процесс.

[821] Итак, говоря о бытии товара как *денег*, следует отметить не только то, что товары дают себе в деньгах определенную *меру* величины своих стоимостей, — поскольку все они выражают свою стоимость в потребительной стоимости *одного и того же* товара, — но и то, что все они представлены как бытие общественного, абстрактно всеобщего труда. Это есть та форма, в которой все они имеют один и тот же вид, все выступают как непосредственные воплощения общественного труда; и в этом качестве все они действуют как бытие общественного труда, могут *непосредственно* — пропорционально величине своей стоимости — *обмениваться* на все другие товары, между тем как в руках того, чей товар превращен в деньги, товар представляет не бытие меновой стоимости в какой-нибудь особой потребительной стоимости, а бытие потребительной стоимости (например, золота) как всего лишь носителя меновой стоимости. Товар может быть продан ниже или выше своей стоимости. Это касается только *величины его стоимости*. Но каждый раз, когда товар продан, превращен в деньги, его меновая стоимость обладает самостоятельным, отличным от его потребительной стоимости, бытием. Товар теперь существует только как определенное количество общественного рабочего времени, и он доказывает это своей способностью *непосредственно* обмениваться на любой товар, превращаться в любую потребительную стоимость (соответственно своему количеству). При рассмотрении денег этот пункт так же нельзя упускать из виду, как нельзя упускать из виду то формальное превращение, которое содержащийся в товаре труд претерпевает в качестве стоимостного элемента товара. Но в деньгах, — в этой абсолютной обмениваемости, которою обладает товар как деньги, в его абсолютной действительности в качестве *меновой стоимости*, что не имеет никакого отношения к величине стоимости и является *не количественным, а качественным определением*, — обнаруживается, что в результате процесса, совершаемого самим товаром, его *меновая стоимость* обособляется в нечто самостоятельное и

реально получает выражение в свободной форме наряду с потребительной стоимостью товара, подобно тому как идеально это имеет место уже в цене товара.

Все это показывает, что автор сочинения «Observations on certain Verbal Disputes», так же как и Бейли, ничего не понимает в стоимости и в сущности денег, если они обособление стоимости в нечто самостоятельное трактуют как какую-то схоластическую выдумку экономистов. Это обособление стоимости в нечто самостоятельное еще больше выступает в капитале, который в известном смысле может быть назван *стоимостью, совершающей процесс движения*, — следовательно, так как стоимость только в деньгах имеет самостоятельное существование, — *деньгами, совершающими процесс движения*, проходящими ряд процессов, в которых они сохраняются, исходят от себя и возвращаются к себе в увеличенном количестве. То, что парадокс действительности выражается также и в словесных парадоксах, которые противоречат обыденному человеческому рассудку, противоречат тому, что имеют в виду вульгарные экономисты и о чем, по их мнению, они говорят, — это понятно само собой. Противоречия, проистекающие из того, что на основе товарного производства частный труд выражает себя как всеобщий общественный труд, что отношения людей представляются как отношения вещей и как вещи, — эти противоречия лежат в самом предмете, а не в словесном выражении предмета.}

Часто кажется, что Рикардо думает, — и он на самом деле иногда так выражается, — будто количество труда является решением ошибочной или ошибочно понятой проблемы «неизменной меры стоимостей», подобно тому как хлеб, деньги, заработная плата и т. п. раньше рассматривались и выдвигались в качестве такого рода доморощенного средства для решения этой проблемы. Эта ложная видимость получается у Рикардо оттого, что для него решающей задачей является определение величины стоимости. Вот почему он и не понял той специфической формы, в которой труд есть элемент стоимости, и в особенности не понял необходимости того, чтобы отдельный труд был представлен как абстрактно всеобщий и, в этой форме, как *общественный труд*. Поэтому Рикардо не понял связи образования денег с сущностью стоимости и с определением этой стоимости рабочим временем.

Сочинение Бейли имеет некоторую заслугу постольку, поскольку он своими возражениями вскрывает смешение «меры стоимости», выраженной в деньгах как товаре наряду с другими товарами, с имманентной мерой и субстанцией стоимости. Но если бы сам он подверг анализу деньги как «меру стоимости»,

не только как количественную меру, но и как качественное превращение товаров, то он сам пришел бы к правильному анализу стоимости. Вместо этого Бейли не идет дальше поверхностного рассмотрения внешней «меры стоимости», уже предполагающей стоимость, и остается в сфере рассуждений, лишенных какой бы то ни было подлинной мысли.

[822] Однако у Рикардо можно все же найти отдельные места, где он прямо отмечает, что количество содержащегося в товарах труда лишь потому есть имманентная мера *величин* их стоимости, *различий в величине* их стоимости, что труд есть то, в чем различные товары *одинаковы*, единое в них, их субстанция, внутренняя основа их стоимости. Он только упустил исследовать, в какой определенной форме труд является этим.

«Если мы принимаем *труд* за *основу стоимости* товаров, а *сравнительное количество труда*, необходимое для их производства, за *меру, определяющую соответственные количества товаров*, которые должны быть даны в обмен друг на друга, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения фактической, или рыночной, цены товаров от этой их первичной и естественной цены» (*Ricardo. Principles. 3rd edition. London, 1821, стр. 80*) [Русский перевод, том I, стр. 81].

«Измерить... [говорит Дестют де Траси]... значит найти, сколько они» (измеряемые вещи) «содержат... *однородных с ними единиц*». Франк был бы мерой стоимости только для того или другого количества *того самого металла*, из которого сделаны франки, если бы франки и предмет, подлежащий измерению, не могли быть сведены к *некоторой другой мере, являющейся о б щ е й для них обоим*. Возможность такого сведения, по моему мнению, существует, ибо оба они являются *результатом труда*, и поэтому труд» (так как труд есть их *causa efficiens* *) «есть та *общая мера*, с помощью которой могут быть определены как их *действительная*, так и их *относительная стоимость*» (*Ricardo. Principles. 3rd edition. London, 1821, стр. 333—334*) [Русский перевод, том I, стр. 233—234].

Все товары могут быть сведены к труду, как к тому, что в них есть единого. Чего Рикардо не исследует, это — той *специфической* формы, в которой труд выявляет себя как единое в товарах. Поэтому он и не понимает денег. Поэтому превращение товаров в деньги выступает у него как нечто только формальное, не проникающее глубоко во внутреннюю суть капиталистического производства. Но одно он нам говорит: только потому, что труд есть единое в товарах, только потому, что все товары суть лишь выражения одного и того же единого начала, труда, только поэтому труд является их мерой. Он только потому является их мерой, что он есть *субстанция* товаров как стоимостей. Рикардо не проводит надлежащего различия между трудом, поскольку он представлен в потре-

*. — действующая причина. *Ред.*

бительных стоимостях, и трудом, поскольку он представлен в меновой стоимости. Труд как основа стоимости не есть особый труд, не есть труд того или другого особого качества. У Рикардо всюду проходит смешение между трудом, поскольку он представлен в потребительной стоимости, и трудом, поскольку он представлен в меновой стоимости. Правда, последняя форма труда есть лишь взятая в абстрактном виде первая.

Под *действительной стоимостью* Рикардо понимает в выше-приведенном отрывке товар как воплощение определенного рабочего времени. Под *относительной стоимостью* — выражение содержащегося в товаре рабочего времени в потребительных стоимостях других товаров.

Так вот, обратимся к *Бейли*.

Бейли цепляется за ту форму, в которой меновая стоимость товара как товара выражает себя, выступает в явлении. В *общей форме* она выявляет себя тогда, когда выражена в потребительной стоимости такого третьего товара, в котором все другие товары тоже выражают свою стоимость и который служит деньгами, — т. е. в *денежной цене* товара. В *особой форме* она выявляет себя тогда, когда меновую стоимость какого-нибудь товара я выражаю в потребительной стоимости какого-нибудь другого товара, т. е. как *цену в хлебе, цену в холсте* и т. д. Фактически меновая стоимость товара выступает, выражает себя для других товаров всегда только в том *количественном отношении*, в котором они обмениваются. Отдельный товар как таковой не может выразить всеобщее рабочее время, или он может выразить его лишь в виде уравнивания данного товара с таким товаром, который служит деньгами, — т. е. в виде *денежной цены* данного товара. Но тогда стоимость товара *A* всегда представлена в определенном количестве потребительной стоимости *D*, товара, функционирующего как деньги.

Таково *непосредственное явление*. И за него-то и цепляется Бейли. Та наиболее поверхностная форма, в которой меновая стоимость проявляется как *количественное отношение*, в каком товары обмениваются друг на друга, и *есть*, по мнению Бейли, их стоимость. От поверхности идти дальше вглубь не допускается. Бейли забывает даже то простое соображение, что если *y* аршин холста = *x* фунтам соломы, то это равенство неодинаковых вещей, холста и соломы, делает их одинаковыми величинами. Это их бытие как чего-то одинакового должно ведь отличаться [823] от их бытия как соломы и холста. Они приравнены друг к другу не как солома и холст, а как эквиваленты. Поэтому одна сторона уравнения должна выражать ту же стоимость, что и другая. Стоимость соломы и холста,

следовательно, не должна быть ни соломой, ни холстом, а должна быть чем-то общим для них обоих и вместе с тем отличным от них как соломы и холста. Что это такое? На это Бейли не дает никакого ответа. Вместо этого он перебирает все категории политической экономии, чтобы все время повторять монотонное причитание, что стоимость есть меновое отношение товаров и поэтому не есть что-то отличное от этого отношения.

«Если стоимость какого-нибудь предмета есть его покупательная способность, то должно существовать что-нибудь для покупки. Следовательно, стоимость не обозначает ничего положительного или внутренне присущего предмету, а обозначает только то отношение, в каком находятся друг к другу два предмета как обмениваемые товары» («A Critical Dissertation», стр. 4—5).

В этой фразе содержится в сущности вся премудрость Бейли. «Если стоимость есть лишь покупательная способность» (великолепное определение, поскольку «покупать» предполагает не только стоимость, но и выражение стоимости в деньгах), «то она обозначает» и т. д. Но очистим сперва эту фразу Бейли от того, что в нее нелепым образом внесено путем контрабанды. «Покупать» означает превращать деньги в товар. Деньги уже предполагают стоимость и ее дальнейшее развитие. Следовательно, прежде всего уберем выражение «покупать». В противном случае мы будем объяснять стоимость стоимостью. Вместо «покупать» мы должны сказать «обменивать на другие предметы». Что при этом «должно существовать что-нибудь для покупки», представляет собой совершенно излишнее замечание. Если бы «предмет» потреблялся своими производителями как потребительная стоимость, если бы он не был всего лишь средством для присвоения других предметов, не был *«товаром»*, то, конечно, не могло бы быть и речи о стоимости.

Сначала Бейли говорит о «предмете». Но затем отношение, «в каком находятся друг к другу предметы», превращается у него в «отношение, в каком они находятся друг к другу... как обмениваемые товары». Ведь предметы, о которых идет речь, находятся друг к другу только в отношении обмена, или в отношении обмениваемых предметов. В силу этого они и являются *«товарами»*, что означает нечто другое, чем «предметы». Напротив, «отношение обмениваемых товаров» есть или бессмыслица, так как «не обмениваемые предметы» не являются товарами, или г-н Бейли сам себя побивает. Предметы должны обмениваться не в любом отношении, а должны обмениваться как товары, т. е. должны относиться друг к другу как обмениваемые товары, т. е. как такие предметы, из которых каждый имеет стоимость и которые подлежат обмену в *меру своей эквивалент-*

ности друг другу. Этим самым Бейли признал бы, что то отношение, в каком они обмениваются, т. е. способность каждого из товаров покупать другие товары, определяется его *стоимостью*, а не эта стоимость определяется указанной способностью, которая является лишь следствием стоимости.

Итак, если мы удалим из вышеприведенной фразы Бейли все ошибочное, контрабандное или бессмысленное, то она примет такой вид.

Однако, стой! Мы должны устранить еще другую западную и бессмыслицу. Перед нами двоякого рода выражения: «способность предмета обмениваться» и т. д. (так как слово «покупать» неправомерно и бессмысленно без понятия денег) и *отношение*, в каком один предмет обменивается на другие». Если «способность» должна означать нечто другое, чем «отношение», то нельзя утверждать, что «способность обмениваться» есть *только отношение* и т. д. Если оба выражения должны означать *одно и то же*, то обозначение одного и того же двумя различными выражениями, не имеющими ничего общего между собой, способно лишь породить путаницу. *Отношение* одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них. *Способность вещи* есть, наоборот, нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только [824] в ее отношении к другим вещам. Так, например, способность притягивать есть способность самой вещи, хотя эта способность остается «скрытой», пока налицо нет таких вещей, которые могли бы быть притянуты. Бейли делает здесь попытку изобразить стоимость «предмета» как нечто ему присущее и тем не менее существующее лишь как «отношение». Поэтому сперва он употребляет слово «способность», а затем слово «отношение».

Итак, точное выражение мысли Бейли гласило бы:

«Если стоимость какого-нибудь предмета есть то отношение, в каком он обменивается на другие предметы, то, следовательно» (т. е. вследствие предположенного «если»), «стоимость не обозначает ничего кроме того отношения, в каком находятся друг к другу два предмета как обмениваемые предметы».

Эту тавтологию никто не станет отрицать. Из нее, однако, следует, что «стоимость» предмета *«ничего не обозначает»*. Возьмем, например, уравнение 1 фунт кофе = 4 фунтам хлопка. Какова в таком случае будет стоимость 1 фунта кофе? 4 фунта хлопка. А стоимость 4 фунтов хлопка? 1 фунт кофе. И так как стоимость 1 фунта кофе — это 4 фунта хлопка, а, с другой стороны, стоимость 4 фунтов хлопка = 1 фунту кофе, то ясно,

что стоимость 1 фунта кофе = 1 фунту кофе (ибо 4 фунта хлопка = 1 фунту кофе). $A = B$, $B = A$; отсюда $A = A$. Из этого объяснения получается, следовательно, что стоимость какой-нибудь потребительной стоимости равняется данному количеству той же потребительной стоимости. Итак, стоимость 1 фунта кофе есть не что иное, как 1 фунт кофе. Если 1 фунт кофе = 4 фунтам хлопка, то ясно, что 1 фунт кофе $>$ 3 фунтов хлопка и 1 фунт кофе $<$ 5 фунтов хлопка. Тот факт, что 1 фунт кофе $>$ 3 фунтов хлопка и $<$ 5 фунтов хлопка, тоже выражает *отношение* между кофе и хлопком, совершенно так же как это выражается уравнением 1 фунт кофе = 4 фунтам хлопка. Знак = выражает отношение не в большей мере, чем знак $>$ или знак $<$, но только он выражает *другое* отношение. Почему же именно отношение со знаком равенства, со знаком =, выражает стоимость кофе в хлопке и стоимость хлопка в кофе? Или этот знак равенства получается просто оттого, что вообще эти количества обмениваются друг на друга? Выражает ли знак = только факт обмена? Нельзя отрицать того, что если кофе обменивается в каком-либо отношении на хлопок, то они обменены друг на друга, и если один лишь факт обмена констатирует *отношение* между товарами, то стоимость кофе одинаково хорошо представлена в хлопке, обменивается ли он на 2, 3, 4 или 5 фунтов хлопка. Но что в таком случае означает слово *отношение*? Кофе не содержит в себе решительно ничего «внутренне присущего, положительного», чем определялось бы, в *каком отношении* он обменивается на хлопок. Отношение, о котором говорит Бейли, не есть такое отношение, которое определяется каким-либо внутренне присущим кофе и отличным от действительного обмена свойством. К чему, следовательно, здесь слово *отношение*? Что такое то отношение, которое имеет в виду Бейли? Количество хлопка, на которое обменивается данное количество кофе. Строго говоря, Бейли не имел бы права говорить об отношении, в каком кофе обменивается, а мог бы говорить только об отношении, в каком он *сейчас обменен* или *был обменен*. Ибо если бы определение отношения предшествовало обмену, то обмен определялся бы «отношением», а не отношение обменом. Мы должны, следовательно, отбросить также и *отношение*, которое есть нечто *выходящее за пределы* кофе и хлопка, нечто отдельное от них.

[Таким образом, вышеприведенная фраза Бейли принимает следующий вид:]

«Если стоимость какого-нибудь предмета есть то количество другого предмета, которое обменивается на него, то стоимость, следовательно, не обозначает ничего кроме того количества другого предмета, которое на него обменивается».

Как товар, тот или иной товар может выражать свою стоимость только в другом товаре, ибо для него, как [отдельно взятого] товара, всеобщее рабочее время не существует. [И вот Бейли думает, что] если стоимость одного товара выражается в другом товаре, то стоимость первого товара и есть не что иное, как это его уравнение с другим товаром. Эта премудрость (в его формулировке это — *тавтология*, ибо он [по сути дела] говорит: если стоимость товара есть не что иное, как его меновое соотношение с другим товаром, то она есть не что иное, как это соотношение) служит для Бейли тем коньком, на котором он разъезжает неутомимо, тем более утомляя этим читателя.

Свою философскую глубину Бейли показывает в следующем рассуждении:

«Подобно тому как мы не можем говорить о *расстоянии* какого-нибудь предмета, не предполагая другого предмета, с которым он находится в этом отношении, точно так же мы не можем говорить о стоимости товара иначе, как по отношению к *другому товару*, [825] с которым он *сравнивается*. Вещь не может сама по себе иметь стоимость без отношения к другой вещи» (а разве общественный труд, к которому стоимость товара находится в определенном отношении, не есть другая вещь?), «подобно тому как вещь *сама по себе* не может *находиться на расстоянии* вне отношения к другой вещи» (цит. соч., стр. 5).

Если одна вещь находится на том или ином расстоянии от другой, то расстояние это, действительно, есть отношение между одной вещью и другой, но в то же время расстояние есть нечто отличное от этого отношения между двумя вещами. Это — одно из измерений пространства, определенная длина, которая может выражать расстояние между двумя другими вещами с таким же успехом, как и между теми двумя, которые мы взяли в качестве примера. Но это еще не всё. Когда мы говорим о расстоянии как об отношении между двумя вещами, мы предполагаем нечто «внутренне присущее» самим вещам, некое их «свойство», которое позволяет им находиться на расстоянии друг от друга. Каково расстояние между звуком А и столом? Вопрос этот лишен смысла. Когда мы говорим о расстоянии между двумя вещами, мы говорим о различии их положения в пространстве. Таким образом, мы предполагаем, что обе они находятся в пространстве, являются точками в пространстве, т. е. мы объединяем их в одну категорию как предметы, существующие в пространстве, и только после того как мы их объединили *sub specie spatii* *, мы их различаем как различные

* — под углом зрения пространства. Ред.

точки пространства. Их принадлежность к пространству есть единое в них *.

Но каково это единое в обмениваемых друг на друга предметах? Обмен этот не есть такое отношение, в котором они находятся друг к другу как природные вещи. Это также и не то отношение, в каком они находятся, как природные вещи, к человеческим потребностям, ибо не степень их полезности определяет те количества, в каких они обмениваются друг на друга. В чем же в таком случае их тождество, делающее для них возможным обмен друг на друга в определенной пропорции? В качестве чего они становятся *способными к обмену*?

Фактически во всем этом Бейли является лишь последователем автора сочинения «Observations on certain Verbal Disputes».

«Она» (стоимость) «не может изменяться для одного из сравниваемых предметов, не изменяясь для другого» (цит. соч., стр. 5).

Это опять-таки означает лишь то, что выражение стоимости одного товара в другом товаре может изменяться только как *такое выражение*; а это выражение, как таковое, предполагает не один, а два товара.

Г-н Бейли полагает, что если бы речь шла *только о двух товарах* — в их обмене друг на друга, — то люди сами собой нашли бы чисто относительный характер *стоимости* в его смысле. Осел! Как будто в случае двух товаров, которые обмениваются друг на друга, двух продуктов, относящихся друг к другу как *товары*, не надо было бы точно так же сказать,

* [XV — 887] {Относительно нелепости Бейли необходимо заметить еще следующее:

Когда он говорит, что предмет *A* находится на том или ином расстоянии от предмета *B*, то он их не сравнивает, не объединяет в одну категорию, а *различает* в пространстве. Они, дескать, *не занимают одно и то же пространство*. Тем не менее [по существу] он говорит относительно обоих, что они *пространственны* и что их различают как предметы, находящиеся в пространстве. Таким образом, он предварительно объединяет их в одну категорию, приписывает им одно и то же единое начало. А здесь как раз и идет речь о подведении под одну единую категорию.

Если я говорю, что площадь треугольника *A* равна площади параллелограмма *B*, то это означает не только то, что площадь треугольника выражена в параллелограмме, а площадь параллелограмма — в треугольнике. Это означает также и то, что если высота треугольника равна *h*, а его основание равно *b*, то $A = \frac{h \cdot b}{2}$, каковое свойство присуще ему самому, совершенно так же, как параллелограмму *B* присуще то, что он тоже равен $\frac{h \cdot b}{2}$. Как площади, треугольник *A* и параллелограмм *B* берутся здесь как

одно и то же, как эквиваленты, хотя они различаются между собой как треугольник и параллелограмм. Чтобы эти различные предметы можно было приравнять друг к другу, каждый из них, независимо от другого, должен выражать *одно и то же единое начало*. Недалеко ушла бы геометрия, если бы она, подобно политической экономии г-на Бейли, удовлетворялась утверждением, что равенство треугольника и параллелограмма означает только то, что треугольник выражен в параллелограмме, а параллелограмм — в треугольнике.} [XV — 887]

в чем они тождественны, как и в случае тысячи таких продуктов. К тому же там, где имеются только два продукта, продукт никогда не развился бы в товар, а потому никогда не развилась бы и меновая стоимость товара. Для труда, содержащегося в продукте I, не было бы необходимости выражать себя как общественный труд. Так как продукт производится не как непосредственный предмет потребления для производителей, а только как *носитель стоимости*, так сказать, как чек на определенное количество всех выражений общественного труда, то все продукты вынуждены, как *стоимости*, придавать себе форму бытия, отличную от их бытия как потребительных стоимостей. И именно это развитие содержащегося в них труда как труда общественного, развитие их *стоимости* обуславливает образование денег, необходимость того, чтобы товары выражали себя по отношению друг к другу как *деньги*, т. е. как самостоятельные формы существования меновой стоимости; — а это возможно для них только благодаря тому, что они выделяют один товар из общей массы товаров, все измеряют свои стоимости в потребительной стоимости этого выделенного товара и поэтому превращают содержащийся в этом исключительном товаре труд непосредственно во *всеобщий, общественный труд*.

Г-н Бейли при своем странном образе мышления, цепляющемся только за поверхность явлений, делает обратное заключение: только *потому*, что кроме товаров существуют *деньги*, создающие у нас привычку рассматривать стоимость товаров не в их отношении друг к другу, а как отношение к некоторому *третьему*, как некое [826] третье отношение, отличное от *непосредственного* отношения товаров друг к другу, — только поэтому и образуется *понятие стоимости*, превращающее стоимость из чисто количественного отношения, в котором товары обмениваются друг на друга, в нечто от этого отношения не зависящее (что, по его мнению, превращает стоимость товаров в нечто абсолютное, в какую-то схоластическую сущность, существующую отдельно от товаров). У Бейли не определение продукта как стоимости приводит к образованию денег и выражается в *деньгах*, а существование денег приводит к фикции понятия стоимости. Исторически совершенно правильно, что исследование стоимости на первых порах опирается на данное в *явлении* выражение товаров как стоимости, на деньги, и что поэтому поиски определения стоимости представляются (ошибочно) как поиски товара с «неизменной стоимостью», или товара как «неизменной меры стоимостей». И вот г-н Бейли, доказывая, что деньги как внешняя мера стоимостей — и выражение стоимости — выполняют свою задачу, хотя они и имеют

изменяющуюся стоимость, полагает, что он этим устранил вопрос о понятии стоимости, — которое не затрагивается изменяемостью величины стоимости товаров, — и что в сущности ему уже вообще нет больше нужды что-либо мыслить под стоимостью. Так как выражение стоимости товара в деньгах — в третьем, исключительном товаре — не исключает изменения стоимости этого третьего товара, так как проблема «неизменной меры стоимости» отпадает, то отпадает, мол, и проблема самой категории стоимости. Эту пустую болтовню Бейли с большим самодовольством излагает на сотнях страниц.

Нижеследующие места, где все время повторяется одно и то же, отчасти дословно списаны у автора «Observations on certain Verbal Disputes».

«Предположим, что существуют только два товара и что они обмениваются пропорционально количеству содержащегося в них труда. Если товар *A*... в последующее время будет требовать для своего производства двойного количества труда, тогда как для производства товара *B* по-прежнему нужно будет лишь то же количество труда, то *A* приобрел бы вдвое большую стоимость, чем *B*... Но хотя *B* производился бы таким же количеством труда, как и прежде, его стоимость не осталась бы прежней, ибо он обменивался бы лишь на половинное количество товара *A*, единственного товара, с которым, согласно предположению, его можно было бы сравнивать» (цит. соч., стр. 6).

«Это постоянное сопоставление с другими товарами» (вместо того чтобы рассматривать стоимость лишь как отношение между двумя товарами) «или с деньгами, имеющее место всякий раз, когда мы говорим об отношении между какими-либо двумя товарами, и приводит к тому, что возникает представление о стоимости как о чем-то внутреннем и абсолютном» (стр. 8).

«Мое утверждение сводится к тому, что если бы все товары производились при совершенно одинаковых условиях, как, например, одним только трудом, то какой-нибудь товар, который всегда требовал бы одинакового количества труда, не оставался бы неизменным по своей стоимости» {т. е. неизменным по выражению своей стоимости в других товарах. Это — тавтология}, «когда стоимость всякого другого товара претерпевала бы изменения» (цит. соч., стр. 20—21).

«Стоимость не есть нечто внутреннее и абсолютное» (цит. соч., стр. 23).

«Невозможно обозначить или выразить стоимость товара иначе, как определенным количеством какого-нибудь другого товара» (цит. соч., стр. 26).

(Это так же невозможно, как невозможно «обозначить» или «выразить» мысль иначе, как определенным количеством слогов. Отсюда Бейли делает тот вывод, что мысль — это слоги.)

«Вместо того чтобы рассматривать стоимость как отношение между двумя вещами, они» (Рикардо и его последователи) «смотрят на нее как на положительный результат, произведенный определенным количеством труда» (цит. соч., стр. 30).

«Так как стоимости товаров *A* и *B*, согласно их учению, относятся друг к другу как количества труда, которым они произведены, или... опреде-

ляются количеством труда, которым они произведены, то они, по-видимому, сделали тот вывод, что стоимость товара А, взятого вне отношения к чему-либо другому, равняется количеству труда, которым этот товар произведен. В этом последнем утверждении, несомненно, нет никакого смысла» (цит. соч., стр. 31—32).

Рикардо и его последователи «говорят о стоимости как о своего рода всеобщем и самостоятельном свойстве» (стр. 35).

«Стоимость товара обязательно должна быть его стоимостью в чем-либо» (там же).

Мы видим, почему для Бейли так важно ограничивать стоимость *двумя товарами*, рассматривать ее как отношение *двух товаров*. Но тут возникает затруднение:

«Так как *стоимость любого товара* означает его *меновое отношение* к какому-нибудь другому товару»

(что означает здесь «меновое [827] отношение»? Почему не его «обмен»? Но вместе с тем в обмене должно быть выражено *определенное* отношение, а не *один лишь факт обмена*. Поэтому стоимость = меновому отношению),

«то мы можем говорить о ней как о стоимости в деньгах, стоимости в хлебе, стоимости в сукне, в зависимости от того товара, с которым данный товар сравнивается, и поэтому имеется *тысяча различных видов стоимости, столько видов стоимости, сколько существует товаров*, и все они одинаково действительны и одинаково номинальны» (цит. соч., стр. 39).

Вот оно. *Стоимость = цене*. Между ними нет никакой разницы. И не существует никакой «внутренней» разницы между *денежной ценой* и всяким другим выражением цены, хотя в действительности именно *денежная цена*, а не цена в сукне и т. д., выражает *номинальную стоимость*, всеобщую стоимость товара.

Но хотя товар имеет тысячу различных видов стоимости, или тысячу различных цен, столько видов стоимости, сколько существует товаров, все эти тысячи выражений всегда выражают *одну и ту же стоимость*. Это — лучшее доказательство того, что все эти различные выражения суть *эквиваленты*, которые не только могут заменять друг друга в выражении, но и заменяют друг друга в самом обмене. Одно и то же *отношение* товара, о цене которого идет речь, выражается в тысяче различных «меновых отношений» ко всем различным товарам, и тем не менее здесь выражается всегда *одно и то же* отношение. Следовательно, это отношение, остающееся равным себе, отлично от тысячи своих различных выражений, или стоимость отлична от цены, а *цены* суть лишь выражения стоимости: денежная цена есть ее *всеобщее* выражение, всякая другая цена — то или иное *особое* выражение. Но Бейли не приходит даже и к этому простому выводу. Не Рикардо здесь приверженец фикции,

а Бейли — фетишист, так как он трактует стоимость, если и не как свойство отдельной вещи (рассматриваемой изолированно), то все же как *отношение вещей между собой*, тогда как она есть лишь выражение в вещах, вещное выражение *отношения между людьми*, общественного отношения, — отношение людей к их взаимной производственной деятельности.

[β) ПУТАНИЦА ПО ВОПРОСУ О СТОИМОСТИ ТРУДА И О ПРИВЫЛКИ КАПИТАЛИСТА. СМЕШЕНИЕ У БЕЙЛИ ИММАНЕНТНОЙ МЕРЫ СТОИМОСТИ С ВЫРАЖЕНИЕМ СТОИМОСТИ В ТОВАРАХ ИЛИ ДЕНЬГАХ]

[О стоимости труда Бейли говорит:]

«Г-н Рикардо довольно искусно обходит ту трудность, которая на первый взгляд грозит опрокинуть его учение о том, что стоимость зависит от количества труда, употребленного в производстве. Если проводить этот принцип со всей строгостью, то из него вытекает, что *стоимость труда зависит от количества труда, употребленного в процессе его производства*, — что, очевидно, нелепо. Поэтому г-н Рикардо ловким маневром ставит *стоимость труда* в зависимость от *количества труда, требующегося для производства заработной платы*, или, говоря его собственными словами, он утверждает, что стоимость труда *надо определять* количеством труда, требующимся для того, чтобы произвести заработную плату; а под этим он подразумевает количество труда, требующееся для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это то же, как если бы мы сказали, что стоимость сукна *надо определять* не тем количеством труда, какое затрачено на его производство, а тем, какое затрачено на производство того серебра, на которое обменивается сукно» (цит. соч., стр. 50—51).

Это правильно по отношению к ошибочному представлению Рикардо о том, что капитал обменивается непосредственно на труд, а не на рабочую силу. Это то же возражение, какое мы уже раньше слышали в другой форме *. Ничего больше. По отношению к рабочей силе аналогия Бейли с определением стоимости сукна не годится. С живой рабочей силой он должен был бы сравнивать не сукно, а какой-нибудь органический продукт, например баранину. Кроме того труда, которого стоит уход за скотом, и того труда, которого стоит производство жизненных средств для этого скота, под трудом, необходимым для его производства, никогда не понимают тот «труд», который сам скот затрачивает на акт потребления, на акт еды, питья, — словом, на усвоение этих продуктов, или жизненных средств. Совершенно так же обстоит дело и с рабочей силой. В чем состоит тот труд, которого стоит производство рабочей силы? Если оставить в стороне труд по образованию рабочей силы, по *воспитанию*, по ученичеству, — а когда речь идет о неквалифи-

* См. настоящее издание, часть III, стр. 110. Ред.

цированном труде, все это почти не идет в счет, — то воспроизводство рабочей силы не стоит никакого другого труда, кроме того труда, который требуется для воспроизводства потребляемых рабочими жизненных средств. Усвоение этих жизненных средств не есть *«труд»*, [828] подобно тому как труд, содержащийся в сукне, кроме труда ткача и труда, заключенного в шерсти, в красках и т. д., не состоит еще и из химических или физических действий самой шерсти, благодаря которым она поглощает красящие вещества и т. д., как рабочий или скот поглощают достающуюся им пищу.

Бейли пытается, далее, опровергнуть закон Рикардо, что стоимость труда и прибыль находятся в *обратном* отношении друг к другу. И притом он пытается опровергнуть этот закон как раз в том, в чем он правилен. Дело в том, что Бейли, как и Рикардо, отождествляет прибавочную стоимость и прибыль. Он не упоминает единственно возможного исключения из закона, а именно — когда рабочий день удлиняется и рабочие и капиталисты в равной доле участвуют в продукте этого удлинения, хотя даже и в этом случае, поскольку стоимость рабочей силы [of the working power] потребляется быстрее, т. е. в меньшее число лет, прибавочная стоимость возрастает за счет жизни рабочего и его рабочая сила обесценивается по сравнению с той прибавочной стоимостью, которую она доставляет капиталисту.

Аргументация Бейли — самого поверхностного свойства. Он исходит из своего понятия стоимости. Стоимость товара, по Бейли, есть выражение его стоимости в определенном количестве других потребительных стоимостей (в потребительной стоимости других товаров). Следовательно, стоимость труда равна тому количеству других товаров (потребительных стоимостей), на которое труд обменивается. {Действительная проблема, состоящая в том, каким образом возможно меновую стоимость товара *A* выразить в потребительной стоимости товара *B*, ему совсем не приходит в голову.} Таким образом, пока рабочий получает то же количество товаров, стоимость труда остается неизменной, так как она по-прежнему выражается в том же количестве других полезных вещей. Прибыль, напротив, выражает отношение к капиталу или также отношение к совокупному продукту. Но получаемая рабочими *порция* продуктов может оставаться той же, хотя достающаяся капиталисту *пропорция* совокупного продукта при повышении производительности труда возрастает. Каким образом Бейли, говоря о капитале, сразу же приходит к пропорции и какая польза капиталисту от этой *пропорции*, если стоимость того, что он получает,

определяется не пропорцией, а «выражением этой стоимости в других товарах», — понять это нельзя.

Перед нами, в сущности, тот же фокус, о котором уже упоминалось при рассмотрении взглядов Мальтуса *. Заработная плата равна известному количеству *потребительных стоимостей*. Прибыль, напротив, есть отношение *стоимости* (что Бейли, однако, вынужден избегать говорить). Если я измеряю заработную плату по потребительной стоимости, а прибыль по меновой стоимости, то вполне очевидно, что между ними не существует ни обратного, ни вообще какого бы то ни было отношения, ибо я тогда сравнивал бы друг с другом несоизмеримые величины, вещи, не имеющие общей им единой основы.

Но то, что Бейли говорит здесь о *стоимости труда*, относится, согласно его принципу, и к *стоимости всякого другого товара*. Стоимость любого данного товара есть не что иное, как определенное количество других вещей, которое обменивается на него. Если я за 1 ф. ст. получаю 20 фунтов пряжи, то стоимость 1 ф. ст. остается, по Бейли, всегда одной и той же, т. е. всегда оплачивается, даже если один раз труд, необходимый для производства 1 фунта пряжи, вдвое больше, чем в другой раз. Самый заурядный купец не поверит тому, что за свой фунт стерлингов он получает одну и ту же стоимость, если и во время дороговизны и во время изобилия ему дадут за него один квартал хлеба. Здесь исчезает всякое понятие стоимости. И у нас остается только необъясненный и необъяснимый факт, что некоторое количество товара *A* обменено на некоторое количество товара *B* в какой бы то ни было пропорции. И какова бы ни была эта пропорция, она всегда выражает эквивалент. Даже самое выражение Бейли «стоимость товара *A*, выраженная в товаре *B*», утрачивает тогда всякий смысл. Если стоимость товара *A* выражается в товаре *B*, то предполагается, что одна и та же стоимость выражена один раз в товаре *A*, а другой раз в товаре *B*, так что стоимость *A*, будучи выражена в *B*, остается такой же, какой была раньше. Но, согласно Бейли, не существует такой стоимости *A*, которая могла бы быть выражена в *B*, потому что ни *A*, ни *B* не имеют стоимости помимо этого выражения. Стоимость *A*, выраженная в *B*, должна, по Бейли, быть чем-то совершенно отличным от стоимости *A*, выраженной в *C*, первая должна столь же отличаться от второй, как отличаются друг от друга *B* и *C*. И мы имели бы здесь не одну и ту же стоимость, тождественную в обоих выражениях, а два отношения товара *A*, которые не имеют ничего общего между собой и относительно

* См. настоящее издание, часть III, стр. 26—27. Ред.

которых было бы бессмысленно утверждать, что они суть эквивалентные выражения.

[829] «Повышение или падение стоимости труда означает увеличение или уменьшение количества товара, даваемого в обмен на труд» (цит. соч., стр. 62).

Вздор! [С точки зрения Бейли] не может быть повышения или падения стоимости труда или какой-либо другой вещи. Я получаю за 1 *A* сегодня 3 *B*, завтра 6 *B*, а послезавтра 2 *B*. Но во всех этих случаях стоимость *A* [по Бейли] есть не что иное, как то количество *B*, которое получено в обмен на *A*. Раньше она была 3 *B*, а теперь она 6 *B*. Как может Бейли говорить, что стоимость *A* повысилась или понизилась? *A*, выраженное в 3 *B*, имело иную стоимость, чем *A*, выраженное в 6 *B* или в 2 *B*. Но тогда это не то же самое *A*, которое в одно и то же время было обменено на 3 или 2 или 6 *B*. Одно и то же *A* в одно и то же время всегда выражалось в одинаковом количестве *B*. Только имея в виду различные моменты времени, можно было бы говорить, что стоимость *A* изменилась. Но *A* может быть обменено только на «современные» ему товары, и только сам факт обмена (а не одна лишь возможность обмена) на другие товары делает [по мнению Бейли] *A* стоимостью. Только фактическое «меновое отношение» образует его стоимость, а фактическое «меновое отношение» может, конечно, иметь место для того же самого *A* только в одно и то же время. Поэтому сравнение стоимости товаров в различные периоды Бейли объявляет бессмыслицей⁵⁵. Но тем самым он должен был бы объявить бессмыслицей также и повышение или падение стоимости (которое невозможно, если невозможно сравнение между стоимостью товара в одно время и его стоимостью в другое время), — а стало быть, также и «повышение или падение стоимости труда».

«Труд есть обмениваемая вещь, т. е. такая вещь, которая при обмене распоряжается другими вещами; термин же «прибыль» обозначает лишь долю, или пропорцию, товаров, а не предмет, могущий обмениваться на другие предметы. Когда мы спрашиваем, повысилась ли заработная плата, мы имеем в виду получить ответ на вопрос о том, обменивается ли определенное количество труда на большее количество других вещей, чем прежде»

(следовательно, когда хлеб дорожает, стоимость труда падает, потому что на него обменивается меньше хлеба; с другой стороны, если одновременно с этим дешевеет сукно, то стоимость труда одновременно *повышается*, потому что на него обменивается больше сукна. Стоимость труда, таким образом, в одно и то же время *и повышается и падает*; и оба выражения его

стоимости — в хлебе и в сукне — не тождественны, не эквивалентны, ибо его *повысившаяся* стоимость не может быть равна его *понижившейся стоимости*);

«но когда мы спрашиваем, повысилась ли прибыль, мы имеем в виду... получить ответ на вопрос о том, находится ли доход капиталиста в более высоком отношении к примененному капиталу» (цит. соч., стр. 62—63).

«Стоимость труда зависит не исключительно от той доли в совокупном продукте, которая дается рабочим в обмен на их труд, но также и от производительности труда» (цит. соч., стр. 63—64).

«Положение, что при повышении стоимости труда прибыль должна падать, правильно лишь тогда, когда это повышение не вызывается возрастанием производительной силы труда» (цит. соч., стр. 64).

«Если производительная сила труда возрастает, т. е. если тот же труд производит за то же время больше товаров, то стоимость труда может повыситься и без того, чтобы упала прибыль; последняя может даже повыситься» (цит. соч., стр. 66).

(Согласно этому взгляду, можно сказать также и о всяком другом товаре, что повышение его стоимости не влечет за собой падения стоимости того другого товара, на который он обменивается, и может даже повлечь за собой повышение стоимости на другой стороне. Предположим, например, что тот же труд, который раньше производил 1 квартал хлеба, теперь производит 3 квартера. Эти 3 квартера стоят теперь 1 ф. ст., столько же, сколько раньше стоило производство 1 квартера. Если теперь 2 квартера обмениваются на 1 ф. ст., то стоимость денег повысилась, так как она выражена теперь в 2 квартерах вместо одного. Таким образом, покупатель хлеба получает за свои деньги большую стоимость. Но продавец хлеба, продающий за 1 ф. ст. то, что ему стоило лишь $\frac{2}{3}$ ф. ст., выигрывает $\frac{1}{3}$ ф. ст. Получается, что стоимость его хлеба повысилась в то самое время, когда денежная цена хлеба понизилась.)

[830] «Каков бы ни был продукт труда 6 рабочих, будет ли он равен 100, 200 или 300 квартерам хлеба, все равно, до тех пор пока пропорция капиталиста в продукте составляет одну четверть, эта четвертая часть, выраженная в труде, всегда останется одинаковой».

(То же самое можно сказать и о тех $\frac{3}{4}$ продукта, которые достаются рабочему, если их выразить в труде.)

«Если бы продукт составлял 100 кварталов, то 75 кварталов были бы выданы 6 рабочим и поэтому 25 кварталов, достаемые капиталисту, распоряжались бы трудом 2 рабочих»

(а те 75 кварталов, которые были бы выданы рабочим, распоряжались бы трудом 6 рабочих).

«Если бы продукт составлял 300 кварталов, то 6 рабочих получили бы 225 кварталов, а 75 кварталов, приходящиеся на долю капиталиста, по-прежнему распоряжались бы трудом только 2 рабочих — не больше».

(Точно так же и достающиеся 6 рабочим 225 кварталов по-прежнему распоряжались бы трудом только 6 рабочих — не больше.) (Почему же в таком случае всемогущий Бейли запрещает Рикардо получаемую рабочими порцию продуктов так же выражать в труде, как и порцию продукта, получаемую капиталистом, и сравнивать друг с другом стоимости этих порций, выраженные в труде?)

«Подобным же образом увеличение пропорции, достающейся капиталисту, означало бы то же самое, что и возрастание *выраженной в труде стоимости прибыли*»

(как может Бейли говорить о *стоимости прибыли* и о возрастании ее стоимости, если «прибыль обозначает... не предмет, могущий обмениваться на другие предметы» (см. выше), и, следовательно, не означает «стоимости»? А с другой стороны, разве возможно увеличение *пропорции*, достающейся капиталисту, без уменьшения *пропорции*, достающейся рабочему?),

«или, другими словами, увеличение способности прибыли распоряжаться трудом» (цит. соч., стр. 69).

(А разве это *увеличение* способности капиталиста присваивать себе чужой труд не совпадает в точности с *уменьшением* способности рабочего присваивать себе свой собственный труд?)

«Если бы против учения об одновременном возрастании прибыли и стоимости труда возразили, что *произведенный товар есть единственный источник, из которого капиталист и рабочий могут получать свое вознаграждение*, и что отсюда с необходимостью следует, что один выигрывает то, что теряет другой, — то ответ на это возражение ясен. Когда количество продукта остается без изменения, возражение это, бесспорно, правильно; но столь же бесспорно и то, что при увеличении продукта вдвое, *порции продукта, достающиеся той и другой стороне, могут увеличиваться*, даже если *пропорция одной стороны уменьшается, а пропорция другой стороны увеличивается*».

(Это как раз то, что говорит Рикардо. *Пропорции* обеих сторон не могут увеличиваться одновременно, а если *порции* продукта, достающиеся той и другой стороне, увеличиваются одновременно, то они не могут увеличиваться в одинаковой для обеих сторон пропорции; ибо в противном случае порция и пропорция были бы тождественны. Пропорция одной стороны может увеличиться только путем уменьшения пропорции другой стороны⁵⁶. Но когда г-н Бейли достающуюся рабочему *порцию* продукта называет «*стоимостью* заработной платы», а *пропорцию* капиталиста стоимостью «*прибыли*»; когда один и тот же товар имеет для него две стоимости, — одну в руках рабочего, а другую в руках капиталиста, — то это его собственная бессмыслица.)

«Когда количество продукта остается без изменения, возражение это, бесспорно, правильно; но столь же бесспорно и то, что при увеличении продукта вдвое, *порции продукта*, достаемые той и другой стороне, могут увеличиваться, даже если *пропорция* одной стороны уменьшается, а пропорция другой стороны увеличивается. Но как раз возрастание *порции* продукта, достаемой рабочему, образует увеличение *стоимости* его труда»

(потому что здесь мы под *стоимостью* понимаем определенное количество *предметов*),

«между тем как именно возрастание достаемой капиталисту *пропорции* образует увеличение его прибыли»

(потому что здесь мы под *стоимостью* понимаем те же предметы, оцениваемые не по количеству их, а по затраченному на них труду):

«Отсюда»

(а именно, из нелепой двойной меры: один раз — предметы, другой раз — стоимость этих же самых предметов)

«со всей ясностью следует, что в предположении об *одновременном увеличении обеих* нет ничего несообразного» (цит. соч., стр. 70).

Это нелепое рассуждение, направленное против Рикардо, бьет совершенно [831] мимо цели, так как Рикардо утверждает лишь то, что *стоимость* обеих долей должна повышаться и падать в обратном отношении друг к другу. У Бейли все сводится лишь к тому, что он повторяет: *стоимость* есть то количество предметов, которое обменивается на данный предмет. При рассмотрении *прибыли* он неизбежно должен был бы очутиться в затруднительном положении, ибо здесь стоимость капитала сравнивается со стоимостью продукта. Поэтому-то он и ищет спасения в том, что под *стоимостью* он здесь понимает стоимость предмета, выраженную в труде (в мальтусовском смысле).

«Стоимость есть отношение между *современными* товарами, так как только такие товары могут обмениваться друг на друга; а когда мы сравниваем стоимость товара в одно время с его стоимостью в другое время, то это только сравнение того отношения, в котором данный товар находился к какому-нибудь другому товару в эти различные моменты времени» (цит. соч., стр. 72).

Поэтому, как сказано, не бывает ни повышения, ни падения стоимости, ибо это всегда означает сравнение стоимости товара в одно время с его стоимостью в другое время. Точно так же товар не может быть продан ни ниже, ни выше своей стоимости, ибо его стоимость есть то, за что он продается. Стоимость и рыночная цена тождественны. В сущности, нельзя даже говорить о *современных* товарах, о *теперешних* стоимостях,

а говорить можно только о *прошлых* стоимостях. Что такое стоимость одного квартера пшеницы? Один фунт стерлингов, за который он был продан вчера. Ибо его стоимость есть только то, что получено в обмен на него, и пока он не обменен, его «отношение к деньгам» есть лишь воображаемое отношение. Но как только обмен произведен, у нас вместо одного квартера хлеба имеется один фунт стерлингов, и уже нельзя больше говорить о стоимости этого квартера хлеба. Говоря о сравнении стоимостей в различные периоды, Бейли имеет в виду лишь ученые исследования о различной стоимости товаров, например, в XVIII и XVI веках, где трудность получается оттого, что одно и то же денежное выражение стоимости, вследствие изменений в стоимости самих денег, означает в различное время различные стоимости. Трудность состоит здесь в сведении денежных цен к стоимостям. Но какой Бейли осел! Разве в процессе обращения или в процессе воспроизводства капитала сравнение стоимости в один период со стоимостью в другой период не является постоянной операцией, на которой основано само производство?

Г-н Бейли абсолютно не понимает, что означают выражения: «определять стоимость товаров рабочим временем» и «определять стоимость товаров стоимостью труда». Он абсолютно не понимает разницы между этими двумя определениями.

«Прошу не понимать меня так, будто я утверждаю, что стоимости товаров относятся друг к другу как *количества труда*, необходимые для их производства, или что стоимости товаров относятся друг к другу как *стоимости труда*. Я всего лишь утверждаю, что если первое верно, то последнее не может быть ошибочно» (цит. соч., стр. 92).

Определять стоимость товаров стоимостью какого-нибудь товара (а если товары определяются «стоимостью труда», то они определяются другим товаром: *стоимость труда* предполагает труд как товар) и определять ее таким третьим, которое не имеет стоимости и само не является товаром, а есть субстанция стоимости и впервые делает продукты товарами, — это для Бейли тождественно. Между тем, в первом случае речь идет о той или иной *мере стоимостей товаров*, т. е., в сущности, о *деньгах*, о таком товаре, в котором другие товары *выражают* свою стоимость. Чтобы это было возможно, *стоимости* товаров уже должны быть *предположены*. Как измеряющий товар, так и измеряемые товары уже должны быть тождественны в чем-то *третьем*. Во втором случае, напротив, впервые устанавливается сама эта *тождественность*, которая потом находит свое выражение в цене, в денежной или какой-нибудь другой цене.

Бейли отождествляет «неизменную меру стоимостей» с поисками имманентной меры стоимостей, т. е. с самим понятием стоимости. Пока эти две вещи смешиваются, поиски «неизменной меры стоимостей» являются даже тем, что подсказывает инстинкт разума. Как раз изменчивость и составляет характерную черту стоимости. Поиски «неизменного» выражают мысль о том, что имманентная мера стоимостей не может сама в свою очередь быть товаром, стоимостью, а, наоборот, должна быть чем-то таким, что конституирует стоимость, а *потому* и образует имманентную меру стоимости. Бейли доказывает, [832] что товарные стоимости могут получать денежное выражение, что, — если *стоимостное отношение товара уже дано*, — все товары могут выражать свою стоимость в *одном* товаре, хотя последний и меняет свою стоимость. Ведь при всех своих изменениях стоимость этого товара всегда остается одной и той же для других товаров в одно и то же время, так как она изменяется одновременно по отношению ко всем. Отсюда Бейли делает тот вывод, что не нужно никакого стоимостного отношения товаров и что нет надобности поэтому и искать его. Так как он находит его представленным в *денежном выражении*, то ему нет надобности «понимать», в силу чего возможно это выражение, как оно определяется и *что* оно в сущности выражает.

Сказанное имеет силу вообще и против Бейли и против Мальтуса, поскольку Бейли думает, что делать ли мерой стоимостей количество труда или стоимость труда — в обоих случаях речь идет об *одном и том же* вопросе, об одной и той же проблеме. Между тем, в последнем случае *стоимости* уже предположены, и речь идет об отыскании меры этих уже предположенных стоимостей, внешней меры их, выражения их как стоимостей. В первом же случае исследуется генезис и имманентная природа самой стоимости. Во втором случае исследуется развитие товара в деньги, или та форма, которую меновая стоимость приобретает в процессе обмена товаров. В первом случае предметом исследования является *стоимость* независимо от этого выражения, стоимость, которая, наоборот, составляет *предпосылку* этого выражения. Вместе с другими ослиами Бейли полагает, что определить стоимость товаров — значит найти ее *денежное выражение*, внешнюю меру их стоимостей. Но другие ослы, руководимые инстинктом разума, говорят, что эта мера должна в таком случае иметь неизменную стоимость, т. е. по сути дела должна сама находиться *вне категории* стоимости, — тогда как Бейли говорит, что тут ничего больше и не нужно иметь в виду, так как *выражение стоимости* уже дано нам в готовом виде на практике, и что само это выра-

жение имеет и может иметь изменяющуюся стоимость без ущерба для его функции.

[Такова общая постановка вопроса. А] в частности сам Бейли сказал нам выше, что 100 кварталов хлеба или 200 кварталов или 300 кварталов могут быть продуктом труда 6 рабочих, т. е. продуктом одного и того же количества труда, тогда как «стоимость труда» означает у него самого лишь ту долю, которую эти 6 рабочих получают из 100, 200 или 300 кварталов. Она может составить 50, 60 или 70 кварталов на одного рабочего ⁵⁷. Таким образом, согласно собственному примеру Бейли, количество труда и стоимость того же количества труда суть весьма различные выражения. И как можно считать одним и тем же, выражается ли стоимость в первом из них или во втором, существенно отличном от первого? Если тот же труд, который раньше давал 3 квартала хлеба, дает теперь 1 квартал, между тем как тот же труд, который раньше давал 20 аршин холста (или 3 квартала хлеба), по-прежнему дает 20 аршин холста, то, при измерении рабочим временем, 1 квартал хлеба будет теперь равен 20 аршинам холста, или 20 аршин холста будут равны 1 кварталу хлеба, а 3 квартала хлеба будут равны 60 аршинам холста вместо 20. Следовательно, стоимости квартала хлеба и аршина холста изменились бы по отношению друг к другу. Но они отнюдь не изменились бы по «стоимости труда», так как 1 квартал хлеба и 20 аршин холста являются по-прежнему теми же самыми потребительными стоимостями. И вполне возможно, что 1 квартал хлеба распоряжается теперь не бóльшим количеством труда, чем прежде.

Если брать единицу товара, то утверждение Бейли лишено всякого смысла. Если рабочее время, необходимое для производства одного сапога, уменьшается в десять раз, то стоимость сапога уменьшается в десять раз также и *сравнительно*, как выраженная во всех других товарах, у которых необходимый для их производства труд остался прежним или уменьшился не в такой же степени. Тем не менее стоимость труда — например, поденная плата — в сапожном промысле, а также и во всех других отраслях производства, может остаться неизменной, может даже повыситься. В отдельном сапоге теперь содержится меньше труда, а значит и меньше оплаченного труда. Но когда говорят о *стоимости труда*, то этим не хотят сказать, что за один час труда, вообще за меньшее количество труда уплачивается меньше, чем за большее количество. Тезис Бейли мог бы иметь некоторый смысл только по отношению к совокупному продукту капитала. Допустим, что 200 сапог составляют продукт того же капитала (и того же труда), как раньше 100 сапог.

В этом случае стоимость 200 сапог будет такая же, какой раньше была стоимость 100 сапог. И тут можно было бы сказать, что 200 сапог относятся к 1 000 аршин холста (пусть это будет продукт капитала в 200 ф. ст.) как *стоимости* труда, приведенного в движение обоими капиталами. В каком смысле? В том ли смысле, в каком это можно было бы сказать *также* и об [833] отношении отдельного сапога к аршину холста?

Стоимость труда — это та часть содержащегося в товаре рабочего времени, которую рабочий присваивает самому себе; это та часть продукта, в которой *воплощено принадлежащее ему самому рабочее время*. Поэтому, если вся стоимость товара распадается на оплаченное и неоплаченное рабочее время и если отношение неоплаченного рабочего времени к оплаченному одно и то же, т. е. если прибавочная стоимость во всех товарах составляет одну и ту же долю совокупной стоимости, то очевидно, что, раз товары относятся друг к другу как содержащиеся в них количества совокупного труда, они вместе с тем должны относиться друг к другу как *одинаковые доли* этих количеств совокупного труда, — следовательно, и как оплаченное рабочее время в одном товаре относится к оплаченному рабочему времени в другом.

$T : T' = C_{pv} : C_{pv}'$, где C_{pv} обозначает совокупное рабочее время. $\frac{C_{pv}}{x} =$ оплаченному рабочему времени в товаре T , а $\frac{C_{pv}'}{x} =$ оплаченному рабочему времени в товаре T' , так как предполагается, что в обоих товарах оплаченное рабочее время составляет одну и ту же *долю* совокупного рабочего времени.

$$T : T' = C_{pv} : C_{pv}';$$

$$C_{pv} : C_{pv}' = \frac{C_{pv}}{x} : \frac{C_{pv}'}{x}.$$

Следовательно,

$$T : T' = \frac{C_{pv}}{x} : \frac{C_{pv}'}{x},$$

т. е. товары относятся друг к другу как *содержащиеся в них количества оплаченного рабочего времени*, или как содержащаяся в них стоимость труда.

Но в таком случае *стоимость труда* не есть определенная величина в том смысле, как этого хочет Бейли, а сама определяется [содержащимся в товаре] рабочим временем.

Далее, — оставляя в стороне превращение стоимостей в цены производства [Produktionspreise] и рассматривая только стоимости, — капиталы состоят из неодинаковых по своей величине

долей переменного и постоянного капитала. Поэтому при рассмотрении стоимостей оказывается, что содержащиеся в различных товарах прибавочные стоимости неодинаковы по своей величине, или что оплаченный труд не составляет одинаковую для всех товаров долю совокупного авансированного труда.

Вообще заработные платы — или стоимости труда — были бы здесь показателями стоимостей товаров не как стоимости, не поскольку заработные платы повышаются или падают, а поскольку содержащееся в каком-нибудь товаре *количество оплаченного труда*, представленное в заработной плате, было бы показателем *совокупного количества* труда, содержащегося в данном товаре по сравнению с другими товарами.

Одним словом, все дело сводится к тому, что раз стоимости товаров относятся друг к другу как $P_v : P_v'$ (т. е. как содержащиеся в них количества рабочего времени), то они относятся друг к другу и как $\frac{P_v}{x} : \frac{P_v'}{x}$, как содержащиеся в них количества оплаченного рабочего времени, *если* отношение оплаченного рабочего времени к неоплаченному во всех товарах одно и то же, т. е. *если* оплаченное рабочее время всегда равно совокупному рабочему времени, каково бы это последнее ни было, деленному на x . Но это «если» не соответствует действительному положению вещей. Даже при предположении, что рабочие в различных отраслях производства работают одинаковое прибавочное рабочее время, отношение оплаченного рабочего времени к затраченному рабочему времени в различных отраслях производства различно, так как различно отношение затраченного *непосредственного труда* к затраченному *накопленному труду*. Возьмем, например, капиталы $50v + 50c$ и $10v + 90c$. Пусть в обоих случаях неоплаченный труд составляет одну десятую оплаченного непосредственного труда. Тогда в товаре первого капиталиста будет содержаться 105 единиц стоимости, в товаре второго — 101. Оплаченное рабочее время в первом случае составляет $\frac{1}{2}$ авансированного труда, а во втором — всего лишь $\frac{1}{10}$.

[834] Бейли говорит:

«Если товары относятся друг к другу как количества производящего их труда, то они должны относиться друг к другу также и как стоимости этого труда; ибо обратное с необходимостью предполагало бы, что два товара A и B могут быть равными по стоимости, хотя стоимость затраченного труда в одном больше или меньше, чем в другом; или что товары A и B могут быть неравными по стоимости, хотя труд, затраченный на каждый из них, равен по стоимости. Но эта *разница в стоимости двух товаров, произведенных трудом равной стоимости*, была бы несовместима с признанным равенством прибылей, которое *г-н Рикардо признаёт вместе с другими авторами*» (цит. соч., стр. 79—80).

В последней фразе Бейли бессознательно нащупывает правильное возражение против Рикардо, который непосредственно отождествляет прибыль с прибавочной стоимостью, а стоимости — с ценами издержек. При правильной формулировке это возражение сводится к следующему: если товары продаются по своим *стоимостям*, то они дают *неодинаковые прибыли*, так как тогда прибыль равна той прибавочной стоимости, которая содержится в них самих. И это возражение правильно. Однако это говорит не против теории стоимости, а против ошибки Рикардо в применении этой теории.

Но насколько сам Бейли в приведенном выше месте был далек от правильного понимания вопроса, видно из следующей фразы:

«По мнению Рикардо, наоборот, «труд может повышаться или падать в стоимости, не оказывая влияния на стоимость товара». Это утверждение явным образом весьма отличается от сформулированного выше, и его правильность в действительности зависит от ложности сформулированного выше, или от правильности противоположного утверждения» и т. д. (цит. соч., стр. 81).

Осел! Сам раньше сказал, что результатом одного и того же труда могут быть 100, 200 или 300 кварталов хлеба. Это определяет отношение квартала хлеба к другим товарам, как бы ни изменялась стоимость труда, т. е. сколько бы из 100, 200 или 300 кварталов ни доставалось самому рабочему. Осел был бы еще хотя бы до некоторой степени последователен, если бы он сказал: стоимости труда могут повышаться или падать, и тем не менее стоимости товаров относятся друг к другу как стоимости труда, так как — согласно ошибочному предположению — повышение или падение заработной платы имеет всеобщий характер и стоимость заработной платы составляет всегда одну и ту же *пропорциональную долю* совокупного количества затраченного труда.

[у] СМЕШЕНИЕ СТОИМОСТИ С ЦЕНОЙ.

СУБЪЕКТИВИСТСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ БЕЙЛИ.

К ВОПРОСУ О РАЗНИЦЕ МЕЖДУ ЦЕНАМИ ИЗДЕРЖЕК И СТОИМОСТЯМИ]

[Бейли говорит:]

«Способность *выражать* стоимость товаров не имеет никакого отношения к *постоянству их стоимостей*»

{конечно, не имеет; но она имеет большое отношение к установлению стоимости еще до того, как ей дают то или иное выражение, — к нахождению того, каким образом потребительные стоимости, так сильно отличающиеся друг от друга, подпадают

под общую категорию, под общее наименование *стоимостей*, так что стоимость одной вещи может быть выражена в другой вещи}, —

«ни в сравнении их друг с другом, ни в сравнении с примененным мерилом. Точно так же никакого отношения к постоянству стоимостей не имеет и способность сравнивать между собой эти *выражения стоимости*».

{Если стоимости различных товаров выражены в одном и том же третьем товаре, как бы ни изменялась его стоимость, то, разумеется, очень легко сравнивать между собой эти *выражения*, уже обладающие общим наименованием.}

«Стоит ли A $4B$ или $6B$ »

{трудность состоит в том, чтобы приравнять A к какому бы то ни было количеству B , а это возможно только в том случае, если существует общее единое начало для A и B , т. е. если A и B являются различными воплощениями одного и того же единого начала. Если все товары должны быть выражены в золоте, в деньгах, то трудность остается той же самой. Для этого необходимо, чтобы имелось общее единое начало для золота и каждого из других товаров},

«и стоит ли C $8B$ или $12B$, — это совершенно безразлично для возможности выразить стоимость A и C в B и, конечно, столь же безразлично для возможности сравнивать между собой стоимость A и стоимость C , раз они выражены в третьем товаре B » (цит. соч., стр. 104—105).

Но как *выразить* A в B или в C ? Товары A , B и C следует рассматривать как нечто отличное от того, чем они являются в качестве вещей, продуктов, потребительных стоимостей, чтобы *выразить* «их» друг в друге, или, что сводится к тому же самому, чтобы принимать их за эквивалентные выражения одного и того же единого начала. $A = 4B$. Стало быть, стоимость A *выражена* в $4B$, а стоимость $4B$ выражена в A , так что обе стороны уравнения выражают одно и то же. Они являются эквивалентами. Они — *равные* выражения стоимости. То же самое имело бы место, если бы они были неравными выражениями, т. е. если бы мы имели $A > 4B$ или $A < 4B$. Во всех этих случаях, поскольку [835] они суть стоимости, они различаются или равны только количественно, но являются всегда количествами одного и того же качества. Трудность состоит в том, чтобы найти это качество.

«Необходимое условие процесса измерения стоимостей состоит в том, чтобы привести измеряемые товары к *общему наименованию*»

{так, например, чтобы сравнить треугольник и все другие многоугольники, нужно лишь превратить последние в треугольники,

выразить их в треугольниках. Но для того чтобы сделать это, треугольники и многоугольники принимаются на деле за нечто *тождественное*, за различные формы одного и того же — пространства},

«что с одинаковой легкостью может быть сделано в любой момент времени; или, вернее, что уже *имеется* перед нами в готовом виде, так как практика регистрирует именно *цены* товаров, т. е. их стоимостное отношение к деньгам» (цит. соч., стр. 112).

«*Определить* стоимость — это то же самое, что *выразить* ее» (цит. соч., стр. 152).

Здесь он весь перед нами, этот молодчик. Нам даны стоимости, уже измеренные, выраженные в *ценах*. Поэтому [утверждает Бейли] мы можем удовольствоваться *незнанием* того, что представляет собой стоимость. Развитие меры стоимостей в деньги и, далее, развитие денег как масштаба цен Бейли смешивает с установлением самого *понятия стоимости* в ее развитии как имманентной меры товаров при обмене. Он прав в том отношении, что эти деньги не нуждаются в том, чтобы быть товаром, обладающим неизменной стоимостью, но отсюда он делает вывод, что нет необходимости в независимом от самого товара, отличном от него определении стоимости.

Коль скоро стоимость товаров как общее им единое начало дана, измерение их относительной стоимости совпадает с выражением этой стоимости. Но мы не получим *выражения* до тех пор, пока не найдем такого единого начала, которое отлично от непосредственного бытия товаров.

Это видно даже на приводимом у Бейли примере относительно расстояния между предметами *A* и *B* *. Для того чтобы говорить о расстоянии между ними, нами уже предположено, что оба они суть точки (или линии) пространства. Если их рассматривать как точки, притом точки одной и той же линии, то их расстояние может быть выражено в дюймах или футах и т. д. Единое в обоих товарах *A* и *B* — это, на первый взгляд, их способность к обмену. Они суть предметы, «способные к обмену». В качестве «способных к обмену» предметов они суть величины одного и того же наименования. Но это «их» существование как «способных к обмену» предметов должно быть отлично от их существования как потребительных стоимостей. Что представляет собой оно?

Деньги уже сами являются *выражением* стоимости, предполагают ее. В качестве *масштаба* цен деньги, со своей стороны, уже предполагают превращение (теоретическое) товара в деньги.

* См. настоящее издание, часть III, стр. 145—146. *Ред.*

Если стоимости всех товаров представлены как денежные цены, то я могу сравнивать их; они фактически уже сравнены. Но для того чтобы представить стоимости как цены, стоимость товаров должна быть предварительно представлена как деньги. Деньги суть лишь та форма, в которой стоимость товаров выступает в процессе обращения. Но как я могу выразить x хлопка в y денег? Вопрос этот сводится к тому, как я вообще могу выразить один товар в другом товаре, или представить товары как эквиваленты. Ответ на этот вопрос дает только анализ стоимости, независимо от выражения одного товара в другом.

«Ошибочно думать..., будто стоимостное отношение может существовать между товарами различных периодов, что по самой природе вещей невозможно; а если не существует отношения, то не может быть и измерения» (цит. соч., стр. 113).

Эта же нелепость уже фигурировала в том, что приводилось выше *. Уже при функционировании денег в качестве средства платежа существует «стоимостное отношение между товарами различных периодов». Весь процесс обращения есть постоянное сравнение стоимостей товаров в различные периоды.

«Если они» (деньги) «не являются хорошим средством для сравнения товаров в различные периоды, то это означает, что они неспособны выполнять функцию там, где никакой функции, которую они могли бы выполнять, и не существует» (цит. соч., стр. 118).

Как средство платежа и сокровище деньги призваны к тому, чтобы выполнять эту функцию сравнения стоимости товаров в различные периоды.

То, что фактически является тайной всего этого вздора, просачивается в следующей фразе, которая *просто списана у автора* «*Observations on certain Verbal Disputes*» ** и убеждает меня в том, что Бейли использовал тщательно замалчиваемые им «*Observations*» как плагиатор:

[836] «Богатство есть свойство людей, стоимость — свойство товаров. Человек или общество богаты, жемчуг или алмаз обладают высокой стоимостью» («*A Critical Dissertation*», стр. 165).

Жемчуг или алмаз драгоценны как жемчуг или алмаз, т. е. в силу их свойств, в качестве потребительных стоимостей для людей, — т. е. как *богатство*. Но в жемчуге или алмазе не содержится ничего такого, что определяло бы меновое отношение между ними и другими [потребительными стоимостями].

* См. настоящее издание, часть III, стр. 153 и 156—157. Ред.

** Там же, стр. 130. Ред.

Бейли вдруг становится глубоким философом:

«Существует различие между трудом как *причиной* стоимости и трудом как *мерой* стоимости, вообще между *причиной* и *мерой* стоимости» (стр. 170 и следующие).

В действительности существует очень значительное различие (притом самим Бейли не замеченное) между «мерой стоимости» (в смысле денег) и «причиной стоимости». «Причина» стоимости превращает потребительные стоимости в *стоимость*. Внешняя мера стоимости уже предполагает существование *стоимости*. Золото, например, может служить мерой стоимости хлопка только при том условии, что золото и хлопок, как стоимость, обладают отличным от них обоих *единым началом*. «Причина» стоимости есть субстанция стоимости, а потому и имманентная мера стоимости.

«Все обстоятельства..., которые, опосредствованно или непосредственно, оказывают определяющее воздействие на *сознание* людей при обмене товаров, могут рассматриваться как *причины* стоимости» (стр. 182—183).

Это в действительности означает не что иное, как следующее: *причиной* стоимости товара, или эквивалентности между двумя товарами, являются те обстоятельства, которые побуждают продавца или же покупателя и продавца считать нечто за стоимость, или эквивалент, товара. «Обстоятельства», определяющие стоимость товара, ни в какой мере не познаны в результате того, что их квалифицируют как такие обстоятельства, которые воздействуют на «сознание» обменивающихся и которые, в качестве таких обстоятельств, присутствуют также и в сознании (а может быть, и не присутствуют или же присутствуют в виде искаженного представления) обменивающихся.

Те же самые (не зависящие от сознания, хотя и воздействующие на него) обстоятельства, которые заставляют производителей продавать свои продукты как *товары*, — обстоятельства, отличающие одну форму общественного производства от другой, — придают их продуктам (также и для их сознания) не зависящую от потребительной стоимости меновую стоимость. «Сознание» производителей этих продуктов может совсем не знать, чем в действительности определяется стоимость их товаров, или что делает их продукты стоимостями, — для него, для сознания, это может и не существовать. Производители продуктов поставлены в такие условия, которые определяют их сознание без того, чтобы они обязательно это знали. Каждый человек может употреблять деньги как деньги, не зная, что такое деньги. Экономические категории отражаются в сознании весьма искаженно. Бейли переносит вопрос в область сознания потому, что по части теории он зашел в тупик.

Вместо того чтобы сказать, что он сам понимает под «стоимостью» (или под «причиной стоимости»), Бейли нам говорит: это то, что представляют себе покупатель и продавец в акте обмена.

В действительности же в основе этой якобы философской фразы лежит следующее:

1) Рыночная цена определяется различными обстоятельствами, которые выражаются в соотношении между спросом и предложением и, как таковые, воздействуют на «сознание» людей, вступающих на рынке в торговую сделку. Весьма важное открытие!

2) При превращении товарных стоимостей в цены издержек учитываются «различные обстоятельства», которые воздействуют на сознание как «основания для компенсации» или представляются ему таковыми. Однако все эти основания для компенсации воздействуют на сознание капиталиста только как капиталиста и проистекают из самой природы капиталистического производства, а не из субъективного понимания покупателя и продавца. В головах покупателя и продавца они, наоборот, существуют как сами собой разумеющиеся «вечные истины».

Бейли, как и его предшественники, хватается за рикардовское смешение стоимостей и цен издержек, чтобы доказать, что стоимость не определяется трудом, так как цены издержек отклоняются от стоимостей. Это совершенно правильно против рикардовского отождествления [стоимостей с ценами издержек], но не против самого положения [об определении стоимости трудом].

В этой связи Бейли цитирует, во-первых, то, что сказано самим Рикардо по поводу изменения относительных стоимостей [837] товаров в результате повышения стоимости труда *. Он упоминает, далее, о «влиянии времени» (разница во времени производства без удлинения рабочего времени), имея в виду тот же случай, который вызвал сомнения уже у Милля **. Действительного *общего* противоречия, заключающегося в самом факте существования *средней нормы* прибыли, несмотря на различное строение капитала, различные периоды его обращения и т. д., Бейли не замечает. Он повторяет лишь те отдельные формы проявления этого противоречия, на которые *уже* обратили внимание сам Рикардо и последующие авторы. Таким образом, здесь он выступает лишь как попугай, повторяющий чужие слова: он не двигает критику ни на шаг дальше.

Бейли отмечает далее: издержки производства суть главная причина «стоимости», а значит и главный элемент стоимости.

* См. настоящее издание, часть II, стр. 192—216. *Ред.*

** См. настоящее издание, часть III, стр. 83—85. *Ред.*

Однако он правильно замечает, — как это уже делали другие авторы, выступившие после Рикардо, — что само понятие *издержек производства* имеет различный смысл. Сам он в конечном счете заявляет о своем согласии с Торренсом относительно того, что стоимости определяются авансированным капиталом, что верно для цен издержек, но бессмысленно, если это не выведено из развития самой стоимости, т. е. если *стоимость товара* хотят вывести из более развитого отношения, из *стоимости капитала*, а не наоборот.

Последнее его возражение таково: товарные стоимости нельзя измерять рабочим временем, если рабочее время в одной отрасли не равно рабочему времени в другой отрасли, так что товар, в котором воплощено, например, 12 часов труда инженера, имеет вдвое большую стоимость, чем товар, в котором воплощено 12 часов труда сельского рабочего. Это сводится к тому, что, например, день простого труда не есть мера стоимости, если имеются другие рабочие дни, которые относятся к дням простого труда как дни сложного труда. Рикардо доказал, что этот факт не препятствует измерению товаров рабочим временем, если дано отношение между простым и сложным трудом⁵⁸. Он, правда, упустил изложить, как развивается и определяется это отношение. Это относится к изложению вопроса о *заработной плате* и сводится, в конечном счете, к *различию стоимости самих рабочих сил*, т. е. к различию их издержек производства (которые определяются рабочим временем).

Вот места, где Бейли высказывает то, что было сжато подытожено выше:

«Фактически никто не оспаривает, что *издержки производства* суть основное обстоятельство, определяющее те количества, в каких обмениваются товары этой категории» (товары той категории, где не существует монополии и где всегда возможен рост продукции при расширении производства); «но наши лучшие экономисты не совсем согласны между собою в том, что следует понимать под этим термином; некоторые утверждают, что *количество труда*, затраченное на производство товара, составляет его издержки; другие — что так следует называть *употребленный на это капитал*» (цит. соч., стр. 200).

«То, что работник производит без капитала, стоит ему его труда; то, что производит капиталист, стоит ему его капитала» (стр. 201).

(Именно это соображение определяет позицию Торренса. Капиталисту ничего не стоит тот труд, который он применяет, ему стоит только капитал, затрачиваемый им на заработную плату.)

«Стоимость основной массы товаров определяется затраченным на них капиталом» (стр. 206).

Против определения стоимости товаров только содержащимся в них количеством труда Бейли выдвигает следующее возражение:

«Это не может быть верно, если можно найти такого рода примеры: 1) случаи, когда два товара производятся одинаковыми количествами труда и тем не менее продаются за различные количества денег; 2) случаи, когда два товара, которые раньше были равны по стоимости, становятся неравными по стоимости, хотя затрачиваемое на каждый из них количество труда несколько не изменилось» (стр. 209).

«Это не ответ» (по поводу случаев первого рода), «если мы вместе с г-ном Рикардо скажем, что «оценка труда различных качеств быстро устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью», или если мы вместе с г-ном Миллем заявим, что «при оценке равных количеств труда принимаются, конечно, во внимание различные степени трудности и обученности». Примеры этого рода совершенно уничтожают общезначимость правила» (стр. 210).

«Возможны только два способа сравнивать одно количество труда с другим: один состоит в сравнении их *по затраченному времени*, другой — *по произведенному результату*» (последнее имеет место при сдельной работе). «Первый способ применим ко всем видам труда; второй может применяться только при сравнении труда, затраченного на однородные предметы. Если, поэтому, при оценке двух различных видов труда затраченное время не определяет отношения между [839] ⁵⁹ количествами труда, то это отношение по необходимости остается неопределенным и неопределимым» (стр. 215).

«По поводу случаев второго рода. Возьмем два любых товара равной стоимости, *A* и *B*, из которых первый произведен с помощью основного капитала, а второй — трудом без применения машин, и предположим, что без какого бы то ни было изменения в основном капитале или в количестве труда произошло повышение стоимости труда. Согласно аргументации самого г-на Рикардо, стоимостное отношение между *A* и *B* немедленно же изменится, т. е. они станут неравными по стоимости» (стр. 215—216).

«К этим случаям мы можем еще добавить *влияние времени* на стоимость. Если один товар требует для своего производства больше времени, чем другой, то его стоимость будет больше, *даже если он не требует большего количества капитала и труда*. Г-н Рикардо признает влияние этой причины, но г-н Милль утверждает» и т. д. (стр. 217).

Наконец, Бейли еще замечает, и это — единственное новое, что он в этом отношении вносит:

«Указанные три категории товаров» {это, т. е. эти три категории товаров, опять-таки заимствовано у автора «Observations on certain Verbal Disputes»} (а именно: 1) товары, производимые при абсолютной монополии, 2) товары, производимые при ограниченной монополии, как например хлеб, и 3) товары, производимые при совершенно свободной конкуренции) «нельзя абсолютно отделить друг от друга. Все они не только без разбора обмениваются друг на друга, но и *смешиваются друг с другом в процессе производства*. Поэтому часть стоимости какого-нибудь товара может обуславливаться монополией, а другая часть — теми причинами, которые определяют стоимость монополизированных продуктов. Так, например, какой-нибудь предмет может фабриковаться при самой свободной конкуренции из такого сырья, которое его производитель благодаря полной монополии может продавать в шесть раз дороже его фактических издержек»

(стр. 223). «В этом случае ясно, что хотя с полным правом можно сказать, что стоимость предмета определяется количеством капитала, затраченным на него фабрикантом, но никакой анализ не в состоянии свести стоимость этого капитала к количеству труда» (стр. 223—224).

Замечание это правильно. Однако монополия нас здесь не касается, так как мы имеем тут дело лишь с двумя категориями: со *стоимостью* и с *ценой издержек*. Ясно, что превращение стоимостей в цены издержек оказывает двоякое действие. Во-первых, прибыль, начисляемая на авансированный капитал, может быть выше или ниже той *прибавочной стоимости*, которая содержится в самом товаре, т. е. она может представлять больше или меньше *неоплаченного труда*, чем содержится в самом товаре. Это относится к переменной части капитала и к ее воспроизведению в товаре. Но помимо этого, точно так же и цена издержек постоянного капитала — или товаров, входящих в качестве сырья, вспомогательных материалов и орудий труда, вообще в качестве условий труда, в стоимость вновь произведенного товара, — может быть выше или ниже их стоимости. Таким образом, в стоимость вновь произведенного товара входит такая отклоняющаяся от стоимости часть цены, которая не зависит от количества вновь присоединенного труда, т. е. от количества того труда, благодаря которому эти условия производства, обладающие определенными ценами издержек, превращаются в новый продукт. Вообще ясно, что то, что относится к различию между ценой издержек и стоимостью *товара* как такового — товара как результата процесса производства, — относится точно так же и к *товару*, поскольку он в форме постоянного капитала входит в процесс производства как ингредиент, как предпосылка. Переменный капитал, какова бы ни была связанная с ним разница между стоимостью и ценой издержек товара, возмещается определенным количеством труда, которое образует составную часть стоимости нового товара, безразлично, выражена ли эта стоимость в его цене без изменения или она выше или ниже ее. Наоборот, эта разница между ценой издержек и стоимостью переносится в стоимость нового товара как уже предпосланный элемент, если речь идет о таком составном элементе стоимости, который входит в цену нового товара независимо от собственного процесса производства этого товара.

Таким образом, разница между ценой издержек и стоимостью товара порождается двояким путем: путем разницы между ценой издержек и стоимостью тех товаров, которые образуют предпосылку процесса производства нового товара, и путем разницы между той прибавочной стоимостью, которая действительно присоединена к издержкам производства, и той при-

былью, которая начисляется [на авансированный капитал]. Однако каждый товар, входящий в какой-нибудь другой товар в качестве постоянного капитала, сам выходит из другого процесса производства как результат, как продукт. И таким образом товар выступает попеременно то как предпосылка для производства других товаров, то как результат такого процесса производства, в котором существование других товаров есть предпосылка для его собственного производства. В земледелии (скотоводстве) один и тот же товар выступает то как продукт, то как условие производства.

Это имеющее большое значение отклонение цен издержек от стоимостей — которое обусловливается капиталистическим производством — не изменяет того положения, что цены издержек по-прежнему определяются стоимостями.

4) МАК-КУЛЛОХ

[а) ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ И ПОЛНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ ТЕОРИИ
РИКАРДО У МАК-КУЛЛОХА ПОД ВИДОМ ЕЕ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ. ЦИНИЧНАЯ
АПОЛОГЕТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА.
БЕССОВЕСТНЫЙ ЭКЛЕКТИЗМ]

[840] Мак-Куллох — вульгаризатор экономической теории Рикардо и вместе с тем самый жалкий образчик ее разложения.

Вульгаризатор не только Рикардо, но также и Джемса Милля.

Вообще во всех отношениях вульгарный экономист, апологет существующего. Единственное, что до комизма его тревожит, это — тенденция прибыли к падению; положением рабочих он вполне доволен, вообще доволен всеми противоречиями буржуазной экономики, лежащими тяжким бременем на рабочий класс. Здесь все цветет и процветает. Здесь он даже знает, что

«введение машин в одной отрасли производства с необходимостью создает такой же или еще больший спрос на уволенных рабочих в какой-нибудь другой отрасли производства»⁸⁰.

В этом вопросе Мак-Куллох отступает от Рикардо, подобно тому как в своих позднейших сочинениях он [в отличие от Рикардо] становится весьма сладкоречивым по отношению к земельным собственникам. А все его нежные заботы относятся к бедным капиталистам ввиду тенденции нормы прибыли к падению.

«В отличие от других представителей любой науки г-н Мак-Куллох, по-видимому, не ищет *характерных различий*, а ищет только *сходства*;

и, следуя этому принципу, он приходит к смешению материальных и нематериальных объектов, к смешению производительного труда с непроеводительным, капитала с доходом, предметов питания рабочего с самим рабочим, производства с потреблением и труда с прибылью» (*Malthus. Definitions in Political Economy. London, 1827, стр. 69—70*).

«Г-н Мак-Куллох в своих «*Principles of Political Economy*» (London, 1825) устанавливает различие между *действительной* и *относительной, или меновой, стоимостью*. Первая, говорит он на стр. 211 и 225, «зависит от количества труда, затраченного на присвоение или производство товара, а вторая — от того *количества труда и л и какого-либо другого товара, на которое товар обменивается*», и обе эти стоимости, говорит он (стр. 215), *тождественны* при обычном положении вещей, т. е. в том случае, когда предложение товаров на рынке в точности соответствует действительному спросу на них. Но если они тождественны, то должны быть тождественны и те два количества труда, о которых он говорит; однако на стр. 221 он нам сообщает, что они не тождественны, ибо одно включает прибыль, между тем как другое ее исключает» ([*Cazenove.*] *Outlines of Political Economy, etc. London, 1832, стр. 25*).

А именно, Мак-Куллох говорит в этих своих «*Principles of Political Economy*», стр. 221:

«Фактически он» (товар) «всегда будет обмениваться на большее количество» {труда, чем тот труд, которым товар был произведен}, «и как раз этот избыток и образует прибыль».

Здесь перед нами блестящий образчик приемов этого шотландского архишарлатана.

Полемические замечания Мальтуса, Бейли и других заставляют его проводить различие между *действительной стоимостью* и *меновой, или относительной, стоимостью*. Но он проводит это различие — по сути дела — в таком виде, в каком находит его у Рикардо. *Действительная стоимость* — это товар с точки зрения труда, необходимого для его производства; *относительная стоимость* — это пропорция *различных товаров*, которые могут быть произведены за одно и то же время и которые *поэтому* представляют собой эквиваленты, вследствие чего стоимость одного из этих товаров может быть *выражена* в том количестве потребительной стоимости другого товара, которое стоит того же рабочего времени. *Относительная стоимость* товара, в этом рикардовском смысле, есть лишь другое выражение его *действительной стоимости* и означает лишь то, что товары обмениваются соответственно содержащемуся в них рабочему времени, или что *содержащееся в каждом из них рабочее время одинаково*. Поэтому, если рыночная цена товара равна его меновой стоимости (как это бывает, когда предложение и спрос покрывают друг друга), то купленный товар содержит столько же труда, как и проданный. Товар реализует лишь свою меновую стоимость, или продается лишь по своей *меновой*

стоимости, если в обмен на него получается *такое же количество труда*, какое в нем отдано.

Все это Куллох, действительно, констатирует правильно, повторяя, как попугай, за другими. Только он заходит здесь слишком далеко, поскольку мальтусовское определение меновой стоимости — то количество наемного труда, каким товар распоряжается — уже вошло в его нутро. Поэтому он определяет относительную стоимость как «то количество труда *и л и* какого-либо другого товара, на которое товар обменивается». Рассматривая относительную стоимость, Рикардо всегда говорит только о товарах за исключением труда, так как при обмене товаров прибыль реализуется только потому, что при обмене между товаром и трудом *не* имеет места обмен одинаковых количеств труда. Уже в самом начале своего сочинения Рикардо делает особый упор на то, что определение стоимости [841] товара содержащимся в нем рабочим временем *toto coelo* * отлично от определения этой стоимости тем количеством труда, какое товар может купить ⁶¹. Тем самым Рикардо, с одной стороны, устанавливает различие между тем количеством труда, какое товар содержит, и тем количеством труда, каким он распоряжается; с другой стороны, Рикардо из относительной стоимости товара исключает обмен товара на труд. Ибо при обмене одного товара на другой обмениваются одинаковые количества труда, а когда товар обменивается на самый труд, то обмениваются неодинаковые количества труда, и капиталистическое производство покоится на неравенстве этого обмена. Рикардо не объясняет, как это *исключение* согласуется с понятием стоимости. Отсюда споры у экономистов, писавших после Рикардо. Но правильный инстинкт подсказывает ему это *исключение*. (В действительности это совсем не исключение, но исключение в *его* понимании.) Таким образом, Куллох идет дальше Рикардо, он, как это может показаться на первый взгляд, последовательнее его.

У него нет никакой трещины. Всё — из одного куска. Обменивается ли товар на товар или на труд, это меновое отношение одинаково является *относительной стоимостью* товара. И если обмениваемые товары продаются по их стоимости (т. е. если спрос и предложение покрывают друг друга), то эта относительная стоимость всегда есть выражение *действительной стоимости*, т. е. на обоих полюсах обмена мы имеем одинаковые количества труда. Следовательно, «при обычном положении вещей» товар обменивается также только на такое количество

* — совершенно, принципиально. Ред.

наемного труда, которое равно содержащемуся в этом товаре количеству труда. Рабочий получает в заработной плате столько же материализованного труда, сколько возвращает в обмен капиталисту в виде непосредственного труда. Тем самым исчезает источник прибавочной стоимости и уничтожается вся теория Рикардо.

Итак, г-н Куллох сначала опрокидывает теорию Рикардо под видом доведения ее до полной последовательности.

А что делает он дальше? Дальше он бесстыдно перебегаёт от Рикардо к Мальтусу, по учению которого стоимость товара определяется тем количеством труда, которое товар покупает и которое всегда должно быть больше содержащегося в товаре количества труда. Разница между Мак-Куллохом и Мальтусом заключается только в том, что у Мальтуса это высказано как то, чем оно и является на самом деле, т. е. как *антитеза* по отношению к Рикардо, а г-н Куллох принимает эту антитезу после того, как принял формулировку Рикардо с той кажущейся последовательностью (т. е. с последовательностью скудоумия), которая уничтожает смысл теории Рикардо. Поэтому внутреннейшего ядра учения Рикардо — как реализуется прибыль на основе обмена товаров *по их стоимости* — Куллох не понимает, и оно для него не существует. Так как меновая стоимость, — которая, по Куллоху, при «обычном состоянии рынка» равна действительной стоимости, но *«фактически»* всегда превышает ее, ибо на этом избытке покоится прибыль (недурное противопоставление и недурной анализ, основывающийся на словечке «фактически»), — есть то «количество труда и *ли* какого-либо другого товара», на которое товар обменивается, то к «любому другому товару» относится то, что относится к «труду». Другими словами, товар обменивается не только на большее количество непосредственного труда, чем то количество труда, которое в товаре содержится, но и на большее количество материализованного в других товарах труда, чем то количество труда, которое содержится в самом обмениваемом товаре, — т. е. прибыль есть «прибыль от отчуждения», и тем самым мы снова пришли к меркантилистам. Мальтус прямо делает этот вывод. У Куллоха он выступает как нечто само собой разумеющееся, но только с претензией, что это есть развитие системы Рикардо.

И это полное разложение системы Рикардо, превращающее ее в галиматью, — разложение, которое при этом кичится тем, что оно-де является ее последовательным развитием, — чернь, в особенности континентальная чернь (в том числе, конечно, и г-н Рошер) приняла за *слишком далеко идущий*, до крайности

доведенный вывод из рикардовской системы, поверив, таким образом, г-ну Куллоху в том, будто усвоенная им рикардовская манера «сморкаться и плевать»⁶², под которой он скрывает свой беспомощный, бездумный и бессовестный эклектизм, и впрямь есть научная попытка последовательно провести эту систему!

Мак-Куллох — просто-напросто человек, захотевший *нажиться на экономической теории Рикардо*, что ему и удалось в достойной удивления степени. Совершенно таким же образом *Сэй* наживался на теории *Смита*, с той только разницей, что *Сэй*, по крайней мере, имеет ту заслугу, что привел теорию *Смита* в известный формальный порядок и местами, не считая случаев непонимания, позволял себе также и некоторые теоретические сомнения. Так как Куллох впервые получил профессорскую кафедру в Лондоне благодаря экономической теории Рикардо, то он должен был первоначально выступать в качестве рикардианца и, в частности, участвовать также и в борьбе против земельных собственников. Как только он почувствовал твердую почву под ногами и на плечах Рикардо [842] добился известного положения, его главным стремлением стало преподавать политическую экономию, в особенности рикардовскую, в рамках вигизма и удалять из нее все неприятные для вигов выводы. Его последние сочинения о деньгах, налогах и т. п. являются всего лишь защитительными речами в пользу находившегося у власти в каждом данном случае кабинета вигов. Таким путем этот человек добрался до доходного местечка. Его статистические работы — просто стряпня, рассчитанная на дешевый успех и привлечение покупателей. Бездумное уничтожение теории и ее бездумная вульгаризация обнаруживаются здесь также и в самом молодчике как «a vulgarian» *, о чем мы еще кое-что скажем в дальнейшем, прежде чем покончить с этим спекулирующим шотландцем.

В 1828 г. Мак-Куллох издал «Wealth of Nations» Смита, и четвертый том этого издания содержит его собственные «примечания и рассуждения», в которых он, для заполнения тома, отчасти перепечатывает уже ранее опубликованные им плохие статьи, не имеющие абсолютно никакого отношения к делу, как например статью о «майорате» и т. д., отчасти почти дословно повторяет свои лекции по истории политической экономии, или, как он сам говорит, «многое заимствует из них», отчасти же старается ассимилировать на свой манер то новое, что за этот промежуток времени было дано Миллем, а также противниками Рикардо.

* — вульгарном человеке, пошляке. *Ред.*

В своих «Principles of Political Economy»⁶³ г-н Мак-Куллох занимается лишь списыванием своих «примечаний и рассуждений», которые он сам уже списал из своих прежних «разбросанных произведений». Только в «Principles» дело еще ухудшается, ибо в «примечаниях» легче допускать непоследовательности, чем в якобы методическом изложении предмета. Так, приведенные выше положения из «Principles» Мак-Куллоха, отчасти дословно взятые из «примечаний и рассуждений», в этих «примечаниях» к Смиту выглядят все-таки несколько менее непоследовательными, чем в «Principles». {Его «Principles», кроме того, содержат заимствования из Милля, дополненные самыми нелепыми иллюстрациями, и перепечатку статей о хлебной торговле и т. д., которые он, возможно, уже под двадцатью различными заглавиями дословно вновь и вновь перепечатывал в различных периодических изданиях, часто даже в *одном и том же* журнале в различное время.}

В упомянутом IV томе своего издания А. Смита (Лондон, 1828 г.) Мак говорит (он повторяет дословно то же самое в своих «Principles of Political Economy», но без тех различий, которые он еще считал необходимыми в своих «примечаниях»):

«Необходимо различать между *меновою стоимостью* и *действительной стоимостью* — или *стоимостью издержек* — товаров или продуктов. Под *первой*, или под меновой стоимостью товара или продукта, понимают его способность, или возможность, обмениваться на другие товары *или* на труд, а под *второй*, или под действительной стоимостью, или стоимостью издержек, товара понимают то количество труда, которое требуется для его производства или присвоения, или, точнее, то количество труда, которое требовалось бы для производства или присвоения однородного товара в то время, к которому относится исследование» (назв. соч., стр. 85—86).

«Товар, произведенный определенным количеством труда» {когда предложение товаров равняется действительному спросу}, «будет неизменно обмениваться на любой другой товар, или покупать любой другой товар, произведенный таким же количеством труда. Однако он никогда не будет обмениваться на точно такое же количество труда, или покупать точно такое же количество труда, какое его произвело; но хотя он этого не будет делать, все же он *всегда* будет обмениваться на такое же количество труда, или покупать такое же количество труда, как и всякий другой товар, произведенный при одинаковых условиях, или таким же количеством труда, как и он сам» (там же, стр. 96—97).

«Фактически» (эту фразу Мак-Куллох дословно повторяет в «Principles», так как это «фактически» составляет фактически всю его аргументацию) «он» (товар) «всегда будет обмениваться на большее количество» {т. е. на большее количество труда, чем тот труд, которым товар был произведен}, «и как раз *этим избыток и образует прибыль*. У капиталиста не было бы никакого *мотива*» (как будто при обмене товаров и исследовании относительно их стоимости речь идет о «мотивах» покупателя) «обменивать продукт данного количества уже выполненного труда [843] на продукт та-

кого же количества труда, подлежащего выполнению. Это значило бы *ссужать*» {«обменивать» значило бы «ссужать»!}, «не получая никаких процентов за ссуду» (там же, стр. 96).

Начнем с конца.

Если бы капиталист не получал обратно больше труда, чем он авансировал в заработной плате, то он «ссужал» бы без «прибыли». Проблема состоит в том, чтобы объяснить, каким образом возможна прибыль, если товары (труд или другие товары) обмениваются по своей стоимости. А объяснение Мак-Куллоха гласит, что прибыль была бы невозможна, если бы обменивались эквиваленты. Сперва предполагается, что капиталист и рабочий «обмениваются». Затем для объяснения прибыли предполагается, что они «не» обмениваются, но что один из них ссужает (т. е. дает товар), а другой занимает, т. е. платит только после того, как получил товар. Или для объяснения прибыли говорится, что капиталист не получал бы «никакого процента», если бы не имел прибыли. При этом самый вопрос поставлен неправильно. Товар, которым капиталист уплачивает заработную плату, и товар, который он получает обратно как результат труда, суть различные *потребительные стоимости*. Следовательно, он не получает обратно то, что авансировал, точно так же как он не получает тот же самый товар, когда обменивает один товар на другой. Покупает ли он другой товар или покупает специфический [товар —] труд, который производит ему этот другой товар, — это одно и то же. Вместо той потребительной стоимости, которую он отдает, он получает другую потребительную стоимость, как и при всяком товарообмене. Если же, напротив, иметь в виду только стоимость товара, то в том, что «данное количество уже выполненного труда» обменивается на «такое же количество труда, подлежащего выполнению» (хотя в действительности капиталист платит только после того, как труд *уже* выполнен), нет уже никакого противоречия, как нет противоречия и в том, что известное количество выполненного труда обменивается на такое же количество выполненного труда. Последнее является нелепой тавтологией. Первое предполагает, что «труд, подлежащий выполнению», овеществлен в иной потребительной стоимости, чем выполненный труд. В этом случае, следовательно, имеется различие [между объектами обмена], а потому и проистекающий из самого отношения мотив к обмену, тогда как в другом случае такого мотива нет, так как здесь на А обменивается лишь А, поскольку при этом обмене речь идет [только] о количестве труда. Поэтому г-н Мак прибегает к *мотиву*. Мотив капиталиста — получить обратно большее «количество труда», чем

он отдает. Прибыль объясняется тем, что у капиталиста есть *мотив* получать «прибыль». Но точно так же можно было бы сказать при продаже товаров купцом, при всякой продаже товаров, имеющей целью не потребление, а прибыль: у продавца нет мотива обменивать определенное количество выполненного труда на такое же количество выполненного труда. Его мотив — получить взамен больше выполненного труда, чем он отдает. Поэтому он *должен* получить больше выполненного труда в форме денег или товаров, чем он отдает в форме товаров или денег. Он должен, следовательно, покупать дешевле, чем продает, и продавать дороже, чем купил. Таким образом, перед нами — «прибыль *от отчуждения*», объясняемая не тем, что она соответствует закону стоимости, а тем, что покупатель и продавец не имеют, дескать, «мотива» покупать или продавать согласно закону стоимости. Таково первое «выдающееся» открытие Мака, весьма недурно выглядящее в рамках системы Рикардо, которая стремится показать, как вопреки «мотивам» покупателей и продавцов прокладывает себе путь закон стоимости.

[844] В остальном изложение Мака в «примечаниях» отличается от его изложения в «Principles» только следующим:

В «Principles» он проводит различие между «действительной стоимостью» и «относительной стоимостью» и говорит, что «при обычных условиях» они равны друг другу, но что «фактически» они не могут быть равны, если должна получаться прибыль. Таким образом, он говорит лишь то, что «факт» противоречит «принципу».

В «примечаниях» он различает три рода стоимости: «действительную стоимость», «относительную стоимость» товара при его обмене на другие товары и «относительную стоимость» товара, обмениваемого на труд. «Относительная стоимость» товара при его обмене на другой товар есть его *действительная* стоимость, *выраженная* в другом товаре, или в «эквиваленте». Напротив, его относительная стоимость при обмене на труд есть его *действительная* стоимость, *выраженная* в другой действительной стоимости, которая больше ее самой, — т. е. его стоимость есть обмен на большую стоимость, обмен на неэквивалент. Если бы товар обменивался на эквивалент в труде, то не было бы прибыли. Стоимость товара при его обмене на труд есть большая стоимость.

Проблема: Рикардовское определение стоимости противоречит обмену товара на труд.

Решение Мака: При обмене товара на труд закон стоимости не существует, существует его противоположность. Иначе

нельзя было бы объяснить прибыль. [Между тем] для него, рикардianца, прибыль должна быть объяснена законом стоимости.

Решение: Закон стоимости (в этом случае) есть прибыль. «Фактически» Мак высказывает только то, что говорят противники теории Рикардо, — а именно, что если бы закон стоимости господствовал при обмене между капиталом и трудом, то *не* существовало бы *никакой* прибыли. Они говорят, что ввиду этого рикардовский закон стоимости ошибочен. Он говорит, что закон не существует *для этого случая*, который он должен объяснить, исходя из этого закона, и что в этом случае под «стоимостью» люди «понимают» нечто другое.

Отсюда явствует, что Мак-Куллох ровно ничего не понимает в рикардовском законе. В противном случае он должен был бы сказать так: прибыль при обмене товаров, которые обмениваются соответственно содержащемуся в них рабочему времени, объясняется тем, что в товарах содержится «неоплаченный» труд. Следовательно, неравный обмен капитала и труда объясняет нам обмен товаров по их стоимости и прибыль, реализуемую в этом обмене товаров. Вместо этого Мак-Куллох говорит: товары, содержащие одинаковое количество рабочего времени, распоряжаются одинаковым избытком труда, в них не содержащимся. Таким способом он думает примирить рикардовские положения с мальтусовскими, протаскивая отождествление определения стоимости товаров рабочим временем с определением стоимости товаров способностью распоряжаться трудом. Но что это означает: товары, содержащие одинаковое количество рабочего времени, распоряжаются одинаковым *избытком* труда сверх того труда, который в них содержится? Это означает лишь то, что товар, в котором содержится *определенное* рабочее время, распоряжается определенным количеством прибавочного труда, сверх содержащегося в нем труда. Что это относится не только к товару *A*, в котором содержится *x* рабочего времени, но и к товару *B*, в котором тоже содержится *x* рабочего времени, — это заложено уже в словесном выражении мальтусовской формулы.

Разрешение противоречия у Мака, следовательно, таково: если бы действовал рикардовский закон стоимости, то была бы невозможна прибыль, а значит, были бы невозможны капитал и капиталистическое производство. Это как раз то, что утверждали противники Рикардо. И это то, что им отвечает Мак, чем он их опровергает. При этом он совсем не замечает всего великолепия такого определения меновой стоимости [при обмене] на труд, которое состоит в том, что *стоимость есть обмен на некоторую нестоимость*.

**[6) ИЗВРАЩЕНИЕ ПОНЯТИЯ ТРУДА ПУТЕМ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЕГО НА ПРОЦЕССЫ ПРИРОДЫ.
ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МЕНОВОЙ СТОИМОСТИ
И ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ. АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ
ТРАКТОВКА ПРИБЫЛИ КАК «ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
НАКОПЛЕННОГО ТРУДА»]**

[845] Отказавшись, таким образом, от основы рикардовской политической экономии, г-н Мак тем временем идет еще дальше и разрушает основу самой этой основы.

Первая трудность в системе Рикардо заключалась в обмене между капиталом и трудом согласно с *«законом стоимости»*.

Вторая трудность состояла в том, что *равновеликие капиталы*, каково бы ни было их органическое строение, приносят *равные прибыли* — или *общую норму прибыли*. В действительности это — неосознанная проблема исследования того, как стоимости превращаются в цены издержек.

Трудность получалась оттого, что *равновеликие капиталы* неодинакового строения, — вызывается ли это неодинаковым соотношением между постоянным и переменным капиталом, между основным и оборотным капиталом или неодинаковым временем обращения, — приводят в движение *неравные* массы непосредственного труда, следовательно, также и *неравные* массы неоплаченного труда, и, стало быть, не могут присваивать себе в процессе производства равную прибавочную стоимость или равный прибавочный продукт. Стало быть, они не могут получать равные прибыли, если прибыль есть не что иное, как прибавочная стоимость, исчисленная по отношению к стоимости всего авансированного капитала. *Если же прибавочная стоимость представляет собой нечто другое, чем труд (неоплаченный), то труд вообще не является «основой и мерой» стоимости товаров* ⁶⁴.

Трудности, которые здесь возникают, Рикардо сам обнаружил (хотя и не в общей их форме) и признал *исключениями* из правила [т. е. из закона] стоимости. Мальтус вместе с этими исключениями отбросил и правило, так как исключения составляли правило. Торренс, тоже в полемике против Рикардо, по крайней мере до некоторой степени сформулировал проблему, сказав, что *равновеликие капиталы приводят в движение неодинаковые массы труда, но тем не менее производят товары равных «стоимостей» и что поэтому стоимость определяется не трудом. То же мы видим у Бейли и других. Милль, со своей стороны, признал констатированные Рикардо исключения как исключения, причем они, кроме одной-единственной формы, не вызвали*

у него никаких сомнений. Одно-единственное основание для *выравнивания* прибылей капиталистов он нашел *противоречащим* правилу. Случай этот состоял в следующем: некоторые товары задерживаются в процессе производства (например, вино в погребе) без всякой затраты труда на них; это — такой период, в течение которого они подвергаются действию тех или иных естественных процессов природы. (Таков, например, продолжительный перерыв в работе — не указываемый Миллем — в земледелии, а также в кожевенном деле, прежде чем там начинается применение некоторых новых химических средств.) И тем не менее это время учитывается как приносящее прибыль. Время, в течение которого товар не подвергается процессу труда, учитывается как рабочее время. (То же самое бывает вообще там, где имеет место *более продолжительный период обращения*.) Милль, так сказать, «вывернулся» из затруднительного положения, заявив, что то время, в течение которого вино, например, стоит в погребе, можно было бы рассматривать как такое время, в течение которого оно впитывает труд, *хотя*, согласно предположению, этого фактически и не происходит. Иначе [указывает Милль] пришлось бы сказать, что «время» создает прибыль, а между тем время как таковое — это, дескать, «только дым и звук»⁶⁵. К этой галиматье Милля присоединяется Куллох, или, точнее, он воспроизводит ее, на свой обычный напыщенный плагиаторский манер, в общей форме, в которой скрытая бессмыслица вылезает наружу и благополучно устраняется последний остаток рикардовской системы, как и вообще всякого экономического мышления.

Все вышеупомянутые трудности при ближайшем рассмотрении сводятся, в свою очередь, к следующей трудности:

Та часть капитала, которая в форме товаров входит в процесс производства как материал или орудие, никогда не присоединяет к продукту большей стоимости, чем та, какую она обладала до этого процесса производства. Это происходит потому, что она имеет стоимость лишь постольку, поскольку она есть воплощенный труд, и содержащийся в ней труд ни в какой мере не изменяется оттого, что она входит в процесс производства. Она настолько не зависит от процесса производства, в который входит, и настолько зависит от общественно определенного труда, требующегося для ее собственного производства, что ее собственная стоимость изменяется, если для ее воспроизводства требуется больше или меньше рабочего времени, чем содержится в ней. Поэтому, как стоимость, эта часть капитала входит в процесс производства, не изменяясь, и выходит из него тоже без изменений. Поскольку она вообще реально входит в него

и изменяется, это есть изменение, претерпеваемое ее *потребительной стоимостью*, претерпеваемое ею самою как *потребительной стоимостью*. И все те операции, которым подвергается сырье или которые выполняют орудия труда, суть лишь процессы, которые они проделывают как определенное сырье и как определенные орудия труда (веретено и т. д.), процессы их потребительной стоимости, не имеющие как таковые никакого отношения к их меновой стоимости. Меновая стоимость при этом [846] изменении сохраняется. Voilà tout *.

Иначе обстоит дело с той частью капитала, которая обменивается на рабочую силу. Потребительная стоимость рабочей силы — это *труд*, элемент, создающий меновую стоимость. Так как труд, выполняемый рабочей силой при ее производственном потреблении, больше того труда, который требуется для ее собственного воспроизводства и который доставляет эквивалент заработной платы, то стоимостью, получаемая капиталистом от рабочего в обмен на уплачиваемую ему заработную плату, больше той цены, которую капиталист уплатил за этот труд. Отсюда следует, при предположении одинаковой нормы эксплуатации труда, что из двух равновеликих капиталов тот, который приводит в движение меньше живого труда, — потому ли, что с самого начала его переменная часть меньше по отношению к постоянному капиталу, или потому, что у него [продолжительнее] время обращения или то время производства, в течение которого он не обменивается на труд, не приходит в соприкосновение с ним, не поглощает его, — что такой капитал создает меньше прибавочной стоимости и вообще создает товар меньшей стоимости. Как же при таких условиях созданные *стоимости* могут все-таки быть *равны*, а прибавочные стоимости — соответствовать авансированному капиталу? Рикардо не мог на это ответить, ибо вопрос, поставленный таким образом, *нелеп*, так как в действительности здесь не производятся ни равные стоимости, ни равные прибавочные стоимости. Однако Рикардо не понял генезиса общей нормы прибыли, а потому не понял и превращения стоимостей в специфически отличные от них цены издержек.

А Мак устраняет трудность, опираясь на нелепую «увертку» Милля. Затруднение устраняется тем, что пустой фразой отделяются от того характерного различия, из которого затруднение проистекает. Это характерное различие состоит в следующем. Потребительная стоимость рабочей силы — это труд, поэтому она и создает меновую стоимость. Потребительная

* — Вот и всё. Ред.

стоимость других товаров — это потребительная стоимость в отличие от меновой стоимости, вследствие чего ни одно изменение, претерпеваемое этой потребительной стоимостью, не влияет на их предопределенную меновую стоимость. Затруднение устраняется тем, что потребительные стоимости товаров называют меновыми стоимостями, а те операции, которые эти товары проделывают как потребительные стоимости, те услуги, которые они оказывают в производстве как потребительные стоимости, называют *трудом*. Ведь таким же образом в обыденной жизни говорят о труде рабочего скота и рабочих машин, а поэтический язык допускает и такие обороты речи, как: железо трудится при накаливании, или: железо трудится, когда оно стонет под ударами молота. Ведь оно даже и кричит. *И нет ничего легче, как доказать, что всякая «операция» есть труд, ибо труд есть некоторая операция. С таким же успехом можно доказать, что все телесное обладает ощущениями, ибо все ощущающее — телесно.*

«Труд можно с полным правом определить как любой такой вид действия, или операции, — все равно, выполняется ли он человеком, животными, машинами или силами природы, — который направлен на то, чтобы вызвать какой-нибудь желаемый результат» (MacCulloch. Notes and Supplemental Dissertations to Smith's Wealth of Nations, vol. IV, стр. 75).

И это относится отнюдь не [только] к орудиям труда. По существу дела это в такой же степени относится и к сырью. Шерсть подвергается физическому действию, или физической операции, когда она впитывает красящее вещество. Вообще ни на какую вещь нельзя оказывать физического, механического, химического и т. п. действия с целью «вызвать какой-нибудь желаемый результат» без того, чтобы вещь не реагировала сама. Следовательно, она не может подвергаться обработке, не работая, не трудясь сама. И таким путем все товары, входящие в процесс производства, увеличивают стоимость не только тем, что сохраняется их собственная стоимость, но и тем, что они создают новую стоимость благодаря тому, что они сами «трудятся», а не только являются овеществленным трудом. Этим, конечно, устраняется всякая трудность. В сущности это только перифразирование, переименование сэевских «производительных услуг капитала», «производительных услуг земли» и т. д., против чего постоянно полемизирует Рикардо и против чего Мак, *mirabile dictu* *, полемизирует в том же самом «рассуждении» или «примечании», в котором он с важным видом преподносит свое заимствованное у Милля и разукрашен-

* — странно сказать. Ред.

ное им открытие. В полемике с Сэем Мак-Куллох охотно обращается к своим рикардианским реминисценциям и вспоминает, что эти «производительные услуги» в действительности суть только те свойства, которые вещи как *потребительные стоимости* обнаруживают в процессе производства. Но, конечно, когда он наделяет эти «производительные услуги» сакраментальным названием «*труд*», то все это сразу меняется.

[847] После того как Мак благополучно превратил товары в рабочие, само собой разумеется, что эти «рабочие» получают также заработную плату и что им, кроме их стоимости, которую они обладают как «накопленный труд», должна также уплачиваться еще и заработная плата за их «операции», или «действия». Эту заработную плату товаров [per] просига * прикармливают капиталисты, она есть «*заработная плата накопленного труда*», alias ** *прибыль* ***. И этим [по мнению Мак-Куллоха] доказано, что равная прибыль на равные капиталы, приводят ли они в движение много или мало труда, непосредственно следует из определения стоимости *рабочим временем*.

Удивительнее всего, как уже отмечено, то, что в тот самый момент, когда Мак, исходя из Милля, присваивает себе взгляды Сэя, он против того же Сэя бросает рикардовские фразы. Как дословно он списывает у Сэя, — с той только разницей, что там, где Сэй говорит о *действии*, он это действие называет *т р у д о м*, — лучше всего можно видеть по следующим выдержкам из Рикардо, где последний полемизирует против Сэя:

«Г-н Сэй... вменяет ему» (А. Смит) «в вину, как ошибку, то, что «он одному лишь труду человека приписывает способность производить стоимость. Более правильный анализ показывает нам, что стоимость своим существованием обязана действию труда, или, точнее, трудолюбия, человека в соединении с *действием тех сил*, которые доставляет природа, и с *действием капитала*. Незнакомство Смита с этим принципом помешало ему создать правильную теорию о влиянии машин на производство богатства»⁶⁶. В противоположность мнению Адама Смита, г-н Сэй... говорит о стоимости, придаваемой товарам силами природы» и т. д. ... «Но, хотя эти силы природы значительно увеличивают *потребительную стоимость*, они никогда не *добавляют* к товару *меновою стоимость*, о которой идет речь у г-на Сэя» (Ricardo. Principles of Political Economy. 3rd edition, стр. 334—336). «*Машины* и силы природы могут в весьма значительной мере увеличивать богатство страны, ... но ... они ничего не прибавляют к стоимости этого богатства» (там же, стр. 335, примечание) [Русский перевод, том I, стр. 235—236].

Рикардо, — подобно всем заслуживающим внимания экономистам, подобно А. Смиту (хотя один раз в припадке юмора

* — по уполномочию, по доверенности. *Ред.*

** — иначе говоря. *Ред.*

*** См. настоящее издание, часть III, стр. 189. *Ред.*

Смит называет быка производительным работником) *, — выдвигает труд, как *человеческую*, более того, как социально определенную *человеческую деятельность*, в качестве единственного источника стоимости. От других экономистов Рикардо отличается как раз той последовательностью, с какой он стоимость товаров трактует как всего лишь «воплощение» общественно определенного труда. Все эти экономисты более или менее, — Рикардо больше других, — понимают, что меновую стоимость *вещей* надо рассматривать как всего лишь выражение, специфическую общественную форму производственной деятельности людей, нечто *toto genere* ** отличное от вещей и их применения как вещей в производственном или непроизводственном потреблении. Стоимость для них есть в действительности лишь вещно выраженное отношение производственных деятельностей людей, различных видов их труда, друг к другу. Рикардо приводит против Сэя следующие слова Дестюта де Траси, которые, как он определенно заявляет, выражают и его, Рикардо, мнение:

«Так как не подлежит сомнению, что наши физические и духовные способности составляют наше единственное первоначальное богатство, то *применение этих способностей* (человеческих способностей), *труд того или иного рода*» (стало быть, труд как реализация *человеческих сил*), «есть наше единственное первоначальное сокровище, и только благодаря такому применению создаются все те вещи, которые мы называем богатством... Несомненно также, что все *эти в е щ и* и *представляют только труд, создавший их*, и что если они имеют *стоимость* или даже две различные стоимости, они могут получать их только от ... того труда, от которого они происходят» (Рикардо, цит. соч., стр. 334) [Русский перевод, том I, стр. 234].

Итак, товары, вообще вещи, обладают стоимостями только как *выражения* человеческого [848] труда — не поскольку они суть нечто сами по себе, как вещи, а поскольку они суть воплощения общественного труда.

И вот нашлись люди, осмелившиеся утверждать, будто жалкий Мак довел взгляды Рикардо до крайней степени заостренности, он, который в своем бездумном стремлении эклектически «использовать» рикардовскую теорию вперемешку с противоположными ей концепциями, *отождествляет ее принцип* и принцип всей политической экономии, *самый труд* как человеческую деятельность, притом общественно определенную человеческую деятельность, с теми физическими и т. п. действиями, которые свойственны товарам как *потребительным стоимостям*, как вещам! Он, который утрачивает само понятие труда!

* См. настоящее издание, часть I, стр. 257. Ред.

** — совершенно, принципиально. Ред.

Обнаглев благодаря «увертке» Милля, Мак-Куллох занимается списыванием у Сэя, вместе с тем полемизируя против него при помощи рикардовских фраз, и притом списывает как раз те фразы Сэя, которые Рикардо в 20-й главе «Стоимость и богатство» решительно оспаривает как в корне противоположные его собственным взглядам и взглядам Смита. (Рошер, конечно, повторяет, что Мак есть до крайности доведенный Рикардо ⁶⁷.) Только Мак еще более нелеп, чем Сэй, который «действие» огня, машин и т. д. не называет *трудом*. И более непоследователен. В то время как у Сэя «стоимость» создается ветром, огнем и т. д., Мак считает создающими стоимость только те потребительные стоимости, те вещи, которые могут быть монополизированы. Как будто ветер или пар или вода могут быть применены как двигательные силы без обладания ветряной мельницей, паровой машиной, водяным колесом! Как будто люди, имеющие в своем владении и монополизирующие те вещи, обладание которыми необходимо для применения сил природы, не монополизировали также и этих сил природы! Я могу иметь сколько угодно воздуха, воды и т. д. Но факторами производства они являются для меня только в том случае, если я имею те товары, те вещи, при употреблении которых они действуют как факторы производства. В этом отношении Мак стоит, стало быть, еще ниже Сэя.

Таким образом, в этой вульгаризации взглядов Рикардо перед нами полнейшее, скудоумнейшее разложение его теории.

«Поскольку, однако, этот результат» (результат, вызванный действием, или операцией, чего бы то ни было) «создан трудом, или действием, таких сил природы, которые не могут быть ни монополизированы, ни обращены в собственность большим или меньшим числом индивидуумов при исключении других, постольку он не имеет *никакой стоимости*. То, что выполняется этими силами природы, выполняется ими *бесплатно*» (*MacCulloch. Notes and Supplemental Dissertations to Smith's Wealth of Nations, vol. IV, стр. 75*).

Как будто то, что выполняется хлопком, шерстью, железом или машинами, не выполняется тоже «бесплатно». Машина стоит, действие машины не оплачивается. Никакая потребительная стоимость какого бы то ни было товара не стоит чего бы то ни было, после того как оплачена его меновая стоимость.

«Человек, продающий китовый жир, не требует никакой платы за его природные свойства. При оценке издержек производства китового жира он учитывает стоимость труда, примененного для добывания этого жира, и это и есть стоимость китового жира» (*Carey. Principles of Political Economy. Part the first. Philadelphia, 1837, стр. 47*).

Выступая против Сэя, Рикардо как раз подчеркнул, что действие, например, машины стоит не больше, чем действие ветра или воды:

«Услуги, которые... выполняют для нас силы природы и *м а ш и н ы*,... полезны нам... тем, что они увеличивают потребительную стоимость; но так как *они* выполняют свою работу *бесплатно*, то... помощь, которую они нам оказывают, ничего не прибавляет к *меновой стоимости*» (Рикардо, цит. соч., стр. 336—337) [Русский перевод, том I, стр. 236].

Мак, следовательно, не понял даже самых простых положений Рикардо. Но хитрец думает так: если потребительная стоимость хлопка, машин и т. д. *ничего* не стоит, если она не оплачивается особо, помимо их меновой стоимости, то эта потребительная стоимость, напротив, *продается* теми, кто применяет хлопок, машины и т. д., — они продают то, что им ничего не стоит.

[849] Грубое скудоумие этого молодца можно видеть из того, что, приняв «принцип» Сэя, он затем с большой напыщенностью излагает теорию земельной ренты при помощи весьма подробного списывания у Рикардо.

Так как земля есть такая «сила природы,.. которая монополизирована или обращена в собственность большим или меньшим числом индивидуумов при исключении других», то ее естественное вегетативное действие, *или* «труд», ее производительная сила, имеет *стоимость*, и таким образом рента объясняется производительной силой земли, как у физиократов. Этот пример ярко характеризует манеру Мака вульгаризировать взгляды Рикардо. С одной стороны, он списывает рассуждения Рикардо, имеющие смысл только на основе рикардовских предпосылок, а с другой стороны, он воспринимает от других (оставляя за собой только «номенклатуру» или небольшие изменения в воспринятом) прямое отрицание этих предпосылок. Он должен был бы сказать: «Рента есть заработная плата земли», прикарманиваемая земельными собственниками.

«Если капиталист затрачивает одинаковую сумму на уплату заработной платы рабочим, на содержание лошадей и на наем машин и если эти рабочие, лошади и машины могут выполнить *одно и то же количество работы*, то *ее* стоимость, *очевидно*, будет одна и та же независимо от того, выполнили ли ее рабочие, лошади или машины» (MacCulloch. Notes and Supplemental Dissertations to Smith's Wealth of Nations, vol. IV, стр. 77).

Другими словами, это означает: стоимость продукта соображается со стоимостью затраченного капитала. Это — та проблема, которую надо разрешить. Согласно Маку, формулирование проблемы, *очевидно*, и есть ее разрешение. Но так как, например, машина выполняет большее количество работы, чем вытесняемые ею рабочие, то еще более *очевидно*, что стоимость

продуктов машины, вместо того чтобы падать, должна была бы повыситься по сравнению со стоимостью продуктов тех рабочих, которые «выполняют ту же самую работу». Так как машина вырабатывает, быть может, 10 000 штук за то время, за которое рабочий вырабатывает одну штуку, и так как каждая штука имеет *одну и ту же стоимость*, то продукт машины должен был бы быть в 10 000 раз дороже, чем продукт рабочего.

Впрочем, в своем стремлении отличиться от Сэя, поскольку у него [в отличие от Сэя] создание *стоимости* приписывается не действию сил природы, а только действию монополизированных или произведенных трудом сил, Мак не в состоянии преодолеть словесное недержание и опять впадает в рикардианскую фразеологию. Так, например, он пишет:

«Труд ветра производит желаемое действие на корабль, производит в нем определенное изменение. Но *стоимость* этого изменения не увеличивается от действия, или труда, соответствующих сил природы и ни в какой степени не зависит от него; она зависит от *количества капитала* — или *продукта прошлого труда*, — принимавшего участие в производстве этого результата, точно так же как *издержки по размолу* пшеницы зависят не от действия ветра или воды, которые приводят в движение мельницу, а от количества капитала, *растраченного* при этой операции» (там же, стр. 79).

Здесь вдруг размол лишь постольку увеличивает стоимость пшеницы, поскольку капитал, «продукт прошлого труда», «растрачен» при операции размола, — следовательно, не потому, что жернов «трудится», а потому, что с «растрачиванием» жернова *растрачивается* также и содержащаяся в нем стоимость, воплощенный в нем труд.

После этих великолепных рассуждений Мак так резюмирует ту премудрость, которую он заимствовал у Милля и Сэя и благодаря которой он понятие стоимости приводит в согласие со всеми противоречащими ему явлениями:

«При обсуждении вопроса о *стоимости*... слово *труд* означает... или непосредственный труд человека, или *труд капитала*, произведенного человеком, или и то и другое» (там же, стр. 84).

Таким образом, под трудом [850] следует понимать труд человека, затем его накопленный труд и, наконец, *полезные применения* потребительных стоимостей, т. е. их проявляемые в потреблении (производственном) физические и т. п. свойства. Вне этих свойств потребительная стоимость есть ничто. Потребительная стоимость проявляет себя на деле только в потреблении. Итак: под меновой стоимостью продуктов труда нам предлагают понимать потребительную стоимость этих продуктов, ибо эта потребительная стоимость состоит лишь в ее *про-*

явлении на деле — или, как это называет Мак, в ее «труде» — при потреблении, будь это потребление производственное или непроизводственное. Но виды «операций», «действий» или «труда» потребительных стоимостей, равно как и их естественные меры, столь же различны, как и сами эти потребительные стоимости. Что же является тем единым началом, тем мерилом их, которое дает нам возможность сравнивать их между собой? [У Мак-Куллоха] оно создается общим словом «труд», которое подсовывается подо все эти совершенно различные проявления потребительных стоимостей после того, как самый труд был сведен к слову «операция» или «действие». К отождествлению потребительной стоимости и меновой стоимости — вот к чему, следовательно, приходит в конце концов эта вульгаризация взглядов Рикардо, которую мы поэтому должны рассматривать как последнее и самое грязное выражение разложения школы как школы.

«Прибыль на капитал есть лишь другое название для заработной платы накопленного труда» (MacCulloch. Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 291), —

т. е. другое название для заработной платы, уплачиваемой товарам за те услуги, которые они как *потребительные стоимости* оказывают в процессе производства.

Эта «заработная плата накопленного труда» имеет, впрочем, у г-на Мак-Куллоха еще и некоторый особый сокровенный смысл. Мы уже упомянули, что помимо его списываний у Рикардо, Милля, Мальтуса и Сэя, образующих основной фонд его произведений, сам он постоянно все снова перепечатывает и продает под различными названиями свой «накопленный труд», причем он всегда «многое заимствует» из того, за что уже раньше получил плату. Эта манера получать «заработную плату накопленного труда» была подробно разобрана уже в 1826 г. в одном специальном сочинении, а каких только дальнейших достижений на этом поприще получения заработной платы за накопленный труд не имеет Мак-Куллох за время с 1826 по 1862 год! ⁶⁸ (В качестве Фукидида Рошер присваивает себе также и эту жалкую фразу насчет «заработной платы накопленного труда» ⁶⁹.)

Упомянутое сочинение называется: *Mordecai Million. Some Illustrations of Mr M'Culloch's Principles of Political Economy. Edinburgh, 1826* ⁷⁰. Здесь показывается, каким способом наш пройдоха создал себе имя: $\frac{9}{10}$ он списывает у А. Смита, Рикардо и других авторов, а остальную $\frac{1}{10}$ постоянно списывает со своего собственного накопленного труда, «который он самым бесстыдным и отвратительным образом все снова и снова повторяет» [стр. 4]. Муллион, например, показывает, что Мак-Куллох

не только продает *одни и те же статьи* попеременно в «Edinburgh Review»⁷¹, в «Scotsman»⁷², в «Encyclopaedia Britannica»⁷³ как оригинальные «исследования», как новые работы, но что он, например, в журнале «Edinburgh Review» за разные годы *дословно* перепечатывает *одни и те же статьи*, лишь с некоторыми перестановками и под новыми вывесками. По этому поводу Муллион замечает об «этом невероятнейшем кропателе» [стр. 31], «этом экономнейшем из всех экономистов» [стр. 66]:

«Статьи г-на Мак-Куллоха так непохожи на небесные тела, как это только возможно, но в одном отношении они имеют сходство с небесными светилами — через определенные промежутки времени они *возвращаются*» (стр. 21).

Нет ничего удивительного в том, что Мак-Куллох верит в «заработную плату накопленного труда»!

Репутация г-на Мака показывает, как многого могут добиться своим бесстыдством этого рода пройдохи.

[850a] Каким образом Мак-Куллох эксплуатирует некоторые положения Рикардо для придания важности самому себе, — см. между прочим «Edinburgh Review» за *март 1824 г.* (эта мазня называется «Соображения о накоплении капитала»), где этот друг «заработной платы накопленного труда» раздражается настоящей иеремиадой по поводу падения нормы прибыли.

«Автор... так выражает те опасения, которые ему внушает *падение прибыли*»:

«Видимость процветания, которую являет Англия, обманчива; язва бедности незаметно поражает множество граждан, и основы мощи и величия страны поколеблены... Там, где норма процента низка, как это имеет место в Англии, норма прибыли тоже низка, и процветание страны уже перешло за свою высшую точку».

Эти утверждения не могут не изумить всякого, кто знает блестящее положение Англии» (*Prevost. Réflexions sur le système de Ricardo*, стр. 197).

Г-ну Маку не следовало бы беспокоиться по поводу того, что «земля» получает лучшую «заработную плату», чем «железо, кирпичи и т. д.». Причина, надо полагать, заключается в том, что она усерднее «трудится». [XIV — 850a]

* * *

[XV — 925] {Слепая свинья иногда тоже находит желудь. Нечто подобное произошло однажды и с Мак-Куллохом. Однако даже и тут, в том виде, в каком он это понимает, у него это всего лишь непоследовательность, так как он не проводит различия между прибавочной стоимостью и прибылью; а во-вторых, это опять-таки один из его бездумно эклектических плагиатов. Согласно таким парням, как Торренс, у которых стоимость

определяется капиталом, а также согласно Бейли, прибыль следует рассматривать в ее отношении к капиталу (авансированному). Эти парни, в отличие от Рикардо, не отождествляют прибыль с прибавочной стоимостью, — однако только потому, что они вообще не ощущают потребности объяснить прибыль на основе стоимости: они ту форму, в которой прибавочная стоимость проявляется на поверхности, — *прибыль* как отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, — принимают за первоначальную форму. Фактически они только облачают в слова ту форму, которая выступает на поверхности явлений.

Вот эти места из книги Мака, который 1) является рикардианцем и 2) списывает — без какого бы то ни было опосредствования — у противников Рикардо:

«Положение Рикардо о том, что повышение прибыли может быть вызвано только падением заработной платы, а падение прибыли только повышением заработной платы, верно только в тех случаях, где *производительность труда остается без изменений*» (MacCulloch. Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 373), — т. е. производительность труда в той отрасли производства, которая доставляет постоянный капитал.

«Прибыль зависит от того отношения, в котором она находится к производшему ее капиталу, а не от того отношения, в котором она находится к заработной плате. Если во всех отраслях производства произошло *всеобщее* удвоение производительности труда и если получаемое благодаря этому добавочное количество продукта делится между капиталистом и рабочими в прежней пропорции, то отношение между долей капиталиста и долей рабочих останется прежним, хотя *норма прибыли* по отношению к примененному капиталу повысится» (там же, стр. 373—374).

Даже и в этом случае, как замечает тот же Мак, можно было бы сказать, что *заработная плата* относительно упала по сравнению с продуктом, так как повысилась *прибыль*. (В этом случае, однако, именно повышение прибыли было бы причиной падения заработной платы.) Но такого рода расчет покоится на неправильном приеме исчисления заработной платы как доли в продукте, и мы уже видели выше, как на этом софистическом пути г-н Джон Стюарт Милль пытается обобщить рикардовский закон ⁷⁴.} [XV — 925]

5) УЭЙКФИЛД [ЧАСТИЧНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ТЕОРИИ РИКАРДО ПО ВОПРОСАМ О «СТОИМОСТИ ТРУДА» И О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ]

[XIV — 850a] Действительные заслуги Уэйкфилда в понимании капитала освещены выше в разделе о «*Превращении прибавочной стоимости в капитал*» ⁷⁵. Здесь мы коснемся только того, что непосредственно относится к «теме».

«Если рассматривать труд как товар, а капитал, продукт труда, как другой товар и если стоимости этих двух товаров регулируются одинаковыми количествами труда, то данное количество труда при всех обстоятельствах обменивалось бы на такое количество капитала, какое было произведено тем же количеством труда; *прошлый труд* всегда обменивался бы на то же самое количество *настоящего труда*. Но стоимость труда по отношению к другим товарам — по крайней мере, поскольку заработная плата зависит от дележа [продукта между капиталистом и рабочим], — определяется не одинаковыми количествами труда, а соотношением между предложением и спросом» (*Уэйкфилд*, примечание к стр. 230 в I томе его издания «Богатства народов» А. Смита, Лондон, 1835).

Таким образом, по Уэйкфилду, прибыль была бы необъяснимой, если бы оплачивалась *стоимость* труда.

Во II томе своего издания А. Смита Уэйкфилд замечает:

«Прибавочный продукт ⁷⁶ всегда образует ренту. Однако может уплачиваться и такая рента, которая не состоит из прибавочного продукта» (стр. 216).

«Если, как это имеет место в Ирландии, основная масса народа доводится до того, что она вынуждена питаться одной картошкой, жить в жалких лачугах, одеваться в лохмотья и за разрешение так жить должна отдавать всё, что эти люди могут произвести сверх лачуг, лохмотьев и картошки, то собственник земли, на которой они живут, получает тем больше, чем меньше то, чем они довольствуются, даже и тогда, когда валовой продукт капитала и труда при этом остается прежним. То, что отдают несчастные арендаторы, присваивает себе земельный собственник. Таким образом, понижение жизненного уровня земледельцев является еще одной причиной прибавочного продукта... Когда падает заработная плата, то это влияет на прибавочный продукт так же, как и понижение жизненного уровня земледельцев: при остающемся без изменения общем количестве валового продукта прибавочная его часть возрастает, производители получают меньше, а земельный собственник — больше» (стр. 220—221).

В этом случае прибыль называется *рентой*, совершенно так же, как она называется *процентом*, когда работник, как это бывает, например, в Индии, работает на ссуды от капиталиста (хотя сам он номинально и не зависит от капиталиста) и должен отдавать ему весь прибавочный продукт.

6) СТИРЛИНГ [ВУЛЬГАРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ПРИБЫЛИ КАПИТАЛИСТА СООТНОШЕНИЕМ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ И СПРОСОМ]

«Количество каждого товара должно регулироваться таким образом, чтобы предложение данного товара находилось в меньшем отношении к спросу на него, чем предложение труда к спросу на труд. Разность между ценой, или стоимостью, товара и ценой, или стоимостью, затраченного на него труда образует *прибыль*, или тот *избыток*, который Рикардо не может объяснить на основе своей теории» (*Stirling, Patrick James. The Philosophy of Trade, etc. Edinburgh, 1846, стр. 72—73*).

[851] Этот же автор говорит нам:

«Если стоимости товаров отнесутся друг к другу соответственно их издержкам производства, то это можно назвать *уровнем стоимости*» (там же, стр. 18).

Следовательно, если бы спрос и предложение труда соответствовали друг другу, то труд продавался бы по своей *стоимости* (чего бы Стирлинг ни представлял себе под этой стоимостью). А если бы спрос и предложение товара, на который затрачен труд, соответствовали друг другу, то товар продавался бы по своим *издержкам производства*, под которыми Стирлинг понимает *стоимость труда*. Цена товара в этом случае равна стоимости затраченного на него труда. А цена труда находится на уровне его собственной *стоимости*. Следовательно, цена товара равна цене затраченного на него труда. Следовательно, в этом случае не было бы никакой прибыли, или никакого избытка.

Итак, Стирлинг объясняет прибыль, или избыток, следующим образом:

Предложение труда по отношению к спросу на труд должно быть больше, чем предложение товара, на который затрачен труд, по отношению к спросу на этот товар. Дело должно быть устроено так, чтобы товар продавался дороже, чем оплачивается содержащийся в нем труд.

Это г-н Стирлинг называет объяснением явления избытка, между тем как это всего лишь перифразирование того, что подлежит объяснению. При ближайшем рассмотрении тут возможны только три случая. 1) Цена труда стоит на «уровне стоимости», т. е. соотношение между спросом и предложением труда таково, что цена труда равна его стоимости. Тогда товар должен продаваться *выше* своей стоимости, т. е. необходимо устроить так, чтобы предложение товара стояло *ниже* спроса на него. Это — чистейшей воды «*прибыль от отчуждения*», только с добавлением того условия, при котором она возможна. 2) Спрос на труд превышает его предложение, и цена труда превышает его стоимость. Тогда капиталист заплатил рабочему больше, чем стоит произведенный этим рабочим товар, и покупатель должен уплатить капиталисту двойной избыток: во-первых, тот, который капиталист вначале уплатил своему рабочему, а во-вторых, причитающуюся капиталисту прибыль. 3) Цена труда *ниже* его стоимости, предложение труда превышает спрос на труд. Тогда избыток получается оттого, что труд оплачивается *ниже* своей стоимости, а продается [в товаре] по своей *стоимости* или, по крайней мере, выше своей *цены*.

Если из рассуждений Стирлинга удалить содержащиеся в них нелепости, то избыток получается у Стирлинга оттого,

что труд покупается капиталистом *ниже* своей стоимости, а перепродается, в форме товара, *выше* своей цены.

Если два первых случая освободить от их смехотворной формы, предполагающей, что производитель должен «устроить» так, чтобы продавать свой товар выше его стоимости, или выше «уровня стоимости», то в них все сводится лишь к следующему: если спрос на какой-нибудь товар превышает его предложение, то *рыночная цена* поднимается *в ы ш е* стоимости. Это, конечно, не есть какое-либо новое открытие и объясняет лишь такой «избыток», который никогда не представлял ни малейшей трудности ни для Рикардо, ни для кого-либо другого. [XIV — 851]

7) ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ [БЕСПЛОДНЫЕ ПОПЫТКИ НЕПОСРЕДСТВЕННО ВЫВЕСТИ ИЗ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ РИКАРДОВСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОБРАТНОЙ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ МЕЖДУ НОРМОЙ ПРИБЫЛИ И ВЕЛИЧИНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ]

**[а) СМЕШЕНИЕ НОРМЫ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ
С НОРМОЙ ПРИБЫЛИ. ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ «ПРИБЫЛИ
ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ». ПУТАНАЯ КОНЦЕПЦИЯ
«АВАНСИРОВАННЫХ ПРИБЫЛЕЙ» КАПИТАЛИСТОВ]**

[VII — 319] В цитированном выше сочинении⁷⁷, которое по сути дела содержит все оригинальные идеи г-на Джона Стюарта Милля по вопросам политической экономии (в отличие от его объемистого компендиума⁷⁸), в четвертом «Очерке», озаглавленном «*О прибыли и проценте*», говорится:

«Орудия и сырье, подобно другим вещам, первоначально ничего кроме труда не стоили... Труд, затраченный на производство орудий и сырья, в соединении с тем трудом, который был затрачен позднее, чтобы при помощи орудий обработать сырье, дает всю сумму труда, затраченного на производство готового товара... *Поэтому возместить капитал означает не что иное, как возместить заработную плату, израсходованную на затраченный труд*» (J. St. Mill. Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. London, 1844, стр. 94).

Это уже само по себе неверно, ибо затраченный труд и выданная заработная плата отнюдь не тождественны. Наоборот, затраченный труд равен сумме заработной платы и прибыли. Возместить капитал означает возместить и оплаченный труд (заработную плату) и не оплаченный капиталистом, но продаваемый им труд (прибыль). Г-н Милль здесь смешивает «затраченный труд» и ту часть затраченного труда, за которую платит капиталист, применяющий этот труд. Это смешение само по

себе не очень-то говорит в пользу его понимания рикардовской теории, от имени которой он выступает.

Относительно постоянного капитала надо еще мимоходом заметить следующее: хотя каждая часть постоянного капитала сводится к прошлому труду и поэтому можно себе вообразить, что в какое-то время он представлял прибыль или заработную плату или и ту и другую вместе, но как только этот постоянный капитал образовался, одна из частей его уже не может больше сводиться ни к прибыли, ни к заработной плате (например, семена и т. п.).

Милль не отличает прибавочной стоимости от прибыли. Поэтому он заявляет, что *норма прибыли* (это верно для прибавочной стоимости, уже превращенной в прибыль) равняется отношению цены продукта к цене затраченных на него средств производства (включая труд) (см. там же, стр. 92—93). И в то же время Милль хочет вывести законы *нормы прибыли* непосредственно из рикардовского закона о том, что «прибыль зависит от заработной платы, повышаясь по мере падения заработной платы и падая по мере повышения заработной платы» [там же, стр. 94], — из этого рикардовского положения, в котором Рикардо смешивает прибавочную стоимость и прибыль.

Г-ну Миллю самому не вполне ясен даже тот *вопрос*, который он старается разрешить. Поэтому мы дадим краткую формулировку его вопроса, прежде чем заслушать его ответ. Норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости ко *всей сумме* авансированного капитала (постоянный капитал и переменный капитал, вместе взятые), тогда как сама прибавочная стоимость есть избыток того количества труда, которое рабочий выполняет, над тем количеством труда, которое ему авансировано в виде заработной платы; т. е. прибавочная стоимость рассматривается лишь по отношению к переменному, или затраченному на заработную плату, капиталу, а не ко всему капиталу. Поэтому норма прибавочной стоимости и норма прибыли представляют собой две различные нормы, хотя сама прибыль есть только *sub certa specie* * рассматриваемая прибавочная стоимость. Относительно нормы прибавочной стоимости правильно утверждение, что она «зависит» исключительно «от заработной платы, повышаясь по мере падения заработной платы и падая по мере повышения заработной платы». (Относительно суммы прибавочной стоимости это утверждение было бы неверно, так как она в одно и то же время зависит не только от той нормы, в какой присваивается прибавочный труд каждого из рабочих, но также

* — под определенным углом зрения. *Ред.*

и от числа одновременно эксплуатируемых рабочих.) Так как норма прибыли есть отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала, то она, конечно, затрагивается и определяется падением или повышением прибавочной стоимости, т. е. повышением или падением заработной платы; но кроме этого определения норма прибыли включает в себе еще и такие определения, которые [320] от повышения или падения заработной платы не зависят и не могут быть непосредственно сведены к нему.

Г-н Джон Стюарт Милль, который, с одной стороны, *непосредственно* отождествляет вместе с Рикардо прибыль и прибавочную стоимость, а с другой стороны (в полемике против антирикардианцев), понимает *норму прибыли* не в рикардовском смысле, а в ее настоящем смысле, как *отношение* прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала (переменного плюс постоянный), мучительно старается доказать, что норма прибыли *непосредственно* определяется законом, определяющим прибавочную стоимость и сводящимся просто-напросто к тому, что чем меньше та часть, которую рабочий присваивает самому себе из своего рабочего дня, тем больше та часть, которая достается капиталисту, и *vice versa* *. Мы рассмотрим теперь эти его мучительные старания, в которых хуже всего то, что ему самому не ясно, какую собственно проблеме он хочет разрешить. Если бы он правильно формулировал самую проблему, то он не мог бы дать *такого рода* ошибочное разрешение ее.

Итак, Милль говорит:

«Хотя верно, что орудия, сырые материалы и здания сами являются продуктом труда., все же *всю сумму* их стоимости нельзя свести к заработной плате тех рабочих, которыми они были произведены». {Выше он говорил: возмещение капитала означает возмещение заработной платы.} «Необходимо включить в расчет еще ту прибыль, которая получена капиталистами на выданную ими заработную плату. Из готового продукта капиталист, производящий этот готовый продукт, должен возместить не только *ту заработную плату*, которая выплачена им самим и капиталистом, производшим орудия труда, но также и прибыль производителя орудий, которую производитель готового продукта уплатил производителю орудий труда из своего собственного капитала» (там же, стр. 98). «*Прибыль*», следовательно, «представляет не только *избыток*, остающийся [у производителя готового продукта] после возмещения издержек; она входит также и в самые издержки. Капитал [производителя готового продукта] затрачивается частью на выдачу или возмещение заработной платы, а частью на уплату прибылей других капиталистов, содействие которых было необходимо для получения средств производства» (стр. 98—99). «Поэтому тот или иной предмет может представлять собой *продукт такого же количества труда, как и прежде*, и всё же его издержки производства

* — наоборот. *Ред.*

уменьшаются, если оказывается возможным сэкономить какую-нибудь часть той прибыли, которую последний производитель должен уплатить предшествующим производителям... Тем не менее остается правильным утверждение, что норма прибыли изменяется в обратном отношении к издержкам производства заработной платы» (стр. 102—103).

Мы здесь, конечно, всегда исходим из предположения, что цена товара равняется его стоимости. На этой основе ведет свое исследование и сам г-н Милль.

Прежде всего необходимо заметить, что в приведенном только что рассуждении Милля прибыли очень похожи на «прибыли от отчуждения». Но не будем останавливаться на этом. Нет ничего более ошибочного, чем утверждение, что тот или иной предмет (если он продается по его *стоимости*) может «представлять собой продукт такого же количества труда, как и прежде», а «его издержки производства» вместе с тем благодаря какому-нибудь обстоятельству могут «уменьшиться». {Это было бы возможно только в установленном впервые мною смысле, т. е. в смысле различия между [действительными] издержками производства предмета и [его] издержками производства [для] капиталиста, поскольку последний за часть этих издержек производства не платит ⁷⁹. В этом случае действительно верно, что капиталист так же получает свою прибыль благодаря неоплаченному прибавочному труду своих собственных рабочих, как он ее может получить и благодаря тому, что он *недоплачивает* тому капиталисту, который ему доставляет его постоянный капитал; т. е. не уплачивает этому капиталисту части содержащегося в его товаре и не оплаченного этим капиталистом прибавочного труда (который именно поэтому и образует его прибыль). Это всегда сводится к тому, что он оплачивает товар *ниже* его стоимости. Норма прибыли (т. е. отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала) может повышаться как благодаря тому, что то же количество авансированного капитала становится объективно дешевле (в результате роста производительности труда в тех отраслях производства, где производится постоянный капитал), так и благодаря тому, что оно становится субъективно дешевле для покупателя, который оплачивает это количество капитала *ниже* его стоимости. Для покупателя оно всегда является в этом случае результатом меньшего количества труда.}

[321] В приведенном выше месте Милль высказывает прежде всего ту мысль, что *постоянный капитал* того капиталиста, который производит готовый товар, сводится не только к заработным платам, но также и к прибылям. Ход мыслей у Милля при этом таков:

Если бы авансированный последним капиталистом постоянный капитал сводился только к заработным платам, то прибыль представляла бы собой избыток, остающийся у него после возмещения всех заработных плат, из которых состояла бы вся сумма авансированного капитала {а все (оплаченные) издержки, авансированные на производство готового продукта, сводились бы к заработным платам}. Стоимость всего авансированного капитала была бы равна стоимости всех заработных плат, содержащихся в продукте. Прибыль составляла бы избыток над этой суммой. А так как норма прибыли равняется отношению этого избытка к стоимости всего авансированного капитала, то эта норма очевидно повышалась бы или падала в зависимости от стоимости всего авансированного капитала, т. е. от *стоимости заработных плат*, совокупность которых составляет авансированный капитал. {Сам этот довод по сути дела нелеп, если рассматривать *общее* отношение прибыли и заработной платы. Ведь г-ну Миллю только надо было бы из всего совокупного продукта выделить на одну сторону ту часть, которая сводится к прибылям (безразлично, уплачиваются ли они *последнему* или предшествующим капиталистам, участвовавшим в производстве товара), а на другую сторону — ту часть, которая сводится к заработной плате; тогда сумма прибылей по-прежнему равнялась бы избытку над стоимостью суммы заработных плат, и рикардовское «обратное отношение» могло бы иметь силу непосредственно для нормы прибыли. Однако неверно, что сумма всего авансированного капитала сводится к прибыли и заработной плате.} Но авансированный последним капиталистом капитал сводится не только к заработным платам, а и к авансированным прибылям. Следовательно, прибыль последнего капиталиста является избытком не только над авансированными заработными платами, но также и над авансированными прибылями. Таким образом, *норма прибыли* определяется не одним только избытком над заработной платой, а остающимся у последнего капиталиста избытком над суммой заработных плат и прибылей, совокупность которых, согласно предположению, составляет весь авансированный капитал. Следовательно, эта норма может, очевидно, изменяться не только вследствие повышения или падения заработных плат, но также и вследствие повышения или падения прибыли. И если бы мы оставили в стороне то изменение нормы прибыли, которое проистекает из повышения или падения заработных плат; если бы мы предположили, — а ведь это нередко встречается на практике, — что стоимость заработных плат (т. е. их издержки производства, содержащееся в них рабочее время) осталась

прежней, не изменилась, то, следуя за г-ном Миллем, мы пришли бы к великолепному закону, что повышение и падение нормы прибыли зависит от повышения и падения прибыли.

«Издержки производства предмета уменьшаются, если оказывается возможным сэкономить какую-нибудь часть той прибыли, которую последний производитель должен уплатить предшествующим производителям».

Это, в сущности, очень правильно. Предположим, что ни одна часть прибыли предшествующих производителей не представляла собой простую накидку, *profit upon alienation* *, как говорит Джемс Стюарт. Тогда всякая экономия на той или другой «части прибыли» {поскольку такая экономия не достигается тем, что последующий производитель надувает предшествующего производителя, т. е. не уплачивает ему всей содержащейся в его товаре стоимости} является экономией в том количестве труда, которое требуется для производства товара. {Мы здесь оставляем в стороне ту прибыль, которая уплачивается, например, за время, когда капитал лежит без употребления в период производства, и т. д.} Если, скажем, раньше требовалось два дня, чтобы доставить сырой материал, например уголь, от шахты к фабрике, а теперь для этого требуется только один день, то один рабочий день «сэкономлен»; но это относится как к той части его, которая сводится к прибыли, так и к той части, которая сводится к заработной плате.

После того как г-н Милль самому себе выяснил, что норма *избытка* у последнего капиталиста или вообще норма прибыли зависит не только от непосредственного отношения между заработной платой и прибылью, но и от отношения последней прибыли или прибыли каждого определенного капиталиста к стоимости всего авансированного капитала, которая равна сумме (затраченного на заработные платы) переменного капитала плюс постоянный капитал, что, другими словами, [322] норма прибыли определяется не только отношением прибыли к той части капитала, которая затрачивается на заработную плату, т. е. не только издержками производства заработной платы, или стоимостью заработной платы, — он продолжает:

«Тем не менее остается правильным утверждение, что норма прибыли изменяется в обратном отношении к издержкам производства заработной платы».

Хотя это и неправильно, «тем не менее остается правильным»...

* — прибыль от отчуждения. Ред.

Иллюстрация, которую в связи с этим дает Милль, может служить классическим примером характерной для политико-экономов манеры иллюстрирования, и это тем более поразительно, что автор этой иллюстрации написал также и книгу по логике⁸⁰.

«Предположим, например, что 60 сельскохозяйственных рабочих, которые в качестве заработной платы получают 60 кварталов хлеба, употребляют основной капитал и семена, стоимость которых равняется тоже 60 квартерам, и что продукт их операций равен 180 квартерам. Если норма прибыли составляет 50%, то семена и орудия, использованные для производства 180 кварталов хлеба, должны быть продуктом труда 40 рабочих, ибо заработная плата этих 40 рабочих вместе с прибылью их нанимателя составляет 60 кварталов. *Поэтому, если продукт состоит из 180 кварталов, то он является результатом труда в общей сложности 100 рабочих.*

Предположим теперь, что при том же труде 100 рабочих *благодаря какому-либо изобретению отпала надобность в каком бы то ни было основном капитале и семенах.* Результат в 180 кварталов раньше можно было получить только при затрате 120 кварталов; теперь его можно получить при затрате всего лишь 100 кварталов.

180 кварталов хлеба по-прежнему представляют собой результат того же количества труда, труда 100 рабочих. Поэтому один квартал хлеба по-прежнему является продуктом годового труда $\frac{10}{18}$ рабочего. Ибо *один квартал хлеба, являющийся вознаграждением одного рабочего, представляет собой в действительности продукт того же количества труда, что и раньше.* Тем не менее, однако, издержки его производства уменьшились. Теперь один квартал хлеба представляет собой продукт годового труда $\frac{10}{18}$ рабочего и ничего больше, тогда как раньше для его производства требовалось соединение этого количества труда с затратой, возмещающей прибыль [предшествовавшего капиталиста], что составляло на $\frac{1}{5}$ больше. Если бы издержки производства заработной платы остались прежними, то прибыль не могла бы повыситься. Каждый рабочий получал раньше 1 квартал хлеба; но 1 квартал хлеба раньше был результатом тех же издержек производства, что $\frac{11}{5}$ квартала теперь. Поэтому, для того чтобы каждый рабочий получал прежние издержки производства, каждый должен был бы иметь 1 квартал хлеба плюс $\frac{1}{5}$ квартала» (цит. соч., стр. 99—103).

«Итак, если предположить, что рабочему платят тем же продуктом, который он производит, то ясно, что когда имеет место какая-нибудь экономия в затратах на производство этого продукта, а рабочий по-прежнему получает те же издержки производства, что и раньше, то ему необходимым образом достается большее количество продукта, увеличившееся соответственно росту производительной силы капитала. Но если это так, то затрата капиталиста будет находиться в таком же точно отношении к получаемому им продукту, как и прежде, и прибыль не повысится. Поэтому изменения нормы прибыли и изменения издержек производства заработной платы идут рука об руку и являются неотделимыми друг от друга. Следовательно, положение Рикардо, что прибыль может повышаться только при одновременном падении заработной платы, совершенно правильно, если под низкой заработной платой подразумевать не одну только такую заработную плату, которая является продуктом меньшего количества труда, но и такую заработную плату, которая произведена с меньшими издержками, включая в эти издержки также и прибыли предшествующих капиталистов» (там же, стр. 104).

Относительно этой великолепной иллюстрации заметим прежде всего следующее: в ней предполагается, что благодаря некоторому изобретению хлеб производится без семян (сырья) и без основного капитала; фабрикуется без сырья и без орудий труда, т. е. из воздуха, воды и земли голыми руками. [323] Под этим нелепым предположением скрывается не что иное, как предположение, что продукт производится *без постоянного капитала*, т. е. только вновь присоединенным трудом. В этом случае, конечно, доказано то, что подлежало доказательству, а именно, что прибыль и прибавочная стоимость тождественны, что, следовательно, и норма прибыли зависит *только* от отношения прибавочного труда к необходимому труду. Между тем затруднение возникло именно в результате того, что, поскольку прибавочная стоимость имеет отношение [не только к переменной части капитала, но и] к постоянной части капитала, — а это отношение мы и называем нормой прибыли, — норма прибавочной стоимости и норма прибыли отличаются друг от друга. Таким образом, если мы предположим, что постоянный капитал равен нулю, то затруднение, возникшее в результате существования постоянного капитала, будет у нас устранено тем, что мы отвлеклись от существования этого постоянного капитала. Другими словами, мы устранили затруднение тем, что *предположили его несуществующим*. Probatum est *.

Теперь мы дадим правильную формулировку проблемы, или миллевской иллюстрации проблемы.

В первом предположении мы имеем:

Постоянный капитал (основной капитал и семена)	Переменный капитал (капитал, затраченный на заработную плату)	Совокупный продукт	Прибыль
60 кварталов	60 кварталов (60 рабочих)	180 кварталов	60 кварталов

В этом примере предполагается, что присоединенный к постоянному капиталу труд равен 120 квартерам. А так как каждый квартал составляет заработную плату за один рабочий день (или за рабочий год одного рабочего, который можно рассматривать как один рабочий день, состоящий из 365 рабочих дней), то 180 кварталов совокупного продукта содержат лишь 60 рабочих дней [вновь присоединенного труда], из которых 30 возмещают заработную плату рабочих и 30 составляют прибыль. Мы, следовательно, предполагаем в действительности, что один рабочий день овеществляется в двух

* — Это испытанный прием. Ред.

квартирах; поэтому 60 рабочих овеществляют свои 60 рабочих дней в 120 квартирах, из которых 60 составляют их заработную плату и 60 образуют прибыль. Другими словами, рабочий половину рабочего дня работает на себя, для возмещения заработной платы, и половину — на капиталиста, создавая тем самым прибавочную стоимость для капиталиста. Поэтому норма прибавочной стоимости составляет здесь 100%, а не 50%. Но так как переменный капитал составляет лишь половину всего авансированного капитала, то норма прибыли выражается отношением не 60 кварталов к 60 квартирам, а 60 к 120; следовательно, она равна не 100%, а лишь 50%. Если бы постоянная часть капитала была равна нулю, то весь авансированный капитал состоял бы только из 60 кварталов, только из капитала, авансированного на заработную плату и равного 30 рабочим дням; прибыль и прибавочная стоимость, а следовательно также и их нормы, были бы тождественны. Прибыль составляла бы тогда 100%, а не 50%. Два квартала хлеба были бы продуктом одного рабочего дня, а 120 кварталов — продуктом 60 рабочих дней, хотя только один квартал хлеба составлял бы заработную плату за один рабочий день и только 60 кварталов хлеба — заработную плату за 60 рабочих дней. Другими словами, рабочий получал бы лишь половину (50%) своего продукта, между тем как капиталист получал бы вдвое больше своих затрат, т. е. 100% прибыли.

Ну а как обстоит дело с *постоянным капиталом* в 60 кварталов? Они также представляют собой продукт 30 рабочих дней. Если предположить, что в этом постоянном капитале элементы его производства находятся в таком же отношении друг к другу, какое предполагалось выше, т. е. что $\frac{1}{3}$ его состоит из постоянного капитала, а $\frac{2}{3}$ из вновь присоединенного труда, что, далее, нормы прибавочной стоимости и прибыли здесь опять-таки те же, то мы получим следующий расчет:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Совокупный продукт	Прибыль
20 кварталов	20 кварталов	60 кварталов	20 кварталов
	(заработная плата 20 рабочих)		

Норма прибыли снова составляет здесь 50%, норма прибавочной стоимости 100%. Совокупный продукт является [324] продуктом 30 рабочих дней, но из них 10 рабочих дней (равных 20 кварталам) представляют прошлый труд (постоянный капитал), а 20 рабочих дней — вновь присоединенный труд 20 рабочих, из которых каждый в качестве заработной платы получает, однако, лишь половину своего продукта. Два квартала по-

прежнему являются продуктом труда одного рабочего, хотя один квартал по-прежнему составляет плату за труд одного рабочего и один квартал образует прибыль капиталиста, который присваивает себе половину труда рабочего.

Те 60 кварталов, которые были прибавочной стоимостью капиталиста, производящего готовый продукт, составляли норму прибыли в 50%, так как эти 60 кварталов прибавочной стоимости исчислялись не только на 60 кварталов, авансированных на заработную плату, но также и на 60 кварталов, авансированных на семена и основной капитал, т. е. всего на 120 кварталов.

Таким образом, если Милль принимает, что прибыль капиталиста, произведшего семена и основной капитал общей стоимостью в 60 кварталов, тоже равна 50%, если он, далее, предполагает, что между постоянным и переменным капиталом здесь существует такое же отношение, как и при производстве 180 кварталов хлеба, то он должен был бы сказать, что у производителей постоянного капитала прибыль равна 20 кварталам, заработная плата — 20 кварталам и постоянный капитал — 20 кварталам. Так как заработная плата равна одному кварталу, то 60 кварталов содержат 30 рабочих дней, подобно тому как 120 кварталов содержат 60 рабочих дней.

Но что говорит Милль?

«Если норма прибыли составляет 50%, то семена и орудия, использованные для производства 180 кварталов хлеба, должны быть продуктом труда 40 рабочих, ибо заработная плата этих 40 рабочих вместе с прибылью их нанимателя составляет 60 кварталов».

У первого капиталиста, который применял 60 рабочих, получавших по 1 кварталу в день (таким образом, на заработную плату капиталист этот затрачивал 60 кварталов), и который, далее, 60 кварталов затрачивал на постоянный капитал, 60 рабочих дней овеществлялись в 120 кварталах; но рабочие получали из них в качестве заработной платы только 60 кварталов. Другими словами, заработная плата составляла лишь половину продукта труда 60 рабочих. Следовательно, 60 кварталов постоянного капитала были равны продукту труда всего лишь 30 рабочих; если они состояли только из прибыли и заработной платы, то заработная плата составляла 30 кварталов и прибыль 30 кварталов; следовательно, заработная плата равнялась труду 15 рабочих, и прибыль тоже. Но если прибыль составляет лишь 50%, то это получается оттого, что, согласно предположению, из 30 дней, содержащихся в 60 кварталах постоянного капитала, 10 дней приходятся на прошлый труд (постоянный

капитал) и только 10 дней сводятся к заработной плате. Итак, 10 дней содержатся в постоянном капитале, 20 — это вновь присоединенные рабочие дни, из которых, однако, рабочие только 10 дней работают на себя и 10 на капиталиста. Но г-н Милль утверждает, что эти 60 кварталов являются продуктом труда 40 рабочих, тогда как раньше 120 кварталов были продуктом труда 60 рабочих. Раньше один квартал содержал в себе половину рабочего дня (хотя он составлял плату за целый рабочий день), а теперь половине рабочего дня были бы равны $\frac{3}{4}$ квартала. Между тем та $\frac{1}{3}$ продукта (60 кварталов), которая затрачена на постоянный капитал, имеет точно такую же стоимость, т. е. содержит столько же рабочего времени, как и всякая другая $\frac{1}{3}$ продукта. Если бы г-н Милль захотел весь постоянный капитал в 60 кварталов свести к заработной плате и прибыли, то это *нисколько* не изменило бы того количества рабочего времени, которое в нем содержится. В нем содержалось бы по-прежнему 30 рабочих дней; но прибыль и прибавочная стоимость совпали бы, так как здесь не надо было бы возмещать постоянный капитал. Прибыль составляла бы, следовательно, 100%, а не 50%, как раньше. Раньше прибавочная стоимость составляла тоже 100%; но прибыль составляла тогда только 50%, — как раз в результате того, что в исчисление прибыли входит и постоянный капитал.

Здесь, таким образом, перед нами двоякого рода ошибочный прием г-на Милля.

Что касается первых 180 кварталов, то там трудность заключалась в том, что прибавочная стоимость и прибыль не совпадали, ибо 60 кварталов прибавочной стоимости надо было исчислять не только на 60 кварталов (на ту часть совокупного продукта, которая равна заработной плате), а [325] на 120 кварталов, т. е. на постоянный капитал в 60 кварталов плюс заработная плата в 60 кварталов. Прибавочная стоимость составляла поэтому 100%, а прибыль лишь 50%. Г-н Милль устраняет эту трудность для тех 60 кварталов, из которых состоит постоянный капитал: он предполагает, что здесь весь продукт делится между капиталистом и рабочими, т. е. что в создании постоянного капитала, состоящего из семян и орудий труда общей стоимостью в 60 кварталов, никакой постоянный капитал не участвует. То обстоятельство, которое надо было объяснить для капитала I, *заранее предполагается* отпавшим для капитала II, и тем самым исчезает сама проблема.

Во-вторых, после того как Милль предположил, что в стоимость 60 кварталов, составляющих постоянный капитал для I, входит лишь [непосредственный] труд, что там нет *прошлого*

труда, нет постоянного капитала, что, следовательно, прибыль и прибавочная стоимость — а значит, также и норма прибыли и норма прибавочной стоимости — совпадают, что между ними нет никакого различия, он потом, наоборот, предполагает, что *между ними имеет место различие*, как в случае I, и потому прибыль, как в случае I, составляет всего лишь 50%. Если бы в случае I треть продукта не состояла из постоянного капитала, то прибыль совпадала бы с прибавочной стоимостью. Совокупный продукт состоял бы лишь из 120 кварталов, равных 60 рабочим дням, из которых 30 получили бы рабочие (= 60 кварталам) и 30 — капиталист (= 60 кварталам). Норма прибыли равнялась бы норме прибавочной стоимости — 100%. В действительности она составляла 50%, потому что 60 кварталов прибавочной стоимости исчислялись не на 60 кварталов (заработная плата), а на 120 кварталов (заработная плата, семена и основной капитал). В случае II Милль предполагает, что производство совершается без какого бы то ни было постоянного капитала. Он предполагает также, что заработная плата здесь та же, т. е. один квартал. И тем не менее он думает, что прибыль и прибавочная стоимость здесь отличаются друг от друга, т. е. что прибыль составляет лишь 50%, хотя прибавочная стоимость достигает 100%. Фактически Милль предполагает, что те 60 кварталов, которые составляют эту треть совокупного продукта, содержат в себе больше рабочего времени, чем другая треть совокупного продукта; что эти 60 кварталов являются продуктом 40 рабочих дней, между тем как остальные 120 кварталов были продуктом только 60 рабочих дней.

Но в действительности здесь проглядывает старое заблуждение относительно «прибыли от отчуждения», которая не находится ни в какой связи с содержащимся в продукте рабочим временем, а также и с рикардовским определением стоимости. А именно, Милль предполагает, что заработная плата, которую один рабочий получает за один рабочий день, равна продукту его рабочего дня, или содержит столько рабочего времени, сколько он работает. Если в качестве заработной платы выплачивается 40 кварталов и прибыль равна 20 кварталам, то выплаченные в качестве заработной платы 40 кварталов содержат 40 рабочих дней. Плата за 40 рабочих дней равна продукту 40 рабочих дней. Если на 60 кварталов совокупного продукта приходится 50%, или 20 кварталов, прибыли, то отсюда следует, что 40 кварталов равны продукту труда 40 рабочих, так как согласно предположению 40 кварталов образуют заработную плату и 1 рабочий получает 1 квартал в день. Откуда же получают остальные 20 кварталов? Указанные 40 рабочих работают

40 рабочих дней, так как они получают 40 кварталов. Следовательно, 1 квартал представляет собой продукт 1 рабочего дня. 40 рабочих дней производят поэтому только 40 кварталов и ни одного бушеля сверх этого. Откуда же берутся те 20 кварталов, которые образуют прибыль? В основе этого примера Милля лежит старое заблуждение относительно «прибыли от отчуждения», т. е. чисто номинального повышения цены продукта за пределы его стоимости. Но здесь, где стоимость представлена не в деньгах, а в соответственной части самого продукта, эта «прибыль от отчуждения» выступает как *абсолютно нелепая* и невозможная. Нетрудно себе представить, что если 40 кварталов хлеба составляют продукт труда 40 рабочих, получающих каждый по 1 кварталу заработной платы в день (или год), т. е. получающих в качестве заработной платы *весь свой продукт*, и если 1 квартал хлеба, будучи выражен в деньгах, равен 3 ф. ст., а 40 кварталов равны 120 ф. ст., то капиталист, продавая эти 40 кварталов за 180 ф. ст., получает 60 ф. ст. прибыли, т. е. 50% прибыли (60 ф. ст. = 20 кварталам хлеба). Но это представление приводит само себя к полному абсурду, когда утверждается, что капиталист из 40 кварталов хлеба, которые произведены его 40 рабочими в течение 40 рабочих дней и за которые он выплачивает 40 кварталов заработной платы, продает 60 кварталов. В его руках находятся только 40 кварталов, а *продает* он 60 кварталов, т. е. на 20 кварталов больше того количества, которое у него имеется для продажи.

[326] Итак, в первую очередь Милль пытается рикардовский закон (а именно, ошибочный рикардовский закон, смешивающий прибавочную стоимость и прибыль) доказать при помощи следующих милых предположений:

1) Предполагается, что капиталист, производящий постоянный капитал, сам не нуждается ни в каком постоянном капитале; таким образом, Милль *этим своим предположением устраняет* и всю ту трудность, которая вносится постоянным капиталом.

2) Предполагается, что и при отсутствии постоянного капитала то различие между прибавочной стоимостью и прибылью, которое вносится постоянным капиталом, тем не менее продолжает существовать, хотя здесь нет никакого постоянного капитала.

3) Предполагается, что капиталист, производящий 40 кварталов пшеницы, может продать 60 кварталов пшеницы, так как его совокупный продукт продается, в качестве постоянного капитала, другому капиталисту, постоянный капитал которого равен 60 кварталам, и так как капиталист № 2 на эти 60 кварталов получает 50% прибыли.

Последняя нелепость сводится к представлению о «прибыли от отчуждения», которое здесь выступает как столь абсурдное только потому, что не номинальная стоимость, выраженная в деньгах, а та или иная часть самого проданного продукта должна образовать прибыль. Тем самым, стало быть, г-н Милль, желая защитить Рикардо, отсекся от его основного воззрения и оказался далеко позади Рикардо, А. Смита и физиократов.

Первая попытка Милля защитить рикардовское учение состоит, следовательно, в том, что он его с самого же начала опрокидывает, а именно опрокидывает тот его основной принцип, что прибыль составляет только часть стоимости товара, т. е. только ту часть содержащегося в товаре рабочего времени, которую капиталист в своем продукте продает, *но* за которую он рабочему *не заплатил*. По Миллю, капиталист оплачивает рабочему весь его рабочий день и тем не менее получает прибыль.

Посмотрим, как Милль оперирует далее.

Он предполагает, что в результате некоего изобретения отпадает необходимость при производстве хлеба употреблять семена и земледельческие орудия; т. е. согласно этому его предположению отпадает необходимость в постоянном капитале для последнего капиталиста, как это уже было предположено у Милля для производителя первых 60 кварталов, приходящихся на семена и на основной капитал. Теперь Милль должен был бы рассуждать следующим образом:

Капиталист I не должен теперь затрачивать 60 кварталов на семена и основной капитал, так как мы заявили, что его постоянный капитал равен нулю. Он должен, следовательно, затратить лишь 60 кварталов на заработную плату 60 рабочих, которые работают в течение 60 рабочих дней. Продукт этих 60 рабочих дней равняется 120 квартерам. Рабочие получают лишь 60 кварталов. Следовательно, капиталист получает 60 кварталов прибыли, т. е. 100%. Его норма прибыли в точности равна норме прибавочной стоимости, т. е. в точности равна [отношению] того рабочего времени, в течение которого рабочие работали не на себя, а на капиталиста, [к тому рабочему времени, в течение которого они работали на себя]. Они проработали 60 дней. Они производят 120 кварталов и получают 60 кварталов в качестве заработной платы. Они, следовательно, получают в качестве заработной платы продукт 30 рабочих дней, хотя они работали 60 дней. То количество рабочего времени, в которое обходятся 2 квартера, по-прежнему равно 1 рабочему дню. *Оплаченный* капиталистом рабочий день по-прежнему равен 1 квартеру, т. е. половине проработанного рабочего дня. Продукт уменьшился на $\frac{1}{3}$, со 180 кварталов до 120; и тем не менее

норма прибыли повысилась на 50 пунктов, а именно с 50% до 100%. Почему? Из 180 кварталов $\frac{1}{3}$ возмещала исключительно только затрату на постоянный капитал и, следовательно, не входила ни в прибыль, ни в заработную плату. С другой стороны, те 60 кварталов, которые рабочие произвели для капиталиста (те 30 рабочих дней, которые рабочие проработали на капиталиста), *исчислялись* не на 60 кварталов, затраченных на заработную плату (не на 30 рабочих дней, которые рабочие проработали на самих себя), а на 120 кварталов (60 рабочих дней), затраченных на заработную плату, семена и основной капитал. Поэтому, хотя из 60 дней рабочие работали 30 на себя и 30 на капиталиста и хотя затрата капиталиста на заработную плату в 60 кварталов давала ему 120 кварталов продукта, его норма прибыли была не 100%, а только 50%, так как исчислялась она *иначе*: в одном случае на 2×60 , а в другом случае на 60. Прибавочная стоимость [327] в обоих случаях одна и та же, однако норма прибыли неодинакова.

А как подходит к этому вопросу Милль?

Он не предполагает, что капиталист [после внедрения изобретения, позволяющего обходиться без постоянного капитала] при затрате 60 кварталов получает 120 кварталов (из 60 рабочих дней присваивает себе 30); согласно его предположению, капиталист применяет теперь 100 рабочих, которые доставляют ему 180 кварталов, причем все время принимается, что заработная плата за 1 рабочий день равна 1 кварталу. Таким образом, получается такой расчет:

Затраченный капитал (только переменный, т. е. только затраченный на заработную плату)

Совокупный продукт Прибыль
180 кварталов 80 кварталов

100 кварталов (вознаграждение за 100 рабочих дней)

Таким образом, капиталист получает теперь 80% прибыли. Прибыль здесь равна прибавочной стоимости. Следовательно, и норма прибавочной стоимости тоже равна только 80%; раньше она составляла 100%, т. е. была на 20 пунктов выше. Здесь мы, стало быть, имеем такое явление: норма прибыли возросла на 30 пунктов, а норма прибавочной стоимости понизилась на 20 пунктов.

Если бы капиталист по-прежнему затратил на заработную плату лишь 60 кварталов, то получился бы следующий расчет:

100 кварталов	дают	80 кварталов	прибавочной стоимости
10	»	8	»
60	»	48	»

Между тем раньше 60 кварталов давали 60 кварталов прибавочной стоимости (следовательно, имеет место падение на 20%). Или, выражаясь иначе, раньше

Совокупный продукт				Прибавочная стоимость	
60 кварталов давали	120 кварталов			60 кварталов	
10 »	20 »			10 »	
100 »	200 »			100 »	

Таким образом, прибавочная стоимость понизилась (в обоих случаях мы должны считать на 100 кварталов) со 100 кварталов до 80 кварталов, т. е. на 20%.

$$(60 : 48 = 100 : 80; \quad 60 : 48 = 10 : 8; \quad 60 : 48 = 5 : 4. \\ 4 \times 60 = 240 \text{ и } 48 \times 5 = 240.)$$

Перейдем, далее, к рабочему времени, овеществленному в одном квартере, или к стоимости одного квартера. Раньше 2 квартера были равны 1 рабочему дню, или 1 квартал равнялся половине рабочего дня, или $\frac{9}{18}$ однодневного труда одного рабочего. Теперь же 180 кварталов представляют собой продукт 100 рабочих дней; следовательно, 1 квартал есть продукт $\frac{100}{180}$ рабочего дня, т. е. $\frac{10}{18}$ рабочего дня. Другими словами, продукт вздорожал на $\frac{1}{18}$ рабочего дня, или труд стал менее производителен, так как раньше для производства 1 квартера рабочему требовалось лишь $\frac{9}{18}$ рабочего дня, а теперь ему требуется $\frac{10}{18}$ рабочего дня. Норма прибыли возросла несмотря на то, что прибавочная стоимость понизилась, а производительность труда в соответствии с этим уменьшилась, т. е. несмотря на то, что действительная стоимость (издержки производства) заработной платы увеличилась на $\frac{1}{18}$, т. е. на $11\frac{1}{9}\%$. Раньше 180 кварталов составляли продукт 90 рабочих дней (1 квартал представлял собой продукт $\frac{90}{180}$ рабочего дня, т. е. $\frac{9}{18}$, или $\frac{1}{2}$ рабочего дня). Теперь они составляют продукт 100 рабочих дней (1 квартал представляет собой продукт $\frac{100}{180}$, т. е. $\frac{10}{18}$ рабочего дня). Предположим, что рабочий день равняется 12 часам, или 60×12 минутам, т. е. 720 минутам. [328] Тогда 18-я часть рабочего дня равна $\frac{720}{18}$, т. е. 40 минутам. Из этих 720 минут рабочий отдает капиталисту в первом случае половину от 720 минут, т. е. 360 минут. Следовательно, 60 рабочих отдадут капиталисту 360×60 минут. Во втором случае рабочий из 720 минут отдает капиталисту $\frac{8}{18}$, т. е. всего лишь 320 минут. Но первый капиталист применяет 60 рабочих и, следовательно, присваивает себе 360×60 , т. е. 21 600 минут. Второй капиталист применяет

100 рабочих и, следовательно, присваивает себе 320×100 , т. е. 32 000 минут. Стало быть, у второго прибыль больше, чем у первого, так как 100 рабочих по 320 минут в день дают больше, чем 60 рабочих по 360 минут в день. Таким образом, это происходит только потому, что второй капиталист применяет на 40 рабочих больше; но от каждого рабочего он получает относительно меньше, чем первый капиталист. Прибыль второго капиталиста оказывается большей несмотря на то, что норма прибавочной стоимости и производительность труда здесь понизились, а издержки производства реальной заработной платы (т. е. содержащееся в ней количество труда) повысились. *Между тем г-н Милль хотел доказать прямо противоположное* ⁸¹.

Предположим, что капиталист № 1, не сделавший такого «изобретения», которое позволяет производить хлеб без семян и основного капитала, тоже применяет (подобно капиталисту № 2) 100 рабочих дней, тогда как в приведенном выше расчете он применял только 90 рабочих дней. Он, следовательно, должен был бы применять на 10 рабочих дней больше, из них $3\frac{1}{3}$ на свой постоянный капитал (семена и основной капитал) и $3\frac{1}{3}$ на заработную плату. Продукт этих 10 рабочих дней при прежнем уровне развития производства равняется 20 квартерам, из которых, однако, $6\frac{2}{3}$ квартера возмещают постоянный капитал, а $12\frac{4}{3}$ квартера составляют продукт $6\frac{2}{3}$ рабочего дня. Из них $6\frac{2}{3}$ квартера образуют заработную плату и $6\frac{2}{3}$ квартера — прибавочную стоимость.

Таким образом, мы получили бы следующий расчет:

Постоянный капитал	Заработная плата	Совокупный продукт	Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости
$66\frac{2}{3}$ квартера ($33\frac{1}{3}$ рабочего дня)	$66\frac{2}{3}$ квартера (плата за $66\frac{2}{3}$ рабочего дня)	200 кварталов (100 рабочих дней)	$66\frac{2}{3}$ квартера ($33\frac{1}{3}$ рабочего дня)	100%

На совокупный продукт 100 рабочих дней капиталист № 1 имеет прибыли $33\frac{1}{3}$ рабочего дня. Или на 200 кварталов совокупного продукта он имеет $66\frac{2}{3}$ квартера прибыли. Или, если мы будем затраченный им капитал исчислять в квартерах, то на $133\frac{1}{3}$ квартера (продукт $66\frac{2}{3}$ рабочего дня) капиталист № 1 имеет $66\frac{2}{3}$ квартера прибыли. Между тем капиталист № 2, затрачивая 100 кварталов, получал 80 кварталов прибыли. Прибыль капиталиста № 2, таким образом, больше прибыли

капиталиста № 1. Но капиталист № 1 производит 200 кварталов в то же рабочее время, в какое капиталист № 2 производит 180 кварталов. Один квартал капиталиста № 1 равен половине рабочего дня, один квартал капиталиста № 2 равен $\frac{10}{18}$ (или $\frac{5}{9}$) рабочего дня, т. е. содержит на $\frac{1}{18}$ больше рабочего времени и, стало быть, дороже. Поэтому капиталист № 1 должен был бы сбить с позиции капиталиста № 2. Последний был бы вынужден отказаться от своего изобретения и приучиться по-прежнему употреблять для производства хлеба семена и основной капитал.

Прибыль капиталиста № 1 на 120 кварталов составляет 60 кварталов, или 50% (так же, как на $133\frac{1}{3}$ квартала она составляет $66\frac{2}{3}$ квартала).

Прибыль капиталиста № 2 на 100 кварталов составляет 80 кварталов, или 80%.

Прибыль № 2 : № 1 = $80 : 50 = 8 : 5 = 1 : \frac{5}{8}$.

Напротив, прибавочная стоимость № 2 : № 1 = $80 : 100 = 8 : 10 = 1 : \frac{10}{8} = 1 : 1\frac{2}{8} = 1 : 1\frac{1}{4}$.

Норма прибыли № 2 на 30 пунктов больше, чем норма прибыли № 1.

Прибавочная стоимость № 2 на 20 пунктов меньше, чем прибавочная стоимость № 1.

Капиталист № 2 применяет на $66\frac{2}{3}\%$ больше рабочих, в то время как капиталист № 1 за один рабочий день присваивает от каждого рабочего лишь на $\frac{1}{8}$ (или на $12\frac{1}{2}\%$) больше труда.

[329] Итак, фактически г-н Милль доказал, что капиталист № 1, применяющий всего 90 рабочих дней, из которых одна треть содержится в постоянном капитале (семена, машины и т. д.), и нанимающий 60 рабочих, которым он оплачивает, однако, только 30 дней, что этот капиталист производит 1 квартал хлеба в половину (или $\frac{9}{18}$) рабочего дня, а в 90 рабочих дней производит 180 кварталов, из коих 60 кварталов покрывают 30 рабочих дней, содержащихся в постоянном капитале, 60 кварталов — заработную плату за 60 рабочих дней (или продукт 30 рабочих дней) и 60 кварталов — прибавочную стоимость (или продукт 30 рабочих дней). Прибавочная стоимость этого капиталиста № 1 равняется 100%. Его прибыль равняется 50%, ибо 60 кварталов прибавочной стоимости исчисляются не на 60 кварталов, не на ту часть капитала, которая затрачивается на заработную плату, а на 120 кварталов, т. е. на капитал вдвое больший (переменный плюс постоянный капитал).

Милль доказал, далее, что капиталист № 2, применяющий 100 рабочих дней, из которых он (благодаря своему изобретению)

ничего не затрачивает на постоянный капитал, производит 180 кварталов продукта, так что один квартал равен $10/18$ рабочего дня, или на $1/18$ рабочего дня (на 40 минут) дороже, чем у капиталиста № 1. Труд его рабочих менее производителен на $1/18$. Их заработная плата, поскольку рабочий по-прежнему получает в качестве платы за рабочий день 1 квартал, возросла на $1/18$ по ее действительной стоимости, т. е. по требующемуся для ее производства рабочему времени. Хотя теперь издержки производства заработной платы возросли на $1/18$ и совокупный продукт капиталиста № 2 в сравнении с затраченным рабочим временем уменьшился, да и произведенная им прибавочная стоимость составляет только 80%, между тем как у капиталиста № 1 прибавочная стоимость составляла 100%, все же норма прибыли у капиталиста № 2 составляет 80%, тогда как норма прибыли у капиталиста № 1 была 50%. Почему? Потому, что, хотя издержки производства заработной платы у капиталиста № 2 возросли, он применяет больше рабочих, и потому, что у капиталиста № 2 норма прибавочной стоимости равна норме прибыли, так как произведенная им прибавочная стоимость исчисляется только на капитал, затраченный на заработную плату, а постоянный капитал равняется нулю. Но Милль хотел, как раз наоборот, доказать, что повышение нормы прибыли произошло, согласно рикардовскому закону, в результате *уменьшения издержек производства заработной платы*. Мы видели, что это повышение нормы прибыли имело место *несмотря на увеличение издержек производства заработной платы*, что, следовательно, рикардовский закон ошибочен, если прибыль и прибавочная стоимость *непосредственно отождествляются*, но под нормой прибыли понимается отношение прибавочной стоимости, или валовой прибыли (которая равна прибавочной стоимости), к совокупной стоимости всего авансированного капитала.

Г-н Милль продолжает:

«Результат в 180 кварталов раньше можно было получить только при затрате 120 кварталов; теперь его можно получить при затрате всего лишь 100 кварталов».

Г-н Милль забывает, что в первом случае затрата 120 кварталов равна затрате 60 рабочих дней, а во втором случае затрата 100 кварталов равна затрате $55\frac{5}{9}$ рабочего дня (т. е. что в первом случае 1 квартал равен $9/18$ рабочего дня, а во втором $10/18$ рабочего дня).

«180 кварталов хлеба по-прежнему представляют собой результат того же количества труда, труда 100 рабочих».

Извините пожалуйста! Эти 180 кварталов раньше были результатом 90 рабочих дней, а теперь они представляют собой результат 100 рабочих дней.

«Один квартал хлеба по-прежнему является продуктом годового труда $\frac{10}{18}$ рабочего».

Извините пожалуйста! Раньше это был продукт годового труда $\frac{9}{18}$ рабочего.

«Ибо один квартал хлеба, являющийся вознаграждением одного рабочего, представляет собой в действительности продукт того же количества труда, что и раньше».

Извините пожалуйста! Во-первых, теперь 1 квартал хлеба является «в действительности продуктом» $\frac{10}{18}$ рабочего дня, между тем как раньше он был продуктом $\frac{9}{18}$ рабочего дня; он стоит, следовательно, на $\frac{1}{18}$ рабочего дня больше труда. Во-вторых, *вознаграждение* одного рабочего, независимо от того, стоит ли квартал $\frac{9}{18}$ или $\frac{10}{18}$ рабочего дня, никогда нельзя смешивать с *продуктом его труда*; оно всегда составляет лишь часть этого продукта.

«Теперь один квартал хлеба представляет собой продукт годового труда $\frac{10}{18}$ рабочего и *ничего больше*» (это верно!), «тогда как раньше для его производства требовалось соединение этого количества труда с затратой, возмещающей прибыль [предшествующего капиталиста], что составляло на $\frac{1}{5}$ больше» [цит. соч., стр. 100—103].

Стой! Во-первых, [330] повторяем, неверно, что один квартал раньше стоил $\frac{10}{18}$ рабочего дня; он стоил только $\frac{9}{18}$ рабочего дня. Еще более неверно (если бы была возможна градация в абсолютно неверном), что к этим $\frac{9}{18}$ рабочего дня прибавлялось еще «возмещение прибыли, что составляло на $\frac{1}{5}$ больше». В 90 рабочих дней (считая вместе постоянный и переменный капитал) произведены 180 кварталов. 180 кварталов = 90 рабочим дням; 1 квартал = $\frac{90}{180} = \frac{9}{18} = \frac{1}{2}$ рабочего дня. Таким образом, не получается никакой «прибавки» к этим $\frac{9}{18}$, или к этой половине рабочего дня, в которую обходился 1 квартал в случае № 1.

Но здесь мы открываем то, собственно, заблуждение, вокруг которого в скрытом виде вращается вся эта галиматья. Милль одурачил самого себя прежде всего тем, что предположил, что если 120 кварталов являются продуктом 60 рабочих дней, продукт которых делится на равные части между 60 рабочими и капиталистом, то те 60 кварталов, которые составляют постоянный капитал, могут представлять собой продукт 40 рабочих дней. В действительности они могли бы представлять собой только продукт 30 дней, независимо от того, в какой пропорции

капиталист и рабочие, производящие эти 60 кварталов, делят их между собой.

Однако не будем останавливаться на этом. Чтобы до конца разъяснить заблуждение Милля, предположим, что к прибыли сводится не $\frac{1}{3}$ из 60 кварталов постоянного капитала (т. е. не 20 кварталов), а вся сумма в 60 кварталов. Мы тем более можем сделать это предположение, что оно в интересах Милля, а не наших, и что оно упрощает проблему. Кроме того, приписать капиталисту, производящему постоянный капитал в 60 кварталов, такое *изобретение*, которое позволяет ему заставить 30 рабочих проработать *даром*, без всякого вознаграждения (как это имеет ведь место в форме барщины), 30 рабочих дней, производящих 60 кварталов или их стоимость, — куда легче, чем приписать миллевскому капиталисту «изобретение», позволяющее ему производить 180 кварталов хлеба без семян и основного капитала. Итак, предположим, что в указанных 60 кварталах содержится только прибыль капиталиста № 2, производящего постоянный капитал для капиталиста № 1, и что капиталист № 2 должен был продать продукт 30 рабочих дней, не заплатив ни одного фартинга своим 30 рабочим, из которых каждый проработал по одному рабочему дню. Можно ли сказать, что эти 60 кварталов, сводящиеся только к прибыли, входят в *издержки производства заработной платы* у капиталиста № 1 и вступают в «соединение» с тем рабочим временем, которое проработали его рабочие?

Конечно, капиталист и рабочие № 1 не могли бы произвести 120 кварталов (вообще не могли бы произвести ни одного квартала) без тех 60 кварталов, которые образуют их постоянный капитал и сводятся только к прибыли. Это для них необходимые условия производства, и к тому же такие условия производства, которые должны быть оплачены. Но эти 60 кварталов нужны им были для того, чтобы произвести 180 кварталов. Из этих 180 кварталов 60 возмещают упомянутые 60 кварталов. Это возмещение постоянного капитала ни в какой мере не затрагивает их 120 кварталов, являющихся продуктом их 60 рабочих дней. Если бы они могли произвести 120 кварталов без помощи тех 60 кварталов, которые составляют их постоянный капитал, то *их* продукт, продукт 60 рабочих дней, был бы прежним; но совокупный продукт был бы меньше именно потому, что имевшиеся раньше 60 кварталов не были бы воспроизведены. Норма прибыли капиталиста была бы больше, так как в его издержки производства не входили бы затраты, издержки на условия производства, дающие ему возможность получать прибавочную стоимость в 60 кварталов. Абсолютная прибыль была бы та же,

т. е. 60 кварталов. Но эти 60 кварталов ему стоили бы лишь затраты 60 кварталов. Теперь он на них затратил 120 кварталов. Эта затрата на постоянный капитал входит, следовательно, в издержки производства капиталиста, а не в издержки производства заработной платы.

Предположим, что благодаря какому-нибудь «изобретению» капиталист № 3 может, тоже не платя своим рабочим, производить 60 кварталов в 15 рабочих дней [вместо 30], отчасти потому, что он применяет лучшие машины и т. д. Этот капиталист № 3 вытеснил бы с рынка капиталиста № 2 и сделал бы капиталиста № 1 своим постоянным покупателем. Теперь, следовательно, затраты капиталиста № 1 уменьшились бы [331] с 60 до 45 рабочих дней. Рабочие по-прежнему должны были бы затрачивать 60 рабочих дней, чтобы из 60 кварталов [постоянного капитала] сделать 180 кварталов продукта. И им требовалось бы 30 рабочих дней для производства своей заработной платы. Для них 1 квартал равняется половине рабочего дня. Однако эти 180 кварталов стоили бы капиталисту затраты всего лишь 45 рабочих дней вместо 60. Но так как было бы нелепо предполагать, что зерно под наименованием семян стоит меньше рабочего времени, чем под наименованием просто зерна, то мы должны были бы предположить, что в первых 60 кварталах семена стоят столько же, как и раньше, но требуется меньше семян; или что подешевела та составная часть стоимости постоянного капитала, которая в тех 60 кварталах содержится в качестве основного капитала.

* * *

Зафиксируем прежде всего то, что у нас до сих пор получилось в результате анализа миллевской «иллюстрации».

Во-первых, выяснилось следующее:

Мы предположили, что 120 кварталов хлеба произведены без всякого постоянного капитала и по-прежнему являются продуктом 60 рабочих дней, тогда как раньше 180 кварталов, из которых 60 кварталов равны постоянному капиталу, были продуктом 90 рабочих дней. В этом случае затраченный на заработную плату капитал в 60 кварталов, равный 30 рабочим дням, но распоряжающийся 60 рабочими днями, по-прежнему доставлял бы тот же продукт, 120 кварталов. Стоимость этого продукта тоже осталась бы неизменной, а именно 1 квартал был бы равен половине рабочего дня. Правда, раньше продукт составлял 180 кварталов, вместо теперешних 120 кварталов; но эта разница в 60 кварталов представляет только содержащееся в постоянном капитале рабочее время. Следовательно, издержки

производства заработной платы и сама заработная плата — как ее потребительная стоимость, так и ее меновая стоимость — остались бы неизменными: 1 квартал хлеба, равный половине рабочего дня. Прибавочная стоимость тоже осталась бы неизменной, а именно 60 кварталов на 60 кварталов, или $\frac{1}{2}$ рабочего дня на $\frac{1}{2}$ рабочего дня. Норма прибавочной стоимости в обоих случаях равна 100%. Тем не менее норма прибыли составляла в первом случае лишь 50%, между тем как теперь она составляет 100%. И это только потому, что $60 : 60 = 100\%$, а $60 : 120 = 50\%$. Это повышение нормы прибыли получается здесь не вследствие изменения издержек производства заработной платы, а просто оттого, что постоянный капитал предполагается равным нулю. Приблизительно то же самое получается и тогда, когда уменьшается стоимость постоянного капитала, а тем самым и совокупная стоимость всего авансированного капитала, и когда в результате этого увеличивается отношение прибавочной стоимости к капиталу, а ведь это отношение и *есть* норма прибыли.

В качестве нормы прибыли прибавочная стоимость исчисляется не только на ту часть капитала, которая действительно увеличивается и создает прибавочную стоимость, т. е. на затраченную на заработную плату часть капитала, но также и на стоимость сырья и машин, стоимость которых только вновь появляется в продукте, и, кроме того, на стоимость всего машинного оборудования, не только той части его, которая действительно входит в процесс образования стоимости и износ которой подлежит поэтому возмещению, но и той части, которая входит только в процесс труда.

Во-вторых:

Во втором примере Милля предполагалось, что если капитал № 1 доставляет 180 кварталов продукта, равняющихся 90 рабочим дням (так что 60 кварталов, или 30 рабочих дней, составляют постоянный капитал, 60 кварталов приходятся на переменный капитал, на заработную плату за 60 рабочих дней, из коих рабочим оплачиваются 30 рабочих дней, и 60 кварталов образуют прибавочную стоимость), то капитал № 2 доставляет тоже 180 кварталов, но здесь эти 180 кварталов равны 100 рабочим дням, так что из 180 кварталов 100 приходятся на заработную плату, а 80 — на прибавочную стоимость. Весь авансированный капитал затрачен здесь на заработную плату. Здесь постоянный капитал равен нулю; действительная стоимость заработной платы повысилась, хотя потребительная стоимость, получаемая рабочим, осталась та же, 1 квартал; но 1 квартал равен теперь $\frac{10}{18}$ рабочего дня, между тем как раньше он равнялся лишь

$\frac{9}{18}$ рабочего дня. Прибавочная стоимость понизилась со 100% до 80%, т. е. на $\frac{1}{3}$, или на 20%. Норма прибыли возросла с 50% до 80%, т. е. на $\frac{3}{5}$, или на 60%. Таким образом, в этом случае действительные издержки производства заработной платы даже не просто остались неизменными [как в случае «во-первых»], а, больше того, увеличились. Труд стал менее производительным, и поэтому количество выполняемого рабочим прибавочного труда уменьшилось. И тем не менее норма прибыли повысилась. Почему? Во-первых, потому, что здесь нет постоянного капитала, вследствие чего норма прибыли равна норме прибавочной стоимости. Во всех тех случаях, где капитал затрачивается не исключительно на заработную плату, — а при капиталистическом производстве затрачивать весь капитал исключительно только на заработную плату почти невозможно, — норма прибыли всегда должна быть меньше нормы прибавочной стоимости, и она должна быть меньше соответственно тому, насколько совокупная стоимость всего авансированного капитала больше стоимости той составной части капитала, которая затрачена на заработную плату. Во-вторых, норма прибыли повысилась потому, что капиталист № 2 применяет в сравнении с капиталистом № 1 значительно больше рабочих, чем то их количество, которое компенсировало бы разницу в производительности применяемого каждым из этих капиталистов труда.

В-третьих, если иметь в виду одну сторону дела, то случаи, приведенные здесь под рубриками «во-первых» и «во-вторых», исчерпывают доказательство того положения, что изменение нормы прибыли может иметь место совершенно независимо от издержек производства заработной платы. Ибо под рубрикой «во-первых» было показано, что норма прибыли может повышаться несмотря на то, что издержки производства труда остаются неизменными. А под рубрикой «во-вторых» было показано, что для капитала № 2, по сравнению с капиталом № 1, норма прибыли повышается несмотря на то, что производительность труда падает и, стало быть, издержки производства заработной платы повышаются. Следовательно, этот же самый [VIII—332] случай доказывает нам, что если мы, наоборот, с капиталом № 2 сравниваем капитал № 1, то норма прибыли падает несмотря на то, что норма прибавочной стоимости повышается, производительность труда растет и, следовательно, издержки производства заработной платы падают. Они составляют [на квартал] для № 1 лишь $\frac{9}{18}$ рабочего дня, а для № 2— $\frac{10}{18}$ рабочего дня, и тем не менее норма прибыли у № 2 на 60% выше, чем у № 1. Во всех этих случаях изменения нормы прибыли

не только не определяются [противоположными] изменениями издержек производства заработной платы, но и происходят в том же направлении. Правда, необходимо заметить, что отсюда не следует, что одно движение является *причиной* другого (например, норма прибыли понижается не оттого, что понижаются издержки производства заработной платы, или она повышается не оттого, что повышаются издержки производства заработной платы), а следует только то, что другие обстоятельства парализуют противоположные действия этих изменений. Но во всяком случае ошибочен рикардовский закон, что изменения нормы прибыли происходят в направлении, обратном изменениям заработной платы, и что одна повышается оттого, что другая понижается, и наоборот. Этот закон правилен только для *нормы прибавочной стоимости*. Однако в том, что норма прибыли и стоимость заработной платы повышаются и понижаются не в противоположном, а в одном и том же направлении, имеется (правда, не всегда) даже некоторая необходимая взаимосвязь. Там, где труд менее производителен, применяется больше ручного труда. А там, где труд более производителен, применяется больше постоянного капитала. Поэтому здесь те же самые обстоятельства, которые вызывают повышение или понижение нормы прибавочной стоимости, должны вызывать противоположное изменение в норме прибыли, т. е. должны, в случае повышения нормы прибавочной стоимости, вызывать понижение нормы прибыли, и т. д.

[6) ВЛИЯЕТ ЛИ НА НОРМУ ПРИБЫЛИ СОЕДИНЕНИЕ
В РУКАХ ОДНОГО КАПИТАЛИСТА ПРОИЗВОДСТВА ГОТОВОГО
ПРОДУКТА С ПРОИЗВОДСТВОМ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА
ДЛЯ ЭТОГО ПРОДУКТА]

А теперь мы сформулируем этот случай в том виде, в каком его, собственно говоря, представлял себе Милль, хотя он и не дал ему правильной формулировки. Это вместе с тем объяснит настоящий смысл его разговоров об авансированной прибыли капиталиста.

В том виде, в каком пример дан у Милля, он не может оставаться, к какому бы «изобретению» и к какому бы «соединению» * мы не прибегали. Ибо пример этот содержит в себе абсолютное противоречие и абсолютную нелепицу, и его собственные предпосылки уничтожают себя сами.

* См. настоящее издание, часть III, стр. 200: «...соединение этого количества труда с затратай, возмещающей прибыль...». *Ред.*

По Миллю, из 180 кварталов продукта 60 кварталов (семена и основной капитал) равняются 20 квартерам прибыли и 40 квартерам заработной платы за 40 рабочих дней. Таким образом, в том случае, если 20 кварталов прибыли отпадают, 40 рабочих дней все равно остаются. Согласно этому предположению, рабочие получают, стало быть, за свой труд весь продукт полностью, так что абсолютно нельзя понять, откуда же берутся 20 кварталов прибыли и их стоимость. Если предполагается, что они составляют всего лишь номинальную надбавку к цене, т. е. если они не выражают присвоенного капиталистом рабочего времени, то их отпадение должно быть совершенно так же прибыльно, как если бы в 60 квартерах мы считали 20 кварталов заработной платы для таких рабочих, которые не работали. Далее: 60 кварталов являются здесь лишь выражением стоимости постоянного капитала. Но они, по Миллю, являются продуктом 40 рабочих дней. А с другой стороны, предполагается, что остальные 120 кварталов составляют продукт 60 рабочих дней. Но под рабочими днями здесь надо понимать одинаковый средний труд. Следовательно, все это предположение абсурдно.

Таким образом, надо прежде всего признать, что в 180 квартерах продукта содержится только 90 рабочих дней, а в 60 квартерах, составляющих стоимость постоянного капитала, только 30 рабочих дней. Предположение, что прибыль, равняющаяся 20 квартерам, или 10 рабочим дням, может отпасть, опять-таки нелепо; ибо это значило бы предположить, что те 30 рабочих, которые используются для производства постоянного капитала, хотя и работают не у капиталиста, но, с другой стороны, настолько услужливы, что берут себе только заработную плату, $\frac{1}{2}$ своего рабочего времени, а остальной половины в своем товаре не учитывают; одним словом, что они продают свои рабочие дни на 50% ниже их стоимости. Следовательно, и это предположение нелепо.

Но предположим, что капиталист № 1 не покупает свой постоянный капитал у капиталиста № 2 с тем, чтобы его потом обработать, а в своем собственном предприятии соединяет производство постоянного капитала с обработкой его. Таким образом, он сам себе доставляет семена, земледельческие орудия и т. д. Отбросим также то «изобретение», благодаря которому семена и основной капитал становятся излишними. Итак, предположим, что наш капиталист затрачивает 20 кварталов (равных 10 рабочим дням) на постоянный капитал, требующийся для производства его постоянного капитала, и 10 кварталов на заработную плату за [каждые] 10 рабочих дней, из которых 5 дней рабочие работают даром.

Тогда получается следующий расчет:
[333]

Постоянный капитал	Переменный капитал для 80 рабочих	Прибавочная стоимость	Совокупный продукт
20 кварталов (10 рабочих дней)	$60 + 20 = 80$ квар- теров (заработная плата за 80 рабочих дней) (= 40 рабо- чим дням)	$60 + 20 = 80$ квар- теров (= 40 рабочим дням)	180 кварталов (= 90 рабочим дням)

Действительные издержки производства заработной платы остались те же; следовательно, осталась без изменений и производительность труда. Совокупный продукт остался тот же — 180 кварталов — и имеет по-прежнему ту же самую стоимость в 180 кварталов. Норма прибавочной стоимости осталась та же, 80 кварталов на 80 кварталов. Абсолютная сумма, или величина, прибавочной стоимости возросла с 60 до 80 кварталов, т. е. на 20 кварталов. Авансированный капитал уменьшился со 120 до 100 кварталов. Раньше мы имели на 120 кварталов 60 кварталов, т. е. имели норму прибыли в 50%. Теперь мы имеем 80 кварталов на 100 кварталов, т. е. имеем норму прибыли в 80%. Совокупная стоимость всего авансированного капитала уменьшилась со 120 кварталов на 100 кварталов, а норма прибыли возросла с 50% до 80%. Прибыль сама по себе, отвлекаясь от нормы, теперь составляет 80 кварталов, между тем как раньше она составляла 60 кварталов; она, следовательно, возросла на 20 кварталов, т. е. в такой же мере, как и сумма (не норма) прибавочной стоимости.

Здесь, стало быть, не произошло никакой перемены, никакого изменения в издержках производства реальной заработной платы. Возрастание нормы прибыли получается здесь

1) оттого, что хотя и не норма прибавочной стоимости, но зато абсолютная величина прибавочной стоимости повысилась с 60 до 80 кварталов, т. е. на $\frac{1}{3}$; и увеличилась она на $\frac{1}{3}$, или на $33\frac{1}{3}\%$, оттого, что капиталист теперь вместо прежних 60 рабочих применяет непосредственно в своем собственном предприятии 80 рабочих, т. е. эксплуатирует на $\frac{1}{3}$, или на $33\frac{1}{3}\%$, больше живого труда, и притом применяет он этих 80 рабочих в условиях той же нормы прибавочной стоимости, что и раньше, когда он применял только 60 рабочих.

2) В то время как абсолютная величина прибавочной стоимости (стало быть, валовая прибыль) повысилась, таким обра-

зом, на $33\frac{1}{3}\%$, с 60 кварталов до 80 кварталов, норма прибыли увеличилась с 50% до 80% , на 30 пунктов, т. е. на $\frac{3}{5}$ (ибо $\frac{1}{5}$ от 50 составляет 10, а $\frac{3}{5}$ от 50 составляют 30), или на 60% . Дело в том, что стоимость затраченного капитала уменьшилась со 120 кварталов до 100, хотя стоимость той составной части капитала, которая затрачена на заработную плату, возросла с 60 до 80 кварталов (с 30 до 40 рабочих дней). Эта часть капитала увеличилась на 10 рабочих дней (=20 кварталам). Наоборот, постоянная часть капитала уменьшилась с 60 до 20 кварталов, или с 30 рабочих дней до 10, т. е. на 20 рабочих дней. Таким образом, если мы из этих 20 рабочих дней вычтем те 10 рабочих дней, на которые возросла затраченная на заработную плату часть капитала, то получится, что весь затраченный капитал уменьшился на 10 рабочих дней (= 20 кварталам). Раньше он составлял 120 кварталов (=60 рабочим дням), теперь он составляет всего лишь 100 кварталов (=50 рабочим дням). Следовательно, он уменьшился на $\frac{1}{6}$, т. е. на $16\frac{2}{3}\%$.

Впрочем, все это изменение нормы прибыли — только кажущееся; оно представляет собой лишь перенос записей из одной бухгалтерской книги в другую. Капиталист № 1 имеет теперь вместо 60 кварталов прибыли 80, т. е. на 20 кварталов прибыли больше; но это как раз та прибыль, которую раньше получал производитель постоянного капитала и которую он теперь потерял, так как капиталист № 1, вместо того чтобы покупать свой постоянный капитал, сам его производит и потому, — вместо того чтобы [334] уплачивать производителю постоянного капитала ту прибавочную стоимость в размере 20 кварталов (10 рабочих дней), которую производитель постоянного капитала извлекал из занятых у него 20 рабочих, — кладет эту прибавочную стоимость в свой собственный карман.

По-прежнему на 180 кварталов продукта приходится 80 кварталов прибыли с той только разницей, что раньше она распределялась между двумя лицами. Норма прибыли кажется большей оттого, что капиталист № 1 раньше рассматривал указанные 60 кварталов только как постоянный капитал, чем они для него и были, и поэтому не фиксировал своего внимания на той прибыли, которую получал производитель постоянного капитала. Норма прибыли так же не изменилась, как и прибавочная стоимость или какое-либо условие производства, включая производительность труда. [Также и] раньше капитал, затраченный производителем [постоянного капитала], был равен 40 кварталам (20 рабочим дням), а затраченный капиталистом № 1 [переменный капитал] был равен 60 кварталам (30 рабочим дням); вместе они составляли 100 кварталов (50 рабочих дней).

Прибыль у первого составляла 20 кварталов, у второго — 60 кварталов; итого 80 кварталов (40 рабочих дней). Весь продукт, равный 90 рабочим дням (180 квартерам), доставлял 80 кварталов прибыли на 100 кварталов, затраченных на заработную плату и постоянный капитал. Для общества в целом здесь по-прежнему доход, происходящий из прибыли, остался без изменений; без изменений осталось и отношение между прибавочной стоимостью и заработной платой.

Разница получается оттого, что, когда капиталист в качестве покупателя выступает на рынке товаров, он является простым товаровладельцем; он должен оплатить полную стоимость товара, все содержащееся в нем рабочее время, независимо от того, в какой пропорции капиталист и рабочие участвовали или участвуют в плодах этого рабочего времени. А когда он в качестве покупателя выступает на рынке труда, то он фактически покупает больше труда, чем оплачивает. Таким образом, когда он, вместо того чтобы покупать требующиеся ему сырье и машины, производит их тоже сам, то он сам присваивает себе тот прибавочный труд, который он иначе должен был бы оплатить продавцу сырья и машин.

Для отдельного капиталиста — не для нормы прибыли — разумеется, не безразлично, получает ли он сам ту или иную прибыль или уплачивает ее другому. (Поэтому при вычислении уменьшения нормы прибыли в результате роста постоянного капитала всегда берется среднее для всего общества, т. е. та совокупная масса стоимостей, которую общество в данный момент применяет как постоянный капитал, и отношение этой совокупной стоимости к массе капитала, затрачиваемого непосредственно на заработную плату.) Однако даже для отдельного капиталиста эта точка зрения редко имеет (и может иметь) определяющее значение при выборе им таких комбинаций, какие, например, бывают, когда один и тот же капиталист одновременно прядет и ткет, сам обжигает требующиеся ему кирпичи и т. д. Что здесь имеет определяющее значение — это фактическая экономия в издержках производства благодаря выигрышу времени на транспорте, экономия на помещении, топливе, двигательной силе и т. д., больший контроль над качеством сырья и т. д. Если бы капиталист захотел сам строить требующиеся ему машины, то он их производил бы в карликовом масштабе, как мелкий производитель, работающий на свои собственные потребности или на личные потребности нескольких постоянных клиентов, и машина стоила бы ему больше, чем тогда, когда он покупает ее у машиностроителя, работающего на рынок. А если бы он захотел одновременно прядь, ткать и строить

машины не только для себя, но и для рынка, то ему понадобился бы более крупный капитал, который он, вероятно, использовал бы более выгодно (разделение труда) в своем собственном деле. Указанная точка зрения может иметь определяющее значение лишь там, где капиталист образует для самого себя достаточный рынок, так что он может сам производить свой постоянный капитал в таких масштабах, которые делают это выгодным. Для этого его собственный спрос на постоянный капитал должен быть достаточно велик. В этом случае, даже если его труд менее производителен, чем труд тех, кто специально занимается производством этого постоянного капитала, он присваивает себе часть того прибавочного труда, который он иначе должен был бы оплатить другому капиталисту.

Мы видим, что это не имеет никакого отношения к норме прибыли. Следовательно, если, как в примере Милля, раньше было 90 рабочих дней и 80 рабочих, то в издержках производства не получится никакой экономии от того, что содержащийся в продукте прибавочный труд в количестве 40 рабочих дней (= 80 квартерам) раньше присваивался двумя капиталистами, а теперь попадает в карман одного капиталиста. 20 квартеров прибыли (10 рабочих дней) исчезают из одной бухгалтерской книги только для того, чтобы снова появиться в другой.

Эта экономия на предыдущих прибылях, если она не совпадает с экономией рабочего времени, а значит и с экономией в заработной плате, является, стало быть, всего лишь иллюзией ⁸².

**[в) К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НА ПРИБАВОЧНУЮ
СТОИМОСТЬ, НА ПРИБЫЛЬ И НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ
ИЗМЕНЕНИЙ СТОИМОСТИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА]**

[335] Но, *в-четвертых*, теперь остается еще тот случай, когда стоимость постоянного капитала, вследствие повышения производительности труда, падает; и здесь надо исследовать, касается ли этот случай действительных издержек производства заработной платы, или стоимости труда, и в какой мере он их касается. Таким образом, вопрос состоит в следующем: в какой мере изменение действительной стоимости постоянного капитала вызывает вместе с тем изменение в соотношении между прибылью и заработной платой? Стоимость постоянного капитала — его издержки производства — может оставаться постоянной, и тем не менее в продукт может входить то большее, то меньшее количество этого постоянного капитала. Даже если предположить, что стоимость постоянного капитала остается

постоянной, совокупная масса постоянного капитала будет расти по мере того, как развивается производительность труда и производство в крупном масштабе. Поэтому изменения в *относительной массе применяемого постоянного капитала при неизменных или даже возрастающих издержках его производства*, — изменения, которые всегда влияют на норму прибыли, — с самого начала исключаются из этого исследования.

Далее, из рассмотрения этого вопроса исключаются все те отрасли производства, продукты которых ни прямо, ни косвенным образом не входят в потребление рабочего. Но происходящие в этих отраслях производства изменения действительной нормы прибыли (т. е. изменения отношения прибавочной стоимости, действительно произведенной в этих отраслях производства, к затраченному капиталу) влияют на общую норму прибыли, получающуюся в результате нивелирования прибылей, совершенно так же, как изменения нормы прибыли в тех отраслях производства, продукты которых прямо или косвенно входят в потребление рабочих.

Вопрос должен быть, далее, сведен к следующему: каким образом изменение стоимости постоянного капитала может оказывать обратное действие на самую прибавочную стоимость? Ибо раз дана прибавочная стоимость, то дано отношение прибавочного труда к необходимому труду, а значит и стоимость заработной платы, т. е. издержки ее производства. При этих обстоятельствах какое-либо изменение стоимости постоянного капитала может совсем не затронуть стоимость заработной платы и отношение прибавочного труда к необходимому, хотя оно при всех обстоятельствах должно оказать влияние на норму прибыли, на издержки производства прибавочной стоимости для капиталиста, а при известных обстоятельствах (а именно, когда продукт входит в потребление рабочих) и на количество тех потребительных стоимостей, в которых выражается заработная плата, хотя и не на ее меновую стоимость.

Предположим, что заработная плата дана. Пусть, например, на хлопкопрядильной фабрике заработная плата равна 10 рабочим часам, а прибавочная стоимость — 2 рабочим часам. Предположим, что благодаря хорошему урожаю хлопок-сырец стал вдвое дешевле. То же количество хлопка, которое прежде стоило фабриканту 100 ф. ст., стоит теперь лишь 50 ф. ст. То же количество хлопка поглощает прежнее количество прядильного и ткацкого труда. Таким образом, затратив 50 ф. ст. на хлопок, капиталист может теперь поглотить столько же прибавочного труда, сколько прежде при затрате 100 ф. ст.; или, если он продолжает тратить 100 ф. ст. на хлопок, то он получает теперь за

ту же цену такое количество хлопка, при помощи которого он может поглотить вдвое больше прибавочного труда. В обоих случаях норма прибавочной стоимости, т. е. ее отношение к заработной плате, оставалась бы одинаковой; но во втором случае масса прибавочной стоимости возросла бы, так как применяется вдвое больше труда при той же норме прибавочного труда. В обоих случаях норма прибыли повысилась бы, хотя здесь не произошло никакого изменения в издержках производства заработной платы. Она повысилась бы потому, что в норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на *издержки производства*, оплачиваемые капиталистом, на *совокупную стоимость* затраченного им капитала, и потому, что эти издержки производства уменьшились. Для того чтобы произвести ту же прибавочную стоимость, капиталисту приходится теперь затрачивать меньше капитала, чем прежде. Во втором случае возросла бы не только норма прибыли, но и масса прибыли, ибо возросла, вследствие применения большего количества труда, сама прибавочная стоимость, между тем как затраты на сырье при этом не увеличились. Также и в этом случае возрастание нормы и массы прибыли имело бы место без какого бы то ни было изменения стоимости труда.

С другой стороны, предположим, что вследствие неурожая стоимость хлопка повысилась вдвое, так что то же количество [336] хлопка, которое раньше стоило 100 ф. ст., теперь стоит 200 ф. ст. В этом случае норма прибыли уменьшается при всех обстоятельствах, а при известных обстоятельствах может уменьшиться также и масса, или абсолютная величина, прибыли. Если капиталист применяет то же количество рабочих, которые работают столько же, сколько и раньше, и при совершенно таких же условиях, как и раньше, то его норма прибыли падает, хотя отношение прибавочного труда к необходимому труду и потому норма и масса прибавочной стоимости остались *те же*. Норма прибыли падает оттого, что для капиталиста издержки производства прибавочной стоимости возросли, т. е. пришлось затратить на сырье на 100 ф. ст. больше, чтобы присвоить столько же чужого рабочего времени, как и прежде. Но если капиталист вынужден часть тех денег, которые он раньше тратил на заработную плату, затратить теперь на хлопок, чтобы купить хлопка, например, на 150 ф. ст., из которых раньше 50 ф. ст. входили в заработную плату, то уменьшаются и норма и сумма прибыли, причем последняя уменьшается оттого, что применяется меньше труда, хотя и при той же норме прибавочной стоимости. То же самое было бы и в том случае, если бы вследствие неурожая имелось недостаточно хлопка, чтобы поглотить

то же количество живого труда, как и прежде. В обоих случаях масса и норма прибыли уменьшаются, хотя не произошло никакого изменения в стоимости труда, а значит и в норме прибавочной стоимости, или в том количестве неоплаченного труда, которое получает капиталист, по сравнению с трудом, оплаченным им в заработной плате.

Итак, при неизменной *норме прибавочной стоимости*, а значит и при неизменной *стоимости труда*, изменение стоимости постоянного капитала должно вызывать изменение нормы прибыли и может сопровождаться изменением массы прибыли.

Теперь, что касается рабочего, то имеет место следующее:

Если падает стоимость хлопка, а потому и стоимость того продукта, в который входит хлопок, то рабочий по-прежнему получает заработную плату, равную 10 рабочим часам. Но ту часть хлопчатобумажных товаров, которую он потребляет сам, он теперь получает по более дешевой цене, и потому некоторая часть того, что он раньше тратил на хлопчатобумажные товары, может быть им затрачена на другие вещи. Лишь соответственно этому, т. е. соответственно его экономии на цене хлопчатобумажных товаров, растет количество доступных для него жизненных средств. Ибо во всем остальном он теперь за большее количество хлопчатобумажных товаров получает не больше того, что он раньше получал за меньшее количество этих товаров. Соответственно понижению стоимости хлопчатобумажных товаров повысилась относительная стоимость других товаров. Короче говоря, большее количество хлопчатобумажных товаров теперь не имеет большей стоимости, чем та, которую раньше имело меньшее количество этих товаров. *В этом случае, следовательно, стоимость заработной платы оставалась бы той же, но она представляла бы большее количество других товаров (потребительных стоимостей). Тем не менее норма прибыли повысилась бы, хотя норма прибавочной стоимости при том же предположении повыситься не могла бы.*

Обратное происходит при вздорожании хлопка. Если бы рабочий работал столько же часов в день и по-прежнему получал заработную плату, равную 10 рабочим часам, то стоимость его труда была бы той же, но потребительная стоимость [его заработной платы] — в той мере, в какой он сам потребляет хлопчатобумажные товары, — уменьшилась бы. В этом случае *потребительная стоимость заработной платы уменьшилась бы, стоимость ее осталась бы та же*, хотя норма прибыли уменьшилась бы. Таким образом, в то время как прибавочная стоимость и (действительная) заработная плата⁸³ падают и повышаются всегда в обратном отношении друг к другу (за исключе-

нием того случая, когда рабочий участвует в плодах абсолютного удлинения своего рабочего времени; однако в этом случае тем быстрее изнашивается его рабочая сила), норма прибыли может изменяться в сторону повышения или понижения — в первом случае несмотря на то, что стоимость заработной платы остается та же, а ее потребительная стоимость растет, во втором случае несмотря на то, что *стоимость заработной платы* остается та же, а ее потребительная стоимость уменьшается.

Поэтому повышение нормы прибыли как следствие падения *стоимости* постоянного капитала не имеет никакого непосредственного отношения к какому бы то ни было изменению действительной стоимости заработной платы (содержащегося в ней рабочего времени).

Таким образом, когда, как предположено выше, стоимость хлопка падает на 50%, то нет ничего более ошибочного, чем утверждать [как это получается у Милля], что в этом случае издержки производства заработной платы уменьшились, или что если бы рабочий, получающий заработную плату в хлопчатобумажных товарах, по-прежнему получал ту же стоимость, т. е., стало быть, большее *количество* хлопчатобумажных товаров, чем прежде (ибо 10 рабочих часов по-прежнему равны, скажем, 10 шиллингам, но на эти 10 шиллингов я могу купить больше хлопчатобумажных товаров, чем прежде, так как стоимость хлопка-сырца упала), то норма прибыли осталась бы прежней. Норма прибавочной стоимости остается прежней, но [337] норма прибыли повышается. *Издержки производства продукта* уменьшились бы, так как одна составная часть продукта — содержащееся в нем сырье — стоила бы меньшего количества рабочего времени, чем прежде. Издержки производства заработной платы остались бы те же, что и раньше, так как рабочий по-прежнему работает то же количество времени *на себя* и то же количество времени *на капиталиста*. (Ведь издержки производства заработной платы зависят не от того рабочего времени, какого стоят средства производства, с которыми работает рабочий, а от того рабочего времени, какое он затрачивает, чтобы возместить свою заработную плату. С точки зрения г-на Милля, издержки производства заработной платы рабочего были бы дороже оттого, что он, например, обрабатывает медь вместо железа или лен вместо хлопка; или они были бы дороже в том случае, когда он сажает льняное семя вместо семени хлопчатника или когда он работает с дорогой машиной, вместо того чтобы работать совсем без машины, лишь с простым ремесленным инструментом.) *Издержки производства прибыли* уменьшились бы, так как совокупная масса, совокупная сумма,

того капитала, который был авансирован, чтобы произвести прибавочную стоимость, уменьшилась бы. Издержки прибавочной стоимости никогда не бывают больше издержек той части капитала, которая затрачивается на заработную плату. Издержки прибыли, напротив, равны всей сумме издержек того капитала, который был авансирован, чтобы создать эту прибавочную стоимость. Они, следовательно, определяются не только стоимостью той составной части капитала, которая затрачивается на заработную плату и создает прибавочную стоимость, но также и стоимостью тех составных частей капитала, которые необходимы для того, чтобы можно было привести в действие обмениваемую на живой труд составную часть капитала. Г-н Милль смешивает издержки производства прибыли с издержками производства прибавочной стоимости, т. е. он смешивает прибыль и прибавочную стоимость.

Из всего вышесказанного вытекает важность дешевизны или дороговизны сырья для промышленности, обрабатывающей это сырье (не говоря уже об относительном удешевлении машин *), — даже при предположении, что рыночная цена равна стоимости товара, т. е. что рыночная цена товара падает в точном соответствии с падением стоимости содержащегося в нем сырья.

Полковник Торренс справедливо замечает поэтому относительно Англии:

«Для такой страны, как Англия, значение того или другого внешнего рынка должно измеряться не тем количеством готовых товаров, которое он от нее получает, а тем количеством элементов воспроизводства, которое он возвращает этой стране» (*R. Torrens. A Letter to Sir R. Peel etc. On the Condition of England, etc. 2nd edition. London, 1849, стр. 275*).

{Однако тот способ доказательства, при помощи которого Торренс обосновывает это положение, плох. Это обычный разговор о предложении и спросе. Дело у Торренса сводится к тому, что цена хлопка повышается, если английский капитал, обрабатывающий, например, хлопок, растет быстрее того капитала, который возделывает хлопок, например, в Соединенных Штатах. И тогда, говорит Торренс,

«стоимость хлопчатобумажных изделий будет падать в сравнении с приходящимися на их элементы издержками производства этих изделий» [там же, стр. 240].

А именно, в то время как цена сырья, в результате растущего спроса со стороны Англии, повышается, цена хлопчатобумажных изделий, вздорожавших вследствие повышения цен на сырье, будет падать, как это мы, действительно, видим, напри-

* Под *относительным* удешевлением машин я понимаю такое положение вещей, когда абсолютная стоимость применяемой массы машин увеличивается, но не в такой степени, в какой увеличивается масса этих машин и их эффективность.

мер, теперь (весной 1862 г.), когда пряжа не намного дороже хлопка-сырца, а ткань не намного дороже пряжи. Однако Торренс предполагает такой случай, когда для английского производственного потребления имеется достаточно хлопка, хотя и дорогого. Цена хлопка поднимается выше его стоимости. Поэтому, если хлопчатобумажные изделия продаются по своей стоимости, то это возможно лишь тем путем, что, поскольку возделыватель хлопка получает большее количество прибавочной стоимости от всего продукта, чем ему полагается, он фактически забирает себе часть прибавочной стоимости, полагающейся хлопчатобумажному фабриканту. Последний не может возместить себе эту часть прибавочной стоимости посредством повышения цены, так как вследствие повышения цены спрос уменьшился бы. Наоборот, в результате уменьшения спроса прибыль хлопчатобумажного фабриканта может упасть даже еще ниже, чем она должна была упасть в результате накладки на стоимость хлопка, сделанной возделывателем хлопка.

Спрос на сырье, например хлопок, ежегодно определяется не только фактическим, в данный момент существующим спросом, но и средним для данного года спросом, — стало быть, не только спросом находящихся в действии фабрик, но и спросом, увеличенным теми фабриками, которые, судя по имеющемуся опыту, откроются в течение наступающего года, т. е. *относительным приростом фабрик в течение года*, или тем добавочным спросом, [338] который будет соответствовать этому относительному приросту.

Наоборот, если цена хлопка и т. д. падает (например, в результате особенно хорошего урожая), то она большей частью опускается ниже его стоимости — опять-таки в силу закона спроса и предложения. Норма прибыли, а иногда, как показано выше, и масса прибыли, растет поэтому не только в такой степени, в какой она возросла бы, если бы цена подешевевшего хлопка равнялась его стоимости, но она растет и потому еще, что готовый продукт подешевел не на *всю* ту сумму, которая соответствовала бы разнице между стоимостью хлопка и ценой его, уплаченной хлопководу, т. е. и потому еще, что хлопчатобумажный фабрикант кладет в свой карман часть прибавочной стоимости, полагающейся хлопководу. Это не уменьшает спроса на его продукт, так как последний все равно падает в цене благодаря падению стоимости хлопка. Но он не падает в цене настолько, насколько цена хлопка-сырца упала ниже его собственной стоимости.

Кроме того, в такие времена спрос растет и по той причине, что занятость рабочих и их оплата находятся на высоком уровне,

так что они и сами в значительной степени выступают как потребители, как потребители своего собственного продукта. В тех случаях, когда сырье падает в цене не вследствие перманентного и продолжающего свое действие падения его средних издержек производства, а благодаря особенно хорошему урожаю (условия погоды), заработная плата рабочих не падает; наоборот, спрос на рабочих увеличивается. Результат *этого* спроса действует не только пропорционально его росту. Напротив, при внезапном вздорожании продукта, с одной стороны, многие рабочие увольняются, а, с другой стороны, фабрикант старается уберечь себя от потерь при помощи понижения заработной платы ниже ее нормального уровня. Таким образом, нормальный спрос рабочих падает, и это еще более усиливает уже имеющееся общее падение спроса и то действие, которое оно оказывает на рыночную цену.}

Что главным образом привело Милля к фантазии о том, что изменение стоимости постоянного капитала вызывает изменение стоимости труда, или издержек производства труда, так что, например, падение стоимости авансированного постоянного капитала вызывает падение стоимости труда, его издержек производства, а значит и заработной платы, — это его (рикардианское) представление о разделении продукта между рабочим и капиталистом. В результате падения стоимости сырья, например хлопка, падает стоимость пряжи. Ее издержки производства уменьшаются. Количество содержащегося в ней рабочего времени уменьшилось. Если бы, например, фунт пряжи был продуктом (двенадцатичасового) рабочего дня одного рабочего и стоимость хлопка, содержащегося в этом фунте пряжи, упала, то стоимость фунта пряжи уменьшилась бы в точности настолько, насколько уменьшилась стоимость хлопка, затраченного на пряжу. Например, 22 мая 1861 г. цена фунта тонкой пряжи № 40 второго сорта составляла 12 пенсов (1 шиллинг). 22 мая 1858 г. она составляла 11 пенсов (фактически $11\frac{6}{8}$, так как цена пряжи не понизилась на всю ту величину, на которую понизилась цена хлопка-сырца). Но в первом случае цена фунта хлопка-сырца нормального качества составляла 8 пенсов (фактически $8\frac{1}{8}$), во втором 7 пенсов (фактически $7\frac{3}{8}$). Таким образом, здесь стоимость пряжи понизилась в точности настолько, насколько понизилась стоимость хлопка-сырца, т. е. стоимость ее сырья. Следовательно, говорит Милль, труд остается таким же, как и раньше; если он раньше составлял 12 часов, то продукт по-прежнему представляет собой результат тех же 12 часов; но во втором случае к этому добавлялось еще на 1 пенс меньше прошлого труда, чем в первом; труд тот

же, но издержки производства труда уменьшились (а именно, на 1 пенс).

Хотя фунт пряжи как пряжи, как потребительной стоимости, по-прежнему представляет собой продукт двенадцатичасового труда, но *стоимость* фунта пряжи ни теперь, ни раньше не была [только] продуктом двенадцатичасового труда прядильщика. В первом случае $\frac{2}{3}$ от 12 пенсов, т. е. 8 пенсов, равнялись стоимости хлопка-сырца и не были продуктом прядильщика; во втором случае не были его продуктом $\frac{2}{3}$ от 11 пенсов, т. е. 7 пенсов. В первом случае в качестве продукта двенадцатичасового труда остаются 4 пенса, и во втором точно так же 4 пенса. В обоих случаях труд [прядильщика] присоединил лишь $\frac{1}{3}$ стоимости пряжи. Следовательно, в первом случае из одного фунта пряжи только $\frac{1}{3}$ фунта составляла продукт прядильщика (при абстрагировании от машины), и точно так же обстоит дело и во втором случае. Рабочий и капиталист должны по-прежнему разделить между собой лишь 4 пенса, равные $\frac{1}{3}$ фунта пряжи. Если рабочий покупает пряжу на 4 пенса, то он получает во втором случае больше пряжи, чем в первом случае, но большее количество пряжи стоит теперь как раз столько, сколько раньше стоило меньшее ее количество. Однако распределение 4 пенсов между капиталистом и рабочим остается прежним. Если время, затрачиваемое рабочим на воспроизводство или производство своей заработной платы, равно 10 часам, то его прибавочный труд равен 2 часам, как это было и раньше. Так же как и раньше, рабочий получает $\frac{5}{6}$ от 4 пенсов, или от $\frac{1}{3}$ фунта пряжи, а капиталист получает $\frac{1}{6}$ от этого количества. Таким образом, не произошло никакого [339] изменения в распределении продукта, пряжи. Тем не менее норма прибыли повысилась, так как стоимость сырья понизилась, а потому увеличилось отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, или к издержкам производства капиталиста.

Если мы для упрощения примера отвлечемся от машин и т. д., то оба случая могут быть представлены следующим образом:

	Цена фунта пряжи	Посто- янный капи- тал	Присо- единен- ный труд	Заработ- ная плата	Совокупная затрата капи- талиста	Прибавоч- ная стои- мость	Норма при- были
Случай I	12 п.	8 п.	4 п.	$3\frac{1}{3}$ п.	$11\frac{1}{3}$ п.	$\frac{2}{3}$ п.	$5\frac{15}{17}\%$
Случай II	11 п.	7 п.	4 п.	$3\frac{1}{3}$ п.	$10\frac{1}{3}$ п.	$\frac{2}{3}$ п.	$6\frac{14}{31}\%$

Норма прибыли здесь, следовательно, повысилась, хотя стоимость труда осталась та же, а потребительная стоимость заработной платы, выраженной в пряже, повысилась. Норма прибыли повысилась (без какого-либо изменения того рабочего времени, которое рабочий присваивает себе) *только* потому, что стоимость хлопка, а тем самым и совокупная стоимость издержек производства капиталиста, понизилась. $\frac{2}{3}$ пенса на затрату в $11\frac{1}{3}$ пенса составляет, конечно, меньше, чем $\frac{2}{3}$ пенса на затрату в $10\frac{1}{3}$ пенса.

* * *

Из всего сказанного вытекает ошибочность следующих положений, которыми Милль заканчивает свою иллюстрацию*:

«Если бы издержки производства заработной платы остались прежними, то прибыль не могла бы повыситься. Каждый рабочий получал раньше 1 квартал хлеба; но 1 квартал хлеба раньше был результатом тех же издержек производства, что $1\frac{1}{5}$ квартала теперь. Поэтому, для того чтобы каждый рабочий получал прежние издержки производства, каждый должен был бы иметь 1 квартал хлеба плюс $\frac{1}{5}$ квартала» (цит. соч., стр. 103).

«Итак, если предположить, что рабочему платят тем же продуктом, который он производит, то ясно, что когда имеет место какая-нибудь экономия в затратах на производство этого продукта, а рабочий по-прежнему получает те же издержки производства, что и раньше, то ему необходимым образом достается большее количество продукта, увеличившееся соответственно росту производительной силы капитала. Но если это так, то затрата капиталиста будет находиться в таком же точном отношении к получаемому им продукту, как и прежде, и прибыль не повысится». (Это как раз и неверно.) «Поэтому изменения нормы прибыли и изменения издержек производства заработной платы идут рука об руку и являются неотделимыми друг от друга. Следовательно, положение Рикардо, что прибыль может повышаться только при одновременном падении заработной платы, совершенно правильно, если под низкой заработной платой подразумевать не одну только такую заработную плату, которая является продуктом меньшего количества труда, но и такую заработную плату, которая произведена с меньшими издержками, включая в эти издержки также и прибыли предшествующих капиталистов» (цит. соч., стр. 104).

Таким образом, согласно иллюстрации Милля, воззрение Рикардо совершенно правильно в том случае, если под низкой заработной платой (или вообще под издержками производства заработной платы) подразумевать не только противоположное тому, что говорит Рикардо, но и прямо-таки абсолютную бессмыслицу, а именно: под издержками производства заработной платы нам предлагается подразумевать не ту часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает для возмещения своей

* См. настоящее издание, часть III, стр. 200. *Ред.*

заработной платы, а еще и издержки производства обрабатываемого им сырья и используемых им машин, т. е. еще и то рабочее время, в течение которого он *не* работал ни на себя, ни на капиталиста.

* * *

В-пятых. Теперь — тот вопрос, который, собственно говоря, и подлежит здесь исследованию: какое влияние может оказать на прибавочную стоимость изменение стоимости постоянного капитала?

Когда мы говорим, что стоимость средней дневной заработной платы равна 10 часам, или, что одно и то же, что из всего рабочего дня, например в 12 часов, в течение которых работает рабочий, требуется 10 часов для производства и возмещения его заработной платы, и что только то время, в течение которого он работает сверх этих 10 часов, представляет собой неоплаченное рабочее время и образует такую стоимость, которую капиталист [340] получает, не заплатив за нее, то это означает только то, что в общей сумме жизненных средств, потребляемых рабочим, содержится 10 часов рабочего времени. Эти 10 рабочих часов выражаются в известной сумме денег, на которую рабочий покупает необходимые ему жизненные средства.

Но стоимость товаров определяется содержащимся в них рабочим временем, безразлично, содержится ли это рабочее время в сырье, в изношенных машинах или в том труде, который рабочий с помощью машин вновь присоединил к сырью. Поэтому, если бы произошло постоянное (а не только преходящее) изменение стоимости сырья или машин, входящих в данный товар, — изменение, вызванное изменением производительности труда, производящего это сырье и эти машины, короче, содержащийся в товаре постоянный капитал, — и если бы в результате этого изменения для производства соответствующей составной части товара теперь требовалось большее количество рабочего времени, чем раньше, или же меньшее количество его, то товар в силу этого сам стал бы дороже или дешевле (при неизменной производительности того труда, который превращает сырье в продукт, и при неизменной величине рабочего дня). В результате этого издержки производства рабочей силы, т. е. ее стоимость, повысились бы или понизились бы; так что если раньше рабочий из 12 часов работал на себя самого 10 часов, то он должен был бы теперь работать на самого себя 11 часов — или, в противоположном случае, только лишь 9 часов. В первом случае его работа на капиталиста, т. е. прибавочная

стоимость, уменьшилась бы наполовину, с 2 часов до 1. Во втором случае она увеличилась бы наполовину, с 2 часов до 3. В последнем случае норма прибыли и масса прибыли капиталиста увеличились бы: первая уже оттого, что стоимость постоянного капитала уменьшилась, обе они — оттого, что норма прибавочной стоимости (и ее абсолютная величина) увеличилась бы.

Только таким способом изменение стоимости постоянного капитала может влиять на стоимость труда, на издержки производства заработной платы, или на разделение рабочего дня между капиталистом и рабочим, а значит также и на прибавочную стоимость.

Однако это означает только то, что для капиталиста, который, например, прядет хлопок, необходимое рабочее время его собственных рабочих определяется производительностью труда не только в прядильной промышленности, но также в производстве хлопка, машин и т. д., а равным образом и производительностью во всех тех отраслях производства, продукты которых хотя и не входят как постоянный капитал — ни как сырье, ни как машины и т. д. — в его продукт (который, согласно предположению, входит в потребление рабочего), в пряжу, но образуют часть оборотного капитала, затрачиваемого на заработную плату, т. е. равным образом и производительностью труда, производящего предметы питания и т. д. То, что в одной отрасли производства выступает как продукт, в другой отрасли фигурирует как материал труда или как средство труда; поэтому постоянный капитал одной отрасли производства состоит из продукта другой отрасли производства и выступает в другой отрасли производства не как постоянный капитал, а как результат производства внутри этой отрасли. Для отдельного капиталиста не безразлично, происходит ли повышение производительности труда (а значит, и падение стоимости рабочей силы) в его собственной отрасли производства или в тех отраслях, которые доставляют его предприятию постоянный капитал. Для класса капиталистов — для капитала в целом — это одно и то же.

Таким образом, тот случай, с которым мы здесь имеем дело {когда падение (или противоположное изменение) стоимости постоянного капитала происходит не оттого, что в отрасли производства, применяющей этот постоянный капитал, производство ведется в расширенном масштабе, а оттого, что издержки производства самого постоянного капитала изменились}, целиком укладывается в те законы, которые были выведены относительно прибавочной стоимости ⁸⁴.

Вообще, когда мы говорим о прибыли и о норме прибыли, то предполагается, что *прибавочная стоимость дана* и, следовательно, что все те факторы, которые влияют на прибавочную стоимость, уже *оказали* свое действие. Все это предполагается в качестве предпосылки.

* * *

В-шестых. Здесь еще можно было бы разобрать, как отношение постоянного капитала к переменному, а *потому* и норма прибыли, изменяется благодаря особой форме прибавочной стоимости, а именно удлинению рабочего времени за пределы нормального рабочего дня. [341] В результате этого уменьшается относительная стоимость постоянного капитала, а также та пропорциональная часть стоимости, которую постоянный капитал образует в совокупной стоимости продукта. Но оставим это для третьей главы⁸⁵, куда вообще относится большая часть того, что было разобрано здесь.

* * *

Г-н Милль, опираясь на данную им блестящую иллюстрацию, выставляет следующее общее (рикардианское) положение:

«*Единственное* выражение закона прибыли... это то, что прибыль зависит от издержек производства заработной платы» (цит. соч., стр. 104—105).

Необходимо сказать как раз обратное: норма прибыли {а о ней-то и говорит Милль} только в одном-единственном случае зависит *исключительно* от издержек производства заработной платы, и это есть тот случай, когда норма прибавочной стоимости и норма прибыли *тождественны*. Но это возможно только в том почти невозможном в капиталистическом производстве случае, когда весь авансируемый капитал авансируется непосредственно на заработную плату, когда никакой постоянный капитал, ни в качестве сырья, ни в качестве машин, зданий и т. д., не входит в продукт, или когда сырье и т. д., поскольку оно входит в продукт, само не является продуктом труда, т. е. ничего не стоит. *Только* в этом случае изменения нормы прибыли тождественны с изменениями нормы прибавочной стоимости, или — что одно и то же — с изменениями издержек производства заработной платы.

А в общем (и это включает также и только что указанный исключительный случай) норма прибыли равняется отношению

прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала.

Если мы обозначим прибавочную стоимость через M , а стоимость авансированного капитала через K , то норма прибыли будет $M : K$, или $\frac{M}{K}$. Это отношение определяется как величи-

ной M {причем в определение величины M входят все обстоятельства, определяющие издержки производства заработной платы}, так и величиной K . Но K , совокупная стоимость авансированного капитала, состоит из постоянного капитала c и переменного (затрачиваемого на заработную плату) капитала v .

Следовательно, норма прибыли равна $\frac{M}{v+c}$, или $\frac{M}{K}$. Но само M ,

прибавочная стоимость, определяется не только своей собственной нормой, т. е. отношением прибавочного труда к необходимому, или делением рабочего дня между капиталом и трудом, его делением на оплаченное и неоплаченное рабочее время. Масса прибавочной стоимости, т. е. абсолютная величина прибавочной стоимости, определяется также и числом рабочих дней, одновременно эксплуатируемых капиталом. А эта масса рабочего времени, примененного при определенной норме неоплаченного труда, зависит для определенного капитала от того времени, в течение которого продукт задерживается в собственном *процессе производства*, не требуя труда или того же количества труда, какое требовалось раньше (например, вино в период его выдерживания в погребе, зерно, однажды посеянное в землю, кожи или другие материалы, которые в продолжение известного времени подвергаются действию химических сил, и т. д.), а также от продолжительности времени обращения товара, от продолжительности метаморфоза товара, или от величины интервала между его завершением в качестве продукта и его воспроизводством в качестве товара. Сколько рабочих дней одновременно {если дана стоимость заработной платы, а значит и норма прибавочной стоимости} может быть применено, зависит в общем от *величины капитала*, затрачиваемого на заработную плату. А только что упомянутые обстоятельства изменяют вообще совокупную массу времени живого труда, которую капитал какой-нибудь определенной величины может применить на протяжении определенного *периода*, например в пределах одного года. Эти обстоятельства и определяют абсолютное количество рабочего времени, которое может быть применено данным капиталом. Но это ничего не меняет в том, что прибавочная стоимость определяется исключительно своей собственной нормой, помноженной на число одновременно

применяемых рабочих дней. Указанные обстоятельства определяют только последний из этих двух факторов — количество применяемого рабочего времени.

Норма прибавочной стоимости равна доле прибавочного труда в *одном* рабочем дне, т. е. равна прибавочной стоимости, производимой в один рабочий день. Например, если рабочий день равен 12 часам, а прибавочный труд равен 2 часам, то эти 2 часа составляют $\frac{1}{6}$ от 12 часов, или, лучше сказать, эти 2 часа мы должны исчислять на необходимый труд (или на уплаченную за него заработную плату, которая является *тем же* количеством рабочего времени в овеществленной форме), и тогда доля прибавочного труда будет равна $\frac{1}{5}$ ($\frac{1}{5}$ от 10 часов составляет 2 часа; $\frac{1}{5} = 20\%$). Здесь величина прибавочной стоимости (на один рабочий день) всецело определяется нормой прибавочной стоимости. Если теперь капиталист применяет 100 таких [342] рабочих дней, то прибавочная стоимость (ее абсолютная величина) равняется 200 рабочим часам. Норма прибавочной стоимости осталась прежней: 200 часов на 1 000 часов необходимого труда, т. е. $\frac{1}{5}$, или 20%. Если норма прибавочной стоимости дана, то ее величина всецело зависит от числа применяемых рабочих, т. е. от абсолютной величины капитала, затрачиваемого на заработную плату, от переменного капитала. Если дано количество применяемых рабочих, т. е. *величина* капитала, затрачиваемого на заработную плату, переменного капитала, то величина прибавочной стоимости всецело зависит от ее нормы, т. е. от отношения прибавочного труда к необходимому, от издержек производства заработной платы, от разделения рабочего дня между капиталистом и рабочим. Если 100 рабочих (работающих 12 часов в день) отдают мне 200 рабочих часов, то абсолютная величина прибавочной стоимости равняется 200 часам, а норма прибавочной стоимости составляет $\frac{1}{5}$ одного [оплаченного] рабочего дня, или 2 рабочих часа. Прибавочная стоимость равна здесь 2 часам, помноженным на 100. Если 50 рабочих отдают мне 200 рабочих часов, то абсолютная величина прибавочной стоимости равняется 200 рабочим часам, а норма прибавочной стоимости составляет $\frac{2}{5}$ одного (оплаченного) рабочего дня, т. е. 4 рабочих часа. Прибавочная стоимость равна здесь 4 часам, помноженным на 50. Так как абсолютная величина прибавочной стоимости равна произведению ее нормы на число рабочих дней, то она может оставаться без изменений несмотря на то, что множители изменились в обратном отношении друг к другу.

Норма прибавочной стоимости всегда выражается отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу. Ибо

переменный капитал равен абсолютной величине оплаченного рабочего времени, а прибавочная стоимость равняется абсолютной величине неоплаченного рабочего времени. Поэтому отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу всегда выражает отношение неоплаченной части рабочего дня к оплаченной. Предположим, что в предыдущем примере заработная плата за 10 часов равна, скажем, 1 талеру, где 1 талер представляет собой количество серебра, содержащее 10 рабочих часов. В таком случае 100 рабочих дней оплачиваются 100 талерами. Если теперь прибавочная стоимость равна 20 талерам, то норма прибавочной стоимости будет $\frac{20}{100}$, т. е. $\frac{1}{5}$, или 20%.

Или, что одно и то же, на 10 рабочих часов (равных 1 талеру) капиталист получает 2 рабочих часа, а на 100×10 , или 1 000, рабочих часов он получает 200 рабочих часов, которые равны 20 талерам.

Итак, хотя норма прибавочной стоимости определяется исключительно отношением прибавочного рабочего времени к необходимому, иначе говоря, соответственной частью рабочего дня, требующейся рабочему для производства его заработной платы, или издержками производства заработной платы, но величина прибавочной стоимости, кроме того, определяется числом рабочих дней, абсолютным количеством рабочего времени, применяемым при данной определенной норме прибавочной стоимости, т. е. абсолютной величиной затрачиваемого на заработную плату капитала (если норма прибавочной стоимости дана). Но так как прибыль есть отношение не нормы прибавочной стоимости, а абсолютной величины прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала, то норма прибыли очевидно определяется не только нормой прибавочной стоимости, но также и абсолютной величиной прибавочной стоимости — величиной, зависящей от взаимоотношения нормы прибавочной стоимости и числа рабочих дней, от величины капитала, затрачиваемого на заработную плату, и издержек производства заработной платы.

Если норма прибавочной стоимости дана, то ее величина зависит исключительно от величины авансированного (затраченного на заработную плату) капитала. Средняя заработная плата везде одна и та же. Другими словами, предполагается, что во всех отраслях производства рабочий получает заработную плату, равную, например, 10 часам. (В тех отраслях, где заработная плата выше средней заработной платы, это для нашего исследования и для самого дела то же самое, как если бы капиталист применял *больше* простых рабочих.) Таким образом, если пред-

положить, что прибавочный труд везде одинаков, а значит одинаков и весь нормальный рабочий день (неодинаковости выравниваются отчасти тем, что один час сложного труда приравнивается, например, к двум часам простого труда), [343] то величина прибавочной стоимости зависит исключительно от величины авансированного [на заработную плату] капитала. Поэтому можно сказать, что массы прибавочной стоимости относятся друг к другу как величины авансированных (на заработную плату) капиталов. Однако это не может быть сказано о прибыли, так как прибыль представляет собой отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости всего авансированного капитала, а в капиталах одинаковой величины их составные части, затрачиваемые на заработную плату, или отношение переменного капитала ко всему капиталу, могут быть весьма различны и бывают весьма различны. Величины прибыли зависят здесь от отношения — в различных капиталах — переменного капитала ко всему капиталу, т. е. от $\frac{v}{c+v}$. Следовательно, если норма прибавочной стоимости дана, — а она всегда выражается дробью $\frac{m}{v}$, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, — то норма прибыли определяется исключительно отношением переменного капитала ко всему капиталу.

Итак, норма прибыли *определяется, во-первых, нормой прибавочной стоимости*, или отношением неоплаченного труда к оплаченному; и она изменяется, повышается или падает (поскольку это действие не парализуется движением других определяющих моментов), с изменением нормы прибавочной стоимости. Норма же прибавочной стоимости повышается или падает в *прямой* зависимости от производительности труда и в *обратной* зависимости от издержек производства заработной платы, или от количества необходимого труда, т. е. в *обратной* зависимости от стоимости труда.

А *во-вторых*, норма прибыли определяется отношением переменного капитала ко всему капиталу: $\frac{v}{c+v}$. Дело в том, что абсолютная величина прибавочной стоимости, при данной норме прибавочной стоимости, зависит исключительно от величины переменного капитала, которая, при сделанном нами предположении, определяется количеством одновременно применяемых рабочих дней, абсолютной величиной применяемого рабочего времени, или лишь выражает это количество, эту величину. Норма же прибыли зависит от отношения этой, данной в переменном капитале, абсолютной величины прибавочной

стоимости, ко всему капиталу, т. е. от отношения переменного капитала ко всему капиталу, от $\frac{v}{c+v}$. Так как при исчислении нормы прибыли прибавочная стоимость M предполагается данной, а значит, предполагается данным также и v , то все изменения в $\frac{v}{c+v}$ могут проистекать лишь из изменений в величине c , т. е. постоянного капитала. Ибо если дано v , то сумма $c + v$, или K , может изменяться лишь тогда, когда изменяется c , а с изменением этой суммы изменяется и отношение $\frac{v}{c+v}$, или $\frac{v}{K}$.

Если $v = 100$ и $c = 400$, то $v + c = 500$, и $\frac{v}{v+c} = \frac{100}{500} = \frac{1}{5} = 20\%$. Таким образом, если норма прибавочной стоимости составляла $\frac{5}{10}$, или $\frac{1}{2}$, то прибавочная стоимость будет равна 50. Но так как переменный капитал составляет лишь $\frac{1}{5}$ всего капитала, то прибыль составит $\frac{1}{2}$ от $\frac{1}{5}$, т. е. $\frac{1}{10}$ всего капитала. И в самом деле, $\frac{1}{10}$ от 500 будет 50. Норма прибыли будет 10%. Отношение $\frac{v}{v+c}$ изменяется с каждым изменением величины c , но, конечно, не в том же числовом выражении. Если предположить, что первоначально как v , так и c были равны 10, т. е. что совокупный капитал состоял наполовину из переменного и наполовину из постоянного капитала, то $\frac{v}{v+c} = \frac{10}{10+10} = \frac{10}{20} = \frac{1}{2}$. Таким образом, если прибавочная норма [die Mehrtrate] составляла $\frac{1}{2}v$, то она будет составлять $\frac{1}{4}$ от K . Или, если прибавочная стоимость составляет 50%, то в рассматриваемом случае, в котором переменный капитал составляет $\frac{K}{2}$, норма прибыли будет 25%. Если теперь предположить, что постоянный капитал удваивается, возрастает с 10 до 20, то $\frac{v}{c+v} = \frac{10}{20+10} = \frac{10}{30} = \frac{1}{3}$. (Прибавочная норма, составлявшая $\frac{1}{2}$ от 10, была бы теперь равна $\frac{1}{2}$ от $\frac{1}{3} K$, т. е. $\frac{1}{6}$ от 30, т. е. она равнялась бы 5. Половина от 10 тоже равняется 5. Исчисленные на 10, эти 5 единиц дают 50%. Исчисленные на 30, они дают $16\frac{2}{3}\%$. Между тем раньше эти 5 единиц исчислялись на 20 и давали $\frac{1}{4}$, т. е. 25%.) Постоянный капитал удвоился, т. е. увеличился с 10 до 20; но сумма $c + v$ возросла лишь наполовину, а именно с 20 до 30. Постоянный капитал увеличился на 100%, сумма $c + v$ лишь на 50%. Отношение

$\frac{v}{c+v}$, первоначально равнявшееся $\frac{10}{20}$, уменьшилось всего лишь до $\frac{10}{30}$, с $1\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{3}$, или с $\frac{3}{6}$ до $\frac{2}{6}$, т. е. уменьшилось лишь на $\frac{1}{6}$, в то время как постоянный капитал удвоился. Каким образом рост или уменьшение постоянного капитала затрагивает пропорцию $\frac{v}{c+v}$, очевидно зависит от той пропорции, в которой c и v первоначально составляли части всего капитала K , образуемого суммой $c + v$.

[344] *Постоянный капитал* (т. е. его стоимость) может возрастать (или падать), *во-первых*, при остающейся без изменений массе применяемого сырья, машин и т. д. Следовательно, в этом случае изменения в постоянном капитале не обусловлены производственными условиями того процесса производства, в который он входит как постоянный капитал, а происходят независимо от них. Но каковы бы ни были те *причины*, которые вызывают это изменение стоимости постоянного капитала, они всегда влияют на норму прибыли. В этом случае та же масса сырья, машин и т. д. имеет больше или же меньше стоимости, чем прежде, потому, что для их производства потребовалось больше или же меньше рабочего времени, чем прежде. Здесь изменения стоимости обусловлены производственными условиями тех процессов, из которых составные части постоянного капитала выходят в качестве продуктов. Выше * мы исследовали, как это действует на норму прибыли.

Но когда в одной и той же отрасли производства постоянный капитал (например, сырье) повышается или падает в стоимости в результате удорожания или удешевления производства самого этого постоянного капитала, то это оказывает на норму прибыли совершенно такое же влияние, какое имеет место в тех случаях, когда в одной из отраслей производства (или даже в той же самой) для одного товара применяется более дорогое сырье, чем для другого, — при одинаковых затратах на заработную плату.

Там, где при одинаковой затрате на заработную плату обрабатываемое одним капиталом сырье (например, пшеница) дороже сырья (например, овса), обрабатываемого другим капиталом (или: серебро и медь и т. д., шерсть и хлопок и т. д.), там норма прибыли на эти капиталы должна находиться в обратном отношении к дороговизне сырья. Поэтому, если в обеих отраслях производства получается в среднем одинаковая прибыль, то это возможно лишь в результате того, что внутри класса

* См. настоящее издание, часть III, стр. 224—232. *Ред.*

капиталистов прибавочная стоимость распределяется между различными капиталистами не в соответствии с той прибавочной стоимостью, которую каждый капитал производит в своей особой сфере производства, а в соответствии с размерами применяемых капиталов. Это может происходить двояким образом. *А*, обрабатывающий более дешевый материал, продает свой товар по его действительной стоимости и, следовательно, получает в деньгах произведенную им самим прибавочную стоимость. Цена его товара равна его стоимости. *В*, обрабатывающий более дорогой материал, продает свой товар выше его стоимости, устанавливает цену на таком уровне, [при котором товар приносит ему такую же прибыль,] как если бы он обрабатывал более дешевый материал. Если затем *А* и *В* обменивают свои товары, то это то же самое для *А*, как если бы он скалькулировал в цене своего товара меньше прибавочной стоимости, чем на самом деле содержится в товаре. То же самое получилось бы в том случае, если бы оба, *А* и *В*, заранее установили норму прибыли в соответствии с величиной затраченного капитала, т. е. если бы они совокупную прибавочную стоимость распределили между собой в соответствии с величиной затраченных ими капиталов. *А* это и есть то, что понимается под общей нормой прибыли ⁸⁶.

Само собой разумеется, что такого рода выравнивание не наступает в тех случаях, когда постоянная часть определенного капитала (например, сырье) повышается или падает в стоимости на короткое время — в результате влияния плохих или хороших урожаев и т. д., хотя не подлежит никакому сомнению, что чрезвычайные прибыли, получаемые владельцами хлопкопрядильных предприятий, например, в годы особенно обильного урожая хлопка, привлекают в эту отрасль промышленности массу нового капитала и стимулируют строительство массы новых фабрик и хлопкообрабатывающих машин. Поэтому, если вслед за тем наступает плохой для хлопка год, то это еще больше увеличивает потери [от внезапного повышения цен на хлопок].

Во-вторых, при неизменных издержках производства машин и сырья, короче — постоянного капитала, может потребоваться большая масса этого постоянного капитала и, стало быть, соответственно возрасти ее стоимость — по той причине, что изменились производственные условия тех процессов, в которые указанные составные части постоянного капитала входят в качестве средств производства. В этом случае, как и в предыдущем, возрастание стоимости постоянного капитала, конечно, вызывает падение нормы прибыли; но, с другой стороны, сами

эти изменения производственных условий свидетельствуют о том, что труд стал здесь производительнее и что, следовательно, норма прибавочной стоимости повысилась. Ибо прежнее количество живого труда потребляет здесь больше сырья, чем прежде, только потому, что он обрабатывает это сырье в более короткое время, и применяется здесь больше машин только потому, что стоимость этих машин меньше, чем стоимость того труда, который они заменяют. Здесь, следовательно, падение нормы прибыли более или менее компенсируется возрастанием нормы прибавочной стоимости, а потому и абсолютной величины прибавочной стоимости.

Наконец, оба обстоятельства, вызывающие изменение стоимости постоянного капитала, могут действовать совместно в весьма различных комбинациях. Например, [345] средняя стоимость хлопка-сырца понизилась, но одновременно в еще большей мере возросла стоимость всей массы хлопка, обрабатываемой за определенное время. Другой пример: возросла стоимость одного фунта шерсти и стоимость всей массы шерсти, обрабатываемой за определенное время. Третий пример: вся возросшая масса применяемых машин стала абсолютно дороже, но по отношению к их эффективности они стали дешевле, и т. д.

До сих пор предполагалось, что переменный капитал остается без изменения. Но переменный капитал может и сам уменьшаться не только относительно, по сравнению с величиной постоянного капитала, но и абсолютно — например, в земледелии. Или же переменный капитал может абсолютно возрастать. Но тогда получается то же самое, как если бы он оставался без изменения, поскольку постоянный капитал, по указанным выше причинам, возрастает либо в большей степени, либо в той же самой степени.

Если постоянный капитал остается без изменений, то каждое его увеличение или уменьшение по отношению к переменному капиталу объясняется лишь тем, что это относительное увеличение или уменьшение постоянного капитала происходит в результате абсолютного уменьшения или увеличения переменного капитала.

Если переменный капитал остается без изменений, то каждое увеличение или уменьшение постоянного капитала может объясняться лишь его собственным абсолютным увеличением или уменьшением.

Если изменения имеют место одновременно в обоих капиталах, то после вычета того изменения, которое одинаково в обоих, получается то же самое, как если бы один капитал остался без изменения, а другой увеличился или уменьшился.

Но раз уж дана норма прибыли, то масса прибыли зависит от величины применяемых капиталов. Крупный капитал с низкой нормой прибыли доставляет большую прибыль, чем малый капитал с высокой нормой прибыли.

* * *

Здесь можно закончить это отступление.

В сочинении Дж. Ст. Милля надо еще отметить только два следующих положения:

«Капитал, строго говоря, не обладает *производительной силой*. Единственная производительная сила есть сила труда, которая, конечно, пользуется помощью орудий и направляет свое действие на тот или иной материал» (цит. соч., стр. 90).

Строго говоря, Милль смешивает здесь капитал с теми вещественными составными частями, из которых он состоит. Но это положение хорошо для тех, которые совершают то же самое смешение и тем не менее говорят о производительной силе капитала. Также и здесь, конечно, утверждение Милля верно лишь постольку, поскольку имеется в виду производство стоимости. Ведь и природа производит, если говорить только о потребительной стоимости.

«Производительная сила капитала есть не что иное, как то количество действительной производительной силы, которым капиталист может распоряжаться благодаря своему капиталу» (цит. соч., стр. 91).

Здесь капитал правильно рассматривается как производственное отношение. [VIII—345]

* * *

[XIV—851] В одной из предыдущих тетрадей ⁸⁷ я подробно разобрал те насильственные попытки, которые делает Милль (в «Some Unsettled Questions» etc. London, 1844), чтобы рикардовский закон о *норме прибыли* (о ее обратной пропорциональности по отношению к заработной плате) вывести непосредственно из теории стоимости, не делая различия между *прибавочной стоимостью* и *прибылью*.

[8) ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Все данное выше изображение рикардианской школы показывает, как разложение этой школы происходит по двум пунктам:

1) Обмен между капиталом и трудом соответственно закону стоимости.

2) Образование общей нормы прибыли. Отождествление прибавочной стоимости и прибыли. Непонятное отношение между стоимостями и ценами издержек.

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ]

**ПРОЛЕТАРСКИЕ ПРОТИВНИКИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМОВ,
ИСХОДИВШИЕ ИЗ РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИИ**

[852] В рикардовский период политической экономии перед нами выступают вместе с тем и противники [буржуазной политической экономии] — коммунизм (Оуэн) и социализм (Фурье, Сен-Симон) (социализм — только еще на самых начальных стадиях своего развития). Однако, в соответствии с нашим планом, нам надо здесь рассмотреть только тех противников, которые сами исходят из предпосылок политико-экономов.

Из цитируемых нами в дальнейшем сочинений будет видно, что все они, действительно, исходят из рикардовской формы.

**1) ПАМФЛЕТ «THE SOURCE AND REMEDY OF THE NATIONAL
DIFFICULTIES»**

**[а) ВЗГЛЯД НА ПРИБЫЛЬ, РЕНТУ И ПРОЦЕНТ КАК
НА ПРИБАВОЧНЫЙ ТРУД РАБОЧИХ. СООТНОШЕНИЕ
МЕЖДУ НАКОПЛЕНИЕМ КАПИТАЛА И ТАК НАЗЫВАЕМОМ
«РАБОЧИМ ФОНДОМ»]**

«The Source and Remedy of the National Difficulties, deduced from Principles of Political Economy, in a Letter to Lord John Russel». London, 1821 (без имени автора).

Этот малоизвестный памфлет (размером около 40 страниц), появившийся в то время, когда начал привлекать к себе внимание «этот невероятный кропатель»⁸⁸ Мак-Куллох, содержит существенный шаг вперед по сравнению с Рикардо. Прибавочную стоимость, или «прибыль», как ее называет Рикардо (который часто называет ее также и «прибавочным продуктом»), или «процент», как ее называет автор памфлета, этот автор

прямо характеризует как «*прибавочный труд*», труд, выполняемый рабочим бесплатно, — выполняемый сверх того количества труда, которым возмещается стоимость его рабочей силы, или производится эквивалент его заработной платы. Насколько важно было свести *стоимость* к труду, настолько же важно было *прибавочную стоимость*, которая представлена в *прибавочном продукте*, свести к *прибавочному труду*. По сути дела это было сказано уже А. Смитом * и составляет один из главных моментов в том, что дал Рикардо. Но у Рикардо это нигде не высказано и не зафиксировано в *абсолютной форме*.

Если у Рикардо и других политико-экономов интерес направлен только на то, чтобы понять отношения капиталистического производства и объявить их абсолютными формами производства, то рассматриваемый нами памфлет и остальные подлежащие здесь рассмотрению сочинения той же категории овладевают вскрытыми Рикардо и другими политико-экономами тайнами капиталистического производства для того, чтобы с позиций промышленного пролетариата выступить против капиталистического производства.

[Автор памфлета говорит:]

«Сколько бы ни *причиталось* на долю капиталиста» (с точки зрения капитала), «он *может получить только прибавочный труд* рабочего, так как рабочий должен *жить*» (назв. соч., стр. 23).

Эти необходимые условия жизни, этот минимум, на который может жить рабочий, а потому и количество прибавочного труда, какое может быть выжато из него, представляют собой, правда, нечто весьма относительное.

«Если по мере возрастания величины капитала его стоимость ⁸⁹ не уменьшается, то капиталисты будут выжимать из рабочих продукт каждого рабочего часа сверх того минимума, на который рабочий *может существовать*. И каким бы ужасным и отвратительным это ни казалось, капиталист может в конце концов ориентироваться на такие продукты питания, производство которых требует наименьшего количества труда, и в конце концов может сказать рабочему: ты не должен есть хлеба, потому что ячменная мука дешевле; ты не должен есть мяса, потому что можно питаться свеклой и картошкой. И мы уже дошли до этого» (там же, стр. 23—24).

«Если рабочего можно довести до того, что он будет питаться картошкой вместо хлеба, то неоспоримо верно, что при таком положении из его труда можно выколотить больше; т. е. если при питании хлебом он был *вынужден для содержания себя и своей семьи затрачивать труд понедельника и вторника*, то при питании картошкой ему потребуется для этого только половина понедельника, а *другая половина понедельника и весь вторник* высвободятся в пользу государства или для капиталиста» (там же, стр. 26).

* См. настоящее издание, часть I, стр. 53—59 и часть II, стр. 448. Ред.

Здесь прибыль и т. д. прямо сведена к присвоению такого рабочего времени, за которое рабочий не получает никакого эквивалента.

«Является общепризнанным, что уплачиваемый капиталистам процент, имеет ли он природу ренты, ссудного процента или предпринимательской прибыли, уплачивается из *труда других*» (там же, стр. 23).

Итак, рента, ссудный процент, предпринимательская прибыль суть лишь различные формы «процента на капитал», который в свою очередь сводится к «*прибавочному труду* рабочего». Этот прибавочный труд представлен в прибавочном продукте. Капиталист является владельцем прибавочного труда или прибавочного продукта. Прибавочный продукт есть капитал.

«Предположим, что... нет *никакого прибавочного труда*, нет, следовательно, ничего такого, что можно было бы накапливать как капитал...» (там же, стр. 4).

И сейчас же вслед за этим он говорит:

«Владельцы прибавочного продукта, *или* капитала...» (там же).

В совершенно другом тоне, чем ноющие рикардянцы, автор говорит:

«Естественным и необходимым следствием увеличения капитала является уменьшение его стоимости» (стр. 22).

Относительно Рикардо он заявляет:

«К чему стараться доказать нам, что никакое накопление капитала не понизит прибыль, так как, дескать, понизить прибыль может только повышение заработной платы, — раз оказывается, что если население не увеличивается с ростом капитала, заработная плата повышается вследствие несоответствия между капиталом и трудом, а если население при этом увеличивается, заработная плата повышается вследствие трудности добывать пищу?» (стр. 23).

[853] Если бы «стоимость капитала», — т. е. «процент на капитал», т. е. тот прибавочный труд, которым капитал распоряжается, который он себе присваивает, — не уменьшалась по мере возрастания величины капитала, то происходило бы нарастание процентов на проценты, имела бы место геометрическая прогрессия; и подобно тому как эта прогрессия, вычисленная в деньгах (см. *Прайса*), предполагает *невозможное* накопление (невозможную норму накопления), так и при сведении ее к ее настоящему элементу, к труду, она поглотила бы как «причитающийся на долю» капитала не только прибавочный труд, но и необходимый труд. (К фантазии Прайса вернуться в разделе о доходе и его источниках ⁹⁰.)

«Если бы было возможно непрерывно увеличивать капитал и одновременно с этим поддерживать на прежнем уровне стоимость капитала, показателем чего была бы неизменность ставки ссудного процента, то проценты, подлежащие уплате за пользование капиталом, вскоре превысили бы весь продукт труда... Капитал имеет тенденцию увеличивать капитал более чем в арифметической прогрессии. Является общепризнанным, что уплачиваемый капиталистам *процент*, имеет ли он природу ренты, ссудного *процента* или предпринимательской *прибыли*, уплачивается из труда других. Поэтому, если капитал продолжает накапливаться, то при сохранении прежней процентной ставки тот труд, который отдается за пользование капиталом, должен все более возрастать, пока весь труд всех рабочих страны не будет поглощен капиталистом. Но это никогда не может произойти; ибо сколько бы ни *причиталось* на долю капиталиста, он может *получить только прибавочный труд* рабочего, так как рабочий должен жить» (стр. 23).

Но каким образом уменьшается «стоимость капитала», автору памфлета не ясно. Он сам говорит, что по мнению Рикардо это происходит либо оттого, что заработная плата повышается, когда капитал накапливается быстрее, чем возрастает население, либо оттого, что *стоимость* заработной платы (но не ее количество в жизненных средствах) увеличивается, когда население возрастает быстрее, чем накапливается капитал (или даже при их [одинаковом] *одновременном росте*), в результате уменьшающейся продуктивности земледелия. Но как объясняет это наш аноним? Последнего он не принимает; заработная плата по его мнению все больше понижается до возможного минимума. Он говорит, что [понижение «процента» на капитал] возможно лишь в результате того, что, хотя рабочего и эксплуатируют больше или столько же, та часть капитала, которая обменивается на живой труд, относительно уменьшается.

Во всяком случае, заслугой анонимного автора является то, что бессмыслица насчет геометрической прогрессии процентов сведена у него к ее настоящему смыслу, т. е. к бессмыслице *.

К тому же, по мнению анонимного автора, имеются два способа препятствовать тому, чтобы с возрастанием прибавочного продукта или прибавочного труда капитал вынужден был отдавать обратно рабочим все большую часть нагребленного им.

* [XV — 862a] То обстоятельство, что прибавочная стоимость тождественна с прибавочным трудом, устанавливает *качественную* границу для накопления капитала, которая определяется продолжительностью *всего рабочего дня* (тем временем, в течение которого рабочая сила может действовать в пределах 24 часов), наличной в данный момент ступенью развития производительных сил и численностью *населения*, лимитирующей число рабочих, могущих подвергаться эксплуатации одновременно. Если же, напротив, прибавочную стоимость рассматривать в лишенной понятия *форме процента*, т. е. как такое отношение, в котором капитал увеличивает себя посредством некоего мистического фокуса, то граница для накопления капитала оказывается всего лишь *количественной*, и абсолютно нельзя понять, почему капитал каждое утро все снова и снова не присоединяет к себе проценты в качестве нового капитала, создавая тем самым бесконечную прогрессию процентов на проценты. [XV — 862a]

Первый способ, это — превращение прибавочного продукта в основной капитал, что препятствует тому, чтобы «рабочий фонд», или та часть продукта, которая потребляется рабочими, обязательно возрастал с накоплением капитала.

Второй способ, это — внешняя торговля, дающая капиталистам возможность обменивать прибавочный продукт на заграничные предметы роскоши и таким образом самим потреблять его. Благодаря этому даже та часть продукта, которая состоит из *предметов необходимости*, вполне может возрасть без того, чтобы она обязательно должна была в форме заработной платы притекать обратно к рабочим, хотя бы до некоторой степени в соответствии со своим ростом.

Следует заметить, что первый способ, действующий лишь периодически, а затем парализующий свое действие (по крайней мере, в той степени, в какой основной капитал состоит из таких машин и т. д., которые сами входят в производство предметов необходимости), обуславливает превращение прибавочного продукта в капитал, тогда как второй способ обуславливает потребление все возрастающей части прибавочного продукта капиталистами, растущее потребление последних, а не *обратное превращение* прибавочного продукта в капитал. Если бы данный прибавочный продукт оставался в той форме, в которой он непосредственно существует, то значительная часть его должна была бы быть обменена с рабочими как переменный капитал. Следствием этого было бы повышение заработной платы и уменьшение абсолютной или относительной прибавочной стоимости. В этом собственно и заключается тайна проповедуемой Мальтусом необходимости растущего потребления «богатых», *чтобы та часть продукта, которая обменивается на труд, превращается в капитал, имела высокую стоимость, приносила солидную прибыль, поглощала много прибавочного труда*. Только предоставляет Мальтус усиленное потребление не самим промышленным капиталистам, а предназначает для этой *функции* *земельных собственников*, обладателей синекур и т. д., так как стремление к накоплению и стремление к расточительству, соединенные в одном и том же лице, сыграли бы скверную шутку друг с другом. Здесь также выступает наружу то, что было ошибочного во взглядах Бартена, Рикардо и других. Заработная плата определяется не той частью совокупной массы продукта, которая может быть потреблена как *переменный* капитал, или может быть превращена в таковой, а той частью этой массы, которая фактически превращается в него. Часть этих продуктов может даже в своем натуральном виде быть съедена всякого рода прихлебателями, другая часть может быть потреблена

в виде предметов роскоши благодаря внешней торговле и т. д.

Наш памфлетист упускает из виду две вещи.

В результате введения машин масса рабочих постоянно лишается работы, что создает избыточное население; таким образом, прибавочный продукт находит в готовом виде новую рабочую силу, на которую он может быть обменен и при отсутствии роста населения и без необходимости удлинять абсолютное рабочее время. Положим, раньше было занято 500 рабочих, а теперь занято 300, которые доставляют относительно большее количество прибавочного труда. Остальные 200 рабочих могут быть наняты на прибавочный продукт, как только последний достаточно вырастет. Часть прежнего [переменного] капитала превращается в основной капитал, другая часть дает занятие меньшему количеству рабочих, но извлекает из них, по сравнению с их числом, большее количество прибавочной стоимости и, в особенности, большее количество прибавочного продукта. Остальные 200 рабочих являются материалом, созданным для капитализирования нового прибавочного продукта.

[853a] Превращение *предметов необходимости* в *предметы роскоши* посредством внешней торговли, как это изложено в памфлете, важно само по себе —

1) потому, что это кладет конец нелепости, будто заработная плата зависит от массы произведенных предметов необходимости, как если бы эти предметы необходимости обязательно должны были быть потреблены в этой форме их производителями или хотя бы всем производящим народом *en masse* *, т. е. обязательно должны были быть обратно превращены в переменный капитал, или, как выражаются Бартон и Рикардо, в «оборотный капитал»;

2) потому, что этим определяется вся общественная форма отсталых стран — например, рабовладельческих штатов в Северо-Американских Соединенных Штатах (см. *Кернса* ⁹¹) или *Польши* и т. д., — которые связаны с мировым рынком, покоящимся на капиталистическом производстве (что понимал уже старый *Бюш*, если он и это не украл у *Стюарта*). Как бы ни был велик тот прибавочный продукт, который такие страны извлекают из прибавочного труда своих рабов в простой форме, в виде хлопка-сырца или хлеба в зерне, они могут оставаться при этом простым, недифференцированным трудом благодаря тому, что внешняя торговля дает им возможность придавать этому простому продукту любую форму потребительной стоимости.

* — в целом. Ред.

Утверждение, будто от величины «оборотного капитала» зависит та часть годового продукта, которая должна быть затрачена в виде заработной платы, было бы столь же основательно, как и утверждение, будто в том случае, когда значительная часть продукта состоит из «зданий» и когда строится много сравнительно с рабочим населением жилищ, пригодных для рабочих, рабочие должны в результате этого иметь хорошие и дешевые жилища, так как предложение жилищ увеличивается-де быстрее, чем спрос на них.

Верно, напротив, следующее: если прибавочный продукт велик и если значительную его часть капиталисты намерены употребить как капитал, то (при предположении, что эта солидная величина прибавочного продукта сама не получена уже на таком пути, который выбросил на улицу массу рабочих) спрос на труд должен расти, а потому должна возрастать и та часть прибавочного продукта, которая обменивается как заработная плата. При всех обстоятельствах, не *абсолютная величина* прибавочного продукта (в какой бы форме он ни существовал, хотя бы даже в форме предметов необходимости) является тем, что заставляет затрачивать этот прибавочный продукт в форме переменного капитала и потому ведет к росту заработной платы. Дело обстоит отнюдь не таким образом, а так, что страсть к капитализированию заставляет затрачивать значительную часть прибавочного продукта в форме переменного капитала и *поэтому* с накоплением капитала она привела бы к росту заработной платы, если бы машины постоянно не создавали избыточное население и если бы не было того, что все большая часть капитала (в частности, также и при помощи внешней торговли) обменивается на капитал, а не на труд. *Та часть прибавочного продукта, которая уже непосредственно производится в такой форме, в какой она может служить только капиталом, и та часть его, которая получает эту форму благодаря обмену с границей, растет быстрее той части, которая должна обмениваться на непосредственный труд.*

Фраза о том, что заработная плата зависит от существующего в данный момент капитала и что быстрое накопление капитала является поэтому единственным средством, могущим вызвать повышение заработной платы, сводится к нижеследующему.

С одной стороны, если отвлечься от той формы, в какой условия труда выступают как капитал, мы здесь имеем тавтологию: от производительности труда, выполняемого определенным числом рабочих, зависит то, как быстро может увеличиться это число без ухудшения условий их жизни. Чем больше

они производят сырья, орудий труда и жизненных средств, тем больше средств они имеют не только для того, чтобы воспитывать своих детей, пока те еще не могут работать сами, но и для того, чтобы реализовывать труд вновь подрастающего поколения и таким образом делать прирост населения и прирост производства тождественными друг другу и даже развивать производство в еще большей степени, чем растет население, так как с ростом населения растет искусство рабочего, растет разделение труда, растет возможность применения машин, растет постоянный капитал, — короче, растет производительность труда.

Если рост населения зависит от производительности труда, то производительность труда зависит от роста населения. Здесь имеет место взаимодействие. Но, выражаясь капиталистически, это означает, что жизненные средства рабочего населения зависят от производительности капитала, от того, что возможно большая часть продукта рабочих противостоит им как то, что распоряжается их трудом. Рикардо сам *правильно* выражает это — я имею в виду тавтологию, — ставя заработную плату в зависимость от производительности капитала, а последнюю от производительности труда *.

Что труд зависит от роста капитала, означает, стало быть, не что иное, как, *с одной стороны*, ту тавтологию, что [854] прирост жизненных средств населения и средств для применения его труда зависит от производительности его собственного труда, и, *во-вторых*, выражая это капиталистически, — что труд *зависит от того*, что его собственный продукт противостоит ему как *чужая собственность*, а потому и его собственная производительность противостоит ему как *производительность* той вещи, которую он создает.

Практически это означает, что рабочий должен присваивать себе возможно меньшую часть своего продукта, чтобы возможно большая часть его продукта противостояла ему как *капитал*; он должен возможно больше уступать *безвозмездно* капиталисту, чтобы возможно больше возрастали средства последнего для покупки вновь труда рабочего на то, что у рабочего было отнято безвозмездно. В этом случае возможна такая ситуация, что, если капиталист заставил рабочего очень много работать даром, он потом, в обмен на это полученное им без эквивалента, заставляет его работать даром несколько меньше. Однако так как такой результат препятствует как раз тому, что является целью стремлений, т. е. *возможно более быстрому накоплению*

* См. настоящее издание, часть II, стр. 601—602 и часть III, стр. 114—115. Ред.

капитала, то рабочий должен жить в таких условиях, что это уменьшение его бесплатной работы снова прекращается вследствие увеличения рабочего населения, будь то относительного, в результате введения машин, или абсолютного, в результате учащающихся браков. (Это — то же самое взаимоотношение, которое высмеивают рикардянцы, когда мальтузианцы проповедают его в качестве взаимоотношения между земельными собственниками и капиталистами.) Рабочие должны бесплатно отдавать капиталу возможно ббльшую часть своего продукта, чтобы при *более благоприятных* условиях купить себе обратно на свой новый труд часть отданного таким путем продукта. Но так как этот благоприятный поворот вместе с тем уничтожает условие благоприятного поворота, то он может быть лишь временным явлением и должен снова превратиться в свою собственную противоположность.

В-третьих. То, что имеет силу относительно превращения предметов необходимости в предметы роскоши посредством внешней торговли, имеет силу вообще относительно производства предметов роскоши, для неограниченного разнообразия и умножения которых внешняя торговля является, однако, действительно немаловажным условием. Хотя рабочие, занятые в производстве предметов роскоши, производят капитал для своего хозяина, но их продукт не может *in natura* * превратиться снова в капитал — ни в постоянный, ни в переменный.

Если не считать ту часть предметов роскоши, которая отправляется за границу для обмена на предметы необходимости, целиком или частично входящие в переменный капитал, то предметы роскоши представляют один лишь *прибавочный труд*, и притом прибавочный труд непосредственно *в той форме прибавочного продукта*, в которой он потребляется, как доход, богатыми. Предметы роскоши представляют, правда, прибавочный труд не одних только тех рабочих, которые их производят. Последние, напротив, выполняют в среднем столько же прибавочного труда, как и рабочие в других отраслях производства. Но подобно тому как любую $\frac{1}{3}$ продукта, содержащего в себе $\frac{1}{3}$ прибавочного труда, я могу рассматривать как воплощение этого прибавочного труда, а остальные $\frac{2}{3}$ продукта — как воспроизводство авансированного капитала, так и прибавочный труд производителей предметов необходимости, образующий заработную плату для производителей предметов роскоши, может быть представлен как необходимый труд рабочего класса, взятого в целом. Его прибавочный труд представлен: 1) в той

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

части предметов необходимости, которая потребляется капиталистами и их прихлебателями; 2) в совокупности предметов роскоши. По отношению к отдельному капиталисту или отдельным отраслям производства это представляется иначе. Для отдельного капиталиста часть произведенных им предметов роскоши представляет лишь эквивалент за авансированный капитал.

Если слишком большая часть прибавочного труда представлена непосредственно в форме предметов роскоши, то, очевидно, должна произойти заминка в накоплении и в расширении воспроизводства, так как слишком незначительная часть прибавочного продукта превращается обратно в капитал. Если форму предметов роскоши принимает слишком незначительная часть прибавочного труда, то накопление капитала (т. е. той части прибавочного продукта, которая может *in natura* снова служить в качестве капитала) будет происходить быстрее, чем увеличение населения, и норма прибыли будет падать, за исключением того случая, когда существует внешний рынок для предметов необходимости.

[6) К ВОПРОСУ ОБ ОБМЕНЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ДОХОДОМ ПРИ ПРОСТОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ И ПРИ НАКОПЛЕНИИ КАПИТАЛА]

Трактуя об обмене между капиталом и доходом *, я рассматривал заработную плату тоже как доход и вообще рассматривал только отношение постоянного капитала к доходу. То обстоятельство, что доход рабочих вместе с тем выступает как переменный капитал, важно лишь постольку, поскольку при накоплении — при образовании нового капитала — состоящий из жизненных средств (из предметов необходимости) избыток капиталиста, производящего жизненные средства, может непосредственно обмениваться на состоящий из сырья или орудий избыток капиталиста, производящего постоянный капитал. Здесь одна форма дохода обменивается на другую, [855] и когда обмен произведен, доход капиталиста *A* превращается в постоянный капитал капиталиста *B*, а доход капиталиста *B* — в переменный капитал капиталиста *A*.

При рассмотрении этого обращения, воспроизводства и способа взаимного возмещения капиталов и т. д. надлежит на первых порах оставить в стороне внешнюю торговлю.

* См. настоящее издание, часть I, стр. 219—243. *Ред.*

Во-вторых, надо различать два явления:

- 1) воспроизводство в данном масштабе,
- 2) воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление — превращение дохода в капитал.

К пункту 1-му.

Я показал:

Производители жизненных средств должны возместить 1) свой постоянный капитал, 2) свой переменный капитал. Та часть стоимости их продукта, которая представляет избыток над этими двумя частями, образует *прибавочный продукт*, материальное бытие *прибавочной стоимости*, которая, в свою очередь, является всего лишь представителем *прибавочного труда*.

Переменный капитал — та часть продукта производителей жизненных средств, которая представляет этот переменный капитал, — образует заработную плату, доход рабочего. Эта часть существует здесь уже в той *натуральной форме*, в которой она снова служит переменным капиталом. На эту часть, на эквивалент, воспроизведенный рабочим, снова покупается его труд. Это есть обмен между капиталом и непосредственным трудом. Рабочий получает эту часть в деньгах, на которые он обратно покупает свой собственный продукт или другие продукты той же категории. Это есть обмен *различных составных частей переменного капитала друг на друга*, после того как рабочий получил в деньгах чек на свою долю продукта. Это — обмен одной части вновь присоединенного труда на другую внутри одной и той же категории (жизненные средства).

Та часть прибавочного продукта (вновь присоединенного труда), которую капиталисты (производящие жизненные средства) потребляют сами, потребляется ими или *in natura*, или между ними происходит обмен одного вида прибавочного продукта, существующего в пригодной для потребления форме, на другой вид его. Это — обмен дохода на доход, причем тот и другой сводится к вновь присоединенному труду.

При упомянутой выше сделке нельзя, собственно, говорить об обмене дохода на капитал. Капитал (предметы необходимости) обменивается на труд (на рабочую силу). Следовательно, здесь обмениваются не доход и капитал. Конечно, как только рабочий получил заработную плату, он ее потребляет. Но на капитал он обменивает не свой доход, а свой труд.

Третья часть [продукта производителей жизненных средств, которая представляет их] постоянный капитал, обменивается на часть продукта тех производителей, которые производят постоянный капитал, — а именно, на ту часть их продукта,

которая представляет вновь присоединенный труд. А эта часть продукта производителей постоянного капитала состоит из эквивалента заработной платы (следовательно, из переменного капитала [этих производителей]) и из прибавочного продукта, прибавочной стоимости, дохода капиталистов, существующего в такой форме, в которой он может быть потреблен лишь производственно, а не индивидуально. Таким образом, это, с одной стороны, есть обмен переменного капитала этих производителей на часть жизненных средств, представляющую постоянный капитал [производителей жизненных средств]. Действительно, часть продукта производителей постоянного капитала, представляющая их переменный капитал, но существующая в форме постоянного капитала, обменивается на часть продукта производителей жизненных средств, представляющую постоянный капитал, но существующую в форме переменного капитала. Здесь имеет место обмен вновь присоединенного труда на постоянный капитал.

С другой стороны, та часть продукта производителей постоянного капитала, которая представляет прибавочный продукт, но существует в форме постоянного капитала, обменивается на часть жизненных средств, представляющую постоянный капитал для их производителей. Здесь имеет место обмен дохода на капитал. Доход капиталистов, производящих постоянный капитал, обменивается на жизненные средства и возмещает постоянный капитал капиталистов, производящих жизненные средства.

Наконец, та часть продукта капиталистов, производящих постоянный капитал, которая сама представляет постоянный капитал, возмещается отчасти *in natura*, отчасти путем (завуалированного деньгами) натурального обмена между производителями постоянного капитала.

Все это имеет место при предположении, что масштаб воспроизводства равен первоначальному масштабу производства.

Если мы теперь спросим, какая часть совокупного годового продукта представляет вновь присоединенный труд, то расчет будет очень прост:

А) Предметы [индивидуального] потребления. Они распадутся на три части. [Во-первых,] доход капиталистов, равный прибавочному труду, присоединенному в течение года.

Во-вторых, заработная плата, переменный капитал, равный тому вновь присоединенному труду, которым рабочие воспроизвели свою заработную плату.

Наконец, третья часть — сырье, машины и т. д. Это есть постоянный капитал, та часть стоимости продукта, которая лишь

сохраняется, а не производится. Следовательно, — не труд, вновь присоединенный в течение года.

[856] Если мы обозначим постоянный капитал [этой категории] через c' , переменный капитал через v' , а прибавочный продукт, доход, через r' , то эта категория состоит из c' и $v' + r'$.

c' есть всего лишь сохранившаяся стоимость, а не вновь присоединенный труд (это c' представляет часть продукта); напротив, сумма $v' + r'$ есть труд, присоединенный в течение года.

Совокупный продукт [категории A] (или его стоимость) P^a за вычетом c' представляет, следовательно, вновь присоединенный труд.

Итак, если из продукта категории A , т. е. из P^a , вычесть c' , то мы получим труд, вновь присоединенный в течение года.

В) Предметы производственного потребления.

Сумма $v'' + r''$ также и здесь представляет вновь присоединенный труд. Не представляет вновь присоединенного труда c'' — постоянный капитал, функционирующий в этой сфере.

Но $v'' + r'' = c'$, на которое они обмениваются. c' превращается в переменный капитал и доход для категории B . С другой стороны, v'' и r'' превращаются в c' , в постоянный капитал категории A .

Если из продукта категории B , т. е. из P^b , вычесть c'' , то мы получим труд, вновь присоединенный в течение года.

Но $P^b - c'' = c'$. Ибо весь продукт P^b за вычетом c'' , т. е. постоянного капитала, применяемого в этой категории B , обменивается на c' .

После того как $v'' + r''$ обменены на c' , дело может быть представлено таким образом:

P^a состоит лишь из вновь присоединенного труда, продукт которого распадается на прибыль и заработную плату, на эквивалент необходимого труда и эквивалент прибавочного труда. Ибо $v'' + r''$, замещающие теперь c' , равны труду, вновь присоединенному в категории B .

Следовательно, весь продукт P^a , как его прибавочный продукт, так и его переменный капитал и его постоянный капитал, состоит из продуктов труда, вновь присоединенного в течение года.

Напротив, весь продукт P^b можно рассматривать таким образом, что он не представляет никакой части вновь присоединенного труда, а представляет только сохраненный прошлый труд. Ибо его часть c'' не представляет никакого вновь присоединенного труда, точно так же как и его часть c' , которую он получил в обмен на $v'' + r''$ и которая в категории A представляла не вновь присоединенный труд, а авансированный постоянный капитал.

Таким образом, вся та часть годового продукта, которая как переменный капитал образует доход рабочих, а как прибавочный продукт — фонд потребления капиталистов, сводится к вновь присоединенному труду, тогда как вся остальная часть продукта, представляющая постоянный капитал, сводится только к сохраненному прошлому труду и лишь возмещает постоянный капитал.

Поэтому, насколько правильно утверждение, что вся та часть годового продукта, которая потребляется как доход, как заработная плата и прибыль (вместе с ответвлениями прибыли — рентой, процентом и т. д., а также с заработной платой непроизводительных работников), сводится к вновь присоединенному труду, настолько же ошибочно утверждение, что весь годовой продукт сводится к доходу, к заработной плате и прибыли, а потому лишь к совокупности тех или иных долей во вновь присоединенном труде. Отчасти он сводится к постоянному капиталу, который по стоимости *не* представляет вновь присоединенного труда, а как потребительная стоимость не входит ни в заработную плату, ни в прибыль. Он по своей стоимости представляет в собственном смысле слова накопленный труд, а по своей потребительной стоимости — потребление этого накопленного прошлого труда.

С другой стороны, точно так же правильно, что *труд, присоединенный в течение года*, не весь представлен той частью продукта, которая сводится к заработной плате и прибыли. Ибо на эту заработную плату и прибыль покупаются услуги, т. е. труд, не вошедший в тот продукт, в котором представлены заработная плата и прибыль. Это такие услуги, такие виды труда, которыми люди пользуются в процессе потребления продукта и которые не входят в его непосредственное производство.

[857] *К пункту 2-му.*

Иначе обстоит дело с накоплением, с превращением дохода в капитал, с *воспроизводством в расширенном масштабе*, поскольку последнее происходит не оттого только, что прежний капитал *применяется более производительно*. Здесь весь новый капитал состоит из вновь присоединенного труда, и притом из прибавочного труда в форме прибыли и т. д. Однако, насколько правильно то, что здесь весь элемент нового производства состоит и возникает из вновь присоединенного труда — из части прибавочного труда рабочих, — настолько же ошибочно, как это опять-таки предполагают политико-экономы, утверждение, будто при превращении его в капитал он сводится лишь к переменному капиталу, или заработной плате. Предположим, на-

пример, что часть прибавочного продукта фермера обменивается на часть прибавочного продукта фабриканта машин. Такого рода обмен дает возможность фабриканту машин превратить пшеницу в переменный капитал и предоставить работу большему количеству рабочих, непосредственно или косвенным образом. Фермер, напротив, в результате того же обмена превратит часть своего прибавочного продукта в постоянный капитал, и возможно, что вследствие такого превращения он, вместо того чтобы нанимать новых рабочих, уволит часть прежних. Фермер мог бы, далее, засеять больше земли. Тогда часть пшеницы превратится не в заработную плату, а в постоянный капитал, и т. д.

Только при этом накоплении обнаруживается, что всё, как доход, так и переменный и постоянный капитал, есть *присвоенный чужой труд* и что как условия труда, при помощи которых работает рабочий, так и эквивалент, получаемый им за свой труд, это — труд рабочего, полученный капиталистом *без эквивалента*.

Так обстоит дело даже при первоначальном накоплении. Предположим, я сберег 500 ф. ст. из *заработной платы*. Таким образом, они действительно представляют не просто *накопленный труд*, а, в отличие от «накопленного труда» капиталиста, *мой собственный, мною и для меня накопленный труд*. Я превращаю их в капитал, покупаю сырье и т. д. и нанимаю рабочих. Прибыль пусть составляет 20%, т. е. 100 ф. ст. в год. За 5 лет (если все время не происходит нового накопления и получаемые каждый год 100 ф. ст. проедаются) я в форме дохода «проел» свой капитал. На шестом году сам мой капитал в 500 ф. ст. представляет присвоенный без эквивалента чужой труд. А если бы я все время снова накапливал половину своей прибыли, то процесс [проедания моего первоначального капитала] происходил бы медленнее, потому что я не так много проедал бы, а [процесс присвоения чужого труда] — быстрее.

Капитал Прибыль Съедено

Первый год.....	500	100	50
Второй год.....	550	110	55
Третий год	605	121	60
Четвертый год	665	133	66
Пятый год	731	146	73
Шестой год	804	160	80
Седьмой год	884	176	88
Восьмой год	972	194	97

На восьмом году мой капитал почти удвоился, хотя я и проел больше, чем первоначальный капитал. В капитале 972 ф. ст. уже не представлено ни одного фартинга оплаченного труда, или такого труда, за который я отдал эквивалент. Я потребил в форме дохода весь мой первоначальный капитал. Следовательно, я получил за него эквивалент и эквивалент этот потребил. Новый капитал состоит лишь из присвоенного чужого труда.

При рассмотрении прибавочной стоимости как таковой натуральная форма продукта, а значит и прибавочного продукта, безразлична. При рассмотрении действительного процесса воспроизводства она приобретает важное значение отчасти для понимания самих его форм, отчасти для уяснения того влияния, которое оказывает на процесс воспроизводства производство предметов роскоши и т. д. Здесь мы снова имеем пример того, как *потребительная стоимость* как таковая приобретает экономическое значение.

[в) ЗАСЛУГИ АВТОРА ПАМФЛЕТА И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПУТАНИЦА
В ЕГО ВЗГЛЯДАХ. ЗНАЧЕНИЕ ПОДНЯТЫХ ИМ ВОПРОСОВ
О РОЛИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ И О «СВОБОДНОМ ВРЕМЕНИ» КАК ПОДЛИННОМ
БОГАТСТВЕ]

[858] Вернемся теперь к нашему памфлету.

[Автор памфлета пишет:]

«Предположим, что всего труда страны как раз достаточно для производства того, что необходимо для содержания всего населения; в этом случае очевидно, что нет никакого прибавочного труда, нет, следовательно, ничего такого, что можно было бы накоплять как капитал. Предположим, что весь труд страны производит за *один* год столько, сколько было бы достаточно для содержания ее населения в течение двух лет; в таком случае очевидно, что или средства потребления, достаточные для содержания всего населения в течение одного года, должны погибнуть, или люди должны прекратить на один год производительный труд. Но *владельцы прибавочного продукта, или капитала*, не будут в течение следующего года содержать население в состоянии праздности и не допустят, чтобы продукты погибли; они применят труд людей для какой-нибудь такой работы, которая не является прямо и непосредственно производительной, — например, для производства машин и т. д. Но на третий год все население может снова вернуться к непосредственно производительному труду, и так как машины, произведенные в предыдущем году, теперь вступают в действие, то ясно, что в этом году продукт будет больше, чем в первом году, ибо прибавится еще продукт машин. Этот прибавочный продукт, следовательно, тем более или должен погибнуть, или должен быть употреблен так, как говорилось выше; а такое употребление снова увеличивает производительную силу труда общества вплоть до того момента, когда люди *должны* будут на некоторое время прекратить производитель-

ный труд, чтобы продукт их труда не погиб. Таково очевидное следствие прогрессирующего накопления капитала при простейшем состоянии общества» (стр. 4—5).

«Спрос других стран ограничен не только *нашей* способностью производить, но также и *их* способностью производить».

{Это ответ на утверждение Сэя, что не мы производим слишком много, а другие производят слишком мало⁹². Их способность производить не обязательно равна нашей.}

«Ибо, как бы мы ни старались, но за ряд лет весь мир может взять у нас едва ли больше, чем мы берем у мира, так что вся ваша хваленая внешняя торговля, о которой так много говорят, никогда не прибавила, не могла прибавить и никак не может прибавить ни единого шиллинга, ни единого гроша к богатству нашей страны, так как взамен каждого тюка шелка, каждого ящика чая, каждой бочки вина, которые когда-либо были ввезены, было вывезено нечто такое, что обладает равной стоимостью, и даже прибыли, получаемые нашими купцами от их внешней торговли, оплачиваются здешними потребителями тех товаров, которые ввозятся взамен вывезенных» (стр. 17—18).

«Внешняя торговля есть лишь товарообмен ради удобств и удовольствий капиталиста: последний не обладает сотней туловищ и сотней ног и не в состоянии потребить в виде одежды и чулок всего сукна и хлопчатобумажного трикотажа, которые производятся в стране, а потому они обмениваются на вина и шелка. Но эти *вина и шелка* точно так же *представляют прибавочный труд* нашего собственного населения, как и те сукна и чулки; и этим путем *разрушительная сила капиталиста увеличивается безгранично*: благодаря внешней торговле капиталистам удастся перехитрить природу, которая ставит тысячи естественных границ их эксплуататорским требованиям и желанию эксплуатировать; теперь нет никаких границ ни для их могущества, ни для их желаний» (стр. 18).

Мы видим: автор памфлета принимает учение Рикардо о внешней торговле. У Рикардо это учение направлено лишь на то, чтобы доказать его *теорию стоимости* или показать, что оно не противоречит ей. В памфлете же подчеркивается, что *также и в результатах внешней торговли воплощается* не только национальный труд, но и *национальный прибавочный труд*.

Если бы прибавочный труд и прибавочная стоимость были представлены только в национальном прибавочном продукте, то увеличение стоимости ради стоимости, а потому и выжимание прибавочного труда находило бы предел в ограниченности, в узости круга тех потребительных стоимостей, в которых представлена создаваемая [национальным] трудом стоимость. Но только внешняя торговля развертывает истинную природу прибавочного продукта как стоимости, развивая содержащийся в нем труд как общественный труд, который представлен в неограниченном ряде различных потребительных стоимостей и действительно придает смысл абстрактному богатству.

«Единственно только *бесконечное разнообразие потребностей и видов товаров*» {следовательно, также и бесконечное разнообразие видов конкрет-

ного труда, производящего эти различные виды товаров}, «*необходимых для удовлетворения этих потребностей*», делает страсть к богатству» {а следовательно, и страсть присваивать труд других людей} «безграничной и ненасытной» (Уэйкфилд, примечание к стр. 64 в I томе его издания «Богатства народов» А. Смита, Лондон, 1835).

Но только внешняя торговля, развитие рынка в мировой рынок, развивает деньги в мировые деньги и *абстрактный труд* в общественный труд. Абстрактное богатство, стоимость, деньги — следовательно, *абстрактный труд* — развиваются в той мере, в какой конкретный труд превращается в охватывающую мировой рынок совокупность различных видов труда. Капиталистическое производство покоится на *стоимости*, или на развитии содержащегося в продукте труда как труда общественного. Но это [возможно] лишь на основе внешней торговли и мирового рынка. Таким образом, внешняя торговля и мировой рынок являются как предпосылкой, так и результатом капиталистического производства.

[859] Рассматриваемый нами памфлет не есть теоретическое исследование. Это — протест против тех ложных причин, которым политико-экономы приписывали тогдашнюю нужду и «национальные трудности». Поэтому здесь нет претензий на то, да и нельзя требовать того, чтобы понимание прибавочной стоимости как *прибавочного труда* повлекло за собой общую критику всей системы экономических категорий в целом. Автор, напротив, стоит на почве рикардовской системы и только последовательно делает тот вывод, который содержится в самой этой системе, и выдвигает его в интересах рабочего класса против капитала.

В остальном автор находится в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников. Как у Рикардо смещение прибавочной стоимости и прибыли приводит к неприятным противоречиям, так у него к таким же противоречиям приводит то, что прибавочную стоимость он окрестил *процентом на капитал*.

Правда, он стоит выше Рикардо в том отношении, что он, во-первых, сводит всякую прибавочную стоимость к прибавочному труду, а во-вторых, хотя и называет прибавочную стоимость *процентом на капитал*, вместе с тем подчеркивает, что под *процентом на капитал* он понимает общую форму прибавочного труда в отличие от его особых форм — ренты, ссудного процента и предпринимательской прибыли:

«Уплачиваемый капиталистам *процент*, имеет ли он *природу*» (следовало бы сказать: форму) «*ренты, ссудного процента или предпринимательской прибыли...*» (стр. 23).

Таким образом, автор памфлета отличает общую форму прибавочного труда или прибавочной стоимости от их особых форм, чего не делают Рикардо и А. Смит — по крайней мере, не делают сознательно и последовательно. Но название одной из этих особых форм, процент, он опять-таки принимает как название общей формы. А этого достаточно, чтобы снова впасть в экономическую тарабарщину.

«Прогрессирующее возрастание капитала в прочно установившемся обществе отмечалось бы понижением ссудного процента, или, что сводится к тому же, уменьшением того количества труда других, которое отдавалось бы за пользование капиталом» (стр. 6).

Эта фраза — несколько в духе Кэри. Но у автора памфлета не рабочий пользуется капиталом, а капитал пользуется рабочим. Так как под *процентом* он понимает прибавочный труд в любой форме, то все дело — «разрешение наших национальных трудностей» — сводится к повышению *заработной платы*, ибо уменьшение процента означает уменьшение прибавочного труда. А имеет он в виду то, что присвоение чужого труда при обмене труда на капитал должно уменьшаться, или что рабочий должен присваивать больше из своего собственного труда, а капитал — меньше.

Требование уменьшения прибавочного труда может иметь двоякое значение:

1) рабочие должны выполнять меньше труда сверх того времени, которое необходимо для воспроизводства рабочей силы, для создания эквивалента заработной платы;

2) менее значительная доля *совокупного количества труда* должна принимать *форму прибавочного труда*, т. е. такого времени, в течение которого рабочие даром работают на капиталиста; а стало быть, и менее значительная доля того продукта, в котором представлен труд, должна принимать форму *прибавочного продукта*; т. е. рабочий должен получать больше из своего собственного продукта, а капиталисту должно доставаться из этого продукта меньше, чем раньше.

Сам автор не имеет ясного представления по этому вопросу, как это видно также и из следующих строк, в которых собственно содержится последнее слово его сочинения:

«Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда за пользование капиталом не уплачивается никакого процента, когда вместо 12 часов работают только 6 часов. Богатство есть *такое время, которым можно свободно располагать*, и ничего больше» (стр. 6).

Так как здесь под «процентом» понимается прибыль, рента, ссудный процент — короче, любая форма прибавочной стоимости — и так как, согласно самому автору памфлета, капитал

есть не что иное, как продукт труда, накопленный труд, который в состоянии в обмен на себя получать не только равное количество труда, но и прибавочный труд, то, по его мнению, выражение «капитал не приносит процента» означает: не существует никакого [860] капитала. Продукт не превращается в капитал. Не существует ни *прибавочного продукта*, ни *прибавочного труда*. Только тогда нация действительно богата.

Однако это может означать [одно из двух. Или]: не существует ни продукта, ни труда *сверх* того продукта и того труда, которые требуются для воспроизводства рабочих. Или: рабочие присваивают *самим себе* этот избыток будь то продукта или труда.

Но что автор имеет в виду *не только* последнее, явствует из того, что он с положением: «никакого процента за пользование капиталом» соединяет следующие положения: «нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов», *«богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше»*.

А это может означать следующее:

Если работать должны все, если отпадает противоположность между работающими чрезмерно и бездельниками, — а это во всяком случае было бы следствием того, что капитал перестал существовать, что продукт не давал бы больше права на чужой *прибавочный труд*, — и если к тому же принять во внимание развитие производительных сил, как оно создано капиталом, то общество за 6 часов будет производить необходимое изобилие продуктов, будет за эти 6 часов производить больше, чем теперь производится за 12 часов, и вместе с тем все будут иметь 6 часов «времени, которым они могут свободно располагать», т. е. будут иметь настоящее богатство — такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития. Время — это *простор* для развития способностей и т. д. Известно, что сами политико-экономы рабский труд наемных рабочих оправдывают тем, что он создает досуг, свободное время для *других*, для другой части общества, а тем самым — и для общества наемных рабочих [в целом].

Или же это может иметь и такой смысл:

Рабочие теперь работают 6 часов *сверх* того, что (*теперь*) требуется для их собственного воспроизводства. (Однако вряд ли таков может быть взгляд автора памфлета, так как то, что *теперь* требуется рабочим, он изображает как бесчеловечный минимум.) Если капитал перестанет существовать, то они будут

работать уже только 6 часов, и бездельники должны будут работать столько же. Материальное богатство для всех было бы этим низведено до уровня рабочих. Но все имели бы *свободное время*, время для своего развития.

Самому автору памфлета это, очевидно, не ясно. Тем не менее, во всяком случае остается этот прекрасный тезис:

«Нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше.*»

Также и Рикардо, в главе «*Стоимость и богатство, их отличительные свойства*», говорит, что подлинное богатство состоит в том, что создается возможно больше потребительных стоимостей возможно меньшей стоимости, т. е., другими словами, что в возможно меньшее рабочее время создается возможно большее изобилие материального богатства. Также и здесь «*время, которым можно свободно располагать*», и пользование тем, что создано в рабочее время других, выступает как истинное богатство, но, как и всё в капиталистическом производстве, а потому и у его истолкователей, — в рамках антагонизма. Противоположность богатства и стоимости позже выступает у Рикардо в той форме, что чистый продукт должен быть возможно больше по сравнению с валовым продуктом, а это — опять-таки в этой антагонистической форме — означает, что те классы общества, время которых лишь отчасти поглощено материальным производством или совсем не поглощено им, хотя они и пользуются плодами этого материального производства, должны быть возможно более многочисленны по сравнению с теми классами, время которых целиком поглощено материальным производством и потребление которых поэтому образует всего лишь одну из статей издержек производства, всего лишь условие того, чтобы они были такими вьючными животными для высших классов. Это все же означает пожелание того, чтобы на рабство труда, на принудительный труд обрекалась возможно меньшая часть общества. И это есть самое большее из того, до чего добираются те, кто стоит на капиталистической точке зрения.

Это автор памфлета отвергает. *Рабочее время*, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой *издержек*, требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является

естественной необходимостью или социальной обязанностью, — как угодно.

Само собой разумеется, что само рабочее время — тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого, — вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т. д. получит, как действительно социальный труд и, наконец, как базис для *свободного времени*, совершенно другой, более свободный характер и что *рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота.

**2) РЕЙВНСТОН [ВЗГЛЯД НА КАПИТАЛ КАК
НА ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ РАБОЧИХ. СМЕШЕНИЕ
АНТАГОНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ С САМИМ СОДЕРЖАНИЕМ ЕГО. ПРОИСТЕКАЮЩЕЕ
ОТСЮДА ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПЛОДАМ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ]**

[861] *Piercy Ravenstone, M. A. Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824.*

Это — в высшей степени замечательное сочинение.

Автор памфлета «*The Source and Remedy of the National Difficulties*» рассматривает прибавочную стоимость в ее первичной форме, в форме *прибавочного труда*. Поэтому его основную точку зрения образует продолжительность рабочего времени. При этом *прибавочный труд* или прибавочную стоимость он рассматривает главным образом в их абсолютной форме, в форме удлинения рабочего времени за пределы того времени, которое необходимо для воспроизводства самого рабочего, а не в форме сокращения необходимого труда посредством развития производительных сил труда.

Сокращение этого необходимого труда составляет основную точку зрения у Рикардо, но в том виде, в каком оно происходит при капиталистическом производстве, как средство удлинить рабочее время, достигающееся капиталу. В противоположность этому автор памфлета объявляет конечной целью *сокращение рабочего времени* для производителей и прекращение работы на *владельцев прибавочного продукта*.

Рейвнстон, по-видимому, предполагает рабочий день данным. Поэтому главным предметом его рассуждений, — в которых, так же как и у автора памфлета «*The Source and Remedy of the National Difficulties*», теоретические вопросы затрагиваются

только вскользь, — является относительная прибавочная стоимость, или тот прибавочный продукт, который достается капиталу в результате развития производительной силы труда. Как и вообще при такой точке зрения, прибавочный труд рассматривается здесь большей частью в форме прибавочного продукта, между тем как у автора памфлета прибавочный продукт рассматривается большей частью в форме прибавочного труда.

«Учить, что богатство и могущество нации зависят от ее *капитала*, — значит превращать труд в нечто подчиненное богатству, превращать людей в слугителей собственности» (стр. 7).

В том антитезисе, который рикардовская теория вызвала к жизни на базе своих собственных предпосылок, характерным является следующее:

По мере того, как политическая экономия все более и более развивалась, — а это развитие, поскольку речь идет об основных принципах, получило наиболее заостренное выражение у Рикардо, — она все определеннее и определеннее изображала труд как единственный элемент стоимости и единственный [активный] соиздатель потребительной стоимости, развитие производительных сил — как единственное средство для действительного увеличения богатства, а возможно большее развитие производительных сил труда — как экономический базис общества. Таков, действительно, базис *капиталистического производства*. И особенно сочинение Рикардо, когда оно доказывает, что закон стоимости не нарушается ни земельной собственностью, ни накоплением капитала, ни чем-либо еще, занято, собственно говоря, только тем, что пытается устранить из теории все те явления, которые противоречат этой концепции или кажутся противоречащими ей. Но в такой же мере, в какой труд понимается как *единственный* источник меновой стоимости и как активный источник потребительной стоимости, в такой же самой мере «*капитал*» теми же самыми политико-экономами, в особенности Давидом Рикардо (а после него, в еще большей степени, Торренсом, Мальтусом, Бейли и другими), рассматривается как регулятор производства, источник богатства и цель производства, между тем как труд выступает у них как наемный труд, носитель и действительное орудие которого в силу необходимости является паупером (к тому же тут выступает еще и мальтусовская теория народонаселения), всего лишь одной из статей издержек производства и простым инструментом производства, обреченным на минимум заработной платы и вынужденным опускаться ниже этого минимума всякий раз, как только рабочие оказываются в «излишнем» для капитала

количестве. В этом противоречии политическая экономия лишь высказала сущность капиталистического производства или, если угодно, сущность наемного труда, отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним. Но эту определенную *специфическую*, историческую форму общественного труда, как она выступает в капиталистическом производстве, эти политико-экономы объявляют всеобщей, вечной формой, истиной, коренящейся в природе вещей, а *эти* производственные отношения — абсолютно (а не исторически) необходимыми, естественными и разумными отношениями общественного труда. Будучи всецело ограничены горизонтом капиталистического производства, они объявляют ту *антагонистическую* форму, в которой выступает здесь общественный труд, столь же необходимой, как необходим сам этот труд, освобожденный от указанного антагонизма. Таким образом, объявляя в одно и то же время единственным источником богатства, с одной стороны, *труд* в абсолютном смысле этого слова (ибо для них наемный труд и труд тождественны), а с другой стороны, в таком же абсолютном смысле *капитал*, нищету рабочего и богатство того, кто не работает, они постоянно движутся в абсолютных противоречиях, совершенно не подозревая этого. (*Сисмонди* своей догадкой об этом противоречии делает эпоху в политической экономии.) «Труд, или капитал» — в этой формулировке Рикардо⁹³ разительно выступают как само противоречие, так и та наивность, с какой оно высказывается в качестве чего-то тождественного.

Но так как то же самое реальное развитие, которым буржуазной политической экономии было придано это теоретически беспощадное выражение, развивает содержащиеся в самой действительности реальные противоречия и в особенности противоположность между растущим богатством «нации» в Англии и растущей нищетой рабочих, так как, далее, эти противоречия получили *теоретически* меткое, хотя и неосознанное выражение в теории Рикардо и других политико-экономов, то было вполне естественно, что те [XV—862] умы, которые стали на сторону пролетариата, ухватились за теоретически уже обработанное для них противоречие. Труд есть единственный источник меновой стоимости и единственный активный создатель потребительной стоимости. Так говорят вы. С другой стороны, вы говорите, что *капитал* — это всё, а рабочий — ничто, или что рабочий представляет собой просто одну из статей издержек производ-

ства капитала. Вы сами себя опровергли. Капитал есть околпачивание рабочего — и больше *ничего*. Труд есть *всё*.

Таково, и в самом деле, последнее слово всех тех сочинений, которые защищают пролетарские интересы с точки зрения Рикардо, исходя из его собственных предпосылок. Подобно тому как Рикардо не понимает формулируемого в его системе тождества *капитала* и *труда*, так авторы этих сочинений *не понимают* того противоречия между капиталом и трудом, которое они изображают. Поэтому даже самые значительные среди них, как например Годскин, сами принимают как вечные формы все экономические предпосылки капиталистического производства и хотят только вычеркнуть капитал, основу и вместе с тем необходимое следствие этих предпосылок.

У Рейвнстона основная мысль такова:

Развитие производительных сил труда создает *капитал*, или *собственность*, т. е. прибавочный продукт для *«idlers»* * — бездельников, не-рабочих, — и притом труд порождает этот свой паразитический нарост, высасывающий его до мозга костей, тем в большей степени, чем больше развивается его производительная сила. Получает ли не-рабочий право на этот прибавочный продукт, или власть присваивать себе продукт чужого труда, благодаря тому, что он уже обладает богатством, или благодаря тому, что у него есть земля, земельная собственность, — это не меняет дела. И то и другое есть *капитал*, т. е. господство над продуктом чужого труда. Собственность — *property* — означает у Рейвнстона лишь *присвоение* продукта чужого труда, а это возможно только в том случае, если развивается *производительный труд*, и только в той степени, в какой он развивается. Под производительным трудом Рейвнстон понимает такой труд, который производит предметы необходимости. Одним из следствий развития капитала, или собственности, является непроизводительный труд, *«индустрия потребления»* ⁹⁴. Подобно автору памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties», Рейвнстон выступает как аскет. Тут он опять-таки сам находится в плену у представлений политико-экономов. Без *капитала*, без *собственности*, потребляемые рабочими предметы необходимости производились бы в избытке, но не было бы производства предметов роскоши. Или можно также сказать, что Рейвнстон, как и автор упомянутого памфлета, постольку понимает или, по крайней мере, фактически признаёт *историческую необходимость* капитала, поскольку капитал, по мнению памфлетиста, производит *прибавочный труд*

* — «праздных людей». *Ред.*

сверх того труда, который необходим для поддержания жизни рабочего, и вместе с тем приводит к созданию машин (у памфлетиста — «основного капитала») и внешней торговли, мирового рынка, отчасти для того, чтобы использовать вырванный у рабочих прибавочный продукт для увеличения производительной силы, отчасти для того, чтобы придать этому прибавочному продукту самые разнообразные формы потребительной стоимости, поднимающиеся над тем, без чего нельзя обойтись. Таким же образом по Рейвнстону без *капитала и собственности* не создавались бы ни «предметы удобства», ни машины, ни предметы роскоши, не было бы ни развития естественных наук, ни тех духовных продуктов, которые обязаны своим существованием досугу или стремлению богатых получать от не-рабочих эквивалент за свой «прибавочный продукт».

Памфлетист и Рейвнстон говорят это не в оправдание капитала, а делают из этого исходную точку для нападения на капитал, так как все это совершается лишь *в противоположность* интересам рабочих, а не *для* рабочих. Но тем самым они фактически признают, что это есть результат капиталистического производства, что капиталистическое производство есть, следовательно, некая историческая форма общественного развития, хотя и находящаяся в противоречии с интересами той части населения, которая образует основу всего этого развития. В этом отношении они разделяют, — хотя и с противоположного полюса, — ограниченность политико-экономов, смешивая *антагонистическую форму* этого развития с самим его содержанием. Одни хотят увековечить этот антагонизм ради его плодов. Другие готовы, чтобы избавиться от антагонизма, пожертвовать теми плодами, которые выросли в рамках этой антагонистической формы. Этим отличается это выступление против [буржуазной] политической экономии от одновременного выступления таких людей, как Оуэн, а, с другой стороны, также и от выступления Сисмонди, который ищет спасения в возврате к устаревшим формам антагонизма, чтобы избавиться от него в его острой форме.

[Рейвнстон пишет:]

«Нужда бедных создает его» (богатого) «богатство... Если бы все были равны, то никто не работал бы на другого. Предметы необходимости имелись бы в избытке, тогда как предметы роскоши совершенно отсутствовали бы» (стр. 10).

«Труд, производящий продукты, есть отец собственности; труд, помогающий другим потреблять продукты, — ее дитя» (стр. 12).

«Увеличение собственности, увеличение возможности содержать праздных людей и непроеизводительный труд — вот что политическая экономия называет капиталом» (стр. 13).

«Так как назначение собственности состоит в расходовании, так как без расходования она остается совершенно бесполезной для ее владельца, то ее существование теснейшим образом связано с существованием [863] индустрии потребления» (там же).

«Если бы *труда* каждого человека хватало только на обеспечение его *собственного пропитания*, то не могло бы существовать *собственности*, и никакую часть труда народа нельзя было бы отвлечь на удовлетворение нужд воображения» (стр. 14—15).

«На всякой ступени развития общества по мере того, как увеличение народонаселения и усовершенствование технических приспособлений повышают производительность труда отдельного человека, *число тех, кто работает, постепенно уменьшается...* Собственность вырастает из усовершенствования средств производства; ее единственное назначение, это — поощрение праздности. Когда труда каждого человека едва хватает на его собственное содержание, то не будет праздных людей, так как собственность при таком положении вещей невозможна. Если труд одного человека может содержать пятерых, тогда на одного занятого в производстве человека будет приходиться четыре праздных человека: ведь только таким образом возможно потребить продукт... Стремление общества направлено к тому, чтобы возвеличить праздных людей за счет трудолюбивых, создать силу из изобилия» (стр. 11).

{По поводу ренты (это не совсем правильно, так как именно относительно ренты надо было бы объяснить, почему она достается земельному собственнику, а не арендатору, капиталисту-производителю) Рейвнстон говорит то, что имеет силу для прибавочной стоимости вообще, поскольку она развивается в результате увеличения производительной силы труда:

«На ранних стадиях развития общества, когда у людей еще нет искусственных средств для содействия производительным силам их труда, та часть их выручки, которая может быть отдана в виде ренты, чрезвычайно мала; ибо земля не имеет стоимости от природы и всем своим продуктом обязана труду. Но всякое увеличение умения работать увеличивает ту часть продукта, которая может быть отложена для уплаты ренты. Там, где для содержания десяти человек требуется труд девяти, только $\frac{1}{10}$ валового продукта может доставаться на долю ренты. Где труда одного человека достаточно для содержания пяти, там на долю ренты или других требований государства, которые могут быть удовлетворены лишь из прибавочного продукта труда, достанется $\frac{4}{5}$ продукта. Первое, по-видимому, имело место в Англии в период завоевания, последнее имеет место ныне, когда только $\frac{1}{5}$ часть населения занята в земледелии» (стр. 45—46). «Вот до какой степени верно то, что общество превращает каждое усовершенствование лишь в средство для увеличения праздности» (стр. 48).}

П р и м е ч а н и е. Сочинение Рейвнстона оригинально. Его непосредственной темой, как указывает заглавие, является современная система государственных долгов. Между прочим Рейвнстон говорит:

«Вся война против французской революции [а затем против Наполеона] не сделала ничего более великого, чем превращение нескольких евреев в дворян и нескольких болванов в политико-экономов» (стр. 66—67).

«Система государственных долгов имеет и хорошую сторону: когда она отнимает у старинного дворянства страны значительную часть его собственности, чтобы передать эту собственность новоиспеченным гidalго в качестве награды за их ловкость в искусстве обмана и казнокрадства;.. когда она поощряет обман и подлость, одевает шарлатанство и самомнение в одежду мудрости, превращает целый народ в нацию биржевых спекулянтов;.. когда она подрывает все предрассудки относительно звания и рождения, чтобы сделать деньги единственным отличительным признаком между людьми,.. — она всем этим разрушает незыблемость собственности» (стр. 51—52).

3) ГОДСКИН

«Labour Defended against the Claims of Capital; or, the Unproductiveness of Capital Proved. With reference to the Present Combinations amongst Journeymen». By a Labourer. London, 1825.

Thomas Hodgskin. Popular Political Economy. Four Lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827.

Первое, анонимное сочинение написано тоже Годскином. Если те памфлеты, о которых речь шла выше, и ряд других, подобных им, прошли бесследно, то эти сочинения Годскина, в особенности первое, произвели значительную сенсацию и всё еще причисляются (ср. *John Lalor*. Money and Morals. London, 1852 [стр. XXIV и 319—322]) к значительным произведениям английской политической экономии. Мы рассмотрим здесь по порядку оба эти сочинения.

[a) ПОЛОЖЕНИЕ О НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ КАПИТАЛА КАК НЕОБХОДИМЫЙ ВЫВОД ИЗ ТЕОРИИ РИКАРДО]

В брошюре «Labour Defended against the Claims of Capital; or, the Unproductiveness of Capital Proved» автор, как это выражено уже в заглавии, хочет доказать «непроизводительность капитала».

Рикардо нигде не утверждает, что капитал *производителен в смысле производства стоимости*. Капитал, по Рикардо, присоединяет к продукту только свою собственную стоимость, а его собственная стоимость зависит от рабочего времени, требующегося для его воспроизводства. Стоимостью он обладает лишь как «накопленный труд» (точнее, как [864] овеществленный труд), и только эту свою стоимость он присоединяет к тому продукту, в который он входит. Правда, в связи с вопросом об

общей норме прибыли Рикардо впадает в непоследовательность. Но это как раз и есть то противоречие, на котором его поймали его противники.

Что же касается производительности капитала в смысле производства *потребительной стоимости*, то у Смита, Рикардо и т. д. — вообще у политико-экономов — она означает только то, что продукты прежних полезных работ снова служат средствами производства: предметом труда, орудием труда и жизненными средствами для рабочего. Объективные условия труда выступают не в качестве простых предметов природы, как это имеет место в первобытном состоянии (в качестве простых предметов природы они никогда не бывают капиталом), а в качестве предметов природы, уже преобразованных человеческой деятельностью. Но в этом смысле слово «капитал» совершенно излишне и ничего не говорит. Пшеница кормит не потому, что она есть капитал, а потому, что она есть пшеница. Потребительная стоимость шерсти присуща ей как шерсти, а не как капиталу. Точно так же и действие паровой машины не имеет ничего общего с ее бытием как капитала. Она оказывала бы точно такую же услугу, если бы она не была «капиталом» и принадлежала не фабриканту, а рабочим. В действительном процессе труда все эти вещи оказывают услуги благодаря тому отношению, какое они, как *потребительные стоимости*, имеют к прилагаемому к ним труду, а не как меновые стоимости и тем более не как капитал. То, что они здесь оказываются производительными, или, точнее, то, что производительность труда осуществляется в них как в своей материи [Stoff], коренится в их свойстве быть объективными условиями действительного труда, а не в их *общественном бытии* в качестве *самостоятельно противостоящих рабочему, отчужденных от него условий*, в качестве воплощенного в капиталисте *господина* над живым трудом. Они здесь потребляются и применяются как *богатство*, по верному замечанию Гопкинса⁹⁵ (не нашего Годскина), а не как «чистое» богатство, как продукт, а не как «чистый» продукт. Правда, в голове политико-эконома определенная общественная форма этих вещей в их отношении к труду и их реальная характеристика как моментов процесса труда так же переплетаются и так же неразрывно срослись одна с другой, как и в голове капиталиста. Тем не менее, как только политико-экономы приступают к анализу процесса труда, они вынуждены совершенно отказаться от выражения «капитал» и говорить о *материале труда, средствах труда и жизненных средствах*. Но в этой характеристике продукта как материала, орудия и жизненных средств для рабочего выражено только их

отношение, как *предметных* условий, к труду; самый труд выступает здесь как господствующая над ними деятельность. В этом нет абсолютно ничего от отношения между трудом и капиталом, а имеется лишь отношение человеческой целесообразной деятельности к ее собственным продуктам в процессе воспроизводства. Они не перестают быть ни продуктами труда, ни просто такими предметами, которыми труд свободно распоряжается. Они выражают лишь то отношение, в рамках которого труд присваивает себе созданный им самим — по крайней мере, созданный в этой форме — предметный мир; но они отнюдь не выражают никакого *иного господства этих вещей над трудом*, кроме того обстоятельства, что деятельность должна сообразоваться со своим материалом, — ведь в противном случае она не была бы целесообразной деятельностью, трудом.

О *производительности* капитала можно говорить лишь постольку, поскольку капитал рассматривается как выражение определенного общественного отношения производства. А когда капитал рассматривается таким образом, то сейчас же обнаруживается исторически преходящий характер этого отношения, всеобщее познание которого несовместимо с его дальнейшим существованием и которое само создает средства для своего уничтожения.

Но политико-экономы не рассматривают капитал как такое отношение, так как они не смеют признать его *относительный* характер, да и не понимают последнего; напротив, они лишь дают теоретическое выражение способу представления практиков, находящихся в плену у капиталистического производства, которое господствует над этими практиками и в котором они заинтересованы.

В своей полемике [против буржуазной политической экономии] Годскин сам исходит из ограниченного способа представления политико-экономов. Поскольку политико-экономы изображают капитал как вечное отношение производства, они сводят его к тем общим отношениям труда к его материальным условиям, которые общи всякому способу производства и не содержат ничего от специфического характера капитала. В той мере, в какой у них капитал рассматривается как создающий «стоимость», лучшие из них — и [в особенности] Рикардо — признают, что он не создает иной стоимости, кроме той, какую он получил раньше и получает постоянно от труда, так как содержащаяся в каком-либо продукте стоимость определяется рабочим временем, необходимым для его воспроизводства, т. е. тем, что собой представляет продукт как результат живого, теперешнего, а не прошлого труда. И производительность труда,

как подчеркивает Рикардо, проявляет свой рост как раз в постоянном обесценении продукта прошлого труда. С другой стороны, политико-экономы постоянно смешивают ту определенную специфическую форму, в которой эти вещи являются капиталом, с их свойствами как вещей и как простых моментов всякого процесса труда. Ту мистификацию, которая содержится в капитале как «*применителе труда*» [*employer of labour*]⁹⁶, они не объясняют и ограничиваются только тем, что постоянно бессознательно высказывают ее как нечто неотделимое от его, капитала, вещного характера.

[867]⁹⁷ Первый памфлет *, делая правильный вывод из теории Рикардо, сводит прибавочную стоимость к *прибавочному труду*. Это делается в противоположность тем противникам и последователям Рикардо, которые цепляются за его смешение прибавочной стоимости и прибыли.

Второй памфлет **, в противоположность тем же противникам и последователям Рикардо, точнее определяет относительную прибавочную стоимость, зависящую от степени развития производительной силы труда. Рикардо говорил то же самое; но он избегает того вывода, который делает Рейвнстон: увеличение производительной силы труда увеличивает только чужое, господствующее над трудом богатство, капитал.

Наконец, третий памфлет *** формулирует то общее положение, которое является необходимым следствием рикардовской трактовки вопроса: *капитал непродуцирующ*. Это направлено против Торренса, Мальтуса и других, которые, — развивая дальше одну сторону учения Рикардо, — превращают его положение «труд есть творец стоимости» в противоположное положение «капитал есть творец стоимости». Вместе с тем здесь ведется полемика против положения об абсолютной зависимости труда от *наличной массы капитала* как условия существования труда, — положения, которое проходит красной нитью от Смита до Мальтуса и особенно у последнего (а также у Джемса Милля) возводится в абсолютную догму.

Первый памфлет приходит в конце концов к тезису:

«Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше» ****.

* — анонимный памфлет «The Source and Remedy of the National Difficulties». *Ред.*

** — памфлет Рейвнстона «Thoughts on the Funding System, and its Effects». *Ред.*

*** — анонимный памфлет Годскина «Labour Defended against the Claims of Capital; or, the Unproductiveness of Capital Proved». *Ред.*

**** См. настоящее издание, часть III, стр. 263—265. *Ред.*

**[6) ПОЛЕМИКА ПРОТИВ РИКАРДОВСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КАПИТАЛА КАК НАКОПЛЕННОГО ТРУДА. КОНЦЕПЦИЯ
СОСУЩЕСТВУЮЩЕГО ТРУДА. НЕДООЦЕНКА ЗНАЧЕНИЯ
ОВЕЩЕСТВЛЕННОГО ПРОШЛОГО ТРУДА. НАЛИЧНОЕ
БОГАТСТВО В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ДВИЖЕНИЮ
ПРОИЗВОДСТВА]**

По мнению Годскина, «оборотный капитал» есть не что иное, как *существование* различных видов общественного труда («сосуществующий труд»), а накопление представляет собой не что иное, как накопление производительной силы общественного труда, так что накопление мастерства и знаний (научной силы) самих рабочих является основным накоплением и несравненно важнее, чем идущее рука об руку с ним и лишь отражающее его накопление *наличных объективных* условий этой накапливаемой деятельности, которые постоянно вновь производятся и вновь потребляются и накапливаются только номинально:

«Производительный капитал и искусный труд — это одно и то же... Капитал и рабочее население означают совершенно одно и то же» [«Labour Defended against the Claims of Capital», стр. 33] [Русский перевод: *Годскин, Томас*. Сочинения. Москва, 1938, стр. 36].

Все это есть лишь дальнейшее развитие тезиса Галиани:

«Истинным богатством является... человек» («Della Moneta», издание Кустоди, Parte Moderna, том III, стр. 229).

Весь объективный мир, «мир материальных благ» отступает здесь на задний план как всего лишь момент, всего лишь исчезающее, всё снова и снова создаваемое проявление деятельности общественно производящих людей. Сравните этот «идеализм» с тем грубо материальным фетишизмом, в который превращается теория Рикардо у «этого невероятного кропателя»⁹⁸ Мак-Куллоха, где исчезает не только различие между человеком и животным, но даже и различие между живым и вещью. И после этого пусть только попробуют говорить, что перед лицом возвышенного спиритуализма буржуазной политической экономии ее пролетарская антитеза проповедовала грубый материализм, имеющий в виду исключительно животные потребности!

Ошибка Годскина состоит в том, что в своем исследовании о производительности капитала он не различает, в какой мере дело идет о производстве потребительной стоимости и в какой мере о производстве меновой стоимости.

Далее — но исторически это имеет свое оправдание — он берет капитал таким, каким он его находит у политико-эконо-

мов. С одной стороны, капитал (поскольку он участвует в действительном процессе труда) изображается у политико-экономов как простые вещные условия труда, или просто в его значении вещественного элемента труда, — и (в процессе образования стоимости) как всего лишь определенное количество труда, измеряемое временем, т. е. как что-то, ничем не отличающееся от самого этого количества труда. С другой стороны, — хотя таким образом, поскольку капитал выступает в действительном процессе производства, он на деле есть всего лишь *название* для самого труда, *иное наименование* для труда, — капитал у тех же политико-экономов изображается как господствующая над трудом и обуславливающая его сила, как основа его производительности и как чужое для него богатство. И это — без всякого опосредствования. Вот что Годскин находит у своих предшественников. И он противопоставляет реальную сторону экономического развития буржуазной мистификации этого развития.

«Капитал — это своего рода *кабалистическое слово*, как церковь или государство или какое-либо другое из тех *общих терминов*, которые те, кто стрижет остальное человечество, изобрели с целью скрыть руку, держащую ножницы» («Labour Defended», стр.17) [Русский перевод, стр. 18].

Далее, Годскин в соответствии с той традицией, которую он находит у политико-экономов, различает оборотный и основной капитал, причем под оборотным капиталом он понимает главным образом ту часть оборотного капитала, которая состоит из жизненных средств для рабочих или используется в качестве таких жизненных средств.

«Разделение труда, утверждают политико-экономы, невозможно без предшествовавшего накопления капитала»... Но «те результаты, которые приписываются запасу товаров, фигурирующему под названием оборотного капитала, порождены *существующим трудом*» (стр. 8—9) [Русский перевод, стр. 8—9].

Имея перед собой грубое понимание политико-экономов, Годскин вправе сказать, что «оборотный капитал» есть лишь «название» для «запаса» особых «товаров». Так как политико-экономы не выяснили того специфического общественного отношения, которое представлено в *метаморфозе товаров*, то и «оборотный» капитал они могут понимать *только* вещественно. Все различия капитала, проистекающие из процесса обращения, [868] и, в сущности, сам процесс его обращения, на деле есть не что иное, как метаморфоз товаров (получающих характер капитала в силу их отношения к наемному труду) в качестве момента процесса воспроизводства.

Разделение труда в некотором смысле есть не что иное, как *сосуществующий труд*, т. е. сосуществование *различных* видов труда, представленное в *различных видах* продуктов или, точнее, товаров. *Разделение труда*, в капиталистическом смысле, как разложение особого труда, производящего определенный товар, на некоторую сумму простых, распределенных между различными рабочими и взаимосвязанных операций, предполагает разделение труда внутри общества, вне мастерской, как *разделение занятий*. С другой стороны, разделение труда внутри мастерской увеличивает разделение труда внутри общества. Продукт может производиться как товар тем в более полном смысле, его меновая стоимость становится тем более независимой от его непосредственного бытия как потребительной стоимости, или его производство становится тем более независимым от его потребления производителями данного продукта, от его бытия как потребительной стоимости для производителей данного продукта, чем одностороннее он сам и чем больше многообразие тех товаров, на которые он обменивается, чем больше ряд тех потребительных стоимостей, в которых выражается его меновая стоимость, чем больше рынок для него. Чем в большей степени все это имеет место, тем в большей степени продукт может производиться как товар, — следовательно, также и в тем более *массовых количествах*. Безразличие потребительной стоимости продукта для его производителя выражается *количественно* в той массе, в какой продукт производится, а эта масса не находится ни в каком соотношении с потребительскими нуждами производителя данного продукта, даже когда он является вместе с тем и потребителем своего собственного продукта. Но одним из методов такого *производства en masse* *, а потому и производства продукта [как товара] является *разделение труда* внутри мастерской. Таким образом, разделение труда внутри мастерской покоится на разделении занятий внутри общества.

Величина рынка имеет двоякий смысл: во-первых, количество потребителей, их число; а во-вторых, также и количество обособившихся друг от друга занятий. Увеличение последнего количества возможно и без увеличения первого. Например, когда прядение и ткачество отделяются от домашней промышленности и земледелия, все земледельцы становятся рынком для прядильщиков и ткачей. Точно так же и эти последние образуют теперь друг для друга рынок в результате разделения их занятий. Разделение труда внутри общества предполагает

* — в больших количествах, в массовом масштабе. *Ред.*

прежде всего другого такое обособление друг от друга различных видов труда, что их продукты по необходимости противостоят друг другу как товары и проходят через обмен, проделявают метаморфоз товаров, относятся друг к другу как *товары*. (Поэтому в средние века города запрещают деревне занятие возможно большим количеством профессий. Не только для того, чтобы исключить конкуренцию, — единственное, что видит здесь А. Смит, — но и для того, чтобы создать себе рынок.) С другой стороны, чтобы разделение труда внутри общества могло надлежащим образом развиваться, оно предполагает известную плотность населения. Еще более предполагает эту плотность населения развитие разделения труда внутри мастерской. Это последнее разделение труда, предпосылкой которого является определенная степень развития первого, со своей стороны, взаимодействуя с ним, усиливает его тем, что оно расчленяет ранее взаимосвязанные занятия на не зависящие друг от друга, умножает и дифференцирует косвенно требующиеся для них подготовительные работы и, увеличивая производство и народонаселение, высвобождая капитал и труд, создает новые потребности и новые способы их удовлетворения.

Поэтому когда Годскин говорит: «разделение труда» является результатом не *запаса товаров*, называемого оборотным капиталом, а результатом *«существующего труда»*, то это было бы тавтологией, если бы он здесь под разделением труда понимал обособление занятий. Это означало бы только, что разделение труда является причиной или результатом разделения труда. Стало быть, Годскин может подразумевать только следующее: разделение труда внутри мастерской обусловлено обособлением занятий, общественным разделением труда, и является в известном смысле его результатом.

Не «запас товаров» создает это обособление занятий и тем самым разделение труда внутри мастерской, а указанное *обособление занятий* (и разделение труда) выражается в запасе товаров, или, точнее, выражается в том, что запас *продуктов* превращается в *запас товаров*. {Но у политико-экономов всегда неизбежно изображается как свойство вещи то, что является свойством, характерным признаком *капиталистического способа производства*, т. е. самого капитала, поскольку он выражает определенное отношение производителей друг к другу и к своему продукту.}

[869] Но если в экономическом смысле (см. Тюрго, Смита и т. д.) говорят о *«предшествовавшем накоплении капитала»* как об условии разделения труда, то под этим подразумевается предварительная концентрация *запаса товаров*, как *капитала*,

в руках покупателя труда, ибо тот вид кооперации, который характерен для разделения труда, предполагает *скопление рабочих* и, стало быть, накопление жизненных средств для них на время их работы, предполагает увеличенную производительность труда и, стало быть, увеличение количества сырья, орудий и вспомогательных материалов, которые должны быть налицо для того, чтобы работа совершалась непрерывно, так как для нее непрерывно требуется большая масса всего этого, — одним словом, предполагает наличие объективных условий производства, ведущегося в крупных масштабах.

Накопление капитала не может здесь означать «увеличение количества жизненных средств, сырья и орудий труда как *условие разделения труда*», ибо, поскольку под накоплением капитала понимают такого рода накопление средств, оно считается следствием разделения труда, а не его предпосылкой.

Накопление капитала не может здесь означать также и то, что жизненные средства для рабочего должны быть вообще налицо до того, как взамен их будут произведены новые, или что сырьем и средствами труда для нового производства должны послужить уже произведенные продукты труда рабочего. Ибо это есть условие труда вообще и было столь же верно и *до развития* разделения труда.

С одной стороны, с точки зрения вещественного элемента, *накопление* означает здесь не что иное, как следующее: разделение труда делает необходимой концентрацию в отдельных пунктах тех жизненных средств и средств труда, которые раньше были распылены и раздроблены, пока работник в отдельных промыслах, — которые при этом предположении не могут быть очень многочисленны, — сам выполнял одну за другой все различные операции, требующиеся при производстве одного или нескольких продуктов. Здесь предполагается не *абсолютное* увеличение, а *концентрация*: в одном пункте собрано большее количество всех указанных средств и притом *относительно* больше [средств труда] по сравнению с числом собранных вместе рабочих. Для занятых в мануфактуре рабочих требуется, например, больше льна (по отношению к их числу), чем имелось того же льна по отношению ко всем тем крестьянам и крестьянкам, которые в порядке побочного занятия пряли лен. Итак, имеет место *конгломерация рабочих* и *концентрация* сырья, орудий и жизненных средств.

С другой стороны: на той исторической основе, из которой исходит этот процесс, — из которой развивается мануфактура, т. е. характеризующийся разделением труда промышленный способ производства, — эта концентрация может происходить

только в такой форме, что эти рабочие скопляются как наемные рабочие, т. е. как такие рабочие, которые вынуждены продавать свою рабочую силу, потому что условия их труда самостоятельно противостоят им как чужая собственность, чужая сила, а это включает в себя, что эти условия труда противостоят им как *капитал*, т. е. что указанные жизненные средства и средства труда, или, что то же самое, распоряжение ими посредством денег, находятся в руках отдельных владельцев денег или товаров, которые благодаря этому становятся *капиталистами*. Утрата работниками условий труда выступает как приобретение этими условиями труда обособленной от работников самостоятельности в качестве капитала, или как то обстоятельство, что этими условиями труда распоряжаются капиталисты.

Итак, первоначальное накопление, как мною показано ⁹⁹, есть не что иное, как отделение условий труда в качестве самостоятельных сил, противостоящих труду и рабочим. Исторические процессы сделали это отделение моментом общественного развития. Раз капитал уже существует, то из самого способа капиталистического производства развивается сохранение и воспроизводство этого отделения во все больших размерах, пока не произойдет исторический переворот.

Не обладание деньгами делает капиталиста капиталистом. Для превращения денег в капитал должны быть налицо предпосылки капиталистического производства, первой исторической предпосылкой которого является указанное отделение. В рамках самого капиталистического производства это отделение, а потому и наличие условий труда в качестве капитала, дано; это есть постоянно воспроизводящаяся и расширяющаяся основа самого производства.

Накопление путем обратного превращения прибыли, или прибавочного продукта, в капитал становится теперь постоянным процессом, вследствие чего количественно увеличившиеся продукты труда, которые вместе с тем являются его объективными условиями, условиями воспроизводства, постоянно выступают по отношению к труду как *капитал*, как отчужденные от труда, господствующие над ним и индивидуализированные в капиталисте силы. Но тем самым специфической функцией капиталиста и становится накопление, т. е. обратное превращение части прибавочного продукта в условия труда. А отсюда дуралей политико-эконом делает тот вывод, что эта операция вообще не могла бы совершаться, если бы она не совершалась в этой антагонистической специфической форме. Воспроизводство в расширенном масштабе становится в его голове

неотделимым от капиталистической формы этого воспроизводства — *накопления*.

[870] Накопление только представляет как *беспрерывный процесс* то, что в *первоначальном накоплении* выступает как особый исторический процесс, как процесс возникновения капитала и как переход от одного способа производства к другому.

Политико-экономы, находясь в плену у тех представлений, в которых движутся агенты капиталистического производства, впадают в двойное, но взаимно обусловленное *quidproquo* *.

С одной стороны, они превращают капитал из отношения в вещь, в «запас товаров» (при этом они уже забывают, что сами товары — это *не* просто вещи), которые, поскольку они в качестве условий производства служат для нового труда, называются капиталом, а соответственно способу своего воспроизводства — оборотным капиталом.

С другой стороны, они вещи превращают в капитал, т. е. то общественное отношение, которое представлено в вещах и посредством вещей, они рассматривают как такое свойство, которое присуще вещи как таковой, лишь только эта вещь входит как элемент в процесс труда, или в технологический процесс.

Таким образом, *[с одной стороны,]* концентрация в руках тех, кто не работает, *сырья и жизненных средств* в качестве сил, господствующих над трудом, в качестве *предварительного* условия разделения труда (в дальнейшем это последнее увеличивает не только концентрацию, но также, благодаря повышению производительной силы труда, и концентрируемую массу), т. е. *предварительное накопление капитала* как условие для разделения труда — означает для политико-экономов увеличение количества или концентрацию (они не проводят различия между тем и другим) *жизненных средств и средств труда*.

С другой стороны, эти жизненные средства и средства труда не функционировали бы, по их мнению, как объективные условия производства, если бы эти вещи не обладали свойством быть капиталом, если бы продукт труда, образующий условие труда, не потреблял самого труда, если бы прошлый труд не потреблял живого труда и если бы эти вещи не принадлежали — не рабочему, а — самим себе или *per se* капиталисту.

Как будто разделение труда не было бы в такой же степени возможно (хотя оно и не могло исторически с самого начала появиться в такой форме, в которой оно может выступить только

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

** — по уполномочию, по доверенности. *Ред.*

как результат развития капиталистического производства), если бы условия труда принадлежали ассоциированным рабочим и если бы последние относились к ним как к тому, чем эти условия труда являются *natura **, т. е. как к своим собственным продуктам и предметным элементам своей собственной деятельности.

Так как, далее, при капиталистическом производстве капитал присваивает себе прибавочный продукт рабочего и так как в силу этого те продукты труда, которые капитал уже *присвоил* себе, противостоят теперь рабочему в форме капитала, то ясно, что превращение прибавочного продукта в условия труда может исходить лишь от капиталиста и лишь в той форме, что продукт труда, присвоенный капиталистом без эквивалента, капиталист делает средством производства для нового безэквивалентного труда. Поэтому расширение воспроизводства выступает как превращение прибыли в капитал и как *сбережения* капиталиста, который, вместо того чтобы проесть полученный даром прибавочный продукт, делает его снова средством эксплуатации труда, но может выполнить это только путем превращения его снова в производительный капитал, что включает в себя превращение прибавочного продукта в средства труда. Поэтому политико-эконом делает тот вывод, что прибавочный продукт не мог бы служить элементом нового производства, если бы он предварительно не превратился из продукта рабочего в собственность его хозяина, чтобы затем снова служить в качестве капитала и повторить прежний процесс эксплуатации. К этому у худших политико-экономов присоединяется представление о накоплении запасов и об образовании сокровищ. Но даже и лучшие, как Рикардо, переносят представление о самоотречении с собирателя сокровищ на капиталиста.

Политико-экономы не рассматривают капитал как отношение. Они не могут рассматривать его таким образом, не рассматривая его вместе с тем как исторически преходящую, относительную, не абсолютную форму производства. Даже у Годскина нет такого понимания капитала. В той мере, в какой оно оправдывает капитал, оно не оправдывает оправдания капитала политико-экономами, а, напротив, опровергает это оправдание. Итак, к такому взгляду на капитал Годскин не имеет никакого отношения.

При тех взаимоотношениях, которые существовали между Годскином и политико-экономами, характер его полемики был,

* — по своей природе. Ред.

казалось бы, предопределен и очень прост. Годский просто-напросто должен был, опираясь на одну сторону, «научно» развиваемую политико-экономами, выдвинуть ее против тех фетишистских представлений, которые они *sans raison* *, бессознательно и наивно перенимают из капиталистического способа представления, и сказать примерно так:

Употребление продуктов прошлого труда — вообще продуктов труда — в качестве материалов, орудий и жизненных средств необходимо, если рабочий хочет использовать свои продукты для нового производства. Этот определенный способ потребления его продукта производителен. Но какое же отношение имеет это использование продукта рабочего, этот способ потребления им своего продукта к господству этого продукта над самим рабочим, к бытию этого продукта в качестве капитала, к сосредоточению распоряжения сырьем и жизненными средствами [870a] в руках отдельных капиталистов и к лишению рабочих собственности на их продукт? Какое это имеет отношение к тому, что рабочие сперва должны даром отдавать свой продукт третьему лицу, чтобы потом выкупать его у последнего своим собственным трудом, для чего им приходится отдавать ему в обмен на этот продукт больше труда, чем в нем содержится, и таким путем создавать для капиталиста новый прибавочный продукт?

Прошлый труд выступает здесь в двух формах. Во-первых, — как *продукт, потребительная стоимость*. Процесс производства требует того, чтобы рабочие часть этого продукта потребили [в качестве жизненных средств], а другую часть использовали как сырье и орудия труда. Это относится к технологическому процессу и только показывает, как рабочие должны относиться в *промышленном производстве* к продуктам своего собственного труда, к своим собственным продуктам, чтобы сделать их средствами производства.

Во-вторых, *прошлый труд* выступает как *стоимость*. Это показывает только, что стоимость нового продукта рабочих представляет не только их теперешний, но также и их прошлый труд и что рабочие, увеличивая своим трудом старую стоимость, сохраняют ее именно тем, что они ее увеличивают.

Притязание капиталиста не имеет ничего общего с этим процессом как таковым. Конечно, раз капиталист присвоил себе продукты труда, прошлого труда, то в результате этого он обладает средством для присваивания новых продуктов и живого труда. Но это как раз и есть тот образ действия, который

* — не отдавая себе в этом отчета. *Ред.*

вызывает протесты. Необходимые для «разделения труда» предварительные концентрация и накопление как раз и не должны выступать как *накопление капитала*. Из того, что они необходимы, отнюдь не следует необходимость того, чтобы теми условиями, которые вчерашний труд создал для труда сегодняшнего, распоряжался капиталист. Если накопление капитала [согласно политико-экономам] означает не что иное, как накопление труда, то это отнюдь не включает того, что оно должно быть накоплением чужого труда.

Однако Годскин — странным, на первый взгляд, образом — не идет этим простым путем. В своей полемике против производительности капитала, в первую очередь — оборотного, но еще более — основного, он, по-видимому, оспаривает или отрицает значение для воспроизводства, как условия нового труда, самого *прошлого труда* или его *продукта*, т. е. значение прошлого, овеященного в продуктах труда для труда как совершающейся в настоящий момент *ἐνέργεια* *. Чем вызван такой поворот?

Так как политико-экономы отождествляют прошлый труд с *капиталом* — прошлый труд берется здесь как в смысле конкретного, овеященного в продуктах труда, так и в смысле общественного труда, материализованного рабочего времени, — то понятно, что они, как Пиндары ** капитала, выдвигают на первый план *предметные* элементы производства и переоценивают их значение по сравнению с *субъективным элементом*, живым, непосредственным трудом. Для них труд становится адекватным только тогда, когда он становится *капиталом*, когда он противостоит самому себе, когда пассив труда противостоит его активу. Продукт поэтому господствует над производителем, предмет — над субъектом, осуществленный труд — над трудом осуществляющимся, и т. д. Во всех этих концепциях прошлый труд выступает не как всего лишь предметный момент живого труда, подчиненный живому труду, а наоборот; не как элемент власти живого труда, а как власть над этим трудом. Для того чтобы и *технологически* оправдать ту *специфическую общественную форму*, т. е. *капиталистическую форму*, в которой взаимоотношение труда и условий труда оказывается перевернутым, так что не рабочий применяет эти условия, а условия труда применяют рабочего, политико-экономы приписывают предметному моменту труда некую ложную важность в противовес самому труду. И именно

* — деятельности. Ред.

** — певцы-восхвалители (по имени древнегреческого поэта Пиндара). Ред.

поэтому Годскин, наоборот, настаивает на том, что этот предметный момент, — стало быть, все овеществленное богатство, — чрезвычайно незначителен по сравнению с живым процессом производства и в действительности обладает ценностью только как момент живого процесса производства, а сам по себе никакой ценности не имеет. При этом Годскин несколько недооценивает, — но это естественно в противовес фетишизму политико-экономов, — то значение, какое прошлое труда имеет для его настоящего.

Если бы в капиталистическом производстве, — а отсюда и в его теоретическом выражении, в политической экономии, — прошлый труд выступал только как пьедестал и т. д., созданный для труда самим трудом, то такого рода спора не могло бы быть. Предмет спора существует только потому, что в реальном бытии капиталистического производства, а также и в его теории, *овеществленный труд* выступает как антагонистическая противоположность самому труду, *живому труду*. Совершенно подобным же образом в находящемся в плену у религии процессе мышления продукт мышления не только претендует на господство над самим мышлением, но и осуществляет это господство.

[865] Таким образом, тезис Годскина о том, что

«те результаты, которые приписываются *запасу товаров*, фигурирующему под названием оборотного капитала, порождены *сосуществующим трудом*» (стр. 9),

означает прежде всего следующее:

Одновременное сосуществование живого труда порождает значительную часть тех результатов, которые приписываются продукту прошлого труда, фигурирующему под названием оборотного капитала.

Часть оборотного капитала состоит, например, из запаса жизненных средств, которые капиталист, как утверждают политико-экономы, накопил, чтобы содержать рабочих во время их работы.

Образование запасов вообще не является особенностью капиталистического производства, хотя, поскольку при нем производство и потребление наиболее велики, постольку и находящаяся на рынке — находящаяся в сфере обращения — масса товаров тоже наиболее велика. В концепции о накоплении капиталистом запаса жизненных средств все еще сквозит воспоминание о *накоплении, осуществляемом собирателем сокровищ*, о том, что англичане называют «hoarding» *.

* — «припрятыванье про запас». Ред.

Здесь следует прежде всего оставить в стороне фонд потребления, так как речь здесь идет о капитале и промышленном производстве. То, что попало в сферу индивидуального потребления, безразлично, потребляется ли оно быстрее или медленнее, перестало быть капиталом {хотя частично оно может быть обратно превращено в капитал, как например дома, парки, сосуды и т. д.}.

«Обладают ли в данный момент все капиталисты Европы пищей и одеждой хотя бы на одну неделю для всех тех рабочих, которые у них заняты? Рассмотрим этот вопрос сначала в отношении пищи. Часть пищи народа составляет *хлеб*, который всегда выпекается всего только за несколько часов до того, как его едят... Продукт булочника нельзя накапливать. Материал, из которого делают хлеб, будь то зерно или мука, никогда не может *сохраняться без постоянного труда*... Уверенность рабочего-прядильщика в том, что он достанет хлеб, когда последний ему понадобится, и уверенность его хозяина в том, что те деньги, которые он уплачивает рабочему, дадут рабочему возможность купить этот хлеб, порождаются просто тем фактом, что хлеб всегда можно было достать, когда он был нужен» (стр. 10) [Русский перевод, стр. 10—11].

«Другим предметом питания рабочего является молоко, а молоко производится... два раза в день. Если скажут, что молочный скот уже имеется налицо, то на это следует ответить, что он требует *постоянного ухода и постоянного труда и что его корм в течение большей части года является результатом ежедневного роста кормовых растений*. Поля, на которых он пасется, требуют рабочих рук... Точно так же обстоит дело и с мясом. Его нельзя накапливать, ибо едва оно доставлено на рынок, как начинает уже портиться» (стр. 10) [Русский перевод, стр. 11].

Даже предметы одежды из-за моли *«заготавливаются лишь в очень небольшом количестве по сравнению с общим потреблением их»* (стр. 11) [Русский перевод, стр. 12].

«Милль справедливо говорит: «То, что производится в течение года, в течение года и потребляется», так что в действительности нельзя *накопить такой запас товаров, который давал бы людям возможность выполнять все те операции, которые тянутся дольше года*. Поэтому те, кто предпринимает такие операции, должны рассчитывать не на уже произведенные товары, а на то, что другие люди будут работать и производить то, что необходимо для их существования во время их работы над завершением их собственных продуктов. Таким образом, даже если рабочий согласится с тем, что необходимо некоторое накопление оборотного капитала для операций, заканчиваемых в течение года, то ясно, что при всех операциях, продолжающихся больше одного года, рабочий не рассчитывает и не может рассчитывать на *накопленный капитал*» (стр. 12) [Русский перевод, стр. 13].

«Если мы должным образом примем во внимание число и значение тех создающих богатство операций, которые не заканчиваются в течение года, а также те бесчисленные продукты ежедневного труда, необходимые для поддержания существования, которые потребляются немедленно после того, как они произведены, то мы поймем, что *успешность и производительная сила каждого из различных видов труда всегда зависят в большей степени от сосуществующего производительного труда других людей, чем от какого-либо накопления оборотного капитала*» (стр. 13) [Русский перевод, стр. 14].

«Тем, что капиталист имеет возможность содержать, а потому и при-
менять других работников, он обязан своей властью над трудом некоторых

людей, а не своему обладанию *запасом товаров*» (стр. 14) [Русский перевод, стр. 15].

«Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накапливается и подготавливается заранее, есть *искусство рабочего*» (стр. 12) [Русский перевод, стр. 12].

«Все те результаты, которые обычно приписываются накоплению оборотного капитала, обусловлены *накоплением и усвоением навыков искусного труда*, а эта важнейшая операция осуществляется, поскольку речь идет об основной массе рабочих, без какого бы то ни было *оборотного капитала*» (стр. 13) [Русский перевод, стр. 14].

«Число рабочих всегда по необходимости зависит от *количества оборотного капитала, и л и*, как я сказал бы, от того количества *продуктов сосуществующего труда*, которое позволяют потреблять рабочим» (стр. 20) [Русский перевод, стр. 22].

[866] «Оборотный капитал... создается только для потребления, тогда как основной капитал... производится не для потребления, а для того, чтобы помогать рабочему при производстве тех вещей, которые потребляются» (стр. 19) [Русский перевод, стр. 21].

Итак, отметим прежде всего следующее:

«Успешность и производительная сила каждой особой отрасли труда всегда зависят в большей степени от *сосуществующего* производительного труда других людей, чем от какого-либо накопления оборотного капитала», т. е. «уже произведенных товаров». Эти «уже произведенные товары» противостоят «продуктам *сосуществующего труда*».

{Внутри каждой *отдельной* отрасли производства та часть капитала, которая сводится к орудиям труда и к материалу труда, всегда является предпосылкой в качестве «уже произведенных товаров». Нельзя прясть хлопок, который еще не «произведен», нельзя приводить в движение веретена, которые еще надо изготовить, и нельзя сжигать уголь, который еще не извлечен из шахты. Следовательно, они всегда входят в процесс [производства] как формы существования *прошлого труда*. И в этом смысле существующий труд зависит от предшествовавшего труда, а не только от *сосуществующего труда*, хотя этот предшествовавший труд, в форме ли средств труда или материала труда, может обладать какой-либо полезностью (производительной полезностью) всегда лишь в контакте с живым трудом как его предметный момент, — только как момент производственного потребления, т. е. потребления процессом труда.

Но при рассмотрении обращения и процесса воспроизводства мы вместе с тем видели, что после того как товар изготовлен и превращен в деньги, он может быть воспроизведен только потому, что все его элементы были *одновременно* произведены и воспроизведены «*сосуществующим трудом*»¹⁰⁰.

В производстве имеет место двоякое движение. Возьмем для примера хлопок. Он переходит из одной фазы производства

в другую. Сперва он производится как хлопок-сырец, затем подвергается множеству манипуляций, пока не делается пригодным для экспорта, или, если дальнейшая переработка происходит в той же стране, непосредственно переходит в руки прядильщика. Потом он передвигается от прядильщика к ткачу, от ткача к отбельщику, крастильщику, отделщику, а от них — в различные мастерские, которые перерабатывают его для специальных целей, в предметы одежды, постельное белье и т. д. Наконец, из рук последнего производителя он переходит в руки потребителя, в индивидуальное потребление, если не поступает в качестве средства труда (не материала) в производственное потребление. Но тем самым хлопок получил свою окончательную форму потребительной стоимости, чтобы быть потребленным либо производственно, либо индивидуально. То, что здесь выходит из одной сферы производства как продукт, входит в другую сферу производства как условие производства, проходя таким образом последовательные фазы вплоть до окончательного изготовления в качестве потребительной стоимости. Здесь прошлый труд постоянно выступает как условие труда, выполняемого в настоящий момент.

Но *одновременно* с тем, как продукт передвигается таким образом из одной фазы в другую, как он прodelывает этот реальный метаморфоз, он производится в каждой отдельной фазе. В то время как ткач перерабатывает пряжу, прядильщик прядет хлопок, а новый хлопок-сырец находится в процессе своего производства.

Так как непрерывный, возобновляющийся процесс производства есть процесс воспроизводства, то он в такой же мере обусловлен и *сосуществующим трудом*, который одновременно производит различные фазы продукта, в то время как продукт прodelывает свои метаморфозы, переходя из одной фазы в другую. Хлопок, пряжа и ткань — все это производится не только одно после другого и одно из другого, но и производится и воспроизводится *одновременно*, рядом друг с другом. То, что представляется результатом предшествовавшего труда, когда я рассматриваю процесс производства отдельного товара, вместе с тем представляется результатом сосуществующего труда, когда я рассматриваю процесс его *воспроизводства*, т. е. рассматриваю процесс производства данного товара в его течении и в совокупности его условий, а не только в одном изолированном акте или в ограниченном пространстве. Это не только кругооборот через различные фазы, но и параллельное производство товара во всех его фазах, относящихся к особым сферам производства и образующих различные отрасли труда.

Если один и тот же крестьянин сперва возделывает лен, потом делает из него пряжу, а затем тклет, то имеет место последовательность этих операций, но не их одновременность, как это предполагает способ производства, основанный на разделении труда внутри общества.

Если рассматривать процесс производства отдельного товара в какой-нибудь из его фаз, то предшествующий труд получает, правда, смысл лишь благодаря тому живому труду, которому он доставляет его условия производства. Но, с другой стороны, эти условия производства, без которых живой труд не может осуществиться, всегда вступают в процесс как готовые результаты предшествовавшего труда. Стало быть, содействующий труд тех отраслей труда, которые доставляют условия производства, выступает всегда в форме пассива и в качестве такого пассива является предпосылкой. Этот момент подчеркивают политико-экономы. Напротив, в воспроизводстве и обращении тот общественно опосредствующий труд, на который опирается процесс производства товара в каждой особой сфере и которым он обусловлен, выступает как сосуществующий, одновременный труд, в форме настоящего времени. Товар одновременно производится в своих начальных формах и в своих готовых формах или в следующих друг за другом формах. Без этого он не мог бы, после того как он проделал свои реальные метаморфозы, обратно превратиться из денег в условия своего осуществления. [870b] Таким образом, товар является продуктом предшествовавшего труда лишь постольку, поскольку он выступает вместе с тем и как продукт одновременного, живого труда. В этом смысле все вещественное богатство, фиксируемое капиталистическим воззрением, оказывается лишь быстро исчезающим моментом в потоке совокупного производства, включающего в себя и процесс обращения.}

[в)] ТАК НАЗЫВАЕМОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАК ВСЕГО ЛИШЬ
ЯВЛЕНИЕ ОБРАЩЕНИЯ (ЗАПАСЫ И Т. Д. — РЕЗЕРВУАРЫ
ОБРАЩЕНИЯ)

Годскин рассматривает оборотный капитал только в одной из его составных частей. Но одна часть оборотного капитала постоянно превращается в основной капитал и в вспомогательные материалы, и только другая часть его превращается в предметы потребления. Более того. Даже та часть оборотного капитала, которая в конце концов превращается в товары, поступающие в индивидуальное потребление, все время, кроме той последней формы, в которой она выходит как конечный

продукт из заключительной фазы, существует на более ранних стадиях своего производства одновременно в таких своих начальных формах, в которых она еще не может войти в потребление, т. е. существует в виде сырья или полуфабриката, в различной степени отдаленного от конечной формы продукта.

У Годскина речь идет о том, каково отношение выполняемого в настоящий момент труда, который рабочий отдает капиталисту, к труду, содержащемуся в предметах, в которые превращается заработная плата и которые, стало быть, действительно являются теми потребительными стоимостями, из которых состоит переменный капитал. Признаётся, что рабочий не может работать, если не находит эти предметы готовыми для потребления. И поэтому политико-экономы говорят, что оборотный капитал — прошлый труд, уже произведенные товары, которые накопил капиталист, — образует условие труда, в частности также и условие разделения труда.

Когда речь идет об условиях производства и специально об оборотном капитале в годскиновском смысле слова, то обыкновенно говорят, что капиталист должен был накопить жизненные средства, необходимые для потребления рабочего, до того как будет готов производимый этим рабочим новый товар, т. е. во время его работы, когда производимый им самим товар находится только *in statu nascendi* *. Здесь проскальзывает представление, что капиталист накапливает так, как собиратель соковок, или что он собирает запас жизненных средств так, как пчелы собирают мед.

Однако это — лишь *modus loquendi* **.

Прежде всего, мы не говорим здесь о лавочниках, торгующих жизненными средствами. Они, конечно, должны постоянно иметь полный запас товаров. Их магазины, лавки и т. д. суть просто те резервуары, по которым распределяются товары после того, как они стали пригодны для обращения. Это накопление является лишь *промежуточной стадией*, в которой товар находится до того, как он из обращения переходит в потребление. Это — его наличие на рынке в качестве *товара*. Как товар он налицо, собственно говоря, только в этой форме. Находится ли он в руках третьего или четвертого продавца, вместо того чтобы находиться в руках первого продавца (производителя), и перешел ли он, наконец, в руки того продавца, который продает его действительному потребителю, — это нисколько не меняет дела. Это касается лишь того, что на промежуточных

* — в состоянии возникновения. *Ред.*

** — способ выражаться, оборот речи. *Ред.*

этапах товар представляет обмен капитала на капитал (собственно говоря, капитала плюс прибыль, так как производитель продает в товаре не только капитал, но и полученную на свой капитал прибыль), а на последнем этапе — обмен капитала на доход (в том случае, если товар, как предполагается здесь, предназначен к тому, чтобы перейти не в производственное, а в индивидуальное потребление).

Товар, готовый для потребления и приведенный в пригодное для продажи состояние, находится, как товар, на рынке, в фазе обращения; все товары находятся в этой фазе, поскольку им надо проделать свой первый метаморфоз, превращение в деньги. Если это называется «накоплением», то накопление означает не что иное, как «обращение», или бытие товаров как товаров. Следовательно, такого рода «накопление» было бы прямой противоположностью собиранию сокровищ, которое стремится вечно сохранять товар в этом пригодном для обращения состоянии и достигает этого лишь тем, что извлекает его, в форме денег, из обращения. Если производство, а значит и потребление, является многообразным и массовым, то немалая масса самых различных товаров будет постоянно находиться на этой *остановке*, на этом *промежуточном этапе*, одним словом — в обращении, или на рынке. Таким образом, если рассматривать это с *количественной* стороны, то большое накопление означает здесь не что иное, как большое производство и большое потребление.

Остановка товаров, пребывание их в этом моменте процесса, их бытие на рынке вместо бытия на фабрике или в частном доме (в качестве предметов потребления), в лавке, в магазине торговца, это — лишь [871] короткий момент в процессе их жизни. Неподвижное самостоятельное бытие этого «мира благ», «мира вещей» есть лишь видимость. Почтовая станция всегда наполнена, но всегда все новыми путешественниками. Одни и те же товары (товары того же рода) постоянно производятся вновь в сфере производства, находятся на рынке и подвергаются потреблению. Они, не те же самые товары, но товары одного и того же рода, всегда находятся *одновременно* на этих трех этапах. Если промежуточная стадия удлиняется, так что товары, вновь поступающие из сферы производства, застают рынок еще занятым старыми товарами, то возникает заминка, затор; рынок оказывается переполненным, товары обесцениваются, налицо *перепроизводство*. Таким образом, там, где промежуточная стадия обращения обособляется как нечто самостоятельное, переставая быть всего лишь кратковременной остановкой потока в ходе его движения, где бытие товаров в фазе обращения

выступает как *накопление* [*Aufhäufung*], это отнюдь не является свободным актом производителя, отнюдь не является целью или имманентным жизненным моментом производства, подобно тому как прилив крови к голове, ведущий к апоплексии, не является имманентным моментом кровообращения. Капитал в качестве *товарного капитала* (так он выступает в этой фазе обращения, на рынке) не должен застывать, а должен быть лишь краткой остановкой в ходе движения. В противном случае нарушается процесс воспроизводства. Весь механизм приходит в расстройство. Таким образом, это выступающее в отдельных пунктах в концентрированном виде предметное богатство незначительно и может быть только незначительным в сравнении с постоянным потоком производства и потребления. Поэтому также и согласно Смиту богатство есть «*годовичное*» воспроизводство. Оно, следовательно, датировано не каким-либо отдаленным прошлым, а всего лишь вчерашним днем. С другой стороны, если воспроизводство из-за каких-либо помех приостанавливается, то пустеют склады и т. д., наступает недостаток, и тотчас же обнаруживается, что то постоянство, которым, как кажется, обладает имеющееся в наличности богатство, есть лишь постоянство его замещения, его воспроизводства, постоянное овеществление общественного труда.

У торговца тоже имеет место процесс $T - D - T$. Нас здесь не интересует та сторона дела, что торговец при этом получает «прибыль». Он продает товар и снова покупает тот же товар (товар того же рода). Он продает его потребителю и покупает его вновь у производителя. Один и тот же товар (товар того же рода) постоянно превращается здесь в деньги, а деньги постоянно превращаются обратно в тот же товар. Но это движение лишь представляет постоянное воспроизводство, постоянное производство и потребление; ибо воспроизводство включает потребление. (Для того чтобы было возможно воспроизводство товара, он должен быть продан, должен войти в потребление.) Товар должен на деле показать себя как потребительную стоимость. (Ибо то, что для продавца выступает как $T - D$, для покупателя выступает как $D - T$, т. е. как превращение денег в товар как потребительную стоимость.) Процесс воспроизводства, являясь единством обращения и производства, включает потребление, которое само есть момент обращения. Потребление само есть момент и условие процесса воспроизводства. На деле, если рассматривать процесс в целом, торговец уплачивает за товар производителю теми же деньгами, на которые потребитель покупает у него товар. По отношению к производителю торговец представляет потребителя, а по отношению

к потребителю — производителя; он является покупателем и продавцом одного и того же товара. Те деньги, на которые он покупает, представляют собой на деле, с чисто формальной стороны, заключительный метаморфоз товара потребителя. Этот последний превращает свои деньги в товар как потребительную стоимость. Таким образом, их переход в руки торговца означает потребление товара или, с формальной стороны, переход товара из обращения в потребление. Поскольку торговец на эти деньги снова покупает у производителя, это есть первый метаморфоз товара производителя, означающий здесь переход товара в *промежуточную стадию*, где он пребывает в обращении как *товар*. Процесс $T - D - T$, — поскольку он является превращением товара в деньги потребителя и обратным превращением денег, владельцем которых теперь становится торговец, в тот же товар (в товар того же рода), — выражает не что иное, как *постоянный* переход товара в потребление, ибо для этого то место, которое освобождается товаром, поступающим в потребление, должно быть занято товаром, выходящим из процесса производства и теперь вступающим в эту промежуточную стадию.

[872] *Пребывание товара* в обращении до его замены новым товаром зависит, конечно, вместе с тем от продолжительности того времени, в течение которого товары находятся в сфере производства, следовательно от продолжительности времени их воспроизводства, и бывает различно в соответствии с различием этой продолжительности. Например, воспроизводство хлеба требует одного года. Хлеба, собранного, например, этой осенью (1862 г.), поскольку он не служит снова в качестве семян, должно хватить для потребления в течение всего предстоящего года — вплоть до осени 1863 года. Он сразу выбрасывается в обращение (даже в амбарах фермеров он находится уже в обращении) и здесь поглощается различными резервуарами обращения — складами, хлебными торговцами, мельниками и т. д. Эти резервуары являются как отводными каналами для производства, так и питательными каналами для потребления. Пока товар находится в них, он является *товаром* и потому находится на рынке, в обращении. Годичное потребление извлекает его из обращения лишь кусочками, каплями. Возмещение, поток новых товаров, которые его вытесняют, приходит лишь через год. Эти резервуары поэтому опорожняются также лишь постепенно, по мере поступления того, что служит возмещением для потребленного товара. Если остается излишек и если новый урожай выше среднего, то происходит затор. То пространство, которое должен занять на рынке этот определенный товар,

оказывается переполненным. Чтобы всем можно было найти себе место на рынке, товары понижают свои рыночные цены, что снова приводит их в движение. Если их масса, как потребительных стоимостей, слишком велика, то они приспособляются к тому пространству, которое они должны занять, путем сжимания своих *цен*. Если эта масса слишком мала, то они расширяются путем вздувания своих *цен*.

С другой стороны, товары, быстро портящиеся как потребительные стоимости, имеют и в резервуарах обращения лишь мимолетное пребывание. То время, в течение которого они должны превратиться в деньги и должны быть воспроизведены, предугазано природой их потребительной стоимости, которая портится и потому перестает быть товаром, если она не потребляется ежедневно или почти ежедневно. Ибо меновая стоимость исчезает вместе с ее носителем, потребительной стоимостью, если только само исчезновение потребительной стоимости не является актом производства.

Вообще же ясно, что, хотя *абсолютная масса* собранных в резервуарах обращения товаров увеличивается с развитием народного хозяйства, так как увеличиваются производство и потребление, эта самая масса — по сравнению с совокупным годовым производством и потреблением — уменьшается. *Переход* товаров из обращения в потребление ускоряется, и притом в силу ряда причин. Быстрота воспроизводства увеличивается в следующих случаях:

1) Когда товар быстро проходит через свои различные фазы производства и процесс производства в каждой фазе производства сокращается; это бывает обусловлено тем, что уменьшается рабочее время, необходимое для производства товара в каждой из его форм; следовательно, это происходит вместе с развитием разделения труда, машин, применения химических процессов и т. д. {С развитием химии искусственно ускоряется перевод товара из одного агрегатного состояния в другое, его соединение с другими телами, например при окрашивании, его отделение от других веществ, например при белении, — одним словом, искусственно ускоряется как изменение формы тех же веществ (их агрегатного состояния), так и тот обмен веществ, который надо произвести; не говоря уже, например, о том, что для вегетативного и органического воспроизводства растениям и животным доставляются более дешевые вещества, т. е. такие вещества, которые стоят небольшого рабочего времени.}

2) Отчасти благодаря комбинированию различных отраслей производства, т. е. благодаря образованию для определенных производственных отраслей объединяющих их центров

производства, [а отчасти] благодаря *развитию средств сообщения* товар быстро переходит из одной фазы производства в другую; другими словами, сокращается промежуточный период, уменьшается время пребывания товара на промежуточном этапе между одной фазой производства и другой, или сокращается *переход* из одной фазы производства в другую.

3) Все это развитие — как сокращение каждой из различных фаз производства, так и убыстрение перехода из одной фазы в другую — предполагает производство в больших масштабах, массовое производство и вместе с тем производство на основе большого постоянного, в особенности основного капитала; а потому и непрерывное течение производства, непрерывное не в том смысле, в каком мы только что рассматривали это течение, т. е. не в смысле непрерывности путем приближения друг к другу и взаимного проникновения отдельных фаз производства, а в том смысле, что в производстве не происходит *преднамеренных* перерывов. Такого рода перерывы имеют место до тех пор, пока работа ведется на заказ, как это происходит у [873] ремесленников, а также все еще и в мануфактуре в собственном смысле слова (если мануфактура сама уже не преобразована крупной промышленностью). Теперь же производство ведется в таких масштабах, какие только допускает капитал. Этот процесс не ждет спроса, а является функцией капитала. Капитал все время продолжает работать в тех же масштабах (не говоря уже о накоплении или расширении) с постоянным развитием и расширением производительных сил. Таким образом, производство не только совершается *быстро*, так что товар быстро получает ту форму, в которой он становится пригодным для обращения, но и происходит непрерывно. Производство выступает здесь лишь как постоянное воспроизводство и вместе с тем является массовым производством.

Таким образом, если товары надолго задерживаются в резервуарах обращения, если они здесь скопляются, то эти резервуары скоро переполняются в результате той быстроты, с какою следуют одна за другой волны производства, и в результате массовости того материала, который они постоянно нагнетают в резервуары обращения. В этом именно смысле *Корбет*, например, говорит: «Рынок *всегда* переполнен»¹⁰¹. Но те же самые обстоятельства, которые порождают эту быстроту и массовость воспроизводства, уменьшают также необходимость собирания товаров в этих резервуарах. Отчасти — в отношении *производственного потребления* — это содержится уже в приближении друг к другу тех фаз производства, через которые должны проходить сами товары или их составные части. Если

уголь производится ежедневно в массовых количествах и доставляется фабриканту к самой двери железной дорогой, пароходами и т. д., то фабриканту не нужно иметь никакого запаса или нужен лишь небольшой запас угля, или, что то же самое, когда сюда вклинивается торговец, последнему нужен лишь небольшой запас помимо того, что он ежедневно продает и что ежедневно вновь подвозится ему. Так же обстоит дело с пряжей, железом и т. п. Но, оставляя в стороне *производственное потребление*, в сфере которого запасы товаров (т. е. запасы составных частей товаров) должны указанным образом уменьшиться, торговец [предметами индивидуального потребления] тоже располагает, во-первых, быстротой средств сообщения, а во-вторых, уверенностью в постоянном быстром воспроизводстве и подвозе. Поэтому, хотя его запас товаров, возможно, и увеличился по своим размерам, каждый элемент этого запаса находится в его резервуаре, в этом переходном состоянии, более короткое время. По отношению ко всей массе товаров, которую он продает, т. е. по отношению к размерам как производства, так и потребления, запас товаров, *сохраняемых, собранных* в его складе в каждый данный момент, незначителен. Иначе обстоит дело на менее развитых ступенях производства, где воспроизводство совершается медленно, — следовательно, в резервуарах обращения должно задерживаться больше товаров, — средства сообщения медленны, сношения затруднительны, вследствие чего *возобновление запаса* осуществляется с перерывами и потому проходит много промежуточного времени между опорожнением резервуара и его наполнением вновь, *возобновлением* запаса товаров. В этом случае происходит нечто аналогичное тому, что имеет место с такими продуктами, воспроизводство которых, вследствие природы их потребительной стоимости, осуществляется лишь в годовые или полугодовые, одним словом, в более или менее продолжительные сроки.

{Как средства сообщения действуют на опорожнение резервуаров, показывает, например, хлопок. Так как между Ливерпулем и Соединенными Штатами постоянно курсируют корабли, — быстрота сообщения является одним моментом, а постоянство — другим, — то отправляется не весь хлопок сразу. Он поступает на рынок постепенно. (Производитель не хочет, кроме того, сразу переполнить рынок.) В Ливерпуле хлопок лежит на товарных складах, правда, уже в резервуаре обращения, но не в таком количестве — по сравнению с общим потреблением этого товара, — которое было бы необходимо в том случае, если бы из Америки приходил корабль всего лишь один или два раза после шестимесячного путешествия. Манчестерский

фабрикант и т. д. наполняет свой склад примерно в объеме своего непосредственного потребления, так как электрический телеграф и железная дорога делают возможной в любой момент доставку хлопка из Ливерпуля в Манчестер.}

Особого рода наполнение резервуаров обращения — наполнение не вследствие перегруженности рынка, которая в этих условиях создается бесконечно легче, чем при патриархально медленном темпе производства, — является лишь спекулятивным и происходит лишь в исключительных случаях, в связи с действительным или ожидаемым падением или повышением цен.

Об этом *относительном уменьшении* запасов, т. е. об относительном уменьшении количества товаров, находящихся в обращении, по сравнению с общей массой производства и потребления — см. *Лалора*, «*Economist*»¹⁰², *Корбета* (соответствующие цитаты поместить после Годскина). [874] *Сисмонди* ошибочно видел в этом нечто достойное сожаления (посмотреть также и его)¹⁰³.

(Правда, с другой стороны, мы имеем при этом постоянное *расширение рынка*, и в той же мере, в какой сокращается тот *промежуток времени*, в течение которого товар находится на рынке, увеличивается *пространственный охват*, или рынок расширяется пространственно, и периферия по отношению к центру, т. е. по отношению к сфере производства товара, описывается все большим радиусом.)

С быстротой воспроизводства связано — или является лишь другим выражением этой быстроты — то обстоятельство, что потребление действует по принципу «из рук да в рот», что оно так же быстро меняет свое белье и костюмы, как и свои мнения, а не ходит 10 лет в одном и том же сюртуке и т. д. Потребление даже таких предметов, где это не обусловлено природой потребительной стоимости, все больше совпадает по времени с производством, становится, следовательно, все более зависимым от труда данного момента, сосуществующего труда (так как фактически здесь имеет место обмен сосуществующего труда), — и все это в той же мере, в какой прошлый труд становится все более важным моментом производства, хотя само это прошлое всегда является совсем недалеким и лишь относительным.

(Как сильно создавание запасов связано с неразвитостью производства, показывает следующий пример. Пока скот лишь с большими трудностями переносил зимовку, зимой не было свежего мяса. Лишь только скотоводство преодолело это затруднение, само собой прекратилось и создавание того *запаса*, который проистекал из необходимости заменять свежее мясо солониной или копченым мясом.)

Только там, где продукт вступает в обращение, он становится товаром. Производство продукта как товара, а значит и обращение, чрезвычайно расширяется с капиталистическим производством в силу следующих причин:

1) *Производство en masse, количество, массовость*, т. е. такое производство, которое количественно не находится ни в каком соответствии с потребностью производителя [в его собственном продукте]; в самом деле, *чистой случайностью* является то, становится ли он хотя бы в самой минимальной степени потребителем своего собственного продукта. Там, где производитель потребляет свой собственный продукт в массовых количествах, это происходит только в том случае, если он производит часть составных элементов своего собственного капитала. Напротив, на прежней стадии развития общества товаром становится только — или же главным образом — избыток продукта над тем, что идет на удовлетворение собственных потребностей.

2) *Качественная односторонность* продукта, находящаяся в обратном отношении к увеличивающемуся многообразию потребностей. Это влечет за собой большее разделение и обособление ранее связанных между собой отраслей производства — одним словом, увеличение разделения труда внутри общества, к чему присоединяется еще создание новых отраслей производства и увеличение многообразия видов товаров. (В конце, после Годскина, привести также и высказывания Уэйкфилда по этому вопросу.) Эта пестрая дифференциация товаров бывает двоякого рода. Во-первых, различные *фазы одного и того же продукта*, а также и промежуточные работы над продуктом (стало быть, труд, производящий его составные элементы и т. д.) распадаются на различные, не зависящие друг от друга отрасли труда; другими словами, *один и тот же продукт* в различных своих фазах превращается в *различные виды товаров*. А во-вторых, [появление новых видов товаров] связано с высвобождением труда и капитала (или труда и прибавочного продукта), а с другой стороны, с открытием новых способов использования одной и той же потребительной стоимости. Вследствие тех изменений, о которых говорилось в пункте 1-м, возникают новые потребности (например, потребность в быстрых и всесторонних средствах сообщения, возникающая вместе с применением пара в промышленности), а потому и новые способы их удовлетворения, — или же открываются новые способы использования одной и той же потребительной стоимости, или новые материалы, или новые методы производства (как, например, гальванопластика), чтобы иначе обрабатывать старый материал, и т. д.

Все это сводится к тому, что *один продукт* в своих *следующих друг за другом фазах, или состояниях*, превращается в *различные товары*, или же к тому, что создаются *новые продукты*, или новые *потребительные стоимости* в качестве товаров.

3) *Превращение в наемных рабочих того большинства населения, которое раньше основную массу продуктов потребляло in naturalibus* *.

4) *Превращение фермера в промышленного капиталиста* {а вместе с этим превращение ренты в денежную ренту, вообще всех натуральных поставок (налоги и т. д., земельная рента) в денежные платежи}. Вообще: промышленная эксплуатация земли, в результате чего подвергаются обмену веществ как ее химические, так и механические условия производства, даже семена и т. д., скот и т. д., удобрения и т. д., — вместо того чтобы, как прежде, ограничиваться применением собственного навоза.

5) *Мобилизация целой массы прежде «неотчуждаемых» благ, превращающая их в товары*, и создание таких форм собственности, которые состоят лишь из обращающихся бумаг. С одной стороны — отчуждение землевладения (вместе с отсутствием у масс всякой собственности дано также и то, что они, например, к своему жилищу относятся как к товару). С другой стороны — железнодорожные акции и вообще всевозможные акции.

[г) ПОЛЕМИКА ГОДСКИНА ПРОТИВ КОНЦЕПЦИИ «НАКОПЛЕНИЯ» КАПИТАЛИСТОМ ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ РАБОЧЕГО. НЕПОНИМАНИЕ ГОДСКИНОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧИН ФЕТИШИЗАЦИИ КАПИТАЛА]

[875] Вернемся теперь к Годскину.

Под «*накоплением*» капиталистом [жизненных средств] для рабочего нельзя, разумеется, понимать то обстоятельство, что товары при своем переходе из производства в потребление находятся в резервуарах обращения, в обращении, на рынке. Такое толкование этого «накопления» означало бы, что продукты обращаются ради рабочего и становятся *товарами* ради него, вообще — что производство продуктов в качестве товаров имеет место ради рабочего.

Как и всякий другой [товаровладелец], рабочий должен тот товар, который он продает фактически, хотя и не по форме, — т. е. свой труд, — сперва превратить в деньги, чтобы затем обратно превратить эти деньги в товары для потребления. Ясно

* — в натуральном виде. Здесь имеется в виду потребление в условиях натурального хозяйства. *Ред.*

как день, что разделение труда (поскольку оно основано на товарном производстве), наемный труд, вообще капиталистическое производство не могут иметь место без того, чтобы предметы потребления, а также и средства производства, не находились на рынке как *товары*, что этого рода производство невозможно без обращения товаров, без пребывания товаров в резервуарах обращения. Ибо продукт является товаром *κατ' ἐξοχήν* * лишь внутри обращения. То, что рабочий должен необходимые ему жизненные средства находить в форме *товаров*, столь же верно для него, как и для всякого другого.

К тому же, торговцу жизненными средствами рабочий противостоит не как рабочий капиталисту, а как деньги — товару, как покупатель — продавцу. Здесь не имеет места отношение наемного труда и капитала, если не считать того случая, когда дело идет о *собственных* рабочих торговца. Но даже эти последние, поскольку они у него покупают, противостоят ему не как рабочие. Это имеет место лишь постольку, поскольку он у них покупает. Поэтому оставим в стороне этого *агента обращения*.

Что же касается промышленного капиталиста, то его *запас* — его «накопление» — состоит:

Во-первых, из его основного капитала — зданий, машин и т. д., которые рабочий не потребляет, или, поскольку он их потребляет, то потребляет в процессе труда, производственно, для капиталиста; хотя они и образуют для рабочего средства труда, но они никогда не являются для него жизненными средствами.

Во-вторых, из его сырья и вспомогательных материалов, запас которых, в той части, которая не входит непосредственно в производство, как мы видели, имеет тенденцию к уменьшению. Эти вещи тоже не являются жизненными средствами для рабочего. Это «накопление» капиталиста для рабочего означает только то, что капиталист делает рабочему одолжение, отнимая у рабочего собственность на условия его труда и превращая эти средства его труда (которые сами суть лишь превращенный продукт его труда) в средства эксплуатации труда. Во всяком случае, рабочий, употребляя в качестве средств труда машины и сырье, питается не ими.

В-третьих, из его товаров, находящихся на складе, в кладовой, до того как они поступают в обращение. Эти товары суть продукты труда, а не жизненные средства, накопленные для содержания его, труда, самого во время производства.

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

Таким образом, «накопление» капиталистом жизненных средств для рабочего означает только то, что капиталист должен обладать достаточным количеством денег, чтобы выплачивать заработную плату, на каковые деньги рабочий извлекает из резервуаров обращения свои средства потребления (а если рассматривать класс в целом — выкупает для себя часть своего собственного продукта). Но эти деньги суть лишь превращенная форма того товара, который рабочий продал и доставил. В этом смысле жизненные средства «накоплены» для рабочего точно так же, как они накоплены для его капиталиста, который тоже покупает на деньги (превращенную форму того же товара) средства потребления и т. д. Деньги эти могут быть простым знаком стоимости; стало быть, они отнюдь не обязательно должны быть представителями «прошлого труда», а лишь выражают в руках каждого человека реализованную им цену — не прошлого труда (или прежнего товара), а того труда или того товара, которые данный человек продает как труд или товар настоящего времени. Мы имеем здесь только формальное бытие¹⁰⁴. Или же, — так как рабочий и при прежних способах производства должен был питаться и вообще потреблять жизненные средства во время производства, независимо от продолжительности того времени, которого требовало производство его продукта, — то «накопление» жизненных средств для рабочего означает, что рабочий должен сперва превратить продукт своего труда в продукт капиталиста, в капитал, чтобы затем получить в уплату обратно часть этого продукта в форме денег.

[876] В этом процессе (а для этого процесса, как такового, по сути дела совершенно безразлично, является ли то, что получает рабочий, продуктом одновременного или прошлого труда, получает ли он продукт параллельно выполняемого труда или свой собственный прежний продукт) Годскина интересует следующее:

Значительная часть, наибольшая часть ежедневно потребляемых рабочим продуктов, — которые он должен потреблять независимо от того, готов ли его собственный продукт или нет, — отнюдь не является *накопленным трудом* прежних времен. Это, напротив, в значительной мере — продукты труда, произведенные в тот же день, в ту же неделю, в течение которых рабочий производит свой товар. Таковы хлеб, мясо, пиво, молоко, газеты и т. д. Годскин мог бы добавить, что они отчасти являются продуктами *будущего* труда, ибо на заработную плату, откладываемую в течение шести месяцев, рабочий покупает сюртук, изготавливаемый лишь в конце этих шести месяцев, и т. д. (Мы видели, что все производство предполагает *одновременное* воспроиз-

водство входящих в него ингредиентов и продуктов в различных формах сырья, полуфабриката и т. д. А всякий основной капитал предполагает для своего воспроизводства *будущий* труд, он предполагает будущий труд также и для своего эквивалента, без которого его нельзя воспроизвести.) В течение года, говорит Годскин, рабочему (в связи с характером воспроизводства хлеба, производства растительного сырья и т. д.) приходится до известной степени «рассчитывать» на прошлый труд. {Относительно, например, дома это сказать нельзя. В тех случаях, когда та или иная потребительная стоимость, в силу ее природы, изнашивается лишь постепенно, не сразу потребляется, а только используется, наличие на «рынке» такого рода продуктов прежнего труда отнюдь не является результатом какого-то особого акта, придуманного для рабочих. Рабочий и раньше «имел жилище», до того, как капиталист «накопил» для него смертоносные вонючие трущобы. (См. об этом у *Ленга* ¹⁰⁵.)} (Не говоря уже об этом множестве повседневных потребностей, имеющих решающее значение особенно для *рабочего*, который может удовлетворять почти исключительно только повседневные потребности, — мы видели, что вообще *производство и потребление* все больше и больше совпадают по времени, так что, если рассматривать все общество в целом, потребление всех членов общества все больше и больше опирается на их *одновременное* производство, или, точнее, на продукты *одновременного* производства.) Но когда трудовые операции распространяются на несколько лет, рабочий должен «рассчитывать» только на свое собственное производство, на одновременный и будущий труд рабочих, производящих другие товары.

Рабочий всегда должен находить жизненные средства в готовом виде как товары на рынке (те «услуги», которые он покупает, *eo ipso* * создаются всего лишь в тот момент, когда они покупаются), — стало быть, относительно, как продукт предшествующего труда, а именно такого труда, который предшествует их бытию в качестве продуктов, но отнюдь не предшествует его собственному труду, на цену которого он покупает эти продукты. Они могут быть продуктами, совпадающими во времени с этим трудом, и в большинстве случаев и являются таковыми для тех, кто живет по принципу «из рук да в рот».

Если принять все это во внимание, то «накопление» капиталистом жизненных средств для рабочего сводится к следующему:

1) Товарное производство предполагает, что предметы потребления, которые потребители не производят сами, они

* — тем самым. *Ред.*

находят в готовом виде как товары на рынке, или что *товары вообще* производятся как товары.

2) Наибольшая часть потребляемых рабочим товаров в той их последней форме, в которой они противостоят ему как товары, является на самом деле продуктами *одновременного* труда (следовательно, они никоим образом не накоплены капиталистами).

3) При капиталистическом производстве произведенные самим рабочим средства труда и жизненные средства противостоят ему, первые — как постоянный, последние — как переменный капитал; все эти его условия производства выступают как собственность капиталиста; а переход их от рабочего к капиталисту и частичный обратный приток к рабочему его продукта или стоимости его продукта называется «накоплением» оборотного капитала для рабочего. Эти жизненные средства, которые рабочий должен потреблять всегда до того, как закончен его продукт, становятся «оборотным капиталом» потому, что рабочий, вместо того чтобы самому непосредственно *покупать* их, или *оплачивать* стоимостью своего прошлого продукта или за счет своего будущего [877] продукта, должен сперва получить от капиталиста *чек* на них — деньги, — такой чек, выдача которого становится возможной для капиталиста лишь благодаря прошлому, будущему или в настоящий момент производимому продукту рабочего.

Годскин стремится здесь доказать зависимость рабочего от сосуществующего труда других рабочих в противовес его зависимости от прошлого труда —

1) для того, чтобы устранить «фразу о накоплении»,

2) потому, что «труд, выполняемый в настоящий момент», противостоит капиталу, тогда как «прошлый труд» всегда уже рассматривается политико-экономами как *eo ipso* капитал, как *отчужденная*, враждебная самому труду и независимая форма труда.

Но понимание того значения, которое повсюду присуще *одновременному труду* в противовес труду прошлому, само по себе является весьма важным моментом.

Итак, Годскин приходит к такому выводу:

Капитал или есть всего лишь слово и очковтирательство, или он выражает не *вещь*, а отношение: общественное отношение труда одного человека к *сосуществующему труду* другого, причем следствия, *результаты* этого отношения приписываются тем вещам, из которых состоит так называемый оборотный капитал. При всяком бытии товара в качестве денег его реализация в потребительных стоимостях зависит от одновре-

менного труда. ([Труд] всего года сам есть одновременный [труд].) Лишь незначительная часть товаров, входящих в непосредственное потребление, является продуктами более чем одного года, а если они и являются такими продуктами (например, скот и т. д.), то они требуют ежегодно нового труда. Все трудовые операции, требующие более продолжительного времени, чем год, основываются на непрерывно продолжающемся годичном производстве.

«Тем, что капиталист имеет возможность *содержать*, а потому и применять *других* работников, он обязан своей власти над *трудом некоторых людей*, а не своему обладанию запасом товаров» (стр. 14) [Русский перевод, стр. 15].

Между тем деньги каждому дают «власть» над «трудом некоторых людей», над овеществленным в их товарах трудом, а также и над воспроизводством этого труда — и, значит, постольку над самим трудом.

Что, по Годскину, действительно «накаплиется», но не как мертвая масса, а как нечто живое, это — *искусство* рабочего, степень развития труда. {Правда (чего Годскин не отмечает, так как ему важно было, в противовес грубому пониманию политико-экономов, сделать ударение на *субъекте*, так сказать на субъективном в субъекте, в противоположность вещи), имеющаяся в каждый данный момент ступень развития производительной силы труда, служащая отправным пунктом, существует не только в виде навыков и способностей рабочего, но вместе с тем и в тех предметных органах, которые этот труд создал себе и ежедневно возобновляет.} Это и есть подлинное *prius* *, образующее исходный пункт, и это *prius* является результатом определенного хода развития. *Накопление* является здесь *ассимиляцией*, постоянным сохранением и вместе с тем преобразованием уже воспринятого, осуществленного. В таком именно смысле Дарвин делает «накопление» посредством наследственности у всех организмов, у растений и животных, движущим принципом их формирования, так что различные организмы сами формируют себя посредством «накопления» и являются лишь «изобретениями», постепенно накапливаемыми изобретениями живых субъектов. Но это не единственное *prius* для производства. У животного и у растения таким *prius*’ом является внешняя для них природа, — следовательно, как неорганическая природа, так и их отношение к другим животным и растениям. Человек, который производит в обществе, находит перед собой точно так же и уже модифицированную природу

* — первичное, предшествующее. Ред.

(в частности, элементы природы, превращенные в органы его собственной деятельности) и определенные взаимоотношения производителей друг к другу. Указанное накопление является отчасти результатом исторического процесса, отчасти, у отдельного рабочего, передачей искусства от поколения к поколению. При этом накоплении, говорит Годскин, никакой оборотный капитал не оказывает основной массе рабочих никакого содействия.

Годскин показал, что «запас готовых товаров» (жизненных средств) всегда невелик по сравнению с совокупным потреблением и производством. Напротив, степень искусства наличного населения является в каждый данный момент предпосылкой совокупного производства, — следовательно, главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда, существующим, однако, в самом живом труде.

[878] «Все те результаты, которые обычно приписываются накоплению оборотного капитала, обусловлены *накоплением и усвоением навыков искусного труда*, а эта важнейшая операция осуществляется, поскольку речь идет об основной массе рабочих, без какого бы то ни было оборотного капитала» (стр. 13) [Русский перевод, стр. 14].

Фразу политико-экономов о том, что число рабочих (а потому и благосостояние или нищета наличного рабочего населения) зависит от наличной массы оборотного капитала, Годскин правильно комментирует следующим образом:

«Число рабочих всегда по необходимости зависит от *количества оборотного капитала, и л и*, как я сказал бы, от того *количества продуктов сосуществующего труда*, которое *дозволяют* потреблять рабочим» (стр. 20) [Русский перевод, стр. 22].

То, что приписывают «оборотному капиталу», некоему «запасу товаров», есть результат «сосуществующего труда».

Итак, Годскин говорит другими словами: действия определенной общественной формы труда приписываются вещи, продуктам этого труда; само отношение фантастически представляется в *вещном* образе. Мы видели, что это есть специфическая характерная черта труда, покоящегося на товарном производстве, на меновой стоимости, и что это *quidproquo* * проявляется в товаре и в деньгах (чего не видит Годскин), а в еще большей степени — в капитале¹⁰⁶. Действия, производимые вещами как предметными моментами процесса труда, в капитале приписываются этим вещам как такие действия, которыми эти вещи обладают в своей персонификации, в своей самостоятельности, противостоящей труду. Они [по представ-

* — принятие одного за другое. *Ред.*

лению политико-экономов] перестали бы производить эти действия, если бы перестали противостоять труду в этой *отчужденной форме*. *Капиталист* как капиталист есть всего лишь персонификация капитала, — одаренное собственной волей, личностью порождение труда, враждебное труду. Годскин считает это чисто субъективной иллюзией, за которой скрываются мошенничество и интересы эксплуатирующих классов. Он не видит того, как этот способ представления проистекает из самого реального отношения, не видит, что не последнее есть выражение первого, а наоборот. В таком же смысле английские социалисты говорят: «Нам нужен капитал, а не капиталист» ¹⁰⁷. Но если они устраняют капиталиста, то они лишают условия труда характера *капитала*.

* * *

{Автор сочинения «Observations on certain Verbal Disputes», Бейли и другие замечают *, что слова «value, valeur» ** выражают свойство, принадлежащее вещам. И действительно, они первоначально выражают не что иное, как потребительную стоимость вещей для человека, такие их свойства, которые делают их полезными или приятными для человека и т. д. По самому существу дела слова «value, valeur, Wert» ** этимологически не могут иметь другого происхождения. Потребительная стоимость выражает природное отношение между вещами и людьми, фактически — бытие вещей для человека. *Меновая стоимость* представляет собой значение, привитое к слову Wert (= потребительная стоимость) позднее, в результате общественного развития, создавшего меновую стоимость. Это есть *общественное бытие* вещи.

«Санскритское Wer означает «покрывать, защищать», отсюда — «уважать, почитать» и «любить, ценить». Производное от этого слова прилагательное Wertas означает «превосходный, почтенный»; *готское* wairth, *древневерхненемецкое* wert, *англосаксонское* weorth, vordh, wurth, *английское* worth, worthy, *голландское* waard, waardig, *немецкое* wert, *литовское* wertas («почтенный, ценный, дорогой, ценимый»).

Санскритское Wertis, *латинское* virtus ***, *готское* wairthi, *немецкое* Wert» [Chavée. Essai d'étymologie philosophique. Bruxelles, 1844, стр. 176].

Der Wert **** вещи есть на деле ее собственная virtus ***, тогда как ее меновая стоимость совершенно независима от вещных свойств данной вещи.

* См. настоящее издание, часть III, стр. 130 и 165. *Ред.*

** — ценность, стоимость. *Ред.*

*** — сила, доблесть, достоинство, превосходное качество. *Ред.*

**** — ценность, стоимость. *Ред.*

«Санскритское Wal означает «покрывать, укреплять»; [латинское] vallo *, valeo **; vallus *** — то, что прикрывает и защищает; valor — это сама сила». Отсюда [французское] valeur, [английское] value. «Сравни с Wal немецкое walle, walte ****, английское wall *****, wield *****»¹⁰⁸ [Chavée. Essai d'étymologie philosophique. Bruxelles, 1844, стр. 70].}

* * *

Затем Годскин переходит к *основному капиталу*. Это есть произведенная производительная сила и, в своем развитии в крупной промышленности, орган, созданный для себя *общественным* трудом.

Вот места, относящиеся к основному капиталу:

«Все орудия и машины являются продуктом труда... Пока они представляют собой всего лишь результат *прошлого* труда и не применяются целесообразно рабочими, они не возмещают расходов по их изготовлению... Большинство из них теряет в стоимости, если их держать без применения... *Основной капитал получает свою полезность не от прошлого, а от настоящего труда, и он приносит своему владельцу прибыль не потому, что он был накоплен, а потому, что он есть средство для приобретения власти над трудом*» (стр. 14—15) [Русский перевод, стр. 16].

Здесь, наконец, правильно схвачена природа капитала.

[879] «После того как те или иные орудия изготовлены, что сами они производят? Ничего. Напротив, они начинают ржаветь и разрушаться, если их не использует или не применяет труд... Следует ли рассматривать то или иное орудие как производительный капитал или не следует, это всецело зависит от того, *применяется ли оно каким-нибудь производительным рабочим или не применяется*» (стр. 15—16) [Русский перевод, стр. 16—17].

«Легко понять, почему... строитель дороги должен получать некоторую долю тех выгод, которые извлекает из дороги только тот, кто пользуется ею; но я не понимаю, *почему все эти выгоды должны принадлежать самой дороге и присваиваться под наименованием прибыли на их капитал рядом лиц, которые ее не сооружают и ею не пользуются*» (стр. 16) [Русский перевод, стр. 18].

«Громадная польза паровой машины зависит не от накопления железа и дерева, а от того *практического и живого знания сил природы*, которое одним людям дает возможность строить машины, а другим — управлять ими» (стр. 17) [Русский перевод, стр. 18].

«Без знаний они» (машины) «не могли бы быть изобретены, без ловкости и искусства рабочих-машиностроителей они не могли бы быть изготовлены, а без умения и труда других рабочих они не могли бы производительно применяться. Но не существует ничего другого, кроме требующихся знаний, искусства и труда, на чем капиталист мог бы обосновать притязание на какую бы то ни было долю продукта» (стр. 18) [Русский перевод, стр. 20].

* — обносить валом, укреплять, защищать. *Ред.*

** — быть сильным, крепким, здоровым. *Ред.*

. *** — вал. *Ред.*

**** — господствующую, хозяйничающую, управляющую. *Ред.*

***** — стена. *Ред.*

***** — владеть, иметь в руках. *Ред.*

«Унаследовав знания ряда поколений и живя совместно большими массами, люди имеют возможность благодаря своим умственным способностям завершать то, что сделано природой» (стр. 18) [Русский перевод, стр. 20].

«Производительный труд страны зависит не от количества основного капитала, а от его качества» (стр. 19) [Русский перевод, стр. 21].

«Как средство прокармливать и содержать людей, основной капитал в отношении своей эффективности всецело зависит от искусности рабочего, и поэтому производительный труд страны в той мере, в какой это относится к основному капиталу, пропорционален степени развития знаний и навыков народа» (стр. 20) [Русский перевод, стр. 22].

[Д] СЛОЖНЫЕ ПРОЦЕНТЫ; ОСНОВАННОЕ НА НИХ ОБЪЯСНЕНИЕ УМЕНЬШЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ

«Достаточно беглого взгляда, чтобы каждый мог убедиться, что с развитием общества *простая прибыль* не уменьшается, а увеличивается, т. е. что одно и то же количество труда, которое в более ранний период производило 100 кварталов пшеницы и 100 паровых машин, теперь будет производить некоторое большее количество их... Действительно, мы видим, что в нашей стране в настоящее время на прибыль живет в богатстве гораздо большее количество лиц, чем прежде. Однако ясно, что *никакой труд, никакая производительная сила, никакая изобретательность и никакое искусство не в состоянии удовлетворить всепоглощающие требования сложных процентов*. Но все сбережения *делаются из дохода капиталиста*» (стало быть, из «простой прибыли»), «так что в действительности эти требования постоянно предъявляются, и столь же постоянно производительная сила труда отказывается их удовлетворить. Поэтому здесь постоянно подводится некоторого рода баланс ¹⁰⁹» (стр. 23) [Русский перевод, стр. 25—26].

Например, капитал в 100 из 10% составил бы через 20 лет, если прибыль постоянно вновь накапливается, приблизительно 673, а так как небольшая разница здесь не имеет значения, то мы можем сказать — 700. Таким образом, капитал за 20 лет увеличился бы в семь раз. По этому масштабу, если бы мы имели дело только с простыми процентами, капитал должен был бы приносить ежегодно 30% вместо 10, т. е. втрое большую прибыль, и чем больше увеличивали бы мы ряд лет, тем больше возрастала бы при пересчете на простые ежегодные проценты процентная ставка, или норма прибыли, и это возрастание всегда будет происходить тем быстрее, чем больше будет становиться капитал.

Но на деле капиталистическое накопление есть не что иное, как обратное превращение процента в капитал (так как здесь для наших целей, т. е. для целей этого расчета, процент и прибыль тождественны), — стало быть, сложные проценты. Сегодня капитал составляет 100; он производит прибыль (или процент) 10. При присоединении их к капиталу получается 110, это теперь составляет капитал. Приносимые им проценты составляют, стало быть, не только проценты на капитал в 100, но проценты

на $100K + 10П$, т. е. сложные проценты. Таким образом, в конце второго года мы имеем $(100K + 10П) + 10П + 1П = (100K + 10П) + 11П = 121$. Этому равняется теперь капитал к началу третьего года. В третьем году мы имеем:

$(100K + 10П) + 11П + 12,1П$, так что капитал к концу третьего года составляет 133,1.

[880] Обозначая штрихом сложные проценты, мы получим такую таблицу:

Капитал	Проценты	Сумма
1-й год 100	10	110
2-й год $100 + 10 = 110$	$10 + 1'$	121
3-й год $100 + 20 + 1 = 121$	$10 + 2' + 0,1'$	133,1
4-й год $100 + 30 + 3,1 = 133,1$	$10 + 3,31'$	146,41
5-й год $100 + 40 + 6,41 = 146,41$	$10 + 4,641'$	161,051

и т. д.

Во 2-м году капитал содержит в себе проценты (простые) на сумму 10
 В 3-м году капитал содержит в себе проценты на сумму 21.
 В 4-м году капитал содержит в себе проценты на сумму 33,1.
 В 5-м году капитал содержит в себе проценты на сумму 46,41.
 В 6-м году капитал содержит в себе проценты на сумму 61,051.
 В 7-м году капитал содержит в себе проценты на сумму 77,1561.
 В 8-м году капитал содержит в себе проценты на сумму 94,87171.
 В 9-м году капитал содержит в себе проценты на сумму 114,358881.

Другими словами, уже на 9-м году больше половины капитала [который к этому времени равен 214,358881] состоит из процентов, и таким образом та часть капитала, которая состоит из процентов, возрастает в геометрической прогрессии.

Мы видели, что через 20 лет капитал увеличился бы в семь раз, между тем как даже при «самых крайних» предположениях Мальтуса население может удвоиться лишь в 25 лет. Но допустим, что оно удваивается в 20 лет и, следовательно, что за этот период удваивается также и рабочее население. Если вычислить средний результат каждого года, то процент должен был бы составить 30%, в три раза больше, чем он есть. Но, при неизменной норме эксплуатации, удвоившееся население через 20 лет (а ведь в течение значительной части этих 20 лет новое поколение еще неспособно; оно способно едва в течение половины этого периода, несмотря на работу детей) сможет выполнить лишь вдвое больше труда, чем прежде, а следовательно, также лишь вдвое больше — но не в три раза больше — прибавочного труда.

Норма прибыли (а потому [в данной связи] также и норма процента) определяется:

1) При предположении неизменяющейся нормы эксплуатации — числом занятых рабочих, абсолютной массой применя-

емых рабочих; следовательно, ростом населения. Хотя эта масса применяемых рабочих и увеличивается, но с накоплением капитала и с промышленным развитием отношение ее ко всей сумме применяемого капитала уменьшается (следовательно, при неизменяющейся норме эксплуатации норма прибыли уменьшается). Точно так же и всему населению никогда не приходит в голову возражать в такой же геометрической прогрессии, как сложные проценты. На определенной ступени промышленного развития рост населения объясняет увеличение массы прибавочной стоимости и прибыли, но вместе с тем и падение нормы прибыли.

2) Абсолютной величиной нормального рабочего дня, т. е. увеличением нормы прибавочной стоимости. Норма прибыли может, следовательно, повышаться вследствие удлинения рабочего времени сверх нормального рабочего дня. Однако это имеет свои *физические* и — с определенного момента — свои общественные границы. Что в той же мере, в какой рабочие приводят в движение больше капитала, тот же самый капитал распоряжается большим количеством абсолютного рабочего времени, — [881] это не подлежит сомнению.

3) Если нормальный рабочий день остается без изменения, то прибавочный труд может быть относительно увеличен посредством сокращения необходимого рабочего времени и удешевления — соответственно развитию производительной силы труда — жизненных средств, входящих в потребление рабочего. Но это же развитие производительной силы труда уменьшает переменный капитал по сравнению с постоянным. Физически невозможно, чтобы прибавочное рабочее время, например, двух человек, которые заменяют 20 рабочих, было равно, благодаря какому бы то ни было увеличению абсолютного или относительного прибавочного рабочего времени, прибавочному рабочему времени 20 человек. Даже если эти 20 человек выполняют ежедневно только два часа прибавочного труда, они доставляют 40 часов прибавочного труда, тогда как все время жизни двух человек за один день составляет только 48 часов.

Стоимость рабочей силы понижается не в той же пропорции, в какой увеличивается производительная сила труда или капитала. Это увеличение производительной силы повышает также и во всех тех отраслях, которые не производят непосредственно или косвенно предметов необходимости, отношение постоянного капитала к переменному, не вызывая при этом никакого изменения в стоимости труда. Развитие производительной силы неравномерно. Природе капиталистического производства свойственно, что оно развивает промышленность

быстрее, чем земледелие. Это проистекает не из природы земли, а из того, что земле требуются другие общественные отношения для того, чтобы она действительно эксплуатировалась в соответствии со своей природой. Капиталистическое производство устремляется к земле только после того, как его влияние истощило ее и обеднило ее природные качества. К этому присоединяется еще то, что вследствие собственности на землю земледельческие продукты по сравнению с другими товарами оплачиваются дороже, так как оплачиваются по *своей* стоимости, а не снижаются до цен издержек. Между тем они образуют главную составную часть предметов необходимости. Далее, сюда присоединяется еще и то, что вследствие закона конкуренции, когда обработка $\frac{1}{10}$ земли обходится дороже, остальные $\frac{9}{10}$ обрабатываемой земли тоже «искусственно» поражаются этим относительным неплодородием.

Для того чтобы с накоплением капитала норма прибыли оставалась без изменения, она должна была бы в действительности возрастать. Если бы капитал все время доставлял 10% прибавочного труда, то *один и тот же рабочий* должен был бы при накоплении процентов на проценты и при проистекающем отсюда увеличении применяемого капитала давать втрое, вчетверо, впятеро больше — в той прогрессии, в какой нарастают сложные проценты, — а это абсурд.

Та *масса капитала*, которую рабочий приводит в движение и стоимость которой он сохраняет и воспроизводит своим трудом, совершенно отлична от той *стоимости*, которую он дополнительно присоединяет, т. е. от прибавочной стоимости. Если масса капитала = 1 000, а дополнительно присоединенный труд = 100, то воспроизведенный капитал составит 1 100. Если масса капитала = 100, а дополнительно присоединенный труд = 20, то воспроизведенный капитал составит 120. Норма прибыли в первом случае = 10%, во втором = 20%. Тем не менее из 100 можно накопить больше, чем из 20. И поэтому поток капитала {оставляя в стороне обесценение капитала вследствие повышения производительной силы} — или его «накопление» — мчится все дальше и дальше соответственно тому весу, каким капитал уже обладает, а не соответственно высоте нормы прибыли. Это объясняет увеличение накопления — по массе — несмотря на падение нормы прибыли, не говоря уже о том, что в условиях возрастающей производительности даже при понижении нормы прибыли возможно накопление более значительной части дохода, чем при высокой норме прибыли в условиях меньшей производительности. Высокая норма прибыли, — в той мере, в какой она основывается на высокой норме при-

бавочной стоимости, — возможна в том случае, если рабочий день очень продолжителен, хотя труд и не отличается производительностью. Высокая норма прибыли возможна [также и] потому, что, хотя труд и не отличается производительностью, потребности рабочего, а *вследствие этого* и минимум заработной платы, очень невелики. Незначительности минимума заработной платы будет соответствовать ничтожная интенсивность труда. В обоих случаях капитал накапливает медленно, несмотря на высокую норму прибыли. Население не увеличивается, а рабочее время, которого стоит продукт, велико, хотя заработная плата, уплачиваемая рабочему, и мала.

[882] Падение нормы прибыли, имеющее место несмотря на неизменяющуюся и даже повышающуюся норму прибавочной стоимости, я объяснил тем, что переменный капитал уменьшается по отношению к постоянному капиталу, т. е. тем, что уменьшается живой настоящий труд по отношению к тому прошлому труду, который при этом применяется и воспроизводится *. Годскин и автор памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties» объясняют падение нормы прибыли невозможностью для рабочего удовлетворить требования *«сложных процентов»*, т. е. требования накопления капитала:

«Никакой труд, никакая производительная сила, никакая изобретательность и никакое искусство не в состоянии удовлетворить всепоглощающие требования сложных процентов. Но все сбережения делаются из дохода капиталиста» (стало быть, из «простой прибыли»), «так что в действительности эти требования постоянно предъявляются, и столь же постоянно производительная сила труда отказывается их удовлетворить. Поэтому здесь постоянно подводится некоторого рода баланс» (цит. соч., стр. 23) [Русский перевод, стр. 25—26] **.

По общему смыслу это сводится к одному и тому же. Когда я говорю, что норма прибыли по мере накопления капитала уменьшается, так как постоянный капитал увеличивается по сравнению с переменным, то это значит, если оставить в стороне определенную форму частей капитала: применяемый капитал увеличивается по сравнению с применяемым трудом. Прибыль падает не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что по сравнению с применяемым капиталом применяется вообще меньше труда.

Предположим, что отношение переменного капитала к постоянному равно, например, 1 : 1. В таком случае, если совокупный капитал равен 1 000, то $c = 500$ и $v = 500$; если норма прибавочной стоимости = 50%, то 50% от 500 будет 50×5 ,

* См. настоящее издание, часть II, стр. 485—486 и 658. *Ред.*

** См. настоящее издание, часть III, стр. 309. *Ред.*

т. е. 250. Следовательно, норма прибыли будет 250 на 1 000,
т. е. $\frac{250}{1\,000}$, или $\frac{1}{4}$, т. е. 25%.

Если же совокупный капитал = 1 000 и $c = 750$, а $v = 250$, то при 50%-ной норме прибавочной стоимости 250 дают 125. А норма прибыли будет $\frac{125}{1\,000}$, т. е. $\frac{1}{8}$, или $12\frac{1}{2}\%$.

Если мы примем, что заработная плата одного рабочего равна 25 ф. ст. в год, то в первом случае при заработной плате в 500 ф. ст. применены 20 рабочих, во втором случае при заработной плате в 250 ф. ст. — 10 рабочих. Один и тот же капитал в 1 000 ф. ст. применяет 20 рабочих в одном случае и лишь 10 во втором. В первом случае масса капитала относится к числу рабочих дней как 1 000 : 20; во втором — как 1 000 : 10. На каждого из 20 рабочих приходится в первом случае примененного капитала (постоянного и переменного) 50 ф. ст. (ибо $20 \times 50 = 500 \times 2 = 1\,000$). Во втором случае на каждого рабочего приходится примененного капитала 100 ф. ст. (ибо $100 \times 10 = 1\,000$). В соответствии с этим та частица капитала, которая сводится к заработной плате одного рабочего, в обоих случаях одинакова.

Даваемая мною формула содержит новое основание, почему при накоплении на одну и ту же массу капитала приходится меньше рабочих, или, что одно и то же, почему большая масса капитала приходится на *один и тот же* труд. Скажу ли я, что приходится 1 рабочий на примененный капитал, равный 50, в одном случае и 1 рабочий на 100 единиц капитала — в другом, т. е. лишь $\frac{1}{2}$ рабочего на 50 единиц капитала; скажу ли я, следовательно, что в одном случае 1 рабочий приходится на 50 единиц капитала, во втором — $\frac{1}{2}$ рабочего на 50 единиц капитала, или же скажу, что в одном случае приходится 50 единиц капитала на 1 рабочего, а во втором — 50×2 единиц капитала на 1 рабочего, — это одно и то же.

Именно эту последнюю формулу применяют Годскин и другие. Накоплять — значит вообще, по их мнению, требовать сложные проценты, а это означает, что на *одного и того же* рабочего приходится больше капитала и что соответственно величине капитала, приходящейся на одного рабочего, он должен теперь давать больше прибавочного труда. Так как приходящийся на одного рабочего капитал увеличивается соответственно сложным процентам, а его рабочее время, напротив, имеет вполне определенные границы и его необходимое рабочее время «никакой производительной силой» не может быть сокращено в такой степени, которая соответствовала бы требова-

ниям этих сложных процентов, то здесь «постоянно подводится некоторого рода баланс». «Простая прибыль» остается при этом без изменения или даже возрастает (эта «простая прибыль» в действительности есть прибавочный труд или прибавочная стоимость). Но с накоплением капитала за формой простого процента начинает скрываться сложный процент.

[883] Далее ясно: если сложные проценты = накоплению, то — оставляя в стороне абсолютные границы накопления — это образование процентов зависит от размеров, интенсивности и т. д. самого процесса накопления, т. е. от *способа производства*. В противном случае сложные проценты суть не что иное, как присвоение *чужого капитала* (чужой собственности) в форме процентов, как это было в Риме и вообще при ростовщичестве.

Годскин представляет себе дело так. Первоначально на одного рабочего приходится, например, 50 ф. ст. капитала, причем рабочий, положим, доставляет на него 25 ф. ст. прибыли. Через несколько лет, вследствие превращения части процентов в капитал и повторения этого из года в год, на одного рабочего приходится уже 200 ф. ст. капитала. Если бы ежегодные проценты — 50% — капитализировались всегда полностью, то этот процесс совершился бы менее чем за четыре года. Подобно тому как раньше рабочий на капитал в 50 ф. ст. приносил 25 ф. ст. прибыли, так теперь он должен был бы на капитал в 200 ф. ст. приносить 100 ф. ст. прибыли, или в четыре раза больше, чем раньше. Но это невозможно. Для этого ему надо было бы или работать вчетверо больше времени, т. е. 48 часов в сутки, если он раньше работал 12 часов, или вследствие развития производительной силы труда стоимость труда должна была бы уменьшиться в четыре раза.

Если рабочий день равен 12 часам, 25 ф. ст. составляют годовую заработную плату и рабочий доставляет 25 ф. ст. прибыли в год, то он должен работать на капиталиста столько же, сколько и на самого себя, т. е. 6 часов, или половину рабочего дня. Если рабочий должен доставить 100 ф. ст. прибыли, то ему надо работать на капиталиста 4×6 часов в течение 12 часов, а это — абсурд. Предположим, что рабочий день удлинен до 15 часов. Даже и в этом случае рабочий не в состоянии давать 24 часа за 15 часов работы. Тем более он не в состоянии давать за 15-часовой рабочий день 30 часов, что было бы необходимо ввиду того, что ему надо работать 24 часа на капиталиста и 6 часов на себя. Если бы все свое рабочее время он работал на капиталиста, он мог бы дать только 50 ф. ст., т. е. только удвоить «процент» — на 200 ф. ст. капитала дать 50 ф. ст. прибыли, тогда как раньше он на 50 ф. ст. доставлял 25 ф. ст.

прибыли. Раньше норма прибыли составляла 50%, теперь — 25%. Но и получение 25% является невозможным при капитале в 200 ф. ст., так как рабочий должен жить. Как бы ни возрастала производительная сила, все же, если стоимость, создаваемая за 12 часов, равна, как в вышеприведенном примере, 75 ф. ст., то за 24 часа она будет равна 2×75 , т. е. 150 ф. ст. А так как рабочий должен жить, то он никак не может доставить 150 ф. ст. прибыли, а тем более 200. Его прибавочный труд всегда является всего лишь *частью* его рабочего дня, откуда, однако, отнюдь не следует, что, как это думает г-н Родбертус *, прибыль никогда не может быть равна 100%. Она никогда не может равняться 100% в том случае, если ее исчислять на весь рабочий день (ибо в последнем она *сама* уже учтена), но она вполне может равняться 100% по отношению к оплаченной части рабочего дня.

Так, в вышеприведенном примере прибыль составляет 50%:

Капитал:		Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли
постоянный	переменный			
25	25	25	100%	50%

Здесь прибыль, составляющая половину рабочего дня, равна $\frac{1}{3}$ всего продукта.

[884] Если бы рабочий отдавал капиталисту $\frac{3}{4}$ рабочего дня, то мы имели бы следующее:

Капитал:		Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли
постоянный	переменный			
25	$12\frac{1}{2}$			
Совокупный капитал				
	$37\frac{1}{2}$	$37\frac{1}{2}$	300%	100%

При пересчете на 100 мы имеем:

Капитал:		Прибавочная стоимость	Норма прибав. стоимости	Норма прибыли
постоянный	переменный			
$66\frac{2}{3}$	$33\frac{1}{3}$			
Совокупный капитал				
	100	100	300%	100%

Рассмотрим теперь более детально, что может скрываться за этой концепцией, согласно которой *прибыль падает* потому, что в ходе накопления она представляет не «простую прибыль» (следовательно, норма эксплуатации рабочего не уменьшается, а, как утверждает Годскин, увеличивается), а «сложную прибыль», между тем как труд ни при каких условиях не может угнаться за требованиями сложных процентов.

* См. настоящее издание, часть II, стр. 88—89. *Ред.*

Прежде всего следует заметить, что это требует дальнейших определений, чтобы вообще иметь смысл. Рассматриваемый как продукт накопления (т. е. присвоения прибавочного труда) — а такое рассмотрение необходимо по отношению ко всему воспроизводству в целом, — всякий капитал составлен из прибыли (из «процента», если это слово отождествлять с прибылью, а не с «ссудным процентом»). Следовательно, если норма прибыли = 10%, то это — «проценты на проценты», прибыль на прибыль. И было бы совершенно непонятно, чем в экономическом отношении 10 на 100 должны отличаться от 11 на 110. Таким образом, получилось бы, что и «простая прибыль» невозможна, или, по крайней мере, что и простая прибыль должна падать, ибо эта простая прибыль в действительности является в такой же мере сложной, как и сложная прибыль. Если же понимать дело более узко, т. е. иметь в виду только капитал, приносящий проценты, то сложные проценты поглотили бы прибыль и больше, чем прибыль; и то обстоятельство, что производитель (капиталист или не-капиталист) должен платить займодавцу проценты на проценты, совпадает с тем, что ему, кроме прибыли, приходится со временем уплачивать займодавцу и часть своего капитала.

Итак, прежде всего надо заметить, что годскиновская концепция имеет смысл лишь в том случае, если предполагается, что капитал возрастает быстрее, чем население, т. е. чем рабочее население. (Даже и это последнее возрастание относительно. Природе капитала свойственно одну часть рабочего населения изнурять чрезмерным трудом, а другую превращать в пауперов.) Если население увеличивается в той же самой степени, как и капитал, то нет никаких оснований, почему бы тот прибавочный труд, который я могу извлекать при помощи 100 ф. ст. из x рабочих, я не мог извлекать из $8x$ рабочих при помощи 800 ф. ст. [885] 8 раз по $100K$ предъявляет не больше требований к 8 раз по x рабочим, чем $100K$ к x рабочим. Здесь, следовательно, приводимое Годскином основание отпадает. (В действительности дело обстоит иначе. Даже если население возрастает в той же самой степени, как и капитал, капиталистическое развитие приводит к тому, что часть населения становится избыточным населением в результате того, что постоянный капитал развивается за счет переменного капитала.)

{«В отношении *труда* весьма существенное значение имеет то, распределяете ли вы их» (*товары*) «так, чтобы вызвать *большее предложение труда* или же меньшее, распределяете ли вы их там, где они будут условиями для труда, или же там, где они будут поощрять праздность» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand» etc. London, 1821, стр. 57).

«Этому увеличению предложения труда способствует увеличивающаяся численность населения» (там же, стр. 58).

«Если товары оказываются не в состоянии *распоряжаться таким количеством труда*, каким они распоряжались раньше, то это имеет значение только там, где этот труд будет производить не больше продукта, чем раньше. Если же труд сделался более производительным, то производство не будет сокращено несмотря на то, что *существующая масса товаров распоряжается теперь меньшим количеством труда, чем раньше*» (там же, стр. 60).

Это — против Мальтуса. Верно, производство не будет сокращено, но норма прибыли сократится. Эти циничные выражения, согласно которым «масса товаров *распоряжается* трудом», содержат в себе тот же цинизм, который имеется в даваемом Мальтусом определении стоимости *. Выражение «*товар распоряжается трудом*» великолепно и вполне характерно для природы капитала.

Этот же автор правильно замечает против Уэста:

«Автор сочинения «*Essay on the Application of Capital to Land*» говорит, что труд будет оплачиваться выше в том случае, если налицо большое увеличение капитала, а *это...* будет иметь место тогда, когда прибыль на капитал очень высока. «Чем больше прибыль на капитал», добавляет он, «тем выше будет заработная плата труда». Ошибочность этого утверждения заключается в том, что здесь опущено одно или два слова: «Чем больше *была* прибыль на капитал,.. тем выше *будет* заработная плата труда»... Высокая прибыль и высокая заработная плата *не совпадают во времени*; они не имеют места в одной и той же *делке*; одна противодействует другой и понижает ее уровень. С таким же успехом можно было бы рассуждать так: «предложение товара растет наиболее быстро тогда, когда цена наиболее высока, поэтому большое предложение и высокая цена идут рука об руку». Это — смешение причины и следствия» (там же, стр. 100—101).}

Итак, положение Годскина имеет смысл лишь в том случае, когда — в результате процесса накопления — одному и тому же рабочему приходится приводить в движение *больше капитала*, или когда капитал по сравнению с трудом возрастает, — стало быть, когда, например, капитал, составлявший раньше 100, в результате накопления превращается в 110 и когда тот же самый рабочий, который доставлял прибавочную стоимость в 10, должен, в соответствии с возрастанием капитала, доставлять прибавочную стоимость в 11, т. е. сложные проценты. Таким образом, не только прежний капитал, который рабочий приводил в движение раньше, должен — после того как он воспроизведен — принести ту же прибыль («простую прибыль»), но такую прибыль должен принести этот капитал, увеличенный на его, рабочего, прибавочный труд, так что рабочий должен теперь доставить прибавочный труд, во-первых, на первона-

* См. настоящее издание, часть III, стр. 8—9 и 24. Ред.

чальный капитал (или его стоимость), а во-вторых, еще и на свой собственный накопленный, т. е. капитализированный, прибавочный труд. А так как этот капитал ежегодно возрастает, то тот же самый рабочий должен был бы постоянно доставлять все больше труда.

Но чтобы вообще на одного и того же рабочего приходилось больше капитала, чем раньше, — это возможно только [в двух следующих случаях].

Случай № 1. Если производительная сила труда остается неизменной, то на одного рабочего только в том случае может приходиться больше капитала, чем раньше, если рабочий удлиняет свое абсолютное рабочее время, — например, работает 15 часов вместо 12, — или если он работает интенсивнее, чем раньше, за 12 рабочих часов выполняет работу 15 часов, за 4 часа работу 5 часов, или за $\frac{4}{5}$ часа работу $\frac{5}{5}$ часа. Так как за определенное число часов рабочий воспроизводит свои жизненные средства, то в данном случае в пользу капиталиста точно таким же образом выигрывается 3 часа, как если бы увеличилась производительная сила труда, тогда как на самом деле здесь увеличился труд, а не его производительная сила. Если бы эта интенсификация труда распространилась во всех отраслях труда, то стоимость товара необходимым образом уменьшилась бы соответственно уменьшению рабочего времени, которого он стоит. Эта степень интенсивности сделалась бы средней интенсивностью труда, его естественным качеством. Если же она имеет [886] место только в определенных отраслях, то это равносильно сложному труду, т. е. простому труду, возведенному в степень. Та или иная доля часа более интенсивного труда считается тогда за то же самое, что час более экстенсивного труда, и создает точно такую же стоимость. Так, например, в вышеприведенном случае $\frac{4}{5}$ часа более интенсивного труда создают такую же стоимость, как и $\frac{5}{5}$, или один час, более экстенсивного труда.

И то и другое, удлинение рабочего времени и увеличение труда посредством большей интенсивности последнего, посредством, так сказать, сжимания пор труда, имеет свои границы (хотя, например, булочники в Лондоне, как правило, работают 17, а то и больше часов), вполне определенные физические границы, и когда они достигнуты, прекращаются сложные проценты, «сложная прибыль».

В пределах этих границ имеет силу следующее:

Если капиталист ничего не платит за удлинение или интенсификацию труда, то его *прибавочная стоимость* (а также и прибыль, если не происходит изменения в *стоимости* постоянного

капитала, так как мы предполагаем, что способ производства остается тем же) — его прибыль (при указанных условиях) — возрастает быстрее, чем увеличился его капитал. За прирост капитала он не оплачивает никакого необходимого труда.

Если же он платит за добавочный труд в той же пропорции, как и прежде, то прибавочная стоимость возрастает пропорционально увеличению капитала. Прибыль возрастает быстрее. Ибо здесь имеет место более быстрый оборот основного капитала; к тому же изнашивание машин ускоряется не в такой мере, в какой ускоряется их использование. Сокращаются затраты на основной капитал, так как для 200 рабочих, работающих одновременно, нужно больше машин, зданий и т. д., чем для 100 рабочих с удлинённым рабочим днем. Точно так же в последнем случае требуется меньше надсмотрщиков и т. д. (Для капиталиста это создает в высшей степени приятную возможность без всяких дальнейших затруднений расширять или сокращать свое производство в соответствии с условиями рынка. Кроме того, это увеличивает его власть, так как той части рабочих, которая перегружена трудом, соответствует незанятая или полужанятая резервная армия, в результате чего усиливается конкуренция среди рабочих.)

Хотя в этом случае чисто арифметическое отношение между необходимым трудом и прибавочным трудом не нарушается и мы здесь имеем единственный случай, когда оба они могут увеличиваться в одинаковой степени, эксплуатация труда тем не менее возрастает, — как при удлинении рабочего дня, так и при интенсификации его (уплотнении), если только одновременно с этой интенсификацией рабочий день не подвергается сокращению (как при введении закона о десятичасовом рабочем дне). Рабочий сокращает продолжительность существования своей рабочей силы, истощает ее в гораздо большей степени, чем увеличивается его заработная плата, и еще больше превращается всего лишь в рабочую машину. Но даже и не говоря об этом последнем обстоятельстве, если рабочий при нормальном рабочем дне живет, предположим, 20 лет, а при удлинённом или уплотнённом рабочем дне только 15, то в одном случае он продает стоимость своей рабочей силы в течение 15 лет, а в другом — в течение 20. В одном случае она должна быть возмещена в течение 15 лет, в другом — в течение 20 лет.

Стоимость в 100, существующая на протяжении 20 лет, будет возмещена, если ежегодно уплачивается 5%, ибо $5 \times 20 = 100$. Стоимость в 100, существующая на протяжении 15 лет, будет возмещена, если ежегодно уплачивается $6\frac{2}{3}\%$. Однако в рассматриваемом случае рабочий из 3 добавочных часов полу-

чает лишь то, что соответствует однодневной стоимости его рабочей силы при расчете на 20 лет. Предположим, что он работает 8 часов необходимого труда и 4 часа прибавочного труда. Тогда он из каждого часа получает $\frac{2}{3}$ часа, ибо $\frac{12 \times 2}{3} = 8$.

Соответственно этому из 3 часов сверхурочного времени он получит два часа, или из каждого сверхурочного часа — $\frac{2}{3}$. Но это является стоимостью его рабочей силы в час лишь при том предположении, что его рабочая сила существует в течение 20 лет. Если рабочий продает ее в течение только 15 лет, то ее стоимость в час соответствующим образом повышается.

Антиципация будущего — действительная антиципация — вообще имеет место при производстве богатства только по отношению к рабочему и к земле. У них обоих будущность, посредством преждевременного чрезмерного напряжения и истощения, посредством нарушения равновесия между расходом и приходом, может быть *realiter* * антиципирована и разрушена. С обоими это и происходит при капиталистическом производстве. Что же касается так называемой антиципации, например, при государственных долгах, то о такого рода антиципации будущего Рейвнстон справедливо замечает:

[887] «Заявляя, что расходы сегодняшнего дня они отодвигают в будущее, и уверяя, что можно обременять потомство в целях удовлетворения потребностей нынешнего поколения, они [защитники системы государственных долгов] утверждают нелепость, будто можно потреблять то, что еще не существует, будто можно питаться хлебом еще до того, как брошены в землю его семена» (*Ravenstone. Thoughts on the Funding System*, стр. 8). «Вся мудрость наших государственных людей сводится к перенесению в больших размерах собственности от одной группы лиц к другой, к созданию громадного фонда для выдачи наград за спекуляции и казнокрадство» (там же, стр. 9).

Иначе обстоит дело с рабочим и землей. То, что здесь расходуется, существует как *δύναμις* **, а в результате форсированного расходования этой *δύναμις* сокращается продолжительность ее существования.

Наконец, если капиталист вынужден платить за сверхурочное время больше, чем за нормальное рабочее время, то, согласно вышесказанному, это отнюдь не является повышением заработной платы, а только компенсацией за повысившуюся стоимость сверхурочного времени, причем добавочная плата редко достигает необходимой для этого высоты. В действительности, когда рабочий работает сверхурочно, лучше оплачивать надо было бы не только сверхурочное время, но вообще каждый

* — реально, на самом деле. *Ред.*

** — сила, способность. *Ред.*

рабочий час, чтобы оплатить хотя бы только более быстрое изнашивание рабочей силы.

Таким образом, при всех обстоятельствах мы здесь имеем большую эксплуатацию труда. Вместе с тем здесь при всех обстоятельствах налицо [относительное] уменьшение прибавочной стоимости по мере накопления капитала, а также и уменьшение нормы прибыли, поскольку это не парализуется экономией на постоянном капитале. [887]

[887] Таков, стало быть, один из тех случаев, когда с накоплением капитала — с появлением «сложной прибыли» — норма прибыли должна уменьшаться. Если для капитала в 300 (первая доза) норма прибыли была равна 10% (и прибыль составляла, следовательно, 30), а для добавочного капитала в 100 она равна 6%, то для 400 вся прибыль составит 36. Следовательно, вообще на 100 прибыль составит 9. С 10% норма прибыли понизилась до 9%.

Но, как сказано, на этой основе (т. е. при неизменной производительности труда) после достижения определенного пункта прибыль на добавочный капитал должна не только уменьшиться, но и совсем исчезнуть, так что все накопление, основанное на этой «сложной прибыли», должно приостановиться. В рассматриваемом случае уменьшение прибыли связано с увеличением эксплуатации труда, и ее исчезновение на известном пункте наступает не потому, что рабочий или кто-либо другой получает весь свой продукт, а потому, что физически невозможно работать сверх определенного количества рабочего времени или увеличивать интенсивность труда сверх определенной степени интенсивности.

Случай № 2. Единственным иным случаем, когда при неизменном количестве рабочих на каждого рабочего может приходиться больше капитала, чем раньше, и поэтому добавочный капитал может быть употреблен, затрачен на усиленную эксплуатацию того же количества рабочих, [888] является *увеличение производительности труда, изменение способа производства*. Это обуславливает изменение в органическом соотношении между постоянным и переменным капиталом. Другими словами, увеличение капитала по отношению к труду тождественно здесь с увеличением постоянного капитала по отношению к переменному и вообще по отношению к массе применяемого им живого труда.

Здесь, следовательно, концепция Годскина сводится к общему закону, выведенному мною.

Прибавочная стоимость, эксплуатация рабочего увеличивается, но одновременно с этим падает норма прибыли, так как

переменный капитал по сравнению с постоянным уменьшается и масса живого труда вообще относительно уменьшается по сравнению с тем капиталом, который приводит ее в движение. Более значительная часть произведенного за год продукта труда присваивается капиталистом под вывеской капитала и менее значительная часть под вывеской прибыли.

{Отсюда фантазия *попа Чалмерса*, будто чем меньшие массы годового продукта капиталисты затрачивают как капитал, тем большие прибыли они загребают ¹¹⁰, причем им в этом деле приходит на помощь «установленная церковь» ¹¹¹, чтобы позаботиться о потреблении значительной части прибавочного продукта вместо капитализирования его. Проклятый поп смешивает причину и следствие. К тому же масса прибыли, при уменьшившейся норме прибыли, возрастает с увеличением затрачиваемого капитала. Кроме того, возрастает количество потребительных стоимостей, в котором представлена эта уменьшившаяся процентная доля продукта. Это, однако, обуславливает вместе с тем централизацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения больших масс капитала. Это обуславливает поглощение более мелких капиталистов крупными и «декапитализацию» первых. Здесь мы вновь, только в другой форме, имеем перед собой отделение условий труда от самого труда (ибо у мелких капиталистов еще наблюдается собственный труд в большей или меньшей степени. Вообще труд капиталиста находится в обратном отношении к величине его капитала, т.е. к той степени, в какой он является капиталистом. Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к развязке, если бы постоянно наряду с центростремительной силой не действовали парализующие ее тенденции к децентрализации, которые здесь не подлежат рассмотрению, так как это относится к главе о конкуренции капиталов), — то отделение условий труда от самого труда, которое образует понятие капитала и *первоначального* накопления и которое затем выступает как постоянный процесс в накоплении капитала, а здесь, наконец, выражается в централизации уже существующих капиталов в немногих руках и в декапитализации многих.}

То обстоятельство, что (относительное) уменьшение количества труда не компенсируется в полной мере повышением его производительности, или что отношение прибавочного труда к затрачиваемому капиталу не возрастает в *той же* пропорции, в какой уменьшается относительная *масса применяемого труда*, вызывается отчасти тем, что стоимость труда, или количество необходимого труда, уменьшается только тогда, когда развитие

производительности труда имеет место в определенных сферах приложения капитала, и что даже и в этих сферах производительность труда развивается неравномерно и сопровождается действием парализующих факторов; так, например, сами рабочие, хотя они и не могут воспрепятствовать понижению заработной платы (по стоимости), не допускают понижения ее абсолютно до минимума, а, наоборот, вынуждают предоставлять им количественно некоторое участие в росте общего богатства.

Однако и это возрастание прибавочного труда является относительным и возможно лишь в определенных границах. Для того чтобы оно соответствовало требованиям сложных процентов, необходимое рабочее время должно было бы в этом случае быть точно так же сведено к нулю, как в ранее рассмотренном случае [прибавочное рабочее время] должно было бы быть растянуто до бесконечности.

Такое повышение или падение нормы прибыли, которое обуславливается повышением или понижением заработной платы вследствие изменения в спросе и предложении [труда] или вследствие временного повышения или понижения цены предметов необходимости (в сравнении с предметами роскоши), вызванного этим изменением спроса и предложения и обусловленным им повышением или понижением заработной платы, — точно так же не имеет никакого отношения к общему закону [889] повышения или падения нормы прибыли, как повышение или понижение рыночных цен товаров вообще не имеет никакого отношения к определению их стоимости. Это следует рассмотреть в главе о реальном движении заработной платы. Если отношение между спросом и предложением благоприятно для рабочих и их заработная плата повышается, то *возможно* (но отнюдь не обязательно), что вместе с этим временно повышаются цены некоторых предметов необходимости, в особенности продуктов питания. Правильно замечает по этому поводу анонимный автор «Inquiry into those Principles» etc.:

В этом случае произойдет «увеличение спроса на предметы необходимости в сравнении со спросом на такие предметы, без которых можно обойтись, так что соотношение между этими двумя видами спроса будет совершенно иным, чем то, какое существовало бы, если бы он осуществлял эту власть» (капиталист свою власть над товарами), «чтобы получать вещи для своего собственного потребления. Предметы необходимости будут тем самым обмениваться на большее количество вещей вообще... И по меньшей мере часть этих предметов необходимости будет состоять из продуктов питания» (стр. 21—22).

Далее анонимный автор правильно развивает концепцию Рикардо:

«Итак, во всяком случае, повышение цены на хлеб не было *первоначальной* причиной того повышения заработной платы, которое привело к понижению прибыли, а, наоборот, сперва повышение заработной платы было причиной повышения цены на хлеб, а затем та особенность земли, в силу которой усиленная обработка приносит относительно все меньшую и меньшую выручку, сделала часть этого повышения цены *постоянной* и воспрепятствовала тому, чтобы закон народонаселения в полной мере оказал *противодействие* происшедшему увеличению заработной платы» (стр. 23).

Объясняя падение прибыли невозможностью для живого труда удовлетворить требования «сложных процентов», Годскин и автор памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties», хотя они и не подвергали этот вопрос дальнейшему анализу, стоят гораздо ближе к истине, чем Смит и Рикардо, которые объясняют падение прибыли ростом заработной платы: один — ростом реальной и номинальной заработной платы, другой — ростом номинальной заработной платы, которому скорее соответствует уменьшение реальной заработной платы. Годскин и все эти пролетарские противники [политико-экономов] не без здравого смысла отмечают тот факт, что с развитием капитала относительно возросло число лиц, живущих на прибыль.

[е) ГОДСКИН ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ ТРУДА И ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ]

Теперь приведем еще несколько заключительных положений из брошюры Годскина «Labour Defended against the Claims of Capital».

Развитие меновой стоимости продукта и тем самым — развитие содержащегося в товаре труда как общественного труда:

«Почти каждый продукт искусства и умения является *результатом соединенного и комбинированного труда*».

(Это — результат капиталистического производства.)

«Человек так зависит от человека, и эта зависимость так *возрастает* по мере развития общества, что едва ли какой-либо труд какого-либо отдельного индивидуума... имеет малейшую ценность, если он не составляет частицу большого общественного труда».

{Это место процитировать при изложении тезиса о том, что лишь на основе капитала *товарное* производство, или производство продукта как товара, принимает всеобъемлющий характер и захватывает самую сущность продукта.}

«...Там, где введено разделение труда, прежде чем рабочий может реализовать то, что он заработал, появляются другие люди со своими

оценками тех или иных работ, и уже не оказывается более ничего такого, что можно было бы назвать естественным вознаграждением за труд индивидуума. Каждый рабочий производит лишь известную часть целого, и так как каждая часть не имеет сама по себе никакой ценности или полезности, то здесь нет ничего такого, за что рабочий мог бы ухватиться и сказать: «Это мой продукт, это я удержу для себя». Между началом какой-нибудь комбинированной операции, например операции по изготовлению сукна, и дележом конечного продукта между различными лицами, комбинированные усилия которых изготовили его, неоднократно вклинивается даваемая людьми оценка тех или других работ, и вопрос заключается в том, сколько из этого совместного продукта достанется на долю каждого из тех индивидуумов, соединенный труд которых произвел его.

Я не знаю иного способа решить этот вопрос, [890] как передать его на свободное обсуждение самих рабочих» (стр. 25) [Русский перевод, стр. 27—28].

«Я должен добавить, что вряд ли один вид труда является более ценным, чем другой. Несомненно то, что все они одинаково необходимы» (стр. 26) [Русский перевод, стр. 29].

В заключение Годскин говорит следующее об *отношении между капиталом и трудом*:

«Предприниматели — такие же работники, как и их наемные рабочие. В этом отношении их интересы в точности совпадают с интересами их рабочих. Но одновременно с этим они являются также или капиталистами, или агентами капиталистов, и в этом отношении их интересы решительно противоположны интересам их рабочих» (стр. 27) [Русский перевод, стр. 30].

«Широкое распространение образования среди наемных рабочих нашей страны уменьшает изо дня в день значение труда и искусства почти всех предпринимателей и хозяев, так как оно увеличивает число людей, обладающих их специальными знаниями» (стр. 30) [Русский перевод, стр. 33].

«Капиталист — это угнетающий посредник между различными рабочими». Если его исключить, то «станет ясно, что *капитал*, или *способность применять труд*, и *существующий труд* — это одно и то же; и что *производительный капитал* и *искусный труд* — это также одно и то же. Следовательно, капитал и рабочее население означают совершенно одно и то же. В системе природы рот соединен с руками и умом» (стр. 33) [Русский перевод, стр. 36].

Вместе с той формой отчуждения, которую различные моменты общественного труда имеют по отношению друг к другу и которая представлена в *капитале*, исчезает капиталистический способ производства. Таков результат рассуждений Годскина.

* * *

Первоначальное накопление капитала. Включает в себя централизацию условий труда. Оно является обособлением условий труда по отношению к рабочему и самому труду. Его исторический акт есть исторический акт возникновения капитала — *исторический* процесс отделения, превращающий усло-

вия труда в капитал, а труд в наемный труд. Тем самым дана основа капиталистического производства.

Накопление капитала на основе самого капитала, — следовательно, также и на основе отношения капитала и наемного труда. Оно воспроизводит во все более широких размерах отделение и обособление предметного богатства по отношению к труду.

Концентрация капитала. Накопление крупных капиталов путем уничтожения мелких. Притяжение. Декапитализация промежуточных сочетаний капитала и труда. Это всего лишь последняя степень и форма того процесса, который превращает условия труда в капитал, затем воспроизводит капитал и отдельные капиталы в более широких размерах, наконец отделяет капиталы, образовавшиеся во многих пунктах общества, от их владельцев и централизует их в руках крупных капиталистов. Приобретая эту крайнюю форму противоположности и противоречия, производство, хотя и в отчужденной форме, превращается в общественное производство. Мы здесь имеем общественный труд и общность орудий производства в действительном процессе труда. Капиталисты в качестве *функционеров* указанного процесса, который вместе с тем ускоряет это *общественное* (ассоциированное) производство, а тем самым и развитие производительных сил, становятся в той же мере излишними, в какой они [per] *просига* * общества загребают себе доходы и превозносятся как *собственники* этого общественного богатства и *командиры* общественного труда. С ними происходит то же, что и с феодалами, притязания которых, как и их *услуги*, сделались излишними с возникновением буржуазных обществ, превратились просто-напросто в устаревшие и не соответствующие своей цели привилегии и тем самым быстро приблизились к своей гибели. [XV—890]

[ж) ФОРМУЛИРОВКИ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГОДСКИНА В ЕГО «POPULAR POLITICAL ECONOMY»]

[XVIII — 1084] *Th. Hodgskin. Popular Political Economy. Four Lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827.*

«Легко выполняемый труд — это только *унаследованное искусство*» (стр. 48) [Русский перевод, стр. 74].

«Так как все выгоды, проистекающие из разделения труда, по природе вещей сосредоточены в рабочих и принадлежат рабочим, то в том случае, если рабочих лишают этих выгод и если в ходе развития общества богатеют

* — по уполномочию, по доверенности. Ред.

от увеличивающегося искусства рабочих только те, кто никогда не работает, — это должно иметь своей причиной несправедливое присвоение, узурпацию и грабеж со стороны тех, кто богатеет, и согласие на покорность со стороны тех, кого доводят до нищеты» (стр. 108—109) [Русский перевод, стр. 111].

[1085] «Рабочие, действительно, размножаются слишком быстро, если сравнивать их размножение только со спросом капиталистов на их услуги» (стр. 120) [Русский перевод, стр. 118—119].

«Мальтус отмечает то влияние, которое увеличение числа рабочих оказывает на уменьшение доли, получаемой каждым рабочим из годового продукта, при предположении, что та часть этого продукта, которая *распределяется* между рабочими, является определенной и фиксированной величиной, ни в какой мере не регулируемой тем, что рабочие производят в течение года» (стр. 126) [Русский перевод, стр. 122].

«Труд есть единственная мера стоимости; но труд, творец всякого богатства, *не является товаром*» (стр. 186) [Русский перевод, стр. 162, примечание].

Относительно влияния денег на увеличение богатства Годскин справедливо замечает:

«Если человек за небольшие количества подверженных порче продуктов может получить то, что порче не подвержено, то у него не будет искушения выбрасывать первые. Так употребление денег увеличивает богатство, предотвращая мотовство» (стр. 197) [Русский перевод, стр. 169].

«Главная польза розничной торговли обусловлена тем обстоятельством, что количество, в каком товары лучше всего производятся, не является тем количеством, в каком они лучше всего распределяются [для индивидуального потребления]» (стр. 146) [Русский перевод, стр. 136].

«Как теория капитала, так и практика, состоящая в том, что продолжительность труда доводится до той точки, на которой труд, сверх издержек на содержание рабочего, может произвести еще и прибыль для капиталиста, противоречат, по-видимому, естественным законам, регулирующим производство» (стр. 238) [Русский перевод, стр. 196].

Относительно *накопления капитала* Годскин говорит приблизительно то же самое, что и в первом своем сочинении. Все же в интересах полноты приведем здесь главные места:

«Рассмотрим, например, основной капитал — точка зрения, наиболее благоприятная для тех, кто утверждает, что капитал помогает производству. Необходимо различать троякого рода обстоятельства, при которых результаты накопления капитала весьма различны.

1) Когда капитал производится и применяется одним и тем же лицом. Ясно само собой, что всякое накопление в его руках орудий, какие он производит и какими он пользуется, облегчает его труд. *Границей такого накопления является способность рабочего производить и применять подобные орудия.*

2) Когда капитал производится и применяется разными лицами, распределяющими между собой в справедливых пропорциях продукт своего совместного труда. Капитал производится одним рабочим, а применяется другим; они делают товар пропорционально тому труду, который каждый из них затратил при производстве товара... Однако факт этот я предпочел бы выразить таким образом, что сказал бы: та часть общества, которая за-

нята производством орудий, в то время как другая часть общества применяет их, образует определенную *отрасль разделения труда*, увеличивающую производительную силу и содействующую всеобщему богатству. До тех пор пока продукт этих двух классов рабочих распределяется между ними, накопление и умножение орудий, производимых и применяемых ими, оказывается столь же благотворным, как если бы они производились и применялись одним лицом.

3) Когда капитал является собственностью класса таких лиц, которые его и не производят и не применяют... Капиталист, будучи лишь *собственником* орудий, не является, как таковой, работником. Он никак не содействует производству».

{Другими словами, производству содействует *орудие*, а не тот титул собственника, который *А* имеет по отношению к этому орудью, не то обстоятельство, что орудие принадлежит не-рабочему.}

«Капиталист *з а в л а д е в а е т* продуктом одного рабочего и передает его другому рабочему — или на определенное время, как это бывает с большей частью видов основного капитала, или навсегда, как это бывает с заработной платой, — передает, исходя из мысли о том, что этот продукт может быть использован или потреблен с выгодой для *него*, капиталиста. Он никогда не допускает, чтобы продукт одного рабочего, попадающий к нему в руки, был использован или потреблен другим рабочим иначе, как к его, капиталиста, собственной выгоде. Он применяет или одалживает свою собственность, *чтобы получать долю в продукте*, или естественном доходе, *рабочих*; и всякое *накопление такой собственности* в его руках представляет собой не что иное, как *расширение его власти над продуктом труда*, и задерживает развитие национального богатства. Так обстоит дело в настоящее время... Так как капиталист, собственник всего продукта, не позволяет рабочим ни производить орудия, ни применять их, если только он не получает прибыль сверх того, чего стоит содержание рабочих, то ясно, что производительному труду здесь поставлены гораздо более узкие границы, чем те, которые предписывает природа. *По мере того, как капитал накапливается в руках третьих лиц, возрастает вся та сумма прибыли, которую требует себе капиталист*, и тем самым создается искусственное препятствие для роста производства и населения... При нынешнем состоянии общества, при котором рабочие никогда не бывают собственниками капитала, *всякое накопление капитала увеличивает ту сумму прибыли, которая от них требуется*, и делает невозможным всякий такой труд, который обеспечивал бы только то, что необходимо для приличного существования рабочего... Раз уж признаётся, что труд производит все, даже капитал, то *нелепо приписывать производительную силу орудиям, производимым и применяемым трудом*» (стр. 243—247) [Русский перевод, стр. 199—202].

«Заработная плата не облегчает производство, как его облегчают орудия... *Труд, а не капитал, оплачивает всякую заработную плату*» (стр. 247) [Русский перевод, стр. 202].

[1086] «Большинство *авансов капиталистов* состоит в *обещаниях уплатить*...

Изобретение и употребление бумажных денег обнаружило тот факт, что капитал отнюдь не есть *результат сбережений*. До тех пор пока капиталист должен был обладать действительно накопленными драгоценными металлами или товарами, чтобы реализовать свое богатство, или распоряжаться трудом других людей, можно было полагать, что накопление

капитала является результатом действительных сбережений и что от него зависит прогресс общества. Но когда были изобретены бумажные деньги и печатаемые на пергаменте ценные бумаги и когда обладатель одного лишь кусочка такого пергамента стал получать годовой доход в клочках бумаги, за которые он получал все, что ему было нужно для его пользования или потребления, а если он не тратил все эти клочки бумаги, он к концу года становился богаче, чем был в начале года, или имел право получить в следующем году еще большее количество бумажек, что давало ему еще больше власти над продуктами труда, — тогда стало до очевидности ясно, что капитал не есть результат сбережений и что индивидуальный капиталист обогащается не благодаря действительному и материальному сбережению, а благодаря тому, что он делает нечто такое, что дает ему возможность... получать больше из продукта труда других людей...

Фабрикант сукна имеет либо монету, либо бумажку, посредством которых он выплачивает заработную плату. Эту заработную плату его рабочие обменивают на продукт других рабочих, которые не сохраняют заработную плату первых, состоит ли она в звонкой монете или в бумажных деньгах, и она возвращается обратно к фабриканту, который в обмен на нее отдает сукно, изготовленное его собственными рабочими. Возвратившиеся к нему монетой или бумажкой он снова выплачивает заработную плату, и снова эта монета или бумажка продельвает тот же самый кругооборот...

Его» (капиталиста) «собственности, служит ли она для выплаты заработной платы или же состоит в полезных орудиях, приписывается вся огромная помощь, которая оказывается труду *знанием и мастерством, воплощенными в машинах...* Соединенный труд рудокопа, плавильщика, кузнеца, механика, кочегара и множества других людей, а не мертвые машины, выполняет то, что делается паровыми машинами... При обычном способе выражения производительная сила этого мастерства рабочих приписывается его видимому продукту, орудиям труда, причем те, кто является лишь собственниками последних, не производящими и не применяющими их, воображают себя в высшей степени производительными людьми» (стр. 248—251) [Русский перевод, стр. 202—205].

Полемику Годскина против разговоров об «опасности вызвать у капитала стремление к эмигрированию из страны», против взгляда на процент с капитала как на необходимый стимул для развития производства, или относительно теории сбережений — см. в тетради IX, стр. 47¹¹². Привести это в главе о вульгарных экономистах.

«По мере роста населения происходит увеличение как производства, так и потребления, и это есть все, что подразумевается под понятиями накопления или увеличения национального богатства» (стр. 257) [Русский перевод, стр. 208]. [XVIII—1086]

[э] ГОДСКИН О ВЛАСТИ КАПИТАЛА И О ПЕРЕВОРОТЕ В ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ]

[XIII — 670a] [*Hodgskin.*] The Natural and Artificial Right of Property Contrasted. London, 1832.

«В настоящее время все богатство общества попадает сначала в руки капиталиста, и даже большая часть земли куплена им. Он уплачивает ренту земельному собственнику, заработную плату — рабочему, налоги и

десятину — сборщикам податей и удерживает в свою собственную пользу значительную, даже наибольшую, и притом непрерывно растущую, часть годового продукта труда. Капиталиста можно теперь назвать *первым собственником* всего общественного богатства, хотя нет такого закона, который предоставлял бы ему право на эту собственность» (стр. 98).

«Этот переворот в сфере собственности совершился в результате взимания процентов на капитал и в результате нарастания сложных процентов, и весьма знаменательно, что все законодатели Европы стремились воспрепятствовать этому путем законов против ростовщичества» (стр. 98, примечание).

«Власть капиталиста над всем богатством страны есть результат *полнейшей революции в праве собственности*, а между тем на основании какого закона или какого ряда законов совершилась эта революция?» (стр. 99). [XIII—670a]

[4)] БРЕЙ КАК ПРОТИВНИК ПОЛИТИКО-ЭКОНОМОВ ¹¹³

[X — 441] *Bray, J. F. Labour's Wrongs and Labour's Remedy, etc. Leeds, 1839.*

Так как существование человека обусловлено трудом, а труд предполагает средства труда, то «земля — эта великая арена всякой деятельности и *сырой материал* всякого богатства — должна быть общей собственностью всех ее обитателей» (стр. 28) [Русский перевод: *Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению. Москва, 1956, стр. 50—51].

«Жизнь зависит от пищи, а пища от труда. Эта зависимость имеет абсолютный характер. Поэтому, если какой-нибудь индивидуум уклоняется от труда, то это возможно лишь при том условии, что увеличивается труд остальной массы людей» (стр. 31) [Русский перевод, стр. 54].

«Все несправедливости и все страдания, которые причиняли или которым подвергались люди, проистекают в конечном счете из того, что некоторые индивидуумы и классы узурпировали право на землю и лишили этого права других индивидуумов и другие классы... После того как люди присвоили себе право собственности на землю, их следующим шагом было присвоение себе права собственности на самого человека» (стр. 34) [Русский перевод, стр. 57].

Брей объявляет своей целью

«борьбу против политико-экономов на их собственной почве и их собственным оружием» (для доказательства того, что не при всякой социальной системе нищета должна быть уделом рабочего). «Прежде чем получить возможность опровергать делаемые с помощью такого метода выводы, политико-экономы должны будут отвергнуть или опровергнуть те установленные истины и принципы, на которых основаны их собственные аргументы» (стр. 41) [Русский перевод, стр. 65—66].

«По мнению самих политико-экономов, для производства богатства необходимы: 1) труд, 2) накопление прошлого труда, или капитал, и 3) обмен...». Таковы, по их собственному мнению, *всеобщие условия производства*. «Эти условия производства имеют силу для общества в целом, и природа их такова, что ни отдельные индивидуумы, ни отдельные классы не могут быть изъяты из их действия» (стр. 42) [Русский перевод, стр. 66—67].

«Заповедь: Трудись! — остается одинаково обязательной для всех сотворенных существ... Только человек может обойти этот закон; а природа этого закона такова, что он может быть обойден одним человеком только за счет другого» (стр. 43) [Русский перевод, стр. 67].

«Согласно истинной природе труда и обмена, строгая справедливость требует» {Брей при этом ссылается на даваемые политико-экономами определения меновой стоимости товаров}, «чтобы все вступающие в обмен имели не только *взаимные*, но и *равные* выгоды... Если бы осуществлялась справедливая система обмена, то стоимости всех товаров определялась бы совокупностью издержек их производства, и равные стоимости всегда обменивались бы на равные стоимости... До настоящего времени рабочие давали и дают капиталисту труд целого года в обмен на стоимость полугодового труда, и отсюда возникло то неравенство могущества и богатства, которое существует теперь вокруг нас. Неизбежным следствием неравенства обмена — покупки по одной цене и продажи по другой — является то, что капиталисты продолжают быть капиталистами, а рабочие — рабочими, одни — классом тиранов, а другие — классом рабов» (стр. 47—49) [Русский перевод, стр. 72—74].

«При нынешней системе обмен не только не доставляет взаимной выгоды каждой из обменивающихся сторон, как это утверждают политико-экономы, но можно с уверенностью сказать, что в большинстве сделок между капиталистом и производителем обмен совсем не имеет места... Что дает фабрикант или земельный собственник за труд рабочих? Труд? Нет, ибо капиталист не работает. Капитал? Нет, ибо запасы его богатства постоянно возрастают... Капиталист поэтому не может обменивать *ничего* такого, что принадлежит ему самому. Вся эта сделка поэтому ясно показывает, что капиталисты и земельные собственники только тем и занимаются, что дают рабочему за его труд в течение одной недели часть того богатства, которое они от него, рабочего, получили в течение предыдущей недели; а это как раз сводится к тому, что они получают от рабочего нечего, не давая ему за это ничего... Богатство, которое капиталист, как это кажется, дает в обмен на труд рабочего, не было создано ни трудом капиталиста, ни его богатством, — оно первоначально было получено в результате труда рабочего и ежедневно снова отбирается у него посредством мошеннической системы неравного обмена. Вся сделка между производителем и капиталистом представляет собой явный обман, чистейший фарс» (стр. 49—50) [Русский перевод, стр. 74—75].

«Закон, гласящий «Да будет накопление!», выполняется только наполовину и поставлен на службу интересам одного особого класса в ущерб всему остальному обществу» (стр. 50) [Русский перевод, стр. 75—76].

«При нынешней социальной системе весь рабочий класс в целом зависит в отношении средств труда от капиталистов, или нанимателей; но там, где один класс в силу своего положения в обществе зависит от другого класса в отношении *средств труда*, он подобным же образом зависит от него и в отношении *жизненных средств*. А это положение вещей до такой степени противоречит самому назначению общества и настолько возмутительно с точки зрения разума., что ни на одну минуту невозможно ни оправдывать, ни защищать его. Оно наделяет отдельного человека такой властью, какой не должен был бы быть облечен ни один смертный» (стр. 52) [Русский перевод, стр. 77].

«Наш повседневный опыт учит нас, что когда мы отрезаем ломоть от каравай хлеба, этот ломоть не может снова вырасти. Каравай есть лишь совокупность ломтей, и чем больше мы их съедаем, тем меньше их остается для еды. Так обстоит [442] дело с караваем рабочего, но каравай капиталиста не следует этому правилу. Вместо того чтобы уменьшаться, его кара-

вай постоянно растет; капиталист беспрестанно отрезает, но все время происходит прирост... Если бы обмен был равный, богатство нынешних капиталистов постепенно перешло бы от них к рабочим классам; каждый израсходованный богачом шиллинг делал бы его на один шиллинг менее богатым» (стр. 54—55) [Русский перевод, стр. 79—80].

Брей там же показывает еще, что

«почти совершенно невозможно, чтобы какой-нибудь капиталист мог унаследовать хотя бы одну тысячу фунтов стерлингов из действительно накопленного труда своих предков, принадлежавших к рабочему классу» (стр. 55) [Русский перевод, стр. 80—81].

«Из учений самих политико-экономов следует, что не может быть обмена без накопления, а накопления без труда» (стр. 55) [Русский перевод, стр. 81].

«При нынешней системе, когда каждый рабочий дает нанимателю по меньшей мере шесть дней труда за эквивалент, стоящий лишь четырех или пяти дней труда, барыши нанимателя неизбежно являются потерей для рабочего» (стр. 56) [Русский перевод, стр. 81].

«Итак, как ни пытаться обосновывать происхождение богатства — дарением, индивидуальным накоплением, обменом или наследованием, мы находим одно за другим доказательства того, что в этом обосновании права собственности имеется изъян, сразу же лишаящий его всякого подобия справедливости и всякого значения... Все это богатство выросло на костях и мускулах рабочих классов в течение ряда веков и было отнято у них посредством мошеннической и кабальной системы неравного обмена» (стр. 56—57) [Русский перевод, стр. 82].

«Если рабочий при нынешней системе хочет стать богатым, то, вместо того чтобы обменивать свой собственный труд, он должен стать капиталистом, или тем, кто обменивает труд других людей, и тогда, грабя других тем же способом, каким грабили его самого, т. е. посредством неравного обмена, он получит возможность сколачивать большие барыши из небольших потерь других людей» (стр. 57) [Русский перевод, стр. 82—83].

«Политико-экономы и капиталисты написали и напечатали много книг с целью внушить рабочим ложное представление, будто «прибыль капиталиста не составляет потери для производителя». Нам говорят, что труд и шагу не может ступить без капитала, что капитал подобен лопате в руках землекопа, что капитал столь же необходим для производства, как и самый труд... Эта взаимозависимость капитала и труда не имеет ничего общего с отношениями между капиталистом и рабочим и не доказывает, что первый должен жить за счет последнего... Не капиталист, а капитал имеет существенное значение для операций производителей. Между капиталом и капиталистом существует такая же большая разница, как между грузом корабля и накладной, сопровождающей этот груз» (стр. 59) [Русский перевод, стр. 84—85].

«Из взаимосвязи между капиталом и трудом с очевидностью вытекает, что чем больше капитала, или накопленного продукта, имеется в стране, тем легче будет производство и тем меньше труда потребуется для достижения данного (определенного) результата. Так, британский народ при помощи своего теперешнего огромного накопления капитала — своих построек, машин, кораблей, каналов и железных дорог — может в течение одной недели произвести больше промышленного богатства, чем его предки 1 000 лет тому назад могли произвести в течение полувека. Этим мы обязаны не превосходству наших физических сил, а нашему капиталу. Ибо там, где недостает капитала, производство развивается медленно

и туго; и наоборот. Отсюда ясно, что всякий выигрыш для капитала есть в такой же мере выигрыш и для труда, что всякое увеличение капитала ведет к облегчению тяжести труда и что поэтому всякая потеря для капитала должна быть потерей также и для труда. Хотя эта истина была давно подмечена политико-экономами, она не получила у них честного выражения».

{Действительно, эти молодчики рассуждают так:

Накопленные продукты труда — т. е. непотребленные продукты — облегчают труд и делают его более плодотворным. Поэтому плоды этого облегчения и т. д. должны идти на пользу не самому труду, а накоплению. Поэтому не накопление должно быть собственностью труда, а труд должен быть собственностью накопления — собственностью своих собственных продуктов. Поэтому рабочий должен накапливать не для себя, а для другого, и накопление должно противостоять ему как капитал.

У политико-экономов вещественный элемент капитала так сросся с социальной определенностью его формы как капитала — с его антагонистическим характером как господствующего над трудом продукта труда, — что они не могут высказать ни одного положения, не противореча самим себе.}

«Политико-экономы всегда отождествляли капитал с одним классом общества, а труд с другим классом, хотя обе эти силы не имеют такой связи от природы и не должны были бы иметь ее также и искусственно. Политико-экономы всегда изображают дело так, будто благополучие рабочего и даже самое его существование возможны лишь при том условии, что он своим трудом содержит капиталиста в роскоши и праздности. Им не хотелось бы видеть рабочего обедающим до тех пор, пока он не произвел два обеда — один для себя самого, а другой для своего хозяина, причем последний получает свою порцию косвенно, посредством неравного обмена» (стр. 59—60) [Русский перевод, стр. 85—86].

«Когда рабочий произвел какую-нибудь вещь, то она принадлежит уже не ему, а капиталисту, она перешла от одного к другому благодаря невидимой магии неравного обмена» (стр. 61) [Русский перевод, стр. 87].

«При нынешней системе капитал и труд, лопата и землекоп представляют собой две отдельные и антагонистические силы» (стр. 60) [Русский перевод, стр. 86].

[443] *«Но даже если бы вся земля, все дома и все машины принадлежали капиталистам [по справедливости], а рабочего класса не существовало, то капиталисты не могли бы уже обойти великое условие «Да будет труд!». Несмотря на все их богатство, у них осталось бы лишь выбор между трудом и голодной смертью. Они не могли бы питаться землей или домами; земля не производит пищи, а машина не вырабатывает одежды без приложения человеческого труда. Поэтому если капиталисты и собственники говорят, что рабочий класс обязан их содержать, то они тем самым фактически утверждают, что производители принадлежат им совершенно так же, как земля и дома, и что рабочий создан лишь на потребу богача»* (стр. 68) [Русский перевод, стр. 94—95].

«Производитель в обмен на то, что он дает капиталисту, получает не труд капиталиста и не продукт труда капиталиста, а — работу. При помощи денег рабочие классы вынуждаются не только выполнять тот труд,

к которому их естественно обязывает самосохранение, но и обременять себя трудом для других классов. Несущественно, получают ли производители от непроеизводящего класса золото, серебро или другие товары; вся суть в том, что рабочий класс выполняет свой собственный труд и содержит самого себя, а сверх этого выполняет еще и труд капиталиста и содержит его. Каково бы ни было номинальное вознаграждение, получаемое производителями от капиталистов, их действительное вознаграждение состоит в том, что на их плечи *перекладывается тот труд, который должны были бы выполнять капиталисты*» (стр. 153—154) [Русский перевод, стр. 187—188].

«Мы принимаем, что население Соединенного Королевства составляет 25 млн. человек. Предположим, что их содержание обходится в среднем по меньшей мере в 15 ф. ст. на человека в год. Это составляет 375 млн. ф. ст. как годовую сумму стоимости содержания всего населения Соединенного Королевства. Но мы производим не только средства существования, ибо наш труд создает также много предметов, не предназначенных для личного потребления. Мы ежегодно увеличиваем наш запас накоплений, или капитал, увеличивая число наших домов, кораблей, орудий, машин, дорог и других приспособлений для дальнейшего производства и исправляя, кроме того, все то, что износилось. Таким образом, хотя наше содержание стоит, как сказано, только 375 млн. ф. ст. в год, совокупная годовая стоимость создаваемого народом богатства составит не меньше 500 млн. ф. ст. ...

Действительными производителями мы можем считать лишь $\frac{1}{4}$ населения, или примерно 6 млн. мужчин в возрасте от 14 до 50 лет. Можно сказать, что из этого числа при нынешних условиях едва ли 5 миллионов участвуют в производстве» (далее Брей говорит, что непосредственно в материальном производстве участвуют только 4 миллиона); «ибо тысячи работоспособных мужчин вынуждены сидеть без дела, в то время как та работа, которую они должны были бы выполнять, выполняется женщинами и детьми; а сотни тысяч мужчин в Ирландии вовсе не могут найти себе работу. Таким образом, менее 5 млн. мужчин вместе с несколькими тысячами детей и женщин должны производить для 25 миллионов...

Имеющееся теперь число рабочих не могло бы без применения машин содержать самих себя и имеющееся число бездельников и непроеизводительных работников. Применяемые в настоящее время в земледелии и в промышленности всевозможные машины выполняют, по подсчетам, труд приблизительно 100 млн. работоспособных мужчин... Эти машины и их применение при нынешней системе породили те сотни тысяч бездельников и пожирателей прибыли, которые теперь угнетают рабочих...

Нынешний общественный строй был оплодотворен машинами и машинами же он будет разрушен... Сами машины хороши, без них нельзя обойтись; но плохо их применение, то обстоятельство, что ими владеют отдельные лица, а не вся нация...

Из 5 млн. мужчин, участвующих в настоящее время в производстве, одни работают только 5 часов в день, а другие — 15 часов; если вдобавок к этому принять во внимание потерю времени вследствие вынужденного безделья большой массы рабочих в периоды застоя в делах, то мы обнаружим, что наша годовая продукция создается и распределяется менее чем одной пятой частью общества, работающей в среднем по 10 часов в день...

Если принять, что богатые не-проеизводители всякого рода, вместе с их семьями и челядью, составляют лишь 2 млн. человек и что их содержание стоит в среднем столько же, сколько содержание рабочих, т. е. 15 ф. ст. на человека, то уже эта масса в 2 млн. человек будет стоить рабочему классу 30 млн. ф. ст. в год... Но по самой скромной оценке их содержание стоит не меньше 50 ф. ст. на человека. Это составляет общую сумму

в 100 млн. ф. ст. в качестве годичной стоимости содержания чистейших трудней общества, совершенно непроизводительных...

К этому присоединяются удвоенные и учетверенные доходы, получаемые различными классами мелких собственников, промышленников и торговцев в форме [444] прибыли и процентов. По самой скромной оценке потребляемая этим многочисленным слоем общества часть богатства не меньше чем на 140 млн. ф. ст. в год *превышает* среднее потребление равного им числа наилучше оплачиваемых рабочих. Итак, вместе со своим правительством оба класса ничего не делающих и живущих на прибыль людей, охватывающие, быть может, $\frac{1}{4}$ всего населения, поглощают ежегодно около 300 млн. ф. ст., или больше половины всего производимого богатства. На каждого рабочего империи это составляет в среднем потерю свыше 50 ф. ст. в год... Остается в среднем не больше чем примерно 11 ф. ст. на человека в год для распределения между остальными $\frac{3}{4}$ нации. По подсчетам, произведенным в 1815 году, получается, что годовой доход всего народа Соединенного Королевства составлял около 430 млн. ф. ст., из которых рабочий класс получил 99 742 547 ф. ст., а класс, живущий на ренту, пенсии и прибыль, — 330 778 825 ф. ст. Стоимость всей собственности страны в то время исчислялась примерно в 3 млрд. ф. ст.» (стр. 81—85) [Русский перевод, стр. 108—113].

Сравни таблицу Кинга ¹¹⁴ и т. д.

В 1844 г. население Англии составляло: высшее и низшее дворянство — 1 181 000 человек, *торговцы, промышленники, фермеры и т. д.* — 4 221 000 человек (обе эти категории вместе — 5 402 000 человек), рабочие, пауперы и т. д. — 9 567 000 человек (*Banfield, T. C. The Organization of Industry. 2nd edition. London, 1848 [стр. 22—23]. [X—444]*

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ]

РАМСЕЙ

[1) ПОПЫТКА РАЗЛИЧЕНИЯ МЕЖДУ ПОСТОЯННЫМ И ПЕРЕМЕННЫМ КАПИТАЛОМ. ВЗГЛЯД НА КАПИТАЛ КАК НА НЕСУЩЕСТВЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ФОРМУ]

[XVIII — 1086] *Ramsay, George* (of Trinity College). An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836.

Переходя к Рамсею, мы снова возвращаемся к политико-экономам.

{Для того чтобы торговый капитал можно было отнести к области производства, Рамсей называет его «транспортировкой товаров из одного места в другое» (*Рамсей*, назв. соч., стр. 19). Рамсей, стало быть, смешивает торговлю с транспортной промышленностью.}

Главная заслуга Рамсея состоит в следующем:

Прежде всего в том, что он фактически проводит различие между *постоянным и переменным капиталом*. Правда, делается это в такой форме, что заимствованные из процесса обращения различия между основным и оборотным капиталом он *номинально* сохраняет как единственные различия, но основной капитал он определяет таким образом, что тот включает в себя все элементы постоянного капитала. Под *основным* капиталом Рамсей понимает поэтому не только машины и орудия, здания, в которых работают или хранят результат труда, рабочий и племенной скот, но равным образом и всякого рода сырье (включая полуфабрикаты и т. п.), «семена земледельца и сырье промышленника» (стр. 22—23). Кроме того, Рамсей относит к основному капиталу «удобрения всякого рода, изгороди в сельском хозяйстве и потребляемое в промышленности топливо» (стр. 23).

«*Оборотный капитал* состоит исключительно из продуктов питания и других предметов необходимости, авансируемых рабочим до завершения продукта их труда» (там же).

Итак, мы видим, что под «оборотным капиталом» Рамсей понимает не что иное, как [1087] ту часть капитала, которая сводится к заработной плате, а под основным капиталом — ту часть капитала, которая сводится к объективным условиям труда, — средства труда и материал труда.

Конечно, ошибка Рамсея заключается в том, что это взятое из непосредственного процесса производства разделение капитала отождествляется у него с различием, проистекающим из процесса обращения. Это есть следствие его приверженности традиции политико-экономов.

С другой стороны, Рамсей также смешивает чисто вещественный состав определенного указанным образом основного капитала с его бытием как «капитала». В действительный процесс труда «оборотный капитал» (т. е. переменный капитал) не входит; в него входит то, что куплено на оборотный капитал, то, чем он замещен, — живой труд. То, что помимо этого входит в процесс труда, есть постоянный капитал, т. е. труд, овеществленный в объективных условиях труда — в материале труда и средствах труда. Поэтому Рамсей говорит:

«Только основной капитал, а не оборотный, является, строго говоря, источником национального богатства» (стр. 23). «Труд и основной капитал представляют собой единственные элементы издержек производства» (стр. 28).

То, что действительно расходуется при производстве товара, это — сырье, машины и т. д. и живой труд, приводящий их в движение.

«Оборотный» капитал является излишним, посторонним по отношению к процессу производства.

«Если бы мы предположили, что рабочие не оплачиваются до завершения продукта их труда, то не было бы никакой надобности в оборотном капитале. Производство велось бы в тех же размерах. Это доказывает, что оборотный капитал не является *непосредственным* фактором производства и *даже вообще не имеет для него существенного значения*, а представляет собой лишь *утищрение, сделавшееся необходимым вследствие плачевной бедности основной массы народа*» (стр. 24). «С точки зрения нации один лишь основной капитал образует элемент издержек производства» (стр. 26).

Другими словами: овеществленный в условиях труда — в материале и средствах труда — труд, который Рамсей называет «основным капиталом», и живой труд, или, короче, объективированный, овеществленный труд и живой труд, являются необходимыми условиями производства, элементами национального богатства. Напротив, лишь «утищрением», вызванным «плачевной бедностью основной массы народа», является [по Рамсею] то, что жизненные средства рабочего принимают

вообще форму «оборотного капитала». Условием производства является труд, а не наемный труд; следовательно, не является условием производства также и то, что жизненные средства рабочего противостоят ему как «капитал», как «аванс капиталиста». Рамсей упускает из виду то обстоятельство, что если жизненные средства не противостоят рабочему в качестве «капитала» (в качестве «оборотного капитала», как он его называет), то и объективные условия труда тоже не противостоят ему в качестве «капитала» (в качестве «основного капитала», как он его называет). Рамсей всерьез, а не только на словах, как это делают другие политико-экономы, хочет свести капитал к «той части национального богатства, которая применяется для облегчения воспроизводства или предназначена для такого применения» [стр. 21]. Поэтому он объявляет наемный труд, а следовательно и капитал — *ту социальную форму, которую средства воспроизводства получают на основе наемного труда*, — чем-то несущественным и вызванным лишь бедностью основной массы народа.

Итак, здесь мы подошли к тому пункту, где сама политическая экономия, на основании своего анализа, объявляет *капиталистическую форму* производства, а потому и *капитал*, не абсолютным, а лишь «случайным», историческим условием производства.

Однако Рамсей в своем анализе не пошел достаточно далеко для того, чтобы сделать правильные выводы из своих предпосылок, из того нового определения, которое он дал капиталу в непосредственном процессе производства.

[2)ВЗГЛЯДЫ РАМСЕЯ НА ПРИБАВОЧНУЮ СТОИМОСТЬ И СТОИМОСТЬ.

СВЕДЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ К ПРИБЫЛИ.

НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНАЯ ТРАКТОВКА ВОПРОСА О ВЛИЯНИИ ИЗМЕНЕНИЯ СТОИМОСТИ ПОСТОЯННОГО И ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ И МАССУ ПРИБЫЛИ. ОРГАНИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА, НАКОПЛЕНИЕ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА]

Рамсей близко подходит к правильному пониманию прибавочной стоимости:

«Оборотный капитал всегда будет применять больше труда, чем было прежде затрачено на него самого. Ибо если бы он не мог применять больше труда, чем было прежде затрачено на него самого, то какую выгоду мог бы получить владелец от его применения как такового?» (стр. 49). «Или станут утверждать, что то *количество труда*, которое может применять какой-либо оборотный капитал, всего лишь равно *тому труду*, который прежде был затрачен на его производство? Это означало бы, что стоимость затраченного капитала равняется стоимости продукта» (стр. 52).

Это означает, следовательно, что капиталист обменивает меньшее количество овеществленного труда на большее количество живого труда и что этот избыток неоплаченного живого труда образует избыток стоимости продукта над стоимостью потребленного при его производстве капитала, образует, другими словами, *прибавочную стоимость* (прибыль и т. д.). Если бы количество труда, оплачиваемое капиталистом в заработной плате, равнялось тому количеству труда, которое он в продукте получает обратно от рабочего, то стоимость продукта была бы не больше стоимости капитала и не существовало бы прибыли. Как ни близок здесь Рамсей к пониманию действительного происхождения прибавочной стоимости, все же им еще настолько владеет традиция политико-экономов, что он тотчас же снова сбивается с пути. Прежде всего, самый способ объяснения им этого обмена между переменным капиталом [1088] и трудом является двусмысленным. Если бы этот обмен был совершенно ясен для Рамсея, то дальнейшее недоразумение было бы невозможно. Рамсей говорит:

«Оборотный капитал, созданный, например, трудом 100 рабочих, приводит в движение 150 рабочих. Следовательно, продукт в конце года будет в этом случае результатом труда 150 рабочих» (стр. 50).

При каких условиях продукт труда 100 рабочих может купить труд 150 рабочих?

Если бы заработная плата, получаемая одним рабочим за 12 рабочих часов, равнялась стоимости, создаваемой за 12 рабочих часов, то на продукт его труда можно было бы снова купить только один рабочий день, а на продукт 100 рабочих дней — только 100 рабочих дней. Но если стоимость однодневного продукта труда рабочего равна 12 рабочим часам, а стоимость однодневной заработной платы, которую он получает, равна 8 рабочим часам, то стоимостью его однодневного продукта можно оплатить (на нее можно вновь купить) $1\frac{1}{2}$ рабочих дня или $1\frac{1}{2}$ рабочих. А на продукт 100 рабочих дней можно нанять $100(1 + \frac{1}{2})$ рабочего или рабочего дня $= 100 + 50 = 150$ рабочих. Следовательно, для того чтобы продукт труда 100 рабочих мог привести в движение 150 рабочих, необходимо, чтобы каждый из 100 рабочих, и вообще каждый рабочий, работал даром на капиталиста половину того времени, которое он работает на себя, или чтобы он треть рабочего дня работал даром. У Рамсея все это выражено неясно. Двусмысленность выступает у него в заключительной фразе: «Следовательно, продукт в конце года будет в этом случае результатом труда 150 рабочих». Конечно, он будет результатом труда 150 рабочих, подобно

тому как продукт труда 100 рабочих был результатом труда 100 рабочих. Двусмысленность (и, несомненно, неясность, более или менее приближающая Рамсея к Мальтусу) состоит в следующем: кажется, будто прибыль получается только благодаря тому, что вместо 100 рабочих теперь применяется 150. Точно так же, как если бы прибыль от 150 рабочих получалась благодаря тому, что теперь при помощи продукта труда 150 рабочих приводятся в движение 225 рабочих (согласно пропорции $100 : 150 = 150 : 225$, или $20 : 30 = 30 : 45$, или $4 : 6 = 6 : 9$). Но не в этом суть.

Если совокупный рабочий день 100 рабочих обозначить через x , то x есть то количество труда, которое дают эти 100 рабочих. А получаемая ими заработная плата составляет $\frac{2}{3}x$. Следовательно, стоимость продукта труда этих рабочих равна x , стоимость их заработной платы равна $x - \frac{1}{3}x$, а созданная ими прибавочная стоимость равна $\frac{1}{3}x$.

Если весь продукт труда 100 рабочих снова затрачивается на заработную плату, то на него можно нанять 150 рабочих, продукт труда которых равен заработной плате 225 рабочих. Рабочее время 100 рабочих есть рабочее время 100 рабочих. Но их *оплаченный* труд есть продукт труда $66\frac{2}{3}$ рабочих, т. е. он составляет лишь две трети стоимости, содержащейся в продукте труда 100 рабочих. Двусмысленность проистекает оттого, что кажется, будто 100 рабочих или 100 рабочих дней (все равно, считать ли продолжительность рабочего дня равной одному году или одному дню) доставляют 150 рабочих дней — такой продукт, в котором содержится стоимость, созданная за 150 рабочих дней; тогда как, наоборот, стоимости, созданной в течение 100 рабочих дней, достаточно для того, чтобы *оплатить* 150 рабочих дней. Если бы капиталист по-прежнему продолжал применять 100 рабочих, то его прибыль осталась бы неизменной. Он по-прежнему продолжал бы платить 100 рабочим продукт, равный рабочему времени $66\frac{2}{3}$ рабочих, а остаток клал бы себе в карман. Если же он весь продукт 100 рабочих снова затрачивает на заработную плату, то он осуществляет *накопление* и присваивает теперь прибавочный труд, равный 50 рабочим дням, тогда как прежде он присваивал лишь $33\frac{1}{3}$ рабочего дня.

Отсутствие у Рамсея ясности по этому вопросу тотчас же обнаруживается в том, что в качестве аргумента против определения стоимости рабочим временем он снова приводит «необъяснимое» иначе явление, что *норма прибыли* одинакова для капиталов, эксплуатирующих различное количество труда:

«Применение основного капитала в значительной степени видоизменяет тот принцип, что стоимость зависит от количества труда. Ибо некоторые товары, на которые затрачено одинаковое количество труда, требуют весьма различного времени для того, чтобы они были готовы к потреблению. Но так как в течение этого времени капитал не приносит дохода, то для того, чтобы данное применение капитала было не менее прибыльно, чем другие его применения, при которых продукт скорее готов для потребления, товар, когда он, наконец, поступает на рынок, должен повыситься в стоимости на всю сумму недополученной прибыли. Это показывает, как капитал может регулировать стоимость независимо от труда» (стр. 43).

Это показывает, наоборот, то, как капитал регулирует средние цены ¹¹⁵ независимо от стоимости того или иного продукта, как капитал обменивает товары не по их стоимости, а таким образом, чтобы «одно применение капитала было не менее [1089] прибыльно, чем другие». Рамсей не преминул также воспроизвести известный еще со времени [Джемса] Милля пресловутый пример с «вином в погребе» *, ибо в политической экономии бездумная традиция могущественнее, чем в любой другой науке. И Рамсей заключает: «следовательно, капитал есть источник стоимости, не зависящий от труда» (стр. 55), тогда как самое большее он имел бы право сделать такой вывод: та прибавочная стоимость, которую капитал реализует в той или иной особой отрасли, не зависит от количества труда, применяемого этим особым капиталом. [1089]

[1090] Неправильная концепция Рамсея является здесь тем более странной, что он, с одной стороны, понимает, так сказать, *природную основу* прибавочной стоимости, а с другой стороны, констатирует в одном случае, что *распределение прибавочной стоимости* — ее выравнивание в общую норму прибыли — не увеличивает самой прибавочной стоимости.

[Во-первых, Рамсей говорит:]

«Существование прибыли обусловлено тем законом материального мира, в силу которого щедрость природы, если ей содействуют и ею управляют труд и искусство человека, вознаграждает труд нации столь богатыми результатами, что он доставляет *избыток* продуктов над тем, что абсолютно необходимо для возмещения в натуральной форме потребленного основного капитала и для увековечения расы занятых в производстве рабочих...» [стр. 205].

{Вот тоже [1091] великолепный результат капиталистического производства: *увековечение* расы рабочих! Конечно, если бы производительность труда была достаточна лишь для воспроизводства условий труда и для сохранения жизни рабочего, то никакой *избыток* не был бы возможен, а следовательно, не было бы ни прибыли, ни капитала. Но то обстоятельство, что

* См. настоящее издание, часть III, стр. 83—85, 181, 236. Ред.

природа не имеет никакого отношения к тому, что, несмотря на наличие этого *избытка*, увековечивается раса рабочих, а избыток принимает форму прибыли и на этой основе «увековечивается» раса капиталистов, — это обстоятельство признал сам Рамсей, когда он заявил, что «оборотный капитал» (так он называет заработную плату, наемный труд) не является существенным условием производства, а обязан своим существованием лишь «плачевной бедности основной массы народа». Рамсей не сделал того вывода, что капиталистическое производство «увековечивает» эту «плачевную бедность», хотя он, с другой стороны, признаёт это, когда говорит, что капиталистическое производство «увековечивает расу рабочих» и оставляет им ровно столько, сколько необходимо для этого увековечения. В вышеуказанном смысле можно сказать, что прибавочная стоимость и т. д. базируется на некотором *законе природы*, на производительности человеческого труда в его взаимодействии с природой. Однако сам Рамсей указывает на *абсолютное удлинение рабочего времени* как на источник прибавочной стоимости (стр. 102); он указывает также и на повышающуюся вследствие прогресса в промышленности производительность труда.}

«...Достаточно валовому продукту хотя бы чуть-чуть превысить то, что безусловно необходимо для вышеназванных целей, и уже становится возможным отделение от общей массы продукта особого дохода под названием прибыли, который принадлежит другому классу людей» (стр. 205). *«Само существование капиталистических предпринимателей как особого класса зависит от производительности труда»* (стр. 206).

Во-вторых, говоря о выравнивании нормы прибыли путем повышения цен в некоторых отраслях, вызванного [общим] повышением заработной платы, Рамсей замечает:

«Повышение цен в некоторых отраслях производства в результате общего повышения заработной платы отнюдь не избавило капиталистических предпринимателей от сокращения их прибыли, оно даже *ничуть не уменьшило их совокупной потери*, а способствовало лишь более равномерному распределению этой потери между различными группами, составляющими этот класс» (стр. 163).

И если капиталист, вино которого является продуктом 100 рабочих (пример Рамсея), продает его так же дорого, как и другой капиталист, товар которого является продуктом 150 рабочих, дабы «данное применение капитала было не менее прибыльно, чем другие его применения», то ясно, что содержащаяся в вине и в другом товаре прибавочная стоимость вследствие этого не увеличивается, а только равномерно распределяется между различными группами капиталистов. [1091]

[1089] Рамсей приводит снова также и рикардовские «исключения» [из определения стоимости рабочим временем]. Эти

«исключения» нам нужно будет рассмотреть в *нашем* тексте там, где мы будем говорить о превращении стоимости в цену производства [price of production] ¹¹⁸. А именно, сказать об этом нужно будет, вкратце, следующее. Если предположить, что продолжительность рабочего дня в различных отраслях производства (поскольку это не компенсируется интенсивностью труда, неприятностью труда и т. д.) одинакова, или, точнее, если предположить, что одинаков прибавочный труд, одинакова норма эксплуатации, — то изменение нормы прибавочной стоимости может произойти лишь в том случае, если заработная плата повышается или падает. Такого рода изменение нормы прибавочной стоимости, соответствующее повышению или падению заработной платы, различным образом влияло бы на цены производства [Produktionspreise] товаров в зависимости от органического строения капитала. Тот капитал, переменная составная часть которого велика по сравнению с постоянной частью, получал бы вследствие падения заработной платы большее количество прибавочного труда, а вследствие повышения заработной платы присваивал бы меньше прибавочного труда, чем те капиталы, у которых постоянная составная часть больше по сравнению с переменной частью. Таким образом, повышение или падение заработной платы воздействовало бы на норму прибыли в обеих отраслях в обратном направлении, т. е. вызывало бы противоположные отклонения от общей нормы прибыли. Поэтому, для того чтобы сохранялась общая норма прибыли, цена товаров первого рода при повышении заработной платы повысится, цена товаров второго рода понизится. (Каждый род капитала, конечно, лишь в той степени непосредственно затрагивается колебаниями заработной платы, в какой он применяет много или мало живого труда в сравнении с величиной всего затрачиваемого капитала.) Наоборот, когда заработная плата падает, цена товаров первого рода понизится, а цена товаров второго рода повысится.

Собственно говоря, все это едва ли относится к рассмотрению первоначального превращения стоимостей в цены производства и первоначального установления общей нормы прибыли, так как это, скорее, вопрос о том, каким образом *общее повышение или падение заработной платы* повлияло бы на цены производства, регулируемые общей нормой прибыли.

Еще меньшее отношение имеет этот случай к различию между основным и оборотным капиталом. Банкир и купец применяют почти исключительно один только оборотный капитал, но очень мало применяют переменного капитала, т. е. они затрачивают относительно мало капитала на живой труд. Владе-

лец рудника, наоборот, применяет бесконечно больше основного капитала, чем капиталист-портной. Но применяет ли он живой труд в такой же пропорции — это большой вопрос. Только потому, что Рикардо выдвинул этот специальный, сравнительно незначительный случай в качестве *единственного различия* между ценой производства и стоимостью (или, как он ошибочно говорит: в качестве исключения из определения стоимости рабочим временем) и представил его в форме различия между основным и оборотным капиталом, получилось то, что эта ошибка перешла как важная догма — и притом в неправильной форме — во всю последующую политическую экономию. (Владельца рудника следует противопоставлять не портному, а банкиру и купцу.)

[Рамсей говорит:]

«Повышение заработной платы ограничено производительностью труда. Другими словами, рабочий никогда не может получить за труд одного дня или одного года больше того, что он, с помощью всех других источников богатства, может произвести в течение этого же времени... Его заработная плата необходимым образом должна быть меньше этого, так как *часть валового продукта* всегда идет на возмещение основного капитала» (т. е., как это получается по Рамсею, *постоянного капитала*: сырья, машин и т. д.) «вместе с прибылью на него» (стр. 119).

У Рамсея здесь смешаны две различные вещи. Содержащееся в однодневном продукте количество «основного капитала» не есть продукт однодневного труда рабочего, т. е. эта *часть стоимости* продукта, представленная определенной частью продукта *in natura* *, не является продуктом однодневного труда. Прибыль же, действительно, представляет собой вычет из этого однодневного продукта рабочего или из стоимости этого однодневного продукта.

Если Рамсей не выработал себе ясного представления о природе прибавочной стоимости, если он, в частности, всецело остается в плену старой путаницы об отношении между стоимостью и ценой производства и о превращении прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, напротив, из своего понимания основного и оборотного капитала он сделал другой, правильный, [1090] вывод.

Предварительно приведем еще одно положение Рамсея о «стоимости»:

«*Стоимость* соответствует не только тому капиталу, который действительно был потреблен, но и тому капиталу, который остается без изменения, т. е. она соответствует всему примененному капиталу» (стр. 74).

* — в натуре, в натуральной форме. Ред.

В действительности это должно было бы означать следующее: *прибыль*, а потому и *цена производства* соответствуют всему примененному капиталу, тогда как стоимость явно не может менять свою величину в зависимости от той части капитала, которая в стоимость продукта не входит.

[Из своего понимания основного и оборотного капитала Рамсей сделал следующий вывод:]

С прогрессом общества (т. е. капиталистического производства) основная часть капитала увеличивается за счет его оборотной части, т. е. за счет той части, которая затрачивается на труд. Поэтому спрос на труд по мере роста богатства, или по мере накопления капитала, *относительно* уменьшается. В промышленности «бедствия», порождаемые для рабочих развитием производительной силы, имеют временный характер, но они то и дело возобновляются. В земледелии, в особенности при превращении пахотных земель в пастбища, эти бедствия имеют постоянный характер. Общий результат таков: с прогрессом общества, т. е. с развитием капитала (стало быть, с развитием национального богатства), это развитие богатства оказывает все меньшее и меньшее влияние на положение рабочего, *alias* * положение рабочего относительно *ухудшается* в той же пропорции, в какой возрастает общественное богатство, т. е. происходит накопление капитала, или, что то же самое, в той же пропорции, в какой увеличивается масштаб воспроизводства. Как мы видим, эти результаты весьма далеки от наивной концепции А. Смита или от апологетической концепции вульгарной политической экономии. У А. Смита накопление капитала тождественно возрастанию спроса на труд, непрерывному повышению заработной платы и *потому* — падению прибылей. В его время спрос на труд на самом деле возрастал по меньшей мере в такой же степени, в какой происходило накопление капитала, так как тогда еще господствовала мануфактура, а крупная промышленность не вышла еще из пеленок.

[Рамсей говорит:]

«Спрос на труд зависит (прямо, непосредственно) только от величины оборотного капитала» (стр. 87). (Это у Рамсея тавтология, так как оборотный капитал у него равняется капиталу, затрачиваемому на заработную плату.) «С прогрессом цивилизации основной капитал страны возрастает за счет оборотного капитала» (стр. 89). «Спрос на труд поэтому не всегда возрастает с увеличением капитала, по крайней мере он возрастает не в такой же степени» (стр. 88). «Только в том случае, когда вследствие новых изобретений оборотный капитал увеличивается по сравнению со своими прежними размерами»

* — иначе говоря. *Ред.*

{здесь опять проскальзывает ошибочное воззрение, будто увеличение общего количества жизненных средств тождественно увеличению той части жизненных средств, которая предназначена для рабочих},

«возникает большой спрос на труд. Этот спрос будет тогда расти, но не пропорционально накоплению всего капитала в целом. В тех странах, где промышленность достигла значительного развития, отношение основного капитала к оборотному постепенно становится все большим и большим. Поэтому всякое увеличение национального фонда, предназначенного для воспроизводства, оказывает с прогрессом общества все меньшее и меньшее влияние на положение рабочего» (стр. 90—91). «Всякое увеличение основного капитала происходит за счет оборотного капитала, т. е. за счет спроса на труд» (стр. 91).

«Бедствия, которые изобретение машин приносит рабочему населению, занятому в промышленности, имеют, вероятно, лишь временный характер, однако они могут постоянно возобновляться, так как новые усовершенствования постоянно содействуют сбережению труда» [стр. 91].

В промышленности эти бедствия имеют, согласно Рамсею (стр. 91—92), временный характер в силу следующих причин. [Во-первых:] капиталисты, применяющие *новые машины*, получают добавочные прибыли; следовательно, растет их способность делать сбережения и увеличивать свой капитал. Часть этих сбережений применяется также и в качестве оборотного капитала. Во-вторых: цена промышленного товара падает соответственно уменьшению издержек производства; следовательно, потребители делают сбережения, в результате чего увеличивается легкость накопления капитала, часть которого может понасть в ту отрасль промышленности, где произошло уменьшение издержек производства товара. В-третьих: падение цен этих продуктов увеличивает спрос на них.

«Таким образом, хотя введение машин может лишить работы значительное количество людей, тем не менее, вероятно, все они или даже еще большее число рабочих по прошествии большего или меньшего промежутка времени снова получают работу» (стр. 92—93).

«В земледелии дело обстоит совершенно иначе. Спрос на сырье возрастает не так быстро, как спрос на промышленные товары... Самым губительным для сельского населения является превращение пахотной земли в пастбище... Почти все те фонды, на которые раньше содержались рабочие, теперь затрачиваются на крупный рогатый скот, на овец и на другие элементы основного капитала» (стр. 93). [1090]

[1091] Рамсей правильно замечает:

«Зарботную плату, точно так же как и прибыль, следует рассматривать как действительную часть готового продукта, совершенно отличную, с точки зрения нации, от издержек его производства» (стр. 142).

«Основной капитал,.. если его брать независимо от результатов его применения,.. представляет собой чистую потерю... Только труд, отвлекаясь от заработной платы, от того, что уплачено за него, является, наряду

с потребленным основным капиталом, элементом издержек производства. Труд есть жертва. Чем больше затрачивается его в одной отрасли хозяйства, тем меньше остается для другой. Поэтому, если труд применяется в невыгодных предприятиях, нация страдает от растраты главного источника богатства... *Оплата труда* не образует элемента издержек» (стр. 142—143).

(Это очень правильно, что у Рамсея *труд*, а не *оплаченный труд*, не заработная плата, выступает как элемент стоимости.)

Рамсей правильно описывает *реальный* процесс воспроизводства:

«Каким образом возможно сравнение продукта с затраченным на него капиталом?.. Если иметь в виду нацию в целом,.. то совершенно ясно, что *все различные элементы затраченного капитала* должны быть *воспроизведены* в той или другой отрасли хозяйства, так как в противном случае производство страны не могло бы дальше вестись в прежних размерах. Сырой материал промышленности, орудия, употребляемые в ней, а также и в сельском хозяйстве, многочисленные и сложные машины в промышленности, постройки, необходимые для производства или хранения продуктов, — все это, в качестве составных частей, должно входить как в совокупный продукт страны, так и во все авансы ее капиталистических предпринимателей. Количество совокупного продукта может быть поэтому сравнено с количеством авансов — благодаря тому, что каждый предмет можно себе представить стоящим как бы рядом с другим предметом того же рода» (стр. 137—139). «Что же касается каждого капиталиста в отдельности»

{это — неправильная абстракция. Нация только и существует как класс капиталистов, и весь этот класс в целом действует совершенно так же, как каждый капиталист в отдельности. Оба способа рассмотрения различаются лишь тем, что один фиксирует и изолирует потребительную стоимость, а другой — меновую стоимость},

«то — в силу того обстоятельства, что он не *возмещает* свои затраты в натуре, а большую часть их должен получить посредством обмена, для чего необходима определенная доля продукта, — в силу этого каждый отдельный капиталистический предприниматель вынужден обращать гораздо больше внимания на меновую стоимость своего продукта, чем на его количество» (стр. 145—146).

[1092] «Чем больше *стоимость* его *продукта* превышает *стоимость авансированного капитала*, тем *большей* будет его *прибыль*. Таким образом, капиталист будет исчислять прибыль, сравнивая стоимость со стоимостью, а не количество с количеством. Это — первое различие, которое следует отметить в способе исчисления прибыли у наций и у отдельных капиталистов».

{Также и нация в целом, при предположении, что она есть что-то иное, нежели совокупность капиталистов, может в известном смысле сравнивать стоимость со стоимостью следующим образом: она может исчислять совокупное рабочее время, в какое ей обходится возмещение потребленной части ее постоянного капитала и той части продукта, которая вошла

в индивидуальное потребление, — и то рабочее время, которое затрачено на создание избытка, предназначенного для расширения масштаба воспроизводства.}

«Второе различие состоит в том, что так как капиталистический предприниматель всегда *авансирует* рабочему *заработную плату вместо того, чтобы выплачивать ее из готового товара*, то он считает этот аванс так же, как и потребленный основной капитал, частью своих расходов, хотя заработная плата, с точки зрения нации, не является элементом издержек».

{Для совокупного процесса воспроизводства фактически отпадает и это различие. Капиталист всегда выплачивает заработную плату *из готового товара*; т. е. из товара, произведенного рабочим вчера, он выплачивает ему на завтра его заработную плату; иными словами, в форме заработной платы он фактически дает рабочему лишь чек на получение продукта, *подлежащего изготовлению в будущем*, или *почти готового* продукта, производство которого завершается к тому моменту, когда он покупается. *Авансирование* исчезает как всего лишь видимость, коль скоро мы рассматриваем воспроизводство, т. е. процесс производства в его непрерывности.}

«Норма прибыли капиталистического предпринимателя будет, следовательно, зависеть от избытка стоимости его продукта над стоимостью авансированного капитала, как основного, так и оборотного» (стр. 146).

{То же самое имеет место и с «точки зрения нации». Прибыль капиталистического предпринимателя всегда зависит от того, во что ему самому обходится производство продукта, все равно, готов ли этот продукт или нет к тому времени, когда он выплачивает заработную плату.}

Заслуга Рамсея состоит, во-первых, в том, что он опровергает общераспространенный со времени А. Смита ошибочный взгляд, будто стоимость совокупного продукта распадается на доходы с различными наименованиями; во-вторых, в том, что он определяет норму прибыли двояким образом: нормой заработной платы, т. е. нормой прибавочной стоимости, и стоимостью постоянного капитала. Но он совершает противоположный грех по сравнению с Рикардо. Рикардо хочет насильственно уравнивать норму прибавочной стоимости с нормой прибыли. Рамсей, наоборот, выдвигает двоякое определение нормы прибыли: 1) определение ее нормой прибавочной стоимости (стало быть, нормой заработной платы) и 2) определение ее отношением этой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу (здесь, стало быть, Рамсей фактически определяет норму прибыли той долей, какую постоянный капитал составляет во всем капитале), — и это двоякое определение он, не уяснив

себе сути дела, выставляет как два параллельные обстоятельства, определяющие норму прибыли. Рамсей не видит того превращения, которое происходит с прибавочной стоимостью, прежде чем она становится прибылью. Поэтому, если Рикардо, для того чтобы провести теорию стоимости, пытается насильственно свести норму прибыли к норме прибавочной стоимости, то Рамсей пытается свести прибавочную стоимость к прибыли. В дальнейшем мы увидим, что тот способ, каким он изображает влияние стоимости постоянного капитала на норму прибыли, является или весьма недостаточным, или прямо ошибочным.

[Рамсей говорит:]

«Прибыль должна повышаться или понижаться в такой же точно степени, в какой понижается или повышается та *доля* валового продукта или *его стоимости*, которая требуется для возмещения необходимых авансов... Поэтому норма прибыли зависит от двух обстоятельств: во-первых, от той доли всего продукта, которая достается рабочим; во-вторых, от той доли, которая должна быть отложена для возмещения основного капитала *в натуре или путем обмена*» (стр. 147—148).

Стало быть, другими словами, норма прибыли зависит от избытка стоимости продукта над суммой оборотного и основного капитала; следовательно, она зависит от той доли, которую, во-первых, оборотный капитал и, во-вторых, основной капитал составляют в стоимости всего продукта. Если мы знаем, откуда получается этот *избыток*, то дело обстоит просто. Но если мы знаем только то, что прибыль зависит от *отношения* избытка к этим затратам, то мы можем иметь самое ошибочное представление о происхождении этого избытка, можем, например, подобно Рамсею, воображать, будто он отчасти истекает из основного (постоянного) капитала:

[1093] «Несомненно, что увеличившаяся легкость производства различных вещей, входящих в состав основного капитала, способствует, посредством уменьшения этой доли *, повышению нормы прибыли, подобно тому как в предыдущем случае это было вызвано удешевлением воспроизводства элементов оборотного капитала, который служит для содержания труда» (стр. 164).

Например, у фермера:

«Как бы ни изменялась величина валового продукта, то количество его, которое требуется для возмещения всего того, что в различных формах было потреблено в процессе производства, не подлежит никакому изменению. Это количество должно рассматриваться как *постоянное, пока производство ведется в прежних размерах*. Следовательно, чем больше *валовой продукт*, тем меньше должна быть та доля его, которую фермер должен откладывать для упомянутых целей» (стр. 166).

«Чем легче фермер, производящий предметы питания и такое сырье, как лен, конопля, лес и т. д., может их воспроизводить, тем больше будет

* — т. е. доли валового продукта, требующейся для возмещения «основного капитала». Ред.

повышаться прибыль. Прибыль фермера повышается благодаря *возрастанию количества его продукта; совокупная стоимость продукта остается неизменной*, но фермеру для возмещения различных элементов основного капитала, которыми он может снабдить себя сам, требуется теперь меньшая, чем прежде, доля всего продукта, а стало быть, и меньшая доля его стоимости. Что же касается промышленного капиталиста, то он выигрывает благодаря увеличившейся покупательной способности своего продукта» (стр. 166—167).

Предположим, что урожай равен 100 квартерам, а на семена требуется 20 квартеров, т. е. $\frac{1}{5}$ урожая. Предположим далее, что в следующем году урожай удваивается (при той же самой затрате труда); он равен теперь 200 квартерам. Если масштаб производства остается прежним, то на семена требуется, как и раньше, 20 квартеров, но это теперь составляет лишь $\frac{1}{10}$ урожая. Однако надо иметь в виду, что стоимость прежних 100 квартеров равна стоимости теперешних 200 квартеров; следовательно, один квартал первого урожая равен [по стоимости] двум квартерам второго. В первом случае оставалось 80 квартеров, во втором случае остается 180 квартеров. Так как величина заработной платы не имеет отношения к рассматриваемому здесь вопросу о влиянии изменения стоимости постоянного капитала на норму прибыли, то допустим, что заработная плата по стоимости остается неизменной. Стало быть, если в первом случае она составляет 20 квартеров, то во втором случае она равна 40 квартерам. Допустим, наконец, что другие составные части постоянного капитала, которые фермер не воспроизводит *in natura*, равняются стоимости 20 квартеров в первом случае и, стало быть, стоимости 40 квартеров во втором случае.

Таким образом, мы имеем следующий расчет:

1) *Продукт* равен 100 квартерам. *Семена* равны 20 квартерам. *Остальной постоянный капитал* равен 20 квартерам. *Заработная плата* равна 20 квартерам. *Прибыль* равна 40 квартерам.

2) *Продукт* равен 200 квартерам. *Семена* равны 20 квартерам. *Остальной постоянный капитал* равен 40 квартерам. *Заработная плата* равна 40 квартерам. *Прибыль* равна 100 квартерам, которые по стоимости равны 50 квартерам продукта № 1. Следовательно, во втором случае получалось бы 10 квартеров сверхприбыли.

Таким образом, здесь вследствие изменения стоимости постоянного капитала увеличилась бы не [только] норма прибыли, но и сама прибыль. Хотя заработная плата осталась в первом и во втором случае одной и той же, возросло бы отношение прибыли к заработной плате, т. е. увеличилась бы норма прибавочной стоимости. Это, однако, только видимость. Прибыль

во втором случае состояла бы, во-первых, из 80 кварталов, равных [по стоимости] 40 кварталам продукта № 1 и образующих такое же отношение к заработной плате, как и в первом случае; во-вторых, прибыль состояла бы из 20 кварталов, равных только 10 кварталам продукта № 1, которые превратились бы из постоянного капитала в доход.

Но правилен ли этот расчет? Мы должны предположить, что во втором случае результат [удвоение урожая] достигается осенью следующего года несмотря на то, что работа велась при прежних условиях. Для большей ясности предположим, что квартал в первом случае стоит 2 ф. ст. Тогда во втором случае фермер на выращивание урожая, который дал ему осенью 200 кварталов, затратил 20 кварталов семян (40 ф. ст.), 20 кварталов на остальной постоянный капитал (40 ф. ст.), 20 кварталов на заработную плату (40 ф. ст.). *Всего* 120 ф. ст., а продукт равен 200 кварталам. В первом случае он тоже затратил только 120 ф. ст. (60 кварталов), а продукт равнялся 100 кварталам (200 ф. ст.). Для прибыли оставалось 80 ф. ст., или 40 кварталов. Так как 200 кварталов во втором случае являются продуктом такого же количества труда [как и 100 кварталов в первом случае], то они тоже стоят лишь 200 ф. ст. Следовательно, во втором случае для прибыли остается тоже лишь 80 ф. ст., которые теперь, однако, равняются 140 кварталам¹¹⁷. Таким образом, квартал стоит [фермеру] лишь $\frac{4}{7}$ ф. ст., а не 1 ф. ст. Другими словами, стоимость квартала понизилась бы с 2 до $\frac{4}{7}$ ф. ст., т. е. на $1\frac{3}{7}$ ф. ст., а не с 2 до 1 ф. ст., или лишь наполовину, как было предположено выше для второго случая в противоположность первому.

Весь продукт фермера во втором случае равен 200 кварталам стоимостью в 200 ф. ст. Но из них 120 ф. ст. возмещают те 60 кварталов, которые фермер затратил на производство и из которых каждый стоил ему 2 ф. ст. Следовательно, остаются 80 ф. ст. прибыли, соответствующие 140 остающимся кварталам. Как это получается? Квартал во втором случае стоит 1 ф. ст., но затраченные на производство 60 кварталов стоили по 2 ф. ст. Они стоили фермеру столько, как если бы он затратил 120 кварталов из нового урожая. Таким образом, остающиеся 140 кварталов стоят 80 ф. ст., или имеют не большую стоимость, чем имели остававшиеся в первом случае 40 кварталов. Правда, фермер продает каждый из 200 кварталов по 1 ф. ст. (если он продает весь свой продукт) и выручает таким образом 200 ф. ст. Но из 200 кварталов 60 стоили ему по 2 ф. ст. каждый; остающиеся кварталы доставляют ему поэтому лишь по $\frac{4}{7}$ ф. ст. [или приблизительно по $\frac{1}{2}$ ф. ст.].

Если теперь фермер снова затрачивает 20 кварталов [на семена] (10 ф. ст. [считая по $1\frac{1}{2}$ ф. ст. за квартал]), 40 кварталов на заработную плату (20 ф. ст.) и 40 кварталов на остальной постоянный капитал (20 ф. ст.), если он, следовательно, затрачивает всего 100 кварталов вместо прежних 60 и получает урожай в 180 кварталов, то эти 180 кварталов не имеют той стоимости, какую раньше имели 100 кварталов [считая по 1 ф. ст. за квартал]. Правда, фермер применил столько же живого труда, как и раньше, и поэтому [1094] стоимость переменного капитала, так же как и стоимость прибавочного продукта, осталась той же, что и раньше. Но он затратил меньше овеществленного труда, так как то же самое количество семян — 20 кварталов, — которое раньше стоило 20 ф. ст., теперь стоит всего лишь 10 ф. ст.

Расчет, стало быть, получается такой:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость
1) 20 кв. (20 ф. ст.) семена 20 кв. (20 ф. ст.) орудия труда и т. д.	20 кв. (20 ф. ст.)	40 кв. (40 ф. ст.)
2) 20 кв. (10 ф. ст.) семена 40 кв. (20 ф. ст.) орудия труда и т. д.	40 кв. (20 ф. ст.)	80 кв. (40 ф. ст.)

Продукт в первом случае равен 100 квартерам (100 ф. ст.).

Продукт во втором случае равен 180 квартерам (90 ф. ст.).

Тем не менее [несмотря на понижение стоимости продукта] норма прибыли во втором случае повысилась бы; ибо раньше прибыль в 40 ф. ст. получалась на затрату в 60 ф. ст., тогда как теперь прибыль в 40 ф. ст. получается на затрату в 50 ф. ст. Первое отношение составляет $66\frac{2}{3}\%$, второе — 80%.

Во всяком случае, повышение нормы прибыли получается не оттого, что стоимость остается неизменной, как предполагает Рамсей. Так как уменьшилась часть труда, затраченного на производство продукта, а именно, та часть его, которая содержится в постоянном капитале (в данном случае — в семенах), то стоимость продукта падает, если производство продолжается в прежнем масштабе, подобно тому как падает стоимость 100 фунтов пряжи, когда дешевеет содержащийся в них хлопок. Но отношение переменного капитала к постоянному повышается (хотя стоимость переменного капитала при этом и не повышается). Иными словами, уменьшается отношение совокупной суммы затраченного капитала к прибавочной стоимости. Отсюда — повышение нормы прибыли.

Если бы то, что говорит Рамсей, было правильно, т. е. если бы стоимость осталась неизменной, то возросла бы прибыль,

сумма прибыли и — как следствие этого — норма прибыли. Об одном лишь повышении нормы не могло бы быть и речи.

Однако вопрос [о влиянии изменения стоимости постоянного капитала на норму прибыли] для специального случая [когда часть постоянного капитала возмещается в натуральной форме] еще не исчерпан. В земледелии этот специальный случай получает следующее выражение:

Определенное количество семян фигурирует в урожае по *прежней цене продукта*, и эта часть вошла в урожай *in natura*. Остальные затраты были покрыты продажей хлеба по его *прежней цене*. При этих *прежних* затратах количество продукта удваивается. Так, например, в вышеприведенном случае при затрате 20 кварталов на семена (40 ф. ст.) и при прочих затратах, равных 40 квартерам (80 ф. ст.), урожай, вместо *прежних* 100 кварталов (200 ф. ст.), из которых 40 кварталов (80 ф. ст.) прибыли приходились на 60 кварталов (120 ф. ст.) совокупных затрат, составляет теперь 200 кварталов. Затраты при этом урожае по абсолютной величине те же, что и раньше: они составляют 60 кварталов, стоимость которых была равна 120 ф. ст., но вместо избытка в 40 кварталов теперь имеется избыток в 140 кварталов. Избыток *in natura* теперь значительно увеличился. Но так как затраченный труд в обоих случаях один и тот же, то 200 кварталов имеют теперь не большую стоимость, чем прежде имели 100 кварталов. Следовательно, они стоят 200 ф. ст., т. е. стоимость одного квартера упала с 2 ф. ст. до 1 ф. ст. Но так как избыток равен 140 квартерам, то, казалось бы, он должен стоить 140 ф. ст., ибо каждый из кварталов стоит ровно столько, сколько другой.

Дело предстанет перед нами в наиболее простом виде, если мы сперва рассмотрим его независимо от процесса воспроизводства и предположим, что фермер ликвидирует свое хозяйство и продает весь свой продукт. Тогда, чтобы покрыть свои затраты (возместить свои расходы) в 120 ф. ст., он фактически должен продать 120 кварталов. Этим покрывается авансированный капитал. Следовательно, остается избыток в 80 кварталов, а не в 140, и так как эти 80 кварталов равны 80 ф. ст., то они стоят абсолютно столько же, сколько стоил избыток в первом случае.

Процесс *воспроизводства*, однако, несколько видоизменяет дело. А именно, фермер возмещает из своего собственного продукта 20 кварталов семян *in natura*. [По стоимости] они возмещаются ему в продукте 40 квартерами. Но в процессе воспроизводства он по-прежнему должен оплачивать их лишь 20 квартерами *in natura*. Его остальные затраты [выраженные

в квартерах] возрастают соответственно уменьшению стоимости квартера (если заработная плата при этом не понижается). Для возмещения остальной части постоянного капитала ему теперь требуется 40 кварталов вместо прежних 20 кварталов, а для возмещения заработной платы — также 40 кварталов вместо 20. Всего фермер должен затратить 100 кварталов там, где раньше он затрачивал 60 кварталов; но он не должен затрачивать 120 кварталов, как этого требовало бы удешевление хлеба, так как те 20 кварталов [на семена], которые прежде стоили 40 ф. ст., он теперь возмещает 20 кварталами стоимостью в 20 ф. ст. (ибо здесь имеет значение лишь потребительная стоимость этих 20 кварталов). Таким образом, фермер, очевидно, выгадал [1095] эти 20 кварталов, которые теперь стоят 20 ф. ст. И его избыток равен теперь не 80 ф. ст., а 100 ф. ст., не 80 кварталам, а 100. (Если выразить этот избыток в квартерах по их прежней стоимости, то он равен теперь не 40 кварталам, а 50.) Это — несомненный факт, и если рыночная цена хлеба вследствие его изобилия не понизится, то фермер может продать по новой стоимости на 20 кварталов больше, чем прежде, и выгадать 20 ф. ст.

В связи с *воспроизводством* фермер получил эти 20 ф. ст. избытка на ту же затрату потому, что труд стал более производительным, хотя норма прибавочной стоимости здесь не повысилась, т. е. рабочий не дал большего, чем прежде, количества прибавочного труда, или не получил меньшей, чем прежде, доли из *воспроизведенной части* продукта (представляющей живой труд). Напротив, предполагается, что при воспроизводстве рабочий получает 40 кварталов, тогда как раньше он получал только 20 кварталов. Таким образом, перед нами своеобразное явление. Оно не имеет места без воспроизводства, но происходит в связи с ним и происходит потому, что фермер часть своих затрат возмещает *in natura*. В этом случае возросла бы не только норма прибыли, но и прибыль. (Что касается самого процесса воспроизводства, то фермер или может продолжать его теперь в прежнем масштабе, и тогда, если урожай снова столь же благоприятен, продукт понижается в цене, — так как часть постоянного капитала стоила меньше, — но норма прибыли повышается; или же фермер может увеличить масштаб своего производства, может больше засеять при тех же затратах, и тогда повышаются и прибыль, и норма прибыли.)

Возьмем теперь фабриканта. Предположим, что он затратил 100 ф. ст. на производство хлопчатобумажной пряжи и что прибыль составляет 20 ф. ст. Продукт, следовательно, равен 120 ф. ст. Пусть из 100 ф. ст. затрата на хлопок составила 80 ф. ст. Если теперь стоимость хлопка падает наполовину,

то фабриканту надо будет затратить на хлопок только 40 ф. ст. и 20 ф. ст. — на все остальное, стало быть, всего надо будет затратить 60 ф. ст. вместо 100 ф. ст. Прибыль по-прежнему равна 20 ф. ст. Совокупный продукт равняется теперь 80 ф. ст. (если фабрикант не расширяет масштаб своего производства). Итак, 40 ф. ст. остаются у фабриканта в кармане; он может израсходовать их на себя или вложить в дело в качестве добавочного капитала. Тогда в соответствии с новым масштабом производства фабрикант [дополнительно] затратил бы $26\frac{2}{3}$ ф. ст. на хлопок и $13\frac{1}{3}$ ф. ст. на труд и т. д. Прибыль [на дополнительную затрату в 40 ф. ст.] равнялась бы $13\frac{1}{3}$ ф. ст. Совокупный продукт составил бы теперь $60 + 40 + 33\frac{1}{3} = 133\frac{1}{3}$ ф. ст.

Суть дела заключается здесь, стало быть, не в том, что фермер возмещает свои семена *in natura*, ибо фабрикант покупает свой хлопок, а не возмещает его из своего собственного продукта. Рассматриваемое нами явление сводится, стало быть, к следующему: здесь имеет место высвобождение некоторой части из той части капитала, которая раньше была связана в виде постоянного капитала, или превращение части капитала в доход. Если при этом в процессе воспроизводства затрачивается ровно столько же капитала, что и раньше, то получается тот же самый результат, как если бы на прежней ступени производства был применен добавочный капитал. Следовательно, это есть своего рода накопление, проистекающее из возросшей производительности тех отраслей производства, которые доставляют подлежащие производительному потреблению составные части капитала. Однако такое падение стоимости сырья, если оно вызвано благоприятным урожаем, сводится на нет плохими урожаями, в результате которых происходит вздорожание сырья. Капитал, высвобождающийся указанным образом при одном или нескольких хороших урожаях, является поэтому в известной мере резервным капиталом на случай плохих урожаев. Например, фабрикант, у которого период оборота [основного капитала] составляет 12 лет, должен так вести свое дело, чтобы он мог в течение этих 12 лет продолжать производство по меньшей мере в *той же самом масштабе*. Поэтому приходится учитывать, что те *цены, по которым возмещается* [сырье], колеблются и что выравнивание этих цен происходит в течение более или менее длинного ряда лет.

Противоположное действие, по сравнению с удешевлением составных частей капитала, оказывает повышение их цен (переменный капитал мы оставляем здесь в стороне, хотя когда заработная плата падает, то приходится затрачивать меньший, по стоимости, переменный капитал; когда заработная плата

повышается, то приходится затрачивать больший переменный капитал). Для того чтобы производство продолжалось в прежнем масштабе, теперь необходима большая затрата капитала. Следовательно, не говоря уже о падении нормы прибыли, здесь должен быть применен резервный капитал, или часть дохода должна быть превращена в капитал, хотя она и не действует при этом как добавочный капитал.

В одном случае [при понижении цен] происходит *накопление*, хотя стоимость авансированного капитала осталась той же самой (но его вещественные составные части увеличились). Норма увеличения стоимости капитала и абсолютная величина прибыли возрастают, так как мы имеем здесь то же самое, как если бы на прежней ступени производства был вложен добавочный капитал. В другом случае [при повышении цен] *накопление* имеет место в том смысле, что возросла стоимость авансированного капитала, возросла та часть стоимости совокупного продукта, которая функционирует в качестве капитала. Но вещественные составные части капитала *не* увеличились. Норма прибыли падает. (Масса прибыли уменьшается лишь в том случае, если теперь занято не такое же количество рабочих, как раньше, или если заработная плата рабочих тоже повысилась.)

Упомянутое явление превращения капитала в доход заслуживает быть отмеченным потому, что оно создает *видимость* не зависящего от массы прибавочной стоимости увеличения (или же, в противоположном случае, уменьшения) массы прибыли. Мы видели *, как при [1096] известных условиях этим явлением объясняется часть ренты.

В рассмотренном выше случае (если 20 избыточных кварталов, равных 20 ф. ст., тотчас же снова не употребляются на расширение масштаба производства, т. е. если они не используются для накопления) высвобождается денежный капитал в 20 ф. ст. И здесь мы имеем пример того, как из воспроизводства может осаждаться *избыточный денежный капитал* несмотря на то, что сумма товарной стоимости осталась той же самой. Это происходит путем превращения части капитала, существовавшего раньше в форме основного (постоянного) капитала, в денежный капитал.

Как мало указанное выше явление [превращения части капитала в доход] относится к [рамсеевскому] определению *нормы прибыли*, становится ясным, если представить себе фермера (или фабриканта), начинающего свое дело при новых условиях

* См. настоящее издание, часть II, стр. 504—509. Ред.

производства. Раньше, для того чтобы начать дело, требовался капитал в 120 ф. ст.: 40 ф. ст. — на покупку 20 кварталов семян, 40 ф. ст. — на приобретение прочих элементов постоянного капитала и 40 ф. ст. — на выплату заработной платы. А прибыль такого фермера составила бы 80 ф. ст., 80 ф. ст. на 120 ф. ст. затрат, или 2 на 3, т. е. $66\frac{2}{3}\%$.

Теперь фермер должен авансировать 20 ф. ст. на покупку 20 кварталов семян, 40 ф. ст., как и раньше, — на остальной постоянный капитал, 40 ф. ст. — на заработную плату, так что затрачиваемый им капитал равен 100 ф. ст. А прибыль в 80 ф. ст. на 100 ф. ст. затрат составит 80%. Масса прибыли осталась *той же самой*, но ее *норма* возросла на 20%. Мы видим, следовательно, что падение стоимости семян (или падение цены, по которой *возмещаются* семена) само по себе не имеет никакого отношения к увеличению прибыли, а заключает в себе только увеличение нормы прибыли.

К тому же и сам фермер (или, в другом случае, фабрикант) тоже рассматривает это дело не как увеличение своей прибыли, а как высвобождение части своего капитала, раньше связанного в производстве. И притом он так рассматривает дело в силу следующего простого расчета. Раньше авансированный в производстве капитал равнялся 120 ф. ст., теперь он равен 100 ф. ст., тогда как 20 ф. ст. находятся в кармане фермера в качестве свободного капитала, в качестве денег, которые могут быть применены любым образом. Но в обоих случаях весь его капитал в целом равен только 120 ф. ст., т. е. величина его капитала не возросла. Правда, высвобождение $\frac{1}{6}$ части капитала из той его формы, которая прикована к процессу воспроизводства, оказывает такое же *действие*, как и добавочный капитал.

Рамсей не добрался до сути этого вопроса потому, что он вообще не выяснил отношения между стоимостью, прибавочной стоимостью и прибылью.

* * *

Рамсей правильно разъясняет, в какой мере машины и т. д. — поскольку они влияют на переменный капитал — оказывают действие на прибыль и норму прибыли. А именно, они оказывают это действие путем удешевления рабочей силы, путем увеличения относительного прибавочного труда, или, если рассматривать совокупный процесс воспроизводства, путем уменьшения той доли валового продукта, которая идет на возмещение заработной платы:

«Увеличение или уменьшение производительности труда, применяемого в производстве товаров, не входящих в состав основного капитала,

не может иметь никакого влияния на норму прибыли, за исключением того случая, когда оно изменяет ту долю валового продукта, которая идет на содержание труда» (цит. соч., стр. 168).

«Когда фабрикант благодаря введению усовершенствованных машин удваивает количество производимых им продуктов, то стоимость его товаров должна в конце концов уменьшиться пропорционально увеличению их количества».

{Здесь предполагается, что на самом деле, учитывая, кроме всего прочего, также и износ машин, удвоившееся количество продукта стоит не больше, чем стоило раньше вдвое меньшее количество. Если оно стоит больше этого, то стоимость единицы продукта падает, но не пропорционально увеличению количества продукта. Последнее может удвоиться, между тем как стоимость единицы товара (в том случае, если стоимость совокупного продукта возросла) может уменьшиться не с 2 до 1, а лишь с 2 до $1\frac{1}{4}$ и т. д.}

«...Фабрикант выигрывает лишь постольку, поскольку он получает возможность дешевле одеть рабочего, в результате чего на заработную плату идет меньшая, чем раньше, доля совокупного продукта... Фермер выигрывает» {вследствие увеличения производительности труда у фабриканта} «тоже лишь постольку, поскольку часть его затрат состоит в одежде для рабочих и он, точно так же как и фабрикант, может теперь оплачивать ее дешевле» (стр. 168—169).

Понижение [или повышение] стоимости составных частей постоянного капитала потому оказывает влияние на норму прибыли, что оно воздействует на *отношение прибавочной стоимости* ко всей сумме затраченного капитала. Что же касается понижения (или, наоборот, повышения) заработной платы, то оно потому влияет на норму прибыли, что непосредственно воздействует на *норму прибавочной стоимости*.

Предположим, например, что в вышеприведенном случае (допустим, что фермер является льноводом) цена семян, равная 40 ф. ст. (20 кварталов), осталась прежней, что те же 40 ф. ст. (20 кварталов) расходуются на остальной постоянный капитал, но что заработная плата — т. е. заработная плата для *того же самого* числа рабочих — понизилась с 40 до 20 ф. ст. (с 20 до 10 кварталов). В этом случае сумма [вновь созданной] *стоимости*, равной заработной плате плюс прибавочная стоимость, остается прежней. Так как число рабочих остается тем же самым, то их труд по-прежнему воплощается в стоимости, равной 40 ф. ст. + 80 ф. ст. = 120 ф. ст. Но из этих 120 ф. ст. на рабочих теперь приходится 20 ф. ст., а 100 ф. ст. — на *прибавочную стоимость*. {Иными словами, здесь предполагается, что не произошло никаких усовершенствований, которые повлияли бы на число рабочих, занятых в данной отрасли производства.}

Авансированный капитал составляет теперь 100 ф. ст. вместо 120 ф. ст., как и в том случае, когда стоимость семян уменьшилась наполовину. Но прибыль составляет теперь 100 ф. ст., т. е. норма прибыли составляет 100%, тогда как в другом случае [при понижении стоимости семян], когда затраченный капитал также уменьшился со 120 до 100 ф. ст., она составляла 80%. Как и в том случае, теперь [1097] высвобождаются 20 ф. ст., или $\frac{1}{6}$ капитала. Но в том случае прибавочная стоимость оставалась неизменной, равной 80 ф. ст. (следовательно, ее норма составляла 200%, так как на заработную плату приходилось 40 ф. ст.). Теперь величина прибавочной стоимости повышается до 100 ф. ст. (следовательно, норма прибавочной стоимости повышается до 500%, так как на заработную плату приходится 20 ф. ст.).

Здесь повысилась не только норма прибыли, но и сама *прибыль*, так как повысилась норма прибавочной стоимости, а потому и сама прибавочная стоимость. Это отличает данный случай от другого, чего не видит Рамсей. Такое возрастание прибыли всегда должно иметь место, если только оно не парализуется соответствующим уменьшением нормы прибыли вследствие одновременного изменения в стоимости постоянного капитала. Например, в приведенном выше случае затраченный капитал составляет 120 ф. ст., прибыль — 80 ф. ст., т. е. $66\frac{2}{3}\%$. В нашем случае затраченный капитал равняется 100 ф. ст., прибыль составляет 100 ф. ст., т. е. 100%. Но если бы вследствие изменения в цене постоянного капитала затрата увеличилась с 100 до 150 ф. ст., то прибыль, возросшая с 80 до 100 ф. ст., по-прежнему представляла бы лишь норму прибыли в $66\frac{2}{3}\%$.

[Рамсей, далее, говорит:]

«Те товары, которые не входят ни в основной, ни в оборотный капитал, не могут влиять на прибыль путем какого бы то ни было изменения производительности труда, применяемого в их производстве. Такими товарами являются всякого рода предметы роскоши» (стр. 169—170). «Капиталистические предприниматели выигрывают от изобилия предметов роскоши, так как при таком изобилии их прибыль будет распоряжаться большим количеством этих предметов для их личного потребления; но на норму этой прибыли ни в какой степени не влияет ни изобилие, ни недостаток предметов роскоши» (стр. 171).

Прежде всего надо заметить, что часть предметов роскоши может входить в процесс производства как элемент постоянного капитала. Например, виноград входит в производство вина, золото — в производство предметов роскоши, алмаз применяется при шлифовке стекол и т. д. Но Рамсей исключает этот случай, коль скоро он говорит: «товары, которые не входят в основной капитал». И тогда ошибочным оказывается дальней-

шее его положение: «Таковыми товарами являются всякого рода предметы роскоши».

Что касается, однако, производительности труда в отраслях промышленности, изготовляющих предметы роскоши, то она может возрастать только в силу тех же самых причин, что и во всех других отраслях производства: либо вследствие того, что возрастает продуктивность таких кладовых природы, как рудники, земля и т. д., из которых извлекают сырье для производства предметов роскоши, или открываются более продуктивные кладовые этого рода; либо вследствие того, что применяется разделение труда или же — и это главным образом — применяются машины (а также усовершенствованные инструменты) и силы природы. {Такое усовершенствование, как дифференцирование инструментов, относится к *разделению труда*.} (Не следует забывать и *химических процессов*.)

Так вот предположим, что вследствие применения машин (или химических процессов) сокращается время производства предметов роскоши; требуется меньше труда для того, чтобы их произвести. На заработную плату, на *стоимость* рабочей силы это не может оказать ни малейшего влияния, так как предметы роскоши не входят в потребление рабочих (по крайней мере, никогда не входят в ту часть их потребления, которая определяет стоимость их рабочей силы). {Сокращение времени производства предметов роскоши может оказывать влияние на *рыночную цену* рабочих, если рабочие в результате этого выбрасываются на улицу, вследствие чего увеличивается предложение на рынке труда.} Следовательно, сокращение времени производства предметов роскоши не оказывает влияния на норму прибавочной стоимости, стало быть и на норму прибыли в той мере, в какой норма прибыли определяется нормой прибавочной стоимости. Напротив, оно, конечно, может оказывать влияние на норму прибыли, коль скоро им затрагивается либо *масса* прибавочной стоимости, либо отношение переменного капитала к постоянному капиталу и к совокупному капиталу.

Если, например, [в производстве каких-нибудь предметов роскоши] машины позволяют применять 10 рабочих там, где раньше их применялось 20, то норма прибавочной стоимости, действительно, нисколько не изменяется. Удешевление предметов роскоши не дает рабочему возможности жить дешевле. Для воспроизводства своей рабочей силы ему нужно то же самое рабочее время, что и прежде.

{Поэтому на практике капиталист, производящий предметы роскоши, стремится понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, ниже ее минимума, что становится для него

возможным вследствие *относительного перенаселения* (например, у вышивальщиц), которое порождается возрастающей производительностью труда в других отраслях производства. Или, что имеет место также и в других отраслях, капиталист, производящий предметы роскоши, стремится удлинить *абсолютное рабочее время*; в этом случае он, действительно, создает *абсолютную прибавочную стоимость*. Верно только то, что *повышающаяся производительность труда* в промышленности, изготовляющей предметы роскоши, не может понизить *стоимость* рабочей силы, не может создать относительную прибавочную стоимость, вообще не может создать *ту форму* прибавочной стоимости, которая обусловлена *возрастающей производительностью труда как таковой*.)

Но масса прибавочной стоимости определяется двумя факторами: [во-первых,] нормой прибавочной стоимости, т. е. прибавочным трудом (абсолютным или относительным) отдельного рабочего; во-вторых, количеством одновременно применяемых рабочих. Следовательно, поскольку возрастающая производительность труда в промышленности, изготовляющей предметы роскоши, уменьшает *количество рабочих*, приводимых в движение определенной суммой капитала, она уменьшает *массу прибавочной стоимости*; стало быть, при прочих равных условиях, она уменьшает и *норму прибыли*. Норма прибыли уменьшается также и в тех случаях, когда количество рабочих уменьшается или остается *прежним*, а капитал, затрачиваемый на машины и сырье, увеличивается, т. е. — при всяком уменьшении переменного капитала по сравнению с совокупным капиталом, которое здесь [по предположению] не выравнивается или не парализуется в той или иной мере понижением заработной платы. Но так как норма прибыли этой отрасли точно [1098] так же участвует в выравнивании общей нормы прибыли, как и норма прибыли всякой другой отрасли, то повышение производительности труда в промышленности, изготовляющей предметы роскоши, должно было бы в данном случае повлечь за собой понижение общей нормы прибыли.

Наоборот, если бы производительность труда повысилась не в промышленности, производящей предметы роскоши, а в тех отраслях, которые доставляют ей постоянный капитал, то норма прибыли в производстве предметов роскоши возросла бы.

{*Прибавочная стоимость* (т. е. ее величина, масса, ее совокупная сумма) определяется нормой прибавочной стоимости, помноженной на число занятых рабочих. Те или иные обстоятельства могут оказывать влияние одновременно на оба фактора в одном и том же направлении или в противоположных направ-

лениях, или же они могут влиять только на один из факторов. Оставляя в стороне абсолютное удлинение рабочего дня, повышение производительности труда в производстве предметов роскоши влияет только на число занятых рабочих. Таким образом, необходимым следствием этого является уменьшение массы прибавочной стоимости и потому — нормы прибыли, даже если бы постоянный капитал при этом не возрастал. Если же постоянный капитал возрастает, то уменьшившаяся прибавочная стоимость исчисляется на увеличившийся совокупный капитал.}

* * *

Рамсей ближе других подошел к правильному пониманию нормы прибыли. Поэтому и недостатки [традиционной концепции] выступают у него яснее, чем у других. Он отмечает все основные моменты, но делает это односторонне и потому неправильно.

Свой взгляд на прибыль Рамсей резюмирует следующим образом:

«Итак, норма прибыли отдельного капиталиста определяется следующими факторами: 1) производительностью труда, создающего предметы первой необходимости, которые требуются рабочему для того, чтобы он мог питаться, одеваться и т. д.; 2) производительностью труда, создающего те предметы, которые входят в состав основного капитала; 3) *нормой реальной заработной платы*» {которая должна здесь означать количество предметов необходимости и т. д., получаемых рабочим, какова бы ни была цена относящихся к ним товаров}. «Изменение первого и третьего из этих факторов влияет на прибыль путем изменения той доли валового продукта, которая достается рабочему; изменение *второго* фактора влияет на прибыль путем изменения той доли, которая требуется для возмещения — либо непосредственно, либо посредством обмена — основного капитала, потребленного в производстве. Ибо прибыль, по существу, это — вопрос относительно доли» (цит. соч., стр. 172).

Справедлив упрек Рамсея по адресу Рикардо (хотя его собственная трактовка проблемы тоже является неудовлетворительной):

«Рикардо забывает, что весь продукт разлагается не только на заработную плату и прибыль, но что одна часть необходима еще для возмещения основного капитала» (стр. 174, примечание).

* * *

{Уже при самом первом рассмотрении накопления, т. е. превращения прибавочной стоимости в капитал, можно отметить, что весь прибавочный труд выступает в виде *капитала* (постоянного

и переменного) и в виде *прибавочного труда*, образующего прибыль, процент, ренту. Ибо в этом превращении прибавочной стоимости в капитал обнаруживается, что сам прибавочный труд принимает форму капитала и что неоплаченный труд рабочего противостоит рабочему как *совокупность объективных условий труда*. В этой форме совокупность объективных условий труда противостоит рабочему как чужая собственность, так что капитал, образующий предпосылку для труда рабочего, выступает как нечто независимое от этого труда. Он выступает как готовая сумма стоимости, которую рабочий должен лишь увеличить. Когда речь идет об эксплуатации, имеются в виду не продукт прошлого труда рабочего (и не какие-нибудь обстоятельства, затрагивающие, повышающие стоимость [продукта] прошлого труда *независимо от того особого процесса труда*, в который входит этот прошлый труд рабочего) и не возмещение этого продукта, а всегда лишь способ и степень эксплуатации его нынешнего труда. Когда отдельный капиталист продолжает свое производство в том же самом (или расширяющемся) масштабе, возмещение капитала кажется таксой операцией, которая не затрагивает рабочего, ибо и сам рабочий, если бы условия труда принадлежали ему, тоже должен был бы возмещать их из валового продукта, чтобы продолжать воспроизводство в том же самом масштабе или расширять его (а последнее тоже необходимо в связи с естественным ростом населения). Но это возмещение капитала затрагивает рабочего в тройном отношении. 1) Увековечение условий труда как чужой по отношению к рабочему собственности, как капитала, ведет к увековечению его положения как наемного рабочего, а потому увековечивает и его удел — часть своего рабочего времени постоянно работать даром в пользу постороннего лица. 2) Расширение этих условий производства, *alias* накопление капитала, увеличивает количество и численность тех классов, которые живут на прибавочный труд рабочего. Накопление капитала ухудшает положение рабочего *относительно*, увеличивая относительное богатство капиталиста и его партнеров; оно, далее, ухудшает положение рабочего тем, что увеличивает (посредством разделения труда и т. д.) количество относительного прибавочного труда рабочего и уменьшает ту долю валового продукта, которая сводится к заработной плате. 3) Наконец, так как условия труда нагромождаются против отдельного рабочего во все более гигантских скоплениях, все в большей степени выступая как социальные силы, то для рабочего отпадает возможность самому овладеть ими, как это иногда бывало при мелком производстве.}

[3] РАМСЕЙ О РАЗДЕЛЕНИИ «ВАЛОВОЙ ПРИБЫЛИ» НА «ЧИСТУЮ ПРИБЫЛЬ» (ПРОЦЕНТ) И «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ПРИБЫЛЬ». АПОЛОГЕТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЕГО ВЗГЛЯДАХ НА «ТРУД ПО НАДЗОРУ», НА «СТРАХОВАНИЕ, ПОКРЫВАЮЩЕЕ РИСК», И НА «СВЕРХПРИБЫЛЬ»]

[1099] Рамсей называет *валовой прибылью* то, что я называю просто прибылью. Он делит эту *валовую прибыль* на *чистую прибыль* (процент) и *предпринимательскую прибыль* (предпринимательский доход, промышленную прибыль) *.

По вопросу о *падении общей нормы прибыли* Рамсей, так же как и Рикардо, полемизирует с А. Смитом. Он возражает А. Смиту:

«Конкуренция между капиталистическими предпринимателями может, правда, выравнить прибыль, значительно превышающую обычный уровень» {такого рода выравнивания отнюдь не достаточно для того, чтобы объяснить образование общей нормы прибыли}, «но неверно, что конкуренция *понижает самый этот обычный уровень*» (стр. 179—180).

«Если бы было возможно, чтобы цена каждого товара, как сырья, так и фабрикатов, падала вследствие конкуренции между производителями, то это отнюдь еще не могло бы влиять на прибыль. Каждый капиталистический предприниматель продавал бы свой продукт за меньшую сумму денег, но, с другой стороны, соответственно уменьшилась бы и каждая статья его затрат, относится ли она к основному или к оборотному капиталу» (стр. 180—181).

Рамсей выступает также против Мальтуса:

«Мысль о том, что прибыль выплачивается потребителями, без сомнения, совершенно абсурдна. Кто такие эти потребители? Это должны быть или земельные собственники, собственники капиталов, предприниматели, рабочие — или же люди, получающие жалованье за услуги» (стр. 183).

«*Единственный вид конкуренции, который может влиять на общую норму валовой прибыли, это — конкуренция между капиталистическими предпринимателями и рабочими*» (стр. 206).

В этой последней фразе положение Рикардо сведено к тому, что в нем есть правильного. Норма прибыли может падать независимо от конкуренции между капиталом и трудом, но *единственным видом конкуренции*, в результате которого она может падать, является *эта конкуренция*. Однако сам Рамсей не указывает

* [1130] {Почему г-н Сениор, «Outline» которого появился приблизительно одновременно с «Essay on the Distribution of Wealth» Рамсея, где в главе IV [второй части] подробно рассматривается разделение прибыли на «предпринимательскую прибыль» и «чистую прибыль с капитала», или «процент», будто бы первым открыл это разделение прибыли, известное уже в 1821 и 1822 гг., — это можно объяснить только тем, что Сениор, являясь всего лишь апологетом существующего строя и потому вульгарным экономистом, очень близок сердцу г-на Рошера ¹¹⁸.} [1130]

нам той причины, в силу которой общая норма прибыли имеет тенденцию к падению. Единственное, что он говорит — и это правильно, — сводится к тому, что *норма процента* может падать совершенно независимо от существующей в стране нормы валовой прибыли. А именно, Рамсей говорит:

«Даже если предположить, что капитал никогда не берется займы иначе, как для производительного применения, то все же возможно, что ставка процента изменяется без какого-либо изменения нормы валовой прибыли. Ибо, по мере того как нация подвигается вперед по пути богатства, возникает и все больше возрастает класс людей, которые благодаря трудам {эксплуатации, грабежу} «своих предков обладают такими фондами, на одни лишь проценты с которых они могут жить. Точно так же многие из тех, кто в юности и в зрелом возрасте был активно занят предпринимательской деятельностью, отходят от дел, чтобы на старости лет спокойно жить на проценты с тех сумм, которые они сами накопили. Оба эти класса имеют тенденцию увеличиваться с ростом богатства страны, потому что те, кто начинает дело с более или менее значительным капиталом, имеют шансы раньше сколотить себе состояние, чем те, кто начинает дело с небольшим капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение в недавно заселенных и бедных странах. Как многочислен класс *рантье* в Англии! По мере роста класса *рантье* растет также и класс людей, ссужающих капитал, ибо это одни и те же люди. Уже по одной только этой причине ставка процента в старых странах должна была бы иметь тенденцию к понижению» (стр. 201—202).

О *норме чистой прибыли* (норме процента) Рамсей говорит, что

«она зависит частью от нормы валовой прибыли, частью от той пропорции, в какой эта последняя распадается на процент и предпринимательскую прибыль. Эта пропорция зависит от конкуренции между теми, кто ссужает капитал, и теми, кто берет его займы. Предполагаемая норма валовой прибыли влияет на эту конкуренцию, но не *регулирует* ее исключительно. И конкуренция потому не регулируется исключительно нормой валовой прибыли, что, с одной стороны, многие берут займы, не имея в виду производительного применения, а, с другой стороны, *та доля всего национального капитала, которая отдается займам, изменяется с богатством страны независимо от какого бы то ни было изменения валовой прибыли*» (стр. 206—207). «*Предпринимательская прибыль зависит от чистой прибыли с капитала, а не последняя от первой*» (стр. 214).

[1100] Помимо вышеупомянутого обстоятельства, Рамсей справедливо отмечает еще следующее:

«Ставка ссудного процента является мерой чистой прибыли лишь там, где цивилизация достигла такого уровня, что не возникает сомнения в возвращении данных займы денег... В Англии, например, мы в настоящее время совсем не можем себе представить, что в проценты, получаемые с фондов, данных займам под так называемое надежное обеспечение, входит вознаграждение за риск» (стр. 199, примечание).

О капиталистическом предпринимателе, которого он называет master-capitalist, Рамсей замечает:

«Капиталистический предприниматель является всеобщим распределителем богатства: он выплачивает рабочим заработную плату, [денежному] капиталисту — ссудный процент, земельному собственнику — ренту. На одной стороне находятся предприниматели, на другой — рабочие, [денежные] капиталисты и земельные собственники. Интересы этих двух больших классов диаметрально противоположны. Именно предприниматель нанимает труд, капитал и землю, и, конечно, он стремится получить их в свое пользование за возможно более низкую плату, тогда как владельцы этих источников богатства прилагают все усилия к тому, чтобы сдать их *внам* по возможности дороже» (стр. 218—219).

Промышленная прибыль (труд по надзору).

В целом то, что Рамсей говорит о *промышленной прибыли* (в частности, также и о труде по надзору), представляет собой наиболее разумное из того, что было сказано по этому поводу, хотя часть его доказательств заимствована у *Шторха* ¹¹⁹.

Эксплуатация труда стоит труда. Поскольку труд, выполняемый капиталистическим предпринимателем, обусловлен лишь противоположностью между капиталом и трудом, он входит в издержки на его надсмотрщиков (промышленных унтер-офицеров) и уже учтен под рубрикой заработной платы, совершенно так же как издержки, вызываемые надсмотрщиком над рабами и его кнутом, учтены в издержках производства рабовладельца. Эти издержки, совершенно так же как и большая часть торговых издержек, относятся к *faux frais* * капиталистического производства. Там, где речь идет об общей *норме прибыли*, в расчет не принимаются также и те хлопоты, которые доставляют капиталистам их собственная конкуренция друг с другом и их попытки надуть друг друга; равным образом в расчет здесь не принимается и та большая или меньшая ловкость, с которой один капиталистический предприниматель в отличие от другого умеет при наименьших издержках выжать из своих рабочих наибольшее количество прибавочного труда и реализовать этот выжатый прибавочный труд в процессе обращения. Рассмотрение всего этого относится к исследованию конкуренции капиталов. Это исследование имеет дело вообще с борьбой между капиталистами и с их усилиями урвать себе возможно большее количество прибавочного труда, и оно касается только распределения прибавочного труда между различными отдельными капиталистами, но не затрагивает ни его происхождения, ни его общих размеров.

* — побочные издержки, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми. Ред.

На долю труда по надзору остается лишь общая функция организации разделения труда и кооперации определенных индивидов. Этот труд вполне представлен заработной платой управляющего в более крупных капиталистических предприятиях. Из того, что могло бы идти на образование общей нормы прибыли, он уже вычтен. Лучшим практическим доказательством служат кооперативные фабрики рабочих в Англии ¹²⁰, так как, несмотря на уплачиваемый ими более высокий процент, они доставляют прибыль выше средней, даже после вычета заработной платы управляющего, которая, естественно, определяется рыночной ценой этого рода труда. Те капиталистические предприниматели, которые являются своими собственными управляющими, сберегают одну из статей издержек производства, сами себе выплачивают заработную плату и получают поэтому норму прибыли выше средней. Если бы завтра эта фраза апологетов [о том, что предпринимательская прибыль есть плата за надзор] была всерьез осуществлена на деле и прибыль капиталистического предпринимателя была бы ограничена *заработной платой за управление и руководство*, то послезавтра наступил бы конец капиталистическому производству, присвоению чужого прибавочного труда и превращению этого прибавочного труда в капитал.

Но даже если рассматривать [вознаграждение за] этот труд по надзору как заработную плату, скрытую в *общей норме прибыли*, то здесь имеет силу закон, излагаемый, среди прочих экономистов, Рамсеем [цит. соч., стр. 227—231]: в то время как прибыль (как предпринимательская прибыль, так и валовая прибыль [включающая процент]) пропорциональна величине затрачиваемого капитала, доля, идущая на оплату труда по надзору, *обратно* пропорциональна величине капитала, — она ничтожно мала у большого капитала и подавляюще велика у маленького капитала, т. е. там, где капиталистическое производство существует лишь номинально. Если мелкий капиталист, почти целиком сам выполняющий требующийся в его предприятии труд, кажется получающим очень высокую, по сравнению с его капиталом, норму прибыли, то фактическое положение таково, что в действительности, коль скоро он не нанимает нескольких рабочих, прибавочный труд которых он присваивал бы себе, он не получает *никакой* прибыли и лишь *номинально* является капиталистом (будь то промышленным или торговым). Такой «капиталист» отличается от наемного рабочего тем, что благодаря своему номинальному капиталу он действительно является господином и собственником своих собственных условий труда, а потому не имеет над собою хозяина [1101] и

сам присваивает себе все свое рабочее время, вместо того чтобы оно присваивалось посторонним лицом. То, что здесь выступает как прибыль, есть лишь избыток над обычной заработной платой, который получается как раз благодаря присвоению [этим мелким собственником] своего собственного прибавочного труда. Однако эта форма свойственна только тем сферам, которыми капиталистический способ производства *realiter* * еще не овладел.

[Рамсей говорит:]

«Предпринимательскую прибыль можно разложить на 1) заработную плату предпринимателя, 2) страхование, покрывающее его риск, 3) его *сверхприбыль*» (цит. соч., стр. 226).

Что касается пункта № 2, то сюда он не имеет абсолютно никакого отношения. Корбетом (да и самим Рамсеем [цит. соч., стр. 222—225]) было показано ¹²¹, что *страхование*, которым покрывается риск, лишь равномерно распределяет убытки капиталистов, или распределяет их более широко, среди всего класса капиталистов. Из этого равномерно распределенного убытка должна быть вычтена прибыль страховых компаний, прибыль тех капиталов, которые вложены в страховое дело и осуществляют это равномерное распределение убытков. Эти компании, точно таким же образом как торговые или денежные капиталисты, получают часть прибавочной стоимости, не участвуя непосредственно в ее производстве. Это относится к вопросу о распределении прибавочной стоимости между различными группами капиталистов и о вычетах, падающих вследствие такого распределения на отдельный капитал. Это не имеет никакого отношения ни к природе, ни к величине прибавочной стоимости. Рабочий не может, конечно, дать капиталисту больше, чем свой прибавочный труд. Он не может платить капиталисту еще особо за то, что последний *страхует* себя как обладателя плодов этого прибавочного труда. Самое большее можно было бы сказать, что даже и вне капиталистического производства производители несли бы в этом отношении известные расходы, т. е. должны были бы часть своего труда или продуктов своего труда затрачивать на страхование своих продуктов, своего богатства или его элементов — от случайностей и т. д. Вместо того чтобы каждый капиталист страховал самого себя, он достигает того же самого результата более надежным и дешевым способом, поручая это дело определенной части [совокупного] капитала. Страхование оплачивается частью прибавочной стоимости; распределение этой последней между

* — реально, на самом деле. *Ред.*

капиталистами и обеспечение ее [от несчастных случаев] не имеют никакого отношения ни к ее происхождению, ни к ее величине.

Остается, следовательно, рассмотреть: во-первых, «заработную плату» предпринимателя и, во-вторых, «сверхприбыль»; как Рамсей называет здесь ту часть прибавочной стоимости, которая приходится на долю промышленного капиталиста в отличие от капиталиста, живущего на проценты, и которая поэтому также и по своей абсолютной величине определяется соотношением между процентом и промышленной прибылью — между теми двумя частями, на которые распадается приходящаяся на долю капитала (в отличие от земельной собственности) часть прибавочной стоимости.

Что касается «заработной платы» предпринимателя, то прежде всего само собой разумеется, что при капиталистическом производстве на долю капиталиста или оплачиваемого им служащего — представителя этого капиталиста — выпадают функции капитала как повелителя над трудом. Вместе с капиталистическим производством исчезла бы также и эта функция в той мере, в какой она проистекает не из природы кооперативного труда, а из господства условий труда над самим трудом. Однако сам Рамсей отбрасывает эту составную часть [предпринимательской прибыли] или сводит ее к столь незначительным размерам, что о ней не стоит и говорить:

«Заработная плата предпринимателя, так же как и труд по надзору, остается почти той же самой, будет ли предприятие большим или небольшим» (цит. соч., стр. 227—229). «Рабочий никогда не сможет сказать, что он в состоянии выполнить столько же работы, сколько выполняют двое, трое и т. д. ему подобных. Но промышленный капиталист или фермер может заменить десять или более ему подобных» (стр. 255).

Третья часть предпринимательской прибыли — это «сверхприбыль» (она включает в себя [компенсацию за] такой риск, который всего лишь *возможен*, который есть не что иное, как возможная потеря прибыли и капитала, а фактически выступает как страхование и поэтому в свою очередь — как доля определенных капиталов особой отрасли в совокупной прибавочной стоимости).

«Эта сверхприбыль», — говорит Рамсей, — «в точности представляет собой тот доход, который проистекает из *возможности распоряжаться употреблением капитала*» {т. е. из возможности распоряжаться трудом других людей}, «независимо от того, принадлежит ли этот капитал данному капиталисту или занят им у другого... Чистая прибыль» (процент) «изменяется в точном соответствии с величиной капитала; напротив, отношение сверхприбыли к применяемому капиталу тем больше, чем больше капитала» (стр. 230).

Другими словами, это означает не что иное, как следующее: «заработная плата предпринимателя» находится в обратном отношении к величине капитала. Чем в большем масштабе действует капитал, чем более способ производства является *капиталистическим*, тем незначительнее та составная часть промышленной прибыли, которая может быть сведена к «заработной плате», и в тем более чистом виде выступает действительный характер промышленной прибыли, — выступает тот факт, что она есть часть «сверхприбыли», т. е. прибавочной стоимости, т. е. неоплаченного, прибавочного труда.

Вся противоположность промышленной прибыли и процента находит свой смысл лишь в противоположности между ратье и промышленным капиталистом, но она совершенно не касается ни отношения рабочего к капиталу, ни природы капитала, ни происхождения его прибыли и т. д.

О ренте с земель, используемых для производства не хлеба, а других сельскохозяйственных продуктов, Рамсей говорит следующее:

«Таким образом, рента, уплачиваемая за один род продуктов, становится причиной *высокой стоимости других*» (цит. соч., стр. 279).

В заключительной главе [«О национальном доходе»] Рамсей говорит:

«Доход отличается от годового валового продукта просто-напросто отсутствием в нем всех тех предметов, которые предназначены для сохранения *основного капитала*» (т. е., как это получается у Рамсея, *постоянного капитала*: сырье во всех фазах производства продукта, вспомогательные материалы, машины и т. д.) (стр. 471).

[1102] Рамсей сказал уже раньше * и снова повторяет в последней главе, что

«оборотный капитал» (это означает у него капитал, затрачиваемый на заработную плату) является, по сути дела, излишним, «он не только не есть *непосредственный* фактор производства, но даже вообще не имеет для производства *существенного значения*» (стр. 468).

Рамсей только не делает отсюда само собой разумеющегося вывода, что вместе с наемным трудом и затрачиваемым на заработную плату капиталом отрицается *необходимость* капиталистического производства вообще и что условия труда тем самым перестают противостоять рабочим как «капитал», или, по терминологии Рамсея, как «основной капитал». Одна часть условий труда только потому и выступает как основной капитал, что другая часть выступает как оборотный капитал. Но коль скоро капиталистическое производство предположено как факт,

* См. настоящее издание, часть III, стр. 338. *Ред.*

Рамсей объявляет *заработную плату* и *валовую прибыль с капитала* (включая промышленную прибыль, или, как он ее называет, предпринимательскую прибыль) необходимыми формами дохода (стр. 478, 475).

Конечно. Обе эти формы дохода действительно резюмируют в наиболее простом и всеобщем виде сущность капиталистического производства и тех двух классов, на которых зиждется это производство. Напротив, *ренду*, т. е. земельную собственность, Рамсей объявляет излишней для капиталистического производства формой (стр. 472), но он забывает, что она является необходимым продуктом этого способа производства. То же самое относится и к его заявлению, что «чистая прибыль на капитал», или процент, не является необходимой формой:

«Рантье должны были бы лишь превратиться [в случае резкого уменьшения валовой прибыли] в промышленных капиталистов, а это безразлично для богатства нации... Для валовой прибыли, безусловно, нет необходимости быть столь высокой, чтобы доставлять отдельный доход собственнику капитала и отдельный доход тому, кто этот капитал применяет» (стр. 476—477).

Рамсей здесь опять забывает высказанное им самим положение, что по мере развития капитала с необходимостью образуется непрерывно растущий класс рантье *.

[Рамсей говорит:]

«Валовая прибыль с капитала и предпринимательская прибыль... необходимы для процесса производства» (стр. 475).

Конечно. Без прибыли нет капитала, а без капитала нет капиталистического производства.

* * *

Итак, в общем итоге у Рамсея, во-первых, получается, что капиталистический способ производства, основанный на наемном труде, не является необходимой, т. е. абсолютной, формой общественного производства. (Сам Рамсей высказывает это лишь в той ограниченной формулировке, что «оборотный капитал» и «заработная плата» были бы излишни, если бы основная масса народа не была так бедна, что она вынуждена получать свою долю в продукте авансом, до того как продукт готов.) Во-вторых, у Рамсея получается, что процент в отличие от промышленной прибыли, равно как и земельная рента (т. е. созданная самим капиталистическим производством форма земельной собственности) являются такими наростами, которые несущественны для капиталистического производства и которые оно

* См. настоящее издание, часть III, стр. 366. Ред.

могло бы отбросить. Если бы этот буржуазный идеал был действительно осуществим, результатом явилось бы только то, что вся прибавочная стоимость непосредственно доставалась бы промышленным капиталистам и общество (в экономическом отношении) было бы сведено к простой противоположности между капиталом и паемным трудом, — упрощение, которое, несомненно, ускорило бы гибель этого способа производства. [1102]

* * *

[1102] {В газете «Morning Star» ¹²² от 1 декабря 1862 г. один фабрикант жалуется:

«Если *вычесть* из *валового продукта* заработную плату, земельную ренту, процент на капитал, издержки на сырье и *выручку агента, купца или торговца*, то оставшееся составляло *прибыль фабриканта, жителя Ланкашира, владельца*, на котором лежит бремя *содержать рабочих для столь многочисленных участников распределения валового продукта*».

Если оставить в стороне стоимость и рассматривать валовой продукт *in natura*, то ясно, что по возмещении постоянного капитала и капитала, затраченного на заработную плату, остается та часть продукта, которая представляет прибавочную стоимость. Но из этого остатка часть отпадает в качестве ренты, отпадает также и выручка агентов, купцов или торговцев, применяют ли они свой собственный капитал или нет, — все это берется из той части валового продукта, которая представляет прибавочную стоимость. Следовательно, для фабриканта все это представляет собой *вычет*. Сама его прибыль, если он занял капитал, делится в свою очередь на промышленную прибыль и процент.}

. {К *дифференциальной ренте*. Труд рабочего, работающего на более плодородной земле, производительнее труда рабочего, работающего на менее плодородной земле. Если бы, следовательно, первый рабочий получал плату *in natura*, то ему доставалась бы меньшая доля валового продукта, чем рабочему, работающему на менее плодородной земле. Или, что одно и то же, его относительный прибавочный труд, хотя он работает то же количество часов в день, был бы больше относительного прибавочного труда другого рабочего. Но его заработная плата стоит столько же, сколько заработная плата другого рабочего. Поэтому и прибыль капиталиста, применяющего его, не больше, чем прибыль капиталиста, применяющего другого рабочего. Прибавочная стоимость, заключенная в избытке его продукта, большая относительная производительность его труда, или его дифференциальный прибавочный труд, прикарманивается земельным собственником.} [1102]

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ШЕРБЮЛЬЕ

[1102] *Cherbuliez. Riche ou pauvre. Paris, 1841* (перепечатка с женеvского издания).

(Еще большой вопрос, следует ли этого парня включить отдельно в этот ряд [политико-экономов], поскольку большая часть сказанного им — в духе Сисмонди, или же то, что у Шербюлье есть дельного, лучше привести при случае в виде цитат¹²³.) [1102]

[1) РАЗЛИЧИЕ ДВУХ ЧАСТЕЙ КАПИТАЛА: ЧАСТИ, СОСТОЯЩЕЙ ИЗ МАШИН И СЫРЬЯ, И ЧАСТИ, СОСТОЯЩЕЙ ИЗ «ФОНДА ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ» ДЛЯ РАБОЧИХ]

[1103] «Капитал», — говорит Шербюлье, — «это сырье, орудия, фонд жизненных средств [аррovisionnement]» (стр. 16). «Нет никакой разницы между капиталом и любой другой частью богатства. Только благодаря особому применению вещь становится капиталом, т. е. она становится капиталом тогда, когда она применяется в *акте производства* в качестве сырья, орудия или фонда жизненных средств» (стр. 18).

Это, следовательно, обычная манера сводить капитал к тем вещественным элементам, в виде которых он выступает в процессе труда: к средствам труда и к жизненным средствам. К тому же последнее неточно, поскольку жизненные средства, хотя они и являются условием, предпосылкой существования производителей во время производства, не входят в самый процесс труда; в него не входит ничего, кроме предмета труда, средств труда и самого труда. Здесь, стало быть, *капиталом* именуются объективные моменты процесса труда, общие всем формам производства, хотя «фонд жизненных средств» (подра-

зумевающий уже заработную плату) молчаливо предполагает капиталистическую форму этих условий труда.

Шербюлье, совершенно так же как Рамсей, считает, что «фонд жизненных средств», — или то, что Рамсей называет оборотным капиталом, — уменьшается (по крайней мере относительно, по сравнению со всем капиталом в целом, а также абсолютно, поскольку машины постоянно вытесняют рабочих). Но он, как и Рамсей, по-видимому, полагает, что здесь с необходимостью уменьшается масса тех жизненных средств, тех предметов необходимости, которые могут быть применены как производительный капитал. Дело обстоит совсем не так. Здесь все время смешивается та часть валового продукта, которая возмещает капитал и применяется в качестве капитала, и та часть, которая представляет прибавочный продукт. «Фонд жизненных средств» уменьшается потому, что значительная доля капитала, т. е. применяемой в качестве капитала части валового продукта, воспроизводится в виде уже не переменного, а постоянного капитала. [С другой стороны] более значительная доля прибавочного продукта, состоящего из жизненных средств, съедается непроизводительными работниками и теми, кто вовсе не работает, или обменивается на предметы роскоши. *Voilà tout* *.

Конечно, тот факт, что все меньшая часть совокупного капитала превращается в переменный капитал, может быть выражен также и иначе. Часть капитала, состоящая из переменного капитала, равна той части совокупного продукта, которую рабочий присваивает самому себе, производит для самого себя. Следовательно, чем меньше эта часть, тем меньше и то число рабочих, которого — из их совокупного количества — достаточно для ее воспроизводства (точно так же как в этом случае отдельный рабочий тем меньшую часть рабочего времени работает на самого себя). Как и совокупный труд, совокупный продукт рабочих распадается на две части. Одну часть рабочие производят для самих себя, другую для капиталиста. Как рабочее время отдельного рабочего можно разделить на две части, так это можно сделать и с рабочим временем всего рабочего класса. Если прибавочный труд равен половине рабочего дня, то это то же самое, как если бы половина рабочего класса производила средства существования для рабочего класса, а другая половина — сырье, машины и готовые продукты для капиталиста, отчасти как производителя, отчасти как потребителя.

* — Вот и всё. *Ред.*

Смешно, что Шербюлье и Рамсей полагают, будто та часть валового продукта, которая может быть потреблена рабочими, войти *in natura* * в их потребление, неизбежно должна была уменьшиться или что она вообще уменьшилась. Уменьшилась только та часть, которая потребляется в этой форме, т. е. в качестве *переменного капитала*. Тем бо́льшая, напротив, часть съедается прислугой, солдатами и т. д. или вывозится за границу и обменивается на более утонченные жизненные средства.

Как у Рамсея, так и у Шербюлье важно только то, что они фактически противопоставляют *переменный* и *постоянный капитал*, а не застревают на взятом из обращения различии между основным и оборотным капиталом. Ибо Шербюлье противопоставляет часть капитала, сводящуюся к «фонду жизненных средств», той его части, которая состоит из сырья, вспомогательных материалов и средств труда — орудий, машин. Между тем, две из этих составных частей постоянного капитала — сырье и вспомогательные материалы — по своей форме обращения принадлежат к оборотному капиталу.

При изменении в составных частях капитала важно не то, что относительно больше рабочих занято производством сырья и машин, чем непосредственным производством жизненных средств, — это относится лишь к разделению труда, — а важно то отношение, в каком продукт должен возмещать прошлый труд (т. е. постоянный капитал) и оплачивать живой труд. Чем бо́льшие масштабы принимает капиталистическое производство — чем больше, стало быть, накопленный капитал, — тем бо́льшая доля стоимости [совокупного] продукта приходится на те машины и то сырье, в которые превращается капитал, применяемый в производстве машин и сырья. Тем бо́льшая часть продукта должна быть, следовательно, возвращена производству *in natura* или путем обмена между производителями различных частей постоянного капитала. Доля той части продукта, которая принадлежит производству, становится тем больше, и относительно тем меньше становится та часть, которая представляет живой, вновь присоединенный труд. Конечно, выраженная в товарах, в потребительных стоимостях, эта последняя часть растет, ибо указанный факт равнозначен повышению производительности труда. Но тем больше еще уменьшается относительно та часть этой части, которая достается рабочему. И тот же процесс вызывает постоянный относительный избыток рабочего населения.

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

**[2] К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССИРУЮЩЕМ УМЕНЬШЕНИИ
КОЛИЧЕСТВА РАБОЧИХ В СРАВНЕНИИ С ВЕЛИЧИНОЙ
ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА]**

[1104] {Неоспоримым фактом является то, что с развитием капиталистического производства растет та часть капитала, которая вкладывается в машины и сырье, и уменьшается та часть, которая расходуется на заработную плату. Это единственный вопрос, занимающий Рамсея и Шербюлье. Для нас же главным является следующее: объясняет ли этот факт уменьшение нормы прибыли (которое к тому же далеко не так велико, как об этом говорят)? При этом речь идет не только о количественном соотношении, но и о *стоимостном соотношении*.

Если один рабочий может переработать в пряжу столько же хлопка, сколько прежде перерабатывали 100 рабочих, то сырье должно возрасти в 100 раз и, кроме того, процесс может осуществляться только с помощью такой прядильной машины, которая позволяет одному рабочему управлять работой 100 веретен. Но если одновременно с этим один сельскохозяйственный рабочий производит теперь столько же хлопка, сколько прежде производили 100 рабочих, а один рабочий в машиностроении производит теперь целую прядильную машину вместо одного веретена, то стоимостное соотношение между трудом, затрачиваемым на прядение, на хлопок и на орудия прядильного производства, осталось бы совершенно таким же, каким оно было прежде.

Что касается *машин*, то они стоят не столько же, сколько труд, который они заменили, хотя прядильная машина гораздо дороже, чем веретено. Отдельный капиталист, имеющий прядильную машину, должен располагать большим капиталом, чем отдельный прядильщик, покупающий самопрялку. Но если принять в расчет число рабочих, требующихся для работы на прядильной машине, то ее применение обходится дешевле, чем применение самопрялок. Иначе прядильная машина не вытеснила бы самопрялку. Место прядильщика занимает капиталист. Но тот капитал, который прядильщик затрачивал на самопрялку, по отношению к величине продукта *больше*, чем капитал, затрачиваемый капиталистом на прядильную машину.}

Увеличение производительности труда (поскольку оно связано с машинами) тождественно уменьшению количества рабочих по сравнению с числом и мощностью применяемых машин. Вместо простого и дешевого орудия мы имеем перед собой целый набор таких орудий (хотя и видоизмененных) и, кроме того, еще все те машины, которые представляют собой двигательные

и передаточные устройства, а затем материалы (как, например, уголь и т. д.), применяемые для создания двигательной силы (каковой является, например, пар), и, наконец, соответствующие здания. Если один рабочий наблюдает за 1 800 веретенами, вместо того чтобы вертеть одну самопрялку, то в высшей степени нелепо было бы спрашивать, почему эти 1 800 веретен не столь же дешевы, как одна самопрялка. Высокая производительность здесь как раз и обусловлена массой капитала, применяемого в виде машин. Пропорция износа машин касается только товара; рабочий противостоит всей совокупности машин, и точно так же стоимость затраченного на труд капитала противостоит стоимости капитала, затраченного на машины.

Не подлежит никакому сомнению, что машины становятся дешевле по двум причинам: благодаря применению машин в производстве того сырья, из которого делаются машины, и благодаря применению машин при превращении этого сырья в машины. Но это предполагает две вещи: *во-первых*, что и в этих двух отраслях, если вводимые в них машины сравнивать с теми орудиями, которые употреблялись в мануфактурном производстве, затрачиваемый на машины капитал растет по стоимости в противоположность капиталу, затрачиваемому на труд; *во-вторых*, что если становятся дешевле отдельная машина и ее составные части, то одновременно с этим развивается целая система машин: вместо орудия появляется не только отдельная машина, а целая система, и такие орудия, которые раньше, быть может, играли главную роль, как например вязальная игла, ныне собираются в одном месте многими тысячами (в чулочных или подобных им машинах). Всякая отдельная машина, противостоящая рабочему, представляет собой уже огромный набор орудий, какие он раньше употреблял каждое в отдельности, как например 1 800 веретен вместо одного. Но машина содержит, кроме того, и такие элементы, которых не было в старом орудии, и т. д. Несмотря на то, что отдельные элементы становятся дешевле, вся масса машин неизмеримо повышается в цене, а рост производительности состоит в постоянном увеличении этой массы.

Далее, одной из причин удешевления машин, помимо того что становятся дешевле их составные части, является удешевление источника двигательной силы (например, парового котла) и передаточных устройств. Экономия в двигательной силе. Но она получается именно благодаря тому, что во все возрастающей мере тот же самый двигатель приводит в движение большую систему машин. Этот двигатель относительно становится дешевле, или издержки на него не возрастают пропорционально

увеличению той системы машин, к которой он применяется; сам он становится дороже по мере увеличения своих размеров, но это увеличение его цены не пропорционально увеличению его размеров, — даже если издержки на него абсолютно возрастают, относительно они уменьшаются. Это, следовательно, является важным мотивом для того, чтобы — независимо от цены отдельной машины — увеличивать затрачиваемый на машины капитал, который противостоит труду. Такой фактор, как возрастающая скорость работы машин, чрезвычайно увеличивает их производительную силу, но не имеет никакого отношения к самой стоимости этих машин.

Следовательно, само собой разумеющимся положением, или тавтологией, является то, что происходящему благодаря машинам возрастанию производительности труда соответствует возрастание стоимости машин по сравнению с массой применяемого труда (а потому и со стоимостью этого труда, с переменным капиталом).

[1105] Все те обстоятельства, в силу которых применение машин удешевляет цену товаров, сводятся, во-первых, к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а во-вторых, к уменьшению износа машин, стоимость которого входит в единицу товара. Чем медленнее происходит изнашивание машин, тем меньше труда требуется для их воспроизводства. Это увеличивает, стало быть, количество и стоимость капитала, состоящего из машин, в сравнении с капиталом, существующим в виде труда.

Итак, остается лишь вопрос о сырье. Что его количество должно возрастать соответственно росту производительности труда, — это ясно. Речь идет о массе сырья в ее отношении к массе труда. Это отношение даже больше, чем оно кажется.

Предположим, например, что еженедельно потребляется 10 000 фунтов хлопка. Считая в году 50 недель, это составит $10\,000 \times 50 = 500\,000$ фунтов в год. Предположим, что заработная плата составляет в год 5 000 ф. ст. Фунт хлопка стоит, скажем, 6 пенсов, что составляет 250 000 шилл., или 12 500 ф. ст. в год. Предположим, что капитал делает пять оборотов в течение года. Тогда в одну пятую часть года потребляется 100 000 фунтов хлопка стоимостью в 2 500 ф. ст. И в эту же пятую часть года на заработную плату расходуется 1 000 ф. ст., т. е. больше трети стоимости того капитала, который вложен в хлопок. Выходит, что это ничуть не меняет отношения между массой сырья и массой труда. Если теперь стоимость хлопка каждую пятую часть года составляет 10 000 ф. ст., а стоимость труда 1 000 ф. ст., то отношение между ними будет 1 : 10.

(Это отношение будет 1 : 10 также и в том случае, если рассматривать продукт всего года: 50 000 ф. ст. на одной стороне и 5 000 ф. ст. на другой.)

{Стоимость товара в той мере, в какой она зависит от машин, определяется входящим в товар износом этих машин; она определяется, стало быть, стоимостью машин лишь постольку, поскольку стоимость машин сама входит в процесс образования стоимости, т. е. поскольку стоимость машин потребляется в процессе труда. Напротив, прибыль определяется (оставляя в стороне сырье) стоимостью всех машин, входящих в процесс труда, независимо от потребления этой стоимости. Поэтому прибыль должна падать в соответствии с тем, как уменьшается совокупное количество [живого] труда по отношению к той части капитала, которая затрачивается на машины. [Однако] она падает не в точно такой же пропорции, потому что увеличивается прибавочный труд.}

В связи с сырьем возникает следующий вопрос. Если, например, производительная сила в прядильном производстве увеличивается в десять раз, т. е. если один рабочий вырабатывает столько пряжи, сколько прежде вырабатывали десять рабочих, то почему бы одному негру не производить столько же хлопка, сколько раньше производили десять негров, иначе говоря, почему бы в данном случае *стоимостному соотношению* не остаться прежним? Прядильщик за то же самое время потребляет в десять раз больше хлопка, но негр за то же самое время производит в десять раз больше хлопка. В десять раз большее количество хлопка, таким образом, оказалось бы не дороже, чем раньше в десять раз меньшее его количество. Следовательно, несмотря на увеличение количества сырья, его стоимостное отношение к переменному капиталу осталось бы прежним. Действительно, только благодаря значительному удешевлению хлопка эта отрасль промышленности вообще могла так развиться *. Чем дороже материал (как, например, золото и серебро), тем меньше при изготовлении из него предметов роскоши применяются машины и разделение труда. Это происходит потому, что затраты капитала на сырье слишком велики, а спрос на эти предметы, вследствие дороговизны идущего на них сырья, ограничен.

На поставленный выше вопрос можно весьма просто ответить, что часть сырья, — например шерсть, шелк, кожи, — производится посредством *животно-органических* процессов, а хлопок, лен и т. д. — посредством *растительно-органических*

* [1105] {Если бы завтра хлопок подешевел в десять раз, то послезавтра прядильная промышленность шагнула бы вперед еще быстрее, и т. д.} [1105]

процессов; капиталистическому производству до сих пор не удавалось и никогда не удастся распоряжаться этими процессами так, как чисто механическими процессами или неорганическими химическими процессами. Такое сырье, как кожи и т. д., и другие составные части животных становятся дороже отчасти уже потому, что нелепый закон земельной ренты с прогрессом цивилизации повышает стоимость этих продуктов. Что касается каменного угля и металлов (а также леса), то они сильно подешевели с прогрессом производства, однако при истощении рудников добыча металлов тоже становится более трудным делом, и т. д.

{Если о ренте с хлебных полей и о ренте с рудников можно сказать, что она не удорожает стоимости продукта (а удорожает лишь его рыночную цену), являясь скорее выражением его стоимости (избытком стоимости продукта *над* его ценой производства), то, напротив, не подлежит никакому сомнению, что рента со скота, рента с домов и т. д. есть не следствие, а *причина* возрастания стоимости этих продуктов.}

Удешевление сырья, вспомогательных материалов и т. д. сдерживает рост стоимости этой части капитала, но не устраняет его. Оно до известной степени парализует падение нормы прибыли.

Этим исчерпывается вся эта дребедень. [1105]

[1105] {При рассмотрении прибыли прибавочная стоимость предполагается данной. Рассматривается лишь влияние изменений в постоянном капитале на норму прибыли. Есть только один способ, каким прибавочная стоимость непосредственно влияет на постоянный капитал, а именно — через *абсолютный прибавочный труд*, через удлинение рабочего дня, приводящее к уменьшению доли постоянного капитала в стоимости [продукта]. Относительный прибавочный труд, — там, где рабочий день остается неизменным (мы оставляем в стороне увеличение интенсивности труда), — увеличивает стоимостное отношение прибыли к совокупному капиталу [только] в результате роста самой прибавочной стоимости. Абсолютное прибавочное рабочее время относительно уменьшает издержки на постоянный капитал.}

**[3) ДОГАДКА ШЕРБЮЛЬЕ О ЗАВИСИМОСТИ НОРМЫ
ПРИБЫЛИ ОТ ОРГАНИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ КАПИТАЛА;
ПУТАНИЦА У НЕГО ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ. ШЕРБЮЛЬЕ
О «ЗАКОНЕ ПРИСВОЕНИЯ» ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ]**

[1106] Вернемся к Шербюлье.

Формулы, которые он дает для нормы прибыли, являются или математическими выражениями для прибыли в ее обычном понимании и не заключают в себе никакого закона, или же они

к тому же прямо ошибочны, хотя Шербюлье и имеет некоторое *смутное представление* о предмете, приближается к его пониманию.

«Коммерческая прибыль ¹²⁴ определяется *стоимостью продуктов* в сравнении с *различными элементами* производительного капитала» [цит. соч., стр. 70].

{В действительности прибыль есть отношение прибавочной стоимости продукта к стоимости совокупного авансированного капитала, вне зависимости от различия в его элементах. Но сама прибавочная стоимость определяется величиной переменного капитала и нормой увеличения его стоимости, а *отношение* этой прибавочной стоимости к совокупному капиталу в свою очередь определяется отношением между переменным и постоянным капиталом, а также изменением стоимости постоянного капитала.}

«Двумя главными элементами этого определения являются, очевидно, цена сырья и размер фонда жизненных средств, необходимого для того, чтобы пустить это сырье в переработку. Экономический прогресс общества действует на эти два элемента в *противоположном* направлении. Он имеет тенденцию удорожать сырье, увеличивая стоимость всех продуктов добывающих отраслей производства ¹²⁵, действующих на основе таких фондов, которые являются частной собственностью и пространственно ограничены. Напротив, фонд жизненных средств с прогрессом общества уменьшается» (относительно), к чему мы вернемся в дальнейшем.

«Общая сумма продуктов минус общая сумма капитала, потребленного для их получения, дает общую сумму прибыли за определенный промежуток времени. Общая сумма продуктов *возрастает пропорционально примененному капиталу*, а не пропорционально потребленному капиталу. *Норма прибыли*, или то отношение, в котором прибыль находится к капиталу, является поэтому результатом комбинации двух других отношений, а именно: *отношения между примененным и потребленным капиталом и отношения между потребленным капиталом и продуктом*» (цит. соч., стр. 70).

Шербюлье сначала правильно говорит, что прибыль определяется *стоимостью* продукта в ее отношении к «различным элементам» производительного капитала. Внезапно он перескакивает к самому продукту, к массе продуктов. Но, во-первых, масса продуктов может увеличиваться без того, чтобы увеличилась стоимость этой массы. Во-вторых, сравнивать массу готового продукта с массой тех продуктов, из которых состоял потребленный и непотребленный капитал, можно в лучшем случае только так, как это делает Рамсей, а именно — когда совокупный национальный продукт сопоставляется с его затраченными *in natura* составными элементами *. Но у капи-

* См. настоящее издание, часть III, стр. 348. *Ред.*

тала в каждой отдельной сфере производства форма продукта отлична от его составных элементов (даже в таких отраслях производства, как земледелие и т. д., где часть продукта образует *in natura* элемент производства этого продукта). Почему Шербюлье прибегает к этой увертке? Потому, что, несмотря на свою догадку о том, что для нормы прибыли решающее значение имеет органическое строение капитала, он нащупанную им противоположность между переменным капиталом и другой составной частью капитала совершенно не использовал для объяснения прибавочной стоимости, которую он вообще не объясняет, как не объясняет и самой стоимости. Он не показал, откуда получается прибавочная стоимость, и поэтому прибегает к *прибавочному продукту, т. е. к потребительной стоимости*.

Хотя всякая прибавочная стоимость представлена в каком-нибудь прибавочном продукте, прибавочный продукт сам по себе, напротив, не представляет прибавочной стоимости. {Допустим, что продукт вообще не содержит прибавочной стоимости, например, когда крестьянин владеет своими собственными орудиями (и, кроме того, своей собственной землей) и работает лишь ровно столько времени, сколько работает любой наемный рабочий для возмещения своей заработной платы, — скажем, 6 часов. Если бы год был урожайным, то крестьянин произвел бы вдвое больше продукта, но стоимость всего его продукта осталась бы прежней. В этом случае не было бы прибавочной стоимости, хотя имелся бы прибавочный продукт.}

Само по себе ошибочным было уже то, что Шербюлье представил переменный капитал в «пассивной» и только вещественной форме «фонда жизненных средств», т. е. в форме той потребительной стоимости, в которую переменный капитал превращается в руках рабочего. Если бы Шербюлье, напротив, взял его в той форме, в какой он действительно представлен, а именно, как деньги (наличное бытие меновой стоимости, т. е. определенного количества общественного рабочего времени как такового), то для капиталиста переменный капитал превратился бы в тот труд, который капиталист получает в обмен на свой переменный капитал (а в этом обмене овеществленного труда на живой в переменном капитале произошло бы движение, и он бы возрос); как труд, а не как «фонд жизненных средств», переменный капитал становится элементом производительного капитала. «Фонд жизненных средств», напротив, есть потребительная стоимость, то ее вещественное наличное бытие, в котором переменный капитал реализуется для рабочего как его доход. Таким образом, в качестве «фонда жизненных средств»

переменный капитал есть совершенно такой же *«пассивный»* элемент, как и обе другие части капитала, которые Шербюлье называет *«пассивными»* *.

То же самое ошибочное представление мешает Шербюлье из *отношения* этого активного элемента к пассивному вывести объяснение нормы прибыли и ее падения по мере развития общества. По сути дела, ни к каким другим выводам он не приходит, кроме того вывода, что *«фонд жизненных средств»* [1107] уменьшается вследствие развития производительной силы, тогда как рабочее население возрастает, и что, следовательно, в результате избытка населения заработная плата падает ниже своей стоимости. Шербюлье ничего не объясняет на основе обмена стоимостей, а значит и на основе оплаты рабочей силы по ее стоимости, и тем самым прибыль *по существу* выступает у него (хотя он этого и не говорит) как *вычет из заработной платы*, который фактическая прибыль порой, конечно, может включать в себя, но который никогда не может служить обоснованием категории прибыли.

Сведем, прежде всего, первое положение Шербюлье к его правильному выражению:

«Стоимость общей суммы продуктов минус стоимость общей суммы капитала, потребленного для их получения (производства), дает общую сумму прибыли за определенный промежуток времени».

Это есть та первая (обычная) форма, в которой прибыль проявляется и выступает — также и для капиталистического сознания. Alias **: прибыль — это избыток стоимости продукта, полученного за определенное время, над стоимостью потребленного капитала. Или: избыток стоимости продукта над издержками производства продукта. Даже *«определенный промежуток времени»* появляется у Шербюлье как снег на голову, так как Шербюлье не показал нам процесса обращения капитала. Итак, первое его положение есть не что иное, как обычное определение прибыли, та непосредственная форма, в которой она являет себя.

Второе положение Шербюлье гласит:

«Общая сумма продуктов в о з р а с т а е т пропорционально примененному капиталу, а не пропорционально потребленному капиталу».

Другими словами, это опять-таки означает:

«Стоимость общей суммы продукта возрастает пропорционально авансированному капиталу» (как потребленному, так и непотребленному).

* [1110] На стр. 59 Шербюлье называет сырье и машины *«двумя пассивными элементами капитала»* в противоположность *«фонду жизненных средств»*. [1110]

** — Иначе говоря. Ред.

Целью здесь является только то, чтобы *хитростью получить* отнюдь не доказанное и в своей непосредственной формулировке ошибочное положение (ибо оно уже предполагает выравнивание [индивидуальных прибылей] в общую норму прибыли) о том, что величина прибыли зависит от величины примененного капитала. А видимость причинной связи должна создаваться тем, что *«общая сумма продуктов возрастает пропорционально примененному капиталу, а не пропорционально потребленному капиталу»*.

Возьмем рассматриваемое положение в обеих формулировках — в той, в какой оно дано у Шербюлье, и в той, в какой оно должно было бы быть дано. В том контексте, в каком оно находится, и согласно тому выводу, для которого оно предназначено служить как *medius terminus* *, оно должно было бы гласить:

«Стоимость общей суммы продуктов возрастает пропорционально примененному капиталу, а не пропорционально потребленному капиталу».

Здесь, очевидно, предпринимается хитроумная попытка объяснить прибавочную стоимость тем, что-де *избыток стоимости продукта* создается избытком примененного капитала над потребленным. Но непотребленный капитал (машины и т. д.) сохраняет свою стоимость (ибо «непотребленный» как раз и означает, что его стоимость не потреблена), он сохраняет по окончании процесса производства ту же стоимость, какую он имел до его начала. Если произошло *изменение стоимости*, то оно могло произойти только в той части капитала, которая была потреблена и потому вошла в процесс образования стоимости. Подход Шербюлье к объяснению прибыли неправилен в действительности также и в том смысле, что, например, капитал, одна треть которого не потреблена, а две трети потреблены в производстве, безусловно дает при *одинаковой норме эксплуатации труда* (и отвлекаясь от выравнивания нормы прибыли) более высокую прибыль, чем капитал, две трети которого не потреблены, а одна треть потреблена. Ибо второй капитал содержит, очевидно, больше машин и т. д. и прочего постоянного капитала, тогда как первый содержит меньше этого элемента и приводит в движение большее количество живого труда, а значит также и большее количество прибавочного труда.

А если мы возьмем ту формулировку, которую дает своему положению сам Шербюлье, то прежде всего надо сказать, что

* — средний термин (умозаключения). Здесь в смысле второй посылки. *Ред.*

она не приносит ему никакой пользы, так как масса продуктов, или масса потребительных стоимостей как таковая, вообще не определяет ни стоимости, ни прибавочной стоимости, ни прибыли. Но что за всем этим скрывается? Часть постоянного капитала, состоящая из машин и т. д., входит в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости, и тем самым содействует увеличению массы продуктов, ничего не присоединяя к их стоимости. (Ибо в той мере, в какой она своим изнашиванием присоединяет к продукту стоимость, она ведь сама относится к *потребленному* капиталу, а не к *примененному* капиталу в его отличии от потребленного.) Но эта непотребленная часть постоянного капитала сама по себе не создает *возрастания массы продуктов*. Она содействует созданию в данное рабочее время большего количества продукта. Поэтому, если бы работа производилась только в течение такого рабочего времени, какое содержится в *фонде жизненных средств*, то масса продуктов не увеличилась бы. Следовательно, избыток продукта создается не избытком примененного капитала над потребленным, а тем изменением, которое происходит в этой части *потребленного капитала* (при предположении, что речь идет не о тех отраслях производства, где, как в земледелии, масса продукта не зависит или может не зависеть от массы затраченного капитала и где производительность труда отчасти зависит от не поддающихся контролю природных условий).

Если же Шербюлье рассматривает постоянный капитал — потребленный или непотребленный — как не зависящий от [продолжительности] рабочего времени, от изменения, происходящего с переменным капиталом в процессе увеличения стоимости, то он с таким же успехом мог бы сказать:

«Общая сумма [1108] продуктов возрастает» (по крайней мере, в обрабатывающей промышленности) «пропорционально росту той части потребленного капитала, которая состоит из сырья».

Ибо рост продукта физически тождествен росту этой части капитала. С другой стороны, в земледелии (а также в добывающей промышленности) при более плодородной почве там, где применяется мало непотребленного капитала (т. е. постоянного капитала) и относительно много потребленного капитала (например, заработной платы), масса продуктов может быть гораздо больше, чем в более развитой стране, где отношение примененного капитала к потребленному гораздо выше.

Таким образом, второе положение Шербюлье сводится к попытке протащить прибавочную стоимость (необходимую основу прибыли) путем хитроумного трюка.

[Делаемый у Шербюлье вывод гласит:]

«Норма прибыли, или то отношение, в котором прибыль находится к капиталу, является поэтому результатом комбинации двух других отношений, а именно: отношения между примененным и потребленным капиталом и отношения между потребленным капиталом и продуктом» (стр. 70).

Раньше нужно было объяснить *прибыль*. Но вместо этого объяснения получилось только такое определение прибыли, которое выражает всего лишь способ ее проявления, выражает всего лишь тот факт, что прибыль есть избыток стоимости совокупного продукта над издержками производства продукта, или над стоимостью потребленного капитала, т. е. получилось обыденное определение прибыли.

Теперь нужно объяснить *норму прибыли*. Но опять получается только обыденное определение: норма прибыли есть отношение прибыли к совокупному капиталу, или, что то же самое, отношение избытка стоимости продукта над издержками его производства к совокупному капиталу, авансированному на производство. Искаженное понимание и неуклюжее применение близкого к правильному различия элементов капитала и неосознанная догадка о том, что прибыль и норма прибыли находятся в прямой связи с соотношением этих элементов, приводят, таким образом, только к тому, что повторяются в более доктринерской форме общеизвестные фразы, в которых, на самом деле, лишь констатируется существование прибыли и нормы прибыли, но ничего не говорится о их сущности.

Дело не становится лучше оттого, что Шербюлье выражает доктринерские формулы алгебраически:

«Обозначим через Π совокупный продукт за определенный период, примененный капитал — через K , прибыль — через n , отношение прибыли к капиталу (норму прибыли) — через n , потребленный капитал — через κ . Тогда $\Pi - \kappa = n$, $n = \frac{n}{K}$; стало быть, $Kn = n$. Следовательно, $\Pi - \kappa = Kn$; следовательно, $n = \frac{\Pi - \kappa}{K}$ » (стр. 70, примечание).

Все это означает только то, что норма прибыли равна отношению прибыли к капиталу, а прибыль равна избытку стоимости продукта над издержками его производства.

Вообще то, что стоит перед умственным взором Шербюлье, когда он говорит о потребленном и непотребленном капитале, есть различие между основным и оборотным капиталом: он здесь не придерживается им же самим, в отличие от этого, констатированного различия в капитале, проистекающего из процесса производства. Прибавочная стоимость уже предпослана

обращению, и как бы ни влияли на норму прибыли те различия, которые проистекают из обращения, к происхождению прибыли они не имеют никакого отношения.

«Производительный капитал состоит из потребляемой части [фонд жизненных средств, сырье, вспомогательные материалы] и непотребляемой части [орудия, инструменты, машины]. С ростом богатства и населения потребляемая часть имеет тенденцию к увеличению, так как добывающие отрасли производства требуют все более и более значительного количества труда. С другой стороны, тот же самый прогресс увеличивает *массу* примененного капитала в гораздо большей степени, чем *массу потребленного* капитала. Поэтому, хотя вся масса потребленного капитала имеет тенденцию к возрастанию, действие этого процесса оказывается нейтрализованным, так как масса продукта растет в еще более быстрой прогрессии, и следует принять, что *общая сумма прибылей* возрастает по меньшей мере столь же сильно, как и *общая сумма примененного капитала*» (стр. 71).

«Возрастает масса прибылей, но не норма прибыли, представляющая собой отношение этой массы к примененному капиталу, $n = \frac{П - κ}{K}$. Ясно, что $П - κ$, или прибыль (так как $П - κ = n$), может возрастать даже при уменьшении n , если K возрастает быстрее, чем $П - κ$ » (стр. 71, примечание).

Здесь еще до некоторой степени затронута та причина, которая вызывает падение нормы прибыли; но после предыдущих искажений это может привести только к путанице и к опровергающим самих себя противоречиям. Сперва возрастает масса потребленного капитала, но масса продуктов растет еще быстрее (т. е. здесь еще быстрее растет избыток стоимости продуктов над издержками их производства), ибо масса продуктов растет пропорционально примененному капиталу, а последний возрастает быстрее потребленного капитала. *Почему* основной капитал возрастает быстрее, чем, например, масса сырья, нигде не сказано. Но пусть так. Масса прибыли возрастает *пропорционально примененному* капиталу, совокупному капиталу, и, тем не менее, [1109] *норма прибыли* должна-де падать, потому что совокупный капитал возрастает быстрее, чем масса продуктов, или, лучше сказать, быстрее, чем масса прибыли.

Сначала Шербюлье говорит, что *масса прибыли возрастает* по меньшей мере в той же пропорции, что и «общая сумма примененного капитала», а потом утверждается, что норма прибыли *падает*, так как общая сумма примененного капитала возрастает быстрее, чем масса прибыли. Сперва $П - κ$ возрастает «по меньшей мере» пропорционально величине K , а затем падает $\frac{П - κ}{K}$, так как K растет еще быстрее, чем $П - κ$, которое «возрастает по меньшей мере столь же сильно, как и K ». Если устранить всю эту путаницу, то останется только тавтология, что

$\frac{П-к}{К}$ может падать даже при возрастании $П-к$, т. е. что даже при возрастании прибыли норма прибыли может падать тогда, когда она падает. Норма означает лишь отношение $П-к$ к $К$, [и это отношение уменьшается в том случае,] когда капитал растет быстрее, чем масса прибыли.

Итак, в общем итоге получается следующая премудрость: норма прибыли может падать, т. е. отношение возрастающей массы прибыли к капиталу может падать, если капитал возрастает быстрее массы прибыли, или если масса прибыли, несмотря на ее абсолютное возрастание, относительно, в сравнении с капиталом, уменьшается. Это не что иное, как другое выражение для падения нормы прибыли. А в возможности этого явления — и даже в факте его существования — никогда не было сомнения. Единственное, о чем здесь шла речь, это как раз о том, как объяснить причину этого явления, — а Шербюлье падение нормы прибыли, падение массы прибыли по отношению к совокупному капиталу объясняет таким возрастанием массы прибыли, которое по меньшей мере идет в ногу с возрастанием капитала! У него, очевидно, была смутная догадка о том, что масса применяемого живого труда относительно уменьшается в сравнении с прошлым трудом, хотя абсолютно она возрастает, и что *поэтому* норма прибыли должна уменьшаться. Но эта догадка так и осталась у него неосознанной. Чем ближе порог, который надо переступить, тем превратнее становятся формулировки, если этот порог на деле не переступается, и тем сильнее иллюзия, что порог остался уже позади.

Напротив, очень дельно то, что Шербюлье говорит о *выравнивании общей нормы прибыли*.¹²⁶ [1109]

[1109] «После вычета земельной ренты остаток от *суммы прибылей*, т. е. от избытка продуктов над потребленным капиталом, делится между капиталистическими производителями *пропорционально капиталу, примененному каждым из них*, тогда как та доля продуктов, которая соответствует потребленному капиталу и предназначена для его возмещения, делится пропорционально тому капиталу, который эти капиталисты действительно потребили. Этот *двойной закон дележа* осуществляется благодаря *действию конкуренции*, которая стремится выравнять выгоды всех применений капитала. Этот двойной закон дележа, в конечном счете, определяет для продуктов различных видов их соответствующие *стоимости и цены*» (стр. 71—72).

Это — очень хорошо. Только заключительные слова неверны, а именно, что это образование общей нормы прибыли определяет *стоимости и цены* (следовало бы сказать: цены производства) товаров. Определение стоимости, напротив, есть *pius **, служащее

* — первичное, предшествующее. *Ред.*

предпосылкой для нормы прибыли и для образования цен производства. Каким образом вообще то или иное *распределение* «суммы прибылей», т. е. прибавочной стоимости, [1110] которая сама есть лишь часть совокупной стоимости товаров, может определять эту *сумму прибылей*, стало быть прибавочную стоимость, стало быть и самые стоимости товаров? Формулировка Шербюлье правильна лишь постольку, поскольку под относительными стоимостями товаров подразумеваются их цены производства. Все ошибки у Шербюлье проистекают оттого, что он не рассматривает самостоятельно происхождение и законы стоимости и прибавочной стоимости.

Впрочем, отношение между наемным трудом и капиталом он до известной степени понимает правильно:

«Лица, не получающие ничего путем *dévolution*» (передача имущества по закону, наследование и т. д.) «и не имеющие ничего для обмена, могут получить то, в чем они нуждаются, лишь тогда, когда они предложат капиталистам свой *труд*. Они получают право только на те вещи, которые предоставляются им в качестве *цены труда*, но у них нет права ни на *продукт* этого труда, ни на ту *стоимость*, которую они к нему присоединили» (стр. 55—56). «*Продавая* свой труд в обмен на определенный фонд жизненных средств, пролетарий полностью отказывается от всякого права на другие части капитала. Присвоение этих продуктов остается таким же, каким оно было раньше; упомянутая сделка [между пролетарием и капиталистом] его нисколько не видоизменяет. Продукты по-прежнему принадлежат исключительно капиталисту, который предоставил сырье и фонд жизненных средств. Такого *необходимое следствие закона присвоения*, основным принципом которого было, наоборот, *исключительное право каждого работника на продукт своего труда*» (стр. 58).

Этот основной принцип, согласно Шербюлье, гласит:

«Работник имеет исключительное право на стоимость, являющуюся результатом его труда» (стр. 48).

Каким образом закон товаров, в силу которого товары обрывают эквиваленты и обмениваются соответственно их стоимости, т. е. соответственно содержащемуся в них рабочему времени, каким образом этот закон оборачивается так, что капиталистическое производство (а только на основе капиталистического производства для продукта существенно то, что он производится как товар) покоится, наоборот, на том, что часть труда присваивается без обмена, — этого Шербюлье не понимает и не объясняет. Он только чувствует, что здесь происходит какой-то *переворот*,

Сформулированный у Шербюлье «основной принцип» есть чистая фикция. Он порождается видимостью, создаваемой *товарным обращением*. Товары обмениваются соответственно их стоимости, т. е. соответственно содержащемуся в них труду.

Индивиды противостоят здесь друг другу только как товаро-владельцы и потому могут приобрести товар другого только путем отчуждения своего собственного товара. Поэтому создается *видимость*, будто они могут обменивать только свой собственный труд, так как обмен товаров, содержащих *чужой* труд, если сами эти товары получаются опять-таки не путем обмена собственного товара, предполагает иные отношения между людьми, чем отношения [простых] товаровладельцев — покупателей и продавцов. В капиталистическом производстве исчезает эта видимость, которую являет людям собственная поверхность капиталистического производства. Но не исчезает иллюзия, будто первоначально люди противостоят друг другу только как товаровладельцы и потому каждый является собственником лишь постольку, поскольку он является работником. Это «первоначально», как сказано, есть обманчивая иллюзия, которая порождается видимостью, создаваемой капиталистическим производством, — исторически такого явления никогда не существовало. Вообще человек (изолированно или в обществе) выступает в качестве собственника всегда до того, как он выступает в качестве работника, даже если собственность есть только то, что он считает своим из окружающей его природы (или что он, в качестве члена семьи, рода, общины, считает своим отчасти из окружающей его природы, отчасти из общих, уже произведенных средств производства). И как только прекращается первоначальное животное состояние, собственность человека на окружающую его природу всегда предварительно опосредствуется его бытием в качестве члена общины, семьи, рода и т. д., его отношением к другим людям, которое обуславливает и его отношение к природе. «Не имеющий собственности работник» как «основной принцип» есть, напротив, лишь порождение цивилизации и притом на определенной исторической ступени — на ступени «капиталистического производства». Здесь перед нами закон «экспроприации», а не «присвоения» [«appropriation»], во всяком случае не присвоения вообще, как это представляет себе Шербюлье, а такого рода присвоения, которое соответствует определенному, специфическому способу производства. [1110]

[1111] Шербюлье говорит:

«Продукты присваиваются до того, как они превращаются в капитал. Это превращение в капитал не высвобождает их от имевшего место присвоения» (стр. 54).

Это относится не только к продуктам, но и к труду. Сырье и т. д. и средства труда принадлежат капиталисту; они представ-

ляют собой *превращенную* форму его денег. С другой стороны, если капиталист купил рабочую силу, или ежедневное (например, по 12 часов в день) употребление рабочей силы, за сумму денег, равную продукту 6 рабочих часов, то ему принадлежит труд 12 часов; этот труд *присвоен* капиталистом еще до того, как он осуществлен. Самим процессом производства он превращается в капитал. Но это его превращение в капитал является более поздним актом, чем его присвоение.

«Продукты» превращаются в капитал: *вещественно*, поскольку они функционируют в процессе труда в качестве условий труда, условий производства — предмета труда и средств труда, — *по форме*, поскольку не только их *стоимость* сохраняется в продукте, но и сами они становятся средством всасывания *труда и прибавочного труда*, т. е. поскольку они фактически функционируют в качестве поглотителей труда. [1112] С другой стороны, *присвоенная до* процесса производства рабочая сила *в* самом процессе производства превращается непосредственно в капитал, превращаясь в условия труда и в прибавочную стоимость: овеществление рабочей силы в продукте сохраняет постоянный капитал, возмещает переменный капитал и присоединяет прибавочную стоимость. [1112]

[4] К ВОПРОСУ О НАКОПЛЕНИИ КАК РАСШИРЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ]

[Шербюлье говорит:]

[1110] «Всякое накопление богатства доставляет средства для ускорения дальнейшего накопления» (цит. соч., стр. 29).

{Взгляд Рикардо (перешедший от Смита), что всякое накопление сводится к затратам на заработную плату, был бы ошибочен даже и в том случае, если бы накопление ни в одной своей части не совершалось *in natura*, как это бывает, например, тогда, когда фермер высевает больше семян, чем раньше, когда скотовод увеличивает поголовье племенного или откармливаемого на убой скота, когда машиностроитель владеет частью прибавочной стоимости в машиностроительной машине. Этот взгляд был бы ошибочен и в том случае, если бы не существовало того явления, что все производители, производящие составные элементы той или другой части капитала, создают постоянное перепроизводство, рассчитывая на факт ежегодного накопления, т. е. увеличения общего масштаба производства.

Кроме того, земледелец может часть своего прибавочного зерна обменять со скотоводом, который может превратить это зерно в переменный капитал, между тем как земледелец [путем такого обмена] превратил свое зерно в постоянный капитал. Льновод [1111] продает часть своего прибавочного продукта прядильщику, который превращает его в постоянный капитал; на эти самые деньги льновод может купить орудия, а производитель орудий, в свою очередь, железо и т. д., — так что все эти элементы непосредственно становятся постоянным капиталом. Но оставим это в стороне.

Предположим, что фабрикант машин хочет превратить добавочный капитал размером в 1 000 ф. ст. в элементы производства. В таком случае он, правда, затратит часть этого добавочного капитала на заработную плату, — скажем, 200 ф. ст. Но на остающиеся 800 ф. ст. он покупает железо, уголь и т. д. Допустим, что это железо, уголь и т. д. должны быть еще произведены. Если у железопромышленника или углепромышленника нет к этому времени в наличии избыточного (накопленного) запаса их товаров, так же как нет добавочных машин и они их не могут прямо купить (ибо в этом случае опять имел бы место обмен постоянного капитала на постоянный капитал), то железопромышленник и углепромышленник смогут произвести добавочное количество железа и угля для фабриканта машин только тем путем, что они заставят работать дольше свои старые машины. Тогда эти машины скорее подлежали бы возмещению, но часть их стоимости вошла бы в новый продукт. Однако оставим и это в стороне. Железопромышленнику во всяком случае требуется больше угля; следовательно, здесь он должен по крайней мере часть того, что приходится на его долю из 800 ф. ст., превратить непосредственно в постоянный капитал. Но оба они, углепромышленник и железопромышленник, продают свой уголь и свое железо так, что в них содержится неоплаченный, прибавочный труд. И если он составляет одну четверть, то из 800 ф. ст. уже 200 ф. ст. не сводятся к заработной плате, не говоря уже о той части стоимости их продуктов, которая сводится к износу старых машин.

Прибавочный продукт всегда состоит из тех предметов в их натуральной форме, которые производит отдельный капитал, — из угля, железа и т. д. Если продуктами обмениваются такие производители, продукты которых обоюдно служат друг для друга элементами производства, то часть прибавочного продукта прямо превращается в постоянный капитал. А та часть, которая обменивается на продукты, производимые производителями жизненных средств, и которая возмещает их постоянный

капитал, создает необходимый переменный капитал. Производители таких жизненных средств, которые уже не могут в качестве элементов входить в производство этих жизненных средств (кроме как в качестве переменного капитала), получают добавочный постоянный капитал как раз посредством того же самого процесса, посредством которого другие производители получают добавочный переменный капитал.

В той мере, в какой воспроизводство является накоплением, оно отличается от простого воспроизводства следующими особенностями.

Во-первых. Накопленные элементы производства — как та их часть, которая относится к переменному капиталу, так и та, которая относится к постоянному капиталу, — состоят из вновь присоединенного труда; они не превращаются целиком в доходы, хотя и проистекают из прибыли; прибыль, или прибавочный труд, превращается во все эти элементы производства. Между тем, при простом воспроизводстве часть продукта представляет прошлый труд (т. е. в данном случае труд, выполненный не в текущем году).

Во-вторых. Само собой разумеется, если в определенных отраслях производства удлиняется рабочее время, т. е. если там никаких добавочных орудий или машин не применяется, то новый продукт отчасти оплачивает более быстрый износ старых орудий или машин, и это ускоренное потребление старого постоянного капитала тоже есть момент накопления.

В-третьих. Благодаря добавочному денежному капиталу, который образуется в процессе [расширенного] воспроизводства, — отчасти в результате высвобождения капитала, отчасти в результате превращения части продукта в деньги, отчасти просто в результате того, что производитель, выручив деньги [за свой добавочный товар], уменьшает тем самым спрос на товары других, например на товары продавца предметов роскоши, — нет никакой необходимости, как при простом воспроизводстве, в систематическом возмещении элементов производства.

На избыточные деньги каждый может покупать продукты или распоряжаться продуктами, даже если тот производитель, у которого он их покупает, не тратит своего дохода на продукт первого и не возмещает этим продуктом своего капитала.} {Всякий раз, когда тот или иной добавочный капитал (переменный или постоянный) не дополняется соответствующим капиталом на другой стороне, он должен на одной стороне осесть как денежный капитал, хотя бы этот денежный капитал существовал только в форме долговых требований.}

**[5) ЭЛЕМЕНТЫ СИСМОНДИЗМА У ШЕРБЮЛЬЕ.
К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ КАПИТАЛА.
АБСОЛЮТНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ПЕРЕМЕННОГО КАПИТАЛА
В БОЛЕЕ РАЗВИТЫХ ОТРАСЛЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОИЗВОДСТВА. ИЗМЕНЕНИЯ СТОИМОСТНЫХ
СООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОСТОЯННЫМ И ПЕРЕМЕННЫМ
КАПИТАЛОМ ПРИ ОСТАЮЩЕМСЯ НЕИЗМЕННЫМ
ОРГАНИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ КАПИТАЛА. ОРГАНИЧЕСКОЕ
СТРОЕНИЕ КАПИТАЛА И РАЗЛИЧНЫЕ СООТНОШЕНИЯ
МЕЖДУ ОСНОВНЫМ И ОБОРОТНЫМ КАПИТАЛОМ.
РАЗЛИЧИЯ В ОБОРОТЕ КАПИТАЛА И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ПРИБЫЛЬ]**

В остальном взгляды Шербюлье представляют собой удивительное сочетание взаимоисключающих концепций Сисмонди и Рикардо. [1111]

[1112] *В духе Сисмонди следующие места:*

«Предположение о *неизменном соотношении* между различными элементами капитала не осуществляется ни на одной ступени экономического развития общества. Соотношение между ними существенным образом *изменяемо*, и притом по двум причинам: 1) разделение труда и 2) замена человеческой силы силами природы. Обе эти причины имеют тенденцию уменьшать *отношение* фонда жизненных средств к двум другим элементам капитала» (стр. 61—62).

«При таком положении вещей *увеличение производительного капитала* не обязательно влечет за собой увеличение фонда жизненных средств, предназначенного образовать цену труда; оно может, по крайней мере временно, сопровождаться абсолютным уменьшением этого элемента капитала и, следовательно, *понижением цены труда*» (стр. 63).

{Это, в духе Сисмонди, [истолковывается как] влияние [уменьшения фонда жизненных средств] на *высоту заработной платы* — единственная исходная точка зрения Шербюлье. Это совершенно отпадает в таком исследовании, которое исходит из предпосылки, что труд оплачивается по его стоимости, и при котором колебания *рыночной цены* труда выше или ниже этого пункта (выше или ниже стоимости труда) не принимаются во внимание.}

«Производитель, желающий ввести в своем предприятии новое разделение труда или использовать природный источник двигательной силы, не станет ждать, пока он накопит достаточно капитала, чтобы и в этих условиях применить *всех* тех рабочих, в которых он нуждался прежде. В случае разделения труда он удовлетворится, быть может, пятью рабочими, чтобы произвести то, что он раньше производил с десятью; в случае применения природного источника двигательной силы он применит, быть может, только одну машину и двух рабочих. Фонд жизненных средств [ранее составлявший 3 000] уменьшится вследствие этого в первом случае

до 1 500, а во втором до 600. Но так как наличное число рабочих остается без изменения, то *из конкуренция* скоро приведет к падению цены труда ниже ее первоначального уровня. Таков один из самых поразительных результатов *закона присвоения*. Абсолютное увеличение богатства, т. е. продуктов труда, не вызывает соответствующего увеличения фонда жизненных средств рабочих и может даже вызвать уменьшение этого фонда, уменьшение той доли, которая достается рабочим из всех видов продуктов» (стр. 63—64). «Причинами, определяющими *цену труда*» (здесь речь все время идет только о *рыночной цене* труда), «являются абсолютное количество производительного капитала и соотношение между различными элементами капитала — два социальных факта, на которые воля рабочего не может оказывать никакого влияния» (стр. 64). «Шансы рабочего почти всегда неблагоприятны» (там же).

Соотношение между различными элементами производительного капитала определяется двояким образом.

Во-первых, речь идет здесь об органическом строении производительного капитала. Мы подразумеваем под этим технологическое строение. При *данной производительной силе* труда, — которую можно принять постоянной, пока не произойдет какого-нибудь изменения, — в каждой сфере производства определенную величину образует то количество сырья и средств труда, т. е. то количество постоянного капитала, в его *вещественных элементах*, которое приходится на определенное количество *живого труда* (оплаченного и неоплаченного), т. е. на определенное количество *вещественных элементов переменного* капитала.

Если овеществленный труд невелик по сравнению с применяемым живым трудом, то доля продукта, представляющая живой труд, велика, как бы ни делилась эта часть продукта между капиталистом и рабочим. И наоборот. Поэтому и прибавочный труд, при данной норме эксплуатации труда, в одном случае велик, в другом мал. Изменения могут произойти здесь только вследствие такого изменения в способе производства, которое изменяет технологическое соотношение обеих частей капитала. Даже в этом случае абсолютное количество применяемого живого труда может, при различной *величине* капиталов, быть равным или даже бóльшим у капитала, применяющего больше постоянного капитала. Но *относительно* оно должно быть меньшим. Для капиталов одной и той же величины, или при расчете на определенную соответственную часть совокупного капитала, например на 100, оно должно быть абсолютно и относительно меньшим. Все изменения, являющиеся следствием развития (а не падения) производительной силы труда, уменьшают ту часть продукта, в которой представлен живой труд, уменьшают переменный капитал. Так как заработная плата повсюду предполагается одинаковой, то мы можем ска-

зять, рассматривая капиталы [1113] в различных отраслях производства, что указанные изменения абсолютно уменьшают *переменный* капитал в тех отраслях, которые стоят на более высокой ступени развития производства.

Это — о тех изменениях, которые проистекают из изменения в способе производства.

А *во-вторых*, если органическое строение капиталов и различие между ними, проистекающее из различия их органического строения, предполагать данными, то *стоимостное соотношение* [между постоянным и переменным капиталом] может изменяться несмотря на то, что технологическое строение остается тем же. Здесь может иметь место следующее: *a)* изменение в стоимости постоянного капитала, *b)* изменение в стоимости переменного капитала, *c)* *изменение и того и другого*, в одинаковых или неодинаковых соотношениях.

a) Если технологическое строение остается тем же и имеет место изменение в стоимости постоянного капитала, то эта стоимость или уменьшается, или увеличивается. Если она уменьшается и применяется только прежнее количество живого труда, т. е. если *ступень*, или *масштаб*, *производства* остается без изменения, если, следовательно, применяется, например, по-прежнему 100 рабочих, то вещественно требуется по-прежнему то же самое количество сырья и средств труда. Но отношение прибавочного труда ко всему авансированному капиталу будет большим, чем прежде. Норма прибыли повышается. В обратном случае она падает. В первом случае для капиталов, уже применявшихся в данной сфере производства (а не для тех, которые вновь вложены в нее после того, как имело место изменение стоимости элементов постоянного капитала), общая сумма применяемого капитала уменьшается, или некоторая часть этого капитала высвобождается, хотя производство продолжается в том же масштабе; или же высвободившийся таким путем капитал дополнительно вкладывается в производство и действует как накопление капитала. Масштаб производства увеличивается, и пропорционально этому возрастает абсолютное количество прибавочного труда. При данном *способе производства* всякое накопление капитала, какова бы ни была норма прибавочной стоимости, ведет к увеличению общего количества прибавочной стоимости.

Наоборот, если стоимость элементов постоянного капитала повышается, то *или масштаб производства* (следовательно, масса всего авансированного капитала) должен увеличиться, чтобы можно было применять *то же количество* труда (тот же *переменный капитал*, не изменившийся в своей стоимости), что

и прежде, и тогда, хотя абсолютная величина прибавочной стоимости и ее норма остаются неизменными, отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу уменьшается, и, следовательно, норма прибыли падает. Или же масштаб производства и общая сумма авансированного капитала не увеличиваются. В этом случае при всех обстоятельствах переменный капитал должен уменьшиться.

Если на [вздорожавший] постоянный капитал затрачивается та же сумма, что и прежде, то она представляет меньшее количество его вещественных элементов, а так как *технологическое соотношение* осталось прежним, то приходится применять меньше труда. Весь авансированный капитал тогда уменьшается на величину высвободившегося труда; общая стоимость авансированного капитала уменьшается, но в этом уменьшившемся капитале постоянный капитал составляет (с точки зрения стоимости) ббольшую долю, чем прежде. Прибавочная стоимость уменьшилась абсолютно, потому что применяется меньше труда, и отношение остающейся прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу уменьшилось, потому что переменный капитал уменьшился по сравнению с постоянным капиталом.

С другой стороны, если совокупный капитал применяется в прежних размерах, то, — поскольку меньшая стоимость переменного капитала (представляющая уменьшившееся количество всего применяемого живого труда) поглощается большей стоимостью постоянного капитала (первая уменьшается в той же пропорции, в какой увеличивается вторая), — абсолютное количество прибавочной стоимости уменьшается, так как применяется меньше труда, и в то же время уменьшается отношение этой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу. Таким образом, норма прибыли падает здесь вследствие двух причин: уменьшения количества прибавочного труда и уменьшения того отношения, в каком этот прибавочный труд находится ко всему авансированному капиталу.

В первом случае (при понижающейся стоимости элементов постоянного капитала), где *норма прибыли* при всех обстоятельствах *повышается*, для увеличения *суммы прибыли* необходимо расширение *м а с ш т а б а п р о и з в о д с т в а*. Предположим, что капитал равен 600, из которых половина — постоянный капитал, половина — переменный. Если бы постоянная часть уменьшилась по своей стоимости наполовину, то было бы по-прежнему 300 переменного капитала, но только 150 постоянного. Совокупный примененный капитал составлял бы только 450, а 150 высвободилось бы. Если бы эти 150 единиц были обратно присоединены к капиталу, то из них 100 были бы теперь затрачены

как переменный [1114] капитал. Здесь, следовательно, если в производстве продолжает применяться тот же капитал, что и прежде, расширяется *масштаб производства* и увеличивается масса применяемого труда.

В обратном случае (при повышающейся стоимости элементов постоянного капитала), где *норма прибыли* при всех обстоятельствах падает, для того чтобы сумма прибыли *не уменьшилась* и *масса* применяемого труда (следовательно, и масса прибавочной стоимости) осталась *неизменной*, необходимо расширение *масштаба производства*, т. е. увеличение авансированного капитала. Если же этого не происходит, если авансируется лишь столько же капитала, сколько авансировалось раньше, или даже меньше прежнего, то уменьшается не только норма прибыли, но и масса прибыли.

В обоих случаях остается без изменения норма прибавочной стоимости, которая при изменении в *технологическом* строении капитала, наоборот, изменяется: растет, когда постоянный капитал увеличивается (потому что труд тогда более производителен), и падает, когда он уменьшается (потому что труд тогда менее производителен).

b) Если изменение в стоимости переменного капитала происходит независимо от *органического строения*, то это возможно только потому, что упали или поднялись в цене жизненные средства, которые производятся не в этой сфере производства, а извне входят в нее в качестве товаров.

Если *стоимость переменного капитала* падает, то он представляет по-прежнему то же количество живого труда, только стоит это количество живого труда теперь меньше. Следовательно, если *масштаб производства* остается прежним (так как стоимость постоянного капитала не изменилась), то уменьшается та часть совокупного капитала, которая авансировалась на покупку труда. Теперь надо затратить меньше капитала, чтобы оплатить то же количество рабочих. Таким образом, здесь при *остающемся неизменном масштабе производства* уменьшается сумма затрачиваемого капитала. Норма прибыли повышается, и это происходит по двоякого рода причинам. *Увеличилась прибавочная стоимость*; отношение живого труда к овеществленному осталось прежним, но бóльшая прибавочная стоимость приходится на меньший совокупный капитал. Если же высвободившаяся часть присоединяется к капиталу, то это тождественно *накоплению*.

Если *стоимость переменного капитала* повышается, то для применения прежнего количества рабочих необходимо затратить больше совокупного капитала, потому что стоимость

постоянного капитала остается неизменной, а стоимость переменного повысилась. Масса применяемого труда остается прежней, но прибавочный труд составляет меньшую, чем прежде, часть всей массы применяемого труда, и эта меньшая, чем прежде, часть приходится на больший, чем прежде, капитал. Это в том случае, если *масштаб производства остается неизменным*, в то время как стоимость всего капитала повысилась. Если эта стоимость не повышается, то *масштаб производства* должен уменьшиться. Масса применяемого труда уменьшается, и меньшая, чем прежде, часть этой уменьшившейся массы представляет собой прибавочный труд, отношение которого ко всему авансированному капиталу в свою очередь уменьшается.

Органические изменения и те изменения, которые вызваны изменением стоимости, могут при известных обстоятельствах оказывать одинаковое воздействие на норму прибыли. Однако между ними имеется следующее различие: если изменения стоимости вызваны не просто колебаниями рыночных цен, т. е. если они не являются временными, то они всегда должны иметь своей причиной органическое изменение в тех сферах, которые доставляют рассматриваемой нами сфере элементы постоянного или переменного капитала.

с) Третий случай здесь не подлежит дальнейшему рассмотрению.

При равновеликих капиталах в *различных сферах производства* — или при расчете на равную долю совокупного капитала, например на каждые 100 — *органическое строение* может быть *одинаковым*, хотя *стоимостное соотношение* постоянного и переменного капитала будет *различным* соответственно различной стоимости применяемой массы вспомогательных материалов и сырья. Например, медь вместо железа, железо вместо свинца, шерсть вместо хлопка и т. д.

С другой стороны, когда *стоимостное соотношение* одинаково, может ли быть *различным органическое строение*?

При *одинаковом органическом строении* [двух капиталов в различных сферах производства] относительные массы постоянного капитала и живого труда, приходящиеся на каждые 100 единиц капитала, *одинаковы* — количественные соотношения между ними одни и те же. Возможно, что стоимость постоянного капитала будет одинаковой, хотя приводимые в движение относительные массы труда различны. Если машины или сырье в одном случае дороже, чем в другом (или наоборот), то для них может потребоваться, например, меньше труда, но тогда и стоимость переменного капитала будет относительно меньше (или наоборот).

[1115] Возьмем капиталы A и B . Пусть c' и v' будут составными частями капитала A (по стоимости), а c и v — составными частями капитала B (по стоимости). Если $c' : v' = c : v$, то $c'v = v'c$. Следовательно, и $\frac{c'}{c} = \frac{v'}{v}$.

При равенстве *стоимостных соотношений* между постоянным и переменным капиталом возможно только следующее. Если в одной сфере *выполняется больше прибавочного труда*, чем в другой {например, ночной труд невозможен в земледелии, и хотя отдельного сельскохозяйственного рабочего можно принудить к чрезмерному труду, но совокупное количество труда, могущее применяться при данной величине участка земли и т. д., ограничено тем предметом (зерном), который надо произвести, между тем как при данной величине фабрики масса производимых продуктов зависит (*δυναμις* *) от количества часов, в течение которых ведется работа, — т. е. различием в способе производства обусловлено то, что в одной сфере, при данном масштабе производства, может применяться больше прибавочного труда, чем в другой}, то стоимостное соотношение между постоянным и переменным капиталом может быть одинаковым, но тем не менее отношение массы применяемого труда к совокупному капиталу будет различным.

Или же предположим, что материал и труд (в силу его принадлежности к труду более высокого *рода*) дороже в одинаковом отношении. В этом случае капиталист A применяет 5 рабочих там, где капиталист B применяет 25, и эти 5 рабочих стоят 100 ф. ст., как и те 25, так как их труд дороже (следовательно, и их прибавочный труд стоит дороже). Вместе с тем эти 5 рабочих перерабатывают 100 фунтов сырья y стоимостью в 500 ф. ст., а рабочие капиталиста B перерабатывают 1 000 фунтов сырья x стоимостью в 500 ф. ст., потому что у капиталиста A дороже материал и менее развита производительная сила труда. Здесь в обоих случаях *стоимостное отношение* переменного капитала к постоянному будет 100 ф. ст. к 500 ф. ст., но *органическое строение* капиталов A и B различно.

Стоимостное соотношение одно и то же: стоимость постоянного капитала у капиталиста A равна стоимости постоянного капитала у капиталиста B , и A расходует на заработную плату столько же капитала, сколько и B . Но масса его продукта меньше. Хотя абсолютно ему требуется такая же масса труда, что и капиталисту B , но относительно ему требуется больше, так как его постоянный капитал дороже. За одно и то же время A

* — потенциально. Ред.

перерабатывает меньше сырья и т. д., но это меньшее количество стоит столько же, сколько большее количество сырья у *B*. В этом случае *стоимостное соотношение* одно и то же, органическое строение — различно. В другом случае это, при одинаковом стоимостном соотношении, возможно только тогда, когда различно количество прибавочного труда или различны стоимости различных видов труда.

Понятие органического строения капитала можно сформулировать так: это есть различное соотношение, в каком в различных сферах производства нужно затратить постоянный капитал, чтобы поглотить одну и ту же массу труда. *Соединение одной и той же массы труда* с предметом труда требует больше в одном случае, чем в другом, либо и сырья и машинного оборудования, либо только одного из них.

{При весьма различных соотношениях между основным и оборотным капиталом соотношение между *постоянным и переменным* капиталом может быть *одинаковым*, а потому может быть одинаковой и прибавочная стоимость, хотя производимые в течение года *стоимости* должны быть различны. Предположим, что в угольной промышленности, где не применяется никакого сырья (оставляя в стороне вспомогательные материалы), основным капитал составляет половину всего капитала, переменный — другую половину. Предположим, что в швейной промышленности основной капитал равен нулю (как и в предыдущем случае, мы оставляем в стороне вспомогательные материалы), но сырье равно половине и переменный капитал, как и в первом случае, тоже равен половине всего капитала. Тогда оба капитала (при одинаковой эксплуатации труда) будут реализовать одинаковую *прибавочную стоимость*, так как по отношению к капиталу, на каждые 100 единиц капитала, они применяют одинаковую массу труда. Но предположим, что основной капитал в угольной промышленности оборачивается один раз в 10 лет, между тем как в обоих случаях нет никакого различия в обороте оборотного капитала. Если прибавочная стоимость равна 50, то вся стоимость, произведенная в предприятии швейной промышленности к концу года (предполагается, что переменный капитал в обоих случаях оборачивается один раз в год), будет равна 150. Напротив, стоимость, произведенная к концу первого года углепромышленником, равна 105 (а именно, 5 приходится на основной капитал, 50 на переменный, 50 на прибавочный труд). Вся стоимость его продукта плюс основной капитал составляет 150 (а именно, продукт равен 105, а остающийся основной капитал равен 45), как у капиталиста в швейной промышленности. Производство различных величин стоимости не исклю-

чает, следовательно, производства *одинаковых* прибавочных стоимостей.

Во втором году основной капитал углепромышленника был бы равен 45, переменный капитал составлял бы 50, прибавочная стоимость равнялась бы 50. Следовательно, авансированный капитал был бы равен 95, а прибыль равнялась бы 50. Норма прибыли *повысилась бы*, так как стоимость основного [1116] капитала уменьшилась бы вследствие износа одной десятой части его в первом году. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что у всех капиталов, где применяется много основного капитала, — при неизменном масштабе производства — норма прибыли должна *повышаться* в той мере, в какой ежегодно падает стоимость машин, основного капитала, вследствие уже возмещенного износа. Если углепромышленник в течение десяти лет продает свой продукт всегда по одной и той же цене, то он во втором году должен получить более высокую норму прибыли, чем в первом, и т. д. Или же надо было бы предположить, что работы по ремонту и т. д. находятся в прямом отношении к износу, так что общая сумма той части капитала, которая ежегодно авансируется под рубрикой основного капитала, остается неизменной. Указанная сверхприбыль могла бы компенсироваться также и тем, что с течением времени стоимость основного капитала падает и независимо от износа, поскольку старым машинам приходится конкурировать с более совершенными, позднее изобретенными новыми машинами. Но, с другой стороны, эта повышающаяся норма прибыли, которая естественно порождается износом, уменьшением стоимости основного капитала, позволяет старым машинам конкурировать с более совершенными новыми машинами, у которых еще приходится принимать в расчет их полную стоимость. Наконец, если бы углепромышленник продавал [в конце второго года] дешевле, исходя из такого расчета: 50 на 100 авансированного капитала составляли 50% прибыли, 50% на 95 дают $47\frac{1}{2}$, — т. е. если бы он продавал то же количество продукта [не за 105, а] за $102\frac{1}{2}$, то он продавал бы дешевле, чем тот, чьи машины находятся, например, еще только первый год в работе. Большие вложения основного капитала предполагают владение крупным капиталом. А так как эти владельцы крупного капитала господствуют на рынке, то кажется, что добавочную прибыль (ренту) они получают лишь по указанной причине. В земледелии эта рента получается потому, что работают на относительно более плодородной земле, а здесь потому, что работают с помощью относительно более дешевых машин.}

{Многое из того, что приписывают соотношению между основным и оборотным капиталом, относится в действительности к различию между переменным и постоянным капиталом. Во-первых, соотношение между постоянным и переменным капиталом [в тех или других отраслях производства] может быть одинаковым несмотря на то, что соотношение между основным и оборотным капиталом будет различным. А во-вторых, когда мы говорим о постоянном и переменном капитале, то речь идет о первичном разделении капитала на живой труд и *овеществленный*, а не о модификациях этого соотношения в результате процесса обращения или в результате влияния процесса обращения на воспроизводство.

С самого начала ясно, что различие между основным и оборотным капиталом лишь постольку может влиять на прибавочную стоимость (оставляя в стороне те различия в массе применяемого живого труда, которые связаны с соотношением между переменным и постоянным капиталом), поскольку оно влияет на *оборот* совокупного капитала. Стало быть, надо исследовать, как *оборот* капитала влияет на прибавочную стоимость. С этим, очевидно, тесно связаны два обстоятельства: 1) прибавочная стоимость не может так быстро (так часто) накапливаться, превращаясь обратно в капитал; 2) *авансируемый капитал* должен расти, как для того, чтобы приводить в действие то же количество рабочих и т. д., так и вследствие удлинения срока тех авансов, которые капиталист вынужден предоставлять самому себе на свое собственное потребление. Эти обстоятельства важны при рассмотрении *прибыли*. Здесь же следует прежде всего рассмотреть лишь вопрос о том, как они влияют на прибавочную стоимость. И оба эти обстоятельства нужно всегда четко разграничивать.}

{Все, что увеличивает *авансы*, не увеличивая соответственно прибавочной стоимости, уменьшает норму прибыли, даже если прибавочная стоимость остается прежней; все, что уменьшает авансы, оказывает противоположное действие. Следовательно, поскольку величина основного капитала по отношению к оборотному капиталу — или различный оборот капитала — влияет на величину авансов, постольку она влияет на норму прибыли, даже если это никак не затрагивает прибавочную стоимость.}

{Норма прибыли есть не просто прибавочная стоимость, исчисляемая на авансированный капитал, а масса прибавочной стоимости, реализованной в течение данного периода, т. е. в определенный отрезок времени обращения. Следовательно, поскольку различие основного и оборотного капитала влияет на

массу прибавочной стоимости, реализуемой определенным капиталом *в течение данного периода*, постольку оно влияет на норму прибыли. Сюда входят два момента: различие в величине *авансов* (по отношению к реализованной прибавочной стоимости) и, во-вторых, различие в *продолжительности того времени*, на которое нужно производить эти авансы, прежде чем они возвратятся с той или иной прибавочной стоимостью.}

[1117] {На время воспроизводства, или, точнее, на число циклов воспроизводства, совершающихся в определенный промежуток времени, существенное влияние оказывают два обстоятельства:

1) *Более продолжительное нахождение продукта в сфере собственно производства.*

Во-первых, возможно, что один продукт для своего производства требует больше времени, чем другой, будь то более продолжительный отрезок одного года, или целый год, или больше чем один год. (Последнее, например, в строительстве, в скотоводстве и в производстве некоторых предметов роскоши.) В этом случае, в зависимости от строения производительного капитала, от его деления на постоянный и переменный капитал, продукт непрерывно поглощает труд, часто (например, в производстве предметов роскоши, в строительстве) очень много труда по отношению к постоянному капиталу. Следовательно, по мере того как удлиняется время производства продукта, но такого производства, которое является вместе с тем и равномерным продолжением процесса труда, имеет место продолжающееся поглощение труда и прибавочного труда. Например, в скотоводстве или в строительстве, если последнее требует, скажем, больше одного года. Продукт может поступить в обращение, т. е. быть проданным, брошенным на рынок, только тогда, когда он готов. Прибавочный труд первого года вместе с остальным трудом объективирован в незаконченном продукте первого года. Он не меньше и не больше, чем в других отраслях производства, где господствует такое же соотношение между постоянным и переменным капиталом. Но стоимость этого продукта не может быть *реализована*, в смысле превращения ее в деньги, а следовательно, не может быть реализована и прибавочная стоимость. Поэтому эта прибавочная стоимость не может ни накапливаться в качестве капитала, ни использоваться для потребления. И авансированный капитал, и прибавочная стоимость служат, так сказать, фундаментом для дальнейшего производства. Они являются его предпосылкой и входят тем или иным способом как полуфабрикаты, как своего рода сырье, в производство второго года.

Предположим, что авансированный капитал равен 500, труд равен 100, прибавочная стоимость равна 50, так что авансированный во втором году на производство капитал равен 550 плюс те 500, которые авансируются дополнительно во втором году. Прибавочная стоимость опять равна 50. Таким образом, к концу второго года стоимость продукта равняется 1 100 ф. ст., из которых 100 — прибавочная стоимость. В этом случае прибавочная стоимость такая же, как если бы капитал целиком был воспроизведен в первом году, а во втором году снова было вложено 500 ф. ст. И в первом, и во втором году переменный капитал равен 100, а прибавочная стоимость равна 50. Но *норма прибыли* различна. В первом году она составляет $\frac{50}{500}$, т. е. 10%.

А во втором году авансировано $550 + 500 = 1\,050$, и одна десятая от этой суммы равняется 105. Если, следовательно, принять норму прибыли одинаковой, то стоимость продукта составит: в первом году 550, во втором году $550 + 500 + 55 + 50 = 1\,155$. И стоимость продукта в конце второго года равняется 1 155. В ином случае она составила бы только 1 100. Прибыль здесь больше, чем созданная прибавочная стоимость, составляющая только 100. Если включить в счет еще и издержки капиталиста на его собственное потребление, которые он должен себе авансировать в течение двух лет, то затраченный капитал будет еще больше по отношению к прибавочной стоимости. Правда, зато и *вся* прибавочная стоимость первого года превращается в капитал во втором году. Далее, затраченный на заработную плату капитал увеличился, так как авансированные в первом году 100 ф. ст. не воспроизводятся к концу первого года и поэтому во втором году приходится авансировать 200 ф. ст. на тот же самый труд, на который в ином случае достаточно было бы 100 ф. ст., воспроизводящихся в первом году.

Во-вторых, возможно, что, после того как процесс труда закончился, продукт должен еще оставаться в сфере производства, чтобы подвергнуться воздействию естественных процессов, не требующих никакого труда или требующих относительно лишь совсем незначительного труда, — например, вино в погребе. И только по истечении этого срока капитал может быть воспроизведен. Очевидно, что здесь, каково бы ни было соотношение переменного и постоянного капитала, получается то же самое, как если бы было затрачено больше постоянного и меньше переменного капитала. Меньшую величину составляет прибавочный труд, как и вообще труд, применяемый здесь в течение определенного периода. Если *норма прибыли* одинакова, то это объясняется ее выравниванием, а не произведенной в данной

сфере прибавочной стоимостью. Чтобы поддерживать процесс воспроизводства — непрерывность производства, — необходимо предварительно авансировать больше капитала. И опять-таки по этой причине здесь уменьшается *отношение* прибавочной стоимости к авансированному капиталу.

В-третьих, возможны *перерывы в процессе труда* во время нахождения продукта в процессе производства, как это происходит, например, в земледелии, а также в таких процессах, как дубление кож и т. д., где химические процессы создают перерыв в процессе труда, прежде чем продукт может перейти из одной фазы производства в следующую, более высокую. Если в такого рода случаях благодаря открытиям в области химии сокращается продолжительность этого перерыва, то производительность труда повышается, прибавочная стоимость увеличивается, а овеществленный труд авансируется процессу производства на более короткое время. Во всех тех случаях, где происходят перерывы в процессе труда, прибавочная стоимость меньше, авансированный капитал больше.

2) То же самое имеет место и тогда, когда тот или иной оборотный капитал, вследствие отдаленности рынка, оборачивается медленнее, чем оборотный капитал в среднем. Также и в этом случае авансированный капитал больше, прибавочная стоимость меньше, и меньше то *отношение*, в котором она находится к авансированному капиталу.} {В последнем случае капитал дольше задерживается в сфере обращения, в вышеуказанных случаях — в сфере производства.}

[1118] {Предположим, что в какой-нибудь отрасли транспортной промышленности авансированный капитал равен 1 000, основной капитал равен 500 и изнашивается в пять лет, переменный капитал равен 500 и оборачивается четыре раза в год. Тогда стоимость годового продукта составит $100 + 2\,000 + 100$ (если [годовая] норма прибавочной стоимости равна 20%), всего — 2 200. С другой стороны, предположим, что в какой-нибудь отрасли швейной промышленности постоянный оборотный капитал равен 500 (основной равен 0), переменный равен 500, прибавочная стоимость равна 100. Оборачивается он, положим, четыре раза в год. Тогда стоимость годового продукта составит $4(500 + 500) + 100 = 4\,100$. Прибавочная стоимость в обоих случаях одинакова. Последний капитал весь оборачивается четыре раза в год, или раз в четверть года. Из первого капитала в течение года оборачиваются 600 [из которых 500 оборачиваются четыре раза в год]. Следовательно, в четверть года оборачивается $500 + \frac{100}{4}$, т. е. 525. Следовательно, 175

в один месяц, 350 в 2 месяца, и 1 400 в 8 месяцев. Всему капиталу (1 000) для полного оборота требуется $5\frac{5}{7}$ месяца. В один год оборачивается только $2\frac{1}{10}$ его.

Нам могут сказать, что первый капитал, чтобы получить прибыль в 10%, накидывает в четверть года на стоимость в 1 000 меньше, чем второй. Но здесь дело не в накидывании. Первый капиталист получает больше прибавочной стоимости [чем второй] на свой потребленный капитал, но не на свой примененный капитал. Различие проистекает здесь из [относительной величины] прибавочной стоимости, а не из накидывания прибыли. В основе различия здесь лежит стоимость, а не прибавочная стоимость. В обоих капиталах переменный капитал 500 оборачивается четыре раза в год. Оба они получают в год прибавочную стоимость, равную 100, и [годовая] норма прибавочной стоимости у обоих равна 20%. Но в четверть года прибавочная стоимость составляет 25 ф. ст., — значит, более высокий процент? 25 на 500 в каждую четверть года составляет 5% в четверть года и, стало быть, 20% в год.

У первого капиталиста половина его капитала оборачивается четыре раза в год, а из другой половины в год оборачивается только одна пятая часть. Половина четыре раза равна целому *два раза*. Следовательно, его капитал оборачивается в год $2\frac{1}{10}$ раза. У второго капиталиста весь капитал оборачивается четыре раза в год. Но это абсолютно ничего не меняет в прибавочной стоимости. Если владелец второго капитала непрерывно продолжает процесс воспроизводства, то он должен постоянно превращать 500 в сырье и т. д. и у него всегда имеется только 500 на оплату труда, между тем как у первого капиталиста тоже есть 500 на оплату труда, а остальными 500 он раз навсегда (т. е. на 5 лет) владеет в такой форме, в которую ему не нужно превращать их всё снова и снова. Но это [равенство прибавочных стоимостей] имеет место только в том случае, если несмотря на различие в величине основного и оборотного капитала соотношение между переменным и постоянным капиталом [у обоих капиталов] одинаково.

Если у обоих капиталов половина представляет собой постоянный капитал, половина — переменный, то [у первого капитала] половина может представлять собой основной капитал только в том случае, если оборотный постоянный капитал равен нулю, а [у второго капитала] половина может представлять собой оборотный постоянный капитал только в том случае, если основной капитал равен нулю. Следует заметить, что хотя оборотный постоянный капитал может быть равен нулю, как, скажем, в добывающей промышленности и в транспортной промышлен-

ности, где всё же вспомогательные материалы вместо сырья образуют оборотный постоянный капитал, но основной капитал (кроме как у банкиров и т. д.) никогда не равняется нулю. Однако дело не меняется, если постоянный капитал в обоих случаях находится в одном и том же отношении к переменному капиталу, хотя бы он в одном случае содержал больше основного и меньше оборотного постоянного капитала, а в другом случае, наоборот, меньше основного и больше оборотного постоянного капитала. Здесь имеет место только различие во времени воспроизводства одной половины капитала и во времени воспроизводства совокупного капитала. Один капиталист должен авансировать 500 ф. ст. на 5 лет, прежде чем они вернутся к нему, другой — на четверть года или на год. Возможность распоряжения капиталом различна. Различны не авансы, а время, на которое они авансируются. Это различие нас здесь не интересует. Прибавочная стоимость и прибыль, если рассматривать весь авансированный капитал, здесь одинаковые: 100 ф. ст. в первый год на авансированные 1 000 ф. ст. Во втором году более высокая норма прибыли окажется скорее на стороне основного капитала, потому что переменный капитал остался прежним, а стоимость основного капитала уменьшилась. Первый капиталист авансирует во втором году только 400 основного капитала и 500 переменного и по-прежнему получает 100 ф. ст. прибыли. Но 100 на 900 составляет $11\frac{1}{9}\%$, между тем как второй капиталист, продолжая воспроизводство, по-прежнему авансирует 1 000 и получает 100 ф. ст. прибыли, что составляет 10%.

Дело, конечно, меняется, если вместе с основным капиталом возрастает по отношению к переменному капиталу постоянный капитал в целом, или если вообще для приведения в движение того же количества труда приходится авансировать больше капитала. В вышеприведенном примере вопрос состоит не в том, как часто оборачивается совокупный капитал или насколько велик аванс, а в том, как часто оборачивается та часть капитала, которой достаточно для приведения в движение такой же массы производительного труда, что и в другом случае, чтобы возобновить процесс производства. Но если бы в вышеприведенном примере основной капитал был равен [не 500, а] 1 000, а оборотный [по-прежнему] равнялся бы только 500, то дело изменилось бы. Однако это изменение произошло бы не потому, что речь идет об основном капитале. Ведь если бы оборотный постоянный капитал во втором случае (например, вследствие дороговизны материала) стоил 1 000 [вместо 500], то дело изменилось бы точно таким же образом. Так как в первых

случаях [обоих примеров] чем больше основной капитал, тем больше относительная величина всего авансированного капитала по отношению к переменному капиталу, то это и порождает путаницу. Вообще же вся эта история относительно оборота капитала, собственно говоря, заимствована первоначально из области торгового капитала, где это обусловливается другими законами: в торговом капитале, как я показал ¹²⁷, норма прибыли действительно определяется средним числом оборотов независимо от строения этого капитала, который, впрочем, состоит главным образом из оборотного капитала. Ибо прибыль торгового капитала определяется общей нормой прибыли.}

[1119] {Вся штука в следующем.

Предположим, что основной капитал равен x . Если он оборачивается лишь один раз в 15 лет, то в год оборачивается $\frac{1}{15}$ часть его, но тогда и возмещению подлежит ежегодно только $\frac{1}{15}$ часть этого капитала. Если бы он возмещался 15 раз в год, то дело от этого нисколько бы не изменилось. Масса его осталась бы прежней. Но продукт вследствие этого стал бы дороже. Конечно, возможность распоряжаться капиталом меньше, и риск обесценения больше, чем если бы то же количество капитала было авансировано в форме оборотного капитала. Но это нисколько не влияет на *прибавочную стоимость*, хотя это входит в исчисление *нормы прибыли* господами капиталистами, так как при исчислении износа этот риск обесценения включается в счет.

Что же касается другой части капитала, то предположим, что оборотная часть постоянного капитала (сырье и вспомогательные материалы) равна 25 000 ф. ст. в год, а заработная плата равна 5 000 ф. ст. Тогда, если бы этот капитал оборачивался только один раз в год, на весь год надо было бы авансировать 30 000 ф. ст., и если прибавочная стоимость равна 100%, т. е. составляет 5 000 ф. ст., то прибыль в конце года составила бы 5 000 ф. ст. на 30 000, т. е. $\frac{1}{6}$, или $16\frac{2}{3}\%$.

Но если бы этот капитал оборачивался каждую пятую часть года, то нужен был бы только аванс капитала в 5 000 ф. ст. на постоянный оборотный капитал и 1 000 ф. ст. на заработную плату. Прибыль — 1 000 ф. ст., а в $\frac{5}{6}$ года — 5 000 ф. ст. Но эта прибавочная стоимость получается на капитал в 6 000 ф. ст., так как больше этой суммы никогда и не авансируется. Прибыль была бы, следовательно, 5 000 на 6 000, или $\frac{5}{6}$, т. е. в 5 раз больше, чем в первом случае: $83\frac{1}{3}\%$ (мы отвлекаемся от основного капитала). Таким образом, здесь имеет место весьма значительное различие в норме прибыли, потому что в действительности труд на 5 000 ф. ст. покупается капиталом в 1 000 ф. ст.,

а сырье и т. д. на 25 000 ф. ст. — капиталом в 5 000 ф. ст. Если бы при этой различной норме оборота капиталы были одинаковы по своей величине, то в первом случае могло бы быть авансировано только 6 000 ф. ст. Или ежемесячно только 500 ф. ст., из которых $\frac{5}{6}$ состояли бы из постоянного капитала, а $\frac{1}{6}$ из переменного капитала. Эта $\frac{1}{6}$ равна $83\frac{1}{3}$ ф. ст., на которые 100% прибавочной стоимости дали бы $83\frac{1}{3}$ ф. ст., и это составило бы в год $\left(83 + \frac{1}{3}\right) 12 = \frac{12}{3}$ (или 4) + 996 = 1 000. Но 1 000 на 6 000 составляет $16\frac{2}{3}\%$.)

[6] ЭКЛЕКТИЧЕСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ У ШЕРБЮЛЬЕ ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩИХ КОНЦЕПЦИЙ РИКАРДО И СИСМОНДИ]

Вернемся к Шербюлье.

В духе Сисмонди следующее рассуждение:

«Экономический прогресс общества, поскольку он характеризуется абсолютным возрастанием производительного капитала и *изменением соотношения* между различными элементами этого капитала, предоставляет рабочим некоторые выгоды: 1) Повышение производительности труда, в особенности благодаря применению машин, вызывает столь быстрое возрастание производительного капитала, что несмотря на происшедшее изменение соотношения между *фондом жизненных средств* и остальными элементами капитала этот фонд тем не менее абсолютно возрастает, что позволяет не только применять прежнее число рабочих, но и дать работу еще и добавочному числу рабочих, так что результат прогресса, *если не считать некоторых временных перерывов*, сводится для рабочих к увеличению производительного капитала и к возрастанию спроса на труд. 2) Рост производительности капитала имеет тенденцию значительно понижать стоимость целого ряда продуктов и, следовательно, *делает их доступными для рабочего*, круг удовлетворяемых потребностей которого благодаря этому расширяется...

Однако:

1) Происходящее временами уменьшение фонда жизненных средств, образующих цену труда, даже если оно кратковременно и частично, приводит к весьма плачевным для рабочего результатам. 2) Обстоятельства, способствующие экономическому прогрессу данного общества, в значительной части случайны, они не зависят от воли производителей-капиталистов. Поэтому действие этих причин не является постоянным» и т. д. «3) Не столько абсолютное потребление рабочего, сколько его *относительное* потребление делает положение рабочего счастливым или несчастным. Какое значение имеет для рабочего, что он может добыть себе некоторые продукты, ранее недоступные людям его круга, *если количество тех продуктов, которые ему недоступны, возросло в еще большей пропорции, если расстояние, отделяющее его от капиталиста, только увеличилось*, если его социальное положение стало еще более низким и еще более неблагоприятным? За исключением предметов потребления, совершенно необходимых для поддержания сил, *ценность предметов нашего потребления весьма относительна.*

Забывают, что наемный рабочий — это мыслящий человек, одаренный теми же способностями, движимый теми же побуждениями, что и работник-капиталист» (стр. 65—67).

[1120] «Какие бы выгоды ни приносил наемным рабочим быстрый рост общественного богатства, он не устраняет причину их нищеты... Они остаются лишенными всякого права на капитал, а следовательно, вынужденными продавать свой труд и отказываться от всяких притязаний на продукты этого труда» (стр. 68). «В этом и состоит основной порок закона присвоения... Зло коренится в этом полном отсутствии связующего звена между наемным рабочим и тем капиталом, который приводится в движение его трудом» (стр. 68—69).

Эта последняя фраза насчет «связующего звена» целиком в духе Сисмонди и вообще нелепа.

О нормальном человеке, отождествляемом с капиталистом, и т. д. — см. там же, стр. 74—76.

О концентрации капиталов и устранении мелких капиталистов — стр. 85—88.

«Если при современном положении вещей действительная прибыль получается от сбережений капиталистов, то [при иной системе распределения] она с таким же успехом могла бы получаться и от сбережений наемных рабочих» (стр. 88—89).

[С другой стороны,] Шербюлье

1) разделяет взгляд [Джемса] Милля, что все налоги следует взимать с земельной ренты¹²⁸ (стр. 128), но, так как невозможно «установить налог таким образом, чтобы он действительно взимался с ренты и затрагивал только ренту», так как трудно отличить прибыль от ренты, — это, мол, совершенно невозможно тогда, когда собственник земли сам ее обрабатывает, — то Шербюлье

2) идет дальше и приходит к правильному выводу из учения Рикардо:

«Почему не делают следующего шага и не отменяют частную собственность на землю?» (стр. 129). «Земельные собственники — это праздные люди, которые содержатся на общественный счет без какой бы то ни было пользы для производства и для общего благосостояния общества». «Землю делают производительной применяемые в земледелии капиталы. Земельный собственник ничем этому не содействует. Он существует только для того, чтобы получать ренту, которая не составляет части прибыли с его капиталов и не является ни продуктом труда, ни продуктом производительных сил земли, а есть результат той цены, до которой конкуренция между потребителями поднимает земледельческие продукты» и т. д. (стр. 129). «Так как отмена частной собственности на землю ничего не изменила бы в тех причинах, которые порождают ренту, то рента продолжала бы существовать; но ее взимало бы государство, которому принадлежала бы вся земля и которое сдавало бы в аренду участки, годные для обработки, частным лицам, обладающим достаточными капиталами для их эксплуатации» (стр. 130). Рента заменила бы все государственные доходы. «В результате всего этого освобожденная промышленность, избавленная от всех оков, получила бы неслыханное развитие» и т. д. (стр. 130).

Но как примирить этот рикардианский вывод с благочестивым пожеланием в духе Сисмонди: наложить «оковы» на капитал, на капиталистическое производство? Как примирить его с такими вот стенаниями:

«Капитал в конце концов станет повелителем мира, если какой-нибудь переворот не остановит того процесса развития, который совершает наше общество при [нынешнем] господстве закона присвоения» (стр. 152). «Повсюду капитал уничтожит все старые социальные различия, чтобы вместо них установить это простое деление людей на богатых и бедных: на богатых, которые наслаждаются и управляют, и на бедных, которые работают и повинуются» (стр. 153). «Всеобщее присвоение *производительных фондов и продуктов* во все времена низводило многочисленный класс пролетариев до состояния подчинения и политической неспособности; но это присвоение сочеталось некогда с системой ограничительных законов, которые, *сковывая развитие промышленности и накопление капиталов*, [1121] ставили преграды возрастанию класса обездоленных, ограничивали тесными рамками его гражданские свободы и этим путем всячески содействовали тому, чтобы обезвредить этот класс. Ныне капитал разорвал часть этих оков. Он готовится разорвать их все» (стр. 155—156).

«Деморализация пролетариев — таково второе последствие [нынешнего] распределения богатств» ¹²⁹ (стр. 156).

[ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ]

РИЧАРД ДЖОНС

1) *R. JONES. AN ESSAY ON THE DISTRIBUTION OF WEALTH, AND ON THE SOURCES OF TAXATION. PART I: RENT. LONDON, 1831*
 [ЭЛЕМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ.
 ПРЕВОСХОДСТВО ДЖОНСА НАД РИКАРДО ПО ОТДЕЛЬНЫМ
 ВОПРОСАМ ТЕОРИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ И ЕГО ОШИБКИ
 В ЭТОЙ ОБЛАСТИ]

Отличительной чертой уже этого первого сочинения Джонса — о ренте — является то, чего недостает всем английским экономистам после сэра Джемса Стюарта, а именно: элементы понимания *исторического* различия способов производства. (Такому в общем и целом правильному различению исторических форм не противоречат очень существенные археологические, филологические и исторические ошибки, на которые указывалось Джонсу. См., например, «Edinburgh Review», том LIV, статья IV ¹³⁰.)

У новейших экономистов, следующих за Рикардо, Джонс нашел определение ренты как *добавочной прибыли*, определение, исходящее из того, что фермер является капиталистом (или что землю эксплуатирует сельскохозяйственный капиталист), который ожидает средней прибыли от этого особого применения капитала, и предполагающее, что само земледелие подчинено капиталистическому способу производства. Короче говоря, земельная собственность рассматривается здесь лишь в той преобразованной форме, которую придал ей капитал как господствующее производственное отношение общества, в ее современной буржуазной форме. Джонс отнюдь не разделяет той иллюзии, что капитал существует с начала мира.

Взгляды Джонса на происхождение ренты вообще резюмированы в следующих положениях:

«Способность земли даже при самом примитивном труде человека доставлять больше, чем необходимо для содержания земледельца, и таким образом давать ему возможность платить дань собственнику земли, — таково происхождение ренты» (стр. 4) [Русский перевод: *Джонс, Ричард. Экономические сочинения. Ленинград, 1937, стр. 27*].

«Итак, рента происходит от *присвоения земли* в такое время, когда основная масса населения вынуждена либо обрабатывать ее на любых условиях, либо умирать с голоду и когда скудный капитал этих людей, состоящий из орудий, семян и т. д., с непреодолимой необходимостью прикован вместе с ними к земле, так как его совершенно недостаточно для того, чтобы они могли просуществовать, занимаясь не земледелием, а чем-нибудь другим» (стр. 11) [Русский перевод, стр. 30—31].

Джонс исследует ренту во всех ее превращениях: от самой примитивной формы барщинного труда до современной фермерской ренты. Каждый раз он приходит к выводу, что определенной форме труда и условий труда соответствует определенная форма ренты, т. е. земельной собственности. Так, у него рассматриваются одна за другой отработочная рента, или рента в виде барщинного труда крепостных крестьян, переход от отработочной ренты к ренте продуктами, издольническая рента, райятская ¹³¹ рента и т. д., — исследование, подробности которого нас здесь не интересуют. Во всех более ранних формах ренты лицом, непосредственно присваивающим чужой *прибавочный труд*, является не капиталист, а собственник земли. Рента (как ее понимают на основе [феодальных] *воспоминаний* физиократы) выступает исторически (что еще в самых широких масштабах имеет место у народов Азии) как всеобщая форма *прибавочного труда*, труда, выполняемого безвозмездно. В отличие от капиталистических отношений, здесь присвоение этого прибавочного труда не опосредствуется обменом, а имеет своей основой насильственное господство одной части общества над другой. (Отсюда и прямое рабство, крепостничество или отношения политической зависимости.)

Так как здесь мы должны рассматривать земельную собственность лишь постольку, поскольку ее понимание обуславливает понимание капитала, то мы не будем останавливаться на аргументации Джонса, а сразу перейдем к тому результату, который очень выгодно отличает его от всех его предшественников.

Но предварительно еще несколько побочных замечаний.

Говоря о *барщинном труде* — и о тех формах крепостничества (а также рабства), которые ему более или менее соответствуют, — [1122] Джонс *бессознательно* выделяет те две формы, к которым сводится всякая прибавочная стоимость (всякий прибавочный труд). Вообще характерно то, что собственно барщинный труд в его самой *грубой форме яснее всего показывает существенные черты наемного труда*.

«Рента» (там, где имеет место барщинный труд) «может быть увеличена в этих условиях лишь двумя путями: или путем более умелого и более эффективного применения труда крепостных крестьян» (это —

относительный прибавочный труд), «чему, однако, препятствует неспособность земельных собственников, как класса, развивать агрономическую науку, или путем увеличения количества вымогаемого у крепостных труда, и тогда, если земля собственников будет обрабатываться лучше, то тем хуже будет обрабатываться земля крепостных, от которой в этом случае отбрасывается труд» (там же, глава II [стр. 61]) [Русский перевод, стр. 58].

Эту книгу Джонса о *ренте* отличает от его «Syllabus», подлежащего рассмотрению ниже, в разделе 2-м, следующее: в первом сочинении Джонс исходит, как из чего-то данного, из различных форм земельной собственности, а во втором — из различных форм труда, которым они соответствуют.

Джонс показывает также, как этим различным производственным отношениям соответствуют различные степени развития общественной производительной силы труда.

Барщинный труд (точно так же, как и труд рабов) имеет то общее с наемным трудом, поскольку дело касается ренты, что последняя уплачивается *трудом*, а не *продуктами*, и тем более не *деньгами*.

При издольнической ренте «авансирование капитала земельным собственником и предоставление непосредственным работникам самостоятельности в деле обработки земли указывают на все еще продолжающееся отсутствие здесь промежуточного класса капиталистов» (стр. 74) [Русский перевод, стр. 66].

«Райятские ренты — это те ренты продуктами, которые работник, извлекающий свою заработную плату из земли, уплачивает суверену как ее собственнику» (глава IV [стр. 109]) [Русский перевод, стр. 85]. (Они свойственны главным образом Азии.) «Райятские ренты часто сочетаются с отработочными рентами и с издольническими рентами» (стр. 136 и следующие) [Русский перевод, стр. 100]. Главным земельным собственником является здесь суверен.

«Процветание или, вернее, существование городов в Азии целиком зависит от местных расходов правительства» (стр. 138) [Русский перевод, стр. 101].

«Коттерские ¹³² ренты... — это все те ренты, которые по договору должны уплачиваться в денежной форме крестьянами-арендаторами, извлекающими свои средства существования из земли» (стр. 143) [Русский перевод, стр. 104]. (Ирландия.) «На большей части поверхности земного шара не существует денежных рент» [там же].

«Все эти формы» (отработочная, райятская, издольническая, коттерская рента и т. д. — короче говоря, все формы крестьянских рент) «препятствуют полному развитию производительных сил земли» (стр. 157) [Русский перевод, стр. 113].

«Различия в производительности труда различных людей зависят, во-первых, от степени изобретательности, используемой при применении ручного труда, и, во-вторых, от того, в какой мере чисто физическим усилиям человека помогают накопленные результаты прошлого труда, т. е. они зависят от различий в умении, знаниях и капитале, применяемых в производстве» (стр. 157—158) [Русский перевод, стр. 113].

«Малочисленность неземледельческих классов. Ясно, что относительная численность тех людей, которые могут существовать не занимаясь земле-

дельческим трудом, *всецело определяется производительностью труда земледельцев*» (гл. VI [стр. 159—160]) [Русский перевод, стр. 114].

«В Англии арендаторы, которые взялись за обработку земли в поместьях земельных собственников после того, как труд крепостных вышел из употребления, нашлись в самой деревне. Это были *йомены*» (там же [стр. 166]) [Русский перевод, стр. 117—118].

Мы подходим, наконец, к тому пункту, который нас здесь больше всего интересует, к *фермерским рентам*. Именно здесь разительно выступает превосходство Джонса: он доказывает, что то, что Рикардо и другие рассматривают как вечную форму земельной собственности, есть ее буржуазная форма, которая вообще появляется только тогда, когда, во-первых, земельная собственность перестает быть отношением, господствующим над производством, а потому и над обществом, и, во-вторых, само земледелие ведется капиталистически, что предполагает развитие крупной промышленности (по крайней мере, мануфактуры) в городах. Джонс показывает, что рента в рикардовском смысле существует только в таком [1123] обществе, базисом которого является капиталистический способ производства. С превращением земельной ренты в добавочную прибыль прекращается также *прямое* влияние земельной собственности на заработную плату, а это означает, другими словами, лишь то, что отныне не земельный собственник, а капиталист становится *тем, кто непосредственно присваивает прибавочный труд*. Относительная величина ренты зависит уже только от распределения *прибавочной стоимости* между капиталистом и земельным собственником, а не от самого извлечения этого прибавочного труда. Этот момент по сути дела выступает у Джонса, хотя ясно он этого и не высказывает.

По сравнению с Рикардо Джонс делает существенный шаг вперед как в смысле исторического подхода к объяснению явлений, так и в отношении экономических подробностей. Мы проследим его теорию шаг за шагом. В ней, конечно, встречаются и нелепости.

В нижеследующих положениях Джонс правильно выясняет те исторические и экономические условия, при которых земельная рента является добавочной прибылью, иначе говоря, выражением *современной* земельной собственности.

«Фермерские ренты могут существовать лишь тогда, когда *наиболее важные взаимоотношения различных классов общества уже не происходят из собственности на землю и из владения землей*» (стр. 185) [Русский перевод, стр. 128].

Капиталистический способ производства начинается в промышленности и подчиняет себе земледелие лишь позднее.

«Первыми под *власть капиталистов* попадают мастеровые и ремесленники» (стр. 187) [Русский перевод, стр. 129].

«Одним из непосредственных следствий такого рода системы является *возможность перемещать по своему усмотрению* в другие отрасли хозяйства труд и капитал, применяемые в земледелии».

{И лишь при наличии этой возможности может идти речь о выравнивании прибылей в земледелии и промышленности.}

«Пока арендатор сам был работающим крестьянином, вынужденным ввиду отсутствия других средств к существованию извлекать их из земли, он был прикован нуждой к этой земле; незначительный капитал, которым он, может быть, обладал, был фактически прикован к земле вместе с его владельцем, так как этого капитала было недостаточно для обеспечения его существования, если он не употреблялся исключительно для обработки земли. С появлением капиталистического предпринимателя эта зависимость от земли прекращается, и если *от применения рабочих в земледелии нельзя выручить столько же, сколько от их труда в различных других отраслях*, которых при таком состоянии общества имеется множество, то занятие земледелием будет оставлено. Рента при таком положении вещей необходимым образом состоит только из *добавочной прибыли*» (стр. 188) [Русский перевод, стр. 130]. «Влияние ренты на величину заработной платы прекращается» [там же]. «Когда использование работника переходит в руки капиталиста, то его *зависимость от земельного собственника прекращается*» (стр. 189) [Русский перевод, стр. 130].

Каким образом возникает *добавочная прибыль*, Джонс, как мы увидим дальше, собственно говоря, не объясняет, или, вернее, объясняет это лишь по-рикардовски, т. е. различием в степени естественного плодородия различных земель.

«Когда рента состоит из *добавочной прибыли*, рента с определенного участка земли может возрасть по трем причинам:

1) увеличение продукта вследствие того, что при его производстве применяется большее количество накопленного капитала;

2) более эффективное применение уже вложенного капитала;

3) если капитал и продукт остаются без изменения, — уменьшение доли производящих классов в этом продукте и соответствующее увеличение доли земельного собственника.

Эти причины могут также действовать совместно в различных сочетаниях» (стр. 189) [Русский перевод, стр. 130—131].

Посмотрим, как обстоит дело с этими различными причинами. Прежде всего, все они предполагают, что рента происходит из добавочной прибыли. А затем не подлежит ни малейшему сомнению, что первая из этих причин, которую Рикардо лишь однажды вскользь упоминает *, указана совершенно правильно. Если увеличивается применяемый в земледелии капитал, то увеличивается и масса ренты, хотя *цены на хлеб* и т. д. не повышаются и вообще не происходит никакого другого изменения. Ясно, что в этом случае *повышается* также

* См. настоящее издание, часть II, стр. 112, 136 и 346—347, Ред.

цена земли; хотя хлебные цены не повышаются и в них вообще не происходит никакого изменения.

Ренту с *наихудшей земли* Джонс объясняет *монопольной ценой*. Действительный источник ренты сводится у него, стало быть, к следующему: либо *монопольная цена* (как у Бьюкенена, Сисмонди, Гопкинса и др.), когда имеется *абсолютная рента* (проистекающая не из различия в плодородии различных сортов почвы), либо *дифференциальная рента* (как у Рикардо).

{*Ad vocet * абсолютной ренты*. Возьмем *золотоносный рудник*. Допустим, что применяемый капитал равен 100 ф. ст., средняя прибыль равна 10 ф. ст., рента равна 10 ф. ст. Предположим, что капитал состоит наполовину из постоянного капитала (в данном случае — из машин и вспомогательных материалов) и наполовину из переменного капитала. 50 ф. ст. постоянного капитала означают лишь то, что в них содержится столько же рабочего времени, сколько [1124] в золоте на 50 ф. ст. Поэтому та часть продукта, которая равна 50 ф. ст., возмещает потребленный постоянный капитал. Если остаток продукта равен 70 ф. ст. и на 50 ф. ст. переменного капитала приводится в движение 50 рабочих, то [труд] 50 рабочих (предположим, что рабочий день равен 12 часам) должен найти себе выражение в 70 ф. ст. золота, из которых 50 ф. ст. оплачивают заработную плату, а 20 ф. ст. воплощают неоплаченный труд. Стоимость продукта всех капиталов такого органического строения равна тогда 120 ф. ст. Продукт тогда составляет $50c + 70$, а эти последние 70 ф. ст. представляют 50 рабочих дней и равны $50v + 20m$. Капитал в 100 ф. ст., который применял бы больше постоянного капитала и меньшее число рабочих, произвел бы продукт меньшей стоимости. Однако все обычные промышленные капиталы, хотя стоимость их продукта при таких условиях равнялась бы 120 ф. ст., продавали бы его лишь по его цене производства в 110 ф. ст. Но в случае с золотоносным рудником, даже независимо от собственности на землю, это невозможно, так как стоимость здесь выражается в натуральной форме продукта. Следовательно, здесь с необходимостью должна получаться рента в 10 ф. ст.}

«Хлеб может продаваться по *монопольной цене* (т. е. по цене, превышающей издержки и прибыли тех, кто производит его при наименее благоприятных условиях) или же по такой цене, которая *оплачивает лишь обычную прибыль*. Если взять первый случай, то, оставляя в стороне все различия в плодородии обрабатываемых участков земли, *увеличение продукта, полученное благодаря увеличению капитала* (при прежних ценах), может повысить ренту пропорционально увеличению затраченного

* — По поводу. Ред.

капитала. Предположим, например, что 10% составляют обычную норму прибыли. Если хлеб, на производство которого израсходовано 100 ф. ст., может быть продан за 115 ф. ст., то рента составит 5 ф. ст. Если бы в результате повышения культуры земледелия примененный на той же самой земле капитал, так же как и продукт, увеличились вдвое, то 200 ф. ст. капитала дадут продукт в 230 ф. ст., и рента составит 10 ф. ст., т. е. тоже увеличится вдвое» (стр. 191) [Русский перевод, стр. 131—132].

{Это относится как к абсолютной, так и к дифференциальной ренте.}

«В небольшом по размерам обществе хлеб всегда может продаваться по *монопольной цене*... Это возможно и в более обширных странах, если население постоянно возрастает быстрее, чем увеличивается продукция земледелия. Но монопольная цена на хлеб — весьма необычное явление для стран, отличающихся значительными размерами и большим разнообразием почв. Если имеет место значительное повышение хлебных цен, то в обработку вводится больше земель или же вкладывается больше капитала на прежней земле, пока не установится цена, дающая едва ли больше обычной прибыли на произведенные затраты. Тогда дальнейший рост земледелия приостанавливается, и в таких странах хлеб обычно продается по цене, не превышающей ту, которая достаточна для возмещения капитала, примененного при наименее благоприятных условиях, и для получения обычной нормы прибыли на него, а рента, уплачиваемая с более плодородных земель, измеряется тогда величиной избытка их продукта над продуктом наихудшей почвы, обрабатываемой с затратой такого же капитала» (стр. 192) [Русский перевод, стр. 132].

«Все, что необходимо для повышения ренты на всей земельной площади страны, обладающей землями различного качества, сводится к тому, чтобы лучшие земли давали несколько больше продукта, чем земли заведомо худшего качества, на тот добавочный капитал, который вкладывается в них по мере развития земледелия; ибо в этом случае, пока можно будет находить средства для применения нового капитала, с обычной нормой прибыли, на любой земле между A и Z^* , ренты возрастут на всех землях, качество которых выше этой особой земли» (стр. 195) [Русский перевод, стр. 134].

«Если земля A , обрабатываемая при затрате в 100 ф. ст., приносит ежегодно 110 ф. ст., — причем 10 ф. ст. составляют обычную прибыль, — земля B при затрате в 100 ф. ст. приносит 115 ф. ст., земля C при затрате в 100 ф. ст. приносит 120 ф. ст. и т. д. до земли Z , то B дает ренту в 5 ф. ст., а C — ренту в 10 ф. ст. Предположим теперь, что каждая из этих земель обрабатывается при затрате в 200 ф. ст. В этом случае A доставит 220 ф. ст., B — 230 ф. ст., C — 240 ф. ст. и т. д., так что рента на земле B составит 10 ф. ст., на земле C — 20 ф. ст. и т. д.» (стр. 193) [Русский перевод, стр. 133].

«*Общее накопление* применяемого в земледелии капитала, увеличивая продукт всех сортов почвы более или менее в соответствии с их первоначальным качеством, должно само по себе повысить ренту независимо от какого бы то ни было прогрессирующего уменьшения выручки от примененного труда и капитала и вообще совершенно независимо от какой бы то ни было другой причины» (стр. 195) [Русский перевод, стр. 134].

* A и Z — первая и последняя буквы латинского алфавита — обозначают здесь наихудшую и наилучшую землю данной страны. Ред.

Заслуга Джонса состоит в том, что он впервые ясно подчеркивает, что раз мы уже предположили существование ренты, то ее рост {всегда при предположении, что не происходит никаких переверотов в способе производства} будет вообще вызываться увеличением сельскохозяйственного капитала, капитала, примененного к земле. Это может иметь место не только тогда, когда цены остаются без изменения, но даже и тогда, когда они *падают* ниже их прежнего уровня.

[1125] Против утверждений об убывающей производительности [земледелия] Джонс замечает:

«Некогда средний урожай зерна в Англии не превышал 12 бушелей с акра. Теперь он приблизительно вдвое больше» (стр. 199) [Русский перевод, стр. 136].

«Каждая последующая затрата капитала и труда, вкладываемая в землю, может применяться более экономно и эффективно, чем предыдущая» (стр. 199—200) [Русский перевод, стр. 136—137].

«Рента увеличивается вдвое, втрое, вчетверо и т. д., когда капитал, вложенный в ту же землю, что и прежде, увеличивается вдвое, втрое, вчетверо, без уменьшения выручки и без изменения в относительном плодородии обрабатываемых земель» (стр. 204) [Русский перевод, стр. 139].

Итак, это — первый пункт, где Джонс имеет преимущество перед Рикардо. Раз рента уже существует, она может возрастать благодаря простому увеличению примененного к земле капитала, независимо от какого бы то ни было изменения как в относительном плодородии различных земель, так и в выручке от последовательно примененных доз капитала, и без каких-либо изменений в *цене* сельскохозяйственных продуктов.

Следующий пункт у Джонса таков:

«Для роста ренты не является существенно необходимым, чтобы *отношение между плодородием различных земель* оставалось в точности *неизменным*» (стр. 205) [Русский перевод, стр. 140].

{Джонс упускает здесь из виду, что, наоборот, *увеличение различий* в плодородии земель, даже когда весь сельскохозяйственный капитал применяется более производительнее, должно *увеличить* и, действительно, увеличит массу дифференциальной ренты. *Уменьшение* различий в плодородии земель должно, наоборот, уменьшить дифференциальную ренту, т. е. ренту, проистекающую из *этих различий*. С устранением причины устраняется и следствие. И тем не менее рента (оставляя в стороне абсолютную ренту) может возрастать, но тогда уже только вследствие увеличения применяемого в земледелии капитала.}

«Рикардо упустил из виду, что *добавочный капитал* неизбежно приносит *неодинаковые результаты на землях неодинакового плодородия*» (там же).

(Это означало бы, следовательно, только то, что применение добавочного капитала увеличивает различия в относительном плодородии земель и этим путем повышает дифференциальную ренту.)

«Если числа, находящиеся в определенном отношении друг к другу, помножить на одно и то же число, то отношение между членами ряда останется таким же, каким оно было между первоначальными числами, но *разность между величинами* отдельных произведений будет каждый раз возрастать. Если 10, 15, 20 помножить на 2 или на 4 и они превратятся в 20, 30, 40 или в 40, 60, 80, то отношения их друг к другу не нарушатся; 80 и 60 находятся в таком же отношении к 40, как 20 и 15 к 10, но *разность между величинами их произведений* будет каждый раз возрастать: вначале мы имели разности 5 и 10, потом — разности 10 и 20 и, наконец, — разности 20 и 40» (стр. 206—207) [Русский перевод, стр. 140—141].

Закон этот состоит просто-напросто в следующем:

1) 10,	⁵	15,	¹⁰	20.	Разность 5 [и 10].	Сумма разностей 15.
2) 20,	¹⁰	30,	²⁰	40.	Разность 10 [и 20].	Сумма разностей 30.
3) 40,	²⁰	60,	⁴⁰	80.	Разность 20 [и 40].	Сумма разностей 60.
4) 80,	[⁴⁰]	120,	[⁸⁰]	160.	[Разность 40 и 80.	Сумма разностей 120.]

Разность между членами увеличилась вдвое во 2-м ряду, вчетверо в 3-м ряду. Сумма разностей тоже увеличивается вдвое во 2-м ряду, вчетверо в 3-м ряду, и т. д.

Таков, следовательно, второй закон.

Первый закон (Джонс относит его только к дифференциальной ренте) гласил: масса ренты возрастает вместе с массой применяемого капитала. Если для капитала в 100 масса ренты равна 5, то для капитала в 200 она будет равна 10.

[1126] *Второй закон*: Если все другие обстоятельства остаются без изменения и не изменяется отношение разности [выручки на] капиталы, применяемые на различных землях, то *общая масса этих разностей* и, следовательно, величина совокупной ренты, или сумма этих разностей, возрастает с возрастанием абсолютной величины этих разностей, вызываемым увеличением применяемых капиталов. Следовательно, *второй закон* утверждает: масса дифференциальной ренты возрастает пропорционально увеличению разности продукта, получаемого с различных земель, при неизменном соотношении их плодородия, но при равномерном возрастании капитала, применяемого на этих землях.

«Далее: если на землях разрядов *A, B, C* применяется 100 ф. ст., дающих продукт в 110, 115 и 120 ф. ст., а впоследствии 200 ф. ст. с валовым доходом в 220, 228 и 235 ф. ст., то относительно различия в величине продукта уменьшились, и земли эти *по плодородию приблизились друг к другу*. Тем не менее *разности между величиной их продукта* увеличились с 5 и 10

до 8 и 15, и ренты поэтому повышаются. Таким образом, улучшения, имеющие тенденцию приближать друг к другу степень плодородия обрабатываемых земель, вполне могут повышать ренту даже и без содействия какой-либо другой причины» (стр. 208) [Русский перевод, стр. 141].

«Возделывание турнепса и овцеводство и те новые капиталы, которые были применены для этого, внесли большие изменения в плодородие худших земель, чем в плодородие лучших. Тем не менее это увеличило *абсолютный продукт тех и других* и поэтому повысило ренты, уменьшив в то же время различия в плодородии обрабатываемых земель» (там же) [Русский перевод, стр. 141—142].

«Что касается мнения Рикардо, что улучшения могут вызывать падение ренты, то здесь следует вспомнить о том, как медленно на практике изобретаются, разрабатываются и распространяются улучшения в земледелии» (стр. 211) [Русский перевод, стр. 143].

{Это последнее положение имеет лишь практический интерес, оно не касается самого существа дела; в нем отмечено только то, что эти улучшения происходят недостаточно быстро для того, чтобы значительно увеличить предложение сравнительно со спросом и таким путем понизить рыночные цены.}

Вначале мы имели:

1) $\begin{matrix} A & B & C \\ 10, & 15, & 20. \end{matrix}$

Капитал, применяемый в каждом разряде, равен 100. Продукт равен 110, 115, 120. *Разность* составляет $5 + 10 = 15$.

В результате введенных улучшений здесь теперь применяется вдвое больший капитал, 200 вместо 100 в каждом из разрядов *A*, *B*, *C*, но этот капитал действует на различные разряды по-разному, и мы имеем продукты, равные 220 (т. е. продукт разряда *A* удвоился), 228 и 235.

Итак:

2) $\begin{matrix} A & B & C \\ 20, & 28, & 35. \end{matrix}$

Капитал, применяемый в каждом разряде, теперь равен 200. Продукт равен 220, 228 и 235. *Разность* составляет $8 + 15 = 23$. Но норма этой разности уменьшилась. $5 : 10$ (т. е. отношение разности $B - A$ к A в случае 1-м) $= \frac{1}{2}$ и $10 : 10 = 1$, тогда как отношение $8 : 20$ равно только $\frac{2}{5}$ и $15 : 20 = \frac{3}{4}$. Норма разности уменьшилась, но по своей массе сама разность увеличилась. Это, однако, не образует никакого нового закона, а только свидетельствует о возрастании ренты по мере возрастания применяемого капитала, как в первом законе, хотя возрастание продукта на землях *A*, *B*, *C* происходит не пропорционально разностям, выражающим их первоначальные различия в плодородии. Если вследствие этого повышения плодородия (которое, однако, для *B* и *C* означает [относительное] уменьшение плодородия, потому что иначе их продукт должен был бы равняться 230 и 240) цены упадут, то нет никакой необходимости

в том, чтобы рента повысилась или хотя бы только осталась неизменной.

[1127] Как вывод из второго закона, как его дальнейшее применение, следует

третий закон: Если улучшения, «улучшения, повышающие эффективность капитала, применяемого в земледелии», увеличивают *добавочные прибыли*, получаемые на тех или иных участках земли, то они увеличивают ренту.

Сюда относятся (вместе с предыдущими) следующие положения Джонса:

«Итак, первым источником повышения фермерских рент являются *растущее накопление и неодинаковые результаты, приносимые капиталом на различной земле*» (стр. 234) [Русский перевод, стр. 156].

{Это, однако, может относиться только к таким улучшениям, которые непосредственно влияют на плодородие земли, как например удобрения, севооборот и т. д.}

«Улучшения, повышающие эффективность капитала, применяемого в земледелии, вызывают повышение ренты, увеличивая *добавочные прибыли, получаемые на тех или иных участках земли*. Они всегда вызывают это увеличение добавочной прибыли, *если только не увеличивают массу продуктов земли так быстро, что это опережает рост спроса*. Такие улучшения, повышающие эффективность применяемого капитала, обычно появляются с развитием земледельческого искусства и с накоплением *более значительных масс вспомогательного капитала*» (постоянного капитала). «За происходящим по этой причине повышением ренты обычно следует *введение в обработку худших земель без какого-либо уменьшения выручки на земледельческий капитал, применяемый на наилучших из используемых участков*» (стр. 244) [Русский перевод, стр. 161].

{Джонс совершенно правильно замечает, что падение прибыли *не доказывает* того, что производительность земледелия уменьшается. Но сам он возможность падения прибыли объясняет весьма несовершенным образом. Он ссылается на то, что может измениться или количество продукта, или распределение его между рабочими и капиталистами. Здесь еще нет даже отдаленного представления о действительном законе падения нормы прибыли.

«Падение прибыли не является доказательством уменьшающейся производительности земледелия» (стр. 257) [Русский перевод, стр. 168].

«Прибыль зависит отчасти от *массы* продукта труда, отчасти от *распределения* этого продукта между рабочими и капиталистами; поэтому масса ее может изменяться в результате изменения любого из этих факторов» (стр. 260) [Русский перевод, стр. 170].

• Отсюда и ошибочный закон, формулируемый Джонсом:

«Когда, оставляя в стороне действие налогового обложения, имеет место явное уменьшение дохода производительных классов, вместе взя-

тых» (здесь не сказано, что понимается под доходом — потребительная стоимость или меновая, имеется ли в виду масса прибыли или ее норма), «и наблюдается падение нормы прибыли, не компенсируемое повышением заработной платы, или наоборот» (это и есть ошибочный рикардовский закон), «то можно сделать тот вывод, что произошло некоторое уменьшение производительной силы труда и капитала» (стр. 273) [Русский перевод, стр. 177].}

Джонс правильно понимает то обстоятельство, что с развитием общества может иметь место *относительное возрастание* стоимости земледельческих продуктов по сравнению с промышленными продуктами, хотя абсолютно земледелие в действительности прогрессирует:

«В процессе развития страны обычно бывает так, что мощность и искусность промышленности возрастают *в большей степени*, чем тот рост, которого можно ожидать от земледелия при растущем народонаселении. Это бесспорная истина. Поэтому по мере развития страны можно ожидать *возрастания относительной стоимости земледельческих продуктов без какого-либо положительного уменьшения* производительности земледелия» (стр. 265) [Русский перевод, стр. 173].

Но это не объясняет *положительного* возрастания *денежных цен* земледельческих продуктов — за исключением того случая, когда происходит такое падение стоимости золота, которое в промышленности уравнивается и перевешивается еще большим падением цен на промышленные товары, между тем как в земледелии такого уравнивания не происходит. Это может иметь место даже [1128] и тогда, когда не происходит всеобщего падения стоимости золота (денег), но, например, какая-нибудь страна покупает на результат своего однодневного труда больше денег, чем конкурирующие с ней страны.

Джонс объясняет причины, почему он *не верит* в действие в Англии рикардовского закона, абстрактную возможность которого он, однако, допускает:

«Если рента возрастает по причине, выдвигаемой Рикардо, а именно, вследствие «применения добавочного количества труда с относительно меньшей выручкой» и вследствие вытекающего отсюда перехода к земельным собственникам части продукта, получаемого на лучших землях, то тогда с необходимостью должна возрастать та *доля валового продукта*, которую земельные собственники берут себе *в среднем* в качестве ренты. Во-вторых, в этом случае в земледелии должен применяться труд более значительной части населения, чем до этого» (стр. 280—281) [Русский перевод, стр. 180—181].

(Последнее неточно. Возможно, что применяется больше косвенного [secondary] труда, что больше товаров, доставляемых промышленностью и торговлей, входит в процесс земледелия без соответственного увеличения валового продукта и без

применения большого количества непосредственного [земледельческого] труда. Его может быть применено даже меньше.)

«В английской статистике мы находим три факта: расширение площади обрабатываемой земли, сопровождаемое увеличением общей суммы ренты всей страны; уменьшение доли населения, занятого в земледелии; падение доли земельного собственника в продукте» (стр. 282) [Русский перевод, стр. 182].

(Последнее объясняется совершенно так же, как и падение нормы прибыли, — увеличением той части продукта, которая возмещает постоянный капитал. При этом рента может возрасти по своей массе и стоимости.)

«А. Смит говорит: «По мере развития улучшений в земледелии рента, увеличиваясь по отношению к обрабатываемой площади, уменьшается по отношению к продукту земли»¹³³» (стр. 284) [Русский перевод, стр. 183].

Джонс называет постоянный капитал «вспомогательным [auxiliary] капиталом».

«Из различных отчетов, представленных в разное время министерству земледелия, следует, что в Англии весь капитал, применяемый в земледелии, относится к капиталу, затрачиваемому на содержание рабочих, как 5 : 1, т. е. что вспомогательного капитала употребляется в четыре раза больше, чем капитала, идущего на содержание того труда, который используется непосредственно в земледелии. Во Франции это отношение равно 2 : 1» (стр. 223) [Русский перевод, стр. 149].

«Когда определенное количество добавочного капитала прилагается в форме *результата прошлого труда*, чтобы способствовать труду применяемых в настоящий момент рабочих, то для того, чтобы применение такого капитала было прибыльным и потому постоянно возможным, достаточно *меньшей годовой выручки*, чем если бы такое же количество нового капитала было затрачено на содержание добавочного числа рабочих» (стр. 224) [Русский перевод, стр. 150].

«Предположим, что 100 ф. ст. затрачиваются в земледелии на содержание трех рабочих, которые производят свою собственную заработную плату и 10% прибыли на нее, т. е. всего 110 ф. ст. Допустим, что величина затрачиваемого капитала удвоилась. При этом сначала применяются трое новых рабочих. Прирост продукта должен равняться 110 ф. ст., т. е. заработной плате трех добавочных рабочих плюс 10 ф. ст. прибыли. Предположим теперь, что добавочные 100 ф. ст. применены в форме орудий, удобрений или в форме какого-нибудь другого результата прошлого труда, тогда как число занятых рабочих осталось прежним. Пусть этого вспомогательного капитала хватает в среднем на пять лет. В этом случае годовая выручка капиталиста должна быть такой величины, чтобы она могла оплатить 10% прибыли [на добавочный капитал] и 20 ф. ст. для покрытия ежегодного износа этого капитала; следовательно, чтобы сделать прибыльным постоянное применение вторых 100 ф. ст., необходима годовая выручка в 30 ф. ст., вместо 110 ф. ст., необходимых для прибыльного применения непосредственного труда. Ясно поэтому, что накопление вспомогательного капитала в земледелии возможно и тогда, когда уже стало невозможным употребление того же количества капитала на содержание добавочного труда, и что накопление такого капитала в земледелии может продолжаться

далее в течение неограниченного периода» (стр. 224—225) [Русский перевод, стр. 150].

«Таким образом, возрастание вспомогательного капитала, с одной стороны, увеличивает власть человека над силами земли при том же количестве [1129] труда, непосредственно или опосредствованно затрачиваемого на ее обработку, а с другой стороны, *уменьшает минимум годовой выручки*, необходимый для того, чтобы сделать прибыльным прогрессирующее применение определенных количеств нового капитала» (стр. 227) [Русский перевод, стр. 152].

«Предположим, например, земледельческий капитал в 100 ф. ст., целиком идущий на выплату заработной платы и приносящий 10% прибыли. В этом случае доход фермера равняется одной десятой дохода рабочих. Если такой капитал увеличится в два, три и т. д. раза, то доход фермера будет находиться в прежнем отношении к доходу рабочих. Но если число рабочих останется прежним, а масса капитала увеличится вдвое, то прибыль составит 20 ф. ст., или пятую часть дохода рабочих. Если капитал увеличится в четыре раза, то прибыль составит 40 ф. ст., или две пятых дохода рабочих. Если капитал возрастет до 500 ф. ст., то прибыль составит 50 ф. ст., или половину дохода рабочих. *Соответственно этому возрастут и богатство, влияние и, вероятно, также, до некоторой степени, численность капиталистов в обществе...* С *ростом капитала* обычно становится необходимым также и *применение некоторого количества добавочного непосредственного труда*. Однако это обстоятельство не мешает *неуклонному отношению к росту вспомогательного капитала*» (стр. 231—232) [Русский перевод, стр. 154—155].

В этом отрывке прежде всего важно замечание, что с ростом капитала «вспомогательный капитал» возрастает в сравнении с переменным, иначе говоря, что последний *относительно* уменьшается по сравнению с постоянным капиталом.

Уменьшение *годовой выручки* в сравнении с авансированным капиталом, когда возрастает та часть «вспомогательного капитала», которая состоит из основного капитала, т. е. та часть постоянного капитала, оборот которой длится несколько лет и стоимость которой ежегодно входит в продукт лишь в форме износа, — имеет место везде, а не только в земледелии. Правда, в промышленности количество перерабатываемого в течение года сырья увеличивается еще гораздо быстрее, чем растет величина основного капитала (сравни, например, количество хлопка, потребляемое мюль-машиной еженедельно, а следовательно и ежегодно, с тем количеством хлопка, которое требуется для самопрялки). Но если мы примем, что, например, швейное производство (крупных размеров) перерабатывает сырье такой же совокупной *стоимости*, что и прядение (сырья здесь меньше по количеству, но оно дороже, чем в прядении), тогда годовая выручка в швейном производстве должна быть значительно большей, чем в прядении, так как в прядении значительная часть затрачиваемого капитала (основного) входит в продукт только в виде годичного начисления.

Стоимость годовой выручки в земледелии (где то, что можно рассматривать как сырье, — семена, — увеличивается не в такой степени, как другие части постоянного капитала, в особенности основной капитал), конечно, меньше тогда, когда капитал возрастает таким образом, что вместо переменного возрастает только постоянный капитал. Ибо переменный капитал должен быть возмещен в продукте полностью, а основной — только в виде годичного начисления, в той мере, в какой он ежегодно потребляется. Если предположить, что *цена зерна* дана, если квартал равен $1\frac{1}{2}$ ф. ст., то нужны 220 кварталов, чтобы возместить, при 10% прибыли, переменный капитал в 100 ф. ст., тогда как для возмещения износа в 20 ф. ст. и прибыли в 10 ф. ст. нужны лишь 60 кварталов (= 30 ф. ст.). Меньшая абсолютная выручка (здесь, как и при подобных условиях в промышленности) дает такую же прибыль. Всё же у Джонса здесь имеются различного рода ошибки.

Прежде всего, нельзя сказать (при *сделанных* предположениях), что производительные силы земли возросли. Они возросли по сравнению с непосредственно примененным трудом, но не по сравнению со всем примененным капиталом. Можно лишь сказать, что необходим меньший *валовой продукт*, чтобы доставлять прежний *чистый продукт*, т. е. прежнюю прибыль.

[1130] Далее, возрастание дохода фермера по сравнению с *доходом рабочих* в этой *особой* сфере важно, правда, постольку, поскольку здесь та часть совокупного продукта, которая превращается в прибыль, все время увеличивается по сравнению с той частью, которая достается рабочим. Тем самым неуклонно возрастают и расширяются «богатство и влияние» фермера-капиталиста по сравнению с «богатством и влиянием» его рабочих. Но Джонс, по-видимому, считает так: 10 на 100 составляют $\frac{1}{10}$; 20 ф. ст. на 120 (а именно, 100, затраченные на труд, и 20, выражающие износ) составляют $\frac{1}{6}$, и эти же 20 ф. ст. составляют $\frac{1}{6}$ выплаченной рабочим заработной платы, и т. д. Однако нет ничего ошибочнее утверждения, будто, говоря в общем виде, норма прибыли может повышаться при уменьшении капитала, затрачиваемого на труд. Как раз наоборот. В этом случае реализуется относительно меньше прибавочной стоимости, и норма прибыли понижается. Что касается специально отдельного фермера (как и каждого отдельного предприятия), то норма прибыли может остаться одинаковой, применяется ли там при капитале в 200 ф. ст. труд трех или шести рабочих.

Чтобы рента могла представлять собой добавочную прибыль, т. е. избыток над средней прибылью, предполагается, что земледелие не только *формально* подчинено капиталистическому

производству, но что происходит выравнивание норм прибыли в различных отраслях производства и, в частности, между земледелием и промышленностью. В других случаях рента может составлять *избыток над заработной платой* (чем является и прибыль). Она может представлять также часть прибыли или даже быть вычетом из заработной платы.

2) R. JONES. AN INTRODUCTORY LECTURE ON POLITICAL ECONOMY, DELIVERED AT KING'S COLLEGE, LONDON, 27th FEBRUARY, 1833. TO WHICH IS ADDED A SYLLABUS OF A COURSE OF LECTURES ON THE WAGES OF LABOR. LONDON, 1833

[ПОНЯТИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАЦИИ» И ПОПЫТКА С ЕГО ПОМОЩЬЮ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА. ПУТАНИЦА ОТНОСИТЕЛЬНО «РАБОЧЕГО ФОНДА»]

[В «Introductory Lecture» Джонс пишет:]

«Почти повсюду, в определенный период истории того или другого народа, собственность на землю находится либо в руках правительства страны, либо в руках лиц, получающих свое право от правительства» (стр. 14) [Русский перевод, стр. 216].

«Под экономической структурой нации я понимаю те отношения между различными классами, которые установились первоначально вследствие введения собственности на землю и в результате распределения ее прибавочного продукта, а затем подверглись модификации и изменению (в большей или меньшей степени) благодаря *появлению капиталистов*, как агентов, занятых производством и обменом богатства и дающих рабочему населению пропитание и работу» (стр. 21—22) [Русский перевод, стр. 220—221]. [1130]¹³⁴

[1130] Джонс понимает под «рабочим фондом» [«Labor Fund»]

«всю совокупность доходов, потребляемых работниками, каков бы ни был источник этих доходов» («Syllabus», стр. 44).

Главное у Джонса (термин «рабочий фонд» принадлежит, надо полагать, Мальтусу?)¹³⁵ заключается в следующем: вся экономическая структура общества вращается вокруг *формы труда*, т. е. вокруг той формы, в какой работник присваивает себе жизненные средства, или ту часть своего продукта, на которую он существует; этот «рабочий фонд» имеет различные формы, и *капитал* есть только одна из его форм, исторически более поздняя форма. Лишь у Джонса существенное различие, установленное А. Смитом — оплачивается ли труд капиталом или непосредственно из дохода, — достигает своего

полного развития, на какое оно только способно, и становится решающим ключом к пониманию различных экономических структур общества. Тем самым одновременно исчезает нелепое представление, что, поскольку в капитале доход рабочего выступает сперва в форме чего-то присвоенного капиталистом, *alias* * чего-то *сбереженного* им, то это-де есть нечто большее, чем различие формы.

«Даже у западноевропейских наций мы еще находим последствия того общественного устройства, которое вытекает из особого способа распределения продукта их земли и труда, способа распределения, установившегося [1131] в ранний период их существования как земледельческих наций» (а именно, распределения между 1) классом земледельцев, 2) классом земельных собственников и 3) их слугами, челядью и ремесленниками, которые непосредственно или косвенно участвуют в потреблении дохода земельных собственников) («Introductory Lecture», стр. 16) [Русский перевод, стр. 217—218].

«Основным фактором, движущей силой тех *изменений*, которые претерпевает это экономическое устройство общества, является *капитал*, т. е. *накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли...* У всех наций указанная здесь особая часть богатства играет важнейшую роль в видоизменении связей между различными классами общества и оказывает определяющее влияние на производительную силу этих классов... В Азии и в части Европы (раньше это имело место во всей Европе) *неземледельческие* классы содержатся почти целиком на доходы других классов, главным образом на доходы землевладельцев. Если вы нуждаетесь в труде ремесленника, вы снабжаете его материалом; он приходит в ваш дом, вы кормите его и выплачиваете ему заработную плату. Через некоторое время появляется капиталист; он *доставляет материал, авансирует заработную плату рабочего, становится его нанимателем*; теперь он и является *владельцем произведенного продукта*, который он обменивает на ваши деньги... Налицо, таким образом, промежуточный класс между земельными собственниками и частью *неземледельцев*, и получение этими *неземледельцами* работы и средств существования зависит теперь от этого промежуточного класса. Узы, раньше связывавшие общество, ослабевают и распадаются; другие связи, другие принципы взаимозависимости соединяют теперь различные классы общества, — возникают *новые экономические отношения*» и т. д. ... «Здесь, в Англии, не только основная масса *неземледельческого* населения почти полностью зависит от того, что ей платят капиталисты, но и трудящиеся земледельцы тоже являются их слугами» (там же, стр. 16 и следующие) [Русский перевод, стр. 218—219].

«Syllabus of a Course of Lectures on the Wages of Labor» Джонса отличается от его книги *о ренте* следующим. В книге о ренте рассматриваются различные формы земельной собственности, которым соответствуют различные общественные формы труда. В «Syllabus» Джонс исходит из этих различных форм труда и как нечто порожденное ими рассматривает различные формы земельной собственности и капитал. Той форме, в какой

* — иначе говоря. *Ред.*

работнику противостоят условия труда, — следовательно, в особенности земля, природа, так как это отношение включает все остальные, — соответствует социальная определенность его труда. Но на самом деле эта социальная определенность его труда всего лишь находит в указанной форме свое объективное выражение.

Мы увидим поэтому, что различные формы «рабочего фонда» соответствуют различиям в том, каково отношение работника к его собственным условиям производства. Тот способ, каким он присваивает себе свой продукт (или его часть), зависит от отношения работника к его условиям производства.

«Рабочий фонд», — говорит Джонс, — «можно подразделить на три категории:

1) Доходы, производимые такими работниками, которые сами их потребляют, и ни на один момент не принадлежащие другим лицам». {В этом случае работник, какова бы ни была особая форма его дохода, должен быть фактическим владельцем своих орудий производства.}

2) Доходы, принадлежащие классам, отличным от работников, и затрачиваемые этими классами на непосредственное содержание труда.

3) *Капитал* в собственном смысле.

Все эти различные виды рабочего фонда можно наблюдать в нашей собственной стране. Но если мы посмотрим на другие страны, то обнаружим, что те части этого фонда, которые у нас более всего ограничены, в некоторых других странах образуют главные источники существования населения и определяют характер и положение большинства народа» и т. д. («Syllabus», стр. 45—46).

К пункту 1-му. «Заработная плата *трудящихся земледельцев, или наделенных землею крестьян*... Эти трудящиеся земледельцы, или крестьяне, являются либо *наследственными владельцами надела, либо собственниками, либо арендаторами*. Арендаторы — это *крепостные, издольщики, коттеры*. Последние характерны для Ирландии. Нечто вроде ренты или прибыли часто входит в доходы земледельцев-крестьян всех этих категорий, но если их существование зависит главным образом от вознаграждения за их физический труд, то их следует рассматривать как получателей заработной платы [wages-labourers].

Итак, в число трудящихся крестьян входят:

а) *Наследственные владельцы надела, являющиеся трудящимися* [1132] *земледельцами*. Древняя Греция. Современная Азия, в особенности Индия.

б) *Крестьяне-собственники*. Франция, Германия, Америка, Австралия, древняя Палестина.

γ) *Коттеры*» (стр. 46—48).

Здесь характерно то, что работник воспроизводит «рабочий фонд» для самого себя. Этот «рабочий фонд» *не превращается в капитал*. Подобно тому как работник непосредственно производит свой «рабочий фонд», так он его непосредственно и присваивает, хотя прибавочный труд работника, в зависимости от той особой формы, в какой данный работник относится к своим условиям производства, присваивается либо целиком им самим,

либо частично им самим, либо целиком другими классами. То, что Джонс эту категорию работников называет «получателями заработной платы» [wages-labourers], — это только экономический предрассудок. У них нет ничего из того, что характеризует получателя заработной платы, наемного рабочего. Это — великолепное представление буржуазной политической экономии: раз при господстве капитала та часть продукта, которую рабочий присваивает себе самому, является *заработной платой*, то и та часть продукта любого работника, которую потребляет он сам, обязательно должна представлять собой *заработную плату*.

К пункту 2-му. [Население, содержащееся на этот вид рабочего фонда,] «в Англии сводится к домашним слугам, солдатам, матросам и немногим ремесленникам, работающим за собственный счет и оплачиваемым из дохода их работодателей. На значительной части земного шара этот вид рабочего фонда содержит почти всех *неземледельческих работников*. Прежнее преобладание этого фонда в Англии. Варвик — делатель королей¹³⁶. Английское дворянство. Нынешнее преобладание этого фонда на Востоке. Ремесленники, слуги. Большие армии, содержащиеся на этот фонд. Последствия сосредоточения этого фонда в руках суверена по всей Азии. Внезапный расцвет тех или иных городов. Внезапный упадок. Самарканд, Кандагар и другие» (стр. 48—49).

Джонс упускает из виду две основные формы: во-первых, азиатскую общину с характерным для нее единством земледелия и промышленности; во-вторых, цеховое устройство городов средневековья, отчасти также и в древнем мире.

К пункту 3-му. «*Капитал* никогда не следует смешивать с существующим во всем мире *рабочим фондом вообще*, значительная часть которого состоит из доходов. Все виды доходов нации... участвуют в накоплении, благодаря которому образуется капитал. В различных странах и на различных ступенях развития общества они участвуют в этом накоплении в различной мере. Примеры таких случаев, когда накопление происходит главным образом за счет заработной платы и ренты» (стр. 50).

То обстоятельство, что прибавочный труд превращается в капитал (вместо того чтобы *непосредственно* в качестве дохода обмениваться на труд), создает впечатление, что капитал есть *сбережение* из дохода. Такова исходная точка зрения у Джонса. И действительно, в процессе развития общества масса капитала оказывается состоящей из обратно превращенного в капитал дохода. Однако при капиталистическом производстве также и первоначальный «рабочий фонд» сам выступает как *сбережение* капиталиста. Сам воспроизведенный «рабочий фонд», вместо того чтобы оставаться во владении работника, как это было в случае 1-м, выступает как собственность капиталиста, как

чужая для рабочего собственность. А этот момент у Джонса не получил развития.

То, что Джонс в этом проспекте курса лекций говорит о норме прибыли и ее влиянии на накопление, слабовато:

«При прочих равных условиях способность нации делать сбережения из своей прибыли изменяется с изменениями в норме прибыли: эта способность увеличивается, когда норма прибыли высока, уменьшается, когда она низка; но когда норма прибыли понижается, все прочие условия не остаются без изменения. Количество применяемого капитала в сравнении с численностью населения имеет возможность увеличиваться».

{Джонс не понимает того, каким образом из «возможности» увеличения применяемого капитала проистекает то, что именно в результате «увеличения количества применяемого капитала в сравнении с численностью населения» норма прибыли *понижается*. Но он приближается к правильному взгляду.}

«Стимулы к накоплению и возможности для него могут возрастать... Низкая норма прибыли обычно сопровождается быстрым темпом накопления по сравнению с численностью населения, как в Англии, а высокая норма прибыли — более медленным, по сравнению с численностью населения, темпом накопления, [1133] как в Польше, России, Индии и т. д.» (стр. 50—51).

Там, где норма прибыли высока (оставляя в стороне такие случаи, как в Северной Америке, где, с одной стороны, господствует капиталистическое производство, а с другой стороны, стоимость всех продуктов земледелия низка), там это *обычно* вызывается тем, что капитал состоит главным образом из переменного капитала, т. е. преобладает непосредственный труд. Возьмем капитал в 100, где пятая часть представляет переменный капитал, и предположим, что прибавочный труд составляет одну треть рабочего дня. В этом случае прибыль равна 10%. Предположим теперь, что четыре пятых капитала состоят из переменного капитала, а прибавочный труд составляет шестую часть рабочего дня. В этом случае прибыль равна 16%.

«Ошибочность теории, будто там, где с прогрессом наций норма прибыли понижается, должны уменьшаться средства существования для растущего населения. В основе этого заблуждения лежат: 1) ошибочное представление, будто накопление из прибылей должно происходить медленно там, где норма прибыли низка, и быстро там, где она высока; 2) ошибочное предположение, что прибыль является единственным источником накопления; 3) ошибочное предположение, что все работники на земле живут за счет накоплений и сбережений из дохода и никогда не живут за счет самого дохода» (стр. 51).

[Джонс отмечает]

«изменения, происходящие в экономической структуре наций, когда задачу авансировать заработную плату берет на себя капитал». [1133]

[1157] В следующем положении Р. Джонс делает правильное обобщение: [1157]

[1133] *«Количество капитала, идущего на содержание труда, может изменяться независимо от каких бы то ни было изменений в величине всего капитала»* (это — важное положение)... *«Иногда можно наблюдать, как учащаются большие колебания в числе занятых рабочих и связанные с этим большие страдания, в то время как сам капитал становится более обильным»* (стр. 52) ¹³⁷. [1133]

[1157] Совокупный капитал может оставаться *прежним* и при этом может произойти *изменение* (в особенности уменьшение) в величине переменного капитала. Изменение соотношения между обеими составными частями капитала не означает обязательно изменения в величине совокупного капитала.

С другой стороны, рост совокупного капитала может быть связан не только с относительным, но и с абсолютным уменьшением переменного капитала; он всегда связан с сильными колебаниями в последнем и, следовательно, с «колебаниями в числе занятых рабочих». [1157]

[Далее в том же проспекте курса лекций о заработной плате Джонс пишет:]

[1133] *«Периоды постепенного перехода работников от их зависимости от одного фонда к их зависимости от другого фонда... Перевод трудящихся земледельцев на оплату капиталистами... Перевод неземледельческих классов на наем капиталистами»* (52—53).

То, что Джонс называет здесь «переводом», есть то, что я называю «первоначальным накоплением». Различие только в форме. Это тоже антипод пошлого взгляда на «сбережения».

* * *

«Рабство. Рабов можно подразделить на пастушеских, земледельческих, домашних, наконец, рабов смешанного типа: земледельческих и домашних. Мы встречаем рабов в качестве крестьян, обрабатывающих землю, в качестве прислуги или ремесленников, которые содержатся на доход богатых, в качестве рабочих, которые содержатся на капитал» (стр. 58—59).

Но пока господствует рабовладение, капиталистические отношения каждый раз могут выступать лишь эпизодически, как подчиненные отношения, и ни в коем случае не могут выступать в качестве господствующих отношений.

3) R. JONES. TEXT-BOOK OF LECTURES ON THE POLITICAL ECONOMY OF NATIONS. HERTFORD, 1852

[а) ЗАРОДЫШ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА
В СОЧЕТАНИИ С БУРЖУАЗНЫМ ФЕТИШИСТСКИМ ВЗГЛЯДОМ
НА КАПИТАЛ КАК НА ВСЕГО ЛИШЬ «НАКОПЛЕННЫЙ ЗАПАС».
ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО
ТРУДА]

[В «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations» Джонс пишет:]

«Производительность труда народов зависит в действительности от двух обстоятельств. Во-первых, от *плодородия или скудости первичных источников* (земля и вода) «производимого ими богатства. Во-вторых, от *эффективности* труда, применяемого ими при использовании этих источников или при обработке получаемых из них товаров» (стр. 4) [Русский перевод, стр. 285].

«Эффективность человеческого труда зависит:

- 1) от *непрерывности*, с какой он выполняется;
- 2) от *знаний и искусства*, с какими он применяется для осуществления цели производителя;
- 3) от *механической силы*, которая ему помогает» (стр. 6) [Русский перевод, стр. 287].

«Сила, используемая работниками при производстве богатства..., может быть увеличена:

- 1) тем, что они ставят себе на службу такие *двигательные силы*, которые превосходят их собственные...;
- 2) тем, что они применяют данное количество или данный род *двигательной* [1134] *силы*, имеющейся в их распоряжении, таким способом, который *механически более выгоден*. Так, например, паровая машина в 40 лошадиных сил действует на железной дороге иначе, чем на шоссейной дороге» (стр. 8) [Русский перевод, стр. 288—289].

«Лучший тип плуга выполнит при двух лошадях столько же работы и такого же качества, как и плуг худшего образца с четырьмя лошадьми» (стр. 9) [Русский перевод, стр. 290].

«Паровая машина не есть только *орудие*; она дает *добавочную двигательную силу*, а не только *средства для механически более выгодного использования тех сил*, которыми уже располагает рабочий» (стр. 10, примечание) [Русский перевод, стр. 290—291].

Таково, стало быть, по мнению Джонса, различие между орудием и машиной. Орудие дает рабочему средство механически более выгодно применять те силы, которыми он уже располагает; машина доставляет прирост двигательной силы.(?)

«Капитал... состоит из богатства, *сбереженного из дохода* и *употребляемого с целью получения прибыли*» (стр. 16) [Русский перевод, стр. 295]. «Возможными источниками капитала... являются, очевидно, все те доходы всех составляющих общество индивидов, из которых могут быть сделаны какие-либо сбережения. Отдельные виды дохода, в наибольшей степени способствующие росту национального капитала, *меняются на различных*

стадиях развития народов и поэтому совершенно различны у народов, находящихся на различных ступенях этого развития» (там же). «Таким образом, прибыль далеко не является единственным источником образования или увеличения капитала, а на ранних стадиях общественного развития она даже является незначительным источником накопления по сравнению с заработной платой и рентой» (стр. 20) [Русский перевод, стр. 299]. «После того как имел место значительный рост сил национального производства, относительная роль прибыли как источника накопления возрастает» (стр. 21) [Русский перевод, стр. 299].

Капитал, в соответствии с этим, есть часть того богатства, из которого состоит доход, часть, расходуемая не как доход, а для производства прибыли. Прибыль есть уже такая форма прибавочной стоимости, которая предполагает специально капитал. Коль скоро существование капиталистического способа производства, т. е. существование капитала, предположено, объяснение Джонса правильно. Иначе говоря, оно правильно тогда, когда предполагается именно то, что должно быть объяснено. Но Джонс имеет здесь в виду вообще все те доходы, которые расходуются не как доход, а с целью обогащения, т. е. расходуются производительно.

Здесь, однако, важны два момента.

Во-первых. Известное накопление богатства имеет место на всех ступенях экономического развития, а именно отчасти в виде расширения масштаба производства, отчасти в виде образования сокровищ и т. д. Пока в обществе преобладают «заработная плата» и рента, т. е., согласно предыдущему, пока большая часть того прибавочного труда и того прибавочного продукта, которые вообще не достаются самому работнику, поступает к земельному собственнику (в Азии — к государству), а с другой стороны, работник сам воспроизводит свой «рабочий фонд», не только сам производит свою «заработную плату», но и выплачивает ее себе сам, причем в большинстве случаев (в этом состоянии общества — почти всегда) он имеет возможность присвоить себе по крайней мере некоторую часть своего прибавочного труда и своего прибавочного продукта, — при таком состоянии общества «заработная плата» и рента являются также и главными источниками накопления. (Прибыль здесь сводится к прибыли купцов и т. д.). Лишь тогда, когда капиталистическое производство стало господствующим, когда оно существует не всего лишь спорадически, а так, что подчиняет себе способ производства общества; когда капиталист на деле весь прибавочный труд и весь прибавочный продукт непосредственно присваивает прежде всего себе, хотя он и вынужден выплачивать часть его землевладельцу и т. д., — лишь с этого момента прибыль становится главным источником капитала,

накопления, того богатства, которое сберегается из дохода и употребляется с целью получения прибыли. Это вместе с тем предполагает (что подразумевается само собой, поскольку речь идет о господстве капиталистического способа производства), что «имел место значительный рост сил национального производства».

Таким образом, тем ослаб, которые воображают, что без прибыли на капитал накопление не могло бы иметь место, или которые оправдывают прибыль тем, что капиталист приносит жертву, делая из своего дохода *сбережения* для производительных целей, Джонс отвечает, что эта функция «накапливания» выпадает преимущественно на долю капиталиста именно при этом специфическом способе производства (капиталистическом), что при прежних способах производства главными действующими лицами в этом процессе были сам работник и отчасти земельный собственник и что прибыль не играла там почти никакой роли.

Функция накопления, естественно, всегда переходит к тем, кто 1) присваивает себе прибавочную стоимость, и 2) среди тех, кто присваивает себе прибавочную стоимость, в особенности к тому, кто в то же время является агентом в самом производстве. Поэтому, когда говорят, [1135] что прибыль оправдана *тем*, что капиталист сколачивает свой капитал путем «сбережений» из прибыли и что он выполняет функцию накопления, то этим говорят только то, что капиталистический способ производства оправдан самим фактом своего существования, — что в равной мере относится к предыдущим и последующим способам производства. Когда говорят, что другим путем накопление невозможно, то забывают, что этот определенный способ накопления — при посредстве капиталиста — имеет определенную историческую дату своего возникновения и движется в направлении к (тоже исторической) дате своей гибели.

Во-вторых. Раз в руки капиталистов *per fas et nefas* * перешло столько накопленного богатства, что они могут завладеть производством, то основную массу существующего капитала — по истечении известного времени, — можно считать возникшей исключительно из прибыли (дохода), т. е. из капитализированной прибавочной стоимости.

Джонс недостаточно отмечает один пункт, который он, собственно говоря, лишь молчаливо подразумевает, а именно: если работающий производитель сам себе выплачивает «заработную плату» и его продукт не принимает сперва такую форму,

* — правдами и неправдами. *Ред.*

в которой он «сберегается» из дохода других людей и затем обратно выплачивается последними работнику, то необходимо, чтобы работник владел своими условиями производства (в качестве ли собственника, арендатора или наследственного владельца надела и т. д.). Для того чтобы его «заработная плата» (а вместе с тем «рабочий фонд») противостояла ему как чужой капитал, эти условия производства должны быть им предварительно утрачены, они должны принять форму чужой собственности. Лишь после того как вместе с условиями производства у работника отняли его «рабочий фонд» и все это обособилось в виде противостоящего рабочему *капитала*, лишь после этого начинается дальнейший процесс, который состоит не просто в воспроизведении этих первоначальных условий, а в их дальнейшем развитии, так что как условия производства, так и «рабочий фонд» выступают перед рабочим в качестве «сбережений» из дохода других людей, сделанных для того, чтобы превратиться в капитал. Утратив владение своими условиями производства и, тем самым, своим «рабочим фондом», рабочий утратил также и функцию накопления, и всякое делаемое им добавление к богатству выступает в виде дохода других людей, который предварительно должен быть «сбережен» этими людьми, — т. е. не должен быть израсходован в качестве дохода, — чтобы выполнять функции капитала и «рабочего фонда» для рабочего.

Так как сам Джонс описывает такое состояние общества, при котором дело обстоит еще не так, при котором еще существует единство [между работником и условиями труда], то ему, естественно, надлежало бы представить указанное «отделение» как действительный процесс образования капитала. Раз это «отделение» налицо, процесс образования капитала, конечно, наступает, — он продолжается и расширяется, — ибо прибавочный труд рабочего теперь всегда противостоит рабочему как чужой доход, путем «сбережения» которого только и может происходить накопление богатства и расширение масштаба производства.

Обратное превращение дохода в капитал. Если *капитал* {т. е. отделение условий производства от работника} есть источник прибыли {т. е. источник того, что прибавочный труд выступает как доход капитала, а не труда}, то теперь прибыль становится источником капитала, источником образования нового капитала, т. е. источником того, что добавочные условия производства противостоят рабочему как капитал, как средства для того, чтобы сохранять его в качестве рабочего и все снова и снова присваивать его прибавочный труд. Первоначальное

единство между работником и условиями труда имеет {мы не говорим об отношениях рабства, когда сам работник принадлежит к объективным условиям труда} две основные формы: азиатская община (первобытный коммунизм) и мелкое семейное земледелие (с которым связана домашняя промышленность) того или иного типа. Обе эти формы являются детскими формами, одинаково мало пригодными для того, чтобы развивать труд как *общественный* труд и повышать производительную силу общественного труда. Отсюда необходимость разъединения, разрыва, противоположности между трудом и собственностью (под последней следует понимать собственность на условия производства). Самой крайней формой этого разрыва, при которой вместе с тем производительные силы общественного труда достигают самого мощного развития, является форма капитала. Первоначальное единство может быть восстановлено лишь на той материальной основе, которую создает капитал, и лишь при посредстве тех революций, которые в процессе этого созидания претерпевают рабочий класс и все общество.

У Джонса недостаточно отмечен еще и следующий пункт: Тот доход, который непосредственно как доход обменивается на труд, если только это не доход ведущего свое собственное хозяйство работника, нанимающего для себя вторичного работника, есть доход землевладельца, проистекающий из той ренты, которую ведущий свое собственное хозяйство работник платит землевладельцу и которую этот последний вместе со своими слугами и челядью не потребляет целиком *in natura* *, а частично использует для покупки продуктов и услуг вторичных работников. Этот обмен дохода на труд всегда предполагает, следовательно, первое отношение [отношение между землевладельцем и ведущим свое собственное хозяйство работником, платящим ренту землевладельцу].

[1136] {Подобно тому как часть прибыли даже в том случае, когда промышленный капиталист применяет свой собственный капитал, считается процентом только потому, что этот вид дохода имеет отдельную форму существования, так на основе капиталистического способа производства, даже и тогда, когда работник владеет своими средствами производства и не нанимает никакого другого работника, эти средства производства рассматриваются как капитал, а та часть собственного труда работника, которую он реализует сверх того, что образует обычную заработную плату, выступает как прибыль, обязанная своим существованием его капиталу. Сам работник при этом

* — в натуре, в натуральной форме, *Ред.*

оказывается разложенным на различные экономические типы. В качестве своего собственного рабочего он получает свою заработную плату, а в качестве капиталиста — свою прибыль. Это замечание относится к главе «Доход и его источники»¹³⁸ }

«Существует различие между влиянием, оказываемым на производительные силы народов тем богатством, которое было сбережено и расходуется в виде заработной платы с целью получения прибыли, и тем богатством, которое авансируется на содержание труда из дохода. Имея в виду это различие, я употребляю слово *капитал* исключительно для обозначения той части богатства, которая была сбережена из дохода и употребляется с целью получения прибыли» (стр. 36—37) [Русский перевод, стр. 314].

«Мы могли бы... понимать под капиталом *всякое богатство, предназначенное для содержания труда*, безразлично, проделало ли оно предварительный процесс сбережения или нет... В таком случае, прослеживая у различных народов и при различных условиях положение трудящихся классов и тех, кто им платит, мы должны были бы проводить различие между *таким капиталом, который был сбережен, и таким капиталом, который не подвергался процессу накопления*; короче, между таким капиталом, который является доходом, и таким капиталом, который не является доходом» (стр. 36) [Русский перевод, стр. 313—314].

«Во всех странах Старого света, за исключением Англии и Голландии, *заработная плата земледельцев не авансируется из фондов, сбереженных и накопленных из доходов, а производится самими работниками и никогда не существует ни в какой иной форме, кроме как в форме запаса для их собственного непосредственного потребления*» (стр. 37) [Русский перевод, стр. 314].

От других политико-экономов (исключая, пожалуй, Сисмонди) Джонса отличает то, что он как существенный момент подчеркивает социальную определенность формы капитала и к этой определенности формы сводит все различие между капиталистическим способом производства и другими способами производства. Эта социальная определенность формы капитала состоит в том, что труд непосредственно превращается в капитал и что, с другой стороны, этот капитал покупает труд не ради его потребительной стоимости, а для увеличения своей собственной стоимости, для создания прибавочной стоимости (более высокой меновой стоимости), «с целью получения прибыли».

Но вместе с тем здесь обнаруживается, что само «сбережение дохода» с целью превращения его в капитал и само «накопление» лишь по *форме* отличаются от других условий, в которых «богатство предназначено для содержания труда». Земледельческие рабочие в Англии и Голландии, получающие свою заработную плату от капитала «авансом», точно так же «производят свою заработную плату сами», как и французский крестьянин или ведущий свое собственное хозяйство русский крепостной. Если рассматривать процесс производства в его непрерывности, то

капиталист сегодня авансирует рабочему в качестве «заработной платы» лишь некоторую часть продукта, «произведенного» этим рабочим вчера. Различие [между капиталистическим способом производства и другими способами производства] заключается, стало быть, не в том, что в одном случае рабочий производит свою собственную заработную плату, а в другом не производит. Различие заключается в том, что этот его продукт [в одном случае] выступает как *заработная плата*; что в одном случае [в условиях капиталистического способа производства] продукт рабочего (та часть продукта рабочего, которая образует «рабочий фонд»), во-первых, выступает как *чужой* доход; затем, однако, во-вторых, затрачивается не как доход, а также и не на такой труд, в виде которого доход потребляется непосредственно как доход, и, в-третьих, противостоит рабочему как *капитал*, который возвращает рабочему эту часть продукта в обмен не просто на эквивалент, а на большее количество труда, чем овеществлено в передаваемом рабочему продукте. Таким образом, продукт рабочего выступает, во-первых, как чужой доход, во-вторых, как «сбережения» из дохода для покупки труда с целью получения прибыли, т. е. он выступает в качестве *капитала*.

Этот процесс, в котором собственный продукт рабочего противостоит ему как *капитал*, и имеет в виду Джонс, когда он говорит, что «рабочий фонд» «проделал предварительный процесс сбережения», «подвергся процессу накопления», что этот фонд, прежде чем быть обратно превращенным в средства существования рабочего, «существует в *иной форме*» (здесь Джонс прямо говорит об одном лишь *изменении формы*), нежели «в форме запаса для непосредственного потребления работников». Все различие состоит в том *превращении формы*, которое претерпевает произведенный рабочим «рабочий фонд», прежде чем он снова возвращается к рабочему в форме заработной платы. Поэтому в случае с самостоятельными крестьянами или с самостоятельными ремесленниками «рабочий фонд» никогда и не принимает форму «заработной платы».

[1137] «Сбережение» и «накопление» здесь, — поскольку речь идет о «рабочем фонде», — являются всего лишь *названиями* для тех превращений формы, которые претерпевает продукт работника. Работник, ведущий свое собственное хозяйство, так же потребляет свой продукт, как и наемный рабочий, или, вернее, последний потребляет свой продукт так же, как и первый. Разница только в том, что у наемного рабочего его продукт *выступает* как нечто сбереженное, или накопленное, из дохода *другого лица* — капиталиста. В действительности

же дело, наоборот, обстоит так, что этот процесс дает возможность капиталисту «сберегать», или «накапливать», для самого себя прибавочный труд рабочего; потому Джонс и подчеркивает так сильно то обстоятельство, что при некапиталистическом способе производства накопление происходит не из прибыли, а из «заработной платы», т. е. из дохода самостоятельного земледельца или такого ремесленника, который обменивает свой труд непосредственно на доход (да и как же иначе из среды этих самостоятельных земледельцев и ремесленников могли бы возникнуть буржуа?), и из ренты, получаемой земельными собственниками. Но для того чтобы «рабочий фонд» проделал эти превращения, необходимо также, чтобы и условия производства противостояли работнику тоже как капитал, чего нет в других формах. Увеличение *богатства* в этом последнем случае представляется не исходящим от рабочего, а получающимся из прибыли посредством сбережения, посредством обратного превращения прибавочной стоимости в капитал, — подобно тому как сам «рабочий фонд» (прежде чем увеличиться посредством нового накопления) противостоит рабочему в качестве капитала.

«Сбережение», в буквальном значении этого слова, имеет смысл лишь в отношении того капиталиста, который капитализирует свой доход, в противоположность тому капиталисту, который его проедает, расходует в качестве дохода, но оно не имеет ни малейшего смысла для характеристики отношения между капиталистом и рабочим.

Два основных факта характеризуют капиталистическое производство:

Во-первых, концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают выступать в качестве непосредственной собственности отдельного работника, а выступают как силы общественного производства, хотя вначале еще только в качестве собственности неработающих капиталистов. Последние являются в буржуазном обществе их опекунами и пользуются всеми плодами этого опекунства.

Во-вторых, организация самого труда как труда общественного посредством кооперации, разделения труда и соединения труда с результатами господства общества над силами природы.

И тем и другим путем капиталистическое производство уничтожает частную собственность и частный труд, хотя еще только в антагонистических формах.

Смысл того, что у А. Смита составляет главное различие между производительным и непроизводительным трудом, а

именно, что первый обменивается непосредственно на капитал, а второй непосредственно на доход, — смысл этого различия вполне выясняется лишь у Джонса. Здесь обнаруживается, что первого рода труд характеризует капиталистический способ производства; второй же — там, где он господствует, — принадлежит прежним способам производства, а там, где он только изредка встречается, он ограничивается (или должен был бы ограничиваться) такими сферами, где нет непосредственного производства богатства.

«Капитал — это тот инструмент, при помощи которого приводятся в действие все факторы, увеличивающие эффективность человеческого труда и производительные силы народов... Капитал — это накопленный результат *прошлого труда*, употребляемый для достижения определенного эффекта на определенном участке работы по производству богатства» (стр. 35) [Русский перевод, стр. 312].

(В примечании к этому месту Джонс говорит:

«Будет уместно и разумно считать акт производства незаконченным до тех пор, пока произведенный товар не доставлен в руки того человека, который должен его потребить; все, что было сделано до того, имеет в виду эту цель. Лошадь и повозка лавочника, которые доставляют нам чай из Хартфорда в наш колледж, так же необходимы, если мы хотим иметь этот чай, чтобы потребить его, как и труд китайца, собравшего и высушившего чайные листья».)

«Но... *этот капитал*... не во всяком обществе выполняет *все те задачи, которые он может выполнять*. Во всех случаях он берется за их выполнение лишь постепенно и в определенной последовательности, и *примечателен и в высшей степени важен тот факт, что та особая функция, выполнение которой существенно для значительного развития мощи капитала во всех его других функциях, есть как раз та функция, которую капитал в отношении большей части работников земного шара вообще еще никогда не выполнял*» (стр. 35—36).

«Я имею в виду *авансирование заработной платы*» (стр. 36) [Русский перевод, стр. 313].

«Заработная плата авансируется капиталистами в случаях, распространяющихся менее чем на одну четвертую часть работников земного шара... Это обстоятельство... имеет первостепенное значение при объяснении относительного прогресса народов» (там же).

[1138] «Капитал, или накопленный запас, лишь позднее, после того как он выполнял различные другие функции при производстве богатства, берет на себя функцию *авансирования* работнику его заработной платы» (стр. 79) [Русский перевод, стр. 350].

В последней фразе Джонса (со стр. 79) капитал по сути дела охарактеризован как «отношение», не только как «накопленный запас», а как вполне определенное производственное отношение. «Запас» не может «брать на себя функцию авансирования заработной платы». И Джонс подчеркивает, что *основной формой капитала*, — той формой, в которой он придает отличительный характер всему процессу общественного производства,

господствует над ним и приводит к совершенно новому развитию производительных сил общественного труда, революционизируя все социальные и политические отношения, — является та форма, в которой капитал противостоит наемному труду, выплачивает заработную плату. Джонс отмечает, что до выступления капитала в этой, имеющей решающее значение, функции капитал выполняет другие функции, выступает в других, подчиненных, но исторически более ранних, формах, но что его мощь во всех его функциях достигает своего полного развития лишь с выступлением его в качестве промышленного капитала. С другой стороны, в своей третьей лекции: «О том, как капитал *или* капиталисты» {здесь, в этом «*или*», и зарыта собака: только в результате этой персонификации накопленный запас становится капиталом} «постепенно берут на себя последовательные функции в производстве богатства», — Джонс не говорит нам, каковы эти более ранние функции. В действительности это могут быть лишь функции торгового капитала или капитала, занятого торговлей деньгами. Но хотя Джонс столь близко подходит к правильному взгляду и в известном смысле сам высказывает его, он, с другой стороны, как политико-эконом все же до такой степени находится в плену буржуазного фетишизма, что ни один черт не может поручиться, что Джонс здесь не имеет в виду те различные функции, для которых «накопленный запас» может служить просто в качестве накопленного запаса.

Положение Джонса:

«Капитал, или *накопленный запас*, лишь позднее, после того как он выполнял различные другие функции при производстве богатства, *берет на себя функцию авансирования* работнику его заработной платы» (стр. 79)

— есть полное выражение того противоречия, что, с одной стороны, у Джонса имеет место правильное историческое рассмотрение капитала, а с другой стороны, оно затемнено свойственным политико-экономам ограниченным представлением, будто «запас» как таковой и есть «капитал». Поэтому «накопленный запас» становится у Джонса личностью, которая «берет на себя функцию авансирования заработной платы» работникам. Джонс разрушает свойственную политико-экономам ограниченность, еще сам находясь в плену у нее, — и разрушение ее становится необходимым, коль скоро капиталистический способ производства рассматривается как исторически определенный способ производства и уже не представляется больше вечным естественным отношением производства.

Мы видим, какой большой скачок сделан от Рамсея до Джонса. Как раз ту функцию капитала, которая делает его капиталом, — авансирование заработной платы, — Рамсей объ-

являет случайной функцией, вызванной лишь нищетой основной массы народа и безразличной для процесса производства как такового. В этой ограниченной форме Рамсей *отрицает* необходимость капиталистического способа производства. Джонс же {поразительно, что оба они были попами английской государственной церкви¹³⁹. Английские попы всё же, по-видимому, думают больше, чем континентальные} показывает, что именно эта функция делает капитал капиталом и обуславливает характерные особенности капиталистического способа производства. Джонс показывает, как эта форма возникает лишь на известной ступени развития производительных сил и создает тогда совершенно новый материальный базис. Но поэтому Джонс гораздо глубже, чем Рамсей, понимает также и «упразднимость», лишь исторически преходящую необходимость этой формы. Джонс отнюдь не считает капиталистические отношения вечными отношениями:

«Когда-нибудь в будущем может возникнуть такой порядок вещей, — и отдельные части света, возможно, приближаются к нему, — при котором работники и владельцы накопленного запаса будут тождественны; но в развитии народов... этого до сих пор никогда еще не было, и для того чтобы проследить и понять это развитие, мы должны наблюдать, как работники постепенно переходят из-под власти заказчиков, которые платят им из своего дохода, во власть предпринимателей, платящих им авансированием капитала, из валового продукта которого владельцы его рассчитывают реализовать для себя особого рода доход. Это, возможно, не является столь же желательным порядком вещей, как тот, при котором работники и капиталисты тождественны; но мы должны тем не менее принимать его как известную стадию в ходе развития производства, которая до сих пор была характерна для развития передовых народов. До этой стадии жители Азии еще не дошли» (стр. 73) [Русский перевод, стр. 344].

[1139] Здесь Джонс без всяких обиняков заявляет, что он «принимает» капитал и капиталистический способ производства лишь как переходную фазу в развитии общественного производства, как такую фазу, которая, с точки зрения развития производительных сил общественного труда, означает громадный прогресс в сравнении со всеми предшествовавшими формами, но которая отнюдь не есть конечный результат, а, напротив, в присущей ей форме антагонизма между «владельцами накопленного богатства» и «фактическими работниками» заключает в себе необходимость своей гибели.

Джонс был профессором политической экономии в Хейли-бери, преемником Мальтуса. Здесь мы видим, как действительная наука политической экономии кончает тем, что рассматривает буржуазные производственные отношения как всего лишь исторические, которые ведут к более высоким отношениям, где

исчезает тот антагонизм, на котором основаны буржуазные производственные отношения. Своим анализом политическая экономия разбивает те кажущиеся самостоятельными по отношению друг к другу формы, в которых выступает богатство. Ее анализ (даже уже у Рикардо) идет настолько далеко, что

1) исчезает *самостоятельная вещественная форма богатства*, и оно просто выступает скорее как деятельность людей. Все, что не является результатом человеческой деятельности, результатом труда, есть природа и в качестве таковой не является социальным богатством. Призрак товарного мира рассеивается, и этот мир выступает всего лишь как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое объективирование человеческого труда. Всякое вещественно прочное богатство есть лишь мимолетное овеществление этого общественного труда, кристаллизация процесса производства, мерой которого является время — мера самого движения.

2) Те многообразные формы, в которых различные составные части богатства притекают к различным частям общества, утрачивают свою кажущуюся самостоятельность. Процент — это лишь часть прибыли, рента — только добавочная прибыль. Поэтому и процент и рента растворяются в прибыли, а сама прибыль сводится к *прибавочной стоимости*, т. е. к неоплаченному труду. Но стоимость товара сама сводится лишь к рабочему времени. Рикардианская школа заходит даже так далеко, что одну из форм присвоения этой прибавочной стоимости — земельную собственность (ренту) — она отрицает как бесполезную, коль скоро ее получают частные лица [а не государство]. Рикардианская школа отрицает земельного собственника как функционера капиталистического производства. Антагонизм, таким образом, сводится к антагонизму между капиталистом и наемным рабочим. Но это отношение между капиталистом и наемным рабочим рикардианская политическая экономия рассматривает как нечто данное, как закон природы, на котором покоится сам процесс производства. Позднейшие экономисты — такие, как Джонс — идут дальше этого и признают уже только *историческую* правомерность этого отношения. Но с того момента, когда буржуазный способ производства и соответствующие ему отношения производства и распределения признаются *историческими*, приходит конец заблуждению, рассматривающему буржуазный способ производства как естественный закон производства, и открывается перспектива нового общества; новой экономической общественной формации, к которой буржуазный способ производства образует лишь переход.¹⁴⁰
[1139]

[1139] Нам предстоит рассмотреть у Джонса еще разные вопросы:

1) Каким образом именно капиталистический способ производства — авансирование заработной платы капиталом — изменяет форму [производства] и производительные силы. 2) Рассуждения Джонса о накоплении и норме прибыли.

Но прежде всего здесь надо еще отметить следующий пункт:

[1140] «Капиталист явился только посредником в предоставлении работникам выгоды от расходования доходов окружающими их покупателями в новой форме и при новых обстоятельствах» (стр. 79) [Русский перевод, стр. 349].

Это относится к тем неземледельческим работникам, которые раньше жили непосредственно на доход землевладельцев и т. д. Вместо того чтобы эти работники непосредственно обменивали свой труд (или продукт своего труда) на указанные доходы, теперь капиталист обменивает продукт их труда — собранный и сконцентрированный в его руках — на эти доходы, или последние превращаются в капитал, обмениваются на капитал, сбрасывая выручку капитала. Вместо того чтобы быть непосредственной выручкой труда, они образуют теперь непосредственную выручку капитала, применяющего рабочих.¹⁴¹ [1140] .

[1144] После того как Джонс изобразил *капитал* как специфическое производственное отношение, существенная особенность которого состоит в том, что накопленное богатство выступает в качестве авансирующего заработную плату, а сам «рабочий фонд» фигурирует как «богатство, сбереженное из дохода и употребляемое с целью получения прибыли», он рассматривает характерные для этого способа производства изменения в развитии производительных сил. Очень хорошо Джонс говорит о том, как с *изменением* материальных производительных сил изменяются *экономические* отношения, а вместе с ними — социальное, моральное и политическое состояние народов:

«По мере того как *общества изменяют свои производительные силы*, они неизбежно *изменяют и свои обычаи*. В ходе своего развития все разнообразные классы общества обнаруживают, что они связаны с другими классами *новыми отношениями*, занимают *новое положение* и окружены новыми моральными и социальными опасностями и *новыми условиями* социального и политического прогресса» (стр. 48) [Русский перевод, стр. 323—324].

Прежде чем заняться рассмотрением того, каким образом Джонс изображает влияние капиталистической формы производства на развитие производительных сил, приведем еще несколько мест, находящихся в связи с тем, что было приведено выше.

«*Изменения в экономической организации общества и в тех факторах и средствах, — обильных или скудных, — при помощи которых*

выполняются задачи производства, *сопровождаются* большими политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями. Эти изменения неизбежно оказывают решающее влияние на различные политические и социальные элементы населения, в недрах которого они совершаются; это влияние распространяется на интеллектуальный склад, на привычки, обычаи, нравы и счастье народов» (стр. 45) [Русский перевод, стр. 320—321].

«Англия — это единственная большая страна, которая сделала... первый шаг в продвижении по направлению к совершенству *в смысле производящей машины*, единственная страна, где население — как земледельческое, так и неземледельческое — подчинено руководству капиталистов и где воздействия принадлежащих капиталистам средств и тех особых функций, которые могут выполнять одни только капиталисты, повсеместно ощущаются не только в громадном росте богатства страны, но также и во всех экономических отношениях и в положении ее населения. Однако Англию — я говорю это с сожалением, но без малейшего колебания — нельзя считать удачным примером [1145] судьбы народа, развивающего подобным образом свои производительные силы» (стр. 48—49) [Русский перевод, стр. 324].

«Рабочий фонд в целом состоит: 1) из такой заработной платы, которую производят сами работники; 2) из доходов других классов, затрачиваемых на содержание труда; 3) из капитала, или из богатства, сбереженного из дохода и применяемого для авансирования заработной платы с целью получения прибыли. Тех, кто содержится на первую часть рабочего фонда, мы будем называть *ненаемными работниками*. Тех, кто содержится на вторую часть, — *оплачиваемыми обслуживателями*. Тех, кто содержится на третью часть, — *наемными рабочими*. Получение заработной платы из какой-нибудь одной из этих трех частей рабочего фонда определяет *взаимоотношения работника с другими классами общества* и тем самым определяет — иногда непосредственно, иногда более или менее косвенно — ту степень непрерывности, искусности и силы, с какою выполняются задачи производства» (стр. 51—52) [Русский перевод, стр. 326].

«На первую часть рабочего фонда, на *производимую самими работниками заработную плату*, содержится больше половины — вероятно, даже больше двух третей — трудящегося населения мира. Эти работники повсюду состоят из крестьян, наделенных землей и обрабатывающих ее... Вторая часть рабочего фонда, — *доход, затрачиваемый на содержание труда*, — содержит значительное большинство *производительных* неземледельческих работников Востока. Некоторое значение эта часть рабочего фонда имеет на континенте Европы, тогда как в Англии она охватывает лишь немногочисленных ремесленников, занятых случайными работами и представляющих собой *остатки более многочисленного класса*... Третья часть рабочего фонда, *капитал*, дает в Англии занятие значительному большинству ее работников, тогда как в Азии она содержит лишь небольшое число лиц, а в континентальной Европе эта часть содержит лишь неземледельческих работников, которые в целом не составляют, вероятно, и четверти всего производительного населения» (стр. 52) [Русский перевод, стр. 326—327].

«Я не выделил особо *рабский труд*... *Гражданские права* работников не оказывают влияния на их *экономическое положение*. Можно наблюдать, как рабы, подобно свободным людям, содержатся на любой вид рабочего фонда» (стр. 53) [Русский перевод, стр. 327].

Однако если «гражданские права» работников не оказывают влияния на их *экономическое положение*, то их экономическое

положение оказывает влияние на их гражданские права. Наемный труд в национальном масштабе, а потому также и капиталистический способ производства, возможен только там, где рабочий лично свободен. Он покоится на личной свободе рабочих.

Смитовское различие производительного и непроизводительного труда правильно сводится Джонсом к его сущности, к капиталистическому и некапиталистическому труду, так как он правильно проводит смитовское различие работников, оплачиваемых капиталом, и работников, оплачиваемых из дохода. Но сам Джонс под противопоставлением *производительного* и *непроизводительного* труда понимает, очевидно, противопоставление такого труда, который входит в производство материального [богатства], и такого, который в него не входит. Это следует из того [цитированного выше] места [со стр. 52], где Джонс говорит о *производительных работниках*, зависящих от затрачиваемого на них дохода. Далее, из следующих мест:

«Та часть общества, которая *непроизводительна в смысле производства материального богатства*, может быть *полезной или бесполезной*» (стр. 42) [Русский перевод, стр. 318].

«Разумно считать акт *производства* незаконченным до тех пор, пока *произведенный товар* не доставлен в руки того человека, который должен его потребить» (стр. 35, примечание) [Русский перевод, стр. 312].

Различие между работниками, живущими за счет капитала, и работниками, живущими за счет дохода, относится к форме труда. В этом состоит все различие между капиталистическим и некапиталистическим способами производства. Напротив, если понятие производительных и непроизводительных работников брать в более узком смысле, то производительным трудом будет всякий такой труд, который входит в производство *товара* (производство охватывает здесь все акты, через которые должен пройти товар от первичного производителя до потребителя), каким бы ни был этот труд — физическим или нефизическим (научным), — а непроизводительным трудом будет такой труд, который не входит в производство товара и целью которого производство товара не является. Это различие нельзя упускать из виду, и то обстоятельство, что все другие виды деятельности в свою очередь воздействуют на материальное производство, и *vice versa* *, абсолютно ничего не меняет в необходимости такого различения.

* — наоборот. *Ред.*

**[6) ДЖОНС О ВЛИЯНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
ПРОИЗВОДСТВА НА РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ.
ВОПРОС ОБ УСЛОВИЯХ ПРИМЕНИМОСТИ ДОБАВОЧНОГО
ОСНОВНОГО КАПИТАЛА]**

[1146] Мы переходим теперь к вопросу о *развитии производительных сил* под влиянием капиталистического способа производства.

[Джонс говорит:]

«Здесь, пожалуй, будет уместно указать на то, как этот факт {авансирование заработной платы капиталом} *«влияет на производительные силы работников, или на непрерывность, знания и силу, с которыми осуществляется труд... Капиталист, оплачивающий рабочего, может содействовать непрерывности его труда, во-первых, тем, что он делает такую непрерывность возможной, во-вторых, тем, что он осуществляет надзор и принуждает к ней. Множество различных работников во всем мире бродит по улицам в поисках заказчиков, их заработная плата зависит от случайных потребностей людей, как раз в этот момент нуждающихся в их услугах или в тех предметах, которые они изготовляют. С подобным положением столкнулись в Китае первые миссионеры: «Там ремесленники с утра до вечера бегают по городу в поисках заказчиков. Большая часть китайских рабочих работает в частных домах. Вам нужна, например, одежда. Портной утром приходит к вам и вечером уходит домой. Так же обстоит дело со всеми другими ремесленниками. Они постоянно бегают по улицам в поисках работы, даже кузнецы, таскающие с собой свой молот и свой горн для обычных работ. И цирюльники тоже... обходят улицы с креслом на плечах и с тазом и котелком для горячей воды в руках»*¹⁴². Это до сих пор остается обычным явлением на всем Востоке и отчасти также в Западном мире.

Так вот, этого рода работники не могут *непрерывно работать в течение сколько-нибудь продолжительного времени*. Они должны подобно извозчикам передвигаться по улицам в поисках заказчиков и, когда не находят их, вынуждены оставаться праздными. Если с течением времени в их экономическом положении наступает перемена и они *становятся рабочими капиталиста, авансирующего им их заработную плату*, то имеют место двоякого рода последствия: во-первых, они теперь могут работать непрерывно; во-вторых, здесь имеется лицо, *функция и интересы которого заключаются в том, чтобы заставить рабочих действительно непрерывно работать... Капиталист... располагает ресурсами, позволяющими ему ждать заказчиков... Таким образом, здесь имеет место возросшая непрерывность в труде всего этого класса людей. Они работают ежедневно с утра до вечера, и работа их не прерывается ожиданием или поисками заказчика, который должен потребить изготовляемый ими предмет.*

Но *непрерывность труда рабочих, которая таким образом делается возможной, обеспечивается и увеличивается благодаря надзору капиталиста. Он авансировал их заработную плату, он должен получить продукт их труда. В его интересах и его привилегия — следить за тем, чтобы они не работали с перерывами или медленно.*

Если непрерывность труда таким образом обеспечена, то действие даже одного этого изменения на производительную силу труда громадно... *Производительная сила удваивается. Двое рабочих, непрерывно работающих весь год с утра до вечера, произведут, вероятно, больше, чем четверо*

рабочих, не имеющих постоянной работы и теряющих много времени на поиски заказчиков и на возобновление прерванных работ» (стр. 37—38) [Русский перевод, стр. 314—316].

[Относительно сказанного здесь Джонсом следует заметить:]

Во-первых. Переход от тех работников, которые оказывают случайные услуги, шьют куртку или брюки в доме земельного собственника и т. д., к тем рабочим, которым дает работу капитал, очень хорошо изображен уже у Тьюго.

Во-вторых. Эта непрерывность труда отличает капиталистический труд от той формы труда, которую изображает Джонс, но не от крупного производства, основанного на рабском труде.

В-третьих. Неправильно называть увеличением производительной силы труда *увеличение* самого *труда* вследствие увеличения его продолжительности и устранения перерывов в работе. Увеличение производительной силы труда имеет здесь место лишь постольку, поскольку непрерывность труда увеличивает личное искусство рабочего. Под [увеличением] производительной силы труда мы понимаем большую эффективность, с которой применяется данное количество труда, а не какое-либо изменение в количестве применяемого труда. То, о чем говорит Джонс, относится скорее к формальному подчинению труда капиталу и достигает своего полного развития лишь с развитием основного капитала. (Об этом — сейчас.)

Джонс правильно подчеркивает то обстоятельство, что капиталист рассматривает труд как свою собственность, из которой ничто не должно пропадать. Если же перед нами труд, зависящий непосредственно от дохода, то речь идет только о потребительной стоимости труда.

[1147] Далее, Джонс вполне правильно отмечает, что устойчивый, продолжающийся с утра до вечера труд неземледельческих рабочих отнюдь не есть нечто данное от природы, а сам является *продуктом* экономического развития. В противоположность азиатской форме труда и западной форме деревенского труда (господствовавшей прежде, а отчасти наблюдающейся еще и теперь), городской труд средневековья образует уже большой шаг вперед и является подготовительной школой для капиталистического способа производства, для непрерывности и постоянства труда.

{Об этой *непрерывности труда* в анонимной брошюре «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption» etc., London, 1821, говорится следующее:

«Капиталист, кроме того, содержит, так сказать, *контору по найму* труда: он *страхует* от неуверенности в возможности найти сбыт для труда.

Если бы капиталиста не было, то эта неуверенность во многих случаях мешала бы приступить к той или иной работе. Благодаря его капиталу заботы по приисканию покупателя и по посещению рынка становятся сравнительно незначительными» (стр. 102).

В той же брошюре мы читаем:

«Там, где капитал в значительной мере состоит из *основного* капитала, или же там, где он вложен в землю,.. предприниматель в гораздо большей степени (чем в том случае, когда применяется меньше основного капитала) *вынужден* продолжать применять приблизительно то же самое количество оборотного капитала, что и раньше, чтобы не лишиться *какой бы то ни было* прибыли от той части, которая является основным капиталом» (стр. 73).}

{[Джонс говорит далее:]

«Быть может, наиболее разительную картину того положения, какое сложилось в Китае в результате зависимости работников от доходов их заказчиков, можно увидеть на китайской выставке, которую так долго держал открытой в Лондоне ее американский владелец. Выставка заполнена изображениями ремесленников с их небольшими наборами инструментов, ищущих заказчиков и пребывающих в праздности, если заказчики не появляются. Здесь наглядно выступает неизбежное в подобном случае отсутствие *той непрерывности труда*, которая является одним из трех основных элементов его производительности. Для всякого осведомленного наблюдателя достаточно заметно *также отсутствие основного капитала и машин*, которые являются едва ли менее важными элементами производительности труда» (стр. 73) [Русский перевод, стр. 344—345].

«Подобную же картину можно наблюдать в городах Индии, там, где появление европейцев еще не изменило положения. Однако в сельских местностях Индии ремесленники обеспечиваются особым способом... Те ремесленники и другие неземледельческие работники, которые были действительно необходимы данной деревне, содержались на часть общих доходов ее жителей. За счет этого фонда по всей стране жили многочисленные группы потомственных работников, чей труд удовлетворял простые потребности и вкусы, которых земледельцы не могли удовлетворить своим собственным трудом. Положение и права этих сельских ремесленников вскоре стали, подобно всем правам на Востоке, наследственными. Ремесленники находили своих заказчиков среди других деревенских жителей. Жители деревень были оседлы и неподвижны, и такими же были и обслуживавшие их ремесленники...

Городские ремесленники находились и находятся в совершенно ином положении. Они получали свою заработную плату в сущности из того же фонда — из избыточного дохода с земли, — но как способ его распределения, так и лица, распределяющие его, здесь были иные, в результате чего ремесленники утратили *постоянную оседлость* и были вынуждены *предпринимать частые и обычно пагубные переселения*... Такие *ремесленники не прикованы к определенной местности своей зависимостью от масс основного капитала*. (Как, например, в Европе, где хлопчатобумажные и другие предприятия привязаны к местностям, богатым водяной силой или топливом для производства пара, и где значительные массы богатства существуют в виде зданий, машин и т. д.)... Иначе обстоит дело тогда, когда работник целиком [1148] *зависит от непосредственного получения части доходов тех людей, которые потребляют производимые им товары*... *Такого рода работники не прикованы к данной местности каким-либо основным капиталом*. Если их заказчики на более или менее продолжительное время, а иногда

даже и на короткое время, меняют свое местожительство, неземледельческие работники вынуждены следовать за ними, чтобы не умереть с голоду» (стр. 73—74) [Русский перевод, стр. 345—346].

«Большая часть этого предназначенного для ремесленников фонда распределялась в Азии государством и его чиновниками. Главным центром распределения являлась, естественно, *столица*» (стр. 75) [Русский перевод, стр. 346—347].

«От Самарканда к югу до Биджапура и Серингапатама мы можем проследить развалины исчезнувших столиц, население которых покинуло их *внезапно* (а не в результате постепенного упадка, как в других странах), как только были основаны новые центры распределения королевских доходов, т. е. всей массы избыточных доходов с земли» (стр. 76) [Русский перевод, стр. 347].

Смотри *д-ра Бернье*¹⁴³, который сравнивает индийские города с военными лагерями. Все это покоится, стало быть, на господствовавшей в Азии форме земельной собственности.}

* * *

От непрерывности труда мы переходим теперь к разделению труда, развитию знаний, применению машин и т. д.

[Джонс пишет:]

«Сказанным отнюдь не исчерпывается влияние, оказываемое на непрерывность труда переменой тех хозяев, которые оплачивают работников. Различные виды работ теперь подвергнутся дальнейшему разделению... Если он» (капиталист) «дает работу не одному человеку, а нескольким, то он может разделить ее между ними; он может постоянно использовать каждого рабочего для выполнения определенной части общей работы, той части, которую этот рабочий выполняет лучше всего... Если капиталист богат и нанимает достаточное количество рабочих, то работа может подразделяться до тех пор, пока она вообще способна на дальнейшее подразделение. И тогда достигается полная непрерывность труда... Взяв на себя функцию авансирования заработной платы, капитал теперь шаг за шагом довел до совершенства непрерывность труда. Одновременно капитал увеличивает те знания и то искусство, с которыми этот труд применяется для получения требуемого результата.

Класс капиталистов сначала отчасти, а в конце концов и совершенно освобождается от необходимости физического труда. Их интерес требует, чтобы производительная сила применяемых ими рабочих была возможно более велика. Поэтому их внимание направлено, и притом почти исключительно, на увеличение этой силы. Мысль все больше и больше нацеливается на изыскание наилучших средств для достижения всех целей человеческого труда; знания расширяются, увеличивают сферу своего применения и содействуют труду почти во всех отраслях производства...

Но пойдем дальше и обратимся к механической силе. Капитал, применяемый не для оплаты труда, а для содействия ему, мы будем называть *вспомогательным капиталом*».

{Под «вспомогательным капиталом» Джонс, следовательно, понимает ту часть постоянного капитала, которая не состоит из сырья.}

«Масса вспомогательного капитала нации может, при выполнении определенных условий, беспрестанно возрастать, даже если число рабочих

остается тем же самым. С каждым шагом в этом направлении растет третий элемент эффективности человеческого труда, а именно — его *механическая сила*... Итак, масса вспомогательного капитала увеличивается по отношению к населению... Какие же условия должны быть выполнены для того, чтобы масса вспомогательного капитала, применяемого в целях содействия им {рабочим, нанятым капиталистом}, «могла возрастать? Налицо должны быть одновременно три условия:

- 1) средства для сбережения добавочного капитала;
- 2) желание сберечь его;
- 3) какое-нибудь изобретение, дающее возможность, посредством применения вспомогательного капитала, увеличить производительную силу труда, и притом увеличить ее в такой степени, чтобы *труд, сверх ранее производившегося им богатства, воспроизводил еще примененный добавочный вспомогательный капитал, по мере потребления последнего, с некоторой прибылью на него*...

Если вся та масса вспомогательного капитала, которая может быть прибыльно применена при данном состоянии знаний, уже налицо, то лишь возросший уровень знаний может указать средства для применения большей массы капитала. Далее, такое применение практически осуществимо только в том случае, когда изобретенные средства настолько повышают силу труда, что он в состоянии воспроизводить добавочный капитал за то время, в течение которого капитал этот изнашивается. Если этого нет, капиталист потеряет свое богатство... Но, помимо этого, возросшая эффективность труда рабочих должна производить еще некоторую прибыль, ибо в противном случае у капиталиста вообще не было бы побуждения применять свой капитал в производстве... До тех пор пока посредством применения новых масс вспомогательного капитала возможно достижение обеих указанных целей, не существует твердой и окончательной границы для все возрастающего применения таких новых масс капитала. Рост капитала может идти нога в ногу с ростом знаний. Но знания никогда не стоят на месте. И так как они ежечасно развиваются во всех направлениях, то ежечасно могут появляться новые орудия, новые машины, новые двигательные силы, дающие нации возможность с выгодой для себя добавлять кое-что к массе вспомогательного капитала, содействующего ее труду, и этим путем увеличивать разницу между производительностью ее труда и производительностью труда более бедных и менее искусных наций» (цит. соч. [стр. 38—41]) [Русский перевод, стр. 316—318].

[1149] Прежде всего, отметим замечание Джонса, что новые изобретения, приспособления или устройства должны быть способны «увеличить производительную силу труда в такой степени, чтобы труд, сверх ранее производившегося им богатства, воспроизводил еще примененный добавочный вспомогательный капитал, по мере потребления последнего», или чтобы труд «воспроизводил добавочный капитал за то время, в течение которого капитал этот изнашивается». Это, стало быть, означает только то, что износ возмещается по мере того, как происходит изнашивание, или что добавочный капитал возмещается в среднем за то же самое время, в течение которого он потребляется. Часть стоимости продукта — или, что сводится к тому же самому, часть продукта — должна возместить потребленный «вспомогательный капитал», и притом за такой проме-

жүток времени, чтобы к тому моменту, когда он будет целиком потреблен, он мог бы быть целиком воспроизведен, или чтобы новый капитал того же рода мог занять место потребленного капитала. Но что является условием этого? В результате применения добавочного «вспомогательного капитала» производительность труда должна возрасти настолько, чтобы часть продукта могла быть выделена для возмещения этой составной части либо *in natura*, либо путем обмена.

Если производительность труда стала настолько высока, т. е. если количество продуктов, производимых в течение одинакового рабочего дня, возросло настолько, что единица товара теперь *дешевле* единицы товара при прежнем процессе производства, хотя при этом *сумма товаров* своей совокупной ценой покрывает годичный (например) износ машин, так что приходящаяся на единицу товара соответственная часть износа ничтожно мала, то «вспомогательный капитал» воспроизводится. Если из совокупного продукта мы вычтем, во-первых, ту часть, которая возмещает износ, и, во-вторых, ту часть, которая возмещает стоимость сырья, то останется часть, оплачивающая заработную плату, и та часть, которая покрывает прибыль и при прежней цене единицы товара приносит даже большую прибавочную стоимость [чем до применения добавочного «вспомогательного капитала»].

Увеличение продукта могло бы иметь место и без выполнения этого условия. Если бы, например, количество фунтов пряжи увеличилось [только] в 10 раз (а не в 100 и т. д.), а приходящаяся на стоимость единицы продукта доля того добавка, который идет на возмещение износа машин, понизилась с $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{10}$, то пряжа, произведенная при помощи машин, была бы дороже пряжи, произведенной при помощи веретена¹⁴⁴. Если добавочный капитал в 100 ф. ст. затрачен в земледелии на гуано и если это гуано должно быть возмещено в один год, а стоимость одного квартера продукта (при прежних методах производства) равнялась 2 ф. ст., то нужно было бы произвести 50 добавочных кварталов только для того, чтобы возместить износ¹⁴⁵. Иначе этот добавочный капитал не мог бы быть применен (мы оставляем здесь в стороне прибыль).

Замечание Джонса, что добавочный капитал должен быть «воспроизведен» (разумеется, путем продажи продукта или же *in natura*) «за то время, в течение которого капитал этот изнашивается», означает лишь то, что товар должен возместить содержащийся в нем износ. Чтобы снова начать воспроизводство, все содержащиеся в товаре элементы стоимости должны быть возмещены к тому времени, когда снова должно начаться

воспроизводство товара. В земледелии это время воспроизводства дано природными условиями, и то время, в течение которого должен быть возмещен износ, здесь даё совершенно так же, как и то время, в течение которого должны быть возмещены все другие элементы стоимости, например, зернового хлеба.

Для того чтобы процесс воспроизводства мог начаться, т. е. для того чтобы могло иметь место возобновление процесса производства в собственном смысле слова, должен быть пройден процесс обращения, т. е. товар должен быть продан (если только он не возмещает себя сам *in natura*, как, например, семена), и деньги, за которые товар продан, должны быть снова превращены в элементы производства. Для зернового хлеба и других сельскохозяйственных продуктов существуют определенные, предписанные сменой времен года сроки такого воспроизводства, существуют, стало быть, крайние *границы*, положительные границы для продолжительности процесса обращения. [Это — во-первых.]

Во-вторых, такие положительные границы процесса обращения проистекают вообще из природы товаров как потребительных стоимостей. Все товары в определенные сроки портятся, хотя *ultima Thule* * их существования различна. Если их не потребляют люди (в целях производства или в порядке индивидуального потребления), то их потребляют стихийные силы природы. Они становятся хуже и, в конце концов, разрушаются. Если пропадает потребительная стоимость товаров, то к черту летит и их меновая стоимость, и их воспроизводство прекращается. Следовательно, крайние границы времени обращения товаров определены естественными сроками периодов воспроизводства, свойственными товарам как потребительным стоимостям.

В-третьих, для того чтобы процесс производства товаров был непрерывным, т. е. для того чтобы одна [1150] часть капитала постоянно находилась в процессе производства, а другая постоянно в процессе обращения, должны иметь место весьма различные деления капитала на эти части — в зависимости от естественных границ периодов воспроизводства, в зависимости от границ существования различных потребительных стоимостей или в зависимости от различия тех сфер, в которых капитал действует.

В-четвертых, все сказанное относится одновременно ко всем элементам стоимости товара. Но у тех товаров, в производстве

* — нечто последнее, крайняя точка, крайний предел, конечная цель (буквально: крайняя Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы), *Ред.*

которых участвует много основного капитала, кроме границ, предписываемых периоду обращения их собственными потребительными стоимостями, определяющее значение имеет также и потребительная стоимость основного капитала. Он изнашивается в течение определенного периода времени и, следовательно, в течение определенного периода времени должен быть воспроизведен. Положим, например, корабль изнашивается в течение 10 лет или прядильная машина — в течение 12 лет. Полученный за 10 лет фрахт или проданная за 12 лет пряжа должны быть достаточны для того, чтобы новый корабль через 10 лет заменил старый или новая прядильная машина через 12 лет заменила старую. Если основной капитал потребляется в течение полугода, то продукт в течение полугода должен вернуться из обращения.

Таким образом, помимо естественных сроков смертности товаров как потребительных стоимостей, сроков, весьма различных для различных потребительных стоимостей; помимо требований непрерывности процессов производства, в результате чего опять-таки поставлены различные крайние границы времени обращения, смотря по тому, больше или меньше времени должны товары оставаться в сфере производства и больше или меньше времени они могут оставаться в сфере обращения; помимо всего этого сюда присоединяется еще третье обстоятельство: различные сроки смертности — а потому и необходимости воспроизводства — «вспомогательного капитала», входящего в производство товара.

Вторым условием [применения «вспомогательного капитала», увеличивающего производительную силу труда] Джонс считает «прибыль», которую должен «производить» «вспомогательный капитал» и получение которой, действительно, есть *conditio sine qua non* * всякого капиталистического производства, какова бы ни была особая определенность формы применяемого капитала. Джонс нигде не объяснил нам, как, собственно, он представляет себе генезис этой прибыли. Но так как он выводит ее только из «труда», а ту прибыль, которую приносит «вспомогательный капитал», выводит только из возросшей эффективности труда рабочих, то всякая прибыль должна у Джонса сводиться к абсолютному или относительному прибавочному труду. Ведь вообще прибыль коренится в том, что капиталист, — после вычета *части продукта*, возмещающей *in natura* или путем обмена те составные части капитала, которые состоят из сырья и средств труда, — во-первых, уплачивает из остающейся доли

* — необходимое, обязательное условие. Ред.

продукта заработную плату, а, во-вторых, часть продукта присваивает себе в качестве *прибавочного продукта*, который он продает или потребляет *in natura*. (Последнее в условиях капиталистического производства не должно приниматься в расчет, за исключением небольшого числа капиталистов, непосредственно производящих необходимые жизненные средства.) Однако этот прибавочный продукт точно так же, как и другие части продукта, представляет собой овеществленный труд рабочего, но только труд неоплаченный, продукт труда, присвоенный капиталистом без эквивалента.

Новым в трактовке вопроса у Джонса является указание на то, что увеличение «вспомогательного капитала» за определенные пределы зависит от *роста знаний*. Джонс говорит, что для роста «вспомогательного капитала» необходимы: 1) средства для сбережения добавочного капитала, 2) желание сберечь его, 3) какое-нибудь изобретение, дающее возможность в такой степени увеличить производительную силу труда, чтобы можно было воспроизводить добавочный капитал и производить на него прибыль.

Что здесь необходимо в первую очередь, это — наличие *прибавочного продукта*, либо в его натуральной форме, либо превращенного в деньги.

Если взять, например, производство хлопка, то было время, когда плантаторы в Америке (так же, как теперь в Индии) могли бы засеивать хлопком большие площади, однако у них не было средств для своевременного превращения хлопко-сырца в хлопковое волокно путем очистки. Часть выращенного хлопка гнила на поле. Конец этому был положен изобретением хлопкоочистительной машины. Часть продукта превращается теперь в хлопкоочистительную машину, но эта последняя не только возмещает свои издержки, но и увеличивает прибавочный продукт. Подобное же действие оказывает появление нового рынка, способствующее, например, превращению кож в деньги. (Таким же образом действует и улучшение транспортных средств.)

Каждая новая машина, потребляющая уголь, является вместе с тем средством для превращения в капитал существующего в виде угля прибавочного продукта. Превращение части прибавочного продукта в «вспомогательный капитал» может происходить двояким способом: [во-первых,] путем увеличения существующего «вспомогательного капитала», его воспроизводства в расширенном масштабе; [во-вторых,] путем открытия новых потребительных стоимостей или путем нового применения старых потребительных стоимостей, а также путем изобре-

тения новых машин или двигателей, в результате чего создаются новые виды «вспомогательного капитала». Расширение знаний, конечно, является здесь одним из условий увеличения «вспомогательного капитала», или, что одно и то же, одним из условий превращения прибавочного продукта или прибавочных денег (важное значение при этом имеет внешняя торговля) в добавочный «вспомогательный капитал». Так, например, изобретение телеграфа открыло совершенно новое поле для вложения «вспомогательного капитала», точно так же железные дороги и т. д., точно так же все производство гуттаперчи или индийского каучука.

[1151] Этот пункт насчет расширения знаний важен.

Накопление вовсе не обязательно должно непосредственно приводить в движение новый труд, оно может ограничиваться тем, что старому труду дается новое направление. Например, та же самая механическая мастерская, которая раньше производила [ручные] ткацкие станки, теперь изготавливает механические, и часть [ручных] ткачей переходит в это изменившееся производство, тогда как остальная часть выбрасывается на улицу.

Когда какая-либо машина заменяет труд, она во всяком случае требует (для своего собственного производства) меньше нового труда, чем заменяет. Возможно, что старому труду дается при этом только новое направление. Во всяком случае высвобождается труд, который после больших или меньших мытарств и блужданий может быть применен в другом направлении. Так поставляется человеческий материал для какой-нибудь новой сферы производства. Что же касается *непосредственного* высвобождения капитала, то здесь высвобождается не тот капитал, который покупает машину, так как ведь он вложен в нее. И даже если предположить, что машина дешевле заработной платы вытесненных ею рабочих, то теперь требуется больше сырья и т. д. Если уволенные рабочие обходились в 500 ф. ст. в год, а новая машина тоже стоит 500 ф. ст., то капиталист прежде должен был затрачивать ежегодно 500 ф. ст., тогда как теперь машина существует, быть может, 10 лет, и капиталист в действительности затрачивает ежегодно только 50 ф. ст. Что здесь во всяком случае высвобождается (после того как мы вычтем расходы на добавочных рабочих, занятых в производстве машины и таких вспомогательных материалов для нее, как, например, уголь), это — тот капитал, который составлял доход уволенных рабочих, или тот, в обмен на который рабочие расходовали свою заработную плату. Этот капитал по-прежнему существует. Если рабочие вытесняются просто

как двигательная сила, без сколько-нибудь значительного изменения самой машины, если, например, теперь машина приводится в движение водой или ветром, тогда как раньше она приводилась в движение рабочими, то высвобождается двойной капитал: капитал, раньше употреблявшийся на оплату рабочих, и тот капитал, на который рабочие обменивали свой денежный доход. Такого рода пример приводит Рикардо *.

Но определенная часть продукта, которая раньше превращалась в заработную плату, теперь непременно воспроизводится в качестве «вспомогательного капитала».

Значительная часть труда, ранее употреблявшаяся непосредственно на производство жизненных средств, теперь употребляется на производство «вспомогательного капитала». Это опять-таки противоречит взгляду А. Смита, согласно которому накопление капитала равнозначно применению *большого* количества производительного труда. Помимо того, о чем говорилось выше, здесь может иметь место просто изменение в применении труда и перемещение труда от непосредственного производства жизненных средств в производство средств производства, железных дорог, мостов, машин, каналов и т. д.

* * *

{Насколько важны для накопления наличная масса средств производства и наличный масштаб производства, видно из нижеследующего отрывка:

«Поразительная быстрота, с какою в Ланкашире может быть воздвигнута большая хлопчатобумажная *фабрика*, включающая в себя прядильное и ткацкое отделения, является следствием того, что у инженеров, конструкторов и машиностроителей имеются *огромные коллекции* всякого рода *образцов*, начиная с гигантских паровых машин, водяных колес, железных балок и стоек и кончая мельчайшей деталью ватермашины или ткацкого станка. В течение последнего года г-н Фэрберн только на своей машиностроительной фабрике (независимо от его заведения по конструированию машин и паровых котлов) построил водяные колеса мощностью в 700 лошадиных сил и паровые машины мощностью в 400 лошадиных сил. Всякий раз, когда возросший спрос на товары привлекает новый капитал, средства для выгодного его применения создаются с такой быстротой, что новый капитал может реализовать прибыль, равную его собственной стоимости, прежде чем подобного рода *фабрика* могла бы быть пущена в ход во Франции, Бельгии или Германии» (A. Ure. Philosophie des Manufactures etc. Tome I. Paris, 1836, стр. 61—62).

[1152] Развитие промышленности ведет к удешевлению машин, отчасти относительному — в сравнении с мощностью

* См. настоящее издание, часть II, стр. 613—615, *Ред.*

машин, отчасти абсолютному; но в то же время с этим связано громадное скопление машин на фабрике, так что по отношению к применяемому живому труду стоимость машинного оборудования возрастает, хотя стоимость отдельных составных частей его уменьшается.

Двигательная сила — машина, производящая двигательную силу — становится дешевле в той мере, в какой совершенствуются механизм, передающий двигательную силу, и рабочая машина, т. е. в той мере, в какой уменьшается трение и т. д.

«Преимущества, проистекающие из применения самодействующих орудий, не только усовершенствовали точность машинного оборудования фабрики и ускорили его изготовление, но и в значительной степени понизили его цену и увеличили его подвижность. В настоящее время превосходную ватермашину можно купить по 9 шилл. 6 пенсов за веретено, а сельфактор приблизительно по 8 шилл. за веретено, включая патентную пошлину за сельфактор. Веретена на хлопчатобумажной фабрике движутся с таким незначительным трением, что одна лошадиная сила приводит в движение 500 веретен на тонкопрядильной машине, 300 веретен на сельфакторе и 180 веретен на ватермашине; этой одной лошадиной силой обслуживаются также и все подготовительные машины, а именно — чесальная машина, ровничная машина и т. д. Трех лошадиных сил достаточно для того, чтобы приводить в движение 30 больших ткацких станков вместе с их шлихтовальной машиной» (A. Ure. Philosophie des Manufactures. Tome I. Paris, 1836, стр. 62—63.).

* * *

{Джонс далее отмечает:}

«На подавляющей части земного шара громадное большинство трудящихся классов даже вообще не получают от капиталистов свою заработную плату; они или сами производят ее, или получают ее из дохода своих заказчиков. Здесь еще не сделан первый крупный шаг, обеспечивающий непрерывность их труда. Им помогают в труде лишь т о з н а н и е и т о количество механической силы, какие могут находиться в распоряжении людей, работающих при помощи собственных рук ради средств существования. Искусность и наука более развитых стран, гигантские двигательные силы, накопленные орудия и машины, которые эти силы могут приводить в движение, — все это отсутствует в тех видах труда, где участвуют только такие работники» (стр. 43) [Русский перевод, стр. 319].

{Даже в Англии:

«Возьмем земледелие... Знания, необходимые для хорошего ведения сельского хозяйства, распространены в стране мало и не повсеместно. Очень незначительная часть земледельческого населения пользуется всем тем капиталом, который... можно было бы применить в этой отрасли национального труда... Работой на крупных фабриках заняты лишь небольшая часть наших неземледельческих работников. В сельских мастерских, у всех ремесленников и мастеровых, небольшими коллективами выполняющих свою отдельную работу, разделение труда является неполным, а непрерывность труда поэтому несовершенной... Выйдите за пределы

больших городов, взгляните на обширные пространства страны, и вы увидите, какая значительная часть национального труда весьма и весьма далека от совершенства как в отношении непрерывности труда, так и в отношении его искусности и силы» (стр. 44) [Русский перевод, стр. 320].}

С развитием капиталистического производства связано отделение *науки от труда* и в то же время — применение науки, как таковой, к материальному производству.

* * *

Относительно *земельной ренты* Джонс правильно замечает следующее:

Рента в современном смысле, всецело зависящая от прибыли, предполагает

«возможность перемещать капитал и труд из одной отрасли производства в другую,.. подвижность капитала и труда, и в тех странах, где земледельческий капитал и земледельческий труд не обладают подобной подвижностью,.. мы не можем ожидать ни одного из тех результатов, которые, как мы видели, проистекают в Англии исключительно из этой подвижности» (стр. 59) [Русский перевод, стр. 332].

Эта «подвижность капитала и труда» вообще является *реальной* предпосылкой для образования общей нормы прибыли. Она предполагает безразличие к *определенному виду* труда. Здесь в действительности имеет место (за счет рабочего класса) трение между тем односторонним характером, который, с одной стороны, разделение труда и машины придают *рабочей силе*, и тем обстоятельством, что эта рабочая сила, с другой стороны, противостоит капиталу {который этим отличается от своей неразвитой формы в цеховой промышленности} лишь как живая возможность всякого труда вообще, которому, смотря по тому, какая прибыль может быть получена в той или иной сфере производства, дается то или другое направление, так что различные массы труда могут перебрасываться из одной сферы в другую.

В Азии и т. д. «основная масса населения состоит из трудящихся крестьян. Применяемые ими *отсталые системы обработки земли* [1153] *предоставляют длинные промежутки досуга*. И подобно тому, как крестьянин производит свою собственную пищу,.. он *точно так же изготавливает большую часть других предметов первой необходимости, которые он потребляет* — свою одежду, свои орудия, свою мебель, даже свои постройки: ибо в этом классе существует лишь незначительное разделение занятий. *Нравы и обычаи таких людей не меняются*; они передаются от родителей к детям; нет ничего такого, что могло бы изменить или нарушить их» (стр. 97) [Русский перевод, стр. 362].

Напротив, вместе с характерной для капиталистического производства подвижностью капитала и труда и постоянными революциями в способе производства, а потому и в производственных отношениях, в отношениях обмена и в образе жизни, появляется большая подвижность в обычаях, в образе мышления народа и т. д.

Сравним с только что приведенным местом относительно «промежутков досуга» в условиях «отсталых систем обработки земли» два следующих высказывания:

1) «Если на ферме применяется паровая машина, то она образует *составную часть такой системы*, которая дает работу наибольшему числу рабочих в земледелии, и это во всех случаях связано с уменьшением числа применяемых лошадей» («On the Forces used in Agriculture». Доклад г-на Джона Ч. Мортонa, прочитанный в Обществе искусств и ремесел ¹⁴⁶ 7 декабря 1859 г.).

2) «Различие во времени, требующемся для производства земледельческих продуктов и для производства продуктов других видов труда, является главной причиной большой зависимости земледельцев. Они не могут доставить свой товар на рынок раньше, чем по истечении года. В течение всего этого времени они вынуждены покупать в кредит у сапожника, портного, кузнеца, колесного мастера и различных других работников, в продуктах которых они нуждаются, а эти продукты изготовляются в течение немногих дней или недель. Вследствие этого природой обусловленного обстоятельства и вследствие более быстрого возрастания богатства, производимого неземледельческим трудом по сравнению с трудом земледельческим, монопольные собственники всей земли, хотя они монополизировали также и законодательство, не в состоянии избавить себя и своих слуг, фермеров, от превращения в самый зависимый из всех классов общества» (Hodgskin. Popular Political Economy. London, 1827, стр. 147, примечание) [Русский перевод, стр. 136].

Капиталист тем отличается от капитала, что он должен жить, т. е. должен ежедневно и ежечасно потреблять часть прибавочной стоимости в качестве дохода. Следовательно, чем продолжительнее период производства до того момента, когда капиталист может доставить свой товар на рынок, или чем больше времени требуется для поступления с рынка выручки за его проданный товар, тем в большей мере капиталист в промежуточное время вынужден жить в долг (это здесь не подлежит нашему рассмотрению) или же у него должен быть накоплен тем больший запас денег, который им расходуется как доход. Тем дольше капиталист вынужден *авансировать* себе свой собственный доход. Тем больше должен быть его капитал. Капиталист вынужден часть своего капитала постоянно держать неиспользованной, чтобы она могла служить фондом потребления.

{Поэтому в мелком земледелии домашняя промышленность соединена с земледелием. Запасы на год и т. д.}

**IV) ДЖОНС О НАКОПЛЕНИИ И НОРМЕ ПРИБЫЛИ.
ВОПРОС ОБ ИСТОЧНИКЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ**

Мы переходим теперь к учению Джонса о *накоплении*. До сих пор были отмечены лишь два своеобразных момента во взглядах Джонса на накопление: во-первых, что источником накопления отнюдь не обязательно должна быть прибыль; во-вторых, что *накопление «вспомогательного капитала»* зависит от *прогресса знаний*. Джонс ограничивает этот прогресс изобретением новых механических приспособлений, двигателей и т. д. Однако это положение имеет общее значение. Например, когда зерно употребляется в качестве сырья для изготовления водки, возникает новый источник накопления, ибо в этом случае прибавочный продукт может быть превращен в новые формы, может служить удовлетворению новых потребностей и может войти в качестве элемента производства в новую сферу производства. То же самое имеет место при изготовлении из зерна крахмала и т. д. Тем самым сфера обмена этих и вообще всех товаров расширяется. То же самое имеет место, когда уголь употребляется для целей освещения и т. д.

Разумеется, и внешняя торговля — посредством увеличения разнообразия потребительных стоимостей и массы товаров — тоже является важным фактором в процессе накопления.

Так вот, то, что Джонс говорит о накоплении в первую очередь, относится к *связи между накоплением и нормой прибыли* (генезис последней ему далеко не ясен):

«Способность нации накапливать капитал из прибылей не изменяется пропорционально изменению нормы прибыли... Наоборот, способность накапливать капитал из прибылей обычно изменяется в направлении, противоположном изменению нормы прибыли, т. е. она велика там, где норма прибыли низка, и мала там, где норма прибыли высока. Так, А. Смит говорит: [1154] «Хотя та часть дохода населения, которая своим источником имеет прибыли на капитал, в богатых странах всегда значительно больше, чем в бедных, но это происходит потому, что капитал там значительно больше; в сравнении же с капиталом прибыли в богатых странах обычно значительно ниже» («Wealth of Nations», книга II, глава 3).

В Англии и Голландии *норма прибыли* ниже, чем в любой другой части Европы» (стр. 21) [Русский перевод, стр. 300].

«В течение того периода, когда ее (Англии) «богатство и капитал» возрастали наиболее быстро, норма прибыли постепенно понижалась» (стр. 21—22) [Русский перевод, стр. 300].

«Массы производимой прибыли... зависят не от одной только нормы прибыли, а от нормы прибыли в сочетании с величиной применяемого капитала» (стр. 22) [Русский перевод, стр. 300].

«Возрастание количества капитала у более богатой нации... обычно сопровождается также падением нормы прибыли, или уменьшением отношения между годовым доходом, получаемым с применяемого капитала,

и совокупной величиной этого капитала» (там же) [Русский перевод, стр. 301].

«Если кто-либо скажет, что *при прочих равных условиях возможность накопления из прибыли определяется нормой прибыли*, то на это следует ответить, что этот случай, если он вообще возможен на практике, является столь редким, что не заслуживает рассмотрения. Из наблюдений мы знаем, что понижение нормы прибыли есть явление, обычно сопровождающее *возрастание различия в массе капитала*, применяемого различными нациями, и что поэтому, когда у более богатых наций норма прибыли понижается, *все прочие условия не остаются равными*.

Если кто-либо будет утверждать, что прибыль может упасть так низко, что накопление из прибыли станет вообще невозможным, то на это следует ответить, что нелепо исходить в аргументации из допущения подобного падения прибыли, ибо уже задолго до того, как норма прибыли достигла бы такого уровня, капитал ушел бы за границу, чтобы получать более высокую прибыль где-нибудь в другой стране, и возможность экспорта капитала всегда будет устанавливать известный предел, ниже которого прибыль в данной стране никогда не упадет, *пока существуют другие страны, где норма прибыли выше*» (стр. 22—23) [Русский перевод, стр. 301].

«Кроме *первичных* источников накопления... существуют еще *производные*, каковы, например, доходы владельцев государственных процентных бумаг, чиновников и т. д.» (стр. 23) [Русский перевод, стр. 302].

Все это *bel et bon* *. Совершенно верно, что *накопляемые массы* [прибыли] зависят отнюдь не от одной только нормы прибыли, а от нормы прибыли, умноженной на применяемый капитал; т. е. что они в такой же мере зависят и от величины применяемого капитала. Если применяемый капитал равен K , а норма прибыли равна n , то [максимальное] накопление равно Kn , и ясно, что это произведение может увеличиваться, когда множитель K увеличивается быстрее, чем уменьшается множитель n . И таков, действительно, факт, установленный наблюдением. Но это еще ничего не говорит нам о *raison d'être*, о *причине* этого факта. Сам Джонс весьма близко подошел к этой причине, заметив, что «*вспомогательный капитал*» непрерывно возрастает в сравнении с тем рабочим населением, которое приводит его в движение.

Если падение прибыли проистекает из рикардовской причины, из возрастания ренты, то отношение совокупной прибавочной стоимости к применяемому капиталу остается прежним. Разница только в том, что одна часть ее — рента — растет за счет другой части — прибыли, — а это оставляет неизменным отношение совокупной прибавочной стоимости [к совокупному капиталу], ибо прибыль, процент и рента образуют лишь отдельные ее категории. Рикардо, таким образом, по существу отрицает само явление.

* — очень хорошо. Ред.

С другой стороны, одно только понижение процентной ставки ничего не доказывает, как ничего не доказывает и ее повышение, хотя процентная ставка, конечно, всегда является показателем той минимальной нормы, ниже которой прибыль *не может* упасть. Ибо прибыль всегда должна быть больше средней нормы процента.

[1155] Важнейшее следствие закона падения нормы прибыли, помимо того ужаса, который он внушает политико-экономам, состоит в том, что он предполагает постоянно растущую концентрацию капиталов и, следовательно, постоянно растущую декапитализацию более мелких капиталистов. Таков вообще результат всех законов капиталистического производства. И если мы отделим от этого факта тот антагонистический характер, которым он отличается на основе капиталистического производства, то что же тогда выражает этот факт, этот процесс прогрессирующей централизации? Только то, что производство утрачивает свой частный характер и становится общественным процессом, и притом реально, а не всего лишь формально, как при всяком таком обмене, при котором производство является общественным вследствие абсолютной зависимости производителей друг от друга и необходимости для них представить свой труд как труд абстрактно общественный (как деньги). Ибо средства производства применяются теперь как общие средства производства и потому — не в силу того, что они являются собственностью отдельных лиц, а в силу их отношения к производству — как общественные средства производства; равным образом и труд на отдельных предприятиях выполняется теперь в общественном масштабе.

У Джонса имеется особый раздел, озаглавленный: *«Обстоятельства, определяющие склонность к накоплению»*. [Эти обстоятельства Джонс сводит к следующим пяти пунктам:]

- 1) Различия в темпераментах и склонностях народов;
- 2) Различия в распределении доходов нации между различными классами населения;
- 3) Различная степень развития гарантий надежного пользования сбереженным капиталом;
- 4) Различная степень возможности прибыльно и надежно вкладывать последовательные сбережения;
- 5) Различия в возможностях для различных слоев населения улучшать свое положение путем сбережений» (стр. 24) [Русский перевод, стр. 303].

Все эти пять причин сводятся по существу к тому, что накопление зависит от той ступени развития *капиталистического способа производства*, которая достигнута той или иной определенной нацией.

Возьмем, прежде всего, *пункт 2*. Там, где капиталистическое производство развито, главным источником накопления служит прибыль, т. е. капиталисты сосредоточивают в своих руках большую часть национального дохода, и даже часть земельных собственников стремится капитализировать свой доход.

Пункт 3. Юридические и полицейские гарантии возрастают по мере того, как капиталисты получают в свои руки управление государством.

Пункт 4. С развитием капитала растут и умножаются, с одной стороны, сферы производства, а с другой стороны, развивается организация кредита, позволяющая ссудодателям (банкарам) сосредоточивать в своих руках каждый сбереженный грош.

Пункт 5. При капиталистическом производстве улучшение положения человека в обществе зависит только от денег, и каждый может воображать, что он когда-нибудь станет Ротшильдом.

Остается *пункт 1*. Не все народы имеют одинаковые данные для капиталистического производства. Некоторые самобытные народы, как, например, турки, не имеют для этого ни темперамента, ни склонности. Но это исключения. С развитием капиталистического производства создается средний уровень буржуазного общества и вместе с тем средний уровень темпераментов и склонностей у самых различных народов. Капиталистическое производство, подобно христианству, по самому существу своему космополитично. Поэтому-то христианство и является специфической религией капитала. И тут и там имеет значение только человек. Сам по себе один человек стоит не больше и не меньше, чем другой. Для христианства все зависит от того, имеет ли человек веру, а для капитала — имеет ли он кредит. Кроме того, у первого сюда еще присоединяется, конечно, божественное предопределение, а у второго — случай, имеет ли человек деньги с самого рождения или нет.

* * *

Источник прибавочной стоимости и первоначальная рента:

«После того как земля обращена в частную собственность и подверглась обработке, она почти всегда возвращает затраченному на ней труду больше, чем необходимо для продолжения обработки ее прежним способом. Все, что земля производит [1156] сверх этого, мы будем называть ее *прибавочным продуктом*. Этот прибавочный продукт является *источником первоначальных рент*, и он определяет границы тех доходов, какие постоянно могут получать с земли ее *собственники* в отличие от тех, кто ее *арендует*» (стр. 19) [Русский перевод, стр. 298].

Эти *первоначальные ренты* являются той общественной формой, в которой впервые выступает прибавочная стоимость, и этот взгляд, в скрытом виде, лежит в основе учения физиократов.

Абсолютная и относительная прибавочная стоимость имеют то общее между собой, что обе они предполагают известную степень развития производительной силы труда. Если бы у человека (у каждого человека) всего его рабочего дня (всего рабочего времени, которым он располагает) было достаточно только на прокормление его самого (или, в лучшем случае, еще и его семьи), то отпали бы прибавочный труд, прибавочный продукт и прибавочная стоимость. Эта предпосылка известной степени развития производительной силы труда основывается на естественном плодородии природных источников богатства — земли и воды, — которое в различных странах и т. д. различно. Первоначально потребности просты и примитивны, а потому незначителен и тот минимум продуктов, какой нужен для поддержания существования самих производителей. Точно так же незначителен здесь и прибавочный продукт. С другой стороны, в этих условиях число живущих за счет прибавочного продукта тоже очень невелико, так что прибавочный продукт представляет собой здесь сумму небольших прибавочных продуктов сравнительно большого числа производителей.

Основой абсолютной прибавочной стоимости — т. е. реальным условием ее существования — является *естественное плодородие земли*, природы, тогда как относительная прибавочная стоимость основывается на развитии общественных производительных сил.

На этом мы покончим с Джонсом. [XVIII — 1156]

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОХОД И ЕГО ИСТОЧНИКИ. ВУЛЬГАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ¹⁴⁷

[1)] РАЗВИТИЕ КАПИТАЛА, ПРИНОСЯЩЕГО ПРОЦЕНТЫ,
НА ОСНОВЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
[ФЕТИШИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ
ПРОЦЕНТЫ, КАК НАИБОЛЕЕ ПОЛНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ЭТОГО ФЕТИШИЗМА. ВУЛЬГАРНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ
И ВУЛЬГАРНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ О ПРОЦЕНТЕ НА КАПИТАЛ]

[XV — 891] Форма дохода и источники дохода выражают отношения капиталистического производства в *наиболее фетишистской* форме. Это — их бытие в том виде, в каком оно проявляется на поверхности, оторванное от скрытой под ней связи и посредствующих промежуточных звеньев. Так *земля* становится источником *земельной ренты*, *капитал* — источником *прибыли*, а *труд* — источником *заработной платы*. Та извращенная форма, в которой выражается действительно существующее извращение, естественным образом воспроизводится в представлениях агентов этого способа производства. Это — особого рода фикция без фантазии, религия вульгарного обывателя. Вульгарные экономисты — их надо строго отличать от экономистов-исследователей, являвшихся предметом нашей критики, — фактически переводят [на язык политической экономии] представления, мотивы и т. д. находящихся в плену у капиталистического производства носителей его, представления и мотивы, в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости. Они переводят их на доктринерский язык, но с точки зрения господствующей части [общества], капиталистов, и поэтому не наивно и объективно, а апологетически. Скудоумное и педантичное высказывание вульгарных представлений, с необходимостью возникающих у носителей этого способа производства, весьма и весьма отличается от стремления таких политико-экономов, как физиократы, А. Смит, Рикардо, понять внутреннюю связь явлений.

Однако из всех этих форм наиболее завершенным фетишем является *капитал, приносящий проценты*. Здесь перед нами

первоначальный исходный пункт капитала, деньги, и формула $D-T-D'$, сведенная к ее двум крайним членам, $D-D'$. Деньги, создающие большее количество денег. Это — первоначальная и всеобщая формула капитала, сокращенная до бессмысленного резюме.

Земля, или *природа*, как источник *земельной ренты*, т. е. земельной собственности, — это достаточно фетишистично. Но в результате милого смещения потребительной стоимости и меновой стоимости здесь у обыденного представления еще имеется возможность прибегать [для объяснения ренты] к производительной силе самой природы, которая посредством какого-то фокуса персонифицируется в земельном собственнике.

Труд как источник *заработной платы*, т. е. той доли рабочего в его продукте, которая определяется специфической общественной формой труда; труд как источник того, что рабочий за свой труд покупает себе у продукта (у капитала, рассматриваемого вещественно) разрешение производить и обладает в труде таким источником, благодаря которому к нему возвращается часть его продукта в виде платы от этого продукта как работодателя, — это тоже достаточно недурно. Но обыденное представление здесь все же в той мере согласуется с действительным положением дела, что хотя оно и смешивает труд с наемным трудом, а потому и продукт наемного труда, заработную плату, с продуктом труда, тем не менее здравому человеческому рассудку остается ясным одно, а именно — что труд сам создает свою заработную плату.

Что касается *капитала*, то, поскольку он рассматривается в *процессе производства*, о нем всегда в большей или меньшей степени сохраняется представление, что это есть орудие для ловли чужого труда. Считается ли это «справедливым» или «несправедливым», обоснованным или необоснованным, — здесь всегда предполагается и подразумевается отношение капиталиста к рабочему.

Поскольку *капитал* выступает в *процессе обращения*, что представителям обыденного воззрения особенно бросается в глаза в *купеческом капитале*, как такой разновидности капитала, которая занята только этой операцией, то здесь прибыль толкуется отчасти при помощи неопределенного представления о всеобщем надувательстве, отчасти же при помощи более определенного представления о том, что купец надувает промышленного капиталиста так, как промышленный капиталист надувает рабочего, или же что купец надувает потребителя так, как производители надувают друг друга. Как бы то ни было,

прибыль объясняется здесь из обмена, стало быть из общественного отношения, а не из вещи.

Напротив, в *капитале, приносящем проценты*, фетиш получает свое завершение. Здесь перед нами капитал в его готовом виде, — следовательно, единство процесса производства и процесса обращения, — и потому в определенный период времени он приносит определенную прибыль. В форме капитала, приносящего проценты, остается только это последнее определение, без опосредствования процессом производства и процессом обращения. В капитале и прибыли существует еще воспоминание о том, что было до этого, хотя из-за различия между прибылью и прибавочной стоимостью, из-за единообразной прибыли всех капиталов — общей нормы прибыли — капитал уже [892] очень затемняется, становится чем-то темным и мистическим.

В капитале, приносящем проценты, получает свое завершение этот *автоматический фетиш*, самовозрастающая стоимость, деньги, создающие деньги, и в этой форме он уже не несет на себе никаких следов своего происхождения. Превращение общественного отношения в отношение вещи (денег, товара) к себе самой здесь завершено.

Дальнейшее исследование процента и его отношения к прибыли сюда не относится, как не относится сюда и исследование того, в какой пропорции прибыль делится на промышленную прибыль и процент. Ясно одно, а именно: что в капитале и проценте получает свое завершение капитал как таинственный и самосозидающий источник процента, т. е. источник своего собственного увеличения. Вот почему для [обыденного] представления капитал и существует преимущественно в этой форме. Это — капитал *par excellence* *.

Так как на основе капиталистического производства определенная сумма стоимости, представленная в деньгах или товарах, — собственно говоря, в деньгах, в превращенной форме товара, — дает возможность извлекать *gratis* ** из рабочих определенное количество труда, присваивать определенную прибавочную стоимость, прибавочный труд, прибавочный продукт, то ясно, что сами деньги могут продаваться как капитал, как товар *suí generis* ***, или что капитал можно покупать в форме товара или денег.

Капитал может продаваться как источник прибыли. Посредством денег и т. д. я даю другому человеку возможность присваивать себе прибавочную стоимость. Естественно поэтому,

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

** — даром, безвозмездно. *Ред.*

*** — своего собственного рода, особого рода. *Ред.*

что я получаю часть этой прибавочной стоимости. Подобно тому как земля имеет стоимость в силу того, что она дает мне возможность перехватывать часть прибавочной стоимости, и я поэтому оплачиваю в земле лишь эту перехватываемую при ее помощи прибавочную стоимость, — так и в капитале я оплачиваю создаваемую при его помощи прибавочную стоимость. Так как в процессе капиталистического производства, помимо реализации прибавочной стоимости, стоимость капитала увековечивается, воспроизводится, то естественно, что деньги или товары, когда они продаются в качестве капитала, возвращаются после определенного периода к продавцу и что продавец денег никогда не отчуждает их, как отчуждают продаваемый товар, а сохраняет за собой собственность на них. Деньги или товары продаются в этом случае не как деньги или товары, а как возведенные во вторую степень, как *капитал*, как самовозрастающие деньги или товарные стоимости. Они не только увеличивают себя, но и сохраняют себя в совокупном процессе производства. Поэтому они остаются капиталом для продавца, возвращаются к нему обратно. Продажа состоит здесь в том, что третье лицо, которое применяет их как производительный капитал, обязано определенную часть своей прибыли, которую оно получает лишь благодаря этому капиталу, уплатить владельцу капитала. Подобно земле, деньги сдаются в аренду как такая создающая стоимость вещь, которая сохраняется в этом процессе созидания стоимости, постоянно все снова и снова возвращается, а поэтому и может быть возвращена первоначальному продавцу. Только благодаря возвращению к первоначальному продавцу деньги являются капиталом. Не будь этого возвращения денег, он продавал бы их как товар, или покупал бы на них как на деньги.

Но во всяком случае форма, рассматриваемая сама по себе (в действительности деньги периодически отчуждаются как средство для эксплуатации труда, для получения прибавочной стоимости), здесь такова, что вещь выступает теперь как капитал, а капитал как всего лишь вещь, весь же результат капиталистического процесса производства и обращения — как некое присущее самой вещи свойство; и от владельца денег, т. е. товара в той его форме, которая всегда способна к обмену, зависит, израсходует ли он их в качестве денег или отдаст займы в качестве капитала.

Здесь перед нами отношение капитала как основной суммы к самому себе как к плоду, и его собственной стоимостью определяется размер той прибыли, которую он приносит, причем сам он в результате этого процесса не исчезает (как это и соответствует природе капитала).

Понятно поэтому, почему поверхностная критика, подобно тому как она хочет сохранить товар и борется против денег, обращается теперь со своей реформаторской мудростью против капитала, приносящего проценты, не затрагивая при этом действительного капиталистического производства, и нападает только на один из результатов последнего. Эта ведущаяся с позиций капиталистического производства полемика против капитала, приносящего проценты, которая ныне величает себя «социализмом», встречается к тому же как момент развития самого капитала, например, в XVII столетии, когда промышленному капиталисту приходилось еще отвоевывать себе положение в борьбе со старомодным ростовщиком, который тогда еще был сильнее его.

[893] Наиболее полным овеществлением [*Versachlichung*], извращением и сумасшествием капитала как капитала, приносящего проценты, — в чем, однако, лишь наиболее ощутимым образом выступает внутренняя природа капиталистического производства, его сумасшедший характер, — является капитал, приносящий «сложные проценты», где капитал выступает как какой-то Молох, который требует себе весь мир как причитающуюся ему жертву, но по вине некоего таинственного рока никогда не удовлетворяет своих законных, из самой своей природы вытекающих требований, постоянно встречает препятствия на пути их удовлетворения.

Характерным движением капитала — как в процессе производства, так и в процессе обращения — является возвращение денег или товаров к их исходному пункту, к капиталисту. Это выражает, с одной стороны, реальный метаморфоз, состоящий в том, что товар превращается в условия своего производства, а условия производства снова превращаются в форму товара: воспроизводство; с другой стороны — формальный метаморфоз, состоящий в том, что товар превращается в деньги, а деньги снова превращаются в товар. Наконец, это же возвращение к исходному пункту выражает здесь возрастание стоимости, $D—T—D'$. Первоначальная стоимость, но увеличивающаяся в ходе процесса, всегда остается в руках того же капиталиста. Изменяются только те формы, в каких он владеет ею, — владеет ли он ею в форме денег, в форме товара или в форме самого процесса производства.

В капитале, приносящем проценты, это *возвращение* капитала к своему исходному пункту получает совершенно *внешний* облик, отделенный от того действительного движения, формой которого оно является. А затрачивает свои деньги не как деньги, а как капитал. Здесь не происходит никакого

превращения денег. Они лишь переходят из одних рук в другие. Их действительное превращение в капитал происходит лишь в руках *В*. Но для *А* они стали капиталом благодаря своему переходу из рук *А* в руки *В*. Действительное возвращение капитала из процесса производства и обращения имеет место для *В*. А для *А* возвращение денег осуществляется таким же образом, как и их отчуждение. Из рук *В* деньги обратно переходят в руки *А*. Последний *ссужает* деньги, а не расходует их.

Всякое перемещение денег в действительном процессе производства капитала выражает какой-нибудь момент воспроизводства: либо превращение денег в труд, либо превращение готового товара в деньги (завершение акта производства), либо обратное превращение денег в товар (возобновление процесса производства, повторение воспроизводства). Перемещение денег, когда они *ссужаются* как *капитал*, т. е. когда они не превращаются в капитал, а вступают как капитал в обращение, выражает всего лишь передачу тех же самых денег из одних рук в другие. Титул собственности остается в руках ссудодателя, а владение деньгами переходит в руки промышленного капиталиста. Но для ссудодателя превращение денег в капитал начинается с того момента, когда он затрачивает их не как деньги, а как капитал, т. е. когда он передает их в руки промышленного капиталиста. (Деньги остаются для него капиталом и в том случае, когда он ссужает их не промышленнику, а расточителю, или когда он ссужает их рабочему, не могущему внести плату за квартиру. На этом основывается все ломбардное дело.) Правда, другое лицо действительно превращает их в капитал, но эта операция совершается за пределами той, какая происходит между ссудодателем и ссудополучателем. *В последней это опосредствование погашено*, не видимо, непосредственно не заключено. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения денег в капитал. Как это имеет место с рабочей силой, *потребительной стоимостью денег становится здесь то, что они создают меновую стоимость, ббльшую меновую стоимость, чем та, которая содержится в них самих*. Они *ссужаются как самовозрастающая стоимость*, как товар, но такой товар, который именно этим своим свойством отличается от товара как такового, а потому и *обладает особой формой отчуждения*.

Исходным пунктом капитала является товаровладелец, владелец денег, одним словом — капиталист. Так как у капитала исходный и конечный пункт совпадают, то капитал возвращается к капиталисту. Но здесь капиталист существует двоя-

ким образом: как собственник капитала и как промышленный капиталист, действительно превращающий деньги в капитал. Фактически [894] капитал исходит от второго капиталиста и возвращается обратно к нему, но только как к временному владельцу. Капиталист существует здесь двояким образом: юридически и экономически. Как собственность, капитал и возвращается поэтому к юридическому капиталисту, к побочному супругу. Однако возвращение капитала, которое включает сохранение его стоимости и делает его сохраняющейся и увековечивающейся стоимостью, опосредствовано для капиталиста № 2, но отнюдь не для капиталиста № 1. Поэтому и возвращение капитала выступает здесь не как следствие и результат ряда экономических процессов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом, как следствие того, что капитал в данном случае *отдан в займы, а не продан, т. е.* что он *отчужден лишь на время*. В действительности *продается лишь его потребительная стоимость*, которая здесь *состоит в том*, чтобы производить *меновую стоимость*, приносить прибыль, производить большую стоимость, чем та, которую содержит он сам. Как деньги, капитал не изменяется от употребления. Но как деньги он отдается другому лицу и как деньги он притекает обратно.

Та форма, в которой капитал притекает обратно, зависит от способа воспроизводства данного капитала. Если капитал ссужается как деньги, то он возвращается в форме оборотного капитала, — возвращается вся его стоимость плюс прибавочная стоимость, в данном случае та часть прибавочной стоимости или прибыли, которая сводится к проценту; отданная в ссуду сумма денег плюс приращение, возникшее из нее.

Если капитал ссужается в форме машин, зданий и т. д., одним словом, в той вещественной форме, в которой он в процессе производства должен функционировать в качестве основного капитала, то он возвращается обратно в форме основного капитала, в качестве аннуитета, т. е., например, ежегодного платежа, равного возмещению за изнашивание, соответствующему той части стоимости основного капитала, которая вошла в обращение, — плюс та часть прибавочной стоимости, которая начисляется как прибыль (здесь: как часть прибыли, как процент) на основной капитал (не поскольку это — основной капитал, а поскольку это вообще капитал определенной величины).

Уже в прибыли как таковой прибавочная стоимость — а потому и ее, прибыли, действительный источник — затемнена и мистифицирована:

1) тем, что, рассматриваемая формально, прибыль есть *прибавочная стоимость*, исчисляемая на весь авансированный капитал, так что каждая часть капитала, как основного так и оборотного, затраченная на сырье, машины или труд, приносит одинаковую прибыль;

2) тем, что, подобно тому как у отдельного данного капитала, например в 500, если прибавочная стоимость составляет 50, то и каждая часть капитала, например каждая пятая часть, приносит 10%, — так теперь вследствие установления *общей нормы прибыли* всякий капитал в 500 или в 100, в какой бы сфере он ни был занят, каково бы ни было в нем соотношение переменного и постоянного капитала, каким бы различным ни было время его оборота и т. д., приносит в один и тот же период времени такую же среднюю прибыль, например в 10%, как и всякий другой капитал, действующий при совершенно иных органических условиях. Тем, следовательно, что *прибыль* отдельных капиталов, рассматриваемых порознь, и *прибавочная стоимость*, созданная ими самими в их собственных сферах производства, становятся реально различными величинами.

Во втором пункте, впрочем, получает лишь дальнейшее развитие то, что заключалось уже в первом.

Но процент как раз и покоится на этой уже совершенно внешней форме прибавочной стоимости, форме, отличной от того ее первого простого облика, в котором она еще носит на себе следы своего происхождения, и отнюдь не распознаваемой с первого же взгляда, — на ее бытии как *прибыли*. Процент непосредственно предполагает не прибавочную стоимость, а *прибыль*, частью которой, отнесенной в особую категорию, особую рубрику, он всего лишь и является. Таким образом, в проценте прибавочную стоимость еще гораздо труднее узнать, чем в прибыли, так как он имеет непосредственное отношение к прибавочной стоимости лишь постольку, поскольку последняя выступает в форме прибыли.

Время возвращения капитала зависит от действительного процесса производства; у капитала, приносящего проценты, его возвращение как капитала *кажется* зависящим всего лишь от соглашения между ссудодателем и ссудополучателем. Поэтому с точки зрения этой сделки возвращение капитала выступает уже не как такой результат, который определяется процессом производства, а так, как будто капитал ни на один момент не утрачивал форму денег. Конечно, фактически эти сделки определяются действительными возвращениями капитала, но в самой сделке это *не проявляется*.

[895] Процент, в его отличии от прибыли, представляет *силу голой собственности на капитал*, т. е. он превращает собственность на *деньги* (на сумму стоимости, на товар в любой форме) потенциально в собственность на капитал, а потому превращает товары или деньги, взятые сами по себе, в самовозрастающую стоимость. Конечно, условия труда являются капиталом лишь постольку, поскольку они по отношению к рабочему функционируют как его не-собственность, а потому как чужая собственность. Но как чужая для рабочего собственность они функционируют только в антагонистическом отношении к труду. *Антагонистическое бытие этих условий труда по отношению к труду делает их собственника капиталистом*, а эти принадлежащие ему условия труда — капиталом. Однако в руках денежного капиталиста *А* капитал не обладает этим антагонистическим характером, делающим его капиталом и, стало быть, приводящим также к тому, что собственность на деньги выступает как капиталистическая собственность. *Та реальная определенность формы, в силу которой деньги или товар становятся капиталом, здесь погашена*. Денежный капиталист *А* никак не противостоит рабочему, он противостоит лишь другому капиталисту *В*. Он ему продает в действительности лишь «употребление» денег, те результаты, какие они вызовут, когда будут превращены в производительный капитал. Но на самом деле употребление, потребление — это не то, что он здесь продает непосредственно. Когда я продаю товар, я продаю определенную потребительную стоимость. Когда я на товар покупаю деньги, я покупаю ту функциональную потребительную стоимость, которою обладают деньги как превращенная форма товара. Потребительную стоимость товара я не продаю наряду с его меновой стоимостью, равно как и не покупаю особую потребительную стоимость денег наряду с самими деньгами. Но до своего превращения в капитал и функционирования в качестве капитала, чего деньги не делают в руках ссудодателя, — деньги как деньги не имеют другой потребительной стоимости, кроме той, какою они обладают как товар (золото, серебро — их, денег, вещественная субстанция) или как деньги, как превращенная форма товара. На самом деле то, что ссудодатель продает промышленному капиталисту, то, что происходит в этой сделке, состоит лишь в следующем: ссудодатель предоставляет промышленному капиталисту на определенное время собственность на деньги. Он отчуждает свой титул собственности на известный срок, и тем самым промышленный капиталист на известный срок покупает себе эту собственность. Поэтому деньги ссудодателя выступают как

капитал еще до того, как они отчуждены: голая собственность на деньги или на товар, отделенная от процесса капиталистического производства, выступает как капитал.

Дело ничуть не меняется от того, что деньги проявляют себя как капитал только после их отчуждения, подобно тому как потребительная стоимость хлопка ничуть не меняется от того, что она проявляет себя на деле лишь после его отчуждения прядильщику, или потребительная стоимость мяса ничуть не меняется от того, что она проявляет себя на деле только после того, как мясо из лавки мясника перешло на стол потребителя. Деньги, коль скоро они не расходуются на потребление, товар, коль скоро он не служит опять-таки для потребления собственника этого товара, делают поэтому своего собственника капиталистом и сами по себе — отдельно от процесса капиталистического производства и *до* превращения их в «производительный» капитал — выступают как капитал, т. е. как самовозрастающая, самосохраняющаяся и увеличивающая самоё себя стоимость. Создавать стоимость, приносить проценты, является их имманентным свойством совершенно так же, как свойством грушевого дерева является приносить груши. И именно как такую приносящую проценты вещь продает свои деньги промышленному капиталисту ссудодатель. Так как деньги эти сохраняются, являются самосохраняющейся стоимостью, то промышленный капиталист может вернуть их в любой условленный срок. Так как они ежегодно создают определенную прибавочную стоимость, определенный процент, точнее, так как в каждый промежуток времени на них нарастает стоимость, то ссудополучатель может уплачивать ссудодателю эту прибавочную стоимость ежегодно или в другие, определенные в договоре сроки. Ведь в качестве капитала деньги ежедневно приносят прибавочную стоимость совершенно так же, как это делает наемный труд. Хотя процент есть лишь *фиксированная под особым названием часть* прибыли, он *здесь выступает* как такое *созидание прибавочной стоимости*, которое присуще капиталу как таковому, в отрыве от процесса производства, и потому свойственно голой собственности на капитал, собственности на деньги и товары, в отрыве от отношений, порождающих антагонизм между этой собственностью и трудом и потому придающих этой собственности характер капиталистической собственности, — свойственно голой собственности на капитал и потому капиталу в собственном смысле слова. Напротив, *промышленная прибыль* выступает здесь как всего лишь надбавка к проценту, которую ссудополучатель зарабатывает себе путем производительного применения получен-

ного в ссуду капитала, т. е. путем эксплуатации рабочих при помощи этого капитала (иначе это выражают еще и так: путем приложения своего труда как труда капиталиста, так что функции капиталиста здесь приравниваются к труду, больше того — отождествляются с наемным трудом, поскольку [896] промышленный капиталист, действительно функционирующий в процессе производства, на самом деле выступает как деятельный агент производства, как работник, в отличие от ленивого, бездеятельного ссудодателя, выполняющего функции собственника в отрыве от процесса производства и вне этого процесса).

Таким образом, не *прибыль*, а *процент* выступает как *созидание стоимости* капиталом, проистекающее из капитала как такового, а потому — из голей собственности на капитал; процент выступает поэтому как такой доход, созидание которого свойственно капиталу. В такой форме его поэтому и берут вульгарные экономисты. В этой форме стерто всякое опосредствование и завершен *фетишистский облик* капитала, равно как завершено и представление о *капитале-фетише*. Этот облик с необходимостью возникает в результате того, что юридическая собственность на капитал отделяется от экономической собственности на него и присвоение части прибыли, под названием процента, осуществляется таким *потенциальным капиталом* — или таким *собственником капитала*, — который совершенно отделен от процесса производства.

Для вульгарного экономиста, который хочет изобразить капитал как самостоятельный источник стоимости, самостоятельный источник созидания стоимости, эта форма, естественно, является настоящей находкой, такой формой, в которой уже нельзя распознать источник прибыли и при которой результат капиталистического процесса, отделенный от самого процесса, получает некое самостоятельное бытие. В $D - T - D'$ еще содержится опосредствование. В $D - D'$ мы имеем иррациональную форму капитала, извращение и овеществление [Ver-sachlichung] производственного отношения в наивысшей степени.

Общей норме прибыли соответствует, естественно, *общая норма процента*, или *общая процентная ставка*. Мы не намерены заниматься здесь дальнейшим выяснением этого вопроса, так как анализ капитала, приносящего проценты, относится не к этому общему отделу, а к отделу о *кредите*¹⁴⁸. Но для полного выяснения этой формы проявления капитала важно отметить то, что *общая норма прибыли* в гораздо меньшей степени выступает как осязательный твердый факт, чем *норма процента*, или *процентная ставка*. Правда, процентная ставка

постоянно колеблется. Сегодня (на денежном рынке для промышленного капиталиста, а только об этом идет у нас речь) она составляет 2, завтра 3, послезавтра 5%. Но эта ставка равна 2, 3, 5% для всех ссудодателей. Это есть общее отношение любой денежной суммы в 100 ф. ст. — приносить 2, 3, 5%, тогда как такая же сумма стоимости, действительно функционирующая в качестве капитала, в различных сферах производства приносит весьма различные действительные прибыли, отклонения которых от идеального среднего уровня прибыли ведут к тому, что этот средний уровень прибыли устанавливается из указанных отклонений всегда только посредством некоторого процесса, некоторой реакции, и это достигается всегда только в более или менее продолжительные периоды обращения капитала. На протяжении некоторого ряда лет норма прибыли в определенных сферах стоит на более высоком уровне, на протяжении следующего ряда лет — на более низком. Средняя прибыль получится как *среднее* при соединении вместе этих периодов или ряда подобных эволюций. Но в силу этого она никогда не выступает как нечто непосредственно данное, а только как средний результат противоречивых колебаний. Иначе обстоит дело с процентной ставкой. В своей *всеобщности* она — ежедневно фиксируемый факт, такой факт, который для промышленного капиталиста служит в его операциях даже предпосылкой и одной из статей при калькуляциях. Общая норма прибыли существует на деле лишь как идеальное *среднее число*, поскольку она служит для оценки действительных прибылей; она существует лишь как среднее число, как абстракция, поскольку она фиксируется как нечто само по себе готовое, определенное, данное; в реальной же действительности она существует лишь в форме тенденции, определяющей движение выравнивания действительных различных норм прибыли, будь то отдельных капиталов в одной и той же сфере или различных капиталов в различных сферах производства.

[897] То, что ссудодатель требует от капиталиста, исходит из расчета *общей нормы прибыли* (средней), а не из индивидуальных отклонений от нее, имеющихсся у отдельных капиталистов. *Среднее* становится здесь *предпосылкой*. Сама процентная ставка *изменяется*, но для всех *ссудодателей*.

Определенная, одинаковая процентная ставка, напротив, существует не только в среднем, но и фактически (хотя и с вариациями между минимумом и максимумом, в зависимости от того, считается ли данный ссудополучатель первоклассным дебитором или нет), и отклонения от нее выступают скорее как

исключения, обусловленные особыми обстоятельствами. Метеорологические бюллетени отмечают положение барометра не с большей точностью, чем биржевой бюллетень показывает положение процентной ставки — не для того или другого отдельного капитала, а для всего *находящегося на денежном рынке, т. е. ссужаемого, капитала*.

Здесь не место выяснять, откуда происходит эта большая фиксированность и одинаковость процентной ставки на ссужаемый капитал в отличие от менее осязательной формы общей нормы прибыли и в противоположность ей. Выяснение этого относится к отделу о кредите. Но ясно одно: колебания *нормы прибыли*, — совершенно оставляя в стороне те особые преимущества, какими пользуются отдельные капиталисты в пределах одной и той же сферы производства, — зависят внутри каждой сферы от уровня рыночных цен в каждый данный момент и от их колебаний вокруг цен издержек. Различие *норм прибыли* в *различных* сферах может быть установлено только посредством сравнения рыночных цен в различных сферах — т. е. рыночных цен *различных* товаров — с ценами издержек этих товаров. Падения нормы прибыли в какой-нибудь отдельной сфере ниже идеального среднего уровня достаточно, если оно удерживается более или менее продолжительное время, для того, чтобы отвлечь капитал от этой сферы или исключить для нее приток нового капитала в среднем размере. Ибо распределение капитала по отдельным сферам производства выравнивается не столько путем перераспределения уже вложенного капитала, сколько путем притока нового, добавочного капитала. Наличие, наоборот, *сверхприбыли* в отдельных сферах можно установить [также] лишь посредством сравнения рыночных цен с ценами издержек. Как только различие так или иначе обнаруживается, начинается отлив капиталов от одних сфер производства и приток их к другим. Помимо того, что это — такой акт выравнивания, который требует времени, сама средняя прибыль в каждой отдельной сфере выступает лишь в виде некоторой средней величины из тех норм прибыли, которые реализуются в течение, например, 7-летнего цикла и т. д., в зависимости от природы данного капитала. Следовательно, простых колебаний *вверх* и *вниз*, если они не превышают средней меры, не принимают чрезвычайной формы, не достаточно для того, чтобы вызвать перемещение капитала, тем более, что тут для перемещения капитала возникают еще те трудности, которые вытекают из особенностей основного капитала. Кратковременные конъюнктуры могут действовать лишь в ограниченной мере и притом больше в отношении притока или отлива добавочного капитала,

чем в отношении перераспределения уже вложенного в различные сферы капитала.

Мы видим, что все это в целом есть очень сложное движение, причем здесь играют роль, с одной стороны, рыночные цены в каждой отдельной сфере, сравнительные цены издержек различных товаров, состояние спроса и предложения в пределах каждой сферы, а с другой стороны, конкуренция капиталистов различных сфер; кроме того, более быстрое или более медленное выравнивание зависит здесь от особенностей органического строения капиталов (например, больше основного или оборотного капитала) и от особенностей природы их товаров, смотря по тому, насколько легче природа их как потребительных стоимостей допускает более быстрое снятие их с рынка, уменьшение или увеличение их предложения, соответственно состоянию рыночных цен.

Совершенно иначе обстоит дело с денежным капиталом. На денежном рынке противостоят друг другу только две категории: покупатели и продавцы, спрос и предложение. На одной стороне класс капиталистов, берущих займы, на другой — класс капиталистов, дающих займы. Товар имеет здесь одну и ту же форму — форму денег. Здесь стерты все те особые формы, которые капитал принимает в зависимости от того, в какой особой сфере производства или обращения он вложен. Капитал существует здесь в лишенной различий, равной самой себе форме самостоятельной меновой стоимости — в форме денег. Здесь прекращается конкуренция отдельных сфер; все они, как заемщики денег, свалены в одну кучу, и капитал противостоит им всем без различия тоже в такой форме, в которой он еще безразличен к формам своего применения. Если капитал, функционирующий в процессе производства, [898] *только в движении конкуренции между отдельными сферами проявляет себя как общий капитал всего класса, то здесь он действительно всей своей массой выступает так в спросе на капитал.* С другой стороны, денежный капитал (капитал на денежном рынке) действительно обладает той формой, в которой он, как общий для всех элемент, безразличный к тому или иному особому его применению, распределяется между различными сферами среди всего класса капиталистов, соответственно потребностям производства каждой отдельной сферы. К этому присоединяется еще то, что с развитием крупной промышленности денежный капитал, поскольку он выступает на рынке, все в большей мере представлен не отдельным капиталистом, собственником той или иной частицы находящегося на рынке капитала, а банками, которые его концентрируют, организуют и подчиняют

своему контролю совсем иначе, чем реальное производство. Таким образом, со стороны спроса денежному капиталу противостоит класс в его целом, а со стороны предложения он выступает как ссудный капитал *en masse* *, как ссудный капитал всего общества, концентрированный в немногих резервуарах.

Таковы некоторые из тех причин, в силу которых *общая норма прибыли* кажется расплывающимся миражем по сравнению с *фиксированной ставкой процента*, величина которой, правда, колеблется, но так, что это совсем не мешает тому, чтобы она колебалась одинаково для всех заемщиков и потому всегда противостояла им как фиксированная данная величина, подобно тому как изменение стоимости денег не препятствует тому, чтобы они обладали одинаковой стоимостью по отношению ко всем товарам. Подобно тому как ежедневно колеблются рыночные цены товаров, что не мешает их ежедневной *котировке*, так колеблется и процентная ставка, которая столь же регулярно отмечается в котировках в качестве *цены* денег. Это происходит потому, что сам капитал здесь предлагается как особого рода товар — *деньги*. Поэтому фиксация его цены является, как и у всех других товаров, фиксацией его *рыночной цены*. Поэтому норма процента всегда выступает как *общая норма процента*, как определенное количество денег за определенное количество денег. Напротив, норма прибыли даже внутри *одной и той же* сферы может быть различна при одинаковых рыночных ценах товаров (в зависимости от тех условий, при которых отдельные капиталы производят один и тот же товар; ибо особая норма прибыли зависит не от рыночной цены товара, а от разности между рыночной ценой и издержками производства), и выравнивается она внутри различных сфер только в процессе, посредством постоянных колебаний. Одним словом: только в денежном капитале, в ссужаемом денежном капитале капитал стал *товаром*, свойство которого самовозрастать имеет *фиксированную цену*, отмечаемую в существующем в каждый данный момент проценте.

Как капитал, *приносящий проценты*, и именно в его непосредственной форме *приносящего проценты денежного капитала* (другие формы капитала, приносящего проценты, которые здесь нас не интересуют, являются в свою очередь производными от этой формы и предполагают ее), капитал получил поэтому свою чистейшую фетишистскую форму. *Во-первых*, вследствие его постоянного пребывания в форме *денег*, т. е. в такой форме,

* — в целом. *Ред.*

в которой стерта всякая определенность его и не видны его реальные элементы, он существует только как бытие самостоятельной меновой стоимости, как стоимость, получившая самостоятельное бытие. В реальном процессе капитала денежная форма является мимолетной. На денежном рынке капитал всегда существует в этой форме. *Во-вторых*, созданная капиталом прибавочная стоимость, опять-таки в форме денег, представляется здесь принадлежащей капиталу как таковому, а потому принадлежащей просто собственнику денежного капитала, капитала, отделенного от проделываемого им процесса. $D - T - D'$ превращается здесь в $D - D'$, и, подобно тому как формой капитала здесь служит лишенная различий денежная форма — ведь деньги суть именно та форма, в которой погашено различие товаров как потребительных стоимостей, а потому погашено также и различие производительных капиталов, состоящих из условий существования этих товаров, различие особых форм самих производительных капиталов, — так и та прибавочная стоимость, которую создает денежный капитал, те возросшие деньги, в которые он превращается или которыми он является, выступают в виде определенной нормы, масштабом которой служит величина самой денежной суммы. При ставке в 5% 100 ф. ст. как капитал равны 105 ф. ст. Так получается совершенно осязательная форма самовозрастающей стоимости, или денег, создающих деньги, и вместе с тем — совершенно иррациональная форма, непонятная, мистифицированная. При анализе капитала мы исходили из $D - T - D'$, где $D - D'$ было лишь результатом¹⁴⁹. Теперь мы имеем $D - D'$ в качестве субъекта. Как дереву свойствен рост, так капиталу в этой его чистой форме денег свойственно порождение денег (τόκοζ *). Ту непонятную форму, которая предстает перед нами на поверхности и из которой мы поэтому исходили в своем анализе, мы находим снова как результат такого процесса, в котором форма капитала становится все более отчужденной и все менее связанной с его внутренней сущностью.

[899] Мы исходили из денег как превращенной формы товара. Мы приходим к деньгам как превращенной форме капитала. Совершенно аналогичным образом наше исследование явило нам товар как предпосылку и как результат процесса производства капитала.

В этой своей форме, наиболее причудливой и вместе с тем наиболее близкой обыденному представлению, капитал является как «основной формой» вульгарных экономистов, так и ближе

* — роды, порождение; порожденное; процент. Ред.

всего лежащим пунктом для нападения со стороны поверхностной критики. Первое — отчасти потому, что здесь меньше всего проявляется внутренняя связь и капитал выступает в такой форме, в которой он *кажется* самостоятельным источником стоимости; отчасти потому, что в этой форме совершенно затушеван и погашен его *антагонистический* характер, не видна противоположность между капиталом и трудом. С другой стороны, в этой форме капитал подвергается нападкам потому, что здесь он выступает в наиболее иррациональном виде и представляет наиболее легкий пункт для нападения со стороны вульгарных социалистов.

Полемика буржуазных экономистов XVII столетия (Чайлд, Калпепер и т. д.) против процента как самостоятельной формы прибавочной стоимости есть лишь борьба возникающей промышленной буржуазии против старомодных ростовщиков, монополистов денежного богатства того времени. Приносящий проценты капитал является здесь еще допотопной формой капитала, которая еще только должна быть подчинена промышленному капиталу и стать в зависимое от него положение, какое приносящий проценты капитал теоретически и практически должен занимать на основе капиталистического производства. Буржуазия не преминула прибегнуть здесь к помощи государства, как она это делала и в других случаях, когда надо было приспособить существующие, унаследованные от прежних времен производственные отношения к ее собственным нуждам и потребностям.

Ясно, что какое-нибудь иное распределение прибыли между различными категориями капиталистов, т. е. повышение промышленной прибыли за счет понижения процентной ставки и наоборот, никак не затрагивает сущности капиталистического производства. Поэтому тот социализм, который направлен против капитала, приносящего проценты, как «основной формы» капитала, не только сам по уши увяз в представлениях, свойственных буржуазному горизонту. Больше того, в той мере, в какой его полемика не является такими нападками и такой критикой, которые, хотя и вслепую, направлены против самого капитала (отождествляемого, однако, с одной из его производных форм), он, этот социализм, представляет собой всего лишь социалистически переряженное стремление к развитию буржуазного кредита и, стало быть, выражает только неразвитость отношений в той стране, где эта полемика наряжается в социалистические одежды. Такого рода социализм сам есть лишь один из теоретических симптомов капиталистического развития, хотя эти буржуазные стремления могут принимать весьма

сногшибательные формы, как, например, форму требования «безвозмездного кредита»¹⁵⁰. Сюда же относится сен-симонизм с его прославлением банкирства (*Crédit Mobilier*¹⁵¹ появился позднее).

**[2]) КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ, И ТОРГОВЫЙ
КАПИТАЛ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ПРОМЫШЛЕННОМУ КАПИТАЛУ.
БОЛЕЕ СТАРЫЕ ФОРМЫ. ПРОИЗВОДНЫЕ ФОРМЫ**

Торговая и процентная формы старше формы капиталистического производства, промышленного капитала, который является *основной формой* капиталистических отношений, господствующих в буржуазном обществе, так что все другие формы являются лишь производными от этой основной формы или вторичными по отношению к ней, — производными, как это имеет место для капитала, приносящего проценты; вторичными, т. е. в смысле капитала в некоторой особой функции (относящейся к процессу его обращения), как это имеет место для торгового капитала. Поэтому промышленный капитал в процессе своего возникновения должен еще подчинить себе эти формы и превратить их в свои собственные производные или особые функции. Эти более старые формы он застает в эпоху своего образования и возникновения. Он застает их как *предпосылки*, но не как им самим установленные предпосылки, не как формы своего собственного жизненного процесса. Совершенно аналогичным образом он первоначально застает товар, но не как свой собственный продукт, и денежное обращение, но не как момент своего собственного воспроизводства. Когда капиталистическое производство развилось уже во всех своих формах и сделалось господствующим способом производства, капитал, приносящий проценты, оказывается подчиненным промышленному капиталу, а торговый капитал — лишь вытекающей из процесса обращения формой самого промышленного капитала. Но как самостоятельные формы [900] капитал, приносящий проценты, и торговый капитал должны быть сначала сломлены и подчинены промышленному капиталу. По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется административная власть (государство), осуществляется насильственное понижение процентной ставки, так что он уже не может диктовать условия промышленному капиталу. Но это — форма, свойственная наименее развитым ступеням капиталистического производства. Настоящий способ, применяемый промышленным капиталом для подчинения себе капитала,

приносящего проценты, это — создание свойственной промышленному капиталу формы — *кредитной системы*. Насильственное понижение процентной ставки есть такая форма, которую промышленный капитал сам еще заимствует от методов более раннего способа производства и которую он отбрасывает как бесполезную и не соответствующую цели, как только он становится силен и завоевывает себе почву. *Кредитная система* есть его собственное создание, она сама является формой промышленного капитала, которая начинается с мануфактуры и развивается дальше вместе с крупной промышленностью. Кредитная система первоначально является *полемиической формой* против старомодных ростовщиков (золотых дел мастера в Англии, еврей, ломбардцы и т. д.). Сочинения, в которых в XVII столетии раскрываются ее первые тайны, все написаны в этой полемиической форме.

Что касается *торгового капитала*, то он в различных формах становится подчиненным промышленному капиталу, или, что то же самое, становится функцией последнего, промышленным капиталом в некоторой особой функции. *Купец*, вместо того чтобы покупать товар, покупает наемный труд, с помощью которого он производит товар, предназначенный им для продажи, для торговли. Но в результате этого сам торговый капитал лишается той твердо определенной формы, которую он имел по отношению к производству. Этим превращением купца в производителя товаров мануфактура боролась со средневековыми цехами, и в результате этого ремеслу отводились более узкие рамки. В средние века *купец* (кроме как в отдельных разбросанных пунктах, где развилась мануфактура, — в Италии, Испании и т. д.) — только *передатчик товаров*, произведенных городскими цехами или крестьянами¹⁵².

Упомянутое превращение купца в промышленного капиталиста есть вместе с тем превращение торгового капитала всего лишь в форму промышленного капитала. С другой стороны, *производитель товаров* становится купцом. Например, производитель сукна, вместо того чтобы получать необходимый ему материал постепенно, небольшими партиями, от купца и работать на последнего, сам покупает в соответствии со своим капиталом материал и т. д. Условия производства входят в процесс производства как купленные им самим товары. И, вместо того чтобы производить для отдельного купца или для определенных заказчиков, производитель сукна производит теперь для всего торгового мира.

В первой форме купец господствует над производством и торговый капитал господствует над приводимым им в движение

трудом городских ремесленников и крестьянскими домашними промыслами. Кустарная и домашняя промышленность находится у него в подчинении. Во второй форме производство превращается в капиталистическое. Производитель сам — купец; торговый капитал опосредствует здесь только процесс обращения, выполняет определенную функцию в процессе воспроизводства капитала. Здесь перед нами две формы. Купец становится в качестве купца производителем товаров, промышленником. Промышленник, производитель товаров, становится купцом.

Первоначально *торговля* была предпосылкой для превращения цехового, деревенско-домашнего и феодального сельскохозяйственного производства в капиталистическое. Она развивает продукт в товар отчасти тем, что создает для него рынок, отчасти тем, что доставляет новые товарные эквиваленты, а для производства — новые материалы, и тем самым вызывает к жизни новые отрасли производства, которые с самого начала основаны на торговле: на производстве для рынка и на элементах производства, доставляемых мировым рынком.

Как только мануфактура до некоторой степени окрепла, она, — а еще больше крупная промышленность, — сама создает себе рынок, завоевывает его, отчасти насильственно открывает себе рынки, которые она, однако, закрепляет за собой своими *товарами*. В дальнейшем торговля является уже только слугой промышленного производства, для которого все расширяющийся рынок сделался жизненным условием, так как все растущее массовое производство, ограниченное не наличными пределами торговли (в той мере, в какой последняя выражает лишь существующий спрос), а единственно только величиной наличного капитала и степенью развития производительной силы труда, постоянно переполняет наличный рынок и потому постоянно содействует расширению и преодолению его границ. Здесь торговля — слуга промышленного капитала: она выполняет функцию, вытекающую из его условий производства.

Посредством *колониальной системы* (вместе с запретительной системой) промышленный капитал, в первые периоды своего развития, стремится насильственно обеспечить себя рынком и рынками. Промышленный капиталист имеет перед собой мировой рынок; поэтому он сравнивает [901] и постоянно должен сравнивать свои собственные издержки производства с рыночной ценой не только в своей стране, но и на всем мировом рынке. Он производит всегда с учетом рыночных цен мирового рынка. В более ранний период это сравнение производится только торговцами, обеспечивая тем самым торговому капиталу господство над производительным капиталом. [901]

* * *

[902] Итак, *процент* есть не что иное, как часть прибыли (которая, со своей стороны, сама есть не что иное, как прибавочная стоимость, неоплаченный труд), выплачиваемая промышленным капиталистом собственнику того чужого капитала, с помощью которого он исключительно или частично «работает». Процент есть та часть прибыли — прибавочной стоимости, — которая фиксируется как некая особая категория, отделяется от совокупной прибыли под особым названием. Это отделение процента от прибыли отнюдь не касается его происхождения, а касается только способа его *выплаты* или присвоения. Вместо того чтобы быть присвоенной самим промышленным капиталистом, — хотя он есть то лицо, в руках которого непосредственно находится вся прибавочная стоимость, как бы она ни распределялась между ним и другими лицами под названием ренты, промышленной прибыли и процента, — эта часть прибыли вычитается им из его собственного дохода и выплачивается собственнику капитала.

Если дана норма прибыли, то относительная высота нормы процента зависит от той пропорции, в какой прибыль делится на процент и промышленную прибыль; если дана пропорция этого деления, то абсолютная высота нормы процента (т. е. отношение процента к капиталу) зависит от нормы прибыли. Как определяется эта пропорция деления, здесь не место исследовать. Это относится к рассмотрению реального движения капитала, т. е. реального движения капиталов, между тем как здесь мы имеем дело с общими формами капитала.

Образование приносящего проценты капитала, его отделение от промышленного капитала, есть *необходимый* продукт развития самого промышленного капитала, самого капиталистического способа производства. Деньги (сумма стоимости, всегда способная к превращению в условия производства) — или те условия производства, в которые они каждое мгновение могут быть превращены и превращенной формой которых они всего лишь являются, — если их применяют как капитал, распоряжаются определенным количеством чужого труда, большим количеством труда, чем содержится в них самих. При обмене на труд деньги не только сохраняют свою стоимость, но увеличивают ее, порождают прибавочную стоимость. Стоимость денег или товаров как *капитала* определяется не той стоимостью, которую они имеют как деньги или товары, а тем количеством прибавочной стоимости, которое они «производят» для своего владельца. Продукт капитала есть прибыль. На основе капиталистического производства только лишь различным *применением*

денег является то, расходуются ли они как деньги или как капитал. Деньги (товар) на основе капиталистического производства суть капитал *an sich* * (совершенно так же, как *рабочая сила* есть труд *an sich*); ибо, во-первых, они могут быть превращены в условия производства и являются фактически только абстрактным выражением этих условий производства, их бытием в качестве *стоимости*, а во-вторых, предметные элементы богатства обладают *an sich* свойством быть капиталом, потому что их противоположность — наемный труд, то, что делает их капиталом, — имеется налицо как базис общественного производства.

Рента тоже есть только название для одной части прибавочной стоимости, которую промышленный капиталист должен выплачивать другому лицу, совершенно так же как *процент* есть другая часть прибавочной стоимости, которую он, правда, инкассирует (как и ренту) сам, но должен выплачивать третьему лицу. Однако здесь имеется большое различие. В результате существования собственности на землю собственник земли *мешает* капиталу выравнивать стоимости сельскохозяйственных продуктов по их ценам издержек. Монополия земельной собственности дает ему возможность поступать таким образом. Она дает ему возможность класть в свой карман разницу между стоимостью и ценой издержек. С другой стороны — поскольку речь идет о дифференциальной ренте — эта монополия дает ему возможность забирать себе избыток рыночной стоимости продукта над индивидуальной стоимостью продукта определенной земли, вместо того чтобы эта разница, как в других отраслях, попадала, в качестве добавочной прибыли, в карман капиталистов, работающих при более благоприятных условиях, чем те средние условия, которые удовлетворяют основную массу спроса, определяют главную массу продукции и потому регулируют рыночную стоимость в каждой особой сфере производства.

Земельная собственность есть *средство* перехватить часть произведенной промышленным капиталом прибавочной стоимости. Наоборот, данный взаймы *капитал* есть *средство* — в той мере, в какой капиталист работает при помощи взятого взаймы капитала, — произвести *целиком* [903] самую прибавочную стоимость. То обстоятельство, что деньги (товары) могут быть даны взаймы как капитал, означает только то, что они *an sich* являются капиталом. Упразднение земельной собственности в рикардианском смысле, т. е. ее превращение в государствен-

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально, *Ред.*

ную собственность, при которой ренту платят не лендлорду, а государству, является идеалом, сокровенным стремлением капитала, вырастающим из его глубочайшей сущности. Капитал не может прямо упразднить земельную собственность. Но путем ее превращения в ренту [выплачиваемую государству] он как *класс* присваивает ее себе для покрытия своих государственных расходов, т. е. присваивает себе окольным путем то, чего он непосредственно не может удерживать в своих руках. Упразднение же процента и приносящего проценты капитала есть упразднение самого капитала и капиталистического производства. Пока деньги (товары) могут служить в качестве капитала, они могут быть проданы как капитал. Поэтому вполне достойно мелкобуржуазных утопистов то, что они, приемлющие товар, но не деньги, приемлют промышленный капитал, но не капитал, приносящий проценты, приемлют прибыль, но не процент.

Дело обстоит не так, что существуют два различных капитала — приносящий проценты и приносящий прибыль, — а так, что *один и тот же* капитал, функционирующий в процессе производства как капитал, приносит прибыль, распределяющуюся между двумя различными капиталистами: капиталистом, стоящим вне процесса производства и, в качестве собственника, представляющим капитал *an sich* {существенным условием последнего является, однако, то, что он представлен *частным собственником*; без этого он не становится капиталом, противостоящим наемному труду}, и капиталистом, представляющим функционирующий капитал, капитал, находящийся в процессе производства.

[3) ОБОСОБЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ВИДЕ РАЗЛИЧНЫХ ДОХОДОВ. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРОЦЕНТОМ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРИБЫЛЬЮ. ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФЕТИШИЗИРОВАННЫХ ФОРМ ДОХОДА]

Дальнейшее «окаменение» или обособление *подразделений* прибыли выступает таким образом, что *прибыль в с я к о г о* капитала — следовательно, также и *средняя прибыль*, основанная на взаимном выравнивании капиталов, — распадается или разлагается на две не зависящие друг от друга, или самостоятельные по отношению друг к другу, составные части: процент и промышленную прибыль, которая теперь иногда называется также просто *прибылью* или получает такое новое название, как «*заработная плата за труд по надзору*». Если норма прибыли (средняя прибыль) равна 15%, а *норма процента* (которая, как мы видели, всегда фиксируется в *общей* форме) равна 5%

(общая норма процента всегда отмечается на денежном рынке как «стоимость» или «цена» денег), то капиталист, даже тогда, когда он является собственником капитала и не занял ни одной части его, так что прибыль не должна делиться между двумя капиталистами, рассматривает дело так, что из этих 15% пять процентов представляют *процент* на его капитал и только 10% представляют ту прибыль, которую он получил благодаря производительному применению капитала. Эти 5% он как «промышленный капиталист» должен самому себе как «собственнику» капитала; они причитаются его *капиталу an sich*, а потому также и ему как собственнику *капитала an sich* (что вместе с тем есть для-себя-бытие капитала, или бытие капитала как капиталиста, как такой собственности, которая исключает из себя других), капитала, абстрагированного от процесса производства, в отличие от функционирующего капитала, капитала, находящегося в процессе производства, и от «промышленного капиталиста» как представителя этого функционирующего, «работающего» капитала. «Процент» есть плод капитала, поскольку последний не «работает», не функционирует, а прибыль — плод «работающего», функционирующего капитала. Это аналогично тому, как фермер-капиталист, являющийся одновременно земельным собственником, — собственником земли, которую он эксплуатирует капиталистически, — ту часть своей прибыли, которая образует *ренту*, эту добавочную прибыль, приписывает не себе как капиталисту, а себе как собственнику земли, не капиталу, а собственности на землю, так что он как капиталист должен «ренту» себе как собственнику земли. Таким образом, капитал в одном своем качестве [как приносящий проценты] противостоит тому же самому капиталу в его другом качестве [как приносящему промышленную прибыль] в таких же обособленно фиксированных формах, как противостоят друг другу земельная собственность и капитал, которые на деле образуют основанные на двух существенно различных средствах производства титулы на присвоение чужого труда.

Если в одном случае пять партнеров владеют хлопчатобумажной фабрикой, которая представляет 100 000 ф. ст. капитала и приносит 10% прибыли, т. е. 10 000 ф. ст., то каждый из партнеров получает $\frac{1}{5}$ этой прибыли, т. е. 2 000 ф. ст. Если в другом случае у *одного* капиталиста такой же капитал вложен в фабрику и приносит ту же самую прибыль в 10 000 ф. ст., то капиталист не считает так, что он получает 2 000 ф. ст. прибыли как партнер и 8 000 ф. ст. компанейской прибыли для несуществующих четырех партнеров. Само по себе *одно лишь разделение прибыли между различными* [904] капиталистами, имею-

щими различные юридические титулы на один и тот же капитал и являющимися в той или другой форме совладельцами *одного и того же* капитала, отнюдь не создает, следовательно, различных категорий для получающихся этим путем частей прибыли. Почему же их создает случайное разделение прибыли между лицом, дающим займы капитал, и тем, кто его берет займы?

Prima facie * речь идет здесь всего лишь о таком делении прибыли, при котором имеются два собственника капитала, — собственники под различными титулами, — а это *prima facie* юридический, а не экономический момент. Само по себе совершенно безразлично, производит ли капиталист при помощи собственного или чужого капитала, или в какой пропорции он производит при помощи собственного и при помощи чужого капитала. Каким же образом получается так, что это деление прибыли на [промышленную] прибыль и процент не оказывается случайным делением, зависящим от того случайного обстоятельства, приходится ли данному капиталисту действительно делиться с *другим* или нет, оперирует ли он в данном случае при помощи собственного или при помощи чужого капитала? Почему, напротив, даже тогда, когда капиталист производит только при помощи собственного капитала, он все же при всех обстоятельствах раздваивается на просто собственника капитала и на того, кто этот капитал применяет, — на капитал вне процесса производства и капитал в процессе производства, на капитал, который *сам по себе* приносит процент, и капитал, который приносит прибыль как *находящийся в процессе* [производства]?

В основе этого лежит один реальный момент. Деньги (как выражение стоимости товара вообще) только потому присваивают себе в процессе производства прибавочную стоимость, как бы она ни называлась и на какие бы части она ни распадалась, что уже *до* процесса производства они предполагаются как *капитал*. В процессе производства они сохраняются, производятся и воспроизводятся как капитал, и притом в постоянно увеличивающемся масштабе. Но когда капиталистический способ производства уже существует, когда производство совершается на его основе и в рамках соответствующих ему общественных отношений, когда, следовательно, речь не идет только о процессе образования капитала, — в этих условиях уже *до* процесса производства деньги существуют как *капитал an sich*, по характеру своему, хотя этот характер осуществляется лишь в процессе и вообще приобретает действительность только в самом процессе. Если бы деньги не входили в процесс как

* — На первый взгляд. Ред.

капитал, то они и не выходили бы из него как капитал, т. е. как деньги, приносящие прибыль, как самовозрастающая стоимость, как стоимость, создающая прибавочную стоимость.

Здесь происходит то же, что и с деньгами [как таковыми]. Вот эта монета, например, есть не что иное, как кусок металла. Деньгами она является лишь благодаря своей функции в процессе обращения. Но если наличие процесса обращения товаров уже предположено, то монета не только функционирует в качестве денег, но и служит в качестве денег предпосылкой для процесса обращения в каждом отдельном случае еще до того, как она в него входит.

Капитал есть не только результат, но и предпосылка капиталистического производства. Поэтому деньги и товары являются *an sich* скрытым капиталом, капиталом в возможности: все товары являются им постольку, поскольку они могут быть превращены в деньги, а деньги — постольку, поскольку они могут быть превращены в такие товары, которые образуют элементы капиталистического процесса производства. Деньги, стало быть, — как чистое выражение стоимости товаров и условий труда, — *an sich* являются как капитал предпосылкой капиталистического производства. Что такое капитал, рассматриваемый не как результат, а как предпосылка процесса? Что делает его капиталом еще до того, как он входит в процесс, так что последний только развивает его имманентный характер? Та общественная определенность, в которой он существует: живому труду противостоит прошлый труд, деятельности — продукт, человеку — вещь, труду противостоят его собственные предметные условия, противостоят как чуждые, самостоятельные, прочно обособившиеся субъекты или персонификации, противостоят, короче говоря, как *чужая собственность* и в этой форме — как «применяющие» самый труд и «распоряжающиеся» самим трудом, который они себе присваивают, вместо того чтобы он их присваивал себе. То обстоятельство, что стоимость (существует ли она как деньги или как товар), а затем, в дальнейшем развитии, условия труда — противостоят рабочему как *чужая собственность*, как нечто принадлежащее самим себе, означает только то, что они противостоят ему как *собственность* не-рабочего, или, по крайней мере, что в той мере, в какой собственник условий труда является капиталистом, он противостоит этим условиям труда не как работник, а как *собственник* стоимости и т. д., как тот *субъект*, в котором эти вещи обладают собственной волей, сами себе принадлежат и персонифицированы в виде самостоятельных сил. *Капитал* как предпосылка производства, капитал

не в том виде, в каком он выходит из процесса производства, а в том виде, каков он до вхождения в процесс производства, представляет собой тот антагонизм, в котором труд противостоит капиталу как чужой труд, а капитал противостоит труду как чужая собственность. Здесь получает себе выражение та антагонистическая общественная определенность, которая, будучи отделена от самого процесса, выражается в *капиталистической собственности как таковой*.

[905] Вот этот-то момент, отдельно от самого капиталистического процесса производства, постоянным результатом которого — а потому и постоянной его предпосылкой — он является, выражается в том, что деньги и товары суть *an sich, в скрытом виде*, капитал, что они могут быть *проданы как капитал* и что в этой форме они представляют *голую собственность на капитал, капиталиста просто как собственника* независимо от его капиталистической функции, так что, рассматриваемые сами по себе, они представляют собой власть над чужим трудом, а потому самовозрастающую стоимость, и дают право на присвоение чужого труда.

Здесь также ясно обнаруживается, что именно это *отношение*, а не какой-нибудь труд или стоимостный эквивалент, отдаваемые со стороны капиталиста, является основанием и средством для присвоения чужого труда.

Вот почему *процент* выступает как *прибавочная стоимость*, порожденная капиталом как капиталом, голый собственностью на капитал, как такая прибавочная стоимость, которую капитал потому извлекает из процесса производства, что входит в него как капитал, которая, следовательно, причитается капиталу *как таковому*, независимо от процесса производства, — хотя на деле она появляется лишь *в* процессе производства, — и которую он поэтому, как капитал, уже содержит в себе в скрытом виде. Наоборот, *промышленная прибыль* выступает как такая часть прибавочной стоимости, которая причитается капиталисту не как собственнику капитала, а как функционирующему собственнику, функционирующему капиталу. Подобно тому как все в этом способе производства представляется в извращенном виде, так в конце концов выступает и это последнее извращение в соотношении между процентом и прибылью, так что часть прибыли, выделенная в особую рубрику [процент], представляется, напротив, продуктом, специально принадлежащим капиталу, а промышленная прибыль представляется лишь выросшим на этой части добавлением.

Так как денежный капиталист получает свою долю прибавочной стоимости, действительно, только как *собственник*

капитала, оставаясь вне самого процесса производства; так как цена капитала, т. е. одного лишь титула собственности на капитал, отмечается в норме процента на денежном рынке, подобно тому как на рынке отмечается рыночная цена всякого другого товара; так как доля в прибавочной стоимости, определяемая *капиталом an sich*, т. е. *голой собственностью* на капитал, есть вследствие этого величина *вполне определенная*, тогда как норма прибыли колеблется, в каждый данный момент различна в различных сферах производства, а внутри каждой сферы неодинакова у отдельных капиталистов, поскольку они отчасти производят при неодинаково благоприятных условиях, отчасти осуществляют капиталистическую эксплуатацию труда с различной степенью умения и энергии, а отчасти с различной степенью удачи и ловкости надувают покупателей или продавцов товаров (*profit upon expropriation, alienation* *), — то функционирующим капиталистам, естественно, кажется, что, являются ли они или не являются собственниками находящегося в процессе капитала, *процент* порождается капиталом как таковым, собственностью на капитал, собственником капитала — безразлично, являются ли собственниками капитала они сами или третьи лица; а промышленная прибыль, напротив, представляется им продуктом *их* труда, *их* работы. В качестве функционирующих капиталистов — действительных агентов капиталистического производства — они противостоят самим себе или третьим лицам как простому, бездеятельному бытию капитала, поэтому противостоят как *работники* самим себе или другим как *собственникам*. А раз они уже работники, то по сути дела они оказываются, с этой точки зрения, наемными рабочими и, в силу своего особого превосходства, лишь лучше оплачиваемыми наемными рабочими, чем они отчасти обязаны и тому обстоятельству, что выплачивают себе заработную плату сами.

Таким образом, в то время как *процент* и *капитал* в качестве *приносящего проценты* капитала выражают чистейшую противоположность вещественного богатства труду и потому бытие вещественного богатства как *капитала*, в обыденном представлении это перевернуто как раз наоборот, ибо на поверхности явлений *денежный капиталист* выступает *prima facie* вне всякого отношения к наемному рабочему, лишь в своем отношении к другому капиталисту, а этот другой капиталист, вместо того чтобы противостоять наемному труду, сам в качестве *работника* противостоит самому себе или другому капиталисту как голому бытию капитала, просто собственнику капитала.

* — прибыль от отчуждения, *Ред.*

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что отдельный капиталист может либо отдать в ссуду свои деньги *как капитал*, либо *сам* употребить их в качестве капитала. Поскольку он получает *проценты* со своих денег, он получает только ту цену за них, какую получил бы также и в том случае, если бы он не «функционировал» как капиталист, не «работал». Поэтому ясно, что в той мере, в какой извлекаемое им из процесса производства является лишь процентом, он этим обязан только капиталу, а не самому процессу производства и [906] не себе как представителю функционирующего капитала.

Отсюда проистекает также великолепная фраза некоторых вульгарных экономистов: если бы промышленный капиталист не извлекал другой прибыли, кроме процента, то он отдавал бы свой капитал под проценты и жил бы как *рантье*. Таким образом, все капиталисты перестали бы производить и весь капитал перестал бы функционировать *как капитал*, но тем не менее было бы возможно жить на *проценты с него!* Уже у Тюрго встречается аналогичное рассуждение: если бы капиталист не получал процентов, то он купил бы землю (капитализированную ренту) и стал бы жить на земельную ренту¹⁵³. Но так как у физиократов земельная рента представляет действительную прибавочную стоимость, то здесь все же процент выводится из прибавочной стоимости, тогда как в указанной вульгарной концепции реальное отношение оказывается перевернутым.

Надо отметить еще другое обстоятельство. Для промышленного капиталиста, занявшего деньги, процент входит в *издержки*, причем издержки берутся здесь в том смысле, что они означают авансированную им стоимость. Капитал, например, в 1 000 ф. ст. входит в его производство не как товар стоимостью в 1 000 ф. ст., а как *капитал*. Следовательно, если капитал в 1 000 ф. ст. приносит ежегодно 10%, то в годичный продукт он входит как стоимость в 1 100 ф. ст. Здесь, таким образом, ясно обнаруживается, что та или иная *сумма стоимости* (и товары, в которых она представлена) не становится капиталом лишь в процессе производства, а как капитал образует предпосылку процесса производства и потому уже содержит в себе прибавочную стоимость, причитающуюся ей просто как капиталу. Если промышленник работает с помощью взятого взаймы капитала, то в его издержки входит процент, или капитал как капитал, а таковым капитал является лишь постольку, поскольку он создает прибавочную стоимость (так что если он как товар стоит, например, 1 000, то как капитал он равен 1 100, т. е. $1\,000 + \frac{1\,000}{10}$, $K + \frac{K}{x}$). Если бы в продукте получался

только процент, это было бы, правда, избытком над *стоимостью* авансированного капитала, учитываемого как простой товар, но не над *стоимостью* товара, учитываемого как капитал; промышленник должен отдавать другому эту прибавочную стоимость, она относится к его авансам, к тем затратам, какие он сделал, чтобы произвести товар.

Что касается промышленника, работающего с собственным капиталом, то он должен самому себе платить проценты на капитал и рассматривает их как аванс. В самом деле, он ведь авансировал не только капитал стоимостью, например, в 1 000 ф. ст., но стоимость 1 000 ф. ст. как капитал, а эта стоимость составляет 1 050 ф. ст., если процент равен 5. И это для него отнюдь не праздное мудрствование. Ведь эти 1 000 ф. ст. в качестве *капитала* принесли бы ему 1 050 ф. ст., если бы он, вместо того чтобы применить их производительно, отдал их в ссуду. Следовательно, поскольку он 1 000 ф. ст. авансирует самому себе как капитал, он авансирует себе 1 050 ф. ст. Надо же на ком-нибудь наверстать упущенное, хотя бы и на самом себе!

Товары стоимостью в 1 000 ф. ст. имеют как капитал стоимость в 1 050 ф. ст. Это значит, что капитал не простое количество: он не простой товар, а товар, возведенный в степень, не простая величина, а отношение величин. Капитал есть отношение его как основной суммы, как данной стоимости, к самому себе как [к такой основной сумме, которая произвела] прибавочную стоимость. Стоимость капитала K (для одного года) равна $K \left(1 + \frac{1}{x}\right)^1$, или $K + \frac{K}{x}$. Подобно тому как нельзя при помощи простейших арифметических операций понять или вычислить x в уравнении $a^x = n$, так нельзя из элементарных представлений вывести и возведенный в степень товар, возведенные в степень деньги, капитал.

Совершенно так же, как в *проценте* часть прибыли, часть созданной капиталом прибавочной стоимости, представляется *авансированной* капиталистом, так в сельскохозяйственном производстве представляется авансированной капиталистом другая часть — *земельная рента*. Иррациональность такого представления здесь меньше бросается в глаза потому, что рента выступает здесь как годичная цена земли, входящей таким образом в производство как товар. В «цене земли» содержится, правда, еще бо́льшая иррациональность, чем в цене капитала, но она содержится не в самой форме этого выражения. Ибо земля здесь выступает как потребительная стоимость некоего товара, а земельная рента — как цена этого товара.

(Иррациональность состоит здесь в том, что нечто не являющееся продуктом труда — земля — должно обладать ценой, т. е. выраженной в деньгах стоимостью, стало быть должно иметь стоимость, следовательно должно рассматриваться как овеществленный общественный труд.) Поэтому со стороны внешней формы мы имеем здесь, как и у всякого товара, двойное выражение: выражение товара как потребительной стоимости и как меновой стоимости, и меновая стоимость выражается идеально как цена, как нечто такое, чем товар как потребительная стоимость абсолютно не является. Напротив, в выражении «1 000 ф. ст. = 1 050 ф. ст.», или «50 ф. ст. составляют годовую цену 1 000 ф. ст.», устанавливается отношение между одинаковыми вещами, между меновой стоимостью и меновой стоимостью, и меновая стоимость должна, как отличная от себя самой, быть своей собственной ценой, т. е. самой меновой стоимостью, выраженной в деньгах.

[907] Итак, здесь две формы прибавочной стоимости — процент и рента, результаты капиталистического производства, — входят в него как предпосылки, как *авансы*, которые делает сам капиталист и которые поэтому отнюдь не представляют для него прибавочную стоимость, избыток над стоимостью сделанных им авансов. На этих формах прибавочной стоимости отдельный капиталист сам *наглядно* убеждается в том, что производство прибавочной стоимости относится к *издержкам производства* капиталистического производства, что присвоение чужого труда и избытка над стоимостью потребленных в процессе товаров (безразлично, входят ли они в постоянный или переменный капитал) представляет собой необходимое условие этого способа производства. Правда, это проявляется также и в том, что средняя прибыль образует один из элементов цены издержек товара, следовательно — условие предложения товара, условие самого производства товара. Но тем не менее промышленный капиталист справедливо рассматривает этот избыток, эту часть прибавочной стоимости, — хотя она образует один из элементов самого производства, — по отношению к себе как избыток над *своими* издержками и не относит его, подобно проценту и ренте, к *своим* авансам. В критические моменты также и прибыль фактически противостоит ему самому как условие производства, поскольку в результате падения цены, поглощающего или резко уменьшающего промышленную прибыль, производство сокращается или приостанавливается. Отсюда видно тупоумие тех, кто рассматривает различные формы прибавочной стоимости только как формы распределения. Они в такой же мере — формы производства. [907]

* * *

[937] Может показаться, что в триединой формуле «земля — рента, капитал — прибыль (процент), труд — заработная плата» последний член является еще наиболее рациональным: ведь здесь по крайней мере назван тот источник, из которого проистекает заработная плата. Но в действительности последняя форма, наоборот, является наиболее иррациональной и представляет собой основу остальных двух, как и вообще *наемный труд* имеет своей предпосылкой землю в качестве *земельной собственности* и продукт в качестве *капитала*. Только тогда, когда условия труда противостоят труду в этой форме, труд является наемным трудом. Но в формуле «труд — заработная плата» труд как раз и выражен как наемный труд. Так как заработная плата выступает здесь как специфический продукт труда, как единственный продукт труда (и она действительно является единственным продуктом труда *для* наемного рабочего), то другие части стоимости — *рента, прибыль (процент)* — с такой же необходимостью выступают как проистекающие из других специфических источников, и совершенно так же, как та часть стоимости продукта, которая сводится к заработной плате, считается *специфическим* продуктом труда, так те части стоимости, которые сводятся к ренте и прибыли, должны считаться специфическими результатами тех факторов, *для* которых они существуют и которым они достаются, т. е. они должны казаться плодами, порожденными, соответственно, землей и капиталом. [937]

**[4) ПРОЦЕСС ОКОСТЕНЕНИЯ ПРЕВРАЩЕННЫХ ФОРМ
ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И ИХ ВСЕ БОЛЬШЕГО ОТДЕЛЕНИЯ
ОТ СВОЕЙ ВНУТРЕННЕЙ СУЩНОСТИ — ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА.
КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ, КАК САМАЯ КРАЙНЯЯ
СТУПЕНЬ ЭТОГО ПРОЦЕССА. АПОЛОГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА ПРОМЫШЛЕННУЮ ПРИБЫЛЬ КАК НА «ЗАРАБОТНУЮ
ПЛАТУ КАПИТАЛИСТА»]**

[910] Рассмотрим тот путь, который проделывается капиталом до того, как он выступает в форме капитала, приносящего проценты.

В непосредственном процессе производства дело обстоит еще просто. Прибавочная стоимость еще не получила *особой* формы, кроме той формы самой прибавочной стоимости, которая лишь отличает ее от стоимости части продукта, образующей

эквивалент воспроизведенной в нем стоимости. Подобно тому как стоимость вообще сводится к труду, так и прибавочная стоимость сводится к прибавочному труду, неоплаченному труду. Поэтому прибавочная стоимость и измеряется лишь той частью капитала, которая действительно изменяет свою стоимость — переменным капиталом, частью капитала, затраченной на заработную плату. Постоянный капитал выступает только как условие для того, чтобы могла действовать переменная часть капитала. Очень простым положением является то, что если за 100 ф. ст., которые равны труду 10 человек, покупается труд 20 человек (т. е. приобретается такой товар, в котором содержится труд 20 человек), то стоимость продукта равняется 200 ф. ст., а прибавочная стоимость в 100 ф. ст. представляет собой неоплаченный труд 10 человек. Или, если работают 20 человек, то каждый работает на себя только половину дня, а другую половину дня работает на капиталиста. 20 полудней составляют 10 дней. Это то же самое, как если бы оплачивался труд лишь 10 человек, а 10 человек работали бы на капиталиста даром.

Здесь, в этом эмбриональном состоянии, отношение еще вполне понятно или, вернее, его нельзя отрицать. Трудность заключается здесь только в выяснении того, каким образом это присвоение труда без эквивалента вытекает из закона обмена товаров, — из того, что товары обмениваются соответственно содержащемуся в них рабочему времени, — каким образом, прежде всего, оно этому закону не противоречит.

[911] Процесс обращения уже стирает, уже затушевывает существующую в действительности связь. Так как масса прибавочной стоимости определяется здесь также и *временем обращения капитала*, то кажется, что здесь привходит некоторый чуждый рабочему времени элемент.

Если, наконец, обратиться к готовому капиталу, выступающему как целое, как единство процесса обращения и процесса производства, как выражение процесса воспроизводства, — как определенная сумма стоимости, которая в определенный промежуток времени, в определенный отрезок обращения производит определенную прибыль (прибавочную стоимость), — то здесь процесс производства и процесс обращения существуют еще только как воспоминание и как такие моменты, которые *в одинаковой мере* определяют прибавочную стоимость, в результате чего ее простая природа затемняется. Прибавочная стоимость выступает теперь как прибыль. И здесь надо отметить следующее. 1) Прибыль эта находится в отношении к определенному отрезку обращения капитала, отличному от рабочего

времени. 2) Прибавочная стоимость при ее исчислении сравнивается не с той частью капитала, из которой она непосредственно возникает, а с совокупным капиталом в целом, без различения его составных частей. Тем самым источник ее совершенно теряется из виду. 3) Хотя в этой первой форме прибыли масса прибыли еще количественно тождественна с массой прибавочной стоимости, произведенной отдельным капиталом, норма прибыли с самого начала отлична от нормы прибавочной стоимости, ибо норма прибавочной стоимости равна $\frac{m}{v}$, а норма прибыли равна $\frac{m}{c+v}$. 4) При данной норме прибавочной стоимости норма прибыли может повышаться или падать; норма прибыли может даже изменяться в направлении, противоположном изменениям нормы прибавочной стоимости.

Таким образом, уже в виде прибыли прибавочная стоимость обладает такой формой, которая не только не дает возможности непосредственно распознать ее тождество с прибавочной стоимостью, с прибавочным трудом, но и кажется непосредственно противоречащей этому тождеству.

Далее, благодаря превращению прибыли в *среднюю прибыль*, образованию общей нормы прибыли и связанному с этим или обусловленному этим превращению стоимостей в цены издержек прибыль отдельного капитала не только в своем выражении, показывающем отличие нормы прибыли от нормы прибавочной стоимости, но и по субстанции, т. е. здесь количественно, становится *отличной* от самой прибавочной стоимости, которую произвел отдельный капитал в своей особой сфере производства. Если рассматривать отдельный капитал, а также совокупный капитал какой-нибудь особой сферы, то прибыль теперь не только *по видимости*, но и *на самом деле* отлична от прибавочной стоимости. Капиталы одинаковой величины приносят одинаковые прибыли, или прибыль пропорциональна величине капиталов. Или: прибыль определяется стоимостью авансированного капитала. Во всех этих выражениях совершенно затушено отношение прибыли к органическому строению капитала; его здесь уже нельзя распознать. Напротив, непосредственно бросается в глаза то, что равновеликие капиталы, приводящие в движение весьма различные количества труда, распоряжающиеся, следовательно, весьма различными количествами прибавочного труда и создающие весьма различные количества прибавочной стоимости, приносят прибыль одинаковой величины. В результате превращения стоимостей в цены издержек кажется уничтоженной даже сама основа — определение стоимости товаров содержащимся в них рабочим временем.

Именно в этой совершенно отчужденной форме прибыли и в той мере, в какой форма прибыли прячет свое внутреннее ядро, капитал все больше и больше приобретает вещный облик, все больше из отношения превращается в вещь, но в такую вещь, которая содержит в себе, проглотила в себя общественное отношение, — в вещь, обладающую фиктивной жизнью и самостоятельностью, вступающую в отношение с самой собой, в чувственно-сверхчувственное существо. И в этой форме *капитала и прибыли* капитал выступает на поверхности как готовая предпосылка. Это есть форма его действительности, или, точнее, форма его действительного существования. И в этой именно форме он живет в сознании его носителей, капиталистов, отражается в их представлениях.

Эта фиксированная и окостеневшая (до неузнаваемости измененная) форма прибыли (а тем самым и капитала как ее творца, ибо капитал есть основание, прибыль — следствие, капитал — причина, прибыль — действие, капитал — субстанция, прибыль — акциденция; капитал является капиталом лишь постольку, поскольку он производит прибыль, поскольку он является стоимостью, создающей прибыль, добавочную стоимость), — а тем самым и форма капитала как ее основания, капитала, сохраняющегося как капитал и увеличивающегося посредством приносимой им прибыли, — еще более упрочивается в своем чисто внешнем характере тем, что тот же процесс выравнивания капитала, который придает прибыли эту форму средней прибыли, отделяет от нее часть в форме *ренды*, получающую самостоятельное существование и как бы выросшую на другой основе, на земле. Правда, первоначально рента фигурирует как часть прибыли, уплачиваемая фермером земельному собственнику. Но так как ни он, фермер, не кладет себе в карман эту добавочную прибыль, ни капитал, который он применяет, ничем не отличается, как капитал, от всякого другого капитала (ведь фермер потому и отдает добавочную прибыль земельному собственнику, что не считает ее источником капитала как капитал), то сама земля выступает здесь как источник этой части стоимости товара (этой части его прибавочной стоимости), а земельный собственник является лишь [912] юридической персонификацией земли.

Когда рента исчисляется на авансированный капитал, все еще остается нить, напоминающая о ее происхождении как некоторой обособившейся части прибыли, т. е. прибавочной стоимости вообще. (Разумеется, иначе обстоит дело при таком общественном строе, при котором земельная собственность непосредственно эксплуатирует труд. Там не представляет

никакой трудности распознать источник прибавочного богатства.) Но рента уплачивается за определенное количество земли; она капитализируется в стоимости земли; стоимость эта повышается и понижается соответственно повышению или понижению ренты; рента повышается или понижается по сравнению с остающейся неизменной площадью земли (тогда как работающий на ней капитал изменяет свою величину); различие сортов земли проявляется в высоте ренты, подлежащей уплате за определенную единицу площади; общая сумма ренты исчисляется на всю площадь, чтобы можно было определить среднюю ренту, например, с квадратного фута; подобно всем другим созданным капиталистическим производством формам этого производства, рента выступает вместе с тем как фиксированная, заранее данная предпосылка, существующая в любой момент и, следовательно, имеющаяся налицо для отдельного индивида независимо от его воли. Фермер должен уплачивать ренту, и притом определенную сумму за единицу площади земли, в соответствии с качеством земли. Если качество земли повышается или понижается, то повышается или понижается та рента, которую он должен платить за столько-то акров, — за землю, независимо от того капитала, который он применяет на ней. Совершенно таким же образом он должен платить процент независимо от той прибыли, которую он выручает.

Исчисление ренты на функционирующий в производстве капитал является еще той критической формулой политической экономии, которая сохраняет внутреннюю связь ренты с прибылью как той почвой, на которой она возникает. Но в реальной действительности эта связь *не выступает наружу*; напротив, рента здесь измеряется действительной почвой, — и в результате этого отсекаются все опосредствования и завершается ее чисто внешний самостоятельный облик. Самостоятельной формой она является лишь в этой внешности, в полной оторванности от ее опосредствования. Квадратные фута земли (почвы) дают столько-то ренты. В этом выражении, где часть прибавочной стоимости — рента — *представлена в ее отношении к некоторому особому элементу природы независимо от человеческого труда*, не только совершенно затушевана природа прибавочной стоимости, потому что затушевана природа самой стоимости, но и сама *прибыль* представляется теперь обязанной своим существованием *капиталу как особому вещному орудию производства*, подобно тому как рента представляется обязанной своим существованием земле. Земля существует как часть природы и приносит ренту. Капитал состоит из произведенных людьми продуктов, и эти продукты приносят прибыль. То, что

одна потребительная стоимость, которая произведена людьми, приносит прибыль, а другая, которая не произведена людьми, приносит ренту, — это лишь две различные формы, в которых вещи *создают стоимость* и из которых одна ровно столь же понятна и непонятна, как и другая.

Ясно, что, как только прибавочная стоимость распадается на различные *особые* части, относимые к разным, лишь *вещественно* различным элементам производства — к природе, к продуктам труда, к труду, — как только она вообще получает *особые*, безразличные друг к другу, не зависящие друг от друга формы, регулируемые различными законами, ее общее всем этим формам единое начало — т. е. сама прибавочная стоимость, — а потому и природа этого общего единого начала становятся все более и более нераспознаваемыми и не показывают себя в *явлении*, а должны быть еще только открыты как некая сокровенная тайна. Это обособление формы отдельных частей прибавочной стоимости и их противопоставление друг другу как самостоятельных форм находят свое завершение в том, что каждая из этих частей сводится к некоторому особому элементу как к своей мере и своему особому источнику, или в том, что каждая часть прибавочной стоимости представляется действием некоторой особой причины, акциденцией некоторой особой субстанции. А именно: прибыль — капитал, рента — земля, заработная плата — труд.

И вот эти-то готовые отношения и формы выступают как предпосылки действительного производства, ибо капиталистический способ производства движется в им самим созданных формах и эти последние, его результат, в процессе воспроизводства в такой же мере противостоят ему как готовые предпосылки. В качестве таковых они практически определяют поведение отдельных капиталистов, служат для них мотивами и т. д. и как такие мотивы отражаются в их сознании. Вульгарная политическая экономия всего-навсего выражает в доктринерской форме это сознание, по своим мотивам и представлениям находящееся в плену у внешних проявлений капиталистического способа производства. И чем поверхностнее она цепляется за поверхность явлений, всего лишь копируя ее в известном порядке, тем больше она сознает себя «согласной с законами природы» и далекой от всяких абстрактных мудрствований.

[913] Выше, где мы говорили о процессе обращения *, следует еще отметить, что определения, вытекающие из процесса

* См. настоящее издание, часть III, стр. 505. *Ред.*

обращения, кристаллизуются как свойства определенных видов капитала, основного, оборотного и т. д., и таким образом выступают как заранее данные свойства, вещественно присущие определенным товарам.

Если в той конечной форме, в которой прибыль выступает в капиталистическом производстве как нечто заранее данное, как предпосылка, стерты и нераспознаваемы те многочисленные превращения и опосредствования, через которые она проходит, а потому стерта и нераспознаваема также и природа капитала; если эта форма еще больше фиксируется тем, что тот же процесс, в котором она получает свое завершение, противопоставляет ей часть прибыли как *ренду*, делает ее, следовательно, такой *особой* формой прибавочной стоимости, которая совершенно так же ставится в связь с капиталом как вещественно обособленным орудием производства, как рента ставится в связь с землей, то эта форма, отделенная от своей внутренней сущности массой невидимых промежуточных звеньев, становится еще более *внешней*, или, лучше сказать, приобретает абсолютно *внешний облик* в капитале, приносящем проценты, в разделении прибыли и процента, в капитале, приносящем проценты, как простой форме капитала, той форме, в которой капитал служит предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства. С одной стороны, в этом выражается абсолютная форма капитала: $D - D'$, самовозрастающая стоимость. С другой стороны, здесь выпало среднее звено, существующее еще даже у чисто торгового капитала: звено T в формуле $D - T - D'$. В формуле $D - D'$ имеется только отношение D к самому себе, измеряемое самим собою. Это такой капитал, который категорическим образом вынут из процесса, отделен от него, находится вне его — как предпосылка того процесса, результатом которого он является и в котором и благодаря которому он только и становится капиталом.

{Мы оставляем в стороне то обстоятельство, что процент может быть простой передачей имущества и не обязательно должен выражать действительную прибавочную стоимость. Так, он не выражает действительную прибавочную стоимость в том случае, когда деньги даются займы «расточителю», т. е. для потребления. Но то же самое может иметь место и в том случае, когда деньги берутся займы для того, чтобы произвести *платеж*. В обоих случаях деньги отдаются в ссуду как деньги, а не как капитал, но для их собственника они становятся *капиталом* благодаря одному лишь акту отдачи в ссуду. Во втором случае, при учете векселей или при ссуде под товары, которые в данный момент не могут быть проданы, деньги,

получаемые для производства платежа, могут относиться к процессу обращения капитала, к необходимому превращению товарного капитала в денежный капитал. Поскольку ускорение этого процесса превращения, — как вообще при кредите, согласно его общей природе, — ускоряет воспроизводство, а значит и производство прибавочной стоимости, постольку одолженные деньги являются капиталом. Поскольку же они служат лишь для уплаты *долгов*, не ускоряя процесса воспроизводства и, может быть, даже делая его невозможным или суживая его масштаб, они — лишь *средство платежа*, лишь деньги для заемщика, а для *займодавца* — *капитал*, на самом деле *не зависящий от процесса капитала*. В этом случае процент, как и «прибыль от отчуждения», является фактом, не зависящим от капиталистического производства как такового — от созидания прибавочной стоимости. В этих двух формах денег — в деньгах как покупательном средстве для приобретения товара с целью потребить его и в деньгах как платежном средстве для уплаты долгов — процент выступает в качестве такой формы, которая, подобно «прибыли от отчуждения», хотя и воспроизводится в капиталистическом производстве, но не зависит от него и принадлежит более ранним способам производства. Но в природе капиталистического производства заложено, что деньги (или товары) могут быть капиталом и продаваться как капитал вне процесса производства, подобно тому как это может происходить и в более старых формах, в которых они не превращаются в капитал, а служат лишь деньгами.

Третья более старая форма капитала, приносящего проценты, основана на том, что капиталистического производства *еще нет*, а прибыль присваивается еще в форме процента и капиталист выступает просто как ростовщик. Это предполагает: 1) что производитель работает еще самостоятельно при помощи своих средств производства, а не средства производства работают при его помощи (даже в том случае, когда к этим средствам производства относятся рабы, которые, однако, здесь в такой же мере не образуют особую экономическую категорию, как и рабочий скот, или, самое большее, [между неодушевленными орудиями труда, животными и рабами здесь имеется лишь] вещественное различие: немые орудия, чувствующие, говорящие); 2) что средства производства принадлежат производителю только номинально, т. е. что в силу тех или других случайных обстоятельств он не в состоянии воспроизвести их из выручки от продажи своего товара. Эти формы капитала, приносящего проценты, встречаются поэтому во всех таких формах общества, в которых имеется обращение товаров и денег, независимо

от того, господствует ли в них рабский труд, крепостной труд или свободный труд. В последней из вышеупомянутых форм производитель выплачивает капиталисту свой прибавочный труд в форме процента, который поэтому включает прибыль. Здесь налицо все [914] капиталистическое производство без его преимуществ: развития общественных форм труда и вырастающих из них производительных сил труда. Эта форма решительно преобладает у таких крестьянских народов, которые уже вынуждены часть своих жизненных средств и орудий производства покупать в качестве товара, рядом с которыми, следовательно, уже существует обособившаяся городская промышленность и которые, кроме того, должны платить деньгами налоги, ренту и т. д.}

Приносящий проценты капитал оказывается на деле капиталом лишь постольку, поскольку данные займы деньги действительно превращаются в капитал и производят прибавочную стоимость, частью которой является процент. Однако это не отменяет того, что независимо от процесса ему, в качестве его свойства, присущи процент и принесение процентов. Подобным же образом потребительная стоимость хлопка как хлопка не отменяется тем, что для доказательства на деле своих полезных свойств он должен подвергнуться прядению или какой-нибудь другой переработке. Так и капитал доказывает на деле свою способность приносить проценты только посредством перехода в процесс производства. Но ведь и рабочая сила доказывает на деле свою способность создавать стоимость только тогда, когда она действует и реализуется в процессе как труд. Это не исключает того, что она *an sich*, как способность, есть создающая стоимость деятельность. Она не становится таковой лишь благодаря процессу, а, наоборот, является его предпосылкой. Как таковая она покупается. Кто-нибудь может купить ее также и не для того, чтобы заставить ее работать (например, директор театра иногда покупает актера не для того, чтобы заставить его играть, а для того, чтобы лишить его игры театр своего конкурента). Ни продавцу, ни проданному товару нет дела до того, пользуется ли тот, кто покупает рабочую силу, тем ее свойством, за которое он платит, т. е. ее свойством создавать стоимость, так же как им нет дела и до того, пользуется ли тот, кто покупает капитал, этим капиталом как капиталом, т. е. приводит ли он в действие в процессе присущее этому капиталу свойство создавать стоимость. В обоих случаях им оплачивается та прибавочная стоимость, которая *an sich*, в возможности, согласно природе покупаемых товаров — в одном случае рабочей силы, в другом случае капитала — заключена в этих

товарах, и способность их сохранять свою собственную стоимость. Поэтому также и капиталист, работающий при помощи собственного капитала, рассматривает одну часть прибавочной стоимости как процент, т. е. как такую прибавочную стоимость, которая потому вытекает из процесса производства, что капитал, независимо от этого процесса, внес ее в процесс производства.

Земельная рента и отношение «земля — рента» могут показаться гораздо более загадочными формами, чем форма процента и отношение «капитал — процент». Но даже в форме земельной ренты иррациональность не состоит в том, чтобы выражать некоторое *соотношение самого капитала*. Так как земля сама производительна (в смысле потребительной стоимости) и сама является живой производительной силой (обладающей потребительной стоимостью или служащей для производства потребительных стоимостей), то тут еще возможны две концепции: либо суеверное смешение потребительной стоимости с меновой стоимостью, вещи — с некоторой специфической общественной формой содержащегося в продукте труда (иррациональность находит себе тогда основание в себе самой, так как здесь рента как нечто *suí generis* * не имеет никакого отношения к капиталистическому процессу как таковому), либо концепция «просвещенной» политической экономии, утверждающей, что так как ренту нельзя отнести ни к труду, ни к капиталу, то она вообще не является формой прибавочной стоимости и представляет собой просто надбавку к цене, надбавку, возможность получения которой дает земельному собственнику монополия владения землей.

Иначе обстоит дело с капиталом, приносящим проценты. Здесь дело идет не о каком-нибудь чуждом капиталу отношении, а о самом капиталистическом отношении, о вытекающем из капиталистического производства и специфически ему свойственном, выражающем самую сущность капитала отношении, о такой форме капитала, в которой он выступает *как капитал*. *Прибыль* все еще содержит отношение к находящемуся в процессе капиталу, к тому процессу, в котором производится прибавочная стоимость, производится сама прибыль. В *капитале, приносящем проценты*, дело обстоит не так, как в *прибыли*, где форма прибавочной стоимости стала чем-то отчужденным, причудливым, не позволяющим непосредственно познать ее простой облик и тем самым ее субстанцию и причину ее возникновения; в *проценте*, наоборот, эта отчужденная форма дана *явным образом*, находится налицо и выражена как то, что

* — своего собственного рода, особого рода. Ред.

существенно. Она приобрела самостоятельное бытие и фиксирована как нечто *противоположное* по отношению к действительной природе прибавочной стоимости. В капитале, приносящем проценты, отношение капитала к труду погашено, стерто. На деле процент предполагает прибыль, частью которой он только и является, и на деле наемному рабочему совершенно безразлично, как прибавочная стоимость [915] делится между процентом и прибылью, между различными категориями капиталистов.

Процент прямо и определенно выступает как плод капитала, отделенный от самого капиталистического процесса, не зависящий от него и находящийся вне его. Он причитается *капиталу как капиталу*. Он входит в процесс производства, а потому и выходит из него. Капитал носит его во чреве своем. Он не извлекает процент из процесса производства, а вносит его в последний. Поэтому избыток прибыли над процентом, то количество прибавочной стоимости, которым капитал обязан только процессу производства и которое он производит только как функционирующий капитал, получает в отличие от процента как созидания стоимости, присущего *капиталу an sich, капиталу самому по себе, капиталу как капиталу*, особую форму *промышленной прибыли* (предпринимательская прибыль) (промышленная или торговая, смотря по тому, делается ли ударение на процесс производства или на процесс обращения). Тем самым также и последняя форма прибавочной стоимости, до некоторой степени напоминающая о ее происхождении, обособляется и понимается не только в отчужденной форме, но и в такой форме, которая выступает как прямая противоположность по отношению к самой прибавочной стоимости, и в результате этого, в конце концов, совершенно мистифицируется природа капитала и прибавочной стоимости, как и капиталистического производства вообще.

Промышленная прибыль, в противоположность *проценту*, представляет капитал в процессе в противоположность капиталу вне процесса, капитал как процесс в противоположность капиталу как собственности — и потому капиталиста как функционирующего капиталиста, как представителя *работающего капитала* в противоположность капиталисту как всего лишь персонификации капитала, как всего лишь собственнику капитала. Таким образом, он выступает как *работающий капиталист* против самого себя как *капиталиста* и поэтому, далее, как *работник* против себя как всего лишь *собственника*. Поэтому в той мере, в какой здесь еще сохраняется отношение прибавочной стоимости к процессу, это выступает как раз в такой форме,

в которой отрицается самое понятие прибавочной стоимости. Промышленную прибыль сводят к труду, но не к чужому неоплаченному труду, а к наемному труду, к заработной плате, причитающейся капиталисту, который тем самым попадает в одну категорию с наёмным рабочим и является только лучше оплачиваемым видом наемных рабочих, как ведь и вообще заработная плата бывает весьма различна.

На деле деньги превращаются в капитал не вследствие того, что они обмениваются на вещественные условия производства товара и что эти условия производства — материал труда, средства труда, труд — в процессе труда приходят в состояние брожения, действуют друг на друга, соединяются друг с другом, вступают в некоторый химический процесс и осаждают товар как кристалл этого процесса. Если бы дело заключалось только в этом, то у нас никогда не получилось бы капитала, никогда не получилось бы прибавочной стоимости. Эта абстрактная форма процесса труда обща всем способам производства, какова бы ни была их общественная форма, их историческая определенность. Этот процесс становится капиталистическим процессом, деньги превращаются в капитал только в том случае, если 1) *товарное производство*, производство продукта как товара есть всеобщая форма производства; 2) если товар (деньги) обменивается на рабочую силу (т. е. фактически на труд) как товар, если, следовательно, труд есть наемный труд; 3) но это последнее имеет место только в том случае, если объективные условия, т. е. (рассматривая весь процесс производства в целом) сами продукты, противостоят труду как самостоятельные силы, как не его собственность, как чужая собственность и таким образом по форме — *как капитал*.

Труд как наемный труд и условия труда как капитал — а потому как собственность капиталиста: собственниками самих себя они являются в капиталисте, в котором они персонифицируются и собственность которого на них, их собственность на самих себя они в противоположность труду представляют, — это есть выражение одного и того же отношения, только с различных его полюсов. Это условие капиталистического производства есть его постоянный результат. Это — его *предпосылка*, положенная им самим: капиталистическое производство само является своей собственной предпосылкой, т. е. полагается вместе со своими условиями, как только оно развилось и функционирует в рамках соответствующих ему отношений. Но *капиталистический процесс производства* не есть процесс производства вообще; указанная антагонистическая общественная определенность его элементов развивается и реализуется только

в самом том процессе, всеобъемлющей характеристикой которого она является и который она делает именно этим общественно определенным способом производства, *капиталистическим процессом производства*.

[916] Когда капитал — не какой-нибудь определенный капитал, а капитал вообще — только еще образуется, *процесс* его образования есть *процесс разложения и продукт распада* предшествующего ему общественного способа производства. Следовательно, это — *исторический процесс* и процесс, принадлежащий определенному историческому периоду. Это есть период его *исторического генезиса*. (Так бытие людей есть результат того предшествующего процесса, через который прошла органическая жизнь. Только на известной стадии этого процесса человек становится человеком. Но раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также ее постоянный продукт и результат, и *предпосылкой* человек является только как свой собственный продукт и результат.) Здесь, в ходе этого исторического процесса, труд должен еще только отделиться от условий труда в их прежней форме, когда труд и условия труда составляли единое целое. Только на этом пути труд становится *свободным* трудом, и только на этом пути условия труда превращаются в противостоящий труду *капитал*. Процесс становления капитала капиталом, или его развития *до* появления самого капиталистического процесса производства, и реализация капитала в процессе производства принадлежат здесь к двум исторически различным периодам. В последнем капитал является *предпосылкой*, предполагается существующим как нечто само себя приводящее в действие. В первом он есть осадок процесса разложения некоторой другой формы общества. Здесь он — *продукт* некоторой другой формы, а не продукт своего собственного воспроизводства, как это имеет место позже. Капиталистическое производство работает на наемном труде как на своей наличной, но вместе с тем постоянно воспроизводимой им основе. Оно поэтому работает также на основе *капитала* как такой формы условий труда, которая ему дана в качестве предпосылки — предпосылки, которая, однако, так же как и наемный труд, есть его постоянное творение, его постоянный продукт.

На этой основе *деньги*, например, являются *an sich* капиталом, потому что *an sich* условия производства имеют отчужденную форму по отношению к труду, выступают по отношению к нему как чужая собственность и как таковая господствуют над ним. Капитал может тогда также и продаваться как *товар*, обладающий этим свойством, т. е. капитал может продаваться

как капитал, что и происходит при отдаче капитала займы под проценты.

Но так как здесь тем самым *фиксируется* момент специфической общественной определенности капитала и капиталистического производства — специфической общественной определенности, юридически выражающейся в капитале как собственности, в собственности на капитал как особой форме собственности, — и потому *процент* выступает как та *часть прибавочной стоимости*, которую капитал создает в этой определенности вне связи с этой определенностью как определенностью процесса производства вообще, то другая часть прибавочной стоимости, избыток прибыли над процентом, *промышленная прибыль*, должна, очевидно, представиться как такая стоимость, которая проистекает не из капитала как капитала, а из процесса производства, отделенного от его общественной определенности, которая ведь уже получила свой особый способ существования в выражении «капитал — процент». Но отделенный от капитала процесс производства есть *процесс труда* вообще. Поэтому промышленный капиталист в отличие от самого себя как капиталиста, промышленник в отличие от себя как капиталиста, собственника капитала — есть всего лишь простой функционер в процессе труда, не функционирующий капитал, а функционер независимо от капитала, т. е. особый носитель процесса труда вообще, *работник*. Тем самым промышленная прибыль благополучно превращается тогда в *заработную плату* и попадает в одну категорию с обыкновенной заработной платой, от которой она отличается еще только количественно и особой формой выплаты, тем, что капиталист *вымачивает* ее себе сам, вместо того чтобы ее ему выплачивали другие.

В этом последнем расщеплении прибыли на *процент* и *промышленную прибыль* природа прибавочной стоимости (а потому и природа капитала) не только совершенно затупевана, но и явно представлена как нечто совершенно иное.

Процент выражает часть прибавочной стоимости, всего лишь выделенную под особым названием долю прибыли — ту долю, которая достается простому собственнику капитала, перехватывается им. Но это всего лишь *количественное* деление превращается в *качественное деление*, придающее обоим частям такую превращенную форму, в которой не видно уже и следа их первоначальной сущности. [917] Это закрепляется прежде всего тем, что *процент* выступает не как безразличное для производства деление, которое «случайно» имеет место только тогда, когда промышленник работает при помощи чужого капитала.

Даже и в том случае, если он работает при помощи собственного капитала, его прибыль расщепляется на *процент и промышленную прибыль*, благодаря чему, следовательно, всего лишь количественное деление уже фиксируется как *качественное*, не зависящее от того случайного обстоятельства, является ли данный промышленник собственником или несобственником своего капитала, — фиксируется как вытекающее из природы самого капитала и самого капиталистического производства *качественное* деление. Это не просто две доли прибыли, распределяющиеся между различными лицами, а две особые *категории* ее, находящиеся в различном отношении к капиталу, т. е. относящиеся к различным определенностям капитала. Это обособление частей прибыли в виде самостоятельных категорий, не говоря уже о прежде развитых причинах, закрепляется тем легче, что *капитал, приносящий проценты*, как историческая форма появляется до промышленного капитала и продолжает существовать наряду с ним в своей старой форме и только в ходе развития промышленного капитала ставится этим капиталом в подчинение капиталистическому производству как *особая форма* самого промышленного капитала.

Таким образом, из всего лишь количественного деления получается качественное расщепление. Сам капитал расщепляется. Поскольку он является *предпосылкой* капиталистического производства, поскольку он, следовательно, *выражает отчужденную форму условий труда*, некоторое *специфическое общественное отношение*, он реализуется в *проценте*. Свой характер капитала он реализует в проценте. С другой стороны, поскольку он функционирует в процессе, этот процесс выступает как отделенный от своего специфически капиталистического характера, от своей специфической общественной определенности — как всего лишь *процесс труда* вообще. Поскольку, следовательно, капиталист принимает в нем участие, он принимает в нем участие не как капиталист — ибо этот его характер учтен в проценте, — а как функционер процесса труда вообще, как *работник*, и его заработная плата представлена в *промышленной прибыли*. Это есть особый вид труда — труд управления, — но ведь виды труда вообще отличаются друг от друга.

Итак, в этих двух формах прибавочной стоимости природа ее, сущность капитала и характер капиталистического производства не только совершенно затушеваны, но и извращены до такой степени, что превратились в свою противоположность. Но характер и облик капитала в той мере и получают свое завершение, в какой здесь без смысла и без какого бы то ни было

опосредствования представлены и выражены субъективирование вещей, овеществление [Versachlichung] субъектов, извращающее действительность смешение причины и следствия, религиозное quidproquo *, чистая форма капитала $D - D'$. Точно так же и окостенение отношений и их трактовка как отношений людей к вещам, обладающим определенным социальным характером, получили здесь совершенно иное дальнейшее развитие, чем в простой мистификации товара и в уже более сложной мистификации денег. Пресуществление и фетишизм здесь полностью завершены.

Процент выражает an sich именно бытие условий труда как *капитала* в их общественном антагонизме по отношению к труду и в их персонифицированной форме стоящих над трудом сил. Он резюмирует *отчужденный* характер условий труда по отношению к деятельности субъекта. Он представляет собственность на капитал, или голую собственность капитала как средство присвоения продуктов чужого труда, как власть над чужим трудом. Но он представляет этот характер капитала как нечто присущее капиталу вне самого процесса производства и отнюдь не являющееся результатом специфической определенности самого этого процесса производства. Процент представляет отчужденный характер капитала не в антагонизме по отношению к труду, а, напротив, вне всякого отношения к труду и как всего лишь отношение одного капиталиста к другому, — следовательно, как такое определение, которое является внешним и безразличным для самого отношения капитала к труду. Распределение прибыли между капиталистами рабочему как таковому безразлично. Таким образом, в *проценте*, в той форме прибыли, где *антагонистический характер* капитала дает себе особое выражение, он дает себе такое выражение, в котором эта антагонистичность совершенно затушевана и которое прямо и определенно оставляет ее в стороне. Процент выражает способность денег, товаров и т. д. увеличивать свою собственную стоимость, он выражает прибавочную стоимость как нечто вырастающее из денег и товаров, как их естественный плод, т. е. он является всего лишь выражением мистификации капитала в ее самой крайней форме. А поскольку, помимо этого, он вообще выражает общественное отношение *как таковое*, он выражает [918] лишь отношение между капиталистами, а отнюдь не отношение между капиталом и трудом.

С другой стороны, эта форма *процента* придает другой части прибыли *качественную форму промышленной прибыли*,

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое), *Ред.*

заработной платы за труд промышленного капиталиста — не как капиталиста, а как *работника* (промышленника). Те особые функции, которые должен выполнять в процессе труда капиталист как таковой и которые присущи ему именно в отличие от рабочего, представляются как всего лишь трудовые функции. Он, дескать, создает прибавочную стоимость не потому, что он работает как *капиталист*, а потому, что он, капиталист, тоже *работает*. Это то же самое, как если бы о короле, который как король номинально командует армией, сказали, что он командует ею не потому, что ему, как носителю королевского сана, принадлежит роль главнокомандующего, а что он является королем потому, что он *командует*, выполняет функцию главнокомандующего. Если, таким образом, одна часть прибавочной стоимости в виде процента совершенно отделяется от процесса эксплуатации, то другая часть в виде промышленной прибыли представляется как прямая противоположность процесса эксплуатации — не как присвоение чужого труда, а как созидание стоимости своим собственным трудом. Следовательно, эта часть прибавочной стоимости уже совершенно перестает быть прибавочной стоимостью, а является ее противоположностью — эквивалентом за выполненный труд. Так как [в капитале, приносящем проценты] *отчужденный характер* капитала, его противоположность труду лежит за пределами процесса эксплуатации, за пределами *действительного проявления этого отчуждения*, то из самого этого процесса удален всякий антагонистический характер. Поэтому *действительная* эксплуатация, то, в чем осуществляется и реально проявляется антагонистический характер [капиталистического производства], выступает как ее прямая противоположность, как некоторый вещественно обособленный вид труда, относящийся, однако, к той же общественной определенности труда, к наемному труду, к той же *категории* труда. Труд по эксплуатации труда отождествляется здесь с тем трудом, который подвергается эксплуатации.

Это превращение одной части прибыли в *промышленную прибыль* вытекает, как мы видим, из превращения другой части в *процент*. На одну часть приходится общественная форма капитала — то, что он является собственностью; на другую — экономическая функция капитала, его функция в процессе труда, но освобожденная, абстрагированная от той общественной формы, той антагонистической формы, в которой он, капитал, выполняет эту функцию. Каким образом это дальше оправдывается премудрыми доводами, рассмотреть более подробно при анализе апологетической трактовки прибыли как платы

за *«труд по надзору»*. Капиталиста здесь отождествляют с его *управляющим*, как это заметил уже Смит ¹⁵⁴.

В промышленную прибыль, действительно, входит некоторая часть, представляющая собой заработную плату (там, где нет управляющего, получающего эту заработную плату). Капитал в процессе производства выступает как руководитель труда, командир его (*captain of industry*) и в этом смысле играет деятельную роль в самом процессе труда. Но поскольку эти функции вытекают из специфической формы капиталистического производства, т. е. из господства капитала над трудом как его трудом и потому над рабочими как его орудиями, из природы капитала, выступающего как *общественное единое начало*, как субъект общественной формы труда, персонифицированной в нем в качестве власти над трудом, постольку этот связанный с эксплуатацией труд (который можно передать и управляющему) есть такой труд, который, конечно, входит в стоимость продукта так же, как и труд наемного рабочего, подобно тому как *при рабстве труд надсмотрщика над рабами* так же должен оплачиваться, как и труд самого работника. Если человек свое отношение к своей собственной природе, к внешней природе и к другим людям представил себе на *религиозный лад* в виде каких-то самостоятельно существующих сил, так что эти представления приобрели над ним господство, то он нуждается в *жрецах* и *их* труде. Но с исчезновением религиозной формы сознания и связанных с ней отношений в общественный процесс производства перестает входить и этот труд жреца. Вместе с *жрецом* исчезает и труд жреца, а вместе с капиталистом аналогичным образом исчезает тот труд, который он выполняет как капиталист или который он поручает выполнять другому лицу. (Пример с рабством проиллюстрировать цитатами ¹⁵⁵.)

Впрочем, эта апология, сводящая прибыль к заработной плате как плате за труд по надзору, сама оборачивается против апологетов, поскольку английские [1919] социалисты с полным основанием отвечали на это: отлично, в дальнейшем вы будете получать лишь заработную плату обычных управляющих; ваша промышленная прибыль не на словах только, а на деле должна быть сведена к заработной плате за надзор или за руководство трудом.

{Разумеется, невозможно входить в подробное рассмотрение этой глупой болтовни апологетов со всеми ее противоречиями. Например, промышленная прибыль повышается и понижается в обратном отношении как к проценту, так и к земельной ренте. Но *надзор за трудом*, то определенное количество

труда, которое капиталист действительно выполняет, не имеет никакого отношения к этому, так же как и к *падению заработной платы*. Заработная плата этого рода отличается именно той особенностью, что она понижается и повышается в обратном отношении к действительной заработной плате (в той мере, в какой норма прибыли обусловлена нормой прибавочной стоимости; а если все *условия производства* остаются неизменными, то она обуславливается *исключительно* нормой прибавочной стоимости). Но подобного рода «маленькие противоречия» не уничтожают тождественности в голове апологетического вульгарного экономиста. Труд, выполняемый капиталистом, остается абсолютно таким же, независимо от того, выплачивает ли капиталист мало или много заработной платы, получают ли рабочие более высокую или более низкую заработную плату. (Точно так же заработная плата, уплачиваемая за один рабочий день, ничего не изменяет в количестве самого труда.) Более того. Рабочий при лучшей оплате работает интенсивнее. Напротив, труд капиталиста есть вполне определенная материя: он качественно и количественно определяется тем количеством труда, которым капиталист должен руководить, а не платой за это количество труда. Капиталист так же не может интенсифицировать свой труд, как рабочий не может переработать больше хлопка, чем он находит на фабрике.}

И далее английские социалисты говорят: труд по управлению и по надзору теперь можно так же покупать на рынке и его можно сравнительно столь же дешево произвести, а потому и купить, как и всякую другую рабочую силу. Само капиталистическое производство привело к тому, что труд по управлению, совершенно отделенный от владения капиталом (безразлично, своим или чужим), предлагается в избытке. Сделалось совершенно необязательным, чтобы этот труд по управлению выполнялся *капиталистами*. Он *realiter* * существует отдельно от капитала — не в бутафорском отделении промышленных капиталистов от денежных капиталистов, а в отделении промышленных управляющих и т. д. от капиталистов всех категорий. Лучшим доказательством этого служит следующее. *Во-первых*, устроенные самими рабочими кооперативные фабрики **. Они дают доказательство того, что капиталист в качестве функционера производства стал так же излишен для рабочих, как самому капиталисту представляется излишней для буржуазного производства функция земельных собствен-

* — реально, на самом деле. *Ред.*

** Ср. настоящее издание, часть III, стр. 368. *Ред.*

ников. Во-вторых, в той мере, в какой труд капиталиста не является тем, что вытекает из процесса [производства] как капиталистического процесса и, следовательно, само собою исчезает вместе с исчезновением капитала, в той мере, в какой он не является названием для функции эксплуатации чужого труда, т. е. в той мере, в какой он вытекает из общественной формы труда (кооперации, разделения труда и т. д.), он совершенно так же не зависит от капитала, как не зависит от него и сама эта общественная форма труда после того, как она сбросила с себя капиталистическую оболочку. Говорить, что этот труд по руководству трудом необходим как *капиталистический труд*, как функция капиталиста, означает только то, что вульгарный экономист не может себе *представить* развившиеся в недрах капитала общественную производительную силу труда и его общественный характер отделенными от этой их капиталистической формы, от формы отчуждения, антагонизма и противоречия их моментов, отделенными от их извращения и их quidproquo. А это как раз и есть то, что мы утверждаем. [XV — 919]

* * *

[XVIII — 1142] {Действительная прибыль капиталиста в значительной своей части представляет собой «прибыль от отчуждения», и для «индивидуального труда» капиталиста открывается особенно широкий простор на том поприще, где дело идет не о созидании прибавочной стоимости, а о распределении совокупной прибыли всего класса капиталистов между его индивидуальными членами на путях торговли. Здесь это нас не касается. Известные виды прибыли — например, прибыль, основанная на спекуляции, — получают только на этом поприще. Их рассмотрение здесь, следовательно, совершенно исключается. Скотскую глупость вульгарной политической экономии показывает то, что она, — особенно для того, чтобы представить прибыль как «заработную плату», — смешивает эту «прибыль от отчуждения» с прибылью, проистекающей из созидания прибавочной стоимости. Смотри, например, достойного Рошера. Поэтому для такого рода ослов совершенно естественно также, что они смешивают в одну кучу калькуляционные соображения капиталистов в различных сферах производства и различные основания для компенсации этих капиталистов при распределении совокупной прибыли всего класса капиталистов — с основаниями для эксплуатации рабочих капиталистами, с причинами происхождения, так сказать, прибыли как таковой.} [XVIII — 1142]

**[5] СУЩЕСТВЕННОЕ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ КЛАССИЧЕСКОЙ
И ВУЛЬГАРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ.
ПРОЦЕНТ И РЕНТА КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
РЫНОЧНОЙ ЦЕНЫ ТОВАРА. ПОПЫТКИ ВУЛЬГАРНЫХ
ЭКОНОМИСТОВ ПРИДАТЬ РАЦИОНАЛЬНУЮ ВИДИМОСТЬ
ИРРАЦИОНАЛЬНЫМ ФОРМАМ ПРОЦЕНТА И РЕНТЫ]**

[XV—919] В *капитале, приносящем проценты*, — в расщеплении прибыли на процент и [промышленную] прибыль — капитал получил свою наиболее вещную форму, свою чисто фетишистскую форму, и природа прибавочной стоимости представлена как нечто совершенно потерявшее само себя. Капитал — как вещь — выступает здесь как самостоятельный источник стоимости, как творец стоимости, подобно тому как земля выступает как источник ренты, а труд — как источник заработной платы (отчасти заработной платы в собственном смысле слова, отчасти — промышленной прибыли). Правда, представители этой точки зрения все еще считают, что оплачивать заработную плату, процент и ренту должна цена товара, но она-де оплачивает их потому, что земля, входящая в товар, создает ренту, капитал, входящий в него, создает процент, а труд, входящий в него, создает заработную плату; потому, что они-де создают эти части стоимости, достаемые их соответственным собственникам или представителям [920] — земельному собственнику, капиталисту и работнику (наемному рабочему и промышленнику). Таким образом, если здесь получается, что, с одной стороны, цена товаров определяет заработную плату, ренту и процент, а, с другой стороны, цена процента, ренты и заработной платы определяет цену товаров, то с этой точки зрения тут нет никакого противоречия для теории, или, если таковое и имеется, то это вместе с тем — противоречие, или порочный круг, действительного движения цен.

Процентная ставка, правда, колеблется, но она колеблется только так, как колеблется рыночная цена всякого другого товара — в зависимости от соотношения между спросом и предложением. Это совершенно так же не уничтожает процент как нечто имманентное капиталу, как колебания товарных цен не уничтожают цены как присущие товарам определения.

Так земля, капитал и труд, поскольку они признаются источниками ренты, процента и заработной платы, а эти последние — конституирующими элементами товарных цен, выступают, с одной стороны, как элементы, создающие стоимость; с другой стороны, поскольку они достаются обладателю каждого из этих орудий производства стоимости, доставляя ему создан-

ную ими часть стоимости продукта, они выступают как источники дохода, а формы ренты, процента и заработной платы выступают как формы *распределения*. (Когда вульгарные экономисты трактуют формы распределения фактически только как формы производства *sub alia specie* *, между тем как критические экономисты отделяют их друг от друга и не замечают их тождественности, то в этом, как мы увидим позже, сказывается, в сравнении с критической политической экономией, последовательность глупости.)

В капитале, приносящем проценты, капитал выступает как *самостоятельный источник стоимости* или прибавочной стоимости, которыми он обладает как деньги или как товар. И притом он является таким источником сам по себе, в своей вещной форме. Правда, чтобы реализовать это свое свойство, он должен входить в процесс производства, но это необходимо также и для земли и труда.

Понятно поэтому, почему вульгарная политическая экономия предпочитает формулу: «земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата» — той формуле, которая для элементов цены (точнее, для частей, на которые цена распадается) имеется у Смита и других и в которой фигурирует соотношение «*капитал — прибыль*», служащее вообще у всех экономистов-классиков для изображения капиталистического отношения как такового. В прибыли еще содержится стеснительная [для вульгарной политической экономии] связь с процессом [производства] и более или менее еще распознаваема истинная природа прибавочной стоимости и капиталистического производства в отличие от их *внешнего проявления*. Это прекращается, когда процент изображается как в собственном смысле продукт капитала и тем самым другая часть прибавочной стоимости, промышленная прибыль, совершенно исчезает и попадает в категорию заработной платы.

Классическая политическая экономия старается посредством анализа свести различные фиксированные и чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству и совлечь с них ту форму, в которой они индифферентно стоят друг возле друга; она хочет понять внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления. Поэтому она сводит ренту к добавочной прибыли, вследствие чего рента исчезает как особая, *самостоятельная* форма и оказывается отделенной от ее мнимого источника, земли. Она точно так же срывает с процента его самостоятельную форму и показывает, что он есть часть прибыли.

* — под другим углом зрения. Ред.

Так она свела к одной форме прибыли все те формы дохода, все те самостоятельные формы, или титулы, под которыми не-работчий получает долю в стоимости товара. Но прибыль сводится к прибавочной стоимости, так как стоимость всего товара сводится к труду; оплаченное количество содержащегося в нем труда сводится к заработной плате; следовательно, избыток над этим количеством сводится к неоплаченному труду, к присвоенному безвозмездно под различными титулами, но вызванному к жизни капиталом прибавочному труду. Классическая политическая экономия иногда впадает в противоречия при этом анализе; часто она пытается произвести это сведение и доказать единство источника различных форм непосредственно, без выявления посредствующих звеньев. Но это необходимо вытекает из ее аналитического метода; [921] с которого должны начинать критика и понимание. Она интересуется не тем, чтобы генетически вывести различные формы, а тем, чтобы свести их посредством анализа к их единству, так как она исходит из них как из данных ей предпосылок. Но анализ является необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах. Наконец, недостатком и ошибкой классической политической экономии является то, что она *основную форму капитала*, производство, направленное на присвоение чужого труда, трактует не как *историческую* форму, а как *естественную форму* общественного производства, — трактовка, для устранения которой она, однако, сама прокладывает путь своим анализом.

Совершенно иначе обстоит дело с *вульгарной политической экономией*, которая начинает особенно важничать как раз с того времени, когда политическая экономия сама разрушила, расшатала своим анализом свои собственные предпосылки, когда, следовательно, уже существует также и антитеза политической экономии в более или менее экономической, утопической, критической и революционной форме. Ведь развитие политической экономии и порожденной ею самою антитезы идет нога в ногу с *реальным* развитием присущих капиталистическому производству общественных противоречий и классовых битв. Только после того как политическая экономия достигла известной степени развития и отлилась в устойчивые формы, — т. е. после А. Смита, — от нее отделяется, как особый вид политической экономии, тот элемент в ней, который есть всего лишь воспроизведение внешнего явления в качестве представления о нем, — отделяется ее вульгарный элемент. Так, у Сэя мы имеем выделение тех вульгарных представлений, которые там

и сям встречаются у А. Смита, отложившееся в виде своеобразной кристаллизации, существующей наряду с А. Смитом. С появлением Рикардо и с дальнейшим развитием благодаря ему политической экономии получает новую пищу также и вульгарный экономист (ведь сам он ничего не производит), и чем больше политическая экономия достигает своего завершения, чем больше, следовательно, она идет вглубь и развивается как система антагонизма, тем самостоятельнее противостоит ей ее собственный вульгарный элемент, обогащенный тем материалом, который этот вульгарный элемент препарирует на свой лад; пока, наконец, этот вульгарный элемент не находит своего наилучшего выражения в виде учено-синкретической и беспринципно-эклектической компиляции.

По мере того как политическая экономия идет вглубь, она не только сама изображает противоречия и противоположности, но против нее выступает ее собственная противоположность — одновременно с развитием реальных противоречий в экономической жизни общества. Соответственно этому вульгарная политическая экономия сознательно становится все более *апологетической* и всячески старается отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых выражены противоречия. Поэтому Сэй, который у Смита находит противоречия еще в относительно неразвитом виде, представляется еще критиком и образцом беспристрастия по сравнению, например, с *Бастиа*, этим проповедником гармонии и апологетом по профессии, перед которым противоречие уже действительно предстало, с одной стороны, разработанным внутри самой политической экономии у Рикардо, а с другой стороны, разрабатывающим себя в социализме и в повседневной классовой борьбе того времени. К этому присоединяется еще и то, что вульгарная политическая экономия на более ранних ступенях своего развития находит материал еще не вполне обработанным и потому сама еще более или менее участвует в разрешении экономических проблем с точки зрения политической экономии, как это мы видим, например, у Сэя, тогда как какому-нибудь Бастиа остается лишь заниматься плагиатом и стараться устранить своими рассуждениями *неприятную* сторону классической политической экономии.

Но Бастиа не представляет еще последней ступени. Он еще отличается недостатком учености и совершенно поверхностным знакомством с той наукой, которую он приукрашивает в интересах господствующего класса. У него апологетика еще отличается страстностью и составляет то, что собственно является его работой, так как содержание политической экономии он берет у других в том виде, в каком оно ему наиболее подходит.

Самой последней формой является *профессорская форма*, которая берется за дело «исторически» и с мудрой умеренностью отыскивает везде «наилучшее», причем для нее не важно, если в результате получаются противоречия, а важна только полнота отобранного. Это — выхолащивание [922] всех систем, у которых повсюду обламывают их острые углы и которые мирно уживаются друг с другом в общей тетради для выписок. Пыл апологетики умеряется здесь ученостью, которая благосклонно взирает сверху вниз на преувеличения экономических мыслителей и лишь в качестве курьезов включает их в свою убогую размазню. Так как подобного рода труды появляются лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже завершила свой путь, то они являются вместе с тем *могилой* этой науки. (Что они, дескать, точно таким же образом возвышаются и над фантазиями социалистов, об этом нечего и говорить.) Даже действительно глубокие мысли Смита, Рикардо и других — не только их собственный вульгарный элемент — оказываются здесь чем-то скудоумным и превращаются в вульгарности. Мастером такого рода является господин профессор *Рошер*, который скромно объявил себя Фукидидом политической экономии¹⁵⁶. Его отождествление себя с Фукидидом, возможно, покоится на том представлении, которое он имеет о Фукидиде, а именно — что Фукидид всегда будто бы смешивал причину и следствие.

Правда, в форме *капитала, приносящего проценты*, весьма ощутительно выступает то, что капитал присваивает плоды чужого труда без приложения какого бы то ни было собственного труда: ведь капитал выступает здесь в такой форме, в которой он отделен от процесса производства как процесса. Но в этой форме капитал только потому и поступает указанным образом, что он действительно входит в процесс труда сам собою, без приложения какого бы то ни было труда, — как такой элемент, который сам по себе создает *стоимость*, является источником стоимости. Если капитал, приносящий проценты, присваивает часть стоимости продукта без приложения труда, то он и создал эту часть стоимости без приложения какого бы то ни было труда со своей стороны, создал ее из самого себя, *ex proprio sinu* *.

В то время как классическим и потому критическим политико-экономам форма отчуждения причиняет затруднения и они пытаются путем анализа совлечь ее, вульгарная политическая экономия, напротив, как раз в той *отчужденности*, в которой

* — из собственных недр. *Ред.*

противостоят друг другу различные доли стоимости продукта, чувствует себя впервые вполне у себя дома: подобно тому как схоластик чувствует себя в своей стихии, имея дело с формулой «бог-отец, бог-сын и бог — дух святой», так вульгарный экономист относится к формуле «земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата». Ведь это есть та форма, в которой на поверхности явлений эти вещи кажутся непосредственно связанными друг с другом, а потому и та форма, в которой они живут в представлениях и в сознании агентов капиталистического производства, находящихся в плену у этого способа производства. Вульгарная политическая экономия считает себя тем более простой, *естественной* и общепользуемой, тем более далекой от всяких теоретических хитросплетений, чем более она на самом деле занята только тем, что переводит обыденные представления на доктринерский язык. Поэтому, чем в более отчужденном виде она воспринимает формы капиталистического производства, тем ближе она к стихии обыденных представлений, т. е. тем более она плавает в своей собственной природной стихии.

Кроме того, это оказывает очень большие услуги апологетике. Ибо, например, в формуле «земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата» различные формы прибавочной стоимости и различные персонажи [Gestalten] капиталистического производства противостоят друг другу не отчужденно, а как посторонние и индифферентные друг для друга, как всего лишь различные, *без антагонизма*. Различные доходы происходят из совершенно различных источников, один — из земли, другой — из капитала, третий — из труда. Следовательно, они не находятся друг с другом во враждебной связи, ибо вообще не находятся ни в какой внутренней связи. Если тем не менее они в производстве действуют вместе, то это есть гармоническое действие, выражение гармонии; так, например, крестьянин, быки, плуг, земля, несмотря на все их различие, *гармонически* работают вместе в земледелии, в действительном процессе труда. Если между ними имеет место антагонизм, то он создается лишь конкуренцией из-за того, кто из агентов производства должен присвоить себе больше из продукта, из той стоимости, которую они создали сообща. И если иной раз при этом дело доходит до драки, то все же в конце концов в виде конечного результата этой конкуренции между землей, капиталом и трудом получается так, что в ходе своих [923] споров о дележе они настолько увеличили благодаря своему соперничеству стоимость продукта, что каждому достается более крупный кусок, так что сама их конкуренция

оказывается лишь подстегивающим всех агентов производства выражением их гармонии.

Например, г-н Арнд заявляет, критикуя *Ray*:

«Автор поддался влиянию некоторых из своих предшественников и вводит наряду с тремя элементами национального богатства (заработной платой, рентой с капитала и земельной рентой) четвертый элемент в виде предпринимательского дохода; тем самым разрушается вся основа всякого дальнейшего развития *нашей науки*» (!), «воздвигнутая А. Смитом с такой большой осмотрительностью, вследствие чего в произведении нашего автора нечего и думать о таком развитии» (*Karl Arnd. Die naturgemässe Volkswirtschaft, gegenüber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Rückblicke auf die einschlagende Literatur. Hanau, 1845, стр. 477*).

Под «рентой с капитала» г-н Арнд подразумевает *процент* (там же, стр. 123). Ну а если кто-нибудь не поверит тому, что А. Смит сводит национальное богатство к *проценту с капитала*, земельной ренте и заработной плате? (Ведь Смит как раз наоборот ясно указывает на *прибыль* как на результат капиталистического использования капитала и неоднократно определенно отмечает, что *процент* — в той мере, в какой он вообще представляет прибавочную стоимость — всегда есть лишь *производная* от прибыли форма.) В таком случае вульгарный экономист, читая упоминаемые им источники, вычитывает из них нечто прямо противоположное тому, что в них содержится. Там, где Смит пишет «прибыль», Арнд читает «процент». Что же он подразумевает под «процентом» А. Смита?

Этот же «осмотрительный развиватель *нашей науки*» делает следующее интересное открытие:

«В ходе естественного созидания материальных благ имеется только одно явление, которое — во вполне цивилизованных странах — до известной степени как бы призвано регулировать ставку процента: это — то отношение, в котором древесные массы европейских лесов увеличиваются вследствие ежегодного прироста. Прирост этот происходит, совершенно *независимо от их меновой стоимости*» (комично говорить о деревьях, что они регулируют свой прирост «независимо от меновой стоимости»!), «в пропорции от 3 до 4 на сотню. *Поэтому*» (т. е. потому, что, сколько бы меновая стоимость деревьев ни зависела от их прироста, прирост этот происходит «независимо от их меновой стоимости»!) «нельзя ожидать падения ниже того уровня, на котором она» (ставка процента) «находится ныне в самых богатых деньгами странах» (цит. соч., стр. 124—125).

Это заслуживает названия: «ставка процента, вырастающая в лесу», а ее изобретатель в цитированном сочинении обратил на себя внимание в области «нашей науки» также и как философ «собачьего налога»¹⁵⁷.

* * *

{Прибыль (в том числе и промышленная прибыль) пропорциональна величине авансированного капитала; наоборот,

та «заработная плата», которую получает промышленный капиталист, находится в обратном отношении к величине капитала: она значительна при небольших капиталах (ибо здесь капиталист есть нечто среднее между эксплуататором чужого труда и работником, живущим своим трудом), ничтожно мала при большом капитале или совершенно отделена от прибыли, как в том случае, когда имеется управляющий. Часть труда по управлению вызывается лишь враждебной противоположностью между капиталом и трудом, антагонистическим характером капиталистического производства, относится к его *faux frais de production* *, совершенно так же как $\frac{9}{10}$ «труда», вызываемого процессом обращения. Дирижер-капельмейстер отнюдь не обязательно должен быть собственником инструментов оркестра, и в его функции как дирижера не входит спекуляция на издержках по содержанию членов оркестра, вообще он не имеет никакого отношения к их «заработной плате». Весьма странно, что такие экономисты, как Джон Стюарт Милль, которые придерживаются формы «процент», «промышленная прибыль», чтобы превратить «промышленную прибыль» в заработную плату за надзор за трудом, — признают вместе со Смитом, Рикардо и всеми достойными упоминания экономистами, что средняя ставка процента, средняя норма процента определяется средней нормой прибыли, которая, по Миллю, находится в обратном отношении к норме заработной платы и, следовательно, есть не что иное, как неоплаченный труд, прибавочный труд.

Что плата за надзор вообще совершенно не входит в среднюю норму прибыли, лучше всего доказывают два факта:

[924] 1) тот факт, что на кооперативных фабриках **, где управляющий оплачивается, как на всякой другой фабрике, и выполняет весь труд по управлению и где надзиратели сами являются всего лишь работниками, — норма прибыли стоит не ниже, а выше средней нормы прибыли;

2) если в некоторых особых, немонополизированных отраслях занятий, например у мелкого лавочника, фермера и т. д., прибыли постоянно стоят много выше средней нормы прибыли, то экономисты справедливо объясняют это тем, что эти люди уплачивают себе свою собственную заработную плату. Если такой человек работает один, его прибыль состоит 1) из процентов на его небольшой капитал, 2) из его заработной платы,

* — побочные издержки, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми. *Ред.*

** Ср. настоящее издание, часть III, стр. 368 и 522. *Ред.*

3) из той части прибавочного времени, в течение которого обладание капиталом дает ему возможность работать не на других, а на самого себя, — той части, которая не выражена уже в проценте. А если он держит рабочих, то сюда входит и их прибавочное время.

Почтенный Сениор (Нассау), конечно, тоже превращает *промышленную прибыль* в заработную плату за надзор. Но он забывает об этих увертках, как только разговор заходит не о доктринерских фразах, а о практической борьбе между рабочими и фабрикантами. Тогда он выступает, например, против ограничения рабочего времени, так как, например, при $11\frac{1}{2}$ часах в день рабочие, по его словам, работали бы на капиталиста только один час и продукт только этого часа составлял бы прибыль капиталиста (не считая *процента*, для возмещения которого они, согласно расчету Сениора, работают также один час). Таким образом, здесь промышленная прибыль вдруг становится равной не той стоимости, которую труд капиталиста присоединяет к товару в процессе производства, а той стоимости, которую присоединяет к нему неоплаченное рабочее время рабочих. Если бы промышленная прибыль была продуктом собственного труда капиталиста, Сениору надо было бы плакаться не по поводу того, что рабочие даром работают только один час, а не два, и тем более ему нельзя было бы говорить, что если бы они вместо $11\frac{1}{2}$ часов работали лишь $10\frac{1}{2}$, то *совсем не было бы прибыли*; он должен был бы сказать, что если рабочие вместо $11\frac{1}{2}$ часов работают лишь $10\frac{1}{2}$, то капиталист получает плату за надзор не за $11\frac{1}{2}$ часов, а только за $10\frac{1}{2}$ и, следовательно, теряет плату за надзор за один час, на что рабочие могли бы ответить ему, что если им хватает обычной заработной платы за $10\frac{1}{2}$ часов, то капиталисту должно хватать *более высокой заработной платы* за $10\frac{1}{2}$ часов.

Непонятно, каким образом такие экономисты, как Джон Стюарт Милль, которые являются рикардianцами и которые то положение, что прибыль просто равна прибавочной стоимости, прибавочному труду, высказывают даже в такой форме, что норма прибыли и заработная плата находятся в обратном отношении друг к другу и что норма заработной платы определяет норму прибыли (что в этой форме неверно), каким образом эти экономисты внезапно превращают промышленную прибыль не в прибавочный труд рабочих, а в собственный труд капиталиста, — разве только они функцию эксплуатации чужого труда называют трудом, так что тогда на самом деле выходит, что плата за этот труд в точности равна количеству присвоенного чужого труда, или непосредственно зависит от степени

эксплуатации, а не от степени того напряжения, которого стоит капиталисту эта эксплуатация. (В той мере, в какой при капиталистическом производстве эта функция эксплуатации труда требует действительного труда, она выражается в заработной плате управляющего.) Повторяю, непонятно, каким образом эти экономисты, после того как они (как рикардианцы) свели прибыль к ее действительному элементу, потом дают ввести себя в заблуждение противопоставлением процента и промышленной прибыли, которая есть лишь *переряженная форма* прибыли и трактовка которой в качестве какой-то самостоятельной формы основана на незнании сущности прибыли. Ведь одна часть прибыли потому только и выступает как *промышленная* прибыль, как возникшая из деятельности в процессе (из собственно деятельного процесса, что включает, однако, вместе с тем и деятельность функционирующего капиталиста) и *вследствие этого* как часть, полагающаяся за труд капиталиста, — что другая часть, *процент*, выступает как полагающаяся капиталу как вещи, самостоятельной, самостоятельно созидающей вещи, независимо от процесса. Следовательно — по той причине, что капитал и вытекающая из него прибавочная стоимость, под именем процента, объявляются чем-то *мистическим*. Эта концепция, вытекающая из одних только представлений и показывающая наиболее внешний облик капитала, как он выглядит на поверхности, является прямой противоположностью концепции Рикардо и совершенно противоречит его пониманию стоимости. Поскольку капитал является стоимостью, его стоимость определена содержащимся в нем трудом еще до того, как капитал этот входит в процесс. Поскольку он входит в процесс как вещь, он в него входит как потребительная стоимость, а в качестве потребительной стоимости, какова бы ни была его полезность, он никогда не может создавать меновую стоимость. Мы видим из этого, как великолепно рикардианцы понимают своего собственного учителя. По отношению к денежному капиталисту промышленник, конечно, совершенно прав в том, что он, являясь функционирующим капиталистом и, следовательно, действительно выжимая прибавочный труд, кладет себе в карман часть этого прибавочного труда. По отношению к денежному капиталисту он является работником, но *работником в качестве капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда*. [925] По отношению же к рабочим *комичен* тот довод, что эксплуатация их труда стоит капиталисту труда и что рабочие поэтому должны еще платить ему за эту эксплуатацию. Это довод надсмотрщика над рабами, обращенный к рабу.}

* * *

Всякая предпосылка общественного процесса производства есть вместе с тем и его результат, а всякий его результат выступает вместе с тем и как предпосылка. Поэтому все те *производственные отношения*, в которых движется процесс производства, суть в одинаковой мере и его продукты, и его условия. Чем больше мы рассматриваем этот процесс в его действительном внешнем проявлении, тем больше его облик закрепляется в форме условий, так что эти условия кажутся чем-то определяющим его независимо от него самого, а собственные отношения участников процесса представляются участникам процесса как вещные условия, как вещные силы, как определенности вещей, тем более, что в капиталистическом процессе всякий, даже наиболее простой элемент, например товар, уже есть некоторое извращение и уже заставляет отношения между лицами выступать как свойства вещей и как отношения лиц к социальным свойствам этих вещей.

{«Процент — это вознаграждение за производительное применение сбережений; прибыль в собственном смысле этого слова является вознаграждением за *деятельность по надзору во время этого производительного применения*» («Westminster Review»¹⁸⁸, январь 1826 г., стр. 107—108).

Здесь, следовательно, процент есть вознаграждение за то, что деньги и т. д. применяются как капитал; он проистекает, стало быть, из капитала как такового, который вознаграждается за свое качество капитала. А промышленная прибыль есть вознаграждение за функцию капитала или капиталиста «во время этого производительного применения», т. е. в самом процессе производства.} [925]

[925] *Процент* есть только часть прибыли, уплачиваемая собственнику капитала промышленным, функционирующим капиталистом. Так как этот последний может присваивать прибавочный труд только благодаря капиталу (деньги, товар) и т. д., то он выплачивает часть тому, кто ему доставляет это средство. И если собственник капитала желает пользоваться своими деньгами как капиталом, не заставляя их функционировать как капитал, то он может делать это только при том условии, что он удовольствуется частью прибыли. Они фактически партнеры: один юридический, другой экономический собственник капитала, пока он его применяет. Но так как прибыль проистекает только из процесса производства, есть только его результат и только еще должна быть произведена, то *процент* есть на деле всего лишь притязание на часть только еще подлежащего выполнению прибавочного труда, титул на буду-

щий труд, притязание на часть стоимости еще не существующих товаров, следовательно — только еще результат процесса производства, происходящего в течение того отрезка времени, к концу которого только и подлежит уплате этот процент.

[926] Капитал покупается (т. е. берется взаймы под проценты) до того, как он оплачивается. Деньги функционируют здесь в качестве средства платежа, как при покупке рабочей силы и т. д. Поэтому цена капитала — процент — точно так же входит в авансы промышленника (в аванс самому себе, если он работает при помощи собственного капитала), как цена хлопка, который, например, также покупается сегодня и подлежит оплате, скажем, только через шесть недель. Колебания в процентной ставке — рыночной цене денег — так же не меняют здесь дела, как колебания в рыночных ценах других товаров. Наоборот, рыночная цена денег — таково название приносящего проценты капитала как денежного капитала — определяется на денежном рынке, подобно рыночной цене всякого другого товара, конкуренцией покупателей и продавцов, спросом и предложением. Эта борьба между денежными и промышленными капиталистами есть только борьба за распределение прибыли, за ту долю, которая должна достаться каждой из обеих сторон при дележе. Само отношение (спрос и предложение), как и каждый из его двух полюсов, в свою очередь есть результат процесса производства, или, выражаясь обыденным языком, [определяется] состоянием дел в каждый данный момент, тем положением, в котором в каждый данный момент находятся процесс воспроизводства и его элементы. Но по форме и по внешнему проявлению эта борьба определяет *цену* капитала (процент) еще до того, как капитал входит в воспроизводство. И притом это определение имеет место вне собственно процесса производства и регулируется не зависящими от этого процесса обстоятельствами, — более того, это определение цены выступает как одно из тех условий, в рамках которых должен происходить процесс производства. Поэтому кажется, что эта борьба не только фиксирует титул собственности на определенную часть будущей прибыли, но что она заставляет самую эту часть — не выходить в качестве результата из процесса производства, а, наоборот, входить в него в качестве предпосылки, в качестве цены капитала, совершенно так же как цена товара или заработная плата входит в него как предпосылка, хотя она на самом деле постоянно — в процессе воспроизводства — из него выходит. Всякий элемент товарной цены, выступающий как аванс и входящий как уже имеющаяся налицо цена товара в цену производства [Produktionspreis],

перестает представляться промышленному капиталисту как прибавочная стоимость, *surplus value*. Поэтому та часть прибыли, которая входит в процесс как цена капитала, причисляется к авансируемым издержкам, не выступает больше как прибавочная стоимость и превращается из *продукта* процесса в одну из заранее данных предпосылок его, в *условие производства*, которое как таковое входит в процесс в самостоятельной форме и определяет его результат.

(Если, например, процентная ставка падает, а рыночные условия требуют понижения цен товаров ниже их цен издержек, то промышленник может понизить цену товаров, не понижая нормы промышленной прибыли; он даже может понизить цену своего товара и получить более высокую промышленную прибыль, что, правда, представилось бы тому, кто работает только при помощи собственного капитала, как падение нормы прибыли, валовой прибыли. Все то, что представляется как *заранее данное условие производства*, — а именно, цена товаров, заработной платы, капитала, т. е. рыночные цены этих элементов, — оказывает определяющее обратное воздействие на существующую в каждый данный момент *рыночную цену* товара, а действительная *цена издержек* отдельного товара прокладывает себе путь только среди колебаний рыночных цен, есть только самовыравнивание этих рыночных цен, совершенно так же как *стоимости* товаров прокладывают себе путь только в выравнивании цен издержек всех разнородных товаров. Поэтому тот порочный круг, в котором вращается носитель вульгарных взглядов, будь он теоретик капиталистического сознания или практический капиталист, и который гласит: цены товаров определяют заработную плату, процент, прибыль и ренту, и наоборот, цены труда, процента, прибыли и ренты определяют цены товаров, — есть только *выражение того кругового движения*, в котором всеобщие законы противоречиво реализуются в действительном движении и на поверхности явлений.)

Итак, часть прибавочной стоимости, *процент*, выступает как *рыночная цена* капитала, входящего в процесс, и потому она выступает не как прибавочная стоимость, а как условие производства. Таким образом, то обстоятельство, что прибавочную стоимость делят между собой две категории капиталистов — стоящие вне процесса и участвующие в нем, — представляется так, что часть прибавочной стоимости причитается капиталу вне процесса, а другая — капиталу в процессе. Предварительное установление деления представляется как независимость одной части от другой; как независимость одной части от са-

мого процесса; наконец, как имманентное свойство некоей вещи, денег, товара, но — этих вещей как капитала, что опять-таки выступает не как выражение некоего отношения, а так, что эти деньги, этот товар *технологически* предназначены для процесса труда; в силу этого предназначения они и становятся капиталом; имея такое предназначение, они суть простые элементы самого процесса труда, [927] которые, следовательно, просто как такие элементы процесса труда оказываются капиталом.

Нет ничего мистического в том, что стоимость товара разлагается отчасти на стоимость содержащихся в нем товаров, отчасти на стоимость труда, т. е. на оплаченный труд, отчасти на неоплаченный, но тем не менее могущий быть проданным труд и что та часть стоимости товара, которая состоит из неоплаченного труда, т. е. содержащаяся в товаре прибавочная стоимость, в свою очередь разлагается на процент, промышленную прибыль и ренту, т. е. что непосредственный присваиватель и «производитель» этой совокупной прибавочной стоимости вынужден отдавать части ее — одну собственнику земли, другую собственнику капитала, — так что та третья часть совокупной прибавочной стоимости, которую он оставляет для себя, остается у него под названием промышленной прибыли, отличающим ее от процента и ренты, а также от самой прибавочной стоимости и самой прибыли. Разложение прибавочной стоимости, т. е. определенной части стоимости товаров, на эти особые рубрики, или категории, весьма понятно и никоим образом не противоречит закону самой стоимости. Но все это мистифицируется вследствие той самостоятельной формы, которую приобретают эти различные части прибавочной стоимости, вследствие того, что они притекают к различным лицам, вследствие различия тех элементов, на которых основан титул на них, наконец, вследствие той самостоятельности, с какой эти различные части прибавочной стоимости противостоят процессу как его условия. Из таких частей, на которые стоимость может быть разложена, они превращаются в самостоятельные элементы, которые ее конституируют, в конституирующие элементы. Таковыми они являются для рыночной цены. Они действительно становятся конституирующими элементами последней. Каким образом эта кажущаяся независимость их как условий процесса со своей стороны регулируется внутренним законом, так что они только *кажутся* чем-то независимым, — это ни в один из моментов процесса производства не выступает на поверхности явлений и не действует как определяющий, сознательный мотив. Как раз наоборот. Эта видимость, в силу

которой результат процесса кажется самостоятельным условием его, приобретает наибольшую прочность тогда, когда в цену товара входят — в качестве цен условий производства — *части прибавочной стоимости*.

А ведь именно так обстоит дело с процентом и с рентой. Они принадлежат к авансам промышленного капиталиста и фермера. Они здесь выступают уже не как выражение неоплаченного прибавочного труда, а как выражение оплаченного прибавочного труда, т. е. такого прибавочного труда, за который в процессе производства уплачен эквивалент, правда, не рабочему, прибавочным трудом которого он является, а другим лицам — собственникам капитала и земли. Процент и рента суть прибавочный труд в их отношении к рабочему, но они — эквиваленты в их отношении к [денежному] капиталисту и собственнику земли, которым они должны быть уплачены. Поэтому они выступают не как прибавочная стоимость и тем более не как прибавочный труд, а как *цены* товара «капитал» и товара «земля», ибо они уплачиваются [денежному] капиталисту и собственнику земли только как товаровладельцам, только как владельцам и продавцам этих товаров. Поэтому та часть стоимости товара, которая сводится к проценту, выступает как *воспроизводство цены*, уплаченной за капитал, а та часть, которая сводится к ренте, — как *воспроизводство* цены, уплаченной за землю. Эти цены образуют, следовательно, *конституирующие* части совокупной цены товара. Это не только так *кажется* промышленному капиталисту: для него процент и рента действительно конституируют часть его авансов, и если они, с одной стороны, определяются *рыночной ценой* его товара, — рыночной ценой, в которой социальный процесс или его результат выступает как присущая товару определенность, а колебания этого процесса, его движение — как присущее товарной цене колебание, — то, с другой стороны, *рыночная цена* определяется ими, совершенно так же как рыночная цена хлопка определяет рыночную цену пряжи, а, с другой стороны, рыночная цена пряжи определяет спрос на хлопок и, следовательно, рыночную цену хлопка.

В результате того, что части прибавочной стоимости, процент и рента, входят в процесс производства как *цены* товаров — товара «земля» и товара «капитал», — они существуют в такой форме, которая не только скрывает их действительное происхождение, но и прямо отрицает его.

То обстоятельство, что прибавочный труд, *неоплаченный* труд, так же существенно входит в капиталистический процесс производства, как и *оплаченный* труд, выступает здесь так, что

отличные от труда элементы производства — земля и капитал — должны быть оплачены, или что в цену товара входят *издержки*, отличные от цены авансированных товаров и заработной платы. Части прибавочной стоимости — процент и рента — выступают здесь как издержки, авансы эксплуатирующего капиталиста.

Средняя прибыль входит определяющим образом в цены производства товаров, и, следовательно, уже здесь прибавочная стоимость выступает не как результат, а как условие; не как одна из тех частей, на которые стоимость товара разлагается, а как конституирующая часть его *цены*. Но *средняя прибыль*, как и сама *цена производства*, является определяющей скорее идеально и выступает вместе с тем как *избыток* над авансами [928] и как цена, отличная от издержек производства в собственном смысле. Получается ли средняя прибыль или не получается, получается ли прибыли больше, чем средняя, или меньше, чем средняя, *при существующей рыночной цене*, т. е. при непосредственном результате процесса, — этим определяется воспроизводство, или, вернее, масштаб воспроизводства; определяется то, в каком количестве наличные капиталы притекают в ту или иную сферу производства или, наоборот, изымаются из нее, а также то, в каких пропорциях вновь накопленные капиталы устремляются в те или иные сферы, и, наконец, то, в какой степени те или иные сферы выступают на денежном рынке в качестве покупателей. Напротив, в *проценте* и *ренте* части прибавочной стоимости выступают отдельно в совершенно фиксированной форме как предпосылка отдельной цены производства и антиципированы в форме авансов.

* * *

{*Издержками* [*Kosten*] можно называть то, что является *авансом*, т. е. то, что уплачено капиталистом. Согласно этому словупотреблению, прибыль выступает как избыток над этими издержками. Это относится к отдельным ценам производства. А цены, определяемые авансами, можно тогда называть *Kostenpreise* ¹⁵⁹.

Издержками производства [*Produktionskosten*] можно называть цены, определяемые средней прибылью, т. е. ценой авансированного капитала плюс средняя прибыль, так как эта прибыль есть условие воспроизводства, условие, регулирующее предложение товаров и распределение капиталов по различным сферам. Эти цены суть *цены производства* [*Produktionspreise*].

Наконец, действительное количество труда (овеществленного и непосредственного), которого стоит производство товара, есть его *стоимость*. Она образует реальные издержки производства для самого товара. Та цена, которая ей соответствует, есть только стоимость, выраженная в деньгах.

Под термином «издержки производства» [*«Produktionskosten»*] попеременно понимается то первое, то второе, то третье.)

* * *

Если бы не воспроизводилось прибавочной стоимости, то, конечно, вместе с прибавочной стоимостью исчезла бы и та часть ее, которая называется процентом, и та часть, которая называется рентой, и исчезла бы также вместе с тем *антиципация* этой прибавочной стоимости, или то, что она входит в качестве *цен* товаров в издержки производства. Наличная стоимость, входящая в производство, тогда вообще не выходила бы из него как *капитал*, а потому и не могла бы как *капитал* входить в процесс воспроизводства или отдаваться в ссуду как *капитал*. Следовательно, именно постоянное воспроизводство одних и тех же отношений, — отношений, обуславливающих капиталистическое производство, — ведет к тому, что они выступают не только как общественные формы и результаты этого процесса, но вместе с тем и как постоянные *предпосылки* его. Но таковыми они являются только как такие предпосылки, которые он сам постоянно *полагает*, создает, *производит*. Это воспроизводство, следовательно, отнюдь не является сознательным и выступает, напротив, только в постоянном существовании этих отношений как *предпосылок* и господствующих над процессом производства *условий*. Так, например, из тех частей, на которые стоимость товара может быть разложена, получают ее *конституирующие* части, противостоящие одна другой как самостоятельные по отношению друг к другу, а потому и как самостоятельные по отношению к своему *единству*, которое, наоборот, выступает как их *комбинация*. Буржуа видит, что продукт постоянно становится условием производства. Но он не видит того, что сами отношения производства, те общественные формы, в которых он производит и которые кажутся ему заранее данными, естественными отношениями, суть постоянный продукт — и только вследствие этого постоянная предпосылка — этого специфического общественного способа производства. Различные отношения и моменты не только обособляются в нечто самостоятельное, получая причудливый способ существования, при котором они кажутся не зависящими друг

от друга, но они представляются как непосредственные свойства вещей, принимают вещный облик.

Таким образом, агенты капиталистического производства живут в каком-то заколдованном мире, и их собственные отношения представляются им как свойства вещей, вещественных элементов производства. Но именно в самых последних, наиболее опосредствованных формах, формах, в которых вместе с тем опосредствование не только сделалось невидимым, но даже превратилось в свою прямую противоположность, различные образы капитала выступают как действительные факторы и непосредственные носители производства. Приносящий проценты капитал персонифицируется в денежном капиталисте, промышленный капитал — в промышленном капиталисте, приносящий ренту капитал — в лендлорде как собственнике земли, наконец, труд — в наемном рабочем. Как такие фиксированные образы, персонифицированные в самостоятельных личностях, которые вместе с тем выступают как всего лишь представители персонифицированных вещей, они вступают в конкуренцию и в действительный процесс производства. Конкуренция предполагает это превращение внутренних связей в нечто внешнее. Указанные фиксированные образы капитала суть такие формы, которые наличествуют для конкуренции как нечто данное от природы в естественноисторическом смысле, и в своем проявлении на поверхности [929] сама конкуренция есть только движение этого извращенного мира. В той мере, в какой в этом движении пробивается внутренняя связь, она выступает как некий мистический закон. Лучшим доказательством этого служит сама политическая экономия, наука, занимающаяся открыванием вновь той связи, которая стала скрытой. В конкуренции все выступает в этой наиболее внешней, самой последней форме. Так, например, рыночная цена выступает здесь как нечто господствующее, процентная ставка, рента, заработная плата, промышленная прибыль — как конституирующие элементы стоимости, а цена земли и цена капитала — как заранее данные статьи издержек, без учета которых нельзя вести хозяйство.

Мы видели, как А. Смит сперва разлагает стоимость на заработную плату, прибыль (процент) и ренту, а потом, наоборот, изображает их как самостоятельные конституирующие элементы товарных цен *. В первой концепции у него указана скрытая связь, во второй — ее внешнее проявление.

* См. настоящее издание, часть I, стр. 69—73. *Ред.*

Если еще больше держаться поверхности явлений, то, кроме средней нормы прибыли, можно процент и даже ренту изобразить как конституирующие части товарных цен (а именно, *рыночных цен*). Процент можно изобразить такой конституирующей частью непосредственно, так как он входит в цену издержек. Рента — как цена земли, — хотя она и не может непосредственно определять цену продукта, определяет тот или иной способ производства: концентрируется ли много капитала на небольшом участке земли или небольшой капитал распределяется на обширный участок; производится ли тот или иной род продукта — скот или хлеб, — рыночная цена которого лучше всего покрывает цену ренты, ибо рента должна быть уплачена до истечения того срока, на который заключен арендный договор. Следовательно, чтобы рента не составляла вычета из промышленной прибыли, пастбище превращается в пашню, пашня — в пастбище и т. д. Таким образом, рента не определяет рыночную цену отдельного продукта непосредственно, но делает это косвенным путем, устанавливая такое соотношение между отдельными видами продуктов, чтобы спрос и предложение обеспечивали наилучшую цену для каждого из них, так чтобы она могла оплачивать ренту. И если в этом смысле рента не определяет непосредственно рыночную цену, например, хлеба, то она непосредственно определяет рыночную цену скота и т. д., короче говоря — продуктов тех сфер, где рента не определяется рыночной ценой собственного продукта, а рыночная цена продукта определяется нормой ренты, приносимой землей, засеваемой зерновым хлебом. Так, например, мясо в промышленно развитых странах всегда оплачивается очень дорого, т. е. значительно выше не только своей цены производства, но и своей стоимости. Ибо его цена должна оплачивать не только его издержки производства, но и ту ренту, которую приносила бы земля, если бы на ней возделывался хлеб. В противном случае мясо при крупном скотоводстве, где органическое строение капитала гораздо ближе [к строению капитала в промышленности] или даже отличается еще большим преобладанием постоянного капитала над переменным, могло бы оплачивать лишь очень незначительную *абсолютную ренту* или совсем не давало бы *абсолютной ренты*. Но та рента, которую оплачивает мясо и которая входит непосредственно в его цену, определяется суммой абсолютной и дифференциальной ренты, которую давала бы та же земля при использовании ее для хлебопашества. Этой дифференциальной ренты здесь тоже большей частью не существует. Лучшим доказательством этого служит то, что мясо приносит ренту на такой земле, на которой хлеб не дает ренты.

Итак, если *прибыль* входит определяющим образом в цену производства, то можно сказать, что заработная плата, процент и, до известной степени, рента входят определяющим образом в рыночную цену и, конечно, определяющим образом в цену производства. Разумеется, так как в целом движение процента определяется прибылью, так как хлебная рента определяется отчасти нормой прибыли, отчасти стоимостью земледельческого продукта и выравниванием различных стоимостей продуктов различных земель в рыночную стоимость, а норма прибыли — отчасти заработной платой, отчасти производительностью труда в сферах производства, производящих постоянный капитал, стало быть — высотой заработной платы и производительностью труда, заработная же плата сводится к эквиваленту определенной части товара (т. е. заработная плата равняется содержащемуся в товаре оплаченному труду, а прибыль содержащемуся в нем неоплаченному труду) и, наконец, так как рост производительности труда может влиять на цену товаров только двумя способами — на их стоимость, уменьшая ее, и на их прибавочную стоимость, повышая ее, — то вся штука сводится в конечном счете к стоимости, определяемой рабочим временем. Цена издержек есть не что иное, как стоимость авансированных капиталов плюс произведенная ими прибавочная стоимость, распределенная между отдельными сферами соответственно той доле, которую они составляют в совокупном капитале. Так цена издержек сводится к стоимости, если рассматривать не отдельную сферу, а совокупный капитал. С другой стороны, рыночные цены каждой сферы, в результате конкуренции капиталов различных сфер, постоянно сводятся к цене издержек. Конкуренция капиталистов в каждой отдельной сфере стремится свести рыночную цену товара к его рыночной стоимости. Конкуренция капиталистов различных сфер сводит рыночные стоимости к общим для всех сфер ценам издержек.

Рикардо выступает против *смитовского* конституирования стоимости частями ее, которые определяются ею самой. Но он здесь непоследователен. В противном случае он не мог бы спорить со *Смитом* относительно того, входят ли в цену, т. е. входят ли в нее *конституирующим образом*, прибыль, заработная плата и рента, или же, как утверждает он, только прибыль и заработная плата. Аналитически они входят, коль скоро они уплачиваются. Ему следовало бы, напротив, сказать так: цена каждого товара может быть разложена на прибыль и заработную плату, цена некоторых товаров (и очень многих *косвенным образом*) может быть разложена на прибыль, ренту и заработную

плату; но ни у одного товара цена не конституируется ими, [930] так как стоимость товаров не *составляется путем сложения* этих компонентов как самостоятельных и действующих *de propriis fontibus* * факторов определенной величины, а, если стоимость дана, она может быть разложена на указанные части в самых различных пропорциях. Дело обстоит не так, что заранее данные факторы — прибыль, заработная плата и рента — путем их сложения или комбинации определяют величину *стоимости*, а так, что одна и та же *стоимостная величина*, заранее данная *величина стоимости* разлагается на заработную плату, прибыль и ренту и в зависимости от различных обстоятельств весьма различным образом распределяется по этим трем категориям.

Предположим, что процесс производства повторяется постоянно при неизменных условиях, т. е. что воспроизводство происходит при таких же условиях, как и производство. Это предполагает неизменную производительность труда или по крайней мере такое положение, при котором изменения производительности не меняют отношений между агентами производства, так что даже если бы стоимости товаров вследствие изменений производительной силы повысились или понизились, распределение стоимости товаров между агентами производства осталось бы прежним. В этом случае, хотя теоретически было бы неточно сказать, что различные части стоимости определяют стоимость, или цену, целого, но было бы практически правильно сказать, что они ее конституируют, поскольку под конституированием понимается образование целого посредством сложения частей. Стоимость товара по-прежнему одинаково делилась бы на стоимость [авансированного капитала] и прибавочную стоимость, [вновь созданная] стоимость одинаково разлагалась бы на заработную плату и прибыль, а прибыль одинаково распадалась бы на процент, промышленную прибыль и ренту. Поэтому можно было бы сказать: *C*, цена товара, разлагается на заработную плату, прибыль (процент) и ренту, а, с другой стороны, заработная плата, прибыль (процент) и рента конституируют стоимость, или, вернее, цену.

Но такой равномерности, или одинаковости, воспроизводства — повторения производства при тех же условиях — в действительности не бывает. Производительность изменяется и изменяет условия производства. Условия, со своей стороны, изменяют производительность. А получающиеся в результате этого расхождения проявляются отчасти в поверхностных коле-

* — из собственных источников, Ред.

баниях, которые выравниваются в течение короткого срока, отчасти в постепенном накапливании отклонений (*divergences*), которые или ведут к кризису, к насильственному кажущемуся возвращению к прежним отношениям, или же лишь очень постепенно пробивают себе дорогу и добиваются для себя признания в качестве изменения условий производства.

В форме процента и ренты, в которых антиципируется прибавочная стоимость, предполагается, что *общий* характер воспроизводства остается неизменным. И это так и есть, пока продолжает существовать капиталистический способ производства. Во-вторых, предполагается даже, — что в большей или меньшей степени тоже имеет место, — что для определенного времени *определенные отношения* этого способа производства остаются без изменения. Таким образом, результат производства *фиксируется* как *прочное*, а *потому служащее предпосылкой условие его*, и притом как *прочное свойство вещных условий производства*. Этой видимости *самостоятельности* различных элементов, к которым всегда сводится процесс производства и которые он всегда вновь воспроизводит, кладут конец кризисы.

{Тем, чем *стоимость* является для действительного экономиста, тем для практического капиталиста является *рыночная цена* — постоянным *prius'ом* * всего движения.}

Капитал, приносящий проценты, получает специфическую для капиталистического производства и соответствующую ему форму в *кредите*. Кредит есть форма, созданная самим капиталистическим способом производства. (Подчинение [капиталистическому способу производства] *торгового капитала* фактически не требует подобного новообразования, так как товар и деньги, товарное и денежное обращение остаются элементарными предпосылками капиталистического производства и только превращаются в абсолютные предпосылки. Таким образом, торговый капитал, с одной стороны, является общей формой капитала, а, с другой стороны, поскольку он представляет капитал в определенной функции, капитал, функционирующий исключительно в процессе обращения, его определяемость производителем капиталом ничего не меняет в его форме.)

Выравнивание стоимостей в цены издержек происходит только таким путем, что отдельный капитал функционирует как часть совокупного капитала всего класса, а, с другой стороны, совокупный капитал всего класса распределяется по различным особым сферам соответственно потребностям производства. Это происходит благодаря кредиту. Благодаря

* — первичным, предшествующим, *Ред.*

кредиту не только становится возможным и облегчается это выравнивание, но одна часть капитала — в форме денежного капитала — на деле выступает как тот общий материал, при помощи которого работает весь класс. Это — одно значение кредита. Другое, это — постоянное стремление капитала сократить те метаморфозы, которые он должен проделывать в процессе обращения, предвосхитить время обращения, свое превращение в деньги и т. д. и [931] этим путем противодействовать своей собственной ограниченности. Наконец, функция *накопления*, в той мере, в какой она является не превращением [дохода] в капитал, а предложением прибавочной стоимости в форме капитала, отчасти возлагается таким образом на особый класс, отчасти все *накопления* общества становятся в этом смысле накоплением капитала и поступают в распоряжение промышленных капиталистов. Эта операция, происходящая обособленно в бесчисленных пунктах общества, концентрируется и объединяется в известных резервуарах. Этим путем деньги, лежащие праздно без дела как результат застывания товара в его метаморфозе, превращаются в капитал.

* * *

«Земля — рента», «капитал — процент» представляют собой иррациональные выражения, поскольку рента фиксируется как *цена* земли, а процент как *цена* капитала. В форме приносящего проценты капитала, приносящего ренту капитала, приносящего прибыль капитала еще можно распознать общее происхождение [всех этих различных доходов], поскольку *капитал* вообще включает присвоение прибавочного труда, так что эти различные формы выражают только то, что этот произведенный капиталом прибавочный труд распределяется у капитала вообще между двумя категориями капиталистов, а у земледельческого капитала между капиталистом и земельным собственником.

Рента как *цена* земли (годовая) и процент как *цена* капитала столь же иррациональны, как $\sqrt{-3}$. Эта последняя форма противоречит числу в его простых элементарных формах совершенно так же, как те формы противоречат капиталу в его простой форме товара и денег. Рента и процент иррациональны в противоположном друг другу смысле. «Земля — рента», рента как *цена* земли выражает землю как товар, как потребительную стоимость, имеющую стоимость, денежное выражение которой равно ее цене. Но такая потребительная стоимость, которая не является продуктом труда, не может иметь стоимости, т. е. ее нельзя считать овеществлением известного коли-

чества общественного труда, общественным выражением известного количества труда. Она не является им. Для того чтобы потребительная стоимость выступала как меновая стоимость, была товаром, она должна быть продуктом конкретного труда. Только при такой предпосылке этот конкретный труд в свою очередь может быть представлен как *общественный труд*, как стоимость. Земля и цена — несоизмеримые величины, которые тем не менее должны иметь отношение друг к другу. Здесь имеет цену вещь, не имеющая стоимости.

С другой стороны, процент как цена капитала выражает обратную иррациональность. Здесь товар, не имея *потребительной стоимости*, имеет двойную стоимость: один раз стоимость, а затем отличную от этой стоимости цену. Ибо капитал *есть* прежде всего не что иное, как *денежная сумма* или *определенное количество товара*, равное определенной денежной сумме. Если товар дается взаймы как капитал, то он есть только замаскированная форма *денежной суммы*. Ибо то, что дается взаймы *как капитал*, есть не столько-то фунтов хлопка, а столько-то *денег*, стоимость которых существует в хлопке. Поэтому и *цена* капитала относится к нему только как к бытию *денежной суммы*, т. е. такой суммы стоимости, которая представлена в деньгах и существует в форме меновой стоимости. Как может сумма стоимости иметь какую-либо цену кроме той цены, которая выражена в ее собственной денежной форме? Ведь цена есть стоимость товара в *отличие* от его потребительной стоимости. Цена как нечто отличное от его стоимости, цена как стоимость денежной суммы (ибо цена есть только выражение стоимости в деньгах) есть, следовательно, *contradictio in terminis* *.

Эту иррациональность выражения — (иррациональность самого предмета происходит оттого, что в проценте капитал выступает как предпосылка отдельно от своего собственного процесса, в котором он становится капиталом, т. е. самовозрастающей стоимостью, и что, с другой стороны, приносящий ренту капитал приносит ренту только как земледельческий капитал, только как капитал в особой сфере, т. е. приносящий ренту капитал выступает в такой форме, которая *переносится* с него на *тот элемент, который отличает его от промышленного капитала вообще*), — эту иррациональность настолько чувствует вульгарный экономист, что он фальсифицирует оба выражения, чтобы сделать их рациональными. Он утверждает, что процент уплачивается за капитал, поскольку последний есть

* — противоречие в терминах. Ред.

потребительная стоимость, и говорит поэтому о той полезности, которую имеют для воспроизводства продукты или средства производства как таковые, о той полезности, которую капитал имеет вещественно как элемент процесса труда.

Но ведь полезность капитала, его потребительная стоимость уже имеется налицо в его форме товара, и без этой полезности он не был бы товаром и не имел бы стоимости. В форме денег капитал есть выражение стоимости товаров и [932] может быть превращен в товары соответственно собственной стоимости последних. Но если я превращаю деньги в машину, в хлопок и т. д., то я превращаю их в потребительные стоимости *той же самой* стоимости. Превращение касается только *формы стоимости*. В форме денег капитал имеет ту потребительную стоимость, что он может превращаться в форму любого товара, но товара такой же стоимости. В результате этого изменения формы стоимость денег так же не изменяется, как не изменяется стоимость товара, когда он превращается в деньги. Потребительная стоимость тех товаров, в которые я могу превратить деньги, не дает деньгам сверх их стоимости никакой отличной от этой стоимости цены. Но если я заранее предполагаю указанное превращение и говорю, что цена уплачивается за потребительную стоимость товаров, то потребительная стоимость товаров вообще не оплачивается или оплачивается только в той мере, в какой оплачивается их меновая стоимость. То, как используется потребительная стоимость покупаемого товара, входит ли она в индивидуальное или в производственное потребление, абсолютно ничего не изменяет в его меновой стоимости. От этого меняется только то, кто его покупает: промышленный капиталист или непосредственный потребитель. Поэтому производительная полезность товара может объяснить то, что он вообще имеет меновую стоимость, ибо, чтобы содержащийся в товарах труд оплачивался, они должны иметь потребительную стоимость, — в противном случае они не товары, каковыми они являются только как единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Но эта потребительная стоимость отнюдь не может объяснить то, что товар как меновая стоимость или как цена имеет еще другую, отличную от этой цены цену.

Мы видим, что вульгарный экономист хочет здесь отделаться от трудности посредством попытки превратить *капитал*, т. е. деньги или товар, поскольку они имеют *специфическую, отличающуюся* от них как денег или товара определенность, в простой *товар*, т. е. что он отвлекается как раз от того специфического различия, которое подлежит объяснению. Он не хочет сказать, что в капитале содержится это средство эксплуата-

тации прибавочного труда и что именно поэтому капитал оказывается большей стоимостью, чем его стоимость. Он говорит вместо этого: капитал потому имеет больше стоимости, чем его стоимость, что он есть обыкновенный товар, как всякий другой, т. е. потому, что он имеет потребительную стоимость. Здесь капитал отождествляется с товаром, между тем как нужно объяснить именно то, каким образом товар может выступать в качестве капитала.

Относительно земли вульгарный экономист поступает наоборот, если только он, как попугай, не повторяет физиократов. Там, при трактовке процента, он превращает капитал в товар, чтобы объяснить *различие* между капиталом и товаром и превращение товара в капитал. Здесь он превращает землю в капитал, потому что капиталистическое отношение само по себе легче укладывается в его представления, чем цена земли. Ренту можно мыслить как процент с капитала. Например, если рента составляет 20, а процентная ставка равна 5, то можно сказать, что эти 20 являются процентом с 400 единиц капитала. И действительно, земля продается тогда за 400, что является просто продажей ренты на 20 лет. Эта уплата антиципированной двадцатилетней ренты является тогда ценой земли. Тем самым земля превращается в капитал. Ежегодные 20 стоимостных единиц становятся уже только 5 процентами с капитала, который за нее заплачен. И таким путем формула «земля — рента» превращается в формулу «капитал — процент», что в свою очередь претворяется фантастическим образом в плату за потребительную стоимость товаров, т. е. в отношение «потребительная стоимость — меновая стоимость».

Более способные к анализу среди вульгарных экономистов понимают, что цена земли есть не что иное, как выражение для капитализации ренты, что фактически это — покупная цена ренты на ряд лет, который определяется соответственно существующей в данное время процентной ставке. Они понимают, что эта капитализация ренты имеет ренту своей предпосылкой, что рента, следовательно, не может, наоборот, объясняться своей собственной капитализацией. Поэтому они отрицают самую ренту, объявляя ее процентом на вложенный в землю капитал, что не мешает им признавать, что и та земля, в которую не вложено никакого капитала, приносит ренту, а также что *одинаковые количества* капитала на землях различного плодородия приносят *различную* ренту, или что *неодинаковые количества* капитала на землях неодинакового плодородия приносят *одинаковую* ренту. Точно так же их тезис о ренте как о проценте на вложенный в землю капитал не мешает им признавать и то,

что вложенный в землю капитал, — если им действительно должна объясняться уплачиваемая за землю рента, — приносит, быть может, в пять раз бóльшие «проценты», т. е. в пять раз бóльшую ренту, чем тот *процент*, который приносится равновеликим капиталом, вложенным в промышленность в форме основного капитала.

Мы видим, что здесь трудность каждый раз устраняют тем, что от нее *отвлекаются* и, напротив, подлежащее объяснению *специфическое различие* подменяют каким-нибудь таким отношением, которое выражает нечто противоположное этому различию и, следовательно, во всяком случае *не* выражает того, что подлежит объяснению. [932]

**[6) БОРЬБА ВУЛЬГАРНОГО СОЦИАЛИЗМА ПРОТИВ ПРОЦЕНТА
(ПРУДОН). НЕПОНИМАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ СВЯЗИ
МЕЖДУ ПРОЦЕНТОМ И СИСТЕМОЙ НАЕМНОГО ТРУДА]**

[935] Полемика Прудона с Бастиа о проценте характерна как для того способа, каким вульгарный экономист защищает категории политической экономии, так и для того, как поверхностный социализм (полемика Прудона едва заслуживает этого названия) нападает на них. Мы вернемся к этому в разделе о вульгарных экономистах ¹⁶⁰. Здесь лишь несколько предварительных замечаний.

Возвратное движение [денег] не должно было бы шокировать Прудона как нечто специфически свойственное [капиталу, приносящему проценты], если бы он вообще понимал что-нибудь в движении капитала. Точно так же и избыток стоимости возвращающейся суммы. Это — то, что характеризует капиталистическое производство вообще.

{Но у Прудона, как мы увидим, избыток есть надбавка. Вообще в своей критике он ведет себя по-ученически, и он никогда не владел даже самыми первыми элементами той науки, которую хочет критиковать. Так, например, он никогда не понимал денег как необходимой формы товара. (См. первую часть ¹⁶¹.) Здесь он даже смешивает деньги и капитал, — на том основании, что ссужаемый капитал выступает как денежный капитал, в форме денег.}

В капитале, приносящем проценты, Прудона должно было бы поразить не наличие избытка, за который не было уплачено никакого эквивалента, ибо прибавочная стоимость, — а на ней-то и покоится капиталистическое производство, — есть стоимость, не стоившая никакого эквивалента. В этом нет

ничего характерного для капитала, приносящего проценты. Для капитала, приносящего проценты, характерен, — поскольку мы рассматриваем форму движения, — лишь первый момент, представляющий собой как раз обратное тому, что думает Прудон, а именно, характерно то, что заимодавец отдает деньги, не получая с самого начала эквивалента за них, и что, стало быть, возвращение капитала с процентами, поскольку сделка происходит между заимодавцем и заемщиком, [не имеет ничего общего с] теми метаморфозами, через которые проходит капитал и которые, поскольку они суть лишь метаморфозы экономической формы, выступают как ряд меновых актов, как превращение товара в деньги и превращение денег в товар, а поскольку они являются реальными метаморфозами, или процессом производства, совпадают с производственным потреблением. (Само потребление образует здесь момент движения экономической формы.)

Но чего деньги не делают в руках заимодавца, то они делают в руках заемщика, который действительно применяет их как капитал. Свое реальное движение в качестве капитала они продвигают в руках заемщика. К нему они возвращаются как деньги плюс прибыль, как деньги $+\frac{1}{x}$ денег. Движение между заимодавцем и заемщиком выражает только начальный и конечный пункт капитала. В форме денег капитал переходит из рук *A* в руки *B*. В руках *B* деньги становятся капиталом и в качестве капитала они, после известного кругооборота, возвращаются вместе с прибылью. Этот промежуточный акт, действительный процесс, включающий как процесс обращения, так и процесс производства, нисколько не касается сделки между заемщиком и заимодавцем. Сделка эта возобновляется лишь после того, как деньги *уже* реализовали себя в качестве капитала. Теперь деньги переходят обратно в руки заимодавца, с некоторым избытком, составляющим, однако, лишь часть избытка, реализованного заемщиком. Та часть этого избытка, которая остается заемщику, тот эквивалент, который он получает, есть промышленная прибыль, присвоенная им лишь благодаря занятым деньгам. Все это становится невидимым в сделке между заемщиком и заимодавцем. Она ограничивается двумя актами. Переход денег из рук *A* в руки *B*. Пауза, в течение которой деньги находятся в руках *B*. Возвращение денег вместе с процентами после паузы в руки *A*.

Итак, если рассматривать лишь эту форму — эту сделку между *A* и *B*, — то получается голая форма капитала без ее опосредствования: деньги отдаются в займы как сумма *a*

и возвращаются обратно через определенный промежуток времени как сумма $a + \frac{1}{x}a$ при полном отсутствии какого бы то ни было опосредствования между ними за исключением того периода времени, который проходит между отливом суммы a и ее обратным притоком в виде суммы $a + \frac{1}{x}a$.

И вот в этой-то иррациональной форме, — в той форме, которая, конечно, имеет место как самостоятельное движение наряду с действительным движением капитала, открывая и замыкая его, — г-н Прудон рассматривает все это дело, а при таком рассмотрении все неизбежно остается ему непонятным. Если бы исчезла эта форма ссуды — форма, отличная от покупки и продажи, — то, полагает он, отпал бы и избыток. В действительности в этом случае отпал бы только дележ избытка между двумя видами капиталистов. Но такой дележ может и должен возникать все вновь и вновь, коль скоро товар или деньги могут превращаться в капитал, а это на основе наемного труда всегда возможно. Если бы товар и деньги не могли становиться капиталом, — а потому, если бы их нельзя было и ссужать как капитал *in posse* *, — то они не могли бы противостоять наемному труду. Если бы они, таким образом, как *товар и деньги* не противостояли наемному труду и труд, следовательно, сам не становился бы товаром, то это означало бы не что иное, как [936] возвращение к способам производства, предшествующим капиталистическому производству, где труд не превращается в товар, а масса труда выступает еще в виде крепостного или рабского труда. При свободном труде как основе это возможно лишь в том случае, если рабочие являются собственниками своих условий производства. Свободный труд развивается в рамках капиталистического производства как *общественный* труд. Следовательно, то, что рабочие являются собственниками условий производства, означает, что последние принадлежат общественно-объединенным рабочим, что рабочие производят в качестве общественно-объединенных рабочих и подчиняют себе свое собственное производство как обобществленное. Но, подобно Прудону, хотеть сохранения наемного труда, а тем самым основы капитала, и в то же время требовать устранения «зол» посредством отрицания одной из производных форм капитала, это — ребячество.

«Gratuité du Crédit». Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850.

* — в возможности, Ред, ...

Ссуда потому кажется Прудону злом, что она не является продажей.

Ссужать под проценты «означает использовать возможность все снова *продавать* один и тот же *предмет* и все снова получать за него *цену*, никогда не отказываясь от собственности на то, что здесь продают» («*Gratuité du Crédit*», *письмо первое*, написанное Шеве, одним из редакторов газеты «*Voix du Peuple*»¹⁶², стр. 9).

Автора этого письма сбивает с толку то обстоятельство, что отдаваемый в ссуду «предмет» (например, деньги или дом) не меняет собственника, как это бывает при покупке и продаже. Но он не замечает, что при отдаче денег в ссуду заимодавец не получает взамен никакого эквивалента, тогда как в действительном процессе в форме актов обмена и на их основе получается не только эквивалент, но и неоплаченный избыток. Поскольку происходит обмен предметов, нет изменения стоимости, и один и тот же индивидуум является по-прежнему «собственником» той же стоимости. А поскольку появляется прибавочная стоимость, не происходит никакого обмена. Когда опять начинаются акты обмена товара и денег, прибавочная стоимость уже содержится в товаре. Прудон не понимает, каким образом из закона обмена стоимостей вытекает прибыль, а, значит, также и процент. Поэтому «дом», «деньги» и т. д. должны, по его мнению, обмениваться не как «капитал», а как «товар... по себестоимости» («*Gratuité du Crédit*», стр. 43—44).

«В самом деле, шляпник, продающий шляпы,... получает взамен их стоимость, не больше и не меньше. Но капиталист, ссужающий деньги,... не только получает обратно свой капитал неуменьшившимся, — он получает больше, чем свой капитал, больше, чем было им брошено в обмен, он получает сверх капитала еще и процент...» (там же, стр. 69).

Шляпники г-на Прудона являются, по-видимому, не *капиталистами*, а кустарями, ремесленниками.

«Так как в торговле *процент на капитал* присоединяется к *заработной плате* рабочего, чтобы вместе с этой последней *составить цену товара*, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. Жить работая — это такой принцип, который при господстве процента заключает в себе противоречие» (стр. 105).

В IX письме (стр. 144—152) бравый Прудон смешивает деньги как средство обращения с деньгами как капиталом и в результате этого приходит к выводу, что существующий во Франции «капитал» приносит 160% (а именно, 1 600 млн. франков годовых процентов по государственным займам, ипотекам и т. д. на капитал в один миллиард франков — на «сумму наличных денег, находящихся во Франции в обращении»).

Далее:

«Так как вследствие накопления процентов *капитал-деньги* от одного обмена к другому постоянно все снова и снова возвращается к своему источнику, то отсюда следует, что всякая новая отдача этих денег в ссуду, совершаемая одними и теми же руками, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» (стр. 154).

Так как капитал ссужается в форме денег, то Прудон думает, что этим специфическим свойством обладает денежный капитал, т. е. наличные деньги. По Прудону, все должно *продаваться*, но ничто не должно *отдаваться в ссуду*. Другими словами: подобно тому как Прудон хотел сохранить товар, но не хотел, чтобы товар становился «деньгами», так здесь он хочет сохранить товар и деньги, но они не должны развиваться в капитал. Если отбросить все фантастические формы выражения, это означает только то, что не следует переходить от мелкого мещански-крестьянского и ремесленного производства к крупной промышленности.

«Так как стоимость есть не что иное, как *отношение*, и так как между всеми продуктами необходимым образом устанавливается *отношение друг к другу*, то отсюда следует, что с общественной точки зрения продукты всегда являются стоимостями и установившимися стоимостями. Для общества разницы между капиталом и продуктом не существует. Различие это совершенно субъективно, оно существует лишь для индивидов» (стр. 250).

Какое несчастье, когда такие немецко-философские выражения, как «субъективно», попадают в руки какого-нибудь Прудона. Общественные, буржуазные формы для него «субъективны». И субъективная, и притом неверная, абстракция, приводящая Прудона к утверждению, что, так как меновая стоимость товара выражает *отношение* между товарами, то она выражает любое отношение между товарами, а не нечто третье, к чему товары стоят в том или ином отношении, — эта неверная «субъективная» абстракция и есть та [937] «общественная точка зрения», с которой оказываются поэтому тождественными не только товар и деньги, но даже товар, деньги и капитал. Так и в самом деле получается, что с этой «общественной точки зрения» все кошки серы.

К довершению всего прибавочная стоимость появляется в форме морали:

«Всякий труд *должен* давать *излишек*» (стр. 200).

Эта моральная заповедь является, конечно, великолепной дефиницией прибавочной стоимости. [937]

**[7] К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕНТА. ПРЕВОСХОДСТВО ЛЮТЕРА
НАД ПРУДОНОМ В ПОЛЕМИКЕ ПРОТИВ ПРОЦЕНТА.
ИЗМЕНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОЦЕНТ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ]**

[937] Лютер, живший в эпоху разложения средневекового гражданского общества на элементы современного общества — процесс, который был ускорен мировой торговлей и открытием новых источников золота, — знает капитал, естественно, лишь в двух его допотопных [формах]: в форме капитала, приносящего проценты, и торгового капитала. Если ставшее уже твердо на ноги капиталистическое производство в своей детской фазе стремится насильственно подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу — это фактически было сделано впервые в Голландии (где капиталистическое производство в форме мануфактуры и крупной торговли расцвело раньше, чем в других странах), а в Англии в XVII столетии было провозглашено (отчасти в очень наивных формах) как первое условие капиталистического производства, — то до этого, при переходе к капиталистическому способу производства, *признание* «ростовщичества», этой старомодной формы приносящего проценты капитала, как условия производства, как необходимого производственного отношения, составляет, наоборот, самый первый шаг; подобно тому как впоследствии, когда промышленный капитал подчинил себе капитал, приносящий проценты (XVIII столетие, *Бентам*¹⁶³), он сам признаёт его правомерность, признаёт его плотью от своей плоти.

Лютер стоит *выше* Прудона. Его не сбивает с толку различие между *ссудой* и *покупкой*: в той и другой он одинаково усматривает ростовщичество. Вообще наиболее сильным моментом в его полемике является то, что главным пунктом нападения он избирает *врастание процента в капитал*.

I) «Von Kauffshandlung und Wucher» (1524). В VI части Сочинений Лютера, Виттенберг, 1589.

(Это сочинение написано накануне Крестьянской войны.)
О торговле (торговом капитале):

«Теперь купцы очень жалуются на дворян или на разбойников» {отсюда видно, почему купцы идут с князьями против крестьян и рыцарей}, «на то, что им приходится торговать с большой опасностью и, кроме того, их захватывают, избивают, облагают поборами, грабят и т. д. Если бы купцы претерпевали это ради справедливости, то, конечно, они были бы святыми людьми... Но так как сами купцы творят столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой по всему миру и даже по отношению друг к другу, то нет ничего удивительного в том, что бог делает так, что столь большое имущество, несправедливо приобретенное, снова

утрачивается или подвергается разграблению, а их самих вдобавок еще избивают или захватывают в плен... А князьям подобает надлежащей властью наказывать за столь несправедную торговлю и принимать меры, чтобы купцы не обдирали так бессовестно их подданных. Но так как князья этого не делают, то бог пользуется рыцарями и разбойниками и через них наказывает купцов за беззаконие, и они должны быть его дьяволами, подобно тому как он мучит дьяволами или губит врагами землю Египетскую и весь мир. Так он бьет одного злодея другим, давая этим понять, что купцы — не меньшие разбойники, чем рыцари, ибо купцы ежедневно грабят весь мир, тогда как рыцарь в течение года ограбит раз или два, одного или двух» (стр. 296).

«...Исполняется пророчество Исайи: князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и якшаются с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем все другие, как бы для того, чтобы оставалась верной поговорка: крупные воры вешают [938] мелких воров, и, как говорил римский сенатор Катон: простые воры сидят в тюрьмах и закованы в цепи, а государственные воры расхаживают в золоте и шелках. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорит устами Иезекииля: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, как бывает, когда выгорает город, чтобы не было больше ни князей, ни купцов. Я опасюсь, что это уже на пороге» (стр. 297).

О ростовщичестве, о капитале, приносящем проценты:

«Мне говорят, что теперь ежегодно на каждой Лейпцигской ярмарке взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто ¹⁶⁴; некоторые прибавляют сюда еще Наумбургскую ярмарку, так что получается 40 на сто; взимают ли где-нибудь еще больше этого, я не знаю. Что за срам, куда же к черту это, в конце концов, приведет!.. Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно взимает 40, — это значит пожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1 000 флоринов, то он ежегодно взимает 400, — это значит пожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10 000, то он ежегодно взимает 4 000, — это значит пожрать в один год богатого графа. Если он имеет 100 000, как это и должно быть у крупных купцов, то он ежегодно взимает 40 000, — это значит пожрать в один год крупного богатого князя. Если он имеет 1 000 000, то он ежегодно взимает 400 000, — это значит пожрать в один год крупного короля. И не грозит ему за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру. Он не выполняет никакой работы, сидит себе за печкой и печет яблоки. И этот разбойник в кресле, сидя у себя дома, может в 10 лет сожрать целый мир» (стр. 312—313) ¹⁶⁵.

{II} «Eyn Sermon auf das Evangelion von den reichen Mann und armen Lazar», Wittemberg, 1555.

«О богатом человеке мы не должны судить по его внешнему поведению, ибо он облекся в овечью шкуру, и его жизнь блестит и кажется красивой и искусно прикрывает волка. Ибо евангелие бранит его не за то, что он совершил прелюбодеяние, убийство, грабеж, богохульство или что-нибудь такое, что мог бы порицать мир или разум. Ведь он вел такую же благопристойную жизнь, как тот фарисей, который дважды в неделю постился и не был таким, как другие люди».

Лютер говорит нам здесь, каким путем возникает ростовщический капитал: путем разорения граждан (мещан и крестьян), рыцарей, дворянства, князей. С одной стороны, к ростовщикам притекает прибавочный труд, а *также и условия труда* посадского мещанства, крестьян, цеховых мастеров, одним словом, мелких товаропроизводителей, которые нуждаются в деньгах, например, для производства платежей до того, как они превратили свой товар в деньги, и которые часть своих условий труда уже покупают сами, и т. д. С другой стороны, к ростовщикам притекают средства от владельцев ренты, которую теперь присваивают себе ростовщики, — т. е. от расточительного, кутящего богатства. Поскольку ростовщичество приводит к двум результатам: во-первых, вообще способствует образованию самостоятельного денежного имущества, а во-вторых, присваивает себе условия труда, т. е. разоряет владельцев старых условий труда, — оно служит могущественным средством при образовании предпосылок для промышленного капитала, могущественным фактором в процессе отделения условий производства от производителя. Совершенно так же, как и купец. И оба они имеют то общее, что образуют самостоятельное денежное имущество, т. е. собирают в своих руках в форме денежных требований, во-первых, часть годового прибавочного труда, во-вторых, часть условий труда и, в-третьих, часть накопления годового труда. Те деньги, которые действительно находятся в их руках, составляют лишь небольшую долю отчасти годовых и ежегодно накапливаемых сокровищ, отчасти оборотного капитала. Но образование у них *денежного имущества* означает, что им достается значительная доля отчасти годовой продукции, отчасти годовых доходов, причем все это подлежит уплате им не *in natura* *, а в превращенной форме денег. Поэтому, поскольку деньги не обращаются активно как средства обращения, не находятся в движении, они накапливаются в их руках; отчасти в их руках оказываются также резервуары обращающихся денег, и еще в большей степени находятся и накапливаются в их руках титулы на продукты производства, но как титулы на товар, превращенный в деньги, как денежные титулы. [939] Ростовщичество действует, с одной стороны, как разрушитель феодального богатства и феодальной собственности, с другой стороны — как разрушитель мелкобуржуазного, мелкокрестьянского производства, одним словом, всех тех форм, при которых производитель еще выступает как собственник своих средств производства.

* — в натуре, в натуральной форме. Ред.

При капиталистическом производстве рабочий *лишен собственности* на условия производства: он не является собственником ни того поля, которое он возделывает, ни того орудия, при помощи которого он работает. Но этому отчуждению условий производства здесь соответствует действительное изменение в самом способе производства. Орудие становится машиной; рабочий работает на фабрике и т. д. Самый способ производства уже не допускает связанного с мелкой собственностью распыления орудий производства, равно как и распыления самих рабочих. При капиталистическом производстве ростовщичество уже не может *отделять* условий производства от рабочего, от производителя, потому что они уже отделены.

Ростовщичество *централизует* имущество, особенно в форме денежного имущества, только там, где средства производства распылены, где, следовательно, работник производит более или менее самостоятельно, как мелкий крестьянин, цеховой ремесленник (мелкий торговец) и т. д., — как крестьянин или ремесленник, причем безразлично, является ли этот крестьянин крепостным или нет и принадлежит ли к цеху этот ремесленник или нет. Ростовщик присваивает себе здесь не только ту часть прибавочного труда, которая находится в распоряжении самого крепостного, — или не только весь прибавочный труд, если ростовщик имеет дело с свободными крестьянами и т. д., — но он присваивает себе также и орудия производства, номинальным собственником которых остается крестьянин и т. д. и к которым в самом производстве этот крестьянин относится как собственник. Это ростовщичество покоится на данной основе, на данном *способе производства*, которого оно не изменяет; оно только присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщичеству, в особенности при античных отношениях, когда этот характер производства — *собственность производителя на свои условия производства* — являлся вместе с тем основой политических отношений, основой самостоятельности гражданина. Это прекращается, как только работник перестает обладать условиями производства. Вместе с тем приходит конец и могуществу ростовщичества. С другой стороны, когда господствует рабство или когда прибавочный труд проедается феодалами с их свитами, а рабовладельцы или феодалы подпадают под власть ростовщиков, способ производства тоже остается прежним, но становится более жестким. Обремененный долгами рабовладелец или феодал теперь высасывает больше, так как он сам подвергается

высасыванию; или в конце концов он уступает свое место ростовщику, который сам становится земельным собственником и т. д., как всадник и т. д. в Древнем Риме. Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация в большей или меньшей степени была орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всех докапиталистических способах производства ростовщик действует революционно только в *политическом* отношении, подрывая и разрушая те формы собственности, на прочной основе которых — т. е. на их постоянном воспроизводстве в том же виде — покоится политическая структура общества. Ростовщичество действует также и централизующим образом, однако лишь на основе старого способа производства, в результате чего общество, кроме рабов, крепостных и т. д. и их новых господ, превращается в толпу. При азиатских формах [общества] ростовщичество может долго продолжать свое существование, вызывая лишь экономический упадок и политическую деморализацию, но не приводя к реальному разложению [существующего способа производства]. Только в такую эпоху, когда налицо имеются остальные условия капиталистического производства — свободный труд, мировой рынок, распад старых общественных связей, определенная ступень развития труда, развитие наук и т. д., — только в такую эпоху ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, а вместе с тем разорения феодалов, столпов антибуржуазного элемента, и разорения мелкой промышленности, мелкого земледелия и т. д., одним словом как средство централизации условий труда в качестве капитала.

Что ростовщики, купцы и т. д. владеют «денежным имуществом», означает только то, что имущество нации, поскольку оно выступает как товар и деньги, концентрируется в их руках.

Капиталистическому производству первоначально приходится бороться с ростовщичеством — в той мере, в какой сам ростовщик не становится производителем. К тому времени, когда капиталистическое производство окончательно установилось, власть ростовщиков над прибавочным трудом, связанная с продолжением существования старого способа производства, уже прекратилась. Промышленный капиталист непосредственно инкассирует прибавочную стоимость в виде прибыли; частично он уже завладел также и условиями производства, и часть ежегодного накопления присваивается непосредственно им. С этого момента, в особенности с развитием промышленного и торгового имущества, ростовщик, т. е. ссудодатель под

проценты, становится всего лишь таким лицом, которое отделено от промышленного капиталиста вследствие разделения труда, но подчинено промышленному капиталу.

[1940] III) «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung». Wittemberg, 1540 (без нумерации страниц).

Торговля (покупка, продажа) и ссуда (Лютер не дает сбить себя с толку, как Прудон, этим различием формы).

«Пятнадцать лет тому назад я писал против ростовщичества, ибо уже тогда оно забрало такую силу, что я не видел надежды на улучшение. С тех пор оно столь вознеслось, что *не хочет уже считаться пороком, грехом и позором*, а величается чистой добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Где же искать избавления, раз позор стал честью и порок добродетелью? Сенека говорит от естественного разума: Deest remedii locus, ubi, quae vitia fuerunt, mores fiunt *. Германия стала такой, какой она должна была стать; гнусная алчность и ростовщичество до основания развратили ее...

Прежде всего скажем о *ссуде и займе*. Когда ссужают деньги и требуют за них или берут нечто большее или лучшее, то это есть ростовщичество, осуждаемое во всех законах. И потому все те, кто взимает пять, шесть или более со ста за данные займы деньги, — все они ростовщики, и соответственно этому они ведут себя, и называются они идолопоклонническими служителями алчности или мамоны... То же самое надо сказать и о хлебе, ячмене и других товарах, что если за них требуют нечто большее или лучшее, то это есть ростовщичество, украденное и награбленное добро. Ибо одалживать — это значит, что я даю кому-нибудь мои деньги, имущество или утварь, чтобы он пользовался этим, пока ему нужно или пока я могу и согласен на это, а потом в свое время он возвращает мне все это в том виде, в каком я одолжил ему».

Из торговли тоже делают ростовщичество. Но для одного раза это сейчас уже слишком много. Сейчас мы должны говорить только об одном — о ростовщичестве при ссудах. После того как мы с ним разделаемся (в духе страшного суда над ним), мы воздадим по заслугам также и *торговому ростовщичеству*».

«Его благородие ростовщик говорит так: Милый, при нынешнем положении вещей я оказываю своему ближнему большую *услугу* тем, что ссужаю ему по пять, шесть, десять на сто. И он благодарит меня за такую ссуду как за особое благодеяние. Он просит меня об этом, сам добровольно и без принуждения предлагает дарить мне пять, шесть, десять гульденов на сто. Разве я не могу, без ростовщичества, брать это с чистой совестью?..

Пусть он славит себя, наряжает и украшает... Но кто берет нечто большее или лучшее, тот ростовщик, и это значит, что *не услугу, а вред* принес он своему ближнему, как это бывает при воровстве и грабеже. Не все то услуга и благодеяние ближнему, что называют услугой и благодеянием. Ибо прелюбодей и прелюбодейка оказывают друг другу большую услугу и удовольствие. Рейтар оказывает убийце и поджигателю великую рейтарскую услугу, помогая ему грабить на дорогах и нападать на страну и людей. Паписты оказывают нашим людям великую услугу тем, что они не всех топят, сжигают, убивают, гноят в тюрьмах, а оставляют некоторых в живых и изгоняют их или отнимают у них их имущество. Сам дьявол оказывает своим служителям великую, неизмеримую услугу... Словом, мир

* — Нет места лекарствам там, где то, что считалось пороком, становится обычаем. *Ред.*

полон великих, превосходных ежедневных услуг и благодеяний... Поэты пишут о циклопе Полифеме, что он обещал Улиссу проявить к нему дружеское — сначала сожрать его спутников и только потом последним его самого. Да, это тоже была услуга и большое благодеяние.

Такого рода услугами и благодеяниями теперь усердно занимаются благородные и неблагородные, крестьяне и горожане; они скупают, держат у себя на складе, создают дороговизну, [941] повышая цену на хлеб, ячмень и все, что необходимо людям, а затем утирают себе морду и говорят: да, что необходимо, то необходимо, я предоставляю это людям к их услугам, хотя я мог бы и имел бы право оставить это себе. Вот как ловко они обманывают и одурачивают бога!.. Совсем святыми стали теперь люди... Итак, никто теперь уже не может заниматься ростовщичеством, никто не может быть алчным или злым, весь мир превратился сплошь в святых, *каждый оказывает услуги другому*, никто не причиняет другому вреда...

Если ростовщик оказывает этим услугу, то только гнусному дьяволу, хотя бедному, нуждающемуся человеку эта услуга нужна, и он, пожалуй, должен считать услугой и благодеянием то, что его еще не совсем сожрали...

Он * оказывает тебе **, и вынужден оказывать тебе, такую услугу» {платить ростовщические проценты}, «если хочет получить *деньги*».

{Из приведенного выше видно, что во времена Лютера ростовщичество очень усилилось и вместе с тем уже апологетически оправдывалось как «услуга» (Сэй — Бастиа ***). Перед нами уже выступает концепция сотрудничества или гармонии: «Каждый оказывает услуги другому».

В лучшую пору *античного* мира ростовщичество было запрещено (т. е. не разрешалось взимать проценты). Позднее оно было узаконено и получило широкое распространение. В области теории всегда (как у *Аристотеля*¹⁶⁶) высказывался тот взгляд, что само по себе ростовщичество дурно.

В *христианском средневековье* ростовщичество считалось «грехом» и было запрещено «канонами».

Новое время. Лютер. Еще жив католически-языческий взгляд на ростовщичество. Ростовщичество широко распространяется (отчасти вследствие нужды правительства в деньгах, отчасти вследствие развития торговли и мануфактуры, отчасти вследствие необходимости превращения продукта в деньги). Но уже утверждается его гражданская правомерность.

Голландия. Первая апология ростовщичества. Здесь оно также впервые модернизируется, подчиняется производительному или торговому капиталу.

Англия. XVII столетие. Полемика уже не против ростовщичества самого по себе, а только против величины процента. Преобладание ростовщичества над кредитом. Стремление

* Нуждающийся в деньгах человек. *Ред.*

** — ростовщику. *Ред.*

*** См. настоящее издание, часть I, стр. 413, *Ред.*

к созданию кредитной формы. Насильственные законодательные меры.

XVIII столетие. Бентам. Свободное ростовщичество признано как элемент капиталистического производства.}

[Приведем еще несколько выдержек из сочинения Лютера «An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen».]

Процент как возмещение ущерба:

«[Может случиться и часто случается так, что я, Ганс, одалживаю тебе, Балтазару, сто гульденов, которые мне необходимо получить обратно к Михайлову дню; а если ты опоздаешь, то я от этого пострадаю. Михайлов день наступает, ты мне не возвращаешь эти сто гульденов. Тогда судья хватает меня за горло или заключает в башню или тюрьму, или на меня обрушивается какое-нибудь другое несчастье, пока я не заплачу. Я сижу в тюрьме, мое питание, мое здоровье сильно страдают. До этого ты меня доводишь своим опаздыванием и так отплачиваешь мне злом за мое благодеяние. Что мне тогда делать? Я продолжаю страдать, ибо ты медлишь и спишь, и каждый день, пока ты медлишь и спишь, проходит с ущербом и вредом для меня. Кто должен тут нести ущерб или поплатиться за это? Ведь в конце концов ущерб станет невыносимым гостем в моем доме, пока я совсем не погибну.]

Ну что ж, здесь следует подойти к делу со светской и юридической стороны (теологию мы должны пока оставить в покое). В рассматриваемом случае ты, Балтазар, должен будешь возместить мне, сверх ста гульденов, весь мой ущерб и покрыть все связанные с этим вынужденные расходы». {Под вынужденными расходами Лютер понимает здесь судебные издержки и т. д., которые понес ссудодатель вследствие того, что он сам был лишен возможности уплатить свои долги.} «Поэтому справедливо, даже с точки зрения разума и естественного права, чтобы ты возместил мне все: первоначальную сумму вместе с понесенным мною ущербом... Такой ущерб юридические книги называют по-латыни *interesse* *...

Сверх этого ущерба может получиться еще и другой: если ты, Балтазар, не возвращаешь мне к Михайлову дню эти сто гульденов, а мне представляется возможность покупки сада, поля, дома или вообще чего-нибудь такого, из чего я мог бы извлечь большую пользу или имел бы пропитание для себя и своих детей, то я вынужден упустить эту возможность, и ты причиняешь мне ущерб и помеху своим опаздыванием и сном, так что я никогда уже не смогу сделать такую покупку» и т. д. «Но я одолжил их тебе, и ты причиняешь мне двойной ущерб — *тут я не могу уплатить, а там не могу купить* и, следовательно, вынужден терпеть ущерб в обоих отношениях. Это называют *duplex interesse, damni emergentis et lucri cessantis* **...

После того как они *** услышали, что Ганс потерпел ущерб, одолжив сто гульденов, и требует справедливого возмещения своего ущерба, они спешат использовать этот случай и на каждые сто гульденов накладывают возмещение за двойной ущерб, а именно из-за понесенных Гансом убытков и из-за упущенной им покупки сада, как будто эти два ущерба от природы

* — буквально: бытие между, разница между (между имущественным положением лица до какого-нибудь причинившего ему ущерб происшествия и после такого происшествия). *Ред.*

** — двойной ущерб: причиненный убыток и упущенная выгода, *Ред.*

*** — жадные на деньги люди, *Ред.*

присущи ста гульденам; поэтому во всех случаях, когда имеется сто гульденов и их дают в ссуду, на них насчитывают этот двойной ущерб, которого эти ссудодатели, однако, совсем и не терпели...

Поэтому ты — ростовщик, ибо ты возмещаешь деньгами своего ближнего даже твой вымышленный ущерб, которого тебе, однако, никто не причинил и которого ты не можешь ни доказать, ни вычислить. Такой ущерб юристы называют *non verum, sed phantasticum interesse* *. Это — такой ущерб, который человек сам себе выдумал...

Нельзя, следовательно, [942] говорить, что мог бы получиться тот ущерб, что я не был бы в состоянии ни произвести платеж, ни совершить покупку. Если говорить так, то это называется *ex contingente necessarium* **: из того, чего нет, делать то, что с необходимостью должно быть; из того, что сомнительно, делать нечто вполне достоверное. Не сожрет ли такое ростовщичество за несколько лет весь мир?..

То несчастье, от которого необходимо оправиться ссудодателю, произошло случайно, помимо его воли. Нечто совершенно иное и даже противоположное имеет место в ростовщических сделках: тут ищут и придумывают ущерб для взыскания его с нуждающегося ближнего, хотят кормиться этим и богатеть на этом, в лени и безделье кутить и наряжаться за счет труда других людей, за счет их забот, опасностей и убытков. А я в это время сижу за печкой и предоставляю моим ста гульденам работать на меня, и все же, так как это одолженные деньги, то я наверняка сохраню их в кошельке, не подвергаясь никаким опасностям и не неся никаких забот. Милый, кто не хотел бы этого?

И то, что сказано об одолженных деньгах, должно относиться также к одолженному хлебу, вину и тому подобным товарам, а именно, что при этом возможен такого рода двойной ущерб. Но ущерб этот не присущ товару от природы, а может произойти случайно, и потому считать его ущербом можно только тогда, когда он действительно произошел и доказан и т. д.

«Ростовщичество в этом мире неизбежно, но горе ростовщикам...

Все мудрые, разумные язычники тоже весьма резко порицали ростовщичество. Так, Аристотель говорит в «Политике», что ростовщичество противоречит природе по той причине, что оно всегда берет больше, чем дает. Этим уничтожается основание и мерило всякой добродетели, которое требует: равное за равное, *aequalitas arithmetica* ***» и т. д.

«Но это значит позорно наживаться, если берут у других людей, воруют у них или грабят; таких людей называют, с позволения сказать, ворами и разбойниками, которых обычно вешают на виселице, тогда как ростовщик является благородным вором и разбойником и сидит в кресле; поэтому их и называют разбойниками в креслах...

Язычники могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырежды вор и убийца. Мы же, христиане, так их почитаем, что чуть не молимся на них ради их денег... Кто высасывает, грабит и ворует у другого его пропитание, тот творит такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как и тот, кто морит другого голодом и губит его насмерть. Но именно это и делает ростовщик, и все же он сидит спокойно в своем кресле, хотя по справедливости ему надо было бы висеть на виселице, чтобы его пожирало столько воронов, сколько он украл гульденов, если бы только на нем было столько мяса, что все эти вороны, разделив его, могли бы получить свою долю...

* — не настоящий, а фантастический ущерб. *Ред.*

** — делать из случайного необходимое, *Ред.*

*** — арифметическое равенство, *Ред.*

Лихоимцы и ростовщики будут кричать, что надо выполнять письменные обязательства и то, что скреплено печатью. На это юристы тотчас же давали хороший ответ: *in malis promissis* *. И теологи тоже говорят, что письменное обязательство, какое некоторые дают дьяволу, не имеет силы, даже если оно скреплено печатью и написано кровью. Ибо противное богу, праву и природе равно нулю. Поэтому всякий государь, который только может сделать это, должен немедленно вмешаться в это дело, разорвать печать и обязательство, не обращая внимания на то, что...» и т. д.

«Поэтому на земле нет для человека врага большего (после дьявола), чем скряга и ростовщик, ибо он хочет быть богом над всеми людьми. Турки, воители, тираны — всё это люди тоже злые, но они все-таки должны давать людям жить и должны признаться, что они злые люди и враги, и они могут, даже должны, иногда смилостивиться над некоторыми. Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и томился жаждой, погибал в нищете и печали (насколько это зависит от него), чтобы только у него одного было все и чтобы каждый получал от него как от бога и [1943] *вечно был его крепостным*. Тогда сердце его радуется, это освежает ему кровь. При этом он расхаживает в мантии из куньего меха, носит золотые цепочки и кольца, дорогие одежды, утирает себе морду, старается казаться и слыть добропорядочным, благочестивым человеком, который гораздо милосерднее самого бога, гораздо отзывчивее, чем мать божья и все святые...

Язычники пишут о великих подвигах Геркулеса, как он осиливает столько чудовищ и ужасных страшилищ, спасая от них страну и людей. Ведь ростовщик — это громадное и ужасное чудовище, совсем как оборотень, все опустошающий, хуже Какуса, Гериона или Антея и т. д. И, однако, он украшает себя и принимает благочестивый вид, чтобы не видели, куда деваются быки, *которых он втаскивает задом наперед в свое логовище*».

{Прелестнейший портрет капиталиста вообще, который делает вид, будто *от него исходит* то, что он тащит в свою пещеру от других, заставляя все это двигаться *задом наперед*, чтобы казалось, что это *вышло из его пещеры*.}

«Но Геркулес должен услышать рев быков и крики пленников и разыскать Какуса даже среди скал и утесов, чтобы освободить быков от злодея. Ибо Какусом называется злодей, *благочестивый ростовщик*, который ворует, грабит и пожирает все. И все-таки он как будто ничего не делал дурного; и думает, что даже никто не может обличить его, ибо он тащил быков задом наперед в свое логовище, отчего по их следам казалось, будто они были им *выпущены*. Таким же образом ростовщик хочет одурачить весь мир, будто он приносит пользу и *дает миру быков, между тем как он хватает их только для себя и пожирает*...

Поэтому ростовщик или скряга на самом деле не является настоящим человеком; он и грешит не по-человечески; он должен быть оборотнем, хуже всяких тиранов, убийц и разбойников; он почти столь же зол, как сам черт. Но он живет не как враг, а как друг и гражданин, пользуясь общей безопасностью и миром. А между тем он грабит и убивает ужаснее всякого врага, убийцы и поджигателя. И если колесуют и обезглавливают грабителей с большой дороги, убийц и разбойников, то во сколько раз больше

* — «в случае дурных обещаний». Подразумевается: *nulla obligatio* — «обязательство недействительно». *Ред.*

следовало бы колесовать и четвертовать всех ростовщиков и изгонять, предавать проклятию и обезглавливать всех скраг...»

Все это в высшей степени живописно, и вместе с тем здесь метко схвачен характер, с одной стороны, старомодного ростовщичества, а с другой стороны, капитала вообще — с этим «*interesse phantasticum*» *, с этим «возмещением ущерба, от природы присущего» деньгам и товару; с этой общей фразой о приносимой ростовщиком пользе, с этим «благочестивым» видом ростовщика, который не похож на «других людей» и создает видимость, будто он дает, тогда как на самом деле он берет, будто он выпускает, тогда как на самом деле он тащит к себе, и т. д.!

* * *

«Большое преимущество, связанное с обладанием золотом и серебром вследствие того, что оно дает возможность выбора благоприятных моментов для покупки, постепенно вызвало к жизни ремесло банкира... Банкир отличается от старого ростовщика тем, что он дает займы богатым и *редко или никогда — беднякам*. Поэтому он одалживает с меньшим риском и может позволить себе делать это на более легких условиях; по обоим этим причинам он не навлекает на себя ту народную ненависть, которая сопровождала ростовщика» (*Newman, F. W. Lectures on Political Economy. London, 1851, стр. 44*).

Вместе с развитием ростовщичества и денег развивается принудительное отчуждение феодальной земельной собственности:

«Введение денег, которые покупают всё, и, как следствие этого, защита интересов кредитора, одолжившего свои деньги земельному собственнику, приводят к необходимости законного отчуждения земельной собственности для взыскания долга» (*John Dalrymple. An Essay towards a general history of Feudal Property in Great Britain. 4th edition. London, 1759, стр. 124*).

[944] «По мнению Томаса Калпепера (1641 г.), Джозаи Чайлда (1670 г.), Патерсона (1694 г.) богатство зависит от хотя бы даже насильственного понижения процентной ставки с золота и серебра. Это мнение господствовало в Англии в течение почти двух столетий» (*Ganilh [Des systèmes d'économie politique. Seconde édition. Tome premier. Paris, 1821, стр. 58—59]*).

Когда Юм, в противоположность Локку, доказывал, что процентная ставка определяется нормой прибыли **, он уже имел перед собой гораздо более высокое развитие капитала. Еще больше это относится к Бентаму, когда он в конце XVIII столетия писал свою защиту ростовщичества ¹⁶⁷.

* — «фантастическим ущербом». *Ред.*

** См. настоящее издание, часть I, стр. 378—382. *Ред.*

Начиная с Генриха VIII до Анны имеет место снижение процентной ставки в законодательном порядке.

«В средние века ни в одной стране не было *общей процентной ставки*. Прежде всего строгость попов. Ненадежность судебных гарантий в отношении возврата ссуд. Тем выше процентная ставка в отдельных случаях. *Незначительность денежного обращения, необходимость производить большую часть платежей наличными деньгами*, так как банковое дело еще не развилось. Поэтому большое разнообразие как в размере процента, так и в самом понятии ростовщичества. Во времена Карла Великого считалось ростовщичеством, если брали 100%. В Линдау на Боденском озере в 1344 г. местные бюргеры брали 216²/₃%. В Цюрихе Совет определил как законный процент 43¹/₃%. В Италии иногда приходилось платить 40%, хотя в XII—XIV столетиях обычная ставка не превышала 20%. Верона установила как законный процент 12¹/₂%. Император Фридрих II в своем постановлении указал 10%, но это только для евреев; о христианах он не хотел говорить. В Рейнской Германии 10% уже в XIII столетии были обычной ставкой процента» (Hüllmann. Städtewesen des Mittelalters. Zweiter Theil. Bonn, 1827, стр. 55—57).

Огромные проценты в средние века (поскольку они взимались не с феодального дворянства и т. д.) покоились в городах в значительной мере на огромных «прибылях от отчуждения», получаемых купцами и городскими ремесленниками с деревни, которую они надували.

В Риме, как и во всем древнем мире, исключая особенно развитые в промышленном и торговом отношении торговые города, как например Афины и т. д., ростовщичество было для крупных земельных собственников таким средством, которое позволяло им не только экспроприировать мелких собственников, плебеев, но и овладевать самой личностью их.

В Риме ростовщичество первоначально было свободно. Закон Двенадцати таблиц (303 год от основания Рима) «установил процент с денег в 1% в год (по Нибуру — 10% в год)... Эти законы скоро были нарушены... Дуилий (в 398 году от основания Рима) снова ограничил ставку процента одним процентом в год (unciarium foenus *). В 408 году эта ставка была уменьшена до 1¹/₂%. В 413 году ссужение денег под проценты было вообще запрещено плебисцитом, который провел трибун Генуций... Нет ничего удивительного в том, что в такой республике, где гражданам запрещалось заниматься промышленностью, оптовой и розничной торговлей, *запрещению подверглась также и торговля деньгами*. Такое положение продолжалось в течение трехсот лет, до взятия Карфагена. [Затем было разрешено взимать не свыше] 12% в год. Обычная ставка годового процента составляла 6%... Юстиниан установил процентную ставку в размере 4%. Usura quinque ** у Траяна означает законный процент в размере 5%... В Египте в 146 году до Р. Х. законный коммерческий процент составлял 12%» (Dureau de La Malle. Economie politique des Romains. Tome second. Paris, 1840, стр. 259—263). [944]

* — буквально: прирост в размере одной унции. *Ред.*

** — буквально: проценты в размере пяти унций. *Ред.*

* * *

[950a] Относительно процента Дж. У. Гилбарт в своей книге «The History and Principles of Banking» (London, 1834) говорит следующее:

«То обстоятельство, что человек, берущий деньги взаймы с целью получения прибыли при их помощи, должен отдать часть своей прибыли кредитору, является само собою разумеющимся принципом естественной справедливости. Человек получает прибыль обычно посредством торговли. Но в средние века население было чисто земледельческим. А при таком населении и при феодальном режиме может иметь место лишь небольшая торговля, а потому и небольшая прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве имели себе оправдание. К тому же в земледельческой стране человек редко стремится к тому, чтобы занимать деньги, за исключением тех случаев, когда он обеднел или попал в беду вследствие какого-либо несчастья» (стр. 163).

«Генрих VIII ограничил процент 10%, Яков I — 8%, Карл II — 6%, Анна — 5%» (стр. 164—165). «В те времена займодавцы, если не юридически, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничивать их, как и других монополистов. В наше время норма прибыли регулирует норму процента, тогда как в те времена норма процента регулировала норму прибыли. Если кредитор обременял купца высокой нормой процента, то купец бывал вынужден накидывать на свои товары более высокую норму прибыли. Тем самым из карманов покупателей извлекалась большая сумма денег, чтобы положить ее в карман кредитора, ссудившего деньги купцу. Эта добавочная цена, накидываемая на товары, приводила к тому, что публика становилась менее способной и менее расположенной покупать эти товары» (стр. 165).

В XVII столетии Джозая Чайлд в написанной в 1669 г. книге «Traité sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'interest de l'argent» (traduits de l'anglois, Amsterdam et Berlin, 1754. В этой книге содержится также написанный в 1621 г. «Traité contre l'usure» Томаса Калленера) выступает против Томаса Манли (против его трактата «Interest of Money Mistaken»¹⁶⁸), которого он называет «поборником интересов ростовщиков». Как и во всех рассуждениях английских экономистов XVII столетия, исходным пунктом в рассуждениях Чайлда является, естественно, богатство Голландии, где норма процента была низка. Чайлд рассматривает эту низкую норму процента как причину богатства, Манли же утверждает, что низкая норма процента является всего лишь следствием богатства страны.

«Чтобы знать, бедна какая-нибудь страна или богата, надо только спросить: какова там цена денежного процента?» (стр. 74).

«В качестве поборника интересов хитрой и трусливой банды ростовщиков он выставляет свою главную батарею против того пункта, который я сам признал наиболее слабым... Он прямо отрицает, что низкий уровень процента есть причина богатства, и уверяет, что он есть всего лишь следствие богатства» (стр. 120).

«Когда процентная ставка снижается, те, к кому возвращаются выданные ими ссуды, вынуждены покупать земли (цена которых повышается вследствие роста количества покупателей) или помещать деньги в торговлю» (стр. 133).

«Пока процентная ставка равна 6%, никто не будет подвергать себя риску, связанному с морской торговлей, чтобы получать от нее только 8—9%, — прибыль, которую вполне удовлетворены голландцы, получающие деньги за 4 и 3%» (стр. 134).

«Низкая процентная ставка и высокая цена земли заставляют купца продолжать все время заниматься торговлей» (стр. 140).

«Снижение процентной ставки приучает нацию к бережливости» (стр. 144).

«Если торговля есть средство, обогащающее страну, и если уменьшение процентной ставки расширяет торговлю, то снижение процента, или ограничение ростовщичества, есть, без сомнения, первичная и главная причина богатства нации. Нет вообще ничего нелепого в утверждении, что одна и та же вещь в одно и то же [950b] время может при известных условиях быть *причиной*, а при других условиях — *следствием*» (стр. 155).

«Яйцо есть причина курицы, а курица есть причина яйца. Таким образом, снижение процента может вызывать увеличение богатства, а увеличение богатства может явиться причиной еще более сильного снижения процента. Снижение процента может быть осуществлено законодательным путем» (стр. 156).

«Я — защитник трудолюбия, а мой противник защищает леность и праздность» (стр. 179).

Здесь Чайлд прямо выступает как поборник интересов промышленного и торгового капитала. [XV—950b]

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В главе о Мальтусе Маркс рассматривает работы, написанные Мальтусом *после* появления «*Principles*» Рикардо (1817 г.). Трудовой теории стоимости Рикардо, его требованию всемерного развития производительных сил, которому, по Рикардо, должны быть принесены в жертву интересы отдельных людей и даже целых классов, Мальтус пытался в этих сочинениях противопоставить вульгарно-апологетическую теорию, направленную на защиту интересов наиболее реакционных слоев господствующих классов.

О Мальтусе как проповеднике «теории народонаселения» в этой главе говорится только мимоходом. Общая характеристика сочинения Мальтуса о народонаселении дана Марксом во второй части «Теорий прибавочной стоимости», в главе «Замечания об истории открытия так называемого рикардовского закона земельной ренты» (см. настоящее издание, часть II, стр. 120, 122, 124—127, 154—155). — 3.

² Впоследствии было установлено, что автором этого анонимного сочинения был Джон Кейзнов. — 3.

³ Критика встречающегося у Смита взгляда на стоимость труда как на стандартную меру стоимости и доказательство того, что этот взгляд противоречит другим, более глубоким воззрениям Смита на стоимость, даны Марксом в предыдущих главах его труда. См. настоящее издание, часть I, стр. 50—51 и 132, и часть II, стр. 443—446. — 4.

⁴ Имеется в виду главное произведение Рикардо «*On the Principles of Political Economy, and Taxation*», London, 1817. — 4.

⁵ Отсутствие у Рикардо анализа возникновения прибавочной стоимости и неразрешимость проблемы обмена труда на капитал в ее рикардовской постановке показаны Марксом во второй части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть II, стр. 436—441 и 446—461). — 4.

⁶ Термин «цена издержек» («*Kostenpreis*» или «*Kostpreis*», «*cost price*») употребляется Марксом в трех различных смыслах: 1) в смысле издержек производства для капиталиста ($c + v$), 2) в смысле «имманентных

издержек производства» товара ($c + v + m$), которые совпадают со стоимостью товара, и 3) в смысле цены производства ($c + v +$ средняя прибыль). В данном месте текста рукописи этот термин взят в его третьем смысле, т. е. в смысле цены производства.

Если во II части «Теорий прибавочной стоимости» термин «Kostenpreis» (наряду с терминами «средняя цена» и «цена производства») употребляется всегда в смысле цены производства, то в III части «Теорий» он иногда употребляется также и в смысле издержек производства для капиталиста ($c + v$), и в этих случаях он переводится в тексте III части настоящего издания словами «издержки производства» (см., например, настоящее издание, часть III, стр. 35, 36, 37—38, 384, 487).

Тройное употребление термина «Kostenpreis» объясняется тем, что слово «Kosten» («издержки», «издержки производства») в экономической науке употреблялось в трех различных значениях, как это специально отмечает Маркс в III части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть III, стр. 76—80 и 539—540): 1) в смысле того, что авансировано капиталистом, 2) в смысле цены авансированного капитала плюс средняя прибыль и 3) в смысле реальных (или имманентных) издержек производства для самого товара.

Кроме этих трех значений, встречающихся у классиков буржуазной политической экономии, имеется еще четвертое, вульгарное значение термина «издержки производства», в котором его употребляет Ж. Б. Сэй, определяющий «издержки производства» как «то, что уплачивается за производительные услуги труда, капитала и земли» (J. B. Say. «Traité d'économie politique». Seconde édition. Tome II, Paris, 1814, p. 453). Это вульгарное понимание «издержек производства» Маркс решительно отвергает (см., например, настоящее издание, часть II, стр. 140, 233 и 521). — 4.

⁷ «Profit upon expropriation» или «profit upon alienation» («прибыль от отчуждения») — формулировка Джемса Стюарта, которую Маркс приводит и анализирует в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть I, стр. 10—11). — 8.

⁸ Имеется в виду известное сочинение Мальтуса, первое издание которого вышло анонимно в Лондоне в 1798 году: «An Essay on the Principle of Population». В этом сочинении Мальтус утверждал, что нищета трудящихся масс происходит якобы из того, что размножение людей имеет тенденцию происходить в геометрической прогрессии, тогда как количество предметов потребления может возрастать, самое большее, всего лишь в арифметической прогрессии. — 14.

⁹ О понятиях «стоимость труда» и «количество труда» у Рикардо см. настоящее издание, часть II, стр. 436—446. — 17.

¹⁰ Формулировка этого определения стоимости составлена Кейнзовом на основании высказываний Мальтуса и Адама Смита, у которого Мальтус заимствовал определение стоимости товара количеством живого труда, покупаемым в обмен на этот товар. — 24.

¹¹ О концепции «относительной заработной платы» у Рикардо см. настоящее издание, часть II, стр. 461—469. — 26.

¹² О понятии «действительной заработной платы» («real wages») у Рикардо см. настоящее издание, часть II, стр. 443, 446, 461, 468—469, 484 и 619. — 26.

- ¹³ Эта цитата из Мальтуса почти дословно воспроизводит рассуждение Адама Смита, приводимое в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть I, стр. 137): «... труд мануфактурного рабочего обычно присоединяет к стоимости материала, который он подвергает обработке, стоимость своего собственного содержания и прибыль своего хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, не дает никакого увеличения стоимости... Человек богатеет, нанимая много мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит много домашних слуг». Формулируя заголовок к этому разделу в характерных для Смита терминах «Производительный и непроизводительный труд», Маркс намекает на то, что этот взгляд Мальтуса был заимствован у Смита. — 27.
- ¹⁴ Лорд-дендриеризм (или дендриеризм) — важничавшее фатовство. Лорд Дендриери — персонаж из комедии английского писателя Тома Тейлора «Our American Cousin» («Наш американский родственник»), впервые поставленной на сцене в 1858 году. — 30.
- ¹⁵ Далее в рукописи стоят следующие три фразы: «Aber $600 : 400 = 66\frac{2}{3}$ p. c. Der Wert des Gesamtprodukts = 1 000 und der in Arbeitslohn ausgelegte Teil desselben = $\frac{6}{10}$. Was aber die Rechnung des Herrn Malthus?» Последняя фраза образует переход к дальнейшему тексту, но что Маркс хотел сказать двумя первыми фразами, остается неясным. — 31.
- ¹⁶ Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 52—53. — 32.
- ¹⁷ Автор анонимного сочинения «Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy» цитирует первое издание книги Мальтуса «Principles of Political Economy» (London, 1820), p. 121. — 33.
- ¹⁸ Маркс употребляет здесь, а также иногда в дальнейшем, термин «*cost price*» («Kostpreis», «Kostenpreis») в смысле издержек производства для капиталиста ($c + v$). См. примечание 6. — 35.
- ¹⁹ В рукописи здесь стоит слово «*Surplusprodukt*» («прибавочный продукт»), употребленное в том особом смысле, который Маркс специально оговаривает на стр. 703 своей рукописи («прибавочный продукт, т. е. в данном случае избыток продукта над той частью последнего, которая равна постоянному капиталу», см. настоящее издание, часть II, стр. 545), — т. е. в смысле *продукта вновь присоединенного труда* ($v + m$). Если постоянный капитал равен нулю, то «продукт вновь присоединенного труда» совпадает со *стоимостью* продукта. — 42.
- ²⁰ Под именем *Абрагама а Санта Клара* известен австрийский проповедник и литератор Ульрих Мегерле (1644—1709), стремившийся пропагандировать католицизм в доходчивой для широкой публики форме и выступавший с «душеспасительными» проповедями и нравоучительными сочинениями, составленными в якобы народном стиле. — 48.
- ²¹ В других местах Рикардо употребляет слово «*производитель*» («producer») в смысле «капиталист-предприниматель», как это отмечает Маркс в главе «Разное у Рикардо. Джон Бартон» (см. вторую часть настоящего издания, стр. 610; ср. там же цитаты из «Principles» Рикардо, 1/2 19 К. Маркс. «Капитал», т. IV, ч. III

- приводимые Марксом на стр. 467 и 474). Отождествление у Рикардо понятий «производитель» и «рабочий» Маркс отмечает на стр. 465 и 514 второй части настоящего издания. В этом же смысле Рикардо употребляет слово «производитель» и в цитатах, приводимых Марксом на стр. 512 и 605 второй части настоящего издания. — 50.
- 22 Развивая свой утопический проект социальных преобразований, Оуэн доказывал, что экономически, а также с точки зрения устройства домашнего быта наиболее целесообразным является строительство поселка трудовой коммуны в форме *параллелограмма* или *квадрата*. Эти идеи изложены Оуэном в ряде его выступлений, опубликованных в 1817—1821 годах (см. Роберт Оуэн. «Избранные сочинения» с вступительной статьей В. П. Волгина. Том I, М.—Л., 1950, стр. 11—13, 35—36, 100—102, 152, 219—222 и вклейка «Модель коммуны» между стр. 280—281; том II, М.—Л., 1950, стр. 338—339). — 50.
- 23 «*Установленной церковью*» («Established Church») в Англии называется английская государственная церковь, «англиканская» церковь. — 52.
- 24 Раздел об «*апологетической трактовке отношения капитала и наемного труда*» остался у Маркса ненаписанным. — 55.
- 25 Под «*Essay on Rent*» («Опыт о ренте») анонимный рикардиец подразумевает брошюру Мальтуса «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent, and the Principles by which it is regulated», London, 1815.—57.
- 26 Под «*планом Спенса*» имеется в виду план национализации земли, с которым начиная с 1775 г. выступал английский социалист-утопист Томас Спенс, требовавший отмены частной собственности на землю и распределения земельной ренты (после покрытия всех налогов и общественных расходов общины) между всеми жителями общины равными для всех долями. — 57.
- 27 В сочинениях Руссо этого высказывания найти не удалось. — 58.
- 28 Автор анонимного сочинения «*Outlines of Political Economy*» (Кейзнов) излагает здесь рассуждения Мак-Куллоха, содержащиеся в книге: J. R. MacCulloch. «The Principles of Political Economy». Edinburgh, 1825, p. 181—182. Ср. настоящее издание, часть III, стр. 171. — 64.
- 29 Это место из «*Wealth of Nations*» Адама Смита Маркс приводит и разбирает в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть I, стр. 66—68). — 65.
- 30 О том различии между *временем производства* и *рабочим временем*, которое имеет место, в частности, в земледелии, и о связанных с этим особенностях развития капитализма в земледелии Маркс писал в своей рукописи 1857—1858 годов (см. К. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 560—562). Понятие периода производства (в смысле периода, охватывающего, кроме рабочего времени, также и то время, в течение которого предмет труда подвергается воздействию только естественных процессов природы) подробно развито Марксом во втором томе «Капитала», отдел второй, глава 13. Ср. также настоящее издание, часть II, стр. 19. — 67.

- ³¹ Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 45—46. — 70.
- ³² Маркс цитирует книгу Джемса Милля «Elements of Political Economy». В первом издании книги Милля это место находится на стр. 74, во втором издании — на стр. 94. Маркс цитирует здесь это место, вероятно, по книге Самюэла Бейли «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» (стр. 202), где оно тоже рассматривается как направленное против Торренса. — 72.
- ³³ Маркс здесь исходит из предположения, что все издержки производства зерна, фигурирующие у Торренса в количестве 100 кварталов, сводятся к затратам на семена. В действительности же на производство 120 кварталов зерна затрачивается значительно меньшее количество семян — скажем, 20 или 30 кварталов. Остальные 70 или 80 кварталов идут на оплату орудий труда, удобрений, на заработную плату рабочим и т. д. Однако для аргументации Маркса это обстоятельство никакого значения не имеет. — 74.
- ³⁴ Эта характеристика капиталистов как «собратьев» получила у Маркса свое обоснование в III томе «Капитала». Исследовав процесс выравнивания нормы прибыли, при котором «каждый отдельный капиталист точно так же, как и совокупность всех капиталистов каждой отдельной сферы производства, участвует в эксплуатации всего рабочего класса всем капиталом и обуславливает своим участием определенную степень этой эксплуатации» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 215), Маркс пишет: «...мы имеем здесь математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» (там же, стр. 217). Ср. также настоящее издание, часть II, стр. 21. — 79.
- ³⁵ Эту цитату из книги Джемса Милля Маркс приводит по книге Бейли «A Critical Dissertation» (стр. 217), как это видно по небольшим отклонениям от текста книги Милля. — 84.
- ³⁶ Намек на анонимное полемическое сочинение, направленное против «споров о словах»: «Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821. В дальнейшем (в параграфе 3-м настоящей главы) Маркс дает подробную оценку этому анонимному сочинению. — 85.
- ³⁷ Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 80—81. — 86.
- ³⁸ Там же, стр. 160—162. — 86.
- ³⁹ T. R. Malthus. «The Measure of Value Stated and Illustrated». London, 1823, p. 17—18. — 91.
- ⁴⁰ Во второй части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть II, стр. 440 и 442) Маркс, говоря о «элорадстве» Сэя по поводу ссылки Рикардо на закон предложения и спроса при определении «стоимости труда» средствами существования, необходимыми для содержания рабочего, ссылается на французский перевод книги Рикардо,

сделанный Констансио и снабженный примечаниями Сэя. У Маркса здесь неточность. Сэй в своих примечаниях к тексту Рикардо «злорадствует» по поводу того, что при помощи предложения и спроса Рикардо определяет стоимость *денег*. Соответствующее место из примечаний Сэя Маркс приводит в «Нищете философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 116). Оно взято из книги: D. Ricardo. «Des principes de l'économie politique et de l'impôt». Traduit de l'anglais par Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tome II, Paris, 1835, p. 206—207. — 93.

⁴¹ В приложенном к книге Мак-Куллоха — Прево списке опечаток это место исправлено так: «le fermier de ce dernier acre ne pourrait point éluder son fermage» («арендатор этого последнего акра не мог бы увильнуть от уплаты соответствующей ренты»). — 104.

⁴² Маркс имеет в виду то примечание Сэя к 7-й главе «Начал политической экономии» Рикардо (глава «О внешней торговле»), в котором Сэй приводит пример с сахаром, ввозимым во Францию с Антильских островов и стоящим во Франции дешевле, чем стоил бы сахар, производимый в самой Франции. — 104.

⁴³ В первом очерке своих «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy» (London, 1844) Дж. Ст. Милль рассматривает «законы взаимного обмена между народами и распределение выгод торговли между странами торгового мира» и отмечает: «Часто путем торговли с иностранцами мы можем получать их товары с меньшими издержками труда и капитала, чем эти товары стоят самим иностранцам. И тем не менее такая торговля выгодна для иностранцев, потому что тот товар, который они получают взамен от нас, хотя он и стоил нам меньше, обошелся бы им дороже, если бы они производили его сами» (стр. 2—3). — 105.

⁴⁴ Под *фиктивным капиталом* Маркс понимает здесь капитал государственного долга, имея в виду, что государство (буржуазное или буржуазно-помещичье) расходует полученные займы деньги не как капитал и уплачивает за них проценты из собираемых с населения налогов. Ср. К. Маркс. «Капитал», том III, глава 29-я. — 110.

⁴⁵ Маркс ссылается здесь на первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 124—125. — 114.

⁴⁶ У Сэя (J. B. Say. «Traité d'économie politique». Seconde édition. Tome II, Paris, 1814, p. 382) сказано: «Продукты покупаются лишь на продукты». Критику этого положения Сэя см. во второй части настоящего издания, стр. 548—550 и 555—559. — 119.

⁴⁷ Глава 19-я в «Principles» Рикардо называется «О внезапных переменах в ходе торговли» («On sudden changes in the channels of trade»), причем под «торговлей» здесь понимается не только торговая, но и производственная деятельность в той или иной стране. Ср. настоящее издание, часть II, стр. 553. — 122.

⁴⁸ Маркс имеет в виду одну из тех тетрадей, в которых он делал выписки по политической экономии. Первые 63 страницы упоминаемой здесь Марксом VII тетради содержат окончание экономической рукописи

1857—1858 годов (см. К. Маркс. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 586—764). Начиная со страницы 63а (которая снабжена пометкой Маркса: «Начато 28 февраля 1859 года») в VII тетради содержатся выписки из работ Лютера, Ленге, Галиани, Верри, Паолетти, Мальтуса, Ричарда Джонса и других авторов. На 134-й странице VII тетради Маркс выписал из «Inquiry into those Principles...» (со страниц 110 и 112) ряд мест, в которых анонимный автор критикует и высмеивает Сэя. — 123.

- ⁴⁹ Маркс ссылается на свою XII тетрадь выписок, на обложке которой рукою Маркса написано: «Лондон, 1851 г., июль». На стр. 13 этой тетради сделаны выписки со страниц 97, 99, 103—104, 106—108 и 111 анонимного «Inquiry».

О земельных собственниках, рента которых понижает прибыль капиталистов, говорится в выписке со страниц 54—55 «Inquiry», находящейся на стр. 12 Марксовой тетради XII. — 124.

- ⁵⁰ В начале 12-й страницы своей XII тетради выписок Маркс выписывает из «Inquiry into those Principles» (стр. 15) критическое замечание анонимного автора против рассуждения Сэя о том, что перепроизводство в Англии имеет своей причиной недопроизводство в Италии. Ср. настоящее издание, часть I, стр. 223, часть II, стр. 590—591 и часть III, стр. 261. — 124.

- ⁵¹ Перед этим анонимный автор привел цитату из книги Сэя («Lettres à M. Malthus», Paris, 1820, p. 46), содержащую положение Сэя о том, что «продукты покупаются только на продукты». Это же положение фигурирует у Сэя и в такой форме: «произведенная продукция всегда находит для себя рынок» («An Inquiry into those Principles...», London, 1821, p. 13, 110). — 124.

- ⁵² *Положенное* (das Gesetzte) — термин гегелевской философии, обозначающий нечто обусловленное в отличие от безусловного, изначального, первичного, — нечто имеющее свое основание не в себе самом, а в чем-то другом. — 130.

- ⁵³ Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 20—21 и 35—36. — 131.

- ⁵⁴ Речь идет о первом выпуске «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 51—53. — 135.

- ⁵⁵ [S. Bailey.] «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value». London, 1825, p. 71—93. Ср. настоящее издание, часть II, стр. 551 и часть III, стр. 156—157 и 165. — 153.

- ⁵⁶ Во всем этом рассуждении под «*порцией*» продукта, достающейся рабочим (соответственно: капиталисту), понимается количество натуральных единиц того продукта, в котором овеществлен вновь присоединенный труд, а под «*пропорцией*» — процентная доля этого продукта, достающаяся той или другой стороне. Если, например, вновь присоединенный труд рабочих был овеществлен в 100 натуральных единицах продукта, причем доля рабочих составляла 60%, а доля капиталиста 40%, то при увеличении количества продукта вдвое (в результате роста производительности труда) и при сохранении прежнего распределения продукта между рабочими и капиталистом «*порция*» рабочих

- увеличится на 60 натуральных единиц, а «порция» капиталиста — только на 40 натуральных единиц. Но если при этом доля капиталиста с 40% увеличится до 48%, то доля рабочих уменьшится с 60% до 52%, хотя их «порция» все же увеличится на 44 натуральных единицы (при одновременном увеличении «порции» капиталиста на 56 натуральных единиц). — 155.
- 57 Если вместо произвольно взятых цифр «50, 60 или 70 кварталов на одного рабочего» подобрать цифры, соответствующие приведенному выше (на стр. 154—155) примеру Бейли, то получим: « $12\frac{1}{2}$, 25 или $37\frac{1}{2}$ кварталов на одного рабочего». — 159.
- 58 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 13—15. — 168.
- 59 В нумерации страниц рукописи здесь у Маркса описка: вместо «838» проставлено «839». — 169.
- 60 J. R. MacCulloch. «The Principles of Political Economy». Edinburgh, 1825, p. 181—182. Маркс приводит эту цитату по книге Кейзнона «Outlines of Political Economy», London, 1832. См. настоящее издание, часть III, стр. 64. — 171.
- 61 D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, p. 1—12. — 173.
- 62 Намек на слова одного из солдат Валленштейна в драме Шиллера «Лягеръ Валленштейна» (явление VI):
 «Как герцог сморкается, как плюет —
 Это вы быстро схватили. А вот
 В чем его гений, дух, так сказать, —
 Того на парадном смотру не понять». — 175.
- 63 Маркс, очевидно, имеет в виду второе издание книги Мак-Куллоха «Principles of Political Economy», вышедшее в 1830 г., так как первое издание этой книги, которое обычно цитируется у Маркса, было опубликовано в 1825 г., т. е. до выхода в свет «Wealth of Nations» Смита с мак-куллоховскими «примечаниями и рассуждениями». — 176.
- 64 «Основой стоимости товаров» («the foundation of the value of commodities») Рикардо называет труд в ряде мест своих «Principles» (например, на стр. 80 третьего издания). В качестве «меры стоимости» («measure of value») труд характеризуется у Рикардо на стр. 333—334 третьего издания «Principles». Ср. настоящее издание, часть III, стр. 140, где Маркс приводит соответствующие места из «Principles» Рикардо. — 180.
- 65 Выражение Фауста из первой части гётевского «Фауста», сцена шестнадцатая («Сад Марты»). Соответствующее место из книги Джемса Милля Маркс привел выше, на стр. 84. — 181.
- 66 Это — цитата из книги Сэя «Traité d'économie politique». Seconde édition. Tome I, Paris, 1814, p. LI—LII. — 184.
- 67 W. Roscher. «System der Volkswirtschaft». Erster Band: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 82, 191. — 186.

- ⁶⁸ Раздел о Мак-Куллохе, как и вся глава «Разложение рикардианской школы» (за исключением раздела о Дж. Ст. Милле, написанного весной 1862 г.), написан Марксом в октябре 1862 г. (это отмечено самим Марксом на обложке XIV тетради, в которую входит данная глава). — 189.
- ⁶⁹ W. Roscher. «System der Volkswirtschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 353.
Маркс называет Рошера именем крупнейшего древнегреческого историка Фукидида в связи с тем, что «господин профессор Рошер скромно объявил себя Фукидидом политической экономии», как пишет Маркс в дальнейшем (см. настоящее издание, часть III, стр. 528). Наименование «Фукидид Рошер» имеет сугубо иронический характер: в ряде мест Маркс показывает, что Рошер грубо искажал как историю экономических отношений, так и историю экономических теорий. Ср. настоящее издание, часть II, стр. 128—130. — 189.
- ⁷⁰ Действительным автором этой брошюры был английский публицист Джон Уилсон, печатавшийся под различными псевдонимами. — 189.
- ⁷¹ «The Edinburgh Review, or Critical Journal» («Эдинбургское обозрение, или Критический журнал») — английский буржуазный литературно-политический журнал, выходил с 1802 по 1929 год. В 20—30-х годах XIX в. выпускался раз в 3 месяца и был органом партии вигов. Большинство статей по экономическим вопросам, публиковавшихся в нем в этот период, принадлежало Мак-Куллоху. — 190.
- ⁷² «The Scotsman; or Edinburgh Political and Literary Journal» («Шотландец, или Эдинбургская политическая и литературная газета») — английская буржуазная газета, выходит с 1817 года. В первой половине XIX в. — орган партии вигов. С момента основания газеты и до 1827 г. в ней печатались статьи Мак-Куллоха, посвященные экономическим вопросам. В 1818—1820 гг. Мак-Куллох был редактором газеты. — 190.
- ⁷³ «Encyclopaedia Britannica» («Британская энциклопедия») — многотомный английский (в настоящее время англо-американский) энциклопедический словарь. Выходит с 1768 г. постоянно обновляющимися изданиями. До конца XIX в. издавался в Эдинбурге. — 190.
- ⁷⁴ Маркс имеет в виду обширное отступление о Дж. Ст. Милле, содержащееся в VII и VIII тетрадях рукописи 1861—1863 годов (стр. 319—345 рукописи). В соответствии с оглавлением «Теорий прибавочной стоимости», составленным Марксом на обложках своих тетрадей, и с указанием Маркса в тексте VII тетради рукописи (см. настоящее издание, часть I, стр. XXIV) раздел о Дж. Ст. Милле перенесен в третью часть настоящего издания, где он напечатан на стр. 194—244.
О «неправильном приеме исчисления заработной платы как доли в продукте» Маркс говорит ниже на стр. 230—233. — 191.
- ⁷⁵ Когда Маркс в начале 1862 г. приступил к написанию своих «Теорий прибавочной стоимости», он мыслил их себе как пятый, заключительный, раздел исследований о процессе производства капитала, непосредственно следующий за разделом о сочетании абсолютной и относительной прибавочной стоимости (см. настоящее издание, часть I, стр. VI).

Однако в ходе работы над «Теориями» Маркс пришел к мысли о необходимости вставить между четвертым разделом («Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости») и «Теориями прибавочной стоимости» еще два раздела: «Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал» и «Результат процесса производства» (см. там же, стр. 424). Это и объясняет ссылку на еще не написанный в октябре 1862 г. (см. примечание 68) раздел о *«Превращении прибавочной стоимости в капитал»*, где должны были быть освещены, в частности, и некоторые взгляды Уэйкфилда. Речь идет в первую очередь о положении Уэйкфилда «труд создает капитал, прежде чем капитал применяет труд», которое приводится Марксом в примечании 22-м к 22-й главе I тома «Капитала», носящей тот же заголовок «Превращение прибавочной стоимости в капитал». — 191.

⁷⁶ Под «*прибавочным продуктом*» (*surplus produce*) Уэйкфилд понимает ту часть продукта, которая превышает то, что необходимо для «возмещения капитала с обычной прибылью» (Уэйкфилд, комментарии ко II тому его издания «Wealth of Nations» А. Смита, стр. 215 и 217). — 192.

⁷⁷ Речь идет о книжке Джона Стюарта Милля «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy», London, 1844, которую Маркс цитировал в главе «Теории о производительном и непроизводительном труде» (см. настоящее издание, часть I, стр. 165—166). — 194.

⁷⁸ Маркс имеет в виду книгу Джона Стюарта Милля «Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy». In two volumes. London, 1848. — 194.

⁷⁹ Это различие Маркс сформулировал во II тетради рукописи 1861—1863 годов, в разделе «Превращение денег в капитал» (стр. 88 рукописи), где сказано: «Издержки производства для капиталиста — это только сумма авансированных им стоимостей, так что стоимость продукта оказывается равной стоимости авансированного капитала. С другой стороны, действительные издержки производства продукта равны сумме рабочего времени, содержащегося в продукте. Но сумма рабочего времени, содержащегося в продукте, превышает сумму того рабочего времени, которое капиталист авансировал или оплатил, и этот избыток стоимости продукта над той стоимостью продукта, которая капиталистом оплачена или авансирована, как раз и образует прибавочную стоимость».

К этому же вопросу Маркс вернулся в XIV тетради, в разделе о Торренсе (см. настоящее издание, часть III, стр. 76—80), и в XV тетради, в разделе о вульгарной политической экономии (см. настоящее издание, часть III, стр. 539—540). — 197.

⁸⁰ Маркс имеет в виду книгу Джона Стюарта Милля «A System of Logic, Ratiocinative and Inductive, being a connected view of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation». In two volumes. London, 1843. — 200.

⁸¹ Согласно ошибочным рассуждениям Милля, приведенным выше на стр. 200, капиталист № 1, применявший постоянный капитал и 60 рабочих, затрачивал для производства 1 квартера хлеба (являющегося заработной платой одного рабочего) $\frac{6}{9}$ квартера хлеба ($\frac{120}{180} = \frac{2}{3} = \frac{6}{9}$),

а капиталист № 2, обходящийся без постоянного капитала и применяющий 100 рабочих, затрачивает на 1 квартал хлеба всего лишь $\frac{5}{9}$ квартала ($\frac{100}{180} = \frac{5}{9}$), т. е. у капиталиста № 2 «издержки производства заработной платы» для одного рабочего *понижились* на $\frac{1}{9}$ квартала, или, другими словами, у капиталиста № 1 эти «издержки производства заработной платы» на одну пятую (на 20%) больше, чем у капиталиста № 2. — 210.

82 К вопросу о том, влияет ли на норму прибыли соединение в руках одного капиталиста производства готового продукта с производством постоянного капитала для этого продукта, Маркс возвращается в той же VIII тетради, в которой заканчивается раздел о Дж. Ст. Милле, — на стр. 368 рукописи (см. настоящее издание, часть I, стр. 208) — и в середине X тетради, в главе о Родбертусе, на стр. 461—464 рукописи (см. настоящее издание, часть II, стр. 43—51). — 223.

83 См. примечание 12. — 226.

84 Маркс имеет в виду тетради I — V своей рукописи 1861—1863 годов, в которых он развил свою теорию прибавочной стоимости (в разделах: «Превращение денег в капитал», «Абсолютная прибавочная стоимость», «Относительная прибавочная стоимость»). — 234.

85 Маркс имеет в виду ту часть своего исследования, которая впоследствии выросла в третий том «Капитала». — 235.

86 Маркс здесь впервые формулирует основную идею своего учения о *превращении прибавочной стоимости в среднюю прибыль*, трансформирующем стоимости товаров в отличные от них *цены производства*. Это место рукописи написано весной 1862 г. (см. в тексте стр. 229). Ср. также настоящее издание, часть I, стр. 71, где впервые появляется термин «средняя цена» для обозначения цены производства, отличающейся от стоимости. Более подробно учение о средней прибыли и ценах производства Маркс развил в июне 1862 г. (в главе о Родбертусе — см. настоящее издание, часть II, стр. 19—22, 25, 63—69) и в июле — августе 1862 г. (в связи с критическим анализом системы экономических взглядов Рикардо — см. там же, стр. 186—234). — 242.

87 Речь идет о последних 13 страницах VII тетради и первых 14 страницах VIII тетради, на которых написано обширное отступление о Дж. Ст. Милле. См. примечание 74. — 244.

88 «Этот невероятнейший кропатель» («this most incredible cobbler») — так называет Мак-Куллоха автор брошюры «Some Illustrations of Mr. M'Culloch's Principles of Political Economy». См. выше в тексте стр. 190. — 245.

89 Как видно из дальнейших разъяснений Маркса, под «стоимостью капитала» («the value of capital») автор памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties» понимает высоту «процента на капитал», т. е. отношение того количества прибавочного труда, которое присваивает себе владелец капитала, к величине применяемого им капитала (под «процентом на капитал» автор памфлета понимает то, что Маркс

называет прибавочной стоимостью, но у автора памфлета здесь имеет место смешение нормы прибавочной стоимости с нормой прибыли: выжимаемый из рабочих прибавочный труд он непосредственно соотносит с авансированным капиталом в целом). — 246.

- ⁹⁰ Раздел «Доход и его источники» Маркс уже в январе 1863 г. планировал для третьей части «Капитала» (см. настоящее издание, часть I, стр. 425). Но на обложке XIV тетради, написанной в октябре 1862 г., этот раздел фигурирует в качестве «эпизода», примыкающего к последней главе «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть I, стр. 5). И действительно, в XV тетради, написанной в октябре и ноябре 1862 г., имеется большой раздел, посвященный проблеме дохода и его источников, рассматриваемой в связи с критикой вульгарной политической экономии. Но о «фантазии Прайса» там ничего нет. Критический анализ этой фантазии дан Марксом в 24-й главе III тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 434—436, 438). — 247.
- ⁹¹ Маркс имеет в виду только что вышедшую тогда книгу Кернса «The Slave Power: its Character, Career, and Probable Designs: being An Attempt to Explain the Real Issues involved in the American Contest» (London, 1862). Эту книгу он неоднократно цитирует в I и III томах «Капитала». — 250.
- ⁹² Маркс имеет в виду рассуждения Сэя (в его «Lettres à M. Malthus», Paris, 1820, p. 15) о том, что если, например, в Италии наблюдается переполнение рынка английскими товарами, то причиной этого является недостаточное производство тех итальянских товаров, которые могли бы быть обменены на английские товары. Эти рассуждения Сэя цитируются в анонимном трактате «An Inquiry into those Principles...» (London, 1821, p. 15) и фигурируют в сделанных Марксом выписках из «An Inquiry into those Principles...» в его записной тетради XII, стр. 12. Ср. настоящее издание, часть I, стр. 223, часть II, стр. 590—591 и часть III, стр. 124. — 261.
- ⁹³ Во второй части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс приводит и разбирает содержащие эту формулировку цитаты из книги Рикардо (см. настоящее издание, часть II, стр. 195, 197 и 442). — 268.
- ⁹⁴ Под «индустрией потребления» («industry of consumption») Рейвнстон понимает производство предметов роскоши и выполнение всякого рода услуг для обладателей собственности. — 269.
- ⁹⁵ Соответствующее место из книги Гопкинса «On Rent of Land, and its Influence on Subsistence and Population» (London, 1828, p. 126) Маркс привел в главе «Замечания об истории открытия так называемого рикардовского закона земельной ренты» (см. настоящее издание, часть II, стр. 147). — 273.
- ⁹⁶ Маркс имеет в виду ходячее английское выражение «capital employs labour» («капитал применяет труд»), в котором отразилась самая суть отношения капитала к наемному труду. В XXI тетради своей рукописи 1861—1863 годов, раскрывая смысл «производительности капитала», Маркс пишет: «...средства производства, вещественные условия труда — материал труда, средства труда (а также и жизненные средства) — выступают [при капиталистическом способе производства] не как под-

- чиненные рабочему; наоборот, рабочий подчинен им. Не он применяет их, а они применяют его. В силу этого они и являются капиталом» (см. настоящее издание, часть I, стр. 397; ср. также часть I, стр. 68, часть II, стр. 465—466 и часть III, стр. 114—115). — 275.
- 97 В этом месте рукописи нумерация страниц перепутана: после страницы 864 текст переходит на страницу 867, затем продолжается на страницах 868, 869, 870, 870а, далее на страницах 865, 866 и, наконец, на страницах 870b, 871, 872 и т. д. Переходы от одной несмежной страницы к другой указаны самим Марксом. — 275.
- 98 См. примечание 88. — 276.
- 99 Маркс ссылается на еще не написанный им в то время (октябрь 1862 г.) раздел о первоначальном накоплении, который, согласно плану Маркса (см. настоящее издание, часть I, стр. 424), должен был предшествовать «Теориям прибавочной стоимости». Предварительный набросок этого раздела содержится в экономической рукописи 1857—1858 годов (см. К. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Moskau, 1939, S. 363—374). — 281.
- 100 Об основных моментах процесса воспроизводства Маркс говорил в предыдущих главах «Теорий прибавочной стоимости» в связи с критическим анализом воззрений А. Смита и Д. Рикардо. В частности, о необходимости *одновременного* производства и воспроизводства всех элементов того или другого товара речь шла на стр. 90—92 и 128—129 первой части настоящего издания и на стр. 524—525, 538 и 539 второй части. — 288.
- 101 Соображения Корбета о постоянном переполнении рынка и о том, что предложение всегда превышает спрос, изложены на стр. 115—117 его книги «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained», London, 1841. — 296.
- 102 «The Economist» («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — 298.
- 103 Об *уменьшении наличных запасов товаров* по мере развития торговли и средств сообщения Сисмонди говорит в I томе своих «Etudes sur l'économie politique», Bruxelles, 1837, стр. 49 и следующие. — 298.
- 104 Маркс характеризует здесь деньги как «*только формальное бытие*» («bloßes Formdasein») в том смысле, что потребительная стоимость денег, «хотя и реально существующая, выступает в самом процессе [обмена] как только формальное бытие, которое должно еще реализоваться путем превращения в действительные потребительные стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 35). — 302.
- 105 Маркс имеет в виду книгу Самюэла Ленга (младшего) «National Distress; its Causes and Remedies», London, 1844, p. 149—154. В 115-м примечании к 23-й главе I тома «Капитала» Маркс приводит выдержку из этой книги, характеризующую крайне тяжелые жилищные условия рабочих в крупных капиталистических городах. — 303.

- ¹⁰⁶ О *фетишистском характере* товара, денег и капитала Маркс говорит в первом выпуске «К критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 20—23, 35—36 и 136—137). — 306.
- ¹⁰⁷ В написанном примерно за полгода до этих рассуждений о Годскине незаконченном разделе об английском социалисте Брее Маркс приводит, между прочим, такие слова Брея: «Не капиталист, а капитал имеет существенное значение для операций производителей. Между капиталом и капиталистом существует такая же большая разница, как между грузом корабля и накладной, сопровождающей этот груз» (см. настоящее издание, часть III, стр. 333). — 307.
- ¹⁰⁸ Эти сопоставления слов различных индоевропейских языков Маркс взял у «одного бельгийского этимолога», как он сообщает Энгельсу в письме от 16 июня 1864 г., причем сам Маркс, как видно из этого же письма, не был уверен в том, что все они достаточно обоснованы. «Один бельгийский этимолог» — это Оноре Жозеф Шаве, автор книги «*Essai d'étymologie philosophique*» (Bruxelles, 1844). Ссылки на французское слово «*valeur*» и английское слово «*value*», вставленные во вторую цитату из книги Шаве, добавлены самим Марксом. В книге Шаве немецкое слово «*walle*» (фигурирующее во второй цитате) снабжено пометкой о том, что это — устаревшая, вышедшая из употребления форма. — 308.
- ¹⁰⁹ Непосредственно следующая за этим местом фраза в брошюре Годскина поясняет, что Годскин имеет здесь в виду под «подведением некоторого рода баланса»: «Капиталисты позволяют рабочим иметь средства существования, ибо они не могут обходиться без труда рабочих, и весьма великодушно довольствуются тем, что берут себе каждую частьцу продукта, которая не является необходимой для этой цели», т. е. для обеспечения физического минимума заработной платы. — 309.
- ¹¹⁰ Имеется в виду книга Чалмерса «*On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society*», 2nd edition, Glasgow, Edinburgh, Dublin and London, 1832, стр. 88—89 и др. — 323.
- ¹¹¹ См. примечание 23. — 323.
- ¹¹² Маркс ссылается на свою IX тетрадь выписок, относящуюся к 1851 году. На стр. 47 этой тетради сделаны выписки со страниц 252—256 книги Годскина «*Popular Political Economy*» (см. русский перевод Сочинений Годскина, стр. 205—207). — 330.
- ¹¹³ Раздел о Брее остался у Маркса незаконченным. Фактически Маркс ограничился только тем, что собрал наиболее важные высказывания Брея как «противника политико-экономов». Утопическое учение Брея о «равном обмене» как средстве для устранения тех несправедливостей, жертвой которых является рабочий класс, Маркс подверг критическому анализу еще в «Нищете философии» (1847 г.), в § II первой главы, озаглавленной «Конституированная, или синтетическая, стоимость» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 102—109). О взглядах Брея на сущность и роль денег см. у Маркса: рукопись 1847 года «Заработная плата» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 584); «*Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie*» (Moskau, 1939), S. 55, 690, 754;

письмо Маркса к Энгельсу от 2 апреля 1858 года; «К критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 70). — 331.

114 Маркс имеет в виду «Таблицу доходов и расходов различных семейств в Англии в 1688 году», составленную одним из первых английских статистиков Грегори Кингом и включенную Чарлзом Давенантом в свою книгу «An Essay upon the Probable Methods of making a People Gainers in the Ballance of Trade» (London, 1699). Об этой «Таблице» Маркс говорит в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть I, стр. 161). — 336.

115 Под термином «средняя цена» («average price», «Durchschnittspreis») Маркс понимает здесь то же самое, что под термином «цена производства», т. е. издержки производства ($c + v$) плюс средняя прибыль. Самый термин «средняя цена» указывает на то, что здесь имеется в виду «средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена», как Маркс разъясняет на стр. 348 второй части настоящего издания. Впервые этот термин встречается у Маркса на стр. 71 первой части настоящего издания. Во второй части издания он много раз встречается в главах о Родбертусе и Рикардо наряду с терминами «цена издержек» и «цена производства». — 342.

116 Маркс имеет в виду отдел «Капитал и прибыль», который был начат им в XVI тетради рукописи 1861—1863 годов (эта XVI тетрадь помечена декабром 1862 г., тогда как тетрадь XVIII, в которой содержатся главы о Рамсее, Шербюлье и Джонсе, помечена январем 1863 г.). Вопрос о превращении стоимостей в цены производства Маркс предполагал рассмотреть во второй главе отдела «Капитал и прибыль», как это видно из наброска плана этой главы, написанного вскоре после главы о Рамсее (см. настоящее издание, часть I, стр. 425—426). Отдел «Капитал и прибыль» вырос в дальнейшем в III том «Капитала».

О сформулированных Давидом Рикардо «исключениях» из определения стоимости рабочим временем Маркс подробно говорит во второй части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, часть II, стр. 186—219; ср. также часть III, стр. 67). — 344.

117 Если в первоначальном расчете предполагалось, что во втором случае издержки производства на орудия труда и на рабочую силу исчисляются уже по той вдвое меньшей стоимости одного квартера хлеба, которая определилась в результате удвоившегося урожая, то теперь Маркс обращает внимание на то обстоятельство, что это понижение стоимости одного квартера произошло лишь осенью второго года, а до осени стоимость квартера была вдвое выше. Поэтому если в первоначальном расчете издержки производства во втором случае выражались суммой $20c + 40v + 40v = 100$ кварталов, то теперь оказывается, что они выражаются той же суммой, как и для первого случая, т. е. суммой $20c + 20c + 20v = 60$ кварталов. Так как урожай во втором случае равен 200 квартерам, то на долю прибыли остается 140 кварталов. — 352.

118 Маркс имеет в виду книгу вульгарного немецкого экономиста Рошера «Die Grundlagen der Nationalökonomie», 1858, S. 385, где Рошер, говоря о разделении прибыли на предпринимательскую прибыль и процент, ссылается на «Outline» Сениора. Указывая, что разделение прибыли на «предпринимательскую прибыль» и «чистую прибыль

с капитала» было известно уже в 1821 и 1822 гг., Маркс, по всей вероятности, имеет в виду анонимное сочинение «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption» (London, 1821), p. 52—53, и книгу Гопкинса «Economical Enquiries relative to the Laws which regulate Rent, Profit, Wages, and the Value of Money» (London, 1822), p. 43—44. — 365.

¹¹⁹ Маркс имеет в виду работу Шторха «Cours d'économie politique», Paris, 1823, том I, книга III, глава XIII. — 367.

¹²⁰ О кооперативных фабриках рабочих в Англии см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 97, 425—428 и 483—484. Ср. также настоящее издание, часть III, стр. 522—523. — 368.

¹²¹ Маркс имеет в виду книгу Корбета «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation Explained», London, 1841, p. 100—102. — 369.

¹²² «The Morning Star» («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган манчестерских фритредеров Кобдена и Брайта; выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — 373.

¹²³ Здесь речь идет о плане «Теорий прибавочной стоимости». В записанном Марксом на обложке XIV тетради плане последних глав «Теорий» содержится пункт «n) Шербюлье» (см. настоящее издание, часть I, стр. 5), в соответствии с которым и написана настоящая глава. Что касается Сисмонди, то его взгляды Маркс предполагал рассмотреть не в «Теориях прибавочной стоимости», а в той дальнейшей части своего труда, которая должна была трактовать о «Конкуренции капиталов и кредите» (см. об этом настоящее издание, часть III, стр. 49). — 374.

¹²⁴ «Коммерческой прибылью» («profit mercantile») Шербюлье называет прибыль отдельного капиталиста, в отличие от прибыли всего общества. — 382.

¹²⁵ Под «добывающими отраслями производства» («industries extractives») Шербюлье понимает не только добычу полезных ископаемых, заготовку леса, рыболовство, охоту, но также и все виды сельского хозяйства, производящие сельскохозяйственное сырье. — 382.

¹²⁶ Далее в рукописи, в виде заключенного в квадратные скобки отступления, набросан план 2-й главы III части «Капитала», где Маркс предполагал исследовать вопрос об образовании общей нормы прибыли. В сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса этот план напечатан в «Приложениях» к первой части 26-го тома (стр. 425—426). — 389.

¹²⁷ Маркс имеет в виду исследование торгового капитала, содержащееся в тетрадях XV и XVII рукописи 1861—1863 годов, в особенности стр. 964 (тетрадь XV) и стр. 1030 (тетрадь XVII). — 410.

¹²⁸ Маркс имеет в виду рассуждения Джемса Милля в его книге «Elements of Political Economy», London, 1821 (глава 4, раздел 5: «Налоги на земельную ренту»), где Милль доказывает целесообразность оплаты всех расходов государства за счет *всей* земельной ренты в тех случаях, когда земля еще не является частной собственностью, и за счет *при-*

роста земельной ренты в тех случаях, когда земля уже является частной собственностью и когда имеет место рост земельной ренты по сравнению с ее прежним уровнем. — 412.

- ¹²⁹ «Первым последствием нынешнего распределения богатств» Шербюлье называет неравенство между богатыми и зависящими от них бедняками. — 413.
- ¹³⁰ Маркс имеет в виду помещенную без подписи в томе LIV этого журнала (август — декабрь 1831 г.) рецензию на только что вышедшую тогда книгу Джонса «An Essay on the Distribution of Wealth». — 414.
- ¹³¹ *Райят* — индийский крестьянин. Джонс применяет этот термин к таким крестьянам в Индии и других азиатских странах, которые платили ренту-налог продуктами суверену, считавшемуся верховным собственником всей земли. — 415.
- ¹³² Под термином «*коттер*» («cottier») Джонс понимает ирландского безземельного крестьянина, арендующего у лендлорда клочок пахотной земли за определенную денежную плату. — 416.
- ¹³³ Эта формулировка А. Смита находится в 3-й главе II книги его «Wealth of Nations» (см. А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Том I, М.—Л., 1935, стр. 282). — 426.
- ¹³⁴ Далее в рукописи идет коротенькая вставка, относящаяся к главе о Рамсее и помещенная в третьей части настоящего издания, в виде подстрочной сноски, на стр. 365. — 429.
- ¹³⁵ То, что Джонс называет «*рабочим фондом*» («Labor Fund»), у Мальтуса фигурирует под названием «фонды для содержания труда» («funds for the maintenance of labour»). Этот термин многократно встречается уже в первом издании мальтусовского «Essay on the Principle of Population» (London, 1798, стр. 303, 305, 306, 307, 312, 313 и др.). В пятом издании (London, 1817) он встречается главным образом в 5-й и 6-й главах III книги. Встречается он также и в «Principles of Political Economy» Мальтуса, например в месте, цитируемом в третьей части настоящего издания на стр. 28. — 429.
- ¹³⁶ В «Лекциях о труде и капитале» Джонс говорит о Варвике следующее: «Знаменитому графу Варвику, «делателю королей», приходилось, как рассказывают, ежедневно кормить в своих замках и домах 40 тысяч человек» (Р. Джонс. «Экономические сочинения». Ленинград, 1937, стр. 280). — 432.
- ¹³⁷ Эта же цитата вновь дается Марксом на последней странице XVIII тетради (стр. 1157 рукописи), где она снабжена приводимыми здесь дополнительными замечаниями Маркса. — 434.
- ¹³⁸ О *доходах и их источниках* Маркс трактует во второй половине XV тетради рукописи 1861—1863 годов, вскрывая в этой связи классовые и гносеологические корни вульгарной политической экономии (см. настоящее издание, часть III, стр. 471—568). Этот «эпизод», как его на обложке XIV тетради называет Маркс, т. е. экскурс или добавление к основному тексту «Теорий прибавочной стоимости», в дальнейшем

предназначался Марксом для третьей части «Капитала», как это видно из составленного им в январе 1863 года плана этой части, согласно которому девятая глава должна была иметь заголовок «Доход и его источники» (см. настоящее издание, часть I, стр. 425). — 440.

139 У Маркса неточность: из двух английских экономистов, о которых здесь идет речь, только Джонс был попом. — 445.

140 Далее в рукописи, в виде заключенного в квадратные скобки отступления, набросан план III части, или III отдела, «Капитала» — «Капитал и прибыль». В Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса этот план напечатан в «Приложениях» к первой части 26-го тома (стр. 425). — 446.

141 Далее в рукописи (на стр. 1140—1144) содержатся: набросок плана I части, или I отдела, «Капитала» — «Процесс производства капитала», — напечатанный в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса в «Приложениях» к первой части 26-го тома (стр. 424), а затем выписки из газет, журналов и книг по вопросам о высоте процентной ставки, об эксплуатации рабочего класса капиталистами, о различных соотношениях между постоянным и переменным капиталом. Некоторые из них приведены Марксом в I и III томах «Капитала». Небольшой отрывок со стр. 1142, касающийся апологетического взгляда вульгарной политической экономии на прибыль как на «заработную плату» капиталиста, напечатан в «Приложении» к третьей части настоящего издания, стр. 523. — 447.

142 Джонс цитирует здесь физиократический ежемесячник «Ephémérides du Citoyen» («Календарь гражданина») за 1767 г., часть III, стр. 56. — 450.

143 Маркс имеет в виду книгу французского врача и путешественника Франсуа Бернье «Voyages contenant la description des Etats du Grand Mogol», вышедшую впервые в 1670—1671 гг. в Париже и потом неоднократно переиздававшуюся. В письме к Энгельсу от 2 июня 1853 года Маркс приводит длинные выдержки из этой работы Бернье, в том числе и то место, где проводится сравнение индийских городов с военными лагерями (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 214—215). — 453.

144 Маркс рассматривает здесь вопрос о *рентабельности применения нового основного капитала*. Капиталист будет применять добавочный основной капитал только в том случае, если дополнительные расходы по возмещению износа компенсируются уменьшением себестоимости единицы продукта вследствие увеличения его количества. Мысль Маркса может быть иллюстрирована следующим примером.

Пусть при ручном прядении производится 10 фунтов пряжи общей стоимостью в 10 ф. ст., из которых 8 ф. ст. затрачиваются на сырье и 2 ф. ст. — на рабочую силу (прибыль Маркс оставляет здесь в стороне). Стало быть, стоимость 1 фунта пряжи при ручном прядении равна 1 ф. ст. Пусть, далее, в результате введения машин количество производимой пряжи увеличилось в 100 раз (1 000 фунтов вместо 10), причем затраты на сырье также возросли в 100 раз, а затраты на рабочую силу возросли в меньшей степени, например в 10 раз. В таком случае стоимость 100 фунтов пряжи равна 800 ф. ст. (затраты на сырье) + 20 ф. ст. (затраты на рабочую силу) + 164 ф. ст. (износ основного капитала в этом случае составляет, по предположению Маркса, $\frac{1}{8}$ стоимости пряжи), т. е. равна 984 ф. ст. Цена 1 фунта пряжи состав-

ляет в этом случае примерно $\frac{9}{10}$ ф. ст., т. е. пряжа подешевела по сравнению с ручным прядением. Это означает, что применение машин оказалось здесь рентабельным.

Если же количество пряжи увеличилось только в 10 раз (100 фунтов вместо 10), то стоимость пряжи теперь равна 80 ф. ст. (затраты на сырье) + 12 ф. ст. (затраты на рабочую силу, возросшие, допустим, в 6 раз) + $10\frac{2}{9}$ ф. ст. (величина износа основного капитала, согласно предположению Маркса, уменьшилась теперь до $\frac{1}{10}$ стоимости пряжи), т. е. равна $102\frac{2}{9}$ ф. ст. Стоимость одного фунта пряжи теперь превышает 1 ф. ст. Это означает, что, несмотря на относительное уменьшение расходов на возмещение износа основного капитала (с $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{10}$), пряжа, произведенная при помощи машин, была бы в этом случае дороже пряжи, произведенной ручным способом. Следовательно, применение машин оказалось бы здесь для капиталиста нерентабельным. — 455.

145 Во II томе «Капитала» Маркс указывает, что часть веществ, внесенных в почву для ее улучшения, в течение более или менее длительного времени «продолжает существовать в качестве средств производства и потому приобретает форму основного капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 179). В этом смысле Маркс и говорит в тексте о «возмещении износа» гуано, внесенного в почву. — 455.

146 *Общество искусств и ремесел* (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в Лондоне в 1754 году. Доклад Мортонa был напечатан в еженедельнике Общества «Journal of the Society of Arts» («Журнал Общества искусств и ремесел»), в номере от 9 декабря 1859 г. Цитируемое Марксом место находится на стр. 56 этого номера журнала. — 463.

147 В набросанном на обложке XIV тетради плане заключительных глав «Теорий прибавочной стоимости» после главы «Ричард Джонс», снабженной помещенной в скобки пометкой «Конец этой 5-й части», Маркс написал: «Эпизод: Доход и его источники» (см. настоящее издание, часть I, стр. 5), а в набросанном на обложке XV тетради перечне содержания этой тетради имеется пункт «Вульгарная политическая экономия» (там же, стр. 5). Этим двум темам — «доходу и его источникам» и «вульгарной политической экономии» — посвящена значительная часть XV тетради рукописи, причем трактуются они в тесной переплетенности друг с другом. В этой тетради (она написана в октябре — ноябре 1862 г.) Маркс на 890-й странице рукописи прервал анализ взглядов Годскина ради «эпизода» (т. е. экскурса) о доходе и его источниках и о вульгарной политической экономии, которая цепляется за поверхностную видимость фетишизированных форм дохода и его источников, строя на этом свои апологетические теории. В дальнейшем ходе изложения относящихся сюда вопросов (в той же XV тетради) этот «эпизод» перешел сначала в анализ ссудного капитала, тесно связанный с критикой вульгарной политической экономии, а затем в анализ торгового капитала как одной из таких сфер капиталистического хозяйства, где прибавочная стоимость не создается, а только распределяется. Тем самым Маркс постепенно вышел из рамки непосредственного предмета «Теорий прибавочной стоимости» как историко-критической части своего труда.

Исследование торгового капитала Маркс продолжал до самого конца XV тетради, по следующая, XVI тетрадь его рукописи (декабрь

1862 г.) открывается заголовком: «Глава третья. Капитал и прибыль». Основным содержанием этой тетради является то исследование, которое в 1865 г. было широко использовано Марксом при написании первого и второго отделов III тома «Капитала», посвященных превращению прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, а также превращению прибыли в среднюю прибыль. В конце XVI тетради Маркс перешел к «важнейшему, — как он говорит, — вопросу в этом разделе», к анализу причин, вызывающих падение нормы прибыли по мере развития капиталистического способа производства. Это изложение, впоследствии переработанное Марксом для отдела третьего («Закон тенденции нормы прибыли к понижению») III тома «Капитала», было закончено лишь в начале следующей, XVII тетради рукописи Маркса (декабрь 1862 — начало января 1863 г.).

В XVII тетради, начиная со страницы 1029 рукописи, Маркс вновь обращается к анализу торгового капитала, продолжая текст XV тетради своей рукописи. Однако и здесь изложение вопроса о торговом капитале было Марксом прервано, на этот раз ради «эпизода», озаглавленного: «Возвратные движения денег в процессе капиталистического воспроизводства». Этот довольно обширный «эпизод» был закончен Марксом лишь в начале XVIII тетради (январь 1863 г.) словами: «Дальнейшее рассмотрение этого вопроса должно быть отложено», после чего Маркс вновь (на стр. 1075 рукописи) вернулся к исследованию торгового капитала, на этот раз рассматривая взгляды различных авторов по этому вопросу. Все это исследование торгового капитала, содержащееся в XV, XVII и XVIII тетрадях рукописи, было в значительной мере использовано Марксом в 1865 г. при написании четвертого отдела III тома «Капитала». Закончив свое исследование торгового капитала, Маркс (на стр. 1084 рукописи) вновь обратился к «Теориям прибавочной стоимости», к прерванному в XV тетради разделу о Годскине.

Из всего перечисленного здесь обширного материала XV — XVIII тетрадей рукописи 1861—1863 годов в настоящее издание «Теорий прибавочной стоимости» в соответствии с планом самого Маркса включен, в виде «Приложения», лишь содержащийся в XV тетради (стр. 891—950) раздел: «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия». Им завершается вся историко-критическая часть труда Маркса. — 471.

148 Под «этим общим отделом» («dieser allgemeine Abschnitt») Маркс понимает отдел о «капитале вообще» («das Kapital im allgemeinen»), который, согласно плану 1858—1862 годов, должен был состоять из трех частей («Процесс производства капитала», «Процесс обращения капитала» и «Единство того и другого, или Капитал и прибыль») и за которым должны были следовать три отдела более специального характера: «Конкуренция капиталов», «Кредит» и «Акционерный капитал» (см. настоящее издание, часть I, стр. VI). В ходе дальнейшей работы Маркса над «Капиталом» в разделы «Процесс производства капитала», «Процесс обращения капитала» и «Единство того и другого, или Капитал и прибыль» постепенно было включено также и многое из того, что, согласно первоначальному плану, не входило в круг вопросов, отнесенных Марксом к отделу «Капитал вообще». В частности, многие проблемы, касающиеся *кредита и кредитной системы*, нашли себе место в III томе «Капитала», выросшем из раздела «Капитал и прибыль». — 483.

- ¹⁴⁹ Маркс имеет в виду I тетрадь своей рукописи 1861—1863 годов, начинающуюся разделом «Превращение денег в капитал». Первый параграф этого раздела озаглавлен: «Д—Т—Д. Наиболее общая форма капитала» (стр. 1—6 рукописи 1861—1863 годов). — 488.
- ¹⁵⁰ Имеется в виду Прудон, который в своей полемике с Бастиа (в 1849—1850 гг.) ратовал за «безвозмездность кредита». Маркс подвергает критике этот взгляд Прудона ниже, на стр. 935—937 своей рукописи (см. стр. 550—554 третьей части настоящего издания). — 490.
- ¹⁵¹ *Crédit Mobilier* (полное название *Société générale du Crédit Mobilier*) — крупный французский акционерный банк, учрежденный в 1852 г., который приобрел известность своими спекулятивными финансовыми операциями и в конце концов обанкротился (в 1867 г.). В 1856—1857 гг. Маркс написал 6 газетных статей о спекулятивной деятельности этого банка — для лондонской чартистской газеты «The People's Paper» («Народная газета») и американской газеты «New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркская ежедневная трибуна»). См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 21—37, 209—217 и 300—303, а также т. 13, стр. 79 и 176. — 490.
- ¹⁵² В III томе «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 369) Маркс указывает, что определение средневекового купца как всего лишь «передатчика» («Verleger») товаров, произведенных ремесленниками или крестьянами, принадлежит Поппе. Оно содержится в книге: J. H. M. Poppe. «Geschichte der Technologie seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an Ende des achtzehnten Jahrhunderts». Band I, Göttingen, 1807, S. 70. — 491.
- ¹⁵³ A. R. J. Turgot. «Réflexions sur la formation et la distribution des richesses» (1766), §§ 73 et 85. — 501.
- ¹⁵⁴ Маркс имеет в виду 6-ю главу I книги «Wealth of Nations» Смита (см. А. Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Том I, М.—Л., 1935, стр. 46). — 521.
- ¹⁵⁵ Цитаты о *надсмотрщиках над рабами* Маркс привел в написанной 2—3 года спустя 23-й главе III тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 422—424). — 521.
- ¹⁵⁶ Нескромная ссылка Рошера на Фукидида содержится в предисловии Рошера к первому изданию его книги «Die Grundlagen der Nationalökonomie» (1854 г.). — 528.
- ¹⁵⁷ Обоснованию правомерности и целесообразности *налога на собак* Арнд посвятил в своей книге специальный параграф (§ 88, стр. 420—421). — 530.
- ¹⁵⁸ «The Westminster Review» («Вестминстерское обозрение») — английский буржуазный журнал либерального направления, издавался в Лондоне с 1824 по 1914 г., выходил четыре раза в год. — 534.
- ¹⁵⁹ См. примечания 6 и 18. В данном месте текста рукописи термин «Kostenpreis» употреблен Марксом в смысле *c + v*. — 539.
- ¹⁶⁰ В составленном в январе 1863 г. плане третьей части «Капитала» предпоследняя, 11-я глава носит заголовок «Вульгарная политическая

экономика» (см. настоящее издание, часть I, стр. 425). План этот составлен через полтора-два месяца после написания раздела «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» в XV тетради рукописи 1861—1863 годов. — 550.

161 Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 41 и 70. — 550.

162 «*La Voix du Peuple*» («Голос народа») — прудонистская ежедневная газета, выходила в Париже с 1 октября 1849 по 14 мая 1850 г. — 553.

163 Маркс имеет в виду сочинения Бентама «*Defence of Usury*», вышедшее в Лондоне первым изданием в 1787 г., вторым — в 1790 г. и третьим — в 1816 г. — 555.

164 Имеется в виду заем в 100 гульденов с условием уплаты процентов в три срока на Лейпцигских ярмарках. В Лейпциге ежегодно устраивались три ярмарки: новогодняя, пасхальная (весенняя) и в Михайлов день (осенью). — 556.

165 У Маркса здесь неточность. Отрывок, озаглавленный им «О ростовщичестве, о капитале, приносящем проценты», взят не из сочинения Лютера «*Von Kauffshandlung und Wucher*» (1524), а из другого сочинения Лютера — «*An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen*» (1540), — которое рассматривается Марксом в дальнейшем, под пунктом III. — 556.

166 Взгляд Аристотеля на процент как на нечто противное природе вещей, высказанный в I книге его «Политики», рассматривается Марксом в 4-й главе I тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 175). — 561.

167 См. примечание 163. — 565.

168 Маркс допускает неточность. Томас Манли был автором не трактата «*Interest of Money Mistaken*», вышедшего анонимно в Лондоне в 1668 г., а другого трактата, по содержанию очень близкого к первому и вышедшего в Лондоне в 1669 г. под заглавием «*Usury at 6 per cent examined and found unjustly charged by Sir Thos. Culpeper and J. C.*» («Шестипроцентное ростовщичество. Рассмотрение вопроса, показывающее несправедливость обвинений против шестипроцентной ставки, выдвинутых сэром Томасом Калпепером и Дж. Ч[айлдом]»). Кто был автором трактата «*Interest of Money Mistaken*», не установлено. — 567.